ВСЕЛЕННАЯ Г.Ф. ЛАВКРАФТА

СВОБОДНЫЕ ПРОДОЛЖЕНИЯ

ВМ

Вселенная Г. Ф. Лавкрафта. Свободные продолжения

Джеймс Амбуэлл, Дэвид Баркер, Роберт Хейворд Барлоу, Лэрд Баррон, Дейл Бейли, Нейтан Баллингруд, Эдвард П. Бергланд, Криспин Бёрнхам, Эдди Бертен, Элизабет Бир, Амброз Бирс, Роберт Блох, Том Корагессан Бойл, Поппи З. Брайт, Мартин Браун, Джозеф Пейн Бреннан, Джесс Буллингтон, Дональд Бурлесон, Уильям Берроуз, Джин Вульф, Чарльз Гарофало, Рэндалл Гарретт, Генри Гассе, Уолтер де ла Мар, Уолтер ДеБилл, Август Дерлет, Эндрю Домбалагян, Джилли Дредфул, Роджер Желязны, Тим Каррэн, Лин Картер, Рэн Картрайт, Генри Каттнер, Натаниэль Кац, Эдвард М. Кейн, Кейтлин Ребекка Кирнан, Артур Чарльз Кларк, Теодор

Дональд Клайн, Рэмси Кэмпбелл, Говард Лавкрафт, Брайан Ламли, Фриц Лейбер, Фрэнк Белнап Лонг, Роберт У. Лоундес, Марк Лэйдлоу, Гэри Майерс, Джозеф А. Маккалоу, Аллен Маккей, Джон Маккормик, А. Ли Мартинес, Даниэль Миллс, Сара Монетт, Чайна Мьевиль, Адам Нисуондер, Джойс Кэрол Оутс, Уилум Пагмаир, Роберт Макнэйр Прайс, Эдгар Хоффман Прайс, Лон Прейтер, Мирл Прут, Бертрам Рассел, Альтер С. Рейсс, Дуэйн Римел, Жан Рэй, Хулио Торо Сан Мартин, Дэвид Т. Сен-Албанс, Ричард Франклин Сирайт, Анджела Слэттер, Дональд Рэймонд Смит, Кларк Эштон Смит, Брюс Стерлинг, Чарльз Стросс, Дональд Тайсон, Кэтрин Тоблер, Генри С. Уайтхед, Гэхан Уилсон, Дональд Уоллхейм, Дональд Уондри, Мартин С. Уорнс,

Джеймс Уэйд, Том Флетчер, Дирк Флинтхарт, Алан Дин Фостер, Джон Р. Фульц, Марта Хаббард, Сара Ханс, Диана Хундертмарк, Джеймс Уильям Хьорт, Майкл Чабон, Роберт Чамберс, Джозеф Вернон Ши, Марк Шорер, Брайан Эвенсон, Харлан Эллисон, Владимир Аренев, Юрий Валерьевич Бархатов, Кирилл Станиславович Бенедиктов, Стефан Брег, Дмитрий Борисович Висков, Вадим Валерьевич Вознесенский, Майк Гелприн, Станислав Евгеньевич Данилов, Роман Викторович Дремичев, Владислав Александрович Женевский, Анастасия Александровна Зайцева, Сергей Викторович Исаев, Максим Александрович Ковалёв, Данила Андреевич Котлов, Александер Лейхенберг, Алексей Лотерман, Борис Александрович Мышляв-

цев, отмосфера, Пётр Владимирович Перминов, Александр Александрович Подольский, Андрей Васильевич Рахметов, Ольга Рэйн, Андрей Сенников, Дмитрий Александрович Тихонов, Дмитрий Романович Толкунов, Ирина Черкашина

Аннотация
Вселенная Г. Ф. Лавкрафта. Свободные продолжения
Зарубежные авторы
Говард Филлипс Лавкрафт и Роберт Хейворд Барлоу. Сокровища зверя-чародея
Говард Филлипс Лавкрафт и Генри С. Уайтхед. Ботон
Говард Филлипс Лавкрафт и Мартин С. Уорнс. Чёрная книга Алсофокуса
Говард Филлипс Лавкрафт и Джозеф Вернон Ши. Горгулья
Говард Филлипс Лавкрафт и Лин Картер. Колокол в башне
Джеймс Амбуэлл. Пришествие Увхаша
Дэвид Баркер. Камень Уббо-Сатла

Лэрд Баррон. Старая Виргиния

Дейл Бейли, Натан Бэллингруд. Трещина

Криспин Бёрнхам и Эдвард П. Бергланд. Тварь в библиотеке

Эдди Бертен. Тьма — моё имя

Элизабет Бир, Сара Монетт. Мангуст

Амброз Бирс. Житель Каркозы

Роберт Блох. Чёрный лотос

Роберт Блох. Секрет в гробнице

Роберт Блох. Самоубийство в кабинете

Роберт Блох. Кладбищенский ужас

Роберт Блох. Тёмный демон

Роберт Блох. Куколка

Роберт Блох. Шорохи в подвале. (Выползающий из склепа)

Роберт Блох. Камень колдуна

Роберт Блох. Невыразимая помолвка

Роберт Блох. Мифы Лавкрафта

Роберт Блох и Генри Каттнер Зловещий поцелуй

Том Корагессан Бойл. Тысяча триста крыс

Поппи З. Брайт. На губах его вкус полыни

Мартин Браун. Коттедж доктора Ксандера

Джозеф Пейн Бреннан. Пожиратель, пришедший издалека

Джесс Буллингтон. Сага о Хильде Ансгардот-

тир

Дональд Бурлесон. Ночной автобус

Уильям Берроуз. Ветер умирает. Ты умираешь. Мы умираем

Джин Вулф. Владыка царства

Чарльз Гарофало. Полночь в Провиденсе

Рэндалл Гарретт. Nom D'un Nom

Генри Гассе. Хранитель книги

Уолтер де ла Мар. А-Б-О

Уолтер ДеБилл. Хищник

Уолтер ДеБилл. Возвращение домой

Уолтер ДеБилл. В Иджироте

Уолтер ДеБилл. Нгир-Кхорат

Август Дерлет и Марк Шорер. Логово звёздного отродья

Август Дерлет. Бог в коробке

Эндрю Домбалагян. Бог, сокрытый в камне

Джилли Дредфул. De Deabus Minoribus Exterioris Theomagicae

Роджер Желязны. 24 вида горы Фудзи кисти Хокусая

Тим Каррэн. Чума, бродящая во мраке

Тим Каррэн. Проект «Процион»

Тим Каррэн. Тварь с тысячью ног

Тим Каррэн. Скрежет из запредельной тьмы

Тим Каррэн. Когда придёт Йигграт

Лин Картер. Обитатель гробницы
Лин Картер. Шаггаи
Лин Картер. Вне времён
Лин Картер. Тварь в яме
Лин Картер. Нечто в лунном свете
Лин Картер. За маской
Лин Картер. Неожиданный кошмар
Лин Картер. Смерть во тьме
Лин Картер. Странная рукопись, найденная в лесах Вермонта
Лин Картер и Роберт Макнэйр Прайс. Странная судьба Эноса Харкера
Заявление Пакстона Блейна
Лин Картер и Роберт М. Прайс. Душа, купленная дьяволом
Лин Картер. Алая жертва
Лин Картер. Наследие Уинфилда
Заявление Уинфилда Филлипса, 1936
Рэн Картрайт. Бегущий во тьме
Генри Каттнер. Тайна Крэлица
Генри Каттнер. Пожиратель душ
Генри Каттнер. Гидра
Генри Каттнер. Захватчики
Генри Каттнер. Колокола ужаса
Генри Каттнер. Лягушка
Генри Каттнер. Охота

Натаниэль Кац. Deus ex Machina

Эдвард М. Кейн. Ключ поэта

Кейтлин Кирнан. Дома поглощены волнама моря

Кейтлин Кирнан. И вдаль убегает мир

Артур Кларк. Среди Мрачных гор. или, От Лавкрафта к Ликоку

Теодор «Эйбон» Дональд Клайн. Чёрный человек с охотничьим рогом

Рэмси Кэмпбелл. Возвращение ведьмы

Рэмси Кэмпбелл. Комната в замке

Рэмси Кэмпбелл. Насекомые с Шаггаи

Рэмси Кэмпбелл. Обитатель озера

Рэмси Кэмпбелл. Разрывающий Завесы

Рэмси Кэмпбелл. Рудник на Югготе

Рэмси Кэмпбелл. Ужас из-под моста

Рэмси Кэмпбелл. Лицо в пустыне

Рэмси Кэмпбелл. Параграфы Франклина

Рэмси Кэмпбелл. Потенциал

Рэмси Кэмпбелл. Безумие из подземелий. (финальная версия)

Рэмси Кэмпбелл. Буксировка

Рэмси Кэмпбелл. Стадии Бога

Рэмси Кэмпбелл. Затемнение

Рэмси Кэмпбелл. Перед грозой

Рэмси Кэмпбелл. Толпа мертвецов

Рэмси Кэмпбелл. Ужас под Уоррендауном
Рэмси Кэмпбелл. Другие имена
Ричард Карл Лаймон. Хижина в лесу
Брайан Ламли. Кипрская раковина
Брайан Ламли. Уникальное доказательство
Брайан Ламли. Билли и его дуб
Брайан Ламли. Раковина из глубокого моря
Брайан Ламли. Спагетти
Брайан Ламли. Оборотень
Фриц Лейбер. Крупинка Тёмного Царства
Фриц Лейбер. В Аркхэм и к звёздам
Фрэнк Белнап Лонг. Тёмное пробуждение
Роберт У. Лоундес. Бездна
Гэри Майерс. Ксюрхн
Гэри Майерс. Рожа в алькове
Гэри Майерс и Марк Лэдлоу. Призыв Нугут-Йуга
Гэри Майерс. Жрец Млока
Гэри Майерс. Боги Дринена
Гэри Майерс. Гробница Неба
Джозеф А. Маккалоу. Чёрный бог джунглей
Аллен Маккей. Ужас Зукалы-Кофа
Джон Маккормик. Погребён за преступление призыва
А. Ли Мартинес. Зов крови
Даниэль Миллс. Беззвучно, безостановочно

Чайна Мьевиль. Детали

Адам Нисуондер. Жуткое дело

Джойс Кэрол Оутс. Вечерние тени

Уилум Пагмаир. Эликсир забвения

Уилум Пагмаир. Призрак обольщения

Уилум Пагмаир Знак, что освобождает тьму

Уилум Пагмаир. Плесневое пятно

Уилум Пагмаир. За вратами глубокого сна

Роберт М. Прайс. Под надгробием

Роберт М. Прайс. Опиумная война Чёрного Тонга

Роберт М. Прайс. Роющий норы

Роберт М. Прайс. Сын морской нимфы

Роберт М. Прайс. Костёр богохульств

Эдгар Хоффман Прайс. Повелитель иллюзий

Лон Прейтер. Музыка в голове

Мирл Прут. Дом Червя

Бертрам Рассел. Плеть Б'Мота

Альтер С. Рейсс. Хроника Алията, сына Алията

Дуэйн Римел. Музыка звёзд

Жан Рэй. Странные опыты доктора Паукеншлагера

Жан Рэй. Майнцский псалтырь

Жан Рэй. Господин Вольмют и Франц Бенншнейдер

Хулио Торо Сан Мартин. Сеятель со звёзд

Дэвид Т. Сен-Албанс. Жизнь мастера

Ричард Франклин Сирайт. Запечатанная шкатулка

Анджела Слэттер. Пробуждённый, неспящий

Дональд Рэймонд Смит. Почему Абдул Альхазред сошёл с ума?

Кларк Эштон Смит. Безымянное отродье

Кларк Эштон Смит, Лин Картер. Свиток Марлока

Брюс Стерлинг. Непредставимое

Чарльз Стросс. Очень холодная война

- Аналитик
- На Красной Площади
- Дворец Загадок
- Поздняя ночь в Белом Доме
- Берега озера Восток в полнолуние
- Генерал ЛеМей мог бы гордиться
- Испытатель новых технологий
- Великий Шайтан
- Бассейн
- Бомбардировка начнётся через пятнадцать минут
- Вернись к нам
- Масада

Дональд Тайсон. История кинолога

Дональд Тайсон. Исчезновение в морге

Кэтрин Тоблер. Только для того, чтобы снова почувствовать её вкус

Гэхан Уилсон. Г.Ф.Л

Дональд Уоллхейм. Ужас, навеянный Лавкрафтом

Дональд Уондри. Хихикающий

Джеймс Уэйд. Молчание Эрики Цанн

Том Флетчер. Дом с отличным видом

Дирк Флинтхарт. Летним днём в Ультаре

Алан Дин Фостер. Некоторые заметки насчёт зелёного ящика

Джон Р. Фульц. Так вот и кончится мир

Марта Хаббард. Добрый епископ платит цену

Сара Ханс. Тени темнейшего нефрита

Диана Хундертмарк. Папирус королевы Нитокрис

Джеймс Уильям Хьорт. Жрец Йхагни

Роберт Чамберс. Жёлтый знак

Майкл Чейбон. Бог тёмного смеха

Брайан Эвенсон. Дальше Рино

Харлан Эллисон. Разумный город

Российские авторы

Владимир Аренев. Клювы и щупальца

Юрий Бархатов. Дверь в ад

Кирилл Бенедиктов. Октябрь в Купавне

1
2
3
4
Стефан Брег. Пять дверей
Дмитрий Висков. Кричать, убивать и веселиться
Вадим Вознесенский. Псалмы субмарин
Станислав Данилов. Лампа безумного араба
Роман Дремичев. Ри`й
Владислав Женевский. Искусство любви
Анастасия Зайцева. Письмо из Паллена
Сергей Исаев (Clandestinus). Искренне ваш, Лавкрафт
Максим Ковалёв. Город, которого нет
Данила Котлов. По Г. Лавкрафту
Александер Лейхенберг. По следу Ктулху
Александер Лейхенберг. Итакуа — царь, бог и Дед Отмороз
Алексей Лотерман. Последний опыт Ашера
Алексей Лотерман. Происшествие на ферме мистера Шоу
Алексей Лотерман. Путеводная звезда
Алексей Лотерман. Из глубин Лох-Несса
Предисловие
Письмо Герберта Уэтли

Алексей Лотерман. Химера
Алексей Лотерман. Зелёный дракон
Алексей Лотерман. Страж Врат
1
2
3
4
5
6
Борис Мышлявцев. Чужая чёртова жена
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
отмосфера. Куда подевались крысы?
отмосфера. Туман и морок над Иннсмаутом

Пётр Перминов. Дети Чёрной Козы

Александр Подольский. Твари из Нижнего города

Андрей Рахметов. Альпинист

Ольга Рэйн, Майк Гелприн. Приманка или арктическая история

Андрей Сенников. Зов

Дмитрий Тихонов. Книга скорби

Дмитрий Толкунов. Потаённое место

Ирина Черкашина. Голос Азатота

Аннотация

Все девять сборников «Вселенной Г. Ф. Лавкрафта» в одном томе. Одно из наиболее полных собраний издательских и любительских переводов рассказов, объединенных общей темой — ГФЛ.

Вселенная Г. Ф. Лавкрафта. Свободные продолжения

Составители: mickle_69, BertranD.
Автор обложки: mickle_69

Зарубежные авторы
Говард Филлипс Лавкрафт и Роберт Хейворд Барлоу
Сокровища зверя-чародея

H. P. Lovecraft, R. H. Barlow «The Hoard of the Wizard-Beast», 1933

Вольный перевод рассказа «The Hoard of the Wizard-Beast», (1933). Совместное творчество Роберта Хейворда Барлоу и Говарда Филлипса Лавкрафта. Никогда до сего дня не переводившееся на русский язык.

В городе Зет, известном своими многочисленными башнями и разношерстным населением, произошло одно из тех событий, что часто случаются во всех столицах известных и неизвестных нам миров. Но из-за того, что Зет расположен на планете необычных зверей и еще более странной растительности, событие это существенно отличается от того, что могло бы произойти в Лондоне, в Париже, или в каком-либо ином большом городе. Старые, но хитрые и утратившие честь чиновники разворовали всю государствен-

ную казну. Не сияло уже в сокровищнице золото, как в прежние времена, уложенное в сундуки. Только пауки ткали издевательские узоры из паутины. Когда, наконец, гифат Ялден вошел в это тайное хранилище и обнаружил пропажу, в сундуках сидели ленивые крысы, глазевшие на пришедшего как на чужака.

Не велось никаких отчетов с тех пор, как много лун назад умер старый хранитель Кишан, и велико было смятение Ялдена, когда он обнаружил пустоту вместо ожидаемого богатства. Мелкие существа безразлично ползали в щелях между плитами, но Ялден не мог оставаться таким же равнодушным. Пропажа золота была очень серьезной проблемой, которую нужно было решить в кратчайшие сроки. Ялдену не оставалось ничего иного, кроме как обратиться за советом к Оорну, который был весьма зловещим существом.

Оорн, будучи созданием крайне сомнительной природы, был фактическим правителем Зета. Он, очевидно, принадлежал к миру внешней бездны, но однажды ночью низвергся в Зет и попал в плен к шамитским жрецам. Его чересчур причудливый вид и прирожденный дар менять свой облик произвели впечатление на служителей, предоставив им новые возможности дурачить

массы. В конце концов, они поставили его богом и оракулом и организовали новое братство, чтобы служить ему. И попутно Оорн должен был выдавать указы и пророчества, которые ему подсказывали жрецы. Как оракулы из Дельф и Додоны в последующие века, Оорн стал известен как судья и мудрец. Сущность его мало отличалась от известных нам пророков за исключением того, что он родился задолго до Времени, и жил в древнем мире, где могло происходить то, чего не бывает в наши дни. И вот Ялден, будучи легковерным как все в его время и на его планете, приблизился к охраняемому и богато украшенному храму, где Оорн пребывал в раздумьях и подражал действиям жрецов.

Когда Ялден оказался в зоне видимости башни из синего камня, он принял облик верующего, и с подобающей скромностью вошел внутрь. По устоявшемуся обычаю жрецы божества приняли от Ялдена знаки почтения и просьбу к Оорну, и удалились за тяжелый занавес, чтобы возжечь курильни. После того, как все было готово, Ялден пробормотал обычную в таких случаях молитву и низко поклонился необычному помосту, усеянному экзотическими камнями. На мгновение — как предписывал ритуал — он оставался в та-

кой унизительной позе, а когда Ялден поднялся, помост уже не был пуст. Нечто, не поддающееся описанию, покрытое коротким серым мехом, равнодушно жевало пищу, данную ему жрецами. Только они могли сказать, откуда существо явилось так внезапно, но проситель знал, что это был сам Оорн.

Нерешительно Ялден поведал о своем несчастии и попросил совета, вплетая в свою речь немного лести, что казалось ему уместной. Затем, с тревогой, он стать ждать ответа оракула. Аккуратно завершив свой обед, Оорн поднял три маленьких красноватых глаза на Ялдена и произнес властным тоном: «Гумай эре хфотуол лехехт тэг.», После этого существо внезапно растворилось в облаке розового дыма, который, казалось, исходил из-за занавеса, где прятались служители.

Жрецы вышли со словами: «Так как вы порадовали божество краткостью изложения об очень плачевном состоянии дел, для нас является большой честью растолковать вам его указания. Изречение, которое вы слышали, имеет следующее толкование: „Иди в место твоего назначения“, или, говоря обычным языком, вы должны убить зверя-чародея Анафаса, и попол-

нить казну из его знаменитых кладовых».

С этим Ялден покинул храм. Нельзя сказать, что Ялден был бесстрашен, ибо на самом деле, он откровенно боялся чудовища Анафаса, как и все прочие жители Уллатии и окружающих земель. Даже те, кто сомневался в существовании чародея, предпочитали не селиться в непосредственной близости от Пещеры Трех Ветров, где обитал Анафас.

Но Ялден был молод, и потому еще не обладал мудростью, и в своем походе видел романтическую привлекательность. Он знал среди прочего, что всегда есть надежда на спасение благодаря какой-нибудь очаровательной пленнице чудовища, способной на неожиданные действия. О том, что из себя представляет этот Анафас, никто толком не знал.

Многие клялись, что видели его издали как гигантскую черную тень, противную взору человека, другие утверждали, что чародей выглядит как омерзительная желеобразная субстанция, которая как гной просачивается сквозь щели. Иные до сих пор болтают, что чародей выглядит как удивительное монструозное насекомое с лишними конечностями.

Но все говорящие соглашались в одном — к

жилищу Анафаса лучше не приближаться.

Помолившись богам и их посланнику Оорну, Ялден отправился к Пещере Трех Ветров. В его душе перемешались чувство долга, трепет искателя приключений и ожидание неизвестного. Ялден не стал пренебрегать советами и дарами одного старого колдуна, который дал ему в дорогу магические принадлежности. Например, у него был амулет, который защищал от голода и жажды, освобождая от необходимости нести с собой съестные припасы. Была еще блестящая накидка, способная отражать злые эманации камней, лежащих на пути Ялдена. Другие заклятия и обереги защищали его от ядовитых ракообразных и от смертельных испарений, которые исходят из земли в некоторых районах, исчезая только под воздействием солнца.

Защищенный таким образом Ялден без особых происшествий добрался до места, где проживал Белый Червь. Здесь он по необходимости задержался, чтобы сделать приготовления к оставшейся части пути. С терпеливым старанием он поймал маленькую бесцветную личинку и поместил ее в магический рисунок, который нарисовал зеленой краской. Как было предсказано, Повелитель Червей, чьё имя было Саралл, пообе-

щает что-нибудь в обмен на своё освобождение. После этого Ялден освободил червя и отправился в ту сторону, куда ему подсказал Саралл.

Иссохшие и бесплодные земли, через которые он продвигался, были совершенно необитаемы. Ни одного живого существа не было видно даже за пределами этого последнего плоскогорья, что отделяло Ялдена от его цели. Вдалеке, в багрянистой дымке возвышались горы, среди которых обитал Анафас. Чародей жил не совсем один; несмотря на пустынную местность вокруг. Странные создания — древние мифические монстры и другие необычные существа, созданные магией Анафаса, обитали рядом с ним. В глубине его пещеры, как гласят легенды, Анафас спрятал неисчислимый запас драгоценных камней, золота и других бесценных вещей. Зачем столь могущественному чудотворцу понадобилось заботиться о безделушках и наслаждаться пересчитыванием денег, было не совсем ясно, но многое свидетельствовало о любви чародея к такому занятию. Большое число мужчин, обладавших куда более сильной волей и умом, чем Ялден, ужасным образом погибли в поисках сокровищ зверя-чародея, и их кости лежали в виде необычного узора возле входа в пещеру, как

предупреждение остальным.

Когда после бесчисленных трудностей пути Ялден увидел Пещеру Ветров меж блистающих валунов, он уже знал, что слухи об уединенности логова Анафаса были правдой.

Вход в пещеру был хорошо скрыт, и вокруг царила зловещая тишина. Не было никаких признаков, указывающих на то, что тут кто-то живет, за исключением резных орнаментов вокруг входа. Держа руку на мече, освященном жрецом Оорна, Ялден, дрожа, двинулся вперед.

Когда он достиг отверстия пещеры, то не колебался более, так как было понятно, что чудовища дома нет. Считая, что наступило самое удачное для него время, Ялден тут же погрузился в пещеру. Внутри было грязно и тесно, но потолок мерцал бесчисленными рядами разноцветных огоньков, исходящих из непонятного источника. В противоположной стороне пещеры разверзлось еще одно отверстие, то ли естественное, то ли искусственное, и Ялден, встав на четвереньки, поспешил проползти в него. Впереди засиял тусклый голубой свет, и вскоре искатель выбрался в просторную комнату. Выпрямившись, он увидел очень странные перемены вокруг себя. Вторая пещера была высокой и куполообразной, как

будто она была вырезана сверхъестественными силами. Синий и серебристый свет вливались в полумрак.

Анафас, подумалось Ялдену, жил довольно комфортно. Его комната была прекрасней, чем любое помещение во Дворце Зета, или даже чем в Храме Оорна, который был завален щедрыми дарителями богатства и красоты. Ялден стоял, разинув рот, но не очень долго, так как хотел побыстрее найти то, что ему нужно, и унести ноги, пока Анафас не вернулся, где бы тот не был сейчас. Ибо Ялден не горел желанием встретиться с чудовищем-колдуном, о котором так много слышал. Покидая вторую пещеру через узкую расщелину, которую он заметил, искатель пошел по неосвещенному тоннелю, уходящему куда-то вглубь горы. Этот путь, как он чувствовал, приведет его в третью пещеру, где должны находиться сокровища, которые он ищет. По мере продвижения Ялден заметил странное свечение, и, наконец, без предупреждения, стены расступились, и открылось обширное пространство, мощенное ярко-горящими кусками угля, над которым хлопали и визжали стаи птиц с головами драконов.

По пылающей поверхности пола ползали зеленые монструозные саламандры, в задумчивой

злобе поглядывая на Ялдена. В дальней стороне возвышался металлический помост, с идущими к нему лестницами, на котором были грудой свалены драгоценные камни и золотые изделия — сокровище зверя-чародея. При виде такого недосягаемого и близкого богатства рвение Ялдена побороло страх, и подшучивая над самим собой, он стал высматривать в море огня способ перейти к помосту. Такого способа, как понял Ялден, не найти, так как во всем тайнике был только тонкий полукруглый настил возле входа, на котором смертный человек мог лишь стоять, не двигаясь.

Отчаяние охватило Ялдена и он решил, наконец, рискнуть пройти по раскаленным камням. Лучше погибнуть в поиске, чем вернуться с пустыми руками. Стиснув зубы, он направился к морю огня, не думая о последствиях. Ялден ожидал, что пламя будет неистово обжигать, как обычный огонь, но к его удивлению пылающий пол раздвинулся, образовав узкую дорожку из безопасной прохладной земли, ведущую прямо к золотому трону. Ошеломленный и невнимательный к тому, что лежит в основе такой благожелательной магии, Ялден вытащил меч и смело сделал большой шаг между стенами огня,

исходящими из трещин каменного пола. Жар не причинял ему вреда, а драконоголовые птицы пятились, шипели, но не приставали к Ялдену. Сокровища теперь сверкали на расстоянии вытянутой руки, и Ялден грезил о том, как он вернется в Зет, нагруженный сказочной добычей, а толпа будет поклоняться ему как герою.

В своей радости он забыл удивиться тому, что Анафас подозрительно небрежно заботится о своем добре, и не подумал о странном дружелюбии пламенного пола, самого по себе необычного. Даже громадный арочный проем позади помоста, подозрительно незаметный с другого конца пещеры, всерьез не обеспокоил Ялдена. Только когда он достиг широкой лестницы, поднялся на помост, и до колен погрузился в чудесные золотые реликвии прежних веков и иных миров, драгоценные камни из неизвестных шахт, чуждой природы и назначения, Ялден начал осознавать, что что-то тут не так.

Но сейчас он заметил, что волшебный проход через пылающий пол быстро сужается, оставляя его в одиночестве на помосте среди кучи золота, которого он желал, без надежды на помощь. А когда дорожка полностью исчезла, и глаза Ялдена безнадежно осматривались вокруг в поисках

спасения, беспокойство ему добавила некая бесформенная желеобразная тень колоссального размера, что маячила и издавала зловоние позади помоста. Ялден не позволил себе упасть в обморок, но заставил себя рассмотреть, что тень эта была намного омерзительней, чем всё то, о чем гласили легенды, и что семь её переливчатых глаз смотрели на Ялдена со спокойным и игривым выражением.

Затем Анафас, зверь-чародей полностью выкатился из-под арки, могущественный в своем мертвящем ужасе, и долго демонически хохотал над маленьким испуганным воришкой. А потом позволил ораве раболепных и неистово голодных зеленых саламандр завершить своё медленное неумолимое восхождение на помост.

Вольный перевод: А. Черепанов

Говард Филлипс Лавкрафт и Генри С. Уайтхед
Ботон

H. P. Lovecraft, Henry S. Whitehead «Bothon», 1946

Вольный перевод рассказа «Bothon», (1932). Совместное произведение Генри С. Уайтхеда и Говарда Ф. Лавкрафта. Судя по стилю и содержанию рассказ на 99 % написан Уайтхедом, а Лавкрафт лишь добавил «пугающие прилагательные». В официальном списке сочинений Лавкрафта «Bothon», не значится. У Г. Уайтхеда есть всего два рассказа, переведенных на русский язык: Ловушка (тоже в соавторстве с Лавкрафтом) и Губы. Этот перевод будет третьим. Сам рассказ кажется каким-то недоработанным, в нем есть сюжетные и смысловые несостыковки. Непонятно откуда Уайтхед взял, что столицей Атлантиды был город Алу, когда всем «известно», что главным городом был Метрополис.

Пауэрс Мередит, незадолго до ужина, находясь в ванной, примыкающей к его комнате в клубе «Нью-Йорк Сити», выронил кусок мыла на мраморный пол. Пытаясь поднять его, он ударился головой об умывальник. Ушиб был сильным, и почти сразу на голове Мередита всплыла заметная шишка.

Поужинав в гриль-баре, и не имея никаких планов на вечер, Мередит отправился в тихую

клубную библиотеку, пустующую в этот час. Он расположился с новой книгой возле затененной лампы. Время от времени случайное касание головой о спинку кожаного кресла напоминало Мередиту о неприятном инциденте в ванной. Когда это повторилось несколько раз, и стало действовать Мередиту на нервы, он сел поперек кресла, закинув ноги на подлокотник. Никто больше не заходил в библиотеку. Слабые щелкающие звуки доносились до Мередита из бильярдной комнаты, где играли двое мужчин. Но поглощенный своей книгой, он не замечал их. Единственным звуком, достигающим его сознания, был шум дождя на улице. Успокаивающее журчание проникало в комнату через высокие полуоткрытые окна. Мередит продолжал читать.

Перелистнув девяносто шестую страницу книги, он услышал глухой звук, похожий на взрыв, пришедший с большого расстояния. Насторожившись и удерживая палец на странице, Мередит прислушался. Вскоре он услышал грохот, как будто обрушилась стена бесконечной высоты, и неисчислимые тонны кирпичей рухнули вниз. Не было сомнений, что где-то вдали произошла страшная катастрофа. Мередит бросил книгу и, повинуясь импульсу, бросился к двери. Он ни-

кого не встретил, пока бежал вниз по лестнице. Но в раздевалке, через которую лежал его путь, два человека болтали как ни в чем не бывало. Мередит мельком глянул на них, удивившись их спокойствию, затем толкнул дверь на улицу и замер в изумлении. Ни одного человека!

Дождь уменьшился до измороси. На мокром асфальте отражались огни уличных фонарей. На Бродвее прохожие уже должны были бы вопить! Но когда Мередит добрался до Таймс-Сквер, то обнаружил там только обычный одиннадцатичасовой хаос. Вдоль Шестой Авеню бесчисленные такси переплелись в разноцветный поток. Перемещаясь из одной колонны в другую, машины выискивали место в этом водовороте ночного движения вокруг Ипподрома. На углу одинокий, одетый в резиновый плащ полицейский размахивал длинными подвижными руками как парой семафоров, умело управляя ползущими машинами. К своему возрастающему удивлению Мередит обнаружил, что с городом всё в порядке. Но что за звук катастрофы он слышал?

Вернувшись к дверям клуба, Мередит задержался, нахмурив брови. Нерешительно поднявшись на три ступеньки, он вошел в фойе и задержался у конторки.

— Пришлите мне, пожалуйста, экстренный выпуск газеты, если он выйдет, — сказал Мередит клерку. Затем, всё ещё озадаченный, он вернулся в спальню.

Через полчаса, когда Мередит лежал в постели, думая о странностях этого вечера, он вдруг осознал, что слышит отдаленное, беспорядочное жужжание. Самым заметным в этом жужжании было глубокое, мягкое и настойчивое смешение бесчисленных голосов, сквозь которые пробивалась доминирующая нота ужаса. От этого жуткого звука стыла кровь.

Мередит обнаружил, что вслушивается, задержав дыхание, напрягая все свои силы, чтобы уловить слабые крики страха и отчаяния.

Он не помнил, как погрузился в сон, но когда проснулся на следующее утро, — тень страха еще витала в комнате, и рассеялась только, когда он принял душ и оделся. После пробуждения Мередит не слышал никаких звуков. Никаких экстренных газет не лежало у двери, и чуть позже за завтраком Мередит нетерпеливо просмотрел несколько изданий, тщетно выискивая в них сведения о вчерашней катастрофе, отзвуки которой он слышал. Постепенно к Мередиту пришло осознание — он был единственным свидетелем

некой катастрофы, и никто больше не знал о ней! Вечером он уснул сразу же, как лег в постель.

На следующее утро было воскресенье. Читальный зал был заполнен посетителями, и Мередит, взяв свою книгу, вернулся в спальню после позднего завтрака, чтобы почитать в тишине. Вскоре после того, как он погрузился в чтение, его внимание отвлекло раздражающее хлопанье развеваемой ветром шторы. Мередит прервал чтение, намереваясь подняться и поправить её. Но едва он оторвал глаза и внимание от книги, как тут же услышал новый звук — словно где-то далеко резко распахнули звуконепроницаемую дверь. Пока Мередит зачарованно прислушивался, его охватил холодный парализующий страх. Казалось, этот страх не остановить. Мередита закачало от легкого чувства тошноты. Теперь он мог различить высокие и низкие голоса, крики битвы, удары, свист мечей и стрел. Штора вновь захлопала по оконной раме. Мередит очнулся в знакомой обстановке своей спальни. Он чувствовал себя слабым и больным. Шатаясь, он прошел через комнату в ванную, и, расплескивая воду, умыл лицо. После чего он на минуту замер с полотенцем в руках, прислушиваясь. Но больше не было никаких звуков, кроме хлопанья оконной

шторы под воздействием свежего ветра. Мередит повесил полотенце на вешалку и вернулся обратно в кресло.

До обеда был еще час, но ему срочно нужно было попасть туда, где есть люди, хотя бы официанты, которые не были бы слуховой галлюцинацией! Чтобы не расставаться со старым Кавaной, единственным посетителем столовой в столь ранний час, Мередиту пришлось есть не то, что обычно. Непривычно калорийная еда в такой час сделала Мередита сонным, и после обеда он растянулся на кушетке перед одним из двух каминов в незанятой в этот час гостиной, и сразу же погрузился в тяжелый сон. Незадолго до трех часов дня Мередит проснулся уставшим, и как только пришел в себя, так тут же начал различать сперва неотчетливо, а затем со все возрастающей громкостью и ясностью, вчерашние звуки войны, и ужасный, ревущий океан гнева, как будто чья-то рука приблизила к его голове громкоговоритель.

Затем Кавана, дремавший на соседней кушетке, со старческой неторопливостью поднялся на ноги, восклицая «Хм..», «Ха…», и неуклюже подошел к Мередиту.

— Ради бога, что случилось? — спросил он.

Старик выглядел доброжелательно и был по-

хож на человека, способного оказать моральную поддержку. Мередит, не способный больше сдерживать себя, выложил свою историю.

— Хм! Странно… — пробормотал старик, когда Мередит закончил свой рассказ. Кавана достал огромную сигару и начал пыхтеть дымом. Казалось, старик что-то обдумывает, пока они вдвоем сидели в многозначительном молчании. Наконец, Кавана заговорил:

— Естественно, вы расстроены, мой мальчик. Но вы ведь хорошо слышите всё, что происходит вокруг вас, не так ли? Вы слышите всё правильно, значит…. Хм! Это второе ваше «слышание», начинается только тогда, когда вокруг наступает тишина. В первый раз вы читали, во второй раз лежали в постели, в третий раз снова читали. Если я не храпел, — вы снова были в полной тишине. Давайте проверим прямо сейчас. Сидите неподвижно, я сделаю то же самое. Посмотрим, услышите ли вы что-нибудь.

Мужчины погрузились в тишину, и некоторое время Мередит не слышал никаких странных звуков. Но когда тишина углубилась, снова проявился тот набор шумов опустошительной битвы, убийств и внезапной смерти. Мередит молча кивнул Кавану, и шепот старика резко оборвал все

звуки. Старик посоветовал Мередиту обратиться к специалисту по слуху. Кавана напомнил ему, что доктора никому не рассказывают о болезнях своих пациентов. Профессиональная этика.

Днем Мередит и Кавана вместе пошли на край города к известному специалисту доктору Гейтфилду. Доктор выслушал историю с молчаливым профессиональным вниманием. Затем он проверил слух Мередита с помощью хитроумных приборов. Наконец Гейтфилд выдал заключение:

— Нам известны некоторые «шумы в ушах», мистер Мередит. В некоторых случаях местонахождение одной из кровеносных артерий находится слишком близко к барабанной перепонке, что и вызывает «ревущие», шумы. Есть и другие схожие симптомы. С такими заболеваниями я бы справился. Ваше тело в хорошей физической форме и необычайно сильно. С вашим слухом нет ничего неправильного. Это случай для психиатра. Я не подразумеваю никакого умственного расстройства, вы, пожалуйста, поймите! Но я рекомендую вам доктора Коулингтона. Кажется, ваш случай из тех, что называют «яснослышанием», или чем-то подобным. В его лечебнице, не в моей. Звуковой эквивалент ясновидения — вот на что я указываю. Второе зрение исполь-

зует глаза, но конечно, мысленно, часто на фоне психических расстройств. Я в этом феномене слабо разбираюсь. Надеюсь, вы последуете моему совету и позволите доктору Коулинг…

— Хорошо! — прервал его Мередит. Где он живёт? Я, может быть, схожу к нему позже.

На холодном лице доктора Гейтфилда проявились следы сочувствия. Из врача он превратился в учтивого джентльмена. Гейтфилд позвонил своему коллеге-психиатру и подготовил для Мередита и Каваны сопроводительное письмо к доктору Коулингтону.

Психиатр был худым, высоким и дружелюбным человеком. Очки в тяжелой оправе сидели на его носу. На голове торчали пучки волос песочного цвета. С самого начала Коулингтон проявил особый интерес к делу. Выслушав рассказ Мередита и прочитав отчет специалиста по заболеваниям слуха, он более часа осматривал пациента. Психиатр не нашел особых отклонений, но все же выразил свою обеспокоенность. Было решено, что Мередит возьмет отпуск на несколько дней и проведет их в больнице Коулингтона «под наблюдением».

Мередит приехал к психиатру на следующее утро. Ему предоставили уютную комнату

с множеством книг на верхнем этаже. Там же имелась удобная кушетка, на которой, как посоветовал Коулингтон, Мередит может часами отдыхать и читать. В течение понедельника и вторника, Мередит, под чутким руководством доктора Коулингтона, не расстраивался больше от того, что слышит странные звуки. Он прислушивался ко всему, что могло достичь его ушей со стороны неспокойного мира. Когда никакие внешние помехи не отвлекали его от восприятия таинственных звуков, драма некого общества, парализованного страхом, вторгалась в спокойную жизнь Мередита как что-то неотвратимо ужасное.

К тому времени, согласно совету доктора, он начал записывать те членораздельные слова, что смог разобрать в стонах и криках, основываясь на фонетических совпадениях. Звуки, которые Мередит слышал, не соответствовали ни одному известному ему языку. Слова и фразы звучали нечетко и заглушались шумом яростных волн. Этот был постоянный фон для каждого звука, что слышал Мередит в те периоды, когда пассивно сидел в тишине. Разнообразные слова и фразы были полностью неразборчивы. Он всё записывал, но ни Коулингтон, ни сам Мередит не могли

найти каких-либо аналогий с современными или древними языками. Произносимые вслух они звучали как тарабарщина.

Эти странные слова тщательно изучались доктором Коулингтоном, самим Мередитом, и, по меньшей мере, тремя профессорами археологии и сравнительной филологии. Один из археологов был другом Коулингтона, он же пригласил и двух своих знакомых. Все эти эксперты по древним и устаревшим языкам вежливо внимали попыткам Мередита объяснить очевидный смысл слов, большинство из которых были звуками битвы — криками и тем, что пациент определил как фрагменты молитвы. Некоторые фразы дошли до него как грубый хриплый вой. Профессора с интересом слушали, как пациент пытался воспроизвести это необычное завывание. Они педантично изучали его заметки. Вердикт был вынесен единодушно, даже со стороны догматичного молодого языковеда. Звуки были неким искаженным подобием санскрита, индо-иранского, аккадского и шумерского разговорных языков. Но слова не соответствовали ни одному известному языку, древнему или современному. Эксперты настаивали, что это и не японский.

Три профессора ушли, а Мередит и доктор Ко-

улингтон продолжили корпеть над заметками. Мередит написал: «Ай, Ай, Ай, Ай; — Р'лайх! — Иех нья; — зох, зох-ан-нух!», Была еще одна группа слов, которая звучала как цельное предложение, и дошла до Мередита более или менее без помех. Он записал ее как «Айот, Айот, — наткаль-о, до йан кхо тхуттхут». Было еще много других возгласов, как полагал Мередит, произносимых разными людьми, и он тщательно их записывал.

У Мередита под влиянием психиатра и трех профессоров улучшилось запоминание незнакомых слов. Его личная заинтересованность, влияние Коулингтона и экспертов привели к тому, что сны его внезапно стали очень отчетливыми. Сновидения были продолжительными и подобными киносериалу, идущему несколько ночей подряд. Однажды, уснув после особенно упорного размышления над словами неизвестного языка, Мередит оказался вовлечен в жизнь странного города, объятого пламенем, битвой и звуками ревущего океана. Его впечатления от сна той ночью были такими живыми, что Мередиту казалось, что он не спит. Он не мог провести границу между сном и бодрствованием! Все, что он видел в том сне, четко запечатлелось в его памяти. Мередиту казалось, что он вовсе и не

спал, а просто оказался после ночного отдыха в привычной для себя обстановке, пробудившись ранним утром. Это было скорее так, будто он резко перешел из одной жизни в другую; впоследствии ему пришло в голову, что он как будто вышел из театра в чужую для него жизнь на Таймс-сквер.

Новой фазой лечения был не только успех в экспериментах с продолжительными сновидениями, с дополнительными периодами бодрствования в тихой клинике Коулингтона, но и необычное понимание, открывшееся Мередиту. Почти последовательный сон был описанием событий нескольких дней из тридцатидвухлетней жизни, проведенных в цивилизации, которая находилась в катастрофических условиях, предвещавших зловещий исход. В своих сновидениях Мередит видел себя Ботоном, военачальником вооруженных сил великой области Лудекта, в юго-западной части континента Атлантида. Каждому атлантскому школьнику было известно, что этот район был колонизирован восемнадцать столетий назад серией миграций с главного материка. Язык Наакаль с незначительными вариациями, но не такими как различие американского английского и британского — был общим языком обоих континентов.

Из его родной Лудекты военачальник Ботон совершил несколько путешествий на материк. В первый раз он посетил Гуа, центральную восточную провинцию. Это была поездка в возрасте 22 лет, когда он окончил профессиональный курс обучения в военном колледже Лудекты. Ботон по опыту знал, что многие ученики-атланты из старших классов в целях культурного развития посещают главный материк. Во время своего второго путешествия он также приобрел полезные знакомства, и незадолго до того, как Мередит в своих снах осознал себя Ботоном, тот уже в 31 год получил звание военачальника, и был направлен послом в Аглад-Дхо, — объединенную столицу юго-восточных провинций Йиш, Кнан и Буатон. Это был один из самых серьезных дипломатических постов во второй по важности провинциальной конфедерации главного материка.

Он отслужил в посольстве всего четыре месяца, как вдруг его внезапно и без объяснений отозвали. Но как только он прибыл домой, то узнал, что это было личное требование самого Императора. Его посольские руководители ни в чем не упрекали Ботона. Подобные просьбы Императора не были чем-то необычным. Однако этим господам

была совершенно неизвестна причина запроса относительно военачальника. Им не дали объяснений, но не было и никаких обвинений. Ботон догадывался о причине своего увольнения, но держал свои подозрения при себе. Такой причиной могло быть только одно…

По делам своего управления Ботон часто посещал Алу, столицу материка и цивилизованного мира. Сюда, в великий город Алу съезжались из разных уголков земного шара дипломаты, художники, философы, торговцы и капитаны кораблей. В больших складах из твердых пород камня, вдоль бесчисленных пристаней были нагромождены различные товары со всего света — ткани и благовония, странные животные, услаждающие взор любопытных домоседов. В бесконечных лавках и на рынках торговали цветными тканями и шелками, трубами и цимбалами, трещотками и лирами; деревом и туалетными принадлежностями; причудливо вырезанными фигурками из мыльного камня, разными мазями для бритья и натирания тела. Здесь были туники и сандалии, пояса и шлепанцы из разных сортов кожи. Тут же продавались резная мебель для дома, зеркала из полированной меди, железа и олова, кровати разных форм, подушки из лебединого пуха, сто-

лы, кружевное белье, сундуки, стулья, комоды и подножки. Здесь были занавески, разнообразные полотна, рулоны пергамента, щипцы, абажуры для ламп, изготовленные из кожи; металлические светильники и масло для них; гончарные изделия, горшки разных размеров и форм. Были тут разные вина и яства, сушеные фрукты и мясо, мёд, хлеб из ячменя и белой муки разных сортов. На улице оружейных мастеров торговали разнообразными булавами, топорами, мечами и кинжалами, броней из пластин и кольчуги, ножнами, щитами и шлемами, которые носил и сам Ботон со своей армией. Здесь можно было увидеть дорогие балдахины и замысловатые носилки для богатых людей, которых переносили рабы по узким улицам и широким аллеям Алу. Там было изобилие ковров: из отдаленной Лемурии и самой Атлантиды, из тропической Антиллеи, из внутренних горных регионов главного материка, где тысячи ткачей работали на своих станках. Обычные коврики из войлока, и роскошные ковры из шелка с южных земель, где росли тутовые деревья; мягкие драпировки со сложными узорами из шерсти горных овец. В Алу, центре мировой культуры, жили философы со своими учениками, проповедующие

свои идеи на улицах и площадях, непрерывно споря о конце человечества, о великом добре и происхождении материальных вещей. Здесь в огромных библиотеках содержались все научные и религиозные знания, творения искусства и мастеров цивилизации Атлантиды, накопленные за сорок тысяч лет. В храмах иерархи проповедовали о принципах жизни. Коллегии священников непрерывно изучали тайны четырех принципов; обучая население непрерывному применению эзотерических правил в повседневной жизни.

В этом очаровательном сосредоточии великой цивилизации посол Ботон старался бывать как можно чаще. Благородное происхождение, характер, личные качества и собственное мнение по всем вопросам — способствовали тому, что Ботон был желанным гостем при дворе Императора и в высшем обществе Алу. Впечатлительный молодой человек, большая часть жизни которого до назначения послом проходила в изнурительных военных походах армии Лудекты, наслаждался теперь новыми знакомствами и связями. Очень быстро Ботон почувствовал, что такой городской образ жизни ему нравится больше чем военная служба, и что все его предыдущие достижения ничего не значат без богатства. Но его родственники

непрерывно настаивали, что бы он продолжал свою военную карьеру. Вскоре посол из Лудекты решил, что ему нужно жениться, на какой-нибудь женщине из своей касты, желательно из метрополии Алу. Чтобы жена была умна и образована, присутствовала вместе с ним в посольстве, а позже уехала бы вместе с ним в родную Лудекту, где они бы построили роскошную резиденцию. А позже Ботон мог бы уйти с военной службы и стать сенатором. Таким представлял он себе своё будущее.

По части любви ему одновременно сопутствовали удача и неудача. Женщину, с которой Ботон завёл роман, звали Нетвисса Ледда. Она была дочерью Нетвиса Толдона — брата Императора. И казалось, что всё общество Алу говорило о том, что Ботон и Нетвисса просто созданы друг для друга. Их первая встреча затянулась до ночи. Через несколько дней они уже были сильно влюблены друг в друга. С точки зрения современного человека дело было ясное. Все обстоятельства говорили о том, что союз Ботона и Нетвиссы был бы идеальным. Но было одно непреодолимое препятствие. Нетвисса Ледда, племянница императора, принадлежала к высшей касте Атлантиды. Её отец, Нетвис Толдон, принимал

непосредственное участие в управлении страной по праву происхождения. Такова была традиция в империи. И не смотря на то, что Ботон был человеком больших достижений и великого мужества, и его предки были одними из первых колонистов новой земли тысячелетия назад, по сравнению с Нетвиссой он был всё равно, что простолюдином. Для императорского двора родовые устои были важнее достоинств какого-то провинциального военачальника. О женитьбе не могло быть и речи. Император, рассмотрев вопрос о деле Ботона, разрушил все его надежды, показав себя человеком, лишенным милосердия. У него был только один вариант решения — традиция. И Ботон, лишенный всякого выбора и надежды, повинуясь законам, сел на корабль до Лудекты, оставив за спиной и город Алу, и все надежды на счастливую жизнь.

Последующему поведению военачальника Ботона, еще недавно бывшего послом Лудекты в Аглад-Дхо, способствовали три причины. Первой из них была глубокая и отчаянная любовь к Нетвиссе Ледде. Больше всего на свете он хотел её. Но из-за принудительного разрыва их отношений по приказу Императора душа Ботона не знала покоя. Путешествие из Аглад-Дхо в Лудекту через

два океана, судоходные каналы и озера, которые разрезали пополам южный континент западного полушария, заняло семь недель. В течение этого периода вынужденного бездействия и отчаяния в уме Ботона зародился смутный план, неизбежный при данных обстоятельствах. Военачальник прибыл в Лудекту в таком настроении, что был готов заняться чем угодно, лишь бы не бездействовать. Этот его настрой был второй причиной будущих событий. Третьей причиной было его желание новых подвигов.

Пока Ботон ехал домой, в провинции произошел мятеж фабричных рабов — омерзительных полуобезьян Гья-Хау. Волнения рабов распространились по всей Лудекте. Государству срочно требовалась помощь Ботона, самого юного и талантливого из военачальников. И когда его корабль причалил, Ботона встречали как спасителя страны, а не как опозорившегося дипломата. В этой кампании по подавлению восстания рабов Ботон проявил все свои лучшие качества и способности к ведению войны. Такой энергичности от него даже не ожидали в Лудекте. Менее чем за три недели опасное восстание рабов было полностью прекращено. А самые главные зачинщики бунта полуобезьян висели на крючьях вдоль

городских стен столицы Лудекты. Военачальник Ботон стал героем страны и предметом обожания для всех солдат. Как жесткого сторонника дисциплины Ботона до сих пор уважали за его способности на поле боя. Ныне он стал чуть ли не божеством для своих людей. И всё благодаря своему таланту. Хотя Ботона могли наградить и повысить в звании за любое сражение, этот случай с восстанием рабов был особенным. И стареющий генералиссимус Тарба попросил у Сената особой награды для военачальника. Старый Тарба закончил свою хвалебную речь в честь Ботона тем, что в драматическом жесте положил перед Председателем Сената свой жезл — символ верховного главнокомандующего.

Ботон обнаружил, что он стал теперь таким великим героем, что государство готово сделать для него всё, что угодно. В то же самое время он стал главнокомандующим отделением армии целого континента Атлантиды. Отделением, которое благодаря постоянным тренировкам в боевых условиях, было самым эффективным. Все обстоятельства теперь складывались так, что военачальник Ботон принял решение действовать. На одиннадцатый день после его триумфального возвращения в столицу Лудекты было снаря-

жено сорок семь военных кораблей. Команды гребцов на вёслах пополнились рабами Гья-Хау, выбранными за свою силу и выносливость их гориллоподобных тел. С новыми парусами флот Лудекты под командованием Ботона взял курс на запад — в Алу.

Прибытие лудектского флота в столицу Атлантиды совпало по времени с началом небывалых землетрясений на всем главном материке. Мощь этих землетрясений была несопоставима ни с чем, что описывалось в исторических хрониках за последнюю тысячу лет. Первым признаком предстоящей катастрофы был медный оттенок неба, заменивший обычный голубой цвет. Спокойные волны Западного Океана резко превратились в булькающую зыбь, а цвет воды стал кирпично-серым. Волны ударили по лудектским галерам с такой силой, что поломали много вёсел. К ужасу капитанов кораблей ветер стал дуть одновременно со всех направлений. Ветер оторвал кожаные паруса лудектских галер от медных такелажных колец, в некоторых случаях вместе с другим крепежом. На некоторых галерах паруса словно раскромсало ножами.

Ботон не был напуган всеми этими дурными предзнаменованиями и приказал причаливать

к берегу. Он тотчас послал своего глашатая в сопровождении внушительной охраны лично к Императору. На грифельной дощечке Ботон написал свои требования. Императору предлагалось на выбор два варианта. Либо он принимает Ботона как генералиссимуса Лудекты и дает согласие на брак с Нетвиссой Леддой, либо Ботон со своей армией начинает осаду Алу и заберет женщину силой. Сообщение умоляло Императора выбрать первый вариант. Ботон также кратко описал своё фамильное древо. Император, получив послание, был сильно разгневан. Ему казалось, что его семья и достоинство подверглись оскорблению. И потому он приказал предать распятию всю делегацию Ботона.

Осада Алу началась под угрожающими небесами медного цвета и аккомпанемент серии небольших землетрясений. Не только на памяти живущих, но и в исторических хрониках за тысячи лет существования столицы цивилизованного мира не было еще ни одного враждебного нападения на Алу. И никому бы не пришло в голову, что прославленный военачальник Ботон может решиться на такой поступок. Атака Ботона была столь молниеносной, что его посланцы, распятые Императором на крестах, еще не закончили

извиваться, как Ботон во главе своих легионеров уже оказался в двух кварталах от императорского дворца, расположенного в центре города. Сопротивления практически не было. Военная операция завершилась за двадцать минут. Император вместе со своей семьёй и охраной были взяты в плен. Госпожа Ледда оказалась в горячих объятиях любовника. Экспедиция закончилась, говоря современным языком, по воле божьей.

Небольшие землетрясения сопровождали вторжение легионов Ботона, и, когда он достиг дворца Императора, землю затрясло со страшной силой. Каменные мостовые покрылись глубокими трещинами. Массивные здания стали с грохотом разрушаться, как бы аплодируя лудектским солдатам. Ботон находился во главе войска, когда его оглушило и бросило на мостовую. Теряя сознание, он успел лишь заметить, как три четверти его армии превратились в кровавое месиво из костей и разорванной плоти; но эту картину милосердно закрыли от его глаз тысячи тонн каменной пыли. Очнулся Ботон уже в тайной тюрьме цитадели Алу…

Около десяти часов утра Коулингтон тихо вошёл в комнату Мередита. Всю ночь доктор размышлял о первой беседе с пациентом и вче-

рашнем совещании с лингвистами, посвященном записям на неизвестном языке. Психиатр решил поделиться своими мыслями с Мередитом:

— Мне тут вспомнился один необычный случай, который произошел лет семь-восемь назад. Я работал тогда стажером в Государственной больнице Коннектикута для душевнобольных. В течение двух лет я был помощником доктора Флойда Хэвиленда. У нас было несколько частных пациентов, и был среди них один джентльмен средних лет. Он пришел к Хэвиленду, услышав о его успехах в лечении психических заболеваний. Этот джентльмен, которого я назову «Смитом», никоим образом не был сумасшедшим. Он жаловался, что ему мешают жить галлюцинации. Мы пытались лечить его два месяца. Он пришел добровольно и обладал достаточными средствами, поэтому мы предоставили ему отдельную комнату. Смит по всем признакам был нормальным за исключением тех моментов, когда его внимание было поглощено какими-то галлюцинациями. Пока он пребывал у нас, я часто убеждал мистера Смита, что у него нет никаких заболеваний мозга. Мой диагноз был такой — мистер Смит страдает от наследственной памяти. И доктор Хэвиленд был согласен со мной. Такой диагноз

был настолько редким, что являлся в своем роде уникальным.

Среднестатистический психиатр за всю свою карьеру мог бы никогда не столкнуться с таким больным. Есть, однако, зарегистрированные случаи. Мы смогли отправить пациента домой почти выздоровевшим. Мы посоветовали Смиту заниматься самовнушением. Напоминать себе, что с ним все в порядке, и его галлюцинации являются лишь временной иллюзией, а не болезнью.

— Занятный случай, — прокомментировал Мередит рассказ психиатра. Его слова были всего лишь попыткой показаться вежливым. На самом деле его ум был занят воспоминаниями о сновидении: военачальник Ботон буйствует в тюремной камере, его тревожит судьба своих солдат. Сквозь маленькое окошко он видит мертвенно-бледное небо и какие-то вспышки огня, слышит далекий и пугающий рёв моря. Сейчас Мередит был просто не способен слушать Коулингтона. Но чутьё подсказывало ему, что о своем сне лучше не рассказывать, так как никто ему всё равно не поверит.

Доктор Коулингтон заметил, что пациент выглядит бледным и напряженным. И это ему не нравилось. Доктор задумался на мгновение,

выпрямился в кресле, положил ногу на ногу и соединил пальцы в некоем судейском жесте.

— Честно говоря, Мередит, я решил вам рассказать про Смита не только потому, что он был необычным пациентом, но и из-за того, что его галлюцинации имели поразительное сходство с вашими. Я не хотел вас тревожить, пока ваше душевное состояние не улучшится. В общем, мистер Смит мог вспомнить и даже произнести некоторые фразы на неизвестном доисторическом языке, которые он выуживал из своей исторической памяти в моменты галлюцинаций.

— Мередит, — доктор повернулся к пациенту и внимательно посмотрел в его глаза, — у Смита было три-четыре фразы, идентичных вашим!

— Боже мой! — воскликнул Мередит. — Что это за слова были, доктор? Вы записали их?

— Да, я принес эти записи, — ответил психиатр.

Мередит вскочил со своего кресла и склонился над плечом Коулингтона, пока тот перебирал бумаги. Он не отрывал глаз от листков с аккуратно напечатанными словами, слушая внимательно и содрогаясь, пока доктор Коулингтон читал вслух. Затем он взял листки в свои руки, сел в кресло и перечитал всё сам, шепотом проговаривая каж-

дое слово. Мередит был бледен, его трясло с ног до головы, когда он по одному листочку возвращал записи психиатру. Доктор Коулингтон с тревогой смотрел на него. Его профессиональный ум был настороже. Этот необычный эксперимент с записями Смита чем-то привлек внимание пациента. Доктор Коулингтон чувствовал что-то смутное, что не мог выразить словами. Несмотря на его многолетний опыт в лечении психических, нервных и «пограничных», заболеваний, он не мог определить, что происходит в уме Мередита. Так что этот пациент был ему особенно интересен. Но психиатр был бы еще более озадачен, если бы узнал истину.

Мередит, перечитывая записи Смита, опознал все слова и термины, но особенно его поразила фраза «Наш любимый Ботон пропал без вести». Доктор решил, что сейчас лучше не беспокоить больного. Пусть Мередит отдохнёт, восстановит силы и справится с душевным волнением, от чего бы оно ни возникло. И поэтому потихоньку направился к двери. Выходя, он на мгновение задержался и еще раз глянул на пациента. Мередит, похоже, не обратил внимания, что доктор уходит. Он погрузился в какие-то размышления и не замечал ничего вокруг. И доктор Коулингтон, на-

учившийся за долгие годы работы с психически больными людьми добиваться их расположения, увидел в глазах Мередита слёзы.

Через час одна медсестра передала психиатру просьбу Мередита навестить его. Пациент выглядел спокойным и нормальным.

— Я попросил вас зайти на минутку, доктор, — начал Мередит, — хотел спросить, есть ли у вас какое-нибудь снотворное?

Затем он горько усмехнулся: — Знаю только, что такой сон могут вызвать морфий и опий. Я не особо разбираюсь в медицине, и естественно вы можете не давать мне лекарств больше чем необходимо.

Доктор Коулингтон подобно судье задумался. Это была неожиданная просьба. Он принял во внимание, что история его пациента Смита сильно огорчила Мередита. Доктор воздержался от расспросов, зачем Мередиту понадобилось снотворное. Он кивнул головой.

— Я приготовлю вам самую простую настойку, — сказал психиатр. — Она не вызывает привыкания, основана на опасном наркотике хлорале, но для своих больных я смешиваю его с сиропом и развожу в половине стакана воды. Очень хорошо усыпляет. Я пришлю его вам, но

пожалуйста, помните: четыре чайные ложки настойки — максимальная доза. Даже двух, пожалуй, будет достаточно. Никогда не больше четырех ложек, и не большего одного приема в двадцать четыре часа.

Доктор Коулингтон подошёл к Мередиту и осмотрел его голову в том месте, где тот ударился об умывальник. Синяк был все еще там. Доктор легонько прощупал синяк пальцами.

— Он уменьшается, — заметил Коулингтон. Затем он улыбнулся и собрался уходить. Мередит остановил его.

— Я хотел попросить у вас… — начал Мередит, — хотел спросить, нельзя ли мне как-то встретиться с тем вашим пациентом по имени Смит?

Доктор покачал головой:

— Сожалею, но мистер Смит умер два года назад.

Через десять минут медсестра принесла маленький поднос, на нем находились стакан, ложка, и бутылка с красноватым приятным на вкус сиропом. Через двадцать минут Мередит, решивший принять компромиссную дозу снотворного в три ложечки, уже пребывал в глубоком сне. А военачальник Ботон стоял посреди

темницы в цитадели Алу, стараясь удерживать равновесие и прыгнуть в любую сторону, пока вокруг него крошились тысячи тонн каменной кладки. Грохот заглушал все прочие звуки, кроме яростного шума обезумевшего океана. Мертвенно-бледные вспышки снаружи цитадели заметно участились. До ушей Ботона доносились какие-то взрывы. Алуанцы подрывали дома в центральной части города, чтобы не дать распространиться пожару, который буйствовал дни и ночи, и был неостановим. Эти звуки взрывов казались Ботону слабыми по сравнению с разрушением цитадели, внутри которой он был заперт. Внезапно наступил критический момент, которого военачальник с опасением ждал. Каменный пол под его ногами начал прогибаться. Ботон прыгал туда-сюда, вытягивал руки вверх, пытаясь за что-нибудь зацепиться. Его сердце судорожно билось. Душный пыльный воздух сдавливал его дыхание. Затем прочная стена его темницы раскололось сверху донизу, и облако пыли вырвалось в соседнее помещение. Задыхаясь и кашляя, борясь за жизнь, Ботон обошел трещины в полу и пролез через открывшуюся щель в стене. Он с трудом взобрался на кучу мусора, бывшего несколько секунд назад целым этажом цитадели.

Ботон пробирался через облака пыли, завалы камней, обходил ямы, полз вперед к неопределенному месту, где он будет свободен. Наконец, когда силы Ботона почти иссякли, с покрасневшими глазами и обжигающей болью в горле, он вылез на последний холм мусора, оставшийся от цитадели, и оказался на углу самой большой площади города. Впервые за все время его спасения из смертельной ловушки Ботон неожиданно почувствовал под ногами что-то мягкое и остановился. Он едва мог видеть, поэтому пригнулся к земле и пошарил руками в толстом слое пыли. Это было тело мужчины в кольчуге. Ботон вздохнул с облегчением. Он перевернул тело, стряхнув с него мусор, и нащупал на поясе покойника короткий боевой топор. Ботон взял его себе. Затем от шелковой туники мужчины он оторвал большой кусок ткани и вытер им своё лицо от грязи. Наконец он взял у покойника тяжелый кожаный кошелек, после чего прилег отдохнуть прямо возле мертвого солдата.

Через десять минут Ботон встал на ноги, потянулся всем телом, проверил топор, взмахнув им три-четыре раза, поправил одежду и подтянул ремни на сандалиях. Он стоял сейчас свободным в центре Алу. Он был неплохо вооружен. Новый

прилив энергии охватил его. Ботон посмотрел по сторонам, и с инстинктом подобным домашней пчеле двинулся уверенным шагом лудектского легионера к императорскому дворцу. Больше всего Ботона беспокоил вопрос: что же произошло за то время, пока он был в плену? Почему он был оставлен один в заточении, никто его не беспокоил, и кто-то регулярно приносил ему еду и воду? Почему, интересно, он был схвачен в двух кварталах от императорского дворца, пока лежал без сознания, и до сих пор не был казнен? Его острый ум подсказывал, что дело тут в жуткой ярости моря и пугающих звуках исчезающего города. Император был слишком занят природным бедствием, чтобы тратить время даже на главаря такой кощунственной армии, дерзнувшего впервые в истории материка напасть на столицу мира.

Обходя величественные внешние стены императорского дворца Ботон, наконец, добрался до главного входа. Эта огромная и массивная постройка со стенами толщиной в восемь футов стояла неповрежденной. Не колеблясь, Ботон начал восхождение по прямой лестнице к великолепным воротам из меди, золота и порфира. Перед воротами неподвижно стояли двенадцать

вооруженных стражников и офицер, чье бледное лицо резко контрастировало с его голубой туникой. Один из стражников по команде офицера стал спускаться навстречу непрошеному гостю. Ботон убил его одним ударом топора и продолжил подъем по лестнице. Офицер закричал, и все остальные стражники побежали к Ботону. Ботон остановился, и когда первая часть отряда была уже в шаге от него, легко прыгнул вправо. Четыре стражника оказались позади, и Ботон быстрыми смертельными ударами покончил с теми, кто шёл в середине. До того как стражники смогли собраться, Ботон убил офицера и еще пятерых. После чего, оставив живых стражников позади, он быстро достиг ворот и разделался с двумя охранниками, стоявшими возле них.

Теперь на его пути не было никаких препятствий. Ботон мчался сквозь хорошо-знакомые комнаты и широкие коридоры к центру императорского дворца Алу. Через тридцать секунд он оказался у входа в комнаты брата Императора — Нетвиса Толдона, и вошел внутрь. Он обнаружил все семейство, сидящим в столовой возле стола подковообразной формы, так как было время ужина. Ботон был встречен удивленными взглядами и остановился в дверном проеме. Затем

поклонился Нетвису Толдону:

— Прошу вас извинить меня за вторжение, господин Нетвис.

Это было бы непростительно при других обстоятельствах, в более благоприятное время.

Толдон ничего не ответил, лишь глядел на Ботона изумленно. Тогда дама его сердца, Нетвисса Ледда, с широко раскрытыми глазами поднялась со своего места за отцовским столом. Понимание того, что значит это неожиданное вторжение, придало ее лицу оттенок алуанской розы. Она с любовью смотрела на своего героя.

— Пойдемте со мной, моя госпожа, — быстро проговорил Ботон, и как олень Нетвисса Ледда подбежала к нему. Он спокойно взял ее за руку, и не успели члены семьи опомниться, как двое беглецов уже спешили через коридоры к выходу из дворца. За первым же углом были слышны крики солдат. Ботон и Ледда остановились, прислушиваясь. Ботон взял топор в правую руку и заслонил собой женщину, но она твердо встала слева от него.

— Сюда, быстро! — шепнула она и повела Ботона к узкому проходу в дальнем конце коридора. Быстро и без слов они скрылись из виду, когда через ворота вбежали солдаты и чей-то голос

скомандовал: — К покоям господина Нетвиса Толдона!

Узкий проход вывел беглецов через кухню и кладовые к маленькой дверце. За ней открывался небольшой двор. Ботон с Нетвиссой быстро пересекли его и оказались на площади с западной стороны дворца. И еще до того, как солдаты могли выйти на их след, беглецы растворились среди людей, что толпились на широких улицах Алу. Ботон продолжал искать путь к свободе. Пройдя через большую площадь, он достиг закутка, заросшего кустами, где он хранил своё оружие. Еще не наступил летний вечер, и сейчас ничто не мешало его острому зрению. Когда Ботон вытирал лицо обрывком туники от умершего солдата, ему пришла в голову идея. Покойник был офицером имперского легиона.

Усадив Леди Ледду на гранитный камень, он попросил ее смотреть по сторонам, а сам занялся трупом. Через две мучительные минуты Нетвисса Ледда обернулась посмотреть на своего возлюбленного и увидела, что тот с головы до ног переоделся в военное обмундирование Элтона из Имперского Легиона Ястреба.

Затем они поспешили в южную сторону, через заброшенные кварталы с разрушенными здани-

ями к тем немногим домам богатых жильцов, что еще пользовались личными повозками с чернокожими рабами. Ботон увидел роскошную повозку, из которой вылазил толстый горожанин, удивленно глядевший на военачальника. Страх богача исчез, когда он узнал племянницу Императора и униформу Имперского легиона.

— Мы хотели бы одолжить вашу повозку, — сказал Ботон.

— Охотно помогу вам, — ответил богач, поклонившись.

Ботон поблагодарил его, усадил свою спутницу в повозку из серебра, которую несли четыре раба, и указал им направление. Затем сел сам и закрыл шелковый занавес. Шесты повозки заскрипели на плечах мускулистых рабов. Они поехали в сторону военного оцепления и кораблей Алуанской регулярной армии. А владелец повозки смотрел им вслед, кланяясь и ухмыляясь.

— Ты, наверное, заметил, что тебе доверилась императорская персона, — сообщила, улыбаясь Нетвисса Ледда. Ей были хорошо известны причины, по которым Император выслал Ботона обратно в Лудекту, и почему произошло первое в истории нападение армии на метрополию Алу.

— Я даже не спрашиваю, куда мы направляем-

ся! — добавила Ледда.

— Я намереваюсь найти безопасное место на севере, — ответил Ботон серьезным тоном. — Я убежден в предсказании Бала, Владыки Полей, что материнский континент будет однажды разрушен. Это мы изучали еще в школе, и вот на наших глазах сбывается пророчество. Более того, мои авгуры предупреждали меня об опасности еще до того как мои галеры достигли берегов Алу. Четыре великие силы, говорили они, столкнутся в конце мира. Разве мы не видели их за работой? Огонь, вышедший из-под контроля по земле, мощное землетрясение, ветра, которых никогда не было, если старые хроники не лгут! Изменение вида воды, превосходящее всякий опыт. Разве не так, любовь моя? Я говорю это не из-за смятения чувств.

Лицо Леди Ледды приняло серьезное выражение.

— Мы слышали все это даже во дворце, — сообщила она. — Где мы найдем прибежище?

— Мы этой же ночью уедем в великие горы А-Уах-Йи — ответил Ботон. — Если четыре великие силы позволят нам овладеть колесницей. А пока одолжи мне своё кольцо, любимая.

Леди Ледда понимающе кивнула и сняла со

своего правого среднего пальца кольцо с изображением двух солнц и восьмиконечной звезды — знака королевской семьи, который она была обязана носить. Ботон принял кольцо и надел его на мизинец своей правой руки.

Охрана, стоящая возле офицерского корпуса Алуанской военной базы снабжения, приветствовала выходящего из повозки человека, который был одет как Элтон из Легиона Ястребов. Элтон ответствовал им официальным военным языком:

— Доложите сейчас же Ка-Калбо Нетро о прибытии Элтона Барко из Легиона Ястреба, сопровождающего члена Императорской семьи в его поездке. У меня есть заявка на военную колесницу на две персоны, офицерский паек на две недели, и запас лекарств. Подтверждение моих полномочий — императорская печать. Вот смотри!

Стражник приветствовал кольцо Императора с изображением солнца и звезды, повторил для себя указание, кивнул Элтону и отправился к коменданту Ка-Калбо Нетро. Ка-Калбо явился в спешке. Он салютовал Имперской Печати, и так как Элтон был на один ранг выше его по званию, то Ка-Калбо отдал ему честь подобающим воинским обрядом. Элтона Барко из Легиона Ястреба

до этого он никогда не видел.

Через десять минут Нетвисса Ледда со всеми почестями была усажена в колесницу, а Элтон Барко сел рядом с ней. Двенадцать лошадей, принадлежавших до этого коменданту, галопом двинулись в путь. Они управлялись с помощью длинного хлыста. А позади колесницы скакали четыре запасных коня. Высоты А-Уах-Йи на севере давали Ботону некоторую надежду на спасение от предсказанного потопа и погружения материка под воду. Эти горы, по мнению ученых, возникли во время сотворения главного материка. Вскоре после рассвета, сверяясь по карте и следуя подробным указаниям Ка-Калбо Нетро, колесница достигла центра плоскогорья, пройдя четверть пути до цели.

Эта земля была совсем необитаемой. Здесь путники могли быть в безопасности. Сюда не доходили землетрясения и пожары. Шум северного ветра серьезно встревожил Нетвиссу Ледду. Ботон вряд ли заметил это. Сейчас он был убежден, что теряет слух. Они поели и вздремнули, а в полдень возобновили свой путь, заменив лошадей. Четыре дня они двигались без происшествий. Ботон уверенно направлял колесницу вперёд. На четвертый день, медный шар дымящегося

солнца достиг плоского горизонта, и они увидели верхушки района А-Уах-Йи — цели их возможного спасения.

Доктор Коулингтон встревоженно смотрел на лицо Мередита, когда тот проснулся поздним утром. Он спал двадцать часов. Убедившись, однако, что состояние пациента совершенно нормально и жизнерадостно после такого долгого сна, доктор успокоился и передумал отнимать у пациента снотворное. Лекарство явно имело положительный эффект.

Читая на кушетке перед обедом, Мередит внезапно прервался и отложил журнал. Он осознал, что с момента пробуждения не слышал никаких шумов из города Алу. Мередит привстал с кушетки. Как он мог вспомнить, Ботон слышал звуки вокруг себя очень смутно, но то были странные, полные значения сигналы. Мередит нащупал место ушиба за правым ухом. Больше оно не болело при касании. Мередит нажал посильнее на синяк. Травма теперь почти не ощущалась. Он доложил после обеда доктору Коулингтону, что его способность «яснослышания», как это называл специалист по слуху Гейтфилд, исчезла.

— Ваш синяк прошел, — сказал доктор многозначительно и ощупал заднюю часть правого

виска Мередита.

— Я вот что думаю, — заметил доктор, — ваше второе «слышание», началось после травмы головы. По мере ее излечения ваш слуховой аппарат утрачивает способность слышать те чуждые звуки. И скоро совсем перестанет. Вы будете слышать только то, что действительно важно. Полагаю, через день вы совсем перестанете слышать галлюцинации и сможете отправиться домой.

А через час Мередит вдруг услышал «то, что действительно важно». Он как раз читал, и вдруг как будто открылась звуконепроницаемая дверь. Странное видение появилось перед его глазами. Это было так, как будто личность Мередита странным образом соединилась с военачальником Ботоном, стоявшим на вершине Тхаран-Йюд, глядя на разрушенный город Алу.

Волны с небывалой яростью и титаническим грохотом обрушивались на каменные здания Алу, и весь город раскрошило перед его испуганным взором. Вместе с этим адским ужасом пришло опустошающее пламя пожара и истеричные крики обреченных жителей. Наконец до него донесся звук гигантского водоворота, и высокая стена зеленой воды закрыла от него солнце. Море поднялось над проклятым Алу, утопив навсегда

и визжащих в отчаянии обезьяноподобных рабов Гья-Хуа, которые растаскивали богатства из брошенных хозяевами домов. Рев воды и голоса людей смешались в ужасную какофонию криков, воя и плача — такую, что ее не могли выдержать ничьи уши, и ни один взгляд. Мередит стоял в оцепенении, глядя как воды Му-Йадона смыкаются над материнским континентом, и, наконец, потеряв сознание, упал на кушетку в своей комнате, спасаясь от лицезрения мировой катастрофы. А Ботон вместе с Леди Леддой спокойно шли в ущелье А-Уах-Йи, находясь в безопасности среди фруктовых деревьев. Но теперь эти горы стали островом, к берегам которого подкатывались волны густого океана и пыли.

— Мы здесь в безопасности, мой Ботон, — сказала Нетвисса Ледда. — Давай приляжем и поспим, я очень устала.

Она прислонилась к Ботону и уснула. Он тоже чувствовал себя изможденным, прилег и провалился в глубокий сон без сновидений.

Мередит проснулся на своей кушетке. В комнате было темно. Он поднялся, включил свет и посмотрел на часы. Было четыре часа утра. Он разделся и проспал еще три часа, но уже без сновидений. Мир и целая эпоха пришли к ката-

строфическому концу, и Мередит был свидетелем этого.

Синяк на его голове полностью исчез. Доктор Коулингтон осмотрел его утром.

— Думаю, теперь вы можете ехать домой. Вы больше не будете ничего слышать, — сказал доктор. — Но кстати, Мередит, вы помните, как назывался тот ваш материнский континент?

— Мы называли его Му, — ответил Мередит.

Доктор немного помолчал, а затем, покачал головой, решившись высказать свою мысль: — Я так и думал.

— Почему? — спросил Мередит.

— Потому что Смит называл его также, — ответил Коулингтон.

Вольный перевод: А. Черепанов

Говард Филлипс Лавкрафт и Мартин С. Уорнс
Чёрная книга Алсофокуса

H. P. Lovecraft, Martin S. Warnes «The Black Tome of Alsophocus», 1980

У Лавкрафта был незаконченная рукопись

под названием «Книга», опубликованная в 1938 году. Через 30 лет М. С. Уорнс решил дописать её. Об этом авторе известно лишь, что он жил в Англии, работал в текстильной промышленности и умер в 1969 году.

Мои воспоминания очень запутанны. Я даже сомневаюсь в том, где они начинаются; ибо временами чувствую ужасающие перспективы лет, растянувшихся в прошлом, а иногда мне кажется, что настоящий момент — это изолированная точка в серой бесформенной бесконечности. Я даже не уверен в том, как смогу передать это послание. Хотя я знаю, что могу говорить, у меня есть смутное ощущение, что понадобится какой-то странный и, возможно, ужасный посредник, чтобы донести мои слова туда, где я хочу быть услышанным.

Моя личность тоже совершенно туманна. Кажется, я пережил большое потрясение, возможно, из-за какой-то серии своих уникальных и невероятных экспериментов, и их чудовищного результата.

Разумеется, эти эксперименты проводились на основе знаний, найденных мной в той изъеденной червями книге. Я помню, как нашел её

в слабо освещённой лавке возле чёрной маслянистой реки, над которой вечно клубится туман. Эта лавка было очень старой, и полки высотой до потолка, заполненные дряхлыми книгами, тянулись через внутренние, лишённые окон комнаты, уходя в бесконечность. Кроме того, там были большие бесформенные кучи книг на полу и в грубо сколоченных ящиках; и в одной из этих куч я нашёл ту самую книгу. В тот момент я не мог узнать её названия, поскольку первые страницы отсутствовали; но книга раскрылась ближе к окончанию, и передо мной мелькнули буквы, которые заставили меня содрогнуться.

Там была формула — в своём роде список вещей, которые нужно сказать и сделать, — я распознал в этом что-то тёмное и запретное; нечто, что я вычитал в последующих параграфах, испытывая смесь отвращения и очарования. Книга была написана теми странными древними исследователями, чьи ветхие тексты я любил поглощать — об охраняемых тайнах вселенной. Это был ключ — путеводитель — к определённым вратам и переходам, о которых мистики мечтали и шептали со времён, когда раса людей была юной. Эти врата ведут к свободе и открытиям за пределами трёх измерений, за пределами сфер

жизни и материи, которые мы знаем. Ни один человек на протяжении веков не вспоминал о том, как жизненно важна эта книга и не знал, где её найти, но она действительно была очень старой. Она была не печатной, а написанной от руки каким-то полусумасшедшим монахом, который записал эти зловещие латинские фразы потрясающе древним стилем письма.

Я помню, как старый торговец хитро смотрел на меня и хихикал, а потом сделал рукой странный знак, когда я уносил книгу. Он отказался брать с меня деньги, и только гораздо позднее я понял почему. Когда я спешил домой по этим узким извилистым улочкам, покрытым туманом, у меня было пугающее ощущение, что за мной, крадучись, следуют чьи-то бесшумные ноги. Столетние, шатающиеся дома по обеим сторонам улицы, казалось, оживились от свежей и болезненной злобы — словно какой-то запертый до этого канал понимания зла внезапно открылся. Я чувствовал, что эти стены и нависающие фронтоны из плесневого кирпича и покрытого грибками дерева, похожие на глаза ромбовидные окна, что наклонились ко мне — едва сдерживаются от того, чтобы напасть на меня и раздавить… хотя я прочитал только наименьший фрагмент той

кощунственной формулы, прежде чем закрыл книгу и забрал её с собой.

Я помню, как я, наконец, прочитал книгу — с бледным лицом, запершись в мансарде, которую давно приспособил для своих странных исследований. В большом доме было тихо, ибо я вошёл в него только после полуночи. Думаю, тогда у меня была семья, хотя подробностей не помню; знаю, что имелось много слуг. Не могу сказать, какой был год, потому что с тех пор я познал много эпох и много измерений, и все мои представления о времени растворились и стали другими. Я читал при свете свечей; помнится, беспрерывно капал воск, и время от времени я слышал перезвон дальних колоколен. Казалось, что я следил за этими колоколами с особым вниманием, как будто боялся уловить чуждую ноту, вторгающуюся в их звон.

Затем впервые я услышал, как кто-то царапает и ощупывает мансардное окно, которое располагалось высоко над другими крышами города. Это произошло, когда я произнес вслух девятый стих, написанный первозданными словами, и, вздрогнув, поняв, что он означает. Ибо тот, кто проходит через врата, получает в награду тень, и никогда больше не останется в одиночестве.

Я совершил призывание, и книга действительно оказалась тем, что я подозревал. В ту ночь я прошёл через врата в бездну искривлённого времени и видений, а когда утро застало меня в мансарде, я увидел в стенах, полках и мебели то, что никогда раньше не видел.

И я никогда не смогу воспринимать мир таким, каким я знал его прежде. Мир настоящего перед моим взором всегда смешивался с картиной недавнего прошлого и картиной недалёкого будущего, и каждый объект, когда-то знакомый мне, выглядел чужеродным в новой перспективе моего расширенного зрения. С тех пор я ходил в фантастическом сне неизвестных и частично известных форм; и с каждым новым проходом через врата, я всё меньше узнавал вещи из той узкой сферы жизни, к которой я так долго был привязан. То, что я видел вокруг себя, больше никто не видел; и я стал вдвойне молчаливым и отчуждённым, чтобы меня не посчитали сумасшедшим. Собаки боялись меня, потому что они чувствовали тень извне, которая никогда не покидала меня. Но я продолжал читать тайные, забытые книги и свитки, к которым привела меня способность видеть по-новому, — и пробирался через новые врата пространства, бытия и жизни

к ядру неизвестного космоса.

Помню ночь, когда я начертил огнём пять кругов на полу и стоял в самом центре, воспевая ту чудовищную литанию, которую принёс посланник из Тартара. Стены растаяли, и чёрный ветер пронёс меня через бездонные серые бездны над игольчатыми вершинами неизвестных мне гор. Через некоторое время появилась кромешная чернота, а затем и свет мириад звёзд, образующих странные инопланетные созвездия. Наконец, я увидел зелёную равнину далеко под собой, а на ней — изогнутые башни города, имевшего такую архитектуру, которой я никогда не видел даже во сне, и не читал о такой в книгах. Когда я подплыл ближе к этому городу, то увидел большое квадратное, каменное здание на открытом пространстве, и мучительный страх сжал моё сердце. Я кричал и сопротивлялся, и после того, как чернота вновь вернула меня в чердачную комнату, я оказался лежащим на пяти светящихся кругах, нарисованных на полу. В путешествиях той ночи больше не было странностей, как во многих странствиях ранее; но было больше ужаса, потому что я знал, что оказался ближе к тем запредельным безднам и мирам, чем когда-либо прежде. После этого я стал более осторожен с заклинаниями, ибо не

хотел быть отрезанным от своего тела и от земли в неизвестных безднах, откуда я мог никогда не вернуться.

Тем не менее, как бы я ни был осторожен, моё понимание знакомых сцен всё ещё исчезало в бесконечности, поскольку мое новое нечестивое видение утверждало себя, и каждый мой взгляд на реальность становился неестественным и тревожил своей геометрией. Мой слух тоже нарушился. Колокольный звон, доносящийся из далёких звонниц, звучал более зловеще, пугающе эфемерно, как будто звук доносили бестелесные призраки из нижних сфер, где измученные души вечно стенают в тоске и боли. С каждым днём я всё больше отдалялся от мирского окружения, из моего представления о земле исчезли эоны лет, они теперь обитали среди непостижимого. Время стало чуждым, и моя память о событиях и людях, которых я знал до того, как я приобрел книгу, дрейфовала на тусклых туманах нереальности, невзирая на то, как отчаянно я пытался цепляться за них.

Я помню, как в первый раз услышал голоса; странные, нечеловеческие, свистящие голоса, исходящие из внешних уголков чернейшего пространства, где аморфные существа прыгают

и скачут перед большим чёрным, изрыгающим зловоние идолом, обветшалым ввиду прошедших бесчисленных столетий. С началом этих голосов пришли видения ужасающей интенсивности, страшные химеры двойных чёрных и зеленых солнц, освещающих вознёсшиеся монолиты и цитадели зла, которые поднимались, ярус за ярусом, словно стремясь избежать своих земных привязанностей. Но эти сны и иллюзии были ничем по сравнению с ужасным колоссом, который позже вторгся в моё сознание; даже сейчас я не могу вспомнить этот ужас во всей его полноте, но, когда я думаю о нём, у меня создается впечатление необъятности, выходящей за пределы всех размеров. Колосс шарил вокруг себя щупальцами, пульсирующими, словно имели собственный интеллект, оживлённый злобным пороком. Возле колосса прыгали жуткие, трупные чудовища, их голоса усиливались до неблагозвучного песнопения:

«Мвл'фгах пивфг фхтагн Гх'тьяф нглиф лгхья».

Эти ужасы постоянно сопровождали меня, как и тень извне.

Тем не менее, я изучал книги и свитки, и переходил через чёрные врата в неизвестные измерения, где тёмные существа наставляли ме-

ня в искусстве настолько адском, что даже самые прозаические умы, вероятно, разорвались бы при мысли о них.

Я помню, как обнаружил название книги; это было поздно вечером, когда я сидел, изучая изъеденные червями страницы, и наткнулся на параграф, бросающий свет на мой таинственный экземпляр:

«Ньярлатхотеп правит в Шарноте, вне пространства и времени; в гигантском, чёрном дворце он ждёт своего второго пришествия; в чернейшей ночи он размышляет и терзает своих слуг.

Пусть никто не беспокоит его заклинаниями и чарами, ибо он быстро ловит неосторожных. Пусть невежественные остерегаются, внимают Чёрной Книге, ибо поистине страшен гнев Ньярлатхотепа.»

В тайных писаниях я нашел упоминание об этой «Черной Книге»: той легендарной рукописи, написанной много веков назад великим некромантом Алсофокусом, который жил в стране Этонгилл до того, как современный человек сделал первые неуверенные шаги по земле.

Загадка разрешилась; это была действительно богохульная «Чёрная Книга». Узнав это, я с

нетерпением стал поглощать все злые практики из книги; руны для связывания, именования и формирования были в пределах моей досягаемости, и я испугался своей новой силы. Другие врата и переходы стали доступны мне, демоны самых тёмных пределов оказались в моём распоряжении; но всё ещё были барьеры, которые я не осмеливался пройти, те чёрные недра космоса за пределами Фомальгаута, где скрывался предельный ужас, непристойно согнувшийся и бормочущий богохульства, что старше звезд. В «Тайнах Червя», Людвига Принна и «Культах Гулей», графа д' Эрлета я искал давние секреты, но все эти древние тайны были ничем по сравнению с тем злым знанием эзотерической «Чёрной Книги». Она содержала заклинания такой ужасающей силы, что, возможно, даже сам Альхазред задрожал бы, видя их использование: вызов Боромира, отвратительные секреты Сияющего Трапецоэдра — того окна в пространстве и времени — и вызов великого Ктулху из своего подводного дворца в городе Р'льех, что скрыт под океаном; все эти заклинания ждали того, кто будет достаточно смелым или сумасшедшим, чтобы их использовать.

Я был сейчас на пике своей силы; время рас-

ширялось или сокращалось по моей воле, и Вселенная вращалась вокруг моего постоянно растущего интеллекта. Моё удержание всех земных аспектов жизни было нарушено оккультными исследованиями, и моя сила стала такой, что я попытался совершить немыслимое — пройти через последний страшный порог, через врата — в чёрные тайны, лежащие за пределами, где Великие Древние вершат свой суд и замышляют возвращение на Землю, с которой они были изгнаны Старшими Богами. В своем тупом тщеславии я воображал себе, что я, крошечная пылинка в огромном космосе времени, могу пройти сквозь чёрные бездны пространства за пределами звёзд, где царят беззаконие и хаос, и смогу вернуться с неповреждённым разумом и буду не затронут древним, как вечность, тлением, которое там обитает.

Вновь я начертил пять кругов огня на полу, и, стоя в самом центре, вызвал силы за пределами всего воображения с помощью заклинания, столь непостижимо ужасного, что мои руки дрожали, когда я делал руками мистические пассы и символы. Стены растворились, и великий чёрный ветер унёс меня через тёмные бездны пространства и серые области материи. Я путешествовал

быстрее мысли мимо неосвещённых планет и перспектив неизвестных миров, которые кружились и смещались на неизмеримые расстояния; звёзды вспыхивали так быстро, что они казались тонкими яркими нитями, переплетёнными по всей Вселенной; они мерцали крошечными бриллиантами на чёрном эфире, который был темнее, чем легендарные глубины Шунга.

Возможно, прошла минута, или, может быть, столетие, а я всё мчался вперёд. Звезды значительно поредели: они собирались в группы, как будто пытаясь найти утешение в компании; больше ничего не изменилось. Я страдал от полного одиночества в этом путешествии; мне казалось, что я словно замер и завис в пространстве и времени, хотя скорость моего полета, должно быть, была феноменальной, и мой дух умолк в благоговейном одиночестве и ужасной тишине неподвижного пространства; я был как человек, погребённый заживо в мрачном чёрном гробу. Прошли эоны, и тогда я увидел далеко впереди последнее звёздное скопление, последний свет на протяжении бесчисленных тысячелетий; за его пределами не было ничего, кроме непроницаемой черноты, конца Вселенной. Как и в предыдущем ужасающем случае, я кричал и

боролся, но безрезультатно; я продолжал свои бесконечные поиски по коридорам тишины и страха.

Я путешествовал целую вечность, ничего не менялось, кроме биения моего сердца. А потом появился зелёный свет, или, возможно, только намёк на свет; я прошёл через отсутствие времени и материи; прошел через Чистилище. Теперь я был за пределами Вселенной, на неизмеримом расстоянии от космоса, каким обычно представлял его себе; я пересёк последний порог, эти последние врата перед забвением. Впереди были двойные солнца из моих видений, к которым я дрейфовал с казавшейся бесконечно медленной скоростью; вокруг этих чёрных и зелёных чудес вращалась одна планета; я знал это как родной мир богов, Шарнот.

Я медленно плыл к этому тёмному холодному шару, и, приблизившись, увидел далеко внизу зелёную равнину далеко внизу, на которой покоился гигантский искривлённый город моих ранних видений, он выглядел искажённым и непропорциональным в своём неестественном сиянии. Я дрейфовал над крышами этого ужасного мегаполиса, отмечая разрушающуюся каменную кладку и потрескавшиеся столбы, которые стояли

сурово и пугающе на фоне изогнутого чёрного горизонта. Во всем городе ничего не двигалось, и все же там было ощущение жизни, злой порочной жизни, которая чувствовала мое присутствие.

Спускаясь к этому городу, я ощутил, что мои физические чувства возвращаются; я почувствовал холод, ледяной холод, и мои пальцы онемели и не шевелились. Я остановился на краю открытого пространства, в центре которого стояло гигантское квадратное, каменное здание с высоким арочным дверным проёмом, который выглядел как раскрытая пасть какого-то ужасного первобытного существа. От этого здания исходила аура ощутимой злобы; я был ошеломлен силой страха и отчаяния, которые одолевали меня, и когда я стоял за пределами этого чудовищного здания, я вспомнил небольшой отрывок из «Чёрной Книги»:

«На открытом пространстве в центре города стоит дворец Ньярлатхотепа. Здесь можно узнать все секреты, хотя цена такого обучения поистине ужасна.»

Я не сомневался, что это была обитель мрачного Ньярлатхотепа. Хотя мысль о том, чтобы войти в эту тёмную структуру, потрясла меня до предела, я неуверенно направился к дверному проёму,

мои ноги руководствовались каким-то другим интеллектом, нежели собственным. Через этот могучий портал я вошёл в абсолютную темноту, как в моём неосвещённом путешествии через эфир в это отвратительное место.

Постепенно непроницаемый мрак сменился странным зелёным свечением, которое освещало внешнюю поверхность планеты; и в этом болезненном гангренозном свете я увидел то, что ни один человек никогда не должен быть обречён увидеть.

Я оказался в длинном зале с высоким сводчатым потолком, который поддерживался колоннами из чистейшего чёрного дерева; по обеим сторонам этого зала были выстроены существа различных кошмарных форм. Здесь был Хнум с бараньей головой, Анубис с головой шакала и Мать Таурт, ужасная в своём ожирении.

Прокажённые тряслись и рыдали, и ракообразные твари смотрели на меня со злобой; через эти ряды аморфных и адских созданий мое тёло волочилось против своей воли. Когти царапали мои руки и ноги, а живот скручивался от отвращения, вызванного прикосновением больной плоти. Воздух был наполнен завываниями и криками, пока прокажённые непристойно танцевали и ласкали

меня в богохульном ритуале разврата; а в дальнем конце зала было самое ужасающее зрелище из всех, даже страшнее чёрного колосса из моих видений, — житель дворца — Ньярлатхотеп.

Великий Древний пристально посмотрел на меня, его взгляд, разрывающий мою душу и наполняющий меня отчаянием, был настолько ужасным, что я закрыл глаза, чтобы не видеть этот пугающий облик неописуемого зла. Под этим взглядом мое существо начало таять, как будто оно поглощалось какой-то непреодолимой силой. Я терял то немногое, что оставалось во мне; мои некромантические силы, которые, как я теперь понял, были ничем по сравнению с силами обитателя этого тёмного мира; силы были отняты у меня и рассеяны по всей Вселенной, и мне никогда их не восстановить.

Под этим взглядом мои разум и душа были атакованы со всех сторон страхом и ненавистью; я пошатнулся, когда он разорвал мое существо, срывая мою жизнь слой за слоем, как шелуху. Отчаяние охватило меня, но я был не в силах бороться, не в силах сдержать непреодолимую силу, которая подавляла мою волю. Медленно что-то вытягивалось из меня, что-то несущественное, но совершенно необходимое для моего будущего

бытия; я ничего не мог сделать, в своей глупости я совершил слишком много шагов, и теперь заслужил окончательное наказание. Моё видение затуманилось в близорукой дымке; образы и видения моего дома и семьи плыли перед моими глазами, а затем исчезли, как будто их никогда не существовало. А потом, поначалу медленно, я почувствовал, как таю, растворяясь в небытии.

Я поднялся наверх, бестелесный; поплыл над головами кошмарной толпы, проходя через холодный каменный потолок дворца, который не был препятствием для моего движения, и оказался на зловещем свету планеты. Я был чем-то меньше, чем живой, но смерть стала недоступна мне. Город раскинулся подо мной в панорамном виде великолепия и ужаса, и я увидел, как из мрачного чёрного здания дворца Ньярлатхотепа по всему мегаполису распространялась гигантская аморфная масса. Она медленно исходила наружу, пока все вещи не скрылись от моего взора, и, покрыв весь видимый мне пейзаж, масса сжалась, чтобы снова сформировать чёрный колосс из моих видений. Внутренне я вздрогнул, но поднимаясь всё выше и дальше от города, когда сцена уменьшилась до микроскопических размеров, я смотрел на спектакль с более отстра-

нённым интересом.

Постепенно масса земли подо мной приняла вид шара, когда я начал путешествие от планеты Ньярлатхотепа в чёрные глубины космоса. Зависнув неподвижно, не двигаясь ни вперёд, ни в сторону от царства Древнего, я стал свидетелем последнего акта в драме, развернувшейся передо мной. С поверхности планеты вырвался луч света или энергии, уходящий из этого мира в беззвёздную ночь, направляясь, как я понял, к моей родной планете. Затем все стихло, и я остался совершенно один в этой вселенной за пределами звезд.

Мои воспоминания исчезают с каждым часом; скоро я ничего не буду помнить, скоро я буду свободен от всех остатков человечности. И пока я пребываю здесь, подвешенный во времени и пространстве, каковым я буду всю вечность, я чувствую нечто сродни удовлетворению. У меня есть здесь покой, более великий покой, чем у мёртвых; но этот покой нарушается одной смутной мыслью, и я рад, что скоро она будет навсегда удалена из моего разума. Я не помню, откуда мне это известно, но уверен в этом сильнее, чем в своём собственном существовании. Ньярлатхотеп больше не ходит по поверхности Шарнота, он

больше не вершит суд в своем великом чёрном дворце, ибо тот луч света, который отправился в тёмный эфир, нёс в себе бич для человечества.

В небольшой тускло освещенной мансардной комнате тело шевелится и встаёт на ноги. Его глаза горят, как тлеющие чёрные угли, и на его лице играет ужасная загадочная улыбка; и когда он рассматривает крыши города через маленькое чердачное окно, его руки поднимаются в жесте триумфа.

Он прошёл через преграды, установленные для него Старшими Богами; он свободен, свободен снова ходить по Земле, свободен пробираться в умы людей и порабощать их души. Именно я дал ему шанс сбежать, я в своем безумном стремлении к власти предоставил ему средства, необходимые для его возвращения на Землю.

Ньярлатхотеп ходит по нашему миру в облике человека, потому что, когда он забрал моё существо и мои воспоминания, он также отнял у меня и физический аспект. В моем теле сейчас обитает бессмертная сущность Ньярлатхотепа Ужасного.

Перевод: А. Черепанов

Говард Филлипс Лавкрафт и Джозеф Вернон Ши
Горгулья

H. P. Lovecraft, J. Vernon Shea «The Snouted Thing», 1979

Г. Ф. Лавкрафт и Дж. Вернон Ши, «Горгулья», («The Snouted Thing», дословно можно перевести как «Тварь с мордой»), 1979.

В 1933 году Лавкрафту приснился странный сон о том, как он с группой людей бегал по крышам, пытаясь поймать какое-то ужасное существо. В 1979-м Дж. В. Ши (1912–1981) (в молодости он переписывался с Лавкрафтом, А. Дерлетом и К. Э. Смитом) решил использовать сюжет этого сна для своего рассказа. Английский текст для перевода любезно прислал сам С. Т. Джоши.

1

Но помимо таких сравнительно мирских сновидений мне иногда снятся удивительные вещи, из которых получается неплохой материал для

сверхъестественной фантастики. Как раз вчера ночью мне приснилось, что я находился с группой молчаливых, напуганных людей, вооружённых каким-то своеобразным оккультным устройством, похожим на египетский крест анкх. Мы карабкались по лестницам и опасно прогибающимся крышам гниющего и невероятно древнего города в поисках непонятного существа, невероятного злобного, которое беспокоило местных жителей. Однажды в свете прокажённой убывающей луны мы увидели её… чёрную, с огромными ушами, припавшую к земле тварь, размером с большую собаку и напоминающую одну из горгулий Нотр-Дама. Но она, наполовину прыгая, наполовину скользя, скрылась от наших глаз и спряталась где-то за одним из давно неработающих дымоходов.

Наш предводитель, Капитан Пикмэн, мужчина с примечательной внешностью, сидел верхом на лошади, и не забирался на крыши, как мы, а руководил поиском с земли.

— Там! Скорее! — Крикнул он. — Она перебралась в церковь.

Здание церкви находилось справа от нас. Но перепрыгивать на её крышу было очень опасно, да ещё и наши страхи увеличивали расстояние.

Казалось, что до неё три метра или больше.

— Поспешите! — Нетерпеливо кричал Капитан Пикмэн.

Наша группа замешкалась, попав в затруднительное положение. Мы боялись не выполнить приказы нашего капитана, но прыгать с крыши на крышу боялись ещё больше.

— Я пойду, — вызвался я, удивляясь собственной смелости. Будучи самым молодым в этой группе, гибким и мускулистым, я надеялся однажды стать лейтенантом; этот факт не ускользнул от внимания капитана.

И поэтому я отошёл назад так далеко, насколько позволяла шаткая крыша, собрался с духом и, добежав до края, прыгнул в пространство, невольно закрыв глаза. Я словно взлетел в космос, как птица — всё это казалось невероятно легким; небо являлось моей естественной стихией, и я удивлялся тому, что не пробовал летать раньше. Я наклонил своё тело вперёд, как лыжник, спускающийся по склону.

Мои глаза открылись в момент приземления. Я оказался на церковной крыше, залитой пурпурным светом, но прогнившая черепица под моими ногами в любой момент могла осыпаться и стряхнуть меня с разрушающейся кровли. Сильный

запах моря заставил меня невольно повернуть голову. С крыши церкви открывался великолепный вид на гавань, мрачную при лунном свете. Корабли не заходили в неё целую вечность, потому что мы находились в городе, который все обходили стороной. Но гавань казалась мне ужасно знакомой, и я знал, что был там раньше, даже если это происходило во сне.

Ни одна чайка не нарушала безмолвие. Гавань лежала в такой тишине, какая бывает только во сне или в глубокой древности. Полностью зачарованный открывшимся мне видом, я двинулся вперёд, чтобы получше рассмотреть гавань; но теперь черепица, уже ослабленная моим стремительным приземлением, начала скользить под моими ногами. Мне не за что было ухватиться, и я тоже заскользил вниз!

— Осторожней, Говард! — крикнул снизу Капитан Пикмэн.

Но, к счастью, я не упал; как раз в самый последний миг я ухватился за одну из горгулий, что в сардоническом издевательстве выступала из края крыши.

Горгулья оказалась тёплой на ощупь!

И она повернулась ко мне; в её отвратительной рычащей гримасе я узнал ту тварь, которую мы

искали!

Мои руки сложились для молитвы, и это действие оказалось для меня спасительным, потому что пальцами я коснулся анкха. Крестик на прочном шнурке висел на моей груди, я вытащил его и направил на тварь; от металлической поверхности анкха отражался слабый лунный свет.

Тварь съёжилась при виде блестящего металла. Она расправила рудиментарные крылья, как у летучей мыши, и бросилась на нашего предводителя, конь которого застучал в этот момент копытами. Посмотрев вниз, я увидел, как богохульное создание ужасным образом деформировалось и слилось с красивым обликом капитана на коне, и через мгновение горгулья и Пикмэн слились в одно существо… шокирующую своим видом гибридную тварь, одетую в шёлковую одежду нашего капитана, но вместо лица у него теперь виднелась только чёрная, ушастая морда этой злобной сущности. Она подняла голову, ухмыльнулась — провизжав слова, которые я не мог понять — и умчалась на лошади, принадлежавшей капитану. Наша группа оказалась в замешательстве — мы растерянно шли по слегка промёрзшей, но не заснеженной земле, когда я проснулся.

2

Неделю спустя я снова погрузился в необычайно яркий сон, который, казалось, являлся чем-то вроде продолжения предыдущего. Я приехал в оживлённый порт Иннсмута по делам — хотел купить своей тёте на день рождения одно из тех любопытных, изящно выполненных металлических украшений — и был одновременно возмущен и заинтригован странным видом местных жителей, которые притворялись цивилизованными только там, где дело касалось бизнеса. Даже среди бела дня Иннсмут не является привлекательным местом — запах моря тянется повсюду, даже исходит от горожан, а сейчас приближались сумерки.

Как всегда бывает в сновидениях — появились странные искривления времени и пространства. Когда я приехал в Иннсмут, было тепло, и я надел только одну куртку; но когда я вышел из магазина со своей покупкой, с неба начали падать хлопья снега, и мне пришлось поднять воротник и засунуть онемевшие пальцы в карманы куртки.

Но потом я заметил, что небо имеет своеобразный цвет, фиолетовый, как у синяков на коже, и пока я смотрел по сторонам, Иннсмут серьёз-

но изменился. Теперь он выглядел невероятно древним, почти безлюдным городом, и когда я проходил мимо церкви, некоторые люди, сидящие на её ступенях, злобно хихикали.

Лестницы церкви? Но в Иннсмуте нет церкви; люди там, по слухам, ведут торговлю со странными существами из моря, и поклоняются божествам, далёким от традиций Новой Англии. Посмотрев вверх, я заметил горгулий, охранявших крышу, не более отвратительных в облике, чем жители Иннсмута: я сразу понял, что вернулся в обстановку своего сна, который видел на прошлой неделе. И я заметил, что теперь на мне одежда, более подходящая к моде прошлого века.

Я должен был выбраться из древнего города до наступления темноты, потому что моя жизнь теперь оказалась в очень большой опасности. Я понятия не имел, куда свернуть, но искал переулки, которые уведут меня от моря, запах которого в моих ноздрях теперь превратился в зловоние. Во дворах я не видел людей, и возблагодарил бога за это.

Но затем я понял, что радоваться ещё рано, поскольку в конце переулка меня ожидало самое отвратительное зрелище. Тварь с ужасной мордой из моего сна терзала труп ребёнка. Она

посмотрела на меня, ухмыляясь, кровь текла из её грязной пасти.

— Го-о-вард! — Заговорила тварь, кощунственно подражая человеческой речи. — Го-о-вард! Хочешь попробовать, Го-о-вард?

3

Молния разорвала небо, боги приветствовали это зрелище аплодисментами. Я сижу за антикварным столом и пишу это гусиным пером, мерцающая свеча — мой единственный источник света. Мне не знаком этот стол, и обстановка в моей комнате полностью изменилась. Большая кровать с балдахином занимает дальний угол. Из-под неё демонстративно высовывается ночной горшок. Эта комната намного более просторная, чем моя в доме 66 на Колледж-стрит, и здесь на окне тяжёлые шторы. И когда я отодвигаю шторы, я совсем не вижу знакомого мне двора Брауновского Университета. Имеется балкон с видом на невероятно древний город из моего сна.

Должно быть, я сплю, конечно; но, судя по всему, я не сплю. Когда кто-то сжимает кожу во сне, он не морщится от боли. Я только что пытался постучать ботинком по полу, чтобы разбудить свою тётю, но снизу не слышно никакого движения.

Я попробовал открыть дверь, которая открывается на лестницу, но её там не оказалось. За дверью открывается неизмеримая ночь, там летают и кружатся звёзды. У меня есть сильное подозрение, что если бы я наблюдал за ними через телескоп, небеса оказались бы не такими, какими должны быть сейчас, в 1933 году, но я увидел бы звёзды, что находились там в невероятно далёком прошлом.

Должно быть, я снова сплю, но шторм, яростно бушующий снаружи, кажется слишком громким для любого сновидения. Город, лежащий под моим балконом, выглядит так же чудовищно, как Толедо на знаменитой картине Эль Греко, со множеством одинаковых цветовых эффектов. Это прокажённый город, в котором всё может и будет происходить…

Из-за шторма в комнате странно похолодало, и я пошевелил щипцами тлеющие дрова в камине. На щипцах есть любопытный рисунок, намекающий на дракона или морского змея… Возможно, Дагона?

До сих пор я, как ни странно, не испытывал страха — я скорее подозреваю, что эти необычные обстоятельства пробудили моё писательское любопытство до такой степени, что оно перевесило

любую возможность испугаться. Совершенно очевидно, что если бы я внезапно проснулся и снова оказался на Колледж-стрит, 66, у меня появился бы новый материал для рассказов, которые даже Райт принял бы без колебаний… Мне придётся очень тщательно внести в каталог все вещи из этой комнаты и все свои реакции, подобно пациенту, который записывает свои симптомы в дневник, чтобы показать их доктору.

Позже. Должно быть, я задремал, потому что шторм утих. Но я всё ещё нахожусь в странной комнате. Это самый любопытный сон, если это сон… Свеча догорела почти до конца, и я подозреваю, что уже далеко за полночь, но я не могу узнать время. На стенах нет часов, а мои наручные, конечно же, пропали. Мне пришлось подбросить ещё одно полено в камин, оно шипит от влаги. Капли дождя, должно быть, попали в дымоход.

4

Со времени моей последней записи прошло много дней. События, которые произошли за это время, были настолько невероятными, что я не решаюсь записать их на бумаге, чтобы не ставить под сомнение своё здравомыслие. Я делаю это

только потому, что твердо убеждён в том, что скоро проснусь в знакомой обстановке дома 66 на Колледж-стрит, когда солнце пытается пробиться сквозь опущенные занавески, а миссис Гэмвелл зовёт меня завтракать…

Что-то находилось на балконе. Оно издавало лёгкий шорох, но я знал, что это не просто листья, оставленные там блуждающими ветрами. Это было что-то разумное и живое, нечто, что, как я знал, было враждебным.

И что любопытно, я понимал, что нахожусь в безопасности до тех пор, пока не открываю старую дверь; но по какой-то причине я чувствовал непреодолимое желание сделать это. Мои ноги тянуло к балкону, и я сдерживал их только усилием воли.

С балкона раздался тихий мяукающий звук, подобный тому, что издаёт мой любимый кот, когда хочет есть; и мне пришло в голову, что благодаря какому-то странному совмещению времени и пространства мой кот также может разделить со мной этот сон или кошмар; и я хорошо понимал, что он будет напуган странностью окружающей обстановки. Я открыл дверь, чтобы впустить кота.

Что-то влетело на рудиментарных крыльях

летучей мыши, обогнуло комнату и вскоре приземлилось на безделушку, стоящую на каминной полке. Существо наклонило голову и нахально посмотрело на меня.

Его лик, ещё более ужасающий и нечеловеческий, нежели у летучей мыши, казалось, состоял в основном из морды, тяжело дышащей…

Я стремительно потянулся к каминным клещам и поместил их в пламя; их кончики вспыхнули красным светом, а затем раскалились добела. Существо, сидящее на каминной полке, наблюдало за мной, его крылья взволнованно трепетали, и я боялся, что оно вот-вот полетит прямо на меня; но я опередил его как раз вовремя, опустив щипцы прямо на его лоб. Раскалённый металл зашипел, появился резкий запах горящей плоти… Тогда тварь закричала. Она кричала и кричала, и внезапно с ней словно произошла трансформация: место, где она находилась, заволокло тенями и изменяющимися формами, стало заметно движение воздуха, как будто что-то невидимое медленно становилось видимым…

Передо мной возник Капитан Пикмэн.

— Тебе не следовало этого делать, парень, — сказал он. На его лбу вспыхнуло бледное клеймо, и почти против своей воли он приложил носовой

платок к этому месту.

— Тебе не следовало этого делать, Говард, — повторил он. — Ты дорого заплатишь за это.

Он угрожающе шагнул ко мне, и я вынужден был отступить, но меня охватил такой страх, что я уронил щипцы возле камина. И капитан теперь стоял между ним и мной!

Но отступать было некуда, потому что я понял — и дверной проём, и балкон ведут только к пустому пространству.

Капитан Пикмэн двинулся ко мне, слегка хромая, словно подражая летучей мыши с повреждённым крылом, а я продолжал пятиться назад, не желая поворачиваться спиной к капитану, потому что мысль о том, что летучая мышь сядет мне на плечи и укусит меня в шею, наполняла меня невыразимым ужасом.

Вскоре я почувствовал, что упираюсь во что-то твёрдое и неподвижное, и понял, что достиг кровати с балдахином.

Торжествующая улыбка появилась тогда на губах капитана, и он быстро воспользовался ситуацией, бросившись вперёд и прижавшись ко мне, так что я был вынужден упасть на кровать, как соблазнённая служанка; а он на мгновение стал моим любовником, прижимаясь своими

губами к моим, а затем стал терзать моё горло. Я ощутил внезапную боль, я мог чувствовать очень острые зубы, пронзающие мою кожу, создавая на ней синяки, и у меня появилось ощущение, что из меня вытекает вся кровь…

Я извернулся в агонии, пытаясь оттолкнуть капитана, и в процессе этого маленький, металлический египетский крест, висевший у меня на шее, должно быть, поцарапал щёку капитана, потому что он вдруг отпустил меня и ужасно закричал.

Он стоял надо мной с бешеными глазами, и в тот же миг та странная трансформация повторилась — Пикмэн превратился в уродливую тварь, которая стала летать по комнате, ударяясь о мебель, словно ослеплённая, а затем она выпорхнула через открытую дверь балкона.

И вдруг поднялся ветер, небо потемнело, и, находясь над древним городом, я мог видеть, как это существо с ужасной мордой улетает вдаль…

И вот я сижу сейчас за столом, думая, что всё это сон, но я чувствую следы проколов на горле, а с балкона всё ещё открывается вид на этот разрушающийся, отвратительный город, и я задаюсь вопросом: не застрял ли я навсегда в другом времени и в другом месте?…

Перевод: А. Черепанов

Говард Филлипс Лавкрафт и Лин Картер
Колокол в башне

H. P. Lovecraft, Lin Carter «The Bell in the Tower», 1989

Впервые на русском языке. «Мифы Ктулху», и «Посмертное сотрудничество». У Лавкрафта был незаконченный рассказ «Потомок», (The Descendant, 1926) — о человеке, который кричал каждый раз, когда звенел церковный колокол. Через 60 лет Лин Картер решил дописать этот рассказ.

Когда-то в Лондоне жил человек, который кричал каждый раз, когда раздавался звон церковных колоколов. Он жил уединённо со своей полосатой кошкой в Отеле Грея, и люди принимали его за безобидного сумасшедшего. Его комната была заполнена книгами самого банального и легкомысленного содержания, и час за часом он пытался потеряться среди этих глупых страниц. Очевидно, всё, чего он искал в жизни, — *ни о*

чём не думать. По какой-то странной причине необходимость размышлять очень пугала его; и от всего, что могло всколыхнуть глубины его воображения, этот человек бежал, как от чумы.

Он был очень худым, седым и морщинистым, но некоторые люди утверждали, что он не так стар, как выглядит. Страх сжимал его сердце своими ужасными когтями, и от любого внезапного звука его глаза округлялись, а лоб покрывался капельками пота. Если у этого жильца отеля и были друзья-знакомые, то он их избегал, потому что не хотел отвечать ни на какие вопросы относительно своего странного поведения. Те же, кто когда-то знал его как учёного и эстета, говорили, что им очень жалко видеть его в таком состоянии. Он бросил всех своих знакомых много лет назад, и никто из них не знал наверняка: покинул ли он страну или просто скрылся из виду, поселившись в какой-нибудь тайной глуши.

В те дни, о которых я пишу, исполнилось уже десять лет с тех пор, как он снял комнату в Отеле Грея и ни с кем не разговаривал до того самого вечера, когда молодой Вильямс приобрёл *Некрономикон*.

Это Вильямс был мечтателем, и ему было всего двадцать три года; и в первый же день, когда он

вселился в этот старинный дом, молодой человек почувствовал странность и холодное дыхание космических ветров, исходящих от седого, сморщенного мужчины, живущего в соседней комнате. Будучи любопытным, Вильямс постарался сдружиться со своим соседом, хотя старые друзья не осмеливались приближаться к старику. Молодой человек удивлялся страху, который засел в этом измождённом наблюдателе и слушателе. Никто не сомневался, что этот старик постоянно за чем-то следит и к чему-то прислушивается. Но наблюдал и слушал он скорее разумом, чем глазами и ушами, и каждую свободную минуту он старался утопить в непрестанном потоке легкомысленных, скучных, популярных романов. Но когда начинали звонить церковные колокола, он закрывал уши и вопил; и полосатая кошка, жившая в его комнате, выла с ним в унисон, пока не стихал в отдалении последний звук.

Как ни пытался Вильямс, он не мог заставить своего соседа говорить о чём-то серьёзном или сокровенном. Старик во время встреч с молодым соседом принимал несвойственные себе вид и поведение, симулировал улыбку и лёгкое настроение, лихорадочно и безумно болтал о всяких весёлых мелочах, но его голос с каждой минутой

становился высоким и напряжённым, пока не превращался в пронзительный неразборчивый фальцет. Но знания старика были глубокие и основательные, его самые тривиальные замечания были предельно ясны; Вильямс не удивился, узнав, что его сосед обучался в Харроу и Оксфорде.

Позже выяснилось, что старик был ни кем иным, как лордом Нортхемом, о древнем родовом замке которого, на побережье Йоркшира, ходило так много странных легенд; но когда Вильямс попытался заговорить о замке и его предполагаемом римском и даже доримском происхождении, старик отказался признать, что в этом строении есть что-то необычное. И он лишь пронзительно хихикал, когда юный посетитель заговорил о тайных подземных склепах, которые, согласно легенде, высечены в сплошных гранитных скалах, которые хмуро смотрят на бурные воды Северного моря.

В таком духе проходили посиделки между двумя соседями до той самой ночи, когда Вильямс принёс домой печально известный *Некрономикон* безумного араба Абдула Альхазреда. Он знал об этой страшной книге с тех пор, как ему исполнилось шестнадцать лет, и зародившаяся любовь

ко всему необычному заставляла его задавать определённые вопросы согбенному от старости, хитрому книготорговцу, который содержал странный и пыльный магазинчик на Чандос-стрит; и Вильямса всегда удивляло: почему люди бледнели, когда он упоминал про *Некрономикон*? Старый книготорговец сказал Вильямсу, что по слухам только пять экземпляров пережили гневные эдикты священников и жестокое подавление со стороны законодателей, и что все экземпляры считались благополучно спрятанными теми напуганными, заботливыми хранителями или архивариусами, которые осмелились прочесть ненавистные чёрные буквы.

Но теперь, наконец, Вильямс не только нашёл доступную копию пресловутой книги, но и купил её за такую низкую цену, что это казалось смешным. Он приобрёл её в лавке иудея, находящейся в самом убогом закутке рынка Клэр, где молодой человек иногда покупал необычные, любопытные и мрачные артефакты; и он почти вообразил, что закрытые спутанной бородой губы сварливого, старого левита изобразили улыбку, как бы с *облегчением*, когда Вильямс обнаружил книгу и объявил о своём желании купить её. На самом деле, растрёпанный кожаный переплёт

с застёжками из латуни, изъеденной яркими пятнами, был размещён на полке так заметно, и цена представляла такое абсурдно малое число, что всё это почти заставило Вильямса подозревать, что книготорговец был нетерпелив, даже *обеспокоен* тем, чтобы поскорей избавиться от проклятой книги.

Одного взгляда на заголовок было достаточно, чтобы это привело Вильямса в восторг, а некоторые из диаграмм, вставленных в непонятный латинский текст, возбуждали самые напряжённые и самые тревожные воспоминания в его уме. Он не мог терять ни минуты, но был охвачен нетерпением — взять тяжёлую книгу домой и окунуться в дешифровку её страниц. Вильямс так быстро ушёл с покупкой, что едва ли слышал, как старый хихикал, когда молодой человек вышел из книжного магазина. Но когда Вильямс, наконец, благополучно донёс книгу до своей комнаты, запер за собой дверь и начал просматривать пожелтевшие страницы, он с огорчением обнаружил, что комбинации из чёрных букв, которые были почти нечитаемы, и исковерканные идиомы, которыми был переполнен текст, сопротивлялись тем способностям в лингвистике, которыми он обладал. Затем Вильямс вспомнил о

своём странном соседе, чьи научные достижения намного превышали его собственные, и он постучал в дверь своего загадочного, испуганного друга в поисках помощи в распутывании витиеватой средневековой латыни.

Лорд Нортхем бессмысленно улыбался своей полосатой кошке, когда в комнату вошёл молодой человек, и старик вздрогнул при виде неожиданного гостя. Затем он увидел книгу и его затрясло, а когда Вильямс громко произнёс её заголовок, старик совсем потерял сознание. Только когда Нортхем полностью пришёл в себя, он начал безумным шёпотом рассказывать свою историю или вымысел сумасшедшего. Он решился заговорить, чтобы убедить Вильямса немедля сжечь эти отвратительные страницы, а пепел рассеять по ветру.

История лорда Нортхема

Наверное, (шептал лорд Нортхем), было что-то очень неправильное с самого начала; но это никогда бы не пришло мне в голову, если бы я не слишком погрузился в исследование одной тайны. Я — девятнадцатый барон в родовой линии, начало которой простирается настолько пугающе далеко в прошлое, невероятно далеко, если ве-

рить семейной традиции. Есть древние легенды о нашем происхождении в досаксонские времена, когда некий Луний Габиний Капито, военный трибун Третьего Легиона Августа, тогда располагавшегося в Линдуме, в Римской Британии, был без промедления отстранён от командования за участие в неких секретных обрядах, не связанных с какой-либо известной и признанной религией.

Этот Габиний, как гласят слухи, натолкнулся на пещеру, вырубленную в скале, которая была обращена к бурным водам моря, и в ней странные вороватые люди собирались вместе и творили Старший Знак в темноте. Таинственный, древний народ, которого не знали бритты, но которого они очень боялись, и шептали, что эти люди были последними, кто жил раньше на великой земле посреди Западного Океана. Немногие спаслись, когда давным-давно ту землю поглотили голодные волны, оставив только острова с менгирами и кругами из стоячих камней, из которых Стоунхендж был самым большим.

Разумеется, не было никаких доказательств того, что Габиний построил неприступную крепость *над* этой запретной пещерой и впоследствии стал основателем рода, который в равной степени были бессильны уничтожить пикты, саксы,

датчане и норманны, римляне и бритты. Также не было уверенности в невыраженном словами предположении, что из этого сверхъестественно защищённого рода произошёл тот смелый товарищ и верный лейтенант Чёрного Принца, которому Эдуард Третий даровал титул первого барона Нортхема. Эти легенды не подкреплялись никакими существенными доказательствами, но их часто передавали шёпотом; и, по правде говоря, каменная кладка Цитадели Нортхема, по крайней мере, в более старых её частях, обладала волнующими и даже тревожными сходствами с римской каменной кладкой Адрианова Вала.

В детстве (продолжил Нортхем после некоторой паузы) я всегда видел в высшей степени необычные сны, когда случайно засыпал в самых древних частях замка, и я приобрёл нервозную привычку постоянно искать в своих воспоминаниях некие бессвязные сцены или непостижимые модели, или образы со странным смыслом, которые могли возникнуть благодаря определённым эффектам окружающего ландшафта и странным облачным образованиям. Но кажется, ни одно из внешних условий не проявлялось в каких-либо эпизодах моего сна, который я пытался вспомнить по пробуждении. Постепенно я стал

мечтателем, который пришёл к выводу, что жизнь скучна и неудовлетворительна. Я стал искателем сверхъестественной реальности и необъяснимых взаимосвязей, которые когда-то были мне знакомы, наверное, в предыдущей жизни, но, по-видимому, нигде не обнаруживались в нашем видимом мире.

Меня переполняло ощущение, что наш материальный мир — это всего лишь одна прядь, одна нить в бескрайней и зловещей ткани, и эти неизвестные владения сталкиваются со сферой известного нам мира в каждой точке. В молодости и ранней зрелости, опустошив книжные источники официальной религии и мистицизма, я обратился к интенсивному чтению оккультных тайн и секретов церемониальной и ритуальной магии. Нигде, однако, я не мог обнаружить того, чего жаждал — средств проникнуть за пределы огромной иллюзии, которую мы называем Реальностью, и таким образом получить возможность увидеть те увлекательные миры, отдалённые и невыразимо чуждые, которые смутно являлись в моих снах. Я хотел узнать о том, откуда берётся то неосязаемое и непревзойдённое великолепие, которое охватывало меня в каждый момент бодрствования и делало банальными и пресными

каждое болевое или приятное ощущение, которого могут достичь тело и его чувства. В абсенте и гашише, в опиуме и его настойке, во множестве опасных наркотиков и незаконных или ядовитых алкалоидов я жаждал сверхъестественных видений, преднамеренно и систематически расстраивая рациональный ум и чувства; но ни в каком опиате я не нашёл ключа к тому откровению о мирах и измерениях существования, которые могли бы превосходить наш собственный мир. Если б я нашёл такой ключ — это было бы наградой за мои труды.

Вместо лёгкости и удовлетворения я нашёл только беспокойство и уныние, и по мере того, как я становился старше, чёрствость и ограничения жизни становились для меня всё более утомительными и сводящими с ума. В течение девяностых годов я пытался спастись от бессмысленности существования, погрузившись в Сатанизм, поверхностно изучая все теории и жадно поглощая любое учение, которое могло бы предложить хоть какое-нибудь средство приблизиться к захватывающим перспективам невообразимой науки и философии, идущих вразрез скучным, неизменным, так называемым Законам Природы. Сказочные истории Игнати-

уса Доннелли об Атлантиде и подобные книги я поглощал с интересом, и дюжина малоизвестных предшественников Чарльза Форта увлекла меня на некоторое время, благодаря тому, что они тщательно регистрировали необъяснимые события… Но никак я не мог найти путь к совершенно *неизмеримым* безднам, лежащим за пределами досягаемости астрономов или за гранью познаваемости для земных космографов — путь к безымянным вихрям неслыханной странности, где форма и симметрия, свет и тепло, даже материя и энергия сами по себе могут быть подвергнуты немыслимой метаморфозе. Я был охвачен жаждой найти предельные, невообразимые регионы за пределами ограничений времени и пространства, где законы евклидовой геометрии, причины и следствия нарушены, или сама последовательность времени изогнута, и где химеры и противоречия являются нормой, в то время как рациональное и материальное — всего лишь бесполезные фантазии.

Будучи в отчаянии, я искал в путешествиях облегчение своего крайнего разочарования; я преодолевал многие мили, чтобы проверить подлинность какой-нибудь деревенской байки об аномальном чуде. А однажды я отважился

зайти далеко вглубь арабских пустынь в поисках некоего Безымянного Города, о котором ходили смутные и бездоказательные слухи, но никто никогда не видел его воочию. В пустыне у меня зародилась мучительная вера в то, что где-то существуют легкодоступные Врата, и, если я однажды найду их, — меня свободно пропустят в те внешние глубины, отголоски которых слабо отражались в родовых святилищах моей памяти.

Врата, которые я искал, вполне могли находиться в пределах видимого и бодрствующего мира, но они могли также существовать только в глубинах моего разума или души. Возможно (думалось мне), что я удерживал в своём собственном наполовину исследованном мозге ту загадочную связь, которая откроет самый сокровенный портал или пробудит мои бездействующие чувства к прошлым или будущим жизням в забытых измерениях реальности; которая даст мне доступ к звёздам, к бесконечностям и вечностям, что лежат за их пределами, и к состояниям бытия или способам восприятия, сейчас для меня невероятными.

В соответствии с этим намерением я снова обыскал ту трухлявую библиотеку из древних книг, накопленную на протяжении веков баро-

нами моего рода. Среди тех книг были трактаты о демонологии и алхимической науке, заумные и неповторимые философии; работы, в которых обсуждались Элевсинские и Орфические Мистерии, и бесчисленные истории о колдовстве и дьявольщине, сочинения Каббалы и Гностических магов. Хотя я хорошо изучил библиотеку в юности, всё же оставалась вероятность того, что осталась какая-нибудь редкая и оккультная рукопись или монография, которую я просмотрел невнимательно или даже пропустил, и которая могла бы содержать ключ, способный открыть эти божественные Врата к изумительным перспективам и невероятным чудесам, находящимся Снаружи.

Отчётливо помню, что это было в дождливый ноябрьский вечер. На полке, заставленной огромным количеством томов, посвящённых богословским изысканиям, я обнаружил втиснутую и таким образом спрятанную книгу. Увидев её, я частично надеялся, частично предполагал, что эту книгу я ранее пропустил. Это было ни что иное, как копия того отвратительного и ужасного *Некрономикона*, другой экземпляр которого вы так неосмотрительно купили в тот день, юный Вильямс. Я уже читал с содроганием некоторые ссылки на книгу Альхазреда в других сочине-

ниях, что покоились на этих самых полках — в печально известных *Культах Упырей* Графа д'Эрлета, *Безымянных Культах* фон Юнцта и в адской *Тайне Червей* старого Людвига Принна. Но до сих пор мне никогда не выпадало шанса столкнуться с этой копией. Переплетённый в гниющую кожу Некрономикон был закрыт с помощью застёжек из ржавого железа, которые я открыл с помощью своего перочинного ножа. Страницы рассыпались от ветхости и покрылись плесенью, ощутимый запах разложения распространился в воздухе и атаковал мои ноздри, когда я открыл книгу и начал перелистывать её страницы.

В отличие от печатной копии, которую вы сейчас держите в руках, книга, которую я обнаружил спрятанной за полками, была рукописной, и много разных людей приложили к ней свои руки, что было явственно видно из разных сортов пергамента или бумаги, на которой она была написана, и различных стилей почерка. Мне оставалось только строить догадки о том, кто из моих предков собрал эту книгу из отдельных страниц в кожаный переплёт. Действительно, только после того, как я начал замечать на некоторых страницах пометки, написанные более свежими чернилами и более современным по-

черком, чем у авторов старых страниц, я узнал личность пишущего: *это без сомнений было написано рукой моего пра-пра-прадеда*, шестнадцатого барона нашего древнего рода, — того, кто едва избежал судебного разбирательства и последующей виселицы в последние дни маниакальных преследований ведьм и колдунов.

Копия *Некрономикона* была очень объёмной, более тысячи страниц, и всю следующую неделю я просто пролистывал её. Мой лихорадочный ум выхватывал то здесь, то там отдельный отрывок или фразу, которые приятно возбуждали моё воображение намёками на Врата, которые открывались из нашего мира в другие миры, к безднам предшествующих циклов существования и к невообразимым областям за пределами пространства и времени. Наконец, мне пришло в голову, что за этой невозмутимой шеренгой бесконечных богословских сочинений могут быть также спрятаны и другие книги или газеты, и таким образом я обнаружил защёлку, скрытую в углублении древнего книжного шкафа из красного дерева. Я надавил на защёлку; скрип и стон ржавых шарниров вызвали трепет в моей душе. Через мгновение целая секция стеллажей медленно и тяжело скользнула в сторону, открывая

моему взору тёмный, пыльный проход и марш крутой лестницы, ведущей вверх, в непроницаемый мрак. Всё здесь было обмотано и украшено призрачными сетями неисчислимых поколений пауков.

Великая библиотека Цитадели Нортхемов находилась на самом верхнем этаже, и я хорошо знал, что не было ничего выше этой комнаты, за исключением древней каменной башни, окна которой были плотно закрыты изнутри, а единственный вход в неё был запечатан кирпичной кладкой задолго до того, как я родился. Таким образом, тайна того, куда ведёт эта крутая тайная лестница, пробудила во мне сильное любопытство. Задержавшись только для того, чтобы подпереть дверь тайного прохода тяжёлой книгой и схватить с библиотечного стола масляную лампу, я вошёл в пыльную нишу и начал подниматься по лестнице со смешанными чувствами осторожности, трепета и авантюрного ожидания, что вряд ли можно описать простыми прозаическими словами. Ступени лестницы были сделаны из дерева, местами трухлявого из-за отсутствия ухода за ними. Толстый слой столетней пыли покрывал их. Наверху я нашёл люк, который я смог открыть только, применив всю силу. Покрытые

ржавчиной шарниры протестующее завизжали.

Я обнаружил странную восьмиугольную комнату, почти полностью лишённую мебели. Свет моей лампы явил всего лишь стол из тяжёлой древесины и большой резной дубовый стул времён Якобинцев или, возможно, сделанный мастерами эпохи Тюдора. Стол и стул располагались в самом центре комнаты. На столе находились: огарок свечи в латунном подсвечнике, запылившаяся чернильница, в которой осталась тёмная плёнка давно высохших чернил, и несколько перьев, аккуратно расположенных рядом с фолиантом, в который был вложен скрученный пергамент, обмотанный паутиной. Единственной странностью этой башенной комнаты с обычной обстановкой был огромный древний колокол из потемневшего серебра, который был подвешен к стропилам прямо над стулом. Колокол имел размер церковного, и по его нижнему краю были проштампованы или как-то вырезаны странные угловатые символы, которые казались мне смутно знакомыми. Я вспомнил, что встречал подобные символы под названием «Руны Нуг-Зота», но больше об этом я ничего не знал. Язык колокола был в форме перевёрнутого трезубца, и он был привязан длинной, покрытой смолой верёвкой к странному

часовому механизму из свёрнутых пружин, густо покрытых масляной смазкой. Очевидно, назначение этого причудливого механизма состояло в том, чтобы, раскачивая колокол без помощи человеческих рук, вызывать звон.

Поскольку я не знал, для чего нужен этот колокол, я сразу же направился к столу в центре комнаты, поместил лампу на пыльную поверхность, сел на стул и начал исследовать скрученный манускрипт. Я безошибочно узнал, что почерк, которым он был написан, принадлежал моему пра-пра-прадеду Рутвену, лорду Нортхему. О нём до сих пор шептали много сомнительных легенд, и написанный маслом портрет, потемневший от времени, изображал его лицо с густыми бровями и выступающими скулами, строгой угловатой челюстью и суровым орлиным носом. Все эти наследственные черты повторялись у каждого члена нашего рода, со времён самого отдалённого нашего предка. Листки были датированы семнадцатым столетием и, казалось, были записью серии экспериментов, но, увы, они были написаны каким-то шифром, в котором использовались буквы и цифры в соответствии с кодом или системой, которые я не мог сразу разгадать. Нетерпеливо перелистывая рукопись, я нашёл,

наконец, ближе к концу один отрывок, который был написан простым английском языком, и текст гласил:

> *Как Брахманы из Индостана использовали бесконечно повторяющийся звон маленьких колокольчиков в качестве сопровождения своей медитации, так и шаманы из Тартара, и тибетские монахи-красношапочники использовали их для аналогичной цели-притупить рациональное мышление и очистить чувства для восприятия Высших Планов. См. Абдул Аль-Хазред, его III Книга, гл. VIII.*

Затем следовал ряд инструкций относительно того, как завести часовой механизм, о ритме и времени использования колокола, а также о продолжительности его звона, которая наиболее подходит для эксперимента.

В этот момент я начал замечать, что у меня болит голова, и сердце быстро колотится. Я был уже на грани того, чтобы упасть в обморок, как женщина, если бы остался в этом замкнутом пространстве и продолжал дышать спёртым и затхлым воздухом башенной комнаты. Деревянные ставни, которые закрывали высокие окна,

сопротивлялись моим усилиям открыть их. Их так сильно заклинило, что мне пришлось использовать лом, чтобы сломать ставни и позволить свежему дневному воздуху проникнуть в комнату. Я взял свою лампу и фолиант, спустился по крутой и узкой лестнице в библиотеку и сразу же вернулся к чтению *Некрономикона*. Я без труда нашел фрагмент, на который ссылался мой предок; это было в третьей книге *Некрономикона*, которая носила название «Книга Врат», и она гласила:

> *А также остаётся Ещё Один Способ, с помощью которого вы, по крайней мере, сможете увидеть То, что находится за пределами ограничений Мира Природы, не подвергая себя Риску, связанному с выходом туда в своём Теле. Посредством этого метода вы сможете отбросить Завесу и заглянуть в те иные Области Бытия, которые наполняют наше собственное измерение и проникают через него, но всё же остаются невидимыми и незаметными для смертных людей и, тем самым, Неизвестными. Этот способ называется Ритуал Колокола, и в нём*

используется особый Колокол из Серебра. По его Ободу нужно начертать Девятый Ключ Пространства соответственно Рунами Нуг-Зота или древними буквами Акло. Однако будьте осторожны, не злоупотребляйте этим Способом; для тех, кто часто смотрит на Запредельное, Оно может стать постоянным Местом Их Пребывания.

Я читал этот отрывок снова и снова, охваченный лихорадочным возбуждением и радостью открытия, которые вы легко можете себе представить. Из-за античной формы письма, орфографии и грамматики я опасался, что это была транскрипция доктора Ди, который сам переводил Альхазреда на английский язык. Упоминание об этом переводе я часто встречал во время своих исследований. По крайней мере, форма языка казалась такой же старой, как царствование той королевы из Тюдоров, во время которой процветал доктор Ди.

Рукой моего пра-пра-прадеда было приписано замечание к этому фрагменту. И всё моё внутренне существо затрепетало от его прочтения. Он написал –

Способ действует хорошо.

* * *

Мне не терпелось испробовать Ритуал Колокола, поэтому, не откладывая, я начал эксперимент в тот же вечер. Согласно записям моего предка, в процессе ритуала нужно было выпить определённое зелье, рецепт для которого давался в тех частях его бумаг, которые не были зашифрованы. Формула зелья включала в себя определённые наркотики и ядовитые алкалоиды, такие как белладонна и аконит, но, поскольку я ранее пробовал эти и другие сильнодействующие наркотики, пытаясь систематически расстроить свои чувства, у меня, к счастью, эти химические вещества были в свободном доступе.

С небольшим трудом мне удалось открыть ставни, которые прочно затворяли окна, позволяя холодному ветру от бушующих морских волн очищать затхлый воздух в башне; затем, установив механизмы в соответствии с инструкциями и выпив эликсир, я сел прямо под колокол из потускневшего серебра, и Ритуал начался. Медленный звон колокола был глубоким и мягким, и, пока он продолжался, я осознал сонное оцепенение, охватывающее мои органы чувств; но

мне было трудно точно определить, происходило ли это из-за наркотиков, которые я принял, или из-за монотонной музыки колокола.

Через открытую створку окна я мог видеть дома старого города под Цитаделью и низкие холмы за его пределами. Я видел скалы, о которые хлестали волны, сверкающие под лучами восходящей луны. Постепенно — незаметно — началось странное *изменение*, преобразующее сцены, которые находились подо мной. Сначала очертания старых домов *размылись* и стали нечёткими; со временем они полностью исчезли и были заменены другим, совершенно отличающимся набором изображений, которые, казалось, *накладывались* на дома, как будто под воздействием какого-то таинственного колдовства. Древние дома, большинство из которых датировались эпохой Елизаветы и которые разрушались от возраста и долгого забвения, стали новыми и свежими, словно омоложенными; улица из сверкающих булыжников постепенно заменялась извилистой дорожкой, которая казалась усыпанной сверкающей слюдой; а округлые холмы и грубые скалы за городом Нортхемом были изменены путём медленных и мельчайших градаций в ряд каменных шпилей, похожих на зубы — шероховатые и

невыветрившиеся от столетий ветров и дождей, подобно горам на самой Луне.

За игольчатыми шпилями из голого камня теперь больше не двигались волны моря; на их месте бурлил и кипел вязкий чёрный *пар*, который казался тяжелее воздуха и переливался беглыми вспышками странных и незнакомых оттенков, которым я не мог дать названия. Луна уже давно исчезла с небосвода, который изменился от бездонного чёрного до своеобразного оттенка вспыхивающего пурпура, по которому теперь плыли луна за луной из светящегося перламутра и бледного опала. По смещению лучей многих лун я понял, что усыпанная слюдой улица или тропа, которая была пуста, теперь заполнилась странной компанией призраков, носивших одеяния многих стран и далёких веков. Здесь шёл солдат в бронзовых наколенниках и с нагрудным знаком римского легионера, а рядом с ним представительная фигура в строгом сукне и в шапке пуританского божества. Шаркающий житель Востока в оранжевом халате из мерцающего шёлка сопровождался саксонскими крестьянами в грубых самотканых спецовках, с копнами соломенно-жёлтых волос и гамашами, сплетёнными из лоскутов ткани. Люди со смуглыми лицами в

тюрбанах и фесках шагали по сверкающей тропе, их нижние конечности были завёрнуты в объёмные панталоны, а кривые сабли они заткнули за пояс.

Пока я очарованно смотрел, как проходит эта процессия людей из каждой нации и эпохи, я постепенно осознавал, что *Другие* более смутные и нечёткие образы сопровождали их — странные, тощие, обнажённые фигуры с головами, имеющими клювы, и со сложенными перепончатыми крыльями, похожими на китайский веер. Но у этих Других была какая-то любопытная особенность, из-за которой мне было очень сложно разглядеть их чуждые детали, как будто сама материя, из которой состояли их тела, игнорировала свет множества опалесцирующих лун, или, как если бы мои органы зрения были слишком грубы, чтобы чётко различать их очертания.

Это сверхъестественная толпа казалась привязанной к общему для всех месту назначения, как будто все эти люди подались в какое-то безымянное паломничество, характер которого я не мог понять. Но после долгого наблюдения я с тревогой осознал, что цель их паломничества — ни что иное, как тот самый замок, в башне которого я сидел на троне, или это причудливое

и неописуемое здание занимало то же самое положение в иной, альтернативной реальности или в странном, неземном измерении. Только тогда я подумал о тех жутких склепах, которые, по слухам, существуют далеко ниже самых нижних подвалов Цитадели Нортхемов. Там находилась пещера, высеченная неизвестными руками до начала земной истории, для какой-то тайной и скрытой цели, неизвестной мне. В тот момент меня охватило странное беспокойство, причину которого я не мог объяснить, но этого было достаточно, чтобы нарушить моё спокойствие до такой степени, что видение размылось и исчезло, а странные новые дома, слюдяные тропинки и острые шпили голой скалы сменились известными и знакомыми мне собратьями нашего измерения. Я пробудился от состояния, похожего на транс, узнав знакомую обстановку комнаты. Звон колокола прекратился. Я чувствовал себя оцепеневшим и сонным, и не был уверен в том, что увиденная сцена не являлась глубоким сном, вызванным влиянием наркотиков.

Каждую ночь после этого я повторял эксперимент, испытывая восторг и удивление, открывая что-то новое, чего ранее не наблюдалось в том неземном ландшафте. Там, где за деревней

росли корявые и древние дубы, в моём мире сновидений прорастали чудовищные и непристойные грибковые растения с неприличными, раскачивающимися, луковичными головками, все полосатые или пятнистые, или пёстрые с угрюмым малиновым цветом, лихорадочно ярко-красно-оранжевые, цвета зловещего пурпура, ядовито зелёные. За грибной рощей я видел причудливые, скрученные деревья, их змеиные и морщинистые стволы *извивались* с нездоровой жизнеспособностью, словно волнистые гадюки. Деревья эти как будто стремились дотянуться до бледных и прокажённых лун, которые дрейфовали по пурпурному небу, где удивительные звёзды вспыхивали и мерцали в странной последовательности, будучи чуждыми созвездиям нашего земного неба. Однажды я увидел далеко-далеко в неземном море, на фоне извивающегося тумана, величественный корабль с парусами из роскошного сверкающего гобелена. Корабль настолько сильно отличался от любого судна, когда-либо бороздившего наши земные моря, что это намекало на существование родных для него портов где-то за Луной, как будто он плыл сюда через неописуемые бездны пространства.

Но всегда во время этих ночных видений при-

сутствовали сверкающие дорожки, наполненные пёстрой ордой паломников, идущих сюда из каждой эпохи и нации: жрецы-друиды в мрачных мантиях и венках из дубовых листьев, с золотыми серпами в руках; Кроманьонские охотники, одетые в волосатые, звериные шкуры, несущие длинные копья с каменными наконечниками; Скифские лучники; худые и бесхитростные Персы в шапках-митрах; Египетские иерофанты, чьи головы были покрыты *клафтами* из накрахмаленного холста, а на их лбах крепились мистические уреи; полуобнаженные дикие Пикты; высокие Норманны в сверкающей кольчуге, полузакрытой длинными сюртуками, украшенными алыми геральдиками.... и даже среди этих более знакомых фигур, которые словно шагнули со страниц учебников истории, бегали вприпрыжку или ковыляли те измождённые и неуклюжие *Другие*, которые не имели никакого сходства с земными формами жизни, но были ужасающими гибридами, имеющими сходство с людьми и животными, ящерицами и насекомыми.

И каждый раз, когда я повторял Ритуал Колокола, казалось, что моя способность воспринимать этих *Других* слегка усиливалась, пока, наконец, я

не увидел их чуждую анатомию, которая словно возникла в каких-то надземных сферах. Я смог увидеть их так же ясно и отчётливо, как я вижу тебя сейчас. Но только после одиннадцатого повторения эксперимента произошло нечто, из-за чего я сделал перерыв, так как ледяной ужас поселился в моей душе. Я высунулся из окна башни, глядя с восхищением и очарованием на нахлынувшую толпу, когда один из Других — медленное и неуклюжее, звероподобное существо, тучная и мясистая оболочка которого была покрыта ужасными опухолями и ненормальными наростами, похожими на рудиментарные щупальца или усечённые хоботки, — остановило своё ковыляние и подняло голову со множеством глаз и плоскими бровями, *и посмотрело прямо мне в глаза.*

* * *

Я отпрянул от окна, потрясённый до глубины души внезапным и безымянным страхом, но страха от того, о чём не могу сказать! — и, дрожа, вернулся к большому резному стулу и сжался в нём. Звон древнего серебряного колокола прекратился, и в комнате воцарилась напряжённая сверхъестественная тишина, пока эти проклятые луны, излучающие холодный и перламутровый

свет, нависали над безграничными перспективами странного и прекрасного, но всё же ужасного мира за пределами моей башенной комнаты. Затем я с дрожью вспомнил слова предостережения, которыми Абдул Альхазред закончил свою главу — ту самую, что отметил знаменитый колдун, мой пра-пра-прадед, и которая привлекла моё внимание:

> *Однако будьте осторожны, не злоупотребляйте этим Способом; для тех, кто часто смотрит на Запредельное, Оно может стать постоянным Местом Их Пребывания.*

Но по правде говоря, разве я продолжал свои эксперименты дольше чем можно? У меня не было возможности узнать, было ли это правдой, но я решил прекратить использование наркотического зелья и звона колокола в дальнейшем; но всё же я не мог сдержать своего любопытства относительно истинной цели этого внеземного и вневременного ночного паломничества, которое я наблюдал так много раз. Паломников привлекали склепы или пещеры под самым фундаментом Цитадели Нортхемов, которые были так необъяснимо защищены ото всех попыток уничтожить

его в течение стольких бесчисленных поколений и столетий. Таким образом, на следующее утро, после пробуждения от беспокойных и обрывочных снов, которые были неописуемо отвратительными и смутными, и помнились лишь наполовину, я спустился в подвалы под цитаделью и нашёл, наконец, запечатанный и запертый люк из старого чёрного дерева, который в течение невыразимых столетий охранял свою тайну от людских глаз.

Ключи к склепу были примитивной формы и громоздкие, а замки были съедены ржавчиной и тлением, но, проявив настойчивость, я, наконец, смог открыть люк и отважился спуститься вниз, держа в руках масляную лампу, чтобы хоть немного осветить себе путь. Возраст склепа было невозможно определить, он был грубо высечен примитивными орудиями в твёрдом граните скалы, на которой мои самые дальние предки возвели Цитадель Нортхемов. В склепе царил глубокий стигийский мрак; здесь столетия не было света. В дальних помещениях я обнаружил каменные гробницы моих предков. Их даты смерти шли в обратном порядке, поколение за поколением вглубь бездны времени; но нигде в этом месте я не видел того, что могло быть целью

или святыней таинственных паломников, за которыми я наблюдал из своего орлиного гнезда каждую незабываемую ночь. И только в *самом дальнем* конце склепа я наткнулся на то, что оказалось конечной наградой за моё погружение в жуткую тайну нашего древнего рода… огромный, грубо высеченный из чёрного базальта, гроб, тяжёлую крышку которого я с трудом сдвинул. Я наклонил лампу так, чтобы можно было заглянуть внутрь… и от одного страшного взгляда на *то*, что целые столетия милостиво было скрыто от людских глаз, и о чём никто не знал… тощее и блестящее, почти бесплотное Существо, которое корчилось и извивалось в отвратительном зловонии своей собственной слизи… это костистое и голое, но не мёртвое Существо, чья плешивая голова была похожа на череп, внезапно вскочило, словно хотело посмотреть своими слепыми глазами на меня… эта гладкая, белая, нечистая Аномалия, на особенные черты которой я смотрел с душераздирающим чувством *узнавания* … Я завопил и выронил горящую лампу из своей ослабевшей руки. Лампа разбилась внутри саркофага, охватив жидким пламенем извивающееся чудовище, которое визжало и мучительно корчилось в пламени, *но не сгорело и не умерло* … и,

крича в паническом безумии, я бросился прочь из этого неописуемого склепа самых глубоких ужасов… закрыв парализованными руками люк позади себя… и сбежал, спотыкаясь на спиральной лестнице, к безопасности и здравомыслию нормального, повседневного мира.

* * *

В ту ночь я швырнул отвратительный *Некрономикон* в пламя камина, а также сжёг все бумаги, которые нашёл в этой проклятой башне; вылил до последней капли гнусное и отвратительное зелье в канализацию, поклявшись никогда больше не рисковать своей душой или здравомыслием ради того, чтобы утолять жажду воображения в этом кошмарном мире полутеней за пределами Завесы.

На следующий день, испытывая тоску по обществу людей и их голосам, я впервые за несколько недель покинул замок в поисках трактира, где можно было избавиться от своих невыносимых воспоминаний среди шумной компании с кружкой крепкого пива в руках. Из трактира я пробирался домой в сумерках и уже достиг начала тропинки, которая круто поднималась к воротам замка, когда колокола в деревенской

церкви начали свой перезвон. Эта страшная музыка, столь ужасно похожая на монотонный звон того мрачного и зловещего, серебряного колокола, заставила меня содрогнуться до глубины души, и я почти поднялся по тропинке к Цитадели Нортхемов, когда внезапное, необъяснимое головокружение охватило меня, и я был вынужден прислониться к углу ближайшего здания из-за вызванной головокружением тошноты. Я закрыл глаза, пытаясь справиться со странной слабостью, овладевшей мной, и открыл их, наконец, чтобы посмотреть на гладкие булыжники под ногами, *но увидел только рассыпчатую и блестящую слюду*. В панике полного ужаса я озирался изумлённым, непонимающим взглядом, отмечая своеобразную *новизну* старых домов… смотрел в бездонные глубины пурпурного неба, где бледные луны из призрачных опалов косились вниз, словно насмехаясь над моим положением. Теперь вокруг меня возникло движение толпы странно одетых незнакомцев, объединённых ужасной целью, о которой я уже знал. И одним из идущих было мясистое, распухшее, похожее на труп существо, имевшее ненормально большое количество конечностей. Оно повернулось, чтобы усмехнуться прямо мне в лицо, и мои глаза

расширились от ужаса и неверия в происходящее. И всё это время колокол звенел и звенел; и я знал, что безнадёжно и безвозвратно потерян из-за проклятия более ужасного, чем угрозы в любом земном вероучении…

В тот самый час я оставил навсегда древний замок моих предков и бежал в Лондон, поклявшись никогда не возвращаться к тому прибежищу ужаса, где я так опрометчиво и неосмотрительно осмелился совершить богохульство в своём стремлении сорвать Завесу, которая отделяет наши нормальные и привычные сферы от областей неописуемой непристойности, которые находятся далеко, но в то же время ужасно близко к нам. Я рад, что сжёг *Некрономикон*, и вы должны сделать то же самое, юный Вильямс, потому что есть вещи, о которых людям не положено знать, и зрелища самой Преисподней, на которые не смеет смотреть здравомыслящий человек. И всё же я кричу и съёживаюсь, когда звонят церковные колокола, и даже в своих снах и в каждый час бодрствования перед моими глазами встаёт последняя картина, которую я видел в склепе — неумирающее существо, поднимающее свою бесплотную голову, чтобы взглянуть слепыми глазами в мои глаза, и я увидел — *и понял* — эти

густые брови, выступающие скулы, суженная и угловатая челюсть и суровый орлиный нос… *те самые черты, которые наследственность наложила на каждого члена моего рода с незапамятных времён и дней жизни моих самых отдалённых предков!*

Перевод: А. Черепанов

Джеймс Амбуэлл
Пришествие Увхаша

James Ambuehl «The Advent Of Uvhash», 1996

То, что осталось от моего давнего друга Ричарда Гэвина, лежит на полу у моих ног, его тело немногим больше, чем бесформенная бескровная масса. Его осушенный труп лежит на заляпанной кровью книге, проклятых «Кровавых ритуалах Рилкоса». Если бы только они действительно были уничтожены во времена падения Древнего Рима, когда историки зафиксировали, что эта книга была потеряна на века!

Я действительно не знаю, как рассказать эту историю, поэтому, думаю, лучше начать все с самого начала. Все началось, когда меня пригла-

сили — нет, настойчиво попросили — приехать в особняк моего друга, который находится глубоко в лесных дебрях северного Висконсина. Сейчас я даже не помню, когда он позвонил, потому что не имею больше точного представления о днях, предшествующих этому моменту. Но, выслушав его, я на следующий же день направился в Висконсин (после сбора некоторых довольно своеобразных книг, которые он просил, чтобы я привез с собой) из моего собственного дома в Брэйвинге, штат Миннесота.

Я помню, задумался тогда, что Гэвин позвонил мне не для того, чтобы возобновить нашу давнюю дружбу — у него, должно быть, было что-то более важное на уме. Однако, что это могло быть, я не мог даже представить себе, поскольку у Ричарда Гэвина был совершенно другой набор приоритетов, отличных от общепринятой нормы. Он занимался серьезным изучением оккультизма, я вспомнил, как мы занимались какими-то довольно экзотическими вещами, когда проживали в Университете Ройстен в Брэйвинге около десяти лет назад. Фактически, за наши «эксперименты», с ESP и занятиями паранормальным нас почти исключили! Однако, по словам Ричарда Гэвина, он смог сколотить небольшое состояние благодаря

тем же экспериментам в течение нескольких лет после окончания учебы. Не стоит обращать внимания на то, что он снова был в центре скандала, потому что Ричард никогда не шел привычными любому человеку жизненными путями… и я не смею больше говорить об этом!

Я остановился на заправке в Эштоне, ближайшем городке от усадьбы Гэвина, а старый заправщик оказался довольно дружелюбным. Он спросил меня, откуда я. Я сказал ему.

— Брэйвинг! — воскликнул он. — О, да, прекрасный город! Был там несколько раз — довольно большой городок. — Он вставил топливный кран. — Не думаю, что ты много можешь знать о нашем маленьком городке, а? — Старик плюнул на землю, словно поставил точку.

— На самом деле я нахожу его достаточно расслабляющим, — ответил я. — Большие города становятся все более безличными. Слишком много людей и слишком много преступлений, никто ни на кого не обращает внимания, — жаловался я. — Думаю, что люди здесь очень дружелюбны, даже по отношению к незнакомцам? — спросил я, чтобы просто поговорить.

— Ага. На самом деле так и есть. — Он снова плюнул. — Скажите, молодой человек, куда вы

направляетесь?

— Друг пригласил меня пожить у него несколько дней, — ответил я. — Он живет в двух милях отсюда.

— О, да? Кто он? Я его знаю.

— Да, может и так. Его зовут Ричард Гэвин… мы вместе учились…

Но я запнулся на слове, потому что при упоминании имени моего друга любезная улыбка на лице заправщика превратилась в сердитую гримасу.

— Этого будет достаточно для тебя! — прорычал он, резко вырвав топливный кран из моего «Мустанга». — Мы не хотим помогать ЕГО друзьям! — Он сплюнул так, словно почувствовал яд на своем языке.

— О чем ты говоришь? — спросил я, удивленный его реакцией.

— Ты слышал меня, — прорычал он. — Теперь убирайся отсюда!

— А как насчет топлива, за которое я должен? Я…

— Дарю, — отрезал он меня. — Теперь уходи, мистер, — сказал он, указав на добермана, который грыз кость у гаража. — Взять его, Бутч! — крикнул он.

Собака мгновенно вскочила на ноги, тяжело дыша, и бросилась на меня. Обладая коричневым поясом в Сёрин-рю, я инстинктивно ударил собаку ногой, ошеломив ее на мгновение, а затем прыгнул к «Мустангу». Запрыгнув внутрь, я закрыл дверь машины, когда собака оправилась и снова метнулась ко мне. Она отчаянно пыталась запрыгнуть в окно, когда я завел машину и нажал на педаль.

Сыпя проклятия в перерывах между тяжелыми вдохами, я выехал со станции технического обслуживания и помчался по дороге к дому Ричарда. Но мой ум двигался на еще большей скорости, я был в замешательстве. Почему так возмутился старик при упоминании имени Гэвина? Конечно, мой друг был немного эксцентричным, тем более что он был погружен в оккультную жизнь, но многие люди верили в разные вещи в наши дни благодаря свободе вероисповедания и всему остальному. Я решил, что, возможно, обитатели этих лесов в Висконсине были более ограниченными, чем большинство людей.

Я проехал еще несколько миль, пока не свернул на извилистую дорогу, ведущую к особняку Гэвина. Было начало весенней оттепели, и я едва не застрял несколько раз на этой грязной

дороге, но смог выбраться и наконец подъехал к дому. Он был похож на старую декорацию из тех старых фильмов «Атлантик Интернешнл», и вздымался надо мной, как ястреб, парящий над своей добычей.

Должно быть, он услышал, как мой «Мустанг», ревет на дороге, перескакивая через некоторые из луж, потому что Ричард стоял у гаража, ожидая меня (он жил один, считая наем слуг совершенно ненужными тратами из-за своего выбранного образа жизни). Я въехал в кабинку, на которую он мне указал, вышел и тепло поздоровался с моим другом, когда мы обменивались любезностями.

Он сильно изменился с тех пор, когда я видел его в последний раз. Его волосы, которые он никогда не отращивал в молодости, были заметно длиннее и выглядели довольно неопрятно. Он казался человеком, живущим на строгой диете, даже возможно любителем наркотиков, дошедшим до предела. Я поинтересовался его здоровьем, но он просто отмахнулся от моей озабоченности, объяснив своё состояние постоянным гриппом, от которого он, наконец, избавился всего несколько дней назад.

Он помог мне отнести мои сумки наверх в гостевую комнату — хотя ввиду его истощенного

состояния я сам бы взял на себя это дело — и показал, где я могу освежиться. Позже он провел меня по коридору в заваленный книгами кабинет.

— Я рад, что ты привез книги, которые я просил, — сказал он, указывая на связку у меня под мышкой.

— Конечно, в любое время, — ответил я. — Это самое меньшее, что я мог сделать для старого друга. И ты можешь держать их у себя так долго, сколько захочешь. Эти книги, конечно же, предназначены для служебного пользования, но Ройстен закрыт на весенние каникулы, и, во всяком случае, главный библиотекарь — моя подруга.

Я улыбнулся. Он рассмеялся.

— Ха, ха… все тот же старина Уолт, которого я знал в Ройстене! Уверен, она их и «сложила»! — Он хмыкнул. Затем стал серьезным, когда развернул дрожащими пальцами посылку, которую я передал ему. Он читал названия книг вслух, благоговейно складывая их на стол: «Cultes Des Goules»; «The R'lyeh Text: Fragmentary Transcriptions»; «The Confessions», безумного монаха Клитануса; алтуанская «Book Of Non Amya», — возбужденно выдыхал он. — И венчающие все это «The Celaeno Fragments», составленные и переведенные самим

Лабаном Шрусбери! — Он чуть не закричал от вида последней книги. — Замечательно, Уолт, просто замечательно! — Он немного успокоился. — Уолт, ты хоть представляешь, о чем эти книги? — спросил он, указывая на кучу, которую столь тщательно разложил перед собой.

— Да, я так думаю. Они относятся к черной магии, не так ли?

— Ну, не совсем… но это правильная мысль. — Он улыбнулся.

— Я рад, что они тебе понравились, но я уже не слишком заинтересован во всем этом, — честно ответил я. Приняв должность в Ройстене в качестве профессора истории, я должен был опустить свои интересы до более приземленных. — Наши эксперименты с психическими феноменами — это одно, но ладно, Богатство — Демоны? — Я нервно рассмеялся.

— Великие Древние — намного больше, чем просто демоны, мой друг, — упрекнул он меня… затем он потряс меня своим новым вопросом:

— Но будучи профессором истории, ты, должно быть, слышал о… «Кровавых ритуалах Рилкоса»?

— «Кровавые ритуалы»! — громко выдохнул я. Я невольно вздрогнул, когда вспомнил, что ничего хорошего не слышал относительно этой

тошнотворной Библии безумного бога Пустоты, известного как Увхаш. Бесчисленные кровавые оргии декадентской Римской империи приписывались поклонению этому грязному демону, и, по слухам, даже страшный сумасшедший император Калигула сам устраивал вампирские празднества как один из его невыразимых приверженцев!

— Да, — медленно ответил я своему другу. — Но я думал, что Марк Антистий поведал в своей «Clavicule Cosmographicum», что все их копии были уничтожены?

Его ответ удивил меня.

— Антистий был деспотичным колдуном, а его «Ключи к космосу», действительно были великолепной работой, но даже этот римский центурион-ставший-магом и практик не осмелился вскрыть все! — Он насмешливо рассмеялся и показал мне тонкий в красном переплете фолиант. Это были, конечно, пресловутые «Кровавые ритуалы», и я содрогнулся, вспомнив слухи о культе душегубов, который был основан в Брэйвинге несколько лет назад. Этот культ, как говорили, поклонялся изображениям таких пе-

чально известных серийных убийц, как Банди[1], Кемпер[2], Шоукросс[3] и Гэри Риджуэй[4], недавно признанный «Убийца с Грин-Ривер», и вместо Библии использовали этот самый том!

Голос Ричарда вернул меня к настоящему.

— Ты заметил, что я изменился, не так ли Уолт? Прочитай хоть одну страницу, и ты тоже изменишься.

Мне стало любопытно. Здесь передо мной в руках Ричарда Гэвина находилась легенда!

— Могу я взглянуть? — спросил я смущенно.

— Нет! — Его страстность была просто потрясающей. — Не ночью, — объяснил он, немного успокоившись. — Подожди до утра, — настаивал он.

— Ну, это просто находка, — сказал я, не зная,

---

[1] Примечания: 1

Теодор Роберт Банди (англ. Theodore Robert Bundy), урожденный Теодор Роберт Кауэлл (англ. Theodore Robert Cowell) (24 ноября 1946 — 24 января 1989) — американский серийный убийца, насильник, похититель людей и некрофил, действовавший в 1970-е годы. Его жертвами становились молодые девушки и девочки. Точное число его жертв неизвестно.

[2] Примечания: 2

Эдмунд Эмиль Кемпер III (англ. Edmund Emil Kemper III) (родился 18 декабря 1948) — американский серийный убийца. Он убил шесть девушек, собственную мать, а также ее подругу. В подростковом возрасте он убил своих дедушку и бабушку.

[3] Примечания: 3

Артур Джон Шоукросс (англ. Arthur John Shawcross) (6 июня 1945 — 10

ноября 2008) — американский серийный убийца.

[4] Примечания: 4

Гэри Леон Риджуэй (англ. Gary Leon Ridgway) (родился 18 февраля 1949) — известный как «Убийца с Грин-Ривер», — американский серийный убийца. Совершил 49 доказанных убийств девушек и женщин в период с 1982 по 1998 год.

что еще сказать. — Должно быть, книга очень стара, чтобы даже держать ее в руках, не говоря уже о том, чтобы читать, — предположил я.

— Нет, — ответил он, — она пропитана некой мистической силой, которая мешает ей разрушаться. Действительно, книга не восприимчива к огню, воде, почти нерушима.

Но, как я уже говорил ранее, я хочу рассказать тебе о Великих Древних. Они населяли этот мир однажды, еще до того, как мы — люди, эволюционировали, но они потеряли свои форпосты на тогда еще молодой Земле, практикуя то, что ты называешь «черной магией». Они были высланы гораздо более могущественной силой, сущностями, известными как Старшие Боги, — чей всемогущий древний лидер известен как Ноденс, Владыка Великой Бездны, — и к которым также принадлежат золотистый и мерцающий Озталун, теневой и бесформенный Шавалиот и сверкающий Йяггдитха с Бел-Ярнака, — но Древние постоянно стремятся вернуть себе нашу Землю, да и саму Вселенную.

Есть и те, кто еще остается на Земле, кто избежал изгнания. Великий Ктулху лежит в затонувшем Р`льех, грезящий о том дне, когда звезды займут правильное положение, и Р`льех поднимется из

глубин океана, и он будет освобожден от своего длившегося целые эоны тюремного заключения своими злобными похожими на рыб и лягушек приспешниками; Ньярлатхотеп «Безликий», воет в темноте Леса Н`гай, а дикие звери облизывают его руки; Итакуа «Шагающий с ветром», скользит в воздухе над Землей, а Ллойгор и Жар лежат под Плато Сунг, охраняемые верными Чо-Чо и т. д.

Когда он сделал паузу в своей речи, я остался наедине со своими мыслями. Все это казалось таким невозможным, таким неправдоподобным, но в глубине души у меня были сомнения. Я потряс своими дрожащими руками и сделал глубокий вдох, пытаясь успокоить нервы.

Но мой хозяин, должно быть, заметил мое беспокойство, потому что он встал со стула и подошел ко мне.

— Я не хотел тебя тревожить, Уолт, — успокоил он меня. — Ты, должно быть, устал во время поездки. Я собираюсь некоторое время провести с книгами, которые ты привез мне, и ознакомиться с их чудесами, но тебе, думаю, лучше будет отдохнуть.

Он проводил меня до моей комнаты и пожелал мне спокойной ночи, предупредив, чтобы я закрыл окна и запер дверь.

— Зачем дверь? — спросил я.

— Просто послушай меня, хорошо? — говорил он, когда шел по коридору в кабинет. По какой-то причине я пожалел, что он оставил меня одного в коридоре, потому что коридор этот был темным, и у меня появилось странное ощущение, что рядом где-то скрывается некая форма зла, и не просто нечто нематериальное, но настоящее зло. Я слегка пожал плечами и распахнул дверь в свою комнату.

Я вошел и щелкнул выключателем, но свет не появился, чтобы рассеять темноту. После дальнейшего обыска я нашел спички и несколько свечей. Я зажег их. Разобрав кровать, я задул свечи и лег. Я начал размышлять о событиях, свидетелем которых стал, а затем все еще озадаченный, перевернулся на бок и заснул.

Меня внезапно вырвал из сна шторм, свирепствующий снаружи. Я посмотрел на светящееся табло часов на тумбочке. Было два часа ночи. Я собирался снова заснуть, когда мне показалось, что я услышал, как кто-то кричит вместе с громом.

Я снова ощутил странное чувство зла. Затем услышал звук, как будто кто-то — или что-то — тяжелый шел по коридору к моей комнате. Звук скорее напоминал грохот, чем ходьбу, и он

неумолимо приближался к моей двери.

Я натянул одеяло до подбородка, словно пытался спрятаться от чего-то неизвестного и коварного. Именно тогда зловоние появилось в моей комнате. Это был ядовитый запах, который заставил меня кашлять и чихать.

Вскоре зловоние стало почти невыносимым, вызывая тошноту. Я встал с постели и зажег свечу. В это время грохот прекратился. Казалось, что нечто стояло прямо за дверью моей спальни. Меня охватил необоснованный ужас, такого я никогда раньше не чувствовал, и я поспешно задул свечу. Я с трудом подавил чиханье. Мое сердце казалось превратилось в лед, когда я услышал, как что-то небрежно потрепало дверную ручку, и я был рад, что запер дверь, как мне посоветовал Ричард.

Как бы то ни было, с другой стороны двери на мгновение воцарилась тишина, но я слышал чье-то тяжелое дыхание, затем шаги двинулись по коридору к кабинету. Я поспешно надел халат и медленно и осторожно приоткрыл дверь. Нечто исчезло, но зловоние, которое осталось от него, было хорошо ощутимо.

Я услышал крик в кабинете в конце зала. Это был голос Гэвина, издающий некое монотонное

песнопение. Я побежал к двери, но обнаружила, что она заперта. Прежде чем я постучал, звук с другой стороны усилился, не похожий ни на что, что я когда-либо слышал на этой Земле… звук, похожий на то, словно сразу сотни разных животных закричали от жуткой боли!

Я вспомнил, что сказал мой друг о Великих Древних, о том, что некоторые из них еще оставались на Земле, ожидая времени, когда они снова могут вернуть свою власть. Это то, что скрывалось за порогом его исследования? Я слышал, как голос Ричарда наполнился командным тоном. Это звучало как: «N'lnemx Uvhash f'tanen c'fayak dhya!»

Нечеловеческий вой прекратился, и зловоние рассеялось. Я застучал кулаками по двери.

— Ричард! — позвал я через дверь. — Что у тебя происходит?

— Ничего, — ответил он после некоторого колебания. — Теперь вернись в постель, Уолт, и я расскажу тебе обо всем утром.

— Черта с два, ты это сделаешь! — крикнул я. Затем сильно ударил ногой по замку, разбив его, и ворвался мимо Гэвина в комнату. Передо мной были руины. Книги, стулья, мебель, все было разбросано и разбито. Окно было сломано,

и сквозь него капал дождь, заливая ковер. На самом деле, единственное, что уцелело, — это стол, расположенный в центре комнаты, больше похожий на церемониальный алтарь. На нем лежала книга. Я поднял ее и прочитал название. Это были «Кровавые ритуалы Рилкоса».

— Ты вызвал одну из этих невероятных сущностей из-за края звезд, не так ли, Ричард? — Я обвинял его, словно ругал дерзкого ребенка.

— Да, — ответил он, склонив голову. — Это был слуга самого Увхаша, — он тихо всхлипнул. — Я пытался остановить его, успокоить его как-то… но он был послан своим Господином и Учителем, чтобы донести до меня его послание. — Он снова всхлипнул, когда я подошел к залитому дождем бару, который чудесным образом избежал уничтожения и налил нам обоих. Он продолжил:

— Он сказал мне, что кровавый бог придет за мной… завтра вечером.

Я не мог поверить в то, что задал следующий вопрос:

— Как… как оно выглядело?

— Это был… смутно различимый антропоид, но голый и бесформенный… частично бестелесный… кипящая извивающаяся масса… Я не могу этого объяснить. Боюсь, для этого тебе нужно

самому взглянуть на него.

Я не могу объяснить своих слов.

— Да! — вскрикнул я. — Да, я хочу его увидеть!

Странное чувство охватило меня. Возможно, это было прикосновение чего-то неизвестного и непознаваемого, возможно, это была запретная приманка, или это было результатом наступления безумия — но представьте себе, что вы столкнулись с доказательством иной жизни, быть может, пришедшей из-за края звезд! Я хотел увидеть его, общаться с ним, изучать оккультные тайны, окружающие его!

— Нет! Я не позволю тебе увидеть его, — возразил Ричард. — Он ужаснее, чем можно себе вообразить, особенно для того, кто столь малосведущ в оккультных науках, как ты, несмотря на наши эксперименты в Ройстене.

Он пробормотал:

— Возможно, если Увхаш отправит одну из Гончих… но нет, они так же плохи… если не хуже..! — Его лицо теперь было мрачным, искажено злобой. Затем он расслабился, и его взгляд смягчился.

— Уолт, — извинился он, — если бы ты его увидел… то наверняка сошел бы с ума.

Я снова взглянул на «Кровавые ритуалы», и

попросил его посвятить меня в детали, окружающие этот фантастический миф. Теперь уже ОН был удивлен. Он открыл рот, как бы в знак протеста, затем его лицо слегка просветлело, поскольку он, казалось, обдумывал мою просьбу. Наконец он пробормотал:

— Хорошо, я мог бы использовать твою помощь, чтобы предотвратить это… — Затем громче:

— Хорошо, Уолт, но я не буду нести ответственности за любой вред, который постигнет твое тело или душу!

— Что ты имеешь в виду? — осторожно спросил я.

— Существует плата за общение с такими, как Увхаш, — ответил он. — Смотри.

Он медленно расстегнул манжету и завернул рукав рубашки. Он частично исцелился, но казалось, что что-то долгое время увлеченно грызло его руку.

— Впервые это случилось, когда я отважился на астральное путешествие, выйдя слишком далеко за пределы моих ограничений, — объяснил он. — Вместо того чтобы призвать Увхаша, я отправился к нему. Кровавый бог поймал меня неподготовленным. Я сбежал только благодаря удаче. Я обратился за помощью к другой сущно-

сти — Гай-Ховегу, эфирному анемону. Он явился в своем устрашающем величии — гигантский колючий шар губчатой плоти, покрытый многочисленными глазами, расположенными между его бесчисленными шипами. Он напал на Увхаша, обрушив на него все свои космические силы, фантастический и туманный. Он прогнал кровавого бога.

Я был в оцепенении. Это было так невероятно. Был ли это мой друг Ричард Гэвин, или доктор Стрэндж из «Marvel Comics»? И если все, что рассказывал мой друг, было хоть немного основано на фактах, тогда все, чем был для меня материальный мир в целом, было совершенно неправильным. Это была омерзительная идея — и все же это все странно привлекало меня, словно я прикоснулся к какой-то удивительной тайне.

Ричард вздохнул и снова раскатал рукав.

— Через несколько часов наступит утро, но мы можем спать спокойно. Ни Увхаш, ни какой-либо из его слуг — ни отвратительный, неряшливый Звездный вампир, ни вселяющие ужас Гончие Тиндалоса — не вернутся к нам сегодня. Но мы должны приготовиться к их завтрашнему приходу!

Пожелав Ричарду спокойной ночью (а что еще

я мог сказать?), я вернулся в свою комнату. Но сон не шел ко мне. Мой ум был наполнен изумлением и трепетом. Я хотел узнать секреты вселенной, держать ключ от непознанного в своих руках, но это беспокоило меня. Неужели человек может зайти так далеко в своих фантастических исследованиях? Я заснул, обсуждая с самим собой, следует ли мне это делать или нет, — и опасаясь последствий любого решения, как для Ричарда, так и для всего мира.

* * *

Я проснулся, когда лучи солнца пробивались сквозь мои решетчатые окна. Это было приятное зрелище. Все, что произошло прошлой ночью, казалось таким нереальным, что сначала я подумал, не было ли все это лишь кошмаром, который посетил меня. Но глубоко в своем сердце я знал, что это не так.

Ричард встретил меня в коридоре и отвел на веранду, где нас уже ждал вкусный завтрак из колбасы, тостов и яиц, и, пока мы ели, он рассказал мне о том, кто такие Великие Древние.

— Эоны до того, как люди эволюционировали до того вида, какими мы их знаем сегодня, на Земле произошла великая битва между злонаме-

ренными Древними и более доброжелательными Старшими Богами, бушевавшая во времени и пространстве. И как говорит мой давний товарищ из Висконсина, Уильям Телдер, в своей «Первичной войне», (которая касается той самой битвы), всемогущие Старшие Боги во главе с Ноденсом победили Великих Древних и заключили их в разных места: Ктулху — в затонувшем Р`льехе, Хастура на одной из звезд в Гиадах, Ньярлатотепа здесь, в Висконсине, недалеко от озера Рик и так далее. Но Великие Древние не ослабли в своих путах. На Земле и в других сферах они находят примитивных людей и другие более фантастические расы, готовые практиковать их специфическое направление «черной магии», в небольших точках культового поклонения, которые, вероятно, находятся где-то далеко от наблюдения Старших Богов, надеясь таким образом освободить Ктулху и его демонических братьев раз и навсегда.

Далее он приводил примеры таких умопомрачительных побегов, — как временных, так и постоянных, — и объяснял мне события, случившиеся в Данвиче, Иннсмуте и Аркхеме, Массачусетсе и множестве других мест — даже в его собственном штате Висконсин и моей люби-

мой Миннесоте. Он говорил особенно о регионе, окружающем Брэйвинг, который, казалось, был центром жуткой активности

Я внимательно слушал его рассказ. Я торопился покончить с завтраком, желая начать обучение колдовству. Наконец Ричард закончил свой завтрак и свою речь, и мы отправились в библиотеку, заниматься этим в его комнате было невозможно, учитывая погром, совершенный прошлой ночью.

— Мне повезло, что я предусмотрительно перенес книги, которые ты привез мне, в библиотеку прошлой ночью, — объяснил он, — иначе они были бы уничтожены, а нам не обойтись без них. Боюсь, вчера вечером я потерял много своих бесценных книг.

Хорошо, я налью что-нибудь выпить, и мы начнем. Ты можешь начать с «R`lyeh Text», если хочешь, Уолт, но я бы рекомендовал что-то более мягкое, возможно, «Confessions Of Clitanus»?

Не желая быть превзойденным хоть в чем-нибудь, я ответил:

— Я думаю, что сначала возьму «R`lyeh Text», даже если не смогу правильно произнести это, — но что мы ищем, Ричард?

— Великие Древние очень могущественны, —

объяснил он, — и, как таковые, они — как наш собственный сравнительно недавний бог христианской веры — поистине ревнивые боги! У них есть своё соперничество, особенно среди соответствующих элементальных классификаций.

Он, должно быть, заметил мое недоумение.

— Немного отмотаем назад, Уолт, и я объясню элементальную теорию Великих Древних. Ктулху — элементал воды, его силы принадлежат воде, и поэтому он является заклятым врагом своего собственного единоутробного брата Хастура, элементала стихии воздуха; Ньярлатотеп, чьи силы более или менее связаны с землей, как было известно уже в глубоком прошлом, имел противостояние с Ктугхой, огненным элементалом. Ты понял смысл. Во всяком случае, многие ученые пытались создать эти элементальные классификации и описать различных Древних, — к чему, разумеется, подстегнули два текста «The Celaeno Fragments», Шрусбери и «Cultes Des Goules», графа д`Эрлета. Вышеупомянутый том Телдера «Первичная война», — незаменим в этой области знаний, а также «Демоны-боги Мифов Ли-Кту», Картера Линвуда. Но я тщательно изучил их… все безрезультатно в моем нынешнем положении.

Он сделал паузу, чтобы освежить наши напит-

ки, прежде чем продолжить.

— Задачи, Уолт, у нас две: во-первых, мы должны отобрать всю информацию, которую сможем найти в этих томах, о кровавом безумном боге Пустоты, потому что мы должны знать все, что только можем о нашем враге. Во-вторых, мы должны найти заклинания изгнания или защиты, достаточно мощные, чтобы прогнать Увхаша навсегда, или в случае неудачи, попытаться привлечь на помощь одного из его противником как могущественного союзника, чтобы мы могли использовать его и победить кровавого бога. Мы могли бы даже призвать одного из Старших Богов, возможно, даже самого Ноденса, хотя я искренне сомневаюсь, что они будут слушать меня в свете моих преступлений, совершенных от имени Великих Древних, их бессмертных врагов!

Он замолчал, словно собирался с мыслями, а я обдумывал его последние слова. Затем:

— Я больше не могу взывать к Гай-Ховегу. Его цена даже выше, чем у кровавого бога. Это причина, по которой люди Эштона ненавидят меня и, честно говоря, я боюсь. Кроме того, Увхаш, очевидно, является элементалем эфира, как предполагается из его наименования «безумный бог Пустоты». «Эфирный анемон», не выйдет против

него во второй раз. Нет, нам нужно будет обратиться к одному из водных существ, может быть, даже к самому великому Ктулху или к Й`лла, титаническому морскому червю, который обитает в своей затонувшей цитадели под названием К`храа.

И, пожалуйста, не думай, что я монстр, Уолт. Понимаешь, я ДОЛЖЕН прогнать ЕГО, если я ценю свою собственную жизнь — и я это СДЕЛАЮ! Когда я призвал ЕГО в первый раз, я рассчитывал, что это будет единственное общение с НИМ — но все пошло совсем не так.

Он снова замолчал и начал расстегивать и снимать рубашку. Он обычно носил чёрные одежды, которые полностью скрывали его тело, но когда он снял свою рубашку, я увидел, что его плечи, грудь, спина — везде, где была обнажена кожа, — были покрыты перекрещивающимися линиями кровавых борозд здесь и там с покрытыми засохшей кровью пятнами проколов, которые выглядели так, как будто были сделаны вязальными спицами. Для всего мира это выглядело, словно он, возможно, подвергся ритуалу пыток, такому как восточная «смерть тысячи разрезов».

Он снова надел рубашку и криво улыбнулся.

— Теперь ты видишь, мой друг, что мое плохое

здоровье не связано с каким-либо приступом гриппа — это Увхаш, он тянется ко мне, как к наркотику… и в результате я боюсь, что стал ужасно СЛАБ!

Я был поражен этим откровением. Без единого слова я поднял «R`lyeh Text», своими негнущимися пальцами, теперь более решительно, чем когда-либо, готовый помогать моему бедному, замученному другу. Я сел за маленький столик и начал читать, часто перечитывая несколько раз небольшие отрывки, пытаясь понять, что я читаю. Сначала это было трудно, но, когда я все больше и больше узнавал об этой разрушающей чувства мифологии, я начал лучше понимать, о чем говорил Ричард Гэвин. Его собственный глоток воздуха этого мифа, казалось, сделал его мишенью, и не потому что он провел несколько неудачных вызовов!

Наша первая задача была самой простой, поскольку помимо «Кровавых ритуалов», в которых Ричард обнаружил небольшую связку набранных нот, в очень немногих томах можно было отыскать хотя бы упоминание об Увхаше. Наши записи у меня сейчас под рукой (все, кроме отрывков из «Кровавых ритуалов», и, конечно, самой книги, которая осталась лежать под трупом

Ричарда), и я скопировал их здесь для потомков.

Первый отрывок был из книги алтуанских колдунов под названием «Book Of Non Amya»:

> «Берегитесь, ибо Гурман из Пустоты приходит с наступлением бури или с падением ночи. Его можно вызвать с помощью кровавого шара, но это ужасный риск для призвавшего его! Ибо однажды призванный, он должен питаться самой жизненной силой призвавшего… а Увхаш, кровавый безумный бог Пустоты, — по истине голодный и жадный бог…»

Следующий из книги Шрусбери «The Celaeno Fragments»:

> «Они худощавые и томимые жаждой, эти теневые Гончие, но их жажда ничтожна по сравнению с жаждой их хозяина, кровавого бога Пустоты. Ибо Увхаш питается жизненной силой других, и всегда голоден он. Все формы жизни являются пищей для Него и его аморфной орды. Те из Рилкоса и их двоюродные братья, Гончие Тиндалоса, с жадностью охотятся на

живых и высасывают из них жизненные соки и силы — пока не останется ничего, кроме пустой сухой оболочки».

И из «R`lyeh Text»:

«Жаждущий крови с Рилкоса, планеты, ближайшей к Тиндалосу, и может быть вызван с помощью кровавого шара, когда звезды связаны с…»

Конечно, было еще много всего, но мы пытались узнать, как ОСТАНОВИТЬ Увхаша, не ПРИЗЫВАЯ ЕГО!

Безусловно, самый наводящий на определенные размышления отрывок был ранее обнаружен Ричардом при внимательном прочтении «Демонов-богов Мифов Ли-Кту», Картера Линвуда:

«Я точно не знаю, где можно найти призрачный Тиндалос — возможно, он невидим и не материален, как следует предположить из его названия, — но я уверен, что Рилкос можно приравнять к планете Марс в нашей собственной солнечной системе. Кажется вполне логичным, что эта зловещая красная планета

может быть домом для бога, известного в „Кровавых ритуалах Рилкоса“, как Увхаш, и эта теория, похоже, подтверждена соответствующими деталями, которые NASA сообщила в отношении почвенного эксперимента, проведенного на Марсе с помощью посадочного модуля „Викинг“ в 1976 году. Чтобы убедиться, что что-то может жить на поверхности почвы Марса, посадочный шлюп ввел „закуску“ из радиоактивно помеченных питательных веществ в указанную почву. Эта „закуска“ была мгновенно поглощена и метаболизирована, или „съедена“. Казалось, что сама глина Марса поглотила пищу!

Прочитав также журналы Айхай, касающиеся „Обитающего в марсианских глубинах“ и ужаса, который все еще таится в ночных Склепах Йох-Вомбиса, я вполне могу поверить, что эта планета хранит вампирскую сущность, известную как Увхаш, кровавый бог Пустоты…»

Мои глаза были воспалены, а мой ум был ошеломлен. Я устало поднял взгляд от книг. Именно тогда я увидел проклятую каменную сферу, сто-

ящую на камине на другой стороне комнаты. Казалось, она была совершенно круглой и имела ярко-красный цвет, как кровь.

— Что это? — спросил я своего хозяина, указывая на каменную сферу.

— Хм? — он посмотрел на нее с облегчением. — Ох. Это кровавый шар, — ответил он. — С его помощью я впервые обратился к Увхашу, прежде чем он начал навещать меня по собственному желанию.

Он слабо улыбнулся и вернулся к «The Celaeno Fragments», лежащим у него на коленях.

Однако мне нужен был перерыв, и я пересек комнату, замерев перед кровавым камнем. Мой взгляд, казалось, тянулся к нему, и я начал видеть туманные видения, образующиеся в его темных глубинах. Наконец мутная поверхность очистилась, и показалась мне прозрачной, как кровавый малиновый кристалл. Я смотрел все глубже и глубже, испуганный и в то же время озадаченный тем, что видел в этих глубинах. Но я не мог отстраниться. Казалось, я испытываю чувство падания, погружаясь в его соблазнительные глубины.

* * *

Мое астральное «я», вздрогнуло, приземлившись на утесе с видом на море, где бушевал шторм, и едва остановившись, я огляделся вокруг. Небо было темным, хлестали молнии, света которых едва хватало, чтобы рассеять мрак. В пенном прибое я разглядел сотню, нет, скорее тысячу фигур, выбирающихся на берег. Они были похожи на людей с рыбьими и лягушачьими чертами; перекинув через свои звериные плечи, они тянули буксирные тросы. На другом конце тросов был огромный пьедестал, на котором сидела высокая фигура существа, антропоидного, но покрытого чешуей и имеющего когти, с огромными крыльями летучей мыши, вырастающими из спины. Его голова была скорее октопоидной, с бородой извивающихся щупалец, скрывающей большую часть его демонического лица. По песнопениям, которые издавали люди-рыбы, а также по описаниям, приведенным в «R`lyeh Text», я понял, что это изображение самого Ктулху.

Пока я смотрел на эту колоссальную фигуру, она внезапно переместилась, и я понял, что ее нельзя было вырезать из зеленого мыльного камня, как я сначала предположил, скорее всего,

эта тварь была ЖИВОЙ!

Чуть дальше морские волны забурлили и внезапно разошлись, и появилась огромная зубчатая морская раковина, несущая подобную колоссальную фигуру, сморщенную, но наполненную великой силой фигуру, похожую на мужчину с морскими ракушками и кораллами, украшающими его длинные распущенные волосы, и бородой щупалец. Гигантские морские коньки тащили его ракушку-колесницу, и я знал, что эта удивительная фигура — Ноденс, Властелин Великой Бездны.

Ноденс начал атаковать фигуру Ктулху мощными вспышками жуткого зеленого огня. Ктулху закричал от боли и ярости на чужом языке, когда людей рыб-лягушек разбросало в разные стороны.

* * *

Я смутно осознавал, что кто-то кричит мне в ухо и яростно трясет меня за плечи.

— Уолт, проснись! Приди в себя, парень! — кричал Гэвин.

Я снова вернулся в своё тело. Но все что я увидел, казалось таким реальным. Разве я действительно совершил это астральное путешествие? Разве

я на самом деле стал свидетелем кульминации древней, жуткой борьбы между внешними существами непостижимой мощи?

— Что случилось? — пробормотал я рассеяно.

— Боже мой, парень, разве ты не знаешь? — Ричард выглядел испуганным. — Ты произнес слова. Ты вызвал Увхаша, и он идет!

Я слышал, как ветер ярится на улице, небо потемнело, и молнии начала сверкать в темноте, а затем раздался оглушительный грохот.

— Уолт, мы не готовы! — закричал в отчаянье мой хозяин.

Я был ошеломлен.

— Уолт, передай мне «Кровавые ритуалы», и зажги эти свечи! — Он указал на маленький стол у французских дверей, ведущих на веранду. Я увидел высокие чёрные свечи, установленные на богато украшенном приспособлении, поверхность которого, казалось, была исписана странными символами и геометрическими фигурами.

— Поспеши, парень, ПОСПЕШИ! — вскричал мой друг.

Я протянул ему красноватый фолиант и направился к столу, чтобы зажечь свечи. Прежде чем я успел чиркнуть спичкой, снова появилось

ужасное зловоние, но на этот раз в сто раз хуже. Затем Ричард присоединился ко мне у стола. Он отбросил ковер перед ним и вырезал прямо на паркетном полу семиконечную звезду, расположенную внутри круга. Он схватил меня за руку и потащил в круг. Он поднял «Кровавые ритуалы», и начал отчаянно петь.

На веранде раздались тихие шлепающие звуки. Стеклянные двери с силой распахнулись, осыпав нас осколками стекла. Молния вспыхнула, осветив фигуру на веранде, и в этот дьявольский миг я увидел само воплощение зла!

Как описать неописуемое? Казалось, она была похожа на аморфную массу дико извивающихся щупалец. У нее было много глаз и кожистые крылья. Она была красноватого цвета и, казалось, была вся словно пропитана кровью. И к тому же она была ЖИВА, могла ДЫШАТЬ И ДВИГАТЬСЯ! Она возвышалась над особняком, как гора над муравейником, — и издавала диссонирующий свист или трубный звук, который, я откуда-то знал, был ее непостижимой речью.

Множество щупалец с похожими на иглы присосками на концах пробивались сквозь разрушенные французские двери. Ричард Гэвин не двигался. Он стоял с мрачным выражением

на лице, и казалось, что его тело было словно сделано из стали. Голубой огонь сорвался с его пальцев, ударив тварь, и он прокричал:

«Ai Nodens! Ai Nodens! N'gha-Yhaa! Ia Uvhash Thagn Ghuy Rhylkos!»

Синее пламя бушевало как огонь бездны, но, похоже, не причинило никакого вреда твари. Сразу Ричард повернулся ко мне и спокойно сказал:

— Уолт, все кончено. Владыка Великой Бездны отрекся от меня, как я и говорил. Даже Голубое пламя Йяггдитхы с Бел-Ярнака меня подвело. Я больше не могу его сдерживать. Уходи, мой друг, пока еще можешь.

Сказав это, Ричард Гэвин смирился со своей судьбой и шагнул к визжащей мерзости. В это же время безумно корчащиеся щупальца твари соединились в одну гигантскую точку и ударили его прямо в грудь. Затем ужас, называемый Увхашем, кровавым безумным богом Пустоты, снова начал питаться.

Я стоял, словно окаменевший, наблюдая, как тело Ричарда Гэвина начало быстро сжиматься, словно проколотая велосипедная шина. Когда его тело было лишено всех жизненных жидкостей, оно опало вниз, распластавшись над «Кровавы-

ми ритуалами Рилкоса», как пустой воздушный шар. Покончив со своим отвратительным делом, древнее зло ушло так же быстро, как появилось. Шторм быстро прекратился, и все вокруг снова стало солнечным и теплым.

И это моя история. Когда я сижу здесь за письменным столом, тело моего друга Ричарда Гэвина начинает разлагаться на полу, и я внезапно начинаю опасаться, что задержался здесь слишком надолго. У меня такое чувство, что Увхаш придет ко мне сегодня вечером или, может быть, даже раньше, как много раз приходил к моему другу. Я только надеюсь, что эти присоски не СЛИШКОМ БОЛЕЗНЕННЫ… и что Увхаш не будет слишком НЕНАСЫТЕН этой ночью. Мне лучше закончить этот рассказ и собрать эти книги вместе и начать чтение. Небо уже потемнело, и буря начинает яриться снаружи.

Перевод: Р. Дремичев

Дэвид Баркер
Камень Уббо-Сатла

David Barker «Stone of Ubbo-Sathla», 1997

Этот один находится за Вратами Каддата в Ледяной Пустыне, погруженный в слизь в Гроте Испарений. Как было написано колдуном из Му в его Священной Книге Без Имени, ни один человек не может посмотреть на его истинный образ и выжить, чтобы рассказать о том, что он видел. Там же записано, что Обо Садлат (Obo Sadlath) — бог идиот, бесформенная масса, которая придала форму шогготам. В другом месте, в тексте Бахлвадры (Bahlvadra), говорится, что Тот, кого называют Черным Ветром, или Ни-Арлат Хотеп, Египетский Ветер Смерти, выступает в качестве посланника этого Обо Садлата, приносит безумие и смерть людям, которые дерзают вызывать бессмысленную массу, и уничтожает смертных, которые стремятся познать тайны Древних Ключей через Глаз Каддата (молочного цвета кристалл, известный древним, но давно потерянный в Ледяной Пустыне).

Отрывок из «Шепота Ос»

Снега тают, и солнце просушивает затопленные поля острова, оставляя корку грязи над рядами

растоптанных стеблей кукурузы и узких асфальтовых дорог. Сморщенные початки кукурузы валяются вдоль обочин, похожие на ухмыляющиеся, мумифицированные рты, полные гнилых зубов. Снова разливается тепло в воздухе. Ветер резвится среди плакучих ив и камышей у реки, а так же продирается сквозь покрытые пятнами жутко искривленные кусты ежевики в овраги, шепча о древних ритуалах, которые уже давно забыты всеми, кроме Краваля, одинокого старого скульптора, который внимательно слушает ветер, переворачивая и осматривая камни, которые можно найти в удивительных, необъяснимых кучах по всему острову.

Иногда ветер звенел, иногда пел, а иногда просто шептал в несколько тонких голосов — невыразительных голосов Уббо-Сатла. Краваль узнал о Уббо-Сатла из одной старой книги, покрытой свиной кожей, которую нашел когда чистил хижину, оставленную цыганом. В книге он прочитал, что Уббо-Сатла, бесформенная масса, лежит развалившийся и бурлящий среди нечистых испарений в окружении созданных на звездах табличек, которые, если Краваль правильно понимал книгу, не были не чем иным, как предсказаниями, которые Древние называли

Древние Ключи.

Часто скульптор мечтал найти подземную могилу Уббо-Сатла в далеких северных краях, а также те высеченные таблички, но понимал, что это было фактически невозможно, этой цыганской книге были сотни лет, а легенды в ней передавались из поколения в поколение десятки тысячелетий, отражающие жуткие знания, которые растворились в мифах слишком давно, чтобы можно было извлечь правду из сложной паутины суеверий и заблуждений любому современному исследователю.

Тем не менее, Краваль слушал и понимал настойчивые сообщения ветра, если не буквальный смысл его архаических выражений. И пока он слушал, он работал, переворачивая один камень за другим, в поисках того единственного, который он давно мечтал в один из дней найти, одного, содержащего в себе форму, которую он мог бы открыть под ударами молотка и зубила. Голоса ветра руководили им в его поисках, и они, казалось, говорили в течение прошедшей ночи, уверяя, что сегодня будет тот день, когда камень явит себя.

Это произошло, когда было немного за полдень, он нашел камень, который искал. В том, что это

был тот единственный правильный камень, о котором он мечтал, у него не было никаких сомнений. Уже сейчас он мог почувствовать форму, заключенную в ловушке внутри него, суть ее очертаний, проявляющихся в материальных волнах энергий, истекающих из камня. Ученые мужи говорят, что твердый камень только кажется плотным и твердым, но на самом деле это объединение бесконечно малых частиц, соединенных вместе с помощью невидимых силовых линий. Это было то же частью секрета Уббо-Сатла. И его наметанный глаз был в состоянии заглянуть в структуру камня, чтобы увидеть истинную форму, заключенную внутри.

Камень весил пятьдесят или шестьдесят фунтов. Доставить его на две мили назад к грузовику было утомительный работой, которая заставила скульптора истекать потом и тяжело дышать, его предплечья ныли, ибо он был уже не молод и не совсем здоров.

Он положил камень на дно грузовика с чувством глубокого удовлетворения, но он был настолько увлечен предвкушением, что уже поздравлял себя с работой, которую вскоре должен завершить.

После того, как камень был благополучно до-

ставлен в его скромную мастерскую на вершине холма, скульптор сразу же приступил к работе над ним, откалывая все больше и больше постороннего материала с каждым последующим ударом молотка о долото. Вскоре появилась грубая форма примитивной головы. Большие глаза, глаза, которые были круглыми, как палящее солнце, и широко открытыми от удивления, как у дикаря, пойманного во время акта общения со своими богами. Широкие ноздри, закрытые уши и тонкогубый рот проявились под музыку стальных инструментов, звеневшую в воздухе. Удары молотка стали более осторожными, откалывая все меньше и меньше кусочков камня, а образ стал более утонченным, его особенности более четкими. После долгих часов тяжелого труда и глубокой концентрации, работа была завершена. Долото и молоток упали на пол, когда скульптор откинулся на спинку стула и испустил вздох облегчения. Краваль изучал и любовался, а потом радовался красоте каменной головы в течение получаса, гордясь ее совершенством. Образ был извлечен из камня, его внутренняя сущность освобождена.

Затем, уставший от долгого дня, скульптор лег спать, слишком онемевший от усталости,

чтобы даже съесть простой обед, оставив каменную голову на рабочем столе у открытого окна. Звездный свет блестел на камне, когда скульптор лежал недвижимый, провалившись в глубокий без сновидений сон смерти. Ветер с острова шептал над гладкими чертами каменного лица, с любовью прослеживая линию носа, изгиб бровей, орбиты со странными широко раскрытыми глазами. Голоса на ветру — голоса Уббо-Сатла — пели древние мелодии, не слышанные с тех пор, как первичная форма была заключена в ловушке внутри камня многие долгие циклы назад, и плотно запечатанные уши каменной головы открылись, как расцветающие цветы, чтобы услышать диссонирующие созвучия, разносимые ветром. Голоса пели ритуальные хоры, в то время как бледные звезды проливали свой мистический свет на гладкую каменную поверхность, и лицо открыло свой рот, чтобы ответить им. Голоса говорили на архаичном языке, не звучавшем с тех самых пор, как груды камней, которые покрывали весь остров, впервые были оставлены здесь, а каменные глаза поднялись и взглянули с безошибочным узнаванием на бесчисленные звезды, усеивающие черное небо.

К утру Краваль был мертв, его высохший труп

лежал на кровати. На его верстаке была обнаружена бессмысленная каменная масса жителями, которые всегда считали тихого, нелюдимого художника нежелательным и потенциально опасным неудачником, который никогда бы не привнес ничего ценного в их сообщество. В своей абстракции камень не имел никакого сходства с тем обликом, который придал ему Краваль, у него не было ни глаз, ни ушей, ни носа, ни рта. Жители, которые видели незавершенную скульптуру, — конечный продукт непримечательной карьеры художника — задавались вопросом, что она могла изображать, но ни один из них не мог догадаться, что уродливой скульптуру мастер сделал, когда смерть настигла его.

Найдя камень уродливым и совершенно бесполезным, отцы деревни приказали бросить его в реку. Старая книга, где Краваль прочитал о Уббо-Сатла и его посланнике, Черном Ветре, была признана еретической, если не кощунственной, и поспешно сожжена вместе с другим мусором из мастерской скульптора. Ветер по-прежнему поет на острове камней, но там нет никого, кто мог бы прислушаться к нему, кроме ос, но у них есть свои собственные песни.

Перевод: Р. Дремичев

Лэрд Баррон
Старая Виргиния

Laird Barron «Old Virginia», 2003

На третье утро я обнаружил, что кто-то вывел из строя грузовик. Все четыре колеса оказались спущенными, а мотор разбитым. Прекрасная работа. Я вышел из домика, чтобы посмотреть на рассвет и облегчиться в ближайших кустах. Было холодно, и воздух оставлял во рту привкус металла. Над далеким темным лесом позади домика сияло несколько звездочек. Разбитая колесами дорога пересекала заболоченное поле и уходила в бесконечность. Глубокую тишину нарушало только ровное гудение дизеля под дровяным навесом.

— Ну вот и началось, — сказал я.

Прикурив «Лаки Страйк», я отметил, что сбываются мои пессимистические ожидания. Красные отыскали наше скромное лесное убежище. А может, один из моих парней играет на два фронта. Это сильно осложнило бы наше положение.

Люди и так уже нервничали: Дэвис клялся, что

слышал шепот и хихиканье за стальной дверью после отбоя. А еще он слышал, что один из докторов болтал на иностранном языке. Чепуха, конечно. Тем не менее солдаты были на взводе, а теперь еще и это.

— Гарланд? Ты здесь?

С крыльца меня негромко окликнул Хэтчер, и я увидел его высокий тонкий силуэт.

— Здесь, здесь.

Я подождал, пока он не подошел к грузовику. Хэтчер подчинялся непосредственно мне и был единственным членом отряда, с которым мне приходилось работать раньше. Он обладал твердым характером, был компетентным во многих вопросах и всего на десять лет моложе меня, хотя и вдвое старше любого из остальных людей в отряде. Если кто-то и работал на красных, я молил Бога, чтобы это оказался не он.

— Полагаю, нам придется ходить пешком, — прокомментировал он ситуацию после короткого осмотра машины.

Я протянул ему пачку, и Хэтчер молча закурил.

— Кто дежурил последним? — спросил я немного погодя.

— Ричарде. Он не докладывал ни о каких происшествиях.

— Конечно.

Я посмотрел на дальний лес и задумался, не наблюдают ли за нами противники. Что они могут предпринять дальше и как мне реагировать? Вспомнились неудачи в туманных горах Кубы в 1953-м, и противный холодок напряг мышцы у основания шеи. Те события происходили шесть лет назад, а в нашем деле человек с возрастом лучше не становится.

— Как они смогли нас отыскать, Хэтч? — спросил я.

— Утечка могла произойти в конторе Штраусса. Красные разрабатывают те же самые программы. Информация о наших успехах могла наделать много шума по ту сторону занавеса…

Внезапно эта командировка перестала казаться мне детской забавой.

Проект ТАЛЛХАТ принадлежал Фирме, но начальник секретного оперативного отдела доктор Герман Штраусс настолько не хотел привлекать внимания, что инструктировал нас у себя дома. И вот мы оказались в дебрях Западной Виргинии с заданием охранять двух его персональных помощников, которые проводили специфические эксперименты над дряхлой, выжившей из ума старухой. Доктор Портер и доктор Рили были

здесь главными. До тех пор пока они не соберут необходимые данные, связь с внешним миром была под запретом. По возвращении в Лэнгли все доклады должны быть представлены доктору Штрауссу. Даже в самом ЦРУ о проекте не знала ни одна душа.

Подобные задания не были моей специальностью, но мне наскучила бумажная работа, и я признавал авторитет Штраусса. Почему именно я? Подозреваю, только потому, что Штраусс знал меня еще с прошлой войны. И еще он знал, что я давно не у дел. Возможно, таким образом он хотел, чтобы я снова почувствовал себя нужным. Теперь, глядя на разбитый грузовик и оценивая дальнейшие перспективы, я стал склоняться к мысли, что старина Герман просто решил пожертвовать мной.

Я затушил окурок и принял несколько неотложных решений.

— Как только рассветет, мы прочешем всю местность вокруг домика. Ты возьмешь Роби и Нейла и отправишься на юг. Я пойду на север с Доксом и Ричардсом. Дэвис останется охранять дом. Будем искать следы в радиусе четверти мили.

Хэтчер кивнул. Он не стал заострять внимание на слабом месте моих распоряжений: а вдруг

именно Дэвис переметнулся в другой лагерь? Вместо этого он махнул рукой в сторону леса:

— А как насчет экстренной эвакуации? До ближайшей трассы около двадцати миль. Мы могли бы добраться туда за несколько часов. По пути сюда я видел несколько ферм. На одной из них наверняка найдется телефон…

— Хэтч, они не зря вывели из строя грузовик. Наверняка они ждут, что мы пойдем пешком. Кто знает, какие сюрпризы встретятся нам по пути к трассе? Пока мы останемся здесь, под прикрытием стен. Если станет хуже, станем прорываться врассыпную. Может, одному посчастливится добраться до штаба.

— Как поступим с Портером и Рили?

— Пока дело касается только нашей безопасности. Посмотрим, что нам удастся обнаружить, а потом я сообщу новости нашим докторам.

Мое участие в проекте ТАЛЛХАТ начиналось вполне невинно, если такое слово применимо к любой из затей Фирмы. Телеграмма нашла меня на пустынном побережье, где я слонялся без дела. Из Виргинии за мной пришла машина Штраусса. Предстоящая работа сулила немалые деньги. Кроме того, во мне проснулось любопытство — с момента последней встречи с Германом прошло

уже немало лет.

За превосходным обедом в его легендарном поместье в окрестностях Лэнгли директор Штраусс признался, что ему потребовалось мое хладнокровие. Сказал, что нужен человек в возрасте, способный сохранять самообладание. Да, он все превосходно рассчитал.

А еще он так метко выразился: «Суньте его руку в огонь, и этот хладнокровный мерзавец даже глазом не моргнет». Обо мне и раньше так говорили — лет тридцать назад. До того, как морщины испещрили мое лицо, а артрит скрючил пальцы. До того, как я оглох на левое ухо и потерял почти все зубы. До того, как землетрясение 1989 года поселилось в моих руках и заставило их дрожать. Трудно сохранять самообладание, если вынужден каждый час опорожнять мочевой пузырь. Тоже мне, герой войны, легенда Фирмы.

«Послушай, Роджер, я не собираюсь вспоминать о Кубе. Это слишком давняя история, парень».

Да, сидя за столом напротив Штраусса в его загородном доме, с парой порций виски в желудке, было так легко поверить, что все мои грубейшие просчеты забыты. Можно было поверить, что разрушительное влияние прожитых лет — всего лишь иллюзия, сфабрикованная злобными

завистниками, непременными спутниками каждого выдающегося человека.

Когда-то я был выдающимся человеком. Ветеран даже не одной, а двух мировых войн. Награжденный медалями, прославленный, внушающий страх. И Штраусс, честнейший человек с голубыми глазами, внушил мне, что былое величие не исчезло. Он наклонился вперед и спросил: «Роджер, ты когда-нибудь слышал о МКУЛЬТРА?»

И тогда я забыл о Кубе.

Ребята надели охотничьи куртки, чтобы уберечься от утренней прохлады, и с заряженными на случай недружественных контактов автоматами прочесывали окрестности до полудня. Бесполезно. Все обнаруженные следы принадлежали только оленям и кроликам. Большая часть листвы уже устилала землю красно-желтым ковром, моросил дождь, с черных веток капала вода. Попрятались даже птицы.

Я наблюдал за Доксом и Ричардсом. Докс, невозмутимый широколицый славянин, медленно передвигал ноги в тяжелых солдатских ботинках и был полностью поглощен выполнением задачи, которую я перед ним поставил. Он был очень похож на трактор — слишком прост, чтобы выполнять другие задания Фирмы, кроме чисто

силовых, и вряд ли годился на роль русского шпиона. Он мне нравился. Ричард — стройный блондин, обладает всеми качествами члена Лиги Плюща, изрядной долей цинизма и зачатками садизма. Он наверняка устроит тех передовых деятелей, которые вознамерились перестроить Фирму после неизбежной отставки президента Эйзенхауэра. К Ричардсу я не испытывал ни любви, ни доверия.

В Фирме готовилась большая чистка, и люди, подобные Ричардсу, собирались отправить на свалку истории всех ископаемых вроде меня. В некотором роде это было бы логично. Неприятности начались на самом верху, сразу после того, как старина Айк получил удар. Вопреки официальным заверениям, от его прежней власти главнокомандующего осталась одна оболочка. Ближайшие сподвижники заметили трещины в пьедестале и бросились на защиту его и без того пошатнувшегося авторитета. Преданные Фирме люди сомкнули ряды в попытке восполнить тающие способности президента и скрыть его рассеянность при помощи массового выпуска карикатур на Дика Никсона. Они пристально следили за его поведением на публике и всегда были готовы прийти на помощь в случае каких-

нибудь сомнительных поступков. Не слишком выгодная ситуация для ветеранов по сравнению с положением молодых кадров разведки.

Вряд ли задание, которое мы сейчас выполняли, привлекало ричардсов нашей Фирмы. Они предпочитали возмещать свои потери, круша черепа и перерезая глотки противникам. Такова объективная реальность, определяющая будущую линию поведения разведки Соединенных Штатов.

Мы продолжали бесплодные поиски, пока домик не превратился в неясное пятно. Здание было построено на границе веков, и, как мне показалось, Штраусс приобрел его за гроши. Уединение вполне соответствовало его мерзким замыслам. Облака сегодня буквально цеплялись за верхушки деревьев, но в разрыве между тучами я заметил отдаленную вершину. Невысокая покатая гора под названием Барсучий Холм. Там должны быть заброшенные шахты и полуразвалившиеся строения, заржавевшие части механизмов вдоль дороги. Густые леса. Заросли ежевики и бурелом. Никто не забредет сюда еще долгие годы. И не появлялся уже давно.

С Хэтчером и его людьми мы встретились в хижине. Они тоже не нашли никаких улик. Одежда

промокла, настроение было хуже некуда, хотя молодежь проявляла некоторые признаки волнения — бойцовые псы, рвущиеся в драку.

Никто из них не был на войне. Я проверял. Почти все вместо Корен посещали колледж. Даже Доке был освобожден от призыва из-за плоскостопия. Они не были на Сомме в 1916-м, не были в Нормандии в 1945-м, не были на Кубе в 1953-м. Они не видели того, что довелось повидать мне. Их страхи были мелкими, рожденными скорее неопределенностью, а не реальной угрозой. Они поглаживали свои автоматы и глупо ухмылялись.

Как только посты снаружи заняли свои места, я удалился в уборную опорожнить кишечник. Нелегкая выдалась прогулка. Я вспотел и весь дрожал, так что понадобилось несколько минут, чтобы сосредоточиться. Колени горели огнем, так что я натер их мазью и почувствовал во рту ее чесночный привкус. Потом стер капли дождя с очков, проглотил таблетку нитроглицерина и почувствовал себя в сто раз хуже, чем обычно.

Десять минут спустя я пригласил доктора Портера для разговора на заднее крыльцо. Дождь разошелся вовсю, и его шорох заглушал голоса, не давая стоящему на посту под дубом Нейлу

услышать ни слова.

Внешне Портер походил на лысую ящерицу, только на голове сиял медный ободок, от которого к нагрудному карману тянулись два провода. Белый халат был усеян брызгами и пятнами. Пальцы на руках приобрели голубовато-серый оттенок от мела. Вокруг него распространялся запах антисептика. Мы не были друзьями. Он относился к нам как к банде головорезов, предназначенных для обеспечения безопасности его грандиозного исследования.

Я обрисовал ситуацию, но мои известия не произвели никакого впечатления.

— Как раз для этого Штраусс вас нанял. Разбирайтесь сами, — сказал он.

— Да, доктор. Как раз этим я и занимаюсь. Но мне кажется, вы должны знать, что ваша работа может оказаться под угрозой, если активность противника возрастет. Возможно, нам придется эвакуироваться.

— Как найдете нужным, капитан Гарланд. — Он мрачно усмехнулся. — Вы проинформируете меня, когда наступит такая необходимость?

— Обязательно.

— Тогда я предпочел бы вернуться к работе, если вы закончили.

Его тон не оставлял в этом никаких сомнений.

Но я продолжал, скорее всего, просто назло.

— Меня разбирает любопытство, над чем вы, парни, трудитесь. Как продвигается эксперимент? Многого достигли?

— Капитан Гарланд, вам не положено задавать никаких вопросов.

Доктор снова невесело улыбнулся и еще больше стал похож на змею.

— Может, и так. К несчастью, осмотр местности не дал результатов. И я не знаю, кто и с какой целью вывел из строя транспортное средство. Не знаю, чего еще ожидать. Любая информация о проекте может оказаться полезной.

— Я уверен, доктор Штраусс сообщил вам все, что считал нужным.

— С тех пор многое изменилось.

— ТАЛЛХАТ — секретный проект. Вы должны только обеспечивать безопасность. У вас нет соответствующего допуска.

Я вздохнул и зажег сигарету.

— Кое-что мне все же известно. МКУЛЬТРА — кодовое название для органов Фирмы. Вы, ребята, психиатры, и играете с разными сильнодействующими средствами — ЛСД, гипноз, фотокинез. Черт побери, мы предполагали использовать это

дерьмо против Батисты[5]. Так и было?

— Верно. Вы не находите, что Кастро имел слишком большой успех? — Глаза Портера оживленно блеснули. — Так в чем проблема, капитан?

— Проблема в том, что КГБ разрабатывает примерно те же программы. И гораздо успешнее, если верить сплетням в Лэнгли.

— О, вам больше, чем кому бы то ни было, надо остерегаться слухов. Длинный язык стоило похоронить на Кубе вместе с вашими агентами. И все же вы оказались здесь.

Я понял игру Портера. Он пытался поддеть меня разговорами, которые люди вежливые произносили за моей спиной, и заставить сорваться. Я не поддался.

— Как я понимаю, красным не нужен проект ТАЛЛХАТ… если только вы не работаете над чем-то особенным. Над тем, чего они боятся. О чем догадываются, хотя бы косвенно, но не имеют точных сведений. Но в таком случае к чему такие

---

[5] Примечания: 5

Батиста-и-Сальдинар Рубен Фульхенсио (1901–1973) — государственный и политический деятель Кубы, генерал. В сентябре 1933 года возглавил «бунт сержантов», и январе 1934 года совершил государственный переворот и до 1940 года был фактическим диктатором, а в 1940–1944 годах — президентом Кубы. В 1944 году, потерпев поражение на выборах, покинул Кубу. В 1947 году вернулся в страну. 10 марта 1952 года вновь организовал военный переворот и установил режим террористической диктатуры.

предосторожности? У них есть два подходящих варианта: взять штурмом наше укрытие и похитить вас или просто стереть это местечко с лица земли.

Портер продолжал ухмыляться.

— Я уверен, русские могли бы похоронить наш проект. Но не кажется ли вам, что более эффективным было бы пойти на хитрость? Внедрить своего агента, разузнать все детали и выкрасть документацию? Похищение участника проекта и его допрос о ходе и целях эксперимента вызовет громкий скандал. Блуждание по лесам и мелкие диверсии только насторожат противника.

Мне было крайне неприятно слышать от него неутешительные доводы, над которыми я и сам задумался во время утренней прогулки.

— Вы правы, доктор. Ситуация еще хуже, чем я предполагал. Мы столкнулись с неизвестным противником.

— Столкнулись? Слишком драматично. Отдельный инцидент не подтверждает гипотезу. Примите дополнительные меры предосторожности, если это вас успокоит. А я нахожу, что вы вполне спокойны. Ужасно скучно изображать сторожевого пса, когда не на кого лаять.

Это было уже слишком. Обида перевесила дово-

ды рассудка, и я сбросил маску.

— Я хочу увидеть женщину.

— Зачем?

Самодовольная ухмылка исчезла, и тонкие губы Портера подозрительно сжались в линию.

— Я должен ее увидеть.

— Это невозможно!

— Едва ли. Я командую шестью вооруженными солдатами. Любой из них с удовольствием вышибет вашу дверь и предоставит мне возможность ознакомиться с лабораторией. — Мои слова прозвучали резче, чем я того хотел. Но нервы были на пределе, а его снисходительная самоуверенность затронула самые темные стороны души. — Доктор Портер, я читал ваше досье. Это было одним из условий моего участия в эксперименте, и Штраусс согласился предоставить мне дела каждого из участников. Вы и Рили засветились еще в Калифорнийском технологическом институте. Догадываюсь, что ваши учителя были не в восторге от некоторых тем, над которыми вы работали, а также от того, где вы брали на это средства. А потом тот несчастный случай с детьми в кампусе. С теми самыми, кто считал, что испытывает пилюли для похудания. Вы подсунули им… что же это было? Ах да, мескалин! Довольно странное

поведение для двух начинающих психиатров, не правда ли? Отсюда следует, что медицинская ассоциация вряд ли вам поможет, если частный сектор повернется спиной. Так что вам придется смириться с моей паранойей.

— Что ж, вам действительно кое-что известно. Тем более странно, что вы не знакомы с природой ТАЛЛХАТа.

— А вот это мы сейчас же и исправим.

Портер пожал плечами.

— Как вам будет угодно, мистер Гарланд. Ваши угрозы я отражу в своем рапорте.

Но его согласие почему-то меня не удовлетворило. Хоть я и использовал свои способности уговаривать, благодаря которым получил прозвище «Веселый Роджер», но он сдался слишком быстро. Черт бы его побрал!

Портер жестом пригласил меня к себе. Хэтчер, заметив выражение моего лица, начал подниматься со своего стула у окна, но я покачал головой, и он снова сел, хотя и продолжал сверлить доктора угрожающим взглядом.

Лаборатория скрывалась за толстой металлической дверью, вроде тех, что устанавливаются в поездах. Обстановка была спартанской, стены гладко оштукатурены, как в палате психиатри-

ческой клиники. В воздухе стоял резкий запах химикатов. Окна занавешены темной пленкой. Свет распространялся от фосфоресцирующего шара на столе. Две кровати. Полки, шкафы, пара прямоугольных установок с иглами и приставками для записи данных. Между приборами — пюпитр с неразборчивыми чернильными каракулями. Некоторые из них напоминали знаки интегралов. Слева стояла простая кушетка, а на ней полулежала, опираясь на подушки, закутанная с ног до головы фигура. Мумия.

Доктор Рили поднялся навстречу, загораживая собой кушетку — зеленовато-голубой призрак с темными впадинами глаз и рта на лице. Как и у Портера, на лбу поблескивал медный обруч.

— Приветствую, капитан Гарланд. Не ожидал вас здесь увидеть.

У него был гнусавый акцент уроженца Среднего Запада, а из-под грязного лабораторного халата выглядывали ковбойские сапоги.

— Капитан Гарланд желает видеть объект, — сказал Портер.

— Прекрасно!

Казалось, доктор Рили был очень доволен. Он потер руки, показавшиеся мне в таинственном сумрачном свете двумя морскими звездами.

— Не беспокойся, Портер. Ничего не случится, если капитан удовлетворит своё любопытство.

С этими словами долговязый доктор отступил в сторону.

Приближаясь к кушетке, я внезапно почувствовал приступ головокружения. Волосы на голове зашевелились. Свет сыграл шутку с моим зрением и предательски исказил землистое лицо старухи. Исследователи держали ее в смирительной рубашке; голова женщины тряслась, как у пьяницы, бессмысленный взгляд был направлен в одну точку, между полураскрытых губ виднелся слюнявый язык. Она была обрита наголо, седой пушок топорщился, как на рождественском гусе.

В животе у меня заурчало.

— Где вы ее нашли? — шепотом спросил я, словно старуха могла меня услышать.

— А в чем дело? — удивился доктор Рили.

— Где вы ее нашли, черт побери!

Голова старухи повернулась на слишком длинной шее, и взгляд ее мутных глаз переместился на мой голос. Беззубый рот растянулся в усмешке. Жутко.

В кладовке Хэтчера нашлась бутылка шотландского виски. Доктор Рили налил — я все еще не доверял своим рукам. Все закурили. Мы сидели

вдвоем за обеденным столом в общей комнате, а за стальной дверью остались Портер и «субъект Х». Доктор Портер был настолько недоволен моей реакцией, что отказался разговаривать. Хэтчер увел всех солдат во двор — он решил немного подбодрить людей. Отличный солдат. Жаль, что его не было со мной на Кубе.

Дождь не прекращался, тяжелые капли барабанили по металлическому навесу.

— Откуда ты ее знаешь? — вкрадчиво спросил Рили.

Я с одной затяжки выкурил сигарету до самого фильтра, выдохнул дым, глотнул виски. Затем протянул стакан за очередной порцией.

— Ты слишком молод, чтобы помнить Первую мировую войну.

— Я был ребенком.

Рили без всякой просьбы зажег мне следующую сигарету.

— Вот как? А мне было двадцать восемь, когда немцы вторглись во Францию. После отличной учебы в университете я был призван в армию и сразу произведен в офицеры. Я угодил в разведку и был отправлен на фронт. — Я невесело усмехнулся. — Это было еще до того, как Дядя Сэм решил официально заявить о своем вме-

шательстве. Знаешь, чем я занимался? Помогал организовывать сопротивление и переводил перехваченные депеши на французский. А чаще всего убегал от наступающих войск. Если везло, проводил по нескольку дней на фермах, если нет — прятался в канавах. Так вот, была там одна семья, у которой я провел девять дней в июле. Тогда тоже все время шел дождь, как и сейчас. По ночам я прятался в винном погребе, а его затопило. Видел бы ты проклятых крыс, плюхавшихся в воду каждый раз, когда я зажигал фонарь. Это были очень долгие девять дней.

Если закрыть глаза, я снова мог оказаться там, в темноте, снова слушать крысиный писк и с минуты на минуту ожидать воя двигателя на раскисшей от грязи дороге или стука кованых сапог в дверь.

— Так что там произошло?

Рили внимательно смотрел на меня и, казалось, догадывался, о чем пойдет речь.

— Старшая из женщин жила в одной комнате со своим сыном и невесткой. Пожилая дама была глухой и слепой и давно лишилась рассудка. Они связывали ей руки, чтобы старуха не могла себя расцарапать. Она лакала похлебку из обгрызенной деревянной плошки, которую держали

специально для нее. Господи, я до сих пор слышу ее хлюпанье над этой миской. Она обычно вылизывала посуду и таращилась на меня пустыми глазами.

— Могу тебя заверить, «субъект Х», не имеет к ней никакого отношения.

— Я и не думал, что это не так. Я всмотрелся в ее лицо и понял, что ошибся. Но эти несколько секунд… Рили, происходит нечто странное. Совсем не то, на что рассчитывал Штраусс. Ответь мне откровенно: над чем вы работаете?

— Капитан, тебе должна быть понятна моя позиция. Я поклялся молчать. Если я начну обсуждать с тобой ТАЛЛХАТ, Штраусс оторвет мне яйца. Или мы просто тихо исчезнем.

— Это так важно?

— Да. — Взгляд Рили смягчился. — Мне очень жаль. Доктор Штраусс обещал нам десять дней. Через неделю мы упакуем своё оборудование и вернемся в цивилизованный мир. Надеюсь, мы сможем продержаться это время.

Доктор потянулся через стол, чтобы наполнить мой стакан, и я схватил его за запястье. Пусть говорят, что я никуда не годен, но он не смог вырвать руку.

— Ладно, парень, — заговорил я. — Пока будем

играть по вашим правилам. Но если мы увязнем в этом дерьме, я сворачиваю операцию. Ты меня понял, сынок?

Он ничего не ответил. Просто вырвал руку и скрылся за металлической дверью. Затем вернулся с тонкой коричневой папкой и бросил ее на стол. На его лице сияла почти торжествующая улыбка.

— Прочитай это. Я ничего тебе не скажу, но тебе будет над чем подумать. Не показывай Портеру, ладно?

С этим он ушел, так и не взглянув мне в глаза.

Ненастный сырой день сменился темным дождливым вечером. Мы развели веселый огонь в пузатой печке и высушили одежду. Роби, закончивший краткосрочные курсы повара в колледже, разогревал гамбургеры на ужин. Потом Хэтчер с ребятами сели за партию в покер под звуки радио. Прогноз погоды обещал на завтра то же самое, если не хуже.

«Превосходные условия для атаки», — подумал я, улегся на свой топчан и стал читать папку Рили. Спустя некоторое время меня одолела мигрень. Пришлось отказаться от чтения и заняться записями в журнале. Мысли никак не хотели успокаиваться.

Интересно, что это за медные обручи? Я прослужил больше пятидесяти лет, но ни разу не видел ничего подобного. Хотя они напомнили мне о слухах относительно экспериментов, проводившихся немцами в Аусшвице. Помнится, Менгеле был без ума от всяких новомодных штучек. Может, наши ученые перехватили его переписку и позаимствовали свежие идеи?

«Кто скрывается под именем „субъект Х“»? Я записал вопрос на полях журнала. А потом вспомнил все крохи сведений, которые сообщил мне Штраусс. Теперь я точно знал, что задавал слишком мало вопросов. Не стоит недооценивать Штраусса. Он один из немногих Великих Ветеранов Фирмы. Он получал все, чего хотел и когда хотел. Он поспевал повсюду и знал все обо всех. Стоило ему щелкнуть пальцами, происходило задуманное им событие. Мало кто мог ему противостоять.

Штраусс был моей единственной поддержкой. И конечно, я позволил ему водить себя за нос. На мой взгляд, золотые часы могли стоить свидетельства о смерти. Взгляды Штраусса мало чем отличались от убеждений герра Менгеле, так что ему ничего не стоило подцепить меня на крючок.

«Десять дней в сельской местности. Я приспособил под мастерскую свой домик неподалеку от Барсучьего Холма. Двое моих лучших людей будут заниматься исследовательской работой. Важной работой…», — «Имеются в виду психотропные препараты? Я видел, чем это может закончиться, и не хочу снова оказаться поблизости», — «Нет, нет. Это уже пройденный этап. У нас совсем другое дело. Они будут наблюдать за субъектом, обладающим необычной способностью к мозговой активности. Ненормальной способностью, конечно, но не нами стимулированной». — «Эти ваши доктора, они собираются вести записи?», — «Обязательно». — «Так в чем проблема, Герман? Разве у тебя здесь мало возможностей? Зачем посылать нас куда-то в дебри Тимбукту?», — «Айк уже уходит со сцены. И лучший друг, какого только может пожелать оперативник, гоже. Вскоре власти непременно прикроют МКУЛЬТРА. Господи, да в отделе со дня на день начнут уничтожать документы. Меня известили, что все работы должны быть закончены к концу следующего месяца. Следующего месяца!», — «И никто не в курсе относительно ТАЛЛХАТ?», — «Никто и не должен о нем узнать, пока мы не достигнем результатов. Я бы с радостью отправился вместе с вами и сам

провел эксперимент». — «Это неразумно. Если ты исчезнешь с радара, пойдут разговоры. На что же способна та женщина, если для тебя это так важно?», — «Она может видеть на большие расстояния, обладает даром ясновидения. Она рисует картинки, а ученые экстраполируют…», — «И на что ты надеешься?», — «Это очень важно. Теперь ты понимаешь, Роджер? Ты мне нужен. Никому другому я не могу довериться». — «А что это за субъект?», — «Ее зовут Виргиния».

Я перевернулся и посмотрел на металлическую дверь. Она там и смотрит сквозь стальные листы.

— Эй, кэп! Не хочешь присоединиться? Я уже проигрался в пух и прах!

Хэтчер поджег гаванскую сигару и покачал головой, глядя, как Дэвис сгребает со стола выигрыш. Затем последовал хор грубых насмешек и советов выбраться из койки, чтобы принять пилюли.

Я решил продемонстрировать покладистый характер.

— Не сегодня, друзья. Я должен хорошенько выспаться. Для нас, стариков, это очень важно.

За столом рассмеялись. Меня лихорадило, пока не пришел сон. Сновидения не доставили удо-

вольствия.

Большую часть четвертого дня я провел за изучением материалов, предоставленных Рили. От этого в голове все еще больше перепуталось. В папке были собраны разные загадочные материалы. Только этого мне сейчас и не хватало — статей о привидениях и загадочных явлениях.

Кроме этого, были и копии библиографических документов, несколько записок Штраусса, адресованных Портеру. А еще подробные медицинские отчеты о состоянии «субъекта Х». В этом жаргоне я мало что понял, кроме того, что термины «не поддающийся классификации», и «неизвестного происхождения», попадались слишком часто. Все это было очень интересно, но ничего не объясняло такому дилетанту, как я. Больше того, выдержки из архивных документов были не менее загадочными. К примеру, один из отрывков из «Колониальной истории Каролины», звучал следующим образом:

«За период между 1588 и 1589 годами на острове Роанок бесследно исчезло население целого города. По возвращении из Англии после длительного отсутствия губернатор Уайт обнаружил, что город покинут жителями. Кроме случайных пожаров от оставленных без присмотра печей,

в результате чего сгорело несколько домов, не было никаких следов борьбы, хотя испанцы и коренные жители основательно разграбили город. Не было обнаружено ни тел убитых, ни следов крови. Единственным намеком на судьбу колонистов была странная надпись, вырезанная на деревянном заборе: „Кроатан“. На дереве неподалеку от этого места были также обнаружены буквы КРО. Уайт предположил, что это означало бегство на остров, где проживали индейцы племени кроатан. Сезон ураганов помешал дальнейшим поискам, и они были начаты только два года спустя, после повторной попытки колонизации. Последующие поиски не дали никаких результатов, хотя некоторые ученые высказали предположение, что английское население города было ассимилировано местными племенами. Но никаких объективных подтверждений этой теории не было обнаружено. Явление до сих пор остается загадкой…»

В папке содержалась еще масса подобных заметок. Их содержание никак не объясняло тот факт, что Штраусс, блистательный и практичный Штраусс, растрачивает силы и знания молекулярного биолога, физика и психиатра, тратит немалые деньги на пахнущие плесенью старые

легенды.

Я не имел об этом ни малейшего представления, и это меня беспокоило.

Этой ночью мне снились кошмары. Сначала я оказался в том самом сельском доме во Франции за ужином со всей семьей. Мой французский был слабоват, но, к счастью, одна из женщин говорила по-английски, так что мы могли объясняться. Возникший разговор о немецких шпионах заглушало громкое хлюпанье. Во главе стола сидела Виргиния и вылизывала свою обгрызенную плошку. В какой-то момент она мне подмигнула. Заплакал ребенок.

Потом была Куба и полный провал операции, подготовленной нами для партизан Кастро. Моя разведка не смогла обнаружить значительные силы правительственных войск. Партизаны были рассеяны отрядом Батисты, а молодой Кастро едва спасся бегством. Пятеро моих лучших людей погибли в общей резне. Еще двоих взяли в плен и пытали. Они умерли, ничего не рассказав. К счастью для меня.

Я слышал их стоны в маленьком домике посреди леса, но не мог отыскать дверь. На стене кто-то написал: «КРОАТАН».

Потом я наткнулся на Хэтчера, подвешенного

на ветке дерева. Прямо перед глазами оказался значок с надписью «Я люблю Айка». Хэтчер звал меня: «Помоги мне, кэп».

Ребенок заливался плачем. Виргиния в кресле на колесиках сидела на крыльце и баюкала младенца. Глаза старухи были как дырки в тесте. Желтым загнутым ногтем она провела поперек горла.

Я сел на кровати, давясь от рыданий. Я не плакал ни разу после того, как получил пулю во время Первой мировой войны. В домике было абсолютно темно. Люди передвигались по комнате на ощупь.

Хэтчер зажег керосиновую лампу.

— Генератор накрылся.

Поблизости раздавались жалобы и ругательства ученых, клянущих своё невезение.

Мы так и не выяснили, почему сломался генератор.

Пятый день прошел без особых происшествий.

На шестой день мой несчастный мир рухнул.

С самого утра начались неприятности. Доктор Рили присоединился к нам с Хэтчером за завтраком. Он был заметно не в себе и очень бледен. Рили схватил тарелку с холодными пирожками и принялся их поглощать. Тонкие пряди волос

упали на глаза. Он похрюкивал, как поросенок.

Хэтчер отодвинулся от стола. Я спокойно обратился к доктору:

— Эй, Рили, Роби принесет еще пирожков. Не стоит так спешить.

Рили исподлобья взглянул на меня и прохрипел:

— Она заставила нас снять их.

От удивления я открыл рот. На нем не было медного обруча. Осталась только полоска незагоревшей кожи.

— Рили, о чем ты толкуешь?

Я еще не успел договорить, а Хэтчер встал из-за стола, вытащил пистолет и осторожно скользнул за дверь лаборатории.

— Старые глупые ублюдки.

Рили пожирал пирожки и ронял крошки на стол. Он стал смеяться, пока слезы не брызнули из глаз, потом потер пальцами след от обруча.

— Это были наши щиты, папаша. Они излучали частоту, которая мешала ей… воздействовать на нас. — Он на мгновение перестал жевать и беспокойно оглянулся по сторонам. — А где твои маленькие солдатики?

— В патруле.

— Ха-ха. Лучше бы ты позвал их обратно, па-

паша.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Просто так будет лучше.

Помрачневший Хэтчер вышел из лаборатории.

— Портер исчез и прихватил с собой «субъект Х».

Я надел очки. Достал пистолет.

— Доктор Рили, мистер Хэтчер будет вас охранять. Это в интересах вашей безопасности. Должен предупредить, если вы дадите хоть какой-то повод, я вас уничтожу.

— Правильно, Веселый Роджер! Ты мастер по уничтожению людей. Сколько их было, кэп? Со времен Первой мировой? А если еще посчитать и детей, а?

Рили, как обезумевший койот, продолжал тявкать, пока Хэтчер не стукнул его в висок рукояткой пистолета. Доктор вздрогнул и свалился на пол.

Я открыл пузырек и забросил в рот две таблетки нитроглицерина.

Хэтчер не терял присутствия духа. Он одновременно докладывал обстановку и пристегивал Рили наручниками к центральному столбу, поддерживающему крышу.

— Похоже, он убежал через окно. Никаких сле-

дов борьбы.

— А документы?

— Все выглядит нетронутым. На кровати осталась одежда Портера. И еще в комнате осталась ее смирительная рубашка.

Портер оставил свою одежду? Мне это совсем не понравилось.

Дождь продолжал стучать в темные окна.

— Давай соберем всех людей. Организуем поисковые партии.

Я предчувствовал беду. В такую погоду сложно отыскать следы. У Портера могут быть сообщники. Для него самым лучшим было бы вместе с «субъектом Х», убежать подальше, укрыться под защитой коммунистов и навсегда исчезнуть из моей несчастной жизни. Внутренний голос подсказывал, что я сваляю дурака, если поверю в этот сценарий. Вот теперь действительно пора почувствовать себя подавленным и обманутым. Я заставил свой внутренний голос умолкнуть.

Хэтчер схватил меня за плечо.

— Кэп, только прикажи, и мы их поймаем. Ребята так и рвутся в драку. Никто не станет возражать против уничтожения предателя.

— Решено. Мы разобьемся на пары и прочешем все вокруг. Если представится возможность, надо

схватить Портера живым. Я хочу узнать, на кого он работает.

— Неплохо сказано. Надо только, чтобы кто-то остался охранять дом.

Я понял, что он имеет в виду меня. Люди должны будут двигаться быстро, а я был слишком стар — слабое звено. Я буду их задерживать, могу подвести кого-нибудь из солдат.

Я отреагировал со всей имеющейся вежливостью, на которую был способен.

— Я сам за это возьмусь. Отправляйтесь, вам надо поторапливаться.

Мы созвали всех людей, и я обрисовал обстановку. Все были поражены, что Портер решился на такой низкий поступок. Я быстро набросал план и отправил их на поиски в едва намечавшихся лучах ветреного рассвета. Хэтчеру не хотелось оставлять меня одного, но у нас было слишком мало людей. Он пообещал доложить о результатах не позднее чем через три часа, что бы ни произошло.

И они ушли.

Я запер дверь, закрыл ставни, заметив сквозь щели, что уже становится светло.

Рили опять стал смеяться. На этот раз его голос стал глубже, звук поднимался из самой груди. От

него исходил отвратительный запах, который мог бы сравниться только с вонью старого козла.

— Как насчет сигареты, кэп?

Губы неприятно скривились. Его лицо из бледного стало землисто-серым. Он выглядел так, словно истекал кровью. Все признаки совпадали.

— Они отыщут твоего приятеля, — сказал я.

Упоминание о сигарете показалось мне уместным, так что я прикурил и затянулся. Одним глазом я присматривал за доктором, другим — поглядывал во двор.

— Да, они наверняка сцапают его рано или поздно, а когда это случится... — Я не стал договаривать.

— Чудесно, кэп! Все правильно! Как ловко тебя провели! Говорят, ты когда-то был сообразительным. Штрауссу не потребовалось много усилий, чтобы запудрить тебе мозги, не правда ли? Подумай, почему я дал тебе прочитать эту папку? Да потому, что все это не стоит и выеденного яйца! Он приказал предоставить тебе все, чего бы ты ни попросил. Говорил, что это придаст дополнительный интерес.

— Расскажи-ка мне поподробнее, Рили.

— Ты еще не понял, в чем шутка? Наша дорогая Виргиния совсем не та, за кого ты ее принима-

ешь, нет, сэр.

— Тогда кто же она?

— Это оружие. Мерзкое, отвратительное оружие. Штраусс готов поставить на кон своё поместье, что эта штучка может выиграть для США «холодную войну». Но, понимаешь, сначала ее нужно испытать. — Он стукнул сальным затылком по столбу и дико расхохотался. — Наши нахлобучки должны были предохранить мозги от закипания. Штраусс — а после него и уйма добровольцев — прошли через ад, пока не подобрали нужную конструкцию. Обручи должны были сработать… Не понимаю, почему они перестали действовать. Несчастный случай. Теперь уже все равно.

— Куда Портер ее утащил?

— Портер не уводил Виргинию. Это она его увела. Но она вернется за тобой.

— «Субъект Х», обладает даром провидения?

У меня внезапно пересохло в горле. Сразу несколько частей головоломки встали на свои места.

— Да, она ясновидящая, и не только. У нее масса способностей. Но Штраусс тебя обманул. Мы притащились сюда вовсе не для того, чтобы с ее помощью разыскивать иголки в стоге сена. Ты

захлебнулся бы блевотиной, если б увидел…

— Есть здесь кто-нибудь еще? У Портера имеются сообщники?

— У Портера? Портер — просто добыча. Тебе лучше поостеречься *ее*.

— Хорошо. А у *нее* есть сообщники?

— Нет. Она не нуждается в помощи. — Рили понесло. — Надо было видеть лица тех несчастных. У Штраусса в сейфе хранятся фотографии. Целая пачка. Толстая. На создание обручей ушло очень много времени. Несколько особо тяжелых случаев он попытался скрыть. Господи, кэп, я никогда не поверил бы, что есть еще такие простаки, как ты.

— Штраусс очень осторожен, — сказал я. — На эксперименты, должно быть, ушел не один год.

— Пятнадцать лет, или около того. И трупы принадлежали не только закоренелым преступникам. Этот домик был выбран не зря. Трое парней из Фирмы видели эти материалы. То есть я видел только троих. Эти трое со временем стали нервничать и сомневаться. Штраусс позволил ей избавиться от них. Они уже не представляли никакой ценности. Но, должен тебе сказать, эти парни хотели жить. — Рили немного успокоился. — Она справилась, но это было ужасно, и

Штраусс решил, что необходимо провести полевые испытания. Она требовала больше «живых мишеней», как он выразился. Портер и я знали, что он имел в виду людей из Фирмы. Он больше не мог рисковать оперативниками, их исчезновение было слишком заметным. Требовались тренированные бойцы, вроде русских или немцев. Настоящие убийцы.

— Вроде меня и моих людей, — сказал я.

— Орден за догадливость, — насмешливо прохрипел он и забарабанил каблуками ковбойских сапог по дощатому полу. Смех перешел в визг, на руках и шее вздулись узлы мускулов. — Господи, она гоняла нас всю ночь, о Боже!

Дальше он стал что-то неразборчиво бормотать и рваться с такой силой, что столб затрещал.

Этот разговор окончательно измотал меня. Лучше уж смотреть сквозь залитое дождем окно на выступающие из предрассветного мрака деревья. Мочевой пузырь опять дал о себе знать, но выходить наружу было опасно, так что я разыскал жестянку из-под кофе и облегчился. Руки тряслись, и кое-что пролилось на пол.

У Рили прекратились судороги, и он в какой-то мере успокоился. Я дождался осмысленного взгляда и заговорил:

— Рили, я хочу тебе помочь. Скажи, что Портер — или она — с тобой сделали? Тебя отравили?

Мысль была слишком опасной. А вдруг он скажет, что Портер бросил какую-то заразу в наш источник… Я постарался выбросить это предположение из головы. Как можно скорее.

— Она ездила на нас, кэп. Ты что, не слушал меня? — В конце фразы он перешел на визг. — Теперь я хочу умереть. — Рили уронил подбородок на грудь и еще что-то пробормотал.

Я оставил его в покое. В уме вертелась какая-то глупая песенка. Да, я слишком расслабился, сидя на берегу Кони-Айленда, слушая крики дерущихся из-за добычи чаек и ожидая конца.

Вся ситуация стала напоминать черную комедию. Этот дьявол Штраусс предал нас? Я всегда знал, что он похож на Макиавелли. Я наблюдал, как он загоняет в угол людей получше, чем я. И сам ему в этом помогал. Да, я оказался простаком, в этом можно не сомневаться. Беда в том, что я до сих пор не мог понять, с чем же мы столкнулись. Рили до ужаса боялся Виргинии. Это логично, я и сам вздрогнул, когда впервые ее увидел. Я мог поверить, что она способна на многое, — возможно, она обладает какими-то уникальными знаниями, как те сумасшедшие ученые, которых мы запира-

ли в лабораториях и выбивали секреты ядерных установок. То, что она переменилась в лице, когда меня увидела, наводило на подобные мысли.

«Это оружие. Мерзкое, отвратительное оружие». Я не понимал, что это означало. Да меня это и не очень интересовало. С Рили что-то произошло. Может, это сделала Виргиния, может — Портер, а может, и проклятые деятели КГБ обработали его мозги коротковолновыми импульсами. В любом случае мы угодили в ловушку. Больше всего меня беспокоило, как отсюда выбраться.

Я проверил пистолет и стал ждать. И составлять планы.

Из утренней экспедиции никто не вернулся.

Приблизительно к семнадцати часам я понял, что попал в западню. Операция провалилась, основной объект исследований исчез. Отряд, направленный для его охраны, тоже пропал, может быть, погиб или захвачен в плен.

Что делать? Я сделал то, что делает каждый профессиональный разведчик в подобных случаях: развел огонь в печи и принялся сжигать бумаги. Через сорок пять минут все записи относительно проекта ТАЛЛХАТ превратились в пепел. То же самое произошло и с моим журналом. Доктор

Рили молча наблюдал за моими действиями. Еще до того, как я закончил, он впал в полубессознательное состояние.

К своему несчастью, я решил осмотреть его раны.

Не знаю, что мною двигало. Я вел себя как ребенок, тычущий палкой в мертвого зверька. Я был вынужден. Осторожно подняв его рубашку, я обнаружил в его спине три отверстия — одно у основания шеи, и два повыше поясницы. Каждое было размером с грецкий орех и сочилось темной кровью. Раны источали запах гниющей плоти, запах гангрены.

«Она ездила на нас, кэп!»

Благодарю Господа за долгие годы военной дисциплины — защита сработала. Если солдат может переносить вид брошенных в огонь детей и сохранять при этом рассудок, то он в состоянии перенести и вид трех дыр в спине взрослого мужчины. Я заставил себя отвлечься от этого ужасного зрелища и постарался не задумываться, что этот случай стал самым неудачным за все время работы. Достойное завершение карьеры!

Я принял решение прорываться к трассе. Двадцатимильная дистанция. И даже больше, поскольку я вряд ли решусь двигаться по просел-

ку. Но все же это мне по силам. В тот момент я был уверен, что смогу бегом пробежать весь путь, если потребуется. Да, прекрасная мысль, но она запоздала.

— Кэп, помоги мне, — раздался голос Хэтчера сквозь шорох дождя.

Я прильнул к окну. Близились сумерки. Я разглядел его в некотором отдалении, между двумя деревьями. Руки были протянуты вперед, словно в приветствии. А потом я увидел веревку.

— Кэп, помоги мне!

Лицо несчастного было белым, как алебастр. Я раскрыл рот, чтобы крикнуть, но позади послышались тяжелые шаги, и сердце екнуло.

— Ну, кэп, помоги ему, — негромко произнесла Виргиния.

Я повернулся и увидел ее. Выбритый череп подпирал потолок. Морщинистое лицо, ухмыляющееся и слюнявое. Она показалась такой высокой, потому что восседала на широкой спине Докса, вцепившись желтыми ногтями в его уши. Он двинулся ко мне с абсолютно отсутствующим видом.

Пистолет подпрыгнул в моей руке, раздался оглушительный грохот выстрела. Потом пальцы Докса сомкнулись на моей шее, и наступила

темнота.

Мне не снилась Куба, не снилось неудачное нападение на гарнизон Батисты. Я не видел темных зимних улиц Дрездена, засыпанных пеплом. Не видел и Сомма с его грязными канавами и крысами.

Мне снилась цепочка людей, бредущих по полю. Некоторые из них были тщательно одеты, некоторые забыли обуться, а некоторые вообще позабыли про одежду. Лица были лишены всякого выражения, словно заснеженная равнина. Люди спотыкались. Их было около сотни — мужчины, женщины, дети. Шли молча. Перед ними в земле разверзлась пропасть. Запахло падалью. Один за другим люди подходили к краю и падали в бездну. Никто даже не вскрикнул.

Я очнулся и увидел перед собой стену домика, освещенную лампой. Все было расплывчатым, поскольку я потерял свои очки. Что-то случилось с ногами, они были парализованы. Я подозревал, что сломана спина. Хорошо, хоть нет боли.

Паралич, казалось, коснулся и моих ощущений — я еще испытывал страх, но неотчетливо, как в тумане. Вокруг меня плескалось ледяное спокойствие.

— Доктор Рили был введен в заблуждение.

Герман никогда не намеревался проводить испытания.

Голос Виргинии вибрировал где-то у меня за спиной. Ее тень упала на стену. Дрожащий силуэт, почему-то распавшийся на несколько частей. От ее шагов скрипнули половицы. Мысль перевернуться на другой бок вызвала у меня испарину, так что я остался лежать в той же позе и с отвратительным любопытством уставился на ее тень.

— Это было в некотором роде пожертвование. Мать будет довольна. И он получит свою награду.

— Мои люди, — произнес я с трудом, так как горло саднило.

— Они с Матерью. Кроме этой скотины. Ты его убил. Мать не принимает мертвой пищи. Тебе должно быть стыдно, Роджер. — Виргиния хихикнула. Звук медленно отдалился, и ее тень уменьшилась. — Да, твоя спина не пострадала. Вскоре к твоим ногам вернется чувствительность. Я не хотела, чтобы ты сбежал до того, как мы поговорим.

Я мысленно представил шеренгу людей. Во главе с Хэтчером они продвигались по лесу и поднимались на холм. Дождь хлестал вовсю, и

солдаты увязали в грязи. Никто не разговаривал. Автоматы опущены дулом вниз. Впереди в склоне появилась расселина. Влажное устье пещеры. Темнота поглощала их одного за другим…

Раздался новый звук и прогнал мой сон наяву — рыдания. Это Рили: он задыхается от смеха. Эти безумные звуки подсказали, что Виргиния нагнулась над ним.

— Я вернулась за тобой, Роджер. А этот… Я думаю, он исчерпал лимит, хотя и полон решимости. Какая жизнестойкость!

— Кто ты?

Я увидел, что несколько фрагментов ее тени вытянулись в стороны, словно ищущие жертву щупальца. Потом послышался слабый шелест. В голове шевельнулась мысль о плотоядных растениях гигантских размеров, и я зажмурился.

Рили завизжал.

— Не бойся, Роджер, — проскрежетала Виргиния, слегка запыхавшись. — Мать хочет с тобой встретиться. Ты удостоился великой чести! Не часто Она обращает внимание на такое несвежее блюдо, как ты. Если тебе повезет, Она успеет насытиться остальными. Она подарит тебе второе рождение. Станешь человеком в Ее образе. Ты стар, это правда. Но старость — прекрасное

состояние. Чем старше становишься, тем больше поводов наслаждаться. Чем больше наслаждаешься, тем большее удовольствие испытываешь. Существует так много удовольствий.

— Вздор! Если таковы были условия сделки, то расплачиваться должен Герман, а не я!

— Ну, Герман чересчур осторожен. Но и у него имеются свои обязанности. Я еще вернусь и немного поработаю с ним.

— Кто ты такая? И кто твоя мать?

Я говорил как можно громче в надежде заглушить возню Рили. И чавканье. Я не мог остановиться.

— Где Штраусс тебя разыскал? Господи!

— Ты читал материалы, я узнала от ученых. Если ты их прочел, то должен знать, где я родилась и кто я такая. Ты узнал Мать — Ее имя написал колонист на заборе, помнишь? Это имя белые исследователи дали тем аборигенам, что поклонялись Ей. Идиоты! По-моему, англичане — самая тупая нация из всех. — Виргиния снова захихикала. — Я была первой христианкой, рожденной в Новом Свете. Я была особенной. Остальные стали провиантом. Бедные папочка и мамочка. Бедные все остальные! На самом деле Мать совсем обыкновенная. У Нее есть основные

потребности. Она родила меня заново, дала мне другую плоть, более совершенную, и теперь я помогаю Ей в старой грандиозной игре. Она послала меня отыскать Германа. Герман тоже помогает Ей. Мне кажется, ты тоже смог бы Ей помочь.

— Где твоя мать? Она здесь?

— Неподалеку. Она постоянно перемещается. Какое-то время мы жили на воде. Но холм лучше, шахты уходят так глубоко. Она ненавидит свет. Такие, как Она, все не любят свет. Горняки приходили, и Она поговорила с ними. Горняков больше нет.

Я хотел что-нибудь сказать, все, что угодно, лишь бы заглушить сдавленные стоны Рили. Вскоре они затихли. Из-под плотно сжатых век по моим щекам покатились слезы.

— А медные обручи действовали на самом деле или это тоже было частью игры?

Мне было наплевать на ответ.

Виргинии понравился вопрос.

— Превосходно! Что ж, они действовали. Именно поэтому я устроила встречу с Германом и согласилась содействовать ему. Он умен! Его маленькие штучки мешали мне, пока мы не приехали сюда, где влияние Матери гораздо сильнее. Я ведь просто проводник Ее грандиозной силы.

Она непостижима!

— Ты говорила о какой-то игре.

— Ты считаешь, что это люди изобрели шахматы? — сказала она. — Могу тебя заверить, есть соревнования гораздо более привлекательные. Я побывала в университетах, многое видела. Ты был на полях сражений и тоже многое повидал. Ты не считаешь, что время пришло?

— Для чего?

— Когда люди окончательно закоптят небо своими бомбами, когда земля остынет, Мать, Ее братья, сестры и дети смогут снова выйти на поверхность! Разве есть более достойная цель? О, вот тогда мы повеселимся!

Что я мог ей ответить на это?

Виргиния и не ждала ответа.

— Динозавры не смогли этого достичь за сотни миллионов лет. И акулы, живущие в своих океанах достаточно долго. Обезьяны казались более многообещающими, но они не оправдали надежд. Человечество гораздо перспективнее. Люди обладают страстью к огню и тайнам. Под чутким руководством они — и ты — смогут вернуть мир к тому райскому состоянию, когда под тусклым солнцем расползались огромные ледники. Нам нужны такие личности, как Адольф, как Герман,

нужны их полезные способности. Люди, которые вернут в мир зимнюю тьму, могут потом прыгать вокруг костров. Такие, как ты, дорогой Роджер. Такие, как ты.

Под конец Виргиния опять захихикала.

Перед моим мысленным взором встал ядерный гриб Хиросимы, и я чуть не закричал. Потом вспомнил Аушвиц, Верден, все остальное. Да, время пришло.

— Ты выбрала не того человека, — сказал я как можно более решительно. — Ты не знаешь обо мне главного: я упрямый патриот.

— Мать высоко ценит эту черту, дорогой Роджер. А теперь будь умницей и не двигайся. Я вернусь через минуту. Надо принести тебе плащ. Снаружи идет дождь.

Тень Виргинии исчезла за дверью лаборатории. Оттуда раздались звуки опрокидываемых предметов и бьющегося стекла.

«Ее братья, сестры и дети. Провиант».

Во рту стало горько. И Герман помогает таким существам, чтобы превратить Землю в ад. Ради чего? Ради власти? Ради обещанного бессмертия? Вид проклятой долгожительницы Виргинии должен был предостеречь его от подобного желания.

«Ох, Герман, какой ты дурак!», Где-то в уголке мозга появилась мысль, что я могу переменить своё мнение после встречи с Матерью. Что наступит день, когда я снова сяду за один стол с Германом и преломлю с ним хлеб в ожидании нового рассвета.

Вспотевшими пальцами я достал нож из сапога, высвободил лезвие. Если бы у меня хватило смелости перерезать себе вены! Я попытался это сделать, но не хватало решимости. Семьдесят лет стремления наверх стерли во мне все следы склонности к самоуничтожению.

И я начал вырезать послание на деревянных досках пола. Предостережение. Хотя как можно описать эти неправдоподобные события? Этот ужас? Я захохотал в истерике и чуть не сломал от усердия нож.

Я успел вырезать только буквы КРО, а потом вернулась Виргиния, села на меня верхом и погнала на встречу со своей Матерью.

Перевод: И. Савельева

Дейл Бейли, Натан Бэллингруд

Трещина

Dale Bailey, Nathan Ballingrud «The Crevasse», 2009

Больше всего он любил тишину и девственную чистоту шельфового ледника: усердное дыхание собак, идущих назад по собственному следу, шорох полозьев по снегу, молочно-радужный свод неба над головой. Сквозь снежную завесу Гарнер вглядывался в бесконечные ледяные просторы, расстилающиеся перед ним, а ветер кусал лицо, заставляя время от времени соскребать тонкую корочку льда с краев ветрозащитной маски; только шорох, с которым ткань маски соприкасалась с лицом, напоминал ему, что он еще жив.

Их было четырнадцать. Четверо мужчин, один из которых — по имени Фабер — лежал на санях позади Гарнера. Он был привязан и большую часть времени оставался без сознания, но иногда пробуждался из глубин морфинового сна и начинал стонать. Десять больших серо-белых гренландских собак. Двое саней. И тишина, подавляющая все воспоминания и желания, создающая пустоту внутри. А ведь он приехал в Антарктиду именно ради этого.

Но вдруг тишина оборвалась — вскрылась старая рана.

Раздался оглушительный треск, будто молния ударила в камень и расколола его пополам; лед задрожал, и собаки, запряженные в главные сани в двадцати метрах от Гарнера, взвыли от страха. Это произошло прямо на глазах у Гарнера: главные сани перевернулись — Коннелли при этом упал в снег — а затем будто огромная рука схватила их и потянула вниз, пытаясь затащить в трещину во льду. Потрясенный Гарнер еще какое-то мгновение сидел и смотрел, что будет дальше. Торчащие камнем из земли сломанные сани все приближались и приближались. И тут время словно споткнулось и резко скакнуло вперед. Гарнер развернулся и бросил назад крюк, чтобы затормозить. Крюк царапал лед. Когда он наконец зацепился, Гарнера сильно тряхнуло. Веревка натянулась, и сани замедлились. Но этого было недостаточно.

Гарнер бросил второй крюк, затем еще один. Крюки цеплялись за лед, сани дергались из стороны в сторону, один полоз поднялся в воздух. На мгновение Гарнеру показалось, что сани перевернутся и накроют собой собак. Но полоз снова опустился на землю, сани заскользили по

льду, поднимая ледяные брызги, пока наконец не остановились.

Стуча зубами и подвывая, собаки жались к саням. Гарнер спрыгнул на снег, не обращая на них никакого внимания. Он оглянулся на мертвенно-бледного Фабера, который чудом не свалился в снег, а затем бросился к сломанным саням, перепрыгивая через рассыпавшийся груз: еду, палатки, посуду, медикаменты, среди которых сверкали медицинские инструменты и несколько бриллиантов — ценных ампул морфия, которыми так дорожил Макрэди.

Сломанные сани едва держались на краю глубокой черной трещины во льду. Когда Гарнер подошел ближе, сани под весом запряженных в них собак сдвинулись на сантиметр, а затем еще на сантиметр. Собаки скулили, царапая когтями лед, в то время как ремни упряжи увлекали их вниз под весом Атки, ведущего пса, который уже исчез за краем пропасти.

Гарнер представил себе, как пес изо всех сил пытается высвободиться из ремней, погружаясь все глубже в черный колодец, наблюдая за тем, как неровный круг бледного света над его головой уменьшается и отдаляется от него сантиметр за сантиметром. От этой мысли Гарнер почувство-

вал дыхание ночи внутри самого себя, ощутил на себе вековую тяжесть тьмы. Вдруг чья-то рука схватила его за лодыжку.

— Черт! — воскликнул Гарнер. — Держись…

Наклонившись, он схватил руку Бишопа и потянул его наверх, подошвы ботинок скользили на льду. Вытащив его на поверхность, Гарнер по инерции упал в снег, а Бишоп упал рядом и свернулся в позе зародыша.

— Ты в порядке?

— Лодыжка, — сквозь зубы проговорил Бишоп.

— Ну-ка, дай я посмотрю.

— Потом. Где Коннелли? Что с Коннелли?

— Он упал…

Сани с металлическим скрежетом двинулись с места. Они сдвинулись на полметра, а затем снова остановились. Собаки взвыли. Гарнер никогда не слышал, чтобы собаки издавали такие звуки — он даже не знал, что собаки могут издавать такие звуки, — и на секунду их бессловесный слепой ужас охватил и его самого. Он снова подумал об Атке, который висел там, на ремнях, пытаясь уцепиться когтями за воздух, и почувствовал, как внутри него все перевернулось.

— Соберись, парень, — сказал Бишоп.

Гарнер глубоко вдохнул, ледяной воздух обжи-

гал легкие.

— Сейчас нужно собраться, док, — сказал Бишоп. — Ты должен обрезать веревки.

— Нет!..

— Мы должны освободить сани. Спасти оставшихся в живых. Так нужно, или мы все здесь умрем, понимаешь? Я не могу двигаться, поэтому этим придется заняться тебе…

— А как же Коннелли?..

— Не сейчас, док. Делай, что я тебе говорю. У нас нет времени. Понимаешь?

Бишоп пристально смотрел на него. Гарнер попытался отвернуться, но не смог. Он будто окаменел под пристальным взглядом товарища.

— Ладно, — сказал он.

Гарнер, пошатнувшись, встал. Он опустился на колени и принялся копаться в обломках. Отбросил в сторону пачку риса, смерзшегося в комья, открыл одну из коробок — в ней оказались бесполезные сигнальные ракеты — и отшвырнул ее в сторону, взялся за другую. На этот раз ему повезло: в коробке лежал моток веревки, молоток и несколько скальных крючьев. Сани заскользили ближе к краю трещины и повисли на середине, их задняя часть приподнялась над поверхностью земли, собаки вновь заскулили.

— Быстрее! — сказал Бишоп.

Гарнер стал вбивать крючья как можно глубже в многолетнюю мерзлоту и несгибаемыми из-за толстых перчаток пальцами продевать веревку в кольца. Другим концом веревки он обвязал себя вокруг пояса и направился к краю разлома в леднике. Лед с треском ходил под ногами. Сани дрогнули, но не сдвинулись с места. Внизу из-под упряжи торчали кожаные ремни, туго натянутые через неровный край пропасти.

Он начал двигаться, постепенно натягивая веревку. Небо над его головой все отдалялось. Опускаясь все ниже и ниже, он, наконец, оказался на коленях на самом краю ледника, а в нос ему ударил жар и резкий запах псины. Зубами он стащил с руки одну перчатку. Методично сражаясь с враждебной стихией, он вытащил нож из чехла и, прижав лезвие к ближайшему ремню, принялся пилить, пока кожа с треском не порвалась.

Внизу в темноте Атка опустился ниже и жалобно заскулил. Гарнер принялся за следующий ремень, почувствовал, что тот движется, и все — собаки, а за ними и сани — медленно приближается к обрыву. На секунду ему показалось, что сани сорвутся и исчезнут во тьме. Но ничего не случилось. Он взялся за третий ремень, который

отчего-то оказался не так сильно натянутым. Тот затрещал под лезвием, и Гарнер снова почувствовал, как в глубине темного колодца Атка покачнулся под собственным весом.

Гарнер вглядывался в черноту. Он мог разглядеть смутные очертания пса, чувствовал, как невыразимый ужас собаки охватывает и его самого, и, когда он поднес лезвие к последнему ремню, в его памяти рухнула стена, которую он когда-то тщательно возводил. На него нахлынули воспоминания: изуродованная плоть под его ладонями, отдаленные выстрелы, потемневшее и искаженное лицо Элизабет.

Пальцы дрогнули. На глаза навернулись слезы. Атка бился внизу, и сани постепенно двигались. Но он все колебался.

Веревка затрещала. Гарнер посмотрел вверх и увидел, как Коннелли, хватаясь руками за веревку, спускается к нему.

— Давай, — прохрипел Коннелли, глаза его сверкали. — Освободи его.

Пальцы Гарнера, сжимающие рукоятку ножа, ослабли. Темнота тянула его к себе, Атка скулил.

— Дай сюда этот чертов нож, — сказал Коннелли, хватаясь за рукоятку. Теперь они оба висели на единственной серой тонкой веревке:

двое мужчин, один нож и бездонная пропасть неба над их головами. Коннелли яростно пилил последний ремень. Еще мгновение тот не поддавался, а затем оборвался, резко, и концы ремня разлетелись в разные стороны от лезвия.

Атка с криком провалился в темноту.

* * *

Разбили лагерь.

Нужно было отремонтировать упряжь, успокоить собак, перераспределить груз с учетом потери Атки. Пока Коннелли занимался этой рутиной, Гарнер позаботился о Фабере — его кровь черной ледяной коркой покрывала временную шину, которую Гарнер соорудил вчера, — и перебинтовал лодыжку Бишопа. Все эти действия он совершал машинально. Служба во Франции научила его этому фокусу: руки работают, в то время как мысли заняты совершенно другим. На войне это помогало ему не потерять рассудок, когда к нему в госпиталь привозили людей, изрешеченных немецкими пулеметами или покрытых волдырями и ожогами от иприта. Он пытался спасти их, хотя эта работа была совершенно бессмысленной. Человечество почувствовало вкус смерти, и доктора стали ее сопровождающими. Среди криков и

луж крови Гарнер заставлял себя думать о своей жене, Элизабет: о том, как тепло у них на кухне в Бостоне, и о ее теплом теле.

Но все это в прошлом.

Теперь, когда он дал волю воспоминаниям, они завели его в темные уголки, и он, будто медик-первокурсник, пытался полностью сосредоточиться на выполнении этих механических действий. Он отрезал кусок бинта и туго крест-накрест перебинтовал раненую ногу Бишопа, частично захватив ступню. Он старался ни о чем не думать, прислушиваясь к тому, как легкие с трудом вдыхают морозный воздух, как Коннелли со сдержанной злостью работает над упряжью, как собаки роются в снегу, устраиваясь отдохнуть.

А еще он прислушивался к отдаленным крикам Атки, которые кровью сочились из трещины.

— Поверить не могу, что этот пес все еще жив, — сказал Бишоп и поднялся, чтобы проверить поврежденную ногу. Сморщившись, он снова опустился на ящик. — А он чертовски живуч.

Гарнер представил себе, с какой болью и отчаянием на лице Элизабет ждала его, пока он воевал за океаном. Она так же боялась за него, сидя на дне собственного черного разлома? Она так же

кричала и плакала из-за него?

— Помоги мне с палаткой, — сказал Гарнер.

Они отделились от основной части экспедиции, чтобы отвезти Фабера назад к одному из складов на шельфовом леднике Росса, где Гарнер мог бы о нем позаботиться. Они бы остались там дожидаться остальных членов экспедиции, которые вполне устраивали Гарнера, но не нравились ни Бишопу, ни Коннелли: те более серьезно относились к походу.

До наступления полярной ночи по-прежнему оставался месяц, но, если они собираются разбить здесь лагерь и чинить снаряжение, им необходимо поставить палатки, чтобы не замерзнуть. Когда они начали вбивать колышки в вечную мерзлоту, к ним подошел Коннелли; его взгляд безразлично скользнул по Фаберу, который лежал в морфиновом забытье, все еще привязанный к саням. Посмотрев на лодыжку Бишопа, Коннелли поинтересовался, как тот себя чувствует.

— Заживет, — сказал Бишоп. — Никуда не денется. Как там собаки?

— Придется думать, как обойтись без Атки, — сказал Коннелли. — Похоже, придется сбросить часть груза.

— Мы потеряли всего одну собаку, — сказал Би-

шоп. — Это не должно сильно повлиять на вес.

— Мы потеряли двоих. У одной из крайних сломана лапа. — Он расстегнул одну из сумок, привязанных к саням сзади, и вытащил из нее армейский револьвер. — Так что давай, делай перерасчет. А мне придется заняться раненой. — Он смерил Гарнера презрительным взглядом. — Не волнуйся, я не заставляю *тебя* это делать.

Гарнер наблюдал за тем, как Коннелли подошел к раненой собаке, лежавшей на снегу в стороне от остальных. Она непрерывно вылизывала поврежденную лапу. Когда подошел Коннелли, она подняла на него взгляд и легонько вильнула хвостом. Коннелли направил на нее ствол и пустил пулю в голову. В пустоте открытой равнины звук выстрела показался блеклым и незначительным.

Гарнер отвернулся, внутри него с неожиданной силой поднялась буря эмоций. Бишоп поймал его взгляд и с наигранно грустной улыбкой пояснил:

— День не задался.

* * *

Атка продолжал скулить.

Гарнер не мог уснуть. Он лежал и разглядывал брезентовый потолок палатки: туго натянутый,

гладкий, будто скорлупа яйца изнутри. Фабер стонал, звал кого-то — похоже, кто-то привиделся ему в горячке. Гарнер его почти ненавидел. Не за травму — ужасный открытый перелом бедра был результатом неосторожного шага по льду, когда Фабер вышел из палатки, чтобы отлить, — а за сладкое забвение от дозы морфия.

На войне во Франции он встречал многих докторов, которые пользовались этим препаратом, чтобы отгонять ужасы, преследовавшие их по ночам. Он также видел, каким жаром и агонией сопровождался синдром отмены. У него самого никогда не было желания испытать это на себе, но все же наркотик манил его. Раньше это желание появлялось у него при мысли об Элизабет. Теперь же оно возникало в любой момент и мучило его гораздо сильнее.

Элизабет пала жертвой величайшей шутки всех времен: жертвой гриппа, эпидемия которого охватила мир весной и летом 1918 года — будто небеса посчитали, что недостаточно заявили о своем недовольстве человечеством, допустив кровавую бойню в окопах. В последнем письме Элизабет так и назвала эту эпидемию: божий суд над сумасшедшим миром. Гарнер к тому времени уже разочаровался в религии: спустя

неделю, проведенную в полевом госпитале, он убрал подальше Библию, которую Элизабет дала ему с собой. Уже тогда он понял, что эти жалкие выдумки не принесут ему никакого утешения перед лицом этого ужаса. Так и вышло. Ни тогда, ни спустя некоторое время, когда он вернулся домой и обнаружил там безмолвную, одинокую могилу Элизабет. Вскоре после этого Гарнер принял предложение Макрэди сопровождать экспедицию, и хотя перед отбытием он сунул Библию в свой мешок со снаряжением, он ни разу ее не открывал и не собирался открывать сейчас, лежа без сна рядом с человеком, который чуть не умер лишь потому, что захотел отлить (еще одна величайшая шутка), в этом ужасном и заброшенном месте, где сам бог, в которого так верила Элизабет, не имел власти.

В таком месте бога нет и быть не может.

Лишь непрекращающийся свист ветра, рвущийся сквозь тонкий брезент, и доносящиеся из глубины звуки собачьей агонии. Лишь пустота и несгибаемый фарфоровый купол полярного неба.

Тяжело дыша, Гарнер сел.

Фабер бормотал что-то себе под нос. Гарнер склонился к раненому, и ему в ноздри ударил

горячий, зловонный воздух. Он убрал волосы со лба Фабера и стал рассматривать его ногу: под штаниной из тюленьей кожи она вздулась и стала похожей на сардельку. Гарнеру не хотелось думать о том, что он увидит, разрезав эту сардельку и обнажив поврежденную ногу: вязкую поверхность раны, кроваво-красные линии, свидетельствующие о заражении крови, обвивающие бедро Фабера, будто виноградная лоза, неотвратимо пробирающиеся вверх, прямо к его сердцу.

Атка издал высокий, протяжный звук, который постепенно распался на жалкие поскуливания, затих, а затем возобновился воем сирены, прямо как на французском фронте.

— Боже, — прошептал Гарнер.

Он вытащил из мешка фляжку и позволил себе сделать маленький глоток виски. Затем он сел в темноте, прислушиваясь к горестным стенаниям пса, и перед его глазами замелькали воспоминания из госпиталя: кусок окровавленной человеческой плоти в стальной ванночке, воспаленная рана после ампутации, кисть, самопроизвольно сжавшаяся в кулак, когда ее отделили от руки. Думал он и об Элизабет, погребенной за несколько месяцев до того, как Гарнер

вернулся из Европы. Еще он думал о Коннелли, о том, с каким презрением тот посмотрел на него, когда пошел разбираться с раненой собакой.

Не волнуйся, я не заставляю тебя это делать.

Пригнувшись — палатка была низкой — Гарнер оделся. Он положил в карман куртки фонарь, толкнул плечом полог палатки и, склонившись, пошел против ветра, обхватив себя руками вокруг пояса. Трещина была прямо перед ним, веревка по-прежнему змеей петляла между крючьями, а ее конец свешивался в яму.

Гарнер почувствовал, как темнота тянет его к себе. Атка кричал.

— Ладно, — пробормотал он. — Все хорошо, я сейчас приду.

Он снова обвязал себя веревкой вокруг пояса. На этот раз он без малейшего колебания развернулся спиной к обрыву и начал двигаться. Перехватывая веревку руками, он пятился назад и спускался вниз, шаркая подошвами по льду, пока не шагнул в пустоту и не повис на веревке в темном колодце.

Его охватила паника, непреодолимое чувство, что под ним пропасть. Под его ногами зияла огромная разинутая пасть трещины, кусок абсолютной пустоты, вклинившийся в самое сердце

планеты. Внизу — в пяти, десяти метрах? — скулил Атка, так жалобно, будто новорожденный щенок, зажмурившийся в попытке защитить глаза от света. Гарнер подумал о псе, который корчился в агонии, лежа на каком-то подземном леднике, и начал спускаться во всепоглощающую темноту ямы.

Один удар сердца, затем еще один, еще и еще; казалось, мрак поглотил весь воздух, ноги пытались нащупать твердую опору. Пытались — и нащупали. Крепко вцепившись в веревку, Гарнер стал понемногу проверять, выдержит ли поверхность его вес.

Поверхность выдержала.

Гарнер достал из кармана фонарь и включил его. Атка поднял на него полный боли взгляд карих глаз. Лапы пса были изогнуты под туловищем, хвост слабо подергивался. На морде блестела кровь. Подойдя ближе, Гарнер увидел, что обломок ребра пробил туловище пса, обнажив бледно-желтый подкожный жир. Глубоко в ране сквозь толстую свалявшуюся шерсть можно было разглядеть, как пульсируют кроваво-красные внутренности. На сырых камнях замерзла лужица, от которой исходил неприятный запах: пес опорожнил кишечник.

— Все хорошо, — сказал Гарнер. — Все хорошо, Атка.

Опустившись на колени, Гарнер погладил собаку. Атка зарычал и утих в ожидании помощи и сострадания.

— Атка, хороший мальчик, — прошептал Гарнер. — Успокойся.

Гарнер вытащил из чехла нож, наклонился вперед и поднес лезвие к горлу собаки. Атка заскулил.

— Ш-ш-ш, — прошептал Гарнер, прижимая лезвие и готовя себя к тому, что он собирался вот-вот сделать, как вдруг…

Во тьме позади него что-то зашевелилось: послышался шорох кожи, грохот сталкивающихся камней, мелкие камешки со стуком разлетались в темноте. Атка снова заскулил, принялся дергать лапами, пытаясь вжаться в стену. В изумлении Гарнер надавил на лезвие. На шее Атки открылась рана и засочилась черной артериальной кровью. Пес замер, дернулся и умер — Гарнер всего мгновение наблюдал, как его глаза помутнели, — и в темноте у него за спиной опять что-то зашевелилось. Гарнер отшатнулся назад, прижимая тело Атки плечами к стене. Он замер, вслушиваясь в тишину.

Ничего не происходило (уж не показалось ли ему все это? наверняка просто показалось), и Гарнер осветил тьму фонарем. От увиденного у него перехватило дыхание. Ошеломленный, он встал на ноги, веревка кольцами лежала возле его ног.

Простор.

Это место казалось бесконечным: голые каменные стены образовали арки, как в соборах, поднимавшиеся до самой поверхности, пол был гладкий, как стекло — отполированный веками, он простирался перед ним, пока не исчезал далеко во тьме. От ужаса — или из любопытства? — Гарнер двинулся вперед, постепенно разматывая веревку, пока не оказался на краю пропасти и не разглядел, что же это на самом деле.

Это была лестница, вырезанная из цельного камня, и эта лестница была не человеческая: каждая ступенька была больше метра в высоту, а сама лестница, изгибаясь, уходила бесконечно глубоко под землю, вниз и вниз, туда, куда не доставал свет его фонаря, так далеко, что он и представить себе боялся. Гарнер почувствовал, как это место тянет его за собой, его тело дрожало от желания спуститься туда. Нечто глубоко внутри него — какое-то немое, невыразимое желание — требовало сделать это, и, не успев полностью

осознать, что происходит, Гарнер спустился на одну ступеньку, затем на следующую, урывками освещая на стенах рельефы, изображающие нечеловеческие фигуры: ноги и руки с длинными когтями, спутанные щупальца, которые будто бы извивались в неровном свете фонаря. И при всем этом его непреодолимо тянуло вниз, в темноту.

— Элизабет, — шептал он, спускаясь по ступенькам все ниже и ниже, пока веревка, о которой он уже забыл, не сдавила его пояс. Он посмотрел вверх и увидел высоко над собой бледное пятно — лицо Коннелли.

— Какого черта ты там забыл, док? — прокричал Коннелли разъяренным голосом, а затем Гарнер, едва ли не против собственной воли, начал подниматься обратно, к свету.

* * *

Не успел он выбраться наружу, как Коннелли схватил его за воротник и швырнул на землю. Гарнер попытался встать, но Коннелли пинком сбил его с ног, его лицо со светлой бородой было искажено от бешенства.

— Ты тупой сукин сын! Ты что, хочешь, чтобы мы все тут передохли?

— Отвали от меня!

— Из-за псины? Из-за чертовой *псины*? — Коннелли попытался пнуть его снова, но Гарнер схватил его за ногу и покатился по снегу, повалив за собой. Двое мужчин сцепились в снегу, несмотря на то, что толстые воротники и перчатки делали невозможным нанести друг другу хоть сколько-нибудь серьезные повреждения.

Полог одной из палаток откинулся, и оттуда высунулся потревоженный Бишоп с озадаченным лицом. Он направлялся к ним, застегивая пуговицы на куртке.

— Прекратите! Прекратите *сейчас же*!

Гарнер с трудом поднялся на ноги и, пошатнувшись, сделал пару шагов назад. Коннелли тяжело дышал, склонившись на одно колено и согнувшись. Он указал на Гарнера:

— Я нашел его в трещине! Он спустился туда в одиночку!

— Это правда?

— Разумеется, правда! — воскликнул Коннелли, но Бишоп жестом заставил его замолчать.

Гарнер посмотрел на него, с трудом вдыхая холодный воздух.

— Вам нужно это увидеть, — сказал он. — Боже мой, Бишоп!

Бишоп перевел взгляд на трещину, увидел крю-

чья и веревку, уходящую в темноту.

— Ох, док, — сказал он тихо.

— Это не трещина, Бишоп. Это лестница.

Коннелли в два шага очутился возле Гарнера и ткнул его пальцем в грудь:

— Что? Да ты свихнулся!

— На себя посмотри!

Бишоп вклинился между ними.

— Хватит! — Он повернулся к Коннелли. — Отойди.

— Но…

— Я сказал, отойди!

Коннелли сжал губы, а затем развернулся и пошел к трещине. У края он опустился на колени и стал поднимать веревку.

Бишоп повернулся к Гарнеру.

— Объяснись.

Весь энтузиазм Гарнера мгновенно испарился. Он почувствовал усталость. Мышцы болели. Как объяснить ему это? Как объяснить им, чтобы они все поняли?

— Атка, — сказал он просто, умоляюще. — Я его слышал.

На лице Бишопа появилось выражение глубокого сожаления.

— Док… Атка был всего лишь псом. Главное для

нас — доставить Фабера на склад.

— Я все время его слышал.

— Тебе нужно взять себя в руки. На кону человеческие жизни, ты это понимаешь? Мы с Коннелли не врачи. Фаберу нужен ты.

— Но…

— Ты слышишь, о чем я говорю?

— Я… да. Да, я понимаю.

— Спускаясь в такие трещины, особенно в одиночку, ты подвергаешь опасности всех нас. Что мы будем делать, оставшись без врача? А?

Гарнер не мог выиграть этот спор на словах. Нужно было действовать иначе. Поэтому он схватил Бишопа за руку и повел к трещине.

— Смотри, — сказал он.

Бишоп дернул руку, пытаясь высвободиться, лицо его почернело.

— Не распускай руки, док, — сказал он.

Гарнер отпустил его.

— Бишоп, — сказал он. — Прошу тебя.

Бишоп секунду колебался, а затем двинулся в сторону трещины.

— Хорошо.

Коннелли был в ярости.

— Да ради всего святого!

— Мы не собираемся туда спускаться, — сказал

Бишоп, переводя взгляд с одного на другого. — Я просто посмотрю, да, док? Вот и все.

Гарнер кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Ладно.

Вдвоем они подошли к краю трещины. Приближаясь к ней, Гарнер чувствовал, как в его печень словно вонзился крюк, тянущий вниз. Пришлось приложить усилие, чтобы остановиться у края, остаться спокойным и невозмутимо смотреть на остальных, как будто вся его жизнь не зависела от этого момента.

— Это лестница, — сказал он. Его голос не дрогнул. Его тело не двинулось с места. — Она вырезана из скалы. И на ней есть… кое-какие украшения.

Бишоп долго всматривался в темноту.

— Я ничего не вижу, — сказал он наконец.

— Говорю тебе, оно там! — Гарнер замолчал и попытался взять себя в руки. Еще попытка.

— Это может оказаться величайшим научным открытием века. Ты что, хочешь, чтобы Макрэди присвоил его себе? Поставил здесь свой флажок? Да это же доказательство существования… — Гарнер запнулся. Он и сам не знал, существование чего это доказывает.

— Мы отметим это место, — сказал Бишоп. — И

вернемся сюда. Если все это правда, то оно никуда не денется.

Гарнер включил фонарь.

— Смотри, — сказал он, направляя луч света вниз.

Белый луч разрезал темноту с точностью скальпеля, освещая каменные своды и рельефы на них, которые могли оказаться всего лишь природными неровностями. Круг света упал на стену позади трупа собаки, ярко осветив раскрытую челюсть пса, вывалившийся язык и черную лужицу крови.

Бишоп на мгновение задержал на нем взгляд, а затем затряс головой:

— Черт бы тебя побрал, док, — сказал он, — не испытывай мое терпение. Пошли отсюда.

Бишоп уже собирался отвернуться, когда тело Атки дернулось раз — Гарнер это видел — а затем еще раз, почти незаметно. Гарнер протянул руку и схватил Бишопа за рукав.

— Да что еще, ради бога… — начал было тот, в его голосе чувствовалось раздражение. Затем тело рывком исчезло в темноте, так быстро, что казалось, будто оно растворилось в воздухе. Лишь кровавый след, уходящий в темноту, был свидетельством того, что это им не померещилось. Луч

фонаря блуждал во мраке, и неровный круг света перемещался по гладкой, холодной поверхности камня, пока не наткнулся на нечто напоминающее вырезанную на поверхности когтистую лапу. Фонарь мигнул и погас.

— Какого черта… — начал Бишоп.

Из палатки за их спинами вырвался крик.

Фабер.

Гарнер неуклюже побежал через сугробы, высоко поднимая колени. Двое оставшихся что-то кричали ему вслед, но слов было не слышно из-за ветра и его собственного тяжелого дыхания. Тело совершало привычные движения, но сознание, будто насекомое, попавшее в паутину, застряло в трещине позади него, а перед глазами стоял образ того, что он только что увидел. Его гнал страх, адреналин и что-то еще, какая-то другая эмоция, которую он не испытывал много лет, а может быть, и ни разу за всю свою жизнь; некий переполняющий душу восторг, который грозил развеять его по ветру, будто пепел.

Фабер сидел на полу палатки, в воздухе смешались резкие запахи пота, мочи и керосина; его голову обрамляла шапка густых черных волос, а лицо было бледным как мел. Он все еще пытался кричать, но голос его не слушался, и он мог лишь

издавать длинный хриплый свист, будто через его горло вытягивали стальную стружку. Из-под одеяла торчала опухшая нога.

От печки Нансена[6] исходило почти невыносимо душное тепло.

Гарнер опустился на колени рядом с ним и попытался уложить его назад в спальный мешок, но Фабер сопротивлялся. Он неотрывно смотрел на Гарнера, окружающую тишину нарушало лишь его тяжелое дыхание. Вцепившись пальцами в воротник Гарнера, он притянул его ближе к себе, так близко, что Гарнер ощущал кислый запах его дыхания.

— Фабер, успокойся, успокойся!

— Оно… — голос Фабера дрогнул. — Оно отложило в меня яйцо!

Бишоп и Коннелли протиснулись в палатку, и у Гарнера внезапно возникло ощущение, будто его окружили — жара от печки, вонь, поднимающийся от их одежды пар; они подошли ближе, не сводя с Гарнера глаз.

— Что здесь происходит? — спросил Бишоп. —

---

[6] Примечания: 6

Печь Нансена — печка на твердом топливе, впервые сконструированная в 1895 году норвежским полярным исследователем Фритьофом Нансеном для приготовления пищи и обогрева во время зимних туристических походов в Заполярье.

Все в порядке?

Фабер смотрел на них диким взглядом. Не обращая на них внимания, Гарнер положил ладони на щеки Фаберу и повернул его голову на себя.

— Смотри на меня, Фабер. Смотри на меня. О чем ты говоришь?

Фабер выжал из себя улыбку.

— Во сне. Мне приснилось, как оно засунуло мою голову в своё тело и отложило в меня яйцо.

Коннелли сказал:

— Он бредит. Видишь, что происходит, если бросать его одного?

Гарнер достал из сумки ампулу морфия. Фабер увидел это и стал извиваться всем телом.

— Нет! — закричал он, снова обретя голос. — Нет! — Выбившейся из-под одеяла ногой он сбил печь Нансена. Выругавшись, Коннелли бросился к перевернутой печке, но было уже слишком поздно. Все припасы и одеяла были залиты керосином, и палатка вспыхнула. Всех охватила паника. Бишоп попятился к выходу, а Коннелли оттолкнул Гарнера — тот упал на спину — и схватил за ноги Фабера, оттаскивая его от огня. Фабер кричал и пытался сопротивляться, но Коннелли был сильнее. Через секунду Фабер, а вместе с ним и его тлеющий вещмешок, исчезли.

Гарнер, который все еще оставался в палатке, откинулся назад и наблюдал, как пламя стремительно поглощает крышу, роняя на землю и ему на голову огненные ленты. Жар сжал Гарнера, как пылкий любовник, и Гарнер закрыл глаза.

Однако он чувствовал не жар от огня, а холодное дыхание подземелья, тишину могилы, погребенной глубоко под ледником. Он снова увидел перед собой ступени, уходящие вниз, и услышал голос женщины, зовущей его. Она спрашивала, где он.

«Элизабет, — отозвался он, и его голос эхом отскочил от каменных стен. — Ты здесь?»

Если бы он только мог ее увидеть! Если бы он мог ее похоронить. Скрыть под землей ее прекрасные глаза. Спрятать ее во тьме.

«Элизабет, ты меня слышишь?»

Огромные руки Коннелли сгребли его, и он снова ощутил жар и жгучую боль в ногах и груди. Его будто бы обернули горячими бинтами.

— Надо оставить тебя тут, чтобы ты сгорел, тупой сукин сын! — прошипел Коннелли, но делать этого не стал. Он потащил Гарнера на улицу — Гарнер открыл глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как брезент перед ним раздвигается, подобно огненному занавесу, — и бросил его в снег.

Боль быстро утихла, и Гарнер пожалел об этом. Коннелли возвышался над ним, на его лице читалось отвращение. Позади него догорала палатка, будто кто-то уронил в снег огромный факел.

Все это перекрывал дрожащий голос Фабера, который звучал то громче, то тише, как порыв ветра.

Коннелли бросил на землю рядом с Гарнером шприц и ампулу.

— У Фабера снова открылась рана, — сказал он. — Иди и делай свою работу.

Гарнер медленно поднялся на ноги, чувствуя, как кожа на груди и ногах натягивается. Он обгорел, но чтобы понять, как сильно, нужно было сперва разобраться с Фабером.

— А потом поможешь нам собрать вещи, — сказал Бишоп, запрягая собак. — Мы сваливаем отсюда.

* * *

Когда они добрались до склада, Фабер уже был мертв. Коннелли сплюнул на снег и пошел отцеплять собак, а Гарнер с Бишопом зашли внутрь и разожгли огонь. Бишоп поставил кипятиться воду для кофе. Гарнер распаковал постельные принадлежности и расправил постели, двига-

ясь очень осторожно. Когда в помещении стало достаточно тепло, он разделся и принялся осматривать ожоги. Наверно, останутся шрамы.

На следующее утро они положили тело Фабера в мешок и поместили его в холодильник.

После этого они стали ждать.

Судно вернется за ними не раньше, чем через месяц, и хотя экспедиция Макрэди должна была вернуться раньше, непредвиденные обстоятельства, которые Южный полюс предлагал в избытке, делали это предположение весьма неточным. В любом случае, они застряли здесь все вместе на неопределенное время, и даже щедрые запасы, которые обеспечивал склад (включая еду, медикаменты, игральные карты и книги), вряд ли могли полностью отвлечь их и заставить забыть о взаимных обидах.

В течение последующих нескольких дней Коннелли сумел подавить свою злость на Гарнера, но, поскольку тому было достаточно малейшего повода, чтобы вновь разозлиться, Гарнер все же старался вести себя тише воды, ниже травы. Как и в окопах Франции, в Антарктиде любую смерть легко объяснить несчастным случаем.

Спустя пару недель в этой бесконечной череде дней, пока Коннелли дремал на своей постели, а

Бишоп читал старый номер журнала о естественных науках, Гарнер решился рискнуть и вновь поднять тему о том, что произошло в трещине.

— Ты видел, — сказал он тихо, чтобы не разбудить Коннелли.

Бишоп отреагировал не сразу. Наконец он отложил журнал и вздохнул:

— Видел что?

— Ты знаешь, о чем я.

Бишоп покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Не знаю. Я понятия не имею, о чем ты говоришь.

— Там что-то было.

Бишоп промолчал. Он снова взял журнал, но не читал, уставившись в одну точку на странице.

— Там внизу что-то было, — продолжал Гарнер.

— Нет, не было.

— Оно утащило Атку. И я знаю, что ты это видел.

Бишоп избегал его взгляда.

— Это место необитаемо, — сказал он после долгой паузы. — Здесь ничего нет. — Он моргнул и перевернул страницу журнала. — Ничего.

Гарнер откинулся на свою кровать, глядя в потолок.

Несмотря на то, что долгий полярный день еще не закончился, сумерки понемногу сгущались, и солнце, похожее на огромный раскаленный глаз, клонилось к горизонту. Предметы отбрасывали длинные тени, а лампа, которую Бишоп зажег для чтения, заставляла эти тени танцевать. Гарнер наблюдал за тем, как они скачут по потолку. Через некоторое время Бишоп потушил лампу и задернул занавески на окнах, так что комната погрузилась во тьму. Гарнер почувствовал нечто вроде умиротворения. Он позволил этому чувству наполнить себя изнутри, с каждым ударом сердца ощущал его приливы и отливы.

Поднялся ветер, по стеклу застучало мелкое зерно снега, и Гарнер задумался: интересно, на что похожа зима в этой холодной местности? Он представил, как небо растворяется, обнажая прочный купол звезд, как вся галактика вращается над его головой, будто винт в огромном, необъятном двигателе. А за всем этим — пустота, в которую устремляются все молитвы человечества. Он подумал, что может уйти прямо сейчас, выйти на улицу, в эти длинные сумерки, и продолжать идти, пока перед ним не разверзнется земля, идти вниз по странным ступеням, пока весь мир вокруг него безмолвно исчезает под

снегом и во тьме.

Гарнер закрыл глаза.

Перевод: А. Домнина

Криспин Бёрнхам и Эдвард П. Берг-ланд
Тварь в библиотеке

Crispin Burnham, E. P. Berglund «The Thing in the Library», 1974

(Нижеследующие записи были найдены в записной книжке, обнаруженной в документах пациента, написаны Марком Эндрюсом, который недавно умер при загадочных обстоятельствах в «Бенсон Эсайлум», клинике для душевнобольных преступников в городе Чарлтон, штат Канзас, в ночь на 31 октября 1973 года).

* * *

Говорят, что человек неспособен использовать весь объем своего разума. Если бы человек смог это сделать, он, скорее всего, стал бы совершенно

безумным. У разума есть предохранительный клапан, называемый «блоком памяти», или частичной амнезией, который проявляет себя тогда, когда ум осознает события, которые настолько ужасны по своей природе, что без этой частичной амнезии вся система вскоре будет нарушена и сломается.

Если бы не этот предохранительный клапан, я бы сошел с ума десять лет назад из-за событий, итогом которых стали обвинения меня в убийстве первой степени. Но я не помнил ни одного момента из этих событий до недавнего времени, хотя некоторые фрагменты памяти продолжают оставаться странно туманными или частично скрытыми.

Неделю назад я был объявлен юридически разумным и освобожден из «Бенсом Эсайлум». После выхода из тюрьмы и возвращения обратно к знакомым местам, моя память начала медленно возвращалась ко мне. Именно тогда я понял, что мне нужна защита. Итак, симулируя рецидив, я сам обратился в лечебницу и был помещен в изолятор. Доктор Дарроу считает, что если я опишу все события, произошедшие десять лет назад в своей записной книжке, это терапевтически может мне помочь.

Алекс Дениелс и я всегда интересовались оккультизмом. В своё время мы даже практиковали сатанизм. Но, в конце концов, Алексу наскучили мирские аспекты оккультизма, и он начал вникать в книги запрещенных знаний, которые были расположены под замком и ключом в различных университетах и библиотеках по всей территории Соединенных Штатов. Он ложился поздно вечером и рано вставал и проводил весь день, читая книги с такими названиями, как «Черная книга черепа», «Sorcerie de Demonologie», графа де Хаммаиса, «Uralte Schrecken», Графа фон Кенненберга, «L'Striga Kniska», графа Кобласа и «Dagbok i F;rderf», Торлака.

Как только он начал подробно изучать эти древние тома, он начал жаловаться на качество переводов этих книг, первоначально написанных на иностранных языках. Он специально упомянул о переводе Эзекии Мортисона книги графа де Хаммаиса, написанной на древнефранцузском языке. Он сказал мне, что ему нужно получить копию оригинального издания.

Вскоре после этого, зимой 1962-63 Алекс подошел ко мне, его лицо все пылало, а глаза излучали восторг.

— Марк, ты не хотел бы поехать в Англию в

конце апреля?

Его вопрос заставил меня врасплох.

— Зачем, я могу спросить?

— В Лондоне будет колдовской сбор, который начнется в Вальпургиеву Ночь. Этот сбор проводится только один раз каждые десять лет, и его участники, вероятно, будут искать многие необходимые вещи во всех книжных лавках и магазинах редких книг. Это даст мне возможность получить некоторые из оригинальных изданий книг, которые сейчас у меня есть лишь в переводе на английский язык, не привлекая к этому внимания. И я хочу, чтобы ты отправился со мной, Марк.

— Зачем, Алекс? Я прочитал почти каждую книгу, которую ты приносил домой. Насколько мне известно, это бессмысленная чепуха. Все эти призывы и заклинания, намеки на расу, называемую Великими Древними, и расу, называемую Старшие Боги, — которые сражались, прежде чем человек ступил на эту планету. Пха!

— Марк… ты не понимаешь, — тихо начал Алекс. — Идея двух инопланетных рас, населяющих Землю в период ее рассвета, не может быть полной фикцией. Слишком много людей в слишком многие и разные эпохи писали о них.

Это знание должно было прийти откуда-то.

И все книги согласны в одном, когда говорят, что Старшие Боги изгнали Великих Древних с Земли. Они живут сейчас под печатями Старших Богов, ожидая времени, когда звезды займут правильное положение, чтобы они могли снова захватить Землю и править ей, как они правили ей когда-то.

В последнее время меня посещают самые странные сны: они относятся к возвращению Великих Древних. И пока звезды не на нужных местах, они могут вернуться только благодаря работе тех, кто верит, и то лишь временно. Тем, кто выбран помочь им вернуться, будет дана вечная жизнь… И я верю, что я один из избранных…

— Хорошо, Алекс, — сказал я, зная, что любые дальнейшие возражения с моей стороны будут бесполезны.

В конце апреля мы сели на самолет до Лондона через Нью-Йорк, прибыв за день до Вальпургиевой ночи. Алекс немедленно начал прочесывать город в поисках книжных магазинов, которые, возможно, будут иметь книги, которые он так азартно искал. Я присутствовал на съезде, но не был настолько увлечен им, чтобы наслаждаться происходящим из-за одержимости Алекса. Я мало

видел его до того дня, когда мы отправились из Лондона домой.

Мы приобрели картонные коробки для упаковки книг, которые купил Алекс. Когда мы закончили, у нас было десять картонных коробок груза, плюс две маленькие коробочки (которые можно было положить под сиденья самолета), в них Алекс упаковал определенные тома, которые он хотел внимательно изучить, не дожидаясь возвращения в Штаты.

Наконец, мы получили разрешение в аэропорту на отгрузку картонных коробок и отправились на посадку. До взлета я открыл одну из маленьких картонных коробок и выбрал одну из книг в ней наугад, чтобы посмотреть.

Я был удивлен, увидев, что я выбрал «Sorcerie de Demonologie», графа Жана Луи де Хаммаиса. Раньше я читал перевод Мортисона, но, хотя я не мог читать на старофранцузском, я был потрясен кощунственными гравюрами, которые придавали книге мерзкую и злую ауру. Как правило, будучи вовлеченным в различные оккультные темы в течение нескольких лет, гравюры в старых книгах меня не беспокоили. Но в этих гравюрах была невыразимая чуждость. Утомленный от вида отвратительных действий, изображенных

на иллюстрациях, я задремал.

Перед моим мысленным взглядом порхали видения дома, друзей и событий на съезде. И тут появились сцены неизвестной красоты и ужаса. Я видел зловещие формы таинственного, вечного, полукосмического затонувшего города Р'льех, пустынные владения рептилий Рхигнту, города, названного в честь Кетцалькоатля, дома Йига и Вольтийига, и потерянного континента Куи, который вибрирует между вселенными, где опасный и внушающий страх Куйаген вершит суд над чудовищами, которые когда-то были первыми обитателями Земли.

Затем меня окружили некоторые из Великие Древних — Ктулху, Йомагн'тхо, Хастур, Йидхра, Шуб-Ниггурат и Апоколотот. И Ньярлатотеп… стоящий отдельно, как подобает Посланнику… стоящий важно, закутанный с головы до ног в бледно-желтый плащ с капюшоном… носящий такую же бледно-желтую маску — это должен быть Ньярлатотеп!

Остальные Великие Древние исчезли, оставив форму Ньярлатотепа и меня в туманности, окрашенной в бледно-желтый цвет. Тогда он заговорил голосом, который мог принадлежать только богу.

— Смертный! Ты и твой друг изучали тайны, окружающие Великих Древних. Обычно мы позволяем вам делать это, чтобы мы могли вернуть то, что когда-то принадлежало нам. Но настало время. Ваши действия могут вызвать рябь в ткани времени и пространства, что предупредит наших врагов. Поэтому вам не стоит продолжать. Наблюдайте…

Ньярлатотеп поднял свою укрытую желтым руку и взмахнул, указывая куда-то слева от меня. Взглянув туда, куда он указал, я увидел клубящийся туман, который двигался по окружности и расширялся, словно это была дыра в пространстве — черном, беззвездном пространстве, как можно было ожидать. Я двинулся влево, всматриваясь в темноту этого не-тумана. Видение того, что я увидел там, навечно было выжжено в моем мозгу! Это были изуродованные останки моего друга Александра Дениелса!

В своем сознании я кричал и кричал. По-видимому, по крайней мере один из этих криков вырвался из моего рта, потому что я проснулся, когда Алекс тряс меня.

— Марк! Проснись, у тебя кошмар!

Наконец, мое дыхание начало успокаиваться, а мой разум вернулся под мой контроль, также

помог стакан жидкости, который принесла мне стюардесса. Я пришел в себя и откинулся на спинку кресла, остальная часть полета была бедна на события, кроме нашей пересадки в Нью-Йорке.

Мы приземлились в аэропорту Уэстпорт в Плейнс, забрали наш автомобиль со стоянки, загрузили коробки с книгами и поехали обратно в Амостон. Когда мы пересекли реку Дуэйн и железнодорожные пути, ведущие в Амостон, я почувствовал себя спокойнее впервые с момента моего кошмара на борту самолета.

Но все же слова Ньярлатотепа отразились в моем сознании, и видение через кружащееся отверстие в тумане все еще дрейфовало перед моим мысленным взором.

Как только мы доставили все в нашу квартиру, Алекс попросил меня помочь ему сравнить старое французское издание тома де Хаммаиса с английским переводом Мортисона. После моего неожиданного кошмара в самолете я совсем не хотел вникать в старые знания, но, наконец, согласился на это. Пока Алекс готовил стол с двумя томами и собирал бумагу и карандаши, я открыл

том Мортисона и обнаружил экслибрис[7] со словами «Не вывозить». Таким образом, навязчивая идея Алекса заставила его украсть книгу. Это заставило меня задуматься, заплатил ли он за все книги, которые мы привезли из Англии.

Алекс устно переводил со старого французского на английский, а я сверял текст в издании Мортисона, делая заметки об ошибках и расхождениях. Еще до того, как мы закончили с первой страницей, мы обнаружили, что Мортисон не перевел введение или предисловие:

> «Прежде чем читать то, что написано здесь, читателю следует знать, что я включил в том вещи, которые могли бы, если их не держать под контролем, уничтожить разум практикующего и весь мир, как мы его знаем.
>
> Во многих книгах до этого было отмечено, что человек не был первым разумным существом, населяющим эту планету, и он не будет последним. Те, кто пришел раньше, живут в тех пространствах, о

[7] Примечания: 7

Экслибрис (от лат. ex libris — «из книг») — книжный знак, удостоверяющий владельца книги. Экслибрис наклеивается или проставляется печатью на левый форзац.

которых мы не ведаем, и они снова вернутся, когда звезды займут правильное положение. Они правили этой планетой до прихода человека, но были изгнаны из-за своей мерзости и порочных практик. Они ждут только времени, когда снова смогут править там, где правили раньше.

Читатель должен быть предупрежден. Заклинания и вызовы, записанные здесь, могут дать им временное освобождение от их принудительного рабства. Хотел бы я не написать ни единого слова для этой кощунственной книги, но это предупреждение для всего человечества».

Мы продолжили: Алекс читал старый французский, переводил устно на английский, а я сравнивал его перевод с переводом Мортисона. Наконец, мы завершили перевод примерно в середине октября.

— Что ты думаешь об этом, Марк? — спросил меня Алекс, когда мы закончили.

— Вначале я думал, что все это выдумка, создание не совсем здорового ума. Теперь я не знаю, что думать… Что ты собираешься делать, Алекс?

— Я собираюсь избавить тебя от того скептицизма, что еще стался в тебе. Помни, я один из избранных.

— Выбранный для чего? — начал было я, но передумал. Было бы лучше дать Алексу продолжать своё безумие, чем попытаться вмешаться в него. Может быть, его скептицизм восстановится.

— Вот копия раздела из книги графа, которую я собираюсь попробовать. Если это сработает, мы сможем вернуть Владыку Ктулху в его законные владения.

Он протянул мне лист бумаги, и я вздрогнул, когда прочитал.

> «Из всех слуг Великих Древних никто не верен более, чем Джанай`нго, Хранитель и Ключ Водяных Врат. Омара Глубины можно вызвать только в канун Дня Всех Святых в полночь. Джанай`нго требует принесения в жертву девственницы. Она должна быть помещена на алтарь за пределами большого круга, охватывающего пентаграмму. Построение пентаграммы должно быть сформировано таким же образом, как для призыва Великого Ктулху, Владыки и Хозяина Джанай`нго. После-

дующий призыв должен зазвучать, когда кровь жертвы свободно потечет:

„I;! I;! Janai'ngo! Janai'ngo! Mylrtn yh igpstn y'rgo syh'v gt zn drak'lu smr zn dral'ku smr Rhiiklu! Janai'ngo! Janai'ngo! Ai! Ai!“

Также практикующий должен быть предупрежден о том, что этот призыв является достаточно сильным, чтобы сдержать Омара в течение получаса. Завершив все, он должен повторять следующее:

„I;! Janai'ngo! Mylrtn ys igpstn y'rgo dnlq gt zn drak'lu smr Rhiiklu! Я приказываю тебе!“

Затем Джанай`нго вернется в своё подводное обиталище под водами залива Рхийклу. Гнев Бога Омара — невозможно созерцать и пережить».

Я отдал лист бумаги Алексу. Затем он сказал мне, что собирается отправиться по магазинам за теми ингредиентами, которые нам нужны. После того, как он ушел, я начал печатать копию нашего перевода «Sorcerie de Demonologie». На следующий день мы взяли его и убедили библиотекаря в Библиотеке Эндрю Уотсона запереть

наш перевод в хранилище библиотеки.

У нас был жертвенник, жертвенный нож и большой круг, охватывающий пентаграмму, изображенную в библиотеке нашей квартиры в канун Дня Всех Святых.

Мне было интересно, где мы собираемся раздобыть девственницу, чтобы пожертвовать Джанай`нго, когда Алекс внезапно вернулся домой с Хеленой Уолтерс, светловолосой первокурсницей, которая работала в университетской библиотеке. Алекс сказал мне, что он пригласил ее на ужин. К тому времени, когда ужин был окончен наполовину, стало очевидно, что он подмешал наркотик в ее вино.

— Она выйдет из сна незадолго до полуночи, — сказал он, подтверждая мои подозрения.

Он подхватил ее вялое, одурманенное тело и перенес из столовой в нашу библиотеку, которая станет сценой для вызова Джанай`нго. Я встал из-за стола и последовал за ним.

Когда я вошел в библиотеку, он уже заканчивал привязывать девушку к жертвенному алтарю перед пентаграммой. Мы подошли к шкафу и надели чёрные одежды с капюшоном для церемонии.

Я направился к пентаграмме и зажег чёрные

свечи в ее остриях. Как только они все были зажжены, я погасил верхний свет в библиотеке. Когда я снова встал в центре пентаграммы, я наблюдал, как Алекс зажигает чёрные свечи в каждом из четырех углов алтаря, а после жестоко срывает одежду с девушки. Он вернулся, чтобы встать рядом со мной, когда выполнил свою садистскую задачу. Затем… мы ждали.

Ожидание казалось бесконечным, и мое беспокойство неуклонно росло, когда я вдруг услышал слабый стон, раздавшийся от женской фигуры, привязанной к жертвеннику. Препарат перестал действовать.

— Ох…, — снова застонала Хелена Уолтерс. Она тяжело задышала, когда сознание полностью вернулось к ней, и она поняла, что привязана к алтарю и обнажена.

— О, где я? Почему я привязана? Где… где моя одежда!

— Не нужно сражаться с неизбежным, мисс Уолтерс… Хелена, — сказал Алекс. — Ты будешь принесена в жертву, которая будет видна Великим Древним как знак того, что Их возвращение близко. И как только Джанай`нго откроет Свои Водяные Врата, Великий Ктулху вынырнет из своего бессмертного сна в затонувшем Р'льехе.

Затем Хастур возникнет из озера Хали у Каркозы, Апоколотот из Энно-Лунна, Куйаген вернется из Куй, Йомагн'тхо из Феркарда, а человечество — за исключением слуг и избранных Великими Древними — будет обречено!

Девушка смотрела на нас глазами, наполненными страхом, когда мы начали повторять призыв к Джанай'нго. Она продолжала биться в путах вплоть до того момента, когда увидела, как я вытащив изогнутый, жертвенный нож из своих одежд, шагнул из окруженной пентаграммы и погрузил его в ее грудь и глубоко в глубины ее сердца. Ее нервный крик отразился в моем сознании… как и сейчас. Ее кровь выплеснулась из отверстия в груди и ручейками потекла по алебастровой коже ее обмякшего тела. Где-то колокол возвестил о часе полночи.

Черная туманность появилась над алтарем, когда я шагнул назад в пентаграмму. Мы с Алексом оба потеряли дар речи и были практически парализованы страхом перед появлением неизвестного. Более легкая туманность начала смещаться, бурлить и застывать в форме, которую невозможно увидеть даже в самых ужасных кошмарах.

То, что выступило из этой туманности, было

совершенно чуждо, и это можно было описать только как два кальмароподобных придатка, заканчивающиеся клешнями омара. Придатки мгновение извивались и скручивались над алтарем, прежде чем обрушились вниз и вырвали неподвижную форму Хелены Уолтерс из ее путов. Отростки и тело исчезли в темной туманности над алтарем.

Мы с Алексом ждали возвращения Джанай'нго на этот план, чтобы мы могли продолжить открытие Водяных Врат. Мы напрягали глаза, вглядываясь в туманную черноту, пытаясь различить хоть какую-нибудь форму там, хоть какое-нибудь движение, кроме волнения туманности, чего угодно — ничего…

А затем раздался единственный звук далекого колокола, обозначающий полчаса. Наша тридцатиминутная аудиенция с Джанай'нго завершилась. Что же будет с нами? Мое сознание вызвало воспоминания о моем кошмаре в самолете, но ему не позволили остановиться на нем, потому что Алекс внезапно ожил и вытолкнул меня из пентаграммы к дверям библиотеки.

Он крикнул:

— Я обречен, Марк! Но спаси себя! Убирайся отсюда!

Мне не нужно было задавать вопросы и не требовалось дальнейших побуждений, я открыл дверь и захлопнул ее за собой. Хотя для того чтобы закрыть дверь мне потребовалось меньше секунды, и я только мимолетно бросил взгляд в покинутую мной библиотеку, прежде чем выскочить из здания, то что я увидел навсегда отпечаталось у меня в мозгу. Сквозь уменьшающееся отверстие двери я увидел, как два придатка с их клешнями вынырнули вновь из черной туманности над алтарем. И то, что следовало за этими двумя придатками, было безумной формой, которая никогда не могла быть рождена в этой вселенной, оно было совершенно чуждо моим представлениям о природе. Увидев полное проявление Джанай'нго, я удивляюсь, как можно было его назвать Омаром Глубины. Сравнивать это существо, хоть и имеющее клешни, напоминающие клешни омаров, с ракообразными этой планеты — с таким телом — является полным безумием. К счастью я избавился от его созерцания, когда закрылась дверь.

Когда я мчался по нашей квартире, а затем спускался по лестнице на улицу, я слышал, как Алекс повторяет обряд изгнания. Поверх голоса Алекса я услышал другой голос, который должен

был принадлежать тому, что было Джанай'нго. И эти слова смутно напоминали человеческие, но были непонятны для моих ушей. Или я слышал их в своем мозгу? В середине песнопения Алекс прервался, разразившись вторым мучительным воплем за этот вечер.

Видимо, я потерял сознание прямо перед входной дверью нашего многоквартирного дома. Там меня и нашли власти. Они также нашли то, что осталось от тела Алекса, и обвинили меня в убийстве. Я избежал тюремного заключения, будучи объявленным сумасшедшим.

При описании событий, произошедших десять лет назад, моя память все набирает обороты. Я вспомнил предупреждение Ньярлатотепа и слова Джанай'нго, когда я покидал нашу квартиру. Теперь я знаю, что он — это — говорил.

«Беги человек! Мало кто спасается от моего гнева! Я не пробуду долго на этом плане, так что ты можешь с нетерпением ждать нашей встречи через десять лет!»

Прошло уже десять лет. Десять лет? И снова канун Дня Всех Святых! Сегодня ночью! И уже почти полночь!

Под потолком образуется темная туманность. Нет! Азатот защитит меня! Йомагн'тхо! Йог-Со-

тот!..

* * *

Чарлтон, Канзас (АР). Отвратительное убийство было совершено вчера в «Бенсом Эсайлум». Изуродованные останки Марка Эндрюса были обнаружены в его закрытой камере доктором Генри Дарроу. Сотрудники полиции все еще ведут расследование, но пока неизвестен ни один подозреваемый, и не было найдено используемое им оружие.

Около десяти лет назад Эндрюса обвинили в убийстве Александра Дениелса. Адвокат Эндрюса подал петицию об умопомешательстве, и Эндрюс был помещен в «Бенсом Эсайлум», для безумных преступников.

Доктор Дарроу сказал, что «изуродованные останки Марка Эндрюса почти идентичны фотографиям и описаниям останков его жертвы десять лет назад».

Перевод: Р. Дремичев

Эдди Бертен
Тьма — моё имя

Eddy C. Bertin «Darkness, my name is», 1976

Где-то в уединённом месте,
Где ты никогда не захотел бы остаться,
Когда-нибудь, в этом пустом пространстве
Ты найдёшь путь,
Путь во тьму.[8]

— из переписанной версии «Из тех Проклятых, или: Трактат об Отвра-

[8] Примечания: 8

Рассказ написан на английском языке, но Э. Бертен часто вставляет цитаты и слова на немецком (как это стихотворение и названия книг), французском и латинском. Я посчитал такой литературный приём излишним и затрудняющим чтение, поэтому перевёл все подобные фразы сразу на русский, оставив немецкие фрагменты лишь в тех случаях, где они требуются по сюжету и сразу же разъясняются автором.

тительных Культах Древних»[9] Эдит Брендалл, 1907 год, основанной на оригинальной и запрещённой книге без названия Казая Хайнца Фогеля.

Пролог: «Лийухх»[10]

Пожалуйста, простите мою дерзость; я знаю, что это очень необычно — подойти к симпатичной молодой женщине и просто так заговорить с ней, никак не представившись. Конечно, вам нечего бояться здесь; в этом переполненном маленьком ресторане в самом сердце Гамбурга с вами ничего не случится. Я пока не скажу вам своего имени, так как оно вряд ли имеет значение, и вам нет необходимости говорить мне ваше имя, потому что это тоже не имеет значения в данный момент. Но я рад, что вы приняли моё приглашение вы-

---

[9] Примечания: 9

В оригинале — «Von denen Verdammten, oder Eine Verbandlung über die unheimlichen Kulten der Alien». В переводе с немецкого это «ссылка на зловещие культы пришельцев», но, когда Бертен сам переводит далее это название на английский, пришельцы у него почему-то превращаются в Древних. Очевидно, подразумевается «Из числа тех Тёмных Богов, что были прокляты и изгнаны». Бертин во всём рассказе пишет название этой книги на немецком — «Von denen Verdammten», но для удобства чтения и согласования с другими словами, я использую сокращённый вариант «Проклятые».

[10] Примечания: 10

В оригинале Liyuhh.

пить, даже если это было всего лишь результатом женского любопытства. Будьте уверены, я удовлетворю ваше любопытство. Видите ли, я пригласил вас сюда, чтобы показать вам книгу и несколько фотографий. О нет, пожалуйста, останьтесь! Это не то, что вы думаете, действительно не то! Похож ли я на эксгибициониста, пытающегося продать непристойные фотографии, или на человека, что хочет заинтересовать вас всемирной энциклопедией? Поэтому, пожалуйста, останьтесь, *пожалуйста, мисс*, и возьмите эти пять фотографий. Это всего лишь изображения пяти статуэток. Я вижу, вы их узнаёте. Может быть, вы ещё не понимаете, почему или как, потому что вы, вероятно, никогда не видели их в реальности, может быть, даже никогда не слышали о них, и всё же вы *узнаёте* их. *Это правда, не так ли?* Эти пять образов называются Вайен.[11] Они также присутствуют вот в этой книге. Это всего лишь ксерокопия, почти неизвестный древнегерманский перевод под названием «Лийухх», и в нём есть зарисовки пяти статуэток, называемых там Фейаден, и, без сомнения, вы согласитесь, что они идентичны фотографиям. Вы знаете, что это

---

[11] Примечания: 11
В оригинале Vaeyen.

такое, моя дорогая, теперь нет необходимости скрывать это, и вы также знаете, какой цели они служат. Будьте уверены, я не враг, но я должен был убедиться, что вы действительно та, за кого я вас принимаю. Я почувствовал близость между нами, как только увидел вас в том магазине, и подошёл к вам. Вы, должно быть, тоже меня узнали, иначе не последовали бы за мной. А теперь, пожалуйста, выслушайте историю, которую я должен вам рассказать, чтобы вы всё поняли. Не перебивайте меня, я уверен, что эта история ответит на все вопросы, которые могут возникнуть в вашей голове. Итак, слушайте…

I. Сайега[12]

Там, где тьма чернее чёрного и имеет цвет самой себя, где ничто не является чем-то, а тьма, тем не менее, чище света, находился Он[13]. Он

---

[12] Примечания: 12

Суäegha, также называемый «Разрушающий Глаз», или «Выжидающая Тьма», является Великим Древним, который появляется в Мифах Ктулху, вдохновлённых Г. Ф. Лавкрафтом.

[13] Примечания: 13

Правильнее было ы перевести «It», как «оно», но тогда возникает несогласованность местоимений, прилагательных и глаголов в русском языке, поэтому я принял временное решение, что Сайега мужского пола. Учёные из Мискатоникского Университета когда-нибудь разберутся с этим вопросом.

всегда находился там; Он предавался размышлениям в те моменты, когда вообще был способен размышлять — в те короткие промежутки сознания между вечно кажущимися периодами того, что могло быть только сном или небытием, и, может быть, каждый раз умирая и возрождаясь, если Он вообще мог умереть — этого Он тоже не знал. Затем Он попытался думать о себе и понял, что у Него есть имя, Сайега, которое ничего не говорило Ему о себе самом, кроме того, что Он существует. Он просто жил, к Нему нельзя было прикоснуться в каком-либо месте, ибо таковое отсутствовало, но и к другим вещам Он не мог прикоснуться.

Его можно было бы назвать злом, если бы зло имело рациональный смысл в Его существовании, которого у Него не имелось. Скорее Сайега являлся чем-то за пределами придуманных человеком законов добра и зла, Он был природной силой или естественным событием, таким как пожар в лесу или торнадо, или буря, или просто смерть, чем-то, к чему неприменимы никакие искусственные законы.

Иногда в те редкие моменты, когда Ему позволяли думать, или, может быть, Он сам позволял себе думать, потому что не знал, были ли пери-

оды сна-смерти созданы Им самим или нет, Он пытался вспомнить что-то ещё помимо своего имени. Затем перед Ним появились картины тысячелетий голубого льда, а после — огнедышащих вулканов, бородавок на поверхности Земли, и всё это показалось Сайеге настолько глупым и незначительным, что вызвало в Нём возмущение, и Он вернулся к смерти и сну. Время также не имело никакого реального значения, оно было просто чем-то, что проходило незамеченным, совершенно неважным для такого существа, как Сайега, запертого в Его, возможно, самодельной тюрьме и только благодаря тому, что Его разум соприкасался с внешней реальностью. И в те моменты, когда Он пребывал в состоянии пробуждения, полного пробуждения, Он ненавидел, как может ненавидеть только тот, кто находится за пределами добра или зла. Он видел глазами, которые не являлись глазами, и слышал ушами, что не являлись ушами, и думал всем своим существом, потому что у Него не было таких примитивных органов, как мозг. Он ненавидел молча.

В течение эонов некоторые из его чуждых снов достигали людей и сводили их с ума, заставляя их бормотать что-то невнятное. Некоторые люди были защищены сильней и они просто чувствовали

внешние прикосновения Его снов, и пытались интерпретировать их сознательно в своих сочинениях, или использовали их бессознательно в сверхъестественных историях. Некоторые авторы записывали их как рассказы, зная, что мир никогда не примет такую совершенно чуждую реальность. Конечно, их тоже считали сумасшедшими, как и тех, кто действительно сошёл с ума из-за снов Сайеги. Ни у кого не было ни знаний, ни возможностей искать другие объяснения. Потому что Его имя уже было записано давным-давно. Другие имена, которые приписывались Ему, были высечены на известняковых табличках; и Его форму рисовали на стенах подземных пещер, которые ещё ожидают, что их откроют. Но Его форма была ненастоящей и постоянно изменялась, и позже люди писали о Нём дрожащими пальцами на древних свитках, а ещё позже — в рукописях, и все они были сожжены, когда их обнаружили. А когда некоторые осмеливались печатать Его имя, писателей и печатников сжигали вместе с их книгами. Но некоторые всегда выживали, некоторые всегда или хотя бы частично оставались в здравом уме и толковали Его сны. Одни молились Ему, предлагая ещё теплое, бьющееся сердце, вырванное из кровоточащей

груди жертвы, другие проклинали Его на многих языках, но Ему было всё равно. Он не испытывал к таким людям ни большей, ни меньшей ненависти за то, что они делали. Он ненавидел их *всех* всем Своим существом.

Но иногда Сайега тоже грезил, грезил о других, таких же, как Он сам, и всё же таких разных, таких же древних, как Он сам, и таких же скрытых эонами безымянного ужаса. И Он гадал, где они находятся.

В укрытии, или в цепях, как Он сам? Ожидающих… Всегда ожидающих.

Ненавидящих… Всегда ненавидящих.

II. Фрайхаусгартен[14]

Герберт Рамон смотрел вслед уходящему поезду. Медленно двигаясь, тот полз, как улитка по изъеденным ржавчиной рельсам, постанывая, словно старый, усталый зверь. Локомотив казался таким же древним, как и маленькая станция, на которой Рамон сошёл с поезда. Послышалось последнее сопение, усталое покашливание, прежде чем вагоны окончательно скрылись из

---

[14] Примечания: 14

Freihausgarten — можно перевести как свободный (дикий) сад возле дома.

виду, последний признак того, что здесь, в горах Франконского Альба считалось цивилизацией.

Жаль, подумал Герберт, что поезд не может доставить его прямо во Фрайхаусгартен, деревню, которая являлась его конечной целью. Она располагалась в конце небольшой долины, окружённой горами, и проход через них имелся только в том месте, где находилась станция. Когда здесь прокладывали железную дорогу, было более практично провести рельсы дальше через долину. Деревня находилась не так уж и далеко; в эту эпоху самолётов и международного туризма трудно было обнаружить что-то по-настоящему неизведанное. Фрайхаусгартен можно найти на некоторых более подробных картах этой части Германии, но на самом деле деревню не затронула цивилизация, она слишком незначительна, чтобы о ней беспокоиться, и слишком труднодоступна, чтобы стать «неизведанным солнечным местом для вашего отдыха», в рекламе туристических агентств.

Герберт, покрывшийся пылью и вспотевший под палящим солнцем, оказался на платформе в одиночестве. Он медленно выудил из кармана носовой платок и вытер пот с бровей и шеи. Он тщетно искал носильщика и, наконец, всё

проклиная, сам взял в руки тяжёлые дорожные сумки. Он вынес их за пределы станции. В конце платформы не имелось ворот, и никто не спросил у него билет. В кресле-качалке, знававшем лучшие времена, сидел старик, вероятно начальник станции.

— *Добрый день,* — произнёс Герберт, но старик не ответил на его приветствие. Он продолжал медленно двигаться вперёд-назад, как вечно раскачивающийся маятник, делая вид, что не замечает Герберта, хотя его глаза следили за незнакомцем. Возле станции не дежурило ни одного такси. Впрочем, стояла одна машина, хотя Герберт сомневался, что эта колымага всё ещё может претендовать на звание «такси».

Она обладала той же характеристикой, что и станция — старостью. Стёкла в окнах машины отсутствовали, и пыль летела прямо в лицо Герберту во время поездки во Фрайхаусгартен, к счастью недолгой. Пыль, казалось, находилась здесь повсюду: путешественник ощущал её на своей одежде, на лице, в глазах, во рту и в ноздрях. Машина тряслась и подпрыгивала, и Герберт не знал, было ли это вызвано плохим состоянием автомобиля или ужасной дорогой, или, возможно, сочетанием того и другого; и никто ещё не

изобрёл слов, чтобы описать звуки, издаваемые двигателем. Однако уже через двадцать минут машина доставила Герберта, всё ещё пребывающего в целости и сохранности, к порогу, вероятно, единственного отеля во Фрайхаусгартене. Деревня не представляла собой ничего, что можно было бы полюбить с первого взгляда: казалось бы, совершенно иррациональное нагромождение старых домов, разделённых одной длинной улицей, даже не вымощенной камнем.

Отель Рамону не понравился, и это даже мягко сказано. Он был убогим и старым, полностью соответствующим общему виду деревни. Часть крыши слегка наклонилась в сторону улицы, создавая впечатление, что вся крыша готова была обрушиться и похоронить несчастного посетителя. Подняв глаза, Герберт заметил, что в отеле есть ещё только один этаж, и два его окна разбиты. Они были заклеены старыми, испачканными непогодой газетами, которые теперь по большей части развевались на ветру.

У Герберта возникло краткое, тревожное ощущение дежавю, как будто он уже видел всё это раньше или ожидал, что всё будет именно так. Он стряхнул с себя неприятное ощущение.

Дерево стен было сухим и крошилось, когда

Герберт дотрагивался до него, оно оставляло тёмные пятна на пальцах. Всё здание говорило о старости и небрежном упадке, но другого отеля в деревне не было.

Ну, вот тебе и туристическая достопримечательность Фрайхаусгартена, — подумал Герберт, — *но ведь я приехал сюда не на каникулы.*

Он расплатился с водителем и вошёл в отель, держа в руках две сумки. За регистрационной стойкой, такой же старой и покрытой пылью, как и всё остальное в этом убогом помещении, никого не было. Ключи на стене сразу же подсказали Герберту, что он будет единственным гостем. Колокольчика, чтобы привлечь к себе внимание, тоже не имелось. Герберт поставил чемоданы на пол и стукнул кулаком по столу.

— Хорошо, хорошо, я иду, всё в порядке! — рявкнул голос откуда-то сверху. — Буду через минуту!

Вскоре после этого по лестнице спустился владелец отеля. Он выглядел не таким уж и высоким, но довольно пухлым и склонным к ожирению. Его лицо было красным и морщинистым, а коротко остриженные волосы уже начали редеть. Он сморщил нос с видимым отвращением, рассматривая типичную «городскую», внешность Герберта и его багаж.

— Я был наверху, — проворчал владелец, — не нужно поднимать шум и будить мертвецов, *не так ли?* Чем я могу вам помочь?

— Извините, что помешал вашей работе, — сказал Герберт с расчётливым сарказмом, — но мне нужна комната.

— Вы мне не помешали, — ответил мужчина, по-видимому, не обращая внимания на сарказм, — я просто прибирался. Комнат достаточно, сейчас в этом чёртовом гнезде никого нет, никто не приходит, никто не уходит. Надолго вы к нам?

— Пока не знаю, — ответил Герберт. — Может быть, на несколько дней, может быть, на пару недель. Зависит от обстоятельств.

— Хм. Что вы собираетесь делать в этом гнезде так долго? Ну, извините, я не хотел совать нос не в своё дело, *ей богу.* Идёмте, я покажу вам комнату.

Он наклонился, поднял сумки Герберта и понёс их вверх по лестнице, как будто они ничего не весили. Наверху располагалось четыре комнаты, толстяк ногой распахнул первую дверь и занёс чемоданы внутрь.

— Подойдёт? — спросил он. — Нормально?

Герберт огляделся. В номере имелось окно,

выходящее на долину. Он подошёл к нему и раздвинул занавески. Лучи сурового солнца падало прямо внутрь комнаты, плюясь ему в глаза. Жгучие солнечные лучи создавали световое шоу из миллионов пылинок, медленно кружащихся в неподвижном воздухе.

В комнате стояли: старый стол, шкаф неизвестного происхождения, несколько стульев и кровать без матраса и простыней.

— Я принесу постельные принадлежности, — сказал владелец. — Вернусь через мгновение.

Не дожидаясь ответа, он спустился вниз и вскоре появился снова. Толстяк принялся застилать постель, закончив тем, что положил на неё типичное немецкое пуховое одеяло, которое, как Герберт был уверен, ему не понадобится в здешнем климате.

— Извините за беспорядок, — объяснился владелец, — но у меня здесь почти никогда не бывает гостей.

— Комната и так мне подходит, — сказал Герберт. — Мне многого не требуется, я всё равно буду находиться, в основном, снаружи. Мне просто нужно где-то спать и хранить свои вещи.

Снова выглянув в окно, он указал пальцем вдаль и спросил:

— Разве это не Тёмный Холм, вон там?

Владелец фыркнул.

— Да, это Дункельхюгель[15], Тёмный Холм. Вы бывали здесь раньше?

— Нет, не бывал, — ответил Герберт, но объяснять свои познания не стал.

— Вам нравится нетронутая природа, — сделал ещё одну попытку толстяк. — Настоящий горожанин, *да?*

Герберт улыбнулся, но безо всякого веселья.

— В некотором смысле, да, — сказал он. — Я писатель. У меня куча проблем с желудком, нервами и тому подобным. Доктор сказал, что я слишком много работаю, и посоветовал мне немного подышать свежим воздухом. Поэтому я решил на некоторое время удалиться в какую-нибудь забытую, маленькую деревню и хорошо отдохнуть. Я, вероятно, буду работать по вечерам, когда станет прохладнее, но в основном я буду просто гулять и бездельничать. В любом случае я сам хозяин своему времени.

— Забытая маленькая деревня, очень удачный выбор, — прокомментировал владелец. — Летом здесь жарко, как в аду, а зимой холодно, как на

---

[15] Примечания: 15
Dunkelhügel — Тёмный Холм *(нем.)*

Южном полюсе. Во Фрайхаусгартене никогда ничего не меняется, лучшего места для безделья и не придумаешь. Вы ведь не немец, верно?

— Нет, — ответил Герберт. — Я уже несколько лет живу в Германии, но я американец.

— Я так и думал; вы не можете скрыть этот акцент, как бы бегло вы ни говорили по-немецки.

— Вы тоже не можете скрыть акцент. Вы ведь француз, не так ли?

— *Я? Да*, и горжусь этим. Я приехал сюда импульсивно, купил этот дурацкий отель, не видя его, кроме как на некоторых фотографиях. Я думал, что смогу здесь неплохо устроиться, но мне придётся торчать здесь ещё пару лет, прежде чем я смогу продать этот проклятый дом и съехать. Ну, мне удаётся держаться на плаву, но не более того.

— А где все жители деревни? — поинтересовался Герберт. — Я никого ещё не видел.

— Они все на полях или сидят дома. Сейчас слишком жарко, они выйдут вечером, когда станет прохладнее.

— Как они? Я имею в виду деревенских жителей.

— Скучные. Я мало общаюсь с ними, и они тоже меня не беспокоят. Очень высокомерны. Дума-

ют, они лучше тех, кто не родился немцем. Они говорят «привет», и «спокойной ночи», и на этом мой обычный разговор с ними заканчивается. Чуть дальше по улице есть паб, и, если вы хотите встретиться с некоторыми из местных, вы можете пойти туда вечером. Вы найдёте почти всех жителей там, они потягивают своё пиво и Шнапс — я всё еще удивляюсь, как они могут смешивать их, пиво и бренди. Вы же писатель… Что ж, вы увидите, что значит местный колорит. И пусть вас не беспокоит, что они будут смотреть на вас так, словно вы нечто вроде того, *кто пришёл с кошкой* — простите, как это сказать? Как следы от мокрых кошачьих лап, что-то типа того.

— Странно, что в этой деревне нет настоящего бизнеса, — задумчиво сказал Герберт. — Такой нетронутый кусочек природы должен привлекать туристов и турагентства.

— Здесь нечем заняться, — объяснил толстяк. — Никаких полезных ископаемых, ничего ценного для экспорта. Даже поля дают мало урожая, его хватает лишь на то, чтобы не умереть с голоду. А туристы, говорите? Вы поймёте это после того, как поговорите с некоторыми из них. Не ожидайте, что здесь вы найдете нетерпеливого, добросердечного, пьющего пиво, весёлого, дружелюбного

немца. Ледяные глыбы, вот кто они такие, все они лишены человеческого тепла, человеческих чувств. Они не хотят никаких контактов с внешним миром; они, вероятно, живут так уже много веков и будут только рады, если так будет продолжаться и дальше. Они работают, едят, пьют и спят, и я полагаю, что они занимаются любовью со своими жёнами время от времени, так как некоторые дети рождаются здесь, но не так много, просто достаточное количество, чтобы сохранить баланс между старыми и умирающими. Я бы не удивился, если бы они всё ещё занимались любовью, как в шестнадцатом веке, одевая длинную ночную рубашку с дыркой в нужном месте. Чёртовы невежественные фермеры, а я застрял здесь ещё на несколько лет. *Боже мой!* Мне хочется кричать каждый раз, когда я думаю об этом.

Владелец отеля глубоко вздохнул, словно долгий монолог утомил его.

— Но я говорю вам только то, что думаю; вам, может быть, очень понравится Фрайхаусгартен, если вы хотите тишины и покоя. Может быть, мы спустимся вниз, и вы зарегистрируетесь прямо сейчас?

— Конечно.

Герберт последовал за толстяком и записал

своё имя в гостевой книге. Толстяк заглянул в неё поверх плеча Рамона.

— Герберт Рамон, — прочёл он. — Это напоминает мне, что я даже не представился. Меня зовут Жюльен, Жюльен-Шарль Пандира.

Они пожали друг другу руки.

— *Волшебно звучит*, Жюльен, — сказал Герберт, и лицо владельца отеля расплылось в широкой улыбке.

— Ей-богу, кажется, вы первый, кто может правильно произнести моё имя. Это хороший повод.

Руки толстяка погрузились под стойку регистрации и вынырнули оттуда с двумя бокалами коньяка, которые он наполнил из пыльной бутылки, найденной в том же тайнике. Он сунул один из бокалов в руку Герберта и поднял свой.

— За ваше здоровье, — сказал Жюльен.

— За ваше здоровье, — повторил Герберт и осторожно попробовал напиток. Ему пришлось признать, что вино хорошее.

— Ему и следует быть хорошим, — заметил Жюльен, — это настоящий «Наполеон», а не купоросная кислота, которую здесь называют «бренди». Настоящий французский коньяк, моя единственная слабость. Раз в четыре месяца я возвращаюсь во Францию и пополняю свои запа-

сы. Но оно того стоит.

Герберт согласился, медленно опустошая свой бокал и наслаждаясь мягким, но обжигающим послевкусием коньяка.

— Ну что ж, спасибо, Жюльен, — сказал он, — но я думаю, что сейчас я пойду наверх и начну распаковывать свои вещи. Кстати, есть ли здесь какое-нибудь заведение, где я могу поесть?

— Извините, но здесь нет ресторана, — ответил Жюльен. — Как я уже сказал, местные отпугивают туристов. Я же говорил вам, что это гнездо — деревня призраков, населённая мумифицированными духами прошлого, которым только *кажется*, что они всё еще живы. Вы можете купить всё необходимое у какого-нибудь фермера и приготовить себе ужин. Или же, если вы любите чеснок, лук и французские специи, вы можете каждый день составлять мне компанию. Меня не затруднит готовить на двоих, а не для себя одного, и это будет приятная перемена в жизни, мне хоть не придётся обедать в одиночку. Я много с вас не возьму, только стоимость дополнительных продуктов, которые мне придётся купить.

— Значит, договорились, — сказал Герберт. — Я никогда не был хорошим поваром, так что, если я не отравлюсь на первом вашем обеде, я с удоволь-

ствием присоединюсь к вам. Увидимся позже.

III. «Из тех проклятых»

Герберт вошёл в свою комнату и запер за собой дверь. Пыль прилипала ко всем вещам, но его это не беспокоило. Это была та атмосфера, к которой он привык во время своих исследований. Он небрежно бросил плащ на кровать и запустил пальцы в волосы. Зеркало на стене было разбито, и в нём пять раз отражалось его собственное лицо: немного постаревший мужчина лет тридцати с резкими морщинами на лице и холодными серыми глазами.

Маленькая комната — это всё, в чём он нуждался. На верхней полке шкафа имелось достаточно места, чтобы сложить книги, а стол был достаточно большим, чтобы за ним работать. Он начал разбирать свои сумки, небрежно бросая одежду, нижнее бельё и тому подобные вещи на стул. Он распаковал свои рабочие вещи с гораздо большим вниманием. Портативная пишущая машинка, письменные принадлежности, стопки бумаги, разные геометрические приборы, микроскоп, землеройные инструменты, маленькие стамески, фонарики, батарейки. Затем он извлёк из сумок книги, большинство из которых

являлись ксерокопиями в свободном переплёте или рукописными копиями, написанными его собственным мелким, почти неразборчивым почерком.

Некоторые концепции, содержащиеся в этих переписанных книгах, были столь же древними, как и знания человечества… и таким же древними, как человеческий страх. Их названия показались бы Жюльену и большинству других людей очень странными, а содержание — ещё более странным. Несколько полноценных книг являлись коллекционными предметами в течение многих лет, или даже столетий. Некоторые книги можно было найти только в закрытых отделах специальных библиотек и частных коллекций, и Герберту потребовалось всё его влияние, чтобы взглянуть на некоторые из них, даже с явным запретом на их копирование. Но очень дорогая и эффективная миниатюрная камера, которую можно было спрятать в ладони, действительно могла творить чудеса. Он мог сфотографировать те страницы, которые ему были нужны, даже когда охранник наблюдал за Гербертом из другого конца читального зала, чтобы убедиться в том, что читатель не делает записей или не вырывает страницы из драгоценных руко-

писей или пергаментов. Переписывать нужные фрагменты с увеличенных фотографий было детской забавой. И вот теперь они у него имелись, эти фрагменты из «Текста Р'льеха», и оригинальные заметки Людвига Принна для его «Тайны Червей». Принна сожгли на костре в Брюсселе, но до этого он жил сначала в Брюгге, а потом в Генте, где он закончил работу над своей книгой. Обнаружить заметки, сделанные рукой Принна, в частной коллекции было чистой удачей, тем более что владелец не имел ни малейшего представления об их настоящем содержимом и хранил их только потому, что они были старыми и, следовательно, ценными. Там имелся «Лийуххх», почти неизвестный немецкий перевод или, скорее, адаптация и анализ «Текста Р'льеха», и сильно повреждённая копия «Культов Гулей», графа д'Эрлетта, изданная Франсуа-Оноре Бальфуром, книга, сильна разочаровавшая Герберта, потому что её автор скорее обладал фантазией, чем знанием о тех отвратительных вещах, о которых он писал. Находились в коллекции и другие названия, ещё более чуждые, чем эти, и Герберт часто ругал себя за то, что не смог найти книгу, в которой нуждался больше всего. Если бы только он мог достать экземпляр «Некрономикона»! Он

тщетно пытался заполучить книгу через кого-то ещё более влиятельного, чем он сам, но никому из них даже не было позволено увидеть её.

Здесь у него были книги о силе, книги *о силе* большей, чем что-либо ещё на Земле, и книги о *знании*. Знания о существах более древних, чем человек, книги, авторы которых были замучены и убиты за то, что они написали. Книги, которые тщетно пытались донести до человека истину, что на самом деле он далеко не одинок во Вселенной!

Герберт подошёл к окну и посмотрел на долину, всё ещё потеющую под солнцем. Удача действительно сопутствовала ему, когда Жюльен выбрал самую первую комнату. Герберт Рамон посмотрел на холм в конце долины, и ему показалось, что с этого холма к нему тянутся невидимые глаза, соединяясь с его собственными глазами в нечестивом союзе.

Я здесь, — подумал он. *— Дежавю. Да, я никогда не был здесь раньше, и всё же я узнаю его, и я знаю, что чувствовал это раньше. Мне кажется, или заросли на этом холме действительно темнее? Очень даже может быть!*

Его ладони прижались к стеклу.

Я здесь, — подумал он. *Кем бы ты ни был, я*

здесь, и я знаю, что ты там!

Ему не нужно было брать в руки текст «Из тех Проклятых, или: Трактат об Отвратительных Культах Древних». Даже ксерокопия Герберта была сделана не с оригинала, который датировался по меньшей мере двумя столетиями. Автор, Казай Хайнц Фогель, был немецким иммигрантом, который вернулся из Америки, чтобы написать этот богохульный текст в своей родной стране, Германии. Никто не знал, что с ним сталось; может быть, он умер в какой-нибудь государственной тюрьме, а может быть, его просто ликвидировали церковные служители. Его «Проклятые», были книгой без названия, опубликованной и немедленно запрещённой. Копии, должно быть, сохранились где-то, но только две из них были спрятаны в закрытых архивах немецких библиотек. Иногда, если человек знал кого-то достаточно влиятельного, он мог получить разрешение пролистать эту книгу. Именно так поступила в 1907 году молодая немецкая студентка Эдит Брендалл. Эта девушка обладала поразительной фотографической памятью, и она смогла воспроизвести книгу. К несчастью, она также и опубликовала её, за свой счёт, так как ни один издатель не прикоснулся бы к ней.

Вскоре после этого все экземпляры в книжных магазинах были распроданы, а затем копии в публичных библиотеках начали исчезать. Эдит Брендалл переехала из Гамбург-Альтона, своего родного города, в Берлин, а затем в Бонн. Это ей не помогло. Она исчезла 27 марта 1910 года, и её тело нашли в Рейне восемь дней спустя.

Герберту Рамону не понадобились «*Проклятые*», чтобы вспомнить стихи, которыми Брендалл предварила своё издание. Теперь он знал их наизусть:

Irgendwo, aufeinem einsamen Platz
Wo Sie niemals bleiben wollten
Irgendwann, in diesen leeren Raum
Werden Sie einen Weg finden
Das Pfad im Dunkeln
Und Dunkeln, ist mein Name.
(Где-то, в уединённом месте,
Где ты никогда не захотел бы остаться,
Когда-нибудь, в этом пустом пространстве
Ты найдёшь путь,
Путь во тьму,

А Тьма — моё имя).

Да, — прошептал Герберт, — *и я найду этот путь. Потому что я знаю, где его найти. Может быть, одной книги «Из тех проклятых», было бы недостаточно, но «Лийухх», даёт мне недостающие элементы.*

Он отвернулся от окна и взял свой экземпляр «Лийухха». На пятой странице виднелся выцветший набросок карты. Линии были расплывчатыми, но это всё, что у Герберта имелось. Карта изображала долину, однако ясно различимыми были только жирные линии. С одной стороны долины имелся проход, остальное окружали холмы. Несколько странных символов указывали на место, где долина представляла собой плоскость, но они были неузнаваемы. На другом конце долины была нарисована фигура, напоминающая существо с чертами стервятника и летучей мыши.

Герберт взял копию «*Проклятых».* В данной книге имелось всего две карты, но та, которую он сравнивал с версией «Лийухха», была нарисована очень чётко. Существо, охранявшее вход в долину, имело несколько иные пропорции тела, но по сути являлось тем же самым. Вторая карта также показывала больше деталей. На вершине самого

большого холма, самого дальнего от начала долины, были изображены странные асимметричные здания, построенные из огромных камней. Имелось несколько меньших сооружений, или чего-то подобного, они располагались вокруг более высокого здания. Это было похоже на пирамиду с одной сильно выступающей стороной. Семь обелисков выстроились в линию у входа в пирамидальное сооружение, дверь была приоткрыта, чтобы можно было видеть, что находится внутри. С невероятной точностью художник нарисовал длинный зал с каменным алтарём (?) в его конце.

Герберт часто задавался вопросом, кем был этот художник и что с ним случилось. Конечно, рисунки в «*Проклятых*», не были работой самой Эдит Брендалл, хотя она, должно быть, передала художнику все детали из своей фотографической памяти. Тем не менее, учитывая этот факт, выглядело ещё более странным то, что рисунок существа над алтарём так сильно напоминал существо, охраняющее вход в долину на карте из «Лийухха». У человека всегда было странное представление о богах, им же и придуманным, но этот художник превзошёл самого себя и своих современников. Этот рисунок был чем-то большим,

чем просто существом с аспектами стервятника и летучей мыши: оно было отчасти человеком или казалось таковым на первый взгляд, но не более того, если внимательно вглядеться во все детали. Четыре холодных, рыбьих глаза располагались по бокам головы. Само тело покрывала чешуя; пять конечностей были длинными и похожими на лапы паука, с волосами или шипами. Руки, каждая из которых имела разное количество пальцев, представляли собой сгустки покрытой прожилками плоти, пальцы без ногтей больше походили на маленькие извивающиеся щупальца. Нижняя часть тела имела явные мужские и женские половые органы, но неприлично большие. Оно стояло на двух ногах, что оканчивались птичьими когтями. Существо вытянуло перед собой две свои «руки». В одной из них оно держало обнажённое тело женщины; казалось, что она находится без сознания, из её спины торчали крылья летучей мыши. В другой вытянутой руке-щупальце существо держало жабоподобную тварь с огромными выпученными глазами и двумя раздвоенными языками.

Герберт закрыл обе книги.

Пятнадцать лет, — подумал он, — *пятнадцать лет, проведённых в библиотеках и с*

частными коллекционерами редких книг по демонологии и оккультизму, в поисках скудных ключей к разгадке этой долины, этого холма.

И вот он нашёл его, или, по крайней мере, был уверен, что нашёл. Это должна быть та самая долина, а там, на холме, остатки того самого храма.

Храма, построенного для такого страшного бога, что его имя даже не упоминалось в книгах. «Лийуххх», говорил о «существе, которое выжидает во тьме», но не вдавался в дальнейшие подробности. «Проклятые», были более откровенны по всем аспектам, за исключением природы «выжидающей тьмы». И всё же было странно, что никто не знал о существовании этого храма. Если он действительно был такой большой, как на рисунках, Герберту следовало увидеть его останки из окна отеля. Но на вершине холма ничего не было.

Сила и знание, — подумал он, — *они всё ещё там, на вершине или, может быть, даже внутри этого холма, и я найду их. И твоя память тоже лежит там, чужой бог, которому когда-то поклонялся человек. Ты ушёл, давно ушёл, но артефакты, камни, может быть, даже рукописи, они всё ещё должны находиться там. И я найду их.*

Но сначала Герберт должен был выяснить, знают ли здешние жители что-нибудь и как много

они знают. Храм мог быть разрушен, камень за камнем; они могли лишить холм его сокровищ. А если так, то Герберт узнает, что они с ними сделали.

Он закрыл свою комнату и спустился вниз посмотреть, приготовил ли Жюльен что-нибудь на обед.

IV. Дункельхюгель

После трезвого, но очень приятного ужина Герберт решил, что сегодня уже поздно делать что-либо ещё, поэтому он последовал совету Жюльена и отправился в паб. Там имелась только одна большая комната, заполненная людьми. Может быть, жители Фрайхаусгартена и не очень-то любили светскую жизнь, но выпить им определённо хотелось. Все места вокруг маленьких круглых столиков были заняты. Запах трубочного табака смешивался с запахами пива и человеческого пота. Несколько карточных игр продолжались, но почти никто не вёл настоящих разговоров. Большинство посетителей были среднего возраста; те, кто мог быть младше, отсутствовали, за исключением нескольких угрюмых, молодых людей. Большинство из них, казалось, были довольны, просто стоя у бара

со своими огромными пивными кружками. В комнате стояла удушающая жара, и Герберт уже через несколько минут почувствовал, как пот струится по его ушам и спине. Он заказал бренди и осторожно попробовал его. По сравнению с коньяком Жюльена это оказалось дешёвым пойлом, но его можно было пить. Прошло больше часа, прежде чем ему удалось вмешаться в разговор. Темы были обыденными: погода, жара и опасность, которую она представляет для урожая этого сезона, некоторые здания, которые нуждаются в ремонте, некоторые разговоры о домохозяйках, собака, которая убежала от своего хозяина и ещё не нашлась, — типичные разговоры для маленькой деревни. Герберт незаметно попытался перевести беседы на вещи, которые интересовали его больше, не упоминая о них напрямую. Однако вскоре он заметил, что на него бросают враждебные взгляды, и местные просто продолжают говорить о своём. Он попробовал подойти с другого конца, затронув пастушеские аспекты долины, её географическое положение и природную красоту, и всё шло хорошо, пока он не упомянул холм. На мгновение воцарилась полная тишина, а затем все сразу же заговорили о совершенно разных вещах. Намёк был слишком

очевиден, чтобы его игнорировать.

Герберт провёл ещё два часа в пабе, заплатив за выпивку, чтобы смыть дурное предчувствие, которое он каким-то образом передал местным, и поговорил с людьми о погоде и различиях между деревенской жизнью и жизнью в больших городах. Он продолжал рассказывать о том, что является писателем в отпуске, и старательно избегал темы холма.

На следующее утро Герберт встал очень рано с лёгкой головной болью от плохого бренди. Солнце только что взошло, а снаружи было ещё свежо и прохладно. Он надел джинсы и лёгкий свитер, и отправился на свою первую долгую прогулку. Он не имел в виду ничего конкретного; то, что он хотел выяснить в первую очередь, было общим исследованием географии этой местности. Долина была зажата между двумя холмами. Первый находился далеко слева от входа в долину, невысокий и неважный холм, занимавший примерно одну шестую часть неполного круга. Второй холм смыкался с первым и завершал круг, за исключением того места, где долина переходила в низину. Здесь же находилась станция, поезда которой проходили мимо, но никогда не заезжали в долину. Сама деревня располагалась

на противоположном конце долины, прислонившись к Дункельхюгелю, Тёмному Холму, где она достигала своей высшей точки. Герберт бесцельно прошёлся по долине, а затем направился к Тёмному Холму. При дневном свете он казался не более угрожающим или странным, чем любой другой холм. Герберт задумался о том, что тот выглядит странно тёмным, если смотреть на него издалека. Может быть, это всё-таки какая-то игра света? В любом случае растительность казалась совершенно нормальной.

Он снял несколько показаний с помощью своих приборов и взял с собой несколько образцов почвы. В них тоже не обнаружилось ничего ненормального.

На следующий день Герберт обошёл весь холм, и на этот раз его путешествие полностью сбило его с толку, он засомневался в информации, предоставленной ему «Лийуххом», и «*Проклятыми*». На холме ничего не было, абсолютно *ничего*!

Что было совершенно невозможно. Это должна быть та самая долина, о которой упоминалось в его книгах; она подходила по всем признакам. Тем не менее, храм, изображённый на картах, не мог просто исчезнуть, хотя, если смотреть

на него реалистично, единственное место, где он мог ещё находиться — внутри холма. Что было невозможно. Этому холму потребовалось бессчётное количество столетий, чтобы обрести форму, разрушиться под влиянием сезонных изменений погоды, покрыться такой же дикой растительностью, какая присутствовала здесь. Ничто не касалось этого холма в течение столетий, Герберт был абсолютно уверен в этом, поэтому предположение, что, возможно, оползень накрыл храм, оказалось таким же нелепым, как и всё остальное. Кроме того, книги говорили ясно: храм находится на вершине холма. На нём имелось несколько довольно голых мест, но ни одно не выглядело достаточно большим, чтобы построить храм такого размера, и даже в таком случае должны были остаться следы.

Брендалл провела собственное исследование, когда переписывала «*Проклятых*», и добавила в книгу свои заметки. Храм после 1850 года больше не упоминался, но она писала о старых и отвратительных церемониях, которые проводились «в тёмном и скрытом месте, где говорят о Выжидающей Тьме». Это «тёмное и скрытое место», не могло находиться нигде, кроме как внутри храма. Или, может быть, храм был символом? Может

быть, это ни что иное, как фольклорная традиция какого-то шабаша обычных ведьм, которые, вероятно, собирались в какой-нибудь тайной пещере? Но нет, «Лийуxx», *тоже* упоминал о храме, так что, возможно, члены колдовского круга (если это было именно так) могли принести остатки храма в своё тайное место для собраний.

И всё же, разве Казай Хайнц Фогель написал бы тогда так много об этом? Шабаш ведьм не был таким уж страшным или богохульным деянием в нынешние времена, когда существовала даже официальная Церковь Сатаны. Неужели этот колдовской круг всё ещё существует? По прошествии более чем двух столетий это было сомнительно, но возможно. Эта традиция могла передаваться из поколения в поколение, и это объясняло бы негативную реакцию жителей деревни на расспросы Герберта, какими бы осторожными они ни были. А может быть, о существовании этого мифического шабаша ведьм вообще не было известно? Даже в таком маленьком сообществе, как это, он мог пройти незамеченным, если его члены были достаточно осторожны.

Герберт продолжал свои поиски вдоль холма, но нигде не нашёл никаких следов. Растительность здесь росла совершенно бесконтрольно,

и передвигаться было трудно. Под мышками у него выступил пот, а солнце теперь жгло его с безоблачного неба, и ему казалось, что он возвращается сквозь время прямо в доисторические времена, когда динозавры ещё бродили по земле, а человечество являлось не более чем далёким сном какого-то невообразимого божества.

Добравшись до отеля, Герберт сразу заметил, что кто-то побывал в его комнате. Ничего не пропало, но некоторые вещи были слегка сдвинуты со своих мест. К счастью, его книги и записи лежали в чемодане, который всегда был заперт, и они, кем бы они не были, не осмелились взломать замок. Герберт предъявил Жюльену свои улики, но хозяин отеля удивлённо поднял брови.

— Извините, но нет, — сказал он. — Только я заходил в вашу комнату, чтобы открыть окно и впустить немного свежего воздуха. Я застелил постель, но ничего не трогал.

— Вы весь день находились в отеле? — спросил Герберт.

— Ну… нет, — ответил Жюльен. — Я выходил два или три раза, один раз в паб за кружкой холодного пива, а потом мне надо было сделать кое-какие покупки. И должен признаться, что я также проспал часть дня, больше делать было

нечего.

— Нет, не настолько нечего, как я заметил, — ответил Герберт. — Но в будущем я запру дверь на два замка. И, может быть, вам лучше забирать запасной ключ с собой, когда будете уходить куда-то из отеля.

Происходящее встревожило Герберта. Он поверил Жюльену. Кто угодно мог явиться в отсутствие владельца и воспользоваться запасным ключом, висящим на стене, чтобы попасть в комнаты, и, возможно, это был просто обычный вор, ищущий что-то ценное. Но на самом деле Герберт не верил в простых воров.

V. Вайен[16]

Следующие три дня прошли без происшествий. Днём Герберт совершал длительные прогулки, не всегда прямо по направлению к холму, чтобы не выдать своего интереса, но ему всегда удавалось оказаться там в более поздние часы. По вечерам он работал над своими записями, а иногда ходил в паб. Однако ему не удалось добиться того, чтобы местные жители приняли его за своего. Они отвечали на его приветствия и немного говорили

---

[16] Примечания: 16
Vaeyen

с ним, но их взгляды говорили о недоверии и подозрительности.

Герберт нашёл некий предмет на шестой день, буквально споткнувшись о него по чистой случайности. Он спускался с холма по узкой тропинке, когда его нога за что-то зацепилась. Он споткнулся и упал, сумев приземлиться на руки. Затем он начал искать то, что попалось ему под ноги. Ему не потребовалось много времени, чтобы выкопать какой-то предмет из земли, как только он увидел, что это не корень дерева. Вытирая с него комья грязи и вставая, он почти не верил своей удаче.

Предмет был не очень большим, около двенадцати сантиметров, но тяжелее, чем казался. Маленькая статуя, вероятно, когда-то была раскрашена, но время позаботилось об этом и оставило только её обнажённую, окаменевшую форму. Мелкие детали были отломаны, но всё же его можно было узнать. Статуэтка представляла собой грубое изображение летучей мыши-стервятника, изображённого на карте в «Лийуххе». Существо стояло прямо, сложив крылья на спине. Теперь, когда оно было так близко, Герберт легко понял, что ошибался. Летучая мышь-стервятник из «Лийухха», была совсем не такой, как статуя

внутри храма, изображённая в «*Проклятых*». Он задавался этим вопросом: почему божество, которому поклоняются внутри храма в одной книге, показано находящимся так далеко от этого храма в другой?

Герберт ухмыльнулся. Это было то, что он искал, наконец-то материальное доказательство реального существования храма. Он поступил правильно, приехав сюда. Каким бы невероятным это ни казалось, это был единственный ответ, и эта статуя доказывала, что должен существовать какой-то способ проникнуть внутрь храма.

Герберт положил статуэтку в сумку и, медленно возвращаясь в деревню, заметил то, что давно должен был заметить — он никогда никого не встречал вблизи холма.

Вернувшись в деревню, он направился прямо к Жюльену. Он проникся симпатией и доверием к этому толстому французу и хотел узнать, что тот думает о найденной им статуэтке.

Жюльен оторвал взгляд от газеты. Он сидел, вернее, лежал в одном из своих кресел и курил одну из своих вечно вонючих сигар.

— Привет, — сказал он. — Хорошо погуляли?

— Конечно, и я даже принёс с собой кое-что интересное и необычное, — сказал Герберт, вы-

нимая статуэтку из сумки и ставя её на стол перед Жюльеном.

Он ожидал лёгкой реакции любопытства и интереса, но не того, что случилось далее. Жюльен вскочил, отшвырнул стул и побелел как мел. Он даже уронил сигару.

— Вайен, — прохрипел толстяк. — Спрячьте эту вещь подальше!

— А что? — удивился Герберт. — Это всего лишь статуя, которую я нашёл.

— Конечно, это всего лишь статуэтка, но уберите эту чёртову вещь, пока никто из них её не увидел, — прошипел Жюльен. — Вы рыскали по Тёмному Холму, вот где вы её нашли, и вот куда вам лучше вернуть её обратно.

Герберт медленно убрал статуэтку обратно в сумку.

— Я споткнулся, — объяснил он. — Она была почти полностью под землёй, только голова торчала наружу. Я бы никогда её не увидел… как вы её назвали?

Жюльен наклонился и поднял сигару с пола. Теперь, когда статуэтка скрылась из виду, он, казалось, тоже успокоился.

— Я никак её не называл, — сказал он, — а если и называл, то забудьте об этом. Я забуду, что

когда-либо видел эту вещь в ваших руках, но, пожалуйста, позаботьтесь о том, чтобы никто из деревни никогда не увидел её и не узнал, что она находится у вас. Я бы предпочёл, чтобы вы вернули её туда, где нашли.

— Не играйте со мной в игры, Жюльен. Вы назвали её по имени, и, если вы не ответите на мой вопрос, я могу пойти и спросить в другом месте.

— Я бы не стал этого делать, если бы хотел избежать неприятностей, — заявил Жюльен. — Поверьте мне, я знаю, о чём говорю, хотя не так уж и много.

— Тогда расскажите мне, *что* вы знаете.

— Что… эта статуэтка называется Вайен. Это образ старого демона, если хотите. Это хранитель, страж Тёмного Холма. Их несколько, но я никогда их не видел. Впрочем, я слышал о них.

— От кого, Жюльен? — спросил Герберт.

Но толстяк не ответил. Теперь он стоял в дверях и показывал пальцем на холм вдали.

— Смотрите: вот он, при полном солнечном свете. И всё же он выглядит тёмным, неестественным, порождением зла. Сейчас никто из деревни туда не ходит, и вам не следует.

— Почему вы говорите: «сейчас туда никто не ходит»? Есть какое-то другое время, когда кто-ни-

будь туда ходит, Жюльен? Кто и с какой целью? Ну же, вы разумный современный человек, не говорите мне, что вы боитесь каменной статуэтки какого-то старого демона?

— Вы здесь не в большом городе, — нахмурился француз. — Вы находитесь во Фрайхаусгартене, который является старым островом в море того, что называется цивилизацией. Люди здесь говорят и думают не так, как мы. Вот почему я хочу уехать отсюда, как только смогу уладить финансовые дела. Мне здесь не место; тот, кто родился не во Фрайхаусгартене, не станет здесь своим. Меня здесь только терпят. Нет, я не суеверен, но я не хочу, чтобы кто-нибудь узнал, что вы нашли одного из их драгоценных Вайенов. Но если вы хотите узнать больше, почему бы вам не пойти завтра к викарию? Он тоже родился в другом месте, но он живёт здесь уже более двадцати пяти лет, и община принимает его, потому что он не суёт нос не в своё дело. Я тоже хочу поступать подобным образом.

На этих словах их вечерний разговор закончился. Герберт поднялся к себе в комнату и там полностью очистил статуэтку. Она была очень старой, в этом не было сомнений, и Герберт не мог определить в какую историческую эпоху её

создали. Его всё ещё удивлял вес статуэтки. Он попытался поцарапать её своими инструментами, чтобы выяснить, может ли та содержать какой-либо тяжёлый металл, но безрезультатно.

Он вернулся к своим записям в поисках ключа к своему открытию. Один абзац из «Лийухха», привлёк его внимание:

> *«…und Seine Welt is eine Welt die schwarzer ist als das Schwarze und dunkler als das absolute Dunkel zwischen den Sternen».*

«… и его мир — чернее чёрного, и темнее абсолютной тьмы между звёздами», — приблизительно перевёл Герберт. Странно, что «Лийухх», так часто упоминает тьму. Где-то среди этих линий можно было найти решение для странной оптической иллюзии Тёмного Холма? Явление было странным, но когда эти записи были сделаны, там находился храм, а не только чёртов холм!

Герберт переключился на «Проклятых», и нашёл часть текста, которая могла иметь какое-то конкретное значение:

> *«Und Das Dutikel Dasz Wartet hat fünf Diener, fünf Wächter des Temp els, und fünf Wächter des Dunkels, genannt die Feiaden:*

das schwarze Licht, das weisse Feuer das schwarzer ist als die Nacht, das weisse Dunkel das roter ist als das Feuer, das geflügelte Weib, und der grüne Mond, die Ihm hal-teti und dienen in Seine Dunkelheit».[17]

Чёрт возьми, — подумал Герберт, — *почему они не дают Ему имени? Почему* опять-таки это должна быть «Тьма, Которая Выжидает?», Значит, «Он», имеет пять слуг, пять официантов — нет, погодите, *Wachter* означает наблюдателей или стражей. Пятеро охраняют храм и Тьму, и их называют *Фэйаден*. Вполне подходит; принимая во внимание немецкое произношение, Фэйаден могло *превратиться в Вайен.* Их пять: Чёрный Свет, Белый Огонь, что Чернее, чем Ночь, Белая Тьма, которая является более красной, чем Огонь, Крылатая Женщина и Зелёная Луна Они все «хранят и охраняют Его и Его Тьму». Это соответствовало рисунку: пять демонов-хранителей храма и служителей божества. На рисунке в «*Проклятых*», было изображено божество с «крылатой женщиной», в одной руке и жабопо-

[17] Примечания: 17

«И есть у Тьмы, Которая Выжидает, пятеро служителей — пятеро стражей храма, пятеро стражей Мрака, что зовутся Фейаден: Чёрный Свет, Белый Огонь, что чернее ночи, Белая Тьма, что краснее огня, Крылатая Женщина и Зелёная Луна; кои хранят и охраняют Его и Его Тьму».

добным существом в другой. Этот мог быть любой из оставшихся четырёх Вайенов, как и эта статуэтка. Если бы Герберт только знал, какого цвета она была изначально, это стало бы ключом к её идентификации. И потом, эти названия тоже могут быть символическими. «Черный Свет»: намёк на ночь, когда проводились церемонии? «Белый Огонь»: огонь, постоянно поддерживаемый внутри храма? «Зелёная Луна»: Луна, сияющая над зелёной долиной, зелёным холмом? Но тогда как насчет «Белой Тьмы»?

Бесполезно было делать какие-то выводы на данном этапе исследования; Герберт и так узнал слишком много, но ещё недостаточно.

VI. Храм на Тёмном Холме

На следующее утро Герберт первым делом отправился к викарию. «Хранитель душ», оказался мужчиной под сорок. Его лицо способствовало тому, что он казался толстым, хотя на самом деле он не был таковым. Он имел мускулистую фигуру и грубые руки, и выглядел как человек, который привык не только произносить молитву в церкви по воскресеньям утром, но мог заниматься и другими делами. Его приветствие было сердечным, но сдержанным.

Герберт решил, что единственный способ что-то здесь выведать — это с самого начала играть открытыми картами. Поэтому после обычного обмена формальностями и вежливыми замечаниями он достал статуэтку из кармана и поставил её на стол.

— Мне говорили, что это называется Вайен, — сказал Герберт, — и что это какой-то злой дух. Мне также велели держать его подальше от глаз местных жителей и спросить у *вас*, если я хочу узнать об этой статуэтке побольше.

Викарий ответил не сразу, но и не выказал испуганной реакции Жюльена. Он взял Вайена и тихо присвистнул, заметив его тяжесть, внимательно осмотрел его и снова поставил на стол.

— Повезло вам найти его, — прокомментировал викарий. — Полагаю, вы имеете представление о ценности этой статуэтки? Я знаю, что она датируется по меньшей мере пятью веками, но я предполагаю, что она намного, намного старше… может быть, ей столько же лет, сколько и человечеству. Раз уж вы это знаете, то это действительно Вайен, более того, первый из них, «Чёрный Свет».

— Но *что* же это такое? Почему мне велели его скрывать?

Викарий пристально посмотрел на Герберта, потирая свой двойной подбородок.

— Может быть, мистер Рамон, вы сначала скажете мне, кто вы такой и что конкретно вас интересует в этой статуэтке? Я слышал, что вы писатель и приехали сюда якобы отдохнуть, что не совсем объясняет ваши долгие и очень утомительные прогулки… и довольно странно, что вы всегда бродите в окрестностях Дункельхюгеля, Тёмного Холма. Вы писатель-фантаст? Может быть, вы ищете здесь материал для романа или что-то ещё?

Как много он мог рассказать этому человеку? — спросил себя Герберт. Не всё, конечно; может быть, достаточно, чтобы удовлетворить его любопытство. Но викарий не был дураком. Герберт тщательно подбирал слова.

— Я записываю факты, — сказал он, — научные факты, а также биографические материалы. В данный момент я работаю над исследованием сочинений американского писателя, умершего в 1937 году, Говарда Филлипса Лавкрафта. Возможно, вы слышали о нём, так как многие его рассказы были опубликованы в немецких переводах, публиковались даже некоторые из его писем и критических работ. Он писал в

основном то, что мы назвали бы «сверхъестественной фантастикой». Большая часть его более длинных рассказов посвящена инопланетным «божествам», существам, которые обитали на Земле задолго до человечества и породили множество причудливых культов. У него была очень своеобразная манера смешивать реальность с вымыслом, особенно когда дело касалось культов и древних книг о колдовстве. Как результат, в недавней статье в одном известном периодическом издании было сказано, что некоторые из этих культов вполне могли существовать в реальности, и что Лавкрафт знал об этом, но замаскировал свои знания под фантастику. В своей биографической работе я пытаюсь отделить правду от его собственных вымыслов. Поэтому я занялся изучением древних и забытых культур, получив допуск к некоторым старым книгам, посвящённым вере человечества в оккультизм, магию, суеверия и различные религии. Некоторые из этих книг содержали карты и сведения, которые образовывали странные параллели с культами, всё ещё существовавшими в начале этого столетия в Америке. Поэтому я пытаюсь найти культурное и религиозное сходство, чтобы связать эти американские культовые верования

с теми, которые, как мне известно, существовали в восемнадцатом и даже девятнадцатом веке в Европе и в Германии. Я хочу выяснить, существовали ли эти языческие верования в странных божеств уже в этих отдельных странах — и если да, то где они все возникли — или же они были импортированы в одну из них.

Викарий кивнул.

— По крайней мере, вы не из какого-либо сумасшедшего культа, — сказал он и рассмеялся. — Извините за эти слова; за последние двадцать четыре года, что я здесь живу, я встречал только двоих таких культистов, но их хватило бы на всю жизнь.

Его шутливая манера внезапно исчезла так же неожиданно, как и появилась.

— А что ещё вы знаете? — спросил викарий.

Теперь Герберт призадумался. Что ещё он должен был сказать? Ну, ещё немного информации не повредит, даже если они пойдут по ложному следу.

— Меня особенно интересует храм, который должен находиться на вершине вашего Тёмного Холма, но которого там нет. Вот почему я пришёл сюда, хочу узнать, что правда, а что — просто вымысел.

Викарий кивнул и сел в кресло. Он сделал большой глоток бренди и снова посмотрел на Герберта.

— Находился, — заявил он. — И он всё ещё *там.*

— Где?

Викарий развёл руками.

— Именно это я и надеялся услышать от вас, мистер Рамон. Вы были очень откровенны со мной, и теперь я буду таким же. Потому что я думаю, что вы и я можем быть очень полезны друг другу. Вы хороший лжец, но недостаточно хороший. Конечно, я слышал о том писателе, которого вы упомянули, о Лавкрафте. Видите ли, я очень много читаю; здесь мне больше нечем заняться. Я выписываю множество литературных журналов, и когда я прочитал в книжном обозрении то, о чём писал Лавкрафт, я заказал все его книги у немецкого издателя «Insel Verlag». Конечно, он писал фантастику — эти божества и все силы, которыми он их наделял, кто поверит, что это правда? Но есть и другие вещи… некоторые, казалось бы, универсальные верования и культы, и это не выдумка. Они действительно существуют — даже сейчас. И не спрашивайте меня, откуда они взялись, мне это неизвестно. Знаю только,

что они существуют в Европе, а также в Англии и в Штатах. А теперь я расскажу вам всё, что знаю. Конечно, вы понимаете, что это не официальный разговор. То, что я вам скажу, останется между нами. Вы видели мою церковь: она маленькая, простая, но её достаточно для моих нужд и нужд моих прихожан. Я живу здесь уже двадцать четыре года вместе с ними; все они присутствуют на воскресных службах. Я знаю их всех, моих людей, и всё же… Скажите, вы верите в силу разума?

— Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду, — нахмурился Герберт.

— Ни оккультную, ни сверхъестественную силу. Я говорю о телепатии, телепортации, телекинезе… самовнушении, массовом гипнозе и всех других силах, которые, как предполагается, таит в себе разум. Поверите ли вы мне, если я скажу, что эта деревня — или её обитатели — не изменились за триста лет? О, я не имею в виду, что они не умирают, я имею в виду в общем… ах, так трудно дать этому название. Их образ жизни, образ мышления, весь их менталитет. То, что я знаю о нём, почерпнуто из бумаг, оставленных моими предшественниками. Вы когда-нибудь слышали о… Сайеге?

— Да, слышал, хотя только само это имя. Оно

упоминается в некоторых книгах, которые я изучал. Предполагается, что это какой-то бог земли, или пещеры, или что-то в этом роде.

— Сайега… Выжидающая Тьма, воистину Повелитель Пещер. Это имя очень древнего божества, своего рода элементаля земли. Этому… богу, если хотите, здесь поклонялись с семнадцатого века. Вероятно, поклонялись и раньше, но никаких более древних записей не сохранилось. Это божество должно было жить внутри Тёмного Холма, и его почитатели даже совершали… жертвоприношения, хотя он и не мог до них добраться. Этому божеству служили пять Вайенов — пять демонов-слуг, которые в то же время выполняли своего рода обязанности стражей. Охраняли божество и его долину от непрошеных гостей. То, что я вам скажу, может показаться странным и невероятным. Но с тех пор вокруг этой долины возник барьер… психологический барьер, отгораживающий её ото всех перемен, создающий своего рода статичный менталитет, неспособный измениться! И центром этого барьера служил тот проклятый храм. Я не знаю, когда он был построен, или даже кто его построил — я никогда не видел его сам. Может быть, это всего лишь жертвенный алтарь на вершине холма. Но его

сила все ещё существует.

— Вы сказали, что у Вайенов двойная функция? — спросил Герберт.

— Да. Верующие боялись этого… божества. Может быть, они создали этих Вайенов, потому что Вайены сохранили долину и холм такими, какими они были, но также сдерживали и могущество божества.

— Что случилось?

— Верующих стало слишком много, пошли слухи… человеческие жертвоприношения. Слухи распространялись, и около 1860 года сюда прибыл молодой священник, преданный богу человек, обладающий необходимыми знаниями. Он положил конец всему этому делу, по крайней мере, так гласят мои документы. Но насколько можно верить этим старым манускриптам? Говорят также, что он разрушил храм голыми руками и с помощью священных слов. Он также произнес слова над пятью Вайенами и поставил их охранять холм навечно. Он умер на том холме.

— Но вы сказали, что культ всё ещё существует.

— Да, я *знаю*, что он существует. Как я уже говорил, они приходят ко мне со всеми своими обычными проблемами; они приходят каждое

воскресенье. Но каждую ночь полнолуния деревня становится мёртвой, и я знаю, что они находятся там, на холме. Не спрашивайте меня, почему и что они там делают. Никаких жертв как таковых; может быть, это не более чем традиция, сохраняемая поколениями и веками. Но почему они поддерживают старую церемонию?

— Почему бы вам не спросить их? — вставил Герберт.

Викарий помедлил, глубоко вздохнул и продолжил:

— Вот почему я думаю, что мы с вами можем помочь друг другу, вот почему я спросил вас, верите ли вы в силу разума. Потому что я их спрашивал… и они ничего не знают! Когда я говорю с ними о том, что они делают в полнолуние, они ведут себя не как люди, которые пытаются что-то скрыть… это люди, которые ничего об этом не знают! Они просто смотрят пустыми глазами, как будто не понимают, о чём я говорю. *Они не помнят!*

— Это невозможно! — воскликнул Герберт.

— Вы так думаете? Но, тем не менее, это так. Вы, должно быть, заметили, что они боятся холма; они никогда не ходят туда. И всё же я знаю, что раз в месяц они все там, наверху… для чего?

— Есть только один способ это выяснить.

— Конечно, есть. Неужели вы думаете, что я сам не пытался подняться на этот холм в одну из таких ночей? Вы знаете, что произошло? Я проснулся здесь, в своём доме. Последнее, что я помнил, — это как мы шли к холму; я даже помню, как начал подниматься по узкой тропинке, ведущей вверх, и увидел огни, горящие на вершине холма. А затем… ничего! Абсолютно ничего, кроме того, что внезапно я снова оказываюсь здесь, в доме, из которого я выходил. Теперь вы думаете, что я сошёл с ума?

— Нет. С тем знанием, которое у меня есть, я не думаю, что вы сумасшедший. Но и я не могу предложить вам никаких объяснений.

— И именно там мы можем помочь друг другу. У вас есть знания в других областях, кроме собственной, и я не знаю, чего вы на самом деле хотите. Но для нас обоих это означает одно и то же: знание. Потому что с помощью знания я могу освободить своих людей от проклятия, которое веками царило над ними с Тёмного Холма. Я не могу просить об официальной помощи; я не могу просить об экзорцисте, не будучи признанным совершенно безумным. Как я могу объяснить своему начальству свою убеждённость в том, что злобная сила всё ещё живет на этом холме, что

она ухитряется отнимать у меня верующих на одну ночь каждый месяц? Если мы будем работать вместе, может быть, вы найдёте то, что ищете здесь, а я смогу освободить своих людей от этих языческих суеверий и ритуалов.

— Я не знаю, — ответил Герберт. — Вы рассказали мне очень много, и я очень благодарен вам за это. Я лишь сожалею, что мог бы рассказать вам больше, но не могу. Я недостаточно знаю.

— Тогда вам придётся это выяснить…

После визита к викарию Герберт заметил, что взгляды и отношение жителей деревни к нему стали ещё более враждебными. Впрочем, это его не слишком заботило: они, должно быть, видели, что он часто ходит к Тёмному Холму, о чём и доложили викарию. Однако ему удалось помириться с Жюльеном, сказав ему, что он оставил Вайена в доме викария.

Герберт тщетно пытался найти в этом разумный смысл. Он подозревал, что местные поддерживают здесь древнюю традицию, но рассказ викария бросил тень сомнения на его теорию. Он не мог выяснить у жителей деревни то, чего они не знают, это было бессмысленно. Ему требовалось время. И это было единственное, чего он не имел. Потому что в ту ночь сон одолел его.

VII. Нагайе[18]

Герберт не мог подобрать для этого явления другого слова, кроме «атака», потому что обычно он никогда не видел снов, а если и видел, и мог вспомнить, то лишь сновидения о рациональных вещах.

В тот вечер после долгих, но бесплодных поисков на Тёмном Холме, он изучал Вайена. Он сделал несколько зарисовок статуэтки и заснул с её мысленным изображением, всё ещё стоявшим у него перед глазами, что, вероятно, и послужило началом сновидения. Если это был сон…

Ему показалось, что он проснулся, и оказалось, что он стоит у края длинной долины, окружённой со всех сторон чёрными горами с рваными краями, как будто он находился внутри лунного кратера. Земля под его ногами выглядела чёрно-пурпурной, сморщенной и полной трещин, которые, казалось, уходили глубоко в недра Земли, как будто сама планета была больна, и через эти поры она пыталась избавиться от своей внут-

---

[18] Примечания: 18

Nagaye. Мне кажется, что это слово обозначает множественное число, как «стадо», которое как бы одна единица, но состоящая из многих животных.

ренней порчи и зла.

Во сне Герберт медленно оторвал взгляд от измученной земли и посмотрел вниз, в долину. В её конце, так далеко и всё же, как казалось, в пределах досягаемости его рук, стояло здание. Оно было построено из титанических кусков грубо обработанного камня, неаккуратно сложенных в пирамиду. Ряд тонких обелисков стоял с одной стороны, их покрывали чужеродные знаки и символы, грубо вырезанные на камне. Герберт мог видеть странные знаки очень ясно, хотя они находились очень далеко от него. Вершина пирамиды была приплюснута, и там горел жертвенный огонь, странный белый огонь, который всё же был темнее, чем окружающая ночь. Высоко над зданием и огнём с беззвёздного, однообразно чёрного неба смотрела огромная бледно-зелёная Луна.

В этом сне не было ничего нелогичного или абсурдного. Всё казалось совершенно нормальным дрейфующему, но бодрствующему разуму Герберта. Он знал, что ждёт чего-то, что должно произойти, но не имел ни малейшего представления о том, что это должно быть. Он не испытывал ни любопытства, ни страха, словно невидимый паразит высосал из его сознания все эмоции и

поставил вместо них тёмный блок. Герберт был наблюдателем, часовым, марионеткой, свободно висящей на верёвочках, ожидая, когда кукловод заставит её двигаться.

Затем что-то шевельнулось в тени и поползло к нему. Герберт наблюдал за появившимся существом, но не мог почувствовать никаких эмоций, разглядывая его. Жабоподобное тело выглядело прозрачным, пульсирующие внутренности покрывал лишь тонкий слой кожи. У него были задние ноги лягушки и передние ноги человека. Оно ползло по-крабьи на бугристом брюхе, отталкиваясь силой задних ног, направляя себя мускульными движениями живота. Передние лапы были подняты, как у богомола в молитве, все четыре. Лицо, если его можно было так назвать, состояло в основном из выпученных глаз и огромного рта с парой раздвоенных языков. Движение твари оставляло глубокий след в почве.

Герберт не чувствовал ни страха, ни отвращения. Хотя он знал, что эта тварь присутствовала там, он также знал, что это было не то, ради чего он оказался здесь.

Ему не пришлось долго ждать.

Луна раскололась. Тогда Герберт понял, что небо — это не небо, и что объект, излучающий

зелёный свет, был не Луной, а глазом огромной тени, которая тёмным пятном протянулась между Землёй и настоящим небом. Глаз смотрел на него сверху вниз с ужасным презрением, и на короткое мгновение Герберт осознал чудовищность существа, которое наблюдало за ним.

Герберт, будучи во сне, посмотрел на него, а затем произнёс слова, которые он знал, хотя никогда не думал, что они прячутся в его памяти. Слова непроизвольно слетали с его губ, как пловцы, выныривающие из тёмных морей его доисторического сознания, слова из того времени, когда человек ещё говорил языком, неподходящим для выражения современных понятий. Он произнёс их, потому что луноглазая тень хотела, чтобы он это сделал, и потому что он знал, что должен их произнести.

Тень в небе изменилась, а затем появилось нечто, что было чернее чёрного, темнее тёмного, и огромный коготь опустился сверху и потянулся к Герберту.

Он закричал и упал.

Почва под его руками оказалась рыхлой. Пошатываясь, Герберт поднялся и посмотрел вверх. Небо затянуло чёрными тучами, они скрыли половину Луны. Герберт стоял на вершине Тёмного

Холма, держа в руках Вайен.

Это был уже не сон!

Он был полностью одет, и ночной ветер холодил его разгорячённое лицо. Он чувствовал что-то близкое, очень близкое, что-то настолько холодное и тёмное, что бодрствующий разум Герберта был не в состоянии постичь это, воспринять и понять. Он лишь ощущал слабое прикосновение Его Бытия. Нечто наблюдало за ним и выжидало.

Герберт посмотрел на Луну. Большую зелёную Луну.

Герберт вскрикнул и бросился бежать. Когда он бежал вниз по склону, делая большие прыжки, не заботясь о том, порвал ли он свою одежду или нет, он заметил несколько глубоких следов, прочерченных в земле, как будто что-то большое проползло здесь, оно обладало большим количеством ног, чем следовало.

Нагайе, кричал Герберту собственный разум, *Нагайе*!

Ему показалось, что кто-то смеётся у него за спиной, но он даже не обернулся. Дважды он спотыкался и падал, сильно ударяясь, но всё же поднимался и продолжал бежать, пока не добрался до отеля.

К входной двери был прибит листок бумаги, и

Герберт сорвал его. На листке имелись какие-то странные знаки, и Герберту не нужно было вглядываться, чтобы понять, что он видел их раньше. В «Проклятых».

Тяжело дыша, он вошёл в отель.

Единственная лампочка всё еще горела над стойкой администратора. Жюльен ещё не спал. На самом деле он был немного выше пола. Его пригвоздили к стене. Было бы неуместно говорить «головой вниз», потому что голова отсутствовала.

Даже большая часть крови уже исчезла между трещинами в полу.

Герберт привалился спиной к наружной двери и закрыл её, как раз перед тем, как его начало сильно тошнить. Когда он частично пришел в себя, он сидел на коленях, и его живот всё ещё содрогался от спазмов. Он поднёс руки к губам, чтобы стереть с них горечь, а затем заметил высохшие тёмно-красные пятна на своих ладонях. Вытерев руки о штаны, Герберт заметил, что он по-прежнему находится примерно в двух метрах от того места, где кровь капала на пол. Возле трупа лежал большой кухонный нож с тёмно-красным лезвием. Жюльен был приколот к стене, как какой-то жутко раздутый паук, и Герберту не

пришлось долго гадать, чьи отпечатки пальцев обнаружатся на кухонном ноже. Совпадения были очевидны.

Его разум взбунтовался.

Это безумие, подумал он. *Этого не может произойти ни со мной, ни с Жюльеном.* К сожалению, произошло. С Жюльеном. И с *Гербертом*.

Разумеется, Жюльен не имел ответов. Его голова была отрезана довольно грубо, почти отпилена ножом вплоть до позвоночника, а затем оторвана. Клочья плоти и мышц свободно свисали с горла.

Они, должно быть, сошли с ума, — подумал Герберт. *Они должны быть полностью, абсолютно сумасшедшими! Но они все спят, вся деревня, и только я, я бодрствую. В самом деле?*

Герберт погрузился в беспокойные мысли. Где он находился все эти последние часы? Спал, пока его тело находилось там, на Тёмном Холме? Времени на дальнейшие размышления не было. Сейчас не имело значения, кто совершил это ужасное злодеяние, и Герберт решил пока отложить размышления о пятнах крови на своих руках. Всё это было кровавой ловушкой (в буквальном смысле слова), чтобы поймать его, остановить его исследования. Подлог, чтобы пригвоздить его (как они пригвоздили Жюльена).

Герберт должен был выбраться отсюда, и только это сейчас имело значение. Он поднялся наверх, старательно избегая смотреть на окровавленный труп на стене, и начал собирать вещи, которые ему сейчас больше всего были нужны, складывая их в одну из своих сумок. Сейчас не время брать свои книги и инструменты. У него есть и другие вещи, которые он привёз с собой, потому что завтра наступит ночь полнолуния. Он думал, что у него будет много времени, чтобы разузнать всё, но теперь времени не осталось.

Он бесшумно вышел из отеля через заднюю дверь, оставив гореть единственный фонарь, и вернулся на холм.

Луна теперь выглядела нормальной, холодной и равнодушной.

Его разум, однако, окутывал туман. Он знал, что рассуждает не логически, что он не должен так реагировать, но всё же повиновался своему телу и его первобытному желанию уйти.

Герберт остановился у подножия холма, собираясь с мыслями. Он всё ещё может пойти к викарию, если тот ему поверит. Может быть, он так и сделает, а может быть, и нет; он всё равно не мог рисковать. Не сейчас, когда они даже убили человека, чтобы остановить Герберта. Не сейчас,

когда всё зашло так далеко.

Сейчас будет лучше найти здесь хорошее укрытие и переночевать. Завтра он увидит, что нужно сделать.

Он устроился поудобнее, насколько это было возможно в данных обстоятельствах, и постарался немедленно заснуть, стараясь выбросить из головы все рациональные мысли. Особенно все мысли о Жюльене и о том, что они с ним сделали.

Однако, когда он наконец заснул, сон не принёс ему никакого отдыха, потому что, как только его рациональные мысли улетучились, он вошёл в чужой мир под зелёной Луной. И снова чужеродное жабоподобное существо, которое, как он теперь знал, называлось Нагайе, подкралось к нему, и на этот раз Герберт почувствовал резкий мускусный запах, грязный запах, похожий на тот, что он ощущал раньше возле клетки с рептилиями в зоопарке. Существо находилось так близко, что Герберт мог дотронуться до него, но оно проползло мимо, игнорируя человека, хотя тот знал, что оно наблюдает за ним, всё время наблюдает.

Во сне он снова вошёл в храм, и когда он двигался по внутреннему залу, зная, что существо по-прежнему наблюдает за ним, Герберту каза-

лось, что над ним нет крыши, а только пустое небо. Оно медленно разрывалось на части, и сверху опускалась тьма, более тёмная, чем тьма, она стекала по стенам храма, как амёба с длинными ищущими усиками, прежде чем масса её тела опустилась вниз, чтобы утопить его, наполняя храм своей отвратительной субстанцией, заполняя собственное тело и разум Герберта.

Он пытался повернуться, но не смог. Он попробовал закричать, но понял, что не может издать ни звука. Тьма приняла всё это, поглотила, стала всем, целеустремленным, *знающим* чёрным облаком зла.

Герберт проснулся с беззвучным криком, всё ещё душившим его горло. Ему потребовалось некоторое время, чтобы очистить свои мысли, поскольку он инстинктивно попытался нащупать одеяла, тепло и надёжную мягкость кровати, но наткнулся лишь на твёрдую, сухую землю под собой и несколько веток над своим лицом. Затем, окончательно проснувшись, он понял, что находится на Тёмном Холме и что уже утро.

VIII. Существо, что Выжидает во Тьме

Весь день Герберт попеременно готовил ингредиенты, необходимые для того, чтобы пережить

следующую ночь, и в то же время внимательно следил за деревней в бинокль. Он старался не думать о Жюльене. То, что случилось, уже не исправить. Может быть, он и не мог забыть об убийстве, но на какое-то время он мог отстраниться от него.

По мере приближения вечера в нём росло ощущение дежавю, которое он так часто испытывал с тех пор, как приехал сюда. Это чувство усилилось в течение дня. Странным образом ему казалось, что он делает предопределённые вещи, следуя приказам, данным ему эонами раньше. Выглядело это так, как если бы он переживал постоянно возвращающийся сон, который теперь становился реальностью, сон, который он всегда забывал, но держал чуть ниже порога своего осознавания, сон, который он теперь вспоминал, превращая его в реальность.

Когда появились первые тени, Герберт наблюдал, как жители деревни покидают свои дома, не группами, а поодиночке, украдкой. Он смотрел, как они приближаются к холму, встречая друг друга на своем пути, не разговаривая, не делая никаких жестов, что они знакомы. Так что это тоже оказалось правдой: они проводили свою ежемесячную встречу на Тёмном Холме. Скоро

он узнает зачем.

Герберт поднялся из своего укрытия и, взяв с собой приготовленные вещи, стал подниматься всё выше по склону холма, пока не оказался совсем близко от того места, где нашел Вайена. Там он стал искать подходящее место, чтобы спрятаться, и, наконец, нашёл идеальную позицию за кустами, прикрывавшими просвет между двумя скалами. Здесь он мог сидеть совершенно незамеченным, и в то же время отсюда открывался хороший вид на большую часть холма, особенно на ту его часть, которая казалась наиболее подходящей для ночных церемоний. Недалеко отсюда, прямо у него на глазах, находилось место, где должен был располагаться мифический храм.

Герберт положил перед собой Вайена, а затем взял бумажный пакет, наполненный толчёным цветным мелом. Очень медленно и осторожно он начал насыпать меловой порошок в виде пентаграммы вокруг Вайена, затем заключил эту пентаграмму в большую звезду, в которой сел сам. Мелом другого цвета он нарисовал вокруг себя три красных круга, а затем установил маленький треножник, который соорудил днём из срезанных веток. На него он поместил асбестовую чашку со смесью химических веществ и трав

очень специфической природы.

Когда наступила настоящая темнота, свет зажёгся лишь в некоторых деревенских домах. Уже почти все деревенские жители поднялись на холм, и когда первые из них остановились всего в сотне метров от укрытия Герберта, он отметил, что выбрал очень удачное место. Он видел открытое пространство с несколькими отдельными скалами, так что за всем, что должно было произойти, можно было легко наблюдать, хотя у него уже появился собственный план действий.

Все люди были одеты в развевающиеся длинные, тёмные одежды без каких-либо украшений; только пожилой мужчина и девушка имели на себе тяжёлые серебряные ожерелья с небольшими металлическими скульптурами. С такого расстояния Герберт не мог разобрать, являлись ли они изображениями Вайенов. Он узнал в этой девушке дочь фермера, а её спутника он тоже ранее видел в деревне. Это был местный мясник. Поскольку они стояли в стороне от остальных, нетрудно было догадаться, что мужчина и девушка собирались занять места верховного жреца и живого алтаря культа. В бинокль он наблюдал, как прибывает всё больше и больше людей, и Герберт узнавал многих из них по своим встречам в

пабе, хотя теперь, поздним вечером, разглядеть их стало труднее. Никто не произнёс ни слова; они просто заняли свои места в толпе и терпеливо ждали.

Примерно через час Герберт увидел, что трое мужчин из группы расставляют камни в определённых точках в середине открытого участка, так что камни образовали грубый треугольник… или горизонтальное изображение пирамиды. Теперь они подошли к краям треугольника и начали копать землю голыми руками. Они не пытались что-то нащупать, но вели себя так, словно прекрасно знали, где найти то, что им нужно. Затем наступил тревожный момент, и Герберт понял почему, когда они подошли к верховному жрецу. Они принесли четыре статуэтки, которые поместили вокруг своего каменного треугольника, четыре из пяти Вайенов… на мгновение Герберт испугался, что они тут же прекратят свою церемонию, но после жаркого спора их предводитель сделал знак в воздухе. Остальные склонили головы, а затем пошли и разожгли три костра, расположенных на концах треугольника.

Так что они будут продолжать в том же духе. Интересно, много ли они на самом деле знают о том, что делают? Ещё в самом начале своих

исследований Герберт предвидел, что столкнётся с противодействием религиозных маньяков, хотя и не ожидал, что они пойдут на такое преступление, как садистское убийство Жюльена. И, без сомнения, такая же или худшая участь была уготована ему, если они узнают, что он присвоил себе их драгоценную статуэтку. У викария были свои представления об их церемонии, но он ошибался, очень ошибался. Никто ради защиты народной традиции не будет хладнокровно убивать и расчленять невиновного человека, и весьма вероятно, что эти люди планируют в тот же вечер сделать тоже самое и с Гербертом. Может быть, Жюльен просто встал у них на пути или застал их врасплох. И, как он уже сказал, он тоже был иностранцем, не деревенских кровей. Может быть, они действительно не знали, что делают. Скоро Герберт всё выяснит.

Он вынул из кармана мешочек с сероватым порошком и высыпал его на своего Вайена, бормоча: «Я заклинаю тебя, Великий Адонаи, Джохавамом, Аглой, Таглой, Альмузином, Ариосом, Мембротом, Аквой, Этитуамом, Зариатнатмиком…»

Скорее в классической традиции, удовлетворённо подумал он. Он вытряхнул остаток порошка в смесь на треножнике и положил на неё верхнюю

часть черепа. Череп был очень большой и имел глазницы странной формы. Сильный запах ударил Герберту в ноздри, когда смесь химикатов загорелась шипящим светом, скрытым внутри черепа. Только маленькие клочья тонкого голубоватого дыма выходили из глазных отверстий, как будто череп дышал.

«Аглон, Тетаграм, Йайхеон, Стимулатаматон Эрохарес… Ратрагсмахон Клиориан Исион… Услышьте меня, Хастур и Жар, Итаква и Ллойгор; услышьте мой голос, Великий Ньярлатхотеп, Цатоггуа, Шуб-Ниггурат и Йог-Сотот, Ниогтха и Скрытые Наблюдатели…»

Костры вокруг толпы теперь ярко горели, и Герберт прервал свои безмолвно произносимые заклинания, чтобы посмотреть. Их костры отбрасывали красные мрачные тени на окружающую их темноту. Верховный жрец и девушка стояли теперь в центре треугольника из камней. Мужчина развёл свои руки в насмешливой симуляции распятия, и его голос прогремел над холмом.

«Услышь мой смиренный голос, Ты, Владыка Тёмного Холма, Ты, Выжидающий во Тьме, Великий Владыка Пещер, Великий Сайега, услышь мой голос и прими мою дань и дань моего народа, Твоего народа, чтобы Ты мог отдохнуть во Тьме

Своей, Уснуть на Твоей Горе Тьмы…»

Он продолжал в том же духе ещё некоторое время, толпа повторяла его слова после каждой фразы. Затем жрец сделал знак, и двое мужчин вышли из группы и взяли серебряную цепь и платье девушки. Полностью обнажённая, она шагнула вперёд, повернулась и опустилась на колени перед верховным жрецом. Она коснулась его ног прежде, чем подойти к последнему камню треугольника, и там растянулась на нём, лежа на спине. Образовался живой алтарь. Двое мужчин, взявших её одежду, теперь стояли на коленях, один у её ног, другой у её головы, почти уткнувшись лицом в землю. Жрец повернулся к собравшимся и нарисовал в воздухе букву Х.

— Да благословит вас Всемогущий[19], - произнёс он и снова повернулся к алтарю. Герберт заметил, как напряглось тело девушки. Она была одурманена наркотиками, подумал он, или, что ещё более вероятно, находилась в состоянии самогипноза или самовнушения.

— *Господь с вами,* — воскликнул жрец, и толпа ответила: *«И с духом вашим». Да пребудет с вами Господь,* — подумал Герберт, — *но не тот Господь,*

---

[19] Примечания: 19

Речь деревенского жреца в оригинале написана на латинском языке. Мой перевод — приблизительный.

кому предназначались эти слова. Теперь Верховный Жрец достал чашу, и Герберт в бинокль увидел лежащую в ней горную змею, свернувшуюся кольцом, вероятно, мёртвую.

«Агнец Божий, Который берет на Себя грехи мира…»

Жрец поднял чашу, а затем осторожно положил тело змеи на живот девушки.

«Ибо в этой чаше Моя Кровь нового и вечного завета; тайна веры, которая должна быть пролита за вас и за многих, во искупление грехов».

Он наклонился, целуя грудь и живот девушки.

«Сие есть Тело моё…»

С мелодраматическим жестом жрец поднялся, коснулся глаз, носа, ушей, рта и сосков девушки, а затем широко раскинул руки.

— Великий Господь Сайега, Тот, Кто Выжидает в Своей Вечной Тьме, Тот, Кто Дремлет в течение эонов неназванного времени. Обитатель Тёмного Холма, Повелитель Времени, Повелитель Жизни, Повелитель Смерти, услышь, как я говорю от имени моего народа, от имени Твоего народа, прими наш дар, наше смиренное недостойное подношение, прими наши молитвы, наши смиренные недостойные молитвы, впитай их в Свою Тьму и прости нам Знамения, прости нам Вайенов, ибо

Ты знаешь, что мы нуждаемся в них. Прости нас, ибо мы не можем разделить с Тобой Твою Тьму, прости нам наше незнание Твоих Путей, потому что мы всего лишь люди и не можем быть такими, как Ты, не можем быть едиными с Тобой…

Невежественные крестьяне, подумал Герберт, *глупцы!*

Неожиданная аура уверенности в своих силах охватила его, когда он слушал эти речи, которые были не более чем разновидностью Чёрной Мессы. Неужели эти идиоты действительно считают, что могут возносить молитвы Сайеге? Они боялись Его и не очень-то много знали. Они думали, что смогут удержать Его внутри холма благодаря силе своих Вайенов и словам, которые они сохранили со времён священника, заключившего в темницу Выжидающую Тьму. Но тот священник давно умер, был убит той самой силой, которую использовал, и те фразы, что крестьяне сохранили из его слов, были бесполезны, потому что теперь им не хватало одного из их драгоценных Вайенов.

Герберт растопырил пальцы и коснулся теперь уже горячего черепа. Он обжёг кончики пальцев, но не отнял их.

«Онера Эрасин Мойн Меффиас Сотер… Эмма-

нуил Сабот Адонаи, Ваши Имена Изменились, Ваш Образ изменился, но Он есть, Он был, Он всегда будет! Время — это Сейчас, Время есть Это, Время — это Прошлое, Время — это Будущее, и *Всё* есть Ты! Йа, Йа, Сайега! Змея съела свой Хвост и образовала круг из Костей! Звезда разбилась, Старший Знак потерял свой луч!»

Последовала короткая вспышка рационализма, и Герберт подумал: — *Это безумие. Я не более вменяем, чем они, я тоже говорю слова без смысла, слова, пригодные только для сумасшедших. Тогда почему я продолжаю?* Впрочем, он знал ответ: — *Потому что я должен. Потому что время пришло, и я уже проходил через это раньше, хотя и не знаю, когда и где, и мне придётся проходить через это снова и снова. Время — это прошлое, и время — это будущее, и Круг из Костей открылся в настоящее.*

«Мн'гвайии, Сбьёрга! Откройся мне сейчас, о Повелитель Тьмы, о Повелитель Выжидающей Тьмы, О Повелитель Терпеливо Выжидающей Тьмы! Ф' нглайа фт'гглхнайн! Н'криастаэпесиоггл' н бггн'т флваагор!»

Герберт никогда не подозревал, что может запоминать слова из старых манускриптов, а тем более произносить их, но теперь они слетали

с его языка, терзая рот и уши, как будто кто-то другой читал чужие слова вместо него, используя голос Роберта.

— Так вот ты где, убийца! — раздался голос у него за спиной. Холодок пробежал по спине Герберта, когда он медленно повернул голову, не двигаясь телом. Викарий выглядел тёмной расплывчатой фигурой позади него, но пистолет, направленный в спину Герберта, блестел в мягком свете, который отбрасывал вокруг него защитный огонь.

— Значит, вам всё-таки удалось взобраться на холм, викарий, — воскликнул Герберт, — но теперь, когда они потеряли одного из Вайенов, защита у них, конечно же, неполная. Теперь ничто не могло помешать вам прийти.

— Вы… зверь! Почему? Я не понимаю. Я вижу, что вы здесь делаете, но почему вы не там, с ними? Зачем вам понадобилось… убивать Жюльена? За что?

— Вы действительно думаете, что это я убил его, викарий? — ответил Герберт, усмехнувшись. — Вам лучше знать. Возможно, вы узнаёте этот ритуал, ритуал Вач-Вирадж и его заклинания, а также закольцованный крест, нарисованный на черепе. Конечно, я использую его не так, как

было задумано; каждый ритуал можно повернуть вспять, каждый ритуал изгнания бесов можно повернуть вспять. И, конечно, я не с ними; вы уже должны понимать, что я не один из них. Если вы мне не верите, продолжайте целиться в меня, но возьмите бинокль и хорошенько посмотрите, что они там делают. Ну же. Мы с вами хотим одного и того же: остановить их. Так что посмотрите хорошенько…

Медленно, не делая подозрительных движений, он протянул викарию бинокль. Тот нерешительно принял его и приложил к глазам, но дуло его пистолета по-прежнему было направлено на Герберта. Потом викарий издал какой-то сдавленный крик, выронил пистолет и бинокль, отвернулся, и его вырвало.

Герберт поднял бинокль и посмотрел в него сам. Он заранее знал, что увидит. Жрец достал из-под своей рясы отрубленную голову Жюльена, держа её над неподвижным телом девушки, прежде чем раскроить череп ударом своего жертвенного ножа! Мозги капали на живой, но неподвижный алтарь.

«Ф'нглуи мглв'афхн Ктулху Р'льеххгандгах'лн фхтгагн… Йр ет Дхо-Хна Эфрай нмагл'н нагогхнат, Иа Шуб-Ниггура'пвай Фейядиа гнл! Прими

наше подношение, Великий Древний, Дремлющий в Пещерах Тьмы, Безымянный из-за Стены Сна, Крадущийся между вечными звёздами и тёмными пространствами между звёздами, Сновидец второй ночи, Ргтх'л! *Р'Лийухай тек дживвай!* Именем Тир-Фхарле и Существа с Тремя Лицами, прими наш скромный дар и спи, о Ты Великий, спи на Холме Тьмы, и да будем мы защищены пятью Вайенами от Твоего гнева, услышь нас, Выжидающая Тьма, и позволь нам быть, Чёрный Свет и Белый Огонь, Белая Тьма, которая чернее ночи, и Зелёная Луна, и Крылатая Женщина!»

Лицо викария находилось теперь совсем близко, его глаза превратились в сверкающие точки.

— Они сошли с ума, — захныкал он, — они сошли с ума!

Он уже не обращал на Герберта никакого внимания, но вдруг вскочил и проломился сквозь защитную стену кустов.

— Убийцы! — закричал он. — Вы кучка грязных язычников-убийц!

На мгновение воцарилась мёртвая тишина, затем толпа зашевелилась, и викарий бросился на них, размахивая пистолетом.

Герберт встал и снял череп с чаши. Пламя от

горящих химикатов поднялось, испуская резкий, едкий дым.

— Откройся мне сейчас же, о Повелитель, — закричал он голосом, который больше не казался его собственным.

«Флегетор к'ярнак, Сайега кн'аа стеллхсна, нилгх'ре кадишту на Йа!»

Герберт взял Вайена обеими руками и поднял над своей головой. Его руки также больше не принадлежали ему; казалось, невообразимая сила бежала по его венам и мышцам, обжигая мозг холодом космоса. Он разломил статуэтку пополам, а затем раскрошил её в пыль между пальцами. Резкий порыв ветра закружился вокруг Герберта, и внезапно кусты наполнились шумом и движением, как будто множество мелких тварей поспешили прочь во всех направлениях. Та его часть, которая всё ещё думала как Герберт, стала испуганным застывшим существом где-то в глубине его мозга, безумно кричащим существом, которое пыталось удержать своё собственное знание, свою собственную реальность.

— Откройся мне, о Великий Сайега, о Отец! — завизжал Герберт.

IX. Не-Время

Темнота стала жёсткой реальностью, проникая в его тело, замораживая Герберта и забирая с собой его разум. Его неосторожные ноги потревожили пентаграмму, прорвались сквозь три защитных круга. На долю секунды он провалился сквозь реальность и стал частью вакуума, пространства между реальностью и временем. В течение отвратительной секунды он являлся частью Существа, которое дремало в своём затопленном городе под Тихим океаном, Герберт был един с безымянным существом, бродившим по африканским джунглям, прячась в пещерах, куда ещё не ступала нога человека, и частью отвратительного существа, что бродило по Гималаям.

Долина менялась. Зелёный туман заволакивал Луну, и земля на холме становилась пурпурно-чёрной, заполняясь глубокими расселинами. А на том месте, где раньше был холм, стоял храм, отвратительный в своей чужеродной архитектуре. Вход в него был чёрным, как ожидающий чего-то тёмный рот. На крыше здания горел чуждый огонь, посылающий маленькие струйки пламени вверх к зёленой Луне.

Герберт пошёл вперед, больше не видя застыв-

шей толпы молящихся, проходя сквозь них, словно они были нематериальными призраками мёртвого прошлого. Он вошёл в храм, где его шаги не отдавались эхом, прошёл через зал с его отвратительными статуями и надписями, пока не остановился перед находящимся там образом. Герберт не поднял головы и не посмотрел Ему в лицо, но протянул руки и взял раскрытую книгу, лежавшую у когтистых ног статуи. Всё его существо восставало от прикосновения к книге, но пальцы ласкали её, когда он переворачивал страницы. Его глаза смотрели вниз на формулы и слова, которые, как он знал, его язык не должен был произносить, но его рот двигался, и он начал говорить.

«Тек дживайга никойгх'лнадаэйи… микаройг-гхлрихде…»

Выбрось это, — мысленно кричал он своему телу. *Брось это и беги!*

Но его разум был пленником внутри его собственного черепа, его тело больше не подчинялось командам его мозга; и внезапно Герберт понял, что на самом деле его тело, казалось, действовало само по себе в течение некоторого времени. Он попытался закрыть глаза, но тщетно. Его губы продолжали формировать чужие слова,

громко произнося их, и самым ужасным было то, что Герберт понимал их и знал, что делает.

«Ггх'лгха джекай Сайега пфх'тай д'вхоггл, микарой тек…»

Герберт закрыл книгу и развёл руками, впервые взглянув на отвратительное лицо титанической статуи.

«Тек Сайега дживайгх! Тек Сайега фхт'хгайн!», — закричал он, и стены храма приняли его слова и повторили их в бесконечно продолжающемся инопланетном бормотании.

Стены содрогнулись, и земля под его ногами медленно задвигалась, словно огромный жирный червь пытался выбраться наружу. Снаружи послышались смущённые вопли, но затем раздался крик такой громкий, что, казалось, он разрывал барабанные перепонки Герберта, и маниакальный бессмысленный гогот, который поднимался всё выше и выше, ужасный бессловесный звук триумфа и ненависти. В стенах храма появились трещины, и небольшие, но всё увеличивающиеся потоки пыли начали сыпаться вниз. Статуи рушились и разбивались, падая на пол. Над его головой по потолку с быстротой молнии расползались огромные трещины; большие куски камня отваливались и падали, но превращались в пыль

прежде, чем достигали земли. Герберт упал на колени, зарылся лицом в грязь и судорожно зажал уши руками, тщетно пытаясь защититься от ужасных звуков.

Затем внезапно всё стихло, и на холм опустилась чужеродная тишина. Герберт медленно поднял голову. Он сидел на вершине Тёмного Холма, а храм исчез. Вокруг него на земле в разных позах лежали люди. Некоторые всё ещё извивались, их пальцы впивались в собственные головы, их лица были искажены в болезненных масках агонии. Другие тоже поднимались, их вытаращенные глаза выглядели испуганными сферами, ярко освещёнными всё ещё горящими кострами. Они посмотрели на Луну, большую зелёную Луну над долиной и холмом.

Затем послышался слабый, но быстро ускоряющийся звук воющего смеха, пронзительный визгливый и задыхающийся звук, который не смогло бы издать ни одно человеческое горло. Воздух начал двигаться вокруг Луны, как будто Луна являлась центром огромного чёрного облака, как раз перед тем, как перепончатые завесы разошлись в стороны, и люди увидели, что это был гигантский глаз, смотрящий на них сверху вниз. Вокруг глаза небо раскололось; открылись

глубокие расселины, сквозь которые начала сочиться тьма, тьма чернее ночи, которая ползла вниз, как скопление скользких щупалец, принимая более определённую форму.

И вот наконец что-то встало, чётко вырисовываясь на фоне чёрного неба, что-то со щупальцами тьмы и зелёным светящимся глазом, нечто, что просто смеялось над ними безумным смехом.

Герберт повернулся и побежал, остальные тоже. Существо не последовало за ними, да в этом и не было необходимости. Его тень была повсюду в долине.

Сквозь свои собственные слои реальности Сайега смотрел вниз на миниатюрную долину, и в то же время он смотрел вверх через холм снизу и изнутри, где части его гигантского тела лежали, погребённые в подземных глубинах. Однако теперь уже не имело значения, какое тело принадлежало Ему, потому что, в конце концов, барьер рушился, реальности сдвигались и сливались в одно Существо, которое было Сайегой. И он ненавидел с силой и мощью эонов взращивания этой ненависти. У него не было глаз как таковых, но он ощущал реальность всеми щупальцами своего множественного тела, и поэтому он также наблюдал за разрушением храма, где эти иди-

отские существа веками поклонялись образу, который совсем не походил на Сайегу, потому что его форма менялась как и его собственная реальность. Эти идиотские существа поддерживали Его заточение, выставив стражей, но теперь пятиконечная звезда потеряла один из своих лучей; Старший Знак исчез. Не имело значения, что эти идиоты сделали всё это по глупости, даже месть, которую они ждали, была лишена каких-либо реальных эмоций, кроме ненависти. Месть требует причины, а Он не нуждался в причине. Это была всего лишь ненависть.

Герберт понял всё это, спотыкаясь и падая с Тёмного Холма, пробиваясь сквозь черноту. Его ноги соскользнули, когда земля снова задрожала под ними. Падая, он обернулся и увидел, что холм движется, как будто что-то большое выползает из-под земли, образуя гигантские кротовые норы и разбрасывая камни и растительность во все стороны. Затем вершина холма разверзлась, и из глубины появились *они*, неуклюже ползая на своих когтистых лапах, шевеля своими раздутыми кожистыми телами: Нагайе, существа, подобные тем, которых он видел в своих слишком реальных кошмарах. Непрерывный поток жабоподобных чудовищ поднимался из глубин холма, они были

бледными и безглазыми, приспособленными к отвратительной жизни в туннелях и тёмных подземных пещерах. А вслед за ними появилось что-то ещё, фигура, бросившая свои желатиновые щупальца вверх, где они встретились с тёмной сущностью луноглазой тени, и они слились вместе, и стали единой отвратительной мерзостью, оскорблением всех законов земной природы.

Хнычущие и визжащие мужчины и женщины пробегали мимо Герберта, толкая друг друга в спешке. Некоторые падали и оставались на месте, пытаясь спрятать лицо в землю, чтобы скрыться от всевидящего зелёного глаза.

Это, должно быть, безумие, — хныкала маленькая частичка в мозгу Герберта. — *Конечно, этого не может быть на самом деле. В конце концов, всё это чепуха, безумный эксперимент в псевдонауке, просто какие-то старые формулы и заклинания. Мне снится кошмар, и я должен проснуться. Боже, я должен проснуться, я должен проснуться, прежде чем тоже сойду с ума!*

Его череп взорвался, осколки костей, казалось, впились в его мозг, и тогда он понял, что всё происходящее — реально. Что-то выползло из глубоких пещер его разума, что-то очень холодное и скользкое, и очень пугающее, потому что оно

было и знакомо, и незнакомо его бодрствующему разуму. Когда Герберт медленно поднялся, то почувствовал, как его тело онемело, кровь в венах стала гуще, а затем и вовсе остановилась. В затылке у него мелькнула короткая белая вспышка, и сердце остановилось. Он поднял руки и увидел тёмные пятна, что начали появляться на них, поскольку ткани тела начали быстро разлагаться. Мягкие слои кожи, плоть, мышцы и сухожилия превратились в жидкую амёбоподобную массу. Его скрюченный язык пересох во рту, кусок твёрдого мяса упёрся в зубы, прежде чем рассыпаться в пыль, забившую горло. Его тело пошатнулось, когда он почувствовал, что его разум меняется, пытаясь спасти себя, в то время как тело умирало вместе с ним. Возникло мимолётное ощущение движения, чётко очерченного поиска чего-то, что, как знал его разум, должно было находиться там, в месте встречи где-то в бессмысленной пустоте, сквозь которую он бесцельно дрейфовал, а затем он сам…

Он смотрел вниз, на долину. Он наблюдал за множеством бегущих маленьких фигурок, а не так уж далеко от них он видел редкие микроскопические огни освещённых окон в деревне Фрайхаусгартен. Герберт находился где-то и

нигде ещё; где-то в нём горели звезды, которые являлись его частью, но они казались далёкими, не столько в пространстве, сколько в реальности, как будто несколько слоёв реальности перемешались, как стеклянные пластины, наложенные друг на друга, так что он мог видеть несколько картин одновременно, но не все очень ясно. Он чувствовал себя так, словно плёл кокон вокруг долины, закрывая своё тело паутиной, в которой подвешено время. Невообразимая жизненная сила текла по его телу, пока он растягивал его, всё время меняясь и приспосабливаясь. Там таилось смутное воспоминание о Не-Месте, похожее на сон, нереальное воспоминание об ожидании, бесконечном и бессонном ожидании, и знании о вещах настолько отвратительно чуждых, что нормальный мозг Герберта никогда бы не смог их вынести. И всё же теперь ему казалось, что он всегда знал их; он узнавал эти воспоминания как часть своих собственных. И он ненавидел, ненавидел с такой яростью, которая выходила за пределы его человеческого понимания, за пределы его человеческого разума.

Маленький осколок его пытался сохранить нетронутой хрупкую оболочку человечности, но всё это пришло слишком быстро; невозмож-

но было поглотить его человеческим разумом. Ненависть перетекла в его новое существо, и с последним шоком ужаса он осознал, что ненависть вышла и из него, что она всегда была частью его самого, что он сам был частью существа, которому принадлежал теперь. Его смертное тело служило всего лишь посланником, одним из многих фрагментов, которые использовал Сайега, маленьким осколком вечного Существа, семенем демона, посланным сквозь века, комбинацией клеток, генетической структурой, выгравированной в цепочках ДНК из аминокислот в клетках его мозга, которая однажды найдёт путь, необходимые врата во тьму, где её родительское тело ждало, мечтая… и ненавидя.

Он выл клетками своего тела, неспособными издавать какие-либо человеческие звуки.

Он вопил сущностью звука, грубым злобным криком триумфа. Затем он наклонился и подобрал несколько маленьких фигурок среди груды обломков. Он поднёс их к тому, что можно было назвать Его лицом, а затем сомкнул когти, после чего сбросил месиво раздробленных костей, окровавленной ткани и грязи на землю далеко внизу. Ему не нужно было двигаться; всё его тело было окутано чужеродной темнотой вокруг и над

долиной, полностью закрывая мир, которым Он теперь владел для собственного удовольствия. Слуги Сайеги, Нагайе, тоже голодали; они были медлительными охотниками, но очень уверенными в том, что их ждёт добыча. Многие из жителей деревни находились без сознания или просто в шоке, ожидая, что их схватят и съедят, но Нагайе имели своё собственное представление о веселье и сначала охотились на бегущих.

Он смотрел, как бежит женщина, служившая алтарем, её обнажённое тело было ясно видимой мишенью, освещённой чёрным светом Его собственной тьмы, когда она пыталась избежать жадных когтей Нагайе. Спасения для людей не было, теперь Нагайе находились повсюду, и из чёрных адских ям Тёмного Холма появлялись всё новые и новые охотники. Они окружили девушку, наблюдая, как она мечется в панике прежде чем они добрались до неё, и они очень медленно расчленили ее, съедая каждую оторванную часть, прежде чем взять себе другой кусок от безумно визжащего и извивающегося тела. Всё время принадлежало им, а она всё время умирала.

Он наклонился ещё раз, теперь подняв одного из бегущих людей до неба. Это оказался викарий. Лишённый каких-либо эмоций, кроме ненави-

сти, Он сжимал человеческое существо, пока оно не открыло рот в агонии; тело викария извивалось, когда рёбра ломались и пронзали живот и лёгкие. Затем Он сформировал из себя длинный крючковатый гвоздь и просунул его через рот и горло викария, разрывая того изнутри и роняя грязные куски на землю.

Я сошёл с ума, — беззвучно кричал Герберт. *Пожалуйста, позволь мне умереть, пожалуйста, позволь мне сойти с ума, чтобы мне не пришлось смотреть. Пожалуйста, пожалуйста!*

Теперь Он обратил внимание на ожидающую деревню, и из его внешнего тела дождь тёмных дрожащих щупалец спустился к домам, сокрушая их и тех, кто всё ещё был внутри, разрывая крыши и стены, обнажая внутренности домов. Он даже спустился в подвалы, охотясь за теми, кто пытался спрятаться. Его щупальца находили людей, когда он раскалывал дома, как яичную скорлупу, и поглощали их, и Герберт ощущал их микроскопические души в своих отростках — щупальцах тьмы. Он плавил их кости и питался оставшимся бесформенным месивом, оставляя после себя только мокрую слизистую кожу.

X. Всё-Время

Герберт Рамон вцепился в себя, его сущность теперь была близка к бессмысленно визжащей дрожи, Искре Бытия, осколку целостной сущности, которая знала себя как Сайегу, Существо, Выжидающее во Тьме. По мере того, как рос Сайега, расширялся и сам Герберт, и та его рациональная часть, которая всё еще существовала, осознала, насколько сильным было тело отца/матери. Это был не меньший элементаль земли, чем его брат Ниогтха. Герберт оказался где-то, и всё же нигде, в не-пространственном, не-временном плане существования. Долина, небо, сама Земля — всё казалось нереальным, как игрушки его воображения, таким хрупким и неважным. Его духовное тело расширялось в не-пространство/не-время, которое было всем-пространством/всем-временем в той же самой вечности. Звёзды пылали золой в Его/его теле, постепенно уменьшаясь по мере того, как он рос вне Земли и поглощал их, но в то же самое мгновение у него возникло нереальное впечатление, что Он/он становится всё меньше, сжимается всё время вместо того, чтобы расширяться, потому что вокруг Себя/себя он ощущал присутствие

других, которые были ещё больше, чем Он/он, и ещё более пугающими в своём существовании. Он почувствовал ледяные пальцы спящего существа в Р'льехе и с ужасающей ясностью увидел и понял, где на самом деле находится Р'льех, и он отпрянул от враждебного огнедышащего существа, которое было Ктугхой, что наполнило его чувством абсолютной ненависти и отвращения. Он ползал вместе с Цатоггуа, Существом-Жабой, и в застывшем мгновении безумия он танцевал в центре Хаоса, вращая своё микроскопическое/гигантское тело перед слепым богом-идиотом Азатотом под звуки безумных флейтистов. Он вбирал в себя одинокие звёзды, затем целые галактики, но не касался их по-настоящему, а пробовал на вкус их реальность и вбирал всё это в себя по мере того, как рос, чувствуя триумф и страх по мере приближения ко Всему.

Уббо, — кричал его разум, — *Уббо-Сатла, Нерождённый Источник, помоги мне сейчас! Великий Абот, Йог-Сотот, Шуб-Ниггурат, сломайте оковы! Помогите мне теперь, когда я свободен, разрушайте барьеры, я свободен, Старшая Звезда сломлена, и я свободен! А теперь идите и помогите мне, и помогите себе самим. Разбейте звёзды, они стары и слабы. Помогите мне, и вы тоже*

будете свободны!

И всё же в его мольбе о помощи присутствовал необычный страх, который накапливался по мере того, как он расширялся и прикасался ко Всему, когда его уносили во Всё, где не-время и не-пространство были всем-временем и всем-пространством. Он бормотал и кричал, выплёвывая звуки, как глотки отвратительной чёрной рвоты, которая покидала Всё и возвращалась к Нему. Его расширенное тело было поглощено Всем и стало частью Него, частью вечной пытки и *бытия всем, искажённым, разорванным единым существованием.* Чужеродные силы бросались на него, и он чувствовал, узнавал и понимал их, и кричал в бессмысленной, вечной чужеродной агонии. Древние и Старшие Боги, Начало и Конец Всего Творения, чёрное и белое, ночь и день, начало жизни и её последний телофазис[20] — все они были разорванными клочками продолжающегося, никогда не начинающегося, бесконечного круга, разбитой головоломкой бессмысленного сложного Существа, которое было *всем-временем, всем-пространством!* Он чувствовал, что раскалывается, что его разрывают на части силы,

[20] Примечания: 20

Telophasis — слово, очевидно, из биологии и предположительно означает деление клетки.

исходящие от него самого, но каждая из этих отдельных сил была больше и могущественнее, чем он сам, взрывом абсолютного ужаса, и всё это пребывало в равновесии. Он нашел путь в чуждую тьму, и Полная Тьма была смесью всех цветов, не в чёрных дырах между звёздами, и не в альтернативных мирах примитивной чёрной и белой магии, но внутри, внутри всего и внутри каждой из бесчисленных вещей и существ, которые создали всё и поддерживали его существование бытием.

Кричащая часть, которая когда-то была Гербертом Рамоном, тогда поняла, что бесполезно ждать помощи от других, потому что все они сражались сами с собой; все они были лишь фрагментами, изолированными осколками Всего, отражающими Его вечную двойственность в себе, пленники и стражники самих себя, сражающиеся с их собственным внутренним разумом, и он был такой же частью их всех, как и он был частью Всего, и все они были с ним. Не было ни эмоций, ни мыслей, только равновесие. Сайега закричал.

Он продолжал кричать, и этот крик стал неотъемлемой частью его реальности, вопль полного отчаяния от осознания того, что всё потеряно, потому что никогда не могло быть достигнуто, по-

тому что победитель, проигравший и ставка были одним и тем же непрерывным потоком. Он начал сжиматься, взрываясь сам в себе, его невнятный крик вызывал конвульсивные содрогания звёзд через его внутренности. Он распространялся по вечно умирающему и возрождающемуся космосу абсолютной незначительности, его глаза сверкали сверхновыми звездами, его когти — далёкими звёздными скоплениями, всё ещё не рождёнными в бездне все-времени. Умирая, он начал падать в яму собственного самосознания, и часть его ощущала каждую микросекунду жизни в каждой амёбе и в каждом насекомом на микроскопической планете, называемой Землей теми идиотскими существами, что являлись на ней лидирующей расой. Та Его часть, которая всё ещё была сущностью Герберта Рамона, ощущала двойственность жизни и смерти в каждой форме на этой планете и укрепляла одну часть равновесия. Что-то начало свой собственный раковый рост внутри Него, и Он был неспособен бороться с пришельцем. Он питался новым существом, которое продолжало расти по мере того, как умирал Сайега, а на Земле умирали насекомые, животные пребывали в бешенстве, а люди бесновались и без причины убивали друг друга, или

просто тихо сходили с ума в течение веков. Поэт-алкоголик и самоубийца по имени Эдгар Аллан По, который, по-видимому, вернулся к здравому смыслу, был найден бредящим в канаве, и умер в больнице, произнося слова на невнятном языке. Малозначительный автор устаревших историй по имени Говард Филлипс Лавкрафт помещал проницательные озарения ужаса в свои рассказы, маскируя своё второе зрение под фантастику. У европейского автора «сверхъестественных историй», в начале многообещающей карьеры были такие ужасные видения и кошмары, что он начал пить и, в конце концов, выбросился из окна своей квартиры на шестом этаже.[21]

И всё это время та часть Сайеги, которая когда-то называлась Гербертом Рамоном, росла, в то время как другие её части умирали и поглощались ради равновесия Всего. Это равновесие менялось, приспосабливалось, как оно делало всё время, без необходимости сознательной мысли или разума, и Тьма Сайеги сжималась, пока не достигла равновесия. Звёзды струились из Его тела, и Он продолжал бессмысленно кричать,

[21] Примечания: 21

Непонятно о ком это. В Википедии есть статья о поэтах и писателях, совершивших самоубийство, в том числе о выбросившихся из окна, но никто не подходит под это описание.

когда они достигли барьера тёмных врат. Он всё ещё кричал, когда Врата Тьмы сомкнулись над Ним, когда не-время распространилось подобно раковой опухоли по его телу, меняя Его по мере того, как обращение шло быстрее, чем Его рост, и по мере того, как время сжималось, а затем возвращалось, чтобы восстановить драгоценное равновесие Всего. Один день… два дня… неделя… То, что когда-то было Гербертом Рамоном, вернулось в своё тело где-то на маленькой незначительной планете, где когда-то стоял отвратительный Тёмный Холм, а под этим холмом с его многомерным храмом располагался огромный склеп, запечатанный тёмными вратами, где когда-то некто спал и ждал столетиями, а теперь он выжидает снова.

И как только Герберт Рамон вернулся в своё тело матери/отца, его собственное тело приспосабливалось к этому новому состоянию, возвращаясь сквозь время, к Тёмному Холму, где когда-то возвышался Сайега, но этого больше не было в не-времени, и то, что когда-то происходило, стало возможным в настоящем.

Равновесие было восстановлено, оно всегда существовало и всегда будет существовать во Всём, саморазрушительном и самосозидающем, в

Древних и Старших Богах, в добре и зле, ангелах и демонах. Оно было чем-то меньшим, чем всё это, и чем-то большим, и каждый являлся маленьким осколком сущности, которая была Сайегой и Гербертом Рамоном, Узником и Стражем, Тюрьмой и Вратами, Прошлым и Настоящим, Нерождённым и Тем, Кто Никогда Не Появится в Будущем. И никто из них не являлся по-настоящему мёртвым или по-настоящему живым, и никто никогда не был полностью живым в реальности, которая возрождалась к прошлому настоящему.

Эпилог: Страж

В этой изолированной долине есть небольшая железнодорожная станция, так что вы можете добраться до неё на поезде, но саму долину вы можете пересечь только на автомобиле. И может быть, когда вы найдете эту долину и пробудете там достаточно долго, вы встретитесь с вежливыми, но отсталыми людьми и разговорите их в вечерние часы в местном пабе, они поведают вам странную историю. Паб держит француз по имени Жюльен-Шарль, но он так долго прожил там, после того как стал хозяином заведения, что его называют просто Иоганн. Он также является владельцем единственного отеля, которым

может похвастаться деревня Фрайхаусгартен, и, возможно, если вы заговорите с ним по-французски, он вас не поймёт. У него есть странный шрам на шее, и если вы спросите его, откуда тот взялся, француз улыбнётся, и вы заметите странную пустоту в его глазах, как будто он пытается вспомнить что-то, о чём ему не следует забывать, но не может вспомнить. Потом он пошутит, что кто-то однажды пытался перерезать ему горло, но потерпел неудачу, и все будут смеяться и забудут об этом. Он или они не скажут вам, что он не помнит, как получил этот шрам. Повторные вопросы также не дадут никакого объяснения некоторым странным событиям, которые на самом деле никогда не происходили. Случилось ли на самом деле то, о чём никто не помнит? Все дома в Фрайхаусгартене целы, как и Тёмный Холм, *Дункельхюгель.* Вы можете открыть всё это для себя, если будете искать долину и преодолеете барьер, который является только барьером ума.

Ах, да, если вы спросите их, они с радостью расскажут вам о том дне, когда к ним явился незнакомец, потому что они помнят его. Этот человек сошёл с поезда в очень жаркий летний день. Он остался там и смотрел, как уходит поезд. Затем он взял носовой платок и вытер лицо, за-

тем наклонился, чтобы поднять свои дорожные сумки. Может быть, если вам удастся напоить кого-нибудь из жителей деревни, он расскажет вам то, что все они знают, но не могут выразить словами — самое странное головокружительное чувство, которое они когда-либо испытывали — все они в одно и то же мгновение, которое они позже сравнивали по своим часам, ощутили остановку движения, окаменение, как будто одна секунда застыла на месте во времени. Некоторые почувствовали себя плохо сразу после этого, но никто из них не может сказать вам, каково это, когда что-то из вашего собственного ума и тела внезапно становится чужим.

Во всяком случае, ощущение длилось всего секунду или меньше, и все они винят в этом жару. Но человек, приехавший на станцию, не поднял свой багаж. Он замер, а потом простоял так больше получаса, не делая ни малейшего движения. Затем к нему подошёл носильщик и позднее он рассказал об одной странности: похоже, одежда незнакомца была ему не по размеру — слишком велика. Затем носильщик увидел лицо приезжего и закричал, когда тот упал на землю. Носильщик никогда никому не рассказывал, как выглядело лицо незнакомца; он

сразу же отправился за доктором, и вместе они отвезли тело мужчины к викарию. Похоже, что незнакомец пришёл в сознание именно там, но никто не знает, о чём говорилось за закрытыми дверями. Незнакомец, которого звали Герберт Рамон, умер в тот же вечер, и по просьбе викария его похоронили на Тёмном Холме. Личные вещи Рамона таинственным образом исчезли, но через две ночи в саду викария случился пожар, и в нём сгорело несколько вещей, а в деревню проникли странные запахи. Но никто не задавал никаких вопросов. Через две недели викарий повесился.

Может быть, вы также встретите местного мясника, большого грузного человека, который теперь живёт благодаря поддержке своих соседей. Вы никогда не увидите его рук, так как он всегда носит перчатки. Теперь он может произносить только самые простые звуки. Может быть, если вы бросите замечание о девушке, которая когда-то была местной красавицей, дочерью пожилого фермера, вы не получите никакого ответа. Теперь она никогда не показывается на людях и полностью парализована… и совершенно безумна. Некоторые воспоминания не могут умереть, даже если их повернуть вспять.

Конечно, они не расскажут вам о ежегодной це-

ремонии на вершине Тёмного Холма, которая не состоялась в тот год, когда незнакомец приехал туда умирать, и которая с тех пор не проводится. Даже если вы спросите их, вам не скажут, что они когда-то раскопали могилу незнакомца, но сразу же забросали её землёй и больше никогда туда не ходили. Но спросите детей, и, может быть, они расскажут вам о Хранителе Вайенов: странном пожилом человеке, которого они никогда не встречали лицом к лицу, но который, как они знают, обитает там, Мертвец, живущий на Тёмном Холме, и его волосы такие же длинные и седые, как туман. Но если вы не будете достаточно расторопными, чтобы задать правильные вопросы, придут матери этих детей и уведут их домой, и вы больше ничего не услышите.

Может быть, если вы осмелитесь подняться на Тёмный Холм, вы увидите окаменевшее белое лицо того старика, тёмное, но прозрачное, бездонное, как беззвёздные глубины морей Вселенной. И если у вас будет возможность заглянуть в его глаза, вы увидите, что это не глаза, а бездонные тёмные ямы, туннели во тьму, и если вы осмелитесь вглядеться в них, вы можете увидеть там себя, очень маленького узника тёмной вечности…

Думаю, нет необходимости рассказывать что-то ещё. Вам не нужно спрашивать меня, откуда я всё это знаю, потому что теперь вы тоже знаете. Между нами есть родство, которое я сразу же распознал, иначе я никогда бы не заговорил с вами. Семя Сайеги широко распространено. Герберт Рамон не был дураком, но он знал недостаточно; на самом деле он вообще ничего не знал. Когда он понял, кто он такой, было уже слишком поздно. Но *вы* знаете, и я знаю. Герберт Рамон был один, он искал и боялся того, что, как ему казалось, он обнаружил. Но мы не одни, вы и я. Уже нет. Не пытайтесь подтолкнуть его; позвольте осознанию проникнуть внутрь, медленно впитайте его всем своим существом, погрузитесь во тьму, которая, как вы теперь знаете, находится внутри вас. Память придет, приходит — я вижу это, — но вам требуется время, чтобы понять и воспринять её всем вашим существом, всем вашим умом, чтобы мы не потерпели неудачу, как Герберт Рамон. Помните, он был совсем один, а мы — нет.

Да, я знаю, где находится *Дункельхюгель*.

Перевод: А. Черепанов

Элизабет Бир, Сара Монетт
Мангуст

Elizabeth Bear, Sarah Monette «Mongoose», 2009

Через блестящий исцарапанный шлюз Израиль Иризарри шагнул на станцию «Кадат». Он чуть пошатывался, привыкая к местной гравитации. На плече у него, растопырив щупальца и вытянув шею, восседала Мангуст и пробовала воздух высунутым языком, цветом выражая вопрос. Еще несколько шагов — и он тоже почувствовал запах, который уже унюхала Мангуст: едкую аммиачную вонь личинок.

Он дважды коснулся обвившегося вокруг шеи щупальца, что означало «скоро». Изменив окраску, Мангуст оцветила удовольствие, и Иризарри, утешая и сдерживая, погладил гладкую бархатистую остренькую мордочку. Подаваясь к ласкавшей ее руке, зверюшка сверкнула четырьмя фасеточными и двенадцатью простыми глазками и смягчила, но не изменила цвет. Ей не терпелось поохотиться, и он не винил ее за это.

Буджум «Манфред фон Рихтгофен», заботился о своем хищнике. А Мангусту пришлось довольствоваться рационом Иризарри, а она терпеть не могла питаться мертвечиной.

Коль скоро Иризарри смог учуять личинок, значит, ситуация на «Кадате», была гораздо серьезней «незначительного заражения», о котором говорилось в послании начальника станции. Само собой, сообщение дошло до Иризарри через третьи, четвертые или даже пятнадцатые руки, поэтому он понятия не имел, сколько всего прошло времени. Возможно, когда начальник станции посылала за ним, нашествие в самом деле было именно незначительным. Но он знал манеры бюрократов, а потому призадумался.

Проходившие мимо люди удивленно глазели на него, в том числе ультра-усовершенствованные христиане-культисты с телескопическими конечностями и биолиновыми глазами. Такие встречаются на каждой станции и каждом стальном корабле, хотя обычно на буджумах их нет. Никто христиан особо не любит, но они могут работать там, где погибнет неусовершенствованный человек или даже джилли, поэтому капитанам и начальникам станций приходится с ними мириться.

В переходах «Кадата», встречалось много джилли, и все они замедляли шаг, чтобы подмигнуть Мангусту. Один остановился и, взмахнув руками, отвесил замысловатый поклон. Иризарри почувствовал, как щупальце Мангуста проскользнуло в обе его серьги. Хотя зверюшка не понимала, что означают в изумлении вытаращенные глаза, — это было чуждо ее собственным, фасеточным, — она чувствовала внимание и стеснялась.

В отличие от кораблей-буджумов, которые они обслуживали, станции под названием «Провидение», «Кадат», «Ленг», «Данвич», и другие строились людьми. Их радиальная симметрия была вполне предсказуема, и, для того чтобы отыскать начальника «Кадата», Иризарри пришлось всего лишь пройти от стыковочного дока буджума «Манфред фон Рихтгофен», вглубь строения. Там он и обнаружил одну из неизменных карт безопасности («Вы находитесь здесь; в случае декомпрессии сохраняйте спокойствие и продвигайтесь к убежищам, расположенным здесь, здесь и здесь») и низко склонился над ней, чтобы разглядеть крохотные буковки. Подражая ему, Мангуст наклонила голову на одну сторону, потом на другую, хотя плоские изображения для нее ровным счетом ничего не значили. Наконец

в овальном пузыре он отыскал офис начальника станции, причем ведущая в него дверь была видна с того места, где он стоял.

— Ну что ж, девочка, пошло-поехало, — сказал он Мангусту, которая, хоть и оцепенела, прижалась к нему в ответ на вибрацию голоса.

Иризарри терпеть не мог эту часть своей работы, он не выносил аппаратчиков и функционеров, а их, само собой, в офисе начальника станции было предостаточно; администратор, секретарь, еще какой-то другой особый секретарь, и затем в конце концов — Мангуст к этому моменту уже забилась к Иризарри под рубашку и совершенно скрылась у него под волосами, а сам Иризарри чуть не задохнулся от воспоминаний о ком-то, кого помнить совсем не хотел, — его провели во внутреннюю комнату, где с угрюмым выражением на круглой физиономии и скрещенными руками его ожидала начальница станции Ли.

— Господин Иризарри, — проговорила она, расцепляя руки и протягивая ему ладонь в подобии учтивого приветствия.

Он махнул рукой, здороваясь с ней, и с облегчением понял по лицу начальницы, что она его не узнала. Собственный опыт научил его, что лучше оставить мертвецов там, где они упали.

— Прошу прощения, начальник станции, — сказал он, — я не могу.

Он хотел спросить ее об ужасном зловонии и о том, понимает ли она, насколько скверно обстоят дела. Люди при малейшей возможности склонны внушать себе уйму всякого бреда.

Но, вместо этого, он решил заговорить о своей помощнице:

— Мангуст терпеть не может, когда я прикасаюсь к другим людям. Она ревнива, как попугай.

— Здесь чешир? — Она опустила руку, лицо ее выражало одновременно уважение и тревогу. — Что, вне фазы?

Что ж, по крайней мере, начальнице станции известно о чеширских котах чуть больше, чем прочим.

— Нет, она спряталась у меня под рубашкой.

Спустя половину стандартного часа, пробираясь во влажных недрах вентиляционной шахты, Иризарри постучал по дыхательной маске, чтобы прочистить нос и рот от въевшегося запаха личинок. Не особо помогло; он приближался.

Здесь Мангуст вовсе не казалась застенчивой. Она восседала у него на голове, во всю длину растопырив щупальца, неспешно пульсирующие хищными зеленым и красным цветами. Усики

скользнули в его волосы и обвились вокруг шеи, появляясь и исчезая из фазы. Чтобы ее сдержать, он коснулся гладкой упругой шкурки кончиками пальцев. Меньше всего ему сейчас нужно, чтобы Мангуст исчезла и устремилась по коридору к колонии личинок.

Дело не в том, что она не вернется; она вернется — но только если сможет выбраться без его помощи.

— Спокойно, — скомандовал он, хотя, конечно, она не могла его услышать. У адаптированного к вакууму существа ушей нет. Но она ощущала вибрацию голоса в горле, и ее усики коснулись губ, считывая дуновение воздуха и форму слова.

Он вновь дважды коснулся щупальца — скоро! — и почувствовал, как он сократился. Боковым зрением он увидел, как она вспыхнула голодным оранжевым цветом. Она экспериментировала с окраской ягуаров — после еженощных чтений Пуха на буджуме «Манфред фон Рихтгофен», они подолгу вели разговоры о ягуарах и тиграх, потому что Мангуст желала знать, кто такие ягуары и тигры. Иризарри уже рассказал ей о мангустах и прочел ей «Алису в Стране чудес», так что она узнала и о Чеширском коте тоже. Спустя два дня — он все еще очень отчетливо это помнил

— она исчезла постепенно и медленно, начиная с кончиков длинных завитков хвоста и щупалец и заканчивая острыми стрелами зубов. А потом вновь появилась, вся взбудораженная и зеленовато-голубая да розовая, чуть ли не подпрыгивая, и он похвалил ее, погладил и напомнил себе, что не стоит думать о ней как о кошке. Или мангусте.

Она легко уяснила разницу между ягуарами и ягуларами и почти так же быстро решила, что она ягулар. Иризарри хотел было поспорить, но передумал. В конце концов, она была Очень Хорошим Сеттером. Никто никогда не замечал ее приближения, если она сама того не желала.

Когда в конце коридора слабо засветились личинки, он почувствовал, как вся она сильно задрожала, затем засветилась темным светом и тесно прильнула к его голове. Иризарри погасил огни и надел очки ночного видения. Личинки были настолько же слепы, насколько Мангуст — глуха, но такое обширное заражение могло означать, что трещины расширились так, что сквозь них могли пробраться твари покрупнее, а если здесь были крысины, незачем предупреждать этих монстров о своем появлении.

Он трижды коснулся обвившегося вокруг шеи щупальца и шепнул:

— Иди.

Ей не нужно было повторять дважды; на самом деле, с оттенком сухой иронии подумал Иризарри, ею вообще не нужно командовать. Он едва ощутил, как легкое существо оторвалось от него и совершенно неслышно, словно сова на охоте, помчалось по коридору. Даже в инфракрасных очках он не видел Мангуста, ибо тело ее принимало температуру окружающей среды, но по опыту знал, что ее щупальца и усики широко раскинуты, и он услышал вопли личинок, когда она оказалась среди них.

Личинки примостились на потолке коридора — панцирные существа длиной с руку, прилипшие к зловонному секрету, сочащемуся из сочленений экзоскелета. Верхняя треть тела каждой личинки склонившейся веткой свисала вниз, давая ей возможность пустить в ход поблескивающую клейкую приманку языка и клешни, способные разорвать плоть. Иризарри понятия не имел, чем эти твари питаются в своей родной фазе, или измерении, или где там еще.

Здесь же он знал, что они едят. Все что ни попадя.

Он держал на изготовку электрошоковый щуп и поспешал за Мангустом, чтобы подсобить ей

при необходимости. Наверняка тут очень много личинок, а в этом случае даже чеширскому коту может грозить опасность. Вот впереди какая-то личинка заверещала и внезапно потемнела: Мангуст убила первую жертву.

В считаные мгновения колония личинок загомонила уже вся, и от их воплей у Иризарри разболелась голова. Он осторожно пробирался вперед, бдительно высматривая признаки крысин.

Самая большая колония личинок ему попалась на заброшенном стальном корабле «Дженни Линд», который они с Мангустом обследовали, пока занимались спасательными работами на буджуме «Гарриет Тубман». Личинки покрывали корпус старого корабля изнутри и снаружи; колония была столь огромна, что, сожрав все что можно, она начала сама себя поедать; личинки питались своими соседями и, в свою очередь, тоже шли на корм. Мангуст славно поохотилась, перед тем как «Гарриет Тубман», уничтожил обломки, и среди оставшихся отбросов Иризарри обнаружил странные звездовидные кости взрослой крысины. Чудовище-брандашмыг, которое поубивало людей на борту «Дженни Линд», погибло вместе с ее ядерным реактором и капи-

таном. Пропали несколько пассажиров и экипаж, и некому было поведать о несчастье.

Иризарри приготовился. Здешняя колония была меньше той, что сосредоточилась на «Дженни Линд», но больше личинок ему никогда не доводилось видеть вне карантина, и он готов был съесть свои инфракрасные очки, если где-то на станции «Кадат», не рыскали крысины.

К его ногам шлепнулась мертвая личинка, ее безглазая голова была ловко отделена от членистого туловища, и через миг Мангуст материализовалась у него на плече и пронзительно щелкнула, что означало: «Иризарри! Внимание!»

Он вытянул руку на уровне плеча, и Мангуст подалась вперед, телом оставаясь на плече Иризарри и касаясь усиками его губ и шеи, но щупальца для общения она обвила вокруг его руки. Свободной рукой он поднял очки и включил фонарик, чтобы считывать цвета зверька.

Она вела себя беспокойно и нетерпеливо переливалась желтым и зеленым. И настойчиво изобразила у него на ладони букву «К».

Скверно. Это означало «крысина». Но все же лучше, чем «Б». Если бы здесь объявился брандашмыг, то они все были бы все равно что ходячие мертвецы, а станция «Кадат», уже была бы обре-

чена так же, как и «Дженни Линд».

— Ты учуяла ее? — спросил он.

Вокруг верещали личинки.

«Почувствовала вкус», — сказала Мангуст.

Иризарри работал с ней в паре уже почти пять солнечных лет и понимал: личинки отдавали привкусом крысины, а это значит, что они недавно кормились крысячим гуано. Принимая во внимание стремительность пищеварительной системы личинок, получается, что крысина патрулирует территорию станции.

Мангуст сильнее вцепилась ему в плечо.

«К. — снова повторила она. — К. К. К.».

У Иризарри екнуло сердце. Крысина не одна. Трещины расширяются. Брандашмыг — всего лишь вопрос времени.

Начальница станции Ли не желала слышать об этом. Это читалось в ее позе, в наигранной рассеянности, в том, как она избегала визуального контакта. Вероятно, правила этой игры были ему известны лучше, чем ей. Он вторгся в ее личное пространство. Мангуст дрожала у него на шее, усики ерошили ему волосы. Даже не видя ее, Иризарри знал, что сейчас она тревожного густо-изумрудного цвета.

— Крысина? — переспросила начальница стан-

ции Ли, тряхнув головой, — у женщины более молодой и менее угрюмой этот жест, возможно, выглядел бы кокетливо. И снова зашагала по комнате. — Вздор! Со времен моего деда на станции «Кадат», не было ни единой.

— Что не гарантирует отсутствия, заражения на данный момент, — спокойно заметил Иризарри.

Коль скоро ей охота разыгрывать спектакль, он будет сохранять хладнокровие.

— Я сказал: крысины. Во множественном числе.

— Еще возмутительней. Мистер Иризарри, если вами движет непродуманная попытка завысить гонорар…

— Отнюдь. — Он намеренно произнес это решительно, но без тени возмущения. — Начальник станции, насколько я понимаю, сейчас я скажу то, что вам слышать совсем не хочется, но вы должны ввести на «Кадате», карантин.

— Невозможно, — отрезала она, словно он попросил ее направить «Кадат», сквозь кольца Сатурна.

— Конечно, возможно! — сказал Иризарри, и она наконец смерила его взглядом, возмущенная тем, что он осмелился ей противоречить. Мангуст вонзила ему в шею коготки. Она не любила, когда

он сердился.

Вообще-то дело не в этом. Иризарри и сам знал, что ярость — пустая трата сил и времени. Данная эмоция ничего не способна решить и урегулировать. Не может вернуть то, что потеряно. Людей, жизни. То, что смыло потоком времени. Или то, что прошло, хотим мы того или нет.

Но ВОТ ЭТО…

— Вы ведь знаете, что может сотворить колония взрослых крысин, не так ли? С собранными в замкнутом пространстве людьми, которые станут для них добычей? Скажите мне, начальник станции, может, вы стали замечать, что в сараях ютится меньше народу?

Она вновь отвернулась, вычеркивая из своей космологии сам факт его существования, и сказала:

— Мистер Иризарри, данный вопрос закрыт для обсуждения. Я наняла вас для того, чтобы разобраться с предположительной возможностью заражения. И рассчитываю на то, что вы справитесь. Если вы считаете, что не в состоянии решить задачу, то, само собой, я охотно позволю вам отбыть со станции на любом корабле, который возьмет вас на борт. Полагаю, что в систему отправляется «Артур Гордон Пим», или

же вы предпочитаете двинуться в направлении Юпитера?

Иризарри напомнил себе, что вовсе не обязан выиграть в этой стычке. Он может отойти в сторону, попытаться предупредить кого-то еще, вместе с Мангустом убраться прочь с «Кадата».

— Хорошо, начальник. Но когда ваши секретари начнут исчезать, вспомните о том, что я вас предупреждал.

Когда он дошел до самых дверей, она крикнула:

— Иризарри!

Он остановился, но поворачиваться не стал.

— Я не могу, — низким голосом торопливо проговорила она, словно боялась, что ее могут подслушать. — Не могу я ввести карантин на станции. В этом квартале наша численность и так в убытке, и новый комиссар… У меня куча неприятностей, разве не понимаете?!

Он не понимал. Даже не желал в это вникать. Ибо и поэтому тоже он — странник, который никогда не хотел быть похожим на нее.

— Если Сандерсон станет известно о карантине, она прознает и о вас тоже. Мистер Иризарри, ваши документы в полном порядке для скрупулезного рассмотрения?

Он повернулся, уже раскрыв рот, чтобы сказать, что он думает о ней и ее грубых попытках шантажа, но она опередила его:

— Я готова удвоить гонорар.

В тот же миг Мангуст дернула его за волосы, и он ощутил, как рядом с его позвоночником часто и сильно бьется ее сердце. И его слова прозвучали ответом на страдания зверька, а не на предложение взятки от начальницы станции.

— Все в порядке, — сказал он. — Я сделаю все возможное.

Подобно эпидемии, личинки и крысины распространялись из одного исходного пункта — Нулевого Пациента, в данном случае им являлась щель в пространстве-времени, сквозь которую пробралась первая личинка. По мере того как плодятся личинки, образуется все больше прорех, но именно та, самая первая особь вырастет настолько большой, чтобы превратиться в крысину. Тогда как личинки ленивы и медлительны — они твари весьма энергосберегающие, как чопорно говорят аркхемцы, — и никогда не уползают дальше, чем это необходимо для того, чтобы найти удобную плоскость для прикрепления, крысины действуют вполне обдуманно. Они охотятся поблизости от первоначальной

щели, чтобы дорога к отступлению была всегда открыта. И постоянно расширяют прореху.

Личинки не представляют собой угрозы, хотя являются досадной неприятностью: расходуют ценный кислород, закупоривают сеть воздуховодов, пожирают домашних питомцев, истекают с потолков липкой жижей и противно влажно хрустят под ногами. Крысины куда как хуже, они — самые настоящие хищники. Их естественной добычей могли бы быть личинки, но они нападали на некрупных джилли или маленьких людей.

Но даже они не столь опасны, как твари, из-за которых Иризарри не мог сомкнуть глаз во время двух отведенных на сон смен. В прорванную личинками и расширенную крысинами щель могли пробраться хищники, стоящие на самом верху этой чуждой пищевой цепи.

Брандашмыг: Pseudocanis tindalosi. Древние хроники и аркхемцы-аскеты называли их гончими, но, само собой, собачьего в них было не больше, чем в Мангусте — кошачьего. Иризарри довелось посмотреть заархивированные видео с заброшенных станций и кораблей, где по углам герметизированных помещений появлялись мерцающие костлявые конечности брандашмыга, напоминающие усеянные шипами лапки

богомола. Ему не доводилось слышать, чтобы кто-то уцелел там, где появился брандашмыг, только если удалось чертовски быстро добраться до аварийной кабины. Больше того, даже живущие на своих допотопных кораблях аркхемцы, заводчики Мангуста и всего ее племени, признавали, что не располагают данными о ком-нибудь, кто улизнул бы от брандашмыга.

Теперь ему нужно первому, до брандашмыгов, отыскать источник заражения и уничтожить личинок и крысин вместе с прорехой, через которую они лезли в этот закоулок вселенной. Найти щель — где-то на протяжении многих миль инфраструктуры «Кадата». Именно поэтому Иризарри оказался в малоиспользуемом коммуникационном коридоре, где Мангуст обследовала каждый обнаруженный ими вентиляционный воздуховод.

Поблизости от облюбованных колонией шахт в переходах на станции «Кадат», разило личинками — стоял тяжелый аммиачно-серный дух. Когда Иризарри задрал голову к вентиляционному трубопроводу, под края маски проникла мерзкая вонь. Морщась, он сломал печать кислородной системы и оттянул от лица на тугих эластичных тесемках, стараясь при этом не выпустить аппа-

рат. Сломанный нос этот день не улучшит.

Мимо быстро пронеслась на легких ногах культист-инженер, из-за узости коридора ее четыре змееподобные руки были туго обмотаны вокруг туловища. У нее была вполне милая для христианина улыбка.

Мангуст была слишком сосредоточена на добыче, чтобы пугаться. Величина колонии личинок, возможно, нервировала ее, но Мангуст обожала этот запах — для нее он был словно аромат готовящегося вкусного обеда, так думал Иризарри. Она развернулась вокруг его головы, наподобие капюшона, выпустила щупальца и вся так и сверкала, когда тянулась к вентиляционному отводу. Он чувствовал, как подрагивали все ее мышцы и усики, и повернулся в ту сторону, куда была обращена ее остренькая клиновидная мордочка.

Иризарри чуть не опрокинулся назад, когда нос к носу столкнулся с незнакомцем, о существовании которого здесь даже не подозревал. Это оказалась женщина среднего роста и ничем не примечательного телосложения, ее каштановые волосы были гладко зачесаны назад и убраны в тугую кичку; очень бледная кожа слегка рдела на скулах, словно инфракрасные светофильтры костюма защищали ее не полностью. Она была

одета в глянцевую космически-черную униформу с тускло-серебристыми погонами, на каждом запястье красовалось по четыре оловянных цветных браслета. В районе сердца на костюм крепилась эмблема с изображением стилизованного солнца и тандема Земля-Луна.

Комиссар. Она равнодушно восприняла нарочитую демонстрацию сенсорных средств Мангуста.

Зверек, словно испуганная актиния, всосал в себя усики и теплой шейкой прижался к голове Иризарри там, где у него уже редели волосы. Странно, что Мангуст вообще не спряталась под рубашкой: шеей он чувствовал, как она дрожит.

Комиссар не подала руки. Сказала:

— Господин Иризарри? Непросто вас отыскать. Я полковник разведки Садхи Сандерсон. Пожалуйста, ответьте на несколько вопросов.

— Я, э-э-э… сейчас немного занят, — заметил Иризарри.

И неловко добавил:

— Мэм…

Меньше всего ему хотелось задеть ее неучтивостью.

Сандерсон посмотрела на Мангуста и сказала сухим, словно порошок, голосом:

— Да, по-видимому, вы охотитесь. Я хочу поговорить об этом тоже.

О черт! Целых полтора дня ему удавалось держаться подальше от комиссара, что оказалось очень непросто, учитывая очевидную напряженность между Ли и Сандерсон и то, что он слышал в казарменном городке: все джилли до смерти боялись Сандерсон, и, похоже, ни у кого не находилось доброго словечка для Ли. Даже христиане, поджав тонкие губы, могли сказать только, что она докучает им не очень сильно. Как-то раз Иризарри на целых полгода застрял на стальном корабле вместе с христианской конгрегацией, тогда он и оценил их стремление хорошо обо всех отзываться; он точно не знак, было ли так предписано их верой, или же они придерживались соответственной тактики выживания, но, когда старец Доусон произнес: «Она не причиняет нам очень сильного беспокойства», Иризарри совершенно верно понял, что это означает.

О Сандерсон говорили и того меньше, и Иризарри мог их понять: экстремистские культы и правительство не в восторге друг от друга. Зато он с избытком наслушался разговоров шахтеров и портовых рабочих, а в особенности экипажа конфискованного стального корабля, отзывавшихся

о ней с грубоватым красноречием. Суть сводилась к тому, что полковник Сандерсон здесь появилась недавно, наводила порядок и не входила в число женщин, с которыми хочется переспать.

— Я с удовольствием приду к вам в офис через час или, может, два? — предложил он. — Дело в том, что…

Мангуст пуще прежнего вцепилась ему в голову, притом так неожиданно и сильно, что Иризарри даже вскрикнул. Пока он предпринимал слабые попытки отделаться от полковника Сандерсон, головка зверька тянулась назад к трубопроводу и теперь уже почти туда всунулась, а радужная шейка вытянулась на полтора фута.

— Господин Иризарри?

Он предостерегающе поднял руку, потому что сейчас было не до разговоров, и снова вскрикнул, когда Мангуст потянулась вниз и вцепилась в нее. Он зарекся не забывать, насколько подвижно и текуче ее тело, ведь оно на самом деле представляло собой не более чем компромисс с измерением, в котором он мог ее ощущать, но порой Мангуст все равно его удивляла.

А потом Мангуст произнесла: «Нагайна», и он бы выругался вслух, если бы рядом не стояла и не хмурила брови полковник Сандерсон. За

исключением брандашмыга — а он теперь мог появиться в любое время, не забывай, Иризарри, — размножающаяся крысина была самой большой неприятностью, какую только можно себе вообразить.

— Кажется, ваш чешир взволнована, — заметила Сандерсон совершенно спокойным голосом. — Проблемы?

— Есть ей очень хочется. И, ну… она чужих не любит. — И это была правда, как и все то, что можно сказать про Мангуста, а неистовые цвета, струящиеся по ее усикам, давали ему представление о том, что вытворяют за его головой ее хроматофоры.

— Вижу, — сказала Сандерсон. — Кобальтовый и желтый, этот пунктирный рисунок вместе с входом и выходом из фазы означает, что она настроена агрессивно, но это же страх, не так ли?

Что бы ни собирался сказать Иризарри, это замечание заставило его замолчать. Он моргнул — совсем как джилли, злобно подумал он, — и осознал, что отшатнулся назад, только когда сквозь комбинезон почувствовал, что прижался к перегородке.

— Знаете, — доверительно и явно ерничая, сказала Сандерсон, — в этом коридоре разит

личинками. Дайте угадаю: дело не только в личинках.

Иризарри все еще был озадачен ее способностью считывать цвета Мангуста.

— Что вам известно о чеширах?

Она улыбнулась ему так, словно он был учеником-тугодумом, и сказала:

— Кое-что известно. На «Дженни Линд», я служила лейтенантом — там, на борту, был чешир, и я видела… Господин Иризарри, однажды увидев такое, вовек не забудешь.

У нее на лице промелькнуло непонятное выражение — внезапно появилось и тут же исчезло.

— Погибшего на борту «Дженни Линд», чешира звали Демон, — осторожно произнес Иризарри. — Ее напарником был Длинный Майк Слайдер. Вы их знали?

— Слайдер Джон, — сказала Сандерсон, глядя на свои ногти. — Он был известен под именем Слайдер Джон. Хотя имя чешира вы назвали правильно.

Когда комиссар снова взглянула на него, изгиб аккуратно выщипанной брови поведал ему о том, что ее не удалось одурачить.

— Верно, — согласился Иризарри. — Слайдер Джон.

— Мы дружили, — покачала головой Сандерсон. — Тогда я была совсем юной и получила первое назначение: меня поставили связным Демона. Спайдер Джон любил говорить, что у нас с ним одна профессия. Только я не смогла заставить капитана поверить ему, когда он пытался донести до нее, насколько плохо обстоят дела.

— Как же вам удалось уцелеть, когда появился брандашмыг? — спросил Иризарри.

Он не был глупцом и понимал, что ее внезапная откровенность была не чем иным, как попыткой втереться в доверие, но все же отчаяние и застарелая печаль звучали искренне.

— Вначале он напал на Слайдера Джона — должно быть, знал, кто ему угрожает больше всех. А Демон — она набросилась на него, хотя монстр был в пять раз крупнее. Она дала нам время добраться до аварийного плота, а капитан Головнина успела перевести системы в ручной режим.

Она помолчала.

— Знаете, я его видела. Так, мельком. Он лез через эту… эту прореху в мироздании, словно большой гончий пес, который протискивается узловатыми лапами сквозь дыру в одеяле. Не один год я задавалась вопросом, уловил ли он

мой запах. Знаете, стоит им почуять добычу, они никогда не остановятся…

Она умолкла и подняла глаза, встретившись с ним взглядом. Он никак не мог решить, означала ли морщинка между ее бровей смущение, оттого что она рассказала ему так много, или же продуманное ожидание его ответа.

— Так. Значит, если я правильно вас понял, вы узнали этот запах.

У нее была привычка отвечать вопросом на вопрос:

— Я права насчет крысин?

— Матка, — кивнул он.

Она содрогнулась.

Иризарри глубоко вздохнул и отошел от люка.

— Полковник Сандерсон, чтобы успеть добраться до нее, нужно идти прямо сейчас.

Она прикоснулась к микроволновому импульсному пистолету у бедра и предложила:

— Хотите, составлю вам компанию?

Он не хотел брать напарника. Ей-ей, в самом деле, не желал. Но даже если б захотел, то его выбор бы не пал на комиссара станции «Кадат». Но не мог же он ее обидеть отказом… к тому же у него не было лицензии на ношение оружия.

— Ну хорошо, — согласился он и понадеялся,

что голос не выдал чувств. — Только не вставайте на пути у Мангуста.

Полковник Сандерсон одарила его мрачной и жесткой улыбкой и заверила:

— Даже не подумаю!

Хуже живых личинок смердели разве что наполовину съеденные.

— Придется пройтись пылесосом по всему сектору, — заметила Сандерсон: ее дыхание со свистом вырывалось из фильтров.

«Если, конечно, мы проживем достаточно долго, для того чтобы это понадобилось», — подумал Иризарри, но у него хватило ума промолчать. Нельзя с политиканом говорить о поражении. И если вам настолько не повезло привлечь к себе внимание сего персонажа, тогда по крайней мере не нужно высказывать ему своё мнение.

Мангуст бежала впереди, но Иризарри обратил внимание, что она старалась держаться в пределах света его фонаря и как минимум один усик зверька был все время направлен на него и Сандерсон. Когда они имели дело с обычным заражением, Мангуст опрометью носилась по потолкам и оставляла после себя клочки растерзанной плоти и струи биолюминесцентной жижи. На сей раз она аккуратно пробиралась

вперед, трепетными усиками исследуя перед собой поверхность, и напоминала Иризарри паука или отправившегося на разведку осьминога.

Он шел за Мангустом и следил за ее цветами, которые теперь стали тусклыми, выражая осторожность. На перекрестках она останавливалась, в каждом направлении пробовала воздух и поджидала, когда ее нагонит эскорт.

Служебные туннели станции «Кадат», обычно были достаточно высокими, Иризарри и Сандерсон могли идти по ним гуськом, выпрямившись во весь рост, но пару раз приходилось ползти на животе по подсохшей слизи личинок. Иризарри казалось — по крайней мере, он надеялся, что ему это только кажется, — что он чувствует истончение и растяжение реальности, он видел это в изгибах туннелей и покореженных панелях под ногами. Он как будто примечал размытые тени, слышал шепчущие звуки, улавливал нечеткие запахи, словно что-то здесь уже почти материализовалось.

Мерещится — так он твердо заверил себя, понимая при этом, что слово неправильное и неверно отображает действительность. Но когда он снова упал на живот, чтобы протиснуться через крохотный лаз, заваленный свежими трупами только

что убитых личинок, ему понадобилась вся его выдержка.

Расчищая проход, он чуть не врезался в Мангуста, которая бросилась к нему и забилась за пазуху. Ее щупальца скрючились, а сама она была настолько близка к тому, чтобы перейти в иную фазу, что превратилась в теплую тень. Но когда Иризарри увидел, что находится по ту сторону лаза, то пожалел, что ему больше не мерещится.

Его взору предстал один из станционных центров по сбору и переработке отходов: чаша метров десять в диаметре, резко сужающаяся к центру, где была навалена куча мусора. В подобных местах обычно встречаются незначительные заражения личинками. Предполагается, что корабли и станции должны быть свободны от паразитов, но на деле выходит так, что при совместном пользовании космическими трассами вместе с буджумами это невозможно. При этом на станции «Кадат», кто-то манкировал своей работой.

Сандерсон коснулась его колена, и Иризарри поспешно отодвинулся так, чтобы она смогла пробраться к нему. Внезапно он почувствовал благодарность за то, что она рядом. Ему вовсе не хотелось бы оказаться здесь одному.

Никогда Иризарри не доводилось видеть столь масштабного заражения личинками, даже на «Дженни Линд». Весь свод помещения был густо усеян их похожими на слизняков телами, длинные языки приманками свешивались на полметра вниз. Повсюду порхали маленькие твари: молоденькие крысины, полупрозрачные в данном сдвиге фазы. Пока Иризарри смотрел на все это, одна из них наткнулась на колонию гигантских слизняков, и личинка тут же среагировала с неожиданной силой. Шансов у крысинки не было.

«Нагайна, — сказала Мануст. — Нагайна. Нагайна. Нагайна».

В самом деле, среди мусора в яме шевелилось что-то огромное. И это еще не все. То неприятное ощущение давления, которое Иризарри отметил раньше, — чувство, что на тебя смотрит множество глаз, костлявые тела льнут к той хрупкой материи, которая до поры сдерживает их, — здесь усиливалось вплоть до того, что он почти ощутил прикосновение к шее не вполне вошедших в фазу усиков.

Сандерсон, сжимая в руке пистолет, подползла к нему. Похоже, Мангуст была не против того, что комиссар рядом.

— Что это там, внизу? — прошипела Сандерсон.

— Яма для размножения, — ответил Иризарри. — Чувствуете? Некое странное ощущение растяжения во вселенной?

Сандерсон кивнула и сказала:

— Полагаю, вас вряд ли обрадует то, что я ощущала это и раньше…

Как ни печально, Иризарри вовсе не удивился.

Сандерсон спросила:

— Что будем делать?

Вопрос ошарашил Иризарри, что, по-видимому, читалось у него на лице даже под маской, потому что комиссар резко высказалась:

— Вы же специалист. Начнем с того, что вы именно поэтому появились на станции «Кадат», и поэтому начальнику станции Ли так сильно не хотелось, чтобы я узнала об этом. Хотя я не понимаю, каким образом она собиралась и впредь скрывать столь обширное заражение.

— Всегда можно сослаться на диверсию, — рассеянно проговорил Иризарри. — Обвинить христиан. Или джилли. Или же разбушевавшихся спейсеров, наподобие экипажа «Карузо». Полковник, такое то и дело случается. Появляется кто-то вроде меня и Мангуста и вычищает личинок,

затем власти станции принимают крутые меры против того, кто им больше всего докучает, и жизнь снова налаживается. Только начальник Ли ждала слишком долго.

Матка снова начала рожать. Размножающиеся крысины медлительны — гораздо менее расторопны, чем молодые особи или сексуально неактивные взрослые разбойники, — потому что они защищены доспехами, наподобие титановых броненосцев. Если им грозит опасность, они действуют двумя способами. Детеныши сбегаются к матери, которая затем сворачивается в шар, и расправиться с ними можно только боевым ядерным оружием. Или же мамаша выходит на тропу войны. Иризарри как-то раз довелось повидать, как обозлившаяся матка уничтожила на стальном корабле целый отсек; им чертовски повезло, что она не разнесла весь корпус.

Стоит крысинам начать плодиться, как вот эта матка, они могут произвести на свет десять-двадцать детенышей в день на протяжении периода от недели до месяца, в зависимости от кормовой базы. Чем больше рождается молодняка, тем тоньше становятся стены мира, тем ближе появление брандашмыгов.

— Первое, что нам нужно сделать, — сказал он

полковнику Сандерсон, — это немедленно убить матку. Затем вы установите на станции карантин и отправите партии волонтеров истреблять крысин, чтобы они не смогли вывести другую матку, или превратиться в нее, или черт его знает, как там это у них работает, я понятия не имею. Это гнездо придется вычищать огнем, с другими попробуем разобраться мы с Мангустом. Только огонь, полковник Сандерсон. Личинкам глубоко наплевать на вакуум.

Полковник могла бы отчитать его за некорректную речь; она этого не сделала. Просто кивнула и спросила:

— Как мы убьем матку?

— Да уж, вот это вопрос, — промолвил Иризарри.

Мангуст издала резкий щелкающий звук, что у нее означало: «Иризарри!»

— Нет, — отрезал Иризарри. — Мангуст, не смей…

Но она не обратила на запрет никакого внимания. Мангуст не могла больше терпеть и ждать, пока Иризарри завершит странные взаимодействия с представителями своего рода. Она была Рикки-Тикки-Тави, а матка — Нагайной. и Мангуст знала, что должно произойти. На ходу меняя

фазу, она катапультировалась с его плеча; Иризарри теперь уже никак не мог отозвать ее назад, потому что связь между ними прервалась. Не прошло и секунды, а он уже не знал где Мангуст.

— Вы умеете обращаться с этой штуковиной? — спросил он полковника Сандерсон, показывая на ее пистолет.

— Вполне, — ответила она, и брови ее снова полезли на лоб. — Только, простите, разве не для этого предназначены чеширы?

— Они хороши против крысин, само собой. Но… полковник, вы когда-нибудь видели матку?

По всей яме заверещали личинки, им тут же хором ответили соседи. Мангуст взялась за дело.

— Нет, — покачала головой Сандерсон, не сводя глаз с того места, где горбилась, неуклюже барахталась и, наконец, встала матка, стряхнув с себя полупрозрачных детенышей и загрызенных личинок. — О боже!..

Описать крысину невозможно. Нельзя даже смотреть на нее дольше нескольких секунд кряду, тут же начинается мигрень. Эти разбойники — просто неясные кляксы теней. Матка же, массивная, защищенная броней, не обладала никакими характерными особенностями, за исключением омерзительной слюноточивой

заостренной пасти. Иризарри не знал, есть ли у нее глаза и нужны ли они ей.

— Она может ее убить, — сказал он, — но только если доберется до ее нижней части. В противном случае нам придется ждать до тех пор, пока матка полностью развернется, и…

Он содрогнулся.

— Мне повезет, если удастся найти хоть какие-то ее останки для похорон. Итак, сейчас мы, полковник, сделаем вот что: нам надо изрядно разозлить эту тварь, чтобы дать Мангусту шанс. Или же…

Тут он подумал, что вообще-то это не входило в служебные обязанности полковника Сандерсон.

— Если вы одолжите мне пистолет, вам не обязательно здесь оставаться.

Она посмотрела на него очень яркими темными глазами, потом перевела взгляд на матку, которая медленно поводила бесформенной головой туда-сюда, пытаясь выследить Мангуста.

— Даже не мечтайте, господин Иризарри, — сухо отрезала она. — Говорите, куда целиться.

— Стрельба не может ей навредить, — предупредил Иризарри, и Сандерсон кивнула в ответ.

Хотя она не поверила, пока не выстрелила, а матка даже не заметила этого. Но Сандерсон не

сдавалась. Сжав губы, она устроилась поудобней и снова выстрелила, целясь матке в лапы, как велел Иризарри. Лапы как таковые у нее уязвимыми не назовешь, зато они чувствительны — выстрел в лапы для нее гораздо серьезней, чем выстрел в голову для человека. Но, даже несмотря на это, чудовище по-прежнему полностью сосредоточилось на Мангусте, которая гоняла верещащих личинок по всей окружности логова, и, чтобы оно наконец повернуло башку к людям, пришлось пальнуть еще раза три, целясь в то же самое место поблизости от передней лапы.

Матка взвыла:

— Уааауррррггтг!

На Иризарри и Сандерсон хлынул рой крысин-подростков.

— Ох, черт! — выругался Иризарри. — Постарайтесь их не убить.

— Прошу прощения, постараться не убить — кого?

— Если мы перебьем слишком много молодняка, матка решит, что мы скорее представляем собой угрозу, чем досадную неприятность. Тогда она свернется в шар, и у нас появится шанс разделаться с ней, только когда она вновь выпрямится. А к этому времени здесь наплодится куда больше

крысин.

— И вполне возможно, появится брандашмыг, — закончила Сандерсон.

Она смахнула наполовину материализовавшуюся крысину, пытавшуюся обернуться вокруг разогревшегося пистолета.

— Если мы достаточно долго простоим неподвижно, — проговорил Иризарри, — они могут высосать из нас столько тепла, что нам грозит переохлаждение. Но они не кусаются, пока маленькие. Когда-то я знавал одного чеширмена, который божился, что они питаются, забираясь в пузо матки, где лакают то, что она переваривает. Я все же надеюсь, что это неправда. Давайте, цельтесь ей в лапы.

— Будет сделано.

Иризарри не мог не признать: Сандерсон тверда как ската. Он стряхивал крысин-подростков с них обоих. Мангуст в темноте продолжаю резню, а Сандерсон, раз найдя цель, палила точно и размеренно. Она не промахивалась, не пыталась мудрить. Только сквозь зубы заметила через некоторое время:

— Знаете, батарея моего пистолета не вечна.

— Знаю, — отвечал Иризари. — Но вы хорошо стреляете. Действенно.

— Откуда вы знаете?

— Она злится.

— Откуда вы знаете?

— По ее воплям.

Матка-крысина перешла от рыка «уооааа-урррррг», к гортанным угрожающим крикам и пронзительному визге.

— Она нам грозит. Продолжайте стрелять.

— Хорошо, — кивнула Сандерсон.

Иризарри смахнул очередную парочку крысиного молодняка с ее головы. И пытался не думать, отчего взрослые крысины не явились на помощь матке, попавшей в беду? Как далеко они разбежались по станции «Кадат»? Насколько большую территорию они уже считают своими охотничьими угодьями и не пришло ли время для второй матки? Скверные вопросы. Все как один.

— Люди в последнее время не исчезали? — спросил он у Сандерсон.

Она не взглянула на него и ответила не сразу:

— Ничего такого, что выглядело бы именно как исчезновение. Так уж повелось, что население у нас на станции постоянно меняется, от властей никто не в восторге. И если честно, у меня было столько хлопот с начальницей станции, что я не уверена в достоверности информации, которой

располагаю.

Хотя комиссару нелегко будет переварить услышанное, Иризарри сказал:

— Скорее всего, в яме лежат человеческие кости. И в их тайниках тоже.

Сандерсон начала было отвечать, но тут матка решила, что ее терпение лопнуло. И, широко разинув пасть, двинулась к ним через груды мусора и трупов.

— Что теперь? — спросила Сандерсон.

— Продолжайте стрелять, — велел Иризарри. — Мангуст, где бы ты ни была, пожалуйста, приготовься.

Он был на семьдесят пять процентов уверен в том, что крысина встанет на задние лапы, когда приблизится к ним. Этих тварей мудрыми не назовешь, в этом они не похожи на чеширов, но все же они по-своему умны. Они знают, что самый быстрый способ лишить человека жизни — это обезглавить его, а следующий быстрейший способ — вспороть живот, а этого стоя на четвереньках не сделаешь. Для брюха матки люди не представляли угрозы; Сандерсон со своим пистолетом доставляла крысине неприятные ощущения, но пробить шкуру не могла.

План был опасный — целых двадцать пять

процентов за то, что они с Сандерсон погибнут в жутких корчах, сожранные монстром, — но он все же сработал. Матка встала на задние лапы, замахнулась для удара громадной бесформенной передней конечностью, собираясь снести голову Сандерсон или, возможно, размозжить ее о ближайший люк, но тут неожиданно материализовалась в фазу подле крысины яростная Мангуст, готовая разить врага когтями, зубами и двухдюймовыми щупальцами с острыми краями.

Крысина взвыла и свернулась в шар, но было поздно. Мангуст уже завладела ее краями — Иризарри даже не знал, каким словом это назвать. Вагина? Клоака? Яйцеклад? То, откуда появлялись на свет малютки-крысины. Единственное уязвимое место матки. Куда Мангуст просунула узкий клин головы и когтистые передние лапы и начала рвать.

Не успела крысина дотянуться до нее, как все податливое тело Мангуста полностью скользнуло внутрь, и матка — визжащая, скребущая лапами — была обречена.

Иризарри взял Сандерсон за локоть и сказал:

— Теперь отходим, очень медленно. Пусть леди докончит начатое.

Иризарри собирался покинуть очищенный

«Кадат».

Он без труда нашел для себя и Мангуста каюту на судне — после того как одна-две группы волонтеров повидали зверька в деле, а история о схватке с маткой-крысиной стала передаваться из уст в уста, Иризарри пришлось чуть ли не палкой отбиваться от капитанов стальных кораблей. В конце концов он принял предложение капитана буджума «Эрик Жанн»; у капитана Альварез был долгосрочный спасательный контракт в поясе Койпера[22] — «прибираться после ледовых шахтеров», как она сообщила с ухмылкой, — и Иризарри почувствовал, что спасательная экспедиция — как раз то, что ему нужно. Там для Мангуста найдутся обширные охотничьи угодья, и ничья жизнь не будет подвергаться опасности. Для буджума даже брандашмыг — незначительная неприятность, что-то вроде несварения желудка.

Из офиса начальника станции Иризарри забрал причитавшуюся сумму — причем ему даже не пришлось разговаривать с начальницей станции Ли, которая, как поговаривали, больше не собиралась оставаться на руководящем посту.

---

[22] Примечания: 22

Пояс Койпера — область Солнечной системы за орбитой Нептуна, населенная небольшими объектами типа астероидов и ядер комет.

Можно или быть бестолковым руководителем, или раздражать своего комиссара. Нельзя делать сразу и то и другое. Было настолько очевидно, что секретарю совершенно не хочется беспокоить начальницу, что она просто сказала:

— Вот контракт.

Она усадила его и улыбнулась. И выдала гонорар, впрочем, не обещанный удвоенный, хотя Иризарри лишних денег не ждал. Только то, что ему причиталось.

Итак, Иризарри было чем заняться. Он принес Мангуста на «Эрик Жанн», и, насколько они с капитаном Альварез могли судить, буджум с чеширом понравились друг другу. Он купил новое белье и позволил Мангусту подобрать себе серьги. Потом продолжил транжирить, ибо пока находился на станции «Кадат», и хотел извлечь из этого максимальную пользу. Он накупил для своей читательницы книг, в том числе «Ветер в ивах»[23]. Со странным умиротворением он предвкушал долгие вечера за Нептуном: он будет читать Мангусту и узнает, что она думает о Кры-

[23] Примечания: 23

«Ветер в ивах», — сказочная повесть шотландского писателя Кеннета Грэма. Сказка повествует о жизни и приключениях пяти персонажей: дядюшки Рэта (водяная крыса), мистера Крота, мистера Барсука, мистера Тоуда (жаба) и Выдры. (В переводе Владимира Резника — Водяной Крыс, Крот, господин Барсук, мистер Жабо, Выдр.)

се, Кроте, Жабе и Барсуке.

Умиротворенность — или же ее близкое подобие, — столь несвойственная Израилю Иризарри при его образе жизни.

Он освободил комнату в казарме для приезжих, закинул через плечо сумку посадил на другое плечо Мангуста и был уже поблизости от дока буджума «Эрик Жанн», когда сзади его кто-то окликнул по имени.

Полковник Сандерсон.

Он застыл на середине шага, разрываясь между желанием обернуться и поздороваться и трусливо удрать как заяц, и тут она поравнялась с ним.

— Мистер Иризарри, — сказала она. — Я надеюсь, что смогу вас чем-нибудь угостить перед отъездом.

Он не мог удержаться и подозрительно взглянул на нее. Она протянула ладони, показывая, что в руках у нее ничего нет.

— Правда. Без угроз, без обмана. Просто выпьем вместе. Хочу вас поблагодарить. — Она ухмыльнулась, ибо понимала, насколько странно звучат эти слова из уст комиссара.

И если бы на ее месте был любой другой комиссар, Иризарри бы не поверил. Но он видел, как Сандерсон твердо стояла перед крысиной-мат-

кой, и видел, как она отвернулась, и ее вырвало, когда она хорошенько рассмотрела то, что сделала с монстром Мангуст. Если ей хотелось его поблагодарить, он был обязан смирно принять ее признательность и посидеть с ней.

— Хорошо, — согласился он.

И неловко добавил:

— Спасибо.

Они отправились в один из туристических баров «Кадата»: яркий, затейливый и жизнерадостный, совершенно непохожий на простые железобетонные бары, к которым привык Иризарри. Но он понимал, почему Сандерсон выбрала именно этот. Здесь никто, за исключением, может, бармена, не подозревал, кто она такая. Пристальный взгляд его широко раскрытых глаз означал, что их обслужат на высшем уровне: быстро и без лишних слов.

Иризарри заказал «Розовую даму», — ему нравился этот коктейль, и Мангуст от восторга сделалась такого же розового цвета с розетками в тон к вишне Мараскино. Сандерсон заказала неразбавленное виски, которое едва ли походил на то, что пробовал Иризарри в свою бытность на планете. Она отпила изрядный глоток, поставила бокал на стол и начала разговор:

— Мне так и не удалось спросить у Слайдера Джона вот что: как ты заполучил своего чешира?

С ее стороны вспомнить о Спайдере Джоне и Демоне было умно, но Иризарри все равно не был уверен, что она достойна выслушать его историю. Когда молчание затянулось, Сандерсон снова взяла бокал, глотнула и заявила:

— Мне известно, кто вы.

— Я никто, — сказал Иризарри.

Он не позволил себе напрячься, потому что для Мангуста этот сигнал не прошел бы незамеченным, а она была довольно-таки раздражительна, и он не знал, что она вытворит. Может, она сочтет вполне уместным разодрать Сандерсон физиономию.

— Я обещала, — напомнила Сандерсон. — Никаких угроз. Я не пытаюсь вас выследить, не задаю вопросов о той даме, с которой вы раньше работали. Я просто спрашиваю вас о том, как встретились вот с этой. Причем вы не обязаны мне отвечать.

— Верно, — мягко проговорил Иризарри. — Не обязан.

Но Мангуст, все еще розовая, обвилась вокруг его руки, исследуя бокал — никоим образом не содержимое, ибо запах алкоголя отбивал у нее

всякий интерес, но перевернутый вверх тормашками конус на соломинке в бокале. Она питала пристрастие к геометрии.

В этой истории не было ничего такого, что могло бы кому-нибудь навредить. И потому он рассказал:

— Тогда я пробирался мимо лун Юпитера… о, уже целых пять лет назад. По иронии судьбы, я застрял на карантине. Не из-за паразитов, виной тому была черная гниль. Попал туда надолго, это было… ужасно.

Он взглянул на нее и увидел, что ему совсем не обязательно тщательно обдумывать слова.

— Там же застряли в своем громадном допотопном корабле аркхемцы. И когда нормированная вода совсем иссякла, нашлись такие, которые сказали, что аркхемцам ее давать не надо, — сказали, что, если бы дело обернулось по-другому, они бы нам точно пить не дали. И тогда, когда аркхемцы послали одну из своих дочерей во имя искупления…

Он до сих пор помнил ее жуткий крик, когда в детском голосе звучал ужас зрелой женщины. Содрогнувшись, он продолжал:

— Я поступил единственно возможным для себя образом. После чего мне было безопасней на-

ходиться на их корабле, чем на станции, поэтому я провел с ними некоторое время. Их Профессоры позволили мне остаться. Они люди неплохие…

И вдруг поспешно добавил:

— Не скажу, что понимаю, во что они верят или почему, но они были добры ко мне, они делились водой с командой корабля. И само собой, у них были чеширы. Повсюду чеширы — наичистейший стальной корабль из всех, которые мне довелось повидать. Ко времени окончания карантина народился помет. Джемима — маленькая девочка, которой я помог, — настояла, чтобы мне отдали лучшего детеныша, им оказалась Мангуст.

Мангуст, которая знала, как складываются губы Иризарри при произнесении ее имени, начала урчать и нежно тереться головкой о его пальцы. Он приласкал ее, чувствуя, как отпускает напряжение, и сказал:

— К тому же, до того как начались все эти сложности, я хотел стать биологом.

— Ха! — выдохнула Сандерсон. — Вам известно, кто они?

— Прошу прощения? — Он все еще размышлял об аркхемцах, приготовившись к обычным вопросам из разряда суеверной чепухи: демоны они, колдуны или ни то ни се.

Но Сандерсон сказала:

— Чеширы. Знаете, кто они?

— Что вы подразумеваете, спрашивая, кто они? Они чеширы.

— После Демона и Спайдера Джона… Я кое-что почитала и нашла Профессора или даже двух — да, аркхемцев, — чтобы задать им вопросы. — Она чуть улыбнулась. — Занимая этот пост, я обнаружила, что люди часто с готовностью отвечают на мои вопросы. И я выяснила. Они брандашмыги.

— Полковник Сандерсон, не хочу показаться невежливым…

— Полувзрослые брандашмыги, — продолжала Сандерсон. — Обученные, плодящиеся и целенаправленно остановленные в росте так, чтобы никогда не достичь полной зрелости.

Тут Иризарри понял, что Мангуст внимательно следит за происходящим: она поймала его руку и заявила весьма категорично: «Нет».

— Мангуст с вами не согласна, — сказал он и неожиданно для себя заметил, что улыбается. — И право же, я полагаю, что это должно бы быть ей известно.

Брови Сандерсон поползли на лоб, и она спросила:

— А что Мангуст думает — кто она?

Иризарри передал ей вопрос, и Мангуст тут же выдала ответ, растворяя розовый цвет золотистым и кремовым: «Ягулар». Но за этим ответом сквозил трепет неуверенности, словно она не была полностью убеждена в том, что заявила столь решительно. А затем она сказала, совсем как девчонка-подросток энергично мотнув головой в сторону полковника Сандерсон: «Мангуст».

Сандерсон по-прежнему внимательно смотрела на него:

— Ну?

— Говорит, что она Мангуст.

Да, Сандерсон в самом деле не пыталась его запугать и не играла в сложные политические игры, потому что на ее смягчившемся лице расцвела искренняя улыбка, и она сказала:

— Конечно же, она Мангуст.

Иризарри сквозь зубы всосал полный рот сладкой жидкости. И вспомнил, как Сандерсон рассказывала о появившемся на борту «Дженни Линд», брандашмыге, который, извиваясь, пролезал через растянутые бреши в мирозданье, словно тощий смертоносный щенок, разрывающий одеяло.

— Как можно приручить брандашмыга?

Она пожала плечами:

— Если бы я знала, то была бы аркхемцем, верно?

Сандерсон медленно протянула руку тыльной стороной к Мангусту и дал ей понюхать. К удивлению Иризарри, Мангуст робко обвила усиком запястье Сандерсон.

Полковник наклонила голову, ласково улыбалась и не шевелила рукой.

— Но если попытаться предположить, то я бы сказала, что это можно сделать с помощью умения находить друзей.

Перевод: М. Савина-Баблоян

Амброз Бирс
Житель Каркозы

Ambrose Gwinnett Bierce «An Inhabitant Of Carcosa», 1886

Ибо существуют разные виды смерти: такие, когда тело остается видимым, и такие, когда оно исчезает бесследно вместе с отлетевшей душой. Последнее обычно свершается вдали от людских глаз (такова на то воля господа), и тогда, не будучи очевидцами кончины человека, мы говорим,

что тот человек пропал или что он отправился в дальний путь — и так оно и есть. Но порой, и тому немало свидетельств, исчезновение происходит в присутствии многих людей. Есть также род смерти, при которой умирает душа, а тело переживает ее на долгие годы. Установлено с достоверностью, что иногда душа умирает в одно время с телом, но спустя какой-то срок снова появляется на земле, и всегда в тех местах, где погребено тело.

Я размышлял над этими словами, принадлежащими Хали[24] (упокой, господь, его душу), пытаясь до конца постичь их смысл, как человек, который, уловив значение сказанного, вопрошает себя, нет ли тут еще другого, скрытого смысла. Размышляя так, я не замечал, куда бреду, пока внезапно хлестнувший мне в лицо холодный ветер не вернул меня к действительности. Оглядевшись, я с удивлением заметил, что все вокруг мне незнакомо. По обе стороны простиралась открытая безлюдная равнина, поросшая высокой, давно не кошенной, сухой травой, которая шуршала и вздыхала под осенним ветром, — бог знает какое таинственное и тревожное значение заключалось в этих вздохах. На большом

[24] Примечания: 24
Хали — псевдоним индийского писателя Алтафа Хусейна (1837–1914).

расстоянии друг от друга возвышались темные каменные громады причудливых очертаний; казалось, есть между ними какое-то тайное согласие и они обмениваются многозначительными зловещими взглядами, вытягивая шеи, чтобы не пропустить какого-то долгожданного события. Тут и там торчали иссохшие деревья, словно предводители этих злобных заговорщиков, притаившихся в молчаливом ожидании.

Было, должно быть, далеко за полдень, но солнце не показывалось. Я отдавал себе отчет в том, что воздух сырой и промозглый, но ощущал это как бы умственно, а не физически — холода я не чувствовал Над унылым пейзажем, словно зримое проклятие, нависали пологом низкие свинцовые тучи. Во всем присутствовала угроза, недобрые предзнаменования — вестники злодеяния, признаки обреченности. Кругом ни птиц, ни зверей, ни насекомых. Ветер стонал в голых сучьях мертвых деревьев, серая трава, склоняясь к земле, шептала ей свою страшную тайну. И больше ни один звук, ни одно движение не нарушали мрачного покоя безотрадной равнины.

Я увидел в траве множество разрушенных непогодой камней, некогда обтесанных рукой человека. Камни растрескались, покрылись мхом,

наполовину ушли в землю. Некоторые лежали плашмя, другие торчали в разные стороны, ни один не стоял прямо. Очевидно, это были надгробья, но сами могилы уже не существовали, от них не осталось ни холмиков, ни впадин — время сровняло все. Кое-где чернели более крупные каменные глыбы, там какая-нибудь самонадеянная могила, какой-нибудь честолюбивый памятник некогда бросали тщетный вызов забвению. Такими древними казались эти развалины, эти следы людского тщеславия, знаки привязанности и благочестия, такими истертыми, разбитыми и грязными, и до того пустынной, заброшенной и всеми позабытой была эта местность, что я невольно вообразил себя первооткрывателем захоронения какого-то доисторического племени, от которого не сохранилось даже названия.

Углубленный в эти мысли, я совсем забыл обо всех предшествовавших событиях и вдруг подумал:

«Как я сюда попал?»

Минутное размышление — и я нашел разгадку (хотя весьма удручающую) той таинственности, какой облекла моя фантазия все видимое и слышимое мною. Я был болен. Я вспомнил, как меня терзала жестокая лихорадка и как, по рассказам

моей семьи, в бреду я беспрестанно требовал свободы и свежего воздуха и родные насильно удерживали меня в постели, не давая убежать из дому. Но я все-таки обманул бдительность врачей и близких и теперь очутился — но где же? Этого я не знал. Ясно было, что я зашел довольно далеко от родного города — старинного прославленного города Каркозы.

Ничто не указывало на присутствие здесь человека; не видно было дыма, не слышно собачьего лая, мычания коров, крика играющих детей — ничего, кроме тоскливого кладбища, окутанного тайной и ужасом, созданными моим больным воображением. Неужели у меня снова начинается горячка и не от кого ждать помощи? Не было ли все окружающее порождением безумия? Я выкрикивал имена жены и детей, я искал их невидимые руки, пробираясь среди обломков камней по увядшей, омертвелой траве.

Шум позади заставил меня обернуться. Ко мне приближался хищный зверь — рысь.

«Если я снова свалюсь в лихорадке здесь, в этой пустыне, рысь меня растерзает!», — пронеслось у меня в голове.

Я бросился к ней с громкими воплями. Рысь невозмутимо пробежала мимо на расстоянии

вытянутой руки и скрылась за одним из валунов. Минуту спустя невдалеке, словно из-под земли, вынырнула голова человека, — он поднимался по склону низкого холма, вершина которого едва возвышалась над окружающей равниной. Скоро и вся его фигура выросла на фоне серого облака. Его обнаженное тело прикрывала одежда из шкур. Нечесаные волосы висели космами, длинная борода свалялась. В одной руке он держал лук и стрелы, в другой — пылающий факел, за которым тянулся хвост черного дыма. Человек ступал медленно и осторожно, словно боясь провалиться в могилу, скрытую под высокой травой. Странное видение удивило меня, но не напугало, и, направившись ему наперерез, я приветствовал его:

— Да хранит тебя бог!

Как будто не слыша, он продолжал свой путь, даже не замедлив шага.

— Добрый незнакомец, — продолжал я, — я болен, заблудился. Прошу тебя, укажи мне дорогу в Каркозу.

Человек прошел мимо и, удаляясь, загорланил дикую песню на незнакомом мне языке. С ветки полусгнившего дерева зловеще прокричала сова, в отдалении откликнулась другая. Поглядев вверх, я увидел в разрыве облаков Альдебаран и

Гиады. Все указывало на то, что наступила ночь: рысь, человек с факелом, сова. Однако я видел их ясно, как днем, — видел даже звезды, хотя не было вокруг ночного мрака! Да, я видел, но сам был невидим и неслышим. Какими ужасными чарами был я заколдован?

Я присел на корни высокого дерева, чтобы обдумать своё положение. Теперь я убедился, что безумен, и все же в убеждении моем оставалось место для сомнения. Я не чувствовал никаких признаков лихорадки. Более того, я испытывал неведомый мне дотоле прилив сил и бодрости, некое духовное и физическое возбуждение. Все мои чувства были необыкновенно обострены: я ощущал плотность воздуха, я слышал тишину.

Обнаженные корни могучего дерева, к стволу которого я прислонился, сжимали в своих объятьях гранитную плиту, уходившую одним концом под дерево. Плита, таким образом, была несколько защищена от дождей и ветров, но, несмотря на это, изрядно пострадала. Грани ее затупились, углы были отбиты, поверхность изборождена глубокими трещинами и выбоинами. Возле плиты на земле блестели чешуйки слюды — следствие разрушения. Плита когда-то покрывала могилу, из которой много веков назад

выросло дерево. Жадные корни давно опустошили могилу и взяли плиту в плен.

Внезапный ветер сдул с нее сухие листья и ветки: я увидел выпуклую надпись и нагнулся, чтобы прочитать ее. Боже милосердный! Мое полное имя! Дата моего рождения! Дата моей смерти!

Горизонтальный луч пурпурного света упал на ствол дерева в тот момент, когда, охваченный ужасом, я вскочил на ноги. На востоке вставало солнце. Я стоял между деревом и огромным багровым солнечным диском — но на стволе не было моей тени!

Заунывный волчий хор приветствовал утреннюю зарю. Волки сидели на могильных холмах и курганах поодиночке и небольшими стаями; до самого горизонта я видел перед собою волков. И тут я понял, что стою на развалинах старинного и прославленного города Каркозы!

Таковы факты, переданные медиуму Бейроулзу духом Хосейба Аллара Робардина.

Перевод: Н. Рахманова

Роберт Блох

Чёрный лотос

Robert Bloch «Black Lotus», 1935

Это история о сновидце Генгире и о странной судьбе, которая настигла его в его снах; история, которую старики шепотом рассказывают на базарах Исфахана, как другие старики некогда шептали о легендарном Теразе, исчезнувшем тысячу лет назад. Какая часть в ней — правда, а какая — только фантазия, я оставляю решать вам. В запрещенных книгах есть странные высказывания, и у Альхазреда были причины для его безумия; но, как я уже сказал, решение остается за вами. Вот эта история.

Знайте, что Генгир был повелителем далекого королевства во времена грифонов и крылатых единорогов. Богатым и могущественным было его королевство, а также мирным и процветающим, так что его владыка проводил все своё время в удовольствиях.

Красавцем был Генгир, но рос он в тех условиях, в каких растут женщины, потому что не интересовался ни охотой, ни тяжелыми походами. Его дни проходили в покое и учебе, а ночи в веселье среди женщин. Функции правления легли на

плечи визиря Хассима эль-Вадира, в то время как истинный султан предавался наслаждению.

Достойной сожаления была жизнь под его управлением, и вскоре земля была разорвана разногласиями и продажностью. Но услышал Генгир об этом и приказал содрать кожу с Хассима за злоупотребление служебным положением. И была революция, и убийства совершались по всей стране, а затем пришла страшная чума; но все это не тревожило Генгира, хотя две трети его людей умерли в муках. Потому что его мысли были чужды и далеки от этого мира, а вес своего правления он чувствовал как легкое перышко. Его глаза видели только затхлые страницы колдовских книг и мягкую белую плоть женщин. Колдовство слов, вина и распутных девок подчинило себе его чувства. Темная магия была описана в книгах с черными переплетами, которые его отец принес из древних завоеванных царств, и было очарование в старых винах и молодых женских телах, которые знали его желания; поэтому он жил в стране воображений и грез. Конечно, он бы умер, если бы не те, кто остался на земле после чумы и не сбежал в другие королевства, оставив его в пустом городе. Сообщение об их уходе никогда не доходило до его ушей, так как все его придворные

знали, что те, кто приносят неприятные новости, будут обезглавлены. Но один за другим некоторые все же убегали, забирая с собой золото и драгоценные камни, пока дворец не опустел под солнцем, сияющим над бесплодной землей.

Женщины больше не отдыхали в его гареме и не носились как нимфы рядом с янтарными бассейнами. Султан обратился к другим удовольствиям, доставленным из царства Катая, и в бархатных черных одеждах он лежал и развлекался с соками мака. Тогда его жизнь действительно стала всего лишь сном, а опиумные кошмары приобрели вид событий и мест, упомянутых в толстых томах, которые он читал днем. Время стало лишь продолжением жуткого сна. Генгир больше не выходил в свои сады и все реже и реже ел пищу или пил вино. Даже свои книги он забыл и все время лежал в одурманенном сне, не обращая внимания на приход и уход тех немногих последователей, которые остались еще в его свите. И тишина опустошения пала на его землю.

Вскоре оказалось, что опиума и других наркотиков было недостаточно, так что Генгир был вынужден искать спасение в других и более мощных препаратах. И в одной из странных темных книг он прочел о некоем зелье, сваренном из

соков Черного Лотоса, растущего под убывающей луной. Страшными и ужасными были предупреждения писца относительно использования этого запрещенного препарата, поскольку его происхождение считалось нечестивым, а опасности, связанные с использованием его новичком, были сформулированы в жестких выражениях. Но Генгир жаждал зловещей магии этих снов и обещанного ими восторга, и он не сможет найти покой, пока не почувствует вкус запретного экстаза.

Его дворец оставался темным и пустынным, поскольку в последние дни остатки его подхалимов и прекрасных как гурии девушек покинули наполненные сумраком залы, чье великолепие давно было обменено на истинные прелести, которые можно найти только в стране наркотических снов. Сейчас остались здесь только трое верных слуг, которые охраняли Генгира, когда он лежал на кушетке, погрузившись в свои видения. И вот он призвал их к себе и приказал отправиться в путь и найти ядовитую красоту Черного Лотоса посреди скрытых болот, о которых поведала ему таинственная Книга. И они очень испугались — и за него, и за себя, — потому что слышали удивительные седые легенды; и

они умоляли его отозвать свой приказ. Но он разозлился, и его глаза, казалось, запылали, как опалы, когда они уходили.

Прошло целых две недели, прежде чем один из них вернулся, — две недели, в течение которых сновидец тщетно пытался обмануть свои пресыщенные чувства запахом белого цветка. Он был очень рад, когда раб вернулся со своим драгоценным грузом и сварил из него блаженные соки напитка, дарующего забвение, следуя указаниям, изложенным в древней книге. Но он не говорил о своем путешествии или о судьбе своих спутников; и даже находясь в полубессознательном состоянии, сновидец задавался вопросом, почему он скрывал черты своего лица. В своем рвении он не спрашивал, но был доволен, увидев, что зелье было тщательно приготовлено и ликер жемчужного цвета добавлен в кальян. Сразу же после выполнения этой задачи слуга ушел, и никто не знает ничего о нем с тех пор, кроме того, что он направил своего верблюда далеко в пустыню, мчась так, словно был одержим демонами. Генгир не замечал ничего вокруг, потому что он уже был в восторге от мысли о том, что должно было произойти. На самом деле он не вставал со своего дивана в дворцовых покоях, и в его мозгу

не было ничего, кроме сводящей с ума жажды познания нового острого ощущения, предсказанного в древних преданиях. Странные сны были обещаны тому, кто вдохнет эти наркотические пары, сны, на которые старая книга не смела даже намекнуть, — «сны, которые превосходят реальность, или смешиваются с ней новыми и необузданными способами». Так говорили писцы, но Генгир не боялся и прислушивался только к обещанию наслаждений, о которых говорилось в книге.

В тот же вечер он лежал на диване и курил кальян в одиночестве в глубокой темноте, король снов в стране, где все, кроме снов, было мертво. С его дивана открывался вид на балкон, расположенный высоко над пустым городом, и когда взошла луна, лучи полумесяца заблестели на радужных пузырьках белой жидкости в большой чаше, через которую пропускался дым. Сладким был вкус этого зелья, более сладким, чем соты Кашмира или поцелуи избранных невест Рая. Постепенно над правителем возобладало чувство новой и восхитительной слабости — это было, как будто он был свободнорожденным существом, сущностью безграничного воздуха. Он лениво смотрел на пузырьки, и внезапно они начали

подниматься вверх, вверх и вверх, пока не завесили комнату вуалью мерцающей красоты, и он почувствовал, как реальность исчезает в их кристаллических глубинах.

И вот наступил период глубокой и мистической тоски. Ему казалось, что он лежит внутри холодных стен гробницы на плите из бледно-белого мрамора. Пронзительные погребальные звуки доносились словно эхо издалека, а его ноздри щекотали медленно плывущие ароматы могильной лилии. Он знал, что он мертв, и все же еще сохранил сознание, которое было его собственным в жизни. Вневременность общих снов не была его уделом; века проходили медленно перед ним, и он знал каждую секунду их продолжительности, когда лежал в гробнице своих отцов на каменной плите, на которой были вырезаны демонические василиски.

После того, как запахи и музыка исчезли из тьмы, в которой он лежал, наступил период разложения. Он почувствовал, как его тело начало раздуваться, переполненное гноем; он почувствовал, как черты его лица расплываются, а его конечности расползаются по плите, источая вонючую слизь. И даже это было лишь мгновением в утомительных, вяло ползущих часах его

вечности. Так долго он лежал лишенный тела, что потерял всякое сознательное воспоминание о том, что когда-либо обладал им, и даже пыль, которая была его костями, потеряла для него любое значение. Прошлое, настоящее и будущее были ничтожны; и, таким образом, бессознательно Генгир открыл основу тайной жизни.

Годы спустя крошащиеся стены с грохотом обрушились, а куски камня скрыли покрытую гнилью плиту, на которой не было сейчас ничего, кроме бессмертного сознания. И даже они рассыпались в пыль, пока не осталось ни единого знака, который мог бы указать на местоположение гордой гробницы, где когда-то лежали владыки дома Генгира. И душа Генгира превратилась в ничто среди небытия.

Такова была сущность первого сна. Когда мерцание его души прервалось в вечном мраке внутри земли, Генгир проснулся, и обильный пот покрывал его тело, содрогающееся от страха, он был бледен, как смерть, которой так боялся. Но вскоре он перевернул страницы своей книги туда, где она говорила о Лотосе и его пророчествах, и вот что он прочитал:

«Первый сон должен предсказать то,

что грядет».

Генгир сильно испугался и закрыл книгу в серебряном свете луны, затем лег на спину и попытался уснуть и все забыть. Но затем его чувств коснулся едва уловимый сладкий запах экстракта, и его магия околдовывала и поглощала его, пока он не пришел в бешенство от коварной тяги к его зловещему успокоению. Был забыт страх и пророческие предупреждения; все растворилось в желании. Его неуклюжие пальцы нашли кальян, его лихорадочно дрожащие губы сомкнулись на мундштуке, а его сущность познала покой.

Но длилось это не долго. Снова непрозрачные розовые туманы сладострастия разошлись и растворились, и очарование восторженного, невыразимого блаженства исчезло, когда появилось новое видение.

Он увидел себя проснувшимся и поднявшимся с дивана в свете рассвета, с изумлением взирающим на новый день. Он увидел жалкую агонию своей сущности, когда наркотик потерял свою силу и покинул его тело, пронизанное спазмами изящной боли. Его голова пульсировала и распухала, и казалось вот-вот лопнет; его гниющий,

несчастный мозг словно увеличивался внутри черепа и грозил расколоть голову. Он видел свои безумные хождения наощупь в пустынной комнате, безумные скачки гротескной агонии, которые заставляли его рвать на себе волосы, истекать пеной и бредить, когда он царапал дрожащими пальцами свои виски. Раскаленный добела туман мучительной боли заставил его рухнуть на пол, а затем в его сознании возникло ужасное желание избавиться от мучений любой ценой и сбежать из живого ада в ад мертвый. В своем безумии он проклял книгу и ее предупреждения, проклял страшный цветок лотоса и его сущность, проклял себя и свою боль. И когда острые зубы терзающей его пытки начали проникать все ближе к корням его здравомыслия, он увидел, как тянет своё негнущееся, словно парализованное тело к внешнему балкону своего заброшенного дворца, и с гримасой муки, большей, чем может вытерпеть здравый ум, медленно подтягивает себя к перилам. Тем временем, когда он стоял там, его голова распухала и раздувалась до чудовищных, невероятных размеров, а затем разлетелась на куски в водопаде ужасных сгустков серого и алого цвета, от которых появился ошеломляющий запах черных лотосов. Затем,

с единственным невнятным криком ужаса и отчаяния, он перегнулся через перила и рухнул с балкона, чтобы разлететься в красном безумии на камнях нижнего двора.

В этот момент он проснулся, и его зубы дрожали во рту, когда он стиснул челюсти и испытал приступ отвратительной рвоты. Он чувствовал себя старым и дряхлым, и волны жизни угасали в его венах. Он упал бы в обморок, если бы не медленно поднимающийся дым из кальяна, который все еще тлел рядом с ним. Затем он дал себе клятву навсегда покинуть пути сновидца, поднялся на ноги, взял книгу и перевернул страницы к отрывку предупреждения, в котором он прочитал следующее:

«Второй сон покажет, что может быть».

Затем на него обрушились смирение и черное отчаяние. Вся его жизнь снова развернулась перед ним, и он осознал себя тем, кем он был, — обманутым дураком. И он знал также, что, если он не вернется к наркотическому сну, то сбудется ужас его второго сна, как и было предсказано. Таким образом, устало и со странным удивлением в своем сердце, он сунул книгу за пазуху и снова опустился на диван в лунном свете. Его бледные

дрожащие пальцы снова поднесли мундштук кальяна к пепельным губам, и он еще раз почувствовал блаженство Нирваны. Он действовал словно околдованный раб.

…О, черный как ночь цветок лотоса, растущий у реки Нил! О, наполненный ароматами всей тьмы, качающийся и трепещущий в заклинаниях лунного света! О, загадочная магия, которая работает только во зло!..

Генгир-сновидец погрузился в сон. Но были туманным экстазом и мистическими чудесами полны его грезы, и он познал красоту, лежащую в сумеречных гротах на темной стороне луны, его лоб расслабился, а его сны были убаюканы бледными ветрами тех маленьких богов, что танцуют в раю. И он стоял один в море бескрайней бесконечности перед чудовищным цветком, который манил большими гипнотическими лепестками, раскинувшимися перед его ошеломленными глазами, и шептал ему своё повеление. В своем видении он посмотрел вниз, туда, где на боку висел кинжал в украшенных драгоценными камнями ножнах.

И к нему пришел внезапный проблеск понимания. Перед ним был Черный Лотос, символ зла, что поджидает людей во сне. Он наложил на него

чары, которые манили его к смерти. Теперь он знал путь искупления прошлого и освобождения от этих чар — он должен ударить!

Но едва он двинулся, огромный цветок опустил один бархатистый лепесток, источающий аромат, что разносится ветром от небесных врат: и этот черный лепесток обвился вокруг его шеи, как отвратительный и прекрасный змей, и его суккубоподобные объятия стремились утопить его чувства в море ароматного блаженства.

Но Генгир не испытал разочарования. Притягательная сила наслаждения словно околдовала его, но онемевший мозг продолжал руководить его действиями. Он вынул серебряный кинжал из ножен и одним ударом срезал лепесток со своей шеи…

Тогда Генгир увидел, что цветы и лепестки исчезли, и он остался один во вселенной насмешливого смеха, в тусклом мире, в котором царило злобное веселье идиотских богов. На мгновение он проснулся, чтобы увидеть рубиновое ожерелье, окружающее его обнаженное горло; с невероятным ужасом он осознал, что во сне сам перерезал себе горло. Затем, освещенный лунным светом, он умер, и в пустынной комнате наступила тишина, в то время как из мертвого

горла Генгира-сновидца маленькие капли крови стекали на открытую страницу таинственной книги, где была написана странная фраза удивительным образом подчеркнутыми буквами:

«Третий сон приносит реальность».

И больше ничего не осталось, кроме всепроникающего аромата цветов лотоса, заполнивших ночную комнату.

Перевод: Р. Дремичев

Роберт Блох
Секрет в гробнице

Robert Bloch «The Secret in the Tomb», 1935

Ветер жутко завывал над полуночным склепом. Луна висела, как золотая летучая мышь, над древними могилами, проглядывая сквозь бледный туман своим блестящим подслеповатым глазом. Бесплотные ужасы могли таиться среди окруженных кедрами гробниц или ползать невидимые глазу среди затененных кенотафий, потому что это была не освященная земля. Но

гробницы хранят свои жуткие секреты, и есть тайны, более чёрные, чем ночь, и более проклятые, чем бледная луна.

Именно в поисках таких тайн я и пришел, один и таясь от всех, в мой родовой склеп в полночь. Мои предки были чародеями и колдунами в прежние времена, поэтому лежали отдельно от мест упокоения других людей, вот здесь, в этом крошащемся мавзолее в забытом людьми месте, окруженном только могилами своих слуг. Но не все слуги лежали здесь, потому что были и те, кто не умер. Сквозь туман я шел туда, где рухнувший могильник вырисовывался среди нависающих деревьев. Ветер усилился, когда я прошел по еле видной тропинке к сводчатому входу, погасив с яростью мой фонарь. Только луна продолжала освещать мой путь своим жутким светом. Таким образом я добрался до азотистого, поросшего плесневыми грибами портала семейного склепа. Здесь свет луны заблестел на двери, которая не была похожа на другие двери — огромной массивной плите из железа, вмурованной в крепкие гранитные стены. На ее внешней поверхности не было ни ручки, ни замка, ни замочной скважины, но вся она была покрыта резными зловещими рисунками — загадочными символами, алле-

горическое значение которых наполняло мою душу более глубоким отвращением, чем могут передать простые слова. Есть вещи, на которые не следует смотреть, и я не хотел слишком задумываться о возможном генезисе ума, чье знание могло создать такие ужасы в такой конкретной форме. Поэтому в слепой и тревожной поспешности я пробубнил неясную литанию и выполнил все поклоны, что необходимы в ритуале, который я узнал, и по их завершению открылся циклопический портал.

Внутри была темнота — глубокая, мрачная, древняя; но, какая-то, необычно живая. Она содержала пульсирующее предзнаменование, намек на приглушенный, но целеустремленный ритм, и омрачала все, создавая черное, гулкое откровение. Симультанное[25] воздействие на мое сознание было одной из тех реакций, которые неверно называют интуитивными. Я чувствовал, что тени знакомы с некоторыми секретами, и есть черепа, что скалятся там во мраке.

---

[25] Примечания: 25

Симультанный — (в психологии) (от лат. simul — в одно и то же время) — термин, означающий практическую одновременность протекания каких-либо психических процессов ввиду их свернутости и автоматизированности. Например, симультанным является смысловое восприятие устной речи на родном и иностранном языке переводчиком-синхронистом.

Но я должен войти в гробницу моих предков — сегодня вечером последний из всего нашего рода встретится с первым. Потому что я был последним. Джереми Стрэндж был первым — тот, кто бежал с Востока, чтобы найти убежище в древнем Эльдертауне, принеся с собой добычу, украденную из многих гробниц, и некую безымянную тайну. Именно он построил свой склеп в тени деревьев, где зажигаются ведьмины огни, и здесь похоронены его останки, которых избегают в смерти так же, как его самого при жизни. Но с ним была погребена и тайна, именно в поисках ее я и пришел сюда. Но я не был первым в этих поисках, потому что мой отец и его отец перед ним, а на самом деле — старший из каждого поколения от дней самого Джереми Стрэнджа также искал то, что так безумно описывалось в дневнике колдуна — секрет вечной жизни после смерти. Затхлый пожелтевший том передавался старшему сыну каждого последующего поколения, а также, как оказалось, страшная атавистическая тяга к черным и проклятым знаниям, жажда которых в сочетании с явными намеками, изложенными в рукописи колдуна, посылала каждого из моих предков по отцу на последнее свидание в ночи, чтобы отыскать своё наследие в древней могиле.

Нашли ли они что-нибудь, никто не мог сказать, потому что никто никогда не возвращался.

Это все было, конечно, семейной тайной. Гробница нигде не упоминалась — о ней забыли с течением лет, которые также уничтожили многие старые легенды и фантастические обвинения, предъявленные первому Стрэнджу, который когда-то имел собственность в деревне. Семья же милостиво сохранила все знания о проклятом конце, к которому пришли многие из их людей. Их секретные познания в черных искусствах; скрытую библиотеку античных знаний и демонологическую формулу, привезенную Джереми с Востока; дневник и секрет — все было, что удивительно, сохранено для старших сыновей. Остальная часть рода процветала. Среди них были капитаны, солдаты, торговцы, государственные деятели. Они выигрывали состояния. Многие покинули старый особняк на мысе, потому что во время моего отца он жил там один со слугами и со мной. Моя мама умерла при моем рождении, и я был одиноким юношей, который жил в огромном коричневом доме с отцом, сошедшем с ума от трагической кончины моей матери и мрачного секрета нашего рода. Именно он посвятил меня в тайны и загадки, которые можно

было найти среди леденящих кровь предположений в таких богохульствах, как «Некрономикон», «Книга Эйбона», «Кабала Сабот», и эта вершина литературного безумия — «Мистерии Червя», Людвига Принна. Здесь были мрачные трактаты об антропомантии[26], некрологии, ликантропических и вампиристических заклинаниях и чарах, колдовстве, а так же длинные бессвязные цитаты на арабском, санскрите и доисторические идеограммы, на которых лежала пыль веков.

Все это он дал мне и многое другое. Бывали времена, когда он шепотом рассказывал мне странные истории о путешествиях, которые совершал в юности, — об островах в море, и странных пережитках древних грез под арктическим льдом. И однажды ночью он рассказал мне о легенде и могиле в лесу; и вместе мы листали поеденные червями страницы дневника, обитого железом, который был скрыт в панели над дымоходом. Я был слишком юн, но не настолько, чтобы не знать определенные вещи, и, когда я поклялся хранить секрет, как многие клялись передо мной, у меня появилось странное чувство, что пришло время для Джереми потребовать своего. Ибо в

---

[26] Примечания: 26
Антропомантия — гадание на человеческих внутренностях.

мрачных глазах моего отца уже горел тот же свет страшной жажды неизвестного, любопытства и внутреннего желания, который был в глазах всех, кто был перед ним, до того момента, когда они объявляли о своем намерении «отправиться в путешествие», или «присоединиться», или «заняться делами». Большинство из них ждало, пока их дети вырастут, или их жены умрут; но всякий раз, когда они уходили, и какими бы не были их оправдания, они никогда не возвращались.

Через два дня мой отец исчез, оставив слово слугам, что он проведет неделю в Бостоне. Около месяца шло обычное расследование, и итогом был обычный провал. Было обнаружено завещание среди документов моего отца, оставившего меня единственным наследником, но книги и дневник были в безопасности в секретных комнатах и панелях, известных теперь лишь мне одному.

Жизнь продолжалась. Я занимался обычными вещами — отучился в университете, много путешествовал и вернулся, наконец, в дом на холме в одиночестве. Но я принял серьезное решение — я один мог оборвать это проклятие; только я могу понять секрет, который стоил жизни семи поколений, — и я один должен это сделать. Мир ничего не мог предложить тому, кто провел свою

юность в изучении насмешливых истин, что лежат вне внешних красот бесцельного существования, и я не боялся. Я уволил слуг, прекратил общение с дальними родственниками и несколькими близкими друзьями и проводил свои дни в тайных комнатах среди древних знаний, ища решение или заклинания такой силы, которые могли бы развеять навсегда тайну гробницы. Сто раз я читал и перечитывал эту древнюю рукопись — дневник, чье содержание привело к гибели стольких людей. Я изучал сатанинские заклинания и каббалистические чары тысячи забытых некромантов, копался в страницах древнего пророчества, рылся в тайных легендарных знаниях, чьи написанные мысли пронзали меня, словно змеи из ямы. Но все было напрасно. Все, что я смог узнать, это церемонию, с помощью которой можно получить доступ к могиле в лесу. Три месяца учебы превратили меня почти в призрака и наполнили мой мозг дьявольскими тенями порожденного склепами знания, но это все. И вот, как будто насмехаясь над безумием, пришел зов в ту же ночь.

Я сидел в кабинете, размышляя над поеденным личинками томом Хейриархуса «Оккультизм», когда совершенно неожиданно я почувствовал

сильный импульс, просочившийся через мой усталый мозг. Он манил и завлекал с невыразимым обещанием, как плач старой ламии; но в то же время он обладал неумолимой силой, чье могущество не могло быть просто отброшено в сторону или проигнорировано. Неизбежное наступило. Меня призывали в гробницу. Я должен следовать за соблазнительным голосом внутреннего сознания, который был приглашением и обещанием, который звучал в моей душе, как ультра-ритмические звуки транс-космической музыки. Поэтому я отправился, один и без оружия, в одинокий лес и к тому месту, где должен встретить свою судьбу.

Луна поднялась над поместьем, когда я уходил, но я не оглядывался назад. Я видел ее отражение в водах ручья, который проложил путь между деревьями, и в ее свете вода была похожа на кровь. Затем туман поднялся тихо от болота, и желтый призрачный свет разлился по небу, заманивая меня за стену черных и жирных деревьев, ветви которых, раскачиваемые унылым ветром, тихо касались отдаленной гробницы. Корни и лианы лезли мне под ноги, виноградные лозы и кустарники хватали мое тело, но в моих ушах громом отдавался призыв, который нельзя

описать и который нельзя «отменить», природой или человеком.

В тот миг, когда я нерешительно замер в дверном проеме, миллионы идиотских голосов забормотали приглашение войти, чему смертный разум не мог противостоять. Через мой мозг гремел ужас моего наследия — ненасытное стремление познать запретное, смешаться и стать единым с ним. Ритмы рожденной в аду музыки звучали в моих ушах, и земля дрожала от безумного импульса, охватившего все мое существо.

Я дольше не оставался на пороге. Я вошел туда, где запах смерти заполнил тьму, похожую на солнце над Югготом. Дверь качнулась, и потом началось… Что? Я не знаю, я только понял, что внезапно обрел способность видеть, чувствовать и слышать, несмотря на темноту, сырость и тишину.

Я был в гробнице. Ее колоссальные стены и высокий потолок были черными и голыми, покрытыми лишайниками за долгие века. В центре мавзолея находилась единственная плита из черного мрамора. На ней покоился позолоченный гроб со странными символами, покрытый пылью веков. Я инстинктивно знал, что он должен содержать, и это знание не давало мне успоко-

иться. Я взглянул на пол, а потом пожалел, что не умер. На усыпанном обломками основании под плитой находилась жуткая, раздробленная группа похоронных останков — полусгнившие трупы и высушенные скелеты. Когда я подумал о моем отце и других, я вздрогнул от нахлынувшего отвращения. Они тоже искали и потерпели неудачу. И теперь я пришел, один, чтобы найти то, что привело их к концу — ужасному и безвестному. Секрет! Секрет в гробнице!

Безумное рвение наполнило мою душу. Я тоже узнаю — я должен! Как во сне я шагнул к позолоченному гробу. Через мгновение я навис над ним; затем с силой, рожденной в горячке, я сорвал обшивку и поднял позолоченную крышку, а затем понял, что это не сон, потому что сны не могут приблизиться к конечному ужасу, которым было существо, лежащее в гробу, — это существо с глазами, как у полуночного демона, и лицом из видений безумца, похожим на дьявольскую маску смерти. Оно улыбалось, когда лежало там, и моя душа вскрикнула от мучительного осознания того, что оно живо! Тогда я познал все; тайну и плату с тех, кто искал ее, и я был готов к смерти, но ужасы не прекратились, ибо пока я смотрел на него, зазвучал голос, как шипение черного

слизняка.

И там, в ночном мраке он прошептал секрет, глядя на меня безжизненными, бессмертными глазами, так чтобы я не сошел с ума, пока не услышу все это. Все было раскрыто — тайные крипты самого черного кошмара, в котором обитают отродья гробниц, и цена, благодаря которой человек может стать одним из упырей, живущим после смерти как пожиратель во мраке. Так все и происходило, из этой избегаемой проклятой гробницы приходил призыв к нисходящим поколениям, что, когда они придут, они попадут на мрачный праздник, благодаря которому он сможет продолжать свою жуткую, вечную жизнь. Я (он вздохнул) был бы следующим, чтобы умереть, и в своем сердце я знал, что это так.

Я не мог отвести глаз от проклятого мертвеца, не мог освободить свою душу от его гипнотического рабства. Тварь на похоронном одре кудахтала, издавая нечестивый смех. Моя кровь застыла, потому что я увидел две длинные, тощие руки, как гнилые конечности трупа, медленно устремившиеся к моему сжавшемуся от страха горлу. Монстр сел, и даже в когтях ужаса я различил смутное и ужасное сходство между существом в гробу и каким-то древним портре-

том в зале особняка. Это была преображенная реальность — Джереми-человек стал Джереми-гулем; и я знал, что не стоит сопротивляться. Две когтистые лапы, холодные, как пламя ледяного ада, сомкнулись вокруг моего горла, два глаза проникли, словно личинки, через мою обезумевшую сущность, смех, порожденный безумием, одиноко звучал в моих ушах, словно гром судьбы. Костяные пальцы вонзились в мои глаза и ноздри, делая меня совершенно беспомощным, в то время как желтые клыки щелкали все ближе и ближе у моего горла. Мир свернулся, обернутый туманом огненной смерти.

Внезапно чары разрушились. Я оторвал взгляд от этого слюнявого, злого лица, и мгновенно, как катастрофическая вспышка света, пришло понимание. Сила этого существа была чисто ментальной — в одиночестве мои несчастные родственники приходили сюда, и только в одиночестве могли противостоять и пытаться освободиться от силы ужасных глаз монстра — Великий боже! Был ли я жертвой гниющей мумии?

Моя правая рука опустилась, нанеся удар ужасу между глаз. Раздался отвратительный хруст; затем мертвая плоть уступила под моей рукой,

когда я схватил теперь безликого лица за руки и бросил его на заваленный костями пол. Весь в поту, что-то бессвязно бормоча в истерике и страшном отвращении, я видел, как покрытые плесенью фрагменты двигались даже во время второй смерти — оторванная рука ползла по полу на вонючих смятых пальцах; нога начала катиться с азартом нелепой нечестивой жизни. С громким воплем я кинул зажженную спичку на этот отвратительный труп и продолжал вопить, когда распахнул ворота и выбежал из гробницы в мир здравомыслия, оставив позади тлеющий огонь, из обугленного сердца которого страшный голос все еще слабо стонал, словно тоскливый реквием по тому, кто когда-то был Джереми Стрэнджем.

Теперь гробница разрушена, а вместе с ней — лесные захоронения и все скрытые камеры, а так же уничтожены рукописи, которые служат напоминанием о жутком кровожадном гуле, что невозможно забыть. Ибо земля скрывает безумие и видения отвратительной реальности, а чудовищные твари пребывают в тени смерти, скрываясь и ожидая, чтобы схватить души тех, кто ввяжется в запретные дела.

Перевод: Р. Дремичев

Роберт Блох
Самоубийство в кабинете

Robert Bloch «The Suicide In The Study», 1935

1

Увидев, как он сидит в тускло освещенном кабинете, никто бы никогда не подумал, что он является колдуном нашего времени, не облаченным в каббалистические одежды серебряных и черных цветов; вместо этого они носят фиолетовые халаты. От них не требуется, чтобы их брови хмурились, их ногти росли, превращаясь в когти, а их глаза пылали, как изумрудные видения. Они также не обязательно должны быть согнуты, хитры и стары. Этот не был; он был молод и строен, почти величественно прямолинеен.

Он сидел под лампой в большой комнате с дубовыми панелями; смуглый, красивый мужчина лет тридцати пяти. Было мало жестокости и злого умысла на его проницательном лице, еще меньше безумия в его глазах; но он был колдуном, точно таким же, как тот, кто приносит человеческие

жертвы в усыпанной черепами тьме запретных гробниц. Нужно было только взглянуть на стены его кабинета для подтверждения этого. Только колдун мог обладать этими трухлявыми, магическими томами чудовищных и фантастических знаний; только тауматургический адепт мог пренебречь опасностью темных тайн «Некрономикона», «Мистерий червя», Людвига Принна, «Черных обрядов», сумасшедшего Луве-Керафа, жреца Баст, или ужасных «Культов гулей», графа д`Эрлетта. Никто, кроме колдуна, не сможет получить доступ к древним рукописям, переплетенным в эфиопскую кожу, или жечь такой богатый и сладкий ладан в бережно хранимом черепе. Кто еще наполнил бы милосердно укрытую темнотой комнату любопытными реликвиями, похоронными подарками из разграбленных могил или разрушающимися от воздействия тепла свитками первобытного ужаса?

На первый взгляд это была нормальная комната той ночью, а ее обитатель нормальным человеком. Но для доказательства присущей ему странности не было необходимости заглядывать в черепа, книжные шкафы или мрачные, покрытые тенью останки, чтобы понять, кем все же был ее обитатель. Джеймс Аллингтон писал в своем

тайном дневнике сегодня, и его размышления были далеки от нормы.

«Сегодня вечером я готов пройти тест. Наконец, я убежден, что расщепление личности может быть достигнуто посредством терапевтического гипноза, при условии, что может быть вызвано психическое мироощущение, способствующее такому разделу.

Увлекательный предмет это. Двойная личность — мечта человека с самого начала времен! Две души в одном теле… вся философия основана на сравнительной логике; добро и зло. Почему же тогда такое разделение не может существовать в человеческой душе? Стивенсон был только отчасти прав, когда описал доктора Джекила и мистера Хайда. Он представлял химическую метаморфозу, которая варьировалась от одной крайности к другой. Я считаю, что обе личности могут существовать, и что, когда они разделены аутогипнотической мыслью, человек может одновременно наслаждаться двумя существованиями — своим хорошим „я“ и плохим.

Они смеялись в клубе над моей теорией. Фостер — этот напыщенный старый дурак! — назвал меня мечтателем. Мечтатель? Что он, мелкий ученый-химик, может знать об основных загадках

жизни и смерти? Один взгляд на мою лабораторию наполнит его душу безумием. Другие тоже; эти пишущие для черни авторы, педантичные ископаемые, которые называют себя профессорами, настоящими биологами, которые впадают в шок от упоминания моих экспериментов по синтетическому творению жизни — что они понимают? Они дрожат от мыслей о „Некрономиконе“, и готовы сжечь его, если бы это было в их власти; сжечь его, как их благочестивые предки сделали триста лет назад. Провокаторы, скептики, материалисты все! Меня тошнит от всей их глупой своры. Судьба гения — прожить жизнь в одиночестве. Хорошо, тогда я буду жить один, — но скоро они придут к моей двери и будут молить о пощаде!

Если только моя работа сегодня будет успешной! Если мне удастся загипнотизировать себя в двойственную личность, физически проявиться! Даже модемная психология утверждает, что это возможно сделать. Спиритизм имеет свои возможности. Древние стали для меня ключом к проблеме, как они это делали раньше… Альхазред знал много вещей — и этот вес знаний сводил его с ума.

Два тела! Как только я смогу достичь этого со-

стояния по своему усмотрению, я возьму ключ к власти, которая всегда отвергалась людьми. Бессмертие, возможно; это только шаг вперед. После этого не будет необходимости скрываться, не будет необходимость выставлять мои исследования как безвредное хобби. Мечтатель, а? Я покажу им!

Интересно, как будет выглядеть другая фигура? Будет ли это человек? Возможно нечто иное — но мне лучше не думать об этом. Вполне вероятно, что это будет уродливый клиент. Я не льщу себе. Я знаю, что злая сторона моей природы, хотя и скрыта, несомненно является доминирующей. Однако существует опасность, что зло — это неконтролируемая сила в ее самой чистой форме. Она так же будет черпать силу из моего тела, — энергию, чтобы проявить себя физически. Это не должно останавливать меня. Я должен провести тест. Если он удастся, у меня будет сила — неслыханная сила — сила убивать, разрывать и уничтожать! Я добавлю сюда свою небольшую коллекцию и улажу несколько старых споров с моими скептически настроенными друзьями. После чего займусь более приятными делами.

Но довольно размышлений. Я должен приступать. Я закрою двери кабинета; слуги ушли в этот

вечер, и никто не будет вторгаться в мою личную жизнь. Я не рискну использовать электрически управляемую машину, опасаясь некоторых неблагоприятных последствий при выходе из гипноза. Я попытаюсь вызвать гипнотический транс, сосредоточившись на этом тяжелом, полированном ноже для резки бумаг, здесь, на моем столе. Между тем, я сфокусирую всю свою волю на этом предмете, используя „Песнопения Себека“ как координатор.

Я поставлю будильник на двенадцать часов, ровно через час. Его звонок разрушит чары. Полагаю, это все, что мне нужно. В качестве дополнительной меры предосторожности я уничтожу эту запись. Если что-то пойдет не так, я бы не хотел, чтобы все мои маленькие планы были раскрыты миру.

Все пройдет так, как надо. Я часто использовал автогипноз, и я буду очень осторожен. Будет чудесным ощущением, когда я стану контролировать сразу два тела. Я с трудом могу сдерживать себя — мое тело дрожит от нетерпения и предчувствия предстоящей метаморфозы. Сила!

Хорошо. После того, как этот отчет будет превращен в пепел, я буду готов — готов провести самый большой эксперимент, который когда-ли-

бо знал человек».

2

Джеймс Аллингтон сидел перед тусклой лампой. Перед ним на столе лежал нож, его полированное лезвие таинственно мерцало. Только медленное тиканье часов нарушало мрачную тишину запертой комнаты.

Глаза колдуна были похожи на стекло, они сияли в лучах лампы, но были неподвижны под гипнозом. Отражение от поверхности ножа резануло его сетчатку, как огненный луч горящего солнца, но его преданный взгляд не дрогнул.

Кто знает, какая странная инверсия произошла в заколдованном мозгу мечтателя; какая тонкая трансмутация возникла из его цели? Он погрузился в сон с определенной решимостью разорвать свою душу, разделить свою личность, разрезать своё эго. Кто знает? Гипноз производит много странных вещей.

Какие секретные силы он призвал, чтобы помочь ему в его борьбе? Какой черный генезис нечестивой жизни скрывался в тенях его внутреннего сознания; какие хитрые демоны зла предоставили ему эти темные желания?

Конечно, они были. Внезапно он проснулся

и почувствовал, что больше не одинок в этой темной комнате. Он почувствовал присутствие другого, там, в темноте, по другую сторону стола.

Или это было другое? Если не он сам? Он взглянул на своё тело и не смог подавить возглас изумления. Казалось, он уменьшился до менее чем четверти от своего обычного размера! Его тело было легким, хрупким, ничтожным. Мгновение он даже не мог мыслить или двигаться. Его глаза метнулись к углу комнаты, тщетно пытаясь разглядеть во мраке движение того, что там таилось.

Затем все и произошло. Из темноты появился кошмар — совершенный кошмар — чудовищная, волосатая фигура — огромная гротескная обезьяноподобная — отвратительная пародия на все человеческое. Это было черное безумие; пускающее слюни, насмешливое безумие с маленькими красными глазками, в которых плескалась древняя и злая мудрость; злобная морда и желтые клыки дополняли гримасу смерти. Это было похоже на гниющий, живой череп на теле обезьяны. Тварь была ужасной и злобной, дикой и мудрой.

Чудовищная мысль пришла на ум Аллингтону. Было ли это его второй сущностью — этот порожденный гуль, внушающий ужас проклятый

труп?

Слишком поздно колдун понял, что случилось с ним. Его эксперимент преуспел, но так ужасно… Он не принял в расчет, насколько зло в его природе превышает добро. Этот монстр — эта ужасная мерзость тьмы — был сильнее, чем он, и, будучи исключительным злом, он не мог психически контролироваться его другим «я». Аллингтон теперь смотрел на него с новым страхом. Это было похоже на существо из Ямы. Все, что было грязным, непристойным и античеловеческим в его натуре, лежало за этой ухмыляющейся пародией на лицо. Зверообразное тело намекало на тени, которые ползают под могилами или прячутся в самых глубоких нишах нормальных умов. Но в этом существе Аллингтон признал безумную, атавистическую карикатуру на себя — всю похоть, жадность, безумные амбиции, жестокость, невежество; зловещие тайны его души в теле гигантской обезьяны!

Словно в ответ на его признание, существо засмеялось, и щупальца ужаса проникли в сердце колдуна.

Тварь шагнула к нему — она хотела уничтожить его, как всегда поступает зло. Аллингтон, — его крошечное тело смехотворно пыталось двигать-

ся, но ему мешала одежда, теперь ужасно большая для его миниатюрного тела, — сполз со стула и прижался к стене кабинета. Его голос, любопытно высокий, выкрикивал безумные мольбы и бесполезные приказы приближающейся Немезиде.

Его молитвы и проклятия превратились в безумные хрипы, когда огромный зверь бросился через стол. Его эксперимент сменился местью… местью! Его сверкающие глаза смотрели, словно зачарованные, когда большая лапа схватила нож для резки бумаги, и жуткий смех наполнил ночь. Этот смех… смех! Где-то зазвонил будильник, но колдун уже не мог его услышать…

Джеймса Аллингтона нашли мертвым в своем кабинете. В груди торчал нож для резки бумаг, и это назвали самоубийством, потому что никто не мог войти в ту запертую и лишенную окон комнату.

Но это не объяснило отпечатки пальцев на ручке ножа — ужасные отпечатки пальцев — похожие на те, что могла оставить рука гигантской обезьяны.

Перевод: Р. Дремичев

Роберт Блох
Кладбищенский ужас

Robert Bloch «The Grinning Ghoul», 1936.

Судьба играет с человеком в странные игры, не правда ли?

Ещё полгода назад я был известным и довольно преуспевающим психиатром; сегодня я обитатель санатория для умственно больных. В качестве врача-психиатра я частенько вверял своих пациентов тому же учреждению, куда сейчас заточен сам, а сегодня — о, ирония из ироний! — оказался их собратом по несчастью.

И все-таки я не совсем сумасшедший. Они упекли меня сюда, потому что я предпочел говорить правду, которая не была той правдой, которую любят открывать или признавать люди. Я подтверждаю, что действительно перенес тяжелое нервное потрясение из-за моего участия в происшедшем, но оно не свело меня с ума. Мой рассказ правдив (о, клянусь в этом!), однако они не верят.

Конечно, у меня нет вещественных доказа-

тельств; после той августовской ночи я ни разу не видел профессора Чопина, и мои последующие расследования не подтвердили, что он работал в Ньюберри-колледж. Однако это только говорит о том, что утверждения, которые обрекли меня на постыдное заточение, на ненавистное, подобное смерти, прозябание — достоверны!

Существует одна «железная», улика, которую я мог бы представить (если бы осмелился), но она слишком ужасна. Я не должен показывать точного места на том безымянном кладбище, где под могильным камнем чернеет заветный проход. Лучше я буду мучиться в одиночестве, скрыв от всего мира тайну, от которой мутится рассудок. Тяжко жить, как я живу, когда однообразие дней и ночные видения сплетаются в один бесконечный кошмар. Вот почему я решил начать это повествование; быть может, высказавшись, я облегчу болезненный груз моей памяти.

Все началось прошлым августом в моем городском кабинете. После скучного утра наступил длинный жаркий полдень. Он уже подходил к концу, когда медсестра ввела первого пациента.

Этот джентльмен раньше никогда у меня не бывал. Он назвался Александром Чопином, профессором из Ньюберри-колледжа.

Профессор говорил свистящим голосом с особенной интонацией, из чего я заключил, что он родился в какой-то другой стране.

Я попросил его присесть и попытался мысленно оценить его, пока он следовал моему приглашению.

Профессор был высок и худ. У него были белые, почти платиновые волосы, но, судя по внешности и общему телосложению, ему было лет сорок. Его зеленые, неподвижные глаза были глубоко посажены под бледным, выпуклым лбом и венчались длинными, угольно-черными бровями. Нос был большим, с чувственными ноздрями, а губы — тонкими (это несоответствие я заметил сразу). Узкая рука была чрезвычайно мала, с долгими, коническими пальцами, оканчивающимися длинными ногтями — очевидно, полезными при чтении или справочной работе, подумал я. Его гибкая поза была сродни позе отдыхающей пантеры; он обладал свойственной иностранцам раскрепощенностью и изящными манерами.

В солнечном свете я смог рассмотреть его лицо и увидел, что все оно покрыто сетью мелких морщин. Я заметил также характерную бледность лица, что указывало на наличие некоторых проблем с кожей. Но самым странным в нем был

стиль его одежды.

Одежда профессора, несомненно новая, была нелепа в двух отношениях: это было торжественное облачение, надетое днем, и, к тому же, оно совершенно на нем не смотрелось. Костюм был удивительно велик, серые полосатые брюки болтались, пальто странно пузырилось. Профессор был без шляпы, на его лакированных туфлях виднелась грязь. Очевидно, он был эксцентриком, может быть, шизофреником со склонностью к ипохондрии.

Только я приготовился задать ему обычные вопросы, как профессор перебил меня. По его словам, он был занятым человеком и собирался немедленно рассказать мне о своих затруднениях, обходя обычные в этих случаях предисловия и вступления. Он уселся на стуле так, чтобы на него падала тень, нервно прокашлялся и начал рассказ.

Его преследуют, сказал профессор, определенные, слышанные или прочитанные, вещи; из-за них у него бывают странные сны, которые вызывают периоды неконтролируемой меланхолии. Это мешает работе, и все-таки он ничего не может поделать, потому что наваждение основывается на реальности. В конце концов он решил обра-

титься ко мне, чтобы я проанализировал эту ситуацию.

Я попросил его описать эти сны и фантазии, ожидая услышать обычный рассказ человека, находящегося в состоянии легкой депрессии. Мои ожидания, однако, абсолютно не оправдались.

Чаще всего сон был связан с Мизерикордским кладбищем (я дал ему это вымышленное название по причинам, которые скоро прояснятся).

К нему вела большая полузаброшенная дорога в старой части города, процветавшей в конце прошлого века. Ночные видения профессора были связаны с одним уединенным склепом, расположенным в самой ветхой и заброшенной части кладбища.

События снов всегда происходили в сумерках, при бледном свете молодого месяца. Фантастические образы застывали над полночным пейзажем; профессор упоминал о слабых голосах, которые, казалось, манили его вперед, когда он оказывался на кладбищенской тропинке, ведущей к дверям склепа.

Обычно такие сны случались, когда он засыпал особенно крепко. Вдруг ему чудилось, что он идет ночью по тенистой тропе и входит в склеп, распутав ржавые цепи, преграждавшие

вход. Оказавшись внутри в полной темноте, он никогда не затруднялся с выбором пути и с абсолютной беспечностью шел прямо к определенной нише среди гробов. Там он, пригнувшись, нажимал на тайную пружинку или рычажок, запрятанные в растрескавшемся каменном полу. В основании ниши как будто поворачивался жернов, открывая небольшое отверстие, ведущее вниз в разрушенную пещеру. Профессор упомянул о сырости, которой тянуло из отверстия, и удивительно тошнотворном запахе, источаемым густым мраком.

Тем не менее это его не отталкивало, и он смело вступал в бездну. Потом он спускался по бесконечным ступеням, выбитым в камне и земле, и внезапно оказывался на самом дне.

Начиналось другое длинное путешествие через непрерывный лабиринт тоннелей и пещер. Он шел и шел мимо склепов и впадин в недрах земли; все тонуло в кромешном мраке.

Тут профессор перевел дух, и голос его упал до дрожащего, возбужденного шепота.

Потом наступал кошмар. Неожиданно перед ним возникало несколько слабо освещенных залов и, скрытый тенями, он видел ИХ.

Они были жильцами подземелья, ужасными

отродьями, питавшимися трупами. Эти обитатели сумрачных пещер, усыпанных человеческими костями, поклонялись первобытным богам перед своими алтарями из черепов.

Тоннели вели к могилам и захоронениям еще ниже под пещеру, где их хозяева содержали свою еще живую добычу. Это были отвратительные рабы тьмы — вурдалаки.

Профессор, должно быть, заметил выражение моего лица, однако не остановился. Его голос стал еще напряженнее.

Он не пытался описать этих существ, заметив только, что в их внешности есть что-то ужасно непристойное. Он легко определил их род занятий по соответствующим обрядам, которые они исполняли. Больше всего профессора напугали именно эти обряды. Существуют вещи, о которых не следует даже намекать нормальному человеку, а то, что преследовало профессора по ночам, относилось именно к разряду подобных вещей. В его видениях существа к нему не приставали, и, кажется, даже не замечали его присутствия; они продолжали предаваться кровавым пиршествам в пещерах или совокуплялись в оргиях, которым нет названия.

Больше профессор не сказал ничего.

Его ночные путешествия всегда завершались огромной процессией этих чудовищ, шествующей мимо него дальше вниз, в пещеру. Он наблюдал их с выступа на скале, на котором обыкновенно располагался.

Дрожащие огни, уходящие в подземное царство, напоминали профессору рассказы об аде, и он кричал во сне. Наблюдая за парадом демонов, он неожиданно поскальзывался и стремительно падал вниз, в толпу. На этом месте его сон всегда обрывался (слава Богу!), и профессор просыпался в холодном поту.

Каждую ночь сон повторялся, но не это было самым страшным. Настоящий, сковывающий волю страх был порожден мыслью, что ночные видения происходят в реальности!

Тут я нетерпеливо перебил профессора, но он настоял на продолжении рассказа. Когда сновидения стали повторяться, он пошел на кладбище и легко нашел тот самый склеп, который так часто видел во сне.

А книги? Ему пришлось начать обширное исследование с помощью закрытых изданий в антропологической библиотеке колледжа.

Конечно, он, как просвещенный и образованный человек, должен был согласиться с теми

завуалированными утверждениями, которыми дышат такие произведения, как «Тайны червя», Людвига Принна или гротескные «Черные образы», мистика Луве-Керафа, жреца загадочного Баста. Ему пришлось познакомиться с сумасшедшим и легендарным «Некрономиконом», Абдула Аль-Хазреда.

Нельзя отказать в очаровании и таким запрещенным и малоизвестным книгам, как «Басни Наярлатотепа», или «Легенды Старшего Сабота».

Здесь профессор разразился бессвязной тирадой о непонятных, тайных мифах, часто упоминая о забытых светилах античных наук: легендарном Ленге, нежном Нкене и преследуемом демонами Нисе. Профессор много говорил о богохульной Луне Йиггурата и тайном предсказании Бьягуны Безликого Первого.

Несомненно, эти бессвязные бредни содержали ключ к решению его проблемы, и после небольшой дискуссии мне удалось успокоить моего пациента и высказать свои предположения.

Интенсивные исследования и чтение вызвали у него припадок. Ему не следует забивать себе голову подобными размышлениями, такие мысли опасны для нормального человека.

Я много читал и изучал эту проблему и пришел

к выводу, что эти идеи недоступны пониманию. Кроме того, ему не стоит принимать все слишком серьезно, поскольку, в конце концов, все эти легенды весьма аллегоричны. Вурдалаков и демонов не существует, профессор, должно быть, и сам заметил, что его сны надо толковать символически.

Он помолчал с минуту после того, как я закончил. Потом вздохнул и медленно заговорил. С моей стороны было очень мило сказать ему все это, но он знает другое. Он узнал то место, которое видел во сне.

Я вставил замечание о роли подсознательного «Я», но он не обратил внимания на мои слова.

— Теперь, — произнес профессор дрожащим от почти истерического возбуждения голосом, — я поведаю вам о самом страшном.

Он еще не рассказал обо всем случившемся после того, как ему удалось найти кладбище. Он не удовлетворился этим единственным подтверждением достоверности своих снов и несколько дней назад пошел дальше. Он проник в усыпальницу и нашел нишу в стене, спустился по лестнице и увидел ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ. Как ему удалось вернуться, он не знает, но после всех трех путешествий в склеп он приходил обратно, ложился спать и на

следующее утро всегда просыпался в собственной постели. Это и была та правда, что он хотел мне сказать, — он видел ИХ! И теперь я должен скорее помочь ему, пока он не совершил опрометчивого шага.

Я с трудом успокоил профессора, стараясь применить эффективные логические приемы лечения. Очевидно, он находился на грани серьезного помешательства. Не имело смысла убеждать его в том, что все рассказанное ему приснилось, что на галлюцинации профессора спровоцировала собственная нервная система. Я не надеялся внушить моему пациенту в его теперешнем состоянии, что книги, захватившие его воображение, были всего лишь бреднями сумасшедших умов. Видимо, существовал только один путь — потакать ему во всем, а потом твердо указать на абсолютную вздорность его убеждений.

Поэтому, отвечая на многократные просьбы, я заключил с профессором сделку. Он поручился проводить меня к тому склепу, куда, по его утверждению, он путешествовал во сне и наяву, и тем самым доказать свою правоту.

Короче, в десять часов вечера следующего дня я согласился встретиться с ним у кладбища. Про-

фессор был почти трогателен, радуясь моему согласию, он улыбался мне, как ребенок новой игрушке. Кажется, ему пришлось по душе мое решение.

Я прописал легкое успокаивающее, чтобы он принял его вечером, обговорил небольшие детали предстоящего путешествия, и мы расстались с ним до вечера.

Он ушел, оставив меня в состоянии сильного возбуждения. Наконец-то представился случай, достойный изучения: хорошо образованный и, по-видимому, интеллигентный профессор колледжа, страдающий людоедскими кошмарами трехлетнего ребенка!

Я тотчас решил вести дневник о всех последующих событиях. Я был уверен, что в течение предстоящего вечера смогу убедительно продемонстрировать профессору его заблуждение и тем самым практически вылечу его. Я провел ночь в мучительных поисках и размышлениях; утро — в торопливом чтении облегченного варианта издания «Cultes des Goules», Конта Дерлетта. К вечеру я был в полной готовности. В десять часов, одетый в охотничьи сапоги, жакет грубой шерсти и шахтерскую каску, я стоял у кладбищенских ворот. Признаюсь, что, несмотря на всю

подготовку, я ощущал необъяснимое, гнетущее состояние нюктофобии[27]. Не ожидая удовольствия от предстоящего приключения, тем не менее нетерпеливо поджидал моего пациента, хотя бы ради его компании.

Наконец он явился, одетый, как обычно, и в лучшем настроении, чем я. Мы прошли вдоль невысокой стены, окружавшей кладбище, и пробрались среди освещенных луной могил к тенистой рощице в самом центре этого места. Лунный свет сюда почти не проникал и, казалось, надгробные камни бросали на нас злобные взгляды.

Какой-то животный страх заставил меня подавить непроизвольную дрожь. Мои мысли непрошенными гостями вторгались в царство могильных червей под нами, но я не позволял им задерживаться ни на кладбищенской земле, ни на окружавших меня дьявольских тенях. Я почувствовал облегчение, когда нисколько не смущенный Чопин повлек меня по длинной аллее высоких деревьев к воротам в осквернённую им усыпальницу.

Я не могу детально передать все случившееся

---

[27] Примечания: 27
Нюктофобия — боязнь ночи и темноты.

потом и не буду рассказывать, как мы распутали цепи, преграждавшие путь в усыпальницу, или описывать угрюмый интерьер мавзолея.

Достаточно сказать, что Чопин выполнил своё обещание, найдя нишу при свете шахтерских фонариков на наших касках, и с помощью секретного рычага открыл передо мной тоннель в подземелье.

Я стоял, пораженный ужасом, при этом неожиданном открытии. Внезапный приступ страха превратил мои нервы в тугие струны. Я простоял несколько минут, глядя в темное отверстие. Никто из нас не проронил ни слова.

В первый раз у меня не возникло сомнения в достоверности профессорских утверждений. Но это по-прежнему не означало, что он был абсолютно здоров; ведь его правота не лечила от наваждений. Я понял, испытывая необъяснимое (тогда) отвращение, что мое путешествие еще далеко не окончено и что мне придется спуститься с ним в адские глубины, чтобы разом ответить на все оставшиеся вопросы. Я еще не мог поверить в бессвязную болтовню Чопина о воображаемых вурдалаках; существование подземного кладбищенского хода еще не доказывало достоверность других его заявлений.

Вероятно, если я пройду с ним до конца той норы, его рассудок сможет освободиться хотя бы от части фантазий. Ну, а если — я боялся даже подумать об этом — предположить, что существует доля весьма зловещей и болезненной правды в его рассказе? Банда изгоев, бежавших от закона, которые, может быть, поселились в этой пещере? Очевидно, он случайно наткнулся на это необычное убежище. А если так, то что дальше?

Однако и в этом случае, что-то подсказывало мне, нам придется продолжить путь и самим во всем разобраться. Мои внутренние побуждения подкрепил и Чопин своими громкими мольбами.

Он просил позволить ему открыть мне правду; я обрету веру и только так смогу помочь ему. Он упрашивал меня продолжить путь, но если я все же откажусь, ему придется вызвать полицию.

Этот последний аргумент решил все дело. Я не мог позволить себе быть замешанным в готовящейся заварушке, обещавшей превратиться в скандал. Если этот человек ненормален, то я при случае вполне смогу о себе позаботиться. Если же нет… тогда скоро увидим. Весьма неохотно я согласился с ним, а потом отступил в сторону, приглашая профессора указывать дорогу.

Проход открылся, словно пасть мифического чудовища. Мы стали спускаться все ниже и ниже по винтовой лестнице в сыром каменном переходе, который был высечен в сплошном камне.

Тоннель был влажен, душен и заполнен запахом гнили. Наш путь напоминал фантастическое путешествие из кошмарного сна.

Этот путь вел к неведомым подземным склепам — обиталищем трупов. Здесь творились дела, свидетелями которых были только могильные черви, и пока мы продвигались дальше, я все больше желал, чтобы они продолжали хранить эти тайны в одиночестве. По правде говоря, я уже начал паниковать, хотя Чопин оставался зловеще невозмутимым.

Несколько наблюдений подхлестнули мое все нараставшее напряжение. Мне не нравились крысы, попискивание которых доносилось из бесчисленных нор, усыпавших весь второй виток тоннеля. Они буквально кишели на ступенях, все, как одна, толстые и лоснящиеся от жира. Я начинал понимать причину этого ожирения и возможные источники их ночных пиршеств.

Затем я заметил, что Чопин, кажется, очень хорошо знает дорогу; а если он и вправду бывал здесь раньше, то как тогда мне относиться к

остальной части его рассказа?

Когда я разглядел лестницу, то был потрясен. На ступенях не было пыли! Они выглядели так, словно ими ПОЛЬЗОВАЛИСЬ ПОСТОЯННО!

На секунду мой мозг отказался понимать значение этого открытия, но потом оно буквально взорвало мой рассудок. Я не посмел снова взглянуть под ноги, чтобы не провоцировать угодливую фантазию, которая могла вызвать образы существ, взбиравшихся по этим ступеням на поверхность.

Поспешно скрыв почти детский страх, я последовал за моим молчаливым проводником, чья лампа отбрасывала странные тени на щербатые стены тоннеля. Я почувствовал, что начинаю нервничать по-настоящему и напрасно пытаюсь избавиться от своих страхов, стараясь сконцентрировать внимание на каком-нибудь предмете.

Естественно, по мере продвижения вперед окружающая обстановка не становилась спокойнее. Испещренные норами темные стены тоннеля казались особенно устрашающими в свете фонариков. Я вдруг понял, что этот старинный проход не мог быть построен разумным существом. Я старался не думать об открытиях, которые ждали меня впереди. Долгое время мы с профессором

крались по ступеням в полной тишине.

Ниже, ниже, ниже… Наша дорога постепенно погружалась во все более глубокую и влажную темноту. Потом лестница неожиданно закончилась пещерой. Здесь мерцал голубоватый, фосфоресцирующий свет и непонятно было, откуда он исходил. В этом освещении можно было разглядеть небольшую открытую площадку с гладким полом, окруженную огромными сталактитами и многочисленными массивными пилонами. Вдалеке, в еще более густой темноте, виднелись входы в другие пещеры, что вели, надо думать, к бесконечным лабиринтам полного забвения. Чувство приближающегося кошмара сковало мое сердце. Казалось, мы своим вторжением потревожили тайны, которых лучше бы и не знать. Меня начала бить дрожь, но Чопин грубо схватил меня, вонзив свои тонкие пальцы в мое плечо, и приказал не шевелиться.

Пока мы тесно жались друг к другу в этой угрюмой подземной пещере, профессор возбужденно шептал о том, что, по его словам, притаилось в темноте впереди нас. Он мне докажет прямо сейчас, что говорил правду, только я должен подождать его, пока он рискнет сходить туда, в темноту. А возвратившись, он принесет мне

доказательства. Сказав это, профессор поднялся и скользнул вперед, почти мгновенно растворившись в одном из тоннелей прямо передо мной. Он так неожиданно покинул меня, что я даже не успел ему возразить.

Я сидел в темноте и ждал, не осмеливаясь признаться себе, чего именно ждал. Вернется ли Чопин? Было ли это только дьявольской ловушкой? Сумасшедший ли профессор или это все правда? Если правда, то что может случиться с ним в том лабиринте? И что может произойти со мной? Я был идиотом, когда согласился прийти сюда. Это предприятие с самого начала было какой-то авантюрой. Наверное, те книги не так уж абсурдны, как я о них думал: земля может вскормить своей бессмертной грудью самые отвратительные создания.

Голубоватое свечение казалось особенно плотным около тусклого кольца света от моего маленького фонарика, отбрасывающего резкие тени на сталактитовые стены. Мне эти тени не нравились — они были искаженные, ненормальные, беспокоили своей глубиной. Тишина таила в себе еще больше опасности; она как будто предупреждала о грядущих событиях, открыто издевалась над моим все возрастающим страхом

и одиночеством.

Минуты ползли, как неспешные гусеницы, и ничто не нарушало мертвой тишины.

Потом раздался крик. Неожиданное крещендо неописуемого безумия ударило по сводам гробниц, разбивая мое сердце, потому что я знал, что означал этот вопль. Теперь я понял — теперь, когда было слишком поздно, — что слова Чопина были правдой.

Но я не мог медлить и раздумывать, потому что из далекой темноты раздался мягкий топот — шуршащий отзвук бешеного движения. Я повернулся и помчался вверх по подземной лестнице с отчаянной быстротой. Мне не приходилось оборачиваться назад; мой слух ясно улавливал топот бегущих ног. Я ничего не слышал, кроме стука этих подошв или лап до тех пор, пока мое громкое дыхание не заглушило все остальные звуки, когда я обогнул первый виток бесконечной лестницы. Я побежал дальше, спотыкаясь, задыхаясь и жадно глотая воздух.

Сознание отключило все чувства, кроме одного — чувства смертельного страха и безумного ужаса. Бедный Чопин!

Мне показалось, что шум нарастает, потом на лестнице прямо за мной раздался хриплый лай;

животное рычание с его получеловеческими тонами вызвало у меня приступ слабости.

Все это сопровождалось до смерти отвратительным хохотом. Они приближались!

Я побежал в такт с громовым топотом за моей спиной. Я не решался взглянуть назад, но знал, что они догоняли меня. Мои волосы вставали дыбом, когда я видел нескончаемые витки извивавшейся змеей лестницы. Я мчался из последних сил и громко орал, но преследовавшие меня чудовища буквально дышали мне в спину. Вперед, вперед, вперед, вперед; ближе, ближе, ближе! Мое тело горело от боли и судорог.

Вот и конец лестницы. Я с бешеной силой протиснулся в узкий проход, так как погоня отстала от меня всего на каких-то десять ярдов. Не успел вылезти, как мой фонарик погас. Потом я судорожно толкнул камень обратно на место, прямо в морды бежавших чудовищ. Но когда я делал это, мой почти погасший фонарик на мгновение вспыхнул, и в его дрожащем свете смог разглядеть первого из своих преследователей. Потом фонарь погас совсем, я закрыл ворота склепа и, не помню как, вернулся в человеческий мир.

Я никогда не забуду той ночи, как бы ни старался стереть из памяти эти отвратительные

воспоминания. И никогда не найти мне покоя, которого я так жажду. Я даже не могу убить себя, опасаясь, что меня, вместо кремации, похоронят.

Смерть всегда желанна таким людям, каким я стал сейчас.

Я ничего не забуду, потому что знаю всю правду. Но есть одно воспоминание. Чтобы забыть его, я отдал бы душу. Это воспоминание о той секунде, когда я увидел в свете фонаря монстров — хохочущих, слюнявых чудовищ подземелья.

Потому что первым среди них был улыбавшийся, ликующий вурдалак, известный людям под именем профессора Чопина.

Перевод: Н. Демченко

Роберт Блох
Тёмный демон

Robert Bloch «The Dark Demon», 1936.

Это никогда не было изложено на бумаге — истинная история смерти Эдгара Гордона. На самом деле никто, кроме меня, не знает, что он мертв; люди постепенно забывают о странном темном гении, чьи жуткие рассказы когда-то были очень

популярны среди любителей фантастических историй. Возможно, это были его более поздние работы, которые так оттолкнули публику — кошмарные намеки и диковинные фантазии его последних книг. Многие заклеймили экстравагантно сформулированные тома как работу сумасшедшего, и даже обозреватели отказались комментировать некоторые из его неопубликованных материалов, которые он им прислал. Именно тогда его таинственная и эксцентричная личная жизнь не была достойно оценена теми, кто знал его в дни его раннего успеха. Какая бы ни была причина, он и его творения были обречены на забвение миром, который всегда игнорирует то, что не может понять. Теперь все, кто помнит его, думают, что Гордон просто исчез. Это хорошо, учитывая странный способ, которым он умер. Но я решил рассказать правду. Понимаете, я достаточно хорошо знал Гордона. Я был, сказать по правде, последним из его друзей, и видел его конец. Я в долгу перед ним за все, что он сделал для меня, и могу ли я более достойно вернуть ему этот долг, чем поведать миру истинные факты о его печальной психической метаморфозе и трагической смерти?

Если у меня получится внести ясность в эти

вещи и очистить имя Гордона от несправедливого пятна безумия, значит я жил не напрасно. Поэтому я решил все записать.

Я прекрасно понимаю, что в эту историю трудно поверить. Есть определенные, — скажем так, «сенсационные аспекты»? — которые заставили меня сделать этот шаг и раскрыть его дело перед публикой. Но у меня есть возможность погасить долг, а скорее отдать дань гению, которым однажды был Эдгар Хенквист Гордон. Итак, вот эта история.

Это произошло около шести лет назад, когда я впервые встретил его. Я даже не знал, что мы оба проживали в одном городе, пока наш общий обозреватель случайно не упомянул об этом в письме.

Я, конечно же, слышал о нем раньше. Я был подающим надежды (а временами и безнадежным) писателем-любителем, и на меня оказали большое влияние и впечатлили его работы, опубликованные в различных журналах, посвященных фантастической литературе, которую я очень любил. В то время он был известен в некоторой степени практически всем читателям таких журналов, как исключительно эрудированный писатель ужасных историй. Его стиль

принес ему известность в этой области, хотя даже тогда были те, кто насмехался над гротескностью его тем.

Но я горячо восхищался им. В результате я нанес дружеский визит вежливости мистеру Гордону в его доме. Мы стали друзьями.

Как ни удивительно, этот затворнический мечтатель, похоже, наслаждался моей компанией. Он жил один, не заводил никаких знакомств и не имел контактов со своими друзьями, кроме как благодаря переписке. Однако список его адресатов был огромен. Он обменивался письма с авторами и редакторами по всей стране, потенциальными писателями, честолюбивыми журналистами, мыслителями и студентами во всем мире. Как только я проник в его окружение, он, похоже, был доволен дружбой со мной. Излишне говорить, что я был в восторге.

То, что Эдгар Гордон сделал для меня в течение следующих трех лет не возможно должным образом рассказать. Его умелая помощь, дружеская критика и доброжелательная поддержка, наконец, преуспели в том, чтобы сделать из меня писателя, а после всего этого наши взаимные интересы создали дополнительную связь между нами.

То, что он рассказывал о своих великолепных историях, поражало меня. Нечто подобное я подозревал с самого начала.

Гордон был высоким, худым, угловатым человеком с бледным лицом и глубокими глазами, которые выдавали в нем мечтателя. Его язык был поэтическим и глубоким; его движения были почти сомнамбулистичны в их выработанной неторопливости, как будто разум, который руководил его механическими движениями, был чужим и далеким. По этим знакам, естественно, я мог бы догадаться о его тайне. Но я этого не сделал и был очень удивлен, когда он первый заговорил об этом.

Эдгар Гордон написал все свои истории из снов! Сюжет, постановка и персонажи были продуктом его собственных красочных грез — все, что ему было нужно, это перенести свои фантазии на бумагу.

Позже я узнал, что это не совсем уникальное явление. Покойный Эдвард Лукас Уайт[28] утверждал, что написал несколько книг, основанных исключительно на ночных фантазиях. Г. Ф. Лавкрафт произвел на свет целый ряд великолепных

---

[28] Примечания: 28

Эдвард Лукас Уайт (11 мая 1866 — 30 марта 1934) — американский писатель и поэт.

рассказов, вдохновленный аналогичным источником. И, конечно же, Кольридж[29] увидел своего Кубла-хана во снах. Психология полна примеров, свидетельствующих о возможности ночного вдохновения. Но тем, что делало признание Гордона настолько странным, были некоторые личные особенности, связанные с его собственными стадиями сна. Он совершенно серьезно утверждал, что может закрыть глаза в любое время, позволить себе расслабиться в сонной позе и продолжить грезить. Не имело значения, было ли это сделано днем или ночью, спал ли он пятнадцать часов или пятнадцать минут. Он казался особенно восприимчивым к подсознательным впечатлениям.

Мои небольшие исследования в области психологии заставили меня поверить, что это была форма самогипноза, и что его быстрые погружения в сон были действительно определенной стадией месмерического просачивания, во время которого субъект был открыт для любого внушения.

Побуждаемый интересом, я очень внимательно

---

[29] Примечания: 29

Сэмюэл Тэйлор Кольридж (21 октября 1772 — 25 июля 1834) — английский поэт-романтик, критик и философ, выдающийся представитель «озёрной школы».

расспрашивал его о содержании этих снов. Сначала он отвечал охотно, как только я рассказал ему о своих собственных идеях по этому вопросу. Он поведал несколько из них мне, их я записал в блокнот для будущего анализа.

Фантазии Гордона были далеки от обычных фрейдовских сублимаций или типов репрессий. Не было заметных скрытых шаблонов желаний или символических фаз. Они были чем-то чуждым. Он рассказал мне, как ему приснился сон, легший в основу его знаменитой истории о Горгулье; о черных городах, которые он посетил на сказочных внешних краях пространства, о странных обитателях, которые говорили с ним с бесформенных престолов, что существовали вне всякой материи. Его яркие описания ужасающей странной геометрии и ультра-земных форм жизни убедили меня в том, что он обладал не обычным разумом, способным породить такие жуткие и тревожные тени.

Легкость, с которой он помнил яркие детали своих снов, также была необычной. Казалось, что он вообще не видел размытых ментальных концепций; он вспоминал каждую деталь из снов, которые видел, возможно, несколько лет назад. Время от времени он замалчивал часть

своих описаний, говоря в оправдание то, что «невозможно вразумительно описать эти вещи человеческой речью». Он утверждал, что все видел и многое понимал из того, что невозможно изобразить в трехмерном виде, и что во сне он мог чувствовать цвета и слышать ощущения.

Естественно, это была захватывающая область исследований для меня. Отвечая на мои вопросы, Гордон однажды сказал мне, что он помнит все свои сны, начиная с самого раннего в детстве и до наших дней и что единственное различие между первым и последним было в увеличении интенсивности. Теперь он утверждал, что чувствует свои впечатления гораздо сильнее.

Место действия снов было необычайно постоянно. Почти все они происходили среди пейзажей, которые, как он каким-то образом узнал, находились вне нашего собственного пространства. Горы черных сталагмитов; пики и конусы среди кратерных долин мертвых солнц; каменные города в звездах; все это было обычным явлением. Иногда он ходил или летал, еле тащился или двигался неопределенным способом рядом с неописуемыми расами с других планет. Монстры, которых он описывал, обладали определенным интеллектом, и существовали только в газообраз-

ном, туманном состоянии, а так же были другие, которые представляли собой воплощения немыслимой силы.

Гордон всегда сознавал, что сам присутствует во сне. Несмотря на удивительные и часто нервные приключения, которые он описывал, он утверждал, что ни одно из этих изображений сна не может быть классифицировано как кошмары. Он никогда не боялся. Действительно, временами он испытывал любопытное изменение личности, так что он считал свои сны реальными, а его бодрствующую жизнь нереальной.

Я расспрашивал его об этом как можно глубже, но у него не было никаких объяснений. Его семейная история была обычной в этом и в любом другом отношении, хотя один из его предков был «колдуном», в Уэльсе. Сам он не был суеверным человеком, но он был вынужден признать, что некоторые его сны с любопытством совпадали с определенными отрывками из таких книг, как «Некрономикон», «Тайны червя», и «Книга Эйбона». Но он видел подобные сны задолго до того, как его разум побудил его прочитать древние тома, упомянутые выше. Он был уверен, что видел «Азозат», и «Юггот», еще до того, как узнал об их полумифическом существовании в легендарных

знаниях древних времен. Он мог описать «Ньярлатотепа», и «Йог-Сотота», утверждая, что имел реальный контакт во снах с этими аллегорическими сущностями.

Я был глубоко впечатлен этими заявлениями и, наконец, был вынужден признать, что у меня не было логического объяснения. Он сам настолько серьезно относился ко всему этому, что я никогда не пытался шутить или высмеивать его мнение.

Действительно, каждый раз, когда он писал новую историю, я очень серьезно расспрашивал его о сне, который вдохновил его, и в течение нескольких лет он рассказывал мне о таких вещах на наших еженедельных встречах.

Но именно в это время он перешел к новой фазе написания текстов, из-за которой приобрел всеобщую немилость. Журналы, которые печатали его работы, стали отказываться от некоторых рукописей аргументируя, что они слишком ужасны и отвратительны для популярных вкусов. Его первая опубликованная книга «Ночные призраки», была неудачей из-за болезненности ее темы.

Я ощущал тонкие изменения в его стиле и сюжетах. Он больше не придерживался традиционной сюжетной мотивации. Он начал рассказывать свои истории от первого лица, но рассказчик

в них не был человеком. Его выбор слов четко указывал на гиперестезию[30].

В ответ на мои возражения по поводу введения нечеловеческих идей он утверждал, что настоящую жуткую историю следует рассказывать с точки зрения самого монстра или подобной сущности. Для меня это была не новая теория, но я действительно возражал против ужасно болезненной ноты, которую сейчас подчеркивали его рассказы. Кроме того, его нечеловеческие персонажи не были обычными упырями, оборотнями или вампирами. Вместо них он представлял странных демонов, звездных существ и даже написал рассказ о лишенном телесной оболочки интеллекте, который назвал «Принцип Зла».

Этот материал был не только метафизическим и неясным, но так же безумным в отношении любой нормальной концепции мысли. Идеи и теории, которые он излагал, становились абсолютно кощунственными. Взгляните на его вступительное заявление в «Душе Хаоса»:

> Этот мир — всего лишь крошечный остров в темном море Бесконечности, и здесь

---

[30] Примечания: 30

Гиперестезия (Hyperesthesia) — чрезмерная физическая чувствительность.

ужасы кружатся вокруг нас. Вокруг нас? Лучше сказать среди нас. Я знаю, потому что я видел их в своих снах, и существуют в этом мире вещи, которые скрыты от разума.

«Душа Хаоса», между прочим, была первой из его четырех частных печатных книг. К этому времени он потерял все контакты с регулярными издателями и журналами. Он также оставил большинство своих обозревателей и сосредоточился на нескольких эксцентричных мыслителях на Востоке. Его отношение ко мне тоже изменилось. Он больше не рассказывал мне о своих снах и не излагал теории сюжета и стиля. Я не посещал его теперь столь часто, как прежде, и он отверг мои попытки примирения с явной резкостью.

Думаю, это все было к лучшему, учитывая последние несколько встреч, которые мы провели вместе. Во-первых, мне не нравились некоторые из новых книг в его библиотеке. Оккультизм можно изучать, но кошмарные арканы «Cultes des Goules», и «Daemonolorum», не благоприятствуют здоровому состоянию души. К тому же его последние рукописи были чересчур дикими. Я не был рад той серьезности, с которой он относился

к неким загадочным знаниям; некоторые из его идей были слишком сильны. В другое столетие его преследовали бы за колдовство, если бы он осмелился высказать хотя бы половину убеждений, содержащихся в этих работах.

Были и другие факторы, которые почему-то заставляли меня частично радоваться тому, что он стал сторониться меня. Всегда тихий отшельник по своему выбору, но теперь его затворнические тенденции были явно усилены. Он больше не выходит, сказал он мне, даже не спускается во двор. Пищу и другие предметы первой необходимости ему еженедельно оставляют у двери. Вечером он не зажигает свет, кроме маленькой лампы в кабинете. Все, что он говорил об этой жесткой рутине, было уклончивым. Он сказал, что все своё время проводил во снах и писал.

Он стал тоньше, бледнее и двигался с еще более мистической медлительностью, чем когда-либо прежде. Я подумал о наркотиках; он стал похож на обычного наркомана. Но его глаза не были лихорадочными пылающими сферами, что прекрасно характеризует пожирателя гашиша, и он не потерял своей физической формы, как если бы употреблял опиум. Тогда я стал подозревать, что это безумие; его отрешенная манера речи и

его подозрительный отказ от глубокого разбора любого предмет разговора могли быть вызваны каким-то нервным расстройством. Он был по природе восприимчив к определенным шизоидным характеристикам. Возможно, он был сумасшедшим.

И то, что он рассказывал в последнее время о своих снах, как правило, подтверждало мою теорию. Я никогда не забуду финальное обсуждение его снов, пока я живу — по причинам, которые скоро станут очевидными.

Он рассказывал мне о своих последних историях с некоторой неохотой. Да, они были вдохновлены снами, как и все остальные. Он не писал их для публичного распространения, и редакторы и издатели могли бы ужаснуться от всего, что вызывало теперь его интерес. Он написал их, потому что ему сказали написать их. Да, сказали. Разумеется некое существо в его снах. Он не хотел говорить об этом, но так как я был другом…

Я убедил его. Сейчас я очень жалею, что сделал это; возможно, тогда я мог бы уберечь себя от тех знаний, которые узнал впоследствии…

Эдгар Хенквист Гордон сидел в бледных лучах луны, сидел у широкого окна с глазами, кото-

рые были равны прокаженному лунному свету жуткой интенсивностью их мертвенно-бледного свечения…

— Теперь я знаю о своих снах. Я был избран с самого начала, чтобы быть Мессией, посланником Его слова. Нет, это не связано с религией. Я не говорю о Боге в обычном понимании этого слова, которое используют люди, чтобы обозначить любую силу, которую они не в состоянии понять. Я говорю о Темном. Ты читал о Нем в тех книгах, что я тебе показал; Посланник Демонов, так они называют Его. Но это все аллегорично. Он не Зло, потому что не существует такой вещи, как Зло. Он просто чужой. И я должен быть Его посланником на земле.

Не волнуйся так! Я не злюсь. Ты слышал об этом раньше — как старшие люди поклонялись силам, которые когда-то проявлялись физически на Земле, как Темный, который выбрал меня. Легенды глупы, конечно же. Он не разрушитель — просто высший интеллект, который хочет обрести умственную связь с человеческими разумами, чтобы дать возможность — ах — обмена между человечеством и Теми, кто находится за пределами.

Он говорит со мной во снах. Он велел мне пи-

сать мои книги и раздавать тем, кто знает. Когда наступит подходящее время, мы объединимся и раскроем некоторые из секретов космоса, о которых люди только догадываются или лишь ощущают во сне.

Вот почему я всегда грезил. Я был выбран, чтобы учиться. Вот почему мои сны явили мне такие вещи как «Юггот», и все остальные. Теперь я готовлюсь к моему — ах — апостольству. Я не могу рассказать тебе больше. Сегодня я должен много писать и спать, чтобы учиться еще быстрее.

Кто этот Темный? Я не могу тебе рассказать о нем больше. Полагаю, ты уже думаешь, что я сумасшедший. Сейчас много сторонников этой теории. Но не я. Это правда!

Ты помнишь все, что я рассказал тебе о своих снах, — как они становились все более интенсивными? Достаточно хорошо. Несколько месяцев назад у меня были различные эпизоды снов. Я был в темноте — не обычной темноте, которую ты знаешь, но абсолютной темноте вне пространства. Ее невозможно описать в трехмерных концепциях или мысленных образцах: темнота имеет звук и ритм, сродни дыханию, потому что она живая. Я был просто бестелесным разумом, когда увидел Его.

Он вышел из темноты — ах — и общался со мной. Не словами. Я благодарен, что мои предыдущие сны были устроены так, чтобы подготовить меня к визуальному ужасу. В противном случае я никогда не смог бы взглянуть на Него. Понимаешь, он не похож на людей, и форма, которую он выбрал, очень страшна. Но, как только ты поймешь, то сможешь принять, что форма столь же аллегорична, как легенды невежественных людей повествующие о Нем и других.

Он похож на средневековую концепцию демона Асмодея. Весь черный и пушистый, с мордой, как у свиньи, зелеными глазами, когтями и клыками дикого зверя.

Я не испугался после того, как Он обратился ко мне. Видишь ли, он носит эту форму только потому, что глупые люди в прежние времена считали, что Он выглядит именно так. Массовое верование оказывает любопытное влияние на неосязаемые силы, понимаешь. И люди, думая, что это силы зла, заставили их принять сторону зла. Но он не несет вред.

Хотел бы я рассказать о некоторых из тех вещей, что Он поведал мне.

Да, я видел Его каждую ночь с тех пор. Но я обещал ничего не раскрывать, пока не настанет

нужный день. Теперь, когда я понимаю, мне больше не интересно писать о стаде. Я боюсь, что человечество ничто не значит для меня, так как я узнал о местах, которые лежат за пределами, — и о том, как их достичь.

Ты можешь уйти и смеяться надо мной, если хочешь. Все, что я могу сказать, это то, что ничто в моих книгах не было преувеличено ни малейшим образом, и что они содержат только бесконечно малые проблески высших откровений, которые скрываются за пределами человеческого сознания. Но когда придет день, который Он назначил, тогда весь мир узнает правду.

До тех пор тебе лучше держаться подальше от меня. Я не должен отвлекаться, каждый вечер впечатления становятся все сильнее и сильнее. Я сплю восемнадцать часов в день, потому что есть так много, что Он хочет сказать мне, так много, чему нужно научиться в процессе подготовки. Но когда наступит день, я стану божеством — Он обещал мне, что каким-то образом я буду воплощен вместе с Ним!

Такова была суть его монолога. Я вскоре ушел. Я ничего не мог сказать или сделать. Но позже я много думал о том, что он сказал. Он совсем пропал, бедный парень, было очевидно, что еще

месяц или около того и он приведет к краху. Я искренне сожалел и был глубоко обеспокоен этой трагедией. В конце концов, он много лет был моим другом и наставником, и он был гением. Это было слишком плохо.

Тем не менее, это была странная и тревожно-последовательная история. Это, безусловно, соответствовало его предыдущим рассказам о жизни в снах, и легендарный фон был подлинным, если верить «Некрономикону». Я задавался вопросом, был ли его Темный связан с историями о Ньярлатотепе или «Темном Демоне», из ритуалов ведьм.

Но вся эта глупость о «дне», и о том, что он «Мессия», на Земле была слишком абсурдной. Что он имел в виду под обещанием Темного воплощения в себе Гордона? Демоническая одержимость — это старая вера, пользующаяся доверием только у суеверных детей.

Да, я много думал обо всем этом. В течение нескольких недель я провел небольшое расследование. Я перечитывал его последние книги, переписывался с бывшими редакторами и издательствами Гордона, отправил записки своим старым друзьям. И я даже изучил некоторые из старых колдовских томов. Я ничего не ощутил во

всем этом, кроме растущего осознания того, что что-то нужно делать, чтобы спасти Гордона от самого себя. Я ужасно боялся за ум этого человека, и я знал, что должен действовать быстро. Итак, однажды ночью, примерно через три недели после нашей последней встречи, я вышел из дома и направился к нему. Я собирался умолять его, если будет нужно, уехать вместе со мной; или, по крайней мере, настаивать на том, чтобы он согласился на медицинское обследование. Почему я положил в карман револьвер, я не могу сказать, — какой-то внутренний инстинкт предупредил меня, что я могу встретить сильный отпор.

Во всяком случае, у меня был пистолет в моем пальто, и я крепко сжимал его рукоять одной рукой, когда двигался по нескольким темным улицам, которые вели к его старому жилищу на Кедровой улице.

Была безлунная ночь, омраченная зловещими намеками на грозу. Набирающий силу ветер, который предупреждал о приближающемся дожде, уже раскачивал темные ветви деревьев над головой, а на западе периодически вспыхивали молнии.

Мой разум был хаотичным беспорядком из

опасений, беспокойства, решимости и скрытого недоумения. Я даже не мог объяснить, что собираюсь сделать или сказать, как только увижу Гордона. Я продолжал задаваться вопросом, что с ним случилось за эти последние несколько недель, — наконец, приближался ли тот самый «день», о котором он говорил.

Сегодня была майская ночь…

В доме было темно. Я звонил и звонил, но ответа не последовало. Дверь открылась под ударом моего плеча. Шум треснувшего дерева был заглушен первым рокотом грома над головой.

Я прошел по коридору к кабинету. Вокруг было темно. Я открыл дверь кабинета. Здесь находился человек, спящий на диване у окна. Это был, несомненно, Эдгар Гордон.

Какие сны он видит? Встретил ли Темного в своих грезах? Темного, «похожего на Асмодея, — черного, пушистого, с зелеными глазами, свиной мордой и когтями и клыками какого-то дикого зверя»; Темного, который рассказал ему о «дне», когда Гордон должен был воплотиться вместе с Ним? Какие видит сны он в эту майскую ночь? Эдгар Хенквист Гордон, погруженный в странные сны на диване у окна…

Я потянулся к выключателю света, но вне-

запная вспышка молнии опередила меня. Это продолжалось всего секунду, но она была достаточно яркой, чтобы осветить всю комнату. Я увидел стены, мебель, ужасные небрежно написанные рукописи на столе.

Затем я сделал три выстрела из револьвера, прежде чем мерцание исчезло. Раздался один жуткий крик, который был милостиво утоплен в новом раскате грома, это кричал я сам. Я так и не включил свет, лишь собрал бумаги на столе и выбежал под дождь.

По дороге домой струи дождя смешивались со слезами на моем лице, и я вторил каждому новому грохоту грома с рыданиями от смертельного страха.

Однако я не мог вынести свет молний и закрывал глаза, когда слепо бежал к безопасности своих комнат. Там я сжег бумаги, которые принес, не читая их. Я не нуждался в этом, потому что больше нечего было знать. Это было несколько недель назад. Когда, наконец, я снова вошел в дом Гордона, то не обнаружил его тела — только пустой костюм, который выглядел так, будто был брошен небрежно на диване. Ничто другое не было нарушено, но полиция указала на отсутствие документов Гордона как признак того, что он

взял их с собой, когда исчез.

Я очень рад, что ничего больше не было найдено, и был бы удовлетворен хранить молчание, если бы не тот факт, что Гордона считали безумным. Я тоже считал его ненормальным, таким образом, вы видите, что я должен говорить. После этого я уеду отсюда, потому что хочу забыть столько сколько смогу. При этом мне повезло, что я не вижу снов. Нет, Эдгар Гордон не был сумасшедшим. Он был гением и прекрасным человеком. Но он рассказал правду в своих книгах — о тех ужасах, что находятся вокруг нас и среди нас. Я не смею сказать, что теперь верю в его сны, и были ли его последние истории истинными. Возможно, это была просто оптическая иллюзия, которую я увидел. Надеюсь, что это так. Но все-таки его одежда была там…

Эти последние сны — о Темном, который ждал подходящего дня и кто воплотился бы с Гордоном… Я знаю теперь, что означает это воплощение, и содрогаюсь, когда думаю о том, что могло бы произойти, если бы я не пришел туда вовремя. Если бы это был миг пробуждения.

Я благодарю Бога, что я был там вовремя, хотя память — это преследующий меня ужас, который я не могу долго терпеть. Мне очень повезло, что у

меня был с собой револьвер.

Потому что, когда свет молнии осветил комнату, я увидел то, что лежало, погрузившись в сон на диване у окна. То во что я выстрелил, что заставило меня кричать в шторм, и именно поэтому я уверен, что Гордон не был сумасшедшим, но говорил правду.

Ибо воплощение произошло. Там на диване, одетый в одежду Эдгара Хенквиста Гордона, лежал демон, похожий на Асмодея — черное, пушистое существо с мордой свиньи, зелеными глазами и ужасными клыками и когтями какого-то дикого зверя. Это был Темный из снов Эдгара Гордона!

Перевод: Р. Дремичев

Роберт Блох
Куколка

Robert Bloch «The Mannikin», 1937.

Сразу должен оговориться: я не очень уверен, что история, которую собираюсь рассказать, произошла на самом деле. Может быть, весь этот кошмар мне просто приснился, а если это был

сон наяву, то, очевидно, это было первым симптомом страшного психического расстройства. Сам же я, конечно, не вижу причин сомневаться в истинности собственных ощущений. Что знаем мы, в конце концов, о реальной картине жизни на Земле?

Чудовищные уродства, мерзкие извращения, в которые разум отказывается верить, — все это существует, живет рядом с нами. С каждым годом в копилке открытий — научных ли, географических или философских — накапливаются все новые и новые факты, подтверждающие так или иначе одну простую истину: мир наш, оказывается, совсем не таков, каким мы его, в наивной слепоте своей, вообразили. С некоторыми из нас время от времени происходят странные вещи, в результате чего каждый раз завеса перед неведомым чуточку приподнимается. И выясняется: дикий, невообразимый ужас — здесь, совсем рядом! Позвольте, а есть ли вообще у человека основания полагать, будто выдуманный им «окружающий мир», существует реально?

Впрочем, судьба посвящает в страшную тайну лишь одного из миллиона, оставляя гигантские массы людей в блаженном неведении. То и дело слышим мы о пропавших без вести путешествен-

никах, об ученых, сгинувших вдруг бесследно, — и тут же, не моргнув глазом, объявляем безумцем смельчака, который, чудом вернувшись в нашу реальность, осмеливается рассказать миру о том, что он увидел за ее пределами. Многие в такой ситуации предпочитают помалкивать, и вряд ли стоит тому удивляться. Так и живет человечество, не подозревая о том, что поджидает его совсем рядом, за порогом привычного бытия.

Мрак этот понемногу просачивается в нашу жизнь: то и дело слышим мы разговоры о каких-то морских чудовищах и подземных тварях, вспоминаем легенды о карликах и гигантах, читаем научные сообщения о случаях противоестественного зачатия и рождения. Войны, эпидемии, голод — все это пробивает брешь в незримой стене: черная гидра кошмара выползает из-под фальшивого фасада человеческой сути, и тогда узнаем мы о людоедстве и некрофилии, о гуллях, пожирающих трупы, о гнусных ритуалах жертвоприношений, о маниакальных убийствах и преступлениях, оскверняющих само имя Бога.

Сейчас, размышляя о том, что довелось мне пережить самому, сравнивая свой собственный опыт с рассказами других таких же невольных очевидцев, я начинаю опасаться за собственный

разум. Поэтому, если можно только придумать сколько-нибудь правдоподобное объяснение всей этой истории, я молю Господа: пусть же кто-то это сделает, и как можно скорее!

Доктор Пирс говорит, что я нуждаюсь в полном покое. Он-то, кстати, и предложил мне изложить свои воспоминания на бумаге, надеясь, очевидно, хотя бы таким образом остановить нарастающий поток ужаса, который вот-вот, кажется, настигнет меня и поглотит навсегда. Но нет покоя в душе моей и не будет его до тех пор, пока я не узнаю всей правды или пока не встретится на моем пути человек, который сумеет раз и навсегда убедить меня в том, что все эти страхи не имеют под собой абсолютно никаких оснований.

К тому моменту, когда я оказался в Бриджтауне, нервы мои, признаться, были уже порядком расшатаны. Последний год в колледже отнял у меня много сил, так что из тисков изнуряющей учебной рутины я вырвался с неописуемым облегчением. Убедившись в том, что успех нового лекционного курса по меньшей мере на год обеспечил мне достаточно прочное положение на факультете, я решил наконец взять долгожданный отпуск, а все мысли, так или иначе связанные с академической деятельностью, разом выбросить из головы.

Чем соблазнил меня Бриджтаун в первую очередь, так это озерцом — идеальным, судя по всему, местечком для ловли форели. В том ворохе рекламной макулатуры, которую я не преминул заранее проштудировать, этому тихому и скромному сельскому курорту не было посвящено ни строчки, а случайно попавшийся мне на глаза проспектик не сулил заезжему счастливцу ни площадок для гольфа, ни трасс для конной выездки, ни открытых плавательных бассейнов. О званых ужинах, грандиозных балах и духовых оркестрах «на восемнадцать персон», здесь также не было сказано ни слова. Окончательно обезоруженный отсутствием даже упоминания о «великолепии лесных и озерных пейзажей», украшающих этот «райский уголок, затерявшийся на Земле благодаря чудесной ошибке природы», или о «лазурных небесах и изумрудных чащах», предлагавших, как водится, зачарованному путешественнику «вкусить эликсир вечной юности», ни много ни мало — я собрал свою коллекцию курительных трубок, упаковал саквояж и, забронировав телеграммой номер в отеле, отправился в путь.

Первые впечатления о Бриджтауне в полной мере оправдали мои ожидания. До сих пор с уми-

лением вспоминаю я эту невзрачную деревушку, расположившуюся на берегу озера Кейн — чудом уцелевший осколок минувшей эпохи, островок давно позабытой всеми чистой, здоровой жизни, — и ее жителей, тихих и скромных людей, ничуть не испорченных тлетворным духом цивилизации. Ни тракторов с автомобилями, ни вообще какой-нибудь техники я здесь не заметил; несколько телефонных будок да проходящее в стороны шоссе — вот, похоже, и все, что связывало Бриджтаун с внешним миром. Да и приезжих тут было немного — в основном охотники да рыбаки. Главное, не видно было ни живописцев, ни разного рода «эстетов», — дилетантствующих и профессиональных, — имеющих прескверное обыкновение наводнять в летние месяцы самые благодатные уголки природы. Впрочем, тут бы, наверное, такую публику и терпеть не стали: местные жители, при всей своей необразованности, обладают природной проницательностью и малейшую фальшь в человеке чувствуют за версту. Что ж, лучшего места для отдыха трудно было и пожелать.

В трехэтажной гостинице под названием «Гейнс-хаус», расположившейся на берегу почти у самой воды, всеми делами заправлял Абессалом

Гейнс, седовласый джентльмен старой закалки, чей отец, как я слышал, поднимал здесь рыбный промысел еще в шестидесятых годах прошлого века. Нынешний владелец дома если и был знатоком этого дела, то явно лишь в потребительской его части. Светлые, просторные комнаты, обильная пища — плод кулинарных изысканий вдовствующей сестры Гейнса и верной его помощницы, — все это и многое другое давно уже превратило «Гейнс-хаус», в рыбацкую мекку.

Полностью удовлетворенный первыми впечатлениями, я приготовился в предвкушении исключительного времяпрепровождения расслабиться, как вдруг: во время первой же прогулки по деревенским улочкам лицом к лицу столкнулся с Саймоном Мальоре.

Впервые мы с ним встретились на втором семестре во время моего пребывания в колледже, и с первых же минут знакомства молодой человек этот произвел на меня неизгладимое впечатление, причем отнюдь не только своей внешностью. Впрочем, выглядел Саймон действительно более чем своеобразно: высокий рост и необыкновенная худоба, широченные плечи и безобразно искривленная, уродливая спина резко выделяли его из общей студенческой массы. Мальоре

не был, по-видимому, горбуном в привычном смысле этого слова, но из-под левой лопатки его выпирал какой-то опухолевидный нарост, отчего туловище казалось переломленным пополам. Как ни пытался бедняга скрыть свой природный дефект, все было безрезультатно.

В остальном же Саймон Мальоре производил необычайно приятное впечатление. У него были чёрные волосы, серые глаза, нежная белая кожа и в целом благороднейший облик яркого представителя лучшей части мыслящего человечества.

Незаурядным умом своим прежде всего и поразил меня Саймон с первых же минут нашего знакомства. Литературные работы его были не просто блестящи — они поражали удивительной законченностью логических построений, поистине божественным полетом мысли. В поэтическом творчестве наш странный студент, правда, явно шел на поводу у собственного, несколько болезненного, воображения, но уж по крайней мере, сказочные образы, рожденные его мрачной фантазией, никого не могли оставить равнодушным. Одно из стихотворений Мальоре, «Ведьма повешена», удостоилось ежегодной премии фонда Эджуорта, несколько других осели в различных частных антологиях.

В общем, обладатель столь незаурядного таланта, разумеется, заинтриговал меня необычайно. Сам он, впрочем, все мои попытки к сближению встречал с прохладцей, явно давая понять, что любому обществу предпочитает уединение, и долгое время я никак не мог уразуметь, чем же вызвана такая замкнутость — своеобразием ли характера или, может быть, болезненным осознанием физической ущербности.

Саймон снимал квартиру в несколько комнат и, судя по всему, явно не был стеснен в средствах. Отношений с товарищами по учебе он почти не поддерживал, хотя в любой компании был бы, конечно, принят с радостью: всех восхищали в нем живой ум, изысканные манеры и не в последнюю очередь выдающиеся познания в различных областях литературы и искусства. Время шло, и барьер его природной застенчивости стал давать первые трещины. Постепенно мне удалось завоевать расположение своего талантливого студента, и очень скоро мы стали встречаться у него на квартире, коротая вечера в долгих беседах. Тут-то я впервые узнал о непоколебимой вере Саймона в оккультные науки, в магическую силу тайного знания. Кое-что рассказал он мне и о своих итальянских предках (один из них, если

не ошибаюсь, был приближенным Медичи): все они перебрались в Америку в незапамятные времена, спасаясь от преследования инквизиции. Патологический интерес к черной магии, судя по всему, перешел к моему другу по наследству. Постепенно я стал узнавать и о собственных его изысканиях в тех областях знания, которые принято считать запретными. Оказалось, например, что сюжеты рисунков, которыми была буквально усеяна вся его квартира, были заимствованы им из сновидений; не менее удивительные образы нашли своё воплощение в глине. Что же касается книг — старых и в большинстве своем очень странных, — то они здесь занимали практически все полезное пространство. Из знакомых мне названий я отметил «Поедание мертвых в гробах», Рантфа издания 1734 года, бесценный греческий перевод «Субботней Каббалы», датированный 1686 годом, «Комментарий к чернокнижию», Майкрофта и скандально нашумевшую в своё время «Тайны червя», Людвига Принна.

Осенью 1933 года отношения наши были внезапно прерваны известием о смерти его отца. Даже не попрощавшись со мной, Саймон оставил колледж — как оказалось впоследствии, навсегда — и спешно отбыл на Восток. Неизгладимый

след оставили в душе моей эти несколько лет нашей странной дружбы: за это время я успел не только проникнуться глубоким уважением к Саймону Мальоре, но и всерьез заинтересоваться его творческими планами, которые были, кстати сказать, весьма обширны: он собирался всерьез приступить к изучению истории колдовских культов Америки, а также продолжать работу над романом, художественными средствами вскрывающим суть такого явления, как суеверие, и исследующим механизм действия суеверия на человеческую психику. Увы, за все это время Саймон не написал мне ни строчки, и вплоть до этой случайной встречи на деревенской улочке Бриджтауна я не имел ни малейшего представления о том, как сложилась дальнейшая судьба моего друга.

Мальоре окликнул меня первым, иначе мы бы, наверное, разминулись. Он изменился неузнаваемо: постарел, весь как-то сник, я бы сказал, опустился. Лицо осунулось и побледнело; тень от черных кругов, что пролегли под глазами, запала, казалось, глубоко внутрь, в самый взгляд. Саймон протянул руку, и я с ужасом увидел, как дрожит его ладонь, как напряглось искаженное нервной гримасой лицо. В привычной своей великосвет-

ской манере он осведомился о моем здоровье, но голос его прозвучал неожиданно глухо и слабо.

Объяснив в двух словах причину своего появления в Бриджтауне, я с нетерпением стал его расспрашивать. Выяснилось, что после смерти отца он живет здесь, в фамильном особняке, напряженно работает над новой книгой и очень надеется на то, что усилия его будут в конечном итоге вознаграждены. Впрочем, уже через несколько минут, сославшись на усталость, Саймон извинился за свой неряшливый вид и недвусмысленно подвел под нашим разговором черту: хотелось бы, мол, побеседовать пообстоятельней, но в ближайшие дни он будет занят; на следующей неделе, может быть, он сам заглянет ко мне в гостиницу, а пока должен бежать: нужно успеть еще в лавку, купить бумагу…

Распрощавшись с какой-то странной поспешностью, Саймон повернулся, чтобы уйти. В этот момент я случайно взглянул на его спину и замер, будто пораженный током: горб вырос чуть ли не вдвое! Но что могло послужить причиной столь разительных перемен — неужели одна только изнурительная работа? При мысли о саркоме у меня мороз пошел по коже.

По дороге в отель я не переставая думал о стран-

ной встрече. Более всего поразила меня в Саймоне крайняя истощенность. То, что работа над новой книгой самым пагубным образом сказалась на его здоровье, сомнений не вызывало: должно быть, выбор темы также не способствовал сохранению душевного равновесия. Замкнутый образ жизни, постоянное нервное перенапряжение — похоже, все это привело моего друга на грань катастрофы. Я твердо решил взять над ним опекунство; для начала следовало навестить его, причем немедленно, не дожидаясь приглашения, а потом — потом что-то предпринимать. И чем скорее, тем лучше.

Вернувшись в гостиницу, я решил разузнать у старого Гейнса все, что тому известно о Саймоне Мальоре: о его работе и жизни здесь, может быть, даже о причинах внезапно происшедших с ним перемен. История, рассказанная хозяином гостиницы, признаться, застала меня врасплох. По его словам выходило, будто уже одно только имя Мальоре повергает жителей в трепет, а последнего из них, «мастера Саймона», здесь боятся особенно.

За этой семьей, одной из самых богатых в округе, закрепилась поистине зловещая репутация. Род Мальоре, если верить молве, сплошь состоял

из колдунов и ведьм. Темные делишки свои они, конечно, изо всех сил скрывали от посторонних глаз, ну да разве в деревне что-нибудь утаишь…

Похоже, мир не знал еще такого Мальоре, которого природа не наградила каким-нибудь физическим недостатком. Одни из них появлялись на свет Божий с ужасными кожными наростами на лице, другие — с вроденной косолапостью. Никталопов, то есть тех, кто видит ночью не хуже, чем днем, среди них было великое множество, а уж о пресловутом «дурном глазе», вряд ли стоит и говорить. В роду Мальоре было двое карликов; впрочем, хватало и горбунов: до Саймона таким увечьем страдали по меньшей мере еще двое — его отец и прапрадед.

О скрытности Мальоре здесь слагались легенды, немало разговоров ходило и о кровосмесительных браках. Все это — по мнению местных жителей (которое Гейнс безоговорочно разделял) — свидетельствовало об одном: семейка явно знается с нечистой силой. Если нужны доказательства — пожалуйста. Почему, скажите на милость, Мальоре с первых дней своего пребывания здесь чурались односельчан и почти не выходили из своего дома? Чем объяснить тот факт, что никого из них ни разу не видели

в церкви? И что за сила выгоняет их из дому по ночам, когда порядочному человеку полагается спать сном праведным?.. Нет, неспроста все это. Знать, скрывают они что-то в своем особняке, страшатся какой-то огласки. Говорят, все у них там сплошь завалено богопротивными книгами. А еще ходят слухи, будто не по своей воле уехали они из той заморской страны, а изгнали их оттуда за какие-то страшные злодеяния: И потом, больно вид у них подозрительный: не иначе, и здесь замышляют что-то недоброе: Ну да, так оно и есть, скорее всего!..

Разумеется, никаких конкретных претензий предъявить Мальоре никто не мог. История не занесла в эту глушь ни вируса «охоты на ведьм», ни повальных эпидемий бесовской одержимости. Тут не слыхали ни о «лесных алтарях», ни об «оживающих», время от времени персонажах индейских мифов — тех, что призрачными монстрами кое-где разгуливают еще по чащобам. В Бриджтауне не пропадал скот, не исчезали люди — одним словом, не происходило ничего такого, в чем можно было бы прямо обвинить ненавистных пришельцев. И тем не менее семья Мальоре была окружена стеной суеверного страха. Наследника вымирающего рода здесь почему-то боялись

особенно.

Судьба невзлюбила Саймона с первых же минут его жизни. Мать мальчика умерла во время родов, причем акушеров к ней пришлось вызывать из города: местные эскулапы все как один отказались иметь дело с ужасной семьей. Каким-то чудом младенец выжил, но несколько лет его никто не видел: лишь много позже жители деревни узнали, что отец с братом сумели-таки выходить бедолагу.

Когда Саймону исполнилось семь лет, его отправили в частную школу, и в Бриджтауне он вновь появился пять лет спустя, сразу же после смерти дяди. Местные знатоки утверждали, будто тот скончался от внезапного помрачения ума: не намного более определенным был и официальный диагноз: смерть, согласно ему, наступила от кровоизлияния в мозг вследствие опять-таки какого-то необъяснимого приступа.

Саймон рос на редкость симпатичным мальчуганом; поначалу бугорок под лопаткой почти не был виден и, судя по всему, не беспокоил его. Через несколько недель после первого своего приезда мальчик опять уехал в школу и появился здесь вновь лишь два года назад, спустя несколько дней после смерти отца…

Долгие годы старик прожил в огромном пустом доме совершенно один. Тело его обнаружили случайно: проходивший мимо разносчик заглянул ненароком в раскрытую дверь и остолбенел: в огромном кресле сидел мертвец, с лицом, искаженным нечеловеческим ужасом, с остановившимся взглядом, вперившимся в пустоту. Перед покойником лежала книга в железном окладе, страницы которой были испещрены неведомыми письменами. Прибывший вскоре доктор объявил, не долго думая, что смерть наступила вследствие сердечного приступа. Но разносчик, видевший ужас в остекленевших глазах Джеффри Мальоре, успел взглянуть краем глаза на какие-то нехорошие, странно волнующие рисунки и потому имел на этот счет своё особое мнение. Ничего в комнате рассмотреть ему толком не удалось, поскольку очень скоро здесь объявился Мальоре-младший.

Сообщить Маймону о смерти отца к тому времени еще не успели, так что его приезд поверг присутствующих в состояние шока. В ответ на все расспросы юноша, ко всеобщему изумлению, извлек из кармана письмо двухдневной давности, в котором отец сообщал сыну о предчувствии скорой кончины и просил поторопиться с приездом.

Судя по всему, форма послания была продумана заранее, и тщательно подобранные фразы заключали в себе помимо очевидного еще и какой-то скрытый смысл; этим только и можно было объяснить тот весьма странный факт, что молодой человек не затруднил себя никакими расспросами об обстоятельствах смерти Мальоре-отца.

Похороны прошли тихо. По семейной традиции тело было погребено в подвальном склепе. Зловещие события, предшествовавшие возвращению Саймона в родные пенаты, само необъяснимое его появление — все это встревожило местных жителей не на шутку. Тучи страха и подозрений сгустились над старым особняком. Увы, в дальнейшем не произошло ничего, что хоть как-то помогло бы их развеять.

Саймон остался жить в доме один, без прислуги, не предпринимая ни малейших попыток сблизиться с кем-либо из соседей. Если он и появлялся иногда в деревне, то лишь для того, чтобы купить продуктов (в основном рыбы и мяса, причем, как было замечено, в изрядных количествах), загрузить их в автомобиль и снова скрыться в своей цитадели. Время от времени Саймон останавливался у аптеки и покупал снотворное. В разговоры при этом он ни с кем не вступал, на

вопросы отвечал кратко и неохотно.

По деревне прошел слух, будто бы юный Мальоре заперся в доме и пишет книгу (уровень образованности молодого человека, по-видимому, даже у недругов сомнений не вызывал). Между тем Саймон стал появляться на людях все реже. С внешностью его стало происходить нечто странное, и это немедленно сделалось предметом оживленнейших обсуждений в округе.

Во-первых, стал расти горб. Саймон носил теперь очень просторный плащ и передвигался с большим трудом, низко согнувшись, будто под тяжестью непосильной ноши. Сам он к врачам не обращался, а о чем-то спросить юношу или просто дать ему добрый совет никому, по-видимому, в голову не приходило. Во-вторых, Саймон стал буквально стареть на глазах, внешностью все более напоминая покойного дядюшку Ричарда. Все чаще в глазах его стало появляться характерное для никталопии фосфоресцентное свечение, что еще в большей степени подогрело любопытство местных обывателей. Вскоре невероятные слухи стали обрастать еще более невероятными фактами.

Саймон стал вдруг приходить на отдаленные фермы и приставать к хозяевам — людям в ос-

новном почтенного возраста — со странными расспросами. По его словам, он пишет книгу об истории фольклора и очень нуждается в местных легендах. Может быть, старожилам известно что-нибудь о здешних колдовских культах, о ритуалах у «лесных алтарей»? не затерялось ли в окрестностях избушки с привидением или просто местечка, пользующегося дурной славой? Не слыхал ли кто такого имени — Ниарлапотеп? А Шуб-Нигуррат? Или известен «Черный посланник»? Все интересовало Мальоре: и миф паскуантогских индейцев о человекозавре и любые упоминания о шабашах ведьм или появлении овечьих трупов со следами, которые свидетельствовали бы о ритуальном убийстве: От таких расспросов у фермеров волосы поднимались дыбом.

Вообще-то отдельные слухи о лесных чудищах сюда доходили — как с северного побережья, так и с восточных склонов; обитатели этих мест любили пошептаться в деревне о кошмарах. Но обсуждать такие вещи вслух, да еще с этим несчастным изгоем, никто, конечно же, не собирался. На вопросы свои Мальоре получал в лучшем случае уклончивые, а в худшем — просто грубые ответы. Впрочем, и старожилов можно

было понять: загадочные визиты эти производили на них крайне неприятное впечателние.

Слухи о похождениях горбуна мигом облетели округу. Самую сногсшибательную историю поведал своим друзьям старый фермер по фамилии Тэтчертон, чей дом стоял на отшибе у западного берега, вдали от шоссе. Как-то вечером он услышал стук в дверь: на пороге стоял Мальоре. Вынудив не слишком обрадованного хозяина пригласить его в гостиную, молодой человек принялся расспрашивать его о каком-то старом кладбище, якобы затерявшемся поблизости. По словам старика, Мальоре был близок к истерике и нес нескончаемую слезливую ахинею о «тайнах могилы», и «тринадцатом соглашении», о «пиршествах Альдера», «песнопениях Доэля», и тому подобной мистической чепухе. Что-то такое говорил он о «ритуале Отца Йинга», да еще о неких «церемониях», якобы имевших место неподалеку от кладбища, упомянул несколько конкретных, но совершенно незнакомых имен. Саймон задавал вопрос за вопросом: не замечалось ли в этих местах пропажи овец, не слышны ли в зарослях «манящие голоса», — пока не получил от хозяина на все вопросы сразу резкий отрицательный ответ. Кончилось дело тем, что Тэтчертон запретил

незваному гостю появляться здесь впредь, а тому очень хотелось, оказывается, еще и при свете дня осмотреть окрестности.

Горбун вспыхнул и готов был уже ответить резкостью, как вдруг с ним произошло нечто странное. Он побледнел, согнулся в три погибели, пробормотал что-то, похожее на извинения, и, пошатываясь побрел к двери. Со стороны могло показаться, будто у парня начались колики. Но то, что увидел в этот момент Тэтчертон, лишило его дара речи. Горб на спине у Мальоре *шевелился* — да, да, ерзал, бился в конвульсиях, будто спрятанный под плащом зверек! В ту же секунду гость резко повернулся и попятился к двери, как рак, надеясь, очевидно, хотя бы так скрыть от посторонних глаз необъяснимые движения под своей одеждой. Затем бросился за порог, по-обезьяньи припустил по дорожке и, доскакав до машины, каким-то невероятным манером плюхнулся на сиденье. Через секунду автомобиля и след простыл, а Тэтчертон так и остался стоять столбом, заранее предвкушая тот эффект, который произведет завтра его рассказ на приятелей.

С этого момента Мальоре вообще перестал появляться в деревне. Разговоры о нем здесь, впрочем, не прекращались, и все в конечном

итоге сошлись на том, что, кто бы ни был на самом деле этот горбун, благоразумнее всего будет держаться от него подальше. Вот и все в общих чертах, о чем рассказал мне старый Гейнс. Выслушав его очень внимательно, я тут же поднялся к себе с тем, чтобы как следует поразмыслить над этой историей.

О том, чтобы безоговорочно принять сторону местных жителей, для меня, разумеется, не могло быть и речи. Наоборот, жизненный опыт подсказывал мне, что «факты», эти в большинстве своем попросту выдуманы. Такова психология любой сельской общины: тут все, сколько-нибудь отличное от общепринятого, воспринимается с подозрением.

Да. семья Мальоре издавна жила в своем доме уединенно и замкнуто — и что из этого? Любая группа иммигрантов на их месте повела бы точно так же. Дурная наследственность? Несомненно! Но кто сказал, что это — прямое следствие общения с нечистой силой? Сколько же таких «колдунов», чьим единственным «преступлением», перед обществом был какой-нибудь физический недостаток, стали жертвами человеческой темноты и невежества! Кровосмешение? Не исключено. Но кто бросит камень

в этих несчастных, всюду вне стен своего дома встречавших только ненависть да еще страх? И какое все это имеет отношение к черной магии? Семьи отверженных — не редкость в сельской глубинке, и, уж конечно, участь эта выпадает отнюдь не только на долю приезжих.

Странные книги? Охотно верю. Никталопия? Почему бы нет: явление это прекрасно изучено, встречается у представителей различных народов. Пожалуй, даже вероятность умственного расстройства не следовало бы сбрасывать со счетов: человеческий разум под гнетом одиночества особенно беззащитен: да нет же! У Саймона светлая голова. Просто в своем увлечении оккультизмом он зашел слишком далеко.

О чем свидетельствует хотя бы тот факт, что в поисках материала для своей новой книги он вздумал обратиться за помощью к местным фермерам? Всего лишь о полном отсутствии жизненного опыта — и только. Откуда было знать бедняге, что эти темные люди с молоком матери впитывают в себя суеверный ужас перед неведомым, что любое отклонение от нормы воспринимается ими как дурной знак?

Впрочем, за всем этим нелепым нагромождением сплетен явственно проглядывала реальность,

слишком безрадостная и тревожная, чтобы я мог позволить себе хоть малейшее промедление. Следовало завтра же отправиться к Саймону и поговорить с ним серьезно. Необходимо вырвать его наконец из этой трясины и препоручить толковому специалисту-психиатру. Ему пора кончать с этой треклятой работой, иначе она покончит с ним: она раздавит его — физически и духовно. Окончательно утвердившись в своих намерениях, я спустился к ужину, затем вышел к озеру, чтобы полюбоваться перед сном полной яркой луной и зеркальным великолепием водной глади, после чего вернулся в гостиницу. На следующий день мне предстояло взяться за осуществление намеченного плана.

Особняк Мальоре находился примерно в полумиле от Бриджтауна. Старый запущенный дом как бы зависал на самом краю острого утеса, хмуро уставившись в пустоту огромными дырами черных окон. От одной только мысли о том, как должны выглядеть эти зияющие глазницы в безлунную ночь, мне стало не по себе. Каменное чудовище чем-то очень напоминало летучую мышь: посередине этакой злобной головкой вздымался сдвоенный центральный фронтон; длинные боковые пристройки заостренными

крыльями хищно распластались на краю обрыва. Не на шутку растревоженный собственными фантазиями, на всем своем пути по темной аллее, ведущей к дому, я был занят исключительно попытками направить ход мыслей в рациональное русло. Нажимая на кнопку звонка, я был уже совершенно спокоен. В конце концов, меня привело сюда серьезное дело.

Прозрачный звук колокольчика стеклянным эхом рассыпался по извилистым коридорам пустого дома. Откуда-то издалека донеслись шаркающие шаги, затем внутри что-то лязгнуло, дверь отворилась, и в проеме возник силуэт Саймона Мальоре, неясный и зыбкий в сумеречном полумраке.

Вздыбившийся за спиной бугор переломил несчастного надвое, руки повисли по бокам, как плети, но не это поразило меня в первый момент, а его лицо — безжизненно-серая восковая маска — и жуткое зеленоватое свечение глаз, впившихся в меня пустым и холодным кошачьим взглядом. Саймон не узнавал меня. Я стоял перед ним, словно загипнотизированный, не в силах совладать с поднимающейся откуда-то волной необъяснимого отвращения.

— Саймон, я пришел, чтобы…

Губы его раздвинулись и шевельнулись двумя белыми извивающимися червяками; затем медленно раскрылся рот, и оттуда, будто из мерзкой черной норы, полезли наружу слова-слизняки: Или вновь в этом сумрачном мареве подвело меня зрение? Определенно могу утверждать лишь одно: голос, слабым шорохом пронесшийся в тишине, не принадлежал Саймону Мальоре.

— Уходите! — взвизгнул он насмешливым шепотком. — Сегодня я не могу вас принять!

— Но я: я пришел, чтобы:

— Убирайся, глупец! Вон отсюда!

Дверь захлопнулась. Некоторое время я стоял перед ней в полном оцепенении. Ощущение спасительного одиночества: Много бы я дал за него в ту минуту. Но шаг за шагом, до самой деревни незримым образом следовал за мной скрюченный незнакомец: тот, кого еще недавно я считал своим добрым другом по имени Саймон Мальоре.

* * *

Я вернулся в деревню. Все еще не в силах до конца осознать происшедшее и, лишь забравшись под одеяло, стал понемногу приходить в себя. Ну конечно же, в который раз меня подве-

ло мое собственное болезненное воображение. Мальоре серьезно болен. Он явно страдает каким-то нервным расстройством — достаточно вспомнить хотя бы эти его регулярные наезды к местному фармацевту. Как мог я, поддавшись минутной панике, истолковать его поведение столь превратно? Что за детская впечатлительность! Завтра же нужно вернуться, принести извинения и все-таки попытаться уговорить Саймона уехать отсюда; похоже, это его последний шанс: выглядит он отвратительно: ну а эта его дикая вспышка безумия — не более, чем случайный срыв. Нет, как же все-таки он изменился!..

Едва дождавшись рассвета, я снова стал собираться в путь. На этот раз все нездоровые мысли (источником которых наверняка мог стать сам по себе один только вид этого ужасного дома) мне удалось заблаговременно отогнать прочь. Я поднялся по ступенькам и позвонил, настроившись на сугубо деловой разговор.

Дверь мне открыл будто бы совершенно другой человек. Вид у Саймона был по-прежнему изможденный, но голос звучал нормально, от вчерашнего безумного блеска в глазах не осталось и следа. Как-то неуверенно, словно с трудом подбирая слова, он пригласил меня в гостиную и

тут же принялся извиняться за тот безобразный приступ, которым так напугал меня накануне. В последнее время, заметил он, такое случается с ним нередко, ну ничего, рано или поздно он непременно уедет отсюда — отдохнет как следует, а там, глядишь, и в колледж вернется.

— Скорей бы только разделаться с книгой. Немного уже осталось…

На этой мысли он как-то странно осекся, спешно переменил тему и принялся вспоминать о разнообразных, никак не связанных друг с другом событиях: заговорил о нашей с ним институтской дружбе, стал вдруг живо интересоваться последними студенческими новостями. Саймон говорил около часа; в том, что он всего лишь тянет время, пытаясь избежать каких-то неприятных для себя расспросов, сомнений быть не могло. С другом моим явно творилось что-то неладное. Каждое слово давалось ему с огромным трудом, голос звенел, наполненный каким-то внутренним напряжением, — казалось, каждую секунду он отчаянно старается в чем-то себя перебороть.

Я поразился мертвенной бледности его лица; взглянул на горб: тело под ним, казалось, съежилось и усохло. Похоже, в недавних своих размышлениях о гигантской раковой опухоли я

был не так уж далек от истины…

Пока Саймон, подгоняемый только ему одному понятным беспокойством, продолжал свой сбивчивый монолог, я понемногу огляделся. В гостиной царило запустение: все пространство здесь было заполнено книгами, покрытыми пылью; на столе возвышались груды каких-то бумаг и манускриптов; в углу потолка свил паутину паук.

Улучив минуту, я спросил у Саймона, как продвигается его литературная работа. Ответ прозвучал несколько неопределенно: работает он непрерывно, свободного времени не остается совсем. Впрочем, открытия, сделанные в ходе исследования, сами по себе должны с лихвой оправдать затраченные усилия: одни только находки в области черной магии впишут новую страницу в историю антропологии и метафизики.

Особый интерес, насколько я понял, вызывало у Саймона все, так или иначе связанное с существованием так называемых «родственников», — крошечных «посланников Дьявола», (обычно в образе животного, к примеру, крысы или кошки), которые «состоят», при колдуне или ведьме, либо постоянно обитая на человеческом

теле, либо используя его временно, в качестве источника пищи. Значительное место в книге Саймона уделялось исследованию феномена «дьяволова соска», посредством которого опекун и кормит «родственника», собственной кровью.

Исключительное внимание Саймон уделял в книге медицинскому аспекту проблемы; собственно говоря, все своё исследование он попытался провести на строго научной основе. Поэтому такие вещи, как. Скажем, причины гормональных расстройств при так называемой «бесовской одержимости», получат в ней самое полное освещение. Внезапно Саймон умолк, затем признался, что очень устал и хочет отдохнуть.

— Надеюсь, в самое ближайшее время все будет кончено, — добавил он напоследок. — Тогда-то и смогу я наконец уехать отсюда. Безвылазная жизнь в этом доме все же здорово сказывается на состоянии моего здоровья. Всякие видения, провалы памяти — начинаешь уже привыкать к подобным вещам: впрочем, ничего другого пока не остается: сама природа моих исследований требует строжайшего соблюдения тайны. Иногда приходится вторгаться в такие области знания, от которых человеку лучше держаться подальше.

Отсюда и постоянное перенапряжение: не знаю, право, надолго ли меня еще хватит. Ну, ничего не поделаешь — это у нас в крови: история семьи Мальоре, как вам, должно быть, известно, с черной магией связана неразрывно: впрочем, хватит об этом.

Саймон сообщил, что даст о себе знать где-то в начале будущей недели. Мы поднялись, и вновь я заметил, как он дрожит — должно быть, от слабости и от необъяснимого возбуждения одновременно. Наконец, согнувшись под тяжестью своей ужасной ноши, Саймон медленно двинулся вперед по длинному холлу; на фоне яркого зарева заката фигура его тут же превратилась в неясную прыгающую тень. Я пригляделся: Саймон действительно шел, содрогаясь всем телом, а плечи его непрерывно дергались вверх-вниз в совершенно независимом от общего движения ритме. На секунду мне показалось, будто этот огромный горб пульсирует какой-то своей, внутренней жизнью. Я вспомнил случай с Тэтчертоном и от внезапного прилива дурноты едва не лишился чувств; затем взял себя в руки: закат за окном, бесчисленные отражения, блики — ну да, снова всего лишь оптический обман!

Лишь только мы подошли к двери, как Мальоре

принялся с величайшей поспешностью выпроваживать меня за порог.

— Спокойной ночи! — буркнул он, не подавая руки и содрогаясь, будто от нетерпения.

Несколько секунд я стоял, молча вглядываясь в измученное лицо, смертельно бледное даже в рубиновом ореоле заката. Внезапно с лицом этим произошло нечто странное: черты его исказились мучительной гримасой, в глазах вспыхнул панический ужас. Не успел я пробормотать хоть что-то в ответ, как Мальоре, подобно сломавшейся кукле, резко согнулся; губы его при этом вытянулись в дьявольскую ухмылку. Я весь сжался, ожидая немедленного нападения, но он только рассмеялся — визгливо и злобно. Писклявый голосок этот вонзился мне в мозг острой, витиеватой трелью.

Не успел я раскрыть рот, чтобы что-то сказать, как Саймон вдруг неуклюже шарахнулся назад, и в ту же секунду дверь захлопнулась перед самым моим носом. Я застыл, остолбенев от изумления и ужаса, растерянности: Что же приключилось такое с Мальоре — уж не сумасшедший ли он, в самом деле? Могут ли с абсолютно нормальным человеком происходить подобные превращения?

Ошарашенный и напуганный. Спотыкаясь на

каждом шагу от слепящих лучей заходящего солнца, я побрел прочь от этого страшного дома. В голове у меня царил хаос: мысли смешались, растворившись в гулком отзвуке какого-то отдаленного вороньего гвалта.

* * *

Эту ночь я провел в тяжких и беспокойных раздумьях, а наутро пришел к окончательному решению: какой бы срочной ни казалась Саймону его работа, уехать отсюда он должен немедленно, иначе беды не миновать. Не рассчитывая на силу собственных аргументов, я решил действовать наверняка: разыскал доктора Карстерса, практиковавшего в этом районе, и рассказал ему все, подробно остановившись на событиях минувшего вечера. После долгих и очень подробных расспросов он в конце концов полностью согласился с моими выводами; мы решили, что отправимся к Мальоре сейчас же и во что бы то ни стало попытаемся увезти его из старого дома. Я попросил доктора прихватить с собой все необходимое для срочного медицинского обследования на месте: мне почему-то казалось, что главное — уговорить Саймона пройти осмотр, а уж результаты сами по себе убедят его в необхо-

димости немедленной госпитализации.

Солнце уже почти опустилось за горизонт, когда мы с Карстерсом выехали на его стареньком форде из Бриджтауна и, сопровождаемые криком ворон, медленно двинулись по дороге, ведущей на юг. Машина шла почти бесшумно; молчали и мы, занятые каждый своими мыслями. Может быть, поэтому так неожиданно и страшно прозвучал в тишине дикий, нечеловеческий вопль; в том, что он исходил из старого дома на утесе, сомнений быть не могло. Не говоря ни слова, я лишь схватил Карстерса за руку; автомобиль рванул с места, пулей пронесся по аллее и лихо въехал под мрачную каменную арку.

— Скорее! — Я выскочил из машины. Бросился к дому и взбежал по ступенькам на крыльцо.

С минуту мы молотили руками по запертой двери, затем кинулись за угол, к первому окну левого крыла. Солнце скрылось за горизонтом; последние лучи его угасли, растворившись в напряженно застывшем полумраке. Открыв окно, мы проникли внутрь и по очереди кубарем скатились на пол. В руке у доктора вспыхнул карманный фонарик.

Дом застыл в гробовом безмолвии, но сердце мое так грохотало в груди, что казалось, от ударов

его содрогаются стены. Мы распахнули дверь и двинулись по темному холлу к рабочему кабинету. Все вокруг нас замерло в ожидании. Воздух был буквально пропитан чьим-то незримым присутствием; какая-то дьявольская сила, казалось, растворилась во мраке и следит за каждым нашим шагом, сотрясая пространство беззвучными взрывами злобного хохота.

Мы переступили порог кабинета, оба в ту же секунду споткнулись и вскрикнули. На полу у самой двери лежал Саймон Мальоре. Рубашка на его спине была разодрана в клочья, плечи, сведенные предсмертной судорогой, обнажены. Вглядевшись в то, что свисало с них, я едва не лишился рассудка. Стараясь не глядеть по мере возможности на распластавшийся в алой жиже кошмар, мы с доктором молча приступили к исполнению своего скорбного долга.

Не ждите от меня каких-либо подробностей: сейчас я не в силах даже думать об этом. Бывают в жизни моменты, когда чувства вдруг разом отключаются, погружая мозг в спасительный мрак. Надеюсь, память моя не сохранила деталей той страшной картины: во всяком случае, менее всего мне бы хотелось сейчас мысленно воскресить ее вновь.

Не стану утомлять вас описаниями странных книг, обнаруженных нами на столе, или пересказом ужасной рукописи — последнего шедевра Саймона Мальоре. Прежде чем позвонить в полицию, мы все это отправили в камин, и если бы Карстерс сумел настоять на своем, кошмарная *тварь* последовала бы туда же. Позже втроем, вместе с прибывшим из города инспектором, мы поклялись навсегда сохранить в тайне истинные обстоятельства гибели последнего из рода Мальоре. А перед тем как навсегда покинуть этот ужасный дом, я предал огню еще один документ — адресованное мне письмо, закончить которое Саймону помешала внезапная смерть. Как выяснилось впоследствии, мне он завещал и все своё имущество; что ж, недвижимостью я уже распорядился единственно верным способом: особняк на утесе уже сносится — в те самые минуты, когда я пишу эти строки.

Итак, кроме нас троих, никто не знает, что же произошло в тот роковой вечер. Но я больше молчать не могу — мне нужно хоть чем-то облегчить душу. Не решусь воспроизводить текст письма полностью: вот лишь часть этой гнусной истории.

* * *

«Итак, вам известно теперь, почему мне пришлось взяться за изучение черной магии. *Она* меня заставила! Боже, если б только вы могли представить себе, каково это — родиться с такой тварью на теле, быть обреченным на вечный союз с ней! В первые годы жизни куколка была совсем крошечной, и врачи приняли ее поначалу за остановившегося в развитии сиамского близнеца. Но она жила своей жизнью! У нее имелись своя головка, ручонки и даже ножки — ими-то она и врастала мне в туловище, образуя мясистый спинной нарост.

Три года врачи наблюдали меня. Все это время куколка лежала ничком, распластавшись на спине и вцепившись ручонками в плечи. Дышала она, как мне потом объяснили, самостоятельно, парой крошечных легких, но ни желудка, ни пищеварительного тракта не имела: питание поступало к ней, по-видимому, по канальцам губчатой ткани, соединявшей ее тело с моим. Но потом: куколка стала *расти*!

У нее раскрылись глазки, прорезались зубки! Как-то раз эта мерзость ухитрилась даже тяпнуть за руку кого-то из докторов! Когда стало ясно, что

удалить ее из тела не удастся, меня решили отправить домой. Я уехал, пообещав врачам строго хранить свою тайну, и слово своё я сдержал: даже отец узнал о куколке лишь перед самой своей смертью.

Спину мне прочно стянули ремнями: это позволило приостановить рост куколки, но ненадолго. Здесь, в старом доме, с тварью этой произошли чудовищные перемены. Она вдруг заговорила со мною — да-да, заговорила! Какими словами описать вам эту сморщенную обезьянью мордочку, налившиеся кровью глазки, этот писклявый голосок: „Еще крови, Саймон, хочу еще!..“

Куколка росла. Теперь дважды в день я подкармливал ее искусственно; время от времени приходилось срезать ноготки на костлявых ручонках. И все же о *главном* я все еще не догадывался. Куколка управляла моими мыслями, но как же поздно я понял это! Если бы прозрение наступило чуточку раньше — клянусь, я бы покончил с собой!

В прошлом году куколка стала контролировать мой мозг уже по нескольку часов в день. Всякий раз, приходя в себя, я начинал бороться: попытался, например, узнать все, что можно, о „родственниках“, надеясь хотя бы случайно в

поиске этом выйти на путь к спасению: Тщетно! Куколка не просто увеличивалась в размерах: с каждым днем она становилась сильнее, смелее и умнее. Теперь мне, представьте себе, приходилось выслушивать от этой твари даже насмешки!

Я знал: куколка хочет, чтобы я подчинился ей полностью и беспрекословно. Ах, если бы вы только слышали, что нашептывал мне на ухо этот поганый ротик! Требовалось от меня совсем немного: всего лишь препоручить свою душу Князю Тьмы да еще вступить в колдовской орден: Тогда бы мы с ней обрели власть над миром, отомкнули бы потайную дверь и впустили бы в лоно безмятежного человечества новое, доселе невиданное зло.

Видит Бог, я противился ей как только мог, но мозг мой стал ослабевать, да и жизненные силы были подорваны — слишком много крови пришлось ей отдать. Теперь куколка держала меня под контролем почти постоянно. Она внушала мне страх, и я перестал появляться в деревне. О, эта тварь знала, как отчаянно я пытаюсь спастись; окажись я случайно на воле, уж она-то нашла бы способ отпугнуть от меня людей.

Между тем работа над книгой не прекращалась. Каждый раз, когда куколка овладевала

моим сознанием, я тут же садился за стол. Потом появились вы. Знаю, знаю, — вы надеетесь как-то выманить меня отсюда. Нет, это невозможно: нам с вами ее не перехитрить. Вот и сейчас я чувствую, как начинает она буравить мой мозг, приказывая остановиться… но я знаю: это мой последний шанс рассказать вам всю правду, потому что уже близок тот день, когда она окончательно подчинит себе мое слабое тело, погубит мою несчастную душу.

Итак, умоляю вас: если со мной что-то случится, найдите на столе рукопись моей книги и уничтожьте ее. Так же поступить и с этими гнусными книгами, которыми завалена библиотека. Но главное — убейте меня, убейте, не раздумывая, как только поймете, что куколка владеет мной безраздельно. Одному только Богу известно, что за участь уготована нашему миру этой мерзкой тварью! Но я должен еще рассказать вам, что станет с человечеством в том случае, если… я расскажу вам… Как трудно сосредоточиться… Нет, я буду писать, черт бы тебя побрал! Нет, только не это! Убери руки…»

И — все, конец! Рука Мальоре остановилась — мгновением позже наступила смерть. Куколка успела-таки расправиться со своей жертвой

и унести страшную тайну за пределы нашего мира. Трудно даже представить себе этот адский кошмар, вскормленный человеческой плотью. Но другая мысль не дает мне покоя. Перед глазами моими все еще стоит картина, которую увидели мы с доктором, когда переступили порог кабинета. Мысленно вглядываясь в нее, я с ужасающей ясностью вижу, что за смерть принял этот несчастный.

Прямо передо мной лицом в луже крови лежит полуобнаженный Саймон Мальоре. На спине у него — *тварь*, точь-в-точь такая, какую описал он в предсмертном послании… Минуту назад, в ужасе перед человеком, посмевшим посягнуть на ее тайну, эта мерзость подтянулась наверх, ухватившись за плечи своими коготками, вцепилась в беззащитную шею, вонзила в нее острые зубы… и перегрызла горло!

Перевод: В. Поляков

Роберт Блох
Шорохи в подвале

(Выползающий из склепа)

Robert Bloch «The Creeper in the Crypt», 1937.

1

В Аркхеме, где древние фронтоны указывают словно пальцы колдунов в небеса, рассказывают странные истории. Но, по сути, странные истории всегда актуальны в Аркхеме. Есть истории о каждом гниющем здании, истории о каждом маленьком похожем на глаз мертвеца окошке, смотрящем в сторону моря, когда спускается туман.

Здесь невероятная фантазия, кажется, процветает, вскормленная сморщенными колдунами самого города, напитанная сухими кладбищенскими легендами и стекающимися в эти темные норы суевериями.

Когда-то Аркхем был довольно странным местом, обитель ведьм и колдунов, дерзких и дьявольских. В древние времена люди короля очистили город от колдовства. И снова в 1818 году новое правительство вмешалось, чтобы уничтожить некоторые особенно жестокие убежища в наиболее древних домах и, кстати, раскопать

кладбище, которое лучше было оставить нетронутым. Затем в 1869 году наступила великая иммигрантская паника на улице Старого Города, когда развалившийся особняк Сайруса Хука был сожжен до основания вызывающими страх иностранцами.

С тех времен произошло еще множество пугающих событий. Дело о «ведьмином доме», и некоторые эпизоды, связанные с судьбой пропавших без вести детей в День Всех Святых, добавляли свою долю слухов.

Но не из-за этого в дело вмешались «агенты». Федеральное правительство обычно не интересуется сверхъестественными историями. То есть, так было до того времени, как я рассказал властям о смерти Джо Регетти. Вот причина, по которой они прибыли сюда — я призвал их.

Потому что я был с Джо Регетти незадолго до его смерти и вскоре после этого. Но я не видел, как он умер, и благодарен судьбе за это. Я не думаю, что смог бы стоять там, наблюдая за тем, что невольно подозревал.

Именно из-за своих подозрений я и обратился за помощью к правительству, они отправили сюда людей, чтобы провести расследование, и я надеюсь, что они найдут достаточно, чтобы

убедиться в том, что то, что я им рассказал, является неоспоримым фактом. Если они не найдут туннели, или я ошибся насчет той двери, я могу показать им тело Джо Регетти. Это убедит кого угодно, я думаю.

Однако я не в праве обвинять их в том, что они настроены скептически. Я сам был настроен скептически когда-то, и, как я полагаю, сам Джо Регетти и его шайка. Но с тех пор я узнал, что разумнее не издеваться над теми, кто ничего не понимает. На Земле гораздо больше тварей, чем те, кто ходит по ее поверхности, — есть и другие, которые ползают и кишат глубоко под ней.

2

Я никогда не слышал о Джо Регетти, пока меня не похитили. Это не так сложно понять. Регетти был гангстером и незнакомцем в городе. Я же был потомком сэра Амброуза Эббота, одного из первых поселенцев.

В то время, о котором я говорю, я жил один в семейном доме на Баском Стрит. Жизнь художника требует одиночества. Все мои ближайшие родственники были мертвы, и, не смотря на мой социальный статус по праву рождения, у меня было мало друзей. Следовательно, довольно труд-

но понять, почему Регетти выбрал меня, чтобы похитить. Но тогда он был чужеземцем здесь.

Позже я узнал, что он пробыл в городе всего неделю, остановившись в гостинице с тремя другими мужчинами, ни один из которых впоследствии не был задержан.

Но Джо Регетти был совершенно неизвестен мне до той ночи, когда я покинул вечеринку Тарлтона, устроенную в его доме на Сьюэлл Стрит.

Это было одно из немногих приглашений, которые я принял в прошлом году. Тарлтон пригласил меня, и, поскольку был моим старым другом, я согласился. Был приятный вечер.

Брент, психиатр, был там, и полковник Уоррен, а также мои старые товарищи по колледжу — Харольд Гауэр и преподобный Уильямс. После довольно славного вечера я ушел, планируя направиться домой, как я обычно делал, не имея лучшей альтернативы.

Это был прекрасный вечер — с мертвой луной, завернутой в саван облаков, плывущей по фиолетовому небу. Старые дома выглядели как серебряные дворцы в мистическом лунном свете; пустынные дворцы в земле, где мертво все, кроме воспоминаний. Ибо улицы Аркхема пустынны в полночь и над ними висит вековое очарование

прошедших дней.

Деревья устремляли свои верхушки в небеса и стояли, словно притихшие заговорщики, небольшими группами, а ветер что-то шептал, раскачивая их ветви. Это была ночь, навевающая невероятные мысли и творческие образы, которые я так люблю.

Я шел медленно, расслабленный, мои мысли были свободны и далеки. Я не видел машину, едущую за мной, или человека, скрывающегося впереди во мраке. Я шел мимо большого дерева перед домом Картера, а затем, совершенно неожиданно, в моей голове вспыхнули огненные брызги, и я погрузился во тьму, рухнув в поджидающие руки.

Когда я пришел в себя, то был уже в каком-то подвале и лежал на скамейке.

Это был большой подвал — старый подвал. Куда бы я ни глянул, везде были камень и паутина. Позади меня располагалась лестница, по которой меня опустили сюда. Слева была небольшая комната, похожая на помещение для хранения фруктов. У дальней стены справа я мог смутно различить очертания угольной кучи, хотя печи в подвале не было.

Прямо передо мной находился стол и два стула.

На столе стояла масляная лампа и колода карт, разложенных в пасьянсе. Стулья были заняты двумя мужчинами. Моими похитителями.

Один из них, большой, краснолицый человек с толстой как у свиньи шеей, произнес:

— Да, Регетти. Мы легко взяли его. Мы следовали за ним, как ты сказал, от самого дома, и схватили его под деревом. Доставили прямо сюда, никто ничего не видел.

— Где Слим и Грек? — спросил человек, который раскладывал пасьянс, подняв глаза. Он был низкорослый, стройный и бледный. Его волосы были темными, его лицо смуглым. Итальянец, решил я. Наверное, лидер. Разумеется, я понял, что меня похитили. Где я оказался или кто были мои похитители, я не мог сказать. Моя пульсирующая голова немного очистилась, и у меня было достаточно здравого смысла, чтобы не угрожать и не создавать проблем. Это были не местные люди — не в такой одежде — и карман темного человека странно оттопыривался. Я решил подождать дальнейшего развития событий.

Человек с толстой шеей отвечал на вопрос другого.

— Слим и Грек вернулись в отель с машиной, — сказал он. — Точно так, как ты сказал, босс.

— Хорошая работа, Полак, — сказал тот, зажигая сигару.

— Я сделаю все для тебя, Джо Регетти, — сказал большой человек на ломаном диалекте.

— Да. Безусловно. Я знаю это, — ответил смуглый Регетти. — Продолжай в том же духе, и все будет хорошо, понимаешь? Как только я захвачу еще нескольких из этих пташек, мы уберемся. Местные полицейские — все болваны, и как только я соберу нужные сведения о некоторых из местных старых семей, мы будем получать бабки регулярно.

— Я прошу прощения, — подал голос я.

— О, пришел в себя, да? — Тонкий итальянец даже не двинулся из-за стола. — Рад это слышать. Извини, что парни так грубо обошлись с тобой, мистер. Просто сиди спокойно, и скоро все будет просто шикарно.

— Я рад это слышать, — саркастически ответил я. — Понимаете, я как-то не привык к похищению.

— Хорошо, позволь мне разобраться с этим, — сказал Джо Регетти. — Я расскажу, что к чему.

— Спасибо, — ответил я. — Я уже вижу.

И я указал на свои связанные ноги и руки.

— Чувство юмора, а? О`кей. Надеюсь, твои

друзья принесут бабки после того, как получат письмо, которое я написал, или, возможно, все остальное не будет таким смешным.

— Что дальше? — спросил я, отчаянно надеясь обнаружить хоть что-нибудь полезное для меня.

— Скоро увидишь, — сказал мужчина. — Во-первых, я буду сидеть с тобой здесь всю ночь.

Лицо Пола побледнело.

— Нет, босс, — умолял он, — ты не останешься здесь.

— Почему нет? — резко спросил Регетти. — Что с тобой, Пол, ты аж пожелтел, а?

— Я нет, — прохныкал мужчина. — Но вы знаете, что здесь было раньше, босс, — как нашли ногу Тони Феллиппо на полу без тела.

— Оставь эти сказки на ночь, — усмехнулся Регетти. — Ты, деревенщина, не напугаешь меня этими баснями.

— Но все истина, босс. Никто никогда не видел больше старого Тони Феллиппо — только его ногу в подвале. Лучше побыстрее убраться отсюда, никто не хочет умирать.

— Что ты имеешь в виду, умирать? — раздраженно прорычал Регетти.

Лицо Пола побледнело, и его голос опустился до тихого шепота, который гармонировал с тем-

нотой подвала; теневой голос в теневом мире.

— Об этом все говорят, босс. Это ведьмовской дом — наполнен призраками возможно. Никто не загонял сюда Тони Феллиппо, он был достаточно умный парень. Но однажды он сидел здесь один, а нечто из-под земли вырвалось и проглотило его, оставив лишь ногу.

— Ты заткнешься? — резко выдохнул Регетти. — Несешь полную чепуху. Какой-то ловкий парень уделал Фелиппо и избавился от тела. Оставил только его ногу, чтобы напугать оставшуюся часть его людей. Ты пытаешься сказать мне, что привидение убило его, олух?

— Да, так и есть, — настаивал Пол. — Никто не убивал Тони. По крайней мере, как ты говоришь. Нашли ногу, отлично, но весь пол был залит кровью, и вокруг валялись небольшие кусочки кожи. Никакой парень не смог бы так разделать человека — только дух. Вампир, может быть.

— Великолепно! — Регетти презрительно пыхнул своей сигарой.

— Может и так. Но посмотри — здесь кровь.

И Пол указал длинным пальцем на пол и стену подвала слева от себя. Регетти проследил за ним взглядом.

Здесь была кровь, правда, — большие темные

капли крови, разбрызганные по всему полу и стене, как пигменты на палитре безумного живописца.

— Ни один человек не сможет так убить, — пробормотал Пол. — Даже топор не сотворит такой беспорядок. И ты знаешь о том, что говорят о ноге Феллиппо — на ней были видны следы зубов.

— Правда, — задумчиво протянул другой. — И остальная часть его банды действительно ушла отсюда довольно быстро после того, как все это произошло. Не пытались скрыть тело или что-то сделать. — Он нахмурился. — Но это никак не является доказательством твоей болтовни о призраках или вампирах. Ты читал слишком много дешевых журналов в последнее время, Полак.

Он засмеялся.

— А как насчет железной двери? — проворчал Пол обвинительно, его лицо покраснело. — Что насчет железной двери за той кучей угля, а? Ты знаешь, что парни Черного Джима говорят о доме с железной дверью в подвале.

— Да, — лицо Регетти помрачнело.

— Ты не видел железную дверь, босс, — продолжал мужчина. — Возможно, там что-то скрывается до сих пор, как говорят парни, — та тварь, которая добралась до Феллиппо когда он

прятался здесь. Полиция тоже не обнаружила дверь, когда приходила сюда. Просто нашли ногу и кровь, а затем заперли дом. Но парни знают. Они рассказывали мне много о доме с железной дверью в подвале; говорили, что это плохое место с давних времен, когда колдуны жили здесь. А так же тот холм, что есть за домом, и кладбище. Возможно, именно поэтому никто здесь не живет уже давно, все боятся того, что прячется по ту сторону двери, того, что вышло и убило Тони Фел-липпо. Я хорошо знаю о доме с железной дверью в подвале.

Я тоже знал об этом доме. Так вот где я был! В доме старика Чамберса на Прингл Стрит! Много историй слышал я от стариков, когда был мальчиком, о Иезекиле Чамберсе, чьи колдовские трюки завещали ему сомнительную репутацию в колониальные дни. Я знал о Джонатане Дарке, другом владельце, которого судили за контрабанду непосредственно перед ужасными днями 1818 года, и об отвратительной практике разорения могил, чем он, как говорили, занимался на древнем кладбище прямо за домом на холме.

Многочисленные слухи ходили вокруг этого трухлявого дома с железной дверью в подвале в то время, — о двери, в частности, которую, как

говорили, использовали в качестве прохода для проноса похищенных трупов. Было даже заявлено, что дверь так и не смогли открыть, когда Дарка судили, из-за его поразительных и отвратительных утверждений, что ключ, который запирает ее, находится с другой стороны. Дарк умер во время суда в тюрьме, бормоча богохульства, в которые никто не осмеливался поверить, чудовищные намеки на то, что лежит под старым кладбищем на холме, о туннелях, норах и тайных хранилищах, используемых в колдовские дни для греховных обрядов. Он говорил об обитателях этих хранилищ и о том, что иногда приходило в дом снизу, когда колдун вызывал его с помощью надлежащих заклинаний и жертвоприношений. Было еще много всего, но затем Дарк словно утратил разум. По крайней мере, все думали, что лучше верить в это.

Старые истории умирают. В течение многих лет дом оставался пустым, пока большинство людей не забыло причину, по которой он был оставлен, списывая все на его возраст. Сегодняшняя публика совершенно не знала тех легенд. Только старики еще помнили — старики, которые шептали мне свои таинственные истории, когда я был ребенком.

Итак, я находился в старом доме Дарка! И это был тот самый подвал из старинных историй! Я понял из разговора между Регетти и суеверным Полом, что другая банда недавно использовала это место для укрытия от смерти своего лидера; действительно, я даже смутно припомнил некоторые газетные сообщения о таинственном убийстве Тони Феллиппо.

И теперь Регетти приехал из Нью-Йорка, чтобы использовать его в качестве своей базы.

Этот ловкий план придумал он сам, очевидно, — нагрянуть в старый городок в Новой Англии и похитить местного богатея ради выкупа, затем спрятать его в каком-нибудь старом, заброшенном доме, который так удобно защищен местными суевериями. Я полагал, что кроме меня будут еще жертвы; этот человек был умным и хитрым, чтобы выйти сухим из воды.

Эти мысли мелькнули у меня в голове во время спора между Полом и его вожаком. Но их препирательство резко остановилось.

— Я хочу, чтобы ты ушел отсюда, — говорил Пол. — Если ты останешься здесь всего на одну ночь, он придет. И случится все, что произошло с Тони Феллиппо.

— Заткнись, дурак. Разве мы не оставались

здесь прошлой ночью перед работой? И ничего не случилось.

— Да, конечно. Я знаю, но мы находились наверху, не в подвале. Почему бы нам снова не подняться наверх?

— Потому что мы не можем рисковать быть обнаруженными, — устало сказал Регетти. — Теперь, прекрати болтать.

Он повернулся ко мне.

— Послушай, ты. Я отправлю этого парня с запиской о выкупе прямо сейчас к твоим друзьям обратно на вечеринку. Все, что тебе нужно сделать, это держать язык за зубами и сидеть смирно. Любые даже незначительные выкрутасы дорого тебе обойдутся, понял?

Я промолчал.

— Отведи его туда, Полак, и свяжи.

Регетти указал на склад для фруктов, примыкающий к лестнице.

Пол, продолжая ворчать, потащил меня по полу в другую комнату. Он зажег свечу, отбросившую странные тени на паутину и покрытые пылью полки на стенах. Банки с вареньем все еще стояли нетронутыми, сохраняя, возможно, урожай столетней давности. Разбитые банки были разбросаны по столу. Едва я огляделся, как

Пол бросил меня на стул рядом с шатким столом и привязал меня к нему прочной веревкой. Он не использовал кляп и не завязал мне глаза, душная атмосфера вокруг служила для меня прекрасной заменой их обоих.

Он оставил меня, закрыв дверь. Я остался один в освещенной светом свечи тишине.

Я прислушался и был вознагражден, когда услышал, как Регетти проводил своего приспешника в ночь, очевидно, чтобы доставить записку о выкупе нужным людям. Он, Регетти, остался на страже.

— Не наткнись на призраков по пути, — сказал он своему спутнику, когда Пол поднимался по лестнице.

Единственным ответом ему был звук захлопывающейся наружной двери. Так как вновь опустилась тишина, я решил, что Регетти вернулся к своему пасьянсу.

Тем временем я осматривался вокруг, ища хоть что-то, что помогло бы мне освободиться. И нашел, наконец, на столе рядом со мной. Расколотые банки — острые стеклянные края могут помочь мне избавиться от пут!

Целеустремленно я начал двигать свой стул ближе к краю стола. Если бы я мог взять кусок

этого стекла в свои руки…

Двигаясь изо всех сил, я напряженно прислушивался, чтобы убедиться, что любой шум, создаваемый передвигаемым стулом, не будет услышан Регетти, ожидающим снаружи. Ни один звук не потревожил его, когда я приблизился к столу; и с облегчением вздохнув, я начал маневрировать своими связанными руками, пока не схватил кусок стекла. Затем я начал перетирать острым краем веревки, которые связывали мои руки.

Это была медленная работа. Минуты отсчитывали часы, и ни одного звука не раздавалось снаружи, кроме приглушенного храпа. Регетти, судя по всему, заснул над своими картами. Хорошо! Теперь, если бы я смог освободить свои запястья и ноги, я смог бы попытаться выбраться отсюда.

Наконец, моя правая рука была свободна, хотя мое запястье было влажным, покрытым смесью пота и крови. Я не мог хорошо видеть свои руки и действовал наощупь. Я быстро разобрался с путами на левой руке, затем растер свои опухшие пальцы и наклонился, чтобы заняться веревками на ногах.

Тогда я услышал звук.

Это был скрип ржавых петель… Любой, кто прожил всю свою жизнь в архаичных домах, учится непроизвольно распознавать своеобразный, необычный лязг. Скрип ржавых петель из подвала… от железной двери? Звук раздавался из-за кучи угля… железная дверь, скрытая углем. Однажды ночью Феллиппо остался здесь. Все, что от него нашли, лишь ногу.

Джонатан Дарк болтал об этом на смертном одре. Дверь заперта с другой стороны. Туннели ведут на кладбище. Что скрывается на кладбищах, древних и таинственных, а затем выползает из склепов на праздник?

Крик поднялся у меня в горле, но я с трудом подавил его. Регетти все еще храпел. Что бы ни происходило в наружной комнате, я не должен разбудить его и потерять свой единственный шанс на побег. Вместо этого мне лучше всего поспешить и освободить ноги. Я работал лихорадочно, но напряженно прислушивался ко всему, что происходило в соседней комнате.

И услышал. Шум в угольной куче резко прекратился, и я с облегчением выдохнул. Возможно, это всего лишь крысы.

Через мгновение я бы отдал все что угодно, чтобы вновь услышать тот шорох в угольной куче,

только бы не слышать новый звук.

Что-то ползло по полу подвала, что-то ползло, как будто на руках и коленях, что-то с длинными ногтями или когтями, которые скрипели и царапали пол. Слышались тихое бормотание и хихиканье, когда нечто двигалось по темному подвалу; тяжелое звериное дыхание, тошнотворный смех, похожий на смертельный треск в горле пораженного чумой трупа.

Ох, как ловко это кралось — как медленно, осторожно и зловеще! Я слышал, как оно скользит среди теней, и мои пальцы безумно продолжали свою работу, даже когда мой мозг словно оцепенел.

Есть путь между гробницами и домом колдунов — где ползают твари, которые как говорят старые женщины, никогда не могут умереть.

Регетти храпел.

Кто обитает там внизу, в пещерах, и может быть вызван надлежащим заклинанием — или видом добычи?

Ползет.

А потом…

Регетти проснулся. Я даже услышал, как он вскрикнул. У него не было времени встать или выхватить пистолет. Нечто демоническое скольз-

нуло к нему по полу, словно гигантская крыса. Затем послышался слабый звук раздираемой плоти и поверх него внезапный омерзительный вой, который вызвал в моем разбитом мозге самые кошмарные ужасы.

Среди воя с трудом слышалась серия низких, почти животных стонов и мучительных фраз на итальянском языке, мольбы о пощаде, молитвы, проклятия.

Когти беззвучно погружались в плоть, а желтые клыки издавали звуки лишь сомкнувшись на кости…

Моя левая нога была свободна, затем я освободил правую. После я перетер веревку, обернутую вокруг моей талии. Предположим, он войдет сюда?

Вой прекратился, но тишина была еще более ужасна.

Небольшой пир без единого тоста…

Снова послышался стон. По моему позвоночнику пробежала дрожь. Тени вокруг меня казалось ухмылялись, потому что снаружи был пир, как в старые дни. Пирушка, и тварь что стонала, и стонала, и стонала.

Вскоре я был свободен. Когда стоны растворились в темноте, я разрезал последние веревки,

которыми был привязан к стулу…

Я не сразу вышел, потому что в соседней комнате все еще раздавались звуки, которые мне не нравились; звуки, которые заставляли мою душу сжиматься, а мой ум трепетать перед безымянным ужасом.

Я слышал, как что-то ползало по полу, а после того, как вой прекратился, на его месте появился худший звук — странный журчащий шум — как будто кто-то или что-то высасывал костный мозг. И ужасный, щелкающий звук, громкий стук гигантских зубов…

Да, я ждал, ждал, пока хруст милостиво не прекратится, а затем еще ждал, пока шорох не отдалится обратно в погреб и не исчезнет. Когда я услышал, как вдалеке пронзительно скрипнули ржавые петли, я почувствовал себя в безопасности.

Именно тогда я наконец выбрался из застенков, прокрался через пустой подвал, затем вверх по лестнице, и через не охраняемые двери выбрался в серебряную полутьму лунной ночи. Было очень радостно снова увидеть уличные фонари и услышать, как трамваи грохочут вдалеке. Такси отвезло меня в участок, и после того, как я рассказал им все, полиция сделала все остальное.

Я рассказал им свою историю, но не упомянул железную дверь на склоне холма. Это я припас для ушей людей правительства. Теперь они могут делать все, что захотят, так как я уже далеко. Я не хотел, чтобы кто-то слишком внимательно присматривался к этой двери, пока я оставался в городе, потому что даже сейчас я не могу — не осмеливаюсь — сказать, что может скрываться за ней. Склон холма ведет на кладбище, а кладбище к местам далеко внизу. И в давние времена было любопытное сообщение между могилами, туннелем и домом колдунов; и здесь передвигались не только люди…

Я полностью уверен в этом. Не только из-за исчезновения банды Феллиппо или поведанных жутким шепотом историй о не местных людях — не только из-за этого, но из-за гораздо более конкретного и ужасного доказательства.

Это доказательство, о котором я не хочу говорить даже сегодня — доказательство, которое знает полиция, но которое, к счастью, удалено из газетных заметок о произошедшей трагедии.

Что люди могут найти за той железной дверью, я не рискну сказать, но я думаю, что знаю, почему раньше была найдена лишь нога Феллиппо. Я не смотрел на железную дверь, когда покидал дом,

но я увидел кое-что в подвале, когда двигался к лестнице. Вот почему я стремительно взбежал вверх по ступенькам, вот почему я обратился к правительству, и именно поэтому я никогда больше не хочу возвращаться в наполненный призраками, проклятый в веках Аркхем. Я нашел доказательство.

Когда я уходил, я увидел, как Джо Регетти сидит в кресле за столом в подвале. Лампа все еще горела, но я совершенно уверен, что не видел никаких отпечатков ног на полу. И рад этому. Но я видел Джо Регетти, сидящего на своем стуле, а затем я понял смысл криков, хруста и шаркающих звуков.

Джо Регетти, сидящий на стуле в освещенном тусклым светом подвале, был обнажен и истерзан в клочья гигантскими и нечеловеческими зубами!

Перевод: Р. Дремичев

Роберт Блох
Камень колдуна

Robert Bloch «The Sorcerer's Jewel», 1939.

Кто-то скажет, что эта история похожа на множество других, как драгоценный камень с сотнями граней. Она напоминает «Извне», Лавкрафта, которой осознанно отдает дань уважения, а также, возможно случайно, «Псов Тиндала», Фрэнка Белкнапа Лонга, где жуткие создания из других измерений настигают свою добычу через углы между мирами. Отмечу также схожесть темы с двумя дописанными Лавкрафтом рассказами: «Ловушкой», (совместно с Генри Уайтхедом) и «Деревом на холме», (вместе с Дуэйном Римелом). История ниже, можно сказать, основана на связи слов «окулист», и «оккультист», классическом случае многозначительного сходства слов, которое так ценят критики — деконструктивисты.

По праву, не мне следует рассказывать эту историю. Дэвид единственный, кто мог бы это сделать, но ведь он мертв. Или нет?

Эта мысль неотступно преследует меня — пугающая вероятность, что Дэвид Найлз все еще жив — неестественным, невообразимым способом.

Именно поэтому я рассказываю эту историю; чтобы сбросить с себя тягостный груз, медленно лишающий меня рассудка.

Но Дэвид, в отличие от меня, сделал бы все как подобает. Он был фотографом; он смог бы подобрать термины и связно объяснить то, на понимание чего я даже не претендую. Я могу лишь гадать или намекать.

Найлз и я несколько лет вместе делили студию. У нас были настоящие партнерские отношения — мы были одновременно и друзьями и партнерами по бизнесу. И это само по себе странно, потому что трудно было найти двух людей, столь непохожих друг на друга. Мы отличались почти во всем.

Я был высоким, худым и темноволосым. Найлз коренастым, полным и светлым. Я по натуре ленив, склонен к унынию и самоанализу. Найлз всегда излучал энергию и бодрость. Мои главные интересы, особенно в последние годы, лежали в области метафизики и оккультных штудий. Найлз был скептиком, материалистом и прежде всего ученым. Но, несмотря на различия, вместе мы образовывали цельную личность — я мечтатель, он делатель.

Наш общий бизнес, как я уже упомянул, был

связан с фотографией.

Дэвид Найлз был одним из самых выдающихся мастеров современной портретной фотографии. Несколько лет, до нашего объединения, он занимался салонной работой и выставлялся по всему миру, завоевав репутацию, позволившую ему получать солидное вознаграждение за частные фотосессии.

К моменту, когда мы встретились, в коммерческих заказах Найлз разочаровался. Фотография, по его мнению, была искусством; искусством, которое требует тщательного изучения в одиночестве, не прерываемого суетливым обслуживанием клиентов. Поэтому на год он отошел от дел и посвятил себя экспериментам.

Я был партнером, которого он выбрал для работы, и тогда же Дэвид стал преданным сторонником школы фотографии Уильяма Мортенсена. Мортенсен был ведущим представителем фантастики в фотографии; его исследования гротеска и монструозности были широко известны. Найлз верил, что в фантастике фотография ближе всего подходит к чистому искусству. Его захватила идея запечатлеть абстрактные образы; мысль, что современной камере под силу заснять сновидческие миры и смешать вымысел с реальностью,

сильно его заинтриговала. И здесь Найлз вспомнил обо мне.

Он знал о моих оккультных интересах, знал, что я недавно написал работу, посвященную мифологии. В этом деле я служил своего рода техническим консультантом, и такое соглашение устраивало нас обоих.

Сначала Найлз ограничился изучением физиогномии. Со своей обычной дотошностью он усовершенствовал технику макияжа для фотосессий и нанял моделей, чьи черты лица позволяли им изображать горгулий. Мне он поручил просмотреть соответствующие старинные книги, отыскивая в них иллюстрации для создания подходящего грима.

Поработав с образами Пана, Сатира и Медузы, Найлз заинтересовался демонами, и мы потратили немало времени на его Галерею Демонов, отсняв Азазеля, Асмодея, Самаэля и Вельзевула. Они оказались на удивление хороши.

Однако по той или иной причине Найлз был недоволен. Качество фотографий было изумительным, позирование эффектным, вживание в образ идеальным. И все-таки Найлз считал, что пока не достиг своей цели.

— Да это же человеческие фигуры! — бушевал

он. — Человеческое лицо, хоть покрой ты его тремя слоями краски, все равно останется человеческим лицом и только! То, чего я хочу, это сама душа Фантазии, а не жалкие кривляния!

Он прошелся туда-сюда по студии, яростно жестикулируя в своей обычной манере. — Чего мы добились? Кучи персонажей из дешевых ужастиков, подражаний Карлоффу. Детский сад. Нет, нам нужно что-то другое.

Так следующим шагом была выбрана моделирующая глина. Я и тут оказался полезен, имея базовые навыки скульптора. Мы потратили много часов, сочиняя сцены из воображаемой Преисподней; создавая существ с крыльями летучих мышей, парящих на фоне причудливых, неземных, огненных пейзажей, и огромных зловещих демонов, сидящих на острых горных пиках, обозревая Огненную Яму.

Но и здесь Найлз тоже не нашел того, что искал.

Как-то ночью, закончив сессию, он опять взорвался и ударом сбил всю композицию из папье-маше и глиняных фигур на пол. — Дешевка, — бурчал он себе под нос. — Пип-шоу, низкопробная дрянь.

Я вздохнул, ожидая продолжения тирады.

— Я не хочу быть Густавом Доре от фотографии или даже Арцыбашевым, — заявил Найлз. — Я не хочу копировать чей-то стиль. То, чего я жажду, это абсолютно уникальное и индивидуальное искусство.

Я пожал плечами. Мудрее всего было не возражать и дать Найлзу выговориться.

— Я шел по ложному пути, — продолжал он. — Ведь, если мы фотографируем вещь как она есть, то и получаем, как она есть. Строю глиняную композицию — и получаю ее, плоскую, двухмерную. Снимаю человека в гриме и получаю человека в гриме. Я не могу снять то, чего здесь нет. И единственное решение — изменить саму камеру.

Пришлось признать, что он прав.

На следующие несколько недель Найлза обуяла жажда деятельности. Начал он с монтажных снимков. Затем перешел на необычную фотографическую бумагу и экспозицию. Он даже вернулся к принципам Мортенсена, взяв на вооружение технику искажения — сгибая и скручивая негатив так, что проявляющиеся на печати фигуры были сплюснутыми или удлиненными, как в ночных кошмарах.

Лоб обычного человека после этих манипуляций могли безошибочно приписать гидроцефалу;

выпученные словно у лягушки глаза светились безумным светом. Искажение позволяло добиваться всего — перспективы кошмара, тончайших нюансов онейродинии, галлюцинаторных образов сумасшедших. Картины тонули в тенях и полумраке, отдельные части просто исчезали или создавали странный, тревожный фон.

Но однажды ночью Найлз опять нервно мерял шагами студию между стопками рваных снимков. «Снова не то», — бормотал он. — Я могу взять предмет и деформировать, но изменить его природу я не в силах. Чтобы сфотографировать нереальное, я должен увидеть нереальное. Увидеть нереальное — Господи, почему я раньше до этого не додумался?

Он стоял передо мной, руки его дрожали. «Я как-то изучал живопись, ты знаешь. У моего учителя — старого Джиффорда, портретиста, — висела в студии любопытная картина, шедевр одного из бывших учеников. На ней маслом была изображена зимняя сценка на ферме.

Штука вот в чем. У Джиффорда было две пары специальных очков: одни чувствительные к инфракрасному спектру, другие к ультрафиолету. Показывая гостям эту картину, он давал им сначала одну пару очков. В них зимний пейзаж

превращался в летний. Затем давал вторую пару и в них гость видел уже осень. На картине было три слоя и соответствующие линзы позволяли видеть все три».

— И что? — осмелился спросить я.

Найлз заговорил быстрее, его возбуждение росло.

— А то. Помнишь последнюю войну? Чтобы скрыть пулеметные гнезда и полевую артиллерию, немцы закрашивали их камуфляжной краской. Они, как водится, с умом подошли к делу: красили стволы в оттенки листвы, а вокруг набрасывали искусственные кусты и ветки. Чтобы отделить камуфляж от ландшафта, американские наблюдательные посты пользовались ультрафиолетовыми линзами.

Через эти линзы настоящие листья выглядели совсем по-другому, нежели искусственные, которым не хватало ультрафиолетового пигмента.

— Я все равно не пойму, к чему ты клонишь.

— Берем ультрафиолетовые и инфракрасные линзы и получаем тот же эффект, тупица.

— И что с того? На пару фильтров станет больше.

— Может быть. Но мы соединим их с линзами другого типа — такими, которые искажают

перспективу. Так мы изменим форму объектов. Деформировав цвет и форму, мы добъемся того типа фотографии, которого я и хочу — чистой фантазии. Мы сфокусируемся на фантазии и воспроизведем ее, не прибегая к посторонним объектам. Ты можешь представить, как будет выглядеть эта комната в обратных цветах, а частью вообще без них? С новой обстановкой, иными, искаженными стенами?

Я не мог, но позже мне представилась такая возможность. Найлз тем временем начал новый цикл: он бесконечно экспериментировал с линзами, которые получал каждый день. Он посылал заказы на специальную шлифовку, изучал физические свойства света, погрузившись в терминологию, которую я даже не пытался понять. И результаты были поразительными.

То, что Найлз предсказывал, наконец материализовалось. После последнего тяжелого дня, проведенного перед камерой и в проявочной, мы смотрели на чудесный новый мир, созданный прямо в студии. Я был восхищен.

— Великолепно, — злорадно произнес Найлз. — Но то, чем мы занимаемся, связано с общеизвестными научными теориями. Понимаешь, о чем я? Идеи Эйнштейна о пространственно-временном

континууме.

— Четвертое измерение? — эхом отозвался я.

— Оно самое. Новые миры вокруг нас — и внутри нас. Миры, о существовании которых мы и не мечтали, параллельные нашему, прямо здесь. Другая обстановка, может, даже другие люди, иные физические законы, новые формы и цвета.

— Больше похоже на метафизику, чем науку, — заметил я. — Ты сейчас говоришь об Астральном Плане — непрерывной цепи бытия.

Мы опять вернулись к тому, из-за чего всегда ссорились — наука против оккультизма, физическая реальность против психической.

— Четвертое измерение это попытки науки объяснить метафизические истины бытия, — настаивал я.

— Метафизические истины бытия это психологическая ложь жертв слабоумия, — парировал Найлз.

— Но не могут же лгать твои картины!

— Мои картины получены реальными научными методами.

— Твои картины получены с помощью средств, которые гораздо древнее науки, — не унимался я. — Ты слышал о литомантии, гадании с помощью драгоценных камней? А о скраинге? Веками

человек всматривался в глубины этих камней, сквозь особым образом ограненные линзы и видел иные миры.

— Любой окулист тебе скажет, что это абсурд.

— Любой окулист тебе скажет, что мы видим мир вверх ногами. И только наш разум переворачивает изображение на сетчатке. Любой окулист скажет, что наши глазные мышцы действуют так, что приближенный к нам объект на самом деле удален, а удаленный на самом деле приближен.

Я разгорячился. «Любой окулист тебе скажет, что рука быстрее глаза; что миражи и галлюцинации на самом деле „видит“ мозг, а не сетчатка. В конце концов любой окулист тебе скажет, что феномен зрения имеет очень мало общего с восприятием или законами света. Возьмем, к примеру, кошку — она, в отличие от многих, может видеть ночью. Человеку тоже под силу так себя натренировать. Чтение — привилегия разума, а не органов восприятия. Все это я к тому, что не будь так уверен в своих законах оптики и теориях света. Мы видим много такого, что никакими физическими законами не объяснишь. Подойти к четвертому измерению можно только через углы — наука обязана согласиться с этим хотя бы в теории. Твои линзы сделаны точно та-

ким же образом и все это в конечном счете снова возвращает нас к оккультизму, а не к „окулизму“ или офтальмологии».

Речь оказалась для меня слишком длинной, и она, должно быть, удивила Найлза, который молча и негодующе уставился на меня.

— Я докажу тебе, — продолжил я. — И вырежу специальные линзы.

— Как это?

— Я схожу к одному моему другу и займу у него пару камней. Это египетские кристаллы, которыми пользовались для прорицаний. Пророки говорили, что сквозь грани этих камней они способны видеть иные миры. И я готов поспорить, что ты получишь с их помощью такое, что забудешь про исландский шпат, кварц и все остальное; нечто, что ты и твои научные теории объяснить не смогут.

— Ок, убедил, — сдался наконец Найлз. — Принеси мне камни.

Итак, на следующий день я отправился к Айзеку Вурдену. В пути меня одолевали дурные предчувствия. Правда состояла в том, что я слегка преувеличил свойства линз и камней, о которых говорил. Я знал, что ими действительно пользовались для пророчеств, но в том, получился ли

достать один из таких камней, и тем более сделать из него линзы, я уверен был уже меньше.

Но с Айзеком Вурденом я все равно решил поговорить. Он был самым подходящим человеком. Его антикварный магазин вниз по Южной Кинникинник, наполненный мистической аурой, был маленькой крепостью прошлого. Айзек Вурден сделал хобби своей профессией и профессию своим хобби; он жил метафизикой и баловался старинными вещицами. Кучу времени он проводил в сумрачных задних покоях своего заведения, предоставляя нанятому клерку присматривать за магазином.

Здесь он хранил редкости былых времен, по сравнению с которыми его витринный антиквариат выглядел новеньким словно только что из коробки. Древние символы магии, алхимии и тайных наук очаровывали Вурдена; он собственноручно собрал солидную коллекцию статуэток, талисманов, фетишей и прочей магической утвари совсем уж непонятного назначения.

Помочь мне с поисками мог только Айзек и он не подвел. Сначала я рассказал ему о проблемах Найлза с фотографиями. Желтолицый, с тонкими губами, антиквар слушал меня, и его брови ползли на лоб все выше как напуганные чёрные

жуки.

— Очень интересно, — сказал он, когда я закончил. Его надтреснутый голос и постоянная озабоченность выдавали интроверта и педанта — Айзек, казалось, постоянно читал сам себе какую-то лекцию.

— Очень, очень интересно, — повторил он. — У твоего Дэвида были славные предшественники. Жрецы Иштар считали, что во время Мистерий они могут заглядывать за завесу бытия, для чего пользовались специальными кристаллами. Первые простейшие египетские телескопы были созданы, чтобы смотреть за пределы звезд и открывать врата Вечности. Друиды созерцали особые бассейны с водой, а безумные китайские императоры, желая взойти по Небесной Лестнице, одурманивали себя наркотиками и всматривались во вращающиеся рубины. Желание твоего друга Найлза старо как мир, и исполнить его он хочет столь же испытанными способами. Именно оно вдохновляло Аполлония, Парацельса, сумасбродного Калиостро. Человек всегда хотел увидеть Бесконечное; пройти между мирами — и иногда его усилия вознаграждались.

Я решил вмешаться. Вурден мог болтать хоть весь день, но я хотел узнать то, за чем пришел.

— Говорят, у вас есть камни, вызывающие загадочные видения, — пробормотал я, бессознательно переняв его помпезную манеру выражаться. Вурден медленно улыбнулся.

— Да, у меня есть кое-что.

— Найлз в это вряд ли поверит, — возразил я.

— Многие не верят. Но здесь есть камень, которым пользовался сам Бэкон, набор кристаллов легендарного Теофраста, гадательные камни, в которые вглядывались ацтеки перед жертвоприношением. Драгоценные камни — своего рода математические фигуры из света, отражающие его своими гранями. И кто знает, может быть через эти углы действительно можно проникать в иные миры? Может быть, их углы изменяются так, что, вглядываясь в глубины камней, мы способны видеть их в трехмерной перспективе? Древние пользовались углами в магии, а современный человек делает то же самое, называя это математикой. Де Ситтер говорит…

— Камень для линз, — перебил я его.

— Да, конечно, прошу прощения, друг мой. Думаю, что есть у меня один в высшей степени подходящий. Звезда Сехмет. Очень древний, но вам вполне по карману. Украден из короны львиноголовой Богини, когда Египет завоевали

римляне. Его отправили в Рим, где он оказался в поясе девственницы, верховной жрицы Дианы. Позднее варвары вытащили его оттуда и огранили, и далее след его теряется в темных веках. Известно только, что Аксенос Великий омыл его в красном, желтом и синем пламени, желая использовать как Философский Камень. С ним он, как считалось, мог смотреть за Завесу и повелевать гномами, сильфами, саламандрами и ундинами. Камень стал частью коллекции Жиля де Рэ, и он говорил, что именно в его глубинах узрел идею Гомункулуса. Потом камень снова исчезает, но одна из монографий упоминает его как часть тайного собрания Графа Сен-Жермена, когда он оказывал услуги королевскому двору в Париже. Я сам купил его в Амстердаме у русского священника, чьи глаза выжег серый брат Распутин. Он заявлял, что с его помощью умел прорицать.

Тут я снова вмешался. «Огранить камень в виде линзы, чтобы его можно было вставить в фотоаппарат. И когда примерно он будет готов?»

— Вы, молодые люди, так не терпите спокойной беседы, — упрекнул он меня. — Завтра, если угодно. Видите ли, камень для меня много значит и я лично никогда с ним не экспериментировал.

Все, чего я прошу, — рассказать о результатах работы. И еще я советую вам, если камень откроет нечто, что, как мне кажется, должен открыть, обращаться с этим крайне осторожно. Есть места, куда вторгаться опасно.

Я уже спускался по лестнице, а он все болтал. Поразительный человек этот Айзек.

На следующий полдень я забрал небольшую посылку и тем же вечером принес камень Найлзу.

Вместе мы развернули дымчатые линзы. Я описал Вурдену характеристики нашей большой камеры, которой пользовались последнее время — с отражающим зеркалом внутри, через который мы легко могли поймать фокус. Вурден блестяще справился с работой. Найлз даже выдохнул от удивления: «Великолепно».

Он не стал тратить время на смену линз и сразу вставил Звезду Сехмет. Найлз склонился над камерой — я никогда не забуду это зрелище — и его плотная фигура почти слилась с затененными стенами студии. Мне пришло в голову сравнение с согнувшимся над кристаллом древним алхимиком, что вслушивается в шепот танцующих внутри демонов.

Вдруг Найлз резко выпрямился. «Черт!», пробормотал он. — Все в тумане, не могу отрегулировать.

Похоже, друг твой всучил нам подделку.

— Давай я попробую.

Я занял его место и уставился в серую массу. Да, видимо, линзы были просто мутными. Так, а это что?

Серая пелена слегка шевельнулась.

Легкий вихрь. Отблеск танцующего света. Дымка рассеивалась и будто бы раскрывалась в пейзаж, который таял на расстоянии. Стена, на которой он был сфокусирован, выглядела маленькой, словно на нее смотрели другим концом бинокля. Затем стена начала растворяться, напомнив снимки с медиумами и линиями эктоплазмы. Окончательно исчезнув, она уступила место какой-то огромной тени, замаячившей перед камерой. Нечто выросло из пустоты. И вдруг резко — фокус!

Думаю, что я закричал. Крик, несомненно, пронзил молнией мой мозг.

Ибо я увидел Ад.

Сначала бесконечные углы, ничего, кроме углов, кружащихся в бесцветном фосфоресцирующем свете. За ними плоская черная равнина, расстилавшаяся вверх без начала и конца, без намека на горизонт. Она двигалась и углы тоже двигались, но резким, дерганым, головокружи-

тельным образом, словно на палубе в сильную качку. Я видел кубы, треугольники, неизвестные математические фигуры невиданной сложности и огромных размеров. Их были тысячи, этих линий света в форме многогранников. И пока я смотрел на них, они изменились.

Изменились в нечто иное.

Эти формы — они могут привидеться только в бреду, в самых жутких ночных кошмарах. Там были ухмыляющиеся демоны, крадущиеся на длинных острых когтях по движущейся равнине; бесформенные грибы с щупальцами, заканчивающимися в циклопического размера глазах; клыкастые головы катились мне навстречу, злобно хохоча; гигантские руки, ползущие словно безумные пауки. Вампиры, монстры, демоны — разум был бессилен перечислить их все. Но ведь мгновение назад они были просто математическими фигурами!

— Вот, — задыхаясь, произнес я. — Посмотри еще раз.

Найлз уставился в объектив, недоумевая, почему я так возбужден. «По-прежнему ничего», проворчал он. Но чем дольше он смотрел, тем бледнее становилось его лицо.

— Ага, — услышал я. — Туман рассеивается. Да!

Комната уменьшается, начинает таять. А сейчас — то ли я к ним двигаюсь, то ли они ко мне — появляются какие-то светящиеся углы.

— Подожди, — почти прошептал я с ощущением триумфа. — Ты еще ничего не видел.

— Я вижу геометрические формы. Кубы. Светящиеся многогранники. Они покрыли всю равнину и — Боже правый!

Найлз задрожал.

— Я вижу их! — вскричал он. — Вижу! Высоких существ без глаз с волосатыми головами. Волосы скручиваются и извиваются, под ними морщинистые розовые рты словно извилины человеческого мозга. А дальше — козла с человеческими руками!

Он испустил неописуемый крик, дрожа, отступил от фотоаппарата и повернул регулятор. Глаза у Найлза были красными, он словно только что проснулся от лихорадочного сна.

Нам обоим нужно было выпить. Не озаботившись стаканами, мы пили прямо из бутылки.

— Ну? — спросил я, более-менее успокоившись.

— Галлюцинация, — без особой уверенности рискнул предположить он.

— Не хочешь взглянуть еще раз?

Найлз криво усмехнулся.

— Иллюзией это быть не может, — продолжал я. — Никакого козла я не встретил, зато мы оба видели туманные вихри, одну и ту же плоскую равнину, одни и те же геометрические формы из живого света.

— Согласен. Но последнее — эти жуткие твари — у каждого из нас были свои. Вот что мне непонятно.

— Здесь как раз все просто. Если Вурден прав, то камень — некий ключ, грани которого открывают Астральный План. Астральный План — и не качай так головой, пожалуйста, — отчасти совпадает с научной концепцией Четвертого Измерения, хотя метафизики верят, что он представляет собой продолжение трехмерной жизни. То есть, когда люди умирают, их души входят в Астральный План и пройдя сквозь него, попадают в высшую форму бытия. Астральный План в каком-то смысле ничейная земля, Лимб, существующий вокруг нас, где обитают потерянные души и низшие сущности, которые никогда не воплотятся.

— Чушь.

— Сейчас принято считать все это глупыми суевериями, но это очень древняя идея, отголос-

ки которой есть во всех религиях. И подожди, я не сказал главного. Ты слышал когда-нибудь об элементалах?

— Вскользь, разве что. Они что-то вроде призраков?

— Не совсем — это силы. По природе нечеловеческие, но с человечеством связанные. Те самые гении и фамильяры, инкубы и демоны разных религий и мифологий; невидимые существа, живущие вокруг нас и ищущие контакта с человеком. Организмы вне трехмерного измерения, выражаясь более научно. Они живут в ином времени и пространстве, которое синхронизировано и параллельно нашему. Увидеть их можно только с помощью углов. Грани этого камня позволяют нам видеть сквозь него, наводить фокус на бесконечность, так сказать. То, что мы видели, и есть элементалы.

— Ок, свами, но почему мы видим их разными? — настаивал Найлз.

— Потому что, мой дорогой друг, мозги у нас тоже разные. Сначала мы видим геометрические формы, их базовую, чистейшую форму жизни. Но затем наш мозг переводит эти формы в знакомые образы. Я вижу одних монстров потому, что знаком с мифологией. У тебя другое впечатление

— и из твоих восклицаний я понял (это сейчас ты такой высокомерный, а тогда вопил от ужаса на всю студию), что твой мозг брал образы из сновидений и кошмаров. Рискну предположить, что венгерский крестьянин, посмотри он сквозь эти линзы, разглядел бы вампиров и оборотней.

Это вопрос психологии. Каким-то образом камень помогает настроить фокус более чем визуальным образом. Также он позволяет тем существам узнавать о нас — и они хотят, чтобы мы видели их в соответствии с нашими ментальными представлениями о них. На самом деле суеверия вырастают именно отсюда, потому что временами эти сущности контактируют с человеком.

Найлз нетерпеливо махнул рукой. «Оставим пока твои теории об углах, с ними и до психушки недалеко», — сказал он, — но я точно обязан твоему другу Вурдену. Неважно, подделка камень или нет, неважно, принимаю я эти наивные объяснения или нет, важно другое: мы столкнулись с чем-то крайне занятным. Я серьезно. Фотографии, которые мы можем получить с помощью этой линзы, уникальны и никто никогда даже близко не подходил к таким результатам. Они идут куда дальше самых безумных идей дадаистов и

сюрреалистов. Мы получим настоящие снимки — но будь я проклят, если знаю, чего именно, ведь твои так называемые ментальные образы отличаются от моих.

Я покачал головой, вспомнив, что говорил Вурден.

— Слушай, Найлз. Я знаю, что ты мне не веришь, но ты точно веришь в то, что видел своими глазами. Я видел, как ты дрожал; нам придется признать, что эти существа ужасны — без разницы, откуда они, родом из нашего ли воображения или Астрального Плана, они угрожают рассудку нормального человека. Если слишком долго смотреть на то, что видели мы, то легко свихнуться, и я не шучу. Я бы не советовал смотреть в эти линзы слишком долго и слишком пристально вглядываться в неведомых тварей.

— Не неси чушь, — скривился он.

— Элементалы, — настаивал я. — И ты должен в это поверить — очень жаждут жизни. Они своего рода космические вампиры, которые питаются мертвыми душами, но заманить живого человека сквозь мириады планет на свой план им удается редко. Вспомни легенды — все они говорят именно об этом. Истории о людях, которые пропадали, продавали свои души дьяволу, отправлялись в

иные миры; все они про элементалов, которые охотятся на человека и хотят затащить его на свой план.

* Заканчивай, ты же знаешь, меня бесят подобные байки.

Несмотря на тон, глаза Найлза выражали слабое доверие, и оно росло по мере того, как я игнорировал его скепсис.

— Ты говоришь, что это глупые суеверия, — продолжал я. — А я говорю, что это наука. Ведьмы, колдуны, мудрецы, чьи тайны помогли возвести пирамиды — все они прибегали к заклинаниям и пользовались чем? Правильно, геометрическими фигурами. Они рисовали круги, пентакли и каббалистические печати. Через эти линии они призывали силы с Астрального Плана или других измерений. Эти силы вознаграждали их в ответ, но в конце концов они всегда уходили через углы в Астральный План, платя за дары своей жизнью. Колдовство и геометрия — странные партнеры, но их взаимосвязь — исторический факт. Поэтому я предупреждаю тебя. Не только ты видел этих существ — они тоже видели, чувствовали и каким-то образом знали о твоем присутствии. Они будут жаждать твоей души, и пока ты вглядываешься в них через эти линзы, они понемногу

высасывают ее из тебя. Это своего рода гипноз, который наука пока не может объяснить, как не может объяснить магнетизм и телепатию. Но древние называли это магией. Я прошу тебя еще раз: не смотри слишком долго в эти линзы.

Найлз расхохотался.

— Завтра у меня будут фотографии, — заявил он. — И мы посмотрим, на что похожи твои элементалы. А если ты нервничаешь, лучше держись подальше.

— Честно, я так и сделаю.

На следующий день я покинул студию. Найлз был невероятно возбужден. Он без умолку говорил о новых фокусных регулировках, чтобы расширить поле видимости; о том, как быстрее получить снимки, какую бумагу взять для печати. Его интересовало, проявятся ли на финальных негативах увиденные им создания или только удивительные фигуры из света. Я ушел, не желая, чтобы он видел мою раст тревогу.

Я пошел к Вурдену.

Магазин его был открыт, но клерка на месте не было, хотя извещавший о появлении покупателей колокольчик над дверью прозвонил как обычно. Я прошел через полумрак в дальнюю комнату, где Айзек предавался своим исследо-

ваниям.

Он сидел там, в легкой дымке, странной для неосвещенной комнаты, и всматривался с восхищенным вниманием в какую-то старинную книгу.

— Айзек, — сказал я. — В этом камне и правда было нечто. Найлз и я воспользовались им прошлой ночью и думаю, что мы открыли врата в другое измерение. Древние были не дураки, они знали, что делали.

Айзек даже не шевельнулся. Неподвижный, он вглядывался в безмолвную тишину. На его желтоватом лице играла легкая улыбка.

— Ты обещал рассказать еще кое-что об истории камня, — продолжил я. — Ты нашел что-нибудь? Знаешь, это невероятно, просто невероятно.

Айзек по-прежнему сидел, молча смотрел вдаль и улыбался. Я нагнулся к нему.

Недвижимый, прямой как стрела в своем кресле, сжимая в руках авторучку, Айзек Вурден напоминал современного некроманта. И как любой некромант, переступивший роковую черту, Айзек Вурден был мертв.

Мертв как камень.

— Айзек! — вскричал я. Забавно, не правда ли, слышать, как выкрикивает человек имя ушедше-

го в момент смерти. Это крик отчаяния, отказа поверить в неизбежное; своего рода заклинание, как если бы эхо человеческого голоса могло вернуть обратно душу, уже перешедшую последнюю грань. И ушедшую куда — в Астральный План?

Я быстро склонился к холодному телу, уставившись в испещрявшие лист неразборчивые записи. Я читал то, над чем работал Вурден, пока не пришел его последний гость.

Буквы расплывались у меня перед глазами.

«Звезда Сехмет. Эпоха Птолемеев. Август Лулла, так звали римлянина, который украл ее. См. Историю Вено. Лулла умер от проклятия за то, что вытащил камень. Раз.

Жрица Дианы, которая носила камень в поясе, тоже поплатилась смертью. За святотатство. Вновь см. Вено. Два.

Жиль де Рэ — его судьба известна. Он неправильно пользовался камнем. Неизбежная расплата за нарушение правил.

См. главу о дивинации Тайн Червя Принна. Могут быть упоминания о камне во время его исчезновения.

Снова русский. Утверждает, что украл камень у Распутина, тот пользовался им для пророчеств. В результате Распутин мертв, священник ослеп.

Пока он не сошел с ума, нужно было обратить внимание на предостережения, касающиеся священной природы камня. Три, четыре и пять. Кто или что бы ни обитало в мирах, которые открывает камень, оно не потерпит, чтобы врата изменяли или пользовались ими неправильно. Кража камня, перенос его с места на место, неверное применение — все кончалось смертью.

И — я повинен во всем. Да поможет Бог этому человеку Найлзу в том, что он должен вынести. Они доберутся до него через камень.

Да поможет мне Бог. Я тоже должен заплатить свою цену. Но позже.

Почему я не подумал, прежде чем дать ему камень? Сейчас я — ...».

На этом месте записи обрываются. Никакого судорожного прерывистого царапанья ручкой, ни застывшего выражения ужаса, никакого растущего напряжения и предчувствия гибели. Вурден писал и через минуту уже был мертв.

Конечно, причиной мог быть банальный сердечный приступ, инсульт, тромбоз или просто возраст. К этому могли привести шок, возбуждение, тревога, что угодно.

Но я не обманывал себя. Я знал. Вскочив на ноги, я выбежал из магазина так быстро, словно

за мной гнались демоны. И пока я бежал, кровь пульсировала в висках в ритме с единственной фразой, бившейся в моем мозгу: «Да поможет Бог Найлзу».

Было уже темно, когда я отпер дверь студии. Она была пуста, в проявочной не горел свет. Может быть, Найлз ушел?

Я молился, чтобы это было так. Но куда? Он не мог бросить работу. Я подошел к камере: на пленке была выставлена экспозиция. Должно быть, Найлзу позвонили и он вышел.

Я едва сдержался, чтобы не посмотреть через линзу еще раз, как только включил свет. Но нет — мне не хотелось снова видеть равнину и этих невообразимых чудовищ, обитающих за пределами времени и пространства, и при этом — как забавно — одновременно вокруг меня, в этой самой комнате. Миры внутри миров ужаса. Но где же Найлз?

Я не мог просто сидеть и ждать. Почему бы не проявить пленку? Хоть займусь чем-то. Я отнес камеру в проявочную. Десять минут в темноте, потом все как обычно. Повесив темный квадрат сушиться, я включил вентиляторы.

Голова гудела от предположений. Пленка окажется пустой? На ней проявятся угловатые

световые фигуры? Или — это было бы потрясающе — я увижу существ, вызванных нашим воображением? Поможет ли наш мозг получить снимки благодаря древнему магическому камню в современном фотоаппарате? Эта мысль меня не покидала.

Минута текла за за минутой, тихо шумели вентиляторы.

Но где же Найлз? Что бы ни вызвало его поспешный уход, он точно должен уже вернуться. Даже записки не оставил.

Дверь была заперта изнутри, а ключ был только у меня

Сквозь волну накатившего ужаса эта мысль, ухмыляясь словно злобный призрак, смотрела на меня в упор.

Найлз никак не мог выйти отсюда.

У него был только один выход.

Я быстро сунул высохший негатив в принтер вместе с листом бумаги.

Надавив, положил в проявитель, подождал.

Наконец снимок был готов, и я помчался в другую комнату, где поднес его, еще влажный, к свету.

В следующее мгновение, закричав, я разбил камеру и принялся топтать ногами камень до

тех пор, пока не пришел в себя настолько, чтобы собрать все осколки и швырнуть их через открытое окно на дальние крыши. Снимок и негатив я порвал в клочья, не переставая кричать, потому что не мог и никогда не смогу стереть из своей памяти то, что увидел на фотографии.

Должно быть, снял он это очень быстро. Камера по неизвестной причине навела фокус мгновенно, что и послужило причиной произошедшего. Мгновенный фокус позволил этим существам — силам, элементалам, чему угодно — достичь своей долгожданной цели.

Я увидел на снимке то, что ожидал увидеть Найлз. Бесконечную черную пустошь. Только теперь на ней не было ни фигур, ни огней, только чёрные тени, сгрудившиеся вокруг центральной точки. И они не были частью снимка.

Но они собрались вокруг одной точки — центральной точки, и камера каким-то чудом поймала их быстрее скорости света. Они прошли через камень и унесли Найлза с собой, как я и опасался. Быстрее скорости света, как я и сказал. Даже еще быстрее, иначе бы я не увидел того, что открылось моим глазам. Центральная точка…

Центральная точка этого проклятого снимка; единственная среди зловещих теней… была мерт-

вым, истерзанным телом Дэвида Найлза!

Перевод: Д. Даммер

Роберт Блох

Тёмная сделка

Robert Bloch. «Black Bargain», 1942. Цикл «Мифы Ктулху. Свободные продолжения».

I

Было уже поздно, когда я выключил неон и занялся полировкой столовых приборов. Фруктовый сироп легко удалялся, но вот шоколад прилип, а горячая помадка была жирной. Как я хочу, чтобы они больше не заказывали горячую помадку.

Я начал раздражаться, пока скреб все это. Пять часов на ногах, каждую ночь, и что я имею с этого? Варикозные вены. Варикозные вены и память о тысячах глупых лиц. Вены легче переносить, чем воспоминания. Они были такими унылыми, мои заказчики. Я знал их всех наизусть.

Ранним вечером меня посещали «кока-кольщицы». Я мог заметить их за милю. Хихикающие школьницы старших классов с растрепанными

копнами коричневых волос в бесформенных светло-коричневых пиджаках и с отвратительными толстыми ногами, выпячивающимися над красными лодыжками. Все они были любителями «коки». В течение сорока пяти минут они захватывали магазин, портили плиточный стол пеплом от сигарет, рваными салфетками, измазанными губной помадой, и небольшими лужицами пролитой воды. Всякий раз, когда входили старшеклассницы, я автоматически добирался до насоса колы.

Чуть позже вечером я встречал толпу «дайте мне две пачки». Спортивные рубашки, висящие на волосатых руках, были популярными брендами. Синие рабочие рубашки с закатанными рукавами, открывающими татуировку, означающую две-за-четвертак сигареты.

Некоторое время спустя появлялся толстый мальчик. Он всегда был «сигарой». Если он носил очки, он был «в десяточку». Если нет, мне нужно было просто указать на нужную коробку на прилавке. Пять центов сразу. «Мягкая Гавана», — все давно наполнены.

О, это всегда было однообразно. Семья «остроумных», которая неизменно уходила с аспирином, «Экс-Лаксом», шоколадными батончиками и

пинтой мороженого. Толпа «публичных библиотекарей», — высокие худые молодые люди, просматривающие страницы журналов на стойке и никогда ничего не покупающие. «Газировщики», с их брюками, смятыми на диванах однокомнатных квартир, «шпильки», — всегда украдкой смотрящие над детскими колясками снаружи. И примерно в десять «ананасовые сиропы», — жирные женщины-игроки в лото. Затем следовали «шоколадные содовые», уже под занавес. Словно зашедшие с вечеринки хихикающие девушки и молодые парни с красной шеей в неряшливых легких костюмах.

Туда-сюда, и так весь день. Вечно спешащие «телефоны», дрожащие старые «трехцентовые марки», холостые «зубные пасты», и «бритвы».

Я мог определить их всех с первого взгляда. Ночь за ночью они тащились к стойке. Я не знаю, зачем они утруждали себя, говоря мне, чего они хотят. Один взгляд на них был всем, что мне нужно, чтобы предвидеть их малейшие пожелания. Я мог бы дать им то, что им нужно, даже без слов.

Или, скорее, думаю, что не мог. Потому что для большинства, насколько я понимал, нужен был хороший напиток с мышьяком.

Мышьяк! Господи, сколько времени прошло,

когда меня просили заполнить рецепт! Никто, эти глупые идиоты искали наркотики в аптеке. Зачем я замарачивался изучением фармацевтики? Все, что мне действительно нужно, — это двухнедельный курс по заливанию шоколадного сиропа на тающее мороженое и месячное исследование того, как установить картонные фигуры в окне, чтобы подчеркнуть их огромные бюсты.

Что ж…

Затем вошел он. Я услышал медленные шаги, не утруждая себя поднять взгляд. Для развлечения я попытался угадать, кто это, прежде чем взглянуть. «Дайте две пачки»? «Зубная паста»? Ну, черт с ним. Я уже закрываюсь.

Мужские шаги прошаркали до стойки, прежде чем я поднял голову. Они робко остановились. Я все еще отказывался признавать его присутствие. Затем раздался нерешительный кашель. Это подействовало.

Я обнаружил, что смотрю словно на Каспара Милкуетоста[31] в лохмотьях. Среднего возраста, худой маленький человек с песчаными волосами и в очках, словно взгромоздившихся на его нос.

---

[31] Примечания: 31

Каспар Милкуетост (Caspar Milquetoast) — персонаж комиксов, созданный Эйч. Ти. Вебстером для его мультяшной серии «Робкая душа», («The Timid Soul»).

Изгиб его рта подчеркивал отчаянье, отпечатавшееся на его лице.

На нем был потертый костюм за 16,50 долларов, мятая белая рубашка и узкий галстук, но скромность была его настоящей одеждой. Он был полностью покрыт ею, этой аурой безнадежного смирения.

К черту психоанализ! Я не аптекарь Дейл Карнеги. То, что я увидел, породило лишь одну мысль в моем сознании. Попрошайка.

— Прошу прощения, пожалуйста, есть ли у вас настойка аконита?

Ну, чудеса случаются. У меня появился шанс продать наркотик, в конце концов. Или? Когда отчаяние входит и спрашивает об аконитах, это означает самоубийство.

Я пожал плечами.

— Аконит? — повторил я. — Я не знаю.

Он улыбнулся слегка. Или скорее складка посреди его лица сморщилась в плохой имитации веселья. Но на лице у него было не больше веселья, чем в улыбке, которую вы видите на черепе.

— Я знаю, о чем вы думаете, — пробормотал он. — Но вы ошибаетесь. Я… я химик. Я провожу некоторые эксперименты, и мне нужны четыре унции аконита. И какая-то белладонна. Да, и

— подождите минуту.

Затем он вытащил книгу из кармана.

Я вытянул шею, и это того стоило.

Книга имела покрытую ржавчиной металлическую обложку и, очевидно, была очень старой. Когда он перелистывал толстые желтые страницы дрожащим пальцем, я увидел, как над ними поднимаются облачка пыли. Тяжелые чёрные буквы явно относились к немецкому языку, но я ничего не смог прочитать на таком расстоянии.

— Дайте подумать, — пробормотал он. — Аконит — белладонна — да, и у меня есть это — кошка, конечно, — паслен — хм — о, да, мне, конечно же, нужен фосфор, — у вас есть синий мел? — хорошо — и я думаю, это все.

Я начал понимать. Однако, какого черта это должно быть важным для меня? Этот эксцентричный человек никак не повлияет на мою жизнь. Все, что я хотел сделать, это выбраться отсюда и пропарить свои уставшие ноги.

Я направился в заднюю комнату и быстро собрал все, что он потребовал. Взглянул на него через щель в двери, но он ничего не делал — просто листал свою черную железную книгу и шевелил губами.

Завернув все в бумагу, я вышел.

— Что-нибудь еще, сэр?

— О, да. Могу ли я попросить дюжину свечей? Большой размер?

Я открыл ящик и выцарапал их из пыли.

— Мне придется расплавить их и перемешать с жиром, — сказал он.

— Что?

— Ничего. Я просто задумался.

Конечно. Это будет лучшее, на что ты можешь рассчитывать, оказавшись в обитой войлоком камере. Но это было не мое дело, не так ли?

Поэтому я передал пакет, как дурак.

— Спасибо, вы были очень добры, и я должен попросить вас постараться быть еще добрее — прежде чем бросать обвинения.

— О, прекрасно!

— Вы видите, что я временно не имею необходимых средств. Но я могу заверить вас, что очень скоро, на самом деле в течение следующих трех дней, я за все вам заплачу. Да.

Очень убедительная просьба. Я бы не дал ему даже чашку кофе, — это то, о чем обычно просят сумасшедшие, вместо аконита и свечей. Но если его слова меня не тронули, то это сделали его глаза. Они были настолько одиноки позади очков, так жалко одиноки, эти две маленькие лужицы

надежды посреди пустыни отчаяния, которая была его лицом.

Отлично. Пусть у него будут свои мечты. Пусть он заберет с собой свою старую книгу, окованную железом, и делающую его похожим на сумасшедшего. Пусть он зажжет свои свечи, нарисует свой фосфоресцирующий круг и произнесет свои заклинания Маленькому Ваху, индейскому проводнику в мире духов, или что он там такое хочет сделать.

Нет, я бы не дал ему кофе, но я бы подарил ему мечту.

— Все в порядке, приятель, — сказал я. — Мы все иногда теряем нашу удачу, я думаю.

Это было неправильно. Я не должен был относиться к нему свысока. Он сразу застыл, и его рот скривился в насмешке — превосходства, если угодно!

— Я не прошу милостыню, — сказал он. — Я заплачу, не бойся, мой добрый человек. Через три дня, помяни мои слова. Хорошего вечера. У меня еще есть работа.

Он удалился, оставив «моего доброго человека», стоять с открытым ртом. В конце концов, я закрыл свой рот, но не смог захлопнуть крышку своего любопытства.

В эту ночь, возвращаясь домой, я смотрел на темную улицу с новым интересом. Черные дома, вздымающиеся словно барьер, за которым скрывались фантастические загадки. Ряд за рядом, и не дома, но темные подземелья снов. В каком доме скрывался мой незнакомец? В какой комнате он взывал к своим странным богам?

Я снова ощутил присутствие чуда в этом мире, таящейся странности за кулисами аптеки и жилого дома. Черные книги все еще читались, и странные незнакомые люди ходили и что-то бормотали, свечи горели ночью, а потерявшаяся кошка могла означать избранную жертву.

Но у меня болели ноги, поэтому я направлялся домой.

II

Все повторялось по старому — солодовое молоко, вишневая кола, вазелин, листерин, сетки для волос, купальные шапочки, сигареты и что еще у вас есть?

У меня — головная боль. Это произошло четыре дня спустя, почти в то же самое время ночи, когда я снова занимался чисткой.

Конечно, вошел он.

Я все время говорил себе, что не ждал его воз-

вращения, но в действительности — ждал. У меня появилось странное чувство, когда щелкнула дверь. Я ждал звука шагов ботинок от Тома Макканна.

Вместо этого раздался оживленный стук полуботинок. Английских полуботинок. За 18,50.

На этот раз я поднял глаза.

Это был мой незнакомец.

По крайней мере, он был там, где-то под роскошным в тонкую синюю полоску костюмом, безукоризненной рубашкой и фуляровым галстуком. Он был выбрит, прекрасно подстрижен, сделал маникюр и, очевидно, приобрел выигрышный билет на ирландских лотереях.

— Привет. — Ничего плохого не было в этом голосе — я слышал похожие много раз в вестибюлях шикарных отелей в течение многих лет, наполненные энергией, уверенностью и авторитетом.

— Так, так, так, — все, что я мог сказать.

Он усмехнулся. Его рот уже не был простой складкой. Это была командирская труба. Из этого рта могли изрыгаться приказы и указания. Этот рот уже не был предназначен для нерешительных оправданий. Это был рот для заказа дорогих обедов, выбора винтажных вин, дорогих сигар; рот, который лаял на таксистов и швейцаров.

— Удивлены, увидев меня, а? Я говорил, что это займет три дня. Хочу вернуть вам деньги, спасибо за доброту.

Это было хорошо. Не спасибо, а деньги. Мне нравятся деньги. Мысль о них сделала меня приветливым.

— Итак, ваши молитвы были услышаны, а? — сказал я.

Он нахмурился.

— Молитвы — какие молитвы?

— Почему я так подумал… — я вновь сделал глупую ошибку бесспорно.

— Я не понимаю, — огрызнулся он, прекрасно все понимая. — Возможно, возникло какое-то недопонимание относительно моих покупок в тот вечер? Несколько необходимых химических веществ, вот и все, чтобы закончить эксперимент, о котором я говорил. И я должен признаться, что свечи нужны были, чтобы освещать мою комнату. Мне отключили электричество днем раньше.

Ну, может все и так.

— Могу так же сказать, что эксперимент был успешным. Да, сэр. Отправился в «Ньюсом», с результатами, и они поставили меня помощником директора по исследованиям.

«Ньюсом», был самым большим химическим

заводом в нашей части страны. И он вошел туда прямо в лохмотьях и был «назначен», помощником директора по исследованиям! Ну, век живи, век учись.

— Итак, вот деньги… 2,39 доллара, не так ли? Можете ли вы дать сдачу с двадцатки?

Я не мог.

— Все в порядке, оставьте себе.

Я отказался, я не знаю почему. Мне отчего-то показалось, что я снова ощутил странное чувство.

— Хорошо, тогда скажите, что нам делать. Вы закрываетесь, не так ли? Почему бы нам не спуститься вниз по улице в таверну, чтобы немного выпить? Я разменяю. Пойдем, я испытываю желание отпраздновать.

И вот через пять минут я шел по улице с мистером Фрицем Гультером.

Мы сели за столик в таверне и сделали заказ. Ни он, ни я не были в покое. Каким-то образом между нами была негласная тайна. Казалось, что я обвиняю его в преступном знании — я из всех людей один знаю, что за этой безукоризненно одетой фигурой три дня назад скрывался призрак. Призрак, который задолжал мне 2,39 доллара.

Мы выпили, мы оба. Призрак стал немного бледнее. Затем еще по одной. Я настоял на том,

чтобы заплатить за третий круг.

— Это празднование, — сказал я.

Он рассмеялся.

— Конечно. И позвольте мне сказать вам, это только начало. Только начало! С этого момента я собираюсь так быстро подниматься, что голова закружится. И я буду работать в том месте в течение шести месяцев. Собираюсь получить много новых оборонных заказов от правительства и развиваться.

— Минутку, — предостерег я, — запасы истощились. — Ты бежишь впереди поезда. Если бы я был на твоем месте, я все равно был бы ошеломлен тем, что случилось со мной за последние три дня.

Фриц Гультер улыбнулся.

— О, это? Я ожидал этого. Разве я не сказал тебе об этом еще в магазине? Я работаю больше года, и я знал, чего ожидать. Это неудивительно, уверяю тебя. Я все спланировал. Я был готов умереть с голоду, чтобы провести необходимые исследования, и я голодал. Могу также признать это.

— Конечно. — Когда мы выпили в четвертый раз, препятствий больше не было. — Когда ты вошел в магазин, я сказал себе: «Вот парень, который прошел через ад»!

— Точнее не скажешь, — сказал Гультер. — Я прошел через ад, совершенно буквально, но все кончено, и я не сгорел.

— Скажи, по секрету, какую магию ты использовал?

— Магию? Магию? Я совершенно ничего не знаю о магии.

— О да, конечно, Гультер, — сказал я. — Как насчет той маленькой черной книги в железной обложке, с которой ты был в магазине?

— Немецкий текст по неорганической химии, — огрызнулся он. — Довольно, вот, выпей и закажем еще.

Я выпил еще. Гультер начал говорить немного свободнее. О своей новой одежде и новой квартире, о новой машине, которую он собирался купить на следующей неделе. О том, как он заимеет все, что захочет, о Боже, он еще покажет тем глупцам, которые смеялись над ним все эти годы, он вернет все ворчливым хозяйкам и проклятым бакалейщикам, и насмехающимся крысам, которые говорили ему, что он был слишком слаб на голову, чтобы изучать то, что задумал.

Затем он стал немного любезен.

— Тебе бы понравилось работать в «Ньюсоме»? — он спросил меня. — Ты хороший фарма-

цевт. Ты знаешь химию. К тому же ты неплохой парень, но у тебя ужасный творческий подход. Как насчет этого? Будь моим секретарем. Конечно, вот именно. Будь моим секретарем. Я все устрою завтра.

— Я буду пить, — заявил я. Перспектива просто опьянила меня. Мысль о побеге из проклятого магазина, вырваться из окружения «коки»-лиц, «сигар»-голосов — определенно опьянила меня. Как и следующая порция горячительного.

Я начал кое-что видеть.

Мы сидели у стены, а огни таверны были тусклыми. Пары вокруг нас болтали что-то монотонно, это было немного успокаивающе. Мы сидели в тени у стены. Теперь я посмотрел на свою тень — неуклюжую, мерцающую карикатуру на себя, сгорбившуюся над столом. Какой контраст она представляла перед моей внезапно воздвигшейся массой!

Его тень, сейчас…

Его тень, сейчас…

Я видел это. Он сидел прямо через стол от меня. Но его тень на стене стояла!

— Мне больше не надо Скотча, — сказал я, когда подошел официант.

Я продолжал смотреть на его тень. Он сидел, а

тень стояла. Это была большая, чем моя тень и более темная. Ради забавы я подвигал руками вверх и вниз, создавая силуэты голов и лиц. Он не смотрел на меня, он жестом подзывал официанта.

Его тень не двигалась. Она просто стояла там. Я смотрел и наблюдал, и все пытался отвести взгляд. Его руки двигались, но черный контур стоял неподвижно и тихо, руки свисали вдоль боков. И все же я видел знакомый абрис его головы и носа — это не было ошибкой.

— Скажи, Гультер, — сказал я. — Твоя тень — там, на стене…

Я замолчал. Мои глаза были мутны.

Но я почувствовал, как его отношение ко мне меняется даже сквозь пары алкоголя.

Фриц Гультер поднялся на ноги, а затем приблизил своё мертвенно-бледное лицо ко мне. Он не смотрел на свою тень. Он смотрел на меня, как бы сквозь меня, отыскав что-то с ужасом за моим лицом, моими мыслями, моим мозгом. Он смотрел на меня и словно в какую-то свою личную преисподнюю.

— Тень, — сказал он. — Нет ничего плохого в моей тени. Ты ошибаешься. Помни, что ты ошибаешься. И если ты когда-нибудь повторишь это снова, я разобью тебе череп.

Затем Фриц Гультер встал и ушел. Я смотрел, как он идет по залу, двигаясь быстро, но немного неуверенно. Позади него, двигаясь очень медленно и явно уверенно, скользила его высокая черная тень.

III

Если вы можете построить лучшую мышеловку, чем ваш сосед, вы можете сами попасть в нее.

Это то, что я сделал по отношению к Гультеру. Вот я уже был готов принять его предложение о хорошей работе в качестве его секретаря, и тут же совершаю пьяную глупость!

Через два дня я все еще называл себя дураком. Тени, которые не следуют за движениями тела, ха! Что это была за тень, которую я видел той ночью? Это была не тень, это был Скотч, который я пил. Ох, прекрасно!

Поэтому я стоял в магазине и посыпал мороженое проклятиями, а также расколотыми орехами.

Я чуть не уронил орешницу второй раз за ночь, когда снова вошел Фриц Гультер.

Он поспешил к прилавку и устало улыбнулся мне.

— У тебя есть минутка?

— Конечно, — подожди немного, пока я обслужу тех людей.

Я отложил мороженое и помчался назад. Гультер сел на табурет и снял шляпу. Он обильно вспотел.

— Я хочу извиниться за то, как я повел себя той ночью.

— Ну, все в порядке, мистер Гультер.

— Я был немного взволнован, вот и все. Выпивка и успех ударили мне в голову. Без обид, я хочу, чтобы ты это понял. Просто я нервничал. Твои подшучивания насчет моей тени, это звучало слишком похоже на то, как меня постоянно высмеивали за мои исследования в своей комнате. Владелица дома обычно обвиняла меня во всех грехах. Заявляла, что я расчленил ее кошку, что сжигаю фимиам, пачкаю пол мелом. Некоторые из молокососов, что жили внизу, начинали поднимать вой, будто я какой-то псих, погрязший в колдовстве.

Помните, я не спрашивал его автобиографию. Все это звучало немного истерично. И притом Гультер выглядел соответствующе. Он потел, его линия рта кривилась и дрожала, как когда мы познакомились с ним.

— Но скажи, — причина, по которой я при-

шел, — не сможешь ли ты назначить мне успокоительное. Нет, ни бром или аспирин. Я принимал их много раз с того вечера. Мои нервы совсем расшатались. Эта работа в «Ньюсоме», просто убивает меня.

— Подожди минутку, я посмотрю.

Я ушел в заднюю комнату. Следует добавить, что я тот час вернулся и взглянул на Гультера через щель.

Хорошо, я буду честен. Не на Гультера я хотел взглянуть. На его тень.

Когда клиент сидит на табурете, огни магазина освещают его так, что его тень — это всего лишь маленький черный бассейн под ногами.

Тень Гультера была полным силуэтом его тела, в общих чертах. Черная, глубокая тень.

Я моргнул, но это не помогло.

Тем не менее, как это ни странно, тень, казалось, была направлена параллельно его телу, а не под углом к нему. Она появлялась словно от его груди, а не от ног. Я не знаю рефракции, законов света, все эти технические вещи. Все, что я знаю, это то, что у Фрица Гультера была большая черная тень, сидящая рядом с ним на полу, и что из-за этого видения противный холодок пробежал по моему позвоночнику.

Я не был пьян. Он тоже. Как и тень. Все трое существовали. Вот Гультер снова надел шляпу.

Но не тень. Она просто сидела там. Припав к полу.

Все было неправильно.

Тень не была гуще в одном месте, более чем в другом. Была равномерно темной, и как я отметил — контуры ее не размывались и не исчезали. Они были четкими.

Я смотрел и смотрел. И многое видел, чего до этого не замечал. Тень не носила одежды. Конечно! Для чего ей надевать шляпу? Она была обнажена, эта тень. Но она принадлежала Гультеру — на ней были его очки. Это была его тень, без сомнения. Это меня вполне устраивало, потому что я не хотел другого.

Копаясь среди успокоительного, я еще несколько раз взглянул сквозь щель.

Теперь Гультер смотрел вниз через плечо. Он смотрел на свою тень. Даже издалека, как мне показалось, я увидел на его лбу новые бусинки пота.

Он знал, хорошо!

Наконец я вышел.

— Вот оно, — сказал я. Я не отрывал глаз от его лица.

— Хорошо. Надеюсь, что это сработает. Я должен поспать. И еще — то предложение о работе все еще в силе. Как насчет завтра утром?

Я кивнул, выдавив улыбку.

Гультер заплатил мне и встал.

— Увидимся тогда.

— Конечно.

А почему бы нет? В конце концов, что плохого в работе с боссом с неестественной тенью? У большинства боссов есть другие недостатки, много хуже и более конкретные. Эта тень — что бы это ни было и что бы с ней было не так, — не укусит меня. Хотя Гультер вел себя так, как будто она могла укусить его.

Когда он повернулся, я смотрел ему в спину и на длинный черный контур, который следовал за ним. Тень поднялась и шествовала позади. Шествовала.

Да, она двигалась целенаправленно. И к моему удивлению теперь она мне казалась больше, чем была в таверне. Больше и намного чернее.

Затем ночь проглотила Гультера и его несуществующего спутника.

Я вернулся в заднюю часть магазина и проглотил вторую половину успокоительного средства, которое я приготовил для этой цели. Увидев эту

тень, я нуждался в нем так же, как и он.

IV

Девушка в богато украшенном офисе красиво улыбнулась.

— Идите прямо, — пропела она. — Он ждет вас.

Тогда это было правдой. Гультер был помощником директора по исследованиям, и я мог бы стать его секретарем.

Я вплыл внутрь. В утреннем солнечном свете я забыл обо всех тенях.

Внутренний офис был тщательно обставлен — огромное место, с элегантной отделкой из орехового дерева, соединенной с деловой атрибутикой. Перед закрытыми венецианскими жалюзи был установлен стол и несколько удобных кожаных кресел. Люминесцентное освещение приятно мерцало.

Но Гультера не было. Вероятно, он был по другую сторону маленькой двери, разговаривая с начальником.

Я сел с напряженным чувством ожидания, возникшим где-то у меня в животе. Я оглянулся, снова осмотрев комнату. Мой взгляд скользнул по столу, покрытому стеклом. Он был пуст. За исключением угла, где находилась небольшая

коробка для сигар.

Нет, подождите. Это не коробка для сигар. Это был металл. Я видел его где-то раньше.

Конечно! Это была железная книга Гультера.

«Немецкая неорганическая химия». Кто я такой чтобы сомневаться в его словах? Поэтому, естественно, мне просто нужно было взглянуть на нее, прежде чем он войдет.

Я открыл пожелтевшие страницы.

«De Vermis Mysterlis».

«Тайны червя».

Это не был текст по неорганической химии. Это было нечто совсем другое. Что-то, что могло поведать вам, как можно объединить аконит и белладонну и нарисовать фосфоресцирующие круги на полу, когда звезды займут правильное положение. Что-то, что говорило о таянии сальных свечей и смешивании их с трупным жиром, шептало о том, как можно использовать жертвенных животных.

В нем говорилось о встречах, которые могли бы быть организованы с различными группами, с которыми большинство людей не захотело бы встречаться или даже поверить в них.

Толстые чёрные буквы ползли по страницам, а отвратительный затхлый запах, поднявшийся

от книги, стал фоном для мерзкого текста. Я не стану говорить, верил ли я в то, что читал, но я признаю, что внезапно возник порыв воздуха, скользящий вокруг тех ледяных осторожных директив, необходимых для взаимоотношений с чужим злом, что заставило меня дрожать от отвращения. Такие мысли не имеют места в здравом рассудке, даже как фантазия. Для этого Гультер использовал материалы, которые купил за 2,39 доллара.

«Годы учебы», а? «Эксперименты». Что Гультер пытался вызвать, что он вызвал, и какую сделку совершил?

Человек, который мог ответить на эти вопросы, сейчас выходил из двери. Это был Фриц Гультер в полосатом костюме. Он вновь был похож на Каспара Милкуетоста, который кривил свой рот от жуткого страха. Он был похож на человека, — я должен сказать это, — который боится собственной тени.

Тень просочилась за ним через дверной проем. На мой взгляд, она выросла за одну ночь. Ее руки были слегка подняты, хотя руки Гультера были опущены. Я видел, как она скользила по стене, когда он шел ко мне, — и она двигалась быстрее, чем он.

Будьте уверены. Я видел тень. С тех пор я поговорил с умными парнями, которые сказали мне, что при флуоресценции ни одна тень не отбрасывается. Это были умные парни, но я видел эту тень.

Гультер увидел книгу в моих руках.

— Хорошо, — просто сказал он. — Ты теперь знаешь. И, возможно, это правильно.

— Знаю?

— Да, знаешь, что я заключил сделку — с кем-то. Я думал, что я умен. Он обещал мне успех и богатство, чего бы я ни захотел, только при одном условии. Эти проклятые условия, вы всегда читаете о них и всегда забывайте, потому что они звучат так глупо! Он сказал мне, что у меня будет только один соперник, и что этот соперник будет частью меня, он будет расти с моим успехом.

Я сидел молча. Гультер казалось завелся надолго.

— Глупо, не так ли? Разумеется, я согласился. А потом я узнал, что мой соперник был — что это было. Эта была моя тень. Это не зависит от меня, ты знаешь это, и она продолжает расти! О, не в размере, но по глубине, по интенсивности. Она становится, — может быть, я сошел с ума, но ты сам видишь, — плотнее. Толще. Как будто

наполняется осязаемой субстанцией.

Его рот сильно скривился, но слова продолжали течь.

— Чем дальше я иду, тем больше она растет. Прошлой ночью я принял твои успокоительные средства, и это не сработало. Не работало вообще. Я сидел в темноте и наблюдал за своей тенью.

— В темноте?

— Да. Она не нуждается в свете. Она действительно существует. Постоянно. В темноте это просто черное пятно. Но ты можешь видеть это. Она не спит и не отдыхает, она просто ждет.

— И ты боишься этого? Почему?

— Я не знаю. Она не угрожает мне, не делает каких-либо жестов, даже не замечает меня. Тени беспокоят меня — звучит как безумие, не так ли? Но ты видишь это так же, как и я. И поэтому я боюсь. Чего она ждет?

Тень скользнула по его плечу. Подслушивала.

— Я не нуждаюсь в тебе как в секретаре. Мне нужен санитар.

— Что тебе нужно, так это хороший отдых.

— Отдых? Как я могу отдыхать? Я только что вышел из кабинета Ньюсома. Он ничего не замечает. Слишком глуп, я полагаю. Девочки в офисе смотрят на меня, когда я ухожу, и мне интерес-

но, видят ли они что-то своеобразное. Что не видит Ньюсом. Он только что сделал меня руководителем научных исследований. Полностью контролирую все это.

— Через пять дней? Чудесно!

— Разве? За исключением нашей сделки — всякий раз, когда я преуспеваю, мой соперник набирает силу вместе со мной. Это делает тень сильнее. Как, я не знаю. Я жду. И я не могу обрести покой.

— Я найду его для тебя. Просто ложись и жди — я вернусь.

Я поспешно бросил его — он сидел за своим столом, совсем один. Не совсем один. Тень тоже была там.

Перед тем как я покинул комнату, у меня возникло самое смешное искушение. Я хотел провести рукой по стене, где находилась эта тень. И все же я этого не сделал. Она был слишком черной, слишком твердой. Что если моя рука действительно что-то встретит?

Поэтому я просто ушел.

Я вернулся через полчаса. Я схватил Гультера за руку, обнажил ее и вонзил иглу.

— Морфин, — прошептал я. — Ты сейчас заснешь.

Он лег на кожаный диван. Я сидел рядом с ним, наблюдая за тенью, которая не спала.

Она стояла прямо над ним. Я попытался проигнорировать то, что в комнате находилась третья сторона. Некоторое время спустя, когда я повернулся спиной, она сдвинулась. Она начала шагать вперед-назад. Я открыл рот, затем спохватился, пытаясь сдержать крик.

Зазвонил телефон. Я ответил механически, не отрывая взгляда от черного контура на стене, который качался над лежащей фигурой Гультера.

— Да? Нет — его сейчас нет на месте. Это говорит секретарь мистера Гультера. Ваше сообщение? Да, я скажу ему. Обязательно. Спасибо.

Это был женский голос — глубокий, богатый голос. Ее сообщение состояло в том, чтобы сказать мистеру Гультеру, что она передумала. Она была бы счастлива встретиться с ним вечером за ужином.

Еще одна победа Фрица Гультера!

Победа — две победы подряд. Это означало также победу тени. Но как?

Я повернулся к тени на стене и испытал шок. Она была светлее! Серее, тоньше, слегка колебалась!

Что случилось?

Я взглянул на лицо спящего Гультера. И я был снова удивлен. Лицо Гультера было темным. Не загорелым, но темный. Черным. Как уголек. Мрачным.

Затем я негромко вскрикнул.

Гультер проснулся.

Я просто указал ему на лицо, а затем на зеркало. Он почти упал в обморок.

— Оно сливается со мной, — прошептал он.

Его кожа была цвета шифера. Я отвернулся, потому что не мог смотреть на него.

— Мы должны что-то сделать, — пробормотал он. — И быстро.

— Возможно, если ты воспользуешься снова той книгой, то мог бы заключить еще одну сделку.

Это была фантастическая идея, но слишком поздно. Я снова посмотрел на Гультера и увидел, что он улыбается.

— Вот и все! Если бы у меня сейчас были необходимые ингредиенты — ты знаешь, что мне нужно — иди в магазин — но поторопись, потому что…

Я покачал головой. Образ Гультера словно подернулся туманом, замерцал. Я видел его как будто сквозь некую дымку.

Затем я услышал, как он кричит.

— Ты проклятый дурак! Посмотри на меня. Это

моя тень, ты на нее смотришь!

Я выбежал из комнаты, и не менее десяти минут пытался наполнить флакон белладонной пальцами, которые дрожали, как куски желе.

V

Я, должно быть, был похож на идиота, несущего целую охапку пакетов через внешний офис. Свечи, мел, фосфор, аконит, белладонна, и — во всем виновата моя истерика — мертвое тело уличного кота, которого я поймал за магазином.

Конечно, я чувствовал себя идиотом, когда Фриц Гультер встретил меня у двери своего святилища.

— Входи, — огрызнулся он.

Да, огрызнулся.

Мне потребовался только один взгляд, чтобы убедиться, что Гультер снова был собой. Каким бы ни было черное изменение, которое напугало нас, он выбросил это из головы, когда я ушел.

Вновь его голос был властным. И снова ухмыляющаяся улыбка заменила дрожащую складку рта.

Кожа Гультера была белой, нормальной. Его движения были живыми и не испуганными. Ему не нужны были никакие дикие заклинания

— или так было всегда?

Внезапно мне показалось, что я стал жертвой собственного воображения. В конце концов, люди не заключают сделки с демонами, они не меняются местами со своими тенями.

В тот момент, когда Гультер закрыл дверь, его слова подтвердили иное.

— Так, меня отпустило. Глупый вздор, не так ли? — Он слегка улыбнулся. — Полагаю, что нам не понадобится это барахло. Когда ты ушел, мне стало лучше. Вот, сядь и успокойся.

Я сел. Гультер взгромоздился на стол, небрежно покачивая ногами.

— Вся эта нервозность, это напряжение — исчезли. Но прежде чем я забуду это, я хотел бы извиниться за то, что рассказал тебе эту сумасшедшую историю о колдовстве и моей одержимости. Фактически, я бы чувствовал себя намного лучше в будущем, если ты просто забудешь о том, что произошло.

Я кивнул.

Гультер снова улыбнулся.

— Правильно. Теперь, я думаю, мы готовы приступить к делам. Говорю тебе, это реальная помощь для реализации планов, которые мы собираемся сделать. Я уже главный директор по

исследованиям, и если я правильно разыграю свои карты, я думаю, что буду занимать это место как минимум следующие три месяца. Некоторые из вещей, которые Ньюсом поведал мне сегодня, насторожили меня. Так что просто сотрудничай со мной, и мы пройдем долгий путь. Долгий путь. И я могу тебе пообещать — я никогда больше не вернусь к этим безумным заклинаниям.

Не было ничего плохого в том, что сказал Гультер. Совершенно ничего плохого. Не было ничего плохого в том, как Гультер сидел развалясь и улыбался мне.

Тогда почему я вдруг почувствовал то старое чувство холодка, проскользнувшего по моему позвоночнику?

Мгновение я не мог осознать этого, а затем понял.

Фриц Гультер сидел на своем столе перед стеной, но теперь он не отбрасывал тени.

Не было тени. Не было тени вообще. Тень попыталась войти в тело Фрица Гультера, когда я ушел. Теперь тени не было.

Куда она делась?

Для этого было только одно место. И если бы она отправилась туда, то — где был Фриц Гультер?

Он прочитал это в моих глазах.

Я понял это по его быстрому жесту.

Рука Гультера окунулась в карман и снова появилась. Когда он поднялся, я встал и прыгнул через комнату.

Я схватил револьвер, отвел его в сторону и всмотрелся в это судорожное лицо, в эти глаза. За очками, за человеческими зрачками была только чернота. Холодная, ухмыляющаяся чернота тени.

Затем он зарычал, начал царапаться, пытаясь вырвать оружие. Его тело было холодным, странно невесомым, но наполнено скользкой силой. Я чувствовал, как слабею под этими ледяными, острыми когтями, но когда я смотрел в эти темные лужи ненависти, которые были его глазами, страх и отчаяние пришли мне на помощь.

Один жест, и я повернул дуло. Прогремел выстрел, и Гультер упал на пол.

Вокруг собралась толпа; они стояли и смотрели вниз. Мы все стояли и смотрели вниз на тело, лежащее на полу.

Тело? Там были туфли Фрица Гультера, его рубашка, галстук, его дорогой в синюю полоску костюм. Остроносые туфли, рубашка, галстук и костюм были смяты и заполнены, чем-то похожим на тело.

Но на полу не было тела. В одежде Фрица Гуль-

тера была только тень — глубокая черная тень.

Никто долго не мог произнести ни слова. Затем одна из девушек прошептала:

— Послушайте, — это просто тень.

Я быстро наклонился и поднял одежду. Когда я это сделал, тень, казалось, просочилась сквозь мои пальцы, чтобы сдвинуться в сторону и начать таять.

В одно мгновение она высвободилась из одежды. Появилась вспышка или финальный всплеск черноты, и тень исчезла. Одежда была пуста, просто смятая куча на полу.

Я встал и посмотрел людям в глаза. Я не мог сказать это вслух, но я был им благодарен, очень благодарен.

— Нет, — сказал я. — Ты ошибаешься. Там нет тени. Нет ничего — абсолютно ничего.

Перевод: Р. Дремичев

Роберт Блох
Невыразимая помолвка

Robert Bloch «The Unspeakable Betrothal», 1949.

Авис знала, что она самом деле не настолько больна, как говорил доктор Клегг. Ей было просто скучно жить. Желание смерти, возможно; впрочем, это могло быть не более чем отвращением по отношению к умным молодым людям, которые упорно обращались к ней, как «О, Белая ворона»[32].

Тем не менее, сейчас ей стало лучше. Лихорадка улеглась, стала не более чем одним из белых одеял, которые покрывали ее, — чем-то, что она могла отбросить в сторону легким жестом, если бы не было так приятно снова забраться в нее, свернуться калачиком в границах теплоты.

Авис улыбнулась, поняв правду — монотонность была единственной вещью, которая ее не утомляла. В конце концов, отсутствие желания было настоящей рутиной. Это скрытое, безжизненное чувство покоя казалось богатым и плодородным в сравнении. Богатое и плодородное — созидательное — чрево.

Слова связаны. Вернемся в утробу. Темная комната, теплая кровать, лежать, согнувшись пополам, в состоянии покоя, насыщенном лихорадкой…

---

[32] Примечания: 32
Игра слов: «Rara Avis», — «Белая ворона».

Это было не чрево, точно; она знала. Но это напоминало ей о днях, когда она была маленькой девочкой. Просто маленькой девочкой с большими круглыми глазами, отражающими любопытство, которое лежало за ними. Просто маленькая девочка, живущая совсем одна в огромном старом доме, как сказочная принцесса в заколдованном замке.

Конечно, здесь еще жили тетя и дядя, и это был не настоящий замок, и никто не знал, что она принцесса. Кроме Марвина Мейсона.

Марвин жил рядом, и иногда он приходил играть к ней. Они поднимались в ее комнату и смотрели в окно — маленькое круглое окно, окаймленное небесами.

Марвин знал, что она настоящая принцесса, и он знал, что ее комната была башней из слоновой кости. Окно было зачарованным порталом, и когда они стояли на стуле и смотрели в него, они могли видеть мир позади неба.

Иногда у нее появлялись сомнения, честен ли Марвин Мейсон с ней и действительно ли видит мир за окном; может быть, он просто говорил то, что она желала, потому что он зациклился на ней.

Но он слушал всегда молча, пока она расска-

зывала ему истории о том мире. Иногда она рассказывала ему истории, которые прочитала в книгах, а иногда она брала их из своей собственной головы. Только много позже пришли сны, и она начала рассказывать ему их.

То есть, она всегда начинала, но почему-то слова подбирала не совсем те. Она не всегда могла словами описать то, что видела в своих снах. Они были очень особенными, эти сны; они посещали ее только в те ночи, когда тетя Мэй уходила, окно было открыто, а в небесах не было луны. Она ложилась в постель, свернувшись калачиком, словно маленький шарик, и ждала, когда ветер проникнет через высокое круглое окно. Он приходил тихо, и она чувствовала прикосновение его пальцев на лбу и шее. Холодные, мягкие пальцы, касающиеся ее лица; успокаивающие пальцы, которые заставляли ее развернуться и растянуться, чтобы тени могли упасть на ее тело.

Даже потом, когда она уже спала на большой кровати, и тени стекали с небосвода через окно. Она не спала, когда приходили тени, так как она знала, что они настоящие. Они приходили с бризом, проникали через окно и ложились на нее. Возможно, это тени были прохладными, а не ветер; возможно, тени касались ее волос, пока

она не погружалась в сон.

Когда она засыпала, сны всегда наступали. Они шли по тому же пути, что ветер и тени; они проникали с неба через окно. Были голоса, которые она слышала, но не могла разобрать; цвета, которые она видела, но не могла назвать; фигуры, которые она видела, и которые совсем не были похожи на те, что она находила в книгах с картинками.

Иногда те же голоса, цвета и фигуры приходили снова и снова, пока она не научилась их распознавать. Существовал глубокий, жужжащий голос, который, казалось, раздавался прямо в ее голове, хотя она знала, что он приходит из черной, блестящей пирамиды-существа, у которого были руки с глазами. Оно не выглядело скользким или противным, и ей нечего было бояться — Авис никогда не могла понять, почему Марвин Мейсон просил ее остановиться, когда она начинала рассказывать ему об этих снах.

Но он был всего лишь маленьким мальчиком, он пугался и бежал домой к своей мамочке. У Авис не было мамы, только тетя Мэй; но она никогда не поведает тете Мэй о таких вещах. Кроме того, почему она должна? Сны не пугали ее, и они были по-настоящему реальны и интересны.

Иногда в серые дождливые дни, когда нечего было делать, кроме как играть с куклами или вырезать картинки, чтобы вставить их альбом, она хотела, чтобы ночь поторопилась и быстрее пришла. Ведь тогда она могла погрузиться в сны и сделать все реальным снова.

Ей так нравилось оставаться в постели и притворятся больной, чтобы не ходить в школу. Авис смотрела тогда в окно и ждала, когда придут сны, — но они никогда не приходили днем, только ночью.

Часто она задавалась вопросом, почему было так.

Сны должны опускаться с неба, она знала это. Голоса и фигуры поднимались вверх, кажется, откуда-то из-под окна. Тетя Мэй сказала, что сны приходят от болей в животе, но она знала, что это не так.

Тетя Мэй всегда беспокоилась о болях в животе, и она ругала Авис за то, что та не выходила на улицу, чтобы играть; говорила, что она станет бледной и хилой.

Но Авис чувствовала себя прекрасно, и у нее была своя тайна. Теперь она почти не видела Марвина Мейсона, и не обременяла себя чтением. Было не очень весело делать вид, что она

до сих пор принцесса. Потому что ее сны были настолько реальными, что она могла поговорить с голосами и попросить их взять ее с собой, когда они будут уходить.

Она поняла, что может разобрать, что они говорят. Блестящее существо, которое просто висело в окне сейчас — то, которое выглядело так, словно было намного больше, чем она могла увидеть, — оно создавало музыку в ее голове, которую она узнала. Не настоящую мелодию, это было больше похоже на рифмовку слов. В своих снах она просила его забрать ее. Она бы заползла ему на спину, и они вместе воспарили бы над звездами. Это было забавно, просить его полетать; она знала, что у существа за окном есть крылья. Крылья такие же большие, как весь мир.

Она умоляла и умоляла, но голоса заставили ее понять, что они не могут брать с собой маленьких девочек. То есть, не совсем. Потому что было слишком холодно и слишком далеко, и что-то изменилось бы в ней.

Она сказала, что ей все равно, как она изменится; она хотела пойти с ними. Она позволит им делать все, что они захотят, если только они возьмут ее с собой: было бы хорошо, если бы можно было говорить с ними все время и чувствовать

эту прохладную мягкость, грезить вечно.

Однажды ночью они подошли к ней, и их было больше, чем она когда-либо видела. Они висели в окне и парили в воздухе по всей комнате — они были такими смешными, некоторые из них; она могла видеть сквозь них, а некоторые даже были частично внутри других. Она знала, что смеялась во сне, но она ничего не могла с этим поделать. Затем она замолчала и слушала их.

Они сказали ей, что все в порядке. Они заберут ее. Только она не должна никому рассказывать, и она не должна пугаться; они скоро придут за ней. Они не могли взять ее такой, какой она была сейчас, и она должна быть готова к изменениям.

Авис сказал «да», и все они вместе промурлыкали какую-то мелодию, а после исчезли.

На следующее утро Авис была по-настоящему больна и не хотела вставать. Она едва могла дышать, она была такой горячей — и когда тетя Мэй принесла поднос с едой, она даже не могла есть.

В ту ночь она не видела снов. У нее болела голова, и она металась по кровати всю ночь. Но на небе была луна, поэтому сны не смогли найти к ней дорогу. Она знала, что они вернутся, когда луна снова исчезнет, поэтому она ждала. Кроме того, ей было больно, поэтому было все равно. Ей

нужно почувствовать себя лучше, прежде чем она будет готова пойти куда угодно.

На следующий день доктор Клегг пришел к ней. Доктор был хорошим другом тети Мэй, и он всегда навещал ее, потому что был ее опекуном.

Доктор Клегг взял ее за руку и спросил, что случилось с его юной леди сегодня?

Авис была слишком умна, чтобы что-то говорить, и, кроме того, у нее во рту был блестящий предмет. Доктор Клегг вынул его, взглянул на него внимательно и покачал головой. Через некоторое время он ушел, а затем вошли тетя Мэй и дядя Роско. Они заставили ее проглотить какое-то лекарство, которое было просто ужасно.

К этому времени уже стемнело, и на улице надвигалась буря. Авис не могла много говорить, а когда они закрыли круглое окно, она не могла даже попросить их, чтобы они оставил его открытым сегодня вечером, потому что луны не было, и они за ней могли прийти.

Но все словно кружилось вокруг нее, и, когда тетя Мэй прошла мимо кровати, она, казалось, была расплывчата, словно тень, или одно из тех существ, казалось, она издавала громкий шум, который был в действительности громом снаружи. Вскоре она уснула, и продолжала слышать

гром, но гром этот не был реальным, ничего не было реальным, кроме существ, которые были не более реальны, чем окружающие ее вещи.

Они проникли сквозь окно, потому что оно не было закрыто, потому что она открыла его, и она поползла вверх, куда не поднималась раньше, но сейчас это было легко без тела. А вскоре у нее появится новое тело, которое они разыскали для нее взамен старого, но ей было все равно, потому что она не нуждалась в нем, и теперь они понесут ее ulnagr Yuggoth farnomi ilyaa…

В это время тетя Мэй и дядя Роско нашли ее и вытащили из окна. Они сказали, что она громко кричала, иначе бы никто ничего не заметил.

После этого доктор Клегг отвез ее в больницу, где не было высоких окон, и за ней наблюдали всю ночь напролет. Сны прекратились.

Когда, наконец, ей стало лучше, чтобы вернуться домой, она обнаружила, что окно тоже исчезло.

Тетя Мэй и дядя Роско заколотили его, потому что она стала лунатиком. Она не знала, что такое лунатик, но догадалась, что это как то связано с тем, что она больна, и сны больше не посещают ее.

С тех пор сны прекратились совсем. Не было

никакого способа заставить их вернуться, и она действительно не хотела видеть их больше. Было весело играть на улице с Марвином Мейсоном, и она вернулась в школу, когда начался новый семестр.

Теперь, когда не было возможности выглянуть в окно, она спокойно спала по ночам. Тетя Мэй и дядя Роско были рады, а доктор Клегг сказал, что она оказалась могучей маленькой особой.

Сейчас Авис могла вспомнить все это, как будто это было вчера. Или сегодня. Или завтра.

Как она выросла. Как Марвин Мейсон влюбился в нее. Как она поступила в колледж, и они обручились. Как она пережила ночь, когда тетя Мэй и дядя Роско погибли в аварии в Лидсвилле. Это было плохое время.

Еще хуже стало, когда Марвин Мейсон уехал. Он был на службе сейчас, за границей. Она осталась одна в доме, потому что это был ее дом.

Реба пришла через несколько дней, чтобы заняться домашним хозяйством, а доктор Клегг не перестал заходить, даже после того, как ей исполнилось 21 год, и она официально унаследовала своё имение.

Он, похоже, не одобрял ее нынешний образ жизни. Он спросил ее несколько раз, почему

она не покинула этот дом и не переехала в не большую квартирку в центре города. Он был обеспокоен тем, что она не проявляет желания поддерживать дружеские отношения с людьми из колледжа; Авис с любопытством вспомнили о той заботе, которую он проявлял в детстве.

Но Авис больше не была ребенком. Она доказала это, удалив все, что всегда казалось ей символом взрослого господства; у нее снова появилось большое круглое окно в ее комнате.

Это был глупый жест. Она знала это, но почему-то все это вызывало у нее любопытство. С одной стороны, она восстановила связь со своим детством, и все больше и больше воплощений этого детства олицетворяло счастье для нее.

Когда Марвин Мейсон уехал, а тетя Мэй и дядя Роско умерли, осталось не так много вещей, которыми можно было заполнить настоящее. Авис сидела в своей спальне и размышляла над книжками, которые она так усердно склеивала, когда была девочкой. Она хранила свои куклы и старые сказочные книги; она проводила вяло текущие дни, изучая их.

За таким занятием можно было потерять чувство времени. Ее окружение не изменилось. Конечно, теперь Авис была старше, и кровать

уже не казалась такой массивной, и окно не было так высоко.

Но оба были здесь, ожидая, когда девочка с наступлением темноты снова свернется калачиком и уютно устроится под простынями — согреется и будет смотреть в высокое круглое окно, которое окаймляет небо.

Авис хотела снова грезить.

Сначала она не могла.

В конце концов, она была взрослая женщина, уже помолвлена; она не была персонажем из «Питера Иббетсона»[33]. И эти воспоминания о ее детстве были глупыми.

Но они были милы. Да, даже когда она заболела и чуть не выпала из окна, было приятно грезить. Конечно, эти голоса и формы были не чем иным, как фрейдовскими фантазиями — все это знали.

Или они?

Предположим, все это было реально? Предположим, что сны — это не просто подсознательные проявления, вызванные диспепсией и давлением газа.

Что, если сны действительно являются продуктом электронных импульсов — или планетарных

---

[33] Примечания: 33

«Питер Иббетсон», — американский черно-белый драматический фильм, выпущенный в 1935 году, режиссер Генри Хэтэуэй.

излучений, — настроенных на длину волны спящего ума? Мысль — это электрический импульс. Сама жизнь — это электрический импульс. Возможно, спящий похож на медиума, помещенного в восприимчивое состояние во время сна. Вместо призраков могут появиться существа из другого мира или другого измерения, если спящему предоставлен редкий дар действовать как фильтр. Что если сны питаются существом мечтателя, так же как духи получают эктоплазматические плоть и кровь, истощая энергии медиума?

Авис все думала и думала об этом, и когда она развила эту теорию, все ей, казалось, подходящим. Но она не станет никому рассказывать об этом. Доктор Клегг только посмеется над ней, или еще хуже, просто будет покачивать головой. Марвин Мейсон тоже не одобрит. Никто не хочет, чтобы она снова грезила. Они по-прежнему относились к ней как к маленькой девочке.

Хорошо, она была маленькой девочкой; маленькой девочкой, которая теперь может делать так, как ей нравится. Она будет грезить.

Вскоре после принятия этого решения снова появились сны; словно они ждали, когда она полностью их примет с точки зрения своей соб-

ственной реальности.

Да, они возвращались, медленно, понемногу. Авис обнаружила, что ей помогает концентрация на событиях дня, стремление вспомнить своё детство. С этой целью она все больше и больше проводила время в своей комнате, оставляя Ребу заниматься домашними делами внизу. Что касается свежего воздуха, она всегда могла открыть окно. Оно было высоко и маленьким, но она могла забраться на табурет и смотреть в небо через круглое отверстие, наблюдая за облаками, которые скрывали за собой синий цвет, и ожидая ночи.

Затем она расположится на большой кровати и будет ждать ветра. Ветер смягчится, и темнота скользнет, и вскоре она сможет услышать гудящие, картавящие голоса. Сначала вернулись только голоса, но они были слабыми и далекими. Постепенно они усиливались, и вскоре она уже могла различать узнаваемые индивидуальные интонации.

Неожиданно немного нерешительно снова появились фигуры. Каждую ночь они становились сильнее. Авис Лонг (маленькая девочка с большими круглыми глазами в большой кровати под круглым окном) приветствовала их.

Она больше не была одна. Не нужно больше видеть своих друзей или разговаривать с этим глупым доктором Клеггом. Не нужно тратить много времени на сплетни с Ребой или суетиться над едой. Не нужно одеваться или выходить на улицу. С ней было окно днем и сны ночью.

Затем она внезапно почувствовала слабость, это наступила болезнь. Но по-настоящему все это было ложно; это было физическое изменение.

Ее разум не был затронут. Она это знала. Независимо от того, как часто доктор Клегг поджимал губы и намекал о том, чтобы позвонить «специалисту», она не боялась. Конечно, Авис знала, что он хочет, чтобы она посетила психиатра. Слабоумный дурак все бормотал об «отступлении от реальности», и «механизмах спасения».

Но он не понимал ее снов. Она не сказала ему. Он никогда не познает богатства, полноты, чувства завершенности, которое возникает из-за контакта с другими мирами.

Теперь Авис знала это. Голоса и фигуры, которые приходили через окно, были из других миров. Будучи наивным ребенком, она пригласила их из-за своей неопытности. Теперь, сознательно вернувшись к детским мироощущениям, она снова призвала их.

Они были из других миров, миров чудес и великолепия. Сейчас они могли встречаться только на плане снов, но когда-нибудь — когда-нибудь она преодолеет это.

Они шептали ей о теле. Что-то о путешествии, после «изменения». Это не выразить словами. Но она доверяла им, и, в конце концов, физическое изменение имело незначительное значение по сравнению с возможностью.

Скоро она снова будет здоровой, сильной. Достаточно сильной, чтобы сказать «да». И тогда они придут к ней, когда будет полнолуние. До тех пор она могла лишь укрепить решимость, и у нее были сны.

Авис Лонг лежала на большой кровати и купалась в черноте — черноте, которая просачивалась через открытое окно. Фигуры опускались, проникая через кривые углы, вскормленные ночью; они росли, пульсировали, охватывали все.

Они кружились вокруг ее тела, но ей было все равно, и она сказала им, что ей все равно, потому что тело было малозначимым для нее, и да, она с радостью согласится на этот обмен, только бы отправиться с ними и быть рядом.

Не за краем звезд, а между ним и среди живой субстанции обитает то, что является чернотой в

черноте за Югготом — это не просто символ, так как нет никаких символов для всего этого, — это реальность, и только восприятие ограничивает ch'yar ul'nyar shaggornyth…

Вам трудно будет это понять, но я понимаю. Вы не в состоянии бороться с этим, я же не буду бороться с этим, они попытаются остановить вас, но не станут останавливать меня, потому что я одна из них, да и вы будете принадлежать им, скоро это будет, да, скоро будет, очень скоро, да, очень скоро…

Марвин Мейсон не был готов к такому приему. Конечно, Авис не писала ему, и ее не было на станции, чтобы встретить его, — но вероятность того, что она серьезно заболела, никогда не приходила ему в голову.

Он сразу вошел в дом, и был очень удивлен, когда доктор Клегг встретил его у двери.

Лицо старика было мрачным, а тон его вступительных слов был еще мрачнее.

Они стояли друг перед другом в библиотеке внизу; Мейсон стоял смущенный в одежде цвета хаки, старик был профессионально резок.

— Что это, доктор? — спросил Мейсон.

— Я не знаю. Незначительная повторяющаяся лихорадка. Слабость. Я проверил все: нет ту-

беркулеза, никаких следов инфекции с низким уровнем заражения. Ее проблемы не являются органическими.

— Вы имеете в виду что-то не так с ее мозгом?

Доктор Клегг тяжело упал в кресло и опустил голову.

— Мейсон, я мог бы тебе много рассказать о психосоматической теории медицины, о преимуществах психиатрии, о… — но это неважно. Это было бы чистое лицемерие.

Я разговаривал с Авис, скорее, я пытался поговорить с ней. Она не часто отвечает, но то, что она говорит, беспокоит меня. Ее действия беспокоят меня еще больше.

Думаю, ты можешь догадаться, к чему я веду, когда скажу, что она живет жизнью восьмилетней девочки. Жизнью, которую она вела в том возрасте.

Мейсон нахмурился.

— Не говорите мне, что она снова сидит в своей комнате и смотрит в окно?

Доктор Клегг кивнул.

— Но я думал, что оно давным-давно заколочено, потому что она лунатик и…

— Она открыла его еще несколько месяцев назад. И она не была, никогда не была лунатиком.

— Что вы имеете в виду?

— Авис Лонг никогда не ходила во сне. Я помню ту ночь, когда она была найдена на краю окна, не на карнизе, потому что там нет карниза. Она сидела на краю открытого окна, наполовину высунувшись из него, малышка, перегнувшаяся через край высокого окна.

Но под ней не было ни стула, ни лестницы. Она никак не могла подняться туда. Она просто была там.

Доктор Клегг отвел глаза, прежде чем продолжить.

— Не спрашивай меня, что это значит. Я не могу объяснить, да и не хочу. Я был бы вынужден говорить о вещах, о которых она говорит, — о снах и структурах, что приходят к ней, структурах, которые хотят, чтобы она ушла с ними.

Мейсон, решать тебе. Я не могу, честно говоря, забрать ее на основании этих вещественных доказательств. Ограничение для них ничего не значит; ты не можешь построить стену, чтобы оградить ее от снов.

Но ты ее любишь, ты можешь спасти ее. Ты можешь помочь ей выздороветь, заставить ее проявить интерес к реальности. О, я знаю, что это возможно звучит слезливо и глупо, если бы

только не звучало так дико и фантастично.

Но это правда. Это происходит прямо сейчас, с ней. Она сейчас спит в своей комнате. Она слышит голоса — я это точно знаю. Пусть она услышит твой голос.

Мейсон вышел из комнаты и поднялся по лестнице.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что не можешь выйти за меня?

Мейсон смотрел на сжавшуюся фигуру в коконе из постельного белья. Он старался избегать прямого взгляда любопытных детских глаз Авис Лонг, он так же избегал смотреть на черное, зловещее отверстие круглого окна.

— Я не могу, вот и все, — ответила Авис. Даже ее голос, казалось, стал походить на детский. Высокие, пронзительные тона могли бы исходить из горла маленькой девочки; усталой маленькой девочки, сонной и немного раздраженной из-за внезапного пробуждения.

— Но наши планы — твои письма…

— Прости, дорогой. Я не могу говорить об этом. Ты ведь знаешь, что я не здорова. Доктор Клегг внизу, он, должно быть, сказал тебе.

— Но ты поправляешься, — умолял Мейсон. — Ты будешь в порядке через несколько дней.

Авис покачала головой. Улыбка — тайная улыбка непослушного ребенка — цеплялась за уголки ее рта.

— Ты не понимаешь, Марвин. Ты никогда не мог понять. Потому что твое место здесь. — Она обвела рукой комнату. — Я же принадлежу другому месту. — Ее пальцы бессознательно указали в сторону окна.

Марвин посмотрел в окно. Он ничего не мог поделать. Круглая черная дыра, которая вела в небытие. Или — к чему-то. Небо снаружи было темным, безлунным. Холодный ветер кружился вокруг кровати.

— Позволь мне закрыть окно, дорогая, — сказал он, пытаясь сохранить свой голос ровным и нежным.

— Нет.

— Но ты больна — ты простудишься.

— Это не значит, что ты должен закрыть его.

Даже обвиняя, ее голос был удивительно пронзительным. Авис села на кровати и взглянула ему прямо в глаза.

— Ты ревнуешь, Марвин. Ревнуешь меня. Ревнуешь к ним. Ты никогда не позволишь мне грезить. Ты никогда меня не отпустишь. А я хочу пойти. Они придут за мной. Я знаю, почему док-

тор Клегг прислал тебя сюда, он хочет, чтобы ты переубедил меня. Он хочет закрыть меня здесь, так же как он хочет закрыть окно. Он хочет держать меня здесь, потому что он боится. Вы все боитесь того, что находится там.

Только это бесполезно. Ты не сможешь меня остановить. Ты не сможешь их остановить!

— Успокойся, дорогая…

— Не волнуйся. Вы думаете, мне есть дело до того, что они делают со мной для того, чтобы я могла пойти с ними? Я не боюсь. Я знаю, что не могу идти такой, как сейчас. Я знаю, что они должны меня изменить.

Есть определенные места, которые они посещают. Ты бы пришел в ужас, если бы я рассказала тебе. Но я не боюсь. Ты говоришь, что я больна и безумна, не отрицай этого. Тем не менее, я достаточно здорова, достаточно в своем уме, чтобы встретиться с их миром. Это вы все слишком больны, чтобы вытерпеть все это.

Авис Лонг теперь плакала; тонкий, пронзительной голос маленькой девочки находящейся в гневе.

— Мы с тобой завтра покинем этот дом, — сказал Мейсон. — Мы уедем. Мы поженимся и будем жить долго и счастливо — как в сборниках старых

сказок. Проблема в тебе, юная леди, в том, что ты не хочешь взрослеть. Вся эта глупость о гоблинах и других мирах…

Авис закричала.

Мейсон проигнорировал ее.

— А сейчас я закрою это окно, — заявил он.

Авис продолжала кричать. Пронзительно завывала на одной ноте, когда Мейсон поднялся и закрыл круглой стеклянной створкой черный провал окна. Ветер сопротивлялся его усилиям, но он закрыл окно и повернул защелку.

Затем ее пальцы вцепились в его горло сзади, и ее крик ворвался ему в ухо.

— Я убью тебя! — взвыла она. Это был вопль разъяренного ребенка.

Но сила в ее когтистых пальцах не могла принадлежать ребенку или истощенному болезнью человеку. Он боролся с ней, тяжело дыша.

Затем внезапно доктор Клегг появился в комнате. Блеснул приготовленный шприц и опустился вниз сверкающей серебряной искрой, погружаясь в плоть.

Они отнесли ее обратно к кровати и укрыли одеялом. Оставив открытым лишь усталое лицо спящего ребенка.

Теперь окно было закрыто.

Все было в порядке, когда двое мужчин потушили свет и на цыпочках вышли из комнаты.

Ни один из них не сказал ни слова, пока они не спустились вниз. Мейсон тяжело вздохнул.

— Так или иначе, я заберу ее завтра отсюда, — пообещал он. — Возможно, все было слишком грубо: я вернусь сегодня вечером и разбужу ее. Я был не очень тактичен.

Но что-то в ней, что-то в этой комнате напугало меня.

Доктор Клегг закурил трубку.

— Я знаю, — сказал он. — И я не скрываю от тебя, что все понимаю. Это больше, чем просто галлюцинация.

— Лучше я останусь здесь сегодня, — продолжал Мейсон. — На всякий случай если что-нибудь произойдет.

— Она будет спать, — заверил его доктор Клегг. — Не нужно беспокоиться.

— Я буду чувствовать себя лучше, если останусь. Я начинаю кое-что понимать из всех этих разговоров — о других мирах и изменениях в ее теле перед поездкой. Это как-то связано с окном, и звучит как представление о самоубийстве.

— Желание смерти? Возможно. Я должен был подумать и об этой возможности. Сны, предвеща-

ющие смерть, — думаю, Мейсон, я могу остаться с тобой. Полагаю, мы можем комфортно расположиться здесь перед огнем.

Опустилась тишина.

Должно быть, уже наступила полночь, прежде чем кто-нибудь из них переместился со своего места перед огнем.

Затем раздался громкий звон разбитого стекла наверху. Прежде чем звенящее эхо затихло, оба мужчины вскочили на ноги и бросились к лестнице.

Сверху больше не раздалось ни звука, и ни один из них не вымолвил ни слова. Только стук их шагов по лестнице нарушал тишину. И когда они остановились возле комнаты Авис Лонг, тишина усилилась. Это была тишина ощутимая, полная, совершенная.

Рука доктора Клегга метнулась к дверной ручке, осторожно потянув.

— Смотри! — пробормотал он. — Должно быть, она встала и заперла ее.

Мейсон нахмурился.

— Окно, как ты думаешь, она могла бы…?

Доктор Клегг отказался встретить его взгляд. Вместо этого он повернулся и обрушил своё массивное плечо на дверную панель. Мышцы

вздулись на его шее.

Затем панель треснула и сдалась. Мейсон подошел и открыл дверь.

Они вошли в темную комнату, доктор Клегг шел первым, он потянулся к выключателю. Резкий, электрический свет наполнил комнату.

Это была дань уважения силе внушения, потому что оба мужчины взглянули не на пациента в постели, а на круглое окно высоко в стене.

Холодный ночной воздух струился через зубчатое отверстие там, где стекло было разбито, словно ударом гигантского кулака.

Фрагменты стекла лежали на полу внизу, но никаких следов метательного снаряда. Хотя очевидно было, что стекло сломали с внешней стороны.

— Ветер, — пробормотал тихо Мейсон, но он не смог посмотреть в глаза доктору Клеггу, когда говорил. Ибо не было ветра, только холодный, мягкий ветерок, который так легко опускался с ночного неба. Только холодный, мягкий бриз, колышущий занавески и заставляющий танцевать сарабанду[34] тени на стене; тени, которые танце-

---

[34] Примечания: 34

Сарабанда (исп. zarabanda) — старинный испанский народный танец, исполняется с роялем и струнными инструментами, реже — с духовыми.

вали в тишине над большой кроватью в углу.

Ветер, тишина и тени окутали их, когда они взглянули на кровать.

Голова Авис Лонг лежала на подушке и была повернута к ним. Они могли видеть ее лицо совершенно ясно, и доктор Клегг понял на основе своего опыта то, что Мейсон знал инстинктивно — глаза Авис Лонг были закрыты в смерти.

Но не это заставило Мейсона тяжело сглотнуть и содрогнуться, — и не вид самой смерти заставил доктора Клегга громко вскрикнуть.

Не было ничего, что могло бы напугать в чертах этого спокойного лица, обращенного к ним в смерти. Они не кричали при виде лица Авис Лонг.

Лежа на подушке огромной кровати, лицо Авис Лонг выглядело совершенно спокойным.

Но тело Авис Лонг… пропало.

Перевод: Р. Дремичев

Роберт Блох
Мифы Лавкрафта[35]

---

[35] Примечания: 35

Говард Филлипс Лавкрафт (1890–1937) — американский писатель и поэт.

Robert Bloch «The Lovecraft Mythos», 1972.

Печально знать, как они умирали. Герман Мелвилл[36], безвестный таможенный служащий, покинул эту землю с горьким осознанием того, что вышедший из печати *magnum opus*[37] *«Моби Дик»,* не принёс ему должных почестей, а читающей публикой был встречен с пренебрежением, преследующим автора долгие годы. Оскар Уайльд[38], в своё время сполна вкусивший плоды всеобщего признания, скончался в гнетущем унынии; его сочинения оказались преданы забвению, как и он сам. Сердечная недостаточность стала для Скотта Фицджеральда[39], вероятно, меньшей трагедией, чем неудача в писательской карьере. Мало кто из современников оплакивал Франца Кафку[40], вспоминая его книги.

А Лавкрафт? Несомненно, его уход был одним

---

[36] Примечания: 36
Герман Мелвилл (1819–1891) — американский писатель и поэт.

[37] Примечания: 37
Magnum opus *(лат.)* — величайший труд.

[38] Примечания: 38
Оскар Уайльд (1854–1900) — английский писатель и поэт.

[39] Примечания: 39
Скотт Фицджеральд (1896–1940) — американский писатель.

[40] Примечания: 40
Франц Кафка (1883–1924) — немецкоязычный чешский писатель.

из самых позорных, ведь ему не досталось в утешение ни толики славы. Его произведения публиковались, но никогда не облекались в книжную форму; ни один «коммерческий», издатель не выпустил ни единой прижизненной книги Лавкрафта.

У него, разумеется, имелись друзья, помощники, ученики — все те немногочисленные люди, из которых состоял так называемый «круг Лавкрафта». А ещё не переводились искренние почитатели; они с наслаждением благоговели перед случайными подношениями, которые появлялись порой в журнале *«Weird Ta-les»*. Но подлинного критического признания со стороны литературного истеблишмента катастрофически не хватало, и даже на страницах низкопробного научно-фантастического журнала с броской обложкой творчество Лавкрафта не особо ценилось основной массой читателей, невзирая на высокую оценку, которой его всенепременно удостаивали Сибери Куинн[41] или Роберт И. Говард[42].

Когда молодой провинциальный писатель с

---

[41] Примечания: 41
Сибери Куинн (1889–1969) — американский писатель.

[42] Примечания: 42
Роберт Ирвин Говард (1906–1936) — американский писатель и поэт.

сотоварищем объединили усилия, чтобы напечатать книгу с рассказами Лав-крафта, эта попытка казалась заранее обречённой на провал[43]. А после того как книга — почти «тщеславное издание», с тиражом в 1200 экземпляров — наконец-то увидела свет, равнодушная публика оказала ей довольно вялый приём, и продажи застопорились. Со вторым томом дела обстояли не лучше ни в критическом плане, ни в коммерческом аспекте.

И тут случилось чудо. Не в одночасье, а постепенно Лавкрафт вышел из безызвестности. В сборниках и антологиях, в мемуарах и эссе, в переизданиях с мягкими обложками; на радио, на телевидении и — разумеется, с гротескными искажениями — в кинофильмах. В когда-то отринувшем его чуждом мире Лавкрафт сделался модной и важной фигурой; установился культ ГФЛ. Сегодня доброе имя и литературная традиция Лавкрафта обрели всемирную популярность; увы, не всеобъемлющую, но в тысячи раз превосходящую ту, что была отпущена ему при жизни.

---

[43] Примечания: 43

Речь идёт об Августе Дерлете (1909–1971) и Дональде Уондри (1908–1987). В 1939-м году основанное ими издательство *«Arkham House»*, выпустило первый сборник рассказов Лавкрафта под названием *«Аутсайдер и другие»*, с тиражом в 1268 экземпляров.

Трудно объяснить?

Не тогда, когда в мыслях «чудеса», и «культы». Ибо Лавкрафт, безусловно, был богом. Богом, который в своей неизменной мудрости сотворил собственный космос, собственную мифологию.

Мифы Лавкрафта с пантеоном Старших богов и порождённых ими Великих Древних получили самостоятельную жизнь. И в их анналах сокрыт ключ к воскрешению ГФЛ.

Лавкрафт поведал нам легенду о Ктулху, который возжелал покорить Землю, но потерпел фиаско и в подводной могиле глубоко на океанском дне нашёл упокоение; не в смерти, а в вечном изгнании — безмолвный, спящий, позабытый всеми.

Всеми, за исключением отнюдь не многих отверженных, парий, жалких ничтожеств, которые всячески почитали его образ, поклонялись его памяти, создавали тёмные секты, сплотившие истинных верующих, молящихся о том, чтобы он вновь восстал и устремился к вожделенной цели, претендуя на власть над землями и людскими умами.

И в неизмеримой глубине зашевелился Ктулху, что принесло странные сны людям во всех земных пределах, а со временем он действительно

явился. Возрождение было недолгим, если верить собственному рассказу Лавкрафта, и Ктулху снова погрузился в океанскую бездну, чтобы предаться очередному сну, от которого он может пробудиться в любой момент, как воспрянул сам ГФЛ, призывая своих приверженцев, оказывая влияние на сны, управляя фантазиями[44].

Вспомним также сказание о Йог-Сототе, который пришёл из-за звёзд, чтобы обзавестись потомством, сочетающим в себе человеческие и чужеродные элементы; его творения лишь отчасти напоминали людей, но вышло так, что Уилбур Уэйтли и его чудовищный брат не оправдали своего богоподобного наследия[45].

Подумайте об этом. Подумайте о Лавкрафте как о великом Ктулху, который спал, но очнулся от затянувшегося сна и поднялся лишь благодаря вере, многие годы бережно хранимой кучкой презренных изгоев. Подумайте о Лавкрафте как о Йог-Сототе, который увековечил свой собственный образ в людях, продолжающих его «труды», самыми различными способами.

Мы — верные последователи, культисты, под-

---

[44] Примечания: 44
Речь идёт о рассказе Лавкрафта *«Зов Ктулху»*.

[45] Примечания: 45
Речь идёт о рассказе Лавкрафта *«Данвичский ужас»*.

ражатели — понимаем истинный смысл мифов Лавкрафта. И мы откровенно радуемся возвышению того, кому поклоняемся как наставнику, как литературному богу.

Йа Шуб-Ниггурат!

Перевод: Б. Савицкий
Редактура: И. Самойленко

Роберт Блох и Генри Каттнер Зловещий поцелуй

Зелёные встают из едкой зелени морской,
Где в потонувших небесах безглазых
гадов рой...
— Честертон, «Лепанто» [46]

Robert Bloch, Henry Kuttner «The Black Kiss», 1937.

(Также издавался под названием «See Kissed», за авторством одного только Блоха). Рассказ из цикла «Мифы Ктулху. Свободные

---

[46] Примечания: 46
Строки из эпиграфа взяты в переводе Андрея Сергеева.

продолжения». Оба автора входили в «Кружок Лавкрафта».

Впервые на русском языке.

Предисловие Роберта М. Прайса

Этот рассказ, второй в неудавшейся серии с участием оккультного исследователя Майкла Ли, является сотрудничеством между Генри Каттнером и Робертом Блохом. Блох вспоминает, что «Чёрный поцелуй», был, в основном, его (Каттнера) идеей, в отличие от других усилий команды, которые были «разработаны изначально вместе или в ходе наших последовательных проектов». «Каттнер, как и в случае всех наших совместных работ, написал первый черновик, который я затем полностью переписал», (письмо Блоха к Роберту М. Прайсу, 25 января 1994).

Возникает вопрос касательно роли Майкла Ли в этом рассказе. В большей части рассказа он остаётся за кулисами, и представляется только доверенным лицом в форме непостижимого коллеги с Востока. Возможно, это было сделано с целью замаскировать тот факт, что Ли сыграл здесь почти такую же роль, что и в «Ужасе Салема», говоря почти то же самое в обоих рассказах, которые, в конце концов, были изданы последо-

вательно в короткий промежуток времени. Как Блох использовал псевдоним «Тарлетон Фиске», а Каттнер — «Кейт Хаммонд», когда у них было два рассказа, намеченные для одного и того же номера журнала «Strange Stories», также, возможно, что и Майкл Ли фактически задумывался как псевдоним!

Первая публикация: «Weird Tales», Июнь 1937.

1. Тварь в воде

Грэм Дин нервно раздавил свою сигарету под удивлённым взглядом доктора Хедвига.

— Я никогда не беспокоился об этом раньше, — сказал Дин. — Эти сны так странно настойчивы. Они не являются обычными, случайными кошмарами. Они кажутся… знаю, что прозвучит смешно… *запланированными.*

— Запланированные сны? Вздор. — Доктор Хедвиг насмешливо посмотрел на пациента. — Вы, мистер Дин, художник, и естественно обладаете впечатлительным темпераментом. Этот дом в Сан-Педро является новым для вас, и вы говорите, что слышали дикие истории о нём. Такие сны бывают из-за воображения и переутомления.

Дин глянул в окно, нахмурив своё неестественно бледное лицо.

— Надеюсь, что вы правы, — сказал он спокойно. — Но я не стал бы выглядеть так из-за снов. Или стал бы?

Художник жестом указал на огромные синие круги под своими молодыми глазами. На фоне рук его измождённые щёки выглядели бескровными и бледными.

— Это из-за переутомления, мистер Дин. Я знаю, что случилось с вами даже лучше, чем вы сами.

Седоволосый доктор взял листок, покрытый неразборчивыми заметками, и внимательно изучил его.

— Вы унаследовали этот дом в Сан-Педро несколько месяцев назад, верно? И вы в одиночку переехали в него, чтобы сделать некоторую работу?

— Да. Здесь на побережье есть некоторые замечательные места. — На мгновение лицо Дина снова стало выглядеть как у юноши, словно энтузиазм разжёг огонь из пепла. Затем он продолжил рассказывать, беспокойно хмурясь. — Но в последнее время я не способен рисовать, во всяком случае, не морские пейзажи, что очень странно. Мои эскизы больше не кажутся мне правильными. В них есть некое качество, которое я не вкладывал…

— Качество, говорите?

— Да, качество *пагубности*, если его можно так назвать. Оно неопределимо. Нечто *за* картиной, отнимает всю красоту. И я не перерабатывал в эти последние недели, доктор Хедвиг.

Доктор снова глянул на бумагу в своей руке.

— Ну, здесь я не согласен с вами. Вы можете не осознавать, куда тратите свои силы. Эти сны о море, которые, кажется, беспокоят вас, бессмысленны, за исключением того, что они могут указывать на нервное истощение.

— Неправда. — Дин внезапно поднялся с кресла. Его голос стал резким. — Вот, что самое ужасное в этом деле. Сны не бессмысленны. Они кажутся совокупными; совокупными и запланированными. Каждую ночь они становятся всё более яркими, и я вижу всё больше этого зелёного, сияющего пространства под водой. Я становлюсь все ближе и ближе к тем чёрным теням, что плавают там, к тем теням, о которых я знаю, что они — не тени, а нечто похуже. Каждую ночь я вижу всё больше деталей. Это похоже на эскиз, который я бы набросал, постепенно добавляя всё новые и новые штрихи, до тех пор, пока…

Хедвиг пронзительно посмотрел на пациента. Он намекнул: — До тех пор, пока…

Но напряжённое лицо Дина уже расслабилось. Он спохватился как раз вовремя. — Нет, доктор Хедвиг. Должно быть, вы правы. Это переутомление и нервозность, как вы говорите. Если бы я поверил в то, что мексиканцы рассказали мне о Морелии Годольфо… ну, я стал бы сумасшедшим и дураком.

— Кто такая Морелия Годольфо? Какая-то женщина, запугавшая вас глупыми историями?

Дин улыбнулся. — Не нужно беспокоиться о Морелии. Она была моей пра-пра-пра-тётей. Она когда-то жила в доме в Сан-Педро, и думаю, что от неё и пошли эти легенды.

Хедвиг записал всё это на листке. — Что ж, понятно, молодой человек! Вы услышали эти легенды; ваше воображение разбушевалось; вы стали видеть сны. Этот рецепт всё исправит.

— Спасибо.

Дин взял листок, поднял шляпу со стола и направился к двери. В дверном проёме он остановился, криво улыбаясь.

— Но вы не совсем правы, думая, что мои сны вызваны услышанными легендами, доктор. Я начал видеть их ещё до того, как узнал историю этого дома.

И с этими словами он вышел из кабинета.

Возвращаясь в Сан-Педро, Дин пытался понять, что с ним случилось. Но он постоянно наталкивался на глухую стену невозможности. Любое логическое объяснение переходило в клубок фантазий. Единственное, чего он не мог объяснить — и даже доктор Хедвиг не мог — были сны.

Сны начались сразу после того, как Дин вступил во владение наследством: этим древним домом, который так долго стоял заброшенным, к северу от Сан-Педро. Место было живописно старым, и это было первым, что привлекло Дина. Дом был построен одним из его предков, когда испанцы ещё правили Калифорнией. Один из Динов по имени Дена затем уехал в Испанию и вернулся с невестой. Её звали Морелия Годольфо, и это была та самая давно исчезнувшая женщина, вокруг которой возникали все последующие легенды.

Ещё в Сан-Педро жили сморщенные, беззубые мексиканцы, которые шептали невероятные рассказы о Морелии Годольфо — той, что никогда не старела, и у которой была жуткая, злая власть над морем. Годольфо входили в число самых горделивых семей Гренады, но вопиющие легенды гласили об их общении с ужасными мавританскими колдунами и некромантами. Морелия, согласно тем же намёкам на ужасы, обучалась

сверхъестественным тайнам в чёрных башнях Мавританской Испании, и когда Дена привёз её из-за океана в качестве своей невесты, она уже заключила договор с Тёмными Силами и претерпела *изменения*.

Такие ходили разговоры, и они ещё рассказывали о жизни Морелии в старом доме в Сан-Педро. Её муж прожил десять или более лет после брака, но по слухам он больше не обладал душой.

Несомненно, его смерть очень загадочно замалчивалась Морелией Годольфо, которая продолжала жить одна в большом доме возле океана.

Шёпоты подёнщиков, рассказывающих продолжение легенды, чудовищно усиливались. Они были связаны с изменением личности Морелии Годольфо. Это колдовское изменение было причиной того, что она уплывала далеко в океан лунными ночами, так что наблюдатели видели, как её белое тело мерцает среди всплесков воды. Мужчины, достаточно смелые, чтобы наблюдать с утёсов, могли мельком заметить её в то время, когда она резвилась в чёрной воде вместе с причудливыми морскими существами, которые прижимались к Морелии своими ужасающе деформированными головами. Свидетели говорили, что эти существа не были тюленями или

какой-либо другой известной формой океанской жизни, хотя иногда от них доносились всплески хихикающего, журчащего смеха. Говорят, однажды ночью Морелия Годольфо уплыла, и больше не возвращалась. Но после этого смех вдали стал ещё громче, и существа продолжали резвиться среди чёрных скал; так что истории первых свидетелей подпитывались до наших дней.

Таковы были легенды, известные Дину. Факты были скудными и неубедительными. Старый дом совсем обветшал за многие годы и лишь изредка сдавался в аренду. Жильцы нечасто селились в этом доме, да и те быстро съезжали. Не было ничего определённо плохого в доме между мысом Уайт и мысом Фермин, но те, кто жил там, говорили, что грохот прибоя звучал слегка по-другому, когда он доносился через окна, обращённые к океану, и жильцы тоже видели неприятные сны. Иногда случайные арендаторы упоминали своеобразный ужас лунных ночей, когда океан становился совершенно ясно видимым. Во всяком случае, жильцы часто в спешке покидали дом.

Дин сразу же переехал в этот дом, как только получил его в наследство. Он считал, что место идеально подходит для рисования морских пейзажей. Он узнал о местной легенде и фактах,

стоящих за ней, позже, и к тому времени его сны уже начались.

Сначала сны были достаточно условными, хотя, как ни странно, все они были сосредоточены вокруг океана, который он любил. Но океан, который ему снился, было совсем не таким.

Горгоны жили в его снах. Сцилла ужасно корчилась в тёмных и бушующих водах, где гарпии летали и кричали. Странные существа лениво выползали из чёрных, чернильных глубин, где жили безглазые, раздувшиеся морские звери. Гигантские и страшные левиафаны выпрыгивали из воды и вновь погружались в неё, в то время как чудовищные змеи извивались в странном поклоне насмешливой луне. Грязные и скрытые ужасы океанских глубин поглощали Дина во сне.

Это было достаточно плохо, но являлось лишь прелюдией. Сны начали изменяться. Было похоже на то, что первые несколько снов сформировали определённую обстановку для будущих, более ужасных картин. Из мифических образов старых морских богов возникло другое видение. Сначала оно было зачаточно, принимая определённую форму и смысл очень медленно, в течение нескольких недель. И это был этот сон, которого теперь боялся Дин.

Это происходило обычно перед тем, как он просыпался — видение зелёного, прозрачного света, в котором медленно плавали тёмные тени. Ночь за ночью прозрачное изумрудное свечение становилось всё ярче, а тени скручивались в более зримый ужас. Тени никогда не были чётко видны, хотя их аморфные головы вызывали у Дина странное ощущение чего-то знакомого и отвратительного.

К настоящему времени в его снах существа-тени отплывали в сторону, словно уступая путь кому-то другому. Плавание в зелёной дымке приводило к свернувшейся кольцом форме — похожей ли на остальные или нет, Дин не мог сказать, потому что его сон всегда заканчивался на этом месте. Приближение этой последней формы всегда заставляло его проснуться в кошмарном пароксизме ужаса.

Ему снилось, что он находится где-то на дне океана, среди плавающих теней с деформированными головами; и каждую ночь одна особая тень становилась всё ближе и ближе к нему.

* * *

Каждый день теперь, пробуждаясь на исходе ночи от холодного морского ветра, дующего в

окно, Дин лежал в ленивом, вялом настроении до самого рассвета. Когда он вставал из постели в эти дни, то чувствовал необъяснимую усталость и не мог рисовать. В это утро вид своего измождённого лица в зеркале заставил Дина посетить доктора. Но доктор Хедвиг ничем не помог.

Тем не менее Дин воспользовался выписанным рецептом по дороге домой. Глоток горького коричневатого тоника несколько укрепил его дух, но, когда Дин припарковал машину, чувство депрессии снова вернулось к нему. Он подошёл к дому, всё ещё озадаченный и странно испуганный.

Под дверью лежала телеграмма. Дин, озадаченно нахмурившись, прочитал её.

> ТОЛЬКО ЧТО УЗНАЛ ЧТО ТЫ ЖИВЁШЬ В ДОМЕ В САН-ПЕДРО ТЧК ЖИЗНЕННО ВАЖНО ТЕБЕ НЕМЕДЛЕННО УЕХАТЬ ТЧК ПОКАЖИ ЭТУ ТЕЛЕГРАММУ ДОКТОРУ МАКОТО ЯМАДА 17 БУЭНА СТРИТ САН-ПЕДРО ТЧК Я ВОЗВРАЩАЮСЬ НА САМОЛЁТЕ ТЧК ВСТРЕТЬСЯ С ЯМАДОЙ СЕГОДНЯ
>
> ***МАЙКЛ ЛИ***

Дин повторно прочитал телеграмму, и одно

воспоминание вспыхнуло в его уме. Майкл Ли был его дядей, но он не видел этого человека много лет. Ли являлся загадкой для семьи; он был оккультистом и большую часть своего времени проводил в дальних уголках земли. Иногда он пропадал из поля зрения на длительные периоды времени. Телеграмма Дину была отправлена из Калькутты, и он предположил, что Ли недавно вынырнул из какого-то места в Индии, чтобы узнать о наследстве Дина.

Дин порылся в памяти. Теперь он вспомнил, что была какая-то семейная ссора вокруг этого самого дома много лет назад. Подробности уже стёрлись из памяти, но он вспомнил, что Ли потребовал разрушить дом в Сан-Педро. Ли не предоставил никаких разумных оснований для этого, и когда в его просьбе было отказано, он на некоторое время пропал из виду. И вот появилась эта необъяснимая телеграмма.

Дин устал от долгой поездки, и неудовлетворительная беседа с доктором раздражала его даже больше, чем он осознавал. У него также не было настроения следовать указанию дяди в телеграмме, что требовало долгой поездки на Буэна-стрит, которая находилась в нескольких милях отсюда. Однако сонливость, которую он чувствовал, была

обычным истощением, в отличие от истомы последних недель. Тоник, который он принял, в какой-то степени был полезен.

Дин опустился на своё любимое кресло у окна с видом на океан, побуждая себя наблюдать пылающие цвета заката. В настоящее время солнце опустилось ниже горизонта, и подкрадывались серые сумерки. Появились звёзды, и далеко на севере Дин мог видеть тусклые огни прогулочных кораблей возле Вениса. Горы закрывали ему вид на Сан-Педро, но рассеянный бледный свет в том направлении указывал на то, что Нью Барбери пробуждается, чтобы шуметь и скандалить. Поверхность Тихого океана потихоньку оживилась. Над холмами Сан-Педро поднималась полная луна.

Долгое время Дин тихо сидел у окна, забыв про потухшую трубку в руке, уставившись на медленные волны океана, которые, казалось, пульсировали могучей и чуждой жизнью. Постепенно сонливость подкралась и захлестнула его. Как раз перед тем, как Дин упал в бездну сна, в его голове мелькнули слова да Винчи: «Две самые чудесные вещи в мире — это улыбка женщины и движение могучего моря».

Дин спал, и на этот раз он увидел другой сон.

Сначала только чернота, громы и молнии как в разгневанных морях, и странно смешавшейся с этим была туманная мысль об улыбке женщины — и губы женщины — пухлые губы, нежно манящие — но странным образом губы не были красными — нет! Они были очень бледны, бескровны, как губы того, кто долгое время лежал под водой…

Туманное видение изменилось, и в мгновение ока Дин словно увидел зелёное и тихое место из своих прежних видений. Чёрные формы-тени двигались более быстро за завесой, но эта картина была всего лишь второй. Она вспыхнула и исчезла, и Дин оказался одиноко стоящим на пляже, на пляже, который он узнал во сне — это была песчаная бухта ниже его дома.

Соляной бриз дунул холодом в его лицо, и океан сверкнул, как серебро в лунном свете. Слабый всплеск сообщил о морской твари, которая взломала поверхность воды. На севере океан омывал шероховатую поверхность скалы, испещрённую чёрными тенями. Дин почувствовал внезапный и необъяснимый импульс двигаться в том направлении. Он позволил импульсу вести себя.

Когда Дин карабкался по скалам, у него внезапно появилось странное ощущение, что чьи-то

зоркие глаза направлены на него — глаза, которые смотрели и предупреждали! Смутно в голове Дина возникло худое лицо дяди, Майкла Ли, его глубоко-посаженные глаза сияли. Но это видение быстро исчезло, и Дин оказался перед более глубокой и тёмной нишей в скале. Он понял, что должен войти туда.

Дин протиснулся между двумя выступающими краями скалы и оказался в сплошной, мрачной темноте. Но почему-то он сознавал, что находится в пещере, и слышал, как рядом с ним льётся вода. Всё, что было вокруг — затхлый солёный запах морского гниения, зловонный запах бесполезных океанских пещер и трюмов древних кораблей. Дин шагнул вперёд и, когда дно под его ногами резко оборвалось, он споткнулся и упал в ледяное мелководье. Он скорее почувствовал, чем увидел мерцание стремительного движения, а затем горячие губы прижались к нему.

Человеческие губы, подумал Дин вначале.

Он лежал на боку в холодной воде, прижав свои губы к этим отзывчивым губам. Он ничего не видел, потому что всё потерялось в черноте пещеры. Неземной соблазн этих невидимых губ взволновал его.

Он откликнулся на их поцелуй, яростно прижи-

мался к ним, давая им то, чего они жадно искали. Невидимые воды ползли по скалам, прошептав предупреждение.

И в странности этого поцелуя Дина затопило. Он почувствовал шок и покалывание во всём теле, а затем острое ощущение внезапного экстаза, а за ним по пятам быстро пришёл ужас. Чёрная отвратительная гадость словно промывала его мозг, неописуемая, но ужасно реальная, заставляя Дина задрожать от тошноты. Казалось, что в его тело, разум, саму его душу через этот кощунственный поцелуй в губы изливалось зло. Дин ощущал себя отвратительным, заражённым. Он отпрянул назад. Вскочил на ноги.

И впервые увидел ужасную тварь, которую поцеловал, когда тонущая луна дотянулась своим бледным сиянием до входа в пещеру. Ибо что-то поднялось перед ним, змеевидная и тюленеподобная масса, которая извивалась, скручивалась и двигалась к нему, сверкая грязной слизью; Дин закричал и повернулся, чтобы убежать от кошмара, разрывающего его мозг. За спиной он услышал тихий брызг, как будто какое-то громоздкое существо вернулось в обратно в воду…

2. Доктор Ямада наносит визит

Дин проснулся. Он всё ещё сидел в своём кресле у окна, и луна на фоне серого рассвета была бледной. Он чувствовал себя больным до тошноты и содрогался от шокирующего реализма своего сна. Вся его одежда промокла от пота, и сердце яростно стучало. Безмерная вялость, казалось, переполняла его. Дину пришлось приложить усилия, чтобы подняться с кресла и доковылять до дивана, на который он и бросился, чтобы подремать ещё несколько часов.

Резкий сигнал дверного звонка встряхнул его. Дин всё ещё чувствовал слабость и головокружение, но пугающая летаргия несколько уменьшилась. Когда Дин открыл дверь, японец, стоявший на крыльце, начал было раскланиваться, но внезапно замер, когда острый взгляд его чёрных глаз сосредоточился на лице Дина. Посетитель даже глубоко вдохнул с лёгким шипением.

Дин раздраженно спросил: — Ну? Вы хотели видеть меня?

Невысокий, худой японец с желтоватым лицом, покрытом тонкой сетью морщин и жёсткой соломой седых волос, всё еще пялился на Дина.

После паузы он сказал: — Я доктор Ямада.

Дин озадаченно нахмурился. Внезапно он вспомнил вчерашнюю телеграмму своего дяди. В нём неожиданно вспыхнуло необоснованное раздражение, и он сказал более грубо, чем намеревался: — Надеюсь, это не профессиональный вызов. Я уже…

— Ваш дядя… Вы ведь мистер Дин?… прислал мне телеграмму. Он был очень обеспокоен. — Доктор Ямада почти украдкой огляделся по сторонам.

Дин почувствовал неприязнь к нему, и его раздражение усилилось.

— Боюсь, мой дядя довольно эксцентричный. Ему не о чем беспокоиться. Мне жаль, что вы впустую проделали такой путь.

Доктор Ямада, похоже, не обижался на такое отношение к своей персоне. Скорее странное выражение сочувствия на мгновение проявилось на его маленьком лице.

— Не возражаете, если я войду? — спросил он и уверенно двинулся вперёд.

Дин не имел возможности остановить японца и не решился преградить ему путь, поэтому нелюбезно повёл своего гостя в комнату, где провёл ночь, указав ему на кресло, в то время как сам

занялся кофейником.

Ямада сидел неподвижно, молча наблюдая за Дином. Затем безо всяких предисловий он сказал: — Ваш дядя — великий человек, мистер Дин.

Дин сделал уклончивый жест: — Я видел его только один раз.

— Он один из величайших оккультистов нашего времени. Я тоже изучал экстрасенсорные науки, но рядом с вашим дядей я — новичок.

Дин прокомментировал: — Он чудак. Оккультизм, как вы это называете, никогда меня не интересовал.

Маленький японец бесстрастно наблюдал за ним.

— Вы делаете распространённую ошибку, мистер Дин. Вы считаете, что оккультизм — это хобби для чудаков. Нет, — он поднял тонкую руку, — ваше недоверие написано на вашем лице. Ну, оно и понятно. Это анахронизм, отношение, принятое с самых ранних времён, когда ученых называли алхимиками и колдунами, и сжигали на кострах за договор с дьяволом. Но на самом деле нет волшебников, нет ведьм. Не в том смысле, в каком люди понимают эти термины. Есть мужчины и женщины, которые овладели некоторыми науками, которые не полностью

подчиняются мирским физическим законам.

На лице Дина появилась небольшая улыбка недоверия. Ямада продолжал тихо. — Вы не верите, потому что не понимаете. Не так много найдётся людей, которые могут постигнуть или желают постичь эту великую науку, которая не связана земными законами. Но вот проблема для вас, мистер Дин. — В чёрных глазах Ямады мелькнула искра иронии. — Насколько я знаю, вы с недавних пор страдаете от кошмарных снов. Можете ли вы рассказать мне о них?

Дин дёрнулся и застыл на месте, уставившись на японца. Затем он улыбнулся.

— Догадываюсь, как вы это узнали, доктор Ямада. У вас, докторов, есть какой-то способ обмена информацией, и я, должно быть, вчера сболтнул чего-то лишнего доктору Хедвигу.

Его тон был оскорбительным, но Ямада лишь слегка пожал плечами.

— Вы читали Гомера? — спросил он, по-видимому, наугад, и на удивлённый кивок Дина продолжил, — А Протея? Помните Старика из Моря, обладавшего способностью изменять свою форму? Я не хочу злоупотреблять вашей доверчивостью, мистер Дин, но последователи чёрной магии давно знают, что за этой легендой

стоит очень пугающая истина. Все рассказы об одержимости духами, о реинкарнации, даже сравнительно безобидные эксперименты по передаче мыслей, указывают на истину. Как вы думаете, почему фольклор изобилует рассказами о людях, которые могли превращаться в зверей — оборотней, гиен, тигров, а в мифах эскимосов — даже в тюленей? Потому что эти легенды основаны на истине!

Я не имею в виду, — продолжал Ямада, — что возможно реальное, физическое изменение тела, насколько мы знаем. Но давно известно, что интеллект — разум — адепта может быть перенесён в мозг и тело подходящего субъекта. Мозги животных слабы, не обладают силой сопротивления. Но люди разные, за исключением определённых обстоятельств…

Думая над ответом, Дин предложил японцу чашку кофе, (в наши дни кофе обычно заваривали в кофейнике), и Ямада принял его с лёгким поклоном благодарности. Дин выпил свою чашку в три поспешных глотка и налил ещё. Ямада, после вежливого глотка, отставил чашку в сторону и искренне наклонился к собеседнику.

— Я должен попросить вас сделать свой разум восприимчивым, мистер Дин. Не позволяйте

своим обычным представлениям о жизни влиять на вас в этом вопросе. Для вас очень важно, чтобы вы внимательно слушали меня и понимали. Тогда… возможно…

Ямада замялся и снова странно покосился на окно.

— Жизнь в море развивалась в ином направлении, нежели жизнь на суше. Эволюция пошла другим курсом. В глубинах океана была обнаружена жизнь, совершенно чужая для нас, — светящиеся существа, которые лопались из-за более слабого давления, оказавшись на воздухе. И в тех огромных глубинах развились совершенно нечеловеческие формы жизни, существа, которые непосвящённым умам могут показаться невозможными. В Японии, островной стране, многие поколения жителей знают об этих морских обитателях. Ваш английский писатель Артур Мейчен высказал однажды глубокую истину о том, что человек, боящийся этих странных существ, приписывал им красивые, приятные или гротескные формы, которыми они на самом деле не обладают. Таким образом, у нас есть нереиды и океаниды, но тем не менее человек не мог полностью скрыть истинную гнусность этих существ. Поэтому существуют легенды и о Горгонах, Сцилле и гарпиях

и, что немаловажно, о русалках и их бездушии. Несомненно, вы знаете истории о русалках — как они постепенно захватывают душу человека и вытаскивают её поцелуем.

Дин теперь встал у окна, спиной к японцу. Когда Ямада сделал паузу, он сказал невыразительно: — Продолжайте.

— У меня есть основания полагать, — продолжал Ямада тихим голосом, — что Морелия Годольфо, женщина из Альхамбры, была не полностью… человеком. Она не оставила никакого потомства. Эти существа никогда не рожают детей — они не могут.

— Что вы имеете в виду? — Дин повернулся, оказавшись лицом к лицу с японцем. Лицо Дина стало мертвенно-бледным, тени под его глазами отвратительно посинели. Он резко повторил вопрос: — Что вы имеете в виду? Вы не можете напугать меня своими рассказами, если именно это вы пытаетесь сделать. Вы… мой дядя по какой-то причине хочет, чтобы я уехал из этого дома. Вы своими россказнями пытаетесь меня вытащить отсюда, не так ли? Да?

— Вы должны покинуть этот дом, — объявил Ямада. — Ваш дядя уже едет сюда, но он может не успеть. Послушайте меня. Эти существа — оби-

татели моря — завидуют человеку. Солнечный свет, тепло огня, а также земные луга — это вещи, которых обитатели моря обычно не имеют. Эти вещи… и любовь. Вы помните, что я сказал о переносе сознания. Это единственный способ для этих существ добиться того, чего они желают, познать любовь мужчины или женщины. Иногда, не очень часто, одному из этих существ удается завладеть самим человеческим телом. Они всегда наблюдают. Когда происходит кораблекрушение, они спешат туда, как стервятники на пир. Они могут феноменально быстро плавать. Когда человек тонет, защита его ума падает, и иногда обитатели моря могут таким образом обрести человеческое тело. Были рассказы о людях, спасённых с затонувших кораблей, которые после этого странно изменились.

Морелия Годольфо была одним из этих существ! Род Годольфо обладал многими тёмными знаниями, но использовал их для злых целей — для так называемой чёрной магии. И я думаю, что благодаря этому морской обитатель получил власть над мозгом и телом этой женщины. Перенос произошёл. Ум морского чудовища завладел телом Морелии Годольфо, а разум первоначальной Морелии был втянут в ужасную форму этого

существа бездны. Со временем человеческое тело женщины умерло, и владевший им разум вернулся в свою первоначальную оболочку. Разум Морелии Годольфо был изгнан из временной тюрьмы и оставлен бездомным. Это настоящая смерть.

Дин медленно покачал головой, словно в отрицании, но ничего не сказал. И Ямада неумолимо продолжал.

— В течение многих лет, поколений после смерти Морелии это существо обитало в море, ожидая. Её власть наиболее сильна здесь, где она когда-то жила. Но, как я уже говорил, это может произойти только при необычных обстоятельствах. Жильцов этого дома могут беспокоить сны, но это и всё. У злого существа не было сил украсть у них тела. Твой дядя знал это, или он бы настоял, чтобы это место было немедленно уничтожено. Он не мог предвидеть, что вы когда-нибудь поселитесь здесь.

Маленький японец наклонился вперёд, и его глаза превратились в двойные точки чёрного света.

— Вам не нужно рассказывать мне, что вы претерпели в прошлом месяце. Я знаю. У обитателя моря есть власть над вами. Во-первых, есть узы

крови, хотя вы не прямой её потомок. И ваша любовь к океану — об этом говорил ваш дядя. Вы живете здесь наедине с вашими картинами, воображением и фантазиями; вы больше никого не видите. Вы — идеальная жертва, и для этого морского ужаса установить с вами *связь* было лёгким делом. Даже сейчас на вас видно его клеймо.

* * *

Дин молчал, его лицо было бледной тенью среди других теней в углах комнаты. Что этот человек пытался сказать ему? К чему вели эти намёки?

— Запомните, что я сказал. — Голос доктора Ямады был фанатично серьёзным. — Это существо хочет вас из-за вашей молодости — вашей души. Она заманила вас во сне картинами Посейдониса, сумеречными гротами в глубине. Сначала она направила в ваш разум соблазнительные видения, чтобы скрыть то, что она собиралась сделать. Она истощила ваши жизненные силы, ослабила ваше сопротивление, ожидая, когда станет достаточно сильной, чтобы завладеть вашим мозгом.

Я сказал вам, чего она хочет, в поисках чего рыщут эти гибридные ужасы. Она откроется вам

в нужное время, и когда её воля в ваших снах будет сильней вашей, вы будете исполнять её приказы. Она унесет вас вглубь и покажет вам нечестивые пропасти, где эти твари обитают. Вы охотно последуете за ней, и это станет вашей гибелью. Она может заманить вас на свои пиршества, которые они устраивают, когда находят еду на месте кораблекрушений. И вы будете жить с таким безумием во сне, потому что она будет править вами. А затем, когда вы станете достаточно слабым, у неё будет своё желание. Морская тварь захватит ваше тело и ещё раз выйдет на землю. А вы спуститесь во тьму, где однажды пребывали во сне, навсегда. Если я не ошибаюсь, вы уже видели достаточно, чтобы понять, что я говорю правду. Я думаю, что этот ужасный момент не так уж далёк, и я предупреждаю вас, что в одиночку вы не можете даже надеяться противостоять злу. Только с помощью вашего дяди и меня…

Доктор Ямада встал. Он двинулся вперёд и столкнулся с ошеломлённым молодым человеком лицом к лицу. Понизив голос, доктор спросил:

— В ваших снах… *тварь уже целовала вас?*

На мгновение в комнате воцарилась полная тишина. Дин открыл рот, чтобы ответить, а затем в его мозгу словно прозвучало странное, краткое

предупреждение. Оно прозвучало как тихий шум моря в ракушке, и Дина охватило смутное чувство тошноты.

Почти безвольно он услышал, как сам сказал: «Нет».

Смутно, как будто на невероятно большом расстоянии, он увидел, как Ямада сделал глубокий вдох, словно удивляясь. Затем японец сказал: — Это хорошо. Очень хорошо. Теперь послушайте. Ваш дядя скоро будет здесь. Он арендовал специальный самолет. Вы побудете моим гостем, пока он не приедет?

Кажется, комната потемнела перед глазами Дина. Форма японца отступала вдаль и уменьшалась. Через окно донёсся звук прибоя, и он прокатился волнами через мозг Дина. В плеск волн проник тонкий, настойчивый шёпот.

— Прими, — пробормотал он. — Прими!

И Дин услышал, как его голос принял приглашение Ямады.

Казалось, что Дин был неспособен к последовательному мышлению. Этот последний сон преследовал его, а тут ещё и тревожные истории доктора Ямады… он был болен… вот и всё! — очень болен. Теперь он очень хотел спать. Поток тьмы, казалось, омыл и поглотил Дина. Он с бла-

годарностью позволил ему проскользнуть через уставшую голову. Ничего не было, кроме темноты, и неустанного плеска неспокойных волн.

И все же Дин, казалось, странным образом знал, что он все ещё был какой-то внешней частью себя — сознанием. Он каким-то образом осознал, что вместе с доктором Ямадой вышел из дома, сел в машину и долго ехал. Дин был с этим странным, внешним, другим я — небрежно разговаривал с доктором; входил в его дом в Сан-Педро; пил; ел. И всё это время его душа, его истинное существо, было похоронено в волнах черноты.

Наконец-то кровать. Прибой снизу, казалось, влился в черноту, охватившую его мозг. Теперь прибой говорил с Дином, когда тот незаметно встал и вылез из окна. Падение сильно потрясло его внешнюю сущность, но он оказался на земле снаружи дома без травм. Он держался в тени, пока полз на пляж. Чёрные, голодные тени, похожие на темноту, бушевали в его душе.

3. Три ужасных часа

С потрясением он снова стал ещё раз сам собой — полностью. Холодная вода сделала это; вода, в которой он обнаружил себя плавающим. Он был в океане, носился на серебристых волнах, как

молния, которая иногда мелькала над головой. Он слышал гром, чувствовал уколы дождевых капель. Не задумываясь о внезапном переходе, он плавал, как бы полностью осознавая какое-то незапланированное место назначения. Впервые за весь месяц он чувствовал себя полностью живым, по-настоящему самим собой. Дин испытывал дикий восторг, игнорирующий все факты; он больше не заботился о своей недавней болезни, о странных предостережениях своего дяди и доктора Ямады, и не беспокоился о неестественной темноте, которая ранее затмевала его разум. На самом деле ему больше не приходилось думать — это было так, словно все его движения кем-то направлялись.

Теперь он плыл параллельно пляжу, и с необычной отрешённостью заметил, что буря утихла. Бледное, похожее на туман свечение висело над бегущими волнами, и, казалось, манило Дина к себе.

Воздух был холодным, как вода, и волны были высокими, но Дин не испытывал ни холода, ни усталости. И когда он увидел тварей, ожидающих его на скалистом пляже прямо впереди, он потерял всякое восприятие себя в крещендо нарастающей радости.

Это было необъяснимо, ибо они были творениями его последних и самых диких кошмаров. Даже сейчас он не видел их явно, словно они занимались серфингом, но их смутные очертания мрачно напоминали о прошлом ужасе. Существа были похожи на тюленей: большие, в форме рыб, раздутые монстры с мясистыми, бесформенными головами. Эти головы опирались на столбчатые шеи, которые извивались так же легко, как змеи, и Дин без каких-либо ощущений, кроме странного чувства узнавания, заметил, что головы и тела существ были выбелены морем.

Вскоре он стал плавать среди них — с особой и тревожной лёгкостью. Внутренне он удивлялся, с оттенком своего прежнего чувства, что сейчас, по крайней мере, он нисколько не ужасается этим морским зверям. Вместо этого он чувствовал нечто вроде родства, он слушал их странные низкоголосые ворчания и кудахтанье — слушал и *понимал*.

Он *знал*, что они говорили, и не удивлялся этому. Он не испугался того, что услышал, хотя эти слова могли бы вызвать ужас в его душе в предыдущих снах.

Он знал, куда они идут, и что они собираются делать, когда вся группа снова направилась в

океан, но Дин не боялся. Вместо этого он почувствовал странный голод при мысли о том, что должно было произойти, о голоде, который побуждал его взять на себя инициативу, поскольку твари с буйной стремительностью скользили по чернильным водам к северу. Они плыли с невероятной скоростью, но это было за несколько часов до того, как океанское побережье замаячило во мгле, осветившись ослепительной вспышкой с берега.

Сумерки сгустились в настоящую темноту над водой, но свет на побережье ярко горел. Казалось, это произошло из-за грандиозного крушения в волнах недалеко от берега. Огромный каркас плыл по воде, как скомканный зверь. Вокруг него были лодки и плавающие вспышки света, которые показывали берег.

Как бы инстинктивно, Дин с группой существ позади него направились к тому месту. Они скользили быстро и тихо, их слизистые головы сливались с тенями, к которым они жались, кружа вокруг лодок и направляясь к большой смятой форме. Теперь она вырисовывалась над ними, и Дин видел, как отчаянно дрогнули руки человека, когда он оказался под водой. Колоссальная масса, из которой они прыгали, была развалиной из

скрученных балок, в которых Дин мог проследить искажённые контуры смутно знакомой формы.

И теперь, с любопытной незаинтересованностью, он лениво плавал, избегая огней, подпрыгивающих над водой, наблюдая за действиями своих спутников. Они охотились на свою добычу. Плотоядные морды глазели на утопающих, а сухопарые когти выхватывали тела из темноты. Всякий раз, когда человек мелькал в тени, докуда ещё не добрались спасательные лодки, одна из морских тварей хитро подманивала жертву.

Через некоторое время они повернулись и медленно уплыли. Но теперь многие из существ сжимали ужасный трофей на своей плоской груди. Бледные белые конечности тонущих людей волочились в воде, когда похитители несли их в темноту. Под аккомпанемент низкого, отвратительного смеха твари плыли прочь, отступая от берега.

Дин плыл вместе с остальными. Его сознание снова оказалось в тумане замешательства. Он знал, кем являются эти водные существа, и всё же он не мог назвать их. Он наблюдал, как эти ненавистные ужасы ловят обречённых людей и тянут их вглубь, но не вмешивался. Что случилось? Даже сейчас, когда он плавал с пугающей ловко-

стью, он чувствовал зов, что не мог полностью понять — зов, на который отвечало его тело.

Гибридные твари постепенно расходились. С жуткими всплесками они исчезали под поверхностью студёных черных вод, утягивая с собой ужасно вялые тела, волоча их вниз, в самую непроглядную темноту, выжидающую внизу.

Они были голодны. Дин знал это, не думая. Он плыл вдоль побережья, подталкиваемый своим странным позывом. Вот и всё: он был голоден.

И теперь он направлялся за едой.

* * *

Часы неуклонного движения на юг. Затем знакомый пляж, а над ним — освещённый дом, который Дин узнал — его собственный дом на утёсе. Теперь там какие-то фигуры спускались по склону; двое мужчин с фонарями спешили к пляжу. Он не должен позволять им видеть себя — почему, он не знал, но они не должны. Он пополз вдоль берега, держась близко к краю воды. Несмотря на это, он, казалось, двигался очень быстро.

Мужчины с фонарями оказались теперь на некотором расстоянии позади него. Впереди появился другой знакомый силуэт — пещера. Ка-

залось, он раньше карабкался по этим камням. Он узнавал ямы теней, которые пестрели на скале, и узнал узкий каменный проход, через который он теперь протискивал своё обессиленное тело.

Кто-то там кричит вдалеке?

Тьма и плеск бассейна. Дин пополз вперёд, ощущая, как по его телу струится холодная вода. Настойчивый крик, приглушённый расстоянием, раздался извне пещеры.

— Грэм! Грэм Дин!

Затем сырой запах морского гниения достиг его ноздрей — знакомый, приятный запах. Теперь он знал, где находится. Это была пещера, где в сновидениях морская тварь целовала его. Это была пещера, в которой…

Теперь он вспомнил. Чёрное пятно вырвалось из его мозга, и он всё вспомнил. Его разум преодолел этот пробел, и он снова вспомнил, что пришёл сюда сегодня вечером, прежде чем оказался в воде.

Морелия Годольфо призвала его сюда; сюда её тёмные шёпоты велели ему прийти в сумерках, когда он сбежал с кровати в доме доктора Ямады. Это была песня сирены, морского существа, которая манила его во снах.

Он вспомнил, как она обвилась кольцами во-

круг его ног, когда он вошёл в пещеру, как она стремительно подняла своё морское выбеленное тело, пока её нечеловеческая голова не появилась рядом с его собственной. И тогда горячие мясистые губы прижались к нему — отвратительные, слизкие губы вновь поцеловали его. Мокрый, влажный, ужасно жадный поцелуй! Чувства Дина утонули в зле этого поцелуя, потому что он знал, что этот второй поцелуй означает гибель.

«Обитатель моря захватит ваше тело», — говорил доктор Ямада, — а второй поцелуй означал обречённость.

Всё это случилось несколько часов назад!

Дин перебрался в каменную нишу, чтобы не мокнуть в бассейне. Пока он это делал, то впервые взглянул на своё тело в ту ночь — взглянул вниз с помощью извивающейся шеи на форму, в которой пребывал в течение трёх часов в море. Он увидел чешую, как у рыбы, шероховатую белизну слизистой кожи, увидел испещрённые венами жабры. Затем он посмотрел в воду бассейна так, чтобы увидеть отражение своего лица в тусклом лунном свете, который просачивался сквозь трещины в скалах.

Он увидел всё…

Его голова опиралась на длинную рептильную

шею. Это была антропоидная голова с плоскими контурами, которые были чудовищно нечеловеческими. Глаза были белые и выпуклые; они были похожи на остекленевшие глаза утопленника. Не было носа, а центр лица был покрыт клубком червивых синих щупалец. Рот выглядел хуже всего. Дин увидел бледные, белые губы на мёртвом лице — человеческие губы. Губы, которые поцеловали его. А теперь они были его собственными!

Он был в теле злобной морской твари — морской твари, которая когда-то укрывала душу Морелии Годольфо!

В тот момент Дин с радостью встретил бы смерть, потому что абсолютный, богохульный ужас его открытия был слишком велик, чтобы его можно было вынести. Теперь он понял, о чём были его сны, понял легенды; он узнал истину и заплатил за неё чудовищную цену. Он живо вспомнил, как пришёл в сознание в воде и выплыл навстречу тем — другим. Он вспомнил большой чёрный каркас, с которого лодки подбирали тонущих людей — обломки от крушения на воде. Что говорил ему Ямада? «Когда происходит кораблекрушение, они спешат туда, как стервятники на пир». И теперь, наконец, Дин вспомнил,

что ускользнуло от него той ночью — чем была эта знакомая форма на поверхности воды. Это был разбившийся дирижабль. Дин вместе с другими тварями приплыл к месту крушения, и они забрали людей… Три часа! Боже! Дин очень хотел умереть. Он оказался в морском теле Морелии Годольфо, и это было слишком большое зло, чтобы жить дальше.

Морелия Годольфо! Где она сейчас? И где его собственное тело, форма Грэма Дина?

* * *

Шуршание в тёмной пещере позади него провозгласило ответ. Грэм Дин увидел себя в лунном свете — увидел своё тело, линию за линией. Согнувшись, оно прокрадывалось мимо бассейна, пытаясь незаметно скрыться.

Длинные плавники Дина двигались быстро. Его родное тело обернулось.

Было ужасно для Дина видеть своё отражение там, где не было зеркала; ещё страшнее было видеть, что на родном лице больше не было его глаз. Хитрый, насмешливый взгляд морского существа всматривался в Дина из-под своей новой маски; это были древние, злые глаза. Псевдочеловек зарычал и попытался отскочить в темноту. Дин

погнался за ним на четвереньках.

Он знал, что должен сделать. Это морская тварь — Морелия — она взяла его тело во время последнего зловещего поцелуя, точно так же, как она заставила Дина поцеловать её, но она ещё не восстановила свои силы, чтобы выйти в мир. Вот почему Дин обнаружил, что она ещё в пещере. Теперь, однако, ей придётся уйти, и его дядя Майкл никогда не узнает. Мир также никогда не узнает, какой ужас хотел выйти на поверхность — пока не стало слишком поздно. Дин, его собственная трагическая форма, ненавистная ему сейчас, знала, что он должен делать.

Целенаправленно двигая своим насмешливым телом Дин, загнал врага в скалистый угол. В ледяных глазах Морелии появился испуг…

Послышался какой-то звук, заставивший Дина повернуть свою рептильную шею. Своими стекловидными рыбьими глазами он увидел лица Майкла Ли и доктора Ямады. С фонарями в руках они вошли в пещеру.

Дин знал, что они будут делать, и больше не заботился о них. Он приблизился к человеческому телу, в котором находилась душа морского зверя; крепко сжал его своими ластами и впился зубами в его белую шею.

За своей спиной Дин услышал крики, но ему было всё равно. Он должен был совершить искупление. Краем глаза он увидел ствол револьвера, когда он сверкнул в руке Ямады.

Затем раздались два всплеска огненного пламени, и к Дину пришло забвение, которого он жаждал. Но он умер счастливым, потому что искупил чёрный поцелуй.

Даже умирая, Грэм Дин сжимал клыками своё человеческое горло, и его сердце наполнялось покоем, так как он видел, что и его родное тело умирает…

Его душа вернулась домой в третьем, зловещем поцелуе Смерти.

Перевод: А. Черепанов

Том Корагессан Бойл
Тысяча триста крыс

Thomas Coraghessan Boyle «Thirteen Hundred Rats», 2008.

Жил в нашей общине человек, который до смерти жены не держал в доме никакой живности. По моим подсчетам, Джерарду Лумису

шел шестой десяток, когда Господь прибрал его Мариэтту, но на панихиде в часовне он выглядел таким исхудавшим и сломленным, будто был лет на десять, а то и двадцать старше. Джерард сидел на передней скамье, весь обмякший, одетый абы как, с неестественно раскинутыми, словно вывихнутыми горем, руками, как если бы грохнулся оземь с огромной высоты, подобно птице, на лету лишившейся оперения. Когда могилу засыпали и мы все разъехались по домам, предварительно выразив ему соболезнования, поползли слухи. Джерард совсем не ест. Не выходит из дома и не меняет одежду. Кто-то видел, как он стоял в палисаднике, склонившись над мусорным баком, и швырял в огонь лакированные туфли, бюстгальтеры, юбки, парики и даже норковый палантин с взметнувшимися вверх мордой и лапками — покойная гордо дефилировала в нем на Рождество, Пасху и в День Колумба.

Народ, конечно, забеспокоился, да оно и понятно. Община у нас довольно сплоченная — плюс-минус сто двадцать душ, разместившихся в пятидесяти двух особнячках из камня и бревен, что возвел около века назад предприниматель Б.П. Ньюкров, мечтавший создать модель утопического сообщества. Сами мы не утописты (по

крайней мере, старшее поколение), но склонны считать, что колонию нашу, затерянную на двухстах сорока гектарах дремучего леса в конце не обозначенного на картах шоссе милях в сорока от города, отличают крепость уз и общность мировоззрения, несвойственные более поздним поселениям, возникшим в непосредственной близости от торговых комплексов, галерей и аутлет-центров[47].

«Собака ему нужна», — говорили у нас в общине. Я полностью поддерживал этот постулат. У нас с женой пара шелти (не считая двух лорикетов, мирно щебечущих по вечерам, когда мы уютничаем у камина, и одного разжиревшего атлантического леща в аквариуме на стойке в моем кабинете). Как-то за ужином, оторвавшись от чтения газеты и взглянув на меня поверх очков, жена сказала: «Вот, пожалуйста: согласно этой статье, девяносто семь процентов владельцев домашних питомцев говорят, что хотя бы раз в день улыбаются благодаря своим домашним питомцам». Наши шелти — Тим и Тим II — пони-

[47] Примечания: 47

Собранные на сравнительно небольшой территории (как правило, вдали от больших городов) магазины крупных фирм, продающих товары со значительной скидкой по сравнению с ценами на те же товары в фирменных магазинах.

мающе глазели из-под стола, поджидая, когда я вложу очередную порцию мясных объедков в их подвижные уемистые пасти.

— Ты полагаешь, мне следует с ним поговорить? — спросил я. — В смысле, с Джерардом…

— Это не повредит, — сказала жена. После чего уголки ее губ поползли к подбородку, и она добавила: — Бедняжка…

Я отправился к нему на другой день, пришедшийся на субботу. Собаки просились гулять, и я прихватил обоих Тимов с собой, отчасти и для примера, но главным образом потому, что попадая домой (по работе мне приходится часто бывать за границей, отсутствовать неделями, а то и месяцами), стараюсь уделять им максимум внимания. Домик Джерарда от нас километрах в трех, и я успел вполне насладиться прелестью зимней поры: было начало декабря, близились праздники, свежий ветер покусывал щеки. Спустив собак с поводка, я шел, запрокинув голову, любуясь тем, как верхушки сосен, посаженных еще Б.П. Ньюкровом, обрамили и украсили небо. Первое, что бросилось в глаза на дорожке, ведущей к дому Джерарда: неубранные опавшие листья на лужайке и не укутанные от мороза кусты. Имелись и другие признаки нерадения:

зимние рамы не вставлены; оба мусорных бака у ворот переполнены; ветвь сосны, рухнувшая на крышу во время последней бури, так и свисала с гребня, подобно оторванной лапище великана. Я нажал на кнопку звонка.

Джерард отозвался не сразу. А когда дошаркал-таки в прихожую и приоткрыл дверь, долго смотрел на меня в щелку, точно на чужака. (Каковым я отнюдь не являлся: знакомы были еще наши родители, многие годы мы с женой играли в бридж против него и Мариэтты, однажды вместе ездили в Хаянис-порт, не говоря уж о том, что каждое лето чуть ли не ежедневно встречались на озере или клубных фуршетах, где расточали взаимные похвалы за принятое некогда независимо друг от друга решение не усложнять свою жизнь обзаведением потомства.)

— Джерард, — сказал я, — здравствуй. Ты как?

Он не ответил. Но выглядел еще более похудевшим, осунувшимся. Выходит, слухи верны: не ест, совсем себя запустил, предался отчаянию.

— А я вот шел мимо, дай, думаю, зайду, — сказал я, вымучивая улыбку, хотя ситуация не располагала к веселью: конечно, мне следовало остаться дома, дать соседу спокойно скорбеть. Но выхода не было, и я сказал: — Гляди, нас тут целая ком-

пания: Тим и Тим II.

При звуке своих имен собаки вынырнули из прихваченных инеем кустов, подбежали к двери и, встав задними лапами на половичок, попытались просунуть в щель свои влажные заостренные морды.

— У меня аллергия на собак, — хрипло сказал Джерард.

Через десять минут, покончив с прелиминариями[48] и будучи усаженным на заваленный вещами диван напротив бездействующего камина (Тим и Тим II громко скулили на крыльце), я сказал: «А как насчет кошки?». После чего, не на шутку встревоженный тем, как низко он опустился (одет неопрятно, смердит, гостиная напоминает фойе дешевой ночлежки), привел вычитанную женой статистику про улыбающихся владельцев домашних питомцев.

— У меня и на кошек аллергия, — сказал он, неловко, точно на жердочку, присаживаясь на край сиденья накренившегося кресла-качалки и явно избегая встречаться со мной глазами. — Но я понимаю твою озабоченность и признателен за нее. Не ты первый. Уже человек шесть заходили:

---

[48] Примечания: 48

Предварительные, подготовительные переговоры, решения (редко употребляемый бизнес-термин).

кто с макаронным салатом, кто с буженино́й, кто с профитролями. И питомцев приносили разных. Бойцовую рыбку, хомячков, котят. Мэри Мартинсон пристала на днях на почте, схватила за руку и пятнадцать минут уговаривала завести эму[49]. Представляешь?

— А я-то хорош, — сказал я.

— Не кори себя. Ты прав. Вы все правы. Надо кончать с хандрой. И питомец в доме тоже нужен.

Он рывком поднялся с качалки, заходившей ходуном у него за спиной. В заляпанных белых шортах и футболке, едва прикрывавшей костлявые мощи, он напоминал старика из племени масаи, которого мы с женой сфотографировали во время сафари в Кении прошлой весной.

— Дай-ка я тебе кое-что покажу, — сказал он и двинулся в сторону коридора, лавируя между сталагмитами из газет и журналов, высившимися по всей комнате. Оставшись один, я испытал неловкость (вот, значит, что меня ждет, если жена умрет первой) и одновременно острое любо-

---

[49] Примечания: 49

Птица отряда казуарообразных, представленного в настоящее время единственным видом — обыкновенным эму, Dromaius novaehollandiae. Ранее эму относили к страусообразным (классификация пересмотрена в 1980-е гг.). Распространен в Австралии и Тасмании.

пытство. И странным образом, радость. Джерард Лумис больше не одинок, у него завелся питомец: миссия выполнена.

Когда он вновь вошел в комнату, я подумал, что на плечи ему наброшен яркий переливающийся пиджак, но присмотревшись, понял не без легкого содрогания, что принял за пиджак змею. Она была закинута за шею, и концы свисали вдоль его рук, волочась по полу.

— Питон, — сказал он. — Тигровый. Взрослые особи достигают в длину восьми метров, но мой еще совсем кроха.

Не помню, как я прореагировал. Не потому, что герпетофоб или там еще кто. Просто никто в общине не представлял в качестве питомца змею. Змеи не бегают за мячом, не запрыгивают в машину, пыхтя от радости, не лают, когда их дразнят сыромятной косточкой. Насколько я знаю, они вообще апатичные твари. Способны только ползать и жалить.

— Ну, как он тебе? — спросил Джерард. Правда, без всякого энтузиазма, точно ждал от меня поддержки.

— Красавец, — сказал я.

Не знаю, к чему я затеял этот рассказ. Конечно, участь, постигшая Джерарда, в теории грозит

любому из нас: все мы стареем, и наши жены стареют, а в старости человека часто срывает с якоря. Но штука в том, что дальнейшее-то, по сути, вымысел (или художественное воспроизведение реальных событий), ибо через два дня после моей знаменательной встречи с питоном (Джерард как раз решал, назвать ли его Джейсоном или Сидхартой) мы с женой отбыли в Швейцарию, где у меня клиент, и возвратились лишь спустя четыре месяца. За этот период произошло следующее.

На неделе перед Рождеством сделался сильный снегопад, и на двое суток прекратилась подача электричества. Утром первого дня Джерард проснулся в непривычной для дома прохладе и первым делом подумал про змею. Перед тем как ее купить, он выслушал длинную лекцию от хозяина зоомагазина в торговом центре.

— Змеи — отличные питомцы, — сказал он. — Дайте им пошастать по комнатам, и они облюбуют себе несколько уютных местечек. А главное, приползут к вам и свернутся в клубок на диване, поскольку ваше тело излучает тепло, вы понимаете?

Говорившему (если верить табличке на груди, его звали Бозман, лет сорока на вид, с тронутой сединой эспаньолкой и забранными в хвост об-

лезлыми волосами) явно нравилось раздавать советы. Еще бы: в какой-нибудь Бирме таких рептилий как собак нерезаных, а тут одна змея — четыреста с лишним долларов.

— Но важнее всего (особенно в нашем климате) держать их в тепле. Это же тропическое животное, вы понимаете? Ниже двадцати пяти по Цельсию температура в доме опускаться не должна.

Джерард проверил лампу на ночном столике — не горит. Та же история в коридоре. Снаружи снег валил комьями, точно его формовали в снежки где-то высоко в тропосфере. В гостиной термостат показывал семнадцать градусов, и когда Джерард попробовал прибавить температуру, ничего не произошло. Тогда он скомкал газету и набросал в камин щепок, но куда подевались спички? Поиск ни к чему не привел, в доме разор (вот когда отсутствие Мариэтты пронзило болью, как укус кровососа), ящики комода забиты хламом, стопки тарелок, всё не на месте. Наконец, он наткнулся на старую зажигалку в кармане заляпанных краской джинсов (на полке, в самой глубине шкафа) и разжег огонь. Затем пошел искать Сидхарту. Свернувшись кольцом, змея лежала под кухонной раковиной, там, где труба

горячей воды раздваивалась на патрубки, соединявшие ее с краном и посудомоечной машиной, но признаков жизни не подавала — такая же холодная и блестящая, как оставленный на морозе садовый шланг.

Она была на удивление тяжелой, особенно для змеи, которая в последние две недели — с тех пор, как попала в дом, — ничего не ела, но Джерард выволок неподатливую и охладелую тушу из ее *cachette*[50] и положил перед камином. Пока заваривал кофе на кухне, смотрел на снегопад за окном, вспоминая о временах, когда даже в такую погоду — да, собственно, в любую погоду — ему приходилось идти на службу, и почувствовал укол ностальгии. Может, стоит попроситься обратно — пусть не на прежнюю должность, с которой его с почетом проводили на пенсию, а на другую, на полставки, просто чтобы быть при деле, выбираться из дома, делать что-нибудь полезное. Он схватил телефонную трубку, решив немедленно позвонить Алексу, своему бывшему шефу, обсудить варианты, но телефон отключили вместе со светом.

Он принес кофе в гостиную, сел на диван и стал

---

[50] Примечания: 50
Укрытие (фр.).

смотреть, как змея постепенно возвращается к жизни: мелкая дрожь бежала вдоль всего ее туловища, от головы к хвосту, точно рябь от легкого ветерка на поверхности неподвижного водоема. К тому времени, когда он допил вторую чашку и сварил на газовой плите яйцо, кризис (если можно так выразиться) миновал. Сидхарта как будто оправился. Хотя разве его поймешь? Он и раньше не отличался особой подвижностью, несмотря на раскаленные батареи и специально купленное Джерардом электрическое одеяло, наброшенное поверх плексигласового террариума, в котором Сидхарта любил лежать, свернувшись кольцом. Джерард просидел долго, подбрасывая в огонь поленья, наблюдая за переливом змеиных мускулов, за возникавшим из пасти темным раздвоенным язычком, покуда ему в голову не пришла мысль, что, возможно, Сидхарта проголодался. Когда Джерард спросил у хозяина зоомагазина, чем его кормить, Бозман ответил: «Крысами». Видимо, на лице Джерарда выразилось сомнение, ибо хозяин добавил:

— Нет, конечно, можете и кроликов ему давать, когда подрастет, — сбережете и время, и силы, не так часто придется кормить, но вообще вы увидите, насколько змеи и другие пресмыкающиеся

экономичнее нас. Им в топку не надо постоянно подбрасывать филе-миньон и пломбир с шоколадным сиропом и одежда и шубы им, кстати, тоже ни к чему.

Он сделал паузу, чтобы посмотреть на змею, неживущуюся в террариуме под лучами рефлектора.

— Я только вчера скормил этому оглоеду целую крысу. Он на ней, по меньшей мере, неделю продержится, а то и две. А потом подаст знак.

— Как? — спросил Джерард.

Пожатие плеч.

— Может быть, цветом — заметите, что раскраска поблекла. А может, просто станет малость заторможенным.

Тут они оба посмотрели на змею — на глазки-бусины, на туловище, казавшееся частью сука, на котором оно лежало. Змея была похожа на неодушевленный предмет, и Джерард не понимал, как может кто-либо, пусть даже эксперт, утверждать, что она живая. Затем он выписал чек.

Теперь эта мысль не давала ему покоя: змею пора кормить. Конечно, пора. Прошло две недели, как он раньше не подумал? Забросил животное, а это непростительно. Он встал с дивана, чтобы закрыть дверь и подбросить в огонь дровишек,

затем вышел на улицу расчистить от снега площадку перед гаражом, затем сел в машину и по длинной петляющей проселочной дороге поехал к шоссе, ведущему к Ньюкрову и торговому центру. Поездка была кошмарной. Грузовики обстреливали ветровое стекло очередями талой жижи, от мельтешения «дворников», кружилась голова. Доехав, Джерард вздохнул с облегчением: в торговом центре был свет — все вокруг сияло и переливалось, как на предрождественской распродаже в Лас-Вегасе, а благодаря нескольким искусным маневрам ему даже удалось втиснуть свой драндулет у самого входа, между горой снега, наваленной снегоуборочной машиной, и местом стоянки для инвалидов.

В зоомагазине пахло первозданной природой: казалось, каждая тварь в каждой клетке и стеклянном кубе испражнилась, салютуя его появлению. Было страшно натоплено. И ни одного покупателя. Бозман стоял на подставной скамеечке, шуруя в одном из аквариумов пылесосом.

— Здрасьте-здрасьте, — нараспев сказал он. — Джерард, да? Знаю, зачем пожаловали.

Привычным движением, точно поглаживая кошку или хорька, он расправил хвост на затылке.

— Крыса нужна. Я прав?

Крыса (он ее не видел; Бозман держал крыс в подсобном помещении) была выдана ему в картонной коробке с ручкой из штампованной проволоки — в ресторанах в такие обычно кладут еду «на вынос». Зверь оказался тяжелее, чем Джерард предполагал, и тяжесть эта была подвижна, мигрировала внутри коробки, пока он нес ее к машине и ставил на переднее сиденье. Запустив двигатель, Джерард сразу включил обогрев, чтобы животное не простыло, но потом подумал, что оно теплокровное, с шерстью, да и вообще зачем. Все равно его скоро съедят. Дорога была скользкая. Видимость — нулевая. Он пристроился за снегоуборщиком и тащился за ним до самых Садов Ньюкрова, но когда вошел в дом, камин все еще пылал.

Порядок. Он поставил коробку на пол, а затем поволок террариум из спальни в гостиную и придвинул его поближе к камину. После чего взял змею на руки (она показалась ему намного теплее, особенно с того боку, что был ближе к огню) и осторожно опустил в террариум. На миг она ожила, подергивая мышцами, поводя массивной плоской головой, точно силясь рассмотреть Джерарда окаменелым взглядом, но тут же снова

опала, распластавшись на плексигласовом полу. Джерард опасливо наклонился над коробкой с крысой (что если выскочит, тяпнет, дунет через всю комнату под плинтус и поселится там навсегда, как оживший персонаж знаменитого мультфильма?), с замиранием сердца перенес ее в террариум и открыл крышку.

Крысенок (белый, с розовыми глазенками, похожий на подопытных мышей, которых в бытность свою студентом Джерард часто видел в клетках лаборатории на биологическом факультете) соскользнул на пол, как силиконовый сгусток, сел на задние лапки и стал деловито себя вылизывать, будто не было в мире ничего более естественного, чем, проехавшись в картонной коробке, оказаться в стеклянном загоне по соседству с выпускавшей трепещущий язычок рептилией. Которая к тому же, возможно, и голодна.

Долгое время ничего не происходило. В окно тыкались снежинки, в камине потрескивали дрова. А потом змея еле заметно пошевелилась, стала как будто ярче, словно усилие, произведенное глубоко под чешуей, отразилось на поверхности туловища. Крысенок оцепенел. В считанные доли секунды осознал опасность. Весь сжался, очевидно полагая, что так он менее заметен. Джерард

наблюдал, потрясенный, не понимая, как этот сопляк, рожденный в ленивой безмятежности зоомагазина, гладкий и розовый, копошившийся вместе с остальным выводком у сосков своей матери, отделенный многими крысиными поколениями от полевой жизни, приучившей его предков бояться твари с переливчатым длинным туловищем, имя которой «змея», — как он узнал об опасности? Медленно, миллиметр за миллиметром змея приподняла голову над плексигласовым полом и застыла напротив крысенка, точно ожившая статуя. И вдруг бросилась, да так стремительно, что Джерард едва не проморгал, но крысенок был начеку, словно всю жизнь только к этому и готовился. Одним отчаянным долгим прыжком он перемахнул через змеиную голову и кинулся в дальний угол террариума, где принялся по-птичьи пищать, впившись глазами в бледное, нависшее над ним лицо Джерарда. И кем Джерард себя ощутил? Он ощутил себя божеством, римским императором, способным казнить и миловать одним движением большого пальца. Крысенок царапал плексиглас. Змея развернулась и изготовилась к повторной атаке.

И тогда, будучи божеством, Джерард запустил руку в террариум и вознес крысенка над пито-

ном. Зверек оказался на удивление теплым и быстро сообразил, как вести себя на ладони. Он не сопротивлялся, не пытался удрать, а просто вжался в запястье у кромки рукава свитера, будто все понимал, будто был благодарен. В следующую минуту Джерард уже баюкал его на груди и сам постепенно успокаивался. Он подошел к дивану и сел, не зная, как поступить дальше. Крысенок глянул на него снизу вверх, содрогнулся всем телом и мгновенно уснул.

Положение было, мягко говоря, непривычным. Никогда раньше Джерард не ласкал крыс и уж тем более не позволял им спать, свернувшись калачиком, у себя на свитере. Он наблюдал за тем, как вздымается и опадает крысиная грудка, изучал строение лапок, похожих на младенческие ладошки, видел жидкие пучки бесцветных усов, чувствовал гибкий хвост, лежавший на перемычке между пальцами, как замшевый шнурок курточки, которую носил в детстве. Огонь в камине почти потух, но Джерард не встал, чтобы подбросить поленья. А когда решил открыть банку консервированного супа, крысенок отправился с ним, проснувшись и удобно примостившись у него на плече. Он чувствовал, как шею то нежно щекочет шерстка, то покалывают

усики, а иногда в нее тыкался горячий нос. Когда же Джерард запалил свечу и начал есть суп, зверек перебрался к нему на колени, встал на задние лапки и, вытянувшись, положил передние на край стола. Как было удержаться, чтобы не выловить картофельный кубик из наваристого золотистого бульона и не вложить в нетерпеливую оскаленную пасть? А потом еще один. И еще. Когда он лег спать, крысенок лег рядом, и, просыпаясь ночью раза два или три, Джерард ощущал его присутствие, его дух, его сердечко, его тепло — не какая-нибудь рептилия, холодная безучастная тварь с раздвоенным язычком и мертвыми глазами, а полное жизни существо.

Когда он проснулся на рассвете, в доме был жуткий холод. Джерард сел на постели и огляделся. Панель радиочасов пуста — значит, свет так и не дали. Почему бы это? Он заставил себя спустить босые ноги на пол и сразу же подумал про крысенка — вот он, маленький, угнездился в складке одеяла. Открыл глаза, потянулся, перебрался на подставленную ладонь, юркнул под рукав пижамы и побежал вверх по руке к насиженному плечу. В кухне Джерард зажег на плите все четыре конфорки и духовку и затворил дверь в комнату, чтобы тепло не выветривалось.

Лишь когда начал закипать чайник, он вспомнил про камин и змею, оставленную в террариуме, но было поздно.

В тот вечер он снова поехал в зоомагазин, решив — раз уж так вышло — преобразовать змеиное логово в крысиное гнездо. Хотя нет, «крысиное гнездо», не звучит — мать называла так его комнату, когда он был ребенком. Лучше пусть будет «крысиный домик». Или «крысиный приют». Или… Бозман расплылся в улыбке при виде Джерарда.

— Не иначе за добавкой? — сказал он, лукаво подмигивая. — Неужели требует следующую? Тигровые — страшные обжоры: сколько ни дай — все смолотят.

Джерард был не из тех, кто готов распахивать душу перед первым встречным.

— Да, — только и сказал он в ответ на оба вопроса. И потом добавил: — Взять, что ли, сразу парочку? — И отводя взгляд: — Раз уж я здесь.

Бозман отер руки о фартук цвета хаки, повязанный поверх джинсов, и вышел из-за прилавка.

— Не вопрос, — сказал он. — Отличная мысль. Сколько принести? Они по пять девяносто девять штука.

Джерард пожал плечами. Представил крысен-

ка, его уютную плюшевость, то, как он перескакивает через половичок в несколько коротких прыжков или мчится вдоль плинтуса, точно подгоняемый ветром, как подхватывает орех передними лапками и садится его грызть, как любит свои игрушки — скрепку, ластик, рифленую пластиковую пробку от бутылки минеральной воды «Эвиан». В миг озарения он дал ему кличку Робби в честь своего брата в Тулсе. Робби. Крысенок Робби. И Робби нужно общение, нужны друзья, как всякой божьей твари. В мыслях о Робби он не заметил, как сказал:

— Десяток?

— Десяток? Вот это да. Жирная будет змеюка.

— Думаете, чересчур?

Бозман привалился к прилавку и разгладил хвост на затылке, пристально вглядываясь в Джерарда.

— Чересчур? Да я хоть всех своих крыс вам продам, только попросите, да еще с бонусом. Песчанок возьмете? Попугайчиков?

Жаб-альбиносов? Бизнес у меня такой, знаете ли, живностью торгую. Зоомагазин —

comprendre[51]? Но должен предупредить: если ваш питоша в первый месяц всех не пожрет, они начнут плодиться и размножаться. У крыс это быстро: самки входят в пору половой зрелости на пятую неделю после рождения. На пятую.

Он оттолкнулся от прилавка и двинулся мимо Джерарда, жестом поманив его за собой. Они остановились перед полкой с брикетами кормов и разноцветными кулями с наполнителями для звериного туалета.

— Вам понадобится «Крысиное лакомство», — сказал он, стаскивая с полки пятикилограммовый пакет. — И одна-две упаковки вот этих опилок. Держать их есть где?

Когда Джерард вышел из магазина, в руках у него были две клетки из стальных прутьев (с настилом из кедровых досок, чтобы у крыс не развилось неведомое ему заболевание под названием пододерматит), десять килограммов крысиного корма, три мешка наполнителя для туалета и две большие картонные коробки, в каждой из которых сидело по пять крыс. И вот он

---

[51] Примечания: 51

Понимать (фр.). То, что повествователь употребляет глагол в инфинитиве (правильно по контексту было бы просклонять: «comprenez», — «понимаете»), очевидно, свидетельствует о том, что четыре месяца, проведенные им в Швейцарии, не пошли на пользу его французскому.

уже входил в дом, торопливо притворяя за собой дверь, чтобы не выстудить помещение, и Робби, выбравшись из-под диванных подушек, бежал вприпрыжку ему навстречу, и одновременно всюду зажегся свет.

Мы с женой приехали из Швейцарии в середине апреля. Завидя нас, Тим и Тим II, за которыми в наше отсутствие присматривала домработница Флоренсия, предались бурным восторгам на крыльце, а затем примчались в гостиную, изъявляя такую пылкую радость, что я не смог вернуться к машине за чемоданами, пока не угостил их печеньем, не потрепал хорошенько по спинам и не нашептал сладким голосом весь привычный набор собачьих нежностей. Приятно было вновь оказаться у родного очага, зажить заботами настоящей общины после долгих месяцев пребывания в стерильной чистоте базельской квартиры, вот почему за визитами к соседям, за накопившимися делами на службе и дома я вспомнил о Джерарде лишь спустя несколько недель. Никто не видел его, кроме Мэри Мартинсон, столкнувшейся с ним на стоянке у торгового центра; он наотрез отказался от всех ее приглашений — вместе поужинать, просто заглянуть на огонек, покататься на коньках на озере и даже

пойти в клуб на ежегодное мероприятие по сбору средств на нужды общины «Весна священная». Мэри сказала, что он был рассеян и что она сочла это следствием понесенной утраты; пыталась завязать разговор, надеясь ободрить, но услышала в ответ грубость. И еще: она бы предпочла об этом не говорить, но вид у него был запущенный, а запах и того хуже. «Буквально шибало в нос», — сказала Мэри. Хоть стояли они на улице у открытого багажника его машины (набитого, как она успела заметить, какими-то пакетами под названием «Крысиное лакомство»), и дул ветер, и было довольно холодно, от него исходил сильнейший запах уныния и давно немытого тела. «Не мешало бы его навестить», — таково было ее мнение.

Я дождался субботы и, прихватив, как и в декабре, собак, наконец зашагал по широким дружелюбным улицам через шумевший молодой листвой лес к домику Джерарда за холмом. День был славный, солнце подбиралось к зениту, над цветочными клумбами вспыхивали блестки бабочек и мотыльков, легкий бриз щекотал ноздри сладковатым ароматом юга. Соседи притормаживали, проезжая, дабы помахать мне рукой, а некоторые останавливались поболтать, не вы-

ключая двигателей. Кэролин Бифстайк на ходу бросила мне из машины букет тюльпанов и таинственный клинообразный предмет, завернутый в пергаментную бумагу, оказавшийся куском «Эмменталера», («С приездом!», — крикнула она, блеснув белозубой улыбкой в обрамлении напомаженных фуксиновых губ), а Эд Саперстайн остановился посреди дороги рассказать о своем путешествии на Багамы, куда они с женой плавали на зафрахтованной яхте. До Джерарда я добрался только во втором часу.

Я сразу заметил отсутствие тенденции к лучшему. На окнах — слой грязи, а некошеная лужайка перед домом, на которую со всех сторон наступали сорняки, еще никогда не была в таком запустении. Собаки метнулись за чем-то, скрывшись в густой траве, а я переложил букет под мышку, решив подарить его Джерарду, и нажал на звонок. Никакого ответа. Я позвонил еще раз, после чего обошел дом с торца с намерением заглянуть в окна: кто его знает, может, он болен или, не приведи господь, умер.

Окна были мутные, с налетом чего-то белого — не то пуха, не то перхоти. Я слегка постучал в стекло, и мне почудилось, что за ним возникло движение — калейдоскопическое мелькание

теней, но слишком неопределенное, чтобы что-либо разобрать. Тогда-то я и обратил внимание на запах, тяжелый, насыщенный аммиачными испарениями, как бывает на запущенной псарне. Я поднялся на заднее крыльцо, заваленное выброшенными лотками от готовых обедов и пустыми мешками из-под корма, и тщетно постучал в дверь. Ветер усилился. Вглядевшись в мусор у ног, я увидел многократно повторенную на этикетках неоново-оранжевую надпись «Крысиное лакомство», — недостающее звено в цепочке моих логических построений. Но мог ли я догадаться? Да и кто бы смог?

Позднее, вручив жене сыр и букет, я попробовал дозвониться Джерарду по телефону, и, как ни странно, он ответил на четвертый или пятый звонок.

— Здравствуй, Джерард, — сказал я со всей задушевностью, на которую был способен. — Это я, Роджер. Вырвался-таки из объятий своих швейцарцев. Заходил проведать тебя сегодня, но…

Он перебил меня хриплым сдавленным голосом:

— Знаю. Робби мне говорил.

Как я ни жаждал узнать, кто такой Робби (квартирант? женщина?), все же решил на этом не

заостряться.

— Ну, — сказал, — как дела? Держишь хвост пистолетом?

Он не ответил. Я послушал дыхание на другом конце трубки и добавил:

— Может, повидаемся? Придешь к нам на ужин?

Еще одна долгая пауза. Наконец он сказал:

— Не могу.

Я не собирался уступать без борьбы. Он был моим другом. Я иначе не мог. Мы жили в общине, где люди небезразличны друг другу и где потеря каждого члена — это потеря для всех. Я попробовал перевести его ответ в шутку:

— Почему нет? Далеко добираться? Поджарим мясца на гриле, разопьем бутылочку Cotes du Rhone…

— Дел по горло, — сказал он. И потом добавил нечто совсем уж загадочное: — Природа. Она берет своё.

— Что ты плетешь?

— Не справляюсь, — сказал он еле слышно, после чего дыхание его смолкло и связь прервалась. Его тело обнаружили через неделю. Пол и Пегги Бартлетт, жившие по соседству, заметили, что запах, идущий из дома Джерарда, с каждым днем

усиливается, и когда он им не открыл, сообщили в пожарную часть. Говорят, когда пожарные взломали дверь, из проема хлынуло целое море крыс, разбежавшихся во всех направлениях. Внутри пол был усеян липким крысиным пометом и все — от мебели до гипсокартонных стен и дубовых балок под потолком гостиной — было изгрызено и стесано до неузнаваемости. Помимо крыс, которым он позволял гулять на свободе, еще несколько сотен содержались в клетках: большинство из них были совсем отощавшие, не обошлось без каннибализма и откусанных конечностей. По подсчетам представительницы АПЖОЖ (Ассоциации по предотвращению жестокого обращения с животными), в доме в общей сложности обитало более тысячи трехсот крыс, из которых большую часть пришлось усыпить в ближайшей ветеринарной клинике, ибо в таком состоянии выхаживать их не взялись бы ни в одном питомнике.

Что касается Джерарда, то он, по-видимому, скончался от пневмонии, хотя не исключали и

хантавирус[52] — известие, изрядно напугавшее членов общины, ибо многих грызунов так и не смогли изловить. Всем нам, конечно, было тяжело из-за случившегося, но тяжелее всех — мне. Останься я дома этой зимой, прояви настойчивость, когда уловил характерный запах гниения, стоя под его окнами, он, скорее всего, был бы сегодня жив. Но потом я неизбежно возвращался к мысли о том, что все мы, должно быть, просмотрели в нем какую-то серьезную червоточину: ведь он, прости господи, выбрал себе в питомцы змею, и потом это низшее животное мистическим образом трансформировалось в полчища тварей, которых иначе как вредителями, паразитами и врагами человечества не назовешь, — их надлежит изводить, а не пестовать. Просто непостижимо, как он не погнушался и одну-то крысу к себе подпустить, ласкать ее, спать с ней, дышать одним воздухом?

Две первые ночи я практически не сомкнул глаз, снова и снова проигрывая в голове ужасные сцены. Как он мог до этого дойти? Как такое во-

[52] Примечания: 52

Вирус, поражающий крыс, мышей и полевок; может привести к развитию заболевания у человека, если выделения или экскременты больных грызунов попадают в его дыхательные пути или пищеварительный тракт.

обще возможно?

Прощание было кратким, гроб закрыт (все понимали почему — даже люди, не отличавшиеся богатой фантазией, без труда представили его последние минуты). После похорон я был особенно ласков с женой. По дороге с кладбища мы и еще несколько человек заехали перекусить, а дома я обнял ее и долго не отпускал. И несмотря на усталость, не поленился вывести собак на лужайку, побросать им мяч, насладиться видом их шерсти, играющей на солнце, пока они мчатся ему вослед лишь затем, чтобы нести назад, снова и снова, и неизменно класть на мою ладонь — такой теплый, хранящий дыхание их пастей.

Перевод: В. Арканов

Поппи З. Брайт
На губах его вкус полыни

Poppy Z. Brite «His Mouth Will Taste of Wormwood», 1980.

— За сокровища и радости могилы! — провозгласил мой друг Луи и поднял кубок с абсентом в пьяном благословении.

— За похоронные лилии, — ответил я, — и за тихие бледные кости.

Я сделал большой глоток из своего кубка, и абсент наполнил горло неповторимым ароматом — перцем, спиртом и гнилью. Это была наша самая великолепная находка: больше пятидесяти бутылок объявленного вне закона напитка скрывались в нью-орлеанском семейном склепе. Мы немало потрудились, перетаскивая их, зато теперь, когда научились наслаждаться вкусом полыни, могли долго-долго пить без продыху. Мы забрали и череп патриарха склепа, который ныне председательствовал в обитой бархатом нише музея.

Видите ли, мы с Луи принадлежали к породе мечтателей, темных и беспокойных. Мы встретились на второй год учебы в колледже и быстро выяснили, что нас объединяет одна важная черта: обоих ничто не могло удовлетворить. Мы пили неразбавленный виски и говорили, что он недостаточно крепок. Мы принимали странные наркотики, но в вызванных ими видениях царили пустота, бессмыслица и медленное гниение. Все книги были нам скучны; художники, продававшие на улицах свои яркие картины, в наших глазах являлись халтурщиками; музыка всегда

оказывалась недостаточно громкой и резкой, чтобы нас расшевелить. Мы оба пресыщены. Мир производил на нас не больше впечатления, чем если бы наши глаза были мертвыми черными дырами в черепах.

Какое-то время мы искали спасения в чарах музыки: изучали записи странных диссонансов безымянных композиторов, ходили на выступления безвестных оркестриков в темных вонючих клубах. Но музыка нас не спасла. Какое-то время развлекались плотскими удовольствиями. Мы исследовали влажные неведомые пространства между ног каждой девушки, какая соглашалась принять нас; ложились в постель вдвоем с одной девушкой или с несколькими. Мы связывали им запястья и лодыжки черными шелковыми лентами, со смазкой проникали в каждое отверстие, заставляли их стыдиться собственного наслаждения. Мне вспоминается Феличиа — красавица с лиловыми волосами, которую довел до дикого, рыдающего оргазма шершавый язык пойманной нами бездомной собаки. Мы наблюдали за ней из дальнего конца комнаты сквозь наркотическую дымку и оставались холодными.

Исчерпав возможности женщин, мы обратились к своему полу — возжаждали андрогинных

изгибов скул юношей и лавовых потоков семени, изливающихся к нам в рот. В конце концов мы обратились друг к другу, стремясь к порогу боли и экстаза, к которому нас не допускал никто другой. Луи попросил меня отрастить длинные ногти и остро их отточить. Когда я проводил ими по его спине, вдоль глубоких царапин выступали крошечные бусинки крови. Он любил замирать, притворяясь покорным когда я слизывал соленую кровь. Потом он отталкивал меня и набрасывался сам; его язык оставлял на моей коже огненный след.

Но и секс нас не спас. Мы запирались в комнате и целыми днями ни с кем не виделись. Наконец мы спрятались от всех в уединении дома предков Луи, возле Батон-Руж. Его родители умерли: совершили самоубийство, если верить его намекам, или, может быть, убийство и самоубийство. Луи, как единственный ребенок, унаследовал фамильный дом и состояние. Дом плантаторов, выстроенный на краю огромного болота, подобно капищу выдвигался из мглы, окружавшей его даже в летний полдень. Древние дубы нависали над ним балдахином; их подобные черным рукам ветви поросли космами испанского мха. Вездесущий мох напоминал мне жесткие седые

волосы, гневно шевелившиеся под сырым ветром с болот. Я подозревал, что со временем, если дать ему волю, мох прорастет и на резных карнизах окон, и на каннелюрах колонн.

В доме мы жили одни. Воздух был полон здоровым духом сияющих магнолий и зловонием болотного газа. Ночами мы сидели на веранде и пили вино из фамильного погреба, глядя сквозь сгущающийся алкогольный туман на блуждающие огни, манившие нас в болотные дали. Мы жадно обсуждали новые способы взбудоражить себя. Луи, ум которого от скуки обострился, предложил заняться разграблением могил. Я рассмеялся, не поверив, что он говорит серьезно.

— Что мы будем делать с высохшими мощами? Перемелем на вудуистское зелье? Предпочитаю твою идею выработать невосприимчивость к различным ядам.

Острое лицо Луи резко обернулось ко мне. Его глаза были болезненно чувствительны к свету, поэтому даже в полутьме он не снимал затемненных очков, скрывавших выражение лица. Светлые волосы он стриг очень коротко, и, когда нервно проводил по ним ладонью, они топорщились безумным ежиком.

— Нет, Говард, подумай: наша собственная

коллекция смертей! Каталог боли, человеческой бренности — только для нас. На фоне умиротворенной красоты. Подумай, каково будет прохаживаться там в медитации, размышляя о собственной бренности. Заниматься любовью на кладбище! Нам стоит только собрать части, и они соединятся в целое, куда падем и мы.

Луи любил говорить загадками; его притягивали анаграммы, палиндромы, любые головоломки. Не в том ли коренилась его решимость взглянуть в непостижимые глаза смерти и овладеть ею? Быть может, в смертности плоти ему виделась гигантская мозаика, которую можно собрать фрагмент за фрагментом и тем победить. Луи мечтал жить вечно, хоть и не знал, куда девать бесконечное время.

Он достал трубку с гашишем, чтобы подсластить вкус вина, и больше об ограблении могил мы в ту ночь не говорили. Но в следующие, полные скуки недели эта мысль неотступно меня преследовала. Думалось, что запах свежеоткрытой могилы может опьянить так же, как ароматы болота или пот самых интимных мест девушки. В самом деле, не собрать ли нам коллекцию могильных сокровищ — красивую и умиротворяющую наши разгоряченные души?

Ласки языка Луи мне наскучили. Порой, вместо того чтобы угнездиться со мной под черными шелковыми простынями на нашей постели, он ложился на рваное одеяло в одной из подвальных комнат. Когда-то их обустроили для неизвестных, но интригующих целей. Луи говорил, что там собирались аболиционисты, или проходили ночи свободной любви, или торжественно, хоть и неумело, служили чёрные мессы с девственными весталками и свечами в форме фаллосов.

В этих комнатах мы решили разместить наш музей. В конце концов я согласился с Луи, что кладбищенское мародерство может излечить нас от самой удушающей скуки, какую доселе приходилось испытывать. Мне стало невыносимо видеть его тревожный сон, бледность впалых щек, нежные тени под мерцающими глазами. Кроме того, мысль об ограблении могил начинала меня притягивать. Не обретем ли мы спасение в крайней развращенности?

Первым нашим ужасным трофеем стала голова матери Луи — прогнившая, как забытая на грядке тыква, и разбитая двумя пулями из револьвера времен Гражданской войны. Мы вынесли ее из семейного склепа при свете полной луны. Блуждающие огоньки светили тускло, как

потухающие маяки на недостижимом берегу. Мы крались к дому. Я волочил за собой лопату и лом, Луи нес под мышкой полуразложившийся трофей. Мы спустились в музей, я зажег три свечи с ароматом осени (в это время года скончались родители Луи), и Луи положил голову в приготовленный для нее альков. В его движениях мне почудилась своеобразная нежность.

— Пусть она подарит нам материнское благословение, — пробормотал он, рассеянно отирая полой куртки несколько клочков бурой плоти, прилипшей к пальцам.

Мы были счастливы, часами обставляя музей, полируя вставки из драгоценных металлов в обивке стен, смахивая пыль с бархатистых обоев, сжигая то благовония, то кусочки ткани, смоченной собственной кровью, чтобы придать помещению желанный аромат: острый запах могилы, сводивший нас с ума. В поисках экспонатов для коллекции мы забирались далеко и неизменно возвращались домой с ящиками, полными вещей, которые никому из людей не были предназначены во владение. Мы прослышали о девушке с фиалковыми глазами, умершей в далеком селении. Не прошло и семи дней, как эти глаза были у нас в кувшине из резного стек-

ла, заполненного формалином. Мы соскребали костный прах и селитру со дна древних гробов, похищали едва тронутые тлением головы и ладони детей — нежные пальчики и лепестки губ. Попадались и пустяки, и драгоценности: изъеденные червями молитвенники и разрисованные плесенью саваны. Я не принял всерьез слова Луи о любви на кладбище, но и не предполагал, какое удовольствие может доставить бедренная кость, смоченная розовым маслом.

В ту ночь, о которой я говорю, — в ночь, когда был поднят тост за могилы и их богатства, — мы завладели самым драгоценным трофеем. Мы собирались отправиться в город, чтобы отметить это событие, устроив попойку в ночном клубе. Из последнего похода мы вернулись без обычных мешков и ящиков, зато в нагрудном кармане у Луи лежала маленькая, бережно завернутая коробочка. В ней скрывался предмет, о существовании которого мы спорили все последнее время. Из невнятного бормотания слепого старика, накачавшегося дешевой выпивкой во Французском квартале, мы выловили слух о некоем фетише или амулете на негритянском кладбище в районе южной дельты. Говорили, что этот невероятной красоты фетиш способен

любого заманить в постель, причинить врагу болезнь и мучительную смерть и (это, я думаю, больше всего заинтриговало Луи) обратить свои чары вдесятеро против любого, кто применит его без должного искусства.

Когда мы добрались до кладбища, на нем лежал тяжелый туман. Он плескался у наших ног, обтекал деревянные и каменные надгробия, неожиданно таял, открывая узловатые корни или кочки с черной травой, и тут же снова смыкался. При свете убывающей луны мы отыскали тропинку, заросшую бурьяном. Могилы были украшены сложной мозаикой из осколков стекла, монет, крышечек от бутылок и посеребренных, позолоченных устричных раковин. Некоторые могильные холмы были очерчены рядом вкопанных горлышками вниз пустых бутылок. Я разглядел одинокого гипсового святого с ликом, изъеденным многолетними дождями и ветрами; отбрасывал пинками ржавые жестянки, в которых когда-то стояли цветы, — теперь из них торчали сухие стебли, застоялась дождевая вода. Другие были пусты. Лишь запах диких паучьих лилий царил в ночи.

В одном углу кладбища земля выглядела чернее. Могила, которую мы искали, была отмечена

грубым крестом из обугленного кривого дерева. Мы поднаторели в искусстве насилия над мертвыми — гроб показался скоро. Доски много лет пролежали в мокрой зловонной земле. Луи подцепил крышку заступом, и при скудном водянистом лунном свете мы увидели, что лежало внутри.

Мы почти ничего не знали об обитателе могилы. Кто-то говорил, что там похоронена чудовищно уродливая старая ведьма. Другие — что в могиле покоится юная девушка, с лицом прекрасным и холодным, как лунный свет на воде, и с душой жестокой, как сама судьба. Еще одна версия гласила, что тело вовсе не женское и что здесь похоронен белый вудуистский священник, правивший дельтой. Черты его полны холодной неземной красоты, а гроб — фетишей и снадобий, которые он отдаст с благостным благословением или с самым черным проклятием. Эта последняя версия больше всего пришлась по душе нам с Луи: нас привлекала непредсказуемость колдуна и его красота.

То, что лежало в гробу, не сохранило ни следа красоты, во всяком случае той, которую ценит здравый глаз. Мы с Луи пришли в восторг от полупрозрачной пергаментной кожи, туго натянутой на длинные кости и похожей на слоновую

кость. Тонкие хрупкие руки лежали на провалившейся груди. В мягких черных кавернах глаз и в бесцветных прядях волос, уцелевших на тонком белом куполе черепа, для нас была сосредоточена настоящая поэзия смерти.

Луи навел луч фонаря на веревочные жилы шеи. На почерневшей от времени серебряной цепочке мы обнаружили то, что искали. Не грубую восковую куклу и не сухой корень. Мы с Луи переглянулись, растроганные красотой предмета, а потом он, как во сне, потянулся к нему — ночному трофею из могилы колдуна.

— Как смотрится? — спросил Луи, пока мы одевались.

Я никогда не думал об одежде. Когда мы выбирались из дома, я мог надеть ту же одежду, в которой ходил на ночные кладбищенские раскопки, — черную и безо всяких украшений. На фоне ночи белели только мое лицо и руки. По особо торжественным случаям, вроде нынешнего, я обводил углем глаза. Чернота делала меня почти невидимым: если я шел ссутулившись и уткнув подбородок в грудь, никто, кроме Луи, не мог меня разглядеть.

— Не горбись, Говард! — раздраженно проговорил Луи, когда я, пригнувшись, шмыгнул мимо

зеркала. — Обернись и взгляни на меня. Хорош ли я в колдовском уборе?

Луи если и носил черное, то делал это, чтобы выделяться в толпе. В тот вечер он нарядился в облегающие брюки из пурпурного пейслийского шелка и серебристый жакет, переливавшийся на свету. Наш трофей он вынул из коробочки и повесил на шею. Подойдя ближе, чтобы рассмотреть его, я уловил запах Луи — землистый и мясной, как кровь, слишком долго хранившаяся в закупоренной бутыли.

На скульптурной впадине его горла предмет на цепочке приобрел новую странную красоту. Кажется, я забыл описать магический амулет, вудуистский фетиш из взрыхленной могильной земли. Никогда его не забуду! Осколок полированной кости (или зуб — но какой клык мог быть таким длинным и настолько изящно заостренным и все же сохранять сходство с человеческим зубом?), вставленный в узкую медную оправу. В яри-медянке каплей запекшейся крови сверкал единственный рубин. Тонко выгравированный на кости рисунок, проявленный втертой в линии темно-красной субстанцией, изображал сложный «веве», — один из символов, которым вудуисты пробуждают свой пантеон ужасных богов. Кто

бы ни был похоронен в той одинокой могиле, он был близко знаком с болотной магией. Каждый крест, каждая петля «веве», были исполнены совершенства. Мне показалось, что предмет сохранил своеобразный аромат могилы, темный дух, похожий на запах прогнившей картошки. У каждой могилы свой особенный запах, как и у каждого живого существа.

— Ты уверен, что стоит его надевать? — спросил я.

— Завтра он отправится в музей, — ответил Луи, — и перед ним будет вечно гореть багровая свеча. Сегодня его сила принадлежит мне!

Ночной клуб располагался в той части города, которая выглядела так, словно ее изнутри выжгло праведным огнем. Улицы освещались лишь случайными отблесками неона откуда-то сверху, вывесками дешевых отелей и круглосуточных баров. Из щелей и лазов между зданиями за нами следили темные глаза, исчезавшие, только когда рука Луи подбиралась к внутреннему карману куртки. В нем он носил маленький стилет, которым пользовался не только для получения удовольствия.

Мы проскользнули в дверь в тупиковой стене и по узкой лестнице спустились в клуб. Свинцовый

блеск голубых ламп заливал лестницы, и в их свете лицо Луи за темными очками показалось осунувшимся и мертвенным. Едва мы вошли, в лицо ударили рекламные возгласы, сквозь них слышалась жестокая битва крикливых гитар. Заплаты дрожащего света сменялись темнотой. Граффити покрывали стены и потолок, словно мотки ожившей колючей проволоки. Я разглядел названия групп и скалящиеся черепа, распятия, украшенные осколками стекла, и чёрные непристойности, извивающиеся при вспышках стробоскопического света.

Луи повел меня за выпивкой к стойке. Я лениво прихлебывал — опьянение от абсента еще не рассеялось. Громкая музыка мешала разговаривать, и я стал рассматривать посетителей. Народ был тихий: неподвижными взглядами пялился на сцену, как одурманенный наркотиками (со многими, без сомнения, так и было; помнится, однажды, придя в клуб после дозы галлюциногенных грибов, я зачарованно следил за тонкими щупальцами, падавшими на сцену от гитарных струн). Большинство были моложе нас с Луи и странно красивы в своих стильных магазинных лохмотьях, в коже и сетках, в дешевой бижутерии, с бледными лицами и крашеными

волосами. Может, кого-нибудь из них потом уведем с собой… Мы уже так делали. Луи называл их «восхитительными оборвышами». Краем глаза я поймал особенно красивое лицо — костистое и женственное. Когда я обернулся, лицо исчезло.

Я прошел в туалет. Двое мальчишек стояли у одного писсуара и оживленно болтали. Споласкивая руки под краном, я смотрел на них в зеркало и старался подслушать разговор. Из-за трещины в стекле более высокий паренек казался косоглазым.

— Ее сегодня нашли Каспар с Элисс, — говорил он. — На старом складе у реки. Я слыхал, что у нее кожа была серая, приятель. Будто кто-то высосал почти все мясо.

— Заливай! — процедил второй, почти не двигая обведенными черными губами.

— Ей было всего пятнадцать, знаешь ли, — сказал высокий, застегивая молнию драных джинсов.

— Все равно п…да.

Они отвернулись от писсуара и заговорили о группе «Обряд жертвоприношения». Название было нацарапано на стенах клуба. Выходя, парни глянули в зеркало, и глаза высокого на мгновение встретились с моими. Нос гордого индейского во-

ждя, на веках — черная и серебряная краска. «Луи бы его одобрил», — подумал я. Однако ночь только начиналась, и впереди было много выпивки.

Когда оркестр сделал перерыв, мы снова подошли к стойке. Луи втиснулся радом с худым темноволосым парнем, голым по пояс, если не считать рваной полоски кружев, повязанной на горло. Когда он обернулся, я узнал замеченное прежде резкое лицо андрогина. В его красоте было нечто роковое, но скрытое покровом изящества — так флер святости скрывает безумие. Острые скулы вот-вот вспорют кожу, глаза — лихорадочные озерца тьмы.

— Мне нравится твой амулет, — обратился он к Луи. — Он очень необычный.

— Дома у меня еще такой есть, — ответил Луи.

— Правда? Я бы хотел посмотреть оба. — Парень помолчал, дав Луи заказать нам по водочному коктейлю, затем добавил: — Я думал, такой лишь один.

Спина Луи выпрямилась, словно кто-то туго натянул нить бусин. Я знал, что зрачки за его очками превратились в булавочные головки. Но в его голосе не было предательской дрожи, когда он сказал:

— Что ты об этом знаешь?

Парень пожал плечами. В движении костлявых плеч было безразличие и убийственная грация.

— Это из вуду, — ответил он. — Я знаю, что такое вуду. А ты?

Намек был прозрачным, но Луи чуть ощерил зубы — это могло сойти за улыбку.

— Я «на ты», с любой магией, — заявил он. — По меньшей мере…

Парень придвинулся к Луи, почти прикасаясь бедрами, и двумя пальцами поднял амулет. Мне почудилось, что длинный ноготь скользнул по горлу Луи, но точно не скажу.

— Я мог бы рассказать тебе о значении этого «веве», — предложил он. — Если ты уверен, что хочешь знать.

— Это символ власти, — парировал Луи. — Всех сил моей души. — Его голос звучал холодно, но я заметил, как мелькнул его язык, смачивая губы. Неприязнь к парню смешивалась у него с желанием.

— Нет, — возразил мальчик так тихо, что я едва разбирал слова. В его голосе слышалась грусть. — Видишь, крест в центре перевернут, а окружающая его линия представляет змею? Эта штука может уловить твою душу. Вместо того чтобы получить вечную жизнь в награду… ты

можешь быть на нее обречен.

— Обречен на вечную жизнь? — Луи позволил себе холодную улыбочку. — Как это понимать?

— Оркестр снова заиграл… Найди меня после представления, и я все тебе расскажу. Мы выпьем… И может быть, ты расскажешь мне, что знаешь о вуду. — Парень засмеялся, откинув голову. Только тогда я заметил, что у него не хватает одного верхнего клыка.

Остаток вечера запомнился дымкой лунного света и неона, кубиками льда и голубыми струйками дыма, сладким опьянением. Парень пил вместе с нами абсент, стакан за стаканом, и, похоже, наслаждался его горьким вкусом. Никому из остальных наших гостей напиток не понравился.

— Где вы его взяли? — спросил он.

Луи долго молчал, потом ответил:

— Прислали из Франции.

Если бы не единственный черный провал, его улыбка была бы безупречна, как острый серп месяца.

— Выпьешь еще? — спросил Луи, наполняя стаканы.

Я снова пришел в себя в объятиях того парня. Я не различал слов в его шепоте; возможно, это

были заклинания, напеваемые в такт легкой музыке. Две ладони охватили мое лицо, направив губы к бледной, пергаментной коже. Может быть, это были руки Луи. Я ничего не воспринимал, кроме хрупкого движения его костей под кожей, вкуса его слюны, горькой от полыни.

Не помню, когда он наконец отвернулся от меня и принялся ласкать Луи. Хотел бы я видеть, как страсть наполняет кровью глаза Луи и корчится от наслаждения его тело. Потому что, как оказалось, парень любил Луи гораздо сильнее, чем меня.

Когда я проснулся, басовые удары пульса под черепом заглушали все остальные чувства. Понемногу я осознал, что лежу среди смятых шелковых простыней и горячий солнечный свет бьет мне в лицо. Только окончательно проснувшись, увидел, *что* всю ночь обнимал как любовника.

На миг две реальности неприятно сдвинулись, почти слились. Я был в постели Луи, узнавал на ощупь его простыни, запах пота и шелка. Но то, что я обнимал… несомненно, это одна из тех ломких мумий, которые мы вытаскивали из могил и расчленяли для нашего музея. Впрочем, я почти сразу узнал знакомые ссохшиеся черты: острый подбородок, высокие тонкие брови. Что-то рас-

членило Луи, выпило до капли влагу и жизнь. Кожа его трескалась и осыпалась чешуйками у меня под пальцами. Волосы, сухие и бесцветные, липли к моим губам. Амулет, который он не снял, ложась в постель прошлой ночью, исчез.

Парня и след простыл, решил я, пока не увидел почти прозрачный предмет в изножии кровати. Он был как моток паутины; влажная, бестелесная вуаль. Я поднял его и встряхнул, но рассмотрел черты, лишь подойдя к окну. Они смутно напоминали человеческие, пустые члены свисали почти невидимыми лохмотьями. В раскачивающейся, вздувавшейся пленке я разглядел часть лица: острый изгиб, оставленный скулой, дыру на месте глаза — как отпечаток лица на кисее.

Я перенес ломкую скорлупу тела Луи в музей. Положил перед нишей его матери, зажег палочку благовоний в сложенных на груди руках и подложил подушку черного шелка под бумажный пузырь черепа. Он бы так хотел…

Парень больше не приходит ко мне, хотя я каждую ночь оставляю окно открытым. Я возвращался в клуб, стоял, прихлебывая водку и разглядывая толпу. Я видел много красивых, странных и пустых лиц, но не то, которое искал. Думаю, знаю, где его можно найти. Вероятно, он

еще желает меня — необходимо узнать.

Я снова приду на пустынное кладбище в дельте (на этот раз — один) и найду безымянную могилу, воткну заступ в черную землю. Открыв гроб — я уверен! — найду в нем не полуразложившийся прах, который мы видели прежде, но спокойную красоту возвращенной юности. Юности, которую он выпил из Луи. Его лицо будет маской покоя, вырезанной из перламутра. Амулет наверняка будет висеть у него на шее.

Умирание — это последний удар боли или пустоты, цена, которую мы платим за все. Не оно ли дает сладостный трепет, единственно достижимое для нас спасение… истинный момент самопознания? Темные озерца его глаз откроются — тихие и глубокие, в которых можно утонуть. Он протянет ко мне руки, предложит лечь рядом с ним на пышное ложе из червей.

С первым поцелуем на его губах появится вкус полыни. Затем только мой вкус — моей крови и моей жизни, перетекающей из моего тела в его. Я почувствую то, что чувствовал Луи, — как ссыхаются мои ткани, уходят соки жизни. Мне все равно! Сокровища и радости могилы? Это его руки, его губы, его язык…

Перевод: Г. Соловьёва

Мартин Браун
Коттедж доктора Ксандера

Martin D. Brown «Dr. Xanders Cottage», 1941.

— Он далеко?

— Нет, — прошептал я, — и потише давай, болван. Он, безусловно, ходит медленно.

Это было правдой, Доктор Ксандер шел очень медленно. Он не был стариком, но он тащился, словно у него было какое-то уродство — что-то не совсем правильное и неприметно зловещее.

— Он уже ушел? — спросил Паркер снова.

— Да.

Сгорбленная фигура исчезла за дальним поворотом дороги. Паркер и я выпрямились.

— Проклятье, — сказал он, поднимая камеру, — все мышцы затекли.

Я чувствовал себя так же. Лежать в траве, наблюдая за маленьким домиком посреди нигде, не лучшее время препровождение для репортера. Но история — это история, и публика должна узнать сенсацию.

Ибо маленькая деревня Элвуд внезапно ока-

залась в центре внимания после того, как стало известно, что ее жители загадочно исчезали на протяжении многих лет. Это было похоже на расползающийся, смертельный мор. Люди исчезали, и о них больше никогда не слышали. Местные власти оказались бессильны. Моя газета отправила меня на расследование.

Мои исследования, наконец, были сосредоточены вокруг загадочной и таинственной фигуры доктора Ксандера. Он был объектом ужаса в этой маленькой сельской деревне, но никто не осмеливался сделать хоть что-то против него. Люди сжимались, когда он проходил мимо них во время своих нечастых визитов в город, и никого из них невозможно было уговорить или подкупить, чтобы он приблизился к его маленькому коттеджу после наступления темноты. Мы с Паркер не могли найти определенных причин для этого страха — только смутные слухи, темные шепоты селян о том, чего они не могут понять.

Итак, Паркер и я затаились рядом с этим местом и подождали, пока внушающая всем местным ужас фигура не отправится в город. И теперь, подходя ближе к дому, мы унюхали — или, скорее, почувствовали — что-то своеобразное в воздухе.

— Мне это не нравится, — пробормотал Пар-

кер.

Мне тоже это не нравилось. По какой-то причине, казалось, что тени вокруг крыльца были гораздо гуще, чем должны быть, и растительность была слишком пышной и цветущей. Я почувствовал противный холодок, осторожно поднялся по ступенькам и дернул дверь.

Она была не заперта. Очевидно, доктор Ксандер полагался на страх перед своим жильем, который удерживал любопытных на расстоянии.

Внутри странный запах — это был запах — стал сильнее. Я огляделся, используя свой фонарик, хотя на улице был яркий день. Комната была пуста, но создавалось впечатление, что она используется уже давно.

На полу и на стенах, казалось, были видны смутные следы диаграмм, а на другом конце комнаты были следы, как будто какой-то тяжелый предмет был удален оттуда. Это место напомнило мне о штаб-квартире дьявольского культа, который я исследовал несколько лет назад, и, помня об этом, я посветил вокруг и заметил нечто, похожее на чашу, лежащую в углу. Прежде чем я смог ее осмотреть, где-то в доме послышался шум.

Мой пистолет прыгнул в мою руку. Это был не возвращающийся Доктор, потому что шум

раздавался не позади, а перед нами. Думая, что, возможно, некоторые из исчезнувших жителей деревни были заключены в этом старом доме, я крепче сжал холодную рукоять пистолета и открыл дверь.

Комната была пуста, и мы вошли. Она казалась лабораторией или операционной, где повсюду располагалось химическое оборудование и столы. В дальней стене была еще одна дверь, из-за которой и раздавался шум.

Я шагнул вперед, отодвинул тяжелый засов на двери и открыл ее. Паркер был прямо позади меня. То, что мы увидели в одно короткое мгновение, прежде чем я захлопнул дверь и мы бросились прочь из коттеджа, чуть не лишило нас разума.

Никогда, до самого последнего дня я не смогу стереть из памяти видение, которое встретило нас. Ибо комната была заполнена монстрами — страшными карикатурами человеческой формы. Были то люди или животные я не могу сказать. Они казались серыми, безволосыми, деформированными, и зловоние, исходившее из комнаты, было невероятно сильным. Хуже всего был звук — мокрый, противный, когда все твари двигались.

Мы стремительно бросились обратно в деревню, подняли власти и вернулись — чтобы найти дом в огне. Прохожий рассказал, что видел, как доктор Ксандер вошел туда вскоре после того, как мы убежали.

Дом был полностью разрушен, хотя позже мы обнаружили некоторые следы пещер под фундаментом. По моему отчаянному требованию они были взорваны и засыпаны, несмотря на просьбы тех, кто хотел исследовать их в поисках пропавших жителей деревни.

— Доктор Ксандер, должно быть, проводил операции над похищенными людьми и превращал их в этих тварей, — сказал Паркер, когда наших ушей достиг звук взрыва. Я покачал головой.

— Я читал «Некрономикон», — сказал я ему. — Эти твари — живут в пещерах и в туннелях под кладбищами. И они живут… — ну, мы не будем об этом говорить. Я никогда не верил, что они существуют. Но ты видел их. Они, вероятно, жертвовали сельских жителей своим мерзким богам.

— Но… Доктор Ксандер участвовал во всем этом?

— Не участвовал — нет. Он — был одним из них.

Перевод: Р. Дремичев

Джозеф Пейн Бреннан
Пожиратель, пришедший издалека

Joseph Payne Brennan «The Feaster from Afar», 1976.

Каждые два года Сидни Мэллор Мэдисон издавал исторический роман. После шести месяцев тщательных исследований он тратил ровно год на его написание. Ещё полгода уходило на вычитку, на выступления в дамских литературных клубах, и ближе к концу этого периода он уже раздавал автографы на своём последнем сочинении в различных книжных магазинах.

Это была приятная жизнь. Мэдисон считался писателем, способным заработать себе на хлеб с маслом, и его книги всегда продавались. Они обычно перепечатывались в мягкой обложке, и в большинстве случаев Голливуд предоставлял ему предоплату, хотя за шестнадцать лет киномагнаты так ничего и не сняли. Но Мэдисон лишь пожимал плечами и клал деньги себе в карман, он относился философски к таким вопросам.

Временами профессиональные критики об-

рушивались на него. Признавая подлинность описываемых событий, они цеплялись к диалогам, называя их «высокопарными», а персонажей «марионеточными». Конечно, это было несправедливо, но когда Мэдисон видел, как его банковский счёт увеличивается с четырёхзначного до пятизначного, и всё ещё продолжает расти, он не придавал придиркам значения. Критики могут хоть повеситься, а он всё равно будет жить ещё лучше.

По мере того, как состояние Мэдисона росло, он решил, что год писательской работы должен пройти без перерывов, которые ему приходилось делать в своей городской квартире. Он велел своему агенту подыскать какое-нибудь уединённое место, где его не потревожат, пока он будет писать. И через несколько недель агент отправил его к мистеру Конуэю Кемптону, у которого был охотничий домик где-то на севере Новой Англии.

Пожав руку, протянутую через стол, Кемптон жестом пригласил Мэдисона присесть в кресло, а сам откинулся на спинку стула.

— Что ж, буду откровенен, мистер Мэдисон. Все охотники там стрелянные, и это не шутка! Но пусть это вас не беспокоит. Дом находится в

хорошем состоянии, полностью меблирован, и вас никто не будет отвлекать от работы. Я не могу предложить более подходящего места!

Мэдисон обратил внимание на бегающий взгляд Кемптона, и заметил, что арендная плата слишком высока. Но он согласился съездить посмотреть на дом, и если сочтёт предложение подходящим, то сразу же переедет и вышлет подписанный договор аренды вместе с чеком на оплату. Именно так получилось, что одним серым осенним днём мистер Сидни Мэллор Мэдисон, известный романист, въехал в крошечную деревушку Гранбери, что в Новой Англии, и остановился у магазина. Хотя Кемптон подробно описал дорогу, он хотел убедиться, что выбрал правильное направление к охотничьему домику, скоро должно было стемнеть, и он устал после долгой поездки.

Продавец в магазине, прищурившись, взглянул поверх деревянного прилавка.

— К домику Кемптона? Это по дороге налево, мимо кладбища. Миль эдак двенадцать. И лучше ехать не спеша, дорога там совсем плохая!

Когда Мэдисон выехал на дорогу, то понял, что замечание продавца было вполне разумным, эта грунтовка оказалась хуже всех тех, по которым

ему когда-либо приходилось ездить. Его взгляд был так сосредоточен на рытвинах, что он почти не обращал внимания на окружающий пейзаж. У него сложилось общее впечатление, что тот был мрачным, необитаемым, и совершенно неприветливым.

На закате Мэдисон добрался до домика, грубо сколоченного, но довольно крепкого на вид. Большие брёвна были плотно подогнаны друг к другу, а глубоко утопленные окна не походили на те, что гремят при каждом ветерке. Внутренне он проклинал Кемптона за то, что тот не предупредил его об ужасном состоянии дороги, но как только он вошёл внутрь, включил свет и отопление, то решил, что всё-таки может подписать договор аренды. Дом хоть и казался простоватым, но был оборудован центральным отоплением и всеми удобствами обычной городской квартиры. Обстановка выглядела уютной, он предпочёл бы менее громоздкую мебель и несколько картин на стенах, но чего можно ждать от охотничьего домика?

После глотка виски и лёгкого ужина, Мэдисон принял душ и лёг спать, но, несмотря на всю усталость, спал он плохо. Смутные ночные кошмары, что необычно для него, продолжались до

самого утра, и он проснулся раздражённым и встревоженным. Мэдисон, однако, гордился своим профессионализмом, писатель, достойный, чтобы есть свой хлеб, не позволял настроению вмешиваться в его график работы. Ровно в восемь часов, после завтрака из яиц, тостов и кофе, он устроился за столом в кабинете. Проработав в течение почти трёх часов, Мэдисон решил побездельничать оставшуюся часть дня. Обычно он работал до двенадцати, а иногда и дольше, но вчерашняя поездка и плохой сон утомили его сильнее, чем он предполагал.

— Средний возраст, — поморщившись, подумал он.

Перед обедом Мэдисон вышел к автомобилю и принёс багаж, который оставил там накануне вечером. Серые облака затянули всё небо, а холодные порывы ветра кружили сухие листья, несколько из них, алых и жёлтых, упали на крышу. Заперев дверь, Мэдисон вздрогнул. Сидя за ланчем, он понял, что должен принять решение, стоит ли ему подписать договор аренды или собраться и уехать домой? Это была борьба настроения против логики, и логика уступила. Мэдисон ненавидел настроение, он знал десятки писателей, которые работали только тогда, когда

«были в подходящем настроении». И большинство из них заканчивало простыми рецензентами книг или кем-то столь же отталкивающим и опустившимся.

Подписав договор аренды, Мэдисон приложил к нему гневную записку о плохом состоянии дороги и наклеил на конверт марку. Только тогда перед ним встал вопрос о ежедневной почте. Должен ли он вызывать почтальона или сам каждый день ездить в Гранбери? Мэдисон вышел на улицу, но не нашёл там почтового ящика, и решил, что следует немедля разобраться в ситуации с почтой. Бормоча себе под нос, он двинулся по изборождённой рытвинами грунтовой дороге.

Продавец, мистер Сайнс, снова смотрел на него из-за магазинной стойки. У Мэдисона возникло странное впечатление, что тот стоял за прилавком всю ночь.

— Доставка почты? Не, сэр! Тут такого нет. Здешние сами забирают почту. Где? Да прям тут, у меня и почта, и магазин. Это вам не город!

Раздражённый, Мэдисон передал ему конверт с договором аренды. Нет доставки почты! Ему придётся прыгать по этим адским колдобинам каждый день, чтобы забрать свою почту!

Когда он уже собрался уходить, Сайнс накло-

нился вперёд.

— Вы охотник, мистер Мэдисон?

Известный писатель колебался. Он был уверен, что эта деревенщина никогда о нём не слышала, и не хотел, чтобы услышала. Поэтому он решил пойти на опережение.

— Нет, — ответил он, — я не охочусь. Я работаю на издательство, занимаюсь всякими исследованиями. Приехал сюда, чтобы отвлечься от городской суеты.

Сайнс выгнул брови.

— Тут не будет никакой суеты. Ежели только… — его голос затих.

Мэдисон повернулся и направился к двери. Этот тип должен понимать, что он ценит своё время, и если не может сразу сказать то, что хочет, то он не собирался стоять и ждать его. Но перед тем как он открыл дверь, из-за большого бочонка, наполовину скрытого в тени за прилавком, раздался голос:

— Может, вы и не охотитесь, мистер, но это не значит, что не охотятся на вас!

Мэдисон повернулся и уставился на говорившего, который сидел на полу рядом с бочкой. Нечто маленькое, иссохшее, с выгоревшими глазами, словно привидение, оно смотрело на

него, одетое в какое-то тряпьё, казалось снятое с пугала на одном из соседних полей. Мэдисон собрался было ответить, но решил не делать этого, а пожав плечами, вышел за дверь. Философ в бочонке, подумал он с усмешкой. Такие маленькие деревушки в Новой Англии всегда изобилуют подобными экземплярами, вечными бездельниками, единственное занятие которых, это сидеть вот так, либо играть в шашки. Мэдисон поклялся, что будет избегать Гранбери как можно дольше, забирать почту один раз в неделю и оставлять чеки.

Когда он ехал обратно в сторону дома по усеянной опавшими листьями грунтовке, загадочные слова похожего на гнома бездельника всё ещё не давали ему покоя. Что, чёрт побери, он имел ввиду? Мэдисон решил, что не позволит себе беспокоиться из-за этого, и, как только доберётся до домика, немного выпьет. За одним стаканом последовал другой, и, после наспех приготовленной еды, он рано лёг спать, вместо того, чтобы как обычно провести время за чтением. Ему опять снились странные кошмары, однако Мэдисон винил в этом выпивку, и ровно в восемь часов утра сел за стол. Но он никак не мог сосредоточиться, по какой-то непонятной причине всё

время думал о том, похожем на гнома существе, скрывавшемся за бочкой в магазине Сайнса. О чём же он говорил? Ах, да:

— Может, вы и не охотитесь, мистер, но это не значит, что не охотятся на вас!

Мэдисон убеждал себя, что в этих словах не было смысла, что это всего лишь бред местного дурачка. Здесь нет никаких опасных животных, кроме нескольких чёрных медведей, да, быть может, рыщущего горного льва. Если бы поблизости скрывался какой-нибудь сбежавший заключённый или сумасшедший, то он был уверен, что его предупредили бы об этом. В любом случае, в доме имелось множество оружия, хранящегося в надёжно запертых ящиках.

В десятом часу дня Мэдисон бросил писать. У него разыгралась головная боль, и, возможно, прогулка до обеда пошла бы ему на пользу. Перед тем как покинуть дом, он открыл один из ящиков с оружием, вытащил двустволку, зарядил патроны, проверил предохранитель, и накинул меховое пальто.

Пейзаж казался ещё более пустынным, чем раньше. Кое-где располагались заросли низких вечнозелёных растений, чередовавшиеся невозделанными полями с валунами, пучками грубой

травы, и засохшим лишайником. Холодные пальцы ветра ворошили заросли травы с шипением, напоминавшим шипение змей. Мэдисон был озадачен абсолютным отсутствием животных, хотя он прошёл несколько миль, ему не встретился ни кролик, ни даже птица. Это было довольно странно. Он вернулся в дом, чувствуя себя подавленным и встревоженным. Что-то было не так с этим местом, обычно даже на такой бесплодной и мрачной земле обитает несколько мелких существ. Размышляя за ланчем, Мэдисон решил, что спросит об этом Сайнса, когда в следующий раз будет в Гранбери.

Днём он писал письма, приготовил сытный ужин, и читал почти до полуночи. Он опять плохо спал. Всё время повторялся кошмар, в котором Мэдисон яростно бежал в темноте по заброшенным полям, в то время как что-то злонамеренное преследовало его, желая смерти. Чем бы оно ни было, он понимал, что не может убежать от него, несмотря на все усилия. В какой-то момент он упал на каменистую землю, но совершенно не ощутил удара. Он проснулся мокрый от пота, и заварил себе чёрный кофе. В восемь часов, вместо того, чтобы сесть за стол, Мэдисон надел пальто, взял ружьё и вышел на улицу к автомобилю.

Когда он трясся по грунтовке, то убеждал самого себя, что письма в кармане его пальто содержат важные сообщения, это давало ему разумное оправдание для поездки в Гранбери рано утром.

Сайнс сердечно приветствовал его и взглянул на письма.

— Почтальона не будет до полудня, мистер. Это срочные письма?

Мэдисон нахмурился.

— Да, в каком-то смысле срочные, но подождут и до полудня.

Сайнс кивнул и перегнулся через прилавок.

— Как вы добрались до дома Кемптона, а мистер?

Мэдисон колебался. Он не хотел отвечать этой деревенщине, и всё же выпалил:

— Что-то не так с тем местом, Сайнс! Там что-то произошло? Я имею ввиду что-то действительно плохое? — он был потрясён отсутствием в своих словах сдержанности, но было уже слишком поздно.

Сайнс задумчиво посмотрел на него, почёсывая подбородок большим пальцем левой руки.

— Ну, — протянул он, — после того, как там нашли последнего охотника с продырявленной головой, все стараются держаться подальше от

этого места, даже животные, я так думаю!

Мэдисон уставился на него.

— Его голова была продырявлена? Чем-то прострелена?

Сайнс подался вперёд и заговорщически прошептал:

— Врачи сказали, что это была дробь. Но я слыхал другое! Продырявлена совсем не дробью!

— Тогда чем же?

Сайнс стряхнул крошки со стойки.

— Я не хочу об этом болтать, но… Но вам расскажу. Те дырки в его голове были такими… забавными что ли… врачи распилили ему череп… и внутри совсем не было мозгов!

Мэдисон невольно раскрыл рот, а Сайнс снова подался вперёд через стойку.

— Вы знаете, что я думаю? Мозги этого бедняги были вытянуты прямо через те забавные дырки в его голове! Парнишка Карпера, гробовщика, он видел те дырки. Говорил, будто кто-то взял сотню маленьких свёрл и прямо изрешетил голову того охотника!

Мэдисон закрыл рот, пытаясь понять, не обманывают ли его. Он взял себя в руки, и, собравшись с мыслями, заговорил:

— Я ничего такого не видел в газетах. Разве не

было расследования?

Сайнс глянул на него, пренебрежительно прищурившись.

— Не обо всём в газетах пишут, мистер! Иногда чересчур сложные дела замалчиваются.

Он хотел было уйти, но передумал и снова заговорил, его голос сделался низким и зловещим:

— На вашем месте я б бежал оттуда, мистер! Там на холмах небезопасно. Давным-давно, много лет назад, в тех холмах жили одни из семейства Уэтли. Думаю, вы слыхали о них? Ну, это забавно для писаки. Так вот, те Уэтли призвали чего-то с неба, что никак не уйдёт обратно! Об этом ещё говорится в Мифах Ктулху, о таком-то вы слыхали, надеюсь?

Мэдисон побагровел. Теперь он чувствовал себя в безопасности. Старый дурак вешал ему лапшу на уши, основанную на журнале, который не выходил уже много лет! Конечно, его издание сейчас переживало своего рода возрождение, и он с отвращением пролистал некоторые его выпуски. Мэдисон отвернулся от прилавка с раздражением и облегчением.

— О да! Я слышал об этой писанине! Лавлок, Лавкроп, или что-то в этом духе. Все эти так называемые мифы, бессвязная, наполненная чушью,

выдумка! Ни слова правды!

Сайнс безразлично, почти философски бросил:

— Каждый человек имеет право на своё мнение, я так думаю. Ну, вы спросили меня, я рассказал. Я б не остался ни в доме Кемптона, ни рядом с ним, ни часу. Но теперь это ваше дело!

Рискуя сломать подвеску автомобиля, Мэдисон мчался обратно по изрытой грунтовке. Мифы Ктулху!! Какая ерунда! Эта деревенщина была куда доверчивей, чем он считал! Теперь он выкинет всё это из головы и вернётся к работе. На следующее утро, ровно в восемь часов, он сел за свой стол. Им двигало упрямство, куда большее, чем сила воли. Ночные кошмары были ещё хуже, чем раньше, его лицо стало бледным и морщинистым, а руки дрожали, когда он пытался писать.

Спустя час Мэдисон сдался. Написав несколько абзацев, он прочитал их и счёл слишком слабыми. Он никак не мог сосредоточиться, и, наконец, пришёл к выводу, что прогулка на свежем воздухе может пойти на пользу. Сунув ружьё подмышку, он покинул дом и принялся бесцельно бродить по окрестным полям. Через несколько минут Мэдисон почувствовал себя лучше, но затем его охватило давящее чувство тревоги, которое он объяснил влиянием погоды. Небо потемнело,

поднялся ветер, он шептал и шипел в пучках травы, словно пытался о чём-то предостеречь.

Несмотря на меховое пальто, холод пробирал до костей, и Мэдисон, нахмурившись, направился обратно к дому. Войдя внутрь и заперев дверь, он положил ружьё и налил себе стакан виски. Он сидел в задумчивости, даже забыв, что не снял пальто. Ни на минуту не допуская возможности того, что слова продавца о Мифах Ктулху имели под собой хоть какое-то основание, он был готов признать, что некая угроза или враждебная атмосфера нависла над всем этим местом. Мэдисон пытался убедить себя, что это было исключительно природным явлением. Охотничий домик располагался на возвышении, в холмистой местности с холодными ветрами, и всё это давило на нервы человека. Это было, говорил он себе, ощущением изоляции, которое охватило его, когда он бродил по пустынным полям с камнями и скудной растительностью. Вероятно, он был более восприимчив к внешнему виду вещей, чем большинство людей, эта чувствительность, уверял он себя, и сделала его таким великолепным романистом.

Его упрямые рассуждения, а также щедрая доза алкоголя, наконец, подняли настроение. Мэдисон

с удовольствием пообедал и сел писать письма, но закончив всего пару, он сдался, почувствовав необъяснимую усталость. Вздохнув от досады, он снял книгу с одной из полок на стене, возможно, она поможет ему отвлечься. Но он даже не обратил внимания на название и автора книги, потому что та раскрылась где-то на середине, куда кто-то положил сложенную записку. Взяв её, он развернул и прочёл: «И пусть читающий эти строки остерегается, ибо Хастур Невыразимый наложил печать свою на это место. Его призвали и он пришёл. Воистину, он выскользнул из холодных пространств бесконечной ночи меж галактик, и ни один человек не устоит перед ним. Слава Великому Хастуру, Пожирателю пришедшему издалека, ибо он отыщет свою пищу!»

Мэдисон вздрогнул. Он испытывал искушение выбежать из дома, запрыгнуть в автомобиль, и мчаться как сумасшедший по извилистой дороге, ведущей в Гранбери. Но в течение долгих трудных лет он приучил себя никогда не действовать импульсивно. Записка должна быть тщательно изучена, а её устрашающее послание взвешено с той объективностью, которой Мэдисон всегда заставлял себя придерживаться. Было мало деталей: бумага самая обычная, чернила чёрные и

выцветшие, почерк неразборчивый, но чёткий, бумага на изгибах начала рваться, а края пожелтели. Мэдисон пришёл к выводу, что записка лежала в книге довольно долго.

Но затем, словно удар молнии, разгадка обрушилась на него! Каким же он был дураком! Это всё заговор, чтобы заставить его покинуть дом и потерять деньги за аренду! А после того, как он сбежит, будет найдена следующая жертва. Казалось, не было никаких сомнений, что и продавец Сайнс, и пугало в бочке, были наняты Кемптоном. Их роль состояла в том, чтобы «довести», его россказнями о Мифах Ктулху. Страх, который они должны были этим внушить, а также общее запустение местности, вынудили бы его покинуть дом, разорвав договор аренды и потеряв оплату за год. А, как только он будет в безопасности, Кемптон закинет приманку для следующего простака!

Мэдисон мрачно улыбнулся. Его нервы были на пределе, но теперь он должен был взять себя в руки, он знал, чему противостоит! Однако записка всё ещё беспокоила его. Она выглядела старой, как можно было заставить бумагу желтеть, складки рваться, а чернила выцветать? Хм! Что же с ним стало? Любой фальсификатор, стоящий гроша, может подделать такую вещь,

вероятно, это было обычным делом для ловких специалистов по бумаге и чернилам. И всё же, вопросы не давали Мэдисону покоя, откуда Кемптон знал, что он найдёт записку? Какое-то время он размышлял над этим, наконец, решив, что в доме должны быть и другие записки, похожие на эту, рано или поздно он обязательно найдёт их. Завтра, решил он, следует изучить каждую книгу в доме и поискать их, но в данный момент он чувствовал себя слишком уставшим для этого.

После обеда он расположился с книгой и большим бокалом выпивки. Но мысли его блуждали, он прочёл лишь несколько глав и бросил это занятие. Мэдисон продолжал думать о проклятой фальшивой записке. Предположим, просто предположим, что она была настоящей! Коря себя за глупость, он, наконец, лёг спать, но никак не мог успокоиться, вертелся, вздыхал, и всё же уснул. Кошмар, который снился ему раньше, вновь вернулся, но на этот раз был ярче и пугающе. Опять он мчался по негостеприимным холмам, в то время как что-то совершенно чуждое и смертоносное гналось за ним. Даже когда Мэдисон бежал, то понимал всю тщетность этого, но продолжал бежать, потому что страх, который наполнял его, был настолько всепоглощающим, что он не мог

контролировать свои собственные действия.

В ледяном лунном свете покрытые лишайником холмы выглядели как ландшафт какой-то иной планеты. Каждая черта этого жуткого пейзажа была чётко различима. Мэдисон бежал как заведённый, вверх и вниз по тихим склонам, не осмеливаясь ни остановиться, ни даже обернуться. Если на пути возникало препятствие из сухих корявых зарослей, то он продирался через них, совершенно не обращая внимания на появлявшиеся рваные раны. Он был убеждён, что его неустанный преследователь просто играет с ним, что в любой момент, если он того пожелает, то сможет наброситься на него.

Затем, когда пошатываясь Мэдисон брёл по бесконечным холмам, к нему пришло осознание ужасной правды: он не спал. Возможно, он начал засыпать, но сейчас не спал. Какая-то коварная и неописуемо злая сущность, выманила его из дома, используя ночной кошмар, чтобы обмануть его чувства! Он обратил внимание, что ноги у него босы и кровоточат, и что на нём нет ничего, кроме пижамы. Во сне он вышел из охотничьего домика и направился к этим адским холмам. Несмотря на одежду, он почти не чувствовал холода, он мчался вперёд, как маньяк, не обращая

внимания ни на что, кроме бега.

Однако даже порождённые абсолютным страхом силы способны иссякать. Мэдисон упал и лежал, рыдая от усталости и ужаса, на вершине залитого лунным светом холма. Когда отвратительный охотник стал приближаться, казалось, что каждая клеточка его тела напряглась. Мозг больше не функционировал нормально, он попытался приказать телу отползти, скатиться по склону холма, но ничего не вышло. Он словно был скован цепями. Мэдисон не желал видеть приближающийся ужас, но знал, что ему придётся, это будет частью финального, обжигающего душу кошмара. Он чувствовал, как нечто приближалось, воздух становился холодным, будто вырывался из чёрных космических бездн меж звёзд. Это был холод за гранью понимания, за пределами выносливости, но он не мог убить его достаточно быстро.

Подняв голову, Мэдисон уже не оглядывался, а смотрел прямо вверх, и увидел. Оно выскользнуло из ледяного неба, как средоточие всего нечеловеческого ужаса. Оно было чёрным, бесконечно древним, сморщенным и горбатым, словно какая-то огромная летающая обезьяна. Окружавшее его переливающееся сияние и неподвижные

пылающие глаза были неизвестного на земле цвета. По мере того, как оно росло, приближаясь к холму, его придатки, напоминавшие щупальца с похожими на ножи когтями вытягивались. Мэдисон, буквально обезумев от страха, стал бормотать:

— Хастур! Великий Хастур! Смилуйся! Смилуйся!

Очень скоро его речь потеряла всякую связность, он нёс полную бессмыслицу. Пожиратель пришедший издалека неумолимо скользнул вниз, его щупальца коснулись головы жертвы, и похожие на ножи когти принялись за работу. Мэдисон издал единственный вскрик, вырвавшийся из его горла длинным пронзительным воплем агонии и отчаяния. Он разнёсся по пустынным холмам, словно ужасный человеческий набат, разбудивший жителей Гранбери в их постелях. Теперь ужасный захватчик из тех чуждых пропастей космоса, которые ни одна другая сущность не может преодолеть, поднялся с холма и скользнул обратно в холодные области предельной ночи.

Когда, примерно неделю спустя, поисковая группа нашла тело Мэдисона, то сперва предположили, что он замёрз насмерть. Но потом все увидели отверстия в его черепе. Врачи, проводив-

шие вскрытие, говорили неохотно, но, по слухам, череп выглядел так, будто его пронзила сотня стальных свёрл. И, когда они спилили верхнюю часть черепа, под ним не оказалось мозга. Все его части были словно высосаны из головы.

Перевод: А. Лотерман

Джесс Буллингтон
Сага о Хильде Ансгардоттир

Jesse Bullington «The Saga of Hilde Ansgardottir», 2011

От автора: *«Сага о Хильде Ансгардоттир», проистекает из давнего желания прикоснуться к самобытному стилю исландских саг, с которыми меня познакомила в детстве бабушка-норвежка. Слияние элементов разных фольк-лоров в нечто новое, очевидно, было тактикой, которую любил применять сам Лавкрафт. Таким образом, сочетание его Мифов со скандинавскими верованиями показалось мне забавным подходом к реализации задуманного. Что касается конкретики, то я хотел создать что-то, включающее в себя*

излюбленные темы Лавкрафта (вырождение и падение ин-дивидов/обществ/цивилизаций, ничтожность человечества в масштабах огромной вселенной, неспособность людей постичь реальность, сохранив здравомыслие, и т. д.) и при этом гарантирующее старику в гробу хорошенькую встряску (Ух ты! Женщина! Ах ты! Женщина инициативная*!) Хотя оставление Восточного поселения Гренландии на заре XV века, скорее всего, вызвано более приземлёнными причинами, чем представленные здесь, всегда же можно помечтать.*

1

Ансгар Гримссон был человеком многих славных дел, воителем, охотником, а также мореходом, и потому достоин места *ярла* в Гардаре, что на острове Гренландия. Ансгар потомком приходился Лейфу Счастливому, герою благородному, и правил в Браттахлиде, что на Эйриксфьорде, как его предки с той поры, как Эйрик Торвальдссон впервые приручил сей дикий край. Ансгар крепок умом, силён рукой, в поступках справедлив, и оттого-то, когда возник вопрос о проведении совета, давненько ведь не собирались вместе, правители ближних земель сочли достойным

Браттахлид, чтобы созвать в нём *альтинг*. Стекались люди знатные из Хвальсея, Ватнахверфи и даже Херьольфснеса, неся с собой богатые дары, но среди них пришёл и Волунд Друг Глубин, прокравшийся вверх по крутому склону Браттахлида, словно поджарый волк, желающий из сельбища похитить человека.

Волунду Другу Глубин не доверяли, поскольку остров, на западе которого он поселился, назвал «Хюмирбьярг», не в шутку утверждая, что именно оттуда великан Хюмир[53] отплыл на лодке вместе со старым богом Тором[54] для ловли Мирового Змея[55]. Не только речи о былых богах рождали к Волунду презрение и враждебность, ведь помнить прошлое — не грех, но слухи расползались по округе, что свято чтит отжившие устои, что истинного Господа не принял, что всё ещё колено преклоняет у алтарей языческих, молитвы вознося. Гораздо хуже то, что те, чьи лодки

---

[53] Примечания: 53

Хюмир — самый твердолобый из великанов в германо-скандинавской мифологии.

[54] Примечания: 54

Тор — бог грома и молний в германо-скандинавской мифологии.

[55] Примечания: 55

Мировой Змей (Ёрмунганд, Змей Мидгарда) — огромный морской змей в германо-скандинавской мифологии, выросший до таких размеров, что смог опоясать Землю и вцепиться в собственный хвост.

проходили близ Хюмирбьярга, когда на холод вод спускался сумрак, клялись, что слышали в тумане странный колокольный перезвон и песнопения, эхом звучащие в утёсах, взывающие не к старым богам людей и великанам, а к существам иным по именам, давно забытым или добрым христианам неизвестным.

Ни слова с приглашением на совет Волунд не получал, поскольку на Хюмирбьярге проживало не больше двадцати мужчин и вдвое меньше женщин, а это значит, что мало кто назвал бы его *ярлом*, но он услышал и пришёл, заставив истинных гренландцев чертыхаться при приближении своём. Ансгар был горд, силён, умён и не желал, чтобы шептались за спиной, что, мол, страшится он присутствия Волунда в совете, а потому того с радушием принял в зале. Ансгар наполнил кубок до краёв и Хильде, прекрасной дочери своей, велел гостю подать, но когда Волунд откинул капюшон плаща, явив лик, изменённый морем, она от потрясения эль пролила под ноги.

Многие взоры обратились на оружие, что было сложено у входа, ведь полагалось сдать меч и копьё, ступая в зал, и большинство из тех, кто называл себя мужчиной, уставилось на эль в кубках своих или на потолок, лишь бы не созерцать

облик Друга Глубин. Он не имел волос и бороды, а шрамы длинные тянулись по лицу, словно оставленные огненным бичом. Имели эти шрамы чёрный, а не белый цвет, и оказались пятнами желтушными покрыты. Не обратив внимания на разлитый эль, Волунд из-под плаща достал блестящую цепочку и деве преподнёс.

Она же повернула голову к отцу, отвергнув дар, и сей поступок обрадовал столпившихся мужчин, а Волунда разгневал. Протиснувшись мимо неё, прошёл к почётному он месту и сел напротив Ансгара, будто по приглашению. Собравшиеся запротестовали, и Ансгар готов был Волунда изгнать, однако взгляд упал на ожерелье, протянутое через стол Другом Глубин… на ожерелье, подобного которому не видели гренландцы. Ансгар совет утихомирил, властно взмахнув рукой, когда брал украшение.

То ожерелье была из металла, но не из золота или железа, а из чего-то явно между ними, и в свете очага оно сияло, словно морская пена на закате. По центру бивень маленький висел, украшенный такой резьбой, равной которой Ансгар не видывал за все те годы, что провёл в походах и торговле. Со всем вниманием глядя на узор, словно скользящий по слоновой кости, великий этот

человек, не ведающий страха ни в круговерти битвы, ни в волнах голодных, пожрать готовых опрокинутый корабль, ни в затянувшейся охоте, когда был выбор мал — добыть дичь или сгинуть в диких местах. великий этот человек, Ансгар Гримссон, вдруг испугался до глубины души без видимой причины. Подняв глаза от ожерелья, он уловил ухмылку на устах Друга Глубин и молвил, в сторону отбросив украшение:

Волунд, которого прозвали люди Другом Глубин,
Явился ты с прекрасными дарами
И среди нас с почётом принят был,
Однако за все прожитые годы
Не видел никогда я твоего лица.
Какая же причина у тебя сейчас к нам присоединиться,
На место претендуя, которое сам занял?

Не усмехался больше Волунд Друг Глубин и отвечал без вежливости должной, которую обязан проявлять:

Я прихожу, когда хочу, по праву своему.
Ведь я — правитель острова.
Никто не может в этом усомниться,
И время, наконец, пришло
Вернуться к истинным путям,

Древним путям,
Тем, что когда-то были
И обретутся вновь.

Тут люди, на совет пришедшие, до криков голоса возвысили, ведь каждый жаждал нечестивца на поединок вызвать и покончить с неуважением, ересью, безумием его. Ансгар опять заставил всех молчать, хотя махать рукой здесь было бесполезно. Он встал и громогласно к тишине призвал, а после Волунду сказал с улыбкой в бороде:

Волунд, кто друг глубинам, Но не *альтингу* и мне, Я вижу, ты и впрямь безумец, К тому же самонадеянный хвастун. Что скажешь, если встретимся с тобой На острове, лежащем в щите моря, Где мы покажем, кто владыка там И кто на Небесах.

Ибо не великан Хюмир, Не Ёрмунганд, Змей Мидгарда,
А истинный Господь повелевает сверху,
И Его именем я научу тебя,
Кто правит сей землёй.

А Волунд головой кивнул, как будто больно ему дальше говорить, и стал, словно ребёнку, объяснять:

Это не битва та, в которой победишь,

А лишь опять докажешь свою глупость.

Ибо зовут змея не «Ёрмунганд»,

А величают твои священники его «Дракон», Коверкая язык, который *они* называют древним. Ты его имя слышать недостоин,

Но есть под волнами и те, кто ещё глубже.

Ты склонишься или падёшь, И я…

Однако речь хвастливую не смог закончить Волунд, поскольку Хильда, дочь прекрасная Ансгара, ему на голову обрушила тяжёлый кубок, что в руке держала. Как и её отец, она была бесстрашной, дикой в гневе, но чтила свято старые обычаи — никто не ведал из собравшихся мужчин, что алтари языческие в тайне посещает, только не те, которые предпочитает Волунд и его народ. Она с рождения наделена даром провидческим, и потому давно уж следовало приглядеться к её второму зрению, а не ценить только за красоту, что требует богатый выкуп за невесту. Плюнула Хильда в Волунда, сбитого с места почётного, и под хохот совета над проходимцем, девой поверженным, произнесла суровые слова:

Тебя прозвали «Друг Глубин»,

Только кому нужна такая дружба?

Ты трус и дьявол,

Что хулит богов,

И над тобой мы посмеёмся дружно.
Хотя недолго в нашей памяти ты будешь,
Как и твои несчастные островитяне,
Живущие в пещерах подле моря,

Такие все ужасные на вид, что даже дети, Если они в ссоре, друг другу говорят, мол, *Словно ты с Хюмирбьярга*.

Волунд что-то изрёк на чуждом человеку языке и бросился бежать, прежде чем призван был к ответу, а тот бедняга, что попробовал злодея задержать, упал, и его шея обагрилась кровью. Тут люди поняли, что Волунд в зал оружие пронёс, и сразу все вскочили как один, в погоню бросившись, каждый из них надеялся живым доставить беззаконника к Ансгару, а сам Ансгар рассчитывал его сразить собственноручно. При свете полнолуния увидели они, как Волунд мчится по тропинке к фьорду, и следом ринулись. Но Волунд оказался слишком прытким, на всю их удаль и ярость невзирая, и первым кромки берега достиг. Его там лодка не ждала, и он нырнул в прохладу бухты, словно был месяц солнца[56], а

[56] Примечания: 56

Месяц солнца или месяц пастбищ — в древнеисландском календаре летний месяц, считающийся самым тёплым (приблизительно с третьей недели июня до третьей недели июля), когда стада перегоняли на горные пастбища.

не заканчивался сенокос[57]. Клялись мужчины многие, что рядом с Волундом Другом Глубин в воде присутствовали тёмные фигуры, когда тот удалялся в ночь, однако следом плыть никто не захотел и это проверять.

2

Гренландию постигший рок зол оказался и жесток, ибо ловиться рыба перестала от мыса Прощания до самой церкви Дирнса после той ночи, когда с позором изгнали Волунда Друга Глубин из зала Ансгара. Казалось, живность вся морская ушла из этих мест. А морж единственный, который отыскался от окончания сенокоса до месяца убоя[58], имел вид жуткой чёрной твари с зубами человека и щупальцами вместо бивней. Убил он Бьорнольфа Сноррасона, успевшего вонзить своё копьё, а следом подоспевшие охотники впоследствии божились, что детским голосом орал зверь, когда его рубили. Черней чем шкура

---

[57] Примечания: 57

Месяц сенокоса — в древнеисландском календаре летний месяц (приблизительно с третьей недели июля до третьей недели августа), когда траву скашивали и сушили.

[58] Примечания: 58

Месяц убоя — в древнеисландском календаре зимний месяц (приблизительно с третьей недели октября до третьей недели ноября), когда наступала пора убоя скота.

было мясо, зловонное и маслянистое, поэтому решили, что оставлять такое не к добру. Вернувши морю труп, поплыли восвояси и с тем не собирали больше охоту на моржей.

После вторжения Волунда Друга Глубин на *альтинг*, Ансгар Гримссон и люди из совета прождали ровно столько, сколько требовал обычай, а после облачились для войны и на Хюмирбьярг направились они. Но по прибытии увидели, что нет ни труса Волунда там, ни его народа, как нет и лодок, а остров сам заброшен, кругом лишь кучи мусора с бесчисленным количеством костей, где человеческие черепа преобладали. К тому же Снорри Кетильссон, друг детства Ансгара, заметил в приливных бассейнах нечто, похожее на алтари, однако даже в час отлива резные изваяния лежали слишком глубоко под ледяной водой, чтобы извлечь их и разбить.

Один бассейн таил в себе пещеру, и, опустившись на колени в попытке лучше рассмотреть, Ансгар узрел дверь деревянную, перекрывающую вход. Её усеивали символы и знаки, которые, казалось, мерцали и меняли положение своё, как на том странном ожерелье, что Волунд демонстрировал ему. Поклявшись сюда возвратиться в месяц пастбищ, когда достаточно прогреется во-

да, чтобы в неё нырнуть и изучить затопленную тайну, Ансгар вернулся в Брат-тахлид.

Новость о том, что Волунд Друг Глубин и его люди с острова сбежали, обрадовала всех, но лишь не Хильду Анс-гардоттир, которой всё казалось, что это предвещает великие невзгоды. Она была умна, как и отец, хотя ей больше ведома опасность насмешек над устоями старинными. И мать её, и бабка, и прабабка, и далее по материнской линии провидицами слыли немалой силы, пока таланты не пришлось им скрыть, когда мужья строжайше запретили к могилам припадать и на дорожных перекрёстках намёки на грядущее искать. Хильде не верилось, что лишь по глупости или безумию явился Волунд на совет, а после скрылся, забрав своих островитян. Когда же стало ясно, что море в эту зиму пропитания не даст, она вопросом задалась, какие тайны ведомы Другу Глубин и свято им хранимы.

Хильда ответа не могла найти ни в серых облаках, стремительно несущихся по небу, ни в истреблении воронов, что нависали над головой подобно туче грозовой, пока бродила по высокогорью, и перекрёстки словно онемели. Однажды вечером, когда отцу эль подавала, услышала она, как тот и Снорри Кетильссон план обсуждают

возвращения в прежние края, если не будет рыбы и моржей. Заслышав рассуждения о морских дорогах, она так призадумалась, что чуть не пролила напиток. Зная теперь, что нужно делать, Хильда едва рассвета дождалась и приказала доверенному своему рабу скрывать от всех как можно дольше весть о её отлучке. Затем она пустилась в путь на лодке небольшой, лишь задержавшись на холодном берегу, усыпанном камнями, чтобы обмазаться тюленьим жиром на случай, если в воду упадёт, ибо ходили слухи, что море сделалось уж слишком неспокойным.

Она стала грести вдоль Эйриксфьорда, что некоторое время должно было занять, но вдруг её течение подхватило, и дальше вёсла не пришлось мочить, чтобы спокойно к цели продвигаться по каменистому широкому каналу. Когда же солнце село, Хильда увидала, что бухта уступает место пустоте бескрайней, и потому причалила к скальной косе, служившей издавна стоянкой рыбакам. Сушёной олениной подкрепившись, попив воды из бурдюка, она легла на влажное холодное дно лодки. В ту ночь явилось ей видение. Сквозь страх она признала, что была права, отправившись на перекрёсток морских дорог.

Когда она глаза открыла, рядом сидел какой-то

человек. Ход времени остановился, а тусклый свет переполнял рыбацкие угодья. Не сразу Хильде удалось узнать Друга Глубин, ибо без шрамов выглядел обычным тот мужчиной, крепким и свирепо-бородатым. Он с ней заговорил, оскалив зубы. Узрев белые лезвия макрелевой акулы, сверкающие за его губами в сиянии луны, она внезапно поняла, что Во-лунд перед ней.

Оклеветала ты меня, дитя,
Безумцем объявив.
И вот сидишь ты в непогоду
Одна на Энгулфере.
Я жертву эту принял бы,
Если бы твой отец с целью такой
Тебя ко мне отправил.
Однако я покинул здешние места,
Ушёл дорогами морскими
Туда, куда мне надлежало плыть,
И пока следую путями грёз,
Как повелитель мой внизу,
Моих зубов тебе не стоит опасаться.

Услышав это, Хильда осмелела, ибо давно привыкла странствовать во снах и знала, что такой, как он, не может в сновидении навредить. Надеясь получить ответ, она спросила Волунда:

Куда сбежал ты, дьявол,

И почему, если достоин править,
То прячешься трусливо,
Вместо того чтобы потешить воронов
С моим отцом и его людом?
На *альтинге* ты выбрал ссору,
И на морские воды словно пала пелена.
Как снять проклятие твоё?
Внемли моим словам, седой зверь моря,
Что наблюдает издали,
И отвечай, иначе гнев познаешь мой.

Смех Волунда Друга Глубин напоминал скрежещущий звук лодки, что брюхом камни отмели скребёт. Он Хильде подмигнул, вставая и открывая наготу свою.

Обязан на твои вопросы я
Ответить — это правда.
Так знай же, дочь христианина,
Сродни убийце великанов,
Что я уплыл в Маркланд.

Когда ни ты, ни твой отец не захотели меня слушать, Я попытался отстоять наш край родной.

Но миром я не совладал
С Захватчиком Земель.
И он теперь возьмёт, что пожелает.

Если не поплывёшь ты дальше и не заглянешь глубже, Последняя надежда гибнущей Гренлан-

дии
Умрёт вместе с тобой.

3

Хильда Ансгардоттир узрела сразу, как проснулась, звезду дневную, взошедшую над фьордом, и, не теряя времени, верёвку отвязала от камня, послужившего причальным. Окинув взглядом водную равнину впереди и бухту Эй-риксфьорда позади, она задумалась, дальнейший курс свой намечая. Её частенько посещали различные видения, но прежде никогда так не была уверена она в том, что наделена даром провидческим, а не охвачена безумием. Если осталась хоть какая-то надежда родину спасти, то надо действовать, на риски невзирая. Однако лишь безумец бросит вызов морю на лодке вёсельной, и Хильда это знала. Она молитвы возносила *асам*[59] и Эгиру[60], гадая, слышат ли они, пока гребла волнам наперекор.

Внезапно обнаружила она, что некое течение

---

[59] Примечания: 59

Асы — основная группа богов в германо-скандинавской мифологии. Верховным богом и вождём асов является Один.

[60] Примечания: 60

Эгир — великан в германо-скандинавской мифологии, олицетворяющий спокойное море.

её несёт и держит, как ни старалась управлять судёнышком своим. Хильда едва весло не потеряла, пытаясь сбавить ход. По-настоящему забеспокоилась она, когда морской простор расширился безмерно, а берег скрылся где-то за спиной. Столь же нежданно, как и увлекло, течение замедлилось и отпустило лодку. Исчезли волны, и теперь, насколько можно было видеть, поверхность стала ровной, словно замёрзший пруд.

Тут Хильда поняла, что очутилась на перекрестии морских дорог. Она глаза закрыла, как часто делала на перекрёстках родной Гренландии, и разуму позволила блуждать, где пожелает. В руке она держала то ожерелье, что Волунд в дар принёс и на столе её отца оставил… то ожерелье, что тайком взяла, пока совет преследовал Друга Глубин вне зала. Хильда сидела и ждала. Довольно скоро к ней пришло оно, видение, заставившее лодку закачаться так, что полетели брызги. Сама же Хильда оцепенела от того, что ей открылось.

Она улицезрела вновь Волунда Друга Глубин. Он находился в Маркланде, той западной земле, которую исследовали предки Хильды и не нашли пригодной, прежде чем в Гренландию вернуться. Там Волунд и его народ в тёмном лесу битву вели со странными людьми, похожими на северян,

что продают гренландцам шкуры медведей белых. Те безбородые враги, не пользуясь мечами, сражались как берсерки. Откуда-то известно было Хильде, что чужеземцы поклоняются некой голодной твари, живущей в небесах, и ненавидят Волунда вкупе с его глубинным богом. Даже не успев понять, кто побеждает, она назад помчалась по волнам, а после — под волнами, чтобы увидеть днище лодки, покачивающейся посреди бескрайней черноты морской. Она пришла в себя с уверенностью жуткой, что кто-то снизу смотрит на неё.

Лодка опять пришла в движение, однако Хильда не торопилась открывать глаза, ибо прекрасно понимала, что сделать это означало бы себя навечно потерять — бурлящий звук воды, отхлынувшей в холодном воздухе, являлся явным признаком того, что на поверхность всплыло нечто гораздо большее, чем сам конь-кит[61]. Она успела повидать много такого, что угнетает разум, не добавляя к этому железной тяжести безумия, давящего на череп в стремлении оставить трещины, где только можно. Лодка неслась быстрее и быстрее, пока не стала прыгать по

[61] Примечания: 61

Конь-кит — морское чудовище с головой коня и телом кита в германо-скандинавской мифологии.

волнам как плоский камень, великаном ловко брошенный, но Хильда не смотрела всё равно. Потом донёсся звук разверзшейся воды, словно в неё упала ледяная глыба. Мгновение тишины, затем нос лодки наклонился вниз, а днище во что-то твёрдое со скрежетом упёрлось. Почувствовала Хильда, как желудок взбунтовался, когда её вперёд швырнуло, и, вопреки желанию незрячей оставаться, глаза сами собой открылись.

Закат уж наступил. Скалистый остров перед Хильдой возвышался. Лодка её стояла на краю приливного бассейна: корма слегка покачивалась в воздухе прозрачном, а нос опущен под углом к воде. Недоумённо оглядевшись, Хильда приметила пещеру в одной из стен бассейна. Дверь закрывала вход, что очень удивило. Дверное полотно изображения покрывали, прекрасно видимые, на расстояние невзирая. То, что предстало перед взором Хильды, пронзило мозг сильнее, чем любой ночной визит, рождённый вторым зрением, и потому, будь меньше хладнокровия в ней, она бы даже отвернулась с отвращением.

Она ещё не надивилась, что в таком месте очутилась, как дверь внезапно распахнулась, жадно заглатывая воду. Прежде чем Хильда успела закричать от страха или издать клич боевой, бросая

вызов, лодка её вперёд качнулась резко, с края бассейна сорвалась и устремилась вниз палым листом, по мельничному жёлобу скользящим. Лодчонка снова налетела на что-то твёрдое, сухое, когда дверной проём прошла. Хильда сумела только изумиться, что по ту сторону светлее, чем снаружи, как дверь захлопнулась за ней.

Ансгар Гримссон оплакивал родную дочь, когда не возвратилась та, и приказал раба повесить за то, что видел, как она уходит утром злополучным, но сообщать не торопился, хотя в тот просвещённый век такие наказания применялись редко, разве что к убийцам подлым. Ансгар так горевал, как мало кто горюет из отцов, ибо подозревал, что сам отчасти виноват в её исчезновении. Будь даже добрым год, зима его бы омрачила, ведь море бушевало сильно, а дичи становилось меньше, и чувствовал весь остров скорбь отцовскую о дочери пропавшей. В разгар зимы суровой, когда настал месяц барана[62], Хильда Ансгардоттир вернулась в отчий дом, что в Браттахлиде.

Есть два сказания о том, какой удел был Хиль-

---

[62] Примечания: 62

Месяц барана — в древнеисландском календаре зимний месяц (приблизительно с третьей недели декабря до третьей недели января), который местные жители считали лучшим для спаривания скота, чтобы получить весной приплод.

дой принесён гренландцам, но оба сходятся по поводу того, что та пришла не трупом из морской пучины, не ангелом из глубины небес, а появилась прямо из скалы во фьорде, подобно гному из старинной песни. Зелёная кольчуга защищала грудь и спину, сияя даже в темноте ночной. Похожий шлем плотно сидел на златовласой голове. В руке держала Хильда меч, сродни которому не видывали со времён легенд, — огромный, с лезвием зазубренным, сплошь в рунах, извилистых и чёрных, как шрамы свежие, что её руки и ноги покрывали. Едва лишь из пещеры выбравшись, она направилась в зал своего отца, но страшный меч сдавать не пожелала, опасным золотом сверкнули вдруг глаза, когда забрать его при входе попытались. Вот тут-то и расходятся сказания. Мы же последуем за дочерью того, кто ожерелье отринул, к достойному концу, который дарят ей певцы, вот с этой речью пламенной перед народом Браттахлида:

Я прорубила себе путь сквозь ад неведомый
И побывала там, куда мне надлежало плыть.
Я видела тьму Бездны
И то, что Волунд называет «друг».
Сзывать совет — лишь время потерять,
Ибо Они уже идут через пещеры, которыми я

шла, И надвигаются по морю, жестоко нас предавшему.

К оружию, доспехам, сплочению рядов и удали в бою!

Пусть наши луки в воздух тучи стрел поднимут,

Удары копий будут ярости полны!

Ансгар Гримссон и Снорри Кетильссон поверили на слово Хильде: живая или нет, но боевой огонь в глазах и шрамы, испещряющие плоть, свидетельствовали о воителе великом. Итак, они готовились к сражению как могли. Однако и луна, спешащая по небосводу, не собиралась ждать, и Враг шёл по волнам быстрее, чем Хильда по тоннелям потаённым. Предупреждённые мужчины Браттахлида были во всеоружии, когда из моря вышла склизкая орда, но не успели известить людей Хвальсея, Ватнахверфи, Херьольфснеса. В местах тех не осталось и следа ни от домов, ни от кораблей. Останки человеческие, разбросанные по полям побоищ, не тронули ни волки, ни орлы, хотя голодное стояло время года.

А в Браттахлиде же не утихал стальной бушующий поток, даже когда ночь дала дорогу дню, а тот сменился ночью. Первыми пали те, кто вынести не смог лика Врага, ибо спасения искали

в молитве или бегстве, а длинные щетинистые жала, подобные мрачной насмешке над копьями людей, пронзали груди им и спины. Приятели, что на пирах одну скамью делили, в героев превращались и умирали друг у друга на глазах. Волна чудовищная не отступала и не прерывалась, нахлынув на крутые склоны Браттахлида. Воин за воином падали гренландцы, а Бездна выше поднималась в попытке это место захватить. В конце концов, когда луна опять взошла, Ансгар и Хильда плечом к плечу сражались, затем спина к спине, стоя на груде соплеменников убитых, где уровняла смерть рабов и их хозяев. Свет исходил лишь от доспехов Хильды и её меча, а также от зелёных вражьих жал.

Как бы там ни было, но на рассвете дня второго бой постепенно стал стихать. К полудню же дочь и отец отбросили Врага к морским утёсам. Однако только с наступлением темноты уродливые твари, что не похожи на людей, на троллей или эльфов, удрали в свои логова глубинные. Тогда упал Ансгар на землю, истекая кровью из двадцати десятков ран. Он, умирая, дочь умолял взять всё, что сможет, и бежать в высокогорье, пока Враг снова не напал. Но вместо этого Хильда Ансгардоттир костёр сложила погребальный для

отца и всех погибших в Браттахлиде. Когда же очередная ночь настала, последняя гренландка спустилась в ту пещеру, откуда лишь недавно поднялась, намереваясь уничтожить затонувший храм Глубин. И не осталось никого, кто мог бы рассказать, вернулась ли она.

5

Другие люди поют иную песню о Хильде Анс-гардот-тир. Она не всякому известна, хотя по ней легко узнать Врага, пусть даже с человеческим лицом и золотыми волосами. Враг говорил устами Хильды в отцовском зале, куда явилась та с острым мечом в руке, такие вот слова:

Когда сей зал падёт,
Я не позволю ему рухнуть снова,
Ведь мы пойдём дорогами морскими.
А первый, кто шагнёт против меня, Лишится жизни, не успев и вскрикнуть.
Я странствовала по неведомым местам
И побывала там, куда мне надлежало плыть.
Я видела тьму Бездны,
Где под великой толщей вод лежит отец,
Владыка грёз,
Что мир творит во сне.
Первым, кто шагнул против неё, был сам Анс-

гар, и зарубила она своим странным клинком отца родного. Хильда сражалась и победила всех, кто вышел супротив, им шанса не давая. Её лицо было таким свирепым, что не осмелился никто вопросы задавать. Пал первым Браттахлид, но не быстрее многих. Когда же месяц выгона ягнят[63] настал, Гренландия уже умылась кровью или пала ниц; единственный корабль, что из Хвальсея вырвался, не смог преодолеть морские волны, внезапно вздыбившиеся выше скал, и разлетелся в щепки, брошенный на камни. Все те, кто покорились воле злой, направились к утёсам, держа младенцев на руках. Они зажгли светильники, наполненные жиром человеческим, и под бесчувственной луной последовали за Хильдой Ансгардоттир в пещеру, откуда та явилась. И не осталось никого, кто мог бы рассказать, вернулись ли они.

Перевод: Б. Савицкий.

---

[63] Примечания: 63

Месяц выгона ягнят — в древнеисландском календаре летний месяц (приблизительно с третьей недели мая до третьей недели июня), когда ягнят отлучали от матерей, формировали стада и подготавливали к перегону на горные пастбища.

Дональд Бурлесон
Ночной автобус

Donald R. Burleson «Night Bus», 1985.

Этот рассказ из антологии «Acolytes of Cthulhu», 2000 года издания. Вот только ничего общего с Мифами Ктулху данный рассказ не имеет.

Впервые на русском языке.

Я ждал свой полуночный автобус до Братлборо в безымянном городе на севере Вермонта, на одной из тех типичных, небольших, ветхих автобусных станций, которые ночами усиливают чувство депрессии у одинокого путешественника. Здесь всегда присутствуют необщительные билетеры с унылыми глазами; под голыми лампочками стоят полки с растрёпанными журналами и бульварными газетами; на таких станциях всегда грязные полы, и чувствуется слабый запах мочи и пота. Воздух был неподвижный и сырой; я стоял со своим чемоданом посреди людей, не поддающихся описанию, и вздыхал, всматриваясь в

настенные часы над билетной кассой. Казалось, что стрелки часов замёрзли. Я почувствовал облегчение, когда, наконец, увидел, что к станции подъехал мой автобус. Я пошёл к нему, показал свой билет водителю, и забрался внутрь. В автобусе уже было много пассажиров, однако я смог найти свободное место на правой стороне, ближе к задней двери, и никто не занял сиденье рядом со мной. Я откинулся на спинку кресла, помня, что никогда не мог заснуть в автобусе, но надеялся немного отдохнуть во время четырёхчасовой поездки, хотя и предвидел, что она непременно будет прерываться остановками на других унылых, маленьких терминалах. Вскоре автобус выехал со станции, и тёмные, низкие холмы заскользили в ночи за окном; они проносились мимо словно аморфные, недолговечные мысли.

Я растянулся в кресле и попытался расслабиться. Но едва автобус выехал на основную дорогу, как водитель внезапно снизил скорость и остановился, чтобы подобрать отстающего человека, который ждал на обочине. Я мог разглядеть только смутный силуэт, когда этот тип возился с кошельком, чтобы заплатить водителю, а когда автобус тронулся с места, он стал пробираться между кресел. Он много раз останавливался, но к

моему неудовольствию, наконец, выбрал свободное кресло рядом со мной и плюхнулся в него.

Беглые взгляды краем глаза в темноте не дали мне благоприятных впечатлений от этого нового попутчика. А моё чувство обоняния не обещало ничего хорошего. Он, казалось, был изможденным, пожилым человеком, хотя я не мог ясно видеть его лицо, а его одежда была изодранной и заплесневелой. Он источал запах, который я счёл трудным для определения, но решительно неприятный. И это впечатление всё росло, поскольку минуты тянулись и тянулись. У меня было смутное чувство, что старик страдает от какой-то непонятной и отвратительной болезни, и эти подозрения не уменьшились, когда он закашлял с каким-то липким, булькающим звуком, от которого меня бросило в дрожь. Когда я размышлял над перспективой долгой ночной поездки рядом с этим отталкивающим компаньоном, моё настроение стало совсем мрачным.

Через некоторое время я успокоился, разглядывая в окно тёмные, куполообразные холмы, проплывающие мимо. В путанице своих мыслей я почти забыл о старике, хотя его оскорбительный запах всё ещё был так силён, что я старался не дышать глубоко и удерживал своё лицо повёр-

нутым вправо. Я делал бы так даже если бы не сидел возле окна с ночной темнотой за ним. Но я был резко возвращён в сознание, когда случилось то, чего я подсознательно боялся — старик действительно заговорил со мной:

— Собираюсь встретить свою жену как раз на этой стороне Акеливилла.

— Хм, — ответил я, слегка кивнув головой, пытаясь передать такой тон речи, который не показался бы грубым и в то же время не особо располагал бы к дальнейшей беседе. Его голос обладал омерзительным, жидким свойством, почти похожим на полоскание горла. Повернув свою голову, чтобы взглянуть на этого человека под редкими вспышками фар проезжающих мимо автомобилей, я получил отнюдь не успокаивающее впечатление. Его лицо, даже при беглом осмотре, казалось, имело странный серый цвет; ощущение его нечистоты усиливалось до омерзения от вида его губ — оттянутых назад, так что были видны его гнилые зубы. Глаза этого человека были пусты и тупо смотрели на меня из глубоких, темных глазниц. Лицо его мало чем отличалось от посмертной маски, и когда пассажир через два сиденья впереди от меня включил индивидуальную лампочку над своей головой, я вздрогнул,

увидев при тусклом свете, как у старика, сидящего рядом со мной, из глаз брызнула жёлтая жидкость, похожая на гной. Меня снова затрясло; я чувствовал, что почти задыхаюсь от близкого присутствия этого отвратительного привидения, и только странное оцепенение мышц не давало мне тут же подбежать к водителю и потребовать остановить автобус, чтобы я мог покинуть салон.

Время, казалось, тянулось бесконечно, и краем левого глаза я видел, что старик время от времени бросал на меня взгляды. Пока проходили минуты, зловоние соседа стало почти невыносимым. Мне в голову пришла мысль, что пассажиры вокруг нас, возможно, спят, и поэтому не чувствуют отвратительного зловония. Но оставался вопрос: тот человек впереди, что включил лампочку, тоже ничего не ощущает? Когда я изо всех сил пытался воспрепятствовать гнусному запаху вторгаться в мои ноздри, я всё же не мог не думать о том, что этот запах напоминает; и постепенно пришёл к мысли, что он очень похож на разложение органики — на гниющее мясо, которое завалялось на кухне.

— Послушайте.

Слово достигло меня со свистящим напором вонючего дыхания, от которого меня чуть не

вырвало. Я повернулся к старику с крайним нежеланием смотреть на него, когда он заговорил снова:

— Мы подъезжаем к Акеливиллу. Я пожелаю вам доброй ночи через одну-две минуты.

Я устало улыбнулся, надеясь, что старик не заметил как я облегчённо вздохнул. Затем, поднимаясь со своего места, он обратился ко мне в последний раз, и от его слов меня пробрал ужас до самых костей.

— Вы *знаете* меня, не так ли? Что ж, это правда — я не похож на вас, молодой человек. Вы *всё ещё* среди живых. Но всё не так плохо — моя жена похожа на меня. Её тело позволяет ей не страдать от одиночества.

Когда он повернулся, чтобы встать в проходе, при быстрой вспышке бледного света я увидел как старик царапает свою щеку чешуйчатой и зловонной рукой, и куски плоти эластично отрывались и отлетали от щеки, поскольку его пальцы, казалось, проскальзывали внутрь лица. Мне тогда, должно быть потребовалась вся сила духа, чтобы удержаться от рвоты, но я только стонал, когда старик повернулся и пошёл между кресел к передней части автобуса. Он жестами стал объяснять водителю, что хочет здесь выйти.

Когда автобус изрыгнул это отвратительное существо, я заметил ещё одну фигуру, — женщину, ожидающую старика на обочине дороги. Её освещали слабые огни автомобилей, которые остановились позади автобуса, очевидно неспособного совершить разворот из-за машин на встречной полосе. Женщина была такой же изодранной, как и мой сосед, её лицо также напоминало посмертную маску, которая с тех пор навсегда врезалась в мою память. Когда автобус, наконец, тронулся с места, старик с женщиной омерзительно обнялись, смеясь при этом как мертвецы, а затем ночь снова поглотила их. Но по воле небес я не отвёл от этой парочки свой взгляд на несколько секунд раньше. И тогда в темноте я, возможно, не заметил бы…. О, Боже, я, возможно, не заметил бы!

Я не должен был заметить, что женщина, при всей её смертельной ужасности, была, очевидно, на восьмом или девятом месяце беременности!

Перевод: А. Черепанов

Уильям Берроуз

Ветер умирает. Ты умираешь. Мы умираем

William Burroughs «Wind Die. You Die. We Die», 1968.

Под тусклой луной и тусклыми звездами я спустился к месту у моря, где несколько ночей назад занимался любовью с девушкой. Откуда ей знать, что ее романтичный любовник средних лет на самом деле педераст без гроша в кармане, с трудом справляющийся с мужской ролью. «Хоть что-то лучше, чем совсем ничего», — скверный подход к сексу. Я стоял слушая шум моря в нескольких сотнях футов внизу у подножья крутого склона, чувствуя ветер на лице и вспоминая ветер на наших телах, ветер, означающий жизнь в Пуэрто-де-лос-Сантос. Los vientos de Dios, Ветра Господни, сдувающие москитов, зловонные туманы и запахи болот. Ветра Господни прогоняющие больших серых тарантулов и ядовитых змей из бухты. У местных есть поговорка: «Ветер умирает. Ты умираешь. Мы умираем». Я знал, что это может случиться. На самом деле я написал работу, в которой доказал, что области низкого давления

неумолимо сдвигаются к востоку и что Ветра Господни скоро должны погибнуть. Мой доклад не пришелся по душе местным чиновникам, озабоченным строительством нового аэропорта и чартерными рейсами из Майами. Они убеждали друг друга, что американские туристы с кучей денег приедут насладиться Господними Ветрами, сухим и ароматным морским ветром, круглые сутки поддерживающим великолепную температуру.

— Вот если бы нам пришлось бороться с коммунистами, — печально говорили чиновники. — Тогда мы уж точно получили бы деньги от американцев.

Где-то вдалеке в саду виллы лаяла собака. Я повернул и пошел назад по пустынной дороге к морю под тусклой луной и тусклыми звездами.

Отсутствие коммунистов сыграло решающую роль, и авиакомпания заключила соглашение с кем-то другим. Затем зловещее предзнаменование катастрофы коснулось Пуэрто-де-лос-Сантоса. Ветра Господни умирали. Вот уже весь иностранный квартал опустел. Бассейны полны застоявшейся дождевой воды. На заброшенных рынках больше не развеваются яркие ткани, чеканка не раскачивается по воле Господних Ветров. По-

купателей почти нет и пальцы, перебирающие сувениры, желты и вялы от лихорадки. Москиты вернулись, смердит болото, появились волосатые тарантулы и ядовитые змеи. Пуэрто-де-лос-Сантос умирает.

В своей нью-йоркской квартире я вспоминаю этот морской городок. Влюбленные, испугавшись москитов, пауков и змей, больше туда не поедут. Темнеет, и я стою перед окном, глядя на огни Нью-Йорка. Этот город тоже погибнет. Помните, как пропало электричество несколько лет назад? Объяснение мало кого удовлетворило, а меньше всех меня. На самом деле я написал исследование, доказывающее что за счет обратного движения магнитных потоков на Восточном побережье больше не будет производиться электричество. Мою работу положили под сукно в Вашингтоне. Люди не хотят слышать такое. Я знаю, что через несколько лет Великий Белый Путь навсегда потемнеет. Вижу, как тьма наползает на обреченный город. Но раньше чем это случится, я окажусь в другом месте и наверняка буду писать новый доклад, который тоже не понравится местным властям. Я стою у окна и вспоминаю ветер на наших телах шум моря смутные дрожащие далекие звезды…

«Ветер умирает. Ты умираешь. Мы умираем»

КОНЕЦ.

Я перевернул страницу, и на меня с яркой картинки взглянуло существо с отвислыми кожаными грудями, клешнями на передних лапах и скорпионьим хвостом. У них женская грудь, жало скорпиона и острые зубы! Они прибывают бесчисленными полчищами и нападают!

ПОЛЗУЧИЕ ТВАРИ

Томми Вентворт, помощник пекаря, возвращался с работы на велосипеде. Он жил в нескольких милях от города и проделывал этот путь дважды в день. Возле Сент-Хилла он услышал необычный звук вроде клацанья множества кастаньет. Он остановился и прислонил велосипед к дереву. Сент-Хилл, названный так в честь местного святого, победившего дракона, был скрыт деревьями, плющом и буйными зарослями. По выходным Томми и его друзья собирали здесь ягоды. Теперь звук стал еще громче. Что это может быть? Треск, точно целая толпа продирается сквозь заросли. Словно какая-то армия. Он прошел вперед и раздвинул ветки. Несколько минут спустя он уже рассказывал все недоверчивому констеблю.

— Так говоришь женщины с болтающейся грудью идущие на передних ногах? Жала скор-

пиона и острые зубы, так? А ты не заглянул в «Лебедь», пропустить пару пинт, а? — Констебль подмигнул.

— Но говорю вам: я их видел! Они идут сюда!

Констебль перевел взгляд. В дверях с ружьем подмышкой стоял полковник Саттон-Смит.

— Констебль какие-то чудовища приближаются к деревне. Нужно созвать всех здоровых мужчин от четырнадцати до семидесяти лет с любым оружием, которое у них найдется. Пусть собираются на лугу Сент-Хилл.

Констебль побледнел.

— Вы говорите чудовища сэр? Вы видели их сэр?

— Да, в бинокль. Они доберутся до деревни примерно через четверть часа. Надо спешить.

Констебль открыл ящик и вытащил старый «Бульдог Уэбли», 455-го калибра. Оглядел с сомнением.

— Вряд ли он будет стрелять после стольких лет сэр… где-то должны быть патроны.

Полковник повернулся к Томми.

— А ты мальчик мой садись на велосипед и оповести всех к востоку от дороги до фермы Шелби. Скажи мужчинам, чтобы брали оружие какое найдут и собирались на лугу. Женщины

и дети пусть запрутся в домах. Мы с констеблем прикроем с запада. Не теряй времени.

Десять минут спустя тридцать перепуганных мужчин и мальчишек стояли на лугу, вооруженные ружьями, топориками, стальными прутьями, мясницкими ножами и камнями. Фонари заливали Драконье озеро оранжевым светом. Ведра с бензином стояли наготове, чтобы сжечь чудовищ.

— Вот они! — крикнул Томми.

— Выстраивайтесь каре, — приказал полковник. Он поднял ружье.

— Мистер Андерсон сейчас вас примет. Будьте любезны сюда, мистер Сьюард.

Неохотно я отложил журнал и пошел за ней по длинному коридору. Забавные вещи можно отыскать в старых журналах. «Ветер умирает. Мы умираем. Ты умираешь». Довольно захватывающе на самом деле… Тиресий средних лет, путешествующий со своим непопулярным исследованием, проводящий время в публичных библиотеках, зарабатывающий на жизнь сочинением фантастики для макулатурных журнальчиков… и неплохие рассказы к тому же… смутное ночное небо участок у моря тень отсутствующей девушки… это легко представить…

любопытно, что я тоже пришел сюда произнести слова предостережения, предостережения, которое, уверен, не примут во внимание. Но надо выполнять свой долг. Мне не хотелось оставлять полковника навеки застывшим с ружьем на плече. Возможно, удастся прихватить журнал на обратном пути. Сомневаюсь. У секретарши холодный цепкий взгляд. Она открыла дверь.

Мистер Андерсон был сух и нелюбезен.

— Чем могу служить мистер Сьюард?

— Мистер Андерсон читали ли вы мой трактат о возможности воспроизводства вируса вне клетки-носителя?

Мистер Андерсон сразу смутился.

— Нет боюсь что нет.

— Трактат имеет теоретический характер разумеется. Но я пришел сюда не для того чтобы обсуждать теории мистер Андерсон. Я пришел предупредить вас что воспроизводство вируса вне клетки-носителя уже началось. Если не будут приняты чрезвычайные меры немедленно… меры столь чрезвычайные что я не решаюсь вам сказать в чем они могут заключаться… если эти меры мистер Андерсон не будут приняты в течение максимум двух лет все мужское население этого района сократится до…

— Мистер Кепвелл сейчас примет вас, мистер Бентли. Будьте любезны сюда пожалуйста.

Неохотно я отложил журнал и пошел за ней по большому залу. Неплохая идея. История о том как кто-то читает рассказ о ком-то читающем рассказ о ком-то читающем рассказ. Возникло странное чувство, что я сам появлюсь в рассказе и что кто-то прочитает обо мне читающем историю в какой-то приемной. Пока я шел за ней по коридору слова которые я прочитал стали сдвигаться у меня в голове по своей воле словно это было… неуклонно сдвигаться к месту у моря… в отдалении собака лаяла из… этого места… заброшенный бассейн у подножья крутого склона… сад виллы… яркий ветер на опустевших рынках… наши тела отраженные… чеканка крутящаяся по воле Господних Ветров… В «Лебедь», пропустить пару пинт а? На следующей странице меня ожидали его кожаные груди… Смит Две Клешни стоял в дверях… Она не знала что ее педераст без гроша в кармане готовился повсюду… громче теперь звук чего-то навсегда… До чего именно будет сокращено мужское население района и какие «чрезвычайные меры», предлагал мистер Сьюард чтобы предотвратить сокращение? Возможно, удастся выпросить журнал у секретарши. Я чуть

не рассмеялся от мысли что в конце концов мне придется трахнуть ее под тусклым ночным небом на берегу моря. Она повернулась и озарила меня улыбкой открывая дверь. Улыбка означала: «Желаю удачи. Он редкая сволочь». Так оно и было. Он смотрел словно пытался разглядеть мое лицо в телескоп.

— Да мистер эээ Бентли. — Очевидно он подозревал что я использую вымышленное имя. — Чем могу быть полезен?

— Мистер эээ Кепвелл чем вы можете быть полезны вашему собственному отражению много раз стертому конечно или другими словами что касается предмета ошибочности как часто в целом вы ошибаетесь?

— Боюсь я не вполне вас понимаю мистер Бентли.

— В таком случае поясню. Но сначала позвольте спросить принимали ли вы конкретные простейшие меры учитывая постоянно повторяющиеся раздражения первоначального вируса? Например, если чихнуть один раз это проходит без последствий в то время как если чихнуть тысячу раз подряд это может оказаться смертельным… обычная простуда мистер Кепвелл необычна на самом деле в этом климате и по этой причине

покинете ли вы Панаму и вернетесь ли в Нью-Йорк — ваш долг знать а мой сообщить вам как будто это невидимый спутник в путешествии с особенно прискорбными и могу добавить разносторонними склонностями. Нет мистер Кепвелл это не коммунистический заговор. Это просто зеркальное отражение такого заговора много раз стертое и очевидное для вас потому что вы убеждены что это так. Вы знаете конечно что это обычная профилактическая мера убить корову пораженную ящуром и что разумная корова не будет сопротивляться этой процедуре если этой корове внушили соответствующее представление об обязательствах по отношению к бычьему сообществу в целом. Я ответил на ваш вопрос мистер Кепвелл?

Когда смотришь на курносый 38-й калибр видно пулю в глубине ствола. Это забавное ощущение много раз стертое.

— Мисс Бленкслип сейчас вас примет, мистер Томлинсон.

— С вашего позволения меня зовут Томпсон.

— О да мистер Томпсон будьте любезны следуйте за мной… Это в восточном крыле… Я проведу вас через охрану.

— Я правильно вас понял — мисс Бленкслип?

— Да она так и не вышла замуж, — сказал мальчик. — Говорят, у нее была большая любовная драма много лет назад в другой стране и кроме того ее нынешнее состояние делает супружество любопытной но маловероятной возможностью.

Мы шли по тому что напоминало заброшенную казарму или концлагерь… ржавая колючая проволока, бетонные траншеи и надолбы заросшие сорняками и плющом. Кое-где на бетоне осталась копоть давнего пожара. Мы прошли три поста охраны — мундиры расстегнуты, ржавые револьверы в кобурах позеленели от плесени. Они пропускали нас помахивая безжизненными желтыми пальцами. Кислый гнилостный смрад несвежей плоти и пота туманом повис в казарме.

— Запах по-прежнему остался. Понимаете, ветра не было с тех пор как…

Темнело. У меня возникло забавное ощущение, что я смотрю на самого себя сзади с расстояния в три фута. Много лет назад я изучал нечто, называвшееся, кажется, сайентологией. Словно через телескоп с большого расстояния я смог прочитать следующее: «Иными словами, два предмета из любой категории, расположенные друг против друга. Группируя, мы подразумеваем, конечно,

что они стоят так сами по себе, словно их установил кто-то другой, кто-то другой, стоящий против кого-то еще, и все они установлены другими наблюдающими за другими». Зеркала, поставленные друг против друга передразнивают каждую пару, поставленную здесь следующим в очереди. Мы подошли к берегу бурого озера, озаренного карбидными фонарями. В неглубокой воде я разглядел крабовидных рыб, время от времени появлявшихся на поверхности и выпускавших пузыри застойной болотной вони. Странно раздутые уродливые деревья. В этом заброшенном месте собралось несколько оборванных солдат больных и грязных. Один вышел вперед и вручил мне старый «Уэбли», 455-го калибра. Офицер с ржавой спортивной винтовкой в руке отдал мне честь. Мы стояли перед чем-то вроде заброшенной казармы. Секретарь обернулся к нам с видом ярмарочного зазывалы:

— А теперь ребята проходите сюда вы увидите самое удивительное самое потрясающее чудовище всех времен. Когда-то она была прекрасной женщиной.

Он отпер дверь и мы вошли. Невыносимая странная вонь опалила легкие вцепилась в желудок. Несколько солдат проблевались в вы-

цветшие платки. В центре пыльной комнаты стояла окруженная проволокой кабина, в которой что-то медленно шевелилось. У меня дико закружилась голова.

— Ты! Ты! Ты!

Это был конец строки.

Перевод: Д. Волчек

Джин Вулф
Владыка царства

Gene Wolf «Lord of the Land», 1990.

Небрасец тепло улыбнулся и размашисто всплеснул правой рукой.

— Да, конечно, именно такие вещи меня в первую очередь и интересуют, — сказал он. — Расскажите, мистер Тэкер, будьте так добры.

Все это было для того, чтобы отвлечь внимание Хопа Тэкера от левой руки небрасца, которая нырнула в левый карман пиджака и включила потайной диктофон. Микрофон был пришпилен к обороту лацкана, коричневый проводок почти невидим.

Возможно, старик Хоп в любом случае не возра-

жал бы. Старик Хоп был не из робких.

— Н-ну, — начал он, — давно было дело, мистер Купер, так я слышал. Где-то при моем прадеде, а то и раньше.

Небрасец ободряюще покивал.

— Эти трое парнишек, у них был старый мул, воронам на обед. Один был полковник Лайтфут — тогда, конечно, никто еще не называл его полковником. Другого звали Крич, а третьего… — Старик умолк, почесывая жидкую бороденку. — Нет, не помню. Раньше помнил. А ладно, само всплывет, когда никто уже не захочет слушать. В общем, его-то мул и был.

Небрасец снова кивнул:

— Трое молодых людей, верно, мистер Тэкер?

— Точно, и у полковника Лайтфута как раз был новый ствол. А у третьего — он был кореш моего деда, что ли, — была вообще лучшая в округе пушка, ну, так говорили. А Лейбан Крич сказал, что и он умереть не встать какой меткач, в общем, тоже за ружьем сбегал. А, так это ж его мул и был-то. Теперь вспомнил… Короче, вывели они этого кабысдоха в поле и поставили шагах в полусотне от кустов. Ну, как положено. Крич пальнул и засадил скотине прямо в ухо, тот сразу с копыт долой, лежит и не дергается. А полковник

Лайтфут достал тесак и вспорол ему брюхо, ну и они засели втроем в кустах, ждать ворон.

— Понятно, — сказал небрасец.

— Они, значит, наладились стрелять по очереди и вели счет. И вот уже начало темнеть, полковник Лайтфут с его новым ружьем и этот третий парнишка с призовым стволом шли вровень, а Крич отставал на одну ворону. Всего там ворон в овраге было, наверно, под сотню. С воронами же как — думаешь, одну подстрелишь и сразу еще прилетят? Хрена лысого! Они смотрят и мерекают: «Оба-на, приятель-то нарвался. Нет уж, я туда ни в жизнь, благодарю покорно».

— Соображают, — усмехнулся небрасец.

— Хе, историй про них навалом, — сказал старик. — Ага, спасибочки, Сара.

Его внучка принесла два высоких стакана лимонада. Затем помедлила на пороге и, вытирая руки о передник в красно-белую клетку, с робкой тревогой покосилась на небрасца, прежде чем вернуться в дом.

— Тогда-то этих всяких лизалок и в помине не было, — сказал старик, тронув кубик льда в стакане костлявым и не очень чистым пальцем. — И когда я был мальцом, тоже не было, до Ти-ви-

эй[64]. Нынешним-то если скажешь: «Ти-ви-эй», подумают, о канале каком речь. — Он махнул своим стаканом. — Я тоже иногда смотрю.

— Телевидение, — подсказал небрасец.

— Ну да. Вон когда Бад Бладхэт к праотцам отправился, вот уж была жара так жара. Вам такого и не снилось, мистер Купер. Птицы все раззявили клювы, летать ни-ни. У нас, помню, в один день два борова окочурились. Папаша все думал хоть мясо спасти, да куда там. Говорил, они как будто еще на ногах прогнили, боровы-то. Он даже собакам это мясо побоялся дать, такое было пекло. Ну да все равно они под крыльцом дрыхли и ни за что не вылезли бы.

Небрасец подумал, как бы вернуть разговор к стрельбе по воронам, но инстинкт, выработанный тысячами часов таких полевых записей, подсказал ему лишь кивнуть и улыбнуться.

— Н-ну, и они, значит, понимали, что закопать его надо как можно быстрее, так? Короче, обмыли его, привели в божеский вид, одели в лучший костюм и сидели все слушали панихиду, но пекло

---

[64] Примечания: 64

TVA (Tennessee Valley Authority) — Администрация долины реки Теннесси — государственная корпорация, созданная в начале 1930-х годов для строительства гидротехнических сооружений на реке Теннесси, призванных решить проблемы с водой в этом отсталом аграрном регионе; один из самых крупных проектов рузвельтовского Нового курса.

было жуткое, и вонять он стал — буэ-э-э, так что я тишком-молчком да наружу. За мной-то никто не следил, да? Бабы все голосили да волосы драли, а мужики только думали, как бы закопать его поскорее да стакан накатить.

Вдруг стариковская палка упала с громким стуком. Нагибаясь за ней, небрасец мельком увидел за дверью бледный профиль Сары.

— В общем, я вылез на крыльцо, жарило там градусов под сотню[65] точно, и все равно было по-любому свежее, чем внутри. Тут-то я его и увидел, через дорогу. Он спускался под горку, перебежками из тени в тень, и сам был как тень, только еще чернее. Я сразу понял, что это душеед, и перепугался, не за моей ли он мамой. Я заревел, мама выскочила на улицу и повела меня к роднику попить, и больше никто его не видел, ну, насколько знаю.

— Почему вы назвали его душеедом? — спросил небрасец.

— Потому что этим он и занимается, мистер Купер, — ест души. Призраки-то не только у людей бывают. Ну да, обычно мы видим людские привидения, но вообще-то они могут быть и собачьи,

---

[65] Примечания: 65
По Фаренгейту — то есть 38° по Цельсию.

и лошадиные, и какие угодно. Ладно, возьмем человека, чтобы, значит, без лишней трепотни. Призрак — это ж его душа, да? Какого ж хрена она тут делает, а не в раю псалмы поет или у чертовой бабушки на сковородке жарится, как и положено, а? Какого хрена тут околачивается, ну, там, где ты ее увидел, а? Однажды мой пес увидел привидение, ну, собачье привидение. Я-то не видел, а вот он — уж точно, ежели судить по его повадке. И какого, спрашивается, хрена оно тут делало?

— Понятия не имею, мистер Тэкер, — покачал головой небрасец.

— Так я вам скажу, какого хрена. Когда человек умирает, или, там, псина, или лошадь, да по фиг кто, он должен покинуть юдоль земную и айда на Высший суд. Господь Иисус Христос нам судия, мистер Купер. Только вот иногда эта душа — задерживается. Может, суда боится, может, здесь какие дела недоделанные остались, ну или она так думает, вроде как деньги прикопанные кому показать. Со многими так бывает, между нами девочками, при случае могу такого порассказать… Но коли никаких особых дел нет, коли душа просто боится, прямо тут она и останется, собственную могилу навещать. Такими душеед и кормится, если найдет. А если он совсем оголо-

дал — и на живого человека напрыгнет, и тому, значит, биться надо что есть мочи, не то капец. — Старик помолчал, смочил губы лимонадом и уставился на маленькое семейное кладбище за домом, на сухое кукурузное поле и на далекие лиловые холмы, где ему уже не поохотиться. — Отбиться выходит нечасто, совсем нечасто. А первым, наверное, был индеец, я так думаю. Или вроде того. Я рассказал, как Крич подстрелил эту тварь?

— Нет, мистер Тэкер, не рассказали. — И небрасец отхлебнул из своего стакана освежающе терпкий лимонад. — Очень хотелось бы услышать.

Старик молча покачался в своем кресле — пауза тянулась довольно долго.

— Н-ну, — произнес наконец он, — палили они там целый день, это я уже вроде говорил. Долго, в общем, палили. И значит, полковник Лайтфут с этим Купером шли ноздря в ноздрю, а Крич на одну ворону отставал. Как раз была его очередь стрелять, и он все просил их остаться подождать, пока еще одна подлетит, и тогда, мол, попадет или промажет, — все одно уходим. Так что они сидели и ждали, только вот с воронами была незадача, они небось перебили всех чертовых

ворон на много миль вокруг. Уже темнело, и этот Купер говорит, ну, мол, хватит, Лейб, темень такая, что никто никуда не попадет, признавайся, ты проиграл.

А Крич ему: «Но мул-то мой был». И тут они видят, как что-то черное, больше любой вороны, вприпрыжку подбирается к дохлятине. Знаете, как вороны иногда прыгают? Вот так же. Ну, Крич и вскинул ружье. Полковник Лайтфут потом говорил, хрен бы он увидел мушку в такой темноте — наверняка просто глядел вдоль ствола и так наводил. Горные охотники зачастую так делали и недурно били в цель, скажу я вам.

Значит, он выстрелил, и эта тварь упала. «Ты выиграл», — сказал полковник Лайтфут и хлопнул Крича по спине, теперь, мол, пора. Только Купер, он понимал, что никакая это не ворона, не бывает таких больших ворон, и пошел посмотреть. И там было, ну, вроде человека, только перекореженного — ноги колесом, шея кривая. Не человек, но вроде, да? «Кто в меня стрелял?», — спрашивает оно, и у него полный рот червей. Могильных червей, да?

Кто, значит, стрелял? Ну, Купер так и сказал, что Крич, а потом как завопит Кричу и полковнику Лайтфуту, гляньте, мол. «Парни, — говорит

полковник, — надо это похоронить». Крич идет, значит, домой, приносит заступ и старую лопату, больше у него и не было ничего. И они аж лязгают друг о дружку, так он трясется, да? Ну, полковник Лайтфут и этот Купер видят, что копать ему никак, и сами взялись. Только смотрят потом, а Крич куда-то делся, и душеед с ним.

Старик сделал драматическую паузу.

— Так что потом, если душеед появлялся, это был уже Крич. Выходит, его-то я и видел, ну или другого такого же. Короче, мой вам совет, молодой человек: если железно не уверены, в кого стреляете, нечего и стрелять.

Словно по сигналу, в дверях возникла Сара.

— Ужин готов, — объявила она. — Я и на вас накрыла, мистер Купер. Папа сказал, что вы останетесь. Вы-то сами не против? Разносолов не обещаю…

— Премного вам благодарен, мисс Тэкер, — отозвался небрасец, вставая.

Сара помогла старику подняться. Правой рукой опираясь на палку, слева поддерживаемый внучкой, он медленно прошаркал в столовую. Небрасец зашел следом и выдвинул для него стул.

— Папа сейчас помоется и придет, — сказала Сара. — Он менял масло в тракторе. Прочтет

молитву перед едой. Не надо выдвигать стул для меня, мистер Купер, я дождусь папу. Просто сядьте.

— Спасибо.

Небрасец сел напротив старика.

— У нас есть окорок и сахарная кукуруза, печенье и картошка. Не званый обед, но…

— Пахнет все восхитительно, мисс Тэкер, — совершенно честно ответил небрасец.

Вошел ее отец — с руками, отмытыми до блеска, но к разнообразным ароматам от плиты все равно добавился запах картерного масла.

— Ну как, мистер Купер, всё услышали, что хотели? — спросил он.

— Я услышал несколько удивительных историй, мистер Тэкер, — ответил небрасец.

Сара поставила окорок на почетное место перед отцом.

— Хорошее вы делаете дело: записываете все эти старые истории, пока они совсем не сгинули, — сказала она.

Ее отец неохотно кивнул:

— Но никогда бы не подумал, что с этого можно жить.

— Пап, он с этого и не живет. Он преподаватель. Студентов учит.

За окороком последовало блюдо с горой песочного печенья. Сара опустилась на стул.

— Картошку и кукурузу принесу чуть погодя. Кукуруза еще немного не дошла.

— Боже, благослови эту пищу и тех, кто ее ест. Благослови эту землю, эту семью и друзей семьи. Приюти гостя под нашей крышей, о Боже, как это делаем мы. А теперь приступим к трапезе.

Младший мистер Тэкер поднялся, навис над окороком и принялся орудовать огромным мясницким ножом, и только тогда небрасец вспомнил отключить диктофон.

Через два часа наевшийся более чем досыта небрасец согласился остаться переночевать.

— Простенько, но чисто, — сообщила Сара, показывая ему гостевую спальню. — Я постелила, пока вы беседовали с дедушкой.

— Вы догадались, что я соглашусь остаться, — кивнул небрасец.

— Ну, мы на это надеялись, — ответила Сара. И добавила, тщательно отводя глаза: — Я давно не видела дедушку таким довольным. Вы еще поговорите с ним утром? Для ваших вещей — вот комод, я освободила верхние ящики. Ванная сразу за папиной комнатой… Как вам тут — деревня деревней, да?

— Я вырос на ферме под Фремонтом в Небраске, — сказал ей небрасец и, не дождавшись ответа, оглянулся.

Сара от двери послала ему воздушный поцелуй и тут же исчезла.

Стоически пожав плечами, он положил чемодан на кровать и отщелкнул замки. Кроме записных книжек, у него были с собой потрепанный экземпляр «Типов народных преданий», и шмитовские «Боги древнее греческих», которых он давно собирался прочесть. Скоро семейство Тэкер соберется в гостиной перед телевизором. Что же — час, а то и два он может спокойно почитать. А когда потом спустится, они, может, будут только рады. Вдруг он совершенно явственно представил себе такую картину: Сара — белокурая и гибкая, как ива, — сидит на хромоногом диване одна, и все стулья в гостиной заняты.

А вот в спальне был один незанятый стул, старый, но прочный, деревянный, с плетеным сиденьем. Он поставил его к окну и раскрыл Шмита, твердо намеренный читать до тех пор, пока не стемнеет. Помнится, за умершими греками прибывал на своей колеснице Дис — или Сборщик Многих, как называли его те, кто страшился самого звука его имени, — но Тэкеров жалкий,

скрюченный душеед ничем больше, кажется, не напоминал угрюмого, величавого Диса. Не было ли какого-нибудь раннего божества, которое послужило бы явным прототипом душееда? Как и большинство фольклористов, небрасец твердо верил, что бытующие в фольклоре темы если не вечны, то по крайней мере восходят к изрядной древности. Хорошо, что «Боги древнее греческих», снабжены обширным указателем.

Мертвые, обход их мумий Ан-уатом 2

Небрасец удовлетворенно кивнул и раскрыл книгу в самом начале.

> Ан-уат, Ануат, «Владыка царства [мертвых]», «Открыватель севера». Часто его путают с Анубисом, позаимствовавшим у него шакалью голову, однако Ан-уат почитался как отдельное божество вплоть до эпохи Нового царства. Обходя мумии недавно умерших, он являлся к душам, отказавшимся взойти на борт ладьи Ра (а значит, предстать перед троном воскресшего Осириса), и оттаскивал их в кишащую демонами тьму долины Туат, простиравшейся между смертью старо-

го солнца и восходом нового. В образах искусства Ан-уат почти неотличим от менее угрожающего Анубиса, однако там, где подобное различие проводится, он наделен характерно атлетическим сложением. Ван Аллен сообщает, что в нынешнем Египте маги (мусульманские и коптские) взывают к Ан-уату под именем Джугу.

Небрасец встал, отложил книгу на стул и несколько раз прошелся до комода и обратно. Пожалуйста, вот вам аналог душееда — в мифе пятитысячелетней давности. И далеко не факт, что совпадение чисто случайное. Влияние египетского оккультизма новейших времен на аппалачский фольклор маловероятно, однако не невозможно. После Гражданской войны армия США пополнилась не только египетскими верблюдами, но и верблюжьими погонщиками, напомнил себе небрасец; и сам великий Гудини описал в сенсационных деталях своё заточение в пирамиде Хеопса[66]. В его рассказе была, ко-

[66] Примечания: 66

Имеется в виду рассказ «Погребенный с фараонами», опубликованный в 1924 году в журнале «Weird Tales», под именем знаменитого иллюзиониста Гарри Гудини, однако на самом деле написанный Г. Ф. Лавкрафтом.

нечно, масса преувеличений — но не мог ли он и вправду заехать в Египет под конец одного из своих европейских турне? Тысячи американских военнослужащих побывали в Египте в годы Второй мировой войны, но предания о душееде явно старше этого — и, возможно, старше Гудини.

И внешний облик не так чтобы совпадает… но насколько они в самом деле отличаются, душеед и этот Джугу? Ан-уат описывается как атлетического сложения мужчина с головой шакала. А душеед был…

Небрасец достал из кармана диктофон, размотал провод, надел наушники.

Ага, душеед был «вроде человека, только перекореженного — ноги колесом, шея кривая». Значит, не человек, хоть и похож, — правда, чем именно отличается, не сказано. Голова типа собачьей — вполне себе вариант, к тому же за пять тысяч лет Ан-уат мог здорово измениться.

Небрасец снова сел на стул и раскрыл книгу, но солнце уже склонилось к самому горизонту. Минуту-другую рассеянно полистав страницы, он спустился к Тэкерам в гостиную.

Никогда еще телевизионные нелепости не казались ему менее реальными или менее существенными. Хотя глаза его следили за движением

актеров на экране, на самом деле его внимание было поглощено ароматом Сары (с духами она несколько переусердствовала), исходящим от нее теплом и — в еще большей мере — стоящей перед его мысленным взором сценой, которая, возможно, никогда и не происходила: дохлый мул посреди поля и укрывшиеся на опушке меткие стрелки. Полковник Лайтфут наверняка реальная личность, какая-нибудь местная знаменитость, хорошо знакомая большинству слушателей мистера Тэкера. Лейбан Крич тоже, по всей видимости, существовал, а может быть, и нет. Третьему снайперу, игравшему в истории минимальную роль, мистер Тэкер почему-то — и небрасец вдруг задумался почему — дал его собственную, небрасца, фамилию — Купер.

Стрелков было именно трое потому, что любое число больше единицы в фольклоре обычно становилось тройкой, но вот откуда всплыла его собственная фамилия… Наверное, у старика память пошаливает — запомнил фамилию гостя, ну и приставил ее не туда.

Мало-помалу небрасец осознал, что и Тэкеры не больно-то обращают внимание на экран; они не хихикали над шутками, не возмущались даже самой назойливой рекламой, не обсуждали убо-

гую мыльную оперу ни между собой, ни с гостем.

Хорошенькая Сара сидела рядом, коленки чопорно сведены, лодыжки перекрещены, покрасневшие от мытья посуды руки сложены поверх передника. Справа, опираясь на палку, покачивался на стуле хмурый, ушедший в свои мысли старик, и стул протестующе скрипел, медленно и ритмично, словно в такт тикающим в углу высоким напольным часам.

Тэкер-младший сидел слева от Сары, небрасец его почти не видел. Вот он поднялся и, хрустя костяшками пальцев, проследовал в кухню, вернулся, не взяв там ни еды, ни питья, и снова сел, но не прошло и полминуты, как встал опять.

— Еще печенья? — предложила небрасцу Сара. — А может, лимонаду?

Небрасец помотал головой:

— Благодарю, мисс Тэкер, но если я съем еще хоть кусочек, заснуть уже не смогу.

Она почему-то стиснула кулаки, да так, что костяшки побелели.

— Может, принести вам пирога?

— Спасибо, не надо.

Сериал наконец закончился, экран показывал разноцветный восход над африканской саванной. «Вот плывет ладья Ра, — думал небрасец, — вы-

ныривает во всем своем великолепии из темного ущелья страны Туат, неся человечеству свет». На миг он представил гораздо меньшее и отнюдь не такое сиятельное суденышко, с черным корпусом и полным трюмом непокорных мертвецов, а у руля — человека с головой шакала; ничтожная крапинка на фоне пылающего диска африканского солнца. Как там называлась эта книга фон Деникена? «Корабли…», — нет, «Колесницы богов». В любом случае речь о космических кораблях, а это тоже своего рода фольклор, — по крайней мере, быстро становится таковым; небрасец уже дважды сталкивался с фольклорными вариациями на эту тему.

В траве неподвижно лежало животное, зебра. Наплыв камеры, вот она уже приблизилась вплотную — и тут в кадре появилась голова огромной гиены с застрявшей в зубах падалью. Старик резко отвернулся, и до небрасца наконец дошло.

Страх. Ну конечно же. И как только он раньше не догадался, что за чувство пропитывает гостиную. Сара была напугана, и старик тоже — ужасно напуган. Даже Сарин отец беспокойно ерзал на стуле, то откидывался на спинку, то склонялся вперед, вытирая ладони о штанины

своих выцветших брюк цвета хаки.

Небрасец встал и потянулся.

— Прошу прощения, — сказал он. — У меня был очень долгий день.

Никто из мужчин не отозвался, тогда вступила Сара:

— Я тоже скоро на боковую. Хотите принять ванну, мистер Купер?

Он замялся, гадая, какого ответа она от него ждет.

— Если только это не очень трудно, — наконец ответил он. — Был бы премного благодарен.

Сара тут же поднялась.

— Я принесу вам полотенца и все остальное, — сказала она.

Он вернулся в отведенную ему комнату, переоделся в пижаму и халат. Сара ждала его у двери ванной с большой стопкой полотенец и венчающим эту гору нераспечатанным бруском мыла «Зест».

— Что у вас тут происходит? — прошептал небрасец, забирая полотенца. — Могу я помочь?

— Мы могли бы поехать в город, мистер Купер. — Она неуверенно тронула его за рукав. — Я симпатичная, вы не находите? Не надо ни жениться, ничего, просто уедем утром, и все.

— Нахожу, — ответил небрасец. — Вы очень даже симпатичная, но я не могу так поступить с вашей семьей.

— Просто оденьтесь. — Ее голос звучал еле слышно, она не сводила взгляда с лестницы. — Скажете, старая болячка разыгралась, надо съездить к доктору. Я выйду через заднюю дверь, никто ничего не увидит, и буду ждать вас под большим вязом.

— Не могу, мисс Тэкер, уж простите, — сказал небрасец.

Уже лежа в ванне, он крыл себя последними словами.

Как там называла его эта девица в последней группе? Безнадежным романтиком. Он мог бы провести ночь с привлекательной молодой женщиной (а у него уже несколько месяцев не было женщины) и спасти ее от… чего? От отцовских побоев? На ее руках не было синяков, ни одного зуба вроде не выбито. И этот ее тонкий нос точно ни разу не ломали.

Он мог бы провести ночь с очень симпатичной молодой женщиной, за которую потом чувствовал бы ответственность до конца жизни. Он так и видел сноску в «Журнале американского фольклора»: «Записано доктором Сэмюэлем Купером,

Университет Небраски, со слов Хопкина Тэкера (73 года), чью внучку доктор Купер соблазнил и бросил».

Фыркнув с отвращением, он встал из воды, за цепочку выдернул белую резиновую затычку, выхватил из стопки полотенце — и на желтый коврик спланировал листок. Он поднял его, и от мокрых пальцев по линованной бумаге расплылось пятно.

«Не говорите ему ничего о том, что рассказывал дедушка». Женский почерк, нарочито разборчивый.

Значит, Сара предвидела, что он откажется, — предвидела и подстраховалась. «Ему», — это, видимо, ее отцу, если в доме нет других мужчин и Тэкеры не ждут какого-нибудь еще гостя; да, наверняка отцу.

Небрасец разорвал записку на маленькие клочки и спустил в унитаз, обтерся двумя полотенцами, почистил зубы, снова надел пижаму и халат, бесшумно выступил в коридор и остановился, прислушиваясь.

В гостиной по-прежнему работал телевизор, не очень громко. Ни голосов, ни шагов, ни ударов — больше не было слышно ничего. Чего же так боялись Тэкеры? Душееда? Заплесневелых еги-

петских божеств?

Небрасец вернулся в комнату и решительно затворил дверь. Что бы там ни было, это совершенно не его дело. Утром он позавтракает, услышит от старика еще историю-другую и выбросит все это семейство из головы.

Что-то дернулось, когда он выключил свет. И на мгновение он увидел на шторах собственную тень — и тень кого-то или чего-то, стоящего у него за спиной, мужчины выше его ростом, широкоплечего и с рогами или остроконечными ушами.

Казалось бы, полная ерунда. Старая медная люстра висела в центре комнаты, выключатель находился у двери, то есть максимально далеко от окна. А значит, тень — его или кого бы то ни было еще — никак не могла упасть на эту штору. Для этого и он, и тот, кто ему померещился, должны были стоять на другом конце комнаты, между люстрой и окном.

И кровать вроде бы сдвинута. Он выждал, пока глаза привыкнут к темноте. Какая тут вообще мебель? Кровать, стул, на котором он сидел и читал, — стул должен был остаться у окна, — комод со старым потемневшим зеркалом и (он что есть сил напряг память), может быть, еще торшер. Где-нибудь в головах кровати, если вообще есть.

Комнату наполнили шорохи. Наверное, ветер шумел в кронах стоящих возле дома величавых кленов, а окна открыты. Теперь он видел окна — бледные прямоугольники на фоне черноты. Со всей осторожностью он пересек комнату и отодвинул штору. Спальню залил лунный свет; вот кровать, вот стул перед окном слева. Густые кроны деревьев совершенно неподвижны.

Он снял халат, повесил его на высокий кроватный столбик, отогнул одеяло и лег. Что-то ему послышалось — а может, и не было ничего. Что-то привиделось — а может, и не было ничего. Он с тоской вспомнил свою квартиру в Линкольне, вспомнил Грецию, куда ездил в академический отпуск — уже почти год назад. Вспомнил солнечный свет на глади Саронского залива…

Желто-белая полная луна плавала в стоячей воде. За луной лежал город мертвых — бесконечные узкие улочки, вдоль которых выстроились усыпальницы, Дедалов лабиринт смерти и камня. Издалека донеслось тявканье шакала. Эпоха тянулась за эпохой, а здесь ничто не происходило; на дверях из осыпающегося камня крашеные фигуры с прозрачными глазами будто насмехались над грудами пустых черепов внутри.

Вдали на улице мертвецов появился второй

шакал. Вскинув голову и насторожив уши, он уставился в пустоту и прислушался к тишине, а потом снова вонзил зубы в потрепанный сверток и поволок его дальше. И в этом безглазом, иссохшем, обмазанном битумом предмете, за которым тянулся шлейф гнилого разматывающегося льна, небрасец узнал собственный труп.

И тут же оказался там — беспомощно лежал на окутанной мраком улице. На миг сверху нависли горящие глаза шакала, тот свел челюсти, и ключица небрасца ломко хрустнула…

Шакал и озаренный луной город исчезли. Небрасец сидел и дрожал, не понимая, на каком свете находится. Глаза его заливал пот.

Звук.

Чтобы шакал и проклятый бессолнечный город поскорее рассеялись, небрасец встал и потянулся к выключателю. Спальня вроде бы совершенно не изменилась, не считая мокрого оттиска от его долговязого тела на простыне. Чемодан по-прежнему стоял у комода, набор для бритья лежал под зеркалом, «Боги древнее греческих», так и ждали его возвращения на плетеном сиденье старого стула.

— Приди ко мне.

Небрасец волчком развернулся. В комнате он

был один, никто (насколько он видел) не прятался ни в кленовой листве, ни на земле под деревом. И все же слова прозвучали совершенно отчетливо, как будто у самого его уха. Чувствуя себя полным идиотом, он заглянул под кровать. Там не было никого, в стенном шкафу тоже.

Круглая дверная ручка не поворачивалась. Его заперли. Вот что за звук, наверное, его и разбудил — резкий щелчок. Он присел на корточки и заглянул в большую старомодную скважину. Темный коридор снаружи был вроде бы пуст. Он встал, наступив правой пяткой на что-то острое, и нагнулся посмотреть.

Это был ключ. Кто-то запер его, просунул ключ под дверь и (возможно) прошептал в скважину.

Или, может быть, он тогда еще не полностью проснулся; иначе откуда уверенность, что с ним говорил шакал.

Ключ легко провернулся в замке. В коридоре едва уловимо пахло Сариными духами, хотя стопроцентно небрасец не поручился бы. Если это и вправду была Сара, выходит, она его заперла и тут же подбросила ключ, чтобы утром он мог освободиться сам. От кого же она его запирала?

Он вернулся в спальню, затворил дверь и некоторое время стоял, глядя на нее, с ключом в руке.

Вряд ли простенький дряхлый замок надолго задержит какого бы то ни было злоумышленника, он только помешает самому небрасцу ответить на зов…

На чей еще зов?

И с какой стати он должен отвечать?

Всколыхнулся прежний страх, и небрасец обвел комнату взглядом в поисках дополнительного источника света. И не увидел ничего — ни настольной лампы, ни ночника на тумбочке, ни торшера, ни бра где-нибудь на стене. Он запер дверь, после недолгого размышления бросил ключ в верхний ящик комода и снова взялся за книгу.

> Аваддон. Ангел-истребитель, посланный Господом, чтобы обратить воды Нила в кровь и убить перворожденного сына в каждой египетской семье. Аваддон не тронул детей Израиля, которые для этой цели пометили косяки своих дверей кровью пасхального ангца. Эту замену нередко считали провозвестием Христовой жертвы.
>
> Ам-мит, Аммит, Аммат, Амамат, Амт, «Пожирательница теней». Египетская

богиня, охраняла в преисподней трон Осириса и питалась душами, которые не пройдут испытания на весах правосудия. У нее была голова крокодила и передние ноги льва, а круп бегемота (см. рис. 1). Великий храм Ам-мит в городе Хенен-несу (Гераклеополь) был по приказу Октавиана разрушен, а жрецы посажены на кол.

Ан-уат, Ануат, «Владыка царства [мертвых]», «Открыватель севера». Часто его путают с Анубисом…

Небрасец отложил книгу; все равно читать было трудно при слабом свете люстры. Он выключил ее и снова лег.

Глядя в темноту, он размышлял над странным титулом Ан-уата — «Открыватель севера». «Пожирательница теней», и «Владыка царства», — это более или менее понятно. Ну то есть с владыкой становится понятно после Шмитовского пояснения, что речь о царстве мертвых. (Оттого, наверное, ему и приснился некрополь.) Почему тогда Шмит никак не пояснил «Открывателя севера»? Да потому, видимо, что сам толком не понял. Рассуждая логически, открыватель — это тот, кто первым прошел в некоем направлении,

проложил маршрут; тот (или та), за кем пойдут другие. Нил тек с юга на север, поэтому Ан-уата могли считать богом, который проложил египтянам путь в Средиземноморье. Да и сам он недавно вообразил Ан-уата в ладье — потому что есть Нил земной и есть небесный. (Млечный Путь?..) Потому что он знал: египтяне верили в божественный аналог Нила, по которому плывет ладья бога солнца Ра. Не говоря уж о том, что Млечный Путь и есть — в самом буквальном смысле — космическая река, где солнце…

Шакал разжал челюсти, отпустил труп, который волок за собой, закашлялся, и его вырвало падалью, кишащей червями. Небрасец подобрал камень, осыпавшийся с одной из гробниц, швырнул что есть сил и попал шакалу под ухо.

Тот поднялся на задние лапы, и хотя морда его оставалась звериной, глаза были человечьими.

— Это тебе, — сказал он, тыча лапой в извергнутое. — Отведай — и приди ко мне.

Небрасец присел над блевотной массой и вытянул червяка. Тот был бледный, в прожилках и багряных мазках и пробуждал в нем совершенно незнакомое томление. Едва он положил его в рот, вкус червяка принес покой, здоровье, любовь и жажду чего-то, что он не мог назвать.

Из бесконечной дали приплыл голос Хона Тэкера:

— Мой вам совет, молодой человек: если железно не уверены, в кого стреляете, нечего и стрелять.

За первым червяком последовал второй, за ним и третий, один другого вкуснее.

— Мы тебя научим, — сказали ему червяки из его собственного рта. — Разве мы не пришли со звезд? И твоя тяга к ним пробудилась, землянин.

Голос Хопа Тэкера:

— Могильных червей, да?

— *Приди ко мне.*

Небрасец достал из ящика ключ. Было достаточно отпереть только ближайшую гробницу. Шакал показал на замок.

— А если он совсем оголодал — и на живого человека напрыгнет, и тому, значит, биться надо что есть мочи, не то капец.

Ключ царапнул по двери, нащупывая скважину.

— *Приди ко мне, землянин. Приди быстрее.*

К голосу старика добавился Сарин, слова переплелись и спутались. Она завизжала, и нарисованные на двери усыпальницы фигуры растаяли.

Ключ повернулся. Из усыпальницы вышел Тэкер.

— Джо, мальчик мой, Джо! — крикнул за его спиной отец. И ударил его палкой.

Из глубокой ссадины на голове потекла кровь, но Тэкер не обернулся.

— Деритесь, молодой человек! Вы должны с ним драться!

Кто-то включил свет. Небрасец отступил к кровати.

— Пап, не надо!!!

У Сары был большой мясницкий нож. Она вскинула его выше отцовской головы и с размаху опустила. Отец, развернувшись, поймал ее за руку, и небрасец увидел на его спине длинный порез. Нож упал на пол, и Сара тоже.

Небрасец схватил Тэкера за плечо:

— Это еще что такое?

— Это любовь, — сказал ему Тэкер. — Есть у вас такое слово. Это любовь, землянин.

Когда он говорил, между губами его не было видно языка; там извивались черви, а среди червей блестели звезды.

Изо всех сил небрасец ударил кулаком по этим губам. Голова Тэкера мотнулась назад; боль отдалась до плеча небрасца. Он снова размахнулся,

теперь левой, но Тэкер поймал его руку так же, как Сарину. Небрасец попробовал отступить, вырваться. Старая высокая кровать подсекла его сзади под коленки.

Тэкер склонился над ним и разлепил окровавленные губы, в глазах его была такая боль, какой небрасец не видел никогда.

— *Отвори мне*, — произнес шакал.

— Да, — ответил небрасец. — Да, отворю.

Никогда раньше он не знал, что у него есть душа, но теперь почувствовал, как она подступает к горлу.

Глаза Тэкера закатились. Рот распахнулся, явив на мгновение клубок покрытых слизью щупалец. И неуклюже, будто пытаясь кувырнуться, Тэкер рухнул на кровать.

Секунду, показавшуюся очень долгой, его отец стоял над ним с трясущимися руками. Потом старик неуклюже отступил на шаг и тоже упал, с жутким треском ударившись головой об пол.

— Дедушка! — склонилась над ним Сара.

Небрасец поднялся. Из спины Тэкера торчала потертая коричневая ручка мясницкого ножа. Крови было на удивление немного, она стекала по гладкому старому дереву, и багровое пятно на простыне медленно расширялось.

— Помогите мне, мистер Купер. Его надо отвести в постель.

Небрасец кивнул и помог теперь уже единственному мистеру Тэкеру подняться на ноги.

— Как вы себя чувствуете?

— Неважно, — отозвался старик. — Совсем неважно.

Небрасец поднатужился и вскинул его на руки.

— Я могу отнести его, — сказал он Саре. — Только покажите, где его спальня.

— Обычно-то Джо оставался собой, почти всегда. — Стариковский голос звучал шепотом, слабым, далеким, как и в городе мертвых из сновидения. — Вот что вы должны понять. Почти всегда, ну а когда… когда он… те все равно были уже мертвые, понимаете? Ну или при смерти. Много он не навредил.

Небрасец кивнул.

Сара в застиранной белой ночнушке, похоже еще материнской, уже спешила, запинаясь, по коридору; ее душили рыдания.

— А тут приехали вы. Ну, он нас и заставил, Джо-то. Сказал, чтобы я болтал подольше и чтобы Сара пригласила вас на ужин.

— Вы рассказали мне эту историю, чтобы предупредить, — произнес небрасец, входя в спальню.

Старик слабо кивнул.

— Я еще радовался, как ловко придумал-то. Но это все правда, только не Крич там был и не Купер.

— Понимаю, — сказал небрасец, уложил старика на кровать и накрыл одеялом.

— Я убил его, да? Убил Джо, моего мальчика?

— Дедушка, это был не ты, — сказала Сара и высморкалась в мужскую бандану, явно раскопанную где-нибудь в дедовских ящиках.

— Ну да, все так и скажут.

Небрасец вздрогнул и развернулся.

— Надо найти это существо и убить его. Я должен был сделать это сразу.

Не закончив мысли, он уже бежал по коридору, к спальне, которую ему отвели.

Он перекатил Тэкера, насколько позволяла ручка ножа, и уложил на кровать с ногами. Нижняя челюсть мертвеца отвисла; его язык и нёбо покрывало липкое желе, прозрачное и отдающее аммиаком, а в остальном — рот как рот.

— Это же дух, — сказала от дверей Сара. — Теперь он вселится в дедушку, раз тот убил его. Дедушка всегда так говорил.

Небрасец выпрямился и повернулся к ней.

— Это живое существо, типа каракатицы, и оно

прилетело сюда с… — Он махнул рукой, отгоняя мысль. — Не важно откуда. Оно приземлилось в Северной Африке — по крайней мере, я так думаю, — и, наверное, его съел шакал. Они же любую дрянь едят, как о них пишут. Эта тварь выжила у шакала внутри, вроде кишечного паразита. И давным-давно как-то передалась человеку.

Сара смотрела на своего отца и больше не слушала.

— Наконец-то он упокоился, мистер Купер. Однажды он подстрелил в лесу прежнего душееда, ну, так дедушка говорит, и с тех пор не знал покоя, но теперь это кончилось. Мне тогда было лет восемь, и дедушка все боялся, что он меня, ну, сцапает, но он так и не сцапал.

Большими пальцами она закрыла отцу глаза.

— Либо оно уползло… — начал небрасец.

Сара вдруг упала на колени рядом с отцовским трупом и впилась ему в рот поцелуем.

Когда небрасец, пятясь, вышел наконец в коридор, мертвый мужчина и живая женщина продолжали целоваться; на лице ее застыл восторг, ее пальцы зарылись мертвецу в волосы. Через два дня, уже на другом берегу Миссисипи, небрасцу все еще мерещился этот поцелуй, в

тенях у обочины.

Перевод: А. Гузман

Чарльз Гарофало
Полночь в Провиденсе

Charles Garofalo «Midnight in Providence», 1986

Фантастический рассказ с элементами чёрного юмора, написанный, очевидно, любителем. История о том, как мёртвый Лавкрафт выбрался из могилы, чтобы проучить группу людей, собравшихся на тайный обряд, как в его рассказах. Текст перевёл Иван Аблицов. Я тут участвую лишь как редактор и корректор.

Время остановилось в Провиденсе в полночь. Именно тогда. Оно застыло, когда земля на старой могиле потрескалась… задрожала… а потом взорвалась, разлетаясь осколками во все стороны. Скелет Говарда Филлипса Лавкрафта встал из гроба и выбрался на поверхность. Неуверенно двигаясь и спотыкаясь, скелет старого писателя осмотрел раскинувшиеся вокруг красоты ме-

мориального парка, залитого лунным светом. Участок, где был захоронен Лавкрафт, почти выходил на залив Наррагансетт. Скелет увидел, что ему придётся пересечь территорию довольно большого кладбища, чтобы достичь дороги. Очень медленно он направился к кладбищенской ограде.

В ту ночь ни один поклонник сверхъестественных ужасов тайно не дежурил возле его могилы. Смотритель кладбища, в лучших традициях историй Лавкрафта, был чрезмерно пьян, чтобы заметить что-то дурное или неправильное. Никто не видел, как скелет, с костей которого свисали лоскуты старомодного костюма, покидает кладбище Суон-Пойнт. Даже будучи мёртвым, худой и не атлетичный писатель, неловко перелезающий через ограду, представлял собой весьма смехотворное зрелище.

Целью покойника являлся квартал на другой стороне города, строительство которого началось намного позже смерти самого Лавкрафта. Но он знал об этом, как и о том, что должен идти туда. Смерть, в его случае, стала парадоксом. Лавкрафт покоился в могиле все эти годы, но каким-то образом ведал о любом деле, которое даже отдалённо касалось его, будь то история с переизданием

его книг, статья критика, сочинение биографа, или даже разговор двух читателей о его персоне. Для писателя такая судьба может расцениваться как рай или ад, это зависит от того, кто о нём вспоминает. Поскольку Лавкрафт ожидал, что после смерти человека ожидает только небытие, как это предсказывают атеисты, он не только смирился со своей судьбой, но и принял её.

То, что творилось в странном мрачном доме, расположенном в другом конце Провиденса, лично затрагивало Лавкрафта. И он никак не мог смириться с происходящим.

Лавкрафт понимал: ему повезло, что время остановилось, как это часто случалось, когда происходило сверхъестественное явление. Впрочем, иного способа пересечь город, не было. Шаркающий скелет просто не мог добраться куда-либо быстро. Он даже не рассчитывал поймать такси. По правде говоря, на ночных улицах Провиденса оказалось намного больше машин, чем в прежние времена ещё живого Лавкрафта, и маловероятно, чтобы обычный водитель остановился и подвёз ходячий скелет.

Лавкрафт медленно, но целенаправленно ковылял вдоль витрин магазинов и через переулки в районе Колледж-Хилл. Отчасти ему хотелось

бы выделить себе час-другой, чтобы навестить любимые им когда-то места, но он понятия не имел, как долго время будет «оставаться на месте". Впрочем, он не мог не заметить перемен: старые здания, которые Лавкрафт нежно любил, обветшали, а многие вообще были снесены, и на их месте возникли современные дома. Ему, любителю старины, было печально видеть, как изменился родной Провиденс. Да, эти старые здания выглядели уродливыми и чересчур декоративно украшенными — даже Лавкрафт признавал это, но они обладали своей индивидуальностью, чем-то таким, чего очень не хватало безвкусным однотипным сооружениям, которые воздвигли на их месте. Случайное старое здание (церковь или особняк), которое хорошо сохранилось или, скорее всего, было отреставрировано предположительно до своего исходного состояния, служило ещё более наглядным напоминанием о печальном упадке города. В то время, как Лавкрафт тащился по Энджелл-стрит, он почти с облегчением отметил, что здание Флёр-

де-Лис[67] не изменилось. Однажды он назвал его безобразным, и таким оно и было. Но теперь это старое викторианское нагромождение камней выглядело несомненно красивым по сравнению с расположенным неподалёку от него новым зданием Лист Арт[68] с его ультрасовременным и чрезмерно уродливым дизайном. Ах да, он уже знал об этом сооружении. Ведь ради возведения этого новостроя его старый дом, где из-под пера Лавкрафта вышел рассказ «Скиталец Тьмы», был перемещён на один или два квартала. Такие перемены едва ли ускользнули от внимания писателя, даже если бы он оказался мёртвым. Не удивительно, что преступность росла и мораль падала, думал скелет. Обычному человеку было бы проще приспособиться к жизни в одном из тех

---

[67] Примечания: 67

Флёр-де-Лис (Fleur-De-Lys Studio) — дом в Провиденсе, построенный художником Сиднеем Берли как арт-студия в 1885 году. Это здание обладает одним из самых эклектичных фасадов в Новой Англии. Структура с вырезанными на ней барельефами, совершенно не вписывается в традиционные здания колониального типа. В этом доме «жил" вымышленный герой Генри Уилкокс из повести «Зов Ктулху" Говарда Лавкрафта.

[68] Примечания: 68

List Art Building — учебное здание Университета Брауна, его строительство было завершено в 1971 году. Проект был запущен на пожертвования частных коллекционеров и меценатов — Альберта и Веры Лист. Дизайн здания вызвал и продолжает вызывать неоднозначную реакцию.

инопланетных городов, о которых он писал, чем существовать в этих бесплодных современных муравейниках.

При всей неприязни к новому Провиденсу Лавкрафту приходилось прилагать усилие, чтобы сосредоточиться на своей цели. Были искушения, следуя ностальгии, посетить Колледж-стрит; соблазн, который книжные магазины таили для него даже после всех этих лет (и подумать только, плоды его жалких усилий теперь продавались во многих из них!).

Те немногие люди, которые встречались Лавкрафту на пути, не пытались остановить его. Разумеется, застрявшие в промежутке между проходящими мгновениями, они стояли, застыв и просто пялились, не способные увидеть его. Как он и предсказывал в своих работах, некоторые из людей, которые ему попадались, выглядели как иностранцы. К тому же надписи на вывесках нескольких магазинов были уже не на английском языке.

Лавкрафт остановился понаблюдать (он не мог сказать «восхищаться") на своё отражение в большом зеркале в витрине магазина. Очень жаль, что этого здания не было раньше, и черви обглодали тело Лавкрафта до костей. Увиденное

скелету очень не понравилось, но, впрочем, разлагающееся тело с отслаивающейся кожей, было бы ещё более ужасным и эффектным зрелищем. Воскресший труп из его рассказа «Изгой" теперь был бы как раз к месту.

Что же, он имеет дело с тем, что у него есть, и остаётся надеяться, что этого хватит…

* * *

В том районе жили состоятельные люди: каждый его житель находился на вершине среднего класса или являлся откровенным богачом. Всё новое и свежее; все здания имели привлекательный архитектурный облик, несмотря на самые разные вариации архитектурных стилей; Лавкрафт также отметил припаркованные машины, большие и блестящие.

Как же часто в его историях убогие и нищие полукровки-иностранцы творили зловещие ритуалы в старых многоквартирных домах в сердце угрюмых трущоб! Приближаясь к своей цели… симпатичной, хотя и неточной имитации старинного немецкого охотничьего домика, он услышал тихое пение и понял, что нужно поторапливаться, если он хочет совершить доброе дело, так как время вновь пришло в движение.

— Пх'нглуи мглу'нафх… — звучно пел кто-то.

— Пх'нглуи мглу'нафх… — эхом откликалось более дюжины голосов.

Сохранись от лица Лавкрафта хоть что-то, он бы позволил себе улыбку, а так он довольствовался скелетообразной усмешкой. Это «древнее песнопение», придуманное им для своей истории, звучало жутко, когда цитировалось в соответствующих обстоятельствах, но в данный момент это был набор из непроизносимых бессмысленных слов, — именно так и называли эти заклинания критики-недоброжелатели.

Скелету нужно было попасть в дом как можно быстрее.

Кратчайшим путём служила задняя дверь. Добротная тяжёлая деревянная дверь, прочно запертая. Все те, кто скрывался в доме, несомненно не желали незваных гостей, которые могли бы войти и увидеть, что они задумали.

Лавкрафт врезался своим плечом в дверь. Вместо того, чтобы его незащищённые кости пошли трещинами — на подобный исход он вполне рассчитывал, дверь слетела с петель, и две её половинки рухнули на пол. Сила и долговечная стойкость рыхлой соединительной ткани, которыми писатели наделяли оживших мертвецов, у

Лавкрафта присутствовала вполне.

— Ктулху Р'льех, — медленно продолжил невидимый оратор.

— Ктулху Р'льех… — вторил ему хор голосов.

Они находились в подвале…

— …вгах'нагл фхтагн.

— …вгах'нагл фхтагн.

Снова и снова они повторяли странные слова, с каждым разом немного ускоряясь и становясь всё эмоциональнее. Лавкрафт понимал, что они делали, он был знаком с оккультизмом и религиозными практиками. Церемония не могла начаться, пока её участники не введут себя в состояние, близкое к экстазу, разновидности ярости берсерка, когда никому нет дела до того, что он или она делает.

Выбив дверь в подвал, покойный автор быстро и с грохотом начал спускаться по ступенькам, почти потерял опору и чуть ли не скатился по лестнице вниз.

Его появления хватило, чтобы прервать ритуал. Лавкрафт стоял у подножия лестницы, разрушив всю таинственную атмосферу. Пятнадцать человек, все обнажённые, уставившись на него. Тринадцать человек были одеты в алые балахоны с каббалистическими и астрологическими

символами. Двое детей, мальчик лет девяти и девочка лет пятнадцати, имели обычные белые балахоны для жертвоприношений. Оба с кляпами во рту, каждого из них силой удерживали двое культистов. И, видимо, дело уже шло к тому, чтобы жертв привязали к алтарю, когда Лавкрафт вмешался и прервал ритуал.

Незрячими глазами Лавкрафт обвёл комнату, в то время как поклонники зла попятились от него. Здесь проводилась чёрная церемония, настоящая «сборная солянка" — её устроители почерпнули знания о ней у Кроули, Уэйта и ещё из дюжины других источников. И чего тут только не было: и богомерзкий алтарь, и лежащее на полу большое и разбитое на три части распятие, и пентаграмма, и чёрные свечи, и чаши для сбора жертвенной крови, и хлысты, а также ножи для жертвоприношений и причудливые садомазохистские приспособления…

Культисты оказались не иммигрантами, не иностранным сбродом, с которым у Лавкрафта всегда ассоциировалась чёрная магия. Ох, здесь имелась личность, предки которой точно жили в Китае или Японии, и парочка темнокожих латиносов. Но не так уж сильно они отличались от большинства участников обряда — васпов. Этим

словом называли выходцев из англо-саксонской протестантской Европы, и даже Лавкрафт слышал его в тех местах, где он жил. Все культисты — взрослые люди, определённо состоятельные, у каждого была отличная работа, и они пользовались уважением в своём кругу. Он, Говард, и прочие заблуждались… а вот Натаниэль Готорн, написавший рассказ «Молодой Гудман Браун», оказался прав насчёт того, кто мог поклоняться дьяволу во мраке ночи.

Вот только поклонялись эти люди не дьяволу. Вместо этого за алтарём на чёрном троне, на корточках восседал объект их обожания. Ктулху как живой. Перед Лавкрафтом возник образ того самого бога, которого он придумал. Выше человеческого роста, отталкивающе толстый, чешуйчатые лапы и ноги с огромными когтями, крылья из плеч, непристойно уродливое и злобное лицо, наполовину сокрытое щупальцами как у осьминога… если Ктулху и мог существовать на самом деле, то именно так, как здесь и сейчас.

Лавкрафт двинулся в сторону собравшихся, его руки тянулись, чтобы схватить их и разорвать.

— Что за чертовщина…? — начал мужчина в маске, изображающей лик Ктулху, очевидно, лидер культа. Его слова сменились блеянием, когда

скелет набросился на него. Цепкие когтистые пальцы неловко схватили балахон и сорвали его.

Культисты в ужасе попятились. Внешность скелета оказала на этих закоренелых развратников намного более сильный эффект, чем Лавкрафт ожидал. Ни один из них на самом деле не верил в сверхъестественное: чёрная магическая церемония служила только поводом для потакания их пристрастию к порокам и жестокости. Но все они понимали вполне, что означает ходячий мертвец и что он собой представляет.

Лавкрафт быстро направился к культистам, которые держали предполагаемых жертв. Испуганные развратники расступились, отпуская мальчика и девочку, и те смогли убежать. Лавкрафт знал, что воспоминания об их похищении и о его появлении будут терзать спасённых ещё многие годы. И всё же, если учесть, что безумцы задумывали устроить с ними, дети ещё легко отделались.

Однако Лавкрафту пришлось стремительно провести отвлекающий маневр прежде, чем кто-либо догадался бежать следом за спасшейся парочкой. Скелет метался по комнате, хватая всех подряд, клацая своей нижней челюстью и гремя

костями изо всех сил. Его движения не отличались точностью, но этого и не требовалось. Люди кричали, уворачивались, бросались в дюжину разных направлений. Каким-то образом каждый раз, когда кто-то бежал к двери, Лавкрафту удавалось преградить ему путь. Их крики ужаса усиливались из-за отражения от стен со звукоизоляцией, которые скрывали их тайные делишки ото всех — ото всех, кроме мертвеца со сверхъестественным знанием обо всём происходящем.

То, что творилось, очень напоминало нелепую игру в пятнашки. Вскоре Лавкрафту это надоело, хотя и не так быстро, как культистам, которые утратили интерес намного раньше.

— Я выдумал Ктулху, — кричал Лавкрафт, — …чтобы забавлять людей. И только. Я рассказывал истории, чтобы развлечь себя и других.

Тут он с изумлением понял, что способен говорить, хотя его голосовые связки пропали давным-давно. То, что он слышал (не имея ушей), напоминало глубокий нечеловеческий голос, такой гулкий, словно тот доносился из гробницы. Тем не менее, его новый голос произвёл желаемый эффект на культистов.

— …Всего лишь истории, чтобы развлечься! — повторял он. — Если бы писатели-подражатели

создали серию плохих подделок по мотивам моих рассказов, не страшно, ведь они не стремились к великой цели. Если бы на основе моих историй были сняты плохие фильмы, что же, большинство фильмов так или иначе дурацкие!

Лавкрафт достиг алтаря, и его костлявый кулак обрушился на него. Хрупкая фанера легко поддалась.

— Но использовать мои творения для оправдания своего разврата, — рычал он, хватая один из хлыстов и ломая его о своё колено.

— …и ваших богохульных оргий, — продолжал Лавкрафт, топча предметы на полу.

— …и вашей жестокости, — не унимался писатель, набрасываясь на статую Ктулху, — этого довольно, чтобы поднять кого угодно из его могилы!

Статуя Ктулху была из папье-маше. Твёрдо намеренный довести дело до конца, скелет быстро расправился и с ней.

Нескольким дьяволицам в конце концов удалось сбежать. Прочие не могли мыслить ясно, чтобы сделать то же самое. Одна женщина в углу истерично кричала, а другая стояла на четвереньках и умоляла о прощении. Ещё один мужчина, упав на колени, отчаянно пытался убедить Гос-

пода и Деву Марию в том, что за прошедшие две минуты он полностью исправился и отвернулся от греха, встав на путь истинный.

Не имело никакого смысла ругать этих людей за их поступки — никто из них не мог понять речь скелета.

Вдали Лавкрафт услышал звуки сирен. Сбежавшие дети устроили достаточный переполох, чтобы привлечь полицию. С культом Ктулху — с культом, который возник из-за него, было покончено.

Скелет внезапно рухнул наземь, наделявшие его силы ушли. Лавкрафт парил над разрушающимся костяком, который так долго удерживал его дух. Если он стал причиной всему, что тут случилось, даже ненамеренно, то, возможно, его удерживали на земле, не давая покоя, чтобы он мог всё исправить. И он полагал, что это справедливо.

Неожиданно он заметил то, что не видел прежде. Лестница в подвал уходила дальше вниз, гораздо дальше. И, может быть, она насчитывала семь тысяч ступеней. И Лавкрафт начал свой долгий спуск. Каким-то образом он чувствовал, что скоро вернётся в тот Провиденс, который он помнил и любил так ласково и нежно.

Перевод: И. Аблицов
Редактура: А. Черепанов.

Рэндалл Гарретт
Nom D'un Nom[69]

Randall Garrett «Nom D'un Nom», 1953.

Сотни поколений потратили своё время и силы, пытаясь найти Истинное и Тайное Имя Бога. Но даже после того, как нашли ответ, осталась проблема с произношением…

Дональд Буш просмотрел три страницы книги, прежде чем с отвращением поднял глаза.

— Ха! Я думал, что это всего лишь выдумка!

В дальней части комнаты Марк Льюис сидел за «монстром», — огромным старомодным столом с выдвижной крышкой, корректируя рукопись. Когда Буш заговорил, он не поднял глаз, но его карандаш остановился:

— Что ты читаешь?

Буш пожал плечами.

---

[69] Примечания: 69

Nom D'un Nom (фр.) — своеобразное ругательство, нечто напоминающее «Во имя…», «Да твою ж…», и т. д. Использовалось в ругательствах как заменитель фразы «Во имя бога».

— «Дьявол, которого мы знаем». Я думал, что это вымысел. Название показалось знакомым.

Льюис посмотрел на него, положив карандаш.

— Ты вспомнил о коротком рассказе Каттнера. Эта же книга является одной из стандартных работ по демонологии.

Буш имел обыкновение заходить к Марку Льюису в любое время дня и ночи, главным образом из-за увлекательных разговоров, которые иногда расцветали благодаря бутылке портвейна Льюиса. Льюису было за пятьдесят, он был в два раза старше, чем Буш, но у этих двоих было так много общего, особенно в том, что нравится или не нравиться, что эта разница была едва заметна.

Льюис писал фэнтези и научную фантастику уже двадцать с лишним лет, и молодой Буш, продав свою четвертую историю, тоже пытался думать о себе как об авторе.

У обоих мужчин была привычка спать допоздна по воскресеньям, поэтому Буш не считал зазорным появиться в доме старика в субботу в десять тридцать. Миссис Льюис отправилась к соседям на игру в бинго, а сам Льюис был глубоко поглощен желанием внести несколько необходимых изменений в свою последнюю новеллу, когда Дон Буш позвонил в дверь.

Поскольку Льюис еще не был готов бросить свою работу, Буш начал просматривать огромную коллекцию книг Марка и натолкнулся на обсуждаемый том.

Буш перевернул следующую страницу.

— Демонология? Тогда я могу предположить, что это все же выдумка.

Льюис провел рукой по виску, пригладив свои почти белые волосы.

— Не совсем. Локхарт, автор книги, верит в это не больше, чем ты или я. Это просто… ну, история верований более ранних народов, особенно в отношении религии. Что-то вроде «Золотой Ветви».

— Или «Некрономикона», — усмехнулся Буш.

Старик взял свою трубку.

— Не совсем в той же категории. Абдул Альхазред действительно верил в то, что писал. Он представил это как факты. Посмотри на это с другой стороны; если я скажу: «Есть такие существа как призраки», это будет неправда. Но если я скажу: «Некоторые люди в средние века верили в призраков», это утверждение будет историческим фактом, и его стоит записать.

Он чиркнул большой кухонной спичкой и начал курить длинную голландскую трубку.

Буш отложил книгу в сторону. В нем зародился интерес, и он хотел знать больше, но было легче и приятнее узнать это от Льюиса, чем из книги Локхарта.

— Ты говоришь о призраках; давай же вернемся к демонологии. С чем он… — Буш постучал большим пальцем по книге, — имел дело? Вызывал дьявола, чтобы мы могли продать свою душу за способность стать колдунами, ведьмами и магами?

— Не совсем, — ответил Льюис сквозь облако голубых паров, — это чисто христианская демонология. Она была взята, в основном, из древнееврейских верований, как и мусульманские идеи.

Каждая, конечно же, была изменена, чтобы соответствовать существующим тогда представлениям арабов или европейцев. Но самая ранняя основа, вероятно, возникла из многобожия религий наших диких, обитающих в пещерах предков. Есть тысячи и тысячи духов в мире — и хороших, и плохих. Если бы ими можно было управлять, это было бы просто прекрасно для человека, который научился бы их контролировать. Даже когда пришла идея единобожия, она не покончила с концепцией тысяч духов. Например, в «современ-

ном христианстве», у нас все еще есть Ангелы и Злые Воины Сатаны.

Буш сунул сигарету в рот и закурил.

— Эти духи должны быть всемогущими — верно?

— Предположительно, — кивнул Льюис.

Буш встал и направился на кухню, повышая голос, чтобы его было слышно в кабинете.

— Ну, и как же тогда управлять столь могущественными существами?

Он вынул охлажденную бутылку из холодильника, взял пару бокалов и вернулся в кабинет.

— Просто, — ответил Льюис. — Все, — включая тебя, — имеет Истинное Имя. Если ты знаешь Истинное Имя чего-либо, оно у тебя на коротком поводке.

Буш разлил выпивку по бокалам.

— Ну, Дональд Джеймс Буш — мое настоящее имя. Что ты можешь с этим сделать?

Льюис отмахнулся от этого.

— Если я скажу «Дональд Джеймс Буш», ты сразу же появишься передо мной, где бы ты ни находился? Нет. Поэтому это не настоящее имя.

Буш глотнул вина.

— У них все хорошо продумано, не так ли? Я имею в виду, если магия не сработала, значит у

тебя не было нужных слов — верно?

— Вот именно, — согласился Льюис. — И здесь не все так просто. Предположим, ты хочешь призвать демона Архазела, чтобы назавтра вызвать бурю, и произносишь его имя именно так. Завтра бушуют шторма. Прекрасно.

Затем через пару недель ты хочешь еще один шторм. Ты проходишь через все ту же тягомотину. Но шторма нет. Что же произошло?

На этот раз ты не правильно произнес его имя! Эти вещи должны быть абсолютно правильными. Если рот открыт немного не так, или язык выдвинут на десятую часть миллиметра дальше, слова будут произнесены неверно, и демон не будет подчиняться.

Возможно, человеческое ухо не может понять разницу, но сенсорный аппарат демона точно может!

Буш обдумал это, потирая подбородок, затем сказал:

— Постой минутку! При условии, что если ты получишь абсолютно идеальное имя, то сможешь командовать любым духом. Правильно?

Льюис допил вино, прежде чем ответить:

— Правильно.

— Ну, тогда, почему они решили, что им нужны

все эти пентакли или пентаграммы или что-то в этом роде, и все мистические заклинания, ладан и свечи? Что хорошего они привнесли?

— Ах, вот ты о чем, — сказал Льюис, с теплотой относясь к этому вопросу. — С Истинным Именем ты можешь командовать любым существом. Оно должно подчиниться. Но — вот в чем соль — это не мешает ему сделать что-то еще, что он может захотеть сделать! Понимаешь?

Например, ты можешь вызвать в воображении арабского джинна и отдать ему приказ, согласно его истинному имени, принести тебе золото и драгоценности. Он вынужден будет сделать это, но это не помешает ему разорвать тебя на куски или унести в ад после того, как он выполнит поручение — или даже раньше, если уж на то пошло.

— Это порождает сложности, — согласился Буш, наполняя свой бокал, — но почему ты не можешь приказать ему не рвать тебя и не уносить?

— Теоретически, демон действует очень буквально, принимая твои команды, он воспринимает их как четкие символы, но игнорирует общий смысл. Если он…

— Я понял, — прервал Буш. — Если ты скажешь ему не разрывать тебя на куски, он отравит тебя или…

— Хуже этого, — сказал Льюис, вновь возглавив беседу. — Предположим, ты дашь ему явную команду не причинять тебе вреда. Он должен подчиняться. Затем ты говоришь ему, чтобы он принес тебе драгоценности. Хорошо. Он сделает это.

На следующий день, пока ты злорадствуешь над своим богатством, приходит местная полиция и оттаскивает тебя в местечко Бастилия. Почему? Демон преобразил себя, став похожим на тебя, и убил половину клерков «Тиффани», при этом.

И тебя поджарят на стуле. Кто это сделал? Не демон. Он никогда не трогал тебя. Понимаешь?

— Не очень приятно. И для этого нужны пентаграммы? — спросил Дон Буш, посмотрев на бутылку вина.

— В основном, — сказал Льюис с самодовольной усмешкой наполняя свой бокал. — Но на самом деле демону не приходится заходить так далеко, за исключением необычных обстоятельств. Если бы у тебя не было защитной пентаграммы, он, вероятно, прыгнул бы на тебя, прежде чем ты смог бы отдать ему какой-либо приказ.

Льюис посмотрел на свою голландскую трубку, снова зажег ее, сделал глоток портвейна и

продолжил:

— В общем, лучше не призывать демонов. Если у тебя есть «Кто есть кто в Стране Духов», с произношением, то лучше вызвать тех, кто не причинит тебе вреда — Хороших Духов.

Буш поднял брови.

— Ты тоже можешь их призвать? Ангелов и прочих?

— Почему бы и нет! — Льюис кивнул. — На самом деле, ты способен на большее. Ты когда-нибудь слышал о Тетраграмматоне?

Брови Буша снова опустились.

— Что-то греческое, не так ли?

— Слово греческое. Означает «четыре буквы». Но вера — еврейская. Появилось около трех веков до рождения Христа.

Они не использовали Истинное Имя Высшего Существа, подставляя вместо этого четыре буквы. Они были переведены на латиницу по-разному: YHVH, IHVH, JHWH, JHVH и YHWH. И имя это было переведено как Яхве или Иегова.

Буш моргнул.

— Ты имеешь в виду, что можешь призвать Его — или, скорее, спустить?

Льюис снова кивнул.

— Согласно законам демонологии, это воз-

можно, — при условии, что известно Истинное Произношение.

— Хммм. Интересно, как это?

Буш влил в себя уже достаточно вина, чтобы задуматься о таких вещах.

— Откуда мне знать? Не нужно произносить имя так, как оно написано; посмотри на Чолмонделей или Марджорибанкс. Насколько я знаю, даже ты мог бы произнести это… — Он издал вульгарную смесь звуков, которые, возможно, не могли быть отражены на бумаге.

Не было вспышки света или пламени. Не было ни дыма, ни шума, ни предупреждения.

Существо появилось рядом с ними.

Бокал Буша разлетелся на куски.

Льюис ахнул:

— Великий Боже!

— Как раз наоборот! — прорычало Существо, когда атаковало.

Марк Льюис неверно произнес имя.

Перевод: Р. Дремичев

Генри Гассе

Хранитель книги

Henry Hasse «The Guardian of the Book», 1937.

1

Я всегда слежу за старыми букинистическими магазинами. И поскольку по своим делам я бываю во всех частях города, я не раз заходил в такие места, чтобы провести лишние полчаса среди полок и стопок заплесневелых книг, с радостью находя среди них такие, что соответствуют моим многочисленным увлечениям и интересам.

В тот особенный февральский вечер я спешил домой и, пересекая узкую аллею на окраине торгового квартала, остановился с радостным трепетом. Недалеко от угла я заметил один из тех старинных книжных магазинов, который, как я был уверен, никогда не посещал раньше — узкий каркасный склад, спрятавшийся между двумя кирпичными зданиями.

У меня не имелось никаких особых планов на вечер; уже темнело, было холодно, и налетел стремительный шквал снежинок. Я вошёл в это убежище, что очень кстати привлекло моё внимание.

Помещение имело тусклое освещение, но я видел, что стою посреди множества книг, которые располагались на полках и на полу. В передней части магазина никого не было, но из задней комнаты доносился стук кастрюль, и я догадался, что у кого-то уже начался ужин. Я тихонько побродил среди этого беспорядочного нагромождения книг и, должно быть, забыл о времени, потому что совсем неожиданно рядом с моим ухом раздался пронзительный голосок:

— Может быть, вы ищете какую-то особую книгу?

Вздрогнув, я резко обернулся.

Рядом со мной, вглядываясь в моё лицо, стоял маленький человечек, самый странный из тех, что я когда-либо видел. Я могу сказать даже буквально: он выглядел крошечным, потому что его рост не превышал четырёх футов. Его кожа выглядела гладкой и туго натянутой, и такого цвета, который я мог бы описать только как сланцево-серый; кроме того, его нелепый купол головы был совершенно лысым, а на лице не имелось даже малейших следов бровей! И за всю свою жизнь я никогда не видел ничего более чёрного, чем эти глаза, которые смотрели в мои, когда человечек повторил свой вопрос:

— Может быть, вы ищете какую-то особую книгу?

Я неловко рассмеялся.

— Вы меня напугали, — сказал я. — Да нет, ничего особенного, просто осматриваюсь. Я подумал, что, может быть, смогу найти что-нибудь, чтобы унести сегодня вечером домой.

Лысый ничего не ответил, только слегка поклонился и жестом пригласил меня пройти вперёд. Двигаясь среди множества книг, я заметил, что глаза маленького человечка следят за каждым моим движением, и хотя выражение его лица не изменилось, мне показалось, что он наблюдает за мной с каким-то подобием веселья.

Я пробежал глазами по названиям, не упустив ни одного, потому что есть книги, которые я всегда ищу, как бы ни малы были мои шансы найти хоть одну из них. Но теперь, когда я рассматривал книги вокруг себя, я увидел, что никакого порядка в их расположении вообще не соблюдалось: художественная литература, биографии, наука, история, религия, техника — все они были беспорядочно перемешаны.

Возможно, ещё минут пять я искал, прежде чем отказаться от этой безнадёжной затеи, потому что у меня было не так много времени, чтобы

тратить его на поиски того, что я хотел.

Маленький человечек не двигался с места, и теперь он улыбался вполне дружелюбно.

— Я очень боюсь, сэр, что вы никогда не найдёте того, что ищете.

Я был несколько нетерпелив, поэтому ответил откровенно:

— Тут я с вами согласен, я никогда не видел такого беспорядка.

— О, я только что переехал сюда, — объяснил он, всё ещё улыбаясь, — и у меня не хватило времени, чтобы привести всё в надлежащий порядок.

Я так и предполагал. Я сказал, что зайду попозже, и направился к двери.

Торговец положил руку мне на плечо.

— Постойте. Вы неверно истолковали мои слова, когда я сказал, что вы никогда не найдёте то, что ищете. Я не имел в виду беспорядок в моём магазине.

Я нахмурил брови, а он продолжил:

— Надеюсь, вы не будете слишком удивлены, доктор Уичерли, когда я заверю вас, что вполне осведомлён о существовании некоторых труднодоступных книг, за возможность владения которыми вы охотно отдали бы любую цену. И

даже заплатили бы просто за то, чтобы прочесть их. Разве нет? И как бы далеко не находились эти книги, какими бы смутными ни были ваши шансы, вы всё же питаете надежду, что, возможно, когда-нибудь, по счастливой случайности, вы сможете завладеть одной из таких книг. Разве это не так?

Очень удивившись, я ответил сразу на оба его вопроса, едва сознавая, что говорю:

— Ну… да, в самом деле, да.

Лысая голова торговца добродушно покачнулась, и он махнул рукой в сторону беспорядочных стопок книг вокруг нас.

— А эти? — подчеркнул он своим пронзительным голосом. — Эти? Тьфу! Они — мусор, они — ничто! Вы не найдете там того, что ищете!

Я был поражён его горячностью.

— Наверное, нет, — неопределённо пробормотал я. — Но вы только что упомянули моё имя, а я и не подозревал, что вы меня знаете. Не могли бы вы объяснить?

— Ах, да, вы, конечно, озадачены. Вы удивляетесь, как я узнал ваше имя. Это, сэр, совершенно несущественно. Ещё больше вы удивляетесь тому, как я мог узнать о вашем тайном желании, желании прочесть так называемые «запретные

книги», которые повествуют о немыслимом зле — книги, которые теперь настолько недосягаемы, что даже запрещены. Достаточно сказать, что в настоящее время я не могу не знать о ваших погружениях в таинственные и ужасные темы, потому что… ну, потому что для меня крайне важно, чтобы я это знал; следовательно, я знаю. Но я думаю, вы согласитесь, что ваши поиски таких книг довольно безнадёжны! Различные версии «Некрономикона», Альхазреда, «Атмосфера», Фламмариона, «Безымянные Культы», фон Юнцта, «Магия и Чёрное Искусство», Кейна, «Книга Эйбона», и таинственный «Король в Жёлтом», — который, если он действительно существует, должен превзойти их все — ничего из этого вы не найдёте в книжных магазинах. Даже те немногие книги, о существовании которых известно, находятся под замком. Конечно, есть и другие, более мелкие источники, но даже их нелегко раздобыть. Например, вам, вероятно, было трудно найти то самое, более позднее издание «Безымянных Культов», которое вы теперь имеете в своём распоряжении; и я полагаю, что вы находите его весьма неудовлетворительным из-за того, что цензоры подсократили страницы.

— Да, нахожу неудовлетворительным! — при-

знался я, затаив дыхание. Меня очень удивила встреча с человеком, так много знающим о запретных книгах. Я решил ему объяснить:

— «Безымянные Культы», которые у меня есть, — это сравнительно недавнее издание 1909 года, и оно в высшей степени легкомысленное. Мне бы очень хотелось заполучить один из тех оригиналов, изданных в Германии, кажется, в начале восемнадцатого века.

Но человечек категорически отмахнулся.

— А как же «Некрономикон», — спросил он, — самая страшная из всех запрещённых книг, о которой говорят лишь намёками; вы бы многое отдали, чтобы заглянуть в неё?

— Это, — улыбнулся я, — даже выше моих самых заветных надежд!

— А если я скажу вам, что у меня здесь, в этой самой лавке, хранится подлинник «Некрономикона»?

Я и бровью не повёл.

— Нет у вас этой книги, — решительно заявил я.

Лысый смотрел не на меня, а куда-то вдаль.

— Верно, нет, — сказал он, наконец. — Я думал, вы сочтёте это заявление абсурдным.

Он вздохнул и поспешно продолжил:

— И всё же мне интересно, можете ли вы представить себе ещё большую нелепость — книгу, ещё более ужасную, чем пугающий «Некрономикон», книгу, настолько зловещую по своему размаху, что «Некрономикон», покажется вам таким же банальным, как…

— Как поваренная книга, — шутливо вставил я, потому что крошечный человечек принял теперь почти забавный вид — торжественный и одновременно серьёзный.

— Да. Книга, которая рассказывает о вещах, которые безумному Арабу никогда не снились даже в его самых диких кошмарах; на самом деле, книга даже не с этой Земли; книга, которая восходит к самому началу и тому, что находится за пределами начала; которая исходит из самых умов тех существ, что создали всех остальных!

Я посмотрел на торговца с внезапным подозрением, затем цинично улыбнулся.

— Вы хотите сказать, что у вас нет «Некрономикона», но есть такая книга, которую вы описываете?

Глаза человечка на мгновение задержались на мне, и только на миг в них появился блеск.

Он сказал:

— Вы осмелитесь позволить мне показать её

вам?

— Да, покажите мне эту книгу, во что бы то ни стало!

— Очень хорошо. Пожалуйста, подождите здесь минутку.

Я с сомнением ждал, впервые задумавшись о действительно необычном аспекте этого дела. Я вдруг вспомнил историю, которую читал некоторое время назад, что-то о человеке, который зашёл в старый книжный магазин и погрузился в круговорот странных приключений, связанных с вампирами. Меня встревожило то, что эта история всплыла у меня в голове именно сейчас, но я улыбнулся при мысли о том, что со мной может случиться что-то нехорошее; этот маленький синеватый человечек был действительно довольно странным типом, но он не соответствовал моим представлениям о вампирах.

В этот момент он вернулся с огромной книгой, которая по высоте составляла половину его роста.

— Вы должны понять, — проговорил он, — что то, что я вам скажу, не должно восприниматься скептически. Очень важно, чтобы вы знали некоторые вещи об этой книге, — торговец крепко прижал её к себе, — которые покажутся вам неве-

роятными. Во-первых, я должен вам сообщить, что она не принадлежит ни мне, ни кому бы то ни было на этой Земле: это первая невероятная вещь, в которую вы должны поверить. Если бы мне и в самом деле пришлось объяснять вам, кому она принадлежит, я бы сказал — космосу и всем столетиям, которые были, есть и будут. Это самая отвратительная книга во вселенной, и если бы не она, я… но нет, я не скажу вам этого сейчас. Сейчас я сообщу только, что я — хранитель этой книги, теперешний хранитель, и вы никогда не сможете себе представить, какие ужасные переходы во времени и пространстве я совершил.

Можно ли винить меня за то, что я начал пятиться к двери? Можно ли винить меня за то, что я захотел уйти оттуда? В моём сознании росло подозрение, что этот человек сошёл с ума, и теперь я это понял. Но следующие слова я произнёс именно потому, что не знал, что ещё сказать:

— И вы хотите продать мне эту книгу?

Торговец ещё пристальнее вгляделся в меня.

— Её нельзя купить за все богатства этой или любой другой планеты. Нет, я просто хочу, чтобы вы прочли её. Я очень хочу, чтобы вы её прочли. Вы можете взять книгу к себе на дом, если хотите. Видите ли, я знаю, что, несмотря на ваш скепти-

цизм, вас снедает любопытство.

Человечек был прав. И всё же, почему я не мог решиться? Было что-то очень странное во всём этом, нечто, что не проявлялось на поверхности, что-то неуловимое и почти пугающее. До сих пор он намекал на многое, но не сказал мне ровным счётом ничего. Он был слишком решителен в том, чтобы навязать мне эту книгу, и что-то подсказывало мне, что если он так сильно хочет, чтобы я её прочел, то лучше мне этого не делать.

— Нет, спасибо, — пробормотал я, и, не пытаясь скрыть дрожь, отвернулся.

С меня было достаточно. Его глаза выглядели слишком чёрными. Но торговец, казалось, предвидел мой отказ, и в дверях снова схватил меня за руку.

— Вы должны знать, — сказал он, — что если бы вы не пришли сюда, я рано или поздно принёс бы вам эту книгу. Исходя из того, что я знаю о вас и о ваших оккультных занятиях, следует вывод, что именно вам следует доверить эту книгу. Я понимаю, что всего лишь намекнул вам на некоторые вещи и ничего не сказал, но больше я ничего не могу сделать. Вы должны прочитать эту книгу, тогда вы всё поймёте.

Положив руку на дверь, я на один роковой миг

замешкался. В этот момент книга выскользнула из-под его руки, и человечек с жадностью прижал её ко мне, наполовину вытолкнув меня за дверь в сумерки приближающейся ночи; и вот я стою с этим тяжёлым фолиантом в руках, озадаченный, наполовину рассерженный, но всё же смеющий надеяться, что наконец-то обладаю чем-то важным. Усмехнувшись и пожав плечами, я направился домой.

2

Мои надежды более чем оправдались, как я вскоре установил, оказавшись в своём уединённом жилище. Книга с обложками, обшитыми металлом, была огромной — размером с большой гроссбух, и очень толстой. Переплёт из чёрной выцветшей ткани, незнакомой мне, и пожелтевшие страницы тоже оказались какой-то странной, упругой фактуры. Страницы были исписаны странными угловатыми символами, длинными, узкими и строго перпендикулярными. Я попытался найти ключевое слово или символ, но они отсутствовали, поэтому я уставился на страницы, задаваясь вопросом, как мне расшифровать их.

И тут случилось нечто странное, что должно было стать лишь первым из многих удивительных

событий того вечера. Пока я смотрел и продолжал смотреть на эти сбивающие с толку страницы, мне показалось, что один из символов шевельнулся, совсем чуть-чуть; и когда я пристально всмотрелся в текст, стало ясно, что символы действительно двигались, пока мои глаза пробегали по строчкам — перестраиваясь очень быстро, извиваясь и скручиваясь, подобно множеству крошечных змей. Благодаря таким странным извивающимся движениям я больше не удивлялся значению этих символов, ибо они вдруг стали ясными, яркими и полными смысла, запечатлевшись в моём сознании в виде множества слов и предложений. Я понял, что действительно наткнулся на нечто очень важное.

Книга, казалось, источала невидимую ауру зла, которая сначала нервировала меня, а затем стала доставлять удовольствие, и я решил не терять времени и погрузился в работу.

Усевшись на край библиотечного стола, я разложил перед собой книгу и придвинул лампу поближе. Чувствуя комфорт от пылающего справа от меня камина, я открыл первую страницу книги и начал читать самое фантастическое, я бы даже сказал, безумное сочинение, которое мне когда-либо доводилось читать; но из-за всего

этого, я не могу быть сейчас уверен в том, что действительно читал книгу, а не пребывал в состоянии безумия.

Но вот оно, почти слово в слово, каким я его так отчётливо помню:

ПРЕДИСЛОВИЕ

к самой отвратительной книге

когда-либо попавшей

в ничего не подозревающий Космос

Тот, кто завладеет этой книгой, должен быть предупреждён, и данное Предисловие должно служить этой цели. Обладатель этой книги должен быть мудр, чтобы бежать от неё — но не сможет. Его любопытство уже возбуждено, и, читая даже эти несколько предостерегающих слов, он не удержится от дальнейшего чтения; а продолжая дальше, он будет запутан, станет частью заговора и слишком поздно поймёт, что остаётся только одна печальная альтернатива — побег.

Таково ужасное проклятие этой книги. Но как Они должны смеяться от радости!

Знайте же, кто прочтёт это, что я, Тлавиир из

Вурла, настоящим подписываюсь под историей и происхождением сей книги, чтобы все люди во все грядущие времена могли тщательно обдумать её содержание, прежде чем поддаться любопытству, присущему всем людям во Вселенной. У меня не было такого предупреждения, и по причине моей глупости мне суждено быть первым хранителем. Я сам ещё не знаю, что это может означать, ибо, как бы я ни старался, я не могу забыть своего друга Катульна, который, сам того не ведая, запустил этот ужасный план богов, и то, какая судьба его ожидала.

Катульн всегда был загадкой для тех, кто его знал, за исключением, пожалуй, меня. Даже в детстве он проявлял ненасытное любопытство к тем глубоким тайнам времени и пространства, которые, как говорили мудрецы Вурла, не должны были знать или искать простые люди.

Катульн не мог понять, почему всё должно быть именно так.

Мы вместе выросли и вместе поступили в университет, и там Катульн стал таким страстным учеником в науках, особенно в сложной математике, что постоянно удивлял профессоров.

Мы вместе покинули университет, я — чтобы продолжить дело своего отца, а Катульн, получив

должность ассистента профессора, продолжил некоторые свои занятия.

Я никогда не мог понять, почему он доверял мне, как никому другому, разве только потому, что я слушал его теории с истинной серьёзностью. Я был очарован некоторыми его мыслями. Тем не менее, я не могу не признать, что временами его голос звучал довольно дико.

— Вот мы здесь, — говорил он с трепетом, — крошечные пылинки на поверхности планеты Вурл, в глубине двадцать третьей туманности. Великие учёные говорили нам об этом так же, как и о нашем нынешнем местонахождении. Но какова наша цель — конечная? Здесь у нас есть наша вращающаяся планета, наша вращающаяся система, наша дрейфующая туманность — но одна из миллионов, что движутся, образуя то, что мы называем Вселенной, Вселенной, о которой мы должны сказать то, что это всего лишь частица, несущаяся вперёд с другими частицами — куда? и к какой судьбе? и с какой целью?... Пожалуй, следует говорить: для чьей цели?

И мы никогда не узнаем, должны ли мы всегда оставаться прикованными к этой жалкой маленькой планете? Я не думаю, Тлавиир. Человек за миллион лет может покорить звёзды. Но это

произойдёт не при моей жизни; и я не могу ждать; и кроме того, моя жажда больше, чем простое владение звёздами. Послушай, Тлавиир: представь себе, что можно найти способ проецировать себя не среди звезд, а за их пределы — за пределы космической сферы звёзд! Достичь точки, полностью находящейся снаружи… оттуда наблюдать за работой космической пыли в потоке времени. В конце концов, времени ведь нет, не так ли? Разве пространство и время не должны быть одним и тем же, сосуществовать и соотноситься друг с другом? Разве ты не видишь? И проецировать своё «я», за пределы пространства — разве это не стало бы реализацией нашего хвалёного бессмертия? И будь уверен, выход есть.

Я не мог полностью переварить эти фантастические рассуждения, но и не отрицал возможной истинности его теорий. Существовало несколько старых книг, на которые Катульн часто ссылался, и я думаю, что именно эти книги заставляли его временами строить подобные теории, ведущие в странном направлении.

— А как насчёт тех суеверий, Тлавиир, которые дошли до нас от древних, что населяли Вурл много веков назад? И почему мы должны говорить о суевериях и мифах? Почему человек должен

насмехаться над тем, чего он не может понять? Вполне логично, что у этих суеверий и мифов имелась определённая причина для существования: я прочитал некоторые древние рукописи и убедился в этом. Кто знает? — возможно, чьи-то зондирующие пальцы извне проникли внутрь и коснулись Вурла много веков назад, тем самым породив сказки, относительно которых мы очень хорошо знаем, что они не могли родиться в обычном воображении. Вот почему, Тлавиир, я иногда думаю, что ошибаюсь, ища путь наружу; возможно, человеку лучше не пытаться: он может узнать то, чего лучше не знать.

Но размышления такого рода приходили к Катульну лишь изредка. Чаще он показывал мне пачки бумаг с расчётами и какими-то геометрическими рисунками, бесконечными углами и кривыми, каких я никогда раньше не видел, и некоторые из них казались настолько дьявольски искажёнными, что выпрыгивали из бумаги прямо на меня! Когда Катульн пытался объяснить свои вычисления, я никогда не мог понять его рассуждения дальше определенного пункта, хотя его объяснения плюс его энтузиазм делали всё это вполне логичным.

Насколько я мог понять, существует почти бес-

конечное число пространственных измерений, некоторые из которых соприкасаются с нашими собственными и могут быть использованы в качестве катапульт, если только можно проникнуть через невидимую и тонкую границу между нашим пространством и этими гиперпространствами. Я никогда не придавал особого значения измерениям, выходящим за пределы наших привычных трёх, но Катульн казался очень уверенным.

— Должен быть какой-то выход, Тлавиир. Я установил это безо всяких сомнений. И теперь я уверен, что работаю над правильным решением. Я скоро найду его.

Да, мой друг нашёл его. Он действительно нашёл решение и продвинулся дальше, чем смог или сможет любой другой смертный. Он не мог знать....

Только вскоре после нашего последнего разговора с ним Катульн исчез без следа и причины, был объявлен мёртвым, и даже я, которому он доверил все свои надежды, не подозревал, что когда-нибудь увижу его снова. Но я увидел.

Прошло двадцать долгих лет, когда Катульн вернулся так же внезапно, как и ушёл, и явился прямо ко мне. Самое удивительное, что он ни

на день не постарел с тех пор, как я видел его в последний раз, двадцать лет назад! Но годы легли на меня тяжёлым грузом, и Катульн, казалось, был потрясён тем, что я так изменился.

Он рассказал мне свою историю.

— Мне это удалось, Тлавиир. Я знал, что нахожусь на правильном пути в своих расчётах, но всё могло быть впустую, если бы я не истолковал отрывок в одной из этих древних книг; это было своего рода заклинание, сама сущность зла, что открывало дверь, когда слова произносились в соответствии с моим исчислением измерений. Смысл этого заклинания я не могу сказать тебе сейчас, но оно должно было предупредить меня, что задуманный мной план не приведёт к добру. Тем не менее, я осмелился; я уже зашёл слишком далеко, чтобы поворачивать назад.

Я осуществил свой план, чувствуя себя немного глупо, возможно, только надеясь, но, не зная, что это была комбинация, которую я так долго искал. На мгновение мне показалось, что ничего не произошло, и всё же я ощутил перемену. Что-то случилось с моим зрением; всё стало размытым, но быстро превращалось в чёткую гротескность невозможных углов и плоскостей.

Но прежде, чем это видение стало вполне опре-

делённым, меня вырвало наружу, Тлавиир, за пределы искривления пространства, в пространство за пределами пространства, где даже свет поворачивается вспять из-за отсутствия времени! Всё прекратилось: видение и звук, время, измерение и сравнение. У меня оставалось только осознание, но осознание бесконечно более острое, чем просто физическое. Я… я был умом!

Что касается Их… теперь я знаю, Тлавиир, и это именно то, чего я боялся. Их нельзя представить как Существ, или Созданий, или что-либо знакомое нам, ни одно слово тут не подходит. Они — силы чистого Зла, источник всего зла, которое когда-либо было, есть и будет! Иногда Они проникают внутрь. Есть цель.

Катульн коснулся рукой своего лба.

— Есть многое… очень многое, Тлавиир. Всё не так ясно, как было. Но я начинаю вспоминать! Я начинаю… я думаю, что эти сущности Зла развлекались, Тлавиир… У них имелось какое-то развлечение, которое я сейчас не могу понять. Возможно, Их позабавило то, что мне удалось оказаться среди Них. Несомненно, ни одно живое существо не делало этого раньше. Теперь я понимаю, что если бы Они захотели, то могли бы произнести слово, которое взорвало бы и уни-

чтожило меня. Если бы Они пожелали! Вместо этого Они держали меня среди Них. Было что-то… что-то в Их веселье.

Ты помнишь один давний разговор, Тлавиир, когда я предположил, что наша вселенная — всего лишь частица среди других частиц, несущаяся куда-то, к какой-то судьбе, с какой-то целью?

Помнишь ли ты также, что я сказал: может быть, человеку лучше не знать… некоторых вещей?

Я научился многим вещам, Тлавиир, и сейчас мне жаль, что я их узнал. Чудовищные вещи. Откуда взялся Космос… и почему… и его конечная судьба — не из приятных. Самое ужасное, что я начинаю вспоминать… обряды… совершаемые этими Злобными Существами… обряды, вовлекающие Космос самым дьявольским образом…

Я даже не удивлялся своему присутствию Там. Всё было Умом, и Ум был всем. Казалось, что я выглядел большим среди Них… умышленно одним из Них… помогая осуществлять некоторые из этих грандиозных обрядов… принимая участие в Их зловещем развлечении. Но в одно и то же время, по какому-то необъяснимому и непостижимому сверхъестественному обстоятельству, мне казалось, что я отстранён и ничтожен, что

я — зритель лишь какой-то малой части целого. Казалось, что я смешивался с Ними на протяжении бесчисленных тысячелетий, но опять же это была лишь малая часть того, что мы называем «временем».

Но теперь… теперь я знаю, что Они просто некоторое время играли со мной подобно ребёнку, что играет с новой игрушкой, а затем устает от неё. Они выбросили меня назад, Тлавиир, и вот я снова на Вурле. Сначала я подумал, что очнулся от очень дурного сна, но мне не потребовалось много времени, чтобы обнаружить, что Вурл прошёл двадцать лет по своему предназначенному пути в течение тех многих тысячелетий или тех нескольких секунд, что я находился в том месте, где нет времени!

— И ты вернешься туда снова? — с жаром спросил я Катульна, потому что искренне поверил его рассказу.

— Я не могу, даже если бы захотел, и ни один смертный не сможет снова. Они закрыли путь теперь на все времена, и это хорошо.

Для Них, как я уже сказал, я был всего лишь минутным развлечением, но не таким уж незначительным, потому что Они предупредили меня! Они отбросили меня назад, и это было предупре-

ждением: если я когда-нибудь открою другому смертному малейшую из тайн, которые я узнал, или упомяну какую-либо часть или цель ужасных ритуалов, что я видел, моя душа будет разбита на миллион осколков, и эти мучительные осколки разлетятся с воплями по всему космосу! Вот почему, Тлавиир, я не смею сказать тебе ничего сверх этого. Всё больше и больше воспоминаний приходит ко мне, но я не осмеливаюсь говорить о таких вещах.

Потому что… я знаю, что Они могут проникнуть внутрь!

С того дня ни Катульн, ни я больше не упоминали о его пребывании «снаружи». Долгое время я не мог забыть того, на что он намекал, но как ужасно, должно быть, было то, о чём он не решался рассказывать!

Прошло несколько лет, и всё это стало более или менее мифом в моём сознании. Но легко было заметить, что с Катульном всё происходило по-другому. Двадцать лет, которые он пропустил, теперь протянули злые пальцы и взяли своё. Досада, недовольство, беспокойные размышления ума — всё это привело к плачевным изменениям его личности.

Однажды он пришёл ко мне и высказал мысль,

что преследовала его. Он сказал, что не может молчать, как раньше. Его тошнило от слепого стремления людей к знаниям. В его власти было дать им ответы на вопросы относительно тайн космоса, которые учёные искали медленно в течение многих лет. Катульн мог поведать и о других вещах, о которых они никогда не догадывались. И как бы ни были ужасны эти тайны, человек должен знать всё. Мысли и воспоминания, теснившиеся в измученном мозгу Катульны, требовали выхода, и таковой имелся лишь один: мой друг решил записать историю своего приключения «снаружи», рассказать обо всём, что он пережил и чему научился.

Что же касается предупреждения, которое дали ему Сущности Зла, то это ничего не значило.

— Прошли годы, — рассуждал Катульн, — и Они, конечно же, забыли; мы ничтожны, а Они управляют вселенными.

Я не возражал. Как и Катульн, теперь, когда прошли годы, я думал, что предупреждение этих Внешних Существ было мелочью.

Таким образом, было положено начало их коварной игре….

Я никогда не забуду ту ночь, когда судьба обрушилась на город Бхуульм. Я покинул город

всего за несколько часов до этого, сопровождая один из своих караванов в ближайший соседний город, доступ к которому вёл через извилистый проход в окружающем горном хребте. Переход был совершён без происшествий, и, поскольку мои дела были закончены, я спешил домой один и находился уже далеко в горах, когда странная тьма опустилась так таинственно и преждевременно. Вскоре после этого я увидел длинную багровую ленту, появившуюся из космоса. Она на мгновение застыла, а затем скрылась из виду прямо за горной грядой впереди меня.

Я поспешно пришпорил лошадь, уже чувствуя себя несчастным.

Когда я, наконец, протиснулся через проход и увидел город, лента исчезла, всё было тихо, и тишина эта, казалось, кричала в агонии бледным звёздам, испуганно глядящим вниз.

Я вошёл в город и наткнулся на человека, ползающего по улице, и когда я наклонился, чтобы помочь ему, он, казалось, не увидел меня, но кричал, снова и снова, что-то о «фигуре», которая скользила вниз по ручью. Затем он впал в безумие, испуская слюни, я оставил его лежать и пошёл дальше, в самое сердце города.

Это случилось незадолго до того, как полный

грехов ужас обрушился на меня. Всё население стало не только невменяемым, но и совершенно слепым. Некоторые лежали неподвижно на улицах, в милосердном забытьи; некоторые всё ещё корчились и неразборчиво бормотали о чём-то, что спустилось, чтобы взорвать их разум и зрение, а другие жалостливо бродили вокруг, ошеломлённые и хнычущие.

Я бросился к дому своего друга Катульна, но уже знал, что опоздал. Я нашёл то, что и ожидал: он был мёртв. Но его тело стало практически неузнаваемым. Его сплошь покрывали крошечные голубые дырочки, наводящие на жуткие мысли. Его конечности были ужасно искалечены и переломаны. Глаза были вырваны из орбит, а на лице зияли две огромные дыры, из которых что-то сочилось. И его губы растянулись в такой застывшей, преувеличенной улыбке, что я быстро отвернулся.

Повсюду в доме лежали разрозненные страницы, на которых я узнал почерк моего друга. Я хорошо понимал, что это за записи и что они предвещают; но во внезапном безумном исступлении я собрал их все, запихнул их под свою одежду и убежал оттуда в поспешном ужасе.

Я пересёк три великих океана Вурла и по-

сле многих злоключений достиг Ненавистного Континента Длууг. Я поднялся по извилистым внутренним горам и спустился в низины, полные тех существ, которые, как предполагалось, покинули лик Вурла много веков назад. Медленно, неумолимо я прокладывал свой опасный путь вперёд и, наконец, полумертвый от боли и усталости, достиг своей цели — полумифического города таинственной и фанатичной жреческой секты, столь уединённой, что только слухи о её существовании достигали внешних сфер Вурла.

Меня приняли, и о моих ранах позаботились; ибо всех, кому удаётся туда добраться, приветствуют и не задают лишних вопросов.

Так случилось, что в тишине моих временных покоев в этом глубоко скрытом городе я, наконец, осмелился заглянуть в тайные складки своей одежды и вытащить те страницы, которые Катульн написал до того, как на него обрушилась погибель. Разложив их по порядку, я увидел, что Катульн получил разрешение закончить свой трактат. И почему-то этот факт выглядел более тревожным, чем если бы Катульна внезапно прервали, прежде чем он успел закончить.

Я с трепетом начал читать и полностью погрузился в написанное. Но вскоре я столкнулся с

первыми намеками Катульны на космические ужасы, которые ему предстояло открыть, и меня одолели сомнения. Я стал читать дальше… ещё несколько страниц… я был потрясён и напуган… Тогда я пал духом, мне захотелось остановиться и уничтожить эти страницы навсегда, но я обнаружил, к своему невыразимому ужасу, что не могу этого сделать! Воля, которая не являлась моей собственной, заставила меня читать дальше… всё вокруг меня перестало существовать… я больше не был связан с Вурлом, но меня затянуло, если не физически, то по ощущениям в самую середину этих безумных страниц…

В течение всей ночи, с головокружением, с отвращением в душе, я просматривал эти всё раскрывающие страницы, которые неумолимо, но верно двигались к завершающей, кульминационной необъятности, от которой мой мозг похолодел.

Уже забрезжил угрюмый рассвет, когда я закончил этот ужасный трактат и проклинал всех богов, которые существовали, ибо тогда я всё узнал! Дурак, каким же я был дураком! Глупо было думать, что на такой крошечной планете как Вурл или даже во всей сфере космоса может найтись место, где можно спрятаться от Них! Я дурак,

потому что не уничтожил эти страницы полностью, не читая их! Но было уже слишком поздно; вечная панихида по всему человечеству: «Слишком поздно!», Я поддался этому смертельному и алчному заклятому врагу — любопытству. Я прочёл и был совершенно, и чертовски обречён!

И вот, словно в ответ на мои проклятия, издалека донёсся издевательский смешок, а потом ещё ближе, верхом на ветре со звёзд, слабый и ясный… странное шипение и движение, как будто каждый отдельный атом планеты Вурл бесконечно отклонился от своего пути… сильный холод… какой-то багровый блеск, который внезапно вспыхнул, заполнив всю комнату вокруг меня… а потом…

Кажется, я пытался закричать, но каждая последующая попытка достигала определённого предела в моём горле и останавливалась. Как я могу передать душераздирающий ужас того момента, когда из небытия передо мной возникла какая-то тварь, бесформенная, извивающаяся масса, зеленоватая и флуоресцирующая, осязаемая и ощутимая — неописуемая, потому что она постоянно менялась, исчезая по краям, как будто это была проекция, идущая из какого-то другого пространства или измерения. В этот момент

я вспомнил слова, сказанные мне Катульном: «Потому что я знаю, Тлавиир, что Они могут проникнуть внутрь!», В этот момент я понял, что за существо стоит передо мной… понял, что это была та самая «фигура», которая спустилась на город Бхуульм много месяцев назад, чтобы уничтожить всех разумных существ…

Я знал, что должен кричать, чтобы спасти свой разум; пытался снова и снова, но не мог; а потом, когда я закрыл глаза от ослепительного блеска и почувствовал, как мой разум медленно ускользает, мне показалось, что от этого существа исходит сияние, которое успокаивающе холодит мой мозг. Первая ледяная волна ужаса прошла по мне и оставила меня спокойным с той абсолютной бесстрастностью, что рождается в безнадёжности.

Вот так и случилось, что там, на холодном рассвете этого безымянного города, я услышал приговор судьбы, что должна была стать моей.

Я говорю «услышал», но звука не было. Это существо выглядело полихроматическим, с переплетением цветов, многие из которых, я был уверен, были чужды этой вселенной. И с каждым мерцающим изменением цвета в моём мозгу пульсировали слова его послания.

Судьба, уготованная мне, не должна повторять

судьбу Катульна или участь тех несчастных в городе Бхуульме, ибо я становился тем самым лейтмотивом, на котором Они основывали свой план издевательской игры с человечеством. До тех пор, пока индивидуум, которого я знал как Катульн, не нашёл путь Туда, Они даже не подозревали о существовании таких животных на крошечных планетах. Приглядевшись внимательнее, Они обнаружили, что многие планеты изобилуют подобными существами, и Их позабавила колоссальная наглость одного из этих существ. Исследуя разум Катульна, Они обнаружили, что именно врождённое любопытство заставило его искать ответы на галактические тайны и, наконец, найти выход Туда. Этот феномен любопытства или стремления, как Они обнаружили, был универсальным, врождённым качеством этих существ. Более того, это являлось качеством добра, которому Они, будучи силами чистого зла, противостояли.

Тогда-то они и задумали подшутить над нами.

Они сбросили Катульна обратно на Вурл с тем страшным предупреждением, которое он почти прошептал мне. Для них, находящихся вне времени и потому вездесущих, явления, которые Катульн знал как «прошлое», и «будущее», были

едины.

Они предвидели, что Катульн не прислушается к этому предупреждению!

И [продолжало рассказывать мне существо] хорошо зная его судьбу, я имел все возможности уничтожить те страницы, что он написал. Но было предсказано, даже предопределено, что я буду их читать! И теперь эти страницы никогда не будут уничтожены. Мне следует переплести их в книгу, что будет нетленной на протяжении веков, и на эту книгу они наложат проклятие, ожидающее любого, кто осмелится её прочитать. И в качестве стимула для этой чудовищной игры Внешних Сил, задуманной ими для собственного развлечения, я должен предварить книгу предупреждением для всех людей. Тогда пусть пренебрегает предупреждением тот, кто посмеет. Читая дальше, он не сможет повернуть назад; он будет вынужден читать до конца, и на него обрушится проклятие. И только когда найдётся человек, что осмелится прочесть эту книгу, я буду освобождён.

Что же касается проклятия [продолжало мне говорить то существо] и моей непосредственной судьбы, то они ещё не определены. Возможно, оно возьмёт меня Туда. Такие вещи, как стремление,

эмоции и разум в связи с крошечными мотыльками, которых Они недавно открыли на этих планетах, вызвали у Них временный интерес, и эксперименты с людьми могут развлечь Их.

Только Они могут задумать такой дьяволизм. Существо уже ушло, и я, Тлавиир, заканчиваю своё предостерегающее предисловие; но я чувствую, что написал эти слова под всепроникающим наблюдением. Теперь мне кажется, что я слышу бесконечно далёкие крики ликования… или это только моё воображение? Но нет: очень близко к моему уху сейчас, когда я пишу эти последние слова, раздаётся тот пронзительный и зловещий смешок, который, как я знаю, не является воображением. Он хочет напомнить мне, что то, что я пишу, всё, всё есть лишь часть Их плана, которого не избежать.

3

Раскрытая книга лежала передо мной на столе. Так заканчивалось Предисловие на развороте слева; правая сторона была пустой, и за ней следовало много страниц.

Долгое время я сидел в абсолютной тишине комнаты, размышляя, полный изумления от того, что только что прочитал, гадая, какие тайны зла

могут открыться мне на последующих страницах. Даже то, о чем говорилось в предисловии, наводило на определённые размышления. Я с ужасом вспомнил, как этот крошечный человек цвета грифельной доски хотел, чтобы я прочёл книгу, и я задумался: действительно ли проклятие перейдёт на меня, если я осмелюсь перевернуть страницу и читать дальше?

Внезапно я пришёл в себя и тихо рассмеялся.

— Чушь! О чём я думаю? — громко спросил я, обращаясь к комнате. — Такого не может быть!

Моя рука потянулась, чтобы перевернуть страницу…

Полено в камине резко щёлкнуло. Я встал, чтобы снова разжечь огонь, заметив, что часы на каминной полке показывали двадцать минут до полуночи. Впервые я почувствовал холод, который проник в комнату.

Когда я оторвался от своего занятия, то увидел маленького человечка из книжного магазина, который очень тихо стоял у стола.

Теперь, по всем правилам приличия, я должен был испытать шок, удивление или испуг — позже я удивлялся, почему я не был шокирован; но в тот момент я не испытывал ни того, ни другого. Мне следовало бы, по крайней мере, оказать ему

любезность и спросить, как он узнал мой адрес или как ему удалось войти в мою комнату, очень прочную дверь которой я определённо запирал!.. но в тот момент, когда я повернулся к нему лицом, мне только казалось, что я думаю о том, как всё это было очень уместно… что он оказался там очень кстати… имелось несколько чертовски загадочных моментов в книге, которые я хотел бы прояснить. О, я, конечно, знал, что всё это только сон, знал, что именно поэтому всё это так нелогично!

Маленький человечек заговорил раньше меня, как бы отвечая на самый первый вопрос, что я собирался задать.

— Нет, я не тот Тлавиир, чьё предупреждение вы только что прочли, — сказал он с монотонностью, что наводила на мысль о бесконечной усталости от повторения этой фразы. — Дело в том, что мы, возможно, никогда не узнаем, сколько эонов назад началось это дьявольское дело; та самая часть космоса, где появилась Книга, возможно, давно канула в небытие. Но, несмотря на всё это, я тоже не принадлежу к вашему миру. Давным-давно на моей родной планете, о местонахождении которой я давно позабыл, книга пришла ко мне почти так же, как она пришла к

вам, — её принёс мне странный человек не из нашего мира, он прошёл с книгой сквозь века и внешние пространства. Я был заядлым исследователем доисторических существ из смутных легенд, которые, как предполагалось, населяли мой мир до того, как он выплыл на свет из темноты. Сейчас вы читали книгу в той же манере, как и я — с нетерпением. И точно так же, как вы сейчас сомневаетесь — ужасаясь мысли о том, какой необъятной она может быть, — так же сомневался и я. Вы не решаетесь читать дальше — и я точно также испытывал сомнения. Но, в конце концов…

Я нетерпеливо замахал руками в ответ на мысль, которую этот торговец книгами пытался мне внушить. Какой бы ни была эта мистификация, всё это выглядело глупо. Правда, я всегда был человеком с богатым воображением, моя библиотека состояла из самой странной литературы, когда-либо написанной, но всегда глубоко в моём сознании присутствовало безопасное и удобное знание, что это просто литература и ничего больше. Но теперь — просить меня поверить, что на эту книгу наложено проклятие, что оно переходит на того, кто читает… что книга пришла сюда через космос и сквозь века с какой-то чужой пла-

неты… принесена сюда этим человеком, который утверждает, что он не из этого мира — это было уже слишком. Это было уже слишком! Вот из таких вещей и рождается фантастика.

С этими мыслями я снова потянулся к книге. Но… слава Богу! — моя рука в ужасе отпрянула, когда я вновь увидел эти странные, извивающиеся символы на открытой странице. Их многозначительность пробудила во мне некую осознанность, ибо я понял, что эти символы не могли быть написаны на этой Земле!

Внезапно я почувствовал, что дрожу. Вся моя уверенность исчезла в одно мгновение, когда мой расстроенный ум вдруг почувствовал, что некие существа прячутся вне поля зрения и звука, но очень близко…

Маленький торговец наблюдал за моими движениями с напряжённым ожиданием и нетерпением, и когда моя рука отпрянула, всё его существо выразило разочарование и временное поражение. Но это длилось лишь мгновение, а потом он тоже, казалось, почувствовал чьё-то невидимое присутствие рядом — он застыл неподвижно, с высоко поднятой головой, словно прислушиваясь к чему-то, чего я не мог слышать и не должен был слышать. С минуту он стоял так,

прежде чем заговорить снова, и теперь его голос, вновь стал усталым и печальным:

— Да, вы упорно верили, что всё это было какой-то мистификацией, но теперь, как и все остальные, вы знаете другое. Вам доставляет удовольствие копаться в странных и ужасных вещах, и я надеялся, что вы будете тем самым… Но так случалось всегда.

На краю вашей солнечной системы есть планета, называемая вами Плутоном, там я встретил жителя, который, как и вы, очень интересовался древними и ужасными суевериями своей планеты. Он также прочёл Предисловие, как и вы только что; его тоже мучила ужасная неуверенность, но мужество покинуло его, и он бежал от меня и Книги, как бежал бы от чумы, и поэтому я понял, что снова потерпел неудачу в этом гротеске, что я ещё не освободился от проклятия. Но это случилось так давно, и нигде я не могу избежать тех мук ума и души, которые Они причиняют мне по своей воле! Ибо именно от Них я черпаю невосприимчивость к ужасам внешнего пространства и той доселе неведомой Силы тьмы, которая превосходит силу света, и благодаря ей могу пересекать пространство между планетами и между галактиками. Но ни одного мгновения,

ни одной моей собственной мысли!

Вы не можете знать, как это ужасно! Иногда посреди ночи Они проецируют на меня богохульную Фигуру, беззубый рот которой открывается и закрывается в непристойном, беззвучном звуке. Она сидит у меня на груди, чтобы исполнить гротескный обряд, во время которого сама моя личность теряется в хаотическом беспорядке, а мой ум катится среди грохочущей монодии звёзд, в ту безграничную бездну за предельным изогнутым краем космического пространства, где Они пребывают в созерцании чудовищной катастрофы космоса; нет, это больше, чем созерцание, дело началось, теперь делается, и Там я помогал в этом деле, сама необъятность которого свела бы с ума того, кто бы узнал о нём. Я бы приветствовал безумие, но Они даже не позволяют мне сойти с ума!

Его голос, ранее тонкий и резкий, теперь превратился в пронзительный визг.

— Но, — сказал я, наконец, с каким-то торжеством, — если вы так хотите, чтобы я прочёл эту книгу, то все те вещи, что вы мне тут рассказываете, вредят вашей цели, если всё это безумие не является сном, в который я верю!

Торговец почти пошатнулся, когда поднёс руку

к голове.

— Это потому, что вы не знаете злобной хитрости Тех, кто задумал этот план. Сами мои мысли, слова, которые я говорю, исходят от Них! Я принадлежу Им!

Человечек сделал почти незаметную паузу, во время которой он, казалось, снова прислушался к тому, чего я не слышал, и затем он продолжил:

— ...но подумайте хорошенько... книга раскрывает тайны, которые могут быть вашими... знания, о которых вы едва ли смели мечтать... почему вы даже не подумали связать упомянутого в предисловии «Катульна», с тем самым вечно проклятым Ктулху со щупальцами, что, по слухам, пришёл на Землю миллионы лет назад с планеты Сатурн, на которую он ранее бежал из глубин за пределами вашей солнечной системы? Вы можете узнать, откуда явился малоизвестный и отвратительный Цатоккуа, и почему... и другие непристойности из нечеловеческих легенд, на которые есть намёки в вашем «Некрономиконе», и других запрещённых книгах: Н'ьярлотатеп, и Хастур, и отвратительные Ми-Го; страшный и всезнающий Йок-Зотот, тяжеловесный Чаугнар Фаугн с хоботом, и Бех-Мот Пожиратель... вы будете беседовать с Шепчущим во Тьме... вы

узнаете значение Демона, что бродит среди звёзд, и узрите охотников из-за Пределов… вы узнаете сам источник тех Гончих Тиндалоса, которые обитают в хаотичной, туманной вселенной на самом краю космоса, и которые находятся в союзе с Теми, Кто Снаружи… все эти вещи, с которыми вы связаны… смутно знакомые вам из прочитанных манускриптов, вы узнаете о них и многое другое. На страницах этой Книги, повествующей о том, что было до самого начала, раскрываются тайны, которые даже самые дикие полёты вашего воображения не могут начать постигать… ваш ум, теперь такой ничтожный, расширится, чтобы охватить эту бесконечную тайну всей материи, и вы можете узнать, каким образом весь космос был извергнут злой мыслью в разуме чудовищного Существа во Тьме… вы увидите, что этот космос, который мы считаем бесконечным, есть только атом в их бесконечности, и вы увидите ужасающее положение нашего космоса в этой большей бесконечности, и непристойные ритуалы, в которых он играет неотъемлемую роль… вы будете знать историю солнц и туманностей, и ваша сила будет заключаться в телесном перемещении между планетами или даже между галактиками, настолько удалёнными, что их свет

ещё не достиг Земли…

Как я могу описать эти несколько минут? Его пронзительный голос неумолимо продолжал звучать, раскрытая книга лежала на столе между нами, пламя в камине отбрасывало мерцающие тени по комнате; я стоял, напряжённо выпрямившись, положив одну руку на стол; голова у меня шла кругом, пытаясь осознать всю важность того, что лысый человечек говорил мне, и, пытаясь взвесить одно против другого — то, во что я смел верить и во что боялся верить!

И всё время, пока торговец говорил, он стоял в таком положении, что я подумал: он прислушивается… прислушивается… к чему?

И пока он говорил, его взгляд был устремлен не на меня, а через моё плечо на каминную полку, где стояли часы… Один раз, когда человечек говорил, я медленно подвинул руку вперёд, чтобы почти коснуться книги, но почти незаметное изменение тембра его голоса заставило меня отдёрнуть руку. И всё время, пока торговец извергал свои бессвязные фразы — являлось ли это ошеломляющим эффектом его слов на мой мозг или нет, я никогда не узнаю — я, казалось, всё яснее ощущал присутствие тех невидимых сил, что притаились поблизости, и они тоже,

казалось, ждали…

Торговец больше не говорил. Я не знал, когда именно он замолчал; я только заметил, что больше не слушаю его голос, а прислушиваюсь к чему-то другому — к чему-то, чего я не знаю. Я понимал только, что мы не одни в этой комнате и что время ещё не пришло, но уже приближается. Поэтому я прислушивался к тому, что не мог расслышать, и снова я зачарованно уставился на книгу, лежавшую на столе между нами…

Он видел как я зачарован.

— Читайте, — горячо прошептал торговец, наклоняясь ко мне. — Вы же знаете, что хотите читать. Вы хотите читать.

Да, я хотел прочитать книгу. Этот факт всё сильней и сильней давил на меня. Какой здравомыслящий человек поверит, что в этой Книге есть такие зловещие связи, на которые он намекал? Но я уже не был уверен в том, что я нормальный человек. Если я верил в эту историю, то, несомненно, был не в своём уме; если я не верил, то почему стоял в нерешительности?

Снова шёпот торговца:

— Вы хотите читать.

Его почти умоляющий тон заставил меня в ужасе отшатнуться от книги. Но очарование не

оставляло меня, и я не мог произнести решительное «нет!», что уже дошло до моего языка. Вместо этого я быстро, немного растерянно оглядывал комнату, все углы, всё, что угодно, только не глаза этого маленького человечка, ибо внезапно понял, что это будет смертельно опасно.

Казалось, невидимые силы заполнили комнату. Я ощущал явное смятение, какое-то движение взад и вперёд, слабые звуки ярости, как бы нарастающей враждебности между двумя противоборствующими группами; растущее, но невидимое смятение, центром которого я стал. В моей голове мелькнула мысль, что не существовало ни маленького серого человечка, ни книги, и что все кажущиеся события этого вечера были всего лишь кошмаром, от которого я скоро проснусь. Но нет — вот я стою в библиотеке у стола с этим нелепым человечком напротив и с нарастающим, невидимым переполохом вокруг меня. Можно ли так рассуждать в ночных кошмарах? — подумал я. Вероятно, нет, и поэтому это был не кошмар.

Рядом с этой нелогичной цепочкой мыслей возникла другая, с внезапностью столь ужасающей, что я понял, что она зародилась не в моём собственном уме; это была одна из тех

мыслей, возникших из ниоткуда. Просто ясное и бескомпромиссное осознание того, что всё это — реальность, не мистификация, не фарс, и что я столкнулся с самым грандиозным существом из тех, что когда-либо приходили на эту Землю, и должен победить его или быть побеждённым; и у меня также внезапно появилась безумная надежда, что я не буду одинок в борьбе с ним. Те силы, что всё ближе и ближе подступали ко мне, находились здесь с определённой целью, предвещая что-то в мою пользу.

Затем я медленно повернулся и вновь увидел лицо человечка, что ожидал моих действий. Ни слова не было сказано, когда мои глаза встретились с его глазами, очень чёрными и бездонными…

Я был потерян! Слишком поздно я это понял. Всё вокруг меня исчезло, когда эти глаза выросли, расширились, превратились в два огромных бассейна пространства, чёрного и безграничного, за пределами всякого воображения. Я был застигнут врасплох этой внезапностью, но со слабым инстинктом боролся с этими глазами, которые, казалось, притягивали меня… Но глаз больше не было… мои ноги больше не стояли на полу… я безмятежно плыл где-то за миллион миль отсюда

в том чёрном пространстве… безмятежно… но нет — я больше не плыл; прикосновение вернуло меня назад. Мои ноги снова оказались на полу, и я встал вплотную к столу. Но что-то — какая-то часть меня — казалось, всё ещё двигалась против моей воли. Это выглядело забавно! Мне хотелось смеяться. Это оказалась моя рука, что больше не являлась частью меня, которая ползла, ползла, скользила, как какая-то извивающаяся змея, по гладкой поверхности стола… к книге!

Да, тогда я смутно вспомнил её движение. На столе лежала книга, открытая и ждущая, книга, к которой по какой-то ужасной причине я не должен был прикасаться. Что же это за причина? Медленно, очень медленно я вспоминал. Там находился странный маленький человечек с очень чёрными глазами, который рассказал мне ужасные факты об этой книге… он хотел, чтобы я прочитал её… прикоснуться к ней означало бы, что я должен читать… и читать… нет пути назад…

Ах, как удивительно, что полнота понимания вернулась ко мне на фоне растущей паники, когда я тщетно пытался удержать руку, что ползла по столу, как некий Иуда, готовый предать своего учителя! Как нарастала эта бурлящая вокруг меня

неразбериха, предупреждающе обрушиваясь на меня волнами, как будто они тоже знали что-то о нависшей надо мной панике! Как они сомкнулись вокруг меня, эти невидимые силы, сзади, со всех сторон, целеустремлённые, как будто они хотели оттолкнуть меня от стола, от угрозы, исходящей от Книги! Я почти слышал тихие предостерегающие голоса, проносящиеся мимо моих ушей, почти чувствовал, как их пальцы храбро дёргают мои собственные, и на мгновение мне показалось, что я понял. Эти силы, доблестно сплотившиеся вокруг меня, когда-то, в прошлые века, поддались этому искушению — бесчисленные существа со всех концов вселенной пришли теперь, чтобы объединиться со мной против сил Книги?

Возможно, я догадался, что я близок к истине — я никогда этого не узнаю. И я никогда не узнаю, каким чудовищным усилием мне удалось, наконец, оторваться от стола. Я не помню этого момента. Знаю только, что я стоял, уже опираясь на спинку стула, дрожа всем телом и слабея душой; знаю, что напряжение этого ужасного момента исчезло и что силы, собравшиеся вокруг меня, снова затихли, выжидая. Я хорошо понимал, что это была лишь временная передышка в

битве, и знал также, что мой измученный мозг не выдержит ещё одной такой атаки.

В полудюжине футов от меня на столе, лицевой стороной вверх, лежала Книга — грозная, насмешливая вещь… Напротив неё, на том же самом месте, где я впервые увидел его в комнате, всё ещё стоял крошечный человечек; в его чёрных глазах теперь был блеск, яркий блеск ненависти к тем силам, которые боролись со мной против него, — к тем, которые, как он должен был знать, пришли. Интересно, сколько раз они побеждали его? Неужели каждый из них когда-то был хранителем Книги, как он сейчас? Если он когда-нибудь добьётся освобождения от Книги, присоединится ли он, в свою очередь, к тем, кто сражался против неё? Станут ли они когда-нибудь достаточно сильными, чтобы победить тех Внешних Существ, что задумали весь этот план?

Я не должен тратить силы на раздумья, но готовиться к нападению, которое, несомненно, повторится. Во внезапной вспышке озарения я понял, что должен продержаться ещё немного — продержаться до полуночи. Вот почему торговец смотрел на часы на каминной полке, поверх моего плеча! Сейчас, должно быть, уже близок этот

момент, и если бы я только мог держаться… держаться подальше от этого стола… избегать этих глаз… не оказаться снова застигнутым врасплох!

Но какая тщетная мысль! В тот же миг огромная плывущая чернота этих глаз снова поймала меня с яростным упорством, вновь унесла вверх и далеко за пределы всех солнц и звёзд, в ту необъятную тьму, которая убаюкивает вселенную. Я был подобен тонущему человеку, который за несколько коротких секунд видит всё своё прошлое развёрнутым; но вместо этого я смотрел на своё будущее, будущее тёмного ужаса и пыток среди смутных форм и страхов того внешнего места. Даже когда я безмятежно парил в той ужасной тьме, мне казалось, что я вижу эти формы, этих Внешних Существ, неописуемо отталкивающих при всей их расплывчатости, которые со злобным ликованием смотрели мимо меня на какую-то драму, разыгрываемую для них, как это случалось уже много раз прежде! И на этот раз я стал частью этой драмы.

И все же, казалось, существовала другая часть меня, далёкая и неважная — часть меня, которая пыталась заставить меня увидеть, что эта темнота была иллюзией, а не реальностью — та слабая часть сражалась, чтобы отогнать эту темноту…

как глупо!.. как бесполезно!.. Теперь эта другая часть меня пыталась вспомнить что-то, казавшееся важным много лет назад — что-то, связанное с… но нет — это было бесполезно….

Подождите! Не вздрогнула ли вдруг эта темнота вокруг меня, как вода, гладкая поверхность которой потревожена? Опять! Теперь исчезает, отступает!..

Разве в этот момент что-то не коснулось моей щеки? Это был шёпот мне на ухо? Несколько голосов, теперь нетерпеливых, настойчивых…

Чернота вокруг меня быстро отступала, растворяясь в двух чёрных лужах, которые уносились далеко в космос, становясь всё мельче и мельче, пока они не остановились, чтобы посмотреть на меня.

Потрясённый, я снова очутился в знакомой комнате, почувствовал под собой пол, встал вплотную к столу и уставился на два чёрных озера, которые оказались глазами крошечного человечка. Но в этих глазах теперь было нечто от ужаса и отчаяния! Ужас в этих глазах!

Как и прежде, безо всякой моей воли, моя рука плавно скользила по столешнице к книге. Как и прежде, этот поток невидимых сил пребывал вокруг меня — но теперь не было ни смятения, ни

спешки, ни паники; вместо этого я ощутил что-то вроде невидимого ликования и пульсирующего торжества!

Но эти мелькающие тихие голоса всё ещё проносились мимо моего уха, слабые и не совсем слышимые, но, казалось, они побуждали меня к чему-то, чего я не мог понять.

Я должен быть готов ко всему, что может случиться.

Моя рука коснулась Книги! Затем переместилась на открытую страницу….

«Сейчас же! Действуй сейчас, действуй, действуй!»

Рука, которая прежде пыталась предать меня, теперь сработала молниеносно. Я схватил книгу, повернулся и бросил её прямо в пылающий огонь камина.

В тот же миг вокруг меня возникла дикая радость торжества, но это длилось лишь мгновение, а потом всё стихло и замерло. Те силы, или существа, или кем бы они ни были, снова одержали победу и теперь вернулись в то царство, откуда пришли.

Но сейчас, когда я оглядываюсь назад, всё это кажется мне кошмаром, и я не могу быть уверен в том, что это случилось на самом деле. Я даже не

уверен, что те слова «Действуй сейчас, действуй!», прошептали мне на ухо, или же они вырвались из моего собственного горла в напряжении того момента. Я не уверен, существовала ли какая-то сила совершенно вне меня, заставившая меня схватить и швырнуть эту книгу в огонь, или это было чисто рефлекторное действие с моей стороны. Я не собирался этого делать.

* * *

Что же касается крошечного человечка за столом — он даже не прыгнул, чтобы перехватить книгу. Он не двигался. Казалось, он стал ещё меньше. Его глаза снова стали очень чёрными, но какими-то жалкими, даже не отражая огня, в который он смотрел. Несколько секунд он стоял неподвижно, являя собой воплощение бесконечной печали и полной безнадёжности. Затем очень медленно он подошел к камину и протянул тонкую руку, как мне показалось, в самое пламя — и из этого пламени выхватил книгу, похожую на вековой пергамент, страницы которого даже не сгорели!

О том, что произошло дальше, я не решаюсь написать, потому что никогда не могу быть уверен, насколько это было реально и насколько

галлюцинацией. Падая на пол, я, должно быть, сильно ударился головой, потому что несколько дней находился под присмотром врача, который некоторое время опасался за мой рассудок.

Как я уже сказал, маленький человечек вытащил книгу из огня. Я уверен, что никто не произнёс ни слова. Но следующим, что произошло, был звук, и это был хихикающий звук настолько зловещий и дьявольский, что я надеюсь никогда больше такого не услышать; звук, казалось, шёл издалека, но приближался всё ближе и ближе, пока не стал исходить из четырёх стен комнаты. Затем последовала ослепительная вспышка. Это звучит как-то банально, но это было именно так; «ослепление», вряд ли соответствует тому явлению, но я не знаю более сильного слова. И именно в этом моменте я не уверен. Может быть, я упал, ударился головой и потерял сознание сразу после этой яркой вспышки, а может быть, я действительно видел то, что мне показалось. Я скорее склоняюсь к последнему, настолько живым это представилось мне в тот момент.

Как часто я читал рассказы, в которых автор, пытаясь описать какую-нибудь особенно ужасную вещь или сцену, говорил: «этого не в силах описать моё перо», или что-то в этом роде. И как

часто я смеялся над этим! Но я больше никогда не буду насмехаться. Там, передо мной в тот момент, явилось неописуемое в реальности!

Однако я сделаю слабую попытку. То, что я видел или то, что мне показалось, определённо было тем же самым, что и Снаружи, о чём Тлавиир говорил в Предисловии к Книге. В какой-то момент оно явилось там. Я полагаю, что вспышка света произошла в промежутке между «не было», и «было». Но я увидел именно то самое.

Теперь я могу смотреть на случившееся с мрачным юмором.

Оно было довольно большим и, казалось, торчало из какого-то другого пространства или измерения, как и сказал тот парень в Предисловии. Это была не рука, не лицо, не щупальце, не какая-нибудь конечность, а только часть тела, и я не хотел бы говорить, какая именно. Оно было всё цветное и бесцветное, всех форм и бесформенное, по той простой причине, что оно меняло цвет и форму очень быстро и постоянно, всегда исчезая по краям, не касаясь пола или какой-либо части комнаты.

Больше я ничего не могу сказать; я смотрел на него едва ли пару секунд, когда всё вдруг почернело, и я совсем не чувствовал пола под собой.

Но как раз перед тем, как мой разум окончательно ускользнул в бездну, я услышал чудовищное Слово, имя, выкрикнутое тем пронзительным голосом, который принадлежал крошечному человеку с книгой… и снова это Имя прозвучало в агонии, пронзительно, слабо, плывя вниз по звёздной тропе, слабее… слабее…

* * *

Первое, что я сделал, когда смог встать с постели, — это ещё раз заглянул в тот книжный магазин.

Когда я приблизился к узкому каркасному зданию, то увидел, что оно выглядит как заброшенное. Я попробовал открыть дверь, но она была заперта, и, заглянув в грязное окно, я увидел книги, беспорядочно сваленные на полу и на полках, все покрытые серой пылью. Это было очень необычно. Странное предчувствие охватило меня. Я был уверен, что это тот самый книжный магазин, я не мог ошибиться.

С большим трудом я выяснил, кто владелец этого здания, и, в конце концов, я нашёл его — высокого, худощавого, довольно неопрятного мужчину.

— О, — сказал он в ответ на мой вопрос, — вы

имеете в виду местечко на Шестой Авеню. Да, я владелец этого склада, раньше там располагался книжный магазин; бизнес не пошёл, так что я запер его… Думаю, это случилось целых шесть месяцев назад. Возможно, когда-нибудь я сделаю ещё одну попытку… Нет, я никогда не открывал магазин с тех пор, как… Да, конечно, конечно, я уверен… Что? Мужчину около четырёх футов ростом с серой кожей и без бровей? Чёрт, нет!

Владелец склада посмотрел на меня так, словно решил, что я сошёл с ума, и я не стал продолжать разговор.

Но после всего случившегося я не думаю, что хочу прочесть «Некрономикон».

Перевод: А. Черепанов

Уолтер де ла Мар
А-Б-О

Walter de la Mare «A: B: O.», 1896

Рассказ в жанре ужасов. Двое учёных друзей откопали в саду древний сундук, в котором обнаружилось жуткое существо. Вскоре они поняли, что им не следовало открывать

крышку, ибо существо лишь казалось мёртвым. Оригинал написан непростым языком девятнадцатого века, поэтому мой перевод — по большей части вольный пересказ. Г. Ф. Лавкрафт хвалил рассказы Уолтера де ла Мара, хотя конкретно «А-Б-О" не упоминал.

Я посмотрел поверх книги на портрет моего прадеда и с удивлением прислушался к внезапному звону дверного колокольчика. Он звенел прерывисто и настойчиво, пока, как собака, вернувшаяся в свою конуру, не замедлился и окончательно не затих. У колокольчика недружелюбный язык; это знак остроумия, вестник тревог. Даже в тишине сумерек колокольчик напоминает крик сварливой женщины. В поздний час, когда мир уютно спит в ночном колпаке, а храп — единственная гармония, колокольчик привносит дьявольский диссонанс. Я посмотрел поверх открытой книги на своего безмятежного предка, как я уже говорил, и продолжал прислушиваться даже после того, как звук стих.

По правде говоря, я был более чем склонен не обращать внимания на звон у двери, находясь в безопасности в тепле и одиночестве своей комнаты, я хотел проигнорировать столь грубое

напоминание о внешнем мире. Прежде чем я успел принять решение, снова раздался звон металлического язычка, ледяного, как приказ армейского офицера. Мне пришлось подняться с кресла. Раз уж мои спокойствие инертность исчезли, было бесполезно не обращать внимания на позднего гостя. Я поклялся отомстить ему. Я наброшусь с кулаками на своего посетителя, подумал я. Я с удвоенной быстротой отправлю его обратно во тьму ночи, а если это будет какой-нибудь робкий женский организм (что, не дай Бог, конечно), то я буду грубить и кривляться, чтобы окончательно выбить его из колеи.

Я осторожно проскользнул в тапочках к запертой входной двери. Там я остановился, чтобы взобраться на стул в попытке через фрамугу разглядеть ночного гостя при свете уличного фонаря, оценить его размеры, проанализировать его намерения, но, стоя там даже на цыпочках, я не мог увидеть ничего, кроме края чей-то шляпы. Я слез со стула и, после унылого лязга засовов, распахнул дверь.

На моей верхней ступеньке (восемь ступенек ведут вниз от двери в сад и ещё две на улицу) стоял какой-то мальчишка. По его ухмылке я понял, что он готовится что-то сказать. Колени

его бриджей были в заплатках, что говорило о хулиганском характере этого мальчишки. Это я понял при свете фонарного столба, стоящего возле дома доктора, живущего напротив меня. Гримасничать перед этим бойким мальчишкой в красном шейном платке было бесполезно. Я смотрел на него, поджав губы.

— Мистер Пеллютер? — спросил мальчишка, глубоко засунув кулаки в карманы своей куртки.

— Кто спрашивает мистера Пеллютера? — ответил я учительским тоном.

— Я, — сказал он.

— Что тебе нужно от мистера Пеллютера в столь неподходящий час, а, маленький человечек? Что, чёрт возьми, ты имеешь в виду, когда звенишь моим колокольчиком и будишь звёзды, когда весь мир спит, и вытаскиваешь меня из тепла на ветер? Я думаю, тебя следует дёрнуть за ухо.

Такое внезапное красноречие несколько удивило пришедшего. Мне казалось, что его «мальчишество" бросило его в беде, и он определённо часто прогуливал уроки. Мальчишка отступил на несколько шагов.

— Пожалуйста, сэр, у меня есть письмо для мистера Пеллютера от одного джентльмена, но так как его здесь нет, я отнесу письмо обратно, —

сказал мальчишка и отвернулся. Он соскочил со ступеньки и внизу энергично принялся насвистывать «Марсельезу".

Моё достоинство было задето, я повёл себя малодушно.

— Подойди, мой маленький человечек, — позвал я мальчишку. — Я и есть мистер Пеллютер.

"Le jour de gloire..." — просвистел он.

— Отдай мне письмо, — сказал я строгим тоном.

— Я должен передать письмо лично в руки этому джентльмену, — объяснил гость.

— Ну же, отдай мне письмо, — я попытался говорить убедительно.

— Я должен отдать письмо лично в руки джентльмена, — упрямо повторил мальчишка, — иначе вы не увидите даже уголка конверта.

— Ну, мой мальчик, вот тебе шесть пенсов.

Он подозрительно посмотрел на меня.

— Хитрите? — недоверчиво сказал он, отступая на шаг или два.

— Смотри, серебряный шестипенсовик настоящему посланнику, — заявил я.

— Честное слово? — удивился мальчишка. — Положите деньги на ступеньку и уйдите за дверь. Я возьму их и оставлю вам письмо.

— Договорились!

Я хотел увидеть письмо; я вполне доверял этому мальчишке; поэтому я положил шестипенсовик на верхнюю ступеньку и скрылся за дверью. Он был верен своему слову. С настороженным взглядом и торжествующим возгласом он совершил обмен. Сжав шестипенсовик в кулаке, мальчишка удалился в сад. Я вышел как преступник из камеры за своим письмом.

Оно было адресовано просто «Пеллютеру" и написано очень небрежным почерком, настолько небрежным, что я с трудом узнал почерк моего учёного друга Дагдейла. Забыв о посыльном, который всё ещё задерживался на моей садовой дорожке, я закрыл дверь и поспешил в свой кабинет. О его присутствии и о моей невежливости мне напомнили грохот камешков по панелям моей двери и напев «Марсельезы», заставившие вздрогнуть дальние деревья в тихом саду.

— Боже мой, боже мой, — сказал я, самым неумелым образом поправляя очки. Действительно, я был немало встревожен этим несвоевременным письмом. Ведь всего несколько часов назад мы прогуливались и курили сигары со стариной Дагдейлом в его собственном прекрасном саду, когда наступали сумерки. Ибо сумерки, кажется,

успокаивают цветы в саду моего друга более нежными руками, чем в садах Соломона.

Я с трепетом вскрыл конверт, лишь немного успокоившись по поводу безопасности Дагдейла благодаря надписи, сделанной его собственным почерком. Вот что я прочёл: «Дорогой друг Пелл. Я пишу в лихорадке. Приходи немедленно — Древности! — хлам — просто каракули — Приходи немедленно, или я начну без тебя. Р.Д."

"Древности" были главным словом в этом призыве — золотое слово. Всё остальное может оказаться бессмысленным, как оно и было на самом деле. «Приходи немедленно. Древности!"

Я поспешно натянул пальто и с опасной скоростью помчался вниз по своим восьми ступенькам, прежде чем «Марсельеза" перестала отдаваться эхом от соседних домов. Одинокие прохожие, без сомнения, воображали меня доктором, занятым делом жизни и смерти. Поистине непривлекательный вид был у меня, но Дагдейлу не терпелось начать, и поспешность означала успех.

Его белый дом находился менее чем в миле отсюда, и вскоре скрип его ворот на петлях успокоил моё сердце, и я смог отдышаться. Сам Дагдейл услышал мои шаги и вышел на свою подъездную дорожку, чтобы поприветствовать меня. Он был

без пальто. Под мышкой у него была неуклюже зажата лопата, его щёки раскраснелись от возбуждения. Даже его губы, дети науки, дрожали, а серые глаза, жёны микроскопа, горели за очками в золотой оправе, криво посаженными на его великолепном носу.

Я сжал его левую руку, и так мы вместе поспешили вверх по ступенькам.

— Ты уже начал? — спросил я.

— Как раз занимался этим, когда ты вышел из-за угла, — ответил Дагдейл. — Кто бы в это поверил, древнеримский или друидический, Бог знает.

Волнение и тяжёлое дыхание заставили меня пошатнуться, и я пришёл в ужас при мысли о своём пищеварении. Мы поспешили по коридору в его кабинет, который был в большом беспорядке и наполнен неприятной пылью, едва напоминающей о его замечательной горничной, и с самым неприятным заплесневелым запахом, я полагаю, влажной бумаги.

Дагдейл схватил рваную карту, лежавшую на столе, и вложил её мне в руку. Он откинулся в своём потёртом кожаном кресле, положил лопату на колени и энергично принялся протирать очки.

Я пристально посмотрел на Дагдейла. Он суетливо помахал мне длинным указательным

пальцем, качая головой, желая, чтобы я продолжил.

Я стал рассматривать грубо нацарапанную прямоугольную диаграмму с мелкими каракулями красными чернилами и непонятными цифрами. Я пытался убедить себя, что здесь есть какой-то смысл, но ничего не мог понять. Небольшой сундук или ящик на полу, необычной работы, переполненный пыльными, грязными бумагами и различными пергаментами, выдавал, откуда взялась эта карта.

Я посмотрел на Дагдейла.

— Что это значит? — спросил я, немного разочарованный, потому что много раз из-за глупцов и мошенников я тратил своё время впустую на поиск «древностей".

— Мой сад, — объяснил Дагдейл, махнув рукой в сторону окна, затем торжествующе указывая на карту в моей руке. — Я изучил её. Мой дядя, антиквар, сказал, что карта подлинная. У меня были подозрения, ах! да, как и у тебя; я не слепой. Это может быть что угодно. Я сразу же начал копать. Пойдём, поможешь, или уходи…

Дагдейл вскинул лопату на плечо, и при этом опрокинул драгоценную фарфоровую чашечку на пол. Он даже глазом не моргнул при виде это-

го бедствия. Он ни на дюйм не замедлил своего триумфального шествия к двери. Ну, а что такое пятифунтовая банкнота в кармане по сравнению с шестипенсовиком, найденным в канаве?

Я схватил кирку и ещё одну лопату.

— Браво, Пеллютер, — прокомментировал он, и мы, держась рядом, направились в приятный и просторный сад, раскинувшийся за его домом. Я чувствовал гордость, как мальчик-барабанщик.

В саду Дагдейл выхватил из кармана рулетку, зажёг восковую свечу и установил её в углублении стены. После чего он опустился на колени и стал изучать карту при свете свечи.

— От тисового дерева десять ярдов на север… семь на восток… полукруг… квадрат. Это просто как алфавит, честное слово.

Дагдейл бросился в глубину сада. Я галопом последовал за ним по тропинке между потемневшими розами. Всё было погружено во тьму, за исключением тех мест, где свет свечи выбеливал старые кирпичные стены и поблёскивал на покрытых росой деревьях. У приземистого старого тиса Дагдейл поманил меня пальцем. Я неоднократно умолял его бросить эту затею, но он не хотел.

— Подержи рулетку, — сказал он, дрожащими

пальцами протягивая её мне, и отходя дальше.

— Десять ярдов на сколько? — крикнул он.

— Вроде пять, — ответил я.

— Точно ли? — Дагдейл и поспешил в дом за картой. Рукава его рубашки мелькали между кустами. Он принёс с собой карту и ещё один подсвечник.

— Просыпайся, Пеллютер, просыпайся! О, «семь», просыпаешься?

Я дрожал от возбуждения, и мои зубы стучали, как скелет, раскачивающийся на ветру. Дагдейл измерил расстояние и отметил место на земле своей лопатой.

— А теперь за работу, — сказал он и подал пример, свирепо ударив задумчивую розу.

Чрезвычайно торжественно, но всё же усмехнувшись про себя, я тоже начал ковырять и копать. Холодный пот выступил у меня на лбу после четверти часа напряжённой работы. Я сел на траву и тяжело дышал.

— Городские обеды, оргии, — пробормотал Дагдейл, работая, как человек, ищущий свою душу. — Слава богу, что ветра нет. Видишь эту вспышку кремня? Хорошее упражнение! Только работая можно стать долгожителем. Я тоже не цыплёнок. Тьфу! Это место чёрное, как тигриная

глотка. Я готов поклясться, что кто-то копал здесь раньше. Благослови меня, волдырь на большом пальце!

Даже в моём собственном жалком состоянии у меня было время поразиться его жилистым движениям и его фанатичной энергии. Он был могильщиком, а я ночным гулякой! Внезапно кирка Дагдейла с глухим звуком ударилась обо что-то твёрдое.

— О Боже! — воскликнул он, вылезая из ямы, как крыса из норы. Он тяжело опёрся на кирку и уставился на меня круглыми глазами. Над местом раскопок воцарилась тишина. Мне показалось, что я слышу металлический звон кирки, прокладывающей себе путь к звёздам. Дагдейл очень осторожно подкрался ко мне и потушил свечу пальцами.

— А теперь, — прошептал он, — мы с тобой, старина, прислушаемся. Что там в дыре? Осквернение могил — такое же мрачное ремесло, как и похищение покойников. Тише! Кто это?

Рука Дагдейла легла мне на плечо. Мы вытянули шеи. Жалобный вой вырвался из тишины и в ней же растворился. Чёрная кошка перепрыгнула через забор и исчезла вместе с шелестом листьев.

— Этот чёрный зверь! — воскликнул я, заглядывая в червивую дыру. — Я бы хотел подождать и подумать.

— Нет времени, — сказал Дагдейл с сомнительной смелостью. — Яму следует засыпать до рассвета, иначе Дженкинсон начнёт задавать вопросы. Тук, тук, что это за стук? О, да, всё в порядке! Он хлопнул себя ладонью по груди. — Теперь, Рэтти, будем как мыши!

Рэтти когда-то было моим прозвищем, очень давно.

Мы снова принялись за работу, каждый удар кирки или лопаты вызывал у меня дрожь. Наконец, после больших трудов мы докопались до металлического сундука.

— Пелл, ты тупица — я же тебе говорил! — усмехнулся Дагдейл.

Мы осмотрели свою добычу. Одно странное и необъяснимое открытие, которое мы сделали, заключалось в следующем: толстая, ржавая железная труба выходила из верхней части сундука в землю, оттуда мы проследили её направление до ствола карликового тиса и при свете наших свечей, в конце концов, обнаружили, что другой конец трубы вделан в выступ между двумя узловатыми ветвями на высоте нескольких футов.

Мы не могли вытащить сундук, не отделив предварительно эту трубу.

Я посмотрел на Дагдейла с недоумением.

— Пойдём за пилой, — сказал он. — Действительно странно.

Он повернул ко мне испачканное грязью лицо. Воздух, казалось, слегка фосфоресцировал. Имелись ли у Дагдейла подозрения, что я открою сундук в его отсутствие, я не знаю. Во всяком случае, я охотно пошёл с ним в сарай. Мы принесли ручную пилу, Дагдейл обильно смазал её воском; я держал трубу, пока он пилил. Я тщетно ломал голову, пытаясь понять назначение этой трубы.

— Возможно, — предположил Дагдейл, делая паузу, — это деликатный товар, и ему нужен свежий воздух.

— Возможно, это не так, — возразил я, необъяснимо раздосадованный его запинающейся речью.

Казалось, он не ожидал иного ответа и снова принялся за работу. Труба вибрировала от его энергии, нанося мне небольшие удары и заставляя неметь пальцы. Наконец сундук был высвобожден, мы постучали по нему пальцами, затем соскребли ногтями чешуйки плесени и ржавчины. Я опустился на колени и приложил

глаз к концу трубы. Дагдейл оттолкнул меня в сторону и сделал то же самое.

Я уверен, что в его мозгу пронеслась последовательность идей, в точности похожих на мои собственные. Мы сдерживали волнение, вынашивали самые смелые фантазии, выдвигали множество предположений. Может быть, мы просто чего-то боялись. Или дух-хранитель клада похлопал нас по плечу.

Затем в одно и то же мгновение мы оба начали энергично тянуть и толкать сундук; но в таком ограниченном пространстве (поскольку наша яма была узкой) его вес оказался слишком большим для нас.

— Верёвка, — предложил Дагдейл, — давай снова пойдём вместе. Заговор двух старичков.

Он лицемерно рассмеялся.

— Конечно, — сказал я, забавляясь его подозрениями и уловками.

Мы снова отошли в сарай для инструментов и вернулись с мотком верёвки. Кирка использовалась в качестве рычага, и вскоре мы смогли вытащить сундук из ямы.

— Долг прежде всего, — пробормотал Дагдейл, сгребая рыхлую землю в углубление. Я стал делать то же самое. А над местом раскопок мы

посадили умирающий розовый куст с уже поникшими листьями.

— Глаза Дженкинсона не микроскопы, но он чертовски любознателен.

Дженкинсон, кстати, был пожилым джентльменом, который жил в доме рядом с Дагдейлом.

— Тот, у кого нет смородины в собственной булочке, должен красть её у своих соседей! Но сейчас он немой, лежит в могиле и ничего не слышит.

Дагдейл выругался, но только святой или дурак смог бы удержаться от ругани в подобных обстоятельствах. Даже я проявил знание богохульных слов и не стыдился этого.

Дагдейл взялся за один край сундука, а я — за другой. Вдвоём мы с огромным трудом отнесли его (потому что сундук был невероятно тяжёлым) в кабинет. Мы сдвинули всю мебель к стенам и поставили сундук посередине комнаты, чтобы спокойно позлорадствовать над ним. С помощью пожарной лопаты, поскольку мы забыли свои в саду, Дагдейл соскрёб плесень и ржавчину, и на верхней части сундука появились три буквы, начало слова, как я предположил, но всю остальную надпись съела ржавчина. Буквы были «А-Б-О".

— У меня нет идей, — пробормотал Дагдейл,

вглядываясь в эту едва заметную надпись.

— У меня тоже, — тихо отозвался я.

Жаль, что Бог не повелел нам сразу же отнести этот сундук обратно в сад и закопать его глубже, чем он был!

— Давай откроем его, — предложил я после тщательного изучения надписи.

Пламя камина поблёскивало на очках старого доброго Дагдейла. Он был человеком, склонным к простуде, и при малейшем намёке на восточный ветер разжигал костёр. Его кабинет был уютным. Я помню резную фигуру китайского бога, явно ухмыляющегося мне, когда я протягивал Дагдейлу зубило. (Да простит он меня!). Наступила напряжённая и зловещая тишина. Дагдейл вставил зубило в щель под крышкой. Он странно посмотрел на меня, и при втором нажиме стальное зубило переломилось.

— Дагдейл, — сказал я, глядя на китайского бога, — давай оставим сундук в покое.

— Э-э, — ответил он незнакомым голосом. — Не понимаю, как оно сломалось. Что, говоришь? — переспросил он, посасывая ноготь, который он сломал во время раскопок в саду.

Мой друг на мгновение задумался.

— Мы должны достать другое зубило, — объ-

явил он, наконец, смеясь.

Но почему-то мне было совсем не до смеха. Обычно он так не смеялся. Дагдейл взял меня за руку, и в очередной раз мы направились к сараю с инструментами.

— Какой свежий воздух! — воскликнул я, глубоко вдохнув. Мои глаза умоляюще смотрели на Дагдейла.

— Да, так оно и есть, так оно и есть, — сказал он.

Когда он снова принялся за сундук, то с первого же рывка открыл крышку. Осколок сломанной стали зазвенел о металл сундука. Появился слабый и неприятный запах. Дагдейл замер, когда крышка внезапно откинулась. Он стоял, наклонив голову. Я положил свою руку на край сундука. Мои пальцы коснулись маленькой лепёшки из твёрдого материала. Я заглянул внутрь. Для этого мне пришлось сделать ещё один шаг. Жёлтая вата выстилала свинцовые стенки и заполняла пространство между конечностями существа, сидевшего внутри. Я буду говорить без эмоций. Я увидел плоский деформированный череп, тощие руки и плечи, покрытые жёсткими светло-рыжими волосами. Я увидел лицо, слегка запрокинутое назад, имеющее отвратительное и нечестивое

сходство с человеческим лицом, его веки были тяжёлого синего цвета и плотно закрыты грубыми ресницами и спутанными бровями. Вот, что я увидел — чудовищную древность, спрятанную в сундуке, который мы с Дагдейлом выкопали в саду. Я только мельком взглянул на это существо, затем Дагдейл закрыл крышку, сел на пол и стал раскачиваться взад-вперёд, обхватив руками колени.

Я подошёл к окну, чувствуя одеревенение и боль от непривычного труда; распахнув окно, я высунулся в душистый воздух. Сладость цветов вихрем ворвалась в комнату. Ночь была очень тихой. Так я простоял много минут, считая ряд тополей в дальнем конце сада. Затем я вернулся к Дагдейлу.

— Дело закончено, — сказал я. — Хватит с меня древностей. Поклянись в этом, мой дорогой старина Дагдейл. Я умоляю тебя поклясться, что на этом всё закончится. Сейчас мы пойдём и похороним его.

— Я клянусь в этом, Пеллютер. Пелл! Пелл! — Его детский крик звучал ядовито. — Но послушай меня, старый друг, — сказал он. — Сейчас я слишком слаб. Приходи завтра в это же время, и мы похороним его вместе.

Сундук стоял перед камином. Его металлическая поверхность выглядела зелёной.

Мы вышли из комнаты, оставив мерцающие свечи на страже, и в моём присутствии Дагдейл повернул ключ в дверном замке. Он проводил меня до церкви, и там мы расстались.

— Проклятая вещь, — сказал Дагдейл, пожимая мне руку.

Я горестно покачал головой.

На следующий день, в среду, в мой дом, как обычно в этот день, вторглись уборщицы, и, чтобы избавиться от пара и запаха мыла, я отправился в Кью. В течение всего дня я бродил в саду, стараясь насладиться роскошью и цветами.

С наступлением вечерней прохлады я повернулся спиной к великолепному западу и снова отправился домой. Я встретил женщин, покрасневших и взволнованных, выходящих из дома.

— Кто-нибудь звонил? — спросил я.

— Мясник, сэр, — ответила миссис Родд.

— Спасибо, — сказал я и направился внутрь.

Теперь, в сумерках, когда я сел у своего собственного камина, окружающая обстановка наиболее ярко напомнила мне сцену той ночи. Я тяжело откинулся на спинку кресла, чувствуя слабость и тошноту, и при этом испытывал боль-

шие неудобства из-за какой-то твёрдой вещицы в кармане моего пиджака, прижатой к боку подлокотником кресла. Я порылся в кармане и достал маленькую лепёшку из твёрдого зелёного вещества, которая находилась на краю сундука. Я полагаю, что мои пальцы сжали её, когда они соприкоснулись с лепёшкой прошлой ночью, и я, сам того не подозревая, положил её в карман.

Сочтя благоразумным проявить осторожность в этом вопросе, я встал и запер эту находку в своей маленькой аптечке, которая висит над каминной полкой в комнате, выходящей в сад. Для анализа или изучения того, чего я боялся. Сделав это, я снова сел в своё кресло и приготовился к чтению.

Ужин был приготовлен женщинами и накрыт для меня на столе в моём кабинете. После смерти моей сестры у меня вошло в обычай обедать в середине дня в моём клубе.

Верно! Я сидел с книгой на коленях, но все мои мысли были о Дагдейле. Прямоугольная фигура появилась на моей сетчатке и поплыла по белой странице. Часы тянулись утомительно долго. Моя голова опустилась, а подбородок упёрся в грудь. На самом деле я спал, когда меня разбудил неуверенный стук во входную дверь. Мои чувства

мгновенно обострились. Звук, как будто что-то царапало краску, повторился.

Я тихо поднялся с кресла. Мной овладело смутное желание убежать в сад.

Звук повторился ещё раз.

Я очень медленно направился к двери. Я снова взобрался на стул (теперь я с любовью вспоминал того мальчишку). Но я ничего не увидел. Я заглянул в замочную скважину, но что-то заслонило отверстие с другой стороны. В доме появился слабый неприятный запах. С ужасом и отчаянием я распахнул дверь. Мне показалось, что я услышал звук тяжёлого дыхания. Затем нечто коснулось моей руки, и я обнаружил, что смотрю в коридор, прислушиваясь к эху — щёлкнул замок двери в комнате, выходящей окнами в мой сад. Я специально описываю всё непоследовательно. Мои мысли в тот вечер были хаотичны; и сейчас я передаю то, что чувствовал. Много лет назад, в юности, меня чуть не сожгли заживо. Тогда я испытал подлинный страх. А в тот момент в прихожей я ощутил смутный, затаившийся ужас души и нечеловеческую развращённость. Я не могу рассказать об ужасных устремлениях своего ума. Пошатываясь, я вошёл в свою комнату, сел в кресло, положил книгу на колени, надел очки на

нос; но всё это время все мои чувства были мертвы, работал только слух. Я отчётливо осознавал, как мои уши двигаются и подёргиваются, как я полагал, с помощью какой-то древней мышцы, давно не используемой человечеством. И пока я сидел, мой мозг кричал от страха.

В течение десяти минут (я медленно считал тиканье настенных часов) я прислушивался. Наконец, мои конечности начали дрожать, одиночество загоняло меня в опасные ущелья раздумий. Виноватой походкой я прокрался в сад. Я перелез через забор, отделяющий соседний дом от моего. В том доме номер 17 жил сторож, грубый неотёсанный парень, который использовал в качестве гостиной только кухню и который убрал дверной звонок, чтобы его никто не беспокоил. Он был подлым человеком. Но я нуждался в друзьях.

Я подошёл к двери в сад, не сводя глаз с окна. Затем я постучал в садовую дверь, забарабанил молотком. В пустом помещении раздались угрюмые шаги, и дверь осторожно приоткрылась на несколько дюймов. Через щель на меня смотрело испуганное лицо.

— Ради бога, — выговорил я, — пойдёмте поужинаем со мной. У меня есть хороший окорок,

мой дорогой друг, приходи и поужинай со мной.

Дверь открылась шире. Любопытство сменилось опасением.

— Скажите, хозяин, что ходит по дому? — спросил парень. — Почему у меня вся спина мокрая, а руки дрожат? Говорю вам, что-то в этом месте стало неправильным. Я сижу спиной к стене, а кто-то быстро и тихо ходит с другой стороны. Что это за болезнь? Я спрашиваю вас, что это такое?

Сосед чуть не заплакал.

— Не глупи! — ответил я. — Никаких больных нет в твоём доме. Я дам тебе пятифунтовую банкноту, чтобы ты пришёл и посидел со мной. Будь добрым соседом, мой друг. Я боюсь, что меня охватит припадок. Я слаб… жар… приступы эпилепсии. Крысы шуршат в стенах, я часто слышу их шум. Пойдём, поужинаем со мной.

Негодяй глубокомысленно покачал своей головой.

— Две банкноты по пять фунтов, — предложил я.

— Возможно, что я простудился, — ответил парень и ушёл в комнату за кочергой.

Мы перелезли через забор и, как воры, прокрались к моему дому. Но этот парень ни на дюйм не переступил порог. Я стал его уговаривать.

Он ругался в ответ. Он упрямо придерживался своей цели.

— Я не сдвинусь с места, пока не «загляну" в это окно, — заявил парень.

Я спорил и умолял, я удвоил свою взятку, я похлопал его по плечу и обвинил в трусости, я сделал вокруг него пируэт, я умолял его остаться со мной.

— Я не сдвинусь с места, пока не посмотрю в это окно!

Я принёс маленькую лестницу из оранжереи, находящейся слева от дома, и парень приставил её к окну, расположенному примерно в пяти футах над землёй. Он медленно поднимался по ступенькам, вытягивая шею, чтобы заглянуть в тёмную комнату, а я, просто чтобы быть рядом, карабкался вслед за ним.

Парень взобрался на метр и громко дышал, когда внезапно длинная рука, тонкая, как кость, покрытая рыжевато-коричневыми волосами, бледная в тусклом свете звёзд, появилась в окне и задёрнула шторы. Парень надо мной застонал, вскинул руки и кубарем скатился с лестницы, повалив и меня на землю.

Мгновение я лежал ошеломлённый; затем, оторвав голову от сладких лилий, я увидел, как сосед

в дикой спешке перелезает через забор. Я помню, что роса заблестела на его ботинках, когда он спрыгивал вниз.

Вскоре я вскочил на ноги и бросился за ним, но он был моложе, и когда я добрался до двери в задней части его дома, он уже запер её на засов. На все мои молитвы и стуки он не обращал никакого внимания. Несмотря на это, я был уверен, что он сидел и слушал, с другой стороны, потому что я различил хриплое дыхание, как у астматика.

— Ты забыл кочергу. Я принесу её, — проревел я, но парень ничего не ответил.

Я снова перелез через забор, решив оставить дом свободным, чтобы тварь могла бродить по нему и делать, что хочет, а я не буду возвращаться, пока не наступит рассвет. Я тихо прокрался через это место с привидениями. Проходя мимо комнаты, я различил звук, похожий на звук гудящего волчка — непрекращающейся болтовни. Я побежал к входной двери, и как раз в тот момент, когда я выглянул на улицу, бродяга, одетый в лохмотья, прошаркал мимо садовой калитки. Я спрыгнул со ступенек.

— Вот мой добрый человек, — воскликнул я, с трудом выговаривая слова, потому что мой язык казался жёстким и липким.

Он повернулся со странным стоном и зашаркал ко мне.

— Вы голодны? — спросил я. — У вас есть аппетит или упрямое желание съесть нежную закуску из первоклассной валлийской баранины?

Тощий негодяй кивнул и замахал руками, покрытыми бородавками.

— Входите, входите, — закричал я. — Вы должен поесть, бедняга. Как ужасна цивилизация в лохмотьях! Злая судьба! Социализм! Миллионеры! Я вам обязан. Входите, входите!

Я плакал от восторга. Он покосился на меня с подозрением и снова замахал руками. По этим движениям и по его нечленораздельным крикам я решил, что этот человек немой. (Теперь я предполагаю, что он был раздосадован серьёзным препятствием в своей речи). Он проявлял недоверие, шмыгал носом.

— Нет, нет, — продолжал я. — Входи, дружище, и добро пожаловать. Я одинок — представитель богемы. Древние книги — затхлая компания. Идите и садитесь за стол, подбодрите меня честным аппетитом. Выпейте со мной бокал вина.

Я похлопал бродягу по спине. Я схватил его за руку. Более того, в своей трагической игре я напевал песенку, чтобы доказать своё безраз-

личие. Он, пошатываясь, поднимался по моим ступенькам впереди меня — его ботинки были заштопаны обёрточной бумагой, и звук его шагов был похож на шелест женского шёлкового платья. Я беспечно последовал за ним в дом, оставив дверь широко открытой, чтобы чистый ночной воздух мог проникнуть внутрь и чтобы грохот железной дороги, которая проходит за домом доктора, мог доказать реальность мира. Я усадил бродягу в кресло. Я угостил его мясом и выпивкой. Он наслаждался хорошей едой, он жадно поглощал мой кларет, он грыз кости и корку, как голодный зверь, всё время рассматривая меня, опасаясь, что его лишат еды. Он рычал и жевал, он пыхтел, он хватал ртом воздух и жевал. Он был хищной птицей, кошкой, диким зверем и человеком. Его живот был единственной истиной. Он случайно попал на небеса и ждал трубы архангела об изгнании. И всё же в разгар его ненасытной трапезы ужас охватил и его тоже. Полный собственного страха, я наслаждался, наблюдая, как дрожат его руки и как бледность разливается по его грязному лицу. И всё же он бешено ел, пренебрегая своими страхами.

Всё это время я в отчаянии думал об ужасном существе, которое пряталось в моём доме. В то

время как я сидел, ухмыляясь своему гостю, побуждая его есть, пить и веселиться, и анализировал каждое прискорбное действие грубияна, испытывая отвращение к его зверству, мерзкое сознание того, что эта тварь по чьему-то тайному поручению что-то вынюхивает здесь, никогда не покидало меня. Это жертва аборта, А-Б-О, — понял я тогда.

Внезапно, как раз в тот момент, когда бродяга, подняв баранью кость, принялся зубами грызть хрящеватый сустав, до моих ушей донёсся звук бьющегося стекла, а затем шелест (как бы обычной) руки, ощупывающей дверь. Но нищий услышал то, что не выразить словами. В тот день я почувствовал себя моложе, чем когда-либо в детстве. Я был пьян от ужаса.

Мой гость, уронив стакан с вином, но всё ещё сжимая баранью кость, вскочил на ноги и уставился на меня бледно-серыми зрачками в побелевших глазах. Его чумазое обесцвеченное лицо было испачкано едой. Грязь покрывала его кожу. Я взял его за руку. Я схватил лампу и поднял её повыше. Мы с бродягой стояли на месте, вглядываясь в темноту; свет лампы едва освещал знакомый коридор и отражался на двери комнаты, окно которой выходило в мой сад.

Ручка двери бесшумно поворачивалась. Дверь открывалась почти незаметно. Пульс бродяги бешено колотился; мой локоть был прижат к его руке. И очень худая ненормальная тварь — желтовато-коричневая тень — вышла из комнаты и протопала мимо нищего и меня.

У меня отвисла челюсть, и я не мог её сомкнуть, чтобы заговорить. Я крепче сжал руку бродяги, и мы выбежали вместе. Стоя на верхней ступеньке, мы осматривали улицу; вдалеке тяжёлой поступью шёл полицейский, играя лучом своего фонарика на окнах домов и дверях. Вскоре он приблизился к лампе, где мелькнула чудовищная тень. Я увидел, как полицейский внезапно обернулся. С развевающимися фалдами пальто он яростно побежал по узкому переулку, ведущему ко множеству ярких магазинов.

Мы с бродягой провели остаток ночи на крыльце дома. Иногда он тщетно бормотал что-то невнятное и раздражённо жестикулировал, но в основном мы ждали, безмолвные и неподвижные, как два совиных чучела.

При первом слабом луче рассвета, пробившемся над домом доктора напротив, нищий отшвырнул мою руку, слепо спрыгнул вниз по ступенькам и, не останавливаясь, чтобы открыть

калитку, перепрыгнул через неё и сразу же исчез. Я почти не почувствовал удивления. Лампа с зелёным абажуром, стоявшая на пороге, медленно догорала. Солнце радостно взошло, зачирикали воробьи, порхая вокруг и сражаясь за пищу. Я думаю, что мои круглые глаза непроизвольно наблюдали за ними.

Вскоре после восьми утра почтальон принёс мне письмо. Вот, что было в нём написано: «Боже, прости меня, друг, и помоги мне писать здраво. Жалкое любопытство оказалось сильнее меня. Я вернулся в свой дом, который теперь казался мне ужасно чужим. Я не мог уснуть. Теперь оно расхаживает вместе со мной по моей собственной спальне, даже погружённое в свой нечестивый сон, оно всегда со мной. Каждая картина, да и каждый стул, как бы строго я ни старался дисциплинировать свои мысли, наполнились тайным смыслом. Посреди ночи я спустился вниз и открыл дверь своего кабинета. Мои книги показались мне безутешными, обиженными друзьями. Сундук оставался в том виде, в каком мы его оставили — мы, ты и я, когда заперли дверь. Дрожа от страха, я прошёл немного дальше в комнату. Не успел я сделать и двух шагов, как обнаружил, что крышка больше не закрывает

это существо от звёзд, она была распахнута настежь. О! Пеллютер, как вы отнесётесь к столь поразительному заявлению? Я видел (я говорю это торжественно, хотя мне приходится энергично трудиться, чтобы отогнать череду страшных мыслей). Я видел несчастное существо, которое мы с тобой подняли из чрева земли, лежащее на полу; его тощие конечности скорчились перед камином. Неужели жара пробудила его от долгого сна? Я не знаю, я не смею думать. Оно, оно, Пеллютер, лежало на коврике у камина, погружённое в дремоту, беззвучно дыша. О, мой друг, я стою и смотрю на безумие лицом к лицу. Мой разум взбунтовался. Там лежал несчастный абортированный уродец. Мне кажется, что эта тварь подобна заразному тайному греху, который скрывается, гноится, плетёт сети, загрязняет здоровый воздух, но однажды выползает и крадётся среди здоровых людей, прокажённое дитя грешника. Да, и, возможно, это грех твой и мой. Пеллютер! Но, будучи обременёнными таким тяжким грехом, мы должны нести его в одиночку. Я оставил эту тварь там, пока она спала. Её историю мир никогда не узнает. Я пишу это, чтобы предупредить тебя об ужасе, что постиг тебя и меня. Когда ты придёшь, (*я понял, что Дагдейл не*

отправил это письмо вовремя, и оно не достигло меня на второй вечер. Я горько сожалею об этом упущении), мы составим наши планы по полному уничтожению этого ужасного воспоминания. И если это не наш удел, мы должны жить дальше, но скрывать нашу находку от здравомыслящих глаз. Если кто-то и должен страдать, то это мы. Если убийство может быть справедливым, то убийство этого существа — ни человека, ни зверя, а этого мерзкого символа — должно считаться добродетелью. Судьба выбрала свои инструменты. Приходи, мой старый друг! Я отослал своих слуг и запер дверь; и я молюсь, чтобы это существо могло спать до тех пор, пока не спустится тьма, чтобы скрыть наши нечестивые дела от людей. Наука позорно отступила; религия — это увядший цветок. О, мой друг, что мне сказать! Как мне прийти в себя?"

Вы можете делать любые выводы из этого скупого письма. Я могу предположить, что в какой-то момент второго дня (возможно, пока я бродил по садам в Кью!) Дагдейл снова посетил это существо и обнаружил его бодрствующим и бдительным в своей комнате. Никто не шпионил за моим другом в те часы. (Иногда в тишине мне кажется, что я слышу странные шаги на моём пороге!)

При ярком солнечном свете я поехал на кэбе к дому Дагдейла, потому что мои ноги ослабли, и я едва держался. Прихрамывая, я прошёл по садовой дорожке к знакомым ступенькам, опираясь на трость. Дверь была приоткрыта, и я вошёл. Я обнаружил Дагдейла в его кабинете. Он сидел в том самом сундуке, рядом с ним лежала Библия.

Он посмотрел на меня.

— "А мы — вчерашние и ничего не знаем, потому что наши дни на земле — тень". Что такое жизнь, Пеллютер? Тщетное стремление к смерти. Что такое красота? Вопрос степени. И грех витает в воздухе — дитя болезни и смерти, зарождения и ненависти к жизни. Палевые волосы обладают красотой, а что касается костей, то, конечно, червям трудно их есть. Черви! Проникли через ту трубу? Пеллютер, мой дорогой старина Пелл. Через трубу?

Он смотрел на меня, как ребёнок — на яркий свет.

— Пойдём! — обратился я к Дагдейлу. — На улице свежий ветер, а солнце яркое и тёплое. Пойдём!

Больше я ничего не мог сказать.

— Но солнечный свет теперь не имеет для меня никакого значения, — ответил мой друг. — Этот

сеятель разврата, чудовище, проникшее в мой мозг, душит все остальные мысли, тщедушные и слабые. У меня есть одна идея, концепция, яростная, ужасная идея, феноменальная. Видишь ли, когда глубокая абстрактная вера превращается в отвращение, когда надежда съедается ужасами сна и безумной тоской по сну — безумной! И всё же палевые волосы не лишены красоты; при условии, Пеллютер, при условии… через трубу?..

Злопыхатели напрасно пытаются сейчас обвинить моего друга. О, разве в его разговоре со мной не было разума и логической последовательности? Я пытаюсь показать, что это было именно так. Я клянусь, что он не сумасшедший — немного эксцентричный (конечно, все умные люди эксцентричны), немного постаревший. Я торжественно клянусь, что мой дорогой друг Дагдейл не был сумасшедшим. Он был справедливым человеком. Он никого не обижал. Он был доброжелательным, добрым джентльменом и обладал прекрасным интеллектом. Вы можете сказать, что он был эксцентричным, но не сумасшедшим. Слёзы текли по моим щекам, когда я смотрел на него.

Перевод: А. Черепанов.

Уолтер ДеБилл
Хищник

Walter C. DeBill «Predator», 1972.

«Американский вестник палеонтологии», 3 января 1968 г.:

> «...самое примечательное ископаемое эпохи эоцена[70], относящееся к ранней эволюционной ветви млекопитающих отряда *Creodonta*[71] и имеющее явные признаки родства с обладателем 34-дюймового[72] черепа, чьи кости найдены экспедицией Эндрюса[73] на территории Монголии в 1925 году. Способ передвиже-

---

[70] Примечания: 70

Эоцен — вторая геологическая эпоха (началась 56,0 и закончилась 33,9 млн. лет назад) палеогенового периода.

[71] Примечания: 71

Creodonta — отряд вымерших хищных млекопитающих.

[72] Примечания: 72

1 дюйм = 2,54 см.

[73] Примечания: 73

Рой Чапман Эндрюс (1884–1960) — американский путешественник и натуралист, известный своими палеонтологическими экспедициями в Китай и Монголию.

ния такого существа, по правде сказать, кажется совершенно необычайным; конечности рудиментарны, из-за чего нашего гиганта можно образно именовать „сухопутным китом“, который миллионы лет назад, уподобившись червю, неспешно прокладывал себе ходы под землёй. Глаза атрофированы и, надо полагать, внешне были похожи на огромные бородавки. Судя по зубам, это хищник…»

Дневник Гарольда Триллинга, 4 февраля 1971 г.:

«…Сильвия на самом деле выбрала восхитительное место для своего „Аббатства Йидры“ — два этажа, каменные стены толщиной в фут[74], аккуратные створчатые оконца; и расположение просто идеальное — среди высоких холмов, покрытых зеленью, к северу от города. Мы находимся в небольшой долине, куда ведёт единственная дорога, вдоль которой выстроились могучие дубы-великаны.

---

[74] Примечания: 74
1 фут = 30,48 см.

Ближайший сосед живёт в полумиле[75] отсюда, поэтому нас не потревожит или не пожалуется на шум. Я постоянно говорю Сильвии, что название „Аббатство Йидры“ не слишком уместно, оно больше подходит для женского монастыря, а не для культового центра или тайного храма, но она возражает, дескать, Южная Калифорния переполнена всевозможными „храмами“, и никто, поглядев на один, даже не захочет взглянуть на другой.

Каюсь, я, в отличие от Сильвии, по-настоящему не верю в Йидру. Прекрасная, но в то же время ужасная, мать всего минувшего, настоящего и будущего на Земле — это воистину величественный образ, вот только моя способность к духовной вере притупилась от постоянной необходимости управлять скрытыми проекторами или подсыпать гашиш в сакральное вино. Я действительно нахожу все эти церемонии очень трогательными, однако верую я не в Йидру, а в Сильвию. Когда она откидывает капюшон в свете

[75] Примечания: 75
1 миля = 1,61 км.

факелов, её волосы золотым водопадом рассыпаются по плечам, а чарующий голос звучит подобно зову серебряной трубы; плащ смягчает некоторую угловатость её фигуры, и каждое движение — чистая исконная женственность. Но при дневном свете она не производит впечатления сказочной красавицы, и голос у неё „медный“, а не „серебряный“; полагаю, она по-настоящему живёт только тогда, когда горят факелы и проводится ритуал поклонения Йидре. Иногда она рассказывает о мистических откровениях, снизошедших на неё не то в Нью-Мексико, не то в Лаосе, и тогда я думаю, что она чуточку сумасшедшая, но это упоительное безумие. По-видимому, Йидра ниспослала ей меня, чтобы помочь совладать с практической стороной дела!

Просторный подвал великолепно подойдёт для организации церемоний, хотя придётся провести туда отопление, дабы ублажить наших избалованных пожилых клиентов. Сильвия предлагает проломить стену за алтарём, чтобы устроить отдельное „внутреннее святилище“,

из которого она будет совершать эффектные выходы на публику; это значит, что мне предстоит уйма работы, особенно если почва окажется каменистой. Старая кладка не выглядит чересчур прочной, и я заметил многочисленные трещины в известковом растворе…»

Миссис Герберт Уилкерсон, 12 августа 1971 г.:

— …встретиться со жрицей во внутреннем святилище? Это так волнующе! Должно быть, вы очень уверены в моём высоком уровне духовного потенциала, мистер Триллинг…

«Американский вестник палеонтологии», 8 мая 1968 г.:

«…дальнейшие раскопки так и не привели к раскрытию тайны громадного креодонта. Место находки — глубокая пещера, пол которой сплошь усеян костями различных животных. На всех крупных костях наличествуют следы от зубов креодонта; при этом многие кости отмечены клыками других плотоядных, но не в достаточной степени для подтверждения теории о том, что наш гигант являлся

обычным падальщиком. Однако даже трупоед должен передвигаться довольно быстро, чтобы первым успеть добраться до своей пищи…»

Дневник Гарольда Триллинга, 4 апреля 1971 г.:

«…я никак не уразумею её новую причуду — постоянно оставаться во внутреннем святилище за алтарём и появляться только в кульминационные моменты церемоний. Это, разумеется, выглядит феерично, что придаёт дополнительный колорит „особым визитам“ богатых почитателей, но перекладывает бремя делового общения и управления сценой на мои плечи. Сильвия могла бы, по крайней мере, помогать мне до прихода паствы. Лучше бы мы не находили ту пещеру за стеной. Однако „особые визиты“ действительно смотрятся потрясающе — когда тяжёлая деревянная дверь открывается, и жрица спускается по ступеням, ведущим к алтарю в форме сердца. А уединение и „медитации“ привели Сильвию в должную форму — бледное лицо, сияющие глаза, почти призрачный голос,

провозглашающий: „…и Матерь Тьмы воцарится, даруя вечную жизнь своим верным слугам; пусть надёжной опорой Ей будут Ксотра-Пожирательница на земле и Й'хат-Великокрылый на небе…“

Но очень хочется, чтобы она время от времени выходила ко мне. Я чувствую, что теряю её — она всё дальше и дальше отдаляется от меня, превращаясь в размытую иллюзорную фигуру, порождённую сновидением…»

«Тайная история монголов», оригинальная версия, около 1240 г.:

«…Бодончар-мунгхаг[76] со смехом пожурил Дорбена за то, что пущенная другом стрела не убила оленя, а лишь ранила, угодив в бок, и всадники отправились по кровавому следу, оставленному сбежавшей добычей. Вскоре они заметили, что худотелый волк тоже преследует раненого оленя, и Дорбен взялся за лук. Однако Бодончар-мунгхаг, обратив внимание

[76] Примечания: 76

Бодончар-мунгхаг / Бодончар-простак (ок.850-ок.900) — легендарный герой монгольского эпоса.

на странное поведение волка, сказал: „Гляди, волк не убивает оленя, а гонит его будто пастушья собака отбившуюся от стада овцу. Давай понаблюдаем за ними.“ Друзья последовали за животными на некотором удалении и увидели, что волк загнал оленя в долину, о которой охотники не имели никакого представления. Спешившись, они тихо поднялись по склону ближайшего холма и подсмотрели, как волк тащит живого оленя в тёмную пещеры. Немного погодя волк вышмыгнул наружу, а брюхо его было всё таким же тощим и явно пустым…»

Миссис Герберт Уилкерсон, 12 августа 1971 г.:

— …там, в глубине? Я и не думала, что проход так далеко уходит вниз — ведь эта пещера имеет естественное происхождение, верно? Я как-то сомневаюсь…

Дневник Гарольда Триллинга, 15 июня 1971 г.:

«…меня сильно утомляют культовые дела и забота о Сильвии, поэтому я постоянно чувствую отупляющую усталость и пребываю в каком-то подобии полу-

сна. А Сильвия несколько недель подряд ни на шаг не отлучается из святилища. Вид у неё довольно болезненный, но она всё ещё очаровательна. Вчера вечером я повёл миссис Арбогаст к ней, и Сильвия в мгновение ока заставила её смеяться, чирикая о банальностях. Я удалился, оставив их наедине. Сильвия так и не рассказала мне, сколько миссис А. пожертвовала, но я слишком пьян, чтобы беспокоиться о деньгах…»

«Тайная история монголов», оригинальная версия, около 1240 г.:

«…после Бодончар-мунгхаг и Дорбен много раз наведывались посмотреть, как волк приносит добычу в пещеру, а затем уходит восвояси голодным, но сами не решались соваться туда, опасаясь присутствия злых духов.

Однажды Дорбен хлебнул чересчур много арака[77], оттолкнул Бодончара-

[77] Примечания: 77

Монгольский арак — традиционный крепкий алкогольный напиток, получаемый путём перегонки кумыса (перебродившего кобыльего молока).

мунгхага и вошёл внутрь, сказав, что в пещере живёт прекрасная богиня, которая сладко поёт ему, да ещё много чего сулит, если он с поклоном придёт к ней. А когда через некоторое время Дорбен не вышел, обеспокоенный Бодончар-мунгхаг вернулся на стойбище и призвал множество вооружённых мужчин, настояв, чтобы ни один из тех, кто в этот день пил арак, не следовал за ним. Именно так Бодончар-мунгхаг вместе с воинами вторгся в пещеру и нашёл там…»

«Американский вестник палеонтологии», 3 июня 1969 г.:

«…свидетельствует о вероятной предрасположенности к погружению в состояние спячки на чрезвычайно длительный временной период…»

Песнопение из *«Текстов Млоенга»*:

«…Ксотра ненасытная!
Ксотра пожирающая!
Та, которая в земле обитает,
В каменном чертоге пребывает;

Та, которая к себе зазывает…»

Дневник Гарольда Триллинга, 12 августа 1971 г.:

«…полицейский, который приходил вчера по поводу миссис А., поначалу был весьма недружелюбен, но Сильвия быстро взяла его в оборот, включив своё головокружительное обаяние на максимум. Судя по всему, миссис А. никто не видел после поездки на встречу с Сильвией. Я не горел желанием вести блюстителя закона в подвал, но переусердствовал с гашишем и, находясь в паническом состоянии, не смог придумать ничего иного, кроме как позволить Сильвии самой справиться с возникшей проблемой. Было предельно трудно уговорить детектива подняться по ступеням за алтарём, его очень беспокоила атмосфера этого места, к тому же он вёл себя будто параноик, но, как только Сильвия начала работать над ним, расслабился и не доставил никаких хлопот. Помню, что в какой-то момент она заставила его визжать от смеха, хотя даже не могу представить, о чём именно

они говорили; я был далёк от всего происходящего, бестолково стоя в стороне и глупо хихикая.

Сегодня вечером я отведу миссис Герберт Уилкерсон к Сильвии. Миссис Г. У. — вдова бостонского политикана, оказавшаяся личностью недоверчивой и скептически настроенной. Я не выбрал бы её для „особого визита“, но она буквально насквозь пропитана запахом больших денег, а финансовая сторона вопроса всегда имеет решающее значение. Сильвии придётся быть исключительно впечатляющей, ведь у меня никак не получается подсунуть старухе гашиш; думаю, она подозревает, что я добавляю наркотик в сакральное вино…»

Утерянная книга Геродота[78], около 445 г. до н. э.:

«…а странников, ступающих на эту пустынную землю, предупреждают остерегаться того, кого величают Ксотра;

[78] Примечания: 78

Геродо́т Галикарна́сский (ок.484 г. до н. э. — ок.425 г. до н. э.) — древнегреческий историк.

ибо зачастую случается так, что оборванец встаёт на пути одинокого путника и предлагает пожевать траву *альхафар*, убаюкивающую здравомыслие чарующими грёзами; затем оборванец приглашает путника посетить некое место в горах, где прекрасные девы готовы одарить любовными ласками всякого, кто войдёт в их чудесный дворец, стены которого покрывают дивные узоры, сложенные из драгоценных камней. Тот, кто берёт траву и уходит в горы, никогда не возвращается; однако говорят, что один путник отказался от травы, но последовал за провожатым, и ему посчастливилось вернуться; вот только рассказал он не о прекрасных девах или чудесном дворце, а поведал ужасную истину, от которой в жилах стынет кровь…»

Миссис Герберт Уилкерсон, 12 августа 1971 г.:

— …какой ужасный запах! Вы уверены, что там никто не умер?..

Частная корреспонденция учёного-палеонтолога д-ра Ричарда Марбриджа, 3 августа 1971 г.:

«…полагаю, что нашёл единственно возможное объяснение. Это был хищник, но он не мог гоняться за добычей, поэтому жертва приходила к нему сама. Как такое возможно? Не случайно; ведь это ничуть не эффективно для выживания. Притяжение по запаху? Представьте себе глубокую земляную нору, в которой медлительное существо проводит бóльшую часть жизни; накопившееся со временем зловоние наверняка *отпугнёт* любое животное. Единственное объяснение — телепатический контроль.

Итак, какую форму мог принять вышеозначенный контроль? Очевидно, эта тварь не только сама завлекала пищу, но и побуждала других плотоядных снабжать её провизией. Крайне маловероятно, что она просто пожирала подношение и дарителя за один „присест“; она фактически *порабощала* других хищников и многократно посылала их за добычей. Но для этого требовалось позволить „рабам“ свободно передвигаться на большие расстояния и использовать собственные охотничьи таланты в полной мере.

Допускаю, что для осуществления подобного контроля использовалась некая феноменально тонкая форма подчинения разума; вероятно, какие-то направленные галлюцинации, стимулирующие исполнение чужого волеизъявления. Интересно, какая галлюцинация заставит волка носить домой бекон? Тёплое логово, полное голодных маленьких волчат? А может быть, и нет…»

Миссис Герберт Уилкерсон, 12 августа 1971 г.:

— …Сильвия?! ОТПУСТИ МЕНЯ, МАНЬЯЧКА! О БОЖЕ, это НЕЧТО!..

Дневник Гарольда Триллинга, 2 сентября 1971 г.:

«…похоже, что миссис Харрис сегодня не появится. Сильвия будет в полнейшем бешенстве — никаких „особых визитов“ (или солидных пожертвований) со времени исчезновения в прошлом месяце миссис Г.У… Я даже боюсь пойти и сказать Сильвии об этом…»

Рекламное объявление, 22 сентября 1971 г.:

«Сдаётся в аренду дом: 2 этажа, 9 комнат, стены из натурального природного камня, недалеко от города…»

Перевод: Б. Савицкий
Редактура: И. Самойленко

Уолтер ДеБилл
Возвращение домой

Walter C. DeBill «Homecoming», 1972

1 мая 1946 г.

Пять фигур сидели вокруг тяжелого пятиугольного стола, созерцая мягко светящийся объект в центре. Тусклая желтоватая лампа, висевшая за решеткой из дубовых балок, превращала маленькую каменную стену комнаты в шахматную доску. Лица трех, одетых в красные одежды с накинутыми капюшонами, были в тени. Четвертый — высокий белокурый мужчина в рваной одежде цвета хаки, был полностью освещен. Пятая фигура, носящая шафрановый халат с откинутым назад капюшоном, была ярко освещена справа, с одной стороны виднелись высокие скулы и

восточные глаза, другую — скрывал мрак. Тонкие губы едва двигались, когда он говорил.

— Вам нечего бояться, Харальдсон, кристаллическая матрица синего эллипсоида перед вами способна удерживать узоры земного мозга без каких-либо искажений или дискомфорта. Ограненная внешняя поверхность представляет собой покрытие, более твердое, чем алмаз, и менее хрупкое; гораздо более прочный сосуд, чем тот, который в настоящее время занимает ваша душа.

Опустилась тишина, но блондин отказывался отвечать. Его глаза, устремленные на пылающую массу кристалла, выражали страх, но также и восхищение, почти рвение.

— И, конечно, есть менее приятные методы, которые мы могли бы использовать для прекращения ваших расследований, — продолжил человек в желтом. — Вам повезло, что нам нужны образцы земного сознания для демонстрации и изучения. Гладкие красные шары на конце, обращенном к вам, функционируют как глаза, и вы будете видеть в ходе своих путешествий то, что видели менее десяти существ в истории вашей планеты. В эллипсоидальную часть встроены другие органы чувств, каждый из которых

функционирует постоянно. Речь, однако, требует внешнего устройства, которое будет подключено только тогда, когда наши друзья захотят вас расспросить.

Ваше тело будет поддерживаться в идеальном состоянии здесь, в пещерах, и если ваши путешествия расширят ваш кругозор в достаточной степени, чтобы сделать вас полезными для нас, вы можете в конечном итоге вернуться к нему.

Мы осуществим передачу через нашу объединенную умственную силу. Вы найдете ее полностью безболезненной, матрица чрезвычайно восприимчива… порой, возможно, слишком восприимчива.

Фигура в хаки расслабилась. Кристаллический мозг становился все ярче, его аквамариновое свечение пульсировало и открывало волосатую поверхность под красными капюшонами, каждая из которых была безликой, за исключением одного оранжевого лишенного зрачка глаза. Шафрановое одеяние также обмякло, а затем приняло новые твердые очертания, когда Ньярлатотеп вернулся к своей истинной форме.

Искатели не нашли никаких следов эксцентричного туриста Торвальда Харальдсона, который пропал в уединенном горном кемпинге две недели назад. Харальдсон был одиноким исследователем фольклорных и оккультных практик и, как полагают, пытался найти извергов, которые образовывали скрытый центр культовой деятельности, связанной со скандалом с «человеческими жертвами», в Беркли в прошлом году. Зверства в Беркли приписывались почитателям «Ньярлатотепа», — предполагаемого посланника сверхъестественных монстров из космоса.

— Кламат (Калифорния) Наблюдатель 15 мая 1946 года.

Тринадцатый день пять тысяч девятого цикла Гхлалры:

Стол представлял собой сплошной кусок зеленого нефрита, утратившего блеск под тремя большими красноватыми солнцами, установленный в центре круглой террасы, окруженной пышной тропической растительностью. Три фигуры вокруг него не нуждались в стульях, каждая стояла на одной ноге, как улитка. Под одним многогранным глазом у каждой была бахрома тонких щупалец, которые прерывистыми

жестами перемежали гортанный и извилистый разговор, часто указывая на пылающий кристаллический мозг в центре стола. Одна фигура, казалось, доминировала в разговоре, размахивая своими щупальцами более яростно, чем остальные, и часто судорожно содрогалась от того, что могло быть смехом. Она также часто протягивала щупальце, чтобы погрузить его в большую чашу с бесцветной маслянистой жидкостью, которая находилась рядом с мозгом, и каждый раз, когда это происходило, уровень жидкости в чаше существенно падал.

Наконец фигура отвернулась от стола и с удивительной скоростью скользнула к некоему шкафу на краю террасы, тело слегка покачивалось над его колеблющейся ногой. Он вернулся с маленьким металлическим цилиндром. Другие фигуры, казалось, были встревожены этим, махали и квакали словно в протесте, но покачивающееся существо быстро достигло стола и положило цилиндр между красными глазами кристаллического мозга. Свечение мозга превратилось в ослепительно пульсирующий взгляд, в то время как слизень задрожал от опьяняющего веселья.

И сказано, что мозги из драгоценного камня отправляются в дальние уголки космоса и обмениваются различными слугами и союзниками Ньярлатотепа, как земные ученые торгуют свитками и книгами. Лишь немногие души возвращаются, те, кто не раздражал друзей Ньярлатотепа своими грубыми вопросами.

— «Книга Эйбона», около 100 000 г. до н. э.

Отрывок из дневника: 17 декабря 1957 года.

…было немного проблем с тем, чтобы пробраться через щебень при входе, но внутренние пещеры все еще были целы. Не было никаких сомнений в том, что произошло — отродье Пайгона прорвалось снизу, и результаты оказались не очень приятными. Останки инопланетян были не потревожены и не разрушены (иммунитет к наземным бактериям?) и неизменно находились в позе бегства или отчаянной борьбы. Мы нашли то, что осталось от Харальдсона на самом нижнем уровне, где большие трещины пересекали пол пещер, а горячие восходящие потоки делали воздух почти невыносимым. Тело хранили в резервуаре с консервантом или питательным раствором, давно испарившимся до пятнистой корки. Даже

кости были в очень плохом состоянии, но они оставили кольцо и идентификационный браслет на месте, и я узнал коронку на левом нижнем резце, которую он приобрел после стычки с тварями Гхола в Бутане в 44 году. На краю резервуара была табличка с искаженными надписями Йхе — я ничего не понял, и у меня не было времени сделать копию, но, похоже, она рассказывала о похищении Харальдсона. Я почувствовал слабость, когда прочитал о его первоначальном предназначении. Незадолго до того как начались земные толчки я обнаружил речевой аппарат — единственное, что мне удалось сделать до того, как пещеры рухнули. Устройство точно такое же, как описано в «Книге Эйбона»…

Неопределенная область пространства-времени:

Чужие созвездия медленно перемещались, искривляясь и объединяясь в жутком калейдоскопическом танце, который подсказал ему, что он путешествует со скоростью во много раз больше скорости света. Ибо не было звезд здесь, в межгалактической пустоте, и он знал, что каждая точка света — это островная вселенная, сотни миллиардов солнц или более, невероятно

далекие.

Возможно, путешествие было неправильным словом — он знал, что путешествие сверх скорости света должно было быть невозможным, хотя он видел много невозможного в этих красных шарах. Возможно, это было тонкое изменение пространственных отношений, совершенно отличное от обычного движения. Конечно, бесформенное, многоглазое существо, которое несло его, непреднамеренно опускало псевдоподию на один из его глазных шариков, и его идиотский крылатый конвой казался совершенно неподвижным. Шарики были гораздо более чувствительны, чем человеческие глаза, и он мог видеть огромных тварей, похожих на летучих мышей, вырисовывающихся на фоне далеких галактик, застывших в парящей позе, совершенно неподвижных. Только созвездия двигались в медленном танце.

Мучительно острые чувства кристаллического мозга попеременно вызывали восторженное удивление и ужас: в частности, телепатические способности часто приводили его на грань безумия. В просторах космоса лишь немногие умы были достаточно совместимы для такого тесного контакта с хрупкой земной психикой. «…воз-

можно, слишком восприимчива…», — сказала та тварь. Теперь он тревожно осознавал сардоническое зло одноглазого существа, отвратительный идиотизм огромных летучих мышей и, что хуже всего, слабые, но растущие намеки на тех призраков пустоты, известных только как Скрытые, туманные, нематериальные, непримиримо злобные существа, которые вечно дрейфуют через пропасти и кружат вокруг путешественников. Их нестабильность нервировала его — в один момент смутный бессознательный менталитет мечтал о своих собственных бесформенных кошмарах, затем скручивался, перерождаясь в злобно проницательный интеллект, прощупывающий его собственный ум, изучая его, пытаясь найти слабое место, точку входа — затем столь же внезапно растворялся, снова превращаясь в ночной ужас. На протяжении всего межгалактического прохождения Скрытые стали внимательнее, их прощупывающие, вопрошающие атаки стали более мучительными. Но не вопросов боялся Харальдсон, а ответов, которые они могли дать на его собственные невысказанные, невольные вопросы. Потому что они были стары, старше богов — они существовали до первоначального взрыва, который запустил вселенную, и знали

секреты, которые ни один человеческий разум не мог вместить…

…большой огненный шар в горах на севере поспособствовал возникновению необдуманных репортажей о летающих тарелках. Ученые считают, что это был большой метеорит. Поиск с воздуха не выявил место падения…

— Кламат Наблюдатель 21 января 1971

Отрывок из письма от 26 февраля 1971 года:

Да, это правда, что мы обнаружили кристаллический сосуд, в котором разум Торвальда Харальдсона был заключен в тюрьму и похищен в 1947 году. На нижней стороне была идентификационная табличка, идентичная той, которую мы нашли у тела Харальдсона в 57 году. Тварь, что принесла его, была уничтожена настолько, что мы не могли быть уверены, была ли это машина или какое-то инопланетное существо из межзвездной пропасти — возможно, оно считало, что некий сигнал от пещер Актабы безопасно поведет его. Невероятно, что мозг выдержал удар — он должен состоять из какой-то совершенно неизвестной формы материи. Конечно, мы не знали, функционирует ли разум внутри, пока не

соединили его с речевым аппаратом и не услышали голос.

Но об этих удивительных откровениях из пропасти времени, пространства и сущности я никогда не буду говорить. Я никогда не мог представить, что простое знание может быть таким разрушительным, но из трех, кто слышал, как мозг говорит, один выбрал смерть, другой полностью лишился разума, а что касается меня, ни мой разум, ни мое тело не могут выдержать еще один год. Внутренние луны Ку`ин, отвратительные инсинуации живой спиральной туманности, ужасное прошлое и будущее темной звезды Нийлиат-Ро — это не для умов людей. Он взглянул на Азатота. и все же жил — что я могу сказать больше?

Но не природа этих откровений заставила нас запечатать тварь в бетон и уронить его в океанские глубины, а их источник. С самого начала мы заметили что-то непостижимо странное в его разговоре, причудливую смесь непоследовательности и рациональности, истерии и спокойного, почти циничного равновесия. Эти противоречивые аспекты иногда чередовались в одном предложении, а некоторые загадочные высказывания, казалось, выражали оба аспекта

одновременно. Как будто его разум был разбит на фрагменты, которые рекомбинировали и растворялись с жуткой изменчивостью. И, наконец, в момент неосторожной самоуверенности этот отвратительно аморфный ум сказал слишком много, и мы узнали правду. Произошла фрагментация, эволюция и влияние в этом мозгу; то, что было Торвальдом Харальдсоном, уже не было вменяемым, а то, что было вменяемым, конечно же, не было Торвальдом Харальдсоном. Это была непристойная, всезнающая, злобная тварь, которая скрывалась в пустоте, она вошла в разум Тора и слилась с ним — тварь, которая последовала за ним домой.

Перевод: Р. Дремичев

Уолтер ДеБилл
В Иджироте

В 'Иджироте, где некогда свирепый,
Лохматый зверь, что звался человеком,
В давно ушедшие, седые времена
Ходил походкой важной и надменной,
Служил богам из внешних сфер Вселен-

ной,
Чьи нынче позабыты имена,
Теперь одни губительные тени
Скитаются в 'Иджироте.

Walter C. DeBill «In 'Ygiroth», 1975.

Город высился над ним, выступая из затененного ущелья, — там, где кончался пологий подъем и где в туманное небо Страны Грез вонзался стройный, зазубренный пик — самая высокая вершина Лериона. Покинутый город грезил в течение медленных веков, погруженный в одиночество и распад, и за все это время не появился ни один человек, способный докопаться до его темных тайн. Только он, Нилрон-Служитель, рискнул подняться на Север против течения бурной Скаи — к ее истокам в высокогорной долине Минантра между Лерионом и скалистым Дларетом, пройти по усеянным камнями лугам на северных отрогах Лериона туда, где стоял в глубокой отрешенности 'Иджирот. Нилрон надвинул отороченные мехом поля шляпы на глаза, защищаясь от прямых лучей заходящего солнца, и погнал своего жилистого пони к низкой внешней стене…

Никто не мог сказать, откуда и когда пришли

люди 'Иджирота, но трава зеленых лугов Минантры знала их крадущуюся поступь, а эхо их жутких охотничьих кличей металось в скалах уже тогда, когда сорок веков назад предки Нилрона с Востока начали заселять плодородные долины Скаи, построили Ультар, Нир и Хатег. Рослые пришельцы невзлюбили людей 'Иджирота, найдя их неприятно коренастыми, волосатыми и не очень разумными. Не внушала доверия манера аборигенов бесшумно ходить по лесу. И надбровные дуги у них слишком выдавались вперед, прятали глаза. И не пекли они мясо буопотов на костре — сырым пожирали. Если бы не все это, то люди из долин Скаи, возможно, и нашли бы способ установить с людьми 'Иджирота мирные отношения. Но — не случилось, и никто, кроме самых рисковых авантюристов, не удосужился даже изучить их грубый примитивный язык. Так что все, что знали люди Скаи о людях 'Иджирота, — это обрывки преданий, дошедшие через тех самых авантюристов, к которым все очень скверно относились и которые весьма скверно кончали.

Смышленым и изобретательным людям Скаи казались нелепыми и старомодными кремневые наконечники копий и ожерелья из волчьих

клыков. Между тем 'иджиротцы очень гордились своим мастерством в охоте на спокойных буопотов. Но успехов в этом деле они добились лишь благодаря тому, что полуприрученные киреши были у них и гончими, и верховыми. Кирешь — это зловещее животное древних времен, давным-давно вымершее в остальных частях Страны Грез — имел туловище, в общих чертах, похожее на лошадиное, так что отчаянные сорвиголовы могли кататься на нем верхом. Ноздри на длинной кровожадной морде чуяли запах жертвы даже на большом расстоянии, а огромные когти и клыки наносили раны более страшные, чем примитивные каменные наконечники копий. Казалось, 'иджиротцев не слишком волновал тот факт, что агрессивные и легко впадающие в ярость твари одинаково беспощадно разили как животных, на которых велась охота, так и самих охотников. Если охота была удачной, то добычу надо было делить на меньшее количество частей. Если неудачной — что ж, те, кто ее пережил, не давали плоти павших товарищей пропасть втуне и отменно утоляли свой голод.

Сами 'иджиротцы вряд ли сумели бы обуздать кирешей, это лежало за пределами их способностей. Приручили зверей некие более страшные и

зловещие существа. Понятие о времени у 'иджиротцев было настолько туманным, что они не могли сказать, десять или десять тысяч веков прошло с той поры, когда к ним явилось Существо в Желтой Маске и научило их делать копья, скакать на кирешах и питаться мясом свежедобытых жертв. А когда спрашивали, что Существо требовало взамен, они лишь злобно ухмылялись и грубо обрывали разговор.

Именно Существо заставило построить 'Иджирот в Свою честь и в честь Своих невидимых братьев — чудовищных уродов из внешних сфер времени и пространства. Сколько бы желтого шелка и гипнотического фимиама не тратило Существо, Оно все равно не могло сделать свою форму — или не-форму — приемлемой для человека. В удаленном ущелье Лериона, в этом обиталище зла, Существо научило глупых зверолюдей укладывать камни и само руководило трудами бесчисленных запуганных поколений, пока те, наконец, не завершили постройку. Воздвигнутой цитадели ужаса не было равных по всей Стране Грез, ибо высилась она в месте, не вполне совпадающем с пространствами, о которых мог знать или грезить человек.

Один житель Скаи смог побывать в стенах 'Ид-

жирота и вернуться — Лотрак Некромант, но он не сообщил ничего вразумительного. Когда на закате солнца Лотрак появился в Ультаре, то в припадке истерии бессвязно лепетал о каких-то бесформенных ужасах, от которых он бежал и которые отказывался назвать. Его успокоили большой дозой маковой жвачки и уложили отдыхать в верхней комнате придорожной таверны. На следующее утро старейшины Ультара вошли в его комнату, надеясь получить более толковый отчет. Но они не обнаружили в помещении ничего, кроме невыносимого зловония. Хотя окно было открыто, здесь воняло падалью, горелой плотью, как если бы ударила молния. И все. Если, конечно, не принимать на веру байки глупых сплетников, уверяющих, что старый Атал нашел за кроватью один из сапогов Лотрана и сапог этот не был пуст.

Возможно, люди Ультара, Нира и Хатега оставили бы неприятного соседа в покое — пусть себе грезит в своей высокогорной долине, если бы время от времени из их городов не исчезали упитанные подростки обоего пола. А уж в каждую ночь зимнего солнцестояния и в каждую вальпургиеву ночь обязательно пропадало несколько юных девиц. Люди Скаи увязали первое — с появ-

лением полузвериных-получеловеческих следов в своих садах, а второе — со странными огнями и барабанным боем на удаленных холмах.

Начиная с самых ранних времен, небольшие группы смельчаков предпринимали попытки уничтожить 'Иджирот и его обитателей. Но всякий раз, когда они приближались к тенистым лесам Минантры, внезапно собирались густые тучи, и отряд оказывался в кольце разноцветных молний. Многие поворачивали обратно. А те, кто продвинулся хотя бы ненамного вперед и ухитрился выжить, рассказывали о дикой музыке, перекрывающей мерзкий хохот, о завываниях невидимых людей, смертоносном тумане и мелькающей вдали фигуре в желтом шелке. И совсем уже немногие говорили о бушующих на мрачных полях если не разумных, то уж точно живых вихрях и о невидимых псах, терзающих душу человека и калечащих его тело.

Последний раз воины Скаи бросили вызов 'Иджироту во время правления короля Пнила Ультарского. На битву отправились все способные носить оружие мужчины, и на этот раз, кроме обычного военного снаряжения, они использовали заклятия и заговоры древних. Войска не встретили сопротивления, хотя воины вошед-

шего в Минантру авангарда слышали убегающие мягкие шаги и находили свежие следы когтистых лап кирешей — вплоть до самых городских ворот. Основные силы подтянулись к городу на закате. Никто не желал атаковать противника в темноте, поэтому стали лагерем у городских стен.

Ни один воин земель Скаи не спал в эту долгую ночь, полную напряжения и скрытой угрозы. И никто до конца дней своих не мог забыть длящееся всю ночь крещендо ломаных ритмов, выбиваемых костями по туго натянутым шкурам барабанов и сопровождаемое глумливыми голосами из мрака, каркающими о темных ужасах, которые будут спущены с цепи на рассвете. Как только первые шафрановые лучи коснулись пика Лериона, на лагерь с силой грома пала тишина. В течение бесконечного долгого мгновения никто не дышал, ни один взгляд не мог оторваться от все еще затененных стен 'Иджирота. А затем началось кошмарное безмолвное отступление, которое до сих пор является главной темой разговоров у очагов Ультара и уже приобрело все черты легенды.

Когда через распахнувшиеся ворота выбежали первые дюжины, а затем сотни и тысячи 'иджиротцев и устремились прямо на воинов Скаи, то

это было принято за попытку лобовой атакой сокрушить силы осаждающих. Но последних поразило, что 'иджиротцы бегут молча. Атакующие приблизились, и оказалось, что они безоружны. А когда они в своем безоглядном беге стали бросаться прямо на копья, люди увидели их пустые, бессмысленные глаза и поняли, что некий, недоступный пониманию, кошмар пришел в 'Иджирот и что 'Иджирот обречен.

Когда последний из зверолюдей лежал бездыханный на окровавленном поле, воины Ультара начали отступать. Благоговейный ужас переполнял их. Они так и не осмелились войти в город, чтобы сровнять его стены с землей.

И с той поры ни один человек не добирался сюда, и если бы не бред Лотрана Некроманта, то ничего бы и не произошло. Но перед тем как исчезнуть, Лотран прошептал несколько фраз Его Святейшеству жрецу Аталу, а тот, в свою очередь, достигнув преклонного возраста, попытался избавиться от ужасного знания, превратившего его сны в кошмары, и записал все услышанное на пергаменте. Слишком мудрено запрятал он этот пергамент, так что жрецы Ноденса не смогли отыскать и уничтожить свиток, как то завещал в своей несвязной предсмертной мольбе сам ста-

рый Атал. И только Нилрон-Служитель разыскал пергамент и прочел слова, которым лучше бы никогда не быть записанными.

Среди менее значительных записей он обнаружил упоминания об ужасных секретах, которым Существо в Желтой Маске обучало жрецов 'Иджирота. У последних не хватило ни мозгов, ни храбрости пустить в ход знания, которые могли бы сделать их властелинами всей Страны Грез, а, может быть, даже пробудившегося мира. Они ограничились тем, что высекли услышанное на стенах лабиринта под своим храмом. Надписи были сделаны на гнусном языке Акло, которому обучило их Существо. К несчастью для Нилрона, он изучал этот допотопный язык и слыл даже его знатоком.

Путь занял четыре дня.

Первый день Нилрон двигался плодородными берегами Скаи, и растущие у воды тенистые ивы, казалось, призывали его замедлить шаг и отдохнуть; на второй день путь пролегал по склонам холмов, и каждый следующий холм был выше и круче предыдущего, а прохладные ключи и полевые цветы ставили под сомнение любые замыслы; третий день застал его в темной и прохладной Минантре, где молчаливые

буотопы пытались показать ему, как надо жить в ладу с самим собой и со своим временем; в день четвертый он карабкался по каменистым горным тропам под негостеприимным небом. Наконец, он въехал в город: чёрные тучи вползли в него с севера, а солнце перестало освещать пики Лериона.

Величественный храм, как огромный пчелиный улей, стоял на высоком скалистом выступе в тылах города. К тому времени, когда Нилрон выбрался из лабиринта извилистых улиц и вышел к широкой площади у храма, о мостовую разбились первые тяжелые капли дождя. Нилрон на мгновение задержался перед храмом, подивился, как этот купол пережил века горных гроз, и направил пони вверх по пологому пандусу к единственному выходу — высокой, узкой трапеции, увенчанной каменным козырьком.

Внутри было темно, но Нилрон зажег смолистый факел и вскоре убедился, что храм представлял собой одно огромное помещение, заполненное угрюмым лесом пятигранных колонн. Сначала он не мог уловить в их расположении никакого порядка, но постепенно выявилась их странная асимметричная геометрия, над сутью которой он предпочел не задумываться, какой бы

тревожащей она ни была. Нилрон разглядел во мраке семь больших статуй кирешей, кольцом расположенных вдоль круглой стены. Некоторые были с завязанными глазами, другие с оскаленными челюстями и пристальным, свирепым взглядом. Воздух был пропитан странным кислым запахом, а каждый шаг отбивался эхом от купола.

Единственный проход между колоннами вел прямиком к апсиде храма, и Нилрон довел свою лошадку, беспокойную ввиду надвигающейся грозы, до небольшого каменного столба непонятного назначения. Привязав пони к столбу и освободив его от тяжелого вьюка, он двинулся к главному алтарю — широкому неправильному семиугольнику, на котором высилась скульптура. То был некто в плаще с капюшоном, держащий в одной руке копье, а в другой небольшую фигурку буотопа. Нилрон взобрался на алтарь и увидел перед статуей овальный проем и каменные ступени, ведущие вниз, в толщу скальных пород Лериона.

Он стал спускаться по гигантской спирали, пока не потерял всякое направление. Наконец лестница кончилась, и Нилрон обнаружил, что находится в сплошном лабиринте узких коридо-

ров, чьи поросшие мхом стены были наклонны — зазор между ними вверху сужался. Временами попадались основательные помещения, разбитые на части рядами трапециевидных арок. Чтобы потом отыскать путь назад, Нилрон поворачивал все время направо и обнаружил, что опять движется по спирали, но уже сужающейся.

В сердце лабиринта было помещение — почти такое же, как и наверху — с семью статуями кирешей и алтарем в центре. Перед статуей на алтаре лежал большой плоский камень, наводящий на предположение о закрытом входе. Но что приковало внимание Нилрона, так это кольцевая стена: она была полностью покрыта надписями на языке Акло.

Нескладные знаки грубо выбитых надписей разобрать было нелегко, но Нилрон смог прочесть большую часть текста. Он читал про слабых богов Земли и про то, как можно ими управлять. Он читал про Других Богов, которые некогда правили и будут править снова, об Азатоте, столепестковом возбудителе импульсов хаоса, о Йог-Созоте, всепроникающем ужасе, гнездящемся во внутренних сферах бытия, о Ниарлототепе, который иногда принимает некую, задрапированную желтым шелком, форму, а иногда воплощается в

иллюзии, помрачающие разум. Он читал, как эти боги и демоны награждают избранных, ставших слепыми орудиями их воли, и как они карают неверных слуг. Под конец он прочел омерзительный пассаж, вырезанный безукоризненными письменами на радужной каменной доске, более твердой, чем гранатовый браслет Нилрона. Речь шла о шутке Ниарлототепа, приславшего своим креатурам вместо себя полуродственника и другое лицо, безумное и прожорливое создание, способное излучать непереносимый, как ядовитый туман, ужас.

Едва Нилрон закончил читать, его факел яростно замерцал — прогорел почти дотла. Нилрон представил себе путь назад, сквозь лабиринт, и его проняла дрожь. Самочувствие Нилрона не улучшилось, когда, проходя мимо алтаря, он увидел на плоском камне, закрывающем неизвестно куда ведущий ход, особый символ и заметил, что мох вокруг камня совсем недавно был вытоптан.

Путь назад оказался ошеломляюще трудным. Он вышел к основанию ведущей вверх спиральной лестницы как раз тогда, когда факел мигнул в последний раз и потух.

Нилрон несколько успокоился и быстро зашагал по спиральным пролетам, левой рукой

нащупывая стену. Полное отсутствие видимости обострило все остальные чувства в высшей степени, и он уловил цокот копыт своей лошадки, переступавшей на месте после каждого удара грома. Он был уже почти наверху, когда услышал шум дождя, почувствовал сырость в воздухе.

Войдя в чернильный мрак храма, Нилрон был неприятно поражен тем, что воздух стал не только более влажным, но еще гуще пропитался странным кислым запахом. Он нащупал спуск с алтаря и на слух двинулся туда, где постукивал и шаркал копытами его пони. Споткнулся о вьюк и чуть не упал, рефлекторно вытянул руку. Рука коснулась гладкой шерсти на боку пони. Нилрон успокаивающе похлопывал и поглаживал этот бок, когда услышал звук такой неуместный, что не сразу определил его как неистовое ржанье своего коняги. Неуместность же заключалась в том, что звук донесся снаружи храма.

В это мгновение зал осветился. Вспышка молнии выхватила из мрака оскаленную пасть киреша и силуэт монстра в желтой маске, державшего зверя на поводу. Нилрон ощутил горячее, зловонное дыхание киреша за миг до того, как челюсти сомкнулись на его голове.

Снаружи лил дождь, и из мрака доносился стук

копыт лошадки, скачущей прочь по мертвым улицам 'Иджирота.

Перевод: Е. Дрозд

Уолтер ДеБилл
Нгир-Кхорат

Walter C. DeBill «Ngyr-Khorath», 2006.

«Ig nebna` yra Ngyr-Khorath, `odho `ym khorathna, `ig sruma 'ym throina dhrool. 'Ym pane dirai rol `yin tradhom, sila Ngyr-Khorath `ym bitha khorath goe phaik kho `ai mtala. Kho pane dirai thnrana do tradhoi, bitha drail `id pygon kemna thnrama `ym krina klam thnrana ny `ym rol `ym tradhoin. `Ym `obro phlar pnyl nyr pa `yg tlireth dirai gor `og trakna goe, lyd goe sane `ig trakna 'aisogyr, 'ig dhrool, 'ith tradhoi, `la, vi ig rol pan, kho by nget pa li gor».

(В начале Нгир-Кхорат существовал в одиночестве и грезил в тишине и мраке пустоты. И когда появились солнце и планеты, Нгир-Кхорат пошевелился, и его грезы наполнились злом, но он не проснулся. Лишь когда появилась жизнь на земле, он сошел с ума от пламени живой мысли и возжелал уничтожить эту жизнь, солнце и планеты. И хотя магия, которая исходит от звезд, защищает нас от его гнева, он таится, переполненный яростью, в пустоте, на планетах, даже на самом солнце, но ВНЕ сферы, которую мы видим.)

«Тексты Млоенга», с переводом.

Рукопись Филиппа Кс.:

Я никогда не собирался раскрывать факты об отвратительной смерти человека, которого я буду называть Эрик Россбах, но широкое использование галлюциногенных препаратов и недавнее развитие исследований в этой области настоятельно требуют предупреждения общественности. Поскольку сокрытие его смерти было с моей стороны совершенно незаконно, но теперь у меня есть определенная профессиональная

репутация для защиты. Я не буду использовать настоящие имена или другую информацию, которая могла бы идентифицировать меня. Я также считаю неразумным в мельчайших деталях описывать экспериментальный препарат, вызвавший окончательную катастрофу, но, как частичное указание для ученых, я скажу, что он был подготовлен с хорошим выходом мескалина в семь ступеней.

Это была прекрасная медицинская школа, в которой учился Эрик…

Неопубликованные заметки Эрика Россбаха:

…простую разработку гипотезы Бранковича о ферментах мозга можно, таким образом, использовать для корреляции молекулярной структуры лекарств с их психологическими свойствами и, кроме того, для прогнозирования структур более мощных препаратов, чем все на данный момент известные. Отчеты о соединении чувств с существующими наркотиками намекают на возможную стимуляцию неизвестных ощущений…

Дневник Дуэйна Миллера:

…не могу поверить, что я позволил Эрику поговорить со мной об этом, но когда этот тощий маленький фанатик начал расхаживать туда-сюда сцепив руки за спиной и сверкать своими

глазами сквозь стальные оправы очков, мое сопротивление отправилось спать. Но он логичен! Мы можем добиться большего прогресса в течение шести месяцев, храня все в тайне, чем за десять лет, работая в лаборатории со всеми юридическими ограничениями на исследования наркотиков. Я понимаю, для чего ему потребовался клинический психолог (и, в конце концов, я лучший!) и органический химик, хотя Фил — всего лишь напыщенное ничтожество, и зачем ему нужен этот безумный наркоман…

Пеппи Роджерс, негромкий стук продолжительное время:

…гореть …сжигать …

Фил:

Наша лаборатория была расположена в дикой, малонаселенной области низких известняковых холмов, вдали от ближайшего города, в укромной грубой хижине в каньоне. Наш прогресс в течение лета был поистине поразительным. Теории Эрика были проверены во всех отношениях. Нет никаких сомнений в том, что мы воспринимаем Солнечную систему через неизвестные чувства, о чем свидетельствует…

Пеппи:

…как человек, которого вы не сможете себе

представить — мы могли бы увидеть больше, миновав орбиту Марса — сцена начала постепенно исчезать где-то в астероидном поясе. Затем появился запах, такого я никогда не ощущал, сладкий и странный, мы никогда не понимали этого — он был сильнее возле планет, — но звук был тем, что действительно удивило меня… привлекло мое внимание. Аккорды, приятель, безбрежные аккорды из множества октав, формирующиеся в жуткие ритмы. Каждая планета, каждый астероид имел свои собственные тона, они становятся громче, когда вы приближаетесь к ним — вы могли бы перемещать свой центр сознания, только пожелав это, быстро, но не мгновенно, — и вместе они создавали этот невероятный звук. Под аккордами был слышен еще один низкий звук — глубокий, пульсирующий, монотонный, поднимающийся и падающий в своей силе. Меня передернуло от этого, словно от жутких галлюцинаций, знаете, когда ты вдруг начинаешь беспокоиться о чем-то, чего не можешь точно понять, и вот внезапно все стихает, и ты слышишь то, чего раньше не замечал. С этого и начались неприятности, с этого настоящего низкого звука.

Надпись из каньона в Такла Макан:

Йа! Грезы Смерти!
То, что нельзя называть!
Йа! Наблюдатель!
То, что было и будет
И что ждет, чтобы уничтожить то, что есть!
Йа!..

Дуэйн:

...отпечаток неопределенной, обобщенной враждебности, связанной с низким, пульсирующим звуком приходящим откуда-то от Юпитера. Звуки как ранний симптом паранойи. Он говорит, что он был на «скорости», в течение шести месяцев — это может быть «воспоминание», — спонтанные рецидивы наркотических опытов хорошо известны, а «скорость», может вызывать параноидальные симптомы, если они достаточно безумны, чтобы задержаться там надолго.

Фил:

К октябрю мы все были печально знакомы с явлениями, происходящими в регионе вблизи Юпитера. Отвратительно низкая, словно нависающая пульсация; неопределенная красная область в космосе, какая-то мрачная и излучающая глубокий свет; слабое тактильное чувство, отвратительное, липкое, как кожа амфибии или рептилии; и, прежде всего, ошеломляющее

ощущение, что мы стали объектами безумной неумолимой ярости. Дуэйн был первым, кто заметил, что нечто движется к нам…

Дуэйн:

Оно определенно следило за моими передвижениями. Когда я переместился из точки, расположенной вблизи Луны, к противоположной стороне Земли, была небольшая задержка, когда оно продолжало двигаться к моему первоначальному положению; затем оно начало менять курс, пока снова не наткнулось на меня.

Пеппи:

…сгорел …о боже …

Пеппи:

В последний раз тварь меня почти достала. Сначала я ничего не видел. Это было фантастически здорово. Я был расслаблен и плыл вперед, где-то у Марса появились звуки — они не были громкими, лишь заполняющими разум, удовлетворяющими — и он был там — материализовался прямо передо мной, медленно, просто красное пятнышко, затем он начал расти — никогда не был так близко, — я двигался так быстро, как только мог, но он выигрывал — низкий звук, словно пульсирующий, жуткий, колеблющийся гул сводил меня с ума от страха, и на этот раз ощущения

касания были действительно плохими, как будто он обхватывал холодными, извивающимися змеями, сжимая хватку все сильнее, останавливая меня, — если бы действие препарата не закончилось именно тогда… Я сказал им, что ухожу, больше никаких полетов. Я должен уйти прямо сейчас — я слишком много знаю, мужик, слишком много…

Фил:

Согласно теории Эрика, более сильный препарат даст нам как большую мобильность, так и большую пространственную область восприятия, позволяя уклоняться от этой твари и наблюдать за ней с безопасного расстояния. Он настаивает на том, чтобы провести первый тест самому, несмотря на нашу зависимость от его медицинских знаний, необходимых в критических ситуациях.

Эрик:

Забавно отметить, что наиболее мощный препарат в этой серии недавно был идентифицирован как составная часть растения грин-тлан, используемого в обрядовом зелье для ритуала Абсолютной Мерзости в печально известном культе Нгир-Кхората, безумного бога пустоты!

Фил:

…до тех пор, пока препарат не покинет орга-

низм Эрика. Но он начинал истерически кричать, когда мы вводили успокоительное средство. Наконец мы попробовали пентотал. Мы обнаружили, что он может отвечать на вопросы о событиях до эксперимента, но прямые вопросы о наркотическом опыте вызывали только волнение и бессвязные ответы. Мы решили попробовать технику гипноза, чтобы он поведал нам о своем опыте, начиная с полубессознательного периода после приема препарата.

Эрик Россбах, расшифровка:

«… головокружение… не понимаю… немного проясняется… Это работает! Какой вид! Невероятно! Им придется самим попробовать, чтобы поверить в это. Планеты — я могу разглядеть их все вплоть до Нептуна одинаково хорошо. Восприятие расстояния совершенно непонятно в этот раз. Я вижу промежутки между планетами, но все они кажутся как-то равноудаленными от меня, как будто они видны из-за пределов, но каждая кажется близкой.

Тварь пока не вижу — возможно, это был обманный побочный эффект слабого препарата. Разлит рассеянный красный свет по всей солнечной системе. Зрение определенно соединяется с тактильными ощущениями сейчас. Это какая-то

липкость, наибольшая у солнца, но ослабевающая во всех направлениях. Чувство мягкости в большом спиральном узоре, перпендикулярном плоскости эклиптики. И нечто более слабое, отвратительное, более липкое — вот оно, тварь. Я чувствую — я слышу звук также, раздражающе низкий, пульсирующий звук. Этот разлитый вокруг красный цвет усиливается повсюду, но особенно вблизи солнца. Вот оно! Оно пряталось внутри солнца! Прямо на меня! Невероятная скорость! Страх поднимается — не могу с ним бороться — должен отвлечь своё внимание или сойду с ума от страха…

Нет глаз! Нет глаз, чтобы закрыть! Не могу закрыть! Должен уйти… не могу двигаться… как парализованный…

Боже, как он ненавидит, он ненавидит, он бушует и ненавидит…

…действие наркотика скоро должно прекратиться, только это может спасти меня… Он не может видеть меня, когда препарат теряет силу… но скоро, это должно быть скоро, так быстро приближается… Красный цвет повсюду сейчас, но более насыщенный в этом глазе…

Ааа! Заставьте его уйти! Глаз, отвратительный кроваво-красный глаз!..»

Пеппи:

… фашисты всегда бредят о кошках, выжигающих их мозги, под воздействием наркотиков — о боже…

Фил:

Он так волновался, что мы дали ему достаточно пентотала, чтобы вырубить его, и он не издал ни единого другого звука, пока час спустя не произошел последний ужас.

Страшный финальный катаклизм был совершенно неожиданным для меня в то время, но с тех пор я прочитал древнюю легенду о Нгир-Кхорате и имею представление о том, что убило Эрика, и почему другие прыгали с криками из окон верхних этажей после принятия «грязного», ЛСД. «Книги Тота», содержат определенные намеки, как и туманные «Хроники Транга», и западающие в память «Тексты Млоенга», чей абсурдный радиоуглеродный анализ был связан с необычной экспериментальной ошибкой. Но, пожалуй, самая важная подсказка — в книге «Древние ужасы», таинственного Графа фон Конненберга, который в сносках дал своё описание Абсолютной Мерзости Нгир-Кхорату таким образом: «Но тот, кто может видеть, может быть и увиден, и в дверь, через которую он вышел,

может войти другой».

Финальный ужас появился сразу после полуночи. Мы с Дуэйном оставили Эрика в спальне и сидели в гостиной, отчаянно пытаясь придумать, как помочь ему. Наша приглушенная и полная ужаса дискуссия оборвалась, когда мы услышали крик. Он начинался как высокий, пронзительный монотонный звук, длившийся несколько секунд с невероятной интенсивностью, затем он слегка упал, чтобы подняться и упасть несколько раз в ужасающем завывании, и, наконец, оборвался в удушающем бульканье. Затем тишина. Мы сидели мгновение, словно парализованные, затем побежали в спальню. Там было тошнотворное зловоние, и мы успели увидеть две слабые струйки дыма, поднимающиеся из обугленных и пустых глазниц, сквозь которые мы могли видеть почерневшую пустоту там, где был мозг Эрика Россбаха. Он бросил взгляд в прошлое.

Перевод: Р. Дремичев

Август Дерлет и Марк Шорер

Логово звёздного отродья

August Derleth, Mark Schorer «The Lair of the Star-Spawn», 1932.

(Необычный документ, впервые опубликованный ниже, был найден среди личных бумаг покойного Эрика Марша, что весьма неожиданно умер после своего возвращения из той загадочной экспедиции в Бирму почти три десятилетия назад. Он единственный, кто вернулся из неё живым.)

1

Если когда-нибудь найдётся человек, которого заинтересует это моё первое и единственное сочинение, посвящённое событию, лишившему меня всякой надежды на безопасность в этом мире, я попрошу его только прочитать то, что я написал, а затем, если он не поверит, пусть отправится сам в тот гористый район Бирмы, в самые потаённые её места. Пусть читатель сам увидит развалины города из зелёного камня в центре Озера Ужаса на давно потерянном Плато Сунг. Если и это не удовлетворит читателя, пусть

он отправится в деревню Бангка в провинции Шан-си и спросит философа и учёного, доктора Фо-Лана, когда-то прославившегося среди учёных всего мира и теперь потерянного для них по его собственному желанию. Доктор Фо-Лан может рассказать то, что не могу я. Ибо я пишу это в надежде забыть; я хочу навсегда избавиться от того, что записываю в этом документе.

В памяти моего поколения останется факт, что Экспедиция Хокса отправилась к малоизученным тайным цитаделям Бирмы. Не прошло и трёх месяцев после отъезда экспедиции из Нью-Йорка, как во всех газетах мира появилось объявление о её трагическом конце. В архивах любой газеты можно найти рассказ о том, как на экспедицию напали, очевидно, бандиты, и они убили всех людей до последнего, безжалостно и жестоко, вещи разграбили, а тела бросили под горячими, непреклонными лучами бирманского солнца. В большинстве хроник упоминались две дополнительные детали: первая рассказывает об обнаружении тела местного проводника примерно в миле или более от места страшного побоища, а вторая — о бесследном исчезновении Эрика Марша, ученика и помощника Джеффри Хокса, знаменитого исследователя и учёного, по-

терявшего свою жизнь в неудачной бирманской экспедиции.

Я — Эрик Марш. Моё возвращение зафиксировали почти месяц спустя, оно не стало особо сенсационным, за что я благодарен журналистам. И всё жё, хотя в этих газетах и говорится о том, каким образом я снова нашёл дорогу к цивилизации, они слегка смеются надо мной, когда указывают, что я ничего им не рассказал, и чуть меньше выражают соболезнование мне, когда говорят, что я тронулся умом. Возможно, мой разум пострадал; я больше не могу судить об этом.

Именно событиям того периода между убийственным нападением на Экспедицию Хокса и моим собственным возвращением в знакомый мир посвящён этот документ. В качестве вступления я должен кое-что сказать. Для очень любопытных есть периодические отчёты в газетах, их легко найти. Позвольте мне только объяснить с самого начала, что напавшие на нас не являлись бандитами. Наоборот, это были полчища низкорослых людей, самый высокий из них был ростом не более чем метр двадцать. Они имели необычайно маленькие глаза, глубоко посаженные в куполообразные, безволосые головы. Эти странные карлики напали на нашу группу,

зарубив людей и животных своими яркими мечами быстрее чем наши смогли достать оружие.

* * *

Сам я уцелел лишь по чистой случайности. Мой начальник Хокс каким-то образом потерял футляр с компасами, который он всегда носил с собой. В то утро мы находились в пути не более двух часов, и он знал, что футляр висел у него на поясе, когда мы покинули лагерь. Кто-то должен был вернуться, потому что компасы в походе — насущная необходимость. Мы надеялись, что один из нескольких туземцев, сопровождавших нас, быстро вернётся по следу, но, к нашему удивлению, каждый из них отказывался идти за компасами в одиночку. Странное беспокойство царило среди них в течение всего последнего дня, как раз с тех пор, как мы приблизились к цепи высоких холмов, где лежало так называемое затерянное Плато Сунг. Правда, ещё до того, как мы покинули провинцию Хо-Нан, до нас дошли таинственные легенды о необычной расе маленьких людей, которым туземцы дали странное название «Чо-Чо». Они якобы живут неподалёку или непосредственно на Плато Сунг. В самом деле, мы намеревались по возможности

проверить эти легенды, несмотря на скрытность и очевидный страх туземцев. Они смотрели на затерянное плато как на место, где обитает зло.

Раздражённый этой задержкой, и всё же желающий настойчиво продвигаться вперёд, Хокс был не в восторге от плана, что мы должны вернуться все вместе, в итоге я вызвался съездить сам, пока остальная группа будет идти медленнее, ожидая меня. Я обнаружил футляр с компасами прямо посреди тропы всего лишь в пяти милях от группы, затем развернул лошадь и помчался назад. Когда до Экспедиции Хокса оставалось около мили, я услышал их крики и несколько выстрелов. В тот момент невысокая насыпь с низкими кустами не позволяла мне увидеть, что происходит. Я остановил лошадь, спрыгнул на землю, медленно пополз вверх по склону и посмотрел на равнину. Там происходила резня. В бинокль я видел, что количество нападавших как минимум в четыре раза превышало людей Хокса. У карликов имелось большое преимущество, так как они, очевидно, атаковали отряд как раз в тот момент, когда он входил в ущелье у подножия высоких холмов. Я сразу понял, что ничем не могу помочь. Поэтому я прятался до тех пор, пока странные человечки не скрылись из виду, а затем

осторожно поехал к месту бойни.

Я нашёл там только трупы; никого из живых не осталось, даже лошадей. Затем я обнаружил, что все наши вещи разграблены, но, к счастью для меня, мародёры не взяли ни продукты, ни воду, удовлетворившись, как ни странно, только нашими картами и инструментами. Таким образом, я не нашёл даже лопаты, чтобы похоронить своих спутников.

Мне ничего не оставалось, как вернуться к цивилизации; я не мог продолжать экспедицию в одиночестве. Поэтому я взял столько фляг с водой и пакетов с едой, сколько смог нагрузить на лошадь, и отправился в путь.

У меня имелось два варианта: либо вернуться той же тропой, по которой мы дошли досюда, и тем самым рисковать своей жизнью в долгом путешествии по необитаемым землям, либо пройти вперёд, пересечь плато и высокие холмы, ибо я знал, что обитаемая земля лежит прямо за хребтом передо мной. Расстояние до хребта составляло менее половины пути, что мне пришлось бы преодолеть, если бы я проследовал обратно по маршруту нашего отряда. Тем не менее, это была неизвестная мне местность, и существовала опасность снова встретиться с

маленькими людьми, беспощадность которых я уже видел. Решающим фактором для меня стала всё ещё цветущая надежда, что я случайно наткнусь на развалины забытого города Алаозара. Существующие сотню лет легенды о нём вели как раз к этому плато передо мной. Поэтому я направился вперёд.

Я не успел отъехать далеко, следуя, насколько мог, направлению, указанному компасом, как услышал тихий голос, доносящийся откуда-то слева от меня. Я остановил лошадь и прислушался. Звук раздался снова, это были наполовину слова, наполовину стон. Спешившись, я подошёл к тому месту и увидел туземца, о котором в журналах говорится, что он смог выбраться с поля боя. Он был тяжело ранен в живот тем же лезвием, что убил моих спутников, и пребывал, очевидно, на грани смерти. Я опустился на колени рядом с ним и поднял его измученное тело на руки.

В его глазах вспыхнуло узнавание, и он посмотрел мне в лицо, пока память возвращалась к нему. Вдруг невыразимый ужас исказил черты туземца.

— Чо-Чо, — пробормотал он. — Маленькие человечки… из Озера Ужаса… города-крепости.

Я почувствовал, как его тело обмякло в моих

руках, и, посмотрев на его лицо, пришёл к выводу, что он мёртв. Я ощупал его запястье, пульс отсутствовал. Аккуратно уложив туземца на землю, я отошёл от него. Когда я двинулся обратно к лошади по низкому подлеску, голос, намного слабее первого, заставил меня резко обернуться. Туземец всё ещё лежал на земле, но его голова чуть приподнялась, должно быть благодаря огромному усилию, и одна его рука слабо махнула в направлении холмов впереди меня.

— Не туда! — Прохрипел туземец. — Не… в… холмы.

Затем его голова откинулась обратно, тело вздрогнуло и замерло.

На мгновение я пришёл в замешательство, но я не мог позволить себе тратить время на обдумывание его предупреждений. Я поехал дальше, весь день взбираясь по крутому склону, через почти непроходимые ущелья и отвесные стены. Случайные деревья, низкие, чахлые растения, жёсткий кустарник и пустоши совсем не мешали моему продвижению.

Когда я достиг вершины хребта, солнце уже садилось. Глядя на красное пламя, что подкрашивало пустынное пространство передо мной, на однообразную, необитаемую пустыню неведомой

Бирмы, я думал о судьбе своих товарищей и о своём собственном положении. Моё горе смешалось со страхом надвигающейся ночи. Но вдруг я вздрогнул. Не солнце ли на моих глазах создало то странное зрелище, что возникло в пустыне далеко впереди, на Плато Сунг? Но по мере того, как я продолжал смотреть вдаль, движущийся красный свет перед моими глазами тускнел, и я понял, что увиденная мной картина — не иллюзия, не призрак. Далеко за плато, на самом краю которого я стоял, росла роща высоких деревьев, а за деревьями, прямо посередине, я увидел стены и парапеты города, красные в свете умирающего солнца. Город одиноко возвышался на плато, подобно единственному памятнику на кладбище. Я едва осмеливался поверить в то, что подсказывал мне мой разум, но выбора не было — передо мной лежал давно потерянный город Алаозар, заброшенный мёртвый город, который веками фигурировал в сказках и легендах испуганных туземцев!

Находился ли город на острове и был ли он окружён водой — Озером Ужаса — как и полагали местные жители, я не мог сказать, поскольку город находился как минимум в пяти милях отсюда, в месте, которое, по моим оценкам, должно яв-

ляться центром Плато Сунг. Утром я отправлюсь туда один, войду в город, что покинут людьми столетия назад. Солнце бросало последние длинные лучи на пустынное пространство, пока я смотрел на легендарный город Бирмы, а тени сумерек ползли по плато. Город исчез из виду.

Я стреножил свою лошадь на ближайшем участке земли, где росла красновато-коричневая трава, дал ей столько воды, сколько смог, и приготовился к ночёвке. Я не долго сидел у костра, потому что устал после долгого восхождения, а сон мог стереть или сделать менее реальными мои воспоминания о погибших друзьях и навязчивый страх перед опасностью. Но когда я прилёг под звёздным небом, мне снились не те, кто умер, а другие — те, что ушли из Алаозара, заброшенного и безвестного города.

Не могу сказать, как долго я спал. Я проснулся внезапно, почти сразу же насторожившись, чувствуя, что я больше не один. Лошадь издавала странное ржание. Затем, когда мои глаза привыкли к звёздной тьме, я увидел нечто, что заставило все мои чувства собраться воедино. Далеко впереди меня на фоне неба я увидел слабую белую линию, похожую на пламя; колыхаясь, она двигалась вверх, в небо, к далёким звездам, словно

живое существо или электрический разряд. И это явление пришло откуда-то с плато. Я резко привстал. Белая линия шла от земли вдали от меня, в том месте, где я видел город среди деревьев, или рядом с ним.

Затем, пока я смотрел, что-то отвлекло моё внимание от необычной картины. Движущаяся тень пересекла моё поле зрения и на мгновение заслонила колеблющуюся линию света. В то же мгновение моя лошадь внезапно дико вздрогнула и отшатнулась, разрывая верёвку, что удерживала её. Кто-то появился рядом со мной — человек или животное, я не смог определить.

Едва я начал подниматься на ноги, как что-то ударило меня по затылку. Последнее, что я едва успел осознать — вокруг меня внезапно раздался топот множества маленьких ножек, и они приближались ко мне. Затем я погрузился во тьму.

2

Я проснулся в постели.

Когда я в последний раз ложился спать на плато Сунг, я знал, что отдалился на целый день пути даже от самых грубых туземных циновок; однако я проснулся именно в постели и интуитивно понял, что прошло сравнительно мало времени

после того таинственного нападения на меня.

Некоторое время я лежал совершенно неподвижно, не зная, какая опасность может прятаться рядом. Затем я попытался двигаться. Острая боль в голове всё ещё продолжалась. Я поднял руку, чтобы ощупать рану, которая должна была находиться на затылке — и наткнулся на повязку! Трогая её пальцами, я понял, что это не только искусная повязка, но и тщательно выполненная работа. И всё же я не мог вырваться из тайных крепостей Бирмы за такое короткое время, не мог быть перенесён в цивилизацию!

Но мои размышления прервались, потому что дверь внезапно открылась, и в комнату вошёл свет. Я говорю «вошёл свет», потому что именно такое впечатление у меня сложилось. Это была обычная лампа, и она, казалось, плыла без помощи человека. Но когда свет приблизился ко мне, я увидел, что его держал очень маленький человек, наверняка из той же компании, что совсем недавно убила людей и животных Экспедиции Хокса! Это существо торжественно подошло ко мне и поставило лампу, излучавшую странный зелёный свет, на каменный стол возле моей постели. Потом я увидел что-то ещё.

В изумлении от света я не заметил человека,

который шёл позади существа, несущего лампу. Теперь, когда коротышка вдруг поклонился ему и поспешил прочь, закрыв за собой дверь, я увидел того, кто по сравнению с моим первым посетителем казался мне великаном, хотя на самом деле этот был мужчина ростом чуть выше ста восьмидесяти сантиметров.

Он встал рядом с моей постелью и посмотрел на меня сверху вниз в свете зелёной лампы. Это был китаец, уже давно перешагнувший средний возраст. Его бело-зелёное лицо словно выпрыгивало из чёрной мантии, а белые руки с длинными тонкими пальцами, казалось, висели в чёрном пространстве. На голове у него была чёрная шапочка, из-под которой торчали редкие белые волосы.

Несколько мгновений он стоял, молча глядя на меня. Затем он заговорил и, к моему удивлению, обратился ко мне на безупречном английском языке.

— Как вы себя чувствуете, Эрик Марш?

Голос был мягкий, весёлый, приятный. Этот китаец, как я почувствовал, был доктором; я посмотрел на него более пристально, пытаясь привлечь его ближе. В его лице я заметил что-то тревожно знакомое.

— Я чувствую себя лучше, — сказал я. — Всё еще немного болит.

Человек никак это не прокомментировал, и я продолжил, после небольшой паузы:

— Можете ли вы сказать мне, где я? Откуда вы знаете моё имя?

Странный посетитель задумчиво закрыл глаза; затем снова раздался его мягкий голос:

— Ваш багаж здесь; с его помощью мы установили вашу личность. — Он сделал паузу. — Что касается того, где вы находитесь, то, возможно, если я скажу вам, то вы не поймёте. Вы находитесь в городе Алаозар на плато Сунг.

Да, именно этого ответа я и ожидал. Я находился в затерянном городе, и он не остался без жителей. Возможно, мне следовало догадаться, что странные маленькие люди пришли из этого молчаливого города. Я ответил: «Знаю». Внезапно, когда я взглянул на бесстрастное лицо над собой, ко мне вернулось воспоминание.

— Доктор, — сказал я, — вы напоминаете мне одного покойника.

Его глаза любезно смотрели на меня; затем он отвернулся, мечтательно закрыв их.

— Я и не надеялся, что кто-нибудь вспомнит, — пробормотал китаец. — И всё же… кого я вам

напоминаю, Эрик Марш?

— Доктора Фо-Лана, который был убит в своём доме в Пайпинге несколько лет назад.

Китаец почти незаметно кивнул.

— Доктор Фо-Лан не был убит, Эрик Марш. Его брат остался там вместо него, но его похитили и забрали из этого мира. Я — Доктор Фо-Лан.

— Эти маленькие люди, — прошептал я. — Это они забрали вас?

На мгновение мне показалось, что он стоит среди них.

— Значит вы не их лидер?

На губах Фо-Лана мелькнула улыбка.

— Лидер, — повторил он. — Нет, я их слуга. Я помогаю людям Чо-Чо в исполнении одного из самых дьявольских замыслов, когда-либо разработанных на Земле!

Изумлённые вопросы, сорвавшиеся с моих губ, были внезапно прерваны тихим звуком открывшейся двери и появлением двух Чо-Чо. В тот же момент доктор Фо-Лан сказал, словно ничего не произошло:

— Вы будете отдыхать до вечера. Затем мы будем гулять по Алаозару; мы всё устроили для вас.

Один из маленьких людей заговорил на языке, которого я не понимал; однако я уловил имя

«Фо-Лан». Доктор без лишних слов обернулся и вышел из комнаты, а двое людей Чо-Чо последовали за ним.

Вскоре дверь снова открылась, и мне принесли еду и питьё. С того времени, пока Фо-Лан не вернулся в сумерках, меня больше не беспокоили.

* * *

Последующая короткая прогулка по улицам Алаозара очаровала меня. Сначала Фо-Лан привел меня в своё жилище, что находилось недалеко от больничной комнаты, в которой я провёл весь день. Он позволил мне посмотреть на город и плато за ним. Я сразу увидел, что город-крепость действительно находился на острове посреди озера. Над его поверхностью двигались тяжёлые туманы, присутствующие, как мне сообщили, целый день, несмотря на палящее солнце. Вода там, где её можно было увидеть сквозь туман, выглядела зеленовато-чёрной, того же странного цвета древней каменной кладки, что и город Алаозар.

Фо-Лан, стоя рядом со мной, пояснил:

— Не без основания древние легенды Китая говорят о давно потерянном городе на Острове Звёзд в Озере Ужаса.

— Почему они называют это Островом Звёзд? —

спросил я, с любопытством глядя на Фо-Лана.

Выражение лица доктора было непроницаемым. Он призадумался, прежде чем ответить, но, наконец, заговорил:

— Потому что задолго до появления человечества здесь жили странные существа с Ригеля, Бетельгейзе — звёзд из Ориона. И некоторые из них всё ещё живут здесь!

Я был в замешательстве от интенсивности его голоса и ничего не понял.

— Что вы имеете в виду? — Поинтересовался я.

Китаец сделал неопределённый жест руками и движением глаз попросил меня быть осторожным.

— Вас спасли от смерти только для того, чтобы вы могли мне помочь, — сказал Фо-Лан. — И я уже много лет помогаю этим маленьким людям, направляя их в глубокие и неизвестные пещеры под Озером Ужаса и окружающим нас Плато Сунг, где Ллойгор и Жар, древние тёмные боги и их приспешники ждут того дня, когда они снова смогут пронестись по земле, неся смерть и разрушение, и невероятное вековое зло!

Я вздрогнул и, несмотря на чудовищные и невероятные последствия, почувствовал правду в удивительном заявлении Фо-Лана. И всё же я

сказал:

— Вы говорите не как учёный, доктор.

Китаец коротко и хрипло рассмеялся.

— Нет, — ответил он, — не такой учёный, как вы представляете. Но то, что я знал до того, как попал в это место, ничтожно по сравнению с тем, что я узнал здесь. А наука, которую люди во внешнем мире знают и поныне, есть ни что иное, как детская игра ума. Не приходило ли вам иногда в голову, что, в конце концов, мы можем быть игрушками разума, столь огромного, что мы не в состоянии постичь его?

Фо-Лан сделал лёгкий жест раздражения и движением руки подавил протест, готовый сорваться с моих губ. Затем мы начали спускаться на улицу. Только оказавшись снаружи, на узких улочках, едва ли достаточно широких для четырёх человек, идущих в ряд, я понял, что жилище Фо-Лана находится в самой высокой башне Алаозара, по сравнению с которой другие башни выглядели очень маленькими. Высотных зданий было мало, большинство же домов низко пригибались к земле. Город оказался очень маленьким и занимал большую часть острова, за исключением очень незначительного краешка земли за древними стенами. Там росли деревья,

которые я видел на закате днём ранее. Теперь я заметил, что эти деревья отличались от любых других деревьев, что я когда-либо видел; они имели странную, красновато-зелёную листву и зелёно-чёрные стволы. Свистящий шёпот их любопытных листьев сопровождал нас во время короткой прогулки, и только когда мы снова оказались в жилище Фо-Лана, я вспомнил, что никакого ветра не было, но листья всё время двигались! Кроме того, я обратил внимание на малочисленность народа Чо-Чо.

— Их не так много, — объяснил Фо-Лан, — но они по-своему сильны. Однако есть любопытные упущения в их интеллекте. Вчера, например, после того, как они выследили ваш отряд с вершины этой башни и уничтожили его, они вернулись с двумя убитыми; те были застрелены. Люди Чо-Чо не могли поверить в то, что их товарищи мертвы, поскольку они не могут представить себе такое оружие, как пистолет. В основе своей они очень простые люди, и всё же злонамеренные по своей природе, поскольку знают, что работают на уничтожение всего хорошего, что есть в мире.

— Не совсем понимаю, — сказал я.

— Я чувствую, что вы не верите в эту чудовищную басню, — ответил Фолан. — Как бы это вам

объяснить? Вы связаны давно установленными условностями. И всё же я попытаюсь. Возможно, вы хотите думать, что всё это — легенда, но я дам вам осязаемое доказательство того, что здесь есть нечто большее, чем легенда.

Много веков назад на Земле жила странная раса древних существ; они пришли с Ригеля и Бетельгейзе, чтобы поселиться здесь и на других планетах. Но за ними последовали те, кто являлись их рабами на звёздах, те, кто противостоял Старшим Богам — злые последователи Ктулху, Хастура Невыразимого, Ллойгора и Жара, двойные Непристойности и другие. Великие Древние сражались с этими злобными существами за обладание Землёй, и спустя много веков они победили. Хастур бежал в открытый космос, но Ктулху был изгнан в затерянное морское царство Р'льех, в то время как Ллойгор и Жар были заживо погребены глубоко во внутренних твердынях Азии — под проклятым Плато Сунг!

Затем Древние, Старшие Боги вернулись на звёзды Ориона, оставив позади проклятых Ктулху, Ллойгора, Жара и других. Но злые существа оставили свои семена на плато, на острове посреди Озера Ужаса, в котором они должны были остаться по воле Старших Богов. И вот из этих

семян вырос народ Чо-Чо, отродье древнего зла, и теперь эти люди ждут того дня, когда Ллойгор и Жар восстанут и пронесутся по всей Земле!

Мне пришлось собрать воедино всё своё самообладание, чтобы не закричать вслух. После некоторого колебания я заставил себя произнести как можно спокойнее:

— То, что вы сказали мне, невозможно, Фо-Лан.

Китаец устало улыбнулся. Он подошёл ближе ко мне, нежно положил свою руку на мою и сказал:

— Неужели вас никогда не учили, Эрик Марш, что не существует человека, который мог бы сказать, что возможно, а что нет? То, что я сказал вам, — правда; это невозможно только потому, что вы не способны мыслить о Земле иначе, как в терминах, разработанных той слабой наукой, которую знает внешний мир.

Я почувствовал упрёк.

— И я должен помочь вам пробудить этих мёртвых существ, проникнуть в подземные пещеры под Алаозаром и поднять наверх созданий, которые лежат там, чтобы уничтожить Землю? — спросил я недоверчиво.

Фо-Лан бесстрастно посмотрел на меня. Затем он понизил голос до шёпота:

— Да… и нет. Люди Чо-Чо верят, что вы помо-

жете мне пробудить их, и поэтому они должны продолжать верить; но вы, Эрик Марш, и я… вы и я уничтожим тех тварей внизу!

Я был сбит с толку. На мгновение мне показалось, что мой собеседник сошел с ума.

— Нас двое… против множества тварей и людей Чо-Чо — и наше единственное оружие — мой пистолет, который ещё неизвестно где?

Фо-Лан покачал головой.

— Вы забегаете вперёд. Мы с вами будем лишь инструментами; через нас всё, что внизу, умрёт.

— Вы говорите загадками, доктор, — сказал я.

— Каждую ночь в течение многих месяцев я пытался призвать помощь силой своего разума, пытался дотянуться через космос до тех, кто только и может нам помочь в будущей титанической борьбе. Прошлой ночью я нашёл способ, и скоро я сам пойду и потребую помощи, в которой мы нуждаемся.

— Я всё ещё не понимаю, — пожаловался я.

Фо-Лан на мгновение закрыл глаза. Затем он сказал:

— Вы не хотите меня понимать или боитесь. Я предлагаю телепатически призвать на помощь тех, кто первыми сражались с тварями, заключёнными под нашими ногами.

— Доказательств телепатии не существует, доктор.

Глупо было так говорить, на что Фо-Лан тут же мне указал. Он улыбнулся, немного пренебрежительно.

— Попробуйте сбросить оковы, Эрик Марш. Вы приходите в место, о существовании которого даже не подозревали, и видите вещи, которые для вас невозможны; и всё же вы пытаетесь отрицать нечто столь близкое и мыслимое, как телепатия.

— Извините, — сказал я. — Боюсь, я мало чем смогу помочь вам. Как я могу вам помочь? И что вы собираетесь делать дальше?

— Вы должны присматривать за моим телом, когда мой дух выйдет из него, чтобы обратиться за помощью к тем, кто наверху.

До меня смутно начал доходить замысел китайца.

— Прошлой ночью, — пробормотал я, — там, на плато, я видел белую линию, колеблющуюся в небе.

Фо-Лан кивнул.

— Это был путь, — объяснил он, — который я сделал видимым силой своего намерения. Скоро я отправлюсь по нему.

Я нетерпеливо наклонился вперёд, желая за-

дать китайцу несколько вопросов. Но Фо-Лан поднял руку, призывая к тишине.

— Вы ничего не слышали, Эрик Марш? — спросил он. — Всё это время оно росло.

В тот момент, когда Фо-Лан упомянул об этом, я осознал, что слышал что-то с тех пор, как мы вернулись в жилище доктора. Это было низкое жужжание, тревожный звук, похожий на пение, которое, казалось, поднималось откуда-то снизу, и все жё создавалось ощущение, что оно одинаково доносится со всех сторон. И в то же время я чувствовал явное изменение атмосферы, чего Фо-Лан, возможно, не замечал, поскольку он жил здесь на протяжении многих лет. Это было нарастающее напряжение, давящее, лихорадочное напряжение в холодном ночном воздухе.

Медленно во мне росло чувство великого страха; я ощущал, что сам воздух был отравлен космическим злом.

— Что это? — прохрипел я.

Фо-Лан не ответил. Казалось, он внимательно прислушивается к напеву или гудению, доносящемуся снизу, и улыбается. Затем он загадочно посмотрел на меня и резко шагнул к внешней стене. Там он с силой потянул за один из древних камней, и через мгновение большая часть стены

медленно повернулась внутрь, открывая тёмный тайный проход, ведущий вниз. Фо-Лан быстро подошел ко мне, взял одну из маленьких зеленых лампочек, с которыми я когда-то соприкасался, и зажёг ее. Он сказал мне:

— В последние годы я не сидел сложа руки. Я сам сделал этот проход, и только я знаю о нём. Пойдем, Эрик Марш, я покажу вам то, о чём не подозревает ни один Чо-Чо, вы увидите то, что поможет вам избавиться от сомнений и поверить.

* * *

Лестница, по которой я спускался уже через несколько мгновений, вела вниз, вдоль круглой стены шахты, пронзавшей землю. Мы спускались всё ниже и ниже, ощупывая руками стены по обе стороны от себя. Фо-Лан нёс в одной руке лампу, и её зеленоватое сияние служило освещением в нашем опасном путешествии, потому что ступеньки были неровными и крутыми. Пока мы спускались, звук снизу становился заметно громче. Теперь жужжащий звук часто прерывался другим, звуком множества голосов, бормочущих на каком-то давно забытом языке.

Затем Фо-Лан внезапно остановился. Он передал мне лампу и, предупредив, чтобы я молчал,

обратил своё внимание на стену перед собой. Подняв лампу над головой, я увидел, что каменные ступени не уходят дальше, что мы находимся в полуметре от каменной кладки. Внезапно Фо-Лан потянулся назад и погасил свет, и в то же время я почувствовал, что перед нами открылось отверстие в стене, где Фо-Лан отодвинул в сторону старый камень.

— Взгляните туда, осторожно, — прошептал он. Затем китаец отступил в сторону, и я посмотрел вниз.

Я увидел гигантскую пещеру, освещённую огромной зелёной лампой, которая, казалось, висела в воздухе. Там же имелось не менее сотни других ламп, поменьше. Первым, что бросилось мне в глаза, была орда людей Чо-Чо, распростёршихся на полу; именно от них исходил тихий шёпот. Затем я рассмотрел среди них фигуру, стоящую прямо. Я подумал, что это — человек Чо-Чо, немного выше остальных, обезображенный горбом на спине и невероятно старый. Он медленно шёл вперёд, опираясь на кривую чёрную палку. Позади меня Фо-Лан, заметив направление моего взгляда, пробормотал:

— Это Э-по, лидер народа Чо-Чо; ему семь тысяч лет!

Я не мог не обернуться в крайнем изумлении. Фо-Лан двинулся вперёд.

— Вы ещё не увидели того, что нужно. Посмотрите за них, за Э-по, в полутьме впереди, но не кричите.

Мой взгляд скользнул по этим распростёртым фигурам, миновал Э-по и начал исследовать тьму в глубине пещеры. Должно быть, я несколько мгновений смотрел на существо, которое там скорчилось, прежде чем понял, что оно очень большое. Я не решаюсь написать о нём, потому что не могу никого винить за то, что мне не верят. И всё же оно присутствовало там. Я увидел его первым, потому что мой взгляд остановился на зелёном блеске его глаз. Затем, внезапно, я увидел его полностью. Я благодарю судьбу за то, что свет был слабым, что я смог разглядеть только смутные очертания того существа, и сожалею только о том, что моё врожденное сомнение помешало мне поверить в странную легенду, рассказанную Фо-Ланом. Соответственно, шок от увиденного стал острее.

Ибо тварь, скорчившаяся в жутком зелёном сумраке, была живой массой содрогающегося ужаса, страшной горой чувственной, трепещущей плоти, чьи щупальца, раскинувшиеся далеко

в тёмные глубины подземной пещеры, издавали странный гудящий звук, в то время как из глубин тела этого существа доносился странный и ужасающий вой. Затем я снова упал в объятия Фо-Лана. Мой рот открылся, чтобы закричать, но я почувствовал, как крепкая рука доктора накрыла мои губы, и я услышал его голос как будто с большого расстояния.

— Это Ллойгор!

3

История Фо-Лана оказалась истиной!

Внезапно я оказался в жилище китайца. Знаю, что я, должно быть, поднимался по длинным извилистым ступеням, но не помню, как это происходило, потому что беспокойные мысли и ужасное воспоминание о том, что я увидел, заставили меня забыть обо всём, что я делал.

Фо-Лан быстро отошёл от стены и встал передо мной, его лицо выражало триумф в свете зеленых ламп:

— В течение трёх лет я помогал им проникнуть под землю, в пещеры внизу, помогал им в их зловещей цели; теперь я уничтожу их и отомщу за своего погибшего брата!

Он говорил с такой силой, какой я и не ожидал

в нём увидеть.

Китаец не ждал от меня никаких комментариев. Пройдя мимо меня, он поставил лампу на маленький столик возле двери. Затем он направился в спальню и зажёг другую лампу; я увидел её зелёный свет на стене, когда он снова вернулся в комнату, где я стоял.

— Разум всесилен, — заявил Фо-Лан, остановившись передо мной. — Разум — это всё, Эрик Марш. Сегодня вечером вы увидели то, о чем не решались говорить, ещё до того, как увидели то, что находилось в пещере внизу, — Ллойгора. Вы видели, как листья шевелятся на деревьях — их двигает сила злобных разумов далеко внизу, глубоко под землёй. Это живое доказательство существования Ллойгора и Жара.

Э-по обладает разумом великой силы, но знания, которыми обладаю я, наделяют меня большей силой, несмотря на огромный возраст этого человека. Долгие часы я пытался проникнуть в космическое пространство, и мой разум стал таким мощным, что даже вы смогли увидеть мысленную нить, которая рвалась вверх от Алаозара прошлой ночью! И разум, Эрик Марш, существует независимо от тела. Я больше не буду ждать. Сегодня вечером я выйду, сейчас, пока

идёт поклонение. И вы должны следить за моим телом.

Каким бы грандиозным ни был его план, мне оставалось только верить. То, что я увидел за короткое время моего пребывания в этом городе, было невероятно, невозможно, но всё же существовало!

Фо-Лан продолжал:

— Моё тело будет покоиться на кровати в соседней комнате, но мой разум отправится туда, куда я захочу, со скоростью, не сравнимой ни с чем, что мы знаем. Я буду думать о Ригеле, и я окажусь там. Вы должны следить за тем, чтобы никто не мешал моему телу, пока я буду занят. Это не надолго.

Фо-Лан вытащил из своего просторного халата маленький пистолет, в котором я сразу же узнал свой, до своего пленения я носил его в своей сумке.

— Вы убьёте любого, кто попытается войти, Эрик Марш.

Призывая меня следовать за ним, Фо-Лан направился в свою комнату и, несмотря на мой слабый протест, растянулся на кровати. Почти сразу же его тело стало жёстким, и в то же время я увидел серый контур Фо-Лана, стоявший передо

мной, с улыбкой на тонких губах, его глаза были направлены вверх. Потом он ушёл, а я остался наедине с его телом.

* * *

Более часа я сидел в жилище Фо-Лана, мой ужас усиливался с каждой секундой. Только в этот час я мог мысленно приблизиться к тому ужасу, с которым столкнётся мир, если Фо-Лан потерпит неудачу в своих дерзких поисках. Один раз, пока я сидел там, за дверью послышались торопливые шаги; после чего, к моему невыразимому облегчению, они прошли мимо. К концу моей вахты пение снизу внезапно прекратилось, и я услышал шум движения по всему городу; всё указывало на то, что богослужение закончилось. Затем я в первый раз вышел из комнаты, чтобы занять своё место у внешней двери, где я встал с пистолетом в руке, ожидая, что меня прервут, как подсказывал мне мой испуганный разум.

Но у меня так и не возникло повода использовать оружие, потому что внезапно я услышал звук ног позади себя. Я обернулся и увидел Фо-Лана! Он вернулся. Китаец тихо стоял, прислушиваясь; затем он кивнул самому себе и сказал:

— Мы должны покинуть Алаозар, Эрик Марш. В

одиночку мы не можем этого сделать, и у нас мало времени. Мы должны увидеть Э-по и получить его разрешение на выход за пределы Плато Сунг.

Фо-Лан двинулся вперёд и потянул за длинную верёвку, висевшую у стены практически рядом со мной. Откуда-то снизу донёсся резкий удар гонга. Фо-Лан ещё раз потянул за верёвку, и снова прозвучал гонг.

— Я передаю Э-по, что хочу поговорить с ним о срочном деле относительно тех существ внизу.

— А что насчёт вашего путешествия? — Поинтересовался я. — Оно было успешным?

Китаец криво улыбнулся.

— Оно будет успешным, только если я смогу убедить Э-по открыть дорогу для Ллойгора и Жара сегодня вечером — сейчас! Путь должен быть открыт, иначе даже Звёздные Воины не смогут проникнуть на Землю.

Топот бегущих ног в коридоре прервал мои вопросы. Дверь открылась внутрь, и на пороге я увидел двух Чо-Чо, одетых в длинные зелёные мантии. Их лбы украшали странные пятиконечные звёзды. Они полностью игнорировали меня, обращаясь к Фо-Лану. Последовал быстрый разговор на их странном языке, и через мгновение оба маленьких человека повернулись, чтобы идти

впереди.

Фо-Лан двинулся за карликами, указывая мне следовать за ним.

— Их прислал Э-по, — прошептал он. Затем он добавил тихим голосом: — Будьте осторожны и не говорите по-английски в присутствии Э-по, потому что он понимает ваш язык. Кроме того, убедитесь, что пистолет при вас, потому что Э-по не позволит нам выйти за пределы Алаозара без сопровождения. И тех маленьких людей нам с тобой придётся убить.

Мы быстро прошли по коридору и после долгого спуска оказались на уровне улицы, глубоко в башне. Наконец, мы вошли в помещение, во многом похожее на жилище Фо-Лана, но не такое маленькое и не столь цивилизованное на вид. Там мы столкнулись с Э-по, находившимся в окружении группы маленьких людей, одетых так же, как наши проводники. Фо-Лан низко поклонился, и я сделал то же самое под давлением этих любопытных маленьких глаз, смотрящих на меня.

Э-по сидел на чём-то вроде возвышения, намекая на своё лидерство, но, кроме его преклонного возраста, морщинистого лица, иссохших рук, и раболепной позы людей Чо-Чо вокруг него, я не видел никаких признаков того, что он являлся

правителем маленького народа.

— Э-по, — сказал Фо-Лан на английском, видимо для того, чтобы я понимал разговор, — я получил сведения от тех, кто внизу.

Э-по медленно закрыл глаза, говоря странным свистящим голосом:

— И эти сведения… что это, Фо-Лан?

Китаец предпочёл проигнорировать его вопрос.

— Ллойгор и Жар сами говорили с моим разумом! — Сказал он.

Э-По открыл глаза и недоверчиво посмотрел на доктора.

— Даже со мной Жар никогда не говорил, Фо-Лан. Как могло случиться, что он заговорил с тобой?

— Поскольку я проложил путь, мои руки нащупали внизу Ллойгора и тех, других. Жар более велик чем Ллойгор и старше, и его слово — закон для тех, кто внизу.

— И что Жар сообщил тебе, Фо-Лан?

— Сегодня вечером погребённые желают выйти наружу, и повелевают, чтобы слуги Э-по отправились за пределы Алаозара, за пределы Озера Ужаса, на плато Сунг, и там они должны ждать прихода Древних снизу.

Э-По внимательно посмотрел на Фо-Лана, его недоумение было очевидным.

— Сегодня вечером я долго говорил с Ллойгором; странно, что он ничего не сказал мне об этом плане, Фо-Лан.

Китаец снова поклонился.

— Это потому, что решение принадлежит Жару, и об этом Ллойгор не знал до сих пор.

— И странно, что Древние не обратились ко мне сами.

На мгновение Фо-Лан задумался; затем он ответил:

— Это потому, что Жар хочет, чтобы я вышел за пределы Алаозара и обратился к тем, кто под Сунгом, в то время как Э-по и его люди должны призвать Богов с башен и крыш домов Алаозара. Когда Ллойгор и Жар поднимутся над Озером Ужаса, мы с Эриком Маршем вернёмся в Алаозар, чтобы спланировать для них путь во внешний мир.

Э-по задумался над этим заявлением. Во мне нарастало беспокойство, но, наконец, лидер Чо-Чо объявил:

— Всё будет так, как ты пожелаешь, Фо-Лан, но четверо моих людей должны отправиться с тобой и американцем.

Фо-Лан поклонился.

— Мне приятно, что нас сопровождают ещё четверо. Но нам также необходимо взять с собой провизию и воду, поскольку невозможно определить, сколько часов может понадобиться Древним, чтобы подняться снизу.

Э-по согласился на это без вопросов.

Не прошло и получаса, как мы вшестером оказались за пределами Острова Звёзд на Озере Ужаса, что окутывал густой туман, издающий странный гнилостный запах. Похожая на баржу лодка, в которой мы плыли, странно напоминала древние римские галеры, но всё же сильно отличалась от них. Люди Чо-Чо гребли по озеру, и через несколько мгновений мы достигли противоположного берега, а затем быстро зашагали по Плато Сунг.

* * *

Не успели мы отойти подальше, как сзади раздался странный свистящий призыв, потом ещё один и ещё, и, наконец, с башен Алаозара до нас донёсся жуткий свист. И внезапно мы услышали ужасающий звук движения под землёй.

— Они открыли огромные пещеры под городом, — пробормотал Фо-Лан, — и они зовут

Ллойгора и Жара, и тех, кто под ними.

Затем Фо-Лан быстро огляделся, вычисляя пройдённое нами расстояние, после чего резко повернулся ко мне и прошептал:

— Дайте мне пистолет; из города они не услышат.

Я молча передал доктору оружие и, следуя его знаку, отступил. Резкий звук первого выстрела разорвал ночь; сразу же за ним последовал второй. Пара наших маленьких компаньонов упали замертво. Но двое других, увидев, что случилось с их товарищами, и почувствовав свою судьбу, проворно отскочили в сторону, выхватывая обоюдоострые мечи. Затем они вместе метнулись к Фо-Лану. Револьвер снова выстрелил, и один из Чо-Чо рухнул на землю, яростно хватаясь за воздух. Но вот подскочил последний… и револьвер заклинило.

Фо-Лан отскочил в сторону в тот самый миг, когда я набросился на карлика со спины. Сила моей атаки заставила его выронить оружие, которое он держал в руке, и на мгновение я подумал, что его смерть неизбежна. Но я не учёл его силы. Он мгновенно развернулся, застигнув меня врасплох, и с величайшей лёгкостью отшвырнул меня на полтора метра от себя. Но этой короткой

паузы оказалось достаточно для Фо-Лана; бросившись вперёд, он схватил меч, что выронил Чо-Чо. Затем, когда маленький человек повернулся, Фо-Лан вонзил оружие в его тело. Карлик мгновенно упал.

Я с трудом поднялся на ноги, весь в синяках от такого сильного удара о землю; я и представить себе не мог, что эти маленькие люди могут быть такими могучими, несмотря на своевременное предупреждение Фо-Лана. Китаец стоял неподвижно, на его лице играла почти восторженная улыбка. Я посмотрел на него и открыл рот, чтобы заговорить, но тут моё внимание привлекло какое-то движение далеко за его спиной. В то же мгновение Фо-Лан обернулся.

Высоко в небе рос яркий луч света, и он исходил не из Земли! Затем свет стал усиливаться так быстро, что окружающая местность стала выглядеть как днём, и в небе я увидел бесчисленные орды странных, огненных существ, по-видимому, верхом на вьючных созданиях. Всадники в небе странным образом по своему строению напоминали людей, за исключением того, что по бокам у них росли три пары отростков, похожих на руки, но не совсем, и в этих отростках они держали странное трубчатое оружие. Размеры

этих существ были чудовищными.

— Боже мой! — Воскликнул я, когда обрёл дар речи. — Что это, Фо-Лан?

Глаза китайца блестели в триумфе.

— Это Звёздные Воины, посланные Древними из Ориона. Там, наверху, они прислушались к моей мольбе, ибо знают, что Ллойгор, Жар и их злобное отродье бессмертны для человека; они знают, что только древнее оружие Старших Богов может наказывать и уничтожать.

Я снова посмотрел в небо. Светящиеся существа находились теперь гораздо ближе, и я увидел, что твари, на которых они ехали, не имели конечностей — они выглядели словно длинные трубки, заострённые с обоих концов, и двигались, очевидно, только благодаря силе луча света, исходящего от звёзд высоко над нашими головами.

— Завывания из-под земли привели их сюда, и теперь они всех уничтожат!

Голос Фо-Лана внезапно утонул в ужасном грохоте, исходящем от Алаозара. Ибо Звёздные Воины окружили город, и теперь из их трубчатых придатков вырывались огромные лучи уничтожения и смерти! И старая каменная кладка Алаозара стала разваливаться. Затем внезапно Звёздные Воины приземлились, вошли в город и

проникли в обширные пещеры под ними.

И тогда произошли две вещи. Всё небо начало мерцать странным фиолетовым светом, и в луче, что спустился сверху, я увидел множество существ, даже более странных, чем Звёздные Воины. Это были огромные извивающиеся столбы света, движущиеся подобно гигантским языкам пламени, окрашенные в пурпурный и белый цвета, ослепляющие своей интенсивностью. Эти гигантские существа из космоса быстро спускались, кружа над Плато Сунг, и от них к скрытым внизу крепостям устремлялись огромные лучи пронзительного света. И в то же время земля начала дрожать.

Вздрогнув, я протянул руку, чтобы коснуться руки Фо-Лана. Он был совершенно неподвижен, за исключением торжествующей радости от зрелища уничтожения Алаозара.

— Сами Древние пришли! — Закричал он.

Я помню, что хотел что-то сказать, но вдруг увидел один из этих невообразимых столпов света, склонившийся надо мной и Фо-Ланом, и почувствовал, как скользящие щупальца мягко обвились вокруг меня.

Больше написать нечего. Я пришел в себя около Бангки, в нескольких милях от Плато Сунг, и

рядом со мной находился Фо-Лан, невредимый и улыбающийся. За одну секунду Древний Бог перенёс нас сюда, чтобы мы не пострадали во время уничтожения тварей под землёй.

4

Заявление Эрика Марша на этом месте внезапно обрывается. Мы не можем сказать, какие выводы следуют из этого. Мистер Марш приложил к своему любопытному сочинению несколько газетных вырезок, датированных десятью днями его пребывания в Бангке, где он, очевидно, останавливался у доктора Фо-Лана перед возвращением в Америку. У нас есть место только для краткого изложения этих вырезок.

Первая была из токийской газеты, в ней сообщалось о странном возвращении доктора Фо-Лана. Другая вырезка из того же номера повествует о любопытном электрическом шторме, который наблюдали в нескольких обсерваториях на Востоке. Казалось, что силы стихий сосредоточились где-то в Бирме. Ещё одна заметка касается привидения (так его назвали), якобы увиденного ночью, когда доктор Фо-Лан и Эрик Марш таинственным образом вернулись в Бангку; это был гигантский движущийся столб света, возвышающийся до

самого неба, его видели сорок семь человек в Бангке и окрестностях деревни.

Последняя вырезка была из известной лондонской газеты, напечатанной через десять дней после явления столпа света; это дословный отчёт авиатора, пролетевшего над Бирмой в попытке отследить источник зловонного запаха, который охватил страну, вызывая тошноту в Индии и Китае на сотни миль вокруг. Суть этого отчёта вкратце:

«Запах я проследил до так называемого Плато Сунг, к которому меня привлекло случайное зрелище до сих пор неизвестных руин в его центре. К своему удивлению, я обнаружил, что по какой-то причине земля на плато была изрыта и вывернута на всей площади, за исключением одного места недалеко от глубокой пещеры рядом с руинами, которое свидетельствует о том, что здесь когда-то находилось озеро. На этом месте мне удалось совершить посадку. Я выбрался из самолёта с целью определить, что означают огромные чёрно-зелёные массы гниющей плоти, которые сразу же бросились мне в глаза. Однако их запах заставил меня быстро отступить. Но я знаю одно: останки на плато Сунг принадлежат гигантским животным, по-видимому, бескост-

ным и совершенно неизвестным человеку. И они, должно быть, встретили смерть в битве с жестокими врагами!»

Перевод: А. Черепанов

Август Дерлет
Бог в коробке

August Derleth «The God-Box», 1945.

Выйдя из метро неподалеку от своего дома, Филипп Каравел едва мог скрыть своё удовлетворение.

— Ку! А он похож на мышь, которая проглотила сыр! — сказал один из его поздних попутчиков другому, когда вагон метро покатился дальше.

Каравел, однако, уже не слышал этого и не стал бы возражать, если бы услышал. Это был теплый вечер, наполненный сумерками, с легким дождем и желтым туманом, надвигающимся на Лондон. Осень чувствовалась в воздухе, но Каравел шел вперед, как будто это была весна, быстрой походкой и с легким сердцем. Он был очень доволен собой, как человек, который долгое время был подвержен тревогам и обнаружил,

что они внезапно развеялись. Он шел, словно был заключен в защитную оболочку близкого знакомства, — лондонская ночь с ее запахами и пряными духами здесь, в окрестностях Ост-Индских доков, мягкие голоса речных судов на Темзе, поднимающийся хор лягушачьих криков и сирена полицейской лодки.

Даже вид его грязного домика не повлиял на его настроение.

Внутри было достаточно уютно, обставлено со вкусом, хотя и немного тесновато. Он почти нежно положил свой портфель, снял непромокаемый плащ и направился прямо к телефону, где набрал номер и терпеливо ждал, улыбаясь: еще молодой человек, только начинающий немного седеть на висках, с диким лицом и дикими усами; его длинные, тонкие пальцы барабанили по столу.

Из трубки раздался голос.

— Да?

— Профессор Кертин?

— О, это ты, Каравел.

— Можете ли вы прийти?

— Сейчас?

— Это срочно. Мне есть, что показать вам.

— Чем ты занимаешься?

— Я хочу удивить вас.

— Ну, ладно, хорошо. Я был в самом центре нескольких интересных работ Аяр-Инка. Ты не представляешь, мой мальчик, в какой степени…

Немного нетерпеливо Каравел сказал:

— Но бумаги могут подождать — а это нет.

Каравел отошел от телефона, чувствуя голод. Он подошел к портфелю, однако передумал. Затем направился в свою маленькую буфетную и сделал себе бутерброд, вместе с которым и вечерней газетой уселся в одно удобное кресло, имеющее подъемник.

Вскоре пришел профессор Кертин. Он был похож на рассеянного персонажа с иллюстрации Белчера или Крукшанка. Его галстук висел косо, он забыл застегнуть жилет, а его котелок был покрыт пылью, прежде чем он вышел под дождь, и теперь нуждался в тщательной чистке, которую не мог предоставить ему хозяин. Его глаза были близоруки за очками, покрытыми дождевыми пятнами, которые он снял на крыльце и протер, перед тем как вошел в ярко освещенный кабинет Каравела.

— Я мог бы сказать, что ты что-то задумал по тону твоего голоса, — сказал он хозяину дома. — И я задумался, как долго тебе это будет сходить с рук. Знаешь, есть закон вероятности.

— А так же возмездие и наказание, — иронично сказал Каравел. — Я был в Солсбери.

— Стоунхендж? — спросил Кертин, когда сел.

— Просто музей в этот раз.

Пожилой мужчина посмотрел на более юного; некоторое время они оба молчали. Затем Каравел взял портфель, открыл его и достали что-то. Это была небольшая медная коробка, обмотанная полосками из серебра или сплава серебра. Он положил ее перед своим гостем.

— Божья коробка! — воскликнул Кертин.

— Я знал, что вы узнаете это.

— Но как, черт возьми, тебе удалось? Ты уверен, что тебя не видели?

— Абсолютно.

— Ты спланировал это!

— Конечно. Я изучал эту вещь неделями, а затем сделал как можно более точную копию, не видя лишь нижней стороны. С копией в моем портфеле я спустился вниз, представил свои полномочия — в конце концов, как вы знаете, меня даже в «Таймс», описывали как «восходящего молодого археолога», и мне было разрешено ее изучить. В тот момент, когда я остался один в комнате, я просто заменил копию на оригинал, и вот — она здесь. Хотите открыть?

Профессор Кертин побледнел и отшатнулся.

— Нет.

Каравел рассмеялся:

— Суеверия?

— Называй это как хочешь. Но в любом случае, ее ценность как древнего предмета уменьшится, как только она будет открыта.

— Полагаю, ее спокойно можно отреставрировать. Вы ведь не боитесь проклятия? Все эти вещи прокляты, всем известно.

Профессор Кертин выглядел расстроенным.

— Я всегда задавался вопросом, что там внутри? Пыль или какое проклятое изобретение некоего мастера зла из далекого прошлого?

— Вы говорите как в низкопробном дешевом романе, позвольте заметить.

— Как тебе нравится. На самом деле, Каравел, эти вещи очень стары. И есть намного больше фактов, которых мы еще не знаем о друидах, чем те, которые нам известны.

— Значит, нет никаких сомнений относительно друидского происхождения этой вещи?

— Никаких. Это подлинный «божий ящик», что является общим названием для любого рода подобных предметов, обычно закрытых, в которых якобы заперт некий любой бог — джинн, бес,

дьявол, сила и так далее. Поэтому нельзя сказать, что старые жрецы-друиды вкладывали в них на самом деле, избегаемых богов и дьяволов и т. п. Конечно некоторая опасность есть, я думаю, чтобы сохранить содержимое от любопытных глаз. Переверни ее, ладно?

Каравел так и сделал.

Кертин поправил свои очки.

— Да, надпись друидская.

— Сможете перевести?

— Ну, грубо говоря, — то, что здесь запечатано, называется Шо-Гат, и не предназначено для человека. Ужасное горе обретет тот, кто нарушит Песнь. Это может осуществить лишь хранитель коробки.

— Тогда демон, а не бог?

— По крайней мере, не доброжелательное божество. — Он вздохнул. — У тебя есть мысли, что делать с этим?

— Продать, я полагаю, — как и другие.

— Когда-нибудь тебя поймают.

Каравел улыбнулся.

— К тому времени, когда они заметят, что у них лишь копия, которую я оставил, будет невозможно определить, кто мог взять ее, даже если они вспомнят, что у меня был доступ к ней, наряду

с другими.

— Что бы ты ни задумал, — я бы посоветовал оставить ее нетронутой.

Каравел поворачивал коробку снова и снова в руке. Она имел хороший вес, но не была тяжелой.

— Ничего большого не может быть внутри нее — и ничего слишком смертоносного. Что вы думаете? Порошок amanita virosa[79]?

— Я не эксперт по «обычаям друидов», поскольку только они знают, что на самом деле помещается в одну из этих коробок.

— Она красиво сделана, когда рассматриваешь ее. Все виды сложной резьбы; нужно очень много времени, чтобы создать такое. К счастью, однако, большинство из них несколько грубоваты — достаточно грубоваты, во всяком случае, чтобы обмануть хранителей или любого другого случайного наблюдателя. Как вы думаете, сколько я могу получить за нее?

— От кого?

— Лорд Виттнер обычно покупает у меня предметы для своей частной коллекции.

— По крайней мере, тысячу гиней.

---

[79] Примечания: 79

Amanita virosa — мухомор вонючий, или белая поганка — смертельно ядовитый гриб рода Мухомор семейства Аманитовые.

— Очень хорошо.

— Тем не менее, все это достойно порицания.

Каравел добродушно рассмеялся.

— Так ли? За исключением, конечно, когда вам вдруг сильно захочется заиметь какой-нибудь маленький предмет для себя. — Он положил коробку в тишине и снова повернулся к старику. — Что это за «хранитель коробки»?

— Это один из жрецов — предположительно в Стоунхендже, где была найдена коробка, был особый ее страж.

— Он не очень хорошо выполнял свою работу, раз ее доставили в музей?

— О, он лишь предотвращает ее открытие или, если она уже открыта, вынужден исправить нанесенный ущерб. Предположительно, он имеет власть над тем, что находится в коробке. Эти примитивные религиозные верования следуют довольно последовательным образцам. Хотя этот — Шо-Гат не друидский; это Атлантида насколько я могу судить. Что пробуждает любопытство.

— Да?

— Как будто бы эта вещь была случайно вырвана из моря или из окрестностей моря.

— Вы говорите об этом как о чем-то вроде сущности, профессор. Как, черт возьми, это может

быть? Посмотрите на размер этой коробки — примерно три дюйма на пять и три высотой — и скажите мне, какого рода сущность могла бы поместиться в таком тесном пространстве?

— Просто протоплазматическая материя, мой мальчик, — неопределенно сказал Кертин и улыбнулся немного беспомощно.

— Вы говорите бессвязно, — сказал Каравел. — Хотите выпить?

Они сидели за виски с содовой и разговаривали еще час. Затем профессор Кертин напомнил своему хозяину о газете Инка, с энтузиазмом рассказывая о представленных в ней находках, и вскоре собрался уходить. Каравел проводил его до двери; на улице шел дождь, а туман стал еще гуще.

Он вернулся в свой кабинет и снова взял коробку. Тысяча гиней! Он исследовал полосы на ней под сильным светом; на металле были выгравированы мелкие печати, что бы это ни было, — он имел вид старого потускневшего серебра, и очень вероятно, что это было старое серебро. Он встряхнул коробку; в ней — ничего не было, потому что не было слышно ни единого звука.

Он постучал по ней, выбрав для этого лишенное украшений дно; появился глухой звук. Если

что-то и было помещено внутрь много веков назад, оно давно превратилось в пыль. Некоторые из его старших коллег-археологов, размышлял Каравел, были бы больше, чем просто немного возмущены этим.

Он лег в кровать и вскоре заснул.

Поздно ночью Каравела разбудил тихий, но настойчивый стук в дверь. Он включил лампу у кровати и увидел что время почти два часа. Он встал, так как, судя по всему, иного выбора не было, и пошел по узкому маленькому коридору к двери, в которой была одна треугольная панель из стекла. В ночи она выглядела темно-желтой, потому что туман снаружи лишь прибавился. Он приблизился к стеклу и выглянул наружу.

Там стоял старик с непокрытой головой, на его плечах лежала большая черная шаль.

Озадаченный Каравел открыл дверь.

— Если вы ищете доктора Бленнера, он живет через два дома дальше, — сказал он.

Он увидел с легким ужасом, что мужчина на его пороге, должно быть, был очень стар; его кожа была жесткой и сморщенной, словно натянута на кости, так что его голова выглядела меньше, чем должна была быть, а его седые волосы были тонкими и невероятно спутанными.

— Я не доктор, — сказал он снова.

Шаль неожиданно привлекла его внимание; это была не шаль — это была длинная оберточная бумага, похожая на бумагу для мяса.

Старик протянул руку с огромными когтями.

— Ради бога, уходите, — запиналась сказал Каравел, словно зачарованный глядя в ужасе на руку, протянутую к нему ладонью вверх.

— Коробка, — наконец сказал старик скрипучим голосом.

— Я не знаю, что вы имеете в виду, — холодно сказал Каравел.

— Коробка, — повторил старик, — верни ее мне.

Голос был ужасен… Каравел вздрогнул. Он отступил от двери, снова сказал, что не знает, о чем говорит старик, а затем закрыл дверь. Снаружи вновь раздался голос, отталкивающий, неуловимый, с трудом издающий слова, как будто он не делал этого в течение длительного времени.

— Я подожду. Я заклинаю тебя Знаком Кофа, не открывай ее.

Он все-таки наблюдал за Каравелом. Теперь нужно было убрать коробку, прежде чем старый тупица отправится в полицию. Он думал о репутации, которую так тщательно выстроил для

своего прикрытия. Подобную коробку нелегко скрыть. Он запер дверь и быстро направился в кабинет, где осторожно опустил шторы, прежде чем решился вытащить небольшой стол в центр комнаты.

Он достал коробку и задумался, что с ней делать. Если бы только он сразу пошел прямо к лорду Виттнеру, а не задумал позлорадствовать о своей победе перед профессором Кертином! Но было слишком поздно думать об этом сейчас, со стариком, ожидающим там на крыльце. Если он все еще был там.

Эта мысль заставила Каравела осторожно вернуться к входной двери. Он выглянул. Туман клубился в желтом унынии. Он рискнул отпереть дверь и выглянуть наружу. Никого. Ничего, кроме тумана вокруг. Звуки гавани и речных судов из клубящегося тумана и множество звуков, доносящихся из доков Ост-Индии, достигли его ушей, не более того. Он снова вернулся в дом, заперев за собой дверь. Отсутствие ночного посетителя встревожило его еще больше. Предположим, он пошел прямо в полицию? Возможно, даже в этот самый момент он где-то разговаривает с полисменом!

Он поспешил вернуться в кабинет.

Была одна вещь, которую он мог сделать, возможно, быстрее, чем любую другую. Полиция будет искать коробку. Они не задумаются о поиске частей коробки; он мог разобрать ее и эффективно скрыть разные части. Его единственная проблема была в том, чтобы не нанести никакого ущерба, если он хочет взглянуть на ту тысячу гиней, которые он сможет получить после того, как снова соберет ее.

Он хладнокровно приступил к делу, без промедления достал инструменты и сел под настольную лампу. Сначала нужно удалить полосы, а затем отсоединить бока, — потому что, как казалось, они были соединены пазами. Поскольку полосы были сплавлены вместе на нижней стороне коробки, самый простой способ снять их — это распилить их в точке слияния, надеясь, что повторное плавление позже скроет его вандализм.

Недолго думая, Каравел распилил полосы металла и отсоединил их от коробки. С легким любопытством он поднял крышку. Как он и думал, коробка была пуста; его взгляду не за что было уцепиться.

Но подождите — что это за темное пятно, размером в полпенни, в одном из углов? Скорее размером с полкроны. Нет, больше — оно росло!

Это был клочок, тонкий клубок дыма, поднимающийся из угла коробки. Каравел уронил ее, как будто она стала нестерпимо горячей для его пальцев. Она упала с открытой крышкой и лежала на полу. Он поднял лампу, чтобы осветить ее. Черный, как смола, из нее вырывался дым — шарик, облако, огромный столб, извивающийся и сверкающий.

Каравел отступил за стол; густой дым заполнил уже четверть комнаты — половину — и затем он увидел проявившуюся из его глубины пару злобных, ужасных глаз, кошмарную пародию на лицо, гротескный, сводящий с ума ужас того, что выходит за границы человеческого понимания! Он хрипло закричал; затем его голос словно пропал. Он прыгнул к двери, но столб дыма, все еще разбухающий и пылающий, атаковал стены, потолок, пол, обрушился на него со страшной живучестью чего-то, что давно не имело возможности питаться.

Разлетевшийся на части дом Филиппа Каравела был незначительной сенсацией даже для спокойной «Таймс». Было очевидно, что это мог сделать только взрыв. И только взрыв мог разорвать самого Каравела. Более сенсационные газеты мрачно намекали на то, что было найдено недостаточное

количество останков Каравела, которые были наконец похоронены. Но таинственного в этом было мало, благодаря столичной полиции. Они хранили ключ к этой загадке. Они долго искали террористов и анархистов в районе доков Ост-Индии, и не рассматривали даже вариант, что такой взрыв мог произойти в этом районе по чистой случайности. Простой вывод напрашивался сам собой. Очевидно, что Филипп Каравел вел двойную жизнь, и его археологические исследования были маскарадом для его настоящей нигилистической деятельности. К счастью, эксперимент, ставший ошибочным, решил эту проблему.

Единственным неприятным замечанием в ходе судебного разбирательства было истерическое заявление уличной девки, которая занималась своей жалкой профессией в непосредственной близости от дома, когда он разрушился. Она не видела огня; полиция ничего не сказала о своей неспособности обнаружить доказательства наличия пороха, или чего-либо еще, что могло воспламениться. Но она видела что-то еще.

Она видела, как очень старый мужчина в длинной «шали или в чем-то вроде простыни», вошел в дом и очень скоро вышел из него — а за ним следовало что-то «большое и черное», которое по-

казалось ей в тумане как «огромное облако дыма, более высокое, чем дом». Оно проследовало за стариком покорно прямо к тротуару и немного вверх по улице. Затем старик остановился и положил что-то на землю и выкрикнул несколько слов, которые она не смогла понять — «не английский, не французский, не португальский», — это были языки, которые она выучила за свою недолгую жизнь, — после чего «большая черная тварь», вошла в предмет «словно водоворот», и исчезла. После этого старик поднял предмет с земли, сунул под мышку и ушел в направлении юго-западного Лондона.

Это было направление в сторону Солсбери, совпадение даже больше, чем предложенное столичной полицией. Но у них не было подходящего ключа для объяснения этого, и поэтому они замяли дело с уличной девкой. Профессор Кертин погрузился на несколько недель в изучение газет Инка и мудро ничего никому не сказал.

Перевод: Р. Дремичев

Эндрю Домбалагян

Бог, сокрытый в камне

Andrew Dombalagian «The God Lurking in Stone», 2011

От автора: *Древняя история всегда увлекала меня, поэтому я подумал, что было бы забавно выйти за рамки исторического и перенести повествование в доисторические царства. Действие рассказа «Бог, сокрытый в камне», разворачивается в Месопотамии эпохи неолита, а сюжет родился из любопытной идеи исследовать, как лавкрафтовские элементы, такие, например, как Ньярлатхотеп, могли бы формировать богов и мифологию древних цивилизаций. Я также хотел бы предложить свою теорию происхождения Сияющего Трапецоэдра, фигурирующего в рассказе Лавкрафта «Скиталец тьмы».*

Когда я нашёл его, мухи жужжали над отрешённым лицом Мардука. Он сидел вне тени на берегу реки. Он уставился на песок у своих ног. Жаркие утренние лучи уже напекли его спину до красноватых язвочек. Мой брат не догадался бы отодвинуться от пекла, даже если бы кожа начала покрываться волдырями.

Мардук не дрогнул ни одним мускулом, пока я не встал прямо напротив него. Он поднял на меня свои тусклые серые глаза. После того как медленное скрежетание мыслей в голове позволило брату вспомнить, кто я такой, его губы растянулись в простодушной улыбке. Когда он открыл рот, оттуда вылетели два овода, освобождённые из зубастой темницы.

— Тигран, смотри. Смотри, что я делаю.

Он указал на приземистую кучу глинистого ила перед собой. Я не мог припомнить ничего, что когда-либо так волновало Мардука, как террасированный холм, воздвигнутый у его ног.

— Мать беспокоится, что дикие собаки могут съесть тебя, её скудоумного сына, а ты здесь играешь в песке, уподобившись ребёнку.

— Мои сны, Тигран. Боги показывают мне. Показывают большие города. Много храмов. Как этот. Вот этот.

— Зачем богам посылать видения глупцу, который обжигает глаза, глядя на сияние Уту[80] в небе? Ты не смог бы усмотреть змею, подползающую к тебе, не говоря уже о видениях, ниспосланных свыше.

---

[80] Примечания: 80

Уту — бог солнца в шумеро-аккадской мифологии; сын Нанна. (Здесь и далее примеч. переводчика)

— Формы. Боги показывают мне формы. Не могу сделать. Трудно. Трудно сделать. Не могу повторить. Выглядят устрашающе. Ты видел, брат? Показывают ли тебе боги? Видишь ли ты во снах города?

— О чём ты сейчас болтаешь, Мардук?

— Я принадлежу богам. Оонана так говорит. Она говорит, что я принадлежу богам. Вот почему они показывают мне. Они показывают мне, потому что я принадлежу им.

Чокнутая старуха вкладывала всякую чепуху в его и без того слабый разум. Боги позволяли Оонане жить и уплетать хлеб вот уже сорок второго урожая. Наши соседи утверждают, что в её иссохшем теле хранится зерно мудрости. Но, по моему мнению, все её бредни абсолютно бессмысленны и годны только для нездорового ума.

По-настоящему мудрыми были те, кто бросил в суровом нагорье крохотного Мардука. Отцу не следовало приносить его к нам домой. Его надлежало оставить на склоне холма собакам и стервятникам.

Мать всегда приказывала мне брать брата с собой, когда я с пращой и дубиной охранял отцовские стада. Я оставлял Мардука на травянистом холме с наказом вышибать мозги всем диким

псам, которые осмелятся приблизиться. Я объяснял брату, что шерсть диких собак коричневая, а отцовских гончих — серая. Сколько бы я ни повторял, его тупая голова не запоминала. Однажды Мардук проломил череп любимой гончей отца.

— Давай же. Нам нужно попасть на площадь.

Я поднял брата на спотыкающиеся ноги и заставил идти. Пока он ковылял вверх по зеленеющему склону холма, который возвышался над рекой, я осмотрел незамысловатое творение, оставленное на берегу. Мардук сложил ил в кучу и сформировал ряд квадратов. Каждый уровень был меньше предыдущего, образуя серию ярусов, которые поднимались до вершины. Там располагалась лишённая всякой святости пародия на наш деревенский алтарь.

С верхушки холма Мардук позвал меня. Он не видел, как я растоптал его храм.

Кочевые торговцы рано пришли из кедровых лесов на западе. Традиционно в нашей деревне собирают урожай до прибытия каравана. Мы предлагаем зерно, звериные шкуры, вяленое мясо и бродящее пиво в горшках. Взамен же получаем инструменты из остро наточенных камней и экзотических древесных пород, сушёные фрукты и прочие товары, видевшие далёкое море.

Но до сбора урожая оставалось ещё несколько дней. Торговать было нечем, и все торопились исправить это бедственное положение. Вместе с соседями моя семья поспешила в поле, чтобы успеть собрать и обменять урожай до отбытия каравана. Нас же послали на рынок, чтобы мы затоварились несколькими наиболее важными вещами.

Ишара, моя старшая сестра, любовалась своим отражением в полированной поверхности обсидианового зеркала, которое держал один из торговцев. Она поворачивалась, позировала, теребила нитку с голубыми камешками на шее, стараясь выглядеть наиболее привлекательно. Ковёр, на котором она стояла на коленях, не содержал ничего, кроме бесполезных украшений и безделушек.

— Это не то, что нужно нашей семье.

— Тигран, я уже выменяла кремнёвые лезвия, которые просил отец, сушёный инжир и соль. Я выполняла свои задания, даже несмотря на то, что Оонана беспокоила меня.

— Чего хотела эта ведьма?

— Она предупреждала о человеке, путешествующем с караваном. Утверждала, что это злой колдун с далёкого юга. Он носит длинный клинок,

который ярко блестит, но сделан не из кремня или обсидиана. Он ходит с дикими зверями, которые преклоняют пред ним колени и лижут ему ноги, стараясь услужить.

— Звучит как чушь, в которую мог бы поверить лишь Мардук. Неудивительно, что он околачивается возле старухи вместе с другими крошечными детьми. Это было бы уместно, если бы только он не был вдвое больше их и наполовину глупее.

— Тебе никогда не надоедает его оскорблять? Не приходится дивиться тому, что Мардук постоянно убегает от тебя.

— Куда он делся на этот раз? Он только что был здесь.

— Желаю удачи в его розыске.

— Не трать зря свои желания. Я не собираюсь больше расходовать силы на поиски Мардука. Если он нужен богам, я оставлю его им.

Мы с Ишарой принесли домой товары, которые мать и отец хотели получить ещё до окончания сбора урожая. Никто и бровью не повёл по поводу отсутствия Мардука. Родители, братья, сёстры, кузены и другие родственники ужинали, не обращая никакого внимания на пропажу моего полоумного братца. Все чувствовали себя обременёнными его присутствием под нашей крышей.

Я был единственным, кто осмелился признаться в этом отвращении.

В ту ночь меня разбудил шёпот, доносящийся сверху. Не хотелось сталкиваться с очередными странностями Мардука, но если я не займусь выполнением своих хлопотных обязанностей, все проснутся и будут в гневе. Моей семье наплевать на то, что он делает, лишь бы я не позволял ему позорить наш дом.

Мардук поднял лестницу, ведущую из общей комнаты к выходу на крышу. Взобравшись следом, я нашёл своего бесполезного брата сидящим под мягким бледным сиянием трона Нанна[81]. Его тело раскачивалось взад-вперёд, будто хрупкая тростинка на сухом ветру. Он говорил приглушённым голосом, хотя собеседника не было видно.

Меня озадачила собственная реакция. Я мог бы бросить мелкий камешек в голову Мардука, чтобы вывести его из тупого транса. Однако я подкрался ближе, вслушиваясь в бормотание брата. Голос его стал более густым, а слова не принадлежали юноше с затуманенным разумом маленького ребёнка.

---

[81] Примечания: 81
Нанна — бог луны в шумеро-аккадской мифологии; отец Уту.

— Колонны тысячами поднимутся из южных песков. Они веками будут сверкать золотом и драгоценными камнями, прежде чем их поглотят безжалостные пустыни забвения. Почему судьба Ирема должна быть иной, чем у этого павшего города без названия? Люди-рептилии и люди-змеи больше не ползают и не скользят по узким залам и аркадам безымянной древности… Эти расы слуг познали разрушительное прикосновение веков, прежде чем всё закончилось. Циклопические мегалиты, недоступные человеческому пониманию, уже рухнули, погрузившись в странные эоны. Глиняные кирпичи и тростниковые плетения примитивных людей не могут выдержать даже ничтожного речного разлива, контролировать который им не по силам. Зиккураты и пирамиды, которые будут приводить в благоговейный трепет лепечущих потомков, ещё даже не зародились в мечтательных умах их строителей, но упадок этих низменных чудес предрешён… Кланы бьются за камни, из которых делают орудия труда. Культы и армии с клинками из железа и неведомых металлов танцуют на вершинах высоких гор и в глубинах дремучих лесов, взывая к славе Древних. Эти люди царапают ногтями грязь и песок как зверьё, над которым

едва поднялись. Они только начали навешивать ярлыки своих бессмысленных слов на небеса, не ведая истинных имён существ, прикованных к этим проклятым сферам.

Здесь, посреди непрекращающейся неестественной тирады Мардука, я поймал себя на том, что заглядываю ему через плечо. Он сидел почти так же, как и тем утром на берегу. Однако вместо детской постройки из речного ила перед ним располагался камень странной формы.

Камень был большим, больше, чем Мардук сдюжил бы затащить на крышу. О его форме я не мог ничего сказать наверняка. Чудилось, что он висит прямо в воздухе, так как его вершина достигала уровня глаз моего сидящего брата. Мнилось, что с каждым наклоном моей головы, камень плавно покачивается. В какой-то момент привиделось, что он выгибается наружу, но потом я понял, что заблуждаюсь, а пять его сторон загибаются внутрь себя.

Линии, точки и завитки, вырезанные на гладкой поверхности, представляли собой истинную загадку. Оонана частенько говорила о рисунках на стенах далёких пещер. Но если безумная старуха рассказывала об образах людей и животных, то знаки на камне не изображали ничего, кроме

собственных неуместных форм. Я бы поверил, что сам Мардук нанёс эти символы, почерпанные из своего бессмысленного воображения, но где бы он взял инструменты и навыки?

Казалось, мой брат-недоумок делится неким величайшим секретом не только с камнем, но и со светящимся в вышине Нанном. Когда же свет жемчужного сияния Нанна заиграл на резных узорах, я заподозрил, что они двигаются и текут, будто речная вода, формируя новые последовательности. В мерцании этих меняющихся форм я узрел намёки на цвета. Цвета сумерек, листьев тростника, козьей крови, подсушенного ячменя и другие, которым я затрудняюсь дать названия, иллюзорно пульсировали по краям высеченных символьных цепочек.

Вдруг я понял, что Мардук тянет меня за руку. Он лихорадочно пытался завладеть моим вниманием. В шоке и отвращении я оттолкнул его, и он растянулся на спине как черепаха.

— Брат. Я звал тебя. Ты уставился на камень. Ты не слышал. Я звал тебя.

Несвязная речь вновь возобладала над его пустым разумом. Неужели я так долго смотрел на камень? Возможно, ночные демоны сыграли злую шутку с моим сознанием, наполнив его лож-

ными ощущениями. Я решил, что причудливый монолог брата и странности этого камня были всего лишь плодами переутомления.

— Зачем ты притащил камень на нашу крышу?

— Мой камень. Я получил на рынке.

— Ты действительно обменял что-то ценное на бесполезный камень?

— Нет. Это подарок.

— Кто тебе его дал?

— Торговец с юга. Оонана сказывала о нём. У него большой нож. Блестящий. Я видел своё отражение. Оонана говорила, что он владеет магией. Она уверяла, что у него много лиц. Она называла его «безликим». Что Оонана имела в виду? Как он может быть безликим? Я ведь видел его лицо. Только одно лицо. Я не видел крыльев. Оонана утверждала, что он летает. Ночами он летает. Но крыльев нет. Она именовала его «фараоном». Оонана объясняла, что это означает «правитель». Чёрный фараон. Чёрный правитель с юга. Зачем правителю быть торговцем?

— Ты единственный дурачок в деревне, который слушает её бредни. А теперь помоги мне столкнуть камень с крыши и откатить подальше от дома. Отец рассердится, если обнаружит его

поутру, собираясь в поле.

— Не толкайся! Мой камень! Чёрный фараон дал мне! Не трогай!

— Говори тише. Все будут в ярости, если мы поднимем шум. Отлично. Оставайся здесь со своим камнем. Я опущу лестницу за собой. Сиди вместе с камнем и историями старой ведьмы. По велению камня можешь даже полетать на пару с тем торговцем, давай. Просто прыгни с крыши, взмахни руками, как ястреб крыльями, и ты упорхнёшь от меня.

Когда Уту отвоевал у Нанна небесный трон, Мардука не было видно. Когда мы все вышли наружу, чтобы закончить сбор урожая, мой полоумный брат и его камень уже исчезли. Я не узрел его ни на одной из крыш, примыкающих к нашему дому, и никто из соседей, выбирающихся из своих жилищ, не заметил ничего необычного.

Я окинул взором фасад нашего дома. Стену украшали только узкие, высоко расположенные окна. Отец опустил наружную лестницу, ведущую на крышу. На земле не было и следа падения камня.

Отец и наши дяди вывели стада за пределы деревни. Животных забивали. Шкуры с них снимали, скребли дочиста, затем растягивали на крыше, придавливая тяжёлыми камнями, и

оставляли сохнуть под лучезарным светом Уту. Мы не успеем обработать кости и рога до отъезда торговцев. Придётся довольствоваться тем, что удастся получить за шкуры и мясо.

Мать, Ишара и я отправились в поле вместе с кузенами. С собой мы взяли длинные ножи и серпы из кремня, чтобы срезать стебли пшеницы и ячменя. Мы работали до тех пор, пока сияние трона Уту не достигло зенита славы, после чего сделали перерыв. Один из кузенов принёс корзину с чёрным хлебом и бурдюк из козьей шкуры, наполненный парным молоком.

Пока мы ели в тени несрезанных стеблей, подошла Оонана. Она не обращала внимания на потоки пота, стекающие по костлявому телу. Её неистовый бред не могли унять ни жара, ни голод.

— Южный торговец ушёл. Ушёл ночью. Он летит на юг, в царство великой реки. В ярких одеждах летит он под пристальным взглядом человека-льва из песчаника, а ему поклоняются культы, провозгласившие его своим тёмным владыкой. Он оставляет после себя мерзкое проклятие! Куда бы он ни направился, за ним следуют безумие и разрушение! Даже если каждое колено преклонится в знак почтения перед дере-

венским алтарём, боги не отсрочат нашу участь!

Прервав свою дикую жестикуляцию, Оонана посмотрела прямо на меня. В её глазах плясало всепожирающее пламя. Взбесившаяся старуха набросилась на меня как зверь. Она повалила меня на землю, ударив в грудь руками с острыми ногтями. Среди криков и проклятий её пальцы раздирали мою кожу. Своей свирепостью Оонана обратила в бегство всех цапель и жаб с места хаоса.

Мать и Ишара попытались оттащить старуху, но та с невероятной силой отбросила их в ячмень. Я схватил кремнёвый серп, лежащий рядом, и взмахнул им по широкой дуге. Остро заточенное лезвие глубоко вошло Оонане в бок. Ошеломлённая старуха, пошатываясь, отступила.

Собрались зрители, привлечённые звуками перепалки. Оонана протиснулась сквозь толпу, отталкивая всех, кто пытался протянуть ей руку помощи. Она подбежала к реке и спрыгнула с берега в воду.

Чудовище лежало в ожидании трапезы. Когда Оонана с плеском упала в тёмную воду, огромная зубастая рептилия поднялась, чтобы забрать её. Челюсти сомкнулись и унесли обречённую старуху в непроглядную глубину.

Я провёл лезвием серпа по земле, стирая кровь. Все зеваки вернулись на свои участки земли. Боги решили больше не защищать Оонану. Будь то зверь, наводнение или голод, но те, кому предначертано умереть именно так, неизменно встретят свою судьбу. Они отправятся в Мир Без Света, чтобы пить пепел и есть глину.

— Тигран, ты уверен, что не ранен?

— Оонана была слаба даже в своей ярости. Я в порядке, Ишара.

— Возможно, ей тоже приснился злой сон. Может статься, её старческий разум не вынес такого бремени, и именно поэтому произошёл этот припадок.

— Какой злой сон?

— Мама призналась мне, что прошлой ночью их с отцом преследовали ужасные видения. Наших дядюшек, тётушек и кузенов они тоже не обошли стороной. Но все впечатления домочадцев ограничились лишь смутными ощущениями страдания и тревоги, а ещё затяжным чувством обречённости, сопровождаемым демонической музыкой. Мой дурной сон оказался гораздо более ярким.

— Что ты видела?

Когда Мардук изливал мне в ухо бессвязные

воспоминания о своих снах, они в основном бесполезно стекали на землю. Моя сестра же, хотя и имела склонность к полётам фантазии, была трудолюбива и уравновешена. Рассказам Ишары о её сновидениях я охотнее верил и внимательно слушал.

— Сначала я видела только необъятную чёрную пустоту. Я слышала ту же музыку, что и наша семья в ночном кошмаре, — жестокий бой барабанов и негармоничный вой флейт. Огни, похожие на яркие факелы, мерцали в бескрайних просторах, но всё оставалось тёмным. У меня сложилось мрачное впечатление, будто я иду по бесконечному кладбищу. Эти световые скопления, зависшие в безбрежности пространства, казались мёртвыми, словно несчастные люди, зарубленные в поле бессердечными разбойниками… Вдруг из вязкого шлейфа гулкой пустоты возник возвышающийся храм. Он был сложен из массивных глиняных кирпичей. Они оказались настолько крупными, что, полагаю, потребовалось бы выгрести целый берег реки, чтобы сделать один кирпич для этого чудовищного дома богов.

Ярусы пирамидой вздымались на огромную высоту. Четыре крутые тропинки, изрезанные ступенями, вели к неизмеримо высокой вер-

шине. Из внутренних помещений доносились стоны агонии и раскаты безумного смеха… Затем я узрела Мардука. Он с триумфом спускался с вершины храма. На его лице застыла свирепая решимость. В глазах читались коварство и злоба, каких я никогда прежде не видела. Тигран, пожалуйста, скажи, что делает Мардук? Ты же присматриваешь за ним. Где он?

— Я не знаю. И не хочу знать.

Той ночью мои кулаки яростно сжались, поскольку бредовый шёпот брата вновь послышался с крыши нашего дома. Его исковерканная речь лишь поддерживала меня в состоянии раздражённого бодрствования, но не разбудила. Что пробудило меня, так это тяжёлый пульсирующий звук ветра, как будто воздух потревожило биение больших крыльев.

Прежде чем подняться на крышу, я взял обсидиановый нож отца. Я спрятал клинок, но без колебаний прибегнул бы к нему в случае необходимости. В тот день я уже освободил мир от одного безумца.

Мардук снова смотрел на камень, произнося фразы со скрытым смыслом. Он не умолкал, а ночная тишина усиливала его слова, возможно, только для моих ушей. Сегодня его лихорадочные

мысли казались ещё более странными. Словно дикий бред Оонаны, которой было отказано во входе в Мир Без Света, передался моему брату.

— Старуха унесла в небытие секреты своего происхождения. В её крови текла память предков о плоти, переваренной в их желудках. То не мясо оленей и мамонтов, чьи кости оставлены в давно забытых пещерах ещё до Великой Оттепели. Упругая мякоть, счищенная с бедренных и малоберцовых костей, была истинным наслаждением… Проклятому роду пришлось бежать в далёкий Ленг. Лишь эта смрадная старуха осталась донимать людей, хотя она предпочитала трапезничать их разумом и здравомыслием, оставляя живую плоть гнить на костях. Тем не менее, пир упырей будет возобновлён. На залитом дождями острове мрака, лежащем далеко на северо-западе, Великая Мать уже возвестила своим детям призыв пожрать царапающийся и визжащий двуногий скот, считающих себя разумным.

Мардук был гнуснейшим паразитом в нашем доме с того злопамятного дня, когда отец спас его от верной смерти на бесплодном склоне холма. Его бестолковое выражение лица и обрывочная манера говорить изводили меня, будто рой

оводов. Моей семье он приносил лишь позор и разочарование.

Однако никогда прежде я не испытывал к нему столь лютого отвращения. В омуте его нечестивой, загадочно шокирующей речи таилось нечто чуждое человеческой природе, что, по моему мнению, делало само существование Мардука порочным. Богопротивные слова, срывающиеся с его губ, подтвердили, что сегодня я очищу мир от двойной мерзости.

Я оберегал глаза даже от мимолётного взгляда на переливающийся камень, обладающий изменчивой формой и внушающий невообразимый ментальный ужас. Я бросился на своего чудовищного брата, когда он обратил на меня взор. Молочная пелена спала с его глаз, и в их глубине я узрел запретные тайны, нетерпеливо ждущие своего часа, чтобы вырваться наружу. Стремясь навсегда похоронить эти секреты, я повалил Мардука.

Я прижал его шею к краю крыши, оставив голову висеть над пыльной дорожкой внизу. Свет Нанна плясал на зазубринах обсидианового ножа. Глянцевый чёрный клинок блеснул у горла Мардука. Его почти закатившиеся глаза взглянули на меня в последний раз.

В это мгновение я поймал взгляд моего слабоумного брата, в котором читался прежний безобидный дух. Рядом с его плечом лежал многоцветно мерцающий камень, скатившийся сюда во время потасовки. Зрение предало меня, и глаза приковались к дразнящим тайнам, хороводящим на его поверхности, испещрённой загадочными знаками.

Невыносимые истины Времени и Пространства проникали в мой мозг словно черви, созревающие на разлагающемся трупе. Этот камень услужливо распахнул для меня врата в миры, которые не должны существовать. Я был свидетелем угасания звёзд, поглощающих собственный свет, чтобы накормить своих пленённых хозяев. В пещерах, достаточно обширных, чтобы вместить все реки нашего мира, я наблюдал орды извивающихся тел, жмущихся к стенам Внутренней Земли. Эти твари ждали призыва к пробуждению, который провозгласил бы наступление новой эры охоты. Мои мучительные озарения беспрерывно сопровождались какофонией флейт и барабанов, доносящейся с разных концов вечности.

Когда мой изломанный разум вернулся на крышу родительского дома из запредельных бездн, я обнаружил, что остался один на холодном ветру.

Мёртвый Мардук и разбитый камень лежали там внизу, на земле. Стоя на коленях в ошеломлении, я всё ещё ощущал жжение в ладонях, схвативших зловещий камень как оружие против брата. Безумие мудрости не позволило мне пощадить его.

Среди фрагментов звериных костей и обломков камней, разбросанных в пыли, обострившиеся чувства уловили движение, но не моего брата. Аморфное существо, напоминающее греховную помесь слизня и змеи, скользило к телу Мардука. В гротескных оттенках чёрного и зелёного оно представлялось взору слабо светящимся смешением пузырей и глаз, смотрящих повсюду, но ничего не видящих.

Оставляя вязкий слизистый след и источая зловоние, которое поднималось на высоту большого дерева и атаковало мой нос, полужидкое чудовище заползло на Мардука. Оно сплющилось и растаяло, приблизившись к его лицу. Нездоровое любопытство и нерушимая семейная связь заставили меня спуститься по наружной лестнице, чтобы осмотреть брата.

Рана, которую я ему нанёс, делала это невозможным, однако Мардук поднимался на ноги. Поначалу он игнорировал меня, сосредоточив внимание на осколках своего драгоценного кам-

ня. Он выбрал один — с множеством граней и углов, мерцающих светом, отличным от небесного сияния Нанна. Мардук крепко сжал осколок в кулаке и не выпускал из рук на протяжении всего нашего последнего противостояния.

Кровь ещё не запеклась на его лбу, но рана, оставленная ударом мерзкого камня, затянулась с неестественной быстротой. Кости, сломанные при падении, снова срослись. Глаза стали ледяными и умными. Безумие, вызванное необузданной магией камня, исчезло из ауры Мардука, однако по осанке было ясно, что в него вселилось некое существо.

— Трапецоэдр несовершенен, но впереди целые эпохи, чтобы это исправить.

— Кто ты такой, что украл моего брата?

— Вдруг тебе стал небезразличен тот, кого всю жизнь проклинал? Он больше не будет обузой, и всё же ты не рад. Дурачок исполнил своё предназначение, и ему пришёл конец. Родился восходящий бог Мардук[82]. Мои глаза видят столетия вперёд и назад. Я превращу это убогое скопление лачуг в могущественный город, а твою расу — в цивилизацию. Я воздвигну храм из

[82] Примечания: 82

Мардук — верховный бог Древней Месопотамии в шумеро-аккадской мифологии; покровитель города Вавилона.

глины, дерева и костей. С его вершины молитвы достойных устремятся в отдалённые сферы как свет маяка для Великих Древних.

Я тщетно искал на земле обсидиановый отцовский нож. С растущим отчаянием я понял, что тот остался на крыше. Мардук победно улыбнулся, почувствовав мой страх.

— Не надейся убить меня. Это невозможно. Тебе не суждено познать славного бремени моего ига. Ты пойдёшь на север и покинешь плодородные земли. В угрюмейшем уголке высокогорья ты заложишь фундамент своего злосчастного потомства. Тяготы беспрестанного притеснения будут терзать твой род, и он, обречённый на горькое прозябание, никогда не изведает триумфа.

Я не мог защититься от гипнотической силы его приказа. По чужой воле ноги сами понесли меня прочь от дома и деревни. Утешительная безопасность тяжёлого труда осталась позади. В тёмном мире, простирающемся передо мной во всех направлениях, я шагал на север, навстречу сокрушительной свободе неизвестности.

Несмотря на все жуткие пророчества, поджидающие своего исполнения среди далёких горных вершин, беспощадное давление переданных мне секретов гарантировало, что мир никогда боль-

ше не будет выглядеть таким же светлым, как прежде. Ещё долго после того, как имена наших богов канут в могилу веков, над всем сущим будет довлеть покров тьмы. В обречённой вселенной, где в тенях таятся вечно голодные упыри, а слабоумные болваны перерождаются в тиранических богов, как может надежда пережить взлёт и падение царств из песка и камня?

Перевод: Б. Савицкий

Джилли Дредфул
De Deabus Minoribus Exterioris Theomagicae

Jilly Dreadful «De Deabus Minoribus Exterioris Theomagicae», 2015

De Deabus Minoribus Exterioris Theomagicae: текстологический разбор и описание книги, библиографическое исследование Донны Морган, кандидата наук, филологический факультет Мискатоникского университета

Копия титульного листа:

de deabus minoribus exterioris theomagicae:

О различиях в призываниях малых внешних

богинь;

сверено с изначальной рукописью создательницы

и удостоверено практическими изысканиями в ином измерении.

Септимия Принн

Голос Идх-яи:
Она была женщиной
с книгой.
Zoroaster in Oracul. (По пророчеству Зороастра.)
Audi Ignis Vocem. (Вслушиваясь в огонь)
(Подпись Элизабет Бридлав)
ЛОНДОН,
Напечатано Э.Б. для Х. Уондрака в Торнхилском замке. 1650.

Переплет:
1. Размер — 3”x5”.

2. Октаво (1/8 листа).

1. Никогда не видела такого маленького октаво; обычно такого размера бывают дуодецимо из-за складывания листов.

3. Нет признаков повторного переплетения; Вероятнее всего, подлинник; происхождение неизвестно.

1. Переплёт не повреждён, но сильно потёрт из-за частого использования.

2. Обложка в удовлетворительном состоянии; кожа заметно потрескалась от множества прикосновений; грязная (выделения сальных желез впитались в кожу).

1. Нитки, которыми задняя обложка скрепляется с основной частью книги, хорошо заметны; толстая нить напоминает «пальцы скелета», сцепляющие листы с обложкой.

2. При ближайшем рассмотрении «пальцы скелета», оказываются не просто необычно толстыми соединительными нитями; по видимости, они связаны с сочлененными костями, при помощи нити, осторожно продетой через кость, переплет соединяется с обложкой.

3. Судя по форме и легкости костей, можно предположить, что использовались крылья летучей мыши; согласно результатам из библиотечных баз данных, ранее ничего подобного зарегистрировано не было; для подтверждения отправила мейл профессору Дейну.

1. Нарастают головная боль и оглушающее давление за глазами; терпеть искусственный свет зала особых коллекций все тяжелее.

4. Учитывая оккультную направленность текста, его небольшой размер и тонкий переплет, кажется разумным предположить, что издание проектировалось, исходя из соображений конспирации; книгу легко спрятать на теле.

1. Думаю, этот гримуар принадлежал практикующему оккультисту.

Бумага:

1. Данное октаво целиком напечатано на пергаменте, все еще остром.

1. Скорее всего, пергамент изготовлен из свиной кожи, хотя его цвет и запах и отличаются от цвета и запаха пергамента, обычного для Лондона того времени; возможно, его подвергли химической обработке, чтобы отбелить, ощущается легкий запах; возможно, кожа овечья.

2. На странице 50, печатный лист E, лист 7, на лицевой стороне одной из чисто декоративных страниц книги, иллюстрация, под которой видны рукописные слова (Переводы мои):

Идх-яа Литалия Вхузомфа

Шуб-Ниггурат Ягни Йидра (имена малых внешних богинь)

Dare licentiam ad ut eam in servitium vestrum arma capere milites, (Дай ей позволение снарядить сол-

дат к тебе на службу.)

СептимияПринн (имя автора)

Deas a Conciliis, & Oracul Indiciarius, (Совет Богини и Индикарий (?) Оракула)

Doctor Utriusque Naturam & Ditvinam. (Доктор Естественных и Божественных Законов)

3. Здесь, обесцвечивание страницы. Водяной знак, возможно; напоминает надпись.

1. О водяных знаках этого периода, в которых вместо символов использовались бы слова, ничего неизвестно.

2. Попросила холодный (оптоволоконный) светильник, но Карло, библиотекарь зала особых коллекций, говорит, что у них его нет.

1. Я точно помню, что пользовалась одним в особых коллекциях несколько дней назад.

1. Карло приносит мне настольную лампу.

1. Почему Карло не даёт мне холодный светильник?

4. Держу лист с водяным знаком над настольной лампой, но на просвет ничего невидно, очевидно, водяной знак рельефный.

a. Держу книгу на уровне глаз, нужный лист против верхнего света, читаю вслух: “*Eram quod*

es; eris quod sum.” (Я была той, кто есть ты; Ты будешь той, кто есть я.)

5. У книги закруглённые края, она украшена крупными крапинами, скорее всего, чернильными, нанесенными пером; крапины коричневые, с эффектом сепии.

1. Тогда при изготовлении в чернила добавляли железо, окислявшееся со временем; окись того же цвета видна на краях и рукописных вставках.
2. Поскольку зал особых коллекций на сегодня закрывался, я положила книгу на диссертационную тележку.

1. Каким-то образом книга попала ко мне в сумку.
2. Продолжу текстологический разбор дома; завтра верну книгу на тележку.

6. Пергамент высох, края каждой страницы стали бритвенно острыми.

1. Переворачивая страницу, порезала подушечку большого пальца.

1. Порез такой глубокий, что даже не сразу начинает кровоточить и выглядит так, как будто кожа не повреждена.

2. Перевернув страницу, оставляю кровавый отпечаток большого пальца.

1. Пошла за ватным тампоном и перекисью, вывести пятно.

1. Кровь впиталась.

Иллюстрации/отделка:

1. Титульный лист: заключен в рамку, состоящую из изображений фаз луны.

1. Лунные фазы — чёрные круги, находящиеся между черными заштрихованными полумесяцами и черными полумесяцами, очерченными по контуру, символизируя полный лунный цикл.

2. Записывая на ноутбуке свои наблюдения, я как бы видела краем глаза, что луны движутся, как живые.

1. Возможно, чередование фаз луны позволяет достичь эффекта оптической иллюзии.

2. Страница 51: единственная полностраничная гравюра, на которой изображен секстет малых внешних богинь.

1. Над гравюрой написано: «*Моление к Непостижимым*», — ниже напечатана гравюра.

1. Когда я вновь обратилась к описанной выше

странице, перепроверить заголовок, напечатанный текст был уже не на английском, больше всего он напоминал латино-шумерскую клинопись.

2. На гравюре изображены червеобразная Идх-яа; древоподобная Литалия; покрытая многочисленными глазами, ртами, мужскими и женскими гениталиями Вхузомфа; козлорогая богиня Шуб-ниггурат, кормящая грудью дьявольского младенца; Ягни со множеством щупалец; и Йидра, прекрасная ведьма из грез.

3. Под гравюрой, написано от руки: *Ungerent hoc in meo sanguine*. (Помажь текст своей кровью).

1. Когда бы я ни взглянула на книгу, страницы мерцают и блестят, как при фотовспышке.

1. Не помню, как заснула, должно быть я отключилась из-за головной боли, потому что следующее, что я помню — моя голова, поднимающаяся со стола, время за полночь. Я почти закончила текстологический разбор, я закончу его, во что бы то ни стало.

2. Портрет Септимии Принн: аристократка в платье с квадратным вырезом, на шее колье с замысловатым Знаком Древних, длинные рукава оканчиваются расшитыми манжетами. В одной

руке у нее «крылатый глаз», в другой человеческое сердце, на которое она смотрит. По краям портрет обвивают виноградные лозы, тогда как она сидит за столом, заваленным миниатюрными котелками и аптекарскими бутылочками.

1. Обе гравюры — уникальные образчики высочайшей степени детализации.

1. Эти гравюры противоречат гипотезе МакКерроу, согласно которой печатники раннего нового времени пользовались гравюрами, многократное употребление которых окупало деньги, вложенные в их изготовление.
2. Отделка этой книги слишком необычна, ее не получится встроить в другие проекты.
3. Септимия Принн больше не смотрит на человеческое сердце, ее глаза устремлены вперед, прямо на читателя.

1. Я написала, что она смотрела на человеческое сердце в своей руке, и удостоверилась, что других вариаций ее портрета в издании нет. Как бы сильно ни болела моя голова, я уверена, её глаза изменили положение.

1. Нужно изучить, какие приемы применялись при печатании в раннее новое время для созда-

ния оптических иллюзий.

2. О печатнице Элизабет Бридлав, жившей в раннее новое время, никаких записей не сохранилось, а вот о Септимии Принн записи есть.

1. Возможно, Септимия Принн была дочерью Людвига Принна, пользовавшегося дурной славой средневекового колдуна и «доктора», природы, хотя он и не занимался медициной в общепринятом смысле этого слова. Руководствуясь своими познаниями в химии, он создавал эликсиры «с опорой на рекомендации Парацельса». Говорят, что Людвиг Принн жил среди магов и алхимиков Англии, Германии и Сирии, изучая все, от прорицания и некромантии до кровавых ритуалов «червя, алчущего пожрать мир.», По легенде, он сохранил это запретное знание, создав богохульный текст, *De Vermis Mysteriis* «Тайны червя», ставший краеугольным камнем его магико-мистической славы.

1. По некоторым слухам, Принн был оборотнем, и Людвиг и Септимия, на самом деле — один человек. Некоторые верят, что, когда слава о *De Vermis Mysteriis* распространилась, конкурирующие фракции культистов вознамерились убить Людвига, а потому он, переменив пол и

личность, стал Септимией, которая представлялась дочерью Людвига, так как хотела и дальше пользоваться тем влиянием, которого добилась её предыдущая инкарнация.

1. За мной следят, я чувствую.

2. Как и Людвиг, Септимия Принн, если верить легендам, прожила несколько сотен лет, путешествуя по Европе, и в конце концов эмигрировала в Новый Свет, где родила Эбигейл Принн, позднее казнённую в Салеме за колдовство.

3. Септимии приписываются сотни оккультных текстов, обнаруженных в тайных библиотеках по всему миру, хотя ученые склонны предполагать, что культисты сделали имя Септимии Принн частью обряда инициации и публиковались под ее именем; в связи с сочинениями Людвига ничего подобного не предполагается.

1. Кто-то только что что-то шепнул мне на ухо.

1. Я убрала руки с клавиатуры и пятнадцать минут сидела в тишине, силясь расслышать хоть что-нибудь, что можно было бы принять за шепот, но ничего даже отдаленно похожего больше не прозвучало.

4. Могут ли Э.Б. (Элизабет Бридлав) и Септимия

Принн быть одним и тем же человеком?

1. Кто такой Х. Уондрак?

5. Текст печатался с учетом соображений экономии; использовался формат октаво, позволяющий обойтись при создании одной копии всего несколькими полноформатными листами пергамента. Но гравюры для данного периода чрезвычайно дороги. Книга была напечатана в Английскую Гражданскую Войну, во времена осуждения и казни Карла I и изгнания Карла II. Заниматься оккультизмом в то время было чем-то сродни святотатству. Небольшой размер книги явно указывает на приватность печати. Назвалась ли Бридлав Септимией Принн, чтобы уклониться от ответственности, если ее типографию обвинят в распространении языческих текстов?

1. Нужно продолжить исследование происхождения.

Выводы относительно De Deabus Minoribus Exterioris Theomagicae:

1. Со мной случилось то, что можно назвать только осознанным сном, в котором женщина-дерево лианами гладила меня по волосам, а

подрагивающая, осминогоподобная масса общалась со мной способами, недоступными моему пониманию. Мы говорили друг с другом, хотя ни один из нас не произносил слов. Я поняла, что меня просят согласиться — на что, я точно не знала. Зная, что такое сонный паралич, по другим снам, я уверена, что не застывала, напротив, я искренне стремилась поклониться и воззвать, приникая к соску матери-козлицы и открывая губы навстречу ведьме из грез, позволяя ей целовать сущность моей души. Я поняла, что меня коронуют, и сознательно сбросила человеческую кожу. Под ней я оказалась гигантским червем, хотя червем — слишком громко сказано. Куда правильнее было бы назвать меня личинкой или, может быть, опарышем, хотя я выглядела куда величественнее. Я боялась, ощущая голод, настолько острый и всепоглощающий, что утолить его, даже поглотив целую вселенную, было бы невозможно.

1. Когда я проснулась, в моем мозгу все еще отдавались отзвуки молитв на неизвестных языках, а собственные конечности казались мне чем-то чужеродным.

2. Села на автобус, идущий к кампусу из центра города. По дороге потеряла пару пальцев. Пона-

чалу гул автобуса гармонировал с вибрациями внутри моего тела. Я была настолько духовно сконцентрирована, что, когда от моей левой руки отвалился мизинец, укатившийся затем под сиденье, его потеря меня совершенно не встревожила. Более того, меня не встревожил и резкий, мускусный запах гнили, исходивший от впадины, хотя он явно беспокоил других пассажиров, прикрывавших лица и отступавших поближе к дверям.

3. Мой безымянный палец отвалился где-то между дверями автобуса и библиотекой. Я заметила его отсутствие, только позвонив в зал особых коллекций.

1. Каким-то краем сознания я понимала, насколько это будет непросто, но единственным, что меня теперь действительно интересовало, были призывы Малых Внешних Богинь.

4. Когда Карло втолкнул меня в зал Особых Коллекций, я вновь ощутила острый, всепоглощающий голод, очень похожий на тот, который я испытала во сне. Руководствуясь воспоминаниями, я спросила Карло, не позволит ли он мне съесть его. Он согласился. Пока он подносил своё тело в смиренной молитве, его голос примкнул к вихрящимся во мне заклинаниям.

1. Я сказала, что голодна, но недостаточно голодна для хаки, Карло разделся, и я увидела у него на груди Знак Древних. Это была лучшая его часть.

2. Я все еще ужасно голодна. Омертвевшая оболочка принадлежавшей мне когда-то руки отвалилась, так что я печатаю тем, что осталось от моей правой руки, описывая свою восхитительную и ужасающую трансформацию.

3. В разрывах кожи я вижу пульсирующее под ней ярко-фиолетовое сияние.

2. Я готова принять иной облик, но готова ли я поглотить мир?

1. Мой Аппетит сослужит нам хорошую службу: страдания, и твои, и всех остальных прекратятся раз и навсегда, неистовая, неистребимая боль, терзающая мои зачаточные органы, будет утолена. Все конфликты прекратятся, когда мы станем единым целым. Вы облечётесь величественной, могильной тишиной забвения; человечество в первый и последний раз познает единство, находясь глубоко во мне, всепожирающей мировой язве.

2. И мой голод отступит.

3. Но ничего этого не случится без вашего поз-

воления. И знайте, в наказание за мою алчность Малые Внешние Богини высосут жизнь из того, что уцелеет после моего чудовищного разгула, и мир будет создан заново.

4. Если же вы откажете мне в этой милости, я перейду в другой мир, их много. Но знайте, если бы у меня был выбор, я бы преобразила именно этот мир; я не полностью отринула свою человечность. Хотя при моем теперешнем обличье в этом больше нет особой надобности, я хочу слиться с самым поразительным и отталкивающим воплощением великолепного хаоса космоса.

5. Что скажете?

1. Можно мне поглотить мир?

Перевод: В. Зарубина

Роджер Желязны
24 вида горы Фудзи кисти Хокусая

Roger Zelazny «24 Views of Mt. Fuji, by Hokusai», 1984.

1. Вид горы Фудзи от Овари

Кит жив, хотя он похоронен неподалеку отсюда, а я мертва, хотя я вижу розовый вечерний отблеск на облаках над горой вдалеке и дерево на переднем плане для подходящего контраста. Старый бондарь превратился в пыль; его гроб тоже, наверное. Кит говорил, что любит меня и я говорила, что люблю его. Мы оба говорили правду. Но любовь может означать много вещей. Она может быть орудием нападения или проявлением болезни.

Меня зовут Мэри. Я не знаю, будет ли моя жизнь соответствовать тем формам, в которые я переселюсь в этом паломничестве. Но не смерть. Итак, начинаю. Любой отрезок круга, как этот исчезающий обруч бочонка, мог бы привести в то же самое место. Я должна прийти для убийства. Я порождаю скрытую смерть, в противоположность секрету жизни. И то, и другое неустойчиво. Я взвешивала и то, и другое. Если бы я была посторонней, я не знала бы, что выберу. Но я здесь, я, Мэри, следующая магическим путем. Каждый момент целостен, хотя у каждого есть прошлое. Я не понимаю причин, только следствия. И я устала от игр изменения реальности. Все будет

становиться яснее с каждым успешным шагом моего путешествия и как тонкая игра света на моей магической горе, все должно измениться. В каждый момент я должна немного умереть и немного возродиться.

Я начинаю здесь, так как мы жили недалеко отсюда. Я была здесь раньше. Я вспоминаю его руку на моем плече, его иногда улыбающееся лицо, его груды книг, холодный, плоский глаз терминала его компьютера, снова его руки, сложенные в медитации, его улыбка теперь другая. Далеко и рядом. Его руки на мне. Сила его программ, расколоть коды, затем собрать. Его руки. Смертельно.

Кто бы мог подумать, что он уступит этому быстро разящему оружию, деликатным инструментам, изгибам тел? Или я сама? Пути…

Руки…

Я должна вернуться. Вот и все. Я не знаю, достаточно ли этого.

Старый бондарь в обруче своей работы… Наполовину полный, наполовину пустой, наполовину деятельный, наполовину бездеятельный… Могу ли я вести себя как инь и янь этой известной гравюры? Могу ли считать, что она символизирует Кита и меня? Могу ли я рассматривать ее как великий Ноль? Или как бесконечность?

Или все это слишком очевидно? Одно из этих утверждений лучше оставить незаконченным? Я не всегда деликатна. Пусть оно будет. Фудзи стоит внутри него. А разве не на Фудзи нужно подняться, чтобы дать отчет о своей жизни перед Богом или богами?

У меня нет намерения подниматься на Фудзи, чтобы давать отчет Богу или кому-нибудь еще. Только неуверенность и неопределенность нуждаются в оправдании. Я делаю то, что должна. Если у богов есть вопросы, они могут спуститься вниз с Фудзи и спросить меня. С другой стороны, между нами тесное согласие. Такое, преодоление пределов которого может быть одобрено только издалека.

Действительно. Я единственная из людей знаю это. Я, которая попробовала запредельность. Я знаю также, что смерть это — только бог, который приходит, когда его зовут.

По традиции хенро — пилигрим — должен быть одет во все белое. Я нет. Белое не идет мне, и мое паломничество — частное дело, тайная вещь, до тех пор, пока я смогу его выдержать. Сегодня я надеваю красную блузу, жакет и слаксы цвета хаки, кожаные туристские ботинки; я подвязала волосы, в рюкзаке за спиной все необходимое.

Я все-таки беру посох, отчасти для того, чтобы опираться, что иногда бывает нужно, отчасти как оружие, которое может понадобиться. Я сторонник его применения в обоих случаях.

Посох, как сказано, символизирует веру в паломничестве. Вера — это вне меня. Я останавливаюсь на надежде.

В кармане моего жакета лежит маленькая книжка, содержащая репродукции двадцати четырех из сорока шести картин Хокусая с видами горы Фудзи. Это подарок, очень давний. Традиция выступает против паломничества в одиночку, в целях безопасности и товарищеского общения. Итак, дух Хокусая — мой компаньон, так как он присутствует в тех местах, которые я хотела бы посетить, так же, как и повсюду. Мне больше не нужны никакие компаньоны, и что за японская драма без привидений?

Охватывая взглядом эту сцену и думая мои думы и чувствуя то, что я чувствую, я начинаю. Я немного жива, немного мертва.

Мой путь не будет полностью пешим. Но большая часть пути — да.

Есть определенные вещи, которых я должна избегать в этом путешествии приветствий и прощаний. Простодушие — мой темный плащ

и, вероятно, пешая прогулка будет для меня полезной.

Я должна следить за моим здоровьем.

2. Вид горы Фудзи из чайного домика в Иошиде

Я изучаю репродукцию: мягкая голубизна рассветного неба, слева Фудзи, на которую через окно чайного домика смотрят две женщины; другие изогнутые, сонные фигуры, как куклы на полке…

Здесь уже не та дорога. Они ушли, как бондарь — люди, чайный домик, рассвет. Только гора и репродукция помнят момент. Но этого достаточно.

Я сижу в столовой гостиницы, где я провела ночь, мой завтрак съеден, чашка чая передо мной. В комнате есть еще обедающие, но не рядом со мной. Я выбрала этот стол из-за вида, открывающегося из окна и напоминающего вид на репродукции. Хокусай, мой молчаливый компаньон, мог бы улыбнуться. Погода была достаточно благосклонна, чтобы я могла заночевать под открытым небом, но я ужасно серьезно отношусь в моем паломничестве к подозрительным ситуациям в этом путешествии между жизнью и смертью, которое я предприняла. Это отчасти причина поиска, и частично причина ожидания.

Вполне возможно, что она может исчезнуть в любой момент. Я надеюсь, что нет, но жизнь редко соответствует моим надеждам — или, что то же самое, логике, желанию, опустошенности, или чему-то другому, относительно чего я их измеряю.

Все это неподходящее отношение и занятие для ясного дня. Я выпью мой чай и посмотрю на гору. Небо меняется на глазах…

Изменения… Я должна соблюдать осторожность, когда я буду покидать это место. Есть границы, которые не должны быть нарушены и предосторожности, которые должны быть выполнены. Я продумала все свои движения — от того, как поставлю чашку на стол, поднимусь, повернусь, возьму свои вещи, пройдусь — до тех пор, как я снова буду на природе. Я должна все еще следовать образцам, потому что мир — числовая ось, повсюду плотная. У меня очень малый шанс быть здесь.

Я не так сильно устала после вчерашнего перехода, как думала, и я принимаю это за хороший знак. Я старалась поддержать приличный вид, несмотря ни на что. Картина на стене справа от меня изображает тигра, и мне хочется, чтобы это тоже был хороший знак. Я родилась в год Тигра, и сильное и бесшумное движение большой полоса-

той кошки — это то, что мне больше всего нужно. Я пью за тебя, Шер Хан, кот, который гуляет сам по себе. Мы должны быть твердыми в нужное время, нежными в подходящий момент. Выжидать…

Во-первых, мы были связаны почти телепатически, Кит и я.

Нас тянуло друг к другу, и даже сильнее в те годы, когда мы были вместе, Шер Хан, в джунглях сердца. Сейчас мы охотники.

Ожидание окончилось — и саки, начало…

Я наблюдала изменения на небе до тех пор, пока все небо не стало одинаково светлым. Я допила чай. Поднялась, взяла свои принадлежности, надела рюкзак, взяла посох. Я направилась через короткий холл, который вел к задней двери.

— Мадам! Мадам!

Это один из местных служащих, маленький человечек с испуганным выражением лица.

— Да?

Он кивнул в сторону моего рюкзака.

— Вы покидаете нас?

— Да.

— Вы не отметили отъезд.

— Я оставила плату за комнату в конверте на туалетном сто лике. На нем написано «плата за проживание». Я подсчитала необходимую

сумму.

— Вы должны зарегистрировать отъезд.

— Я не отмечала свой приезд. Я не буду отмечать отъезд. Если вы хотите, я могу проводить вас до комнаты, чтобы показать, где я оставила плату.

— Извините, но это должно быть сделано кассиром.

— Извините меня тоже, но я оставила плату и не буду отмечаться.

— Это нарушение. Я должен буду позвонить управляющему.

Я вздохнула.

— Нет. Я не хочу этого. Я пройду через вестибюль и отмечу выезд, так же как и въезд.

Я замедлила шаги и повернула в сторону вестибюля.

— Ваши деньги, — сказал он. — Если Вы оставили их в комнате, Вы должны пойти и принести их.

Я отрицательно покачала головой.

— Я оставила и ключ.

Я вошла в вестибюль. Подошла к креслу в углу, самому дальнему от конторки. Села.

Маленький человечек следовал за мной.

— Будьте добры, скажите им, что я хочу зареги-

стрировать отъезд — попросила я его.

— Ваша комната номер…

— Семнадцать.

Он слегка поклонился и направился к стойке. Он говорит с женщиной, которая бросает на меня несколько взглядов. Я не могу слышать их слов. В конце-концов он берет ключ и уходит. Женщина улыбается мне.

— Он принесет ключ и деньги из Вашей комнаты, — говорит она.

— Вам понравилось у нас?

— Да, — отвечаю я. — Если он позаботится об этом, я, пожалуй, пойду.

Я начинаю подниматься.

— Пожалуйста, подождите, — говорит она, — сейчас я все сделаю и дам Вам квитанцию.

— Мне не нужна квитанция.

— Мне необходимо отдать ее Вам.

Я снова усаживаюсь. Я держу мой посох между коленями. Я вцепилась в него обеими руками. Если я попытаюсь уйти сейчас, она, вероятно, позовет управляющего. Я не желаю привлекать к моей особе еще больше внимания.

Я жду. Я контролирую дыхание. Я освободила сознание.

Через некоторое время человечек возвращает-

ся. Он передает ей ключ и конверт. Она шуршит бумагой. Она вставляет бланк в машину. Нажимает кнопки. Вытаскивает бумагу из машины и осматривает ее. Считает монеты в моем конверте.

— Вы оставили правильную сумму, миссис Смит. Вот Ваша квитанция.

Она отрывает верхнюю часть листа.

Что-то происходит в воздухе, будто луч света упал сюда секундой ранее. Я быстро вскакиваю на ноги.

— Скажите пожалуйста, это частная гостиница или филиал?

При этом я двигаюсь вперед, так как знаю ответ наперед.

Ощущение усиливается, локализуется.

— Это филиал, — отвечает она, оглядываясь в затруднении.

— С центральной конторой?

— Да.

Особым способом, когда ощущения объединяются с действительностью, я вижу, что эпигон, похожий на летучую мышь, устраивается рядом с ней. Она уже чувствует его присутствие, но не понимает. Моя обязанность — мо чи ч'у, как говорят китайцы, немедленное действие, без раздумий

и колебаний — поэтому я подхожу к конторке, кладу мой посох под подходящим углом, наклоняюсь вперед, как будто бы собираюсь взять квитанцию, и слегка подталкиваю посох так, что он скользит и падает, перелетая через конторку, его маленький металлический наконечник попадает в гнездо терминала компьютера. Верхний свет гаснет немедленно. Эпигон съеживается и рассеивается.

— Перебой с электричеством, — замечаю я, поднимая мой посох и поворачиваясь. — До свидания.

Я слышу, как она приказывает служащему проверить щиток.

Я выхожу из вестибюля и захожу в комнату отдыха, где принимаю таблетку, так, на всякий случай. Затем я возвращаюсь в небольшой холл, пересекаю его и покидаю здание. Я рассчитывала, что это произойдет раньше или позже, так что я не была не готова.

Сверхмалого напряжения внутри моего посоха было достаточно для этого случая, и в то же время, как я надеялась, это могло случиться позже. Но, вероятно, лучше для меня, что это произошло сейчас. Я чувствую себя более живой, более настороженной после этой демонстрации опасности.

Это ощущение, это знание полезно мне.

И он не достиг меня. Все закончилось ничем. Основная ситуация осталась неизменной. Я счастлива, имея преимущество столь малой ценой.

Я хочу выйти прочь и войти в природу, где я сильнее, а он слабее.

Я вхожу в свежий день, кусок моей жизни сверх утреннего момента созерцания горы.

3. Вид горы Фудзи от Ходогайя

Я нахожу место изогнутых сосен на Токайдо и останавливаюсь, чтобы посмотреть на Фудзи из-за них. Путешественники, которые проходят во время первого часа моего бодрствования, не похожи на путешественников Хокусая, но это неважно. Лошадь, носилки, голубые одеяния, большие шляпы — все в прошлом, путешествует только на картине. Купец или дворянин, вор или слуга — я смотрю на них как на пилигримов того или иного сорта. Моя болезненность, спешу я добавить, является причиной того, что мне нужно добавочное лечение. Однако сейчас я хорошо себя чувствую, и не знаю, медикаменты или медитация обусловили мою повышенную чувствительность к тонкостям света. Кажется, Фудзи почти движется под моим пристальным

взглядом.

Паломники… Я была бы не против путешествовать с Мацуо Басе, который сказал, что все мы путешественники каждую минуту своей жизни. Я вспоминаю также его впечатления от заливов Мацусима и Кисагата — первый обладает искрящейся прелестью, а второй — прелестью плачущего лица. Я думаю о виде и выражениях Фудзи и захожу в тупик. Печаль? Покаяние? Радость? Воодушевление? Они соединяются вместе и разворачиваются. У меня нет гения Басе, чтобы выразить это в простой характеристике. И даже он… Я не знаю. Похожесть говорит о похожести, но описание должно пересечь бездну. Восхищение всегда содержит в себе недостаток понимания.

Этого достаточно для того момента, чтобы увидеть.

Паломники… Я думаю также о Чосере, когда смотрю на картину. Его путешественники хорошо проводили время. Они рассказывали друг другу грязные истории и стихи, присоединяя в конце мораль.

Они ели и пили и обманывали друг друга. Кентербери был их Фудзи. У них была вечеринка всю дорогу. Книга кончается перед тем, как они

прибывают. Подходяще.

Я не без чувства юмора. Может быть, Фудзи действительно смеется надо мной. Если так, я очень бы хотела присоединиться к ней. Мне действительно не нравится мое теперешнее настроение и капелька медитационного перерыва не помешала бы, если бы был подходящий объект. Рыдающее таинство жизни не может продолжаться все время на самых высоких нотах. Если они могут сделать перерыв, я не против. Завтра, быть может…

Черт побери! Мое присутствие наконец должно быть замечено, в противном случае эпигон не появился бы. Я была очень осторожна. Подозрение — это еще не уверенность, и я надеюсь, что мои действия были достаточно решительными, чтобы предотвратить подтверждение. Мое теперешнее местонахождение вне досягаемости и знания. Я снова возвращаюсь к Хокусаю.

Я хотела бы провести остаток моих дней на тихом Орегонском берегу. Место не без своих особенностей. Но я полагаю, именно Рильке сказал, что жизнь — это игра, которую мы должны начинать, не узнав хорошенько ее правил. Узнаем ли мы их когда-нибудь? И действительно ли это правила?

Вероятно, я читаю слишком много поэзии.

Но что-то, что кажется мне правилом, требует, чтобы я сделала это усилие. Справедливость, долг, месть, безопасность — должна ли я взвесить их по отдельности и определить процент их участия в том, что движет мною? Я здесь, потому что я здесь, потому что я следую правилам — какими бы они ни были. Мое понимание ограничено результатами. Его — нет. Он всегда мог делать интуитивные скачки. Кит был грамотей, ученый, поэт. Такое богатство. Я беднее во всех отношениях.

Кокузо, хранитель всех, кто родился в Год Тигра, разрушь это настроение. Я не хочу его. Оно не мое. Пусть это будет болью старой раны, даже обновленной воспалением. Но я не могу позволить ей быть мною. И покончить с ней вскоре. Моя болезнь в сердце и мои причины благородны. Дай мне силы отделить себя от этого, Ловец в Бамбуке, господин того, кто одет в полоски. Отбрось унылость, собери меня, дай мне силы. Уравновесь меня.

Я наблюдаю игру света. Откуда-то доносится детское пение.

Через некоторое время начинается тихий дождик. Я надеваю пончо и смотрю. Я очень слаба, но я хочу увидеть Фудзи, возникающую из тумана,

который начал подниматься. Я отпиваю воду и капельку бренди. Остались только очертания. Фудзи превратилась в привидение горы на Таоистских рисунках. Я жду до тех пор, пока небо не начинает темнеть. Я знаю, что гора больше не придет ко мне сегодня, и я должна позаботиться о сухом месте для ночлега. Это может быть моими уроками из Ходогайя: Склоняйся к настоящему. Не старайся приукрашивать идеалы. Имей достаточно разума, чтобы уйти из-под дождя.

Я спотыкаюсь о небольшое дерево. Сарай, сеновал, гараж…

Что-нибудь, что стояло бы между мной и небом.

Через некоторое время я нахожу такое место. Мне снится не бог.

4. Вид горы Фудзи от Тамагавы

Я сравниваю картину с реальностью. На этот раз не так плохо. Лошади и мужчины на берегу нет, зато на воде есть маленькая лодка. Не совсем такая лодка, если уж говорить по правде, и я не могу сказать, что она сделана из дерева, но и этого достаточно.

Я была бы удивлена, если бы нашла полное совпадение. Лодка плывет прочь от меня. Розовый

свет восхода отражается на воде и на тонком слое снега на темных плечах Фудзи. Лодочник на картине отталкивается шестом. Харон? Нет, я сегодня более бодра, чем в Ходогайя. Слишком маленький корабль для «Narrenschiff», слишком медленный для Летучего Голландца. «La navicella». Да. «La navicella del mio ingegno», — «маленькая лодка моего разума», на которой Данте поднял парус, чтобы преодолеть второй круг ада, Чистилище. Теперь Фудзи… Вероятно так. Ад внизу, небеса наверху, Фудзи посередине — конечная остановка. Утонченная метафора для паломника, который хотел бы очиститься. Подходяще. Как я прекрасно вижу на противоположном берегу. Для этого есть и огонь, и земля, и воздух. Перенос, Изменение. Я прохожу.

Спокойствие нарушается и моя мечтательность кончается, когда маленький самолет, желтого цвета, спускается к воде откуда-то слева от меня. Мгновением позже его комариное жужжание достигает моего слуха. Он быстро теряет высоту, скользит низко над водой, разворачивается и устремляется назад, на этот раз двигаясь вдоль береговой линии. Когда он приближается к точке, наиболее близкой ко мне, я замечаю вспышку отраженного света в его кабине. Бинокль? Если

так, слишком поздно прятаться от его интересующихся глаз. Моя рука проникает в нагрудный карман и вытаскивает оттуда маленький серый цилиндр. Я сбиваю легким ударом его колпачки, пока подношу его к глазам. Секунда на поиск цели, другая на фокусировку…

Пилот мужчина, и так как самолет улетает прочь, я схватываю только его незнакомый профиль. Что это за золотая серьга в его левом ухе?

Самолет улетел в том направлении, откуда появился. Он не вернется.

Я дрожу. Кто-то прилетел с единственной целью бросить на меня взгляд. Как он нашел меня? И что он хочет? Если он решит, что я очень испугана, то атака последует в совсем другом направлении, чем то, к которому я приготовилась.

Я сжимаю руку в кулак и тихо ругаюсь. Не готова. Это история всей моей жизни. Всегда быть готовой к ошибочным вещам в соответствующий момент? Всегда пренебрегать тем, что имеет наибольшее значение?

Как Кендра? Я отвечаю за нее, она одна из причин, моего присутствия здесь. Если я преуспею в этом, я, по крайней мере выполню часть моего долга перед ней. Даже если она никогда не узнает, даже если она никогда не поймет…

Я выталкиваю все мысли о дочери из своего сознания. Если он только подозревает…

Настоящее. Вернуться в настоящее. Не расплескивать энергию в прошлое. Я стою на четвертой стоянке моего паломничества и кто-то проверил меня. На третьей станции эпигон попробовал обрести форму. Я приняла исключительные меры предосторожности при возвращении в Японию. Я здесь по фальшивым документам, путешествую под чужим именем. Годы изменили мою внешность и я помогла им в том, чтобы усилить темноту моих волос и цвета лица, изменив свою манеру одеваться, манеру речи, походку, обычную еду — что было для меня легче, чем многим другим, у меня уже была практика в прошлом. Прошлое… Снова, черт побери! Может быть, оно работает против меня даже таким образом? К черту прошлое! Эпигон и, возможно, человек-наблюдатель объединяются вместе. Да, я нормальная сумасшедшая и была ею много лет, если хорошенько поразмыслить.

Однако, я не могу позволить моему знанию действительности повлиять на мои нынешние суждения.

Я вижу три возможности. Первая в том, что самолет ничего не значит, так что он мог по-

явиться, если бы кто-нибудь другой стоял там, или никого бы не было. Прогулка или поиски чего-нибудь еще.

Это может быть и так, но мой инстинкт выживания не может позволить мне принять это. Таким образом, кто-то разыскивает меня. Это либо связано с появлением эпигона, либо нет. Если нет, то большое жизненное искушение появляется передо мной и у меня нет идеи, как начать расплетать переплетенное. Здесь имеется так много возможностей из моей прежней профессии, хотя я предполагала долгое время не пользоваться ими. Вероятно, я не должна этого делать. Поиск причин выглядит невозможным предприятием.

Третья возможность наиболее страшная: существует связь между эпигоном и летчиком. Если дела дошли до того, что задействованы оба агента, тогда я обречена на неудачу. И даже более того, это будет означать, что игра приняла другой, устрашающий характер, который я не рассматривала. Это будет означать, что население Земли находится в большей опасности, чем я предполагала, что я единственная, кто знает о ней и поэтому мой персональный поединок вырастает до глобальных масштабов. Я не могу

рисковать, отнеся это сейчас к моей паранойе. Я должна предполагать худшее.

Мои глаза переполнились. Я знаю, каково умирать. Однажды я узнала, каково терять с изяществом и надрывом. Я не могу больше позволить себе такое роскошество. Если у меня и были какие-то скрытые мысли, теперь я изгоняю их. Мое оружие хрупко, но я должна владеть им. Если боги спустятся с Фудзи и скажут мне: «Дочь, мы хотим, чтобы ты прекратила все это», я должна продолжить это до конца, хотя бы в аду я страдала от «Йу Ли Ч'ао Чуан.», Никогда прежде я не осознавала так силу судьбы.

Я медленно опускаюсь на колени. Для того и бог, чтобы я могла победить.

Мои слезы больше не для меня.

5. Вид горы Фудзи от Фукугавы в Эдо

Токио. Гиндза и неразбериха. Движение и грязь. Шум, цвет и лица, лица, лица. Когда-то я любила подобные сцены, но я не была в городе уже очень давно. И возвращение в город, такой как этот, обессиливает, почти парализует.

Старый Эдо на картине совсем не тот, и я пользуюсь случаем прийти сюда, хотя осторожность угнетает каждое мое движение.

Трудно найти подходящий мост, чтобы увидеть Фудзи под тем углом, под которым она изображена на картине. Вода не того цвета и я закрываю нос от запаха; этот мост не тот мост; здесь нет мирного рыбака; и зеленщик ушел. Хокусай смотрит, как и я, на Фудзи под металлическим пролетом. Его мост был грациозной радугой, произведением ушедших дней.

Здесь все еще есть нечто от истины и мечтаний любого моста.

Харт Крейн мог бы найти вдохновение в вещах этого сорта. «Арфа и алтарь, переплавленные в неистовстве…»

И мост Ницше — гуманность, простирающаяся до сверхгуманности…

Нет. Мне этот мост не нравится. Лучше было бы не смотреть на него. Пусть это будет мой «pons asinorum.»

Легким движением головы я подбираю перспективу. Теперь кажется, что как будто Фудзи поддерживает мост и без ее поддержки он может быть разрушен, как Бифрост, удерживающий демонов прошлого от нападения на наш теперешний Асгард — или, может быть, демонов будущего от штурма нашего древнего Асгарда.

Я снова двигаю голову. Фудзи пропадает. Мост

остается целым. Тень и материя.

Задние огни грузовика заставляют меня вздрогнуть. Я только что приехала и чувствую, что была здесь слишком долго. Фудзи кажется слишком далекой, а я слишком незащищенной. Я должна вернуться.

Урок, душа конфликта, у меня перед глазами: я не хочу, чтобы меня тащили через мост Ницше.

Иди, Хокусай, «укийо-е», Привидение Рождественского прошлого, показывай мне другую сцену.

6. Вид горы Фудзи от Кайиказавы

Туманная, таинственная Фудзи над водой. Чистейший воздух, который входит в мои ноздри. Здесь есть даже рыбак почти на том месте, где он должен быть, его поза менее драматична, чем на оригинале, его одежда более современна.

По пути сюда я посетила маленький храм, окруженный каменной стеной. Он посвящен Каннон, богине милосердия и прощения, утешительнице во времена страха и скорби. Я вошла. Я любила ее, когда была девочкой, пока я не узнала, что на самом деле это мужчина.

Тогда я почувствовала себя обманутой, почти преданной. Она была Гуаньинь в Китае, и тоже

утешительницей, но она пришла из Индии, где она была бодисатвой по имени Авалокитесвара, мужчиной — «Господином, Который Взирает с Состраданием». В Тибете он был Чен-ре-зи — «Он с Сострадательными Глазами», — тот, кто регулярно перевоплощается как Далай Лама. Я не верила во все эти чудеса с перевоплощением и Каннон потеряла для меня часть своего очарования с моим всезнайством по истории и антропологии. Но я вошла.

Мы мысленно возвращаемся в обстановку детства во времена тревог.

Я осталась там на некоторое время, и ребенок внутри меня танцевал все это время, затем все прошло.

Я наблюдала за рыбаком на этих волнах, маленьких копиях большой волны Хокусая, которая для меня всегда символизировала смерть. Я могла бы увидеть Христианские символы или Иудейский архетип. Но я помню, как Эрнст Хемингуэй сказал Бернарду Беренсону, что секрет величайших произведений в том, что в них нет символизма. Море есть море, старик есть старик, мальчик — это мальчик, марлин — это марлин и акула такая же, как и остальные. Люди домысливают все сами, заглядывая за поверхность,

всегда ищут большего. Для меня это, по крайней мере, непонятно. Я провела мое детство в Японии, отрочество в Соединенных Штатах. Во мне есть часть, которая любит видеть в вещах намеки и соприкасаться с тайной. Но Американская часть никогда ничему не доверяет и всегда ищет материальный источник во всем.

В целом, я должна сказать, что лучше не доверять, хотя линии интерпретации должны быть обнаружены раньше, перед перестановкой причин, которую я позволяю своему мозгу. Я все та же, не отказываюсь от этого качества характера, которое хорошо служило мне в прошлом. Это не аннулирует точку зрения Хемингуэя, так же как и мою, так как ни одна не претендует на полную истину. Однако в моей теперешней ситуации, я уверена, моя — больший потенциал для выживания, так как я имею дело не только с «вещами», но и с избранными временем Державами и Княжествами. Я хотела бы, чтобы это было не так, и тогда эпигон был бы не более чем артефактом, сродни мыльным пузырям. Но за всем этим что-то стоит, вне всякого сомнения, так как у желтого самолета был пилот.

Рыбак видит меня и машет рукой. Я машу в ответ с удовольствием.

Я удивлена той готовностью, с которой я воспринимаю это ощущение. Я чувствую, что это должно быть связано с общим состоянием моего здоровья. Этот свежий воздух и путешествие пешком, по-видимому, укрепили меня. Мои чувства стали острее, мой аппетит лучше. Я потеряла в весе, но приобрела мускулы. Я не пользовалась лекарствами несколько дней.

Отчего бы это?… Действительно ли это хорошо? Правда, я должна поддерживать мои силы. Я должна быть готова ко многим вещам. Но слишком много сил… Может быть, это саморазрушение в терминах моего общего плана? Равновесие, вероятно, я должна искать равновесие.

Я смеюсь, в первый раз не помню с каких пор. Смешно пребывать в жизни и смерти, болезненности и здоровье таким же способом, как и герой Томаса Манна, когда я уже прошла четверть всего пути. Мне понадобится вся моя сила — и, возможно, еще больше во время пути. Раньше или позже счет будет предъявлен. Если ожидание окончено, я должна сделать мой собственный «саки.», Между тем, я решаю наслаждаться тем, что у меня есть.

Когда я нанесу удар, это будет моим последним вздохом. Я знаю это. Этот феномен известен ма-

стерам военного дела разных вероисповеданий. Я вспоминаю историю, рассказанную Евгением Херригелем об обучении с наставником «киудо», о натягивании тетивы и ожидании, ожидании, пока что-то не даст сигнал отпустить ее. Два года он делал это, пока его «сенсей», дал ему стрелу. Я забыла, как долго после этого он повторял это действие со стрелой. Итак, все это начало получаться вместе, истинный миг мог бы появиться и стрела могла бы полететь, могла бы полететь в цель. Прошло много времени, прежде чем он понял, что этот момент всегда приходит с последним выдохом.

Так в искусстве, так и в жизни. По-видимому, такие важные вещи, от смерти до оргазма, происходят в момент пустоты, в точке остановки дыхания. Вероятно, все они не более чем отражение смерти. Это глубокое осознание для таких как я, что моя сила должна с необходимостью следовать из моей слабости. Это управление, способность найти именно тот момент, который больше всего мне подходит. Но, как я верю тому, что нечто во мне знает, где ложь? Слишком поздно теперь пытаться построить мост к моему сознанию. Я составила свои маленькие планы. И поместила их на заднюю полку своего сознания.

Я могу оставить их там и вернуться к другим делам.

Тем временем я впитываю этот момент вместе с соленым воздухом, говоря себе, что океан есть океан, рыбак есть рыбак и Фудзи всего лишь гора. Затем я медленно выдыхаю…

7. Вид горы Фудзи от подножия

Огонь в ваших внутренностях, следы зимы как пряди древних волос. Картина более устрашающая, чем реальность этим вечером.

Этот ужасный красный оттенок не пылает на рое облаков. Я все еще двигаюсь. Перед лицом древних сил Кольца Огня трудно не стоять с внутренней дрожью, скользя назад через геологическую вселенную ко временам творения и разрушения, когда возникали новые земли.

Великое излияние, ослепительные вспышки, танец молний как корона.

Я погружаюсь в огонь и изменение.

Прошлую ночь я спала в пристройке маленького Сингонского храма, среда кустарников, подстриженных в виде драконов, пагод, кораблей и зонтиков. Там было много обычных пилигримов и священнослужитель вел огненное священнодействие — «гома», — для нас. Огни

Фудзи напомнили мне об этом, так же как тогда огонь напомнил мне Фудзи.

Священник, молодой человек, сидел перед алтарем, на котором стояло блюдо для огня. Он прочитал речитативом молитву и разжег огонь. Я наблюдала, полностью очарованная ритуалом, как он начал кормить огонь ста восемью лучинками. Это, как мне сказали, представляет сто восемь иллюзий души. Так как я не знаю весь список, я чувствовала, что могла бы представить парочку новых.

Неважно. Он пел псалом, звонил в колокольчик, ударял в гонг и барабан. Я взглянула на других «хенро». Я увидела, что они все полностью поглощены молебном. Все, кроме одного.

Он присоединился к нам, войдя в полном молчании и остановился в тени справа от меня. Он был одет во все черное, и крылья широкого капюшона скрывали нижнюю часть его лица. Он смотрел на меня. Как только наши глаза встретились, он отвел свои в сторону, уставившись на огонь. Через несколько мгновений я сделала то же самое.

Священник добавил ладан, листьев, масла. Я начала дрожать. В мужчине было что-то знакомое. Я хотела бы подробнее рассмотреть его.

Я медленно продвинулась вправо в течение следующих десяти минут, как будто отыскивая место, откуда лучше видно церемонию.

Затем внезапно повернулась и уставилась на мужчину.

Я снова перехватила его изучающий взгляд, и снова он быстро отвел глаза. Но отсвет пламени осветил все его лицо, резкое движение головы привело к тому, что его капюшон упал.

Я была уверена, что это именно тот человек, который пилотировал желтый самолет на прошлой неделе в Тамагава. Хотя у него не было золотой серьги, раковина его левого уха выдавала его.

Но кроме этого, было еще кое-что. Увидя его лицо полностью, я была уверена, что видела его где-то раньше, годы тому назад. У меня необычно хорошая память на лица, но почему-то я не могла припомнить его в предыдущих ситуациях. Он испугал меня, и я почувствовала, что для этого были свои причины.

Церемония продолжалась до тех пор, пока последняя лучина не была помещена в огонь и священник закончил службу, когда она сгорела. Тогда он повернулся, вырисовываясь на фоне света, и сказал, что пришло время для тех, кто чувствует недомогание, втереть целительный

пепел, если они хотят.

Двое из паломников продвинулись вперед. Еще один медленно присоединился к ним. Я взглянула направо еще раз. Мужчина ушел в таком же молчании, как и пришел. Я окинула взором всю внутренность храма. Его нигде не было. Я почувствовала прикосновение к моему левому плечу.

Повернувшись, я взглянула на священника, который легонько ударил меня трехзубым медным инструментом, которым пользовался в церемонии.

— Иди, — сказал он, — и вотри пепел. Тебе нужно лечение для твоей левой руки и плеча, поясницы и ноги.

— Как Вы узнали об этом?

— Мне было дано увидеть это этим вечером. Иди.

Он показал место слева от алтаря и я пошла туда, пугаясь его проницательности, так как в тех местах, которые он назвал, онемение усиливалось в течение дня. Я воздерживалась от приема лекарств, надеясь, что приступ пройдет сам по себе.

Он массажировал меня, втирая пепел погасшего огня в те места, которые он назвал, потом показал мне, как продолжать дальше. Я так и

сделала, по традиции немного потерев в конце голову.

Позднее я осмотрела все вокруг, но моего странного наблюдателя нигде не было. Я нашла укромное место между ногами дракона и расстелила там свою постель. Мой сон не потревожили.

Я проснулась перед рассветом и обнаружила, что чувствительность восстановилась во всех онемевших местах. Я была рада, что приступ прошел без применения лекарств.

Остаток дня, пока я путешествовала сюда, к подножью Фудзи, я чувствовала себя удивительно хорошо. Даже теперь я полна необычной силой, что пугает меня. Что, если пепел церемониального огня обладает целебными свойствами? Я боюсь, что может сделаться с моими планами, с моим решением. Я не уверена, что знаю, как поступать в этом случае.

Итак, Фудзи, Господин Скрытого Огня, я пришла, готовая и опасающаяся. Я буду ночевать неподалеку отсюда. Утром я двинусь дальше. Твое присутствие переполняет меня. Я хочу отойти для другой, более отдаленной перспективы. Если бы я когда-нибудь взобралась на тебя, интересно, смогла бы я бросить сто восемь палочек в твой священный очаг? Я думаю, нет. Есть иллюзии,

которые я не хочу разрушать.

8. Вид горы Фудзи от Тагоноуры

Я поехала на лодке, чтобы посмотреть на берег и склоны Фудзи. Я все еще чувствую себя выздоравливающей. Стоит ясный день, с моря дует холодный ветер. Лодка раскачивается на небольших волнах, пока рыбак и его сын, которым я заплатила, чтобы иметь возможность воспользоваться их лодкой, направляют ее по моему требованию так, чтобы дать мне возможность найти точку обзора, наиболее приближенную к картине. Так много из бытовой архитектуры этих мест представляют мне носы кораблей. Расхождение эволюции культуры, где сообщение представляет собой среду? Море — это жизнь? Добывая пропитание под волнами, мы всегда на море?

Или море — это смерть, оно может подняться и разрушить наши страны, потребовать наши жизни в любой момент? Таким образом, мы должны помнить это «memento mori», даже когда над нашими головами крыша и стены, которые поддерживают ее? Или это знак нашей силы, над жизнью и смертью?

Или ни то, ни другое. Может показаться, что я

затаила сильное желание смерти. Это не так. Мое желание как раз обратное.

Это действительно может быть, так как я пользуюсь картинами Хокусая как разновидностью пятен Роршаха для самопознания, но скорее это восхищение смертью, нежели желание ее. Я полагаю, это понятно при сильном страдании.

Достаточно об этом. Это означало только извлечение моего оружия с тем, чтобы проверить его остроту. Я обнаружила, что оно в порядке и я снова вкладываю его в ножны.

Серо-голубая Фудзи, посоленная снегом, длинный край слева от меня. Похоже, что я никогда не видела одну и ту же гору дважды. Ты изменяешься так же, как и я, поэтому остаешься тем, что ты есть. Что означает, что для меня есть надежда.

Птицы. Позвольте мне послушать и понаблюдать за вами какое-то время, воздушные путешественники, ныряющие и питающиеся.

Я наблюдаю, как мужчина работает с сетью. Приятно наблюдать за его проворными движениями. Через некоторое время я начинаю дремать. Мне снятся сны и я вижу бога Кокузо. Это не может быть просто так, потому что когда он вытаскивает свой меч, вспыхивающий как солнце, и указывает им на меня, он говорит своё

имя. Он повторяет его снова и снова, так как я трепещу перед ним, но тут что-то не так. Я знаю, что он сказал мне что-то еще, кроме своего имени. Я слышу это, но не могу понять смысл. Затем он показывает острием куда-то позади меня. Я поворачиваю голову. Я вижу мужчину в черном — пилота, наблюдателя в «гома». Что ищет он на моем лице?

Я проснулась от сильного раскачивания лодки, так как начался шторм. Я хватаюсь за планшир, за которым сижу. Я вижу, что мы вне опасности и снова смотрю на Фудзи. Смеется ли она надо мной? Или это смешок Хокусая, который сидит на коленях позади меня и рисует картины на влажном дне лодки длинным слабеющим пальцем?

Если тайна не может быть понята, она должна быть сохранена.

Потом. Позднее я вернусь к сообщению, когда мой мозг перейдет в новое состояние.

Новая порция рыбы загружается в лодку, придавая остроту этому путешествию. Рыбины извиваются, но они все-таки не смогли избежать сети. Я думаю о Кендре и удивляюсь, как поддерживает мысль о ней. Я надеюсь, что ее страх передо мной уменьшится. Я верю, что она не сбежит из своего заточения. Я оставила ее на попечение знакомых

в простой, изолированной коммуне на Юго-Западе. Мне не нравится ни место, ни те, кто там живут. Но они обязаны мне кое-чем и поэтому будут держать ее там, пока не пройдут некоторые события. Я вижу ее тонкую фигуру, глаза лани и шелковые волосы. Ясная, грациозная девушка, привыкшая к роскоши, без ума от долгих омовений и частых душей, хрустящего белья. Она, вероятно, сейчас грязная и пыльная, выносит помои свиньям, ухаживает за растениями или собирает плоды, или еще что-нибудь, в этом духе. Вероятно, это будет полезно для ее характера. Она обязана получить какие-нибудь другие впечатления, кроме как предосторожности от возможной ужасной судьбы.

Время идет. Я обедаю.

Позднее я размышляю о Фудзи, Кокузо и моих страхах. Сны — это только проводники страхов и желаний сознания, или они иногда верно отражают неожиданные аспекты реальности, что-нибудь, что дает предупреждение? Отражать… Сказано, что совершенный ум отражает. «Чинтаи», в своем ковчеге в своей гробнице — вещь, полностью посвященная богу — маленькое зеркало — не изображение.

Море отражает небо со всеми облаками и

голубизной. Как Гамлет, можно дать много интерпретаций случайному, но лишь одна может иметь ясные очертания. Я снова вспоминаю сны, без всяких вопросов. Что-то движется…

Нет. Я почти постигла это. Но поторопилась. Мое зеркало разбилось.

Когда я смотрю на берег, там уже появилась новая группа людей. Я вытаскиваю мой маленький шпионский бинокль и рассматриваю их, уже зная, что я увижу.

Он снова одет в черное. Он разговаривает с двумя мужчинами на берегу. Один из них показывает рукой по направлению к нам.

Дистанция слишком велика, чтобы можно было разглядеть все подробности, но я знаю, что это тот же самый человек. Но сейчас я не испытываю страха перед тем, что я знаю. Медленный гнев начинает разгораться внутри моей «хара». Я обязана вернуться на берег и разобраться с ним. Это только один мужчина. Теперь я все выясню. Я больше не могу позволить себе пребывать в неизвестности, так как я уже подготовилась к этому. Его нужно встретить подходящим образом, отделаться от него или принять в расчет.

Я прошу капитана доставить меня на берег немедленно. Он ворчит. Ловля прекрасная, день

только начинается. Я предлагаю ему большую плату. Он неохотно соглашается. Он приказывает сыну поднять якорь и направиться к берегу.

Я стою на носу. Пусть он получше рассмотрит. Я посылаю мой гнев вперед. Меч так же отражает объект, как и зеркало.

По мере того, как Фудзи вырастает передо мной, мужчина бросает взгляд в нашем направлении, передает что-то другим, затем поворачивается и легкой походкой уходит прочь. Нет! Нет способа ускорить наше движение и он уйдет раньше, чем я пристану к берегу. Я ругаюсь. Я хочу немедленного удовлетворения, а не продолжения таинственности.

А мужчины, с которыми он говорил… Их руки засунуты в карманы, они смеются, потом идут в другом направлении. Бродяги. Он заплатил им за то, чтобы они что-то сказали? Похоже что так. И теперь идут куда-нибудь в пивную, чтобы пропить плату за мое спокойствие? Я окликаю их, но ветер относит мои слова прочь. Они тоже уйдут, прежде чем я достигну берега.

Так оно и есть. Когда я в конце-концов стою на берегу, единственное знакомое лицо — это моя гора, сияющая как алмаз в лучах солнца.

Я вонзаю ногти в ладони, но мои руки не могут

стать крыльями.

9. Вид горы Фудзи от Наборито

Я в восторге от этой картины: отлив обнажил затонувшие развалины храма Чинто и люди копаются среди них, отыскивая съедобные ракушки. Фудзи, конечно, видна на фоне руин. «Где бы могла быть христианская церковь под волнами с Раковиной Бога?», — проносится в моем мозгу. Однако спасает география.

А действительность отличается полностью. Я не могу определить место. Я на этом самом месте и вид Фудзи подходящий, но развалин нет и у меня нет способа узнать, есть ли здесь затонувший храм.

Я сижу на склоне холма и смотрю на воду, внезапно чувствуя себя не усталой, но опустошенной. Я прошла много и быстро в эти несколько последних дней, и кажется, что усилия полностью истощили меня. Я посижу здесь, посмотрю на море и небо. В конце-концов, моя тень, мужчина в черном, нигде не был виден после берега в Тагоноура. Молодая кошка охотится за мотыльком у подножья холма, бьет лапами по воздуху, лапки в белых перчатках мелькают.

Мотылек набирает высоту, несется под по-

рывом ветра. Кошка сидит некоторое время, большие глаза наблюдают за ним.

Я проделываю путь до откоса, который я заметила раньше, там я буду защищена от ветра. Снимаю рюкзак, раскладываю мой спальник, пончо под него. Снимаю ботинки и быстро залезаю в спальник.

Я, видимо, немного простудилась, и конечности очень тяжелые. Мне следовало бы сегодня спать под крышей, но я слишком устала, чтобы искать пристанище.

Я лежу и смотрю на свет темнеющего неба. Как обычно, в моменты большой усталости, я не могу заснуть быстро. Это из-за усталости или от чего-нибудь другого? Я не хочу принимать лекарства и поэтому лежу некоторое время, ни о чем не думая. Это не помогает. Мне очень хочется чашку горячего чая. Так как его нет, я проглатываю бренди, которое согревает меня изнутри.

Сон все еще не приходит и я решаю рассказать самой себе историю, так я часто делала, когда была очень молодой и хотела превратить мир в сон.

Итак… Во времена неурядиц, последовавших за смертью Отошедшего от дел Императора Сутоки несколько странствующих монахов различных

вероисповеданий пошли этим путем, встретились на дороге, путешествуя, чтобы найти передышку от войн, землетрясений и ураганов, которые так разрушают страны. Они хотели основать религиозную коммуну и вести созерцательную жизнь в тишине и покое.

Они натолкнулись на строение, похожее на пустынный храм Чинто, и расположились там на ночлег, удивляясь, какая моровая язва или стихийное бедствие привели к исчезновению всех жителей. Все выглядело хорошо и нигде не было следов насилия. Они обсуждали возможность основания здесь своей обители. Им эта мысль понравилась и они провели большую часть ночи, строя планы. Однако утром внутри храма появился древний священник, как будто выполняя свои дневные обязанности. Монахи попросили его рассказать об истории этого места и он сообщил им, что раньше здесь были другие обитатели, но все они исчезли во время бури много лет тому назад.

Нет, это не храм Чинто, хотя издалека она выглядит похоже. Это храм посвящен очень старому богу, а он его последний служитель.

Если они хотят, они будут желанными гостями и могут присоединиться к нему, чтобы познакомиться со старыми обрядами. Монахи быстро

обсудили это и решили, что так как место выглядит очень привлекательно, было бы очень неплохо остаться и послушать, что за учение у старого священника. Так они стали жителями этого странного храма. На этом месте некоторые из них сначала испытывали беспокойство, так как по ночам им казалось, что они слышат зов мелодичных голосов в шуме волн и морского ветра. И время от времени казалось, что голос старого священника отвечает этим призывам. Однажды ночью один из них пошел по направлению звуков и увидел старого священника, стоящего на берегу с поднятыми вверх руками. Монах спрятался, а потом заснул в расселине скалы. Когда он проснулся, полная луна стояла высоко в небе, а старик ушел. Монах спустился туда, где он стоял, и на песке увидел множество отпечатков перепончатых лап. Потрясенный монах вернулся к своим товарищам и все им рассказал. Они провели недели, пытаясь хотя бы мельком увидеть ноги старого священника, которые всегда были обуты. Им это не удалось, но со временем это беспокоило их все меньше. Учение старого священника оказывало на них своё действие медленно, но верно. Они начали помогать ему при выполнении ритуалов и узнали имя

этого мыса и его храма. Это был остаток большого затонувшего острова, который, как он уверял их, поднимался благодаря чудесной случайности, чтобы показать последний город, населенный слугами его господ. Место называлось Р'лие и они были бы счастливы пойти туда однажды. К этому времени такое предложение показалось им неплохой идеей, так как они заметили определенное утончение и разрастание кожи между пальцами ног и рук, а сами пальцы стали более сильными и удлинились. Теперь они участвовали во всех церемониях, которые становились все отвратительнее. Как-то раз, после особенно кровавого жертвоприношения, обещание старого священника выполнилось с точностью до наоборот. Вместо поднятия острова, мыс затонул, чтобы присоединиться к нему, увлекая гробницу и всех монахов вместе с ней. Так все их мерзости теперь в воде. Но раз в столетие целый остров действительно поднимается на ночь и их шайки бродят по берегу в поисках жертв. И, конечно, сейчас именно ночь…

Чудеснейшая дремота наконец пришла ко мне. Мои глаза закрыты. Я плыву на хлопковом плоту… Я — Звук! Надо мной! По направлению к морю! Что-то движется в моем направлении.

Медленно, потом быстро. Адреналин огнем проносится по моим жилам. Я тихо и осторожно протягиваю руку и хватаю мой посох.

Ожидание. Почему сейчас, когда я ослабела? Опасность всегда ближе в худшие моменты?

Что-то тяжело падает на землю позади меня и я перевожу дыхание.

Это кошка, чуть побольше той, которую я видела раньше. Она приближается с мурлыканьем. Я протягиваю руку и хватаю ее. Она трется об руку. Через некоторое время я запихиваю ее в мешок.

Она ластится ко мне, мурлычет. Хорошо иметь кого-то, кто доверяет тебе и хочет быть рядом с тобой. Я называю кошку Р'лие. Только на одну ночь.

10. Вид горы Фудзи от Эджири

Обратный путь я проделываю на автобусе. Я слишком устала, чтобы идти пешком. Я приняла лекарство, как, вероятно, мне и нужно было бы делать все это время. Может быть, пройдет еще несколько дней, пока оно принесет мне некоторое облегчение и это меня пугает. Я не могу позволить себе такого состояния. Я не уверена, что я должна двигаться дальше.

Картина обманчива, так как часть ее воздей-

ствия обусловлена изображением действия сильного ветра. Небеса серые, подножье Фудзи теряется в тумане, люди на дороге и два дерева рядом с ней страдают от порывов ветра. Деревья изогнулись, люди вцепились в свои одежды, шляпа летит высоко в воздухе и бедный писарь или сам автор пытается поймать подхваченный ветром манускрипт (напоминает мне старую гравюру — Издатель и Автор: «Забавная вещь случилась с вашей рукописью во время праздника Святого Патрика»). Сцена, которая предстает передо мной, не столь метеорологически бурная. Небо действительно затянуто облаками, но ветра нет, Фудзи темнее, прорисована более ясно, чем на картине, в окрестностях нет крестьян. Поблизости гораздо больше деревьев.

Фактически я стою рядом с небольшой рощей. Вдалеке видны строения, которых нет на картине.

Я тяжело опираюсь на мой посох. Немного жить, немного умереть. Я достигла моей десятой остановки и до сих пор не знаю, дает ли Фудзи мне силы, или отнимает их. Наверное, и то, и другое.

Я направляюсь в сторону леса и пока я иду, на мое лицо падают капли дождя. Нигде нет признаков присутствия человека. Я иду дальше

от дороги и наконец натыкаюсь на маленькое открытое пространство, на котором несколько скал и булыжники. Это будет моим привалом. Мне больше ничего не нужно для того, чтобы провести остаток дня.

Вскоре у меня горит маленький костер, мой миниатюрный чайник стоит на камне в костре. Дальний раскат грома добавляет разнообразия к моим неудобствам, но дождя пока нет. Однако земля сырая. Я расстилаю пончо и сижу на нем в ожидании. Я точу свой нож и откладываю его. Ем бисквит и изучаю карту. Я полагаю, что должна бы чувствовать некоторое удовлетворение, ведь все идет так, как я предполагала. Я хотела бы, но не чувствую.

Неизвестное насекомое, которое жужжало где-то позади меня, внезапно перестает жужжать. Секундой позже я слышу хруст ветки у себя за спиной. Моя рука сжимает посох.

«Не надо», говорит кто-то сзади.

Я поворачиваю голову. Он стоит в восьми или десяти футах от меня, мужчина в черном, его правая рука в кармане пиджака. Кажется, что у него есть еще что-то, кроме этой руки, засунутой в карман.

Я убираю руку с посоха и он приближается.

Носком ботинка он отбрасывает мой посох подальше, вне пределов моей досягаемости.

Затем вынимает руку из кармана, оставляя там то, что держал. Он медленно двигается вокруг костра, поглядывая на меня, усаживается на камень и опускает руки между коленями. Затем спрашивает:

— Мари?

Я не отзываюсь на мое имя, но смотрю на него. Свет меча Кокузо из сна вспыхивает в моем сознании и я слышу, как бог называет его имя, только не совсем правильно.

— Котузов!

Мужчина в черном улыбается, показывая, что вместо зубов, которые я выбила очень давно, сейчас стоит аккуратный протез.

— Вначале я был совсем не уверен, что это Вы.

Пластическая операция убрала по крайней мере десяток лет с его лица вместе со многими морщинами и шрамами. Изменились также глаза и щеки. И даже нос стал меньше. Он стал выглядеть гораздо лучше с тех пор, как мы с ним виделись.

— Вода кипит, — говорит он. — Не предложите ли Вы мне чашку чаю?

— Конечно, — отвечаю я и тянусь за рюкзаком,

где у меня есть запасная чашка.

— Спокойно.

— Конечно.

Я отыскиваю чашку, готовлю чай и наполняю обе чашки.

— Нет, не передавайте ее мне, — говорит он и берет ее с того места, где я ее наполнила.

Я подавляю желание улыбнуться.

— Нет ли у Вас куска сахара?

— Увы, нет.

Он вздыхает и лезет в другой карман, откуда вытаскивает маленькую фляжку.

— Водка? В чай?

— Не будьте глупой. Мои вкусы изменились. Это турецкий ликер, удивительно сладкий. Не хотите ли немного?

— Дайте мне понюхать его.

Запах сладости определенно присутствует.

— Прекрасно, — говорю я и он добавляет ликер в чай.

Мы пробуем. Неплохо.

— Как давно все это было? — спрашивает он.

— Четырнадцать лет тому назад — почти пятнадцать. В конце восьмидесятых.

— Да.

Он трет подбородок.

— Я слышал, что Вы уже отошли от дел.

— Вы слышали правду. Это было примерно через год после нашего последнего столкновения.

— Турция, да. Вы вышли замуж за человека из вашей шифровальной группы.

Я киваю.

— Вы овдовели тремя или четырьмя годами позже. Дочь родилась после смерти мужа. Вернулись в Штаты. Поселились в деревне. Вот все, что я знаю.

— Это и есть все.

Он отхлебывает чай.

— Почему Вы вернулись сюда?

— Личные причины. Частично сентиментальные.

— Под чужим именем?

— Да. Это касается семьи моего мужа. Я не хочу, чтобы они знали, что я здесь.

— Интересно. Вы считаете, что они так же тщательно следят за приезжающими, как и мы?

— Я не знала, что Вы следите за приезжающими.

— Сейчас мы это делаем.

— Я не знаю, что здесь происходит.

Раздался еще один раскат грома. Еще несколько капель упали.

— Я хотел бы верить, что Вы действительно удалились от дел.

— У меня нет причин опять возвращаться к этому. Я получила небольшое наследство, достаточное для меня и моей дочери.

Он кивнул.

— Если бы у меня было такое положение, я не сидел бы в поле. Скорее я был бы дома, читал бы, или играл в шашки, ел и пил во-время. Но Вы должны допустить, что это только случайность, что Вы здесь, когда решается будущее нескольких наций.

Я отрицательно покачала головой.

— Я ничего не знаю о множестве вещей.

— Нефтяная конференция в Осаке. Она начинается через две недели в среду. Вероятно, Вы собираетесь посетить Осаку примерно в это время?

— Я не собираюсь ехать в Осаку.

— Тогда связь. Кто-то оттуда может встретиться с Вами, простой туристкой, в какой-либо точке Вашего путешествия и…

— Боже мой! Вы повсюду видите секретность, Борис? Я сейчас забочусь только о своих проблемах и посещаю те места, которые имеют для меня значение. Конференция к ним не относится.

— Хорошо. — Он допил чай и отставил чашку в сторону.

— Вы знаете, что мы знаем, что Вы здесь. Одно слово японским властям о том, что Вы путешествуете по чужим документам, и Вас вышвырнут отсюда. Это было бы самым простым. Никакого вреда не причинено и все живы. Только это бы омрачило бы Вашу поездку, если Вы действительно здесь как простая туристка…

Грязные мысли пронеслись в моем мозгу, как только я поняла, куда он клонит, и я знаю, что они более испорчены, чем его. Я этому научилась у одной старой женщины, с которой работала и которая не выглядела как старая женщина.

Я допила мой чай и подняла глаза. Он улыбался.

— Я приготовлю еще чаю, — сказала я.

Верхняя пуговка на моей блузке расстегивается, когда я отворачиваюсь от него. Затем я наклоняюсь вперед и глубоко вздыхаю.

— Вы могли бы не сообщать властям обо мне?

— Я мог бы. Я думаю, что Вы, скорее всего, говорите правду. А даже если нет, Вы бы теперь не стали рисковать, перевозя что-то.

— Я действительно хочу окончить это путешествие, — говорю я, посматривая на него. Мне не

хотелось бы быть высланной сейчас.

Он берет меня за руку.

— Я рад, что Вы сказали это, Марьюшка. Я одинок, а Вы еще привлекательная женщина.

— Вы так думаете?

— Я всегда думал так, даже когда Вы выбили мне зубы.

— Простите меня. Так получилось, Вы знаете.

Его рука поднимается на мое плечо.

— Конечно. В конце-концов, протез выглядит лучше, чем настоящие.

— Я мечтал об этом много раз, — говорит он, расстегивая последние пуговицы моей блузки и развязывая мой пояс.

Он нежно гладит мой живот. Это не вызывает у меня неприятных ощущений. Это продолжается довольно долго.

Вскоре мы полностью раздеты. Он медлит, и когда он готов, я раздвигаю ноги. Все в порядке, Борис. Я расставила ловушку и ты попался. Я могла бы даже чувствовать себя немного виноватой в этом. Ты более благороден, чем я думала. Я дышу глубоко и медленно. Я концентрирую своё внимание на моей «хара», и на его, в нескольких дюймах рядом. Я чувствую наши силы, похожие на сон и теплые, движущиеся. Вскоре я привожу

его к завершению. Он ощущает это лишь как удовольствие, может быть, более опустошающее, чем обычно. Хотя когда все кончается…

— Ты сказала, что у тебя есть затруднения? — спрашивает он в том мужском великодушии, которое обычно забывается через несколько минут. — Если я могу что-нибудь сделать, у меня есть несколько свободных дней. Ты мне нравишься, Марьюшка.

— Это то, что я должна сделать сама. Во всяком случае, спасибо.

Я продолжаю в прежнем духе.

Позднее, когда я одеваюсь, он лежит и смотрит на меня.

— Я должно быть, старею, Марьюшка. Ты меня утомила. Я чувствую, что мог бы проспать целую неделю.

— Это похоже на правду. Неделя и ты снова будешь чувствовать себя отлично.

— Я не понимаю…

— Я думаю, ты слишком много работал. Эта конференция…

Он кивает.

— Ты, наверное, права. Ты действительно непричастна?…

— Я действительно непричастна.

— Хорошо.

Я мою чайник и чашки. Укладываю их в рюкзак.

— Будь так добр, Борис, дорогой, подвинься, пожалуйста. Мне очень скоро понадобится пончо.

— Конечно.

Он медленно поднимается и передает его мне. Начинает одеваться. Он тяжело дышит.

— Куда ты собираешься двинуться отсюда?

— Мишима-го, к следующему виду моей горы.

Он качает головой. Заканчивает одеваться и усаживается на землю, прислонившись к стволу. Находит свою фляжку и делает глоток.

Затем протягивает мне.

— Не хочешь ли?

— Спасибо, нет. Мне пора.

Я беру посох. Когда я снова смотрю на него, он улыбается слабо и печально.

— Ты многое забираешь от мужчины, Марьюшка.

— Да.

Я ухожу. Сегодня я смогу пройти двадцать миль, я уверена.

Прежде чем я выхожу из рощи, начинается дождь; листья ржавые, как крылья летучих мышей.

11. Вид горы Фудзи от Мишима-Го

Солнечный свет. Чистый воздух. Картина показывает большую криптамерию, Фудзи неясно вырисовывается за ней, скрытая дымкой.

Сегодня нет дымки, но я нашла криптамерию и остановилась на таком месте, где она пересекает склон Фудзи слева от вершины. На небе несколько облаков, но они не похожи на кукурузные початки, как на картине.

Мой украденный «ки», все еще поддерживает меня, хотя медикаменты работают тоже. Мое тело скоро отторгнет заимствованную энергию, как пересаженный орган. Хотя тогда лекарства должны уже подействовать.

Тем временем, картина и действительность становятся все ближе друг к другу. Стоит прекрасный весенний день. Птицы поют, бабочки порхают; я почти слышу, как растут корни под землей. Мир пахнет свежо и ново. Я больше не посторонняя. Снова радуюсь жизни.

Я смотрю на громадное старое дерево и слушаю его эхо в веках: Йигдрасиль, Золотая Ветвь, Июльское дерево, Древо Познания Добра и Зла, Бо, под которым Будда Гаутама нашел свою душу и потерял ее…

Я двигаюсь вперед, чтобы дотронуться до его шершавой коры.

Отсюда я внезапно обнаруживаю новый вид на долину внизу.

Поля похожи на выравненный песок, холмы — на скалы, Фудзи как валун. Это сад, тщательно ухоженный…

Позднее я замечаю, что солнце передвинулось. Я находилась на этом месте в течение нескольких часов. Мое маленькое вдохновение под великим деревом. Я не знаю, что я могу сделать для него.

Я внезапно наклоняюсь и подбираю одно семя. Маленькая штучка для такого гиганта. Оно меньше моего ногтя. Тонко желобчатое, как будто изваянное волшебниками.

Я кладу его в карман, посажу где-нибудь по пути.

Затем я отступаю в сторону, так как слышу звук приближающегося колокольчика, а я пока еще не готова к тому, чтобы встретить кого-либо. Но внизу есть маленький постоялый двор, который не похож на филиал большой гостиницы. Я смогу принять ванну, поесть и выспаться в постели этой ночью.

Завтра я буду сильной.

12. Вид горы Фудзи со стороны озера Кавагучи

Отражения. Это одна из моих любимых картин серии: Фудзи, видимая со стороны озера и отражающаяся в нем. С другой стороны зеленые холмы, маленькая деревня на дальнем берегу, маленькая лодка на воде. Наиболее поразительная особенность этой картины в том, что отражение Фудзи не то же самое, что оригинал; ее положение неправильно, склон неправильный, покрытый снегом, у оригинала он не такой.

Я сижу в маленькой лодке, которую я наняла, и смотрю назад.

Небо слегка дымчатое, что хорошо. Нет бликов, портящих отражение. Город не такой привлекательный, как на картине, он вырос.

Но я не вдаюсь в такие детали. Фудзи отражается более четко, но раздвоение все еще волнует меня.

Интересно… На картине деревня не отражается, так же, как изображение лодки на воде. Единственное отражение — Фудзи. Никаких признаков человеческого присутствия.

Я вижу отражающиеся здания на воде поблизости. И в моем сознании возникают другие образы, которые Хокусай мог бы знать.

Конечно, затонувший Р'лие является мне, но место и день слишком идиллические. Он исчезает практически мгновенно, замещаясь затонувшим Ис, чьи колокола все еще отбивают часы под водой. И «Нильс Хольгерссон», Сельмы Лагерлофф, роман, в котором потерпевший крушение моряк обнаруживает себя в затонувшем городе на дне моря — в месте, затонувшем в наказание его жадным, высокомерным жителям, которые все еще обманывают друг друга, хотя все они уже мертвы. Они одеты в богатые старомодные одежды и ведут свои дела так же, как когда-то наверху. Моряка тянет к ним, но он знает, что он не должен обнаруживать себя, иначе он превратится в одного из них и никогда не вернется на землю, не увидит солнца. Я полагаю, что я подумала об этой старой детской сказке, потому что сейчас поняла, что должен был чувствовать моряк. Мое открытие же тоже могло бы привести к превращению, которого я не желаю.

И конечно, когда я наклоняюсь и вижу себя в воде, под стекловидной поверхностью обнаруживается мир Льюиса Кэрролла. Быть маленькой девочкой и спускаться… Кружиться, спускаясь, и через несколько минут узнать обитателей страны парадоксов и великого очарования.

Зеркало, зеркало, почему реальный мир так редко совпадает с нашим эстетическим вдохновением?

Полпути пройдено. Я достигла середины своего паломничества чтобы столкнуться с собой в озере. Это подходящее время и место чтобы взглянуть в своё собственное лицо, осознать все, что я принесла сюда, предположить, как будет протекать остаток путешествия. Хотя иногда образы могут лгать. Женщина, которая смотрит на меня, кажется собранной, сильной и выглядит лучше, чем я думала. Я люблю тебя, Камагучи, озеро с человеческой индивидуальностью. Я льщу тебя литературными комплиментами, а ты возвращаешь одобрение.

Встреча с Борисом уменьшила груз страха в моем мозгу. За мной пока еще не следят агенты-люди. Так что все идет не так уж плохо.

Фудзи и образ. Гора и душа. Могло бы дьявольское творение не давать отражения — некая темная гора, где в течение веков происходят ужасные смерти? Я вспомнила, что Кит теперь не отбрасывает тени, не имеет отражения.

Хотя действительно ли он дьявол? На мой взгляд, да. Особенно если он делает то, что я думаю.

Он говорил, что любит меня, и я когда-то любила его. Что он скажет мне, когда мы снова встретимся, ведь мы должны встретиться обязательно?

Не имеет значения. Пусть говорит что хочет, я хочу попробовать убить его. Он верит, что вечен и его невозможно уничтожить. Я не верю в это, хотя уверена, что я единственное существо на земле, которое может победить его. Мне потребовалось много времени, чтобы понять это и еще больше, прежде чем решение попытаться сделать это пришло ко мне. Я должна сделать это как для Кендры, так и для себя. Покой населения Земли стоит на третьем месте.

Я опускаю пальцы в воду. Потихоньку я начинаю петь старую песню, песню любви. Я не хотела бы покидать это место. Будет ли вторая часть моего путешествия зеркальным отражением первой? Или мне нужно будет пройти через стекло, чтобы войти в это чуждое королевство, которое он сделал своим домом?

Я посадила семя криптамерии вчера вечером в уединенной долине. Такое дерево когда-нибудь будет выглядеть величественно, переживая нации и армии, мудрецов и сумасшедших.

Интересно, где сейчас Р'лие? Она убежала утром

после завтрака, вероятно, чтобы поохотиться на бабочек. Не потому, что я могла бы взять ее с собой.

Я надеюсь, что с Кендрой все в порядке. Я написала ей письмо, в котором многое объяснила. Я оставила его своему поверенному, который перешлет его однажды в не столь далеком будущем.

Картины Хокусая… Они могут пережить криптамерию. Обо мне даже не вспомнят.

Двигаясь между двумя мирами, я в тысячный раз представляю нашу встречу. Он может повторить старый трюк, чтобы получить то, что он хочет. Я могу проделать еще более старый, чтобы он не получил этого. Мы оба вне действия.

Много времени прошло с тех пор, как я читала «Анатомию Меланхолии.», Это не та вещь, которой я хотела бы воспользоваться, чтобы вернуться в прежние годы. Но я вспоминаю несколько строк, когда вижу дротик для ловли рыбы: «Поликрат Самиус, который забросил свой перстень в море, так как хотел бы быть таким же недовольным, как и другие, вскоре получил его обратно вместе с выловленной рыбой, был предрасположен к меланхолии. Никто не мог вылечить его…», Кит отбросил свою жизнь и выиграл ее. Я сохранила свою и потеряла ее.

Действительно ли кольца возвращаются именно к тем людям? А как насчет женщины, излечивающей себя?

Хокусай, ты уже показал мне много вещей. Можешь ли ты показать мне ответ?

Старый человек медленно поднимает руку и показывает на свою гору. Затем он опускает ее и указывает на ее изображение.

Я качаю головой. Это ответ, что ответа нет. Он тоже качает головой и показывает снова.

Облака сгрудились высоко над Фудзи, но это не ответ. Я смотрю на них долгое время, но не вижу среди них ни одного интересного изображения.

Тогда я опускаю глаза. Подо мной, отраженные, они принимают другой вид. Это выглядит как изображение столкновения двух вооруженных армий. Я с восхищением наблюдаю, как они вместе плывут, скопления справа от меня постепенно перекатываются и топят тех, которые слева. После этого те, что справа, уменьшаются.

Конфликт? Это весть? И обе стороны теряют то, что не хотели терять? Скажи мне что-нибудь еще, чего я не знаю, старый человек.

Он продолжает смотреть. Я снова слежу за его взглядом, теперь вниз. Теперь я вижу дракона, ныряющего в кратер Фудзи.

Я снова гляжу вниз. Армий не осталось, одна резня, а хвост дракона превратился в руку мертвого воина, держащую меч.

Я закрываю глаза и тянусь за ним. Меч дыма для человека огня.

13. Вид горы Фудзи от Коишикава в Эдо

Снег, на кровлях домов, на вечнозеленых деревьях, на Фудзи, местами начинающий таять. В окнах полно женщин — гейш, как я могла бы сказать, смотрящих на улицу, одна из них указывает на трех темных птиц высоко в бледном небе. Мой вид Фудзи, к сожалению, без снега, без гейш и при ясном солнце.

Детали…

И то, и другое интересно, наложение — одна из главных сил в эстетике. Я думаю о жарко-весенней гейше Комако в «Снежной Стране», — новелле Ясунари Кавабата, об одиночестве и ненужной, увядающей красоте, которая, как я всегда чувствовала, есть самая анти-любовная история Японии. Эта картина вызвала в моей памяти всю новеллу. Отвержение любви. Кит не Шимамура, так как он хотел меня, но только очень по своему, так, что это неприемлемо для меня. Эгоизм или самоотверженность? Это неважно…

А птицы, на которых указывает гейша?... «Тридцать Способов Созерцания на Дроздов?», В точку. Мы могли бы никогда не договориться о ценности.

Два Ворона? И Бросок в Драчливого Петуха Теда Хьюгеса? Может быть и так, но я не хочу вытаскивать аналогий. Иллюзия на каждый намек, а где вчерашний снег?

Я опираюсь на мой посох и смотрю на гору. Я хочу делать это на всех моих остановках, если это возможно, перед столкновением.

Это ли не прекрасно? Двадцать четыре способа созерцания на Фудзи. Это поражает меня, так как можно было бы взять одну вещь в жизни и рассматривать ее с разных точек зрения, как фокус моего бытия, и, вероятно, как сожаление об упущенных возможностях.

Кит, я пришла, как однажды ты просил меня, но моим собственным путем и по моим собственным причинам. Я желала бы не делать этого, но ты лишил меня выбора. Таким образом, мой поступок не есть только мой, но и твой тоже. Теперь я поверну твою руку против тебя, представляя некий вид космического айкидо.

Я иду по городу после наступления темноты, выбирая самые темные улицы, где конторы уже

закрыты. Так я в безопасности. Когда я должна войти в город, я всегда нахожу защищенные места днем, и прохожу по ним ночью.

Я нахожу маленький ресторан на углу такой улицы и съедаю свой обед. Это шумное место, но еда хорошая. Я принимаю лекарство и также немного сакэ.

После этого я позволяю себе удовольствие идти пешком, а не брать такси. Мой путь длинен, но ночь светла и полна звезд и воздух упоителен.

Я иду около десяти минут, слушая звуки дорожного движения, музыку дальнего радио, крики с других улиц, ветер, проносящийся высоко вверху.

Вдруг я чувствую внезапную ионизацию воздуха.

Ничего впереди. Я поворачиваюсь, взяв свой посох наизготовку.

Эпигон с телом шестилапой собаки и головой, похожей на огненный цветок, возникает в дверном проеме и движется вдоль дома в моем направлении.

Я слежу за его продвижением, пока он не оказывается достаточно близко. Я ударяю его, к сожалению, не тем концом. Мои волосы начинают подниматься, когда я пересекаю его путь,

поворачиваюсь и ударяю снова. На этот раз металлический наконечник проходит через его растительную голову.

Я подключила батареи перед тем, как предприняла нападение. Разряд создает разность потенциалов. Эпигон отступает, его голова раздувается. Я наступаю и ударяю еще раз, теперь в середину тела. Оно раздувается еще больше, затем распадается на сноп искр. Но я уже повернулась и ударяю еще раз, так как почувствовала приближение другого.

Этот приближается в виде кенгуру. Я поражаю его моим посохом, но его длинный хвост ударяет меня, когда он проходит. Я непроизвольно подскакиваю от шока, который я получила, мой посох рефлекторно поворачивается, когда я отступаю. Он поворачивается и ревет. Этот экземпляр имеет четыре ноги, и его передние конечности представляют собой фонтаны огня. Его глаза горят ярким пламенем.

Он опускается на задние ноги, затем снова прыгает.

Я подкатываюсь под него и атакую, когда он опускается. Но промахиваюсь, и он снова начинает атаку. Он прыгает и я ударяю вверх. Кажется, я попала, но не уверена.

Он приземляется совсем рядом со мной, поднимая свои передние конечности. Но на этот раз не прыгает. Он просто падает вперед, Задние конечности быстро дергаются, ноги, изменяют свою длину, принимая наиболее законченные очертания.

Как только он подходит, я ударяю его в середину тела нужным концом посоха. Он продолжает идти, или падать, даже когда расширяется и начинает распадаться. Его касание приводит к тому, что я деревенею на секунду и чувствую течение его заряда по моим плечам и груди. Я наблюдаю, как он превращается в первичную протоплазму и исчезает.

Я быстро поворачиваюсь, но третьего нет. По улице едет машина и тормозит. Неважно. Потенциал терминала на время истощен, хотя я озадачена тем, как долго он должен был работать, чтобы создать тех двоих. Будет лучше, если я быстренько уйду.

Как только я прихожу к этой мысли, из подъехавшей машины раздается голос, окликающий меня:

— Мадам, подождите минуточку.

Это полицейская машина, и молодой человек, который обращается ко мне, одет в полицейскую

форму.

— Да, офицер?

— Я видел вас несколько мгновений тому назад. Что вы делали?

Я смеюсь.

— Такой прекрасный вечер и улица пустынна. Я подумала, что я могла бы сделать «ката», с моим «бо».

— Я сначала подумал, что кто-то напал на вас, потому что я увидел что-то…

— Я одна, как вы можете видеть.

Он открывает дверцу и выбирается наружу. Он включает фонарик и направляет его луч по сторонам, в дверной проход.

— Вы не зажигали фейерверк?

— Нет.

— Здесь были искры и вспышки.

— Вы, должно быть, ошиблись.

Он нюхает воздух. Очень тщательно проверяет тротуар и сточную канавку.

— Странно, — говорит он. — Далеко ли вам идти?

— Не очень далеко.

— Доброго вам вечера.

Он садится в машину. Через мгновение он едет по направлению к улице.

Я быстро иду своим путем. Я жажду оказаться в безопасности прежде чем образуется другой заряд. Я также хочу оказаться подальше отсюда просто потому, что испытываю здесь неловкость.

Я озадачена той легкостью, с какой меня обнаружили. Что я сделала не так?

— Мои картины, кажется, — говорит Хокусай, после того, как я достигаю места предназначения и выпиваю слишком много бренди. — Думай, дочка, или они выследят тебя.

Я пытаюсь, но Фудзи валится на мою голову и размазывает все мысли. Эпигоны танцуют на ее склонах. Я впадаю в прерывающуюся дремоту.

В свете завтрашнего дня я, может быть, увижу…

14. Вид горы Фудзи от Мегуро в Эдо

Картина снова не соответствует реальности. Она показывает крестьян среди простой деревни, террасированные склоны холмов, одинокое дерево, растущее на склоне холма справа, снежная вершина Фудзи частично заслонена холмом.

Я не могу найти что-то похожее на это, хотя я действительно имею частично заслоненный вид Фудзи — заслоненный похожим образом, со

склона, — со стороны этой скамьи, на которой я сижу в старом парке. Так должно быть.

Гора частично закрыта, как и мои мысли. Есть что-то, что я должна была бы видеть, но это скрыто от меня. В те моменты, когда появляются эпигоны, они похожи на дьяволов, посланных схватить душу Фауста. Но я никогда не подписывала договора с Дьяволом… только с Китом, и это называлось замужеством. У меня нет способа узнать, сколь похоже это могло быть.

Сейчас…

Что меня больше всего интересует, так это то, что мое местоположение было обнаружено, несмотря на все мои предосторожности.

Мое предстоящее столкновение должно проходить на моих условиях, не как-нибудь иначе. Причина этого превосходит личное, хотя я не отрицаю его наличие.

В «Хагакуре», Ямамото Цунетомо сообщает, что Путь Самурая есть Путь Смерти, так что некто должен жить, хотя его тело уже мертво, для того, чтобы достичь полной свободы. Что касается меня, такую позицию не слишком сложно поддерживать. Однако свобода более сложна, так как когда не понимается истинная сущность врага, приходится действовать в условиях неопреде-

ленности.

Моя обожаемая Фудзи стоит во всей полноте, я знаю, несмотря на то, что я не вижу ее полностью. То же самое я могу сказать о той силе, которая сейчас противостоит мне. Давайте вернемся к смерти. Кажется, что тут что-то есть, хотя кажется также, что это только то, что уже сказано.

Смерть… Приди тихо… Мы любили играть в в одну игру, придумывая забавные причины смерти: «Съеден Лох-Несским чудовищем». «Затоптан Годзиллой». «Отравлен ниндзя». «Переведен».

Кит уставился на меня, сдвинув брови, когда я предложила последнюю причину.

— Что ты подразумеваешь под «Переведен»?

— О, ты можешь понимать меня технически, но я все-таки думаю, что эффект будет тот же самый. «„Енох был переведен, так что он не мог видеть смерть“ — Апостол Павел к Евреям, 11:5.»

— Я не понимаю.

— Это означает перенестись прямо на небо без обычного окончания жизни. Мусульмане верят, что Махди был переведен.

— Интересная мысль. Я должен подумать об этом.

Очевидно, он подумал.

Я всегда думала, что Куросава имел прорву

работы с «Дон Кихотом». Предположим, есть старый джентльмен, живущий в настоящее время, схоласт, человек, восхищающийся временами самураев и Кодексом Бушидо. Предположим, что он так сильно сживается с этими идеалами, что однажды теряет чувство времени и приходит к мысли, что он и «есть», самурай старых времен. Он надевает старинные доспехи, берет свой меч-катана и идет, чтобы изменить мир. В конечном счете он будет уничтожен этим миром, но он поддерживает Кодекс. Эта его самоотверженность выделяет и облагораживает его, несмотря на всю его нелепость. Я никогда не считала, что «Дон Кихот», лишь пародия на рыцарство, особенно после того, как я узнала, что Сервантес участвовал под командованием Дона Жуана в битве при Лепанто в Австрии. На это можно возразить, что Дон Жуан был последним европейцем, который руководствовался рыцарской честью.

Воспитанный на средневековых романах, он и в жизни вел себя подобным образом. Разве важно, что средневековых рыцарей больше нет? Он верил и действовал согласно своей вере. В ком-нибудь другом это было бы удивительно, но время и обстоятельства предоставили ему возможность действовать и он победил. Сервантес

не смог бы, но он был под большим впечатлением и кто знает, насколько повлияло это на его позднейшие литературные попытки. Ортега-и-Гассет сравнивал Дон Кихота с Готическим Христом. Достоевский чувствовал то же самое и в своей попытке отразить Христа в князе Мышкине тоже понял, что сумасшествие есть необходимое условие для этого в наше время.

Все это преамбула к моей уверенности в том, что Кит был по крайней мере почти сумасшедший. Но он не был Готическим Христом.

Электронный Будда подходит больше.

— Имеет ли информационная сеть природу Будды? — однажды спросил он меня.

— Конечно, — ответила я. — А разве все остальное нет?

Тут я посмотрела в его глаза и добавила: — Откуда, черт побери, я могу знать?

Тут он проворчал что-то и откинулся в своем кресле, опустил индукционный шлем и продолжил свой машинный анализ шифра Люцифера при помощи 128-битового ключа. Теоретически могли бы понадобиться тысячелетия, чтобы расшифровать его без всяких ухищрений, но ответ дать нужно было в течение двух недель. Его нервная система срослась с информационной сетью.

Какое-то время я не слышала его дыхания. С недавнего времени я заметила, что после окончания работы он все больше времени проводит в размышлениях, оставаясь в контакте с системой.

Когда я поняла это, я упрекнула его тем, что он слишком ленив, чтобы повернуть выключатель.

Он улыбнулся.

— Поток, — сказал он. — Ты не можешь остановиться. Движешься вместе с потоком.

— Ты мог бы повернуть переключатель перед тем, как входишь в медитацию и прервать эту электрическую связь.

Он покачал головой, потом улыбнулся.

— Но это особенный поток. Я ухожу в него все дальше и дальше. Ты можешь как-нибудь попробовать. Были моменты, когда я чувствовал, что я мог бы перевести себя в него.

— Лингвистически или теологически?

— И так, и эдак.

И однажды ночью он действительно ушел с этим потоком. Я нашла его утром, — как я думала, спящим, — на кресле со шлемом на голове. На этот раз он выключил терминал. Я не стала его будить.

Я не знала, как долго он работал ночью. Однако к вечеру я начала беспокоиться и попыталась

разбудить его. Я не смогла. Он впал в кому.

Позднее, в госпитале, у него были гладкие ЭЭГ. Его дыхание было замедленным, давление очень низким, пульс еле прощупывался.

Он продолжал уходить все глубже в течение следующих двух дней.

Доктора проделали все мыслимые тесты, но не смогли определить отчего так произошло. Так как он однажды подписал документ, в котором отказывался от чрезвычайных мер по возвращению его к жизни, если с ним случится что-нибудь непоправимое, к нему не пытались применить искусственное дыхание, кровообращение и подобные штуки, когда его сердце остановилось в четвертый раз.

Вскрытие ничего не показало. Свидетельство о смерти гласило: «Остановка сердца. Вероятно, из-за разрыва мозговых сосудов.», Последнее было чистым домыслом. Они не нашли никаких признаков этого. Его органы не были использованы, как он завещал, из-за опасения возможности какого-то неизвестного вируса.

Кит, как Марли, был мертв, чтобы начать.

15. Вид горы Фудзи от Тсукудайима в Эдо

Голубое небо, несколько низких облаков, Фудзи за светлой водой залива, несколько лодок и островок между ними. Снова, несмотря на изменения во времени, я нахожу близкое соответствие с действительностью. Снова я в маленькой лодке. Однако сейчас у меня нет желания нырять в поисках затонувшего великолепия.

Мое прибытие на это место было непосредственным и без всяких происшествий. Поглощенной своими мыслями я приехала. Поглощенной своими мыслями я и осталась. Мое состояние хорошее. Мое здоровье не ухудшилось. Мои мысли остались теми же самыми, и это означает, что главный вопрос остался без ответа.

Наконец я чувствую себя в безопасности здесь, на воде. Хотя «безопасность», очень относительна. Конечно, «безопаснее», чем на берегу или среди возможных мест засады. Я никогда не была в безопасности с того дня, как вернулась из госпиталя…

Я вернулась домой безумно усталой, проведя несколько бессонных ночей в госпитале и сразу же легла в постель. Я не заметила время, поэтому не знаю, как долго я спала. В темноте меня раз-

будило нечто, похожее на телефонный звонок. Со сна я потянулась к телефону, но поняла, что никто не звонит. Приснилось? Я села на постели и потерла глаза. Потянулась. Недавнее прошлое медленно возвращалось в мое сознание и я знала, что теперь я снова некоторое время не засну. Хорошо бы выпить чашечку кофе. Я поднялась, прошла на кухню и согрела воду.

Когда я проходила мимо рабочего места, я заметила, что терминал светится. Я не помнила, был ли он включен, когда я пришла, но подошла, чтобы выключить его.

Тут я увидела, что он не включен. Заинтригованная, я снова посмотрела на экран и в первый раз осознала, что на дисплее есть слова:

МЭРИ. ВСЕ В ПОРЯДКЕ. Я ПЕРЕВЕДЕН.
ИСПОЛЬЗУЙ КРЕСЛО И ШЛЕМ. КИТ.

Я почувствовала, что мои пальцы сжали щеки, а дыхание пресеклось. Кто сделал это? Как? Может быть, этот сумасшедший бред оставлен Китом перед тем, как он потерял сознание?

Я подошла и несколько раз нажала переключатель, оставив его в положении «выключено».

Дисплей погас, но слова остались. Вскоре появилось новое изображение:

ТЫ ПРОЧИТАЛА МОЕ ПОСЛАНИЕ. ХОРОШО. ВСЕ В ПОРЯДКЕ. Я ЖИВ.

Я ВОШЕЛ В ИНФОРМАЦИОННУЮ СЕТЬ. СЯДЬ НА КРЕСЛО И НАДЕНЬ ШЛЕМ.

Я ВСЕ ОБЪЯСНЮ.

Я выбежала из комнаты. В ванной меня несколько раз вырвало.

Затем я села, дрожа. Кто мог бы так ужасно подшутить надо мной? Я выпила несколько стаканов воды и подождала, пока дрожь пройдет.

Успокоившись, я прошла на кухню, приготовила чай и выпила чашку. Мои мысли медленно приходили в равновесие. Я обдумала возможности. Одна из них, похоже, заключалась в том, что Кит оставил сообщение и если я надену шлем, это приведет в действие устройство. Я хотела получить это сообщение, но я не знала, хватит ли у меня сил прочитать его сейчас.

Я должна отложить это до лучших времен. За окном уже начинало светать. Я поставила чашку и вернулась к терминалу.

Экран все еще светился. Но сообщение было другим:

НЕ БОЙСЯ. СЯДЬ В КРЕСЛО И НАДЕНЬ ШЛЕМ. ТОГДА ТЫ ВСЕ ПОЙМЕШЬ.

Я подошла к креслу. Уселась и надела шлем. Сначала я ничего не слышала, кроме шума.

Затем я ощутила его присутствие, трудновыразимое ощущение потока информации. Я ожидала. Я старалась настроиться на то, что он мне хотел сказать.

— Это не запись, Мэри, — как мне показалось, сказал он. — Я действительно здесь.

Я не поддалась мгновенному желанию вскочить.

— Я сделал это. Я вошел в информационную сеть. Я нахожусь повсюду. Это чистое блаженство. Я поток. Это замечательно. Я буду здесь всегда. Это нирвана.

— Это действительно ты, — сказала я.

— Да. Я перевел себя. Я хочу показать тебе, что это значит.

— Ну, давай.

— Освободи своё сознание и позволь мне войти в него.

Я расслабилась и он вошел в меня. Тогда я все поняла.

16. Вид горы Фудзи от Утезава

Фудзи за лавовыми полями и клочьями тумана, движущиеся облака. Летящие птицы и птицы на

земле. Этот вид, по крайней мере, похож. Я опираюсь на посох и смотрю на него. Впечатление как от музыки: я приобретаю силу способом, который не могу описать.

Я видела цветущие вишни по пути сюда, поля цветущего клевера, желтые поля цветущего рапса, выращиваемого на масло, несколько зимних камелий, все еще сохраняющих свои розовые и красные цветы, зеленые стрелки ростков риса, там и сям цветущие тюльпаны, голубые горы вдалеке, туманные речные долины. Я проходила деревни, где окрашенные листы металла теперь покрывают крыши вместо соломы — голубые и желтые, зеленые, чёрные, красные — и дворики, полные голубоватых обломков шифера, так прекрасно подходящих для садиков; корова, жующая свою жвачку, похожие на скалы ряды покрытой пластиком шелковицы, на которой кормятся шелковичные черви. Мое сердце билось в такт с окружением — черепицей, маленькими мостами, цветом… Это было похоже на вхождение в историю Лафкадио Херна для того, чтобы вернуться назад.

Мое сознание возвращается назад к моменту встречи с моим электронным проклятием. Предупреждение Хокусая о том, что вечером я выпила

слишком много — так, что его картины могут поймать меня в ловушку — было очень верным. Кит несколько раз предугадал мое передвижение. Как ему это удалось?

Наконец меня осенило. Моя маленькая книга репродукций Хокусая — карманное издание — было подарком Кита.

Возможно, что он ожидал меня в Японии примерно в это время из-за Осаки. Так как его эпигоны засекли меня пару раз, вероятно, путем сплошного сканирования терминалов, можно было сопоставить мое передвижение с последовательностью серии «Виды горы Фудзи», Хокусая, которая, как он знал, мне очень нравилась, и просто экстраполировать и ждать. Я думаю, что так оно и было.

Вхождение в информационную сеть вместе с Китом произвело на меня ошеломляющее впечатление. Я действительно не отрицаю, что мое сознание распылилось и поплыло. Я была во множестве мест одновременно, я скользила непонятным образом, так что сознание и сверхсознание и какая-то гордость были со мной и внутри меня как факт особенностей восприятия. Скорость, с которой я была увлечена, казалась мгновенной и во всем этом был вкус вечности.

Доступ ко множеству терминалов и сверхмощная память создавали чувство всезнания. Возможность манипулирования всем в этом королевстве создавало представление о всемогуществе. А чувства… Я ощущала наслаждение, Кит со мной и внутри меня. Это был отказ от себя и возрождение, свобода от мирских желаний, освобождение…

— Оставайся со мной навсегда, — казалось, сказал Кит.

— Нет, — ответила я в полусне, ощутив себя изменившейся. — Я не могу отказаться от себя так охотно.

— Даже ради этого? Ради этой свободы?

— И этого замечательного отсутствия ответственности?

— Ответственности? За что? Это чистое существование? Здесь нет прошлого.

— Тогда исчезает совесть.

— Что за нужда в ней? Здесь нет и будущего.

— Тогда любое действие теряет смысл.

— Верно. Действие — это иллюзия. Последствие — тоже иллюзия.

— И парадокс торжествует над причиной.

— Здесь нет парадокса. Все согласовывается.

— Тогда умирает смысл.

— Единственный смысл — бытие.

— Ты уверен?

— Почувствуй это.

— Я чувствую. Но этого недостаточно. Пошли меня обратно, пока я не превратилась в то, чем я не желаю быть.

— Чего большего, чем это, ты могла бы желать?

— Моя фантазия тоже умрет. Я могу почувствовать это.

— А что такое фантазия?

— Нечто, порожденное чувствами и разумом.

— Но разве это состояние не ощущается?

— Да, оно ощущается. Но я не хочу такого чистого ощущения.

Когда чувство соприкасается с разумом, я вижу, что вместе это нечто большее, чем их сумма.

— Здесь ты имеешь дело со сложностью. Посмотри на информацию! Разве разум не подсказывает тебе, что теперешнее состояние намного выше того, которое ты знала несколько мгновений назад?

— Но я не доверяю и разуму в отдельности. Разум без чувства приводил человечество к чудовищным действиям. Не пытайся изменить меня таким образом!

— Ты сохранишь свой разум и свои чувства.

— Но они будут выключены — этой бурей блаженства, этим потоком информации. Мне нужно, чтобы они были вместе, иначе мое воображение потеряется.

— Да пусть оно теряется. Оно сослужило свою службу. Оставь его. Что можешь ты вообразить такого, чего здесь еще нет?

— Я еще не знаю и в этом сила воображения. Если бы во всем этом была бы искра божественности, я знала бы об этом только через воображение. Я могу отдать тебе что-нибудь другое, но здесь я не хочу сдаваться.

— И это все? Клочок возможности?

— Не только. Но и одного этого достаточно.

— А моя любовь?

— Твоя любовь больше не человеческая. Отпусти меня!

— Конечно. Ты подумаешь об этом и вернешься.

— Назад! Немедленно!

Я сорвала шлем с головы и вскочила. Я прошла сначала в ванную, потом к постели. Я спала очень долго, как со снотворным.

По иному ли я ощущала возможности, будущее, воображение, или я была беременна — я подозревала это, но не сказала ему, а он не спросил,

увлеченный своими доводами? Мне хотелось бы думать, что мой ответ был бы тем же самым, но я никогда не смогу узнать.

Доктор подтвердил мои подозрения на следующий день. Я пошла к нему, так как моя жизнь требовала определенности — уверенности в чем-нибудь. Экран оставался пустым три дня.

Я читала и думала. На третий день на экране высветились слова:

ТЫ ГОТОВА?

Я напечатала слова:

НЕТ.

Я выдернула соединительный шнур из розетки.

Зазвонил телефон.

— Алло? — сказала я.

— Почему нет? — раздался его голос.

Я вскрикнула и повесила трубку. Он уже проник в телефонную сеть, сумел подобрать голос.

Снова звонок. Я снова сняла трубку.

— Ты не будешь знать отдыха, пока не вернешься ко мне.

— Я хочу, чтобы ты оставил меня в покое.

— Я не могу. Ты часть меня. Я хочу, чтобы ты была со мной. Я люблю тебя.

Я повесила трубку. Он позвонил снова. Я сорвала телефон со стены.

Я поняла, что мне нужно быстро уехать. Я преодолела и подавила все воспоминания о совместной жизни, быстро собралась и переменила место жительства. Я сняла номер в отеле. Как только я в нем очутилась, зазвонил телефон и это снова был Кит. Моя регистрация прошла через компьютер и…

Я отключила свой телефон. Повесила табличку «Прошу не беспокоить». Утром я увидела телеграмму, подсунутую под дверь. От Кита. Он хотел поговорить со мной.

Я решила уехать подальше. Покинуть страну, вернуться в Штаты.

Ему было легко следовать за мной. Кабельная связь, спутники, оптическая связь были к его услугам. Как отвергнутый поклонник, он преследовал меня телефонными звонками, прерывал телевизионные передачи, чтобы высветить на экране своё сообщение, прерывал мои разговоры с друзьями, юристами, работодателями, магазинами. Несколько раз он даже присылал мне цветы. Мой электронный бодисатва, небесная

гончая, он не давал мне отдыха. Это ужасно, быть замужем за вездесущей информационной сетью.

Поэтому я поселилась в деревне. В моем доме не было ничего такого, что он мог бы использовать для связи. Я изучала способы уклонения от системы.

В те немногие моменты, когда я теряла бдительность, он немедленно достигал меня. Однажды он научился новому фокусу, и я получила подтверждение, что он хочет забрать меня в свой мир силой. Он научился накапливать заряд на терминале, формировать из него нечто, похожее на шаровую молнию в виде зверя и посылать эти короткоживущие творения на небольшое расстояние для выполнения его воли. Я обнаружила их слабое место в доме моих приятелей, когда один из них подошел ко мне, до смерти испугал и попытался оттеснить меня к терминалу, вероятно, для того, чтобы транслировать. Я ударила этого эпигона — так позднее Кит называл его в телеграмме с объяснениями и извинениями — тем, что было под рукой — горящей электрической лампой, которая погрузилась в его тело и немедленно замкнула цепь. Эпигон распался, а я поняла, что слабый электрический заряд создает неустойчивость внутри этих созданий.

Я оставалась в деревне и воспитывала дочь. Я читала и упражнялась в искусстве материнства, гуляла по лесам и взбиралась на горы, плавала на лодке: все деревенские занятия, и очень нужные мне после жизни, полной конфликтов, интриг, замыслов и противоборств, насилия — этот маленький островок безопасности от Кита. Я наслаждалась своим выбором.

Фудзи за полями лавы… Весна… Теперь я вернулась. И это не мой выбор.

17. Вид горы Фудзи от озера Сува

Итак, я добралась до озера Сува, Фудзи отдыхает вдалеке.

Озеро не производит на меня такого сильного впечатления, как Камагучи. Но оно безмятежно, что прибавляет моему настроению умиротворенности. Я ощутила аромат весенней жизни, и он распространился по всему моему существу. Кто бы мог разрушить этот мир, уничтожив первозданность? Нет. Не отвечайте.

Не в такой ли глухой провинции Бочан нашел свою зрелость? У меня есть теория, касающаяся книг, похожих на эту книгу Натсуме Сосеки. Кто-то однажды сказал мне, что это одна из книг, относительно которой можно быть уверенным,

что каждый образованный японец прочитал ее. Поэтому я прочитала ее. В Штатах мне сказали, что «Гекльберри Финн», — одна из книг, относительно которой можно быть уверенным, что каждый образованный янки прочитал ее.

Поэтому я прочитала ее. В Канаде это был Стивен Лекок с его «Маленьким городом в солнечном свете.», А во Франции — Le Grand Meaulnes. В других странах были свои книги такого сорта. Все они близки к природе и описывают время перед урбанизацией и механизацией. Все это на горизонте и приближается, но служат лишь острой приправой к вкусу простых ценностей. Это юные книги, о национальном сердце и характере, о прошедшей невинности. Многие из них я оставила Кендре.

Я лгала Борису. Конечно, я знала о конференции в Осаке. Ко мне даже обратился один из прежних моих начальников с предложением сделать кое-что в этой области. Я отказалась. У меня были собственные планы.

Хокусай, привидение и наставник, ты понимаешь шансы и цели лучше Кита. Ты знаешь, что человечность должна окрашивать наши отношения со вселенной, и что это не только необходимость, но и благо, и только поэтому еще

светит солнце.

Я вытаскиваю мое спрятанное лезвие и снова точу его. Солнце ушло с моей стороны мира, но и темнота тоже мой друг.

18. Вид горы Фудзи от Оффинг в Канагава

А это изображение смерти. Громадная Волна, почти поглотившая хрупкие суденышки. Одна из картин Хокусая, которая известна всем.

Я не серфингист. Я не умею выбрать подходящую волну. Я просто остаюсь на берегу и смотрю на воду. Этого достаточно для воспоминаний. Мое паломничество близится к концу, но конец пока еще не виден.

Итак… Я вижу Фудзи. Назовем Фудзи концом. Как и с обручем на первой картине, цикл замыкается ею.

По пути сюда я остановилась в небольшой роще и совершила омовение в ручье, протекавшем через нее. Из находившихся поблизости веток соорудила низкий алтарь. Как обычно, во время путешествия, очищая руки, я поместила перед ним кадильницу, сделанную из камфорного дерева и белого сандала; я также поместила здесь венок из свежих фиалок, чашу с овощами и чашу со свежей водой из источника. Потом я зажгла

лампу, которую купила и заполнила рапсовым маслом. На алтаре я поместила изображение бога Кокузо, которое принесла с собой из дома, повернув его в сторону запада, где я стояла. Я снова совершила омовение и вытянула правую руку, соединив средний и большой пальцы, произнося мантру, призывающую бога Кокузо. Я отпила глоток воды и продолжала повторять мантру. После этого я три раза сделала жест Кокузо, рука на макушке, на правом плече, на левом плече, сердце и горле. Я развернула белую ткань, в которую было завернуто изображение Кокузо. Когда я все это проделала, я начала медитацию в той позиции, в которой Кокузо был изображен на картине. Через некоторое время мантра стала повторяться сама по себе, снова и снова.

В конце концов у меня было видение и я говорила, рассказывая все что произошло, что я собираюсь делать и прося о помощи и руководстве. Внезапно я увидела, как его меч опускается, опускается подобно медленной молнии, отсекает ветку от дерева, а она начинает кровоточить. И после этого начинает идти дождь, как в видении, так и в действительности, и я знаю, что это и есть ответ.

Я все закончила, прибрала, надела пончо и

двинулась своим путем.

Был сильный дождь, ботинки промокли. Становилось холодно. Я тащилась долго, и холод стал проникать до костей. Мои руки и ноги окоченели.

Я смотрела по сторонам в поисках укрытия, но вокруг не было ничего, где я могла бы переждать непогоду. Потом, когда дождь перешел из проливного в слабую морось, я заметила вдалеке что-то, похожее на храм или гробницу. Я направилась туда, надеясь на горячий чай, огонь, и возможность сменить носки и высушить ботинки.

Священник остановил меня у ворот. Я рассказала ему о моих трудностях, он, казалось, чувствовал себя неудобно.

— Наш обычай давать приют каждому нуждающемуся, — сказал он. — Но сейчас я в затруднении.

— Я буду счастлива внести вклад, если слишком многие, проходившие этим путем, истощили ваши запасы. Я действительно хочу только согреться.

— О нет, дело не в запасах, — он стал рассказывать мне, — не слишком много путников ходит этой дорогой. Проблема в другом и я затрудняюсь рассказать вам о ней. Мы прослывем старомод-

ными и суеверными, хотя это действительно очень современный храм. Но сейчас нас посетили э-э — призраки.

— О?

— Да. Адские видения приходят из библиотеки и книгохранилища, расположенного за апартаментами настоятеля. Они шествуют по монастырю, проходят через наши комнаты, бродят по двору, затем возвращаются в библиотеку или исчезают прочь.

Он внимательно изучал мое лицо, пытаясь обнаружить насмешку, веру, неверие — что-нибудь. Я просто кивнула.

— Это очень неудобно, — добавил он. — Мы проделали несколько процедур изгнания злых духов, но безуспешно.

— Как давно это началось?

— Примерно три дня.

— Кто-нибудь пострадал от этого?

— Нет. Это очень обременительно, но никто не пострадал. Они отвлекают внимание — когда пытаешься заснуть или сосредоточиться, — так как вблизи них кожу начинает покалывать и волосы встают дыбом.

— Интересно. И много ли их?

— По-разному. Обычно один. Иногда два. Редко

три.

— Нет ли случайно в вашей библиотеке компьютерного терминала?

— Да, есть. Как я уже сказал, мы очень современны. Мы держим там наши записи и с его помощью можем получить распечатки тех текстов, которых у нас нет. Ну и другие вещи.

— Если вы выключите терминал на несколько дней, они, вероятно, уйдут. И, скорее всего, больше не вернутся.

— Мне нужно посоветоваться с настоятелем, прежде чем сделать это. Вы что-нибудь об этом знаете?

— Да, но прежде всего я хотела бы согреться, с вашего позволения.

— Да, конечно. Пройдите сюда.

Я проследовала за ним, почистив свои ботинки и сняв их перед входом. Он провел меня через заднюю часть дома в милую комнатку, выходящую в храмовый садик.

— Я пойду и прикажу приготовить для Вас еду и жаровню с углем, чтобы Вы могли согреться, — сказал он и удалился.

Предоставленная сама себе, я восхищенно смотрела на золотых карпов, плавающих в пруду, расположенном в нескольких футах от дома.

Дождевые капли падали на его поверхность, на маленький каменный мост над прудом, на каменную пагоду, на дорожки, выложенные камнем. Я хотела бы пройти по этому мосту — как непохож он на металлические, холодные и темные, — и затеряться здесь на век или два. Вместо этого я уселась и важно отпивала чай, который принесли мгновеньем позже, и согревала ноги, и сушила носки над жаровней, которую принесли после чая.

Позднее, когда я почти съела поданную еду и наслаждалась разговором с молодым священнослужителем, который попросил разрешения составить мне компанию, пока настоятель занят, я увидела моего первого эпигона.

Он напоминал очень маленького слона, гуляющего по одной из извилистых дорожек сада и нюхающего воздух по сторонам своим змеевидным хоботом. Меня он пока не заметил.

Я указала на него священнику, который не смотрел в эту сторону.

— О господи! — воскликнул он, перебирая свои четки.

Когда он посмотрел в ту сторону, я повернула мой посох в нужную позицию.

Как только он подошел поближе, я поспешила

доесть мою еду. Я боялась, что моя чашка может пострадать во время схватки.

Священник взглянул назад, когда он услышал движение посоха.

— Нет нужды делать это, — сказал он. — Как я уже объяснял, эти демоны не нападают.

Я покачала головой и проглотила еду.

— Этот будет нападать, как только почувствует мое присутствие. Видите ли, я именно та, кого они ищут.

— О господи! — повторил он.

Я подождала, пока он перестанет двигаться в моем направлении и направится к мостику.

— Он более плотный, чем обычно, — сообщила я. — Три дня, да?

— Да.

Я подошла к выходу и сделала шаг наружу. Он внезапно взлетел на мост и ринулся ко мне. Я встретила его острием, но ему удалось избежать его. Я повернула посох дважды и ударила его, когда он развернулся. Мои удары попали в цель, и я попала в грудь и в щеку. Эпигон исчез, как горящий водородный шар, а я осталась, потирая своё лицо и глядя вокруг.

Другой эпигон проскользнул в нашу комнату из внутренних покоев монастыря. Сделав внезап-

ный выпад, я поразила его с первого удара.

— Я думаю, мне пора двигаться, — сказала я. — Спасибо за Ваше гостеприимство. Передавайте мои извинения настоятелю, за то что я не смогла встретиться с ним. Я согрелась и насытилась и узнала все, что хотела, о ваших демонах. Можете не беспокоиться о терминале. Вероятно, они скоро перестанут посещать вас и больше не вернутся.

— Вы уверены?

— Я это знаю.

— Я не знал, что терминал — источник демонов. Продавец ничего не сказал нам.

— Ваш теперь будет в порядке.

Он проводил меня до ворот.

— Спасибо Вам за изгнание дьяволов.

— Спасибо за еду.

Я шла несколько часов, пока нашла место для лагеря в пещере, воспользовавшись своим пончо для укрытия от дождя.

И сегодня я пришла сюда, чтобы наблюдать за волной смерти.

Хотя, не только. Такой большой на море нет. Моя еще где-то там.

19. Вид горы Фудзи от Шихиригабама

Фудзи за соснами, в тени, за ней поднимаются облака… Все идет к вечеру. Погода сегодня хорошая, мое здоровье тоже.

Я встретила двух монахов и шла вместе с ними некоторое время. Я была уверена, что где-то их видела, поэтому я поздоровалась с ними и спросила, возможно ли это. Они ответили, что они совершают своё собственное паломничество к дальнему монастырю и допускают, что я тоже выгляжу знакомой. Мы вместе перекусили на обочине. Наш разговор ограничивался общими местами, хотя они спросили, что я слышала о привидениях в Канагава. Как быстро распространяются слухи подобного рода. Я сказала, что знаю, и мы вместе поговорили об этих странностях.

Через какое-то время я забеспокоилась. Каждый поворот моего пути оказывался также и их путем. Когда меня приглашают на короткое время, у меня нет желания к долговременному времяпрепровождению, а их путь оказывался уж слишком совпадающим с моим. В конце-концов, когда мы подошли к развилке, я спросила, по какой дороге они пойдут. Они колебались, затем сказали, что пойдут направо. Я выбрала левый путь. Через

некоторое время они присоединились ко мне, сказав, что изменили своё решение.

Когда мы подошли к городу, я остановила машину и предложила водителю порядочную сумму, чтобы он отвез меня в деревню. Он согласился и мы уехали, оставив их на дороге.

Я остановила машину, прежде чем мы доехали до следующего города, заплатила ему и наблюдала, как он отъехал. Тогда я свернула на тропинку, идущую в нужном направлении. Через некоторое время я сошла с тропинки и пошла прямо по лесу, пока не наткнулась на другую дорогу.

Я остановилась поблизости от дороги, на которую вышла в конце-концов, а на следующее утро позаботилась о том, чтобы уничтожить все следы моего пребывания здесь. Монахи не появлялись. Может быть, они вполне безопасны, но я должна доверять моей тщательно культивируемой паранойе.

Которая привела меня к тому, что я заметила этого человека вдалеке — европейца, я думаю, судя по его одежде… Он время от времени останавливался, делая фотоснимки. Конечно, я вскоре уйду от него, если он следил за мной — или даже если нет.

Ужасно, что приходится слишком долго быть

в таком положении. Скоро я начну подозревать школьников.

Я смотрела на Фудзи, когда тени удлинялись. Когда появились первые звезды, я все еще смотрела. Так я ускользну прочь.

Я увидела, что небо темнеет. Фотограф собрал свои инструменты и ушел.

Я оставалась начеку, но когда я увидела первую звезду, я соединилась с тенями и угасла, как день.

20. Вид горы Фудзи с перевала Инуме

Сквозь туман и над ним. Дождь прошел чуть раньше. Вот Фудзи, тучи на ее челе. Этот вид производит достойное впечатление.

Я сижу на поросшей мохом скале и стараюсь запомнить все изменения вида Фудзи, когда быстрый дождь занавешивает ее, прекращается, начинается снова.

Дует сильный ветер. Снизу ползет туман. Царит оцепенелое молчание, нарушаемое лишь монотонным заклинанием ветра.

Я устраиваюсь поудобнее, ем, пью, смотрю, и снова продумываю мои последние планы. Все идет к концу. Скоро цикл замкнется.

Раньше я думала о том, чтобы выбросить здесь

свои медикаменты в знак того, что обратной дороги нет. Сейчас я думаю об этом как о глупом романтическом жесте. Мне нужна вся моя сила, вся поддержка, которую я могу получить, чтобы у меня были шансы на успех. Вместо того, чтобы выбросить лекарства, я принимаю таблетку. Надо мной дуют ветры. Они накатываются волнами, но охватывают целиком.

Несколько путешественников проходят ниже. Я отклоняюсь назад, скрываясь из их поля зрения. Они проходят как привидения, их слова относит ветром, они даже не долетают до меня. У меня возникает желание запеть, но я себя останавливаю.

Я сижу довольно долго, уйдя в свои мысли. Так хорошо путешествовать в прошлом, прожить жизнь еще раз…

Подо мной. Другая таинственно знакомая фигура появляется в поле зрения, таща снаряжение. Я не могу разглядеть ее отсюда, да и не надо. Так как он останавливается и начинает разворачивать своё снаряжение, я знаю, что это фотограф из Шихиригахамы, пытающийся запечатлеть еще один вид Фудзи.

Я наблюдаю за ним некоторое время и он даже не глядит в мою сторону. Скоро я уйду, не узнав его. Я могу допустить, что это совпадение. На вре-

мя, конечно. Если я увижу его снова, мне, должно быть, придется убить его. Я слишком близка к цели, чтобы допустить даже возможность существования пересечения.

Я решаю двинуться сейчас, так как лучше путешествовать перед ним, а не после него.

Фудзи-на-высоте, это было хорошее место для отдыха. Мы скоро увидимся снова.

Пойдем, Хокусай, пора идти.

21. Вид горы Фудзи от гор Тотоми

Ушли старые лесорубы, разрезающие стволы на доски, придающие им форму. Только Фудзи, заснеженная и покрытая тучами, осталась. Мужчины на картине работают по-старому, как бондарь Овари.

Кроме тех картин, на которых изображены рыбаки, живущие в гармонии с природой, это одна из тех двух картин в моей книге, на которых изображены люди, активно меняющие мир. Их работа слишком обычна для меня, чтобы видеть в ней изображение Девственности и Движения. Они, должно быть, делали ту же работу за тысячу лет до Хокусая.

Все же это сцена человеческого преобразования мира, и это ведет меня вглубь веков от

нашего времени, времени изощренных орудий и крупномасштабных изменений. Я вижу в этом изображении то, что будет сделано потом, металлическую кожу и пульсирующую информацию нашего мира. И Кит тут же, богоподобный, оседлавший электронные волны.

Беспокойство. С точки зрения античной жизнерадостности, существующее положение не более чем мгновение в человеческой истории и независимо от того, выиграю ли я или буду побеждена, останется грубая материя, которая победит, несмотря на любые препятствия. Я действительно хочу верить в это, но я должна оставить подробности политикам и проповедникам. Мой путь лежит отдельно и определяется моим видением того, что должно быть сделано.

Я больше не видела фотографа, хотя вчера заметила монахов, остановившихся на отдых на дальнем холме. Я рассмотрела их в мою подзорную трубу и обнаружила, что это те же самые монахи, с которыми я уже сталкивалась. Они не заметили меня, и я постараюсь сделать так, чтобы наши пути больше не пересекались.

Фудзи, я вобрала в себя двадцать один твой вид. Чуть пожить, чуть умереть. Скажи богам, если ты об этом думаешь, что мир почти умер.

Я иду пешком и рано останавливаюсь на ночлег в поле рядом с монастырем. Я не хочу входить туда из-за последнего случая. Укладываюсь в укромном месте рядом, среди скал и проростков сосны.

Сон приходит быстро.

Я пробуждаюсь внезапно и дрожу в темноте и безмолвии. Я не могу вспомнить, что меня разбудило, какой-то звук или сон. Но я так испугана, что готова бежать. Я стараюсь успокоиться и жду.

Что-то движется, как лотос в пруду, позади меня, затем надо мной, одетое в звезды, светящееся своим молочным, потусторонним светом. Это утонченное изображение бодисатвы, чем-то похожей на Каннон, в одеждах из лунного света.

— Мэри.

Его голос нежен и заботлив.

— Да?

— Ты вернулась, чтобы путешествовать по Японии? Ты пришла ко мне, не так ли?

Иллюзия разрушилась. Это Кит. Он тщательно подготовил этого эпигона. Наверно, в монастыре есть терминал. Попытается ли он применить силу?

— Да, я на пути, чтобы увидеть тебя, — нашлась я.

— Ты можешь соединиться со мной сейчас, если хочешь.

Он протянул чудесно изваянную руку, как будто для благословения.

— Мне осталось совсем немного сделать, прежде чем мы соединимся.

— Что может быть более важным? Я видел медицинские записи. Я знаю о твоем состоянии. Это будет трагедия, если ты умрешь на дороге, так близко от своего освобождения. Приди сейчас.

— Ты ждал так долго и время для тебя так мало значит.

— Я забочусь о тебе.

— Я уверяю тебя, я должна сделать необходимые приготовления. Между прочим, кое-что беспокоит меня.

— Расскажи мне.

— В прошлом году была революция в Саудовской Аравии. Это казалось хорошим для них, но испугало японских импортеров нефти. Внезапно новое правительство стало выглядеть в газетах очень плохим, а новая контрреволюционная группа оказалась более сильной и лучше подготовленной, чем была на самом деле. Главные силы выступили на стороне контрреволюционеров. Сейчас они у власти, но оказались гораздо

хуже, чем первое правительство, которое было свергнуто. Кажется возможным, но непостижимым, что все компьютеры мира были каким-то образом введены в заблуждение. А сейчас проходит конференция в Осаке, на которой должно быть выработано новое соглашение по нефти с последним правительством. Кажется Япония будет иметь хорошую долю в этом. Ты однажды сказал, что ты вне этих мирских забот, или я ошибаюсь? Ты японец, ты любишь свою страну. Ты мог бы участвовать в этом?

— Что, если да? Это так мало значит в свете вечных ценностей. Если подобные сантименты и остались во мне, нет ничего недостойного в том, что я предпочитаю свою страну и свой народ.

— Но если ты сделал это сейчас, что помешает тебе однажды вмешаться снова, когда обычай или чувства подскажут тебе, что ты мог бы?

— Что из того? — ответил он. — Я только протянул палец и слегка стер пыль иллюзий.

— Я вижу.

— Я сомневаюсь, что это так, но ты сможешь увидеть, когда соединишься со мной. Почему бы не сделать это сейчас?

— Скоро, — сказала я. — Дай мне закончить мои дела.

— Я дам тебе несколько дней, но потом ты должна быть со мной навсегда.

Я склонила голову.

— Я скоро снова увижу тебя.

— Спокойной ночи, любовь моя.

— Спокойной ночи.

После этого он удалился. Его ноги не касались земли и он прошел через стену монастыря.

Я приняла мое лекарство и бренди. Двойную дозу каждого…

22. Вид горы Фудзи от горы Сумида в Эдо

Так я пришла к месту перевоза. Картина показывает паромщика, везущего множество людей в город. Вечер. Фудзи лежит темная и грустная на далеком расстоянии. Здесь я действительно думаю о Хароне, но мысли не доставляют беспокойства, как раньше. Я пройду по мосту сама.

Так как Кит оказал мне благосклонность, я свободно иду по широким улицам, воспринимаю запахи, слышу шум и наблюдаю людей, идущих по своим делам. Я думаю, что Хокусай мог бы делать в наше время? Он по природе молчун.

Я немного выпила, я улыбаюсь без причины, я даже ем вкусную еду. Я устала от переживания своей жизни. Я не ищу утешения в философии

или литературе. Я просто гуляю по городу, моя тень скользит по лицам и витринам, барам и театрам, храмам и конторам. Любой, кто приближается, сегодня желанен. Я ем «сухи», играю в азартные игры, я танцую. Для меня сегодня нет вчера, нет и завтра. Когда мужчина кладет руку на мое плечо, я притягиваю его к себе и смеюсь. Он хорош для часового упражнения и смеха в маленькой комнатенке, которую он находит для нас. Я сделала так, что он несколько раз закричал, прежде чем я покинула его, хотя он умолял меня остаться. Слишком много нужно сделать и увидеть, милый. Здравствуй и прощай.

Я иду… По паркам, аллеям, садам, площадям. Пересекаю…

Маленькие и большие мосты, улицы, тропинки. Лодка, собака. Крик, ребенок. Плач, женщина. Я прохожу среди вас. Я ощущаю вас с бесстрастной страстью. Я вбираю в себя всех, так как на эту ночь я могу вобрать весь мир.

Я иду под легким дождем и по холоду, который наступает после него. Моя одежда промокает, затем высыхает. Я захожу в храм. Я плачу таксисту, чтобы он провез меня по городу. Я ужинаю. Захожу в другой бар. Прохожу по пустынным игровым площадкам, где я смотрю на звезды.

И я останавливаюсь перед фонтаном, посылающем воду в светлеющее небо до тех пор, пока звезды исчезают и только их последние лучи падают на меня.

Потом завтрак и долгий сон, снова завтрак и еще более длинный сон…

А ты, мой отец, в грустной вышине? Я скоро покину тебя, Хокусай.

23. Вид горы Фудзи от Эдо

Снова гуляю, ненастным вечером. Сколько времени прошло с тех пор, как я разговаривала с Китом? Думаю, слишком много. Эпигон может появиться на моем пути в любой момент.

Я сузила мои поиски до трех храмов — ни один из них не изображен на картине, если быть точным, только верхушка какого-то из них под невозможным углом, Фудзи за ней, дымящаяся, тучи, туман.

Я проходила мимо них много раз, как кружащая птица. Я не хочу больше делать этого, так как я чувствую, что правильный выбор скоро будет сделан. Некоторое время тому назад я поняла, что за мной кто-то идет, действительно идет, по всем моим кругам.

Кажется, мои худшие опасения не беспочвен-

ны: Кит использует людей так же, как и эпигонов. Как нашел их и что он пообещал им, я не берусь угадывать. Кто еще мог бы следить за мной в этом месте, наблюдать, как я держу обещание и применить силу в случае необходимости?

Я замедляю свои шаги. Но кто бы ни был за мной, он делает то же самое. Еще нет. Отлично.

Расстилается туман. Эхо моих шагов тонет в нем. И шаги моего преследователя тоже. К несчастью.

Я направляюсь к другому храму. Я снова замедляю шаги, все мои чувства обострены.

Ничего. Никого. Все в порядке. Время не проблема. Я двигаюсь.

Через долгое время я приближаюсь к третьему храму. Это должен быть он, но мне нужно, чтобы мой преследователь выдал себя каких-нибудь звуком. После этого, конечно, я должна буду разделаться с этой персоной, прежде чем двигаться дальше. Я надеюсь, что это будет не слишком трудно, так как все может измениться из-за этого небольшого столкновения.

Я снова замедляю шаги и никто не появляется, только влага тумана на моем лице и руки обхватили посох. Я останавливаюсь.

Ищу в кармане пачку сигарет, которую я купила

во время моего недавнего праздника. Я сомневаюсь, чтобы они могли укоротить мою жизнь.

Когда я подношу сигарету к губам, я слышу слова:

— Вам нужен огонь, мадам?

Я киваю и поворачиваюсь.

Один из тех двух монахов щелкает зажигалкой и подносит мне огонек. Я в первый раз замечаю грубые мозоли по краю его ладоней. Он их держал от глаз подальше, пока мы путешествовали вместе. Другой монах появился за ним, слева.

— Спасибо.

Я выдыхаю и посылаю дым на соединение с туманом.

— Вы прошли большой путь, — говорит мужчина.

— Да.

— И Ваше паломничество пришло к концу.

— Да? Здесь?

Он улыбается и кивает. Поворачивает голову в сторону храма.

— Это наш храм, где мы поклоняемся новому бодисатве. Он ожидает Вас внутри.

— Он может подождать, пока я докурю.

— Конечно.

Как бы ненароком, я изучаю мужчину. Он, ве-

роятно, очень хорош в карате. Но я сильна в «бо». Если бы он был один, я была бы уверена в себе. Но их двое, и второй, наверное, так же силен, как и первый. Кокузо, где твой меч? Я внезапно испугалась.

Я отвернулась, отбросила сигарету. Сделала первый выпад.

Конечно, он был готов к этому. Неважно. Я ударила первой.

Но другой стал подходить сзади и я должна двигаться в оборонительной позиции.

Я услышала хруст, когда попала по плечу. Кое-что, в конце-концов…

Я медленно продвигалась к стене храма. Если я подойду слишком близко, она будет мешать мне наносить удары. Я снова попыталась нанести решающий удар…

Внезапно человек справа от меня согнулся, темная фигура появилась за его спиной. Нет времени на размышление. Я сосредоточила внимание на первом монахе, нанеся удар, затем еще один.

Тот, кто пришел мне на помощь, был не столь удачлив. Второй монах оглушил его и начал наносить удары, ломающие кости. Мой союзник кое-что знал о борьбе без оружия, так как он стал в оборонительную позицию и блокировал мно-

гие из них, иногда даже нанося свои удары. Но он явно проигрывал.

Наконец я нанесла ногой другому удар в плечо. Я три раза пыталась ударить моего противника, пока он был на земле, но все три раза он уворачивался. Я услышала короткий вскрик справа, но не могла отвести взгляд от своего противника.

Он поднялся, и на этот раз я поймала его внезапным обманным движением и нанесла смертельный удар по голове. Затем развернулась, и во-время, так как мой союзник лежал на земле, а второй монах был рядом со мной.

Или я была удачливой, либо он был сильно ранен, но я быстро разделалась с ним, проведя серию быстрых ударов.

Я поспешила к третьему мужчине и опустилась на колени, тяжело дыша. Я заметила его золотую серьгу во время схватки со вторым монахом.

— Борис.

Я взяла его руку.

— Почему ты здесь?

— Я сказал тебе, у меня есть несколько свободных дней, чтобы помочь тебе, — сказал он, кровь стекала из уголка его рта.

— Нашел тебя. Фотографировал… И смотри… Я тебе понадобился.

— Прости меня. Ты лучше, чем я думала.

Он сжал мою руку.

— Я говорил тебе, что ты мне нравишься, Марьюшка. Слишком плохо… у нас не было — больше времени…

Я наклонилась и поцеловала его, ощутив кровь на губах. Его рука разжалась. Я никогда не была знатоком людей.

И так я поднялась. Я оставила его там, на мокром асфальте.

Я ничего не могу сделать для него. Я иду в храм.

У входа темно, но внутри достаточно света от свечей. Я никого не вижу. Не думаю, что кто-то должен быть здесь. Здесь были только эти два монаха, которые должны были притащить меня к терминалу. Я иду по направлению к свету. Это должно быть где-нибудь сзади.

Я слышу, как дождь шуршит по соломенной крыше. Здесь несколько маленьких комнаток за светом.

Наконец, я нахожу то, что искала. Это во второй комнате. И я даже не переступая порога, по ионизации чувствую, что Кит где-то здесь.

Я прислоняю мой посох к стене и подхожу ближе. Кладу руки на тихо жужжащий терминал.

— Кит, — говорю я, — я пришла.

Передо мной нет эпигонов, но я чувствую его присутствие, и кажется, что он говорит мне, как в ту ночь, очень давно, когда я сидела в кресле с надетым шлемом:

— Я знал, что ты будешь здесь сегодня.

— И я тоже, — отвечаю я.

— Все твои дела сделаны?

— Большинство из них.

— Сегодня ты готова соединиться со мной?

— Да.

Снова я чувствую это движение, почти сексуальное, когда он перетекает в меня. В этот момент он мог бы выиграть.

«Татема», — это то, что вы показываете другим. «Хонне», — это ваше действительное намерение. Как Мусачи предупреждал в Книге Вод, я стараюсь не обнаружить моего «хонне», в этот момент. Я просто протягиваю руку и роняю мой посох так, что его металлический конец, подключенный к батареям, падает на терминал.

— Мэри! Что ты сделала? — спрашивает он, когда жужжание прекращается.

— Я отрезала твой путь к отступлению, Кит.

— Почему?

— Это единственный выход для нас. Я даю тебе

этот «джигай», мой муж.

— Нет!

Я чувствую, как он захватывает контроль над моими руками.

Но слишком поздно. Они уже движутся. Я чувствую, как лезвие входит в мое горло, в правильном месте.

— Дура! — кричит он. — Ты не знаешь, что ты сделала! Я не смогу вернуться!

— Я знаю.

Когда я тяжело опускаюсь на терминал, мне кажется, что я слышу ревущий звук за моей спиной. Это Большая Волна, наконец пришедшая для меня. Я единственно сожалею, что я не сделала этого на последней станции, если, конечно, это то, что Хокусай пытается показать мне, за маленьким окном, за туманом и дождем и ночью.

Перевод: В. Самсонова

Тим Каррэн
Чума, бродящая во мраке

«…Явил во тьме змею, хоть женским телом
Был наделён ползучий этот гад,

Отвратный, мерзостный, чьё существо
— разврат».
— Эдмунд Спенсер, «Королева фей».

Tim Curran «The Pestilence That Walketh in Darkness», 2011.

Всё началось с Роланда Клэйба.

Возможно, вам это имя ничего и не говорит, но для фольклористов западного Массачусетса он был практически легендой.

Не существовало ни одной мрачной истории или запутанного сказания из Беркшир Хиллз, о которой бы он не знал.

Среди всех старожил-сказителей и фольклористов его почитали и уважали, наверно, больше всего.

Каким-то образом он узнал, что я задаю вопросы и собираю сказания и фамильные предания для написания собственной книги. И захотел поучаствовать.

И немалую роль, полагаю, сыграло то, что я платил наличными.

Он написал мне краткое, но интересное письмо:

«Мистер Крей.

Слышал, что вы кое-чем интересуетесь. Если хотите услышать о Лавкрафтовском „Неименуемом“, приходите, я расскажу.

До встречи.

P.S. Захватите пару бутылочек пива. И не забудьте чековую книжку».

Разве я мог отказаться?

Говард Филлипс Лавкрафт был писателем-отшельником из Провиденса, работавшим в жанре ужасов. Он умер уже около семидесяти лет назад, но даже после смерти его дело переросло в огромный культ.

Который и сейчас продолжает расти и процветать.

Рассказ Лавкрафта, который меня интересовал, назывался «Неименуемое».

В нём говорилось о создании — наполовину человеке, а наполовину чудовище — которое было настолько ужасно и отвратительно, что буквально не поддавалось описанию.

Лавкрафт позаимствовал идею в одной из книг Коттона Мэзера «Великие деяния Христа в Америке».

Как вы, возможно, помните из школьных уро-

ков истории, Мэзер был весьма эксцентричным, влиятельным писателем и проповедником в Новой Англии.

Его пламенные проповеди и значительная вера в колдовство косвенно привели к охоте на салемских ведьм.

Мазер посвятил целый раздел «Великих деяний», нахождению ведьм и других сверхъестественных феноменов — привидений, демонов и духов, населявших колониальную Америку.

И вот в одном из «случаев из практики», описывался молодой мужчина с «дурным глазом», который был обвинён в скотоложстве с животным на ферме.

Животное родило мерзкого получеловека с такой же аномалией глаз, и мужчину казнили.

Диковинная сказка для нас, но для Коттона Мэзера подобные обвинения были в порядке вещей. И вот, Лавкрафт соединил этот фрагмент книги Мэзера со старой традицией в семьях Новой Англии прятать на чердаках родившихся с уродствами детей. Приправил всё это своей болезненной фантазией и написал «Неименуемое», — впечатляющий рассказ ужасов о получеловеческом-полуживотном ребёнке предположительно демонического происхождения,

которого держали запертым на чердаке. Но естественно, ему удалось убежать и вызвать проблемы.

Я интересовался этой историей, потому что писал книгу с рабочим названием «Заблуждения о дьявольском семени: изучение полурослико в, слабоумных и получеловеческих монстров в мировом фольклоре».

И я заинтересовался ещё больше, когда узнал, что описанное Мэзером произошло в Беркшир Хиллз в западном Массачусетсе. И Мэзер поведал в своём труде не обо всём.

В общем, я начал задавать вопросы местным фольклористам, и это привело меня к Роланду Клэйбу. Или его ко мне.

Поэтому через пару дней после пришедшего письма я сел в машину, забросил в багажник двенадцать банок пива и поехал в Адамс, расположенный у подножья горы Грейлок — самого высокого пика в округе Беркшир.

Всё, что у меня было — это обратный адрес на конверте. Олд-Пайк-Роуд.

Как выяснилось, большего мне и не было надо.

Потому что в Адамсе Роланда Клэйба знали все.

Парень на заправке лишь хмыкнул и показал,

куда свернуть. И вот я уже подъезжал к Олд-Пайк-Роуд.

Вдоль дороги виднелись указатели, как и на большинстве просёлочных дорог в Новой Англии.

Первый: «РЕБЁНОК О ДВУХ ГОЛОВАХ».

За ним: «ГИГАНТСКИЙ МОЛЛЮСК-ЛЮДОЕД».

Третий: «ПОДЛИННЫЕ ИНДЕЙСКИЕ МУМИИ».

Все остальные крошечные, красные, выгоревшие на солнце указатели продолжали извещать о «Колдовских артефактах», и «Колониальных орудиях пыток».

Хоть я и понимал, что так город завлекал туристов, но, тем не менее, мне и самому стало интересно.

Через милю я доехал до «Музея Странностей», Клэйба. Он стоял в низине среди густых папоротников, лапчатки и дикой вишни.

Похоже, раньше это здание принадлежало автозаправочной станции.

Стены его были окрашены в красный, как и все указатели на дороге.

Даже трейлер, стоящий у дороги, был ярко-алым.

Я обошёл «Галерею гротеска», и «Зал боли», сувенирный магазинчик с диковинками и рари-

тетами и направился прямиком к трейлеру.

Я дважды постучал, и в открытое окно услышал хриплый крик:

— Чёртов музей закрыт, так что проваливайте! Оставьте меня в покое! Я пытаюсь напиться!

— Мистер Клэйб? — позвал я.

— Катитесь к чёрту! Если продаёте — я ничего не собираюсь покупать! А если покупаете — у меня ни черта нет! А если решили проповеди мне читать — валите на хрен!

А это уже интересно…

— Мистер Клэйб, — снова крикнул я. — Это Джон Крей. Я писал вам о новелле Лавкрафта.

На пару секунд всё стихло, а затем дверь распахнулась.

— Тогда входите, — произнёс голос.

Внутри вагончик был заставлен тем, что Клэйб, по-видимому, не смог втиснуть в свой «Музей Странностей».

Сотни книг, журналов, газет тяжёлым грузом лежали на полках.

Ящики, папки, картонные коробки старых писем и дневников боролись за пространство с чучелом двухголового козла, деревянной статуей человека с оленьей головой и коллекцией консервированных вещей в банках, о происхождении

которых я даже не хотел задумываться.

Клэйб оказался грузным человеком в зелёных рабочих брюках с подтяжками и в рубашке.

С длинной седой бородой и гнилыми зубами он выглядел мерзкой версией Санты.

— Пиво привезли? — спросил он.

Я протянул упаковку.

— Ну, конечно, дешёвое дерьмо, — буркнул он. — Я надеялся на «Адамса», или «Будвайзер».

— Я не миллионер, — ответил я.

— Как и я.

В общем, моё первое впечатление о Роланде Клэйбе было не лучшим.

Не знаю, чего я ожидал, но точно не подобного персонажа.

Его одежда, запах алкоголя и сигаретного дыма, который прицепился к нему, как грязь к коврику на входе… Если честно, то он напоминал мне одного из тех людей, что роются по помойкам в поисках пустых бутылок.

И был он не намного чище их, и говорил далеко не культурнее.

Какое-то время он стоял, почёсывая бороду, растрёпанные волосы и другие места, о которых я лучше не буду упоминать.

Может, у него были вши или блохи, а может,

ему нужна была горячая ванна.

Он предложил мне присесть, куда захочу, или оставаться стоять. На мой выбор.

И ему «похер, что я выберу».

Я переложил с дивана стопку газет и расчистил себе место.

Он бросил мне одну из банок привезённого мной пива, рухнул в кресло, отпил из своей банки и вытер пену со рта.

Даже не обратив внимания на то, что часть пива пролилась на бороду.

Я представил, как он потом будет её выжимать.

— Не против, если я закурю? — спросил он.

Я ответил, что у меня астма. Оно заржал и сказал:

— Хреново.

Вытащил из кармана рубашки окурок и закурил.

— Значит, пишите книгу, мистер Крей? Отлично, отлично. Просто превосходно. Люблю, когда люди пишут книги о том, чего не знают.

— Я знаю, о чём пишу, и довольно неплохо, благодарю покорно, — ответил я.

И чтобы доказать это, пустился в рассуждения о монстрах и гибридах, вроде Пана и Фавна, о

сатирах и гарпиях, о ламиях и суккубах.

Люди-змеи в индуистской мифологии; богиня Лилит, которая ещё до сотворения Адама в древнееврейских и вавилонских мифах считалась матерью демонов, инкубов и суккубов.

Египетские божества, вроде Анубиса с головой шакала, Себека с головой крокодила; гибриды человека и кошки.

Я рассказал всё неплохо.

Эмпусы — женщины-оборотни из свиты Гекаты, древнегреческой богини магии и колдовства.

Кровожадные бааван ши и глейстиги в шотландской и кельтской мифологии; славянская Мара или Морена; ассирийские Пазузу и Ламашту; нигерийские люди-леопарды; люди-волки из племени американских индейцев-сиу; пигмеи времён неолита, которые стали прототипом эльфов и фейри в преданиях Эвропы и Уэльса.

Добавить ко всему этому ночных ведьм, демонов, чудовищ, вроде широко известного в мире Гренделя из классической литературы и сотен других, известных только у себя в деревушках.

— Я могу продолжить, мистер Клэйб, — произнёс я. — Я многие годы читаю лекции на эту тему.

— Ладно, ладно, — пробурчал, наконец, он. —

Сдаюсь. Похоже, вы знаете, о чём говорите. Ко мне часто заглядывают журналюги в поисках небылиц, над которыми сможет поржать читатель, вот меня всё и заколебало.

— Многие из этих историй, — продолжил старик, — передавались из поколения в поколение, и думаю, они заслуживают большего уважения. После большинства из них становится не до смеха, а некоторые — вроде тех, за которыми, как я понимаю, охотитесь вы — лучше не рассказывать перед сном.

Я был заинтригован.

По большей части моя книга была обычным повторным описанием наиболее известных гибридов, но главной «фишкой», моей книги — и лекций — были местные рассказы и провинциальные байки, которые в кругах фольклористов мало известны.

И я надеялся, что сегодня Лавкрафт и Мэзер меня не подведут.

Клэйб отхлебнул пива.

— Что вы знаете о первоисточниках Лавкрафта?

Я сказал ему, что знаком с бредятиной Коттона Мэзера.

— Хорошо, — кивнул мужчина. — Тогда с этого

и начнём. Поведанное Коттоном Мэзером было пересказом того, что случилось в Беркшире в 1670–1680 годах.

— Всё, что я знаю, я почерпнул из дневников и писем того периода. Во-первых, история Мэзера — полная брехня. Он добавил к тревожащей селение легенде первородный грех, проклятия и получил откровенную хрень. Но чего ещё было ожидать от этого радикала и святоши? А вот мистер Лавкрафт, как мне кажется, знал о легенде, вдохновившей Мэзера на ярые проповеди, гораздо больше.

— В новелле Лавкрафта мы видим получеловеческого монстра, который вырвался из заточения на чердаке, начал нападать на жителей окрестностей на пустынных дорогах и даже убил местного священника и его семью. Я почти уверен, что всё это правда. Но ни Лавкрафт, ни Мэзер не стали заострять внимание на происхождении этого создания. Думаю, раз уж я собираюсь рассказать эту историю, то начать нужно именно с этого.

Сначала Клэйб поинтересовался у меня, что мне известно об ***О***зарке[83], поскольку косвенно это будет связано с его повествованием.

---

[83] Примечания: 83

Крупное известняковое плато в центральной части США, известное также как особый культурно-исторический регион страны — прим. пер.

Я признался, что знал немногое.

Озарк уже давно был чем-то вроде живой лабораторией для учёных-фольклористов.

Изначально район был заселен колониальными племенами, которые произошли от жителей северных и центральных Аппалачей, в основном британского происхождения.

И до недавнего времени — до решения Корпорации Долины Теннесси — они развивались самостоятельно и обобщённо, а значит, сохранили большую часть оригинальной народной культуры первоначальных колонистов, значительная часть которых была ввезена напрямую из Европы и Британских островов.

— Неплохой ответ, — кивнул Клэйб, вытаскивая запутавшиеся в бороде крошки. — Что ж… В Озарке, в прежнем Озарке, колдовство вряд ли можно было назвать редкостью. Оно процветало, как нигде в этой стране, сохраняя свои европейские корни нетронутыми.

— Существует занимательная история о посвящении ведьм, рассказываемая в Озарке. Многие наши коллеги переписывали её раз за разом, так что нет никаких сомнений в её истинности. Если верить рассказываемому, женщина, которая хотела вступить в ведьмовскую секту, должна была

вступить в связь с представителем дьявола. Этакое символическое единение с самим дьяволом.

— Судя по источнику, который я исследовал, этим мужчиной мог быть либо избранный из самой секты, или одержимый дьяволом или одним из его демонов.

— Сам ритуал проходит так: женщина, пожелавшая стать ведьмой, безлунной ночью идёт на кладбище. Там она раздевается догола и отрекается от христианства, предлагая своё тело и душу дьяволу.

— Там она совокупляется с избранным членом культа, который в дальнейшем отвечает за обучение её тайнам секты. Всё это отвечает определённым ритуалам и должно быть засвидетельствовано двумя другими членами культа, также нагими. Это не просто оргия, мистер Крей, а чрезвычайно серьёзная религиозная церемония.

— После соития они читают нужное заклинание, которое должно привлечь демонов и злобных призраков мёртвых. И весь этот ритуал повторяется три ночи подряд.

— Я, я слышал об этом, — кивнул я.

Клэйб проигнорировал мои слова.

— Эти увлекательные верования из Озарка через какое-то время достигли предгорий Ар-

канзаса. И то, что я сейчас вам расскажу, очень сильно смахивает на озаркское посвящение в ведьмы.

Если честно, на такой увлекательный рассказ я и надеяться не мог, когда сюда ехал.

Клэйб был открытым окном, окном в те тёмные и суеверные времена невежества и религиозной нетерпимости.

Он вскрыл следующую банку пива.

И рассказал мне историю, которая передавалась из уст в уста много-много поколений.

— Насколько я помню, Лавкрафт ни разу не упоминал в своей новелле фамилию того семейства. Не важно. С помощью подсказок, которые я отыскал в дневниках и того, что мне рассказали старожилы, семья, которая нас интересует, всегда определялась как «Уинтроп», или «Уолтроп». Но их истинная фамилия была Кори.

Хотя, опять же, я это важным не считаю. Для нас имеет значение лишь то, что в то время в этой холмистой местности действовал дьявольский культ, и Кори — или семья с любой другой фамилией — была в этом замешана…

Увлекательно.

Клэйб сказал, что эти Кори приехали из Англии и привезли с собой свои языческие и ведьмовские

верования.

Он также намекнул, что эти Кори из Беркшира могли оказаться кровными родственниками Кори, которых казнили во время процесса над салемскими ведьмами, что само по себе уже было интригующим.

В общем, семейство Кори было немалым. Они владели множеством ферм, разбросанных среди холмов у подножья горы Грейлок.

Джое Кори был известным членом культа, и боялись его не только домашние, но и все остальные жители деревни.

Дело обычное: он мог вызвать ливни, наслать мор, поднять демонов из ада, проклясть ваших врагов или благословить ваши посевы.

Он был способен рассказать ваше будущее и сварить любовное зелье; был неплох в создании кукол для колдовства; практиковал некромантию и вызов духов.

Всё как обычно.

У Кори была дочь по имени Люция.

Она была слабоумной, и всё это происходило от того, что она была рождена с «меткой», как тогда это называли: особенное родимое пятно в форме земляники на груди. Если бы охотники на ведьм того времени увидели его, они бы без

сомнений опознали в нём печально известную «печать дьявола».

Те, кто рождался в семье Кори с подобными отметинами, были либо прорицателями, либо знахарями, либо колдунами.

По преданию, их мощь была огромной.

И именно таких дочерей избирали в день их тринадцатилетия для полуночной церемонии посвящения, так напоминавшей озаркскую церемонию.

— И здесь мы подходим к тому, в чём Коттон Мэзер не посмел признаться, — со всей серьёзностью заявил Клэйб.

— В Беркшире обряд был чистым и непорочным по своей сути. Люцию отвели на кладбище под названием «Лощина Страха», и отдали её тело сущности, призванной её отцом. Это не был посланник дьявола, мистер Крей, нет… Это было немыслимо жуткое создание, чума вне времени и пространства.

Диктофон записывал его рассказ, а сердце моё бешено колотилось.

Клэйб сумел захватить меня.

Он рассказывал свою историю так, словно она была правдой, словно он сам в неё верил, как и любой прекрасный рассказчик.

Я чуть не слюни пускал на рассказываемое: это было никем ранее не слышимое предание о ведьмах, сохранившееся и не забытое лишь в этом богом забытом Бергшир Хиллз.

Именно такие истории заставляли меня чувствовать выигравшим в лотерею: практически неизвестная, абсолютно не разбавленная выдумками, подлинная народная легенда длиной в сотни лет.

Словно я мог заглянуть в разум тех первых поселенцев, увидеть то, что видели они; почувствовать то, что чувствовали они. Толковать мир так, как они его понимали своими ограниченными из-за столетий губительных суеверий мозгами.

— Как вы думаете, мистер Клей, что это было за существо? Лавкрафт сказал, что оно было «неименуемым», но всё же упомянул про когти и рога — традиционные образы дьявола…

— Никто точно не знал, за исключением самих приверженцев культа. И судя по тем крупицам информации, что мне удалось отыскать, никто никогда не заглядывал в лицо призываемым существам кроме тех девиц, что им отдавались. Ходили слухи, что единожды взглянув на него, уже нельзя остаться прежним.

Клэйб практически перестал вести себя, как спившийся грубиян.

Теперь передо мной был фольклорист, как и я сам.

Очень серьёзно воспринимающий, казалось бы, такой абсурдный предмет разговора.

Тем лучше.

Он отодвинул банку пива и продолжил.

— Мы не знаем, что именно за существо это было. Уверен только в том, что оно было до крайности отвратительным. По словам человека по имени Джошуа Рабин, ныне уже давно покойного, Кори привели к чудовищу ещё двух своих дочерей. И ни одна из этих двух не выжила после ритуала единения.

— Но это было раньше. И вот вновь люди в той деревеньке ощущали, что время пришло. Они все косились Люцию, видели, как она говорила на своей тарабарщине и временами смотрела, не мигая, в одну точку, и боялись её. И когда приблизился её тринадцатый день рождения, все жители понимали, что ей предстоит.

— Поговаривали, что знамения грядущего были очевидны. За несколько недель до церемонии знаки были повсюду. Козодои целыми стаями собирались вокруг села и пели песни ночи на-

пролёт, как безумные. На поверхности луны появлялся кроваво-красный ободок.

— Роились мухи, бегали полчища крыс, жабы выскакивали на дорогу. Леса были полны духов, а по ночам в двери и ставни домов кто-то скрёб.

А потом наступала ночь церемонии. Ночь, когда все запирались в домах и хижинах и молили о скором рассвете.

— Можете рассказать подробнее о самой церемонии?

Клэйб покачал головой.

— Не могу. К сожалению, служители культа дьявола в Беркшире очень тщательно оберегали свои тайны. Но вот что я вам, мистер Крей, скажу: люди утверждали, что ещё многие недели спустя после церемонии на том проклятом кладбище Лощину Страха освещало ночами жуткое, неземное сияние.

— Что это говорит о ритуале с Люцией? Не знаю. Но как бы то ни было, церемонию единения с той сущностью девушка пережила. Обезумев от ужаса, она выбежала с кладбища в лощину, место шабаша ведьм.

Клэйб уставился на меня широко распахнутыми глазами, горящими на бескровном лице.

— Мы можем только догадываться, каково ей

было: обезумевшей, напуганной, рванувшей через тёмный ночной лес, а запах того чудовища следовал за ней повсюду, пропитав её саму. Оно пометило девушку до конца её дней. Люди верили, что она была проклята. Проклята…

— Что ей оставалось, как не вернуться домой после всего? И она попыталась, мистер Крей, но наткнулась на запертые двери и захлопнутые ставни. От неё, помеченной чудовищем и навеки принадлежащей ему, отвернулись её родители и вся её родня.

— В истории говорится, что той ночью она бегала от одного дома к другому, но никто не хотел её впускать. Собаки лаяли, как безумные, чуя её, коровы разбегались по загонам, и даже лесные звери спасались бегством.

«Отправляйся к таким же, как ты, — говорили ей. — Ты больше не наша. Ты — их, и принадлежишь им, а не нам. Уходи к таким, как ты сама».

И, в конце концов, она так и сделала.

— К рассвету растрёпанная, исцарапанная до крови и доведённая до истерики она добрела до леса, забираясь всё выше в горы и зная, что есть только одно место, где её примут. Высокий, узкий заброшенный дом вдалеке от Лощины Страха.

— Местные были уверены, что этот дом насе-

ляют злобные духи и языческие бесы; и не без причины — это был дом бабушки Люции по отцовской линии, Эбигейл Кори.

— Должен вам сказать, что Эбигейл была верховной жрицей культа дьявола. Недалеко от Лощины Страха была деревенька Клопвуд, ныне разрушенная. Если вам интересно, я позже покажу вам её расположение. Её очень сложно найти, и теперь там ничего не осталось ничего, кроме руин и развалин.

— В общем, фактов дальше маловато, но судя по всему, жители Клопвуда устали от дани, которую требовала Эбигейл — домашний скот, еда, дрова и всё в таком духе — и публично забили женщину камнями на площади. Но Эбигейл выжила и наложила на деревушку проклятие.

Если верить редким слухами кое-каким намёкам в старых письмах, женщины Клопвуда стали рожать существ, лишь отдалённо напоминающих людей. Лишённые глаз и конечностей мерзости, которых сразу сжигали на костре. И то же самое случилось с домашним скотом.

Вскоре все поля выродились, животные мутировали, женщины сошли с ума от того кошмара, что вылезал из их утробы, дети голодали. И тогда мужчины Клопвуда отправились к дому Эбигейл

Кори, вытащили её кричащую во двор и повесили на высоком дубе со спутанными ветвями. И оставили гнить её тело, пока плоть не распалась и не оголила кости.

— Культ дьявола в Беркшире впал в ярость, и спустя несколько месяц деревню сожгли дотла. Очевидно, вместе с жителями. О произошедшем осталось мало упоминаний, мистер Крей; в основном лишь эвфемизмы об огненном демоне, разрушившем деревню.

— Вот в этот дом и отправилась Люция. В запущенное, забытое место, где она могла бы в одиночестве родить зародившуюся в ней жизнь. Никто не смел и на километр приближаться к этому дому. Никто из членов культа и даже из самого семейства Кори не приходил туда, кроме Джона, отца Люции.

Но и он не желал глядеть на дочь. Он приходил дважды в неделю, оставлял еду и все необходимое, но ни разу не взглянул на Люцию. Она была священным сосудом, понимаете? Священной реликвией, не предназначенной для глаз нечестивых смертных.

— Так продолжалось в течение многих месяцев. Отец приносил еду и прочие нужные Люции вещи, а когда он уходил, девушка забирала остав-

ленное. И так было все девять месяцев. Пока не родился ребёнок.

Я слушал эти рассказы. Такие прекрасно сплетённые, захватывающие, вытянутые из замшелых голов наших прадедов. Я чуть не подпрыгивал на диване от нетерпения, ожидая развязки.

Клэйб рассказывал с таким убеждением, с такое верой в собственные слова! Еле переводя дыхание, широко распахнув глаза и сжимая в дрожащей руке банку пива.

Естественно, я не верил, что в рассказанном есть хоть капля правды. Это лишь народная легенда, приукрашенная многими поколениями, и, благодаря всё новым и новым деталям, стала напоминать роман ужасов.

Нет, я понимал, что в самой сути есть крохотное зерно истинных верований и мифов, исчезнувших в наши дни.

И должен признаться, меня захватил этот рассказ.

Я чувствовал себя ребёнком, сидящим вечером у костра в лагере скаутов, слушающим страшилки и верящим в них.

Звучит нелепо, но Клэйб был прирождённым рассказчиком; он продолжал с такой решимо-

стью и непоколебимой убеждённостью, что невозможно было усомниться в достоверности повествования.

— И как… Как выглядело дитя? — спросил я.

Клэйб вновь не обратил внимания на мою реплику.

— Итак, девять месяцев спустя, в вальпургиеву ночь (*ночь с 30 апреля на 1 мая — прим. пер.*) неместный охотник пришёл к одному из домов в деревне и рассказал, что нашёл тело молодой девушки снаружи от заброшенной лачуги. Она была зверски разодрана, скорей всего каким-то диким животным.

— Туда отправились с десяток мужчин — самых храбрых, кто рискнёт приблизиться к проклятому дому. Труп Люции был расчленён и выпотрошен, как туша борова. А ещё более странным было то, что тело девушки было опаленным и обгоревшим.

— Они даже не стали хоронить девушку, услышав доносившиеся из запертого дома звуки: хныканье, повизгивание, кряхтение. Они сбежали, опасаясь за свои жизни.

— Да, мистер Крей, Люция дала жизнь ужасному, нечеловеческому созданию… Сжигающему существу, которое не было рождёно обычным

способом — оно проело себе путь из материнской утробы. Люцию съедало заживо собственное дитя, ибо когда оно прокладывало себе путь наружу, оно питалось материнской плотью.

Пришёл мой черёд хвататься за пиво.

Я вскрыл одну банку и залпом осушил её до половины.

На меня серьёзно подействовала история.

Клэйб был отличным рассказчиком. Представляю, каким спросом он пользуется на Хэллоуин!

И дело было не только в самой жуткой, пугающей истории, но и в атмосфере внутри трейлера.

Тусклый свет, пробивающийся через клубы сигаретного дыма; статуя человека с оленьей головой; мерзкие, плавающие в банках предметы; старый плакат на стене, объявляющий выступления «Мальчика-крокодила и девочки-змеи», и «ужасов, рождённых от нечестивых союзов».

Пугающее одиночество среди гор; доносящийся из ящика Пандоры манящий шёпот; пересказанные истории и тайны сумасшедших семейств, которые впервые вытащили на белый свет…

Хотя основную роль всё же играл Клэйб.

И его манера повествования: все эти неприятные, личные подробности. Словно он был там в то время.

Когда он рассказывал мне о найденном в доме Эбигейл Кори теле, его лицо было мертвенно-бледным, а губы дрожали.

Он так сильно сжал банку из-под пива, что смял её. А я сидел напротив со своей банкой и смотрел на него.

Смотрел, как он стёр платком пот с лица, как судорожно дёрнул головой, как вздулись вены на его шее.

В конце концов, тишина стала меня тяготить.

— Интересная сказка.

А Клэйб рассмеялся.

Он смеялся прямо мне в лицо, и смех его был резким, пронзительным и скрипучим, как петли в подвал, населённый призраками.

Да, он смеялся, но в смехе этом не было и доли юмора; лишь ослепительная, гнетущая боль, сидящая глубоко внутри него.

— Да, сказка… Но она ещё не окончена.

Он отбросил в сторону банку пива, даже не заметив, что пена выплеснулась на ковёр.

— Итак, Люция погибла, и мы даже представить не можем, какой жестокой и мучительной была её смерть, мистер Крей. Но дитя… да, дитя выжило. В записях говорится, что Джон Кори отправился к дому, чтобы похоронить останки

дочери. И пока был там, зашёл в дом.

— Никто не смел входить внутрь дома с тех пор, как той жуткой ночью порог переступила Люция. А до того? Нет. Ни единая душа не заходила сюда с того дня, как повесили во дворе Эбигейл. Но Джон Кори вошёл. Вошёл с единственной целью: найти свою новорождённую внучку или внука.

— Кори был стар, очень стар, но каким-то извращённым чувством он ощущал, что этот ребёнок — его плоть и кровь. И эта кровь звала его. Он понимал, что если дитя сбежит из дома, то начнёт творить жуткие вещи; на него откроют охоту и убьют, как из века в век убивали таких существ, как он.

— Мы никогда не узнаем, что в тот миг чувствовал Кори, каких моральных сил требовалось, чтобы войти в этот мрачный холодный дом. Чтобы ходить по коридорам в поисках этого создания, заглядывая на чердаки и подвалы, возможно, даже подзывая этого монстра.

— А потом услышать, как оно спускается, но не шагает, а ползёт. Как существо без конечностей. Либо у которого слишком много конечностей. Существо, которое светится во мраке заброшенного дома.

— Существо, которое хнычет, как человеческое

дитя, но ни одно человеческое дитя в этом мире не могло быть… Нет, мы ведь не можем знать, мы можем лишь догадываться и предоставить волю нашему воображению…

Да, я уже представлял: мрачный пустой дом, пыль, паутина, скрипящие доски под ногами, висящие на стенах жуткие напоминания о прошлом, словно призраки в разрушенном склепе.

Я практически видел, как мужчина ходит один по коридорам, зовёт существо и знает, что оно должно ответить, должно показать себя и либо выползти по лестнице из подвала, мерцая злобными красными глазами, либо спуститься сверху, по стенам, как получеловек-полупаук.

Естественно, это была всего лишь сказка, которой, без сомнений, наслаждался бы сам Лавкрафт.

Но мне от этого не становилось легче.

У меня по спине ручьём тёк пот, не хватало воздуха, чтобы вздохнуть; я испытывал практически физическое отвращение к тому, чем было и чем не было это создание.

Никогда прежде на меня не оказывала подобного влияния простая сказка, какой бы бредовой и жуткой она ни была.

Я имею в виду, что меня никогда не пугали ни

бог Сет с головой змея, ни играющий на свирели в лесах Пан.

Меня восхищали их образы, как и умы, которые их придумали и верили в них.

Но ребёнок Люции Кори… При мысли о нём хотелось запереть дверь дома на ещё один замок и перед сном обязательно заглянуть под кровать.

Но Клэйб ещё не закончил.

Возможно, если бы я знал, что будет дальше и каких усилий от меня это потребует, я сбежал бы из этого трейлера.

А может, и нет.

Ведь фольклористу присуще врождённое любопытство.

Клейб рассказал, что по местным поверьям, Джон Кори нашёл дитя, завернул его в мешковину, отнёс в собственный дом и запер на чердаке.

Его держали на чердаке не только для того, чтобы скрыть от посторонних глаз, но и оттого, что существо боялось солнечного света.

Как паук или летучая мышь, оно хорошо росло только в темноте, и поцелуй солнечного света был для него губителен.

Клэйб перечитал множество источников, но все они сходились на том, что чудовище было женского пола.

Заботились о нём и кормили его только члены семейства Кори.

Спало существо в детской кроватке, как и обычный ребёнок. И днём оно лежало тихо, но по ночам начинало плакать и кричать.

Все, кто проходил мимо дома Кори с восходом луны, могли отчётливо слышать, как эта мерзость скулит, хнычет и скребёт по стеклу запертого окна, удерживающего её взаперти.

И упоминалась ещё одна интересная деталь: из-под чердачной двери всегда пробивался странный свет, но не как от лампы или свечи, а мерцающий, ярко-жёлтый.

— И вот мы, мистер Крей, приблизились к самому интересному, — произнёс Клэйб. — Монстр был заперт на чердаке подальше от любопытных глаз и, возможно, даже от взора самого Всевышнего. Он жил на чердаке около двух лет, и за это время несколько членов семьи Кори сошли с ума из-за его присутствия в доме.

Да, если верить сплетням, семейство Кори было вырождающимся с высокой долей наследственного безумия, передающегося из поколения в поколение. Но с появлением этого выродка от связи Люции Кори и безымянного кошмара всё стало ещё хуже.

— Несколько человек сошли с ума. А одну из дочерей — старшую, Мерси — увидели утром, бредущей по ржаному полю соседнего фермера Престона. Девушке было двадцать лет, но волосы её были седыми, лицо старческим и сморщенным, а глаза — остекленевшими и безумными.

Она брела со сгорбленной спиной, как старая карга, но сделала с ней это не длительная работа на протяжении всей жизни, а то, что она видела и за чем ухаживала. Оно высосало из девушки молодость и жизненные силы, выжав, как тряпку.

— Потребовалась сила нескольких взрослых мужчин, чтобы удержать её, потому что она впала в безумие, кричала, шипела, скалила зубы, плевалась и бредила. В моменты относительного спокойствия она начинала плакать и рассказывать о «живых зелёных костях и паутине жёлтой плоти», и о «глазах, которые горят; глазах цвета пламени и тумана».

— И другой бред про существо, рождённое для мрака, ползающее в детской кроватке; существо из паутины, дыма и слизи с горящими глазами. Десятками горящих глаз. Она была абсолютно безумна. В основном она кричала и бушевала, пытаясь укусить любого, кто находился рядом; плевалась и царапалась, подражая, возможно,

каким-то увиденным бешеным животным. Или тому, что было заперто на чердаке.

— Её осмотрел доктор и очень заинтересовался несомненной физической дегенерацией и ускоренным старением. Он предположил, что это каким-то образом связано с многочисленными гноящимися ранами на теле девушки и странными кольцевидными ожогами на её горле, груди и животе.

И ещё он заметил, что она была горячей на ощупь, лихорадочно горячей, словно горела изнутри.

А её левая сторона тела была значительно отёкшей и увеличенной, особенно конечности, в то время как правая сторона стала сморщенной и атрофированной.

— Время от времени, Мерси, казалось, приходила в себя и требовала, чтобы её освободили, чтобы она смогла «продолжить заниматься своими делами». Говорила, что «ей нужно работать руками, которые не дрожат и знают своё дело». Рассказывала, что нужно присмотреть за домашним скотом и скосить траву.

— А затем она снова начинала бредить и тараторить, как сумасшедшая, говорить, что «тот, другой, что живёт в пыли и мраке, проголодался,

и его надо накормить и напоить», потому что он «любит жевать мясо и пить кровь, как только его брюхо пустеет».

— Шериф пытался связаться с семейством Кори, но те утверждали, что не знают эту девушку и это не их дочь. Шериф докладывал, что все Кори отличались сероватым оттенком кожи, которая была морщинистой и «выглядела нездоровой». Так было и у Мерси. И хотя семейство всегда было большим, а отец семейства был плодовитым, сам шериф за всё время видел лишь двух сестёр Мерси.

— А Джон Кори? — спросил я.

Клэйб покачал головой.

— Незадолго до произошедших событий он умер. Когда всё началось, он уже был стар. Мы можем только представить, насколько резко его подкосило появившееся существо. В общем, он умер и был должным образом захоронен на семейном кладбище Кори в Лощине Страха.

— А ребёнок?

— Ну, о нём — или о ней — существует множество историй. Большинство из них сходятся в том, что дитя сбежало в лес. И многие месяцы после этого оно охотилось на диких животных и на тех глупцов, которых удавалось ночью отловить на

пустынных трактах.

— Тогда произошло несколько необъяснимых убийств. И вот мы снова возвращаемся к мистеру Лавкрафту и его «Неименуемому». Ведь события, которые он вплетает в свой рассказ, родились из журналов и писем того периода: убийство священника и его семьи, убитые ночью люди, заглядывающее в окна по ночам жуткое чудовище…

Да, всё это послужило ядром описания. Как и местные сплетни о существе, скребущемся ночами в двери и оставившем на досках сожжённой церкви аномальный отпечаток.

— Думаю, моего рассказа вполне хватит для вашей книги, мистер Крей. Но вы должны знать ещё кое-что. Я чувствую, что должен поведать вам о последствиях тех убийств и о необъяснимых феноменах.

— Хорошо, — выдавил я, не уверенный, что хочу услышать продолжение.

Ибо чем больше говорил Клэйб, тем больше я верил в рассказанное. Его выражение лица и манера повествования заставляли меня считать, что это не просто старая легенда, а набор фактов.

— Что произошло с Мерси?

— Она умерла спустя месяц после того, как её

нашли в полях Престона. Она отказывалась от еды. Волосы начали выпадать, и её каждый день рвало кровью. Язвы на коже становились лишь обширнее, и в одну из ночей на фоне жуткой лихорадки она отошла в другой мир.

— Ясно.

Клэйб взглянул на меня так, словно мне ничего не было ясно.

— Всю остальную информацию я получил из письма человека по имени Чарльз Хоуп, написанного им его сестре в Провиденсе. Мы можем полагаться только на рассказанное им. Его признание — единственный уцелевший фрагмент, и не существует никаких дополнительных доказательств.

— Такое случается, мистер Клэйб. Вы же прекрасно знаете, что такие сказки часто передаются из уст в уста и очень редко записываются. Поэтому так важно успеть их отыскать до того, как все забудут. Полагаю, вся красота фольклора и мифов и заключается в их пересказывании. Но для нас, учёных-фольклористов, всё же необходимы письменные доказательства.

Взгляд Клэйба источал яд.

— Так вы считаете, что то, что я вам рассказал, это миф? Думаете, мои руки дрожат, а сердце бе-

шено колотится из-за какой-то избитой сказки?

Он хихикнул.

— Ладно, плевать.

Но было очевидно, что ему не плевать, ибо разозлился он не на шутку.

— Кори присоединился к группе добровольцев, организованной шерифом, — продолжил Клэйб. — Они уже давно устали от смертей и исчезновения их скота. И вот они отправились к дому Кори…

— Хоуп писал, что дом находился в плачевном состоянии и запустении. Покосившаяся лачуга с пустыми амбарами и не вспаханными полями. Посадки засохли и заросли сорняками. И хотя лето было в разгаре, на деревьях не было ни то, что листвы, но даже почек.

Всё, от живой изгороди до травы на лугу, было мертво и разрушено. Высокий вяз перед домом, упал, как только на него опёрся один из мужчин. Всё было готово вот-вот развалиться в труху, словно обуглилось в лесном пожаре.

Внутри дома царила тишина и запах пепла и тления.

Отряд нашёл тела сестёр Люции: одна лежала наверху в кровати, а вторая — распластанная на полу к кухне, словно перед смертью пыталась вы-

ползти через чёрный выход. Их тела напоминали тело Мери, только у этих двоих девушек атрофия была выражена сильнее.

Всё тело покрывали язвы, плоть была серой и морщинистой, а седые волосы выпадали. У обеих не осталось зубов. И как и у Мерси, у обеих были прижжённые круговые раны на животе, груди и шее.

Тела разваливались, как только до них дотрагивались, и быстрое вскрытие, произведённое доктором, показало, что в них практически не осталось крови. Все вены спались.

Отряд начал подниматься по лестнице наверх, к чердаку, и чем ближе они подходили, тем яснее ощущали отвратительный смрад.

Хоуп описывал это как сладковато-кислый запах разложения, но со странным «привкусом», золы и рассыпающихся в прах полотен.

С помощью кремниевых пистолетов мужчины отстрелили замок с двери и ворвались внутрь. Там было мрачно, грязно и отвратительно пахло.

Окно, прежде забитое досками, было распахнуто настежь, а ставни стучали под порывами ветра.

В углу они увидели грязное одеяло, миску, цепи и кандалы.

Весь пол был усеян костями, плотью и отходами жизнедеятельности.

— И что они сделали? — спросил я.

— Они вышли и сожгли дом дотла. Для них это была проклятая земля, которую следовало очистить. Ибо в тот день они узнали то, что хотели забыть. Они узнали, что случилось с семейством Кори, и что их убило.

Клэйб уверенно заявил, что погибли они оттого, что ребёнку Люции была необходима пища.

Сначала они начали его кормить объедками со стола, но ему этого не хватало.

Оно плакало, ведь хотело другого. Крови.

Судя по всему, это была вампирическая сущность.

Поэтому Кори начали отдавать ему домашний скот, а когда он закончился, отдали то, что оставалось.

— Самих себя, — произнёс Клэйб. — То существо хотело крови, и они отдавали ему свою собственную. Те кольцевидные раны были от его рта. Вы можете вообразить подобное? Чтобы кто-то позволял этому кошмару присасываться к себе, как пиявке?

Не удивительно, что они сошли с ума. Но убило, ослабило и искалечило их не столько безумие и

потеря крови, сколько сам контакт с существом.

— Простое нахождение поблизости от него уже было губительно не только духовно, но и физически. Существо излучало нечто сжигающее и опасное для человека. Знаете, что это могло быть?

О, да, я знал, на что он намекал.

Понимал, к чему он ведёт.

Я догадался в тот момент, когда он упомянул про «свечение», и физическую дегенерацию Кори.

Истинный Лавкрафт.

Но я решил сыграть недоумение — ни к чему подогревать его одержимость.

— Нет.

Клэйб усмехнулся.

— Радиация, — сказал он. — Ребёнок, скорей всего, был радиоактивным. Без сомнения, Кори сошли с ума, находясь рядом с этой тварью и позволяя ей высасывать их кровь. Да, они слабели день ото дня из-за его присасывания.

— Но сгубил их именно контакт с этим существом, с его ртом… Лучевая болезнь. Только она может объяснить все описанные симптомы.

Это существо должно было быть радиоактивным, как и его отец.

Я пристально взглянул на Клэйба.

— Думаю, мистер Клэйб, вы увлеклись. Вы пытаетесь логику реалий переложить на то, что по сути своей является мифом.

— Друг мой, вы не понимаете, о чём говорите.

Я вздохнул.

— Радиация? Да ладно…

Клэйб усмехнулся.

— А как мне ещё это назвать? Хорошо, давайте назовём это… Эманациями, излучением энергии. Такой же, какую испускает солнце. Только вот в нашем случае это неестественно. Излучение от дитя было частью его отцовского наследия.

Смешно и нелепо.

Я знал кое-что о радиоактивных материалах.

Он светились только в научно-фантастических фильмах, если, конечно, не взаимодействовали с другими элементами.

Но я не стал на этом останавливаться.

Какой смысл?

Я откашлялся.

— А что случилось с ребёнком?

Клэйб улыбнулся.

— А что с ним? Не сомневаюсь, что рассказанное мной вы опишите как местную легенду и забудете об этом. Но для меня всё не так просто.

Он снова закурил и выпустил дым через искривлённые зубы.

— Но как давно бы ни случились описываемые события, эта история всегда будет существовать в Беркшире. Она не умрёт, пока в ней сохраняется хоть крупица истины; пока горит костёр, не дающий потухнуть легенде; то, что не даёт истории погибнуть до сего дня.

— О чём вы?

— О доме Эбигейл Кори, который всё ещё стоит на тех холмах, — ответил Клэйб. — Видите ли, именно туда отправилось дитя, ведь это был единственный настоящий дом, который оно знало. Время от времени оно убивало кого-то и питалось им. Фермеры находили быков с такими же круговыми метками на шеях, и вскоре животные слабели и умирали.

— Это длилось многие, многие годы. Полагаю, обычно подобные местные легенды и суеверия заканчиваются тем, что группа мужчин отравилась на поиски чудовища. Но в этот раз такого не произошло. Хотя нет, ходили слухи, что периодически какие-то смельчаки отваживались открыть охоту, но ни об одном из них после этого больше ничего не слышали.

— Могу лишь сказать, что, в конце концов,

люди научились сосуществовать с чудовищем, как бы дико это не звучало. Если ему приносили пропитание, оно не спускалось в деревню, не убивало и не калечило. Классический фольклорный сценарий, да? Жертвоприношения для зверя в попытке задобрить его и не дать разорить окрестности и поубивать жителей.

— Да, так и было. Каждую неделю к дому доставляли подношения. Я читал, что каждый раз приносящий выбирался жребием.

— Фермеры отдавали ему мясо — коз или свиней; то, что могли себе позволить. Создание надо было держать сытым, иначе… В общем, вы догадываетесь, что произошло бы в противном случае.

— И как долго, если верить записям, это продолжалось?

Клэйб нервно хихикнул.

— Как долго? Это продолжается и до сих пор.

Я почувствовал, как вдоль позвоночника у меня пробежал холодок.

И не потому что начал верить в эту околесицу, а потому что окончательно уверился, что передо мной сидит безумец.

— Вы… Вы ведь не серьёзно? Мистер Клэйб, это ж… Господи… Вы говорите, что… Что это суще-

ство живёт в разрушенном старом доме уже три столетия. Это нелепо! Оно никогда не существовало, и даже если бы и родился на свет какой-то ребёнок с аномалиями развития… он бы уже давным-давно умер!

И я даже не стал упоминать о том, что большинство мутаций редко совместимы с жизнью.

Все они были генетическими тупиками.

Простая биология — если по счастливой случайности природа не наделила мутировавший организм возможностью к выживанию и существованию на грани смерти… Он умирает.

— Возможно, — протянул Клэйб.

Я пожал плечами.

А что я мог сказать?

Клэйб усмехнулся, глядя на меня злопамятным взглядом. Я знал, что он верил в свой рассказ.

Он действительно верил в сказку, которая была захватывающей как с точки зрения истории, так и с точки зрения фольклора. Но без сомнений, это была абсолютная небылица.

Должна быть небылицей…

Она потрясла меня; в своих изысканиях я слышал и другие странные истории.

Но эта… Полное безумие.

Клэйб был сумасшедшим. Должен оказаться

сумасшедшим, как иначе?

И, тем не менее, он мне таким не казался…

— Забавно, правда? Я говорю вам, что это правда. Что это злобное, вечное создание прожило в доме три века и будет продолжать там жить, пока гниющая хижина не развалится и выставит чудовище под солнечные лучи, которых оно так боится. Но вы всё ещё сомневаетесь. Естественно.

— Старик, несущий несусветный бред… Так вы обо мне думаете? Да, может, я и старый человек. Может. Но я не ошибаюсь. Всё рассказанное — не продукт моего неуёмного воображения, независимо от того, насколько нам было бы легче жить, если бы это оказалось простой выдумкой.

Он продолжал смотреть на меня, пытаясь заставить опустить глаза.

Но я выдержал его взгляд.

Не смог отвести.

И вскоре он продолжил сухим, безжизненным голосом:

— Я могу рассказать вам то, что знают лишь несколько избранных, кто хранит тайну и передаёт её из поколения в поколение. Я могу рассказать, что мистер Лавкрафт знал правду, когда писал о мальчике в 1793 году, который

увидел что-то в высоком окне чердака и убежал прочь, истошно вопя.

— Или я могу рассказать историю солдата, вернувшегося с войны 1812 года и отправившегося к тому дому, чтобы истребить чудовище. Видите ли, зимой оно проявляло меньшую активность, и возможно, солдат решил, что оно находится в спячке и его будет легче схватить. О нём больше никто не слышал, но весной, когда сошёл снег, в лесу около дома нашли груду костей.

— Но я полагаю, само по себе это ничего не доказывает. Да, ещё был доктор Болан, который устал от суеверий и предрассудков и в 1875 году отправился в тот дом. А вернулся абсолютно седым и безумным.

— Болан был полевым хирургом во время Гражданской войны и насмотрелся ужасов. Но то, что он увидел в хижине, навсегда лишило его разума. Ни кошмар сражений при Энтитеме и Шайло не смогли подготовить его к той чуме, что глядела на него из окна.

— А в 1914 году появились два глупца, оставшихся на спор на ночь в разваливающемся доме…

— Хватит, — произнёс я, наконец.

С меня действительно было довольно.

Я с благодарностью выслушал местные поверья и легенды, но этот бред слушать не желал и выключил диктофон.

— Думаю, мне лучше уйти.

— Вы глупец, мистер Крей. Чёртов глупец, — ухмыльнулся Клэйб. — Вы поставили на мне крест, потому что я — свихнувшийся деревенщина. Что ж, не могу вас винить. Но что, если я скажу, что у меня есть доказательства? Что могу предоставить вам шанс выйти из кабинета и отложить пылящиеся на полках книги? Что вы на это ответите? Вы готовы встретиться с тем, что уже сколько веков сводит людей с ума? Или спрячетесь за своими пыльными полками и неинтересными рассказиками?

Я тяжело сглотнул.

Наверно, я понимал, что к этому всё и идёт.

И поэтому я и остался в надежде, что в самом конце получу хоть крупицу доказательств рассказанного.

Хоть обломок кости, как в рассказе Лавкрафта.

Хоть что-то.

Ведь вера Клейба в свой рассказ была бесспорной.

Он не сомневался в этом ни на минуту.

Нет, серьёзно, я не верил в монстров, хотя и до-

пускал, что в течение всей истории человечества на свет появлялись люди с уродствами и аномалиями, вид которых и вдохновлял на создание историй, которые я тщательно записываю.

Но я не верил вот в это существо — в ужас семьи Кори; в создание, которое имело с ними кровное родство, и которое они отчаянно пытались скрыть.

И, в конце концов, потерпели полный крах.

Допустим, оно действительно когда-то существовало. Но я не верил, что оно может жить до сих пор и является жутким «неименуемым», людоедом, каким его описывал Клейб.

Наверно, Люция Кори действительно могла родить ребёнка с дефектами развития, но произошло это не из-за некого вмешательства кошмара из иного мира, а из-за инцеста и близкородственных браков внутри и так не совсем здорового семейства.

Логично? Вполне.

Но часть меня — та, что принадлежало учёному и любопытному собирателю древних легенд — всегда задавалась вопросом: откуда же появлялись эти сказания о полукровках и гибридах?

И мысль о том, что я могу получить некое вещественное доказательство, была слишком

аппетитной, чтобы отказываться. Хотя здравый смысл и говорил мне не соглашаться.

Клэйб поднялся и достал из шкафа ружьё.

— Я собираюсь отправиться в тот дом, мистер Крей. Я завершу то, что следовало сделать много лет и веков назад. Хочу, чтобы вы отправились со мной и стали свидетелем происходящего. Это всё, о чём я вас прошу.

Дрожащими пальцами он зарядил ружьё.

— Видите ли, я уже без малого сорок лет забочусь об этом кошмаре, как заботился о нём мой отец, а до него — мой дед. Думаю, теперь вы уже догадались, что моя истинная фамилия не Клэйб. Я — Кори, и прости Господи, я являюсь родственником этого монстра. И сегодня я сделаю то, что должен, но что поклялся никогда не делать. И если вы отправитесь со мной, то увидите тайну моего семейства.

Мне следовало бежать оттуда сломя голову. Но я остался.

Я запрыгнул в дребезжащий пикап вместе с безумным стариком, положившим себе на колени заряженное ружьё, и мы поехали в холмы.

В дороге говорил он.

Он признался в страшных преступлениях, которые совершали его предки, чтобы сохранить в

тайне существование этого создания.

Клэйб рассказывал жуткие истории о похищенных детях, которых связанными и с заткнутыми ртами привозили в дом Эбигейл Кори и бросали в старый колодец, из которого по ночам поднималось странное золотистое свечение.

Он признался, что сам никогда в таком не участвовал; подобное совершали его наиболее радикально настроенные родичи несколько поколений назад.

Во времена его отца и самого Клэйба существу бросали в колодец только баранину и свинину.

— Да простит меня Господь, Крей, но первые десять лет с того момента, как меня посвятили в семейные тайны, я действительно наслаждался сохранением тайны о чудовище. Но проходили годы, и в один из дней мне стала противна одна только мысль о том, что я должен туда отправиться.

— Но я продолжал туда ходить, даже когда меня тошнило от всего этого. И сейчас… Я не был там уже месяц. Думаю, она будет бодрствовать. И будет очень голодна, и из-за этого не так хитра и коварна. Она будет нас ждать. Она учует, что мы приближаемся, и будет ждать.

Мы ехали по узкой горной дороге, которая вско-

ре превратилась в простую грязь с единственной колеей, по сторонам которой рос красный кедр, орешник и дубы.

Мы переехали через деревянный мост, минули холмы, спустились в заболоченную ложбину, где подлесок окутывал густой туман.

Вскоре дорога закончилась, и мы пошли по тропе среди зарослей болиголова.

Через пятнадцать минут тропа закончилась. Я бы сам никогда не нашёл это место, но Клэйб знал, куда идти.

Он вёл меня через ущелья, поросшие ежевикой, и холмы, вверх по скалистым уступам и сквозь засохший, мёртвый лес.

Там и стоял дом.

За прошедшие годы он должен был зарасти сорняками и плющом, но этого не произошло. Фактически, дом был таким же мёртвым, безжизненным и высохшим, как и деревья вокруг него, окружавшие строение, как нимб.

Сухая, потрескавшаяся земля была неплодородной.

Когда мы ступили на неё, от сапог поднялись облака серой пыли.

То там, то здесь поднимались ввысь высохшие, мёртвые деревья с отваливающейся корой.

Они разваливались в труху, стоило только их коснуться.

Сам дом был высоким, узким и обветшалым, как ободранный от плоти скелет.

Островерхая крыша почти полностью прогнила и рухнула.

Стены были бурыми из-за разросшегося лишайника и плесени.

Всё это напоминало разрушенное, крошащееся надгробие, готовое в любой момент рухнуть.

— Она там, — произнёс Клэйб, и голос его был таким же безжизненным, как и окружавший нас пейзаж.

Перед домом раскинулся огромный, гротескный дуб, напоминавший почерневший скелет.

Я ясно представил, что именно здесь была повешена Эбигейл Кори. Именно здесь её тело оставили висеть и качаться на ветру, пока плоть не оголила кости скелета.

Я стоял, затаив дыхание, впитывая окружающее, и живот у меня неприятно скрутило.

Признаюсь, этот дом меня пугал.

От одного только его вида моё сердце колотилось, как сумасшедшее, а внутри черепа словно начали скрестись мёртвые пальцы.

Мы подошли ближе, и я увидел колодец, кото-

рый упоминал Клэйб.

Обычная тёмная яма, окружённая сваленными каменными плитами.

Я не видел её дна. Да и не хотел.

Пахло здесь, как в старом амбаре или на пепелище.

Ветра не было, и воздух казался плотным из-за частиц разваливающегося дома и иссушённой земли.

Клэйб сказал мне подождать снаружи. Я абсолютно не возражал.

Он зажёг фонарь, который принёс с собой.

— Электрические фонарики здесь не работают, — пояснил он. — Чем ближе к ней подходишь, тем тусклее они становятся. Не знаю, почему… Может, из-за энергии, которую она излучает. Полагаю, в неё больше от её отца, чем от человеческой матери, поэтому её окружает некое поле…

Он повернулся, чтобы войти в дом, и я схватил его за руку.

Во рту пересохло.

В глотку словно насыпали песка.

— Не нужно вам этого делать, мистер Клэйб, — прошептал я, дрожа. — Я… Я вам верю. Пойдёмте отсюда. Прошу вас, давайте уйдём.

Он качнул головой и слабо улыбнулся мне.

— Сынок, я должен это сделать. Должен увидеть, чего боялся все эти годы. Я обязан с этим покончить. Пришло время убить чудовище.

Стоило ему закончить, как из дома донеслись стоны и скрип.

Что-то упало. Может, доска или деревянная планка.

Мы оба взглянули на узкое высокое окно чердака, которое было тщательно заколочено досками.

Многие доски сгнили, и в образовавшиеся дыры можно было разглядеть участки пыльного стекла.

Некоторые стёкла потрескались и вывалились из рам, но некоторые ещё стояли целыми.

Скрип, который мы слышали, шёл именно оттуда, и я почувствовал, как у меня похолодели руки.

На одно безумное мгновение мне показалось, что я видел в окне светлое размытое пятно.

Я хотел произнести какую-ту чушь о том, что с такими звуками, наверно, и разваливаются старые дома, но…

Но в этот момент из того окна на чердаке донёсся одинокий стон, напоминающий завывание ветра в узкой арке.

Клэйб улыбался, глядя на дом безумными глазами.

— Она там, она ждёт меня…

— Нет! — крикнул я, пытаясь его остановить.

Я чувствовал, как внутри дом распадается и иссушает всё, что приближается.

Нет, я не видел её. Не видел нечестивое, жуткое, сверхъестественное существо, прожившее на чердаке три сотни лет, но я чувствовал её. Да, и теперь я услышал и её голос.

Но Клэйб всё же вошёл в дом.

Крыльцо давно развалилось, поэтому ему пришлось забираться через высоко расположенный дверной проём.

Я помог ему подтянуться и ощутил удушливый, зловонный запах старого дома и существа, что там обитает.

Бедный наивный старик вошёл через дверной проём прямо в ненасытную, жаждущую тьму.

Я видел свет его фонаря.

Я слышал, как скрипят рассохшиеся доски, как падают предметы.

Я слышал, как он поднимается по древней, скрипучей лестнице.

А затем… Затем я услышал, как он кричит.

Слышал звук выстрела, эхом разнёсшийся в

ужасающей тишине.

Слышал, как пронзительно, жутко завыло существо, разрывая своим визгом барабанные перепонки.

Наверно, я и сам закричал.

Помню, что развернулся, чтобы сбежать, как трус, но тут из темноты меня позвал Клэйб.

Я слышал, как он упал с той проклятой лестницы. Слышал, как что-то ползёт за ним. Что-то сухое и шелестящее.

А затем влажный звук и чавканье, словно медведь, жующую чью-то тушу в пещере…

Что-то щёлкнуло в моей голове, и я рванул обратно к дому, врываясь в грязь, пыль и облака паутины.

Фонарь валялся на нижней ступеньке и всё ещё горел.

Я увидел истекающего кровью Клэйба, лежащего посреди лестницы и распотрошенного, как лосося.

Я видел только его ноги и нижнюю половину туловища.

И пока я смотрел, его потащило вверх по лестнице. Свет фонаря в моей дрожащей руке отбрасывал пляшущие тени на стенах.

И тогда…

Я услышал это существо.

Оно не просто тащило Клэйба по лестнице; оно присосалось к нему и высасывало его кровь, как огромный мерзкий паук осушает муху капля за каплей.

Я подскочил и схватил тело Клэйба за щиколотки.

Я не отдам его этой твари.

Я дёрнул. Существо дёрнуло в ответ.

Мы сражались, словно два безумца, перетягивающих канат, и, в конце концов, оно с чмокающим звуком отцепило свой рот от Клэйба и зарычало на меня. Меня обдало горячим порывом затхлого воздуха.

Я видел впереди смутную, напоминающую человека фигуру… которая неясным образом светилась.

Существо рычало, скрежетало зубами, и зловоние от него было невыносимым.

Но я в последний раз дёрнул Клэйба за лодыжки и вырвал его из хватки чудовища. Мы оба покатились вниз по лестнице и приземлись в пятно света, падающего через выбитую дверь.

Я оказался прямо у дверного проёма. Тело Клэйба, окровавленное, обезображенное и странно сморщенное из-за вытянутой из него крови, упа-

ло у моих ног.

А существо…

Древнее, уставшее, гниющее чудовище сходило с ума от голода.

Я видел, как оно светилось в темноте, и от него шёл мерзкий, нездоровый запах.

Оно настолько обезумело от голода, что бросилось вперёд в луч света, издав длинный, низкий скорбный вой.

И в этом свете я его разглядел.

Увидел существо, сводившее с ума людей.

Отвратительное дитя Люции Кори.

Она была одета в серые лохмотья, которые некогда были её одеждой, но за столько веков истлели и порвались; кожа её местами оторвалась от мышц, ссохлась и съёжилась.

Она прыгнула вперёд, как какое-то гигантское насекомое, и завопила, когда свет коснулся её тела. Но инерция несла её вперёд, и она остановилась, лишь когда нависла надо мной. Её одежда и плоть кишела насекомыми, которые сваливались на меня шевелящимися комьями.

Она с трудом удерживала равновесие секунду-другую, и я ощутил на лице её зловонное дыхание, отдающее гниющей в овраге падалью.

Она смотрела мне в глаза какую-то долю секун-

ды, но этого хватило, чтобы внутри у меня всё перевернулось.

Её глаза напоминали чёрные дыры на сморщенном лице, испещрённые алыми и золотистыми прожилками, и напоминали поглощающие свет тёмные туманности в самых дальних уголках вселенной.

Один глаз находился выше другого, но оба были широкими и полупрозрачными, словно покрытые водной оболочкой.

И в этот момент я вывалился через дверной проём наружу.

Я закричал, пытаясь закрыть лицо… Я упал, приземлился на твёрдую, высохшую землю и покатился прочь…

А она пошатывалась передо мной, покачивалась из стороны в сторону, захваченная в ловушку из солнечного света, как насекомое в янтаре.

Она начала распадаться: из груди вырывались долгие, бледные, как черви, нити, а плоть стекала, как расплавленный вязкий розоватый, красный и рыжий воск.

А потом она тоже упала во двор дома.

Она почти мгновенно вскочила, издав дикий вопль, в котором агония смешивалась с яростью.

Обезумев, она крутилась вокруг своей оси, а в

это время плоть её продолжала отваливаться и испаряться.

Она напоминала дикую и странную ведьму, исчезающую впоследствии собственных заклинаний.

Внешне она имела сходство с человеком, но многие её части тела были непропорционально увеличены, другие — уменьшены… К тому же, яркие искрящиеся цвета, сбегающие воском на землю, скорее напоминали акварельный набросок, чем натуральные оттенки человеческой плоти.

Ростом она была со взрослого человека, но сгорбленная, согнутая, переломанная; кости и наросты на них торчали во все стороны.

Её левая рука была толстой и мясистой с выросшими на ней нитями, напоминавшими испанский мох; кисть — затупленной, наподобие лопаты; правая рука — худой, скелетоподобной, а пальцы напоминали острые и загнутые вилы.

Я смог неплохо рассмотреть её, обрамлённую лучами солнечного света, как ореолом, когда она воздела к небу деформированные, уродливые пальцы и попыталась закрыться от лучей.

Её голова была огромной, напоминающей луковицу, и мягкой, как подгнившая тыква.

Она сидела на коротком шейном отделе позвоночника. Отдельные пучки белых волос только чуть-чуть прикрывали жёлтый череп.

Лицо было изрезано морщинами, и с него лохмотьями висела кожа и плоть.

Рот был несимметричным относительно остального лица, а губы, сперва тонкие и бледные, теперь отекали, становясь пухлыми, рыбьими.

Когда она закричала от ярости, её раскрытый рот превратился в идеальный овал, как у пиявки.

А за тающими губами я рассмотрел острые, треугольные, короткие зубы. Зубы, предназначенные для измельчения и перемалывания.

Она умирала, а я был готов вот-вот двинуться умом от всего происходящего.

Но я понял… По крайней мере, мне казалось, что я понял.

Её человеческая мать принадлежала этому миру, но вот отец пришёл из некого мрачного места, где нет солнца и его ультрафиолетового излучения.

А они были губительны для этого вида.

Его получеловеческая дочь была ночным кошмаром. Чумой, бродящей во мраке.

Я смотрел, как она упала на землю, скуля и

задыхаясь, и тело её плавилось, как жир на сковороде.

Её горящие глаза подёрнулись пеленой и запали.

Её кожа пузырилась и испарялась.

Она ещё несколько минут корчилась на земле. Гигантское кровоточащее тело мутанта пыталось само когтями содрать с себя остатки плоти, а затем…

Затем она затихла.

Вот так, по прошествии трёх сотен лет, дочь Люции Кори, Неименуемая, в конечном итоге вышла на свет, которого столь долго избегала.

Перевод: К. Романенко

Тим Каррэн
Проект «Процион»

Тим Каррэн. «The Procyon Project», 2014

Это была простая работёнка, и Финн получил её, потому что был настоящим героем маленького, процветающего городка.

Когда он вернулся в Кенберри-Крик с Тихого океана, люди не могли ему угодить.

Они все хотели услышать, как он дал япошкам жару на Гуадалканале. Словно он был там один…

Иногда он и сам начинал верить в свои рассказы… По крайней мере, пока не просыпался среди ночи весь в холодном поту, крича от кошмаров, где перемазанные кровью японские солдаты вновь и вновь, как обезумевшие, фанатично бросались в атаку из горных ущелий.

Но, несмотря на это, он делал всё возможное, чтобы показать себя суровым, крутым морпехом и защитником свободы.

Благодаря этому у него появились бесплатные обеды, свидания с красотками и даже билеты на премьеры в «Риальто», на Мейн-стрит.

Если они хотели верить, что он — жестокая, пуленепробиваемая машина для убийств, пусть будет так.

Он ведь не идиот: дарёному коню в зубы не смотрят.

Он играл свою роль, а они всё съедали и не давились.

И цена этому — его нервы и левая нога.

Не прошло и двух недель с его возвращения, как ему предложили работу на Блю Хиллз — бывшем заводе по производству пестицидов. Но всё это было прикрытием для научно-исследователь-

ского центра вооружения оборонного ведомства для целей войны. Нечто, под названием «Проект Процион».

Всё, что там происходило, стояло под грифом «строго секретно».

А работа Финна заключалась в том, чтобы проверять на входе и выходе пропуска и удостоверения личности.

Платили отлично, к тому же, оставалась куча времени, чтобы читать журналы.

Финн был человеком ленивым, и после Гуадалканала он твёрдо решил начать жизнь спокойную и ленивую.

* * *

На следующий день после Хеллоуина 1943 года ему пришлось выйти в ночную смену, потому что двух других охранников призвали в армию.

Он приехал на Блю Хиллз, переоделся, взял в кафетерии чашечку кофе и направился в будку охранника.

Ему повезло. На предприятии настолько не хватало рабочей силы, что сюда взяли даже парочку пенсионеров.

Одним из них был Честер Де Янг — морской

пехотинец старой закалки.

Он участвовал в Филиппино-американской войне сорок лет назад.

— Смотрите, кто идёт! — воскликнул Честер, завидев Финна. — Брутальный вояка собственной персоной! И что такой бравый пехотинец, как ты, делает в такой дыре?

Финн усмехнулся.

Честер всегда приветствовал его подобным образом, и Финну это нравилось.

Наверно, он был единственным в городе, кто относился к Финну, как к обычному человеку.

А все остальные вели себя так, словно он сделан из хрусталя.

Он как-то сказал об этом Честеру.

— Чувство вины, — ответил тогда Честер. — Да, они собирали металлолом, газ выделялся дозированно, в магазинах не было хорошей говядины и капроновых чулок… Но на самом деле страдал именно ты. И они это понимают. Ты отдал ногу за то, чтобы поднять наш флаг. Не беспокойся, сынок. Год или два — и им станет наплевать. Они не захотят больше выслушивать истории бывалого пехотинца. Помяни моё слово.

Тогда Финн ощутил одновременно и спокойствие, и тревогу.

Но именно это он и любил в Честере.

Тот умел преподнести вещи с разных точек зрения.

Каждый раз, когда Финн рассказывал старику о том, что его тревожило, Честер приводил его мысли в порядок и помогал взглянуть под другим углом.

В отличие от его собственного отца, который каждый день просыпался и пялился на расставленные на каминной полке медали Финна, словно те были самим Ковчегом Завета (согласно Библии — величайшая святыня еврейского народа, в котором хранились каменные Скрижали Завета с Десятью заповедями, а также сосуд с манной и посох Аарона — прим. пер.).

Финн не сомневался, что его старик любил эти медали больше, чем его самого.

— Как сегодня дела?

Честер пожал плечами и потянулся.

— Да как и всегда. Проверяем входящих. Проверяем выходящих. Я уже так наловчился, что должен закупаться в самом крупном супермаркете. А ты как держишься, сынок?

— Неплохо. Да, неплохо.

— Ещё мучают кошмары?

Финн подумал солгать, но потом просто кив-

нул.

— В последнее время всё хуже. Гораздо хуже.

— Так всегда. У меня тоже такое было. Да и сейчас никуда не делось. Нельзя пройти через войну и остаться нетронутым, как девственный снег. Что-то внутри тебя меняется навсегда. Тебе нужно просто принять это и идти дальше.

Честер рассказывал, что восстание на острове Самар в 1901 году до сих пор преследует его в кошмарах.

Земля была влажной от крови.

Он никогда не забудет людей, которых убил во время штурма.

— Иногда кажется, что прошла целая жизнь с тех пор. А иногда — что всего неделя.

Господи, но ведь прошло уже сорок лет!

«Неужели в 1980-х мне всё ещё будет сниться это дерьмо?!»

Разговор прервал внезапный грохот со стороны одного из главных исследовательских комплексов.

Казалось, вся земля содрогнулась, а затем завибрировала.

Финн вдруг почувствовал головокружение, а внутренности сложно сжало в кулак.

Он неуклюже поднялся на протезе.

— Всю ночь такое слышал, — признался Честер. — Чёрт его знает, что они там делают. Только надеюсь, что нас не взорвут.

Финн вышел из будки и прислонился к стене, вдыхая прохладный свежий воздух.

Безумие — вот что это такое.

Грохот заставил его подобраться. Как тогда, при бомбардировке на Гуадалканале.

Словно всё внутри скручивает в узел.

Отвратительно.

Из-за этой странной вибрации у него кружилась голова, перед глазами будто нависла пелена, а кожа, казалось, пыталась слезть с костей.

Что-то в этой вибрации было неправильное.

— У меня всегда от этого шея начинает болеть, — пожаловался Честер. — А сердце вообще пару ударов пропускает.

Финн подвигал челюстью.

Зубы ломило, словно металл в пломбах и конструкциях начал расширяться.

— Какого хрена они вообще там делают?

Честер лишь покачал головой.

— Не знаю, да и знать не хочу! Меня это не очень заботит.

Финн закурил, чтобы успокоить расшатавшиеся нервы.

Что-то во всём этом предприятии было странное.

Внезапно его кожу вновь начало покалывать, а секунду спустя, гул возобновился, и земля задрожала.

Его сопровождал высокий электронный писк, а затем снова вибрация.

Голова опять закружилась.

А когда он открыл глаза… Казалось, весь мир двигался, а деревья в лесу шатались, хотя ветра и не было.

Звёзды над головой изменились.

Вместо крошечных, едва заметных точек появились светящиеся, пульсирующие шарики, и расстояние до них казалось гораздо меньшим.

А потом всё вернулось к норме.

— Тоже это почувствовал, да? — спросил Честер. — В первый раз я думал, меня вырвет. Позвонил в корпус А, чтобы узнать, что у них случилось, но доктор Уэстли уверил, что это просто проблемы с генератором.

«Ага. Проблемы с генератором, — подумал Финн. — Дело далеко не в грёбаном генераторе».

Финну казалось, что весь мир чуть не разбился на осколки.

Он не знал, в чём именно заключается проект

«Процион», но был чертовски уверен, что он никак не связан с генераторами.

Честер защёлкнул крышку на контейнере для еды.

— Ладно, я пойду. Моя старушка ждёт меня дома с горячим ужином.

И он подмигнул Финну.

— Беспокоится, а вдруг я после работы рвану в город покуролесить с девчонками.

— Ну да, — с трудом выдавил из себя смешок Финн.

Честер помахал ему рукой и вышел за ворота, довольно быстро пересекая стоянку и подходя к своему старенькому «Форду».

Казалось, что он старается убраться из Блю Хиллз как можно скорее.

И Финн не мог его в этом винить.

* * *

Первый час прошёл быстро.

Финн сидел в будке, слушал концерт Кея Кайсера (американский музыкант, руководитель популярного джаз-оркестра 1930-х и 1940-х годов — прим. пер.) и листал журнал с таинственными, мистическими рассказиками.

Они были спокойными, даже скучными и не

производящими впечатления.

Как он и любил.

Где-то около половины второго ночи он начал обход.

Основные исследования проводились в двух зданиях: корпусах А и Б, но существовало ещё с десяток хранилищ и ангаров, которые надо было проверить.

На смене, как и всегда, работали двое охранников: Финн и Джек Койе. Финн должен был наблюдать за сектором у ворот, а Джек — за западным сектором, в который входили корпуса А и Б.

У них всё рассчитано.

Они начали обход в 01:30, а в 02:15 уже встретились в диспетчерской, которая по ночам пустовала.

С тех пор как начали происходить эти странные вещи — шум и вибрации — Финн чувствовал, что слегка на взводе.

Он хотел встретиться с Джеком и выкурить с ним сигаретку.

И не столько ради компании, сколько из-за того, что Джек всегда знал то, что знать ему было не положено.

Джек обычно делал обход быстрее, чем Финн.

С деревянной ногой быстро не походишь.

Несмотря на то, что большая часть парковок и проезжих частей в Блю Хилл освещалась, ночь была чертовски тёмной.

Казалось, чёрный лес прижался к ограде ближе, чем обычно.

Над мрачной чащей и полями сплетённых пожелтевших трав висел полумесяц.

Финну казалось, что он последний человек на земле.

Сырость заползала под пальто и холодила позвоночник.

Финна колотило, и он не мог с этим никак справиться.

Его вновь начали беспокоить фантомные боли в отсутствующей конечности. Подумать только!

Он, прихрамывая, шёл вдоль ограды Блю Хиллз.

Здесь, как и всегда, не было ничего необычного: сорняки, тени и наползающая тьма, которую именно сегодня вечером Финн не переносил.

Возможно, она напоминала ему о мрачных ночах в Бухте Аллигатор во время боя у реки Тенару, когда японцы всю ночь атаковали их позицию… А возможно, она напоминала ему о тянущихся из-под двери комнаты тенях с того времени, когда он был ещё мальчишкой.

Что бы это ни было, Финну стало неуютно.

Он патрулировал дорогу вдоль ограды, освещая фонарём окрестности и почти страшась того, что мог высветить луч света.

Финн напрягся, а сердце заколотилось, как безумное.

Напряжение должно было исчезнуть, как только он вернулся на главную дорогу и направился к котельной, но оно лишь нарастало.

Этой ночью всё было странным.

Всё было неправильным, но он не мог понять истинную причину этого.

Когда он остановился рядом с тёмной громадой котельной, Финну показалось, что он услышал шум.

Что-то вроде «шшшш, шшшш».

На первый раз он приостановился, а потом продолжил идти, но во второй раз замер, как вкопанный.

Что за хрень?

Финн ждал, глядя на котельную из-за припаркованных прямо на лужайке машин ночной смены.

Шшшш! Шшшш! Шшшш!

Теперь звук стал более настойчивым, исходя от самих машин.

Финн осторожно направился к ним, радуясь, что на бедре у него висит револьвер калибра.38. Рука сама опустилась и сжала рукоять.

По лбу Финна стекла капля пота, когда он обвёл лучом фонаря парковку и автомобили.

Все они были тёмными и пустыми.

Финн заметил, как что-то спряталось за седаном.

Оно было большим, слишком огромным для суслика или даже рыси.

В глубине сознания мелькнула мысль, что это больше походило на бегущего на четвереньках человека.

Финн тяжело сглотнул и огляделся.

Надо было отступать.

В котельной всегда были рабочие… Но что он им скажет?

Что какой-то ночной хищник напугал его до смерти?

«Чёрт, Финн, да морпехи ничего не боятся!»

Звук повторился.

Что бы это ни было, Финну придётся справляться с этим самому.

И снова «шшш, шшш». Финн дрожал.

Со времён войны его нервы пошаливали.

Он напрягался при малейшем шорохе.

Он даже спал настолько чутко, что это едва ли можно было назвать сном.

Ветка ли царапнула по крыше или собака залаяла в трёх кварталах от дома — сон как рукой снимало, и Финн лежал, уставившись в потолок, готовый вскочить в любую минуту.

Револьвер дрожал в его руке.

— Эй! — слабо выкрикнул Финн. — Эй! Есть здесь кто-нибудь?

Никакого ответа. Лишь вновь это «шшшш, шшшш», напоминающее чем-то кузнечика или цикаду… Только вот чтобы достичь нужного уровня в децибелах потребовалось бы около 10.000 кузнечиков.

Он осторожно двинулся между машин, освещая себе путь фонариком.

Финн и раньше слышал странные звуки во время кампании на Тихом океане; насекомые и хищники действительно доставляли кучу беспокойства. Но эти звуки ни на что прежнее не походили…

Это было нечто иное.

Оно напоминало мягкое, размеренное разжёвывание.

— Эй! — громче крикнул он.

Жевание прекратилось.

Его сменило гортанное мурлыканье, затем вновь «шшшш, шшшш», только на этот раз звук стал более громким.

Словно предостерегающим.

Он доносился из-за багажника шевроле.

Финн пытался сглотнуть, но во рту пересохло.

В одной его руке ходуном ходил револьвер, в другой фонарик; луч света лихорадочно плясал.

Финн обошёл шевроле, ощущая сладковатый запах разложения, от которого внутренности скрутило в узел.

Мужчина подошёл к багажнику и увидел… Он даже не понял, что увидел…Но это заставило его сделать три-четыре шага назад и осесть на землю.

Луч фонаря высветил нечто.

Нечто что со звуком «шшшш», поднялось в воздух на перепончатых крыльях, напоминая жужжание вертолётного винта.

Оно пронеслось прямо над Финном и исчезло в темноте.

А Финн сидел на асфальте с бешено колотящимся сердцем, пытаясь сделать вдох.

Чем бы это существо ни было, по размеру оно походило на человека, но выглядело как огромное насекомое. Может, оса. Только тело было усеяно,

словно иглами, острыми тонкими волосками, и Финн заметил три ярко-жёлтых круглых глаза.

И пасть, полная загнутых назад клыков, как у гремучей змеи.

Финн поднялся на ноги и заметил останки животного, наверно, енота. Его внутренности были разбросаны по парковке, как разобранный часовой механизм в разбившихся часах.

Это существо… Этот жук… Он ел енота.

Финн повернулся к котельной, намереваясь рассказать всей ночной смене, свидетелем чего он только что стал, но остановился, понимая, что не сможет.

Они решат, что он свихнулся.

Ещё один контуженный на войне пехотинец.

Может, в лицо они ему и не рассмеются, но стоит Финну выйти за дверь…

Нет, он не станет ничего рассказывать.

А может, ему всё привиделось?

Может, у него с нервами гораздо хуже, чем он предполагал?

Может, война действительно что-то сдвинула в его голове?

Но сам Финн в это ни минуты не верил.

* * *

Он понимал, что задерживается, но было непросто работать после встречи с гигантским насекомым.

Может, снаружи его больше и не трясло, но вот внутри он до сих пор мелко дрожал, а внутренности скрутило в узел.

Ему нужно было открыть и закрыть четыре двери, но руки просто ходили ходуном, и первые два ключа он просто не мог вставить в замок.

В конце концов, мужчина замер, сделал глубокий вдох и медленный выдох и заставил себя успокоиться.

«Ты пережил войну, дубина! И теперь места не находишь из-за какого-то шершня-переростка?!»

Да, мысли были верными. Только звучали неубедительно.

У той твари были зубы. С каких пор у насекомых есть зубы?!

И крылья… Теперь Финн потихоньку вспоминал, но их была не одна пара, а две или три.

Нет, это было невероятно во всех отношениях.

Насекомые не бывают такими огромными. У них не бывает грёбаных зубов.

Финн провернул последний ключ и вздохнул с облегчением.

Он с нетерпением ждал Джека.

Джек с удовольствием посплетничает обо всех странностях, тут и к бабке не ходи.

Финн шёл по пустынной, залитой лунным светом дороге к зданию А и диспетчерской, которая стояла неподалёку от основного строения.

Чашка кофе, сигарета — и Финн снова станет чувствовать себя человеком.

Всё произошедшее обретёт смысл…

Шум. Снова.

Вот чёрт!

Он становился всё громче и громче, словно морские волны, врезающиеся в пирс.

Земля задрожала, и Финн снова оказался сидящим на заднице.

И почти одновременно началась вибрация.

Он чувствовал костями, мышцами, как всё вокруг вибрировало.

Будто всё, из чего Финн состоял, готово было вот-вот разлететься вдребезги.

Голова кружилась, и волнами накатывала тошнота.

И стоило ему моргнуть, как он увидел мир таким, каким ни разу не видел его прежде.

Абсурдный, искорёженный.

Деревья, как длинные извивающиеся пальцы, касаются светящихся облаков.

Здания, как склонённые монолиты.

Звёзды над головой; такие яркие и такие близкие; пульсирующие, осязаемые, как бьющиеся сердца; или словно распахнутые от ярости глаза в окровавленных глазницах.

Финн закричал.

И снова, и снова. И тогда он разглядел на фоне неприятно раздутой, как гниющая дыня, и такой близкой луны рой проносящихся мимо гигантских насекомых.

А затем всё закончилось.

Финн поднялся на ноги и заковылял к диспетчерской.

Дошёл, прислонился к стене и попытался выровнять дыхание.

Не получалось.

Финн лихорадочно сжимал край металлической полки, потому что боялся, что всё повторится вновь, и на этот раз он действительно разлетится на тысячу осколков.

Минут через пять он пришёл в себя и успокоился.

Насколько это было возможно.

Финн зашёл внутрь диспетчерской и увидел, что Джек Койе уже его ждёт.

Он сидел рядом с радио и отслеживал передвижение воздушного транспорта.

Из уголка его рта торчала сигарета.

Обычно уверенное лицо Джека сейчас было бледным и одутловатым, а под глазами виднелись тёмные круги.

— Сумасшедшая ночка, — произнёс он. — Чертовски сумасшедшая ночка.

Финн упал в крутящееся кресло на колёсиках и прижал ладонь к здоровой ноге, чтобы она не дрожала.

Джек налил ему крепкого чёрного кофе; Финн медленно отпил глоток и затянулся сигаретой.

— Выглядишь так, словно увидел привидение, — заметил Джек.

— И не одно, — ответил Финн.

— Хрен пойми, чем они так занимаются.

— Говорят о каком-то генераторе. Об источнике энергии и прочем дерьме.

— Ага.

— Ходит куча странных слухов.

— Да я сам чуть в штаны не наложил, когда они последний раз его запустили.

Джек отвернулся от радиоточки и посмотрел на Финна.

— Тебя тоже зацепило, да?

— Ага, — кивнул Финн.

— И кишки скрутило?

— Ага.

— И голова кружилась?

— Ну да.

— Хотелось выблевать собственные внутренности?

— Ага. Что это за херня?

Джек качнул головой и закурил вторую сигарету.

И молчал.

Пепел падал на длинное серое форменное пальто, но он, казалось, этого даже не замечал.

— Как только включается та штуковина, радио начинает барахлить. Всё выключается. Одни помехи. И ещё… Самолёты в небе начинают терять скорость и высоту. Полиция не может переговариваться на своих частотах. На электростанциях возникают перебои. А может это всё и не связано, не знаю.

О нет, это всё было связано, в этом Финн был уверен.

Что бы за устройство они там не испытывали,

подобного ему мир ещё не видывал.

Финн понятия не имел, что это за механизм может быть, но уже начинал бояться его мощи и потенциала.

Как только они его включали, начиналось безумие.

Небо менялось. Мир менялся.

И с каждым разом было всё хуже и хуже.

«А что насчёт существа, сожравшего енота?», — спросил себя Финн с лёгкой непроизвольной дрожью.

Что за хрень это была?!

И у него снова не было ответов.

Он знал лишь то, что оно выглядело, как какое-то отвратительное насекомое, но в этом мире не существует подобных насекомых.

Он старался убедить себя, что это никак не связано с происходящим вокруг предприятия, но и сам не верил своим уверениям.

Особенно после того, как спустя всего пару минут работы неизвестного механизма он увидел целый рой этих насекомых на фоне луны.

Всё было связано. Но каким образом Финн пока не знал.

Это находилось за пределами его понимания.

— Не знаю, Джек, какого хрена они творят, но

они выпускают кучу энергии. Столько, сколько мы в жизни не видели.

Джек кивнул и затушил сигарету.

— Ходит слух об этом генераторе, источнике энергии. Думаю, это и есть ядро «Проциона», что-то реально огромное. На прошлой неделе я работал в дневную смену. Сюда приходила делегация из Минобороны, генерал из военной разведки, а в понедельник, как я слышал, предприятие посещали адмиралы из Управления военно-морских исследований. Это серьёзно, Финн, очень серьёзно. И знаешь, что ещё?

Финн бросил на Джека взгляд.

— Даже боюсь спрашивать.

— Я слышал краем уха, что со следующей недели вахту будем нести не только мы. Они расставят по периметру солдат.

Финну происходящее нравилось всё меньше и меньше.

Военная полиция и так уже охраняла их главные здания. А теперь ещё и вдоль забора будут ходить?

— Надеюсь, они не взорвут нашу планету к чертям собачьим.

Джек огляделся вокруг, проверяя, не подслушивает ли кто-нибудь.

— Слушай, не стану утверждать, что знаю, что у них там происходит, — прошептал Джек. — Но знаешь что? У меня в Паксли есть двоюродный брат, работает на мясокомбинате. Похоже, здесь, в Блю Хиллз, у них серьёзные дела.

— На мясокомбинате?

Джек кивнул.

— За последние несколько месяцев они доставили множество грузовиков с мясом и кровью.

— Кровью?

— Ага. По словам брата, они доставляют более сорока пяти килограммов сырого мяса и около восьми сотен литров крови животных дважды, а то и трижды в неделю, — признался Джек. — Столько даже маленькая личная армия не съест. А уж про кровь вообще молчу… На хрена им восемьсот литров животной крови?!

Финна снова затошнило.

Если учёные работали над каким-то механизмом — это одно. Но здесь явно что-то другое…

Столько крови и мяса… Похоже, они кормят животных.

Но в Блю Хиллз нет животных.

Никакой исследовательской биологической станции; они занимались строго разработкой оружия.

Физика, электроника и тому подобное.

Именно этому был посвящён проект «Процион».

По крайней мере, так говорил люди.

Джек пару секунд помолчал.

— Считаешь это странным? Тогда послушай вот ещё что: им доставляют книги и документы из какого-то университета на востоке. Специальным курьером.

— Какие книги?

Джек язвительно ухмыльнулся.

— Да не абы какие, друг мой. Не технические инструкции, не чертежи, ничего подобного. Эти книги… особенные.

Он снова окинул взглядом комнату, слегка задержавшись на висевших на стенах плакатах с надписями «Болтун — находка для шпиона», и «Беспечная болтовня может стоить жизни».

— Книги о магии.

Финн не мог поверить собственным ушам.

Они говорят не о фокусах, вроде вытягивания кролика из шляпы, а о чёрной магии.

О редких древних руководствах по тайным знаниям, по исчезнувшим религиям и забытым богам; о книгах заклинаний, которые рассказывают, как вызвать сущность из другого простран-

ственно-временного континуума.

— Ты о демонах? — уточнил Финн. В горле пересохло, и язык еле ворочался.

Джек пожал плечами.

— Ведьмовские книги, Финн, вот о чём я. Мои источники сообщали, что у них странные названия, вроде «Некрономикон», и «Тайны Червя»... Ну, что-то вроде этого. Всякая лабуда на латинском, как в церкви. Эти книги очень и очень старые. И очень редкие. Много столетий назад они были запрещены святой церковью, и до наших дней сохранились лишь несколько копий. Дьявольские книги.

— Да что за чёртово безумие? Ты уверен, что твой человек не решил над тобой подшутить?

Джек покачал головой.

Его лицо стало серовато-бледным, а широко распахнутые глаза, не мигая, уставились перед собой.

Он был не просто обеспокоен. Он был чертовски напуган.

С таким лицом не шутят.

— С помощью этих книг можно призвать... Я даже не могу произнести их имена. И не проси меня.

— Да что это всё значит, Джек? Какого хрена

они там делают?

Джек пожал плечами.

— Не знаю. У них есть какое-то устройство, которое посылает волны и что-то подобное, от чего людям становится плохо. Они выбрасывают энергию, от которой звёзды превращаются в забавные шарики. Они закупают кровь и мясо, словно внутри содержат тигров в клетках. И они изучают книги о поклонении дьяволу и ведьмовстве.

Джек тяжело сглотнул.

— Я даже боюсь связывать всё это воедино.

— Я тоже, брат, я тоже, — прошептал Финн.

* * *

Они проболтали ещё час, а потом разделились и пошли на обход.

Кругом было тихо и спокойно.

Финн расслабился. Со стороны главных зданий больше не доносилось никаких признаков активности. Слава Богу!

Он обходил свой участок, наслаждаясь ночью.

И не видел ничего странного.

Всё, что недавно произошло, уходило на задворки памяти с ключевыми словами «ошибки и заблуждения».

Финн до сих пор не мог полностью осознать

случившееся, особенно рассказанное Джеком, но он прекрасно понимал, что некоторые вещи лучше оставить в покое и не углубляться.

Не его дело, чем они там занимаются.

Джо Хайдиггер на прошлой неделе предложил ему работу водителя погрузчика на складе, и Финн начал всерьёз обдумывать его предложение.

Возможно, пришло время перемен.

Время полностью отойти от войны и оружия.

Он своё отслужил. Свой долг отдал.

Никто не сможет требовать от него большего.

Ночь была прекрасна. Действительно прекрасна.

За это Финн и любил ночные смены.

Тишина. Спокойствие.

Сверчки.

Ночные птахи.

Одинокий крик совы.

Можно побыть наедине с самим собой.

Можно всё обдумать, принять решения.

Он вернулся в будку, налил чашку кофе из термоса и сел в кресло.

Финн очень надеялся, что остаток ночи будет тихим.

Но когда он услышал топот бегущих ног, он

понял, что этому не суждено было случиться.

Он вздохнул, вышел из будки и увидел доктора Уэстли.

Это был один из учёных в проекте «Проционе».

Финн вспомнил, что его «коньком», была физика.

В свете фонарика Финн разглядел широко распахнутые глаза и дрожащие губы.

— Там, — выдохнул учёный. — Там… Всё случилось. Мы не можем это остановить. Не можем!

— Что вы не можете остановить? — спросил Финн.

— Устройство! Оно стало работать самостоятельно… Мы ему больше не нужны!

— Ничего не понимаю, — признал Финн.

— Мы… Мы увидели скрытый потенциал для нового оружия. Господи, да! Да, это была смесь передовых знаний в области физики, теории элементарных частиц и колдовства… Да, да, да! Откуда нам было знать, во что мы впутаемся?! Что мы имеем дело с изначальными силами хаоса?

Он схватил Финна за руку и не думал отпускать.

Глаза доктора смотрели в одну точку, по лбу стекал пот, рот перекосило, а на лице застыла маска животного ужаса.

— Мы их впустили… Да, впустили! Но только насекомых! Клянусь, только насекомых. Мы заглянули через окно многомерной реальности в самое сердце космического антимира! мы кормили насекомых кровью и мясом, и они становились всё крупнее и крупнее! Но они не из нашего пространственного континуума… Разве вы не понимаете? Мы их не сможем вместить. Они способны использовать четырёхмерное пространство. Они проходят прямо сквозь стены! Сквозь стены!

Финна и самого начинало трясти.

— Доктор, вам нужно успокоиться.

— Я не могу успокоиться! Не могу! Устройство всё ещё работает. И мы ему больше для этого не нужны! Оно берёт энергию из самих звёзд, из атомной структуры веществ. А те существа поглощают энергию и вновь активируют устройство! Оно работает, потому они этого хотят!

— Насекомые?

— Нет, глупец! Те разумы и сознания извне! Те бесформенные сущности, которые хотят довести этот ужас до конца! Чудовища, восседающие на троне первобытного хаоса! Живая первобытная масса ядерного катаклизма…

Уэстли был невменяем, полностью сошёл с ума.

Но и Финн недалеко от него ушёл.

Снова послышался шум.

Твою мать!

Земля затряслась, и Финн услышал ревущий звук с холмов, а Уэстли продолжал разглагольствовать дальше.

А затем ударная волна свалила его с и так некрепких ног и выбила из лёгких весь воздух.

Оглушительный гул.

Словно весь Блю Хиллз взяли и подбросили.

Финна накрыло такое ощущение, как после долгого-долгого спуска на лифте вниз.

И снова почти сразу к шуму присоединилась вибрация.

Со стороны корпусов А и Б Финн услышал крики.

Финн поднялся на ноги и неуверенно заковылял в ту сторону, несмотря на подкатывающую тошноту и гудящую голову.

Ему было чертовски сложно передвигаться, но кому-то там, впереди, нужна была помощь. Он должен туда добраться.

Вибрации шли с холмов и накатывали волнами. Финну казалось, что его кости становятся ватными, и он в любой момент может взмыть к небу, как шарик с гелием.

— Нет! — закричал Уэстли. — Не ходите туда!

— Я должен! — закричал в ответ Финн.

Мир вокруг него становился жутким, пугающим.

Всё было неправильным.

Звёзды снова опустились вниз, а искривлённые ветви деревьев, как щупальца, тянулись к небу.

Корпуса А и Б наклонились, как покосившиеся надгробные плиты.

И шевелились, как шатающиеся в дёснах гнилые зубы.

Финн моргнул, пытаясь избавиться от наваждения, но всё осталось, с каждой секундой становясь всё более искажённым.

Пейзаж стал мерзостным.

Он увидел вдалеке неясные тёмные сооружения, напоминающие обелиски, сферы и цилиндры.

А затем…

Воздух наполнился жужжанием и хлопаньем крыльев, и всё ночное небо заполонили полчища этих безымянных насекомых.

Он видел, как какие-то существа летают прямо над его головой. Чёрные, лоснящиеся, человекоподобные, но без единого намёка на то, что можно было бы назвать лицом.

Уэстли заорал от одного их вида, а Финн мог лишь стоять и не двигаться — оцепеневший и онемевший свидетель мрачного пересечения миров.

Вибрация становилась всё сильнее и сильнее.

Чёрное небо превратилось в водоворот, освещаемый вспышками молний.

Грохот перерос в рёв грузовых поездов, будто на них надвигался отец всех торнадо.

Раздался оглушительный звук, напоминающий треск статического электричества.

Воздух стал сначала горячим, как погребальный костёр, а затем ледяным, как арктическая пустошь.

Финну казалось, что он пытается вдохнуть жидкую овсяную кашу.

А затем его сбил с ног опаляющий порыв ветра, заставив упасть на колени рядом с верещащим Уэстли.

В воздухе летал пепел, словно хлопья снега в метель.

Он накрыл мужчин с невероятной силой.

Холм, на котором стояли корпуса А и Б, приподнялся, как шляпа гигантского чудовищного гриба, и крыши на обоих зданиях начали взрываться изнутри со вспышками ослепительно-голубого

света, и обломки крыш взлетали к самому небу и растворялись в ночи.

А затем небо над их головами раскололось, и из трещины в нём словно начал просачиваться пылающий солнечный свет.

Отверстие расширялось, раздувалось, поглощало небо, превращаясь в всасывающий в себя всё разрез. Финна и Уэстли протащило по земле; гигантский вихрь старался утянуть их в разверзшиеся разрушительные небеса.

И что-то лезло через этот разрыв.

Нечто, желавшее поглотить этот мир, высосать его кровь и обглодать холодные пожелтевшие кости.

При виде этого Уэстли полностью съехал с катушек, начал визжать, кричать и странно размахивать руками.

Его речь стала неистовой и лихорадочной, но кое-что Финн расслышал:

— Он идёт за нами! За всеми нами! Первичный ядерный Хаос! Господь милосердный, помоги нам… Йог-Сотот, убереги нас! Ньярлатхотеп! Йа… ЙА! ЙА! ГЛАЗ АЗАТОТА! Я ВИЖУ ЕГО! ВИЖУ, КАК ОН ОТКРЫВАЕТСЯ!

А Финн лишь стоял и ждал; беспомощный, безмолвный, беззащитный.

Вот он — результат проекта «Процион», окончательный триумф странного устройства, колдовских книг, крови и мяса: призыв этого безбожного, отвратительного кошмара из самых подвалов реальности, этого извивающегося скитальца тьмы, это семя примитивного ужаса, первобытное живущее горнило.

Да, вот что они пытались сделать всё это время.

Вот какую силу они пытались обуздать и использовать в качестве оружия.

Они пытались открыть дорогу сюда этому первобытному плацентарному кошмару.

На одно безумное мгновение Финну показалось, что из образовавшегося разрыва рождается полная луна.

Только это была не луна, а туманный, расплывчатый, непонятный бледный шар, превращающийся в выцветшее, разлагающееся глазное яблоко.

И в этом исполинском глазе начала прорисовываться радужка… Он подплывал всё ближе, ближе, заполняя собой весь небосвод… И Финн видел, как внутри него нечто начинает разворачиваться, подобно лепесткам вырождающегося цветка.

Корчащееся, скользящее, как мясистые ткани последа… Они раскручиваются, вытягиваются, удлиняются, делятся на сотни и тысячи нитей и филаментов, пока над холмом не вырастает чаща из пульсирующих, вздрагивающих прозрачных отростков, тянущихся на многие километры.

А под ними — светящаяся пропасть, источающая шипящие плесневые миазмы.

И она начала раскрывать всё шире и шире, подобно рту. Медленно. Очень медленно.

Родовые пути.

И было в этой бурлящей реке чистого голода нечто живое.

С древним, ярким интеллектом и холодным голодом чужого, пришлого разума.

И это нечто пришло, чтобы поглотить мир.

Финн услышал гулкое, влажное хныканье, словно мучительные вопли рождающегося по образовавшемуся каналу гротескного, изуродованного младенца.

В считанные минуты существо увеличилось в размере, как микроорганизмы в чашке Петри, и гигантская, извивающаяся, мерцающая паутина нитей заполнила всё пространство до неба, а на фоне неё вырисовывались контуры разрушенных корпусов А и Б.

Нити не просто дотягивались до неба; они сами стали небом, и Финн был уверен, что видит лишь малую толику их необъятных размеров.

А затем с разрывающим грохотом небо захлопнулось обратно, и существо, опутывавшее всё небо, разорвалось с оглушительным выбросом энергии и мощи. И исчезло.

* * *

Когда Финн очнулся, всё вокруг было в огне и дыме.

Всё разрушено.

Здания исчезли.

Более того, холмы, на которых стояли корпуса, тоже пропали без следа.

На их месте появились дымящиеся, обугленные кратеры.

На сколько Финну хватало взгляда, вся земля была разворочена; тысячи деревьев валялись вырванными с корнем или просто переломанными.

Как тёмная сторона луны: серая, безжизненная, испещрённая шрамами равнина.

Уэстли был мёртв.

Он лежал на земле под слоем пепла, держал перед собой скрюченные руки; рот его перекосило

на бок, а глаза почти вылезли из орбит.

Ошеломленный, оцепеневший, почти сошедший с ума Финн пробирался через пылающие обломки и жирный чёрный дым, пока не добрался до места, где ещё совсем недавно была будка охранника.

И только там он упал на землю, трясясь, как в лихорадке.

В отдалении он услышал полицейские и пожарные сирены.

Джек Койе был первым, кто до него добрался.

Как и самого Финна, Джека покрывал слой пепла, а лицо было измазано сажей.

Он схватил Финна за руки.

— Эй, парень, не отключайся, говори со мной.

Финн молча улыбнулся.

— Оно ушло? — спросил он.

— Да… Да, ушло.

Финн глубоко вдохнул и попытался выровняться.

— Всё разрушено.

Джек кивнул.

— Точно, точно. Ничего не осталось. Но… Ты это видел? Действительно видел?

Финн задумался, а потом покачал головой.

Закурил сигарету, вспоминая надписи на пла-

катах.

«Болтун — находка для шпиона».

«Беспечная болтовня может стоить жизни».

— Ни хрена я не видел, — ответил он.

Джек подмигнул ему.

— Хороший мальчик.

Перевод: К. Романенко

Тим Каррэн
Тварь с тысячью ног

Tim Curran «The Thing with a Thousand Legs», 2015.

Видишь ли, сынок, местечко вроде Паути-тауна — как красивый камешек, найденный в поле. Так блестит и сияет, что хочется его подобрать — но сделав это, ты увидишь извивающихся тварей, ползающих под ним в прохладной тьме. Не, в Паути — как мне нравится его называть — жить-то неплохо, но своя доля мух над ним витает, как над любым куском мяса, что мясник повесил в окне.

Ну, вот главная улица. «Туфли и ботинки», аптека «Рексалл», «Юнайтед Сигарс», «Ледник Слэйда», пекарня «Будь хорошим», магазин мороженого «Страна чудес», и «Небесное кафе», Миртл. Теперь смотри, что делает старина Тобиас.

«ТАЩИТЕ ТРЯПЬЕ! ТАЩИТЕ ТРЯПЬЕ! Я ПРИШЕЛ ЗА ТРЯПЬЕМ! ТРЯПЬЕ И ЖЕЛЕЗНЫЙ ЛОМ, БУТЫЛКИ И ТРУБКИ, ГАЗЕТЫ И МЕЛОЧЕВКА! Я ПРИШЕЛ ЗА ТРЯПЬЕМ! У ВАС ОНИ ЕСТЬ — МНЕ ОНО НАДО! ТАЩИТЕ ИХ! ТАЩИТЕ! ТАААААААААААААААЩИТЕ ТРЯПЬЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕ!»

Видишь? Кричать надо очень громко, чтоб тебя услышали по всей улице. Звони в колокольчик и ори! Да, сэр, вот так. Мужчина не заработает на хлеб, оставаясь скромным. Слышишь? Часы на здании суда. Восемь ударов. Срежем по Брик-стрит, возле лужайки у конгрегационалистской

церкви.

В большинстве домов сейчас ужин, и тарелки уже очистили. Отличный летний вечер. Пора отцам и матерям, сестрам и братьям, тетям и дядям, дедулям и бабулям собираться на крылечках. Сесть в кресла-качалки и неспешно беседовать, пока спускается ночь. Ледяной чай разлит, холодное пиво проглочено, трубки дымят, сигареты курятся. Чистая радость жизни, сынок, сидеть по крылечкам отличных домов с добрыми друзьями и любимыми, с полными желудками и легкими мыслями, пока шепот ветерка прогоняет костоломную дневную жару, а ты сидишь и нюхаешь герани, мальвы и гибискус.

Видишь, некоторые машут нам, но только и всего. Они услышали, как моя повозка едет — и словно тифозный ветер задул вниз по улице. Я, моя повозка и Медовушка для них — необходимое зло, но это не значит, что они меня полюбят или хотя бы будут цивилизованными. Старину Тобиаса не позовут посидеть на крыльце за стаканом ледяного чаю, шариком ванильного мороженого — или хотя бы покурить у памятника Гражданской войне. Нет, сэр. Для них я замаран, как головка бура, грязный старик с сальной улыбкой и неопрятными руками, пораженными вшами и

болезнями. Но никогда, ни в жизнь не быть мне грязным, как их мысли.

Старые пердуны вышли, шаркая, волнуясь о своих прострелах, артрите и подагре. Без радио да своих клочков земли, они бы уже скопытились и любовались бы травкой из могил. А, вот! Дети! Мои любимчики. Смотри, как они, бросив игры в прятки и догонялки, сбегаются выразить уважение и потрепать Медовушку. Ей это нравится. У меня тут в банке рутбировые конфетки и детки их обожают… О, родители зовут их, прочь от старого оборванца, пока не подхватили что-нибудь.

Живей, Медовушка, живей!

И вот мы на окраине, Брик-стрит превратилась в грязную тропу. Ее называют Блэквуд-лэйн. Никто не уходит так далеко. Говорят, что просто незачем, но вообще-то — потому что боятся. О да, не забывай: глубокий врожденный страх вращает колеса Паути-тауна. Здесь только пара хибар, пустые поля, да леса непролазные. Заметил, как вытянулись тени, а ветви деревьев сомкнулись над нами темным сводом? Как в зловещей волшебной сказке, да? А, вот и кладбище. Погост Паути-тауна. Заброшенный, очень давно. Там праведные хоронили то, чего ни знать, ни видеть не хотели. А вон там? Тот темный поток — Холод-

ный ручей. Говорят, на каждых трех метрах его русла по человеку затонуло. А видишь старый дом, похожий на гробницу, готовую рухнуть в саму себя? Я хотел его показать тебе. Всмотрись. Двор зарос, деревья черны и кривятся, как руки, тянущиеся из кладбищенской земли. И дом… разбитый и покосившийся, зловещий, осевший и заколоченный. Дранка с крыши ободрана, громоотводы попадали. Нет там ничего, лишь вороны да голуби. Это дом Оугуста Уормвелла. Видишь башенку наверху? Люди говорят, там он экспериментировал с тем, чего человеку и знать не положено. Призывал имена из старых книг и нечто ответило… явилось с молнией, громом, сверзилось с неба и настал конец старику Огги. Видишь, у башенки крыши нет? Ну, что бы за ним ни пришло — оно сорвало ее, как крышку с банки бобов.

Не, никто это не расследовал. Все были рады, что оно убралось. Жил он отверженным и ненавидимым, а умер, крича в одиночестве. По слухам, в последние месяцы он был одержим тем, что призвал, но не смог подчинить. Семнадцать лет спустя дом все еще пустует. Для взрослых он бельмо на глазу, для детей — дом с привидениями, стало быть, последние умнее первых, как

это часто и бывает. Тени здесь темнее, а солнце, похоже, не светит даже в полдень. Я слышал разговоры, что внутри углы не такие, коридоры ведут в никуда и двери открываются в пустые чёрные провалы. Такое место лучше не тревожить и даже мальчишки не станут прыгать через кованую ограду — они говорят, что призрак старого Огги показывается из тьмы лунными ночами. По большей части это треп, но мы с Медовушкой могли бы рассказать тебе кое о чем, виденном после заката.

Ходу, Медовушка, я чувствую, как мурашки бегут по спине.

Ну, вернемся к городу, прочь от теней. Деревья по дороге странно движутся, даже когда нет ветра, и темные заросли шелестят от шагов тех, о ком нам лучше не думать.

Вот мы и здесь, в славном городе славных людей.

Слышишь, на пианино играют? Это миссис Бреган. Ей восемьдесят, не меньше. Учит играть на пианино пятьдесят с чем-то лет. Каждый вечер упражняется в гаммах, арпеджио и каденциях, оттачивает музыкальную теорию, чтобы суметь ей даже енота ошкурить. Утром приходят ее ученики. Девочки одеты, как подобает леди, их

волосы завиты в кудряшки. Но мальчишки… черт, они хотят лазать по ручьям и ловить лягушек, и запускать змеев, и играть в бейсбол на старом пастбище Карла Джагга. Но их мамы считают иначе.

Вот мистер Конрой подрезает траву. А если не подрезает, то поливает, сажает или пропалывает ее. Он чокнутый, но его трава… ты чуешь, да? М-м-м. Как духи «Изумруд», и зеленый шелк, все лето в одном глубоком вдохе. А вот и близняшки Блэйр на своих великах, Лиза и Линди. Вжух! Милые детки. Слышишь игральные карты в их спицах?

Шлеп-шлеп-шлеп! Ты чуял лето, а теперь ты его слышишь. О, еще одна мелодия! Слушай! Ангельский голос. Это миссис Санквист из «Будь хорошим», раскатывает тесто, которое поднимется за ночь. Поет она только по-шведски, но, думаю, я знаю каждое слово. Ла-ла-ла. О… посмотри на того хмурого парня. Это Барни Хьюм, издатель «Паути Кроникл», где печатают все новости, что стоит печатать… вот только власть имущие, жирные курицы, высиживающие золотые яйца Паути-тауна, не дадут ему напечатать стоящие вещи, неприглядные вещи, образовавшие темное подбрюшье этого города.

Видишь мерзкую старую ворону на крылечке большого старого дома? Это бабушка Агаттер, старше самого времени, увядшая слива, что не хочет упасть и прорасти травой. Согнутая, чернее вранова крыла, с дурным глазом и злым сердцем. Былая Королева Мая. В ее погребе — лекарства для больных и безнадежно влюбленных. И если есть у этого города центр силы, его черное бьющееся сердце, то это и есть эта ворона, эта птица смерти. Кровь города в ее венах — темная, как нефть и медлительная. Видишь, как она косится на меня своими слезящимися глазами? Это чистый яд, сынок. Можно разлить его по бутылкам и травануть всю нацию. Укуси ее змея — померла бы через три удара сердца. И подыхай я от жажды — она бы мне в рот не плюнула.

Вон вдова Харгоу выбивает дорожки. Тот же ненавидящий меня взгляд. Эти дорожки — я. Это я вишу на перекладине, а она меня выбивает. Видишь ли, ее дочь пропала лет шесть-семь назад, и она думает, что я в этом замешан. Шериф Брин тогда меня здорово прижал. Что-то не так с Паути-тауном и виноват, должно быть, старый Тобиас из лачуги возле Унылой трясины. Умы ограничены, а сердца холодны, вот и все.

Видишь толпу? Старые пердуны собираются

у цирюльни Марино каждый подобный вечер, занимая скамейки и набивая друг друга сплетнями, полуправдами и давними байками. Милт Шорер, Бобби МакКейн, Реб Хаузер, Томми Блэйк и Лео Гуд. Готовься. Они нас видят. Мне еще не случалось проехать так, чтобы Лео не промяукал жестоких слов, язвящих, как стрелы.

«ЭЙ, ТОБИАС! А ЛОШАДИНЫМ ДЕРЬМОМ НЕСЕТ ОТ ТЕБЯ ИЛИ ОТ ЭТОЙ КЛЯЧИ ВИСЛОСПИНОЙ?»

И все они смеются. Реб краснеет и хрипит. Бобби колотит по коленям, а остальные просто хихикают, ведь старик Тобиас — посмешище, да? Его пинают, когда он падает, и бьют, если денек не задался. Да, Лео, сэр, это смешно. Тебя на радио или в телевизор надо бы сунуть, тебя и твою пасть. Выгляди люди снаружи такими, какие они внутри, сынок, у Лео Гуда на голове росли бы рога, рот был бы полон личинок, а из глазниц сочилась бы зеленая слизь. И с остальными развалинами как-то так же, пожелтевшими от возраста и согнутыми временем, уродливыми, злыми и угольно-черными внутри.

Посмотри на железнодорожные пути. Видишь, идет замотанный люд? Ну, это рабочие-железнодорожники возвращаются в город после тяжелого дня. Всю смену они били горячие заклепки и

раскаленные костыли, ворочали шпалы и железо, ели сэндвичи с ветчиной и фаршированные яйца, а теперь пора почиститься и готовиться к ночи. Живей, Медовушка! Сегодня я не жажду дегтя и перьев!

А вот и шериф Брин на своем мото-ссикле. Видишь, как он машет дамам и мужественно кивает парням? И смотрит на старого Тобиаса, как на чесоточную крысу, выползшую из канавы во время чаепития Дочерей Изабеллы? Он все ищет приманку, на которую я попадусь, благослови Бог его каменное сердце.

Вон там мистер Трип у военного памятника. Добрые люди от него подальше держатся. И на то есть причина. Видишь ли, он говорит правду, а народ здесь к такому непривычный. Он может сказать, где дрались в битвах и где закопаны тела, на каких деревьях вешали и какие семьи спалили в их домах ради белой благопристойности. А если ты ему понравишься, то он расскажет о великом тумане тринадцатого года, что однажды спустился на Уиллоу-парк и забрал с собой пятнадцать человек, или о том, как двести лет спустя добрые христиане Паути-тауна пришли к дому Уормвеллов и потащили старика Матиаса на костер. Да, он был прапрапрадедушкой Огги и

его называли колдуном Уормвеллом. Думаешь, такому хорошему, достойному городу, как Паутитаун, не по вкусу сожжение ведьм? Ну, подумай еще раз. Чернота в сердцах людей былых времен не умерла. Нет, она клокочет в сердцах их детей и много раз выкипала, как жир, бурлящий в котле.

Стой, Медовушка, отдохнем здесь, глянем, что почем.

Чувствуешь, сынок? То, что сгустилось, как воздух перед мощным ударом грома? На тенистых улочках и усыпанных листьями переулка — ива и каштан, смоковница и клен, да, сэр, все они волнуются, как гончие, готовые к бегу. Сегодня — та самая ночь.

Ночь Основателя, как ее называют. Они празднуют свои корни — вот в чем тут дело. Мэр Хит толкает речь с ящика из-под мыла, а Дамское общество помощи продает пироги с кокосом и сэндвичи с кресс-салатом. Та еще пирушка. Городской оркестр будет играть, шумно и нестройно, продираясь сквозь «Качайся, милая колесница», «О, Сюзанна», и «Долина Красной реки», пока кровь из ушей не пойдет. Дети носятся сломя голову, родители и старики пьют сдобренный лимонад. Хот-доги и картошка на огне, тележки с попкорном и продавцы орешков («Разбирайте

вкусные соленые орешки, живее!»), рутбир в навощенных стаканах и холодное пиво в бочках со льдом. Все там, сынок. Красотки и фигляры на ходулях, жонглёры и клоуны, и фейерверки, сияющие в небе. Веселье для всех и каждого. Сборище улыбающихся дурней.

Жаль, старика Тобиаса не звали. Никогда не звали и не позовут. Таков мой крест. Словно вонь в комнате, которую стоило бы проветрить, или исхудавшая псина, пускающая слюни на заднем крыльце. Нежелательный. Но это не значит, что я не могу посмотреть — хотя бы пока шериф Брин не прибежал меня прогонять, чтобы я не огорчал добрых мягких людей Паути.

Как псы на зов рожка, мчат они. Друзья и соседи, кузены и семьи суетятся и бегут, тикая и жужжа, как колесики часов. Шумящие и галдящие тени, и спешащие шаги по ступенькам. Смеющиеся голоса, кричащие, счастливые голоса и голоса, в конец одичавшие от радостного праздника. Это встреча друзей, день фестиваля, ночь жатвы и выпускной бал, сложенные вместе, обернутые шикарной бумагой и повязанные красивым бантом. Они идут потоками и ручейками, сливаясь воедино и образуя человеческую реку в белых шляпах, заливающую поросший зеленой

травой остров во внутреннем море Уиллоу-парка. Ходу, Медовушка, это не для нас. Ты знаешь, куда нам надо отправиться, старушка, и что там надо сделать. Вперед же, вперед! Ночь Основателя. Они чествуют Максвелла Пинга, заприметившего это место, и Джесси Смарта, расчистившего лес и построившего хижины у Ручья несчастных женщин. Они говорят об Эстер Кларингтон, построившей первую школу, и Джошуа Хэйсе, который проложил первые улицы. Но они не упомянут Мэтиаса Уормвелла, построившего первые мельницы и литейки. Может, потом он и задумался о вещах помрачнее, но в юности старину Мэтти занимали лишь община и торговля. Нет, его и не подумают упомянуть, но может быть, только может быть, мы это исправим — да так, что они никогда не забудут.

Да, сынок, мы снова выберемся на Блэквудлэйн, сейчас, когда солнце кровоточит в западном небе. Ты, может, видишь, как нечто движется и шелестит, иные тени могут даже звать тебя по имени, но не волнуйся, я и мои родичи защищены на этом пути чарами. А… я не упомянул? Конечно, меня зовут Тобиас Уормвелл. Моя семья сперва держалась высоко и гордо, но, бывает, из дворца в яму падать близко. Вот он, дом. Легче,

Медовушка, легче, знаю, что тебе это не по вкусу.

Так, сынок, дай-ка зажгу фонарь… вот. Здесь темнеет рано. Даже при свете тени крадутся, как змеи, правда? Черные питоны и маслянистые гадюки. Держись рядом, мальчик, держись рядом. Свети рядом со мной. А туда не смотри. Я тоже вижу их, двигающихся у сломанных ворот погоста. На костях их нет плоти, так что — отвернись! Отвернись! Вот, через двор. Не думай о том, что запуталось в траве. Тс-с-с! Тише. Нет… Я не знаю, что это, пусть проскользнет. Вот. Видишь? Мы интереса не вызвали. Вернулось в лес. Умный человек к такому не лезет, мохнатому и ползущему, выше деревьев и с желтыми глазами, горящими ведьмовским огнем.

Нет, не заперто. Заходи, со мной ты в безопасности. Когда-то этот дом был большим, жилище Уормвеллов, а теперь глянь! Стены покосились, пол погнулся, тени залегли там, где теней быть не должно. Сюда занесло листья, птичьи гнезда и мышиный помет. Нам вверх по лестнице. Осторожней с перилами, они гнилее черных зубов. Ни паутина, сынок, ни то, что она оплетает, тебе не повредит. Говорят, собака — лучший друг человека, но это не так. Лучший друг человека — паук. Никто больше не сжирает в пять раз больше

собственного веса в москитах, черных мухах и клещах каждый сезон. Еще паутина, давай я тебя проведу. Царапанье? Да здесь только крысы в стенах. Теперь это их дом. Не пригибайся. Эти летучие мыши в тебя не врежутся.

А теперь держись рядом. Лестница на третий этаж чуток обветшала. В эту дверь и по лестнице — в комнату в башне. Да, сюда мы и идем. Теперь это просто развалины, да? Крыши нет и можно смотреть прямо на звезды, мерцающие наверху. Здесь старик Огги делал своё дело, и здесь мы сделаем наше. Говорят, его схватило столь черное зло, что и ветру его не очистить. Видишь отметины на стенах? Круглые, с обеденную тарелку? Словно осьминог карабкался и оставил следы присосок. Давай, коснись их. Чувствуешь, как они прожгли штукатурку? А теперь иди сюда. Выгляни и скажи, что ты видишь. Верно. Отсюда, возвышаясь над облаками, мы можем заглянуть через вершины деревьев на Уиллоу Парк и увидеть, как добрый народ Паути-тауна собирается праздновать Ночь Основателя. Отличное сборище откормленного скота!

А теперь я покажу тебе мрачную тайну семейства Уормвелл. Видишь? Панель сдвигается и внутри, завернутая в мясницкую бумагу, эта кни-

га. Сдуй листья со стола. Вот так. Давай-ка покажу тебе книгу. Держи фонарь поближе. Латынь я не особо знаю, но на обложке сказано «Dee Vermis Mysterious», или типа того. Произношение мое так себе, но это неважно. Адская это книга, сынок. Церковь старалась уничтожить все копии, что смогли найти. А написавшего ее парня казнили. Забавно пахнет, да? Как кости, пожелтевшие и сгнившие в саване. Чувствуешь переплет? Склизковат, как гнилая свиная кожа. Неважно, эту книгу украл из могилы в старой стране старина Мэтиас. Это книга заклинаний, она про некромантию и дивинацию. А теперь всмотрись в празднование Дня Основателя и не слушай слова, что я скажу, те, что должен сказать в эту ночь, при правильных звездах в третью фазу кровавой луны. Я скажу их за тех Уормвеллов, с которыми дурно обошлись личинки, копошащиеся, ползающие внизу!

Вот. Посмотрим, услышал ли кто… Чувствуешь, сынок? Это не землетрясение заставило мир рокотать.

Посмотри на них внизу, в парке — они тоже это почувствовали! Ветер дует… Ба! Я и здесь его чую, горячий, обжигающе горячий и воняющий тем, что давно уж мертво и зарыто! Боже! Слов-

но тысячи могил раскрыли зев и десять тысяч гробов взорвались червями и гнусью! А теперь… да, этот голос, сынок, этот голос! Словно буря пронеслась сквозь голые деревья и подземные катакомбы! Как гром и шипящие потоки! Идет! Оно идет! Слушай… биение, сотрясающее землю, как огромное, обрюзгшее, мясистое колотящееся сердце! Бум-бум! Я едва могу стоять на ногах! Держись, мальчик, держись крепче! Вопящий адский ветер снесет Паути-таун! Смотри, как носятся они там, внизу, пока их праздник рвут на части торнадо, ураганы и тропические тайфуны! Земля распахнулась! Деревья падают и рушатся дома! А теперь… теперь оно идет, как шло к моему кровному родственнику Оугусту Уормвеллу! Звезды гаснут в небе… Черные расколотые миры катятся, как яйца с фиолетовыми венами, готовые разбиться и разлиться! Луна… да… она налилась красным, как глаз, полный крови! Воздух влажен и стыл! Вот… смотри! Видишь? Небо порозовело, как свежее мясо, пожелтевшее и сгнившее — словно лопнул крупный пласт распухшего жира… О, Иисусе, вот оно! Это Бугг-Шаггат, как книгой и обещано! Выше четырехэтажного дома, подобный ползучему студню и спутанным веревкам! Огромный комок вонючей, извивающейся

слизи и пузырящегося мяса, крадущийся на тысяче паучьих лап! Он идет! Великий Ктулху и Отец Йог-Сотот… прокляните нас всех до единого… Он пожирает небо! Он пожирает мир! Он засасывает этих бедолаг внизу, как свинья, глотающая жижу… миллионы языков… глаза, боже правый, светящиеся кровоточащие глаза, смотрящие прямо на меня…

Он идет, парень. Идет за мной.

Идет за книгой.

А потом придет за тобой…

Перевод: В. Рузаков
Иллюстрация: Ольга Мальчикова

Тим Каррэн
Скрежет из запредельной тьмы

Tim Curran «Scratching from the Outer Darkness», 2016

После двух недель относительной тишины, в течение которых мир пошёл вразнос, Симона Петриу снова услышала скрежет. Иногда он раздавался за спиной, или исходил от неба, а иногда доносился из теней, особенно из теней в углах. А

иногда и изнутри людей. На сей раз он доносился из стен.

* * *

— У вас одна из форм гиперакузии, — объяснял ей доктор Уэллс. — Заметно повышенная слуховая чувствительность. Для незрячих это весьма типично. Когда одно чувство ослабевает — другие обостряются.

— Но дело не только в этом, — с ноткой некоторого отчаяния в голосе сказала Симона. — Я слышу… нечто странное. То, что не должна слышать.

— Что, например?

— Нечто доносящееся из *другого* места. Звуки… — Симона судорожно сглотнула. — *Жужжащие* звуки.

Врач сказал ей, что слуховые галлюцинации известны как паракузия. Иногда они являются признаком весьма серьёзного заболевания. Слово «шизофрения», он не употребил, но говорил именно о ней, была уверена Симона.

— Даже если вы слышите то, чего не слышат другие, это вовсе не значит, что там что-то есть, — объяснил врач.

— И не значит, того, что там ничего нет, — ска-

зала Симона. — Рокки тоже это слышит. Это вы можете как-то объяснить?

Конечно же, он, не мог. *Доктор Уэллс хороший человек*, подумала она, *но это за гранью его понимания*. С самого детства Симона слышала то, чего не могли воспринимать другие. Способность слышать звуки на частоте неуловимой для обычного человеческого слуха была чем-то вроде семейного проклятия Петриу и, как и слепота, передавалась по наследству. Симона была слепой от рождения. Зрение было для неё абстрактным понятием. Она не могла объяснить доктору Уэллсу свой острый слух, он не мог описать ей зрение. Патовая ситуация.

Разумеется, это уже не имело значения.

С тех пор всё зашло гораздо дальше.

* * *

Чувствуя себя очень одинокой и очень уязвимой, Симона прислушивалась: когда же всё начнётся снова, потому что знала, что так и будет. Да, двухнедельная отсрочка была, но теперь скрежет возобновился, и стал ещё яростней и целеустремлённей, чем прежде. *Словно кто-то пытается выбраться наружу*, подумала она. *Пытается проникнуть сквозь каменную стену.*

Скрич-скрич, ширк-ширк. Вот что продолжала слышать Симона. Ночью становилось хуже. Ночью всегда становилось хуже.

Прислушайся.

Да, опять началось.

Скрич-скрич.

Завыл Рокки. О да, он слышал эти звуки и знал, что они не к добру. Что бы за ними ни крылось, оно не сулило ничего хорошего.

— Иди сюда, мальчик, — сказала Симона, но Рокки не захотел.

Она нашла его у стены, сосредоточенного на звуках, доносящихся из угла. Симона гладила пса, пыталась обнять, но тот не давался. Под шерстью он был твёрдой массой переплетённых жил.

— Всё хорошо, мальчик мой, всё будет хорошо, — повторяла Симона, но Рокки понимал, что к чему, да и она тоже.

Скрип и скрежет звучали так, словно рылось животное, будто скреблись когтями в дверь; они походили на звук подкапывания, целеустремлённого подкапывания. Симона невольно вскрикнула. Это было просто невыносимо. Величайшим её страхом было то, что кто бы ни это делал, прорвётся наружу.

Прорвётся откуда?

Этого она не знала. Просто не знала.

Ночь — ещё одно абстрактное понятие для незрячих, была временем, которым Симона наслаждалась больше всего. Шум города стихал и мир можно было услышать по-настоящему. Журчали трубы под потолком. Лёгкий ветерок играл у скатов крыши. Пищали летучие мыши, охотящиеся за жуками вокруг уличных фонарей. На третьем этаже раскачивался в кресле мистер Астано. Дженна и Джош Райаны, молодая пара в конце коридора, занимались любовью, стараясь не шуметь, потому что их кровать была ужасно скрипучей — через вентиляционный канал Симона всегда слышала, как они хихикают в минуты близости.

Но теперь всё изменилось, верно?

Да, всё изменилось. Последние несколько недель ночной бриз был отравлен сладковатым зловонием, подобного которому Симона никогда не чувствовала. Мистер Астано больше не раскачивался в кресле, теперь он рыдал всю ночь. Три ночи напролёт Симона слышала, как в парке пронзительно кричат козодои, и их дьявольский хор становился все громче и громче. Рокки выл и скулил, постоянно обнюхивая плинтусы. А Райаны… они больше не занимались любовью

и не хихикали, теперь они шептались тихими и скрытными голосами, читая друг другу какую-то белиберду из книг. Прошлой ночью Симона отчётливо слышала голос Джоша Райана, эхом отдающийся в воздуховоде: *«Есть имена, которые нельзя произносить, и есть те, к кому никогда не следует взывать».*

Сегодня ночью скрежет был назойливо громким, и никто не убедил бы Симону, что это галлюцинация. Он исходил снаружи, а не изнутри. Нервы её были напряжены, по коже бегали мурашки, заставляя непроизвольно ёжиться, и Симона включила телевизор. Включила на *полную* громкость. Голоса на Си-эн-эн поначалу успокаивали, но вскоре начали тревожить. В Центральном парке произошло массовое самоубийство. По свидетельству очевидцев, две тысячи собравшихся при свете звёзд одновременно перерезали себе левые запястья и хлынувшей кровью нарисовали на лбу странный символ: нечто вроде ствола с пятью ветвями. Полиция утверждала, что все они были членами маргинальной религиозной секты, известной как Церковь Звёздной Мудрости. В Шотландии, в Кейтнессе, был арестован культ Хорасоса — группа, собравшаяся в унылых вересковых пустошах,

на древней мегалитической площадке известной как Холм разбитых Камней. По всей видимости, они произвели ритуальное жертвоприношение нескольких детей, принеся их в жертву языческому богу, известному как «Господин многих обличий». В Африке было совершено множество злодеяний, и самым ужасающим представлялось то, когда сотни людей в Кении собрались в месте, известном как Гора Чёрного Ветра, и отрезали себе языки, дабы не произносить в религиозном экстазе запретное имя воплощения их святого божества. Ходили слухи, что принесённые в жертву языки затем варили и съедали в каком-то отвратительном ритуале известном как Празднество Мух и берущем начало из глубокой древности.

Безумие, думала Симона. *Безумие повсюду*.

Христиане назвали происходящее Армагеддоном, начали лихорадочно цитировать книгу Откровения; по всей Северной Америке и в Европе они бросались с самых высоких зданий, которые могли найти, разбиваясь далеко внизу вдребезги, дабы во время Второго Пришествия Господь, проходя по улицам человеческим, смог омыть ноги в крови верующих.

Мир распадался.

Всё в эти дни разваливалось на части.

Повсюду, в каждом уголке мира происходили убийства, геноцид, поголовное безумие, религиозная истерия и массовое насилие.

В конце концов, Симона выключила телевизор. Казалось, мир рушится без особых на то причин. По крайней мере, так заключил бы здравомыслящий человек.

* * *

Козодои в парке возобновили своё жуткое ритмичное пение, которое становилось все громче и громче; птицы кричали всё быстрее и пронзительнее, словно были охвачены какой-то нарастающей одержимостью. Жалобным щенячьим голосом заскулил Рокки. Возле окон Симон слышала нечто вроде жужжания сотен насекомых. Казалось, что всё происходящее что-то предвещает, и Симона была напугана больше, чем когда-либо в своей жизни. Теперь на улицах раздавались крики, истеричные и нарастающие, становясь чем-то вроде десятков клекочущих голосов восходящих к почти сверхзвуковому крещендо полного помешательства. Они отзывались в Симоне, сотрясая кости и заставляя нервные окончания звенеть. В этих воплях была какая-то сила, безымянное и зловещее колдовство, на-

полняющее её голову чужеродными мыслями и побуждениями. А теперь стены… Господь милосердный, стены дрожали, подстраиваясь под плач козодоев и эти голоса.

Не с улицы, нет, не с улицы, а из стен.

Да, эхо голосов доносилось из какого-то невероятно далёкого места, и, прислушавшись, Симона засомневалась в том, что они человеческого происхождения… гортанное карканье, нестройный визг, блеяние, шипение и мерзкий рёв, гулкие безумные песнопения и глухие звуки буйных ветров, несущихся сквозь подземные тоннели.

Боже милостивый, что всё это значит?

Что всё это *может* значить?

В животе бурлила тошнотворная холодная слизь, на языке — горечь и отвратительная вонь кладбищенского разложения; Симона, чувствуя себя слабой и одурманенной, упала на пол и прижала ладони к ушам: казалось, мозг в черепе закипает от бурления прилившей к голове крови. Звуки становились всё громче и громче, содрогались половицы; казалось, вся комната колышется и трясётся как пудинг. Раздавались чмоканье и чавканье, вопли людей, животных и тварей, которые не являлись ни тем, ни другим… и над всем этим господствовало какофоническое

жужжание, от которого у Симоны тряслись кости и стучали зубы. Оно походило на монотонный гул перепончатых крыльев какого-то чудовищного насекомого, спускающегося с неба.

Потом всё прекратилось.

Всё одновременно закончилось, и воцарилась глубокая, неземная тишина, нарушаемая лишь судорожными вздохами Симоны и поскуливаниями Рокки. Кроме этого — ничего. Вообще ничего. *В этот раз почти получилось*, произнёс голос в голове Симоны. *Осталось немного, они чуть не прорвались. Барьер между «здесь», и «там», совсем истончился*. Но Симона понятия не имела, что всё это значит. Между здесь и *где*?

— Хватит, хватит, — сказала она себе. — Ты сходишь с ума.

С трудом сохраняя равновесие, Симона поднялась с пола. Тишина была всеобъемлющей — колоссальный чёрный вакуум, какой, по её представлениям, всегда существовал за краем вселенной.

Она добралась до дивана и плюхнулась на него, вытирая с лица капли пота. Трясущимися руками включила телевизор, потому что ей нужно было услышать чью-то речь, музыку — что угодно, чтобы разрушить эту стену болезненной тишины.

Да, по Си-эн-говорили, но о всяких мерзостях, мерзостях, которые лишь усиливали её психоз… потому что это, наверняка психоз — не могла же Симона слышать всё это, эти ужасные звуки разрывающейся ткани реальности.

Сообщалось, что несколько миллионов человек совершили паломничество в Калькутту, чтобы в Храме Длинной Тени дождаться явления темнокожего пророка, которого они называли просто «Посланник». В Азии и на Ближнем Востоке вспыхнули пограничные стычки. В Индокитае свирепствовала чума, в Секторе Газа лилась кровь, небо над Эфиопией затмили огромные стаи саранчи, а иранцы в полной мере признали факт обладания несколькими десятками водородных бомб, каждая из которых эквивалентна пятидесяти миллионам тонн тротила. С их помощью, посредством синхронизированного ядерного взрыва, который приведёт к тому, что называли символическим «Глазом Азатота», они вскоре «вознесутся на небеса в черных объятьях судьбы». В Восточной Европе террористическая организация, называвшая себя «Черным Братством», или «Бригадой Аль-Шаггога», сжигала христианские церкви, еврейские синагоги и мусульманские мечети, называя их «местами

крайнего богохульства, которые следует искоренить, дабы очиститься, прежде чем с Темной Звезды сойдёт повелитель, и Великий Отец восстанет из затонувшей гробницы…»

— Психи, Рокки, — сказала Симона. — Мир полон психов.

Эта мысль заставила её слегка улыбнуться. Возможно ли, чтобы вся человеческая раса одновременно потеряла коллективный разум? Что вместо случайных вспышек безумия произошло глобальное помешательство? Симона говорила себе, что это весьма маловероятно, но своим словам не верила.

* * *

В тот день к её двери подошёл курьер и, тихонько постучав, заявил, что принёс посылку, за которую нужно расписаться. Он доставил ей новый ноутбук с программами для чтения с экрана. Всё казалось совершенно безобидным… вот только, пока Симона открывала дверь, её охватило чувство страха и отвращения, словно снаружи было нечто невообразимо богомерзкое. Но дверь она открыла, и тут же её охватили маниакальная паранойя и нарастающая клаустрофобия.

— Вам посылка, — сказал мужчина весьма дру-

желюбным голосом.

Но то была личина, ужасная личина… ибо нечто зловещее таилось под поверхностью его кожи, и Симона знала, что, если протянет руку, чтобы коснуться его лица, оно будет пупырчатым, как плоть жабы. И тут же она услышала ужасающий скрежет, доносящийся изнутри этого человека, словно крысы чавкали и копошились. Ощутила сознанием бесконечную спиральную бездну, готовую разверзнуться чёрным водоворотом. И голос — посыльного, но грубый и иссохший, нашёптывающий в голове: *«она… она… она присоединилась? Углы явили ей серую пустоту? Она видела чёрного человека с рогом?»*, Голос эхом отдавался в голове, пока Симона не почувствовала, как по лицу струится холодный кислый пот.

— Мэм, с вами всё в порядке? — спросил курьер.

— Да, — выдохнула она, забирая свёрток дрожащими от напряжения пальцами. — Да, всё замечательно.

— Ну хорошо, если вы уверены.

Но глубоко внутри себя, наверное, на каком-то подсознательном уровне атавистического страха, Симона почувствовала, как в мужчине распахнулась безбожная вихреобразная тьма и ядовитый

смрад, словно от опалённой свиной плоти, дохнул ей в лицо, и тот бесстрастный, пустой голос вновь зашептал: *яви ей, яви, как было завещано в самом Горл Ниграл… пусть она всмотрится в лунную линзу и узрит изумлённо Чёрную Козу Лесов с роем младых… пусть… пусть она… приобщится к сплетающейся тьме по ту сторону…*

— Слушайте, вы уверены, что с вами всё хорошо?

— Да… пожалуй, я в порядке.

Но Симона была *не* в порядке. Она была слепа и одинока, а из этого человека болезненными реками слизи изливалась ненасытная запредельная тьма. Симона чувствовала пыль и обжигающий ветер; её обволакивал гнилостный запах, что не был обычной вонью, но горячо дышал ей в лицо грибковым, гангренозным, почти осязаемым зловонием.

Пытаясь успокоить, доставщик потянулся и дряблой, шелушащейся рукой сжал её запястье.

Симона закричала.

Она ничего не смогла с собой поделать.

Игнорируя скулёж и рычание Рокки, Симона захлопнула дверь у курьера перед носом. Волны физиологического омерзения и невыносимого отвращения почти парализовывали, но она су-

мела добраться до туалета, где исторгла из себя пенистую рвоту. Скорчившись на полу ванной, широко раскрыв рот в безмолвном крике, дрожа и истекая слюной, Симона, все ещё слышала тот голос, шепчущий из неведомых глубин: *уже сейчас, грань близка, оболочка Великого Белого Пространства истончается, ибо близится время схваток и родов…*

* * *

Достаточно, ей-богу, достаточно.

Симона прошла на кухню и убедилась, что у Рокки достаточно еды и воды. За весь день он ни к чему не прикоснулся. Дрожа всем телом, пёс прятался под кухонным столом. Когда Симона протянула руку, чтобы его успокоить, Рокки огрызнулся. *Даже собака, даже моя собака.* Чувствуя себя подавленной, беззащитной и совершенно одинокой, Симона забралась в постель и попыталась заснуть. После отчаянного круга метаний и поворотов, так и случилось.

И сразу же начались сны.

К ней приближались ирреальные, искажённые фантазмы безграничных пространств; рядом перемещались монструозные, пульповидные, необъятные существа; её задевали огромные

ворсистые создания. Симона взбиралась по извилистым лестницам, ведущим в никуда; и от кого-то убегала по увитым бурьяном, разрушенным улицам со множеством монолитных колонн, что на ощупь как гладкое и горячее стекло. Мир-антимир плоскостей, меняющих свои углы, где всё было мягким и скользким, подобно губчатой, склизкой ткани трупа. И всепроникающий голос, громкий и повелительный, приглашавший воссоединиться с тьмой, что ждёт нас всех в конце.

На заднем плане звучало нечто вроде зловещей, враждебной мелодии: тихая и нежная поначалу, она переросла в резкий лихорадочный звук, оглушительный диссонирующий шум: писк летучей мыши и пронзительный скрип, скрежет костей и громоподобный грохот, звучание пилы, впивающейся в стальную пластину, жужжание бензопил и скрежет напильников терзающих струны скрипок и виолончелей… всё это объединялось, создавая безумную резкую какофонию дисгармоничного шума, переполнявшего голову; плавящего нервы, как раскалённые провода; вскрывавшего череп, как яичную скорлупу до тех пор, пока Симона не проснулась, крича в мёртвой тишине своей спальни…

* * *

Мокрая от пота, дрожащая, как мокрая собака, Симона заставила себя успокоиться. Она проснулась, *знала*, что проснулась, но узел страха и тревоги в груди не ослабевал, но стянулся ещё сильнее. Мозг посылал постоянный электрический ток к нервам, и в результате все её тело дрожало и трепетало. Создавалось ужасное ощущение, что она в комнате не одна, что кто-то стоит рядом… и дышит. Симона слышала низкие, хриплые вдохи и выдохи, грубые, вульгарные звуки, который мог бы издавать зверь.

— Рокки? — произнесла она слабым, едва слышным голосом. — *Рокки*?

Голос Симоны странно отозвался вокруг неё. Казалось, что звуковые волны, создаваемые им, заставляли окружающий её воздух вибрировать. Слова будто отскакивали от стен и возвращались обратно рябью, которую она чувствовала кожей.

И Симона все ещё слышала дыхание.

В ужасе она спустила ноги с кровати, встала и тут же пошатнулась, потому что пол был не полом, а чем-то почти студенистым, обжигающе холодной грязью, кишевшей извивающимися тварями, которые начали заползать ей на ноги.

Спишь, спишь, ты все ещё спишь. Но Симона не могла себя в этом убедить. Она потянулась к кровати, и не нашла её. Тяжело дыша, Симона поплелась к двери и почувствовала огромное облегчение, когда та оказалась на месте. Что-то случилось. Симона пробиралась сквозь дерьмо, но вони не было, лишь сырой запах подземелья — наверное, трубу прорвало. Симона оказалась в коротком коридоре, который вёл в гостиную. Пробираясь сквозь липкую жижу, она протянула руки, но до стен не дотянулась. Казалось, что коридор не имеет ни конца, ни начала.

— РОККИ! — отчаянно закричала она.

И вновь слова завибрировали, превращаясь в волны, разбивающиеся о чужеродный берег и с силой ударяющие её при отражении. Воздух… тёплый, густой, практически перенасыщенный… дрожал, как желе. Симона продолжала двигаться, протягивая руки во все стороны, но не было ничего, абсолютно ничего, к чему можно было бы прикоснуться. Это ужасное, дегенеративное дыхание двигалось следом, но, скользя вместе с ней, его обладатель не издавал ни звука. У Симоны раскалывалась голова, в висках пульсировало. Мигрень набирала обороты, боль перетекала из задней части мозга в какую-то мучительно

раскалённую добела точку на лбу. Взрыв сияния в голове, вспыхнувший подобно белому фосфору и превративший мысли в пылающую вспышку света, заставил Симону пошатнуться,

Что?

Что?

Что это?

Будучи слепой с рождения, Симона не знала, что такое зрение, не могла его осмыслить. Оно было для неё совершенно абстрактно, во всех отношениях. Даже во сне Симоне представлялись звуки, запахи, осязательные ощущения… но только не это. Впервые в жизни она увидела… множество цветов, образов и сущностей подобных тысячам ярких светлячков, заполонивших ночное небо. А следом, — хоть и на краткий миг — следом Симона увидела того, кто дышал у неё за спиной. Мужчина, очень высокий мужчина в изодранном плаще, кишевшем длинноногими паразитами, смотрел на неё сверху вниз. Его тёмный лик был не лицом африканца, но чем-то вроде живой резной маски из гладкого блестящего оникса. На Симону смотрели два сверкающих жёлтых глаза, огромных и блестящих, как яичные желтки. А потом всё исчезло. То, что открылось в голове Симоны, закрылось вновь, и она чуть не

потеряла сознание.

Пальцами, похожими на ползучие корни, Тёмный человек вцепился в Симону, и она испустила крик, который, казалось, доносился откуда-то издалека. Непроизвольно, как это бывало множество раз, она потянулась руками к Тёмному человеку и нащупала лицо, мягкое и скользкое, как слабо пульсирующий гриб. Симона скривилась, но, несмотря на отвращение, которое заставило внутренности повиснуть тёплыми, бледными петлями, её пальцы продолжали исследование. Под их кончиками вздулись наросты, и из каждого выскользнуло нечто червеподобное. Они поползли по тыльной стороне её ладоней. Один лизнул порез на мизинце. Другой всосал большой палец. Чем бы они ни были, они исходили из незнакомца обжигающими потоками, мясистыми червеобразными кошмарами, которые струились по рукам, распространяя зловоние смерти — смерти старой и новой — что заставляло её рыдать от отвращения. Как примагниченные, пальцы Симоны продолжали исследовать лицо пришельца, пока не обнаружили нечто вроде мускулистого фаллического оптического стержня, растущего изо лба. А в нём — огромный, распухший, налитой глаз, в который её указательный

палец соскользнул как в перезревшую, мягкую от гнили сливу.

И голос, клекочущий и хлюпающий голос, который звучал словно сквозь кашу: *так ты прозреть смогла бы и причаститься к тьме, что ждёт нас всех ...*

* * *

В следующий раз Симона пришла в себя уже сидя на диване. И она совершенно не помнила, как там оказалась. Она лежала в постели, ей снились кошмары, а теперь оказалась на диване. Обоняние, обострённое сверх обычного, позволило ей ощутить маслянистые, потные и зловонные запахи, сочившиеся из пор ядовитыми ручейками.

Телевизор был включён.

Это был общественный канал. Симона никогда не слушала общественные каналы, но включён был он. Мужской голос, бесконечно и в мельчайших подробностях, монотонно рассказывал о культе Великой Матери, о римлянах, поклонявшихся Кибеле и о развращённости фригийских жрецов. Тёмные тайны алхимии, тауматургические искусства и некромантические ритуалы; этрусские культы плодородия, поклоняющиеся Великому Прародителю Насекомых и безымян-

ные отродья, что не ходили, но ползали в слизи подземных ходов, изрешетивших землю под Салемом — мало что из этого было понятно.

«Разве не было предсказано? — вопрошал голос. — *Не об этом ли предупреждал Коттон Мэзер? Не его ли проповеди о проклятых Богом, рождённых от нечистой крови пришедших извне, послужили знамениями грядущих бедствий? Так и есть, но мы его не слушали! Не об этом ли было известно Безумному Арабу и его последователям? Время разделения и раскрытия не за горами, не так ли? Аль-Азиф, названный так, по словам некоторых, в подражание звукам ночных насекомых и являющийся, по сути, тайнописью, предсказывающей приход Гор-Готры, Великого Отца-Насекомого — разве не говорилось в нём, что Йог-Сотот есть ключ, равно как безумный безликий Бог есть Предвестник? Именно! Точно так же, он намекал на богохульные пророчества об Отце-Насекомом, который был иглой, что вскроет швы этого мира, дабы впустить Великих Древних!»*, Он разглагольствовал о чём-то, известном как *Пнакотические манускрипты*, об Углах Таг-Клатура, и об Элтдаунских Табличках. Становился совершенно истеричным, обсуждая «*De Vermis Mysteriis*», и зловещий «*Liber Ibonis*».

«Всё это было предсказано! Всё!»

Симоне захотелось переключить, потому что общественные каналы всегда кишели ненормальными религиозными фанатиками, но она этого не сделала. В этом что-то было, что-то важное. Голос сообщил ей, что в 1913 году вышел роман Реджинальда Пайника «*Кровожадность Слитов Запределья*», который, из-за ужасного сюжета, описывающего культ плодородия, поклоняющийся языческому божеству-насекомому, быстро исчез с книжных полок. Строго говоря, это был пересказ древнегерманской саги «*Das Summen*», на которую намекала великая мрачная книга ведьм «*Unaussprechlichen Kulten*», и подробно описанная безумным австрийским дворянином Йозефом Графом Регулой в его запрещённом томе *«MorbidusPestisdeResurrectus»*… том самом, что подробно описывал историю культа Гор-Готры и грядущую эпоху Великих Древних. За его написание Регула был обвинён в колдовстве и чернокнижии, а в 1723 году — четвертован. Как бы там ни было, несмотря на запретность знаний культа, их фрагменты сохранились в «*Невыразимых Пережитках*», Вердина и в поэме «Собрание сонма ведьм», обнаруженной в «Азатоте и других ужасах», Эдварда Дерби. «*Вековое пророчество*

— оно было там! А ныне Он грядёт из Чёрного Тумана, дабы поработить наш мир и впустить остальных, и мы, да, мы будем дрожать в тени истинных прародителей тёмного космоса, что содрогается при их пробуждении. 13-е Уравнение на устах у многих, и вскоре грядёт Причастие Саранчи, жужжание, жужжание, жужжание», …

Чтобы не потерять остатки разума Симона выключила телевизор.

* * *

Она вне себя, у неё галлюцинации, мания преследования. И выслушивание бреда сумасшедших ей не поможет.

Сделай что-нибудь! Ты должна что-то сделать! Время приближается! Пора!

Расстроенная, испуганная и дрожащая от страха, она позвонила лучшим друзьям — Ризу и Кэролин, — но они не ответили. Симона звонила приятелям, которых не видела уже несколько месяцев — Фрэнку, Дэриену, Сету и Мэрион, — безрезультатно. На звонки никто не отвечал. Почему никто не отвечает? *Потому что сейчас они собираются в тайных местах, на вершинах холмов, в туманных долинах и заброшенных полях, чтобы дождаться пришествия…*

Безумие какое-то.

Вытирая пот с лица, Симона позвонила матери. Мама находилась в доме престарелых клиники Брайтона Кумбса. Чаще всего она даже не узнавала голос дочери, а когда узнавала, то оставляла глубокое чувство вины. *Ты не должна жить в городе одна. Там может случиться что-нибудь ужасное. Твой отец перевернулся бы в могиле, если бы знал.* На звонок ответили, и уже через тридцать секунд её мать говорила по телефону.

— Мама… как ты? — спросила Симона, стараясь не задохнуться.

— О, Симона, дорогуша. Всё хорошо. Как у тебя дела дела? Звучишь напряжённо. Ты хорошо кушаешь? У тебя уже есть парень?

Иисусе.

— Всё нормально. Просто одиноко.

— Ах, одиночество — это образ жизни, который приходит с годами.

Этот разговор Симона не желала продолжать:

— Я хотела бы тебя навестить.

— О! Это было бы просто замечательно. Жаль, тебя здесь нет. Мы все сидим в зимнем саду и ждём большого события.

— Какого… какого события? — Симона почувствовала, как её охватывает холод.

— Ведь скоро выровняются звезды, и снизойдут *они*. — Мать рассмеялась. — Моря вскипят, а небо расколется. Когда в небесах сойдутся планеты и звезды померкнут одна за другой, Ктулху восстанет из руин Р'лайха, а по лунной лестнице из пещер Н'Каи снизойдёт Цатоггуа. Истинно верующие будут посчитаны, а еретики — проименованы… ты же уверовала, дорогая, не так ли?

Всхлипывая, Симона бросила трубку. Когда её руки коснулось что-то мохнатое, она чуть не вскрикнула. Но это был всего лишь Рокки. Это должен был быть Рокки… но затем он волнообразно, подобно огромному червю, шевельнулся под рукой, и на этот раз Симона действительно закричала. Она отпрянула от дивана, в то время как тварь кружила рядом, издавая хлюпающие, голодные звуки.

У Симоны галлюцинации.

Наверняка это галлюцинации.

Через воздуховоды отопления она слышала, как Джош Райан говорит: «*она ползает, потому что не может ходить, она слышит, но не видит. Знак… на ней нет знака».*

На дрожащих ногах Симона прислонилась к стене. Она снова услышала скрежет… но, на сей раз, он раздавался прямо у неё в голове, словно

внутреннюю часть черепа скребли когти, лезвия и ногти.

Скрич, скрич, СКРИИИИИИЧ, СКРАААААЧ.

Квартира наполнилась запахами холодного мяса, нечистот, и горячей вонью потрохов на скотобойне. Симона слышала жужжание мух, которых, кажется, были сотни, если не тысячи. И скрежет. Теперь он эхом отдавался в голове и был невероятно громким, подобно гигантским пилам, жужжащим в стенах.

Барьер разваливался на части.

Смещаясь, разрываясь, дробясь, перестраиваясь. Она приложила руку к стене и почувствовала, как под пальцами открылась огромная неровная трещина. Симона прикоснулась к чему-то пульсирующему внутри — к чему-то суетливо ёрзающему подобно перистальтическому рою извивающихся могильных червей. Жужжание стало таким громким, что она больше не могла думать. Комнату заполонили насекомые. Они ползали по шее и по рукам. Садились на лицо, путались в волосах и слизывали соль с губ.

Пока огромный мохнатый червь искал Симону она, спотыкаясь, вышла из гостиной в коридор. К ней что-то прикоснулось — возможно руки, но они были распухшие и мягкие от разложе-

ния. Из стен выползали щупальца и хватали её, извивались возле лица, стремясь прикоснуться и распознать, как частенько делала Симона со многими другими. Её руку задело огромное бугристое туловище, и пальцы погрузились в колышущееся месиво колючего меха. Симона отстранилась, пытаясь нащупать стену лишь для того, чтобы наткнуться на мокрую шкуру, которая, как она инстинктивно поняла, принадлежала Рокки. Крик Симоны был едва слышен из-за непрекращающегося шума пилы, скрежета и звука похожего на звон огромного колокола.

Всхлипывая и дрожа, Симона упала на пол, и её колени погрузились в половицы словно они были лишь тёплым, незастывшим цементом. Это была чужая квартира; это была известная ей вселенная, выпотрошенная, вывернутая наизнанку и сливающаяся с другим антимиром. Симона слышала рёв чудовищных паровозных труб, изрыгающих раскалённые клубы радиоактивного пара. Сиренами воздушной тревоги пронзительно завыли они, когда барьер не выдержал, швы кровоточащей раны этого мира разошлись, и хлынула волна ядерной пустоты, стремящаяся заполнить его пространство. Пальцы Симоны прикоснулись к извивающимся

петлям прозрачной плоти, нечто вроде сотен иссохших мотыльков и мумифицированных трупных мух дождём посыпалось ей на голову. Вонь была подобна горячему неону, на Симону падали тени, прикосновение которых обжигало, как кислота. *Старший знак, дитя, ты должна сотворить старший знак, явить знак Киша.* Да, да, она знала, но не понимала, в то время как вокруг сухо клокоча сотрясался воздух.

Хоть Симона и была лишена зрения, ей было даровано узреть грядущий мир. Волны ужасающих видений, захлестнувших мозг, исторгли из неё крик, заставили кровь течь из носа, а глаза закатиться. Да, мир был гробницей, продуваемой шипящими радиоактивными выделениями Древних, ступавших там, где когда-то пребывал человек, и скелеты еретиков хрустели под их поступью. Сточные канавы заполняла кровь невинных, а гнилые тела, распухшие до зелёной падали, превратились в лужи слизи. Мир превратился в груду шлака, в тлеющий погребальный костёр из костей, и ни единой звезды не сияло над ним, лишь необъятная многомерная тьма, которая выжгла бы из глазниц глаза людей, взглянувших на неё.

Затем наваждение исчезло.

Но Симона все ещё могла видеть.

Трещина в стене стала огромным разломом, расколовшим явь известного ей мира… и сквозь зияющую брешь, сквозь какое-то причудливое искривление времени и пространства, она увидела пульсирующие, полихроматические образы туманной, искажённой реальности и какую-то хитиновую и воистину монструозную фигуру, марширующую бесчисленными ногами в её направлении. Нечто, что поначалу было размером с грузовик, затем с дом, после с двухэтажное здание. Симона слышала кошмарный стрёкот и жужжание гигантских перепончатых крыльев. Сущность походила на какого-то гротескного богомола с зубчатым, ослепительно сияющим экзоскелетом. Он заполнил собой трещину. И не только заполнил, но и расширял её — жужжащий ротовой аппарат и иглоподобные жвалы твари распарывали швы мироздания.

До Симоны доносились крики: *АЛЬ-АЗИФ, АЛЬ-АЗИФ, АЛЬ-АЗИФ*.

Паникующая и совершенно обезумевшая, она попыталась убежать, но к ней потянулась одна из раскачивающихся костистых конечностей насекомого, и Симона прилипла к ней, как к липучке. Затем, схватив её, оно улетело сквозь трансга-

лактические бездны и визжащие вихреобразные червоточины пространственно-временного континуума.

Симону уронили.

Она стремительно падала в пространственный водоворот материи, в котором прыгали и извивались скользящие геометрические фигуры, а затем…

Её зрение освободилось от уз плоти, а жилистая сущность души отчаянно пыталась выжить в каком-то безбожном хаосе. Она ползла, скользила, тащилась сквозь пузырящуюся коричневую грязь и изъеденный костный мозг какой-то новой, фантасмагорической нереальности. Голодные насекомоподобные рты присасывались к ней, слизывая сладкие капли красного молока, обжираясь тем, что от неё осталось. Невидимые, но ощущаемые твари окружали её: трепещущие, змеевидные, пресмыкающиеся и мяукающие от голода. Она поползла вперёд: щелкали разрываемые перепонки, на неё капала жижа из гроздей мясистых яиц, закутанных в паутину. Симона оказалась в ловушке какой-то мягкой и живой структуры, какой-то циклопической мерзости, гигантской ползучей биомассы, рождённой в черных как ночь ямах какой-то противной богу

антивселенной. Симона ползла, влачилась по маслянистой шкуре, по разлагающейся студенистой плоти — живая пылинка на отвратительной, невообразимой форме жизни, превосходящей размерами её мир и заполнившей небо извивающимися черными щупальцами, видеть которые Симона не могла, но чувствовала, как они теснят её разум и отравляют кровь космоса.

Симона была не единственной.

Но лишь одной из множества колониальных паразитов, что пресмыкались в слякоти жизнедеятельности существа, барахтались в его поте, гное и выделяющейся сукровице. То немногое, что от неё осталось разлетелось в вихре антиматерии и заряженных энергией частиц.

А потом…

А потом всё закончилось. Возможная репетиция того, чему лишь предстояло случиться. Онемевшая и бездумная Симона лежала на полу гостиной хихикая в бреду, пуская слюни и бормоча что-то невнятное. Она грезила лишь о пришествии ночи, когда сойдутся звёзды, и свершится пророчество. На лбу у неё была выпуклость, зародыш оптического стебля, который дозволит ей узреть время разделения и время слияния, распарывания и сшивания, воссоедине-

ния этого мира и последующего в ту пору, когда Древние унаследуют землю и, в рое светящейся мошкары, Великий Отец-Насекомый покинет свою эфирную обитель вселенской развращённости и вознесётся на перепончатых крыльях в небо.

И когда спазмы пронзили мозг Симоны раскалёнными добела осколками, стебель запульсировал, вырвался наружу и, подобно тепличной орхидее, раскрылся дабы явить ей грядущее — ту священнейшую из ночей, когда мир людей станет кладбищем, а города — гробницами.

Перевод: Р. Насрутдинов

Тим Каррэн
Когда придёт Йигграт

Tim Curran «When Yiggrath Comes», 2017.

Космическое судно-прыгун «Варфоломей», приземлилось на Гамма Эридана 4 примерно в двух километрах от аванпоста землян на хреб-

те Сколопендра. Снаружи было темно. Темнее, чем темно — этакая беспросветная стигийская чернота, которую, наверное, можно встретить лишь в инопланетных мирах, расположенных в бесчисленных парсеках от Земли и Колоний.

Солнце закатилось около шести часов назад. Из-за эксцентричной орбиты ГЭ4 оно взойдёт лишь через пять дней.

Первый помощник Ригер вывел в ядовитую, насыщенную метаном атмосферу остальных — Дока Канга и двух техников: Силандера и Уайза. Ландшафт представлял собой лоскутное одеяло подъёмов и впадин: похожие на дюны скалистые волны с острыми гребнями, и узкие каменные каналы с высокими стенами. Продвижение было не особо сложным, лишь немного непредсказуемым из-за низкой гравитации. К тому же ложбины заполняла густая и колючая растительность, которая цеплялась и рвала костюмы. Высоко в пасмурном небе пронзительно визжали трёхкрылые хрящевые птицы — так называемые тройчатые квалаки. Они также были известны как «ссыкуны», из-за неприятной привычки направлять потоки едкой мочи на то, что их пугает, то есть практически на всё.

Ригер вывел остальных на остроконечное

взгорье и вдалеке на вершине хребта показался аванпост похожий на ряд многоэтажных черных ящиков, соединённых между собой.

Уже шесть недель с исследовательской группой не было никаких контактов.

Ригер соединился со станцией «Космо», находящейся на орбите, примерно на четырехсоткилометровой высоте:

— Здесь темно, очень темно, — сказал он. — Никаких признаков жизни не обнаружено. Кажется, дела плохи.

— Ладно, — вздохнул капитан Кобер. — Входите, но осторожно.

— Есть, сэр.

— Будь начеку, мистер. Одному Богу известно, во что ты вляпался.

Ригер изучал аванпост, его пристальный и обеспокоенный взгляд скрывался за защитным стеклом шлема. «Первый», был одет в блестящий зелёный энвиросьют, известный как ящерокожа. У Ригера, как и у остальных, было импульсное оружие. Время от времени в черном небе появлялись фосфоресцирующие бело-голубые полосы, вызванные выплесками ионизированного ксенона в насыщенную азотом атмосферу. Они походили на трубчатые молнии.

Вверх по склону Ригер повёл отряд к постройкам. На внешней ограде напряжения не было. Всё было разрушено.

Ради интереса он ещё раз попытался вызвать исследовательскую группу. Аванпост назывался «Станция Звёздный Свет», но почему кто-то так его назвал, учитывая густой облачный покров и углеводородный смог ГЭ4, было за пределами понимания Ригера.

— Ну? — сказал Силандер по связи. — Сэр, мы заходим или как?

— Когда я скажу.

Резкий ответ заставил Силандера замолчать. Все были напуганы. И именно по этой причине они не будут входить пока Ригер не разберётся во всем как следует. Технологии двадцать третьего века говорили ему, что на «Звёздном Свете», не осталось ничего живого, но он доверял инстинктам.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Силандер, заводи нас внутрь.

— Чёрт, — сказал Силандер.

Уайз хихикнул.

Силандер подошёл к главному отсеку, сканируя его фонарями шлема.

— «Первый», станция не под давлением, — ска-

зал он по связи. — Переходной шлюз взорван.

Почти подпрыгивая из-за низкой гравитации Ригер и остальные пересекли территорию комплекса. Их окружали тёмные, зловещие пятна теней. Лучи фонарей лезвиями полосовали пространство вокруг.

Они вошли внутрь.

* * *

— Ты можешь включить какое-нибудь освещение? — спросил Ригер.

Силандер пожал плечами внутри костюма:

— Конечно. Скорее всего. Генератор накрылся. Должно быть четыре дублирующих энергоблока. Забавно, что ни один не включился.

— Может быть, их кто-нибудь вырубил, — сказал Уайз.

— Но, зачем, черт возьми, им это делать, сынок? — спросил док Канг.

Ответа у Уайза не было, либо он не хотел им делиться. У парня было воображение, действительно было, и Ригер знал, что иногда это преимущество. Но не в ситуации вроде этой. Здесь были необходимы хладнокровные и дисциплинированные люди. Воображение могло быть смертельно опасным.

Его бы не взяли, если бы это зависело от меня.

Но капитан Коубер выбрал того, кого хотел, и все тут.

Силандер изучил планировку «Звёздного света», на внутренней стороне стекла своего шлема.

— Похоже… похоже, что электрогенератор находится внизу. Если мы пойдём по этому коридору, повернём налево и направо, то в конце увидим люк.

— Может, нам не стоит разделяться, — сказал Уайз. — То есть, не сейчас.

— Заткнись и пошли уже, — сказал Силандер, уводя его.

— Ладно, док, — сказал Ригер. — А мы с тобой найдём центральный пункт управления.

Он со своими синеватыми фонарями на шлеме пошёл первым. Канг последовал за ним. Вокруг них метались безумные тени, с острыми как нож краями. По пути в центральный они проверили несколько комнат, в основном гео- и биолаборатории, и кладовку с запасами на случай непредвиденных обстоятельств. Признаков того, что в последнее время там кто-то побывал заметно не было. Они остановились в столовой аванпоста, их фонари освещали ряды пустых столов.

— Что скажешь, док? — спросил Ригер.

— Пока не знаю, — пожал плечами Канг. — Я к тому, что надо понимать — если бы кто-нибудь остался в живых, он бы принял наше сообщение.

Ригер почувствовал, как сжалось горло:

— Но здесь было пятьдесят человек… Не могут же все они быть мертвы.

— Разве?

Док был прав, и Ригер это понимал. С момента сигнала бедствия прошло шесть недель. Это уйма времени. Могло случиться всё, что угодно.

— По крайней мере, — сказал он, — остались бы тела.

Канг снова пожал плечами:

— Когда я впервые поступил на службу, был медиком на дробилке руды «Долли Б.», «прыгая», с Проксимы D и E на заводы по переработке уридия на Проксиме C. Там был рудный лагерь под названием «Долина Кратеров». Автоматизированный, и с пятью бурильщиками твёрдых пород. О них уже несколько недель никто ничего не слышал, поэтому мы отправили спасательную группу. Знаешь, что они нашли?

— Ничего.

— Вот именно. Эти парни ушли, просто ушли. Суть в том, «Первый», что в такой дал*и* случается

всякое. Плохое. То, что ты даже представить себе не можешь.

Ригер не собирался это обсуждать. В своё время он слышал множество подобных историй. Док всегда что-то рассказывал. Он не верил, что люди должны забираться так далеко.

Ригер связался с «Космо», и сказал, что докладывать не о чем. Пока ещё нет.

Они прошли по тихому коридору и поднялись по металлическим ступенькам. Их шаги отражались эхом, отголоски которого звучали так, будто их преследуют. Если бы у Ригера было богатое воображение, он сказал бы Коуберу, что атмосфера станции кажется испорченной, отравленной чем-то неописуемо мрачным и ужасающе тлетворным. Казалось, Ригер чувствовал, как она проникает в него, словно болезнь. Станция была пуста. В этом он был уверен. И все же «Звёздный свет», неприятно ощущался заселённым. Но чем именно, Ригер сказать не мог.

* * *

Он чуть не подпрыгнул, когда пять минут спустя на связь вышел Силандер:

— Неприятно это говорить, «Первый», но Уайз был прав: кто-то всё вырубил. То есть абсолютно

всё. Не только электроэнергию, но и жизнеобеспечение, рециркуляторы воды, атмосферное давление — всё. Судя по приборам, примерно пять с половиной часов назад.

Ригер почувствовал, как по шее медленно пополз холодок. *Сразу после захода солнца*, подумал он.

— Подключить сможешь?

— Я, конечно, могу запустить реактор вхолодную, но на это уйдёт пятнадцать-двадцать минут.

— Делай, что нужно.

— Ага.

Ригер стоял в каюте главного биолога, женщины с фамилией Фримен. Посветив фонариком вокруг, он не увидел ничего необычного. Должно же хоть что-то остаться. Даже несколько капель крови успокоили бы.

Здесь так чертовски тихо, так чертовски пусто.

— «Первый»! Сюда! — позвал по коммуникатору Канг.

Ригер выбежал в коридор. Канг рискнул войти в пункт центрального управления. Его освещение было направлено на фигуру, прижавшуюся к панелям. Кто бы это ни был, он был одет в жёлтый э-сьют и пузыреобразный шлем. Старьё по

сравнению со ящерокожей команды «Космо».

— Кто он такой? — спросил Ригер.

— Не знаю. Не могу добиться от него ничего, кроме бессмыслицы.

— Сканирование должно было засечь жизненные показатели.

— Да, — сказал Канг. — Должно было.

Внутри шлема немигающие глаза мужчины средних лет были огромными и белыми. Его лицо искажала боль или ужас, губы дрожали. Каждый раз, когда он начинал говорить, речь быстро становилась непонятной.

— Ты можешь его вмазать?

Канг кивнул. Он достал из аптечки шприц и нашёл разъем на костюме мужчины. При передаче лекарства раздалось тихое шипение. Мужчина тут же расслабился. Он медленно моргнул и облизнул губы.

— Вы… вы получили сигнал бедствия?

— Да, — сказал ему Ригер. — Кто вы такой? Что здесь произошло?

— Пилан, — выдавил он, его взгляд был вялым и остекленевшим. — Геофизик, проект «Звёздный свет».

— Я Ригер, а это док Канг. Мы из ГК «Космо».

— Глубокий Космос, а? Парни из Глубокого

Космоса. — Его лицо дёрнулось, будто его встряхнули. — Это… это… там столько всего. Это Хенли, понимаете. Джордж Хенли. Мы с Джорджем были друзьями. Это место, древний город у пересохшего ущелья, нашёл он. Тут-то всё и началось. Это были фитериане. Несомненно. Мы… мы всегда полагали, что фитериане вымерли из-за климатических катаклизмов. Но это оказалось неправдой. Нет, нет, нет. Джордж доказал. Причина вымирания… это была реликвия. Останки, которые Джордж нашёл погребёнными в руинах. Останки… Боже милостивый…

Ригер и Канг стояли на коленях рядом с ним.

— Какая реликвия? — Ригер должен был знать. — Скажите мне.

Пилан дышал тяжело, почти задыхаясь. На шее у него вспучились жилы толщиной с корни молодого дуба.

— Этот город… Он был покинут шестьдесят тысяч лет назад. Тогда всё и случилось, понимаете. Вымирание. Джордж нашёл останки. Вот почему она вернулась, эта сущность — Йиггура, Йигграт… У фитериан для неё было много названий. — Теперь Пилан рыдал, его взгляд метался по сторонам. — Реликвия… всему причиной реликвия… старая, как сама вселенная, бедствие

древнее, как Большой взрыв, изначальное порождение космоса. Вы что не понимаете? Вы не понимаете, что уже поздно? Оно здесь! Оно уже здесь! Оно наблюдает за нами, взывает к нам!

— Доктор Пилан, вам нужно успокоиться, — сказал ему Канг.

— Он бредит, док, — сказал Ригер, качая головой. — В его словах нет никакого смысла.

Пилан напрягся:

— Чёрт возьми, послушайте меня! Фитериане поклонялись этой штуке! Реликвия была для них святыней! Когда Джордж нашёл её в развалинах, пришёл Йигграт! Тёмная материя проникла в видимый спектр! Теперь Он здесь!

— Он чертовски истеричен, — сказал Ригер.

Пилан вскочил на ноги. Дёрнулся в одну сторону, в другую. Он трясся и содрогался, вибрируя быстро, как пневматический молоток. Казалось, что человеческое тело не может так двигаться. Он трясся всё быстрее и быстрее, пока не застучал ботинками по обшивке пола.

— Что с ним происходит, чёрт возьми? — спросил Ригер.

— Я… я не знаю, — это было всё, что мог сказать Канг.

Пилан выглядел как человек, которого медлен-

но убивают… электрическим током. Он держался за два модульных стола, пока по нему всё быстрее и быстрее прокатывались клонические судороги. Голос, высокий и дрожащий, звучал исступлённо:

— Экосистема для э-э-этих сущностей… т-т-тёмная материя… великий спиральный разум… рождённый гравитационной силой… антивещество в вихре субатомных частиц… вывернутое антитворение, абсолютный негатив… оно может… оно может… оно может быть расщеплено теоретически, эмпирически, м-м-м-математически… вывернутые тени… беспросветное спиралевидное сознание… Вы понимаете? Вы понимаете? Голоса… Боже, помоги нам… голоса… семь… оно приспосабливается, оно ассимилируется… оно ускоряется… оно расширяется… восемь… восемь целых три десятых один-пять-семь десятых девять-три… да, да, я слышу, я слышу! Алчущая звёздная медуза… вырвалась из гробницы… Настало время выворота, скот, прими меня, узри меня и вглядись в первозданные расколотые пустоши хаоса! Пять… пять… пять… шесть… семь три… девять целых три десятых в квадрате… точка шесть точка шесть точка шесть точка шесть точка шесть шесть шесть ШЕСТЬ

ШЕСТЬ ШЕСТЬ ШЕСТЬ ШЕСТЬ ШЕСТЬ ШЕСТЬ…

Раздался громкий, мясистый всплеск, обильное влажное извержение крови и тканей. Пилан подлетел в воздух. Его костюм, увеличившись в несколько раз, издал ужасный, ужасный хлопок, как надутый гелием воздушный шар за микросекунду до взрыва.

Энвиросьют упал на пол со влажным, студенистым звуком, как желе в пластиковом пакете. Внутренняя часть шлема была забрызгана ярко-красным. В его содержимом невозможно было узнать человека. Оно плескалось и перекатывалось. На швах костюма блестели капли крови.

Явно ни на что не надеясь, Канг тут же направился к э-сьюту. Потянул за герметичные замки и расстегнул костюм. Вскрикнул, когда его чуть не поглотила хлынувшая волна красной, слизистой каши анатомии Пилана.

Ригер поднял медика на ноги.

— Он… он как будто он подвергся какому-то сильному перепаду давления, — визгливо сказал Канг.

Всё что Ригер действительно мог сделать — доложить об этом. Но когда он попытался, возникли помехи. Вязкая, гудящая, перекрывающая статика, которая необъяснимо беспокоила. Она

звучала как тихие потусторонние вдохи и выдохи, словно прямо под ним что-то было. Словно Ригер слышал дыхание планеты.

— Понять не могу, — сказал Канг. — Десять минут назад связь работала просто отлично.

Ну да, так оно и было, разве нет? Ригер хотел это сказать, но не осмелился. Он был за старшего, и должен был действовать соответственно. Теперь у него буквально мурашки бежали по коже, и это не имело никакого отношения к случившемуся с Пиланом. Это было нечто другое, нечто более глубинное. Инстинктивный вид страха. У Ригера было ощущение, что за ними наблюдают, холодно оценивая нечеловеческим разумом, который был ледяным и жестоким.

— Прямо… прямо за холмом есть гора чистой меди, док. Её засекли датчики. Она может сыграть злую шутку со связью.

Канг кивнул, хотя, очевидно, на это не купился.

Ригер снова попробовал подключиться, и на этот раз помехи были такими пронзительными, что заболели уши.

— Мне это не нравится, — сказал Канг.

— Мне тоже, док.

Он пытался вызвать Силандера и Уайза. Сна-

чала был просто мёртвый эфир, и его сердце заколотилось.

— Да, «Первый». Силандер на связи.

Слава Богу.

— Вы оба нужны мне здесь прямо сейчас. Мы заканчиваем зачистку и направляемся к Барту.

Тишина. Треск.

— Черт, сэр, мы почти закончили. Ещё пять минут, и мы осветим это место, как на Четвёртое июля.

Пять минут, пять минут, подумал Ригер. Есть у нас хотя бы пять минут? Он не знал. Он просто не знал.

В общем, он был сильным, уверенным лидером… но с каждой минутой чувствовал себя всё слабее. А всё это место, это ужасное место. Оно высасывало из него жизнь.

— Хорошо, пять минут. Не больше.

— Принято, «Первый».

— По крайней мере, связь между костюмами работает, — сказал Канг.

Или ей разрешили работать, подумал Ригер.

* * *

Следом они нашли рубку Джорджа Хенли. Стены были оклеены распечатками с изображением

города фитериан. Узкий и загромождённый, он походил на кошмарный лабиринт из черного базальта, острые шпили которого клыками вздымались высоко вверх. Были там и карты. Одна лежала поверх другой. До города было лишь несколько часов езды.

— Глянь сюда, — сказал Канг.

Фотографии. Зернистые изображения чего-то вроде огромного бугристого черепа из крапчатого голубоватого материала похожего на металл. Пятнадцати или двадцати футов в длину, гротескный и гипертрофированно козлоподобный, он походил на череп барана, напоминая Ригеру виденные им средневековые гравюры с изображением Черного Козла на ведьмовском шабаше. Эта мысль заставила его вздрогнуть. Дьявол, дьявол в такой дали. Как бы там ни было, испещрённый впадинами череп, с массивной челюстью и двумя огромными цилиндрическими рогами, вздымающимися с макушки, был отвратительным.

— Напоминает… напоминает мне о древнем Египте на старой Земле, — сказал Канг мечтательным голосом. — Эта штука похожа на голову Анубиса.

Ригер понимал лишь то, что изображение чере-

па заставляло его чувствовать себя неловко. Его вид действовал на нервы… тревожил. Заставлял чего-то ждать. Конечно же череп был мёртв, но у Ригера возникло ощущение, что он недостаточно мёртв.

Канг пододвинул фотографию поближе.

— Это и есть останки, — сказал он с чем-то похожим на религиозный трепет. — Реликвия, которая призвала Йигграта, нерождённого и неумершего, бесконечную и бессмертную тень из черных расщелин между временем и пространством.

Ригер просто уставился на него.

— Что ты несёшь, черт возьми? Пилан ничего такого не говорил.

— Я… я не знаю. — Канг выглядел смущённым. Его кадык подскочил вверх и вниз. В свете фонарей шлема его кожа казалась желтоватой и болезненной, по лицу струились капли пота. — «Первый», я не знаю, зачем это сказал.

В его чертах было что-то рыхлое, отталкивающее. Вызывающее у Ригера отвращение. Он отвернулся от Канга.

Канг нашёл персональный планшет, спрятанный под другими распечатками города. Как только он его коснулся, активировалась запись в

голографическом журнале. Перед ними возникло узкое, сморщенное лицо.

Нет никаких сомнений, сказал угрюмый голос голограммы, *что то, что мы знаем о фитерианской цивилизации сейчас, и то, что как мы думали, знаем, явно противоречит друг другу. Десятилетиями мы верили, что раса фитериан была уничтожена в результате катастрофы известной как Первичный Катаклизм. Этот изменивший климат выброс газов метана произошёл в результате беспрецедентной и разрушительной сейсмической активности в южном полушарии в регионе, известном как Равнина Стекла. Его залежи были заперты в межпородных полостях во время зарождения планеты.*

На уровне отложений Первичного катаклизма — ПК — мы видим свидетельства массового вымирания, вроде того, что пережила Земля в конце пермского периода. Около шестидесяти тысяч лет назад погибли девяносто пять процентов организмов ГЭ 4. Фитериане — приземистая двуногая жабоподобная раса, тоже вымерли. До этого планета изобиловала биологическим разнообразием — стадные животные, такие как гесперипусы и бондитермсы, крупные квазирептилии — кротакоилы, многочисленные

виды наземных приматов и мегацитов, водные спиральные черви и рыбоподобные ихтидонты, а также виды растений, такие как тираннофиты и никтадермы, тысячи видов семянных, мховых и грибовидных. Список бесконечен.

Сейчас тот факт, что произошёл Первичный Катаклизм неопровержим, но теперь мы знаем, что была ещё одна причина вымирания. Случившееся трудно объяснить, но катализатором стал древний череп найденный фитерианскими священниками, известными как Аккиларду-дек-деспода, или Секта Израненных. Череп — если я могу быть настолько смелым, чтобы применить такое описание — состоит из губчатого вещества, которое до сих пор не поддаётся анализу. Я полагаю, что это материальные останки сущности не из того пространства, которое мы знаем и понимаем, но обитателя тёмного мира, сущности из тёмной материи, сущности из тёмного электромагнетизма параллельной антивселенной. Я не могу сказать, как она умерла, но полагаю, что она находилась в переходном межпространственном состоянии между экзотической физикой своей вселенной и нашей.

Фитерианское жречество назвало эту сущность чем-то, что можно фонетически воспро-

извести как «Йиггура», или «Йигграт». Череп открыл врата между двумя сферами реальности и стал проводником бедствия, охватившего мир Фитериан. Это всего лишь теория. Догадка. Но, основываясь на глифах мёртвого города и моих собственных предположениях, я полагаю, что это правда.

Такой была первая запись. Последующие становились всё более и более бессмысленными, лишёнными ясности или какой-либо линейной логики, пока не выродились в пустословие

— Док, у нас нет на это времени, — сказал Ригер.

— Тогда нам стоит поторопиться. — Канг включил очередную запись.

Снова появился Хенли. Вытаращенные глаза, подёргивающийся рот, дрожащие губы, высокий и скрипучий, почти истеричный голос — лицо человека, близкого к безумию.

Череп, череп, проклятый череп. Он в моих снах, он бросает тень на мою жизнь. Он подавляет, порабощает, он овладевает мной. Я уже не тот, кем был. Я чувствую, что одержим богопротивным ужасом из какой-то омерзительной пространственной ямы безумия. Этот череп — не кость. Он мёртвый, но живой. Под моими

пальцами он тёплый, податливый и мясистый. В нём есть воспоминания, воспоминания об этом мире и о тысяче других, о массовых уничтожениях, вымираниях и геноцидах. Я прикоснулся к смерти, и смерть поделилась своими тайнами.

Следующая запись показывала кого-то похожего на дряхлого старика. Его глаза были налиты кровью, рот искажала гротескная ухмылка.

Остальные уже не смеются как раньше, а? Они больше не думают, что Джордж Хенли всё же сошёл с ума, не так ли? Никто не посмеет приблизиться к проклятым руинам Кри-Йеба, мёртвого, но спящего города Фитерианской империи. Я вернул череп в его гробницу под городом, хотя расстояние уже не имеет значения. Он взывает ко мне. Но я туда не пойду. Я не стану накладывать на него руки и смотреть на истребление десятков миров, превращённых в отравленные, ядовитые кладбища. Я не буду!

Действие черепа ослабевает лишь при ярком солнечном свете. Я боюсь наступления ночи.

Остальные? О да, теперь они это чувствуют и знают, что он призывает других своих сородичей. Скоро наступит время великого вымирания, массового погребения, священного и богохульственного погребения всех, кто ходит по земле.

Близится время выворота, и да поможет нам Бог.

На последней записи был изображён сломленный, худой, как палка, старик, чья спина была согнута, а волосы стали ужасающе белыми. Один глаз был закрыт, другой, широко распахнутый, остекленел.

Спасения нет. С тщетностью, достойной сочувствия доктор Пилан и остальные послали сигнал бедствия. То, что ждёт в хищной тьме, лишь смеётся. Скоро наступит ночь, ночь, которая длится пять земных дней. А когда солнце взойдёт снова, мы все будем мертвы. Признаков пришествия Йигграта, нерождённого и неумершего, бесконечной, бессмертной тени из черных расщелин меж временем и пространством, множество. В небе странная красная дымка, а на горизонте ветвятся зелёные молнии. Ветры горячие и сухие — ветры чумы, дыхание бальзамировщика. Уже никто ни в чем не уверен. Когда другое тёмное, вредоносное измерение пересечётся с нашим, электроника и оборудование выйдут из строя. Время поворачивается вспять, так что сейчас — это вчера, а пять минут назад — через две недели. Пространственно-временной континуум разрывается, и лишь я один могу видеть,

что намеревается выползти наружу.

После долгой паузы:

Уже полностью стемнело. Грядёт Йигграт. Я слышу остальных снаружи, экипаж станции «Звездный свет». Попадая в руки бога живого, они впадают в безумное исступление, кричат и вопят, визжат в ночи, как животные, которых убивают. А за окном… да, это Йигграт возвышается над станцией, черный и дьяволоподобный. Его рога касаются темных спиральных червоточин между звёздами.

Он приближается! Он приходит!

Внутри, о… Боже, боже, время выворота…

— Выключи эту чёртову штуку! — приказал Ригер.

— Это всё, — сказал Канг. — Всё, что есть.

* * *

Они вышли, возвращаясь на «Варфоломей», и наверх, в «Космо». Утруждаться поисками кого-то ещё Ригер не собирался. Им нужно было спуститься сюда с большим поисковым отрядом. Вчетвером тут не справиться никак, и какого хрена Силандер до сих пор не включил это грёбаное освещение?

Торопливо ведя дока Канга по коридору и спус-

каясь по металлическим ступенькам на первый этаж, Ригер попытался дозвониться до «Космо». Помехи, эти проклятые помехи. Как будто там, наверху, не было никакого корабля. Всё, что он слышал, — это гул самой планеты, отзвуки активности атмосферного электричества.

Затем он услышал капитана Коубера.

— «Космо»! — крикнул Роджер. — Это Ригер! Мы возвращаемся, сэр. Нам не справиться с тем, что здесь происходит.

Он ожидал обычной суровой отповеди от капитана, но то, что услышал, было намного хуже.

— Ладно, — вздохнул капитан Коубер. — Входите, но осторожно.

Какого хрена?

— Капитан? Капитан? Вы меня слышите?

— Будь начеку, мистер. Одному Богу известно, во что ты вляпался.

Это была передача, сделанная ранее, после того, как экипаж «Варфоломея», приземлился. Что это? Что за дурацкая шутка?

— Время поворачивается вспять, как и говорил Хенли, — размышлял Канг. — И теперь мы окажемся в руках живого бога.

Ригеру захотелось его ударить.

Что-то происходило. Реальность — реальность,

которую он давно знал, — разъединялась со «Звёздным светом». А когда время стало эластичным, растягиваясь, провисая и преображая себя, Ригер почувствовал, как в голове распахнулось нечто вроде обжигающего, яркого умопомрачения. Коридоры, ставшие теперь слишком длинными, уходили в черную, абсолютную бесконечность. Ригер чувствовал, что если пойдёт по ним, если в каком-то истерическом ужасе безоглядно побежит по ним, то упадёт с края вселенной и погрузится в изголодавшуюся тьму. Да, это было пришествие, оно происходило здесь и прямо сейчас. Ригер чувствовал, как физические параметры станции начинают переиначиваться, стены сочатся и пузырятся, сдавливая его со всех сторон; углы здания искривляются, пересекаются и раскрываются, демонстрируя зловещие, сверхъестественные пейзажи из-за пределов времени и пространства.

— Нам здесь не место, — сказал Канг, его лицо за пузырём шлема, было бледным, как разлитое молоко, глаза огромными и белыми, как гусиные яйца. — В этих ужасающих пространствах, где тьма бесконечна, а безумие принимает физическую форму. Ригер, ты это понимаешь? Разве ты не видишь, какую ужасную, чудовищную ошибку

мы совершили, исследуя глубокий космос?

Это была совсем не наша идея! Начиная с самых первых миссий «Спутника», и «Джемини»[84] мы были призваны выйти в космос, нас загнали в него как стадо, вынудили добраться досюда! — Канг потянулся и вцепился в Ригера. — Не будь дураком! Открой глаза и пойми, пойми наконец! Здесь всегда наступает ночь, и… и… и… семь… Эта планета — ловушка! Мы последовали за темным ручьём в черную, черную… восемь… реку, которая впадает в океан звёзд, и теперь мы видим зловещие очертания, которые прячутся за ними, как ребёнок за одеялом! Здесь плоть, материя, время и холодный разум переплетаются, и… и… и… — Канг начал дрожать, дрожать и дёргаться, ударяясь о стену. Как вибрирующий Пилан… Координаты… восемь целых три десятых один-пять-семь десятых девять-три… О Боже, о Боже, о Боже… Вот оно, распускается! Звезды исчезают, и чернота космоса распахивается, как огромная голодная пасть, и пять… пять… пять… шесть… семь три… точка девять-три-один в квадрате… точка шесть точка шесть точка шесть точка шесть точка шесть шесть ШЕСТЬ ШЕСТЬ ШЕСТЬ

---

[84] Примечания: 84
Соответственно советская и американская космические программы

ШЕСТЬ ШЕСТЬ ШЕСТЬ ШЕСТЬ…

Канг безумно дёргался его голос превратился в пронзительный крик, а когда он взорвался внутри костюма, как клещ, обожжённый спичкой, раздался оглушительный мясистый хлопок. Док отскочил от стены, ударился о потолок и упал к ногам Ригера; внутренняя часть шлема наполнилась пузырящейся, хлюпающей красной жижей из измельчённых тканей и крови.

Ригер побежал.

Он включил связь и раз за разом вызывал, выкрикивал имя Силандера, но ответа не было. Лишь этот статический визг в ушах, нарастающий, пронзительный, резкий и визгливый, заставляющий кричать. Он побежал ко входу, где его ждал Уайз.

— Уайз! — воскликнул Ригер. — Уайз!

Затем его руки оказались на Уайзе, он почувствовал мягкую податливость ящерокожи, а Уайз упал и его костюм распахнулся, выплёскивая содержимое на пол.

Вот тогда-то Ригер и понял.

Вот тогда он действительно понял. Там, на полу, в жиже из собственной анатомии, в оболочке из мякоти и сырой влажной субстанции, распластался Уайз. Он родился из своего э-сьюта, как

склизкий зародыш из инфицированной плаценты, обёрнутый снаружи сферическим ожерельем из собственных органов, завёрнутый во влажные розовые щупальца кишок. Выворот, оборот. Именно так живой бог принимал свою паству, именно так Йигграт приветствовал их в своей церкви — он выворачивал их наизнанку.

На подгибающихся ногах, падая и вставая, оступаясь и спотыкаясь, Ригер выбрался в ядовитую атмосферу Гамма Эридана 4.

Это… это… это время выворота.

Ригер поднял глаза и закричал, ибо пришёл Йигграт. Над ним возвышался Он/Она/Оно — блестящая, обсидианово-чёрная горгулья, вздымающаяся в туманное, мерцающее полярным сиянием и изрезанное неоном небо на милю, две, или три. Его зазубренные призрачные крылья простирались от горизонта до горизонта, его колоссальное тело мерцало и искрилось мягким голубым сиянием. Казалось, острия его рогов задевали облака. Он ухмыльнулся Ригеру с высоты, распахнув морду, как чудовищный двустворчатый клапан, способный проглотить звёзды.

Ригер не кричал. Он онемел от благоговения пред космическим ужасом этой сущности, Йигграта, гиперрелятивистского кошмара, нерож-

дённого и неумирающего, многомерного живого божества, иглой пронзающего магнитное поле галактики.

Погружённое в Его застывшую тень, всё вокруг Ригера начало вращаться и кружиться, вывернутое наизнанку и размолотое в пылающее торнадо заряженных частиц, похожих на жужжащих, фосфоресцирующих трупных мух, которые, казалось, двигались вокруг него и сквозь него со скоростью света, или ещё быстрее, пока Ригер не уверился, что его голова лопнет, как тыква наполненная желе. А после, после, пока его разум засасывало в черную дыру внутри коры головного мозга, он узрел огромную, бесконечную плоскость сверкающих звёзд, образующих цепочки; пульсирующие галактики и кошмарные созвездия, которые никогда не видел ни один живущий человек, чтобы рассказать о них.

И в то время как глаза Ригера, казалось, выплеснулись из орбит, а голос всё продолжал невнятно бормотать — восемь… восемь целых три десятых один-пять-семь десятых девять-три — он узрел трансгалактическую пропасть, в которой содрогались пульсары и сияли созвездия разлетающиеся на куски, распадающиеся в внеземном диапазоне света на части, как мозаика; и в каком-

то геометрически извращённом, невозможном антипространстве, где лягушками прыгали многогранные треугольники, многоугольники и трапецоэдры, и тянулось молочно-белое, извивающееся свечение, невообразимый червь длиной в сотню световых лет, он узрел миры, миллионы миллиардов мёртвых миров, почерневших до пепла. И выкрикивая в каким-то маниакальном и восторженно безумном ликовании координаты своего приближающегося уничтожения — пять…. пять… пять… шесть… семь три… точка девять-три — один в квадрате… точка шесть точка шесть точка шесть точка шесть шесть шесть ШЕСТЬ — Ригер понял, какое знание хотел даровать ему Йигграт: вселенная, три её измерения, полностью искусственна — это лишь симуляция, искажённое видение, галлюцинация, которая пригрезилась сущности, и уже успела наскучить.

Такое семя посеял Он в голове Ригера; Йигграт желал, чтобы именно эту зловещую шутку,

внутри кульминации сокрытой в истерически клекочущем радужном хаосе изведанного космоса, осознал Ригер, пока его кожа выворачивается наружу.

Перевод: Р. Насрутдинов

Лин Картер
Обитатель гробницы

Lin Carter «The Dweller in the Tomb», 1971

ПРИМЕЧАНИЕ Генри Стефенсона Блейна, доктора философии, куратора Коллекции Манускриптов Тихоокеанских древностей Института Санборн в Сантьяго, Калифорния:

Следующий отрывок из журналов экспедиции Копеланда-Эллингтона в Центральную Азию (1913), сделанный Гарольдом Хэдли Копеландом, единственным оставшимся в живых членом экспедиции, был обнаружен во время обычной инвентаризации работ профессора Копеланда, которые были доставлены из его имения в Институт Санборн

в апреле 1928 года. Мне вряд ли следует упоминать, что профессор Копеланд является выдающимся экспертом в области тихоокеанской археологии. Его замечательный текст «Предыстория Тихого океана: предварительное исследование со ссылкой на мифологические образы Юго-Восточной Азии», (1902) остается эталонной классикой в своей области и вдохновил, по крайней мере, два поколения ученых, которые следовали по его стопам — я сам среди них. Даже его «Полинезийская мифология с заметками о цикле легенд Ктулху», (1906) хотя и отражает его печальное и все растущее тяготение к сомнительным оккультным «теориям», что привело к печальной эрозии его научной репутации и, возможно, свидетельствует о психических аберрациях, которые доминировали над ним в преклонные годы, по сей день остается массивным трудом научных исследований. Можно даже, как мне кажется, восхищаться его монументальной ученостью, которая наполняет его «Доисторический Тихий океан в свете Писания Понапе», (1911), хо-

тя даже самый мягкий критик не может не сожалеть о том, что развивающаяся мания профессора Копеланда заставила его слишком легко принять хрупкие теории об исчезнувшей тихоокеанской цивилизации абсурдно далекой древности, которые основаны на сомнительных документах и туманных знаниях культовых пережитков — предположительно древней и высокоразвитой цивилизации, чьими остатками считаются загадочные изображения острова Пасхи и мегалитические разрушенные города Понапе и Нан-Матала.

Читатель этого номера «Журнала Тихоокеанских Древностей», в который директора сочли целесообразным включить следующий отрывок, должен знать, что публикация этой конкретной работы в 1911 году привела к довольно поспешному осуждению теорий профессора Копеланда, и его попросили уйти в отставку из Археологической ассоциации Тихоокеанского региона, в которой он был соучредителем и в прошлом президентом.

Однако во всей его яркой карьере не была более спорного эпизода, чем экспедиция в Центральную Азию в 1913 году и открытие так называемых «Табличек Занту», в некой каменной гробнице доисторического колдуна в горной стране к северу от Плато Тсанг. Экспедиция пропала, Эллингтон умер от багровой лихорадки в нескольких днях пути от передовой станции Сангуп-Кой; сам Копеланд был близок к смерти, когда три месяца спустя, изможденного от голода и в бредовом, бессвязном состоянии из-за истерии и лишений, его обнаружили в дюнах за пределами российского метеорологического поста в Ковортни на границе с монгольской провинцией Чиан. Медленно восстанавливая своё здоровье, профессор Копеланд, к сожалению, опубликовал в частной печатной брошюре, выпущенной в 1916 году, предполагаемый и фрагментарный перевод «Табличек Занту». Издание содержало материал настолько шокирующий, хаотичный и невероятный, настолько расходящийся даже с самыми фантасти-

ческими теориями о ранних тихоокеанских цивилизациях, что эта брошюра не только была официально запрещена, но и вызвала яркий общественный резонанс от прессы и кафедры одинаково, разрушив окончательно то, что еще оставалось от научной репутации профессора.

На фоне широко распространенной огласки, связанной с открытием и переводом дискуссионных и богохульных «Табличек Занту», до настоящего времени не было опубликовано достаточно достоверных записей о ходе самой злополучной экспедиции или об особых обстоятельствах до и после открытия знаменитой гробницы доисторического среднеазиатского шамана. Ниже приводятся последовательные записи профессора Копеланда из его неизданных журналов. Некоторые увидят в этих разрозненных отрывках только психотические извержения больного мозга; другие, возможно, более глубоко разбирающиеся в некоторых неясных текстах древних знаний и сохранившихся мифах малоизвестных тихоокеанских и азиатских культов, смогут найти тревожные намеки на изначальную и пугающую истину.

— Г. Стивенсон Блейн
Июнь 1928 г.

Журнал экспедиции Копеланда-Эллингтона, 1913

22 сентября

Тридцать один день от Сангуп-Кой. Прошли около пятнадцати миль сегодня, более или менее, несмотря на уменьшение запасов воды — благодарю Господа за создание верблюдов! Все еще слаб от длительной лихорадки, и медикаментов все меньше. С тех пор, как Эллингтон умер, местные носильщики стали заметно обеспокоенными и все более и более тревожными… снова бормочут о стражах гробниц — дугпах и большинство очень неохотно продолжает путь после заката. Нужно строго поговорить с Чампо-Йаа, напомнить ему, как главному проводнику, что это его обязанность держать своих парней в узде. Взял образцы размытого камня у подножия скал сегодня; исследование их в моей палатке при свете вонючей масляной лампы было более волнующим. Ожидал, по крайней мере, обнаружить некоторые ископаемые недоразвитых рыб, примитивных моллюсков, кораллы и т. п., вероятно датируемые Силурским или Ордовикским периодом, но никаких признаков окаменевшей жизни вообще нет. Конечно, это плоскогорье не может быть таким

старым! Сегодня вечером очень холодно, воздух колючий, и свист ветра среди отдаленных пиков напоминает вой… но Чампо-Йаа клянется, что в этих местах нет волков.

23 сентября

Увы, только около тринадцати миль сегодня! Путешествовать по этим рыхлым сухим пескам очень сложно, даже для верблюдов, а воздух настолько невероятно сух, что сушит горло даже сквозь защитный покров. Пятнистый одиннадцатый ориентир справа точно по графику: похожий на каирн курган из камней, окружающий центральный шпиль с куполообразной вершиной. Указанные в «Священное Писание Понапе», ориентиры к могиле удивительно точны, даже после всех прошедших тысячелетий. Моя книга (когда и если я найду гробницу Занту) должна будет поставить весь научный мир на уши и поразить этих так называемых «экспертов». Сборище проклятых глупцов: свидетельства о первобытном Му написаны на подобных лабиринту стенах древнего Нан-Матала или Матал-Нима, не говоря уже о монолитах аку-аку на острове Пасхи. Удивительно, что библиотека Кестера никогда не собиралась публиковать издание «Священного Писания»: научную находку века, если

только слепые, упрямые дураки осмелились бы отложить свои предубеждения и предрассудки, чтобы взглянуть на факты прямо. (Разумеется, я посвящу свою возможную книгу о находке Занту тому бравому первопроходцу — капитану корабля, капитану Абнеру Эзекилю Хоагу, который нашел книгу о Понапе во время своего рейса в Южные моря около 1734 года и принес тот документ домой в Аркхем, штат Массачусетс, где слуга-полукровка перевел ее с Наакаля для него… хотя если подумать, возможно, было бы лучше посвятить книгу памяти Имаш-Мо, Первосвященнику Гхатанотоа в Древнем Му и его последователям, которые в первую очередь записали этот доисторический мифо-цикл. Без них не было бы «Писания Понапе», и капитан Хоаг ничего бы не нашел.)… Плохая ночь, больше кошмарных воющих форм, скрывающихся на снежных вершинах, увенчанных странными архитектурными остатками, которые выглядят так, словно были подвержены выветриванию миллионы лет… после моего приступа лихорадки, несомненно, и в конце концов, какой вред может исходить от простых снов?

24 сентября

Сегодня преодолели всего двенадцать миль.

Запасы воды иссякают — проклятье, кто-то порезал мешки для воды ночью 18-го! Подумал, что это было какое-то животное, так как мешки были искромсаны, превращены в лохмотья, как будто какой-то зверь яростно терзал их клыками. Но теперь я не уверен. Возможно, это были эти ленивые, суеверные дураки, местные носильщики. Угрюмые, беспокойные деревенщины! Думали, что я вернусь к Сангуп-Кой, если они уничтожат запасы воды. К счастью, есть снег, хотя Чампо-Йаа что странно, как будто с большой неохотой пьет его… носильщики становятся все более беспокойными и непослушными с каждым днем, сегодня они неприветливо смотрели на меня, и я услышал, как они бормотали между собой обо мне (плохое слово — что-то вроде «иностранец-дьявол»), когда я попытался убедить их двигаться дальше. Но я не вернусь; я иду по стопам смелых и стойких джентльменов: Стилбрайта, Талмана, МакВильямса, Хенли, Холмса. Только бедный Ричардсон и несчастный Кларк Ульман дошли до этого запретного региона Плато Тсанг; я превзойду их всех или умру в отчаянной попытке. Я боюсь, что остатки лихорадки, задержавшиеся в моем организме, или отсутствие очищенной воды, начинают сказываться на мне.

Снова приходят тревожные сны, и любопытные галлюцинации появляются во время бодрствования в течение дня: когда каменные пласты вдоль вершин начинают приобретать вид немыслимо обширной, нечеловечески угловой, циклопической кладки. Вероятно, это происходит из-за объединения нескольких факторов — напряжения глаз (ветер горько-холодный и ужасно сухой), обезвоживания, накопленной усталости и т. д. Возможен даже эффект миража. Но местные видят что-то иное вдоль линии хребта — они начинают хныкать и бормотать между собой — что-то о «Древних», или «Первобытных». Скоро возможно случится открытое противостояние; либо это, либо дезертирство. С сегодняшнего дня буду спать с револьвером под подушкой.

Молюсь Богу — не надо больше этих ужасных снов.

28 или 29 сентября

Еще пять носильщиков покинуло меня в эту ночь. Глупые деревенщины пытались сделать вид, что их увели силой — очевидно, хотели напугать своих товарищей, провоцируя их на побег. Ну, похоже, это сработало, или, во всяком случае, остальные притворяются, что ужасно чего-то боятся. Однако меня не обмануть этим, я провел

еще несколько «разговоров», с Чампо-Йаа. (И все же, если они подделывали следы, как, черт возьми, сумели вырезать те странные следы от когтей на крепкой скале? Умелые свиньи, эти азиатские местные племена холмов! Но они безумны, если верят что смогут напугать меня и заставить повернуть назад, ничего у них не получится, я пойду вперед, даже если буду вынужден продолжить путешествие в одиночку.)

Галлюцинации, или эффекты миража, появляются все чаще вдоль хребта. Отдельные намеки на огромные укрепления на вершинах — гигантские зубчатые стены и приземистые толстые башни, но таких невероятно огромных размеров, что кажется это работа гигантов, а не людей. Странный архитектурный стиль: ничего китайского или даже тибетского в них. Наводит на любопытные размышления о циклопической кладке на Понапе и некоторых ужасно древних руинах в Перу. Также странно напоминает некоторые вещи, упомянутые в отвратительном «Некрономиконе», который я по глупости читал в Кембридже в студенческие годы. Грязная книга, из-за нее меня посещали плохие сны в течение нескольких недель!

...Носильщики шептались о дугпах (страж-

никах гробниц, гуле-подобных тварях) снова, и ближе к закату один из мужчин закричал и уронил свой груз, ругаясь, он лепетал, что заметил что-то наверху среди «руин», — подумал, что заметил, как что-то двигалось там, но, должно быть, это все проклятая усталость глаз. Кто слышал о животном похожем частично на ящерицу, частично на ракообразных, размером больше, чем гризли, и — крылатом? Еще одна иллюзия, вызванная усталостью, нервным напряжением, ослабленными глазами и лихорадкой, но все носильщики начали со страхом говорить что-то, что звучало как «Ми-го! Ми-го!», и отказались идти дальше, пока я не достал револьвер…

Нужно продолжать вести дневник, о чем позабыл в последнее время. Даже не уверен, какой сейчас день, но это не так уж важно.

Возможно 1 октября

…Эта земля более древняя, чем я мог предположить; ветер века выдувал песок и высушивал почву, обнажив склоны холма, явив слои удивительной древности — Кембрийского периода, несомненно, если не до-Кембрийского — невероятно осознавать, что этот регион Центральной Азии был над водой пятьсот миллионов лет назад, а возможно, и тысячу миллионов… несомненно,

это должно быть одна из старейших постоянно открытых частей суши на Земле… Страдаю ужасно от холода и навязчивой тишины, а также от жажды. Снег на вкус стал «плохим», словно загрязненный какими-то нечистотами… лишь пять носильщиков остались со мной сейчас, так как Чампо-Йаа покинул меня или исчез, или был унесен… воды нет уже одиннадцать дней… пьем кровь верблюдов… ветер остр словно нож и яростно воет среди холмов… но ни единого признака жизни на сотню миль и больше, как будто весь этот огромный регион был бесплодным с самого начала времен…

Неизведанная область гор ближе сейчас, очертаниями напоминает огромные Гималаи… странные виды голых, черных, неровных, похожих на клыки пиков, уходящих на фоне закатного неба на север; небо имеет удивительный вид, яркая панорама зеленовато-желтых и пылающих мазков… так или иначе, колоссальная перспектива заснеженных, черных вершин и сияющих облачных эффектов наводит на мысль о растущей и собирающей угрозе, как будто с каждым днем я изо всех сил приближаюсь к какой-то грандиозной древней тайне этих безымянных и неизведанных областей, которая была скрыта за

этой колоссальной стеной сотни тысяч эонов… наиболее странным является своеобразное и навязчивое ощущение воспоминания… несомненные последствия этой затяжной лихорадки и вездесущей жажды, но — я мог бы поклясться, что видел эти места раньше, как в предыдущей жизни, так и в старых, забытых снах.

3 или 4 октября

Отвратительный день — голод, терзающий холод — жажда мучит постоянно — снег все еще загрязнен и непригоден для употребления — возможно, сверхъестественная стерильность этого региона, полное отсутствие живых существ, даже самых элементарных форм жизни произошли из-за какого-то необъяснимого осквернения? — один шаг за другим, сапоги хрустят на сухом кристаллическом песке — Ричардсон не забирался так далеко, он повернул назад еще в холмах, ища какую-то странную, запечатанную, запретную пещеру, которую якобы охраняли выродившиеся поклонники этого отвратительного идола Чаугнара… замучили его до смерти, я считаю, бедный, храбрый человек! — вспоминаю сейчас, что Инман привез жуткую каменную Тварь из этого региона — что-то настолько пугающее, настолько отвратительно непристойное, что, как я

считаю, Манхэттенский музей Изящных искусств никогда не осмелится выставить на публичной выставке…

Это, должно быть, самая ужасная и древняя область на Земле — страшное место жуткого холода, совершенно безжизненное, сухое, лишенное влаги, мне не известен ни один другой пустынный регион, настолько мрачный и бесплодный… вспоминаю загадочные и страшные намеки в туманных пророчествах Му Санга… шепоты во тьме вековых пережитков кощунственного Старшего Мира, отвратительных гибридах, вышедших из ила первичных болот… старых богов и демонов и темные ужасы, которые скрываются и таятся в тусклых, забытых уголках этого мрачного легендарного региона немыслимой и ужасающей древности…

Странно, как случайное прочтение «Писания Понапе», много лет назад изменило мою жизнь — с того дня, как я впервые неосмотрительно заглянул в эти любопытные, толстые страницы пергамента из пальмового листа, собранные между крошащимися досками дерева, высеченными из того, что некоторые эксперты без колебаний называют — вымершим видом доисторических саговников или дерева-папоротника, а затем

изучил перевод Хоага, я не мог думать ни о чем другом, кроме как найти гробницу колдуна-жреца Занту, который покинул рушащийся древний Му, унося с собой Старшие Знания. И думаю, что сам Занту прошел этот путь, пролетев над этим самым суровым и пустынным ледяным плато мертвого песка и замороженных теней!.. Желание найти превратилось в одержимость, как будто к фанатизму убежденного ученого была добавлена слепая, беспрекословной вера оккультиста или мистика… Сны все более тревожны, и все сильнее вой в горах, раздающийся со всех сторон, и огромная область не нанесенных на карты и безымянных гор, которые безжизненными тенями вздымаются впереди…

Немного позже

Очень исхудал и истощил свои силы из-за скудной еды и усталости, но, слава богу, жажда перестала быть проблемой, теперь, когда мы находимся в высоких снегах, странное химическое загрязнение уже не заметно — это был старый фон Юнцт, который поддерживал меня на моем пути; его данные о Му, в копии «Unaussprechlichen Kulten», которая хранится (по какой-то причине) под замком в Хантингтоне, полностью подтверждают информацию в «Писании Понапе»…

В последнее время я размышлял о некоторых неясных старых книгах и загадочных намеках относительно фантастической древности всего этого азиатского региона Плато Тсанг — туманных шепотах старших ужасов, которые спустились со звезд, когда планета была молода и расплавлена, или жутких Гостях из-за края самой Вселенной, безымянных Тварях, которые попадают сюда через промежуточные «врата», — начал вспоминать непонятные замечания в том проклятом «Некрономиконе», с которого я начал свой путь много лет назад… не сам ли Безумный араб, старый Абдул Альхазред, намекал, что далекий и мифический Ленг расположен где-то в этом темном углу запретной Азии? Ужасный, дочеловеческий Ленг, охраняемый людьми Чо-Чо, и шантаками, и Абом. Ми-Го, которые часто посещают холмы?.. Ужасные, отрывочные легенды о странных, нечеловеческих фигурах, бродящих среди сплошного снега полярных вершин, извивающихся щупальцах в лунном свете, пронзительных завываний, которые вырываются не из человеческого или звериного горла — скользящих столбов дрожащего протоплазматического желе, каким-то образом появившихся здесь из других миров и дальних измерений — как в том

ужасном отрывке на кошмарных страницах «Некрономикона», о «порталах На Ту Сторону и Тварях Из Вне, которые иногда проходят через теневые Врата, чтобы красться сквозь земные снега»… старинный Ленг, имеющий границу как с безвестными регионами Высокой Азии, так и с другими мирами и сферами и планами существования… почему мне кажется, что я узнаю этот пейзаж, как будто видел его раньше, в другой более ранней жизни?

Боже! Я схожу или уже сошел с ума… не могу дольше терпеть эти муки разума, тела и души… мои силы и здравомыслие на пределе… последние три моих носильщика почти обезумели от суеверного страха; вынужден заставлять их двигаться вперед весь день под дулом пистолета…

Гораздо позже

Ужасная битва во тьме среди снегов — носильщики мертвы или сбежали, — посреди ночи раздалось жуткое завывание из холодного мрака, очень близко; схватил пистолет и фонарик и выскочил под лунный свет, чтобы мельком увидеть носильщиков, сражающихся с неуклюжими громадными монстрами, похожими на ящериц и ракообразных, ужасно огромными — у них не было никаких лиц, но как-то они заметили меня

— один из местных уже валялся на земле (бедный дьявол!) с оторванными конечностями, горячая кровь отблескивала черным на свежем снегу в призрачном лунном свете — они направились ко мне, ужасно реальные в тусклом свете, не обращая внимания на оружие в моей руке… но самым любопытным и пугающим было то, что когда фонарик на мгновение осветил мое лицо, чудовища бросились прочь и все время визжали, словно в бессмысленной панике, — почему эти звери испугались меня?

2 дня спустя

И вот в этих безымянных горах я один, бреду вперед, таща свои вещи и записи позади на импровизированных санях… Еще дважды я встречался с теми крылатыми ящерицами с той первой, шокирующей сцены; каждый раз они убегали и визжали, едва завидев меня (возможно, я первый белый человек, которого они когда-либо видели?) Выстрелил в одну из них, но не смог убить. Боже прости меня, но я вынужден был выпить его слизистую, тошнотворную, вонючую кровь, так как снега нет на этой высоте… галлюцинации практически непрерывны, ночью и днем, силы мои почти на исходе — странные архитектурные эффекты я четко различаю вдоль

линии горизонта, хотя уже почти ослеп от холодного и сухого воздуха, размытые проблески геометрических каменных блоков, пригнанных к вершинам надо мной, настолько истерзаны погодой и ветром, словно прошли сотни или тысячи миллионов лет с тех пор как неведомые руки возвели их… Внизу овраги и глубокие ущелья среди предгорий… Каменные пласты просто невероятные, Азойской эры, я клянусь! Самый древний образец обнаженной поверхности земли на этой планете…

Если настоящие руины произведения чувств, то эти террасы циклопических стен и укреплений, которые, кажется, толпятся вокруг острых, ужасных пиков, являются, должно быть, самыми старыми каменными артефактами, известными науке… старше на бесчисленные века, чем темная Лхаса или лабиринтоподобные разрушенные города на Понапе… наверняка, пережитки древнего Му или чего-то более древнего, чем Му — титанические глифы, или намеки на глифы, тянутся вдоль зубцов этих террас, странно напоминающие грубые р`льехские знаки отображенные у Альхазреда и фон Юнцта… Я все еще иду вперед; Боже, помоги мне, сейчас я уже не могу повернуть назад…

Позже

…Должно быть, сейчас я нахожусь очень близко к месту захоронения Занту — будь проклят тот черный день, когда я осмелился заглянуть в ужасающие наводящие на жуткие размышления страницы «Писания Понапе», которое укрыто в архивах библиотеки Кестера, и нашел ключ, который вывел меня на путь к гробнице колдуна, где вместе с ним, как утверждается, похоронены его надписи, по слухам содержащие страшные знания Древнейших Документов… Если чей-либо взгляд, кроме моего, когда-либо коснется этих нацарапанных страниц, послушайте меня: есть некоторые вещи, которые мы не должны находить…

Позже (в тот же день)

Размышлял о тех мрачных, нечестивых откровениях, намеки на которые оставил Альхазред: говорю вам, старый араб знал, черт возьми! Устало тащусь по этому черному царству ледяных теней и свистящего ветра и ужасно древних скал… здесь сохранились невероятные пережитки, которые взорвали бы умы людей, если бы они столкнулись лицом к лицу с ними, жуткие культы, обитающие в этих забытых землях, из которых мрачные поклонники Чаугнара, которых

нашел Ричардсон, наименее страшные (не сам ли Альхазред упоминал о культе пожирателей мертвецов где-то в Ленге?)… пылающие небеса и нечто скрытое за стеной черных гор, которые уходят на север, как крепостные стены какого-то фантастического, высокого до неба барьера, построенного Старшими Богами, чтобы укрыть и удержать в тюрьме немыслимый ужас… какую великую тайну хранят эти замороженные холмы в течение пятисот миллионов лет? Теневая аура какого-то грандиозного откровения угасающего ума преследует мой лихорадочный и измученный мозг — какая-то ужасная и невообразимая Истина, о которой люди никогда не знали…

Еды больше нет; теперь я ползу вперед на четвереньках; я могу добывать влагу из незагрязненного снега, слава богу, но есть нечего… жую кожаные ремни саней… если бы я мог подстрелить одного из этих ракообразных, но безликие, визжащие чудовища избегают приближаться, хотя я замечаю, как они передвигаются на укрепленных высотах… На этот раз я сделал бы больше, чем просто выпил их грязную кровь.

Гораздо позже

Я нашел некрополь в узкой стиснутой горными стенами долине. Он старше камней фундамента

Древнего Ура, или даже самой старшей из пирамид. Атлантида еще не появилась из кипящих морей, когда были построены эти невысокие, грубые, плоские каменные гробницы… никакое живое существо не могло быть здесь в течение бесчисленных тысячелетий, но мне не нравятся эти девятипалые следы лап в древних снегах… глубокие, огромные глифы над просевшими дверными проемами в каждой гробнице были начертаны на Накале, Тсат-Йо и Р'льехском; если колдун лежит в этих могилах, я найду его… Как вы думаете, что такого он сделал, что заставило «Писание Понапе», так ужасно проклинать его имя? Какое немыслимое космическое богохульство он совершил, что заставило Их спуститься с Глуи-Во, чтобы утопить весь изначальный Му в бушующих волнах?… (Позже.) Я нашел гробницу, его имя глубоко, но поспешно было выцарапано в старом крошащемся камне над рушащейся перемычкой — Ia! Cthulhu! Дай мне силы, чтобы как-то сдвинуть каменную плиту двери… Я залез внутрь; ничего, кроме черноты и затхлого, вонючего воздуха… не слышно ни звука, ни свиста ветра, ни того проклятого и постоянного вопля среди вершин… сам гроб имеет прямоугольную форму и очень тяжелый, с каменной крышкой,

которая, кажется, весит целую тонну… Меня не интересовали надписи, вырезанные по краям крышки, и я торопливо отвел глаза от имени, написанного там, в предупреждении… Ах! наконец, крышка отодвинута… Я должен сделать паузу, чтобы отдохнуть, должен набраться сил… я очень слаб; сердце еще работает… теперь, посветить фонариком внутрь! Десять черных нефритовых таблеток, украшенных узкими рядами крошечных символов, которые напоминают иератический Наакаль… высохшие руки прижимают их к костлявой груди мумифицированного существа… Я должен осмотреться, чтобы выяснить, не оставил ли Занту другие артефакты или талисманы, представляющие интерес для науки…

О Боже. Боже. Почему все это кажется мне настолько ужасно знакомым? Я никогда не пытался зайти так далеко… «некоторые вещи, которые мы не должны отыскать!», Фактически, теперь я мог посмеяться над своими собственными словами… Ветер снаружи ужасно холодный, пронзительный вой снова наполнил мои уши… я прижимаю каменные таблички к своей груди, ледяной холод проникает в мою плоть под меховыми одеждами… снова в холмы, к пустынному песчаному плато за их пределами… Я умру здесь в одиноком

Тсанге, я думаю, но не в той избегаемой долине с доисторическими гробницами, не там!.. Боже, позволь мне вырвать это из моего разума… позволь мне забыть незабываемое… ЭТО ЛИЦО!.. этот ужасный момент сокрушительного откровения… когда свет моего факела, разлился вверх, мимо иссохшей костлявой грудной клетки с болтающимися клочками сухой и древней плоти… к черепу, чья плоть высохла, но черты лица были еще узнаваемы… мои ужасные крики звенели и звенели и умирали в содрогающемся эхо в этой закрытой каменной комнате… я словно сошел с ума… мой мозг горит и трепещет… я с трудом бреду по мертвому кристаллическому песку… но кто может обвинить меня? Откуда я мог знать?… «некоторые вещи мы не должны отыскать»… О, Боже, лицо мумии…О, Боже, О, Боже, О, Боже, я должен был догадаться. Ибо это было мое собственное лицо.

Перевод: Р. Дремичев

Лин Картер

Шаггаи

Lin Carter «Shaggai», 1971

«Мы живем на безмятежном острове невежества посреди черного моря бесконечности, и это не означает, что мы должны путешествовать вдаль.»

Г. Ф. Лавкрафт

Примечание редактора: Касательно нижеследующего текста Лин Картер пишет — несомненно, не серьезно: «Недавно я получил копию перевода Эйбона Гаспара дю Норда (это была ужасная сделка, поэтому я избавлю вас от ее деталей) и, сравнивая этот текст с другими версиями, отметил к моему удивлению, что даже первосвященник Атлантиды, Кларкаш-Тон, не осмеливался включить приведенный ниже эпизод в издание Коммориомского цикла мифов; поэтому я переложил его со старомодного французского следующим образом.»

Трижды я, некромант Эйбон, вызывал демона Фарола из его отдаленных ультра-космических бездн, лежащих за пределами линейного пространства, и трижды он материализовывался в герметичной подземной камере, и каждый раз принимал форму черного, клыкастого, циклопического существа с руками, как извивающиеся змеи.

Каждый раз я требовал от Фарола пояснений неясной и загадочной фразы из Пнакотикских Рукописей — навязчивая и трудная загадка, секрет которой так долго ускользал от меня. «Берегись вызывать То, что сильнее тебя; помни о гибели тех, кто вызвал Червя, что грызет в ночи.»

Пока я не познал истины этого непонятного и таинственного текста, я знал, что не могу продвинуться дальше в моем овладении пнакотикскими знаниями, отсюда мое раздражение, когда демон Фарол упрямо и непреклонно отвечал каждый раз на мой вопрос одной и той же туманной и бессмысленной фразой: «О том вы должны спросить Обитателя Пирамиды.»

Напрасно я угрожал строптивому Фаролу заклинанием Яггрр и эликсиром Нн'гао, а так же ужасной силой Алого знака, все безуспешно. Для каждой угрозы он повторял все тот же яростный

ответ, чье издевательство мучило меня:

«О том вы должны спросить Обитателя Пирамиды.»

Утомленный его упрямством, я сломал колдовской круг и позволил черному, клыкастому, циклопическому существу вернуться в свой бурлящий и суб-пространственный хаос, в то время как сам забросил все свои колдовские труды в тщетной попытке найти разгадку тайны, которая насмехалась и ускользала от моего понимания. Но загадка Фарола продолжала будоражить мой мозг, и я не смог найти помощь в моих бесплотных и бесполезных исследованиях. Пока я не раскрыл секрет этой загадки из таинственных страниц Пнакотикских рукописей, я больше не мог продвигаться в своем стремлении к Истинному Учению. В конце концов, я решил отыскать этого Обитателя Пирамиды — кем или чем бы он ни был! И с этой целью я искал уединения в моей камере, где сварил отвар из Черного Лотоса, в который добавил желчи мантикоры и слюну упырей, добытых хитростью в темных пропастях у подножия Пиков Трока. Сосредоточив своё сознание на отвратительном и страшном Знаке Коф, я отделил мое астральное тело из праха и швырнул мою сущность в бесконечность.

Мой дом из черного гнейса остался далеко внизу на северном мысу, северный полуостров Му Тулан уменьшился, в одно мгновение древний и первобытный континент Гиперборея превратился в маленький, а в следующий момент сама планета исчезла в усыпанной звездами безмерности.

Я отправился сначала на темный Юггот за край, и там, в ядовитой цитадели, возвышающейся над бездной алого и скользящего ужаса, я кратко консультировался с сильным верховным магом, одним из ракообразных, что населяют тот тусклый и ужасный мир. Но мой коллега либо не знал, либо не дерзнул раскрыть мне тайну Обитателя Пирамиды, и по его повелению я отправился в новый путь к далекому Ктинилу, который кружится вокруг малиновой сферы Арктура. Там я расспрашивал некоего грибовидного интеллекта, знает ли он что-нибудь об Обитателе, но тот так же не захотел или не мог говорить.

Быстрее чем мысль после я преодолел ужасную необъятную пропасть между Ктинилом и лишенным света, плохо изученным Мтурой, откуда кристалловидные разумные существа направили меня к самому краю межпространственных бездн. Там, наконец, я узнал от субъекта

из светящегося газа, чье имя было Зжрий, что Тот, кого я ищу, обитает на Шаггаи, кошмарном и гибельном Шаггаи, основном мире в угловом пространстве, чью ядовито-зеленую поверхность даже самый доблестный из путешественников не смеет посетить. Я слышал о странном и опасном Шаггаи те наиболее жуткие легенды, что нашептываются относительно этого Призрачного мира ужасного мрака, но никогда даже в моих самых смелых мечтах я не мог и вообразить отважиться углубиться туда. Но сейчас у меня не было иного выхода, и теперь я проецировал свою сущность сквозь бесконечное пространство и время к мрачному Шаггаи.

* * *

Когда я приблизился к Шаггаи, он лежал, купаясь в невыносимом блеске изумрудного пламени двойных солнц — мрачный и пустынный шар голого серого камня, наполненный черными кислотными морями и противными континентами, покрытыми зарослями ползающей и вампирской плесени. Там в странной метрополии из холодного серого металла обитает зловещая разумная раса — Инсектоиды, о которых даже Древние Записи ничего не упоминают.

Некоторое время я плавал над огромными проспектами из грубого металла, переполненными шумными, многоногими ордами, которые текли вокруг основания колоссальных и невыразимых пилонов и шаровидных куполов, которые лежали голые и стерильные под пронзительным блеском зеленых солнц. С раннего утра бесчисленные орды хитиновых членистоногих раскрывали свои большие сверкающие крылья, как яркие полотна, покрытые опалами, и кружились огромным облаком около отверстия, которое служило порталом с поверхности земли, исчезая в нем множественными потоками.

В центре каждого мегаполиса возвышались наклонные плоскости металлических пирамид. Некоторая прихоть или интуиция подсказали мне не останавливаться здесь, чтобы исследовать то, что лежит внутри этих маленьких пирамид, так как то, что я ищу находится не здесь в этих наполненных илом городах. Поэтому я пролетел вдаль несколько лиг, скользя над лишайниками, пульсирующими черными морями и сверкающей грязью. Наконец я увидел сооружение неизмеримо более громадное, чем любое из тех, что я наблюдал на Шаггаи. Оно возвышалось, одинокое и безлюдное, на мертвом плато в реги-

оне северного полюса, и из-за его невероятной и странной необъятности, которая бывает у многих гор, я сразу понял, что это и есть жилище Того, кого я искал — Дом Червя — скрывающий секрет чернейшей тайны туманных страниц Пнакотикских рукописей.

На усыпанной холодными черными кристаллами равнине я опустился. Большая часть пирамиды возвышалась надо мной, как геометрическая гора, но была обширнее, чем сама Вурмитхадрет, самая чудовищная структура, взращенная интеллектом, на планетах, известных мне. От ее огромных плоскостей исходила холодная угроза, перед которой моя душа робела в ледяном страхе, но я не смел колебаться, как какой-то устрашенный неофит, стоя на самом пороге тайны, которая вот уже множество циклов терзает меня. И собрав все своё мужество, произнося безмолвную молитву Тсатоггуа, я спроецировал свою бестелесную сущность вглубь пирамиды.

Сквозь стены невероятной толщины, созданные из металла очень прочного и неизвестного мне, я прошел, воспарив в полной черноте над колоссальной бездной. Внутренняя часть металлической горы была огромной гулкой пустотой, разверзшейся над колодцем таких невероятных

размеров, что он казался бездонным… и даже находясь в путах охватившего меня страха, я задавался вопросом — за толстыми стенами из этого ультра-теллурического металла находится — ничто?

Здесь снизу дул сырой, холодный ветер, по воле которого невидимые крылья несли мой астральный разум через зловоние, как дыхание ухмыляющихся упырей или смрад чешуйчатых и прокаженных шантаков, которые питаются отвратительными веществами. Эта вонь склепа была более ужасна, чем то, что источает бурлящая черная слизь, где отвратительные и изначальные шогготы купаются и разлагаются. И все мои чувства были поражены этим ветром из ямы.

Наконец, при слабом свечении, которое источалось гнилостной и растущей на мертвой плоти плесенью, я осознал чудовищные и дикие пиктограммы, которые были начертаны на внутренних стенах титанической пирамиды. При этом тусклом синем свечении я обнаружил, к своему удивлению, что могу частично познать огромные символы, ибо они были подобны глифам первобытных Тхуу-йааа, начертание которых сохранены в некоторых из Древних Записей, хранящихся на охраняемой Целено.

Я видел… я читал… и я сжался, содрогаясь от невероятных ужасов, сокрытых в этих растянутых и чудовищных глифах, видных в колеблющемся и туманном сиянии, которое излучало нечто со дна глубокой ямы внизу… Я вскрикнул беззвучно, когда увидел То, что корчилось на дне этой безмерно глубокой пропасти… То, чья студенистая дрожащая масса, покрытая белой слизью, была источником кладбищенского свечения… То, чья дрожащая как желе плоть источала отвратительную вонь, которую беспрерывно разносил холодный ветер из бездны… Йа! Тсатоггуа! Но червь не должен вырасти до размера горы… не должен грызть вечность, вопреки устоям, или прорыть яму тысячи миль глубиной!.. В этот адской момент я увидел и познал, что холодные разумные Инсектоиды проклятого и страшного Шаггаи однажды вызвали То, чем никакая сила не может командовать, не может уничтожить, но только вечность содержать внутри полой и чудовищной горы из нетленного металла, пока Это беспрестанно будет грызть ядро планеты… и будет грызть все последующее время до тех пор, пока кощунственный и старый Шаггаи не будет поглощен бессмысленной, слюнявой и ненасытной жаждой этого горного Червя Из

Вне… И тогда я бросил своё астральное тело с пронзительным визгом вверх из этого всемирно глубокого кошмарного склепа, где титаническое Нечто из пузырящейся слизи пожирало планету, чьи безрассудные жители дерзнули однажды призвать его из пучины, — я узнал, наконец, почему обитатели звездных миров избегают с дрожью всякого упоминания об обреченном и наполненном ужасом Шаггаи, и почему его секрет был похоронен в самых загадочных страницах Пнакотикских рукописей…

* * *

Эти вещи я, некромант Эйбон, видел и записал здесь, в моей Книге, чтобы если когда-нибудь снова какой-нибудь искатель тайн дерзнет вызвать ужас из черной бездны — будет предупрежден, и пусть То, что скрыто, навсегда останется скрытым, и поразмышляет над судьбой жалких интеллектов ужасного Шаггаи, которые в своей гордости и высокомерии когда-то вызвали То, что даже Старшие Боги не осмеливались вызывать.

Перевод: Р. Дремичев

Лин Картер
Вне времён

Lin Carter «Out of the Ages», 1975

Эта рукопись была найдена в 1928 году среди бумаг доктора Г. Стефенсона Блейна, в то время Куратора Рукописей Института Санборн. Казалось, это были страницы из журнала или дневника, которые доктор Блейн вел незадолго до своего печального краха. Записка мистера Артура Уилкокса Ходжкинса, помощника доктора Блейна, который позже сменил его на месте Куратора, говорит о том, что этот материал, возможно, имел некоторое влияние на ухудшение его здоровья за несколько месяцев до его нервного срыва. Поэтому мистер Ходжкинс передал рукопись врачу, занимающемуся делом доктора Блейна, от которого и была получена эта копия.

Из бумаг Стефенсона Блейна

Как Куратор Коллекции Рукописей в Санборнском Институте Тихоокеанских древностей в

Сантьяго, Калифорния, я с большим удовольствием, а так же потому, что это входило в мои обязанности, проводил общую инвентаризацию Наследства Копеланда, которое было передано Институту из имения покойного профессора Гарольда Хэдли Копеланда в 1928 году, через два года после его печальной кончины в психиатрическом учреждении в Сан-Франциско.

Этот посмертный дар долго и с нетерпением ожидали сотрудники Санборна и в частности я сам. Когда он, наконец, прибыл, мы обнаружили, что наследие состояло из нескольких больших чемоданов, наполненных различными и несортированными документами (включая как минимум одну неопубликованную рукопись), и скромный, но весьма избирательный набор артефактов, накопленный профессором за долгие годы своей выдающейся карьеры.

Отпустив своих ассистентов, я посвятил оставшуюся часть дня каталогизации содержимого чемоданов и коробок. Я решил сначала изучить артефакты и древности, так как директора Института были очень заинтересованы в том, чтобы разместить как можно больше прекрасных и интересных статей из коллекции Копеланда на публичной выставке сезона 1928 года. С волне-

нием и большим предвкушением я начал свою работу.

Я открыл упаковку с коллекцией артефактов со смешанными эмоциями. Помимо простого любопытства относительно того, что я могу найти там, надо мной возобладали чувства сожаления и уважения. Профессор был в два раза старше моего возраста, и я никогда не знал его лично, но ни один ученый, долго работая в любой области предыстории, археологии, мифологических шаблонов или фольклора тихоокеанских островитян, не мог не столкнуться с работами Гарольда Хэдли Копеланда. Его имя, безусловно, наиболее известно в достаточно молодой области изучения Тихоокеанских древностей, которая зародилась со времен первой публикации его монументальной книги «Предыстория Тихого океана: предварительное исследование со ссылкой на мифологические образы юго-восточной Азии», (1902), — книги, которая остается классикой в своей области и которая оказалась источником вдохновения, по крайней мере, для двух поколений ученых, включая меня. И есть много выдающегося, можно сказать даже блестящего, в его «Полинезийской мифологии с заметками о цикле легенд Ктулху», (1906), хотя, как я уже

писал в другом месте, «это отражает его неудачный и растущий энтузиазм к сомнительным оккультным теориям, которые привели к печальной эрозии его научной репутации, и, возможно, свидетельствует о психической аберрации, которая доминировала над ним в преклонные годы», и к чему я добавляю, что «данный труд до сих пор остается огромной работой в сфере научных исследований».

Но достигнув пика, профессор быстро начал катиться вниз. Его странная мания сосредоточилась на прошлом тихоокеанских цивилизаций крайней древности, от которых остались лишь таинственные каменные изображения на острове Пасхи и мегалитические разрушенные города Понапе. Из того, что я тогда знал о его мании, он сосредоточился на определенных образцах мифа, обнаруживаемых обычно на всей территории Микронезии и на большинстве наиболее густонаселенных островов Тихого океана, которые касались многочисленного пантеона богов или дьяволов или злых духов внеземного происхождения, что спустились в этот мир в отдаленные времена и доминировали на планете в до-плейстоцене.

В частности, его интересовали те божества,

которые властвовали над его любимым древним Тихим океаном. Местные легенды описывали их как совершенно не относящихся к человеку, отличающихся даже от зверей, и, как правило, являющихся водными по своей природе. Они сражались в какой-то войне с другой группой космических богов со звезд, были побеждены и в некотором роде отправлены в изгнание или погружены в похожий на транс сон, из которого в некую неведомую дату в будущем они проснутся, восстанут и снова попытаются завоевать землю. Смешной миф, конечно, хотя и с удивительной утонченностью; совсем не то, чего можно было бы ожидать от воображения примитивных островитян.

С третьим крупным текстом профессора Копеланда, увы, стало очевидно, что его одержимость приняла огромные масштабы мании. Тем не менее, в этой книге «Доисторический Тихий океан в свете Писания Понапе», (1911) многое достойно восхищения, и эта монументальная работа является абсолютно научным трудом. Через два года после публикации этой книги он возглавил экспедицию в глубины Азии и в 1916 году опубликовал в изданной частным образом брошюре свой «предположительный перевод»,

древних каменных табличек, которые нашел в гробнице доисторического шамана в центре Азии. Шокирующая и кощунственная природа «Табличек Занту», привела к его официальному подавлению — профессора попросили уйти из археологической ассоциации, в которой он был соучредителем и в прошлом президентом. Его падение с этого момента было быстрым.

Распаковывая артефакты, я нашел небольшой список в папке, в котором были даны их описания и примерная датировка. Я воспроизвожу его здесь.

1) Ткань Тапа, острова Тонга, около 1897 года. Примечание: украшения в виде 5-тиконечной звезды. (Старший Знак?)

2) Изображение «Рыбацкий бог», Острова Кука, около 1900 года. Местное название: Затамага (? Затамагва — см. № 7)

3) Фигурка из долины реки Сепик, Новая Гвинея, дата неизв. но после 1895 года. Обратите внимание на конусообразный торс, расположение щупалец, что похоже на гриву волос.

4) Резной кулон из раковины, Папуа. 1902? Октопоидная голова.

5) Резной камень из дверного косяка, Новая Каледония, около 1892 года. Примечание: пятиконечный звездный мотив в сочетании с головой с гривой змей — местное название «Хоммогах».

6) Деревянная маска с густой гривой волос и бородой, происхождение Амбрим, Новые Гебриды, дата неизв. Обратите внимание на расположение щупалец, не волосы: мотив «Медуза», наблюдается на Каролинских островах, Новая Гвинея (район р. Сепик), также на Маркизских.

7) Каменный тики[85], Маркизские острова, около 1904 года, мотив, распространенный в предыдущих поколениях, как говорит Тиллингаст. Обратите внимание на змеиные волосы, пирамидальное тело. Местное имя: «З'отомого», или «Затамагва».

8) Резная оконная рама, Новая Зеландия, очень древний Маори (раньше 1800?). Конусное или пирамидальное тело, увенчанное волосатой головой. Обратите внимание на мотив «Медуза», как в № 6.

---

[85] Примечания: 85

Тики (tiki) — большое или маленькое выполненное из дерева или зеленого камня изображение человеческой фигуры.

Старый шаман назвал его «Сотхамогха».

9) Базальтовое изображение, Остров Пасхи, дата не известна. Никакого сходства с головами аку-аку[86], найдено на внешних склонах Рано Рараку[87]; туземцы называют его «богом океанских глубин», (Ктулху? Зот-Оммог?)

10) Фрагм. барельефа из лавового камня, С. Индокитай, возможно, кхмерский? Используется как кумир в вырожденном местном культе в Сингапуре, около 1900–1905 года. Культовое имя «З'мог», относится к центральной фигуре; обратите внимание не змеевидный мотив волос.

11) Дьявольская маска, район р. Сепик, Н. Гвинея. Нечеловеческая, октопоидная голова, пирамидальное или конусообразное тело, руки в виде щупалец.

Миссионеры в этой области сообщают о борьбе с местным культом в течение 30 лет; Преподобный Х. Уоллес говорит, что местное имя этого бога «Жмог-йаа».

---

[86] Примечания: 86

Аку-аку (Aku-Aku) — так аборигены Острова Пасхи называли своё божество.

[87] Примечания: 87

Рано Рараку (исп. Rano Raraku) — вулкан на острове Пасхи.

Что касается артефактов в этом списке, описанных в примечаниях, то они были, по большей части, прекрасными примерами местного творчества и искусства Южной или Центральной части Тихого океана. Мотивы дизайна, однако, были довольно необычными и указывали на источники в мифах и легендах Тихого океана, незнакомых мне. Ничего не сообщалось о каменных изображениях и резьбе, деревянных масках и образцах тканей, которые казались особенно странными или пугающими… за исключением того, что собранные вместе, они являли удивительное и даже приводящее в замешательство сходство темы и дизайна, что было тем более загадочно, если учесть огромные расстояния между местами их нахождения.

Таким образом, не было ничего сверхъестественного в барельефе из лавового камня, такого как в № 10, который, если профессор правильно соотнес его к кхмерскому происхождению, должен прибыть из джунглей Камбоджи; и нет ничего страшного или неестественного в каменном тики, № 7 в списке профессора, что явно связано с тонкой работой мастеров с Маркизских островов.

Тем не менее, одна мелочь вызывала неболь-

шое беспокойство, если исследовать артефакты в свете расстояния… потому что между Маркизскими островами и Камбоджей протянулось более восьми тысяч миль поверхности океана… и это казалось удивительным, или даже поистине невообразимым, что две настолько удаленные друг от друга культуры могли иметь резные образцы злобной магии с именами, столь удивительно похожими, как З'отомого и З'мог.

* * *

Двенадцатый пункт в инвентаре — был гораздо более удивительным, чем все остальные вместе взятые. Описание профессора гласило:

> 12) Нефритовая фигурка, искусство не опознано; обнаружено местным ныряльщиком на Понапе, 1909. Примечательна надпись на основании (не Наакаль, Тсат-йо или Р'льехский?). Определенно изображение Зот-Оммога!

Этот особенный артефакт почти сразу же привлек мое внимание. Действительно, среди беспорядка резной и окрашенной древесины и грубо вырезанной каменной кладки он резко

отличался. Поскольку «статуэтка Понапе», никогда не была сфотографирована или отображена, я опишу ее в деталях, потому что она наиболее примечательна.

Во-первых, необычная редкость найти обработанные нефритовые изделия такого размера среди произведений коренных народов Тихого океана, если только они не являются торговыми марками из Китая, которые обычно и встречаются. Этот конкретный образ или кумир, конечно же, не был китайской работы… действительно, как по стилю, так и по технике, не говоря уже о мастерстве, он был совершенно уникален.

Вкратце, статуэтка, включая основание, была около девятнадцати дюймов в высоту и была из обработанного и отполированного нефрита незнакомого типа. Я не специалист в китайской резьбе по нефриту, но я никогда не видел такого рода нефрит прежде. Он был скользкий серо-белый, покрытый пятнами или крапинками глубокого темно-зеленого цвета, и одинаково плотный и тяжелый. Сам образ не только не гуманоидный, но практически не реальный, — навязчиво наводящий на размышления о некоторых странных резных фигурах малоизвестного скульптора-любителя Кларка Эштона Смита, — и в деталях, не

говоря уже о концепции и утонченности, странно напоминающий блестящую работу, проделанную знаменитым скульптором из Сан-Франциско Киприаном Синколом.

Он представляет собой своеобразное существо с телом в форме усеченного конуса с широким основанием. Плоская, грубая, клиновидная, отдаленно напоминающая змеиную голова венчает этот конический торс, и голова эта почти полностью скрыта за извивающимися локонами. Эти волосы, или борода и грива, состоят из густых резных и свернутых спиралью веревок, напоминающих змей или червей, и мастерство настолько необычно натуралистично, что вы можете почти поклясться, что скользящие усики находятся в движении. Посреди этой отталкивающей Медузоподобной гривы розовых усиков два жестоких змеиных глаза блестят в жутком смешении, как холодной, бесчеловечной насмешки… так и того, что я могу описать только как злорадная угроза.

Техника неизвестного скульптора — одна из удивительных сложностей: нет ни малейшего намека на первобытное происхождение в этой загадочной и слегка отталкивающей фигурке. Он, должно быть, обладал исключительными талантами, — настоящий виртуальный гений, —

чтобы отразить это выражение хитрого взгляда, ледяной, чужой угрозы в неподатливом материале каким является гладкий тяжелый нефрит. Но то, что сумел изобразить скульптор… вызывало тревожные опасения.

Основание, на котором было установлено это усеченное, коническое тело, было вырезано из того же неизвестного покрытого пятнами нефрита, и под странным углом, как будто культура скульптора пользовалась полностью неевклидовой геометрией. Глубоко и чисто были вырезаны на одной стороне этого странно-угловатого основания два чрезвычайно сложных иероглифа на не известном мне языке. Эти символы не имели сходства с китайскими идеографами, египетскими глифами, арабскими буквами, санскритом и даже с распространенными формами месопотамской клинописи, и, конечно же, никакого малейшего сходства с какой-либо южно- или центрально-тихоокеанской письменностью, известной мне.

Поднимаясь от параллельных складок у основания шеи изображения, из туловища выступали четыре сужающиеся к концу конечности или придатка. Они были плоские и напоминали конечности распространенные у иглокожих класса

астероидеа[88] — обычные морские звезды с пляжей в Калифорнии — с довольно своеобразным исключением, нижняя часть этих широких, плоских, сужающихся конечностей имела несколько рядов дискообразных присосок. Удивительно, как неизвестный художник объединил в своем замысле особенности морских звезд, кальмаров и осьминогов... и необычайное, холодное ощущение беспокойства, представляющее своего рода психическое предупреждение о реальной физической опасности, которая исходит даже от краткого созерцания этого кумира! Сочетание этого неподвижного, злорадствующего взгляда бездушных змеиных глаз, полускрытых за извивающимся, червеобразным клубком волос... и этих странных, изгибающихся рук или щупальцев, наполовину приподнятых и слегка разведенных в стороны — как будто он сжимает свою добычу! — вызывало тревогу и беспокойство.

* * *

Отложив в сторону фигуру из нефрита, я снова

---

[88] Примечания: 88

Морские звезды (латинское название: Asteroidea) — класс беспозвоночных типа иглокожих.

обратился к поверхностному ознакомлению с другими рукописями. Сначала я пролистал манильскую папку, которая была вложена в упаковку, где была собрана коллекция артефактов, чья первая страница состояла из аннотированного списка коллекции.

Быстро пролистывая громоздкую папку, я обнаружил, что ее содержимое действительно разнородно, состоит из личных писем профессора Копеланда в различные учреждения, такие как Хранилище Редких Книг в Британском музее, Национальную библиотеку в Париже, университеты и библиотеки здесь, в Соединенных Штатах; были также свертки газетных вырезок из обширного ряда газет (как правило, не имеющих между собой ничего общего, за исключением того факта, что они касались пропавших или затонувших кораблей в Тихом океане или новостных сообщений о временном появлении затонувших островов вулканической природы) и несколько страниц заметок, скрепленных вместе и имеющих заголовок «Примечания к Циклу Ксотических Легенд со ссылками на „Текст Р'льех“ и другие книги».

Первая страница состояла из списка в фонетической транскрипции вариантов имен водного божества, чьи изображения профессор так усерд-

но собирал. Как отмечалось ранее, наиболее удивительно, что культуры, столь удаленные друг от друга, имели общее божество или, по крайней мере, божества с очень схожими именами, отмеченными профессором, — «Затамага», «Хоммогах», «З'отомого», «Сотхамогха», «З'мог», и т. д. — они настолько похожи, что можно предположить общую религиозную фигуру, почитаемую туманными культами Тихого океана.

Затем профессор собрал в таблицу физические элементы этого существа, которые обнаружил в различных произведениях искусства. В целом они удивительно соответствовали деталям внешнего вида нефритовой фигурки, которую я убрал в картотечный шкаф.

Затем он тщательно начертил два сложных иероглифа на листе бумаги, а под ними следовал список фонем, содержащихся в сложном имени, к которому он привязал символы с нескольких языков, с которыми я не знаком. Эти символы были расположены в аккуратных столбцах, а столбцы снабжались странными, неуклюжими заголовками, — которые, судя из контекста, должны означать названия различных языков. Если это так, то они не связаны с алфавитами нашего мира, древними или со-

временными, — «Наакаль», — «Иератический Наакаль», — «Тсат-йо», — «Р'льехский», — «Сензар», — «Предполагаемый Акло», — и другие, ни один из которых мне не был известен. Его цель здесь была ясна: он пытался найти фонетический смысл двух глифов со статуэтки Понапе, сравнивая с похожими фонемами в предположительно родственных языках. В папке не было доказательств успеха в этом начинании.

Затем следовала последовательность писем от официальных лиц в разных учреждениях. Профессор пытался получить некоторые темные книги, очевидно являющиеся большой редкостью, либо по абонементу библиотеки, либо их копии. Я воспроизвожу образец одного такого письма ниже:

> Библиотека Мискатоникского Университета
>
> Аркхам, Массачусетс
> Отделение библиотеки
> 3 сентября 1907 года
>
> Дорогой профессор:
>
> Мы получили ваше письмо от 29 августа, в котором запрашивается информа-

ция о наличии у нас «Некрономикона», Абдула Альхазреда по межбиблиотечному абонементу.

Библиотекарь просит меня сообщить вам, что Библиотека Кестера предоставила верную информацию. У нас действительно есть копия в превосходном состоянии латинского перевода, сделанного Олаусом Вормиусом в издании, опубликованном в Испании в семнадцатом веке, и, насколько нам известно, это единственная копия «полного», «Некрономикона», (т. е. испанского издания Вормиуса) в настоящее время в этой стране. Известно, что лишь пять экземпляров существуют во всем мире.

Крайняя редкость этого тома такова, что Совет Правления Университета строго запретил нам выдавать Альхазреда по межбиблиотечному абонементу, хотя он доступен для личного ознакомления для квалифицированных ученых в помещениях самой библиотеки.

Поскольку вы в настоящее время находитесь в Калифорнии, и поездка Массачусетс может быть затруднительной из-за вашего расписания, Библиотекарь предлагает вам связаться с доктором Фостером в Библиотеке Хантингтона в вашем штате. Я полагаю, что Хантингтон обладает копией «Некрономикона», в рукописной версии, но не могу быть точно в этом уверен.

Искренне ваш,
Таддеус Прессли, мл.
Для библиотекаря

Ниже этого находилась серия примечаний, написанных рукой профессора Копеланда, которая представляет собой краткое изложение переписки, отсутствующей в этом деле:

17 сентября. Связался с Хантингтоном, но у них нет Нек. Предложили обратиться в Брит. Муз. Хантингтон однако имеет «Unaussprechlichen Kulten», дюссельдорфское издание 1840 года, поэтому, возможно, стоит отправиться к ним, поскольку фон Юнцт предоставляет много данных о Му, и я подозреваю, что З-О мо-

жет оказаться мувианским.

11 октября. Получил хорошие копии соответствующих отрывков Нек. из Уоллингфорда в Лондоне, но должно быть неполного издания 15-го века, сделанного в Германии, — такого же издания как в Кестерской Библ. в Салеме. Нужны отрывки из Нек. касающиеся Ксотических данных в полной форме!

20 октября. Писал сегодня в Библ. Унив. Буэнос-Айреса, Библ. Унив. Лимы, Перу и Нац. Библ. Парижа. Испанское издание, по общему мнению, есть в Буэнос-Айресе и Париже; в то время как Лима должна была иметь у себя итальянское издание греческого перевода Теодора Филета.

За этими записями следовали длинные отрывки, написанные несколькими различными почерками, странных, ритмических, казалось бы, мифологических повествований. Они слишком длинны и неясны для меня, чтобы копировать их в эту запись, но поскольку Копеланд, очевидно, обнаружил что-то важное в некоторых из них — то, что в конечном итоге предоставили другие переписчики, — я отражу здесь кратчайший из

них:

«Некрономикон», Кн. II, гл. VII (отрывок): «И было сделано то, что было обещано раньше, Он [т. е. Ктулху] был пленен теми, кому Он бросил вызов, и погрузился в самые нижние глубины Моря, и Они поместили Его в разрушенную башню, которая, как говорят, поднимается среди великих руин, которые являются Затонувшим городом [Р`льех], и там Он был запечатан Старшим Знаком; и, проклиная Тех, кто заключил его в тюрьму, Он вновь заслужил их гнев, и Они, спустившись к Нему во второй раз, наложив на Него подобие Смерти, но оставили Его спать там же под Великими Водами и вернулись в то место, откуда они пришли, которое называется Глуи-Вхо, или „lbt al Janzah“ [т. е. название арабских астрономов времен жизни Альхадреда, используемое для звезды, которую мы называем Бетельгейзе], и которая находится среди звезд и смотрит на Землю начиная с того сезона, когда опадают листья, до того сезона, когда сеятели вы-

ходят на свои поля. И будет Он лежать, погруженный в свои сны, во веки веков в своем доме в Р'Льех, к которому постоянно наведывались те, кто служит ему, и пытались сорвать с него оковы, но затем склонились к ожиданию Его пробуждения, потому что у них не было власти против Старшего Знака и они боялись его великой силы; но они знали, что Цикл завершится и что Он будет освобожден, чтобы снова захватить Землю и сделать ее Своим Царством, и, следовательно, снова бросить вызов Старшим богам. И с Его братьями произошло так, что их пленили Те, кому Они тоже бросили вызов, и отправили Их в изгнание; Тот, кого нельзя назвать [т. е. Хастур], был ввергнут во Внешнюю Пустоту, которая находится за пределами Звезд, с другими — было сделано то же самое, до тех пор, пока, наконец, Земля, не освободилась от них, и Те, кто пришел сюда в форма „Башен Пламени“ вернулись туда, откуда пришли, и больше не были замечены в этом мире, и на Земле наступил мир, но все же Миньоны Древних собрались, планировали

и искали способы освобождения своих Хозяев, и протянули до тех пор, пока Люди не отправились искать Секретные и Запретные Места и неумело обращаться с Вратами. [Примечание: текст немецкого издания заканчивается здесь и переходит к другому отрывку. Но это не всегда было так, потому что испанский текст продолжается с этого места, являя то, что было опущено в старом издании.] И, таким образом, Он спал нескончаемые века, в то время как в Темном городе [т. е. Каркоза], на берега которого обрушиваются мрачные волны, Тот, Кого Нельзя Называть ревел и бился в Своих оковах, а в черном, лишенном света Н'кай глубоко в секретном месте, которое образовалось под поверхностью Земли, Черная Тварь [т. е. Тсатоггуа] лежала в путах, и Абхот тоже, Нечистый, как и все они, и не имели Они сил, чтобы освободиться от наказаний, навязанных им Владыками Глуи-Вхо [„Старшие Боги“], да, и, таким образом, пока эоны утекают, Йтхогта воет из своей Бездны, Гхатанотоа со Своей горы, а Зот-Оммог из Провала, который находится

под Великими Водами у Острова Священных Каменных городов [?Йхе], и все Их Братья так же беспомощны, как Они, чтобы освободить Себя, и все они жаждут обрести свободу, которой по истечении веков они достигнут. Тем временем они скрываются за порогом, который не в состоянии пересечь, и находятся за рамками понимания смертных умов, есть лишь Месть, которая наполняет их беспокойные сны.

ГЛАВА. VIII. Но это не совсем так, потому что написано, что Цикл в своё время вернется к исходной точке, чтобы начать новый виток…»

* * *

Я нахожу, что эти мифологические суеверия вечны, и я должен сообщить об этом образце достаточно, поскольку это является самым кратким из всех. Из контекста и внешнего вида документов мне стало ясно, что профессор нашел дружески расположенного коллегу, который старательно скопировал те отрывки, которые пожелал профессор, из копии книги «Некрономикон», скорее всего, в Национальной библиотеке,

на почтовой бумаге имеющей фирменный бланк Парижа. Этот ученый друг, похоже, был знаком с этой любопытной мифологией, поскольку его написанные в скобках дополнения указывают на тесное знакомство с используемой символикой.

Для меня было очевидно, что сортирование этих документов займет много дней, поэтому я отложил папку на весь остаток дня и обратил своё внимание на другие обязанности, которые меня ждали. Тем не менее, у меня было отчетливое ощущение, что за мной наблюдают — крайне неприятное ощущение, вдвойне, так как в то время кроме меня не было другого человека в комнате.

Закончив все дела пораньше, я отправился той ночью к себе домой на Карвен Стрит в странном депрессивном настроении и туманной тревоге — хотя почему я чувствовал себя подавленным или тревожным, я не могу сказать, если только это не было из-за печальной участи профессора Копеланда. Он провел последние восемь лет своей жизни в сумасшедшем доме и умер, крича о тварях, спускающихся со звезд, чтобы очистить всю землю от жизни, чтобы построить дом для своих адских отродий.

В своей постели я почему-то не мог вспомнить,

о чем читал в своей книге, — у меня пристрастие к «триллерам», и я прошел уже половину романа Ричарда Марша под названием «Жук», который читал с удовольствием. Не в состоянии сосредоточить своё внимание на страницах романа, я взял из портфеля манильскую папку из Записей Копеланда, в которой содержались данные о «Цикле Ксотических Легенд», и снова обратился к рассмотрению документов, так как принес и папку, и нефритовую фигурку домой для дальнейшего изучения.

Здесь были страницы полные мифологического материала, изящно скопированного вручную из книг с самыми странными и болезненными названиями, которые можно себе представить, — «Cultes des Goules», графа д'Эрлета, «De Vernzis Mysteriis», Людвига Принна, нечто носившее название «Манускрипты Пнакотика», «Писание Понапе», «Unaussprechlichen Kulten», фон Юнцта, множество страниц, скопированных из «Некрономикона», некоторые собранные материалы из «Тангароа[89] и Другие Мифы Тихого океана», Вайнорта, «Текст Р'льех», а так же некоторые материалы, что были, как оказалось, получены из

[89] Примечания: 89

Тангароа (Тангалоа, Танаоа, Таароа, Каналоа) — у полинезийцев и микронезийцев небесное божество и бог морской стихии.

диссертации или неопубликованной рукописи одного доктора Лабана Шрусбери из Мискатоника, о котором я смутно слышал.

Что касается самого скопированного материала, я не видел в нем никакого здравого смысла — более запутанной и хаотичной мистической глупости никогда не извергалась даже из расстроенного разума! Что можно сделать с бессвязным бредом о богах или дьяволах с такими непроизносимыми именами, как Ктулху, Йог-Сотот, Гхатанотоа, Ллойгор, Й`голонак, Шуб-Ниггурат, Хастур, Идх-йаа, Йтхогта, Азатот, Итакуа, Глааки, Тсатоггуа, Иод, Йиг, Гол-Горот, Ньярлатотеп, Уббо-Сатла и т. д.?

В основном профессор, казалось, попытался собрать в одном месте все рассеянные ссылки на четырех из этих демонов или божеств из всей этой огромной литературы. Существа, которыми он интересовался, были Ктулху, Гхатанотоа, Йтхогта и Зот-Оммог; в несколько меньшей степени он также собирал ссылки на Йига, Шуб-Ниггурат, Ворвадосса, Нуга и Йеба. Из собранных материалов, которые я быстро пролистал, мне стало известно, что у этих существ были тайные культы, разбросанные по всему миру — здесь были ссылки на «Черный Зимбабве», и «укрытый водо-

рослями Й'ха-нтлей», на плато Ленг где-то в Азии, на некоторые древние руины в Юкатане и Перу, на какой-то регион в неисследованных пустынях Австралии, на изначальный город «Отродий с Юггота», в Антарктиде — из всех мест! — а так же на мифы о Вендиго или «Шагающего с ветром», распространенные среди северных тихоокеанских индейских племен Канады и Аляски, о народе Чо-Чо в Бирме, «Отвратительных Ми-Го», которые, как я предположил из контекста, являются известными Мерзкими Снежными Людьми с Гималаев, на «Сказочный Ирем, Город столбов», который я вспомнил по чтению в юности «Арабских ночей», и «Рубайята», и который, следовательно, принадлежал к исламской легенде.

Эти «Великие Древние», (как обычно называли этих демонических существ со звезд), на которых Копеланд обратил своё внимание, были богами изначального и легендарного Му, и в частности, своего рода троица, состоящая из Гхатанотоа, Йтхогты и Зот-Оммога. Эти существа были братьями и имели общего отца — Ктулху, о котором часто упоминалось в отрывках литературы. Одна из цитат, в частности, казалась центральной и уместной; она была обнаружена в замечательной рукописи, которая, согласно записям Копеланда,

была написана «в Древние Эоны», на каком-то пальмовом пергаменте, и которая была обнаружена во время раскопок на Понапе около 1734 года торговцем янки, неким капитаном Абнером Эзекилем Хоагом из Аркхема, штат Массачусетс. Прислужник Хоага, очевидно, полинезийский или восточный полукровка (Копеланд называет его «гибридным человеком / Глубоководным — что бы это ни значило!») перевел этот древний книжный свиток с «первичного Наакаля», и он тайно распространялся среди некоторых культистов и оккультных студентов в Соединенных Штатах, Европе и Азии на протяжении многих лет. В конце концов, как первоначальный пергамент, так и копия перевода каким-то образом вошли в библиотеку Кестера, из которой профессор и получил свои тексты.

Во всяком случае, ключевая цитата исходила из так называемого «Писания Понапе», которую я скопирую здесь:

> «Что касается Гхатанотоа, „Твари на Горе“, Он и Его братья, Йтхогта, „Мерзость из Бездны“ и Зот-Оммог, „Обитатель Глубин“, являются Сынами могущественного Ктулху, „Владыки Подводной Пучины“, а

так же страшного и ужасного Повелителя затопленного Р'льеха; и подобно своему Грозному Отцу, Который еще восстанет в будущем, у Них есть владычество над великими рыбами и змеями Глубин, и Они также запечатаны под жуткими чарами Старшего Знака за то, что осмелились бросить вызов Тем, Кто Обитает на Глуи-Вхо, ради власти над Землей. Сыновья были порождены великими Ктулху и Его Супругой, Идх-йаа, с которой Он совокуплялся в жутких наполненных тьмой безднах между звездами, и эти Трое, Отродья Ктулху, спустились с отдаленного и ультра-теллурического Ксота, тусклого зеленого двойного солнца, которое блестит как демонический глаз в черноте за Аббитом, чтобы покорить и править над дымящимися болотами и пузырящимися слизневыми ямами окутанными туманом рассвета первой эры Земли, и это было в изначальном и теневом Му, когда Они были Велики.»

Я отложил папку, потому что усталость начала меня одолевать. И в ту ночь у меня не было здо-

ровых снов.

* * *

Отрывочно, в течение следующих трех месяцев или около того, я работал над различными заметками и документами. Один за другим части этой головоломки начали вставать на свои места.

Эта демоническая Троица и их страшный Отец интересовали больше всего Копеланда потому, что Тихий океан был средоточием их величайшей силы. Очевидно, что в своих исследованиях, розысках и раскопках он столкнулся с этим культом или его остатками, которые вели его через лабиринты этой странной и ужасной мифологии.

Что касается названия, которым он обозначил культовый материал, вывод был очевиден. «Ксотические», потому что эти легенды сосредоточились вокруг трех богов-демонов, порожденных Ктулху от сущности, которая обитала либо на двойной звезде, либо недалеко от нее, и которую культисты знали как Ксот. Гхатанотоа, Йтхогта и Зот-Оммог и, возможно, сам Ктулху и его чудовищная супруга, Идх-йаа, также спустились из космоса в наш мир в период его рассвета, и их империя охватила первозданную тихоокеанскую

цивилизацию, известную оккультистам как Му. Когда Му раскололся и погрузился под воду — о, я тоже окунулся в дикие страницы полковника Черчворда! — их поклонение и их легенды сохранились среди некоторых вырожденных культовых пережитков самой ошеломляющей древности.

Речь шла о том, чтобы описать эту страшную, доисторическую империю (которую, без сомнения, авторитетные ученые считают лишь простой легендой), чему Копеланд и посвятил труд своих последних лет. Среди различных документов завещания был обширный, неопрятный сверток рукописей, имеющий размер достаточно весомого тома, который, к счастью, остался незавершенным после смерти профессора. Я говорю «к счастью остался незавершенным», потому что я — к большому ущербу для моих здоровых снов — осмелился заглянуть в хаотичные страницы кричащего безумия, которые составляли эту монументальную работу, — извержения безумного мозга, больного интеллекта — дикие бредни некогда блестящего ума, печально ушедшего за грань катастрофического умопомешательства.

Я думаю, что немногие глаза, за исключением моих собственных, заглядывали в это окон-

чательное собрание, разрушившее когда-то продуктивную карьеру. Эта конкретная работа, которую профессор озаглавил как «Цивилизация Му: реконструкция в свете недавних открытий с синоптическим сравнением „Текста Р`Льех“ и „Писаний Понапе“», — эта рукопись, я говорю, которая является бессвязной мешаниной ужасного богохульства и кошмарных космических размышлений, все же прослеживает подъем, распад и разрушение цивилизации, и которая, насколько мнимая, настолько и мифическая, по крайней мере, представляет судя по всему жизнеспособную гипотезу, которая объясняет загадочную и циклопическую каменную кладку, которой очень многие джунгли Тихоокеанских островов загадочно и необъяснимо загромождены.

Гибель этой первичной или дочеловеческой расы и разрушение так называемого «Потерянного континента», который, как некоторые сейчас предполагают, был ее колыбелью, пережили (по мнению бедного Копеланда) темные, смутные культы, которые поклонялись этим ксотическим богам-демонам.

Это мистическое выживание, — в его документах это повторяется снова и снова, — случилось потому, что Демоническая Троица и их Отец не

погибли после уничтожении Му на самом деле, Они не могли по своей природе умереть или быть убитыми, но каким-то образом жили вечно, находясь в трансовом состоянии, навязанном им их противниками, Старшими Богами. В этом божественном состоянии они могли жить вечно, но бессильны действовать: кроме того, во сне они могли как-то влиять и заражать безумием умы людей. Тех людей, чья ментальная природа была каким-то образом восприимчива к их коварному влиянию, независимо от того, вызывалось ли оно научным любопытством, похотью к нечестивой власти или определенной художественной чувствительностью, что является почти врожденной нестабильностью, могли ввести в свою веру… как Фауст, соблазненный на изучение Божественности посредством сил черной магии.

Это было вызывающее ужасные мысли предположение, но как ни странно — убедительное. Но кое-что в этом беспокоило меня, как пропавший кусочек головоломки. Какого-то факта не хватало в этой мозаике, которую так изобретательно построил Гарольд Хэдли Копеланд, — для чего спящим демоническим богам обращать в свою веру человека?

На этот вопрос не было ответа, он сбивал меня

с толку и застрял в моей голове. Для чего могли использовать столь хрупких, эфемерных, смертных людей эти Ксотическая Троица и их Отец?

Ответ пришел ко мне совершенно неожиданно, в мгновение ока, как воспоминание, что немного встревожило меня. Он все время был в моей голове… внушенный первой вечной цитатой из кощунственного и шокирующего «Некрономикона», отрывок, который я уже скопировал в этот дневник, но повторю здесь: «И все же Миньоны Древних собрались, планировали и искали способы освобождения своих Хозяев, и протянули до тех пор, пока Люди не отправились искать Секретные и Запретные Места и неумело обращаться с Вратами».

Я сразу понял это — Старший Знак, каким бы он ни был, был материальной вещью, каким-то талисманом или сигилом, пропитанным психической силой, которая отталкивала как Древних, так и их нечеловеческих Миньонов, — но никак не отражалась на людях. Люди и только люди могли открыть «Врата», и освободить Древних!

* * *

Большая часть исследований Копеланда была географической, он пытался определить места

заточения Древних в Тихоокеанском регионе. Здесь была целая папка газетных вырезок, не понятных для меня, когда я впервые пролистал их, хотя теперь они приобрели зловещий и гибельный смысл.

Эти вырезки были скреплены вместе и разделены на три свертка, с надписями «Р'льех», «Йхе», и «З-О; Понапе». Сверток с надписью «Р'льех», был, безусловно, самым объемным и должен был содержать тридцать или более статей, первая из которых относилась еще к 1879 году. Последняя была опубликована в «Сиднейском Вестнике», 18 апреля 1925 года. Под заголовком «Тайна Брошенного Судна», были описаны детали запутанной и, казалось бы, безобидной морй трагедии, произошедшей с двухмачтовой шхуной «Эмма», которая три года назад тайно вышла из Окленда; в двенадцатый день следующего месяца один оставшийся в живых был спасен, его подобрал в океане морской грузовой корабль «Бдительный». Этот человек, норвежец по имени Густаф Йохансен, рассказал о встрече с кораблем, наполненным отвратительными Канаками и

полукастами[90], о битве в море, а затем открытии неизвестного острова, не обозначенного ни на одной карте. К этой пожелтевшей вырезке были прикреплены некоторые машинописные документы — текст своего рода дневника моряка Йохансена, — добытый, как ни удивительно, внучатым племянником одного из моих старых учителей, Джорджа Гаммела Энджелла, почетного профессора семитских языков из Браунского университета. Казалось, и Гаммелл, и его внучатый племянник интересовались во многом теми же исследованиями, которые стали главной заботой профессора Копеланда. Я не буду включать сюда текст рассказа Йохансена: он описывает их наблюдения на необитаемом острове, обнаруженном в точке 47? 9' южной широты, 126? 43' западной долготы — их высадку на берег, представляющий собой смесь грязи, ила и кусков каменных блоков громадной каменной кладки — смутную и кошмарную борьбу с огромными тварями, которых он с содроганием отказался

[90] Примечания: 90

Полу-Каста — является термином для категории людей смешанной расы или этнической принадлежности. Его иногда использовали как оскорбительный термин, особенно в Новой Зеландии и Тихоокеанском регионе.

описать[91].

Эту ссылку на широту и долготу Копеланд подчеркнул своей ручкой.

Вернувшись к самой ранней вырезке, — пожелтевшему клочку газетной бумаги из «Бостонского Журнала», датированной 15 ноября 1879 года, — я прочитал, что некоторые предметы из доисторической гробницы должны были публично выставляться в Музее Кабота в Бостоне; эти предметы были найдены 11 мая 1878 года членами экипажа грузового судна «Эридан», направляющегося из Веллингтона, Новая Зеландия, в Вальпараисо, Чили, которые обнаружили «новый остров, не отмеченный ни на одной карте и, по-видимому, вулканического происхождения»[92]. Статья в газете указывала широту и долготу, идентичные тем, которые «Сиднейский Вестник», напечатает в своей истории о шхуне «Эмма», — сорок семь лет спустя!

Второй комплект газетных вырезок, вполовину меньше, чем первый, содержал много похожих материалов, но здесь были описаны редкие появления из глубин острова, содержавшего большую

---

[91] Примечания: 91

См. рассказ Г. Ф. Лавкрафта «Зов Ктулху», («The Call of Cthulhu»).

[92] Примечания: 92

См. рассказ Г. Ф. Лавкрафта, Х. Хилд «Все времени», («Out of the Aeons»).

пропасть в нескольких тысячах миль к югу от места «появления Р'льех».

Третий сверток, однако, привлек мое внимание больше всего. Эти вырезки, всего около дюжины, касались странных исчезновений парусных судов в водах у Понапе. Самые ранние из них рассказывали об исчезновении в море китобойного судна «Навуходоносор», из Нью-Бедфорда, которое исчезло в окрестностях Понапе в 1864 году. В окрестностях Понапе не было шторма — нигде в Тихом океане в день, о котором идет речь, в пределах тысячи миль — не было отмечено ничего странного, кроме жуткого, тяжелого, низко плывущего над водой тумана.

В более поздних вырезках из «Сингапур таймс», за 8 апреля 1911 года обсуждалось таинственное исчезновение французского военного корабля «Версаль». Опять же, ни о каком шторме не сообщалось, но сильный туман укрывал воды у Понапе.

Одну газетную вырезку профессор отметил большим восклицательным знаком. Она была напечатана в «Страже Гонолулу», 17 июня 1922 года и описывала кошмарную и бессвязную историю о флоте рыболовных судов, укомплектованных местными жителями Понапе, заблудившихся

в густом тумане у острова и атакованных чудовищными и ужасными морскими слизнями, раздутыми до фантастических пропорций, которые проскальзывали на лодки, хватали местных рыбаков своей пастью и тащили их за борт. Более сорока человек были похищены таким образом, а оставшиеся в живых, которые были госпитализированы в различных состояниях, начиная от бессвязной неистовой истерии и заканчивая кататоническим шоком, снова и снова повторяли бессмысленное слово или восклицание «Хуг!», или «Угх!»

На полях этой истории рукой Копеланда было написано: «Йугги! См. Таб. Зан., IX, 2, строки 120–150». В этой заметке речь шла о странном и загадочном наборе начертанных табличек, которые профессор Копеланд добыл из доисторической каменной гробницы жреца или колдуна в регионе Плато Тсанг в Центральной Азии в 1913 году. Я припомнил, что в 1916 году была публикация его брошюры «Таблички Занту: предполагаемый перевод», с нечестивой и отвратительной картиной эпохи рассвета цивилизации, эта брошюра была яростно осуждена как «космическое богохульство», прессой и кафедрой, и нанесла смертельный удар по его научной репутации. Два

года спустя он был отправлен в сумасшедший дом; восемь лет спустя он умер в бреду.

У нас была копия «Табличек Занту», в нашей библиотечной секции, хотя я никогда не осмеливался заглянуть за ее обложку из зеленой кожи; однако я сделал это сейчас и быстро нашел отрывок, к которому относилась написанная от руки ссылка. Это было почти в конце девятой таблички — их всего было десять — и соответствующий отрывок должен быть тем, в котором иерофант Занту ссылается на «Отца червей… бессмертного и гнилостного Убба, лидера и прародителя страшных йуггов — отвратительных и дочеловеческих слуг (Йтхогты), которые извиваются и скользят в слизи у Его ног».

Но центральный отрывок гласит: «Йугги служат моему господину Йтхогте и Его брату Зот-Оммогу, так же как Глубоководные служат Ктулху, а Чо-Чо своим владыкам, Жару и Ллойгору; и, как Пламенные Существа стремятся освободить Ктугху, а Змеи Валузии сорвать оковы со своего господина Йига, так и йугги неустанно грызут оковы, которые сдерживают Йтхогту и Зот-Оммога».

Это напомнило мне об одном длинном и хаотическом отрывке из «Некрономикона». Я

обратился к этой рукописи и нашел цитату… «В пятиконечной Звезде, высеченной из серого камня древнего Мнара, находится защита против ведьм и демонов, против Глубоководных, дхолей, йуггов, вурмисов, Чо-Чо, Отвратительных Ми-Го, шогготов, валузийцев и всех людей и существ, которые служат Великим Древним и их Отродьям».

Я отложил бумаги Копеланда с небольшой дрожью от отвращения. Увлечение этой отвратительной и хаотической мифологией начало сказываться на моем воображении нездоровым образом: я плохо спал последние несколько ночей, а мои сны — кошмары, если точнее — у меня, который не видел кошмаров с тех пор, как был подростком! — мои сны (которые я никогда, после пробуждения, не мог вспомнить подробно, кроме того, что они были страшны) были наполнены темными ужасами, которые оставляли меня ослабшим и дрожащим на рассвете. Это было время, когда я забыл о бедном безумном Копеланде, его страшных богах и их скользящей орде червеподобных поклонников, и обратил своё внимание на разумные и освещенные солнцем дела.

Оттолкнув бумаги решительным жестом, я потянулся за моей трубкой… и обнаружил, что смотрю прямо в глаза резной злорадствующей,

ледяной угрозе, которую какой-то неизвестный гений изобразил в этом странном ужасном идоле из вод Зот-Оммога.

* * *

Примечание Артура Уилкокса Ходжкинса: До этого момента рукопись доктора Блейна аккуратно написана на последовательно пронумерованных почтовых листах и развивает хронологическое повествование, которое является логичным и последовательным, хотя оно выдает уровень эмоционального беспокойства чуть ниже, чем изложено в тексте. Однако в этот момент аккуратная, логичная часть рукописи заканчивается внезапно, и далее следуют поспешно и небрежно написанные страницы, которые не имеют особого порядка и описывают быстрое и страшное вырождение его разума к окончательному, потрясающему кульминационному моменту безумного бреда. Я попытался привести следующие фрагменты хоть в какой-то порядок, основываясь на внутренних доказательствах, но без особого успеха.

* * *

(Сон первый)

Чрезвычайный и жуткий сон приснился мне сегодня вечером — первый, который я могу запомнить достаточно ясно, чтобы записать его. Тусклый, освещенный лунным светом каменный город Циклопической архитектуры — титанические каменные блоки с выгравированными размашистыми и жуткими глифами — ряды огромных пилонов, идущих по длине вымощенных плитами квадратов — зиккураты или угловые пирамиды с исходящим дымом пламенем на вершинах, как алтарные огни.

Облаченные в одежды с капюшонами фигуры на самом верхнем ярусе одной колоссальной пирамиды и звуки ритмичного пения — снова и снова одной и той же необъяснимой фразы — внезапно я проснулся, покрытый холодным потом, с непреодолимым желанием записать то, что я услышал (вот почему я описываю этот сон). Наверное, это полная бессмыслица, но для дела…

Вот эта фраза: «Ph'nglui mglw'nafh Cthulhu R'lyeh wgah'nagl fhtagn».

* * *

(Сон второй?)

Сегодня вечером я снова вернулся в тот сон о циклопическом каменном городе огромных угловых пирамид и высоких пилонов, и к видению странных, приземистых, одетых в одежды с капюшонами жрецов, проводящих некий жуткий обряд… луна привлекла мое внимание… она была ужасно огромной, и ее сияющее лицо, что было странно, не было отмечено многими кратерами, которые мы можем наблюдать в наши дни… это заставило меня задуматься (во сне), возможно, это было видение какой-то отдаленной, докембрийской эпохи — и именно тогда ужасная летающая тварь пересекла серебряное лицо полной луны, — у нее были ребристые перепончатые крылья и отвратительный удлиненный клюв или хобот — несомненно, это был живой птеранодон далеких мезозойских небес!

* * *

(Возможно 3 или 4 сон)

Я нахожусь в огромном здании из монолитного камня, блоки, возможно, размером шестьдесят или семьдесят футов… это колоссальный зал, окруженный чудовищными огромными колоннами, как гипостильный зал в Карнаке… и, как колоннады Карнака, столбы покрыты странными знаками на каком-то неизвестном, конечно же, не человеческом языке.

Я приблизился к большому алтарю, который расходился лучами как морская звезда с выдолбленным углублением в центре, наполненным красной жидкостью (кровью?). Я обратил внимание на обширный барельеф, вырезанный на стене за этим любопытным звездным алтарем, и, дрожа от неземного и охлаждающего мозг ужаса, я признал в нем жуткий образ той первобытной нефритовой статуэтки из вод у Понапе, — но в десять тысяч раз более огромный и изображенный с почти фотографической четкостью — о, Мой Бог! Внезапная мысль захватила меня, это похоже на портрет, сделанный с живой модели — я проснулся, громко крича, мое горло саднило, рядом стояла моя домработница, вцепившаяся в мою одежду на груди, и спрашивала меня, здоров

ли я. Что ж? Я едва ли знаю… такие сны, как этот, не могут возникнуть в моем сознании… если только, их не поместил туда Другой!

* * *

(Сон 4, возможно 3)

Следующей ночью я обнаружил, что приближаюсь к огромному монолитному храму на самой вершине огромной горы. Снова вокруг была ночь, и злая, болезненная луна спускалась вниз сквозь густой клубящийся туман… люди были рядом со мной, когда я поднимался вверх — рыдающие, стоящие на коленях, сжавшиеся. Хотя они были не совсем людьми — низкорослые, сгорбленные, человекообразные, с гораздо большим количеством волос на теле, чем сегодня считается нормальным, больше похоже на звериную шкуру. Они отдаленно напоминали азиатов — лимонно-желтая кожа, прищуренные чёрные глаза, выдающиеся челюсти и тяжелые хребты бровей.

Поклоняющиеся стремились предотвратить какую-то надвигающуюся гибель или кару, возможно, природного характера; и когда я двигался вверх по длинному склону (покрытому, как я

заметил, тем, что выглядит как хвойные деревья Юрского периода!), земля дрожала под моими ногами, и гром рычал в туманном небе — внезапно линия черных гор на горизонте исторгла огонь, еще и еще раз! Цепь вулканов, друг за другом выбрасывали вверх пламя, как ряд свечей, зажженные невидимой Рукой! Люди вокруг меня — или недочеловеки — исторгли в стонах какую-то адскую, хрюкающую литанию — «Идх-йаа, Йхтогта, Ктулху, Нуг…».

Вдруг щель разверзлась в земле у моих ног — невероятно глубокая, черная, как сама Яма? Она быстро стала наполняться булькающей слизью, а сгорбленные и стонущие поклонники сжались в безымянном ужасе от огромного, мокрого, блестящего, белого, мясистого, червеподобного… — я не могу этого вынести; я заставляю себя проснуться…

* * *

(Сон 5)

В этом сне я медленно опускался через расположенные друг за другом уровни зеленого света, который становился все более тусклым; словно я погружался (или втягивался?) в глубины океана.

Ощущение холодной влажной тьмы, давящей на меня, было удушающим, угнетающим… затем я плыл над холмистой равниной, покрытой гладкой черной грязью. Она утопала в темно-зеленом мраке, и мало что было видно… после я приблизился к поистине огромному кратеру или пропасти в дне океана… Я скольжу через край и медленно спускаюсь, это длится очень долго… кратер, кажется, на много миль уходит в глубину… последние следы изумрудного света медленно исчезают в полной и ужасной черноте.

Когда, наконец, я добрался до дна великой впадины, я почему-то снова обрел возможность видеть — я думаю, что маслянистый ил, покрывающий дно кратера, тускло фосфоресцировал в процессе распада или радиации… затем я приблизился к огромной насыпи в центре кратера… она начала постепенно проявляться из непроницаемого мрака… это было какое-то сооружение, но человеческие руки не касались этих циклопических каменных блоков и рядов усеченных колонн… это Храм, о котором я грезил, и грезил, и грезил раньше! Это Дом Зот-Оммога — о, Христос, спаси меня — этот тошнотворный свет! Этот мрачный свет, который изливается от Старшего Знака на двери — Нет, черт тебя подери, я не буду

трогать его… передвигать… освобождать… — я должен ПРОСНУТЬСЯ…

* * *

(Сон 6 или 7)

Препарат, назначенный Уоллстоном, не принес пользы, я вспоминаю, что в течение семи последующих ночей оказывался в одном и том же сне, идентичном во всех отношениях: я стоял в своей ночной рубашке на пляже Векстон-Пиер на окраине Сантьяго; я дрожал от холода, но был переполнен странным и страшным возбуждением… в руках я сжимал исписанный листок — то, что я так долго искал и искал в бумагах Копеланда — «Призыв Йугги», — «Великий призыв», из отвратительной и жуткой копии «Йуггских Песнопений», которые бредящий идиот Копеланд приобрел у моряка-ласкара на набережной Сан-Франциско — о, Боже, я собираюсь прочитать его вслух — огромным усилием воли, которое оставило меня дрожащим и задыхающимся от усталости, я заставил себя проснуться… Я должен сжечь эту копию «Призыва», — да и мерзкую старую книгу тоже! Я… должен…

* * *

(Сон 7, возможно 6)

Сегодня, когда я заснул, я погрузился в глубокий сон, словно под воздействием наркотика, хотя последние две ночи я не принимал ни одного препарата, опасаясь негативных последствий, которые делают меня слабым и невосприимчивым и странно лишают воли… Из этой тяжелой дремоты я постепенно очутился внутри своего сна, и кто-то начал шептать мне мягким, гортанным, соблазнительным голосом — долго шептал мне, пока я не вырвал себя из этого сна — внезапно я полностью проснулся и обнаружил себя дрожащим перед широко открытым окном, бессвязно повторяя снова и снова: «Нет! Нет! Я не сделаю этого!»

Но когда я успел открыть окно? Разумеется, я закрыл и крепко запер его перед отходом ко сну — как делал это каждую ночь, когда ветер дул с моря… и что это была за слизь или желе, размазанная по всему подоконнику, похожая на след улитки, но если это было так, то это был Отец всех улиток…

Я должен увидеть врача — как можно скорее.

* * *

(Сон 8)

Мое состояние неуклонно ухудшается; теперь сомнамбулизм входит в число моих симптомов, потому что миссис Уилкинс говорит, что видела как я хожу во сне семь раз за последние полторы недели, и однажды она обнаружила, что я шатаясь иду по дороге вдоль улицы… Я спросил ее (наполовину боясь услышать ответ), в каком направлении я двигался? На что она ответила, к береговой линии — к пирсу.

Я должен сжечь этот «Призыв»; и ужасную древнюю книгу, с которой я его скопировал; и я благодарю Бога, что он не позволил директорам уговорить меня напечатать тот длинный рассказ из перевода Копеланда «Табличек Занту», или те ужасные непристойные выдержки из его азиатского дневника в «Журнале Тихоокеанских древностей»! Почему, во имя Бога, я не сказал им, что знаю, — я мог бы хотя бы намекнуть на размытую ПРАВДУ, скрывающуюся за его проклятым «Циклом Ксотических Легенд»!

Некоторые вещи нам не положено знать.

Некоторые вещи… опасны для нас…

Следующей ночью голос снова пришел ко мне и шептал долгими часами, когда я лежал в полубессознательном состоянии… О, я хотел бы увидеть далекий Аббит, где живут Металлические Мозги, и Заот с его старыми книгами, вырезанными на пластинах из лагх-металла с Юггота, книги, которые предшествовали созданию Земли на тридцать семь миллионов лет… Боже, помоги мне, я хотел бы увидеть изначальный и проклятый Му до того, как Огненные Башни с Бетельгейзе разрушили и опустили его на дно под огромными волнами… Йугги могут освободить меня от моей телесной оболочки (они шепчут) и освободить от времени и пространства… посетить Целено, и Йит, и Ймар, и ужасный Шаггаи… но я не стану агентом Древних и не отягощу свою душу огромной виной за уничтожение этой планеты… что непременно последует, если я выполню их приказ, и освобожу страшного Зот-Оммога из его Глубин… Отче наш, сущий на небесах, да святится имя Твое…

* * *

Постскриптум: В ночь на 3 августа патруль Сантьяго увидел мужчину в белой пижаме, стоявшего на коленях у причала Векстон-Пиер,

читающего какое-то письмо в свете горящей спички. Подойдя к нему, офицеры Харлоу и Келлар направили свет своих фонариков ему на лицо. Казалось, он спал, но ослепительный свет разбудил его, и он вдруг понял, где находится и что делает. Не обращая внимания на патрульных, он внезапно белыми, дрожащими пальцами поднес горящую спичку к листу плотно исписанной бумаги, который держал, и швырнул пылающий лист в темные, вспенивающие воды. В тот же самый момент, проследив за полетом горящей бумаги, офицер Келлар направил свет фонарика на черную воду и сообщил, что заметил что-то огромное, круглое и ровное, и белое, но совершенно не напоминающее человеческое тело, он уверен.

В этот момент человек с дикими глазами, — позже идентифицируемый как Генри Стефенсон Блейн, доктор философии, куратор коллекции рукописей из Института Санборн в этом городе, — видимо, то же разглядел эту вещь в прибое — и намного четче, чем любой из офицеров. Ибо он отшатнулся с ужасным криком, который один из офицеров, что побывал так же тюремным надзирателем в Сан-Квентине и охранником сумасшедшего дома, описал как крик прокля-

той души — «самый ужасный звук, который я когда-либо слышал, что исходил из горла человека», — сказал он, ругаясь и весь бледный.

Когда двое патрульных подошли к нему, доктор Блейн упал на колени в пенистом прибое и хлопнул обеими руками по лицу, прикрывая глаза, и хрипло кричал: «Боже! Боже! Какой ужас — я видел Йугга! Йугга! — Иисус — Боже — Йугга! — Боже — Ia! Zoth-Ommog! — cfayak ghaaa yrrl'th tho-Yuggya! Yaaaaaa-n'gh»…

Полицейские схватили его; как сообщается, он не сопротивлялся, но был скручен неконтролируемыми жуткими спазмами дрожи, что не мог стоять, и его пришлось нести к патрульной машине. По пути он пробормотал с отчаянной настойчивостью своим двум похитителям — или спасителям: «Я сошел или схожу с ума, — найдите Ходжкинса в Институте — каменная вещь с Понапе — черт возьми, этот безумный дурак, Копеланд! — расскажите Ходжкинсу — нефритовый идол должен быть уничтожен — должен быть разбит, вы меня слышите? — убить его, убить его, убить его, убиииииии»…

Затем доктор Блейн рухнул в полном истощении и был госпитализирован в отделение скорой помощи при психиатрической больнице в 3 часа

ночи. Он находится там уже два месяца; за все это время он не произнес ни единого слова, кроме того, что повторяет снова и снова, что звучит так: «Йугг — Йугг-Йугг!»

В настоящее время он находится под принудительными ограничениями для его собственной безопасности.

Я просмотрел рукопись, найденную среди бумаг на его столе, и направил ее его помощнику, мистеру Ходжкинсу. Я так и не смог сделать окончательный вывод о ней и ее хаотическом содержании.

С одним замечанием, найденным там, я искренне согласен.

Некоторые вещи нам не положено знать; и некоторые вещи опасны для нас. А так же, вспоминая ужас и отвращение пациента по отношению к червеобразным тварям, которых он называет «Йугги», одного из которых, по его мнению, он ясно видел в свете фонарика полицейского: некоторые вещи — это смерть и безумие, если увидишь их.

Так как с той ночи разрушительного ужаса доктор Блейн попытался ослепить себя одиннадцать раз.

(подпись) Робинсон Дамблер, М. Д.
Лечащий врач

Перевод: Р. Дремичев

Лин Картер
Тварь в яме

Lin Carter «The Thing In The Pit», 1980

Мифологический нарратив, приведенный ниже, взят из волнующего и спорного перевода, сделанного профессором Копеландом через три года после его возвращения из Центральной Азии. Его брошюра «Таблички Занту: предполагаемый перевод», (1916) была опубликована за его счет после того, как от этого отказались академические фирмы, которые напечатали его более ранние, более научные работы. Широко осуждаемая как необоснованный «бред», в среде его научных коллег, брошюра была быстро запрещена властями. Настоящие редакторы не предъявляют никаких претензий к обоснованности «перевода», Копеланда. Следует помнить, что когда профессор вернулся из Азии, его здоровье, как психическое, так и физическое, было

подорвано страшными лишениями, которые он перенес в 1913 году, и что он умер в бреду в своем убежище через десять лет после того, как его «перевод», попал в прессу. Его последняя рукопись «Цивилизация Му: реконструкция в свете недавних открытий», с синоптическим сравнением «Текста Р'льех», и «Надписями Понапе», (около 1917–1926 гг.) по сей день остаются неопубликованными — не достойны публикации.

Мы предваряем этот отрывок о «Табличках Занту», записью из собственного дневника Копеланда.

Из предисловия к переводу

«При продолжительном изучении я убедился, что мои первоначальные предположения были полностью точными и что „Таблички“ действительно были написаны на старшем иератическом варианте первобытного языка Наакаль. К сожалению, со смертью бедного, широко оклеветанного Церковью последнего человека, который мог бы попытаться сделать достойный перевод столь непонятного варианта, возможность подтверждения была упущена научным сообществом. Надеясь, что существует вероятность, что полковник оставил в своих документах ключ или

какой-то глоссарий Наакаль, я поспешил связаться с его имением и, со временем и значительным содействием, которое я с радостью отмечаю здесь, ключ к надписям был действительно обнаружен в его бумагах.

То, что представлено ниже, однако, следует правильно называть „предположительным“ переводом, и к этой квалификации я, возможно, должен добавить слово „фрагментарный“. Поскольку, хотя надписи полны, мое уважение к общественному здравомыслию таково, что я не хотел бы подвергать здоровые, здравые умы полному разврату, отвратительному богохульству, изложенному рукой давно умершего, проклятого колдуна-жреца Мерзости Йтхогта, чью гробницу я открыл, возможно, неразумно в 1913 году.

Пусть это будет сказано сейчас и в этом месте, раз и навсегда, что предмет, который я назвал „Циклом Ксотических Легенд“, то есть мифологическая последовательность „Ксотической Триады“ (Гхатанотоа, Йтхогта и Зот-Оммог) — имеет в своей таинственной сердцевине хаотическое и космическое богохульство, настолько ужасающее в своей предельной развращенности и в значительной степени воздействовавшее на человеческую и дочеловеческую эволюцию, что

способно ошеломить даже независимого и беспристрастного ученого».

Из «Табличек Занту»

Табличка IX, Сторона 2, Строки 30 — 174

I

Бесчисленные беззакония Йаа-Тхоббота, иерофанта Гхатанотоа, «Монстра в горе», я, Занту, колдун и последний выживший жрец Йтхогты, «Мерзости из бездны», долгое время терпел безропотно и стоически. Но мимо его последнего, высшего и крайнего оскорбления я не мог пройти молча, и я не мог предвидеть действия, которые опишу ниже.

В течение бесчисленных тысячелетий влияние моего культа чахло и ослабевало, в то время как за тот же промежуток времени возрастали богатство и популярность соперничающих культов, которые поклонялись мерзкому Чудовищу, которое обитает на таинственных и пустынных вершинах Йаддит-Гхо, наслаждаясь непрерывной последовательностью своих триумфов. Это было много тысячелетий спустя со времен легендар-

ного Года Красной Луны[93], когда опрометчивый и дерзкий Т'йог, первосвященник Древних и приверженец Шуб-Ниггурат Могучей Матери, стремился с тщетностью отринуть и разрушить на все времена власть Гхатанотоа. Напрасные и опасные попытки несчастного Т'йога привели к такому немыслимому и ужасающему концу, что даже жуткая хроника, «Гхорл Нограал», не смела сообщить по секрету ни единого намека или малейшего слуха о его судьбе.

Легко увидеть, что катастрофического провала храброго, но неразумного Т'йога было достаточно, чтобы оттолкнуть любого другого человека от подобной попытки во все века с года Красной Луны до моей собственной эпохи, поскольку за все те циклы, что протекли с эпохи Т'йога и по сей день, никто другой не пытался сделать ничего подобного. И подъем к власти и неоспоримому авторитету культа Гхатонотоа был отвратительно плавным и быстрым.

Как это было в значительной степени можно легко проследить по делам Имаш-Мо. Ибо после ужасной кончины несчастного Т'йога, злорадно и

[93] Примечания: 93

Фридрих Вильгельм фон Юнцт в своем впечатляющем исследовании «Unaussprechfichen Kulten», (XXI, 307), идентифицирует эту дату как 173 148 год до Рождества Христова.

поспешно ухватившись за этот момент, печально известный Имаш-Мо, который в своё время был первосвященником Гхатанотоа, провозгласил всем Девяти Царствам, что его отвратительная и ядовитая божественность таким образом доказала своё превосходство над всеми тысячами богов изначального и вечного Му. И, увы, Имаш-Мо легко взял власть над слабым и легко поддающимся влиянию Тхабоном, правителем провинции К`наа, в сердце которой возвышалась одержимая бесами гора Йаддит-Гхо; и правитель Тхабон поспешил утвердить господство Гхатанотоа даже над могуществом Ктулху, Владыкой Р'льех.

Люструм за люструмом, цикл за циклом богатство, сила и приверженцы культа Йтхогты уменьшались, как и во всех других из тысяч культов первичного Му. Напрасно мои предшественники-жрецы предупреждали, что месть оскорбленных богов когда-нибудь поразит Девять Царств Му и возможно скроет весь могущественный континент под зелеными и бурлящими волнами океана; как говорили снова и снова древние пророчества это могло быть нашей возможной и трансцендентной Судьбой. Но ничто не могло предотвратить или даже замедлить безжалостный упадок поклонения Йтхогте.

II

Когда я, в свою очередь, одел алые одежды понтифика и принял медный жезл в моем кабинете в Год Шепчущейся Тени[94], я поклялся Серым ритуалом Кхифа, Знаком Вурик, Заросшим сорняками Монолитом, и мощью и славой могущественного и ужасного Йтхогты, что мой бог достигнет Своего триумфа и Своего мщения во время моего понтификата.

Увы, я не принял во внимание хитрость и амбиции Йаа-Тхоббота! Ибо как только медный жезл коснулся моей руки, и «Тридцать Один Секретный Ритуал Йхе», были переданы мне на хранение, подлый первосвященник Гхатанотоа позволил сделать окончательное и непростительное оскорбление против достоинства моего поста и великолепия моего бога.

Ибо этот Йаа-Тхоббот, наконец, одержал победу над парализованным и ослабленным Шоммогом, монархом К`наа, и был провозглашен приказ,

---

[94] Примечания: 94

Доказательства в «Писании Понапе», (в частности, астрономические данные в Версале 9759) показывают, что эта дата может быть эквивалентна примерно 161 844 году до Рождества Христова; фон Юнцт не оставил ссылок на этот период, так как его комментарий прерывается несколькими тысячелетиями ранее.

который ставил вне закона и запрещал любую другую форму поклонения Великим Древним, кроме той, что была одобрена последователями Гхатанотоа. Медные ворота храма Шуб-Ниггурат были запечатаны; зеленые святилища Ктулху опустели; и, храм за храмом, во всех землях Девяти Царств была провозглашена верховная власть Гхатанотоа, «Монстра в горе».

Теперь король Шоммог был регентом в провинции К`наа, в то время как я и мои немногие помощники жили в земле Г`тхуу на севере, за Рекой Червей и Базальтовыми Утесами Карвен и Катакомбами Тхул. Но великий авторитет К`наа вырос за эти одиннадцать тысяч лет после царствования царя Тхабона и иерофанства Имаш-Мо, и в эти лунные, последние дни сила моей земли Г`тхуу была снижена, и редко наш монарх, опустившийся Нуггог-йинг, осмеливался противостоять воле или прихоти короля К`наа. Таким образом, казалось неизбежным, что последний остаток поклонения «Мерзости из бездны», должен засохнуть и умереть, как и сам понтифик, который поклялся страшными и жуткими клятвами восстановить Его до высот Его прежней и огромной силы.

III

В отчаянии я ушел в крошащиеся руины моего дворца, который стоял на краю той глубокой и темной пропасти, Бездны Йхе, в которую победившие Старшие Боги швырнули великого Йтхогту и навсегда запечатали Его в ней Старшим Знаком, и в которой по сей день нерушимые узы психической силы держат Его в плену, в то время как грязный Гхатанотоа был заключен в тюрьму в своей древней и циклопической цитадели на вершине горы Йаддит-Гхо, Великий Ктулху погружен в сон в своем затонувшем в океане городе на затерянном Черном острове, а ужасный Зот-Оммог скован в Пропасти за островом «Священных Каменных городов»[95].

---

[95] Примечания: 95

Загадочное и ужасное «Писание Понапе», говорит, что Гхатанотоа, Йтхогта и Зот-Оммог — это «Сыны могущественного Ктулху, Владыки Водяной Бездны и страшного и ужасного Властелина затопленного Р`Льех». Хотя ни «Писание», ни какой-либо другой текст древнего знания, который мне известен, не описывает планету, откуда Ктулху спустился в этот мир, в «Писании», говорится о происхождении его трех сыновей: «Отродья Ктулху спустились с отдаленного и ультра-теллурического Ксота, тусклого зеленого двойного солнца, которое блестит как демонический глаз в черноте за Аббитом, чтобы покорить и править над дымящимися болотами и пузырящимися слизневыми ямами окутанными туманом рассвета первой эры Земли, и это было в изначальном и теневом Му, когда Они были Велики». Фон Юнцт (XXI, 29-а) не может идентифицировать Ксот, чтобы определить в каком звездном скоплении он находится, так же как Заот, Аббит и Ймар.

Ссылка на «Остров Священных Каменных Городов», и «Бездну», которая лежит у его берегов, вместе с географическими данными, намеки на которые есть в «Табличках Занту», позволяют мне условно определить место, где Зот-Оммог, «Обитатель Бездны», лежит, заключенный в тюрьму, как подводную пропасть у Понапе.

Даже в крайнем надире моего отчаяния для меня было неразумно пренебрегать ужасными обязанностями моего служения, и поэтому я отошел от тоскливого размышления об этом самом ужасном из всех тысяч беззаконий, печально известном Йаа-Тхобботе к тщательному рассмотрению и изучению «Тридцати Одного Ритуала», необходимых для моего служения. Этот драгоценный документ, которого на Земле нет ни одной другой копии[96], и который датируется самой крайней и легендарной древностью, был написан рукой самого Ниггоум-Жога, самого Первого Пророка, в те тусклые эоны, когда Древние еще только задумали создать человека. Сами «Секретные Ритуалы», были написаны огненными и металлическими чернилами на листах пергамента, сделанного из мембраны птагона, и собраны между двумя резными и украшенными драгоценными камнями пластинами немыслимо

---

[96] Примечания: 96

Иерофант Занту здесь ошибается, потому что среди сохранившихся фрагментов цикла мифов в Сусране перечисляют копию «Ритуалов Йхе из древнего Му», бывшую среди некромантических томов в библиотеке великого мага Малигриса, согласно описи, произведенной колдуном Нигроном, и невероятно древняя копия «Ритуалов», находилась во владении сарацинского мастера Яктхуба, наставника Альхазреда, согласно главе «Некрономикона», об Ирем (Нарратив II). По слухам копия, возможно исправленная Яктхубом, была найдена в запечатанной гробнице в Египте в 1903 году.

редкого и драгоценного лагх-металла, принесенного сюда с темного Юггота, который кружится по краю, наиболее удаленный от земных эонов, темными Старшими Богами. Мой кипящий мозг наполнился хаосом бессвязных образов, когда я перечитывал один за другим все «Тридцать Один Секретный Ритуал Йхе», и в последнем, самом мощном и потрясающем из всех, я нашел ответ на свою дилемму.

В этом «Тридцать первом ритуале», содержалась страшная и знаменательная формула, которая называлась «Ключ, открывающий дверь к Йхе», и о которой предупреждает первобытный и древний Пророк, что ее не следует произносить вслух, кроме как в финале Конечной Судьбы.

Здесь, в моем безумии и отчаянии, я нашел ответ, который искал: «aii, n'ghaa xuthoggon R'lyeh! la Ythogtha!», И миллион поколений, еще не родившихся, проклинают за это мое имя!

IV

Таким образом, я решил открыть «Дверь к Йхе», что подразумевает под собой лишить силы Знак Старших и освободить Изначального, Мерзость из Бездны, из цепей психической силы, которые удерживали Его в тюрьме на дне великой пропа-

сти бесчисленные эоны.

Освобождение Йтхогты из Его Бездны сделало бы Его самым ужасающим и сильным из всех тысяч богов древнего Му и таким образом возвысило бы меня, как Его иерофанта и пророка, до уровня высшего и самого могущественного жреца во всех из Девяти Царств.

Амбиции Йаа-Тхоббота, таким образом, были бы превращены в пыль под моими ногами; без каких-либо трудностей правитель Шоммог был бы лишен всей своей власти, и стало бы возможным возвышение моего собственного монарха Нуггогйинга; богатство и могущество провинции К`наа истощились бы как мелкая грязь под атаками прилива, а моя собственная земля Г'тхуу достигла бы предельного значения над всеми царствами Му. Какой человек дерзнет осудить меня, что в самой крайней моей нужде я осмелился пойти против жуткого указа самих Старших Богов!

И вот я спустился по Скрытой лестнице в самый дальний и самый секретный склеп, вырытый глубоко в недрах планеты под основанием разваливающегося моего дворца, и там я заставил своих немых рабов рмоахал открыть тяжелый люк — огромную массивную плиту из тесаного и полированного оникса, явив черную глубину, из

которой дул холодный и ядовитый ветер.

И, закалив свою душу, я призвал силу Ксотического Ключа и вызвал скользящего по своим черным и отвратительным норам самого Отца Червей, бессмертного и гнилостного Убба, лидера и прародителя страшных Йуггов — отвратительных и дочеловеческих слуг моего бога, которые извиваются и скользят в слизи у Его ног.

Как огромная, блестящая масса гнилостного беловатого желе выглядел Отец Убб, а его приземистое и дрожащее тело не несло ничего, кроме опухшей и закругленной головы, посреди которой выделялось истекающее слюной и дрожащее отверстие, окруженное розовым ободком, блестящее тройными рядами адамантиновых клыков. Сейчас йугги служат моему господину Йтхогте и Его брату Зот-Оммогу, так же как Глубоководные служат Ктулху, а Чо-Чо своим владыкам, Жару и Ллойгору; и, как Пламенные Существа стремятся освободить Ктугху, а Змеи Валузии сорвать оковы со своего господина Йига, так и йугги неустанно грызут оковы, которые сдерживают Йтхогту и Зот-Оммога.

Почувствовав слабость и дрожь после моего разговора с Отцом Уббом, чья нечестивая мерзость и зловоние — сродни самому Абхоту, я с облегче-

нием поднялся на свежий воздух. Но я заручился поддержкой «Грызущего у корней», в моих великих стараниях, и мы поклялись открыть Дверь, хотя могли навлечь на себя гнев Старших Богов с отдаленного и красного Глуи-Вхо![97]

Я выбрал «День змеящегося северного сияния», как наиболее приемлемый для моих стремлений. И отправился на край могущественной Бездны Йхе с моими немногими испуганными помощниками. И в «Час пения зеленого пара», я стоял на утесе, глядя в глубокие и скрытые мраком пропасти, и совершил Алую Жертву, в то время как позади меня раздавался плачущий хор голосов моих помощников, исполняющих дикие и чужие ритмы Песнопений Йуггов.

Я исполнил Багровое Омовение; я взмахнул Ксотическим Ключом; я начертил в дрожащем воздухе символы живых и божественных огней — Иероглифы Йрр; я исполнил заклинание «Обряд изгнания Куара»; я позвал дхолей на забытом эоны назад Акло; я использовал знания Запретной Литании; я вызвал сущности Кслатх из дополни-

---

[97] Примечания: 97

В часто цитируемом отрывке «Некрономикона», Альхазред отождествляет это имя, которое является основой Наакаль, как имя звезды, известной арабским астрономам своего времени как «Ibt al Janzah», то есть Бетельгейзе.

тельного измерения в области Асимметричной Эфирной Полярности.

Я поклонялся Черному Пламени в такой манере, что моя душа сжималась и дрожала во мне; я призвал всех богов архаичного Му — Великих Древних (кроме ядовитого и тиранического Гхатанотоа), а также Малых Древних, а так же Йига, Отца-Змея, и призрачного Нуга, и Йеба, «Шепчущего Тумана», а так же Иода, «Сияющего Охотника», и Ворвадосса с Бел-Ярнака, «Возмутителя песков», — и Того, Кто Придет, и Отца-Дагона и Матерь-Гидру, которые правят Глубоководными, которые являются Его слугами в зеленом море.

И я произнес громким голосом «Имя, которое никогда не должно произноситься вслух»…

Надо мной звезды дрожали и горели бледным светом, как восковые свечки на ледяном и миазматическом чертеже… все, кроме алого горящего глаза Глуи-Вхо, который сиял намного ярче, чем раньше.

Под моими ногами земля пошла сетью трещин, а с тускло освещенного запада, где титанические горы раскинулись по всей ширине Му, забормотали глубокие подземные громы, и холодные чёрные кратеры налились пламенем, наполняя

сердитые небеса клубящимся дымом.

Мои помощники сжались у кучу рядом со мной, закрывая руками свои бледные лица. И на Землю опустилась великая тишина на семь вдохов времени.

V

И тогда мое сердце затрепетало во мне от ужасной и богохульной радости, ибо Смотрите! я оборвал первый из семи оков, которые с незапамятных забытых времен сдерживали в плену Мерзость из Бездны.

И Он поднялся над краем огромной пропасти и посмотрел на своего архи-иерофанта.

Очень ужасен был Йтхогта для зрения людей, и более громадный, чем мой разум мог принять.

Как черная блестящая луна Он поднялся над краем, гигантская полусфера дрожащей слизи, более широкая, чем любая гора. Безликий и безмолвный был Он, за исключением потрясающего клюва, выступающего на лицевой стороне. Ужасный и жуткий был этот изогнутый клюв, крепкий как адамант, и шириной много тысяч шагов в длину.

И затем в половине лиги от края пропасти появилась вторая полусфера, черная, блестящая,

голая голова поднялась в поле зрения, — а за ней другая! — а затем еще одна — четвертая громадная и колоссальная имеющая клюв голова поднялась над краем Бездны!

И это был настоящий ужас, поразивший меня до глубины души, потому что я увидел и познал своего господина в Его отвратительности… и мы дрожащие смертные были карликами перед Ним, как песчинки перед тяжелой ящерицей йакит, мы… и внезапно с ужасом я понял, что же наделал.

Помощники, жмущиеся к моим ногам, поняли все в тот же миг и противно завизжали, и погрязли в убогом и жалком ужасе, извиваясь перед алтарем Мерзости… чтобы бежать, шатаясь и спотыкаясь, с белыми словно мел губами, с широко раскрытыми, безумными глазами, сияющими бледным огнем, как больные луны… и я тоже, дрогнув до самых глубин своего существа, повернулся на онемевших и дрожащих ногах, отбросив в сторону с отвращением жуткий том «Ритуалов», который упал в Бездну, из которой конечный и губящий ум Кошмар частично появился… и я побежал — побежал — пока Земля тряслась, а большие расщелины открывались, разрывая землю на куски… побежал, пока гора

за горой извергали пламя и гром, а море безумно бурлило, и великий кошмарный луч неземного света обжег звездные заливы у далекого и пылающего Глуи-Вхо… побежал, когда потрясающий звездный луч спустился с отдаленной звезды, которая вспыхивала как гневный и мстительный глаз над затянутыми дымом и изрыгающими огонь вулканами на западе, породив ужасные великие существа, как огромные Башни Пламени… которые как я знал, были либо Старшими богами, либо их слугами… в то время как эти высокие и пылающие башни подметали Бездну своими молниями — я вбежал через ворота Ю-Хаддота, где жил мой правитель, и который лежал теперь в дымящихся руинах, сокрушенный великими толчками Земли, — и я кричал объятым паникой множеству людей, которые не знали истинной природы чудовищной и немыслимой Твари, которую я почти освободил, заставляя их бежать к видья-ваханам — древним небесным колесницам старшего и обреченного Му… в то время как земля дрожала, а башни падали и гора за горой извергали грозовой огонь… и мы бежали сквозь раздираемые штормом небеса и по волнам ветров… бежали сквозь бесконечную ночь пламени и гибели и хаоса, а позади наших кораблей древ-

ний и окутанный волнами страха Му рушился под могучими волнами, которые поднялись в разбушевавшемся море, и распадался на части, сотрясаемый до самого основания судорогами возмущенной природы, вызванной звездными огнями Старших Богов… мы летели долго в далекую страну, расположенную недалеко от Скрытых Врат старшей Шамбаллы… но простое расстояние не может стереть из моего замороженного ужасом сознания последний взгляд, который я кинул на самый низ преисподней, который потряс мою душу, когда я увидел… и познал… что огромные имеющие клювы гороподобные головы Твари в Яме… были всего лишь пальцами ужасного и эоны-проклятого Существа…

Перевод: Р. Дремичев

Лин Картер
Нечто в лунном свете

Lin Carter «Something in the Moonlight», 1980

1. Отчет Чарльза Уинслоу Кертиса, доктора медицины

Ранней весной 1949 года мне посчастливилось получить назначение в штат санатория «Данхилл», в Сантьяго, штат Калифорния, в качестве психиатра-консультанта при довольно известном Харрингтоне Дж. Колби. Назначение было волнующим и чрезвычайно многообещающим, потому что редко такой молодой врач, как я, — у которого, как говорится, еще чернила не просохли на дипломе, — имеет возможность поработать с таким выдающимся представителем психиатрической профессии, как доктор Колби.

Двигаясь на такси из Сантьяго, я наслаждался славным солнцем Южной Калифорнии и восхищался почти тропическим обилием цветущих кустарников и деревьев. Вскоре я обнаружил, что санаторий представляет собой группу красивых зданий в стиле испанской гасиенды, окруженных просторными, засаженными участками. Сады, теннисные корты и даже поляны для гольфа были здесь предусмотрены для отдыха пациентов; было также большое озеро за домом, от которого по ночам доносилось кваканье лягушек. Санаторий был одним из лучших, как мне дали понять, в

этой части штата, и я с нетерпением ждал работы в таких прекрасных условиях.

Сам доктор Колби, живой и с проницательными глазами не смотря на все свои серебряные волосы, встретил меня приветливо.

— Надеюсь, вам понравится работать с нами здесь, в «Данхилле», мой дорогой Кертис, — сказал он, провожая меня в мой новый офис. — Ваши профессора в Мискатонике высокого мнения о вас; я понимаю, что ваш основной интерес к аномальной психологии — это некоторые формы острой паранойи. Один из наших новых пациентов в этой области будет довольно интересен для вас, парень по имени Хорби.

— Я уверен, что будет, доктор, — вежливо прошептал я. — Какова природа его проблемы?

— Есть что-то в лунном свете, к чему он питает стойкое отвращение, — сказал Колби. — Он совершенно не может терпеть лунный свет, и шторы в его комнате всегда должны быть тщательно закрыты. Но это не все, он спит со всеми включенными огнями, так что ни один луч лунного света не может проникнуть в его комнату.

— Это кажется довольно безобидным, — задумчиво сказал я. — В истории есть несколько случаев…

— К тому же, он очень боится ящериц, — лаконично добавил Колби.

Я пожал плечами.

— Что ж, сэр, фобические реакции на различных рептилий, безусловно, достаточно распространены…

— Не у Хорби, — сухо сказал он.

Затем с полной серьезностью и совершенно не поменяв интонации или выражения лица, он сделал самое экстраординарное заявление:

— Мистер Хорби опасается ящериц, что обитают на луне.

* * *

Прежде чем я встретился с остальной частью персонала, я познакомился с планировкой санатория и узнал распорядок, и обнаружил, что «обосновался», очень комфортно. По большей части те пациенты, которых мне выделили, страдали от удручающе обычных и заурядных расстройств. Единственным исключением был Урия Хорби: как мой начальник и сказал в день моего приезда, дело Хорби было необычным и любопытным.

Паранойя, конечно же, является психическим расстройством, характеризующимся система-

тизированными заблуждениями и проекцией внутренних конфликтов, которые приписываются мнимой враждебности окружающих. Таково, по крайней мере, определение учебника: я нахожу такие случаи более богатыми и менее простыми в объяснении.

Иногда параноидальные пациенты считают, что их преследуют воображаемые враги (они могут быть кем угодно от иностранных шпионов до иезуитов или какого-нибудь тайного братства мистиков). Они верят, что куда бы ни пошли, те постоянно наблюдают за ними, так же они приписывают пагубность этих теневых врагов каждой случайности или неудаче, которые могут постигнуть их.

Внешние симптомы паранойи удивительно легко различаются: склонность к ношению небрежной, неопрятной одежды, пренебрежение личной чистотой, быстрые и отрывистые формы речи, глаза, которые бегают из стороны в сторону в поисках самых темных углов комнаты, и мрачный низкий голос, чтобы скрытые уши не смогли подслушать сказанное.

Особенно глаза, в них паранойя может быть обнаружена даже неспециалистом. Параноидальный взгляд тусклый, остекленевший, не

сфокусированный, обращенный словно бы внутрь себя, чтобы размышлять о бесконечном и жалком преследовании, — или охваченный пламенем с лихорадочным отблеском фанатика.

Когда я впервые вошел в комнату, предназначенную для Урии Хорби, я почувствовал удивление. Это был маленький мужчина в возрасте пятидесяти лет, стройный и лысый, чисто выбритый и, казалось, находящийся в полном здравии. Он сидел за маленьким складным столом, изучая страницы записной книжки, написанные (как я заметил) твердым, разборчивым почерком… в отличие от истеричных каракулей большинства случаев острой паранойи, которые я изучал.

Его лицо было скрупулезно опрятным, как и его комната. Узкая кровать была аккуратно застелена, небольшой книжный шкаф содержался в порядке и чистоте, и личные вещи на комоде и умывальнике были продуктивно разложены. Когда он поднял глаза, чтобы взглянуть на меня, я был еще больше удивлен.

У Урии Хорби был самый ясный, самым откровенный взгляд, какой я когда-либо видел у человека. Его глаза были проницательными и задумчивыми, но их невинность и откровенность были как у маленьких детей.

Его спокойный здравомысленный взгляд очень удивил меня. Чтобы скрыть своё отсутствие самообладания, я поспешил представиться. Он вежливо улыбнулся.

— Как вы поживаете, доктор Кертис? Простите меня, что не встаю: если я сделаю так, то приведу в беспорядок все эти заметки, а у меня страсть к организованности и я ненавижу беспорядок. Я знал, что вы собираетесь присоединиться к нашему маленькому социальному кругу здесь в «Данхилле». Надеюсь, это место отвечает всем вашим требованиям? Как сказал Менандр: «Джентльмен чувствует себя как дома при любых обстоятельствах», но сумасшедшему дому иногда не хватает определенных удобств.

И это был человек, который испытывал смертельный страх перед ящерицами? Человек, чей главный и самый смертоносный враг жил на Луне? Параноик, который был заключен в «Данхилл», более шести лет и считался неизлечимым?

Я с трудом мог в это поверить, но это было так…

* * *

В «Данхилле», как я вскоре обнаружил, встречи между врачом и пациентом — неформальные и неторопливые беседы, были более похожи на то, что мои современники называют «сеансом разговора», чем на обычные клинические опросы, к которым я привык. Урия Хорби был искусным и интересным собеседником. Его речь была последовательной, его мысли казались рациональными, его поведение было тихим и контролируемым.

Он был достаточно умным воспитанным человеком и получил отличное образование. Сын местного торговца, он учился за границей и много путешествовал, прежде чем поселиться в Сантьяго. Он имел научные интересы, интересовался несколькими абсурдными сферами деятельности и, хотя был поглощен природой своей особо навязчивой идеи, мог легко общаться на различные темы.

Мое любопытство в отношении этого человека росло по нескольким причинам, одной из которых было то, что он не проявлял в своем образе жизни, поведении и внешнем виде ни одну из частых тревожных черт, которые я столько

раз наблюдал у других жертв паранойи. И его заблуждения о преследовании были, конечно, оригинальными.

— Почему вы боитесь ящериц, мистер Хорби? — я прямо спросил его на одной из наших первых встреч. Он посмотрел на свои сложенные руки, покривил губы, словно в раздумье, как будто тщательно подбирал необходимые слова.

— Они правили землей еще до того, как на ней появились самые первые из наших предков-млекопитающих, — ответил он серьезно. — Со временем наш род изгнал их, и они ненавидят нас за это. Кроме того, они совершенно чужды нашему виду — злобные и хладнокровные хищники, лишенные эмоций. То, что высший порядок чувств должен быть свойственен таким отвратительным рептилиям более чем отвратительно, это нечестиво.

В соответствии с правильной, даже педантичной манерой выражения мыслей, как следует из вышесказанного, его речь была совершенно бесстрастна и ясна. Какими бы страхами ни мучался человек, очевидно, что они глубоко погрузились в него.

— Мое понимание всегда заключалось в том, что у рептилий очень мало того, что мы назы-

ваем интеллектом, и действуют они благодаря только рудиментарному инстинкту, — заметил я. Конечно, неразумно спорить или не соглашаться с психически больным пациентом, но я хотел сблизиться с этим человеком, если это было возможно.

Он сухо улыбнулся.

— Я понимаю, доктор Кертис, что вы никогда не сталкивались с «Некрономиконом», в рамках своих исследований, — сказал он, изменив тему, или просто мне так показалось. Я покачал головой.

— Полагаю, что нет, — откровенно признался я. — Греческая работа, думаю, теологическая?

— Перевод на греческий язык с оригинального арабского, — ответил он. — Также на латинский и елизаветинский английский. Автор, йеменский поэт восьмого века христианской эпохи, имя его Альхазред; его работа была представлена вашими коллегами в привычных науках как болезненный бред. Если бы во времена Альхазреда были приюты для душевнобольных, такие как, к сожалению, есть в наше время, я не сомневаюсь, что он был бы заперт в одном из них.

— Я так понимаю, что этот Альхазред обсуждал интеллект рептилий?

— Отвечая на ваш первый вопрос, скажу, что

это работа по демонологии, а не теологии, — мрачно сказал он. — Это представляет собой теорию, составленную из документов и источников самой невероятной древности, о том, что эту планету первыми населили сущности из других миров, галактик и даже планов существования, бесчисленные эоны до эволюции человека. Природа этих существ такова, что они будут казаться богами или демонами таким незначительным существам, как мы: бессмертные, нерушимые, созданные не из материи, какой мы ее знаем, это непостижимые разумы чистого, пожирающего зла, — старше этого мира, и жаждущие обладать им…

Эти слова, произнесенные тихим, размеренным голосом, вызвали в моем теле невольную холодную дрожь, несмотря на солнечный день. Неожиданно для себя я не смог подавить эту дрожь: природа параноидальных заблуждений Хорби была в таком случае религиозной.

— В одном разделе, в первых главах книги IV, — продолжил он, — Альхазред рассказывает историю доисторического города или поселения под названием «Сарнат», который ранние люди построили в опасной близости к «серому каменному городу Ибу», где обитала раса водных

нелюдей, которые поклонялись демону Бокругу в образе гигантской водяной ящерицы. Хотя Альхазред не использует термин в тех отрывках, о которых я говорю, водные существа эти известны как Тхунн'ха: они были зеленокожими, походили на жаб и были безмолвны. Они поклонялись своему богу с помощью отвратительных ритуалов…

Вспомнив слова доктора Колби, я рискнул предположить, что этот дьявольский бог Иба проживает на Луне. Неожиданно Урия Хорби побледнел и прикусил губу.

— Не он… не он, — хрипло прошептал он. — Но Тот, кому он служит…

Его голос слегка задрожал, когда он говорил, как будто он пытался подавить некоторые сильные эмоции. Ощутив волнение своего пациента, я сменил тему на этом этапе и начал расспрашивать о его детстве, пытаясь найти возможную травму.

Наши беседы на некоторое время прекратились.

2. Выдержка из записок Урии Хорби

Вт. 17-е. Молодой доктор Кертис — симпатичный парень и достаточно увлечен своей работой, но, тем не менее, слепой, упрямый невежествен-

ный дурак. Как и все. Когда моя книга будет опубликована, возможно, тогда научное сообщество признает ценность моего открытия и масштабы огромной опасности, ожидающей человечество в ближайшем будущем.

Скоро наступит лето, и лягушки снова начнут свои адские ночные серенады; я должен всеми силами стремиться к подготовке своих заметок, потому что «Назначенный час», приближается, и время для меня заканчивается… Возможно, молодой Кертис окажется полезным, по крайней мере, в одном: он, кажется, очарован моим «случаем», и проявляет жалкое стремление завоевать мое доверие. Возможно, я смогу убедить его помочь мне найти полный текст «Песнопения Зоан»; если его нет у Принна или фон Юнцта, возможно, он есть в «Cultes de Goules», хотя Дидрих клялся, что это не так. Если бы только «Некрономикон», моего отца был полон! Так, я уже давно опробовал все девять формул от Нгг до Хннрр, и знак Журик очевидно не имеет никакого отношения к ним. Что еще остается, кроме Пентаграммы Чиан и Игр Ксао? Если и они окажутся бесполезны, я еще могу использовать тринадцать формул от Йаа до Гххрр…

Но время для меня заканчивается, приближа-

ется конец цикла. Придет за мной? — он придет за всем человечеством!

3. Из отчета Чарльза Уинслоу Кертиса

Это произошло незадолго до того, как я узнал, что Урия Хорби был всю жизнь энтузиастом в области археологии и довольно талантливым, ученым в этой области, хотя и любителем. Именно это увлечение древнейшим прошлым, по-видимому, и имело некоторую связь с его нынешним состоянием.

— Разумеется, я нашел первый ключ у Альхазреда, — заметил он в ходе одной из наших ранних бесед. — В главе III книги IV... Конечно сейчас я цитирую по памяти, но моя память наиболее точна к определенным темам... с течением времени пророк возник среди людей Сарната по имени Киш: его будут помнить как Старшего Пророка, ибо Те, Кто царствует за Бетельгейзе, принесли ему откровение: «Остерегайтесь народа Иба, О, люди Сарната! которые спустились на эту землю из некоторых пещерных мест на Луне, когда человек едва вышел из слизи, и Водная тварь, которой они поклоняются грязными способами, совсем не та, о ком вы думаете, и имя Бокруг — это только маска, за которой скрывается Старший...», затем,

следуя этой подсказке, я углубился в страницы фон Юнцта…

— Фон Юнцт? — спросил я. Он оборвал мои слова грубым жестом.

— Фридрих-Вильгельм фон Юнцт, немецкий оккультист, автор «Unaussprechlichen Kulten», — нетерпеливо сказал он. — Вы можете найти упоминания о нем в большинстве стандартных биографических справочных работ. Если вы когда-нибудь захотите проверить хоть что-то из того, о чем я вам рассказываю, доктор Кертис, вы обнаружите, что я ничего не придумал: все эти данные действительны и достоверны и могут быть найдены в печати.

Я притворно улыбнулся.

— Просто эти древние мифологии, похоже, имеют малое, если вообще имеют, значение для нашего времени!

Урия Хорби взглянул на меня ясным, пронзительным взглядом. Его голос был твердым и разумным, когда он заговорил:

— Странные вещи происходили на Земле давным-давно. Они до сих пор случаются… Почему федеральное правительство уничтожило кварталы, казалось бы, заброшенных многоквартирных домов в Иннсмуте, штат Массачусетс, зимой 1927–

1928 годов? Почему морская подводная лодка сбросила торпеды у Дьявольского Рифа в гавани? Что на самом деле произошло в старом доме Таттла на Эйлсбери-роуд недалеко от автомагистрали Иннсмута? Какие события действительно имели место быть в лагере Нависса в Манитобе в конце 1931 года… или, если на то пошло, какова реальная история того, что произошло на Озере Рик на севере штате Висконсин в 1940 году? Почему исследователь Марш никогда не раскрывал того, что случилось со злополучной экспедицией Ястребов в районе Плато Сунг, горного региона Бирмы, когда они достигли руин Алаозара?

Я смотрел на него в замешательстве; я не знал что сказать. Некоторые из таинственных событий, о которых он говорил, были широко освещены в газетах, и даже я имел смутные воспоминания о тех вопросах, на которые он ссылался.

Слегка пожав плечами, он продолжил.

— Но в продолжении: на основании цитат из «Цилиндров Кадаферона», и «Папирусов Иларнека», которые были основными источниками Альхазреда для легенды о Сарнате, фон Юнцт делает предположение о лунном происхождении Бокруга и тех существ, которыми он командует,

ими и являются Тхунн`ха. Кажется, что, когда Альхазред транскрибировал из этих очень древних источников, он работал с явно неполной копией текстов. Расширяя намек, приведенный в отрывке из «Некрономикона», который я уже цитировал вам, фон Юнцт постулирует внегалактическое происхождение Бокруга и его слуг. Вкратце, он предполагает, что они пришли сюда с Великими Древними через звездные пространства или измерениями, которые лежат между ними. Но ни одно из древних писаний, что есть в нашем распоряжении, не упоминает Бокруга в контексте Древних, что странно, хотя книги, с которыми я консультировался, печально фрагментарны и не имеют большого количества страниц, а иногда даже целых разделов.

— Я понимаю, что эти Великие Древние являются демоническими или богоподобными чужеродными интеллектами, которых Альхазред теоретизировал, и они были первичными обитателями нашей планеты, — сказал я. Он улыбнулся.

— Именно, доктор Кертис.

И вот на этом интересном этапе, и к большому моему сожалению, санитар прервал наш разговор, потому что у одного из моих других

пациентов начался приступ. Я был вынужден покинуть Урию Хорби, отложив оставшуюся часть нашего разговора на будущее времени.

Довольно интересно, что, когда я пытался подтолкнуть человека к нужным темам наводящими вопросами, я не был не сведущ в вопросах, которые его занимали. Я помнил, что действительно слышал об этом «Некрономиконе», который он цитировал и упоминал так часто: когда я был студентом в Мискатоникском университете, было несколько упоминаний об этой древней книге в местных газетах в связи с каким-то причудливым убийством или самоубийством. Я уже подзабыл все детали того дела, но кажется, что в моей старой альма-матер была копия невероятно редкой книги под замком, и она была одним из немногих высших учебных заведений в этой стране, что могли иметь подобную копию. Странно, что название арабской книги вылетело у меня из головы.

Позже в тот же день, записывая свои заметки о разговоре с Хорби, я вспомнил, что он сказал о том, что я могу проверить его слова. В течение двадцати минут я нашел краткую биографию немецкого ученого, о котором он упомянул, чьи притязания на ученую образованность казались

достаточно достоверными из-за списка степеней, записанных после его имени в примечании.

Хорби, похоже, ничего не выдумал. Он наткнулся на какую-то неясную, ужасную мифологию и был поглощен ею из-за своего научного увлечения древним миром, пока, наконец, все это не стало центром его интересов.

Этот случай становился все более интригующим.

4. Выдержка из записок Урии Хорби

Пт., 21-е. Вчера вечером, размышляя о Знаке Коф, я смог увидеть Бездну Дендо. К сожалению, те, кто там живет, не могут или не смогут помочь мне в моем поиске.

Пентаграмма Чиан оказалась бесполезной для моих целей, как и Игры Ксао. Мой обозреватель в Париже транскрибировал определенный материал из «Эйбона», который, по его мнению, может существенно повлиять на сложившуюся ситуацию, и я занялся переводом со старого нормано-французского — медленная и трудоемкая работа. Но как я подозреваю, это тоже в итоге окажется бесполезным. Не имея постоянного доступа к «Некрономикону», я чувствую себя совершенно беспомощным. Мои знания о Старшем

Знании настолько ужасно неполны… Я даже не знаю имени Сущности, враждебной мне, и того места, где Она пребывает. Не имея этих жизненно важных данных, я не обладаю достаточными средствами защиты: с ними я мог бы отогнать Его, или создать барьеры психической силы в манере, которой научили меня нуг-сот.

Позже: я снова использовал Знак Кофа, наблюдал мимолетные намеки на внутренний город, расположенный на двух магнитных полюсах, но безуспешно. Я попросил — умолял! — юного доктора Кертиса помочь мне получить отрывки, которые мне так нужны из Альхазреда. Добродушный глупец считает меня сумасшедшим, но может пожалеть меня и скопировать материал. Безумно, не так ли? Когда они снова спустятся, чтобы восстановить свою древнюю империю — когда земля очистится и начнется Вечное Царство — «сумасшедшие», как я, будут могущественнее, чем императоры!

5. Из отчета Чарльза Уинслоу Кертиса

Хорби попросил меня помочь ему в его работе, предоставив текст определенных ключевых отрывков из Альхазреда, к которым он не мог получить доступ. Это кажется разумным, завоевать

его доверие благодаря безобидным благосклонностям, как эта. Я отправил телеграмму одному из моих профессоров в Мискатоник; ожидаю, что он сможет получить нужный материал для меня.

Хорби почти не спал в последнее время. Он жалуется на «лягушек», и это правда, в том болотистом районе за санаторием они поднимали адский хор по ночам. Однако я отказался назначать снотворное или успокоительные средства ему, как советовал доктор Колби. Все возрастающее волнение Хорби, по-видимому, объясняется его убежденностью в том, что некоторый критический период времени скоро наступит, когда «защита», которую он создал против своего страшного лунного врага, падет. То, чего он боится, произойдет тогда; что это будет, я не знаю, а он не скажет мне.

Но я узнал причину той опасности, которая, как он верит, нависла над ним. Его безымянный враг, сила, стоящая за демоном Бокругом, якобы узнал о его существовании, когда он опрометчиво опубликовал как научную монографию свой предполагаемый перевод «Папирусов Иларнека», о котором он часто упоминал, и в котором делал предположения о Сарнате и его легендарной гибели. Город, кстати, является определенно ми-

фическим, потому что я ничего не смог найти о нем в исторических или археологических трудах. Но культ, для которого это все священно, — и, придерживаясь его точки зрения, темные божества, стоящие за этим культом — разозлились на публикацию древнего текста, который, кажется, раскрыл их религию больше, чем они могли позволить узнать общественности.

Во всяком случае, в монографии Хорби обсуждался способ использования другого демона по имени «Ктугха», против «дракона на Луне». Согласно его мнению, этот Ктугха является огненным элементалем и по своей природе находится в прямом противостоянии с такими элементалями воды, как бог-дьявол, для которого Бокруг и все обитатели города Иб — всего лишь приспешники и слуги. Демонология Альхазреда, как я полагаю, утверждает, что Древние делятся на четыре группы элементалей, все враждебные друг другу.

Хорби также объяснил мне, что у всех этих древних и злых богов есть свои тайные культы квази-человеческих или нечеловеческих приверженцев, которые еще существуют в некоторых отдаленных глухих лесах и местах. Его монография привлекла внимание культа, который поклоняется силе, стоящей за Бокругом, вот поче-

му они и их бог придут «за», ним.

Однако есть что-то чрезвычайно правдоподобное в его навязчивой идее. Я не могу опровергнуть ее или его логику. Он самый необыкновенный человек.

6. Выдержка из записок Урии Хорби

Пн., 28-е. Уже страшно близко то Время, когда энергия Луны достигнет своего пика, а То, что находится в ней, будет на вершине Своей силы. Даже Ктугха и Пламенные Существа не могут помочь мне тогда: Кертис — моя единственная надежда.

Материал из «Эйбона», оказался бесполезным; я думаю, что информация, в которой я так отчаянно нуждалась, скорее всего, находится в третьей книге Эйбона «Папирус Темной Мудрости», которую фон Юнцт только пересказывает. Но уже поздно писать моему парижскому другу…

Энергия Д'хорна-ахн не сможет защитить меня, когда придет роковая ночь. Благодаря использованию Ритуала Серебряного Ключа я смог пообщаться с грибовидными интеллектами с Нзурла и смог бросить мимолетный взгляд на С'глхуо и Ймар. Но ничего не помогает… Обитатели Ктинги предупредили, что я не смогу призвать

их силы, когда придет время, но это я уже знаю. Могущественный Йхтилл мог бы встать между мной и этим, но я никогда не был в Каркозе и не давал обет перед Старшим Троном.

Так сказано: Есть сорок восемь Акло, которые были открыты смертным, и сорок девятое, о котором люди ничего не знают и не узнают до тех пор, пока Глааки не заберет их. Если бы я мог путешествовать через обратные углы Тагх-Клатура или использовать огромные энергии Пентаграммы Пнакотика, я мог бы выжить. Но у меня мало надежды, если этот не торопящийся глупец Кертис не придет вовремя.

7. Из отчета Чарльза Уинслоу Кертиса

Томпсон из Мисатоника сегодня прислал мне длинное письмо, в том числе и материал, который Хорби попросил достать ему. Я прочитал его и не нашел в нем ничего, что могло бы быть вредным — всего лишь бред сумасшедшего и суеверного демонолога. Только ради полноты картины, я скопирую его для своих заметок по этому делу.

Отрывок взят из Книги III, главы XVIII «Некрономикона», и является переводом на елизаветинский английский доктора Джона Ди,

пресловутого оккультиста. В нем говорится следующее:

Но из Великих Древних, рожденных Азатотом в Прайме, не все спустились на эту Землю, потому что Тот, Кого Не Следует Называть, скрылся в темном мире около Альдебарана в Гиадах, и это были Его Сыны, которые спустились сюда вместо Него. Точно так же, Ктугха выбрал для своей обители звезду Фомальгаут и Огненные Вампиры, которые служат Ему; но, что касается Афум Жаха, Он спустился на эту Землю и пребывает в своем ледяном логове. И ужасный Валтум, который является братом Черного Тсатоггуа, Он спустился на умирающий Марс, избрав этот мир для Своего владычества; и Он дремлет все еще в Глубинах Равормоса под рассыпающимся Игнарх-Ватом; и написано, что день или ночь Валтума равны тысяче лет, отмеренных смертным людям. А что касается великого Мномкуа, Он выбрал местом Своего пребывания извилистые пещеры, которые образовались под земной корой Луны; и там Он пребывает, барахтаясь в слизистых волнах Черного озера Уббот в стигийской тьме Нуг-йаа; и именно они служили Ему, те кого именуют Тхунн'ха, чей лидер — Бокруг, который пришел в этот мир и жил в сером каменном городе в земле

Мнар.

Это весь отрывок, что выписал Томпсон; дальнейшую часть, которую Хорби хотел увидеть, — то, что называется «песнопением Зоан», из книги VII — он не смог включить в своё письмо, сказав, что страницы совершенно неразборчивы.

Ну, может быть, еще не поздно донести этот материал до Хорби. Правда, уже поздний вечер, и луна поднимается, но я сомневаюсь, что он лег в кровать.

8. Выдержка из записок Урии Хорби

Ср., 30-е. Я обречен. Я потерян. Время пришло — осталось меньше часа, и все мои барьеры исчезнут. Мой дух будет вырван из моей дрожащей плоти, каким образом я даже не рискую думать, и я буду парить на черных ветрах, которые вечность дуют между звездами, безымянным призраком, потерявшимся среди стенающих толп Миллионов Избранных…

Это Кертис у двери! Возможно, еще не все потеряно; я закончу эту запись здесь и впущу его. Напишу ли я еще хоть слово в этом дневнике?

9. Из отчета Чарльза Уинслоу Кертиса

Сейчас мой долг заставляет меня описать последовательность событий, которые я не понимаю, и

я пишу следующее лишь в тщетной надежде, что каким-то образом смогу разобраться в этих вопросах для моего собственного удовлетворения.

В ночь тридцатого числа, немного после восхода луны, я принес отрывки, скопированные из «Некрономикона», в комнату Хорби, который встретил меня у двери и фактически вырвал их у меня из рук. Он был в плохом состоянии, я еще не видел его настолько взволнованным, его лицо покраснело, глаза налились кровью и лихорадочно блестели, руки дрожали, как осиновый лист.

Он быстро пробежал глазами написанное, затем вскинул голову и издал пронзительный крик торжества.

— Это Мномкуа! Конечно — как я мог не знать? И место его заключения по велению Старших Богов — это Черное Озеро Уббот в заливе Нуг-йаа в самом сердце Луны! Ах, все становится ясным мне теперь… эти загадочные ссылки, которые я отыскал в старых книгах…

Внезапно он прервался, перевернув бумагу, его покрасневшие черты вновь сменила тошнотворная бледность.

— Но где же еще? Пожалуйста, Боже, Кертис, должно быть еще! Где «Песнопение Зоан», ты глупец? Как я могу направить энергию против

Черного озера без этого «Песнопения»?..

— Я… я сожалею, — пробормотал я извиняющимся тоном. — Мой старый профессор в Мискатонике не смог скопировать ритуал, который вы хотели, потому что страницы в книге были не разборчивы.

Он отшатнулся с невероятным ужасом в своих глазах. Никогда я не видел, чтобы он выглядел более жалким: от его вида у меня похолодело в сердце. Затем его лицо расслабилось, его плечи опустились. Страница из письма Томпсона выпала из его ослабших пальцев, чтобы улететь в угол. Он повернулся от меня к окну, и, как бы это абсурдно не звучало, я почувствовал, что меня прогоняли. Сразу же я тактично ушел, чувствуя, что он хочет побыть наедине со своими мыслями.

Видит Боже, я хотел остаться.

* * *

В ту ночь, когда я уже разделся и готовился отойти ко сну, один из служащих позвонил мне, чтобы сказать, что Хорби громко поет или молится, и что он боится, что это может помешать другим пациентам.

— Если только они смогут услышать его сквозь

этот адский лягушачий хор с болота, — сказал я иронически.

— Да, доктор. Но могу ли я дать ему снотворное?

— О, думаю да. Спокойный ночной сон не повредит ему. Он выглядит более обезумевшим, чем обычно. Позвоните мне, если он откажется сделать это, — сказал я. Санитар согласился и повесил трубку.

Чувствуя какое-то смутное предчувствие или, возможно, простое беспокойство, я подошел к окну. Лягушки надрывались в полный голос, и луна стояла высоко, глядя на нас несчастных смертных словно гигантское око холодного белого огня. В ее сиянии я видел болотные омуты за зданием, сверкающие, как зеркала.

Краем глаза я заметил, что что-то выходит из воды и через тростники поднимается на задний двор. Что-то черное, огромное и мокрое, движущееся в лунном свете странной, косолапой, прыгающей походкой. Я моргнул, протер глаза, и это нечто исчезло. Вероятно, собака с одной из соседних ферм, подумал я. Но лужайка сверкала от чего-то скользкого! Это было похоже на слизкий след, оставленный садовым слизнем…

Спустя несколько мгновений я был потрясен

ужасным отчаянным криком — криком невыразимого ужаса, такой звук, вероятно, звучит в самых глубоких безднах Ада.

Я выскочил в зал, где внезапно было полно бегущих людей. Я последовал за ними без слов. Крики продолжались и продолжались.

Но лягушки перестали кричать в те мгновения, когда начал кричать Хорби.

Да, это был Хорби. Мы ворвались в его комнату, чтобы взглянуть на сцену абсолютного хаоса. Шторы были сорваны с окна, а стекла лежали разбитые на тысячу ледяных осколков на ковре, который был пропитан слизью и водой. Холодный лунный свет торжественно лился через открытое окно.

Лицом вниз посреди осколков лежал Урия Хорби, мертвый, как камень. Его лицо застыло, словно маска невероятного страха, и я надеюсь, что никогда больше не увижу подобное выражение человеческого лица.

На его теле не было следов.

В углу комнаты сидел на коленях, склонившись лицом к полу, дежурный, который пришел, чтобы успокоить его. Человек страдал от ужасного шока. Он что-то бессвязно лепетал, его сломанная речь чередовалась с приступами идиотского,

ужасного хихиканья. Он жевал и выплевывал страницы из рукописей и журналов Хорби. Они были так же затоптаны, разорваны и покрыты какой-то странной зеленоватой слизью, которая разъедала бумагу, как разбавленная кислота.

— Что здесь произошло? — спросил доктор Колби, схватив санитара за плечо и встряхнув. Тот посмотрел на него туманным взглядом, повернув к нему своё бледное залитое потом лицо. Слюна пачкала его губы и стекала по его подбородку.

— …Было что-то в лунном свете, двигаясь скачками через газон, — пробормотал он слабым голосом. — Оно… взобралось на стену и прорвалось через окно… Оно прыгнуло на мистера Хорби… Это было похоже… это было как…

Затем он снова начал своё ужасное хихиканье. Колби уставился на меня, потрясенный. Я отвел взгляд.

— Боже, какая вонь — этот запах! — пробормотал кто-то. Это было правдой. Вся комната провоняла соленой морской водой, стоячей и покрытой пеной с грязью. Это было неописуемо.

— Что ты думаешь обо всем этом, Кертис? — спросил меня вполголоса Колби, когда мы покинули комнату.

— Я не знаю, что и думать, — сказал я тихо.

— И я тоже, — вздохнул он. — Но это была ночь, которой так боялся Хорби, ночь, когда его тайный демон был полон сил. Я верю, что в его истории что-то есть.

— Я не знаю, сэр, — сказал я. Но я соврал. Потому что я знал. Мномкуа свершил свою месть…

С тех пор я обнаружил, что тоже избегаю лунного света, он заставляет меня чувствовать себя тревожно. И я читал «Некрономикон». В поисках «Песнопения Зоана», возможно, я не знаю.

Бедный Хорби…

Перевод: Р. Дремичев

Лин Картер
За маской

Lin Carter «Behind the Mask», 1987

1

В июле 1928 года библиотека Мискатоникского университета в Аркхеме, Массачусетс, получила редкий и необычный подарок. Он прибыл как часть «посмертный дар Таттла», это была одна из нескольких таинственных работ по оккультизму

и демонологии. Книга, о которой я говорю, была известна как «Текст Р`льех».

Доктор Сайрус Лланфер, директор библиотеки того времени, поверхностно просмотрел все присланные труды, прежде чем передать тома одному из младших библиотекарей, молодому человеку по имени Брайант Хоскинс, для каталогизации. Некоторые из книг были напечатаны, например, зловещий «De Vermis Mysteriis», Людвига Принна и «Unaussprechlichen Kulten», фон Юнцта, другие — рукописные копии, часто в отрывочном состоянии, такие как мрачная «Книга Эйбона», таинственные «Манускрипты Пнакотика», и сам «Текст Р`льех».

Большинство этих редких работ были известны доктору Лланферу, хотя бы по их репутации. Он был прекрасно осведомлен о необычайной редкости и бесценности этого завещания и частным образом решил написать лично племяннику покойного Амоса Таттла, который подарил превосходную коллекцию своего дяди библиотеке. Убедившись, что его помощник осторожно обращается с драгоценными томами, он проследил, как тот благополучно уходит с ними.

Молодой Хоскинс были менее знаком с этими малоизвестными работами, чем Лланфер, но как

библиотекарю по профессии и коллекционеру в некоторой степени, слухи о некоторых из этих сказочных томов были известны ему. Особенно заинтересовал его «Текст Р`льех». Он знал, что это странная старая книга никогда не публиковалась ни на одном языке, она распространялась лишь в рукописной форме в течение нескольких поколений, возможно, на протяжении веков, среди некоторых секретных сект оккультистов и поклонников дьявола.

Несмотря на свой интерес, он обнаружил, что внешний вид книги странно отвратителен. Открыв том, он был потрясен запахом разложения, который возник от его крошащихся страниц. Поборов своё отвращение, он осторожно осмотрел его и обнаружил, что, хотя кодекс написан на английском языке, фактический язык ему незнаком и мало имел сходства с несколькими языками, древними и современными, которые он знал. Он был написан выцветшими чернилами на толстых листьях пожелтевшего пергамента, которые шелушились и крошились, словно были подвержены некой странной болезни. Он знал, что вдоль Атлантического побережья сырой солевой воздух благоприятствует размножению ржавчины и плесени, которые часто нападают

на книги и бумаги; однако, такое состояние «Текстов Р`льех», было обусловлено каким-то другим фактором, который он не мог сразу определить.

Хотя запаха распадающихся страниц был и так достаточно, Хоскинс обнаружил, что переплет не менее отталкивающе выглядит. Это была смуглая или коричневатая мягкая кожа, мелкозернистая текстура которой имела нездоровое сходство с кожей человека. Некоторые из культов ведьм Темных веков, как он знал, переплетали свои адские заветы и гримуары в загорелую кожу человеческих жертв… но, конечно же, это не могло быть в случае с «Текстом»…

Все в этой странной старой книге отталкивало молодого библиотекаря и вызывало в нем брезгливое отвращение. Ее аура необычной древности и необъяснимого распада, тот запах, который исходил от гниющих страниц, дрожь от ощущения мягкого, гладкого переплета, вызывали у молодого человека определенное отвращение, которое он не мог ни отрицать, ни объяснить.

Казалось, какое-то сверхъестественное, редко пробуждаемое чувство внутри его самого обнаружило страшную опасность в этой древней книге… и пыталось предупредить его оставить книгу в покое.

Конечно же, это был просто вздор.

2

В течение следующих недель Брайант Хоскинс довольно подробно узнал об истории «Текста Р`льех», и других странных старых томов, содержащихся в завещании Таттла. Книга, о которой идет речь, была куплена благотворителем библиотеки Амосом Татллом за огромную, по общему мнению, цену. Он добыл ее где-то в темных землях внутренней Азии, получив от китайского священника или шамана во внутреннем Тибете. Случился некоторый скандал или что-то такое, связанное с приобретением Амосом Таттлом «Текста Р`льех»: менее авторитетные газеты того времени были полны слухов о странных и страшных вещах, которые, предположительно, недавно произошли в старом доме Таттла на Эйлсбери-роуд возле платной магистрали на Иннсмут. Были намеки на ряд ужасных событий, связанных со смертью Амоса Таттла, вещи слишком жуткие, чтобы их можно было оставить в тайне и быстро забыть…

Ко всем этим таинственным и рассказываемым шепотом ужасам Хоскинс был глух. Он был ученым в первую очередь: ученым, известным своим

ясным и рациональным интеллектом, человеком, не верящим в странные легенды и рассказы, основанные на хрупких или нереальных доказательствах. Странные вещи, которые произошли в эти дни в древних, рушащихся морских портах побережья Массачусетс, заставили бы его задуматься, если бы он потрудился прислушаться к тем рассказам. Всего за несколько месяцев до этого, в тяжелую зиму 1927–1928 годов произошли мистические события в соседнем городе Иннсмут. Агенты федерального правительства, судя по всему, проводили какое-то странное и тайное расследование в этом районе, в результате чего было сделано неожиданно большое количество рейдов и арестов в феврале 1928 года, а некоторые блоки разрушающихся многоквартирных домов на старой заброшенной набережной были сожжены и взорваны. Ходили даже истории о том, что морская подводная лодка США сбрасывала торпеды в морские пропасти у дьявольского рифа, хотя трезвые и разумные местные жители отвергли эту дикую сказку, как простой слух или, так как это происходило в эпоху Запрета, говорили, что все это было в рамках продолжающейся борьбы с контрабандой спиртных напитков.

Ни одну из этих причудливых историй Брайант

Хоскинс не слушал. Несомненно, правительство знало, что делает, рассуждал он. Точно так же, какие бы события в действительности не происходили в Иннсмуте, вся доля фактов была глубоко похоронена под обилием распространившихся слухов.

То, что очаровало его в старой книге, было таинственным языком, на котором она была изначально написана, и то, что редактор этой конкретной копии передал странный язык английским символами. Единственная возможная причина заключалась в том, чтобы ее могли читать или скандировать вслух люди или культы, для которых оригинальные глифы или символы были неудобочитаемы.

Среди писем и статей покойного Амоса Таттла были ссылки на место в Центральной Азии, известное как Ленг. Был ли Ленг частью внутреннего Тибета, Хоскинс не знал, и он не смог найти ссылку на него ни в одном из стандартных атласов или географических трудов. Однако один из его бывших учителей в Мискатонике слышал о Ленге в некой теневой старой азиатской мифологии.

— Да, конечно, так называемое «избегаемое и запретное», плато Ленг, где, как утверждается,

Древние существовали задолго до того, как появились первые люди; вы найдете информацию об этом у Альхазреда, — заметил его друг-учитель. Альхазред, как смутно помнил Хоскинс, был автором произведения под названием «Некрономикон», а «Некрономикон», был еще одной из старых, малоизвестных книг, которыми обладала Библиотека Мискатоник. Это было, по сути, одно из главных сокровищ библиотеки.

— Кто такие эти Древние? — спросил он с интересом. Какой-то пантеон азиатских богов?

— Демоны, скорее, я должен сказать, — прокомментировал другой. — Альхазред называет их «Древними», или «Великими Древними», в отличие от лидеров их миньонов, которых Альхазред называет «Малыми Древними», — Дагон и Гидра, Бокруг, Рлим Шайкорт и т. д.

Разумеется, эти имена ничего не значили для Хоскинса.

3

Среди копий писем Таттла Хоскинс нашел, что несколько из них были адресованы ламаистскому монастырю Гупчонг на окраинах северного Тибета. На конвертах этих писем говорилось, чтобы запечатанный документ был доставлен

вручную через горные перевалы в страну Чо-Чо и передан, если такое возможно, кому-то или чему-то, что называется «Лама Чо-Чо». Осведомитель Хоскинса, энтузиаст-любитель-антрополог и ученик фольклора, имел некоторую информацию об этом.

— Люди Чо-Чо — это племя в Бирме, — объяснил он. — Некоторые власти считают их легендой, возможно, их культ процветает в руинах Алаозара в регионе Плато Сунг… никто не знает, что там происходит, боюсь. Только Экспедиция Хокса заходила так далеко, и вы знаете, что произошло с ней.

— Но Бирма не находится за горными перевалами северного Тибета, а совершенно в другом направлении, — утверждал Хоскинс. Его осведомитель кивнул.

— Я сказал, что люди Чо-Чо сосредоточены в землях Плато Сунг. На самом деле эта религия или, по крайней мере, этот культ распространен по всему мистическому сердцу Азии. Поскольку они поклоняются Великим Древним, не удивительно, что Лама Чо-Чо обитает на Плато Ленг. Вся эта страна была под темным владычеством Древних в мифологии Альхазреда.

— Что это за место Ленг? — спросил Хоскинс.

Его друг покачал головой.

— Холодное, бесплодное, мертвенно-стерильное. Никто не живет там. Никто не может там жить. Место находится под вечным проклятием Старших Богов, то есть благочестивых божеств, противостоящих злым демонам, называемым Древними.

— Если там никто не живет, как выживают Чо-Чо? — упорствовал Хоскинс. Он не мог не заметить, что по какой-то причине его коллеге было неловко продолжать этот разговор. Он не мог догадаться почему.

— Я имел в виду, что никто из людей не живет там или не может жить там, — сказал его друг странно приглушенным голосом. — Но я никогда не говорил, что Чо-Чо были людьми.

С этим странным комментарием Уилмарт резко прекратил разговор. Он оставил Хоскинса озадаченным и неудовлетворенным и более заинтригованным, чем когда-либо.

Ничего человеческого…

4

Хоскинсу удалось идентифицировать оригинальный язык книги как «Р`льехский». Это был мифический язык, на котором говорили только в

самом Р`льехе, давно потерянном городе, затонувшем в океане, как Атлантида. Но, как полагали, Р`льех погрузился на дно в Тихим океане, а не в Атлантике, и это само по себе было любопытной информацией, поскольку Хоскинс думал, что текст был транслитерирован на английские буквы еще до того, как первые исследователи достигли Тихого океана.

Следуя совету Уилмарта, он обратился к «Некрономикону». К его удивлению, он нашел в нем предложение или стихотворение, прямо цитируемое из «Текста Р'льех»; это была такая же путаница непроизносимых согласных и гласных, как и весь текст, но с определенной разницей.

Линия читалась: «Ph'nglui mglw`nafh Cthulhu R`lyeh wgah'nagl fhtagn».

Разница заключалась в том, что у Альхазреда это предложение было фактически переведено. Перевод был таким: «В своем доме в Р'льех мертвый Ктулху ждет, погруженный в сон».

Строка, найденная Хоскинсом в «Тексте», была очень похожа. Фактически, это было на третьей странице манускрипта. Но самое важное, что извлек Хоскинс из этого, состояло в том, что, очевидно, р`льехский язык был известен и понятен, иначе ни Альхазред, ни кто-либо другой, возмож-

но, не смогли бы перевести его. Но язык не имел прямой связи ни с арабским, ни с родственными арабскому языками; это Хоскинс узнал, обратившись к лингвисту отдела восточных языков университета.

Что больше всего взволновало Хоскинса по этому поводу, так это то, что Таттл сам сделал незначительную заметку на третьей странице, где появилась строка. Плохо разборчивым почерком он написал то, что, по-видимому, было его собственным переводом загадочного предложения: «Его миньоны готовят путь, и он больше не спит?», За маргинальным толкованием следовали другие нацарапанные обозначения, смысл которых настолько ускользал от Хоскинса, что он их отложил.

Итог этих незначительных пометок был поразительным. Это могло означать только то, что сам Амос Таттл знал или мог хотя бы частично расшифровать таинственный язык древнего и легендарного Р'льеха. Это означало, что где-то среди бумаг Таттла Хоскинс мог найти словарь древнего и легендарного языка Р'льеха, с помощью которого сам Хоскинс мог прочитать странную древнюю книгу.

На этом этапе стало очевидным, что у молодого

библиотекаря возникла нездоровая навязчивая идея относительно этого таинственного тома, и он возжелал проникнуть в его скрытые знания. Если бы его начальник доктор Лланфер узнал об этом желании, он, несомненно, быстро положил бы конец работе Хоскинса с «Текстом Р`льех». Однако, занятый другими делами, он, к сожалению, не обращал внимания на странное очарование, которое старая книга оказала на молодого ученого.

Поиски в бумагах Таттла оказались бесплодным. Дальнейшее прочтение «Некрономикона», однако, предоставило Хоскинсу замечательное открытие. Отрывок, в котором содержалась необходимая информация, переведенный на елизаветинский английский доктором Джоном Ди, пресловутым британским волшебником и астрологом, и включающим всю главу XVI тома III «Книги Врат»:

> О Ленге и Таинствах Его: «Что касается этого Ленга, то некоторые говорят, что он лежит в земном Мире Снов, чтобы, таким образом, его могли посещать только во снах, используя силу Знака Коф, но я слышал, что другие говорят, что он лежит в

ледяных пустынях анти-бореального полюса, и есть те, которые намекают на то, что Ленг может быть найден в черном и тайном сердце Азии. Но, хотя многие называют различное местоположение его, я не слышал, чтобы кто-нибудь сказал, что Ленг полезен для слуха людей.

Теперь о Ленге: написано, что на этой темной и холодной земле многие миры встречаются, поскольку он имеет общую границу с альтернативными измерениями, чередующимися с нашим; и среди этих мрачных, незамерзающих песков и ледяных холмов, а также черных и ужасных вершин есть странные „Порталы, Ведущие На Ту Сторону“; и Твари Извне, которые иногда проходят через „Врата“, блуждают среди земных снегов, а затем возвращаются отсюда к своим неизвестным и безымянным Сферам, насыщенные пирами, о которых я боюсь думать. Так они говорят: но, что касается меня, я считаю, что холодный и страшный Ленг является частью других миров так же, как частью этого и представляет собой не полумир, а как бы мост между

мирами.

Говорят, что был отважный Илатос, волшебник Ломара, он отправился через пустыню Бназик и через Долину Пнор с большой осторожностью, чтобы избежать ужасных Хранилищ, и что спустя время он наткнулся на грубую каменную башню посреди пустыни, где обитал некий старый Жрец, который скрывал своё лицо за маской из желтого шелка. На Цилиндрах Кадаферона написано, что они долго беседовали вместе в этой одинокой и жуткой башне, Ломарский маг и Он, кого называют Старшим Иерофантом, но как дальше было сказано, все записи были изъяты, и Цилиндры Кадаферона были пусты, и никто не знает, почему.

Но я не видел Ленга во всех моих странствиях и путешествиях, кроме как во сне, но повторю здесь праздные сплетни, которые я смог услышать. Тот, кто хочет узнать секреты Ленга, тот, кто хочет познать тайны Ленга, тот, кто хочет ходить по мрачным и одиноким дорожкам Ленга, пусть отправится туда, если знает Путь».

Хоскинс уставился на страницу «Некрономикона», наполненный странным, трепетным волнением, которое он не мог назвать или объяснить. В ту ночь у него был первый из многих снов…

5

В первые дни сентября Брайант Хоскинс наконец обнаружил то, что он так усердно искал. В конце концов, Амос Таттл составил или, скорее, скопировал из какого-то другого источника «Ключ Р`Льех», (поскольку так он назвал этот документ); причина, по которой Хоскинс не нашел этого раньше, заключалась в том, что глоссарий находился в конце довольно большого тома из разрозненных частей, которые носили общий титул «Фрагменты Целено».

Поскольку не разрешалось брать тома из «запретных файлов», библиотеки, Хоскинс безрассудно похитил книгу, скрыв ее среди бумаг в своем чемодане. Позже той же ночью в своих комнатах на Дарли-стрит он дрожащими руками изучал Ключ. Он уже давно скопировал расширенные части из «Текста»; теперь он сравнивал неизвестные слова с глоссарием Таттла. В частности, он сравнил эти строки с третьей страницей

кода, начинавшейся с загадочной фразы, которая ранее привлекла его внимание.

Весь отрывок содержал только семь строк, разделенных на три стиха. Хоскинс переписал их на чистый лист бумаги для письма, оставив пространство между каждой строкой и с трудом выполнил полный перевод с использованием «Ключа Р`льех», Таттла.

Когда он закончил несколько часов спустя, страница читалась следующим образом:

Ph`nglui mglw'nafh Cthulhu R'lyeh wgah` nagl fhtagn.

(В своем доме в Р'льех мертвый Ктулху ждет, погруженный в сон)

Y'ai `ng`ngab cf ayak shugg-yaah Cthulhu nafl fhtagn.

(Но придет час, когда Ктулху больше не будет ждать, погруженный в сон)

N`gha-uaaah `nygh glag'ng aargh-cf ayah y'haa mgl`gn.

(Тогда пусть мир остерегается пришествия своего Хозяина)

* * *

Ygnaiih! Ygnaiih! S'sathagua dy'uth aiih-cf ayagh!

(Я поднимаюсь! Я поднимаюсь! Из глубины я приду!)

Mgw-ygna! Mgw-ygna! S'sathagua mglw`nafh ph 'R'lyeh!

(Он поднимается! Он поднимается! Из своего дома в R'льех!)

Mgw-cf ayak! G'ngah mglw` aargh-cf ayah n'gh yafl.

(Он идет! Час Его появления — близок)

* * *

Ygnaiih! Aiih-cf ayagh-ngwa! Uaaah `nygh sh'uggua mng mgl'gn.

(Я поднимаюсь! Я иду вперед! Пусть мир трепещет перед своим Хозяином)

Хоскинс смотрел на результат своих трудов, странно восторженный с очарованием, какого никогда раньше не чувствовал. Ему казалось, что он находится на грани восстановления невероятной мудрости, утраченной века или эпохи назад.

К своему удивлению, он заметил, что наступил рассвет. Он всю ночь трудился над «Ключом R`льех», даже не замечая часов, когда они проносились мимо. Неудивительно, что он дрожал от усталости и истощения!

В тот день он не стал работать в библиотеке, сославшись на временное недомогание. Вместо этого он спал глубоким сном от физического и нервного истощения.

И снова были сны…

6

В предыдущих случаях сны Хоскинса были заполнены темными пустынными пейзажами, обрамленными остроконечными пиками, на которых пустынные снега тускло блестели под холодным глазом луны. Его сны были бурными с проблесками рушащихся склонов удивительно древнего камня, пересохших и сморщенных поверхностей доисторических морей — зловещих и страшных перспектив, которые воняли мрачным запустением, полной бесплодностью и отсутствием жизни.

Теперь же во время дневного сна Хоскинс видел приземистую уродливую башню, грубо вырезанную из темного пористого камня, которая стояла одна посреди жуткой пустыни. Тьма висела над этой сценой, и даже любопытный глаз любознательной луны не проникал с небес, затененный слоем мрачных испарений… но время от времени разрывы появлялись в облачном небосводе,

сквозь которые сверкали ледяные звезды.

Не было здесь знакомых звезд и созвездий, которые знал Хоскин с детства: нет, эти странные звезды образовывали неизвестные ему созвездия, но удивительным образом значимые, как будто они формировали огромные символы, смутно знакомые его сновидческому интеллекту. Чувство это было одной из неземных странностей; но это было также чрезвычайно важно, как если бы обширные сферы знаний содержались в тех звездных символах, которые он мог — почти — различить.

Эту каменную башню среди запустения он с трудом мог разглядеть, настолько мрачной была тень, окутывающая ее огромной массой, и таким тусклым и прерывистым бледный свет, проливаемый этими неведомыми созвездиями. От грубых стен этой приземистой уродливой башни исходила холодная и вечная злоба… непримиримая и коварная ненависть… к чему? К живым существам? К самой жизни, возможно?

В верхнем круглом окне этой похожей на орудийный ствол башни появлялся и исчезал красный свет, как вращающийся луч маяка. Здесь в дрейфующем по течению мозгу Брайанта Хоскинса возникла загадочная фраза, которую

он встретил на сводящих с ума страницах «Немномикона»…

Древний Фарос…

Странно, как во сне ум собирает клочья и осколки рассеянных воспоминаний и объединяет их в новый образ, значение которого, после пробуждения, мы теряем.

Хоскинс проснулся в сумерках, наполненный удивительной слабостью, словно измученный своими собственными снами.

7

В течение нескольких последующих недель Брайант Хоскинс уделял мало внимания своим обязанностям в библиотеке, посвящая столько своего бодрствующего времени, сколько мог, переводу всего «Текста Р`льех». Глоссарий Таттла оказался ошибочным, и многие из значений, которые Татлл записал, Хоскинс заменил на более правильные определения… хотя, как он сам пришел к ним, даже он не мог сказать. Возможно, это была интуиция.

Постепенно, однако, смысловые образы, сокрытые в таинственном языке, начали появляться. «Текст», был смесью песнопений и молитв, литаний и заклинаний для нескольких божеств,

которые носили такие имена, как Ктулху, Идхйаа, Зот-Оммог, Убб, Гхатанотоа, Йтхогта, Дагон, Гидра и Йеб. Все они, как было понятно из текста, стихийные духи вод земли, демоны-боги океана. Они были, как он понял, заключены в тюрьмы на разных участках океанского дна океана — Ктулху в затонувшем каменном городе Р'льех, его сын Йтхогта в Йхе, Зот-Оммог в подводной пропасти возле «Острова каменных городов», (термин этот, который по какой-то причине снова, возможно, интуиция помогла вспомнить Хоскинсу, относился к острову Понапе с его колоссальными развалинами Нан-Матала) и Гхатанотоа в запечатанном склепе в погруженной на дно горе Йаддит-Гхо.

Каждому из этих морских демонов служили племена приспешников — миньонов, Ктулху — глубоководные, лидерами которых были «Отец Дагон и Мать Гидра», — имена, конечно, знакомые Хоскинсу из более ранних прочтений. Например, Дагон был морским богом филистимлян, а Гидра богиня-монстр из греческой мифологии. С другой стороны, Йтхогту и Зот-Оммога обслуживала раса под названием Йугг, лидером которой был Убб, «Отец Червей»; у Гхатанотоа были темные слуги, их лидером был Йеб.

Эти трое последних были, судя по всему, сыновьями (или «отродьями», как говорилось в «Тексте Р`льех») самого Ктулху; сыновьями, которых он породил многие эоны назад от последнего члена этого мрачного пантеона, Идх-йаа. Согласно тому, что Хоскинс медленно собирал вместе, выуживая из этих ритуалов и заклинаний, эти сущности все спустились на землю со звезд, когда мир был только создан, за долгие века до появления человечества. Все они, судя по всему, за исключением Идх-йаа, Могучей Матери, которая до сих пор пребывала на далекой звезде или мире под названием «Ксот», где была рождена, поскольку сам Ктулху был порожден в другом мире под названием «Вхурл».

Трудно было точно сказать, что же делать с этой странной мифологией, которая касалась таких продвинутых космологических представлений, как далекие галактики и путешествия сквозь измерения. Действительно, все это было похоже на научные романы Г. Дж. Уэллса, которые Хоскинс читал с жадностью, когда был подростком, или на некоторые из историй, которые он просмотрел на страницах журнала под названием «Удивительные истории», который начал появляться в газетных киосках два года назад.

И была еще одна тайна.

Не каждую ночь, конечно, но довольно часто, чтобы эта частота становилась туманно пугающей, Хоскинс в своих мечтах снова и снова возвращался к тем мрачным и холодным картинам бесплодной пустыни, о которой он думал, как о Ленге. В пределах видимости той уродливой и одинокой башни, так похожей на грубый орудийный ствол, которая нависала над равниной, изливая яркий красный свет из самого верхнего круглого окна…

Что может это мертвое плато иметь с могилами заключенных в тюрьмы богов на дне Тихого океана? Почему его спящий мозг, — как представляется — провел связь между застывшим и безжизненным плато и черным морским дном? Разве только из-за знания, что Амос Таттл приобрел старую книгу в темном и загадочном сердце Азии через китайского священника в ламаистском монастыре на северных границах Тибета?

«Лама Чо-Чо»… был ли он одним и тем же, что и «Старший Иерофант», упомянутый в «Некрономиконе», в главе о Ленге… без имени, лицо которого всегда скрыто за маской или завесой из желтого шелка?

Одна возможная связь между Ленгом и Тихим

океаном, которая уже имела место, была вскользь упомянута его бывшим преподавателем литературы в Мискатонике, любителем фольклористом и антропологом, профессором Уилмартом.

Проклятое и запретное плато Ленг, где, как считается, Древние правили задолго до того, как первые люди эволюционировали… слова Уилмарта негромко звучали в голове Хоскинса.

«Старые», были аналогичны «Великим Древним», а Ктулху и его отродья были великими силами среди «Велики Древних», он узнал это изучая тексты Альхазреда. Если они так давно сошли со звезд, что первые люди (или первые млекопитающие!) даже еще не эволюционировали, возможно, плато или пустыня Ленг была затем затоплена первичными морями тех эпох… и, возможно Ктулху и его отродья и их приспешники правили доисторическим миром Ленга до того, как моря высохли и появились сухие земли, после чего они мигрировали в обширный Тихий океан, — это была больше теория, но она удовлетворяла Хоскинса тем, что давала отчет на проблемы и противоречия, которые сбивали его с толку, и которые лишили его покоя.

Кое-что еще занимало Хоскинса в последние дни сентября и начала октября 1928 года. Его

сны…

Один и тот же повторяющийся сон… это безлюдное и заброшенное пространство бесплодной ледяной пустыни… эта приземистая и уродливая каменная башня, стоящая под странными искаженными созвездиями… кружащийся кровавый луч света, который вспыхивал и вспыхивал снова и снова в верхнем круглом окне.

В своих снах, ночь за ночью, Хоскинс парил бестелесный над плато и всегда, когда чары сна разбивались, и он просыпался, тресясь, как лист, и промокший от ледяного пота, он понимал, что все ближе и ближе приближается к порталу башни.

Что может случиться, когда последовательность сновидений закончится, он не мог даже догадываться, но очень боялся этого. Ибо что-то внутри башни пробудило в нем первичное чувство страха… невнятное и ужасное отвращение.

Отчаявшись прекратить поток этих сновидений, Хоскинс купил опиат в одной из аптек в окрестностях и даже посоветовался с врачом, доктором Эфраимом Спрейгом, которого ему очень рекомендовали. Доктор Спрейг выслушал бессвязный рассказ Хоскинса о его ночных экскурсиях в сны не перебивая, выражение его

лица было скептическим, и прописал сонный порошок, который оказался неэффективным, как и опиаты, которые Хаскинс уже пробовал.

Доктор, должно быть, рассказал начальнику Хоскинса в библиотеке о его состоянии, потому что на следующее утро Сайрус Лланфер вызвал молодого человека в свой кабинет, сочувственно спросил о его здоровье и предложил отправиться в небольшой отпуск.

— Я заметил, что вы кажетесь измученным и изможденным в последнее время, как будто недостаточно отдыхали, Хоскинс, — сказал он. — Вы кажетесь изнуренным, как будто ваши нервы беспокоят вас. Эти зимы в Новой Англии могут быть опасны для того, у кого столь низкая сопротивляемость, как у вас, похоже, так… что вы скажете? Несколько недель в более теплом климате, а? Это будет хорошо для вас!

Хоскинс вышел из кабинета доктора Лланфера очень сильно дрожа. Он не мог вспомнить, какие привел контраргументы, и в целом скорее опасался, что они были агрессивными, почти истеричными и, конечно, довольно непоследовательными. Но — сама мысль об отрыве от своей работы в этот момент наполнила его холодным и бездонным ужасом… он был так близок к Абсо-

лютной Тайне, которая, как он знал, была скрыта в «Тексте Р`льех», чтобы разрушение его концентрации поездкой в отпуск было бы катастрофой.

Он надеялся, что он ничем оскорбительным не привел в замешательство доктора Лланфера, но — разве мог этот дряхлый старый идиот увидеть, что миру нужна мудрость, которой он скоро сможет одарить множество несчастных людей?

Если понадобится, он украдет сам «Текст», так же как украл «Ключ Р`льех», и убежит из Аркхэма и от вмешательства других. В лесу была хижина, принадлежавшая его отцу, там его семья отдыхала в долгие летние периоды во время его детства… это обеспечило бы идеальное убежище, где он мог бы завершить свою работу, не подвергаясь пристальному вниманию посторонних…

Если бы он мог также легко остановить те страшные сны!

8

В конце осени 1928 года состояние Брайанта Хоскинса серьезно ухудшилось. Нервная болезнь, от которой он страдал, вскоре стала очевидной для всех. Его черты лица были опухшие и изможденные, его глаза были налиты кровью, он потерял свой вид, словно из-за некоторой изну-

рительной болезни.

Отчасти это было связано с бессонницей, которой, как считалось, он страдал. На самом деле, конечно же, сам Хоскинс стремился воздержаться от сна… из-за этих ужасных снов, которые теперь преследовали его каждую ночь… тех снов, в которых он подплывал все ближе и ближе к той ужасной каменной башне, возвышающейся среди ледяной пустыни Ленга.

Когда ни панацеи, доступные в аптеке, ни лекарства, предписанные доктором Эфраимом Спрейгом, не помогли ему в борьбе за прекращение сновидений, Хоскинс обратился к некоторым воровским людям, которые скрывались в постыдных притонах вдоль гниющей набережной Аркхема — темных иностранцам, которые продавали безвестные наркотики в убогих барах и зловонных переулках.

Эти наркотики, действительно, охранили его от грез, но какой ужасной ценой. Ибо его сила все уменьшалась, а его ум потерял свою обычную ясность, и его здоровье начало рушиться. Узнав о быстром упадке Хоскинса, доктор Лланфер, наконец, настоял на том, чтобы тот взял нежелательный отпуск, который он ранее предлагал ему. Хоскинсу ничего не оставалось как принять

его, поэтому он украл «Текст Р`льех», и исчез в густых лесах к северу от Аркхема.

Зимы в этой части Новой Англии были суровыми и жестокими, а фермы в лесной глуши были часто занесены снегом на несколько месяцев. Поэтому Хоскинс привез с собой достаточные запасы пищи, кофе и керосина для печи, а также чистую одежду, одеяла и бумагу для письма. В ту самую ночь, когда он впервые появился в маленькой хижине в лесу, прошел обильный снегопад; когда он проснулся от сна без сновидений на рассвете, он оказаться полностью изолированным, окруженным со всех сторон гладким полем сплошного снега.

Изоляция, однако, была именно тем, что он больше всего желал. Ни доктор Лланфер, ни кто-либо другой не мог докучать ему здесь… здесь он мог выполнить свою большую работу — перевести весь «Текст Р`льех», и раскрыть его секреты невежественному и ничего не подозревающему миру.

Однако об одном Брайант Хоскинс забыл в своей спешке. Наркотики, которые он купил у вороватых иностранцев в старых притонах вдоль набережной, скоро будут исчерпаны…

9

В ночь на 11 ноября 1928 года, не имея препаратов, которые могли бы защитить его от снов, Брайант Хоскинс наконец провалился в сон до рассвета. Он больше не мог противостоять желанию спать, но принял предусмотрительные меры, положив блокнот и карандаш у постели, чтобы после пробуждения записать сущность своих грез — практика, которой он придерживался уже некоторое время.

Заметка, найденная позже рядом с его постелью, нацарапанная дрожащей рукой так, что выглядит практически неразборчивой, гласит:

> Опять мрачная пустыня, темные небеса, сверхъестественные звезды! Ближе, чем когда-либо, я доплыл до самого портала каменной башни. Дверь вырисовывается передо мной, перемычка с надписью, выбитая в крошащемся камне… знаками, которые я не могу прочитать, но которые я видел на страшных страницах «Некрономикона».
>
> Сама дверь — массивная плита из камня, через которую я скольжу внутрь, сам

того не желая, как будто беспомощно переношусь каким-то невидимым течением силы. Безропотно я попадаю в темную камеру, чьи изможденные, голые стены украшены тканными гобеленами, изображающими отвратительные фигуры, возвышающиеся над пресмыкающимися голыми человеческими рабами.

У дальней стены камеры (которая холодна, как полюс, и пропитана нечистым зловонием) находится существо, или сидит на корточках, или сидит развалясь в древнем кресле из резного черного дерева. Более крупное и более тучное, для представителя человечества, его любопытно деформированные конечности и туловище обтянуты мантией из блестящего шелка. Под этими предметами одежды я ощущаю тело странно уродливое, возможно, с более длинными конечностями, чем обычно, или с конечностями, имеющими несколько суставов.

Лицо существа полностью скрыто за вуалью или маской из желтого шелка, через которую не просматриваются черты его лица. Но я замечаю, даже парализо-

ванный предельным ужасом, который словно заморозил мой мозг и волю, что шелковая маска странно шевелится и выступает в неправильных местах…

Я не хочу знать, как выглядит лицо Ламы Чо-Чо. Но, против моей онемевшей и замороженной воли, руки в моем сне сами поднимаются, чтобы сорвать маску…

Это были последние слова, написанные Брайантом Хоскинсом.

10

К середине ноября было обнаружено, что «Текст Р`льех», похищен с закрытых полок библиотеки Мискатоника, а также отсутствовал еще один том из завещания Таттла, известный как «Фрагменты Целено». В свете увлечения, которое испытывал к этим двум книгам Хоскинс, доктору Сайрусу Лланферу не составило труда выяснить того, кто присвоил эти две книги. Владелица дома, где жил Хоскинс, миссис Муллинс, вскоре рассказала о его домике в лесу; поскольку бесценные тома были законным имуществом Библиотеки, у доктора Лланфера не было другого выхода, кроме как проинформировать местные власти о краже.

Два констебля были отправлены на поиски похищенного имущества. Из-за сильных снегопадов они обнаружили, что проселочные дороги почти непроходимы, но сумели добраться до хижины.

То, что они нашли внутри, затем было заключено в Санатории Округа, надежно заперто в обитой камере. Оно смеется и воет, а иногда и плачет, но когда оно говорит, что происходит редко, оно повторяет одни и те же фразы снова и снова.

— …Лицо!..Лицо!..Те гнилые дыры, где должны быть глаза!.. розовый и извивающийся щупальцеобразный хобот там, где на лице должны располагаться нос, рот и подбородок… и смех, насмешливый и злобный, булькающий смех… Боже! Боже! Как можно смеяться без рта?

Существо в камере умерло следующей весной в начале марта 1929 года. Украденные книги были возвращены на закрытые полки библиотеки Мискатоникского университета, и очень редко доктор Лланфер разрешает даже образованным ученым консультироваться с ними.

Объясняет он это довольно просто: «Есть некоторые вещи, о которых человек не должен знать, и некоторые книги, которые человек не должен читать». Возможно, он прав, в конце концов.

Перевод: Р. Дремичев

Лин Картер
Неожиданный кошмар

Lin Carter «Perchance to Dream», 1988

1. Китайская аллея

Такси проехало мимо Четырнадцатой улицы и продолжило путь на юг, двигаясь между китайским кварталом и рекой. Эта часть города была темной и имела дурную репутацию — улицы были узкими, кривыми, уличные фонари тусклыми, тени более глубокими, людей все меньше, да и те, что были, двигались украдкой. Здесь обитали леванты и турки, португальцы, ласкары: отщепенцы из полусотни восточных портов. Магазинов становилось все меньше, а их вывески и окна украшали надписи на странных восточных языках. Только небеса знали, какие преступления совершаются в этих черных аллеях меж этих рушащихся многоквартирных домов…

Обо всем этом Паркеру Уинфилду было хорошо известно, и с каждым кварталом, пока такси увозило его все глубже в этот запутанный лаби-

ринт распадающихся трущоб, его беспокойство росло. Будь проклята эта пронырливая Муриель ван Вельт, предложившая назначить встречу в той части города, которой он всегда инстинктивно избегал, находящуюся вдали от роскошных клубов и модных, дорогих ресторанов, которые были его обычной средой обитания! А так же тот таинственный человек, этот искатель странных знаний и запретных мест, имеющий смелость жить в таком адском районе!

С набережной медленно наплывал туман, когда такси остановилось у зияющего прохода в один черный переулок, чей мрак был слабо рассеян одинокой лампой, которая горела над дверью на Левант Стрит.

— Вот, приятель, номер тринадцать по Китайской аллее, — объявил водитель такси. Паркер взглянул вглубь темного узкого проулка мощеного булыжниками с явным опасением.

— Ты совершенно уверен? — вздрогнул он. Водитель коротко кивнул.

— Конечно. Номер тринадцать по Китайской аллее, между Ривер Стрит и Левант. Это будет шесть семьдесят пять.

Уинфилд бросил ему хрустящую десятидолларовую купюру и вышел из такси.

— Как, черт возьми, я смогу вернуться? — раздраженно спросил он. Водитель пожал плечами и протянул ему карточку.

— Позвони в гараж, — если здесь есть телефон, — пробормотал он, бросив сомневающийся взгляд на тусклый свет, который сиял над дверью. Затем он уехал, туман закрутился серыми завитками за его машиной. Нерешительно Паркер Уинфилд поднял воротник своего дорогого пальто, чтобы противостоять сырости и ознобу, и вошел в темный переулок. Тусклый свет уличного фонаря осветил его черты, показав испорченного молодого человека с отпечатками распутного образа жизни на лице с бледными глазами и слабым нерешительным ртом, которые даже прекрасный загар не в состоянии был скрыть.

Дом был узким и маленьким, высотой в два этажа, втиснутый между двумя более высокими кирпичными домами. Дверь, неожиданно, оказалась тяжелой плитой из полированного дуба с крепкими петлями. На маленькой латунной табличке над дверным звонком было одно слово «Зарнак». Посетитель позвонил в колокольчик и подождал, жалея о том, что позволил Муриель ван Вельт уговорить его прийти сюда.

Дверь открыл высокий мужчина в тюрбане,

худой и стройный, его смуглое лицо имело ястребиные черты. Острые глаза были пронзительными, словно кинжалы, когда внимательно осмотрели Уинфилда с ног до головы.

— Вы мистер Уинфилд, — сказал человек в тюрбане на безупречном английском языке. — Входите, сагиб ждет вас.

Когда за ним захлопнулась дверь, и стальные болты скользнули на место, Уинфилд передал слуге шляпу и пальто, глядя на него с изумлением. Он представления не имел, что его может ожидать здесь, но, безусловно, не ожидал ничего подобного. В маленьком фойе была огромная бронзовая курильница на подставке из тикового дерева; тибетские картины висели на стенах, покрытых шелковой парчой; пышные персидские ковры укрывали пол под ногами.

Его пригласили пройти в небольшую комнату.

— Проходите, устраивайтесь поудобнее, сэр, сагиб примет вас через минуту, — сказал индийский слуга. Оставшись один, Уинфилд удивленно начал осматривать комнату. Мебель, очевидно, антикварной работы, стояла здесь и там, вся из тяжелого, полированного тика, инкрустированная слоновой костью или перламутром. У стен, завешанных дамасской парчой, стояли освещен-

ные шкафы, заполненные раритетами, среди которых находились этрусские, хеттские, египетские, греческие артефакты. Ковры под ногами были из древнего Испахана, выцветшие, но все еще прекрасные. Тонкий аромат подслащивал воздух, поднимаясь ленивыми синими завитками от ухмыляющихся челюстей медного кумира.

Книжные полки были заставлены сотнями научных томов; Уинфилд просмотрел их рассеяно, но они были на латыни, немецком и французском языках, с неизвестными ему названиями — «Unaussprechlichen Kulten», «Livre d'Ivonis», «Cultes des Goules».

Стол, также из старого резного тика, был завален ворохом бумаг, блокнотов, заставлен книгами в кожаных переплетах. Египетские похоронные статуэтки из синего фаянса, тяжелые скарабеи из аспидного сланца, шумерские таблички с клинописными надписями использовались как пресс для бумаг. Над столом висела дьявольская маска, раскрашенная алым, черным и золотым, она словно рычала со стены, символическое золотое пламя изрыгалось из ее клыкастого рта и расширенных ноздрей. Уинфилд разинув рот уставился на нее.

— Тибетская, — сказал тихий голос позади

него. — Она изображает Яму, Короля Демонов; в доисторической Лемурии ему поклонялись как Ямату, Владыке Огня.

Уинфилд вздрогнул от неожиданности и повернулся, чтобы взглянуть на своего хозяина, худого мрачного человека неопределенного возраста, одетого в золотой и пурпурный халат. Его кожа была желтоватой, его глаза были темными и чуть прикрытыми, его чёрные волосы украшало пятно — странная серебряная полоса, которая зигзагообразно опускалась от его правого виска.

— Вы Зарнак, я полагаю, — грубо выдохнул Уинфилд. Хозяин слегка улыбнулся. Сев за длинный, захламленный стол, он указал рукой на мраморный столик, на котором стояли резные хрустальные графины.

— По словам одного старого противника это звучит довольно неточно, я имею докторскую степень по медицине от Эдинбургского университета, докторскую степень по теологии из Гейдельберга, докторскую степень по психологии из Вены и докторскую степень по метафизике из Мискатоника, и мои гости обычно обращаются ко мне как доктор Зарнак. Пожалуйста, помогите себе с коньяком и расскажите мне, чем я могу вам помочь.

Вероятно, какое-то жуткое или ядовитое пойло, подумал Уинфилд, беря колоколообразный графин. Но с первого же глотка Уинфилду показалось, что он отпил жидкое золото.

— Имперский Токай, — пробормотал Зарнак, открывая записную книжку и доставая ручку. — Из подвалов покойного императора Франца-Иосифа. Итак: чем я могу вам помочь?

2. Город в море

— Все эти проклятые сны, понимаете, — начал Паркер Уинфилд, развалившись в кресле. — Всегда один и тот же проклятый сон, ночь за ночью… Я погружаюсь в море: сначала вода светло-зеленая, как яркий нефрит, затем стает темнее, как бирюза, а затем как малахит. Наконец, зеленый цвет стает настолько темным, что превращается в почти черный. Я… Я вижу огромные каменные блоки, покрытые водорослями, слизью и грязью. Есть центральное здание, какой-то храм; ядовитый зеленый свет сияет через портал, приманивая меня к нему…

— У этого города во сне есть название? — спросил доктор Зарнак. Тонкий рот Уинфилда скривился:

— Конечно! Но это скорее чепуха… Арлих.

Зарнак сделал заметку своим аккуратным почерком.

— Пожалуйста, продолжайте, — сказал он мягко. Уинфилд пожал плечами.

— Это действительно все, — признался он. — Кроме того, что во сне я ужасно боюсь! И каждую ночь я приближаюсь и приближаюсь к этому зеленому освещенному порталу… пока не просыпаюсь промокший в холодном поту. И потом, я слышу пение, знаете… какая-то проклятая восточная галиматья… чистое мумбо-юмбо…

— Вы можете воспроизвести это? — спросил Зарнак. Другой кивнул, слегка вздрогнув.

— Конечно, могу: я слышал эти бессмысленные слова достаточно часто… звучит как `фух, нуг, луис, маггле, ваффле, клул, ю, арлих, ваггле, наггле, фонг.

Он замолчал, прикрыв глаза.

— Вы, должно быть, думаете, что я сумасшедший! Все так думают. Точно так же сказал мне и мой аналитик, но это всего лишь кучка шарлатанов трущихся возле моего кошелька!

— Вы консультировались с врачом относительно ваших снов?

Уинфилд кивнул:

— Доктор Картрайт с Парк-авеню, семейный

врач, понимаете.

— Отличный человек, — пробормотал Зарнак. — Каким было его заключение?

Уинфилд резко засмеялся:

— Слишком много шампанского, слишком поздние часы, недостаточно упражнений, богатой диеты… такого рода вещи.

— Я помню, что когда вы позвонили, вы упомянули, что это мисс ван Вельт предложила вам обратиться ко мне? — задумчиво пробормотал Зарнак.

— Да, это была Муриель, — пробормотал Винфилд. — Я думал, что вы будете модным, дорогостоящим специалистом по нервам на Пятой авеню или Саттон-Плейс… почему ради всего святого вы живете в этом грязном районе? — неожиданно спросил Уинфилд.

Зарнак улыбнулся.

— Жители Ривер Стрит и его окрестностей знают, что не стоит лезть в чужие дела, поскольку каждый из них скрывает в своих сердцах свои секреты, и отсутствие любопытства в отношении своих соседей — отличный способ сохранить свою жизнь. Кроме того, у меня много ученых коллег среди азиатского населения здесь и, таким образом, доступ к таинственной и тайной инфор-

мации… но позвольте мне сменить тему, если можно. Вы упомянули нефрит и драгоценные камни, могу я предположить, что вы собираете древности или редкие минералы?

Паркер Уинфилд ухмыльнулся.

— Не я! Я почти ничего не смыслю в этом. Но мой дедушка, в своё время, собирал всевозможные странные вещи со всех концов света.

— Неужели! Ваш дед родился богатым или сам создал доход семьи? — спросил Зарнак.

— Дед? Он вел торговые дела в Китае, да и по всему Тихому океану — Индонезия, Каролины…

— Понапе? — осмелился добавить доктор Зарнак.

— Может быть. Не знаю, где находятся эти Каролины, но если в Тихом океане то, там точно был дед. Приволок домой кучу разного хлама. Он хранился годами, так как мы закрыли торговый магазин и продали его. Чудной был дед и его коллекции; я распаковал некоторые из них, теперь, когда открыл новые комнаты. Была одна дополнительная комната, в которой хранились все его коллекции, больше там ничего не было.

— Как интересно! Я бы хотел нанести вам визит, просто чтобы сравнить: одну антикварную коллекцию с другой. Могу ли я зайти к вам завтра

утром?

Уинфилд выглядел озадаченным.

— Я думал, вы подскажете какой-то верный способ избавиться от моих дурных снов, — пожаловался он. — Муриель говорила…

Зарнак сказал успокаивающе:

— Есть одна или две вещи, которые я мог бы попробовать, но мне нужна дополнительная информация. Я ничего не могу сделать в этот поздний час, и, кроме того, я ожидаю другого посетителя. Но позвольте мне позвонить вам завтра утром и изучить ваше место проживания. Возможно, в квартире есть что-то, что заставляет вас видеть сны о городе в море.

— Призраки, вы имеете в виду! — презрительно спросил Уинфилд. — Думаете, там водятся привидения, не так ли?

Зарнак развел руками.

— Кто может сказать, какой психический след могли оставить прежние жители? Я чувствителен к такой обстановке, дайте мне шанс помочь вам.

Он поднялся, коснулся звонка.

— Мой слуга проводит вас.

— Индус, не так ли? — спросил Уинфилд.

— Рам Сингх — раджпут, — ответил Зарнак. — Это царственный народ благородных воинов.

— Где же вы нашли такого слугу? Мой человек Руфус хорош, но я бы много дал за такого парня, как тот, что работает на вас…

Зарнак спросил без выражения:

— Вы когда-нибудь слышали об оборотнях?

Уинфилд уставился на него:

— Как в тех старых фильмах с Лоном Чейни, имеете в виду? Конечно! Но как это связано с Индией?

— В Индии есть тигры-оборотни, — сказал спокойно Зарнак. — Я смог спасти Рам Сингха от одного из них. Чтобы ответить на ваш вопрос, вы не сможете нанять раджпутского слугу, но вы можете заслужить свою пожизненную благодарность и верность. Раджпут выбирает своего хозяина, а не наоборот.

— Ваша шляпа и пальто, сэр, — сказал Рам Сингх у порога.

Когда Паркер Уинфилд ушел, Зарнак сел за свой стол, чтобы посмотреть свои заметки.

Спустя мгновение, под линией «тарабарщины», которую его гость услышал в песнопениях в своих снах, Зарнак написал точной рукой: «Ph'nglui mglw`nafh Cthulhu R'lyeh wgah`nagl fhtagn».

Под именем города, утонувшего в море, который Уинфилд описал ему, фонетически звучащем, как

«Арлих», он написал другое название: «Р`льех».

В дверях появился Рам Сингх.

— Сагиб, доктор де Грандин прибыл.

Радостное выражение появилось на его лице, когда Зарнак поднялся, чтобы поприветствовать своего старого друга.

3. Нечто с самого низа

В десять часов утра следующего дня машина остановилась перед модным многоквартирным домом на Пятой авеню, и вышел Зарнак с черным кожаным портфелем, без которого он редко покидал свой дом.

В дверях квартиры Уинфилда его встретил молодой чернокожий мужчина, аккуратно одетый в мрачный серый костюм, белую рубашку и узкий черный галстук.

— Я доктор Антон Зарнак. Думаю, мистер Уинфилд ждет меня.

Черный человек улыбнулся и открыл дверь шире.

— Конечно, мистер Уинфилд завтракает, не желаете присоединиться к нему?

Квартира была обставлена в хорошем современном вкусе, судя по всему, дорогим декоратором интерьера и не местным жителем. Мебель

была из светлого дерева в шведском современном стиле, а ковер был отличным Рья. Безделушки из полированного алюминия, картины, выполненные с помощью литографии[98].

Руфус — это, наверное, было его имя — проводил Зарнака на залитую солнцем кухню для завтрака, где он нашел Паркера Уинфилда, чье лицо было более хмурым, чем раньше, с бледными, окруженными красными кругами глазами, сгорбившегося за столом. По-видимому, молодой человек побаловал себя немного алкогольным напитком после отъезда из Китайской аллеи. Он махнул лениво рукой.

— Рад видеть вас, док! Угощайтесь… У меня сегодня не так много аппетита.

Зарнак осмотрел буфет: выбрал тонкий ломтик канадского бекона, английскую сдобную булочку с девонширским маслом и клеверным медом, яйцо по-флорентийски и попросил у слуги чашку черного кофе.

— Снова были те сны прошлой ночью? — спросил Зарнак у хозяина, который угрюмо кивнул,

— Хуже, чем когда-либо, док; я приблизился к тому адскому порталу ближе, чем когда-либо

---

[98] Примечания: 98

Литография — способ печати, при котором краска под давлением переносится с плоской печатной формы на бумагу.

прежде. Не знаю, сколько еще я смогу выносить это, прежде чем мои нервы будут полностью расшатаны. Думаете, вы сможете помочь?

— Я попробую, — сказал Зарнак.

После завтрака он попросил Уинфилда показать ему все. Квартира была роскошной, состоящей из восьми комнат, две из которых занимали повар и Руфус. С террасы открывался прекрасный вид на солнечный Центральный парк. Ни в одной из комнат Зарнак не ощутил, что холод пробирается по его нервам, что сигнализировало бы, благоразумно, о наличии злокачественных сил. Здание, как оказалось, было возведено не слишком давно, чтобы успеть приобрести психический остаток, который обычные люди называют «призраками».

Ничто из того, что видел Зарнак, не встревожило и не обеспокоило его, пока его хозяин не привел его в боковую комнату, где хранились реликвии деда Уинфилда привезенные им из южных морских путешествий. Комната была заполнена грубыми произведениями искусства, высеченными из камня или вырезанными из дерева. Большинство из них были, очевидно, антиквариатом и стоили значительных сумм денег. Зарнак очень внимательно осмотрел их.

Здесь были кусочки тканей с островов Тонга[99], украшенных странным рисунком, похожим на повторяющиеся пятиконечные звезды; любопытные лягушкоподобные идолы из дерева или камня с островов Кука; фигурки из долины реки Сепик в Новой Гвинеи с необычной кракеноподобной бахромой извивающихся щупалец; резные кулоны из раковин с Папуа, имеющие странную октопоидную форму; деревянные маски с Новых Гебрид с гривой корчащихся змей вместо волос; базальтовые изображения с острова Пасхи, являющие необычайно отвратительное сочетание лягушки и рыбы; и фрагмент лавового барельефа из Южного Индокитая, на всем этом взгляд Зарнака даже не остановился.

Его самые худшие подозрения были подтверждены. Мрачно продолжал он рассматривая экспонаты этой выставки, пока не нашел тот, который привлек его внимание. Он остановился перед ним, не спуская глаз.

— Уродливое существо, не так ли? — спросил Паркер Уинфилд, встав рядом. — Может мне стоит пожертвовать ими, от некоторых из них меня

---

[99] Примечания: 99

Тонга — официально Королевство Тонга, является Полинезийским суверенным государством и архипелагом, в состав которого входят 169 островов, из которых 36 населены.

просто бросает в дрожь.

— Я бы посоветовал вам так и сделать, — рассеянно пробормотал Зарнак. — И я мог бы порекомендовать Институт Санборн в Сантьяго, Калифорния, у них есть замечательная коллекция такого рода… искусства.

Изображение, на которое было направлено все внимание Антона Зарнака, похоже, было высечено из жадеита. Фигурка была около одиннадцати дюймов в высоту и изображала двуногое чудовище, задние лапы которого напоминали лягушачьи, передние конечности, поднятые в фактическом знаке угрозы, были покрыты присосками, перепончатые руки тянулись к зрителю. Головой изображения была извивающаяся масса псевдоподий или щупалец, среди которых можно было разглядеть один яркий глаз.

Символы, вырезанные на подставке идола, были на языке, который давно исчез из человеческого знаний; немногие люди на земле могли прочитать их. Зарнак был одним из немногих.

— Йтхогта, — выдохнул он.

— Это имя? — беспечно осведомился Уинфилд.

Зарнак мрачно кивнул.

— Я не думаю, что вам когда-либо приходилось заглядывать в книги покойного профессора Ко-

пеланда о доисторических цивилизациях Тихого океана?

Уинфилд усмехнулся.

— Только не я! К сожалению, я не любитель читать. Что такого в этом типе, что он вас так заинтересовал?

— Это нечто уникальное. Я хотел бы изучить его подробно. Могу я одолжить его на какое-то время?

— Ну… дорогой, не так ли?

— Бесценный, я должен сказать. Это, наверное, единственное в своем роде изображение на земле, к счастью для нас. По-моему мнению, вы будете спать гораздо спокойней без него и наслаждаться более здоровыми снами, — сказал Зарнак.

Уинфилд сомневался на этот счет; но все же разрешил, чтобы доктор Зарнак взял с собой это изображение и хранил его у себя, сколько пожелает.

— Дед говорил, что эта вещь была найдена местным ныряльщиком где-то в водах у острова Пасхи, — заметил он. — Может быть, было бы намного лучше, если бы она осталась на дне, а?

— Совершенно верно, — горячо сказал Зарнак. Он никогда не говорил более искренне в своей жизни.

4. Снов больше нет

Вернувшись на Китайскую аллею, Зарнак более внимательно осмотрел каменный образ. Он был сделан из серого камня, испещренного темно-зелеными пятнами, похожими на гриб или лишайник. Он взвесил фигурку, она был ненормально тяжелой, тяжелее свинца, гораздо тяжелее, чем любой минерал, что он знал. Фраза «звездный камень», мелькнула в его голове.

Зарнак обратился к книгам в своей библиотеке. Сначала он заглянул в тонкую, дешевую брошюру, которая носила название «Таблички Занту», и прочитал о «Великом Йтхогте», «Мерзости из Бездны», заключенном в тюрьму Старшими Богами в бездне Йхе. Затем он пролистал том фон Юнцта и нашел отрывок, который его заинтересовал:

Из отродий Ктулху только Йтхогта находится в месте, прилегающем к затонувшему Р'льех, потому что Йхе когда-то была провинцией Му, а Р'льех находился недалеко от затопленных берегов этого расколотого, ушедшего на дно континента; и Йхе и Р'льех расположены близко друг от друга, а так же среди не пронумерованных измерений, лишь три из которых известны нам.

Зарнак изучал каменный образ, используя некоторые научные инструменты в своей лаборатории. Казалось, что он обладает мощным электромагнитным зарядом — по крайней мере, при контакте с фигуркой увядали золотые листья электроскопа. Зарнак размышлял: такие изображения, как он знал, были принесены со звезд, когда земля была еще молода, они могут быть изготовлены из неземной и аномальной смеси камня и металла, что объясняет необычный вес объекта. То, что такие фигурки могут быть пропитаны мысленными волнами, которые можно записать на магнитную ленту, также было известно ему из его исследований. Был ли в этом секрет идола, или он каким-то образом служил передатчиком мысленных волн из логова ужасного родителя Йтхогты?

Все это время лягушкоподобная фигурка стояла на лабораторном столе, смотря вперед своим немигающим единственным холодным злобным глазом как у Медузы.

Фигурка необъяснимо казалась живой. Казалось, что этот серо-зеленый минерал наполнен жизненной энергией, и усики его слегка шевелятся, милосердно скрывая его отвратительный вид, казалось, фигурка мерцает, когда смотришь

на нее краем глаза.

Наконец, закончив свои заметки, Зарнак встал и подошел к стальному шкафу у дальней стены, верхний ящик которого он открыл маленьким ключом. Он достал оттуда поднос накрытый черным бархатом, на нем лежало множество интересных предметов в форме пятиконечных звезд. Некоторые из них были вырезаны из твердого минерала серого или зеленого цвета. Нижний ряд был из керамики коричевого цвета, обожженной в печи и покрытой глазурью. Эти последние были изготовлены для Зарнака его другом-скульптором в Сиэтле, и сам Зарнак освятил их, напитав силой, используя старую формулу, которую он обнаружил у Клитануса.

Задумавшись, он взвесил звездный амулет Старших Богов на ладони своей руки, в то время как его взгляд скользил по каменному изображению. Интересно было бы узнать, настолько статуэтка Йтхогты пропитала ум Паркера Уинфилда своим злокачественным и зловещим влиянием, и будут ли сны продолжаться даже без присутствия идола в качестве своего рода «проводника».

Так же интересно было бы узнать, что произойдет, когда один из звездных камней попадет в

физический контакт с фигуркой Извне…

* * *

Сон начался так же, как начинались все сны до этого: он медленно опускался сквозь светящуюся воду, которая тускнела и темнела вокруг него, превращаясь в самый кромешный мрак, освещенный только жутким изумрудным сиянием, исходящим от руин. Он смутно осознавал подавляющее давление со стороны многих тонн воды над ним, влажного холода, полной беспомощности…

Паркер Уинфилд чувствовал, как его тело плыло без его воли над мрачной картиной упавших каменных блоков, которые были покрыты бледной травой и толстым слоем слизи… крошащееся каменное здание было все ближе и ближе. Странное зеленое свечение набирало силу, пульсируя, как биение какого-то огромного сердца…

Теперь в своем сне он плыл вверх над покрытыми мхом грязными толстым ступеням из камня; и вскоре огромный портал предстал перед ним, огромная, немыслимая древность, скрывающая Бога, известного как ужасная ненормальность, как чудовищный обитатель глубин…

Портал открылся: пульсирующее зеленое си-

яние ударило Паркеру Уинфилду прямо в лицо, ослепив его, — затем все вокруг наполнилось нездоровым светом, и он попытался увидеть источник этого яркого сияния, которое, казалось, располагалось на огромном и странно угловатом кресле…

Затем вспышка яркого чистого золотого света очистила его сон!

Уинфилд проснулся, тяжело дыша, весь в холодном поту, его руки тряслись, как ветви ивы на ветру. Он осмотрелся вокруг диким и затуманенным взглядом, видя только свою собственную темную спальню, и больше ничего. Волна облегчения накрыла его, смывая остатки ночного страха,

Зазвонил телефон. Ватными руками Уинфилд схватил аппарат.

— Да?

— Это доктор Зарнак, — послышался знакомый голос. — У вас были снова те морские сны?

— Конечно, и еще хуже, чем раньше, хотя все закончились совершенно иначе…

Зарнак внимательно выслушал описание ночного кошмара своего клиента. Время от времени он делал небольшие, аккуратные заметки в блокноте на столе перед ним. Когда Уинфилд

закончил свой рассказ, он сказал:

— Очень хорошо. Я считаю, что изолировал и искоренил источник инфекции, если это можно так назвать. Вы больше не будете видеть сны, или, скорее, те сны, которые вы будете видеть отныне, будут только здоровыми грезами нормального сна… ах, да, еще минутку. Я с сожалением сообщаю вам, что жадеитовая фигурка из коллекции артефактов вашего деда получила серьезные повреждения во время процесса тестирования, и я не смогу ее вам вернуть. Да, очень хорошо. Вы отправите остальную часть коллекции в Институт? Прекрасно. Доброго дня вам.

Зарнак положит телефонную трубку, сделал последнюю заметку в своем блокноте, встал и тихо вышел из комнаты.

На асбестовой подставке поверх небольшого стального листа и фарфоровой пластины, на которой раньше был установлен жадеитовый идол, покоился теперь лишь звездный камень среди кучки тонкой серой золы. Резкий запах озона парил в воздухе.

Так было намного лучше… и случай этот, в конце концов, имел счастливый конец.

Перевод: Р. Дремичев

Лин Картер
Смерть во тьме

Lin Carter «Dead of Night», 1988

1. Номер тринадцать

Ниже Четырнадцатой улицы между Чайна-тауном и рекой простирается постыдная область загадочных, извилистых переулков, рушащихся многоквартирных домов, гниющих причалов и заброшенных складов, сгорбившихся в упадке. Здесь обитают человеческие отбросы тысяч восточных портов: индусы, японцы, арабы, китайцы, левантийцы, турки, португальцы. Когда-то эти темные и зловещие переулки и зловонные аллеи были полем битвы войн Тонга; это было во времена легендарного детектива Стива Харрисона, который в одиночку вершил закон и правосудие белого человека вдоль Ривер Стрит.

Те дни давно прошли — но Ривер Стрит мало изменилась с тех пор. Городское восстановление еще не затронуло разлагающиеся многоквартирные дома, и закон так и не смог закрыть притоны,

курильни и дешевые бары. Так же не изменилось скрытное многоголосое азиатское население, и мало кто мог догадаться, какие наркотики продаются в этих темных комнатах или какие преступления насилия и жадности совершаются в этих черных и забитых мусором аллеях.

Из-за всех этих вопросов Дона Тереза де Ривера чувствовала себя немного тревожно, и с каждым кварталом, когда такси увозило ее все глубже в запутанный лабиринт грязных трущоб, ее дискомфорт усиливался. Только неотложность ее миссии заставила ее рискнуть проникнуть в этот зловещий уголок города, вдали от тихих жилых улиц и прекрасных кафе, которые она часто посещала.

Туман наплывал с набережной, обматывая свои липкие завитки вокруг стен из гнилого старого кирпича и затемняя тусклый свет редких уличных фонарей.

Такси остановилось перед зияющим ртом черного переулка на Левант Стрит, и сумрак, который густо затенял узкую мощеную улочку, был слабо рассеян одиноким светом, который горел над дверью в нескольких шагах по улице.

— Все, леди. Номер Тринадцать по Китайской аллее, — объявил водитель, указывая большим

пальцем на тусклый свет. Про себя таксист задавался вопросом, что могло понадобиться такой красивой молодой испанской женщине в этом опасном районе. У нее были деньги, это было очевидно: ни одна женщина не носила столь дорогое платье с такой небрежной элегантностью, если у нее не было богатства, воспитания и вкуса.

— Вы уверены, что это тот адрес? — пробормотала девушка.

— Да, мэм, номер тринадцать, Китайская аллея, между Левант и Ривер Стрит. Это будет шесть-семьдесят пять. Дона Тереза дала водителю десятидолларовую купюру и отказалась от сдачи.

— Как мне выбраться потом отсюда?

Он протянул ей карточку.

— Позвоните в гараж, они пришлют такси, чтобы забрать вас.

С беспокойством, терзающим ее сердце, молодая женщина вышла из такси, которое поспешно уехало, лишь туман закрутился позади. Она вошла в темный зев переулка, осторожно пробираясь по скользким булыжникам. Свет, который был ее целью, горел над единственной дверью небольшого узкого двухэтажного здания, с обеих сторон к которому прилепились большие мно-

гоквартирные дома. Маленький дом выглядел бы давно заброшенным, если бы не тот свет над дверью. Стены из крошащегося кирпича были черными от обильной грязи, и окна слепо смотрели, как глаза, терзаемые катарактой, их стекла были мутными и покрытыми жирной копотью. Дона Тереза вздрогнула и поплотнее закуталась в меховую шаль от холода, доносившегося влажным воздухом от реки.

Дверь на удивление была внушительной плитой из твердого дуба. Маленькая медная пластина над колокольчиком гласила: Зарнак. Слегка поежившись, девушка нажала на звонок. Ей не пришлось долго ждать, прежде чем та бесшумно открылась на хорошо смазанных петлях.

В дверном проеме появился высокий мужчина, худощавый и стройный, в безукоризненной белой рубашке — какой-то индус, с его смуглым, ястребиным лицом и безупречной чалмой. Острые темные глаза, такие же острые, как кинжал, пристально взглянули на нее.

— Пожалуйста, входите, сударыня, — сказал индус с легким поклоном. — Сагиб ждет вас. Позвольте мне взять вашу шаль.

Машинально Дона Тереза вручила ему перчатки и мех, изумленно оглядывая фойе. Ни

окружающая дом местность, ни его внешний вид не смогли подготовить ее к внутренней обстановке. В фойе стояла огромная бронзовая китайская горелка для благовоний на подставке из тикового дерева; тибетские рисунки и картины украшали стены, которые были завешаны муаровым шелком. Пышные персидские ковры были мягкими и густыми под ногами.

Ее пригласили в небольшое помещение и сообщили, что хозяин выйдет к ней сейчас. Когда дверь тихо закрылась за высоким слугой, Дона Тереза огляделась, ее изумление лишь возросло. Всю свою юную жизнь она была воспитана в роскоши, но не такой как здесь. Мебель антикварной работы стояла тут и там, все из резного и полированного тика, инкрустированная вставками из перламутра или слоновой кости. Стены завешаны богатой парчой, вдоль них стояли освещенные шкафы, заполненные изысканными предметами старины — этрусскими, греческими, римскими, хеттскими, египетскими — достойными любого музея. Под ногами был расстелен великолепный исфаханский ковер невероятной ценности, поблекший от времени, но все еще прекрасный. Тонкий аромат висел в неподвижном воздухе, поднимаясь синими и ленивыми завитками из

улыбающихся челюстей серебряного кумира Восточной работы.

Книжные полки содержали сотни научных томов, чьи золоченые титулы были на латыни, немецком, французском языках — «Unaussprechlichen Kulten», «Liter d'lvon», «Cultes des Goules». Ни одно из названий не было знакомо ей, но они имели зловещий оттенок оккультного, ночного знания и философии.

Перед камином стоял письменный стол из тикового дерева. На нем лежало множество книг, рукописей и блокнотов, придавленных египетскими надгробными фигурками из голубого фаянса, огромные сланцевые скарабеи, вавилонские или шумерские таблички из обожженной глины с ровной клинописью. Над камином висела гротескная маска из резного и окрашенного в алые, чёрные и золотые цвета дерева. На ней было изображено отвратительное лицо демона с тремя яркими глазами и приоткрытыми челюстями, из которых вырывались окрашенные золотом завитки стилизованного пламени. Она смотрела на нее с изумлением, смешанным с отвращением, когда позади нее раздался тихий голос, поразивший девушку.

— Тибетская, — сказал голос. — Она изображает

Яму, Короля Бесов. Некоторые говорят, что ему поклонялись в доисторической Лемурии, как Ямату, владыке огня.

Девушка быстро обернулась. Ее хозяин был высоким, стройным, смуглым, с прекрасными чертами лица, столь же бледным, как старая слоновая кость. У него были гладкие, чёрные волосы, с бросающейся в глаза полоской, словно из чистого серебра, которая начиналась у правого виска и зигзагами опускалась к основанию его черепа. Темные глаза были слегка прикрыты, загадочны и задумчивы. Его возраст не возможно было определить. На нем был халат из черного шелка, украшенный извивающимися золотыми драконами.

— Я Антон Зарнак, — сказал он с легкой улыбкой, — а вы мисс де Ривера. Прошу вас, успокойтесь. — Зарнак взглянул на боковой стол, нагруженный хрустальными графинами. — Может, глоток бренди?

— Нет, спасибо, — девушка отступила, опустившись в глубокое кресло. Зарнак кивнул, садясь за стол. Он открыл блокнот и достал ручку.

— Чем я могу вам помочь? — спросил он.

2. Страх ночи

Дона Тереза заломила руки.

— Доктор, со мной ничего не случилось. Это мой дядя, Дон Себастьян де Ривера. Мы последние оставшиеся в живых представители старой калифорнийской семьи латиноамериканского происхождения. С тех пор, как умерли мои родители, когда я была еще ребенком, Дон Себастьян был моим опекуном и моим дорогим другом. Теперь он страдает от ужасной вещи — отвратительного проклятия — и поэтому я пришла к вам за помощью. Никто больше не сможет помочь; мой дядя запрещает это.

— В самом деле? И в чем проблема?

Дона Тереза опустила голову, скрыв блестящие темные глаза за густыми ресницами.

— Звучит смешно — он боится темноты.

Когда Зарнак ничего не ответил, молодая женщина продолжила торопливо говорить:

— Он не всегда был таким! Когда я была намного моложе, он владел огромными землями в южной Калифорнии, в округе Сантьяго. Он был владельцем ранчо, как и вся наша семья в течение многих, многих поколений. Он был высоким, сильным, настоящим человеком-львом, не боял-

ся ни бога, ни человека, ни дьявола.

— А теперь? — мягко спросил Зарнак. Девушка подняла на него выразительные глаза.

— Теперь он старик, хотя все еще в расцвете сил, — содрогающийся трус, который прячется от темноты; изможденный, привыкший к наркотикам, скрюченный — постаревший раньше времени. Сгорбившийся, словно под тяжестью какой-то страшной и безымянной вины…

— Вы говорите, что ваш дядя боится темноты. Вы можете уточнить?

Она нервно сцепила руки.

— Это был наш священник, именно он попросил меня навестить вас — отец Ксавьер…

— Я знаю его хорошо; отличный человек и прекрасный священник. Пожалуйста, продолжайте.

— Это началось около семи лет назад. В то время я была чуть старше ребенка. Вы должны понять, доктор: наша семья имела ранчо в десять тысяч акров еще со времен первых испанцев. Мы выращивали овец, крупный рогатый скот, зерно. Мой дядя был настоящим человеком-быком; я видела, как он убил гремучую змею голыми руками; однажды он убил гризли тем, что вы называете ножом Боуи. Никогда в жизни он не испытывал горечи страха, теперь же он сжима-

ется за закрытыми шторами, когда падает ночь, надеясь на огонь тысячи свечей, чтобы удержать ночь подальше от себя…

Зарнак ненадолго задумался.

— Ваш дядя обращался к врачам? К психиатру?

— Семейный врач назначил снадобья, тоники и длительный отдых. Мой дядя Дон Себастьян презирает аналитиков. Он считает их немногим более чем колдунами.

— Я немного больше, чем колдун, — с легкой улыбкой заметил Антон Зарнак. — Но, пожалуйста, продолжайте; расскажите мне больше. Любые детали, которые приходят на ум, могут помочь, подскажут ключ…

— Я думаю, что все это началось, когда мой дядя открыл старый индийский курган, который на протяжении столетий стоял на нашей собственности, все многие годы, что мы владели землей, — сказала Дона Тереза. — Я думаю, что он был построен племенем, называемым Мутсун, давно вымершим, по крайней мере, в Калифорнии. Именно после того вторжения в святыню древних мертвецов мой дядя начал меняться.

Какая-то настороженность мелькнула за бесстрастным взглядом Зарнака после упоминания о кургане Мутсун. Он сделал короткую записку в

блокноте своей маленькой аккуратной рукой.

— Было ли что-то интересное обнаружено в кургане? — спросил он. Девушка пожала плечами:

— Я не знаю, может быть, антрополог смог бы найти там вещи, представляющие интерес или ценность. Я полагаю, это была могила какого-то старого шамана Мутсун или доктора-призрака или медика, как вы бы его назвали. Мой дядя обнаружил глиняные горшки, разбросанные бусины, скорлупу, кости. Шаман хорошо сохранился, почти как египетская мумия. Но останки, как я помню, превратились в пыль, когда открыли могилу и туда проник воздух.

— Что-нибудь еще было найдено в этой гробнице?

— Ювелирные изделия из чеканной меди — серебряные браслеты с шипами, усеянные полированной бирюзой — был странный нагрудный кулон, вырезанный из черного вулканического стекла…

— Обсидиан? Это интересно, — прокомментировал Зарнак.

— Через несколько месяцев после вскрытия кургана, мой дядя начал проявлять особые стремления, чтобы избежать темноты. В течение года он внезапно продал всю нашу землю сопернику и

привез меня сюда на восток. Я надеялась, что мы переедем в Сан-Франциско, город, который мне очень нравится, но нет, мы должны были оставить просторы всего нашего континента между нами и нашим родовым домом. Мы сняли домик на прекрасной усаженной деревьями улице у бульвара Парка и с тех пор живем в уединении.

— Пока здоровье вашего дяди не пошло на убыль?

— За эти семь лет он сморщился и превратился в старика, хрупкого и страшного. Я уверена, это не физическое заболевание; семейный врач уверяет меня, что это всего лишь нервы. Как я уже упоминала, дядя отказывается консультироваться с психиатром. Даже со священником; я хороший католик, я надеюсь. Мой дядя безразличен к Церкви, он поддерживает ее, но редко посещает. Он не был на исповеди в течение многих лет, как я помню. Иногда я боюсь за его душу.

— Расскажите мне побольше о его страхе перед темнотой.

— Это звучит абсурдно и по-детски, не так ли? Но для него опасность реальна. В дневное время он достаточно нормальный, общается со мной, разговаривает, даже шутит. Но когда приближаются сумерки, дядя приказывает слугам закрыть

шторы над каждым окном и зажечь весь свет. Затем он уходит в свою комнату. Она защищена от тьмы мощными электрическими лампами, установленными таким образом, что ни в одном углу не прячется тень. Он ненавидит даже тени. И он постоянно боится отключения электроэнергии; каждая комната дома содержит десятки канделябров и фонарей со свежими батареями. Страшно видеть, как взрослый человек сгибается перед ночными страхами…

— Как ваш дядя проводит время?

— В исследованиях; он копается в старых, трухлявых книгах, он пишет ученым всего мира, он постоянно общается с большими библиотеками — честно говоря, сэр, у меня нет представления о природе его исследований. Мы никогда не говорим об этом, но он ужасно боится чего-то — словно мой дядя каким-то образом вызвал гнев какого-то демона тьмы и цепляется своими хрупкими руками за свет.

Зарнак сделал небольшую пометку в своем блокноте.

— Что стало с реликвиями, обнаруженными вашим дядей в индейском кургане? — спросил он тихо.

— Они все у него. Он держит их в своих ком-

натах. Он держится за них, кажется, бережет их, — сказала девушка.

— Я понимаю. Есть ли что-нибудь еще, что вы можете мне рассказать?

Дона Тереза задумалась на мгновение.

— Возможно, доктор, но независимо от того имеет ли это значение или нет — во всяком случае, до того, как дядя продал ранчо, к нам приходил священник. Он был чистой индейской крови и принадлежал к расе, являющейся потомками мутсун. Я никогда не забуду, как яростно он волновался, когда обнаружил, что дядя побеспокоил курган и вынес артефакты к свету — он был словно парализован от ужаса, как будто это было святотатство или раскрытие какой-то ужасной опасности.

— Был ли там какой-то из артефактов, который, казалось, достаточно сильно встревожил его? — спросил Зарнак.

Девушка подумала:

— Да, табличка или нагрудное украшение из черного обсидиана. Я помню, как он смотрел на моего дядю, пребывая в жутком шоке, и что он сказал. Это было: «Вы осмелились вынести эту вещь на дневной свет?», А затем он начал издавать своего рода индейскую песню, повторяя

одно имя или фразу снова и снова, покачиваясь в ритме звука.

— Вы можете вспомнить, что это была за фраза?

Молодая женщина вздрогнула:

— Я, конечно, могу! В то время это произвело на меня ужасное впечатление. Три звука, повторяющиеся снова и снова — Зу, Чи, Хан… Зу, Чи, Хан…

Зарнак сделал запись, затем встал и позвонил в колокольчик.

— Я навещу вас и вашего дядю завтра утром. Возможно, вам лучше не обращаться ко мне как к «Доктору», поскольку Дон Себастьян, по-видимому, отрицательно относится к такому; в то время как у меня есть докторская степень по психологии, я не практикующий аналитик. Лучше всего не возбуждать его эмоций. Представьте меня просто как антиквара и коллекционера-любителя древностей; вы, возможно, видели мою небольшую коллекцию, и это не будет ложью. Мой раджпутский слуга, Рам Сингх, вызовет вам такси. Доброго вечера.

Как только молодая женщина ушла, Зарнак внимательно изучил свои заметки с задумчивым выражением на своем желтом лице.

Под именем, которое она повторила, которое

он записал в блокноте, он добавил короткую приписку.

Зулчекуон?

3. Черная табличка

Несмотря на темноту, — для ночи было еще достаточно рано в это время года, — Зарнаку было не слишком поздно сделать несколько телефонных звонков. От друга-антрополога, который был экспертом в культурах американских индейцев, он узнал, что племя мутсун было связано с индейцами зуни, и что их культура была темной. Мало что известно об их убеждениях, поскольку они вымерли в Калифорнии, но они, как известно, боялись демона, которого называли Зу-Че-Куон — еще меньше было известно о самом этом темном демоне. Зарнак позвонил еще одному старому другу, который работал в штате библиотеки Мискатоникского университета в штате Массачусетс, и тот порекомендовал, чтобы Зарнак проконсультировался, если вообще такое возможно, с «Книгой Иода», для получения информации об этой демонической сущности. Сам текст был неправдоподобно редок, существует только один экземпляр, как известно, да и то лишь как перевод некоего Иоганна Негуса, — в

своем труде переводчик строго вычленил много страшных предметов, о которых, как он считал, будет милостью, если человечество останется в неведении.

Труд такой редкости не был в частной коллекции Зарнака, хотя здесь было много других туманных и запрещенных томов. Тем не менее, Зарнак достал огромный манускрипт, написанный несколькими разными руками на протяжении многих поколений, переплетенный змеиной кожей. Книга состояла из выдержек, скопированных из многих малоизвестных текстов, и одним из них была «Книга Иода». Цитаты были скопированы из единственной сохранившейся копии книги, хранящейся на закрытых полках Калифорнийской библиотеки Хантингтона, а переписчиком значился человек по имени Дентон, которого Зарнак знал много лет назад. Он прочитал:

> «Безмолвная Тьма обитает глубоко под землей на берегу Западного океана. Он не является одним из тех могущественных Древних, что пришли из скрытых миров и других звезд, потому что в таинственной темноте Земли Он всегда жил. Нет

другого имени у Него, ибо Он — конечная гибель и бессмертная пустота и Молчание Старой Ночи…»

Дальше продолжалось в том же духе; Зарнак читал, быстро проглядывая строки, пока в самом конце отрывка его внимание не привлекло одно место с внезапной жуткой угрозой:

«…Он порождает тьму в свете дня и черноту внутри самого света; вся жизнь, весь звук, все движение исчезают с Его пришествием. Иногда он приходит в затмении, и, хотя у Него нет имени, коричневокожие знают Его как Зушакона.

О Нем знали и в древнем Му, и в Ксиниане[100], глубоко под земной корой, там поклонялись Ему, вызывая при помощи звона маленьких ужасных колоколов, как говорил Эйбон. Он ни чего не боится, кроме света дня, который ненавидит, но даже искусственного света достаточно, чтобы заставить Его уйти туда, откуда Он пришел. Он — Приносящий Тьму, Ненавидящий день, а Уббо-Сатла — Его

[100] Примечания: 100
Ксиниан (Xinian) — другое название К`н-йан.

Отец. Как ползающий сгусток тьмы, и как извивающуюся ползучую тень, вы узнаете Его».

Заметка рукой Дентона поясняла, что последние восемьдесят девять слов этого отрывка были удалены из копии Библиотеки Хантингтона, и были найдены в цитатах Фон Юнцта, который, очевидно, имел доступ к неизмененному тексту.

Зарнак закрыл манускрипт и поставил его на полку, нахмурив брови в глубоком раздумье.

* * *

На следующее утро доктор Антон Зарнак отправился на такси в центр города, в резиденцию Дона Себастьяна де Ривера и его племянницы. Машина подъехала к красивому зданию на тихой улочке, украшенной старыми буковыми деревьями. Когда дворецкий, очевидно латиноамериканского происхождения, ответил на звонок, Зарнак назвал себя и был приглашен в освещенную солнцем комнату, где Дона Тереза ждала его.

— Мой дядя с минуты на минуту спуститься завтракать, — сказала девушка. — Вы ведь присоединитесь к нам?

— Только для кофе, — улыбнулся Зарнак. — Я

уже позавтракал. Я предпочитаю кофе черный, без сахара, пожалуйста.

Симпатичная мексиканская горничная по имени Кармелита прислуживала им. Серебряные блюда на подставках содержали пропаренный бекон, колбасы, омлет, поджаренные тосты. В охлажденном графине был налит свежевыжатый апельсиновый сок. Кофе был превосходной смесью колумбийских бобов.

Когда появился Дон Себастьян, Зарнак заметил, что хозяин дома находится в шоковом состоянии. Несмотря на свой возраст, этот человек был сморщенным, растерянным, его изможденные плечи были согнуты, как будто под невыносимым весом, на лицо он был бледен, раньше времени покрыт морщинами, глаза имел раздраженные и покрасневшие.

Дон Себастьян принял без комментариев информацию о том, что Зарнак был антикваром, интересующимся древними артефактами. Во время еды они разговаривали об артефактах американских индейцев. Хозяин дома казался патетически довольным своим посетителем, как будто до этого он был лишен нормального человеческого общества, не считая своей племянницы и слуг.

После завтрака Зарнаку показали частную коллекцию раритетов Дона Себастьяна. Здесь были некоторые прекрасные образцы серебряных изделий зуни, украшенные полированной бирюзой, миниатюрные тотемные столбики племен с северо-запада Тихого океана и экземпляры обработанных бусин, которые были бы гордостью любого музея. Зарнак невинно упомянул строителей курганов юго-запада и был, скрепя сердце, препровожден к артефактам, ради исследования которых он сюда и прибыл.

По большей части артефакты эти были безобидными: как сказала Дона Тереза, они состояли из глиняных горшков, керамических черепков, поясов из бисера и браслетов. Определенные мотивы в бисероплетении содержали зловещее значение для Зарнака, который не мало времени провел, консультируясь в справочных материалах по антропологии американских индейцев. Мумия в кургане определенно была поклонником темных подземных сил, это стало очевидным.

Черной таблички не было видно. В конце концов, Зарнак был вынужден поинтересоваться об обсидиановом кулоне, сказав (совершенно правдиво), что он слышал об этом как о нечто уникальном и любопытном. С очевидной неохо-

той хозяин показал этот странный предмет.

Он был неправильной формы, и вулканическое стекло, из которого он был вырезан, было странно тяжелым в руке, не естественно тяжелым. Держа черный кулон на свету, Зарнак обнаружил, что на нем высечен странный рисунок, напоминающий фигурку человека с капюшоном, окруженного раболепными, пресмыкающимися темными фигурами, жутко отталкивающего вида. Странные символы языка, неизвестного человеческой науке, окружали эмблему. Объект был уникален для опыта Зарнака, но он вспомнил еще один отрывок из «Книги Иода», который мог оказаться актуальным: «Сила и опасность скрываются в тех образах, которые Они принесли со звезд, когда Земля была только что сформирована…»

Доктор Зарнак увлек хозяина дома в разговор, крутящийся около изучения этой превосходной небольшой коллекции. Хотя изможденный, растраченный человек казался обезумевшим, даже слабым, его речь была последовательной, а его знание научных вопросов было необычным для любителя. Было очевидно, что его интеллектуальные способности не претерпели изменений. И тонкое знание Зарнаком медицины привело его к выводу, что все, что так глубоко тревожило

Дона Себастьяна, было ментальным, а не физическим. Не было никаких очевидных симптомов заболевания.

Зарнак попросил и получил разрешение от хозяина сделать рисунок резьбы с черной таблички. Позже, вернувшись в свою резиденцию в номер тринадцать по Китайской аллее, он изучал загадочные образы с недоумением, сверяя текст с текстами, имеющимися в его обширной библиотеке. Текст не было написан ни на языке Тсат-йо Старшей Гипербореи, ни на языке Наакаль первобытного Му, и не имел отношения к р'льехскому языку. Слабая вероятность того, что это могли быть символы древнего языка Акло, заставила доктора Зарнака ознакомиться с некоторыми текстами невероятной редкости.

Это исследование привело его в конечном итоге к копии книги Отто Достмана «Остатки забытых империй», опубликованной в Берлине в 1809 году издательством «Drachenhaus Press». В ней он обнаружил пресловутые «Таблицы Акло», и сравнил любопытные крючковатые и скошенные символы с теми, которые срисовал с черной таблички из кургана: они были одинаковыми.

В переводе он прочитал:

«Огради меня от Света, потому что Ночь — мой друг и День — мой враг, чтобы Зулчекуон не поглотил полностью тебя».

Затем он изучил те части «Livre d'Ivon», в которых описывается Властелин Тьмы, и внезапно осознал острую опасность, в которой Дон Себастьян де Ривера жил ежедневно после раскопок кургана мутсунского шамана

Свет — даже искусственный — держит Темного на расстоянии и не дает Ему обрушить свой гнев на смертных. Только в часы тьмы Он может нанести удар и убить, чтобы Самому отомстить за осквернение древних реликвий, которые никогда не должны были оказаться под светом яркого дня. Что за извращенная жадность заставила Дона Себастьяна цепляться за черную обсидиановую табличку, которая несла ему постоянную опасность все эти годы; и это в тот сезон года, когда чрезмерное злоупотребление электричеством, вместе с внезапными электрическими штормами, часто приводит к сбоям электропитания…

Взволнованный этими открытиями, которые казались зловещими, Зарнак позвонил в дом Дон Себастьяна и его племянницы. Какая-то неприятность на линии оставила их место жительства

временно недоступным для телефонной связи. Зарнак подошел к окну и отбросил тяжелые шторы: ночь упала, и небо было мрачным и серым, там мерцали молнии. Радио предупредило о внезапных и неожиданных электрических штормах, которые могут парализовать части города с кратковременной потерей электроэнергии в определенных районах.

Зарнак снял халат, надел пальто и взял тонкий черный чемоданчик, который он редко использовал ночью или днем. Затем он позвонил своему раджпутскому слуге и заказал такси.

4. Тварь тьмы

Машина, казалось, вечно пробивалась сквозь потоки плотного движения в центр города, и все это время серое небо, опухшее от серых грозовых туч, угрожающе наступало, и языки молнии мерцали в его темной массе. В любой момент один разряд может нанести удар по линии электропередач, что приведет к короткому, но смертельному для Дона Себастьяна отключению электричества.

Наконец такси остановилось перед внушительным фасадом резиденции де Ривера на тихой, усаженной деревьями улице Парк Авеню, и Зар-

нак выбрался наружу, поспешно оплатив счет водителю. Его повторный звонок в конечном итоге добился ответа, представшего в форме Доны Терезы. Ее блестящие глаза расширились при виде доктора Зарнака; она быстро открыла дверь.

— Все в порядке? — резко спросил он. Она беззвучно кивнула, затем объяснила, что предупреждения по радио о временном отключении электроэнергии привели ее дядю в исступление от страха и что все слуги зажгли множество свечей в его комнатах по мере возможности.

— Веди меня прямо к своему дяде, я умоляю тебя! Я должен взять с собой черную табличку, чтобы нейтрализовать ее…

Они поднялись по лестнице и вошли в комнаты, где жил Дон Себастьян. На каждой столешнице стояли серебряные канделябры, уставленные тонкими свечами, и все электрические лампы горели на полную мощность. Комната была настолько ярко освещена, что даже тени в дальних уголках были рассеяны. Сам Дон Себастьян был в ужасном состоянии, его руки дрожали, слюна собиралась по углам рта. Казалось, он почти не заметил присутствия Зарнака, настолько он был взволнован.

Кармелита и другие слуги отправились искать

дополнительные свечи в каком-то хранилище в подвале, когда Зарнак принялся умолять Дона Себастьяна позволить ему позаимствовать обсидиановый кулон в эту ночь, но обезумевший пожилой человек едва ли мог услышать слова своего гостя и совсем не обратил на них внимания.

И тогда это случилось.

Внезапно электрические огни ослабели и умерли. Дон Себастьян вскрикнул, как обреченная душа, и спрятался в углу. Дона Тереза подбежала, чтобы успокоить его, а Зарнак бросился к окнам и разорвал тяжелые занавески. Везде — и вверх и вниз по улицам — огни в окнах затухали, а уличные фонари гасли один за другим. Произошло временное отключение электроэнергии.

Порыв ледяного, зловонного воздуха пробился сквозь разорванные шторы, необычно суб-арктический для местной знойной температуры.

Свечи потухли все сразу, как будто были одновременно задуты неким гигантом!

Зарнак прыгнул к своему черному чемодану и открыл его. Он достал оттуда любопытный предмет, напоминающий волшебную палочку. Наконечник был трубкой из меди с сердечником из намагниченного железа, а стержень был с лю-

бопытным талисманом из серо-зеленого камня, похожим на пятиконечную звезду. Когда свет умер в густом мраке, слабое зеленоватое сияние замерцало и засияло вокруг звездообразного камня.

В одном из углов комнаты тени закружились, сворачиваясь и уплотняясь.

Холодный пот покрыл аскетическое лицо Зарнака. Он размахивал палочкой с камнем-звездой, яркость которой усиливалась, но когда он сунул палочку в облако извивающихся теней, темнота впитала тусклый свет, который не смог ее разогнать. Дон Себастьян вскрикнул!

Зарнак отчаянно посмотрел в открытое, незащищенное окно. Фомальгаут злобно сиял как тусклый глаз над горизонтом, едва заметный сквозь пелену мрака. Он попробовал своё последнее средство:

Йя! Йя! Ктугха!
Пх'нглуи мглв'нафх
Ктугха Фомальгаут
Н'гха-гхаа нафл тхагн
Йа! Ктугха!

Три раза он повторил грубые вокабулы этого странного заклинания, и все это время темная

тварь сгущалась и становилась все более реальной в дальнем углу комнаты, пока не стала достаточно осязаемой.

В это мгновение искры золотого огня замерцали в ткани бытия, как кружащееся облачко светлячков. Их яркость была мала, чтобы осветить непроницаемый мрак, но они согрели воздух. Затем раздался шорох гигантских невидимых крыльев…

Затем загорелись огни, ослепительные, яркие!

Отключение было лишь временным, слава богу. Кружащее облако бледных золотых искр исчезло, когда Зарнак освободил их. Тяжелый сгусток тьмы в углу сжался; Зарнак двинулся к нему, размахивая стержнем с камнем-звездой. Массивная тьма, которая была Зулчекуоном, исчезла, оставив только ледяной зловонный воздух.

Зарнак, взявший себя в руки, повернулся, чтобы увидеть Дону Терезу, которая опустилась на колени в противоположном углу комнаты, баюкая на руках неподвижное тело своего дяди, и плакала. Лицо у него было белое, как молоко, искаженное в отвратительной гримасе ужаса. Зарнак быстрым шагом пересек комнату, опустился на колени, быстро осмотрел замершую фигуру. Нет ни дыхания, ни пульса, ни сердцебиения; старик

был мертв.

* * *

Полиция прибыла с каретой скорой помощи и медицинским экспертом. Зарнак взял на себя задачу кратко объяснить, что Дон Себастьян страдал от невротического страха перед тьмой. Не было никаких признаков преступления. Медицинский эксперт диагностировал причину смерти как массивный сердечный приступ. Полиция была удовлетворена этим. Работники скорой помощи в длинных белых халатах поместили труп на носилки.

Наблюдая за ужасным выражением чистого ужаса проступившего на лице мертвеца, доктор пробормотал:

— Похоже, я должен записать это как «умер от страха».

Зарнак, который стоял, обняв дрожащую, рыдающую Дону Терезу, позволил себе маленькую, мрачную шутку:

— Нет, доктор. Я бы сказал «умер от мрака», — пробормотал он.

Перевод: Р. Дремичев

Лин Картер
Странная рукопись, найденная в лесах Вермонта

Lin Carter «Strange Manuscript Found in the Vermont Woods», 1988

ПРИМЕЧАНИЕ. Ранней весной 1936 года нижепредставленная рукопись была найдена похороненной в снежном сугробе в лесу к югу от деревни Таунсенд в округе Уиндем, штат Вермонт, местным фермером, неким Сетом Адкинсом. Когда мистер Адкинс сообщил о нахождении рукописи, которую он передал констеблю Гомеру Т. Уитлоу, он сказал, что обнаружил ее в кожаном чемодане, который был странно обгоревшим, словно от сильной жары, а так же покрыт пятнами, как от воздействия какой-то сильной кислоты, и черным слизким веществом, которое ужасно воняло. Он также добавил, что чемодан и его содержимое были не только погребены глубоко под тяжелым сугробом, но частично были утоплены в застывшей почве, как будто он упал с невероятной высоты. Весенняя оттепель, скорее всего,

обнажила от снега уголок кожаного футляра, что и привлекло внимание фермера.

Изучив содержимое портфеля, констебль Уитлоу нашел связку написанных от руки листов, исписанных аккуратным почерком, который в конце ухудшился до едва различимых каракулей, как если бы поздние части документа были написаны небрежно и торопливо, под давлением или принуждением. Кроме того, края нескольких рукописных страниц были опалены, словно они подвергались сильной температуре, а местами целые абзацы были утрачены из-за просочившихся капель подтаявшего снега.

Рукопись была написана по обеим сторонам листов бумаги с тиснением имени Уинтропа Хоага с его бостонским адресом. Вспомнив загадочное и до сих пор необъяснимое исчезновение некоего Уинтропа Хоага из хижины в лесу к северу от Аркхема, штат Массачусетс, всего три месяца назад, констебль отправил портфель и его содержимое вместе с сообщением об обнаружении шерифу округа Уилбуру Ф. Тейту в Аркхем. Под руководством шерифа Тейта рукопись была переписана так, как представлено ниже. Определенные слова и целые отрывки остались неразборчивыми, хотя и изучались специалистами по почерку.

Тайна остается неразгаданной и по сей день.

Журнал Уинтропа Хоага

Я прибыл в Аркхем в начале осени на поезде из Бостона и сразу отправился в адвокатские конторы мистера Сайласа Хардинга, который был адвокатом моего двоюродного брата Джареда Фуллера до его смерти или исчезновения семь лет назад, и который был хранителем его последней воли и завещания, в котором, как мне сообщало его последнее письмо, я был признан единственным бенефициаром его имущества.

Я обнаружил, что мистер Хардинг был изможденный, седой мужчина в темном костюме, который говорил приветливо, но с ярко выраженным говором янки. Проводив меня к креслу, он объяснил, что, поскольку срок ожидания, установленный законом в отношении пропавших без вести лиц, истек, имущество моего двоюродного брата стало юридически моим. Оно состояло из небольшой хижины, стоявшей на небольшом участке земли в лесу к северу от города, и ее содержимого, наиболее ценным из которого, вероятно, были некоторые старые книги, за которые можно выручить неплохие деньги, передав их в руки специалистов по редким книгам.

Адвокат сообщил мне, что хижина была заперта на висячий замок, а окна перекрыты ставнями и решетками. Он, по его словам, посетил эту недвижимость еще на прошлой неделе и с удовлетворением сообщил, что крыша не прохудилась, внутри сухо и само место было совершенно пригодным для жилья, если не считать нехватку определенных удобств для цивилизованной жизни.

— Там есть водопровод? — спросил я. Он лишь покачал головой.

— Слишком далеко от города для этого, сэр! Однако там есть выход на задний двор, где был вырыт приличный колодец. Стены кажутся надежными, вы получите достаточно тепла от печки Франклина. В сарае собран хороший запас высушенных дров под брезентом. Они вам понадобятся, приближается зима.

В своем ответе на письмо Хардинга, проинформировавшем меня о моем маленьком наследстве, я заявил о своем намерении пожить в хижине, несмотря на близость зимы, — а они могли быть жестокими и сильными эти зимы к северу от Аркхема, — потому что нуждался в уединении, чтобы подготовить заметки для моей магистерской диссертации. Он написал мне в ответ, настойчиво

настаивая на отказе от этой задумки по нескольким пунктам. Меня забавляло, что он повторил некоторые из них сейчас.

— Вы окажетесь в снежном плену, вы знаете, на целых несколько недель.

— Конечно, поэтому я запасусь консервами, кофе и всем необходимым в ближайшем продуктовом магазине, — сказал я мягко, немного утешая этим его.

— В Пайке есть общественный магазин, — неохотно признался он, — и автобус ходит между Данвичем и Аркхемом регулярно, кроме дней, когда случаются сильные метели. И все равно вынужден посоветовать вам посетить это место, забрать свою собственность и вернуться в Бостон…

Когда я спросил о причине таких слов, он пробормотал что-то о тех лесах, «имеющих не хорошую репутацию», и больше ничего не сказал. Когда он увидел, что я не сверну со своего пути, то протянул ключи после того, как потребовал чтобы я поставил свою подпись на нескольких документах.

— Вы найдете автобус до Данвича в конце Ривер Стрит, — сказал он коротко, отвечая на мою просьбу о том, как мне добраться до места. —

Остановка в Эйлсбери Пайк. Вам нужно выйти через две-три мили от Углов Дина, там есть почтовый ящик у дороги с именем «Хоаг». Имя написал на нем я сам, чтобы вы не ошиблись. Водитель знает, где вас высадить.

Я поблагодарил Хардинга и встал, чтобы уйти. Он придержал меня за руку.

— Хотел бы сказать еще несколько слов по этому вопросу, — сказал он низким голосом. — Глубокие Леса, куда вы направляетесь, имеют репутацию даже хуже, чем Лес Биллингтона[101].

И сказав это загадочное предупреждение, он позволил мне уйти.

* * *

Мы двигались на север и северо-запад от Аркхема, земля здесь была дикой и пустынной, густо заросшая корявыми и древними деревьями, с на удивление немногочисленными фермерскими домиками, которые можно было увидеть, по крайней мере, недалеко от Пайка. В автобусе было всего несколько человек, парочка неряшливо одетых женщин средних лет и старый фермер в

---

[101] Примечания: 101

Лес Биллингтона — см. Говард Филлипс Лавкрафт, Август Дерлет «Таящийся у порога»

грязном комбинезоне, поэтому я выбрал место рядом с водителем. Он оказался в настроении завести беседу.

— Не часто молодые люди как ты ездят этой дорогой, — сказал он, растягивая слова. — Из Бостона, ты говоришь; но разве Хоаг не старое Аркхемское имя?

— Да, это так. Было еще до Революции, в старые дни морской торговли.

— Слышал истории о капитане Абнере Хоаге, — заговорил водитель. — Я вспоминаю, что он торговал с Южными морями и Китаем.

Я сказал ему, что Абнер Эзекиль Хоаг был моим прямым предком.

— Моя ветвь семьи жила в Бостоне или около него начиная примерно с 1912 года, — сказал я ему, и он, казалось, заинтересовался родословной древнего Массачусетса. — Наша ветвь происходит от Хирама Лафама Хоага, который переехал в Лоуэлл, что недалеко от Бостона, в том году. Это был младший брат Зорада Этана Хоага, который до недавнего времени жил в Аркхеме.

По какой-то причине он замолчал и больше не возвращался к этому вопросу, а все мои разговорные уловки были в состоянии вызвать у него за время оставшегося пути лишь тихое бурчание

или покачивание головой.

Он высадил меня там, где была узкая грунтовая дорога — больше похожая на узкую тропку, — которая убегала между огромными старыми деревьями. Я двинулся вперед по тропе, и эти леса с каким-то напряженным чувством окружили меня, словно они возмущались вторжению человека в их древнюю область. Глубокие леса, как Сайлас Хардинг назвал их… как странно в этой гнетущей тишине на узкой тропинке, окруженной стеной высоких деревьев, звучало это зловещее название.

Хижина, которую мой кузен оставил мне в своем завещании, была довольно маленькой, но она казалась пригодной для жизни, несмотря на то, что обшитые досками стены были покрыты несколькими слоями краски. Она стояла посреди небольшой поляны, на участке обнаженной земли, и я не мог не заметить (с легким отвращением и даже тревогой), как пугающе близко к краю леса находится это покинутое жилище. Эти чувства я решительно отверг; я всегда был необычайно чувствителен к атмосфере одиноких лесистых мест.

Зайдя внутрь, убрав решетки и открыв ставни, я обнаружил, что интерьер сух и чист. Здесь

была небольшая армейская кроватка, аккуратно сделанная, шаткий стол с деревянным круглым стулом, стоящим перед ним, и даже вязаный коврик перед старой железной печью. Они и пустой деревянный ящик были всей мебелью хижины: «без определенных удобств для цивилизованной жизни», как справедливо заметил юрист Хардинг.

Тем не менее, я подумал, что мне будет удобно здесь, даже в середине зимы. На стене были полки с оловянными тарелками и чашками, редкая посуда, дешевая и истертая, кофейник, два или три горшка и сковородка. Я даже обнаружил консервный нож из дешевого магазина, висящий на крючке на полке. В углу однокомнатной хижины я обнаружил лампу в исправном состоянии, хотя баллончик для керосина, который подпитывал ее, оказался пустым.

Распаковав свою одежду, книги и документы, которые водрузил на стол, я вышел на улицу и обнаружил что вода в колодце здесь свежая и чистая, а в деревянном сарайчике — хороший запас напиленных и наколотых дров, сложенных в поленницу, достаточно сухих, как обещал Хардинг, вместе с ржавым топором для колки, если такое потребуется.

Во второй половине дня я отправился в Эйлсбери Пайк и зашел в маленький общественный магазинчик, который заметил еще из автобуса. Он стоял на окраине Углов Дина, и хозяин был рад продать мне нужные мне товары. Поскольку я должен был экономить — моих денежных средств было мало, а в завещание моего двоюродного брата Джареда не говорилось ни о каких деньгах, — я набрал консервированной свинины и фасоли, отложил банки с домашними персиками, коробки с крекерами, молотый кофе, кетчуп, соль и несколько других необходимых вещей, вместе с табаком для трубки.

Лавочник, старый, высохший, жилистый обитатель лесной глуши по имени Перкинс, оказался полезным, но очень любопытным в отношении того, что я делал «в этом лесном захолустье». Когда я сказал ему, что я двоюродный брат Джареда Фуллера и унаследовал его хижину в лесу в миле или две к северу, он недоверчиво уставился на меня.

— Фуллер, вы сказали? Не в «Глубоких лесах»?

— Да, я боюсь, что так, — улыбнулся я. Он бросил на меня странный, почти испуганный взгляд.

— Зачем, разве вы не знаете что здесь намного хуже, чем в Лесах Биллингтона, что к югу отсю-

да? — спросил он шепотом, словно боялся, что его услышат, хотя в общем зале не было никого, кроме него и меня.

Я покачал головой.

— Леса Биллингтона… я что-то такое слышал, но никак не могу понять что это, — признался я.

— Вы когда-нибудь слышали историю о парне по имени Амброз Дьюарт? И еще об одном, человеке по имени Стивен Бейтс — тоже из Бостона, как и вы, но более крупный? — выдохнул он.

Я почувствовал, как легкий холодок пробежал по моей коже. Дьюарт… Бейтс… конечно же, я читал о них в некоторых сенсационных газетах одиннадцать или двенадцать лет назад…

Я неохотно покачал головой, не в силах вспомнить детали. Когда я спросил, что Перкинс знал об этих двух людях, он стал столь же откровенным, как и молчаливый водитель автобуса. Все, чего я смог добиться от него, заключалось в том, что мои «товары», будут доставлены мне «незадолго до захода солнца».

* * *

В тот день уже поздно вечером стало холодно и сыро, поэтому я принес охапку наколотых полешек и развел огонь. Пока я набирал дрова и

занимался разжиганием печки, я заметил полку, укрепленную на задней части сарая, и ветхий старый чемодан из облезлой и отслаивающейся кожи, который стоял на ней. Я задался вопросом, не может ли он содержать «книги и документы», кузена Джареда, на которые ссылался Сайлас Хардинг. Поскольку я нигде в хижине не обнаружил их, это, вероятно, было так.

Я решил посмотреть содержимое чемодана позже.

На закате я услышал сигнал со стороны дороги на Пайк. Я вышел посмотреть и обнаружил, что старая модель «T Ford», была припаркована у начала тропинки, с морщинистым, изможденным водителем в изношенном комбинезоне за рулем.

— Ваше имя Хоаг? — проворчал он. Когда я ответил утвердительно, он жестом указал мозолистым пальцем себе за спину.

— Продовольственные товары там, — огрызнулся он. Это означало, что я сам должен нести их.

Я ожидал, что жители местных деревень будут подозрительны, недружелюбны, и до сих пор все мои ожидания, безусловно, были оправданы.

Вернувшись в хижину, где теплый огонь горел в печке, я почистил и заправил лампу, подрезал

фитиль и зажег ее, потому что сумерки быстро наступали в это время года, и темнота была уже не за горами. Я вымыл горшки и посуду водой из своего колодца и начал разогревать еду на печке. После обеда я удобно устроился с кружкой горячего черного кофе и моей трубкой и начал разбирать свои заметки и ссылки при желтом свете потрескивающей лампы. Это была уютная деревенская картина, напоминающая о колониальных временах, и в хижине было тепло и комфортно, хотя с наступлением темноты поднялся ветер и начал жутко стонать в черных ветвях, к которым упорно цеплялись пожухлые листья, сопротивляющиеся осеннему холоду.

Когда огонь превратился в пылающие угли, я надел тяжелую куртку и вышел, чтобы принести больше дров из сарая. На этот раз я сделал еще одну ходку, чтобы достать старый чемодан. Я устал от своей работы и хотел немного поразмышлять над другими вопросами; кроме того, мне было немного любопытно узнать, какие «старые и редкие», книги мой кузен завещал мне.

В чемодане я обнаружил около десятка томов, в основном обернутых в кожу, шелушащуюся от времени, с пожелтевшими страницами. Они были, безусловно, очень древними, но

поскольку большинство из них были на французском, немецком или латинском языках, я мало, что мог узнать из них, так как не владел этими языками. Во всяком случае, они вызывали плохое предчувствие и не особенно интересовали меня, особенно с такими названиями, как «Unaussprechlichen Kulten», «De Vermis Mysteriis», и «Cultes des Goules».

Однако две из них оказались на английском языке. Одной была тонкая брошюра в переплете из искусственной кожи, опубликованная в частном порядке в 1916 году коммерческим типографией в Сан-Франциско. Она содержала «тревожный и предполагаемый», перевод профессора Гарольда Хэдли Копеланда «Табличек Занту», которые он, по общему мнению, обнаружил в могиле «доисторического», шамана где-то в мрачном и таинственном сердце Азии. Я слышал о «Табличках Занту», поскольку книга эта была печально известна во времена моего детства и была осуждена прессой и кафедрой, и, наконец, как я помню, официально запрещена.

Зная то немногое, что я знал о «Табличках Занту», я предположил (правильно, как выяснилось), что в других книгах речь идет об оккультизме и демонологии — предметах, которые меня ни-

сколько не интересовали.

Заглянуть в другую книгу на английском языке я решил, чтобы подтвердить мое предположение, потому что это была старая рукопись, написанная тонким неразборчивым почерком и, судя по всему, пером, она носила причудливое, но зловещее название: «О злых чарах, совершенных в Новой Англии демонами не человеческой формы». На книге не было ни даты, ни имени автора, и рукопись, по-видимому, была неуклюже собрана руками переплетчика-любителя. Я просмотрел ее, не найдя ничего, кроме уродливых, суеверных деревенских сплетен о больном уме, — другой Коттон Мэзер, скажете вы. В Аркхеме и Салеме было много таких «богобоязненных», (так называемых) охотников за ведьмами в старые добрые времена. Я отбросил книгу в сторону.

На самом дне чемодана я нашел сверток помятых листов бумаги, исписанных рукой моего кузена. Они были озаглавлены: «Дневник Джаред Фуллера»: 1929 год.

Я просмотрел начальные страницы и остановился, чтобы внимательно прочитать запись, настолько заинтриговавшую меня, что я копирую ее текст в своем журнале.

Из Дневника Джареда Фуллера

4 сентября. На закате, или вскоре после этого, когда созвездие Персея поднялось в небе, снова услышал звук песнопений из леса на каком-то животном языке, который не может исходить из человеческих губ. Раздавалось ли это из «мертвого места», в Глубоких Лесах, где лежит Великий камень, или дальше? Снегопад опять скроет от меня следы поутру. Снова я напрягался, чтобы разобрать хоть что-то из воющего, хрюкающего, тараторящего языка, но одно слово или имя повторялось очень часто: Оссадогова, вслед за которым всегда следовало (как в некотором литургическом ответе) второе дикое имя или что-то похожее: Звилпоггуа. Эти лесистые холмы стали домом для дьявольских-культов и колдунов давно, бог знает, а так же для жестоких индейских тайных обществ еще до того, как первые белые поселенцы появились в этих землях. Разумеется, в округе нет индейцев, но сельские жители здесь невежественные, суеверные, имеют близкородственные связи, вырождающиеся, а старые убеждения живут и с трудом умирают.

8 сентября. Наконец, пообщался с молодым

Уилмартом из Мискатоника, который является восторженным любителем фольклора этого региона. Говорит, что некоторые индейские племена в этом регионе, которые давно ушли (нансеты, вампанауги и особенно наррагансетт), поклонялись — или, по крайней мере, знали заклинания призыва — небесному дьяволу, которого они называют Оссадогова; не имя, а название, кажется: «Сын Садоговы», — кем бы он ни был! Пришлет мне фотокопии (неразборчиво) на следующей неделе, если будет такая возможность. Предлагает обратиться к торговцам редкими книгами в Салеме, Бостоне, Провиденсе, чтобы получить копию того, что называется «О злых чарах, совершенных в Новой Англия демонами не человеческой формы», которую он читал много лет назад и которая рассказывает об индейских культах дьяволопоклонников.

Песнопения звучат снова после наступления темноты. На этот раз спрятался в подлеске на краю поляны: звериные ворчания и захлебывающиеся вопли действительно раздаются из «мертвого места», где лежит Камень. Был в состоянии разобрать некоторые из слов, но они не относятся ни к одному человеческому языку, о котором я знаю. Вот что я смог разобрать за

воем ветра:

> *Eeeyaah! Eeeyaah nughun nuh-nuh-guy guy eeyaah*
>
> *eeyaah nug-hi eniah eniah zhoggoh ffthaghun…*

17 сентября. Сегодня совершил поездку в Аркхем, но Уилмарт отправился в пеший поход. Помощник библиотекаря в Мискатонике отказал мне в доступе к любому из старых текстов, которые указал Уилмарт, будь он проклят! Однако позволил мне просмотреть вырезки местных газет, «Аркхем Адвертайзер», в частности, с 1921 по 1922 годы. Литературный редактор слышал пение в лесу на севере; таинственное исчезновение местных жителей по имени Лью Уотербери и Джейсона Осборна; тело Осборна позже обнаружили. Вскрытие проводил судмедэксперт округа и выдал в заключении, что труп подвергся «сильным изменениям температуры», и «упал или был сброшен с большой высоты». (Упал откуда? Сброшен… откуда?)

Состояние этого трупа было ужасно похоже на тело, которое я нашел в лесу и поспешно похоронил из-за ужасного зловония, которое не было следствием разложения человеческой

плоти. Должен был сообщить полиции, я знаю, но труп был разорван так, что невозможно было идентифицировать его. Отмечу, что похожая «вонючая черная слизь», была обнаружена на трупе Осборна.

Мои глаза устали от напряжения читать в тусклом свете лампы, поэтому я отложил рукопись Джареда в сторону, тщательно отметив последний абзац, который прочитал, и лег спать.

Но как это ни странно, еще долго не мог уснуть.

* * *

Когда я отложил все и лег на узкую жесткую кровать, мне пришло в голову, что мой кузен Джаред потерял разум. Это, конечно, объяснило бы многие из более чем странных аспектов того, что я прочитал в его дневнике: песнопения из глуши Глубоких Лесов, обнаружение и погребение разорванного и искалеченного трупа, его намеки на жуткое знание. Пусть мы мало знали друг друга, но это казалось маловероятным, поскольку он всегда казался стабильным и в высшей степени нормальным.

Я постарался проигнорировать эту проблему и попытаться уснуть. Но сон не приходил. Во-пер-

вых, звезда Алголь сияла, как зловещий зеленый глаз, через окно, которое я закрыл от холода ночи, но не захлопнул ставни. Ее необыкновенно яркий, изумрудный свет, казалось, проникал сквозь мои закрытые веки, как какой-то неземной прожектор Из-за Предела…

Когда, наконец, дремота навалилась на мой уставший ум, и я начал тонуть сквозь слои теней, я все еще не обрел того покоя, которого искал. Когда я парил между бодрствованием и сном, мне показалось, как слабый и отдаленный поток ритмичного звука, похожий на глухой шум прибоя или далекого песнопения, тревожит мой покой. Это, конечно, было абсурдно, поскольку леса, как я уже отмечал, были ненормально молчаливыми, и даже ветер словно умер. Наконец, к рассвету я проснулся, не отдохнувший и не посвежевший.

Именно тогда мне показалось странным совпадение.

Алголь — звезда в созвездии Персея…

* * *

После скудного завтрака, чувствуя необходимость в свежем воздухе и желание немного размяться, прежде чем снова вернуться к разбору своих заметок, я решил прогуляться по лесу. Меня

особенно интересовало обнаружение бесплодной поляны, о которой мой двоюродный брат написал в своем дневнике, и «Великий камень», который лежал на ней. Надев зимнюю одежду и допив свой горячий черный кофе одним глотком, я вышел из хижины и направился в лес, двинувшись наугад, так как не знал, в каком направлении нужно идти, чтобы найти место, о котором рассказывал в своих бумагах мой кузен.

Эти леса явно отличались от любых в Новой Англии, по крайней мере, тех, где я побывал. Во-первых, все огромные, скрипучие деревья казались неестественными, даже ненормальными на вид. В любом лесу можно найти новые молодые деревья, рождающиеся из плодородной мульчи, а также скелетные и трухлявые останки упавших стволов деревьев. Но здесь было не так, в этих Глубоких Лесах: не было видно никаких молодых деревьев; как будто какой-то необычный источник жизни и энергии продлевал жизнь этих древних деревьев, беспредельно сверх их природного срока существования.

С другой стороны, эти леса были странно, даже нездорово, тихи. В это время года я ожидал, что подлесок будет заполнен кроликами и бурундуками, полевыми мышами и белками, носящимися

по хрустящим сухим листьям, занимаясь своими заботами и делами. Но не так было здесь, в Глубоких Лесах, где царила нездоровая тишина и явно странное отсутствие маленькой жизни…

Я внезапно натолкнулся на поляну и сразу понял, что это было то самое «мертвое место», описанное Джаредом. Земля под ногами стала внезапно обедневшей, здесь ничего не росло, кроме редкой, нездоровой, ломкой травы, которая поднималась из тошнотворных пятен, как будто почва под ней была либо ядовитой, либо, по той или иной причине, враждебной к живым существам.

Здесь, в самом центре небольшого открытого пространства, окруженного стеной изможденных черных деревьев, лежал наполовину похороненный в голой земле огромный, прямоугольный камень, несомненно, «Великий камень», о котором упоминал Джаред. Я подошел ближе, чтобы рассмотреть его: в то время как стволы деревьев, между которыми я проходил, были покрыты слизкой плесенью, мхами и лишайниками, огромный имеющий форму кирпича камень был полностью лишен этого, как если бы был очищен трудолюбивым руками.

Добавилась еще одно неестественная вещь к

виду Глубоких Лесов, с тревогой подумал я про себя.

Камень этот был около десяти футов в длину и примерно три с половиной фута в высоту и ширину, хотя невозможно было точно определить высоту камня, так глубоко погрузился он в мертвую землю. Что касается состава, то он был из серого гранита, который довольно часто встречается в этих местах, доставленный сюда ледниками эоны назад, когда эти огромные змеи древнего арктического льда медленно ползли по всему континенту.

В самом центре верхней поверхности я заметил странную фигуру, судя по всему, вырезанную в камне, как барельеф. Я должен был подняться на сам камень, чтобы осмотреть его вблизи, и некие остатки холода ночи, еще не изгнанные слабым теплом дневного света, резко и жестоко попытались проникнуть сквозь мои толстые перчатки и тяжелые брюки, чтобы ранить плоть жутким почти неестественным холодом.

Резьба была выполнена на удивление искусными руками — она была попорчена природой и была очень древней, но настолько глубоко древние инструменты вгрызались в непокорный гранит, что форма, созданная ими, была до сих пор

отчетливо видна. Это было гротескное чудовище, крупная, тучная, жабоподобная тварь с раздутым брюшком и огромными когтистыми ногами, но не имеющая передних конечностей, которые, как можно было ожидать, такая жабоподобная тварь могла бы иметь. Искусство древнего скульптора было достаточно тонким, чтобы можно было различить даже перепонки между пальцами задних ног твари. От точки вдоль спины, между лопаток прорастали ребристые крылья, как у какой-то чудовищной летучей мыши или одной из фантастических летающих рептилий сауриан-ского века, которые предшествовали появлению млекопитающих. Лица у него не было, но из передней части его скошенной, разбухшей и деформированной головы прорастали скользкие и змеевидные усики, как извивающиеся локоны какой-то отвратительной Медузы.

Я подавил непроизвольную дрожь отвращения; тем не менее, я не мог не восхититься мастерством безымянного скульптора, наделившего это ужасное отродье своего отвратительного воображения настолько реалистичными чертами. Это было почти так, словно скульптор работал с живой моделью.

* * *

Вернувшись домой после прогулки по лесу, я почувствовал что у меня нет никакого желания снова заняться скучной работой по организации моих заметок и провел оставшееся время перед обедом снова просматривая дневник моего кузена.

Из дневника Джареда Фуллера

22 сентября. Сегодня получил от Уилмарта фотокопии отрывков из «Книги Эйбона», которые, по его мнению, будут мне полезны (или «Liber Ivonis», я должен сказать, поскольку страницы взяты из латинской версии, сделанной Филиппусом Фабером). Моя латынь не очень хороша, мне потребуется некоторое время, чтобы перевести их на сносный английский.

В той же почте, удача, была и редкая копия рукописи под названием «О злых чарах и т. д.», за которую я заплатил скряге-торговцу из Салема довольно высокую цену. Соответствующие отрывки слишком длинные, чтобы процитировать их в моем дневнике, поэтому я просто отметил их [здесь следуют номера страниц, которые,

несомненно, имели отношение к манускрипту, который я уже нашел в коллекции моего кузена; я решил посмотреть его позже и продолжил чтение — У.Х.], но они оказались очень информативными.

Песнопения, слышимые в лесу последней ночью, стали яснее, чем раньше. Морозный воздух этой довольно ранней зимы, очевидно, позволяет свободно разноситься звукам на далекие расстояния. Я снова отправился в лес и обнаружил на недавно выпавшем снегу эти ужасно огромные, хорошо различимые следы какого-то невероятно огромного Зверя и брызги вонючего черного ихора, издающие аромат неописуемого гниения.

И мои сны стали еще хуже…

Испытывая отвращение, я отложил рукопись и долго сидел так, с унылым видом, размышляя о том, что я прочитал, и пытаясь соединить некоторые части этой странной головоломки. Наконец, я выудил из кучи трухлявых книг манускрипт, решив обратиться к тем страницам, которые отметил мой кузен. И я прочитал:

…дал очень любопытное и Подробное Описание, говоря, что это иногда выглядело как большая жаба, но иногда как огромная и неясная, бесформенная тварь, но с Лицом, из которого

вырастали Змеи. Имя ему было Оссадогова, которое означает «Дитя Садогова», [и здесь мой двоюродный брат написал на краю «Тсатоггуа?»], который считается Страшным Духом, как его называли в древности, когда он сошел со Звезд, и которому поклонялись в Северных Землях. Вампанауги, нансеты и наррагансетт знали, как призвать Его с Небес, но никогда не делали этого из-за того, что Это само Великое Зло. Они знали, как поймать и пленить Его, но не могли отправить обратно, откуда он прибыл. Было сказано, что лишь древние Племена Ломаха [здесь мой двоюродный брат написал еще одно толкование: «Ломар?»], которые обитали под Великим Медведем и были в древние времена уничтожены за их Злость, знали, как управлять им во всех смыслах. Многие амбициозные Люди ссылались на Знания этих и различных других Внешних Секретов, но никто из них не мог дать никаких доказательств того, что они действительно обладали вышеупомянутым Знанием. Как говорили некоторые, Оссадогова часто возвращался на Небо без какого-либо отправления, но вернуться не мог, пока кто-нибудь не вызывал его.

Я закрыл переплетенный том и вернулся к рукописи Джареда, но не нашел ничего, что я мог

бы понять, кроме серии загадочных и (для меня) бессмысленных набросков:

1. Ломар. Квазимифическое древнее место на крайнем севере. Если поклоняются в Ломаре, возможно так же в Зобне и Гиперборее?
2. Дитя. Если отродье Тсат., значит, известен в Гип.? Тсат. когда-то поклонялись там. См. «Lib. Ivonis».
3. Элементал. Арктический регион говорит о стихии воздуха, как Итакуа, Хастур. Но Тсат. относится к стихии земли, как написано в «Cultes des G.».
4. Необходимо перевести отрывки из «Эйбона», сейчас же.

В ту ночь после очередного скудного ужина, я сидел, выпивая кружку за кружкой горячего черного кофе, ожидая, когда Персей поднимется над горизонтом, решив узнать, были ли некие звериные вопли, которые я, как мне казалось, слышал прошлой ночью, реальностью или порождением сна. По какой-то причине мне пришло в голову достать фитиль и задуть лампу, чтобы хижину поглотила тьма.

Я поставил свой стул перед окном. Когда по-

явились знакомые мне созвездия, я приоткрыл окно, несмотря на холодное дыхание ночного воздуха, и внимательно слушал. Долгое время я не слышал ничего необычного, только стон ветра, запутавшегося в голых черных сучьях деревьев, и привычный треск умирающих углей в печке Франклина.

Внезапно моих ушей достиг звук многих отдаленных голосов, издающих ритмичное дикое пение. Я напрягся, чтобы различить слова этого песнопения, но не мог четко их разобрать. Они казалось не имели отношения ни к одному языку, о котором я когда-либо слышал.

Обрывки жуткого пения, которое я слышал, имели своеобразное сходство с некоторыми странными высказываниями, которые Джаред записал в своем дневнике.

Я подошел ближе к окну, чтобы лучше слышать эту литургию. И когда я это сделал, то с трепетом от неописуемого ужаса наблюдал, как огромная черная тень проплыла по заснеженной поляне перед хижиной, исчезнув в Глубоких Лесах. Это было мое воображение, поехавшее на нервной почве, из-за сверхъестественных вещей, о которых я прочитал в дневнике Джареда и в той проклятой старой книге, или же та темная форма

действительно казалась какой-то жабоподобной, раздутой и тучной, с огромными, перепончатыми крыльями, как у летучей мыши?

* * *

Я заснул на деревянном стуле незадолго до рассвета и проснулся продрогшим до самых костей поздним утром. После того как я разогрел и доел остатки своего ужина, запив все это несколькими кружками горячего кофе, в моей голове возникла мысль, что я должен благоразумно покинуть это место немедленно. Разумеется, несколько долларов заставили бы Перкинса сдать мне свою «Модель Т», или воспользоваться услугами его водителя, чтобы перевезти мои немногочисленные вещи и книги Джареда и рукопись обратно в Аркхем, где я мог бы договориться о том, чтобы Сайлас Хардинг продал хижину и землю.

Почему я этого не сделал, я так никогда не узнаю. Возможно, я боялся увидеть знакомую ухмылку в бледных глазах Перкинса и услышать его мерзкий смешок, когда он узнает, что я сдаюсь и бегу домой в Бостон.

Немного позже я нашел несколько стопок старых газет в сарае и собирался сунуть их в печь, когда заголовок

и имена Амброза Дьюарта и Стивена Бейтса привлекли мое внимание. Слегка дрожащими руками я отнес газеты, коричневые и высохшие от времени, к столу и прочитал заметки, которые попались мне на глаза.

В них, фрагментарно и без каких-либо объяснений, рассказывалось о таинственных и необъяснимых исчезновениях Дьюарта и молодого бостонца Бейтса, прибывшего родственника, из огромного старого дома в Лесу Биллингтона в нескольких милях к югу от моей хижины, и о том, что так и не были обнаружены следы пропавших мужчин, а местная полиция не имела ни одной зацепки в разгадке этой тайны. Не было ничего в этом газетном отчете, написанном сухими газетными штампами, что намекало бы на странные ужасы с неба или сохранившиеся до наших дней древние дьявольские культы, которые должны были исчезнуть или быть безжалостно уничтожены поколения или даже столетия назад… ни единого упоминания о богохульных и запрещенных древних книгах, которые любой здравомыслящий человек должен был сжечь или похоронить, не читая… но была ужасная многозначительность, которая пряталась за краткими

газетными статьями, в мимолетном упоминании друидоподобного кольца из камней глубоко в лесу, недалеко от грубой каменной башни неизвестного мастерства и неопределенной даты, которая вызывала дрожь лихорадочного страха по моему позвоночнику.

Я сунул газеты в печку и решил выбросить все это из своей головы.

Я молю Бога, чтобы так и было.

* * *

К вечеру я надел зимнюю одежду и вернулся в лес. Я снова нашел похожий на алтарь «Великий Камень», на бесплодной поляне, где он сидел в земле, словно какой-то отвратительный алтарь, оставленный дикой и кровожадной расой, когда они исчезли в тумане милосердного забвения эпох. Я не первый раз смотрел на этот массивный каменный блок, лежащий в земле, словно опрокинутый друидский менгир, однако, кое-что заставило меня, словно застыть на месте…

Густой снегопад прошел накануне вечером, и теперь я увидел, что белое одеяло, покрывающее мертвую почву, как погребальный саван, было вытоптано ступнями многих ног.

Но не это было тем, — явное доказательство

того, что культ, который поклоняется Оссадоговe или «Звилпоггуа», действительно собирался ночью у этого каменного алтаря, — что пробрало меня ледяным ужасом до самых костей.

Это были огромные следы, перемешанные с человеческими… отпечатки широких, перепончатых ног, шире, чем у любого слона, который когда-либо ходил по земле, которые сломали покрытый коркой снег и оставили глубокие отметины в твердой замерзшей почве, как будто под весом тяжелой невероятной массы.

* * *

(Следующие полторы страницы довольно неразборчивы)

(Судя по всему, из дневника Джареда Фуллера)

…те отрывки из латинского перевода Филиппуса Фабера, как показано ниже:

О мудром Йздуггоре, которого колдуны Коммориома в высшей степени уважали, ходят слухи, что он был приверженцем устаревшего и запрещенного культа Звилпоггуа, так как он был первым отродьем Тсатоггуа и рожден Черной Тварью от женской сущности Шатак на далеком

и ледяном Якше седьмом мире [здесь мой двоюродный брат написал еще одно толкование: «7-м от Солнца? Нептун?»]. Поэтому к его далекому, уединенному жилищу пришел испуганный Вут Ралуорн…

…отшельник, наконец, уступил его настойчивым просьбам, и молодой комморионец узнал от Йзддугора, что в настоящее время Звилпоггуа проживает на темной планете Йраутром[102], мире, кружащемся вокруг зеленой звезды Алголь, и может быть призван в этот мир лишь в те месяцы года, когда Алголь поднимается над горизонтом [здесь мой двоюродный брат написал: «Алголь находится в ночном небе осенью»], после чего он имеет обыкновение питаться плотью и пить кровь людей, поэтому колдуны знают его как «Гурмана со звезд»…[103]

В конце своих переводов этих фрагментов, очевидно, из «Книги Эйбона», мой двоюродный брат написал несколько ссылок на страницы из «Некр.», под которым он, вероятнее всего, имел в

---

[102] Примечания: 102

Йраутром — Yrautrom. В истории же Лина Картера «Гурман со звезд», («The Feaster from the Stars») указано, что это был Аббит (Abbith), кружащийся вокруг звезды Алголь.

[103] Примечания: 103

См. рассказ Лин Картер «Гурман со звезд: История Йздуггора-отшельника».

виду «Некрономикон», о котором несколько раз упоминал в своем дневнике. Казалось, что он настойчиво умолял ученого Уилмарта скопировать некоторые части из этого тома для него, и теперь я понимаю, из контекста, что это была одна из книг, которые он тщетно пытался получить от библиотекаря в Мискатоникском университете, чтобы проконсультироваться с ней. Вслед за этим пос (ледовало? Рукопись далее не читаема примерно три четверти страницы.)

* * *

…которые, судя по всему, были вырезаны из письма, несомненно, Уилмарта, поскольку почерк сильно отличается от почерка моего двоюродного брата Джареда. Я прочитал:

Из дневника Джареда Фуллера

…нет нужды кропотливо переводить с латыни Олауса Вормиуса, так как Мискатонику принадлежит частичная копия перевода на английский «Некрономикона», выполненного Джоном Ди, что существенно облегчает задачу. Два отрывка ниже относятся к разным частям тома, но поскольку оба они кажутся актуальными для

рассматриваемого вопроса, я приведу их здесь.

Чтобы призвать «Гурмана со звезд», дождись той ночи, когда впервые Алголь поднимется над горизонтом, и, если будет Тринадцать собравшихся на сборище, должны они соединить руки в кольцо вокруг камня и произнести в унисон следующее: I;! I;! I;! N`ghaa, n'n'ghai-ghai! I;! I;! N'ghaa, n-yah, n-yah, shoggog, phthaghn! I;! I;! Y-hah, y-nyah, y-nyah! N`ghaa, n`n`-ghai, waphl phthaghn-Zvilpoggua! Zvilpoggua! N'gui, n'-gha`ghaa y'hah, Zvilpoggua! Ai! Ai! Ai! Так же отмечу, что Ответ на имя Звилпоггуа, которое может произносить лишь Лидер Сборища, — это Гху-Тсатоггуа, что означает Сын Тсатоггуа, и вышеуказанное имя может быть произнесено лишь на обычном и вульгарном языке.

Я отложил рукопись дрожащей рукой, затем снова поднял ее и вернул к предыдущему отрывку, где Джаред записал то, что услышал в ночь на 8 сентября 1929 года (см. Стр. 7 настоящего текста). Эти два песнопения были слово в слово идентичными, пока мой двоюродный брат не прервался; единственные различия между ними заключались в том, что Джаред Фуллер записал свою на слух, применив лишь слабую попытку расставить знаки препинания.

Кусочки головоломки соединились друг с другом в ужасный и жутко реальный узор.

Я должен скорее покинуть это место, как можно скорее. Они уже должны знать, что хижина, расположенная так близко к месту их поклонения, снова обитаема. Конечно же, именно эти люди, что проводят здесь сборища, или как там они себя называют, убили или похитили моего кузена… они или чудовищный демон, которому они служат… и, конечно же, я буду следующей жертвой.

В эту ночь у меня был еще один из тех ужасных снов, которые в последнее время часто наполняли мои тревожные грезы [видимо, отсылка к некоторым отрывкам, неразборчивым из-за влажности]. Казалось, я завис, дрожа от ультра-теллурического и пробирающего до костей холода, над темным и замороженным миром, тускло освещенным спектральным светом трех бледных лун. На ледяной равнине возвышались древние руины черного города с монолитными стенами без окон… был ли это сон о Якше (но у Нептуна существует только одна луна, если я правильно помню из своего детского увлечения астрономией), или того темного мира, вращающегося вокруг Алголя, где обитает Звилпоггуа?

Когда я начал приближаться все ближе и ближе

к черному мегаполису, я заставил себя проснуться огромным усилием воли и обнаружил себя покрытым холодным потом и дрожащим, как хрупкий тростник на ветру. И я кричал…

Самое ужасное было в том, что в ответ на мои крики послышалось глубокое протяжное завывание, но из леса или с неба я не могу сказать.

(Около трех абзацев совершенно неразборчивы)

…второй отрывок из «Некрономикона», либо оборван, либо вырван из письма Уилмарта, и содержит следующее:

…имеет сходство с великим Тоаде, черный как смола и покрытый зловонной слизью, с крыльями как у летучей мыши и нижними конечностями как у Бегемота, широкими и когтистыми, и с перепонками между пальцами, не имеет лица, но на том месте, где должно быть лицо растет Жуткая Борода из шевелящихся щупалец. Он радуется Плоти и Потокам Крови Людей, однако во время Трапезы, как говорят, он поднимает людей к небесам и может нести их, таким образом, сотню лиг или больше, разрывая и терзая их и Поедая, а затем бросает их на Землю, далекую от тех мест, откуда он их забрал.

Но я больше не могу читать. Сегодня вечером я покину хижину, прежде чем Алголь поднимется надо мной, как сверкающий, дикий глаз какого-то хищного зверя. Я обещаю отречься от всего, засуну только мой журнал в старый портфель. Но прежде чем покинуть хижину, я намереваюсь сжечь дневник Джареда Фуллера… и я молю Бога, чтобы у меня хватило времени, чтобы передать здоровому пламени эти адские древние книги, которые здравомыслящие люди никогда не должны читать.

(Четыре предложения неразборчивы)

Слишком поздно — Алголь почти поднялся. Я должен бежать. Если я не смогу поймать автобус до Аркхема, я не осмелюсь задержаться так близко от этих Глубоких Лесов, но попытаю удачу в Пайке. Возможно, я смогу добраться до Углов Дина, пока еще не слишком поздно.

Я хочу…

(Рукопись внезапно обрывается на этом месте)

*** * ***

ПРИМЕЧАНИЕ. На сегодняшний день (15 фев-

раля 1983 г.) не было найдено никаких сведений относительно судьбы или местонахождения Уинтропа Хоага. Дело остается в «неразрешенных», файлах окружной полиции.

Редактор не имеет никакого мнения относительно подлинности рукописи или ее авторства. Но одно или два замечания могут быть полезными в этой связи. В настоящее время вполне очевидно, что планета Нептун имеет, по крайней мере, три луны; существование двух таких спутников было подтверждено визуальным наблюдением, а из-за пертурбаций[104] их орбит при вращении вокруг основной присутствие третьей луны считается почти несомненным.

Это может не иметь особого значения, но исламские народы, вместе с некоторыми другими культурами древности испытывали к звезде Алголь своеобразную ненависть и отвращение. Арабский астролог VII века, Ибрагим Аль-Арак, ссылается на нее в тех своих трудах, которые сохранились до нашего времени, с противоречивым названием, которую ученые переводят либо как «Звезда Демона», либо «Звезда, откуда приходит Демон».

---

[104] Примечания: 104

Пертурбация (возмущение орбиты) — отклонение небесного тела от орбиты под воздействием силы притяжения других тел.

Перевод: Р. Дремичев

Лин Картер и Роберт Макнэйр Прайс Странная судьба Эноса Харкера[105]

Lin Carter, Robert M. Price «The Strange Doom of Enos Harker», 1989

Заявление Пакстона Блейна

1

В 1931 году я с отличием окончил Мискатоникский Университет в Аркхэме, штат Массачусетс, и в течение нескольких месяцев после этого безуспешно искал стоящую работу. Я хотел продолжить обучение и получить учёную степень по завершении своей диссертации, которая касалась неясных пережитков культа в некоторых частях Востока. Я должен был провести ещё много исследований, но работа в те годы Великой Депрессии была скудной и редко приносила до-

[105] Примечания: 105

Лин Картер сочинил первые пять глав и по непонятным причинам забросил рассказ. После его смерти Роберт М. Прайс дописал остальное.

ход; а поскольку мне требовалась должность на полставки, мои поиски оказывались тщетными.

Но вот, в конце концов, я увидел частное объявление в газете «Аркхэм Адвертайзер», размещённое доктором Эносом Харкером. Он предлагал комфортабельное проживание, бесплатную комнату и стол в своём доме для личного секретаря, способного организовать его заметки и подготовить рукопись к публикации. Казалось, что сам бог даровал мне шанс, и я немедленно откликнулся на эту вакансию.

Доктор Харкер снимал дом размером чуть больше коттеджа, на побережье мыса Керн. Будучи когда-то фешенебельным курортом на берегу океана для богатых торговцев и престарелых семей портового города, теперь этот район стал почти безлюдным и даже довольно пустынным. Но трамвайные пути соединяли пригород с центром города, и мне не составило труда найти дорогу.

Мой потенциальный работодатель представлял собой необычную фигуру человека, которому, как я предполагал, было около шестидесяти лет. Склонный к полноте, он носил строгий клерикальный костюм тускло-чёрного цвета, и даже клерикальный воротничок. Вскоре я обнаружил, что он в то время или в прошлом работал (я так и

не узнал этого точно) проповедником в одной из самых тёмных Пятидесятнических сект — миссионером, что провёл много лет в Индии, а также в некоторых районах Бирмы и Тибета. Выглядело странным, что некоторые участки его лица и руки были обмотаны хирургическими бинтами, и при нашей первой встрече Харкер сообщил мне, что страдает кожным заболеванием, похожим на золотуху или экзему, от которого его лечил местный врач. Из-за этого недуга ему пришлось нанять кого-то для работы с бумагами, и я понял, что именно его руки оказались наиболее серьёзно поражены болезнью.

— Блейн, Блейн, — пробормотал он, слегка задумчиво нахмурившись. — Интересно, вы случайно не родственник доктора Г. Стивенсона Блейна из Санборнского Института Тихоокеанских Древностей, что в Сантьяго, Калифорния?

— Имею такую честь, — признался я, — потому что он мой дядя.

— Превосходно, превосходно! — Ответил мне доктор Харкер своим странно приглушённым, почти шепчущим голосом, что заставило меня с некоторой брезгливостью задуматься: не повлияло ли каким-то образом его необычное недомогание на голосовые связки, а также на

лицо и руки?

— Я прочитал одну или две его монографии. Учёный с некоторой репутацией, кажется.

Наш разговор вскоре закончился. Доктор Харкер, казалось, был удовлетворён моими рекомендациями, а мне, как я уже говорил ранее, понравились условия предложенной им работы. Я должен был приступить к своим обязанностям в следующий понедельник. Мы расстались, и я вернулся в свою маленькую квартиру на Паркер-стрит в приподнятом настроении.

В следующие выходные мне пришло в голову, что, возможно, будет разумно поискать моего работодателя в различных справочниках, доступных в библиотеке Мискатоникского Университета, что я и сделал. Я узнал, что Харкер окончил Байрамскую Теологическую Семинарию в Кингспорте, много путешествовал, читал лекции и, как я уже отмечал, много лет работал миссионером на Востоке. Будучи известным антропологом-любителем, он опубликовал ряд работ по некоторым аспектам азиатской археологии и по некоторым культам Дальнего Востока, которые, конечно, меня очень интересовали, поскольку свои собственные исследования я проводил в той же области.

Будучи, по-видимому, известным учёным, он проник в некоторые районы Внутренней Азии, где мало кто из белых людей бывал до него. Он также одним из первых исследовал разрушенный каменный город Алаозар в районе Сунг, в Бирме. Кажется, он также много путешествовал по районам Тибета, расположенным далеко на севере.

Всё это убедило меня в том, что мы с Харкером должны иметь взаимовыгодные и интересные отношения.

Почему же тогда я испытывал неловкость, заставляющую меня избегать этого необычного человека?

Сомнение, которое можно назвать… страхом?

2

Моя работа была достаточно проста и не требовала больших усилий. До тех пор, пока прогрессирующая инвалидность не лишила моего работодателя возможности в полной мере использовать свои руки, он составлял заметки для научной работы большой длины и сложности. Моей главной обязанностью стало упорядочивание этих сведений. Я записывал под диктовку дальнейшие данные, которые он давал своим мягким, слабым голосом, а также я должен был

отправиться в библиотеку Мискатоникского Университета и Библиотеку Кестера в соседнем Салеме для последующих исследований.

Многие из книг, в которые я углубился с этой целью, были сочинениями, с которыми я уже консультировался в ходе подготовки моей собственной диссертации. Я имею в виду определённые книги, такие как «Сокровенные Культы», немецкого оккультиста фон Юнцта, «Культы упырей», графа д'Эрлета, «Чёрные культы», фон Хеллера, оригинальный немецкий текст «Культы подводного мира», и трактат со множеством вычеркнутых абзацев «Культ мёртвых». Я также должен был заглянуть в отвратительные страницы древнего «Некрономикона», Аль-Хазреда, чтобы найти определённые упоминания об особом культе некрофагов в местности под названием Ленг.

Это печально известная книга, и её редкость почти невероятна. Обычно такие редкие сочинения находились под замком, но мои связи в университете позволяли мне получить свободный доступ к этой проклятой книге, хотя некоторые бредни, мелькавшие на её густо исписанных страницах, впоследствии преследовали меня во сне.

В общем, мой работодатель искал упоминания

о культе или племени, называемом «народ Чо-Чо», который, по слухам, ещё остался в некоторых наиболее недоступных джунглях Бирмы и в Ленге — где бы он ни находился, потому что я мог не найти его ни в одном атласе. Считалось, что они поклонялись богам или дьяволам с такими именами, как «Жар», и «Ллойгор», но об этих богах было известно так мало, что многие авторитеты считали их просто легендами.

Мне также предстояло искать любые упоминания о самом Ленге; о некоем ламе Чо-Чо, что скрывал своё лицо под маской из жёлтого шёлка и жил в «доисторическом», каменном монастыре; об Инкуаноке, который, казалось, был одновременно и народом, и местом, поскольку оно примыкало к плато Ленг; и о некоторых морских божествах или морских демонах с грубыми, непроизносимыми именами вроде «Ктулху», «Идх-Яа», «Зот-Оммог», «Йеб», «Гатанотоа», «Убб, отец червей», «Итогта», и так далее.

Поиск подобной информации не отнимал у меня много времени, но почему-то тревожил. Дело было не только в том, что мои собственные исследования привели меня ко многим из этих же источников, но и в определённых событиях недавнего прошлого, о которых всё

ещё шептались горожане, но которые поспешно замалчивались в газетах, — в результате никто толком не знал, являлись ли они дикими баснями или содержали в себе зародыш ужасной правды.

Что на самом деле произошло в старом доме Таттла на Эйлсбери-роуд возле Иннсмутской магистрали, и почему отчёт об этом, опубликованный в местных газетах, был таким поверхностным? По какой причине федеральные агенты взорвали и сожгли несколько кварталов прогнивших прибрежных домов в близлежащем Иннсмуте ещё зимой 1927–1928 годов, и почему военная подводная лодка выпустила торпеды в пропасть у Рифа Дьявола? Что случилось с бедным Брайантом Хоскинсом в той хижине в лесу к северу от Аркхэма, и отчего он сошёл с ума и умер в бреду на койке в окружном санатории в марте 1929 года?

Никто действительно не знал этого; или, если кто и знал, то не говорил.

И почему Энос Харкер так заинтересовался этой туманной, чертовски древней мифологией?

3

Кое-какая информация, которую я извлёк из старых, рассыпающихся книг, взволновала моего

работодателя до предела. Например, я вернулся из одной такой поездки в библиотеку Мискатоника с двумя цитатами, которые показались мне вполне безобидными, но Харкеру они не давали уснуть всю ночь. Он перебирал листки с записями своими забинтованными руками, бормоча что-то себе под нос; открытые части его лица пылали нездоровым и лихорадочным торжеством. Возможно, это было к лучшему, что я не мог догадаться, почему!

Первый отрывок из «Некрономикона», гласил:

«Люди Чо-Чо впервые пришли в Бодрствующий Мир именно из легендарного Саркоманда, этого забытого во времени города, руины которого обесцветились за миллион лет до того, как первый настоящий человек увидел свет; и два его гигантских льва вечно охраняют ступени, ведущие из Страны Грёз в Великую Бездну, где Ноденс — Повелитель, и Ночные Призраки служат Ему под страхом Йегга-ха, их хозяина».

Второй отрывок представлял собой фрагменты из ритуала, по-видимому, они цитировались из другого источника и звучали так:

«Да, разве не было написано в древности в R'льехе, что Глубоководные ожидают своих последователей, и мы не должны упустить возможность

присутствовать при Великом Пробуждении? Написано, что все встанут и присоединятся к ним; мы, несущие Эмблему, и те, кто просто смотрел на неё. С концов земли приходят Призывы и Зов, и мы не смеем медлить. Ибо в водном Р'льехе пробуждается Великий Ктулху. Шуб-Ниггурат! Йог-Сотот! Йа! Козлица с Тысячей Младых! Разве мы все не её дети?»

Когда я передал эти записки Эносу Харкеру, он буквально выхватил их у меня из рук, поднёс к своему лицу (его зрение в последнее время ослабло, возможно, из-за прогрессирующей дегенерации, вызванной болезнью) и принялся внимательно их просматривать.

— Конечно! — Пробормотал он своим слабым голосом. — Они пришли из Саркоманда… весь путь до плато Сунг, чтобы построить свой ужасный каменный город в джунглях! Я должен был догадаться об этом…

Но тут его голос прервался, и он посмотрел на меня с подозрением, как будто думал, что я шпионю за чем-то личным. Затем он прошёл в отгороженную ширмой комнату, выходившую окнами на пляж, чтобы в одиночестве просмотреть записи.

Когда я лёг спать после полуночи, свет в комна-

те Харкера всё ещё горел.

4

К этому времени мне стало совершенно ясно, что здоровье моего работодателя очень быстро ухудшается, хотя я всё ещё не понимал природы его болезни. Я знал, что местный терапевт, доктор Спрэг, лечил золотуху — или что там у Харкера было — цинковой мазью и веществом под названием «кортизон», которое в то время было недоступно, так как находилось на экспериментальной стадии тестирования и ещё не вышло на рынок.

Ни одно из лекарств, казалось, не могло остановить распространение кожного заболевания. Когда я только начал работать с ним, он уже страдал полнотой, но вскоре совсем раздулся. Также опухло и его лицо. Время от времени Харкер передвигался с трудом, и постепенно белые бинты всё больше покрывали его одутловатое лицо, пока он не стал похож на египетскую мумию. Кроме того, от него исходил какой-то странный, отвратительный запах… тошнотворное зловоние, как от протухшей морской воды, или как от раздутого, гниющего трупа какого-то морского существа, оказавшегося на суровом воздухе и под

жестоким солнцем.

Но, возможно, я преувеличиваю. Коттедж стоял так близко к пустынному берегу, что солёный ветер проникал в каждую его щель, зловоние стоячей морской воды в приливных заводях и среди голых скал наполняло мои ноздри день и ночь.

Харкер становился всё более зависимым от меня во многих мелочах повседневной жизни. Мне не составляло труда ездить на велосипеде на окраину города, покупать продукты, мыть посуду, убирать мусор и расплачиваться по счетам вдобавок к обработке его корреспонденции.

Письма приходили со всего мира, так как Энос Харкер постоянно поддерживал связь с некоторыми учёными из таких стран, как Франция, Перу, Индия и даже Китай. Все они специально изучали сверхъестественную древнюю мифологию, ставшую делом всей их жизни. Между прочим, в основе этой мифологии лежало представление о том, что Землю посещали странные и демонические существа из других миров и галактик, и даже из-за пределов самой вселенной. Это происходило в самые отдалённые эпохи, задолго до эволюции человечества. Не будучи созданными из известной нам материи эти «Древние», или «Старые», как их называли, были бессмертны и

не старели.

За вечность до появления человека этих «Древних», преследовали в нашей части пространства и времени их прежние хозяева, раса, известная только под именем «Старшие Боги». Последовал титанический конфликт, и в конце его Старшие Боги одержали победу над мятежниками, своими бывшими слугами. Неспособные уничтожить Древних, они заключили их в темницу с помощью могущественных заклинаний — и, в частности, с помощью эффективного талисмана, называемого «Старшим Знаком». Находясь в магическом заключении, Древние, по-видимому, яростно рычат и ревут до сих пор, пытаясь вырваться в мир, как волк Фенрир и змей Мидгарда в норвежских легендах.

Однако даже в заключении Древним служат их приспешники или подчинённые расы, лишь немногие из которых могут считаться хотя бы отдалённо похожими на людей. Больше всего Эноса Харкера интересовали морские создания, Ктулху, Йтогта и другие; их приспешники называются Глубоководными, и древние книги, посвящённые этой системе суеверий, описывают их с содроганием, как огромных и раздутых существ, наполовину похожих на лягушек, наполовину на

рыб — наполовину плоских, наполовину рыхлых, с ужасными выпуклыми глазами и жабрами.

Люди Чо-Чо, также входящие в число его главных интересов, являются последователями другой группы божеств, а вовсе не морских элементалей. Чо-Чо связаны с «избегаемым всеми и зловещим», плато Ленг. Некоторые книги гласят, будто Ленг находится в «чёрном сердце Тайной Азии», в других упоминается, что Ленг расположен около Южного полюса. Для читателя всё это звучит, без сомнения, так же бессмысленно, как и для меня в то время.

Но во всём здесь имелась какая-то сверхъестественная связь. На первый взгляд это казалось безумной, хаотичной мешаниной кошмарных легенд, но в них скрывалось что-то зловещее, древнее и забытое временем… и наводящее на ужасные размышления.

Ибо кто бы мог ожидать, что мифы столетней, даже тысячелетней давности имеют дело с разумными существами с других планет, далёких звезд, отдалённых галактик или сверхъестественных измерений за пределами трёх известных нам?

5

Большая часть корреспонденции касалась особенно редкой книги под названием «Текст Р'льеха», которую мой работодатель неистово жаждал найти. Это его стремление выходило далеко за рамки простого научного любопытства и больше походило на навязчивую идею.

Экземпляры этой любопытной древней книги, хотя и редкие, действительно существовали; на самом деле несколько редких версий можно было найти прямо на закрытых полках библиотеки в Мискатонике, (ибо книга никогда не печаталась и существовала только в рукописных экземплярах, тайно циркулирующих между членами неизвестных культов).

Проблема заключалась в том, что, хотя «Текст Р'льеха», был написан буквами обычного алфавита, сам язык больше никто не знал или не мог понять. Книга, по-видимому, состояла из ритуалов или воззваний к дьявольским богам этой мифологии. Слова читались или распевались вслух поклонниками этих богов; поэтому им достаточно было лишь уметь правильно произносить грубые фразы, и не требовалось понимать, что они означают.

Немногие ученые, если такие вообще существовали, могли читать на языке Р'льеха, и Энос Харкер отчаянно искал кого-нибудь из них….

Ранее я упоминал о таинственной и загадочной смерти Брайанта Хоскинса, который скончался в сумасшедшем доме в 1929 году. В то время, когда это дело привлекло значительное внимание прессы, власти, казалось, его замяли, но оно произошло совсем недавно, так что всё ещё были люди, которые обладали информацией о том, что на самом деле произошло в уединённой хижине в лесу к северу от Аркхэма.

По чистой случайности однажды, примерно через полгода после того, как я начал работать секретарем у Эноса Харкера, в деле Хоскинса появился ключ к разгадке. Какой-то грязный журналист из одной мало уважаемой бостонской газеты заинтересовался этим делом и раскопал сенсационную историю, которую большинство людей, как я подозреваю, сразу же отвергли как дикую спекуляцию.

Один пункт из газетной статьи привёл моего работодателя в безумное возбуждение. Молодой Хоскинс работал в Мискатоникском Университете в качестве личного секретаря у директора библиотеки, доктора Сайруса Лланфера. В июле

1928-го библиотека получила, как часть завещания Таттла, не только бесценную копию «Текста Р'льеха», но и документ, который, как полагали, принадлежал руке Амоса Таттла и назывался «Ключ Р'льеха». Само существование «Ключа», какое-то время оставалось незамеченным, пока Брайант Хоскинс случайно не наткнулся на него. «Ключ», был вклеен в другую рукописную книгу, кем-то названную «Фрагменты Келено».

Похоже, покойный Амос Таттл оказался одним из тех немногих учёных на Земле, кто всё ещё мог расшифровать таинственный древний язык, на котором был написан «Текст Р'льеха», поскольку его «Ключ Р'льеха», был ни чем иным, как глоссарием древнего языка вместе с некоторыми размышлениями о формах глаголов и грамматической структуре.

Хоскинс, очарованный таинственным «Текстом», провёл последние месяцы своей жизни, переводя его на английский. Эта работа подорвала его здоровье, и физическое, и душевное, но когда Хоскинса увезли умирать в сумасшедший дом, рукопись его версии «Текста», была извлечена из его хижины.

Согласно отчёту репортера, «Перевод Хоскинса», теперь находится на секретных полках

Библиотеки Мискатоникского Университета.

Туда я и отправился на следующее же утро, как только рассвело.

6

Меня провели в кабинет доктора Лланфера, и он довольно дружелюбно приветствовал меня, поскольку за последние несколько месяцев у нас имелись кое-какие деловые отношения, во время которых мой работодатель искал доступ к «Некрономикону», и другим манускриптам. Хотя эти отвратительные старые книги строго запрещены для широкой публики, они доступны квалифицированным ученым. Более того, я был к тому времени хорошо знаком с доктором Лланфером, поэтому считал, что мне не составит труда получить доступ к переводу Хоскинса. Меня ожидал сюрприз.

— Мистер Блейн, — сказал мне седовласый архивариус, и в его усталом голосе послышались тревожные нотки, — пойдёмте со мной, если хотите.

Он жестом велел мне следовать за ним в комнату для Особых Коллекций, затем через дверь с двойным замком. Пройдя по ковру к металлическим шкафам, он открыл замки и выдвинул

два или три сейфа различной формы и размера (некоторые из которых едва ли могли содержать книги, отметил я про себя). Архивариус повернулся ко мне с одним из этих металлических ящиков, отпер его и открыл так осторожно, словно был укротителем львов, раздвигающим челюсти свирепого зверя.

— Вот. Не на что смотреть, да? Просто комплект небрежно написанных заметок на блокнотных листках, которым нет и года. Никакой это не древний артефакт, хотя Бог знает, что у нас их достаточно. Это тот самый перевод, что вы ищете. У меня нет никакого благовидного предлога, чтобы помешать вам прочесть его, хотя мне бы очень хотелось! Этот текст означал безумие и смерть, по крайней мере, для трёх моих знакомых. И насколько я знаю, всё, что они сделали — просто прочитали этот перевод. Что касается меня, то я не читал его даже после того, как юный мистер Хоскинс сделал чтение текста более лёгким. Не поймите меня неправильно. Я люблю учиться, восстанавливать утраченные знания, как это делали те люди. Но в отличие от Амоса, Пола Таттла и Брайанта Хоскинса у меня нет склонности к самоубийству. Я надеюсь, что у вас её тоже нет.

Ошеломлённый этим монологом, я даже не

знал, что ответить.

— Как насчёт доктора Харкера? — Спросил я. — Это он прислал меня к вам. Я всего лишь его эмиссар. Если книга ему недоступна, я буду обязан сказать ему об этом. Я сделаю это без сомнений. Но вы должны понимать, что он не успокоится, пока у него не появится возможность ознакомиться с этой книгой. Тем более что согласно вашим же словам вы вряд ли сможете отказать квалифицированному учёному в доступе к официальным фондам библиотеки.

— Да, всё, что вы говорите, совершенно верно, мистер Блейн. Совершенно верно. Только пообещайте мне, что вы хорошо сыграете свою роль бескорыстного стенографиста. Прочитайте и перепишите то, что должны. Но держите это в себе до тех пор, пока не доберётесь до дома Харкера и не расскажете ему. Боюсь, он уже слишком продвинулся по своему пути, чтобы ему можно было помочь. И было бы жестоко продлевать его агонию. Пусть запретное знание текста Р'льеха нанесёт неизбежный удар быстро и милосердно. Вот, возьмите то, что вам нужно.

Я воспользовался странной, сдержанной щедростью доктора Лланфера, напуганный перспективой каких бы то ни было шокирующих

откровений. Что может содержать в себе простой текст, каким бы древним он ни был? Я открыл тетрадь и начал переписывать большую часть перевода, всё больше и больше испытывая чувство разочарования по мере продвижения. Наконец, через пару часов я закончил свою работу с чем-то похожим на чувство разочарования, почти как если бы не смог найти того, что искал в тексте. Конечно, я понятия не имел, что именно ищет мой работодатель. Я не знал, найдёт ли Харкер то, что ему нужно в этих странных унылых литаниях, и не лучше ли будет, если он разочаруется, нежели получит удовлетворение, если принять во внимание мнение доктора Лланфера об этой рукописи.

Когда вечером я вернулся в дом доктора Харкера, стало ясно, что он ждал меня в сильном волнении, потому что он выхватил у меня блокнот и, не говоря ни слова, повернулся и ушёл в свой кабинет, закрыв за собой дверь. Я хотел было задержаться и подслушать: проявит ли доктор какие-нибудь эмоции, но вовремя упрекнул себя за такие детские интриги и отправился спать.

К этому времени моё любопытство достигло апогея, и его заглушала лишь тишина, воцарившаяся вокруг старого доктора и священника.

Он становился всё менее и менее общительным по мере того, как ухудшалось его непонятное состояние, желая, чтобы я понимал его главным образом через его монотонное бормотание и взмахи рук в бинтах. Но даже такие шарады, как эта, давали мне понять, что мы каким-то образом бежим наперегонки со временем. Была ли это гонка для достижения какой-то цели, до сих пор мне неизвестной? Или гонка за избавлением от какой-то страшной участи была хуже, чем физическое истощение, которое, казалось, быстро и неуклонно поглощало его? Строго говоря, это было не моё дело. Конечно, Харкер никогда не стремился разделить своё бремя со мной.

У меня имелось нечто большее, чем подозрение, что сдержанный доктор Спрэг знал больше о болезни моего работодателя, чем осмеливался сказать. Он подходил к своим обязанностям с намёком на страх, хотя и смешанным с большей долей смирения; в то время это не имело для меня никакого смысла.

Однажды я обменялся любезностями с пожилым врачом, когда решил покинуть дом и совершить ещё одну поездку на велосипеде в Аркхэм, чтобы снова просмотреть книги в университетской библиотеке. Узнав, куда я направляюсь,

доктор Спрэг предложил отвезти меня в город на обратном пути. Я почувствовал, что близится какое-то откровение, но вновь испытал разочарование. Как Спрэг и ожидал, я спросил его о точной природе загадочной болезни моего работодателя. Вопреки моим собственным ожиданиям, врач мало что мог сказать мне.

— Помимо физических симптомов, которые так же очевидны для вас, как и для меня, я могу лишь сказать, что то, что изводит доктора Харкера, является чем-то вроде духовного недуга.

Доктор Спрэг явно не хотел вдаваться в подробности, но у меня возникло вполне определённое ощущение, что своими загадочными словами он хотел предупредить меня о какой-то опасности. Может быть, чума старого миссионера заразна?

7

Шли дни, и я начал замечать новые симптомы, мучившие доктора Харкера, главным образом его неспособность спать по ночам. Хотя он отрицал это, было ясно, что ночные кошмары не давали ему отдохнуть. Однажды мне показалось, что я слышу, как он распевает псалмы, словно отгоняя ночного врага: «Возлюбленному своему он даёт сон…»

Однажды его волнение перешло в настоящий крик, разбудивший меня, хотя я находился в противоположном конце дома. Сам он спал и, казалось, немного успокоился, когда я тихонько подкрался к его постели, зная, что, несмотря на мои добрые намерения, такое вторжение в его личную жизнь может привести к моему немедленному увольнению. Но я должен был убедиться, что со стариком всё в порядке. Его дыхание немного замедлилось, но я заметил, судороги от кошмаров, что снились Харкеру несколько мгновений назад, сдвинули бинтовые повязки на его лице. Смещение было незначительным, и все же то, что я увидел, глубоко взволновало меня. Я уже говорил, что доктор Харкер, когда я впервые увидел его, был довольно пухлым и по мере усиления болезни он продолжал раздуваться самым нездоровым образом. Это я смутно приписывал побочным эффектам некоторых лекарств, которые он, должно быть, принимал, так как в противном случае можно было бы ожидать, что от прогрессирующей дегенерации его тело будет сжиматься и увядать. Ничто из того, что я видел ранее, не подготовило меня к тому, что я увидел сейчас.

Его лицо, которое он в последнее время почти

полностью закрыл бинтами, частично открылось, и оно выглядело ужасно изуродованным. Его глаза были почти полностью скрыты гротескно распухшими клочьями бледной плоти с голубыми прожилками. Нос Харкера, который я никогда не видел без повязки, казалось, невероятно увеличился. Здесь перемена произошла не из-за опухоли — сама структура, казалось, изменилась, переносица странным образом расширилась, а сам нос, всё еще прикрытый сверху, нелепо вытянулся. Его тонкие волосы в основном исчезли; я увидел, что некоторые из них усыпали подушку.

Хотя я почувствовал отвращение, моё любопытство усилилось, и я обнаружил, что нерешительно протягиваю руку, чтобы снять ещё одну повязку. Я замер в сомнениях, и вдруг меня поразил приглушённый голос:

— Похоже, меня раскрыли. Но я думаю, что для одной ночи вы узнали достаточно.

С этими словами Харкер попытался привести в порядок свою бесполезную маскировку и сел на кровати.

— Мне очень жаль, что я нарушил ваш сон, мой юный друг. Ложитесь спать. Я сомневаюсь, что сон вернётся к вам, но постарайтесь немного

отдохнуть. Завтра мы поговорим, и поговорим откровенно. Я бы уже давно посвятил вас в свои тайны, если бы не боялся, что вас может затянуть в паутину, которая крепко держит меня.

С этими словами он перевернул своё тучное тело на бок, встряхнув при этом раму кровати.

Больше говорить было не о чем, поэтому я развернулся и ушёл в свою комнату. Я смирился с бессонницей перед рассветом и стал смотреть в окно на холодный белый шар луны. Мне казалось, что она взирает на тайны, которые знает, но, подобно запуганному доктору Спрэгу, не хочет или, возможно, не осмеливается их раскрывать.

И всё же, несмотря на потрясение, я заснул почти сразу. Как будто луна превратилась в маятник в руках гипнотизера, и я провалился в сон, не заметив этого. Бледное голубоватое сияние лунного диска, казалось, сузилось и стало ярче. Сияние словно периодически включалось и выключалось, хотя и с очень большими интервалами, а я всё наблюдал и наблюдал за ним, и мне казалось, что это продолжается много часов. Контраст с окружающей темнотой был так велик, что странный свет не освещал ничего, кроме самого себя. Я, однако, понимал, что невидимый пейзаж — это не то, что я увижу при свете дня. Как и в

случае с ложной памятью, я чувствовал, что знаю расположение скрытой земли и что это, должно быть, обширное, мрачное, горное плато. С такой же молчаливой уверенностью я чувствовал, что свет, за которым я наблюдаю, указывает кому-то или чему-то путь домой.

С этим… проблеском я проснулся и увидел, что солнечный свет падает на моё лицо. Обычно при появлении света я просыпался гораздо раньше, но сегодня обнаружил, что с непривычным трудом стряхиваю с себя объятия Морфея. Я встал, принял душ и оделся с чувством давящей тоски. В то же время я с нетерпением ждал, что скажет доктор Харкер. С некоторой рассеянностью я приступил к выполнению утренних заданий. Мои исследования всё больше походили на фарс. Какое значение могут иметь тонкости толкования туманных старых текстов перед лицом явно надвигающегося краха моего работодателя? Разве нет более важных вещей, которые я мог бы сделать, чтобы оставшиеся недели или дни для него стали более приятными? Я решил спрашивать у него об этом всякий раз, когда доктор Харкер позовёт меня. День клонился к вечеру, и я заподозрил, что на старом священнике сказалось недосыпание и мне придётся ждать обещанного

разговора до следующего дня.

К моему удивлению, в библиотеке зазвонил зуммер, призывая меня к его постели в 9:45 вечера. Я поспешно поднялся и быстро подошёл к его двери, постучав, прежде чем решился войти. Какой-то стон изнутри я принял за приглашение и повернул ручку, открывая дверь в почти полную темноту. После того, что я видел прошлой ночью, я не удивился отсутствию освещения.

Усталый, но удивительно ровный голос начал рассказывать самую странную и удивительную историю. Возможно, дезориентация, которую я почувствовал, была в какой-то мере вызвана совершенно непривычным тоном и тембром, которыми заговорил Харкер. Я не мог себе представить, какие опухоли могли так быстро разрастись в его горле, чтобы так подействовать на его прежде ясный и довольно успокаивающий голос. Я постараюсь как можно точнее изложить то, что поведал мне обречённый человек, поскольку больше нет смысла держать это при себе. Это необходимо и правильно. Я уверен в этом, хотя вряд ли стану винить вас, если вы хотите упрекнуть меня в преувеличении.

8

Энос Харкер начал изучать богословие в Теологической Семинарии Байрама гораздо позже, чем большинство его одноклассников, почувствовав драматический «призыв», к служению в раннем среднем возрасте. До этого он снискал широкую известность как исследователь, археолог-любитель и лектор. В манере Ричарда Халибертона он мог бы радовать аудиторию лекционных залов захватывающей экзотикой и рассказами о дальних уголках земного шара. Но в действительности, когда он возвращался в отель после одной из таких лекций, его жизнь изменилась навсегда. Пересекая город, Харкер почувствовал странное притяжение к одной из витрин магазина, где ныне находился небольшой приход секты Пятидесятников. Его внимание привлекли всхлипывающие песнопения и выкрики «пророчеств», доносившихся из-за раскрашенных стёкол больших окон, в которых когда-то, ещё до того, как район пришел в упадок, выставлялись товары. Пройдя через дверь и центральный проход, Харкер опустился на колени среди круга стонущих подвижников, присоединившись к так называемому собранию.

Вдруг Святой Дух ударил одну из женщин, словно молния. Казалось, она взорвалась почти в оргазмическом экстазе, её руки взметнулись к небу, голова откинулась назад, и из её рта вырвался поток бессмысленных слогов. Харкер знал, что это явление называлось «глоссалия», — якобы вдохновлённые богом оракулы начинают говорить на иностранных языках, что в нормальном бодрствующем состоянии им неизвестны. Харкер наблюдал за происходящим с возрастающей тревогой, но не мог отвернуться. Один за другим все, кто находился в круге, начали неистово брызгать слюной, как будто их соединили электрическими проводами, пока, наконец, неотвратимое безумие не достигло самого Харкера.

Когда в предрассветные часы он вновь оказался на улице, это был уже другой человек. Он начал изучать Священное Писание, копию которого ему предоставили старейшины его нового религиозного братства. Но ему дали не классическую версию Короля Якова, а иную версию Библии, недавно переведённую основателем секты, который сам находился под пророческим вдохновением.

Харкер возвращался в обшарпанное святилище каждую ночь в течение следующего месяца

или около того. Он забыл про своё расписание выступлений, а его убеждённость в новой цели и новой судьбе только укрепилась и стала более ясной. Однажды в полночь потная, напряжённая кучка верующих, обхватив его руками за голову и плечи, начала дрожать и раскачиваться, и один из них произнёс пророческую речь. Он объявил, что Брат Энос был избран Господом в качестве миссионера, чтобы нести послание Полного Евангелия в чужие страны в качестве миссионера.

От этой обязанности ревностный новообращенный не уклонялся. Секта была крошечной и воинственной, избегая, как это принято в подобных собраниях, любого сотрудничества с другими церквями, чьи доктрины отличались от их собственной. Сама по себе эта секта, название которой представляло собой нечто вроде «Крещённого Огнём Храма Апостола Божьего», не имела ни достаточного количества людей, ни ресурсов для содержания теологического колледжа или миссионерского совета. Таким образом, богословское образование являлось необходимым условием для того, чтобы стать уважаемым миссионером.

Годы унылой догматики, гомилетики и библейских языков мало что могли сделать, чтобы

погасить огонь рвения Эноса Харкера, и после окончания школы и посвящения в сан он, не теряя времени, выбрал поле для своей миссии. По правде говоря, это был не его выбор, так как место назначения было раскрыто ему, как он предполагал, Святым Духом во сне. Он направлялся в малоизвестный, тёмный уголок Азии, о котором никогда не слышал, — на горное плато под названием Ленг, расположенное на такой высоте, что людям тяжело там находиться из-за недостатка кислорода.

Доктор Харкер не стал объяснять, как ему удалось заручиться поддержкой миссионерского агентства, чтобы добраться до такого отдалённого аванпоста, не продемонстрировав никакой компетентности в местных языках. Я полагаю, однако, что с верой Пятидесятника, сокрушающей горы (некоторые сказали бы «фанатичной верой»), он просто осмелился уверовать, что «языкового дара», ему будет достаточно — когда настанет момент для проповеди благой вести Евангелия, Святой Дух в буквальном смысле слова подскажет ему, что говорить.

Он знал, что будет нелегко даже получить доступ к своей цели. Знал, что первых христианских миссионеров в Китае и Тибете жестоко истязали

и казнили, но если такова будет его судьба, он не откажется от неё, приветствуя мученический венец во славу своего Господа. Тогда Харкер, видите ли, вообразил, что это может быть конечной жертвой в служении Богу. Позже он обнаружил ужасы и похуже.

Ночь сгущалась вокруг постели старика, и я, по иронии судьбы, взял на себя роль отца-исповедника, и уже не был так уверен, что хочу знать дальнейшие тайны, но понимал, что отступать уже поздно. У меня возникло странное чувство, что меня ожидает нечто более зловещее, чем даже самый сильный шок, который может вызвать простая история, даже правдивая.

Энос Харкер в теологической школе изучал намного больше книг, чем предписывал ограниченный список стандартных работ, составленный его профессорами. До его внезапного обращения к религии, он, конечно, читал самую разнообразную литературу. Он знал, что западные люди как-то ненавязчиво сумели проникнуть в тайное сердце Азии. Проявляя должное уважение к культуре, в которой они оказались гостями и которой они явно восхищались, паломники, такие как мадам Александра Давид-Неель и художник Николай Рерих, действительно были встречены

с радушием и получили щедрую свободу для путешествий по обычно недоступным районам к северу от Гималаев. Но они пришли, чтобы познать эзотерическую мудрость Востока, а Харкер направлялся с совершенно иной целью: учить и проповедовать благую весть Святого Духа. И всё же, если бы он пришёл как святой человек, ищущий святых людей, он мог быть уверенным, что сможет сделать так, что местные жители его поймут, и что он сможет даже найти учеников. Такова была его вера.

Доктор Харкер, чьё истощенное здоровье не позволяло распространяться о вещах, не имеющих большого значения, пропустил, без сомнения, красочные подробности долгих путешествий по морям и трудных переходов по суше на самых примитивных повозках. Он даже не ожидал, что божественное вдохновение облегчит ему организацию транспорта или сведущих проводников без знания языков многих племён и кланов на его пути. Его прежние, чисто светские путешествия дали ему возможность наладить некоторые связи, и он каким-то образом добрался до того самого плато Ленг, которого сторонятся здравомыслящие люди.

В те дни Харкер, как человек, обладавший креп-

ким здоровьем и соответствующей физической подготовкой, нашёл подъем на холодную равнину бодрящим испытанием. Он выучил несколько тибетских и непальских фраз, необходимых для простого общения, но знание этих языков совершенно не помогло ему понять, почему проводники и носильщики внезапно отказались идти дальше вверх, на само плато. Видимо, человек, нанявший спутников для миссионера, скрыл от них конечную цель путешествия, чтобы они согласились зайти так далеко. Итак, все сопровождающие оставили Харкера. Думая о миссионерских подвигах Святого Павла, он воспринял это спокойно.

Он двинулся дальше, обнаружив, что путь к его цели всё-таки чётко обозначен, по крайней мере, ночью — из отдалённого сооружения, что смутно вырисовывалось на туманном горизонте, периодически вырывался луч света, похожий на маяк. Харкер полагал, что этот свет приглашает паломников из дальних краёв в место священного уединения. Как только он увидел маяк, то подумал о Моисее и о том, как Бог вёл детей Израилевых через пустыню, приняв форму огненного столпа в ночи. Доблестный доктор Харкер счёл это добрым предзнаменованием.

На то, чтобы пересечь плато, у него ушло несколько дней, абсолютно плоская местность лишала его чувства расстояния. Он устало тащился вперёд, но приземистый комплекс зданий, казалось, никак не становился ближе, пока весь внезапно не появился на горизонте. По мере приближения Харкера к цели на выжженном ландшафте начали проявляться строения. По большей части это были поломанные вершины некогда величавых колонн и обелисков, резные орнаменты на них почти стёрло ветром. Осветив один из них лампой, доктор Харкер обнаружил длинные, вертикальные колонки из букв, отдалённо напоминавшие тибетские, которые он видел во время своих недавних путешествий. Но это был не совсем тибетский язык. Последующее исследование показало бы, что он видел лингвистического предшественника наакальского языка легендарного Му. С этими немыми стелами чередовались причудливые изображения незнакомых путешественнику морских существ, некоторые из которых больше всего напоминали подводных чудовищ Пермского Периода. Но, конечно, эти резные фигуры не представляли собой реальных моделей, а лишь передавали языческие мифы этого региона. И все же было

совершенно невероятно, чтобы морские мотивы встречались в религии обитателей этого плато в гористом сердце Азии.

Внезапно откуда-то налетел сильный ветер и принялся колотить бесстрашного миссионера, словно сам Эол хотел помешать ему приблизиться к мрачному скоплению нависающих над ним зданий. У Харкера, однако, имелся свой внутренний порыв, он не хотел отступать от своей судьбы и неутомимо шёл вперёд. Он почти добрался до ближайшего здания, низкого, ничем не украшенного строения, сложенного из огромных каменных блоков, прилегающих так плотно друг к другу и сглаженных ветрами бесчисленных поколений, что эти блоки выглядели как единый природный мегалит. Затем, без предупреждения, пара приземистых гуманоидных фигур появилась в вездесущем мраке, который, казалось, отпугивал дневной свет. Эти люди, должно быть, были закутаны в огромные меховые плащи и капюшоны, защищающие их от ветра, разрывающего своими когтями всё на этом плато. Они напали на усталого путника, то ли из враждебности, то ли из желания спасти его, он тогда не догадывался, и наполовину вели, наполовину несли его остаток пути в своё обиталище. Хотя

порывы ветра уносили их слова, как осенние листья во время урагана, Харкеру показалось, что он уловил слово «Ленг».

Он почти ничего не помнил, пока не очнулся в тускло освещённой комнате, единственным источником света здесь служила маленькая масляная лампа, стоявшая на полу в углу. Удобств никаких не имелось, если не считать потёртой шкуры яка под ним, которая едва смягчала голый каменный пол. На мгновение Харкер испугался, решив, что его отправили в какую-то уже забытую темницу, предназначенную для глупцов, нарушающих целомудренное уединение этого места. Затем он понял, что здешние жители, наверняка, являлись монашеским братством аскетов, и что они, без сомнения, выделили ему помещение не более спартанское, чем их собственное. Он решил попытаться выразить свою благодарность за их грубое гостеприимство при условии, что он вообще сможет увидеть кого-нибудь из хозяев.

9

Должно быть, прошло несколько дней. Абсолютная тишина, а также отсутствие какого-либо намёка на солнечный свет, не позволяли миссионеру следить за течением времени. Порой, когда

он просыпался после долгого или короткого сна, его ожидала скудная порция пищи, которую он с благодарностью поглощал.

И вот однажды, месяца два или три спустя, он проснулся и обнаружил, что находится не в своей обычной келье, а в центре круга молчаливых сидящих фигур в большом зале для собраний. Единственным источником света здесь служили масляные лампы. Ни одну из фигур Харкер не видел отчётливо. Странно было наблюдать фигуру в мантии, которая, казалось, сидела или полулежала, а затем начала двигаться вбок, не поднимаясь. Она совершала мало движений, и очертания её тела были в основном скрыты щедрыми складками драпировочной ткани, но у Харкера возникло подозрение, что случайные движения руки или кисти предполагают их неправильное анатомическое строение.

Время от времени вокруг миссионера происходил тихий обмен незнакомыми словами, хотя иногда он сомневался в том, что слышит осмысленные диалоги, они скорее походили на гипнотическое жужжание насекомых вдали. Кольцо людей Ленга сидело так в течение нескольких часов, очевидно, выполняя какое-то духовное упражнение.

Оглядевшись по сторонам и увидев то немногое, что открывал мягкий туманный свет, Харкер был озадачен, заметив нечто похожее на тёмный помост в конце низкого, но обширного зала. На вершине этого сооружения, которое, казалось, незаметно сливалось с выступающими из естественного каменного пола сталагмитами, раскинулась движущаяся груда живой материи. Харкер попытался сосредоточиться на этой фигуре, надеясь, что, когда глаза привыкнут к темноте, он сможет рассмотреть её более отчетливо.

Внезапно он ощутил слабое шуршание, которое только что достигло порога его слуха, хотя и очень постепенно увеличивало свою громкость. Монахи начали петь. Освещение стало чуть ярче, хотя Харкер не заметил, чтобы кто-то подливал масла в огонь или как-то иначе регулировал освещение.

По крайней мере, теперь можно было лучше разглядеть фигуру на троне. И всё же голова у Харкера слегка заболела от безуспешных попыток дать какое-то знакомое толкование тому, что видели его глаза, поскольку фигура, закутанная в пышные слои жёлтого шёлка, казалась аморфной. Он раз или два видел людей с заболеваниями щитовидной железы, которые делали их опасно

растолстевшими, женщин, с чьих конечностей свисали мешки избыточной плоти. В этих случаях условные очертания человеческого тела были затемнены, как древние ископаемые, погружённые в грязь. Но это сравнение лишь намекало на появление перед ним существа в капюшоне. Три больших, похожих на колокола воронки из лимонно-жёлтого шелка скрывали толстые и короткие выступы, вероятно, голову и две руки, хотя никакой плоти не было видно. Происходили странные… движения. Харкер поймал себя на том, что ему хочется, чтобы тень по-прежнему пряталась в складках массивной сутаны.

Пение прекратилось так же быстро, как и началось. Теперь Харкер чувствовал, что невидимые лица ждут от него каких-то слов. Рано или поздно ему придётся заговорить, иначе зачем он вообще пришёл к этим странным язычникам? Поэтому он встал и заговорил, зная, что ни в коем случае его слушатели не могут знать его языка, но доверяя обещанию из Писания, что Святой Дух наполнит уста того, кто будет проповедовать Евангелие.

— Друзья мои, вы, чья жизнь, как и моя, посвящена духовным вещам; я проделал долгий путь, чтобы принести вам радостные вести. Ибо к вам сегодня пришёл Спаситель, который есть Хр…

— Та твам аси, — ответил голос, словно подчёркивая слова Харкера. Из семинарских занятий по сравнительному религиоведению он знал смысл этой фразы. Это была знаменитая цитата из индуистских Упанишад. Она означала «то, что ты есть», и относилась к тождеству отдельного человека с божественным Брахманом. Один из присутствующих хотел опровергнуть его проповедь с помощью другого Евангелия? Или дух дал им понять его английскую речь, подобно тому, как Бог перевёл слова для толпы в Пятидесятницу, так что каждый услышал Евангелие на своём родном языке? Понимают ли они его? Если да, то в чём смысл индуистской формулы?

Не успел Харкер задать себе эти вопросы, как почувствовал духовный прилив, какого не испытывал с той первой ночи в храме. Его язык и голосовые связки больше не принадлежали ему, ибо он поддался порыву Духа: он подавил свою сознательную волю и произнес глоссолалические слоги: «Пнглуи нгаб Ктулху фхтагн!»

Через мгновение все фигуры, сидевшие вокруг Харкера, поклонились и простёрлись перед ним, по крайней мере, он так думал. Учитывая запутанные формы тела и движения, он не мог быть уверен в том, что они делали, но это больше

походило на почитание, чем на что-либо ещё. Он являлся всего лишь рупором своего Бога, не более чем посланником, передающим запечатанное сообщение. Он не должен был знать, какие слова содержались в нём. Но он думал и надеялся, что каким-то образом предсказал радостную весть о спасении и что его слушатели оказались ранены в самое сердце, как слушатели Симона Петра в Пятидесятницу. Скоро он поймёт, что все не так просто, но что бы он ни говорил тем монахам, его речь, несомненно, встретили с одобрением, и отныне их отношение к миссионеру стало очень позитивным и даже благоговейным.

Преподобный Харкер совершил своё апостольское путешествие в далёкий Ленг, чтобы водрузить знамя Евангелия там, где оно никогда прежде не поднималось. Он пришёл, чтобы учить, и все же отныне он оказался в роли ученика. Его таинственные хозяева ясно дали это понять, снабдив Харкера свитками и рукописями в большом количестве.

Он, как я уже говорил, уже усвоил кое-какие центрально-азиатские языки, необходимые для того, чтобы найти дорогу в отдалённые районы, но это оказалось скудной основой для того, чтобы пробираться через длинные и толстые тома

метафизики и йогических дисциплин. Раз или два монахам Ленга удавалось заручиться временными услугами непальских или китайских чужаков, которые могли бы способствовать прогрессу миссионера в обучении, но всё это было бессистемно.

Тем не менее, спустя много дней (позже выяснилось, что прошли годы!) Харкер обнаружил, что кое-что понимает в разговорном языке жителей Ленга; меньше, чем можно было ожидать, учитывая время, проведённое среди них, поскольку их язык представлял собой странный свистящий, жужжащий, даже скрежещущий звук, который западному человеку трудно понять или воспроизвести. Письменные языки, особенно прото-Наакальский, ему было легче понять.

Эти занятия дали миссионеру ключ к обширному хранилищу древних и эзотерических знаний. Вскоре доктор Харкер поразился богатству манускриптов, хранившихся в обширных подземных библиотеках этого монастыря. Может, это были и языческие предания, но он не был таким грубияном, чтобы насмехаться над мудростью древней цивилизации, когда его собственные предки ещё ютились в пещерах. Кое-что из того, что он читал, свидетельствовало о довольно близком родстве с

некоторыми индуистско-буддийскими доктринами, ставшими тогда более известными на Западе благодаря серии переводов Макса Мюллера «Священные Книги Востока». Другие манускрипты проводили удивительные параллели со знакомыми Харкеру доктринами и заповедями его собственной веры.

10

Наступил переломный момент, забрезжил рассвет, когда ему, наконец, подарили очень древний пергамент, который, по мере того как расширившиеся глаза Харкера расшифровывали строчку за строчкой, оказался описанием ученичества Иисуса из Назарета среди адептов Ленга. Здесь, казалось бы, находился ответ на давнюю загадку «потерянных», лет Иисуса между его юностью и Крещением в Иордане. Всё, что до сих пор знал ошеломлённый Харкер, каким бы невероятным оно ни казалось, не касалось его лично. Это… это ударило в самое сердце его веры.

Но было ли это угрозой его вере? Или дополнением? Возможно ли, что он стоит на пороге открытия нового или давно забытого толкования Евангелия? Может быть, поэтому его так странно тянуло к практически неизвестной границе Лен-

га? Проповедовал ли он Евангелие этим людям? Или они проповедовали ему? Харкеру не потребовалось много времени, чтобы понять, что судьба предоставила ему уникальную возможность учиться, и что лучше всего воспользоваться ею.

Монахи принесли ему ещё свитки, ещё писания, которые он проглотил, испытывая новый духовный голод. Он постиг «Упа-Пураны», почти без усилий, и «Чёрная Сутра», легендарного аватара У Пао открыла ему свои секреты. «Книга изречений Цянга Самдупа», больше не оставалась для него безмолвной.

На протяжении многих лет ему лишь изредка удавалось мельком увидеть закутанную в саван фигуру, которую он принял за настоятеля этого таинственного братства. Харкер никогда не слышал ни слова от этого почти аморфного персонажа. Казалось, что тот проводил большую часть своего времени в мистическом созерцании. Затем однажды Брат Энос (как он сам себя называл) вздрогнул, услышав дрожащий удар большого гонга, разнесшийся по низким замшелым стенам монастыря. Он знал, что, должно быть, произошло что-то важное, и ожидал, что один из братьев придет к нему в келью, чтобы сообщить ему о произошедшем. И всё же с нарастающей

тревогой, граничащей с паникой, он пробудился от резкого воя костяной трубы, призывавшей его в полночь присоединиться к братьям для процессии по незнакомым коридорам и пандусам, ведущим в тёмную часть огромного комплекса, похожего на улей, о полной протяженности которого он никогда не подозревал.

Масляные лампы покоились в нишах вдоль залов, почти не давая освещения, хотя, возможно, этого было достаточно для глаз, давно привыкших к хождению по ночам. Монахи продолжали тихое пение на каком-то языке, что казался Харкеру чуждым даже после всех его занятий. После того, как многое из этого произошло, группа, насчитывавшая около дюжины человек, вошла в зал, потолок в котором находился намного выше, чем в любом другом помещении, что видел Харкер. Посередине зала стоял широкий деревянный стол, окружённый свечами. В центре стола виднелась покрытая вуалью куча неправильных очертаний. Харкер удивился тому, что старый настоятель не председательствует на том, что всё больше и больше походило на священный пир. Потом он понял, что скрывает шёлковая вуаль. Иерофант в маске закончил свои дела в этом воплощении.

Что будет с ними дальше? Какова была природа этой церемонии? Был ли это простой мемориал, созданный для того, чтобы ускорить отправку души покойного ламы к его следующему воплощению? Или это каким-то образом решит вопрос о престолонаследии? Миссионеру пришлось ждать и наблюдать.

Одна из сгорбленных фигур в капюшоне держала книгу, раскрытые страницы которой затеняли её распростёртые руки. Зазвучала новая песня, на этот раз на более привычном языке Тибета.

— Лети, лети, о Благороднорождённый, из этого глиняного дома, и ты узришь Обсидиановую Ночь! Пасть Хаоса! Из него ты пришёл; стремись же к нему! Знай, что это Пустота твоего внутреннего «Я»! Обходи опасные склоны Сумеру и ищи врата Саркоманда. Избегай восхитительных зрелищ Старших Божеств и познай себя как одного из Гневных Божеств.

Харкер начал понимать, что это — адская пародия на печально известное «Бардо Тодол», тибетскую «Книгу Мёртвых».

Наконец наступила тишина. Жрец отложил книгу и вознёс над своей головой покрытое ржавчиной лезвие церемониального ножа длиной в фут. Другие подняли кусок шелковой ткани, и

жрец начал резать и кромсать то, что лежало на столе. Энос Харкер всё больше приходил в ужас, чувствуя, что сейчас произойдёт, но был не в силах даже думать об этом.

Рука в перчатке протянула ему дрожащую гниющую плоть, пробормотав несколько слов. Невольно разум Харкера подсказал ему евангельские слова: «Это моё тело; возьми, ешь». Он так и сделал. Это казалось неизбежным, и миссионер даже стыдился своих сомнений, думая об Отце Аврааме, повинующемся Божьему повелению убить своего первенца.

(Когда мой работодатель рассказывал об этих шокирующих событиях, я не мог не вспомнить, как он ранее потребовал, чтобы я добыл для него отвратительный отрывок из «Некрономикона», касающийся «культа некрофагов из Ленга». По-видимому, он уже был хорошо информирован по этому вопросу).

11

В последующие месяцы Эносу Харкеру стала ясна своя судьба. Со времени своего возвращения в Штаты доктор Харкер занимался главным образом исследованиями, подтверждавшими тайны его посвящения, из западных оккультных источ-

ников. Он пытался найти какой-то способ понять их в свете западной философии, и это неизбежно задавало направление его мыслей.

Прежде всего, ему удалось правдоподобно определить мистическую философию людей Ленга как явную гибридизацию Манихейского Гностицизма, который, как это хорошо известно, проник в Китай и Центральную Азию задолго до десятого века, и шаманского вероучения Бонпа, существовавшего в Тибете и Монголии. Это объясняло странные, перевёрнутые параллели с буддизмом Ваджраяны, который в значительной степени вытеснил Бонпа в соседнем Тибете, а также поразительный дуализм, который противопоставлял набор старших божеств другому набору гневных божеств.

Казалось, что на предпоследнем уровне бытия, более высоком, чем уровень бодрствующего восприятия, но более низком, чем абсолютное Единство Пустоты, существует целая география континентов и океанов сновидений с экзотическими названиями, такими как Саркоманд, Икранос и гора Сумеру. Именно из этого странного царства, дома Великих Древних, секты Бессмертных Мастеров Ленга, приходили сны и откровения.

Высшей точкой причудливой псевдобуддистской космологии являлась универсальная пустота, в которой все предполагаемые истины оказывались полуправдой и отпадали. Здесь, за Намарупой, царил хаос без имени и формы. Все существа считались иллюзорными, мимолётными преломлениями этой блаженной пустоты, которую одни писания называли Азатот, другие — Ахамот, или Вач-Вирадж. Но существует ряд божественных демиургов, полуреальных олицетворений Хаоса, представляющих образы, которым простые люди могут поклоняться как богам. Их может быть много или мало, в зависимости от задач и потребностей времени.

Самыми важными из них были два существа, именуемые Ллойгор и Жар, хотя их тайные имена были Нуг и Йеб, и они также были известны, когда звезды находились в определённых позициях, к которым они теперь приближались, под именами Клулу и Ньярлатхотеп. Предполагается, что это аватары, которые опускали занавес в каждом цикле мироздания. Они могли ходить среди людей в человеческом обличье, сеять безумие и хаос, ибо они считали это духовным просветлением. Ньярлатхотеп однажды явился в человеческом обличье как египетский фараон Нефрен-Ка, в то

время как Клулу шагал по обречённым берегам Атлантиды с измождённым лицом царя-жреца Катулоса. Это было давно, но, в конце концов, они снова появятся: Клулу поднимется из подсознательных глубин несчастных людей в потоке смертельных, сводящих с ума ночных кошмаров, в то время как Ньярлатхотеп снова выйдет в человеческом обличье. А пока он ни в коем случае не оставит своих сыновей, жителей Ленга, сиротами. В каждом поколении он жил среди них, экстрасенсорно проецируя свою сущность (или тулку) в избранный сосуд, в качестве которого, конечно, служил Иерофант Ленга.

Вселение божества в тело вызывало постепенное превращение естественной плоти в возвышенную субстанцию, которая всё больше и больше приобретала изначальное сходство с сущностью внутри человека, чего не могли видеть другие люди. После смерти каждого сосуда преемник выбирался по явным признакам. Священная сущность переходила в новый аватар посредством физического поглощения. Затем служители передавали ему Жёлтый Знак, Бледную Маску и Шёлковую Мантию. Он будет жить в телепатической связи с аватаром Клулу в Бардо Снов, чтобы знать, когда наступит конец века.

Время это должно скоро наступить, ибо вера в культ Ленга, некогда (как они полагали) распространившаяся по всему земному шару, теперь отступила в этот единственный монастырь; такой предначертанный судьбой отлив происходит в конце каждого космического цикла.

Имелись и другие архаичные сложности, такие как многоуровневая организация людей Ленга; многие из них не были посвящены в глубочайшие тайны и доктрины секты, но действовали главным образом как пассивные медиумы для голосов Великих Древних, которые время от времени передавали свои указания. Великое откровение, о котором читатель уже, наверное, догадался, состоит в том, что Энос Харкер был избран следующим и, по-видимому, последним аватаром, носящим тулку Ньярлатхотепа.

12

Он вернулся на Запад всего несколько лет назад, чувствуя отчаянную потребность подумать обо всём, что услышал, об ответственности, которая теперь лежала на его плечах. Те, кто был предан ему как своему царю-жрецу и даже как своему живому богу, не осмеливались спросить почему он уходит, хотя и не испытывали особого

энтузиазма от этого. Насколько им было известно, он, возможно, почувствовал призыв снова выйти в мир, как это делали в прошлом прежние аватары, чтобы подготовить всё к окончательному наступлению хаоса, когда безумные полярные сияния должны будут катиться вперёд и взрывать всё подряд беспощадным, расточительным пламенем.

Насколько я могу представить, сама утонченность сосуда — образованного человека с Запада, благодаря чему воплощение тулку стало столь мощным, также сделала его менее предсказуемым, менее управляемым, чем предыдущие первосвященники, которые все были невежественными азиатами, рождёнными и воспитанными в глуши, обитателями виртуальной области, лишёнными культуры или контактов с людьми.

Мы все мы, к большому сожалению, существа с одинаковым взглядом на жизнь. Мир, в котором мы живём, подобен атмосфере, которой мы дышим, и, как известно, трудно не делать того, что делают римляне в Риме. Таким образом, смятение и мучительные сомнения доктора Харкера, как только он вернулся на Запад, быстро переросли в кризис нерешительности, в котором

преданность соперничающим картинам реальности едва не разорвала его на части. Он плакал, чтобы совладать со своими мыслями, пока готовил научную монографию, которую поручил мне оформить окончательно. Его настоятельное желание ознакомиться с такими текстами, как «Некрономикон», и переведённым «Текстом Р'льеха», было на самом деле последней попыткой опровергнуть его собственные убеждения и переживания как иллюзии и заблуждения. Возможно, культ промыл ему мозги. Теперь он на это надеялся! Лучше так, чем допустить, что безумные вещи, в которые он верил, окажутся правдой!

Но они доказали, что являются правдой. Он надеялся, что высказывания, которые он когда-то считал обрывками грубого языка Р'льеха, не будут иметь ничего общего с тем, что казалось осязаемой реликвией этого языка, переведённой объективной третьей стороной. Страшная правда состояла в том, что некоторые из тех фраз, которые он помнил, слышал (и говорил) присутствовали в этой книге, и были переведены именно так, как он их понял. Теперь не было ни малейшего шанса, что это неправда.

Что касается меня, то, должен признаться, я

оказался на шаг позади пожилого священника. Я очень боялся, что петля истины сомкнётся и на моей шее. Я отчаянно надеялся на то, в чём в любое другое время был бы совершенно уверен: человек передо мной, явно страдающий бредом, окончательно сошёл с ума. Но я тоже понял, что уже слишком поздно для этого, слишком поздно сохранять рассудок.

13

Теперь я достаточно хорошо знал природу болезни, которая быстро разрушала физическую форму доктора Харкера. Он вовсе не деградировал. Он преображался, преображался в подобие апостола последнего часа, Ньярлатхотепа. Когда это преобразование будет завершено, наступит тот самый час. Кали-юга закончилась. Появился ли апостол на этой стороне мира или нет, не имело значения. Как только он избавится от последних остатков своего хозяина Эноса Харкера и человеческой совести, исчезнут и последние надежды предотвратить его апокалипсическую миссию.

До этого момента я молчал, бормоча что-то своему хозяину, хотя думать о нём в таких терминах сейчас казалось легкомысленным. Как он мог

быть так странно спокоен? Он просто смирился со своей судьбой? И с мрачной судьбой, уготованной всему человечеству? Или это был последний клочок надежды, который он до сих пор скрывал от меня?

— Может быть. Может быть. Сегодня вечером у меня был гость. Именно поэтому мне пришлось отложить беседу с вами. Он — человек, разбирающийся в этих вопросах, в некотором смысле более знающий, чем я, несмотря на всё, что я видел. Его зовут Свами Сунанд Чандрапутра, или, по крайней мере, он просит, чтобы его так называли. Он прекрасно понимает ситуацию. Он оставил мне это.

На забинтованной, похожей на лапу ладони лежал необычно большой ключ из потускневшего серебра с искусными узорами.

— С этим я могу попытаться сбежать. Я не могу спасти свою жизнь. Моя судьба была решена в тот момент, когда я принял участие в богохульном таинстве. Но, возможно, есть шанс пойти туда, где появление этого существа внутри меня не причинит никому вреда. Я возьму ключ и войду в состояние сна, более реального, чем иллюзия, в которой мы сейчас находимся. Там я пройду через дверь, горный портал Саркоманда. Дьяволы

Чо-Чо будут ждать меня и попытаются преградить мне путь. Но если я буду твёрдо верить, что они всего лишь беспочвенные призраки моего собственного разума, тогда я смогу победить. Что будет потом, я не знаю. Но путь назад для аватара будет долгим, слишком долгим для него, принявшего громоздкую мантию грубой плоти. Слушайте! Время пришло! Его сны начинают вторгаться в бодрствующий мир!

В течение нескольких минут я смутно ощущал нарастающее эхо, но оно ещё не проникло в мое сознание. Теперь звук, который трудно описать словами, стал отчётлив. Мне показалось, что я слышу медленную и ровную поступь огромных шагов, шагов Левиафана, сотрясающих землю, хотя я не чувствовал физической дрожи. Они раздавались глубоко под землёй, словно из каких-то пещер, о существовании которых никто не подозревал. Шли минуты, и казалось, что гулкие шаги постепенно поднимаются по изгибу небосвода, пока не достигнут Зенита. Я сидел так, ни на что не глядя, ожидая, прислушиваясь, и вздрогнул, когда часы на камине пробили полночь. Я повернулся к доктору Харкеру, наверное, в поисках подсказки, но обнаружил пустую кровать.

Вообще-то не совсем пустую. Ключ необычных

пропорций из почерневшего серебра вдавился в растрёпанные простыни. Инстинктивно я схватил его, повернулся и направился к двери. Я не остановился и не зашёл в свою комнату, чтобы забрать свои немногочисленные пожитки, а направился вглубь острова с максимальной скоростью, на какую был способен. Я мало думал о том, что может случиться дальше, знал лишь, что я должен бежать, как Лот из Содома.

Должно быть, я добрался до своей старой квартиры на Паркер-стрит, где хозяйка, услышав мой отчаянный стук, впустила меня. Я мало что помню из того, что случилось той ночью или на следующий день, и я не был свидетелем того, что произошло на мысе Керн, или того, что могло там произойти. Как я уже сказал, этот район в основном пустынен, и это проявление милосердия в свете того, что, наконец, произошло. Бродяга, который, шатаясь, брёл по трамвайным путям к пляжу, рассказал, как он сначала увидел странную вспышку голубоватого света, вырвавшуюся вверх из одной хижины, словно это был маяк на берегу. Я не сомневался, что он имеет в виду дом, арендованный доктором Харкером. Затем последовала более мощная вспышка, в которой появилось несколько фигур, борющихся в тени,

одна из них выглядела больше остальных. Власти списали это на алкогольные галлюцинации. Хотя даже они не могут отрицать, что нечто превратило весь пляж в огромный лист стекла.

Какая бы сила ни была ответственна за это, она сделала так, что вместо пляжного домика Эноса Харкера остался тонкий слой пепла, и химики в Мискатоникском Университете до сих пор гадают, что там произошло. Поиски пропавшего доктора Харкера не проводились, поскольку его немощь была хорошо известна, и доктор Спрэг заверил полицию, что в момент катастрофы больной мог находиться только в постели. Следовательно, в куче пепла, что раздувало ветром, находились и остатки Харкера.

Однако я знаю, что это не так, и я не одинок в своём мнении. Доктор Спрэг, кажется, уже не в первый раз знает больше, чем хочет сказать, и доктор Лланфер, похоже, не беспокоится, а скорее даже испытывает облегчение, как будто драма достигла развязки. Все остальные, естественно, расстроены тем, что не могут отправить в архив загадку, к которой до сих пор не найдено ответа. Самая большая тайна, о которой они не имеют ни малейшего представления, — это странная судьба Эноса Харкера.

Перевод: А. Черепанов

Лин Картер и Роберт М. Прайс
Душа, купленная дьяволом

Lin Carter, Robert M. Price «The Soul of the Devil-Bought», 1996

I

Телефонный аппарат издал звуковой сигнал, который обычно не ожидают от него услышать. Звук был похож на гонг — телефон действительно был прикреплён к медному гонгу среднего размера где-то в удивительно обширном интерьере квартиры. Эта странная конструкция напоминала строение человеческого уха с его барабанной перепонкой. Приглушённый множеством восточных ковров и замысловатых гобеленов, которые изолировали почти все помещения, мягкий звук всё ещё проникал в каждый дюйм этого странного обиталища. В любом случае это был всего лишь один звонок, но на этот раз смуглая рука протянулась к похожей на гантель трубке во второй комнате, поскольку гигантский обладатель

этой руки, молчаливый сикх в тюрбане, стоял, как стражник, рядом с замысловатым резным столиком из тикового дерева, на котором, словно музейный экспонат, располагался телефон. Акбар Сингх произнёс короткое слово с какой-то властной настойчивостью: «Да?», Затем: «Какое у вас дело к моему хозяину?»

Величавый сикх стоял, по-видимому, один в заставленном книгами кабинете, словно индеец из табачной лавки, добавленный в экзотическую коллекцию антиквариата, диковинок и книг в тонких переплётах. Это было не его собственное святилище, и все же сикх казался в нём одиноким — пока внезапно кожаное вращающееся кресло с высокой спинкой за большим письменным столом из красного дерева не развернулось к нему. Лицо, которое увидел Акбар, было привычным для него. Хотя для многих посетителей оно выглядело каким-то особенным. Утончённое евразийское лицо оставалось таким же безучастным, как и у Будды, и всё же его раскосые глаза под высоким, непокрытым лбом, словно пылали от предвкушения приключений. Казалось, что он телепатически следит за телефонным разговором; возможно, так и было на самом деле.

Доктор Антон Зарнак встал и потянулся через

заваленный бумагами стол к телефонной трубке, которую протянул ему слуга. Он слушал, закрыв глаза, словно размышляя и будто пытаясь уловить сигналы от своего собеседника, которые тот посылал ненамеренно. Серебристо-белый, зигзагообразный пучок волос, поднимавшийся от макушки его головы и рассыпавшийся по его чёрным, как смоль, волосам, мог бы свидетельствовать о притяжении психических сил к его магнетическому мозгу.

— Да, мистер Мейтланд… или точнее доктор Мейтланд, не так ли? Да, я так и думал. Я ожидал вашего звонка. Неважно как, но это было предсказуемым и естественным развитием событий. Нет, всё в порядке. Полагаю, вы звоните насчёт наследства Уинфилда?… У меня есть свои источники.

Несмотря на всё это, гигантский сикх позволил себе слегка улыбнуться, приподняв уголки рта. Его позабавило очевидное замешательство, которое предвидение его хозяина вызывало у таких вопрошающих. Ему самому это чувство было не чуждо. Если он и чувствовал сейчас, что звонящий удивился способностям его хозяина, то не потому, что понимал тайну Зарнака лучше, чем озадаченный доктор Мейтланд; он просто

привык к необъяснимому. Теперь доктор Зарнак возвращал ему телефонную трубку.

— Мы немедленно отправляемся, мой друг. Я счёл за лучшее не требовать, чтобы наш учёный гость покинул свою башню из слоновой кости и отправился в тёмные дворы нашего Восточного Квартала. До Санборнского Института на машине рукой подать, и я подозреваю, что нам обоим будет полезно подышать свежим воздухом.

Акбар Сингх кивнул и отправился за плащом своего хозяина. Действительно, свежий воздух полезен — вот уже несколько месяцев Акбар дышал только дымом от благовоний, частично подозревая, что это должно было привить ему некую психическую чувствительность или защиту. На самом деле ему не хотелось знать ничего сверх этого.

II

Когда чёрный седан с мурлыканьем выехал из мощёных лабиринтов Восточного Квартала и двинулся вверх по побережью Южной Калифорнии к Сантьяго, водитель с облегчением прибавил газу, пока окружные дороги не привели машину к Санборнскому Институту Тихоокеанских Древностей. В этом заведении знаменитый доктор

Зарнак не был чужаком. В действительности именно здесь он получил последнюю из своих нескольких докторских степеней. Его отношения с альма-матер оставались деловыми, хотя он был едва ли не средним выпускником.

Зарнака нередко вызывали для датировки или проверки подлинности некоторых реликвий, купленных институтом у различных сомнительных торговцев на Ривер-Стрит, где на причалы выгружали всевозможные странные грузы, доставляемые из малоизвестных портов Тихого и Индийского океанов. Не было никакого смысла сомневаться в том, как добывались такие реликвии, поскольку законность мало что значила в большинстве мест, где часто бывали эти торговцы. Насколько мог судить любой житель Запада, старинные предметы с таким же успехом могли быть только что эксгумированы из шкафчика Дэйви Джонса. Если тот или иной институт не воспользуется такими возможностями, то не придётся сомневаться в том, что это сделают другие.

В связи с совершенно другим делом Зарнак обратился к Джейкобу Мейтланду, усердному молодому ассистенту, выпускнику Санборна, который как раз заканчивал свою докторскую диссертацию и готовился к её защите перед своим

комитетом. Он работал над любопытной древней рукописью из пальмовых листьев под названием «Священное Писание Понапе», которую незадолго до этого принёс в Санборнский Институт злополучный учёный-исследователь Гарольд Хэдли Коупленд. Мейтланд познакомился с Зарнаком в последние месяцы, когда тот работал в Санборне. Он читал диссертацию Зарнака «Новое исследование генезиса Полинезии в соответствии с „Хтаат Аквадинген“». Молодой Мейтланд сразу же понял, насколько полезны некоторые методы его старшего коллеги в применении к его собственному проекту, поскольку подозревал, что неясные страницы «Писания Понапе», могли быть написаны на каком-то утерянном варианте естественного языка легендарного Му. Но когда час назад он позвонил Зарнаку, он думал вовсе не об этом.

История Джейкоба Мейтланда и его мрачные подозрения начали раскрываться, когда он пригласил доктора Зарнака и его слугу в свой крошечный кабинет. Имя Мейтланда было выведено по трафарету на картонной табличке, приклеенной к стеклу двери. Как аспирант-ассистент он имел невысокий статус и мало привилегий, и просторные помещения ему не полагались.

Взглянув на массивную фигуру сикха, Мейтланд предположил, что, возможно, клуб преподавателей или даже библиотека могли бы быть более подходящими местами для разговора, но Зарнак настаивал, что уединение — более важно, и Акбар Сингх скромно удалился со сцены, объявив о своем намерении остаться снаружи возле автомобиля.

Похоже, Мейтланд был крайне раздражён обязанностью, возложенной на него начальником, очевидно, потому, что никто другой, имеющий право делегировать это дело, не колебался воспользоваться этим правом. Ему предстояло разыскать какого-то мистера Уинфилда Филлипса, наследника имущества некоего Хирама Стокли, эксцентричного затворника, от которого не было никакой пользы ни одному современнику за исключением знаменитого Гарольда Хэдли Коупленда, самого великого благодетеля Санборнского Института. В какой-то момент Коупленду удалось совершить немыслимое — приобрести у сварливого Стокли две бесценных, старинных книги: «Die Unaussprechlichen Kulten», Ф. В. фон Юнцта и «Текст Р'льеха», с которым, как знал Мейтланд, Зарнак был более чем знаком, а также несколько рукописных страниц из ди-

ковинки под названием «Песнопения Юггьи». Никто в институте не мог даже предположить, как Коупленду удалось уговорить старого Хирама отдать эти сокровища, если только, как предполагали некоторые, Хирам не овладел всем тем, чему его научили эти книги.

В конце концов, Коупленд завещал свою собственную обширную коллекцию идолов, рукописей, современных книг, карт, дневников и всего прочего Санборнскому Институту Тихоокеанских Древностей. Как только среди его дневников обнаружилось, что копии фон Юнцта и «Текста Р'льеха», попали к нему из коллекции Стокли, попечители Института, естественно, задались вопросом: что ещё такое же важное для науки могло находиться в библиотеке покойного чудака? Разве нельзя было договориться с наследниками, двумя племянниками старика, Брайаном Уинфилдом и Уинфилдом Филлипсом? Если верить местной газете, они переехали в ветхое поместье ненавистного Хирама Стокли в стиле гасиенды несколько недель назад, чтобы открыто создать гомосексуальную семью, к негодованию белых бедняков из соседнего города Дарнхем-Бич, чьи пуританские угрызения совести, очевидно, не мешали их собственным убогим гомосексуалистам.

Вскоре на смену старому скандалу пришёл новый. Возможно, первоначальная ложь успела устареть, и в народе теперь уже шептались о том, что если раньше молодые люди были неразлучны в тех редких случаях, когда осмеливались выезжать в город, то теперь можно было видеть только Уинфилда Филлипса, чей вид казался зловеще рассеянным, хотя никто, даже сплетники, не мог указать на какие-либо конкретные признаки насилия. Вероятно, какая-то любовная ссора между двумя денди прогнала оскорбленного кузена под покровом ночи, а может быть, он покончил с собой в минуту слезливого отчаяния, как это обычно делали гомосексуалисты (или считалось, что они так поступают).

Джейкоб Мейтланд нашёл эти сообщения наполовину правдоподобными, прочитав где-то о живом интересе Филлипса к декадентам. Он никого не осуждал за личную жизнь, но сплетни о Дарнхем-Бич были для него интересны просто потому, что ему предстояло важное дело — войти в доверительный контакт с Уинфилдом Филлипсом, и Мейтланд опасался на основании этих сообщений, что данный человек может вести себя неразумно. Когда Мейтланд вскоре обнаружил, что Филлипс в течение ряда лет был

связан с Мискатоникским Университетом в том же качестве, как и сам Мейтланд с Санборном, он начал опасаться, что его коллега может пожертвовать все свои ценные книги Библиотеке Хоуга в Мискатонике, и таким образом укрепить свои собственные перспективы получения места преподавателя на факультете. Эта возможность казалась Мейтланду тем более вероятной, что он надеялся, приобретя такие редкие книги для коллекции Санборна, продвинуться в своей научной карьере. Ему ничего не оставалось, как подъехать к дому Хирама Стокли и обсудить всё как можно более дружелюбно с самим Уинфилдом Филлипсом.

Филлипс не потрудился восстановить телефонную связь в доме своего дяди, очевидно разделяя некоторые отшельнические наклонности старика. Так что у Джейкоба Мейтланда не было иного выбора, кроме как проделать долгий путь через унылые болота и акры чахлых сосен к старой гасиенде — и надеяться, что Филлипс будет дома. Учитывая запустение Дарнхем-Бич и прилегающих к нему земель, Мейтланд считал маловероятным, что Филлипс будет чем-то занят вдали от дома. Необычный вид карликового соснового леса навел его на мысль о сосновых

пустошах Нью-Джерси, в которых, согласно местным суевериям, обитал фантастический Джерсийский Дьявол. Глядя на местный эквивалент пустоши, Мейтланд мог хорошо понять, как одичание такого места отразилось бы в будущих легендах.

Он поморщился, когда понял, что проезжает мимо проклятых акров печально известного Поля Хаббла, рутинные раскопки которого несколько лет назад принесли шокирующие откровения о многовековых человеческих жертвоприношениях и массовых убийствах. Эти ужасные разоблачения фактически обрекли соседний город на окончательное запустение, поскольку никто туда не переезжал. Даже угрюмые обитатели Дарнхем-Бич, казалось, презирали свою родовую среду обитания, хотя никто из них не стремился покинуть её, даже несколько лет назад, когда случилась череда странных исчезновений, в основном, детей. Мейтланду казалось, что нечто удерживает дарнхемцев на их отравленной земле, так что мысль о бегстве, казалось, никогда не приходила в голову большинству из них. Что могло удержать здесь такого чужака, как Филлипс? Неудивительно, что его бойфренд уехал, без сомнения решив, что с него довольно

этой окружающей обстановки.

III

Зарнак слушал с непостижимым молчанием пока Мейтланд продолжал заполнять узкие рамки кабинета подробностями своей истории. Молодой человек не раз останавливался, чтобы обличить себя в том, что он утомил своего гостя чрезмерными подробностями, но последний заверил его, что нельзя пренебрегать ни одним фактом.

— Иногда, мой юный друг, воспоминание — это всего лишь камера, которая записывает детали. Большинство из них ничего не значат для нас, но есть и такие, что могут многое поведать другому человеку, изучающему сделанную этой камерой фотографию. Продолжайте.

Мейтланд понятия не имел, чего ожидать, когда на его стук в дверь, наконец, ответят. Как будет выглядеть Филлипс? Мейтланд видел некачественную фотографию этого человека, стоявшего буквально в тени своего бывшего работодателя, доктора Сенеки Лафема, профессора Мискатоникского Университета. Это было несколько лет назад, после какого-то странного дела в лесах Биллингтона, в сельской местности Массачусетса.

Дверь открылась, и зрелище, представшее перед Мейтландом, оказалось ещё более неожиданным. Это был не Уинфилд Филлипс и даже не его, по общему мнению, исчезнувший двоюродный брат. Фигура перед ним, несмотря на свою ничем не примечательную манеру одеваться, явно принадлежала американскому индейцу (из некогда местного народа Хиппавей, как позже узнал Мейтланд). Этот молчаливый человек, чьи выдающиеся скулы оттеняли любопытные узоры из шрамов, должно быть, был принят Уинфилдом Филлипсом вместе с некоторыми из его новообретённых богатств, как доверенный слуга. То, что этот человек был индейцем, могло означать, что никто из местных жителей не захотел работать на Филлипса. Видит Бог, в городе-призраке имелось мало возможностей для трудоустройства.

Двое мужчин некоторое время смотрели друг на друга молча, Мейтланд — от того, что потерял дар речи, а индеец ждал какого-нибудь вопроса, на который он мог бы ответить. Наконец, когда Мейтланд начал сбивчиво сыпать фальшивыми фразами, индеец, гораздо более пожилой человек, просто указал на себя, сказав «Э-хок-такус».

Мейтланду удалось произнести своё собственное имя, хоть и заикаясь, как будто он был не

совсем уверен в нём, а затем к ним присоединилась третья фигура. Этот человек представился как Уинфилд Филлипс. Он, по крайней мере, соответствовал общему впечатлению от человека на фотографии, хотя казалось, что он выглядит значительно старше своих тридцати лет. Возможно, непривычные обязанности по улаживанию дел покойного дяди утомили его. Тяготы повседневной жизни часто оказывались тяжелее для тех, чей ум обычно был погружён в научные абстракции, и Джейкоб Мейтланд слишком хорошо это знал.

Мейтланд протянул руку, Филлипс пожал её с явным нежеланием.

— Приятно познакомиться, мистер Филлипс. Могу ли я зайти в дом и обсудить с вами кое-что? О вашем наследстве, видите ли.

Глаза Филлипса с подозрением сузились.

— Вы из офиса оценщика? Но я думал…

— О, нет, ничего подобного, мистер Филлипс. Я из Санборнского Института.

— Отлично. Входите. Боюсь, я уже достаточно насмотрелся на федеральных, государственных и местных шакалов, появляющихся из-за деревьев, каждый из которых ожидает долю падали. Простите за образность.

— Ну, конечно, — сказал Мейтланд, снимая шляпу и передавая её слуге-индейцу, который сначала как будто не понял, что с ней делать.

Дом был роскошно обставлен, в основном, в Викторианском стиле, что Мейтланд отметил с некоторым облегчением, потому что ненавидел дома, где внутреннее убранство противоречило внешнему фасаду, или, что ещё хуже, где забывчивый новый домовладелец не имел никакого чувства приличия и беспорядочно смешивал стили. Потом он понял, что мистер Филлипс, должно быть, просто вычистил и подлатал интерьер старого дома, не потрудившись переосмыслить вкусы своего предка в меблировке. Тем не менее, само это усилие подразумевало намерение Филлипса остаться жить в этом доме и сделать его своим собственным.

Филлипс провел гостя в библиотеку на втором этаже и указал ему место на одной из кушеток перед камином, в то время как его слуга разжег огонь. Усевшись в кожаное кресло с откидной спинкой напротив насеста Мейтланда, Филлипс устроился поудобнее, словно хозяин поместья, находящийся на любимом месте.

— Поначалу, как вы, наверное, знаете, мистер Мейтланд, я приехал сюда с востока, думая лишь

о том, чтобы присутствовать на похоронах моего дяди Хирама и уладить кое-какие дела в Санборне. Боюсь, до этого я еще не дошёл. Дела здесь неожиданно… заняли меня.

Филлипс уставился пустым взглядом на высокий потолок, как будто смотрел сквозь него на большие просторы снаружи.

— Я планировал продать этот старый особняк, но чем дольше я оставался здесь, тем больше я чувствовал себя как дома, не могу сказать почему. На самом деле, у меня практически было такое чувство, что я вернулся домой после долгого отсутствия. Глупо звучит, не правда ли? Нет, я никогда не бывал здесь и не навещал дядю Хирама, хотя, признаюсь, теперь, живя среди его вещей, я знаю его лучше.

Мейтланд не мог не заметить, что во всей этой болтливой речи Филлипс ни словом не обмолвился о своем кузене и компаньоне Брайане Уинфилде. Всё выглядело так, как будто его кузен не принимал никакого участия в последних событиях. Мейтланд гадал, что еще Филлипс мог намеренно пропустить в своём монологе. С другой стороны, роль Мейтланда состояла в том, чтобы просто вести переговоры о каких-то старых книгах, а не играть роль детектива.

— Итак, мистер Филлипс, говоря о вещах вашего покойного дяди, я хочу сообщить, что попечителям Санборнского Института любопытно узнать, может ли его, то есть ваша библиотека, содержать ещё какие-нибудь старые книги, подобные тем, что Гарольд Хэдли Коупленд когда-то приобрёл у Хирама Стокли…

— Да, — перебил его Филлипс, — я знаю, какие вы имеете в виду. И, честно говоря, я не могу себе представить, что заставило дядю Хирама расстаться с этими книгами в первую очередь. На самом деле, я подумывал попросить институт вернуть их, чтобы коллекция Стокли могла стать полной снова. Эти книги пробыли у вас достаточно долго, вы уже должны были сделать фотокопии всех страниц.

Это был удар! Мейтланд приехал, чтобы пополнить редкие книжные фонды Санборна, а оказалось, что он вот-вот потеряет часть королевских драгоценностей Института. Мысленно он упрекнул себя: лучше было вообще никогда не приходить!

— Это несколько неожиданно, мистер Филлипс, но я могу понять вашу точку зрения. Я уверен, что попечители согласятся рассмотреть этот вопрос. Я уверен, что это можно решить полюбовно. Пре-

жде чем я уйду, хотелось бы спросить: могу я вам чем-нибудь помочь в Институте? Вы упомянули о каких-то делах там…

— Разумеется, Мистер Мейтланд. Но на самом деле я не думаю, что буду переживать. Видите ли, это было связано с парнем по имени Артур Уилкокс Ходжкинс из вашего Санборнского Института. Этот обезумевший человек однажды появился в Мискатонике, проделав путь через всю страну. Похоже, он испытывал особый страх перед одним из старых меланезийских идолов из наследства Коупленда. Если хотите знать моё впечатление, Ходжкинс был не просто параноиком. Тем не менее, некоторые из наших преподавателей выслушали его и сочли самым милосердным позволить ему взять с собой домой один из наших меньших музейных экспонатов, звездообразный камень удивительной работы. Этот парень был убеждён, что камень будет действовать как некое устройство, отвращающее беду, и защитит его от оккультной гибели, которой он боялся.

Газеты вскоре после этого сообщили, что страхи, наконец, взяли над ним верх, что он обезумел в галерее Музея Санборна, убил ночного сторожа и пытался поджечь это место. Всё это произошло около восьми лет назад.

Мой работодатель в Мискатонике, доктор Лафем, попросил меня, пока я был здесь на похоронах дяди Хирама, разобраться в этом деле, задаваясь вопросом, не было ли в этой трагедии чего-то большего, чем газеты сочли нужным сообщить. Но с тех пор, как я получил наследство, я решил не возвращаться на восток, а что касается дела Ходжкинса, то я думаю, что лучше не будить лихо, пока спит тихо. Не так ли? Вряд ли в Санборне будут в восторге, если это грязное дело вновь появится на страницах газет на потеху публике.

Мейтланд действительно слышал о странной трагедии неуравновешенного Ходжкинса, но никогда не пересекался с ним в институте. Он знал, что в этом деле есть что-то большее, хотя, что это может быть, Мейтланд не знал и не хотел знать. Филлипс был прав. Было бы благословением для Санборнского Института не ввязываться ещё раз в публичный кошмар.

— Ваша точка зрения вполне понятна, мистер Филлипс. Таким путём мало что можно получить. Мы ценим заботу профессора Лафема, но, честно говоря, мы бы больше ценили вашу собственную!

Оба мужчины рассмеялись, смягчая чопорную

вежливость разговора, хотя он уже подходил к концу. Филлипс поднялся с кресла, когда старый индеец вошел в комнату.

— Эхоктакус, проводи, пожалуйста, нашего гостя.

Лицо индейца оставалось бесстрастным, но что-то в его поведении говорило о том, что роль подчинённого даётся ему нелегко.

— Я с нетерпением буду ждать от вас известий об этих книгах, и, пожалуйста, заверьте ваших попечителей, что я буду более чем счастлив возместить институту, по крайней мере, ту сумму, которую Коупленд заплатил моему дяде за них. Вы не забудете? Хорошо.

Ошеломлённый Джейкоб Мейтланд последовал за слугой-индейцем вниз по винтовой лестнице в прихожую и был уже на полпути к двери, когда услышал позади себя громкий голос Уинфилда Филлипса, зовущего его обратно.

— Ах да, ещё одна вещь, Мейтланд, пожалуйста! Если вы случайно услышите что-нибудь от доктора Лафема или кого-нибудь ещё в Мискатонике, пожалуйста, передайте им мои наилучшие пожелания и извинения за то, что, как я теперь понимаю, было довольно плохой шуткой. Большое спасибо, старина.

Мейтланд почувствовал удивительное облегчение, снова сев за руль и продолжив свой путь через унылые акры Дарнхем-Бич и Поля Хаббла, молча съедая мили до опоясанного пальмами кампуса Санборнского Института Тихоокеанских Древностей.

IV

На этом рассказ Мейтланда тоже закончился, а его голос превратился в вопросительный знак. Он не сообщил доктору Зарнаку ничего конкретного, но оба знали, что весь этот эпизод на самом деле был вопросом, загадкой, началом истории, а не её концом.

— Прежде всего, мой юный коллега, скажите, вы уже передали просьбу Филлипса попечителям?

— Нет, всё это случилось чуть больше недели назад, а попечители соберутся только через полтора месяца.

— Хорошо, хорошо, — кивнул Зарнак. — Вам не следует передавать эту просьбу, потому что книги Хирама никогда не должны вернуться к Филлипсу. Я уверен, что его дядя не отдавал их Гарольду Хэдли Коупленду добровольно.

— Тогда как…?

Округлившиеся глаза и приподнятые брови молодого человека закончили вопрос за него.

— Я пока не могу вам этого объяснить, мистер Мейтланд. Достаточно сказать, что профессор Коупленд обладал чем-то далеко выходящим за рамки теоретических знаний по некоторым вопросам, что и послужило причиной его знакомства с Хирамом Стокли. Скажем так: у него имелись определённые ресурсы, которые позволяли ему торговаться и получать то, что он хотел. Хотя вы можете видеть, какую пользу, в конце концов, это принесло бедному Коупленду.

— Хорошо, сэр, но как насчёт той «шутки», которую придумал Филлипс? Это показалось мне странным, едва ли характерным для обычного поведения этого человека.

— Вас можно поздравить. У вас острый глаз исследователя. Что касается так называемой шутки, я думаю, что могу дать исчерпывающий ответ.

Сказав это, Зарнак потянулся за кожаным саквояжем, который он принёс с собой, открыл его и положил перед Джейкобом Мейтландом аккуратно отпечатанную рукопись объёмом около сорока страниц. На верхнем листе, словно глас вопиющего в пустыне, была напечатана единственная короткая строчка: «Заявление Уин-

филда Филлипса».

— Вот, прочитайте прямо сейчас. Это не займёт много времени, рукопись содержит ряд вещей, которые вам нужно будет знать, чтобы наш разговор продолжился. А я пока буду медитировать.

Итак, Мейтланд начал читать, сначала с невозмутимым лицом, потом с нарастающим чувством едва уловимой тревоги. Машинопись начиналась на мрачной ноте, предвкушая неминуемую смерть самого писателя. Филлипс сочинил рассказ в том же самом доме, без сомнения, в той же самой комнате, в которой Мейтланд беседовал с ним меньше недели назад. Он рассказал о своей миссии в Сантьяго, о встрече с кузеном (и тут Мейтланд прочёл между строк возможное оправдание слухам о гомосексуальности этой пары), о том, как они впервые осмотрели особняк дяди. Затаив дыхание, Филлипс описал, как он случайно обнаружил книжную полку с малоизвестными классиками декадентского движения, и Мейтланд похолодел, поскольку его собственные интересы явно были связаны с наукой, а не с литературой, не говоря уже о грязном притоке декадентов. Когда Филлипс добрался до описания столетних экземпляров «Некрономикона», Джона Ди и издания «Livre d'Ivon», Гаспара дю

Норда, пульс Мейтланда участился; здесь были книги, гипотетическое существование которых мотивировало его поездку в Стокли, теперь ставшее поместьем Филлипса. Он был ошеломлён предполагаемой смертью Брайана Уинфилда и наполовину подозревал, что рассказчик слишком сильно протестовал против обвинения Уинфилда в этом деле. В общем, многое неясное было объяснено на этих безумных страницах, и всё же почему-то всё казалось ещё более таинственным, чем до этого.

Глаза Зарнака встретились с глазами Мейтланда, когда тот оторвался от последней страницы.

— Возможно, вы задаётесь вопросом, не поддался ли Филлипс, в конце концов, голосам, которые манили его к себе. В глубине души, из того, что вы мне рассказали, я думаю, что мы оба знаем ответ на этот вопрос, — сказал доктор.

— Значит, это не розыгрыш? — спросил Мейтланд. — Именно этого я и боялся. И что за «довольно плохая шутка», это была? И как вам удалось заполучить эту рукопись, доктор Зарнак?

— Я нашёл её безо всяких сверхспособностей. Похоже, что Уинфилд Филлипс отправил рукопись своему старому наставнику Сенеке Лафему, без сомнения, сразу же после того, как напеча-

тал её. Это был его последний поступок, пока он пребывал в здравом уме. Прошло совсем немного времени, прежде чем он пожалел, что отослал письмо, и ему очень захотелось развеять страхи и вопросы, вызванные его шокирующим сочинением в Мискатонике. Он повторно написал доктору Лафему, уверяя, что предыдущая посылка была просто попыткой выдумать его визит в Дарнхем-Бич. Именно находка различных книг и рукописей Хенквиста, Гордона, Ариэля Прескотта и других вдохновила Филлипса на то, чтобы ухватиться за мрачные обстоятельства своего визита в дом дяди, похороны, старый, покрытый плесенью особняк и так далее, чтобы использовать их в своей собственной пародии. Он утверждал, что только после того, как он отправил своё сочинение по почте, он осознал, что пропустил сопроводительное письмо, объясняющее вымышленную природу всего этого, и хотел бы восполнить этот недостаток сейчас.

— По правде говоря, доктор Зарнак, я не уверен, что меня бы удовлетворило такое объяснение. Но, как я понимаю, профессор Лафем тоже не принял его?

— Верно. У него было достаточно оснований полагать, что правда часто бывает гораздо более

странной, чем вымысел. Затем последовал окончательный сюрприз: молодой Уинфилд уволился со своей должности в Мискатонике. Кроме того, даже если бы его рукопись была фантазией, с какой стати Филлипс мог подумать, что серьезный Сенека Лафем захочет прочесть её отвратительное содержание? Он не тратит время на такие глупости, и Филлипс знал это лучше других.

Доктор Лафем не ответил ни на одно из писем своего бывшего помощника, а вместо этого передал рукопись мне, чтобы я высказал своё мнение. Когда я получил от вас весточку, то понял, что вы тоже должны её увидеть. Несомненно, что повествование содержит элементы, которые скрытный Филлипс теперь желает никогда не раскрывать, факты, которые предположительно могут быть использованы против него. Например, обратили ли вы внимание на первоначальное недоумение Филлипса по поводу того необъяснимого факта, что его дядя, которого он не знал и не встречал, по странной причине сделал Филлипса и его двоюродного брата своими единственными наследниками? Хирам Стокли отдалился от обеих ветвей семьи, к которой принадлежали эти молодые люди. Какова могла быть его мотивация? Что-то ещё. Что послужило причиной поспешных

похорон в закрытом гробу?

Мейтланд опустил глаза, прикрыв лицо рукой.

— Честно говоря, я бы предпочёл не гадать. Но зачем беспокоиться о Филлипсе? Если он окажется таким же сумасшедшим, как этот Ходжкинс, это его личное дело, не так ли? Зачем назначать себя его инквизиторами?

Зарнак знал, что молодой человек передумал. Его прежние предчувствия теперь уступали место страху, и он старался не только скрыть его, но и объяснить.

— Мистер Мейтланд, Джейкоб, зачем же вы тогда вызвали меня, если не для того, чтобы докопаться до сути дела?

— Мой единственный интерес к Уинфилду Филлипсу заключался в редких книгах, которые оставил ему дядя. Я уже говорил вам, что даже в этом поручении я лишь выполнял волю своего начальства здесь, в Институте.

— Ну же, Джейкоб, вы и сами в это не верите, я хорошо разбираюсь в первых впечатлениях, и когда мы встретились, я понял, что вы — настоящий знаток тайн. И мы оба знаем, что большинство тайных вещей скрыто из-за их опасности. Праведники прячут их из-за опасности разоблачения, в то время как нечестивые прячут их только до

подходящего времени, когда тайные дела принесут наибольший вред. Вы знали это с самого начала, и я думаю, понимаете, что, в частности, поставлено здесь на карту.

— *Поле Хаббла.* Вот в чём проблема, не так ли? Местные думают, что исчезновения людей начнутся снова, и они станут следующими. И именно Филлипс начнёт все это. Он приобретёт себе новых союзников, юггья? хорошо насытив их кровью в обмен на неизвестно какие награды?

— Очень проницательно, Джейкоб Мейтланд. Я вижу, что был прав насчёт вас. То, что вы изложили, — это только начало несчастий, которые последуют, если наш друг Филлипс не будет немедленно остановлен. Ибо я убеждён, что его заманили в дом дяди, чтобы продолжить ужасную работу старого колдуна. Я думаю, что в то время как его вампирские союзники не имели никаких забот, кроме обеспечения свежего запаса человеческих жертвоприношений, у Хирама Стокли на уме были гораздо более важные вещи, о которых здравомыслящему человеку трудно было догадаться, хотя у меня есть несколько гипотез.

Это был бы сложный план, требующий больших усилий. Сделка с дьяволом привела Хирама

к смерти раньше, чем он успел закончить свои дела. Более чем вероятно, что профессор Коупленд разрушил планы Стокли, заставив того расстаться с некоторыми важными книгами, которые ему требовались. Вы видели, как его племянник, Филлипс, жаждал вернуть их себе. Каким-то образом, возможно, благодаря сохраняющемуся психическому влиянию в самом доме, молодой Филлипс был завербован, чтобы довести богохульные планы старого Хирама до конца. По крайней мере, я опасаюсь именно этого.

— А как насчёт индейца? — спросил Мейтланд, внезапно вспомнив, каким странным казалось присутствие в доме подобного человека. — Филлипсу пришлось нанимать помощника в другом районе?

— Если бы это было так, друг Джейкоб. В этом случае, можно было бы еще спросить, зачем Филлипсу утруждать себя и искать индейца из племени Хиппавей? В настоящее время в радиусе многих миль от дома Хирама не найти ни одного такого индейца. Я не могу себе представить, что в списке любого из ближайших агентств по трудоустройству имеются подобные персоны. Тем более для такой работы. Его имя — в действительности, знак. Не кажется ли оно вам знакомым?

Мейтланд встал, приложил один кулак к бедру, указательным пальцем другой руки коснулся подбородка, бессознательно приняв позу мыслителя.

— Да… да, теперь, когда вы об этом упомянули, это имя кажется мне знакомым, хотя тогда я был уверен, что не слышал такой диковинной тарабарщины раньше.

— Нет, это то, что вы слышали или, скорее, читали после того, как нанесли визит Филлипсу.

Мейтланд хотел было сдаться, но вдруг повернулся на четверть круга лицом к Зарнаку и с загоревшимся светом в глазах схватил машинопись и начал перелистывать страницы.

— Вот оно! — воскликнул он. — Старый дьявол назван в честь местности Червя-Завоевателя, *Эхок-таха* на языке Хиппавеев. Поле Хаббла. Боже Правый! Да и зачем кому-то…?

Зарнак уже поднялся на ноги, собирая страницы рукописи в аккуратную стопку.

— Это очень старое наследие, Джейкоб. Наше местное кладбище, Поле Хаббла, — всего лишь один из многих таких ужасов, что как соты расположены под землёй. Дети Убба, Повелителя Личинок и Разложения, активны во всём мире, как свидетельствуют традиции многих наро-

дов. Священный город Иерусалим, ныне часть Палестины, находящейся под Британским владычеством, когда-то был центром культа Йог-Сотота. Город воздвигли в древние времена рядом с нечистым обиталищем Убба. Библия проклинает это место подобно Тофету, Геенне и Акелдаме, Полю Крови. Об этом Исаия пишет: «червь не умирает, и огонь никогда не угасает». Демон Убб, в конце концов, соблазнил Соломона верно служить себе. Великие сокровища и колдовские силы этого мудреца хорошо известны, хотя их истинный источник остается неясным. В свою очередь, Соломон приказал установить культ Убба в самом Иерусалимском храме, где он оставался до тех пор, пока реформаторское рвение царя Иосии не смело всю галерею мерзостей…

Зарнак замолчал, когда тень его слуги, Акбара Сингха, замаячила за хрустальным стеклом. Оккультист поднял свой саквояж и жестом пригласил Джейкоба Мейтланда следовать за ним. Молодой учёный не планировал сегодня никаких вылазок, но чувствовал, что у него нет иного выбора, кроме как сопровождать странную и почти призрачную фигуру к ожидавшему их седану. Все молчали, пока высокий сикх, чья голова в тюрбане касалась потолка автомобиля, заставлял

чёрную как ночь машину скользить по городским джунглям подобно пантере на охоте.

V

Несколько часов спустя утомлённый дорогой Мейтланд обнаружил, что стоит в вестибюле дома номер 13 по Чайна-Аллее, где жил Антон Зарнак. Сам хозяин дома на мгновение бесшумно исчез, и гость с широко раскрытыми глазами передал свой плащ Акбару Сингху, который показался ему таким же невероятным слугой, как и старый индеец Эхоктакус.

Бедняга Мейтланд едва ли мог понять, находится ли он в посольстве какой-нибудь дальневосточной империи или в тесном и переполненном музее, чья коллекция экзотики намного превосходила всё, что мог показать музей Санборнского Института. Под его ногами лежала огромная шкура белого сибирского тигра. По обе стороны от дверного проёма стояли позолоченные доспехи, и их форма не наводила на мысль ни об обычном оружейном стиле, ни о конкретной стране или эпохе, которую Мейтланд знал. Он напряг глаза, чтобы прочитать маленькую табличку, прикреплённую к основанию одного из доспехов, и ему показалось, что он разобрал странное слово

«Немедиец».

Повсюду его глаза видели чудеса. Стеклянные головы животных смотрели друг на друга со стен коридора. Одна из них была птичьей, хотя и слишком большой, чтобы представлять собой обычный вид птиц; другая голова, должно быть, принадлежала какому-то кабану, но у него имелось слишком много клыков. Мейтланд увидел то, что сперва он принял за чучело летучей мыши, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что это летающая рептилия неизвестного вида. Ошеломленный Мейтланд подошел ближе и протянул палец. Да, швы сделаны рукой таксидермиста, а не изготовителя игрушек.

Деликатное прикосновение могучей руки Акбара Сингха вновь привело Мейтланда в чувство. Он покачал головой и последовал в указанном гигантом направлении, и вскоре обнаружил, что опускается в мягкое кресло напротив Антона Зарнака, который сидел, сложив руки в форме треножника, положив на его верхушку свой козлиный подбородок. На столе перед ним лежала старая книга.

Зарнак взял её и просто сказал: «Давайте я вам кое-что почитаю».

Самые нижние пещеры не предназначены для

проникновения глаз живущих; в Скрижали Тота написано, как ужасна цена одного взгляда, ибо чудеса тамошние странны и пугающи.

И те, кто войдёт внутрь, никогда не вернутся, ибо в этой трансцендентной необъятности таятся формы тьмы, которые захватывают и связывают.

Проклята та земля, где мёртвые мысли обретают новую, чуждую плоть, и где наличествует бодрствующий разум, который не может вместить никакая голова.

Мудро поступил Ибн Мушачаб, благословив гробницу, где не покоится ни один колдун.

Счастлив тот город ночью, чьи колдуны превратились в пепел!

Но горе тому городу, жители которого не предали огню отравителя и чародея.

Говорю вам, они позавидуют участи Содома и Гоморры.

Ибо в старину ходили слухи, что душа, купленная дьяволом, не спешит выбраться из склепа, но жирует и наставляет червя грызущего, пока из тления не родится жуткая жизнь, и безмозглые падальщики земли не станут расти, чтобы досадить земле, и чудовищно раздуваться, чтобы зачумлять её.

Втайне выкапываются огромные ямы, где когда-то хватало пор земных, и твари, которые когда-то ползали, научились ходить: они творят свои дела по ночам, — Зло, которое бросает вызов Старшему Знаку, Полчище, что стоит на страже у тайных врат каждой могилы и поедает нездоровую пищу.

Вся эта Чернота лишь изредка выползает из влажных и зловонных нор их отвратительного логова.

Вы будете бояться их меньше, чем Того, Кто Охраняет Врата, кто ведёт мёртвых за пределы всех миров в Бездну Безымянных Пожирателей.

Ибо он есть тот самый Убб, червь, который не умирает.

Это слова Аль-Хазрара, Имама Аль-Иллаха.

Мудрые прислушаются к ним.

— Ну, что вы на это скажете, мой друг? — Зарнак позволил массивной книге захлопнуться.

Глаза собеседника закрылись во время чтения, но теперь широко открылись.

— Но разве сам автор «Некрономикона», не был колдуном? Так утверждает Ибн Халликан. И «Аль-Азиф», имеет репутацию своего рода оккультной Библии. Боюсь, я не понимаю, доктор Зарнак.

— Я долго и упорно размышлял над тем самым

вопросом, о котором вы упомянули. Вот что я обнаружил или, во всяком случае, предположил. Чтобы положить этому конец — просто на данный момент, я пришёл к выводу, что «Аль-Азиф», и «Некрономикон», — на самом деле не одно и то же. Первая была работой йеменского демонолога восьмого века Абд Аль-Хазрата. Более известный «Некрономикон», включающий в себя различные фрагменты знаний, украденных у более старого «Азифа», по существу является новой работой, серией медиумических откровений, сделанных доктором Джоном Ди, когда тот смотрел в свой магический кристалл.

Как только он переписал этот провидческий материал, он был ошеломлён его характером. Подозревая демоническое вдохновение в большей его части, Ди пытался скрыть истинное происхождение книги, родив труд о малоизвестном арабе Аль-Хазрате. Это было время, когда христиане повсеместно верили, что их сарацинские соперники поклоняются идолам и чудовищам, таким как Термагант и Иблис, поэтому такое авторство казалось естественным. Доктор Ди не осмелился просто уничтожить этот богохульный текст, опасаясь, как бы ему не отомстили те чуждые силы, которые передали ему эти откровения.

После этого он обратился к своему Богу с просьбой даровать ему язык ангелов, на котором говорил допотопный пророк Енох, чтобы отныне Ди мог принимать послания бога без искажений.

То, что я только что прочёл вам, взято из подлинника Аль-Хазрата. Я не хочу говорить, как он попал в мои руки. Но я совершенно уверен, что в этом отрывке мы найдем ключ к разгадке нашей тайны. Я попридержу свои мысли, пока события не подтвердят мои догадки, но я скажу вам вот что. Было бы пустой тратой времени снова приближаться к нашему мистеру Филлипсу. Он наверняка заподозрит неладное, под каким бы предлогом мы не скрывали причину нашего интереса к его занятиям. Мы должны сохранить элемент неожиданности, и вот как мы это сделаем…

VI

Полночь застала одинокую троицу, бредущую по ещё более пустынному ландшафту, когда Антон Зарнак в сопровождении своего слуги Акбара Сингха и немного сопротивляющегося, молодого учёного Джейкоба Мейтланда, пробирался через Поле Хаббла, призывая, чтобы они как можно ближе подобрались к старому особняку Хирама

Стокли, оставаясь незамеченными в тусклом лунном свете.

В самой дальней части огромного и пустынного пространства располагалось очень старое кладбище, надгробия на котором в некоторых случаях датировались эпохой первых поселенцев. Раскопки, проведенные несколько лет назад, вскрыли шокирующий факт, что почти всё Поле Хаббла давно было усеяно тайными захоронениями, датируемыми ещё более древними временами, но, конечно, ни одно из этих импровизированных захоронений не имело надгробий.

Работа на объекте была приостановлена, пока местные чиновники думали, что делать дальше. Наконец, два соображения убедили их прекратить операцию и перенаправить запланированные линии электропередач в другое место. Во-первых, присутствие там древних индейских останков делало это место священным в глазах уцелевших Хиппавеев, которые появились как бы ниоткуда, чтобы громко заявить о своих правах на эту землю. Во-вторых, поскольку не было никакой возможности идентифицировать какие-либо из скелетов, (некоторые из них казались мумифицированными), чиновники решили, что лучше их не беспокоить и никуда не переносить.

Лучше оставить в покое это место, размышляя о его загадочном прошлом. Никто больше не приходил туда, даже для того, чтобы возложить цветы к могилам на крошечном кладбище, что находилось рядом с особняком. Большинство этих могил были настолько старыми, что не осталось никого, чтобы увековечить память покоящихся там умерших родственников.

Именно здесь Зарнак решил начать раскопки. На нервные расспросы Мейтланда невозмутимый оккультист ответил:

— Если собираешься навестить кого-то, всегда проще начать с поиска двери. Здесь мы даже имеем список жильцов. Похоже на наш многоквартирный дом.

Это была мрачная шутка, но ни один из трёх мужчин не засмеялся.

Огромные мускулы Акбара Сингха вздулись, когда он набросился на заплесневелый холмик кладбищенской земли, откопав гниющую крышку гроба удивительно быстро. Мейтланду эти несколько минут показались вечностью. Он пребывал в постоянном страхе не перед сверхъестественным, а просто перед тем, что его схватит местная полиция — как будто кто-то мог патрулировать этот богом забытый район. Он вздрагивал

при каждом ударе лопаты сикха о податливое дерево старого гроба. Доски раскололись, когда Акбар Сингх вытащил то, что осталось от крышки.

— Как вы и предполагали, мой господин, ничего!

Мейтланд и Зарнак подошли к краю опустевшей могилы. Мейтланд заговорил первым:

— Вы хотите сказать, что мы зря пошли на этот безумный риск? Я *говорил* вам…

— Нет, юный мистер Мейтланд, пожалуйста, посмотрите внимательней. Не бойтесь. Действительно, гроб пуст. Именно это я и подозревал. Я верю, что мы найдем что-то другое вместо этого. А теперь пусть Акбар Сингх закончит свою работу.

Сикх снова принялся за работу, на этот раз грубо постукивая по той или иной части открытого дна гроба, кромсая то, что осталось от некогда тонкой шёлковой обивки. Затем раздался внезапный треск.

— Ложное дно, сахиб.

Зарнак присоединился к слуге, доставая электрический фонарик.

— А ступеньки? Да, вот они. Все истёрты, остался только неровный уклон, но мы должны сделать это. Идёмте, джентльмены.

Реакцию Джейкоба Мейтланда на такое развитие событий легко себе представить. Быстро прочитав молитву, первую за много лет, молодой учёный последовал за Акбаром Сингхом. Зарнак шёл сзади, спускаясь по лестнице в склеп.

Когда они, наконец, добрались до конца скользкой лестницы, больше напоминающей кучу грязи, усыпанную пожелтевшими костями, три путешественника было обрадовались, что достигли ровной земли, но тут их ноги провалились на полметра в стоячую воду. Пока они медленно продвигались вперёд, каждый их шаг отдавался чавканьем в трясине. Зарнак со своими спутниками изо всех сил старались сориентироваться на случай, если потребуется быстрое отступление. Но впустую: здесь был настоящий лабиринт. Чем дальше они шли, тем чаще менялось эхо, отражаясь от потолка на разной высоте. Раз или два их головы ударялись о скалу над ними, но вскоре они услышали отчётливые звуки кожистых крыльев, трепещущих где-то вверху. Однажды им пришлось вернуться назад, потеряв час или два, когда потолок снова начал смыкаться над их головами и, наконец, опустился до такой степени, что проход стал невозможен.

В конце концов, Зарнак посчитал, что они уже

находятся в более или менее непосредственной близости от особняка. Если так, то скоро здесь будут видны груды драгоценных камней, древних монет и сокровищ: накопленная за века добыча, вырытая из-под земли извивающимися падальщиками, служившими отталкивающему Уббу, кощунственному тотему пожирателей мёртвых.

Хотя никто не хотел указывать на этот факт, вскоре они также столкнутся с одним из нечеловеческих подданных Отца Убба, если, конечно, заявление Уинфилда Филлипса не было выдумкой или безумной шуткой. Слишком многое уже доказало его слова, и не было особой надежды на другой исход.

Возможности оттягивать время не осталось, так как предчувствие страха воплотилось в виде вязкой волны, внезапно возникшей перед ними в темноте. Существо, которое несколько секунд неподвижно стояло в неуклюжей позе, не имело никакого видимого лица. Его можно было бы сравнить с одним отрубленным щупальцем осьминога, наделённым собственной жизнью. Огромные круглые присоски-рты трепетали вдоль его обнажённой нижней стороны, несомненно, в предвкушении еды.

Трое мужчин присели, готовясь к бою или

бегству, хотя и то, и другое казалось одинаково бесполезным. Именно тогда, в разгар холодной отстранённости, которую несёт с собой смертельная опасность, Джейкоб Мейтланд понял, что должно означать появление этого отвратительного существа, неподвижно возвышающегося над ними, обнажив свою предположительно более уязвимую нижнюю часть. Оно пыталось единственным способом, каким могло, указать на свои мирные намерения. Мейтланд вспомнил отрывок из «Азифа», который приписывал служителям Убба некоторую хитрость, а значит, и ум. Не раздумывая, он высказал свою догадку Зарнаку и его слуге. Его слова вызвали эхо, но поза отвратительного существа не изменилась.

— Молодец, Мейтланд! — воскликнул перепачканный грязью Зарнак, нелепая карикатура на его обычно безупречную внешность. — Полагаю, наш хозяин доволен, что вы его поняли. Смотри, вот он уходит, и я готов поклясться, он хочет, чтобы мы следовали за ним. *Идём!*

Раздувшаяся личинка медленно скользила по грязи и слизи, что покрывали пол пещеры, очевидно, стараясь удержать верхнюю часть своего сегментированного желе над поверхностью, чтобы люди могли её видеть и следовать за ней.

Прекрасно понимая, что их вполне могут вести, как овец на бойню, трое мужчин не видели альтернативы. Если бы юггья, а это очевидно был один из них, захотели бы уничтожить незваных гостей, внезапная и смертельная засада была бы простым делом.

Вскоре Зарнак со своими спутниками разглядели знакомые ориентиры. Теперь они поняли, что, должно быть, удалились далеко от своей цели, и зверь перед ними, возможно, был направлен к ним, чтобы привести их к месту назначения. Вскоре слабый свет гаснущего фонаря начал увеличиваться в тысячу раз, когда его бледные лучи упали на внезапно возникшие груды древних сокровищ. Вот он — таинственный источник богатства Уинфилда Филлипса, Хирама Стокли до него, и кто знает, сколько испорченных душ было в предшествующие им века.

Как и предупреждал их Зарнак, истинными сокровищами искушения были обещанные тайны древнего богохульства, которые лежали за завесой человеческого невежества. Они уже получили больше этих секретов, чем хотелось бы Мейтланду. Он только надеялся, что сможет пережить это приключение с изрядной долей блаженного неведения.

VII

Много раз они чуть не теряли равновесие, когда случайно наступали на груды монет, скрытых грязной водой, или запинались об открытые петли старых сундуков, которые закрывались, как беззубые медвежьи капканы. Уставшие люди с онемевшими ногами, наконец, прибыли в место назначения, к которому их привела кошмарная овчарка. Все одинаково напряглись и прищурились, пытаясь уловить очертания затенённой головы, прижатой к скалистой стене пещеры перед ними. Это была какая-то статуя? Она казалась достаточно неподвижной, но затем с того места, где должны были находиться её губы, донесся низкий стон. Осмелев, мужчины подошли ближе, полукругом обходя жалкое существо, оказавшееся человеком, привязанным к камням с помощью комбинации ржавых кандалов и слишком тугих верёвок.

Он почти не шевелился, и все видели, что у него тяжёлая анемия. Полузажившие шрамы свидетельствовали о том, что у этого несчастного часто текла кровь. Удивительно, что в нём сохранилась хоть какая-то искра жизни. Возможно, кто-то или что-то сделало это с ним, и оно знало способы

продлить жизнь. Или, что более важно, продлить смерть. Зарнак понял, что в любом случае этот человек долго не протянет. Оккультист наклонился поближе, жестом приглашая остальных сделать то же самое. Пугало из плоти каким-то образом ожило. Шёпот вырвался наружу.

— Брайан… Уинфилд… всё ещё жив… лучше бы я им не был, чёрт бы их побрал…

Внезапно огромная червеобразная тварь снова поднялась, разбрызгивая во все стороны отвратительную слизь. И снова она осталась стоять прямо напротив распятого человека, а между ними — Зарнак, Акбар Сингх и Мейтланд. Когда все трое невольно повернули головы, чтобы увидеть существо, возникшее позади них, умирающий заговорил снова, на этот раз с большей твёрдостью, словно у него откуда-то появилось второе дыхание.

— Мой кузен… Уинфилд… да, *это*!

Шёпот Зарнака перекрыл слабый голос мученика:

— …жирует и наставляет червя грызущего…

Мейтланд позеленел ещё больше.

— Но… кого я там видел? Конечно….

Он умолк в оцепенении, не способный понять очередного парадокса и пошатнулся. Неутоми-

мый сикх протянул руку, чтобы поддержать его. Зарнак повернулся к Мейтланду.

— Джейкоб, *сабиб* Сингх, если я не ошибаюсь, человек, живущий в доме где-то наверху, — это не Уинфилд Филлипс, но тот, кто носит его лицо и форму. На самом деле это ни кто иной, как Хирам Стокли!

Опустошённая фигура, прикованная к заплесневелой стене, кивнула со всей настойчивостью, на какую была способна.

— Он читал «Некрономикон», и, должно быть, решил, что может обмануть смерть, заставив себя остаться в своём разлагающемся физическом теле, пока личинки не доберутся до него. Хирам, должно быть, позаботился о том, чтобы о его предстоящей смерти стало известно, оставил инструкции не бальзамировать его и распорядился немедленно похоронить. Чем скорее он доберётся до влажной и грязной земли на Поле Хаббла, тем лучше. Он уже начал отвратительно меняться, отсюда и церемония закрытия гроба. Он направлял свою угасающую волю на отвратительных пожирателей падали, пока они не поглотили его. Каким-то образом, — тут Зарнак указал на раскачивающуюся громаду юггьи-существа, — каким-то образом оно стало результатом магии

Хирама. Но кто мог смириться с мыслью о том, чтобы продолжать жить в таком виде? Вот тут-то и появились злополучный Уинфилд Филлипс и его кузен Брайан.

Мейтланд, весь мокрый и уже продрогший до костей, тем не менее, обнаружил, что его позвоночник способен замёрзнуть ещё сильнее. Зарнак продолжал:

— Как молодые родственники и незнакомые ему люди, они, как можно предположить, не питают старых семейных обид и не знают причин, стоящих за ними. Старый Хирам выбрал их своими наследниками только потому, что надеялся заманить их в старую гасиенду. Должен признать, его логика была безупречна. Он надеялся, что они скоро раскроют тайну пещеры под домом, вероятно, полагая, что чистая жадность, если не любопытство, побудит их тщательно обыскать это место в поисках тайников с сокровищами старика. То, что было Хирамом Стокли, просто решило подождать у подножия лестницы, пока юноши рано или поздно не обнаружат потайной шкаф в библиотеке, и Хирам схватит первого, кто попадёт ему под руку.

Это была «алая жертва», кровь, необходимая новому телу Хирама, чтобы поддерживать его.

Первым обречённым нарушителем спокойствия оказался бедняга Брайан. Существо Стокли ожидало, что сможет установить телепатическую связь с любым оставшимся кузеном, рассчитывая на определённую психическую предрасположенность, которая имелась в их погубленной колдовством родовой линии. Это сработало, и под видом обещания ему фаустовских знаний и несметных богатств Хирам заманил незрелого Филлипса на погибель. В конце концов, он совершил чудо, вытеснив само сознание Филлипса, навсегда заперев его в своём покрытом слизью теле. Его план работал отлично — до сих пор. Мы должны позаботиться о том, чтобы старый колдун не жил на земле и не осуществил свои ужасные планы, иначе вся Земля превратится в одно огромное Поле Хаббла.

— Как вы уже поняли, это стало бы только началом, — произнёс новый голос, и он доносился сверху, без сомнения, с той же самой лестницы, по которой много месяцев назад с риском для себя спускались двоюродные братья. Это был голос Уинфилда Филлипса, хотя опять-таки это был не он. Никто из мужчин не знал, как звучал голос Хирама Стокли, но если бы и знал, то теперь уже не ошибся бы.

Яркий свет, или так показалось чувствительным глазам троицы внизу, окутал их, сделав легкой мишенью для невидимого стрелка. Мейтланд сразу же упал, хотя нельзя было судить, насколько серьёзно его ранение. Выстрел в любом случае сбил бы его с ног, так как он уже был ослабшим. Зарнак и Акбар Сингх бросились к внешней окружности луча так быстро, как только могли, чтобы не споткнуться, в то время как ещё один выстрел разнес вдребезги голову Брайана Уинфилда. Если он ещё не умер в предыдущие мгновения, передав наконец-то кому-то своё послание, то пуля, предназначенная Зарнаку, освободила его. Другие выстрелы отдавались эхом и рикошетом, соперничая по громкости с возмущёнными криками Стокли; он, очевидно, надеялся высосать из Брайана ещё немного крови.

Когда Зарнак и сикх нашли неглубокие ниши, где можно было укрыться на мгновение, ни один из них не мог придумать, что делать дальше. Имелось мало вариантов, пока продолжались выстрелы; должно быть, это индеец Эхоктакус держал винтовку. Но в уравнении имелась одна переменная, которую никто не учёл, — то существо. Оно пробило поверхность озера слизи и

скользнуло с удивительной быстротой к лестнице, где стояли новоиспечённый Хирам и его сообщник, отчаянно выпускающий бесполезные пули в приближающееся чудовище.

— Не трать зря время, старый дурак! — закричал Хирам голосом младшего Филлипса с непривычным акцентом. Когда извивающаяся ракета приблизилась к ним, стало ясно, что её целью был только Хирам, а индеец, отбросив в сторону свою винтовку, нырнул в воду. К своему несчастью, он приземлился на поджидавшую его фигуру Акбара Сингха, который встретил индейца подобающе — с кулаками.

Тем временем Хирам, одетый в тело своего племянника, боролся с чудовищем, но слизь тела юггьи поглотила его. Огромное беспозвоночное обрело новую силу, когда его присоски вскрыли десятки вен и артерий по всему теперь уже безвольному телу его врага. Крики Хирама стихли, глаза остекленели; узурпированное тело Уинфилда Филлипса съёжилось, как кожура сухофрукта. Месть Уинфилда Филлипса оказалась совершенной.

Всё это Зарнак видел, когда выползал из укрытия и незаметно поднимался по лестнице. Внизу сикх и индеец сражались с удивительной яро-

стью. Титаническая сила Акбара Сингха несколько ослабла от многочасового утомительного напряжения, адреналин индейца заканчивался, уравнивая шансы противников. И всё же Зарнак не сомневался в конечном результате.

Когда он осмелился приблизиться к дрожащей массе полупрозрачного, вонючего желе, плещущегося и пузырящегося над иссохшей формой, которую тот победил, Зарнак почувствовал внезапную и едва уловимую перемену — к худшему. Происходило что-то ужасное. Личинка-юггья возвращала себе форму, силу и рост. Всё выглядело как-то иначе.

Чуткие инстинкты Зарнака подсказали ему, что именно произошло: в момент смерти душа-демон Хирама Стокли *снова вытеснила психику Уинфилда Филлипса и восстановила контроль над своим прежним носителем.* Теперь это означало, что Хирам может перейти в тело самого Антона Зарнака! Оккультист, казалось, был не в состоянии помешать замыслу другого, он начал ощущать разделение, дрейф, движение…

Затем он упал, поражённый чем-то твёрдым и влажным, ударившим его по затылку. Пытаясь удержать сознание, он краем глаза увидел то, что ударило его, разрушив гипнотическую хватку,

наложенную на него Хирамом: отрубленную голову индейского шамана Эхоктакуса! Акбар Сингх использовал единственный доступный инструмент, чтобы разрушить ужас, который он видел наверху.

Отчаянный манёвр сработал, и теперь слуга бросился вверх по ступенькам, опасно скользким от брызг крови и слизи. Он выхватил из настенного кронштейна факел и бросил его над головой Зарнака в самую гущу вязкой личинки.

Существо не издавало ни звука, за исключением грохота камней, затронутых его цепкими, как верёвки, щупальцами. Псевдоподии беспорядочно извергались из всей его яростно трепещущей массы. Затем послышался звук пузырящегося и тошнотворного хлюпанья, когда образовались расплавленные пустулы и извергли наружу свои нечистоты. Очищающее, уничтожающее пламя в считанные секунды охватило сверкающую форму существа, быстро превратив её в осыпающуюся кучу спекшегося пепла, который продолжал разрушаться, когда скрытые полости ядовитого газа взрывались один за другим.

Радуясь возможности отвернуться от отвратительного зрелища, Зарнак и его спаситель осторожно спустились по шатким ступеням,

чтобы посмотреть на своего третьего спутника. Однако, прежде чем они достигли дна, они встретили шатающуюся фигуру Мейтланда, сжимающего глубокую рваную рану на одной руке, но в остальном почти весёлого, учитывая обстоятельства.

— Что скажете, если мы освободим помещение до того, как кто-нибудь из коллег Убба пронюхает о случившемся и придёт сюда, чтобы свести с нами счёты? И на этот раз, давайте выйдем через дом!

Так они и сделали, приняв еще одну предосторожность. Быстро осмотрев комнаты, Акбар Сингх обнаружил некоторое количество горючих жидкостей, оставшихся после уборки и ремонта старой гасиенды. Их он щедро разлил по большей части внутренних помещений. Выходя на улицу, сикх прихватил один из факелов. Оказавшись на безопасном расстоянии от входной двери, он предупредил остальных, зажёг факел и бросил его на веранду. Затем он повернулся и побежал, как будто демоны ада висели у него на хвосте. По правде говоря, он не был до конца уверен, что *их не было*. Присоединившись к остальным, Акбар повернулся и стал наблюдать за увеличивающимся пламенем. Рядом с ним Зарнак прошептал, как

бы говоря сам с собой: «счастлив тот город ночью, чьи колдуны превратились в пепел!»

Перевод: А. Черепанов

Лин Картер
Алая жертва

Lin Carter «Red Offering», 1997

Рассказ, приведенный ниже, это выдержка из волнующей и окруженной многочисленными спорами брошюры «Таблички Занту», опубликованной в Сан-Франциско в 1916 году покойным профессором Гарольдом Хэдли Копеландом, содержащей шокирующий и предположительно сделанный им с оригинала Наакаль перевод странных надписей, выточенных на камнях, найденных в могиле доисторического шамана, обнаруженных злополучной экспедицией Копеланда-Эллингтона в Средней Азии (1913).

Повествование берется из Скрижали VII, Сторона 1, строки с 12 по 148.

С ранней юности я, Занту, считал себя приверженцем могучего Йтхогты, Мерзости из Бездны, и даже осмелился претендовать на самое высокое положение в том, что еще осталось от культа этой темной Божественности, на службе которому основатели моего дома некогда процветали и имели огромный престиж в стране Г`тхуу — самой северной из девяти областей, на которые разделен континент Му. Даже в эти жалкие последние дни, когда культ Йтхогты умирал, а мерзкий Гхатанотоа усилил своё влияние в стране, я упорно стремился достичь своей цели — воссесть на трон Иерофанта.

Мои амбиции были подпитаны некоторыми видениями и изречениями, которые наполняли мои сны в те ночи, когда Луна отсутствовала на небе, так с древних времен Йтхогта тревожит сны людей. Но не в человеческих силах передать словами Неописуемое, так же достаточно сказать, что более чем один раз в моей юности Призраки Тьмы появлялись в моем спящем мозгу, и я слышал голос, безбрежный и гулкий, но, тем не менее, более слабый, чем шепот, который повторял снова и снова эти грозные и загадочные слова, смысл которых я не мог разгадать в течение многих лет:

Ты должен принести Алую Жертву.
Ты должен принести Алую Жертву.
Ты должен принести Алую Жертву.

Но подробнее об этой загадке, которая преследовала мои юношеские сны, я расскажу немного позже.

Последний первосвященник моего ордена погиб невыразимые столетия назад, жертва безжалостных гонений тех, кто поклонялся Монстру на горе, ордена, уничтоженного соперничающими культами, чье существование, как они считали, было вызовом их теологическому превосходству. Трон Иерофанта таким образом был свободен, и не было претендентов, кто осмелился бы потребовать его. Мой путь казался ясным: но в таком запустении и беспорядке находился культ павшего Йтхогта, что я не знал, остался ли еще хоть кто-то обладающий полномочиями, кто мог бы поддержать мое требование.

Самым ценным и священным из тауматургических сокровищ Му в те дни был древний и давно потерянный талисман, известным людям, как Черная Печать. Когда-то давно этим сокровищем владел колдун Ираан, это — таинственный сигил, на котором начертаны Семь Потерянных Зна-

ков Ужаса, что могли удержать принудительно любого Обитателя космоса или неведомых и безымянных регионов за его пределами. Если я завладею Черной Печатью Ираана, трон Иерофанта будет моим, потому что тогда я смогу вызвать самого бога, который сам ратифицирует мое требование.

* * *

Таким образом, когда мое обучение у мудрого Х`мога закончилось, я встал и вместе с моим младшим братом Кутом покинул земли, где был рожден, отправившись в те южные страны, которые некогда часто посещал могучий чародей. По правде говоря, мы были странной, неправильной парой, мой брат и я, — я был невзрачной внешности, в то время как Кут был высокий и с красивым лицом, он вызывал интерес у женщин, в то время как я нет. Мы не были лучшими друзьями, Кут захватил сердце девушки Йины, которую я страстно желал более всех молодых женщин Г`тхуу; тем не менее, мне требовались силы и мужество моего брата Кута, чтобы пройти через бесчисленные злоключения этого долгого путешествия, которое было сопряжено со смертельными опасностями, в то время как он хотел

лишь осесть в винных магазинах южных городов и наслаждаться объятиями женщин.

Мы прошли ониксовые морские скалы Кхо, зыбкие пески Йлагх, которые мы пересекли с осторожностью, опасаясь ужасных Нугов. Вступив в центральную восточную провинцию Гхуа, мы обогнули черное озеро Кьягоф и обошли стороной печально известные горы, которые скрывают бездонный колодец Йюгуггон. В короткое время прошли через Черный Лес и вышли к Холмам Нингом в Час Песнопения Зеленых Химер, и, остановившись на вершине, смотрели вниз некоторое время на приземистые и монолитные башни Аглад-Дхо.

Из этого древнего города правят землями, расположенными дальше на юго-востоке, среди них Йиш и Кнан, а так же в этом старом мегаполисе непоколебимо стоит еще самый древний из всех земных храмов Шуб-Ниггурат, Великой Матери. Да, именно из этого самого храма вечность назад безрассудный Т'йог начал свои бесплодные поиски, пытаясь ограничить на все времена устрашающую мощь Гхатанотоа.

Таким образом, мы спустились в древний город и сняли комнаты на постоялом дворе, и в то время как мой высокий брат с важным видом отправил-

ся заглушать свою жажду вином и утолять другие низменные мужские желания плотью танцующих девушек, я устремился в архивы храма. В святилищах Нуга и Йеба обнаружил я множество редких фолиантов и трактатов, но ни в одном из них не нашел записей о жизни колдуна Ираана или о Черной Печати. Но под медными куполами храма Шуб-Ниггурат я обнаружил полную копию «Записей Йгота», где знаменитый колдун, ученик Ираана, описывал многие вещи, не известные до сих пор мне, относительно последних дней своего хозяина, открыв даже секрет места его погребения, — его гробница была расположена посреди пустоши Вур. Страшное волнение захватило мое сердце, когда я прочитал те слова, что раскрыли тайну, которую я так долго искал:

> «Посреди пустоши Вур, в землях Йиш, в гробнице из черного мрамора, охраняемой Семью аллеями гранитных монстров, покоится мумия мудрого Ираана, который хранит великую Черную Печать, которую принесли Великие с Юггота до того как первые люди появились в мире; и на ней записаны Семь Потерянных Знаков Ужаса и Слова Страха».

* * *

Дрожащими руками я благоговейно закрыл обложки «Записей Йгота», которые соединялись между собой двумя резными застежками из дерева тлат, являющегося священным для Могучей Матери. Я встал и отправился в пустыню Йиш с моим братом Кутом и несколькими Гьаа-Хуа, дикими людьми, которых мы в Му использовали в то время как рабов и прислужников, направившись к гробнице. Много ужасных опасностей встало перед нами на этом последнем отрезке пути, но, в конце концов, мы достигли цели.

В то время как наши рабы, съежившись и скуля, робко смотрели на огромную плиту из черного мрамора, что защищала от света дня место последнего упокоения чародея Ираана, я попытался отвести глаза мои от страшных знаков и предупреждений, что были вырезаны на камне давно уже мертвыми руками. Через некоторое время мой брат нетерпеливо оттолкнул в сторону стонущих Гьаа-Хуа и испытал мощь своих сильных рук и плеч против этого массивного камня. Вскоре плита упала на землю, разбившись на семь больших фрагментов, и мумия была обнаружена.

Тощим и высохшим было тело, так как прошло

много столетий с последнего момента, когда лицо Ираана видело свет дня. Но меня это не беспокоило, — ибо схватив костлявыми пальцами с длинными ногтями, крепко прижав к голым ребрам, руки древнего чародея сжимали Черную Печать из неизвестного металла, что упал со звезд, когда Земля была только сформирована.

Пронзительный вой издали наши рабы, сжавшиеся в плотную кучу в стороне, колдун Йгот предостерегал, что его умерший хозяин все время охраняет Печать. Когда же Кут и я наклонились, чтобы вырвать Черную Печать из его рук, высушенные веки Ираана приоткрылись, и глаза, налитые багровым огнем, свирепо воззрились на нас. Когтистые руки поднялись вверх, чтобы обвиться вокруг горла Кута, который лишь издал громкий крик невыразимого ужаса и схватил своими мускулистыми руками эти высушенные запястья, стремясь сломить их беспощадный захват.

Сильный и молодой был мой высокий брат, но высохший ужас из гробницы обладал сверхъестественной силой. Глаза Кута вылезли из орбит, его язык вывалился, а лицо почернело. Он бросил на меня умоляющий взгляд глазами полными сверкающего ужаса. Мумия выпустила Печать,

чтобы сражаться против осквернителя, того, кто потревожил ее покой, поэтому я предусмотрительно схватил сигил и спрятал его в безопасное место среди нашего багажа, находящегося на некотором расстоянии в стороне там, где наши волосатые слуги лежали на земле и громко скулили. Там я задержался на некоторое время, стремясь овладеть своими страхами, что до сих пор наполняли мое сердце.

Когда же я осторожно приблизился к гробнице снова, Кут был уже мертв, он замер, истекая кровью, на костистых ребрах мумии, чьи пропитанные кровью останки уже начали рассыпаться в пыль под беспощадными лучами солнца, и в которой не было больше той неестественной жизни.

Мы поспешно похоронили труп моего брата под песками пустыни Вур и направились прочь из этого проклятого места, возвращаясь в город; и мое сердце было переполнено мучительной и горькой радостью: ибо я принес Алую Жертву и теперь трон Иерофанта был моим.

А так же девушка Йина…

Перевод: Р. Дремичев

Лин Картер
Наследие Уинфилда

Lin Carter «The Winfield Heritance», 1997

Заявление Уинфилда Филлипса, 1936

В случае моей смерти или исчезновения, я прошу того человека, в руки которого попадет это заявление, чтобы он незамедлительно отправил его доктору Сенеке Лафам, заведующему антропологическим факультетом Мискатоникского университета в городе Аркхем, штат Массачусетс. И ради собственной безопасности, чтобы не лишиться рассудка, я прошу отправить его непрочитанным.

Меня зовут Уинфилд Филлипс, и я живу на улице Колледж-стрит № 86 в Аркхеме. Я выпускник Мискатоникского университета, где я специализировался на американской литературе, а так же немного изучал антропологию. Начиная с первого курса, я работал у доктора Лафама в качестве личного секретаря и продолжил после в этой

должности, чтобы иметь возможность писать книгу о декадентском движении в новейшей литературе и искусстве. Мне двадцать девять лет, и я считаю, что имею твердый ум и крепкое тело.

Что касается моей души, то в этом я не так сильно уверен.

I

Утром 7 июня 1936 года, получив небольшой отпуск от моего работодателя, я сел на поезд в Калифорнию на станции Балтимор-Огайо на Уотер-стрит. Моя цель в том, чтобы совершить путешествие такой длины и пересечь весь континент, была частично деловой, а частично удовольствием. И, частично, из-за чувства семейного долга.

Совсем недавно скончался мой дяди Хирам Стокели из Дарнам-Бич, штат Калифорния, и я чувствовал себя обязанным присутствовать на его похоронах и занять своё место в похоронной процессии, чтобы восточная ветвь семьи была представлена на этом мрачном мероприятии. В конце концов, дядя Хирам был любимым братом моей матери; и, хотя я никогда не встречался с ним и фактически никогда раньше не видел его, я знал, что она хотела бы, чтобы я присутствовал

на его похоронах. Моя покойная мать была из семьи Уинфилдов из Нью-Хэмпшира, но мой отец был Филлипс, представитель одной из древних семей Массачусетса, родословную линию которой можно проследить до 1670 года, если не дальше. Я являюсь потомком знаменитого, а так же немного печально известного, преподобного Уорда Филлипса, бывшего пастора Второй конгрегационалистской церкви в Аркхеме, автора туманного, но психологически увлекательного текста о странностях Новой Англии под названием «Одаренные тауматурги в Ханаане Новой Англии», впервые опубликованного в Бостоне в 1794 году, а затем переизданного в довольно сокращенной форме в 1801 году. Была старая семейная шутка, что преподобный доктор, — об этом единственном его увлечении стало известно из писем, — в буквальном смысле совершил своё «проклятое», проникновение сквозь адское пламя и серу в «Великие Деяния», сумасшедшего старика Коттона Мазера[106] и еще более кошмарные «Чудеса Невидимого мира». Если так, ему это

[106] Примечания: 106

Коттон Мэзер (*англ.* Cotton Mather; 12 февраля 1663 — 13 февраля 1728) — американский проповедник, биолог и медик, плодовитый писатель, публицист, эссеист, оказавший значительное влияние на американскую политическую мысль XVIII века, а также на американскую литературу.

прекрасно удалось.

За много лет до моего рождения произошел разлад между моим дядей Хирамом и остальной семьей моей матери. Я не знаю, что произошло, но разрыв в отношениях был окончательным. Если моя мать и знала причину, она никогда не рассказывала мне об этом, но я помню, как мой старый дедушка бормотал о «запрещенных практиках», и «книгах, которые никто не должен читать», когда всплывало имя дяди Хирама, что было не очень часто. Каким бы ни был характер семейного скандала, дядя Хирам покинул Аркхэм, он переехал в Калифорнию и никогда не возвращался. Эти древние, прирожденные семьи Новой Англии, как вам известно, изобилуют скелетами в шкафу, старой враждой, вековыми скандалами. Кажется странным, даже извращенным, в наши дни таить обиду на всю жизнь, но мы гордый, упрямый, жесткий народ. Только большим упрямством можно объяснить тот факт, что мой дядя, как бы он не был раздосадован разрывом семейных отношений (даже с моей матерью, которая была его любимой сестрой), он фактически отказался от своей фамилии — Уинфилд — взяв вместо нее девичью фамилию своей матери — Стокели.

Во всяком случае, все это произошло задолго до

моего рождения — до того, как моя мать вышла замуж за представителя семьи Филлипс, — и из-за этого, а так же того факта, что никаких связей не было между моим дядей и мной — я даже не подозревал, что упомянут в завещании дяди, и так же совершенно не интересовался его имением, хотя было общеизвестно, что он стал очень богатым, когда переехал в далекую Калифорнию.

Что касается элемента удовольствия, связанного с моим путешествием, он заключался в возможности возобновить дружбу с моим кузеном Брайеном Уинфилдом, единственным сыном моего другого дяди Ричарда. Мы впервые встретились, Брайан и я, совершенно случайно в Библиотеке Виденера в Гарварде в 1927 году. Я был отправлен туда моим работодателем, чтобы скопировать некоторые отрывки из определенной и очень редкой версии странного любопытного старого тома мифов и литаний, носящего название «Книга Эйбона», в этом случае Гарварду повезло, поскольку он обладал единственным известным текстом средневекового латинского перевода, сделанного греком Филлипусом Фабером. Молодой человек, сидевший рядом со мной, был веселым, веснушчатым, курносым парнем с взлохмаченными рыжеватыми волосами и

дружелюбными голубыми глазами, он был полностью погружен в чтение медицинской книги с самыми отталкивающими иллюстрациями, какие только можно представить. Он отреагировал на вызов библиотекаря — «Уинфилд», и бросился вперед, чтобы потребовать достать другую книгу из хранилища для его внимательного изучения. Думая, что он, возможно, должен быть моим родственником, я позволил себе вольность представиться; позже, уже беседуя за кофе, мы заложили основы для прочной дружбы.

Брайан был лет на пять моложе меня и приехал на восток, чтобы учиться в медицинской школе, надеясь стать врачом. Мы привязались друг к другу с самого начала, оба были одинаково рады обнаружить, что мы были кузенами. Хотя мое пребывание было кратким, нам удалось продолжить наше дружеское общение по выходным и во время каникул. В этих случаях я приезжал в общежитие, чтобы навестить его, так как его отец заставил его поклясться, что он не рискнет приблизиться к Аркхэму ближе, чем земли города Бостон.

Это, конечно, не вызывало у меня особого неудобства, поскольку Бостон и Аркхэм находятся всего в пятнадцати милях друг от друга. Но через

пару лет мои поездки в Бостон закончились, потому что Брайан вылетел из медицинской школы из-за какой-то смехотворной мальчишеской шутки и вернулся домой, чтобы снова жить со своим родителем. Позднее он изучал ветеринарию в колледже Тейт в Буфорде, уездном местечке округа Сантьяго, в котором расположен Дарнам-Бич, и стал лицензированным ветеринаром. Я полагаю, что это было довольно неожиданно для того, кто надеялся вылечить рак и получить Нобелевскую премию; или, возможно, его отец, обнаружив нашу тайную переписку, потребовал, чтобы она прекратилась. Во всяком случае, наш обмен письмами сошел на нет и умер. Редкая открытка на Рождество или дни рождения, вот и все.

До этого июня, когда внезапно и к моему удовольствию я нашел в своем почтовом ящике короткое, небрежно написанное его знакомым детским почерком письмо, в котором говорилось о смерти нашего дяди, и приглашение — фактически мольба — чтобы я приехал на запад для похорон. Меня не нужно было сильно подталкивать, и, поскольку доктор Лафам был готов отказаться от моих услуг на неделю или около того, я отправился в тот же вечер и купил билеты на вокзале, сообщив Брайану по телеграфу о вре-

мени моего прибытия.

Помимо удовольствия возобновить мое знакомство с Брайаном и семейного долга присутствовать на похоронах моего дяди, у меня также было несколько незавершенных дел, которые я должен был выполнить для доктора Лафама. В нескольких милях к северу от Дарнам-Бич, на побережье Южной Калифорнии, лежал город Сантьяго, в котором находился знаменитый институт тихоокеанских древностей Санборн. Примерно семь лет назад нам в Мискатоник нанес визит джентльмен по имени Артур Уилкокс Ходжкинс, помощник куратора коллекции рукописей в Институте Санборн. Этот серьезный и ученый молодой человек просил помощи у доктора Лафама и некоторых его коллег в распутывании древней тайны, о которой я не буду распространяться здесь, за исключением того, что это было связано с необходимым уничтожением редкого примитивного идола неизвестного мастерства, обнаруженного на Понапе несколько десятилетий назад. Владение этой своеобразной статуэткой, — получившей значительную известность в народной прессе под довольно мелодраматическим названием «статуэтка Понапе», — как было уже известно, свело двух

известных ученых с ума, и, по словам самого Ходжкина, угрожала внести беспорядок в его собственный разум.

К моему большому удивлению, доктор Лафам совершенно серьезно отнесся к этим бредням, как и доктор Генри Армитадж, библиотекарь в Мискатонике. Эта их озабоченность по поводу потенциальной опасности для человечества в продолжении существования этой так называемой «статуэтки Понапе», вылилась в то, что они предоставили юному Ходжкинсу возможность ознакомиться со сказочно редкой копией мрачной, кощунственной древней книги под названием «Некрономикон». Мискатоник владеет и ревниво охраняет в закрытом хранилище единственную известную копию «полного издания», книги в западном полушарии.

Эта книга и несколько других томов подобной редкости и эзотерических знаний являются центральным источником информации, которой обладает мир о неясной, очень древней и запутанно широко распространенной доисторической мифологии, названной некоторыми «альхазредской демонологией», по имени арабского автора «Некрономикона», а также «Мифы Ктулху», по наименованию самого знаменитого дьявола. Сле-

ды культа Ктулху и других родственных культов и тайных обществ, посвященных поклонению трем сыновьям Ктулху — Гхатанотоа, Йтхогте и Зот-Оммогу, а также его сводному брату — Хастуру Невыразимому и другим богам или демонам с такими именами, как Тсатоггуа, Азатот, Ньярлатотеп, Даолот, Ран-Тегот, Ллойгор, Жар, Итакуа, Шуб-Ниггурат и т. д., сохраняются веками в дальних уголках мира и до сих еще не исчезли. Объединенные вместе в обширную секретную сеть, своего рода «оккультную преисподнюю», культы Ктулху и его приспешников формируют, по мнению некоторых властей, немного ни мало, огромный и вековой преступный заговор против безопасности, здравомыслия и самого существования человечества.

Доктор Лафам и доктор Армитадж просили меня посетить Сантьяго, где в настоящее время работал Брайан, чтобы посмотреть на мистическое завершение дела Артура Уилкокса Ходжкинса. Он жестоко избил старого сторожа до смерти, поджег южную галерею музейного крыла Института, спрятал или уничтожил пагубную фигурку и был доставлен в буйном состоянии в частный санаторий.

По всей видимости, в этой дикой истории безу-

мия значительно больше, чем можно разумно предположить. Помогая доктору Лафаму в его исследованиях деятельности культов Ктулху, я испытал несколько нервирующих и научно необъяснимых переживаний. Я знал, хотя и старался не верить, что на самом деле существовало тяжелое, мрачное ядро истины за кошмарными легендами этой фантастической мифологии. Я видел достаточно в лесу Биллингтон тем темным днем в 1924 году, когда мы с доктором Лафамом убили Амброуза Дьюарта и его индейского прислужника Квамиса, — или того, кто на самом деле захватил их разум, тела и души, — чтобы относиться к этим вопросам с осторожностью и трепетом.

Что-то свело бедного Ходжкинса с ума. Статуэтка Понапе? Или то, что он увидел в тот момент, когда коснулся холодной статуэтки из пятнистого нефрита серым звездным талисманом из потерянного, древнего Мнара, который доктор Армитадж доверил ему? Я не знаю. Но Лафам и Армитадж отчаянно хотели узнать; они хотели закрыть это дело о странной и неземной статуэтке, которую, как они полагали, принесли из черных бездн между звездами, когда Земля была молода.

И я тоже.

II

Брайан ждал меня на железнодорожной станции Сантьяго, когда я вышел из поезда. Он был без шляпы, его рыжеватые волосы раздувал ветер, он махнул рукой, ухмыльнулся и начал проталкиваться сквозь толпу, чтобы раздавить мою руку в своей грубой, мощной хватке. Он изменился очень мало за годы, прошедшие с тех пор, как мы в последний раз видели друг друга: он был все еще шумным, задорным и неудержимым, с радостным интересом к жизни и безграничным запасом физической энергии, которой я восхищался и завидовал.

Подхватив мои сумки, он бросил их на заднее сиденье своей машины, спортивного красного родстера, и попросил меня забираться. Я мог бы нанять и старое такси, которое стояло перед станцией, но это был более комфортный механизм. Пока мы ехали в маленькую квартиру Брайана на улице Идальго, расположенную недалеко от парка, мы беседовали, обновляя наше знакомство.

— Завтра я хотел бы съездить к Дарнам-Бич, чтобы осмотреть дом дяди Хирама, — сказал Брайан, помогая мне распаковывать вещи. —

Адвокаты дали мне ключ от входной двери и указали, как туда добраться.

— Разве ты не был там? — спросил я. — Живя так близко к нашему дяде, все эти годы…

Он поморщился.

— Дядя Хирам ладил с моим папой ничуть не лучше, чем с остальной семьей, я думаю! во всяком случае, меня никогда туда не приглашали. Этот старик был не такой уж и плохой, в конце концов. Кстати, я не стал рассказывать тебе об этом раньше — знаешь ли ты, что ты и я его бенефициары[107]?

Я моргнул, как громом пораженный.

— Ты имеешь в виду?

Он усмехнулся, кивая.

— Все, кроме денег, я полагаю! Все что стоит на фундаменте. Но мы можем разделить дом, библиотеку и мебель. Думаю, что тебя больше всего интересуют книги… Считаю, что у нашего дяди была большая библиотека. Ну, пойдем; нужно умыться и перекусить.

---

[107] Примечания: 107

Бенефициар (*от франц.* benefice — выгода, прибыль или лат. beneficium — благодеяние) — это Выгодоприобретатель, то есть получатель денежного платежа, доходов, прибыли и других преимуществ и выгод согласно долговому документу или договору.

III

События следующего утра я оставлю без комментариев. На службе было всего несколько человек, несколько старых слуг нашего дяди и парочка любопытных искателей. Похороны были проведены довольно поспешно, и я заметил, что тело почему-то несли в закрытом гробу.

После обеда мы двинулись к побережью. Это был яркий, солнечный день, и Брайан ехал с открытым верхом. Я подумал, что у Брайана есть какие-то новости для меня — я видел, как его просто распирает от этого. Наконец, я спросил его, что случилось. Он бросил на меня косой взгляд.

— Помнишь, когда ты написал, что приедешь, ты попросил меня узнать все, что я смогу, о истории со «статуэткой Понапе»? — спросил он. Я кивнул. — Хорошо, я собрал для тебя несколько газетных вырезок — отдам их чуть позже. Но я обнаружил нечто странное, рассматривая этот вопрос…

И он упомянул имя покойного профессора Гарольда Хэдли Копеланда. Было время, когда многие газетные сенсационные новости были связанным с этим именем, оно было хорошо знакомо читателю воскресных дополнений. Но как

быстро вчерашние новости становятся древней историей! Я полагаю, что в наши дни мало кто вспомнит это имя, хотя его смерть в психиатрическом учреждении в Сан-Франциско произошла всего лишь семь лет назад.

Это профессор Копеланд обнаружил печально известную «Статуэтку Понапе», которая сформировала цепь, в которой было сосредоточено столько странных и озадачивающих тайн. Статуэтка была частью коллекции редких тихоокеанских древностей и книг, которые Копеланд передал в Институт Санборн в 1928 году. Кажется, что статуэтка была каким-то образом связана с древним малоизвестным культом, который поклонялся «Великим Древним со звезд», мифы и легенды о которых были предположительно записаны в ряде старинных и очень редких книг. Некоторые из книг, которые Копеланд передал в Институт Санборн, рассказывают о его исследованиях. То, что я теперь узнал из уст моего двоюродного брата, поразило меня.

— У старого профессора была копия «Unaussprechlichen Kulten», ты знал? — спросил Брайан язвительно, играя с моим любопытством.

Я кивнул. Книга, написанная немецким ученым по имени фон Юнцт, была основным текстом

в изучении культа.

— И некоторые страницы из «Песнопений Йуггов», — добавил он, — а так же копия того, что именуют «Текст Р'льех»…

— Да, я знаю обо всем этом, — сказал я нетерпеливо. — Что ты хочешь сказать, не тяни?

— Ну, Уин, где, по-твоему, профессор Копеланд получил эти редкие книги?

Я раздраженно пожал плечами.

— Откуда, черт возьми, я должен это знать?

Все еще улыбаясь, Брайан, наконец, выдал свою потрясающую новость:

— Он купил их у дяди Хирама.

Я уверен, что моя челюсть упала, заставив меня выглядеть нелепо, ибо после очередного косого взгляда на меня, Брайан начал посмеиваться.

— Великий Скотт, — пробормотал я, — какое совпадение! Ты хочешь сказать, что наш дядя был заинтересован в оккультизме — в этой «альхазредской демонологии»?

Он нахмурился, не признавая этого термина.

— Альхазредской…?

— По имени арабского демонолога Абдула Альхаздреда, автора знаменитого «Некрономикона», одной из самых редких книг в мире. У нас есть копия в Мискатонике, которую держат под замком

и ключом. Единственная в западном полушарии.

Он признался, что понятия не имеет об интересах дяди, научных или каких-то иных.

— Но дядя Хирам сделал целое состояние, ты же знаешь… и он занимался коллекционированием книг по-крупному… все, что было старым, редким и темным и что было трудно найти, влекло его. У него были агенты по всему миру, работающие на него… бьюсь об заклад тебе это приятно слышать, так как ты унаследовал часть его книг!

Я ничего не сказал, чувствуя себя немного неуютно. В то время как смерть моего дяди Хирама ничего не значила для меня лично, было нечто оскорбительное в разговорах о выгоде из-за кончины другого человека. Я сменил тему.

Длинная дорога к Дарнам-Бич провела нас по живописному маршруту, мы ехали вдоль массивного, скалистого побережья с улыбающимся синим Тихим океаном, лениво двигающимся под ярким солнечным светом. Но когда мы приблизились к городу, шоссе повернуло вглубь страны, и пейзажи стали постепенными сменяться на странно серые и даже немного удручающие. Мы пересекали теперь целые акры заросших соснами грязных низин, заполненных стоячей, украшенной шапками пены водой. Затем после-

довали на протяжении многих тоскливых миль заброшенные фермы и поля, где необработанная, нездоровая земля, разъеденная соленым ветром с океана, обнажилась под жалким тонким слоем верхнего слоя почвы, не представляя собой ничего кроме мертвого и стерильного песка. Морские птицы кричали и скорбно выли, словно вписывались в настроение тревожной депрессии, которая навалилась на нас обоих. Даже яркий солнечный свет казался утратившим силу и тусклым, хотя небо было таким же ясным как прежде.

Я сказал об этом своему кузену, и он с серьезным видом кивнул.

— Это не очень жизнерадостное место, — заметил он. — Город умирает, насколько я понимаю, особенно после того, как начали закрывать консервные заводы, и люди остались без работы. Я помню, когда-то все эти фермы были сильными, было много апельсиновых рощ, садовых грузовиков… некоторые общины процветают и растут, а другие просто рассыпаются и гниют в самой сердцевине…

Мы проехали дорожный знак, и имя на нем показалось мне смутно знакомым, я припомнил, что видел его несколько лет назад в газетах. Я спросил об этом Брайана. Он выглядел мрачным.

— Поле Хаббла? Конечно, ты, должно быть, читал об этом — десять или пятнадцать лет назад, где-то так. Они обнаружили все тела, погребенные здесь, — сотни, я думаю.

Его замечание вызвало у меня холодную дрожь. Разумеется, я вспомнил ужас Поля Хаббла — кто мог такое забыть? По какой-то причине округу потребовался трубопровод, и когда люди пришли, чтобы раскопать определенный участок, они начали выкапывать останки человеческих тел, буквально сотни, как сказал Брайан, хотя из-за того, что тела были расчленены и свалены в кучу, не было возможности установить их точное количество. Кто-то по радио в то время заметил, что если вы возьмете всех массовых убийц в истории и объедините всех их жертв, у вас не будет и половины от того количества трупов, которые были захоронены на Поле Хаббла… странно ужасная вещь, чтобы помнить! Или думать о ней.

— Да, я кое-что помню об этом, — пробормотал я. — Так никто и не узнал, кто это сделал, или почему?

Брайан издал похожий на кашель смешок.

— Нет, это не так, — сказал он коротко. — Они узнали, что этим захоронениям чертовски много лет… они копали глубже и стали находить ключ-

ки грубой выделанной кожи и старые бутылки ранних поселенцев… еще глубже вниз — кусочки старой испанской брони вперемешку со скелетами… а под этим…

Он замолчал, больше не сказав ни слова. Я подтолкнул его.

— Под этим — что?

— Индейцы, — сказал он тяжело. — Множество. Младенцы, старики, воины, женщины. Еще до того, как сюда пришли испанцы. Конечно, это были все индейские земли. Народ хиппавей владел этими землями до того, как сюда пришли землепроходцы. Тем не менее, некоторые из хиппавей еще живут в горных резервациях. Но не здесь, могу поспорить!

— Что ты имеешь в виду?

— Еще в школе я прошел курс по антропологии индейцев. У хиппавей было название для Поля Хаббла на их родном языке… что-то вроде Э-чоктах, думаю так.

— Что это значит? — с любопытством спросил я.

Его лицо приобрело мрачное выражение:

— Место червей.

Внезапно солнечный свет потускнел, небо, казалось, потемнело, а воздух вокруг нас стал сы-

рым и нездорово холодным. Но когда я взглянул вверх, небеса были все так же ясными, и солнце ярко светило… но казалось было неспособно согреть воздух.

Я сменил тему.

IV

Мы добрались до дома нашего дяди ближе к вечеру, проехав через то, что осталось от старого города. Ряды грязных домов, в которых обитали усатые, угрюмые мужчины, неряшливые женщины и визжащие дети… магазины были закрыты и давно пришли в упадок… грязные улицы, изрезанные колеями, во многих из которых росла густая трава. За гнилыми причалами гавани, где только одна-две небольших лодочки свидетельствовали о наличии рыбаков, вырисовывались заброшенные склады и рушащиеся консервные заводы. Трудно было поверить, что этот разлагающийся город-призрак был энергичной общиной во времена детства Брайана, всего лишь дюжину или пятнадцать лет назад. Сейчас он выглядел загрязненным, — отравленным, каким-то странным образом, — и почти превращенным в руины.

— Я определенно не удивлен, почему ты дер-

жался в стороне от этого места все эти годы, — пробормотал я. — Удивительно, почему дядя Хирам продолжал жить здесь со всеми своими деньгами: я бы переехал в Сан-Франциско или куда-нибудь еще — куда угодно, лишь бы подальше от Дарнам-Бич!

Брайан усмехнулся.

— Тем не менее, дом большой, — размышлял он, глядя на него. И я должен был признать, что это так. Двухэтажное, покрытое штукатуркой строение в стиле испанской гасиенды с красными черепичными крышами и дымоходами, окруженное пустынными садами и давно сухими прудами, засыпанными грязью и гниющими листьями.

— Не похоже, что он ухаживал за этим местом в последние годы, — заметил я.

— Нет, это не так, — сказал он. Затем указал на участок пустого поля, граничащего с поместьем, видневшийся за рядами неопрятных и умирающих деревьев. — Возможно, он не мог, — добавил он задумчиво.

— Что это значит?

Он кивнул на пустые поля: сырая красная глина, изрезанная канавами, впадинами и оврагами, между рядами поникших пальм.

— Не хорошее соседство, — сказал он кисло. — Это Поле Хаббла..!

После нескольких неудачных попыток мы открыли большую входную дверь с помощью ключей, переданных адвокатом дяди Хирама, и вошли в тусклый прохладный передний зал. Ржавые доспехи стояли под драными флагами и выцветшими гобеленами; грандиозная винтовая лестница уводила сквозь мрак к верхней части дома. Пыль лежала толстым слоем на тяжелой, резной, антикварной мебели, а благодаря каплям дождя, проникшим внутрь сквозь несколько разбитых окон наверху, старый ковер покрылся зеленой плесенью.

Это место вызывало холодное, неживое чувство, несмотря на все его феодальное величие. Все это выглядело как приемный зал в каком-то первоклассном похоронном бюро, тяготеющем к стилю барокко.

— Ну, вот мы и здесь, — проворчал Брайан. — Давай осмотримся вокруг — изучим обстановку.

В большой обеденной зале были установлены высокие покрытые пятнами витражи, за огромным тяжелым дубовым столом, должно быть, могли расположиться двадцать гостей, — если гости были когда-нибудь здесь, — и меня ста-

ло немного подташнивать от вида всего этого. Бронзовые скульптуры стояли на старых буфетах и каменных выступах, и здесь был настоящий завал из журнальных столиков и старинных вещей, прекрасных образчиков старой индейской керамики, викторианского художественного стекла, пепельниц и медных горшков. Воздух был затхлым и нездоровым, хотя дом на самом деле простоял закрытым не так уж и долго: в конце концов, Хирам Стокели умер не так давно — или он имел что-то против открытых окон и свежего воздуха?

Или, возможно, ветер, который дул со стороны Поля Хаббла, где сотни и сотни трупов гнили в земле на протяжении столетий, нес с собой ядовитые миазмы, словно чума, что даже в жаркие летние месяцы Хирам Стокели предпочитал задыхаться за закрытыми окнами и не дышать им?

Это был вопрос, на который я действительно не хотел найти ответа.

Мы нашли библиотеку на втором этаже, огромную комнату, уставленную от пола до потолка книжными полками. На самом деле я не чувствовал настроения оценивать своё наследство в серых отвратительных красках вечера, но быстро пробежал глазами по полкам. В переплетах из

тисненой кожи стояли стандартные наборы Диккенса, Теккерея, Скотта, поэтов Озерной школы. Несомненно, хороший торговец старыми книгами в Сан-Франциско может получить приличную прибыль для меня за них, если сырость и плесень не попортили книги.

— Боже мой! Что это? — воскликнул Брайан испуганным тоном. Он смотрел на масляную картину, которая висела на панельной стене рядом с дверью. Смутная из-за пыли и плохого ухода, его украшенная завитками позолоченная рама содержала шокирующую сцену, которую я не мог разглядеть в тусклом свете.

Подойдя ближе, я прочитал надпись на маленькой латунной пластинке, прикрепленной к нижней части рамы.

— Ричард Аптон Пикман, — пробормотал я. — Я слышал о нем, бостонский художник…

Затем я поднял глаза, чтобы внимательно изучить картину. С явным потрясением я увидел тусклый, призрачный склеп, — каменные стены его были покрыты каплями влаги, бледные и раздутые грибы прорастали под ногами. Множество неприлично обнаженных, невообразимо толстых мужчин и женщин, голых и грязных, с тяжелыми когтями и похожими на собачьи мор-

дами, с выступающими бровями и искаженными лицами, были сгруппированы вокруг того, кто был их предводителем. То, что вызывало холодную дрожь в этой гротескной живописи, был сверхъестественный, практически фотографический реализм техники художника… это и адское выражение отвратительного, злорадствующего наслаждения, отпечатавшееся на жирных чертах вырожденного, почти звериного лица…

Содрогаясь от отвращения, я поспешно опустил взгляд от изображения, чтобы найти название картины.

— «Холмс, Лоуэлл и Лонгфелло, погребенные на горе Оберн», — прочитал я чуть слышно.

Брайан выглядел нездоровым.

— Боже, я сначала продам эту мерзость! — поклялся он. Я не винил его: честно говоря, я бы сжег эту ужасную вещь.

Мы решили остаться здесь на ночь, так как нам потребовалось бы несколько часов, чтобы вернуться в Сантьяго. Мы проехали мимо грязной маленькой закусочной возле причалов во время нашей поездки по городу, но как-то ни один из нас не почувствовал себя готовым пройтись по этим изрезанным колеями улицам с покосившимися, гниющими домами. В настро-

ении праздничной щедрости хозяйка гостиницы Брайана собрала нам большой обед для пикника, который мы лишь пригубили во время пути, поэтому мы развели огонь в каменном камине и с жадностью набросились на холодный чай, бутерброды с ветчиной и курицей, и картофельный салат в мерцающем свете оранжевого пламени. Начал моросить дождь; небо было свинцовым и пасмурным; скорбный ветер рыскал и хныкал в карнизах. Это была противная ночь, и никто из нас не чувствовал себя способным забраться в постель после того, как взглянул на сырые, затхлые простыни и пустые, вытянутые спальни. Мы накормили огонь и свернулись на паре диванов, закутавшись в одеяла, найденные в шкафу наверху.

Брайан вскоре захрапел, но я не мог расслабиться настолько, чтобы погрузиться в сон. Сдавшись через некоторое время, я подкинул еще топлива в огонь и зажег старую лампу, которую мы нашли на задней веранде, в которой еще было достаточно масла. Затем я отправился на поиски книги для чтения. Твен, Дюма, Бальзак — все стандартные классики были слишком тяжелы для моего мрачного настроения, но, конечно же, где-то среди всех этих тысяч забальзамированных шедевров

дядя Хирам, должно быть, припрятал хороший триллер или сочный детектив…

На одной из нижних полок я заметил кое-что странное: ряд книг и брошюр, стоявших за передним рядом, — это заставило меня задуматься, не были ли все книжные полки установлены книгами так же… или, возможно, так дядя Хирам брезгливо скрывал от повседневной публики небольшой набор «непристойной», Викторианы? Ухмыляясь, я достал один из томов и поднес его к свету, чтобы прочитать его название.

Это был «Ночные призраки», — роман Эдгара Хенквиста Гордона, изданный в Лондоне издательством «Погребальный дом», — великие небеса! Я держал в своих руках чрезвычайно редкую и очень ценную книгу. Это была первая книга, которую опубликовал Гордон, и, вероятно, потому, что критики того периода озаглавили ее «чрезмерно болезненной», это был полный провал, поэтому том, который я держал в руках, был так востребован коллекционерами всего странного и фантастического.

Осторожно положив книгу на стол, я удалил первый ряд книг и начал вынимать и изучать один за другим тома, которые они скрывали. Следующий том был также Гордона, опублико-

ванный в частном порядке роман «Душа Хаоса». За этим последовала редкая копия темного журнала «По ту сторону», того самого, который содержал знаменитый первый рассказ Гордона «Горгулья». Для своей книги «Декаданс в литературе», я изучил фотографическую копию «Горгульи», полученную с большим трудом и со значительными затратами времени, и я хорошо помню ее фантасмагорические знания о черных городах на самом дальнем краю пространства, где странные существа шептали неописуемые богохульства с бесформенных престолов, которые выходят за пределы области материи.

Следующей книгой был тонкий томик стихов Эдварда Пикмана Дерби, озаглавленный «Азатот и другие ужасы», в который я также заглянул, это была дорогое первое издание в довольно неплохом состоянии. Рядом с ним располагался второй том стихов — «Люди монолита», Джастина Джеффри; затем появились еще несколько крошащихся и пожелтевших экземпляров «По ту сторону», и еще один журнал под названием «Шепоты», в котором были опубликованы знаменитые рассказы необыкновенного, игнорируемого молодого гения Майкла Говарда. Но следующая книга была такой удивительной

находкой, что я буквально отшатнулся, раскрыв рот в изумлении: это была оригинальная неопубликованная рукопись Амадея Карсона — знаменитый и легендарный роман «Черный бог безумия», который, по мнению большинства властей, больше не существовал.

Я наткнулся на изумительный предмет литературных сокровищ, столь сказочно редкий, что считался почти легендарным.

Это заставило меня задуматься — это было просто праздная, мимолетная мысль! — какие другие сокровища мог таить в себе дома Хирама Стокели.

V

Когда Брайан проснулся серым и морозным утром, я поделился с ним изумлением и восторгом от моих открытий, но он был значительно менее очарован всем этим, чем мог бы быть. Я полагаю, что это требует знаний гуманитарных наук, а так же глубокого интереса к декадентской литературе, чтобы полностью оценить глубину моих открытий, но, тем не менее, он мог бы проявить немного больше интереса!

— Довольно редкий хлам и очень ценный, да? — размышлял он, перелистывая рукопись

«Черного Бога безумия».

— Некоторые из этих предметов почти бесценны, — сказал я. — Тот, который ты изучаешь, не является единственной неопубликованной рукописью — здесь есть подлинная оригинальная рукопись знаменитого стихотворения Саймона Маглора, удостоенная наград поэма «Повешенная ведьма», известная буйством диких образов и сверхъестественных цветов… А вот жемчужина: настоящий первый выпуск тайной и неповторимой работы Хальпин Чалмерс, «Секретный наблюдатель», первое издание «Погребального дома», в Лондоне.

— Да, и вот еще один, — пробормотал он, просматривая тонкую брошюру. — «Видения Йаддита», стихи Ариэль Прескотт, «Погребальный дом», издана: Лондон, 1927 год. Я слышал о ней, разве она не умерла в сумасшедшем доме?

— Да, в Оукдине, — коротко сказал я. — А вот пресловутый выпуск «Шепотов», января 1922 года, в котором содержится знаменитая — или позорная! — история Рэндольфа Картера «Чердачное окно». За эту копию можно получить хорошие деньги, продав ее правильному коллекционеру, ведь когда появилась эта история, она вызвала такое отвращение, что каждый известный номер

этого журнала был изъят из газетных киосков.

Брайан бегло просматривал другие журналы, шелушащиеся и пожелтевшие от времени.

— Кто такой Филлип Говард? — с любопытством пробормотал он.

— Автор нескольких коротких рассказов, которые могли бы порадовать души По и Бирса, — заявил я. — «Дом червя», вероятно, самый известный: по крайней мере один молодой читатель, студент из Университета Среднего Запада, как я считаю, сошел с ума из-за этого. Еще одна его история — находится в журнале, который ты смотришь: «Осквернители», так она называется; я помню статью в «Партриджвилль Газетт», где говорится, что журнал получил не менее трехсот писем возмущенного негодования, когда они опубликовали эту историю.

— Не знал, что у дяди были такие болезненные вкусы в литературе, — удивился он. Затем, подняв глаза:

— Что там у тебя еще есть?

— Оригинальные манускрипты, — прошептал я почти почтительно. — Я не думаю, что ты когда-нибудь слышал об этом ужасном молодом гении, Роберте Блейке? Я полагаю, нет; ну, он умер только в прошлом году, в конце концов… но

слухи до сих пор крутятся вокруг его историй.

Я смотрел на исписанные аккуратным почерком страницы, носящие такие названия — «Шаггаи», «Гурман со звезд», «Лестница в склепе», «Роющие у корней», и «В долине Пнат».

— Когда-нибудь они должны быть опубликованы, чтобы все могли прочитать их, — пробормотал я, жадно просматривая бумаги.

Но Брайан изучал эту кипу бумаг в недоумении.

— Если они такие редкие и ценные, зачем скрывать их за другим рядом книг? — спросил он почти с вызовом. — Я всегда думал, что коллекционерам нравиться хвастаться своими сокровищами — так почему?

Я взглянул на него.

— Не знаю, — честно сказал я.

* * *

Мы отправились завтракать в небольшой ресторанчик и закупили кое-какие продукты на обед, так как коммунальные услуги здесь не предоставлялись, и гораздо приятнее было бы приготовить что-нибудь самим, чем снова выйти под дождь. Мы провели остаток дня, каталогизируя мебель и картины; я не очень разбираюсь в

антикварiате, но для меня все выглядело очень ценным. Немного удачи и каждый из нас уйдет отсюда с большой суммой денег. Другое дело — реальная стоимость дома дяди Хирама; то, что город прозябает в упадке, а так же близость дома к Полю Хаббла — может привести к снижению стоимости при продаже.

Я размышлял над этими вещами, пока ходил среди антикварных коллекций моего дяди, когда меня настиг испуганный крик Брайана.

— Что происходит? — потребовал я, присоединившись к нему в библиотеке. — Ты едва не довел меня до сердечного приступа…

Затем я замолчал. Брайан взволнованно улыбался мне, стоя рядом с дверным проемом в книжных полках.

— Секретная комната! — воскликнул он, глаза его заблестели мальчишечьим восторгом. — Я искал за полками, чтобы посмотреть, есть ли еще какие-нибудь скрытые книги, и, должно быть, как-то активировал этот механизм. Я сам напугался до смерти! Посмотрим…

Я заглянул поверх его плеча в узкую, маленькую, тесную, душную комнатку, открывшуюся взгляду, когда один из книжных шкафов качнулся в сторону, как дверь. Внутри тайной комнаты

было так темно, что сначала все, что я мог видеть, было огромным куском древней мебели из дуба. Мне потребовалось несколько минут, чтобы определить это.

— Мой бог! Это адумбри; выглядит подлинным, — выдохнул я.

— Что…

— Вид средневекового книжного шкафа. Монахи в старых монастырях использовали их, чтобы складывать плашмя книги, которые были слишком большими, чтобы стоять на ребре, — рассеянно сказал я.

— Похоже, они оставили несколько из них здесь, — заметил он. Ибо здесь находился целый ряд огромных томов — книги, обернутые в пергамент, сморщенный и пожелтевший от времени, или в шелушащуюся черную кожу. Я достал один, скривив лицо от запаха древней плесени и распада, который возник, едва я коснулся книги.

В следующее мгновение страшная догадка возникла у меня. Я держал в своих руках елизаветинский фолиант невероятного возраста, манускрипт, написанный неразборчивым почерком на толстых листах превосходного пергамента. И титульная страница носила надпись: «Аль-Азиф, Книга араба, названная „Некрономикон“, Абдула

Альхазреда, переведенная на новый английский мной, мастером Джоном Ди, Мортлейк, Доктор искусств».

Даже Брайан не мог не находиться под впечатлением от этого открытия, несомненно помня, что я называл «Некрономикон», «одной из самых редких книг в мире», как оно и было. Она стоила, я полагаю, тысячи… даже больше, если она действительно была тем, чем казалась. То есть я не являюсь экспертом в елизаветинском или якобинском почерке, но огромные страницы фолианта выглядели достаточно старыми, чтобы быть написанными рукой доктора Ди. Может ли эта книга быть оригинальной рукописью?

— Вот еще один, — задумчиво пробормотал Брайан. — «Livre d'Ivon»…

— …«Книга Эйбона», — сказал я с изумлением и взглянул на нее — древний манускрипт в переплете был потрепан и находился в удручающем состоянии, его страницы были порчены водой и покрыты разводами плесени. Но до сих пор еще давно устаревший нормандский французский казался достаточно разборчивым… к тому же, каллиграфия почерка выглядела достаточно старой, чтобы принадлежать руке Гаспара дю Норда…

Постепенно шоковое состояние отступило. Ошеломленный ум больше просто не мог терпеть. На полках были и другие книги, но мы не смотрели на них. Свет из открытой двери раскрыл каббалистические узоры, прорисованные мелом на полу, любопытные и как ни странно непристойные инструменты из латуни, меди или стали сверкали на самой верхней полке; воздух был наполнен ароматами распада и разложения, спертый и совершенно испорченный. Неожиданно я почувствовал боль в животе: теперь я знал, или подумал, что знал, почему дядя Хирам разорвал отношения со своей семьей.

Это было не его желание, а их. Уинфилды имели очень древние корни; слухи и шепоты об отвратительном ведьмовском культе, выжившем в нашем проклятом уголке Новой Англии, говорили о них, смешанные со слухами о некоторых волнующих и тревожных делах в Аркхеме, Иннсмуте и Данвиче.

Уинфилды бросили дядю Хирама из-за того, что он занимался ритуалами и эти знания были слишком отвратительными, слишком кощунственными, чтобы терпеть их.

И я Уинфилд…

Не сказав ни слова, мы покинули секретную

комнату вместе, как будто подчинившись одному и тому же порыву. И мы оставили секретную дверь приоткрытой.

VI

Мы решили посвятить отдыху этот холодный, дождливый день; и мы не обсуждали то, что обнаружили. Брайан был слишком здравомыслящим, слишком по юношески здоровым и нормальным, чтобы читать странные старые тексты и запятнанную литературу, в которую я углубился глубже, чем хотелось бы. Но он чувствовал зло, которое таилось на страницах этих отвратительных старых книг, и которое злорадствовало с ухмыляющегося клыкастого лица на той ужасной картине, и которое веяло вокруг темного старого дома, поднимаясь из погребальной ямы, которую люди с ужасом называли Поле Хаббла.

Позже, почувствовав голод и странно желая хоть какого-нибудь человеческого общения, мы отправились сквозь холодный дождь в небольшой ресторанчик на набережной. Раньше он был пуст, за исключением маленькой девочки за прилавком, и толстого повара, жующего огрызок мертвой сигары, склонившегося над марми-

том[108]. Но теперь он был наполовину полон, и я еще подумал, что местные жители странно посмотрели на нас, когда мы вошли и сели за стол рядом с грязным и жирным окном. Они представляли собой беспутную массу, мужчины с небритыми щеками и хитрыми глазами, одетые в грязные комбинезоны и фланелевые рубашки. Мы не обратили на них никакого внимания, но мне показалось, что мы стали более привлекательным объектом внимания или негодования, чем должны были, даже принимая во внимание понятие «городской незнакомец», которое возникло в уединенных, разлагающихся болотах, таких как Дарнам-Бич.

Жующая официантка наклонилась над прилавком и сказала что-то одному из местных жителей. Я не смог разобрать ее слов, что-то о «старой усадьбе Стокели», и «Поле Хаббла», а тот пробурчал в ответ что-то похожее на «проклятая дерзость, прийти сюда».

— Мерзавцы, пусть возвращаются туда, откуда

[108] Примечания: 108

Мармит (*фр.* marmite — кастрюля, котелок) — емкость прямоугольной, овальной или круглой формы с крышкой, изготовленная из алюминия или нержавеющей стали, предназначенная для хранения продуктов, полуфабрикатов и готовой пищи, а также из нержавеющей стали или серебра — для приготовления и/или сохранения пищи в подогретом виде.

пришли, — пробормотал другой. Третий лишь угрюмо кивнул в ответ.

— Теперь все начнется снова, держу пари! — прорычал он.

На нас обратилось еще больше неодобрительных, даже скорее угрожающих, взглядов. Брайан тоже это заметил.

— Мы, кажется, явно непопулярны здесь, Уин, — заметил он. Я быстро кивнул.

— Действительно. Давай заканчивать и убираться отсюда, пока не возникли проблемы.

— Хорошая идея, — согласился он. Мы ушли и поехали обратно сквозь холодный дождь, почти не говоря, каждый занятый своими мыслями.

* * *

В тот вечер Брайан просматривал одну из старых книг, а я пытался сосредоточиться на каталогизации содержимого дома. Мой разум казался совершенно неспособным сосредоточиться на деле, будучи встревоженным.

— Я нашел кое-что странное, Уин, — заговорил Брайан. Что-то в его тоне заставило меня резко подняться.

— Что ты читаешь?

— «Некрономикон»… послушай это! Хм, посмот-

рим — вот здесь: «…и Ми-Го, которые являются миньонами Его Единоутробного брата, лорда Хастура, спускаются, но редко к…», нет, немного дальше: «… и более того со своими страшными Йуггами, которые являются слугами Зот-Оммога и Его Брата, Йтхогты, и во главе которых стоит Убб, Отец Червей, они выползают, но редко из своих влажных и зловонных нор под полями, где они создали своё отвратительное логово», — возможно «Статуэтка Понапе», которая так пагубно влияла на людей, является предполагаемым образом Зот-Оммога?

Я почувствовал предчувствие беды.

— Это все. Или есть еще?

— Достаточно. Послушай это: «Но все одинаково подобны, да, и „Ночные призраки“, которые служат Ньярлатотепу, ведомые своим лидером — Йеггхой Безликим, дхолы с Йаддита и Нуг-Сот, служащие Могущественной Матери», — я пропущу страницу: «они мучаются и дрожат в оковах Старшего Знака, который связывает их Хозяев, и они стремятся всегда делать То, что должно освободить их, вплоть до принесения Алой Жертвы. И из-за этой жуткой Причины они много раз соблазняли и покупали сердца и души смертных людей, выбирая хрупкие и тщеслав-

ные, продажные или жадные, и таким образом легко подчиняемые жаждой знаний, вожделением золота или безумием власти, которое является самым постыдным и самым страшным людским грехом…»

Мы смотрели друг на друга мгновение. Затем я встал и перешел туда, где сидел мой кузен, и взглянул на страницу через его плечо.

Я прочел: «Таким людям, как я уже сказал, они нашептывали по ночам и подчиняли их себе обещаниями, которые чаще всего не выполнялись. Они нуждаются в людях, и эта нужда сравнима с великой жаждой: ведь только рука смертного может сместить Старший Знак и рассеять могущественные чары, нанесенные на тюрьмы Древних Старшими Богами…»

— Посмотри на следующий отрывок, — сказал он слабым, беспокойным тоном.

Я прочитал: «В частности, это те из миньонов, которые обитают в ядовитых глубинах под земной корой, которые заманивают людей в услужение благодаря обещаниям богатств, потому что вся руда и сокровища мира принадлежат им, да, золотые копи и огромные кучи бесценных драгоценных камней. Из которых Йуггов, которых книжники называют „Червями Земли“,

безусловно, следует больше всего опасаться, поскольку сказано, что существует много богатых и состоятельных людей, поднявшихся над миром, тайна богатств которых находится в проклятом сокровище, поднятом на поверхность огромными и отвратительными, белыми и слизкими Йуггами, таким образом, купившими их для своего Дела, ради полного и ужасного предательства человечества и угрозы самой Земле».

Лицо Брайана вытянулось, в его глазах появилась страшная догадка.

— Помнишь, мы задавались вопросом, откуда взялось состояние дяди Хирама, — прошептал он.

Я вздрогнул от его взгляда.

— Что ты хочешь сказать? — протестующе воскликнул я. — Это абсолютно безумие — сумасшествие!

— Разве? Помнишь тот странный термин «Алая жертва»… и все те тела на Поле Хаббла…?

— Что ты… пытаешься сказать? — я пытался усмехнуться, но мой голос дрожал, и я знал, что Брайан может прочитать сомнения в моих глазах.

— Поле Хаббла, — мрачно пробормотал он, — Убб, Отец Червей… Черви Земли… те, что обитают

в вонючих глубинах под земной корой, которые привлекают людей к служению через обещание богатства… Поле Хаббла… Э-чок-тах, «Место червей»…

— …Поле Убба, — ахнул я. Он мрачно кивнул.

— Пойдем, — коротко сказал Брайан, поднимаясь и направляясь в тайную комнату. Я остановился на мгновение лишь для того, чтобы схватить свой электрический фонарик. Затем я последовал за ним в Неизвестность….

VII

Свет моего факела осветил оштукатуренные стены тесной, душной маленькой комнаты, отбрасывая огромные жуткие тени. Брайан провел руками по стенам, словно искал что-то. Я спросил его немного приглушенным голосом, что именно он ищет. Он слегка покачал головой.

— Проклятие, если я знаю, — признался он. — Еще одну секретную панель, я думаю, возможно ведущую в другую скрытую комнату за пределами этой.

По моему предложению мы оттащили огромный средневековый шкаф от стены. Как единственный предмет мебели в тайной комнате, он мог скрывать еще одну дверь, если эта дверь

существовала.

И она была…

Ищущие пальцы Брайана случайно нажали на кнопку, установленную в штукатурку. Некий механизм, укрытый в стене, протестующе затрещал. Появилось черное отверстие. Я осветил проход, и мы увидели грубо высеченные каменные ступени, спускающиеся во тьму.

— Это оно! — Брайан торжествующе вздохнул.

— Ты сумасшедший, — сказал я. — Она, скорее всего, ведет в подвал.

— Это Южная Калифорния, — напомнил он мне. — В домах здесь нет подсобных помещений или подвалов, как на востоке. Просто водонагреватели в задней части… пойдем! И держи этот свет ровно.

Заклинив раздвижную панель с помощью одного из латунных предметов с верхней полки шкафа, мы начали спускаться по ступенькам, Брайан шел впереди.

Каменная лестница убегала в глубины по спирали; снизу потянул воздух, наполненный зловонием плесени, гниения и распада, со сладковатыми нотками сырой почвы. И среди всей этой вони странным был примешивающийся соленый запах моря.

— Мой бог! Там! Посмотри…

На ступенях, покрытых лишайниками, прямо перед нами драгоценные камни мерцали и переливались в свете факела. Некоторые из них были огранены и установлены в старинном золоте или серебре, другие были грубыми — не отшлифованными кристаллами. Среди драгоценных камней были видны куски золотой и серебряной руды, а также образцы драгоценных металлов. На ступенях лежало множество монет: я наклонился, поднял одну из них и осмотрел, всматриваясь с ужасной догадкой в благородные испанские профили древних королей.

— Неудивительно, что он был таким богатым, черт возьми! — вздохнул Брайан, и его глаза сверкнули в тусклом свете факела. — Неудивительно, что они так легко купили его услуги… мой Бог! Алая жертва!

— У нас до сих пор нет никаких реальных доказательств, — запротестовал я. Но мои слова звучали фальшиво, даже до моих ушей.

— Здесь все доказательства, в которых я нуждаюсь, — буркнул Брайан, топнув ногой по поверхности покрытой плесени ступеньки. Драгоценные камни и монеты со звоном раскатились. И мне показалось, что что-то шевельнулось

во тьме внизу, перед которой мы стояли.

— Пойдем, давайте осмотрим все здесь.

Не дожидаясь, когда я последую за ним, он безрассудно начал дальше спускаться вниз по лестнице, рубины и сапфиры хрустели и скрипели под его ногами. Пока я стоял, не решаясь двинуться с места, он исчез за поворотом.

Затем я услышал, как он закричал в гневе:

— Здесь кто-то есть, Уин! Ты оставайся на месте…

Затем был момент мертвой тишины. Зловоние стало неодолимым, отвратительным. Что-то огромное, мокрое и сверкающее белым поднялось во мраке, где я замер в нерешительности.

Затем Брайан закричал… это был неистовый крик бесконечного ужаса, я никогда раньше не слышал, чтобы подобный вопль срывался с человеческих губ и надеюсь и молюсь, что никогда больше не услышу. Крик, подобный этому, мог легко разорвать и разодрать горло человека…

Выкрикнув его имя, я начал спускаться, спотыкаясь и почти падая на ступеньки, оскальзываясь в мерзкой слизи, которая покрывала камни.

Я добрался до нижней ступеньки, но Брайана там не было. Ничего не было видно, никаких боковых проходов, никаких дверных проемов:

ничего.

Но извивающаяся каменная лестница не закончилась, она исчезла в черном омуте слизкой жидкой грязи, которая полностью заполняла нижнюю часть лестничной клетки. Что-то умерло во мне, когда я осветил светом своего факела этот черный бассейн. Взволнованная рябь, которая расползалась от края до края бассейна, словно что-то тяжелое только что упало…

Упало или было утащено.

* * *

Я не задержался надолго в этом огромном старом доме, который находился так близко от жуткого Поля Хаббла. Как только полиция приняла мое дикое и бессвязное заявление, — которое, без сомнения, они посчитали бредом сумасшедшего, — я вернулся в квартиру Брайана в Сантьяго.

Я привез с собой старые книги. У меня было — вот именно — твердое намерение передать их в подходящую научную коллекцию; я, скорее всего, пожертвую их в Санборн Институт Тихоокеанских Древностей, в котором уже есть переданные Копеландом «Unaussprechlichen Kulten», и «Таблички Занту». По какой-то причине я задержался

здесь; но я не думаю, что вернусь к месту работы в Мискатонике. В конце концов, с богатством, оставшимся мне в наследство от дяди Хирама, мне больше не нужно зарабатывать на жизнь, и я могу потворствовать своим прихотям.

Каждую ночь, когда я нахожусь на грани сна, раздаются голоса — они шепчут, шепчут. Богатство и власть и запретное знание обещают они мне снова и снова… теперь, когда я уже совершил «Алую жертву», я могу наслаждаться плодами этого жертвоприношения.

Напрасно я возражаю против того, что это не я бросил, толкнул или отправил Брайана в этот ужасный бассейн черной, липкой грязи на дне секретной лестницы. О лестнице я ничего не сказал полиции.

Но голоса говорят, что это не имеет значения: «Алая жертва», принесена. И это нужно сделать снова, и снова, и снова.

Это было тем, что неотесанный рабочий в столовой предсказал как: «Теперь все начнется снова?», Может быть. Судя по сотням трупов, которые власти нашли захороненными в Поле Хаббла, это происходит уже очень давно.

О, они слишком хорошо знают, как легко соблазнить слабых и могущих ошибаться людей,

проклясть их!

Голоса шепчут мне, как можно использовать «Знак Кофа», который выведет меня за пределы Врат Снов, где «Ночные призраки», гули и гхасты Зина ждут меня; оттуда огромные крылатые Бякхи, которые служат Хастуру в темных пространствах между звездами, ожидающие моего прихода, вылетят к темной звезде среди Гиад, к Каркозе, что стоит на мрачных берегах озера Хали, к самому подножию Старшего Трона, где Король в Желтом — а так же Он, Йхтилл Вечный — получит мой обет, и где я получу предпоследнюю награду за своё служение, и мельком увижу То, что скрыто за Бледной Маской… скоро… скоро…

Я много читал «Некрономикон», в эти пустые дни, ожидая прихода ночи и звуков голосов.

Я думаю, что скоро вернусь в дом дяди Хирама в Дарнем-Бич. В конце концов, теперь он принадлежит мне.

Он тоже является частью наследия Уинфилда.

Перевод: Р. Дремичев

Рэн Картрайт

Бегущий во тьме

Ran Cartwright «The Scuttler in the Dark», 1999

Гэри много раз совершал туристические походы в горы Хуалапай, но он никогда не мог избавиться от тревожного ощущения, что там скрываются скорпионы и гремучие змеи. Он вспомнил рассказ своего друга, Дона, о том, как тот разбил лагерь и, проснувшись, обнаружил трёх скорпионов, уютно устроившихся рядом с ним в спальном мешке. При мысли об этом у Гэри по коже побежали мурашки.

И эти *змеи Мохаве*, самые крутые из кусачих тварей, что когда-либо пробирались сквозь кустарник, подлесок, сосновые леса и чапараль северо-западной Аризоны! Гэри пока не встретилось ни одной змеи, и ему в действительности не хотелось их видеть. Достаточно было знать их репутацию, а точнее — репутацию их укуса! Тем не менее, Гэри нравилось путешествовать с рюкзаком и разбивать лагерь в горах Хуалапай, постоянно высматривая любую угрозу с изогнутым хвостом или скользящую гремучую змею, с которой он мог столкнуться. До сих пор ему

везло… до сих пор.

Это был небольшой укус. Не змеи или скорпиона. Какой-то другой вид укуса, неприятный. Гэри разбил лагерь возле давно закрытой и заброшенной Огненной шахты к востоку от пика Хуалапай. Что-то напало на него ночью и укусило в левое предплечье. От укуса образовалась круглая припухлость размером примерно с четверть дюйма, слегка обесцвеченная и розоватая. И эта опухлость чертовски чесалась.

Не змея и не скорпион. *«Чёрт! Что это, чёрт возьми, такое?!"* Мысли Гэри метались от беспокойства, когда он почёсывал зудящую руку. «*Не царапай, от этого будет только хуже".*

Решив, что ему нужно как можно скорее обратиться к врачу, Гэри свернул палатку и забросил её в багажник своего джипа. Он запрыгнул на водительское сиденье, бессознательно потирая предплечье о штанину. Он завёл машину, проехал мимо утопленного и зарешёченного входа в Огненную шахту и вырулил на Файр-Майн-роуд, возвращаясь домой.

К тому времени, как Гэри вернулся в город, опухоль уменьшилась. Цвет кожи почти вернулся к норме, а зуд исчез. Гэри пожал плечами. «Хм, может быть, я что-то съел» — тихо произнёс он,

заглушая свой джип на парковке жилого комплекса.

* * *

В ту же ночь Гэри приснился кошмар. Он попал в узкий каменный тоннель, неправильной формы, казалось бы, вырубленный в скале…

Стены тоннеля были влажными и липкими. На них падало мягкое, голубое свечение из какого-то неизвестного источника. Где-то вдалеке послышалось тихое журчание воды. Гэри прекратил ползти и посмотрел вниз. Пол тоннеля покрывала тонкая, липкая плёнка воды глубиной около дюйма. Брюки Гэри промокли. Он поднял руку, взглянул на слизь, прилипшую к его пальцам, и съёжился. Ему это не нравилось, совсем не нравилось.

Гэри пожал плечами и продолжил ползти на четвереньках по узкому каменному тоннелю, гадая, откуда исходит мягкий голубой свет. По мере того как он двигался дальше, он замечал всё большее количество тягучей паутины — старой, потрёпанной, давно покинутой пауками. *Словно в каком-то проклятом доме-призраке. Хэллоуин!* Гэри остановился, смахнул в сторону рваную паутину, свисавшую перед его лицом, затем про-

должил путь. Именно тогда он услышал звук.

Шёпот. Мягкие и невнятные, почти шипящие, но тем не менее произносимые шёпотом слова. Холодок пробежал по телу Гэри, когда он замер на месте. Это действительно был голос — чужой голос. Ну, не то чтобы с Гэри заговорило какое-то пучеглазое чудовище из космоса, но голос точно был не человеческий. По крайней мере, Гэри так не казалось. И голос манил его, подталкивая к чему-то, что, по его убеждению, он не хотел видеть или знать.

Его предплечье внезапно начало чесаться. Снова. Гэри взглянул на свою руку. В бледно-голубом свете он увидел, что опухоль вернулась. Он прислонился боком к стене узкого скального тоннеля, лихорадочно почёсывая… укус?

— Чёрт возьми, — пожаловался Гэри вслух. — Может быть, мне следовало попросить доктора осмотреть мою руку!

— Это не принесёт тебе пользы, — раздалось тихое шипение прямо перед ним.

Голос испугал Гэри, очевидно, он был гораздо ближе, чем тот думал. Гэри отшатнулся, сел, ударившись головой о скалистый потолок узкого тоннеля. Он стиснул зубы, потёр голову, на мгновение забыв об укусе на руке.

Впереди в тусклом голубом сиянии двигалась какая-то фигура. Гэри наклонился вперёд, напрягая зрение. Последовала пауза, затем фигура выскочила из тени и оказалась на виду прямо перед ним. Глаза Гэри расширились от ужаса. Он пополз назад, отчаянно пытаясь сбежать от существа, которое село там, в проходе, и смотрело на него.

Это был огромный паук. Намного крупнее обычного тарантула. Голова, грудная клетка и брюшко паука были глянцево-фиолетовыми, скользкими на вид. *«Совсем как чёртова вода, в которой я ползаю»* — с отвращением проворчал Гэри. Паук сидел на чрезвычайно длинных ногах, которые были толщиной с сигару. И когда Гэри поскользнулся в скользкой воде, огромный паук внезапно метнулся по полу, взобрался по ноге Гэри и уселся ему на грудь.

Гэри полулежал в мягком голубом свете, широко раскрыв глаза, затаив дыхание, его тело сотрясал ужас. Он уставился в глаза пауку, ожидая, что тот сделает дальше. Внезапно у него возникло странное впечатление, что в этих паучьих глазах — во всех восьми — имелась какая-то форма разума.

— Расслабься, — снова раздался мягкий шё-

пот. — Ты не можешь уйти. Ты отмечен. Укус сделал тебя избранным.

Гэри действительно расслабился, когда на него снизошла внезапная эйфория. Словно от воздействия наркотика он стал пассивным, безразлично-послушным. Он больше не боялся паука, ему стало всё равно. Онемевший, за исключением лёгкого покалывания в левом предплечье, Гэри поддался присутствию, которое теперь затмевало его разум, успокаивало, утешало, уверяло его, что ему нечего бояться. Теперь с ним говорил не паук, который сидел у него на груди, а скорее другой голос, доносившийся откуда-то издалека. И хотя сейчас Гэри успокоился, сомнение и нерешительность мягко мерцали в глубоких уголках его разума.

— Пойдём, — прошептал голос. — Пойдём в пещеру.

Скользкий фиолетовый паук, сидевший у Гэри на груди, внезапно повернулся и поспешил обратно в тень тем же путём, каким пришёл. Гэри помедлил всего секунду, но знал, что должен последовать за пауком. Голос в его мыслях, *другой* голос, подгонял его. Гэри перевернулся на четвереньки и начал ползти вперёд, следуя по коридору в том направлении, куда убежал паук.

В мягком голубом сиянии Гэри увидел, что стены тоннеля начали расширяться. Впереди он мог видеть пурпурного паука, спешащего дальше. Гэри мог сказать, что он приближался к пещере. Вдалеке он мог видеть ещё больше тёмных фигур, танцующих и снующих вокруг. Их количество не поддавалось подсчёту. Опасения Гэри начали расти, его душа подсказывала ему, чтобы он повернул назад, увещевая его в том, что он не хочет видеть то, что находится в пещере.

Другой тихий голос в его мыслях становился всё громче, наполняя разум Гэри странными словами и образами, которые не имели для него никакого значения, местами и вещами, о которых он никогда раньше не слышал. Голос говорил о таких незнакомых Гэри понятиях, как Плато Ленг, Цикранош, Атлач-Нача, Древо Смерти, гора Вурмитадрет и залив Ярнак. Гэри снова и снова прокручивал эти слова в уме, пытаясь понять их смысл. Размышляя над ними, он добрался до входа в пещеру и остановился как вкопанный.

То, что предстало его глазам в тени и мягком голубом сиянии, вызвало в сознании Гэри взрыв опасений. Пещера была покрыта блестящей паутиной, повсюду сновали фиолетовые пауки разных размеров; и стонов фигуры у стены справа

от Гэри оказалось достаточно, чтобы пробудить его от кошмара. Он резко сел на кровати, широко раскрыв глаза и хватая ртом воздух.

Исчезли странные слова, пауки, голубое свечение, пещера, жалкая фигура, лежащая в тени, опутанная блестящей сетью паутины. Гэри пытался убедить себя, что это был кошмар; он знал, что этот эпизод ему приснился, но он не мог избавиться от ощущения, что в этом сне есть доля правды, что пещера и то, что в ней содержится, на самом деле существуют в реальности. Эти образы во сне были такими чёткими. Сидя в уютной постели, Гэри почувствовал страх, который был сильнее его боязни скорпионов и гремучих змей.

* * *

К середине утра голос вернулся в голову Гэри, *другой* голос. Он снова услышал мягкий, успокаивающий, неземной шёпот, уверяющий Гэри, что ему нечего бояться, что ему оказана высочайшая честь принять участие в важном деле.

В течение всего дня голос разговаривал с Гэри, иногда отрывочно. Снова он услышал странные слова — места, вещи, которых он не знал: Йог-Сотот, Азатот, Мнар, Юггот, Р'льех, Цатоггуа, Кадат и `Умр ат-Тавил… А ближе к вечеру Гэри узнал,

что у странного неземного голоса есть имя. Это была Атлач-Нача, существо из далёкой земли и времени, из великого залива Ярнак.

Тем не менее, Гэри всё ещё не понимал, кто такая Атлач-Нача. Паук, похожий на фиолетовых пауков из его кошмара? Может быть да, а может и нет. Атлач-Нача ещё не явилась Гэри во плоти. Она также не раскрыла для чего ей понадобился Гэри, и почему именно он. Только то, что это честь для него. Великая честь.

Солнце село, восток окрасился в тёмно-фиолетовый цвет, запад отливал мягким оранжевым сиянием. Внезапно в сознании Гэри вспыхнули слова: *Огненная шахта!* Это была не его собственная мысль, а скорее внушение Атлач-Начи. И она снова призвала Гэри. «*Отправляйся в шахту. Час настал".*

Гэри пошёл, подгоняемый мягким успокаивающим голосом Атлач-Начи. Он ни о чём не думал. Он был спокоен, безмятежен. На этот раз у него не было ни сомнений, ни колебаний, ни страха. Его разум был оцепеневшим, мысли — фантастическими, бесплотными. И укус на его руке зудел.

Гэри оказался в горах Хуалапай у входа в Огненную шахту. Металлическая решётка, перекрывавшая проход, исчезла. Гэри не стал размышлять

над этим, его не волновало, почему или кто убрал решётку. Он вошёл в узкий тоннель, встав на четвереньки.

"Вот оно» — подумал Гэри. «*Это то самое место, что я видел во сне".* Но это не вызывало у Гэри беспокойства или страха. Он говорил сам себе: «*сон*», а не «*кошмар* «. Он знал, что великая честь ждёт его в подземной пещере — той самой пещере со множеством снующих пауков, мягким голубым свечением, жалкой стонущей фигурой. Гэри на мгновение задумался о жертве, обмотанной паутиной, но эта мысль внезапно исчезла, как будто кто-то удалил её из его головы.

А затем Гэри оказался в нужном месте. Он выбрался из тоннеля в пещеру и встал на ноги. Мягкое голубое свечение стало ярче, тени, которые он видел в своём кошмаре, теперь были ограничены углами пещеры. Пурпурные пауки были повсюду — они бегали по полу и танцевали на множестве блестящих паутин, которые оплетали пещеру.

Гэри перевёл взгляд на стену, где, как он знал, находилась тёмная, несчастная фигура. Она действительно оказалась там: молодая женщина стонала, медленно поворачивая голову из стороны в сторону. Она была окутана паутиной,

привязанной к стене пещеры, её одежда превратилась в лохмотья, которые свободно висели на ней, как занавески на карнизе. И по всему её телу Гэри разглядел пульсирующие узелки разного размера, как будто что-то живое находилось прямо под её кожей.

Рядом с ней лежал молодой человек, или то, что от него осталось. Его одежда тоже свисала лохмотьями, а по всему телу были… дыры! Глубокие инфицированные отверстия — из одних сочилась кровь, в других кровь застывала, высыхая до коричневой корочки. Его дыхание было поверхностным, почти несуществующим. Гэри знал, что это человек был почти мёртв, и вскоре самого Гэри постигнет та же участь, что и других людей, которые, как теперь он заметил, лежали, замотанные в паутину, вдоль стены пещеры. Эти другие фигуры были безмолвны, давно мертвы, на разных стадиях разложения.

Долгий протяжный крик боли и мучения внезапно вырвался из горла молодой женщины. Гэри пассивно перевёл на неё свой взгляд. Большой пульсирующий узел на её правом плече начал разрываться. Он внезапно лопнул, кровь забрызгала её плечо и паутину, которая привязывала жертву к стене пещеры. Из отверстия в плече

вырвались сотни крошечных полупрозрачных фиолетовых паучков, измазанных кровью молодой женщины. Они пробежали по её телу, по паутине, которая связывала её, и рассыпались веером по стене и полу пещеры.

Гэри невозмутимо наблюдал за происходящим. Он по-прежнему не ощущал ни беспокойства, ни страха, ни ужаса. Всё было так, как и должно было быть. Гэри знал это. Для него станет честью стать таким же, как это молодая женщина; скоро с ним произойдёт то же самое, поскольку теперь он осознал свою цель и честь, что ему выпала. И, действительно, Гэри чувствовал себя польщённым взращивать в себе Детей Атлач-Начи, как и эта молодая женщина.

Не осознавая, что он отошёл от тоннеля, Гэри обнаружил, что сидит на полу пещеры, прислонившись спиной к стене. Рядом с ним полулежала молодая женщина, её крик снова превратился в стоны. Он взглянул на неё, гадая, осознаёт ли она его присутствие. Это не имело никакого значения. Гэри действительно было всё равно.

Большие фиолетовые пауки начали плести свою паутину вокруг Гэри, толстые липкие нити привязали его к стене пещеры. Как и молодая женщина, он обнаружил, что может двигать

только головой.

Затем внезапно в центре пещеры в мягком голубом сиянии начал формироваться круговой вихрь. Он медленно вращался по часовой стрелке, в его центре открылся чужой мир, мир огромной скалистой пропасти, поперёк которой была натянута огромная паутина. В её центре восседал огромный чёрно-фиолетовый паук с устрашающе человекообразным лицом, паук размером со слона, если не больше. Гэри понял, что это и есть великий залив Ярнак, а большой паук с лицом как у человека — Атлач-Нача, Владычица Паутины.

Гэри бесстрастно наблюдал, как Великая Атлач-Нача пересекает паутину, направляясь к центру вихря. Когда Владычица приблизилась, тысячи пауков в пещере внезапно выстроились в две шеренги, образовав проход по полу пещеры между Гэри и вихрем.

Всё ещё бесстрашный, безразличный, бесстрастный Гэри наблюдал, как Атлач-Нача ступила из центра вихря на пол пещеры. Большая Паучиха остановилась, её глаза заблестели в мягком свете. Она остановилась, мягко покачиваясь вверх-вниз на своих огромных ногах, её глаза были сосредоточены на Гэри. Её голос мягко скользнул в ему

в голову: «*Прошло много времени. Теперь мои дети снова начинают процветать, как это было в прошлые века. Как и в случае с другими, кого ты здесь видишь, я оказываю тебе честь принять у себя моих детей".*

Гэри улыбнулся, когда повелительница всех пауков медленно приблизилась к нему. Раскачиваясь на своих огромных ногах, она повернула своё брюхо к Гэри. Блестящая трубка вытянулась из брюха. Кончик трубки, хотя и был почти четверть дюйма в диаметре, имел угловатое отверстие, похожее на иглу шприца. Последовал мгновенный укол боли, когда трубка проколола кожу на верхней части правой руки Гэри. Он откинул голову назад и закрыл глаза, почувствовав, как яйца Атлач-Начи закачались в его руку прямо под кожей, образовав выпуклый узелок.

Атлач-Нача продолжала откладывать яйца своих детей в нового носителя. К тому времени, когда она закончила, по всему телу Гэри появились узелки из новых яйцеклеток — на лице, по всей длине рук, на плечах, груди, животе, ногах. Гэри ощущал, как они пульсируют, прижимаясь к его коже. Скоро он почувствует, как они растут, питаясь его плотью, пока не придёт время вырваться наружу, как из тела молодой женщины и

всех других носителей, живых или мёртвых, что лежали в пещере, покрытые паутиной.

Сейчас Гэри был спокоен, зная о чести, оказанной ему Владычицей Паутины. Слабый голос его души вдруг задался вопросом: были ли эти эмоции покоя и удовлетворения настоящими, были ли они его собственными или, возможно, кто-то поместил их в его голову? Гэри тут же отбросил эту мысль. «*Глупо*» — сказал его разум. «*Что могло сотворить такое?"*

Гэри наблюдал, как Атлач-Нача прошла обратно через вихрь к великой паутине, которую она непрерывно плела через залив Ярнак. Вихрь начал уменьшаться, затем исчез. Тысячи пурпурных пауков в пещере занимались своими делами. Молодая женщина, лежащая рядом с Гэри, снова закричала. Он склонил голову набок, чтобы посмотреть на неё. Пульсирующий узелок на её щеке взорвался, заливая её лицо и паутину кровью. Сотни крошечных детей-паучков Атлач-Начи хлынули из новой дыры на её лице.

Скоро эта честь будет принадлежать Гэри, и он улыбнулся.

Перевод: А. Черепанов

Генри Каттнер
Тайна Крэлица

Henry Kuttner «The Secret of Kralitz», 1936

Проснувшись, я увидел две чёрные фигуры, молча стоявшие возле меня. Их лица белыми пятнами светились в темноте. Когда я моргнул, чтобы окончательно прочистить затуманенные сном глаза, одна из фигур нетерпеливо поманила меня, и внезапно я понял цель их полуночного посещения. Много лет я ждал этого, с тех самых пор, как отец мой, барон Крэлиц, открыл мне тайну проклятия, нависшего над нашим древним родом. Итак, я молча поднялся и последовал за своими проводниками по мрачным коридорам замка, родного дома с самого моего рождения.

Пока я шел, в моей памяти всплыло строгое лицо отца, а в ушах звучали его торжественные слова, когда он рассказывал мне о легендарном проклятии рода Крэлиц и тайне, передававшейся в определенное время от отца к сыну. Старшему сыну.

— Когда? — спросил я отца, лежавшего на

смертном одре и пытавшегося противиться приходу смерти.

— Когда ты сумеешь понять, — ответил он, пристально глядя на меня из-под насупленных седых бровей. — Некоторым открывают тайну раньше, чем другим. Начиная с первого барона Крэлица, тайна открывалась…

Он смолк и схватился за грудь. Прошло минут пять, прежде чем он собрал силы, чтобы снова заговорить. Сильным, спокойным голосом, без всякой одышки, барон Крэлиц, лежа на смертном одре, продолжил свою исповедь:

— Ты видел возле деревни развалины старого монастыря, Франц. Первый барон сжег его и истребил всех монахов. Аббат слишком часто вмешивался в дела барона. Однажды девушка прибежала в монастырь в поисках убежища, и аббат отказался выдать ее по требованию барона. На этом терпение нашего предка иссякло… ты знаешь истории, которые до сих пор рассказывают о нем. Он убил аббата, сжег монастырь и забрал девушку. Но перед смертью аббат проклял убийцу, его сыновей и все последующие колена его рода. Суть проклятия и является тайной нашего рода. Я не могу рассказать тебе о нем. Не старайся раскопать это сам прежде, чем тайна

будет открыта тебе. Терпеливо жди, и в назначенное время появятся хранители тайны и поведут тебя по лестнице в подземную пещеру. Там ты узнаешь тайну Крэлица.

Когда губы отца произнесли последнее слово, он умер, и его суровое лицо стало мрачным от углубившихся морщин…

Погруженный в воспоминания, я не смотрел по сторонам, но темные фигуры проводников сделали остановку у прохода в каменной стене, где лестница, которую я никогда прежде не видел, спускалась вниз, под землю. После остановки меня повели по этой лестнице, и я увидел, что уже не совсем темно, а откуда-то, из каких-то невидимых источников, исходит тусклое, фосфоресцирующее свечение, которое не столько освещало, сколько мешало видеть привыкшим к темноте глазам.

Я спускался довольно долго. Лестница вилась вокруг скалы, и покачивающиеся фигуры впереди были единственным разнообразием в бесконечном монотонном спуске. Наконец, лестница закончилась, и через плечо одного из моих проводников я увидел большую каменную дверь, преграждающую путь. На ней были вырезаны любопытные и почему-то неприятные фигурки

и неизвестные символы. Дверь распахнулась, и я прошел через нее и остановился, глядя на серое море тумана впереди.

Я стоял на пологом склоне, постепенно исчезающем в тумане, из которого доносились странные рев и высокий, визгливый скрип, напоминающий чей-то неприятный смех. Из тумана на миг возникали и тут же вновь исчезали бесформенные темные фигуры с большими крыльями. Рядом находился длинный прямоугольный каменный стол, за которым сидели два десятка людей, наблюдая за мной мерцающими в глубоких глазницах глазами. Оба моих проводника молча заняли свои места среди них.

Внезапно густой туман начал развеиваться, его рвал на куски и уносил прочь холодный ветер. Вдалеке появились стены пещеры, все более ясно видимые по мере того как рассеивался туман. Я стоял, объятый страхом и одновременно необъяснимо острым восхищением. Часть моего разума, казалось, шептала: «Что это за ужас?», — а другая отвечала: «Но тебе же знакомо это место!»

Но я никогда не видел его прежде! Если бы я знал раньше, что лежит под замком, то, вероятно, не мог бы спать ночами от ужаса. Теперь же, весь во власти противоречивых чувств, ужаса и

экстаза, я смотрел на странных жителей подземного мира.

Демоны, монстры, которым вообще нет названия! Кошмарные колоссы, ревя, шагали в темноте, а бесформенные серые твари, словно гигантские слизняки, разгуливали между ними на приземистых ножках. Существа из бесформенной слизи. Существа с глазами, напоминающими языки пламени, рассеянными по их деформированным телам, как у легендарного Аргуса, корчились и извивались в адском свечении. Крылатые твари, которые не были летучими мышами, трепетали в темном воздухе и перешептывались друг с другом человеческими голосами!

Далеко у подножия склона я заметил холодное мерцание воды тусклого подземного моря. Фигуры, милостиво полускрытые от моих глаз расстоянием и сумраком, веселились и кричали, тревожа поверхность озера, о размерах которого я мог лишь догадываться. Трепещущая тварь, чьи кожистые крылья распростерлись, точно полог палатки, над моей головой, остановилась и несколько секунд парила, глядя на меня сверху пылающими глазами, затем метнулась прочь и скрылась во мраке.

И все это время, пока я дрожал от страха и

ненависти, внутри меня росло какое-то злое ликование и шептало мне: «Ты знаешь это место! Ведь это твой дом! Разве плохо вернуться домой?»

Я оглянулся. Каменная дверь бесшумно закрылась за спиной, спасения не было. Затем на помощь пришла гордость. Я Крэлиц! А Крэлиц не должен показывать страх даже перед лицом самого дьявола!..

Я шагнул вперед и остановился перед хранителями, которые сидели, не сводя с меня глаз, горевших огнем. Подавив безумный страх, поднявшийся в душе при виде сидящих за столом скелетов, я прошел во главу стола, где было нечто вроде грубого трона, и присмотрелся к безмолвной фигуре справа от меня.

Я увидело не голый череп, а бородатое мертвенно-бледное лицо. Кривившиеся чувственные темно-красные губы выглядели почти румяными, а тусклые глаза холодно смотрели сквозь меня. Нечеловеческие муки запечатлелись глубокими морщинами на белом лице, а в запавших глазах светилась застарелая боль. Я и не надеюсь передать ту странную, неземную ауру, окружавшую его, равно как и явное зловоние тлена и могилы, исходившее от темной одежды. Он махнул об-

мотанной черным рукой на свободное место во главе стола, и я сел.

Меня охватило кошмарное ощущение нереальности! Казалось, часть разума очень долго спала, а теперь медленно просыпалась в страшной действительности. Стол был уставлен кубками и разделочными досками, которыми не пользовались уже сотни лет. На досках лежало мясо, а в украшенных драгоценными камнями кубках мерцал красный ликер. Ароматы еды и вина ударили мне в ноздри, смешиваясь с запахами сотрапезников и плесневелой вонью всего этого места.

Белые лица присутствующих повернулись ко мне, лица, выглядевшие странно знакомыми, хотя я не знал, почему. У каждого были кроваво-красные чувственные губы и выражение муки в горящих черных глазах, уставившихся на меня, как бездонные провалы Тартара. Я почувствовал, как волоски встали дыбом у меня на загривке, но… Я Крэлиц! Я встал и смело произнес на архаичном, древнегерманском языке, который почему-то сорвался с моих губ:

— Я Франц, двадцать первый барон Крэлиц! Что вам нужно от меня?

Одобрительный ропот пробежал вокруг длин-

ного стола. Возникло движение. На противоположной стороне стола поднялся огромный бородатый человек с ужасным шрамом, белым рубцом, пересекающим левую сторону его лица. И опять странное чувство, будто я вижу старого приятеля, возникло во мне. Я однозначно видел когда-то это лицо, и явно не в тусклых сумерках.

— Мы приветствуем тебя, Франц, барон Крэлиц, — заговорил бородач на гортанном древнегерманском. — Мы приветствуем тебя и клянемся… клянемся быть верными роду Крэлиц!

С этими словами он схватил кубок и высоко поднял перед собой. Все сидящие за столом фигуры в черном поднялись, и драгоценные кубки взметнулись в воздух, приветствуя меня. Потом они залпом выпили ликер, и я тоже поднялся. А затем произнес слова, которые, казалось, сами появились у меня на губах:

— Я приветствую вас, хранители тайны Крэлица, и в ответ клянусь быть верным вам.

Как только мои слова достигли самых дальних уголков пещеры, наступила мертвая тишина. Больше не было слышно хлопанья крыльев и безумного хихиканья летучих тварей. Все стоящие у стола обратились ко мне. И, стоя в одиночестве во главе стола, я поднял кубок и

сделал глоток. Ликер был пьянящий, бодрящий, со слабым солоноватым привкусом.

Внезапно я понял, почему искаженное болью, изможденное лицо соседа показалось таким знакомым. Я часто видел его среди портретов моих предков, морщинистое лицо основателя рода Крэлиц. И тут же понял, кто сидит за этим столом, — я узнал их одного за другим по знакомым с детства портретам. Но в них были странные, страшные перемены! Словно неощутимая завеса, печать неискоренимого зла лежала на измученных лицах моих хозяев, странным образом изменяя их облик так, что я не был полностью уверен, что узнал их. Одно бледное, сардоническое лицо напомнило мне отцовское, но у него было такое чудовищное выражение, что я не был в этом уверен.

Я обедал с предками рода Крэлиц!

Мой кубок был все еще поднят, и я залпом выпил его. Странный огонь пронесся по венам, и я громко захохотал, ощутив в груди злой восторг. Остальные тоже рассмеялись, и хохот их напоминал вой умирающих волков или хохот чертей в аду! Наверху захлопали крылья и опять принялись зловеще хихикать летающие твари. По всей пещере пронеслась волна ужасной ра-

дости, и какие-то громадные создания в почти невидимом озере взревели так громко, что у меня чуть не порвались барабанные перепонки, и этот рев отразился от невидимых сводов пещеры над головами.

Я смеялся со всеми, смеялся так бурно, пока не опустился без сил на своё место. Все тоже сели, и тогда заговорил человек, поднявшийся на другом конце стола:

— Ты достоин быть в нашей компании и достоин разделить с нами трапезу. Мы дали клятву друг другу, и ты — один из нас. Так будем же пировать!

И мы, как голодные звери, набросились на сочное белое мясо, лежащее на инкрустированных драгоценностями разделочных досках. Странные чудовища прислуживали на этом пиру. Почувствовав прикосновение к руке, я обернулся и увидел ужасное багровое создание, похожее на ребенка с содранной кожей, которое потянулось, чтобы наполнить мой кубок. Странным, жутким и абсолютно нечестивым был наш пир. Мы орали, смеялись и ели в сумрачном свете, а вокруг вопили и завывали жуткие орды непостижимых тварей. Под замком Крэлиц находился сам Ад, и этой ночью там шел пир горой…

Мы орали свирепую застольную песню, раскачивая взад-вперед поднятые кубки в ритм со скандируемыми строками. Это была древняя, архаичная песня, но устаревшие слова не стали для меня препятствием, я произносил их так легко, словно впитал с молоком матери. При мысли о матери по телу вдруг пробежала дрожь слабости, но я смыл ее очередным кубком пьянящего ликера.

Долго, долго кричали мы, пели и пили в сумраке пещеры, а потом вдруг поднялись и двинулись всей толпой туда, где узкой высокой аркой высился мост над темными водами озера. Не могу описать ни то, что было по другую сторону этого моста, ни тех безымянных тварей, которых я видел, ни те странные вещи, которые делал там!

Я узнал о грибовидных, нечеловеческих существах, обитающих на далеком холодном Югготе, о циклопах, навещающих никогда не спящего Ктулху в его подводном городе, о странных удовольствиях, которые могут дарить прокаженные жители подземного Йог-Сотога, а также я научился невероятным способам поклонения Источнику Йод, которые практикуют в далеких внешних галактиках. Я спускался в самые глубокие адские дыры и возвращался назад, смеясь. Я развлекался

вместе с темными хранителями в сатурналиях ужаса до тех пор, пока опять не заговорил бородач со шрамом на лице.

— Наше время на исходе, — сказал он, и его шрам четко выделялся на белом, светящемся лице, похожем в полумраке на лик горгульи. — Скоро нам нужно уходить. Ты истинный Крэлиц, Франц, и мы встретимся снова, и опять будет пир, и веселье продлится гораздо дольше, чем ты думаешь. Скажи же последний тост!

И я крикнул:

— За род Крэлиц! Да вечно он не иссякнет!

С ликующем воплем по выпили по последнему кубку ликера.

Внезапно странная усталость навалилась на меня. Вместе с провожатыми я повернулся спиной к пещере и гарцующим, летающим, ползающим и плавающим там тварям и вышел через вырезанную из камня дверь. Мы поднимались вверх по казавшейся бесконечной лестнице, пока не оказались снова в замке, и пошли тихой, безмолвной группой по пустым коридорам. Все вокруг снова стало знакомым, и, хотя и не сразу, я понял, где мы находимся.

Это был большой мавзолей под замком, где были захоронены все бароны из рода Крэлиц.

Каждый барон лежал в отдельном помещении в каменном гробу, а каждое помещение, точно бусинки на ожерелье, переходило в другое, и мы шли от могил первых Крэлицов к незанятым саркофагам. По древнему обычаю, пустые саркофаги были открыты до тех пор, пока не настанет время очередного барона, и тогда его унесут и запрут в саркофаге с вырезанной мемориальной надписью. И тайна Крэлица будет и дальше храниться здесь.

Внезапно я понял, что остался наедине с бородачом со шрамом на лице. Все остальные исчезли, а я, задумавшись, даже не заметил этого. Мой спутник протянул обмотанную черным руку и остановил меня, и тогда я вопросительно взглянул на него.

— Теперь я должен покинуть тебя, — сказал он звучным голосом. — Мне нужно вернуться на своё место, — и он махнул туда, откуда мы только что пришли.

Я кивнул, поскольку давно уже осознал, кем являлись мои спутники, сотрапезники и собутыльники. Я понял, что каждый лежащий в могиле барон Крэлиц время от времени восстает, как чудовищное создание, ни мертвое ни живое, спускается в пещеру под замком и принимает

участие в ужасных сатурналиях. Я также понял, что с наступлением рассвета они возвращаются в свои каменные гробы и лежат в смертельном сне, пока закат солнца не приносит им кратковременное освобождение. Я понял и признал все это.

Я поклонился своему спутнику и хотел было направиться наверх, в замок, но он снова остановил меня и медленно покачал головой с отвратительно фосфоресцирующим шрамом.

— Разве я еще не могу уйти? — спросил я.

Он уставился на меня полными мук глазами, в которых плескался сам ад, и указал на то, рядом с чем я стоял. И тогда, внезапной кошмарной вспышкой я узнал тайну проклятия Крэлица. И это знание наполнило меня ужасом, мгновенно превратило в создание, обреченное вечно корчиться и беззвучно стонать во тьме, ужасное осознание того, когда каждый барон Крэлиц приобщался к кровному братству. Я понял — понял, что каменный гроб не закрывается, покуда он пуст, и прочитал на саркофаге у моих ног надпись, из которой стало предельно ясно, что я умер: «Франц, двадцать первый барон Крэлиц».

Перевод: А. Бурцев

Генри Каттнер
Пожиратель душ

Henry Kuttner «The Eater of Souls», 1937

Как говорят в Бел Ярнаке на неземном языке, когда-то злобное и ужасное существо обитало в той невероятной бездне, что носит имя Серое Ущелье Ярнака. Ни на Земле, ни на какой-либо другой планете, которая вращается вокруг любой из звезд в небе, которое мы знаем, нет Бел Ярнака; но за Бетельгейзе, за Гигантской Звездой, в зеленом и радостном мире, до сих пор еще молодом, высятся башни и серебряные минареты этого города. Обитатели Бел Ярнака не являются человекообразными существами; тем не менее, здесь пылает огонь во время долгих теплых ночей в странных очагах, а там где в этой вселенной есть огонь, обязательно будут рассказывать истории, и затаившие дыхание слушатели доставят сердечное удовольствие рассказчику. Синдара правил великодушно Бел Ярнаком; но старые времена страха и обреченности лежали как саван над этой землей, а в Сером Ущелье Ярнака обитал

еще отвратительный ужас. И странное холодное небо над головой, и прячущиеся лучи луны за темной пеленой.

Однажды злобное существо пришло, чтобы утолить свой голод в эти земли, и те, кто жил в Бел Ярнаке, прозвали его — Пожиратель душ. Нигде это существо не было описано, ибо никто не видел его иначе, как при обстоятельствах, исключающих возможность любого возвращения. Тем не менее, в ущелье оно обитало, и когда голод одолевал его, оно посылало беззвучный призыв, так что в таверне и храме, при свете и в темноте ночи некоторые медленно поднимались с бесстрастным выражением смерти на лице и уходили от Бел Ярнака в сторону Серого Ущелья. Никто из них не вернулся. И было сказано, что существо в ущелье — это наполовину демон, наполовину бог, и что души тех, кого он умертвил, будут служить ему вечно, исполняя странные миссии в ледяных пустынях между звезд. Это существо пришло с темного солнца, говорил гидромант[109], где оно было создано от нечестивого союза между вечными Древними, которые странным образом скользят между Вселенными,

[109] Примечания: 109
Гидромант — предсказатель будущего по воде.

и Черным Сиянием неизвестного происхождения; некроманты же об этом говорили иначе, но они ненавидели гидромант, который был силен тогда, и их отлитые руны не вызывали доверия. Тем не менее, Синдара выслушал обе школы волшебников и задумался сидя на троне из халцедона, но вскоре принял решение добровольно отправиться к Великой Пропасти Ярнака, которая считалась бездонной.

Некроманты дали любопытные орудия Синдаре сделанные из костей мертвецов, а гидромант преподнес ему причудливо скрученные прозрачные трубки из хрусталя, которые должны были пригодиться ему в борьбе с Пожирателем Душ. После некроманты и гидромант сели в пыль у городских ворот и стонали угнетающе, когда Синдара направился на запад на своем горлаке, быстрой, но отвратительной рептилии. Через некоторое время Синдара выбросил оружие гидроманта и некромантов, потому что он был поклонником Ворвадосса, как и каждый Синдара в своё время. Только поклонение Ворвадоссу спасет Синдару из Бел Ярнака, такова воля богов; и поэтому Синдара спешился со своего голрака и горячо взмолился Ворвадоссу. Какое-то время не было никакого ответа.

Затем пески задвигались, и крутившееся и танцующее облако пыли ослепило Синдару. Из этого водоворота бог заговорил, и его голос был похож на звон множества крошечных хрустальных бокалов.

— Ты идешь навстречу своей судьбе, — угрожающе сказал Ворвадосс. — Но твой сын спит в Бел Ярнаке, и он станет моим почитателем, когда ты исчезнешь. Поэтому ступай смело, так как Бог не может победить Бога, но только человек, который создал его.

* * *

Сказав эти загадочные слова, Ворвадосс удалился, а Синдара, немного поразмыслив, продолжил свой путь. Вскоре он пришел к этой невероятной пропасти, из которой, как люди говорят, родилась сама луна, и на ее краю он упал и лежал, дрожа и вздрагивая, вглядываясь в клубящийся туман внизу. Холодный ветер вырвался из бездны, которая, казалось, совсем не имеет дна. Смутно вдалеке он различил скрытый туманной дымкой другой край ущелья.

Карабкаясь по грубым острым камням, пришел тот, кого Синдара так стремился найти; он пришел быстро, используя свои многочисленные

отростки, чтобы поднимать себя. Он был белый, волосатый и ужасающе отвратительный, но его деформированная голова находилась лишь на уровне груди Синдары, хотя окружающие его тонкие конечности создавали шокирующую иллюзию огромности. Следом за ним появились души, которые он забрал себе; они издавали жалобный шепот и мелькали в воздухе, изменяясь, стеная и вздыхая о потерянной Нирване. Синдара выхватил нож и ударил своего врага.

О той битве саги до сих пор поют, ибо бушевала она на краю длительный отрезок вечности. В конце концов, Синдара был истерзан, обильно истекал кровью и очень устал, а его противник был цел и отвратительно смеялся. Вот тогда демон приготовился получить свою пищу.

В этот миг сознания Сандары достиг шепот — тихий зов Ворвадосса. Он сказал: «Есть много разновидностей плоти во вселенных, а так же других соединений, которые не являются плотью. Таким образом питается Пожиратель душ.», И он рассказал Синдаре о том, что питание его, это слияние двух существ, поглощение меньшего, и возникает из этого более сильный полубог, в то время как исторгнутая душа улетает стеная к тем, кто обречен служить этому существу. В

сознании Синдары пришли знания, а с ними мрачная решимость. Он вскинул свои руки и раскрыл объятия перед тем бледным ужасом, — как сказал Ворвадосс, лишь таким способом можно изменить судьбу.

Существо дернулось к нему, и нестерпимая агония земли проникла даже внутрь костей и плоти Синдары; тело его задрожало, а душа сжалась визжа в этой тесной камере. Там на краю Серого Ущелья Ярнака произошло чудовищное слияние, метаморфоза и смешение, которые был кощунственны и ужасны за пределами всякого воображения. Как предмет поглощенный зыбучими песками, так существо и Синдара растворились друг в друге.

Но даже в этой ослепительной агонии еще более острая боль накрыла Синдару, когда он взглянул на простую красоту той земли, которой управлял. Он подумал, что никогда не видел ничего более красивого, чем эта зеленая и радостная земля, и наполнили его сердце боль, чувство потери и ноющая пустота, которая никогда не сможет заполниться. И он взглянул в чёрные злые глаза Пожирателя Душ, которые были лишь в нескольких дюймах от его собственных, и взглянул сквозь него туда, где лежала холодная

пустота, серая и внушающая ужас. Слезы были в глазах Синдары, и боль терзала его сердце за серебряные минареты и башни Бел Ярнака, который лежал открытый и прекрасный под искрящимся светом тройных лун, потому что он никогда уже не сможет увидеть его больше.

Синдара снова повернул голову, в последний раз, ослепленный своими слезами, и его судьба обрушилась на него. Когда он прыгнул вперед, он услышал отчаянный визг, а потом полубог и человек рухнули с головокружительной высоты вниз, и стены обрыва понеслись мимо них. Ворвадосс сказал ему, что так и только так можно снять заклятие.

И стены скал изогнулись, когда он падал, и медленно отступали в тусклом сером тумане, а Синдара проник сквозь неясную дымку и окончательно исчез во тьме.

Перевод: Р. Дремичев

Генри Каттнер
Гидра

Henry Kuttner «Hydra», 1939

Погибли два человека, возможно, три. Так много известий. Газеты пестрят пламенными заголовками, повествующими о таинственных увечьях и смерти Кеннета Скотта, известного Балтиморского автора и оккультиста, а недавно они писали тоже самое об исчезновении Роберта Людвига, чья переписка со Скоттом была хорошо известна в литературных кругах. Столь же странна и более ужасна смерть Пола Эдмонда, не смотря на то, что их со Скоттом разделяет целый континент, и которая была явно связана с ним. Это было подтверждено наличием определенного широко обсуждаемого предмета, который был найден в окоченевших руках Эдмонда — и который, как легкомысленно посчитали, был причиной его смерти. Хотя это объяснение неправдоподобно, но, тем не менее, верно то, что Пол Эдмонд истекал кровью, умирая, потому что его сонная артерия была порвана, и это также верно, как то, что характерные детали этого дела трудно объяснить в свете современной науки.

Газеты переврали многое из дневника Эдмонда, ведь даже простые записи, обнаруженные в этом необычном документе, достаточно трудно трактовать, чтобы не отнести их к разряду желтой прессы. Голливудская «Citizen-Newssolved»,

проблема для своих современников, цитировала наименее фантастические части дневника и намекала, что Эдмон был писателем-фантастом, и что заметки этого мужчины никогда не были задуманы, как правдивое резюме произошедших событий. Частная печатная брошюра, «Изгнание Души», которая сыграла столь важную роль в дневнике, вроде бы чисто выдуманного происхождения. Ни один из местных книжных магазинов не слышал о ней, а мистер Рассел Ходжкин, наиболее известный библиофил Калифорнии, заявил, что название и книга должно быть возникли в сознании несчастного Пола Эдмонда.

Тем не менее, согласно дневнику Эдмонда и некоторых других документов, а так же писем, найденных в его письменном столе, именно эта брошюра заставила Людвига и Эдмонда провести тот смертельный эксперимент. Однажды Людвиг решил нанести визит калифорнийскому корреспонденту, отправившись в неторопливое путешествие из Нью-Йорка через Панамский канал. «Карнатик», пристыковался 15 августа, и Людвиг провел несколько часов, бродя по Сан-Педро. Именно там, в старой «меняльной лавке», он и купил брошюру «Изгнание Души». Когда мо-

лодой человек прибыл в голливудскую квартиру Эдмонда, этот буклет был уже с ним.

И Людвиг, и Эдмонд имели глубокие пристрастия к оккультизму. Они пробовал себя в колдовстве и демонологии, и результатом этого стало их знакомство со Скоттом, который обладал одной из лучших оккультных библиотек в Америке.

Скотт был странным человеком. Стройный, проницательный и молчаливый, он провел большую часть своего времени в старом доме из песчаника в Балтиморе. Его знание эзотерических вопросов было немного меньше феноменального; он прочитал Ритуал Чхайи, и в письмах к Людвигу и Эдмонду намекал на реальные значения, укрытые среди завуалированных намеков и предупреждений в этом полулегендарном манускрипте. В его большой библиотеке были такие имена, как Синистрари, Занчериус и пресловутый Гугенот де Мюссе. И еще там был сейф, где по слухам хранился огромный альбом, заполненный скопированными отрывками из таких фантастических источников как Книга Карнака, чудовищный Шестидесятизначник и кощунственный Старший Ключ (Элдер Кей), из которых, как предполагают, лишь две рукописи

существуют на земле.

Следовательно, было не удивительно, что двое студентов стремились проникнуть за завесу и узреть поразительные тайны, на которые Скотт намекал так осторожно. В своем дневнике Эдмонд признался, что его любопытство и было непосредственной причиной трагедии.

Тем не менее, это был Людвиг, который купил брошюру и вместе с Эдмондом трудился над ней в квартире последнего. Конечно, Эдмонд описал брошюру достаточно ясно, и поэтому очень странно, что ни один библиофил не смог ее идентифицировать. Согласно дневнику, она был совсем маленькой, примерно четыре на пять дюймов, в переплете из грубой коричневой бумаги, уже пожелтевшей и крошащейся от времени. Печать — восемнадцатого века разновидности с длинной С — была грубо выполнена, и не было ни даты, ни штампа издателя. Было всего восемь страниц — семь из них заполнены, как Эдмон называет, обычными банальными софизмами мистицизма. А на последней были даны конкретные указания, которые в современном мире известны, как «астральная проекция».

Общий процесс был хорошо знаком обоим студентам. В своих исследованиях они узнали,

что душа — или в современном оккультном языке «астральное тело», — это предполагаемый эфирный двойник или призрак, способный проецироваться на расстоянии. Но конкретные указания — были достаточно странны. При этом не трудно было следовать им. Эдмонд преднамеренно говорит неопределенно об этих подготовках, но подтверждает, что двое студентов посетили нескольких химиков для получения необходимых ингредиентов. Где они получили индийскую коноплю, обнаруженную позже на месте трагедии, остается загадкой, однако, конечно, не отвергает предполагаемые объяснения.

15 августа Людвиг, по-видимому, без ведома Эдмонда написал Скотту авиапочтой, описывая брошюру и его содержание, и попросил совета.

В ночь на 18 августа, примерно через полчаса после того, как Кеннет Скотт получил письмо от Людвига, два молодых оккультиста предприняли свой гибельный эксперимент.

* * *

Позже Эдмонд винил себя. В дневнике он упоминает обеспокоенность Людвига, как будто последний почувствовал какую-то скрытую опасность. Людвиг предложил отложить испытание

на несколько дней, но Эдмонд рассмеялся над его страхами. Это закончилось расположением двух необходимых ингредиентов в жаровне и растоплении смеси.

Были также и другие препараты, но Эдмонд говорит о них весьма расплывчато. Он делает одну или две тайные ссылки на «семь светильников», и «нижний цвет», но не объясняет смысл этих терминов. Эти двое решили попытаться провести проекцию своих астральных тел через континент; они хотели попытаться связаться с Кеннетом Скоттом. Можно обнаружить оттенок юношеского тщеславия в этом.

Индийская конопля образует один из компонентов смеси в жаровне, что было установлено путем анализа. Именно присутствие этого индийского наркотика заставляет поверить, что более поздние записи в дневнике Эдмонда развились лишь из иллюзий опиума или гашишного сна, принявших столь странное направление только из-за озабоченности студента этими вещами в то время. Эдмонду снилось, что он увидел дом Скотта в Балтиморе. Но следует помнить, что он смотрел на фотографию этого дома, которую поставил на стол перед собой, и сознательно готов был направиться туда. Нет ничего более

логичного — Эдмонду просто пригрезилось то, о чем он думал.

Но Людвиг имел идентичное видение, или, по крайней мере, так он заявил впоследствии — если только Эдмонд в своих записях не солгал. По мнению профессора Перри Л. Льюиса, признанного специалиста по сновидениям, Эдмонд во время своего гашишного сна говорил о своих иллюзиях вслух, неосознанно, не сохранив об этом позже ни одного воспоминания, — и что Людвиг, находясь в гипнотическом трансе, просто увидел видения, которые породило сознание Эдмонда.

Эдмонд пишет в своем дневнике, что после наблюдения за пылающим содержимым жаровни в течение нескольких минут, он впал в состояние дремотного транса, в котором ясно видел все вокруг, но с некоторыми любопытными изменениями, которые могут быть отнесены только к действию наркотика. Курильщик марихуаны может увидеть крошечный зал спальни преобразившимся в огромную сводчатую комнату; Эдмонд заявил, что подобным образом помещение, в котором он сидел, увеличилось в размерах. Странно, однако, что это увеличение было ненормального типа — геометрия комнаты постепенно становилась ошибочной. Эдмонд подчеркива-

ет данный момент, не пытаясь объяснить его. О моменте, когда переход стал действительно заметным, он не упоминает, но вскоре он обнаружил себя посреди комнаты, хотя и узнал в ней свою собственную, но общие изменения осознал не раньше, чем переместился в определенную точку.

Примечания почти бессвязные здесь. Эдмонду, очевидно, было трудно описать то, что он увидел в своем видении. Все линии и изгибы комнаты, подчеркивает он, казалось, сконцентрировались на одном определенном месте, — жаровне, где тлела смесь наркотика и химических веществ.

Очень слабый монотонный звон услышал он, но тот начал медленно стихать и вскоре угас совсем. В то время Эдмонд думал, что этот звук — один из эффектов препарата. Он думал так, пока не узнал о неистовых усилиях Скотта связаться с ним с помощью междугороднего телефона. Пронзительный звон слабел и слабел, растворяясь в тишине.

Эдмонд был экспериментального склада ума. Он попытался сфокусировать свой взгляд на конкретных объектах, которые мог вспомнить — ваза, лампа, стол. Но комната, казалось, обладала не поддающейся описанию вязкой текучестью,

поэтому он обнаружил, что его взгляд неизбежно ускользает вдоль искривленных линий, пока снова не направляется на жаровню. И именно тогда он осознал, что что-то необычное происходит в этом месте.

Смесь больше не тлела. Вместо этого сформировался странный кристалл внутри жаровни. Этот объект Эдмонд не смог описать; он мог только сказать, что он казался продолжением искривленных линий комнаты, вынося их за пределы точки, где они концентрировались. Очевидно безумие такого понятия; он продолжает говорить, что его глаза начали болеть, от того что он смотрел на этот кристаллический объект, но не мог отвернуть от него взгляд.

Кристалл привлек его. Он почувствовал резкое и мучительное присасывание; затем раздался пронзительный дребезжащий звук в воздухе, и вдруг Эдмонд поплыл со все возрастающей скоростью в сторону предмета в жаровне. Она «высасывала его», — необъяснимая фраза Эдмонда; он на мгновение ощутил невероятный холод, а затем новое видение встало перед ним.

* * *

Серый туман и нестабильность. Эдмонд подчеркнул это любопытное ощущение потока, который он явно ощущал внутри себя. Он чувствовал его, как ни странно, как облако дыма, колеблющееся и плывущее бесцельно. Но когда он посмотрел вниз, он увидел своё собственное тело, полностью одетое и, очевидно, весьма реальное.

Затем ужасное чувство тревоги начало угнетать его ум. Туман сгустился и кружился; кошмар, беспричинный страх, знакомый опиумному наркоману сжимал Эдмонда в своих руках. Что-то, он чувствовал, медленно приближалось, что-то совершенно ужасное и страшное в своей мощной угрозе. Затем, совершенно неожиданно, туман исчез.

Гораздо ниже он увидел что-то, что сначала принял за море. Он висел без поддержки в пустом пространстве, и поднявшаяся серость мерцала и расползалась от горизонта до горизонта. Дрожащая твердая поверхность была испещрена и заляпана круглыми темными каплями; их было несчетное количество. Без сознательного желания Эдмонд почувствовал, как начинает

сдвигаться вертикально вниз, и когда приблизился к таинственной серости, рассмотрел ее более четко.

Он не мог определить ее природу. Это казалось просто морем серой слизи, протоплазмы, и лишено характерных признаков. Но темные капли стали похожи на головы.

«Вниз к ужасной орде потащило Эдмонда».

У Эдмонда мелькнуло воспоминание о рассказе, что он когда-то читал, написанном в двенадцатом веке монахом Альберико и содержащем запись о спуске в ад. Как Данте, Альберико видел мучения проклятых — богохульников (он писал на высокопарной, педантичной латыни), погруженных по шею в озеро расплавленного металла. Эдмонд вспомнил теперь это описание Альберико. Потом он увидел, что головы не были существами, частично погруженными в серую слизь; вместо этого, они были однородны с этой серостью. Они росли из нее!

Страх покинул Эдмонда. Со странным бесстрастным любопытством он осмотрел фантастическую поверхность внизу. Там эти человеческие головы покачивались и кивали из серого моря, бесчисленные тысячи было их, но, безусловно, большинство голов не принадлежало человеку.

Некоторые из этих последних носили признаки человекообразных, но другие были едва узнаваемы как живые объекты.

Эти головы жили. Их глаза пялились с внушающей страх мукой, их губы корчились в беззвучных причитаниях, слезы текли у многих по впалым щекам. Даже ужасно нечеловеческие головы — птичьи, рептилий, чудовищных существ из живого камня и металла и вещества растительного происхождения — несли следы бесконечных мучений, которые глодали их. Вниз к ужасной орде опускался Эдмонд.

Опять тьма окутала его. Это было временно, но, когда он вышел из кратковременного забытья, он почувствовал (как он говорит) новые изменения. Что-то произошло с ним в тот судьбоносный период темноты. Казалось, что смутная неопределенность затенила его разум, так что он рассматривал окрестности словно сквозь мрак и через своего рода дымку. В этом новом видении он оказался высоко в воздухе над безмолвным, залитым лунным светом городом, и стремительно двигался вниз.

Была полная луна, и в ее свете он узнал старый каменный дом, к которому приближался. Это был дом Кеннета Скотта, знакомый ему по фотогра-

фии. Рассеянное ощущения триумфа согрело его; эксперимент, в таком случае, был удачным.

Дом смутно вырисовывался прямо перед ним. Эдмонд парил снаружи открытого, слабо освещенного окна. Всматриваясь внутрь, он узнал стройную фигуру Кеннета Скотта, сидящего за столом. Губы оккультиста были плотно сжаты, и тревожная гримаса омрачала его лицо. Большая книга с пожелтевшими пергаментными страницами была открыта перед ним, он ее тщательно изучал. Время от времени его встревоженные глаза обращались к телефону на столе рядом с ним. Эдмонд сделал попытку позвать Скотта, и тот поднял голову, взглянув в окно.

Тотчас ужасающие изменения произошли с лицом Скотта. Человек, казалось, совершенно обезумел от страха. Он выскочил из-за стола, опрокинув стул, и в тоже время Эдмонд почувствовал принудительное желание, потащившее его вперед.

То, что произошло после — путано и туманно. Заметки Эдмонда отрывочны в этом месте, и можно только предположить, что Эдмонд был в комнате и привел обезумевшего Скотта в необъяснимое и ненормальное состояние. Он плавно опустился — и Скотт был пойман и поглощен — и

здесь заметки Эдмонда прекращаются совсем, как если бы он не смог вспомнить этот эпизод.

Тогда милосердная чернота проглотила Эдмонда, но было еще одно короткое видение, прежде чем сон поблек и ушел. Снова Эдмонд оказался за пределами окна Скотта, быстро отступая в ночь, и через открытый квадрат желтого сияния была ему видна часть стола Скотта и словно смятое тело человека, лежащего на ковре за его пределами. По крайней мере, Эдмонд предположил, что это было тело Скотта, ибо этот человек лежал с головой изогнутой под немыслимым углом к его телу, или же он был совсем без головы.

Так закончился этот сон. Эдмонд проснулся в темной комнате, и Людвиг заворочался рядом. Оба студента были сбиты с толку и возбуждены. Они спорили в азарте в течение некоторого времени, с редкими полу-истерическими вспышками, и Людвиг раскрыл, что его видение было идентично с видением Эдмонда. Жаль, что ни один из них не взял на себя труд проанализировать ситуацию и поискать логическое объяснение, но оба, конечно же, были мистиками и весьма легковерны.

Зазвонил телефон. Нетерпеливый оператор спросила, желает ли Эдмонд ответить на звонок

из Балтимора. Она сказала, что звонили в его квартиру некоторое время назад, но не получили ответа. Эдмонд оборвал ее резко и попросил соединить его. Но это было уже не возможно. Оператор на станции в Балтиморе сообщил, что их абонент не отвечает, и, после пустого обмена вопросами, Эдмонд повесил трубку. Именно тогда Людвиг признался, что написал Скотту, оплакивая скрытность, которая заставила его воздержаться от сообщения Балтиморскому оккультисту цели их эксперимента — места, к которому были направлены их астралы.

Не были их опасения успокоены и открытием объекта в жаровне. По-видимому, по крайней мере, часть видения была основана на истине; неизвестные химические вещества выкристаллизовались в предмет, который казался плоским и угловатым. Он был сформирован из какого-то хрупкого вещества, напоминающего матовое стекло, был грубой пирамидальной формы, и около шести дюймов от вершины до основания. Людвиг хотел разбить его сразу, но Эдмонд помешал ему.

Их аргументам пришел конец с прибытием телеграммы Скотта. Прочитали:

Не пытайтесь экспериментировать брошюрой вы упоминали точка крайне опасно может подразумевать мою смерть точка отправляю сегодня детали авиапочтой точка советую сжечь брошюру

Кеннет Скотт

Были еще два сообщения, которые в результате привели Пола Эдмонда в голливудскую больницу. Первым была статья, которая появилась в утреннем номере «The Los Angeles Times», 20 августа. Она кратко сообщала, что Кеннет Скотт, известный автор и оккультист, проживающий в Балтиморе, штат Мэриленд, был таинственным образом убит. Не было никаких улик, указывающих на личность нападавшего, а тело не было обнаружено до полудня 19-го. Тот факт, что голова жертвы была отделена от его тела и по непонятным причинам отсутствовала, сделал сначала идентификацию трупа сомнительной, но врач Скотта подтвердил логическое предположение. Некоторое количество сероватой слизи, размазанной по ковру, добавило еще один элемент тайны к этому делу. Голова Скотта, как заявил коронер, была чисто отделена от тела острым лезвием. Полиция заявила, что арест будет про-

изведен в ближайшее время.

Само собой разумеется, что ареста не последовало. Газетчики ухватились за сочный кусок и сделали многое, — и один предприимчивый репортер раскопал тот факт, что Скотт отправил авиапочтой письмо из главного офиса почтового отделения Балтимора незадолго до времени, которое было установлена как время его смерти. Именно это сообщение и было прямой причиной нервного срыва Эдмонда и его отъезда в больницу.

Письмо было найдено в квартире Эдмонда, но оно проливает немного света на это дело. Скотт был мечтателем, и его письмо носит подозрительное сходство с его вымышленными работами.

> «Вы оба знаете (часть длинного письма), сколько правды заложено в старых легендах и народных преданиях. Циклоп уже не миф, любой врач, знакомый с уродствами родов, может сказать вам это. И вы знаете, что мои теории относительно эликсира Жизни были подтверждены открытием тяжелой воды. Так, миф о Гидре основан на такой же истине.
>
> Есть бесчисленное множество рас-

сказов о многоголовых монстрах, все возникшие из-за присутствия подлинной сущности, чье реальное существование очень немногим было известно на протяжении веков. Это создание не возникло на земле, но в безднах Запределья. Это появилось вслед за понятием, что вампирическая сущность живет не за счет крови своих жертв, а их голов — их мозга. Все это может показаться вам странным, но вы знаете, что в наше время есть существа Извне, которые нуждаются в плоти, как у нас. Через эоны данная оголодавшая сущность, рыщущая в безднах за пределами нашего измерения, посылает свой призыв, требуя для себя жертв. Эта сущность, поглощая головы и мозги разумных созданий, как этого мира, так и других планет, приобретает необходимую ей силу и значительно увеличивает свою жизнеспособность.

Вы оба знаете, что на протяжении многих веков некоторые люди добровольно поклонялись Древним — злобным инопланетянам, которые пришли в наш фольклор как демоны. Каждый бог и каж-

дая сущность имеет своих поклонников, даже черный Фарол, слабейший из пришельцев, чьи силы гораздо существеннее, чем у человека. И эти культы перемешиваются очень любопытным образом, что мы находим следы забытых поклонений, возникших в гораздо более поздние времена. Когда римляне поклонялись Великой Матери в темных лесах Италии, например, как вы думаете, почему они включили в свой ритуал мистического восхищения, „Горго, мормо, тысячеликая луна“? Смысл ясен.

Я привел некоторые важные детали, они необходимы, чтобы подготовить вас к моему объяснению происхождения той брошюры, которую Роберт нашел в Сан-Педро. Я знал об этой брошюре, она была напечатана в Салеме в 1783 году, и я думал, что сейчас не существует больше ни одной ее копии. Эта брошюра — ловушка и является проклятием, она создана поклонниками Гидры, чтобы заманивать жертв в утробу своего бога!

Она имеет целью только одно — невинный эксперимент с астральным телом.

Однако реальная цель состоит в том, чтобы открыть врата и подготовить жертву для Гидры. Когда буклеты впервые были распределены через тайные подземные каналы, возникла эпидемия смертей в Новой Англии. Десятки мужчин и женщин были найдены без голов, без следов какого-либо человеческого убийцы. Тем не менее, настоящими убийцами были те, кто проводил эксперимент в соответствии с указаниями, приведенными в буклете, и неосознанно позволившие Гидре использовать свои жизненные силы, чтобы материализоваться на нашей планете.

Строго говоря, это происходит так: субъект, следуя инструкциям, вдыхает дым наркотического средства, который разрывает завесу между нашим миром и Запредельем. Он концентрируется на человеке, которого желает астрально посетить, и этот человек обречен. В процессе эксперимента обнажаются врата в Запределье, в совершенно другое измерение, и через определенный психический и химический процесс он временно сли-

вается с Гидрой. В итоге: Гидра, используя астрального экспериментатора как хозяина, приходит на землю и берет свою жертву — того человека, на которого концентрировался субъект. Здесь нет никакой реальной опасности для самого экспериментатора, за исключением, может быть, возникновения серьезного нервного шока. Но с другой стороны — жертва — Гидра забирает ее себе. Она обречена на вечные муки, за исключением некоторых исключительных случаев, когда она может поддерживать психическую связь с земным разумом. Но мне не стоит говорить об этом.

Я очень волнуюсь. Я собираюсь посредством междугородного звонка связаться с квартирой Эдмонда, и без сомнения, вы услышите меня сегодня задолго до того, как это письмо попадет вам в руки. Если вы необдуманно проведете эксперимент, прежде чем я смогу пообщаться с вами, я буду в серьезной опасности, потому что вы можете попытаться провести астральную проекцию в Балтимор ко мне. После того, как я отправлю это письмо, и в то время как буду ожидать телефонного звонка, я сделаю все от меня зависящее, чтобы найти защитную формулу, хотя и не думаю, что она существует.»

Кеннет Скотт.

Именно после прочтения этого письма, Эдмонд был отправлен в больницу на несколько дней, чтобы оправиться от нервного состояния. Людвиг был, по-видимому, более стойким; он остался, по просьбе Эдмонда, в квартире последнего и проводил некоторые эксперименты с самим собой.

Но то, что произошло в квартире Эдмонда в течение последующих нескольких дней, никогда не будет полностью известно. Людвиг посещал

своего друга в больнице ежедневно и рассказывал ему о своих опытах, и Эдмонд отметил то, что смог запомнить, на листках бумаги, которые он впоследствии вставил между страницами своего дневника. Некоторые склонны полагать, что аномальная смесь наркотиков в жаровне продолжала оказывать своё влияние на умы двух студентов, эксперименты Людвига, как записано Эдмондом, кажутся продолжением оригинального гашишного сна.

Людвиг сжег брошюру, как и следовало ожидать. А потом, в ночь после отправки Эдмонда в больницу, этот юноша сказал, что слышал, как Скотт говорил с ним.

Эдмон не смеялся, потому что был очень доверчив. Он внимательно слушал, в то время как Людвиг заявил, что оккультист еще жив, хотя и существует в другом измерении. Гидра захватила Скотта, но оккультист сумел найти силы пообщаться с Людвигом. Необходимо постоянно держать в уме тот факт, что ни один из этих двух молодых людей не был вполне нормальным после душевного волнения, которое он претерпел.

Так Людвиг добавлял все больше и больше каждый день к своему рассказу, а Эдмонд слушал. Они говорили украдкой, шёпотом, и Эдмонд

продолжал внимательно следить за своими записями, чтобы они не попали в руки скептически настроенных людей. Вся тайна, как сказал Людвиг, была в странном кристаллическом объекте, который был сформирован в жаровне. Это то, что открывает путь в Запределье. При желании можно было пройти через него, несмотря на тот факт, что он был гораздо меньше человеческой головы, потому что этот кристалл создавал «перекос в пространстве», — этот термин Эдмонд упоминает несколько раз, но полностью упускает его объяснение. Гидра, однако, не может вернуться на землю, пока не будут созданы первоначальные условия.

Людвиг сказал, что слышал голос Скотта — тихий шепот, раздающийся из кристаллического предмета безумных плоскостей и углов, и оккультист испытывал жуткие страдания и настаивал, чтобы Людвиг спас его. Это не трудно сделать, в случае если студент будет безоговорочно следовать его инструкциям. Были опасности, но он должен иметь мужество, а также желание изменить вред, что принес. Только таким образом мог Скотт освободиться от бесконечной агонии и вернуться на Землю.

Людвиг сказал Эдмонду, что проник через

кристалл — снова неясная и экстраординарная фраза! — используя необходимые, по мнению Скотта, предметы. Главным среди них был острый как бритва разделочный нож с костяной рукояткой. Были и другие предметы, некоторые из них довольно трудно получить, как — Людвиг не уточнил или не захотел, Эдмонд о них тоже не упомянул в своих записях.

По словам Людвига, он прошел через кристалл и нашел Скотта. Но не сразу. Были ночи неуклюжего продвижения через фантастические и страшные видения-кошмары под руководством всегда настойчивого шепота Скотта. Людвиг проник за врата и пересек странные измерения. Таким образом, он перемещался через ужасные пульсирующие бездны, пугающий мрак; он прошел через место любопытного фиолетового света, который издавал звон, злые трели смеха гоблинов раздавались позади; он прошел через циклопический пустынный город из черного камня, в котором с дрожью признал легендарный Дис. В конце концов, он нашел Скотта.

* * *

Он сделал то, что было необходимо. Но когда пришел в больницу на следующий день, Эдмонд

был потрясен бескровной бледностью своего друга, и маленькими огоньками безумия, которые светились в его глазах. Зрачки его были неестественно расширены, и Людвиг говорил в тот день невнятным шепотом, который Эдмонд с трудом понимал. Примечания пострадали. Ясно только, что Людвиг заявил, что освободил Скотта из тисков Гидры, и что снова и снова бормотал что-то о страшной серой слизи, в которой испачкал лезвие своего ножа. Он сказал, что работа еще не закончена.

Несомненно, что наркотик отравил ум Роберта Людвига или, по крайней мере, живую его часть, когда он рассказывал, как нашел Скотта в плоскости пространства, которое не было враждебно человеческой жизни, и которое не подчиняется целиком естественным законам и процессам. Скотт хотел вернуться на Землю. Он мог бы вернуться сразу же, как сказал Людвиг Эдмонду, но странная жизненная сила, которая поддерживала жизнь в том, что осталось от Скотта, рассеялась бы моментально на Земле. Только в определенных плоскостях и измерениях была возможность еще существовать Скотту, а неземная сила, что сохраняла ему жизнь, стала сейчас понемногу отступать, когда он уже не был средством к су-

ществованию Гидры. Людвиг сказал, что быстрое действие было необходимым.

Был некое место в Запределье, где Скотт мог добиться желаемого. В этом месте мысль была туманно связана с энергией и материей, из-за безумного пронзительного пения (как Людвиг сказал), что вечно слышится по ту сторону завесы из мерцающих цветов. Это было очень близко к Центру, Центру Хаоса, где обитает Азатот, Владыка Всего. Все, что существует, было создано мыслями Азатота, и только в Центре Изначального Хаоса Скотт мог отыскать средства, чтобы снова возникнуть на Земле в человеческом теле. Следующие примечания Эдмонд стер, и можно разобрать лишь фрагмент: «… мысли были реальны.»

Бледный, истощенный Людвиг сказал, что он должен выполнить свою задачу. Он должен провести Скотта к Центру, хотя и признался в жутком страхе, который заставляет его колебаться. Были опасности на этом пути, и ловушки, в которые легко можно попасть. Хуже всего, что защитная завеса Азатота была тонкой, и даже незначительный взгляд Владыки будет означать полное и окончательное уничтожение очевидца. Скотт сказал ему об этом, говорил Людвиг, и он также

упомянул ужасную приманку, которая притянет взгляд молодого студента к роковому месту, если он не будет с нею бороться.

Нервно кусая губы, Роберт Людвиг покинул больницу, и мы предполагаем, что что-то произошло на его пути к квартире Эдмонда. Так как Эдмон никогда больше не видел своего друга на земле.

* * *

Полиция до сих пор ищет пропавшую голову Кеннета Скотта. Эдмонд узнал это из газет. На следующий день он с нетерпением ждал появления Людвига, а через несколько часов, проведенных впустую, позвонил в свою квартиру и не получил никакого ответа. В конце концов, озабоченный и почти больной от тревоги, он потратил десять минут на бурный разговор со своим врачом, а затем с директором. В конце концов, он достиг своей цели и отправился на такси к своей квартире, проигнорировав протест больничных служащих.

Людвиг пропал. Он бесследно исчез. Эдмонд подумал вызвать полицию, но быстро отбросил эту мысль. Он нервно ходил по квартире, изредка бросая взгляд на кристаллический объект, кото-

рый до сих пор находился в жаровне.

Его дневник дает мало информации о том, что произошло в ту ночь. Можно предположить, что он готовил очередную дозу наркотического средства, или что токсическое воздействие дыма, который Эдмонд вдыхал несколько дней до этого, прежде чем закончить свою работу, так нарушило его мозг, что он больше не мог отличать ложное и реальное. Запись в дневнике на следующее утро начинается внезапно:

«Я слышал его. Как и сказал Боб, он говорил через кристалл. Он в отчаянии, и сказал мне, что Бобу не удалось. Он не отвел Скотта к Центру, где С. мог бы снова материализоваться на земле и спасти Боба. Что-то — я не уверен, что — поймало Боба, да поможет ему бог. Пусть Бог поможет нам всем… Скотт сказал, что я должен начать там, где Боб закончил и завершить работу».

Сущность всего обнажилась на последних страницах этих записей, и это не приятное зрелище. Как самый жуткий из неземных кошмаров дневник описывает кажущийся совсем не страшным последний конфликт, который имел место в той квартире над Голливудом, когда человек боролся со своим страхом и осознал свою слабость. Это, скорее всего, хорошо, что брошюра была уничто-

жена, такие вредные для мозга препараты, как тот, что был описан в ней, безусловно, происходят из самого ада, так же внушающего ужас, как то, что изображает Эдмонд. Последние страницы дневника показывают, что его ум был разрушен.

«Я прошел насквозь. Боб сделал это проще; я могу начать там, где он остановился, как сказал Скотт. И я поднимался сквозь Холодное Пламя и Бурлящие Вихри, пока не достиг места, где находился Скотт. Где он был, скорее, потому что я поднял его и понес через несколько уровней, до того как должен был вернуться. Боб не упоминал о засасывающей воронке, против которой нужно бороться. Но она не была достаточно сильной, пока я не проник довольно далеко.»

Следующая запись датируется днем позже. И едва разборчива.

«Не смог выдержать это. Пришлось выйти. Прогуливался вокруг Гриффит-парка в течение часа. Потом вернулся в квартиру, и почти сразу же Скотт заговорил со мной. Я боюсь. Я думаю, что он чувствует это, и тоже напуган, и сердит.

Он говорит, что мы не можем терять больше времени. Его жизненная энергия почти наисходе, и он должен как можно быстрее достигнуть Центра и вернуться на землю. Я видел Боба. Просто

проблеск, и я бы не узнал, что это был он, если бы Скотт не сказал мне. Он был изменен и страшен. Скотт сказал, что атомы его тела приспособились к другому измерению, в котором он увяз. Я должен быть осторожен. Мы близко от Центра».

Последняя запись.

«Еще раз попробую это сделать. Боже, я боюсь, ужасно боюсь. Я слышал пение. Оно превратило мой мозг в лед. Скотт кричал на меня, убеждал меня и, я думаю, пытался заглушить это — иной звук, но, конечно же, не мог этого сделать. Было очень слабое фиолетовое свечение вдалеке и мерцание разноцветных огней. Это, Скотт сказал мне, и был Азатот.

Я не могу это сделать. Я не смею — не с этим пением и теми движущимися Фигурами, которые я видел далеко внизу. Если я посмотрю в ту сторону, находясь около Завесы, будет плохо, — но Скотт безумно зол на меня. Он говорит, что я был причиной всего этого. Я ощутил почти неуправляемый импульс, который хотел втянуть меня обратно, а затем сокрушить Врата — кристалл. Может быть, сейчас я неспособен отвести взгляд прочь от Завесы, но смогу это сделать в следующий раз, когда вернусь. Я сказал Скотту, если он позволит мне вернуться на землю для еще

одной передышки я смогу закончить работу в следующий раз. Он согласился, но сказал, чтобы я поторопился. Его жизнеспособность быстро исчезает. Он сказал, что если я не пройду Врата через десять минут, он придет за мной. Он не сможет, однако. Жизнь, которая хранит его в Запределье, никак не сможет сделать это же самое на земле, за исключением секунды или двух.

Мои десять минут истекли. Скотт взывает из-за Врат. Я не вернусь! Я не могу смотреть правде в глаза — не могу вернуться в этот ужас Запределья, с его сущностями, двигающимися за Завесой, и этим ужасным пением извне…

Я не пойду, говорю! Нет, Скотт, — я не могу смотреть правде в глаза! Ты не сможешь выйти — это так. Ты умер, — я говорю тебе, что не пойду! Ты не сможешь заставить меня — я разобью Врата первым… что!? Нет! Нет, ты не… ты не сделаешь этого!.. Скотт! Нет, нет… Боже, он выходит…»

Это была последняя запись в дневнике, который полиция обнаружила открытым на столе Эдмонда. Отвратительный визг, а затем поток красной жидкости, медленно просачивающейся из-под двери квартиры Эдмонда, стали причиной вызова патрульных офицеров.

Тело Пола Эдмонда было найдено рядом с

дверью, голова и плечи находились в расширяющейся малиновой луже.

Рядом лежала опрокинутая латунная жаровня, и странное белое вещество зернистой природы было рассыпано по ковру. Жесткие пальцы Эдмонда все еще крепко сжимали объект, который с тех пор был причиной столь многих дискуссий.

Этот объект был невероятно хорошо сохранившимся, в силу своей природы. Часть его была покрыта своеобразной сероватой слизью, а челюсти были плотно сжаты, зубы же искромсали горло Эдмонда, разорвав сонную артерию.

И не было никакой необходимости искать дальше пропавшую голову Кеннета Скотта.

Перевод: Р. Дремичев

Генри Каттнер
Захватчики

Henry Kuttner «The Invaders», 1939

Предисловие Роберта М. Прайса

Рассказ Фрэнка Белнапа Лонга «Гончие Тиндалоса», оказался весьма влиятельным. Лавкрафт

упоминал жуткие клыки в «Шепчущем во тьме», а позднее Гончие вышли на прогулку у Брайана Ламли и Роджера Желязны. Существование наркотического средства, которое позволяет пользователю плыть назад в потоке времени, также показалось многим писателям интересной идеей. Можно найти такое средство и в рассказе Каттнера. И что-то похожее мы встретим ещё раз в «Гидре».

В этом рассказе Каттнер также хорошо поработал с «Тайнами Червя», своего друга Роберта Блоха. Каттнер отмечает, что «книга хранится в сейфе, в Библиотеке Хантингтона… но мне удалось получить фотокопии нужных страниц… Едва ли кто-нибудь в Калифорнии знает, что такая книга существует в Библиотеке Хантингтона». Конечно, книги «De Vermis Mysteriis», нет ни там, ни где-либо ещё, но фантазияКаттнера странным образом оказалась пророческой. Так случилось, что Библиотека Хантингтона действительно приобрела сокровищницу древних, эзотерических манускриптов — полный комплект фотокопий Свитков Мёртвого Моря, и мало кто знал об их существовании. Хотя добрые три четверти Свитков были опубликованы в 1960-х и 70-х годах, официальные власти в Иеру-

салиме держали оставшуюся часть в тайне. Все просьбы учёных о доступе к Свиткам и планы их публикации отметались властями.

Чтобы разрушить эту научную монополию, в 1991 году Библиотека Хантингтона объявила, что любой заинтересованный исследователь может получить доступ к их коллекции копий. С тех пор мы стали свидетелями жарких споров о Свитках, их содержании, дате написания, авторстве и возможных последствиях для ранней истории Христианства. Каттнер был более чем наполовину прав, изображая секретную рукопись, хранящуюся в библиотеке Хантингтона, а также фурор, который привел к тому, что фотокопии стали доступны!

Первая публикация: «Strange Stories», Февраль, 1939

* * *

— Ох, это вы, — сказал Хейворд. — Вы получили мою телеграмму?

Свет из дверного проёма коттеджа очертил высокую, худую фигуру Хейворда, превратив его тень в длинное, чёрное пятно посреди узкой полосы сияния на песке, где пробивалась зелёная трава.

Из темноты донёсся пронзительный, жуткий крик морской птицы, и я увидел, как силуэт Хейворда странно дёрнулся.

— Входите, — быстро сказал он, отступая в прихожую.

Мы с Мейсоном последовали за ним в коттедж.

Майкл Хейворд был писателем, уникальным писателем. Очень немногие могли создать необычную атмосферу сверхъестественного ужаса, которую Хейворд вкладывал в свои фантастические рассказы о таинственных вещах. У него были подражатели, как и у всех великих писателей, но никто не смог превратить иллюзии в такой абсолютный и ужасный реализм, какой Хейворд живописал в своих шокирующих фантазиях. Он вышел далеко за пределы человеческого опыта и привычного суеверия, проникая в сверхъестественные области неземного. Вампирические элементалы Блэквуда, омерзительные нежити М.Р. Джеймса, даже чёрный ужас Мопассановской «Орли», и «Проклятой Твари», Бирса бледнели в сравнении с работами Хейворда.

Но обывателей пугали не аномальные существа, о которых Хейворд тоже много писал, пугало мастерское ощущение реальности, которое ему удавалось создать в воображении

читателя, — ужасную идею о том, что он ничего не выдумывал, а просто излагал на бумаге суровую, дьявольскую истину. Неудивительно, что пресытившаяся публика горячо приветствовала каждую новую историю, которую он выдавал.

Билл Мейсон позвонил мне в тот день в «Журнал», где я работал, и зачитал мне срочную телеграмму от Хейворда, просившего, *на самом деле, умоляющего* нас немедленно приехать в его одиноко стоящий коттедж на пляже к северу от Санта-Барбары. Теперь, видя Хейворда, я удивлялся такой срочности.

Он не казался больным, хотя его худое лицо было более измождённым, чем обычно, а его глаза были неестественно яркими. В его поведении замечалось нервное напряжение, и у меня возникло странное впечатление, что он внимательно прислушивался к чему-то, ожидая какого-то звука снаружи коттеджа. Когда он взял наши пальто и жестом пригласил нас сесть в кресла, Мейсон встревоженно посмотрел на меня.

Что-то было не так. Мейсон почувствовал это, и я тоже. Хейворд наполнил табаком свою трубку и прикурил; дым окутал его жёсткие чёрные волосы. На его виски легли сизые тени.

— Что случилось, старина? — отважился спро-

сить я. — Мы не поняли ни начала, ни конца твоей телеграммы.

Хейворд покраснел.

— Наверное, я немного торопился, когда писал это. Видишь ли, Джин… ах… что пользы… что-то неправильно, очень неправильно. Сначала я подумал, что причина в моих нервах, но это не так.

Снаружи коттеджа раздался пронзительный крик чайки, и Хейворд повернулся лицом к окну. Его глаза уставились в одну точку, и я видел, как он подавлял дрожь в теле. Затем он, казалось, взял себя в руки. Он повернулся лицом к нам, сжав губы.

— Скажи мне, Джин, и ты, Билл, вы заметили что-нибудь… странное… по пути сюда?

— Хм, нет, — ответил я.

— Ничего? Ты уверен? Это могло показаться вам неважным, я имею в виду какие-нибудь звуки.

— Были чайки, — сказал Мейсон, нахмурившись. — Помнишь, Джин, я говорил тебе о чайках?

Хейворд резко схватил Мейсона.

— Чайки?!

— Да, — сказал я. — То есть, птицы какие-то, их крик не был похож на чаек. Мы не могли их видеть, но они продолжали следовать за машиной,

призывая друг друга. Мы могли их слышать. Но кроме птиц…

Я замешкался, изумлённо глядя на лицо Хейворда, выражавшее почти полное отчаяние. Он сказал:

— Нет… вот оно, Джин. Но они не были птицами. Они нечто такое… вы не поверите, — прошептал он, и в его глазах появился испуг. — Пока вы их не увидите… и тогда будет слишком поздно.

— Майк, — сказал я. — Ты перетрудился. У тебя…

— Нет, — перебил меня Хейворд. — Я не теряю хватки. Эти мои мистические рассказы… они не свели меня с ума, если это то, о чём вы думаете. Я такой же нормальный, как и вы. Правда в том, — проговорил он очень медленно, осторожно подбирая слова, — что на меня охотятся.

Я внутренне застонал. Бред преследования — признак безумия. Действительно ли Хейворд повредился умом? Почему, задавался я вопросом, его глаза были настолько неестественно яркими, а худое лицо так покраснело? И почему он продолжал украдкой бросать быстрые взгляды на окно?

Я тоже повернулся туда. Я начал что-то говорить и замер на полуслове.

Я увидел виноградную лозу. То есть, нечто, больше всего напоминающее толстую лозу, но я никогда не видел ни одного похожего на верёвку растения, подобного тому, что разлеглось на откосе за стеклом. Я открыл окно, чтобы лучше рассмотреть лозу.

Она была такой же толщины, как и моё предплечье, и очень бледно-жёлтая, как слоновая кость. Растение обладало странной блестящей текстурой, которая делала его полупрозрачным, и оно заканчивалось грубым пнём, который оброс жёсткими волосками, похожими на реснички. Кончик лозы почему-то заставил меня подумать о хоботе слона, хотя никакого сходства не имелось. Другой её конец свисал с окна и скрывался в темноте у лицевой стороны дома. И почему-то мне не понравилась эта картина.

— Что это такое? — спросил Мейсон, вставший за моей спиной.

Я поднял… это… чем бы оно ни было. Затем я испытал сильный шок, потому что растение стало проскальзывать сквозь мою руку! Его словно тянули прочь от меня, и пока я смотрел в недоумении, кончик лозы проскользнул сквозь мои пальцы и юркнул в темноту. Я поспешил высунуться в окно.

— Там кто-то снаружи! — крикнул я через плечо. — Я видел…

Затем я почувствовал, как чья-то рука схватила меня и оттащила в сторону.

— Закрой окно, — выдохнул Хейворд. Он захлопнул его сам и щёлкнул шпингалетом. А я услышал задыхающийся нечленораздельный крик Мейсона.

Он стоял в открытом дверном проёме, глядя наружу. Его лицо менялось, приобретая выражение изумления и отвращения.

Снаружи двери раздался пронзительный, мяукающий крик, а затем — сильный порыв ветра. Песок закружился возле порога. Я увидел, как Мейсон отшатнулся, выставив руку перед своими глазами.

Хейворд прыгнул к двери и закрыл её. Я помог дрожащему теперь Мейсону сесть в кресло. Было ужасно видеть, как этот обычно невозмутимый человек находится в тисках того, что можно было бы назвать паникой. Он опустился на сиденье, глядя на меня опухшими глазами. Я дал ему свою фляжку с виски; побелевшими пальцами он схватил её и сделал торопливый глоток. Его дыхание было быстрым и неровным.

Хейворд подошел ко мне и встал, глядя на Мей-

сона с выражением жалости на своём лице.

— Что за чертовщина тут происходит? — воскликнул я. Но Мейсон проигнорировал меня, его глаза смотрели только на Хейворда.

— Бог на небесах, — прошептал он. — Разве я сошёл с ума, Хейворд?

Хейворд медленно покачал головой.

— Я тоже их видел.

— Билл, — резко сказал я. — Что там? Что ты видел?

Мейсон только резко покачал головой, пытаясь подавить сильные приступы дрожи, от которых его всего трясло.

Я развернулся, подошёл к двери и открыл её. Не знаю, кого я ожидал увидеть — какое-нибудь животное, может быть, горного льва или даже огромную змею. Но там никого не было — всего лишь пустынный белый пляж.

Правда, поблизости имелся участок потревоженного песка в форме круга, но с этим я ничего не мог поделать. Я слышал, как Хейворд кричал на меня, требуя закрыть дверь.

Я закрыл.

— Там ничего нет, — сказал я.

— Оно, должно быть, ушло, — выдавил из себя Мейсон. — Не дашь мне ещё выпить?

Я вручил ему свою фляжку.

Хейворд суетился возле своего стола.

— Послушайте, — сказал он через мгновение, вернувшись с клочком жёлтой бумаги. Он сунул его Мейсону, и Билл выдохнул что-то бессвязное.

— Это оно, — сказал он, совладав с голосом. — Это то, что я видел!

Я посмотрел через его плечо, внимательно изучая бумажку. Это был карандашный набросок чего-то, что выглядело так, словно оно появилось из кошмара натуралиста. На первый взгляд у меня сложилось впечатление, что это шар, странно сплющенный сверху и снизу, покрытый тем, что мне сначала показалось редко растущими, очень длинными и толстыми волосами. Затем я увидел, что это придатки, тонкие щупальца. На складчатой верхней поверхности этого существа располагался большой фасеточный глаз, а под ним — сморщенное отверстие, которое, вероятно, служило ртом. Хейворд не был художником, но в спешке сделанный им набросок, тем не менее, был очень впечатляющим и отвратительным.

— Это — то самое существо, — сказал Мейсон. — Убери его! Оно всё сияло. И оно издавало тот… тот звук.

— Куда оно ушло? — спросил Хейворд.

— Я… не знаю. Оно не укатилось… и не ушло в океан. В этом я уверен. Всё, что я слышал, было тем порывом ветра, и песок бросило мне в глаза. Тогда… ну, оно исчезло.

* * *

Я поёжился.

— Холодно, — сказал Хейворд, наблюдая за мной. — Когда они приходят, становится холодно.

Молча он стал разжигать камин.

— Но таких тварей не может существовать! — воскликнул Мейсон в неожиданном протесте. Затем в тоне отчаяния: — Но я видел его, я видел его!

— Возьми себя в руки, Билл, — огрызнулся я.

— Мне наплевать на то, что ты думаешь, Джин, — воскликнул он. — Я видел там что-то такое… ну, я всегда смеялся над такими вещами — легендами, снами… но, Боже! когда видишь это… ох, я не пытаюсь обмануть тебя, Джин. Вероятно, вскоре ты сам увидишь это существо.

Он закончил говорить со странной нотой ужаса в голосе.

Я понял, что он не лжёт. Тем не менее задал Мейсону вопрос:

— Ты уверен, что это был не мираж? Водяная пыль, возможно, оптическая иллюзия?

Вмешался Хейворд:

— Нет, Джин. — Он стоял лицом к нам, его губы угрюмо скривились. — Это не иллюзия. Это суровая, отвратительная правда. Даже сейчас я иногда пытаюсь заставить себя поверить, что мне снится какой-то фантастический, невероятный кошмар, от которого я, в конце концов, проснусь. Но нет. Я… я не мог это выносить дальше… в одиночестве. Эти твари находятся здесь уже два дня. Их несколько — пять или шесть, возможно, больше. Вот почему я отправил вам телеграмму.

— Пять или шесть кого? — требовательно спросил я, но Мейсон быстро прервал меня.

— Разве мы не можем выйти? Моя машина чуть дальше по дороге.

— Думаешь, я не пробовал? — воскликнул Хейворд. — Боюсь, что нет. У меня тоже есть машина. На самом деле, я приехал в Санта-Барбару прошлой ночью. Думал, что смогу уйти под покровом темноты. Но шумы — те звуки, которые они издают, становились всё громче и громче, и у меня возникло ощущение, что они собираются напасть на меня. Я заметил одного человека и заплатил ему, чтобы он отправил вам телеграмму.

— Но что они такое? — выпалил Мейсон. — У тебя нет никаких идей на этот счёт? Такие существа просто так не появляются. Некоторая гибридная форма жизни из моря, возможно… какая-то неизвестная форма жизни…

Хейворд кивнул.

— Точно. Неизвестная форма жизни. Но совершенно чуждая, незнакомая человечеству. Не из моря, Билл, не из моря. Из другого измерения — ещё одной плоскости существования.

Это было слишком для меня.

— Да брось, Хейворд, — сказал я. — Какие ещё другие измерения? Это против всякой логики.

— Ты не видел его, — сказал Мейсон, глядя на меня. — Если бы ты, подобно мне, увидел ту ужасную, грязную тварь…

— Слушайте, — резко прервал нас Хейворд. — Я… я не должен был втягивать вас в это. Видя, что произошло с Биллом, я понял, что вы всё ещё свободны, знаете ли. Возможно, было бы лучше…

Я тряхнул головой. Я не собирался бежать от крика в ночи, лозы странного вида и оптической иллюзии. Кроме того, я знал, сколько усилий стоило Хейворду поделиться с нами своими проблемами. Но прежде, чем я успел заговорить, снаружи дома раздался странный, пронзитель-

ный крик. Хейворд быстро посмотрел в окно. Затем опустил шторы. Его лицо было серьёзным.

— Я передумал, — сказал он. — Вы не должны покидать дом сегодня вечером. Завтра, может быть…

Он повернулся к своему столу, взял маленькую коробочку. Ничего не говоря, он бросил несколько круглых чёрных пилюль в ладонь и протянул нам.

Я взял одну пилюлю и с любопытством понюхал. Я почувствовал странное щекотание в ноздрях и внезапно, безо всякой видимой причины, вспомнил один случай из детства, давно забытый, — ничего важного, просто тайное посещение яблоневого сада с двумя молодыми приятелями. Мы наполнили яблоками два джутовых мешка…

Почему я вспомнил сейчас об этом? Я полностью забыл об этом детском приключении — по крайней мере, я много лет не думал об нём.

Хейворд довольно поспешно забрал у меня пилюлю, наблюдая за моим лицом.

— Это было началом, — сказал он после паузы. — Это наркотик. Да, — продолжал он, увидев наше беспокойство. — Я принимал его. О, это не гашиш и не опий — хотел бы я, что это были они!

Это намного хуже — я получил формулу из книги Людвига Принна «De Vermis Mysteriis».

— Что? — поразился я. — Где ты…

Хейворд кашлянул.

— На самом деле, Джин, мне пришлось прибегнуть к небольшой взятке. Знаете, книга находится в хранилище Библиотеки Хантингтона, но я… мне удалось получить фотокопии нужных мне страниц.

— О чём это, что за книга? — нетерпеливо спросил Мейсон.

— «Тайны червя», — ответил я ему. — Я видел, что эта книга упоминалась в газетных сообщениях. Это одна из запретных ссылок — у нас есть приказ удалять её из любого сочинения, в котором она появляется.

— Такие вещи замалчиваются, — разъяснил Хейворд. — Вряд ли кто-нибудь в Калифорнии знает, что такая книга имеется в Библиотеке Хантингтона. Подобные книги не предназначены для публики. Видите ли, человек, который написал «Тайны Червя», предположительно был старым фламандским колдуном, который получил запретные знания и занимался чёрной магией. Он написал эту книгу, пока находился в тюрьме, ожидая суда за колдовство. Книга преследовалась

властями в каждой стране, в которой её издавали. В ней я нашел формулу для этого препарата.

Хейворд встряхнул пилюли в руке.

— Это… я также могу вам сказать… это источник моих таинственных рассказов. Наркотик оказывает сильное стимулирующее воздействие на воображение.

— Каковы его последствия? — поинтересовался я.

— Это наркотик времени, — сказал Хейворд и посмотрел на нас.

Мы уставились на него.

— Я не имею в виду, что препарат позволяет перемещаться во времени, нет. Не физически, во всяком случае. Но, приняв этот препарат, я смог вспомнить некоторые вещи, которых никогда не испытывал в этой жизни.

— Наркотик позволяет пробудить воспоминания ваших предков, — продолжал быстро и искренне рассказывать Хейворд. — Что в этом странного? Я могу вспомнить прошлые жизни, предыдущие реинкарнации. Вы слышали о переселении душ — более половины населения Земли верит в это. Есть доктрина, что душа оставляет тело в момент смерти, чтобы войти в другое — как рак-отшельник, переходя от одной оболочки

к другой.

— Невозможно, — сказал я. Но вспомнил свою странную вспышку памяти, когда изучал одну из пилюль.

— И почему? — задался вопросом Хейворд. — Разумеется, душа, живая сущность имеет память. А что, если эту скрытую, глубинную память можно вытащить из подсознания в сознание? У мистиков прошлого были странные силы и неизвестные нам знания, Джин. Не забывай, что я принял препарат.

— И на что это похоже? — спросил Мейсон.

— Это было… ну, как поток памяти, влитый мне в голову, как движущаяся картина, которая разворачивается… я не могу выразить это более понятным языком.

В первый раз наркотик перенёс меня в Италию. Это было во время правления Борджиа. Я очень хорошо помню это: заговоры, дворцовые интриги, и, наконец, полёт во Францию, где я, или, вернее, мой предок, умер во время драки в таверне. Всё было очень живым, очень реальным.

Я продолжал принимать препарат с тех пор, хотя он не вызывает привыкания. После того, как я пробуждаюсь ото сна — это, как правило, занимает от двух до четырех часов, — мой ум ста-

новится ясным, свободным, ничем не связанным. Вот тогда я пишу свои рассказы.

Вы не представляете, как далеко в прошлое простираются воспоминания моих предков. Поколения, века, непостижимые эоны! Возвращение к Чингисхану, обратно в Египет и Вавилон, и, кроме того, обратно в сказочные затонувшие земли Му и Атлантиды. Именно в тех первых первобытных воспоминаниях, в земле, которая существует сегодня только как воспоминание и миф, я впервые столкнулся с этими существами — с ужасом, который вы видели сегодня вечером. Они существовали на Земле тогда, бесчисленные тысячелетия назад. И я…

Вдруг мы снова услышали пронзительный, душераздирающий крик. На этот раз звучало так, словно источник крика был прямо над коттеджем. Я почувствовал внезапный холод, как будто окружающая температура резко упала. Возникла тяжёлая, зловещая тишина, в которой грохот прибоя звучал как огромные барабаны.

На лбу Хейворда застыли капельки пота.

— Я призвал их на Землю, — глухо пробормотал он, опуская плечи. «Тайны Червя», описывали меры предосторожности, которые следует выполнить перед употреблением пилюли — пен-

таграмма Пнакотика, каббалистические знаки защиты — вещи, которых вы не поймёте. В книге содержались ужасные предупреждения о том, что может произойти, если эти меры предосторожности не будут приняты, в частности, упомянуты эти твари — «обитатели Скрытого мира», так их называли.

— Но я, в конце концов, пренебрёг собственной защитой. Я не предвидел… думал, что смогу получить более сильный эффект от наркотика, если не буду принимать указанные меры предосторожности, и благодаря этому мои рассказы станут ещё лучше. Я открыл врата и вновь впустил их на Землю.

Хейворд смотрел в никуда, его глаза были пусты и невидящи.

— Я совершил ужасный грех своим пренебрежением, — пробормотал он, словно сам себе.

Мейсон внезапно вскочил на ноги, всё его тело трясло.

— Я не могу оставаться здесь! Это сведёт нас всех с ума. До Санта-Барбары всего лишь час езды. Я не могу выносить этого ожидания, зная, что эта тварь снаружи насмехается над нами!

Неужели Мейсон тоже потерял самообладание? Повредился умом? Перед лицом этой невидимой

угрозы, чем бы она ни была?

Морские птицы, мираж из водяных капель, люди, возможно, были ответственны за страх Мейсона. Я пытался убедить в этом сам себя.

Но в глубине души я знал, что никакой обычный страх не может привести двух моих товарищей на грань сумасшедшей истерии. И я знал, что ощущаю странное нежелание выходить в эту угрюмую, тихую темноту на пляже.

— Нет, — сказал Хейворд. — Мы не можем… это будет поход прямо в лапы тех тварей. В доме с нами ничего не случится…

Но в его голосе не было уверенности.

— Я не могу оставаться здесь и ничего не делать! — закричал Мейсон. — Говорю вам, мы сойдём с ума. Кем бы ни была эта тварь, у меня есть пистолет. И я в любое время готов пристрелить её. Я не останусь здесь!

Он был вне себя. Не так давно мысль о том, чтобы выйти за пределы коттеджа казалась ему ужасной, теперь он приветствовал это как спасение от мучительного бездействия. Мейсон вытащил из кармана пистолет и направился к двери.

Хейворд поднялся с кресла с ужасом в глазах.

— Ради Бога, не открывай эту дверь! — крик-

нул он.

Но Мейсон распахнул её, игнорируя Хейворда. Порыв ледяного ветра ворвался в дом. Туман снаружи дома пополз к дверному проёму, вытягивая маслянистые усики и извиваясь, как щупальца.

— Закрой дверь! — крикнул Хейворд, бросившись через комнату. Я сделал поспешный шаг вперёд, когда Мейсон выскочил в темноту. Я столкнулся с Хейвордом и пошатнулся. Я услышал тяжёлый хруст шагов Мейсона по песку… и что-то ещё.

Пронзительный, мяукающий крик. Но теперь он звучал свирепо и ликующе. И ему ответили издалека другие крики, как будто десятки морских птиц кружили высоко над нами, невидимые в тумане.

Я услышал ещё один странный звук и не смог его классифицировать. Он звучал неясно, как крик, который резко оборвался. Ветры с воем проносились мимо, и я увидел, как Хейворд вцепился в дверь, ошеломлённо уставившись на что-то.

Через мгновение я осознал, что Мейсон исчез совершенно и полностью, как будто его унесла хищная птица. Перед нами лежал пустой пляж, низкие дюны песка, и ни одного признака Билла Мейсона.

Я был ошеломлён. Он не мог убежать из моего поля зрения за то короткое время, пока я смотрел в другую сторону. Он также не мог скрыться под домом, потому что дом стоял прямо на песке.

Хейворд повернул ко мне своё побелевшее лицо.

— Они схватили его, — прошептал он. — Он не послушал меня. Их первая жертва. Бог знает, что произойдёт сейчас.

Тем не менее мы стали искать Мейсона. Впустую. Билл исчез. Мы дошли до его машины, но и там его не было.

Если бы ключи от машины лежали на приборной панели, я мог бы убедить Хейворда сесть в машину вместе со мной и умчаться с этого захваченного призраками пляжа. Мне становилось всё страшнее, но я не смел признаться в своём страхе даже самому себе.

Мы медленно вернулись в коттедж.

— Осталось всего несколько часов до рассвета, — сказал я после того, как мы с Хейвордом некоторое время просидели, глядя друг на друга. — Тогда мы сможем найти Мейсона.

— Мы его никогда не найдём, — глухо ответил Хейворд. — Он в каком-то адском мире, мы даже не можем себе представить в каком. Он может

быть даже в другом измерении.

Я упрямо покачал головой. Я не мог, не хотел верить. Должно существовать какое-то логическое объяснение, и я не осмелился ослабить свою защиту, выстроенную стеной скептицизма и недоверия.

Через какое-то время мы услышали пронзительное мяуканье снаружи. Оно прозвучало снова, а затем последовало несколько резких криков. Дрожащими пальцами я зажёг сигарету, встал и нервно зашагал по комнате.

— Этот проклятый наркотик, — услышал я бормотание Хейворда. — Он открыл врата. Я совершил грех…

Я остановился, моё внимание привлекло слово, фраза на листе бумаги в пишущей машинке Хейворда. Я сорвал листок с валика.

— Материал для рассказа, — с горечью сказал Хейворд, увидев моё движение. — Я написал это две ночи назад, когда впервые получил воспоминания о тех существах. Я рассказал вам, как действуют эти проклятые пилюли. Я получил… воспоминания днём, и той же ночью сел за машинку, чтобы придумать рассказ. Меня… прервали.

Я не ответил. Я зачарованно читал заполнен-

ную половину листа. И пока я читал, мрачные чары ужаса, казалось, охватывали меня, как холодный, промозглый туман. Ибо в этой жуткой легенде, написанной Хейвордом, имелись некоторые тревожные намёки на тварей, чей ужасающий вид заставил мой разум содрогнуться, хотя я уже видел их на рисунке.

Текст гласил:

«Я жил в архаичном мире. Давно забытый мир, когда процветали Атлантида и Киммерия, мир, настолько невероятно древний, что никаких данных о нём не дошло до нас сквозь века.

Первая человеческая раса обитала в первобытном Му, поклоняясь странным, забытым богам — высокому, как гора Ктулху из Водной Бездны, Змею Йигу, Иоду Сияющему Охотнику, Ворвадоссу из Серого Залива Ярнак.

И в те дни на Землю пришли некие существа из другого измерения космоса, бесчеловечные, чудовищные создания, которые хотели уничтожить всю жизнь на нашей планете. Эти существа планировали покинуть свой собственный умирающий мир, чтобы колонизировать Землю, построить свои титанические города на этой более молодой, более плодородной планете.

С их приходом возник ужасный конфликт, в

котором боги, дружественные человечеству, выстроились против враждебных захватчиков.

Прежде всего в этом эпохальном сражении самым могущественным из богов Земли был Пылающий, Ворвадосс из БелЯрнака, и я, первосвященник его культа, разжёг…»

На этом месте черновик обрывался.

Хейворд наблюдал за мной.

— Это был мой…. сон, Джин, когда я последний раз принимал *наркотик времени*. Сон был не таким чётким, как большинство до этого, всегда есть слепые пятна, странные промежутки, где моя память почему-то не работает. Но наркотик показал мне, что произошло в том доисторическом периоде, так много воплощений назад. Мы победили — точнее, наши боги победили. Захватчики — те твари…

Он замолчал, когда очень близко к дому раздался мяукающий крик, а затем Хейворд нетвёрдым голосом продолжил рассказывать.

— Их изгнали обратно свой мир, в их собственное измерение — и врата были закрыты, поэтому они не могли вернуться. Все эти эоны они остаются закрытыми.

Они должны были оставаться закрытыми, — продолжал он с горечью, — если бы я не открыл

их своими экспериментами или принял бы меры предосторожности, которые описаны в «Тайнах Червя». Теперь у них есть Мейсон — и это всё, что им нужно. Я знаю это, так или иначе. Жертва откроет врата между этим миром и их собственным ужасным измерением, так что их полчища могут хлынуть на Землю… Вот как они добрались сюда в прошлом. С помощью человеческого жертвоприношения.

— Слушай! — я быстро поднял руку. Мяукающие крики пропали, но появился ещё один звук — неясный, пронзительный стон, идущий снаружи коттеджа. Хейворд не двигался.

— Возможно, это Мейсон, — высказал я мысль и побежал к двери. Постояв мгновение в нерешительности, я распахнул её и ступил на песок. Стоны становились всё громче. Хейворд медленно подошёл ко мне и встал рядом. Его глаза были острее, чем у меня, потому что, когда он всмотрелся в туманный берег, то испуганно воскликнул:

— Боже мой! — Он указал мне рукой. — Посмотри на это!

Я увидел некое существо и замер, не в состоянии двигаться.

Там, на тихоокеанском пляже, под жёлтым светом из открытой двери, выливающимся в туман,

что-то тащило само себя по песку в нашу сторону — что-то искажённое, деформированное, оно издавало тихие стоны по мере движения вперёд. Оно попало в луч света, и мы смогли отчётливо его рассмотреть.

Сбоку от меня Хейворд раскачивался вперёд-назад, издавая хрипящие звуки, как будто он пытался закричать, но не мог. Я подался назад, подняв руку, чтобы защитить свои глаза от ужаса, проквакав:

— Не приближайся! Ради Бога, не подходи… ты… ты… ты не Билл Мейсон… *чёрт тебя дери, не приближайся!*

Но это существо продолжало ползти к нам. Чёрные, неясные впадины на месте его глаз выглядели мрачными тенями в тусклом свете. С него была содрана вся кожа, и его руки оставляли красные следы на песке, пока он полз. Клочок голого белого черепа сиял, как страшный постриг на покрасневшей голове.

И это было далеко не всё, но я не могу заставить себя описать ужасные и отвратительно ненормальные изменения, которые произошли с телом того, кто был Биллом Мейсоном. И даже пока он полз, он видоизменялся!

Ужасная метаморфоза происходила быстрее его

движений. Казалось, что он терял очертания и растягивался, и стал скорее извиваться на песке, нежели ползти. Тогда я понял! В течение нескольких секунд он обратил вспять весь ход эволюции человеческого вида! Он извивался там, как змея, теряя своё сходство со всем человеческим, пока я смотрел, дрожа и чувствуя тошноту. Мейсон таял, сжимался и морщился, пока не осталось ничего, кроме отвратительно грязной сукровицы, которая растеклась в одиозную чёрную лужу слизи. Я услышал себя, задыхающегося в истерике и бормочущего непонятные молитвы. И вдруг пронзительный шок холода прошёл сквозь меня. Высоко в тумане я услышал мяукающий, пронзительный призыв.

Хейворд схватился за мою руку, его глаза сверкали.

— Они пришли, — прошептал он. — Это жертвоприношение… *они прорываются!*

Я качнулся и прыгнул к открытой двери коттеджа. Ледяной, неестественный холод вызвал онемение в моём теле, замедляя мои движения.

— Бежим, — крикнул я Хейворду. — Дурак, не стой там! Уже была одна жертва! Нужны ещё?

Хейворд бросился в дом, я захлопнул за ним дверь и запер её.

Пронзительные, неземные крики исходили теперь со всех сторон, как будто все твари призывали друг друга и одна отвечала другой. Мне показалось, что в их криках появилась новая нота — нота ожидания, триумфа.

Рулонная штора с громким треском свернулась, и туман начал двигаться мимо оконного стекла, извиваясь и фантастически скручиваясь. От внезапного порыва ветра стекло встряхнуло в раме. Хейворд сказал себе под нос:

— Атмосферные возмущения, о Боже мой! Бедный Мейсон… следи за дверью, Джин!

Он говорил, задыхаясь.

Несколько секунд я ничего не видел. Затем дверь вдавилась внутрь, как будто с той стороны к ней приложили ужасное давление. Панель с жалобным звуком треснула, и я затаил дыхание. Затем… оно ушло.

На металлической дверной ручке остался белый иней.

— Это… это не реально, — неистово произнёс я, хотя задрожал от холода.

— Достаточно реально. Они прорываются…

Затем Хейворд сказал что-то настолько странное, что я резко обернулся, глядя на него. Он смотрел на меня пустыми глазами, как человек в

гипнотическом состоянии, и бормотал странным, лихорадочным голосом:

— Огни горят на Нергу К'ньяне, и Наблюдатели всматриваются в ночные небеса в ожидании Врагов— *ны'гхан саранак грит* …

— Хейворд! — я схватил его за плечи и встряхнул. Жизнь вернулась в его глаза.

— Слепое пятно, — пробормотал он. — Я что-то вспомнил и снова забыл…

Он вздрогнул, когда новая серия мяукающих криков донеслась с крыши.

Но странная, невероятная догадка возникла в моей голове. Существовал выход наружу, ключ избавления от зла — он был у Хейворда, а он не знал этого!

— Подумай, — сказал я, затаив дыхание. — Хорошо подумай! Что это было, та память?

— Разве сейчас это имеет значение? Это…

Он увидел выражение моего лица, быстро понял мою мысль, и ответил, не быстро, не медленно, но словно во сне:

— Я, казалось, был на вершине горы, стоя перед алтарем Ворвадосса, с великим пламенем, что вспыхивало в темноте. Меня окружали жрецы в белых одеждах… Наблюдатели…

— Хейворд, — закричал я. — Ворвадосс… смот-

ри сюда!

Я схватил страницу с черновиком рассказа и поспешно прочитал её: «*Боги, дружественные человеку, выстроились против захватчиков*»…

— Я понял, что ты имеешь в виду! — воскликнул Хейворд. — Мы одержали победу тогда. Но сейчас…

— Хейворд! — отчаянно упорствовал я. — Твоя вспышка памяти только что! Ты стоял на горе, а Наблюдатели всматривались в ночные небеса, ожидая Врагов. Так ты говорил. Враги, должно быть, были этими существами. Предположим, Наблюдатели увидели их?

Внезапно дом закачался от чего-то, что не могло быть кричащим ветром. Боже! Могут ли мои усилия принести плоды слишком поздно? Я услышал взрыв пронзительных криков, и дверь скрипнула и раскололась. Стало ужасно холодно. Нас швырнуло к стене, и я пошатнулся, почти потеряв равновесие.

Дом ещё раз качнулся от очередного удара тарана. Мои зубы стучали, и я едва мог говорить. Меня охватило зловещее головокружение, и мои руки, и ноги потеряли всякое чувство. В кружащемся море темноты я увидел белое лицо Хейворда.

— Это шанс, — выдохнул я, отбиваясь от черно-

ты. — Разве не было какого-то способа призвать богов, дружественных богов, если бы Наблюдатели увидели Врагов? Ты… ты был верховным жрецом… в той прежней жизни. Ты должен знать… как… призвать…

Дверь рухнула, сломалась. Я слышал, как она беспощадно раздирается в щепки, но не осмелился повернуться.

— Да! — воскликнул Хейворд. — Я помню, было слово!

Я увидел, как его испуганный взгляд переместился от меня к ужасу, который, как я знал, сейчас раздирал сломанную дверь. Я нащупал плечи Хейворда и смог повернуть его к себе.

— Ты должен! Вспоминай…

Внезапно в его глазах вспыхнул свет. Наконец, он отреагировал.

Он взмахнул руками и начал таинственное звучное песнопение. Странные, архаично звучащие слова текли с его языка свободно и быстро. Но теперь у меня не было времени смотреть на Хейворда, я уставился на ужас, который протискивался через дыру, которую он проломил в стене.

Это было существо, которое Хейворд зарисовал, раскрывшееся во всей своей отвратительной

реальности!

Моё головокружение, моё полуобморочное состояние, избавили меня от возможности ясно разглядеть его. Как бы то ни было, из моего горла вырвался крик крайнего ужаса, когда я увидел сквозь вращающийся водоворот тьмы приплюснутый светящийся шар, покрытый корчившимися змееподобными щупальцами — полупрозрачную плоть цвета слоновой кости, прокажённую и отвратительную… большой фасеточный глаз с холодным змеиным выражением. Кажется, я падал, вращался, беспомощно опускался к путанице извивающихся, блестящих щупалец, и я смутно слышал, как Хейворд всё ещё распевает заклинания.

— *Ла! Рин саранак* … Ворвадосс из Бел Ярнака! Тот, Кто Тревожит Пески! Ты, Ожидающий во Внешней Тьме, Возжигатель Пламени… *н'гха шугги'хаа* …

Хейворд произнёс *Слово*. Слово Силы, которое я, будучи потрясённым происходящим, едва ли мог услышать. Но я услышал его. И я чувствовал, что за пределами человеческого сознания и понимания это Слово вспыхивало и гремело через межгалактические пространства вплоть до самой дальней бездны. И в первобытной ночи и

хаосе Нечто услышало и восстало, и повиновалось вызову.

Ибо с внезапностью удара грома тьма поглотила комнату, скрывая от моих глаз чудовищную светящуюся тварь, которая стремилась к нам. Я услышал ужасный пронзительный крик, а затем воцарилась полная тишина, сквозь которую не пробивался даже периодический грохот прибоя. Ужасный холод вызвал в моём теле острые вспышки боли.

Затем из темноты перед нами поднялось Лицо. Я видел его сквозь клубы серебристого тумана, которые цеплялись за лицо, как вуаль. Оно было совершенно нечеловеческим, потому что его черты, видимые мне лишь наполовину, были расположены по схеме, совсем незнакомой землянам, по-видимому, следуя странному образцу какой-то незнакомой и чуждой геометрии. Но лицо не пугало, оно успокаивало.

Сквозь серебристый туман я разглядел странные впадины, фантастические кривые и плоскости. Только глаза были ясными, недвусмысленными — чёрными, как как необитаемые бездны между звёздами, холодными в своей неземной мудрости.

В этих глазах мерцали крошечные танцующие

огни, и такие же огоньки порхали над странным, нечеловеческим лицом. И хотя в этих задумчивых, бесстрастных глазах не было ни тени эмоций, я почувствовал прилив успокоения. Внезапно весь страх оставил меня. Рядом с собой я услышал шёпот невидимого в темноте Хейворда:

— Ворвадосс! Возжигатель Пламени!

Тьма быстро отступила, и лицо потускнело. Я смотрел не на знакомые стены коттеджа, но на другой мир. Я спустился с Хейвордом в глубины прошлого.

Мне казалось, что я стою в огромном амфитеатре из чёрного янтаря, на небесах было рассыпано бесконечное множество холодных звёзд, я мог видеть вокруг себя колоссальный и ужасающий город из неравносторонних тёмных башен и крепостей, огромных масс камня и металла, арочных мостов и циклопических крепостных валов. И с мучительным страхом я увидел, что в этом кошмарном городе изобилует отродье того чужого измерения.

Сотни, тысячи — пугающее множество их, неподвижно висящее в тёмном чистом воздухе, отдыхающее на ярусах амфитеатра, пролетающее стаями над большими очищенными пространствами. Я заметил проблески сверкающих глаз,

холодных и немигающих; мясистые, светящиеся массы полупрозрачной плоти; чудовищные рептильные придатки, которые плыли перед моими глазами, когда твари отвратительным образом двигались. Я чувствовал себя загрязнённым, осквернённым. Думаю, я завизжал, и мои руки взлетели, чтобы не дать глазам видеть эту невыносимую картину потерянной преисподней — пространства, где живут Захватчики.

И внезапно видение другого мира оборвалось и исчезло.

Я мельком увидел богоподобное, чуждое Лицо и почувствовал холодный взгляд этих странных, всеведущих глаз. Затем оно исчезло, и комната, казалось, стала раскачиваться в тисках космических сил. Когда я пошатнулся и почти упал, то вновь увидел вокруг себя стены коттеджа.

Невыносимого холода уже не было в воздухе; и исчезли звуки, кроме шума прибоя. Ветер все ещё гнал туман, клубящийся за окном, но гнетущее ощущение древнего зла совершенно исчезло. Я с опаской взглянул на разрушенную дверь, но не осталось никаких следов ужаса, который ломился в коттедж.

Хейворд безвольно прислонился к стене, глубоко вздыхая. Мы молчаливо смотрели друг на

друга. Затем, движимые общим импульсом, мы пошли, пошатываясь, к пролому в стене, где была дверь, и ступили на песок.

Туман исчезал, разрываемый в клочья прохладным свежим ветром. Сквозь просветы в облаках на ночном небе сияли звёзды.

— Изгнаны обратно, — прошептал Хейворд. — Как однажды в прошлом — обратно в своё измерение, и врата были закрыты. Но не раньше, чем ими была взята жизнь… жизнь нашего друга… может, Небеса простят меня за это…

Внезапно он развернулся, заковылял обратно в коттедж, горько зарыдав.

По моим щекам тоже текли слёзы.

Наконец, Хейворд вышел. Я стоял рядом с ним, когда он бросал *пилюли времени* в море. Больше он никогда не вернётся в прошлое. Он будет отныне жить в настоящем и немного в будущем — что наиболее естественно для человека.

Перевод: А. Черепанов

Генри Каттнер

Колокола ужаса

Henry Kuttner «The Bells of Horror», 1939

Странный случай с потерянными колоколами Христианской Миссии Сан-Хавьер вызвал у общественности огромное любопытство. Колокола оставались скрытыми на протяжении ста пятидесяти лет, и многие задавались вопросом: почему, когда они были обнаружены, их почти сразу же разбили и тайно закопали осколки? Поскольку существовали легенды о примечательном звуке и качестве изготовления этих колоколов несколько музыкантов написали гневные письма, вопрошая: почему, по крайней мере, перед их уничтожением никто не позвонил в них и не сделал запись их звучания?

На самом деле, колокола звенели, и катастрофическое событие, которое произошло в то время, было прямой причиной их уничтожения. И когда эти зловещие колокола пронзили своим сумасшедшим призывом беспрецедентную черноту, окутавшую Сан-Хавьер, только быстрое действие одного человека спасло мир — да, я, не колеблясь, скажу это — от хаоса и гибели.

Будучи секретарем Калифорнийского Исто-

рического Общества, я стал свидетелем всех событий почти с самого начала. Конечно, меня не было, когда колокола были обнаружены, но Артур Тодд, президент Общества, позвонил мне домой в Лос-Анджелес вскоре после этого злополучного открытия.

Он был слишком возбуждён, чтобы говорить внятно. — Мы их нашли! — продолжал он кричать. — Колокола, Росс! Нашли их вчера вечером, на Пиносском хребте. Это самое замечательное открытие со времён… со времён Розеттского камня!

— О чём ты говоришь? — спросил я, пытаясь выбраться из тумана сонливости. Звонок вытащил меня из тёплой постели.

— Колокола Сан-Хавьера, конечно, — радостно объяснил Тодд. — Я видел их своими глазами. Там, где Хуниперо Серра закопал их в 1775 году. Турист нашёл пещеру в Пиносе и обследовал её — и в дальнем конце её был гниющий деревянный крест с вырезанными на нём надписями. Я принёс…

— Что было вырезано на кресте? — перебил я Тодда.

— А? О, подожди минуту, он здесь, у меня. Слушай: «Пусть никто не подвешивает злые ко-

локола мутсунов, что погребены здесь, дабы ужас ночи вновь не восстал над Новой Калифорнией». Мутсуны, как ты знаешь, возможно, приложили руки к литью этих колоколов.

— Знаю, — ответил я в трубку. — Их шаманы должны были наложить на колокола магическое заклятье.

— Я…. я думаю над этим, — сказал Тодд. — Здесь происходили очень необычные вещи. У меня есть только два колокола из пещеры. Как ты знаешь, существует ещё один, но мексиканцы больше не пойдут в пещеру. Говорят… ну, они чего-то боятся. Но я достану этот колокол, даже если мне придётся копать самому.

— Хочешь, чтобы я приехал? — спросил я.

— Если пожелаешь, — нетерпеливо ответил Тодд. — Я звоню из хижины в Каньоне Койота. Я оставил Дентона — своего помощника — заместителем. Есть идея: я отправлю местного мальчишку в Сан-Хавьер, чтобы он провёл тебя в пещеру.

— Хорошо, — согласился я. — Отправь его в гостиницу Хавьер. Я буду там через несколько часов.

* * *

Сан-Хавьер находится примерно в ста милях от Лос-Анджелеса. Я мчался вдоль побережья и в течение двух часов добрался до маленького городка Миссии, окруженного Пиносским хребтом. Городок пребывал в сонном состоянии на берегу Тихого океана. Я нашёл своего проводника в гостинице, но он, что странно, не хотел возвращаться в лагерь Тодда.

— Я могу сказать вам, как идти, сеньор. Вы не заблудитесь. — Смуглое лицо мальчишки было неестественно бледным даже под сильным загаром, и в его карих глазах скрывалось беспокойство. — Я не хочу возвращаться.

Я позвенел монетами. — Всё не так плохо, как кажется, верно? — спросил я. — Боишься темноты?

Мальчишка вздрогнул. — Да, тьма… очень темно в той пещере, сеньор.

В результате мне пришлось идти одному под открытым небом, доверяя его указаниям и своему умению ориентироваться в горах.

Уже забрезжил рассвет, когда я начал свой путь через каньон, но это был странный и тёмный рассвет. В небе не было облаков, но царил удиви-

тельный мрак. Я видел такие тёмные дни, когда случались пылевые бури, но сейчас воздух был достаточно чист. И было очень холодно, хотя со своей высоты я видел, что над Тихим океаном нет тумана.

Я продолжил взбираться на хребет. Вскоре я обнаружил себя пробирающимся через мрачные, холодные впадины Каньона Койота. Меня трясло от холода. Небо было тусклого, свинцового цвета, и мне стало тяжело дышать. Даже будучи в хорошей физической форме, я сильно устал.

Но я устал не физически — это была довольно болезненная, угнетающая вялость ума. Мои глаза слезились, и я время от времени зажмуривался, чтобы снять напряжение. Мне хотелось, чтобы солнце взошло над вершиной горы.

Затем я увидел нечто экстраординарное и ужасное. Это была жаба — серая, жирная, уродливая. Она присела возле скалы рядом с тропой и тёрлась о грубый камень. Один её глаз был повёрнут ко мне, или точнее, ко мне было обращено место, где должен был быть глаз. Глаза не было, только маленькая слизистая впадинка.

Жаба двигала своё неуклюжее тело вперёд-назад, двигая своей головой как пилой по камню. Она продолжала издавать резкие короткие хри-

пы боли и через мгновение оторвалась от камня и протащила себя через тропу перед моими ногами.

Я стоял, глядя на камень, и меня тошнило. Серая поверхность скалы была покрыта беловатыми зловонными полосками и измельченными кусочками жабьего глаза. Очевидно, жаба сознательно шлифовала свои выпученные глаза об камень.

Она скрылась из виду под кустом, оставив на пыльной тропе след слизи. Я невольно закрыл глаза и потёр их — и внезапно отдёрнул руки, испуганный грубостью, с которой мои кулаки копались в глазницах. Боль пронзила мои виски. Вспоминая зуд и жжение в глазах, я слегка вздрогнул. Разве не такое же мучение заставило жабу сознательно ослепить себя? Боже мой!

* * *

Я побежал по тропе. Вскоре я добрался до хижины — вероятно, той, из которой звонил Тодд, так как с крыши к высокой сосне тянулся провод. Я постучал в дверь. Ответа не было, и я продолжил восхождение в горы.

Внезапно раздался мучительный крик, пронзительный и душераздирающий, и быстрое шлёпанье ног. Я остановился, прислушиваясь.

Кто-то бежал вниз по тропе навстречу мне, а позади него я мог слышать, как бегут и кричат другие. Из-за скалы на тропе появился человек.

Это был мексиканец, и его почерневшее лицо выражало ужас и агонию. Его рот был квадратным от мучений, и безумные крики вырывались из его горла. Но не это заставило меня отскочить с его пути, и не от этого всё моё тело покрылось потом.

Его глаза были выколоты, и из чёрных зияющих впадин по лицу капала кровь.

Раз это случилось, мне не следовало останавливать неистовое бегство ослеплённого человека. На изгибе тропы он со страшной силой ударился об дерево и на мгновение встал прямо напротив ствола. Затем он очень медленно опустился и упал в обморок. На грубой коре дерева осталось большое пятно крови. Я быстро подошёл к нему.

Четверо мужчин бежало в мою сторону. Я узнал Артура Тодда и Дентона, его помощника. Двое других были, очевидно, рабочими. Тодд резко остановился.

— Росс! О боже, он мёртв?

Тодд быстро наклонился, чтобы осмотреть мексиканца, лежащего без сознания. Дентон и я смотрели друг на друга. Дентон был высоким

мужчиной крепкого телосложения, с копной чёрных волос и широким ртом, который, как правило, растягивался в ухмылке. Теперь его лицо выражало ужас и недоверие.

— Боже, Росс, он сделал это прямо на наших глазах, — сказал Дентон, двигая побледневшими губами. — Он просто издал крик, вскинул руки и вырвал свои глаза из глазниц. — При этом воспоминании Дентон зажмурился.

Тодд медленно поднялся. В отличие от Дентона, он был маленьким, жилистым, нервным, энергичным человеком с худощавым коричневым лицом и удивительно тревожным взглядом. — Мёртв, — сказал он.

— Что произошло? — спросил я, пытаясь унять дрожь в голосе. — Что случилось, Тодд? Этот человек был сумасшедшим?

И всё это время у меня в памяти стояла картина толстой жабы, которая тёрла свои глаза об камень.

Тодд покачал головой, нахмурив брови. — Я не знаю. Росс, твои глаза ощущают… странное?

Меня охватила дрожь. — Чертовски странное. Жжение и зуд. Я постоянно тёр их, пока поднимался в горы.

— Как и все люди здесь, — сказал мне Ден-

тон. — И мы тоже. Видишь? — Он указал на свои глаза, и я увидел, что они были покрасневшими и воспалёнными.

Двое рабочих, мексиканцев, подошли к нам. Один из них сказал что-то по-испански. Тодд что-то грубо рявкнул, и они отступили, колеблясь.

Затем без дальнейших разговоров они побежали вниз по тропе. Дентон двинулся вперёд со злобным криком, но Тодд схватил его за руку. — Бесполезно, — быстро сказал он. — Нам придётся вытащить колокола самостоятельно.

— Вы нашли последний? — спросил я, когда Тодд повернулся обратно к тропе.

— Мы нашли их — все три, — мрачно ответил Тодд. — Последний мы сами выкопали с Дентоном. И нашли также и это.

* * *

Он вытащил из кармана зеленоватую металлическую трубку, покрытую грязью, и протянул её мне. Внутри неё находился лист пергамента в удивительно хорошем состоянии. Меня озадачил архаичный испанский почерк.

— Позволь мне, — сказал Тодд, осторожно взяв манускрипт. Он со знанием дела перевёл текст.

«Двадцать первого июня, благодаря Божьей

милости, нападение язычников мутсунов было отбито. Три колокола, отлитые месяц назад, были погребены в этой тайной пещере, а вход запечатан…». Но, очевидно, недавний оползень вновь открыл вход в пещеру, — пояснил Тодд, на секунду оторвавшись от чтения.

— «Поскольку индейцы практикуют чёрную магию, то, когда мы подвесили колокола и стали звонить в них, злой демон, которого мутсуны называют Зу-че-куон, был вызван из своего жилища под горами и наслал на нас чёрную ночь и холодную смерть. Большой крест был сброшен, и многие люди стали одержимы злым демоном, так что немногие из нас, кто ещё сохранил рассудок, объединились для того, чтобы преодолеть нападение одержимых дьяволом и снять колокола.

После этого мы возблагодарили Бога за наше спасение и оказали помощь тем, кто был ранен в бою. Души погибших были отданы Богу, и мы молились, чтобы Святой Антонио скорей снизошёл к нам, дабы освободить нас из этого жестокого уединения. Я поручаю тому, кто найдёт эти колокола, если Богу не угодно позволить мне исполнить этот долг, отправить их в Рим, во имя нашего короля-повелителя. Да хранит его Бог».

Тодд сделал паузу и осторожно вложил перга-

мент в трубку. — Это написал Хуниперо Серра, — тихо сказал он.

— Господи, какая находка! — ликовал я. — Но… конечно, ты не думаешь, что есть что-нибудь…

— Кто сказал, что думаю? — огрызнулся Тодд голосом, который выдавал его нервное напряжение. — Есть несколько логичных объяснений: суеверие и самовнушение — это плохое сочетание. Я…

— Где Сарто? — спросил Дентон с нотой опасения в голосе. Мы стояли на краю небольшой площадки, голой и скалистой.

— Сарто? — спросил я.

— У него есть хижина вниз по тропе, — объяснил Тодд. — Ты должен был пройти мимо неё. Я оставил его здесь с колоколами, когда у Хосе случился приступ.

— Не будет ли лучше, если мы доставим тело Хосе в город? — спросил я.

Тодд нахмурился. — Не думай, что я жестокий, — сказал он. — Но эти колокола… я не могу оставить их здесь. Несчастный умер. Мы не можем помочь ему, и для доставки колоколов в город понадобятся все три пары наших рук. Жаль, что у бедного парня не было чувства ориентации как у Дентона, — закончил свою речь Тодд с

мрачной улыбкой. — Тогда бы он не столкнулся с деревом.

Тодд был прав. Я верю, что Дентон может пройти весь путь по тропе с завязанными глазами после того, как всего один раз поднялся по ней в горы. У него замечательная память и чувство ориентации, как у тех индейцев, которые могли безошибочно найти дорогу к своим вигвамам через сотни миль пустоши. Позднее этот дар Дентона будет иметь жизненно важное значение, но в тот момент у меня не было этого предчувствия.

Мы поднялись на скалистый горный склон выше площадки и вышли на небольшую поляну среди сосен. Рядом находилась зияющая пустота в земле — вокруг неё были признаки недавнего оползня.

— Где он, чёрт побери! — воскликнул Тодд, глядя по сторонам. — Как?..

— Он ушёл, — сказал Дентон с изумлением. — И унёс колокола с собой…

Потом мы услышали это — слабую, гулкую музыкальную ноту, звук колокола, ударяющегося об дерево. Он доносился сверху, и, взглянув на склон, мы увидели странную картину. Изможднённый бородатый мужчина с пылающей соломой рыжих волос, дёргал за верёвку, переброшенную через

сосновую ветвь. На другом конце верёвки…

Медленно они поднимались, вырисовывались на фоне неба, — потерянные колокола Сан-Хавьера. Изящно искривлённые, они светились бронзой даже под краской и ржавыми пятнами, — и колокола не издавали звуков, потому что у них не было языков. Один или два раза они ударились о ствол сосны и выдали гулкую, скорбную ноту. Как человек мог поднять такой тяжёлый вес, было необъяснимо; я видел, как напрягаются мускулы и сухожилия на его руках. Его глаза были выпучены, а зубы стискивались в ухмыляющемся рту.

— Сарто! — вскричал Дентон, начав карабкаться по склону. — Что ты делаешь?

* * *

Вздрогнув, мужчина тряхнул головой и уставился на нас. Верёвка выскользнула из его пальцев, и мы увидели, как колокола стали опускаться вниз. С ужасным усилием мужчина схватил верёвку и на мгновение остановил их спуск, но напряжение вывело его из равновесия. Он пошатнулся и грохнулся на склон, а из-за его спины, обгоняя мужчину, катились и подпрыгивали колокола, издавая вибрацию и гул, когда

они сталкивались с камнями.

— Боже! — прошептал Тодд. — Сумасшедший болван!

Я услышал отвратительный хруст и увидел, как один из колоколов упал на Сарто.

На склоне возник вихрь из пыли и сланца. Дентон отчаянно отпрыгнул в сторону. Сквозь пыль я увидел, как один из колоколов врезался в скользящее тело Сарто, а затем я споткнулся, яростно протирая глаза, ослеплённые летящими частицами грязи. Гром и рёв медленно стихали, пока я цеплялся за дерево. Моргая, я осмотрелся.

Один из колоколов был почти у моих ног. На нём виднелось большое малиновое пятно. Я увидел также тело Сарто, его вдавило в кусты выше по склону.

А в нескольких футах ниже тела, вертикально поддерживаемая зазубренным камнем, находилась разбитая окровавленная голова Сарто!

Так закончился первый акт драмы, свидетелем которой мне пришлось стать.

Через две недели колокола должны были установить в колокольне. Возник некоторый ажиотаж среди газетчиков, но ещё больший — среди историков. Различные исторические общества со всего мира планировали туры па-

ломников в Сан-Хавьер.

В холодном дневном свете логики, за пределами жуткой атмосферы в горах Пинос, необычные события во время раскопок колоколов объяснялись легко. Заразный тип яда, возможно, аналогичный ядовитому дубу или каким-то грибам, скрытым в пещере с реликвиями, был повинен в раздражении наших глаз и безумии Сарто и мексиканца. Ни Дентон, ни Тодд, ни я не отрицали этого объяснения, но мы подробно обсудили этот вопрос между собой.

Дентон добрался до Библиотеки Хантингтона, чтобы посмотреть запрещённый перевод «Книги Иода», Иоганна Негуса — этого мерзкого и чудовищного сборника древних эзотерических формул, о котором всё еще ходят странные легенды. Говорят, что существует только одна копия оригинальной книги, написанная на дочеловеческом Древнем Языке. Конечно, немногие знают о вычеркнутом из истории переводе Иоганна Негуса, но до Дентона дошли смутные слухи о пассаже в книге, который, как он объявил, может быть связан с легендами колоколов Сан-Хавьера.

Когда Дентон вернулся из Лос-Анджелеса, он привёз лист писчей бумаги, исписанный его отвратительным почерком. Пассаж, который он

скопировал из «Книги Иода», был таким:

«Тёмный Безмолвный живёт глубоко под землёй на берегу Западного океана. Ни один из тех могущественных Древних из скрытых миров и с других звёзд не является Им, так как Он всегда обитал в скрытой тьме земли. Нет имени Ему, ибо Он — конечная гибель и бессмертная пустота, и тишина Древней Ночи.

Когда Земля станет мёртвой и безжизненной, а звёзды перейдут в темноту, Он воскреснет и распространит Своё владычество над всеми. Ибо Он не имеет ничего общего с жизнью и солнечным светом, но любит черноту и вечную тишину бездны. Тем не менее, Его можно призвать на земную поверхность раньше времени, а краснокожие, живущие на берегу Западного океана, имеют силу сделать это с помощью древних заклинаний и некоторых глубоких звучных тонов, которые доходят до Его обители, находящейся далеко внизу.

Но в таком призыве есть большая опасность, ибо Он может распространить смерть и ночь раньше Своего времени. Ибо Он приносит тьму в день и черноту в свет; вся жизнь, все звуки, всё движение уйдут при Его появлении. Иногда Он приходит во время затмения, и, хотя у Него нет

имени, краснокожие знают Его как Зушакона».

— В этом месте удалена часть текста, — сказал Дентон, когда я оторвал глаза от его листка с записями. — Как ты знаешь, книгу вычеркнули из истории.

— Это очень странно, — прокомментировал Тодд, поднимая бумагу и глядя на неё. — Но, конечно, это просто совпадение. Поскольку фольклор основан на явлениях природы, всегда можно найти параллели с современностью. Громовые стрелы Юпитера и Аполлона — это просто молния и солнечный удар.

— Никогда сияющее солнце не коснётся своими лучами тех, кто внизу, — тихо сказал Дентон. — Но смертельная ночь накроет сих несчастных людей. Помните визит Одиссея в Страну Мёртвых?

Тодд скривил губы. — Ну и что из этого? Я не жду, что Плутон выйдет из Тартара, когда установят колокола. Это ты ждёшь! Сейчас двадцатый век, таких вещей не бывает; на самом деле их никогда и не было.

— Ты уверен? — спросил Дентон. — Конечно, ты не претендуешь на веру в то, что холодная погода у нас сейчас — это нормально.

Я быстро поднял глаза. Мне было интересно

— когда кто-нибудь упомянет о ненормальном холоде в воздухе?

— И раньше было холодно, — заявил Тодд с отчаянной уверенностью. — И пасмурно тоже. То, что у нас какая-то душная погода, не является основанием для того, чтобы вы позволили своему воображению одержать верх. Это… Боже мой!

Нас стало бросать по комнате из стороны в сторону. — Землетрясение! — ахнул Дентон, и мы направились к двери. Мы не побежали по лестнице, а остались прямо под притолокой дверного проёма. Во время землетрясения это самое безопасное место в любом здании, учитывая характер и прочность его конструкции.

Но толчков больше не было. Дентон вернулся в комнату и поспешил к окну.

— Слушайте, — позвал он нас, затаив дыхание. — Они вешают колокола.

Мы последовали за Дентоном к окну. Из него можно было видеть Миссию Сан-Хавьер в двух кварталах отсюда. В арках колокольни человеческие фигуры суетились над тремя колоколами.

— Говорят, что, когда отливали эти колокола, индейцы бросали тело живой девушки в кипящий металл, — сообщил Дентон как бы между делом.

— Я знаю, — мрачно ответил Тодд. — И шаманы наложили на колокол свои магические заклятия. Не будь дураком!

— Почему бы некоей своеобразной вибрации, подобной звуку колокола, не создать каких-то необычных условий? — горячо спросил Дентон, и мне показалось, что в его голосе присутствует страх. — Мы не знаем о жизни всего, что нужно знать, Тодд. Это может иметь странные формы… или даже…

Дзын-н-нь!

Прозвучала громкая, зловещая мелодия колокола. Она была странно глубокой, вызывающей дрожь в моих барабанных перепонках и передающей по моим нервам жуткую вибрацию. Дентон перевёл дыхание.

Дзын-н-нь!

Более глубокая нота — и пульсация вызвала странную боль в моей голове. Какая-то настойчивая, призывающая!

Дзын-н-нь… дзын-н-нь… грохот, фантастическая музыка, подобная той, что может вырываться из горла бога или из тайников души тёмного ангела Исрафила…

Становилось ли темнее? Наползала ли тень на Сан-Хавьер? Стал ли Тихий океан потемневшим,

из сверкающего синего превратившись в свинцово-серый, а затем в холодный и чёрный?

Дзын-н-нь!

Затем я ощутил это — предостерегающую дрожь пола под своими ногами. Стекло загремело в оконной раме. Я чувствовал, как комната тошнотворно раскачивается, наклоняется и падает, а горизонт колеблется — медленно, безумно, вперёд и назад. Я услышал грохот внизу; застеклённая фотография сорвалась со стены и разбилась на полу.

Дентон, Тодд и я качались и как пьяные ковыляли к двери. Каким-то образом я почувствовал, что здание больше не простоит. Казалось, становится темнее. Комната наполнилась мрачным туманом. Кто-то пронзительно кричал. Окно треснуло и выпало. Я увидел, как из стены вырывается пыль, и как отвалилась часть штукатурки.

И вдруг я ослеп!

Сбоку от меня Дентон резко закричал, и я почувствовал, как кто-то сжал мою руку. — Это ты, Росс? — услышал я вопрос Тодда. Он говорил своим спокойным голосом, точно таким же, как всегда. — Это темнота?

— Именно она, — ответил Дентон откуда-то из мрака. — Стало быть, я не ослеп! Ты где? Где

дверь?

Резкий наклон здания разорвал хватку Тодда на моей руке, и меня отбросило к стене. — Здесь, — крикнул я сквозь грохот и рёв. — Следуй за моим голосом.

Через мгновение я почувствовал, как кто-то нащупывает моё плечо. Это был Дентон, и вскоре Тодд присоединился к нему.

— Боже! Что случилось? — выдохнул я.

— Эти проклятые колокола, — крикнул мне в ухо Дентон. — «Книга Иода», была права. Он приносит тьму… днём…

— Ты сумасшедший! — резко закричал Тодд. Но словно подчёркивая его слова сквозь тьму раздался безумный, яростный колокольный звон, режущий слух.

— Зачем они продолжают звонить в них? — спросил Дентон и сам ответил на свой вопрос, — землетрясение делает это, землетрясение вызывает звон колоколов!

Дзын-н-нь! Дзын-н-нь!

Что-то ударило меня в щеку, и, подняв руку, я почувствовал тепло липкой крови. Где-то снова упала штукатурка. Тем не менее, толчки землетрясений продолжались. Дентон что-то кричал, но я не мог разобрать слов.

— Что? — одновременно с Тоддом крикнули мы ему в ответ.

— Колокола! Мы должны остановить их! Они вызывают эту темноту, возможно, и землетрясение тоже. Эта вибрация… разве вы не чувствуете? Что-то в вибрации этих колоколов заглушает световые волны солнца. Вибрации света, понимаете? Если мы сможем их остановить…

— Это будет бесполезным делом, — воскликнул Тодд. — Ты говоришь глупости…

— Тогда оставайся здесь. Я найду дорогу… ты идёшь, Росс?

Секунду я не мог ответить. Все чудовищные ссылки, собранные во время нашего исследования потерянных колоколов, вновь наводнили мой разум: древний бог Зу-че-куон, о котором мутсуны говорили, что он обладает силой призывания «некоторых глубоко тональных звуков», — «Он приходит иногда во время затмения», «Вся жизнь уходит в Его присутствии», «И всё же Он может быть призван на поверхность земли раньше Своего времени»…

— Я с тобой, Дентон, — ответил я.

— Тогда, чёрт возьми, я тоже! — огрызнулся Тодд. — Я увижу конец этого. Если есть что-нибудь…

Он не закончил, но я почувствовал, как руки ощупывают меня. — Я поведу, — сказал нам Дентон. — Теперь успокойтесь.

Я задавался вопросом, как Дентон смог найти дорогу в этом всеохватывающем покрове быстро сгущающейся черноты. Затем я вспомнил его сверхъестественную память и чувство направления. Никакой домашний голубь не смог бы найти более прямой путь к месту назначения, чем он.

Это была сумасшедшая одиссея через чёрный ад грохочущих руин! За нашими спинами летали предметы, невидимые стены и дымоходы падали и разбивались где-то рядом. Испуганные, истеричные мужчины и женщины натыкались на нас в темноте и кричали, тщетно пытаясь убежать из этой стигийской смертельной ловушки.

И было холодно, холодно! Ледяной холод распространился в воздухе; я испытывал боль в онемевших ушах и пальцах. Морозный воздух словно ножом резал моё горло и лёгкие, когда я болезненно вдыхал его. Я слышал, как Дентон и Тодд хрипят и издают проклятия, спотыкаясь рядом со мной.

Никогда мне не понять, как Дентон нашёл путь сквозь этот хаотический вихрь.

— Здесь! — крикнул Дентон. — Миссия!

Каким-то образом мы поднялись по ступенькам. Как здание Миссии сумело противостоять измельчающему всё в пыль землетрясению, я не знаю. Скорее всего его спасла странная регулярность подземных толчков — землетрясения были скорее ритмичным, медленным качанием земли, чем обычными резкими свирепыми встрясками.

Откуда-то вблизи доносилось тихое пение, не соответствующее безумию вокруг нас.

«Отец, Сын и Святой Дух».

Францисканцы молились. Но какой толк был в их молитвах, когда колокола в башне издавали свои богохульные призывы? К счастью, мы часто бывали в Миссии, и Дентон знал путь к башне.

Я не буду задерживать повествование на этом невероятном подъёме вверх по лестнице на колокольню, хотя каждый момент нам грозила опасность упасть и разбиться насмерть. Но, наконец, мы добрались до верхнего этажа, где среди черноты колокола пронзительно гремели почти нам в уши. Дентон отпустил мою руку и крикнул что-то, чего я не смог разобрать. В голове была агония боли, и моё тело ныло от холода. Я почувствовал непреодолимый импульс погрузиться в чёрное забвение и покинуть этот адский хаос. Мои глаза стали горячими, горящими, в них

возникла острая боль….

На мгновение я подумал, что поднял руки бессознательно, чтобы протереть свои глаза. Затем я почувствовал, как две руки сжались на моём горле, и как злобные пальцы жестоко вдавливаются в мои глазницы. Я взвизгнул от ослепительной агонии.

Дзын-н-нь… дзын-н-нь!

Я отчаянно сражался в темноте, боролся не только с неизвестным противником, но и сопротивлялся безумному, извращённому побуждению позволить ему вырвать мои глаза! Голос в моей голове, казалось, шептал: — Зачем тебе глаза? Тьма лучше — свет приносит боль! Тьма лучше.

Но я сражался, яростно, молча катаясь по шатающемуся полу колокольни, прижимаясь к стенам, отрывая эти шершавые пальцы от своих глаз только для того, чтобы почувствовать, как они снова возвращаются. И по-прежнему этот ужасный настойчивый шёпот в моей голове, который становился всё интенсивней: — Тебе не нужны глаза! Вечная тьма лучше всего…

Я осознал другую мелодию в звоне колоколов. Что это было? Теперь звучало всего две ноты — один из колоколов был заглушен. Каким-то образом холод стал не таким угнетающим. И…

неужели сероватое сияние начало проникать в черноту?

Определённо, подземные толчки стали менее жестокими, и, когда я напрягся, чтобы оторваться от своего тёмного противника, я почувствовал, что мучительные удары убывают, смягчаются, совсем затихают. Резкий звон двух колоколов прекратился.

Мой противник внезапно вздрогнул и застыл. Я откатился в сторону и вскочил в сером тумане, готовый к возобновлению атаки. Но враг не нападал.

Очень медленно, очень постепенно темнота над Сан-Хавьером рассеялась.

Сперва серость превратилась в жемчужный, опаловый рассвет; затем появились желтоватые пальцы солнечного света и, наконец, горячее пламя летнего дня! С колокольни я мог видеть улицу внизу, где мужчины и женщины недоверчиво смотрели на голубое небо. У моих ног лежал язык одного из колоколов.

Дентон качался как пьяный, его побелевшее лицо было забрызгано кровью, а одежда была разорвана и испачкана в пыли. — Оно сделало это, — прошептал он. — Только одна комбинация звуков могла призвать… Тварь. Когда я заглушил

один колокол…

Дентон замолчал, уставившись вниз. У наших ног лежал Тодд, его одежда растрепалась, лицо было исцарапано и кровоточило. Пока мы смотрели, он с трудом поднялся на ноги, и чудовищный ужас отразился в его глазах. Невольно я отступил назад, подняв руки для защиты.

* * *

Тодд вздрогнул. — Росс, — прошептал он сквозь бледные губы. — Боже мой, Росс, я… я не мог ничего поделать! Я не мог ничего с этим поделать, говорю тебе! Что-то продолжало говорить мне, чтобы я вырвал твои глаза… и Дентона тоже… а затем вырвать свои собственные! Голос…. в моей голове…

И внезапно я всё понял, вспомнив тот ужасный шёпот, когда бился с бедным Тоддом. Этот болезнетворный ужас — тот, кого «Книга Иода», называла Зушакон, и которого мутсуны знали как Зу-че-куона, — посылал своё злое мощное повеление в наши мозги — приказ ослепить себя. И мы почти повиновались этому ужасному безгласному повелению!

Но теперь всё было в порядке. Впрочем, так ли это?

Я надеялся навсегда запечатать воспоминания об этом ужасном событии в дальнем уголке своей памяти, потому что лучше не погружаться слишком глубоко в такие вещи. И, несмотря на бурю враждебной критики и любопытства, вызванных тем, что на следующий день мы разбили колокола вдребезги с разрешения отца Бернарда из Миссии, я твёрдо решил никогда не раскрывать правду об этом деле.

Надеюсь, что только трое людей — Дентон, Тодд и я — смогут сохранить ключ к этому ужасу, и что он умрёт вместе с нами. Но произошло нечто, что заставило меня нарушить своё молчание и поставить мир перед страшным фактом. Дентон согласен со мной в том, что, возможно, таким образом, мистики и оккультисты, которые разбираются в таких вещах, получат возможность более эффективно использовать свои знания, если то, чего мы боимся, когда-либо произойдёт.

Через два месяца после того события в Сан-Хавьере произошло солнечное затмение. В то время я был у себя дома в Лос-Анджелесе, Дентон находился в штаб-квартире Исторического общества в Сан-Франциско, а Артур Тодд занимал свою квартиру в Голливуде.

Затмение началось в 2:17 пополуночи, и в тече-

ние нескольких мгновений с начала затемнения меня охватило странное чувство. В моих глазах проявился ужасно знакомый зуд, и я начал отчаянно тереть их. Затем, придя в себя, я отдёрнул руки и поспешно сунул их в карманы. Но ощущение жжения продолжалось.

Зазвонил телефон. Благодарный за возможность отвлечься, я поспешил к нему. Звонил Тодд.

Он не дал мне возможности говорить. — Росс! Росс… он вернулся! — кричал Тодд в трубку. — С тех пор, как началось затмение, я сражаюсь с ним. Ты знаешь, что его сила была больше моей. Он хочет, чтобы я…. помоги мне, Росс! Я не могу сдержать… — Вдруг Тодд умолк!

— Тодд! — взывал я. — Подожди… продержись всего несколько мгновений! Я уже еду!

Ответа не было. Пару мгновений я стоял в нерешительности, потом повесил трубку и побежал к своей машине. До квартиры Тодда можно было доехать за двадцать минут, но я покрыл это расстояние за семь. Фары моей машины сияли сквозь мрак затмения, и в голове крутились ужасные мысли. Полицейский на мотоцикле догнал меня, когда я достиг места назначения, но несколько поспешных слов привели его в жилой дом вместе

со мной. Дверь квартиры Тодда была заперта. После нескольких безрезультатных окриков мы взломали её. Электрические лампы ярко сияли…

Какие космические мерзости могут быть вызваны к чудовищной жизни вековыми заклинаниями и звуками — это вопрос, о котором я не смею размышлять, ибо у меня есть ужасное ощущение, что когда звенели колокола Сан-Хавьера, пришла в действие неземная и страшная цепь последствий; и я также верю, что звон этих дьявольских колоколов произвёл больший эффект, чем мы тогда думали.

Древнее зло, когда оно пробуждается к жизни, не может так же легко вернуться в своё спящее состояние, и я ощущаю странный ужас от того, что может произойти при следующем затмении солнца. Каким-то образом слова адской «Книги Иода», продолжают приходить мне на ум: «Но Его можно призвать на поверхность земли раньше Его времени», «Он приносит тьму», «Вся жизнь, все звуки, всё движение уходит при Его появлении»… и, что хуже всего, эта ужасная многозначительная фраза: «Иногда Он приходит во время затмения».

Я не знаю, что тогда произошло в квартире Тодда. Телефонная трубка свисала со стены, а рядом

с распростёртым телом моего друга лежал пистолет. Но не алое пятно на левой стороне его халата приковало к себе мой испуганный взгляд, а дыры, пустые глазницы на искажённом лице, которые невидяще уставились вверх… и покрытые алой кровью окоченевшие пальцы Артура Тодда!

Перевод: А. Черепанов

Генри Каттнер
Лягушка

Henry Kuttner «The Frog», 1939. Рассказ в жанре «Лавкрафтовский хоррор», но не «Мифы Ктулху», (так решили эксперты с сайта «Лаборатория фантастики»).

Предисловие Роберта М. Прайса

Каттнер сочинил этот рассказ задолго до того, как он был опубликован. Тремя годами ранее Лавкрафт написал ему:

«Ваше упоминание о „Лягушке“ сильно заинтересовало меня, так как она похожа на мой любимый жанр рассказов. Если (редактор „Weird Tales“ Фарнсворт) Райт отвергнет „Лягушку“,

я верю, что вы позволите мне посмотреть на рукопись, так как я не хочу пропустить такую вещь! Атмосфера преследования во сне безусловно идеально подходит для этого». (18 Мая, 1936).

Райт, должно быть, отверг «Лягушку», как и предсказывал ГФЛ, и это произошло за три года до того, как рассказ появился на страницах журнала, конкурирующего с «Weird Tales». Возможно, что Райт счёл «Лягушку», слишком похожей на «Ужас в Салеме»; если так, то он был прав.

Обратите внимание, что здесь Каттнер вводит своё собственное жуткое место действия — Монкс Холлоу[110], название, вызывающее воспоминания о тайных ночных ритуалах, практикуемых монахами-вероотступниками и дьяволопоклонниками. Таких монахов мы ассоциируем с «Эксхэм Праэри», Лавкрафта («Крысы в стенах») и братством в рассказе «Пир в аббатстве», Роберта Блоха[111].

Первая публикация: «Strange Stories», Февраль, 1939.

---

[110] Примечания: 110

Monk's Hollow — Пещера, Лощина или Долина Монаха.

[111] Примечания: 111

Этот рассказ Роберта Блоха только в 2018 году перевели на русский язык, он издан в антологии «Weird Tales», книге тиражом всего 50 экземпляров.

* * *

Норман Хартли мало что знал про тёмные легенды, повествующие о Монкс Холлоу, а беспокоился о них ещё меньше. Скрытая в уединённой долине посреди восточных холмов, древняя деревня[112] пребывала в сонливом состоянии на протяжении многих поколений, а причудливый и неприятно жуткий фольклор возник из историй, которые старики шептали о тех днях, когда ведьмы совершали отвратительное колдовство в гниющем Северном Болоте, районе, которого всё ещё избегали местные жители.

Старожилы говорили, что когда-то давно в этом застойном болоте обитали чудовищные твари, и у индейцев были все основания называть его Запретным Местом. Времена ведьм прошли, их ужасные книги были преданы огню, а их странные приспособления — уничтожены.

Но тёмные знания тайно передавались через поколения, и всё ещё были те, кто мог вспомнить

---

[112] Примечания: 112

Каттнер называет Монкс Холлоу то «town», — город, посёлок, то «village», — деревня, село, городок. Монкс Холлоу служит местом действия и в рассказе «Охота», но там слова «town», не встречается, так что я и здесь использую слово «деревня», во всех случаях, что ближе к сюжету.

ночь, когда, услышав мучительные вопли, люди ворвались в старый дом полоумной Бетси Кодман и обнаружили, что её дрожащее тело свисает в ведьминой колыбели[113].

Тем не менее, Норман Хартли видел в Монкс Холлоу только тихую, уединённую, маленькую деревню, где он мог найти неприкосновенность частной жизни, что было невозможно в Нью-Йорке. Общительные друзья постоянно врывались в его мастерскую, и вместо того, чтобы работать над своими холстами, Хартли оказывался в ночных клубах.

Всё это мешало его работе. Хартли арендовал древний дом с мансардной крышей, в двух милях от деревни. Он чувствовал, что здесь можно вернуть себе вдохновение, которое сделало знаменитыми его картины.

* * *

Но Ведьмин Камень беспокоил его.

Это был грубо обточенный блок из серого камня, около трёх футов в высоту и площадью два

---

[113] Примечания: 113

«Ведьмина колыбель», — подвесная конструкция для вхождения в изменённое состояние сознания.

квадратных фута[114], который стоял в цветочном саду позади дома. Артистичная натура Хартли возмущалась каждый раз, когда он видел из окна этот камень.

Добсон, смотритель дома, пытался с помощью цветов скрыть камень из виду; он насадил вокруг него ползучие растения, но земля была, по-видимому, бесплодной. Имелся небольшой участок голой коричневой почвы вокруг Ведьминого Камня, где ничего не росло — даже сорняки.

Добсон, который был суеверным дураком, сказал, что это из-за Персис Уинторп.

Независимо от того, лежала ли Персис Уинтроп захороненной под камнем или нет, факт оставался фактом — этот каменный блок выглядел как бельмо в глазу. Случайный взгляд на жизнерадостные цветы в саду неумолимо притягивался к маленькой бесплодной поляне, на которой стоял камень. Хартли, для которого красота была почти религией, замечал, что испытывает раздражение, когда его взгляд останавливается на этом сером блоке. Наконец, он велел Добсону переместить камень в другое место. Старый смотритель, смуглое лицо которого, кажется, сморщилось от мрачного

---

[114] Примечания: 114
Один фут равен 30,48 см.

предчувствия, шаркнул своей деревянной ногой по полу и стал возражать.

— Камень не наносит никакого вреда, — заявил он, отводя от Хартли свои водянистые голубые глаза. — Кроме того, это в своём роде ориентир.

— Послушайте, — сказал Хартли, раздражаясь без причины. — Если я арендовал этот дом, у меня есть право переместить этот камень в сторону, если он мне не нравится. А мне он не нравится — он похож на большое уродливое пятно зелёного цвета на закате. Камень нарушает симметрию сада. Звучит так, словно вы боитесь прикоснуться к нему.

Утончённое, ухоженное лицо Хартли покраснело. Он фыркнул, но смотритель продолжил серьёзным тоном.

— Я помню, как он сказал мне однажды, что старая Персис прокляла Монкс Холлоу, когда они бросили её в пруд. И они не могли утопить ни её саму, ни её отца, который однажды ночью вышел из Северного Болота…

— О, ради бога, — сказал Хартли с отвращением. — Итак, если сдвинуть камень с места, она выскочит, да?

У Добсона перехватило дыхание.

— Вам не следует так говорить, мистер Хартли.

Персис Уинторп была ведьмой. Все это знают. Когда она жила здесь, в этом доме случались ужасные вещи.

Хартли отвернулся от старика. Они стояли в саду, и художник отошёл в сторону, чтобы осмотреть камень.

На нём имелись любопытные знаки, казалось, вырезанные неопытными руками. Грубые символы имели смутное сходство с арабским языком, но Хартли не мог ничего прочесть. Он услышал, как Добсон встал рядом с ним.

— Он сказал… мой дед…, что, когда они топили ведьму, им пришлось увести всех женщин прочь. Она вышла из воды, вся зелёная, покрытая слизью, её огромный рот квакал заклинаниями. Никто не знал, к каким языческим богам она обращалась…

Хартли быстро поднял голову, услышав звук мотора. Из-за поворота дороги выскочил грузовик. Хартли взглянул на Ведьмин Камень, а затем, приняв какое-то решение, поспешно бросился к дороге. Позади себя он услышал, как Добсон пробормотал что-то непонятное про таинственного отца Персис Уинторп.

Грузовик был нагружен гравием. Художник заметил это, когда на его размахивание руками

грузовик остановился. Хартли запрыгнул на подножку.

— Интересно, сделаете ли вы для меня небольшую работу? — обратился он двум мужчинам в кабине. — Я хочу сдвинуть здоровенный камень в своём саду, но в одиночку мне не справиться, он слишком тяжёлый. Это займёт всего минуту.

Хартли вытащил свой бумажник.

Водитель, небритый ирландец с бычьей шеей, вопросительно посмотрел на своего напарника, они обменялись взглядами, а затем водитель ухмыльнулся Хартли.

— Конечно, приятель. Рады помочь.

— Отлично, — ответил Хартли и, добавил самому себе, — мы можем сбросить его в кусты, подальше от глаз.

* * *

Вечером Хартли долго стоял у окна и хмурился. Луна поднималась за холмами, но сад все ещё пребывал в тени. Каким-то образом у Хартли создалось впечатление, что нечто движется в этом мрачном, чёрном море мрака. Сверчки монотонно и пронзительно стрекотали, и он чувствовал беспричинную нервозность. С первого этажа дома доносились стуки и шарканье, это Добсон

хозяйничал на кухне.

Смотрителю следовало что-то сделать с этим бесплодным пятном в саду. Теперь стало ещё более заметно, что камень был удалён со своего места, и Хартли воображал, что даже во мраке он видит на месте Ведьминого Камня ещё более глубокую тень.

Что там гласила старая легенда? Добсон истерически пересказывал её, когда водители грузовика поднимали камень. Он умолял их заменить этот камень любым другим и упрашивал Хартли отказаться от своего намерения. Легенда в изложении Добсона была полна чудовищных намёков на непонятные дела, которые Персис Уинторп вела с аномальными существами, обитавшими в Северном Болоте, и, в частности, об её отношениях с батрахоиднымб созданием, её предком — демоном, которому индейцы поклонялись давным-давно.

Жители деревни не могли убить её, но существовали заклинания, способные свести на нет всю её злую магию, а также слова силы, чтобы удержать её в могиле, — такие же слова, что вырезаны на Ведьмином Камне. Лицо смотрителя превратилось в коричневую, морщинистую маску, когда он выражал свой протест.

В Монкс Холлоу говорили — и голос Добсона превратился в дрожащий шёпот — что в могиле Персис стала больше походить на своего неизвестного отца. И теперь, когда Хартли убирал Ведьмин Камень…

Хартли закурил сигарету, хмуро вглядываясь в загадочный мрак сада. Либо Добсон был психически неуравновешен, либо имелась какая-то логическая причина его интереса к этому конкретному участку посреди сада. Возможно…

В голове Хартли промелькнула мысль, и он внезапно усмехнулся. Конечно! Он должен был догадаться! Добсон, вероятно, скупердяй; действительно, Хартли уже не раз видел, как смотритель прибедняется, и скорей всего под Ведьминым Камнем он прятал свои богатства.

Разве есть ещё более логичное место для сокрытия сокровищ, кроме злополучной могилы старой ведьмы, которую избегают суеверные деревенские жители?

Что ж, могила хорошо служила старику, недоброжелательно подумал Хартли. Он пытался напугать своего жильца небылицами о ведьме, которая, как предполагалось, ещё жива…

С возгласом удивления Хартли наклонился вперёд, выглядывая из окна. В саду что-то двигалось

— более тёмная тень, чем окружающий мрак. Хартли не мог разглядеть её форму, но, казалось, она движется очень медленно по направлению к дому.

Внезапно он понял, что от Добсона внизу не слышно ни звука. Деревянная нога больше не стучала по полу кухни. Осознав это, Хартли ухмыльнулся, наполовину высунулся из окна и крикнул смотрителя по имени. Боже мой! Неужели этот старик думал, что Хартли пытается украсть его гроши?

Хартли говорил себе, что Добсон стар, капризен, но тем не менее он почувствовал небольшой всплеск раздражения.

Чёрная тень приближалась к дому. Хартли напряг глаза, но смог различить лишь смутные, странно приземистые очертания. На мгновение он задумался, не ползёт ли Добсон на четвереньках, будучи в каком-то приступе безумия.

Тень быстро юркнула к дому, и подоконник мешал разглядеть её дальнейшие действия. Хартли пожал плечами, затушил сигарету и вернулся к книге, которую читал.

Подсознательно он, должно быть, ждал каких-то звуков, потому что, когда послышался стук, он вздрогнул, чуть не выронив книгу. Кто-то стучал

чугунным кольцом на входной двери.

* * *

Хартли ждал. Звук не повторился, но через какое-то время он услышал вороватое шарканье внизу, а также постукивание деревянной ноги Добсона.

Хартли забыл о своей книге, лежащей на коленях. До его настороженных ушей донеслись царапающие звуки, а затем звон разбитого стекла и слабый шорох.

Хартли вскочил на ноги. Даже если бы Добсон нечаянно запер входную дверь, то разве, постучавшись, он стал бы разбивать окно, чтобы вернуться в дом? Хартли никак не мог представить себе ревматичного, искалеченного Добсона, пытающегося влезть в окно. Кроме того, он уже слышал шаги Добсона в доме.

Действительно ли сам смотритель был той чёрной тенью в саду? Может, это был какой-то вор, желающий пробраться внутрь? Два водителя грузовика жадно смотрели на толстый бумажник Хартли, когда он расплачивался с ними…

Затем внезапно на нижнем этаже раздался пронзительный крик ужаса, наполнивший эхом весь дом. Хартли выругался и метнулся к двери.

Когда он открыл её, то услышал поспешные шаги, определённо Добсона, потому что постукивание деревянной ноги было отчётливо слышно.

Но загадочный царапающий звук смешивался с его шагами, как будто когти собаки скреблись по полу. Хартли услышал, как открылась задняя дверь; шаги и царапание прекратились.

Он тремя прыжками преодолел лестницу.

Когда он ворвался на кухню, крики снова начались, а затем резко прекратились. Сквозь открытый дверной проём, который вёл в сад, доносилось слабое бульканье. Хартли поколебался мгновенье, затем схватил со стола тяжёлый разделочный нож и тихо шагнул в ночь.

Луна поднялась выше, и в её неверном свете сад выглядел призрачным, неземным, за исключением того места, где свет из дверного проёма выходил узкой жёлтой полосой. Хартли ощутил прохладный ночной воздух на своём лице. Слева от него, в направлении бесплодной полянки, где стоял Ведьмин Камень, раздался слабый шорох.

Хартли тихо отступил в сторону, в его душе нарастали смутные опасения. Его захлестнули воспоминания о предупреждении Добсона, о зловещей настойчивости смотрителя в том, что старая ведьма никогда не умирала, она ждёт в

своей могиле, когда кто-нибудь сдвинет камень, который держит её в оковах.

«Добсон», тихо позвал он, и снова: «Добсон!»

Что-то двигалось к Хартли, очень тихо, очень незаметно.

В лунном свете проявилось бугорчатое пятно тени, которое вытягивалось вперёд. Оно было слишком громоздким для человека; кроме того, люди не издают резких свистящих звуков, когда они дышат, и их спины не жирные, зелёные и слизистые…

Милостивый Бог! Что это было за существо — кошмарное отродье древнего ужаса, которое выпрыгнуло на Хартли из тьмы? Какое кощунственное создание было захоронено под Ведьминым Камнем, и какие тёмные силы художник неосознанно выпустил на свободу?

Они сказали, что в могиле она стала больше походить на своего неизвестного отца.

Хартли попятился назад к дому, безумный ужас сражался в его сознании с рациональными верованиями всей жизни. Такое чудовище не могло существовать, но оно существовало! Оно приближалось к нему большими прыжками, уродливая тень, тускло блестевшая в лунном свете. Его стремительное движение несло в себе

ужасную угрозу.

Хартли слишком долго стоял на месте. Существо уже было готово напасть на Хартли, когда он, наконец, повернулся, чтобы убежать. Ноги у него подкосились, и на один страшный миг Хартли показалось, что они его подведут, и он беспомощно рухнет на землю под натиском твари. Он проковылял несколько шагов, слыша слюнявое дыхание почти у самой своей шеи, затем собрал силы и побежал вдоль стены дома.

Тварь последовала за ним. Хартли обогнул угол дома и направился к дороге. Достигнув её, он быстро оглянулся, и ледяные пальцы ужаса сжали его сердце. Существо всё ещё преследовало его.

Монкс Холлоу! При этой мысли он повернул в другую сторону и побежал по дороге к деревне, всё ещё держа в руке разделочный нож. Хартли забыл о нём, но теперь, опустив взгляд, он сжал оружие и немного ускорил бег. Если бы он мог добраться до деревни…

* * *

Она была в двух милях отсюда — две бесконечные мили пустынной, мало используемой дороги, на которой имелось очень мало шансов

встретить автомобиль. Мало кто из водителей выбирал эту дорогу; она была в колдобинах и давно не ремонтировалась; новая государственная трасса была более прямой.

Но трасса лежала за хребтом, и Хартли знал, что у него не будет шансов спастись на скалистом или неровном грунте. Даже на дороге ему приходилось внимательно следить за тёмными тенями, которые предвещали ямы и колдобины на её поверхности. За его спиной что-то прыгало, издавая хриплое, тяжёлое дыхание.

Ночь была холодной, но пот стекал огромными каплями с лица Хартли. Его рубашка также намокла. Халат мешал бежать, и Хартли выскользнул из него. Позади раздался резкий, невнятный крик. Существо недолго раздирало халат, а затем ритмичный топот его ног возобновился.

«Когда они топили ведьму, им пришлось увести всех женщин прочь… Она вышла из воды вся зелёная и покрытая слизью…»

Хартли стиснул зубы и сдержал порыв закричать от ужаса. Глухой топот и хриплое дыхание приближались к нему сзади. Существо почти настигло его!

Если бы он мог добраться до деревни! Он увеличил свой темп, напрягаясь, пока кровь не

застучала в висках. Но все усилия были бесполезны. Существо позади него бежало с такой же скоростью; топот становился всё громче. Один раз Хартли показалось, что он почувствовал мерзкое, горячее дыхание существа на своей шее. В его груди пылало пламя; острая агония обжигала лёгкие; дыхание участилось до предела.

Одна нога попала в рытвину, и Хартли чуть не упал. С мучительным усилием он восстановил равновесие и помчался дальше.

Но звуки преследования становились громче, ужасно громче. Хартли задавался вопросом, сможет ли он ускользнуть от твари, если неожиданно прыгнет в заросли, расположенные вдоль дороги — чёрные пятна в лунном свете. Нет — существо было слишком близко. Хартли боролся за дыхание с открытым ртом.

Затем он увидел свет. Жёлтые квадраты, которые были окнами в прямоугольном чёрном пятне, но далеко, очень далеко. Нет, в темноте Хартли недооценил расстояние, дом находился не в пятидесяти футах. Дом внезапно предстал перед ним.

Хартли хрипло закричал, подбежав к крыльцу.

Но прежде чем Хартли добрался до него, он почувствовал тяжесть на спине, прижавшую

его к земле; огромные когти рвали его рубашку, царапая его кожу острыми как иглы когтями. Его глаза и рот забились грязью, но он осознал, что всё ещё сжимает разделочный нож.

Каким-то образом ему удалось вывернуть руку с ножом, и ударить им вслепую над своим плечом. Слюнявое, резкое дыхание сменилось ужасным квакающим криком, а затем нож был вырван из руки Хартли. Он отчаянно пытался освободиться, но огромный вес прижал его к земле.

Растерянный крик достиг его ушей. Хартли услышал хруст быстрых шагов и грохот ружья. Внезапно тяжесть ушла с его спины; он услышал, как что-то умчалось во тьму, когда он перевернулся, соскабливая землю, которая покрыла его лицо. Протерев глаза, Хартли увидел бледное лицо мужчины, смотрящего на него; это был человек в пыльном комбинезоне, который держал в своих дрожащих руках старомодный мушкет.

Хартли неожиданно зарыдал.

Другой мужчина всматривался в тени, оглядываясь на Хартли с широко раскрытыми глазами.

— Ч… что это было? — спросил он дрожащим голосом. — Во имя Бога, что это было?

* * *

Анам Пикеринг, чья крошечная ферма лежала на окраине Монкс Холлоу, проснулся, когда всё началось. Он сел в постели, нащупывая на прикроватном столике свои очки, его измятое лицо приняло озадаченное выражение. Что его разбудило? Какой-то необычный шум. Вот он снова появился — тихое царапанье под окном. Фермер, застигнутый врасплох, вздрогнул, и очки упали на ковер.

— Кто там? — резко крикнул он. Ответа не было, но царапающий звук повторился. Появился ещё один звук — тяжёлое, учащённое дыхание. Внезапно испугавшись, Анам крикнул: — Марта! Марта, это ты?

В соседней комнате заскрипела кровать.

— Анам? — отозвался тонкий голос. — Что случилось?

Анам быстро встал с постели и опустился на колени рядом с кроватью, пытаясь нащупать свои очки. Внезапно стекло в окне разбилось, и у Анама перехватило дыхание.

Он поднял глаза, но из-за близорукости смог разглядеть только туманный прямоугольник — окно, в котором маячила непонятная чёрная

масса. Коварный запах достиг ноздрей Анама, его ревматические конечности отозвались острой болью.

Он услышал топот ног и голос сестры.

— Анам? Что… — голос прервался, и наступила пауза, ужасная по своей сути. Затем, видя, как незваный гость пролазит в окно и хрипит, женщина пронзительно закричала от ужаса.

Анам издал слабый стон недоумения, замешкавшись на месте и слепо вглядываясь в окружающую темноту. Он сделал робкий шаг и, наткнувшись на кровать, упал на неё. Он скорее почувствовал, чем увидел, как что-то огромное, чёрное и бесформенное перепрыгнуло через него, и тяжёлый удар потряс хлипкий маленький, фермерский дом.

Марта перестала кричать. Она издавала скрипучий, горловой хрип, как будто пыталась зарыдать и не могла.

— Марта! — закричал Анам. — Марта! Ради бога!

Произошло быстрое движение и странно низкий крик женщины, как будто приглушённый намордником. Затем единственным звуком в комнате осталось хриплое, жадное дыхание, и вскоре, когда Анам лежал на кровати почти в

обмороке, раздался ещё один чудовищный звук, вызывающий в разуме человека безумные мысли — тихое раздирание плоти на куски острыми когтями.

* * *

Анам со стоном поднялся на ноги. Когда он медленно двинулся по комнате, он повторял имя Марты, и его голова качалась из стороны в сторону, пока своим слабым зрением он пытался пронзить загадочный мрак. Звук разрывания плоти внезапно прекратился.

Анам продолжил идти. Грубая ткань ковра поцарапала его босые ноги, и он задрожал. Всё ещё шепча имя Марты, он почувствовал перед собой чёрную массу…

Фермер коснулся чего-то холодного, слизистого, вызывающего отвратительное ощущение упитанности. Он услышал страшный гортанный рёв свирепого зверя, что-то быстро зашевелилось в темноте, и смерть забрала Анама Пикеринга.

* * *

Таким образом ужас пришёл в Монкс Холлоу. Подобно грязному дыханию разложения от мно-

гих поколений упадка, в котором пребывал город ведьм, миазматический выдох из могилы Персис Уинторп висел над деревней, словно зловещая пелена.

Когда Хартли в сопровождении дюжины деревенских жителей утром вернулся в свой дом, он обнаружил, что цветочный сад вытоптан и разрушен. Бесплодное пятно в центре сада уступило место глубокой яме. И кто-то, словно насмехаясь, оставил в яме шокирующую массу — изуродованный и частично обглоданный труп старого Добсона, опознать которого удалось только по обломкам его деревянной ноги.

Останки лежали в зловонной луже густой зеленоватой слизи, и, хотя никто не хотел подходить близко к этой ужасной яме, следы разгрызания жертвы были слишком очевидны.

Хартли немного оправился от пережитого накануне вечером. Часы кошмарных догадок провели его через невероятные лабиринты фантазий к одному неизбежному выводу, упрямому убеждению, что этот ужас имел какое-то логическое, естественное объяснение.

Он цеплялся за эту точку зрения несмотря на то, что своими глазами видел той ночью существо, которое подкрадывалось к нему в саду при

свете луны. Жители деревни не могли знать, что Хартли не посмел принять чудовищные теории, которые они выдвигали во время похода к дому ведьмы, и что Хартли придерживался своего скептицизма как последнего оплота для сохранения здравомыслия.

«Я не смею верить», отчаянно твердил себе художник.

— Такие существа невозможны. Какой-то вид животного, — настаивал он в ответ на комментарий Байрема Лиггетта, коренастого фермера с загоревшим лицом, который спас его. — Я уверен в этом. Некоторые плотоядные животные…

Лиггетт неодобрительно покачал головой. Его ружьё было наготове, а сам он внимательно вглядывался в окружающие кустарники. Все остальные мужчины тоже были вооружены.

— Нет, сэр, — твёрдо сказал фермер. — Не забывайте, я видел его. Это существо не было похоже ни на одно божье творение. Это была… она… Она выбралась из могилы.

Невольно вся группа отпрянула от погребальной ямы.

— Хорошо, а если… это какой-то гибрид? — продолжал настаивать Хартли. — Какой-то уродец. Продукт соединения двух разных видов живот-

ных. Это возможно. Это просто опасное дикое животное необычного вида, оно должно им быть!

Лиггетт странно посмотрел на художника и собрался было что?то сказать, но его прервало внезапное появление мальчишки с побелевшим лицом, который бежал к ним, задыхаясь.

У Хартли появилось предчувствие беды.

— Что случилось? — рявкнул фермер, а мальчишка пытался отдышаться, пока не смог заговорить связно.

— Старый Анам… и мисс Пикеринг, — выдохнул он наконец. — Что-то убило их! Их разорвали на куски… Я видел…

При этом воспоминании мальчишка вздрогнул и заплакал от ужаса.

Лица мужчин побледнели, они посмотрели друг на друга и стали что-то бормотать всё громче и громче. Лиггет поднял руки и успокоил их. На его смуглом лице выступило несколько капелек пота.

— Мы должны вернуться в деревню, — заявил он напряжённым голосом. — И как можно скорее. Наши — женщины и дети…

Тут фермеру в голову пришла какая-то мысль и он снова повернулся к мальчишке.

— Джим, — резко спросил он. — Ты заметил… какие-нибудь следы в доме Анама?

Мальчишка подавил свои всхлипывания.

— Там… Да, заметил. Очень большие следы, похожие на лягушачьи, только размером с мою голову. Они…

Жёсткий, настойчивый голос Лиггетта прервал его.

— Назад в деревню, все. Быстро! Соберите женщин и детей в дома и никуда не выпускайте.

По его команде группа рассеялась, и все мужчины поспешно ушли, на месте остались только Лиггетт и Хартли. Побледневший художник уставился на фермера.

— Конечно, это… в этом нет нужды, — сказал он. — Несколько человек… с оружием…

— Ты чёртов дурак! — грубо огрызнулся Лиггетт, сдерживая гнев. — Сдвинуть Ведьмин Камень! Кто вообще позволил тебе поселиться в этом доме! О, вы, горожане считаете себя умными, рассуждая об уродцах и гибридах, но что вы знаете о происходившем в Монкс Холлоу сотни лет назад?

Я слышал о тех временах, когда дьяволы, такие как Персис Уинторп читали здесь свои заклинания из языческих книг, и я слышал истории

об ужасных тварях, которые когда-то жили в Северном Болоте. Ты нанёс достаточно вреда. Тебе лучше пойти со мной, тебе нельзя оставаться здесь. Никто не в безопасности, пока мы не сделаем что-то с…. этим!

Хартли не ответил, но молча пошел вслед за Лиггеттом.

Они шли мимо спешащих в деревню мужчин, сгорбленных, ковыляющих стариков, бросавших на фермера и художника испуганные взгляды; они шли мимо женщин с широко раскрытыми глазами, и детей, которых те прижимали к себе. Несколько автомобилей медленно проехали мимо них, а также несколько старомодных повозок. Время от времени Хартли слышал тихое перешёптывание, и когда они с фермером приближались к деревне, количество беглецов увеличивалось, а шёпот рос и разливался в низкие, наполненные ужасом бормотания, которые стучали в ушах Хартли, словно обречённый грохот большого барабана.

«Лягушка! *Лягушка!*»

Наступила ночь. Деревня Монкс Холлоу дремала под лунным светом. Несколько мрачных вооружённых мужчин патрулировали улицы. Двери гаража оставили открытыми, чтобы ма-

шины были готовы выехать, как только кто-то позвонит и попросит о помощи. Никто не хотел повторения трагедии, подобной вчерашней.

В два часа ночи бешеный звонок телефона вырвал Лиггетта из беспокойного сна. Это был собственник автозаправочной станции на шоссе в нескольких милях от деревни. Он кричал в трубку, что нечто напало на него. Он заперся на станции, но её стеклянные стены мало защищали от твари, которая подползает всё ближе и ближе.

Но помощь пришла слишком поздно. Станция горела адским пламенем, которое питалось подземными резервуарами с бензином, и люди видели только проблеск огромной бесформенной твари, которая выпрыгнула из огня, и убежала, очевидно, невредимой под градом поспешных пуль, которые приветствовали её появление.

Но владелец станции, по крайней мере, умер чистой смертью; он был кремирован, потому что некоторые из его костей позже были найдены среди руин, и на них не было никаких следов от зубов.

И в ту же ночь Хартли обнаружил чудовищные следы под окном комнаты в доме Лиггетта, где его поселили. Когда он показал их Лиггетту, фермер уставился на него с любопытным светом в глазах,

но ничего не сказал.

* * *

На следующую ночь произошло новое нападение. Хартли выбежал из своей спальни и как раз вовремя захлопнул дверь, чтобы спастись от твари, которая раздирала тонкую панель, рыча и пуская слюни. Но до того, как Хартли и пробудившийся Лиггетт смогли схватить оружие, тварь испугалась и убежала через разбитое окно.

Её следы вели к участку густого кустарника неподалёку от дома, но идти в ту сторону ночью было самоубийством. Лиггетт полчаса звонил по телефону, призывая жителей деревни собраться возле его дома на рассвете, чтобы начать погоню. Затем, неспособные уснуть, двое мужчин вернулись в спальню Хартли и проговорили до рассвета.

— Она отметила тебя, — сказал Лиггетт. — Она преследует тебя, как я и думал. Есть одна мысль…

Он задумался, почёсывая щетину на подбородке.

— Думаю, мы можем заманить эту тварь в ловушку.

Хартли понял намёк.

— Использовать меня как приманку? Нет!

— А что ещё мы можем сделать? Мы пытались отследить её, но она прячется на Северном Болоте днём. Это единственный способ, если ты не хочешь, чтобы она убила ещё больше людей. Мы не можем всё время держать детей дома, Хартли.

— Национальная гвардия, — начал художник, но Лиггетт прервал его.

— Как они могут поймать её на болоте? Если бы эту тварь можно было поймать обычным способом, мы бы это сделали. Мы выследим её на рассвете, но в этом не будет особой пользы. Разве ты не видишь, что каждая минута на счету? Даже сейчас, пока мы тут болтаем, она может кого-то потрошить. Не забывай…

Фермер замолчал, глядя на Хартли.

— Я знаю. Вы думаете, что это началось из-за меня. Но… Боже! Я говорил себе снова и снова, что это существо — урод, какой-то адский результат неестественного спаривания. Но…

— Но теперь ты знаешь, что это не так, — тихо сказал Лиггетт. — Ты знаешь, что это такое.

— Нет, — Хартли тупо покачал головой. — Не может….

Он застыл, уставившись на лицо Лиггетта. Фермер всматривался куда-то за плечо Хартли с

недоверчивым ужасом в глазах. Он издал предупреждающий, испуганный крик, и Хартли резко обернулся. Художник мельком увидел блестящее уродливое лицо, торчащее из окна; ужасную маску, которая не была ни батрахоидной[115], ни человеческой, но чудовищно напоминала и то, и другое. Большой щелевидный рот беспорядочно двигался, и жёлтые, остекленевшие глаза смотрели на Хартли. С удушающим запахом разложения существо пролезло в комнату. Раздался выстрел из ружья Лиггетта.

Тварь словно перевернулась в воздухе, и фермер упал на пол под её тяжестью. Раздался агонизирующий крик, который резко прервался. Монстр, пригнувшийся над телом Лиггетта, поднял морду, покрытую свежей кровью, и издал глубокий горловой звук, ужасно напоминающий хихиканье. Ослабевший и трясущийся Хартли нащупал дверную ручку под своим пальцами и выскочил из комнаты, когда тварь вскочила

---

[115] Примечания: 115

Батрахоиды — Надотряд батрахоидных охватывает рыб, имеющих короткое и широкое тело, с широколобой большой головой. Очень характерны для них широко раздвинутые брюшные плавники, содержащие малое число лучей. Спинной и анальный плавники супротивные (один над другим), хвостовой плавник округлый или усеченный, с малым числом лучей. К батрахоидным рыбам относятся отряды пегасообразных (относимый нередко к перкоидным), батрахообразных, присоскообразных и удильщикообразных.

с места.

Он успел вовремя захлопнуть дверь, но её панели стали раскалываться от страшных ударов. Хартли бежал по коридору, когда тварь окончательно выломала дверь.

Оказавшись на улице, он на мгновение остановился, нерешительно оглядываясь по сторонам. В холодной серости, которая предшествовала рассвету, Хартли увидел ближайший дом, возможно, в двухстах футах от него, но, когда он побежал к нему, существо оказалось в его поле зрения, — оно двигалось наперехват. По всей видимости, оно выбралось через то же окно, через которое пробралось в комнату.

Хартли вдруг вспомнил про свой пистолет и, вытащив его из кармана, выстрелил в существо в упор, когда оно приблизилось. Послышалось яростное кваканье, и щелевидный рот пугающе раскрылся; ручеёк отвратительной чёрной сукровицы начал медленно сочиться из раны на раздутом горле твари.

Но она не остановила своего движения, и Хартли, понимая, что существо таких чудовищных размеров должно обладать огромной жизненной силой, повернулся, чтобы убежать. Тварь оказалась между ним и деревней, и, как бы понимая

своё преимущество, держалась на этой линии, не давая Хартли возможности вернуться назад. В голове художника промелькнула мысль: монстр пас его, как пастух — овец!

Он услышал скрип окна, затем крик. Затем Хартли бежал, спасая свою жизнь, обратно по той же дороге, по которой он мчался в первую ночь ужаса.

Заметив ответвление — проделанную телегами колею, расположенную под прямым углом к дороге, он свернул в ту сторону. Его единственная надежда заключалась в том, чтобы как-то вернуться в деревню. За ним следовало хриплое прерывистое дыхание и ритмичный топот, которые означали беспощадную погоню.

Полуобернувшись, он выстрелил в монстра, но свет в утреннем тумане был обманчив, и Хартли промахнулся. Он не осмелился более тратить патроны.

Существо действительно пасло его! Дважды он видел тропинки, ведущие обратно в деревню, и каждый раз преследующее его чудовище преграждало беглецу путь, двигаясь большими прыжками справа от человека, пока тропинки не исчезали из виду. Вскоре поля стали ещё более дикими, а буйная трава приобрела нездоровый

зелёный оттенок. У Хартли возникла мысль залезть на дерево, но все деревья росли далеко от дороги, а преследователь был слишком близко. Вдруг Хартли в ужасе осознал, что перед ним находится Северное Болото — та самая злополучная трясина, которая являлась центром всех страшных легенд.

Горный хребет на востоке вырисовывался в бледно-сером тумане. Издалека до Хартли донёсся звук, который пробудил в нём трепет надежды. Звук автомобильного мотора — нет, двух! Он вспомнил крик соседа, когда бежал из дома Лиггетта. Тот, должно быть, отправился за помощью, разбудил деревню. Но рычащее дыхание было ужасно близко.

Один раз чудовище остановилось; оглянувшись, Хартли увидел, как оно яростно царапает своё израненное горло. Должно быть, пуля ослабила его силы, иначе Хартли уже пал бы разодранным когтями этой твари. Он поднял пистолет, но существо, как бы осознавая намерения Хартли, двинулось вперёд, и Хартли пришлось вновь ускориться, чтобы тварь не догнала его одним большим прыжком. В застывшей утренней тишине звук моторов становился всё громче.

Тропинка вела через болото. Она заросла сорня-

ками, превратившись в кочки и ямы, а местами и вовсе сужалась до узкой полоски среди тины. Со всех сторон раскинулась пышная болотная зелень с редкими открытыми участками отталкивающе чёрной воды. Странная тишина стояла на болоте, полное отсутствие движения. Никакой ветерок не колыхал верхушки травы, а на воде не было даже ряби. Звуки преследования и рёв моторов казались нелепым вторжением в эту землю смертельной тишины.

Конец пришёл внезапно, без предупреждения. Зелёная слизь покрыла тропинку на расстоянии дюжины ярдов[116]; Хартли плескался в ледяной воде, и его нога неожиданно провалилась в какую-то дыру. Он упал, подвернув лодыжку. Даже падая, он отчаянно откинулся в сторону, почувствовав порыв ветра — это монстр прыгнул на художника.

Руки Хартли погрузились во что-то мягкое и липкое, что-то неутомимо всасывало их в себя. Дико вскрикнув, он вырвал их из густой жижи, и переполз на более твёрдую почву. Он услышал звук выстрела и, перевернувшись на спину, увидел над собой чудовищную маску ужаса. Звук

---

[116] Примечания: 116
Около 11 метров.

моторов увеличился до рёва, и ободряющие возгласы донеслись до ушей Хартли.

Монстр заколебался, подался назад, и Хартли, вспомнив про своё оружие, вытащил его из-за пояса. Он выстрелил в монстра, и словно услышав его пистолет, из автомобилей ударил оружейный залп. Свинец засвистел над Хартли, и он почувствовал жгучую боль в плече.

* * *

Внезапно ему показалось, что монстр превратился в огромный пузырь, проколотый в дюжине мест; из него изливалась чёрная и тошнотворная жидкость. С хриплым задыхающимся криком существо дёрнулось в сторону, подпрыгнуло на одной лапе и упало в болото рядом с тропинкой. Затем оно быстро стало тонуть.

Болотная жижа охватила его. Огромная задняя часть твари, чёрная, блестящая и мускулистая исчезла почти сразу, а затем в трясину стал погружаться её раздутый живот прокажённо-белого цвета. Испытывающий тошноту и головокружение Хартли почувствовал, как чьи-то руки подняли его на ноги, и услышал вопрошающие голоса, которые, казалось, шли с большого расстояния.

Но он смотрел только на предельный ужас, который погружался в трясину в дюжине ярдов от него, перепончатые лапы с когтями, что отчаянно молотили грязь, деформированную, отвратительную голову, которая раскачивалась в агонии из стороны в сторону. Из зияющего рта твари раздался пугающий крик, чудовищный рёв, который внезапно стал ужасно знакомым, отчётливым, глухим и гортанным: бешеный богохульный крик, такой, что мог изливаться с гниющего языка долгоживущего трупа.

Все мужчины отступили, побелев от отвращения, а Хартли упал на колени, застонав от ужаса, когда *тварь*, пасть которой наполовину наполнилась зыбучим песком, проревела:

— Ауррхх! — угх — вы — будьте вы прокляты! Будьте прокляты вы все!!! Пусть проклятие старой Персис Уинторп сгноит вашу плоть и отправит вас вниз к…

Звуки страшного голоса уступили место ужасному ворчанию, которое внезапно захлебнулось. В тине возникло движение; образовался большой пузырь, который тут же лопнул, и вековая тишина вновь воцарилась над Северным Болотом.

Перевод: А. Черепанов

Генри Каттнер
Охота

Henry Kuttner «The Hunt», 1939

Предисловие Роберта М. Прайса

Существует очевидное, но незначительное сходство между этим рассказом и «Страшным стариком», Г. Ф. Лавкрафта. На этот раз колдуну не удалось спастись, но мошенник невольно навлекает на себя страшную гибель.

Рассказ переполнен реквизитами из Мифов Каттнера, такими как: печально известная деревня Монкс Холлоу (Пещера Монаха); использование ритуала Чхайя, кощунственный «Старший Ключ», «Тайны Червя», и «Книга Камака». Однако удивляет отсутствие главного гримуара Каттнера — «Книги Иода». Это тем более удивительно, потому что чудовищная сущность, которая появляется в рассказе, — сам Иод! Выглядит это так, словно Каттнер только что пришёл к тому, чтобы рассмотреть Иода, как сущность. И когда он сделал это, новое определение Иода заменило

предыдущее. В противном случае мы могли бы ожидать, что автор упомянет «Книгу Иода», как главный источник информации о сущности под именем Иод. Теперь есть Великий Древний по имени Иод, но нет «Книги Иода». Таким образом, пропало реальное основание считать, что предыдущие ссылки на Книгу имели какое-либо отношение к Великому Древнему с тем же именем.

Другие оккультные атрибуты, упомянутые в этом рассказе включают в себя «La Tres Sainte Trinosophie», («Пресвятая Триософия»), трактат об алхимии, приписываемый долгоживущему Графу Сен-Жермену, и «чудовищный Ишакшар», резной артефакт из «Повести о Чёрной Печати», Артура Мейчена.

Ещё одна вещь: вряд ли можно прочитать этот рассказ и не представить, какие бы иллюстрации сделал к нему художник Стив Дитко. Он просто взывает к Дитко! Рассказ действительно читается как сценарий, предназначенный для этого иллюстратора комиксов. И кто ещё, кроме Стива может воздать должное «Охоте»?

Первая публикация: «Strange Stories», Июнь, 1939.

* * *

Элвин Дойл пришёл в Дом Колдуна с маленьким пистолетом в кармане и замыслом убийства в своём сердце.

Удача благоволила ему в том, что он смог выследить своего двоюродного брата Уилла Бенсона, прежде чем душеприказчики старого Андреаса Бенсона нашли адрес наследника его имущества. Сейчас фортуна всё ещё была на стороне Элвина. Дом Бенсона находился в небольшом каньоне в двух милях от деревни Монкс Холлоу, и суеверия её жителей не позволяли им приближаться к этому дому ночью.

Уилл Бенсон был ближайшим родственником покойного Андреаса Бенсона. Если Уилл умрёт, всё наследство перейдёт Дойлу. Поэтому Дойл приехал в Монкс Холлоу с пистолетом в кармане и небрежно осведомился у местных о своём двоюродном брате, пытаясь не вызвать никаких подозрений.

Уилл Бенсон — затворник, и даже хуже, — сказали Дойлу мужчины в пивной. Они шептали дикие истории о том, чем Уилл занимался ночью в своём доме, зашторенные окна которого скрывали неизвестные ужасы от глаз отважных

бродяг. Рассказывали и о зловещих звуках, которые предвещали неизвестную угрозу.

Но бродяги не ходят там с тех пор, как Эд Даркин, владелец пивной, однажды ночью вернулся домой, рассказывая о чёрном ужасе в форме дыма, который, по его словам, присел на крышу дома Бенсона, наблюдая за Эдом своими пылающими глазами, пока последний с позором не сбежал.

Дойл усмехнулся про себя, понимая, что вокруг таких отшельников часто возникают самые фантастические слухи. Теперь его задача стала проще, поскольку маловероятно, что какой-нибудь прохожий сможет услышать выстрел. Дойл принял меры предосторожности и арендовал неприметный чёрный «родстер», для своего ночного путешествия, и его смуглое лицо выглядело бесстрастным, когда он вёл машину в сумерках по грунтовой дороге, изрезанной колеями.

Лицо Дойла редко выдавало его эмоции, за исключением небольшого напряжения тонких губ и необычного остекления холодных серых глаз. Однако он улыбнулся, когда дверь дома открылась в ответ на его стук, и на крыльцо вышел мужчина. Но это была не приятная улыбка.

Дойл узнал Уилла Бенсона со своих фотографий, хотя они были сделаны почти двадцать лет назад.

Уилл имел такой же широкий, высокий лоб и такой же пристальный взгляд задумчивых тёмных глаз. Морщины вокруг его рта стали глубже, а густые брови соединились вместе, когда Бенсон нахмурился от удивления; вокруг его висков уже появились седые волосы. Его глаза мгновенно загорелись.

— Как… Эл! — Его голос выражал нерешительность. — Эл, не так ли? Сначала я не узнал тебя.

Улыбка Дойла стала шире, но мысленно он проклинал память своего кузена. Он не был уверен, не знал, вспомнит ли его Бенсон. Что ж, теперь уж ничего не поделаешь. Дойл запланировал два варианта действий; от первого теперь пришлось отказаться ради альтернативного плана. Он протянул свою руку и сжал кисть Бенсона с лицемерной сердечностью.

— Это Эл, всё в порядке. Не знал, вспомнишь ли ты меня. Прошло почти двадцать лет, не так ли? Когда я в последний раз тебя видел, я был просто ребёнком. Разве ты не пригласишь меня в дом?

Странная нерешительность проявилась в поведении Бенсона. Он нахмурился, затем почти украдкой взглянул через своё плечо, после чего отошёл в сторону.

— Да, конечно. Входи.

Оглядывая комнату, Дойл заметил, что Бенсон закрыл замок входной двери на два оборота ключа. Дойла охватило изумление. Он стоял и смотрел. Жители деревни были правы, называя это место Домом Колдуна!

Тёмные портьеры покрывали стены, их чёрные складки придавали комнате неуловимое качество простора. Столы и кресла были отодвинуты к стенам, а на голом полу можно было увидеть необычный рисунок. Дойл порылся в своей памяти; затем он узнал этот рисунок — пентаграмма в концентрических кругах и шестиконечная звезда, начерченные каким-то веществом, которое светилось слабым зеленоватым светом.

Вокруг пентаграммы были расположены на одинаковом расстоянии друг от друга замысловатые гравированные лампы из серебра, а внутри рисунка стояли стул и стол, на котором лежала большая, переплетённая железом книга, и курильница, подвешенная на треножнике. Действительно, комната колдуна! Дойл почувствовал небольшой всплеск раздражительности и гнева. Такой дурак может что угодно сделать с состоянием старого Бенсона. Стоит ли отдавать наследство в его руки? Наверное, он потратит всё на какую-нибудь мумию!

Дойлу пришла в голову ещё одна мысль: нужно ли убивать кузена? Может, проще доказать в суде, что Бенсон сумасшедший? Дойл отложил в сторону эту непродуманную идею. Нельзя было рисковать. Пистолет гораздо надёжней.

Бенсон странно наблюдал за Дойлом.

— Удивлён, да? Ну, похоже, на первый взгляд это выглядит довольно необычно. Я объясню позже. Сначала сядь и расскажите мне о себе. Что привело тебя сюда?

Бенсон отодвинул одно кресло от стены. Дойл погрузился в него, вытащив сигарету.

— Это долгая история, — начал он. — Ты совсем не в курсе, что происходит в мире, да? На днях мы с твоим дедом говорили о тебе.

Дойл внимательно наблюдал за Уиллом, но тот не пошевелился. Видимо, он ещё не знал о смерти старого Бенсона.

— Мне стало интересно, как…

— Э-э…. извини меня, — прервал его Уилл. — Ты можешь не курить здесь?

— А? — Дойл уставился на кузена, затем вернул сигарету в портсигар. — Конечно.

Очевидно, Бенсон почувствовал необходимость объяснить, чем он тут занимается.

— Я тут работаю над довольно… э-э…. деликат-

ным экспериментом. Даже небольшие помехи могут поставить под угрозу успех всего дела. Я.... боюсь, ты будешь считать меня негостеприимным хозяином, Эл, но ты действительно пришёл в неподходящее время.

Уилл поколебался и снова бросил странный взгляд через своё плечо.

— Ты планировал остановиться здесь сегодня вечером?

Дойл притворился тактичным.

— Что ж, если ты так говоришь, я не хочу навязываться. Я не имел в виду...

— Нет. Нет, ничего подобного, — поспешно сказал Бенсон. — Я только что начал этот эксперимент, и мне нужно его закончить. Даже сейчас это опасно.

Дойл быстро обдумал услышанное: этот человек явно сумасшедший. И вообще какой формой бреда является этот «эксперимент»? Но Дойл пока не мог уйти. Он подмигнул и многозначительно кивнул.

— Ожидаешь какую-то компанию, а, Уилл?

Бледное лицо Бенсона вспыхнуло.

— Нет, — ответил он. — Тут ты ошибаешься. Это на самом деле эксперимент, и очень опасный, поверь мне. Послушай, Эл. Можешь ли ты сейчас

уехать ночевать в деревню… и вернуться завтра? Я в самом деле ужасно рад тебя видеть, но это… ну, я не могу объяснить. Поначалу это всегда звучит невероятно. Подумай об этом как о научном эксперименте со взрывчатыми веществами.

— Боже, извини, — поспешил ответить Дойл. — Я был бы рад вернуться, но не могу. Что-то не так с моей машиной. Мне как-то удалось на ней добраться до твоего дома, и я не механик. Можем ли мы позвонить в деревню, чтобы кто-нибудь забрал меня?

На мгновение Дойл затаил дыхание. Он не верил, что у Бенсона есть телефон, но…

— У меня нет телефона, — ответил Бенсон, кусая губы. — Ты сейчас здесь, Дойл, и я несу ответственность за тебя. Я…. на самом деле ничего опасного не случится, если ты будешь делать то, что я скажу.

— Конечно. Если тебе так угодно, я пойду в другую комнату и почитаю что-нибудь, пока ты не закончишь. Я…

Дойл умолк, заметив странное выражение, появившееся на лице Бенсона.

— О боже, нет! Ты останешься рядом со мной! Это единственное место, где ты будешь в безопасности. Тут…

Он быстро оглянулся. Дойл увидел, что из курильницы поднимается густое голубоватое кольцо дыма.

— Сюда! — крикнул Бенсон, и Дойл вскочил с кресла, увидев, как его кузен тащит стул в пентаграмму. Дойл медленно последовал за ним.

Бенсон откуда-то достал свечу и поместил её в подсвечник на столе. Затем он погасил масляную лампу, которая освещала комнату, так что единственными источниками света остались эта свеча и шесть серебряных ламп. Появились тени. Снаружи пентаграммы, казалось, растянулась стена тьмы, и чёрные портьеры создавали тревожную атмосферу неизмеримых расстояний. Возникла полная тишина.

— Я уже начал это, — объяснил Бенсон. — И это то, что нельзя останавливать. Всё должно идти своим чередом. Садись, ждать придётся долго.

Бенсон наклонился над столом, на котором лежала большая книга в металлическом переплёте, и перевернул пожелтевшую страницу. Дойл заметил, что книга была написана на латинском языке, но он мало понимал в нём. Бледное лицо Бенсона, размышлявшего над книгой, напомнило Дойлу какого-то средневекового волшебника, занятого своими тёмными ритуалами. Колдовство!

Ну, пистолет в его кармане был более сильной магией, чем деревянный идол мумбо-юмбо, которому поклоняются дураки. Тем не менее, ему следовало бы смеяться над Бенсоном. У кузена была нехорошая привычка постоянно оглядываться, а Дойл не хотел вступать в физическую схватку. Первый же выстрел должен стать смертельным.

Бенсон бросил в курильницу какой-то порошок, и из неё поднялся ещё более густой дым. Постепенно слабый туман начал пронизывать атмосферу. Дойл быстро подавил натянутую улыбку, когда Бенсон взглянул на него.

— Ты думаешь, я сумасшедший, не так ли? — спросил Бенсон.

— Нет, — ответил Дойл и замолчал. Он слишком хорошо изучил своего противника, чтобы изливать на него поток протестов, которые неизбежно будут фальшивыми.

Бенсон, улыбаясь, повернулся лицом к своему кузену. Вынув из кармана потрёпанную трубку, он долго смотрел на неё, а затем засунул обратно.

— Это хуже всего, — сказал Бенсон не к месту и усмехнулся. Внезапно он стал серьёзным.

— Возможно, в деревне тебе сказали, что я сума-

сшедший. Но они так не думают. Они боятся меня, Эл. Бог знает, почему, ведь я никогда не причинял им вреда. Всё, чего я ищу — это знание, а они не понимают этого. Но я не возражаю, потому что благодаря такому отношению деревенские держатся от меня подальше, а мне как раз требуется одиночество для своих исследований. Кроме того, это удерживает их от заблуждений, которых у обычных людей быть не должно.

— Они называют это «Домом Колдуна», — прокомментировал Дойл, изображая согласие.

— Да, кажется так. В конце концов, они могут быть правы. Давным-давно люди, которые искали тайное знание, назывались волшебниками. Но всё это наука, Эл, хотя наука, о которой обычный человек, даже ваш обычный учёный, ничего не знает. Ученый, однако, мудрее, потому что он понимает, что за пределами его трёхмерного мира зрения, слуха, вкуса и обоняния есть другие миры, с другой жизнью.

То, что я тебе скажу, может показаться невероятным, я знаю, но я должен сказать тебе это, чтобы ты сохранил здравомыслие. Ты должен быть готовым к тому, что увидишь сегодня вечером. Ещё один космос…

Бенсон задумался, глядя на книгу.

— Это тяжело. Я зашёл так далеко, а ты так мало знаешь.

Дойл заёрзал на месте. Его рука погрузилась в карман и осталась там, когда Бенсон посмотрел на него. Дойл знал, что лучше не дёргаться с предательской поспешностью.

— Скажем так, — продолжал Бенсон. — Человек — не единственный вид разумной жизни. Наука признаёт это. Но она не признаёт, что существует сверхнаука, которая позволяет людям вступать в контакт с этими сверхчеловеческими сущностями. Всегда были люди, ищущие эти глубокие, сокровенные знания, и всегда их преследовала толпа. Многие из так называемых волшебников древних времен были шарлатанами, как Калиостро. Другие — Альберт Магнус и Людвиг Принн — шарлатанами не были. Человек действительно должен быть слепым, если он отказывается видеть безошибочные свидетельства этих скрытых вещей!

Пока Бенсон говорил, его щёки покрылись румянцем, он стукнул тонким указательным пальцем по книге, открытой перед ним.

— Это здесь, в *«Книге Карнака»*, и в других книгах: *«Пресвятой Триософии»*, *«Ритуале Чхайя»*, *«Инфернальном Словаре»*, де Планси. Но человек

не поверит, потому что он не хочет верить.

Он убедил свой ум не верить. С древних времен единственная память, которая сохранилась у людей, — это страх перед теми сверхчеловеческими существами, которые когда-то ходили по Земле. Что ж, динамит опасен, но он также может быть и полезен.

— Боже мой! — воскликнул Бенсон, и странный огонь вспыхнул в его холодных глазах. — Как бы я хотел жить в те времена, когда старые боги ходили по Земле! Я мог бы столько узнать!

Бенсон поймал себя на полуслове, и почти подозрительно уставился на Дойла. Тихое шипение начало исходить от курильницы. Бенсон поспешно встал, чтобы осмотреть все шесть ламп. Они ещё горели, хотя странная синева теперь оттенила их пламя.

— Пока они горят, мы в полной безопасности, — объяснил он. — Если только пентаграмма не будет повреждена.

Дойл не смог подавить раздражительную гримасу. Конечно, Бенсон был сумасшедшим, но, тем не менее, Дойл нервничал, и не зря. Даже человек, сохраняющий самообладание в самой напряжённой ситуации, вполне может быть потрясён этими фантастическими приготовлениями и

безумными намёками Бенсона на чудовищных… как он там сказал …. «сверхчеловеческих сущностей»? Дойл решил побыстрее закончить эту гротескную комедию, и его палец ласкал курок пистолета.

— Это одно из тех существ, которых я вызываю, — продолжал Бенсон. — Ты не должен позволять себе бояться, что бы ни случилось, потому что ты в безопасности, пока находишься в пределах круга. Я призываю существо, которому человечество поклонялось вечность назад. Его имя — Иод. Иод, Охотник.

Дойл молча слушал, как его двоюродный брат рассказывает о тайном и забытом знании, скрытом в древних книгах и рукописях, которые тот изучал. Он узнал странные, в общем-то невероятные вещи, которыми занимался Бенсон. И, возможно, самой странной была легенда об Иоде, Охотнике за Душами.

Человек поклонялся Иоду в древние времена, под другими именами. Он был одним из старейших богов, и как гласит легенда, пришёл на Землю, в дочеловеческую эпоху, когда старые боги высоко летали между звёздами, а Земля являлась местом остановки для невероятных путешественников. Греки знали Иода под именем

Торфоний; этруски ежедневно совершали безымянные жертвы Вейовису, обитателю земель за Флегетоном, Рекой Пламени.

Этот древний бог не обитал на Земле, и у египтян было меткое определение для него, в переводе на английский язык означающее Крадущийся По Измерениям. Знаменитая и зловещая книга *«Тайны Червя»,* рассказывает об Иоде, как о Сияющем Преследователе, что охотится за душами, пересекая Тайные Миры, которые, как намекал Принн, означают другие измерения пространства.

Ибо душа не имеет пространственных ограничений, и именно за человеческими душами, пишет фламандский маг, охотился древний бог. Охота за душой доставляла Иоду чудовищное удовольствие, подобное тому, как гончая собака бежит и сбивает испуганного кролика; но, если адепт принял необходимые меры предосторожности, он мог спокойно призывать Иода, и бог мог служить ему странным, но желанным образом. Тем не менее, даже в запретных «Тайнах Червя», не было заклинания, которое вызвало бы Крадущегося По Измерениям из его тайного места обитания.

Бенсон смог собрать воедино заклинание, призывающее бога на Землю, только благодаря

тщательным поискам в полузабытых тайнописях — чудовищном *«Ишакшаре»*, и легендарном *«Старшем Ключе»*.

Более того, никто не мог сказать, какой облик примет Иод; шептали, что он не всегда сохраняет одну и ту же форму. В Раджгире, колыбели Буддизма, древние дравиды описывали своеобразный ужас этого бога. Реинкарнация является жизненно важным фактором в религиях Индии, и для ума индийца единственным настоящим видом смерти является смерть души.

Тело может погибнуть, превратиться в пыль, но душа снова продолжить жить в других телах, если только она не станет жертвой ужасной охоты Иода. Ибо Иод преследует души постоянно, шептал Бенсон; душа имеет силу бежать через скрытые миры от Сияющего Преследователя, но у неё нет силы спастись. И для человека, увидевшего форму Иода во всей её пугающей полноте, не защищённого необходимыми мерами предосторожности, это будет означать быструю и неминуемую гибель.

— В науке есть параллель, — заключил Бенсон. — Я имею в виду известную науку. Синапс даёт подсказку. Соединитель нейронов, по которым двигаются мыслительные импульсы. Если

в этом месте установлен барьер, блокирующий импульсы, результатом будет…

— Паралич?

— Скорее, каталепсия. Иод извлекает жизненные силы человека, оставляя только сознание. Мышление остаётся, но тело умирает. Египтяне называли это жизнью — в — смерти. Они… *подожди!*

Дойл быстро поднял глаза. Бенсон уставился в тёмный угол комнаты за пределами пентаграммы.

— Ты ещё ничего не чувствуешь? — спросил он.

Дойл покачал головой, а затем содрогнулся.

— Холодно, не так ли? — сказал он, нахмурившись.

Бенсон поднялся с места.

— Да, это оно. Теперь слушай, Эл, оставайся там, где ты есть. И не двигайся, если можешь. Независимо от того, что ты делаешь, не выходи из пентаграммы, пока я не… не отошлю обратно то существо, которое призываю. И не прерывай меня.

Глаза Бенсона пылали на его бледном лице. Он сделал странный жест левой рукой, и низким, монотонным голосом начал распевать на латыни.

«Veni diabole, discalceame… recede, miser…»

Температура в комнате изменилась. Внезапно стало очень холодно. Дойл вздрогнул и встал. Бенсон, стоявший к нему спиной, не обратил на это внимания. Заклинание превратилось в рифмованную тарабарщину на незнакомых Дойлу языках.

Bagabi laca bachabe
Lamac cahi achababe
Karrelyos…

Дойл вытащил из кармана маленький чёрный пистолет, тщательно прицелился и нажал на курок.

Выстрел был негромким. Тело Бенсона судорожно дёрнулось, и он обернулся, уставившись на своего кузена изумлёнными глазами.

Дойл убрал пистолет обратно в карман и отступил назад. На его одежде не должно оставаться пятен крови. Он внимательно наблюдал за Бенсоном.

Умирающий упал вперёд, и его тело издало неприятный глухой стук, когда ударилось о пол. Руки и ноги Бенсона слабо шевелились, словно

в чудовищном подражании пловцу. Дойл занервничал, наполовину вытащив пистолет из кармана. Какой-то звук сбоку заставил его повернуться и поднять оружие.

Из тьмы за пентаграммой раздался слабый шёпот, странное волнение в тёмном воздухе. Казалось, в тихой комнате внезапно возник небольшой ветерок. На мгновение Дойлу показалось, что темнота в углу стала ползти; затем шёпот прекратился. На лице Дойла возникла натянутая улыбка, когда он опустил пистолет и внимательно прислушался. Больше звуков не было, пока не раздался металлический стук. Дойл посмотрел на пол.

Бенсон лежал, раскинув руки. Недалеко от его пальцев оказалась одна из серебряных ламп. Она перевернулась, и её пламя погасло. Остекленевшие глаза Бенсона выражали злорадное веселье, и пока Дойл смотрел на побелевшее лицо кузена, оно изменялось, пока не осветилось торжествующей, нечестивой радостью. Это выражение лица оставалось неизменным, и наконец Дойл понял, что Бенсон умер.

Он вышел из пентаграммы, непроизвольно содрогнувшись, и поспешно коснулся электрического выключателя. Затем он начал методично

обыскивать комнату. Дойл старался не оставлять отпечатков пальцев, и чтобы быть вдвойне уверенным, натянул на руки резиновые перчатки. Ценного ничего не нашлось — набор серебряных кистей, немного драгоценностей, примерно сто долларов наличными.

Дойл снял с постели простыню и завернул в неё свою добычу. Затем он внимательно осмотрелся. Сейчас было бы неуместно совершить ошибку по неосторожности. Дойл кивнул сам себе, выключил свет и вышел из дома. Затем он нашёл палку, разбил окно, и нащупал задвижку. Она легко отворилась.

В небе восходила луна, и бледный луч света ворвался в открытое окно, превратив тень Дойла в чёрное, деформированное пятно на полу. Он быстро отошел в сторону, и свет упал на белое лицо мертвеца. Дойл долго смотрел в окно, прежде чем отвернуться.

Осталось только одно дело. Через полчаса и оно было выполнено, простыня с барахлом оказалась на дне стоячего болота в десяти милях от дома Бенсона. Теперь не осталось никаких улик, указывающих, что Бенсон умер не от рук грабителя. Когда Дойл поехал в свой родной город, он ощутил огромное облегчение, как будто его

напряжённые нервы наконец-то успокоились.

Однако возникла неожиданная реакция. Дойла стало ужасно клонить в сон. Летаргическую сонливость, которая охватила его, не удавалось развеять, хотя он опустил лобовое стекло, чтобы прохладный ночной бриз дул ему в лицо.

Дважды он чуть не съехал с дороги. Наконец, поняв, что он не может ехать дальше, Дойл свернул с шоссе, натянул плед на ноги и расслабился. Когда он проснётся, ему потребуется всего несколько часов, чтобы добраться до дома.

Он беспокойно поправил плед. Ночь стала очень холодной. Ледяные звёзды, казалось, пристально смотрели на него с неба, пылающего холодным сиянием. Как только Дойл начал засыпать, ему показалось, что он слышит чей-то смех…

Его разум охватили странные, гротескные образы — ощущение падения через пугающие бездны — ужасное головокружение, которое ушло и оставило его истощённым и беспомощным перед снами, которые пришли…

Дойлу приснилось, что он вернулся в дом Бенсона. Чёрные портьеры по-прежнему покрывали стены, пентаграмма всё ещё слабо светилась на полу, но серебряные лампы уже не горели. Вокруг

были темнота и тишина, и дул холодный ветер.

В странной непоследовательности сновидений Дойл осознал без особого удивления, что у комнаты нет потолка. Холодные звёзды пылали в струящемся небе. Без предупреждения над головой Дойла возникло аномальное пятно черноты. Что-то невидимое, как бесформенный силуэт на фоне звёзд, парило над открытой небу комнатой.

Посмотрев вниз, Дойл увидел, что тело Бенсона лежит там же, где оно упало. Остекленевшие глаза покойника, казалось, сияли шокирующим подобием внутреннего света. Глаза не смотрели на Дойла; они смотрели вверх, и свет, который исходил из этих ужасных впадин, фактически искажал темноту комнаты.

И теперь Дойл увидел, что нечто вроде толстой узловатой веревки спускается сверху. Она остановилась над лицом мертвеца, скручиваясь и извиваясь медленными, червеобразными движениями. Следуя за веревкой глазами, Дойл увидел, что она исчезала в чёрном пятне наверху, и он был странно рад тому, что его глаза не могли пронзить тьму, которая окутывала парящее в небе существо.

Очень медленно веки убитого Бенсона начали закрываться. Другого движения на всё ещё

бледном лице не было, за исключением почти незаметного закрывания век. Наконец, они полностью закрылись. Дойл наблюдал, как чёрная веревка двигалась беспокойно по комнате, извиваясь и скручиваясь кольцами, а над его головой стало медленно проявляться тусклое сияние. Оно усиливалось до тех пор, пока звёзды не стали выглядеть тусклыми призраками на фоне его великолепия, а затем сияние стало бесшумно опускаться с неба и направилось к Дойлу.

Его охватил ужас. Он попытался податься назад и обнаружил, что не может двигаться; какой-то странный паралич сна удерживал его в состоянии неподвижности и беспомощности. А в бледном сиянии над собой Дойл увидел расплывчатые, аморфные очертания, медленно вплывающие в поле его зрения.

Появилось существо, похожее на верёвку. Дойл сделал резкое, ужасное усилие, чтобы пошевелиться и разорвать невидимые узы, которые сковали его. И на этот раз ему удалось.

Паралич пропал; Дойл повернулся, чтобы убежать, и увидел перед собой пустоту. Пропасть тьмы, казалось, внезапно разверзлась у его ног, и он почувствовал, что падает вперёд. Раздался резкий удар, а затем сильнейший толчок, кото-

рый сразу же запутал все ощущения Дойла. Через секунду он почувствовал, что уже полностью погрузился в пропасть, а затем серый свет окутал его. Комната без потолка пропала. И Бенсон, и плавающий ужас исчезли.

Дойл оказался в другом мире. *Ещё одинмир сновидений!*

Это странное чувство нереальности! Дойл осмотрелся и обнаружил, что он купается в сером свечении, не имеющем видимого источника, а над его головой воздух сгущался в туманную, непрозрачную дымку. Странные маленькие, кристаллические образования пестрели на плоской равнине вокруг него, создавая скопление мерцания, мигающего света. Необычные существа, похожие на воздушные шары размером с голову, беспрестанно качались в воздухе вокруг Дойла, плавно двигаясь с потоками ветра. Они были идеально круглыми, покрытыми сверкающими рептильными чешуйками.

Один из них лопнул, пока Дойл смотрел, и облако крошечных, светящихся пятен медленно поплыло вниз. Когда пятна коснулись земли, они стали превращаться в странные, маленькие кристаллы, которые растянулись в туманную даль вокруг него.

Вверху начал сиять тусклый свет — бледное, ослепительное сияние, за которым Дойл с опаской наблюдал несколько мгновений, прежде чем осознать его значение. Наконец, он понял, что это, когда в этом сиянии различил знакомые, тревожные очертания. И без предупреждения чёрный завиток целенаправленно опустился вниз — разыскивая Дойла!

Дойл ощутил холодный шок и ужас. Неужели этот сон никогда не закончится? Странный паралич снова захватил его. Дойл попытался вскрикнуть, но из его застывших губ не вышло ни звука; и незадолго до того, как червеподобный конец щупальца коснулся его, он вспомнил свой прежний побег и совершил безумное усилие, чтобы разорвать эти неосязаемые узы. И вновь чёрная бездна разверзлась у его ног; снова пришло мучительное дребезжание, когда он упал вниз, и ещё раз тёмная завеса была отдёрнута, чтобы явить фантастическую, чуждую сцену.

Вокруг Дойла возник запутанный лес из пышной растительности. Кора деревьев, а также листья, толстые массы виноградных лоз, даже трава под ногами имели угрожающий, сияющий малиновый цвет. И это было не самое худшее. Всё было живым!

Лозы корчились и качались на деревьях, а сами деревья беспокойно раскачивались, их ветви скручивались в жарком, застойном воздухе. Даже длинная, мясистая трава у ног Дойла совершала тошнотворные, червеподобные движения.

Солнца не было — просто пустое голубое небо, неуместно спокойное над извивающимся ужасом. Дойл увидел, как малиновая, змеевидная лоза, толщиной с его руку, бросилась к нему, и он снова сделал то отчаянное усилие, чтобы сдвинуться с места. В тот же момент он заметил ядро знакомого свечения, пульсирующего в воздухе над ним. Затем тьма ненадолго овладела Дойлом и ушла, чтобы раскрыть ещё один мир.

Дойл оказался в огромном, возвышающемся амфитеатре, смутно напоминающем Колизей, но намного больше. Ярусы сидений поднимались вдаль, и множества созданий волнами заполняли их. От первого ряда сидений Дойла отделял квадрат пространства, и там стояли четыре существа.

Они были чудовищами, бесчеловечными и ужасными. Поверх толстых, опухших, темнокожих мешков располагались бесформенные шары, мёртво-чёрные, за исключением своеобразных белёсых отметин, которые не следовали никакому определённому шаблону. Из зияющей дыры

в каждом шаре свисала цепочка бледных лентовидных придатков, а чуть выше этого отверстия находился бледный, глянцевый диск с интенсивно чёрным центром.

Эти тела, как заметил Дойл, были одеты в какую-то чёрную субстанцию, так что его взору был явлен только общий человекоподобный контур. Он мельком увидел незнакомые придатки, выступающие через одежду, но их назначение было непонятным.

Один длинный хоботок напоминал миниатюрный ствол слона, и он висел там, где должен был находиться пупок. На другом, коротком, висячем лоскуте была овальная опухоль. Самое страшное откровение, однако, произошло, когда одно из существ подняло свою руку, и из появившейся зияющей полости лениво высунулся розоватый язык.

Вокруг Дойла бормотание усилилось и переросло в рёв. Толпы на дальних сиденьях резвились и танцевали. Четверо ближайших существ, размахивая отвратительными придатками, приближались к Дойлу.

Вокруг Дойла появилось пятно света, которое всё увеличилось. Пока он смотрел на пятно, оно начало светиться тем странным ярким пламе-

нем, которого он боялся. Четверо находящихся неподалёку существ поспешно отошли на безопасное расстояние. Но на этот раз Дойл был готов. Его тело затряслось при виде ужаса, материализующегося в свете; Дойл напрягся, на этот раз без особых усилий, и снова упал в черноту.

Из бесцветной пустоты он вышел в ослепительное пламя обширного поля ледяной белизны, где ни единого объекта не было видно в безграничном пространстве, а сверху нависало чёрное небо без звёзд. Холод бездны опалил Дойла до костей, это был предельный холод безвоздушного пространства. Он не стал ждать, когда явится преследователь, чтобы испытать волю Дойла, которая отправила его в ещё один мир.

Затем он стоял на чёрном, студенистом веществе, которое беспокойно вздымалось под его ногами, как будто это была шкура какого-то циклопического монстра. Казалось, что она растягивалось на многие километры. Вскоре предупреждающий свет слился с воздухом над Дойлом. Вздрогнув, Дойл метнулся в защитную тьму.

Далее он оказался на поле твёрдой, замёрзшей коричневой земли с феноменально красивым ночным небом над головой, усыпанным незнако-

мыми созвездиями и большой кометой, пылающей в своём седом величии среди звёзд. А из этого мира Дойл бежал в странное место, где ему пришлось стоять на поверхности льда или стекла. Взглянув вниз, он увидел под ногами туманные и нечёткие фигуры, которые, казалось, были заморожены или захоронены там; колоссальные формы, выглядевшие совершенно нечеловеческими, насколько он мог разглядеть их сквозь облачную кристаллическую субстанцию.

Следующее видение было самым худшим. После стремительного погружения в темноту Дойл вдруг обнаружил вокруг себя огромный город, возвышающийся до самого чёрного неба, на котором полыхали две разъяренные алые луны; он мог своими глазами видеть их движение. Это был колоссальный и шокирующий город из неравносторонних чёрных башен и крепостей, которые, казалось, следовали какой-то ненормальной и неправильной системе геометрии. В целом, это выглядело неописуемым конгломератом каменных ужасов, и архитектурное безумие города вызывало острую боль в глазах Дойла, когда он пытался рассмотреть невозможные плоскости и углы.

Затем Дойл мельком увидел аморфных, кош-

марных обитателей, отвратительно кишащих в этом гигантском городе, и смертельный ужас охватил его. Он отчаянно бросился в чёрную пропасть, которая ждала его, как и прежде.

Дойл, казалось, падал сквозь безграничную бездну в течение бесконечных тысячелетий. Внезапно он обнаружил себя задыхающегося и вспотевшего в своём «родстере», и увидел в отступающей перед рассветом тьме силуэты близлежащих деревьев.

Дрожа, Дойл нащупал отсек под приборной панелью. Его горло пересохло, голова раскалывалась. Ему нужно было выпить. Он нащупал бутылку. И замер.

Необъяснимый свет падал на него!

Дойл вжался в сиденье, его глаза расширились от невероятного ужаса. И тут медленно из пустого воздуха, пульсирующего от напряжения космических сил, начала появляться чудовищная сущность. Постепенно из ослепляющего света она вплыла в поле его зрения, пока Дойл не увидел парящее над ним звёздное отродье инопланетного и забытого измерения — *Иода, Охотника За Душами!*

Этот нечестивый призрак был не однородной сущностью, он отвратительно совмещал в себе

неуместные элементы. Странные минеральные и кристаллические образования посылали своё свирепое свечение сквозь чешуйчатую, полупрозрачную плоть, и всё это купалось в вязком, ползущем свете, который чудовищно пульсировал вокруг основного ужаса. Тонкая слизь капала с перепонок на капот автомобиля; и, когда эта слизь втекала внутрь, отвратительные, похожие на растения придатки, слепо корчились в воздухе, издавая голодные, сосательные звуки.

Это был пылающий, космический ужас, порождённый отверженной вселенной; ужасная, дочеловеческая сущность, вырванная из далёкого прошлого с помощью древней магии. Огромный фасеточный глаз бесстрастно смотрел на Дойла холодным взглядом змеи Мидгарда, и щупальце, похожее на верёвку, начало целенаправленно раскачиваться по мере продвижения вперёд.

Дойл прилагал безумные усилия, чтобы разорвать невидимые узы, которые снова его сковали. Он напрягался и боролся до тех пор, пока его виски не начали пульсировать в агонии, но ничего не происходило, за исключением того, что из сморщенного отверстия на морщинистой нижней поверхности твари раздался — пронзительный свист. Затем щупальце развернулось, и

его кончик бросился, как змея, на лицо Дойла. Он почувствовал холодное прикосновение ко лбу, и жестокая, сильнейшая боль проникла в его мозг.

В сияющем свете окружающий мир вспыхнул и исчез, и ужасное всасывание начало неумолимо тащить мозг Дойла. Жизнь вытекла из него за один ужасный прилив боли.

Затем агония в его голове уменьшилась и исчезла. Прозвучал короткий, пронзительный свист, который, казалось, неохотно отступил на огромное расстояние, и Дойл остался один посреди нависшей, угнетающей тишины.

За исключением неподвижной фигуры в машине, дорога была пуста.

Элвин Дойл попытался поднять руку, и обнаружил, что не может пошевелиться. С холодным ужасом, охватившим его, он попытался вскрикнуть, позвать на помощь, но из его замороженных губ не вышло ни звука.

Внезапно он вспомнил слова Бенсона: «… Иод извлекает жизненные силы человека, оставляя только сознание. Мозг живёт, но тело умирает… жизнь в смерти.»

Дойл потерял сознание. А когда он очнулся, то увидел, что его машину окружила дюжина зевак. Мужчина в униформе что-то делал с зеркальцем.

В ответ на вопрос, который Дойл не расслышал, мужчина мрачно покачал головой:

— Нет, он совсем мёртв, всё в порядке. Посмотри на это.

Мужчина показал зеркальце.

— Видишь?

Дойл попытался вскрикнуть, чтобы доказать им, что он жив. Но его губы и язык были парализованы. Он не мог выдавить из себя ни звука. В его теле не было ощущений; он не осознавал своего существования. Медленно лица вокруг него превратились в белые пятна, и гром безумия громко взревел в его ушах.

Это был подозрительно ритмичный гром. Серия сотрясающих ударов — глухой стук комков земли, падающих на гроб, — абсолютный ужас существования, которое не было ни жизнью, ни смертью.

Перевод: А. Черепанов

Натаниэль Кац
Deus ex Machina

Nathaniel Katz «Deus ex Machina», 2011

От автора: *Боги Древней Греции походили на обычных людей — отличались лишь силой и быстротой, умом и храбростью, красотой и долголетием. Считалось, что в ходе спектаклей, разыгрываемых в качестве ритуалов во время праздника Диониса[117], боги выходят на подмостки в телах актёров. Актёры-боги появлялись на сцене при помощи специальных механизмов и решали дилеммы персонажей — таково буквальное происхождение термина* «Deus ex Machina»[118]. *Применительно к антологии, отражающей мировоззрение Лавкрафта, напрашивается вопрос: что же ещё может произойти?*

Любая религия, независимо от того, насколько она якобы благотворна, имеет в своей основе запрет. Неужели вы считали поклонение Дионису исключением? Вы столь наивны, братья? Каждый из нашего тайного общества являлся изгоем Диониса. Мы были не нужны вашим богам, но отказались оставаться игрушками, послушно отброшенными в сторону по прихоти хозяев.

---

[117] Примечания: 117

Дионис — бог плодородия и виноградарства, веселья и плотских утех, вдохновения и театра в древнегреческой мифологии.

[118] Примечания: 118

Deus ex Machina (с лат. — «бог из машины») — божественное вмешательство, разрешающее проблемную ситуацию.

Не утруждайте себя определением индивидуальной меры вины. Каждый из нас внёс посильный вклад. Мы все читали и критиковали сценарий; мы все помогали с ритуалами и заклинаниями. Мы все распространяли оккультные тексты, к которым так неодобрительно относятся ваши ревнивые боги. Мы стали ролями, инструментами, но не более того. Драматург написал нашу пьесу, написал то, что стало вашей Трагедией. Торговец финансировал нас…

Я? Хотите знать, кто *я*? Я лишь Актёр. Однако вам и так это известно.

Мы должны были выступать в финале праздника, устроенного в честь треклятого Диониса, и хорошо понимали ожидания публики. Видите ли, мы являлись не только богохульниками, но и талантливыми людьми сцены, сидящими в этом театре под открытым небом и оценивающими игру других, пока толпа шептала наши имена. Мы созерцали сатиров, вышагивающих по помосту. Наблюдали за тем, как ваши боги, противостоять которым мы поклялись, опускаются на сцену, словно на равнину смертных, при помощи великой закулисной машины, прозванной «Журавлём».

Глаза богов были ужасны. Смотреть в них и

замышлять такие вещи.

Но мы выстояли. Мы смотрели в их глиняные лица и не отводили взглядов.

Мятежница не присутствовала, и вы её не найдёте. Она выскользнула из цепких пальцев Диониса, так на что же вы надеетесь, смертные? Раньше она была одной из менад, последовательниц Диониса, членом самого почитаемого круга священного культа.

Или вы думаете, что эти менады, спутницы Диониса, многого желают? Они *обмануты* и *связаны*, сограждане! Откройте глаза! Вы позволили богам сформировать ваше восприятие, ваши мысли, ваш мир. И теперь пытаетесь утверждать, что свободны в выборе пути. Вас ослепили, братья мои. Эти менады, эти *неистовствующие*, как вы их называете, привязаны к Дионису при помощи удовольствий и наслаждений, однако и они сбрасывают свои цепи, даже когда их воля предаётся мечу низменной природы порочного бога.

Но хватит о Мятежнице. Она помогла нам, а затем ушла, и это всё, что вы о ней узнаете. Пытайте меня, если угодно. Мучайте всех нас. Мы не скажем больше ни слова о ней, так как сами ничего не ведаем.

Спектакль, который мы поставили, стал вен-

цом освобождения. Вы наклонялись вперёд, чтобы лучше видеть; вы восторженно следили за происходящим на сцене. Наши диалоги формировали вашу реальность. Сойдя со своих священных путей, вы погрузились в нашу драму.

Знаете ли вы, сограждане, что я ненавижу в обычаях драматургии? Я терпеть не могу концовки пьес. Нам удалось превратить *жизнь* в *искусство*, воплотить на подмостках собственные души, учиться на своих же недостатках и достоинствах. А после мы из раза в раз всё портим.

Я плакал над творениями Еврипида. Неизменно, когда его пьесы подходили к концу, он лишал нас решимости. Он отворачивался от созданных им же героев и вместо того, чтобы искать человеческие способы решения проблем, обращался к божественному вмешательству.

Это *заблуждение*; разве вы не видите? Боги не вмешиваются! Богам всё равно! Боги просто *лицемерят*.

Раз за разом они появляются на сцене, насильно кормят нас *проклятой* ложью, пытаются утешить своим присутствием и завязывают перепутанные нити судеб в красивый бант, которым можно украсить лишь их жалкую аморальность.

Это вызывает у меня отвращение.

Когда Журавль опустил меня на помост, вы подумали, что я один из тех богов? Богов, какими ненадолго стали многие другие актёры?

Я плохо помню то, что последовало за этим: шаг вперёд с широко разведёнными в стороны руками; ритуальное самоубийство нашего хора, жертвующего собой; слова, сказанные в то время, когда кинжалы пронзали сердца.

В памяти мало что сохранилось, но свидетельства повсюду вокруг меня: разрушенные алтари, сожжённые здания, мёртвые жрецы.

Мы заключили сделку с Существом. У него нет имени. Мы не знаем, что это такое.

Мы выпустили хищника посреди стада.

Мы убили ваших богов, сограждане. То Существо управляло моим телом, как возница правит повозкой; то Существо подступило к Дионису в маске, смотрящему спектакль, и вонзило клинок в его шею, чтобы увидеть, как льётся смертная кровь; *то Существо* было нашими молитвами, обретшими физическую форму, и богоубийцей, рождённым призывом и драмой на святой земле.

Оно не исчезло, то Существо, которое мы пробудили. Я очнулся, как все вы знаете, посреди бойни и почти без памяти, но оно не уснуло снова. Су-

щество освободилось.

Оно не успокоится, пока все земные боги не умрут, а мир не изменится навсегда.

Отныне и вы свободны, даже если слишком одержимы верой, чтобы узреть это.

Смертные… мы вручаем вам бразды правления миром!

Делайте, что хотите.

Перевод: Б. Савицкий

Эдвард М. Кейн
Ключ поэта

Edward M. Kane «The Key Of The Poet», 1997

I

Доктор Спенсер Драйден закрыл за собой дверь, войдя заставленную книгами комнату с кленовыми панелями, которая служила ему в качестве личного кабинета, спальни и офиса. Серый свет зимнего утра безмолвно заливал помещение. Некоторое время Драйден неподвижно стоял у окна и смотрел на неумолимый снег, который с нарастающей силой шёл с раннего вечера. Ему

вдруг вспомнилась особенно суровая зима, которую он провёл в колледже в Новой Англии.

Перейдя к своему столу, Драйден сделал паузу, чтобы включить катушечный магнитофон и прослушать основные моменты из цикла «Кольцо" Рихарда Вагнера в исполнении Гуннара Освардга, дирижирующего Ноленским Филармоническим оркестром. Откинувшись в кресле, Драйден с закрытыми глазами слушал мягкие мистические звуки «Путешествия Зигфрида по Рейну". Временами он испытывал то самое физическое и душевное возбуждение, которое у него всегда вызывало прослушивание Вагнера. В музыкальных творениях этого композитора, особенно в «Парсивале" и «Кольце Нибелунга», по твёрдому убеждению Драйдена было нечто такое, что пробуждало «нерождённого бога" в душах таких людей, как он сам. Драйден размышлял о том, что Вагнер, возможно, затронул тусклый или частично атрофированный аккорд эмоций, таящийся глубоко в расовом подсознании некоторых чувствительных индивидуумов. Он воскресил забытые и смутные воспоминания о далёкой эпохе, когда существа, непохожие на человека, властвовали над Землёй. Разве гномы, драконы, ледяные великаны и полубоги из «Нибелунга"

не имели реальных прототипов в некоторых туманных и аллегорических доисторических мифах? Какое мрачное вдохновение разожгло пламя в холодном воображении неизвестного исландского поэта за много веков до того, как гений Байройта воплотил его в шедевр песни, музыки и действия, которые должен был увидеть и услышать потрясённый мир?

Драйден часто задавал себе вопросы, на которые не было простых ответов, потому что он был необычным человеком, почти уникальным человеком… и не только в этом. В своей собственной области деятельности он был человеком поразительного таланта и оригинальности, сочетавшим в себе эти, иногда взаимоисключающие, качества — блестящие способности и здравый смысл. Любой, кто хоть немного интересуется современной архитектурой, вспомнит многочисленные похвалы в его адрес со стороны градостроителей и журналистов из нескольких крупных городов. Просторные, богато украшенные интерьеры и чёрные экстерьеры почти пуританской строгости парадоксальным образом объединились в стиль, за который Драйден получил признание. Его творения благосклонно сравнивали с работами Райта, Ле Корбюзье и Ласдуна, хотя сам Драйден

не мог обнаружить ни малейшего сходства с ними ни в теме, ни в исполнении. Менее чем за десять лет он заслужил славу и репутацию, на достижение которых у других ушло четверть века.

Не проходило и недели, чтобы имя Драйдена не появлялось в светских колонках; чаще всего оно было связано с именем какой-нибудь начинающей молодой актрисы или красивой дочери какого-нибудь несносного промышленника-нувориша, который мог только выиграть от бесплатной рекламы. Матроны высшего общества преклонялись перед архитектором с очаровательным умом и безупречными манерами и делали всё возможное, чтобы обеспечить его присутствие на своих благотворительных балах и частных вечеринках.

Но была и другая, более тёмная сторона этого человека, о которой другие люди не знали. Подобно волшебному зеркалу, он отражал лишь тот образ, который хотели видеть его друзья из высшего общества, и мало кто из них захотел бы заглянуть за зеркало, в чёрные стигийские глубины души Драйдена. Потому что те, кто мог заглянуть в эту скрытую область, обнаружили бы интеллект, увлечённый до одержимости идеями и стремлениями, которые показались бы

обычному человеку странными, или эти идеи могли показаться людям симптомом какого-то тревожного психического расстройства.

Существовала непостижимая пропасть между внешней жизнью Драйдена, который с притворным интересом слушал злобные сплетни своих бывших товарищей об особых сексуальных наклонностях или шатком финансовом положении какого-нибудь отсутствующего лица, и Спенсером Драйденом, сокрытым в тени, когда его интересы касались вещей настолько ужасных и странных, что он мог бы взорвать изъеденные червями мозги этих хладнокровных кретинов и погрузить их в ужас, если бы Драйден решил заговорить об этих своих интересах.

Как и предполагал Драйден, звонок в его дверь раздался ровно в десять часов. Пронизывающий зимний ветер ворвался внутрь вместе со сгорбленным разносчиком писем. Натянутая улыбка краснолицего почтового работника была единственным признаком того, что он рад минутной передышке от непогоды. Ворчливо поздоровавшись с Драйденом, он начал выполнять привычные действия. Войдя в кабинет, он начал вынимать из своего потрёпанного непогодой холщового мешка разнообразные посылки

и письма, и бессистемно разложил их на столе. И поскольку это стало уже привычным делом, Драйден достал бутылку «Чивас Ригал" из винного шкафа и наполнил две рюмки, которые поставил на стол перед входной дверью поверх пятидолларовой купюры. Обычно он ставил одну рюмку и два доллара, но это была особая доставка, и почтальону пришлось повторно выйти на улицу, чтобы принести большой деревянный ящик, доставку которого он мог бы с таким же успехом доверить молодым сотрудникам, но в этом случае посылка, вероятно, прибыла бы через три или четыре дня…

После ухода почтальона Драйден снова запер за собой дверь и сел за письменный стол. Под внушительной стопкой свежей почты лежала безнадёжная куча личных бумаг, технических отчётов, строительных журналов и чертежей. Отбросив в сторону как можно больше этих бумаг, Драйден освободил место на столе. Он начал просматривать почту, осторожно открывая подарки на день рождения. Необычный объём почты в основном объяснялся запросами и просьбами Драйдена о предоставлении информации и материалов, которые нельзя было получить по обычным каналам, не вызвав нежелательного

любопытства по поводу неясного характера его исследований.

От эрудированного исследователя оккультных знаний из Монтерея, штат Калифорния, прибыл тщательно запечатанный конверт, содержащий две рукописные копии одной страницы из этого спорного и полулегендарного труда, «Китаб Расул аль-Акбарин". Из письма, отправленного по почте из долины Шаванганк в штате Нью-Йорк, Драйден извлёк анонимное послание с предупреждением «убедиться в правильности углов на вашем рабочем месте" и «проконсультироваться с формулами Крана-Веля, прежде чем приступать к делу". Небольшой коричневый пакет с почтовым штемпелем резервации Квакиутль, Британская Колумбия, содержал три пузырька со странными цветными порошками и записку, написанную на каком-то загадочном алфавите нервной, дрожащей рукой. Из Кехотоксила, Боливия, прибыл деревянный ящик, наполненный бледно-зелёными растениями, напоминающими какой-то слегка мутировавший сорт шпината. В другом, меньшем ящике, присланном с полинезийского острова Мауке, завёрнутые в толстый хлопок и истрёпанные газеты, лежали девять зеленоватых мыльных камней, вырезанных в

виде пятиконечных звёзд.

Драйден с трудом подавил ухмылку, рассматривая эту озадачивающую коллекцию всякой всячины с четырёх концов земного шара. Он осторожно взял стебель сушёной травы и внимательно рассмотрел его. Он был практически уверен: это то, что ему нужно. После всех этих лет он наконец-то мог начать всерьёз. После всех этих лет… теперь это было то, что требовало выпивки. Наполнив свой стакан из той же бутылки, что явилась на свет для вознаграждения почтальона, Драйден откинулся на спинку кресла, не сопротивляясь мыслям, что начали лениво перемещаться в прошлое, к тому дню, когда эта история фактически началась. Он был слегка удивлён тем, насколько живо и легко вспоминались события даже по прошествии почти десяти лет.

* * *

Венделл несколько минут колотил в дверь его спальни, прежде чем Драйден впустил его. Сначала Драйден решил не обращать внимания на настойчивый стук в тщетной надежде, что Венделл сдастся и уйдёт. Но, зная об упрямом упорстве Венделла, он нехотя уступил и впустил

гостя в свою комнату. Пройдя мимо Драйдена с напускным возмущением, Венделл снял с себя тяжёлое пальто и шарф, и бросил их на ближайший стул. Сев на пол и скрестив ноги — Венделл твёрдо верил в терапевтическую ценность различных йогических поз — он достал свою курительную трубку и начал набивать её ароматным табаком, который носил с собой в потёртом кожаном кисете. Тогда Драйден точно знал, что его ожидает один из длинных диалогов Венделла на какую-то тему, до которой ему не было никакого дела. Конечно, как только Венделл удобно устроился и раскурил трубку, он принялся рассказывать. Заговорщицким шёпотом Венделл объявил, что, по его сведениям, полученным из надёжного источника, в библиотеке кампуса есть запертая комната, полная старых книг, которые никому, за исключением нескольких молчаливых, старых учёных, не разрешается видеть. Почти автоматической реакцией Драйдена было усомниться в рассказе Венделла, потому что он хорошо знал его… на самом деле Драйден и Венделл были знакомы более двух лет. Поэтому Драйден прекрасно знал о романтической, почти болезненной привязанности Джона А. Богарта Венделла ко всему странному и загадочному, благодаря чему он

заслужил в университете незавидную репутацию сумасшедшего. Также Драйден знал, что, если какая-то тайна действительно существует, Венделл приложит свои немалые таланты к тому, чтобы сделать её ещё более сложной, подобно проблеме происхождения жизни или существованию Бога.

Те студенты, а среди них был и Драйден, которым посчастливилось стать свидетелями дебатов Венделла с флегматичным старым преподавателем археологии, профессором Хэндли, о технике, использованной при строительстве древнего города Тиауанако, должны были признать, что какими бы смехотворными ни казались выводы Венделла, они были сделаны на основе неопровержимых фактов. Помня об этом инциденте, Драйден решил дать Венделлу возможность изложить свою точку зрения.

Развлечения могут быть редким товаром в университетском городе, переживающем самую суровую зиму за последние шестьдесят лет. Поэтому Драйден был более чем готов предаться любому небольшому развлечению, дающему возможность повеселиться в скучной ситуации. В таком настроении он шутливо предложил Венделлу помочь ему разгадать последнюю из бесконечной череды загадок. Венделлу не по-

требовалось много времени, чтобы уговорить Драйдена пойти в библиотеку, как только её двери открылись на следующее утро. Там, по словам Венделла, он должен попросить книгу под названием «Некрономикон», которая, как заверил его Венделл, была одной из тех, что хранились в тайнике и были недоступны для обычных студентов. После неоднократных заверений Драйдена в том, что он действительно выполнит своё задание в библиотеке, Венделл исчез в коридоре общежития, весело насвистывая фрагмент из «Ведьмы" Паганини.

Холодный ветер обжигал лицо Драйдена, а из его носа и рта при каждом выдохе вылетали клубы пара, когда он, протаптывая дорогу по снегу глубиной по колено, направлялся к внушительному кирпичному строению, в котором располагалась университетская библиотека. Всё это время он чувствовал себя немного глупо из-за необходимости просить книгу, которую Венделл, не исключено, мог просто выдумать. На мгновение его посетила ужасающая мысль, что он может стать невольной жертвой одной из инфантильных шуток Венделла. Предположим, спросил он себя, Венделл обнаружил, что библиотекарь свободно говорит по-гречески и что

слово «Некрономикон" означает нечто крайне непристойное. Он выбросил эту мысль из головы и вошёл в библиотеку.

Драйден сразу понял, что что-то не так, когда библиотекарь, пожилой мужчина по имени Хардклифф, побледнел, услышав название книги, которую просил Драйден. Ему грубо приказали пройти в кабинет куратора, где Драйден провёл почти час, отвечая на вопросы, смысла которых он не понимал. В конце концов ему удалось убедить хранителя, что он не имеет ни малейшего представления о содержании или даже общей тематике книги. Драйден объяснил, что однажды слышал или читал об этом названии. Нет, он не помнил, где и от кого, и решил поискать эту книгу. Очевидно, куратор был удовлетворён его объяснением, и Драйдена отпустили со строгим предупреждением, чтобы он посвятил себя учёбе и не занимался такими вещами, как «Некрономикон". Никаких причин для неожиданного допроса не было названо, и Драйден знал, что лучше не пререкаться.

На лице Венделла было одно из тех самодовольных выражений, которые так раздражали Драйдена, когда он рассказывал эту историю за кружкой пива в пабе «Бык и Куст" в тот полдень.

В кои-то веки Драйдену пришлось признаться самому себе, что одна из загадок Венделла была чем-то большим, чем плодом бесконтрольного и чрезмерного воображения. Когда он спросил Венделла, что же, по его мнению, было в этой книге такого, из-за чего её держали в секрете, а сотрудники библиотеки волновались, когда кто-то просил её посмотреть, Венделл не отказался от объяснений.

Заказав у бармена очередную порцию пива, Венделл терпеливо ждал, пока его принесут, прежде чем высказать своё мнение. Когда кружки были поставлены перед ними, Венделл повернулся, чтобы посмотреть в кабинку позади себя, как будто боялся, что его подслушают. Венделлу всегда нравилось драматизировать ситуацию, поскольку это, как он считал, подчёркивало его обычно странные разговоры. Он уверенно ответил, что «Некрономикон», несомненно, является давно замалчиваемой классикой эротической литературы, возможно, даже потерянным дополнением к «Сатирикону" Петрония. Всё это показалось Драйдену довольно правдоподобным, ведь, в конце концов, должна же быть какая-то причина для странного поведения сотрудников библиотеки. Догадка Венделла была ничуть не

хуже других.

Допив пиво, Венделл заказал ещё одну порцию и с явным удовольствием пустился в пространные рассуждения о пресловутом развратнике при дворе Нерона и предположил, что Петроний написал более раннее упражнение в эротизме, когда служил Римской империи в качестве консула в Вифинии. Развивая свою теорию, Венделл предположил, что большинство копий «Некрономикона" было уничтожено или утеряно, когда Аларик и его Готы разграбили Рим в 410 году. Сменявшие друг друга волны варваров-захватчиков уничтожали или сжигали то, что осталось от римских литературных произведений. На протяжении всего средневековья люди, такие как Поджио Браччолини из папского двора, делали кропотливые переводы сохранившихся документов и трудов классических времён. Сам Браччолини заново открыл многие произведения античности — классиков уровня Цицерона, Ювенала и Лукреция, так кто скажет, что какой-то другой давно забытый учёный не спас «Некрономикон" от вероятного забвения в разрушающихся сводах какого-нибудь готического монастыря или римской гробницы.

Теперь, заключил Венделл, эти ханжи из чис-

ла преподавателей и попечительского совета скрывают произведение искусства из нашего классического наследия, которое должно быть обнародовано для назидания и удовольствия людей во всём мире. Драйден знал, к чему приведут рассуждения Венделла. Он также предвидел, что скоро из жужжащей головы его товарища вылетит последняя пчела. Венделлу не потребовалось много времени и пива, чтобы предложить свой план.

Вопреки здравому смыслу Драйден согласился тайно пробраться в библиотеку вместе с Венделлом. Ночь была безлунной и облачной. Температура, всего около четырёх градусов выше нуля, гарантировала, что поблизости не будет никого, кто мог бы случайно стать свидетелем их ночных занятий. Им удалось проникнуть в библиотеку через незапертое окно в подвале и с помощью фонариков пробраться на второй этаж, где должны были находиться «Книги". Драйден был встревожен и готов был сдаться, когда обнаружил не просто запертую комнату, а дверь хранилища с кодовым замком. Венделл лишь заметил, что они должны быть благодарны за то, что здесь лишь один замок, а не сложное устройство с сигнализацией. Приложив ухо к

замку, Венделл начал медленно вращать диск с цифрами. Сначала он повернул его по часовой стрелке, затем против часовой. Он повторил процедуру шесть раз. Затем Венделл встал, повернул ручку и потянул на себя дверь. Чудесным образом она распахнулась с протяжным, высоким визгом. Венделл вежливо отказался пояснить, где он приобрёл такие впечатляющие навыки взлома сейфов.

Оказавшись в хранилище, довольно большом помещении размером пятнадцать на десять футов, Драйден быстро нашёл стеклянный ящик, в котором хранился «Некрономикон". Он сомневался, что когда-нибудь сможет забыть запах, который исходил от пергаментных страниц, когда Драйден осторожно открыл книгу на середине. Это был запах как от мёртвого животного. Драйден осветил карманным фонариком строки, выполненные чёрными чернилами, которые за прошедшие века лишь слегка потускнели. Мысленно переведя средневековую латынь на английский, он начал читать вслух, чтобы Венделл тоже услышал, пока тот деловито метался по комнате, вытаскивая с полок всевозможные книги в кожаных переплётах и с железными застёжками, и складывая их в стопки посреди пола.

Драйден прочитал около половины страницы, захлопнул книгу и воскликнул вслух:

— Петроний, твою мать! Это дерьмо не менее порнографично, чем Библия короля Якова, на что она и похожа.

Но Венделл его не слышал, а если и слышал, то предпочёл проигнорировать. Всё своё внимание он уделял заплесневелой книге, на потрёпанном корешке которой было написано «Unaussprechlichen Kulten". Он перелистывал страницы с таким выражением лица, что оно показалось Драйдену чем-то средним между шоком и безудержным ликованием. Теперь с Венделлом было не поговорить. Он нашёл свою тайну, окончательную тайну, от которой невозможно отступить, разве что в ужасе и безумии. Драйден вновь обратился к «Некрономикону" и окунулся в нечестивое сияние его отвратительных откровений о Древних, когда те правили первобытной Землёй. И вот они оба сидели, погружённые в кошмарный мир запретных знаний, загипнотизированные ужасом, содержащимся в книгах, когда ночной сторож заметил приоткрытую дверь хранилища и вызвал полицию.

Обвинения в краже со взломом были смягчены снисходительным судьёй до статьи о хулиган-

стве, но попечительский совет Мискатоникского университета настоял на немедленном отчислении Венделла и Драйдена. Однако было уже слишком поздно для порицания или наказания. И он, и Венделл вкусили запретных плодов и навсегда утратили вкус к интеллектуальным объедкам. Потребуется нечто большее, чем отчисление из университета, чтобы умерить этот аппетит.

* * *

Нервный скрежет снегоуборочной машины под его окном вывел Спенсера Драйдена из задумчивости. Он рассеянно смотрел в окно, где метель стремилась захватить улицы, загоняя всех, кроме самых решительных пешеходов, обратно в укрытие и тепло своих домов. Он сделал мысленную пометку, что нужно как можно скорее телеграфировать Венделлу. Драйден снова наполнил свой стакан и откинулся в кресле. Как всё прошло после того позорного эпизода?

* * *

В то время казалось, что все надежды на то, что он когда-нибудь станет архитектором, бы-

ли разрушены до основания. Его семья сначала была потрясена, но постепенно смирилась: что сделано, то сделано. Влиятельные друзья отца добились его поступления в небольшой колледж в Нью-Гэмпшире, и после четырёх лет упорной учёбы он получил диплом. Два года спустя он получил докторскую степень. Джону Венделлу повезло меньше. Хотя он и пользовался титулом «доктор», Драйден не мог припомнить, чтобы тот когда-либо упоминал, где он завершил своё образование. Однако однажды Венделл говорил о том, что учился в Европе после инцидента в Мискатонике.

В одном Драйден был уверен: как и он сам, Венделл не мог забыть ту тёмную мифологию, разгадки которой были изложены в тех старых книгах, из-за которых они попали в такую переделку и едва не угодили в тюрьму. Через три года после того случая Драйден проводил летние каникулы в Нью-Йорке и при несколько мутных обстоятельствах приобрёл копию «Записок Фири о «Некрономиконе". Будучи в лучшем случае лишь туманным изложением оригинальной работы, заметки Фири лишь разжигали аппетит Драйдена к ещё более глубокому проникновению в удивительную историю Древних. Несмотря на

непосильное бремя учёбы, Драйден поклялся узнать всё, что только возможно, о книге под названием «Некрономикон". Хотя это отнимало много времени, с помощью работы Фири и информации, собранной им в ходе собственных исследований, Драйден составил краткую историю «Некрономикона".

Книга называлась «Аль-Азиф" до её перевода на греческий язык в десятом веке Теодором Филетом, который переименовал её в «Некрономикон" или «Книгу мёртвых имён". Книга была написана арабским мистиком, поэтом по профессии, по имени Абдул Альхазред, который жил во время правления Марвана Второго, последнего халифа династии Уймайядов. Принято считать, что «Некрономикон" появился около 730 года н. э., хотя эта дата является чисто условной. Если какие-либо записи о первом появлении книги и существовали, то они, скорее всего, были утеряны или уничтожены в ходе насилия и кровопролития, которые опустошили землю, когда Аббасиды пришли из Персии, чтобы захватить трон Марвана Второго, который управлял далёкой исламской империей из своего дворца в Дамаске. Об этой книге мало кто вспоминал, пока Аббасиды, претендующие на происхождение от

дяди Мухаммеда, были заняты распространением Ислама. Однако после укрепления своей власти Гарун аль-Рашид обратил своё внимание на искоренение всех еретических сочинений Альхазреда.

Через сто лет после того, как был сделан греческий перевод, православная церковь начала целенаправленную борьбу за уничтожение «Некрономикона". Несмотря на конфискацию и сожжение всех известных копий, «Некрономикон" всплыл спустя два столетия, когда Олаус Вормиус перевёл один из сохранившихся греческих текстов на латынь. Прошло менее четырёх лет, прежде чем Римская церковь осознала развращающее, всепроникающее влияние этой книги, и папа Григорий IX возобновил гонения, которые стали синонимом истории этой книги. Сообщается, что Фома Аквинский сказал, что «Некрономикон" мог быть написан только Сатаной в обличье Отца Лжи в попытке подорвать учение Христа". После папской буллы Иннокентия VIII доминиканские инквизиторы и авторы печально известного «Молота ведьм" Генрих Крамер и Якоб Шпрингер якобы изъяли копию издания «Чёрной Буквы" и публично сожгли её в Кёльне. В Кастилии Великий Инквизитор Томас

де Торквемада приговорил некоего Пабло д'Эше и неизвестного мусульманского астролога к аутодафе за «торговлю с теми низшими дьяволами, о которых говорится в книге языческого колдуна Альхазреда".

Так продолжалось более тысячелетия. Различные издания «Некрономикона" переводились, распространялись, осуждались, запрещались и, наконец, сжигались, часто вместе со своими владельцами. Но теперь, во второй половине двадцатого века, когда мы больше не сжигаем то, что нас огорчает или пугает, «Некрономикон" и подобные ему книги надёжно спрятаны от любопытных, пытливых глаз.

Во время изучения книги Фири Драйден наткнулся на строки, в которых говорилось о Зелье Тахель, и заявления о его свойствах показались ему захватывающими. Драйден читал об этом и других зельях раньше в странном небольшом труде алхимика Франца Джута «Эликсир пророков», где оно упоминается как «Ключ Поэта". Узнав о сходстве между рассказами Джута и Фири, Драйден решил выяснить, как изготавливается Зелье Тахель. Однако у Фири была обескураживающая привычка обходить стороной или полностью игнорировать то, что больше всего интересовало

Драйдена. Он был характерно немногословен в отношении Зелья Тахель и сообщил только следующее:

"Альхазред упоминает состав, называемый Зельем Тахель. Это препарат из различных химических веществ, который принимается внутрь и позволяет человеку в состоянии сна, а в редких случаях и телесно, посещать те места, где в прошлом обитали Древние и их слуги, и где они обитают сейчас. Принимающий зелье должен тщательно подготовиться к этому и полностью осознавать, что «Те, кто охраняет Путь», попытаются помешать его мирному возвращению. Написано, что иногда «Они" позволяют путешественнику вернуться, казалось бы, невредимым, но в сильно изменённом виде, так что даже самые близкие родственники могут его не узнать".

Перспектива побывать в этих окутанных легендами краях заставляла разум Драйдена трепетать, а кровь, казалось, кипела в его жилах. Увидеть такие места, как Плато Ленг, Чёрное Озеро Хали, Кадат в Холодной Пустыне; пронзить завесу тайны, окружавшую забытые Цимму-Лкку, Шамбалу, затонувший Р'льех и потерянную Валузию; узнать тёмные секреты туманной Туле и великолепного Нуминора из кельтских мифов; ради

этого стоило рискнуть своей бессмертной душой. Любой индивид, рассуждал Драйден, который не готов пойти на определённый риск в осуществлении своей мечты, не имеет права называть себя человеком. Такие вещи, как Эликсир Тиккун, звёздные камни Мнара и различные оккультные символы, при правильном использовании позволят Драйдену значительно снизить негативные последствия. Человек, который вообще не рискует, — трус, но тот, кто не минимизирует опасность в меру своих возможностей, — проклятый дурак.

Драйден начал обширные поиски тех сочинений, которые в определённых эзотерических и закрытых кругах стали называть «Апокрифическими книгами», и Драйден считал это название вполне подходящим. Их так назвали потому, что они якобы раскрывают — либо посредством туманных метафизических спекуляций, либо, в некоторых случаях, шокирующих деталей — ключи к существованию, истории и проявлениям древней расы разумных внеземных существ, которые правили Землёй за миллиарды лет до того, как этот хрупкий и быстротечный вид Homo Sapiens осмелился провозгласить себя хозяином мира. Большинство авторитетов согласны с тем,

что оккультный учёный и известный натуралист граф д'Эрлетт был первым, кто назвал этот противоречивый свод преданий «Мифами Ктулху". Хотя эти существа, называемые Древними, были изгнаны или заключены в тюрьму Старшими Богами, о которых практически ничего не известно, они терпеливо ждут, мечтая о том времени, когда они возобновят своё господство над этим миром. Дегенеративные культисты поддерживают поклонение Древним и лихорадочно и бессовестно работают, чтобы сохранить в тайне страшные ритуалы и могущественную магию своих изгнанных и дремлющих хозяев.

Прежде чем решиться на использование Зелья Тахель, Драйден должен был досконально изучить историю, изложенную в этих книгах. Но он ещё не знал, что это за «разнообразные химические вещества», из которых получается зелье.

Те немногие книги, которые он находил и за которые платил непомерные суммы, как правило, были либо плохо переведены, либо так сильно сокращены, что их невозможно было понять. Издание «Безымянных Культов" от «Гоблин Пресс" имело оба этих недостатка. Его деньги были бесплодно потрачены на эту покупку. Не менее разочаровывающими оказались «Фраг-

менты Сен-тон-Цзе" и «Заклинания Тмар-Мяо», которые Драйден получил в виде микрофильмов из Британского музея; первые были написаны на непонятном и загадочном, архаичном китайском диалекте, вторые — линейными иероглифами, представляющими Р'льехский язык. Врождённое упорство Драйдена раз за разом побеждало растущее чувство бесполезности его поисков, и он с надеждой продолжал работу.

Потребности его профессии не позволяли Драйдену уделять столько времени, сколько ему хотелось бы, поискам неуловимого Зелья Тахель, но три года назад произошло событие, которое заставило Драйдена поверить, что он неумолимо приближается к завершению своих поисков.

Находясь в Нью-Йорке на церемонии открытия спроектированного им жилого комплекса, он столкнулся с Джоном Венделлом, который проезжал через город, направляясь в Европу. Они предались безудержному приступу ностальгических воспоминаний о «старых добрых временах" в Мискатоникском университете, а затем Драйден узнал, что Венделл последние несколько лет также был занят изучением тайн Великих Древних. Венделл осторожно рассказал Драйдену об эксперименте, свидетелем которого он был в

Швеции, который, к его удовлетворению, доказал, что «Мифы" являлись не мифом, а реальным фактом. Он заверил Драйдена, что, несмотря на некоторые пробелы и парадоксы в различных работах, посвящённым «Мифам», основные знания о них были записаны достаточно точно смелыми или же глупыми исследователями.

Венделл тоже встречал упоминание о Зелье Тахель, но знал о нём как о «Ключе Поэта". Венделл объяснил, что Альхазред не мог посетить все места, о которых он писал в «Некрономиконе», и узнать все те странные вещи в течение одной, в его случае короткой, жизни. Поэтому он определённо нашёл какой-то короткий путь. Единственная загадочная ссылка на Зелье Тахель в «Некрономиконе" показала, что это был за короткий путь, и таковым являлось не что иное, как наркотик, расширяющий сознание. Джут знал о нём, но либо не хотел, либо не мог рассказать о способе его изготовления. Драйден с тревогой вспомнил главу в «Жизни алхимиков" Гамильтона, где рассказывалось о смерти голландца. Джут стоял в толпе и наблюдал за въездом Луи Наполеона в Гаагу, когда необъяснимым образом воспламенился и умер. Гамильтон предположил, что Джут, возможно, планировал убить нена-

вистного Наполеона, когда изготовленное им зажигательное устройство сработало раньше времени. Но это как-то было не характерно для тихого и скромного алхимика, и даже Гамильтон признал, что это довольно надуманная теория.

К моменту отъезда из Нью-Йорка Драйден не только восстановил дружеские отношения с Джоном Венделлом, но и приобрёл ценного партнёра в поисках Зелья Тахель. Это было партнёрство, которое, по мнению Драйдена, должно было оказаться выгодным для них обоих. За годы, прошедшие после Мискатоника, Венделл приобрёл обширную и впечатляющую эрудицию в Преданиях о Старших Богах, и такой союзник был незаменим. Драйден был уверен, что успех неизбежен.

Следующие шесть месяцев Драйден почти всё время проводил, наблюдая за строительством собственного дома в Блумингбурге, штат Нью-Йорк, небольшой деревушке, расположенной под холмами Вурстборо. Только через неделю после завершения строительства дома, когда Драйден уже был занят переездом, он получил весточку от Венделла. В письме первого класса лаконично говорилось лишь о том, что он нашёл часть формулы в неполной копии «Некрономикона»,

принадлежащей Исфаханскому университету в Иране. Теперь он отправился в Национальную библиотеку в Париже, чтобы попытаться получить разрешение на ознакомление с их бесценной копией текста Олауса Вормиуса.

Прошло ещё несколько месяцев, прежде чем Драйден вновь получил вести от Венделла. Его попытки получить доступ к «Некрономикону" в Париже не увенчались успехом, но там он завязал знакомство с чрезвычайно учёным австрийцем, который оказался достаточно отзывчивым, чтобы предоставить в распоряжение Венделла свою коллекцию редких книг по оккультизму. Этот человек, как оказалось, был основателем и руководителем оккультной ложи недалеко от Инсбрука. Хотя Венделл вежливо отклонил предложение о членстве, они расстались на дружеских условиях, Венделл собрал много интересной, хотя и не особенно полезной информации. Теперь он собирался в Рим, где надеялся найти в библиотеке Ватикана любопытный средневековый трактат о лекарственных травах.

Драйден не бездействовал во время поездок Венделла по Европе и активно занимался собственными исследованиями. Он приобрёл за немалые деньги часто обсуждаемый, но редко

встречающийся, тонкий сборник стихотворений Джастина Джеффри «Люди Монолита" и его малоизвестный, ещё более редкий сборник-компаньон «Алые руны и другие стихи», посмертно опубликованный нью-йоркским издательством «Химера".

Ни в одном из сборников не было обнаружено никаких важных подсказок, но Драйден был заинтригован выбором Джеффри темы, которая удивительным образом совпадала с его собственными исследованиями. Он был поражён вариациями тем, техники и образов, которые отличали каждое из стихотворений. Если бы Драйден не был знаком с репутацией Джеффри, он мог бы предположить, что дюжина разных поэтов с незаурядными способностями написали по два-три стихотворения и опубликовали сборники под общим псевдонимом. Одна строфа из стихотворения во второй книге привлекла внимание Драйдена. Он не мог избавиться от тревожного чувства, что это было своего рода предупреждение, исходящее от пера молодого человека, нагрузившего чувствительный ум Драйдена до предела сотрясающими землю намёками на тёмные вещи, которые никто не должен пытаться постичь. Строки были следующими:

Пройди сквозь пламя, которое не горит,
(Но, тем не менее, оставляет шрамы!)
И молись, чтобы не возвращаться;
Ибо станешь худым и мертвенно бледным
Для тех, что любили тебя!
Они отвернутся со слезами на щеках
От того, кто бормочет, но не может говорить.
Остерегайся прикасаться к источнику сна,
Ибо те, кто вернётся, могут лишь дрожать… и кричать.

После этого Драйден избегал читать Джеффри, потому что безотчётная нервозность охватила его на несколько часов после того, как он просмотрел два сборника стихов. Стиль этого человека, как он вынужден был признать, ставил его в один ряд с По, Бодлером и Ченовом. Общий эффект от его произведений был непревзойдённым, особенно в свете физических и психических реакций самого Драйдена.

От канадского корреспондента Драйден узнал об эксцентричном затворнике, который жил в Монтерее. Этот учёный, поскольку он был человеком обширных и необычных познаний, по слухам, путешествовал и жил во многих экзотических, а зачастую и опасных местах, разыскивая в мире знания о «днях до людей". Говорили, что

он лично беседовал с теми вечными тибетскими мудрецами, чей долг — охранять секреты Девяти Неизвестных от обычного человечества. Ходили также слухи, что этот учёный действительно владел копией «Китаб Расул аль-Акбарин".

Драйден писал ему более полудюжины раз, прежде чем получил ответ. Письмо было лаконичным и деловым. Учёный был готов ответить на два вопроса Драйдена как можно более честно и кратко. Его единственным условием было, чтобы Драйден перестал досаждать ему после ответа на эти два вопроса. Он туманно намекнул на неприятные последствия, если Драйден будет надоедать ему в дальнейшем нежелательной корреспонденцией.

Готовность калифорнийца к сотрудничеству была гораздо больше, чем Драйден смел надеяться. В Европе Венделл упёрся в кирпичную стену и никак не мог решить, какой новый путь ему выбрать. Он пришёл к удручающему выводу, что вероятно ему вновь придётся проникнуть в запертую комнату в библиотеке Мискатоникского университета. Но последнее развитие событий, вероятно, исключило такие отчаянные действия.

Вдохновение и энтузиазм Драйдена были быстро разрушены тем же днём в результате

инцидента, который поставил его лицом к лицу с мрачной реальностью. А реальность его ситуации заключалась в том, что он ступал по очень опасной почве.

Звонивший, отказавшийся назвать своё имя, зловеще предупредил Драйдена, чтобы он был осторожен, дабы некоторые несимпатичные стороны не узнали о его вмешательстве в дела, которые его не касаются. Перед тем как повесить телефонную трубку, анонимный голос произнёс последнее предложение. Предложение на каком-то гортанном языке, синтаксис и интонация которого казались невероятно неподходящими для произнесения человеческими голосовыми связками. Драйден понятия не имел, что означают эти слова, но он знал, на каком языке они были произнесены, и вместе с этим знанием пришло осознание всех последствий телефонного сообщения. Он читал об этом языке в громоздко озаглавленной книге выдающегося доктора Лабана Шрусбери, а также в «Затерянных мирах древнего Тихого океана" Кормана. Разве он сам не владел микрофильмом с записью заклинаний Тмар-Мяо? Там тоже был Р'льехский, и на нём говорили порождённые морем ихтиозные слуги бесконечно злобного ужаса со звёзд, Ктулху. Руки

Драйдена дрожали, когда он пытался налить себе бренди.

* * *

Прошло не так уж много времени, прежде чем кусочки головоломки начали медленно, но верно вставать на свои места. В ответ на запрос Драйдена о последнем недостающем ингредиенте Зелья Тахель учёный-затворник из Монтерея прислал письмо, содержащее только одно напечатанное предложение и нацарапанное ручкой сообщение. Первое было цитатой из Альхазреда, которая, по мнению Драйдена, могла быть дословно скопирована только из полной и неотредактированной копии «Некрономикона". Сразу под цитатой было нацарапано простое сообщение: «Будьте осторожны или вам придётся заплатить высокую цену!" Слова из книги араба были следующими:

"Зелье Тахеля не будет полным и действенным без Исбаны, которая приносит людям сны о местах, которые существовали, местах, которые есть сейчас, и местах, которые будут, и о всех местах, которые Они посещали".

С вновь вспыхнувшими амбициями после получения последней подсказки от своего неохотного

информатора на западном побережье Драйден приступил к исследованию с кропотливой скрупулёзностью. Он проверял, перепроверял и снова проверял, пока не убедился, что слово «Исбана" не имеет в архаичном арабском языке иного значения или определения, кроме его строгого буквального перевода — «шпинат".

Драйден был слегка озадачен, обнаружив, что долгожданным ингредиентом оказалось такое обычное растение, как шпинат, но он не терял времени и приступил к следующему и, как он надеялся, последнему этапу поисков «Ключа Поэта": Зелью Тахель. Он обшарил местные библиотеки в поисках текстов по ботанике и нанял местного химика-исследователя, чтобы тот провёл серию тестов на всех видах рода Chenopodiaceae — известного в народе как семейство гусиных лапок из-за перепончатой структуры листьев — с целью выделить то, что, скорее всего, являлось наркотическим экстрактом. Это была бесплодная, утомительная и, по мнению озадаченного молодого химика, бессмысленная работа. Читая его отчёт, Драйден с унынием понял, что ни в одном из растений не было ни малейшего следа какого-либо вещества, которое могло бы понадобиться для изготовления Зелья Тахель.

Не имея возможности связаться с Венделлом и даже не зная, где именно тот находится, Драйден был вынужден бросить свою неотложную архитектурную работу и улететь в Англию. Более двух недель он бродил по величественным залам Британского музея. С часа открытия и до самого закрытия музея Драйден просматривал объёмную коллекцию средневековых арабских медицинских и алхимических текстов, написанных такими историческими личностями, как Авиценна, Халид ибн Джазид и Коста бен Лука. И вновь он лишь безуспешно потратил время. Его не утешал тот факт, что он стал хорошо разбираться в более теневых и неясных закоулках науки.

Драйден вернулся в Штаты одержимым и озлобленным человеком. Его мысли были сосредоточены только на «Ключе Поэта". Перед ним открывались бескрайние просторы времени и пространства. Он вспомнил творческий гений Кольриджа, когда тот написал «Кубла Хана" под воздействием лауданума; некромантические фантазии, возникшие в измученном мозгу Эдгара По под влиянием алкоголя и опиума; Де Квинси, Россети, Кроули и бесчисленное множество других — все они достигли золотых вершин ге-

ниальности, потому что заглянули за пределы пустоты и увидели… нечто иное. Но никто из них не обладал «Ключом Поэта". Если бы этот эликсир открыл ему глаза, Драйден стал бы более великим человеком. Он бы построил сооружения, которые превзойдут пирамиды… превзойдут само человечество.

Только через шесть месяцев Драйден случайно вышел на след неуловимой Исбаны. Проводя несчастный дождливый день в своём доме в Блумингбурге, Драйден случайно взял в руки один из учебников по ботанике, который он привёз домой из Англии. Это было изнурительное исследование Альберта Фрика «Флора Анд". Фрик читался гораздо легче многих своих коллег и современников благодаря юмористическим остротам и анекдотам с научными наблюдениями, представляющими бесценную ценность для любого изучающего данный предмет. Именно в этой незаслуженно забытой работе Драйден наткнулся на строки, которые возродили его веру в успех. В книге сообщалось следующее:

"В горной деревне Муиксль, Боливия, я обнаружил, что местные индейцы Аймара имеют привычку жевать лист, напоминающий обычный шпинат (Spinachia oleracea). В этой местности

он является привычным и широко распространённым заменителем листьев какао, которые уроженцы других Андских регионов жуют из-за их наркотического эффекта. Этот шпинат Аймары называют «токкиль», и по результатам беглого исследования, которое я провёл, я бы назвал его гораздо более сильным наркотиком, чем листья какао. Я считаю, что это растение содержит алкалоид, который при употреблении в небольших количествах вызывает иллюзорное чувство удовлетворения и восторга. В больших количествах он является мощным галлюциногенным средством, не похожим на псилоцибин из кактуса пейот. Находясь под воздействием этого галлюциногена, некоторые Аймары, страдающие физической зависимостью от него, утверждают, что посещают богов на небесах".

Драйден был потрясён этой внезапной подсказкой на его невысказанные молитвы, и чуть не упал со стула. Когда его первоначальное удивление прошло, он вскочил на ноги, закричал, как безумный, и начал бешено танцевать. Прошло немало времени, прежде чем его безумная радость уступила место сдерживающему влиянию разума и воли. Драйдену предстояло ещё многое сделать, прежде чем он понял, что это не отвлека-

ющий манёвр. Но он знал, что это маловероятно. Христос! Названия были настолько похожи — Зелье Тахель Альхазреда и «Токкиль" Аймаров, а их галлюциногенные эффекты настолько совпадают, что это не может быть случайностью. А как же туземцы Анд, утверждающие, что они встречались с «богами на небесах"?

Драйден ждал слишком много лет и пережил слишком много разочарований, чтобы считать терпение добродетелью, достойной восхищения. Он нашёл адрес издателей книги Фрика и отправил им специальное письмо с просьбой сообщить ему адрес этого путешественника и автора. Почти сразу же по почте пришло известие о том, что Фрик умер от болезни лёгких в своём доме в Кейптауне, Южная Африка, почти два года назад. Но, учитывая интерес Драйдена к «Токкилю», ему дали адрес отца Джозефа Граттере, учёного-иезуита, который проводил испытания этого растения в Боливийском институте по исследованию лекарств и химических веществ в Кечотоксиле, пригороде Ла-Паса.

Драйден немедленно связался с отцом Граттере, и менее чем через два месяца получил по почте большой деревянный ящик. Он был адресован Бедфордскому обществу ботанических иссле-

дований, на имя доктора Спенсера Драйдена, директора по исследованиям. Драйден тихонько рассмеялся про себя, вспомнив наспех созданное общество, единственным членом которого являлся лишь он один. Это была рискованная уловка, учитывая нью-йоркские законы о наркотических веществах, но, конечно, «токкиль" ещё не был запрещён. Несомненно, добрый иезуит был бы очень шокирован, если бы ему стало известно о том, какие исследования намерен проводить доктор Спенсер Драйден.

II

Бродяга в лохмотьях удерживал края потрёпанного воротника в тщетной попытке защититься от безжалостного холода. Мутно-зелёное горлышко бутылки дешёвого вина неуверенно выглядывало из потёртого заднего кармана — замена огня для бедняка в ветреную погоду. Шатаясь от двери к двери, бродяга постоянно останавливался, чтобы вытряхнуть воду из ботинок, которые, как и их владелец, когда-то знали лучшие времена.

Одинокая снежинка бесцельно пролетела сквозь резкий белый луч уличного фонаря и опустилась в грязно-серую слякоть, покрывшую

потрескавшийся и разбитый тротуар. По пустынной улице проносился леденящий душу ветер, напевая заунывную панихиду по заброшенным и сгоревшим домам, что безмолвно стояли на страже мёртвой декабрьской ночи. Кирпичные скелеты служили немым и трагическим свидетельством некогда процветающего и дружелюбного района, который теперь был лишён всякой надежды на спасение, как и жалкая фигура, бредущая по его тёмным улицам.

Бродяга нашёл временное убежище от пронизывающего ветра и обжигающего холода в почерневшем и заброшенном продуктовом магазине. На самом деле внутри здания было не теплее, чем на улице, но, по крайней мере, ветер не мог проникнуть в это место, окутанное тенью. Присев на корточки, бродяга ожесточённо растирал онемевшие руки, прежде чем дотянуться до бутылки. Он тихо выругался под нос, увидев, как мало осталось драгоценной жидкости. Грязная левая рука пошарила в кармане и извлекла металлическое содержимое… сорок семь центов! Бродяга снова выругался, на этот раз более громко, пересчитав все свои земные богатства. Одна слезинка скатилась по его немытой щеке и исчезла среди щетины на подбородке. Он осто-

рожно положил свои деньги обратно в карман, служивший ему сейфом. Ветер снаружи завывал жуткие песни. Бродяга проглотил последний глоток вина, позволив ему на мгновение задержаться на языке, давно потерявшем способность различать тонкие вкусовые оттенки. Выбросив пустую бутылку в грязную канаву за пределами своего убежища, бродяга улёгся, чтобы дождаться мрачного рассвета и счастливой перспективы горячего завтрака на кухне Армии Спасения. Он не слышал шагов подкравшейся сзади фигуры и не почувствовал боли, когда игла шприца вонзилась ему в спину, быстро лишив его сознания.

Высокий мужчина, одетый во всё чёрное, перешагнул через бесчувственное тело и вышел на улицу. Он с довольной ухмылкой наблюдал, как чёрный «Мерседес" обогнул угол и осторожно приблизился к нему. Когда автомобиль остановился рядом с ним, водитель вышел, отрывисто кивнул, и оба мужчины вошли в тёмный магазин. Оттуда они вынесли не сопротивляющегося человека, которого аккуратно положили на заднее сиденье автомобиля. Машина отъехала от бордюра и скрылась в мерцающей ночи.

Чуть более двух часов спустя «Мерседес" был благополучно припаркован в гараже большо-

го нео-георгианского дома, который Спенсер Драйден построил для себя в Блумингбурге. Оба похитителя сидели, потягивая из бокалов небезызвестный дорогой бренди. Напряжённое молчание выдавало их тревогу и вину за совершение поступка, к которому они не были приспособлены ни убеждениями, ни воспитанием. Мужчина пониже ростом, Джон Венделл, едва мог скрыть дрожание рук, которые грозили в любой момент пролить бренди ему на колени. Драйдену огромным усилием воли удавалось сохранять внешнее спокойствие, хотя его бурные эмоции опровергали внешнее хладнокровие. Используя обе руки, Венделл наконец сумел осушить свой бокал и нарушил тишину.

— Я действительно не могу в это поверить, знаешь ли! Я имею в виду, что мы опустились до уровня обычных преступников… Похитителей!

— Fiat experimentum in corpore vili! — пробормотал Драйден.

— Что? — спросил Венделл, и озадаченное выражение появилось на его лице. — Что, чёрт возьми, это значит?

— Древнее латинское изречение, — ответил Драйден, пристально глядя на своё искажённое отражение на дне бокала. — Оно означает просто:

«Пусть эксперимент будет проведён на бесполезном теле". Разве не это мы собираемся сделать?

Венделл достаточно успокоился, чтобы наполнить свой бокал, не проливая бренди мимо. После нескольких глотков он произнёс с явным оттенком грусти в голосе:

— Теперь мы играем в Бога! Неужели всё так и должно быть?

Драйден ответил мягким, хорошо отрегулированным тоном, хотя и отчаянно пытался сохранить контроль над собой. Рационализация давалась ему легко — так и должно было быть, когда он прекрасно знал, что для их сегодняшнего поступка нет законных оправданий.

— Ты не хуже меня знаешь, что нам нужен подопытный пациент, прежде чем мы осмелимся использовать Тахель самостоятельно. Ты также знаешь, что подобные вещи должны делаться тайно; люди склонны неправильно понимать поступки такого рода. Ты помнишь случай, который привёл доктора Реймора на каторгу в Лионе сразу после войны? Эти узколобые имбецилы уничтожили дело всей жизни великого человека. Ты хочешь, чтобы вся наша работа пошла насмарку? Ты хочешь, чтобы я выступил перед публикой и объявил, что мы экспериментиру-

ем с наркотиком, расширяющим сознание, по сравнению с которым ЛСД покажется кофеином? Ты думаешь, невежественная мелкобуржуазная публика готова к Ключу Поэта?

Венделл не пытался ответить. Он напряжённо думал о том, что, возможно, было ужасной ошибкой заводить эксперимент так далеко. Одно дело — рискнуть самому или даже попросить кого-то рискнуть за тебя, если это будет добровольно, но похищать человека и заставлять его участвовать в сомнительных опытах было хуже, чем преступление — это было безумием.

Драйден поднялся с кресла и без единого слова направился к лестнице. Венделл не заметил его ухода, пока Драйден не повернулся на первой ступеньке и не произнёс:

— Мы начинаем завтра! Мы зашли слишком далеко, чтобы отступать сейчас, Джон. Ключ у нас есть, осталось только открыть дверь. Я верю, что всё сложится хорошо. Спокойной ночи!

То, как Драйден медленно поднимается по лестнице и исчезает из виду в полумраке второго этажа, напомнило Венделлу фильм, который он когда-то смотрел. Возможно, Хичкока… а может, Полански. Он выкинул эту сцену из головы и обратился к бутылке бренди на столе. Даже с ис-

кусственным расслаблением от алкоголя прошло много часов, прежде чем Венделл погрузился в сон.

Они приступили к работе рано утром следующего дня. Драйден отсчитал 380 зёрен основного вещества из Исбаны и без особого труда изготовил Тахель — по крайней мере, он надеялся, что это было Зелье Тахель. Получившийся продукт представлял собой густую, липкую, зелёную субстанцию и источал тошнотворную вонь, как мёртвая туша животного, пролежавшая несколько дней под палящим солнцем. Запах был настолько сильным, что Драйден и Венделл отступили в сад, чтобы вдохнуть чистый холодный воздух.

Они обсуждали, как ввести Тахель в организм своего подопытного. Драйден отметил, что Франц Джут утверждал, что Тахель растворим в большинстве жидкостей, и предложил поместить небольшое количество препарата в стакан с красным вином, чтобы он растворился, если возможно, и дать выпить эту смесь изголодавшемуся по алкоголю бродяге. Венделл согласился.

Накануне вечером Драйден дал подопытному сильное успокоительное, и его действие не ослабевало почти двенадцать часов спустя. Венделлу

пришлось практически на руках нести невменяемого бродягу в подвальную комнату, которую Драйден спроектировал и построил с единственной целью — удовлетворить свои амбиции.

Драйден знал о неизбежной гибели, которая постигла Халпина Чалмерса, когда тот пренебрёг необходимыми мерами предосторожности перед своей безрассудной авантюрой. Не то чтобы Драйден знал наверняка, что Чалмерс получил Ключ Поэта, но такая возможность существовала. Однако он точно знал, что Чалмерс пытался подобным образом нарушить законы и естественные барьеры, регулирующие ограниченное представление человечества о пространстве, времени и… внешнем мире.

В подвале у Драйдена не было ни одного прямого угла. Даже пол был изогнут, хотя для глаз и органов чувств кривизна была настолько незначительной, что никто не мог её заметить. Все углы, как на полу, так и на потолке, скруглялись. Комната имела пять стен и пятиугольную форму. Это практическое предубеждение против прямых углов распространялось и на единственный предмет мебели в комнате — надувное пластиковое кресло в стиле, ставшем популярным в последние несколько лет. Пока Венделл усаживал подопыт-

ного в кресло, Драйден занимался последними приготовлениями для эксперимента.

По неровному кругу вокруг кресла он разложил пятиконечные камни, найденные в заброшенной деревне в Мауке. Промежутки между камнями он окропил Эликсиром Тиккун из маленького серебряного кувшина. Эликсир был взят из источника святой воды в римско-католической церкви Богоматери Успения в Мидлтауне. Синим мелом Драйден начертил дюжину или около того эзотерических символов, которые составляли защитный ритуал из формул Кран-Веля. Ближе к центру круга он написал традиционные иудео-христианские слова силы: Адонай, Шаддай, Элохим, Саваоф и Тетраграмматон.

Убедившись, что всё готово, Драйден налил смесь Тахеля и вина в большой оловянный кубок и поднёс его к губам ничего не подозревающего субъекта. Тот шумно сглотнул, и тонкая струйка поганого варева потекла по подбородку алкаша и попала на его грязную рубашку. Несколько секунд он яростно кашлял, а затем его тело расслабилось. Драйден и Венделл сидели на полу: первый внимательно следил за каждым движением испытуемого, а второй что-то сосредоточенно писал в блокноте.

Дыхание субъекта было глубоким и регулярным, что создавало впечатление, будто человек находится в глубоком сне, а не в каком-то химически вызванном трансе. Пятнадцать минут прошли без каких-либо событий. Но вдруг без предупреждения испытуемый резко выпрямился в кресле, его глаза широко раскрылись, дыхание стало учащённым. Затем он начал дико молотить воздух руками, словно бился о какой-то невидимый барьер. Драйден вскочил на ноги, готовый силой удержать субъекта, если тот попытается выйти за пределы круга. Но эти движения бродяги прекратились также неожиданно, как и начались. Испытав потрясение, Драйден и Венделл продолжили наблюдение.

Прошла ещё четверть часа без каких-либо происшествий. Затем подопытный вновь задёргался, но не так сильно, как в первый раз. Почти во всех отношениях его поведение выглядело таким же странным.

Казалось, прошло несколько часов, хотя на самом деле — не более десяти минут, прежде чем началось что-то серьёзное. Субъект начал говорить. Сначала бессмысленные обрывки. Воспоминания и обрывки разговоров. Названия мест и имена людей из юности бродяги. А потом среди

безнадёжно путаных слов, которые потоком лились из уст субъекта, стала проступать какая-то пугающая связность.

— … Я… в этом месте… Боже мой!.. Я… в аду… эти существа… это должно… под морем… могу слышать это… пение… ко мне… пение… зовут меня… Р'льех… называют Р'льех… чёрная слизь… как здания… они называют его Р'льех…

Драйден почувствовал, как по его позвоночнику пробежала электрическая искра. Венделл пытался заговорить, но, похоже, не мог найти нужных слов. Наконец Драйден поднялся на ноги и начал задавать вопросы.

— На что это похоже? Ответь мне, парень, на что похожа архитектура?

Время тянулось медленно. Секунды проходили как целая жизнь. Только тяжёлое дыхание испытуемого было слышно в атмосфере, наполненной тихим ожиданием. Затем…

— Башни повсюду… не видно, где они заканчиваются… грязь повсюду… большие… как небоскрёбы… покрытые водорослями… гигантские гробницы…. Он в гробнице…

— Кто он? — спросил Драйден, бросив торжествующий взгляд на Венделла.

— Тот, кто видит сны! — последовал загадоч-

ный ответ.

— Как его зовут? — вскричал Драйден, в его голосе слышались нотки раздражения.

— Он знает, что я здесь. Он чувствует это. Вот они. Они видели меня.

Глаза субъекта ужасно выпучились, как будто они напрягались, чтобы выпрыгнуть из своих глазниц. На висках и лбу бродяги опасно выделялись непрерывно пульсирующие вены. Драйден услышал, как Венделл пробормотал что-то о том, что субъект выглядит так, будто у него вот-вот случится инсульт.

— Кто… они? — требовательно спросил Драйден.

— Слуги Дагона. Они из глубин, которые ждут того, кто видит сны.

— Кто ждёт? Как, чёрт возьми, его зовут? — закричал Драйден, хотя уже знал ответ.

— Они поют о нём… они хотят… чтобы я присоединился… к ним в пении… Восхвалять его… разве вы не слышите… они зовут меня… ради любви к Богу… Нет!.. Нет!..нет богов, кроме Древних… придёт время… как и прежде… Пх'нглуи мглв'наф Ктулху Р'льех вгах'нагл фхтаган!..

Последняя варварская строка, с её совершенно нечеловеческим синтаксисом и грубым оскор-

бительным произношением, поразила Драйдена с силой удара кувалды. Полная чужеродность этой фразы и так вызывала тревогу, но манера, в которой она была произнесена, придала ей ещё больший ужас. Драйден и раньше слышал, как кто-то говорил в таких же экстатических, почти религиозных тонах. Но тогда голос принадлежал молодой женщине на собрании возрожденцев, которая считала себя излеченной от злокачественного рака благодаря заступничеству целителя веры, это не было голосом одурманенного алкоголика, находящегося в нечестивом общении с подводными рабами зловещего, внеземного разума.

Субъект, казалось, уснул, и Драйден был уверен, что действие Тахеля прошло. Венделл написал ещё несколько строк в своём блокноте, а затем порылся в куртке в поисках карманных часов, которые всегда носил с собой. Он отметил время в журнале.

— Ровно сорок девять минут, как он принял Тахель, — провозгласил Венделл.

— Что ж, мы не получили каких-то конкретных знаний, но мы убедились, что Ключ эффективен. Это самое важное.

— Сколько Исбаны ты использовал? — спросил

Венделл, поднимаясь на ноги.

— Только десять зерён. Это оставляет нам более трёх четвертей унции, а я переработал только горсть.

— Что насчёт нашего друга? — поинтересовался Венделл, жестом указывая на неподвижного человека в кресле.

— Мы вернём его наверх, в комнату, в которой он был прошлой ночью. Там нет телефона, а дверь запирается снаружи. Когда он проснётся, ты зайдёшь и сообщишь ему, что он был найден без сознания полицией и доставлен сюда для лечения. Скажешь ему, что это частная клиника и он находится здесь, чтобы принимать лекарство. Это самое подходящее объяснение.

— Мне это не нравится, Спенс. Мне это ни капельки не нравится, — пожаловался Венделл.

* * *

На следующее утро Драйден проснулся с пульсирующей головной болью. Скорее всего, её вызвало неумеренное количеством бренди, которое он выпил накануне вечером с Венделлом. Но его также беспокоило отношение Венделла к их эксперименту, и это ничуть не облегчало боль Драйдена. Становилось всё более очевидным, что

у его партнёра проявляются все симптомы классического случая трусости. Драйдену следовало прояснить свою позицию, отступать было уже поздно. Вся эта история произошла потому, что любопытства Венделла хватало на трёх человек, а теперь он вдруг стал подчиняться капризным призывам своей совести. Драйден проглотил две таблетки аспирина и понадеялся, что головная боль пройдёт до того, как настанет время для второго эксперимента с Ключом Поэта.

Он нашёл Венделла внизу, очевидно, ничуть не пострадавшего от вчерашних излишеств. Более того, казалось, что Венделл пребывает в нехарактерно приподнятом настроении. Драйден искренне надеялся, что его друг преодолел угрызения совести. Сердечно поздоровавшись с Драйденом, Венделл сообщил ему, что субъект вполне здоров и искренне убеждён, что находится в больнице. В качестве меры предосторожности Венделл использовал вымышленное имя, когда представлялся, и посоветовал Драйдену сделать то же самое.

После завтрака из бекона, яиц и чёрного кофе они спустились в причудливо оформленную подвальную комнату, где их ждал субъект, не подозревающий, какую роль он играет в плане

Драйдена и Венделла. Он сидел, как и прежде, в надувном кресле и с недоумением посмотрел на них, когда те вошли.

Венделл самым спокойным и уверенным голосом представил Драйдена:

— Сэр, я хочу познакомить вас с доктором Льюисом Норманом. Он отвечает за нашу программу по злоупотреблению алкоголем.

Старик оглядел Драйдена с ног до головы, словно раздумывая над покупкой костюма, который носил Драйден. Хотя его глаза были налиты кровью и слезились, в них, как показалось Драйдену, был отблеск врождённого интеллекта, который показался ему угрожающим. Закончив внимательно изучать Драйдена, бродяга спросил хриплым голосом, который не мог скрыть недоверия и враждебности:

— Это городская больница или как? Как долго мне придётся оставаться в этом заведении?

— Пока вы не вылечитесь или мы не решим вас освободить, — холодно ответил Драйден.

— Что это за место, чёрт возьми? Ни одного окна, и эти смешные камни на полу. А посмотрите на это чёртово кресло!

Драйден выбрал более тактичный подход, который, как он был уверен, заинтересует низменную

натуру алкаша.

— Не нагружайте себя мыслями, не волнуйтесь об этом. Если вы будете активно сотрудничать с нами, то ещё до конца недели вы вновь окажетесь на свободе. И, добавлю, с двумя сотнями долларов в кармане, которыми вы сможете распоряжаться по своему усмотрению. Можете напиться до чёртиков, нам всё равно. Итак, что вы выбираете?

Бродяга обдумывал ситуацию в течение минуты, прежде чем принять решение.

— Окей! Я с вами до конца, даже если не знаю, что вы задумали.

— Отлично! — обрадовался Драйден. — Я как раз думал, что вы увидите правильные перспективы, если получите денежное вознаграждение.

Венделл велел испытуемому удобно откинуться в кресле и расслабиться. Драйден протянул ему оловянный кубок со смесью Тахеля и красного вина, велев выпить всё. Проглотив всё содержимое кубка, старик побледнел лицом, и между приступами кашля начал непристойно рассуждать о возможном происхождении вина. Драйден и Венделл терпеливо слушали грубую, но приятную болтовню бродяги, пока его подбородок не опустился на грудь. Тахель подействовал через пять минут, и Венделл послушно записал этот

факт в свой блокнот.

Четверть часа спустя субъект с поразительной ловкостью вырвался из кресла, и обоим мужчинам пришлось силой усмирять его. Они удерживали его, ожидая, что надувное кресло в любую секунду разорвётся и сдуется, пока сильный припадок подопытного не прошёл. Второй приступ последовал по уже очевидной схеме и, хотя он не был таким сильным, как первый, всё же от исследователей потребовались огромные физические усилия, чтобы удержать старика на кресле. Прошло десять минут, и затем появилось полуясное бормотание, которого Драйден и Венделл так ждали. Наконец… прорыв.

— Замерзаю… едва могу идти… снег… слишком глубокий…

— Где ты? — спросил Венделл, не отрывая глаз от своего блокнота.

— Не знаю… горы… на уступе… снег падает… Господи, как холодно…

Драйден бросил удивлённый взгляд на Венделла, который только покачал головой и прошептал:

— Может быть, Ленг! Или Кадат! Я не могу быть уверен без более конкретных географических деталей. Я полагаю, что это…

Его прервали на полуслове.

— Пещера! — воскликнул субъект. — Из неё выходят красные огни… недалеко…

— Заходи в неё, — приказал Драйден.

— Ступени уходят вниз… не видно дна… Лестница делает поворот… всё разбито…

— Спускайся, — приказал Драйден. — До самого дна.

Секунды томительно тянулись, становясь минутами, а от подопытного не поступало никаких сообщений. Драйден почувствовал раздражающие струйки пота, стекающие по шее и пачкающие белый воротничок. Глаза Венделла судорожно перебегали с испытуемого на Драйдена, на блокнот, где он делал какие-то пометки, а затем вновь на испытуемого. С некоторым трепетом Венделл заметил, что бродяга не пошевелил ни одним мускулом, и его веки не дёргались. Даже дыхание, казалось, полностью прекратилось. Венделл нервно поднял одну из слабых рук испытуемого и пощупал пульс.

— Очень слабый, но устойчивый, — заметил он Драйдену.

Из сжатых губ старика вырвался протяжный свистящий звук, его глаза открылись, а губы слегка дрожали, как будто он напрягался, чтобы

что-то произнести.

— Что это? — спросил Венделл.

Ответа не последовало. С глубокими болезненными вдохами, грудь старика вздымалась в неровном ритме. Его лицо казалось ещё более старым, чем прежде, и было испещрено тёмными морщинами. Драйден не мог не заметить сходства этого смертельно опасного лица с резными масками, которые носили артисты в греческих драмах. Затем, совершенно неожиданно, субъект заговорил, и слова, произнесённые безжизненным монотонным голосом, передавали зловещее послание.

— Здесь погибли люди! — категорично заявил он.

— Что! Откуда ты… откуда ты знаешь? — пролепетал Венделл, его голос был надтреснутым и визжащим. Ответа не последовало, кроме дыхания одурманенного субъекта. Драйден бесстрастно наблюдал, как Венделл поднялся на ноги и повторил своё требование:

— Скажи мне, чёрт возьми! Откуда ты знаешь?

Лицо старика расплылось в ухмылке, обнажив два ряда гнилых, почерневших зубов, которые безумно наклонились во все стороны, как два ряда заброшенных, изъеденных временем над-

гробий. Это была ухмылка без тени юмора, и Венделл бессознательно отпрянул на несколько шагов.

— Откуда я знаю? — сказал субъект таким же визжащим голосом. — Я стою над их трупами.

Драйден почувствовал, как сжался его желудок. Субъект продолжал.

— По одежде они похожи на европейцев или американцев. Я бы сказал, что они умерли насильственной смертью… и недавно.

Что-то шло не так, ужасно не так, и Драйден знал это. Он видел, что субъект больше не говорит своим обычным невнятным языком и не использует жаргон типичного алкаша-бездельника, которыми изобилует каждый большой город. На уровне инстинктивного чутья Венделл тоже пришёе к выводу, что что-то идёт не так, и уже собирался потребовать, чтобы Драйден покончил со всем этим делом прямо здесь и сейчас. Но прежде, чем он успел высказать своё разочарование, Драйден встал.

— Попытайтесь узнать их имена, — слабо приказал он.

— Есть кое-какие бумаги, но они испортились вместе с гниющей плотью. Подождите… Что-то вижу! Это металлический диск… военный жетон.

Я почти могу разобрать имя… Майор Артур Ю. Макфадайн… 4-й Катангский полк паракомандос. Похоже, что этот парень воевал на стороне Мойсе Тшомбе во время гражданской войны в Конго.

Венделл не мог больше скрывать свой растущий страх и воскликнул:

— Боже мой, Спенс. Мне это совсем не нравится. Послушай, как он говорит.

Драйден не слушал, его мысли были заняты чем-то другим. Макфадайн. Имя было так чертовски знакомо, что Драйден чувствовал: где-то в глубине его сознания таилось знание о том, кто такой Артур Макфадайн. И, что ещё важнее, какое отношение он имеет ко всему этому.

Его размышления были прерваны сообщением субъекта:

— Я продолжаю спуск. Здесь больше ничего нельзя узнать. Кстати, эти двое мужчин, похоже, были застрелены, когда поднимались по этой лестнице.

Взволнованный Джон Венделл расхаживал взад и вперёд по кругу, что-то тихо бормоча про себя. Драйден был полностью убеждён, что Венделл из-за своей нервозности собирается всё испортить. Он уже собирался сказать Венделлу,

чтобы тот заткнулся и сел, когда Венделл резко развернулся и воскликнул:

— Я понял. Боже, я понял!

— О чём ты говоришь?

— Макфадайн, вот о чём я говорю. Я был уверен, что слышал это имя раньше, а теперь вспомнил.

— Я и сам думал о том же, — сказал Драйден с лёгким удивлением.

— Разве ты не помнишь? Он был тем знаменитым ирландским учёным, который исчез несколько лет назад.

— Точно! Теперь я вспомнил. Он отказался от кафедры в Дублинском университете, чтобы отправиться на службу в Африку. Катангское отделение, вот что это было. Все думали, что он сошёл с ума. Он написал книгу о своих приключениях, но я не могу вспомнить название.

Драйден сделал паузу, чтобы взглянуть на подопытного, прежде чем спросить Венделла:

— Я как-то слышал, что он отправился в Азию на поиски какого-то затерянного города. В том числе и на территории Красного Китая. Знаешь что-нибудь об этом?

— Похоже, что он нашёл его, — ответил Венделл.

— Думаю, да. Интересно, кто это был с ним.

— Твоё предположение не хуже моего, но есть одна вещь, в которой я совершенно уверен. Место, где они умерли, и где наш друг находится во время своего астрального путешествия, — это Цимму-Лкка, один из форпостов Ленга. Фон Юнцт упоминает о нём в «Безымянных Культах», и тот оккультист, которого я встретил в Париже, Морхайм — так его звали — говорил мне об этом. На самом деле Морхайм был связан с неофашистом по имени Крамер, автором странной книги под названием «Багровая эпоха".

Книга представляла собой невероятно бессвязное попурри из арийского расизма, призывов к возрождению средневековой феодальной системы и фанатичных увещеваний к народам Европы подняться и вести священную войну против большевизма. Эта книга могла бы стать копией «Мифа двадцатого века" Розенберга, за исключением одного тревожного элемента. Крамер неоднократно упоминает Великих Древних, как вступающих в период новой активности, призванной окончательно отнять у человечества власть над Землёй. Крамер был убеждён, что единственной альтернативой поражению и порабощению Древними является развитие Высшей Расы Магов. Естественно, по мысли Крамера,

только нордические народы были способны справиться с этой задачей.

Всё это достаточно странно, но вот что особенно удивительно. И Крамер, и Макфадайн разыскивались по подозрению в краже копии «Безымянных Культов" Деланкура. На следующее утро после кражи они оба вылетели из Брюсселя рейсом в Индию. Насколько мне известно, ни одного из них с тех пор не видели. Можно предположить, что второе тело принадлежит Крамеру. Знаешь, это просто…

Что бы Венделл ни собирался сказать, он не смог. Драйден заметил, что глаза Венделла внезапно остановились на лице подопытного за долю секунды до того, как слова замерли в его горле. Ничего не говоря, Венделл шагнул к испытуемому. Наклонившись, он пристально всмотрелся в пустые глаза старика. Драйден с недоумением наблюдал, как лицо Венделла становится бледным. Рот Венделла беззвучно раскрылся, и он, как пьяный, попятился через всю комнату в направлении единственного выхода из подвального помещения. У подножия лестницы он повернулся и закричал почти истерически:

— Его глаза! Спенс, не смотри ему в глаза!

Затем он побежал вверх по лестнице. Через

несколько мгновений Драйден услышал, как за Венделлом захлопнулась входная дверь.

Где-то в глубине души Драйден ощутил страх, который неумолимо распространялся по его телу, подобно раковой опухоли. В горле быстро пересохло, и он не мог даже глотать. Его лоб покрылся холодным потом, а руки стали влажными и онемевшими.

Всё это происходило с ним из-за страха. Драйден пытался заставить себя понять, что причина только в страхе и ни в чём больше. Он должен был повторять себе это. Страх… страх перед тем, что заставило Венделла в безумном ужасе выбежать из подвальной комнаты. Страх перед тем, что Венделл увидел в этих налитых кровью глазах… глазах, в которые Драйден не решался посмотреть. Страх перед теми вещами, с которыми он имел глупость связаться, когда так много других исследователей погибли из-за них. Имена мелькали в сознании Драйдена и так же быстро исчезали. Чалмерс, Блейк, фон Юнцт, Энджелл, Джеффри, Венди-Смит, Картер, Альхазред… и сколько их ещё? Все они исчезли, потому что вступили в полуночные области мысли и деятельности, которые не терпят небрежности.

Драйден заставил себя оглядеть комнату. Ни-

чего не изменилось. То есть, ничего физического, но он знал, что произошла какая-то тонкая трансформация. Если не физическая… то психическая. Он винил в этом своё воображение. Обстоятельства, подобные этим, отчаянно рассуждал он, могут привести самых прагматичных и рациональных людей к самым диким фантазиям. Был только один способ решить эту проблему, и это следовало сделать.

Драйден поднялся на слабые ноги. Он двинулся, как марионетка, к месту, где в чёрном, похожем на шар кресле сидел испытуемый. Драйден устоял на ногах, опираясь на податливые резиновые ручки кресла. Приблизив своё лицо к лицу испытуемого на несколько сантиметров, он уставился в пустые, идиотские глаза. Драйден подавил крик.

III

Драйден лежал на смятых одеялах на своей кровати. Бледное солнце пробивалось сквозь тёмный силуэт гор Шаванганк, разгоняя теневые остатки ночи, упорно задерживающиеся в сосновых лесах внизу. Двойной грохот охотничьего ружья гулким эхом прокатился по склонам, заставив лесных существ с сонными глазами броситься в

свои норы.

Драйден пытался удержать свой разум от постоянного погружения в ужас, но знал, что это бесполезно. Ужас будет возвращаться снова и снова, мучить его по ночам и преследовать в часы бодрствования. Как, даже если бы он прожил десять тысяч жизней, он мог бы изгнать воспоминания, которые однажды доведут его до безумия?

Образ ужаса снова начал формироваться в его сознании. Драйден хотел бороться с ним, полностью уничтожить его в какой-то самовнушённой амнезии, но знал, что это будет бесполезный манёвр. Драйден погрузился в воспоминания, не сопротивляясь. Он чувствовал затхлое, прогорклое дыхание бездомного человека, когда наклонился ближе, чтобы заглянуть в остекленевшие глаза. Его рука коснулась руки субъекта, и он импульсивно отпрянул, вздрогнув. Кожа покойника была холодной и гладкой, как мрамор. На этот раз Драйден намеренно коснулся руки испытуемого. Она была как лёд, а кончики пальцев казались синеватыми и обмороженными.

Всё это происходило так медленно — с ним самим как с незатронутым наблюдателем, но в то же время участником событий — как мираж,

снятый в замедленной съёмке. Драйден вспомнил сцену с гробом в классическом фильме Карла Дрейера «Вампир" и угрюмые, сновидческие картины художников-пуантилистов Жоржа Сёра и Поля Синьяка. Несмотря на кажущуюся отстранённость от происходящего, Драйден остро, болезненно ощущал, как холод от трупа обжигает его кожу. Драйден сделал слабую попытку вырваться из тисков воспоминаний, но упал назад, влекомый вниз неоспоримой, злобной силой.

Это был страх, который он помнил наиболее ярко. Это была не двусмысленная человеческая эмоция, она была реальной, она существовала так же физически конкретно, как камень. В короткой вспышке интуиции Драйден понял, что страх был не только его личным — каким-то образом страх также исходил от субъекта, соединялся со страхом Драйдена и усиливался. Он чувствовал себя вправе верить, что этот огромный невидимый ток отрицательной энергии может убить его, разорвать его душу и смять её, как алюминиевую фольгу. Оставался только один способ подавить свой ужас. В его голове всплыла фраза Ницше: «То, что меня не уничтожает, делает меня сильнее!" Драйден должен был посмотреть в эти глаза.

Глаза… отражение, которого не должно было

быть. Отражение не тошнотворно зелёных стен подвала и не лица самого Драйдена, выглядывающего из водянистых выпуклых глаз покойника, а чего-то другого. Драйден увидел кристалл, светящийся изнутри ярким светом, расточительные волны багрового света разливались по зловещему фону и освещали его. За симметричным совершенством кристалла в огромной дали исчезали пустынные, разрушенные временем строения. Там, где порождённый кристаллом свет сдерживал надвигающуюся черноту, Драйден не мог обнаружить никаких признаков жизни. Широкие улицы и узкие переулки были завалены обломками. Драйдена охватило гнетущее чувство одиночества и бесполезности. Вот и всё, что осталось от Цимму-Лкка, забытого форпоста доисторического Ленга. Навсегда запечатанный в чёрных пустотах под поверхностью земли, освещаемый лишь каким-то чудом функционирующим остатком давно ушедшей науки.

Внимание Драйдена привлёк кристалл. Он становился всё больше. Нет, ближе. Объект, вернее, его астральная форма, приближалась к Драйдену. Одна сияющая грань быстро заняла всё поле зрения. А внутри, с удивлением заметил Драйден, что-то двигалось. Что-то, частично

скрытое клубящимися нитями красного тумана. Фигура, определённо гуманоидная, сделала лёгкий жест, и облака рассеялись, открыв человека в потрёпанной одежде с исхудалым, насмешливым лицом. Контуры лица не давали никаких подсказок о расовом типе этого человека. Драйден догадался, что это гибрид с преобладанием азиатской крови. Издевательская, сардоническая улыбка исказила древние, жёлтые черты лица, а тонкие, бескровные губы шевелились в беззвучной речи. Затем прозвучали слова, которые Драйден не мог, не должен был услышать. Ибо, двигаясь в унисон со ртом отражённого существа, подопытный заговорил.

— Ты мой! — сказал он. — Мой для славного возвращения Владыки Йог-Сотота. Скоро звёзды займут правильное положение, и мой Хозяин вернётся в…

Драйден почти ничего не помнил о своём безумном бегстве из дома. Он бесцельно бежал через леса и поля, граничащие с его владениями. Неоднократно он спотыкался, его одежда изорвалась, а лицо и руки покрылись царапинами. Наконец он упал, обессилев и задыхаясь. Драйден не знал, сколько времени он пролежал, не обращая внимания на холод, глядя вверх на подмигивающие

несимпатичные звёзды.

Откуда-то, из какого-то скрытого резервуара сил, он набрался смелости и вернулся в дом. Он не сразу спустился в подвал. Сначала он закутался в тяжёлое шерстяное одеяло и налил себе несколько рюмок крепкого бренди, чтобы побороть дрожь и избавиться от тупой боли в костях. Почувствовав себя немного лучше, насколько позволяли обстоятельства, он с опаской спустился по лестнице. Он обнаружил, что субъект мёртв, его безжизненное тело распростёрлось по периметру круга. Драйден почувствовал лёгкое отвращение от того, что не чувствует угрызений совести. Он оставил тело там, где оно лежало, и поднялся в свою спальню.

Было почти три часа дня, когда Драйден проснулся. Он не мог даже предположить, сколько раз он заново переживал ужасные события предыдущего вечера в этих мучительных, повторяющихся кошмарах. Он задавался вопросом, как часто человек может быть подвержен одному и тому же сну, или, точнее, сну-памяти, в течение одной ночи.

Пока Драйден брился, он переключил своё внимание на более насущные и прагматичные проблемы. Проблема утилизации трупа в подвале

казалась не слишком сложной. У такого человека не было ни родственников, ни друзей, чтобы сообщить властям о его исчезновении. Даже если труп найдут, никто не сможет связать его с Драйденом. Он решил избавиться от трупа в ту же ночь, сбросив его с узкого моста на Тарбелл-роуд, который пересекает ледяные воды реки, змеящейся через лесные массивы долины Шаванганк. Сегодня заканчивался охотничий сезон, поэтому шансы на то, что бродягу случайно обнаружит какой-нибудь сонный деревенщина с винтовкой, будут практически нулевыми. Скорее всего, это случится ранней весной, а Драйден планировал быть в Европе задолго до этого.

Он уже собирался повернуть налево, чтобы пойти в кладовую за холстом и верёвкой, которыми можно было бы обернуть тело, когда услышал резкий металлический стук чего-то упавшего на пол. Звук безошибочно донёсся из комнаты, где лежал покойник. Драйден секунду колебался, прежде чем распахнуть дверь и шагнуть внутрь. Размышления о том, что он может найти в подвале, не могли подготовить Драйдена к той сцене, которая предстала перед ним.

Тело старика исчезло. В надувном кресле сидел Джон Венделл, его голова откинулась назад, глаза

безучастно смотрели в потолок. Оловянный кубок лежал на полу, выскользнув из ослабевшей руки Венделла. На его коленях лежал вырванный листок из блокнота. Драйден поднял кубок и осторожно понюхал: от него исходил безошибочный запах Тахеля и вина. Он прочитал торопливые каракули на листке:

"Спенс,

Прошу прощения за мою трусость вчера вечером. Я должен искупить вину перед тобой… и перед собой. Я размешал 20 зёрен Т. в вине и буду ждать, пока не услышу, как ты спускаешься вниз, прежде чем выпить зелье. Всё будет хорошо.

Мы поговорим через час или около того.

Джон В."

— Тупой сукин сын! — воскликнул Драйден. Повернувшись спиной к Венделлу, Драйден вышел из комнаты, чтобы поискать труп. Венделл должен был спрятать его где-нибудь в доме. Обыск других подвальных помещений ничего не дал. Драйден даже открыл дверцу печи на случай, если Венделл предпринял грубую попытку кремировать останки. На первом этаже было так же чисто, как и на втором. На чердаке, где Драйден хранил свои чертежи и документы, также ничего

не было. Спустившись по лестнице, чтобы проверить гараж, Драйден услышал приглушённые крики и вопли.

Не раздумывая, он бросился в подвал, не обращая внимания ни на заваленный книгами стол, ни на полку с хрупкими фарфоровыми фигурками, которые он нечаянно опрокинул. Он нашёл Венделла всё ещё сидящим в кресле, его черты лица исказились в душевной агонии, и он произносил беспорядочные фразы без всякой видимой логики. Они также казались ответами на серию вопросов, не имеющих отношения к делу. На Драйдена снизошло озарение, и взрыв ужаса опалил его сознание, как огнемёт. Со своего места у двери Драйден мог отчётливо видеть тусклый красноватый отблеск в расширенных глазах Венделла. Никакие силы на земле и на небе не могли побудить Драйдена подойти ближе и попытаться разглядеть откровения в неземных отражениях. Опустившись на пол, Драйден отвернулся и, когда крики стали громче, зажал уши ладонями. Но этого было недостаточно, чтобы затмить реальность ситуации.

Ответы Венделла — поначалу непреклонные, почти вызывающие по тону — превратились в жалкие мольбы о помощи. Долгий, низкий стон,

похожий на вопль заблудшей души в вечных муках, жутко вибрировал в черепе Драйдена.

Затем:

— Нет… Нет… Спенс… Помоги мне… пожалуйста…

Драйден прижимал руки к ушам до боли в пальцах. Тем не менее, он не мог подавить душераздирающие вопли. Драйден начал молиться, чего не делал с подросткового возраста. Это не помогало.

— Спенс… не дай им забрать меня… ради Бога… Пожалуйста…

Драйден давал пылкие обещания, которые он никогда не смог бы выполнить, Богу, которого он давно отверг как суеверный миф. Он поклялся в верности вере, которую с отвращением отбросил, сочтя её пригодной лишь для глупцов и рабов.

— Не дай им забрать меня… Формула Кран-Веля… возможно, это будет… терять быстро… может быть слишком поздно… помоги мне, пока они… ты можешь быть следующим.

Всё было кончено. Боясь оглянуться и найти своего спутника таким же неподвижным и безжизненным, каким он нашёл старика, Драйден взял себя в руки и, не оглядываясь, направился к лестнице. Что-то — он был совершенно уверен,

что это не случайность, — заставило его остановиться и оглянуться. Грудь Венделла плавно поднималась и опускалась — ровный, успокаивающий ритм жизни. Драйден отнёс его в гостиную и положил на диван.

Усевшись так, чтобы не спускать глаз с Венделла, он снова, как это случалось в последнее время слишком часто, стал искать утешения в бутылке бренди. Размышляя над тем, как закончить это приключение, обернувшееся фиаско, Драйден наконец остановился на самом простом решении. Это у Достоевского, подумал он, один из героев воскликнул: «Давно я обдумывал идею развести огонь… но всегда откладывал её на критический момент…" И это время настало. Завтра с первыми лучами солнца, решил Драйден, всё будет предано очищающему пламени. Книги, с их тревожными прозрениями жрецов Древних, исчезнут. А с ними и Тахель, искусственное вдохновение, Ключ Поэта. А также в безвредный пепел уйдут и записи, так скрупулёзно сделанные Венделлом и им самим. Уже нанесённый ущерб, вряд ли можно было исправить, но он утешал себя тем, что новых жертв не будет. Он с грустью вспоминал лицо старика-подопытного.

Нехотя Драйден открыл глаза. «Должно быть, я

немного задремал» — подумал он. Оглядевшись вокруг, он понял причину своего дискомфорта. Венделл сидел на диване и пристально смотрел на него с неопределённым выражением лица. «Что-то вроде удивления» — с досадой подумал Драйден.

— Я не хотел тебя будить, Спенс, — сказал Венделл с усмешкой. — Мне показалось, что ты пережил почти такой же тяжёлый опыт, как и я.

— Боже мой, Джон! Ты напугал меня до полусмерти. Ты в порядке?

— Со мной всё отлично. Никогда не чувствовал себя лучше за всё время моего существования.

— Тогда расскажи мне, что произошло. Я имею в виду, в то время, когда ты был… О, Господи! Старик… он…

— Мёртв! — Венделл произнёс это неприятное слово.

— Да, — подтвердил Драйден. — Значит, ты знал, а! А что с телом, оно исчезло?

— Я тоже это знаю. Послушай, Спенс. Это длинная история. Позволь мне принести тебе выпить, а потом я расскажу тебе несколько поразительных вещей. Я уверен, что моя история покажется тебе интересной и невероятной.

Пока Венделл возился с напитками, Драйден

лениво откинулся в кресле. Венделл снова насвистывал «Ведьму". «Но не так хорошо, как раньше» — подумал Драйден. Ему чего-то не хватало, но Драйден не мог понять, чего именно. Возможно, подача была глубже. Он переключил свои мысли на другие вопросы. Пересмотрев своё поспешное решение прекратить эксперименты с Ключом Поэта, Драйден обнаружил, что на самом деле надеялся на то, что Венделл скажет что-нибудь, чтобы опровергнуть его намерения. В глубине души он знал, что всё ещё желает посетить эти невероятно древние цитадели Древних; постоять в благоговении перед возвышающейся циклопической архитектурой; увидеть высшее художественное выражение творческого гения дочеловеческой эпохи. «Венделлу предстоят чудесные откровения» — сказал он себе с удовлетворением.

— Вот, — Венделл протянул ему бокал. — Давай выпьем за моё возвращение.

Прикоснувшись своим бокалом к бокалу Венделла, Драйден улыбнулся, услышав ободряющий звон стекла. Он бегло осмотрел длинные полки с древними книгами. Странные и красивые названия казались выгравированными огнём на потрескавшихся и сломанных корешках. Возмож-

но, Драйдену ещё понадобятся знания, которые в них содержатся, беспечно размышлял он.

— За твоё благополучное возвращение! — ритуально произнёс он и одним глотком осушил бокал.

Сначала Драйден испытал шок, и понимание приходило медленно. Но сомнений в том, что с ним сделали, почти не осталось. Жгучая жидкость обжигала его горло и язык. Сильные руки, схватившие его за плечи и заставившие опуститься в кресло, удерживали Драйдена там с непреклонной, бескомпромиссной силой. Суровый взгляд Венделла и горький, ненавистный, нечеловеческий смех. Сомнений быть не могло. Драйдену хотелось вырваться, очистить своё тело от ядовитого Тахеля, который завязал его внутренности в Гордиевы узлы. Он стремительно немел. Его руки отказывались подчиняться бешеным командам мозга. В поле его зрения появилась вторая фигура. Давление на его плечи ослабло, фактически прекратилось. Но Драйден всё ещё не мог подняться с кресла.

По его расчётам, у него оставались считанные минуты настоящего сознания. Он сфокусировал своё слабеющее зрение на человеке, стоявшем позади Венделла. Он увидел… и усомнился в

своём рассудке. Это был старый бродяга, который служил объектом исследования — живой и здоровый! Драйден попытался выразить своё замешательство, но с его губ сорвалось лишь шипение. Две фигуры, медленно превращаясь в неясные размытые пятна, улыбнулись. Одного он знал как Джона Венделла.

— Скоро ты присоединишься к своему товарищу и жертве, глупый смертный. А пока мы берём на себя ваши роли, чтобы подготовить Путь. Бесчисленные годы мы терпеливо ждали того дня, когда люди, с их жалкими представлениями о прогрессе и с научным рвением, невольно вновь откроют врата. Мы — первые. Будут и другие. В этом нас заверил Владыка Йог-Сотот. Когда-то мы доверяли людям выполнять нашу работу. Но, похоже, все люди вероломны и не служат никому, кроме себя в своих тщетных мечтаниях о славе. Увы, даже боги иногда ошибаются. Но сейчас мы всё исправим. Иди, дурак, присоединяйся к остальным!

Кристалл вырисовывался перед Драйденом. Ярко-красное сияние ослепило его, и он упал в темницу Старших Богов.

Перевод: А. Черепанов

Кейтлин Кирнан
Дома поглощены волнама моря

Caitlin R. Kiernan «Houses Under The Sea», 2007

I

Закрывая глаза, я вижу Якову Энгвин.

Я закрываю глаза, и вот она тут как тут, стоит одиноко в конце волнореза с туманным горном в руках над волнами, которые разбиваются в пену о нагромождение серых валунов. Октябрьский ветер треплет ее волосы, она стоит ко мне спиной. Подплывают лодки.

Я закрываю глаза, и она стоит посреди бурунов на Мосс Лендинг, вглядываясь в бухту, в то место, где континентальный шельф, сужаясь, превращается в длинную узкую полосу и уходит в черную бездну каньоном Монтерей. В воздухе кружат чайки, ее волосы собраны сзади в хвостик.

Я закрываю глаза, и вот мы вместе идем по Кэннери-роу, направляясь к аквариуму. На ней платье в клеточку и ботинки «Док Мартенс»,

которым, пожалуй, уже лет пятнадцать. Я говорю какую-то бессмыслицу, но она меня не слышит, потому что сердито смотрит на туристов, на стерильную жизнерадостную абсурдность здания компании «Креветка Бубба Гамп», и фактории «Макрель Джек».

— Раньше здесь был публичный дом, — говорит она, кивая на «Макрель Джек». — Кафе «Одинокая звезда», но Стейнбек[119] назвал его «Медвежий стяг». Все сгорело. Теперь здесь ничего не осталось от той эпохи.

Она говорит так, будто это происходило на ее памяти. Я закрываю глаза.

И ее снова показывают по телевизору: она на старом волнорезе в Мосс Пойнт, это тот день, когда был запущен подводный телеуправляемый аппарат «Тибурон II».

А вот она в Монтерее, на складе на Пирс-стрит; мужчины и женщины в белых халатах прислушиваются к каждому ее слову. Они ловят каждый слог, каждый ее вздох, их глаза похожи на выпученные глаза глубоководной рыбы, впервые

[119] Примечания: 119

Джон Эрнст Стейнбек (1902–1968) — американский прозаик, лауреат Нобелевской премии по литературе (1962). Его роман «Консервный ряд», (1945) повествует о жизни обитателей промышленного района Монтерея. В романе упоминается заведение «Медвежий стяг».

увидевшей солнечный свет. Изумленные, испуганные, восхищенные, растерянные.

Все они растерянны.

Я закрываю глаза, и она направляет их в бухту.

Эти существа набросились на баррикады

И направились к морю.[120]

Все эти отдельные воспоминания так разобщены и так связаны, что я никогда не смогу разложить их по полочкам и составить внятное повествование. Было бы тщеславным заблуждением считать, что я могу превратить в обычный рассказ то, что произошло. А даже если бы и мог, никто не стал бы читать такое, *такое* я бы никогда не продал. Си-эн-эн и «Ньюсуик», «Нью-Йорк таймс», «Роллинг стоун», «Харперс», — все уже и так знают, что думать о Якове Энгвин. Все уже знают то, что хотят знать. Или чего не хотят знать. В этих головах она уже заслужила место в зале славы культа смерти, втиснутая где-то между

[120] Примечания: 120
Слова из песни «Belong», группы «R.E.M.».

Джимом Джонсом[121] и сектой «Врата рая».[122]

Я закрываю глаза и слышу, как она произносит: «Огонь с небес, огонь на воде», она улыбается; я знаю, что она говорит о пожаре 14 сентября 1924 года. В этот день молния ударила в один из резервуаров вместимостью 55 тысяч галлонов, принадлежавших Объединенной нефтяной компании, и в небо взмыла огненная река. Черные облака заслонили солнце, и огонь с голосом урагана обрушился на консервные заводы. Это был голос демонов. Она наконец-то завязала шнурки на ботинках.

Я сижу здесь, в этом мотеле, в темной комнате, глядя на экран ноутбука, чистый прямоугольник, светящийся жидкокристаллическим светом, и набираю какие-то ненужные слова, составляю из них витиеватые предложения, жду, жду, жду и не знаю, чего жду. Или просто боюсь признаться себе, что совершенно точно знаю, чего жду. Она превратилась в моего персонального при зрака, а те, кого посещают призраки, всегда находятся

---

[121] Примечания: 121

Джеймс Уоррен Джонс — американский проповедник, основатель религиозной организации «Храм народов», последователи которой совершили в 1978 году массовое самоубийство.

[122] Примечания: 122

«Врата рая», — религиозная секта, последователи которой совершили массовое самоубийство в 1997 году.

в ожидании.

— В обители Посейдона она построит залы из кораллов, стекла и костей китов, — говорит она, и толпа на складе разом вдыхает и выдыхает, как единое изумленное существо. Каждое из слившихся в едином порыве тел сделалось меньше того, каким было раньше. — Там, внизу, в ее дворцах, в бесконечной ночи ее колец, вас ждет покой.

— «Тибурон», — это по-испански акула, — говорит она, и я отвечаю, что не знал этого, что два года учил испанский в старших классах, но это было все равно что тысячу лет назад, и теперь все, что я помню, это *si* и *por favor.*

Что там за шум в дверях? Наверное, сквозняк. Что там за шум? Почему он так шумит?

Я снова закрываю глаза.

Море многогласно.
Богато богами и голосами[123]

— Пятое ноября 1936 года, — говорит она, и это первая ночь, когда мы занялись сексом, долгая ночь, которую мы провели вместе в обшарпан-

[123] Примечания: 123

Строки из поэмы Томаса Стернза Элиота «Бесплодная земля», (перевод Я. Пробштейна).

ном отеле в Мосс Пойнт. В такие места рыбаки приводят проституток. В этом месте она и умерла. — Консервная компания «Дель Мар», сгорела дотла, и никто не пытался обвинить в этом молнию.

Сквозь занавески на окнах пробивается лунный свет, и мне на какой-то миг представляется, что ее кожа сделалась переливчатой, как перламутр, как многоцветное маслянистое пятно. Я протягиваю руку и касаюсь ее обнаженного бедра, она зажигает сигарету. Воздух наполняется дымом, густым, как туман или забвение.

Следы от моих пальцев остаются на ее теле, она встает и подходит к окну.

— Увидела что-то? — спрашиваю я, и она медленно качает головой.

Я закрываю глаза.

В лунном свете различимы ломаные круговые шрамы, начинающиеся на обеих ее лопатках и достигающие середины спины. Их десятка два или даже больше, но я никогда их не пересчитывал. Некоторые не больше монеты, но некоторые по меньшей мере два дюйма в длину.

— Когда меня не станет, — говорит она, — когда я закончу здесь все свои дела, они начнут спрашивать тебя обо мне. Что ты им скажешь?

— Смотря что они будут спрашивать, — отвечаю я и смеюсь, думая, что эти ее разговоры об уходе — очередная странная шутка. Я ложусь и смотрю в потолок.

— Всё, — шепчет она. — Рано или поздно они расспросят тебя обо всем.

Что и случилось.

Я закрываю глаза и вижу ее, Якову Энгвин, сумасшедшего пророка из Салинаса, вижу жемчужины ее глаз, вижу мидии и сердцевидки, вижу ее живую; она стоит на коленях на песке. Солнце поднимается у нее за спиной, и я слышу шаги людей, приближающихся по дюнам.

— Я скажу им, что ты классно трахалась, — говорю я. Она затягивается сигаретой и продолжает смотреть в ночь за окнами мотеля.

— Да, — говорит она. — Этого я от тебя и жду.

II

Впервые я увидел Якову Энгвин (я имею в виду, впервые увидел воочию), когда вернулся из Пакистана и прилетел в Монтерей, чтобы прочистить мозги. У одного моего друга фотографа здесь была квартира, сам он улетел в командировку в Японию, и я решил, что могу залечь здесь на пару недель, а то и на месяц, уйти в запой и

снять напряжение. Мои одежда, багаж, кожа и все вокруг до сих пор пахли Исламабадом. Я больше полугода провел за морем, выискивая реальные и воображаемые связи между мусульманскими экстремистами, европейскими посредниками и пакистанской ядерной программой, пытаясь оценить масштабы ущерба, причиненного предприимчивым Абдулом Кадыром Ханом, отцом пакистанской атомной бомбы, разнюхивал, что именно и кому он продавал. Все уже знали (или по крайней мере думали, что знали) о Северной Корее, Ливии и Иране, но американское правительство подозревало, что в список его покупателей входила также «Аль-Каида», и другие террористические группы, несмотря на заверения генерал-майора Шуката Султана в обратном. Я вернулся с головой, забитой мыслями о конце света, словами из языка урду, антииндийской пропагандой и поэзией машаих, намереваясь освободить ее от всего, кроме скотча и запаха моря.

Была среда, ясный и теплый для ноября в Монтерее день. Я решил погулять и подышать свежим воздухом. В первый раз за неделю принял душ, потом пообедал в «Сардин Фэктори», на Уэйв-стрит (данденсский крабовый ремулад,

свежие устрицы с хреном и жареная на гриле камбала-ерш в лимонном соусе, в которой, на мой вкус, было слишком много тимьяна). После ресторана мне вздумалось сходить в аквариум. В детстве, которое прошло в Бруклине, я часто ходил в аквариум на Кони-Айленде. И спустя три десятилетия мало что из того, что человек способен сделать на трезвую голову, могло меня успокоить так же быстро. Расплатившись по чеку картой «Мастеркард», я прошел по Уэйв-стрит сначала на юг, потом на восток до Прескотта, после чего свернул на Кэннери-роу. Теперь справа от меня оказался сверкающий залив, а над головой раскинулось бледно-голубое, как на картине маслом, осеннее небо.

Я закрываю глаза, и события того дня перестают быть чем-то произошедшим три года назад, чем-то таким, что в моем изложении звучит как идиотская лекция о путешествиях. Я закрываю глаза, и это происходит сейчас, в первый раз, и я вижу ее перед собой. Она сидит одна на длинной скамейке перед аквариумом с лесом водорослей внутри. Ее худое лицо поднято к покачивающемуся высоко наверху за стеклом живому балдахину, тени рыб и водорослей проплывают по ее лицу. Я узнаю ее, и это удивляет меня, потому что ее

лицо до этого я видел только по телевизору и на фотографиях в журналах, да еще на суперобложке книги, которую она написала до того, как потеряла работу в Беркли. Она поворачивает голову и улыбается мне так, как улыбаются человеку, которого знают всю жизнь.

— Вам повезло, — говорит она. — Сейчас как раз начнут кормить рыбу. — И Якова Энгвин похлопывает по скамейке рядом с собой, приглашая меня сесть.

— Я читал вашу книгу, — мямлю я, усаживаясь, потому что все еще слишком удивлен, чтобы говорить о чем-либо другом.

— Да? В самом деле? — Теперь она смотрит на меня с недоверием, как будто я говорю это только из вежливости, и по выражению ее лица я понимаю: ее немного удивляет то, что кто-то пытается ей льстить.

— Да! — восклицаю я слишком горячо. — Некоторые места я даже перечитал два раза.

— И зачем вам это понадобилось?

— Честно?

— Честно.

Ее глаза такого же цвета, как вода за толстыми стеклянными стенками аквариума, как ноябрьский солнечный свет, прошедший через соленую

воду и бурые водоросли. Возле уголков ее рта и под глазами пролегают тонкие складочки, отчего она кажется старше своих лет.

— Прошлым летом я летел из Нью-Йорка в Лондон, и нас на три часа посадили в Шенноне. Ваша книга была у меня с собой, и, кроме нее, мне нечего было читать.

— Какой ужас, — говорит она, продолжая улыбаться, и снова поворачивает лицо к большому резервуару с водой. — Хотите, чтобы я вернула вам деньги?

— Это был подарок, — отвечаю я. Это неправда, но я сам не знаю, зачем обманываю ее. — Моя бывшая подруга подарила мне ее на день рождения.

— Из-за этого вы ее бросили?

— Нет. Я бросил ее, потому что она думала, что я слишком много пью, а я думал, что она пьет слишком мало.

— Вы алкоголик? — спрашивает Якова Энгвин с таким непринужденным видом, будто интересуется, предпочитаю я кофе с молоком или без.

— Ну, можно сказать, люди думают, что я двигаюсь в этом направлении, — отвечаю я. — Но книга понравилась мне, правда. Поверить трудно, что вас из-за нее уволили. То есть, что людей вообще могут увольнять за то, что они пишут книги.

Но я знаю, что это тоже ложь. Я не настолько наивен, и совсем не так уж сложно понять, как или почему «Пробуждение Левиафана», поставило крест на академической карьере Яковы Энгвин. В книжном обозрении журнала «Нейчер», ее назвали «самым непоследовательным и нелепым примером сочетания плохого знания истории с еще худшим знанием науки со времен дела Великовского».[124]

— Меня уволили не из-за того, что я написала книгу, — говорит она. — Меня вежливо попросили написать заявление, из-за того что я собиралась ее опубликовать.

— Но почему вы не боролись?

Улыбка ее немного тускнеет, а складочки вокруг рта как будто становятся чуть глубже.

— Я сюда пришла не для того, чтобы обсуждать свою книгу или бывших работодателей.

Я извиняюсь, и она говорит, чтобы я не брал в голову.

В аквариум погружается аквалангист в неоново-черном неопреновом гидрокостюме, оставляя

---

[124] Примечания: 124

Иммануил Великовский (1895–1979) — врач и психоаналитик, создатель нетрадиционных теорий в области истории, геологии и астрономии, не принятых научной общественностью и вызвавших в США скандал, названный «делом Великовского».

за собой шлейф серебряных пузырьков, и почти все рыбы поднимаются в ожидании к нему или к ней: стая перуанских кабрилий и гладкие леопардовые акулы, толстоголовый губан и скорпена, другие рыбы, которых я не узнал. Она больше ничего не говорит и увлеченно наблюдает за кормлением рыб, а я сижу рядом с ней на дне фальшивого океана.

Открываю глаза. На мониторе передо мной только слова.

После той встречи я не видел ее почти год. За это время, когда по работе мне пришлось вернуться в Пакистан, потом в Германию, а потом в Израиль, я перечитал ее книгу. Также я прочитал кое-какие ее статьи и рецензии и еще нашел в Интернете интервью, которое она дала сайту Уитли Стрибера[125] «Неизвестная страна». Затем я наткнулся на статью об инуитской археологии, которую она написала для «Фейт», и задумался: в какой момент Якова Энгвин решила, что обратного пути нет, что терять больше нечего и потому нет смысла становиться частью того тем-

[125] Примечания: 125

Уитли Стрибер (род. в 1945) — американский писатель. По его утверждению, в 1985 году был похищен некими пришельцами. На основе этого опыта написал ряд книг, первая из которых, «Контакт», стала бестселлером № 1 в 1987 г. по версии газеты «Нью-Йорк таймс».

ного агрессивного мира всевозможных уфологов, приверженцев конспирологии и исследователей паранормального, который был готов с радостью принять ее в своё лоно?

Еще я подумал: а может быть, она с самого начала была одной из них?

III

Сегодня утром, проснувшись после долгого и мучительного сна, в котором я видел шторм и тонул, какое-то время я лежал неподвижно в кровати, прислушиваясь к похмелью и глядя на прогибающийся, покрытый пятнами сырости потолок моей мотельной комнаты. И наконец я признался себе, что это будет совсем не то, что я должен был написать и чего от меня ждали в газете. Я даже не знаю, хочу ли я писать для них. Разумеется, они ждут грязи, а я никогда не стеснялся копаться в дерьме. Последние двадцать лет я только то и делал, что рылся в выгребных ямах за деньги. Думаю, не имеет никого значения, что я люблю ее или что большая часть этой грязи — моя. Я не могу притворяться, что работаю исключительно из душевного благородства, или из преданности, или даже из какого-то эгоистичного и запоздалого беспокойства о своей запятнанной

репутации. Я бы написал то, что они хотят, если бы мог. Если бы знал как. Мне нужны эти деньги. Последние пять месяцев я не работал, и мои сбережения уже на исходе.

Но если я не буду писать для них, если я оставил все надежды получить заветный чек, почему я сижу здесь, почему мои пальцы бегают по клавишам ноутбука? Я что, пишу исповедь? Благослови меня, святой отец, ибо я не могу забыть? Или я думаю, что это можно выблевать из себя, как виски из желудка? Что это поможет остановить ночные кошмары или наполнит покоем дни? Искренне надеюсь, что я не настолько глуп. Кем бы я ни был, мне все же хочется думать, что я не идиот.

Вчера вечером я снова посмотрел запись. У меня есть все три версии: та, которая до сих пор гуляет по Интернету; та, которая заканчивается сразу после удара по подводному роботу, до того как его огни снова зажглись; та, которую МИПИ (Монтерейский институт подводных исследований) предоставил прессе и научному сообществу в ответ на версию, циркулирующую в Интернете. А еще — неотредактированная, «сырая», версия, которую я купил у одного инженера-робототехника, утверждавшего, что он находился на борту исследовательского судна «Вестерн флайер», в

тот день, когда произошел инцидент. Я заплатил ему две тысячи долларов, и парень клялся, что это полная и настоящая запись. Я знал, что был не первым его покупателем. Узнал я об этом от одного знакомого из химической лаборатории Калифорнийского университета в Ирвайне. Не знаю, откуда у него эта информация, но из его рассказа я понял, что тот техник наладил неплохой бизнес, продавая свой нелегальный товар всем, кто был готов заплатить наличными.

Мы встретились в мотеле № 6 в Эль Каджоне, и я просмотрел всю запись от начала до конца, прежде чем отдать ему деньги. Все то время, пока я смотрел кассету, перематывал и смотрел снова, он сидел спиной к телевизору.

— Зачем это? — спросил он, ломая руки и с тревогой глядя на плотные шторы, которые я задвинул, прежде чем включить взятый напрокат видеомагнитофон. Яркое полуденное солнце пробилось в щель между ними и разделило тонким лучиком его лицо пополам. — Эй, ты что, думаешь, если посмотришь два раза, там что-то изменится?

Не берусь подсчитывать, сколько раз я смотрел эту запись, не меньше пары сотен раз так точно, и до сих пор считаю, что задал ему тогда правиль-

ный вопрос:

— Почему МИПИ скрывает это?

Он рассмеялся и покачал головой.

— А сам-то как думаешь?

Парень взял деньги, еще раз напомнил, что мы никогда не встречались и что он будет отрицать все, если я попытаюсь назвать его своим источником, а потом сел в свой древний разваливающийся «фольксваген микробус», и уехал, оставив меня с полуторачасовой цветной записью, сделанной где-то у основания каньона Монтерей. На ней было все, что увидела бортовая камера подводного телеуправляемого аппарата «Тибурон II», (портовая панорамная камера в тот день была неисправна) в двадцати милях от берега и в трех километрах от поверхности воды. С самого начала я понял, что ближе к ответу уже не подойду и что вопрос оказался другим, гораздо более страшным.

Прошлой ночью я выпил больше, чем обычно, *намного* больше, чем обычно, и впервые почти за месяц пересмотрел запись. Только на телевизоре я оставил картинку и выключил звук.

Даже пьяный я все равно трус.

Дно океана, ярко освещенное шестью 480-ваттными металлогалогенными лампами

«Тибурона II», покрыто бархатным ковром серо-коричневого осадка, принесенного Элкхорнслау и другими реками и ручьями, впадающими в залив Монтерей. И даже на такой глубине видны признаки жизни: офиуры и крабы, прилипшие к камням цвета дерьма, губки и морские огурцы, извивающиеся гладкие тела пучеглазых макрурусов. Местами темные обнажения породы выступают из-под ила, как кости из-под гниющей плоти прокаженного.

Мой зануда редактор высмеял бы меня за последнее сравнение, увидел бы его, захохотал и сказал бы что-нибудь наподобие: «Если бы мне захотелось красоты, я купил бы горшок фиалок». Но мой зануда редактор не видел записи, которую я купил у инженера.

Мой зануда редактор никогда не встречался с Яковой Энгвин, никогда не слышал ее рассказов, никогда не трахал ее, не видел шрамов у нее на спине и страха в ее глазах.

«Тибурон II», подплывает к каменистому месту, где дно резко уходит вниз, и медлит на краю, повинуясь командам из контрольной комнаты на «Вестерн флайер». Через пару секунд «морской снег», становится таким густым, что рассмотреть что-либо сквозь свет, отражающийся от опус-

кающихся на дно белых хлопьев, становится практически невозможно. Я, сидя на полу между кроватью и телевизором, едва не протягиваю руку и не прикасаюсь к экрану.

Едва.

«Там всего понемножку, — слышал я, как рассказывала Якова, хотя мне она никогда не говорила ничего подобного. — Ил, фитопланктон и зоопланктон, сажа, слизь, диатомеи, фекальные катышки, пыль, песчинки и комки глины, радиоактивные осадки, пыльца, нечистоты. Некоторую часть морского снега составляют даже частицы межпланетной пыли. Что-то прилетает к нам со звезд».

«Тибурон II», чуть наклоняется впереди проплывает несколько футов, потом осторожно соскальзывает с обрыва, начиная медленный спуск в новую, неизвестную прежде бездну.

«Мы проплывали над этим участком никак не меньше десяти раз, — рассказывала Натали Биллингтон, главный пилот „Тибурона II“, корреспонденту Си-эн-эн, когда об интернет-версии записи впервые заговорили в новостях. — Но это понижение не зафиксировал ни один прибор. Каким-то образом мы все время его пропускали. Я знаю, что такой ответ нельзя назвать удовле-

творительным, но мы имеем дело с огромными пространствами. Каньон имеет в длину более двухсот миль. Можно что-то и не заметить».

Какое-то время — если быть точным, 15,34 секунд — видно только темноту, морской снег и несколько любопытных или испуганных рыб. Согласно отчету МИПИ, скорость вертикального погружения «Тибурона II», на этом отрезке составляла примерно тридцать пять метров в минуту, поэтому, когда он снова нашел дно, расстояние до поверхности воды увеличилось где-то на пятьсот двадцать пять футов. Теперь снова видно поверхность морского дна, но здесь нет даже признаков ила, лишь нагромождение битых камней, поразительно чистых. На них даже почти нет обычного налета и подводной грязи. В кадре нет ни губок, ни морских огурцов, ни морских звезд, и даже вездесущий «морской снег», сыплется редкими хлопьями. Потом камера наползает на широкий плоский камень, который обычно называют «Дельта-камень». И это не похоже на знаменитое марсианское лицо или изображения

астронавтов, которые фон Дэникен[126] нашел на предметах быта майя. Прописную Д, вырезанную на гладкой поверхности плиты, ни с чем нельзя спутать. Края литеры такие четкие, такие чистые, будто ее нанесли только вчера.

«Тибурон II», парит над Дельта-камнем, озаряя светом это темное место. Я знаю, что произойдет дальше, поэтому сижу на месте и считаю в уме секунды. Как только я дохожу до тридцати восьми, «Тибурон II», рывком разворачивается направо, сигналя об ударе в левый бок. В тот же миг изображение пропадает, и на экране видно только белый шум. Следующие двенадцать секунд камера работала, но не записывала.

Досчитав до одиннадцати, я выключил телевизор и прислушался к ветру и шуму волн, разбивающихся о берег, дожидаясь, когда сердце перестанет вырываться из груди, а на ладонях и лице высохнет пот. Поняв, что меня не стошнит, я нажал на «извлечь», и видеомагнитофон выплюнул кассету. Вернув ее в голубую пластиковую коробку, я закурил и взялся за стакан, не в силах

[126] Примечания: 126

Эрих фон Дэникен (род. в 1935) — швейцарский писатель и кинорежиссер, уфолог, один из виднейших идеологов теории палеоконтактов. Написал множество книг, в которых приводил свидетельства влияния инопланетных пришельцев на древние цивилизации.

думать ни о чем, кроме Яковы.

IV

Якова Энгвин родилась и выросла в большом викторианском доме своего отца в Салинасе, в паре кварталов от места, где родился Джон Стейнбек. Мать ее умерла, когда ей было восемь. Ни сестер, ни братьев у Яковы не было, и все ее ближайшие родственники, как по отцовской, так и по материнской линии, жили на востоке, в Нью-Джерси, Пенсильвании и Мэриленде. В 1960 году, через несколько месяцев после свадьбы, ее родители перебрались в Калифорнию, и отец устроился преподавателем английского языка в Кастровилл. Через полгода он эту работу бросил и нашел другую, в городке Соледад, где платили чуть-чуть больше. Несмотря на то что Тео Энгвин получил докторскую степень по сравнительной литературе в Колумбийском университете, у него не было научных амбиций. Работая в колледже, он написал несколько романов, хотя ни один из них тогда не нашел издателя. В 1969 году, когда его жена была на пятом месяце беременности, он уволился из Соледадской средней школы и уехал на север, в Салинас, где купил старый дом на Говард-стрит, для чего взял заем в банке и прибавил

к нему аванс за свою первую книгу, мистический роман «Человек, который смеялся на похоронах», (издательство «Рэндом хаус», Нью-Йорк).

Все три выпущенные на сегодняшний день книги о Якове, о секте «Открытая дверь ночи», и о массовых самоубийствах на государственном пляже Мосс Лендинг упоминают романы Тео Энгвина лишь вскользь. Элинор Эллис-Линкольн в своей «Закрывая двери: анатомия истерии», (издательство «Саймон энд Шустер», Нью-Йорк), к примеру, уделяет им всего один параграф, в то время как детству Яковы в ней посвящена целая глава. «Работы мистера Энгвина так или иначе остались практически незамеченными критиками и почти не принесли дохода, — пишет Эллис Линкольн. — Из семнадцати романов, опубликованных им с 1969 по 1985 год, только два („Человек, который смеялся для похорон“ [sic!] и „Семь на закате“) еще в продаже. Заметно, что общий тон романов становится значительно более мрачным после смерти его жены, однако для самого автора книги никогда не были чем-то большим, чем хобби. Когда он умер, право распоряжаться его литературным наследием перешло к его дочери».

Также и Уильям Л. Вест в своей книге «Культ

лемминга», (издательство «Оверлук пресс», Нью-Йорк) указывает: «Полные мистики и саспенса книги, которые выдавал на-гора ее отец, не могли не заинтересовать Якову в детстве, но она ни разу не упоминает о них в собственных сочинениях, даже в личных дневниках, которые были найдены в картонной коробке, хранившейся в шкафу в ее спальне. Сами книги, насколько мне удалось узнать, не представляют никакого интереса. Почти все они давно перестали издаваться, и найти их сегодня довольно сложно. Даже в каталоге публичной библиотеки Салинаса значатся только три издания: „Человек, который смеялся на похоронах“, „Претория“ и „Семь на закате“».

За два года моего знакомства с нею на моей памяти Якова лишь раз упомянула о сочинениях отца, и то между делом, но у нее были собраны все его романы, о чем не говорилось ни в одной статье о ней из тех, что видел я. Наверное, это не кажется чем-то таким уж важным, если ты не читал книг Тео Энгвина. После смерти Яковы я прочитал их все. У меня ушло меньше месяца на то, чтобы найти все семнадцать, в чем мне в первую очередь помогли интернет-магазины. Несмотря на то что Уильям Вест имел полное право называть эти романы «не представляющими

интереса», даже поверхностное ознакомление открывает удивительные параллели между вымыслом отца и настоящей жизнью дочери.

Я потратил большую часть последних пяти часов на предыдущие четыре абзаца, пытаясь заставить себя поверить, будто могу писать о ней так, как писал бы о ней журналист. Будто могу быть хотя бы немного объективным и отстраненным. Нет, конечно же, все это напрасно, и я трачу время впустую. После того как я просмотрел запись еще раз, после того как чуть не позволил себе досмотреть ее *до конца,* думаю, теперь мне захочется отгородиться стеной от воспоминаний о ней. Нужно позвонить в Нью-Йорк и сказать, что я не могу, не могу этим заниматься, пусть ищут кого-нибудь другого. Но после того, что я натворил с материалом о Мушаррафе, агентство может вообще от меня отказаться. Сейчас это для меня важно. Возможно, через день-два это пройдет, но пока важно.

Ее отец писал книги, которые не пользовались особой популярностью, и, хоть они не блещут слогом, в них, возможно, содержится ключ к пониманию того, что двигало Яковой и почему ее жизнь сложилась так, как сложилась. Вот так просто и противоречиво. Как и все, что связано

с «культом лемминга», как окрестили в народе «Открытую дверь ночи», как стали называть это сообщество люди, которым проще смириться с трагедией и ужасом, если в них есть доля абсурдности. Во всем, что связано с ней, кажущееся важным и значимым в следующую секунду может показаться совершенно бессмысленным. Хотя возможно, что так кажется только мне одному. Быть может, я слишком много требую от этих книг.

Отрывок из книги «Претория», («Баллантайн букс», 1979), с. 164–165.

Эдвард Хортон стряхнул пепел с сигары в большую стеклянную пепельницу на столе.

— Не люблю море, — сказал он и кивнул на окно. — Если честно, я даже звука его не выношу. Мне от него кошмары снятся.

Я прислушался к прибою, не сводя взгляда с толстяка и с серых завитков дыма, которые клубились вокруг его лица. На меня звук волн всегда производил успокаивающее воздействие, и я задумался о том, который из бесчисленных секретов Хортона объясняет его отвращение к морю. Я знал, что он одно время служил на флоте в Корее, но также был уверен, что в боях он не участвовал.

— Как тебе спалось ночью? — спросил я, и Хортон покачал головой.

— Дерьмово, — ответил он и снова затянулся сигарой.

— В таком случае, может, стоит подумать о том, чтобы переселиться подальше от берега?

Хортон кашлянул и ткнул жирным пальцем в сторону окна бунгало.

— Думаешь, я бы этого не сделал, если бы сам решал? Она хочет, чтобы я был здесь. Хочет, чтобы я сидел вот здесь, на этом самом месте, и ждал ее. Днем и ночью. Она знает, как я ненавижу океан.

— К черту, — сказал я и потянулся за шляпой, устав от его общества и вони его тлеющей «маканудо». — Если передумаешь, ты знаешь, где меня найти. Не обращай внимания на сны, ведь это всего лишь сны, не более.

— Этого мало? — спросил Хортон, и по выражению его лица я понял, что он был бы не против, если бы я задержался подольше, но знал, что он никогда в этом не признается. — Дьявол, этой ночью люди уходили в море, шли по песку рядами, как солдаты на плацу. Там их, наверное, миллион был. Как думаешь, что может означать такой сон?

— Хортон, такой сон не означает ничего, — ответил я. — Разве то, что тебе нужно поменьше острого есть на ночь.

— Как был ты говнюком, так им и останешься, — сказал он, и мне пришлось согласиться. Он пыхнул сигарой, а я вышел из бунгало в соленую ночь Санта-Барбары.

Отрывок из книги «Что притащила кошка», («Баллантайн букс», 1980), с. 231.

Вики так и не рассказала никому о снах, как не рассказала никому о мистере Баркере и о желтом «корвете». На радость или на горе, сны были ее тайной. Иногда они казались ей чем-то неправильным, постыдным, даже греховным, как будто она нарушила Божьи законы или по меньшей мере законы человеческие. Однажды она чуть было не призналась мистеру Баркеру, где-то за год до того, как уехала из Лос-Анджелеса. Она уже даже заговорила о русалках, но он фыркнул и рассмеялся, из-за чего ей сразу расхотелось о чем-то рассказывать.

— Ну у тебя и фантазии, — сказал он. — Когда-нибудь тебе придется повзрослеть и перестать говорить о таких вещах, если хочешь, чтобы люди относились к тебе серьезно.

Поэтому больше она рот не открывала. Что

бы ни означали эти сны, она никому не сможет объяснить их или даже признаться кому-либо, что видит их. Порой по ночам, не в силах заснуть, она лежала в кровати, глядя в потолок, думая о разрушенных замках под водой, о прекрасных утонувших девах с водорослями в волосах.

Отрывок из книги «Последний ростовщик Бодега-бэй», («Бентам букс», 1982), с. 57–59.

— Это было еще в пятидесятых, — сказал Фостер, закуривая очередную сигарету. Руки его дрожали, и он беспрестанно поглядывал через плечо. — Точно, в пятьдесят восьмом или в начале пятьдесят девятого. Я помню, что Эйзенхауэр был еще президентом, но не помню, какой год. Но я тогда еще торчал в Гонолулу, ага, возил вшивых туристов вокруг острова на «Сент-Крисе», чтобы они могли половить рыбу и сфотографировать чертов Килауэа. Катеришко мой доживал последние дни, но на воде еще держался, и, если знать, как с ним управляться, можно было попасть, куда тебе надо.

— Какое это имеет отношение к У инки Андерсону и девушке? — спросил я, не скрывая нетерпения.

— Черт, Фрэнк, я же веду к этому. Являешься сюда, задаешь вопросы, хочешь, чтобы я тебе все

объяснил, так хотя бы помолчи и послушай.

— Я не могу ждать всю ночь.

— Да, черт, а кто может, скажи-ка, а? Ну ладно, как я говорил, это было в пятьдесят девятом, и мы стояли где-то к северу от Молокаи. Старина Куп ловил рыбу на линии тысячи фатомов, а Джерри… Ты ведь помнишь Джерри?

— Нет, — ответил я, поглядывая на часы над баром.

— Ну да ладно. Джерри О'Нил всю дорогу точил лясы о здоровенном, на тыщу двести фунтов, марлине, которого за пару недель до этого подцепил какой-то мексиканский бизнесмен из Тихуаны. Про рыбу эту даже в газетах тогда написали. Короче, Джерри сказал, что мексиканец тот был плохим человеком, ну, вроде как несчастье приносил, что ли, и что нам лучше приглядывать за ним.

— Но ты только что сказал, что он поймал марлина на тыщу двести фунтов.

— Ну да, поймал. Этот сукин сын умел ловить рыбу, но он занимался какой-то дрянью, вроде испанского вуду, и бросал через оба борта катера золотые монеты. Ровно каждые пять минут. Как заведенный, смотрел на часы и бросал. Золотые дублоны или еще какое дерьмо, не знаю. Купа

это бесило. Мало того что мексиканец такое добро в воду выбрасывал, так он еще и бубнил что-то себе под нос не переставая. Куп говорит ему: заткнись, люди тут рыбу ловят, но тот знай себе бубнит, монетки швыряет да рыбу вытаскивает. Я потом видел один из тех дублонов. Там на одной стороне было выбито что-то похожее на осьминога, а на другой — звезда, как ее… Пентаграмма. Ну, ты знаешь, которыми ведьмы и колдуны пользуются.

— Фостер, все это чушь собачья. Мне нужно быть в Сан-Франциско в семь тридцать утра. — Я махнул бармену и бросил на стойку перед собой две мятых пятерки и доллар.

— Ты когда-нибудь слышал про Маму Гидру, Фрэнк? Этот тип сказал, что ей молился.

— Позвони мне, когда надоест чепуху молоть, — сказал я. — И я думаю, мне не нужно тебе напоминать, что детектив Берк не будет таким терпеливым, как я.

— Господи, Фрэнк, погоди секунду. Просто я так привык рассказывать, ты же знаешь. Начинаю с самого начала. Не люблю ничего за бортом оставлять.

Это лишь несколько примеров, которые может найти кто угодно, если не пожалеет времени на

поиски. Но это далеко не все, уверяю вас. В моих книгах Тео Энгвина страницы густо исчерканы желтым маркером.

Все это оставляет больше вопросов, чем дает ответов.

Вы можете трактовать это как хотите. А можете вообще над этим не задумываться. Я думаю, какой-нибудь фрейдист найдет здесь обширное поле для исследований. Все, что было мне известно о Фрейде, я благополучно забыл еще даже до окончания колледжа. Наверное, мне было бы проще, если бы я мог приписать участь Яковы какой-нибудь эдиповой истерии, сказать, что это океан забрал ее, превратившись в ее воображении в великую праматерь, открывшую свои объятия, чтобы дать освобождение и прощение в смерти и разложении.

V

Выбрав улицу, я начинаю идти по ней, но потом не могу удержаться, сворачиваю и бегу со всех ног, поджав хвост. Воспоминания. Видеозапись МИПИ. Якова и детективы ее отца. Я лишь поцарапал ногтем поверхность и отдернул руку, чтобы не лишиться пальца. Я смешиваю метафоры так же, как смешиваю текилу и скотч.

Если, как писал Уильям Берроуз, «язык — это вирус из космоса», так кем, ради всего святого, была ты, Якова?

Эпидемия коллективного бессознательного. Чума веры. Вакцина от культурной амнезии, могла бы она сказать. И таким образом мы возвращаемся к Великовскому, который писал: «Человеческие существа, пережившие какую-либо катастрофу и лишенные воспоминаний о том, что произошло, считали себя сотворенными из праха земного. Все знания о предках, о том, кем они были и в какое межзвездное время жили, стирались из памяти немногих выживших».

Сейчас я пьян и не понимаю, что пишу. Или понимаю слишком мало, чтобы это имело хоть какое-то значение. И все же вам эта часть будет интересна. Это нечто вроде рассказа в рассказе в рассказе, самородок, спрятанный внутри бесконечной матрешки моего сердца. Это может быть даже соломинкой, сломавшей спину верблюда моего разума.

Не забывайте, я сейчас не вяжу лыка, так что весь этот бред из последнего абзаца можно забыть. А можно и запомнить.

«Когда я стану смертью… Смерть — семя, из которого я вырасту». Это тоже написал Берроуз.

Якова, ты станешь садом. Ты будешь беспокойным лесом водорослей. В дыре на дне океана лежит бревно, на котором написано твое имя.

Вчера днем, когда мне захотелось блевать от вида этих четырех вонючих стен, я поехал в Монтерей к складу на Пирс-стрит. Когда я был там последний раз, полицейские еще не сняли желтую ленточку «Место преступления. Не пересекать». Теперь здесь только большой указатель «Продается», и еще больший «Не входить». На спичечном коробке я записал название и телефон риэлтерской компании. Хочу спросить у них, что они будут рассказывать потенциальным покупателям о прошлом этого здания. Говорят, весь этот район в следующем году планируют модернизировать, так что в скором времени эти пустые здания будут превращены в лофты и кондоминиумы. Городское благоустройство не терпит пустоты.

Я припарковал машину ниже по улице от склада, надеясь, что никто не обратит на меня внимания, и особенно надеясь на то, что меня не заметит какой-нибудь проезжающий мимо полицейский. Шел я быстро, но не бежал, потому что бег подозрителен и невольно привлекает внимание тех, кто *выискивает* все подозрительное. Я

был не настолько пьян, как мог бы, и даже не настолько пьян, как стоило, и занял свой мозг тем, что стал обращать внимание на незначительные мелочи на улице, на небо, на погоду. Мусор в траве и на гравии: окурки, пластиковые бутылки от напитков (из тех, что запомнил — «Пепси», «Кока-кола», и «Маунтин дью»), бумажные пакеты и стаканчики из ресторанов быстрого питания («Макдональдс», «Дель Тако», «Кей-эф-си»), битое стекло, неопознанные куски металла, ржавый автомобильный номер штата Орегон. Небо было мучительно голубым, тошнотворно голубым, и лишь очень высокие облака нарушали удушающее однообразие этих пастельных небес. Моя машина была единственной припаркованной на улице, живых существ тоже не наблюдалось. Были здесь только два мусорных контейнера, дорожный знак остановки и большая куча картонных ящиков, политых дождем достаточное количество раз, чтобы невозможно было определить, где заканчивается один и начинается другой. Рядом валялся автомобильный колпак.

Дойдя наконец до склада (склада, который стал храмом полузабытых богов, после чего превратился в место преступления, а теперь станет чем-то другим), прошел по узкому переулку, кото-

рый отделял его от пустующего здания компании «Монтерей пенинсула шипинг», и другого склада (построенного в 1924 году).

В конце переулка должна быть дверь с ненадежным замком. «Вдруг мне повезло, — думал я, — и никто этого не заметил». Или заметил, но не придал значения. Сердце мое билось учащенно, голова кружилась (я изо всех сил старался обвинить в этом тошнотворный цвет неба), а во рту чувствовался металлический привкус, как от свежей зубной пломбы.

В переулке было холоднее, чем на Пирс-стрит. Возможно, это место всегда находится в тени и тепло никогда не проникает сюда. Дверь полностью оправдала мои ожидания, и трех-четырех минут возни с шаткой медной ручкой хватило на то, чтобы уговорить ее открыться. Внутри склада было темно и даже холоднее, чем в переулке, в воздухе стоял запах плесени и пыли, плохих воспоминаний и пустоты. Я немного задержался у двери, думая о голодных крысах и пьяных бездомных, о наркоманах, орудующих свинцовыми трубками, и о паутине с ядовитыми пауками. Потом сделал глубокий вдох и шагнул через порог из тени и прохлады в темноту и холод, и все земные угрозы остались позади. Все мысли улетучились

у меня из головы, остались там одна лишь Якова Энгвин, ее облаченные в белое последователи (если можно их так назвать) и тот предмет, что я видел на алтаре, когда побывал здесь в первый и последний раз. Тогда здесь находился храм «Открытой двери ночи».

Однажды я спросил у нее об этом предмете, за несколько недель до конца, в последнюю ночь, что мы провели вместе. Я спросил, откуда он появился, кто изготовил его. Она долго лежала неподвижно, слушая прибой или просто решая, какой ответ меня удовлетворит. В лунном свете, проникавшем в номер отеля через окно, мне показалось, что она улыбается, но я не был в этом уверен.

— Он очень старый, — наконец произнесла она. К этому времени я уже почти заснул, поэтому, услышав ее голос, тряхнул головой, прогоняя сон. — Ни один живой человек не помнит, кто *изготовил* его, — продолжила Якова, — но я не думаю, что это имеет значение. Главное то, что он был изготовлен.

— Вообще, это довольно жуткая штука, — сонно промямлил я. — Ты же понимаешь это, верно?

— Да, как и распятие. Как и кровоточащие статуи Девы Марии или изображения Кали. Как и

звероголовые боги египтян.

Я ответил примерно так:

— Да, только я не поклоняюсь никому из них.

— Божественное всегда ужасно, — ответила она и перекатилась на бок, повернувшись ко мне спиной.

Секунду назад я находился в здании склада на Пирс-стрит, верно? А сейчас я лежу в постели с пророчицей из Салинаса. Но я не отчаиваюсь, потому что нет необходимости сосредотачиваться на чем-то, цепляться за ограничивающую иллюзию линейного повествования. Оно идет. Оно шло все это время. Как в четвертой главе «Последнего ростовщика Бодега-бэй», сказал Джоб Фостер: «Просто я так привык рассказывать, ты же знаешь. Начинаю с самого начала. Не люблю ничего за бортом оставлять».

Все это, конечно же, чушь собачья. Я подозреваю, что незадачливый Джоб Фостер знал об этом, и подозреваю, что я тоже об этом знаю. Задачей писателя является не «рассказывать все», и даже не решать, что включать в историю. Писатель должен решать, что исключать из повествования. То, что остается, скудное частное этого грубого деления, — это и есть та химера, которую мы называем «историей».

Я не строю, я отсекаю. Любые истории, и те, которые рекламируются как правдивые, и те, которые признаются в обмане читателя, все они — вымысел, лишенный объективных фактов упомянутым выше актом отсекания. Фунт мяса. Горка опилок. Осколки каррарского мрамора. И то, что осталось.

Проклятый человек в пустом складе.

Дверь я оставил открытой, потому что не решился запереть себя в этом месте. И уже сделал несколько шагов внутрь, громко скрипя ботинками по стеклу из разбитых окон, перетирая стекло в порошок, когда вспомнил о фонарике в кармане моей куртки. Однако его луч не помог сделать темноту менее удушающей. Единственное, что он сделал, — это напомнил мне об ослепительно белом луче металлогалогенной лампы «Тибурона II», устремленном на трещину в дне океана. «Ничего, — подумал я, — теперь, по крайней мере, я могу видеть, если тут есть что видеть, разумеется». И сразу же менее привычная мысль, а точнее, голос требовательно поинтересовался, на кой черт мне это понадобилось. Дверь открылась в узкий коридор с бетонными стенами, выкрашенными салатным цветом, и низким бетонным потолком, и я прошел небольшое расстояние до

его конца (футов тридцать, самое большее тридцать пять) мимо пустых комнат, которые когда-то могли быть кабинетами, к незапертой стальной двери с выцветшей оранжевой табличкой: «Вход только для сотрудников».

— Это пустой склад, — прошептал я, выдохнув слова. — Всего лишь. Пустой склад.

Я знал, что это не так. Теперь уже не так. Совсем не так. Но подумал, что ложь успокоит мои нервы лучше, чем холодный и отчужденный свет фонарика у меня в руке. Джозеф Кэмпбелл[127] писал: «Начертите вокруг камня круг, и камень превратится в воплощение загадки». Или нечто подобное. Или это сказал кто-то другой, я не помню. Суть вот в чем: я знал, что Якова обвела кругом это место, точно так же, как обвела кругом себя, точно так же, как ее отец каким-то образом обвел кругом ее…

Так же, как она обвела кругом меня.

Дверь была не заперта, и за ней находилось просторное пустое чрево этого здания, гладкая цементная площадка, разграниченная стальными опорными балками. Солнечный свет проникал

[127] Примечания: 127

Джозеф Джон Кэмпбелл (1904–1987) — известный американский исследователь мифологии, оказавший большое влияние на массовую культуру.

сюда через многочисленные окошки на восточной и западной стенах, хотя он был не таким ярким, как я ожидал. К тому же свет казался разбавленным несвежим воздухом. Я поводил лучом фонарика по полу перед собой и обнаружил, что кто-то закрасил сложные разноцветные рисунки, оставленные здесь членами «Открытой двери ночи». Толстый слой эмульсионной краски скрыл замысловатое переплетение линий, которые, как верила она, образуют мост, *«трубопровод»*, — она употребляла это слово. Все видели фотографии этого пола. Но мне до сих пор не попалось ни одной достойной. *Янтра.* Лабиринт. Извивающиеся, переплетающиеся морские существа, тянущиеся к далекому черному солнцу. Символы религий Индии, майя, чинуков. Точная контурная карта каньона Монтерей. Каждый из этих символов существовал отдельно и одновременно являлся частью общей картины. Я слышал, что одна антрополог из Беркли пишет книгу об этом лабиринте. Возможно, она опубликует фотографии, которые сумеют передать его величественную красоту. Хотя, наверное, будет лучше, если она обойдется без них.

Наверное, кому-то стоит пустить ей пулю в лоб.

Это говорили и о Якове Энгвин. Но нравственным, думающим людям убийство почти всегда кажется немыслимым до того, как наступает и заканчивается холокост.

Оставив открытой и эту дверь, я медленно вышел на середину пустого склада, где когда-то находился алтарь, к той точке, где на бархатных складках возлежало божественное чудовище Яковы. Я сжимал фонарик с такой силой, что пальцы на правой руке начали неметь.

За спиной раздался шаркающий скрипучий звук, похожий на шаги, и я резко развернулся, запутавшись в ногах и едва не рухнув на задницу, едва не выронив фонарик. Ребенок стоял футах в десяти-пятнадцати от меня, и мне было видно, что дверь, ведущая в переулок, теперь закрыта. Ей было никак не больше девяти или десяти лет. Изодранные джинсы, на футболке пятна грязи или чего-то такого, что в складской полутьме казалось похожим на грязь. Цвет коротких волос определить было трудно — то ли пшеничные, то ли светло-каштановые. Почти все лицо было скрыто тенью.

— Ты опоздал, — сказала она.

— Господи, детка, как ты меня напугала!

— Ты опоздал, — повторила она.

— Для чего опоздал? Ты что, следила за мной?

— Ворота уже закрыты. Они больше не откроются ни для тебя, ни для кого-либо другого.

Я посмотрел ей за спину, на дверь, которую оставил открытой. Она тоже обернулась.

— Ты закрыла дверь? — спросил я у нее. — А тебе не пришло в голову, что я оставил ее открытой нарочно?

— Я ждала, сколько могла, — сказала она, как будто это отвечало на мой вопрос, и снова повернулась лицом ко мне.

Тогда я сделал к ней шаг, возможно, два, и остановился. И в этот миг я испытал чувство или чувства, о которых столь упорно пишут сочинители рассказов ужасов, от Эдгара По до Тео Энгвина: почти болезненное покалывание по всему телу из-за поднявшихся волос на голове, на руках и ногах; ледяной холод под ложечкой; мурашки под кожей; расслабленные сфинктеры, сжавшаяся мошонка, застывшая в жилах кровь. Соберите хоть все клише, и все равно они и близко не передадут того, что я почувствовал, стоя там, глядя на девочку, на обращенные на меня глаза, в которых отражался свет из окон.

Всматриваясь в ее лицо, я испытал *ужас*, какого еще никогда не испытывал. Ни в зоне боевых

действий под рев сирен воздушной тревоги, ни во время допросов, когда к моему виску или затылку прижималось дуло пистолета. Ни в ожидании результатов биопсии после обнаружения подозрительной родинки. Ни даже в тот день, когда она вела их в море, а я смотрел прямую трансляцию по гребаному Си-эн-эн, сидя в бруклинском баре.

И вдруг я понял, что девочка не зашла сюда следом за мной из переулка и что она не закрывала дверь. Она была здесь все время. И еще я понял, что даже сто слоев краски не смогут скрыть лабиринт Яковы.

— Тебе не нужно быть здесь, — произнесла девочка голосом Минотавра, далеким и печальным.

— А где мне нужно быть? — спросил я, и мое дыхание стало облачком пара в воздухе, который внезапно сделался холодным, как самая лютая зима или дно океана.

— Все ответы были здесь, — ответила она. — Все, о чем ты спрашиваешь себя, все, что не дает тебе заснуть по ночам, что сводит тебя с ума. Все вопросы, которые ты вводишь в свой компьютер. Я предлагала тебе их.

И тут послышался звук, похожий на плеск воды

о камни, что-то тяжелое, мягкое и мокрое как будто поползло по бетонному полу, и я вспомнил предмет с алтаря, Мать Гидру Яковы, жуткую раздутую Мадонну бездны: ее щупальца и усики, чёрные выпученные глаза кальмара, червеобразный хоботок, выползающий из одного из отверстий на том месте, где должно находиться лицо.

Всемогущая бессмертная дочь Тифона и дракайны Ехидны — Урда Лернайя, прожорливая блудница всех беспросветных миров, сука-невеста и любовница отца Дагона, отца Кракена…

Я ощутил запах гнили и грязи, соленой воды и мертвой рыбы.

— Тебе нужно уйти, — настойчиво сказала девочка и протянула руку, как будто хотела провести меня к выходу. Даже в полумраке я рассмотрел полипы и морских вшей, угнездившихся на ее лишенной кожи ладони.

— Ты — заноза в моей душе. Навсегда. И она призовет тебя, чтобы довершить мою темноту.

И девочка исчезла. Она не растворилась в воздухе, ее просто *не стало* на том месте, где она только что стояла. А с ней пропали все звуки и запахи. Они не оставили после себя ничего, кроме тишины, вони обычного заброшенного здания,

ветра, гладящего окна и углы дома, и уличных шумов, которыми наполнен мир, ждущий где-то за этими стенами.

VI

Я прекрасно понимаю, как звучит вся эта дичь. Не думайте, что я этого не осознаю. Просто теперь мне наплевать.

VII

Вчера, то есть через два дня после поездки на склад, я снова посмотрел запись МИПИ. На этот раз, когда она дошла до двенадцатисекундного пробела, я досчитал до двенадцати и не выключил телевизор, не отвернулся. Я зашел слишком далеко, чтобы позволить себе подобную роскошь. Я уже видел столько… Видел столько, что не осталось ни одного повода отворачиваться, потому что там не может быть ничего страшнее того, что уже случилось.

Здесь нет ничего такого, чего я еще не видел.

Ошибка Орфея заключалась не в том, что он обернулся посмотреть на Эвридику и подземное царство, а в том, что он решил, будто может *спастись.* То же самое можно сказать о жене Лота.

Если отвести глаза, это не изменит того факта, что на нас стоит печать.

После черного экрана снова появляется картинка, и сначала видны только большие камни, такие же, как раньше; камни, которые должны быть покрыты илом и живыми существами, по крайней мере, останками живых существ, но они ничем не покрыты. Странные чистые валуны. А еще линии и углы, которые не могли появиться на них в результате какого бы то ни было геологического или биологического процесса. Линии и углы, которые не могли быть ничем иным, кроме того, чем называла их Якова. Мне представляются развалины Парфенона или какого-нибудь другого разрушенного греческого или римского храма, орнамент, высеченный на антаблементах или фронтонах. Я вижу нечто созданное, а не случившееся, нечто такое, чему осознанно придали форму. «Тибурон II», очень медленно продвигается вперед — от полученного удара вышла из строя часть двигателей. Он перемещается неуверенно, вися в нескольких футах над дном. Вот его огни задрожали и начали тускнеть.

Я знаю, что после паузы видеозапись продолжается всего 52,2 секунды, после чего бортовая камера выключается окончательно. Меньше

минуты, но я сижу на полу гостиничного номера, считаю — один… два… — и не отрываю глаз от экрана телевизора. Робототехник из МИПИ, нервный малый, который продавал мне и всем желающим нелегальные копии своей записи, умер. Вчера вечером об этом упомянули в новостях на «Ченел 46», а сегодня утром «Монтерей геральд», на второй странице. Полиция говорит, что это самоубийство. Не знаю, как еще они могли бы это назвать. Его нашли висящим на нижней ветке сикомора недалеко от доков на Мосс Лендинг. Оба его запястья были разрезаны чуть не до кости. На шее у него висел кулон в виде кальмара, нанизанный на упаковочную проволоку. Один из его родственников рассказал журналистам, что в последнее время он страдал от депрессии.

Осталось двадцать три секунды.

Находясь на глубине почти двух миль, «Тибурон II», плохо слушается управления. Он ударяется об один из камней, после чего его огни перестают мерцать и как будто становятся немного ярче. Судно замирает, словно обдумывая следующий шаг. В тот день, когда он продал мне кассету, техник из МИПИ рассказал мне, что один из манипуляторов аппарата застрял между камнями и команда «Вестерн флайер», потратила

два часа на то, чтобы его освободить. Два часа на дне океана в абсолютной темноте с погасшими фонарями.

Восемнадцать секунд.

Шестнадцать.

«На этот раз все будет иначе», — думаю я, как ребенок, который загадывает желание, чтобы его не наказывали. На этот раз я пойму, как это получилось, раскрою тайное взаимодействие света и тени, увижу механизм простой оптической иллюзии…

Двенадцать.

Десять.

В первый раз я подумал, что вижу что-то высеченное в камне или часть разбитой скульптуры. Нежный абрис бедра, сужающиеся линии ног, пара небольших грудей, сосок цвета гранита.

Восемь.

Но ее лицо… Не было никаких сомнений в том, что это лицо Яковы Энгвин. Ее лицо на дне океана, обращенное вверх, к поверхности, к небу и Небесам за всей толщей черной-черной воды.

Четыре.

Я закусываю губу так сильно, что чувствую вкус крови. Очень похожий на привкус морской воды.

Два.

Она открывает глаза, и это *не ее* глаза, а глаза какого-то морского создания, приспособившиеся к вечной темноте. Бездушные глаза рыбы-удильщика или мешкорота, глаза, похожие на чернильные озера, и что-то вылетает из ее открытых губ…

А потом картинка снова исчезает, и я смотрю на серо-черный шум на экране.

Все ответы были здесь. Все, о чем ты спрашиваешь себя… Я предлагала тебе все.

Позже — через час, а может, через пять минут — я нажимаю кнопку «извлечь», и кассета послушно выезжает из видеомагнитофона. Я читаю надпись на этикетке, громко, чтобы удостовериться, что не ошибся, когда читал ее раньше, что продолжительность записи указана правильная. Все было так, как всегда, как накануне того дня, когда Якова дождалась на берегу в Мосс Лендинг членов «Открытой двери ночи». За день до того, как она повела их в океан. За день до того, как она утонула.

VIII

Я закрываю глаза.

И она снова предо мной, как будто никуда не

исчезала.

Она шепчет мне на ухо какие-то пошлости, и дыхание ее пахнет шалфеем и зубной пастой.

«Протестующие требуют, чтобы Монтерейский институт подводных исследований (МИПИ) немедленно прекратил изучение подводного каньона. Они утверждают, что каньон является священным местом и что деятельность ученых оскверняет его. Якова Энгвин, бывший профессор университета в Беркли и лидер религиозного культа „Открытая дверь ночи“, сравнивает запуск нового подводного исследовательского аппарата „Тибурон II“ с вторжением грабителей в египетские пирамиды». («Сан-Франциско кроникл».)

Я говорю ей, что должен ехать в Нью-Йорк, что не имею права упустить эту работу, и она отвечает, что, наверное, так будет даже лучше. Я не спрашиваю у нее, что она имеет в виду. Я даже не догадываюсь, насколько это важно.

И она целует меня.

Позже, когда мы закончили, я был слишком усталым, чтобы заснуть, и лежал, слушая море и тихие беспокойные звуки, которые она издавала во сне.

«Обнаружены тела пятидесяти трех мужчин и женщин, которые могли входить в религиозную

группу, известную как „Открытая дверь ночи“; они утонули в среду возле пляжа Мосс Лендинг, Калифорния. Представители полиции называют произошедшее массовым самоубийством. Сообщается, что всем жертвам от двадцати двух до тридцати шести лет. Власти опасаются, что еще как минимум два десятка человек могли погибнуть в результате этого ужасающего инцидента. Поиски тел продолжаются вдоль всего берега Монтерей Каунти». (Си-эн-эн.)

Я закрываю глаза и снова оказываюсь на старом складе на Пирс-стрит. Голос Яковы гремит из динамиков, укрепленных высоко на стенах похожего на пещеру помещения. Я стою в тени, в самом конце, среди истинно верующих, в стороне от приглашенных журналистов, фотографов и операторов. Якова говорит в микрофон, исступленная, злая и прекрасная — ужасная, думаю я, — и жуткий барельеф притаился на алтаре рядом с нею. Вокруг основания статуи аккуратно расставлены горящие свечи, курится фимиам, разложены букеты сухих водорослей, рапаны и мертвая рыба.

— Мы не помним, где это началось, — говорит она, — где *мы* начались. — И слова ее как будто увлекают за собой слушателей, как неистовый

ветер гонит парусники. — Мы не помним. Конечно же, мы не помним, и они не хотят, чтобы мы даже *пытались* вспоминать. Они боятся, и в страхе своем они прячутся за темноту собственного невежества. О, как бы они желали и нас сделать такими же! Но тогда мы бы уже никогда не вспомнили ни сада, ни ворот, никогда бы уже не взглянули в лицо великим отцам и матерям, которые вернулись в пучину.

Все происходящее казалось чем-то нереальным, как и те нелепости, что она говорила, как и те люди в белых одеждах, которые ей внимали, и телевизионщики. Эта сцена даже менее реальна, чем сон. В помещении очень жарко, мне плохо, меня мутит, и я думаю, успею ли дойти до двери, прежде чем меня стошнит.

Я закрываю глаза, и вот я в баре в Бруклине, наблюдаю за тем, как они уходят в море, и думаю: какой-то сукин сын стоит там с камерой, снимает их, и никто даже не пытается их остановить, никто и пальцем не пошевелит!

Я прищуриваюсь, и вот я сижу в офисе в Манхэттене, рядом люди, они задают мне вопросы, на которые я не могу ответить.

— Черт побери, ты спал с этой женщиной и понятия не имел, что она все это планировала?

— Да брось, ты должен что-то знать.

— Я слышал, они все поклонялись какой-то доисторической рыбной богине. Кто бы поверил в такое, если бы это не показали по телевизору…

— Люди имеют право знать. Ты же еще в это веришь, верно?

«Массовое самоубийство участников калифорнийского культа по-прежнему остается загадкой, однако следственные органы ищут ответы на персональных веб-страницах погибших. То, что они находят, можно назвать темной стороной всемирной паутины, местом, где плодятся и набирают силу самые причудливые идеи. Представители полиции заявляют, что следователями собрано уже немало материалов о группе, известной как „Открытая дверь ночи“, однако на то, чтобы понять истинную природу этого сообщества, могут уйти месяцы». (Си-эн-эн.)

Мои неуклюжие руки неуверенно движутся по ее обнаженным плечам, кончики пальцев скользят по лабиринту шрамов, и она улыбается мне.

Я стою на коленях в переулке, голова кружится, а ночной воздух пахнет блевотиной и морской водой.

— Впервые я услышал об этом от одной женщины, у которой брал интервью. Она была знакома

с ее семьей, — рассказывает парень в футболке с принтом группы «Радиохэд». Мы сидим во дворике бара на Пасифик-гроув, и палящее солнце отражается белоснежными бликами на глади залива. Имя его не имеет значения, как и название бара. Он — студент из Лос-Анджелеса и пишет книгу об «Открытой двери ночи». Мой электронный адрес дал ему кто-то в Нью-Йорке. У него плохие зубы и соответствующая улыбка. — Это случилось еще в семьдесят шестом, за год до того, как умерла мать Яковы. Отец возил их на Мосс Лендинг каждое лето по два-три раза. Он многие из своих книг написал именно там. Но дело не в этом. Девочка прекрасно плавала, буквально не вылезала из воды, но мать не разрешала ей отплывать от берега далеко из-за того, что в том месте сильные отбойные течения. Там уже много народу утонуло, серфингистов и просто отдыхающих.

Он замолкает, делает пару глотков пива, потом вытирает со лба пот.

— Однажды, когда мать отвлеклась, она все же уплыла далеко, и течение затянуло ее под воду. К тому времени, когда прибыли спасатели, она уже не дышала. Девочка уже вся посинела, но они все равно начали ее откачивать, делать

искусственное дыхание и массаж сердца, и в конце концов она очнулась. Потом Якову отвезли в больницу в Уотсонвилл. Доктора сказали, что с ней все в порядке, но все равно продержали ее у себя несколько дней для наблюдения.

— Она утонула, — произнес я, глядя на своё пиво. Я так и не сделал ни одного глотка. Капельки влаги на бутылке сверкали, как бриллианты.

— Технически да. Она не дышала. Сердце ее остановилось. Но *это* еще не самое странное. В больнице Уотсонвилла она постоянно рассказывала матери какие-то бредовые истории о русалках, морских чудищах и демонах, которые хотели утащить ее на дно, и говорила, что никакое течение ее не подхватывало. Она была напугана, думала, что эти чудовища все еще хотят ее заполучить. Мать уже собиралась идти к психиатру, но отец сказал: «Нет, у ребенка просто сильный шок, и все пройдет». А потом, на вторую ночь ее пребывания в больнице, там умерли две медсестры. Уборщик нашел их в подсобке в двух шагах от палаты Яковы. Вы не поверите, но мне удалось своими глазами увидеть свидетельства о смерти и отчет о вскрытии. Клянусь вам, это чистейшая правда.

Что бы ни последовало за этим, я не хочу этого

слышать. Я знаю, что мне не нужно это слушать. Я отворачиваюсь и смотрю на яхту в бухте, покачивающуюся на волнах, как игрушечный кораблик.

— Они утонули. Обе. В легких у них было полно морской воды. Уму непостижимо, там пять минут до океана, а две женщины утонули в *чулане для швабр.*

— И вы об этом напишете в своей книге? — спрашиваю я его, не отрывая глаз от бухты и маленькой яхты.

— Естественно! — восклицает он. — Конечно напишу, это же было на самом деле, и я могу доказать это.

Я закрываю глаза, чтобы не видеть ослепительно яркий день, и жалею, что согласился с ним встретиться.

Я закрываю глаза.

«Там внизу, — шепчет Якова, — вас ждет покой, в ее дворцах, в бесконечной ночи ее колец».

> *И даже шторм здесь нипочем,*
>
> *В этом тихом уголке под толщей вод.*[128]

---

[128] Примечания: 128

Строки из песни группы «Битлз», «В саду у осьминога», (перевод Е. Гальцова).

Я закрываю глаза. О боже, я закрыл глаза.

Она крепко обнимает меня загорелыми руками и увлекает вниз, вниз, как безжизненное тело ребенка, угодившего в коварное течение. И я бы последовал за ней, последовал бы в тот же миг, если бы это был не только сон, не только горькое раскаяние неверующего, не только одиннадцать тысяч слов, брошенных пригоршней песка в океан. Я бы последовал за ней, потому что вокруг меня, как вокруг камня, ставшего воплощением тайны, она нарисовала круг.

Перевод: В. Михалюк

Кейтлин Кирнан
И вдаль убегает мир

Caitlin R. Kiernan «So Runs the World Away», 2001

— Падающая звезда для тебя, — говорит Гейбл, девочка с глазами цвета серебра и зубами цвета последнего дня зимы, и указывает на ночное небо, раскинувшееся над Провиденсом и широкой рекой Сиконк. Таинственное небо Новой Англии, а еще пару миль вперед, и водяной поток

уже надо называть рекой Поутакет, но здесь, обвиваясь угрем вокруг Суон-Пойнта и крутых кладбищенских склонов, он все еще остается Сиконком, а там, подальше, виднеются оранжевые промышленные огни Филлипс-дейла.

Мертвая Девочка пару раз мигает, пытаясь избавиться от привкуса во рту, а потом следит за грязным пальцем Гейбл и видит едва заметную полоску белого света, перечеркнувшую восточное небо.

— Очень мило, но это же не так, ты знаешь, — говорит она, а Гейбл гримасничает: бледное лицо съежилось, как у дышащей на ладан старухи, стало похожим на сморщенное яблоко. Она не понимает, о чем идет речь.

— Что не так?

— Звезды… — отвечает Мертвая Девочка, — Это всего лишь метеориты. Просто обломки камня и металла, они летают в космосе и сгорают, когда подбираются слишком близко к Земле. Это не звезды. Если они вот так падают.

— Или ангелы, — шепчет Бобби, а потом снова принимается поедать горстями чернику, набранную им в зарослях у кромки воды.

— Я об ангелах ничего не говорила! — рычит Гейбл на мальчика, а тот бросает в нее ягоду. —

Для ангелов существует множество разных слов.

— Как и для падающих звезд, — говорит Мертвая Девочка с каменной решимостью в голосе, чтобы все поняли: она больше ничего не хочет слышать на эту тему. О метеоритах, которые перестали быть метеоритами, о Сиконке, превращающемся в Поутакет, ведь, в конце концов, дело лишь в расстоянии между этой точкой и той. Оно произвольно, как и любое изменение, а потому девочка прижимает губы к трясущемуся запястью женщины. Опять. Даже малейшего призрака пульса в нем не осталось, зубы утыкаются в остывающее мясо, плоть, что вполне могла бы сойти за глину, если бы не несколько красных укусов, слышится только звук ее занятых губ, не слишком отличающийся от плеска волн, бьющихся о берег.

— Я знаю семь слов для обозначения серого, — бубнит Бобби сквозь забитый семечками рот, а мякоть и темный сок стекают по его заляпанному кровью подбородку. — Нашел их в словаре.

— Да ты — мелкий педик! — рявкает Гейбл на мальчишку. Эти ртутные глаза, нижняя губа, выпятившаяся вперед так, словно ее опять кто-то побил…

Мертвая Девочка понимает, что ей не следо-

вало спорить с Гейбл о звездах и ангелах. «В следующий раз, — думает она, — я вспомню об этом. В следующий раз улыбнусь и скажу то, что она захочет услышать». И когда с дергающейся женщиной наконец покончено, именно Мертвая Девочка первая, тихо как мышонок, скользит в своих шелковых спальных тапочках по грязи и гальке, а река холодна так же, как не упавшие звезды, усеивающие августовскую ночь.

Час и четыре минуты после полуночи в большом доме на Бенефит-стрит, упыри все еще возятся в подвале с трупами. Мертвая Девочка сидит вместе с Бобби на ступеньках, ведущих к музыке и разговорам наверху, к электрическому свету и опиумному дыму. Здесь же, внизу, только свечи, воздух пахнет плесенью, бальзамированными кусками мяса, растянутыми на разделочном столе упырей. Когда они работают вот так, то встают на свои изогнутые задние ноги и держат вытянутые собачьи лица близко друг к другу. Один из них, очень худой, по имени Барнаби (нервно подергивающиеся уши шевелятся от каждого шага наверху, от каждого скрипа двери, как будто там кому-то есть хоть какое-то дело до того, что происходит внизу), берет ржавый нож для свежевания и срезает полоску сухой плоти

цвета старой жевательной резинки.

— Это икроножная, — говорит он, косясь на мадам Терпсихору, и желто-оранжевая радужка его левого глаза нервно дергается.

Она качает головой и смеется так, как смеются все упыри. Как смеялись бы голодные псы, думает Мертвая Девочка, если бы осмелились, а потом в очередной раз корит себя, что они с Бобби не ушли к Уорвику вместе с Гейбл и Бейлифом.

— Нет, это камбаловидная мышца, дорогой, — поясняет мадам Терпсихора, смеется над Барнаби, чёрные губы привычно заворачиваются, вспышкой обнажая желтоватые зубы, похожие на заостренные клавиши рояля, мелькает розово-красный язык, облизывающий уголки рта. — Вот икроножная. Ты недостаточно внимателен.

Барнаби хмурится и чешет голову.

— Если бы у нас появилось что-то посвежее, может, тогда бы я и сосредоточился, — ворчит он, снова принимаясь оправдываться, а Мертвая Девочка знает: вскрытие начинает надоедать Бобби. Он смотрит через плечо на дверь подвала, по краям которой собирается теплое серебро света.

— А теперь укажи мне нижний конец малой берцовой кости, — произносит мадам Терпсихора, в воздухе застывают ее профессиональная

литания и нетерпеливое клацанье Барнаби, перебирающего инструменты в поисках ножниц для дичи или устричной вилки, одного или другого, а может, чего-то третьего.

— Ты хочешь подняться наверх? — Мертвая Девочка спрашивает мальчика, тот пожимает плечами, но не отводит глаз от двери в подвал, не поворачивается, чтобы понаблюдать за упырями. — Ну тогда пошли, — говорит она, берет его за руку, и вот тут их наконец замечает мадам Терпсихора.

— Пожалуйста, не уходите, дорогие мои. С публикой всегда лучше, а если мистер Барнаби найдет подходящий инструмент, может, нам даже удастся понаблюдать за процессом разделки.

Остальные упыри принимаются хихикать и смеяться.

— Не больно-то они мне нравятся, — очень тихо шепчет Бобби.

Мертвая Девочка в ответ только кивает и ведет его вверх по ступенькам, на вечеринку.

Бобби заявляет, что хочет пить, потому сначала они отправляются на кухню, к шумному древнему холодильнику. Мальчик достает колу, а Мертвая Девочка — «Хайнекен». Одну холодную бутылку цвета зеленого яблока. Она открывает

крышку и делает несколько глотков горького немецкого пива; раньше ей не нравился этот вкус, но подчас кажется, что прежде ей не нравилось чересчур много вещей. Пиво очень, очень холодное, оно смывает изо рта последний привкус затхлого воздуха подвала, навевающего мысли одновременно о грибной пыли, сухой земле и микроскопических спорах, ищущих, где бы им вырасти.

— Думаю, они мне вообще не нравятся, — шепчет Бобби, хотя они уже и наверху.

Мертвая Девочка начинает убеждать его, что можно говорить в голос, но потом вспоминает Барнаби, его чуткие собачьи уши, после чего замолкает.

Практически все сидят вместе в гостиной, просторной комнате с книжными полками по всем стенам и абажурами матового стекла сладких и гнилостных оттенков жженого сахара, сквозь которые льется свет, режущий девочке глаза. В первый раз, когда ее пустили в дом на Бенефит-стрит, Гейбл показала Мертвой Девочке все лампы, все книги, все комнаты так, словно они принадлежали ей. Как будто она была частью этого здания, а не грязного дна Сиконка. Еще одной красивой, но сломанной вещицей в особ-

няке, забитом или красивыми, или сломанными, или одновременно и теми и другими предметами. Заполненном антиквариатом, где что-то еще дышало, но многое — уже нет. Например, мисс Жозефина позабыла, как, а главное, зачем дышать. Она только говорила.

Они сидели вокруг нее в черных похоронных одеждах на стульях, вырезанных в 1754 или в 1773 году. Этот неровный круг мужчин и женщин всегда вызывал в воображении Мертвой Девочки образ воронов, собравшихся вокруг падали, дроздов, приплясывающих около трупа енота, толкающих друг друга ради самых лакомых кусков; острые клювы для ярких сапфировых глаз мисс Жозефины, для фарфоровых кончиков ее пальцев или для замолкшего, небьющегося сердца. Императрица словно раздавленное на летней дороге животное, думает Мертвая Девочка, она не смеется громко, хотя и хочет, хочет посмеяться над этими чопорными, вымирающими созданиями, этими трагическими восковыми тенями, потягивающими абсент и слушающими каждое изречение мисс Жозефины как слово Евангелия, как спасение. Лучше проскользнуть мимо тихо, незаметно и найти место для себя и Бобби там, где вот этих не попадется.

— Вы когда-нибудь видели огненный шторм, синьор Гарзарек? — интересуется мисс Жозефина и смотрит на раскрытую книгу, лежащую на ее коленях, зеленую, цвета бутылки Мертвой Девочки.

— Нет, никогда, — отвечает одна из восковых фигур, высокий человек с жирными волосами и ушами, такими большими для его головы, что они почти соприкасаются кончиками. — Мне не по нраву подобные вещи.

— Но он был прекрасен, — говорит она, а потом делает паузу, по-прежнему не отводя взгляда от зеленой книги на коленях. Мертвая Девочка, судя по движениям ее глаз туда-сюда, туда-сюда, решает, что мисс Жозефина читает. Молчание прерывается: — Хотя нет, это не то слово. Совсем не то.

— Я была в Дрездене, — слышится голос одной из сидящих женщин.

Жозефина поднимает голову, моргает, словно не может вспомнить, как же зовут эту восковую фигурку.

— Нет, нет, Эдди, тогда было совсем не так. Уверена, Дрезден тоже был великолепен, но я говорю сейчас не о том, что сделали люди, а о том, что сделали с людьми. Вот именно это воистину

необыкновенно, вот что делает… — Тут ее голос затихает, и мисс Жозефина снова смотрит на страницы, словно ищет в них нужные слова.

— Тогда почитай нам, — просит синьор Гарзарек, указывая рукой в перчатке на зеленую книгу, а мисс Жозефина переводит на него взгляд голубых блестящих глаз, кажущийся одновременно и благодарным, и злобным.

— Вы уверены? — спрашивает она всех собравшихся. — Мне не хочется, чтобы кто-нибудь из вас заскучал.

— Пожалуйста, — просит мужчина, не удосужившийся снять котелок, Мертвая Девочка думает, что его зовут Натаниэль. — Мы всегда любим слушать, как ты читаешь.

— Ну если вы так уверены… — изрекает мисс Жозефина, усаживается на диване поудобнее, откашливается, суетится с блестящими оборками черного атласного платья, которое только выглядит таким же древним, как и стулья, а потом начинает читать. — «А затем пришел огонь, — чеканит она особенным голосом, появляющимся только при чтении, Мертвая Девочка закрывает глаза и слушает. — Он появился повсюду. Лютая волна разрушения, несшая с собой факел — агонию, смерть и пламя. Словно какой-то огненный

демон прыгал с места на место. Пламя лилось из полуобвалившихся зданий по всей Рыночной улице.

Я села на тротуар, вытащила из подошв ноги осколки стекла, накинула одежду.

Времени не оставалось».

Так продолжалось следующие минут двадцать или около того, в глазах Мертвой Девочки все вокруг подернулось завораживающим полумраком. Мисс Жозефина читала зеленую книгу, Бобби прихлебывал колу, а восковые вороны не издавали ни звука. Девочка любила слушать, как читает мисс Жозефина. Ее голос становился похожим на ритм дождя в жаркий день или на мороженое — вот такой он был необычный. Хоть бы она выбрала что-нибудь другое. «Сказание о Старом Мореходе», Китса или Теннисона. Но так все равно лучше, чем ничего, поэтому Мертвая Девочка слушает довольная, не важно, что в рассказе говорится только о землетрясениях, пожарах, дыме, о криках умирающих людей и лошадей. Значение имеет только звук голоса, а не слова, а если он нужен ей, то восковым фигурам, замершим на жестких стульях колониального стиля, просто необходим.

Закончив, мисс Жозефина закрывает книгу и

улыбается, блеснув острыми зубами.

— Прекрасно, — комментирует Натаниэль.

— Да, невероятно, — добавляет Эдди Гудвайн.

— А ты воистину зловещее создание, Жозефина, — замечает синьор, закуривает толстую сигару и выдыхает изо рта дымного призрака. — Столь прелестная извращенность, завернутая в такую притягательную обертку.

— Тогда я писала под псевдонимом Джеймс Расселл Уилсон, — гордо поясняет мисс Жозефина. — Они мне даже платили.

Мертвая Девочка открывает глаза, Бобби допивает колу, катает пустую бутылку по ковру взад и вперед, словно скалку по тесту.

— Тебе понравилось? — спрашивает она, мальчик пожимает плечами. — Совсем?

— Ну, не так плохо, как глядеть на упырей, — отвечает он, но отводит взгляд, впрочем, он вообще старается ни на кого не смотреть.

Спустя несколько минут мисс Жозефина неожиданно вспоминает о чем-то находящемся в другой комнате и хочет, чтобы восковые фигуры последовали за ней. Там им нужно обязательно посмотреть на погребальную урну или на медные солнечные часы, на очередную безделушку, спрятанную в кишках огромного захламленного

дома. Вороны отправились из гостиной в коридор, болтая и испуская сигаретный дым. Если кто и заметил Бобби с Мертвой Девочкой, сидящих на полу, то притворился, что не обратил внимания. Ей это понравилось, она не любила их безжизненный запах, настороженное отчаяние в глазах.

Мисс Жозефина оставила книгу на диване цвета клюквы, и когда последние вампиры ушли, Мертвая Девочка поднимается и входит в круг стульев, чтобы посмотреть на обложку.

— Что там написано? — спрашивает Бобби, и она читает заголовок:

— «Ужас землетрясения, огня и голода в Сан-Франциско».[129]

Потом Мертвая Девочка поднимает книгу и показывает ее, буквы выдавлены на зеленой ткани выцветшими золотыми чернилами. А под ними женщина в темных одеждах, ноги в огне и воде, хаос вокруг, она склоняется к обрушившимся мраморным колоннам и пьедесталу со словами: «В память калифорнийских усопших — 18 апреля 1906 года».

— Это давно было? — спрашивает Бобби.

---

[129] Примечания: 129

«Ужас землетрясения, огня и голода в Сан-Франциско», Джеймса Расселла Уилсона — реальная книга, написанная по следам землетрясения, произошедшего в Сан-Франциско в 1906 г.

Мертвая Девочка кладет книгу на место.

— Если ты мисс Жозефина, то нет, — отвечает она.

Для мисс Жозефины все произошло только вчера или позавчера. Вот бы стать ею… — но подобного рода мысли лучше не заканчивать, а лучше вообще об этом не думать.

— Нам же не надо опять возвращаться в подвал? — спрашивает Бобби.

Мертвая Девочка качает головой:

— Если не хочешь, то не надо.

Потом она идет к окну и смотрит на Бенефит-стрит, на проезжающие машины и живых людей с их крошечными, жалкими причинами ненавидеть время. Через секунду Бобби подходит, встает рядом и берет ее за руку.

Те немногие секреты, что нельзя просто держать в памяти, Мертвая Девочка хранит в старой коробке из-под дорогих сигар, а прячет ее на полке мавзолея у Суон-Пойнта. Аккуратный и опрятный, тот стоит на склоне, резко поднимающемся от края реки, крутом, украшенном мертвецами холме, заросшем летом зеленой травой, где воздух пронизан шорохом колышущихся на ветру веток деревьев. О коробке знает только Бобби, Мертвая Девочка считает, что он сохра-

нит ее секрет. Она редко рассказывает о чем-то кому-нибудь, особенно Гейбл. Мертвая Девочка знает, что та сделает, когда узнает о коробке, ну или думает, что знает, а этого достаточно. Плохо то, что пришлось устроить тайник в мавзолее.

Могильщики замуровали вход в склеп много лет назад, но оставили маленькое отверстие, забранное железной решеткой, прямо под мраморным замковым камнем и табличкой с медной прозеленью и надписью «Стэнтон», на ней, хотя Мертвая Девочка не могла представить почему. Может, чтобы жуки могли выползать наружу или чтобы эти мертвые Стэнтоны могли время от времени подышать свежим воздухом, но места в отверстии не хватало ни для летучих мышей, ни для стрижей, ни для крыс. Тем не менее она с Бобби легко проскальзывала между прутьев, когда хотела посмотреть на старую коробку из-под сигар.

Сегодня ночью посиделки в гостиной дома на Бенефит-стрит затянулись, и когда мисс Жозефина наконец потеряла интерес к восковым воронам и прогнала их прочь (всех, кроме упырей, естественно, которые приходили и уходили, не считаясь ни с кем, по туннелям в подвале), до рассвета остался только один угольно-серый час.

Девочка знала, Гейбл уже ждет их в реке, но решила, что несколько минут ничего не изменят.

— Она может прийти сюда за нами, — говорит Бобби, когда они проходят в мавзолей, встает на цыпочки, пытаясь выглянуть наружу, но до решетки ему не хватает целого фута.

— Нет, не придет, — возражает Мертвая Девочка, убеждает себя в том, что Гейбл слишком довольна сейчас, вернувшись во тьму реки. — Она, наверное, уже спит.

— Может, и так, — бормочет Бобби, голос его, правда, звучит неуверенно, а потом мальчик садится на бетонный пол и наблюдает за Мертвой Девочкой своими ртутными глазами, зеркалами, настолько полными света, что они будут видеть, даже когда последняя звезда во всей проклятой Вселенной сгорит до вращающегося уголька.

— Ты заставляешь меня волноваться из-за Гейбл, — говорит Мертвая Девочка и открывает коробку.

Внутри все как и было. Вырезки из газет, пригоршня монет, оловянная медаль Святого Христофора и пластиковая кукольная рука. Три ключа и потертый кусок бархата цвета индиго, заляпанный красно-коричневым по краям. Эти вещи имеют значение только для Мертвой Де-

вочки. Они — словно ее собственный пазл, никто больше не знает, как соединить кусочки между собой. Или могут ли они вообще соединиться. Иногда она сама забывает об общей картине, но даже вид их улучшает ей настроение. Просто положить руки на эти безделушки и останки, подержать их.

Бобби беспокойно барабанит пальцами по полу, а когда она смотрит на него, хмурится и переводит взгляд в потолок.

— Почитай мне о Мерси.

Девочка смотрит на коробку.

— Уже поздно. Кто-нибудь может услышать.

Бобби не просит снова, только продолжает разглядывать каменный свод прямо над ней, барабанить пальцами по полу.

— Это даже не история, — говорит она и вылавливает одну из газетных вырезок из коробки. Орехово-коричневая бумага стала настолько же ломкой, насколько хрупкой. Девочка чувствует какими забытыми стали слова, напечатанные более века назад.

— Когда ты читаешь, это настоящая история, — возражает Бобби.

Какую-то секунду Мертвая Девочка спокойно стоит, вслушивается в медленно стихающие

ночные звуки и еще более странный шум, приходящий с рассветом: птицы, слепое копошение дождевых червей, насекомые и корабельный колокол где-то в гавани Провиденса, пальцы Бобби, барабанящие по бетону. Она думает о мисс Жозефине, о чарах ее обволакивающего голоса, с успехом противостоящего пустым моментам вечности, а потом начинает читать.

Письмо из «Поутаксет Вэлли Глинер», датированное мартом 1892 года:

Экзетер-Хилл

Так как эксгумация трех тел с кладбища Экзетера 17-го числа сего года получила столь широкую огласку, я решил изложить здесь основные факты в том виде, в котором я получил их, исходя из желания пользы читателям и отличия моих сведений от тех, что уже изложены в газетах. Для начала скажем, что наш сосед, добропорядочный и уважаемый гражданин Джордж Т. Браун, лишился жены и двух взрослых дочерей, умерших от чахотки. Жена и мать преставилась восемь лет назад, старшая сестра, Оливия, два года назад, тогда как вторая дочь, Мерси

Лена, умерла недавно, двух месяцев не прошло, после целого года страданий от той же ужасной болезни. Два года назад у единственного сына мистера Брауна, Эдвина, молодого женатого человека блестящей репутации, появились признаки легочного недуга, которые только возрастали, пока в надежде излечения доктора не отправили несчастного в Колорадо-Спрингс, куда вскоре отправилась и его жена. Хотя поначалу наступило некоторое улучшение, вскоре стало очевидно, что никакого реального выздоровления не происходит, и это, вкупе с сильным желанием семейной четы повидать друзей на Род-Айленде, побудило супругов вернуться на восток после восемнадцатимесячного отсутствия и остановиться у родителей миссис Браун, в Уиллет-Хаймсе. К сожалению, мы можем сказать, что сейчас здоровье Эдди по-прежнему не улучшается. А вот теперь мы подходим к странной части нашего рассказа, а именно к возрождению языческого или какого-то иного суеверия, требующего скармливать мертвеца живому родствен-

нику. Когда человек страдает от чахотки, то, дабы избегнуть смерти, «вампир», (который, если верить преданиям, живет в сердце умершего от чахотки, пока в нем еще осталась кровь) должен быть кремирован, а пепел аккуратно собран и в какой-либо форме введен в организм больного. Я утверждаю, что отец семейства Браун поначалу отверг любые попытки склонить его к вампирской теории, но потом поддался уговорам других, возможно не столь мудрых, советчиков и семнадцатого числа сего года, как уже было сказано ранее, получил разрешение на эксгумацию трех тел, после чего те были обследованы доктором Меткалтом из Уикфорда (причем доктор протестовал против исполнения процедуры, так как отвергал подобные суеверия). Тела двух давно похороненных женщин уже практически разложились, и жидкостей в них не осталось, тогда как у последней, пролежавшей в земле всего около двух месяцев, естественно, нашлась кровь в сердце. В результате доктор, как и ожидалось, вынес единственно возможное

заключение, а сердце и легкие последней (М. Лены) были кремированы на месте, правда, свидетель не знает, как же распорядились ее прахом. При сем присутствовало не так уж много народу, самого мистера Брауна не было. Хотя мы и не осуждаем кого-либо за эти действия, так как они, несомненно, имели целью облегчение участи страдающих, тем не менее кажется невероятным, что кто-то мог придать значение предмету, настолько расходящемуся со здравым смыслом и противоречащему Писанию, которое требует отвечать надежде, живущей внутри нас. Непонятно также, почему и с какой целью это было проделано, ведь вышеизложенная причина явно не выдерживает какой-либо критики.

Ил и рыбий помет медленно опускаются на веки, легкие заполняются холодной речной водой. Мертвая Девочка спит, завернувшись в кокон черного как сажа одеяла грязи. Бобби приютился в ее объятиях. Гейбл тоже тут, лежит где-то поблизости, свернулась кольцами, подобно угрю в корнях затонувшей ивы.

В своих снах Мертвая Девочка считает лодки, проплывающие наверху, чьи носы разделяют небо, где волнуются и кружатся дождевые облака. Крабы и крохотные улитки гнездятся в волосах Девочки, влажные мысли ползут, столь же скользкие и прихотливые, как и воды Сиконка, один момент памяти без перерыва сменяется другим. И это воспоминание о той самой ночи, когда она в последний раз была живой. Последняя морозная ночь перед Хеллоуином, она накурилась и пробралась на кладбище Суон-Пойнта с парнем по имени Адриан, с которым познакомилась несколько часов назад в громкой и дымной сумятице концерта «Throwing Muses». Адриан Мобли и его длинные желтые волосы, как лучи солнца или нити чистого золота.

Он не хотел или не мог остановиться, продолжая хихикать. Виной тому была то ли шутка, то ли вся та дурь, что они выкурили. Девочка тащит его за собой прямо по Холли-авеню, длинному вымощенному проезду, к Олд-ро-уд, ведущей в огромный лабиринт сланцевых и гранитных кишок кладбища. Надгробия и более массивные памятники то выстраиваются в рядок, то суматошно разбегаются между деревьев, лужи ловят и держат высоко взобравшуюся полную луну, а

Мертвая Девочка, кажется, немного заблудилась во тьме.

— Заткнись, — шипит она, издавая недовольные змеиные звуки из поджатых губ, сквозь стучащие зубы. — Идиот, нас сейчас услышат из-за тебя.

Он видит ее дыхание, душу, вырывающуюся с каждым облачком пара.

Потом Адриан кладет свою руку на ее, шерсть свитера и теплая плоть вокруг теплой плоти. Шепчет ей что-то в ухо, ей следовало бы это помнить, но не судьба. Она забыла об этом, как забыла о запахе позднего летнего вечера или солнечного света на песке. Он целует ее.

За поцелуй Девочка показывает ему могилу Лавкрафта, тихое место, куда она приходит, только если хочет побыть одна, без компании, наедине с мыслями и внимательными спящими телами под землей. Фамильный обелиск Филлипсов, а потом его собственное маленькое надгробие. Девочка достает пластмассовую зажигалку из переднего кармана джинсов и подносит ее к земле, чтобы Адриан смог прочитать надпись: «20 августа 1890 — 15 марта 1937, Я — Провидение», а потом показывает ему дары, что оставляют тут случайные путники. Пригоршню карандашей,

ржавый винт, две монетки, маленького резинового кальмара и написанное от руки письмо, аккуратно сложенное и придавленное камнем, чтобы не унес ветер. Оно начинается словами «Дорогой Говард», но Девочка не читает дальше, здесь для нее слов нет, а потом Адриан пытается поцеловать ее снова.

— Нет, погоди, ты еще дерево не видел, — говорит она, вырывается из объятий тощих рук и грубо тащит его прочь от надгробия. Два шага, три, и пару проглатывает тень огромной березы, такой старой, что она, наверное, уже была в возрасте, когда прапрадед Девочки переживал пору детства. Раскидистые ветви все еще полны раскрашенных осенью листьев, корни похожи на покрытые струпьями костяшки прикованного к небу гиганта, который вцепился в землю, боясь, что упадет и будет вечно катиться к звездам.

— Ну да, это дерево, — мямлит Адриан, не понимая, даже не пытаясь понять, и теперь она осознает, что совершила ошибку, приведя его сюда.

— Люди здесь послания оставляют, — говорит Мертвая Девочка, снова щелкает зажигалкой, держит колеблющееся оранжевое пламя так, чтобы Адриану стали видны вырезанные перочинным

ножом граффити на бледно-темной коре дерева. Непроизносимые имена мрачных вымышленных богов, целые выдержки из Лавкрафта, сталь лезвия вместо чернил для татуировок оккультных ран и посланий давно умершему человеку. Она обводит пальцем контуры шрама в виде рыбы со щупальцами на голове. — Разве это не прекрасно? — шепчет она, а потом видит глаза, наблюдающие за ней из-под нижних веток дерева, светящиеся серебряные глаза, злорадными монетками, странными плодами висящие в ночи.

— Да не было никогда этого дерьма, о котором ты тут вспоминаешь, — огрызается Гейбл. — Это даже не твои воспоминания, а какой-то сучки, которую мы грохнули.

— Думаю, она знает об этом, — смеется Бейлиф, и это хуже хихиканья упырей мадам Терпсихоры.

— Мне всего лишь хотелось посмотреть на дерево, — говорит Мертвая Девочка. — Хотелось показать ему надписи, вырезанные на дереве Лавкрафта.

— Лгунья, — усмехается Гейбл, отчего Бейлиф опять хохочет.

Он присаживается на корточки прямо в пыль

и упавшие листья и начинает вытаскивать из зубов какие-то застрявшие там волокна.

И она побежала тогда, но река почти полностью смыла этот мир, ничего не осталось, только дерево, луна да тварь, карабкающаяся по стволу на длинных паучьих ногах и руках цвета меловой пыли.

Там только Женщина одна. То смерть! А рядом с ней другая.

— Мы понимали, ты забудешь нас, — говорит Гейбл, — если тебя отпустить. Притворишься невинной жертвой.

Когда ее сухой язык лижет запястье Мертвой Девочки, он похож на наждачную бумагу, на язык мертвой кошки, а над ними созвездия вращаются в сумасшедшем калейдоскопе танца около луны; дерево стонет и вздымает качающиеся ветви к небесам, моля о рассвете, о лучах солнца и прощении за все то, что оно уже видело и еще увидит.

Иль тоже Смерть она?[130]

И в илистом дне реки Сиконк, под защитой моста Хендерсона, веки Мертвой Девочки трепещут, когда она тревожно ворочается, распугивая рыбу, борясь со сном и с грезами. Но до ночи еще долго, она ждет там, по другую сторону обжигающего дня, потому сейчас Мертвая Девочка крепче прижимает к себе Бобби, и он вздыхает, издавая еле слышный потерянный всхлип, который река крадет и уносит к морю.

Мертвая Девочка сидит в одиночестве на полу гостиной дома на Бенефит-стрит, так как Гейбл взяла Бобби с собой сегодня ночью. Девочка пьет «Хайнекен», наблюдает за желтыми и фиолетовыми кругами, которые их голоса оставляют в застоявшемся дымном воздухе, пытаясь вспом-

---

[130] Примечания: 130

Сэмюэль Тейлор Колридж «Сказание о Старом Мореходе», часть третья:

Там только женщина одна,
То Смерть! И рядом с ней
Другая. Та еще страшней,
Еще костлявей и бледней —
Иль тоже Смерть она?
Кровавый рот, незрячий взгляд.
Но космы золотом горят.
Как известь — кожи цвет.

То Жизнь-и-в-Смерти, да, она!

Перевод: В. Левин

нить, каково это было — не знать цветов звука.

Мисс Жозефина поднимает графин и аккуратно льет воду на белый кубик, уместившийся на ложке с прорезями; вода и растворившийся сахар скользят ко дну стакана, а абсент тут же начинает затуманиваться, чистая, изумрудно-яркая смесь алкоголя и трав быстро превращается в тусклую, молочно-зеленую жидкость.

— О, естественно, — обращается она к внимающему кругу восковых воронов, — я помню Мерси Браун и Нелли Вон и того мужчину из Коннектикута. Как его звали?

— Уильям Роуз? — предполагает синьор Гарзарек, но мисс Жозефина хмурится и качает головой:

— Нет, не Роуз. Этот жил в Пайс-Дэйле, помните? А того, из Коннектикута, звали по-другому.

— Да все они были маньяками, — нервно добавляет Эдди Гудвайн и отпивает глоточек абсента. — Вырезали сердца и печень из трупов, сжигали их, поедали пепел. Нелепо. Это даже хуже, чем то, чем занимаются они. — И она украдкой показывает на пол.

— Естественно, это так, милая, — уверяет ее мисс Жозефина.

— Но вот маленькая девочка Вон, Нелли, я так

думаю, она до сих пор пользуется популярностью среди местных школьников, — улыбается синьор Гарзарек, промокая влажные красные губы шелковым платком. — Они очень любят истории о призраках, знаете ли. Должно быть, находят эпитафию на ее могиле бесконечным источником вдохновения.

— А что там написано? — спрашивает Эдди, и когда мисс Жозефина поворачивается и смотрит на нее, Гудвайн вздрагивает и чуть не роняет бокал.

— Тебе явно следует почаще выбираться наружу, милая.

— Да, — дрожит голос Эдди, — да, я знаю. Следует.

Восковая фигура по имени Натаниэль мнет в руках поля черного котелка и говорит:

— Я помню. «Я слежу за вами и жду вас». Так там написано?

— Прелестно, я же говорил. — Синьор Гарзарек хихикает, а потом залпом осушает бокал и тянется за бутылкой абсента, стоящей на серебряном подносе.

— Что ты там увидел?

Мальчик, которого Мертвая Девочка называет Бобби, стоит у окна в гостиной мисс Жозефины,

створка открыта, и снег заметает внутрь, маленькие белые вихри закручиваются вокруг его ног. Паренек оборачивается на звук голоса.

— По улице проходил медведь, — говорит он и кладет стеклянное пресс-папье ей в руки — шар, полный воды. Когда Мертвая Девочка трясет его, крохотные белые хлопья принимаются вращаться миниатюрной метелью в ладони. Пластиковый снег медленно опускается на замороженное поле, сарай, темную, голую линию деревьев вдалеке. — Я видел медведя, — снова говорит Бобби, теперь более настойчиво, и указывает на открытое окно.

— Ты не видел медведя, — возражает Мертвая Девочка, но сама не подходит проверить.

Она не отрывает взгляда серебристых глаз от пресс-папье. Она почти забыла про сарай, тот день и метель, январь, или февраль, или март, с тех пор прошло больше лет, чем она могла предположить. И ветер, воющий, словно стая голодных волков.

— Видел, — упрямится Бобби. — Большого черного медведя, танцующего на улице. Когда я вижу медведя, то понимаю, что это он.

Мертвая Девочка закрывает глаза, позволяет шару выскользнуть из пальцев, скатиться с руки.

Она знает — когда тот упадет на пол, то разобьется на тысячу осколков. Мир разобьется, дождливое небо расколется, позволив небесам истечь на паркет, и времени останется совсем немного, если она все-таки хочет добраться до этого сарая.

— Думаю, медведь знает наши имена, — произносит мальчик.

Он боится — вот только она оглядывается, а никого уже нет. Ничего нет, кроме маленькой каменной стены, отделяющей это поле от следующего, сланцевые и песчаниковые глыбы, уже наполовину похороненные бурей, а ветер щиплет кожу своими леденящими зубами-иголками. Снег спиралями спускается со свинцовых облаков, метель отправляет его в путешествие, превращая в кристальную занавесь танцующих дервишей.

— Мы забываем не просто так. Есть причина, дитя. — Ржаво-красный голос Бейлифа тесно сплетается с воздухом и с каждой снежинкой. — Когда такое количество времени висит на шее, его слишком трудно нести.

— Я не слышу тебя, — лжет она, хотя его слова ничего не значат в любом случае, ведь Мертвая Девочка уже добралась до двери сарая.

Обе створки распахнуты, а отец будет зол, он

просто рассвирепеет, если увидит это. Коровы, закричит он, коровы уже дают кислое молоко. Вот так.

Захлопни двери и не смотри внутрь. Просто захлопни и сразу беги домой.

— Оно упало с неба, — рассказывал он прошлой ночью, — Упало, крича, прямо с ясного неба. Никто ничего искать не будет. Думаю, не осмелятся.

— Всего лишь птица, — возразила мать.

— Нет. Это не птица.

Закрой дверь и бет…

Но Мертвая Девочка не делает ни того ни другого, ведь все произошло иначе, и обнаженное нечто скорчилось в сене, кровь посмотрела на нее милым лицом Гейбл. Оторвала рот от изувеченной шеи кобылы, и алая жидкость текла между сжатых зубов существа прямо на подбородок.

— Медведь пел наши имена.

Пресс-папье падает на землю, взрывается неожиданно милосердной струей стекла и воды, которая разрывает зимний день вокруг Мертвой Девочки.

— Просыпайся, — трясет ее мисс Жозефина, выплевывает нетерпеливые слова, пахнущие анисом и пылью.

— Подозреваю, мадам Терпсихора уже закон-

чила. Скоро вернется Бейлиф. Тебе нельзя тут спать.

Мертвая Девочка мигает и щурится, глядя на нее и пестрые, конфетного цвета лампы. А летняя ночь за окном гостиной, что несет ее гнилую душу под языком, смотрит в ответ глазами черными и таинственными, как дно реки.

В подвале мадам Терпсихора, повелительница реберных расширителей и разделочных ножей, уже ушла, уползла в один из сырых, задушенных кирпичом туннелей вместе со своей гнусавой свитой. Их желудки полны, а любопытство к внутренним органам удовлетворено до следующей ночи. Только Барнаби оставили прибираться в качестве наказания за то, что он слишком глубоко взрезал склеру и испортил фиолетовый глаз, предназначенный для кого-то из властелинов кладбища. Драгоценная стекловидная влага разлилась из-за его неуклюжих рук, и теперь на правом ухе Барнаби, там, где мадам Терпсихора укусила его за порчу деликатеса, красуется свежая рана. Мертвая Девочка сидит на старом ящике, наблюдая, как упырь соскребает желчь со стола из нержавеющей стали.

— У меня со снами как-то не очень, боюсь, — говорит он и морщит влажный черный нос.

— Или с глазами.

Барнаби кивает и соглашается:

— Или с глазами.

— Я просто подумала, что ты можешь меня выслушать. Не хочу рассказывать об этом Гейбл или Бобби…

— Он — милый ребенок, — изрекает Барнаби, хмурится и принимается усиленно тереть неподдающееся пятно цвета пережженных каштанов.

— Я не могу больше никому рассказать, — поясняет Мертвая Девочка, вздыхает, а упырь окунает щетку из свиной щетины в мыльную воду, продолжая трудиться над пятном.

— Думаю, я не смогу сильно навредить, если только послушаю. — Барнаби криво улыбается и касается когтем окровавленного места там, где мадам Терпсихора оторвала мочку его правого уха острыми клыками.

— Спасибо, Барнаби, — говорит Мертвая Девочка и безотчетно рисует протертым носком туфли полукруг на полу. — Сон недлинный. Много времени не займет.

И она рассказывает ему не об Адриане Мобли и дереве Лавкрафта, и даже не о сарае, буре и белой твари, ждущей ее внутри. Это совсем другое: безлунная ночь, Суон-Пойнт, кто-то раз-

ложил огромный ревущий костер у кромки воды. Мертвая Девочка наблюдает за тем, как пламя отражается в воде, воздух тяжелый от древесного дыма и голодного звука огня. Бобби и Гейбл лежат на каменистом пляже, аккуратно разложенные, как в похоронном бюро, руки по швам, пенни на глазах. Они вскрыты от ключиц до промежности, сверху донизу, рваным Y-образным надрезом, их внутренности влажно отсвечивают пламенем пожара.

— Нет, думаю, я ничего с ними не делала, — заверяет Мертвая Девочка, хотя это и не так, после чего рисует еще один полукруг на полу, чтобы первому не было скучно.

Барнаби прекращает тереть стол и с тревогой смотрит на нее недоверчивым взглядом падальщика.

— Их сердца лежат на валуне. — Теперь она говорит очень тихо, почти шепчет, словно боится, что кто-то наверху может подслушать, упырь поднимает уши и наклоняется поближе. Их сердца на камне, печень, и она сжигает органы в медной чаше, пока от тех не остается ничего, кроме жирной золы. — Думаю, я съедаю их, — продолжает девочка. — Но там еще появляются чёрные дрозды, целая стая дроздов, слышны только их

крылья. Они избивают небо.

Барнаби трясет головой, ворчит и снова принимается тереть стол, потом фыркает:

— Мне следует научиться уходить чуть раньше. Нужно заучить то, что меня вообще не касается.

— Почему, Барнаби? О чем ты?

Поначалу он ей не отвечает, только бормочет про себя, а щетка из свиной щетины летает туда-сюда над хирургическим столом, хотя там уже не осталось пятен, ничего, кроме нескольких мыльных хлопьев, пламя свечи отражается в поцарапанной и выщербленной поверхности.

— Бейлиф засунет мои яйца в бутылку с рассолом, если я ему расскажу об этом. Убирайся. Иди наверх, где тебе место, оставь меня. Я занят.

— Ну ты же знаешь, так? Я слышала историю, Барнаби, о еще одной мертвой девочке, Мерси Браун. Они сожгли ее сердце…

Тогда упырь широко раскрывает челюсти и ревет, как лев в клетке, бросает щетку в Мертвую Девочку, но та пролетает над ее головой и врезается в полку с банками. Разбитое стекло и неожиданный смрад уксуса и маринованных почек. Мертвая Девочка бежит к лестнице.

— Иди, надоедай кому-нибудь другому, труп! — ревет Барнаби ей в спину. — Рассказывай о своих

богохульных снах этим высохшим мертвецам. Попроси кого-нибудь из этих заносчивых ублюдков заступить ему дорогу.

А потом он бросает что-то еще, блестящее и острое, оно проносится мимо и застревает в стене. Мертвая Девочка прыгает через две ступеньки, хлопает дверью за собой и проворачивает замок. Если кто и услышал это, если кто увидел ее безрассудный рывок по лестнице большого старого дома на улицу, то они лучше, чем Барнаби, понимают, в чем дело, а потому предпочитают все оставить при себе.

На востоке появляется тончайшая бело-голубая щель рассвета, помечающая горизонт, полоса света. Бобби передает Мертвой Девочке еще один камень.

— Должно хватить, — говорит она, поэтому он садится на траве у края узкого пляжа и наблюдает, как она заполняет то место, где раньше было сердце Гейбл.

Внутри ее тела уже двенадцать камней, внутренности из гранитных булыжников. Они должны отправить тело вампира прямо на дно Сиконка, и на этот раз оно там останется. У Мертвой Девочки в руках толстый рулон серой клейкой ленты, чтобы запечатать рану.

— Они придут за нами? — спрашивает Бобби, и вопрос застает ее врасплох, такого она от него не ожидала.

Девочка прекращает оборачивать тело Гейбл лентой и молча смотрит на него, но мальчик не отводит взгляда от далекого заостренного проблеска дня.

— Могут. Я точно не знаю. Бобби, ты боишься?

— Я скучаю по мисс Жозефине. По тому, как она рассказывала истории.

Мертвая Девочка кивает, но потом улыбается:

— Да, я тоже. Но я сама могу рассказать тебе немало историй.

Когда она наконец заканчивает, они сталкивают тело Гейбл в воду и провожают его до самого дна, надежно привязав к корням затопленной ивы под мостом Хендерсона. А потом Бобби пристраивается рядом с Мертвой Девочкой и через секунду засыпает, потерявшись в снах. Она же закрывает глаза и ждет, когда мир вновь перевернется.

Перевод: Н. Кудрявцев

Артур Кларк

Среди Мрачных гор или, От Лавкрафта к Ликоку[131]

Arthur C. Clarke «At the Mountains of Murkiness», 1940

О рассказе «Среди Мрачных гор»

Артур Ч. Кларк когда-то был простым поклонником фантастики, как вы и я. Он тоже наслаждался книгами великих писателей, прежде чем стать одним из них. Возможный способ доставить великим удовольствие — пошутить над ними. Данный рассказ, «Среди Мрачных гор», доказывает это. Он является одной из классических подделок под Лавкрафта. Как и следовало ожидать от Кларка, рассказ хорошо написан и вызывает нужные эмоции. Надо признать, что это характерно для юмора поклонников фантастики, тогда и сейчас, опирающегося в основном на метод безумного повест-

[131] Примечания: 131

Стивен Ликок (1869–1944) — канадский экономист и писатель-сатирик.

вования. Возьмите привычную схему, в данном случае, Лавкрафтовской истории, затем добавьте несколько глупых слов в ключевых эпизодах.

Но это далеко не единственное «Лавкрафтовское», произведение в списке сочинений Кларка. Разве вы не заметили, как «2001: Космическая Одиссея», отражает Лавкрафтовские темы? В этом романе исследователи находят часть циклопической каменной кладки в отдалённом месте (не менее чем на Луне), и это открытие, которое считается слишком потрясающим по важности, чтобы сообщать о нём человечеству, постепенно приводит к пониманию нашего происхождения в результате работы продвинутой инопланетной расы, тех, кто оставил Монолит(ы) в качестве своей визитной карточки.

***Джордж Локк*[132]**

[132] Примечания: 132

Джордж Локк — составитель антологии «At the Mountains of Murkiness and Other Parodies», (1973).

После недавней смерти профессора Натти[133] в психиатрической больнице Скраггема[134] я остался единственным выжившим участником злополучной экспедиции в Антарктику, которую он возглавлял всего пять лет назад. Подлинная история этой экспедиции до сих пор была неизвестна, и только сообщение о том, что предпринимается ещё одна попытка исследовать нечестивые тайны горы Морг, побудило меня написать это предупреждение, даже рискуя разрушить то здравомыслие, которым я ещё обладаю.

Именно в начале лета 1940 года наша экспедиция, спонсируемая «Почтенной компанией картофелечисток», из Особняков Мёрфи в Лондонском Сити, прибыла к пустынным берегам Земли Лимбургера[135]. Мы были оснащены самолётами, радиостанциями, моторными санями и всем необходимым для работы и комфорта, и каждый из нас испытывал желание немедленно

---

[133] Примечания: 133

В рассказе используется игра слов.

[134] Примечания: 134

Психиатрическая больница Скраггема — Scraggem — возможно, Scragg'em — «поцарапай их».

[135] Примечания: 135

Лимбургер — лимбургский сыр (Limburger).

приступить к работе — даже доктор Сламп[136], профессор заразных неврозов.

Я отчётливо помню тот день, когда мы отправились в горы. Полярное солнце низко сияло над ледяными полями, а наша вереница саней отправилась вглубь материка. Вскоре мы потеряли из виду море, хотя всё ещё поддерживали радиосвязь с базой, и вскоре мы оказались в районах, в которых ещё не бывал ни один человек и, я надеюсь, никогда не побывает. Побережье и так казалось безжизненным и унылым, но снежная и ледяная пустыня, через которую мы проезжали, представляла собой кошмар из зазубренных, замёрзших шпилей и бездонных расщелин. По мере того, как мы продвигались вперёд, каждого из нас охватывало смутное недомогание. Ощущение тревоги и странного беспокойства у членов нашей экспедиции, видимо, исходило от самих скал и утёсов, погребённых под вековым покровом льда. Это было сродни чувству, которое можно испытать, войдя в заброшенное здание, где давным-давно произошёл какой-то ужас, о котором все забыли.

На четвёртый день мы увидели горы, до кото-

---

[136] Примечания: 136
Доктор Сламп — Slump — кризис, резкое падение спроса.

рых оставалось ещё много миль. Когда в конце дня мы разбили лагерь, между нами и ближайшими вершинами было всего двадцать миль, и не раз ночью нас будили внезапные толчки земли и отдалённый грохот всё ещё действующих вулканов.

Нам потребовалось два дня, чтобы преодолеть оставшиеся двадцать миль, так как эту местность занимали страшные пропасти и жутковатые скалы, напоминающие скорее искажённые области Луны, чем какую-либо часть нашего мира. Затем, однако, подземные толчки ослабли, и мы с новыми силами двинулись вперёд. Вскоре мы оказались в узкой долине, ведущей прямо к горам, до которых теперь оставалось четыре или пять миль. Я быстро шагал во главе группы, как вдруг раздался громкий треск, сопровождаемый сильным сотрясением земли, и почва прямо передо мной исчезла из виду. К своему ужасу, я обнаружил, что стою на краю страшного обрыва и смотрю вниз в пропасть глубиной в тысячи футов, наполненную паром, дымом сотни гейзеров и бурлящих лавовых бассейнов. Конечно, подумал я, безумный араб Абдул Гашиш[137] на-

[137] Примечания: 137

Абдул Гашиш — Abdul Hashish — намёк на Абдула Альхазреда и наркотическое вещество.

верняка имел в виду подобное место, когда писал об адской долине Упадуп[138] в той страшной и запрещённой книге «Пентехникон»[139].

Мы не стали долго задерживаться на краю долины, так как в любой момент коварная земля могла снова уйти из-под ног. На следующий день прилетел один из наших самолётов и приземлился на снегу неподалеку. Для первого полёта была выбрана небольшая группа людей, и мы направились в сторону гор. Моими спутниками стали доктор Сламп, профессор Палси[140] и майор Мактвирп[141], который управлял самолётом.

Вскоре мы достигли пропасти и пролетели вдоль неё много миль. То тут, то там в глубине виднелись наводящие на размышления образования, частично скрытые паром; они сильно

---

[138] Примечания: 138

Упадуп — Oopadoop — возможно, это отсылка к фильму «Дипломаньяки», (Diplomaniacs) 1933 года (мюзикл, комедия), в котором присутствуют индейцы из племени Упадуп.

[139] Примечания: 139

«Пентехникон», — Pentechnicon, пародия на «Некрономикон». Что Кларк подразумевает под этим словом — мне не понятно, может быть, pen — ручка + technic — технический.

[140] Примечания: 140

Профессор Палси — Palsy — паралич.

[141] Примечания: 141

Майор Мактвирп — McTwirp: Mc — приставка в гэльских фамилиях (Ирландия, Шотландия), означающая «сын такого-то». Twirp — раздражающий или отвратительный человек.

озадачили нас, но из-за коварного ветра спуститься в долину было невозможно. Я уверен, однако, что однажды я видел, как что-то двигалось в этих адских глубинах — что-то большое и чёрное, исчезнувшее раньше, чем я смог навести на него свой бинокль.

Вскоре после этого мы приземлились на огромном снежном поле у подножия самой горы Морг. Когда мы заглушили двигатели, на нас опустилась жуткая тишина. Единственным звуками там были грохот лавин, шипение гигантских гейзеров в долине и отдалённые сотрясения извергающихся вулканов.

Мы вышли из самолёта и осмотрели необитаемую местность. Горы возвышались перед нами, а в миле дальше по склонам земля по странной причине была свободна от снега. Более того, казалось, что в этих беспорядочных формах имелось нечто большее, чем просто намёк на порядок, и внезапно мы поняли, что смотрим на руины, ради исследования которых наша экспедиция проделала много тысяч миль. Через полчаса мы добрались до ближайшей постройки и увидели то, о чём некоторые из нас уже догадывались: эта архитектура не являлась делом рук какой-либо человеческой расы…

Мы остановились на мгновение у полностью разрушенного входа в какой-то тоннель, и вид отвратительной резьбы на упавшей притолоке заставил нас отшатнуться. Низкие барельефы напоминали кошмарные сюрреалистические творения Дали или Добби[142] за исключением того, что создавалось впечатление, что это не изображения из снов, а ужасная реальность.

Через несколько шагов слабый антарктический свет померк до абсолютной темноты, и мы поспешно включили фонари. Мы прошли вглубь тоннеля не менее чем на милю, когда решили, что нам лучше вернуться. Мы приняли меры предосторожности, отмечая свой путь мелом на стенах, чтобы не сомневаться, что (если нас ничто не остановит) мы сможем найти дорогу обратно на поверхность. Однако, доктор Сламп был непреклонен.

— Я настаиваю, — хихикнул он, — чтобы мы продвинулись, по крайней мере, ещё на милю. В конце концов, у нас есть большое количество фонарей, и мы ещё не обнаружили ничего археологически важного, хотя лично я вижу, что вы крайне заинтригованы.

---

[142] Примечания: 142

Добби — Dobbi — очевидно, вымышленный художник (в отличие от Сальвадора Дали).

Лицо бедняги Мактвирпа за последние десять минут стало положительно зелёным.

— Вы не против, если я измерю ваш пульс? — спросил доктор Сламп. — О, ну, не надо быть грубым. Меня также забавляет то, как Палси и Фиркин[143] постоянно оглядываются и шарят лучами фонариков по углам этого зала. Действительно, для группы выдающихся учёных вы ведёте себя самым примитивным образом! Ваши реакции в этих необычных, но отнюдь не беспрецедентных условиях, безусловно, будут включены в приложение к моей будущей книге «Истерия и её патологические проявления». Интересно, что бы вы сделали, если бы я…

Вдруг доктор Сламп издал самый пронзительный крик, который я имел несчастье услышать со времён последнего возрождения Кинг-Конга. Его крик эхом отдавался от стены к стене, покинул зал через отверстия в полу и в течение нескольких минут блуждал по подземным переходам далеко внизу. Когда крик, наконец, вернулся с чудовищным потомством отголосков, профессор Палси уже лежал в коме на полу, а майор Мактвирп замаскировался под барельеф и

---

[143] Примечания: 143
Фиркин — Firkin — фишка, маленький бочонок.

затаился в углу.

— Вы безмозглый идиот! — воскликнул я, когда адское эхо во второй раз вырвалось из зала. Но доктор Сламп был слишком занят своими записями, чтобы ответить мне.

Наконец наступила тишина, и с потолка упали несколько кусков штукатурки. Двое других учёных медленно пришли в себя, и я с трудом удержал их от того, чтобы убить доктора. Наконец, профессор Палси развернулся, чтобы идти обратно на поверхность, и все остальные последовали за ним. Мы прошли несколько сотен ярдов, когда издалека до нас донёсся звук, слабый, но отчётливый. Это был звук чего-то скользящего по камням, он исходил из туннеля впереди и заморозил нас до мозга костей. С тихим стоном доктор Сламп осел на землю, как высохшая медуза.

— Что это? — прошептал Мактвирп.

— Шш-шшшш! — ответил Палси, достойно под-

ражая пляске Святого Вита[144]. — Оно может услышать вас!

— Быстро в боковой проход! — скомандовал я.

— Здесь нет таких! — доложил майор.

Волоча за собой доктора Слампа, потому что, если бы мы оставили его позади, это выдало бы наше присутствие, мы выскользнули из зала, погасив свои фонари. Расщелина, которую Мактвирп поспешно нащупал в твёрдой скале, сломав два ногтя, была довольно мала для нас четверых, но являлась нашей единственной надеждой.

Ближе и ближе приближался ужасный звук, пока, наконец, он не достиг зала. Мы присели в темноте, едва ли осмеливаясь дышать. Последовало долгое молчание; затем, после вечности ожидания, мы услышали звук тяжёлого, вялого тела, которое проползло по полу и направилось в коридор. Какое-то мгновение мы ждали, пока

---

[144] Примечания: 144

Святой Вит (лат. Sanctus Vitus) — христианский святой, римский мученик периода раннего христианства. Был убит в 303 году. По неизвестным причинам в XVI веке в Германии существовало поверье, по которому можно было обрести здоровье, танцуя перед статуей святого Вита в день его именин. Для некоторых эти танцы стали настоящей манией, и впоследствии обычные пляски стали путать с хореей — нервным заболеванием, которое иначе называли «пляской Святого Вита», (Википедия).

В оригинале написано «Смерть Святого Вита», но я исправил на «пляску», что более сочетается по смыслу с происходящим.

ужас не исчезнет из поля зрения; затем мы побежали.

Но не в ту сторону; при сложившихся обстоятельствах в этом не было ничьей вины. Наше потрясение было настолько велико, что мы полностью потеряли чувство направления, и прежде, чем поняли, что произошло, мы внезапно оказались лицом к лицу с Существом, от которого пытались убежать.

Я не могу описать его: безликое, аморфное и совершенно злое, оно лежало поперёк дороги, казалось, зловеще наблюдая за нами. На мгновение нас парализовало от страха, мы не могли пошевелить ни единым мускулом. Затем из небытия донёсся скорбный голос.

— Привет, откуда вы взялись?

— Лллллллл……., — проблеял Палси.

— Не болтайте глупостей. Нет такого места.

— Он имеет в виду Лондон, — объяснил я, принимая ответственность за разговор, так как никто из моих коллег не казался способным иметь дело с этим существом. — Надеюсь, мой вопрос не покажется грубым, но что вы такое? Знаете, вы нас напугали.

— Напугал! Мне это нравится! А кто ответственен за ту мучительную какофонию, что

доносилась из этого зала пять минут назад? Она чуть не вызвала у Старших Богов сердечную недостаточность и отняла у них по меньшей мере миллион лет жизни.

— Э… думаю, что доктор Сламп может это объяснить, — сказал я, указывая на психолога, всё ещё пребывающего в полукоматозном состоянии. — Он пытался спеть «Мягко будит моё сердце»[145], но мы остановили его.

— Это больше похоже на «Саботаж на сталелитейном заводе», Моссолоу[146], — с сарказмом сказало Существо, — но что бы это ни было, нам не нравится. Вам лучше пойти и объясниться с Великими Древними и их Непостижимыми Разумами, если они ещё не пришли в себя, — добавило оно вполголоса. — Следуйте за мной.

Странным, плавным движением Существо направилось по коридору, преодолевая, казалось, многие мили, пока мы не вышли в огромный зал и оказались лицом к лицу с правителями

---

[145] Примечания: 145

«Мягко будит моё сердце», — Третья ария Далилы из второго акта оперы «Самсон и Далила», Камиля Сен-Санса на либретто Фердинанда Лемера.

[146] Примечания: 146

«Саботаж на сталелитейном заводе», Моссолоу — Mossolow's «Sabotage in the Steel Foundry», — отсылка к советскому композитору-футуристу Александру Мосолову и его балету «Сталь», (1927).

этого древнего мира. Я говорю «лицом к лицу», но на самом деле лица имелись только у нас. Ещё более невероятными и ужасными, чем Существо, с которым мы столкнулись только что, были очертания, которые предстали нашим испуганным глазам, когда мы вошли в то громадное помещение. Порождения чуждых галактик, запрещённые кошмары из миров за пределами пространства и времени, сущности, спустившиеся со звёзд, когда Земля была молода, — все они теснились в нашем поле зрения.

При виде них у меня помутился рассудок. Оцепенев от ужаса, я стал отвечать на вопросы, заданные мне каким-то огромным созданием, которое, должно быть, было лидером этого конгресса титанов.

— Как вы попали сюда? — спросили меня.

— Через руины на склоне горы, — ответил я.

— Руины! Где Слог-Уоллоп[147]?

— Здесь, — послышался жалобный голос, и в поле зрения появилось похожее на мышь существо с моржовыми усами.

— Когда вы в последний раз проверяли главный вход? — спросил Верховный Разум строгим

---

[147] Примечания: 147
Слог-Уоллоп — Slog-Wallop — сильный удар / крепкий кулак.

тоном.

— Не более тридцати тысяч лет назад, в последний блинный вторник.

— Что ж, пусть об этом позаботятся немедленно. Как инспектор надворных построек и общественных удобств, вы обязаны следить за тем, чтобы помещения содержались в хорошем состоянии. Теперь, когда этот вопрос возник, я отчётливо припоминаю, что во время последнего ледникового периода выдающийся внегалактический гость серьёзно пострадал из-за обрушения потолка, когда он вошёл в наш дом. Действительно, подобные вещи не улучшат нашу репутацию гостеприимства, да и вообще не являются достойными. Не позволяйте этому случиться снова.

— Я тоже не могу сказать, что мне понравились барельефы, — рискнул заявить я.

— Тот гость жаловался на них, теперь и вы. Я прослежу, чтобы их заменили чем-нибудь более подходящим, например, несколькими кадрами из «Белоснежки».

Тут Разум бросил на Слог-Уоллопа такой свирепый взгляд, что бедное маленькое создание бросилось прочь из зала.

Разум снова повернулся ко мне.

— Такие вещи будут происходить даже в наи-

более упорядоченных сообществах, — сказал он с сожалением. — А теперь, может быть, вы будете так добры рассказать нам, как вы сюда попали?

Итак, я поведал о нашей экспедиции, начиная с Лондона и заканчивая прибытием в эти пещеры, опустив подробности, которые я счёл излишними.

— Очень интересно, — сказал Разум, когда я закончил. — Мы так редко видим гостей в нынешнее время. Последним был… дайте вспомнить… о, да, тот арабский парень, Абдул Гашиш.

— Автор «Пентехникона»?

— Да. Нас это несколько раздражало — эти репортеры всегда переусердствуют. Никто не поверил ни единому его слову, и когда мы прочитали рецензию, которую он нам прислал, мы не удивились. Это была очень плохая реклама, она разрушила нашу туристическую торговлю. Надеюсь, что вы проявите лучшее чувство меры.

— Я могу заверить вас, что наш отчёт будет довольно непредвзятым и совершенно научным, — поспешно сказал я. — Но могу я полюбопытствовать, откуда вы так хорошо знаете наш язык?

— О, у нас есть много способов изучать внешний мир. Я сам путешествовал по Среднему Западу

Америки несколько лет назад в цирковом шоу, и только совсем недавно я избавился от акцента, который приобрёл тогда. В наши дни радио тоже позволяет избегать встреч с людьми. Вы удивитесь, узнав, сколько у нас здесь поклонников джаза, хотя я с сожалением должен сказать, что телевизионные программы из Парижа пользуются ещё большей популярностью. Но чем меньше о них будет сказано, тем лучше.

— Вы меня удивляете, — честно сказал я. — Однако, откуда у вас столько контактов с внешним миром?

— Устроить это было несложно. Мы начали писать рассказы о себе, а позже субсидировали авторов, особенно в Америке, чтобы они делали то же самое. В результате все прочитали о нас в различных журналах, таких как «Weird Tales», (в нём, кстати, мне принадлежит 50 процентов привилегированных акций), и просто не поверили ни единому слову. Так что мы были в полной безопасности.

— Невероятно! Концепция сверх разума! — воскликнул я.

— Спасибо, — сказал мой собеседник, и самодовольное выражение появилось там, где располагалось бы его лицо, если бы оно у него

имелось. — Теперь, однако, мы не возражаем против того, чтобы все знали, что мы действительно существуем. Фактически, мы планировали обширную рекламную кампанию, в которой ваша помощь была бы очень полезна. Но я расскажу вам об этом позже; теперь, возможно, вы хотели бы пойти и отдохнуть в наших комнатах для гостей? Я велел слугам в них прибраться — удивительно, сколько пыли может накопиться за сорок тысяч лет.

Нас проводили в просторную комнату, немного меньше той, которую мы только что покинули; там имелись диваны, удобные, хоть и странной формы.

— Как всё это невероятно! — ахнул доктор Сламп, когда мы уселись, чтобы обсудить положение.

— Славный парень, не так ли? — сказал я, имея в виду нашего хозяина.

— Я не доверяю ему! Что-то подсказывает мне, что назревает беда.

— Наш долг — охранять эти знания от всего мира!

— Что, у вас есть остальные акции этих «Weird Tales»? — саркастически спросил Палси.

— Вовсе нет, но такое откровение означало бы

всеобщее безумие, и я боюсь, что силы, которыми командуют эти Старшие Боги, скоро поработят человечество. Вы действительно думаете…

Вдруг Мактвирп прервал меня.

— Что это? — спросил он, указывая на что-то возле дивана. Я нагнулся и подобрал лист бумаги, на котором был нацарапан какой-то текст. С трудом я растолковал необычные символы.

— Пусть Слог-Уоллоп проверит канализацию, — прочитал я. — Герцог Эллингтон, 3:15, Вашингтон.

Достаточно безобидно… затем я перевернул листок и увидел ужасные слова, от которых у меня по спине пробежали мурашки.

— Уничтожить человеческую расу чумой летающих медуз. (Разослать почтой в незапечатанных конвертах?). Не годится для Неизвестного — попробуйте Джиллингса.

— Вы были правы, Сламп! — ахнул я. — Какой отвратительный заговор! Я полагаю, что этот Джиллингс, должно быть, какой-то бедняга, над которым экспериментировали эти дьяволы. Мы должны немедленно бежать!

— Но как? Мы не знаем дороги!

— Предоставьте это мне, — сказал я, направляясь к двери. Снаружи дежурило странное, дряблое

существо, напоминающее половик на последней стадии разложения.

— Не могли бы вы проводить нас в верхние коридоры? — вежливо спросил я. — Один из моих друзей потерял ценный бумажник, и если мы сможем найти его, то отправим бумажник почтой его жене. Кстати, — добавил я лёгким, разговорным тоном, — мы будем очень признательны, если кто-нибудь приготовит нам несколько чашек чая, пока нас не будет. По два кусочка сахара на каждую чашку.

Этот последний мастерский удар развеял все подозрения, которые могли возникнуть у этого существа.

— Хорошо, — сказало оно. — Надеюсь, вам нравится китайский чай; это всё, что у нас есть; Абдул выпил остальное.

Существо улетело и вскоре вернулось.

— Теперь следуйте за мной.

О нашем обратном пути через эти ужасные пещеры я предпочитаю говорить как можно меньше. В любом случае, оно очень напоминало путешествие вниз. Наконец, спустя целую вечность, мы увидели далеко впереди выход во внешний мир. Времени оставалось мало, потому что наш проводник начал что-то подозревать.

— Вы уверен, что бумажник был у вас с собой? — спросил он, задыхаясь. — Возможно, вы оставили его дома.

— Вряд ли, — ответил Мактвирп. — Я думаю, что он выпал где-то здесь.

И мы пошли дальше, до нашей цели оставалось всего несколько сотен ярдов. Вдруг, к нашему ужасу, мы услышали звуки преследования далеко позади. Притворяться было бесполезно.

— Спасайтесь! — крикнул я.

К счастью, наш проводник был настолько захвачен врасплох, что прежде, чем он смог прийти в себя, мы убежали на значительное расстояние. В считанные секунды, казалось, мы достигли выхода и вырвались на чистый свет дня. Ободрённый мыслью о безопасности, я оглянулся назад.

Проводник остался далеко позади, оцепенев от неожиданности. Но навстречу нам на невероятной скорости мчалось нечто настолько отвратительное, что никакие мои слова не смогут описать это… Когда я повернулся, чтобы бежать, я услышал, как оно кричит задыхающимся, высоким голосом:

— Вы… уф-ф… против сгущённого молока?

Больше я ничего не слышал, потому что в этот момент разбитые барельефы входа обрушились

на меня в полном и окончательном разрушении. Когда я пришёл в себя, мы уже были в воздухе, летели к безопасности и цивилизации, прочь от мрачных, кошмарных ужасов, которые так долго окружали нас, и из чьих немыслимых лап мы с таким чудом вырвались.

Перевод: А. Черепанов

Теодор «Эйбон» Дональд Клайн
Чёрный человек с охотничьим рогом

Theodore «Eibon» Donald Klein «Black man with a horn», 1980

«Чёрный [слова скрыты почтовым штампом] был удивителен — я должен получить его фотоснимок».

— Г. Ф. Лавкрафт, открытка Э. Хоффманну Прайсу, 23 Июля 1934 года.

В описании прошедшего времени от первого лица есть что-то успокаивающее. Такой способ вызывает в воображении образ какого-то рассказчика, сидящего за столом; он задумчиво пыхтит трубкой, находясь в безопасности своего

кабинета. Его мысли теряются в спокойных воспоминаниях. Рассказчик ведёт себя сдержанно, как будто он не пострадал от того опыта, о котором собирается поведать.

Это само время говорит вместо него: «Я здесь, чтобы рассказать историю. Я пережило это».

В моём случае это описание совершенно точное, насколько это возможно. Я действительно нахожусь в некоем подобии кабинета: а точнее — в небольшой хижине, но одна её стена закрыта книжными полками, над которыми висит картина, изображающая Манхэттен. Её нарисовала, насколько помню, моя сестра много лет назад. Мой письменный стол — это складной столик, который когда-то тоже принадлежал ей.

Передо мной неустойчиво стоит на своих ножках электрическая пишущая машинка, она успокаивающе гудит, а из окна за моей спиной доносится знакомый гул старого кондиционера, ведущего одинокое сражение с тропической ночью.

Помимо этого, меня успокаивают слабые ночные шумы из темноты снаружи: ветер в пальмах, бессмысленное пение сверчков, приглушённая болтовня из соседского телевизора, случайная машина, сворачивающая с шоссе; я слышу скре-

жет коробки передач, и то, как она проезжает мимо моего дома…

Дом, по правде говоря, слишком громко сказано; это зелёное оштукатуренное бунгало высотой в один этаж, третье по счёту из девяти, расположенное в нескольких сотнях метров от шоссе. Единственным отличительным признаком моего бунгало являются солнечные часы во дворе, привезённые сюда из бывшего дома моей сестры, и зазубренный невысокий забор, теперь уже заросший сорняками. Забор сестра установила, несмотря на протесты соседей.

Это едва ли не самая романтичная обстановка, но при нормальных обстоятельствах она может стать адекватным фоном для медитаций в прошедшем времени.

— Я всё ещё здесь, — говорит писатель, приспосабливаясь к окружающей обстановке.(- Я даже взял необходимую трубку в рот, набив её табаком Латакия.)

— Всё кончено, — говорит он. — Я пережил это.

Утешающие слова, возможно. Только в данном случае это не так. Никто не может сказать, действительно ли опыт «закончился»; и если, как я подозреваю, заключительная глава ещё не началась, то концепция моего «переживания этого»,

покажется жалким тщеславием. Тем не менее, я не могу сказать, что мысль о своей собственной смерти меня особенно беспокоит.

Иногда я так устаю от этой маленькой комнаты с её дешёвой плетёной мебелью, скучными устаревшими книгами, наступающей ночью снаружи… Устаю от этих солнечных часов там во дворе, с их идиотским посланием: «Старей вместе с нами»…

Я сделал это, и моя жизнь, кажется, едва ли имела значение в плане вещей. Конечно, конец этого плана тоже не имеет большого значения.

«Ах, Говард, вы бы поняли. Это то, что я называю опытом путешествий!»

— Лавкрафт, 12 Марта 1930 г.

Если в этой истории настанет конец, пока я записываю её, финал обещает быть несчастливым. Но начало её совсем не такое; на самом деле оно может показаться вам смешным — полным комических шуток, упоминаний о мокрых брюках и пакете для рвоты, упавшем на пол.

— Я приготовилась выдержать это, — говорила старушка справа от меня. — Не буду скрывать, я была чрезвычайно напугана. Я держалась за подлокотники кресла и просто стиснула зубы. А

потом, вы знаете, сразу после того, как капитан предупредил нас об этой турбулентности, когда хвост самолёта сначала поднялся, а затем опустился, шлёп-шлёп, ну, — старушка сверкнула зубными протезами и похлопала меня по руке, — могу сказать вам, нам не осталось ничего, кроме как трястись.

Где эта старая девушка подобрала такие выражения? Она пыталась меня подцепить? Её влажная рука сжала моё запястье.

— Надеюсь, вы позволите мне заплатить за химчистку.

— Мадам, — ответил я, — не думайте об этом. Костюм уже был уже испачкан.

— Такой хороший мужчина!

Она скромно наклонила голову ко мне, всё ещё сжимая моё запястье. Её глаза ещё не потеряли привлекательности, хотя белки уже давно стали цвета старых клавиш рояля. Но её дыхание отталкивало меня. Сунув бумажный пакет в карман, я позвонил стюардессе.

Предыдущий несчастный случай произошел за несколько часов до этого. Когда я карабкался на борт самолета в аэропорту Хитроу, окружённый, казалось бы, спортсменами из местного клуба регби (все одеты одинаково, тёмно-синие спор-

тивные куртки с костяными пуговицами), меня толкнули сзади, и я споткнулся о чёрную картонную, шляпную коробку, в которой какой-то китаец хранил свой обед; она торчала в проходе возле мест для первого класса. Что-то из коробки выплеснулось на мои ноги — утиный соус, или, возможно, суп, оставивший липкую жёлтую лужу на полу.

Я обернулся вовремя и успел заметить высокого, мускулистого кавказца с такой густой и чёрной бородой, что он выглядел как какой-то злодей из бессловесной эпохи. В руке он держал сумку с логотипом «Малайских авиалиний». Его манера поведения в равной степени подходила для роли злодея, потому что, оттеснив меня в сторону (плечами шириной с мои чемоданы), он протолкнулся через заполненный пассажирами проход; его голова подпрыгнула под потолком, как надувной шар, и внезапно исчезла из виду в задней части самолёта.

Вслед за ним я уловил запах патоки и сразу вспомнил своё детство: шляпы на день рождения, подарочные пакеты «Каллард и Баузер», и послеобеденные боли в животе.

— Очень сожалею.

Обрюзгший и маленький Чарли Чан испуганно

посмотрел на это уходящее привидение, затем согнулся пополам, чтобы вытащить свой ужин из-под сиденья, возясь с лентой.

— Не берите в голову, — сказал я. В тот день я был добр ко всем. Полёты всё ещё были в новинку.

Мой друг Говард, конечно (как я ранее на этой неделе напомнил своей аудитории), говорил, что ему «ненавистно видеть, как самолёты стали повсеместно использоваться в коммерческих целях, поскольку они просто добавляют чертовски бесполезное ускорение и без того ускоренной жизни». Он отвергал их как «устройства для развлечения джентльмена», но сам летал только один раз, в тридцатые годы, и то, потому что билет стоил 3,5 доллара. Что он мог знать о свисте двигателей, об испорченной радости от обеда на высоте девяти километров, о шансе выглянуть в окно и обнаружить, что земля, в конце концов, более-менее круглая? Всё это он пропустил; он был мёртв, и поэтому его жалели. Но даже после смерти он одержал надо мной победу.

Мне было о чём подумать, когда стюардесса помогла мне встать на ноги, кудахча в профессиональной манере о месиве на моих коленях, хотя, скорее всего, она думала о том, что ей придётся

всё вытирать, как только я освобожу своё место.

— Почему они делают эти сумки такими скользкими? — жалобно спросила моя пожилая соседка. — И по всему костюму этого милого человека. Вам действительно нужно что-то с этим делать.

Самолёт вновь подбросило; старушка закатила пожелтевшие глаза: «Это может произойти снова».

Стюардесса повела меня по проходу к туалету в середине самолёта. Слева от меня смертельно бледная, молодая женщина сморщила нос и улыбнулась сидящему рядом с ней мужчине. Я попытался скрыть своё поражение горьким выражением лица: «Это сделал кто-то другой!», но сомневаюсь, что мне это удалось.

Рука стюардессы, что поддерживала мою, была лишней, но удобной; с каждым шагом я опирался на неё всё сильнее. Как я уже давно подозревал, в семьдесят шесть лет у вас есть несколько важных преимуществ, и одно из них следующее: вы освобождаетесь от необходимости флиртовать со стюардессой, но можете опереться на её руку. Я повернулся к ней, чтобы сказать что-то смешное, но остановился; её лицо было пустым, как циферблат часов.

— Я подожду вас здесь, — сказала она и открыла

гладкую белую дверь.

— В этом вряд ли есть необходимость. — Я выпрямился. — Но не могли бы вы… не могли бы вы найти мне другое место? Я ничего не имею против той леди, вы понимаете, но я не хочу больше видеть её обед.

В туалете шум двигателей казался громче, как будто от реактивного потока и арктических ветров меня отделяли только розовые пластиковые стены. Время от времени воздушная среда, сквозь которую мы летели, становилась неспокойной, потому что самолет гремел и раскачивался, как сани на шершавому льду. Если бы я открыл нужник, то, наверное, мог бы увидеть землю, до которой многие километры, замёрзший и серый Атлантический океан, покрытый айсбергами. Англия находилась уже за тысячу миль отсюда.

Удерживаясь одной рукой за дверную ручку, я вытер штаны душистым бумажным полотенцем из фольгированного конверта, и ещё несколько полотенец засунул себе в карман. На моих брюках всё еще оставались следы китайской слизи. Казалось, она и источала запах патоки; я безрезультатно пытался стереть её.

Осматривая себя в зеркале — лысый, безобидный на вид старый плут с опущенными плечами

и в мокром костюме (очень отличающийся от уверенного в себе молодого парня на фотографии с надписью «ГФЛ и ученик») — я открыл задвижку и вышел из туалета, испуская смесь запахов.

Стюардесса нашла для меня свободное место в задней части самолёта. Едва присев, я заметил, кто именно занимает соседнее кресло: пассажир, отвернувшись от меня, спал, его голова уткнулась в окно, но я узнал его по бороде.

— Э-э, стюардесса…?

Я повернулся, но увидел только её спину в униформе, женщина удалялась по проходу. После минутной неуверенности я уселся в кресле, стараясь не шуметь. Я напомнил себе, что имею полное право здесь находиться.

Отрегулировав положение кресла (к раздражению чёрнокожего позади меня), я откинулся назад и потянулся к карману за книгой в мягкой обложке. Они, наконец, добрались до перепечатки одного из моих ранних рассказов, и я уже нашёл четыре опечатки. Но чего ещё можно было ожидать? Лицевая обложка с грубо нарисованным мультяшным черепом говорила сама за себя: «Изрядная порция адреналина: Тринадцать космических страшилок в духе Лавкрафта».

Вот до чего меня низвели. Какой-то писака-ре-

кламщик отмахнулся от меня и моих творений, работы всей моей жизни, назвав всё это простыми подделками, «достойными самого Мастера». А сами рассказы, которые когда-то хвалили, теперь определялись просто как «Лавкрафтовские», как будто этого достаточно.

Ах, Говард, твой триумф закончился в тот момент, когда твоё имя стало прилагательным. Конечно, я подозревал это в течение многих лет, но только во время конференции на прошлой неделе мне пришлось признать тот факт, что для нынешнего поколения имел значение не мой собственный труд, а скорее — моя связь с Лавкрафтом. И даже это выглядит унизительно: после многих лет дружбы и поддержки получить всего лишь прозвище «ученик», просто потому, что я был моложе. Это казалось слишком жестокой шуткой.

У каждой шутки должна быть кульминация. И она всё ещё лежала у меня в кармане, напечатанная курсивом на смятом жёлтом листке — в расписании выступлений на конференции. Мне не нужно было смотреть на него снова: я значился там, охарактеризованный на все времена как «член Кружка Лавкрафта, Нью-Йоркский педагог и автор знаменитого сборника „За гранью

могыли“».

Вот он, венец унижения: быть увековеченным опечаткой! Ты бы оценил это, Говард. Я почти слышу, как ты посмеиваешься, находясь… где же? — за гранью могыли…

Между тем сбоку послышался резкий кашель; моему соседу, должно быть, приснилось, что я отложил книгу и изучаю его. Он выглядел старше, чем мне показалось на первый взгляд, ему могло быть лет шестьдесят или больше. Его руки были шершавыми и сильными; на одном пальце имелось кольцо с любопытным серебряным крестом. Блестящая чёрная борода, покрывавшая нижнюю половину его лица, была такой густой, что казалась почти непрозрачной; сама её чернота казалась неестественной по сравнению с седыми волосами на голове. Я посмотрел внимательнее туда, где борода сливалась с лицом. Не марля ли это под волосами? Внутри меня всё сжалось.

Наклонившись поближе, я стал рассматривать кожу на носу соседа, хотя она и загорела от долгого пребывания на солнце, но все равно выглядела странно бледной.

Мой взгляд продолжал двигаться вверх, вдоль обветренных щёк, к темным впадинам его глаз. Они открылись. На мгновение стеклянные и

налитые кровью глаза этого человека уставились на меня без видимого понимания. В следующее мгновение они выпучились и задрожали, как рыба на крючке. Губы пассажира раскрылись, и он прохрипел слабым голосом: «не здесь».

Мы сидели молча, никто из нас не двигался. Я был слишком удивлён и смущен, чтобы ответить. В окне за его головой небо казалось ярким и чистым, но я чувствовал, как самолет сотрясают невидимые порывы ветра, кончики его крыльев яростно дёргались.

— Не делайте этого со мной здесь, — прошептал, наконец, бородатый, откидываясь на спинку кресла.

Этот человек сумасшедший? Возможно, он опасен? Я видел, как где-то в будущем мелькают газетные заголовки: «Самолёт захвачен террористами… Нью-Йоркский учитель на пенсии стал жертвой…»

Моя неуверенность, должно быть, стала слишком заметной, потому что я увидел, как сосед облизал губы и посмотрел мимо моей головы. Надежда и хитрость промелькнули на его лице.

Он ухмыльнулся мне.

— Извините, не о чем беспокоиться. Ух! Должно быть, мне приснился кошмар.

Как спортсмен после особенно тяжёлой гонки, он покачал массивной головой, уже восстанавливая контроль над ситуацией. Его голос намекал на медленную речь Теннесси.

— Дружище, — сосед попытался сердечно рассмеяться, — я лучше откажусь от сока Кикапу!

Я улыбнулся, чтобы успокоить его, хотя в нём не было ничего, что указывало бы на то, что он пил.

— Такого выражения я не слышал уже много лет.

— О, неужели? — сказал он без особого интереса. — Ну, я был далеко.

Его пальцы барабанили нервно — нетерпеливо? — по подлокотнику кресла.

— Малайя? — Предположил я.

Он привстал, и его лицо побледнело.

— Откуда вы это знаете?

Я кивнул в сторону зелёной сумки у его ног.

— Я видел, как вы несли её, когда поднимались на борт. Вы, хм… вы, кажется, немного торопились, если не сказать больше. На самом деле, боюсь, вы чуть не сбили меня с ног.

— Эй.

Теперь мой бородатый сосед взял свой голос под контроль, взгляд его стал спокойным и уверенным.

— Эй, я действительно сожалею об этом, старина. Дело в том, что я подумал, что кто-то может следить за мной.

Как ни странно, я поверил ему; он выглядел искренним — или настолько искренним, насколько можно быть с фальшивой чёрной бородой.

— Вы маскируетесь, не так ли? — Поинтересовался я.

— Вы имеете в виду бакенбарды? Я просто нашёл их в Сингапуре. Чёрт возьми, я знал, что они не смогут кого-то долго дурачить, по крайней мере, друга. Но врага… что ж… возможно.

Незнакомец не сделал ни малейшего движения, чтобы отклеить бакенбарды.

— Вы, дайте угадаю… вы ведь на службе, верно?

В Министерстве иностранных дел, я имел в виду; честно говоря, я принял его за стареющего шпиона.

— На службе?

Человек посмотрел налево и направо, затем понизил голос.

— Ну да, можно и так сказать. В служении Ему.

Он указал на крышу самолета.

— Вы хотите сказать…?

Он кивнул.

— Я миссионер. Или был им до вчерашнего дня.

«Миссионеры — чертовски надоедливые типы, которые должны сидеть дома».

— Лавкрафт, 12 Сентября 1925 г.

Вы когда-нибудь видели человека, который боится за свою жизнь? Я видел, но не раньше, чем мне исполнилось 20 лет.

После лета безделья я, наконец, нашёл временную работу в офисе того, кто оказался довольно сомнительным бизнесменом. Полагаю, сегодня вы назовёте его мелким рэкетиром, который каким-то образом оскорбив «толпу», был убеждён, что к Рождеству он будет мёртв.

Однако он ошибался; он мог наслаждаться этим и многими другими рождественскими праздниками со своёй семьей, и только спустя годы его нашли в ванной лицом вниз, под пятнадцатью сантиметрами воды.

Я мало что помню об этом человеке, кроме того, что его было очень трудно вовлечь в разговор; казалось, он никогда не слушал. Но говорить с пассажиром, который сидел рядом со мной в самолёте, было слишком легко; он не отвлекался на другие темы, не давал туманных ответов и

не погружался в свои мысли. Наоборот, он был настороже и очень интересовался всем, что ему говорили. За исключением его первоначальной паники, на самом деле, мало имелось намёков на то, что за ним кто-то охотился. Но он утверждал, что это так.

Последующие события, конечно, разрешили бы все эти вопросы, но в то время у меня не было возможности судить, говорит ли он правду, или его история была такой же фальшивой, как его борода. Если я и поверил ему, то почти исключительно благодаря его манерам, а не содержанию того, что он рассказывал.

Нет, он не утверждал, что сбежал с Глазом Клеша, он был более оригинальным. И он не изнасиловал единственную дочь какого-то знахаря.

Миссионер работал в штате Негри-Сембилан, к югу от Куала-Лумпура. Но некоторые вещи, которые он мне рассказывал, казались невероятными: дома, заросшие деревьями; правительственные дороги, которые просто исчезли; а его коллега, живший по соседству, однажды вернулся из десятидневного отпуска и увидел, что его газон заполонили липкие твари. Ему пришлось дважды сжигать их, чтобы полностью уничтожить.

Этот загадочный пассажир утверждал, что

в том районе живут крошечные красные пауки, способные подпрыгнуть выше уровня плеч человека; а в одной деревне жила девушка, которая наполовину оглохла, потому что одна из неприятных маленьких тварей заползла ей в ухо и раздулась до такого размера, что заткнула слуховой проход. Там же имелись места с такими толстыми комарами, что они душили скот.

Он описал страну дымящихся мангровых болот и каучуковых плантаций величиной с феодальные королевства, страну настолько влажную, что обои пузырились в жаркие ночи, а Библии покрывались плесенью.

Пока мы сидели вместе с ним в герметичном самолёте, где воздух в салоне охлаждался, а вокруг всё было из пластика, россказни этого миссионера казались мне невозможными. Я смотрел на замёрзшую синеву неба, находящегося за пределами моей досягаемости; стюардессы в сине-золотой униформе быстро ходили туда-сюда мимо меня; пассажиры слева потягивали кока-колу или спали, или листали рекламные журналы; и я обнаружил, что верю в рассказы бородача менее чем на половину, приписывая всё остальное преувеличению и скептическому отношению южан ко всяким сказкам.

Через неделю после прибытия домой я навестил свою племянницу в Бруклине и пересмотрел своё отношение к рассказам миссионера в сторону большего доверия. Сын племянницы читал учебник географии, и я заметил следующий текст:

«Вдоль [Малайского] полуострова в изобилии роятся насекомые; вероятно, здесь больше их разновидностей, чем где-либо ещё на Земле. Есть хорошая древесина лиственных пород, и в изобилии найдены камфара и чёрное дерево. Множество сортов орхидей, некоторые необычайных размеров».

В книге упоминалась «богатая смесь рас и языков», «экстремальная влажность», и «красочная местная фауна». И дополнение: «Его джунгли настолько непроходимы, что даже дикие звери должны держаться хорошо протоптанных троп».

Но, возможно, самым странным в этом регионе было то, что, несмотря на опасности и неудобства, мой спутник утверждал, что любил его.

— У них есть гора в центре полуострова, — миссионер упомянул непроизносимое название и покачал головой. — Самая прекрасная из тех, что я видел. На побережье есть очень красивая деревня, можно поклясться, что всё это похоже на какой-то остров в Южном море. Так же уютно.

О, там сильная влажность, особенно внутри дома, где мы собирались разместить новую миссию, но температура никогда не превышает 37 градусов. Попробуйте сказать то же самое о Нью-Йорке.

Я кивнул.

— Поразительно.

— А люди, — продолжал он, — я думаю, что они просто самые дружелюбные люди на земле. Вы знаете, я слышал много плохого о мусульманах, что большинство из них принадлежат к суннитской секте, но говорю вам, они относились к нам по-настоящему дружелюбно… только до тех пор, пока мы делали обучение доступным, так сказать, и не вмешивались в их дела. И мы не вмешивались. В этом не было необходимости.

Видите ли, мы предоставили жителям больницу — ну, клинику, по крайней мере, две медсестры и врача, который приходил два раза в месяц, и небольшую библиотеку с книгами и фильмами. И не только о теологии. На все темы.

Мы расположились прямо за деревней, аборигены должны были проходить мимо нас по пути к реке, и когда они думали, что никто из лонтоков их не видит, они просто заходили к нам и осматривались.

— Никто из кого? — Спросил я.

— Что-то вроде местных жрецов. Их было много. Мы не мешали друг другу. Я не знаю, сколько людей мы обратили в свою веру. На самом деле, я не могу сказать ничего плохого об этих людях.

Миссионер помолчал, потирая глаза. Внезапно он стал выглядеть более старым.

— Всё шло хорошо, — сказал он. — А затем они велели мне создать вторую миссию, дальше вглубь полуострова.

Пассажир снова замолчал, словно взвешивая, стоит ли продолжать. Приземистая маленькая китаянка медленно брела по проходу, держась за кресла по обеим сторонам для равновесия. Я почувствовал, как её рука скользнула мимо моего уха. Мой спутник наблюдал за ней с некоторым беспокойством, ожидая, пока она пройдёт. Когда он заговорил снова, его голос заметно усилился.

— Я путешествовал по всему миру, был во многих местах, куда американцы даже в наше время не могут поехать, и я всегда чувствовал, что, где бы я ни находился, Бог наверняка наблюдал за мной. Но как только я начал подниматься на те холмы, ну…

Он покачал головой.

— Видите ли, я был в значительной степени сам по себе. Они собирались отправить большую

часть персонала позже, после того, как я обустроюсь. Со мной отправились только один из наших садовников, два носильщика и проводник, выполнявший также и роль переводчика. Все были местными. — Пассажир нахмурился. — Садовник, по крайней мере, являлся христианином.

— Вы нуждались в переводчике? — Спросил я.

Вопрос, казалось, отвлёк его.

— Для новой миссии, да. Моего знания малайского языка хватало для общения в долине, но в глубине полуострова использовались десятки местных диалектов. Один я бы потерялся. Наши люди в деревне говорили, что там, куда я иду, в ходу «агон ди-гатуан», — «Старый Язык». Многих слов из него я так и не понял.

Миссионер уставился на свои руки.

— Я прожил там не очень долго.

— Полагаю, из-за проблем с местными жителями?

Мужчина ответил не сразу. Наконец он кивнул.

— Я искренне верю, что они, должно быть, самые отвратительные люди на свете, — сказал он с глубоким раздумьем. — Иногда я удивляюсь, как Бог мог их сотворить.

Миссионер уставился в окно на облачные хол-

мы под нами.

— Они называли себя Чаучау, насколько я мог судить. Возможно, они были потомками французских колонизаторов, но мне они казались азиатами, только с примесью негритянской крови. Маленькие люди. Выглядели безвредными.

Мужчина слегка вздрогнул.

— Но они были совсем не такими, как казались. Вы не могли добраться до их сути. Не знаю, сколько веков они жили на тех холмах, и чем бы они не занимались, впускать в свою жизнь незнакомцев эти люди не хотели. Они называли себя мусульманами, точно так же, как жители долины, но я уверен, что, вероятно, они поклонялись нескольким богам. Сперва я подумал, что они примитивны. Я имею в виду некоторые из их ритуалов — вы не поверите, что такие ещё существуют. Но теперь я думаю, что они вовсе не были примитивными аборигенами. Просто они сохранили эти ритуалы, потому что наслаждались ими!

Миссионер пытался улыбнуться; это только подчеркнуло морщины на его лице.

— О, вначале они казались достаточно дружелюбными, продолжил он. — Вы могли бы подойти к ним, немного поторговать, понаблюдать, как

они разводят животных. Можно было даже поговорить с ними о Спасении. И они всё время улыбались, всё время улыбались. Как будто вы действительно им нравитесь.

Я услышал разочарование в его голосе и ещё кое-что.

— Знаете, — признался он, внезапно наклонившись ко мне поближе, — внизу, в долинах, на пастбищах, есть зверёк, что-то вроде улитки, которого малайцы убивают на месте. Маленькое жёлтое существо, но люди по глупости боятся его: они верят, что когда зверёк пересекает тень их коров, он высасывает из них жизненную силу. Аборигены называют его «улитка Чауча». Теперь я знаю почему.

— И почему? — Поинтересовался я.

Миссионер оглядел самолет, и, казалось, вздохнул.

— Понимаете, на том этапе мы ещё жили в палатках. Мы ещё ничего не построили. Ну, погода испортилась, москиты стали активней, и после того, как садовник исчез, остальные ушли. Думаю, проводник убедил их уйти. Конечно, это оставило меня…

— Подождите, — перебил я собеседника, — говорите, ваш садовник исчез?

— Да, ещё до конца первой недели.

Был поздний вечер. Мы прогуливались по одному из полей менее чем в сотне метров от палаток, и я пробирался сквозь высокую траву, думая, что садовник позади меня. Я обернулся, а его нет.

Теперь пассажир говорил в спешке. В моей памяти всплыли эпизоды из фильмов 1940-х годов: испуганные туземцы сбегают с припасами, и я задавался вопросом, насколько это было правдой.

— Поскольку другие мои спутники тоже оставили меня, — сказал миссионер, — я не мог общаться с Чаучау, разве что на птичьем языке — смесью малайского и местного диалекта. Но я знал: что-то происходит. Всю неделю они смеялись над чем-то. Открыто. И у меня сложилось впечатление, что они как-то ответственны за это. Я имею в виду, за исчезновение садовника. Вы понимаете? Он был единственным, кому я доверял.

Выражение лица миссионера стало болезненным.

— Через неделю, когда мне его показали, он был ещё жив. Но он не мог говорить. Я думаю, что они так хотели. Видите ли, они — они что-то в нём вырастили.

Миссионера передёрнуло. В этот момент прямо позади нас раздался нечеловеческий пронзитель-

ный вой, похожий на сирену, он даже заглушал рёв двигателей. Это произошло так неожиданно, что мы с миссионером замерли на месте.

Я видел, как мой спутник раскрыл рот, словно повторял крик из прошлого; мы стали двумя стариками, что побелели от страха и схватили друг друга за руки. Это выглядело действительно комично.

Прошла целая минута, прежде чем я смог заставить себя обернуться. За это время уже прибежала стюардесса и стала тыкать в то место, где задремавший мужчина уронил сигарету на свои колени. Окружающие пассажиры, особенно европейцы, бросали на него сердитые взгляды, и мне показалось, что я чувствую запах горелой плоти. Наконец ему помогли стюардесса и один из его товарищей по команде, последний беспокойно посмеивался.

Как бы то ни было, этот инцидент прервал наш диалог и расстроил моего собеседника; как будто он спрятался за своей бородой. Он не стал больше ничего говорить, лишь задавал обычные и довольно банальные вопросы о ценах на еду и жильё.

Миссионер сказал, что направляется во Флориду, ожидая лета, чтобы как он выразился,

«отдыхать и восстанавливать силы», по-видимому, за счёт своей секты.

Я немного разочарованно спросил его, что, в конце концов, случилось с тем садовником; мужчина ответил, что тот умер.

Нам принесли напитки; я увидел за окном североамериканский континент, сначала лёд на вершинах гор, затем линию зелени. Я поймал себя на том, что сообщаю миссионеру адрес моей сестры — Индиан-Крик находился недалеко от Майами, куда он направлялся, — и я тут же пожалел об этом. Что вообще я знал об этом человеке? Он сказал мне, что его зовут Амброз Мортимер.

— Фамилия означает «Мёртвое море», — объяснил он. — Из крестовых походов.

Когда я попытался вновь спросить о миссии, он отмахнулся от меня.

— Я больше не могу называть себя миссионером, — сказал Мортимер. — Вчера, когда я покинул ту деревню, я отказался от этого права.

Он попытался улыбнуться.

— Честно, теперь я просто гражданин.

— Почему вы думаете, что они преследуют вас? — Поинтересовался я.

Улыбка собеседника тут же исчезла.

— Я не уверен, что не преследуют, — ответил он

не очень убедительно. — В старости у меня может развиться паранойя. Но я могу поклясться, что в Нью-Дели, и ещё раз в Хитроу, я услышал, как кто-то поёт… поёт определённую песню. Первый раз это произошло в мужском туалете, в другой кабинке; во второй — где-то за моей спиной. И это была песня, которую я узнал. Пели на «Старом Языке».

Мортимер пожал плечами.

— Я даже не знаю, что означают те слова.

— Зачем кому-то петь? Я имею в виду, если они следовали за вами? — Удивился я.

— Просто так. Я не знаю.

Он покачал головой.

— Но я думаю… думаю, что это часть ритуала.

— Какого ритуала?

— Не знаю, — повторил Мортимер.

Он выглядел довольно расстроенным, и я решил положить конец этой инквизиции.

Вентиляторы еще не рассеяли запах обгоревшей ткани и плоти.

— Но вы слышали эту песню раньше, — продолжил я. — Вы сказали, что узнали её.

— Ага.

Он отвернулся и уставился на приближающиеся облака. Мы пролетали над штатом Мэн.

Внезапно Земля показалась мне очень маленьким местом.

— Я слышал, как некоторые женщины Чаучау поют это, — сказал он, наконец. — Это, в своём роде крестьянская песня. Она предназначена для того, чтобы всё росло.

Впереди мы увидели шафраново-жёлтый смог, покрывавший Манхэттен как купол. На табло бесшумно засветились слова «Не курить».

— Я надеялся, что мне не придется менять самолеты, — сказал мой собеседник. — Но рейс в Майами отправляется только через полтора часа. Думаю, я сойду и немного погуляю, разомну ноги. Интересно, сколько времени займёт прохождение таможни?

Казалось, он говорил больше сам с собой, чем со мной. Я ещё раз пожалел о своей импульсивности, сообщив ему адрес Мод. У меня возникло искушение загладить свою вину, сказав, что у моей сестры заразная болезнь или ревнивый муж. Но тогда, скорее всего, он никогда не зайдёт к ней; он даже не потрудился записать её имя. Что ж, сказал я себе, если Мортимер зайдёт к моей сестре, то возможно, он расслабится, когда поймёт, что он находится в безопасности среди друзей. Может быть, он составит нам хорошую

компанию; в конце концов, он и моя сестра — практически одного возраста.

По мере того как тряска самолёта уменьшалась и он всё глубже погружался в тёплый воздух, пассажиры закрывали книги и журналы, собирали свои вещи, совершали последние поспешные вылазки в туалет, чтобы ополоснуть лица холодной водой. Я протёр очки и поправил остатки своих волос.

Мой компаньон смотрел в окно, на его коленях лежала зеленая сумка с надписью «Малайские Авиалинии». Он сложил свои руки на груди, словно в молитве. Мы уже становились незнакомцами.

«Пожалуйста, верните спинки сидений в вертикальное положение», — приказал бестелесный голос из динамика.

За окном и за головой Мортимера, теперь полностью отвернувшегося от меня, земля поднялась навстречу нам, и мы ударились о взлётную полосу, реактивные двигатели заревели, вращаясь в обратную сторону.

Стюардессы уже бегали туда-сюда по проходам, вытаскивая пальто и куртки из верхних ячеек; нетерпеливые пассажиры, игнорируя указания, вскакивали на ноги и одевали плащи. Снаружи

я мог видеть фигуры в униформе, движущиеся взад и вперёд в тёплом туманном пространстве, наполненном моросящим дождём.

— Что ж, — сказал я неубедительно, — мы сделали это.

Я поднялся на ноги.

Мортимер повернулся и болезненно улыбнулся мне.

— До свидания, — произнёс он. — Это действительно было приятно.

Он потянулся к моей руке.

— И постарайтесь расслабиться и повеселиться в Майами, — сказал я, пытаясь найти промежуток в толпе, идущей мимо меня на выход. — Это важная вещь — просто отдохнуть.

— Я знаю это. — Миссионер многозначительно кивнул. — Я знаю это. Да благословит вас Бог.

Я нашёл свободное пространство среди выходящих пассажиров и вклинился в него. Позади меня Мортимер добавил: «И я не забуду поискать вашу сестру».

Моё сердце упало, но когда я двинулся к двери, то обернулся, чтобы выкрикнуть последнее прощание. Передо мной оказались два человека, и старушка, которая слабо улыбалась.

Одна из проблем с последними прощаниями

заключается в том, что иногда они оказываются излишними.

Примерно через сорок минут, пройдя, словно кусок пищи, через ряд белых пластиковых труб, коридоров и таможенных постов, я оказался в одном из сувенирных магазинов, расположенных в аэропорту. Я коротал время, ожидая пока моя племянница приедет за мной; и там я снова увидел миссионера. Он не заметил меня.

Мортимер стоял перед одним из стеллажей с книгами в мягких обложках — секцией так называемой «Классики», обители общественного достояния. Он с озабоченным видом осматривал ряды книг, задерживая взгляд лишь для того, чтобы прочитать названия. Как и я, он явно просто убивал время.

По какой-то причине — назовите это смущением, определённым нежеланием испортить наше успешное прощание — я воздержался от того, чтобы окликнуть Мортимера. Вместо этого, отступив подальше, я укрылся за стойкой с готической литературой. Я притворился, что изучаю книги, но на самом деле наблюдал за миссионером.

Несколько мгновений спустя он оторвался от книг и подошел к корзине с виниловыми пластинками, лениво прижимая бороду к пра-

вой щеке. Без предупреждения он повернулся и осмотрел магазин; я наклонил голову к готике и наслаждался видением, обычно предназначенным для фасеточных глаз насекомого: десятки женщин бегут от такого же количества крошечных особняков.

Наконец, пожав плечами, он начал перебирать музыкальные альбомы в корзине, дёргая их нетерпеливыми пальцами.

Вскоре Мортимер просмотрел весь ассортимент, перешёл к соседней корзине и стал просматривать пластинки в ней. Внезапно он тихо вскрикнул, и я увидел, как он отшатнулся. Некоторое время он стоял неподвижно, глядя на что-то в корзине; затем развернулся и быстро вышел из магазина, оттолкнув семью, собирающуюся войти.

— Опоздал на свой самолёт, — объяснил я изумлённой продавщице и пошёл к пластинкам. Одна из них лежала поверх стопки обложкой вверх — джазовая музыка в исполнении саксофониста Джона Колтрейна.

Смутившись, я повернулся, чтобы найти своего бывшего компаньона, но он исчез в толпе, что быстро проносилась за дверьми. Очевидно, Мортимера что-то поразило в этом альбоме; я изучил

пластинку более тщательно. Колтрейн стоял на фоне тропического заката, его лицо было затуманено, голова откинута назад, саксофон молча трубил под багровым небом. Поза музыканта была драматичной, но банальной, и я не видел в ней особого значения: Колтрейн выглядел как любой другой негр с духовым инструментом.

> *«Нью-Йорк затмевает все другие города своей спонтанной сердечностью и щедростью его жителей — по крайней мере, тех жителей, с которыми я сталкивался».*
>
> ***— Лавкрафт, 29 Сентября 1922 г.***

Как быстро ты передумал! Ты приехал, чтобы найти золотой Дансейнианский город арок, куполов и фантастических шпилей… по крайней мере, ты нам так сказал. Тем не менее, когда ты сбежал оттуда два года спустя, ты мог видеть только «чужеземные орды». Что же так испортило мечту? Может, невыносимый брак? Лица тех иностранцев в метро? Или причиной тому была просто кража твоего нового, летнего костюма?

Тогда я верил, Говард, и всё ещё верю, что этот кошмар являлся твоим собственным; хотя ты вернулся в Новую Англию как человек, вновь вышедший на солнечный свет, я уверяю тебя,

что и среди теней можно найти очень приятную жизнь.

Я остался и выжил. Я почти хотел бы вернуться сейчас туда, а не в это уродливое, маленькое бунгало с его кондиционером, гниющей плетёной мебелью и влажной ночью, стекающей по окнам.

Я почти хотел вернуться на ступеньки музея естественной истории, где в тот знаменательный августовский день я стоял вспотевший в тени лошади Тедди Рузвельта, наблюдая, как матроны прогуливаются мимо Центрального парка с собаками или тащат за собой детей, а я бесполезно обмахивался открыткой, только что полученной от Мод.

Я ждал, когда подъедет моя племянница и оставит своего сына, которого я планировал взять с собой в музей; он хотел увидеть макет голубого кита в натуральную величину, а затем динозавров…

Я помню, что Эллен и её мальчик опоздали более чем на двадцать минут.

Я тоже помню, Говард, что я думал о тебе в тот день, и я даже удивлялся: как бы сильно ты не любил Нью-Йорк в двадцатых годах, ты бы ужаснулся тому, что стало с этим городом сегодня.

Даже со ступеней музея я мог видеть обочину, заваленную мусором, и парк, через который ты мог бы пройти, даже ни разу не услышав английского языка; темнокожие люди вытеснили белых, и музыка мамбо эхом неслась через улицу. Я помню все эти вещи, потому что, как оказалось, это был особенный день: день, когда я во второй раз увидел чёрного человека и его зловещий рог.

Моя племянница опоздала, как обычно; у неё имелись для меня обычные извинения и аргументы.

— Как ты всё ещё можешь жить здесь? — Спросила она, поставив Терри на тротуар. — Я имею в виду, просто посмотри на этих людей.

Она кивнула на скамейку в парке, вокруг которой чернокожие и латиноамериканцы собрались, как фигуры на групповом портрете.

— Бруклин намного лучше? — По традиции возразил я.

— Конечно, — сказала племянница. — Во всяком случае, на Высотах. Я не понимаю, почему у тебя такая патологическая ненависть к переездам? Ты мог бы, по крайней мере, попробовать пожить в Ист-Сайде. Ты, конечно, можешь себе это позволить.

Терри бесстрастно наблюдал за нами, при-

слонившись к автомобилю. Думаю, он встал на сторону своей матери, но был слишком мудр, чтобы показать это.

— Эллен, — сказал я, — давай посмотрим правде в глаза. Я слишком стар, чтобы бродить по барам для одиноких людей. В Ист-Сайде они читают только бестселлеры и ненавидят тех, кому за шестьдесят. Мне лучше там, где я вырос. По крайней мере, я знаю, где находятся дешёвые рестораны.

На самом деле передо мной стояла непростая проблема: меня заставляли выбирать между белыми, которых я презирал, и чёрными, которых я боялся. И я почему-то предпочитал страх.

Чтобы успокоить Эллен, я прочитал вслух почтовую карточку её матери. Это была карточка такого типа, что имеет лишь штамп, но не картинку.

«Я всё ещё привыкаю к трости, — написала Мод, её почерк выглядел также безупречно, как в те дни, когда она выиграла медаль в школе. — Ливия вернулась в Вермонт на лето, поэтому в карты пока не играем, и мне тяжело в Перл-Баке. Заходил твой друг — Преподобный Мортимер, и мы хорошо поболтали. Какие забавные у него истории! Еще раз спасибо за подписку на „МакКоллс“;

я пришлю Эллен мои старые номера. Будем рады видеть вас всех после сезона ураганов».

Терри очень хотел встретиться лицом к лицу с динозаврами; на самом деле, он стал немного староват для меня, так что я не мог им управлять. Мальчик был на полпути вверх по ступенькам, прежде чем я договорился с Эллен, где мы позже встретимся.

В период школьных каникул музей был почти так же переполнен, как и по выходным, эхо в залах превращало крики и смех в крики животных. В главном вестибюле мы ознакомились с планом этажей. Мы заметили большую зелёную точку, под которой кто-то нацарапал «Слишком плохо для вас», и направились к Залу Рептилий. Терри нетерпеливо шёл вперёд.

— Я видел это в школе. — Он указал на диораму из красного дерева. — Это тоже, — указал он на Гранд-Каньон.

Полагаю, Терри собирался поступить в седьмой класс, и до сих пор ему мало позволяли говорить; он выглядел моложе, чем другие дети.

Мы миновали туканов, мартышек и новый стенд «Городская экология», («бетон и тараканы», насмешливо сказал Терри), затем встали перед бронтозавром, испытав что-то вроде разочаро-

вания:

— Я забыл, что это был просто скелет, — сказал Терри.

Позади нас группа чернокожих мальчиков хихикнула и двинулась в нашу сторону; я поспешил увести моего племянника мимо смонтированных костей и сквозь самый переполненный зал, по иронии судьбы посвящённый Человеку в Африке.

— Это скучная выставка, — сказал Терри, не впечатлённый ни масками, ни копьями.

Его быстрая ходьба начинала утомлять меня. Мы прошли через другой дверной проем и оказались в павильоне «Человек в Азии», затем быстро прошли мимо китайской скульптуры.

— Я видел это в школе. — Терри кивнул в сторону застеклённого стенда, внутри которого стояла коренастая фигура, завёрнутая в церемониальную одежду. Что-то в этой фигуре мне показалось знакомым, и я остановился, чтобы посмотреть на неё.

Её верхняя одежда, слегка потрёпанная, была сплетена из какого-то блестящего зеленого материала. Узор на одном боку халата представлял собой высокие извилистые деревья, на другом — своего рода стилизованную реку.

Картина на груди изображала пять жёлто-коричневых фигур в набедренных повязках и головных уборах. Они предположительно бежали к потёртым краям одежды; позади них стояла одна большая фигура, полностью чёрная. Она держала возле своего рта охотничий рог, крепившийся на шнурке.

Вышита эта фигура была грубо, на самом деле, она больше походила на палку, но имела поразительное сходство, как в позе, так и в пропорции, с той картиной, что я видел на обложке альбома в аэропорту.

Терри вернулся ко мне, заинтересовавшись тем, что я нашёл.

— Племенная одежда, — прочёл он, вглядываясь в белую пластиковую табличку под стендом. — Малайский полуостров, Федерация Малайзия, начало девятнадцатого века.

Он замолчал.

— Это всё, что там говорится? — Спросил я.

— Ага. Они даже не знают, из какого это племени. — Он задумался на мгновение. — Не то, чтобы меня это действительно волновало.

— Ну, а мне интересно, — сказал я. — У кого бы узнать?

Очевидно, мне следовало спросить у админи-

стратора в главном вестибюле внизу.

Терри бежал впереди, а я следовал за ним ещё медленнее, чем раньше; мысль о тайне, даже такой незначительной и неинтересной, как эта, очевидно, привлекала его.

Скучающая молодая девушка из колледжа выслушала начало моего вопроса и протянула мне брошюру из-под стойки.

— До сентября никого не увидите, — сказала она, уже начиная отворачиваться. — Они все в отпуске.

Я покосился на мелкий шрифт на первой странице: «Азию, наш крупнейший континент, по праву называют колыбелью цивилизации, но она также может быть местом зарождения самого человека».

Очевидно, что брошюра была написана перед текущими кампаниями против сексизма, я проверил дату на обороте: «Зима 1958 года».

Это не поможет. Но на четвертой странице мой взгляд упал на справочную информацию, которую я искал:

«…Модель рядом с ним одета в зелёную шелковую, церемониальную мантию из Негри-Сембилана, самой суровой из малайских провинций. Обратите внимание на центральный рисунок,

изображающий человека, дующего в церемониальный рог, и изящный изгиб его инструмента; считается, что эта фигура представляет собой „Вестника Смерти“, возможно, предупреждая жителей деревни о приближении бедствия. Подаренное кем-то анонимно, одеяние, вероятно, изготовлено людьми Чо-Чо, и датируется началом 19-го века».

— В чём дело, дядя? Ты заболел?

Терри схватил меня за плечо и уставился на меня; он выглядел взволнованным. Моё поведение, очевидно, подтвердило его худшие опасения относительно пожилых людей.

— Что там пишут?

Я отдал ему брошюру и, шатаясь, подошёл к скамейке у стены. Мне нужно было подумать.

Люди Чо-Чо, как я знал, фигурировали в нескольких рассказах Лавкрафта и его учеников. Сам Говард назвал их «совершенно отвратительными Чо-Чо», но я не мог вспомнить о них ничего, кроме того, что они поклонялись одному из его мнимых божеств. По каким-то причинам они ассоциировались у меня с Бирмой… Но каковы бы ни были их атрибуты, я был уверен в одном: Чо-Чо — полностью вымышленный народ. Очевидно, я оказался неправ.

Исключая маловероятную возможность того, что сама брошюра являлась мистификацией, мне пришлось заключить, что прообразом этих злонамеренных существ из рассказов на самом деле была настоящая раса, населяющая юго-восточный азиатский субконтинент. А миссионер неправильно произносил название этой расы как «Чаучау». Для меня это стало довольно неприятным открытием.

Я надеялся превратить некоторые воспоминания Мортимера, подлинные или нет, в фантастику; он невольно дал мне материал для трёх или четырёх хороших сюжетов. Тем не менее, теперь я обнаружил, что мой друг Говард опередил меня в этом, и что я поставлен в неудобное положение, переживая ужасные истории другого человека.

«Я выражаю себя в письмах, и это во многом заменяет мне разговоры».

— Лавкрафт, 23 Декабря 1917 г.

Я не ожидал, что встречу во второй раз негра, играющего на охотничьем роге.

Через месяц меня поджидал ещё больший сюрприз: я снова увидел миссионера. Или, во всяком случае, его фотографию. Она оказалась в газетной вырезке, которую сестра прислала

мне из «Вестника Майами». Она написала на ней шариковой ручкой: «Просто увидела это в газете. Какой ужас!!!»

Я не узнал это лицо; фотография была явно старая, репродукция плохая, а мужчина — чисто выбрит. Но текст под статьёй гласил, что это именно он.

СВЯЩЕННИК
ПРОПАЛ ВО ВРЕМЯ УРАГАНА

(СРЕДА)

«ПРЕПОДОБНЫЙ АМБРОЗ Б. МОРТИМЕР, 56 лет, мирянин-пастор Церкви Христа, из Ноксвилла, штат Теннеси, был объявлен пропавшим без вести после урагана, случившегося в понедельник. Представители ордена говорят, что Мортимер недавно ушёл на пенсию после того, как прослужил миссионером девятнадцать лет, по большей части в Малайзии. В Июле он переехал в Майами и жил в доме номер 311 на Помпано-Канал-Роуд».

На этом месте газетная заметка резко обрывалась, что казалось соответствующим самой её теме.

Я не знал, жив ли ещё Амброз Мортимер, но теперь я был уверен, что, покинув один полуостров, он перелетел на другой, такой же опасный. Он словно ткнул пальцем в пустоту. И она поглотила его. Так, во всяком случае, думалось мне.

Я часто становился жертвой депрессий подобного характера и присоединялся к философии фатализма, которой поделился со своим другом Говардом. Эту философию один из его менее сочувствующих биографов назвал «футилитаризмом». Хоть я был настроен пессимистично, я не собирался останавливаться на достигнутом. Мортимер вполне мог потеряться во время урагана; он, возможно, даже отправился куда-то самостоятельно. Но если на самом деле какая-то сумасшедшая религиозная секта покончила с ним из-за того, что он слишком сильно интересовался её делами, я могу что-нибудь сделать.

Я написал в полицию Майами в тот же день.

«Джентльмены, — начал я. — Узнав о недавнем исчезновении преподобного Амброза Мортимера, я думаю, что смогу предоставить информацию, которая может оказаться полезной для следователей».

Здесь нет необходимости цитировать остальную часть письма. Достаточно сказать, что я

упомянул о своём разговоре с этим человеком, позднее пропавшим без вести. Я подчеркнул, что Мортимер боялся за свою жизнь: ему казалось, что его преследуют люди из малайского племени Чо-Чо с целью совершения «ритуального убийства». Короче говоря, письмо было довольно сложным способом прокричать о «насилии».

Я отправил его своей сестре, попросив, чтобы она переслала письмо по правильному адресу.

Ответ из полицейского управления пришел неожиданно быстро. Как в любой подобной переписке, ответ выглядел скорее кратким, чем вежливым.

«Уважаемый сэр, — написал детектив-сержант А. Линахан, — что касается преподобного Мортимера, мы уже были осведомлены об угрозах его жизни. На сегодняшний день предварительный обыск канала Помпано не дал никаких результатов, но ожидается, что дноуглубительные работы продолжатся в рамках нашего обычного расследования. Благодарю вас за беспокойство…»

Однако ниже своей подписи сержант от руки добавил короткий постскриптум. Его тон был несколько более личным; возможно, он побаивался печатных машинок:

«Вас, наверное, заинтересует эта информа-

ция, — написал он, — недавно мы узнали, что человек с малазийским паспортом занимал номер в отеле на севере Майами большую часть лета, но выписался за две недели до того, как ваш друг исчез. Большего я не могу сообщить, но, пожалуйста, будьте уверены, в настоящий момент мы отслеживаем несколько подозреваемых. Наши следователи работают над этим вопросом на постоянной основе, и мы надеемся, что быстро справимся с этим делом».

Письмо Линахана пришло двадцать первого Сентября. До конца недели я получил ещё одно письмо от своей сестры, с другой вырезкой из «Вестника»; и поскольку, подобно какому-то старому викторианскому роману, эта глава, кажется, приняла эпистолярную форму, я закончу её выдержками из письма и статьи.

Вырезка из газеты имела заголовок «Разыскивается». Как и прошлая заметка о Мортимере, это была всего лишь фотография с расширенным заголовком:

(ЧЕТВЕРГ)

«ГРАЖДАНИН МАЛАЙЗИИ разыскивается для допроса в связи с исчезновением американского священника, сообщает

полиция Майями.

Записи показывают, что малаец, мистер Д. А. Джакту-Чоу занимал меблированные комнаты в „Барклай-отеле“, на Кулебра-авеню, 2401, возможно, с безымянным компаньоном. Считается, что он всё еще находится в районе Большого Майами, но с 22 Августа его движения не прослеживаются.

Государственный департамент сообщает, что срок действия визы Джакту-Чоу истёк 31 августа; его ожидают обвинения.

Священник, преподобный Амброз Б. Мортимер, пропал без вести 6 Сентября».

Фотография над статьей была, очевидно, недавней; без сомнения, скопированной из визы. Я узнал улыбающееся, круглое, жёлтое лицо, мне потребовалось мгновение, чтобы определить в нём человека, чей обед вылился на меня в самолёте. Без усов он выглядел менее похожим на Чарли Чана.

В сопроводительном письме содержалось несколько деталей. «Я позвонила в „Вестник“, — написала мне сестра, — но они не могли сказать

мне ничего сверх того, что было в статье. Тем не менее, выяснение этого заняло у меня полчаса, поскольку глупая женщина на коммутаторе продолжала соединять меня не с тем человеком. Думаю, ты прав, — всё, что печатает цветные картинки на странице, не должно называться газетой.

Сегодня днём я позвонила в полицейский департамент, но они тоже не особо помогли. Полагаю, нельзя ожидать чего-то особого от разговоров по телефону, хотя я всё ещё полагаюсь на это. Наконец, мне удалось найти офицер Линахана, который сказал мне, что только что ответил на твоё письмо. Ты уже получил его? Этот человек говорил очень уклончиво. Он пытался быть вежливым, но я видела, что ему не терпится отделаться от меня. Он дал мне полное имя человека, которого они ищут — Джакту Абдул Джакту-Чоу, разве это не чудесно? И он сказал мне, что у них есть ещё материал о нем, но они не могут опубликовать его прямо сейчас.

Я спорила и умоляла (ты знаешь, насколько убедительной я могу быть!), и, наконец, я заявила, что ты был близким другом преподобного Мортимера, и благодаря этому мне удалось выжать из него ещё немного информации. Он поклялся,

что будет всё отрицать, если я расскажу об этом кому-либо, кроме тебя.

По-видимому, бедняга был смертельно болен, может быть, даже туберкулёзом. Я собираюсь сделать кожную пробу на следующей неделе, просто чтобы обезопасить себя, и тебе рекомендую сделать то же самое, потому что, похоже, в спальне преподобного следователи нашли нечто очень странное: кусочки лёгочной ткани. Лёгочной ткани человека».

«Я тоже был детективом в молодости».

— Лавкрафт, 17 Февраля 1931 г.

Детективы-любители всё ещё существуют? Я имею в виду вне романов? Сомневаюсь. У кого, в конце концов, в наши дни есть время для таких игр?

К сожалению, не у меня, хотя номинально я уже более десяти лет нахожусь на пенсии. Все мои дни были заполнены неромантичными действиями, что занимают всех людей по эту сторону книги в мягкой обложке: письма, обеды, визиты к племяннице и личному доктору; чтение книг (недостаточно) и телевидение (слишком много) и, возможно, дневные спектакли для тех, кто

переживает золотые годы (хотя я, в основном, перестал ходить в кино, всё больше испытывая антипатию к героям фильмов).

Я также провёл неделю Хэллоуина в Атлантик-Сити, а также потратил много времени на то, чтобы заинтересовать довольно вежливого, молодого издателя в переиздании некоторых моих ранних работ.

Всё это, конечно, задумано как своего рода извинение за то, что я отложил дальнейшие расследования дела бедного Мортимера до середины Ноября. А на самом деле я почти забыл о нём; это только в романах людям нечем заняться. Но Мод вновь пробудила мой интерес.

Она жадно просматривала газеты в поисках дальнейших новостей об исчезновении этого человека; полагаю, что она даже позвонила сержанту Линахану во второй раз, но ничего нового не узнала. Теперь она поделилась со мной крошечным фрагментом информации, полученном из третьих рук: один из её партнеров по бриджу услышал от «друга из полиции», сведения о том, что поиски Мистера Джакту были расширены — добавился его предполагаемый компаньон — «негритянский ребёнок», или кто-то в этом роде.

Хотя существовала вероятность того, что эта

информация была ложной или касалась совершенно другого случая, я могу сказать, что сестра действительно считала её очень зловещей.

Возможно, именно поэтому на следующий день я снова с трудом поднялся по ступенькам музея естественной истории, чтобы удовлетворить любопытство и Мод, и себя.

Её намёк на негра, высказанный после странного открытия в спальне Мортимера, напомнил мне фигуру на малайском халате, и меня всю ночь беспокоили фантастические сны о чёрном человеке, кашляющем своими лёгкими в какой-то скрученный рог. Он был очень похоже на нищего, которого я только что видел; тот прижимался к статуе Рузвельта.

В тот день на улице я встретил мало людей, так как в городе, где обычно мягкий климат держится до января, было не по сезону холодно; я надел шарф, а моё серое твидовое пальто хлопало меня по ногам.

Внутри музея, однако, как и во всех американских зданиях, было слишком жарко; и вскоре я сам перегрелся, поднимаясь по удручающе длинной лестнице на второй этаж.

В пустых коридорах царила тишина; угрюмая фигура охранника, сидящего перед одной из

ниш, опустила голову, словно в трауре; я слышал шипение паровых радиаторов под мраморным потолком.

Медленно и даже наслаждаясь чувством привилегии, которое возникает из-за того, что я посещаю музей, я проследовал по своему предыдущему маршруту мимо огромных скелетов динозавров («Эти великие существа когда-то ходили по той самой земле, по которой вы ходите сейчас») и спустился в Зал Первобытного Человека. Здесь два пуэрториканских юноши, очевидно, прогуливающие школу, стояли у африканской секции, благоговейно глядя на масайского воина в полном боевом снаряжении.

В разделе, посвящённом Азии, я остановился, чтобы сориентироваться, тщетно ища приземистую фигуру в халате. Стеклянный шкаф был пуст. Над его табличкой кто-то приклеил объявление: «Временно на реставрации».

Впервые за сорок лет на моей памяти случилось такое, что экспонат куда-то убрали, и именно в тот самый день, когда я пришёл посмотреть на него. Вот так удача.

Я направился к ближайшей лестнице, расположенной в дальнем конце крыла. Позади меня по коридору эхом донесся металлический грохот,

за которым последовал злой голос охранника. Возможно, копьё Масаи оказалось для тех детей слишком большим искушением.

В главном вестибюле мне выдали письменный пропуск для входа в северное крыло, где находились офисы персонала.

— Вам нужны рабочие помещения на цокольном этаже, — сказала женщина у информационной стойки; скучающую летнюю студентку заменила дружелюбная пожилая женщина, которая посмотрела на меня с некоторым интересом. — Просто спросите охранника у лестницы, рядом с кафетерием. Я надеюсь, что вы найдёте то, что ищете.

Она дала мне розовый листок. Осторожно держа его в руке так, чтобы все, кто может потребовать пропуск, могли его увидеть, я стал спускаться по лестнице.

Ниже, на повороте, я увидел следующую картину: светловолосая скандинавская семья поднималась по лестнице навстречу мне, четыре перевернутых лица почти одинаковы, родители и две маленькие девочки с поджатыми губами и робкими, полными надежды глазами туристов; а прямо за ними следом шел ухмыляющийся чёрный юноша. Очевидно, семья его не замечала,

хотя он практически следовал по пятам отца.

В моём нынешнем душевном состоянии эта сцена выглядела особенно тревожной: выражение лица мальчика определённо было насмешливым, и я подумал, заметил ли его охранник, стоящий перед кафетерием. Если и заметил, то не подал вида; он без любопытства взглянул на мой пропуск и указал на дверь пожарного выхода в конце коридора.

Офисы на нижнем уровне выглядели на удивление ветхими. Стены здесь были не мраморными, а покрытыми выцветшей зелёной штукатуркой. Весь коридор вызывал ощущение «погребения», без сомнения потому, что единственный источник света находился высоко над головой — он струился из оконных решёток на уровне земли.

Мне сказали обратиться к одному из научных сотрудников, мистеру Ричмонду; его офис являлся частью комнаты, разделённой перегородками. Дверь была открыта, и он встал со своего стола, как только я вошёл. Подозреваю, что, учитывая мой возраст и серое твидовое пальто, он, возможно, принял меня за кого-то важного.

Этот пухлый молодой человек с бородой песочного цвета выглядел как серфер потерявший спортивную форму, но его солнечность исчезла,

когда я упомянул о своём интересе к зелёному шёлковому халату.

— И я полагаю, вы тот самый человек, который жаловался на это наверху, я прав? — Спросил он.

Я заверил его, что это был не я.

— Что ж, кто-то определённо жаловался, — сказал Ричмонд, всё ещё глядя на меня с обидой; на стене позади него индийская военная маска делала то же самое. — Какой-то чёртов турист, может быть, приехавший в город на один день, чтобы доставлять неприятности. Грозился позвонить в посольство Малайзии. Если вы поднимете шум, эти люди наверху испугаются, и это тут же попадёт в «Таймс».

Я понял его намёк; в прошлом году музей приобрел значительную известность из-за того, что провёл несколько действительно ужасных и, на мой взгляд, совершенно бессмысленных экспериментов на кошках. До этого большая часть населения не знала, что в здании находится несколько рабочих лабораторий.

— В любом случае, — продолжил Ричмонд, — халат в мастерской, и нам придётся латать эту чёртову тряпку. Вероятно, она будет валяться в мастерской в течение следующих шести месяцев, прежде чем мы доберёмся до неё. Нам сейчас так

не хватает персонала, что это не смешно.

Он посмотрел на часы.

— Пойдёмте, я покажу вам. Затем мне нужно идти наверх.

Я последовал за ним по узкому коридору, который разветвлялся по обе стороны. В одном месте Ричмонд сказал:

— Справа от вас, печально известная зоологическая лаборатория.

Я смотрел прямо перед собой. Когда мы проходили мимо следующего дверного проёма, я почувствовал знакомый запах.

— Это заставляет меня думать о патоке, — указал я.

— Вы не далеки от истины. — Он говорил, не оглядываясь назад. — В основном это меласса. Чистое питательное вещество. Они используют его для выращивания микроорганизмов.

Я поспешил не отставать от него.

— И для других вещей?

Он пожал плечами.

— Я не знаю, мистер. Это не моя сфера деятельности.

Мы подошли к двери, закрытой решёткой из чёрной проволоки.

— Вот одна из мастерских, — сказал Ричмонд,

вставляя ключ в замок.

Дверь распахнулась в длинную неосвещённую комнату, пахнущую древесной стружкой и клеем.

— Садитесь здесь, — сказал он, ведя меня к маленькой прихожей и включая свет. — Я вернусь через секунду.

Я уставился на ближайший ко мне предмет — большой чёрный сундук с витиеватой резьбой. Его петли были удалены.

Ричмонд вернулся с халатом, накинутым на его руку.

— Видите? — Спросил он, разворачивая его передо мной. — Он действительно не в таком плохом состоянии, не так ли?

Я понял, что он всё ещё думал обо мне как о человеке, который жаловался. На поле зелёной ряби скрывались маленькие коричневые фигуры, всё ещё преследуемые каким-то невидимым карающим роком. В центре стоял чёрный человек с чёрным рогом возле губ. Человек и рог сливались в единую линию непрерывного чёрного цвета.

— Чо-Чо — суеверный народ? — Поинтересовался я.

— Были, — ответил Ричмонд многозначительно. — Суеверные и не очень приятные. Теперь

они вымерли как динозавры. Предположительно уничтожены японцами или что-то в этом роде.

— Это довольно странно, — сказал я. — Мой друг утверждает, что встречался с ними в начале этого года.

Ричмонд разглаживал халат; ветви змеиных деревьев тщетно сжимали коричневые фигурки.

— Полагаю, это возможно, — сказал он после паузы. — Но я ничего о них не читал со времён аспирантуры. Они, конечно, больше не упоминаются в учебниках. Я смотрел, и про них ничего нет. Этому халату более ста лет.

Я указал на фигуру в центре.

— Что вы можете сказать мне об этом парне?

— Вестник смерти, — ответил он, как будто это была викторина. — По крайней мере, так говорится в литературе. Считается, что он предупреждает о приближающемся бедствии.

Я кивнул, не поднимая глаз; сотрудник музея просто повторял то, что я прочитал в брошюре.

— Но не странно ли, — возразил я, — что эти другие в такой панике? Видите? Они даже не ждут вестника, чтобы послушать его. — Вам так не кажется?

Ричмонд нетерпеливо фыркнул.

— Но если чёрный парень просто какой-то

посланник, то почему он намного больше других? — Настаивал я.

Ричмонд начал сворачивать халат.

— Послушайте, мистер, — сказал он, — я не претендую на звание эксперта по каждому азиатскому племени. Но если персонаж важен, они иногда изображают его крупнее. Во всяком случае, Майя поступали именно так. Но послушайте, мне действительно нужно убрать это сейчас. Я должен идти на совещание.

Когда он ушёл, я стал думать о том, что только что увидел. Маленькие коричневые фигуры, какими бы грубыми они ни были, выражали ужас, который не мог вдохновить простой вестник. И эта огромная чёрная фигура, торжественно стоящая в центре, с изогнутым рогом возле рта — определённо не вестник, я был уверен в этом. Это был не Вестник Смерти. Это была сама Смерть.

Я вернулся в свою квартиру как раз вовремя, чтобы услышать, как звонит телефон, но к тому времени, когда я добежал до него, звонки прекратились.

Я сел в гостиной с кружкой кофе и книгой, что лежала нетронутой на полке в течение последних тридцати лет — «Дороги джунглей», этого старого обманщика, Уильяма Сибрука. Я встретил

его в двадцатые годы и нашёл его достаточно симпатичным, хотя и не внушающим доверия.

В его книге описывались десятки маловероятных персонажей, в том числе «вождь каннибалов, который попал в тюрьму и прославился тем, что съел свою молодую жену, красивую ленивую девочку по имени Блито вместе с дюжиной её подружек». Но я не обнаружил никаких упоминаний о чёрном человеке, дудящем в рог.

Едва я допил кофе, как телефон зазвонил снова. Это была моя сестра.

— Я просто хотела сообщить тебе, что пропал ещё один человек, — сказала она, задыхаясь; я не мог определить, была ли она напугана или просто взволнована. — Помощник официанта в «Сан-Марино». Припоминаешь? Я водила тебя туда.

«Сан-Марино», — недорогая маленькая забегаловка в Индиан-Крик, в нескольких кварталах от дома моей сестры. Она и её друзья ели там несколько раз в неделю.

— Это случилось прошлой ночью, — продолжала она. — Я только что услышала об этом во время игры в карты. Говорят, он вышел на улицу с ведром, полным рыбьих голов, собираясь вывалить их в ручей, и он так и не вернулся.

— Это очень интересно, но… — Я на мгнове-

ние задумался; очень необычно было для моей сестры звонить мне по такому поводу. — Ну, в самом деле, Мод, разве он не мог просто сбежать? Я имею в виду, что заставляет тебя думать, что есть какая-то связь…

— Потому что Амброза я тоже водила в эту забегаловку! — Воскликнула она. — Три или четыре раза. Вот где мы встречались.

Очевидно, Мод гораздо лучше познакомилась с преподобным Мортимером, чем можно было предположить из её писем. Но в данный момент меня не очень интересовала эта тема.

— Этот помощник официанта, — спросил я, — он из тех, кого ты знала?

— Конечно, — ответила сестра. — Я знаю там всех. Его звали Карлос. Тихий мальчик, очень вежливый. Я уверена, что он, должно быть, обслуживал нас десятки раз.

Я редко слышал, чтобы моя сестра так расстраивалась, но пока, казалось, не имелось способа успокоить её страхи. Прежде чем повесить трубку, она заставила меня пообещать, что я приеду к ней не на Рождество, а раньше; я заверил её, что постараюсь сделать это на День Благодарения. Затем пообещал, что приеду через неделю, если я смогу найти свободный рейс.

— Попробуй, — сказала Мод, и если бы это был рассказ из старого бульварного журнала, она бы добавила: — Если кто-то и может докопаться до сути, то только ты.

Однако, по правде говоря, мы с Мод знали, что я только что отпраздновал свой семьдесят седьмой день рождения и что из нас двоих я был гораздо более трусливым; так что на самом деле она подразумевала: «забота о тебе поможет мне отвлечься от всего этого».

«Я не мог прожить и недели без частной библиотеки».

— Лавкрафт, 25 Февраля 1929 г.

Я тоже так думал до недавнего времени. Всю жизнь я коллекционировал книги, приобрёл тысячи и тысячи томов, не расставаясь ни с одним; именно эта громоздкая частная библиотека фактически помогала мне оставаться на якоре в одной и той же квартире в Вест-Сайде почти полвека.

И всё же я сижу здесь, без какой-либо компании, за исключением нескольких руководств по садоводству и полки с устаревшими бестселлерами — не о чем мечтать, нет ничего, что хочется взять в руки. Тем не менее, я выжил здесь неделю,

месяц, почти сезон. На самом деле, Говард, ты удивишься, узнав, что есть много вещей, без которых можно прожить. Что касается книг, которые я оставил на Манхэттене, я просто надеюсь, что кто-то позаботится о них, когда я умру.

Но я ни в коем случае не смирился с этим в Ноябре, когда, успешно зарезервировав места на более ранний рейс, я оказался в Нью-Йорке даже раньше чем через неделю.

Всё оставшееся время до рейса я проводил в публичной библиотеке на Сорок второй улице, со львами у входа и без моих книг на полках. В двух читальных залах сидели призраки людей моего возраста и старше, пенсионеры, которым приходилось чем-то заполнять свои дни, бедняки просто согревали свои кости; некоторые листали газеты, другие дремали на своих местах. Никто из них, я уверен, не разделял моего чувства срочности: были вещи, которые я надеялся выяснить до отъезда, вещи, которые в Майами бесполезно искать.

Я не был новичком в этом здании. Давным-давно, во время одного из визитов Говарда, я провёл здесь несколько генеалогических исследований в надежде найти предков более впечатляющих, чем его, и, будучи молодым человеком, я иногда

пытался поддерживать себя, подобно обитателям Новой Граб-стрит Гиссинга, сочиняя статьи, заимствуя идеи других писателей.

Но в данный момент у меня не имелось никакой практики: как, в конце концов, найти ссылки на неясный миф о племени в Юго-Восточной Азии, не читая всего, что опубликовано в этой части мира?

Первоначально я пытался действовать именно так; я просмотрел каждую книгу с упоминанием «Малайзии», в названии, что смог найти. Я читал о радужных богах и фаллических алтарях и о чём-то, называемом «татаи», своего рода нежелательном компаньоне; я наталкивался на свадебные обряды и «Смерть от шипов», и на упоминание некой пещеры, населённой миллионами улиток. Но я не нашел ничего о Чо-Чо и ничего об их богах. Это само по себе было удивительно.

Мы живем в эпоху, когда больше нет секретов, когда мой двенадцатилетний племянник может купить свой собственный гримуар, а книги с такими названиями, как «Энциклопедия древних и запрещённых знаний», валяются в каждом магазине уценённых товаров.

Хотя моим друзьям двадцатых годов было бы

неприятно признавать это, идея наткнуться на какую-то старую «черную книгу», на чердаке заброшенного дома — какой-то словарь заклинаний, песнопений и скрытых знаний — просто причудливая фантазия. Если бы «Некрономикон», действительно существовал, он продавался бы в мягкой обложке от «Бантам Букс», с предисловием Лина Картера.

Поэтому неудивительно, что, когда я наконец-то нашёл ссылку на то, что искал, она оказалась в самой неромантической форме — в напечатанном на допотопном мимеографе сценарии фильма. Более подходящим словом тут было бы «стенограмма», поскольку сценарий основывался на фильме, снятом в 1937 году. Теперь, эта кинолента, наверно, рассыпается в каком-нибудь забытом хранилище.

Я обнаружил эту стенограмму в одном из тех коричневых картонных пакетов, скреплённых лентами, которые библиотеки используют для защиты книг с истёршимися переплётами.

Сама книга «Малайские воспоминания», преподобного Мортона меня разочаровала, несмотря на то, что имя автора наводило на размышления. Стенограмма лежала под книгой, по-видимому, по ошибке проскользнув в коробку, но, несмотря

на то, что она казалась бесперспективной — всего девяносто шесть страниц, плохо напечатана и скреплена одной ржавой скобкой — это более чем окупило её прочтение.

Титульный лист отсутствовал, и я не думаю, что он существовал; на первой странице фильм называли «Документальный фильм — Малайя сегодня», и было отмечено, что он частично финансировался за счёт государственного гранта Правительства США. Режиссёр или другие создатели фильма не указывались.

Вскоре я понял, почему правительство, возможно, хотело оказать этому фильму некоторую поддержку, там имелось очень много сцен, когда владельцы каучуковых плантаций выражали мнение, которое американцы хотели бы услышать.

> На вопрос неопознанного журналиста: *«Какие ещё признаки процветания вы видите вокруг себя?»*, плантатор по имени Мистер Пирс любезно ответил: *«Ну, посмотрите на уровень жизни — лучшие школы для местных жителей и новый грузовик для меня. Вы знаете, он из Детройта. Может быть, в нём даже*

использован мой каучук».

ЖУР: А как на счет японцев? Является ли рынок Японии одним из лучших сегодня?

ПИРС: О, понимаете, они хорошо покупают наш урожай, но мы не доверяем им, понимаете? (Улыбается). Мы не любим их и вполовину так, как янки.

Однако последний раздел стенограммы был значительно интереснее; он описывал несколько коротких сцен, так и не появившихся в готовом фильме.

Я полностью процитирую одну из них:

ИГРОВАЯ КОМНАТА, ЦЕРКОВНАЯ ШКОЛА, ПОЗДНО ВЕЧЕРОМ.

(УДАЛЕНО)

ЖУР: Этот малайский юноша нарисовал картину демона, которого он называет Шу Горон. (Обращаясь к мальчику). Интересно, можешь ли ты рассказать мне что-нибудь об инструменте, в который он дует? Он похож на еврейский шофар или рог барана. (Снова мальчику). Всё в порядке. Не надо пугаться.

МАЛЬЧИК: Он не дует. Всасывает.

ЖУР: Понятно. Он втягивает воздух через рог, верно?

МАЛЬЧИК: Не рог. Это не рог. (Плачет). Это он.

«Майами не произвёл большого впечатления...»

— Лавкрафт, 19 Июля 1931 г.

Сидя в зале ожидания аэропорта с Эллен и её мальчиком, после проверки сумок и билета, я стал жертвой того беспокойства, что сделало меня несчастным в молодости: у меня возникло ощущение, что время утекает; и думаю, что час, оставшийся до моего рейса, и вызвал у меня это чувство.

Слишком много времени уходило на разговоры с Терри, определённо думающем о других вещах; и слишком мало оставалось на то, чтобы выполнить задачу, про которую я вспомнил только что. Но, возможно, мой племянник сможет мне помочь.

— Терри, — сказал я, — не хочешь ли ты оказать мне услугу?

Он нетерпеливо поднял голову; полагаю, дети его возраста любят быть полезными.

— Помнишь здание, мимо которого мы пришли сюда? Терминал международных рейсов?

— Конечно, — ответил он. — Прямо по соседству.

— Да, но оно намного дальше, чем кажется. Как думаешь, сможешь ли ты добраться туда и обратно в течение часа и найти кое-что для меня?

— Конечно. — Терри уже вскочил со своего места.

— Мне просто кажется, что в этом здании есть стойка бронирования Малайских Авиалиний, и мне интересно, не мог бы ты спросить у кого-нибудь там…

Моя племянница прервала меня.

— О, нет, он не побежит, — твёрдо заявила она. — Во-первых, я не позволю ему бегать по этой дороге с каким-то глупым поручением, — она проигнорировала протесты своего сына, — и, во-вторых, я не хочу, чтобы он участвовал в игре, в которую вы играете с матерью.

В результате Эллен ушла сама, оставив меня и Терри болтать друг с другом дальше.

Она взяла с собой листок бумаги, на котором я написал «Шу Горон», имя, на которое она посмотрела с кислым скептицизмом. Я не был уверен, что она вернётся до моего вылета (Терри, как я

понял, становился всё более неспокойным), но она вернулась до второго посадочного звонка.

— Она говорит, что вы написали это неправильно, — объявила Эллен.

— Кто она? — Спросил я.

— Просто одна из стюардесс, — сказала Эллен. — Молодая девушка, ей чуть больше двадцати. Никто из остальных там не является малайцем. Сначала она не узнавала это имя, пока не прочитала его вслух несколько раз. Видимо это какая-то рыба, я права? Как рыба-лох, только больше. Во всяком случае, это то, что она сказала. Её мать пугала её этим, когда она вела себя плохо.

Очевидно, Эллен или, скорее, другая женщина неправильно поняла вопрос.

— Что-то типа Бугимена? — Поинтересовался я. — Ну, полагаю, это возможно. Но рыба, говоришь?

Эллен кивнула.

— Однако я не думаю, что она так уж много знает об этом. На самом деле она немного смутилась. Как будто я спросила её о чём-то нечистом.

Через весь зал ожидания громкоговоритель издал последнее напоминание о посадке на мой рейс.

Эллен помогла мне подняться, всё ещё расска-

зывая.

— Она сказала, что она просто малайка, откуда-то с побережья… Малакка?… Не помню… и обидно, что я не зашла туда три или четыре месяца назад, потому что её летняя сменщица была частично Чоча… Чочо?… что-то вроде этого.

Очередь становилась всё короче. Я пожелал им двоим благополучного Дня Благодарения и побрёл к самолету.

Подо мной облака образовали холмистый ландшафт. Я мог видеть каждый хребет, каждый утомлённый кустарник и глаза животных в тёмных местах. Некоторые из долин были разделены неровными чёрными линиями, похожими на реки, которые можно увидеть на карте. Вода, по крайней мере, выглядела достаточно реальной: здесь облачная гряда разделилась и разошлась, открывая под собой тёмное море.

На протяжении всего полёта я чувствовал упущенную возможность, ощущение, что мой пункт назначения даёт мне нечто вроде последнего шанса.

В течение этих сорока лет после смерти Говарда я всё ещё проживал в его тени; конечно, его рассказы затмевали мои собственные. Теперь я оказался в ловушке внутри одного из его рас-

сказов. Здесь, на высоте нескольких миль над землёй, я чувствовал, как великие боги сражаются; ниже война уже была проиграна.

Сами пассажиры вокруг меня казались участниками маскарада: жирный маленький бортпроводник, от которого пахло чем-то странным; ребёнок, смотрящий в одну точку, а не по сторонам; мужчина, спящий рядом со мной, расслабленный и посмеивающийся; он протянул мне страницу, вырванную из его «бортового», журнала, с ноябрьской головоломкой. Он изумлённо смотрел на множество точек.

«Соедините точки и посмотрите, за что вы будете менее всего благодарны за этот День благодарения!»

Ниже я увидел надпись «Бнай Брит проводит Фестиваль песни», наполовину уходящую в нарисованный песок, рекламу пляжных клубов, и образец местного юмора:

«ЕСТЬ
ФИНАСНЫ, БУДЕШЬ ПУТЕШЕСТВОВАТЬ»

(ЛЮБЕЗНО ПРЕДОСТАВЛЕНО «МАЙЯМИ ГЕРАЛЬД»)

«Если ваш муженёк приходит домой и клянётся, что он только что увидел

стайку рыб, прогуливающихся по двору, не проверяйте его дыхание на алкоголь. Может быть, он говорит правду!

По словам зоологов из Майами, сомики будут мигрировать в рекордных количествах этой осенью, и жителей Южной Флориды ожидает сотня усатых тварей, ползающих по суше, в милях от воды.

Хотя обычно эта рыба не больше вашей кошки, большинство потомства может выжить без…»

На этом месте страница, вырванная моим соседом из журнала, заканчивалась.

Он шевелился во сне, его губы двигались; я отвернулся и прислонил голову к окну, где виднелась часть Флориды, изрытая десятками каналов. Самолет вздрогнул и скользнул к ней.

Мод уже стояла у трапа, рядом с ней ожидал чёрнокожий носильщик с пустой тележкой.

Пока мы ждали мои сумки у багажного люка, она рассказала мне о продолжении инцидента в «Сан-Марино»: тело юноши нашли выброшенным на отдалённом пляже, его лёгкие находились во рту и в горле.

— Вывернулись наружу, — сказала она. — Пред-

ставляешь? Об этом всё утро говорили по радио. С записями какого-то ужасного доктора, рассказывающего о кашле курильщика и о том, как тонут люди. Через некоторое время я уже не могла это слушать.

Носильщик загрузил мои сумки на тележку, и мы последовали за ним к стоянке такси, Мод использовала свою трость, чтобы жестикулировать. Если бы я не знал, сколько ей лет, я бы подумал, что волнение ей к лицу.

Мы заставили водителя сделать крюк на запад вдоль Помпано-Канал-Роуд, где мы остановились у номера 311, одной из девяти ветхих зелёных хижин, которые образовывали двор вокруг небольшого и очень грязного бассейна, похожего на болото; из бетонного горшка рядом с бассейном свисала одинокая полумёртвая пальма, как будто в какой-то пародии на оазис.

Это было последнее место жительства Амброза Мортимера. Моя сестра вела себя очень тихо, и я поверил ей, когда она сказала, что никогда не была здесь раньше.

Через улицу блестели маслянистые воды канала. Такси повернуло на восток. Мы проезжали мимо бесконечных рядов отелей, мотелей, кондоминиумов, торговых центров размером с

Центральный парк, сувенирных лавок с рекламными щитами, чей размер был больше самих лавок, корзин с ракушками и пластмассовых машинок на витринах.

Мужчины и женщины нашего возраста и младше сидели на холщовых шезлонгах у себя во дворах, моргая от уличного движения. Разделения по полам не наблюдалось; некоторые пожилые женщины были почти такими же лысыми, как и я, а мужчины носили одежду цвета коралла, лайма и персика. Они шли очень медленно, пересекая улицу или двигаясь по тротуару; машины двигались почти так же медленно, и прошло сорок минут, прежде чем мы добрались до дома Мод с его оранжевыми ставнями в пастельных тонах, и отставным аптекарем и его женой, жившими наверху.

Квартал пребывал в некой апатии, и я знал, что скоро сам буду жить в таком же месте, и думал об этом с сожалением. Жизнь остановилась, и как только проревело такси, единственное, что шевельнулось — герань в окне Мод, слегка дрожащая на ветру, которого я даже не чувствовал.

Засуха. Утро в салоне с кондиционером моей сестры, обеды с друзьями в кафе с кондиционером. Случайный дневной сон, от которого я

просыпался с головными болями. Вечерние прогулки, наблюдение за закатами, светлячками, экранами телевизоров, мерцающими за шторами соседей. Ночью несколько слабых звёзд меж облаков; днём крошечные ящерицы бродят по горячему тротуару или смело загорают на каменных плитах. Запах масляных красок в шкафу моей сестры и настойчивый гул комаров в её саду.

Её солнечные часы, подарок Эллен, с посланием Терри, нарисованным на ободе. Обед в «Сан-Марино», и краткий, нерешительный взгляд на пирс позади забегаловки, теперь что-то вроде туристической достопримечательности.

Во второй половине дня я сижу в филиале библиотеки в Хайалиа, просматривая полки с книгами о путешествиях, за столом напротив меня дремлет старик, и ребёнок кропотливо копирует текст из энциклопедии для отчёта в школе.

Ужин на День Благодарения с получасовым телефонным звонком Эллен и мальчику и перспективой прожить как в Турции всю оставшуюся неделю. Ещё визиты к друзьям и ещё один день в библиотеке.

Позже, движимый скукой и побуждением

что-то делать, я позвонил в «Барклай-отель», в Северном Майами и забронировал там комнату на две ночи. Я не помню, в какой день я там поселился, потому что такого рода вещи больше не имели особого значения, но я знаю, что это случилось в середине недели. «Мы в самом разгаре сезона», — сообщила мне владелица, и отель будет заполняться каждые выходные, вплоть до Нового года.

Моя сестра отказалась сопровождать меня на Кулебра-авеню; она не видела никакой привлекательности в посещении места, где когда-то жил беглец из Малайзии, и она не разделяла моих фантазий из бульварного чтива, что, живя там, я сам мог бы найти какую-то подсказку, неизвестную полиции.

(«Благодаря знаменитому автору „За гранью могыли“»…) я поехал туда один, на такси, взяв с собой полдюжины томов из местной библиотеки. Помимо чтения, у меня не было других планов.

«Барклай», представлял собой розовое саманное, двухэтажное здание, увенчанное древней неоновой вывеской, на которой в лучах раннего полуденного солнца лежала густая пыль. Подобные заведения выстроились по обеим сторонам квартала, и каждое из них угнетало больше

предыдущего. Здесь не было лифта, и, к моему разочарованию, на первом этаже не имелось свободных номеров; лестница выглядела так, словно для подъёма по ней нужно быть скалолазом.

В кабинете внизу я спросил как можно небрежнее: какую комнату занимал пресловутый мистер Джакту? На самом деле я надеялся, что мне дадут ключ или от его комнаты, или от соседней. Но меня ожидало разочарование.

Заинтересованный маленький кубинец за стойкой был нанят всего шесть недель назад и заявил, что ничего не знает об этом; на запинающемся английском он объяснил, что хозяйка, миссис Циммерман, только что уехала в Нью-Джерси навестить родственников, и не вернется до Рождества.

Очевидно, я мог забыть о сплетнях. К этому моменту я наполовину испытывал искушение отменить свой визит, и я признаюсь, что то, что удерживало меня там, было не столько чувством чести, сколько желанием разлучиться на два дня с Мод, которая уже почти десять лет сама по себе, и мне было довольно трудно жить с ней.

Я проследовал за кубинцем наверх, наблюдая, как мой чемодан ритмично ударяется об его ноги. Он повёл меня по коридору в комнату, об-

ращённую во двор. Там пахло каким-то солёным воздухом и маслом для волос; провисшая кровать послужила многим людям, что проводили тут праздники в отчаянии.

Небольшая цементная терраса выходила на двор, а за ним — пустырь, заросший сорняками. Траву во дворе так долго не косили, что трудно было сказать, где начиналось одно и заканчивалось другое. Где-то посреди этой ничейной земли возвышалась группа пальм, невероятно высоких и тонких, только несколько застывших листьев украшали их верхушки. На земле под ними лежало несколько гниющих кокосовых орехов.

Такую картину я увидел в первую ночь, когда я вернулся после ужина в соседнем ресторане. Я чувствовал необычайную усталость и вскоре отправился спать.

Ночь была прохладной, я не нуждался в кондиционере; лёжа в огромной кровати, я слышал, как смеялись люди в соседней комнате, слышал шипение автобуса, движущегося по проспекту, и шелест пальмовых листьев на ветру.

Я потратил часть следующего утра, составляя письмо миссис Циммерман, которое должно ожидать её возвращения.

После долгой прогулки в кафе на завтрак я дре-

мал. После обеда я сделал то же самое.

Включив телевизор — болтливое пятно в другом конце комнаты, чтобы он изображал собеседника, я пролистал стопку книг на ночном столике, окончательно отбрасывая те, что оказались не о путешествиях; большинство из них не открывали с тридцатых годов.

Я не нашел ничего интересного ни в одной из книг, по крайней мере, при первом осмотре, но прежде чем выключить свет, я заметил, что в воспоминаниях полковника Э. Дж. Патерсона имелся указатель.

Хотя я тщетно искал демона Шу Горона, я нашёл ссылку на вариант произношения этого имени. Автор, несомненно, давно умер, и он провёл большую часть своей жизни на Востоке. Он не особо интересовался Юго-Восточной Азией, и, следовательно, данный отрывок был кратким…

> *«Тем не менее, несмотря на богатство и разнообразие их фольклора, они не имеют ничего общего с малайским шугораном, своего рода бугименом, которым пугали непослушных детей. Путешественники слышали много противоречивых описаний этого существа,*

некоторые на грани непристойности. (Оран, конечно, малайское слово, обозначающее „человека“, в то время как шуг, что здесь означает „вынюхивать“ или „разыскивать“, буквально означает „хобот слона“).

Я хорошо помню шкуру, висевшую над баром в Клубе Торговцев в Сингапуре, которая, согласно традиции, представляла младенца этого сказочного существа; его крылья были чёрными, как кожа готтентота. Вскоре после войны полковой хирург возвращался в Гибралтар и, после должного осмотра, объявил, что эта шкура — просто высушенная кожа довольно крупного сома. Его никогда больше не приглашали в этот клуб».

Я не выключал свет, пока не чувствовал готовности заснуть, слушая, как ветер гремит пальмовыми листьями и завывает между рядами террас. Когда я выключил свет, я почти ожидал увидеть в окне тёмную фигуру, но, как говорит поэт, не увидел ничего, кроме ночи.

На следующее утро я упаковал свою сумку и ушёл, понимая, что моё пребывание в отеле ока-

залось бесплодным.

Я вернулся в дом сестры, и застал её в возбуждённом состоянии. Она разговаривала с аптекарем, живущим наверху; она была в ужасном состоянии и сказала, что всё утро пыталась связаться со мной.

Сегодня она проснулась и обнаружила цветочный горшок у окна своей спальни, опрокинутый, а кусты под окном были истоптаны. По боковой стене дома, в нескольких метрах друг от друга, тянулись две огромные косые черты, начинающиеся от крыши и идущие прямо до земли.

> *«Боже мой, как летят годы. Флегматичный человек средних лет. А ведь буквально вчера я был молод, полон энтузиазма и трепета перед тайной разворачивающегося мира».*
>
> ***— Лавкрафт, 20 Августа 1926 г.***

Больше мне нечего сообщить. Здесь история вырождается в неслыханную коллекцию предметов, которые могут или не могут быть связаны: кусочки головоломки для тех, кто воображает себя поклонниками головоломок, случайный рой точек, а в центре широкий немигающий глаз.

Конечно, моя сестра съехала из дома в Индиан-

Крик в тот же день и сняла для себя комнаты в отеле в центре Майами. Впоследствии она переехала вглубь материка, и стала жить с подругой в зёленом бунгало, украшенном лепниной, в нескольких милях от Эверглейдс, в третьем по счёту из девяти домиков в непосредственной близости от главной дороги.

Я остановился в её логове, чтобы написать это.

После того, как умерла её подруга, моя сестра жила здесь одна, совершая 40-мильную поездку на автобусе в Майами только в особых случаях: в театр с группой друзей, один-два раза в год за покупками. Всё остальное, в чём она нуждалась, можно было найти прямо здесь, в городе.

Я вернулся в Нью-Йорк, простудился и всю зиму провалялся на больничной койке, посещая сестру гораздо реже, чем хотели моя племянница и её сын. Конечно, попытка выбраться из Бруклина — не повод для насмешек. Человек выздоравливает гораздо медленнее, когда достигает моего возраста; это болезненная истина, которую мы все узнаем, если проживём достаточно долго.

Жизнь Говарда была короткой, но, в конце концов, я думаю, он понимал это. В тридцать пять он мог высмеять безумие друга, «жаждущего молодости», но через десять лет он научился

оплакивать потерю своей.

«Годы говорят об одном! — писал он. — Вы, ребята, не знаете, как вам повезло!»

Возраст — это действительно великая тайна. Как ещё Терри мог украсить солнечные часы своей бабушки этой бессмысленной чепухой? «Старей вместе со мной; лучшее ещё впереди». Правда, этот девиз традиционен для солнечных часов, но этот юный дурачок даже не придерживался рифмы. С дьявольской неточностью он написал: «Лучшее ещё впереди», — строчка, которая заставит меня скрежетать зубами, если мне будет, чем скрежетать.

Большую часть весны я провёл внутри дома, готовя себе жалкие маленькие порции и безрезультатно работая над литературным проектом, занимавшим мои мысли. Обескураживало то, что я теперь так медленно писал и так сильно изменился.

Моя сестра только укрепила мой настрой, отправив мне довольно непристойный рассказ, который она нашла в «Энквайрере», о «существе, подобном пылесосу», проникшем через иллюминатор к шведскому моряку. Оно «сделало всё его лицо багровым». Сестра написала сверху: «Видишь? Прямо из Лавкрафта».

Вскоре после этого я, к своему удивлению, получил письмо от миссис Циммерман, в котором содержались множественные извинения за то, что я оставил своё письмо не в том месте, и она обнаружила его только во время «весенней уборки». (Трудно представить какую-либо уборку в «Барклай-отеле», весной или в другое время года, но даже этот поздний ответ меня обрадовал.)

«Мне жаль, что пропавший священник являлся вашим другом, — написала она. — Я уверена, что он был хорошим джентльменом. Вы спрашивали у меня „подробности“, но судя по вашей записке вы, кажется, знаете всю историю. Мне действительно нечего сообщить вам, кроме того, что я рассказала полиции, хотя не думаю, что они когда-либо публиковали все мои показания в газетах.

Наши записи показывают, что мистер Джакту прибыл сюда почти год назад, в конце Июня, и уехал в последнюю неделю Августа, задолжав мне недельную арендную плату плюс различные убытки, которые я больше не надеюсь возместить, хотя я написала об этом в посольство Малайзии. В других отношениях он был достойным жильцом, регулярно платил и практически никогда не выходил из своей комнаты, кроме

того, чтобы время от времени гулять на заднем дворе или останавливаться у бакалейщика. (Мы нашли невозможным препятствовать тому, чтобы жильцы ели в комнатах).

Моя единственная жалоба состоит в том, что в середине лета вместе с мистером Джакту мог проживать маленький чернокожий ребёнок, оказавшийся с ним без нашего ведома, пока одна из горничных, проходя мимо его комнаты, не услышала, как Джакту поёт ему. Она не узнала язык, но по её предположению это мог быть иврит. (Бедная женщина, к сожалению покинувшая нас, едва могла читать). Когда она в следующий раз прибиралась в комнате, она сказала мне, что мистер Джакту утверждал, что ребенок „его“, и что она ушла, потому что мельком увидела этого ребёнка, смотрящего на неё из ванной. Она сказала, что ребёнок был голым.

Я тогда не рассказывала про это никому, так как считала, что не имею права судить о нравах своих гостей. Во всяком случае, мы больше никогда не видели этого ребёнка, и мы позаботились о том, чтобы его комната стала абсолютно чистой для наших следующих жильцов. Поверьте, мы получили только хорошие отзывы о наших апартаментах. Мы думаем, что они великолепны, и

надеемся, что вы согласны с этим, и я также надеюсь, что вы снова будете нашим гостем, когда ещё раз приедете во Флориду».

К сожалению, в следующий раз я приехал во Флориду на похороны своей сестры в конце той зимы.

Теперь я знаю, что она болела большую часть прошлого года, а я и не догадывался. Не могу отделаться от мысли, что так называемые «инциденты», — бессмысленные акты вандализма, направленные против одиноких женщин в районе Южной Флориды, кульминацией которых стали несколько сообщений о нападениях неизвестного бродяги, — возможно, ускорили её смерть.

Когда я приехал сюда с Эллен, чтобы разобраться с вещами сестры и устроить похороны, я намеревался остаться здесь максимум на неделю или две, наблюдая за передачей имущества. И все же я как-то задержался, после того как Эллен уехала. Возможно, меня удержала мысль о той нью-йоркской зиме, которая становилась всё жестче с каждым годом; я просто не мог найти в себе силы, чтобы вернуться.

В конце концов, я не мог заставить себя продать этот дом; если я и попал в ловушку здесь,

то смирился с этим. Кроме того, переезд никогда мне особо не нравился; когда я устаю от этой маленькой комнаты — а это бывает — я могу думать о том, куда бы ещё поехать. Я видел весь мир, побывал везде, где хотел. Это простое жилище — теперь мой дом, и я уверен, что он станет моим последним пристанищем.

Календарь на стене говорит мне, что прошло уже почти три месяца с тех пор, как я переехал сюда. Я знаю, что где-то на его оставшихся страницах вы найдёте дату моей смерти.

На прошедшей неделе произошла новая вспышка «инцидентов». Прошлая ночь была самой драматичной из всех. Я могу почти дословно пересказать утренние новости.

Незадолго до полуночи миссис Флоренс Кавана, домохозяйка, живущая в доме № 24 на Алиссум-Террейс, в Южном Принстоне, собиралась закрыть шторы в своей гостиной, когда увидела, что с той стороны окна на неё уставился субъект, которого она описала следующими словами: «огромный негритянский мужчина, с противогазом на лице или в маске для подводного плавания». Миссис Кавана, одетая только в свою ночную рубашку, отскочила от окна и стала звать своего мужа, спящего в соседней комнате,

но к тому времени, как он проснулся, негр успел убежать.

Местная полиция поддерживает теорию «подводного снаряжения», поскольку у окна они обнаружили следы, которые мог сделать тяжёлый человек в ластах. Но они не смогли объяснить, зачем кому-то нужно ходить в такой одежде вдалеке от воды.

Новость как обычно заканчивается сообщением, что нам не удаётся найти мистера и миссис Кавана, чтобы взять у них интервью.

Причина, по которой я проявил такой интерес к этому делу — достаточная, во всяком случае, для запоминания вышеуказанных деталей — заключается в том, что я довольно хорошо знаю чету Кавана. Они мои ближайшие соседи.

Назовите это эгоизмом стареющего писателя, если хотите, но почему-то я не могу отделаться от мысли, что вчерашний визитёр искал меня. Эти маленькие зелёные бунгало в темноте выглядят одинаково.

Что ж, ночь ещё не наступила, и у человека в ластах достаточно времени, чтобы исправить свою ошибку.

Я никуда не собираюсь уходить.

Думаю, на самом деле, это будет довольно

подходящим концом для писателя типа меня — самому оказаться героем рассказа другого автора.

«Старей вместе со мной; лучшее ещё впереди».

Скажи мне, Говард: как скоро наступит моя очередь увидеть чёрное лицо, прижимающееся к моему окну?

Перевод: А. Черепанов

Рэмси Кэмпбелл
Возвращение ведьмы

Ramsey Campbell «The Return of the Witch», 1964

Мало кто из живущих в других районах Брайчестера забредал в Мерси-Хилл в конце Первой Мировой войны, поскольку это место было печально известно своей преступностью, и дороги через него не вели ни к чему важному. Это район из узких улиц и высоких домов из красного кирпича, их обитатели враждебно смотрят на чужаков, которые, попадая сюда, могли бы отчасти заметить, что улицы, ведущие к вершине холма и огибающие госпиталь, выглядят более

безлюдными и грязными; но это и всё. Вряд ли кто заметил, как опустела Виктория-Роуд, которая раньше была оживлённой улицей, а из стоящих на ней зданий пропали арендаторы; но, конечно же, они были чужаками. Никто из живущих на Мерси-Хилл, не стал бы так беспечно ходить по Виктория-Роуд. Ибо все в этом районе знали, что Глэдис Шоррок, которая жила в доме № 7 по этой улице, была ведьмой.

Она приехала сюда в конце 1910-х годов вместе со своим сыном Робертом, и вскоре после того, как они обосновались в унылом доме из красного кирпича, все жители узнали, кем она являлась. Вначале никто не заметил более мелких подробностей жизни этой парочки, они приобрели важное значение позже; соседи не обратили внимания и на то, как ставни в окне на первом этаже дома № 7 распахнулись и в течение первой недели не закрывались. Люди даже старались не замечать, как в саду возле дома № 7 кусты менее чем за месяц выросли из состояния семечка до метровой высоты. Также никто не прислушался к настойчивой миссис Хэнкок, жившей по соседству, которая утверждала, что «у Шорроков в саду идёт дождь, в то время как земля вокруг него везде сухая!»

Но ошибку совершил сын ведьмы, Роберт Шоррок. Позже люди говорили, что его мать, должно быть, поняла, что сын должен где-то работать, чтобы избежать подозрений, которые возникли бы, если бы они вдвоём жили без внешнего заработка. Роберт был не особо умён и не сумел толком скрыть свои попытки творить колдовство. Он отправился работать на реконструкцию улицы у подножия холма и мог бы стать грамотным рабочим, если бы владелец соседнего дома не пожаловался, что его чёрная кошка исчезла. И Роберт Шоррок в итоге признался, что это он замуровал её в стену, подражая древней церемонии крещения улиц. Строители не стали разрушать стену, так как Роберт намекнул о возможных недобрых последствиях такого поступка, тем не менее его тут же выгнали с работы.

После этого вокруг жильцов дома № 7 стало ходить много историй, многие из них, вероятно, были преувеличены; но соседи Шорроков теперь состояли только из тех, кто смеялся над колдовством. Такие люди, конечно, вряд ли способны выдумывать дикие легенды. Все видели, что вокруг дома из красного кирпича творится что-то неладное и соскабливали символы под своими окнами, которые до сих пор были нужны

только на несколько ночей в году. В 1924 году Роберт умер, и гробовщик, который приехал из Камсайда, чтобы лично присутствовать на похоронах, внезапно оставил свою профессию и стал алкоголиком. Ужас, которого все ждали, охватил Мерси-Хилл.

Кульминация случилась в 1925-м году. В тот год люди рассказывали о многих вещах: как над крышей дома № 7 хлопали чьи-то крылья, но это были не птицы; как виноградные ветки, взобравшиеся на ту стену, качались туда-сюда безветренными ночами; а однажды кто-то увидел, как Глэдис Шоррок покидает дом, что-то бормочет, и ворота сами по себе открываются и закрываются позади неё. К концу октября истории о ведьме стали совсем безумными, особенно отличился один мужчина, который смело последовал за ней в сторону Севернфорда, а затем ему пришлось бежать от гигантской светящейся фигуры, которая шагала за ним через лес. Жители Мерси-Хилл были уверены, что ведьма что-то готовит, и с содроганием ждали исхода.

Это произошло, когда 31 октября Глэдис Шоррок умерла. Должно быть, была именно эта дата, потому что жильцы из дома напротив увидели, как она садится лицом к окну, её губы шевелились;

она смотрела на улицу и периодически бросала взгляд наверх — там была комната с окном, закрытым ставнями. На следующее утро люди увидели, что ведьма сидит в той же позе, а 2 ноября прохожий заметил её остекленевшие глаза и вызвал доктора. Она была мертва уже два дня, но доктор, прибывший из Брайчестера, не стал спрашивать, почему его не позвали раньше. Он просто диагностировал у покойницы сердечную недостаточность, ведь в конце концов у неё были все соответствующие симптомы, и организовал быстрые похороны.

4 ноября двое мужчин вошли в дом Шорроков. Будучи смелей остальных, они решили посмотреть, что находится внутри; но вскоре поспешно покинули дом. В передней комнате нечему было напугать их; большинство книг в шкафу имели незнакомые названия, и искатели не обладали достаточными знаниями, чтобы бояться тщательно отшлифованных объектов странной формы в стеклянных ящиках, расставленных по комнате. На лестнице что-то шмыгнуло в тень; но один из мужчин сказал, что это просто мышь, хотя его спутник видел признаки чего-то менее приятного. Но они не смогли вынести вида запертой двери наверху лестницы, и не могли заставить

себя взломать эту дверь, потому что она вела в комнату с окном, плотно закрытым ставнями.

Вскоре ужас снова возник во всём доме. Те, кто оказывался на улице поздно вечером, стали обходить стороной Виктория-Роуд, а иные начали ходить другой дорогой даже в дневное время. Ужас сосредоточился вокруг этого закрытого окна над улицей, и почти все проходили по другой стороне дороги, стараясь не смотреть на дом № 7. Те, кто осмелился подойти поближе, говорили, что, хотя ведьма может и мертва, что-то живёт в этом доме; потому что, если стоять под окном, можно услышать глухое бормотание за ставнями.

Таким образом, дом № 7 пришёл в упадок. Ни один человек из Брайчестера не хотел селиться в нём, а чужаков район Мерси-Хилл не привлекал. Мало кто входил в этот дом даже тридцать лет спустя; и его история постепенно забывалась, за исключением того, что его всё равно следует избегать.

Так было до 1 февраля 1960 года, пока в Брайчестер не приехал Норман Оуэн.

Он был романистом, которому стало скучно жить в Саутпорте, что в графстве Ланкашир, и он жаждал перемен. Ему понравился Северн, и после того, как Оуэн прочёл объявление в «Еженедель-

нике Брайчестера», он сразу же купил дом № 7 на Виктория-Роуд. К сожалению, поезд из Саутпорта прибыл в Нижний Брайчестер, а не на станцию Мерси-Хилл; и прохожие, казалось, тоже не знали, как Оуэну добраться до места назначения.

— Виктория-Роуд, пожалуйста, — обратился Оуэн к одному таксисту.

— Извините, не могу сказать, что знаю, где это, — ответил водитель. — Мерси 'илл? Там нет улицы с таким названием, насколько я знаю.

— Простите, вы сказали, что искали Виктория-Роуд?

Оуэн повернулся и увидел мужчину средних лет в твидовом костюме, который положил свою руку на дверь машины.

— Да, на самом деле я купил там дом, но этот человек кажется не знает, где это.

— Что ж, я еду на Мерси Хилл, — ответил мужчина Оуэну, — и могу взять вас, если вы хотите подняться на холм.

Пока Оуэн садился в машину, водитель пробормотал:

— Но на Виктория-Роуд нет пустых домов за исключением…

Они выехали с железнодорожной станции, и Оуэн видел, как множество сходящихся улиц

поднимаются вверх, чтобы встретиться возле серого госпиталя. Он повернулся, когда мужчина возле него заметил:

— Я лучше представлюсь. Меня зовут Стэнли Нэш, я работаю доктором в этом госпитале. Я прав, думая, что вы купили дом № 7?

— Ну, я — Норман Оуэн, писатель, и вынужден признать, что вы правы насчёт адреса. Но как вы угадали? Вы живёте где-то по соседству или что-то в этом роде?

— Нет, — ответил Нэш, — я живу в Гладстоун Плейс, у подножия холма. Просто дом, который вы купили, имеет особую репутацию, достаточно известную здесь. Видите ли, не так давно он принадлежал ведьме.

— В самом деле?! Ну, здесь я точно напишу что-нибудь стоящее!

— Я бы не стал шутить насчёт этого дома, — упрекнул попутчика водитель. — Знаете, в этих историях есть что-то истинное.

— Полагаю, вы были там доктором, — предположил Оуэн.

— Думаю, вам следует принять во внимание то, что говорят об этом доме, — ответил ему Нэш. — Редко бывает, чтобы такие истории были полностью выдуманы, и существует широко

распространённый страх перед закрытой комнатой, смотрящей на улицу. Советую вам помнить об этом. Эта комната никогда не открывалась с тех пор, как Глэдис Шоррок, бывшая ведьмой, умерла. И зачем кому-то понадобилось запирать комнату и её окно ставнями, с тех пор как они приобрели этот дом?

— Всё просто. Либо она была сумасшедшей, либо она была умнее, чем вы думаете. Возможно, она *хотела*, чтобы её считали ведьмой. В конце концов, её никто не беспокоил… О, это оно?

Оуэн заметил здание, которое показалось ему почему-то отталкивающим. Унылые красно-кирпичные стены, тёмные виноградные листья, плохо окрашенные оконные рамы и двери, — всё это выглядело угнетающе. С другой стороны, он купил этот дом почти даром, и может быть внутри дом выглядит получше. Но хотя комнаты выглядели чистыми и хорошо освещёнными, как только Оуэн вошёл в дом, тень уныния упала на него. Возможно, это было вызвано рядами книг и викторианской мебелью, но они не имели ничего общего с длительным воздействием.

— Почему тут нет пыли? — спросил Оуэн.

— Думаю, агенты по недвижимости из более просвещённой части города прибрались

тут, — ответил Нэш. — Я прихожу сюда время от времени сам… ну, мой брат работает в агентстве и даёт мне ключ. Меня интересуют книги, так что я буду бестактным и спрошу: можно ли мне иногда заходить к вам?

Оуэн и Нэш дошли до второго этажа.

— Приходите, когда угодно. Я тут никого пока не знаю. А это, полагаю, та знаменитая запертая комната?

Оуэн так долго смотрел на дверь, окрашенную коричневой краской, наверху лестницы, что доктор Нэш сказал:

— Ну, мне пора уходить. Вы установите телефон? Так вы сможете поддерживать связь со своими друзьями. В таком случае я позвоню вам через несколько дней.

Оуэн не заметил, как доктор спустился по лестнице. Он искал в связке ключей тот, что подошёл бы к этой двери, но агенты не прислали ему нужного ключа. Какая-то полубессознательная нетерпеливость заставила его бить ногой по замку, пока дверь не распахнулась вовнутрь. Оуэн шагнул вперёд и заглянул в комнату; но свет не проникал сквозь ставни, и большая часть пространства пребывала в темноте. Он нащупал выключатель и щёлкнул им.

Доктор Нэш открывал дверь своей машины, когда услышал какой-то звук. Некая тень со свистом пронеслась мимо него и влетела в дом. Нэш ничего не разглядел, но у него возникло впечатление какой-то овальной, крылатой формы, тем не менее имеющей сходство с человеком. Доктор захлопнул дверь машины и побежал вверх по лестнице. Оуэн стоял, облокотившись на дверную раму взломанной комнаты, видимо, поддерживая себя, но выпрямился, когда его позвал доктор.

— Что… должно быть у меня на мгновение закружилась голова, — объяснил Оуэн своё состояние. — Всё потемнело, и я кажется стал падать.

— Я говорил вам не открывать эту дверь.

— Я купил этот дом, — напомнил доктору Оуэн, — и не хочу, чтобы у меня были комнаты, в которые я не могу войти. В любом случае дело сделано. Но что вы думаете об этом?

Доктор Нэш заглянул внутрь. В комнате всё ещё стояла темнота, хотя выключатель сработал. Доктор вытащил из кармана зажигалку и осторожно вошёл. Свет замелькал на голых стенах и полу, а затем выхватил то, что свисало с потолка. Оно напоминало неоновую трубку, изогнутую в форме пентаграммы, и было окружено зеркалами так, что никакой свет не проходил в комнату, словно

эта конструкция излучала темноту. Доктор видел что-то подобное в одной из книг в комнате на первом этаже, но не мог вспомнить назначения этой пентаграммы. Но он понял, что она устроена так, что любой, кто войдёт в комнату, активирует её с помощью выключателя, и осознал, что какая-то сила только что была приведена в движение.

— Ну, что это такое? — спросил Оуэн, стоящий позади Нэша.

— Я не уверен, — ответил доктор, — но у меня такое чувство, что вы запустили какой-то механизм.

Доктор внимательно посмотрел на Оуэна и пришёл к выводу, что тот не получил никаких травм.

— Вы выглядите хорошо, но не стесняйтесь звать меня, если почувствуете себя плохо. Конечно, вы не сможете позвонить отсюда, но ничего, я иду в сторону агентства, и, возможно, смогу поторопить их с установкой телефона. Вот моя визитка с номером.

После того, как доктор Нэш ушел, Оуэн закрыл дверь на лестничной площадке и отправился за продуктами. Вернувшись после наступления темноты, он снова был подавлен видом дома, чёрного на фоне почти безлунного неба. Он посмотрел на

окно, закрытое ставнями; от него не доносилось никаких звуков, но у Оуэна возникло странное убеждение, что в комнате кто-то есть. В доме мало что можно было сделать; Оуэн мог прочитать одну из книг, оставшихся от прежнего жильца, но предпочёл поспать после своей поездки.

Обычно он не видел снов, но сегодня было всё по-другому. Оуэну снились путешествия сквозь космос к мёртвым городам на других планетах; снились озёра, окаймлённые скрученными деревьями, которые двигались и скрипели без ветра, и, наконец, ему приснился странный изогнутый край мира, миновав который, Оуэн перешёл в полную темноту, в которой он не ощущал ничего живого. Приходили и менее ясные сны, и он часто ощущал трепетный ужас при взгляде на закрытую комнату среди причудливых пейзажей и гниющих тварей, которые вырывались из могил, откликаясь на эхо какого-то голоса, не имеющего источника.

Оуэн с радостью проснулся на следующее утро. После завтрака он попытался поработать над своим новым романом, но дело двигалось очень медленно. Примерно в одиннадцать часов его отвлекла бригада рабочих, которые пришли устанавливать телефон, и Оуэн даже обрадовался

их компании. Они казались слегка обеспокоенными, и Оуэн старался не говорить о самом доме. Рабочие ушли около трёх часов дня, и Оуэн позвонил доктору Нэшу, чтобы поблагодарить его. Во время разговора Оуэн упомянул, что он хотел бы больше времени находиться вне дома, но не любил ходить пешком.

— Хорошо, вы можете одолжить мою машину, — предложил доктор Нэш. — Я всегда могу взять другую в автопарке нашего госпиталя, когда мне будет нужно, свою машину я использую только по выходным. Если вы подождёте, я подъеду к вам около шести часов.

Доктор приехал в 18:15. Они оставили машину на улице, так как в доме № 7 не было гаража.

— Нет, я в полном порядке, — ответил Оуэн на вопрос доктора. — А вы ожидали, что со мной что-то не так?

Вскоре после этого Оуэн заметил, что хочет спать. Доктор Нэш был озадачен таким его желанием, но не увидел в этом ничего зловещего. Оуэн выждал несколько минут после ухода доктора и поспешил наверх в свою спальню. Он не боролся с этим желанием сна, но удивлялся ему, потому что совсем не чувствовал усталости.

Он мгновенно заснул и погрузился в сновиде-

ния. Что-то шевелилось под землёй, настойчиво призывая его, и в своём сне он встал, оделся и спустился вниз к машине. Но перед этим он захватил лопату из сада, находящегося с обратной стороны дома, и положил её на заднее сиденье. Затем он поехал по направлению к этому безголосому зову.

Он ехал вниз вдоль полуосвещённых улиц, мимо случайных прохожих, идущих по тротуарам, мимо других машин, водители которых не интересовались Оуэном, и достиг улицы у подножья холма, одна сторона которой была ограждена забором из металлических прутьев. Он приспустил боковое стекло и выглянул наружу. Убедившись, что на улице никого нет, Оуэн взял лопату и вышел из машины. Просунув лопату сквозь прутья, он перелез через забор и спрыгнул на кладбищенскую землю.

Во сне он не сомневался, что знает, куда идти. Он нашел тропу среди покосившихся камней и крестов, ведущую к заросшей кустарником и травой могиле у дальнего конца кладбища. Оуэн выдернул траву, содрогаясь от маленьких существ, которые катились по его руке, и начал копать.

Прошло несколько часов, прежде чем лопата

наткнулась на твёрдый предмет. Он сбросил в яму верёвку, которую привёз с собой, привязал её к ручкам гроба, затем вылез наверх и потянул верёвку. Гроб поднимался довольно легко, словно кто-то помогал снизу, и вывалился на край могилы. Каким-то образом Оуэн протащил гроб через всё кладбище и перебросил его через забор, затем перелез через него сам. Он положил гроб на заднее сиденье машины и поехал обратно в дом на Виктория-Роуд. На улицах было мало людей в это время, и они не заметили, что Оуэн везёт что-то с кладбища.

Виктория-Роуд была полностью пустынна, и в домах не горел свет. Оуэн открыл переднюю дверь, вернулся, чтобы перетащить гроб в дом и бросил его в гостиной. Он нашёл на кухне молоток и стал выколачивать гвозди из крышки. Наконец, Оуэн приподнял её и заглянул внутрь.

Из гроба вырвалось ужасное зловоние. Во сне Оуэн не ощущал ужаса от серой твари, которая смотрела на него, но, когда странный гипноз, под которым он находился, стал ослабевать, он почувствовал тошноту. Затем он услышал движение в гробу, и гниющая рука высунулась наружу. Оуэн закричал, когда труп встал и с трудом повернул голову, чтобы посмотреть на него жёлтыми гла-

зами. Потрескавшиеся губы дёрнулись, и из горла трупа прозвучало слабое болезненное карканье.

На мгновение труп застыл в этом положении. Затем нижняя челюсть отвалилась от головы с отвратительным звуком разрываемой плоти, голову сильно перекосило, она сорвалась с шеи и ударилась о дно гроба. Безголовый труп поколебался мгновение, затем тоже схлопнулся в чёрный клубок, уже начавший разжижаться. Внезапно гипноз снова захватил Оуэна, и он просто взял крышку, и начал приколачивать её на место.

Не так много времени ушло у него, чтобы обратно закопать могилу, и вскоре он приехал в дом № 7 и вернулся в свою спальню. В этот момент сон закончился, и дальше Оуэн спал без сновидений.

На следующее утро он проснулся, сонно перекинул ноги с кровати на пол и недоумённо уставился на них. Повернувшись к высокому зеркалу, Оуэн увидел, что он полностью одет, вплоть до ботинок, которые были все в грязи. Он помнил, что лёг спать раздетым, но отказался принять объяснение, которое предлагал его разум. Инстинктивно он спустился, чтобы осмотреть машину, и застыл на месте, увидев нечёткую, длинную, прямоугольную вмятину на

заднем сиденье.

Единственное, что смог сделать Оуэн — это поехать по маршруту из своего сновидения. Он старался не думать о том, что ни один сон не может указывать путь в районе, который он никогда не посещал, но не мог не заметить, что кладбище было тем самым, что ему снилось. Он вошёл через ворота и стал ходить вдоль надгробий. Он нашёл нужный могильный камень достаточно легко; и, хотя надпись была высечена небрежно — *«Глэдис Шоррок — умерла в 1924 году: Дай бог, чтобы она оставалась мёртвой»*, — на могиле не росли сорняки, а землю недавно раскапывали.

Несколько часов спустя доктор Нэш прибыл в дом № 7 в ответ на телефонный звонок Оуэна и выслушал его рассказ.

— Я не совсем понимаю, что вы сделали, — сказал ему доктор. — Если бы я смог просмотреть эти книги… Нет, вы читайте газету или что-нибудь в этом роде. Эти книги не годятся для чтения в вашем состоянии.

Пролистав одно издание из девяти томов, Нэш поднял глаза.

— Думаю, я нашёл, — заявил он. — Но вам это покажется неприятным и, может быть, очень неправдоподобным.

— Хорошо, давайте покончим с этим, — предложил Оуэн.

— Похоже, что с того момента, как вы вошли в ту запертую комнату, душа, дух, или, если вам больше нравится такое понятие, как жизненная сила, *стала жить в вашем теле*.

— Что? — недоверчиво воскликнул Оуэн. — Но этого не может быть! Я…. я не чувствую себя как-то по-другому!

— Это единственное, что объясняет и эти «сны», и тот пентакль в комнате. Я думаю, что это влияние относительно слабо в дневное время, но ночью оно более мощное и, кажется, активно использует вас. Теперь ведьма должна обнаружить, что вы плохой хозяин, в конце концов, ваши решения противостоят ей, и теперь она ищет другое тело. Глэдис Шоррок хочет вернуться, сначала она попыталась воскресить своё тело, но оно слишком сильно разложилось.

— Но как, чёрт возьми, это может быть правдой? Никто не знает, как это сделать!

— Помните, Глэдис Шоррок была ведьмой, — заметил доктор Нэш. — Она знала много из того, что мы даже не можем себе представить. Видите ли, я просмотрел эти её книги и прочитал о некоторых местах, которые она посещала. Она подходила к

озеру в лесу, в нескольких милях отсюда, и наблюдала… издалека… что происходит в Гоутсвуде… Были также и другие места, такие как остров из белого камня за Севернфордом, который никто не посещает; и она знала секрет зловещего священника в том городе. Вот откуда она получила знания, чтобы сделать это — вернуться.

— Если это правда, то что её жизненная сила будет делать сейчас?

— Ну, она не может использовать своё собственное тело и, похоже, не считает вас очень любезным, поэтому, очевидно, ей придётся найти *другое*.

— Но тогда что мы можем… что мы должны сделать?

— Я думал разбить эту пентаграмму, но считаю это не лучшей идеей. В *«Откровениях»*, в книге, которую я читал, не сказано, что произойдёт, и это может навредить вам, как любое большое потрясение. Но ведьма, скорее всего, снова отправит вас куда-то по делам, поэтому мне лучше забрать свою машину. Не думаю, что поблизости есть что-то, где может быть скрыто ещё какое-нибудь тело.

— О, нет, не забирайте, — возразил Оуэн. — Я хочу иметь возможность быстро выбраться от-

сюда, если понадобится. Если, конечно, вы не останетесь со мной… но вы не можете делать это каждую ночь.

— Боюсь, я не могу остаться даже сегодня, — сказал доктор. — Вечером я должен отправиться в Камсайд, кроме меня никто не может поехать туда, и я, конечно, не поеду обратно ранее девяти часов. Хотя можем договориться так: как только я вернусь, то сразу позвоню вам, и, если вы не ответите, я тут же приеду. Чёрт! Посмотрите на время, я должен идти уже прямо сейчас. Увидимся позже, возможно, а до тех пор я бы посоветовал вам выпить столько чёрного кофе, сколько сможете.

Оуэн стоял у окна, наблюдая, как доктор Нэш поворачивает за угол, и подавлял в себе желание позвать его обратно. Вдруг включились уличные фонари, и Оуэн осознал, насколько близко уже наступление ночи.

Он вошёл на кухню и заварил чашку чёрного кофе. Затем вернулся в гостиную, сел в кресло и попытался поставить чашку на ближайший столик. Его рука дрогнула, чашка разбилась об пол, но Оуэн чувствовал себя слишком усталым, чтобы поднять осколки. Он смог лишь откинуться на спинку кресла, закрыв глаза.

Вскоре он встал, завёл машину и поехал прочь

от холма. Оуэн добрался до большого здания, которое, как он догадался, было госпиталем, и повернул направо. После этого дорога повела его в сельскую местность, через колонны деревьев и между зелёно-белыми холмами под бледным полумесяцем. Затем, инстинктивно, Оуэн остановил машину между тёмным деревом и холмом. Взяв фонарь из бардачка, он стал подниматься на холм.

Он достиг грубого прямоугольного входа в пещеру примерно на полпути вверх, внутри стояла темнота. Оуэн взглянул без отвращения на ужасную горгулью, высеченную над входом, включил фонарь и вошёл внутрь. Некоторое время он шёл по тоннелю, заметив, что вход не остался за поворотом, а просто исчез из его поля зрения; и что грубо высеченные символы на стенах указывали вверх, как будто тоннель прорывали снизу.

В конце концов Оуэн добрался до ниши в стене и увидел, что в ней стоит запертый, круглый сундук. Он сдвинул сундук, за которым обнаружилось гнездо пауков. Они пробежали по рукам Оуэна и исчезли в темноте. Сундук был чуть меньше метра в диаметре, и тяжелее, чем казался; но Оуэн легко поднял его и быстро перенёс по тоннелю, затем вниз по холму и разместил

на заднем сиденье машины, а затем вернулся на Виктория-Роуд.

Под бледной луной Оуэн взял деревянный сундук и поспешил с ним в гостиную. Он начал поворачивать странный шарнирный рычаг на крышке таким образом, который был для него каким-то образом очевидным; но напряжение, которое он претерпел, принесло свои плоды, и рычаг встал на нужное место.

В этот момент зазвонил телефон, и Оуэн проснулся.

Итак, *это был сон!* Затем в глазах у него прояснилось, и он обнаружил себя стоящим в гостиной рядом с телефоном и близко к круглому деревянному сундуку.

На данный момент Оуэн мог только броситься к телефону, который внезапно стал его единственной опорой для сохранения рассудка, хотя что-то ненадолго попыталось удержать его. Оуэн схватил трубку.

— Оуэн? Итак, всё-таки вы в порядке? — произнес облегчённый голос доктора.

— Нет, не в порядке, — выдавил из себя Оуэн. — Это снова случилось… принёс что-то обратно… теперь в комнате…

Будучи неспособным сказать что-то ещё, Оуэн

бросил трубку.

Внезапно он почувствовал желание подойти к круглому сундуку, поднять крышку и посмотреть, что лежит внутри. Одна его рука уже дёргалась в ту сторону. Оуэн яростно ударил кулаком по столу, вызвав такую боль, что она заглушила позыв идти к сундуку.

Он сконцентрировался на пульсирующей руке, но его прервал нетерпеливый стук во входную дверь. Оуэн поплёлся в прихожую и неповрежденной рукой открыл дверь доктору Нэшу.

(Посмотри на этого ублюдка! Он говорит, что ты одержим, но ведь ты знаешь, что он на самом деле имеет в виду, не так ли? Что ты шизофреник… Выгони его, быстро! Не позволяй ему лезть тебе в голову!)

— Скорее… наверху, ради бога! — закричал Оуэн. — Разбейте тот пентакль, что бы ни случилось!

Доктор Нэш помедлил немного, уставившись на Оуэна, потом пригляделся повнимательнее. Что он увидел, Оуэн так и не узнал, но доктор оттолкнул его и побежал наверх. Раздался звук бьющегося стекла, и что-то как будто вышло из Оуэна; тень, которая вспорхнула к потолку. Бормоча, она постепенно растаяла. Оуэн почув-

ствовал сильную усталость, и желание открыть сундук исчезло.

Доктор озабоченно поспешил в прихожую.

— Где та… вещь, которую вы привезли?

Оуэн отвёл Нэша в гостиную, и они встали перед сундуком.

— Что нам с ним делать? — спросил Оуэн.

— Полагаю, его нужно сжечь, — ответил Доктор Нэш. — И я не думаю, что будет лучше, если мы откроем его, хотя не знаю, что внутри.

— Да, — согласился Оуэн, содрогнувшись, и потащил сундук в прихожую. — Что-то было вырезано над ним там, где я его нашёл. Не совсем паук, не совсем змея, и у него было лицо. Давайте, ради бога, вытащим его отсюда.

Они вынесли сундук в сад за домом, облили бензином и подожгли, встав наготове с кочергами в руках на тот случай, если кто-то будет вырываться из пламени. Но из сундука выпала только длинная белая конечность, когда крышка изогнулась, а затем содержимое стало пузыриться. Нэш и Оуэн наблюдали за костром до тех пор, пока ничего не осталось, кроме пепла, который сдуло ночным ветром. Затем они поехали в Гладстон Плейс и боролись со сном, пока не настало утро.

Оуэн покинул Виктория-Роуд на следующий

день, и теперь пишет свои романы в комнате, выходящей на пляж Саутпорта. Он не забыл, однако, те кошмары; и когда ночью на море бушует шторм, он вспоминает грубо высеченную надпись на надгробье и повторяет: «Дай бог, чтобы она оставалась мёртвой».

Перевод: А. Черепанов

Рэмси Кэмпбелл
Комната в замке

Ramsey Campbell «The room in the castle», 1964

Может быть, в каждом из нас таится некий скрытый остаток древнего мира, и он притягивает нас к существам из другой эпохи, дожившим до наших дней? Конечно, и во мне должен присутствовать такой остаток, ибо я не вижу ни одной разумной причины, по которой я в тот день отправился на старые, окружённые легендами развалины на холме, ни одной здравой причины, по которой я нашел там тайную подземную комнату, и ещё меньше имелось у меня поводов открывать обнаруженную мной дверь ужаса.

Именно во время посещения Британского Музея я впервые услышал о легенде, объясняющей почему люди избегали холма за пределами Брайчестера. Я прибыл в Музей в поисках некоторых книг, хранившихся там — не о демонических знаниях, но посвящённых местной истории Долины Северн, как её представлял себе в ретроспективе священник 18-го века. Один мой друг, живший в районе Камсайда близ Беркли, попросил меня найти некоторые исторические факты для его будущей статьи в «Камсайдском Обозревателе»; я мог бы передать ему выписки из книг, когда окажусь у него в гостях в эти выходные. Сам он болеет и в ближайшее время не сможет приехать в Лондон. Я добрался до библиотеки Музея, не думая ни о чём, кроме того, что быстро пролистаю нужные работы, выпишу соответствующие цитаты и прямо оттуда отправлюсь на своей машине в Камсайд.

Войдя в комнату с высоким потолком, где бережно хранились исторические труды, я узнал от библиотекаря, что книги, которые я хотел изучить, в данный момент находятся на руках, но их скоро вернут, если я пожелаю немного подождать. Мне не хотелось читать какие-либо другие исторические сочинения, чтобы скоро-

тать время, поэтому я попросил у библиотекаря позволения взглянуть на их редкую копию «Некрономикона». Я читал его больше часа, на большее меня не хватило. Подобные намёки на то, что нечто может скрываться за спокойным фасадом нормальности, нелегко выбросить из головы; и должен признаться, что, читая о чуждых существах, которые, по словам автора, скрываются в тёмных и безлюдных местах нашего мира, я обнаружил, что принимаю прочитанное за реальность. По мере того, как я всё глубже погружался в мрачный миф, окружающий эти ужасы извне — раздувшийся Ктулху, неописуемая Шуб-Ниггурат, Дагон, огромная бесхвостая амфибия — меня могло затянуть в водоворот абсолютной веры, если бы моё погружение не прервал библиотекарь, притащивший стопку пожелтевших книг.

Я сдал ему копию «Некрономикона», и ужас, пробудившийся в моей душе, был так велик, что я стал внимательно следить за действиями библиотекаря, пока не убедился в том, что зловещая книга надёжно заперта в сейфе. Затем я обратился к историческим сочинениям, которые запрашивал, и начал выписывать абзацы, интересовавшие моего друга. Как и следовало ожидать, мне пришлось пролистать много

ненужного материала; но именно в разделе, который я считал бесполезным, мои глаза случайно наткнулись на одну ссылку, каким-то образом напоминавшую то, что я читал чуть ранее. Сначала я подумал, что моя сосредоточенность на чуждых культах превратила безобидную и причудливую деревенскую историю во что-то ненормальное и тревожное; но, продолжая читать, я понял, что это действительно очень необычная легенда.

«Однако не следует думать, — писал священник из Беркли, — что Сатана не насылает порой неприятности и не внушает страх тем, кто живёт по воле Божьей. Я слышал, что мистера Нортона сильно беспокоили крики и ужасный рёв из леса, возле которого он жил, и что однажды ночью грохот барабанов стал таким громким, что Нортон в течение месяца не мог вернуться в свой дом. Но, чтобы не обременять моего читателя, я перескажу историю одного фермера; он поведал мне её не далее, как два года назад.

Однажды ночью, когда я шёл по дороге за пределами Беркли, фермер Купер встретил меня на левой стороне поля. Он был сильно взволнован и напуган тем, что видел. Поначалу он говорил как безумный, подобно бедному Тому Куперу, когда того одолевает немочь; но я привел ферме-

ра в церковь, и присутствие Бога исцелило его разум. Он спросил, не желаю ли я услышать о богохульном видении, свидетелем коего он стал, ибо фермер думал, что Дьявол и в самом деле послал к нему демона, чтобы совратить Купера с пути христианской добродетели.

Он клялся, что преследовал лису, что беспокоила его скот, надеясь, что сумеет покончить с ней; но лиса так хитро петляла по землям Кинга и Кука, что Купер сбился со следа и, выйдя к реке, повернул домой. Когда он подошёл к Камбрукской переправе, ведущей к его дому, фермер с тревогой обнаружил, что мост сломан посередине. Направляясь к броду возле Корн-Лейн, он увидел на холме весьма странную фигуру. Казалось, что она излучала свет, но постоянно изменяющийся, как в калейдоскопе, игрушке для детей. Фермеру Куперу это не понравилось, но он направился к холму и стал карабкаться вверх, пока не приблизился к ужасному объекту. Он был из прозрачного минерала, подобного которому Фэннер Купер ещё не видал. Когда я попросил его рассказать, как тот объект выглядел, Купер странно посмотрел на меня и заявил, что христиане не должны говорить о таком злом чудище. Когда я сказал фермеру, что мне нужны

все подробности, чтобы быть во всеоружии против таких демонов, он поведал, что у чудовища был только один глаз, как у циклопа, и когти, как у краба. Он добавил также, что видел нос, как у слонов, которых, как говорят, можно увидеть в Африке, и огромные змееподобные наросты, свисавшие с лица чудовища, словно борода, на манер какого-то морского монстра.

Фермер призывал Искупителя засвидетельствовать, что Сатана, должно быть, забрал его душу, ибо Купер начал трогать клешню этого пагубного образа и не мог остановиться, хотя отметил, что ангельские голоса приказали ему отойти. Затем огромная тень пересекла луну, и, хотя Купер решил не смотреть вверх, он увидел ужасную форму, отбрасывающую тень на землю. Я не думаю, что он богохульствовал, говоря, что Небеса не защитят меня, если я услышу про соотношение формы и тени, ибо он чувствовал, что Бог как будто забыл про фермера, когда тот узрел ту тень. Вот тогда-то он и убежал с холма, переплыв через реку Камбрук, чтобы спастись; и он говорил, что какая-то тварь гналась за ним некоторое время, потому что он слышал позади стук огромных когтей по земле. Но он повторил молитвы, как обычно поступает, когда боится

какого-нибудь зла, и преследование вскоре прекратилось. И так он наткнулся на меня, когда я направлялся в Беркли.

Я сказал ему, чтобы он шёл домой и утешал свою жену, и молился, чтобы добрый Господь помог ему в борьбе против зла, которое Дьявол может замышлять против него, дабы увести его с праведного пути. В ту ночь я тоже молился, чтобы эти ужасные дела Сатаны поскорее прекратились в моём приходе, и чтобы преисподняя не забрала несчастного фермера Купера».

Дойдя до конца этой страницы, я сразу же перешёл на следующую. Но я быстро понял, что продолжение отсутствует, потому что в следующем абзаце речь шла совсем о другом. Отметив номера страниц, я обнаружил, что один лист между ними утрачен, так что любые дальнейшие упоминания инопланетной фигуры на холме оказались для меня недоступны. Поскольку теперь уже ничего нельзя было сделать, чтобы исправить это — и, в конце концов, я вообще-то приехал в музей, чтобы найти совершенно другую информацию, — мне оставалось только вернуться к своим первоначальным исследованиям. Однако вскоре я заметил неровность в краях страниц, и, пролистав книгу, обнаружил недостающий лист.

Со странным чувством ликования я вернул его на место и продолжил прерванное чтение.

«Но это ещё не конец истории Купера. Через два месяца фермер Нортон пришёл ко мне очень встревоженный и сообщил, что барабаны в лесу бьют громче, чем когда-либо до этого. Мне не удалось его успокоить, я мог лишь дать ему совет — держать двери дома закрытыми и следить за знаками деяний Сатаны. Затем пришла жена Купера и сказала, что её муж внезапно заболел, потому что он вскочил со своей постели с самым ужасным криком, какой только можно было услышать, и убежал в лес. Мне не хотелось отправлять людей на поиски в такое время, когда барабаны били так яростно, но я призвал группу фермеров, чтобы они проследили за знаками Сатаны и разыскали фермера Купера. Они так и сделали, но вскоре вернулись и разбудили меня, рассказав очень странную и ужасную историю о том, почему они не смогли вернуть бедного Купера и почему его, несомненно, забрал Дьявол.

Там, где лес был гуще всего, они услышали барабанную дробь среди деревьев и со страхом направились в ту сторону, понимая, что это не предвещает ничего хорошего. Когда они подошли ближе к источнику звука, то увидели, что Фэннер

Купер сидит перед огромным чёрным барабаном, смотрит в одну точку, как загипнотизированный, и колотит по нему самым диким образом, подобно тому, как по слухам, делают туземцы в Африке. Один мужчина из поисковой группы, Фэннер Кинг, направился у Куперу, чтобы поговорить с ним, но вдруг заметил что-то позади фермера и указал на это остальным. Они клялись, что за спиной Купера стояло огромное чудовище, ещё более ужасное, чем Жаба из Беркли, и самого богохульного облика. Должно быть, это было чудовище, которое служило моделью для фигуры на холме, потому что поисковики сказали: оно было чем-то похоже на паука, чем-то на краба и чем-то на призрак во сне. Тогда, увидев демона среди деревьев, фермер Кинг побежал прочь, а остальные последовали за ним. Не успели они отойти далеко, как услышали пронзительный, агонизирующий крик фермера Купера и ещё один звук, похожий на рёв какого-то огромного зверя, в то время как стук чёрного барабана прекратился. Через несколько минут они услышали звук крыльев, похожий на хлопанье огромной летучей мыши, который затих вдали. Им удалось добраться до Камсайд-Лейн и вскоре вернуться в деревню, чтобы рассказать о судьбе несчастного

Купера.

Хотя это случилось два года назад, я не сомневаюсь, что демон всё ещё жив и, должно быть, бродит по лесу в ожидании неосторожных путников. Может быть, он всё ещё приходит в деревню, потому что все те, кто отправился в лес искать Фэннера Купера, с тех пор видели сны о том чудовище, а один недавно умер, клятвенно утверждая, что какая-то тварь заглянула к нему в окно и забрала его душу. Я не знаю, что это такое. Думаю, что это демон, направленный из ада Сатаной; но мистер Дэниел Дженнер, который читает много книг по истории региона, говорит, что это должно быть именно то, что римляне нашли за каменной дверью в поселении, находившемся здесь задолго до их вторжения. Во всяком случае, молитвы против Сатаны, по-видимому, мало влияют на него, так что это должно быть нечто совершенно отличное от монстров, которые обычно беспокоят добропорядочные христианские общины. Возможно, он погибнет, если моя паства будет держаться подальше от леса. Но до меня доходят странные слухи, что сэр Гилберт Морли, который несколько лет назад поселился неподалеку от Севернфорда, считает себя способным подчинить Дьявола с помощью чёрной магии и надеется, что

его богохульные занятия помогут ему справиться с лесным чудовищем».

На этом ссылки на легендарного лесного охотника заканчивались, но мне казалось маловероятным, что это была единственная возможная легенда о нём. Упоминание в конце истории попыток какого-то колдуна 18-го века подчинить себе существо звучало как указание на какой-то рассказ о фактическом результате экспериментов Морли, и я легко мог потратить час на поиск продолжения этого мифа. Конечно, чтение «Некрономикона», не сделало меня легковерным по отношению к вымышленным чудовищам, но это может стать хорошей темой для разговора, когда я доберусь до своего друга в Камсайде, и, возможно, я даже смогу посетить дом сэра Гилберта Морли, если что-нибудь осталось от него и если такой человек вообще когда-либо существовал.

Решив заняться поисками легенды, которая, как я был уверен, должна где-то пересказываться, я попросил библиотекаря выбрать все книги, которые могли бы помочь мне в моих поисках. В окончательный список вошли «Долина Беркли», Уилшира, «Легенды и обычаи долины Северн», Хилла и «Заметки о колдовстве в Монмутшире, Глостершире и регионе Беркли», Сангстера. За-

быв о своём первоначальном исследовании, я принялся читать эти книги, не без содрогания просматривая отдельные отрывки и иллюстрации.

Книгу Уилшира я вскоре отбросил. Помимо обычных историй о женских видениях и земных монахах, единственными легендами, которые касались сверхъестественного, являлись легенды о Ведьме из Беркли и Жабе из Беркли. Последняя легенда, хоть и отвратительная, имела дело с жестоким чудовищем, которое содержалось в темнице и питалось человеческими трупами. Но это не имело отношения к истории с фермером. Однако книги Хилла и Сангстера оказались более продуктивными. Различные отрывки, некоторые занимали более одной целой страницы, рассказывали о странных тварях, замеченных неосторожными путниками в районе Северна. И всё же я не мог себе представить, что всё, о чём говорят в округе, может иметь отношение к моим теперешним поискам. Затем я случайно наткнулся на отрывок из сочинения Сангстера, который мог быть ничем иным, как ссылкой на случай, который меня интересовал. Отрывок начинался с почти точного описания событий, о которых я уже читал, и он продолжался следую-

щим образом:

«Что это за существо было на самом деле, откуда оно пришло и почему до сих пор не слышно никаких легенд о нём, — вот вопросы, которые задаст читатель. На всё есть смутные ответы. Оно, предположительно, было Бьятисом, дочеловеческим существом, которому поклонялись как божеству. Оно было освобождено, согласно легенде, римскими солдатами из-за каменной двери в поселении неопределённого происхождения, построенном задолго до прихода римлян в Британию. Что касается того, почему не найдено легенд, предшествовавших открытию фермера Купера — говорят, что таковые на самом деле существовали, но в такой неузнаваемой форме, что их не связывали с более поздними рассказами. По-видимому, ужасающая Жаба Беркли была тем же существом, что и божество Бьятис; действительно, хотя у этого чудовища имеется только один глаз, оно, когда его хоботок время от времени втягивается, напоминает своими очертаниями жабу. О том, как Бьятис был заключен в темницу в Беркли, и как он в итоге сбежал, в легенде не говорится. Он обладал некоторой гипнотической силой, так что, возможно, он околдовал кого-то из солдат, заставив того открыть дверь, хотя вполне

вероятно, что эта сила использовалась только для того, чтобы делать своих жертв беспомощными.

После встречи с фермером, Бьятиса, наконец, призвал к себе из леса некий сэр Гилберт Морли, владелец замка Норман, что давно стоит в запустении неподалеку от Севернфорда. Упомянутого Морли довольно долго избегали все, кто жил поблизости. Не было никаких особых причин для этого, но считалось, что он заключил договор с Сатаной, и людям не нравилось, как летучие мыши собирались у окна одной из комнат башни, а также соседей беспокоили странные фигуры, которые появлялись в тумане, часто возникавшем в долине.

Во всяком случае, Морли пробудил ужас в лесу от мучительного сна и заточил его в подвальной комнате своего огромного особняка на Беркли-Роуд, от которого теперь не осталось и следа. Пока Бьятис находился под властью мага, он мог использовать присущую ему космическую энергию и передавать послания Ктулху, Глааки, Даолоту и Шуб-Ниггурат.

Предполагалось, что Морли заманивал путников в свой особняк, где ему удавалось подвести их к подвалу и запереть в нём; когда жертв не находилось, он отправлял тварь на самостоятель-

ный поиск пищи. Пару раз опаздывающие домой люди теряли дар речи от ужаса при виде Морли в небе, а впереди него летело страшное крылатое существо. Вскоре магу пришлось переправить его в замок и запереть в тайной комнате под землёй; он вынужден был сделать это, потому что, согласно легенде, существо стало слишком большим, чтобы жить в подвале особняка — от такого питания оно постоянно увеличивалось в размерах. Здесь оно оставалось днём, а с наступлением темноты Морли открывал потайную дверь и выпускал его на волю, чтобы оно искало себе пропитание. Оно возвращалось до рассвета, и маг тоже приходил в замок в это время, чтобы вновь заключать Бьятиса в комнате. На двери имелась какая-то магическая печать, поэтому существо не могло выйти самостоятельно. Однажды, заперев ужас в комнате, Морли исчез и больше не возвращался. (Поисковики не нашли никаких признаков открытой двери). Замок, теперь оставленный без присмотра, медленно разрушается, но тайная комната, по-видимому, осталась нетронутой. Согласно легенде, Бьятис всё ещё скрывается внутри неё, готовый проснуться и освободиться, если кто-то сможет открыть дверь с хитрым замком».

Об этом я прочитал в книге Сангстера. Прежде чем продолжить, я попросил библиотекаря поискать данные о существе по имени Бьятис в том запертом книжном шкафу. Наконец, он показал мне следующий фрагмент, обнаруженный им в книге Принна «De Vermis Mysteriis»:

«Бьятис, змееборотый бог забвения, пришёл с Великими Древними со звёзд, призван поклонением его образу, который был принесён Глубоководными на Землю. Его можно вызвать, если живое существо коснётся его изображения. Его взгляд омрачает сознание человека; и сказано, что те, кто посмотрят в его глаза, будут вынуждены отправиться в его когти. Он пожирает тех, кто забредает к нему. Бьятис черпает часть жизненной силы у своих жертв, и за счёт этого он становится крупнее».

Итак, я прочёл в книге Людвига Принна ужасные богохульства, не замедлил закрыть её и вернуть библиотекарю, когда убедился, что больше ничего о Бьятисе в ней нет. Я также вернул ему все остальные сочинения, поскольку Принн был последним, кто упоминал это страшное и загадочное существо. В этот момент я случайно взглянул на часы и увидел, что потратил на свои исследования гораздо больше времени, чем

намеревался. Вернувшись к оригиналу книги священника из Беркли, я быстро переписал фрагменты, которые ещё не скопировал по просьбе своего друга, и покинул музей.

Было около полудня, и я намеревался проехать от музея прямо до Камсайда, преодолев как можно большее расстояние в дневное время. Бросив блокнот в бардачок, я завёл двигатель и вырулил на дорогу. В том направлении, куда я ехал, машин было меньше, чем в противоположном, но прошло некоторое время, прежде чем я оказался на окраине Лондона. Далее я мчался, не особенно задумываясь о пейзаже, мелькающем за ветровым стеклом, и не особо замечал приближение темноты, но, выйдя из придорожного кафе, где я остановился перекусить, я заметил, что стало совсем темно. Когда я продолжил путь, всё, что я мог видеть — два жёлтых круга от моих фар, что маячили на дороге впереди или скользили через изгородь на каждом повороте. Но когда я приблизился к Беркли, меня стали преследовать мысли о нечестивых обрядах, которые совершались в этом регионе в древние времена. Проезжая через город, я вспомнил ужасные истории, что рассказывали о нём, о прокажённом, распухшем чудовище, похожем на жабу, которого держали

в темнице, и о Ведьме из Беркли, с гроба которой необъяснимым образом упали цепи, прежде чем труп вышел наружу. Конечно, всё это были лишь суеверные фантазии, и меня они не особо беспокоили, хотя в книгах, которые я читал в тот день, они упоминались с такой доверчивостью; но отблески, которые теперь бросал свет фар на окрестности, на неосвещённые чёрные дома и влажные облупленные стены, никак меня не успокаивали.

Когда я, наконец, въехал на подъездную дорожку к дому моего друга, он ждал меня с фонарём, чтобы указать путь, мои фары забарахлили ещё между Камсайдом и Брайчестером. Он проводил меня в дом, заметив, что мне, должно быть, пришлось нелегко добираться до него через неосвещённые переулки, и я мог только согласиться с этим. Уже приближалась полночь, я приехал намного позже, чем намеревался из-за того, что потратил на исследования в музее много времени, и после лёгкого ужина и разговора с другом я отправился в свою комнату, чтобы отоспаться от последствий этого суматошного дня.

На следующее утро я достал из машины блокнот с информацией, переписанной в музее, и вспомнил о своём намерении посетить развалины

замка Морли. Мой друг, хоть и мог передвигаться по дому, не мог покидать его надолго, а так как сегодня днём он будет работать над своей будущей статьёй, у меня появится возможность разыскать этот замок. Отдав ему блокнот, я мимоходом упомянул, что после обеда собираюсь прогуляться по окрестностям, и спросил, не может ли он посоветовать мне какие-нибудь интересные места.

— Ты мог бы съездить в Беркли и прогуляться там, — посоветовал он. — Там много чего сохранилось от прежних времен, только я не стал бы задерживаться в Беркли слишком долго из-за туманов. У нас, вероятно, будет тоже самое сегодня вечером, и эти туманы действительно плохие — я, конечно, не хотел бы водить машину в таких условиях.

— Я тут подумал, — неуверенно объявил я, — отправиться в Севернфорд, чтобы попытаться найти тот замок, где должен находиться в заточении фамильяр колдуна. Интересно, ты знаешь, где это? Им владел некто по имени Морли — сэр Гилберт Морли, который, по-видимому, состоял в сговоре с дьяволом или что-то в этом роде.

Казалось, моего друга шокировали эти слова, он выглядел странно встревоженным от того, что я упомянул это место.

— Послушай, Пэрри, — сказал он, — мне кажется, я слышал об этом Морли; есть одна ужасная история, которая связывает его с исчезновением младенцев в наших краях в 1700-х годах, но я предпочёл бы больше ничего о нём не говорить. Когда ты поживёшь здесь немного и увидишь, как все жители запирают двери своих домов в определённые ночи и размещают знаки на земле под окнами, потому что в такие ночи здесь бродит дьявол, и когда ты услышишь, как что-то пролетает над домами, когда все заперлись, и на улице никого нет, тогда у тебя не появится интереса к таким вещам. У нас есть помощница по дому, которая верит во всё это, и она всегда делает знаки для нашего дома, так что, я думаю, именно поэтому дьявол всегда пролетает мимо нас. Но я бы не стал искать места, которые были загрязнены колдовством, даже если бы я был защищён.

— Боже милостивый, Скотт, — упрекнул я его, смеясь, но несколько встревоженный тем, как он изменился с тех пор, как переехал жить в деревню, — неужели ты веришь, что эти звёздные знаки, которые они здесь делают, могут иметь какой-то полезный эффект против зла? Ну, если ты так стремишься сохранить мою голову, я

просто спрошу кого-нибудь из жителей деревни, я не думаю, что у них будет такой неуместный инстинкт самозащиты, как у тебя.

Скотта это не убедило.

— Ты же знаешь, что раньше я был таким же скептиком, как и ты сейчас, — напомнил он мне. — Неужели ты не понимаешь, что это должно быть чем-то радикальным, раз уж оно изменило моё мировоззрение? Ради Бога, поверь мне, не ищи ничего, что могло бы тебя убедить!

— Повторяю, — сказал я, раздосадованный тем, что запланированное мной приятное приключение может спровоцировать ссору, — мне просто придется спросить кого-нибудь из жителей деревни.

— Ладно, ладно, — раздражённо перебил меня Скотт. — На окраине Севернфорда есть замок, предположительно принадлежавший Морли, где он держал какое-то чудовище. Очевидно, однажды Морли оставил его взаперти и больше не вернулся, чтобы выпустить. Кажется, Морли был унесён элементалем, которого он вызвал. Чудовище всё ещё ждёт, как говорят люди, какого-нибудь идиота, что явится искать неприятности и снова его освободит.

Не упустив смысла последнего замечания, я

спросил:

— Как мне добраться до замка из Севернфорда?

— Послушай, Пэрри, разве этого недостаточно? — запротестовал мой друг, нахмурившись. — Ты теперь знаешь, что легенда о замке правдива, так зачем идти дальше?

— Я знаю, что история о существовании замка правдива, — возразил я, — но не уверен, существует ли подземная комната. И всё же я полагаю, что люди в Севернфорде знают…

— Если ты должен идти и продать свою душу дьяволу, — наконец сказал Скотт, — то замок находится на другой стороне Севернфорда, если смотреть со стороны реки, на возвышенности есть небольшой холм, я полагаю, ты бы назвал его холмом, он недалеко от Коттон-Роу. Но послушай, Пэрри, я вообще не понимаю, зачем ты едешь в это место. Ты можешь не верить в это существо, но жители деревни не приближаются к этому замку, и я тоже. Предполагается, что у этого существа есть какие-то невероятные способности — если ты всего лишь увидишь его глаз, то тебе сразу придётся отдать ему себя. Я не верю во всё это буквально, но я уверен, что в замке есть что-то ужасное.

Было совершенно очевидно, что друг искренне

верит всему, что говорит, и это только укрепило мою решимость посетить замок и произвести тщательный осмотр. После окончания нашего спора разговор стал несколько натянутым, и до того, как подали обед, мы оба читали книги. Покончив с едой, я взял из своей комнаты фонарик и, сделав другие приготовления к путешествию, поехал в направлении Севернфорда.

После короткой поездки по шоссе A38 и Беркли-Роуд я обнаружил, что мне придется проехать через сам Севернфорд, а затем развернуться, если я хочу припарковать машину рядом с замком. Проезжая через Севернфорд, я заметил над церковным крыльцом каменный барельеф, изображающий ангела, держащего большой предмет в форме звезды перед съёжившейся жабоподобной горгульей. Сгорая от любопытства, я остановил машину и направился по заросшей мхом дорожке между двумя почерневшими столбами, чтобы поговорить с викарием. Он был рад увидеть незнакомца в своей церкви, но насторожился, когда я сказал ему, зачем пришёл.

— Не могли бы вы объяснить мне, — спросил я, — что означает эта странная резная картина над вашим крыльцом — та, что изображает жабу-чудовище и ангела?

Казалось, мой вопрос слегка встревожил викария.

— Очевидно, торжество добра над злом, — предположил он.

— Но почему ангел держит в руках звезду? Наверное, крест подошёл бы лучше.

Викарий кивнул.

— Меня это тоже беспокоит, — признался он, — потому что это похоже на уступку здешним суевериям. Местные жители говорят, что первоначально барельеф не являлся частью церкви, но был принесён сюда одним из первых приходских священников, который никогда не раскрывал, где он нашёл его. Говорят, что звезда эта — та же самая, которую они должны использовать в канун Дня Всех Святых, и что ангел — вовсе не ангел, а существо — из какого-то другого мира. А что касается жабы — говорят, она представляет собой так называемую Жабу Беркли, которая всё ещё ждёт освобождения! Я пытался снять этот барельеф, но люди не позволили, пригрозили вообще не ходить в церковь, если я его сниму! Оказывался ли кто-нибудь из служителей в таком положении?

Я вышел из церкви, чувствуя себя довольно неуютно. Мне не понравилось упоминание о

том, что барельеф не является частью церкви, поскольку это, несомненно, означало бы, что легенда была более распространена, чем я думал. Но, конечно, барельеф являлся частью здания, а то, что он когда-то был отдельным — лишь искажение легенды. Я не оглянулся, чтобы ещё раз взглянуть ни картину с ангелом, когда отъезжал от церкви, ни на викария, который вышел наружу, чтобы осмотреть барельеф.

Свернув с Милл-Лейн, я проехал по Коттон-Роу. Когда я повернул за угол и оставил позади ряд пустующих коттеджей, передо мной появился замок. Он располагался на вершине холма, три стены всё ещё стояли, хотя крыша давно обвалилась. Одинокая башня казалась обугленным пальцем на фоне бледного неба, и я на мгновение задумался: не та ли это башня, вокруг окна которой когда-то давно кружили летучие мыши? Затем я остановил машину, вынул ключ зажигания, захлопнул дверцу и стал подниматься по склону.

Трава была покрыта капельками воды, а горизонт выглядел очень расплывчатым из-за надвигающегося тумана. Влажная земля затрудняла моё продвижение, но через несколько метров я увидел каменную лестницу, по которой

я и поднялся. Ступеньки покрывал зеленоватый мох, и в некоторых местах я будто бы различал слабые следы, настолько нечёткие, что я не мог определить их форму, а только чувствовал, что с ними что-то не так. Я не имел ни малейшего представления о том, кто их мог оставить, ибо отсутствие жизни вблизи замка было чрезвычайно заметно; единственным движущимся объектом оказалась случайная распухшая птица, она вылетела из развалин, испугавшись моего появления.

От замка на удивление мало что осталось. Большую часть пола покрывали обломки упавшей крыши, и то, что можно было разглядеть под ними, не указывало на присутствие какой-либо тайной комнаты. Затем меня осенило, я поднялся по лестнице, ведущей в башню, и осмотрел поверхность у основания винтовой лестницы, но ступеньки оказались всего лишь каменными плитами. Пока я осматривал башню, в голову мне пришла новая мысль — может быть легенда, что тюрьма чудовища находится под землей, ошибочна? Но дверь наверху башни распахнулась достаточно легко, открывая моему взору узкую, пустую комнату. Моё сердце неприятно сжалось, когда, пройдя дальше, чтобы осмотреть всю комнату, я увидел под окном вместо крова-

ти гроб. С некоторым трепетом я придвинулся ближе и заглянул в него и, кажется, вздохнул с облегчением, когда увидел, что гроб, дно которого было засыпано землёй, оказался пустым. Должно быть, это было какое-то причудливое подобие усыпальницы, хотя и располагалось оно явно неортодоксально. Но я не мог не вспомнить, что тучи летучих мышей собирались у окна какой-то башни в этом замке, и здесь, казалось, существовала подсознательная связь, которую я не мог понять.

Довольно быстро покинув комнату в башне, я спустился по лестнице и осмотрел землю со всех сторон замка. Я не увидел ничего, кроме щебня, хотя в одном месте я заметил странный знак, нацарапанный на каменной плите. Если дверь в потайную комнату не находилась под остатками рухнувшей крыши, то её, очевидно, вообще не существовало; и после десяти минут перетаскивания каменных обломков в сторону, единственным результатом которых стали сломанные ногти и покрывшая меня пыль, я понял, что нет никакого способа узнать, действительно ли дверь завалена обломками. Во всяком случае, я мог вернуться в дом и указать Скотту, что никакое злобное существо не утащило меня в своё

логово; и, насколько мне удалось, я доказал, что в замке нет никаких признаков тайной комнаты.

Я начал спускаться по каменной лестнице, которая вела к дороге, глядя на мягко изгибающиеся зелёные поля, которые теперь быстро расплывались в приближающемся тумане. Вдруг я споткнулся и упал на одну ступеньку. Я упёрся в камень над собой, чтобы подняться — и чуть не свалился в зияющую яму. Я стоял, пошатываясь, на краю открытого люка; оказалось, что ступеньки служили дверью, а камень, который я выбил с места, запирал её. Каменная лестница вела во тьму, вниз к невидимому полу комнаты неопределённой протяжённости.

Вытащив фонарик, я включил его. Моему взору открылась квадратная комната размером всего лишь шесть на шесть метров, совершенно пустая, если не считать маленького чёрного куба из какого-то металла. Стены там были из тусклого серого камня, покрытого трещинами, из которых росли листья бледных папоротников. В комнате не имелось абсолютно никаких признаков жизни, как, впрочем, и того, что в ней когда-либо обитало какое-либо животное, за исключением, пожалуй, особого запаха, похожего на смесь запахов рептилий и разложения. Удушающий смрад в течение

минуты исходил из только что открытого люка.

Казалось, во всей комнате не было ничего интересного, за исключением маленького чёрного куба, лежавшего в центре пола. Убедившись, что лестница выдержит мой вес, я спустился по ней и добрался до куба. Опустившись на колени рядом с ним на покрытый оспинами серый пол, я осмотрел кусок чёрного металла. Я поскрёб куб перочинным ножом, и он приобрёл странный фиолетовый блеск, который навёл меня на мысль, что металл просто покрылся чёрным налётом. На поверхности куба были вырезаны иероглифы, один из которых я узнал — он упоминался в «Некрономиконе», как защитный знак против демонов. Перевернув куб, я увидел, что на нижней стороне находится один из тех звездообразных символов, которые были так распространены в деревне. Эта вещица станет отличным доказательством того, что я действительно побывал в замке с привидениями. Я поднял куб, обнаружив, что он на удивление тяжёлый — как кусок свинца такого же размера — и зажал его в руке.

Но, сделав это, я выпустил на свободу ту мерзость, что заставила меня в миг вскарабкаться по скрипучей лестнице и бешено помчаться вниз по склону, на Коттон-Роу и в свою машину. Мучаясь с

застрявшим ключом зажигания, который я сперва вставил не той стороной, я оглянулся и увидел непристойно вытянутую конечность, торчащую из пропасти на фоне быстро приближающегося тумана. Наконец, ключ скользнул в гнездо, и я с такой силой рванул прочь от увиденного кошмара, что коробка передач завизжала. Пейзажи в нервном темпе проносились мимо меня, каждая тень в тусклом свете фар казалась несущимся демоном, пока машина не свернула на подъездную дорожку к дому Скотта. Я едва смог остановиться, чуть не врезавшись в двери гаража.

Входная дверь поспешно распахнулась при моём неистовом появлении. Скотт поспешно вышел из прямоугольника света, создаваемом лампой в холле. К этому времени я уже почти терял сознание от ужасного зрелища в яме и безумной гонки после этого, так что ему пришлось поддержать меня, когда я, пошатываясь, преодолевал коридор. Оказавшись в гостиной и подкрепившись изрядной порцией бренди, я принялся пересказывать события того дня. Прежде чем я добрался до ужасов замка, мой друг с тревожным видом наклонился вперёд, а затем издал стон ужаса, когда я заговорил о гробе в башне. Когда я описал то ужасное откровение, что обрушилось на меня

в подземной комнате, его глаза расширились от ужаса.

— Но это же чудовищно! — ахнул он. — Ты хочешь сказать… легенда гласит о том, что Бьятис растёт с каждой жертвой, и, в конце концов, он мог забрать и Морли, но то, что ты говоришь, возможно…

— Я видел его достаточно долго, прежде чем понял, что оно такое, и запомнил все детали, — сказал я Скотту. — Теперь я могу лишь выжидать до завтра, когда я смогу достать взрывчатку и уничтожить эту тварь.

— Пэрри, ты же не собираешься снова идти в замок? — недоверчиво спросил он. — Боже мой, после всего, что ты видел, у тебя наверняка должно быть достаточно доказательств, чтобы не возвращаться туда за новыми!

— Ты только слышал обо всех этих ужасах, — напомнил я Скотту, — а я видел их, поэтому если я не уничтожу эту тварь сейчас, она будет преследовать меня. Я буду постоянно помнить о том, что однажды эта жаба может вырваться из своей тюрьмы. На этот раз я возвращаюсь туда не ради удовольствия, а с настоящей целью. Мы знаем, что это чудовище ещё не может сбежать, но, если его оставить, оно может снова заманить к себе

жертв и вернуть свою силу. Мне не нужно смотреть в его глаз, чтобы сделать то, что я собираюсь. Я знаю, что никто здесь и близко не подойдёт к замку, даже соседние коттеджи пустуют, но предположим, что кто-то ещё подобно мне услышит об этой легенде и решит проверить её? Но на этот раз, как ты понимаешь, дверь будет открыта.

На следующее утро мне пришлось проехать несколько миль, прежде чем я обнаружил, что купить взрывчатку негде. В конце концов, я купил несколько канистр бензина и надеялся, что горючая жидкость уничтожит инопланетного монстра. Когда я зашёл в дом Скотта за своим багажом — я планировал сразу вернуться в Лондон после того, как закончу свою работу в замке, потому что не хотел быть подозреваемым, когда местная полиция будет наводить справки, — ко мне подошла его служанка и вручила мне странного вида камень в форме звезды, который, по её словам, будет блокировать волю Бьятиса, пока я разливаю бензин. Поблагодарив её, я попрощался со Скоттом, сел в свою машину и выехал на дорогу. Оглянувшись, я увидел, что Скотт и женщина с тревогой наблюдают за мной из окна гостиной.

Канистры с бензином на заднем сиденье ударялись с отвратительным звоном, заставляя

меня нервничать, пока я пытался придумать лучший план своих действий в замке. Я ехал в противоположном направлении, потому что не хотел проезжать через Севернфорд; во-первых, я хотел как можно скорее добраться до замка и покончить с ненормальностью, которая терзала мой разум, и, кроме того, мне не хотелось снова проезжать мимо резного изображения жабы-ужаса над церковным крыльцом. Этот маршрут оказался короче, и вскоре я уже выставил канистры с бензином на траву у обочины.

Их доставка к зияющей яме на холме отняла у меня много сил и времени. Положив зажигалку на край каменной лестницы, я открыл канистры. Я расставил их вокруг ямы, а затем окунул в бензин кусок фанеры, найденный в гараже Скотта. Затем я поспешно столкнул канистры в яму, и бросил вслед за ними импровизированный факел.

Думаю, я успел как раз вовремя, потому что, когда я сбрасывал открытые канистры в яму, огромный чёрный объект поднялся над её краем, а когда бензин и кусок фанеры ударили по нему, он отпрянул, подобно улитке — когда та соприкасается с солью, её усики с глазами тут же укорачиваются. Затем снизу донесся протяжный

шипящий звук, смешанный с ужасным низким рычанием, который нарастал в интенсивности и высоте, прежде чем смениться отталкивающим бульканьем. Я не осмеливался взглянуть вниз на чудовище, что должно было кипеть в жидкой агонии на дне ямы, но то, что поднималось над люком, выглядело достаточно ужасно. Тонкие зеленоватые спирали газа вырывались из проёма и собирались в плотное облако примерно в пятнадцати метрах над моей головой. Возможно, это было лишь действие какого-то обезболивающего свойства газа, которое усилило моё воображение, но облако, казалось, сгустилось в одной точке над землёй в большую раздутую жабоподобную форму, которая, вспорхнув на огромных крыльях летучей мыши, направилась на запад.

Таким был мой последний взгляд на замок и его болезненно искажённое окружение. Спускаясь по каменным ступеням, я не оглядывался, а направляясь домой, не сводил глаз с дороги, пока далеко на горизонте не показался сверкающий Северн. До тех пор, пока лондонское движение не сомкнулось вокруг меня, я не думал о чудовище как о своем преследователе, и даже сейчас я не могу перестать думать о том, что увидел после того, как поднял металлический куб с пола той

комнаты в замке.

Когда я поднял куб, под моими ногами началось странное движение. Посмотрев вниз, я увидел, что пол стал наклоняться, и мне удалось ухватиться за каменную перекладину как раз перед тем, как пол ушёл в сторону. Он служил балансирующей дверью в ещё более обширную комнату. Поднявшись до середины лестницы, я осторожно всматривался в темноту под собой. Из неё не доносилось ни звука, и я не замечал никакого движения во тьме, пока не попытался покрепче ухватиться за лестницу, но, сделав это, я нечаянно уронил металлический куб, и он с влажным стуком упал на кого-то в той черноте.

Я услышал, как нечто начало скользить внизу, издавая звуки, похожие на чавканье резины, и пока я, парализованный ужасом, всматривался во тьму, из-под края стены выскользнуло что-то чёрное и начало расширяться вверх, слепо ударяясь о стены малой, верхней комнаты. Больше всего это напоминало гигантскую змею, но безглазую и безликую. Я растерялся: какое отношение к Бьятису может иметь эта колоссальная аномалия? Являлся ли этот подвал пристанищем какого-то другого существа из иной сферы, или Морли вызвал демонов извне через запретные врата?

Потом я всё понял и издал один-единственный вопль ужаса, выскакивая из зловещего подвала. Я слышал, как тварь бессильно ударилась о тюремные стены, но я уже знал, почему она не может выбраться. Один раз я оглянулся. Непристойная чёрная конечность судорожно тянулась к краю ямы, нащупывая добычу, которую она почувствовала в своём логове за мгновение до этого, и я рассмеялся в безумном ликовании, потому что знал, что тварь продолжит бездумные поиски, пока не обнаружит, что ничего не может достать. «Существо стало слишком большим, чтобы жить в подвале особняка», — писал Сангстер, но он не упомянул, насколько увеличивалось оно в размере после поедания каждой жертвы…

Ибо змееподобная тварь, которая тянулась ко мне, тварь, толщиной с человека, и невероятно длинная, оказалась всего лишь лицевым щупальцем мерзкого Бьятиса.

Перевод: А. Черепанов

Рэмси Кэмпбелл

Насекомые с Шаггаи

Ramsey Campbell «The Insects from Shaggai», 1964

I: Местонахождение конуса

Возможно, было бы лучше, если бы я максимально потратил ближайшие несколько часов на веселье, но почему-то я чувствую себя обязанным записать некоторые объяснения для моих друзей, даже если они не поверят в это. В конце концов, я не совсем подавлен — только потому, что я не должен быть живым после захода солнца, когда перережу себе вены на запястьях. Конечно, определённо мой читатель будет испытывать недоверие, но истина в том, что моё дальнейшее существование может представлять опасность для всего человечества. Но уже нет. Я расскажу свою историю с самого начала.

Когда я пью, то, как правило, становлюсь хвастливым и нетерпимым, так что, остановившись в отеле, что расположен в центре Брайчестера, я решил следить за собой и по мере возможности держаться подальше от бара. Но один из местных — учитель средних лет, который много читал —

слышал о Рональде Ши и очень любил некоторые из моих фантастических рассказов. Таким образом, он привел меня в бар, обещая, что расскажет мне все легенды долины Северн, которые могли бы стать сюжетами для моих будущих рассказов. Первые несколько историй помогли мне войти в лёгкое состояние алкогольного опьянения, а затем учитель внезапно начал рассказывать то, что не было похоже на обычную историю о ведьмах. К концу этой истории я был вынужден признать, что она, по крайней мере, оригинальна.

— В лесу возле Гоутсвуда, — начал мой собеседник, — деревья растут очень густо ближе к центру. Конечно, не так много народу ходит туда, хотя существует слишком большое количество историй о самом Гоутсвуде, и это привлекает чужаков, но в середине леса есть одна поляна. Должно быть, это место очистили римляне для храма в честь какого-то их божества: думаю, что для Великой Матери, но я не пытался выяснить это. Во всяком случае, примерно в 1600-х годах нечто, похожее на метеорит, однажды ночью упало на эту поляну. В ту ночь произошло довольно много необычных событий — радуги из света в небе, и луна покраснела, согласно книгам, которые я видел. Падение этого метеорита было

слышно на многие километры вокруг, но никто не отправился посмотреть на него; были какие-то попытки собрать поисковые партии в Брайчестере и Камсайде, но дело заглохло.

Вскоре после этого на ту поляну начали ходить люди, но люди не обычные. Эта поляна стала местом встречи и шабаша ведьм; в ритуальные ночи они совершали там Чёрную Мессу и кровавые жертвоприношения, и вскоре сельские жители стали говорить, что ведьмы больше не поклоняются Сатане; они поклоняются метеориту. Конечно, местные священники сказали, что этот метеорит, вероятно, был прислан из ада. Никто не мог сказать, что самолично видел эти обряды на поляне, но многие всё еще говорили, что нечто вышло из метеорита в ответ на молитвы ведьм.

Затем кто-то пришёл на эту поляну спустя много лет после того, как Мэтью Хопкинс обнаружил шабаш и казнил всех собиравшихся там ведьм. Это был молодой человек, который посетил поляну при дневном свете, поспорив с кем-то, что сможет сделать это. Он не вернулся до наступления темноты, и другие люди стали беспокоиться. Молодой человек не возвращался до рассвета следующего дня, когда он прибежал в Брайчестер, крича что-то совершенно бессвязное, и местные

жители не смогли ничего из него выудить.

— И на этом месте, полагаю, история заканчивается, — прервал я учителя. — Кто-то видит безымянный ужас и больше не может никому рассказать о том, что он увидел.

— Вы ошибаетесь, мистер Ши, — возразил учитель. — Этот парень постепенно успокоился, так что через несколько дней он стал настолько тихим, что мы уже испугались, что он превратился в немого. В конце концов, он *успокоился* достаточно, чтобы отвечать на вопросы, но многое так и осталось без объяснений. Конечно, как вы говорите…

Очевидно, парень продирался через самую густую часть леса, когда услышал, что нечто идёт за ним по тропинке. Он сказал, что это были очень тяжёлые шаги, они издавали некое подобие металлического звука. Ну, он обернулся, но в этом месте тропа делала поворот, и парень не смог увидеть преследователя. Однако солнце освещало тропу, и нечто, находящееся прямо за поворотом, отбрасывало тень. Никто толком не понял, что там парень увидел, он сказал только, что оно было высокое как дерево, но не дерево, и двигалось в его сторону. Полагаю, что через мгновение молодой человек увидел бы его, но

он не стал ждать. Он побежал по тропинке в другую сторону. Он бежал, должно быть, некоторое время, так я думаю, потому что тропинка закончилась на той призрачной поляне. Это было совсем не то место, где он хотел бы оказаться.

Именно эта часть истории заинтересовала меня больше всего. Солнце клонилось к закату, и, может быть, это придавало сцене дополнительную жуткость. В любом случае, на этой просеке в лесу парень увидел металлический конус, стоящий в центре. Он был сделан из серого минерала, который не отражал свет солнца, а высота его составляла более девяти метров. На одной стороне конуса имелось некое подобие круглого люка, а на другой были высечены барельефы. Предположительно, парень сначала испугался этого конуса, но, наконец, решился подойти к нему. На краю поляны также находился длинный камень с прямоугольной лункой, выдолбленной в верхушке. Камень был окружён человеческими следами, а в лунке парень заметил высохшую кровь.

Боюсь, в этом месте история снова имеет пробелы. Он не смог описать эти барельефы на конусе, сказал лишь, что некоторые из них напоминали то, что он почти увидел на тропе, а другие — прочих существ. Молодой человек, так или иначе,

недолго рассматривал барельефы, но обошёл конус, чтобы взглянуть на люк. Казалось, что у люка нет никакого замка, непонятно было и то, как он открывался, и парень продолжил изучать его. Затем на него упала тень. Он поднял голову.

Это было всего лишь солнце, опускающееся за горизонт, но оно отвлекло внимание парня от люка. Когда же он повернулся обратно к конусу, люк был открыт нараспашку. И пока парень дивился новой картине, он услышал пульсирующий шум где-то над своей головой, в верхушке конуса. Он поведал людям, что изнутри доносился какой-то сухой шелест, который становился всё ближе. Затем парень увидел фигуру, вылезающую из темноты люка. Вот и вся история.

— Что вы имеете в виду? Это всё? — недоверчиво спросил я.

— Более или менее, да, — согласился учитель. — После этого рассказ молодого человека стал слишком бессвязным. Все, что я смог узнать, — нечто выползло из конуса и рассказало парню о своей жизни, и о том, чего оно хочет. Легенда намекает на то, что с парнем произошло нечто большее, на самом деле, говорят, его утащили с Земли в другие вселенные, но я ничего не знаю об этом. Он, должно быть, узнал историю жизни этих существ

из конуса, и некоторые события, попавшие в легенду, примечательны своей необычностью. На рассвете Дневные Хранители — так их называют в истории — выходят, чтобы предостеречь людей от посещения поляны или наоборот заманить их туда. Я точно не знаю. Хранители — этот тот вид существ, которые отбрасывают тень, которую видел тот парень на тропе. И наоборот, когда наступают сумерки, из конуса выходят другие его обитатели. Тому парню много чего рассказали, но всё это очень смутно.

— Да, *это* действительно смутно, не так ли? — сказал я многозначительно. — Слишком расплывчато — ужасы, которые слишком ужасны для описания, да? Скорее всего, тот, кто придумал эту байку, не имел достаточно воображения, чтобы описать тех существ, когда придёт время. Нет, извините, я не смогу использовать это в своих рассказах, мне придётся слишком много дописывать. Дело даже не основано на факте; очевидно, это выдумка кого-то из местных. Вы можете видеть несоответствия — если все так боялись этой поляны, почему этот парень вдруг встал и пошёл туда? К тому же, почему всё было так ясно, пока история не дошла до конкретного ужаса?

— Ну, мистер Ши, — заметил учитель, — не кри-

тикуйте меня. Спросите Сэма, он один из местных жителей, которые знают больше об этих вещах; на самом деле, это он рассказал мне легенду.

Учитель указал на деревенского старика, сидящего с пинтой пива возле барной стойки; я уже замечал его, он наблюдал за нами, пока мы разговаривали. Теперь он поднялся с табурета и подсел за наш стол.

— Ах, сэр, — возразил наш новый собеседник, — вы же не хотите глумиться над историями, которые у нас тут рассказывают, — сказал старик. — Я, как вы слышали, смеялся над тем, что наши сплетники рассказали тому парню. Он не верил в призраков и дьяволов, но это было до того, как он отправился в лес… Я не могу рассказать вам больше о том, что тот парень получил от твари из конуса, потому что они, как известно, хранят об этом молчание.

— Это не единственное, что касается поляны в лесу, — вмешался учитель. — У тех ведьм, которые проводили там собрания, были свои причины. Я слышал, что они получали определённую выгоду, посещая поляну — какое-то экстатическое удовольствие, как от приёма наркотиков. Связано ли это с тем, что случилось с парнем, когда он перешёл, знаете ли… когда он

словно перешёл в другую вселенную? Ничего не могу вам сказать, кроме того, что есть.

Ходят и другие истории, но они ещё более расплывчаты. Один путешественник, который забрёл туда однажды в лунную ночь, увидел что-то похожее на стаю птиц, взлетающих с поляны; но когда он снова посмотрел на них, существа размером с крупных птиц были уже чем-то другим. Затем немало людей видели огни, двигающиеся между деревьями, и слышали некую пульсацию вдали. А однажды люди нашли кого-то мёртвым на лесной тропе. Это был пожилой человек, поэтому не удивительно, что он умер от сердечной недостаточности. Но он выглядел так странно. Его глаза выражали ужас, смотря в сторону того, что ранее находилось на тропе. Нечто пересекло путь перед покойником, и что бы это ни было, его должно было быть достаточно, чтобы остановить сердце человека. Оно сломало ветви на высоте более пяти метров от земли.

Мы втроём так долго разговаривали, что я не осознавал, как сильно опьянел. Конечно же алкоголь придал мне храбрости, я встал из-за столика, и двое моих собеседников уставились на меня в изумлении. У двери к лестнице я повернулся и бездумно объявил: «Я пробуду здесь несколько

дней, и я не намерен смотреть, как вы все напуганы этими глупыми суевериями. Я пойду в лес завтра днём, и когда я найду это каменное образование, которого вы так боитесь, то отколю от него кусочек и принесу сюда, чтобы его можно было выставить в баре!»

На следующее утро небо было безоблачно, и до полудня я радовался, что погода не может быть истолкована как дурное предзнаменование хозяином гостиницы или подобными лицами. Но около двух часов дня туман начал покрывать район, и к двум тридцати солнце приняло вид подвешенного шара из раскалённого металла. Я должен был выйти в три часа, иначе я бы не дошел до поляны до наступления темноты. Я не мог отступить от своей намеченной цели, не выставив себя дураком перед теми, кто слышал моё хвастовство; завсегдатаи бара, несомненно, подумают, что довод об опасности похода в тумане будет лишь попыткой скрыть свою трусость. Поэтому я решил пройти немного вглубь леса, а затем вернуться и соврать, что не смог найти поляну.

Когда я добрался до леса, выжимая максимальную безопасную скорость из своего спортивного автомобиля, солнце стало просто мерцающим

круговым свечением в аморфно дрейфующем тумане. Намокшие деревья растягивались расплывчатыми колоннадами вдаль по обе стороны изрезанной колеями дороги. Однако учитель детально описал мне направление, и, не слишком сильно колеблясь, я вошёл в лес между двумя капающими деревьями.

II: Тварь в тумане

Между извилистыми арками из ветвей пролегала тропа, хотя она и не была ясно видна. В скором времени гнетущая атмосфера туннеля, искажённая стенами тумана, в сочетании с незнакомыми звуками, которые иногда проникали в звенящую тишину, вызвали у меня тревожное чувство благоговейного ожидания. Я не мог сказать, чего ожидал, но мой разум был полон намёков на какое-то надвигающееся событие ужасного значения. Мои глаза напрягались от усилий пронзить серую стену перед собой.

Незадолго до этого устойчивое дурное предчувствие стало невыносимым, и я сказал себе, что настало время вернуться в гостиницу с заранее подготовленным оправданием, и нужно успеть до темноты. Тропа не пересекалась с другими тропинками, так что я легко мог найти обратный

путь, даже в тумане. Это случилось, когда я развернулся, чтобы пойти назад, и остановился в нерешительности.

Мне показалось, что я почти столкнулся с деревом серого металлического цвета. Невысокое по сравнению с обычными деревьями этого леса, оно было около пяти метров в высоту с очень толстыми цилиндрическими ветвями. Затем я заметил, что его ствол разделён на два цилиндра у самой земли, а нижние концы этих цилиндров далее разделялись на шесть плоских круговых выступов. Это могло быть естественным искажением, и такая гипотеза была способна также объяснить странное расположение ветвей, повторяющихся кругом на верхушке ствола. Но я не мог придумать естественного объяснения, когда те ветви, что были ближе ко мне, внезапно вытянулись в мою сторону, словно пытаясь схватить меня, а с вершины того, что я принял за ствол, поднялся безликий овал, который наклонился ко мне, показывая открывающееся отверстие на верхушке.

Туман кружил вокруг меня, когда я бежал вслепую по тропинке, которая скользила под моими ногами и искривлялась в непредсказуемых местах. Я представлял себе, как этот гигант тяжело

ступает по лесу, пытаясь догнать меня, его щупальца раскачиваются в предвкушении жертвы, рот в верхней части этой безликой головы жадно открывается. Безмолвие леса раздражало меня; возможно, чудовище не преследовало меня, и в этом случае впереди меня должна была ожидать какая-то ещё более худшая судьба. Сколько таких существ может обитать в лесу? Как бы то ни было, они не являлись известными науке видами. А что если они поджидают меня в тихой засаде? Туман эффективно маскирует их, и размытое пятно, похожее на столб, может быть просто другим деревом.

Отчаяние следовало за моим перепуганным воображением, и, наконец, я прижался к стволу серого дуба, ожидая нападения любой формы ужаса. Изнурение, вызванное моим безумным бегством, притупило остроту страха, и довольно скоро я перестал в ужасе оглядываться на каждый звук, доносящийся из леса. Мои мускулы болели от этой сумасшедшей погони, физическая слабость вскоре объединилась с общей усталостью, и я внезапно упал и провалился в беспокойный сон. Вскоре я проснулся. Мне снилось, что лес, такой же, как был вокруг меня сейчас, превратился в армию титанов с овальными головами; но сон

продолжался достаточно долго, чтобы освежить мои силы.

Однако я не чувствовал себя благодарным за всё остальное. Туман почти улетучился; и из-за этого я мог видеть, что солнце уже близко к закату. Мне нужно было быстро выйти из леса; сон не избавил меня от воспоминаний о том, что я недавно видел, и в ночное время мой разум не мог бы выдержать напряжения от одиночества рядом с таким блуждающим безумием. Но я быстро понял, что больше не знаю, где выход из этого лабиринта ужаса, хотя окрестности были хорошо видны. Если бы я пошёл в неправильном направлении, я бы не узнал этого до темноты, когда все затаившиеся призраки леса могли приблизиться ко мне.

Однако было ещё более очевидно, что, поскольку никакая сосредоточенность не укажет мне правильный путь, я не должен больше тратить время на бесполезные раздумья, но идти в одном направлении, молясь, чтобы оно вывело меня из кошмара, в который я погрузился. Смутная интуиция подсказала мне, что путь налево приведёт меня к первоначальному маршруту, и я поспешно двинулся в ту сторону, пытаясь заглушить слабые предчувствия. Идя по лесу, я нигде

не видел узнаваемых ориентиров, хотя раз или два мне показалось, что искривлённый дуб имеет знакомую форму; но, учитывая, что путешествие вглубь леса было всего лишь ужасным бегством, неудивительно, что я ничего не помнил. Иногда отчаяние настигало меня, и я был уверен, что безликие деревянные колоссы никогда не позволят мне сбежать; но я как мог отбрасывал такие мысли.

Вскоре моя надежда усилилась. Если деревья начали редеть, а растительность стала реже, значит ли это, что я приближаюсь к краю леса? Если смотреть на положение солнца, то осталось совсем немного до наступления темноты, не более пятнадцати минут. И разве это не моя машина виднеется вдали между деревьями? В самом деле, что-то мерцало вспышками тусклого металла там, где тропа, казалось, заканчивалась, хотя пока я не мог разобрать никаких деталей. Я поспешил к тайному свечению на дороге — и вместо этого оказался на поляне.

Металлический конус высотой в девять метров, который возвышался на открытом пространстве, отражал свет только потому, что был покрыт влагой. Сделанная из тусклого минерала, его поверхность была покрыта ямками и рубцами от

невообразимых нагрузок. Пока я не мог видеть ту сторону конуса, что покрывали барельефы, передо мной не было ничего, кроме кругового выступа, очевидно, того самого люка из легенды. Но хотя эти нечестивые барельефы были скрыты от меня, то, что я мог видеть на всеми избегаемой поляне, было достаточно тревожным. На противоположной стороне стоял прямоугольный камень, верхняя поверхность которого была выдолблена и окрашена в тёмный цвет, и пятна на ней выглядели свежими, что не поддавалось логическому объяснению, хотя я не подходил к камню, чтобы проверить ужасную идею, которая пришла мне в голову. Никаких следов ног или чего-либо другого не было на грязной земле; не знаю, каких неестественных отпечатков я ожидал, но их отсутствие не успокоило меня. Я знал, что некоторые виды существ скрываются здесь на призрачной поляне; но кто может ходить, не оставляя следов?

Хотя мой страх был огромен, когда я наткнулся на это тайное место в лесу, любопытство в сочетании с определённым фатализмом побуждало меня исследовать конус. В конце концов, скоро наступит ночь, ещё задолго до того, как я найду путь к краю леса; бесполезно спасаться от

существ, ожидающих моей попытки бегства. В течение нескольких минут, которые мне оставались, я решил посмотреть, что было вырезано на противоположной стороне конуса; и поэтому я обошёл вокруг объекта, заметив слабый сухой шелест, который доносился откуда-то с поляны.

Я сразу же увидел изображения на изрытой серой поверхности и пожалел о своём желании рассмотреть их. Я могу описать их вместе с действиями, которые были показаны на барельефе. Из этого я сделал выводы, которые вскоре получили ужасное подтверждение. Но ни одно описание не способно передать явную ненормальность и чуждость этих изображений, ибо человеческий разум не может представить себе космическую неестественность, пока ему не покажут конкретные доказательства, которые он не сможет отрицать.

На барельефах было изображено пять различных рас существ. Наиболее часто встречался вид насекомых с определёнными инопланетными характеристиками, что означало их неземное происхождение. Часто показывалось, что эти существа манипулируют своеобразными цилиндрическими приборами, которые, похоже, проецировали тонкие лучи, уничтожающие всё

на своём пути. Другой инструмент — кристалл в виде коробочки, испускающий мерцающее лепестковое поле, — использовался для того, чтобы покорить противников — безликих существ с овальными головами, которые, по-видимому, были расой порабощённых тружеников, используемых для выполнения задач, требующих силы, которой не было у относительно слабой расы насекомых.

Это были не единственные существа, изображенные на поверхности конуса, но какая польза описывать их в этом месте истории? Вскоре после этого я увидел таких существ в их естественной среде, и такой опыт был бесконечно хуже, чем простое изображение кошмара. Достаточно сказать, что скульптуры были настолько грубы, что скрывали более отвратительные детали этих существ, зато воспроизведение их окружения было более подробным. Два солнца, которые беспрестанно вращались над сценами, были невероятно реалистичными, хотя ввиду их явной чуждости даже такая картина не могла сравниться с реальной сценой. Царапающие небо пилоны и пугающие своей формой купола городов, маячащих в отдалении, показывались только снаружи, и если где встречалось изображение конуса, то

также не изображалось, что находится внутри него.

Примерно тогда я заметил, что становится всё труднее видеть фигуры на поверхности конуса, и вздрогнул от ужаса, когда понял, что слишком увлёкся созерцанием барельефов, а солнце уже зашло за горизонт. Поляна стала пугающе тихой, подчёркивая шуршащий звук, который все ещё исходил откуда-то поблизости. Этот сухой звук, казалось, исходил сверху, и внезапно мне пришло в голову, что это был шум чего-то, спускающегося внутри конуса.

Внезапно шуршание прекратилось, и я напрягся, ожидая существо, что в любой момент могло появиться в районе изогнутого металлического круга. Я не сомневался, что это будет создание, выгравированное на металлических барельефах; вероятно, один из представителей всемогущей расы полунасекомых. Но какие ещё детали этого существа могут свести меня с ума, прежде чем оно увидит меня?

И именно в этот момент я услышал звенящий звук с противоположной стороны — звук открывающегося круглого люка.

III: Насекомые из конуса

Этот глухой звон исцарапанного люка, находящегося за пределами моего поля зрения, долгое время отдавался эхом, но когда он прекратился, из-за края конуса никто не появился. Всё, что можно было услышать, — шорох невидимого обитателя; теперь этот шорох смешивался со скребущим звуком, который неуклонно приближался.

Наконец, появилась фигура, хлопающая кожаными крыльями над землёй. За тварью, которая летела по направлению ко мне, следовала группа других, их крылья били по воздуху с невероятной скоростью. Несмотря на то, что они летели так быстро, я мог с усиленным восприятием ужаса разобрать гораздо больше деталей, чем хотел. Эти огромные, лишённые век глаза, которые глядели на меня с ненавистью, сочлененные усики, которые, казалось, скручивались на голове в космическом ритме, десять ног, покрытых чёрными сияющими щупальцами и сложенные в подбрюшье, и полукруглые ребристые крылья, все в треугольных чешуйках — это описание не может передать душераздирающий ужас формы, которая метнулась ко мне. Я видел, как, истекая

слюной, двигались *три* её рта, а потом тварь оказалась возле меня.

Я подумал, что ей как-то удалось пролететь над моей головой несмотря на то, что её ужасно плоское лицо мгновение назад почти столкнулось с моим; но я не ощутил никакого удара. Но когда я оглянулся, вокруг не было никаких признаков существ-насекомых, и пейзаж выглядел пустым. Другие твари из конуса не пытались напасть на меня, но хлопали крыльями на дальних деревьях. Мысли закрутились в моей голове, я наблюдал за их полётом, пытаясь понять, куда пропала главная тварь.

В следующий момент весь пейзаж, казалось, запульсировал и растаял, словно линзы моих глаз искривились в мучительном искажении. Затем я почувствовал его — то существо каким-то ужасным образом превратилось в паразита, и в тот момент, когда оно оказалось возле моего лица — оно вошло в моё тело и стало ползать *внутри моего мозга*. Именно из-за этого у меня исказилось зрительное восприятие.

Теперь, когда я оглядываюсь назад и вспоминаю своё первое ощущение чего-то, ползающего как червь по коридорам моего мозга, с несколько более высокой степенью объективности, я могу

только предположить, что существо не могло быть исключительно материальным, оно было построено из какой-то инородной материи, которая позволяла своим атомам существовать вместе с атомами моего тела. Но тогда я не мог думать ни о чём, кроме как о страшном паразите, который ползал там, куда мои царапающие пальцы не могли добраться.

О других событиях той ночи я могу только попытаться рассказать с некоторой степенью согласованности, поскольку мои впечатления после этого стали несколько запутанными. Должно быть, мой разум уже привык к чужеродному объекту в моём черепе, потому что, как ни удивительно, очень скоро я стал думать об этом состоянии, как о совершенно нормальном. Существо воздействовало на мои мыслительные процессы, и даже когда я стоял перед конусом, это насекомоподобное создание передавало мне свои воспоминания. Ибо пейзаж растаял вокруг меня, и я начал испытывать видения. Я словно плавал над сценами, как во сне курильщика гашиша, в таком же теле, как у этого ужаса из конуса. Миры выплыли из тьмы того, что казалось вечностью; я видел неописуемой отвратительных существ и не мог закрыть глаза, чтобы не смотреть на них.

И когда это существо овладело моим разумом, я начал видеть реальные сцены из жизни того экземпляра, который проник в меня.

Моему взору предстала местность из зелёных туманов, сквозь которые я летел, махая крыльями, над бескрайней поверхностью бурлящей воды. В какой-то момент туманы стали отплывать назад, и я поднялся над ними; зелёная разжиженная дымка раздувалась вокруг меня. Вдалеке высокий расплывчатый цилиндр упирался в невидимое небо; приблизившись к нему, я увидел, что это каменная колонна, выступающая из колеблющейся воды, выращенная твёрдыми, похожими на ракушки растениями. На каждой стороне колонны через равные промежутки имелись выступы странной формы. Казалось, не было никакой причины для ужаса, который бурлил во мне при виде этой колонны, но я намеренно облетел вокруг этого объекта на большом расстоянии. Когда туман снова стал скрывать колонну, я увидел огромную кожаную руку с длинными бескостными пальцами, высунувшуюся из воды, а следом за ней появилась рука со множеством суставов. Я увидел, что мышцы руки напряглись, как будто всё, из чего росла эта рука, готовилось вытащить себя из моря. Я отвернулся и полетел в

туман, потому что не хотел видеть, что появится над поверхностью.

Сцена растворилась и сменилась другой. Я полз по тропинке, которая пролегала между прозрачными алмазоподобными камнями. Тропа вела в долину, на дне которой располагалось странное чёрное здание, необъяснимо светящееся под пурпурным ночным небом той далёкой планеты. Здание с его безумно наклонной крышей и многогранными башнями не отличалось узнаваемой архитектурой, и я не знал, почему так целенаправленно приближался к нему. Мои когти громыхали по усыпанной камнями поверхности, которая стала чёрным мозаичным тротуаром перед зияющим входом в чёрное здание. Я вошёл туда. Мне пришлось пройти много извилистых коридоров, прежде чем я добрался до того, что искал — того, о чём на Шаггаи говорили, что оно такое могущественное, — и мне не нравилось то, что свисало с потолков в тёмных углах; но, наконец, я добрался до комнаты без окон в высокой чёрной башне. Я взял странный кусок металла, что лежал на центральной плите, и повернулся, чтобы покинуть комнату. Затем дверь в противоположной стене распахнулась, и я вспомнил легенду, что шептали у нас — о

хранителе этого оружия потерянной расы. Но я знал, как использовать всю мощь оружия, и на этом куске металла я сфокусировал умственные волны, чтобы разорвать в клочья многоногую пушистую тварь, которая выбежала из открытой двери. Его отвратительные усохшие головы качались на тощих волосатых шеях. Затем я с ужасом выскочил из неосвещённой башни, сжимая металлическое оружие, потому что, оглядываясь назад, я видел тварь со множеством голов; все её ноги на одной стороне тела сгорели, но всё еще тянулись ко мне.

Видение снова запульсировало и изменилось. Я стоял на высокой плите из какого-то красиво отполированного пластика, окруженный рядами самых тошнотворных существ, которые только можно вообразить. Они были овальными двуногими карликовыми тварями, высотой едва ли в полметра, без рук или головы, но с зияющим влажным серым ртом в центре тела из густой белой мякоти. Все они распластались передо мной, словно поклоняясь, на поверхности гриба, из которого, казалось, состояла земля. На их стороне плиты гриб затвердел, как желатиновый лист. Моя сторона являлась голой скалой, покрытой огромными приземистыми зданиями из того

же тёмно-изумрудного материала, что и плита. Эти здания, как я знал, были построены расой, отличной от мясистых белых тварей, и, вероятно, предшествовала им; существа, которые поклонялись моей твёрдой форме, не могли работать с таким материалом или даже касаться его, но жили в отталкивающе влажных норах внутри грибов. Действительно, пока я наблюдал, одно из существ слишком близко подошло к помосту, на котором я стоял, и тем самым оторвало мокрую, как губка, часть своего тела, которая быстро сгнила там, где упала.

Ещё одна сцена мелькнула передо мной. Я скользил над равниной, покрытой колоссами, изображающими обнажённые человекоподобные фигуры в разных развратных позах, каждая статуя высотой не менее тридцати метров; и вокруг каждой располагались какие-то отвратительные детали, которые я не мог классифицировать. Мне не нравились огромные следы, которые виднелись между фигурами, но ещё больше не нравились и тревожили *обглоданные* кости огромных животных, которые были разбросаны по равнине, ибо я чувствовал, что мог бы понять причину этих ужасов и почему эти колоссы такие анормальные, если бы смог опре-

делить, что это такое. Затем поразительно близко за своей спиной я услышал неуклюжие шаги; когда я повернулся и увидел, что топало по полю нечестивых фигур, я узнал ответы на оба вопроса. Это был гуманоид — почти — он был словно заточён в лабиринте статуй, но возвышался над тридцатиметровыми фигурами. Чудовищной вещью, которую я увидел, когда помчался из этого святилища в неизвестный космос, были безглазость живого колосса и то, как волосы на его голове росли из впадин, где должны были быть глаза.

По мере того, как всё больше видений стало овладевать мной, они приобрели более определённую связь, и довольно скоро я понял, что то, что возникало в моей голове, было в своём роде историей расы насекомых. Возможно, самой ужасной частью этого действа было то, как я рассматривал события и сцены, показываемые мне сейчас, не с ужасом и отвращением, как здравомыслящий человек, но с таким же бесстрастным наблюдением, как у насекомого-паразита. По мере того, как хроники расы проходили через мой разум, я *был* для всего этого насекомым, которое стало частью меня. Я пишу это сейчас с гораздо большим волнением, нежели когда переживал

воспоминания того существа, и эта мысль наполняет меня более сильным ужасом, чем сами воспоминания.

Вот таким способом я узнал историю расы насекомых, и поэтому записываю теперь то, что видел. И ужас по-прежнему одолевает меня, когда я думаю о том, что ещё насекомые из Шаггаи могут делать на нашей земле.

IV: Исход из бездны

Насекомые, как я узнал, изначально зародились на Шаггаи — планете, лежащей далеко за пределами досягаемости всех земных телескопов. Их мир вращался вокруг двойной звезды на краю Вселенной. На этой планете они построили свои города, полные сферических жилых куполов и пилонов из того серого металла, из которого был сделан и конус. Почти все главные здания являлись шарами, на верхушке каждого располагалось отверстие без двери, через которое могли влетать и вылетать насекомые; но имелось одно важное здание, которое было не шаровидным, а пирамидой — храм в центре каждого города. И мысли моего существа стали странно сдержанными на тему этого храма, куда все жители ходили на поклонение в ритуальные часы; ибо

я так и не смог коснуться воспоминаний о том, чему насекомые поклонялись внутри этой серой, металлической пирамиды. Единственный факт, очевидный мне, заключался в том, что, как ни удивительно, обитатель храма был единым живым существом, которое каким-то образом *находилось одновременно* в каждом храме.

Жизнь насекомых из серых городов не сопровождалась определёнными закономерностями, за исключением некоторых ритуалов. Они покидали свои купола, когда ослепительный изумрудный свет двух солнц вставал над горизонтом, и в то время, когда группа жрецов, которых обычно все избегали, летела к храму, остальные жители занимались своими делами. Никому не нужно было питаться — они жили за счёт фотосинтеза зелёных лучей двойной звезды — и поэтому они посещали другие планеты, ища новые аномалии, которыми насекомые, в своём извращении, могли бы эстетически наслаждаться. Во время рождения моего информатора раса, не нуждавшаяся в труде, погрузилась в ужасное состояние упадка. В то время как на Шаггаи они ради удовольствия мучили рабов из других миров, на других планетах они искали самые ужасные, одержимые духами места, чтобы посмотреть на

тамошние ужасы — такое времяпровождение пробуждало у насекомых забытые воспоминания. Ещё одно занятие насекомых тогда не было полностью раскрыто мне, но оно, казалось, было связано с тем, что они участвовали в культе ведьм в своём форпосте на Земле.

Во всяком случае, насекомые создали форпосты и построили города во многих внешних мирах, на случай, если по какой-либо причине Шаггаи станет непригодным для жизни; потому что у них к тому времени уже был опыт — что угодно может переползти край Вселенной и завоевать их мир. Поэтому они были в какой-то степени подготовлены, когда катастрофа действительно разрушила их мир, за много эонов до их прибытия на Землю. Даже в то время, когда я посетил их храм, у насекомых было очень слабое представление о том, что в действительности разрушило Шаггаи; они с самого начала наблюдали, как это происходило, но могли лишь приблизительно объяснить причину; взглянув на картину того, что они видели, я не удивился их недоумению.

Это случилось на рассвете одного из тех изумрудно-освещённых дней, когда жители Шаггаи впервые заметили в небе неизвестный объект. Над двойным диском на горизонте, медленно

приближаясь к их планете, появилась странная красная сфера. Края её были размыты, а центр являлся чётко обозначенной точкой малинового огня. В то время приближение сферы было настолько незаметно, что лишь некоторые жители города обратили на неё внимание; но, когда наступил третий рассвет, объект находился уже намного ближе, и учёные расы начали изучать его. После долгих размышлений они решили, что это не звезда или планета, но какой-то вид небесного тела, что состоит из неизвестной материи; спектр его был совершенно неизвестен, и вещество этой сферы должно было происходить из области, где условия отличались от тех, что характерны для нашей вселенной. Из-за этой неопределённости в идентификации объекта учёные не знали о его вероятном воздействии на свою планету, поскольку тело направлялось непосредственно к Шаггаи и должно было достичь её через три рассвета.

На третий день сфера превратилась в огромное красное свечение на небе, затмив зелёные солнца и освещая Шаггаи малиновым пламенем; но от него не исходило тепла, и, кроме кроваво-красного света, насекомые не замечали никаких других признаков его существования. Жителям было

непросто, так как угрожающая сфера на небесах очень тревожила их, поэтому многие насекомые часто посещали треугольный храм, чтобы помолиться своим богам. Существо, проникшее в моё тело, было одним из тех частых посетителей, и его жизнь спасло то, что оно находилось в храме, когда случилась катастрофа. Оно вошло через сводчатый портал, который закрывался листом из прозрачного минерала, защищая посетителей храма от любой угрозы снаружи. Когда насекомое собиралось покинуть храм после того, как исполнило обряд перед обитателем пирамиды, оно увидело продолжительную малиновую вспышку в небе, быстро приближающуюся к земле, и в то же время защитный лист быстро перекрыл выход. Около сорока других существ, которые также участвовали в богослужении, с топотом побежали смотреть сквозь прозрачный минерал на то, что происходило в городе.

Когда красное свечение медленно исчезло, здания снова стали видимы, как и существа на улицах. Жители и дома каким-то образом изменились во время катаклизма — они светились тем же малиновым светом, вытекающим *изнутри* каждого. И свет становился всё ярче, меняясь от красного до оранжевого, затем от ослепитель-

но-жёлтого до белого, пока насекомые корчились и царапали себя в беспомощной агонии.

То, что храм был укреплён таким минералом, спасло тех, кто находился внутри. Излучение от взорвавшейся сферы почти не повлияло на насекомых в храме, и у них осталось достаточно сил. С помощью какого-то непонятного способа телепортации насекомые переместились вместе с храмом на ближайшую планету, где у них была колония — мир безликих цилиндрических существ, называемый его обитателями Ксицлотл. Когда опустошённый мир Шаггаи за пределами защитного листа стал удаляться, существа-насекомые увидели, как вращаются здания и в мгновение ока взрываются жители. И их последнему взгляду предстали лишь шары света — вот и всё, что осталось от повелителей Шаггаи, когда они погрузились в землю, заполненную малиновым излучением.

По прибытии на Ксицлотл насекомые призвали остальную часть своей расы с других планетарных колоний присоединиться к ним. Безликие ужасы планеты были порабощены новой правящей расой; из-за своей большой физической силы и слабого разума местные обитатели были вынуждены выполнять все задачи по строительству

нового города для насекомых на Ксицлотле. Эти существа были покорены одним из инструментов, фокусирующих ментальную силу насекомых, который вызывал неприятные нервные импульсы. Сами по себе безликие были плотоядными и, если бы их не поработили таким способом, они могли бы съесть любое медленно движущееся насекомое. Однако было довольно легко заставить их трудиться, и благодаря их усилиям город быстро принял нужную форму.

Насекомые прожили на Ксицлотле не более двухсот лет, за это время мой информатор достиг зрелости. Он не особо задумывался над тем, почему насекомые покинули эту планету, но это было как-то связано с безликими рабами и их несколько примитивной религией. Местные жители верили в легендарную расу растений, которая обитала на дне ямы с отвесными стенами где-то за пределами страны, в которой находился их город. Религия расы этой планеты требовала, чтобы время от времени среди них выбирались жертвы и бросались в пищу богам-растениям в яме. Насекомые не возражали против этой практики, до тех пор, пока она не унесла слишком много существ, которых насекомые использовали в качестве рабочей силы; по крайней мере,

пока группа насекомых не решила проследить за одной из жертв до самой ямы. После этого, однако, история, которую поведали вернувшиеся насекомые, заставила более суеверных существ, включая моего информатора, снова телепортировать храм вместе с некоторым количеством рабов из местной расы Ксицлотла в качестве рабочих на планету в центре соседней галактики. Насекомое, которое передавало свои воспоминания в мой мозг, на самом деле не видело, что произошло в яме, так что эта картина не была ясной, как обычно; но то, что оно помнило и слышало, конечно, вызывало тревогу. Вернувшаяся группа разведчиков видела, как безликое существо прыгает с края ямы и падает в ужасную темноту нижних областей. Затем послышался всплеск в этой темноте, и из неё поднялся огромный фиолетовый влажный цветок; его лепестки жадно открывались и закрывались. Но самой большой аномалией того, что выплеснулось из ямы, были зелёные щупальца, имевшие на своих кончиках руки со множеством пальцев нечестивой красоты, которые цветок жадно тянул к тому месту, откуда жертвы бросались вниз.

На новой планете в соседней галактике насекомые построили храм рядом с центром города;

это была необитаемая планета, которую колонисты назвали Туггон. Насекомые пробыли здесь меньше года, поскольку через десять месяцев заметили неуклонное снижение числа рабов на планете и выяснили, что те исчезали после наступления темноты, хотя никто никогда не видел, как они уходили. Когда в последующие ночи исчезли также двое существ-насекомых, была организована поисковая экспедиция; и в нескольких милях от колонии они обнаружили огромный участок болотистой земли, в центре которого лежала огромная каменная башня, от которой свежие следы их сородичей вели к чёрному объекту на краю болота. При ближайшем рассмотрении чёрный объект оказался аккуратной кучей, состоящей из отрубленных голов насекомых вместе с их телами, и поисковики увидели, что вся плоть высасывается через зияющие раны на месте голов; тогда группа не замедлила вернуться в город и потребовала скорейшего переноса храма с Туггона.

После ухода с Туггона насекомые обосновались на планете, которую местные жители называли Л'ги'ххс, а для нас, землян, это — Уран. Этот мир служил домом для насекомых на протяжении многих веков, поскольку коренная раса кубо-

видных многоногих металлических существ не была открыто враждебной, но позволила гостям построить их обычный форпост, используя труд существ с Ксицлотла. Их старый храм обветшал из-за такого большого числа путешествий, поэтому насекомые построили новый, в форме конуса, тщательно сконструировав многомерные ворота, которые должны были существовать в каждом храме, чтобы позволить войти тому, кого мой информатор описал как «Тот, Кто Снаружи». Город процветал, и существа-аборигены Л'ти'хкса постепенно приняли насекомых в качестве расы, управляющей планетой наравне с ними. Единственным, что не нравилось аборигенам, было то, что насекомые поклоняются отвратительному богу Азатоту. Сами они поклонялись относительно незначительному божеству Лроггу, которое приносило пользу своей пастве и требовало лишь ежегодной жертвы в виде удаления ног взрослого уранийца. Кубовидным существам не нравились туманные рассказы о зверствах, практикуемых на всё еще живых жертвах в коническом храме Азатота, и когда мятежная кучка аборигенов начала посещать город насекомых, чтобы поклоняться там, старейшины Л'ти'хкса посчитали, что следует предпринять шаги для предотвращения

такого нежелательного вторжения в их теологию. Но, покуда не испытывая страха перед оружием расы насекомых, они не хотели навлечь на себя гнев бога-идиота и, наконец, решили ничего не делать. Прошло несколько лет, в течение которых произошли две основные последовательности событий. В то время как у большинства насекомых росла устойчивая ненависть к непристойным ритуалам Азатота, и возникло стремление к простым ритуалам, предписанным почитателям Лрогга, повстанцы, появившиеся среди аборигенов, неуклонно становились более пылкими в своем поклонении новому божеству и их ненавистью к своему родному идолу. Наконец, эти два чувства одновременно стали достоянием общественности. Это двойное откровение наступило, когда особенно ярая группа аборигенов-почитателей Азатота разрушила местный храм, разбив все статуи двуглавого божества-летучей мыши Лрогга, убив при этом трёх жрецов. После того, как в мозги преступников залили кислоту, первосвященники Лрогга заявили, что храм Азатота должен быть полностью удалён с планеты вместе со своими почитателями из насекомых, хотя те, кто будет исповедовать религию их планеты, могут остаться, если захотят. Кубовидные абори-

гены, которые стали адептами культа Азатота, в качестве примера рассматривались так же, как и первые преступники.

Лишь около тридцати членов расы с Шаггаи остались привержены своей вере, но, сосредоточив силы, они смогли телепортировать храм на ближайшую планету — Землю. Они сотворили несовершенную материализацию на поляне возле Гоутсвуда, оставив большую часть храма под землей, и только девять метров выступали над поверхностью. В верхней части конуса жили насекомые, в то время как в центральной части находились камеры для существ из Ксицлотла; в нижней двенадцатиметровой части сохранилось то, чему они поклонялись в храме. В дневное время насекомые поклонялись обитателю тайной части храма, но после наступления темноты они коварно выбирались на поверхность, чтобы загипнотизировать избранных людей и заманить их на поляну.

Из этих привлечённых сформировался декадентский ведьмовской культ, выросший вокруг храма на поляне. Члены культа не просто посещали поляну, чтобы поклоняться насекомым и совершать на алтаре человеческие жертвоприношения; они отправлялись туда, чтобы

испытать непристойное удовольствие. Сектанты позволяли насекомым внедрять чужеродные воспоминания в свои мозги, и наслаждались ими так же, как наркоманы, получающие удовольствие от бреда, порождённого их собственным умом. И в этот момент, помоги мне Бог, я испытывал те же ощущения и ничего не делал, чтобы избавиться от них.

По мере того как рос ведьмовской культ, насекомые начали составлять план. Поначалу они просто заманивали людей в своё убежище, чтобы получать удовольствие от извращения их подсознания, но постепенно насекомые пришли к выводу, что, если они будут правильно обращаться со своими жертвами, то станут новыми правителями планеты. Сначала они могли бы поработить жителей близлежащей местности, а затем, по мере своего размножения, — всю планету. Люди могут быть либо уничтожены полностью, либо сохранены в качестве вспомогательной рабочей силы, в то время как новоявленная раса насекомых будет строить города и храмы, и, наконец, возможно, построит огромные многомерные врата, которые сами по себе позволят Азатоту войти в эту вселенную в своей первоначальной форме.

Таким образом, определилась окончательная

цель культа. Для насекомых стало большим ударом, когда местный культ стали преследовать за колдовство, и всех его членов казнили. Хуже того, стало известно, что поляна была нечестивым образом связана с этим колдовством, так что те, кто жил где-то рядом с ней, быстро переехали в более здоровую обстановку. Насекомые могли бы телепортироваться, если бы не какая-то составляющая атмосферы, которая мешала этому; это же препятствие не позволяло существам летать на большие расстояния. Поэтому они отказались от идеи телепортации храма и стали использовать существ из Ксицлотла для охраны поляны в дневное время, когда насекомые поклонялись своему богу. Этих ксицлотлиан они на своём языке называли «дневными стражами», и поручили им загонять на поляну неосторожных путников, забредших в лес. Немногих удалось им заманить в конус, который насекомые пытались использовать в качестве основы для нового культа, что они предварительно планировали создать, но безуспешно. Тот молодой человек, попавший на поляну, о которой рассказывала легенда, был первым за многие годы, и оказался таким нерасположенным к общению субъектом, что попытки заставить его подчиниться привели лишь к его

полному безумию. После его визита единственным человеком, который действительно был захвачен одним из насекомых-паразитов, стал я.

Вот таким образом история насекомых из Шаггаи дошла до нынешнего момента. На минуту я задумался о том, какие воспоминания, загруженные в мой мозг, проявятся дальше, но почти сразу же после этого я узнал, что это будет. Насекомое решило сделать высшее откровение — оно собиралось раскрыть одно из своих тайных воспоминаний о *посещении нижних частей храма*.

И тут же существо оказалось в верхней части конуса, лёжа на серой металлической плите в своей комнате. В тот момент оно проснулось, почувствовав восход солнца снаружи, а затем вытянуло ноги и соскочило с плиты, направившись к раздвижной двери. Оно вставило кончик своей ноги в одну из ямок на двери и отодвинуло её, обернувшись, чтобы посмотреть на пустую полукруглую камеру и мигающий свет над плитой, установленной там, чтобы гипнотизировать жильца и быстро вводить его в сон.

Насекомое присоединилось к ритуальной процессии своих собратьев, которые готовились спуститься в нижние помещения. Идущие во главе процессии несли длинные заострённые

стержни из всё того же серого металла, в то время как остальные держали части трупа уроженца Ксицлотла. Казалось, стержни вынуждали тайного обитателя вернуться на место, когда он слишком жаждал жертв; единственное, что сейчас могли предложить насекомые, было бы расчленённое безликое существо из рабочих, которое стало слишком слабым, чтобы быть и далее полезным.

Приспосабливая своё оружие, руководители процессии двинулись вниз по наклонному спиральному коридору. Моё существо, пристально глядя вперёд, как предписано, последовало за ними, неся несколько отрубленных щупалец, как подношение. Они прошли по серому коридору, не замечая на стенах барельефы, изображающие обитателей пещер и руин на дальних мирах. Они также не стали обходить стороной клетки с рабочими ксицлотлианцами, даже когда те бились об двери и в беспомощной ярости вытягивали свои щупальца, ощущая части своего товарища-раба. Проходя через комнату воспоминаний, где насекомые хранили безглазый труп одного экземпляра от каждой расы, подчинённой им, процессия тоже не стала оборачиваться. Первая остановка в их ритуальном шествии состоялась

у резных дверей внутреннего святилища храма, над которыми были изображены определённые картины. Перед дверьми каждый участник процессии обернул своё туловище крыльями и на мгновение простёрся ниц. Затем стоявшее впереди существо-насекомое вытянуло свои сложенные усики и схватилось за выступ на поверхности двери. Поколебавшись мгновение, согласно ритуалу, оно всеми тремя ртами произнесло в унисон три незнакомых слова и затем открыло дверь.

Первым объектом, который появлялся в поле зрения, когда входная дверь сдвигалась в сторону, была приземистая шестиметровая статуя, отвратительно детализированная фигура, которая не напоминала ничего даже отдалённо похожего на гуманоида. В мой мозг тут же пришла информация, что этот объект представлял бога Азатота — Азатота, каким он был до своего изгнания Вовне. Но глаза моего информатора быстро отвернулись от чуждого колосса к огромной двери позади него — дверь была окаймлена миниатюрными изображениями насекомых, все указывали на что-то за этой дверью. Вожди подняли своё остроконечное оружие и подошли к последней двери, а за ними последовали остальные, глядя

прямо вперёд.

Один из лидеров теперь причудливым жестом поднял свой жезл, в то время как другие пали ниц полукругом перед окаймлённой дверью, вращая своими усиками в согласованных и странно тревожных ритмах. Затем, когда распростёртый полумесяц существ снова поднялся, другой лидер выдвинул свои усики и прижал их к дверному выступу. Он открыл дверь без колебаний.

V: За последней дверью

Я лежал в одиночестве на поляне, на покрытой росой траве перед конусом. Вокруг не было признаков каких-либо живых существ, кроме меня, не было даже того насекомого, которое, как я уверенно почувствовал, только что покинуло мой мозг. Вся поляна была такой же, как и была, когда я пришёл сюда, за исключением одной важной разницы — солнце ещё не взошло. Ибо это означало, что жители конуса всё равно будут отсутствовать; они заняты поиском жертв; и это означало, что я могу войти в опустевший храм и открыть ту окаймлённую фигурками дверь, на открывании которой память насекомого закончилась.

Если бы ничто не мешало мне думать, я бы

сразу понял, что память закончилась в этот момент просто потому, что это был хитрый способ заманить меня в подземное святилище. Менее вероятно, что я тогда бы догадался, что к этому меня направляет существо, которое всё ещё населяло мой мозг. Но я всё ещё цеплялся за возможность того, что мне снилось. Был только один способ узнать: я должен войти в конус и посмотреть, что находится за той последней дверью. Поэтому я направился к круглому люку в серой стенке конуса.

За коротким проходом внутрь люка начинался наклонный металлический коридор, ведущий то вниз, то вверх. Вверху, как я догадывался, размещались полукруглые комнаты насекомых, куда я не хотел идти; а внизу был расположен собственно сам храм. Я пошёл вниз, делая всё возможное, чтобы не смотреть на ненормальные барельефы, покрывающие стены.

Проход освещался менее ярко, чем это было в памяти моего информатора, так что сначала я не заметил, что барельефы закончились, и начался ряд дверей с тяжёлыми решетками. Только когда серое металлическое щупальце, просунувшись меж прутьев решётки, дрогнуло в паре сантиметров от моего лица, я понял, что здесь был проход

мимо клеток с рабочей силой Ксицлотла. Содрогнувшись, я прижался к противоположной стене и двинулся вдоль неё, подёргиваясь от частых разгневанных ударов безликих существ по дверям их клеток. Мне хотелось побыстрей закончить это путешествие. Наконец я миновал последнюю закрытую дверь и продолжил движение вниз по спиральному пандусу.

Память о внедрённых воспоминаниях насекомого-существа уже затуманивалась, так что я едва мог объяснить предчувствие, которое возникло у меня чуть дальше. Я ахнул от шока, когда обогнул стену и увидел стоящую безглазую фигуру с костлявыми руками, тем более отвратительную, что, хотя труп был человеческим, он вытянул три руки. Непоколебимая поза, которую сохранял труп, придала мне смелости подойти к нему, так как я вдруг вспомнил видение комнаты, где насекомые хранили образцы тел своих подданных. Я не стал думать, какая сфера породила этого человека, и не задержался, чтобы осмотреть труп, но быстро пробежал мимо других образцов. Я попытался не смотреть по сторонам, но мои глаза продолжали сбиваться и видели то ласты лягушки, прикреплённые к усатой руке, то безумно расположенный рот, так что я с большой

радостью покинул эту комнату.

Когда я подошел к двери храма и увидел, что она открыта, я замешкался в сомнениях. Наконец, я прошёл через неё, мельком взглянув на склеенные воедино металлические головы, которые злобно смотрели на меня. Я остановился, поскольку память об огромном изображении Азатота потускнела. Я недолго смотрел на него; иначе с каждым взглядом видел бы все худшие подробности, достаточно того, что и первый раз был неприятным. Я не буду долго описывать его; но в основном Азатот состоял из двустворчатой раковины, стоящей на множестве пар гибких ног. Из полуоткрытой раковины поднимались несколько сочленённых цилиндров, покрытых полипообразными придатками; и мне показалось, что в темноте внутри раковины я увидел ужасное, зверское, безжалостное лицо с глубоко запавшими глазами, и оно было покрыто блестящими чёрными волосами.

Я почти повернулся и убежал было из храма, думая о двери, которая находилась за статуей, и, размышляя, на что *теперь* может быть похож богидиот. Но я дошёл досюда невредимым и, заметив заострённые стержни, прислонённые к основанию идола, решил, что кто бы ни находился за

дверью, он не сможет ничего со мной сделать. И поэтому, подавив своё отвращение от вида статуи Азатота, я взял одно из орудий и направился к той двери. Потянувшись к выступу на скользящей серой панели, я замер, так как услышал странный звук внутри потайной комнаты — словно волны моря бились о чёрные сваи. Звуки немедленно прекратились, но в течение нескольких минут я не мог заставить себя открыть дверь. В какой форме Азатот проявит себя? Могла ли существовать какая-то причина, по которой насекомые поклонялись ему только при свете дня? Но всё это время моя рука тянулась к выступу, как будто другая рука помимо моей направляла её; так что, когда она потянула дверь святилища, я сражался со своей рукой и пытался остановить её. Но к тому времени дверь была полностью открыта, и я стоял, уставившись на то, что находилось за ней.

Длинный проход из вездесущего серого металла простирался на три метра или около того, а в противоположном конце располагалась, на первый взгляд, пустая стена. Тем не менее, стена была не совсем пуста — чуть выше находилась треугольная металлическая дверь с засовом, установленным в скобах поперёк двери. В коридоре было безлюдно, но из-за треугольной двери доно-

сился звук, о котором я уже говорил, — похожий на движение воды.

Я должен был узнать секрет храма и поэтому подкрался к двери и поднял засов, который слегка скрежетал. Я не открыл дверь, но отступил назад по коридору и встал на другом конце. Волновой звук стал громче, как будто что-то приближалось с другой стороны. Затем треугольная дверь затрещала в проёме и начала медленно поворачиваться на шарнирах.

И когда я увидел, что металлический треугольник смещается под давлением с другой стороны, волна ужаса охватила меня. Я не хотел видеть, что находится за ней, повернулся и захлопнул наружную дверь, не дав себе времени подумать. Пока я это делал, в коридоре раздался скрежет, и треугольная дверь распахнулась. Когда я закрывал наружную дверь, сквозь щель я заметил, как что-то просочилось в коридор — бледно-серая форма, расширяющаяся и сверкающая, она блестела и содрогалась, пока её неподвижные частицы свободно опускались на пол; но это был только проблеск, и после этого только в кошмарах я представляю себе, как вижу полную форму Азатота.

Затем я убежал из конуса. Уже наступил день, и

над деревьями чёрные фигуры хлопали крыльями, направляясь домой. Я погрузился в коридоры из деревьев, и в одном месте существо из Ксицлотла собралось преградить мне дорогу. Но ещё хуже было то, что когда я приблизился к нему, оно *отпрянуло* в сторону.

Хотя некоторые из моих личных вещей остались в номере, я так и не вернулся в отель Брайчестера, и, несомненно, среди местных жителей всё ещё ходят разговоры о моей ужасной смерти. Я думал, что если сбегу подальше, то насекомые не смогут навредить мне, но в первую ночь после пережитого на поляне я снова почувствовал ползанье в своём мозгу. С тех пор я часто ловил себя на том, что ищу людей достаточно доверчивых, чтобы их можно было заманить на поляну, но всегда мог воспротивиться таким побуждениям. Я не знаю, как долго я смогу продолжать эту борьбу, и поэтому собираюсь использовать единственный способ, чтобы положить конец этой нечестивой охоте на мой разум.

Теперь солнце опустилось ниже горизонта, оставив только лучезарное свечение, которое сияет на бритве, лежащей на столе передо мной. Возможно, только воображение заставляет меня чувствовать беспокойное, ослепляющее шевеле-

ние в моём мозгу; во всяком случае, я больше не должен колебаться. Может быть, инопланетные насекомые в конечном итоге одолеют мир; но я сделаю всё возможное со своей стороны, чтобы предотвратить высвобождение той формы, которую я мельком увидел, и которая с нетерпением ждёт открытия многомерных врат.

Перевод: А. Черепанов

Рэмси Кэмпбелл
Обитатель озера

Ramsey Campbell «The Inhabitant of the Lake», 1964

После того как мой друг Томас Картрайт в поисках подходящей обстановки перебрался в долину Северн, чтобы работать там над своими мрачными картинами, нашим единственным способом общения осталась переписка по почте. Обычно он писал только для того, чтобы сообщить мне о банальных событиях, происходящих в сельской местности в десяти милях от ближайшего жилого дома, или для того, чтобы рассказать мне, как продвигается его последняя картина. Затем про-

изошло что-то вроде отступления от привычного хода вещей, когда он написал мне о некоторых событиях, которые по его признанию казались хоть и обыкновенными, но всё же загадочными, что привело к серии неожиданных откровений.

Картрайт ещё с юности интересовался внушающими страх преданиями, и когда он начал изучать живопись, его работы сразу же показали чрезвычайно поразительную, болезненную технику. Вскоре образцы были показаны перекупщикам, которые высоко оценили его картины, но сомневались, что такое нездоровое художество понравится обычному коллекционеру. И всё же с тех пор картины Картрайта получили признание, и многие поклонники теперь ищут оригиналы его ярких этюдов с чуждыми пейзажами, на фоне которых искривлённые гиганты шагают по затянутым туманом джунглям или выглядывают из-за влажных камней какого-то друидического круга. Достигнув некоторой известности, Картрайт решил поселиться в каком-нибудь месте с более подходящей атмосферой, нежели на гудящих улицах Лондона, и, соответственно, отправился на поиски жилья в район Северн. Иногда я сопровождал его, если имел такую возможность, и в одну из наших совместных поездок

случилось так, что агент по недвижимости в Брайчестере рассказал Картрайту о шести пустующих домах возле озера в нескольких милях к северу от города, эти дома могут быть интересны тем, что там, по слухам, обитают привидения.

Следуя указаниям агента мы достаточно легко нашли это озеро, и в течение нескольких минут стояли, глядя на окружающую сцену. Чёрные глубины неподвижной воды были окружены лесом, который тянулся вдоль нескольких холмов и стоял у края озера, как дожившая до наших дней доисторическая армия. На южной стороне озера располагался ряд трёхэтажных домов с серыми стенами. Они стояли на серой мощёной улице, начинавшейся возле первого из домов, а другой её конец уходил в кромешные глубины. Некое подобие дороги окружало озеро, она ответвлялась от этого участка улицы и на дальней стороне присоединялась к дороге на Брайчестер. Большие папоротники выступали из воды, пышная трава росла среди деревьев и на краю озера. Несмотря на полуденный час, мало света доходило до поверхности воды или касалось фасадов домов, и всё это место пребывало в сумерках, более удручающих, если вспомнить о солнечном свете за его пределами.

— Похоже, это место поразила чума, — заметил Картрайт, пока мы шли по дороге, усыпанной галькой. Мне тоже пришла в голову мысль о чуме, и я подумал, не повлияла ли на меня болезненная черта характера моего друга. Конечно, запустение этого района, охраняемого деревьями, не вызывало в моём воображении миролюбивой картины, и я почти представлял себе близлежащие леса как первозданные джунгли, где великие ужасы преследовали и убивали своих жертв. Но хотя я испытывал те же чувства, что и Картрайт, мне не нравилась мысль о том, чтобы заниматься здесь рисованием, что, вероятно, он и собирался делать. И меня по большей части пугала идея жить в таком необитаемом районе, хотя я не мог сказать, почему я испытывал тревогу, глядя на эти пустующие дома.

— Можно начать с этого конца улицы, — предложил я, указывая налево. — В любом случае, насколько я вижу, всё равно, откуда начинать. Как ты решишь, какой из домов выбрать? Удачливые цифры или что? Если ты найдёшь, что выбрать, конечно.

Мы достигли первого здания слева, и, пока мы стояли возле окна, я мог только смотреть и повторять «если найдёшь». Сквозь окно мы

увидели зияющие дыры в дощатом полу и потрескавшийся камин, покрытый паутиной. Только противоположная стена, казалось, была оклеена обоями, но пожелтевшая бумага отслаивалась большими полосками. Две деревянных ступеньки, ведущие к входной двери с висящим на ней косым молотком, тревожно прогнулись, когда я поставил ногу на лестницу, и я недовольно отступил.

Картрайт пытался протереть стекло, но теперь он отошёл от окна и приблизился ко мне, поморщившись.

— Я говорил ему, что я художник, — проворчал он, — но агент, должно быть, подумал, что я хочу жить в лесу или что-то в этом роде! Боже мой, сколько лет прошло с тех пор, как кто-то проживал хоть в одном из этих домов?

— Может другие получше? — высказал я надежду.

— Послушай, ты же видишь как здесь всё плохо, — пожаловался Картрайт.

Его жалоба была совершенно справедливой. Дома выглядели на удивление очень похожими, хотя казалось, что их строили в разные годы, но при этом по одному образцу; у всех имелись неприглядные каменные крыши и признаки того,

что они когда-то были покрыты деревом. Каждый дом имел какое-то эркерное окно, выходящее на улицу, и к двери каждого вели скрипящие, деревянные ступени. Хотя когда я отступил назад и окинул взглядом весь ряд домов, третий слева показался мне не таким уж недружелюбным, как остальные. Деревянные ступени кто-то заменил бетонными, и вместо испорченного молоточка я увидел дверной звонок. Окна этого дома выглядели не такими мрачными, хотя стены были такими же посеревшими и влажными, как у всех других. С того места, где я стоял, тусклое отражение озера на стекле мешало мне рассмотреть, что находится внутри дома.

Я указал на него Картрайту.

— Этот выглядит не так уж плохо.

— Я не вижу большой разницы, — проворчал он, но со скучающим видом пошёл к дому.

— Ну, агент дал тебе ключ, и по его словам только один дом здесь заперт. Наверное, это он и есть.

Дом действительно был закрыт на замок, и ключ оказался именно от него. Дверь легко открылась, что удивило нас, поскольку на других домах замки выглядели ржавыми. С другой стороны, дверь не была неокрашенной или грязной;

просто искусственные сумерки делали всё серым. Тем не менее, мы не ожидали увидеть чистые обои в коридоре, а тем более — абажуры и ковёр на лестнице. Картрайт коснулся выключателя за дверью, в прихожей загорелся свет, разогнавший сумерки, и, когда я посмотрел на лестницу, мне показалось, что я вижу что-то необычное через дверь открытой спальни наверху.

— *Смотри*, как тут много всего! — воскликнул он, заглянув в первую комнату от прихожей. — Ковёр, стол, стулья… что, чёрт возьми, случилось? Что могло заставить кого-то оставить всё это здесь — или оно включено в цену?

— Агенту следовало бы сказать «меблированный дом», — прокомментировал я.

— Даже так…

Теперь мы стояли уже на кухне, где рядом с кухонным шкафом обнаружилась печь. Оттуда мы поднялись наверх, и нашли, как я и думал, кровать, которая всё ещё стояла на месте, хотя и без одеял. Весь дом, несмотря на его вид, был почти таким же, что и любой дом в Брайчестере, словно его жильцы только что ушли.

— Конечно, я арендую его, — сказал Картрайт, когда мы спускались по лестнице. — Интерьер очень приятный, а окружающая среда именно

та, что мне нужна для вдохновения. Но сперва я намерен разобраться, почему здесь осталась вся эта мебель.

Картрайт не рискнул ехать по скользкому булыжнику, где существовала вероятность соскользнуть в озеро; его автомобиль был припаркован в начале дороги, ведущей в Брайчестер. Он завёл двигатель, и мы неспешно поехали обратно в город. Хотя обычно мне нравится бывать за городом вдали от цивилизации, я был очень рад, когда мы добрались до телеграфных столбов, и дороги между отвесными скалами и лесистыми склонами холмов остались позади. Каким-то образом вся эта местность имела ауру запустения, которая преследовала нас до тех пор, пока мы не начали спускаться с холма над Брайчестером, и я обрадовался виду краснокирпичных домов и шпилей, которые окружают центральное, белое здание университета.

Агентство недвижимости располагалось среди множества подобных зданий в западном конце Болд-стрит. Когда мы входили в офис, я заметил, что открытка с рекламой домов у озера была практически спрятана в верхнем углу окна. Я хотел сказать об этом Картрайту, но решил подождать.

— О, да, — сказал мужчина, оторвавшись от брошюр на столе. — Вы, двое джентльменов, ездили смотреть на озерную недвижимость… Ну… заинтересовало?

По глазам агента было понятно, какого ответа он ожидает, и вопрос Картрайта «Да, где нужно расписаться?», явно поразил его. На самом деле он, наверное, подозревал, что его разыгрывают.

— Я полагаю, что 500 фунтов — это цена за отремонтированный дом, — продолжал Картрайт. — Если нужно что-то ещё согласовать, я поселюсь в нём, как только вы скажете. Не могу подтвердить, что в этом доме есть привидения, даже если цена зависит от них, тем не менее, если это так, я получу больше вдохновения, да, Алан?

Картрайт повернулся ко мне, а мужчина за стойкой сказал:

— Я оформлю все бумаги, и позвоню вам, когда они будут готовы.

— Спасибо. О, только один вопрос: кто оставил всю мебель?

(По лицу агента пробежала тревога, словно клиент передумал).

— Другие жильцы. Они выехали около трёх недель назад и оставили всё.

— Ну, три недели — это немного, — признал

Картрайт, — но разве они не могут вернуться?

— Я получил от них письмо примерно через неделю после того, как они съехали, — объяснил агент, — знаете ли, они покинули дом ночью и сказали, что не вернутся туда за своими вещами даже при дневном свете! Во всяком случае, они были очень богаты; не знаю, почему они хотели взять дом в таком месте…

— Они объяснили, почему так спешили? — перебил я агента.

— О, какой-то бессмысленный вздор, — сказал мужчина, помявшись. — У них был ребёнок, знаете ли, и они говорили много о том, что он будил их ночами, крича о чём-то «выходящем из озера», и «заглядывающем в его окно». Ну, я полагаю, что всё это было немного неприятно, даже если ребёнку просто снились кошмары, но это не то, что отпугнуло тех жильцов. Через две недели после того, как они поселились в том доме (их хватило только на такой срок), жена человека, написавшего письмо, заметила, как тот вышел из дома около одиннадцати часов вечера, и обнаружила мужа возле озера. Он смотрел на воду. Он не видел её и почти упал в обморок, когда жена коснулась его руки. Затем он просто загрузил всё, что было в комнате, и они уехали. Муж так и не

объяснил жене, почему они уезжают.

На самом деле он и мне тоже ничего не сказал. Всё, что он разъяснил мне в письме, состояло в утверждении, что он увидел *нечто на дне озера — оно смотрело на него и пыталосьвсплыть*... Посоветовал мне как-нибудь засыпать озеро, и снести дома, но, конечно, моя работа — продать место, а не уничтожить его.

— Значит то, что вы делаете, не очень хорошо, — заметил я.

— Но вы сказали, что предпочли бы иметь дом с привидениями, — запротестовал агент. Он выглядел теперь так, словно кто-то обманул его.

— Конечно, да, — успокоил его Картрайт. — Керни просто немного обидчивый, вот и всё. Если вы сообщите мне, когда всё будет готово, я с удовольствием перееду.

Картрайт не планировал возвращаться в Лондон, и поскольку я хотел вернуться домой в тот же день, он предложил подвезти меня через город на станцию Нижнего Брайчестера. Когда мы проезжали между магазинами и приближались к железной дороге, я глубоко задумался о том, как мой друг будет жить один там, в сумерках, в безлюдном месте в десяти милях от Брайчестера. Когда мы подъехали к стоянке такси, я не мог

не воскликнуть так громко, что эхо моего голоса донеслось до станции:

— Конечно, ты не хочешь ещё поискать другие места для жительства, прежде чем поселиться в том доме? Мне не очень нравится, что это место так далеко от всего — оно может начать охотиться на твой разум через несколько недель.

— Господи, Алан, — возразил Картрайт, — это ты настаивал на том, чтобы осмотреть все дома, тогда как я хотел уйти. Что ж, теперь у меня есть этот дом, а что касается охоты на мой разум, думаю, это именно то, что мне нужно для вдохновения.

Казалось, мой друг обиделся, потому что он хлопнул дверью машины и уехал, не попрощавшись. Мне оставалось только зайти на железнодорожную станцию и попытаться забыть эту святыню запустения, слушая бессмысленные голоса пассажиров.

В течение нескольких недель после этого я вообще не видел Картрайта, а моя работа в налоговой службе была настолько суровой, что я не мог выделить время, чтобы позвонить ему домой. Однако в конце третьей недели дела в моём офисе замедлились, и я выехал из Ходдесдона, где живу, чтобы посмотреть, не переехал ли уже Картрайт

на новое место. Я успел вовремя, потому что две машины были припаркованы возле его дома на Элизабет-стрит; в одной находились Картрайт и несколько его картин, а в другую его приятель Джозеф Балджер загружал мольберты, краски и некоторую мебель. Они были готовы тронуться в путь, когда я приехал, и Картрайт остановился, чтобы поговорить со мной несколько минут.

— Я избавился от большей части мебели в том доме, — сказал он мне. — С тем же успехом я мог бы использовать то, что осталось от семьи, но пару их вещей я решил сохранить. Что ж, жаль, что ты больше не сможешь звонить по выходным, в любом случае, ты можешь как-нибудь приехать на Рождество или в другой праздничный день. Я напишу тебе, как устроюсь.

И снова прошло несколько недель, в течение которых я не получал от своего друга никаких вестей. Когда я встретил Балджера на улице, он сказал мне, что Картрайт проявил все признаки удовлетворения, когда остался в доме на берегу озера. Он объявил о своём намерении начать рисовать в ту же ночь, если получится. Балджер в ближайшее время не ждал от Картрайта сообщений; как только художник начинал работать над картиной, ничто не могло отвлечь его от работы.

Примерно через месяц Картрайт впервые написал мне. В его письме не содержалось ничего удивительного, но, оглядываясь назад, я вижу намёки на грядущие события почти во всём.

Томас Картрайт,
Лейксайд Террэйс,
через Почтовое отделение на Болд-стрит,
Брайчестер, Глостершир.
3 Октября, 1960

Дорогой Алан,

(Обрати внимание на адрес — почтальон даже близко не посещает мой район, и я должен каждый раз идти до Болд-стрит и забирать письма, после того, как их отсортируют).

Итак, я обустроился здесь. Место очень уютное, за исключением того, что немного неудобно иметь туалет на третьем этаже; кто-то так сильно перестроил дом, что если я когда-нибудь внесу свои изменения, никто не заметит. Моя студия тоже наверху, но я сплю на первом этаже, как обычно. Я решил убрать стол в подсобку, и нам вдвоём с Балджером удалось пере-

тащить кровать в переднюю комнату, из которой открывается вид на озеро.

После того, как Джо уехал, я отправился на прогулку. Заглянул в другие дома… ты не представляешь, как привлекательно выглядит моё жилище, когда свет горит посреди этих заброшенных лачуг! Я не могу представить, чтобы кто-то снова поселился в них. В один прекрасный день я действительно должен пойти и посмотреть, что я смогу тут найти — возможно, крыс, которых все принимали за «привидения».

Но в этом деле есть нечто, что меня поразило. Та семья сказала, что они увидели здесь первый намёк на сверхъестественное в том, что другие дома очень ветхие. Хорошо, что это место так далеко от всего, но как ты сам видел, изменились дома справа и слева от моего. Конечно, в своё время их часто арендовали, так почему же люди перестали приезжать? Надо выяснить у агента по недвижимости.

Когда я закончил осматривать дома, я почувствовал себя как на прогулке. Я нашел нечто похожее на тропинку позади

дома, ведущую в лес, поэтому я пошёл по ней. Я не буду повторять *это* снова в спешке! Там практически отсутствовал свет, деревья просто уходили вдаль, насколько я мог видеть, и если бы я пошёл гораздо дальше, я бы, конечно, заблудился. Ты можешь представить себе это — спотыкаясь в темноте, ничего не видя, кроме деревьев, окружающих меня со всех сторон… Подумать только, те люди привезли сюда ребёнка!

Только что закончил свою новую картину. На ней изображены эти дома, озеро на переднем плане и раздутое тело утопленника возле самого берега. Думаю назвать картину «*Безжалостная Чума*». Надеюсь, им она понравится.

Твой Томас

P.S. В последнее время мне снятся кошмары. Никогда не могу вспомнить, о чём они, но я всегда просыпаюсь в поту.

Я ответил Картрайту несущественным письмом. Написал, что сожалею о мрачном характере его последней работы, как я делал всегда, хотя,

как обычно добавил: «Несомненно, она будет оценена за свою технику». Я предложил купить всё, что он, возможно, не сможет достать в Брайчестере, и добавил несколько скучных наблюдений о жизни в Ходдесдоне. Кроме того я, кажется, заметил: «Значит, тебе снятся кошмары? Помни, что история с последними владельцами дома началась со снов их ребёнка».

Картрайт ответил:

> **10 Октября, 1960**
>
> Ты не представляешь, как тебе повезло иметь почтовый ящик почти на пороге дома! Ближайший ко мне ящик находится почти в четырёх милях, и я добираюсь до него только по дороге в Брайчестер по понедельникам и субботам; это означает, что я должен писать письма в понедельник утром (как я делаю сейчас) или в воскресенье, и забирать ответные в субботу на Болд-стрит.

В любом случае, это не то, о чём я хотел тебе написать. Когда я переезжал, я оставил несколько эскизов в шкафу, в моей студии на Элизабет-стрит, и хочу спросить: не мог бы ты съездить туда и как-нибудь приехать ко мне с ними? Если у тебя нет возможности привезти эскизы, ты можешь обратиться к Джо Балджеру и попросить его привезти их сюда. Прости, что доставляю столько хлопот, но без них я не могу сделать ни одной картины.

Твой Томас

Моя работа снова потребовала всех моих сил, и я ответил, что в ближайшие несколько недель не смогу уехать из города. Я не мог отказаться от обращения за помощью к Балджеру, и в среду вечером по дороге домой с работы я повернул к его дому. К счастью, он не ушёл на свою еженедельную прогулку в кино и пригласил меня войти, предложив выпить. Я бы остался подольше, но моя работа отнимала даже свободное время, так что я сказал:

— На самом деле это не светский визит. Боюсь, я передаю тебе работу, которая была поручена мне. Видишь ли, Картрайт хочет, чтобы я забрал

несколько рисунков из шкафа в его лондонской студии, но мне не позволяет работа… Ты знаешь, как это бывает. Так что, если бы ты мог сделать это для меня, привезти их поездом…

По лицу Балджера было видно, что он не особо хочет этим заниматься, но он только сказал:
— Хорошо, я постараюсь сохранить твою репутацию. Я надеюсь, что Картрайту эти эскизы не так уж срочно нужны. Я смогу доставить их в течение недели.

Я встал, чтобы уйти. У двери я заметил:

— Лучше уж ты, чем я. У тебя могут возникнуть небольшие проблемы на Элизабет-стрит, потому что какой-то новый жилец уже переехал туда.

— Ты не говорил мне *этого* раньше, — запротестовал Балджер. — Нет, всё в порядке, я всё равно съезжу, хотя мне не очень нравится идея ехать к тому озеру.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я. — Тебе там что-то не нравится?

Балджер пожал плечами.

— Ничего такого, на что я мог бы указать пальцем, но я, конечно, не хотел бы жить там в одиночестве. Есть что-то в тех деревьях, растущих так тесно, и в этой чёрной воде — как будто там какие-то существа наблюдают и *ждут* … но

ты, должно быть, думаешь, что я сумасшедший. Однако есть один момент — почему эти дома были построены так далеко от всех населённых пунктов? И возле этого озера тоже; я имею в виду, что если кто-то решил построить несколько домов, то это место было бы последним, которое он бы выбрал. Кто захочет жить там?

Пока я ехал обратно в Ходдесдон, я думал об этом. Никто, кроме тех, кто ищет нездорового вдохновения, как, например, Картрайт, не захочет жить в таком месте. И, конечно, таких людей очень мало. Я планировал упомянуть об этом в своём следующем письме; возможно, он узнает что-то о том, почему дома стали непригодными для жилья. Но так получилось, что меня опередили, как я узнал из его письма в следующее воскресенье.

16 Октября, 1960

Что ж, Джо приехал и уехал. Сначала он не мог попасть в мою студию — новые жильцы подумали, что он сочинил историю про рисунки, чтобы проникнуть в дом и украсть серебро! Впрочем, Уолкеры из соседней квартиры знали Балджера, поэтому он, наконец, получил мои эс-

кизы.

Он задавался вопросом: прежде всего, зачем эти дома были построены? Я тоже не знаю — раньше я не удивлялся этому, но теперь задумался. Нужно когда-нибудь выяснить это. Может быть, я спрошу об этом у агента, когда ещё раз окажусь на Болд-стрит. Возможно, удастся понять, почему эти дома такие обветшалые. Есть идея, что группа убийц (или каких-нибудь разбойников) могла обосноваться здесь, чтобы грабить постояльцев, как в «Красном Отеле»[148].

Джо ушёл сегодня днём… Извини за перерыв, но на самом деле я просто отвлёкся от письма, мне показалось, что снаружи доносится какой-то шум. Конечно, я ошибся. Никого не могло быть там в это время (11 часов вечера) — прошло почти 7 часов, как Джо ушёл, но я

---

[148] Примечания: 148

«Красный отель», — Р. Кэмпбелл подразумевает историю, которая имела место во Франции в 1830-е годы. Хозяева «Красного отеля», бывшие фермеры Пьер и Мария Мартены были признаны виновными в том, что грабили и убивали своих постояльцев. Их казнили на гильотине во дворе собственной гостиницы. Эта история вдохновила Оноре де Бальзака на одноименный роман, выпущенный в 1831 году. Его книга также была дважды экранизирована — в 1910-м Камилем де Морлоном и в 1923-м Жаном Эпштейном.

мог бы поклясться, что несколько минут назад кто-то кричал вдали; я ощутил какую-то высокочастотную пульсацию, словно включили некий двигатель. Мне даже померещилось, как что-то белое… ну, несколько белых объектов движется на другой стороне озера; но, разумеется, на улице было слишком темно, чтобы видеть кого-то на таком расстоянии. Примерно в это же время в озере начались множественные всплески воды. Они стали утихать только сейчас, когда я вернулся к письму.

Я всё еще хочу, чтобы ты приехал ко мне на несколько дней. Рождество приближается… может быть…?

Твой Томас

Я был обеспокоен тем, что Картрайт должен воображать звуки в такой безлюдной местности, о чём и написал ему. Хотя мне, как и Балджеру, не нравилась идея ехать к этому лесному озеру, которое находится в полутени, я подумал, что мне лучше посетить Картрайта, когда смогу, чтобы он мог поговорить со мной и забыть о своей зоне отчуждения. Теперь у меня стало меньше

работы в налоговой службе, но я смогу навестить его только через несколько недель. Возможно, приезд Балджера может немного избавить Картрайта от самоанализа, хотя судя по его последним фантазиям, это вряд ли поможет. В своём письме в тот четверг я рассказал Томасу о своём предложении остаться с ним.

Его ответ, который я получил 25-го числа, я считаю первым реальным намёком на несчастья, которые Картрайт невольно навлёк на себя.

24 Октября, 1960

У меня ещё не было времени добраться до Болд-стрит, но я всё сильнее хочу узнать историю этих домов.

Тем не менее, это не совсем то, о чём я хотел написать тебе. Помнишь, я говорил о кошмарах, которые никогда не мог вспомнить? Прошлой ночью я видел серию длинных снов, которые я вспомнил, когда проснулся. Они, конечно, были ужасающими, неудивительно, что я продолжал просыпаться в поту, и немудрено, что ребёнок прежних жильцов кричал ночами, если он видел такие же сны! Но то, о чём я говорю, вряд ли возможно, да?

Прошлой ночью я лёг спать около полуночи. Я оставил окно открытым, и заметил множество брызг воды на поверхности озера. Оно выглядело неспокойным. Забавно, что после 6 часов ветер почти отсутствовал. Тем не менее, я думаю, что мои сны были вызваны этим шумом.

В своём сне я очутился в прихожей. Я выходил через парадную дверь — кажется, помню, как прощался с кем-то, кого я не знаю, и видел, как дверь за мной закрылась. Я спустился по ступенькам и пересёк тротуар вокруг озера. Не могу себе представить, почему я прошёл мимо своей машины и начал подниматься по Брайчестерской дороге. Я хотел попасть в Брайчестер, но не торопился. У меня было странное чувство, что кто-то собирался отвезти меня туда… Если подумать, это — то же самое, что Джо чувствовал на прошлой неделе! Ему пришлось идти пешком до Брайчестера, потому что у меня закончился бензин, а ближайший гараж находится в нескольких милях вниз по дороге.

В нескольких метрах от просеки я заметил тропинку, ведущую в лес слева от дороги. Это прямой путь в Брайчестер — по крайней мере, мог бы им быть, если бы тропа продолжалась в своём первоначальном направлении, тогда как автодорога имела много поворотов. Вначале я не спешил, не понимая, зачем мне идти дальше, чем нужно, поэтому я свернул с дороги на тропинку. Я чувствовал себя немного неловко, бог знает, почему — как-то необычно. Деревья стояли очень близко друг к другу, и мало света пробивалось через них, так что, возможно, это также повлияло на мои ощущения. Было очень тихо, и когда я задел ногой камешки на земле, их стук поразил меня.

Полагаю, что я прошёл уже около пятидесяти метров, когда понял, что эта тропа не приведёт меня обратно в Брайчестер, если я продолжу идти по ней дальше. Фактически, тропа изгибалась обратно к озеру или, по крайней мере, шла вдоль берега. Я предположил, что между тропой и озером находится полоса деревьев шириной около двадцати метров. Я сделал ещё

несколько шагов и убедился, что тропа определённо изгибалась вокруг озера. Я развернулся, чтобы пойти обратно, и увидел голубое свечение немного впереди себя. Я не знал, что с этим делать, и мне не особенно нравилась идея приближаться к свечению; но я мог сэкономить время, так что я подавил свой иррациональный страх (которого я обычно никогда не чувствовал) и пошёл вперёд.

Тропа немного расширилась, и в центре небольшого участка я увидел прямоугольный камень. Размерами около двух метров в длину, двух в ширину и трёх в высоту он был вырезан из какого-то фосфоресцирующего минерала, который излучал синий свет. На вершине камня были вырезаны какие-то слова, слишком истёртые, чтобы их разобрать, а у подножия кто-то грубо нацарапал имя «Thos. Lee»[149]/ Я не был уверен: твёрдый этот камень или нет — в двух дюймах от вершины его опоясывала канавка, которая могла означать крышку. Я не знал, что

[149] Примечания: 149
Thos. — сокращение имени Thomas. Томас Ли.

это такое, но сразу же понял, что на этой тропе будут и другие камни. Решив увидеть, правда ли это, я пошёл по тропе, но к моей решимости примешивался странно непривычный страх от того, что я делаю.

Когда я прошёл примерно двадцать метров, мне показалось, что я услышал позади себя звуки — сначала словно что-то скользило по земле, затем — шаги, размеренно следующие за мной. Я с содроганием оглянулся, но тропа только что сделала поворот, и деревья перекрыли мне обзор. Кто-то там шагал не особо быстро; я поспешил дальше; как ни странно, но я не хотел видеть, кто меня преследует.

Через семьдесят или восемьдесят метров я вышел на второй очищенный участок леса. Когда я заметил светящийся камень в центре, меня охватил ужас, но я продолжал смотреть на него. Глухо заскрежетал камень, а затем крышка этой каменной конструкции начала сдвигаться, и я увидел *руку, пытающуюся откинуть крышку!* Хуже того, это была рука трупа — бескровная, как у скелета

и с невероятно длинными, потрескавшимися ногтями… Я повернулся, чтобы убежать, но деревья росли настолько тесно, что я не мог петлять между них достаточно быстро. Я начал спотыкаться и услышал рядом с собой те ужасные неторопливые шаги. Когда из-за дерева появилась рука с жёлтыми ногтями, сжимающая ствол, я безнадёжно закричал и проснулся.

Через минуту я решил встать и заварить кофе. Обычно сны не влияют на меня, но этот был ужасно реалистичным. Однако прежде чем я решил удерживать глаза открытыми, я снова заснул.

И сразу погрузился в очередной кошмар. Я как раз выходил на берег озера из-за деревьев — но не по своей воле, меня вели. Один раз я взглянул на руки, удерживающие меня, а затем стал смотреть прямо вперёд. Но это тоже не успокаивало. Немного лунного света пробивалось сквозь деревья за моей спиной, и он отбрасывал тени на землю, на которую я смотрел. Это усилило мою решимость не оглядываться по сторонам. Позади

меня было больше фигур, чем моих похитителей, но эти двое были достаточно плохими — отвратительно тонкими и высокими; у идущего справа имелась только одна рука, но я не имею в виду, что другая рука заканчивалась на запястье.

Они толкнули меня вперёд, чтобы я мог смотреть вниз, в озеро. Папоротники и вода выглядели необычно подвижными сегодня, но я не понимал, что заставляло их двигаться, пока мокрый глаз не поднялся над поверхностью и не посмотрел на меня. За ним последовали ещё два глаза и, что хуже всего, ни один из них *не находился на лице*. Когда вслед за глазами из воды стало вздыматься тело, я закрыл глаза и начал звать на помощь — не знаю кого; у меня возникла странная мысль, что кто-то находился здесь в доме и мог мне помочь. Затем я почувствовал разрывающую боль в груди, нейтрализованную онемением, которое распространилось по всему телу. И я стал смотреть на существо, поднимающееся из озера, без какого-либо ужаса. Но в тот момент я снова проснулся.

Почти как эхо от моего сна, из озера за окном доносился плеск воды. Мои нервы, должно быть, оказались на пределе, потому что я мог бы поклясться, что слышал слабый звук прямо под окном. Я вскочил с кровати и распахнул окно, чтобы выглянуть наружу. Ничто не двигалось в поле моего зрения, но на мгновение мне показалось, что кто-то пробежал вдоль линии домов. Кажется, что я даже услышал, как тихо закрывается дверь, но не могу быть в этом уверен. Лунный свет дрожал на поверхности озера, как будто кто-то только что погрузился в воду.

Сейчас я смотрю на озеро средь бела дня, и всё это довольно странно, но именно тогда мне показалось, что всё это имеет дополнительное значение — я почти ожидал, что чудовищная форма из моего сна сейчас поднимется из воды и сядет на корточки передо мной на улице. Полагаю, тебе интересно, опишу ли я то, что видел. Ты не представляешь, как это будет сложно; может быть, я сделаю это темой своей следующей картины. Я только мельком видел то существо, хотя и этого мне хватило, чтобы разглядеть все ужасные детали. В любом случае, будет лучше не описывать его сейчас, чтобы не потерять вдохновение.

Твой Томас

Я не доставил бы Картрайту удовлетворения, зная, что он заинтриговал меня; я не стал ссылаться на его сны о привидении из озера. Вместо этого я посоветовал ему связаться с агентом и выяснить первоначальное назначение этих домов. Может быть, предположил я, он узнает о каком-то ужасном событии, которое оставило после себя следы. Я не добавил, что тем самым

надеюсь, что Картрайт найдёт что-то совершенно прозаическое, что разрушит власть этого неблагополучного места над ним и освободит его от такой болезненной атмосферы. Я не ожидал, что Томас узнает что-то необычное, и был поражён его ответом.

30 Октября, 1960

В прошлую пятницу я специально съездил на Болд-стрит и узнал довольно много о своём доме возле озера. Агент не особо обрадовался моему визиту, и, казалось, удивился, когда я сказал ему, что вернулся не за своими деньгами. Он всё ещё опасался много говорить, хотя немного рассказал о том, что дома «строились по заказу группы частных лиц». Было похоже, что из агента не вытянуть ничего полезного, а потом я упомянул, что видел сны, похожие на кошмары предыдущих жильцов. Не успев подумать, он выпалил:

— Тогда это сделает некоторых людей немного счастливее.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил я, чувствуя какую-то тайну.

Что ж, он немного подстраховался и наконец-то объяснил:

— Это связано с «привидениями», из вашего озера. Среди сельских жителей ходит история, и она распространяется даже до пригородов вокруг Мерси-Хилла, который находится ближе всего к вам: что-то живёт в озере и «насылает кошмары», чтобы заманить людей к воде. Несмотря на то, что эти кошмары ужасают, говорят, что они обладают гипнотическим эффектом. С тех пор, как это место стало необитаемым, люди, а особенно дети в районе Мерси-Хилла стали видеть сны, а один или два ребёнка были госпитализированы в местную больницу. Неудивительно, что им там снятся кошмары — раньше на этом месте стояла виселица, как вы знаете, а больница раньше была тюрьмой; потом какой-то шутник назвал это Мерси-Хиллом — Холмом Милосердия, и название прижилось в народе. Говорят, что сны — это работа того, кто обитает в озере — *оно* голодает, и поэтому забрасывает свои сети всё дальше. Конечно, это всё суеверие; Бог

знает, кто *это* по их мнению. Во всяком случае, если вы начали видеть сны, они бы сказали, что *ему* больше не нужно беспокоить сельских жителей.

— Ну, хоть один вопрос прояснился, — сказал я, пытаясь использовать своё преимущество. — Теперь другой — зачем же на самом деле были построены эти дома? Что это за таинственная «группа частных лиц»?

— Без сомнения, это прозвучит безумно, — извинился агент. — Эти дома были построены около 1790-го года, несколько раз реконструировались или достраивались по указанию той группы, состоявшей примерно из шести-семи человек. Все эти люди исчезли около 1860-го или 1870-го года, по-видимому, переехали в другой город или ещё куда-то, во всяком случае, больше о них никто здесь не слышал. Так как от той группы долго не было никаких вестей, в 1880-м или около того, дома стали сдавать в аренду. По многим причинам люди никогда не оставались там надолго. Вы знаете: расстояние от города и пейзаж тоже, даже если именно

эти причины привели вас туда. Я слышал от сотрудников, работавших здесь до меня, что озеро, кажется, даже повлияло на умы некоторых людей. Я был на этом же месте, когда пришёл последний арендатор. Вы слышали о семье, которая проживала ранее в вашем доме, но есть вещи, о которых я не сказал вам. Подумайте, когда вы пришли, вы сказали, что вам нужны привидения. Вы уверены, что хотите узнать об этом?

— Конечно, хочу, я ради этого и пришёл, — заверил я агента. Откуда мне было знать, что это может лишить меня вдохновения для работы над своей новой картиной? (Что напоминает мне — я работаю над картиной из своего сна; она называется «Существо в озере»).

— Правда, многого сообщить не могу, — предупредил меня агент. — Он пришёл сюда в девять часов утра, когда мы открывались, и он сказал мне, что половину ночи ждал меня снаружи, в машине. Он не объяснил мне, почему съезжает, просто бросил ключи на стойку и посоветовал мне снова продать дом. Пока я разбирал-

ся с бумагами, он много бормотал. Я не мог расслышать всего, но то, что я понял, было довольно странным. Какой-то бред о «шипах», и «вы теряете свою волю и становитесь его частью», ещё он много рассказывал о «городе среди водорослей». Кто-то «должен был храниться днём в ящиках», из-за «зелёного разложения». Тот жилец постоянно упоминал кого-то по имени Гларки или что-то в этом роде, и также он говорил что-то о Томасе Ли, но я не расслышал, что.

Имя Томас Ли показалось мне немного знакомым, и я спросил о нём. Я до сих пор не знаю, откуда это имя пришло мне в голову.

— Ли? Ну, конечно, — немедленно отреагировал агент. — Он был лидером той группы людей, которые построили дома. Этот человек вёл все переговоры…. И на самом деле это все факты, что я могу вам сообщить.

— *Факты*, да, — согласился я. — Но что ещё вы можете мне рассказать? Полагаю, у здешних жителей должны быть свои легенды об этом месте?

— Я мог бы сказать вам, чтобы вы пошли и сами всё выяснили, — ответил агент. Полагаю, он имел право немного устать от меня, видя, что я ничего не покупаю. Однако он продолжал:

— Тем не менее, вам повезло, что в пятницу у нас мало клиентов. Ну, говорят, что озеро возникло из-за падения метеорита. Много веков назад метеорит блуждал по космосу, и на нём располагался город. Все существа, жившие в том городе, умерли во время этого путешествия через космос, но *что-то* оставалось живым, и оно из своего дома глубоко под поверхностью управляло приземлением метеорита. Бог знает, из чего нужно было построить город, чтобы он выдержал падение, если бы это было правдой!

Что ж, этот кратер от метеорита заполнялся водой на протяжении веков. Говорят, что некоторые люди знали, что в озере есть что-то живое, но не имели информации о том, куда оно упало. Одним из них был Ли, но он использовал вещи, которые никто не смел трогать, чтобы найти местонахождение метеорита. Он

привёл других людей к озеру, когда узнал, что там находилось. Они все пришли из Гоутсвуда — и вы знаете, что позади этого города есть холм, из которого кто-то выходит, и суеверные люди ему поклоняются. Насколько я могу судить, Ли и его друзья встретили на озере нечто большее, чем они ожидали. Они стали слугами того, что сами пробудили, и говорят, эта группа людей до сих пор находится там.

Это всё, что я смог выжать из агента. Я вернулся в дом, и могу сказать тебе, что я смотрел на него немного иначе, чем когда уходил! Бьюсь об заклад, ты не ожидал, что я узнаю что-то интересное о доме, а? Конечно, теперь окружающая обстановка стала для меня более интересной, возможно, новая информация вдохновит меня.

Твой Томас

Признаюсь, я долго не отвечал Картрайту, наверное, потому, что мой план разрушить власть озера над ним пошёл наперекосяк. Сожалею, что я был так резок, ибо письмо, дошедшее до меня 8-го числа, стало последним его письмом.

6 ноября, 1960

…Ты видел Джо в последнее время? Я не слышал о нём с тех пор, как он ушёл отсюда около трёх недель назад, и мне интересно, что с ним случилось — раньше он писал мне так же регулярно, как и ты. Однако может быть, он сильно занят.

Но на самом деле это неважно. Столько всего произошло здесь, и я ещё не всё понимаю. Некоторые из событий, возможно, вообще не имеют значения, но теперь я уверен, что это место является центром чего-то непредвиденного.

Работая до трёх часов ночи 31-го числа, я закончил свою новую картину. Я думаю, что это моя лучшая картина, никогда прежде мои работы не вызывали у меня такого чувства чужеродности. Я лёг спать около 3:30 и не просыпался до пяти вечера, когда стемнело. Что-то разбудило меня, звук снаружи окна. Громкие звуки любого рода здесь редкость, и раньше я не слышал ничего подобного. Пронзительный пульсирующий крик, частота вибраций которого всё ускорялась, пока не возникал диссонанс, после чего вибра-

ция падала до первоначальной частоты, и цикл повторялся вновь. Я ничего не видел, но мне пришла в голову странная мысль, что этот звук исходит *из озера*. На его поверхности тоже пульсировала странная рябь, и свет из моего окна играл бликами на воде.

Итак, 1-го числа я сделал то, что я всё время обещал сделать (и здесь начинается самое интересное), а именно — исследовать другие дома вдоль улицы. Я вышел около трёх и решил осмотреть дом, что слева от меня. Ты осознаёшь, что входная дверь, должно быть, была приоткрыта, когда мы приезжали в первый раз? А нет, ты не настолько далеко доходил. Дверь действительно стояла приоткрытой, и как только мне удалось преодолеть те шаткие ступени, я с лёгкостью проник в прихожую. Повсюду лежала пыль, обои свисали полосками, и, насколько я понял, электрического освещения не имелось. Я вошёл в гостиную, окна которой смотрели на озеро, но ничего не увидел. Половицы были голыми, камин украшала паутина, мебель отсутствовала, в комнате царила

почти полная тьма из-за грязных окон. Вообще не на что смотреть.

Следующая слева комната выглядела почти также плохо. Я не знаю, для чего она использовалась, настолько она была пустой. Но когда я повернулся, чтобы уйти, я заметил что-то торчащее между половицами, и, пройдя чуть вперёд, я увидел, что это страница из какой-то записной книжки; выглядела она так, словно её вырвали и втоптали в щель. Она была грязной и мятой, и на первый взгляд не представляла никакой ценности, но я всё равно её поднял. На странице обнаружился рукописный текст, он начинался с середины одного предложения и обрывался также на середине последнего. Я собирался выбросить листок, но одна фраза привлекла моё внимание. Когда я присмотрелся, то понял, что эта запись действительно интересная. Я вернулся с ней в свой дом, где я мог получше разглядеть текст, мне также пришлось разгладить страницу и очистить её от грязи. Я скопировал её для тебя, посмотри, может, выскажешь своё мнение.

«…закат и подъём на поверхность *того, что внизу*. Они не могут выйти в дневное время — на них появится Зелёная Гниль, и это будет довольно неприятно, но я не смог уйти достаточно далеко, чтобы они не поймали меня. Они могут призвать толпу мертвецов из склепов под Темп-Хиллом, и те заставят меня повернуть по дороге обратно к озеру. Жаль, что я ввязался во всё это. Нормальный человек, приехавший сюда, возможно, сможет избежать силы, завлекающей его во сне, но так как я баловался запрещёнными практиками в Университете Брайчестера, я не думаю, что будет какая-то польза от попыток сопротивления. В то время я был так горд, что понял, на что намекал Альхазред, говоривший про „лабиринт из семи тысяч кристаллических структур“ и „лица, которые смотрят из пятимерной бездны“. Ни один из других членов культа, понявших моё объяснение, не смог пройти через три тысячи триста тридцать третью структуру, где мёртвые рты раскрываются и глотают. Думаю, это потому, что я миновал тот барьер, где сон

так сильно удерживал меня. Если кто-то читает мои записи, значит, появились новые арендаторы. Пожалуйста, поверьте мне, я утверждаю, что вы в ужасной опасности. Вы должны уехать отсюда прямо сейчас, и засыпать озеро камнями, пока *он* не стал достаточно сильным, чтобы покинуть это место. К тому времени, как вы прочтёте это, я буду… не мёртвым, но чем-то в этом роде. Я превращусь в одного из *его* слуг, и если вы присмотритесь, то сможете найти меня на моём месте среди деревьев. Я бы не советовал это; хотя средь бела дня они могут подвергнуться Зелёной Гнили, они могут выйти днём в сумрак между деревьями. Вам, несомненно, понадобятся доказательства; хорошо, в подвале…»

На этом запись обрывалась. Как ты, наверное, догадываешься, я не придумал ничего лучше, чем спуститься в этот подвал. Я предположил, что речь скорей всего идёт о подвале в том доме, где я нашёл записку. Но я чувствовал себя особенно голодным, и к тому времени, как я приготовил еду и съел её, стало

довольно темно. Фонарика у меня нет, и было бы бесполезно идти в подвал после наступления темноты в надежде что-то там найти. Поэтому мне пришлось ждать до следующего дня.

Той ночью мне приснился странный сон. Это не могло быть чем-то иным, кроме сна, но всё выглядело очень реалистично. В том сне я лежал в постели в своей комнате, как будто только что проснулся. Под окном звучали голоса — странные голоса, хриплые и шипящие, словно кому-то было больно говорить, но их заставляли силой. Первый сказал: «Возможно, в подвале. В любом случае они не понадобятся, пока притяжение не станет сильнее». Второй медленно ответил первому: «*Его* память тускнеет, но второй новый должен это исправить». Возможно, снова первый голос или какой-то другой произнёс: «Очень скоро появится дневной свет, но завтра вечером мы должны спуститься». Затем я услышал неторопливые, тяжёлые шаги. Во сне я не мог заставить себя встать и посмотреть, кто стоял под окном; а через

несколько минут это сновидение сменилось другим, таким же неспокойным.

На следующее утро, второе, я снова посетил тот дом. Дверь в подвал находилась на кухне, как и в моём доме. Прямо за окном рос кустарник, из-за чего на кухне царил полумрак. Когда я приспособился к такому слабому освещению, я разглядел каменные ступеньки, ведущие в большой подвал. Я сразу увидел то, что хотел, больше не на что было смотреть — маленький книжный шкафчик такого типа, что открывается сверху и спереди. Он был заполнен пыльными пожелтевшими книгами, а с боков у него свисали обрывки шнура, который служил ручкой для удобства переноски. Я подобрал этот шкафчик и поднялся наверх. Ещё одна вещь показалась мне странной: арка в другом конце подвала, за которой находился крутой лестничный пролет, но насколько я мог видеть, ступени вели вниз.

Когда я вернулся домой, я очистил книги от пыли и осмотрел их корешки. Я обнаружил, что это были разные тома

одной и той же книги, всего их насчитывалось одиннадцать; книга называлась «Откровения Глааки». Я открыл первый том и обнаружил, что он представлял собой старый тип тетради с отрывными листами, страницы, покрытые архаичным почерком. Я начал читать, и к тому времени, когда я оторвал глаза от пятого тома, уже стемнело.

Я даже не могу рассказать тебе, что я вычитал. Когда ты приедешь на Рождество, может быть, ты сможешь прочитать некоторые из этих томов… ну, если ты начнёшь читать, то будешь так очарован книгой, что тебе придётся прочитать всё до конца. Я лучше кратко расскажу тебе историю этой книги и фантастические мифы, о которых она повествует.

Судя по примечаниям, эти «Откровения Глааки», где-то ещё печатались, или правильней сказать, переиздавались подпольно. Это, однако, единственное полное издание; человек, которому удалось скопировать книгу и «убежать», чтобы издать её, не осмелился опубликовать весь текст. Эта оригинальная рукописная

версия полностью отрывочна; она написана разными членами культа, и там где один человек обрывал свои записи, другой начинал совершенно новую тему. Культ возник около 1800 года, и его членами почти наверняка являлись те, кто построил эти дома. Примерно в 1865-м году было опубликовано пиратское издание, но поскольку в книге часто упоминались другие подпольные общества, им приходилось быть осторожными с распространением книги. Большая часть экземпляров очень ограниченного издания попала в руки членов этих культов, и в настоящее время существует очень мало полных изданий всех девяти томов (по сравнению с одиннадцатью в версии без сокращений).

Культ поклоняется чему-то, что живёт в озере, как сказал мне агент. Там нет описания самого существа; оно состоит из какого-то «живого, переливчатого металла», насколько я мог понять, но реальных фотографий нет. Иногда встречаются сноски, например «сравни с рисунком:

„Thos. Lee pinxit“»[150], но если такой рисунок и существовал, то его скорей всего вырвали. Есть многочисленные ссылки на «разумные шипы», и авторы подробно рассказывают об этом. Это связано с посвящением новичка в культ Глааки, и авторы книги объясняют в собственной суеверной манере легенды о «метке ведьмы».

Ты слышал о ведьминой метке — месте на теле ведьмы, которое не кровоточит, когда его колют иглой? Мэтью Хопкинс[151] и ему подобные пытались найти такие метки, но не всегда успешно. Конечно, они часто ловили невинных людей, которые никогда не слышали о Глааки, а затем инквизиторам приходилось прибегать к другим средствам, чтобы доказать, что эти женщины — ведьмы. Но те, кто входил в секту, безусловно, должны были иметь настоящие ведьмины метки. Это

---

[150] Примечания: 150

«Thos. Lee pinxit», — pinxit — «писал красками Томас Ли». Это один из видов сокращённой подписи на средневековых картинах и гравюрах.

[151] Примечания: 151

Мэтью Хопкинс (ок. 1620 — 12 августа 1647) — английский охотник на ведьм.

были длинные, тонкие шипы, которые, как предполагается, покрывают тело их бога Глааки. В церемонии посвящения новичка приводили (иногда с его согласия, иногда нет) на берег озера, в то время как Глааки поднимался из глубины. Он вогнял один из своих шипов в грудь жертвы, а когда в тело вводилась жидкость, шип отделялся от тела Глааки. Если бы жертва смогла сломать шип до того, как жидкость попала в его тело, он, по крайней мере, умер бы человеком, но, конечно, его похитители не позволяли этого сделать. Как бы то ни было, от острия шипа по телу жертвы распространялась сеть каналов, а затем шип отпадал в точке вхождения в тело, оставляя область, которая никогда не будет кровоточить, если в неё воткнуть что-то острое. Благодаря испусканию импульсов, возможно, электромагнитных, из мозга Глааки, человек продолжал жить, но он практически полностью контролировался этим существом. Жертва приобретала все воспоминания Глааки; человек также становился его частью, хотя и был способен выполнять незна-

чительные индивидуальные действия, такие как написание «Откровений», когда Глааки не излучал специфических импульсов. Примерно через шестьдесят лет такой полу-жизни на жертве могла появиться «Зелёная Гниль», если бы тело подвергалось воздействию слишком интенсивного света.

Есть некоторая путаница относительно самого появления Глааки на нашей планете. Культ считает, что он достиг Земли только когда упал метеорит, образовавший озеро. С другой стороны, в книге упоминаются «еретики», которые настаивают на том, что шипы можно обнаружить в египетских захоронениях, в особых мумиях-гибридах, и говорят, что Глааки пришёл раньше — через обратные углы Тагх-Клатура, о чём знали жрецы Себека и Карнака. Есть предположения, что зомби на Гаити создаются благодаря ужасному экстракту, полученному из ранних членов культа, которые попали под солнечный свет.

Что касается того, чему учился новичок — что ж, есть ссылки на «48 разоблаче-

ний Акло», и предположение, что «49-й придёт, когда Глааки возьмет с собой каждого». Глааки, похоже, явился из какой-то внешней сферы, он пересёк нашу вселенную, останавливаясь в таких мирах, как Юггот, Шаггаи и даже Тонд[152]. На нашей планете он иногда привлекает новых членов в культ «притягивающего сна», о котором я слышал раньше. В наши дни, однако, озеро оказалось настолько далеко от людских жилищ, что использование «притягивающего сна», требует времени, а без жизненной силы, как говорят, Глааки становится слишком слабым, чтобы завлекать в свои сети новичков и проецировать сны на любое расстояние. Сектанты не могут выйти при свете дня, так что единственное, что остаётся — это люди, которые случайно приезжают по-

[152] Примечания: 152

Юггот — название, придуманное Г. Ф. Лавкрафтом для планеты Плутон. См. его рассказ «Шепчущий во тьме», а также рассказ Рэмси Кэмпбелла «Рудник на Югготе».

Шаггаи — погибшая планета где-то на краю вселенной. Подробней о ней написано в рассказе Р. Кэмпбелла «Насекомые с Шаггаи».

Тонд — ещё одна планета, придуманная Кэмпбеллом. Там живут люди, немного отличающиеся от землян, их миром правят чёрная магия и тёмные боги. Есть цикл из нескольких рассказов о Тонде, см., например, «Безумие из подземелий».

жить в этих домах. Как я!

Это не всё, что есть в книге, во всяком случае; культ верил во многие другие вещи, но некоторые из них настолько невероятны и нетрадиционны, что они просто звучали бы смешно, если бы я их записал. Но мне они почему-то не кажутся идиотскими, и стиль письма в «Откровениях», довольно прост, возможно, потому, что они написаны абсолютно верующими людьми. Ты должен прочитать некоторые из этих томов в ближайшее Рождество. Ты даже не можешь себе представить, что именно, по версии этих сектантов, вызывает извержения вулканов! И их упоминание об атомной теории; что смогут увидеть учёные, когда изобретут микроскоп, который даст действительно детальное представление об атоме! Есть также и другие вещи: раса, по сравнению с которой Валтум[153] просто ребёнок; источник, откуда появляются вампиры; и бледные, мёртвые существа, которые ходят по чёрным городам на

[153] Примечания: 153

Валтум — инопланетный бог из одноимённого рассказа Кларка Эштона Смита.

тёмной стороне Луны…

Но нет смысла продолжать в том же духе. Ты увидишь всё это через несколько недель, а до тех пор мои намёки мало что будут значить для тебя. Я обещал тебе какую-нибудь цитату, так что я скопирую отрывок наугад:

«Много ужасов на Тонде, сфере, которая вращается вокруг зелёного солнца Йифне и мёртвой звезды Баальбло. Мало кто похож на людей, потому что даже правящая раса яркдао имеет втягивающиеся уши на своих гуманоидных телах. У них много богов, и никто не смеет прерывать ритуал жрецов Чига, который длится три с четвертью года или один „пуслт“. Огромные города из синего металла и чёрного камня построены на Тонде, а некоторые яркдао говорят о городе из кристалла, живущие в нём существа ходят не так, как что-либо живое. Мало кто из людей нашей планеты может видеть Тонд, но те, кто знают секрет кристаллизаторов снов, могут ходить по его поверхности невредимыми, если голодный страж кристаллизатора не

учует их».

На самом деле это не лучшая цитата для примера; другие гораздо менее расплывчаты, но не так впечатляют, если вырвать их из контекста. Теперь ты действительно должен приехать на Рождество, хотя бы для того, чтобы прочитать книгу.

Твой Томас

Я не отвечал на его письмо до 12-го числа. Я намеревался написать ему раньше, хотя бы для того, чтобы отвлечь его от последних нездоровых мыслей, но на этой неделе у меня случился завал работы в налоговой службе. Так вот, около десяти часов я сел за стол, чтобы написать Картрайту. Я хотел сказать, что всё, о чём он размышляет, — просто суеверия, и он обнаружил всего лишь доказательства суеверных убеждений некоторых сумасшедших.

Я выводил дату в письме, когда зазвонил телефон. Я не ждал ни от кого звонков и сначала подумал, что кто-то, наверное, ошибся номером. Когда телефон прозвонил трижды, я лениво встал, чтобы поднять трубку.

— Алан? Слава Богу! — раздался истеричный голос на другом конце провода. — Бросай всё и

садись в свою машину, и ради Бога, сделай это быстро!

— Кто это? Кто говорит? — спросил я, потому что не был уверен, что узнал голос звонившего.

— Томас! Томас Картрайт! — нетерпеливо закричал он. — Слушай, нет времени на объяснения. Ты должен немедленно приехать сюда на своей машине, иначе станет темно, и я никогда не выберусь отсюда. Я в телефонной будке на дороге в нескольких милях от озера, и я останусь здесь, пока ты не приедешь. Ты не пропустишь эту будку, просто езжай по дороге из Брайчестера к озеру; это не так далеко, вот и всё.

— Но *зачем* я должен приезжать? — упорствовал я раздражённо.

— Потому что *они* сломали двигатель моей машины. — Картрайт становился всё более нервным; я заметил это по дрожанию его голоса. — Я узнал намного больше с тех пор, как написал тебе письмо, и *они* знают, что я всё это знаю. *Они* даже не потрудились спрятаться.

— Я не знаю, о чём ты, чёрт возьми, говоришь, но почему ты не можешь вызвать такси вместо того, чтобы тащить меня туда?

— Я не могу вызвать такси, потому что не знаю номер! — завизжал Картрайт. — И почему я не

могу посмотреть в телефонную книгу? Потому что прошлой ночью *они*, должно быть, побывали в этой будке до меня — *они* забрали справочник. Я бы пошел в Брайчестер пешком, не думаю, что их влияние простирается дальше, но даже если они не вызовут толпу мертвецов из-под Темп-Хилла, чтобы развернуть пространство назад, древесные существа в нескольких милях вверх по дороге могут принять свои реальные формы, и, чтобы справиться с ними, потребуется объединение силы воли двух человек. Теперь, ради Бога, ты приедешь сюда на своей машине, или ты хочешь, чтобы Глааки вновь поднялся из озера? Возможно, это придаст ему сил для продвижения его мыслей дальше. И тут же раздался щелчок — Картрайт повесил трубку.

Некоторое время я просто стоял у телефонного столика. Я не мог позвонить в полицию, потому что бесполезно было посылать их к Картрайту только для того, чтобы найти его в обстановке, указывающей на его сумасшествие. Конечно, его бред о *них* не следует воспринимать всерьёз. С другой стороны, если озеро так сильно влияло на его сознание, я конечно должен сразу же ехать в Брайчестер. Так я и поступил.

Я был на озере всего один раз и, добравшись

до Брайчестера, совсем забыл дорогу. Никто из прохожих не знал, где озеро; по выражениям их лиц я был почти уверен, что кто-то из них может мне помочь, но почему-то не делает этого. В конце концов, я попросил полицейского направить меня на Болд-стрит, где агент по недвижимости мог бы подсказать мне путь к озеру.

Агент поднял глаза, когда я вошёл, но, похоже, не узнал меня.

— Могу я вам чем-нибудь помочь? — спросил он.

— По поводу Лейксайд Террэйс… — начал я.

— Лейксайд Террэйс? Нет, это не наш дом, сэр.

— Нет ваш, это один из ваших домов, — настаивал я. — Вы продали его моему другу несколько недель назад — мистеру Картрайту, это дом, в котором якобы обитали привидения. Послушайте, вы *должны* помнить, мне нужно увидеть его как можно скорее.

Некоторое нервное нетерпение Картрайта повлияло на меня, и продолжающееся озадаченное выражение лица агента заставило меня подумать, что и он не может мне помочь.

— Значит, вы будете на озере после наступления темноты?

Его бессмысленный вопрос взбесил меня, тем

более, что у меня не было однозначного ответа.

— Пока не знаю. Возможно, да. Чёрт побери, вы знаете дорогу к озеру или нет? Я больше не могу терять время. Уже 3:20, и я должен быть уже там.

Когда я выезжал с Болд-стрит, я всё ещё удивлялся внезапному решению агента направить меня. Я с облегчением отъехал от небольшого здания агентства, потому что меня странно беспокоила непривычная медлительность его речи и жёсткость его конечностей; особенно когда агент ударил себя в грудь пальцем и вздрогнул. Я до сих пор не могу себе представить, зачем ему спрашивать, буду ли я на озере после наступления темноты.

Через несколько минут я добрался до вершины Мерси-Хилла. Когда автомобиль замедлился на повороте, который проходит мимо серого здания больницы, я мог видеть дорогу и впереди, и позади себя; и я чуть не повернул назад. Дома из красного кирпича выглядели гораздо привлекательнее, чем крутые склоны холмов, между которыми пролегали дороги, окаймлённые лиственными деревьями. Я вспомнил, что говорили жители Мерси-Хилла: кто-то обитал в озере. Но я приехал, чтобы избавить Картрайта от его суеверной болезни, и не мог этого сделать, пока сам

страдал суевериями.

Когда я миновал поворот, и телефонная будка оказалась в моём поле зрения, её дверь распахнулась, и Картрайт выбежал на дорогу. Он побежал рядом с машиной, когда я сбросил скорость, и крикнул через открытое окно:

— Открой дверь с этой стороны! Продолжай ехать, я могу запрыгнуть на такой скорости.

Я не хотел, чтобы он пострадал, и остановил машину.

— Может ты перестанешь себя вести как киногерой и всё объяснишь?

— Хорошо, я согласен, — заверил меня Картрайт. — Теперь давай съездим к озеру.

— К *озеру*? — повторил я удивлённо.

— Ты едешь по дороге, которая ведёт к нему, я подумал… ох, ладно, если ты так торопишься.

Когда я запускал двигатель, я услышал, как Картрайт, сидящий рядом, что-то бормотал. Многое ускользнуло от меня, но я понял следующие фразы: «….пытался позвонить в полицию, но не смог дозвониться… провода, должно быть, оборвались. Наверно, случайность. Это не могло быть *их* работой… *они* никогда не могли так далеко уйти под солнцем. Зелёная Гниль… это в „Откровениях“… Они могут?»

Я проигнорировал это, и, не поворачиваясь, спросил:

— Послушай, Томас, мне нужны объяснения. Я думал, ты хочешь сбежать с озера до наступления ночи? Что там произошло, что тебя так внезапно напугало?

Он ответил не сразу и пропустил мой второй вопрос.

— Я определённо должен уйти до наступления ночи, но я хочу забрать с собой «Откровения». Если я оставлю дом без присмотра сегодня вечером и вернусь завтра, они войдут и заберут книгу. Мы можем съездить туда до четырёх часов и захватить книжный шкафчик. Успеем вернуться в Брайчестер до темноты. Древесные существа вдоль дороги могут стать более активными в сумерках, но есть ритуал, который я могу повторить, чтобы подчинить их, если смогу опереться на твою сознательность. Как только мы окажемся в Брайчестере, мы должны выйти из-под *их* влияния.

— Но раньше ты не был таким. Возможно, ты верил во всё это, но не боялся. Отчего твои чувства переменились?

Картрайт поёрзал немного на кресле и затем сказал:

— Один из них, *возможно*, был сном, но другой… Что касается существа, которое я увидел во сне, это случилось около часа ночи. Я пребывал в полусонном состоянии… мне снились странные вещи: тот чёрный город посреди водорослей на дне, с какой-то фигурой под хрустальным люком, и дальше к Югготу и Тонду… и это не давало мне уснуть. В тот момент, о котором я говорю, я держал глаза полуоткрытыми; у меня было ощущение, что кто-то наблюдает за мной, но я никогда никого не видел. Затем я начал замечать что-то бледное, что, казалось, плавало на краю моего видения. Я понял, что оно находится возле окна. Я быстро повернулся и увидел лицо, смотревшее в комнату. Это было лицо трупа; и даже хуже того — лицо Джо Балджера.

Мы достигли последнего участка дороги к озеру, прежде чем Картрайт продолжил свой рассказ.

— Он не смотрел на меня; его глаза были устремлены на что-то возле противоположной стены. Всё, что находилось там — книжный шкафчик, содержащий одиннадцать томов «Откровений Глааки». Я вскочил и подбежал к окну, но Балджер уже отходил, двигаясь теми самыми ужасными, медленными шагами. Хотя я увидел достаточно. Его рубашка была разорвана, и на груди у него

виднелся ярко-красный след, расходящийся радиальной сетью линий. Затем Балджер затерялся между деревьев.

Я остановил машину в начале тротуара на берегу озера. Когда я подошёл к дому, Картрайт всё еще бормотал позади меня:

— *Они* взяли его и привели к Глааки, очевидно это он плескался в воде в ту ночь. Но это случилось в одиннадцать часов, а Джо ушёл около четырёх. Боже мой, что *они* делали с ним последние семь часов?

Я отошёл, чтобы Картрайт смог открыть входную дверь; он даже нашёл где-то дополнительный висячий замок, которым усилил защиту дома. Когда мы вошли в гостиную, я заметил в углу картину, покрытую тряпкой. Я начал поднимать её, но Картрайт остановил меня.

— Пока нет, это часть другой. Я хочу показать тебе кое-что ещё, затем ты увидишь эту картину.

Он подошёл к книжному шкафчику, который стоял на полу напротив окна, и взял крайний том.

— Когда… Джо… ушёл, я наконец-то взглянул на эти книги. Я понял, что он смотрел на этот шкаф неспроста, но решил убедиться сам. Каким-то образом я задел шкафчик ногой, и он опрокинул-

ся. К счастью, он не сломался, но одиннадцатый том упал так, что его обложка оторвалась. Когда я попытался приладить обложку обратно, я заметил, что задняя корка сильно выпирала наружу. Я присмотрелся и нашёл вот что.

Он передал мне том, который выбрал. Открыв его, я увидел, что на внутренней стороне обложки имелось нечто вроде кармана, а в нём я нашёл сложенный кусочек холста и открытку.

— Не смотри пока на них, — приказал Картрайт. — Помнишь, я рисовал *Существо в Озере* из своего кошмара? Вот оно. Теперь давайте сравним его с этими двумя.

К тому времени, как я развернул холст, он открыл картину. Кусочек холста тоже оказался картиной, а открытка — фотографией. Фон каждой из работ выглядел по-разному; Картрайт изобразил озеро, окружённое чёрным тротуаром посреди пустынной равнины; на картине с подписью «Thos. Lee pinxit», которую я держал в руках, были нарисованы полужидкие демоны и многоногие ужасы, в то время как фотография просто показывала озеро таким, как оно выглядело сейчас. Но фокусом во всех трёх случаях являлась одна и та же совершенно чуждая фигура, и больше всего меня беспокоила фотография.

В центре каждой картины, очевидно, находилось существо, известное как Глааки. Из овального тела торчали бесчисленные тонкие, заострённые шипы из разноцветного металла; на более округлом конце овала круглый, с толстыми губами рот образовывал центр губчатого лица, из которого росли три жёлтых глаза на тонких стеблях. На нижней части тела этого существа имелось множество белых пирамид, предположительно используемых для передвижения. Диаметр тела составлял около трёх метров, по крайней мере, в ширину.

Меня беспокоило не только совпадение фотографий, но и полная ненормальность этого существа. Тем не менее, я попытался сделать вид, что меня это не убеждает, и заметил:

— Послушай, ты сам сказал, что видел его лишь во сне. Что касается остального, в чём смысл всего этого? Несколько кошмаров и документы суеверного культа, чьи верования совпадают с твоими снами. Конечно, фотография очень реалистична, но в наши дни можно состряпать что угодно.

— Ты всё ещё думаешь, что это моё воображение? — спросил Картрайт. — Конечно, ты не сможешь объяснить, зачем кому-то понадобилось подделывать такую фотографию, а потом

оставлять её здесь. Кроме того, вспомни, что я нарисовал эту картину из своего сна ещё до того, как увидел эти две. Это Глааки из озера посылал мне свой образ.

Я всё ещё искал, что ответить ему, когда Картрайт посмотрел на часы.

— Боже правый, уже больше четырёх часов! Нам лучше поспешить, если мы хотим убраться отсюда до темноты. Иди заводи машину, я принесу книжный шкаф. Не думаю, что они прикоснутся к моим картинам, кроме последней, её я тоже возьму с собой. Завтра, возможно, мы сможем вернуться из Брайчестера и забрать остальные картины.

Когда я сел в водительское кресло, я увидел, как Картрайт в одной руке несёт шкафчик, схватившись за его верёвочную ручку, а в другой держит картину. Он проскользнул на заднее сиденье, когда я повернул ключ зажигания.

Из двигателя не донеслось ни звука.

Картрайт выпрыгнул из машины и открыл капот. Затем он повернулся, чтобы посмотреть на меня, его лицо побледнело.

— Теперь ты, чёрт возьми, уверуй! — закричал он. — Полагаю, это моё воображение сломало твой двигатель!

Я вышел посмотреть на множество разорванных проводов. Картрайт не заметил, слушаю ли я, и продолжал кричать:

— *Они* сделали это, но как? Здесь ещё не стемнело, и *они* не могут перемещаться при свете дня… но они, должно быть, сделали это…

Этот феномен, казалось, беспокоил его даже больше, чем испорченный двигатель. Затем Картрайт в отчаянии сел на край капота.

— Боже мой, конечно, Джо только что присоединился к *ним*, а Зелёная Гниль не влияет на *них* в течение шестидесяти лет или около того. Он может выйти на свет… он может следовать за мной… он теперь часть Глааки, так что он не пощадит меня…

— Что нам теперь делать? — перебил я Картрайта. — Ты говорил, что идти куда-то в сумерках — безумие.

— Да, — согласился он. — Мы должны забаррикадироваться. Верхние этажи не так важны, но каждое окно и дверь на первом должны быть заблокированы. Если ты думаешь, что я сумасшедший, смейся сколько хочешь.

Оказавшись внутри, нам удалось закрыть окно в передней комнате, перевернув кровать. Окно задней комнаты мы укрепили шкафом. Когда мы

передвигали его, Картрайт на минуту оставил меня, выйдя в другую дверь.

— Тут где-то валялся топор, — объяснил он, — лучше ему находиться при нас — он может быть полезен как оружие, а иначе *они* завладеют им.

Картрайт принёс топор и поставил его у стола в прихожей.

Он помог мне забаррикадировать заднюю дверь, которая открывалась из кухни; но когда мы подтолкнули к ней кухонный шкаф, он велел мне отдохнуть.

— Ты пока завари кофе, — предложил он. — Что касается меня — осталось несколько минут дневного света, и я хочу взглянуть на озеро, чтобы увидеть, что там внизу. Я возьму топор на всякий случай, если… Джо придёт. Как бы то ни было, *они* не могут двигаться очень быстро — их конечности вскоре становятся полужесткими.

Я хотел спросить, какие средства защиты есть у меня, но Картрайт уже ушёл.

Он так долго отсутствовал, что я начал волноваться, когда услышал, как он стучится в заднюю дверь. Я крикнул «У тебя короткая память — обойди спереди». Но поскольку ответа не последовало, я начал отодвигать шкаф от двери. В этот момент позади меня раздался крик:

— Что ты делаешь?!

Под рукой у меня находился чайник, я повернулся, приготовившись швырнуть его, но увидел Картрайта. Я сказал так спокойно, как только смог:

— Кто-то стучится в заднюю дверь.

— Это *они*, — закричал он и толкнул шкаф обратно к двери. — Быстрее, возможно это только один Джо, но если уже достаточно стемнело, придут и другие. В любом случае, нужно заблокировать входную дверь… Что там есть?

В прихожей не имелось никакой мебели, кроме маленького столика.

— Придётся взять шкаф из моей спальни.

Когда мы прибежали в прихожую, то услышали шум. Скользящий звук снаружи дома доносился до нас с нескольких сторон. Также мы слышали приглушённую дисгармоничную пульсацию, плеск воды поблизости, и шаги кого-то медленно приближавшегося к дому. Я подбежал к щели между окном и перевёрнутой кроватью. Уже стемнело, но я смог разглядеть, как тревожно колышется вода у самого берега под окном.

— Помоги мне, ради всего святого! — крикнул Картрайт.

Пока я отворачивался от окна, я увидел, как

что-то движется снаружи. Возможно, я только воображал себе ту сверкающую форму, которая вздымалась из воды, с длинными стеблями, извивавшимися над телом; но пульсация определённо стала ближе, и скрипящий, скользящий объект уже двигался по тротуару.

Я поспешил к Картрайту и помог ему подтолкнуть шкаф в сторону двери.

— Там что-то живое снаружи! — ахнул я.

На лице Картрайта отразилось наполовину облегчение, наполовину отвращение.

— Это существо с картины, — сказал он, затаив дыхание. — Я видел его раньше, когда выходил на улицу. Нужно смотреть в озеро под определённым углом, иначе ничего не увидишь. Внизу на дне, среди водорослей — стоячая вода, всё мертвое, кроме… Там внизу город, всё чёрное, спиралевидные шпили и стены с улицами образуют тупые углы. Мёртвые создания, лежащие на улицах… они умерли во время путешествия через космос… они ужасные, твёрдые, блестящие, все красные и покрытые гроздьями трубчатых тварей… А прямо в центре города находится прозрачный люк. Под ним Глааки, пульсируя, смотрел вверх… я видел, как ко мне приближаются стебли с глазами…

Картрайт внезапно замолчал.

Я проследил за его взглядом. Он смотрел на парадную дверь; и я увидел, как она прогибается внутрь от давления снаружи. Шарниры отрывались от дверной коробки. И тот странный пульсирующий крик зазвучал как-то триумфально.

— Быстро, наверх! — выкрикнул Картрайт. — Мы не можем сейчас тащить тот шкаф, беги наверх, я за тобой.

Я находился недалеко от лестницы и метнулся к ней. На полпути я услышал позади себя грохот, и, обернувшись, с ужасом увидел, что Картрайт не последовал за мной. Он стоял у стола в прихожей, сжимая топор.

Через парадную дверь ворвались мёртвые слуги Глааки, их скелетообразные руки вытягивались, чтобы схватить Картрайта. А за ними возвышалась фигура, пульсирующая и дрожащая в оглушительной вибрации. Всего пара метров отделяла мертвецов от Картрайта, когда он бросился им навстречу. Их руки медленно качались в безуспешных попытках остановить его. Картрайт достиг входной двери, но в этот момент один из мертвецов преградил ему путь. Картрайт не остановился; взмахом топора он отбросил врага

в сторону.

Теперь он оказался за пределами медленно реагирующих трупов, и бросился на туловище пульсирующего Глааки. Навстречу Картрайту выскочил шип. Остриё пронзило его насквозь, но Картрайт успел отрубить своим топором шип от тела Глааки. Пульсирующий крик превратился в беспорядочный, и овальная форма в агонии свалилась обратно в озеро. Мёртвые создания некоторое время совершали бесцельные движения, а затем направились к деревьям. Картрайт, тем временем, упал на тротуар и больше не двигался. Я не мог устоять на месте и бросился в первую комнату наверху, заперев за собой дверь.

На следующее утро, когда я убедился, что уже светло, я вышел из дома. На улице я поднял тело Картрайта и оставил его на переднем сиденье автомобиля. Я не оглядывался на то, что лежало у входной двери — это был ходячий труп, которого мой друг уничтожил. Мертвец подвергался воздействию дневного света. Меня не тошнило, пока я не добрался до машины. Прошло некоторое время, прежде чем я смог дойти до Брайчестера.

Полиция не поверила ничему из того, что я им рассказал. Книжный шкафчик из багажника машины пропал, и ничего не было видно среди

деревьев или в озере, хотя большая глубина не позволяла исследовать его дно. Агент по недвижимости на Болд-стрит ничего не мог сказать полиции о «привидениях», из озера. Однако в машине нашлась картина, которая с тех пор считается самой сильной работой Картрайта, — но это всего лишь продукт воображения художника. Конечно, в его груди нашли металлический шип, но это могло быть хитроумное орудие убийства.

Я попросил профессоров из Брайчестерского Университета исследовать этот шип, однако, результаты получились противоречивые. В газетах этот случай замяли; и пока профессора ещё не получили разрешения на засыпку озера, они согласны со мной в том, что той ночью в долине произошло что-то очень странное. Ибо шип с проходящим сквозь него каналом был сформирован не только из совершенно неизвестного на Земле металла, но и сам этот металл недавно состоял из *живых клеток*.

Перевод: А. Черепанов

Рэмси Кэмпбелл

Разрывающий Завесы

Ramsey Campbell «The Render of the Veils», 1964

Была полночь. Последний автобус до Брайчестера уже ушёл. Дождь лил как из ведра. Кевин Джиллсон с горечью думал, что ему до утра придётся стоять под навесом близлежащего кинотеатра, но сильный ветер сдувал капли дождя в сторону Джиллсона, так что навес не давал ему никакого укрытия. Он поднял воротник своего плаща, когда вода начала течь по его шее, и медленно двинулся вверх по холму прочь от автобусной остановки.

Улицы были практически пусты; несколько автомобилей, промчавшихся мимо Джиллсона, не отреагировали на его сигналы. Он прошёл мимо множества домов, но мало где горел свет в окнах; ему было грустно идти по мокрому чёрному тротуару, отражавшему неровный свет уличных фонарей. Джиллсон встретил лишь одного человека — молчаливую фигуру, склонившуюся в тени дверного проёма. Только красный огонёк сигареты убеждал Джиллсона, что там вообще кто-то был.

На углу улиц Гонт и Ферри он увидел приближающуюся машину. Наполовину ослеплённый сиянием фар, он понял, что это такси, выехавшее на улицы ради последнего ночного пассажира. Кевин помахал водителю размокшим журналом *«Камсайдский Обозреватель»,* который он всё ещё сжимал в руках, и такси остановилось рядом с ним.

— Вы ещё берёте пассажиров? — крикнул Джиллсон через боковое окно.

— Я собирался домой, — отозвался водитель. — И всё же, если вам есть куда идти, я бы не советовал вам бродить по улицам в такую ночь. Куда ехать?

Джиллсон ответил: «Брайчестер», и сделал попытку сесть в машину. Однако в этот момент он услышал рядом голос, крикнувший что-то; и, повернувшись, увидел фигуру мужчины, бегущего сквозь дождь к такси. По сигарете в его пальцах и стороне, с которой тот появился, Джиллсон понял, что это тот самый человек, которого он заметил в дверном проёме.

— Подождите, пожалуйста, подождите! — кричал незнакомец. Он шлёпнул ногами по луже, обрызгав Джиллсона. — Вы не против, если я сяду вместе с вами в это такси? Если вы торопитесь,

это не важно, но если из-за меня вам придётся проехать дольше, я выплачу вам разницу в цене. Я не знаю, как мне ещё вернуться домой, хотя живу недалеко отсюда.

— *Где* вы живёте? — с опаской спросил Джиллсон. — Я не тороплюсь, но…

— На Тюдор-Драйв, — ответил мужчина с нетерпением.

— О, это на пути к Брайчестеру, не так ли? — с облегчением выдохнул Джиллсон. — Конечно, садитесь, мы оба заболеем пневмонией, если простоим здесь ещё хоть минуту.

Забравшись в такси, Джиллсон сказал водителю куда ехать и откинулся на спинку кресла. Ему не хотелось разговаривать, и он решил почитать книгу, надеясь, что другой пассажир поймёт, что Джиллсона не нужно беспокоить. Он достал из кармана экземпляр *«Колдовства в наши дни»*, купленный утром в книжном киоске, и немного полистал страницы.

Едва Джиллсон начал читать первую главу, как услышал голос попутчика.

— Вы верите в эту чушь?

— Вы про это? — обречённо предположил Джиллсон, постучав пальцем по обложке книги. — В некотором смысле, да. Я полагаю, эти

люди верили, что танцы голышом и плевки на распятия принесут им пользу. Скорее ребячество, хотя, конечно, все они психопаты.

— Я бы сказал, что в таких аляповатых книгах о другом и не пишут, — согласился незнакомец.

На несколько минут воцарилось общее молчание, и Джиллсон решил вернуться к своей книге. Он вновь открыл её и прочитал подходящую к названию яркую рекламу на внутренней стороне обложки, но тут струйка воды стекла по его рукаву на открытую страницу. Джиллсон протёр её носовым платком и в раздражении отложил книгу в сторону.

— Но знаете ли вы, что стояло за этими ведьмовскими культами? — вновь услышал он голос.

— Что вы имеете в виду? — спросил Джиллсон, забыв на мгновение о промокшей книге.

— Вы знаете что-нибудь о *настоящих культах?* — продолжал незнакомец. — Не о средневековых слугах Сатаны, а о тех, кто поклоняется богам, которые существуют?

— Это зависит от того, что вы подразумеваете под «богами, которые существуют», — ответил Джиллсон.

Мужчина, похоже, не обратил внимания на это замечание. — Они создали эти культы, потому

что они что-то искали. Возможно, вы читали некоторые из их книг, которые не купить в тех киосках, где вы приобрели своё «Колдовство», но эти книги сохранились в нескольких музеях.

— Ну, я когда-то был в Лондоне, и взглянул на то, что у них имелось в Британском музее.

— *«Некрономикон»*, я полагаю. — Незнакомец казался почти удивлённым. — И что вы подумали о нём?

— Я нашёл эту книгу довольно тревожной, — признался Джиллсон, — но не такой ужасной, как мне о ней говорили. Но тогда я не мог всего понять.

— Лично я подумал, что «Некрономикон», смехотворен, — прокомментировал слова Кевина таинственный попутчик, — так туманно… Но, конечно, если бы автор детально описывал то, на что лишь намекал, то ни один музей не стал бы хранить у себя эту книгу. Думаю, самое лучшее, если об этом будут знать лишь немногие из нас… Простите меня, вы, должно быть, считаете меня странным. Подумайте об этом, вы даже не знаете, кто я такой. Я Генри Фишер, и полагаю, вы могли бы назвать меня оккультистом.

— Нет, пожалуйста, продолжайте, — сказал Джиллсон. — То, что вы рассказываете, очень

интересно.

— Как насчёт людей, которые что-то ищут? Почему вы что-то ищете? — спросил Фишер.

— Не то, чтобы ищу, просто у меня была какая-то стойкая убеждённость с самого детства. Не о чем беспокоиться, на самом деле — просто некая идея, что ничто из того, что мы видим, не является реальностью: если бы существовал какой-то способ видеть вещи, не используя глаза, всё выглядело бы совсем по-другому. Странно, не так ли?

Когда ответа не последовало, Джиллсон отвернулся от собеседника. В глазах Генри Фишера появилось странное выражение; взгляд удивлённого триумфа. Заметив недоумение Джиллсона, он, казалось, взял себя в руки и заметил:

— Удивительно, что вы говорите такое. Меня довольно долго преследовали такие же мысли, и я часто был на грани того, чтобы начать искать пути доказательства своей теории. Видите ли, есть способы видеть, не используя глаза, даже если вы их держите открытыми, но только это может быть опасно, и требуется участие двух человек для этого. Нам может быть интересно попробовать… Ну, вот и моя остановка.

Такси остановилось перед многоквартирным

домом. За капающими деревьями тянулась бетонная дорожка, над которой возвышались окна, в некоторых горел жёлтый свет, другие зияли темнотой.

— Моя квартира на первом этаже, — заметил Фишер, когда выходил из машины и расплачивался с водителем.

Джиллсон опустил боковое стекло.

— Подождите, — сказал он. — Что вы подразумеваете под видением вещей такими, какие они есть на самом деле?

— Вам интересно? — Фишер наклонился и заглянул в такси. — Помните, я сказал вам, что это может быть опасно.

— Я не возражаю, — ответил Джиллсон, открывая дверь и выходя из машины. Он махнул водителю, чтобы тот уезжал, и только когда они с Фишером стояли, наблюдая за гаснущими вдали задними фонарями такси, он вспомнил, что оставил свою книгу на сиденье.

Хотя с деревьев всё ещё падали капли, дождь прекратился. Двое мужчин шли по бетонной дорожке, и ветер кружился вокруг них; казалось, он дул с замёрзших звёзд. Кевин Джиллсон почувствовал радость, когда они закрыли за собой стеклянные двери и вошли в фойе, оклеенное

цветистыми обоями. Лестница вела вверх к другим квартирам, но Фишер повернулся к ещё одной стеклянной двери, находящейся слева.

Джиллсон не ожидал ничего особенного, но то, что он увидел за этой дверью, поразило его. Это была нормальная гостиная, современная обстановка, модернистские обои, электрическое освещение; но некоторые объекты в ней выглядели не совсем обычными. Репродукции картин Босха, Кларка Эштона Смита и Дали создавали аномальное настроение, которое дополняли эзотерические книги, занимающие целый шкаф в одном из углов комнаты. Но такие картины и книги можно найти где угодно; а вот некоторые из других вещей Джиллсон никогда раньше не видел. Он не мог понять, что за объект яйцевидной формы лежал на столе в центре комнаты и издавал странный, прерывистый свист. Он также не узнавал очертания чего-то, что стояло на пьедестале в углу, завешенное холстом.

— Возможно, я должен был предупредить вас, — вмешался Фишер. — Полагаю, это не совсем то, что вы ожидали, будучи снаружи. Во всяком случае, садитесь, а я приготовлю вам кофе и немного объясню суть дела. И давайте включим магнитофон, я хочу, чтобы он работал до самого

конца и мог записать наш эксперимент.

Фишер ушёл на кухню, и Джиллсон услышал грохот кастрюль. Сквозь этот грохот Фишер начал громко рассказывать:

— Знаете, я был довольно своеобразным ребёнком, очень чувствительным, но странным образом сильным и терпеливым. После того, как я однажды увидел горгулью в церкви, мне приснилось, что она преследует меня, а в другой раз, когда собаку возле нашего дома сбила машина, все соседи заметили, как я жадно смотрел на неё. Мои родители как-то вызвали доктора, и он сказал, что я «очень болезненный, и они должны держать меня подальше от всего, что может повлиять на мою психику». Как будто они могли!

Итак, это случилось в школе, точнее в кабинете физики, именно там мне пришла в голову эта мысль. Однажды мы изучали структуру глаза, и я задумался. Чем дольше я смотрел на эту схему сетчатки, хрусталика и линз, тем больше убеждался в том, что то, что мы видим с помощью такой сложной системы, должно каким-то образом искажаться. Всё это очень хорошо демонстрирует, что проекция на сетчатке глаза — просто изображение, не более искажённое, чем то, что получается в телескопе. Это было слишком

сложно для меня. Я почти встал, чтобы высказать учителю свои мысли, но понял, что надо мной будут смеяться.

Я больше особо не думал над этим, пока не поступил в университет. Затем как-то раз я разговорился с одним из учеников — его звали Тейлор, — и, едва с ним познакомившись, я сразу присоединился к их ведьмовскому культу. Не к вашим голым декадентам, а к тем, кто действительно знал, как использовать элементарные силы. Я мог бы многое рассказать вам о том, чем мы занимались, но некоторые из вещей слишком долго объяснять. Сегодня вечером я хочу попробовать провести эксперимент, но, возможно, позже я расскажу вам о том, что знаю. О таких вещах, как неиспользуемая часть мозга, и о том, что похоронено на кладбище недалеко отсюда…

В любом случае, через некоторое время после того, как я присоединился к культу, он был разоблачён, и всех выгнали. К счастью, меня не было на той встрече, за которой следили шпионы, поэтому я остался. Тем не менее, некоторые из участников культа решили полностью забросить колдовство; и я убедил одного из них отдать мне все свои книги. Среди них были *«Откровения Глааки»*, и именно в этой книге я прочёл о процессе,

который хочу попробовать проделать сегодня вечером. Я читал о нём.

Фишер вошел в гостиную с подносом, на котором стояли две чашки и кофейник. Затем он пересёк комнату, в которой на пьедестале стоял какой-то объект, закрытый холстом, и когда Джиллсон наклонился вперёд, Фишер отдёрнул холст.

Кевин Джиллсон мог только вытаращить глаза. Объект был не бесформенным, но настолько сложным, что человеческие глаза не могли определить, что он из себя представляет. Он состоял из полушарий и блестящего металла, его части соединялись длинными пластиковыми стержнями. Стержни были тусклого серого цвета, так что Джиллсон не мог разобрать, какие из них располагались ближе; они сливались в единую массу, из которой выступали отдельные цилиндры. Пока он смотрел на это, Джиллсона преследовало странное ощущение, что между стержнями блестели глаза; но в какое место конструкции он бы ни глядел, он видел только промежутки между стержнями. Самым странным было ощущение, что эта конструкция является образом чего-то *живого* из иного измерения, где такой образец аномальной геометрии мог бы обитать. Когда он

повернулся, чтобы поговорить с Фишером, то увидел краем глаза, что конструкция увеличилась и заняла почти всю ширину комнаты, но когда Джиллсон качнулся назад, вся картина, разумеется, оказалась прежнего размера. По крайней мере, он был уверен, что это так, но Джиллсон даже не мог понять, насколько высоким объект был изначально.

— Значит, вы видите иллюзии размера? — Фишер заметил недоумение гостя. — Это только из-за трёхмерного расширения исходного существа. Конечно, в его собственном измерении оно выглядит совсем не так.

— Но что это? — нетерпеливо спросил Джиллсон.

— Это изображение Даолота — Разрывающего Завесы, — объяснил Фишер.

Он подошёл к столу, на который ранее поставил поднос. Налив кофе, он передал чашку Джиллсону, который затем отметил:

— Вы должны будете объяснить это через минуту, но пока вы были на кухне, я тут подумал кое о чём. Я бы упомянул об этом раньше, только мне не хотелось спорить, находясь в разных комнатах. Легко говорить о том, что всё, что мы видим, искажено. Скажем, этот стол в действительности

совсем не прямоугольный и не плоский. Но когда я касаюсь его, то чувствую плоскую прямоугольную поверхность. Как вы это объясните?

— Простая тактильная галлюцинация, — объяснил Фишер. — Вот почему я говорю, что это может быть опасно. Поймите, вы на самом деле не ощущаете здесь плоской прямоугольной поверхности, но только потому, что ваши глаза видят такую форму, ваш ум вводит вас в заблуждение. И вы думаете, что чувствуете то, что соответствует вашему видению. Только иногда я задаюсь вопросом — почему разум создал такую систему заблуждения? Может быть, из-за того, что, если бы мы видели себя такими, какими мы являемся на *самом деле*, это могло бы стать для нас тяжёлым бременем?

— Послушайте, если вы хотите увидеть неискажённое существо, — сказал Джиллсон, — то я тоже хочу. Ради бога, не пытайтесь отговорить меня сейчас, на самом интересном месте. Вы назвали *это* Даолотом. Что это значит?

— Ну, мне придётся начать свои объяснения издалека, — извинился Фишер. — С того момента, как вы вошли в комнату, вы время от времени всё смотрели на эту конструкцию яйцеподобной формы; вы, должно быть, читали

о ней в *«Некрономиконе»*. Помните те ссылки на кристаллизаторы Сновидения? Это одно из них — устройство, которое проецирует вас во сне в другие измерения. К этому нужно немного привыкнуть, но за несколько лет я научился входить почти в каждое измерение вплоть до двадцать пятого. Если бы я только мог передать вам ощущения той последней плоскости, где есть пространство, а материя не может существовать! Кстати, не спрашивайте меня, где я взял кристаллизатор, — до тех пор, пока я не буду уверен, что его хранитель не явится за ним. Я никогда не должен говорить об этом. Но неважно.

После того, как я прочитал в *«Откровениях Глааки»*, о том, что моя идея о реальности имеет под собой основание, я решил провести некоторые опыты. Это были, в основном, пробы и ошибки; но, наконец, однажды ночью, я обнаружил себя материализовавшимся в месте, где я никогда раньше не был. Там имелись такие высокие стены и колонны, что я даже не мог увидеть, где они заканчивались, а посреди пола находилась огромная трещина, бегущая от стены к стене, неровная, как от землетрясения. Пока я смотрел на трещину, её очертания казались тусклыми и размытыми, и из неё что-то вылезло. Я говорил

вам, что существо выглядит совсем по-другому в своём измерении… Ну, я видел живой аналог. Думаю, вы поймёте, что я даже не буду пытаться его описывать. Оно несколько мгновений стояло, покачиваясь, а затем начало расширяться. Через несколько минут оно поглотило бы меня, но я не стал этого ждать и побежал между колоннами.

Прежде чем я смог отбежать достаточно далеко, передо мной появилась группа людей. Они были одеты в металлические одежды и капюшоны, и несли маленькие изображения того, что я только что видел, так что я понял, что это жрецы того существа. Идущий впереди остальных жрец спросил меня, зачем я пришел в их мир, и я объяснил, что надеялся призвать Даолота, чтобы он помог мне увидеть то, что находится за завесами. Жрецы обменялись взглядами, и один из них передал мне изображение, которое он нёс.

— Тебе это понадобится, — объяснил он мне. Это служит каналом связи, в своём мире ты нигде не встретишь такого.

Затем вся сцена исчезла, и я оказался в своей постели, но в моих руках было изображение, которое вы видите там.

— Но вы мне так и не сказали… — начал Джиллсон.

— Я уже подхожу к этому. Теперь вы знаете, где я получил этот образ. Тем не менее, вам интересно, как это связано с сегодняшним экспериментом, и кто такой вообще этот Даолот?

Даолот — это бог, чуждый бог. Ему поклонялись в Атлантиде, где он считался богом астрологов. Предполагаю, что именно там был установлен способ поклонения ему на Земле: его никогда нельзя увидеть, ибо глаз пытается следовать за извилинами его формы, и это вызывает безумие. Вот почему не должно быть света, когда его призывают — когда мы сегодня чуть позже станем вызывать Даолота, нам придётся выключить все лампы. Нам непременно понадобится копия образа бога, пусть и неточная.

Что касается того, зачем нам призывать Даолота — на Югготе и Тонде он известен как Разрывающий Завесы, и этот титул имеет большое значение. Там его жрецы видят не только прошлое и будущее — они могут видеть, как объекты простираются в последнее измерение. Поэтому, если мы призовем Даолота и удержим его с помощью Пентакля Плоскостей, мы сможем получить от него помощь в устранении искажений восприятия. Пока это всё, что я могу вам объяснить. Уже почти 2:30 ночи, и мы должны

быть готовы к 2:45; вот когда отверстия выровняются… Конечно, если вы не хотите знать, что будет дальше, пожалуйста, скажите мне об этом сейчас. Но я не хочу, чтобы всё встало на свои места просто так.

— Я останусь, — ответил Джиллсон, бросив беспокойный взгляд на образ Даолота.

— Хорошо. Помогите мне здесь, пожалуйста.

Фишер открыл дверцу шкафа, стоящего рядом с книжным. Джиллсон увидел несколько больших, аккуратно сложенных ящиков, помеченных цветными символами. Он поднял один ящик, и Фишер вытащил другой, находящийся под ним. Закрывая дверцу шкафа, Джиллсон услышал, как хозяин поднимает крышку ящика; а когда он повернулся, Фишер уже раскладывал содержимое на полу. На свет явилось множество пластиковых пластин, которые собирались в искажённую хрупкую пентаграмму; за ней последовали две чёрные свечи, изогнутые в непристойные фигуры, металлический стержень с идолом на одном конце и череп. Этот череп вызвал беспокойство у Джиллсона: в нём имелись отверстия, в которые можно было установить свечи, но даже по форме и отсутствию рта Джиллсон мог предположить, что череп не принадлежал человеку.

Теперь Фишер начал расставлять эти предметы. Сначала он сдвинул стулья и столы к стенам, а затем собрал пентаграмму на полу в центре комнаты. Когда он вставил свечи в череп и зажёг их, а затем разместил всё это внутри пентаграммы, Джиллсон, стоя за спиной Фишера, спросил:

— Вы, кажется, говорили, что у нас не должно быть света, а как насчёт этого?

— Не волнуйтесь, они ничего не будут освещать, — объяснил Фишер. — Когда придёт Даолот, он вытянет из них свет — это облегчит выравнивание отверстий.

Когда Фишер повернулся, чтобы выключить освещение, он заметил через плечо:

— Он появится в пентакле, и его твёрдая трехмерная материализация будет оставаться там всё время. Тем не менее, он выдвинет двумерные конечности в комнату, и вы можете почувствовать их, так что не бойтесь. Видите ли, он возьмёт немного крови у нас обоих.

Рука Фишера приблизилась к выключателю.

— Что?! — воскликнул Джиллсон. — Вы ничего не говорили…

— Всё в порядке, — заверил его Фишер. — Он берёт кровь у любого, кто его призывает; кажется, Даолот таким способом проверяет их намерения.

Но он берёт немного. У меня он возьмёт больше крови, потому что я жрец, вы здесь только для того, чтобы я мог использовать вашу жизненную силу, чтобы открыть ему путь. Конечно, будет не больно.

И, не дожидаясь дальнейших протестов, Фишер выключил свет.

За окном находился гараж с неоновой рекламой, но шторы почти не пропускали её свет в комнату. Чёрные свечи тоже очень слабо освещали пространство, и Джиллсон ничего не мог разглядеть за пределами пентаграммы, находясь возле книжного шкафа. Он вздрогнул, когда хозяин ударил стержнем с идолом по полу и начал истерично кричать.

— Утгос плам'ф Даолот асгу'и — приди, о Ты, кто сметает завесы в сторону и показывает реальности за их пределами.

Фишер говорил многое, но Джиллсон особо не вникал в его слова. Он наблюдал за светящимся туманом, который, казалось, исходил как от него, так и от Фишера, и перетекал в деформированный череп в центре пентакля. К концу чтения заклинания вокруг обоих мужчин и черепа появилась определённая аура. Джиллсон зачарованно смотрел на неё, а затем Фишер умолк.

В течение минуты ничего не происходило. Затем извивающийся туман исчез, остался только огонь свечей; но теперь они горели ярче, и неясное свечение окружало их. Пока Джиллсон смотрел на свечи, двойное пламя начало гаснуть и вдруг пропало. На мгновение ему показалось, что пламя каждой свечи заменяет *чёрное* пламя — своего рода негативный огонь, но и он так же быстро исчез. В тот же миг Джиллсон понял, что они с Фишером уже не одни в комнате.

Он услышал сухой шелест из пентакля и почувствовал, что какая-то фигура движется там. Его сразу же окружили невидимые создания. Сухие, невероятно лёгкие существа коснулись лица Джиллсона, и что-то скользнуло между его губами. Ни одной точки на его теле не трогали достаточно долго, чтобы он мог понять, что это такое; так быстры были их движения, что Джиллсон ощутил не прикосновения, а скорее воспоминания о них. Но когда шорох вернулся в центр комнаты, во рту Джиллсона появился привкус соли, и он понял, что щупальце, входившее в его рот, укусило его за язык, чтобы взять каплю крови.

Фишер воззвал на фоне шороха:

— Теперь Ты вкусил нашей крови, Ты знаешь

наши намерения. Пентаграмма Плоскостей будет удерживать Тебя до тех пор, пока Ты не сделаешь того, что мы желаем — раздвинешь завесу веры и покажешь нам реальности настоящего существования. Покажешь ли Ты это, чтобы освободиться?

Шуршание усилилось. Джиллсону захотелось, чтобы ритуал поскорее закончился; его глаза привыкли к свету от рекламы гаража, и сейчас он мог почти видеть в темноте тусклую извивающуюся фигуру.

Внезапно раздался дисгармоничный металлический скрежет, и весь дом затрясло. Звуки растаяли в темноте, и Джиллсон понял, что обитатель пентакля исчез. В комнате всё ещё было темно; пламя свечей не возвращалось, и зрение Джиллсона ещё не могло проникнуть в черноту.

Фишер, находящийся возле двери, сказал:

— Что ж, он ушёл, а эта фигура построена так, чтобы Даолот не мог вернуться, не сделав того, что я попросил. Так что, когда я включу свет, вы увидите всё таким, каково оно есть *на самом деле*. Теперь, если вы можете нащупать шкаф, вы найдёте повязку на глаза, она лежит наверху. Наденьте её, и вы ничего не сможете увидеть, — если не хотите пройти через это испытание.

Затем я смогу включить свет и увидеть всё, что я хочу увидеть, а затем использовать идола, чтобы свести весь эффект к нулю. Вы хотите так поступить?

— Я проделал весь этот путь с вами, — напомнил ему Джиллсон, — не для того, чтобы испугаться в последний момент.

— Хотите увидеть всё прямо сейчас? Вы понимаете, что как только вы увидите реальность, тактильные заблуждения никогда больше не смогут обманывать вас. Вы уверены, что сможете жить с этим?

— Ради всего святого, конечно! — ответ Джиллсона был едва слышен.

— Хорошо. Я включаю свет… *сейчас*!

Когда полицейские прибыли в квартиры на Тюдор-Стрит, куда их вызвал истеричный жилец, они увидели сцену, которая ужаснула даже наименее брезгливых из них. Один квартиросъёмщик, возвращаясь с поздней вечеринки, увидел труп Кевина Джиллсона, лежащего на ковре — он был заколот до смерти. Однако полицейских тошнило не от этой картины, а от того, что они нашли на лужайке под разбитым окном; там лежал мёртвый Генри Фишер, его горло было разорвано осколками стекла.

Всё это казалось очень необычным, и не помог раскрытию дела даже магнитофон, найденный в комнате. Полицейские поняли, что тут определённо проводился какой-то ритуал чёрной магии, и догадались, что Джиллсон был убит острым концом стержня с закреплённым на нём идолом. Оставшаяся часть магнитофонной ленты была заполнена эзотерическими разговорами, которые к концу записи стали совсем бессвязными. Часть ленты, записавшей события после щелчка, включившего свет, больше всего озадачивает слушателей; пока никто не нашёл разумной причины, по которой Фишер убил своего гостя.

Когда любопытные детективы включают запись, они слышат голос Фишера:

— Там… чёрт, я не могу видеть после этой темноты. Теперь, что…

Боже мой, где я? И где вы? Джиллсон, где вы? Где вы? Нет, держитесь подальше, Джиллсон, ради Бога, уберите свою руку. Я вижу, как что-то движется во всём этом… но Боже, это не должны быть вы… Почему я не слышу вас?… но этого достаточно, чтобы поразить любого до потери речи… Теперь подойдите ко мне… Боже, эта тварь — вы… расширяется… сжимается… первичное желе, формируется и изменяется… и цвет… Уби-

райтесь! Не подходите ближе… вы с ума сошли? Если вы осмелитесь прикоснуться ко мне, вы наткнётесь на этого идола… он может ощущаться мокрым и губчатым, и выглядеть ужасно… но он одолеет вас! Нет, не прикасайтесь ко мне, я не могу этого вынести…

Потом раздаётся крик и глухой стук. Взрыв безумного вопля прерывается разбивающимся стеклом, и ужасный захлёбывающийся звук вскоре затихает.

Удивительно, что двое мужчин, казалось, обманули сами себя, думая, что они изменились физически; но дело было именно так, ибо два трупа выглядели совершенно обычно, за исключением их увечий. Ничто в этом деле не может быть объяснено безумием двух мужчин. По крайней мере, есть одна аномалия; но начальник полиции Камсайда уверен, что это только брак на плёнке — в некоторых местах записи слышен громкий сухой шелест.

Перевод: А. Черепанов

Рэмси Кэмпбелл

Рудник на Югготе

Ramsey Campbell «The Mine on Yuggoth», 1964

Эдварду Тейлору было двадцать четыре года, когда его впервые заинтересовал металл, добываемый на Югготе[154].

До этого момента он вёл необычную жизнь. Тейлор родился вполне здоровым, в протестантской семье, в Центральной больнице Брайчестера в 1899 году. С раннего возраста он предпочитал сидеть в своей комнате и читать книги, а не играть с соседскими детьми, но такое поведение тоже не редкость. Большинство книг, которые он прочитал, тоже были заурядными, хотя Эдвард, как правило, уделял внимание самым необычным деталям; после прочтения Библии, например, он удивил своего отца, задав вопрос: «И как же колдунья из Аэндора вызвала дух покойного?», Кроме того, его мать, конечно, заметила, что ни один обычный восьмилетний ребёнок не читал

[154] Примечания: 154
Юггот — название Плутона в мифологии Г. Ф. Лавкрафта.

«Дракулу», и *«Жука»*[155] с такой жадностью, как Эдвард.

В 1918 году Тейлор закончил школу и поступил в университет Брайчестера. Здесь и началась странная часть его жизни; преподаватели вскоре обнаружили, что научные исследования Эдварда часто сменяются менее общепринятыми практиками. Он возглавлял ведьмовской культ, члены которого собирались вокруг каменной плиты в лесу у дороги на Севернфорд[156]. В культ входили такие люди, как художник Невил Крогэн и оккультист Генри Фишер. Все участники впоследствии были разоблачены и изгнаны. Некоторые из них отвергли колдовство, но Тейлор оказался единственным, кто стал ещё больше интересоваться этой темой. Его родители умерли; благодаря наследству Тейлору не нужно было работать, так что он мог тратить всё своё время на исследования.

Но хотя Тейлор собрал много знаний, он всё ещё не был удовлетворен. Он позаимствовал у другого

---

[155] Примечания: 155

«Жук», — очевидно, имеется в виду роман Ричарда Марша, 1897 года, по жанру похожий на «Дракулу», Брэма Стокера.

[156] Примечания: 156

Севернфорд — вымышленный город в Великобритании, в котором (и вокруг него) происходит действие многих рассказов Кэмпбелла.

оккультиста «*Откровения Глааки*»[157] и дважды посетил Британский Музей, чтобы скопировать фрагменты из «*Некрономикона*». В его библиотеке имелась чудовищная безымянная книга Йоханнеса Хенрикуса Потта, которую отвергли издатели Йены[158], и это была книга, благодаря которой у него и возникло последнее увлечение. Эта отталкивающая формула бессмертия, написанная Поттом, была более чем наполовину верной, и когда Тейлор сравнивал некоторые из необходимых ингредиентов со ссылками Альхазреда, он собрал доселе несоединённую серию подсказок.

На Тонде[159], Югготе, иногда и на Земле бессмертия достигали с помощью таинственного способа. Мозг бессмертного пересаживался из одного тела в другое с интервалами в тридцать пять лет; если такая операция была невозможна, то использовался контейнер из *ток'ла*, в который

---

[157] Примечания: 157

«Откровения Глааки», — книга, придуманная самим Кэмпбеллом для «Библиотеки Мифов Ктулху», (в которую входят «Некрономикон», «Книга Эйбона», «Сокровенные Культы», Фон Юнцта, «Пнакотические рукописи», и многие другие.).

[158] Примечания: 158

Йена — Йенский университет имени Фридриха Шиллера (Германия).

[159] Примечания: 159

Тонд — некий мир, о котором у Кэмпбелла есть цикл фантастических рассказов.

помещали лишённый оболочки мозг на время, необходимое для поиска нового тела. *Ток'л* — это металл, широко используемый на Югготе, но на Земле он не встречается.

«Ящерицы-ракообразные[160] прибывают на Землю через их башни», — говорит нам Альхаздред. Не *в* их башнях, отметил для себя Тейлор, но *через* них, используя метод сворачивания пространства на себя, который был утрачен для людей со времён Джойри[161]. Это было опасно, но Тейлору требовалось найти форпост отродий Юггота и пройти там через барьер в транспортной башне. Опасность состояла не в путешествии к Югготу; барьер должен изменить внешние и внутренние органы тел, проходящих через него, или иначе ящерицы-ракообразные никогда не смогут жить в своих форпостах на Земле, где они добывают те металлы, которых нет на их планете. Но Тейлору были не по душе эти инопланетные шахтёры; однажды он увидел гравюру в «*Откро-*

[160] Примечания: 160

Ракообразные — Грибки с Юггота, о них подробней в повести Лавкрафта «Шепчущий во тьме». Однако у Лавкрафта Грибки пересекали космос на своих крыльях, а не с помощью телепортации (насколько я помню).

[161] Примечания: 161

…со времён Джойри — отсылка к циклу «Джирел из Джойри», Кэтрин Мур.

вениях Глааки», и испытал сильное отвращение. Это не было похоже на всё, что он видел раньше; тело югготианца на самом деле не было ящерицей, и его голова не слишком напоминала голову омара, но это были единственные сравнения, которые Тейлор мог сделать.

До этого времени он не мог бы отправиться к отродьям Юггота, даже если бы нашёл один из их форпостов. Но ссылка на странице в *«Откровениях»*, привела его к следующему месту в *«Некрономиконе»*:

«Пока Азатот правит теперь, как он делал это в своей двустворчатой форме, его имя подчиняет всё, от инкубов, которые населяют Тонд, до слуг Й'голонака. Мало кто может противостоять силе имени Азатота, и даже призраки самой чёрной ночи Юггота не могут сражаться с силой Н..., *его другого имени*».

Таким образом Тейлора вновь заинтересовала возможность путешествия на Юггот. Ящерицы-ракообразные уже не казались ему опасными, но порой, размышляя о некоторых намёках в *«Откровениях»*, Тейлор чувствовал прилив беспокойства. Иногда упоминалась яма, которая находилась рядом с одним из городов. Мало кто из ящериц-ракообразных уделял ей внимание,

но все избегали проходить мимо этой ямы в определённые периоды года. Не было никакого описания того, что находилось в той яме, но Тейлор наткнулся на слова: «В это время года ящерицы-ракообразные радуются темноте Юггота». Но намёки были настолько расплывчаты, что Тейлор обычно игнорировал их.

К сожалению, «другое имя», Азатота не указывалось в *«Некрономиконе»*, и к тому времени, когда у Тейлора возникла нужда в этом имени, разоблачение их ведьмовского культа привело к тому, что книга *«Откровения Глааки»*, оказалась за пределами его досягаемости. В 1924 году Тейлор начал искать людей, обладавших полным изданием «Откровения». Однажды он случайно встретил Майкла Хиндса, одного из бывших членов их культа, у которого не было копии, но он предложил Тейлору посетить фермерский дом возле дороги, ведущей в Козлиный Лес.

— Это жилище Дэниеля Нортона, — сказал ему Хиндс. — У него есть полное издание и ещё много чего интересного. Нортон не очень смышлён, хотя… помнит все углы Тагх-Клатура, но он доволен тем, как живёт и поклоняется богам, и не использует свои знания ради личной выгоды. Я не особо люблю его. Конечно, он слишком глуп,

чтобы навредить тебе, но меня все эти его знания пугают и раздражают.

Таким образом, Тейлор пришёл к Дэниелю Нортону. Этот человек жил со своими двумя сыновьями в старом фермерском доме, где им удавалось выживать с небольшим стадом овец и несколькими курицами. Нортон был туг на ухо и, как сказал Хиндс, не слишком умён, так что Тейлор раздражал сам себя, говоря медленно и громко. Фермер проявлял нервозность, пока Тейлор говорил, и оставался беспокойным, отвечая ему:

— Послушайте, юный сэр, это звучит так, будто я замешан в ужасных делах. Однажды у меня был друг, который спустился по Лестнице Дьявола, и он клялся, что вскоре его окружили югготианцы, повторяя за ним все слова его молитвы. Он-то думал, что у него есть заклинания, которые помогут ему преодолеть югготианцев на Лестнице. Но однажды мы нашли его в лесу, и это было так ужасно, что те, кто нёс его тело, больше никогда не были такими, как прежде. Его грудь и горло были разорваны, а лицо было всё синее. Те, кто знал, говорили, что существа, обитающие на Лестницах, схватили моего приятеля и полетели с ним в космос, где его лёгкие разорвались.

Подождите минутку, сэр. Это опасное дело — ступать на Лестницу Дьявола. Но есть нечто за лесом, если идти по дороге на Севернфорд, что может дать вам то, что вы хотите, может быть; и оно не так сильно ненавидит людей, как те с Юггота. Вам, возможно, следует сходить туда — это под плитой или камнем, и ритуал Вуула пробудит его. Но вы думаете о том, чтобы спросить, что вам понадобится? Это проще простого, вам даже не нужен Альхазред, чтобы произнести правильные слова, и оно может доставить вам это с Юггота.

— Вы говорите, что у них есть форпост на Лестнице Дьявола? — настаивал Тейлор.

— Нет, сэр, — ответил фермер, — это всё, что я скажу, пока вы не последуете моему совету.

Тейлор ушёл недовольный, и спустя несколько ночей сходил к исполинской плите в лесу к западу от дороги на Севернфорд. Но ритуал требовал, чтобы в нём участвовало больше одного человека; Тейлор слышал, как что-то огромное шевелится под его ногами, но не более того.

На следующий день Тейлор снова поехал на ферму возле Козлиного Леса. Нортон не скрывал своего недовольства, открывая гостю дверь, но разрешил ему войти. Тень Тейлора металась по сидящему фермеру, пока тот говорил:

— Вы же не думали, что я оставлю вас в покое, если оно не проснётся, не так ли?

— Какая была бы польза, если бы я пошёл к нему с вами? Если один человек не сможет его пробудить, не смогут и двое. В любом случае, может вам нравится вмешиваться в дела тех существ с Юггота, но мне не нравится. Они скажут, что отвезут вас на Юггот и дадут вам то, чего они боятся. Я не хочу приближаться к чему-то, что может привести к ним. На самом деле, я хочу, чтобы всё оставалось так, как есть.

— Что-то, чего *они* боятся? — повторил Тейлор, вспоминая, что не слышал о таком.

— Это в *«Откровениях Глааки»*, — объяснил фермер. — Вы видели мою…

— Да, в этом есть смысл, — перебил его Тейлор. — Если вы действительно собираетесь отказаться от колдовства, вам больше не понадобится эта книга. Боже, я совсем забыл об этом! Дайте мне эту книгу, и, возможно, я никогда вас больше не побеспокою!

— Можете взять её, и не стоит благодарностей, — сказал Нортон. — Вы серьёзно? Будете ли вы держаться подальше и избавите меня от необходимости иметь дела с существами Извне?

— Да, да, — заверил его Тейлор, взяв кучу пыль-

ных книг, которые фермер сунул ему в руки, и попытался не выронить их, садясь в машину. Он поехал домой и обнаружил, что книга содержит именно то, что он искал. Она также содержала другие соответствующие отрывки, и Тейлор перечитал тот, который ранее был у него в сокращённом варианте:

«За Зоной Тринадцати Ячеистых Колоссов находится Юггот, где обитают жители многих внеземных миров. Чёрные улицы Юггота знают поступь уродливых лап и прикосновение бесформенных придатков, и невидимые формы ползают посреди его неосвещённых башен. Но мало кого существа из мира-на-краю опасаются так же, как молодых югготианцев, что побывали в яме за пределами одного из городов и уцелели. Таких выживших мало кто видел, но легенда ракообразных повествует о городе зелёных пирамид, который висит над уступом глубоко в темноте. Говорят, что ни один рассудок не выдержит зрелища, что происходит на этом уступе в определённые сезоны».

(Но ничто не может сразиться с силой другого имени Азатота.)

Дальше Тейлор не стал читать; и через два дня он поехал с альпинистским снаряжением на

скальное образование за пределами Брайчестера. Образование это растянулось на две сотни футов вверх серией ступеней, ведущих к плато, таким образом создавая иллюзию гигантской лестницы; и легенда гласила, что Сатана пришёл с неба, и спустился на землю по этим ступеням. Но когда Тейлор припарковался на дороге, возле которой начинался подъём лестницы, он увидел, насколько они грубые и как легко, кажется, по ним подняться. Он вышел из машины, остановился на мгновение и начал карабкаться вверх.

Подъём в действительности оказался утомительным и тяжёлым. Иногда ноги Тейлора соскальзывали, зависая над пустотой. Один раз, на высоте в сотню футов, он оглянулся на свою машину, и всю оставшуюся часть восхождения пытался забыть пятнышко металла далеко внизу. Наконец, он зацепился рукой за край, подтянулся и выбрался на ровную поверхность. Затем Тейлор посмотрел вверх.

В центре плато стояли три каменные башни, соединённые узкими мостиками из чёрного металла на уровне крыш. Башни окружали грибы неземного вида: серые стебли были покрыты скрученными листьями. Они не могли быть полностью растительной природы, поскольку, когда

Тейлор поднялся на плато, стебли наклонились в его сторону, и листья развернулись к нему.

Тейлор стал пробираться через грибную аллею, сжимаясь, когда липкие листья касались его и, наконец, поспешил в очищенное пространство вокруг центрального шпиля. Башня была около тридцати футов высотой, без окон и с необычным угловатым дверным проёмом, открывавшим его взору лестницу, ведущую в черноту. Однако, у Тейлора был с собой фонарь, и он стал освещать себе путь на лестницу. Ему не нравилось, что темнота словно перемещалась за светом фонаря; он предпочёл бы случайное окно, чтобы оно напоминало ему, что он ещё не достиг Юггота. Но мысль о *ток'ле*, дарующем бессмертие, заставляла Тейлора двигаться дальше.

Поднимаясь в течение некоторого времени по лестнице, он заметил иероглифы на стенах — все, очевидно, указывали на что-то, находящееся за поворотом коридора. Тейлор повернул за угол и увидел, что ступеньки заканчивались в нескольких футах выше — не на стене или твёрдом барьере; но свет фонаря не проникал дальше. Должно быть, это было то самое место, где ящерицы-ракообразные соединяют Землю с Югготом; и с другой стороны находился сам Юггот.

Тейлор бросился к барьеру, погрузился в него, закричал и упал. Казалось, что его тело было разорвано на атомы и перестроено; осталось только воспоминание о том, что он не был уверен в пережитом. Тейлор лежал несколько минут, прежде чем смог встать и осмотреться.

Он был на крыше башни, возвышающейся над городом. Направив вниз луч фонаря вниз, он увидел, что на гладкой стене нет никаких ступенек; но, вспомнив мостики, он догадался, что здания в конце каждого ряда могут иметь какие-нибудь пути для спуска. Это казалось единственным способом, которым ракообразные могли спуститься, поскольку гравюры из *«Откровения»,* не показывали никакого метода их полёта. Тейлор был расстроен бездной под мостиком, но не мог осветить её своим фонарём.

Ему предстояло преодолеть пять узких металлических мостиков. Тейлор не замечал их странной формы, пока не вышел к первому. Мостик был слегка выпуклым в разрезе, и рифлёные секции под углом выступали наружу через одинаковые промежутки. Тейлору было очень трудно перейти от равновесия на выпуклых участках к равновесию на наклонных плоскостях. Часто он скользил в сторону, но, наконец, добрался до

конца мостика, окружённого зияющей чернотой в центре крыши. Отсюда Тейлор отправился к следующему мостику. Набравшись опыта, он уже меньше поскальзывался.

Одно его беспокоило — полная тишина ночного города. Звон его шагов нарушал тишину, они звучали словно камешки, падающие в какое-то подземное море. Не было слышно даже отдалённых звуков, но казалось невозможным, чтобы такой густонаселенный мир оказался настолько тихим. Даже если предположить невероятное, что все жители города были сейчас на Земле, наверняка какой-то звук должен иногда доноситься издалека. Всё было похоже на то, что жители бежали от какого-то кошмарного вторжения в город.

Когда Тейлор добрался до центра пятого мостика, позади него раздалось хриплое карканье. Тейлор пошатнулся и ударился о металлический выступ. Цепляясь за углы, он добрался до последней крыши и оглянулся.

Звук исходил из динамика, вибрирующего поверх металлического пилона. Карканье казалось бесцельным, если только это не было предупреждением или объявлением о его собственном прибытии. Тейлор проигнорировал это как пре-

дупреждение, не желая возвращаться на Землю после того, как зашёл так далеко; и даже если югготианцы узнают о его присутствии, они будут бежать от имени Азатота. Тейлор подошёл к краю крыши и стал высматривать спуск вниз.

Спуск состоял из ничем не ограждённой лестницы, которая вилась спирально по внешней стене башни, круто опускаясь к улице. Когда вопящий динамик затих, Тейлор стал спускаться и понял, что ступени были расположены под тупым углом к стене, так что только их изъеденная поверхность мешала ему сорваться вниз. Через десять футов камешек скользнул под ногой Тейлора, и если бы он не схватился за верхнюю ступеньку, то упал бы в темноту. Его сердце колотилось, и оставшуюся часть пути он двигался медленнее.

И вот Тейлор, наконец, добрался до тротуара из восьмиугольных вогнутых чёрных камней. Он осветил улицу слегка приглушённым фонарём. Чёрные шпили тянулись по обеим сторонам в ночь, а слева от Тейлора располагался перекрёсток. Все здания были установлены в центрах отдельных квадратов с длиной стороны в десять ярдов[162], через которые прорезались дорожки

[162] Примечания: 162
Около 9 метров.

из чёрного полупрозрачного минерала и на них росли точно расположенные линии тех полуживотных грибов, которые он видел на плато. Когда Тейлор вышел из башни, его фонарь осветил развилку на дороге, на пересечении которой стояло приземистое чёрное здание в форме усечённого конуса, и путешественник решил пойти по левой ветви этой развилки.

Металл, который он искал, был настолько хрупким, что не использовался для строительства в городе. Чтобы собрать образцы, он должен был посетить настоящие рудники, которые обычно располагались рядом с поселениями ракообразных. Но Тейлор не понимал планировки города. Ничего не было видно с крыш, потому что фонарь не светил далеко, и путешественник не знал, на сколько миль простирается заселённая территория. Даже *«Откровения Глааки»,* не давали карт городов на Югготе, так что единственный план Тейлора состоял в том, чтобы наугад пройти по какой-нибудь улице. Однако, как правило, такие города были окружены рудниками с интервалом в четверть мили, так что, как только Тейлор достигнет края города, он окажется довольно близко к одному из рудников. Там в основном добывали чёрный камень, используемый для

строительства, но определённый процент руды извлекался из камня и очищался на заводах вокруг рудников.

Пройдя пятьсот ярдов по левой стороне развилки, Тейлор заметил, что окрестности изменились. Хотя на одной стороне улицы всё ещё находились башни, пилоны справа теперь уступали место открытому пространству, простирающемуся вдоль улицы на протяжении двухсот ярдов и заходящими на пятьдесят ярдов внутрь улицы. Это пространство было заполнено объектами странной формы из полу-эластичного пластика тёмно-синего цвета. Несмотря на их причудливую форму, Тейлор мог видеть, что они предназначены в качестве сидений; но он не мог понять приспособлений в форме дисков, которые поднимались на металлических стержнях с каждой их стороны. Он никогда не читал о таком месте и предположил, что это может быть подобием кинотеатра у ракообразных. Тейлор увидел, что пространство усеяно тонкими шестиугольными листами из синего металла, покрытыми выпуклыми разноцветными символами. Тейлор взял с собой несколько листов. Казалось, что недавно и в спешке все посетители покинули это место. Данная картина в сочетании с предупреждающей

сиреной могла бы намекнуть Тейлору об опасности; но он лишь продолжил идти по улице.

Однако открытое пространство заинтересовало его. Диски могут быть какой-то формой приёмника, и в этом случае радиопередача может дать ему представление о направлении к рудникам. Возможно, ракообразные обладали способностью передавать мысленные образы, так как некоторые легенды об их форпостах на Земле говорили о том, что они используют гипноз на большом расстоянии. Если диски работали на каком-то схожем принципе, их энергия не должна была навредить человеку, поскольку, проходя через барьер, его тело изменило способ обмена веществ на такой же, что и у ракообразных. Во всяком случае, у Тейлора осталось три батареи для фонаря, и он мог позволить себе потратить немного времени, поскольку имел возможность защитить себя с помощью пугающего имени, если на него нападёт кто-нибудь из горожан.

Тейлор погрузился в пластик одного из тёмно-синих сидений. Он откинулся на спинку, положив фонарь на землю рядом с одной из батарей, которая выпала из его кармана. Он немного посидел в кресле, и его голова оказалась между металлическими дисками. Диски оглушительно

затрещали, и до того, как Тейлор смог пошевелиться, яркая оранжевая искра вспыхнула на одном диске и перескочила на другой, пройдя через его мозг.

Тейлор вскочил, и оранжевый луч исчез. Из его левого кармана, в котором лежали две запасные батареи, потянуло запахом металла. Тейлор сунул руку в карман, и она покрылась тускло-серой жидкостью; очевидно, это было всё, что осталось от батарей. Фонарь и одна батарея, которая не соприкасалась с его телом, всё ещё лежали рядом, и лампочка по-прежнему горела. Но, несмотря на то, что луч сделал с батареями, Тейлор не пострадал. Он очень хотел вернуться на сиденье, поэтому выключил фонарь для экономии заряда батареи и сел обратно на пластик. Ибо этот луч обладал свойством формировать образы в его уме; и в этот момент, сидя между дисками, Тейлор мимолётно увидел странную картину — ржавые металлические ворота, стоящие одиноко в центре пустыни, освещённые зелёной луной. Он не знал, что это было, но ворота имели вид определённого и непознаваемого назначения.

Луч начал проходить ещё до того, как голова Тейлора оказалась между дисками, и в его уме сформировался образ, который сразу же исчез и

уступил место другому. Ряд несвязанных видений проходил перед Тейлором и размывал окружающую тьму. Змееподобное существо пролетело через небо медного цвета, его голова и хвост свисали вниз с живота, где вращалось одно крыло летучей мыши. Большие, покрытые паутиной твари выкатывались из зловонных пещер в центре фосфоресцирующего болота, их рты чавкали, когда они спешили туда, где кричала чья-то фигура, застрявшая в грязи. Ряд гор, их вершины, покрытые льдом, доходили почти до неба; и, пока Тейлор наблюдал за ними, целая линия пиков взорвалась, и в поле зрения появилась белая безликая голова.

Тейлор, скорее встревоженный, подумал, защищаясь от мыслеобразов: «Клоака какая-то! Зря трачу время!», и начал вставать с сиденья.

Сразу же при слове «клоака», сформировалась новая картина. Появился крупный план одного из ракообразных, и то, что он делал, было тошнотворно очевидным даже с его непривычной формой. Что было необычно, так это то, что он выполнял этот акт в саду у одной из башен, возле вездесущего гриба. Когда ракообразный закончил, он встал и отошел, а Тейлор внимательно посмотрел на картину, что осталась позади. Пока

он смотрел, оцепенев от ужаса, листья близлежащего гриба согнулись и покрыли фекалии, а когда лист разогнулся, земля в этом месте была пуста. Теперь он увидел назначение этих грибных аллей.

Более важным, однако, как понял Тейлор, было то, что он только что открыл метод обращения к знаниям, хранящимся в этой библиотеке. Он должен подумать о каком-то ключевом слове — поэтому «клоака», вызвало такое досадное видение. Теперь, сдержав тошноту, Тейлор сказал мысленно: «Рудники, связанные с этим городом».

Перспектива, которая теперь явилась ему, представляла собой вид на город с высоты птичьего полёта. Город полностью был во тьме, но каким-то образом Тейлор ощущал очертания зданий. Затем точка обзора стала снижаться, пока Тейлор не оказался смотрящим прямо на библиотеку; у него возникло странное головокружение, когда он увидел самого себя, сидящего на пластиковом кресле. Кто бы ни транслировал это, изображения начали двигаться по улице, граничащей с библиотекой, пересекли прямую дорогу, вывели к её расширению и показали Тейлору яму в нескольких ярдах дальше.

Передатчик, однако, теперь работал как будто независимо от воли человека. Сейчас он вернулся обратно на шестьсот ярдов или около того по дороге, к перекрестку с более широкой улицей справа. Тейлор понял, что нужно следовать к чему-то важному. Его вели по извилистой улице, и он увидел, что через несколько ярдов здания закончились, оттуда более грубая дорожка тянулась к краю ямы, намного большей, чем первая. Передатчик сдвинулся вперёд, остановившись у края зданий. Тейлор хотел, чтобы он подошёл поближе, но передатчик оставался на одном месте. Когда видение продолжилось, громкий шум заставил Тейлора вздрогнуть; это была только часть передачи — не похожая на голос, она напоминала стеклянные поверхности, вибрирующие вместе, но формирующие определённые узоры. Возможно, это был голос, но его послание не имело смысла — что могла означать фраза *ксада-хгла-сорон*? Как бы то ни было, фраза повторилась семь раз, затем изображение исчезло.

Озадаченный, Тейлор слез с сиденья. Он не смог получить какой-либо дополнительной информации от дисков. Более крупная яма находилась дальше, но она могла содержать больше минералов, и здания находились не так близко к ней,

поэтому опасность того, что Тейлору там помешают, была менее вероятной. Он решил пойти туда.

Когда путешественник добрался до перекрёстка, он некоторое время простоял в нерешительности, вспомнив приземистые чёрные башни, которые окружали ближайший рудник, и повернул направо. Его ботинки звенели на чёрном тротуаре и хрустели на камнях ведущей далее тропы. Луч фонаря задрожал на осыпающемся краю, и Тейлор остановился возле ямы, посмотрев вниз.

Сначала он ничего не увидел. Пылинки, поднимающиеся снизу, окрасили луч фонаря полупрозрачным зелёным цветом, но он ничего не выявил, кроме колеблющегося круга чёрного камня на противоположной стене. Круг рос и тускнел по мере снижения, но темнота окончательно очертила края отложения, выступающего из скалы, и то, что стояло на нём.

Нет ничего ужасного в группе высоких опустевших пирамид, даже когда эти пирамиды построены из бледно-зелёного материала, который блестит и, кажется, движется в полусвете. Что-то еще заставляло Тейлора зачарованно смотреть вниз — способ, которым изумрудные конусы поглощали свет его фонаря, пока лампочка

заметно тускнела. Он смотрел вниз, ожидая чего-то, что, по его мнению, должно было случиться.

Лампочка вспыхнула и погасла, оставив его в полной темноте.

Ничего не видя, Тейлор отвинтил крышку фонаря и позволил мёртвой батарее выпасть и удариться о поверхность скалы далеко внизу. Вытащив последнюю батарею из кармана, он вслепую нащупал кусочки металла, щурясь во тьме, и увидел в своих руках фонарь. Он был слабо освещён сиянием, идущим снизу, и становился всё более отчётливым, пока Тейлор смотрел на фонарь. Теперь он мог видеть дальнюю сторону ямы, и, услышав скрежещущий металлический звук, который начал звучать где-то ниже, Тейлор посмотрел вниз в зелёный свет.

Что-то поднималось к нему по поверхности скалы; нечто сияюще-зелёное выскользнуло из уступа. Оно было огромное и такое же зелёное, как скалы, отчего сливалось с камнями, но оно имело форму, и именно это заставило Тейлора бежать из глубокой ямы, грохоча ногами по тротуарам, и не включать фонарь, пока он не натолкнулся на чёрный шпиль за пределами расширяющегося радиуса зелёного света. Тейлор не останавливал свой бег, пока не добрался до

здания в форме усечённого конуса, которое он запомнил, и башни рядом с ней. Он опрометчиво поднялся по внешним ступеням, полз на четвереньках, качался на мостиках и так добрался до последней крыши.

Последний раз он мельком взглянул на другие башни, затем поднял люк и спустился вниз по неосвещённым ступенькам, сквозь жгучий барьер, через проход, и с грохотом вывалился в ослепительный дневной свет, наполовину скатившись по Лестнице Дьявола, и, наконец, добрался до своей машины. Где-то там существо, которое он мельком узрел, всё ещё двигалось — эта зеленовато-лучистая форма, которая вздымалась и пульсировала над шпилями, опрокидывала их, и выдвигала светящиеся конечности, чтобы поглотить бегущие карликовые формы…

* * *

Когда прохожие позвонили в полицию Брайчестера, услышав необычные звуки из дома на Саут Эбби Авеню, оказалось, что только несколько документов в этом доме не были уничтожены Тейлором. Полиция вызвала врачей из Мерси Хилл, которым оставалось только отвезти Тейлора в больницу. Он взбесился, когда врачи

отказались исследовать Ступени Дьявола, но когда они попытались успокоить его обещаниями, что съездят туда, он так демонстративно протестовал, что его перевели в Дом Камсайда для душевнобольных. Там он мог только лежать, лихорадочно повторяя:

«Вы, дураки, почему бы вам не остановить их, поднявшись по ступенькам? Они будут унесены в космос — лёгкие лопнут — синие лица… И предположим, что *Оно* не разрушило весь город — предположим, что *Оно* было разумно? Если бы *Оно* знало о башнях в других частях космоса, *Оно* могло бы найти дорогу к лестнице — *Оно* спускается вниз по лестнице через барьер — *Оно* пробирается через лес и в город. За окном! *Оно поднимается над домами!*»

Дело Эдварда Тейлора всё ещё вызывает разногласия среди докторов и является предметом преувеличенных спекуляций в воскресных газетах. Конечно, журналисты не знают всех фактов; если бы они их знали, их тон, безусловно, был бы другим, но доктора сочли неразумным раскрывать всё, что произошло с Тейлором.

Вот почему рентгеновские снимки тела Тейлора тщательно спрятаны в архивах госпиталя. На первый взгляд снимки казались нормальны-

ми, и неспециалист мог не заметить никаких аномалий даже после тщательного их изучения. Требуется опытный доктор, способный заметить, что лёгкие Тейлора, хоть и функционируют прекрасно, ни в коем случае не похожи на лёгкие человека.

Перевод: А. Черепанов

Рэмси Кэмпбелл
Ужас из-под моста

Ramsey Campbell «The Horror From The Bridge», 1964

I

Клоттон, графство Глостершир, — это не то название, что можно найти на карте, и среди жителей нескольких покосившихся домов из красного кирпича, оставшихся от верхней части некогда процветающего города, не осталось ни одного человека, который мог бы вспомнить что-нибудь о тех ужасных днях 1931 года. Те из Брайчестера, до кого дошли вести, просочившиеся из охваченного страхом города, сознательно

воздерживаются от пересказа того, что услышали, и надеются, что чудовищная череда событий никогда не станет общеизвестной. Никто толком не знает, почему это бетонное здание в шесть метров высотой было воздвигнуто на берегу Тона, притока реки Северн, протекающей неподалеку от того места, где раньше располагался прибрежный район Клоттона. Они также не могут сказать, почему группа людей снесла все здания, находящиеся где-то рядом с рекой, оставив только редкие остатки верхней части города. Брайчестерцы также не любят думать о жутком знаке, который был неуклюже вырезан на каждой стене бетонного здания на берегу реки. Если спросить профессоров в университете, они ответят неопределённо, что это чрезвычайно древний каббалистический символ, но они никогда не скажут точно, каких духов этот символ может призывать или защитой от чего он служит. На самом деле вся эта история представляет собой любопытное нагромождение намёков и увода в сторону от истины; и, возможно, никогда не стало бы известно, что на самом деле произошло в Клоттоне в 1931 году, если бы в доме покойного брайчестерского затворника не был найден отпечатанный на машинке документ. Похоже,

что этот затворник совсем недавно готовил его к публикации, и, возможно, будет лучше, если он никогда не будет опубликован. Ибо на самом деле этот документ — описание ужаса, сделанное одним из тех, кто разрушил прибрежные здания; в свете того, что он рассказывает, становится понятно, почему он стал сторониться людей.

Автор, Филипп Честертон, очевидно, хотел, чтобы его документ выглядел как можно более научным. Его затворничество, проходившее по непостижимым причинам с 1931 года, дало ему много времени для изучения исторических аспектов этого дела благодаря большому количеству книг о Римской оккупации Британии и последующих событиях. Другие книги также позволили ему включить в свой отчёт значительное количество исторических и генеалогических данных о жителях Клоттона, хотя это даёт лишь сложную картину небольшого населения города, и не добавляет никакой информации для тех, кто стремится узнать все факторы, повлиявшие на то, что произошло в начале этого катастрофического периода. Следует, однако, признать, что определённые легенды и квазиисторические рассказы о некоторых жителях Клоттона могут быть восприняты как намёки на возможное объяснение

того сомнительного наводнения 1931 года, но, несомненно, трудно оценить истинную ценность различных своеобразных историй, в которые Честертон, по-видимому, верил. Таким образом, читатель должен внимательно рассмотреть внутреннюю ценность и достоверность нескольких ключевых описаний в следующей транскрипции, которая представляет собой версию документа, найденного в одном из домов Брайчестера, в некоторых местах сильно сокращённую.

В 1800 году, согласно одной рукописи, странный человек поселился в пустом доме, расположенном в малонаселённом Речном Переулке, в пределах видимости моста через Тон. Горожане мало что могли узнать о нём, кроме того, что его звали Джеймс Фиппс и что он приехал из Камсайда, и его неортодоксальные научные исследования не понравились местным жителям. Конечно, это происходило в то время, когда охота на ведьм преподобного Дженнера пребывала в самом разгаре, так что эти «исследования», суеверные жители могли принять за колдовство. Люди, жившие неподалеку от реки, заметили необычные инструменты и футляры, доставленные в дом двумя подозрительными крестьянами. Фиппс, казалось, руководил операцией с исклю-

чительным вниманием и чуть не впал в ярость, когда один из мужчин чуть не поскользнулся, неся что-то похожее на статую, завёрнутую в толстый холст. Худощавый, бледнолицый человек с чёрными как смоль волосами и длинными костлявыми руками, должно быть, вызывал у наблюдателей странные чувства.

По прошествии нескольких дней с момента своего прибытия, Фиппс начал посещать таверны у реки. Отмечалось, что он никогда ничего не пил, и однажды кто-то подслушал, как он говорил, что питает отвращение к алкоголю. Казалось, что он приехал сюда исключительно для того, чтобы обсудить дела с менее уважаемыми жителями Клоттона — в частности, чтобы узнать о распространённых в округе легендах. Со временем, конечно, Фиппс услышал историю о том, что когда-то поблизости скрывался какой-то демон. Чужака это очень заинтересовало. До его ушей доходили неизбежные подробности — вера одного или двух человек в то, что где-то поблизости погребена целая раса мерзостей, и что чудовищный подземный город может быть обнаружен, если найти вход, который, по слухам, находится под водой в бурных речных водах. Фиппс проявил необъяснимый интерес к даль-

нейшей идее о том, что инопланетное чудовище или раса были каким-то образом заточены в том месте, но их можно освободить, если удалить магический талисман. По-видимому, чужак был очень увлечен этими любопытными легендами, так как он очень щедро вознаграждал своих информаторов. Одному-двум из них Фиппс даже делал предложение — он готов взять их сыновей для обучения наукам; но те, к кому он обращался, не интересовались подобными предложениями.

Это случилось весной 1805 года — Фиппс покинул ночью свой дом. По крайней мере, он ушёл, когда стемнело, потому что никто из горожан не заметил его исчезновения, пока тишина и отсутствие света в доме не убедили их в этом. Странный жилец, по-видимому, не посчитал нужным приставить к своему дому охрану, он лишь запер двери и закрыл ставнями окна; и действительно, никто не проявил достаточно любопытства, чтобы начать поиски Фиппса, и дом у реки оставался тихим и нетронутым.

Несколько месяцев спустя, в начале ноября, Фиппс вернулся. На этот раз, однако, он был не один, так как за время своего отсутствия чужак нашёл себе жену — женщину, бледную как труп, которая, по наблюдениям горожан, говорила

мало и передвигалась странной, неуклюжей походкой. Сведения о ней имелись скудные, стало известно лишь, что муж встретил её в Темпхилле, городе по соседству с Котсуолдом, куда Фиппс отправился за редчайшими химикатами. Они встретились на каком-то безымянном, таинственном собрании, и Фиппс проявил странную осторожность, сообщив об этом.

О жизни любопытной пары в доме на берегу реки в течение некоторого времени после этого сообщить особо нечего. В конце 1806 года в этом мрачном доме родился сын, и некоторые считают, что это стало фактическим началом серии событий, достигших столь разрушительной кульминации в 1931 году. Ребёнок, которого отец-ученый назвал Лайонелом, родился в ноябре, в день, когда хлестал дождь, и молнии разрывали небо. Люди, жившие рядом с Речным Переулком, говорили, что хриплый и приглушённый грохот, казалось, доносился скорее из-под земли, чем из пульсирующего неба; некоторые даже ворчливо настаивали на том, что молния, часто бившая рядом с рекой, один раз приняла форму мерцающего столба энергии и ударила прямо в крышу дома Фиппсов, хотя впоследствии никаких следов такого явления обнаружить не удалось. Во

всяком случае, этот сын появился у странных родителей, и не нужно верить таким суеверным объяснениям его ненормальных наклонностей в дальнейшей жизни.

В 1822 году, когда Лайонелу Фиппсу должно было исполниться семнадцать или восемнадцать лет, отец, по слухам, начал давать ему наставления. Несомненно, прохожие видели слабые отблески света сквозь ставни на окнах, которые теперь почти всегда были закрыты, и часто сквозь них доносились невнятные разговоры или споры между отцом и сыном. Один-два раза эти негромкие тайные совещания принимали слегка ритуальный оттенок, и те, кто слышал их, испытывали смутное беспокойство. Некоторым было по-настоящему интересно, что творится в том доме, и они заглядывали в щель между ставен и видели, как младший Фиппс изучает какой-то большой и древний фолиант или помогает отцу настраивать неизвестный аппарат зловещего вида. Казалось очевидным, что мальчик проходит через период посвящения или обучения в какой-то области знаний, определённо исключительной, если судить по отчётам.

Этот период, по-видимому, продолжался и в последние месяцы 1823 года, и в конце его люди,

жившие недалеко от старинного дома в Речном Переулке, заметили определённые изменения. Во-первых, если раньше из дома выходила только хозяйка, то теперь началась череда ночных путешествий. Отец и сын совершали их с крайней осторожностью, и предполагалось, что они ходят в одно и то же место у реки. В какой-то момент за ними последовал озадаченный прохожий, который вернулся и сообщил, что Фиппсы занимались каким-то обследованием древнего, заросшего мхом речного моста. Они даже спустились вниз по берегу, прыгая по скользким камням над бурлящими чёрными водами, и вдруг отец, осматривая одну из опор моста при свете фонаря, издал крик, похожий на ликование. Его сын, казалось, тоже удивился, когда присоединился к отцу, и оба исчезли под мостом. Наблюдатель не мог смотреть на происходящее, не раскрывая себя, и он отправился домой с обеспокоенным умом.

Затем произошло то особенно аномальное явление, которое может объяснить, казалось бы, необъяснимый несчастный случай, постигший позже того соглядатая. Младший Фиппс был замечен выходящим из дома после странного посещения моста, и те, кто интересовались делами этой семьи, вскоре обнаружили, что молодой че-

ловек зашёл в местный хозяйственный магазин, чтобы купить кирки и лопаты — с какой целью, он не сказал. Те, кто ожидал увидеть двух тайных жильцов дома у реки, занятых какими-то раскопками, были озадачены, когда ничего подобного не произошло.

Хотя нигде на поверхности не имелось никаких следов раскопок, вскоре стало ясно, что мужчины и женщина чем-то заняты. Соседние жители начали слышать приглушённые звуки копания и шум металла, ударяющегося о камень, откуда-то из подвала этого дома в переулке, о котором ходило много разговоров. Эта серия звуков не была статичной в своём местоположении, так как звуки металлических лопат медленно смещались, казалось, в направлении реки. Эти таинственные раскопки продолжались в течение нескольких недель, и за всё это время ни отец, ни сын не выходили из дома, а женщина появлялась лишь изредка. Наконец, однажды ночью, месяца через два, группа людей вошла в дом Речном Переулке, неся, помимо прочего, двери и рамы, и необъяснимое количество материала, очевидно предназначенного для укрепления дверей. Из-под земли доносился громкий шум строительных работ, в основном они проводились рядом с домом,

а позже и у архаичного речного моста. После прекращения звуков в комнате, которая считалась лабораторией или местом, где мужчины проводили свои тайные эксперименты, зажёгся свет. Затем послышалось эхо, указывающее на то, что отряд возвращается в подземный район, после чего наступила тишина, длившаяся несколько мгновений, и, наконец, где-то под землёй послышался шум несущихся вод. Крики изумления и ужаса донеслись до ушей тех, кто прислушивался наверху, и через несколько минут что-то деревянное грохнулось о камень, и неприятный запах рептилий вознёсся до самых звёзд. Через час или около того группа людей удалилась поодиночке так же незаметно, как и пришла.

В начале 1825 года побег преступника из соседней тюрьмы на Мерси-Хилл привёл группу поисковиков из Брайчестера в Клоттон, опередив ищущих чего-то более отвратительное на целое столетие. Несмотря на настойчивые заверения Джеймса Фиппса, что ни один беглец не прячется в его доме, одного из членов группы это заявление не удовлетворило. Он в одиночку вошёл в неприступный дом, пока остальные обыскивали окрестности, но, когда через час мужчина всё ещё не присоединился к основной группе, поискови-

ки поспешно вернулись в Речной Переулок. Они обнаружили своего товарища лежащим на обочине дороги возле дома, без сознания, покрытого водой и слизью.

Придя в себя, поисковик поведал странную историю. Согласно исследованиям Честертона, его рассказ гласил следующее:

«Когда вы все ушли, этот человек Фиппс подождал, пока вы скроетесь из виду, а потом пригласил меня войти. Наверху есть только спальни, и такие пустые, что мне даже не нужно было переступать порог, чтобы убедиться, что там никто не прячется. Почти голые стены. Фиппс кажется достаточно богатым; так куда же он тратит все свои деньги? Внизу всё как обычно, за исключением того, что в передней комнате есть какая-то лаборатория. Сначала он не хотел меня туда пускать, но я настоял. Там было полно машин и книжных шкафов, а в углу стоял стеклянный резервуар с жидкостью, в которой плавало что-то вроде зелёной губки, покрытой пузырьками. Я не знаю, что это было, но от одного взгляда на неё меня чуть не стошнило.

Я думал, что осмотрел весь дом, а потом услышал шаги, приближающиеся снизу. На кухне появилась женщина — жена Фиппса, — и я во-

шёл, чтобы спросить её, где она была. Хозяин бросил на неё предупреждающий взгляд, но она уже выпалила, что находилась в подвале. Фиппс, похоже, не хотел допускать меня туда, но в конце концов, он открыл люк в полу кухни, и мы спустились на несколько ступенек. Подвал довольно большой и пустой. Инструменты и стеклянные панели, и что-то похожее на ряд статуй, завешенных тканью; нигде нельзя было спрятаться.

Я как раз направлялся обратно к лестнице, когда заметил дверь в стене слева. На ней имелось множество резных изображений, а в верхней половине — стеклянное окошко, но в подвале было слишком темно, чтобы я мог видеть сквозь стекло; во всяком случае, это выглядело как хорошее укрытие. Когда Фиппс увидел, куда я иду, он крикнул что-то насчёт опасности и стал поспешно спускаться по лестнице. Сначала я не мог понять, как открыть эту дверь, потому что на ней не было ручки, но потом я заметил кирпич в стене справа от неё. Он выглядел расшатанным, и я толкнул его внутрь. Раздался какой-то скрежещущий звук, и ещё один, источник которого я не мог определить в тот момент, но теперь я думаю, что это был Фиппс, бегущий наверх.

Я не понял, что произошло потом. Дверь распах-

нулась, как я и ожидал, надавливая на кирпич, и тут в подвал хлынул поток воды! Я не знаю, что находилось за той дверью — вода отбросила меня назад слишком быстро, чтобы я успел что-нибудь разглядеть, но на мгновение мне показалось, что в дверном проёме стоит какая-то фигура, прежде чем её увлекло в подвал вместе с водой. Я видел её только как тень, но она была похожа на нечто из кошмара — возвышающаяся — без шеи — деформированная — тьфу! Конечно, ничего подобного быть не могло. Наверное, это была одна из тех статуй, о которых я рассказывал до этого. Больше я её не видел, и ничего другого не помню, пока вы не привели меня в чувство возле дома. Но что это за человек, у которого в доме есть двери, ведущие к подземным рекам?»

В дверь Фиппсов долго стучали, но ответа не дождались, да и сами люди из поисковой группы не особенно хотели входить в этот дом мрачных тайн. Они ушли, намереваясь вернуться позже с ордером на обыск, но каким-то образом это намерение было забыто по их возвращении в Брайчестер. Последующая поимка беглого преступника восстановила некое подобие здравомыслия, и странные слухи о катакомбах, населённых демонами, почти забылись.

II

Смерть Джеймса Фиппса наступила в 1898 году, в день завывающего ветра, когда из-под земли в дальних холмах глухо доносились странные ритмы; жители района говорили о невидимом первобытном племени в горах, которое пело в ночных пещерах, хотя профессора университета в Брайчестере пытались убедить население, что это шум подземных рек. Ночные козодои, которые то и дело проносились над холмами, кричали с каким-то особенным ожиданием, словно надеялись захватить душу умирающего, на что намекали легенды, существующие в этой местности. В течение долгого времени в тот майский полдень, с той стороны закрытого ставнями окна на верхнем этаже доносился странно искажённый голос Фиппса; временами казалось, что он обращается к кому-то, а иногда голос превращался в завывание, передающее бессмысленные обрывки на неизвестных языках. Только после восхода искаженной миазмами луны раздался мучительный стон умирающего, за которым последовал дружный крик испуганных козодоев, сидевших на деревьях и наблюдавших сверкающими глазами за домом с другой стороны реки. Они улетали,

словно спасаясь от какого-то преследующего их ужаса, который, по мнению некоторых свидетелей, пытался поймать этих ловцов душ. Тут же послышались еле слышные шаги на лестнице в доме, за которыми последовал скрип петель и приглушенный всплеск, по слухам, доносившийся из нижних помещений дома.

Ничего не было слышно о захоронении останков Джеймса Фиппса, хотя сын сказал, что предпочёл сам избавиться от покойника. Жители Клоттона могли понять это, так как труп человека, который, по-видимому, прожил более ста лет и тайно занимался неизвестными науками и экспериментами, обязательно следовало скрыть от глаз любопытных. Весьма вероятно, что это причудливое суеверие ведёт своё происхождение от припозднившихся путешественников, которые видели кого-то очень похожего внешне на Фиппса вблизи различных холмов, увенчанных кольцами монолитных камней, много лет спустя после его смерти; но эти же самые холмы с каменными вершинами часто издавали тошнотворный запах рептилий, который не так легко объяснить, если не связать его с последующими событиями.

Лайонел Фиппс и безымянная женщина из Темпхилла остались в доме одни, и между ними,

очевидно, сразу же возникли разногласия. В течение нескольких дней за ставнями лаборатории, где, как считалось, сын изучал книги, доставшиеся ему по наследству, в большинстве случаев горел свет. Это привлекло внимание хозяйки соседнего дома, Мэри Аллен; и так как она могла легко слышать разговоры из соседнего дома через тонкую стену, когда ей было интересно, её открытия предоставили Филиппу Честертону очень полезную информацию. Например, через несколько дней после смерти Фиппса миссис Аллен случайно услышала интересную перебранку. Она слышала только часть, входя в свой собственный дом как раз в тот момент, когда Лайонел Фиппс начал сердито кричать.

— Мне нужны таблицы для определения положения орбит, говорю тебе, — кричал сын. — Он, должно быть, где-то переписал их, но здесь об этом ничего нет. Если он оставил их в лаборатории, то сейчас их там точно нет — ты уверена, что не видела их?…

— Я их не видела, — последовал испуганный ответ. — Ты же знаешь, что я и близко к ним не подхожу. Может быть, я и была на собрании в Темпхилле, но такие вещи пугают меня больше, чем то, что я узнала там, внизу… Почему ты про-

должаешь лезть в это дело? Тот, кто закрыл его снаружи, должен был знать, что он делает, так почему же вы так стремитесь освободить его?

— Это ты взяла таблицы, не так ли? — пригрозил Лайонел Фиппс. — Ты забрала их, поэтому я не могу впустить их обратно!

— Нет, нет, не видела, — запротестовала мать. — Не делай поспешных выводов, пока не осмотришь весь дом.

Это временно удовлетворило Фиппса, который, по-видимому, отправился в лабораторию, так как через несколько минут там снова зажглась лампа. Однако обыск дома оказался тщетным, и произошёл ещё один яростный спор. Мать по-прежнему настаивала на том, что не знает ни о тайнике с записями, ни о том, что именно искал её сын.

— Что ж, — согласился Фиппс, — может быть, и так, но теперь это уже не имеет значения. Прежде чем настанет время, я съезжу в Лондон и посмотрю в Британском Музее экземпляр «Некрономикона»; там обязательно будет таблица. И не пытайся убедить меня не продолжать работу отца! Конечно, тебе необязательно оставаться здесь — возможно, будет лучше, если ты вернёшься на свой шабаш в Темпхилле. Сатанизм намного

безопаснее, не так ли?

— Ты же знаешь, что мне нужно… начала было его собеседница.

— О, конечно, я забыл, — насмешливо признал Лайонел Фиппс. — Ладно, только не вмешивайся в мои дела — я этого не потерплю.

Ожидаемая поездка в Лондон и Британский Музей состоялась в начале 1899 года, и Лайонелу Фиппсу не составило особого труда получить доступ к той части библиотеки, где хранились более редкие книги. Библиотекарю не понравилось бледное лицо и худоба посетителя, но он с готовностью отпер книжные шкафы, в которых хранились запретные сочинения. Фиппс быстро понял, что чудовищная работа Абдула Альхазреда будет бесполезна в его поисках; хотя она и содержала астрологическую таблицу, но очень неполную и давно устаревшую. Ещё более древняя «Книга Эйбона», с записями знаний древней цивилизации, казалась Фиппсу возможным источником нужной информации. Библиотекарь обнаружил, что Фиппс пытается найти положение какой-то сферы Глю'ухо в неясной связи с системой орбит в некую осеннюю ночь — Глю'ухо в переводе с этого ужасного первобытного языка означало звезду Бетельгейзе. Фиппс быстро

нашёл и переписал ту малоизвестную таблицу в полной «Книге Эйбона», которая рассчитывает позиции явно далёких миров. Библиотекарь вздрогнул, когда заглянул через плечо посетителя и перевёл названия Альдебарана и Гиад в записях Фиппса. Кроме того, ему не нравилась походка этого посетителя, когда тот выходил из комнаты, издавая эхо, потому что, по-видимому, ему было трудновато использовать свои конечности. Библиотекарь, возможно, задрожал бы ещё сильнее, если бы знал о предстоящих результатах этого визита.

Возвращение Фиппса поздно вечером в свой дом в Речном Переулке привело к самой серьёзной и последней ссоре между двумя оставшимися обитателями дома. Ближе к концу оба орали друг на друга, и слушавшая их миссис Аллен находила их возгласы ужасающими.

Фиппс что-то кричал, и это заставило миссис Аллен прислушаться.

— Ладно, попробуй меня остановить, — заявил он матери, — и я забуду про необходимую операцию в следующий раз, когда тебе она понадобится. Тебе стоит быть благодарной, иначе ты долго не протянешь. Тебя бы даже не было на этой земле, если бы не та встреча в Темпхилле.

Ты расскажешь им о моих планах, хорошо? Если бы люди в этом городе знали, что они нашли в Темпхилле в 1805 году сразу после того, как встретились, от тебя бы быстро избавились…

Она закричала в ответ:

— Люди в этом городе ничего не смогут сделать, если ты продолжишь работу своего отца — в Клоттоне будут другие обитатели. Разве туннеля от ворот до подвала недостаточно?

— Ты же знаешь, что я не смогу защитить себя, если пропущу их через вход в подвал. — речь Фиппса звучала оборонительно.

— Значит только потому, что ты трус, ты должен пропустить их в другую сторону? — возмутилась она. — Как только знак будет удалён, их уже не удержать — они будут размножаться до тех пор, пока не вернут Древних на Землю. Ты этого хочешь?

— Почему бы и нет? — ответил сын. — Мы оба поклоняемся Древним; речные существа не причинят мне вреда. Мы будем существовать бок о бок, как Их жрецы, пока Они не вернутся, чтобы править миром.

— Бок о бок… Ну, и наивен же ты, — усмехнулась мать Фиппса. — И всё же, возможно, противопоставления Фомальгаута и Гиад будет

недостаточно; даже ты можешь устать, когда придётся ждать более тридцати лет… я не останусь, чтобы посмотреть, что произойдёт. Я вернусь в Темпхилл и попробую сделать то, что должно было свершиться много лет назад — возможно, это будет самое лучшее.

Около одиннадцати часов вечера парадная дверь дома Фиппсов открылась, и странная женщина вышла на улицу. Туманная и страшная картина представилась настороженно наблюдавшей за соседями Мэри Аллен: вдова Джеймса Фиппса пробиралась между тёмными домами под бледной, как лич, луной той полупаралитической походкой, которая, казалось, была свойственна всему семейству Фиппсов. Больше о ней ничего не слышали, хотя в нескольких милях от Клоттона кто-то видел женщину, которая очень медленно и с некоторым трудом шла по дороге в сторону Темпхилла. При свете дня люди обнаружили необычную и ужасную вещь — женский скелет, словно упавший на обочину. Наиболее правдоподобным объяснением было похищение этого скелета с кладбища, и этот случай мало обсуждался. Другие же, до чьих ушей это дошло, однако, связывали его с неопределёнными ссылками на то, что «должно было случиться столетие назад».

После ссоры с матерью Лайонел Фиппс начал совершать всё большее число поездок к тому речному мосту, построенному в незапамятные времена, и было замечено, что он часто спускается вниз, чтобы заглянуть в воду. По ночам он выходил на улицу в разное время и с чрезмерным нетерпением рассматривал небо. В такие моменты он, казалось, интересовался той частью, где, судя по заданным направлениям, должен был подняться Фомальгаут. К концу марта 1899 года нетерпение Фиппса начало ослабевать, а в библиотеке всё чаще зажигался свет. Он, казалось, готовился к чему-то чрезвычайно важному, и те, кто слышал звуки, доносившиеся из закрытой ставнями лаборатории, предпочитали не думать о том, чего же он ждёт.

В начале осени случилась та самая ночь, о которой жители Брайчестера говорят уже неохотно. Фомальгаут тогда сиял, как глаз некоего пространственного наблюдателя над горизонтом, и люди начали нашёптывать друг другу множество историй об участившихся происшествиях вокруг Глостершира и Северна. Грохот холмов становился всё громче и отчётливее, и не раз путники, вынужденные идти лесными тропами, чувствовали, как мимо них проносятся огромные

и невидимые существа. Среди деревьев мелькали чудовищные силуэты, они порхали над каменными кругами на холмах, а однажды в Брайчестер прибежала женщина, крича о чём-то очень похожем на дерево, но внезапно изменившем форму. Однажды ночью, в самый разгар этих странных событий, Фиппс провёл свой первый эксперимент.

Вечером, в конце октября 1899 года, его видели выходящим из дома с каким-то длинным металлическим стержнем в руках. Он прибыл на берег реки около моста примерно в полночь и сразу же начал петь ритуальные песни. Через несколько минут шум холмов усилился вдвое, и совсем рядом, у самого моста, раздался странный звук — чудовищное низкое кваканье, разнёсшееся по всей округе. То, что казалось незначительным землетрясением, последовало непосредственно за началом кваканья, сотрясая берег реки и вызывая лёгкое волнение в воде, и не более того. Затем Фиппс исчез под мостом, и на фоне его непрерывного пения послышался скрежет металла о камень. За этим звуком последовал подземный шум, сопровождаемый нарастающим хором бессловесного карканья и шороха, как будто циклопические какие-то тела скользили,

касаясь друг друга в каком-то склепе или яме, с тошнотворно усиливающимся, чужеродным запахом рептилий. Но ничего не было видно, хотя скрежет металла о камень продолжался с ещё большей яростью. Наконец, Фиппс снова появился в тени моста с выражением покорности на лице. Он вернулся к дому в переулке, когда этот отвратительный шум затих позади него, и вошёл внутрь, тихо прикрыв за собой дверь. Почти сразу же свет просочился из закрытой ставнями лаборатории, где, по-видимому, он вновь стал изучать унаследованные документы.

Похоже, Фиппс начал сомневаться, правильно ли он произносит заклинание, потому что именно это он и сказал библиотекарю Британского Музея Филиппу Честертону — сейчас мы уже переходим в 1900 год. Фиппс предпочёл не говорить, какое заклинание ему нужно и что он надеется вызвать с его помощью. На этот раз он воспользовался «Некрономиконом», для своих поисков, и Честертон заметил, что Фиппс, по-видимому, заинтересовался теми страницами, которые касались существ, способных управлять стихиями. Он переписал отрывок и перешёл к другой части книги. Честертон, читая через плечо собеседника, заметил, что тот проявляет немалый интерес к

следующему отрывку, и содрогнулся при мысли о возможных причинах этого.

«Как во времена морей, покрывавших всю Землю, когда Ктулху обладал властью над всем миром, а другие летали в безднах космоса, так в некоторых местах Земли будет найдена великая раса, пришедшая извне, жившая в городах и поклонявшаяся в тёмных пещерах в глубинах. Их города остаются под землёй, но Они редко выходят из Своих подземных обиталищ. Они были заточены в определённых местах печатью Старших Богов, но могут быть освобождены с помощью слов, что известны немногим. То, что стало их домом в воде, будет освобождено водой, и когда Глю'ухо будет в правильном положении, эти слова вызовут наводнение, чтобы поднять и снять, наконец, печать тех, кто из Глю'ухо».

Фиппс признался библиотекарю, что ему придется довольно долго ждать, прежде чем он сможет сделать хоть что-нибудь для освобождения того, что, как он знал, существует, но, — продолжал он, — пройдёт совсем немного времени, прежде чем жители Клоттона увидят фигуры, шагающие по их улицам средь бела дня, которые ночью сведут их с ума! В прежние времена шогготы избегали тех мест, где Они смотрели

из глубины на неосторожных прохожих — как вы думаете, каково будет воздействие на человека, который увидит, как Их огромные головы вырываются на поверхность — и увидит то, что они используют вместо глаз, чтобы наблюдать?

Затем Фиппс ушёл, вероятно, решив, что сказал слишком много, и Честертон остался один, погрузившись в размышления. По прошествии времени он начал расследовать дела этого сверхъестественного существа, жившего в Речном Переулке; и когда у Честертона возникла ужасная мысль относительно женщины из Темпхилла, он связался со одним своим знакомым в этом городе. Ему сказали, что в 1800-х годах существовали легенды о чудовищном шабаше, который проводился в искусственных пещерах под кладбищами. Часто вскрывались склепы, и вновь погребённые трупы выкапывались и оживлялись с помощью некоторых ужасных формул. Были даже намеки на то, что эти живые трупы брались в жены или мужья избранными членами культа, ибо дети, рождённые в результате таких погребальных обрядов, обладали первобытной силой, которая по праву принадлежала только чуждым божествам.

Честертон был так потрясён тем, что он узнал

и подозревал до этого, что он, по-видимому, решил предпринять определённые шаги. В 1901 году он оставил свой пост в Британском Музее и переехал в дом на Болд-Стрит в Брайчестере, устроившись работать библиотекарем в тамошнем университете. Он был полон решимости воспрепятствовать намерениям Лайонела Фиппса, и те, кто навещал Честертона в его доме в Брайчестере, где тот жил один среди своей обширной коллекции книг, уходили от него в странной тревоге, наслушавшись бредовых и бессвязных рассказов. Во время библиотечных часов в университете Честертон не выказывал никаких признаков такого умопомрачения, которое проявлялось в его домашних беседах, кроме странной нервозности и озабоченности. Но в свободное время он имел склонность говорить о безымянных существах в устрашающей манере, описывая отвратительных тварей частично и намёками, обещая космические откровения, если слушателям хватит терпения.

«Да поможет нам Бог — какие ещё инопланетные силы есть у Лайонела Фиппса, какие замыслы дремлют в голове этого безумца? Та женщина, которую Джеймс привёз со встречи в Темпхилле, о которой он никогда не говорил — была ли она

просто одной из участниц шабаша или чем-то, что они подняли из могилы с помощью своих ужасных ритуалов? Согласно подслушанному диалогу Лайонела, со своей матерью, он должен был выполнять какие-то операции, чтобы она продержалась — возможно, он имел в виду, что она распадётся, если он не сохранит ее ужасную полужизнь… И теперь у Фиппса есть информация, которую он искал, и никто не знает, что он может с её помощью сделать. Какой скрытый ужас он собирается выпустить оттуда, где, по его сведениям, этот ужас прячется? Он сказал, что ждать придётся долго — если знать правильные слова, то можно будет запечатать всё, что пребывает в ожидании… Или, вероятно, можно уничтожить самого Фиппса — в конце концов, существо, рождённое от такого ненормального союза, должно быть подвержено тайным влияниям…»

Как и следовало ожидать, те, кто слышал странные бредни Честертона, не реагировали на них. Такие вещи могли происходить в Темпхилле или Гоутсвуде, но они не могли повлиять на здравомыслящих жителей Брайчестера, где колдовство, по крайней мере, не практиковалось открыто.

Прошло более тридцати лет, и не произошло ничего, что могло бы поколебать самодовольство

тех, кто с такой уверенностью отвергал теории Честертона. Конечно, сотрудники университета часто сталкивались с ужасами, о существовании которых они и не подозревали, так как иногда их призывали обезумевшие жители различных поселений, чтобы справиться с необычными тварями, что выползали из своих укрытий. 1928 год стал особенным годом ужаса, с необъяснимыми событиями во многих местах, как вокруг Северна, так и далеко за его пределами; и профессора теперь были более склонны верить диким рассказам о существах из другого плана существования, которые вторглись в эту вселенную. Но Честертон всегда был очень сдержан в присутствии авторитетов, и он ошибочно полагал, что они объяснят любую неестественную ситуацию якобы научным способом. Он всё больше и больше читал астрологические таблицы и тайные книги, и вздрагивал, когда замечал, как близко звёзды приближаются к определённым позициям. Возможно, он уже тогда разрабатывал план уничтожения легендарной угрозы, которую должен был выпустить Фиппс; записи Честертона не проясняют этот момент.

Тем временем среди более доверчивых обитателей Клоттона нарастал ужас. Они обратили

внимание на громкость шума в холмах и поспешили отметить частые визиты Фиппса к мосту через медлительную реку и то, как посреди ночи вспыхивали огни в его лаборатории. Важность, придаваемая, казалось бы, тривиальной находке, сделанной ребёнком в Речном Переулке, была поразительна, ибо всё, что было найдено, — это торопливый набросок на клочке бумаги. Лихорадочные поиски этого клочка Честертоном, когда он услышал о нём, поразили более просвещённых людей, знавших его; хотя те, кто учился в Брайчестерском университете, возможно, не имели склонностей к насмешкам, поскольку они были знакомы с вещами, существование которых не признается наукой.

Когда Честертону удалось раздобыть набросок и сравнить его с иллюстрацией из «Некрономикона», он обнаружил, что они изображают один и тот же вид воплощённого уродства, хотя и в совершенно разных позах. Единственным правдоподобным объяснением этого наброска было то, что кто-то, неистово подслушивающий у дома Фиппса, скопировал какую-то картину, мелькнувшую сквозь ставни; по крайней мере, именно это предположила миссис Аллен, отдавая Честертону тот самый клочок. Сравнивая

иллюстрацию из «Некрономикона», и набросок на бумажке, Честертон составил изображение некоего существа, хотя детали обеих картин были расплывчатыми. Из эллиптического тела торчали восемь крупных рукоподобных отростков, шесть из которых были снабжены плавниками, а два других — щупальцами. Четыре ноги с перепонками на концах располагались в нижней части тела и использовались для ходьбы в вертикальном положении. Две другие находились рядом с головой, и их можно было использовать для передвижения подобно крокодилу. Голова соединялась непосредственно с телом, она была овальной и безглазой. Вместо глаз в центре головы располагался отвратительный губчатый, круглый орган; над ним росло что-то отвратительно похожее на паутину. Ниже располагалась похожая на рот щель, которая тянулась, по крайней мере, на половину окружности головы, окаймлённая с каждой стороны щупальцевидным придатком с чашевидным наконечником, очевидно, он использовался для доставки пищи в рот. Всё это было больше, чем просто чуждое и ужасающее чудовище; оно было окружено аурой невероятного, затерянного в вечности зла.

Узнав об этом, жители Клоттона ещё глуб-

же погрузились в истерический страх. И они быстро поняли, что Фиппс становится всё более скрытным в своих ночных приключениях — он выбирал хитрые маршруты для посещения реки, и делал это всё чаще. В то же самое время, хотя никто другой не знал об этом, Филипп Честертон отмечал приближающееся соединение звёзд и скоплений, которое, как говорили, предвещало ужасные события. Более того — он боролся с желанием уничтожить существо в том доме в Речном Переулке, прежде чем скрытая первобытная раса сможет освободиться. Ибо Честертон собрал мощную формулу из разных страниц Альхазреда, и он чувствовал, что она может уничтожить выживших Фиппсов и загнать подземных существ обратно в их тюрьму. Но осмелится ли библиотекарь высвободить элементарные силы даже ради того, чтобы предотвратить такую чудовищную угрозу, которую он ожидал? Он размышлял над рисунками ужасного существа, и страх перед силами, с которыми Честертону предстояло сразиться, отступил.

Так уж случилось, что в ночь на 2 сентября 1931 года двое мужчин пытались отодвинуть завесу, что скрывает затаившиеся аморфности за пределами нашего плана существования. Пока ночные

козодои выжидательно кричали в холмах, а всё возрастающие сообщения о безымянных тварях, попавшихся на глаза случайным путникам, наводили ужас на суеверных, в кабинете Филиппа Честертона до глубокой ночи горел свет, и он стучал в странный чёрный барабан, добытый им в университете, повторяя ужасное заклинание, которое сам же и придумал. В то же самое время Лайонел Фиппс стоял на мосту через приток Северна, глядя на Фомальгаут, сверкающий над горизонтом, и выкрикивал слова, которых не слышали на Земле целую вечность.

Только благодаря удивительному совпадению случилось так, что группа горожан с винтовками возвращалась со стрельбища и тропа вела их вдоль берега реки Тон. Кажется даже неправдоподобным, что они направлялись к мосту как раз в тот момент, когда Фиппс завершил своё шокирующее призывание. Во всяком случае, люди видели, что произошло, когда истерически кричащий голос умолк; и они рассказывают о таких ужасных вещах, что можно только благодарить находящегося далеко Честертона за его магическое вмешательство. «То, что стало их домом в воде, будет освобождено водой», — сказал Альхазред, и слова давно умершего чародея нашли

подтверждение в этой хаотической сцене.

Молния, казалось, ударила прямо в мост, и разрушенная каменная кладка опоры на мгновение обнажила круглую печать, вырезанную в виде огромной звезды, прежде чем вода бросилась скрывать ее. Затем начался потоп, и группа наблюдателей едва успела отскочить назад, прежде чем поток воды обрушился на берега и с невероятной силой ударил в то место, где появился высеченный круг. Из-под пульсирующей воды донёсся какой-то странный звук, и когда трое мужчин из группы стрелков, наблюдавших за происходящим, попятились назад, огромный круглый, каменный диск с грохотом снесло волной воды и выбросило на берег. Это была печать над легендарным проходом в скрытый город инопланетных существ.

То, что произошло после этого, переросло в шокирующий ужас. В этот момент Честертон приближался к завершению своего заклинания; иначе то, что нашли мёртвым на берегу реки, никогда бы не было уничтожено людьми. Удивительно, что они сохранили достаточно здравомыслия, чтобы попытаться сделать это.

Когда приливная волна начала замедлять свою скорость, трое невольных наблюдателей

увидели тёмный объект, нарушивший однородность поверхности. Затем из воды поднялось гигантское чёрное существо и с отвратительным чавкающим звуком понеслось через берег к ближайшему городу. Однако у всех троих не было времени, чтобы сосредоточиться на приближающейся фигуре, потому что в этот момент Фиппс повернулся к ним. В тусклом лунном свете они увидели, как он отвратительно усмехнулся, и в его глазах появилось выражение жуткого зла. Фиппс двинулся к мужчинам, его глаза, казалось, пристально смотрели на каждого из них; и они заметили, как он поманил кого-то за собой, после чего раздался звук, как будто что-то огромное выплеснулось из реки. Но они не могли видеть, что скрывалось за спиной Фиппса.

— Итак, — усмехнулся этот получеловек, что стоял перед ними, — это все силы, что могут противопоставить мне великие Старшие Боги?

Очевидно, он неправильно понял истинные намерения троих перепуганных мужчин.

— Что вы знаете о Великих Древних — тех, кто просочился со звёзд, из которых существа, которых я освободил, всего лишь слуги? Вы и ваши «Фрагменты Челено», и ваши ребяческие звёздные знаки — что вы можете сказать о реальности,

на которую намекают эти полускрытые откровения? Вы должны быть благодарны, идиоты, что я собираюсь убить вас сейчас, прежде чем раса внизу снова воцарится на Земле и впустит тех, кто снаружи!

И он двинулся к мужчинам с тем же устрашающим выражением в глазах.

Но наблюдатели смотрели в полном ужасе не на Фиппса. Лунный свет, каким бы слабым он ни был, показывал им то, что возвышалось рядом с колдуном, на два фута выше его самого, и оно бесшумно ковыляло к людям. Они увидели сияющую сеть волокон над одним глазным органом, колышущиеся щупальца вокруг зияющего разреза рта, шокирующую чужеродность восьми членов… а затем произошли две вещи.

В ту минуту, в своём доме в Брайчестере, Филип Честертон произнёс последнее слово мучительно разработанной им магической формулы. И когда первый из мужчин людей вслепую направил винтовку на двух мерзких тварей, стоявших перед ним, необъяснимые силы, должно быть, вступили в бой. Только это могло объяснить, почему пули действительно пронзили инопланетную амфибию, освобождённую Фиппсом, потому что тварь упала навзничь и несколько секунд ужас-

но хрипела, а потом скорчилась и затихла. Как только Фиппс увидел это, он бросился на ближайшего человека, который выстрелил повторно. Перемена, происшедшая с Лайонелом Фиппсом, должна была действительно произойти быстро, потому что человек с винтовкой, защищаясь от удара прыгнувшей на него фигуры, был поражён скелетом, одетым в лохмотья плоти, которые разлетелись при соприкосновении.

Наполовину впав в истерику, троица повернулась к реке, где происходило ещё большее чудо. Возможно, движимые призывом Честертона, осколки разбитой печати восстанавливали свою первоначальную форму и расположение. Вероятно, только воображение заставило свидетелей подумать, что они видели фигуру, унесённую обратно в потайной проход; во всяком случае, несомненно, что то, что лежало внизу в этой забытой веками тюрьме, было теперь снова запечатано в этом затонувшем убежище.

Козодои приглушённо кричали, и бурление воды почти прекратилось. Свидетели ещё не могли заставить себя взглянуть на чудовище, в которое они стреляли, чтобы убедиться, что оно мертво. Вместо этого они уставились на соседний Клоттон, к которому некоторое время

назад направилась смутная фигура. Чудовище из потустороннего мира, наконец, вырвалось на свободу.

III

К тому времени, как Филипп Честертон добрался до берега реки за Клоттоном, произошло уже несколько событий. Честертон, спешивший посмотреть на последствия своего вмешательства, задержался из-за необходимости купить бензин, а также из-за неуверенности в том, где может находиться колдун; хотя он знал, что этот человек будет где-то рядом с водой; прошло некоторое время, прежде чем прыгающие огни и шум множества людей, прибывших из соседнего города, привлекли его к мосту. Там он нашёл больше вещей, чем ожидал.

Толпа в любом случае собралась бы у моста, так как шум выстрелов и другие явления привлекли бы их, но на самом деле они были вынуждены эвакуироваться из Клоттона. Построенный выше обычной поймы реки Тон, город был частично затоплен аномально вызванным наводнением; участок вблизи реки превратился в болото затопленных улиц и подвалов. Те, кому пришлось покинуть свои дома, направились к мосту — бере-

га реки на самом деле располагались выше, чем лежащий в низине деловой квартал Клоттона, а холмы на другой стороне города, представляли опасность ночью, если кто-то хотел поспешить за помощью в Брайчестер. На мосту, конечно, уже обезумевшие горожане увидели сцену, которая только усилила их истерику; и её не смягчали рассказы некоторых из них. Честертон отчётливо слышал стенания одной женщины, когда подошёл к людям. Она говорила следующее:

«Я как раз собиралась ложиться спать, когда услышала эти выстрелы и крики внизу, на реке. Я спустилась вниз и выглянула через парадную дверь на улицу, но ничего не увидела. Как бы то ни было, вся эта беготня вверх и вниз разбудила меня, так что я пошла на кухню и взяла снотворное. Как раз, когда я возвращалась через гостиную, я услышал что-то вроде… ну, я не знаю; это было похоже на то, что кто-то бежит, но босиком, и что-то вроде шлепков. Я выглянула из окна, но там ничего не было. А потом что-то пролетело мимо — большое, чёрное и блестящее, как рыба. Но одному Богу известно, что это было! Его голова находилась на одном уровне с моей, а ведь окно в семи футах над землёй!»

И это было не всё, что Честертон услышал, когда

приехал. Он еще не видел ни пугающе неполных останков Фиппса, ни того другого существа, лежащего в тени на некотором расстоянии от колдуна, потому что толпу искусно оттеснили от двух чудовищ удивительно здравомыслящие мужчины — те самые трое, что были частично ответственны за их уничтожение. Теперь, однако, все они, инстинктивно почувствовав духовную силу Честертона, приблизились к нему и начали рассказывать о своём ужасном опыте, дополняя рассказ указанием на останки Фиппса и его ужасного спутника. Хотя у библиотекаря уже сложилось представление о внешности речных созданий, он не смог подавить вздоха отвращения, когда жуткое существо открылось ему. Набросок и иллюстрация к «Некрономикону», воспроизводили не всё; они не показывали прозрачности полужелатиновой плоти, обнажающей подвижные органы под кожей. Не показывали они и шаровидный нарост над мозгом. Честертон мог только содрогаться, думая о его назначении. Когда мужчины пошевелили тело, его рот открылся, и библиотекарь увидел, что у существа не было зубов, но шесть рядов мощных щупалец переплелись поперёк горла.

Честертон отвернулся, испытывая тошноту от

этого конкретного символа космического отчуждения, чтобы отойти назад и поговорить с одним или двумя свидетелями из испуганной толпы, которые понятия не имели о том, что лежит рядом с ними. Он снова обернулся, когда сзади раздался сдавленный крик ужаса, и под быстро опускающейся луной он увидел одного из трёх мужчин, что сражался против щупалец речного чудовища. Оно полу-стояло на четырёх нижних лапах и тащило мужчину к истосковавшимся конечностям вокруг рта. Шаровидное устройство в голове пульсировало и проходило через шокирующие метаморфозы, и даже в этой позиции Честертон заметил, что прилив на мгновение почти добрался до ног людей, и вода переливалась в отверстие в голове над шаром.

Расстояние между широко раскрытым ртом и жертвой на мгновение уменьшилось, в то время как спутники мужчины стояли, казалось, парализованные ужасом. Честертон выхватил из рук одного из них винтовку, прицелился и застыл в нерешительности. Вспомнив, что существо было выведено из строя второй пулей только из-за его собственного заклинания, Честертон засомневался — сможет ли ещё один выстрел нанести какой-нибудь вред этому чудовищу. Затем, когда

он увидел пульсирующую сферу, в его голове возникла догадка, и он, волнуясь, направил оружие на этот орган и нажал на спусковой крючок.

Раздался влажный взрыв, и наблюдателей забрызгало отвратительной мякотью. Они увидели, как существо опустилось на землю, его ноги задёргались в судорожной агонии. А потом произошло событие, о котором Честертон не стал писать, сказав лишь, что очень скоро от этого чудовища почти не осталось и следа.

И, как будто люди запоздало отреагировали на уничтожение существа, толпа теперь кричала в едином порыве ужаса. Прежде чем обернуться, Честертон увидел, что мужчина, захваченный монстром, тоже мёртв — то ли от чистого испуга, то ли от объятий щупалец, ибо там, где они вцепились, обнажилась человеческая плоть. Затем Честертон повернулся, чтобы посмотреть, что увидели горожане, и пока он смотрел в ту сторону, два его спутника вспомнили о том, что они заметили, направляясь в город в те последние сумасшедшие минуты.

Луна уже почти скрылась за горизонтом, и её бледные лучи освещали крыши домов Клоттона. Дымоходы стали похожи на чёрные монолиты, и на одной из ближайших крыш что-то двига-

лось. Оно споткнулось о неровную поверхность и, подняв свою голову на фоне луны, с вызовом уставилось на людей. Затем оно спрыгнуло на соседний дом и исчезло.

Это действие стало сигналом для ожидающей толпы. За одну ночь они повидали достаточно ужасов и теперь бежали по тропинке, которая, несмотря на свою близость к воде, казалась более безопасной, чем любой другой путь. Честертон смотрел, как гаснут огни вдоль чёрной реки, и вдруг кто-то коснулся его руки.

Он обернулся. Двое оставшихся членов отряда, убившего Фиппса, встали рядом, и один из них грубовато сказал:

— Слушай, ты же говорил, что хочешь уничтожить всех эти тварей из реки, а одна ещё осталась. Они убили Фрэнка, и мы считаем своим долгом отомстить за него. Мы не знаем, кто они, но они пришли и убили Фрэнка, так что мы, чёрт возьми, попытаемся убить их. Поэтому мы подумали, что если тебе понадобится помощь, чтобы убить последнего…

— Ну, я рассказал вам кое-что из того, что знаю, — сказал Честертон, — но… надеюсь, я не обижу вас, но… вы должны очень хорошо понимать некоторые вещи, чтобы соединить свою

волю с моей, и я не знаю, согласитесь ли вы… чем вы вообще занимаетесь?

— Мы работаем на строительной площадке Пула в Брайчестере, — сказал один из них.

Честертон молчал так долго, что мужчины не могли понять, что же с ним случилось. Когда он снова посмотрел на них, в его глазах появилось новое выражение.

— Полагаю, я мог бы научить вас кое-чему из основ Йр-Нххнгр — понадобились бы недели, чтобы заставить вас визуализировать пространственные проекции, но, возможно, в этом не будет необходимости, если я просто дам вам копию заклинания, правильное произношение и линзы для обзора материи под обратным углом, если я смогу сделать это вовремя — да, эти простые стеклянные очки подойдут, если я поставлю фильтр, чтобы сместить цвета наполовину… Но вы не знаете, о чём, я говорю, чёрт возьми. Идёмте, я довезу вас до своего дома.

Когда они ехали по шоссе A38, Честертон снова нарушил молчание:

— Буду откровенен, я принял вашу помощь только потому, что вы работаете у Пула. Не то, чтобы я не рад помощи — чтобы использовать незадействованные части мозга, нужна жизнен-

ная сила. Я должен многому научить вас, и у нас есть только один вечер для этого; но сражаться с чудовищами сейчас, когда стемнело — это безумие. Нет, я думаю, что смогу использовать вас по-другому, хотя, возможно, вы сможете помочь с песнопением. Пока у меня есть репродукция этого тюленя в реке… и у вас есть время привыкнуть к искусственному обращению материи — я всегда делаю это без чьей-либо помощи, потому что тогда это не кажется таким уж странным.

Остановив машину на подъездной дорожке к Болд-Стрит, он сказал своим спутникам:

— Молитесь, чтобы он оставался возле воды, чтобы привыкнуть к условиям на поверхности. Если нет — они все партеногенетические существа, и очень скоро появится новая раса, которая очистит Землю. Человечество просто перестанет существовать.

IV

Следующий день был полон болезненно-яркого солнечного света и надвигающихся ветров. Честертон переписал магическую формулу в трёх экземплярах, один оставил себе, другие вручил строителям. Сейчас, в середине утра, библиотекарь и один из его помощников шли по улицам

Клоттона, постепенно приближаясь к прибрежной части города. На берегу их ожидал третий участник мероприятия, как и его друг, он надел странные очки, которые Честертон приготовил накануне вечером; очки являлись решающей частью плана. В остальном берег реки был пуст — от человеческого трупа и остальных уже избавились.

Честертон сосредоточился на своей формуле, ожидая найти то, что, как он знал, скрывалось где-то среди заброшенных домов из красного кирпича. Странно, но он почти не испытывал страха, зная, что рядом притаилась ужасная амфибия, словно библиотекарь был орудием более могущественных, более элементарных сил. По завершению этой операции, сравнив впечатления, он обнаружил, что оба его спутника были охвачены очень похожими чувствами; далее, Честертон обнаружил, что у всех троих было общее видение — странное ментальное восприятие светящегося звездообразного объекта, вечно поднимающегося из бездны, где ползала живая тьма.

Внезапно из переулка выпорхнула гигантская фигура, издав оглушительное, полу-разумное карканье при виде двоих мужчин. Когда сообщник Честертона начал произносить заклинание,

существо стало пятиться, но библиотекарь уже ждал его в нескольких метрах позади, на боковой улице, и тоже стал повторять формулу. Существо издало невнятный вопль и побежало в сторону реки, а двое последовали за ним, не переставая петь. Они медленно вели его к берегу и к тому, что ожидало там.

Эта погоня, должно быть, напоминала кошмар — скользкие булыжники затопленной водой улицы мелькали у них под ногами, старинные здания шатались и рушились по обеим сторонам, а шлёпающий ногами колосс бежал впереди Честертона и его помощника. И вот они миновали печально известный дом в Речном Переулке, и кошмарная процессия вырвалась на берег реки.

Третий член отряда пристально смотрел в ту точку, откуда они появились, и сразу же начал действовать. Он отпустил сцепление грузовика, в кабине которого сидел, приводя машину в нужное положение и наблюдая за маневрами охотников и жертвы в зеркало заднего вида. Возможно, существо понимало их замысел; во всяком случае, был ужасный момент, когда оно бросалось во все стороны. Но наконец, человек в грузовике увидел, что существо находится в нужном месте. Мужчины не могли прицелиться в его

головной орган, потому что плоть головы была странно непрозрачной, как будто непрозрачность можно было контролировать по желанию; но пуля в теле парализовала его, как и предполагал Честертон. Затем водитель грузовика быстро принялся за работу.

На парализованное тело речного существа полилась струя быстро твердеющего бетона. Под поверхностью воды возникло лёгкое конвульсивное движение, затихшее, когда Честертон снова произнес заклинание. Затем он схватил предусмотрительно приготовленный железный прут и как можно быстрее вырезал на полутвёрдой бетонной поверхности копию той всепоглощающей печати под мостом.

Впоследствии Честертон вложил достаточно денег, чтобы строительная фирма воздвигла над этим местом двадцатифутовую башню с вырезанными на каждой стороне точными копиями печати — никогда не знаешь, какие агентства впоследствии попытаются воскресить то, что они похоронили. Когда жители Клоттона начали возвращаться, случайное замечание одного из двух строителей о том, что ещё какое-нибудь существо могло спастись бегством, заставило людей снести здания в прибрежном квартале

с одобрения и с помощью Честертона. Они не обнаружили никого живого, хотя в доме Фиппса нашлось достаточно вещей, чтобы свести с ума одного из жителей и превратить многих других в безнадежных пьяниц. Это была не совсем лаборатория, поскольку находившиеся там предметы, в основном, выглядели бессмысленными для большинства искателей, хотя на стене висела большая и подробная фотография, предположительно оригинал того наброска, что приобрёл Честертон. Но в подвале ситуация оказалась гораздо хуже. Звуки, доносившиеся из-за двери в стене подвала, были достаточно неприятны, как и то, что можно было разглядеть сквозь укреплённую стеклянную перегородку; некоторые из мужчин были крайне встревожены ступеньками за ней, уходящими в чёрные как смоль воды ужасающей глубины. Но человек, который сошёл с ума, клялся, что огромная чёрная голова поднялась из чёрной воды как раз на пределе видимости, а за ней последовало чёрное сияющее щупальце, которое манило его вниз, к невообразимым зрелищам.

Со временем оставшаяся часть Клоттона была вновь заселена, и те, кто в наши дни знает хоть что-то о том периоде ужаса, склонны относиться к нему как к неприятному событию в прошлом,

которое лучше не обсуждать.

Возможно, им не стоит так говорить. Не так давно двое мужчин ловили лосося в Тоне и наткнулись на нечто, наполовину погружённое в воду. Они вытащили его, а потом почти сразу же облили керосином и подожгли. Один из них вскоре после этого напился до такой степени, что стал рассказывать о том, что они обнаружили; но те, кто слышал его, никогда не упоминали о том, что рассказал тот рыбак.

Есть более конкретные доказательства в поддержку этой теории. Я сам не так давно был в Клоттоне и обнаружил яму на пустыре в том месте, где раньше располагалась Каннинг-Роуд, недалеко от реки. Должно быть, именно эту яму видели искатели, потому что они говорили о грубо вырубленных ступенях, и на каждой имелся вырезанный пятиконечный символ; лестница вела вниз, в бездонную тьму. Бог знает, как далеко она уходит; я спустился немного вниз, но меня остановил звук, который эхом отозвался в той темноте. Должно быть, это был шум воды, и я не хотел попасть в водяную ловушку; но именно тогда звук казался похожим на нечеловеческие голоса, хором квакающие вдалеке, подобно лягушкам, поклоняющимся какому-то закопанному

в болоте чудовищу.

Так что клоттонцам следует быть настороже, проходя возле реки и загадочной башни, они должны высматривать всё, что может выползти из этого отверстия, ведущего в какую-то подземную страну мерзостей, порождённых звёздами. В противном случае — кто знает, как скоро Земля может вернуться через забытые циклы во времена, когда города на её поверхности строились другими тварями, а не человеком, и ужасы из космоса беспрепятственно ходили по ней?

Перевод: А. Черепанов

Рэмси Кэмпбелл
Лицо в пустыне

Ramsey Campbell «The Face In The Desert», 1961. Рассказ из межавторского цикла «Мифы Ктулху». Своеобразное продолжение «Безымянного города», Г. Ф. Лавкрафта. Впервые опубликовано в «Склепе Ктулху», № 43, в ноябре 1986 года.

Что бы читатель не слышал о *«Некрономиконе»*, и его богохульном авторе, он должен понимать,

что безрассудный всеведущий араб Абдул Альхаздред, написавший эту книгу, был разорван в клочья невидимыми демонами на глазах множества свидетелей. Он точно не мог быть обычным человеком. Настолько запретное знание никогда не сможет вынести любой психически здоровый человеческий разум. Содержание книги Альхазреда беспокоит большинство читателей, но совершенно определённо, что он знал гораздо больше, чем даже осмеливался двусмысленно намекать на страницах своей книги. Его телом, должно быть, на время овладела чужая сила, и я убежден, что смогу в своём рассказе раскрыть для общественности историю о том, как с ним произошла эта чудовищная одержимость.

Я отправился в Аравию в 1955 году, когда впервые услышал об этой легенде. Конечно, я подразумевал и исследования сверхъестественного, и поиск ключей к малоизвестным космическим знаниям, но эта поездка замышлялась в первую очередь для собственного удовольствия, вместе с изучением некоторых легендарных достопримечательностей, идолов и мест. Я видел святыни рептилианского Себека и безликого Ньярлатхотепа, а однажды увидел засохшее существо, которое было вложено в мумию. Мне сказали, что это

один из разумных шипов Глааки. Мне хотелось увидеть немного экзотического Востока, и с этой целью я избегал городов после наступления темноты. Я бродил по пустыням и спал в палатке под открытым небом, хотя ночные температуры делали это занятие опасным. Но именно в городе, название которого я забыл, старый погонщик верблюдов заметил, что я иностранец, и начал рассказывать мне причудливую местную легенду о том, почему жители избегают посещать странную и угрюмую пустыню на западе.

Конечно, он говорил на чужеземном диалекте, но я понял, что он поведал примерно следующее:

— Видите эту пустыню на западе? Вот где находится Ирем, или, вернее, мне рассказывали, что он находится там. Конечно, люди здесь очень суеверны, не такие как вы или я, но они говорят, что город, который там расположен, не имеет названия. Они верят, что это и вправду Ирем. Говорят, что миф о Себеке зародился здесь — из-за призраков существ-аллигаторов, которые, как предполагают, населяют тот город. Здесь Абдул Альхазред сочинил своё двустишье, как вам известно. Полагаю, вы должны знать, что я имею в виду? Да, хорошо, всё это общеизвестно, но у здешних людей имеются собственные леген-

ды об Альхазреде. Вы пришли сюда в поисках странностей, так что, возможно, вам будет это интересно.

Альхазред не пошёл прямо в этот безымянный город, так здесь говорят. Сначала он отправился в паломничество, да такое, что изменило его личность очень необычным образом. В конце концов, в те дни это была странная земля, и местные жители не говорят толком, кому они тогда поклонялись и чем занимались, поэтому, возможно, вокруг них происходили такие вещи, которые вы сейчас пытаетесь понять. Что-то было там, в той пустыне на западе — нечто, поведавшее Альхазреду то, о чём он никогда не смел упоминать в *«Некрономиконе»*, что-то столь же нечестивое, как его книга! Легенда не говорит, что это было, хотя… лишь нечто, очень старое и, вероятно, не из этого мира.

— Звучит весьма интригующе, — заметил я. — Возможно, я мог бы немного исследовать то место, пока ещё светло.

— О нет, — запротестовал старик, казавшийся встревоженным. — Я всего лишь поведал вам легенду и не подразумевал, что могу сопроводить вас в ту пустыню.

— Почему бы мне не пойти, — сказал я, — если

там нечего бояться? Если это всего лишь легенда, то не может быть никакой опасности посреди пустыни.

— Возможно, это не такая дикая история, как все прочие, — признался погонщик верблюдов. — Люди здесь никогда не приближаются к той пустыне, иможет быть не зря. Я не суеверен, но полагаю, что лучше прислушаться к легендам и не рисковать своей жизнью. Кроме того, не только местные жители боятся того места.

— Кто же ещё? — спросил я, удивившись новому повороту истории.

— Англичанин, турист, как и вы, — ответил старик. — Ох, я не знаю всей истории, но он пришёл сюда посмотреть на достопримечательности и попросил показать их. Когда местные отказались сопроводить его на запад, он смеялся над ними, пока ему не рассказали то же самое, что я вам поведал сейчас. И, конечно же, тот англичанин захотел сам всё тут осмотреть. Никто не ждал, что он вернётся, но через час он прибежал в город. Он рассказал тем, кто пожелал его выслушать, о том, что видел в пустыне, но это было так давно, что не будет никакой пользы от того, что я скажу вам, что сообщил тот человек. Местные, конечно, *указали* англичанину на сходство его истории

с Абдулом Альхазредом, прежде чем он ушёл, так что они предупредили его; но вы не поймёте этого, даже если *выживете* в той пустыне. Сейчас никакого сходства с Альхазредом не осталось.

Я пытался убедить старика.

— Что ж, если вы даже не можете сказать мне, что тот человек предположительно увидел, я определённо собираюсь пойти туда, чтобы увидеть это лично. Это должно быть что-то действительно ужасное, если оно напугало англичанина и свело с ума араба. Я хотел бы взять камеру и сфотографировать того монстра или кого угодно, и, вернувшись, показать вам фотографии, но несколько миль назад у меня закончилась плёнка. Вы точно уверены, что не хотите ничего больше рассказать мне?

Но моё предложение не произвело эффекта на старого погонщика верблюдов. Он потряс головой и ушёл от меня. Я не смог ничего больше узнать об этой легенде у людей, что ходили между античных зданий и по извилистым, тускло освещённым аллеям. Я ощущал себя как в городе на какой-то странной и враждебной планете, среди существ, язык которых был непонятен слуху человека. Даже безмолвное, первобытное пространство к западу от города казалось более

дружелюбным, чем клаустрофобное, освещённое лишь наполовину скопление зданий; и поэтому я стал бродить среди зыбучих песков, высматривая что-нибудь неизвестное.

Раньше я часто гулял по пустыне, но это место выглядело как пейзаж из сновидения, вызванного гашишем. Солнце над моей головой имело зловещий медный цвет, и его форма была больше похожа на разбухшее яйцо, нежели на диск. Небо на горизонте странно потемнело, хотя облаков не было видно. Выглядело это так, словно из ткани неба вырвали полосу. Я чувствовал, что если бы на пустыню можно было посмотреть сверху, то можно было бы увидеть, что эти холмы и впадины воспроизводят форму чужого тела, погребённого прямо под поверхностью песка. Мои ноги казались ужасно отяжелевшими, и пару раз я подумывал повернуть обратно. Но я отошёл так далеко, что не хотел второй раз совершать подобную прогулку, и мне не нравилась мысль о возвращении в этот удушливый город.

Солнце уже прошло примерно две трети пути по мрачному небосводу, когда я впервые увидел что-то на горизонте. Эта тревожная тень была всё той же ширины, чем бы она ни являлась, но я впервые осознал, что полоса тени не была видна,

пока я не достиг этой избегаемой местными жителями пустыни. Но увидел я совсем не тень. Ибо, очерченное в той чёрной области, выделялось то, что я сперва принял за кольцо столбов, установленных подобно кругам из монолитов — таких, которые можно увидеть в местах, где практикуются запрещённые обряды. Я долго смотрел на эти колонны, задаваясь вопросом, для какой цели их там разместили.

Только приблизившись, я понял, что это за объекты на самом деле. Простоявшие в пустыне в течение неисчислимых эонов и отшлифованные песчаными бурями до невероятной гладкости, эти колонны оказались статуями, чем-то вроде необычных идолов острова Пасхи. Они были вырезаны из какого-то странного полупрозрачного материала, который светился белым, если смотреть на него с одного угла и казался чёрным с другого. Главной частью каждой статуи был подобный столпу пьедестал, который, должно быть, отличался невероятной прочностью, если смог простоять так же долго, как ходят легенды об этом месте. Он был гладким и не имел никаких надписей на своей поверхности. Но на этом всё сходство колонн со статуями острова Пасхи и другими аналогичными фигурами заканчивалось. Я ни-

когда не видел такого бесчисленного множества космических монстров, даже в печально известном музее Роджерса[163] в Лондоне, потому что на каждом пьедестале была установлена скульптура, изображающая что-то совершенно ужасное. У двух столпов, однако, на верхушке имелось по придатку в форме луковицы, которые, очевидно, изображали головы, но совершенно безликие; в то время как третья колонна выглядела как некое существо, которое среди всех этих чудовищ было мне совершенно непонятным. Слава богу, по крайней мере, я рассматривал эти скульптуры только как творения болезненного воображения какого-то гениального, но безумного скульптора.

Всего насчитывалось двенадцать возвышающихся столпов, каждый около двадцати футов высотой. Два из них были увенчаны, как я уже сказал, просто безликими объектами, которые, возможно, скульптор позднее собирался превратить в головы. Другие фигуры, однако, были гораздо более детальными и ужасными. Среди них была желеобразная тварь с конечностями осьминога, покрытыми множеством разверстых глоток. Далее я увидел существо, похожее на

[163] Примечания: 163
Музей Роджерса — отсылка к рассказу Г. Ф. Лавкрафта «Ужас в музее».

человеческую голову с глазами, ушами, носом и выпуклой короной. На самом деле она была почти человеческой, если бы не её непристойные белёсые щупальца, которые торчали из открытого рта. На следующем столпе стояло что-то вроде головы крокодила, но слепое, потому что на месте глаз у него были длинные щупальца со множеством сочленений. На соседнем столпе располагался ещё один объект, похожий на человеческую голову, но на уровне верхней части ушей весь череп превращался в углубление. Отступив назад, я увидел в нём маленькое гуманоидное существо. Даже не осмеливаюсь думать о том, каким образом оно питается. Другие чудовища были ещё более аномальными. Но последний столп нёс на себе полностью человеческую голову — голову араба с выражением отвращения и ужаса на лице. Я почему-то подумал, что включение этой фигуры в пантеон никак не облегчает ужас от вида остальных. Человеческое лицо среди адского сонма чудовищ пробудило во мне подсознательный страх, и я почувствовал, что если пойму смысл добавления человека в эту композицию, то обнаружу истину, которую наполовину уже ощущал. Возможно, предположил я, скульптор намеревался выразить, что сам человек — та-

кая же великая аномалия, как эти гибридные ужасы? Но даже эта мысль казалась разумной и возможной по сравнению с той, что пыталась выползти из глубины вязкой ямы в моём сознании. Я предположил, что эти космические монстры не были вырезаны из неизвестного минерала, но застыли здесь благодаря какому-то колдовству. Примерно в это же время я заметил надписи на основаниях статуй. Я стоял лицом к безглазому крокодильему богохульству, и солнечный свет, сияющий за моей спиной, попал на нижнюю половину пьедестала и явил моим глазам символы, начертанные на ней. Правильнее было бы говорить о тех забытых буквах, как *вырезанных в камне*, потому что, когда я подошёл поближе, я увидел, что буквы на самом деле были начертаны глубже поверхности камня. Я говорил о надписи как о забытой, но теперь я должен признать, что, как ни парадоксально, я инстинктивно знал, что резные символы, которые были неполными, оказались как бы частично стертыми в ходе бесчисленных эонов. Я не пытаюсь объяснить это, но с содроганием предполагаю, что у меня появилось подтверждение некоторых идей, которые неизбежно возникли в моей голове после того, что впоследствии произошло со мной.

Увидев, что эти буквы принадлежали чуждому алфавиту, и чувствуя, что они были полустёртыми, я наклонился поближе, чтобы рассмотреть надпись на очередном пьедестале. Нет необходимости описывать моё лихорадочное исследование каждого символа; мне нужно только рассказать о том, как я обнаружил, что каждый из них полустёрт, за исключением надписи, что находилась на основании одной из безликих статуй — точнее, рядом со столпом, на котором возвышалась голова араба. Даже слова на этой безликой фигуре являлись какими-то неполными; но я считаю, что это было не потому, что они стёрлись от времени, а потому, что они не станут ясными, *пока их не нужно будет прочесть.*

Я сразу же прочитал эти строки, благодаря какой-то смутной расовой памяти зная как их произносить. Я мог бы описать их фонетически, если бы осмелился; но хотя я не знаю точного значения этих слов, я понимаю, что лучше, если эти плоды мудрости извечной сферы не будут общеизвестны. Возможно, первые два слова — *шлаакс-менис* — могут передать что-то ученому; хотя, если читатель опознает их, я не хочу, чтобы он связался со мной и поведал мне об их реальном назначении.

Когда странные ритмы стали пульсировать в моей голове, своеобразные и тревожные видения промелькнули перед моим внутренним взором. Я увидел ту самую безликую статую, стоящую в одиночестве посреди огромной равнины, над которой вращались туманности и галактики, а сферы и солнца взрывались или качались вокруг какого-то чёрного безжизненного шара. У статуи теперь было лицо, и я хотел, чтобы одна из быстро разрушающихся планет осветила образ, вырезанный на вершине столпа. Но на это невидимое лицо не падал свет, и через несколько секунд вся сцена соскользнула в тёмное забвение.

Полагаю, вполне естественно, что мне хотелось повторить эти надписи на чужом языке. Мне не нравится думать о том, что произошло бы, если бы моё чтение не было прервано таким чудовищным образом; и я не чувствую себя полностью в безопасности, поскольку я не завершил чтение надписи до конца. Теперь я знаю, что автор *«Некрономикона»*, вероятно, был одержим кем-то из-за пределов космоса, когда он покинул эту ужасную святыню. Страшная действительность заключалась в том, что столбы были живыми, и скульптурные существа всегда были готовы завладеть теми, кто приходил и будил их, повто-

ряя эти начертанные заклинания на основаниях каждого столба. Я полагаю, что Альхазред был последним, кто стал одержим одной из мерзостей; другие твари, которые порабощали пришедших ранее, должно быть, жили на этой планете задолго до человечества — те, что возвышались на вершине каждого столпа. Я тоже мог стать одержимым злым духом, если бы не то, что увидел в конце.

Так вот, я начал повторять эти милосердно забытые чуждые слова. Произнося их, я заметил, как что-то огромное и чёрное появилось на горизонте. Я смотрел в том направлении и увидел, что странная чёрная полоса на краю пустыни медленно вытягивает щупальце поперёк неба. Возможно, это было каким-то образом связано с тем, что существо из колонны тянулось к моему телу, но даже это не объясняло бурного сердцебиения, которое я испытывал. Именно то, что я увидел мгновение спустя; и стало причиной того, что я внезапно прекратил повторять ужасные слова. Я не знаю, остаётся ли во мне часть того, что скрывалось в звездообразной колонне, ибо временами я испытываю тошнотворные изменения перспективы и каждый день ощущаю чудовищные намёки на истины, лежащие за

пределами нашего мира.

Это произошло, когда я поднял глаза на верхушку столба, узрев окончательный ужас. И как ответ на один страшный вопрос — куда уходили жизненные силы одержимых тел при подмене? — мне явилась истина, которая раздавила меня. Ибо, когда я проводил этот ужасный ритуал, скульптура на столбе стала приобретать иную форму. Когда я посмотрел наверх, я увидел мерзкую и отвратительную копию, материализующуюся в центре полупрозрачной луковицы — *страшное, но узнаваемое подобие моего лица!*

Перевод: А. Черепанов

Рэмси Кэмпбелл
Параграфы Франклина

Ramsey Campbell «The Franklyn Paragraphs», 1967

Эррол Андерклифф — писатель из Брайчестера, его сочинения только недавно начали распространяться среди широкой публики. По-видимому, будучи затворником, Андерклифф часто писал для Брайчестерского фэнзина «Spirited», но

редакторы этого журнала, однако, никогда не встречались с ним. Ходят слухи, что он выступал на литературном форуме в Брайчестере в 1965 году, но его фотография, сделанная по этому случаю, до сих пор не найдена. В 1967-м, в возрасте около 30 лет, он исчез после любительской попытки провести мистическое расследование. Его рассказы, большинство из которых — современные трактовки традиционных жутких историй, были отредактированы для сборника «Сфотографированный молнией», а корейский режиссер Гарри Чанг, давний поклонник Андерклиффа, только что завершил триптих-фильм из его рассказов под названием «Алые сны».

Об исчезновении Эррола Андерклиффа в 1967 году из его квартиры в Нижнем Брайчестере нигде особо не сообщалось. Небольшая шумиха, вызванная этой загадочной историей, вскоре превратилась в убеждение, что Андерклифф «исчез», с целью саморекламы. Хотя он до сих пор не вернулся, его поклонники, похоже, всё ещё ждут, когда он появится как кролик из шляпы. В то время я намекал в печати, что могу представить доказательства чего-то более зловещего, но боюсь, что всеобщее обвинение Андерклиффа в обмане звучало достаточно убедительно, чтобы

отговорить меня от публикации доказательств в случае, если Андерклифф снова появится и будет возражать против публикации письма, которое он написал мне лично. Однако теперь я был бы более чем доволен, если бы Андерклифф объявил мистификацией и своё исчезновение, и своё последнее письмо.

Андерклифф сам написал мне в 1965 году, когда моя первая книга только появилась в Центральной библиотеке Брайчестера. Весьма типично, что он приложил к письму вырезку из колонки писем «Вестника Брайчестера». Под заголовком «Могут ли истории о привидениях быть вымыслом?», один «сельский житель», написал: «Я недавно пролистал книгу рассказов о привидениях мистера Дж. Рэмси Кэмпбелла, его истории, в основном, происходят в Брайчестере. Мистер Кэмпбелл, кажется, смотрит на жителей нашего города как на ведьм, колдунов или неграмотных „деревенщин“. Реклама книги во многом подчёркивает тот факт, что автор ещё младенец; поскольку это очевидно из содержания, я вряд ли счёл бы необходимым афишировать данный факт. Я бы посоветовал мистеру Кэмпбеллу, прежде чем он напишет ещё одну такую книгу, 1) посетить Брайчестер, где он явно никогда не

бывал, и 2) повзрослеть». И так далее. Я мог бы ответить, что, судя по моим многочисленным визитам в Брайчестер, я не считаю его городом, где мне хотелось бы провести ночь; но я нахожу этот вид дуэли в колонке писем немного ребяческим и не чувствую склонности скрещивать шпаги или даже шариковые ручки.

Для протокола: в наши дни Брайчестер имеет впечатляюще мирской вид, но я всё ещё чувствую, что эта картина может разрушиться в любой момент. Когда мы с Кирби Макколи проезжали через этот район в 1965 году, примерно за месяц до первого письма Андерклиффа, я был встревожен тем, что не смог найти поворот на Севернфорд и Брайчестер, а группы молодых людей, неподвижно греющихся на солнце перед похожим на лачугу кинотеатром в Беркли (показывающим, как ни странно, один фильм ужасов Джерри Льюиса), оказались совершенно бесполезными. Несколько часов спустя, когда уже стемнело, объездной путь нам указал полицейский, но мы каким-то образом миновали перекрёсток и снова очутились на первоначальной дороге. Нам пришлось остановиться в гостинице, вывеска которой, как мы обнаружили на рассвете, изображала козла!

Однако я отвлёкся. Я подробно цитирую письмо

из «Вестника», потому что оно, как мне кажется, демонстрирует некоторые аспекты характера Андерклиффа; я не утверждаю, что именно он написал тот критический отзыв в газете (по крайней мере, я так не думаю), но он приложил вырезку к своему первому письму, адресованному мне. Большинство из нас, начиная переписку, вряд ли бы выбрали такой способ представиться. Однако чувство юмора у Андерклиффа было кривое — можно назвать его циничным или жестоким. Я склонен полагать, что это являлось результатом элементарной неуверенности, судя по тому, как мало я знаю о его жизни. Я никогда не навещал Андерклиффа, и его письма редко звучали откровенно (хотя первое из опубликованных здесь писем выглядело более откровенным, чем ему хотелось бы). Большинство из них являлись черновиками рассказов, с подписью и датой; Андерклифф хранил копии всех писем, что он написал, — они были аккуратно подшиты и хранились в его квартире — а несколько эпизодов, которые он прислал мне за два года нашей переписки, практически дословно отразились в его рассказах. В частности, описание заброшенной станции в «Сквозном поезде», было взято из его письма ко мне от 20 ноября 1966-го.

Если это мало что говорит о самом человеке, то мне остаётся лишь утверждать, что для всех нас Эррол Андерклифф являлся мистером Аркадином из мира ужасных историй. Вряд ли во время младенческого крещения ему дали имя «Эррол Андерклифф». Его отказ предоставить биографические подробности был не столь печально известен, как отказ Дж. Д. Сэлинджера, но он был столь же маниакален. Кажется, он получил образование в Брайчестере или где-то неподалёку (см. первое письмо далее), но я не могу найти ни его школу, ни его друга, помолвку которого Андерклифф описывает. Я никогда не видел его фотографии. Возможно, он думал, что ореол таинственности, которым он себя окружал, распространялся и на его рассказы; и может быть, он стремился сохранить свою собственную изоляцию. Если так, то это сослужило ему плохую службу, когда он подошёл к последнему испытанию; у него не было друзей, к которым он мог бы обратиться.

Когда я сходил в квартиру Андерклиффа, услышав, что он исчез, я был не столько удивлён, сколько опечален случившимся. Район Нижнего Брайчестера, как я уже упоминал в другом месте, является своего рода миниатюрным Космопо-

лисом, который можно найти в большинстве крупных английских городов: трёхэтажные дома, полные заблудившихся постояльцев; занавески на окнах столь же разнообразны, как флаги на конференции, но более выцветшие, случайно разбитые стёкла, множество тайных наблюдателей. Кто-то занимался регулировкой двигателя мотоцикла на Питт-стрит, и выхлопные газы проникали в квартиру Андерклиффа через трещину в стекле, и затуманивали лист в его печатной машинке. Хозяйка собиралась выбросить всё это вместе с книгами Андерклиффа и другими его вещами, как только закончится предоплаченный им месяц аренды. Я стал спорить с женщиной, доказывая, что сам могу разобраться с вещами пропавшего жильца, ссылаясь на Августа Дерлета (который никогда не публиковал Андерклифа), «Совет по искусству», (который, думаю, никогда о нём не слышал) и других. Наконец, убедив её, прекрасно понимая, что она будет готова обыскать меня до того, как я покину дом, я осмотрел квартиру. В гардеробе и комоде имелось два костюма, несколько рубашек и т. д., ничто из этого не выглядело бы особенно стильно на помолвке. Кровать имела прекрасный вид на паукообразную трещину в потолке (я догадался, что это та

самая трещина, которая «внезапно с ужасной вялостью оторвалась от штукатурки и упала на поднятое кверху лицо Питера», в рассказе «Человек, который боялся спать»). Жёлтые обои выглядели как в повести Шарлотты Перкинс Гилман; однажды Андерклифф пожаловался, что «такая абсурдная история должна была использовать вдохновение, которое я мог бы применить в одном из моих лучших рассказов». Окно выходило на дымящийся мотоцикл, теперь упрямо застрявший на первой передаче, и его окутанного дымом владельца. Полагаю, что ночью Андерклифф, сидящий у своей печатной машинки перед окном, мог махнуть девушке, одевающей ночную рубашку в квартире дома напротив, и я повторил его соседский жест, хотя без особого успеха. На подоконнике у его окна, словно птичий помёт, скопились окурки; писатель предпочитал выбрасывать их в ночь, потому что не любил смотреть на пепельницы, наполненные до краёв. Однажды он сообщил мне, что на сочинение тысячи слов у него уходит по пачке сигарет; как-то раз он попробовал жевательную резинку, но она расшатала его пломбы, и он испугался дантиста (сравните с рассказом «Дрель»). Всё это, конечно, тривиально, но мне нужно было отвлечься. Я

уже проследил за поисками Андерклиффа по первым трём письмам, напечатанным в этой квартире, и та страница, которая всё ещё оставалась в машинке — письмо ко мне, вероятно, последнее, что он написал, — рассказывала о том, что он нашёл. Я неохотно вытащил страницу и вышел с позволения хозяйки. Позже я договорился о транспортировке вещей. Книги, которые казались заветным сокровищем Андерклиффа, хорроры, купленные на доходы от его собственных страшных рассказов, — печальный и одинокий порочный круг — теперь находятся в доверительном управлении Британской Ассоциации Научной Фантастики; остальное — в хранилище. Я больше, чем когда-либо, хочу, чтобы Андерклифф объявился и забрал свои вещи.

Первое письмо Андерклиффа, адресованное мне (15 октября 1965 года) содержит отрывок, который в ретроспективе кажется наполненным мрачной иронией. «Скрытая тема вашего рассказа „Насекомые с Шаггаи“, — написал он, — интересна, но вы никогда не поймёте истинную суть сюжета: автор страшилок скептически относится к сверхъестественному и, в конце концов, сталкивается с неопровержимыми доказательствами его реальности. Какова будет реакция

автора? Конечно, он не станет писать о „лучезарном свечении, которое сияет на бритве, лежащей на столе передо мной“! Это так же маловероятно, как и концовка романа „Жёлтые обои“. Мне было бы интересно узнать, верите ли вы сами в то, что пишете? Что касается меня, то я считаю достаточно красноречивым тот факт, что я прилагаю огромные усилия для проверки материалов о сверхъестественном здесь, в нашей Центральной библиотеке. Кстати, не попадалась ли вам книга „Мы уходим из поля зрения“ Роланда Франклина? Автор — местный житель, у него есть несколько весьма впечатляющих теорий о реинкарнации и тому подобном».

То, что приводит нас к Франклину, и его книге, само по себе столь же загадочно, как и судьба Андерклиффа; но я подозреваю, что эти две тайны взаимозависимы, одна объясняет другую, если, конечно, кто-то пожелает найти объяснение. Однако прежде, чем говорить о Франклине, я хотел бы отметить некоторые сочинения Андерклиффа; я чувствую себя обязанным довести информацию о них до широкой общественности. Его любимыми рассказами из своих собственных были «Трубы», (кровь убитого капает из крана вместо холодной воды), «Резной стол», (руны,

вырезанные на том, что когда-то являлось деревом друидов, вызывают некую сущность, что царапает лодыжки любого, кто достаточно глуп, чтобы сесть за этот стол и писать письма), и «Дрейфующее лицо», (никогда не публиковалось: изначально этот рассказ предназначался для злополучного второго номера журнала «Чужие миры», теперь его невозможно найти). Я предпочитаю его более личные, менее популярные сочинения: «Окна в тумане», (рассказчик мельком видит девушку на другой стороне улицы; однажды ночью он пристаёт к ней и, получив отпор, убивает её); «Колокольня на холме», (где писателя, любившего одинокие прогулки, преследуют члены культа; в конце концов, он втягивается в их круг и становится воплощением их бога); и «Человек, который боялся спать», который заинтересовал французское издательство «Peur de Sommeil», и они выпустили лучший сборник Андерклиффа. Это замечательное издательство заново открыло таких писателей, как Персварден и Себастьян Найт, и вновь сделало доступным легендарное собрание рассказов Роберта Блейка «Лестница в склепе». Забавно отметить, что всё содержимое сборника Андерклиффа, включая заглавную историю, которая, безусловно, является

исследованием безумия, включено в категорию «Сверхъестественные феномены», в «Указателе рассказов», Г.В. Уилсона (в более раннем издании, чем тот, где мой рассказ «Церковь на Хай-стрит», был причислен к «Церковным развлечениям», что делает его похожим на приходской фарс или на таинственную пьесу Бриттена). В последнее время Андерклифф работал над сценарием для «Delta Film Productions», но продюсер Гарри Нэдлер сообщает, что он так и не был завершён. Та же история постигла его сочинение «Через зону колоссов», метафизическую вещь, частично ссылающуюся на мой «Рудник на Югготе», в сочетании с материалом из книги «Мы уходим из поля зрения».

Что возвращает меня к необходимости обсуждать эту книгу Франклина, обязанность, которой я боюсь и избегаю. Я никогда не видел эту книгу и не имею особого желания читать её. Я воздержался от ознакомления с экземпляром из Брайчестерской Центральной библиотеки, когда пришёл на квартиру Андерклиффа; полагаю, я мог бы получить его через Национальную Центральную библиотеку, но подозреваю, что на самом деле этот экземпляр (как и все остальные, по-видимому) таинственно исчез.

Хотя, как указывает Андерлифф, «Мы уходим из поля зрения», имеет заметные сходства с Мифами Ктулху, такие ученики Лавкрафта, как Дерлет, Лин Картер, Тимоти д'Арк Смит и Дж. Вернон Ши не могут предоставить никакой информации об этой книге. Насколько я понимаю, она была опубликована в 1964 году издательством «True Light Press», в Брайчестере; ссылки в письмах Андерклиффа намекают на то, что это было дублированное издание, первоначально распространявшееся в картонных обложках, но, вероятно, переплетённое библиотеками, делающими копии. Я так и не смог выяснить, где эта книга продавалась, если она вообще была в продаже. Странный слух дошёл до меня недавно — почти весь тираж был украден у «True Light Press», — это фактически дом Роланда Франклина, и больше о книге никто не слышал; возможно, тираж был уничтожен, но кем?

Вот немного информации, которую я получил из различных источников. В Британской Национальной Библиографии приводится следующая запись:

129.4 — «Инкарнация и реинкарнация», Франклин, Рональд, «Мы уходим из поля зрения». Брайчестер, «True Light Press», 9/6. Январь, 1964.

126 стр. 22 см.

Однако Сводный Книжный Индекс, в котором перечислены все публикации на английском языке, не признаёт эту книгу; по крайней мере, ни я, ни сотрудники Ливерпульской Библиотеки Пиктона не можем найти это упоминание.

При сопоставлении заметок я с удивлением обнаружил в своей записной книжке следующий обзор, который, возможно, был скопирован из литературного приложения к газете «*Times*».

ПСЕВДОПОДОБИЯ

«За последние несколько десятилетий появилось много тревожных псевдофилософий, но книга „Мы уходим из поля зрения“ должна занимать самое последнее место. Автор, Роланд Франклин, имеет меньше понятия о стиле, чем большинство его соратников; однако идеи, лежащие в основе его сочинения, выражены с меньшей двусмысленностью, чем хотелось бы. Его основной тезис, по-видимому, состоит в том, что число душ во вселенной ограничено каким-то нелогичным применением принципа сохранения энергии, и поэтому человечество должно признать бесконечное число одновременных воплощений. Последняя глава, „По направлению к истинному

Я“, является своего рода сокращением до абсурда теории, заключающей, что „истинное Я“ должно быть найдено „вне пространства“, и что каждое человеческое существо является просто гранью его „Я“, которое само способно переживать все свои воплощения одновременно, но неспособно контролировать их. Здесь есть намёк на Беккета (в особенности на его роман „Безымянный“), и мистер Франклин вложил достаточно бессознательного юмора во многие пассажи, чтобы вызвать веселье, когда книгу читали вслух на вечеринке. Но книга, пропагандирующая использование наркотиков для совершения обрядов чёрной магии, заслуживает внимания не столько как юмор (и уж точно не так, как предполагалось), сколько как социологический феномен».

Смех на вечеринке, надо же! Я всё ещё нахожу это замечание довольно пугающим. О каком издании здесь говорилось? Возможно, «Times», читали копию, но в таком случае что с ней случилось? Как и многое в этом деле, финал превращается в тайну. Я сомневаюсь, что на рецензию «Times», было много возмущённых отзывов; если кто из читателей и написал их, то, вероятно, их не напечатали. В 1966 году я смутно слышал о книге под названием «Как я открыл своё бесконечное

„Я“», написанную неким «Посвящённым», но была ли она когда-нибудь опубликована, мне не известно.

Андерклифф процитировал несколько отрывков из книги «Мы уходим из поля зрения»; хотя я нахожу их слегка неприятными, думаю их лучше включить в моё повествование. У меня до сих пор сохранились все письма Андерклиффа; возможно, когда-нибудь я отредактирую их в памятную статью для журнала «*The Arkham Collector*», но писать мемуары о человеке, который, возможно, где-то ещё жив, — довольно дурной тон. Думаю, что письма, перепечатанные здесь, очень важны.

В своём письме от 2 ноября 1965 года Андерлифф писал: «Вот странный отрывок, который может побудить вас к написанию какого-нибудь рассказа. С первой страницы „Мы уходим из поля зрения“: „Новообращённый должен постоянно напоминать себе, что его „Я“ бесконечно и что он является лишь одной частью своего „Я“, ещё не осознающей других своих тел и жизней. НАПОМИНАЙТЕ СЕБЕ ОБ ЭТОМ ВО ВРЕМЯ СНА. НАПОМИНАЙТЕ СЕБЕ ОБ ЭТОМ ПОСЛЕ ПРОБУЖДЕНИЯ. *Прежде всего*, НАПОМИНАЙТЕ СЕБЕ об этом при вступлении в Первую Стадию

посвящения“. Что касается этой первой стадии, я просмотрел дальнейшие ссылки в книге, но не нашёл внятных объяснений. Франклин постоянно упоминает о „вспомогательных средствах“, которые, по-видимому, являются своего рода лекарствами, обычно принимаемыми новичком под наблюдением „посвящённого“. Он произносит заклинания („Аг'лак Саурон, Даолот асгу'и, Эйхорт пхул'ааг“ — это должно звенеть у вас в ушах) и пытается пробиться к подсознательному знанию новичка о его других воплощениях. Не то чтобы я обязательно верил тому, что говорит Франклин, но это, безусловно, даёт вам то чувство нестабильности, которое должны давать все хорошие страшилки. Я мало что могу разузнать о Франклине. Кажется, за последние год-два он собрал вокруг себя круг молодых людей; я слышал, что они посещают Гоутсвуд, Клоттон, Темпхилл, остров за Севернфордом и другие места, которые, без сомнения, интересуют вас не меньше, чем меня. Я бы хотел поучаствовать в этом деле».

Я ответил Андерклиффу, что ему, конечно же, не нужны наркотики для вдохновения и что, несмотря на предостережения Денниса Уиди, я не считаю целесообразным заниматься чёрной магией. «Опыт делает писателем», — возразил

мне Андерклифф. Впоследствии он избегал прямых цитат, но я понял, что он не присоединился к кругу Франклина; думаю, это было его собственное решение.

Затем, в сентябре 1966 года, когда Андерклифф писал «Ползающего на чердаке», (я тогда только начал работать в библиотеке и отправил ему для ознакомления рукопись «Чулка», которая ему не понравилась — «искусная бессмысленность»), он процитировал следующее:

«Сегодня психологи ошибаются, утверждая, что сны приходят из подсознания.

Сновидения — это связующее звено между нами и опытом других наших воплощений. *Мы должны быть восприимчивы к ним.* СКАЖИТЕ СЕБЕ ПЕРЕД СНОМ, ЧТО ВЫ БУДЕТЕ ВИДЕТЬ ДАЛЬШЕ СВОЕЙ ГРАНИ. Посвящённый, известный на Тонде под именем Йох'хим, пришёл ко мне, описывая сон о длинных туннелях, в которых его кто-то преследовал, но он не имел представления о своём теле.

После нескольких сеансов ему удалось увидеть себя клубком волос, катящимся по туннелю прочь от Хоботов в Узе. Этот клубок был известен на Тонде как Йох'хим. Он не достиг стадии Чёрного Посвящённого и проводит своё время вне своей

грани, отбросив всё, кроме минимума своей жизни на Земле».

Мне нечего было ответить на это, кроме предположения, что Франклин позаимствовал ссылку на «Тонд», провоцируя Андерклиффа ответить: «Конечно, Франклин достаточно подорвал ваше самодовольство, делая жалобы на авторские права немного тривиальными. Во всяком случае, он, без сомнения, скажет, что вы знаете о Тонде из своих снов». Я не мог решить, прикусил ли он язык; я пропустил мимо ушей его замечание, и наша переписка на некоторое время прервалась.

В феврале 1967 года Андерклифф процитировал отрывок, который действительно имеет большое значение. «А как насчет истории писателя, который часто появляется в своих собственных книгах?», — спросил он. «У Франклина есть параграф о привидениях: „Смерть тела не означает, что душа покинет его. Это зависит от того, есть ли инкарнация, в которую он должен перейти. Если нет, то тело остаётся одушевлённым до тех пор, пока оно не будет уничтожено. Посвящённый знает, что страх Эдгара Аллана По перед преждевременными похоронами был вполне обоснован. Если смерть насильственная, то душе труднее, чем когда-либо, покинуть тело. ДЛЯ

СОБСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПОСВЯЩЁННЫЙ ДОЛЖЕН НАСТАИВАТЬ НА КРЕМАЦИИ. В противном случае он будет безнадёжно притянут обратно на Землю, и землекопы из ядра могут вытащить тело такого человека из могилы вместе с его душой на праздник Эйхорта“».

«Интересно», — сказал я сам себе несколько устало. Меня уже утомил этот словесный бред. 5 июля 1967 года Андерклифф сообщил, что «Вестник Брайчестера», опубликовал новость о смерти Франклина. В то время это мало что значило для меня. Затем я получил от него последние несколько писем.

Питт-Стрит, 7: Нижний Брайчестер, Фьорды:

14 июля, 1967, 1.03 утра:

в состоянии лёгкого алкогольного опьянения

Уважаемый ДРК:

Тот самый момент на вечеринке, когда вкус пива ощущается, как рвота. Довольно мерзкая вечеринка, на самом деле.

Мой школьный друг решил жениться и прислал мне приглашение. Не могу понять почему, я и сам почти забыл о нём, но мне захотелось встретиться с ним снова. Но он даже близко ко

мне не подошёл. Большая толстая женщина, с которой он был помолвлен, лапала его весь вечер и хотела, чтобы он её поцеловал, причём довольно неуклюже, всякий раз, когда он пытался вести себя как хозяин. Удачи, сказал я. Так что мне пришлось самому искать себе собеседников. Я просто не знаю, где мой друг набрал таких гостей. Все в галстуках-бабочках и ведут разговоры типа: «Боже, Бернард, ты же понимаешь, что этот роман абсолютно *мёртв*», стукаясь кружками с элем, которые они купили, чтобы снова стать мальчишками, быть вместе. Спиртное выплёскивалось на столы, образуя маленькие озёрца (ещё один удар для старого города и жителей Брайчестера — наш помолвленный друг продолжал гладить свою синюю бутыль и мычал: «У меня было прекрасное детство в Брайчестере, совершенно замечательное, они прекрасные люди», *ему* не нужно никакой музыки). Всё вокруг затянуло дымом, и какой-то жестяной оркестр играл в тумане.

Сотни пепельниц стояли в окружении кусков пепла, похожих на мух. В конце концов, наш друг упал на колени, чтобы поблагодарить друзей за «все превосходные подарки»; я ощутил, что мне здесь явно не место, так как не знал, что это была

просьба принести их. Я чувствую себя немного лучше. Остроумный ответ: следующим утром. Прошу прощения, мне не следовало упоминать о помолвках и невестах. Тем не менее, я уверен, что это нужно было сделать. Писатели лучше раскрывают свой талант, если у них есть простор для мыслей.

У меня с собой ваше письмо. Вы правы, ваш последний спор с подругой в кафетерии на станции Лайм-Стрит с голыми столами, скомканными пакетами и кем-то рядом, пытающимся не слушать — никогда не выйдет в печать, даже если это случилось лично с вами, они обязательно закричат, что Грэм Грин был здесь первым. А затем её крик сквозь дождь: «я люблю тебя», прежде чем мать оттащила её от окна, — да, это очень трогательно, но вам придётся переписать этот эпизод, прежде чем это можно будет опубликовать. Анализируем далее: вы говорите о той другой девушке, в панике выбегающей из населённой призраками Библиотеки Хорнби. Это, конечно, звучит многообещающе. Вы собираетесь провести в ней всю ночь? Я многое бы отдал ради подлинного сверхъестественного опыта.

На той вечеринке был один идиот, который хотел знать, чем я занимаюсь. Страшилки пишу,

ответил я. Надо было видеть, как он побледнел.

— Зачем вы всё это сочиняете? — спросил он так, словно застукал меня за ковырянием в носу.

— Ради денег, — сказал я. Молодая пара, проскользнувшая вдоль стены позади нас, рассмеялась. Отличная публика, подумал я. Без сомнения, если бы я сказал, что не шучу, они расхохотались бы ещё громче.

— Ну, а серьёзно, — заявил этот бедняга в духе Ф.Р. Ливиса (вы же не можете писать ради такой низменной цели, как деньги), — разве вы не согласны, что писатель — это своего рода фигура Христа, который страдает вместо читателя?

Держу пари, что больше всего он страдал из-за того, что менеджер из банка звонил ему по поводу овердрафта.

— А вам не кажется, что ужасная история выражает некий опыт? — возразил я. (Я тогда ещё не считал себя связанным со своими сочинениями).

— Вы хотите сказать, что верите в то, что пишете? — спросил он так, словно мы говорим про «Майн Кампф».

— Вы же не думаете, что я напишу что-то, во что не верю? — ответил я, тщательно подбирая слова. Молодая пара ушла, и представление закончилось. Тот парень тоже удалился, чтобы

рассказать обо мне Бернарду.

По крайней мере, улицы были чистыми и пустынными. Замечательная девушка в квартире напротив. Мне следует опуститься на землю. По крайней мере, в постель. Завтра поработаю над рассказом «Через зону колоссов», и схожу библиотеку.

С наилучшими пожеланиями.

Э.А.

Преисподняя: Самый Нижний Брайчестер, Фьорды:

14 июля 1967 года: позже

Уважаемый ДРК:

Обычно я не пишу дважды в день. Однако сегодняшние события слишком важны, чтобы игнорировать их.

Со мной произошло нечто необычное. Из этого, несомненно, сложится рассказ, так что простите мне этот первый черновик. Я верю, что вы им не воспользуетесь.

Сегодня, как и предполагалось, я посетил библиотеку. После прошлой ночи / сегодняшнего утра я чувствовал себя немного больным, это было мне наказание за вечеринку. В автобусе я

пытался поработать над «Зоной колоссов», но мне не дали; вы должны знать, как это бывает. Половина пассажиров с визгами пыталась отбиться от летающей осы, а другая половина стоически сидела, выпуская табачный дым, который клубился в горячем воздухе. Я сидел рядом с каким-то насвистывающим дурачком, и мои мысли то и дело отвлекались на поиски слов, чтобы подогнать их под его мелодию и избавиться от неё. Не слишком удачное начало, но «Зона колоссов», была забыта, когда я вышел из библиотеки. Я не мог найти «Мы уходим из поля зрения», на полке в секции религии; в это время ещё какой-то кретин в старом пиджаке крутился возле полок, хватал книги и ставил их куда попало под свирепыми взглядами персонала библиотеки. Ещё кто-то воздвиг на одном из столов крепость из книг, и спрятавшись за ней, заполнял свой футбольный купон. Он явно проклинал меня за то, что я осматривал его баррикаду; я редко чувствовал себя так неловко, как тогда, когда он уставился на мою склонённую голову. Но нужная книга оказалась у него: «Мы уходим из поля зрения», под «Массой в замедленном движении», и «Руководством по католическому браку», а также «Личностью и сознанием», Грэма Фишера. Баррикада устояла,

когда я вытянул самую нижнюю книгу в голубой обложке.

Столешница была пастельно-зеленой. В читальном зале было тепло и солнечно, хотя и немного душно. В дальнем конце, за кремовым столом, один из сотрудников рассказывал другим о своих приключениях на работе, о том, как его мучили старые дамы, умолявшие дать им то, что он называл «дешёвыми романами»; я мог бы сказать, что он смотрел на всю фантастику как на бедную родственницу нехудожественной литературы, как и все академические библиотекари — так они смотрят на наши сочинения. Дальше лавкрафтовских декораций не уйдешь, но ведь это и есть настоящее.

Я перевернул обложку книги, и она шлёпнулась на столешницу. Наступила тишина. Солнечный луч скользнул по полу, усиливая трещины. Затем страницы книги «Мы уходим из поля зрения», начали переворачиваться сами собой.

Сначала я подумал, что это из-за сквозняка. Когда вы сидите в яркой новой библиотеке среди книг и людей, вы не думаете о вероятности сверхъестественного. Когда читатель оставляет свои следы в книге (жевательная резинка на одной странице, дохлая муха на другой), трудно

рассматривать её как привидение. И всё же я не мог оторвать глаз от этих движущихся страниц. Быстро промелькнуло посвящение («моим верным друзьям»), и на секунду, как будто мое зрение испортилось, я увидел дрожащие строки какого-то другого шрифта, как будто они накладывались на текст.

Страница перевернулась на следующий, чистый лист. Я протянул руку, но не смог заставить себя дотронуться до книги. Пока я пребывал в нерешительности, на чистом листе бумаги появились строчки.

ПОМОГИ МНЕ

Они резко выделялись на бумаге рядом с отпечатками пальцев какого-то грязнули, читавшего книгу.

ПОМОГИ МНЕ.

Буквы держались несколько секунд: большие чёрные, заглавные буквы, которые, казалось, жгли мне глаза, когда я смотрел на них. Меня ошеломило ощущение, что кто-то взывает ко мне, отчаянно пытается связаться со мной. Затем буквы расплылись и исчезли.

ЧУВСТВУЮ, КТО-ТО ЧИТАЕТ, ДОЛЖЕН

Фраза вспыхнула и исчезла через секунду. Воздух в комнате, казалось, исчез; я вспотел,

рёбра сдавливали мои лёгкие. Я видел только раскрытую книгу на столе и чувствовал страшное, мучительное напряжение, как будто чей-то разум, пребывая в мучениях, пытался передать мне своё страдание.

ОНА ПОХОРОНИЛА МЕНЯ. ЕЁ МЕСТЬ. ПРОСИЛ КРЕМИРОВАТЬ. СУКА. ЖЕНЩИНАМ НЕЛЬЗЯ ДОВЕРЯТЬ. ПОМОГИТЕ МНЕ

Фраза «ПОМОГИ МНЕ», таяла.

ЧУВСТВУЮ,

КАК ОНИ МЕДЛЕННО ПРИБЛИЖАЮТСЯ, ЗАРЫВАЮТСЯ В ЗЕМЛЮ, ХОТЯТ, ЧТОБЫ Я СТРАДАЛ, НЕ МОГУ ПОШЕВЕЛИТЬСЯ, ВЫТАЩИ МЕНЯ, СПАСИ МЕНЯ. ГДЕ-ТО В БРАЙЧЕСТЕРЕ. ПОМОГИ МНЕ.

И страница, которая приподнялась, дрожа, упала обратно. Я выжидал. Комната замерла вокруг меня в безжалостном солнечном свете. Страница оставалась пустой. Я не знаю, как долго я ждал. Наконец, мне пришло в голову, что здесь неподходящая обстановка; если я вернусь домой, то, наверное, смогу восстановить контакт. Я осторожно взял книгу, ожидая, что сейчас она будет шевелиться и вырываться из моих рук, и отнес её к конторке, обратно в обыденность.

— Боюсь, что это только рекомендательный

экземпляр, — объяснила мне сотрудница библиотеки, сверкнув улыбкой и своим обручальным кольцом.

Я сказал ей, что это, кажется, их единственная копия, и что в отделе фантастики есть несколько моих книг, и что я знаю главного библиотекаря (ну, я видел его сидящим на троне в своём кабинете, когда кто-то приносил ему кофе в тот день, когда я был приглашен его секретарём подписать мои книги). Я мог бы добавить, что чувствую, как книга пульсирует в моей руке. Но она ответила: «Ну, лично я знаю, что мы можем доверить её вам, и, если бы это зависело от меня, я бы отдала вам книгу, но…», и ещё много чего в духе «я только выполняю свою работу». Я положил книгу на стол, чтобы помахать руками, и она протянула её девушке, которая меняла книги на полках, запоздало спросив: «Вам она больше не понадобится, верно?»

Я видел, как книгу положили наверх стопки других книг и увезли; трансцендентное уже было затёрто мирским; Франклин будет тщательно подшит и забыт. И я понял, что мне нужно сделать. Конечно, я понял, что это Франклин из могилы написал те строки в книге. Но я не знал, как его найти. В «Вестнике Брайчестера», не сооб-

щили ни его адреса, ни места захоронения.

— Вы что-нибудь знаете о самом Роланде Франклине? — спросил я у библиотекарши.

— Да, он приходил довольно часто…

(Но она явно не хотела говорить о нём).

— Эрик, не вынуждай Мэри делать всю уборку, — сказала она своему компаньону за столом, который строил дом из праздничных открыток.

— Франклин, маленький чудак в плаще? — обратился он ко мне. — Вы ведь не его друг, не так ли? Хорошо. Обычно они приходили сюда целой толпой, Двенадцать Учеников, как мы их называли. Однажды один из них подошёл к нашему столу, потому что мы говорили о его учителе, и помахал нам своим огромным изможднным кулаком — видно было, как из его глаз текут наркотики. Почему вы интересуетесь этим чудаком? Не могу понять, что привлекло их всех, этот изъеденный молью плащ и огромная лысая голова? Он, наверное, выдернул последние волоски, чтобы приклеить их к паучьей бороде. Кажется, у него была жена — должно быть, до того, как он оказался на развилке жизни. В чём дело, Мэри, ты хочешь, чтобы я разорвался?

— Вы не знаете, где он жил? — остановил я разглагольствования парня.

— У подножия Мерси-Хилла. Дом выглядит так, словно в нём поселился Сатана. Вы не сможете пропустить его.

Парень опрокинул домик из открыток и ушёл, я тоже, чувствуя себя совершенно потерянным.

Думаю, что я мог бы попытаться найти Франклина сегодня, но я хотел кристаллизовать свой опыт встречи с паранормальным, сохранить его, прежде чем он потеряет свою форму. Я пришёл домой и решил всё записать на бумаге. Реальность всегда требует запоминания; я полагаю, что мы должны придать ей какую-то форму, даже заплатив за это ценой искажения. Я продолжаю думать о Франклине, лежащем в гробу, чувствующем, как что-то движется к нему, не способном пошевелить ни единым мускулом, но всё еще способном чувствовать. Но сейчас уже темно; я не смогу его найти в таких условиях. Отложу на завтра. Прощай, девушка в окне.

Э.А.

Неподвижная точка: 15 июля, 1967

Уважаемый ДРК:

Сегодняшний день был тревожным.

Я узнал, что Франклин жил в Мерси-Хилл, но этот район занимает большую площадь; я бы

не смог найти его дом. Наконец, я вспомнил о каталоге улиц. Странно, что я не подумал о нём раньше, и сегодня я заглянул в библиотеку, чтобы найти нужную информацию. В Мерси-Хилл проживал только один Р. Франклин. Затем я вернулся в секцию религии, но они не смогли найти книгу «Мы уходим из поля зрения», я полагаю, они классифицируют меня как одного из своих постоянных чудаков.

Я сел на автобус до Мерси-Хилл. Солнце висело высоко в небе, дул лёгкий ветерок; отражение синей бабочки, пытающейся найти выход, мерцало в оконном стекле. На улицах прогуливались влюблённые парочки, облизывая мороженое; летали теннисные мячи, прыгали девушки, звенели тарелки, а из домов люди несли к павильону подносы с пирожными. Это был один из тех дней, когда предсказано чему-то случиться, и вы должны сделать так, чтобы это случилось; или чтобы я завершил следующий эпизод моего повествования.

Я вышел из автобуса у подножия холма и стал подниматься по террасам района Мерси-Хилл. На одном углу строили новую школу; рабочие, лёжа на балках, грелись на солнце. Преодолев два уровня, я вышел на Ди-Террейс и сразу же увидел

дом Франклина.

Его нельзя было не узнать. Определённо не архитектор придал этому дому его окончательную форму. Одна труба была встроена в углубление из белого камня; слева пристроили дополнительная комнату, а её окно заложили новым кирпичом; все занавески были чёрными, за исключением одного окна на первом этаже, задрапированного зелёным. Дом выглядел заброшенным, особенно из-за сада, за которым уже много лет никто не ухаживал; трава и сорняки росли по колено. Я кое-как продрался через них, представляя, как разные твари заползают в мои ботинки. С одной стороны от меня поднялось шумное облако мух. Я подошёл к входной двери и увидел, как шевельнулась зелёная занавеска; чье-то лицо прильнуло к окну и отпрянуло назад. Я постучал. Мгновение было тихо. И тут внутри раздался женский крик: «Да лежи ты!»

Прежде чем я успел обдумать услышанное, дверь открылась. Женщина определённо не пребывала в трауре, что обнадёживало, потому что я не знал, как к ней подступиться. На ней было красное платье, казавшееся бледным на фоне тёмно-красных обоев холла. Её лицо было сильно, но неаккуратно накрашено, а волосы частично

обесцвечены. Она ждала моего ответа.

— А вы, случайно, не миссис Франклин?

Она посмотрела на меня с подозрением, как будто я представлял угрозу.

— Роланд Франклин был моим мужем, — нелюбезно призналась она. — Кто вы?

Действительно, кто я? Мне подумалось, что я не продвинусь далеко, если буду заявлять о сверхъестественной природе моих поисков. Я выбрал компромиссный ответ.

— Я писатель. Я несколько раз читал книгу вашего мужа. Я был потрясён, узнав о его смерти, — добавил я, чтобы покончить с этим.

— Ну, в этом нет необходимости. Всё равно заходите, — сказала она, осмотревшись по сторонам и морщась. — Смотрите. Вы бы стали с этим жить? Вряд ли. Нужно привести всё это в порядок, половина вещей даже не знает, зачем они здесь. Хорошие ребята начнут с этого.

Она пнула ногой тёмно-красную стену и провела меня в комнату справа. Я не приготовился, и не мог. Комната на первом этаже с платяным шкафом, туалетным столиком с затянутым паутиной зеркалом, кроватью под окном, кипами женских журналов, некоторые из которых были покрыты толстым слоем пыли, и кошкой, прикованной

цепочкой к ножке стула посреди комнаты; меня душило не чувство зла или страха, а ощущение чего-то запертого, забытого и испорченного. Кошка двинулась мне навстречу; цепочка позволяла ей свободно передвигаться по комнате, но она не могла дотянуться до двери.

— Киска любит вас, — сказала миссис Франклин, закрывая дверь и опускаясь на стул, окружив себя облаком пыли; её платье задралось до бёдер, но она не поправила его.

— Должно быть, это хороший знак, но разве не говорят, что только женоподобные мужчины могут дружить с кошками? Почему вы так на меня смотрите?

Я и не подозревал, что выгляжу как-то особенно; я нёс кошку, цепочку и всё остальное к стулу, который занял напротив неё.

— Вам не нравится цепь, да? Но я и моя кошка — это всё, что у нас есть; я не выпущу её, иначе они унесли бы её, чтобы принести в жертву. Они бы так и сделали однажды ночью. Я беру её с собой в сад, вот и всё; я им не доверяю.

Я вспомнил про мух.

— Что вы пишете? — спросила она.

В этом контексте ответить «истории о сверхъестественном», казалось несколько бледным.

— Истории, значит? Да, мы все любим истории, — задумчиво произнесла она. — Всё лучше, чем настоящее. Хотите чаю? Боюсь, это всё, что я могу предложить.

— Всё в порядке, спасибо, — отказался я, заметив треснувшие чашки на кухне за её головой. Она поймала мой взгляд; она всегда так делала, чёрт бы ее побрал.

— О, я не могу винить вас за то, что вы так думаете, — сказала она. — Но скоро и вас будет угнетать эта обстановка. После того, как он захватил дом… вы ведь этого не знали, не так ли? Да, он женился на мне, а потом вторгся в каждую комнату, складывая вещи, к которым я не прикасалась, по всему дому, пока я не заняла эту комнату и кухню и не сказала ему, что, если он попытается что-нибудь сделать в моих комнатах, я убью его!

Она стукнула по подлокотнику кресла, и из него полетела пыль.

— Но почему вы с этим мирились? — вынужден был спросить я.

— Почему? *Потому что я вышла за него замуж!*

Кошка попыталась убежать, опрокинул стопку журналов, чихнула и дёрнулась назад; мисс Франклин смотала цепочку и погладила кошку.

— Теперь киска не боится мамочки, — успокоила она животное и поставила её на пол. Кошка начала царапать её туфли.

— Ложись, ради Бога, — прошипела хозяйка. — Он пришел ко мне за утешением.

— Когда я вышла за него замуж, — ответила она мне, Роланд обещал, что весь этот дом будет моим, я смогу веселиться здесь и делать всё, что не могла раньше. Я поверила ему. Потом я узнала, каков он на самом деле. Поэтому я ждала. Каждый день я желала ему смерти, чтобы у меня был свой дом, то, что осталось от моей жизни. Я не разговаривала с ним уже много лет, вы это знаете? Я даже почти не видела его. Я обычно оставляла ему еду на подносе за дверью его комнаты; если он её не съедал, это была его проблема. Но когда еда осталась нетронутой в течение трёх дней, я вошла в его комнату. Нет, я не вошла — все эти грязные статуи, лампы и книги, — но я видела, что его там нет. Он находился в своей дурацкой маленькой типографии. Он действительно был мёртв. Там лежала книга, он, должно быть, собирался что-то напечатать, но я её не читала; достаточно было посмотреть на его лицо. Я выбросила книгу в мусорное ведро. Но я его не трогала — о нет, они не скажут, что я убила его после стольких лет

страданий.

— Но как вы это выдержали? — спросил я. Конечно, её ответ был, что она не могла.

— О, он околдовал меня давным-давно. Мы познакомились, когда были студентами, я тогда была впечатлительной, думала, что он хороший мужчина, лучший. Я должна была догадаться; ходили слухи, что Роланда исключили из университета ещё тогда, но, когда он поклялся, что его не отчислили, я ему поверила. Потом его родители умерли и оставили ему этот дом, и мы поженились. Мой муж…

Её лицо исказилось, словно она сунула руку во что-то грязное.

— Он отвёз меня в Темпхилл и заставил смотреть, как эти твари пляшут на могилах. Я не хотела, но он сказал, что это для книги, которую он пишет. Тогда он взял меня за руку. А потом мы спустились по ступенькам ниже Клоттона…о, вы можете написать, но никогда не осмелитесь написать об этом. Я не хочу вспоминать. Но это подвигло меня, сделало жёсткой, когда он начал проводить свои ритуалы здесь, пытаясь остановить меня, когда я пыталась выбросить его барахло…

Это прозвучало как сигнал.

— Если вы не выбросили все его книги, как вы думаете, я смогу их просмотреть? С чисто писательской точки зрения, — добавил я, сам не зная почему.

— Но вы славный молодой человек, вы не хотите стать ещё одним из них, — сказала она и села на кровать; её платье снова поднялось, как занавес. Она принялась убирать кипы журналов, покрытых пылью; на одной из них стояла ваза с одуванчиками.

— Просто немного цвета, какая разница, что это такое, никто никогда не приходит, — объяснила она, хотя лепестки свернулись и потускнели в мерцающем свете. — Вы когда-нибудь писали что-то исходя из собственного опыта? Как бы вы смогли, вы никогда не встречались с тем, с чем мне приходилось мириться. То, что он делает даже сейчас, чтобы помешать мне — только вчера я взяла одну из его книг, чтобы выбросить её, и она стала липкой, и мягкие твари начали хватать мои пальцы. Боже!

Она вытерла руки о платье.

— Я лежала без сна, слушала, как он идёт в ванную, и мечтала, чтобы он умер, прошлой ночью я слышала, как он шлёпает по своей комнате, колотит по стенам. А сегодня утром я проснулась рано,

думала, что взойдёт солнце, но это было его лицо, плывущее над крышами… Он подошел к окнам, заполнил их, он следовал за мной из комнаты в комнату, крича на меня — Боже! Вы бы никогда не написали об этом, вы бы никогда больше ни о чём не написали. Но он не может победить меня, и он это знает. Он всегда меня боялся. Вот почему он держал меня здесь, чтобы я молчала. Но он не мог оставить после себя слишком много своих ловушек. Он знает, что я выиграю. Но вы не хотите связываться с неправильными вещами. Вы славный молодой человек.

Она закинула ноги на кровать и откинулась на подушку, где виднелись отпечатки краски для волос.

В течение некоторого времени у меня было впечатление, что мой рассказ пишется сам по себе; теперь мы, казалось, приближались к кульминации, которую я не предвидел. Я должен был выглядеть откровенным.

— Ваш муж был похоронен, не так ли? — поинтересовался я. — Разве он не хотел, чтобы его кремировали?

Казалось, ей потребовалась целая вечность, чтобы сесть, и всё это время она не сводила с меня глаз.

— Откуда вы это знаете? — тихо спросила она. — Вот вы и выдали себя. Вы один из его людей! Я поняла это ещё до того, как вы подошли к двери! Да, он похоронен там, где все вы должны быть. Уходите и будьте с ним, я уверена, что он хотел бы, чтобы вы были с ним. Должно быть, он уже чувствует их приближение — надеюсь, что чувствует. Да, он всегда говорил о своем Эйхорте, но ему не нравится, когда за ним приходят. Так идите и присмотрите за ним, вы…

Я не знал, на что способна эта женщина, и поспешно отступил, видя, что она смотрит в зеркало и ухмыляется, когда она поймала мой взгляд. Каким-то образом я сдвинул с места груду журналов и завалил ими кошку, которая с трудом выбралась наружу и запутала мои ноги своей цепочкой.

— Не смейте трогать мою кошку! — закричала мисс Франклин. — Она стоит миллиона таких, как вы! Что такое, милая, иди к маме…

А я убежал по коридору, с воспаленным кишечником, затем по траве, не думая о том, что могу наступить на что-то невидимое.

Внезапно я оказался на твёрдом тротуаре. Ниже по улице стоял фургон с мороженым, его зелёная вывеска хлопала на ветру. На этот раз вторжение

обыденности не казалось мне таким уж безвкусным. Я пошёл домой пешком.

К тому времени, как я добрался до пишущей машинки, я уже заметил парадокс. Даже автор сверхъестественных историй, который верит в то, что он пишет (а я не говорю, что не верю), не готов к реальной конфронтации. Как раз наоборот, всякий раз, когда он фабрикует сверхъестественное в рассказе (если только оно не основано на опыте), он отбрасывает свой скептицизм; он знает, что таких вещей не может быть только потому, что он их написал. Таким образом, для него конфронтация была бы вдвойне неприятной. Это, по крайней мере, заставит его переосмыслить все свои сочинения. Разве это желательно? С точки зрения самореализации, я полагаю, что желательно. Во всяком случае, я иду. «Уходите и будьте с ним», — сказала она. Должно быть, кладбище находится на Мерси-Хилл.

Завтра.

Э.А.

(Без даты, без адреса)

Я не знаю, что

(Вышеизложенное удалено, не появляется на копирке; страница, по-видимому, изъята, ко-

пирка прикреплена, вставлена снова в пишущую машинку)

Ерунда. Конечно, я могу написать об этом. Сам факт, что я могу печатать, доказывает, что я всё еще функционирую.

В самый разгар дня я поехал на автобусе в Мерси-Хилл. Мало что двигалось; ползали мухи и пешеходы, а рабочие лениво карабкались по недостроенной школе. На перекрестке с Ди-Террейс я увидел дом; он казался поглощённым травой, навсегда изолированным от окружающего мира.

Я хочу покончить с этим. Смотритель направил меня вниз по аллее, и когда я достиг — Нет. Описание кладбища. Зачем писать так, будто это моя последняя страница? Ивы, чьи ветви светились пятнистыми изгибами, были аккуратно рассажены по направлению к холму, на котором размещалось кладбище; в самом холме имелись катакомбы, чёрные за плющом или оградой, а над кладбищем возвышался госпиталь, серое напоминание о надежде или отчаянии. Что за ужасное железо соседствует между госпиталем и кладбищем? Аллеи охранялись ангелами со сломанными носами, устремлёнными к небесам; на одной из статуй виднелась прокаженная

повязка на месте её левого глаза и щёки. Урны располагались тут и там, как пустые стаканы у постели больного, и молодая женщина стояла на коленях с венком у сверкающего мемориала; интересно, сколько времени пройдёт, прежде чем она сбросит венок? А затем возле катакомб, я увидел новое надгробие и его ложе из гальки. Оно блестело в лучах высоко висящего солнца. Я прочитал имя Франклина, годы жизни, и ждал.

В конце концов, мне пришло в голову, что я не совсем понимаю, чего я жду; не при этом солнечном свете. И всё же в воздухе повисла тишина. Я обошел вокруг могилы, и галька зашевелилась. Их двигала моя тень. Я всё ещё способен на разочарование! Боже мой! Я подумал: Франклин там, внизу, жив, а может, и нет. И тут я увидел, что я могу сделать. Я снова посмотрел вдаль. Молодая плакальщица проходила через ворота. Я лёг на траву и приложил ухо к галькам. Они заскрежетали, а потом наступила тишина. Я чувствовал себя ужасно неловко. Внезапно я осознал, что меня видно на всём пути от аллеи до ворот. Я весь вспыхнул и вскочил на ноги.

И по дороге я кое-что услышал. Что-то. Если бы я только знал. Было бы лучше, если бы мне было с чем столкнуться, с чем угодно, но только не с

этой неопределённостью, которая высасывает из меня уверенность. Это мог быть бригадир в той школе, перекрикивающий грохот молотков. Или это мог… да, я должен написать… это мог быть кто-то заключённый в тюрьму, парализованный, вызывая последний мышечный спазм, глухо кричащий о помощи и бьющий кулаками в темноте, когда его тащили вниз, вниз…

Я не мог бежать, было слишком жарко. Я пошёл пешком. Когда я добрался до школы, балки дрожали в жарком мареве, словно живые. Лучше бы я этого не видел. Я больше не мог доверять земной поверхности. Как будто мне вдруг открылось, что во всём просыпаются бесчисленные силы, невидимые, притаившиеся в дневном свете, перемещающиеся, планирующие… Что они встроили в школу? Что может незаметно подкрасться к детям?

Я пошёл пешком. Конечно, я слишком много воображал, но я мог представить, я мог чувствовать мостовую, тонкую, как лёд, готовую поглотить меня в свой мир, где ползал кто-то живой. Я сидел в парках. Это было бесполезно; я не знал, что наблюдает за мной из-за деревьев; я не знал, сколько прохожих могут быть в масках, агенты не из этого мира, готовящие путь для… чего? Кого

Франклин оставил позади?

Опасность для писателя: он не может перестать думать. Он может выжить, если будет писать, но на самом деле он не выживет. Почему я не должен сдаваться… я бродил до темноты, нашёл кафе, не помню. Я был на пустынной улице с магазинами, одно красное окно светилось вверху. Не знаю почему, но мне это показалось злом. Наверное, это была комната Франклина.

Поэтому я вернулся и напечатал своё письмо. Улица пуста; кажется, что движется только тень от фонаря. В окне напротив темно. Что может находиться там, выжидая?

Я не могу обернуться. Я смотрю на отражение комнаты позади меня. Отражение — как фотография в рамке, которую вот-вот расколет что-то лезущее вперёд. Когда я напишу это, я обернусь.

«Я не смею», — только что сказал я вслух.

Могу ли я пойти туда, где я не почувствую движение за кулисами?

(Без подписи)

Перевод: А. Черепанов

Рэмси Кэмпбелл
Потенциал

Ramsey Campbell «Potential», 1968. Рассказ из цикла «Мифы Ктулху. Свободные продолжения». Замысел этого рассказа, написанного 51 год назад, непонятен, поэтому за разъяснением пришлось обратиться к самому автору (см. примечание в конце).

На афише перед Кооперативным Залом, Чарльз прочёл объявление, составленное из переплетения звёздочек и листьев: «ПЕРВЫЙ ПРАЗДНИК В БРАЙЧЕСТЕРЕ — БЕСПЛАТНЫЕ ЦВЕТЫ И КОЛОКОЛЬЧИКИ!». Но в вестибюле, за столом, где подозрительный мускулистый мужчина принимал свои десять шиллингов, две девушки ссорились из-за последнего пластикового колокольчика. Порывшись во второй картонной коробке, Чарльз нашёл бумажный цветок, лепестки которого выглядели не слишком изогнутыми, а проволока без щелчка впилась в пуговицу его пиджака.

— Чертовски типично, — сказал парень, ока-

завшийся рядом с Чарльзом. — Я собираюсь написать об этом в «Интернэшнл Таймс».

Этот парень, наверное, имеет в виду, что это не настоящее сборище хиппи, предположил Чарльз, путаясь в терминологии. Однажды он купил «Интернэшнл Таймс», подпольную газету, но то немногое, что он понял из её содержания, ему не понравилось. Чарльз с беспокойством наблюдал за толпой, входящей в бальный зал. Плащи, платки, мальчики с волосами, похожими на тёмную пену и запутанную проволоку. Чарльз поправил свой значок «Занимайтесь любовью, а не войной», сознавая его несоответствие своему серому, офисному костюму. Он посмотрел вверх и увидел названия групп над дверью бального зала: «Титус Гроунс», «Любимые Гиганты».

— О'кей, мальчишки и девчонки, у нас впереди сказочно приятный вечер, — пробормотал он в лёгкой пародии.

— Идёмте, — сказал парень, стоявший рядом, — заходим.

Через дверной проём Чарльз мог видеть качающиеся фигуры, что сливались с хамелеоновыми огнями; он слышал барабаны, похожие на подземные двигатели. Когда они с парнем вошли в зал, гитары завизжали, луч прожектора проник в

глаза Чарльза и расширился внутри его черепа.

— Дай мне привыкнуть, — сказал он своему спутнику. Он готов был на что угодно, лишь бы выиграть время. В ноздри ему втекали струйки дыма, извилистые, как руки сидящей на корточках девушки, танцующей по-индийски для внимательной публики, стоявшей вокруг. Мужчина средних лет вышел из круга, сомкнувшегося за его спиной, и неловко побрёл в сторону. Репортёр, подумал Чарльз. Он оглядел огромный бальный зал: группы танцующих тринадцатилетних девочек, разноцветные лучи, раскрашивающие лица, проекторы, выплевывающие на стены изображения бурлящей жидкости, на сцене «Любимые Гиганты», высоко поднимающие гитары в слегка непристойном жесте.

— Готовы? — спросил парень рядом с Чарльзом.

Они пританцовывали перед двумя девушками: лет шестнадцати или моложе. Алый свет падал на Чарльза; когда он отодвинулся в сторону, его лицо осталось красным. Каждый раз, когда он шевелил ногой, её тянуло вниз от ощущения банальности; он думал о папке, оставленной на своём столе вчера вечером, чтобы просмотреть её в понедельник утром. Он чувствовал,

что репортёр наблюдает за ним из тени. Музыка пульсировала в тишине. Обе девушки посмотрели на Чарльза и отошли.

— Во всяком случае, не так уж много копов, — сказал его спутник, но затем он, казалось, увидел кого-то знакомого и исчез во мраке.

На балконе над бальным залом девушка устало пускала мыльные пузыри сквозь столбы разноцветных лучей. Пузыри опускались вниз, лопаясь, когда касались пола или людей. Чарльз видел в этом отражение своей жизни.

— Вы что, цветочник? — спросил какой-то голос. Это был репортёр, вертевший в руках бумажный цветок.

— Не более, надо полагать. — Чарльз почувствовал себя обманутым: мальчики с цветками за ушами, девочки, танцующие вместе, как неловкие статисты в мюзикле, зазубренные копья звуков, огни, мучительные, как ослепительный блеск выскобленной жести, не дали ему ничего: меньше чем те фрагменты, что он сохранил из книг по философии. — Я не цветочник. Господи, нет. Я просто ищу.

Чарльз ощутил симпатию.

— Вы не репортёр?

— Никогда им не был, — ответил незнако-

мец, — так вот как я выгляжу? Неудивительно, что все они следили за мной.

— Тогда почему вы здесь?

— По той же причине, что и вы, — ответил тот. — Ищущий.

Чарльз предположил, что это правда. Он огляделся: в дальнем конце сцены весь бар был занят лимонадом.

— Позвольте мне предложить вам выпить, — сказал его новый собеседник.

У стойки бара Чарльз заметил, что руки мужчины дрожат; тот отрывал бумажные лепестки от проволоки. Чарльз не мог уйти, он искал, чем бы отвлечься. На сцене лидер группы «Титус Гроунс», шатался, закрывая глаза руками, и кричал: «Освальд, Кеннеди, Джеймс Дин, Мэрилин Монро…». Динамики в бальном зале визжали и фыркали. «Убей, убей!», — вопил «Титус Гроунс», поджигая картонный усилитель. Чарльз отвёл взгляд и посмотрел на стоящие в углу фигуры в плащах.

— Сыновья Дракулы, — пробормотал он, слегка пародируя Карлоффа. Репортёр засмеялся.

— Вы хороший имитатор, — сказал он.

Чарльз подумал об офисе: в те моменты, когда он чувствовал, что разговор не клеится, он под-

ражал чужим голосам, чтобы привлечь к себе внимание. Он пристально смотрел на фигуры, мрачно курящие в углу, пока не увидел, как мелькнула пачка сигарет «Вудбайнс».

— Если бы кто-то предложил вам ЛСД или гашиш, вы бы согласились? — спросил его незнакомец, потягивая Кока-Колу и рыгая.

— Даже не знаю. Возможно.

Было нечто, что отличало Чарльза от других людей в его офисе, хотя они никогда не узнают этого: он даже не осмеливался носить свой значок в их присутствии.

— Вы чувствуете себя опустошённым. Вы ищете что-то, что наполнит вас, расширит ваш разум, так бы они сказали.

Руки мужчины снова задрожали: стакан звякнул о стойку.

— Да, верно, Герр Коктор, — но подражание не сработало. — Наверное, вы правы, — сказал Чарльз.

«Титус Гроунс», бросали цветы в толпу. Внезапно Чарльз захотел один цветок и тут же отказался: это было тривиально. Девушки бросились за цветами; по мере приближения они меняли цвет с красного на зелёный.

— Прочь! — крикнула одна.

— Я думаю… — начал Чарльз.

— Знаю, — согласился собеседник. — Давайте уйдём.

В вестибюле сидевший за столом боксёр подозрительно уставился на них.

— Кстати, меня зовут Кук, — сказал мужчина.

— Чарльз.

Они вышли на главную улицу; за синими фонарями луна была скрыта облаками. Проходившая мимо парочка посмотрела на цветок Чарльза и значок «Занимайтесь любовью, а не войной», и покачала головами.

— Я знаю, что вы купили этот значок для такого случая, — заметил Кук. — С таким же успехом вы можете его снять.

— Видите ли, я в это верю, — пытался оправдаться Чарльз.

— Конечно, — ответил Кук. — Как и все мы.

Завтра Чарльз может сказать: «Вчера вечером я встретил философа», — но однажды он заявил, что его ограбили, и описал случай, рассказанный ему другом, только для того, чтобы его дразнили соседи по офису: «Да, я тоже это видел. На прошлой неделе по телевизору, не так ли?»

Мимо прошли два мальчика, позвякивая бусами и колокольчиками. Чарльз собирался

предложить Куку выпить: таким способом он наводил смутные дружеские отношения в офисе. Но Кук изо всех сил пытался заговорить.

— Интересно… — пробормотал он, глядя на луну, что боролась с облаками, как лицо просыпающегося человека. — Я не очень хорошо вас знаю, но всё же… вы, кажется, сочувствуете мне… Слушайте, я расскажу вам. Я встречаюсь с некоторыми моими друзьями, что экспериментируют с умом, скажем так. Пытаюсь реализовать свой потенциал. Это звучит драматично, но, возможно, они могут помочь вам найти себя.

Кук покачал головой и отвернулся.

Чарльз видел, что тот нервничает: Кук словно высосал из себя всю неловкость Чарльза, оставив ему силы успокоить его.

— Я попробую что-нибудь один раз, — сказал Чарльз.

Ослеплённая лампами, словно потоками фотографий, луна снова скрылась в облаках.

Мужчины направились к боковой улочке, где была припаркована машина Кука. В нереальном свете магазины тянулись вверх к викторианским фасадам, уничтожая время. Чарльз гадал, что они ему дадут: ЛСД, огни, гипноз?

В стучащем звуке и прыгающих огнях танце-

вального зала Чарльзу почему-то вспомнилось промывание мозгов. Ему не нравилась идея гипноза: он хотел осознавать свои действия, сохранять свою личность. Возможно, он просто понаблюдает за остальными.

В переулке, на освещённом пятачке у двери паба, дрались двое мужчин. Чарльз не мог отвести взгляд.

— Я так и думал, — заявил Кук. — Вы один из нас.

На соседней улице ждала машина Кука с тусклыми фарами, похожими на большие слепые глаза.

— Надеюсь, вы не слишком совершенны, — пробормотал Кук, отпирая дверцу. — Они не могут бросить меня, не сейчас. Нет, я просто подозрителен по своей природе, я знаю это.

Он яростно повернул ключ зажигания и вздрогнул.

— Они в Севернфорде, — сказал он.

Тьма растянулась до последнего дома, как гниль, а дорога пошла вниз. Когда они перевалили через холм, Чарльз увидел вдали реку Северн и лодку, что тихо проплыла мимо и исчезла. Холмы были освещены, как спящие гиганты; над ними нелепо подпрыгивала луна, прежде

чем облака сомкнулись. Внезапно Кук остановил машину. Темнота скрывала его лицо, но Чарльз мог разглядеть его руки, дёргающиеся на руле. Кук опустил вниз боковое стекло.

— Посмотрите туда, — обратился он к Чарльзу, указывая дрожащим пальцем на дыру в облаках, открывающую вселенную и одинокую, далёкую, холодную звезду. — Бесконечность. Там должно быть что-то, что наполнит нас.

В Севернфорде они остановились у пристани. Улицы здесь освещались газовыми фонарями, мерцающими в окнах домов из тёмного влажного камня.

— Отсюда мы пойдем пешком, — сказал Кук.

Они пересекли пустую улицу с магазинами. На углу переулка Кук остановился перед витриной: носки, рубашки, юбки, пакеты со сладостями, баночки с энергетиком, а вдоль стекла располагался ряд книг, похожих на орнамент.

— Вы читаете научную фантастику? — спросил Кук.

— Мало, — ответил Чарльз. — Почти не читаю. Не фантастику, во всяком случае, и книги покупаю редко.

— Вам следует почитать Лавкрафта.

Рядом с обложкой, изображающей щупальца,

мужчина отбивался от бритвы, махая руками, его глаза умоляюще смотрели в камеру. Кук чуть не схватил Чарльза за руку, но тут же отпрянул. Они вошли в переулок. Две собаки, копавшиеся в мусорных баках, зарычали и убежали прочь. В освещенном окне над разбитым стеклом, торчащим из стены переулка, кто-то играл на скрипке.

За домами в конце переулка бежала Северн. Лодка исчезла; спокойные огни плыли против течения. Газовые лампы оставляли окна домов тёмными и зияющими, перемещая тени за сломанными покосившимися дверями.

— Сюда, — сказал Кук, откашлявшись.

— Здесь?

Кук направился в заброшенный паб, тусклое окно которого было покрыто пылью, на которой кто-то вывел пальцем свои имена. Чарльз засомневался: может быть, Кук был один? Зачем он заманил его сюда? Затем Чарльз поднял голову; за вывеской «РИВЕРСАЙД», прибитой поперёк второго этажа, он увидел яркий край окна и услышал намёк на голоса, смешанные с каким-то звуком, природу которого он не мог определить. Кука поглотил тусклый дверной проём; две собаки выбежали оттуда, скуля. Чарльз последовал за своим проводником.

Пивные бутылки громоздились на стойке пирамидами, скреплённые скотчем; в самом верху горели свечи, их пламя сплющивалось и прыгало, на мгновение обнажая сломанные ручки насосов на барной стойке, похожие на древние дубинки; чёрные зеркала, из которых удивлённо выглядывало лицо Чарльза, два ящика за стойкой, закутанные в мешковину. Надпись на стеклянной перегородке «ПОЛИЦЕЙСКИЕ — ТОЖЕ ЛЮДИ», на мгновение показалась ему ответом оракула. — О, полиция знает об этом, — прокомментировал Кук, поймав взгляд Чарльза. — Они уже привыкли к этому, они не вмешиваются. Нам сюда.

За стойкой бара тёмная лестница вела вверх; когда они проходили мимо большой невидимой комнаты, в пустом окне которой мерцала Северн, голоса стихли, уступив место звукам, которые беспокоили Чарльза. Кук дважды постучал в обшитую панелями дверь. Тайное общество, подумал Чарльз, удивляясь. Дверь открылась.

Звук вырвался наружу. Первая мысль Чарльза была о каком-то пиршестве: объединённый, ужасающий визг скрипок. В длинной комнате к нему повернулись лица.

— Снимите обувь, — посоветовал Кук, оставляя свои ботинки рядом с другими, стоявшими у

двери, и ступая на мех, которым был покрыт пол квартиры.

Чарльз неловко подчинился, откладывая момент, когда ему придётся поднять глаза. Когда он это сделал, люди всё ещё наблюдали за ним: но не с любопытством, а с явным желанием познакомиться. Чарльз почувствовал себя принятым; впервые он был нужен самому себе, а не образу, которому он отчаянно подражал. Молодой человек в чёрном, открывший дверь, обошёл его, покачивая локонами своих длинных волос, и взял Чарльза за руку.

— Я Смит, — сказал он. — Вы в моей квартире.

Кук поспешил вперёд.

— Это Чарльз, — пробормотал он.

— Да, да, Кук, он скажет нам своё имя, когда будет готов.

Кук отступил, едва не споткнувшись о кого-то, лежащего ничком на меху. Чарльз огляделся: мальчики с волосами, которые они откинули с лиц, девочки, уже набравшиеся опыта, в углу пожилая пара, чьи глаза блестели, как будто гальванизированные — возможно, писатели. Они не были похожи на людей в офисе; Чарльз чувствовал, что они могли дать ему то, что он искал. У стен пронзительно кричали два динамика,

несколько слушателей лежали рядом, подползая ближе.

— Что это такое? — спросил Чарльз.

— Пендерецкий. *«Плач по жертвам Хиросимы».*

Чарльз наблюдал за слушателями: человек с воображением мог распознать в звуках скрипок крики жертв, в пиццикато — треск горящей плоти. Возле одного динамика книга «За пределами веры», явно защищала фанерную стену от дымящейся пепельницы; рядом с ней лежали «Новые миры теоретической фантастики», «Мы проходим мимо», «Садизм в кино», «Интернешнл Таймс», и стопка порнографии от «Ультимэйт Пресс», над которой молча висели наброски Аушвица, сделанные Мервином Пиком.

— Закурите? — спросил Смит, доставая из кармана золотой портсигар.

— Нет, спасибо, — сказал Чарльз; когда он узнает их получше, то попробует марихуану, если в портсигаре именно она.

— Я буду, — прервал его Кук, беря чёрную сигарету.

Скрипки замолчали.

— Время? — предложил кто-то.

— Я позабочусь об этом, — Смит повернулся к

Чарльзу извиняющимся тоном: — Мы не используем слова, если они не имеют смысла.

Он проковылял в угол и открыл дверь, которую Чарльз не заметил; за ней горел свет, как на дискотеке. Чарльзу показалось, что он слышит шёпот и металлический звук. Он огляделся, избегая лиц; за окном виднелась задняя часть вывески паба. Река была скрыта от него стеной, но он всё ещё мог различить тихую лодку в лунном свете. Ему хотелось, чтобы они говорили, а не наблюдали за ним, но, возможно, они ждали, когда он заявит о себе. Ему не хотелось, чтобы Кук стоял у книжного шкафа, чувствуя, как дрожит его спина.

Появился Смит, закрывая за собой дверь. Лица повернулись от Чарльза к нему.

— Чарльз пришёл, чтобы найти себя, — объявил он. — Туда, Чарльз.

Они встали и окружили дверь, оставив путь для Чарльза. Они были нетерпеливы — слишком нетерпеливы; Чарльз колебался. Он хотел быть частью чего-то, не одиночкой, и действовать в соответствии с этим. Но Смит неодобрительно улыбнулся. Мех успокаивал нервы Чарльза, как детское одеяло. Он двинулся вперёд.

— Подождите, — сказал Смит. Он уставился на Кука, всё ещё дрожащего перед книжным

шкафом.

— Кук, — позвал он, — ты хочешь участвовать? Ты будешь проводником.

— Меня тошнит, — сказала спина Кука.

— Ты же не хочешь оставить нас после стольких лет?

Кук вздрогнул и повернулся к ним лицом. Он посмотрел на Чарльза, потом отвёл взгляд.

— Хорошо, — прошептал он, — я помогу ему.

По зову Смита, он первым прошёл в другую комнату.

Чарльз чуть было не повернулся и не убежал, сам не зная почему, но ему было запрещено отвергать людей, с которыми он только что познакомился. Он прошел мимо множества глаз в ослепительный свет.

Сначала он не увидел девушку. Там было так много всего: камеры на треножниках, ослепляющие прожекторы, висящие на верёвках, похожие на щупальца из рассказов Лавкрафта, в центре на полу стойка с аккуратно разложенными ножами, бритвами и острыми инструментами. Чарльз услышал нечто похожее на скулёж собаки на пристани. Внезапно он заглянул сквозь переплетённые веревки и оттолкнул Кука в сторону. К стене была привязана девушка. Её руки были

вытянуты вверх как у распятого Христа. Она была обнажённой.

Головоломка раскрылась — «Интернэшнл Таймс», эротические журналы, камеры, порнофильмы — но Чарльз не чувствовал отвращения, только гнев: он зашёл так далеко ради этого? Затем алый отблеск привлек его внимание к тому месту, где должен был располагаться левый мизинец девушки. Не веря своим глазам, он уставился в пол, на алый узор, текущий от её мучительно дрожащей руки.

— Делайте свой выбор, — сказал Кук.

Чарльз медленно повернулся, его тошнило от ненависти. Кук отступил к двери; остальные зрители за его плечом вытянули шеи, чтобы лучше видеть.

— Делайте свой выбор, — повторил Кук, указывая на стойку с ножами: его голос дрожал, а девушка оглянулась и захныкала. — Пусть то, что в вас, будет вами. Раскройте свой потенциал, свою силу.

Чарльз не мог смотреть на девушку, иначе его стошнило бы. Он чувствовал, как она умоляет его. Он подошел к стойке с инструментами; его ноги в носках цеплялись за пол, как в кошмарном сне. Он дотронулся до ножа; его лезвие исказило

отражение Чарльза, лезвие было острым как бритва. Чарльз схватился за рукоятку, чувствуя резь в глазах. Посмотрел на дверь. Это не сработает: слишком далеко бежать. Он попытался вытащить нож из подставки.

— Давай, Кук, помоги ему, — сказал Смит. Девушка всхлипнула. Кук, дрожа, обернулся.

— Кук, — повторил Смит.

Кук бочком подошел к Чарльзу, его глаза были умоляющими, как у собаки, когда они указывали Чарльзу на девушку. Чарльз чувствовал себя как в ночном кошмаре. Почти у самой стойки Кук остановился и с дрожью уставился на девушку.

— Боже мой! — воскликнул он. — Ты не…

— Свою жену? — крикнул Смит. — Даже я.

Нож соскользнул с подставки и тут же оказался в животе Кука. Тем не менее, Чарльз увидел, как лезвие вспыхнуло на лице Кука, поражённом не столько ужасом, сколько осознанием. Кук упал на нож. Чарльз закрыл глаза. Он вслепую вытер руки о куртку. Наконец, он повернулся к присутствующим и почти понял то, что знал Кук. Они смотрели на него с новым выражением: поклонением.

Позади себя Чарльз услышал какое-то движение. Ему пришлось повернуться. Девушка

высвободила руки из верёвок, разогнула мизинец, спрятанный в ладони, и вытерла тряпкой малиновую краску с пола. Проходя мимо Чарльза, она протянула руку, чтобы коснуться его, но в последний момент отвела глаза и опустилась на колени перед телом Кука. Смит присоединился к ней, и они взялись за руки. Остальные последовали за ними и опустились на колени, двое пенсионеров приседали медленно, словно у них истощились батарейки. Они повернули свои лица к Чарльзу в ожидании.

«Вы сделали это! — мог бы закричать он, чтобы победить их. — Вы это инсценировали, вы это придумали! Это ничего не значит».

И всё, что он сделал, это исполнил их сценарий — но его рука держала нож, его рука все ещё чувствовала погружение ножа в тело, его рука показывала лезвие, перед которым они съёжились. Внутри него что-то проснулось и набухло, разрывая его на части, втягивая в себя. Они видели, они знали. Девушка протянула к нему руки, и они хором произнесли имя.

Чарльз сразу же оказался вне своего тела, он больше не был его частью. На мгновение его наполнила невинность забвения. Потом, наконец, он всё понял. Он почувствовал, как то, что они

вызвали, высасывает его, как устрицу, превращая его в себя; он ощутил боль, когда его молекулы разрывались на части, как будто ему отрезали пальцы. Он вскрикнул один раз. Потом изо рта у него хлынула кровь.

Люди двигались шёпотом по квартире, отводя глаза. Двое из них несли тело Кука до его машины.

— В этих холмах, запомните, — прошептал Смит.

Он вернулся в студию, опустив голову.

— В реку? — спросил кто-то, указывая на сухую серую фигуру, на полу.

— Это теперь ничто, — сказал Смит. — Его не узнают. Входная дверь.

Они собрали шелуху и сложили её в бумажный пакет, где она затрещала, лопаясь. Кто-то пронёс сумку через паб. Свечи были погашены. Человек выбросил содержимое мешка на улицу под газовые фонари, и собаки, рыча, бросились в бой. Затем он присоединился к остальным, когда они благоговейно подняли глаза на то, что заполняло квартиру, и стали ждать, что оно заговорит.

Перевод: А. Черепанов

Примечание А. Ч.: *диалог про жену*

Смита в оригинале не смогла понять даже коренная англичанка из британской переводческой компании, у которой я решил спросить совета. Мы с ней не смогли расшифровать замысел автора — что такое понял Кук? Он сам бросился на нож или всё-таки его зарезал Чарльз? Ради чего был разыгран этот спектакль с кровью из пальца? Вот такая «сверхъестественная фантастика», от писателя из Великобритании. Но у Рэмси Кэмпбелла есть своя страница в Twitter (сейчас ему 73 года), где о себе он сообщает кратко: «Я пишу хоррор». Я написал ему вопросы про рассказ «Потенциал», и вот, что он ответил: «She plays the victim in order to invoke whatever is invoked. Charles stabs Cook, as I remember from fifty years ago». (Она изображает жертву для того, чтобы произошло то, что произошло. Чарльз зарезал Кука, насколько я помню по прошествии 50 лет).

Отзыв к этому рассказу от одного читателя с сайта Goodreads: «Потенциал», — «очень странный рассказ, концовку я так полностью и не понял»

Рэмси Кэмпбелл
Безумие из подземелий (финальная версия)

Ramsey Campbell «A Madness From The Vaults (Final Version)", 1971. Рассказ относится к циклам «Мифы Ктулху», и «Тонд». Фин. версия (1971) написана через 9 лет после первой (1962), однако опубликованы они были одновременно, в журнале «Склеп Ктулху», за 1986 год.

Под городом Дерд на планете Тонд находится лабиринт из подземелий, происхождение которых остаётся неясным. Люди из расы Яркдао, построившие новый город, не могли интуитивно объяснить существование этих подземелий и не поощряли жителей Дерда исследовать обрывочные легенды о почти бесконечных проходах, связанных между собой таким образом, что это бросало вызов картографии. Яркдао предположили, что подземелья выполняли какую-то герметическую функцию в жизни неизвестных обитателей этого разрушенного города пира-

мид, на фундаменте которого они собирались построить Дерд, поэтому они пренебрегали дальнейшими размышлениями на эту тему. В период расцвета Дерда некоторые яркдао предпочли погребение в склепах вместо того, чтобы страдать от забвения на вершине горы Лиота, что возвышалась над городом, но такие бунтари были редкостью. Множество людей избегали проходов в подземелья, которые зияли на некоторых улицах Дерда. Их отпугивала легенда, что в определённые ночи сохранившиеся внизу трупы выбираются из своих ниш наружу, и с лицами, обращёнными к мёртвому, бледному солнцу Баальбло, бродят по городу.

На закате своего существования Дерд пребывал под тиранической властью своего последнего правителя Опойоллака. Он издал закон, что человек, виновный в любом преступлении, должен быть брошен в подземелье. Склепы в самых бедных кварталах города заполнялись трупами жителей, налоги с которых обогатили одежды правителя — он украсил их мерцающими чёрными амулетами. В то же время более богатые яркдао могли только плакать, когда их особняки рушились под постоянно растущими хрустальными змеями, украшавшими дворец Опойоллака. Новорож-

денные в Дерде больше не получали имён после многодневного ритуала крещения; имена им по своей прихоти давал сам Опойоллак, который, таким образом, гарантировал себе, что никто не сможет похвастаться таким же звучным именем, как у него, и тем самым удерживал свою власть над городом. Право говорить определённые слова, фразы и использовать особые обороты речи имелось только у Опойоллака, так как язык Тонда обладает особой силой. Ходили слухи, что правитель может приказать построить храм в свою честь, и никто не осмеливался размышлять о возможной судьбе тех девственниц, которых вызывали в его дворец; хотя некоторые говорили, что в такие моменты хрустальные змеи становятся красными на фоне зелёного солнца. И некоторые девушки, действительно, старались лишний раз не прихорашиваться.

Итак, Опойоллак правил в мифическое время, и Дерд погрузился в упадок. Губы правителя украсились кровью от пыток, а город пребывал в апатии. Тем не менее, на рассвете одного дня, когда Опойоллак завтракал под полупрозрачной крышей, изготовленной из найденной в пустыне раковины, к нему явился слуга. Он раздвинул занавески из лиловой кожи, которые закрывали

вход в обеденный зал, и представился, поклонившись Опойоллаку в ноги.

— О всемогущий и доброжелательный Опойоллак, — простонал слуга. — Всемогущий…

— Твои похвалы, сколь бы они ни были полны и радостны, — произнёс Опойоллак, — мешают мне есть. Прекрати это и найди оправдание своему присутствию. Но сначала покажи мне свой язык. Да, он выглядит нежным, и если твоё объяснение покажется мне неудовлетворительным, я могу перенести твой язык на свою тарелку.

— Да будет так, милостивый Опойоллак, — ответил дрожащий слуга. — Снаружи ждёт один яркдао, он говорит, что должен немедленно поведать вам о какой-то опасности для вашей великолепной личности.

— Мне показалось, что я услышал причастие, — сказал Опойоллак хриплым голосом и безрадостно засмеялся. — Будь осторожней со словами. Пусть яркдао войдёт, напомни ему, что он не может видеть меня иначе, как отражением. Что касается твоего языка… возможно, я могу извлечь выгоду из того, что он может немного дозреть.

Почти сразу же появился одетый в лохмотья яркдао, он поклонился один раз и без изящества.

— О правитель, — сказал он, — на Улицах Удовольствия лежит мёртвый яркдао…

Но Опойоллак безразлично рассмеялся.

— Я жив, — воскликнул он, — и из этого следует, что такие смерти меня не волнуют. Поскольку искатели удовольствий не беспокоят меня, мне нет дела до их методов выбивания денег. Слуга, отрежь этому незваному гостю всё, кроме последнего слога его имени, и брось его в подземелья.

Опытный слуга, живший во дворце Опойоллака, сумел одновременно поклониться и схватить негодяя, а Опойоллак вернулся к своей еде. Но случилось такое совпадение, что Бив Ланпбив, главный управляющий Опойоллака, должен был в тот день собирать налоги на Улицах Удовольствия; и в то время, как Опойоллак играл на своей коллекции музыкальных инструментов, управляющий попросил принять его.

— Играй для меня, — приказал Опойоллак, — и рассказывай новости.

Управляющий взял лютню, настроенную на четверть тона, содрогнувшись от вида пятен на её корпусе, и вспомнив, как Опойоллак приобрёл этот инструмент. Но эта лютня являлась любимой игрушкой правителя, и Бив Ланпбив своим искусством настолько заискивал перед

Опойоллаком, что ему не нужно было кланяться. Поэтому, пока диссонансы лютни касались окаменевших деревьев, служивших столбами в зале, Бив рассказывал:

— О благодетельный, я проходил через Улицы Удовольствия и собирался покинуть их с северной стороны, когда встретил толпу местных жителей. От вашего имени я призвал их отойти в сторону, что, конечно, они сделали быстро; но всё же я заметил, что люди жались к ульям на той стороне улицы, подальше от входа в подземелье. Под зелёными лучами Йифне мне показалось, что в проходе что-то движется, но не мог различить что именно. Когда я подошёл поближе, то увидел следы неизвестного существа. Кажется, нечто, обладавшее множеством конечностей, появилось из подземелья и затем вернулось обратно. Я повернулся к тому, что лежало на земле, но тут я мало что мог сделать. Похоже, это была чёрная бескостная масса, затоптанная в землю, длиной больше чем яркдао во весь рост, и эта масса кишела насекомыми. «Что это за помёт? — Крикнул я от вашего имени. — Кто осквернил улицу?», Из-за одной из зарешеченных дверей послышался женский голос, сообщивший, что это месиво на улице недавно было мужем одной из них.

— Несомненно, это месть колдуна, — высказал Опойоллак своё мнение, но нахмурился. — Тем не менее, только я обладаю властью в Дерде, а не кто-то другой. Ступай, отправь шпионов и поспеши сообщить мне побольше таких историй.

Проходили дни, и Опойоллак продолжал ходить в зал музыки, где он пытался извлечь из своих инструментов мелодии, которые ранее при жизни пели забальзамированные певцы, подвешенные теперь на деревьях. Но у правителя ничего не получалось, и каждый день до него доходили новые слухи о неизвестной опасности, которая преследовала жителей города. Наконец, Бив Ланпбив снова взял лютню и рассказал Опойоллаку о своём расследовании.

— О добрый тиран, кажется очевидным, что из подземелья выбрался забытый монстр. Многие говорили о призраке, который появляется из проходов и прыгает на свою добычу из тени. Вы должны знать, что те отверстия, из которых он выбирается на охоту, оказываются всё ближе и ближе к вашему дворцу, и что есть одно, расположенное рядом с вашими воротами. Единственное, что мы можем сделать — это попросить совета у защитников нашего мира, Сфер Хаккту.

— На этот раз твоя мудрость равна моей, —

сказал Опойоллак. — Тогда иди и посоветуйся с ними.

— Сжальтесь, только не я, — завопил Бив Ланпбив, побледнев, — вряд ли они проявят снисходительность к моим жалким речам. Они раздавят меня; только у вас есть язык для общения с ними.

Опойоллака беспокоило то, что его отношение к городу Дерд может не найти поддержки у неумолимых Сфер, но он нехотя признал, что его управляющий действительно не справится с этой задачей. Поэтому он приготовился, надев мантию, похожую на шкуру из зеркал для похода по пустыне, и вышел из зала. Оглядываясь назад, Опойоллак увидел, как Бив Ланпбив о чём-то размышляет среди чёрных ветвей и бледных безмолвных певцов в зале.

Медленно Опойоллак прошёл среди невысоких особняков, поглощённых сиянием его дворца, а затем между коричневыми ульями более бедного квартала. Мало кто из яркдао попадался ему на глаза, он не слышал караваны торговцев, и, казалось, повсюду зияли входы в подземелья. Наконец, недалеко от края города, Опойоллак подошёл к одному из отверстий. Тёмные шершавые стены уходили далеко вглубь, во мрак,

капли влаги блестели в тени. На границе полной темноты Опойоллак увидел чей-то образ в нише; правитель разглядел туловище без конечностей, увенчанное изогнутой, уродливой головой, плоской, как у змеи; её широкий рот и глубоко посаженные глаза застыли в бессмысленной улыбке. Правитель вспомнил смутные легенды, возникшие во времена постройки Дерда, но лишь пожал плечами и поспешил в пустыню.

Он уже видел на фоне ослепительно белого песка разбитые тотемные столбы, обозначающие путь к Хаккту. Опойоллак добрался до столбов и двинулся по тропе из оплавленного и трескающегося песка, и пока он быстро шёл, пустыня слепила ему в глаза. Вскоре ему стало трудно различать своё окружение, а также убеждать себя в реальности того, что он видит. Однажды правителю померещилось, что из разрушенного янтарного купола на горизонте выскочили тонкие изодранные фигуры и жадно поманили его, а спустя некоторое время он увидел огромную зубчатую голову, изо всех сил пытающуюся поднять своё тело из песка.

Наконец, тропа пошла под наклон, и Опойоллак понял, что приближается к Хаккту. Он сделал паузу, чтобы стряхнуть с лица пыль и пот,

и зеркала нестерпимо вспыхнули на его руках. Через некоторое время он разглядел в вездесущей белизне гигантское облако пыли, которое непрерывно вздымалось из какой-то впадины в пустыне. Опойоллак призвал к себе всю силу своего языка и поспешил вниз по неустойчивой дорожке, чтобы встать у края впадины.

Он словно чувствовал, как катятся огромные ржавые поверхности в беспокойном песочном облаке, сиявшем ярче, чем его дворец. Наконец, он услышал тихий непрерывный грохот, похожий на размышления металлического колосса. Опойоллак упал ниц, выкрикивая ритуальное заклинание, и обратился к Сферам.

— О нестареющие Сферы, что движутся с момента возникновения Тонда и которые до рождения моего бедного мира были рады прокатиться по невообразимым глубинам космоса, по самым большим и мудрым планетам, услышьте моё прошение! Знайте, что чудовище восстало из подземелий под Дердом и оно жаждет власти над миром, что принадлежит только вам!

Последовали минуты молчания, затем Опойоллак осмелился взглянуть на Хаккту. После чего он вновь пригнулся к земле, поскольку увидел гигантский ржавый рот, раскрывшийся в пыли

над ним. Сначала Опойоллак услышал только шёпот пыли, но затем над ним раздался голос, похожий на скрежет громоздких шестерёнок.

— Ты хорошо сделал, что донёс эту новость до разума Хаккту. Слушай внимательно наше распоряжение. У нас, Сфер, имелся лабиринт под пирамидами, созданный, чтобы запереть аватара Азатота, скрывавшегося внизу. И всё же мы знали, что тот, кто гниёт там, должен однажды запомнить все ходы в лабиринте, пусть даже на это уйдут тысячелетия, и аватар выйдет наружу, чтобы принести на Тонд хаос. Поэтому, мы создали дополнительную защиту. Теперь отправляйся в подземелье, касаясь стен на расстоянии вытянутой руки, и свет будет охранять, и защищать тебя. Над ямой в самом глубоком склепе есть в стене рычаг. Потянув его, ты сдержишь аватара Азатота. Теперь иди и не бойся.

Когда Опойоллак снова поднял голову, он увидел только клубы пыли; и поэтому отправился обратно через тускнеющую пустыню к Дерду. Молчание пустыни проникло и в город, Опойоллак не встретил ни одного человека на улицах. Двери в ульи и особняки пребывали без охраны, и Опойоллак увидел, что его город опустел.

Пока ветер из пустыни тихонько пел в рако-

винах, прикрывающих его дворец, Опойоллак проклинал предателей и помышлял сбежать. Затем перед ним предстала грустная картина — дворец оказался разграблен и заселён существами из окружающей город пустыни. Рядом зиял вход в подземелье. Опойоллак подошёл к нему и, протянув трясущуюся руку, коснулся внутренней стены. Едва он сделал это, как из-под его пальцев вырвалась полоса света. Она понеслась вдоль стены во тьму. Это был тёплый свет, похожий на огонь полуночных костров в пустыне, и поэтому Опойоллак доверился божественной защите и направился в подземелье.

Казалось, что он шёл несколько часов. Стены были изрыты, как древняя плоть, по которой катился чёрный пот. Время от времени пол резко опускался, и Опойоллак скользил по дорожке света под низко нависающим потолком из чёрного камня. Часто проход превращался в развилки, и свет не позволял увидеть другие тоннели, где толпились тени, кивая в сторону правителя, а светящаяся дорожка мчалась дальше. Однажды, далеко в поперечном проходе, Опойоллак увидел большое плоское пятно, среди которого, казалось, мерцало лицо преступника, отправленного им ранее в подземелье. Иногда свет пронизывал гла-

за трупов, стоявших в нишах, подобно мрачным слугам; иногда свет тревожил скопления круглых бледных фигур, поспешно удалявшихся в стены; иногда он прыгал через устья других проходов, слабо освещая промозглые глубины, и Опойоллак в панике бежал за светом.

Много времени прошло с тех пор, как Опойоллак перестал считать ответвления, и вот он остановился на развилке. От ковыляния его ног в подземелье воцарилась тишина, и всё же Опойоллак мог поклясться, что слышал, как в коридорах, которые он только что покинул, послышался долгий, бесплотный вздох. Всё его тело качалось, как у напуганной рыбы. Однако звук не повторился, и через некоторое время Опойоллак поспешил дальше за полосой света, ведущей его вперёд.

Через несколько минут он снова услышал чьё-то дыхание в неосвещённом коридоре слева. Теперь оно звучало громче, и Опойоллак в ужасе вглядывался в беспросветные глубины, где с потолка капала невидимая вода. И снова он поспешил за полосой света, которая изгибалась всё дальше и дальше. Опойоллак чувствовал головокружение и клаустрофобию, ему казалось, что он попал в гигантскую подземную раковину из камня. Он бежал, голова его плыла, и внезапно

перед его глазами вспыхнул свет. Опойоллак, наконец-то, достиг центра лабиринта.

Полоса света вышла из туннеля и кружилась в куполообразной комнате. Смесь пыли и влаги стекала по её стенам, а с потолка свисали дрожащие капли. Внутри петли света правитель увидел круглый колодец, его обод треснул и покрылся грязью, а с другой стороны колодца, прямо напротив выхода, где остановился Опойоллак, из стены торчал ржавый рычаг.

Поколебавшись, Опойоллак вошёл в комнату. Проход между стенами и колодцем был достаточно широким, чтобы Опойоллак мог добраться до рычага, но он не мог заставить себя заглянуть в колодец. На самом деле он шёл с полузакрытыми глазами, и, дотянувшись до рычага, правитель потянул его вниз.

В течение нескольких секунд Опойоллак не слышал никаких звуков и не видел каких-либо признаков, что от движения рычага что-то изменилось. Затем из глубины колодца до него донеслось громкое клокочущее дыхание.

Опойоллак посмотрел вниз. Глубоко в сером колодце с ржавыми стенками стояла фигура. В тусклом свете Опойоллак воспринимал её как колоссальную версию изваяния, охранявшего вход

в подземелье — туловище без конечностей, на котором располагалась плоская голова, как у рептилии, растянутый рот в бессмысленной улыбке. Бусинки грязи струились по лицу статуи, а с её губ свисала паутина. Опойоллак присмотрелся, ему показалось, что на веках статуи лежат тусклые капли влаги. Затем он понял, что это не так: сами глаза статуи открылись и смотрели на него.

Правитель закричал от ужаса и, прижимая руки к стене за своей спиной, начал отступать к выходу. Тут он увидел, что на плечах фигуры в колодце формируются серые почки. Опойоллак находился уже в нескольких шагах от выхода, когда почки внезапно распухли, и из них выскочили длинные узловатые пальцы. Когда он достиг прохода, огромные, бескостные руки разной длины отделились от плеч и поднялись из колодца.

Крича, спотыкаясь, падая на стены, Опойоллак мчался через туннели. Он выбрался из центральной спирали и, притянутый непоколебимым светом, направился вперёд. Его не преследовали звуки, но в параллельных коридорах он замечал тусклые серые фигуры, которые, казалось, двигались с такой же скоростью, как Опойоллак.

В конце концов, он остановился, задыхаясь. Из

развилки, на которой он стоял, несколько проходов вели в подземную черноту; но нить света оставалась с правителем, готовая направлять его. Он прислонился к стене, чтобы собраться с силами, и зеркала на его мантии глухо загремели. Затем в тёмном коридоре напротив себя он увидел движение, похожее на быстрое разворачивание бледного гриба. Опойоллак повернулся, чтобы убежать, и заметил, что в проходе, из которого он недавно вышел, погас свет, и к нему потянулась серая скребущая рука. Когда он попятился, рука двинулась к развилке, и подобно слизи стёрла полосу света. Душу Опойоллака вывернуло наизнанку, пока он смотрел, как две руки без тела ощупывают развилку; они растягивались во тьме. Правитель вскрикнул и убежал.

Наконец, он вырвался на улицы Дерда. На мгновение он обернулся, чтобы взглянуть на свой дворец; затем побежал к пустыне по извилистым улицам, которые приобрели теперь зеленоватый оттенок. Тут Опойоллак понял, что освещение и тишина слишком подозрительны; и, посмотрев наверх, он увидел причину этого. Сферы Хаккту следовали своему долгу. Действие рычага действительно остановило аватара Азатота; ибо огромный прозрачный купол накрыл весь город

Дерд.

Опойоллак стучал кулаками по стене купола, выкрикивая проклятия в адрес своего народа, в адрес Сфер Хаккту и мерзости из подземелий. Но купол не отвечал на его мольбы; и пока Опойоллак бросался всем телом на прозрачную поверхность, две огромные тени рук разной длины поднялись к куполу, а потом спустились к правителю.

Такова легенда, что рассказывают по ночам Сферы Хаккту, которым была поручена защита планеты Тонд.

Перевод: А. Черепанов

Рэмси Кэмпбелл
Буксировка

Ramsey Campbell «The Tugging», 1974

I

Когда Ингельс проснулся, он сразу понял, что опять видел сон. На краю его сознания возник образ, воспоминание, слабое, но настойчивое; Ингельс пытался ухватиться за него, но оно исчез-

ло. Он выпрыгнул из помятой постели. Хилари, должно быть, ушла в библиотеку несколько часов назад, оставив ему остывший завтрак. За окном Ингельс увидел холодное, глянцево-голубое небо, на стекле таял иней.

Сон продолжал мучить его. Он позволил образам теребить свой мозг, надеясь, что мучения сами по себе превратятся в воспоминания. Он медленно одевался и медленно ел, чтобы память наверстала упущенное. Но его настойчивость ничего не дала, с таким же успехом можно было вспоминать о выдернутом зубе. Сквозь стену он слышал голос радиодиктора в соседней квартире, его интонации резко менялись, как будто диктор преодолевал барьеры, полностью блокирующие его слова. Они неуклюже жужжали в голове Ингельса. Он быстро, раздражённо умылся и поспешил на улицу.

И обнаружил, что не может смотреть на небо. Его шею словно охватила сильная судорога, заставляя его голову опуститься. Вокруг него женщины катили коляски, в которых дети и продукты сражались за своё место; в переулках играли собаки, автобусы дрожали на остановках, испуская клубы дыма. Но Ингельса прижимало к земле прозрачным, довольно водянистым, си-

ним пространством, на которое он даже не мог поднять глаза, ощущая невыносимое напряжение. Как будто спокойное небо растягивалось и готовилось расколоться на части, чтобы Ингельс осознал, наконец, свой страх.

Автобус затормозил, издав долгий, мучительный, скребущий визг. Когда Ингельс пришёл в себя от охватившего его ужаса, он уже не боялся. Он побежал к автобусу, когда в него забирался последний пассажир. «Действительно, я боюсь неба, — подумал Ингельс, — мне нужно ещё поспать. Если понадобится, приму снотворное». Его глаза словно плавали в негашёной извести.

Он сидел среди кашляющих людей, едущих домой с покупками. Через проход, фыркая, как лошадь, какой-то мужчина качал головой, глядя на табачный дым. Женщина с тремя сумками бросилась на сиденье, успокаивающе похлопала по ним и закрыла окно, что оставила открытым предыдущая пассажирка. Ингельс порылся в своём портфеле. Он обнаружил, что оставил дома одну из записных книжек. Он пролистал заметки для своей колонки, держа их на портфеле. «Интересно, понимает ли парень, с которым я сражаюсь, мой стиль? Чемпион мира по эгоизму», — упрекнул Ингельс сам себя, прикрывая

рукой записи. «Не волнуйся, он не украдёт авторские права», — усмехнулся он, отдёргивая руку. Ингельс убрал записи обратно в портфель. Они выглядели такими же мутными, как и он сам.

Он обвёл взглядом автобус, низко стелющийся табачный дым, ряды голов, похожих на парики, и остановился на заголовке в газете, которую читал мужчина, сидящий перед ним.

СОЛНЕЧНАЯ СИСТЕМА НА БУКСИРЕ?

Шесть месяцев назад астроном-любитель написал нам предупреждение, что некая планета может опасно приблизиться к Земле.

КОММЕНТАРИЙ КОРОЛЕВСКОГО АСТРОНОМА: «ЧРЕЗВЫЧАЙНО ПУСТАЯ БОЛТОВНЯ».

Теперь ведущие астрономы мира согласились предоставить нам факты.

СЕГОДНЯ МЫ РАССКАЖЕМ ВСЁ в эксклюзивном интервью.

Пассажир перевернул страницу и перешёл к тексту, напечатанному мелким шрифтом. Ингельс снова откинулся на спинку сиденья, вспоминая, как полгода назад «Вестник», полу-

чил копию этого письма. Они не опубликовали его, и редактор, отвечающий за корреспонденцию, с сожалением посмотрел на Ингельса, когда тот предложил им, по крайней мере, следить за этой историей.

— Полагаю, вы, люди искусства, нуждаетесь в воображении, — сказал он.

Ингельс криво усмехнулся, гадая, как его начальство отнесётся к этой статье в сегодняшнем выпуске. Он наклонился вперёд, но мужчина уже добрался до комментария редакции: *«Даже если его целью было предотвращение паники, разве мы платим Королевскому Астроному за то, чтобы он говорил нам вещи, которые многие считают ложью?»*

Ингельс выглянул в окно. Мимо мелькали офисы, столы с мерцающими дисплеями и сидящими возле них людьми, затем перспектива резко изменилась — автобус мчался вниз по переулкам, вызывая у Ингельса ощущение падения как во сне; затем он увидел ещё больше дисплеев. По мере того как автобус набирал скорость, приближаясь к окраине Брайчестера, офисов становилось всё меньше и меньше. «Почти добрался», — подумал Ингельс, но тут же сообразил, что проехал мимо здания «Вестника»,

три остановки назад, и быстро вскочил с сиденья. На секунду ему показалось, что он знает, куда направляется. «Что с того?», — лихорадочно думал он, выходя из автобуса, и круги вокруг его глаз горели ржавчиной. Но, оказавшись на улице, он тут же всё позабыл: теперь он не мог представить, что ему понадобилось в этом районе.

«ВЕСТНИК БРАЙЧЕСТЕРА. ВЕЧЕРНИЙ ГОЛОС БРАЙЧЕСТЕРА», — стальные буквы (две трети от хайку, думал Ингельс, пока не привык к этой вывеске) цеплялись за кирпичи над его головой. В фойе было тихо. Интересно, сколько времени пройдёт, прежде чем типографские прессы начнут громко стучать, сводя на нет звукоизоляцию? Недолго, а ведь Ингельсу нужно было написать свою колонку.

Его разум стал плоским и пустым, как лифт. Он оцепенело брёл по стометровому офису с открытой планировкой, мимо мелькающих за стеклом голов, персонифицированных в пластмассе.

Одни головы быстро отворачивались, другие смотрели, третьи улыбались. «Боже мой, я даже не знаю их имён», — подумал Ингельс о некоторых.

— Привет, Мойра, — сказал он. — Как дела, Берт?

Зазвонили телефоны, люди брали трубки и что-то отвечали, их голоса шаловливо запрыгали по полу. Репортёры расхаживали по проходам. Запахи дезодоранта, пота и чернил, потрёпанная бумага, суета пишущих машинок, поспешные беспокойные конференции.

Берт шел за Ингельсом к его столу.

— Не жди своего личного бюллетеня, — сказал Берт, бросая на стол листок из телефакса. — Последний отчёт о твоей блуждающей планете.

— Только не говори, что я тебя, наконец, убедил.

— Никаких шансов, — ответил Берт, отступая. — Просто чтобы ты не начал переворачивать всё вверх дном.

Ингельс читал лист, размышляя: «Я мог бы сказать им это полгода назад». *«Американцы признали, что беспилотный зонд уже в пути, чтобы сфотографировать странника».* Ингельс опёрся локтем о стол и закрыл глаза. На фоне беспокойных пятен света он почти увидел то, что ему снилось. Он вздрогнул в замешательстве; шум газет излился на него. «Хватит», подумал Ингельс, разбирая свои записи.

Он напечатал телевизионную рецензию — о хорошей пьесе из Бирмингема, о том, когда мы

увидим студию в Брайчестере — и передал её Берту. Затем он рассеянно порылся в бумагах, скопившихся за день на столе. «На этой неделе мне надо навестить родителей. Это может немного снять моё напряжение». Ингельс перевернул коричневый конверт. Билет для прессы, продуманные красивые надписи: выставка ассоциативной живописи — новый примитивизм и сюрреализм. «Тьфу, — подумал он, — о чём можно говорить с сюрреалистами?», Частная выставка сегодня днём. Что означает сейчас.

— Завтра у тебя будет обзор местных художеств, — сказал он Берту, показывая билет, и вышел.

Как только Ингельс покинул здание редакции, его разум закачался, как сломанный компас. Небо снова показалось ему хрупким стеклом, готовым треснуть, и когда он попытался стряхнуть с себя наваждение, то обнаружил, что приближается к окраине Брайчестера. Некая женщина отпрянула от журналиста, когда он резко остановился.

— Извините, — крикнул он ей вслед. «Что бы ни находилось в том направлении, это не шоу, на которое меня пригласили. Но что-то там должно быть. Может быть, я ходил туда, когда был молод. Посмотрю, когда смогу. До того, как буду ходить

там во сне».

Хотя Ингельс мог бы доехать до Нижнего Брайчестера, где проходила выставка, на автобусе, он отправился пешком. «Проветрить голову, может быть, если я не под кайфом от бензина». Небо было тонким и голубым, больше ничего особенного, пока. Ингельс помахал портфелем. «Никогда не слышал об этих художниках раньше. Кто знает, может, они и хороши».

Он не был в Нижнем Брайчестере уже несколько месяцев и его ошеломила заброшенность этого района. Собаки громко скреблись в выбитых витринах магазинов, вырванный с корнем фонарь лежал поперёк дороги, вспученная земля была усеяна выпотрошенными матрасами, их внутренности слабо трепетали. Ингельс миновал дома, где одно окно было заделано кирпичами, а другое всё еще открыто и занавешено шторой. Он проверил свой билет. «Хотите верьте, хотите нет, но я на правильном пути».

Вскоре он достиг полностью заброшенных улиц. Здесь не было ничего, кроме Ингельса, зияющих домов и неровных тротуаров, небосвода, его одиноких шагов; город выглядел подавленным и тихим. Дома стояли плечом к плечу, рёбра открывались в небо, фасады из красного кирпи-

ча обнажали клочки разбитых стен и лестниц. Ингельс испытывал скрытое сочувствие к этой заброшенной местности, её безразличию ко времени. Он замедлил шаг. «Прогуляюсь немного. Частная выставка будет открыта ещё несколько часов. Расслабься». Он сделал это и почувствовал, как какой-то иррациональный импульс умоляет его.

«А почему бы и нет», — подумал он. Ингельс огляделся вокруг: никого. Тогда он побежал по пустынным улицам, опустив руки, почти касаясь пальцами земли. «Унга бунга, — подумал он. — Полагаю, это один из способов подготовиться к встрече с дикарями».

Он обнаружил, что его поведение коснулось памяти; возможно, память была его источником. Фигура, бегущая через руины, где-то рядом. Своего рода доказательство мужественности. «Но руины не являлись пустынными улицами города, — думал Ингельс, пока бежал вприпрыжку. — Просто плоские блоки из чёрного камня, в которых зияли квадратные окна. Заброшенные задолго до этого, но вряд ли пострадавшие от времени. Фигура, что бежала по узкой тропинке мимо каменных строений, не глядя на окна».

Облака ползли по небу, темнота заполняла

улицы вокруг Ингельса. Он бежал, стараясь не смотреть на дома, позволяя им слиться с воспоминаниями, которых они касались. Всё становилось яснее.

«Тебе пришлось бежать всю дорогу по одной из каменных дорожек. По любой из них, потому что перекрёстков не было, только прямой непрерывный путь. Ты должен был бежать быстро, прежде чем что-то в окнах заметит тебя, подобно тому, как плотоядное растение замечает муху. Последняя часть забега была хуже всего, потому что ты знал, что в любой момент что-то появится во всех окнах сразу: существа, которые, хоть и имели рты, но не имели лиц». Ингельс неожиданно споткнулся и замер, разглядывая пустые окна домов. «Что это было? — рассеянно думал он. — Как один из тех снов, что я видел, которые казались такими яркими. Конечно, так оно и должно быть. Эти улицы напомнили мне одну из тех, что я видел во сне». Но Ингельсу почему-то казалось, что это воспоминание гораздо старше его сна. «Из утробы, без сомнения», — сердито крикнул он, обращаясь к своему колотящемуся сердцу.

Дойдя до выставки, он прошёл мимо неё. Вернувшись, он взглянул на адрес в билете. «Боже мой, вот она». Две улицы с грязными террасными

домами, что сдавались в наём, располагались рядом; на входной двери одного из них Ингельс увидел надпись, которую он сперва принял за граффити. Она гласила: «Лаборатория искусств Нижнего Брайчестера». Ингельс вспомнил, как и когда происходило открытие этого заведения в прошлом году, приглашения на данное мероприятие прибыли через два дня. Проект, который он описал после торопливого телефонного интервью, выглядел совсем не так. «Ну что ж», — подумал Ингельс и вошёл в дверь.

В холле у стойки регистрации ползали два клоуна с детьми на своих спинах. Одна из девочек подбежала к стойке и посмотрела на Ингельса снизу вверх.

— Ты знаешь, где тут выставка? — спросил он.

— В заднице, — хихикнула она.

— Второй этаж, — сказал один из клоунов, который, как понял Ингельс, был местным загримированным поэтом, что гонял детей в отдельную комнату, полную надувных игрушек.

Второй этаж представлял собой лабиринт из фанерных перегородок в металлических рамах. На перегородках висели картины и эскизы. Когда Ингельс вошёл, его окружило с полдюжины человек, все художники, кроме одного, который

пытался разжечь ладан в огнеупорном конусе. Чувствуя себя в меньшинстве, Ингельс пожалел, что не добрался до лабиринта.

— Вы только что разминулись с парнем из «Радио Брайчестера», — сказал один из художников.

— Вы собираетесь говорить со всеми нами, как он? — спросил другой.

— Вам нравится современное искусство?

— Хотите кофе?

— Оставьте его в покое, — вмешалась Аннабель Прингл; Ингельс узнал её по фотографии на обложке каталога. — Видите ли, они новички на выставках, и вы не можете их винить. Я имею в виду, что всё это шоу — моя идея, но их энтузиазм. Теперь, если хотите, я могу объяснить вам наши принципы, или вы можете прочитать о них в каталоге.

— Выбираю последнее, спасибо, — Ингельс поспешил в лабиринт, открывая печатный каталог. 1. Ребёнок с ушной трубой. Картина под номером 2: Без названия. 3: Человек, сующий свой нос в мусорную корзину — без названия. 4: Без названия. 5, 6, 7… «Ну, их картины, конечно, лучше, чем их проза», — подумал Ингельс. Благовония расплывались перед ним. Играющий ребёнок, наполовину погрузившийся в озеро. Почернев-

ший, с зеленоватым оттенком город поднимался из моря. Крылатый цилиндр, скользящий над джунглями. Внезапно Ингельс резко остановился и повернулся к предыдущей картине. Он был уверен, что видел её раньше.

22: Атлантида. Но это была не та Атлантида, которую он видел на картинах. Техника рисования выглядела грубой и довольно банальной, очевидно, одной из примитивных, но Ингельс обнаружил, что она затрагивает образы, похороненные где-то в его подсознании. Покосившиеся каменные плиты казались огромными, море лилось с их поверхности, как будто оно только что триумфально ворвалось в поле зрения. Подойдя ближе, Ингельс вгляделся в темноту внутри каменной плиты, пытаясь разглядеть что-то находящееся за открытой дверью. Если из-за скалы виднелись очертания бледного лица, его владелец должен был выглядеть огромным. «Если бы он был», — подумал Ингельс, отстраняясь, — но почему он чувствует, что кто-то должен находиться за дверью?

Обойдя всю выставку, он попытался спросить о картине, но Аннабель Прингл остановила его.

— Вы понимаете, что мы подразумеваем под ассоциативной живописью? — спросила

она. — Позвольте мне объяснить. Мы выбираем первоначальную идею случайными средствами.

— А? — спросил Ингельс, рисуя каракули в своем блокноте.

— На основе случайности. Мы используем И-Цзин, как Джон Кейдж. Американский композитор, он изобрёл этот метод. Как только у нас появляется идея, мы, молча, ассоциируемся с ней, пока у каждого из нас не возникнут свои мысли, которыми, по их ощущению, надо поделиться с другими. Эта выставка основана на шести первоначальных идеях. Вы можете увидеть разнообразие.

— Действительно, — прокомментировал Ингельс. — Когда я сказал «а…», я сделал это за обычных читателей нашей газеты, понимаете? Слушайте, меня особенно заинтересовал номер 22. Я хотел бы знать, как возникла эта картина.

— Это моя, — заявил один молодой человек, вскакивая, как будто он был самим Хаусом.

— Суть нашего метода, — продолжала Аннабель Прингл, глядя на художника, — состоит в том, чтобы стереть из памяти все ассоциативные цепочки, оставив только нарисованный образ. Конечно, Гив не помнит, что заставило его написать эту картину.

— Нет, конечно, — тупо повторил Ингельс. — Это не имеет значения. Спасибо. Спасибо всем большое.

Он поспешил вниз, мимо взмокшего клоуна, на улицу. На самом деле это не имело значения. Воспоминание прорвалось сквозь его бессонницу. Во второй раз за день он понял, почему что-то показалось ему знакомым, но на этот раз более тревожным. Десятилетия назад ему самому снился тот город на картине.

II

Ингельс выключил телевизор. Когда точка света исчезла во тьме, в его голове возник образ сияния, улетающего в космос. Затем он увидел, что сияние исчезло не в темноте, а в отражении Хилари, которая наклонилась вперед из плетёного кресла-качалки рядом с ним, собираясь о чём-то заговорить.

— Дай мне пятнадцать минут, — сказал он, делая заметки для своей статьи.

В телевизионной программе показывали возмущения, вызванные блуждающей планетой на орбитах Плутона, Нептуна и Урана, и закончили указанием на то, что планета теперь отклоняется от Солнечной системы; её влияние на орбиту

Земли будет незначительным. Фотографии с космического зонда обещали показать общественности в течение нескольких дней. Несмотря на свою холодную научную ясность (писал Ингельс) и, возможно, не намереваясь этого делать, программа сумела передать ощущения предчувствия, вторжения и вмешательства в движение привычного для нас неба.

— Мне они ничего не передали, — сказала Хилари, заглядывая через плечо Ингельса в его записи.

— Это печально, — ответил он. — Я собирался рассказать тебе о своих снах.

— Не надо, если я их тоже не понимаю. Разве мне нельзя критиковать тебя сейчас?

— Прости. Давайте начнём сначала. Просто позвольте мне рассказать несколько вещей, что произошли со мной. Я думал о них весь день. Некоторые из них даже тебе придётся признать странными. Выпьем кофе, и я расскажу тебе о них.

Когда Хилари принесла кофе, Ингельс подождал, пока она не подалась вперёд, готовая погрузиться в свои мысли; длинные мягкие, чёрные пряди волос коснулись её подбородка.

— В детстве я видел много снов, — начал Ин-

гельс. — Это не обычные детские сны, если таковые существуют как отдельный вид. Я запомнил один сон, об огромных облаках материи, плавающих в космическом пространстве и очень медленно формирующихся во что-то. Я имею в виду очень медленно… Я проснулся задолго до того, как они достигли своей цели, но во сне я знал, что у этого существа будет лицо, и мне очень хотелось проснуться. Затем был ещё один сон, где меня несли через какую-то сеть из света, всё дальше и дальше через перекрёстки. И это, казалось, длилось много дней, пока я не оказался на краю этой гигантской паутины из световых дорожек. И я боролся за то, чтобы остановить своё движение, потому что знал, что за светом скрывалось что-то старое, тёмное и бесформенное, что-то высохшее и злое, но я не мог выяснить, что. Я слышал, что оно шуршит, как старый сушёный паук. Знаешь, как я понял, что это была за паутина? Она оказалась моим мозгом, я гнался вдоль своей нервной системы к мозгу. Ладно, оставим это для психологов. Но в этих снах случались странные вещи — я имею в виду, помимо всего этого. Они всегда начинались одинаково и всегда примерно в одно и то же время месяца.

— В ночь полнолуния? — спросила Хилари,

прихлёбывая кофе.

— Как ни странно, да. Не волнуйся, я не вырастил полуночную тень или что-то в этом роде. Но некоторые люди чувствительны к полнолуниям, это достаточно хорошо задокументировано. И я всегда начинал с того, что видел во сне полную луну над водой, далеко посреди океана. Я мог видеть отражение, лежащее на воде, и через некоторое время я всегда приходил к выводу, что это вовсе не луна, а огромное бледное лицо, выглядывающее из-за океана, и меня охватывала паника. Затем я терял способность двигаться и знал, что полная луна вытягивает что-то из глубин океана, пробуждая его. Я чувствовал, как во мне нарастает паника, и когда она достигала предела, — я оказывался в следующем сне. Так происходило каждый раз.

— А твои родители не знали? Разве они не пытались выяснить, что случилось?

— Не понимаю, что ты имеешь в виду под случившимся. Но да, в конце концов, они узнали, когда я им рассказал. Это было после того, как мне пришло в голову, что мой отец мог бы объяснить мои сны. Мне тогда было одиннадцать, и у меня иногда возникали странные ощущения, вспышки интуиции, предчувствия и так далее, а иногда я

обнаруживал, что и отец чувствует то же самое.

— Я знаю всё о чувствах твоего отца, — сказала Хилари. — Больше, чем он знает о моих.

Вскоре после того, как они встретились, Ингельс отвёл её к своим родителям. Она чувствовала, что его отец был слишком чопорно вежлив с ней, и когда она перекрестно допрашивала Ингельса, он, в конце концов, признал, что его отец чувствовал, что она не подходит ему, не сочувствует ему.

— Ты хотела, чтобы я поведал тебе о своих снах, — продолжил он. — Я рассказал отцу о «морском сне», и понял, что он чего-то недоговаривает. Моя мать заставила его рассказать мне. Её отношение ко всему этому было таким же, как и у тебя, но она сказала моему отцу, чтобы он покончил с этим, он должен будет когда-нибудь всё рассказать мне. Поэтому он объяснил, что иногда он видел те же сны, что и его собственный отец, не зная почему. В детстве ему приснилось несколько таких же снов, что и мне, это продолжалось до одной ночи в середине двадцатых, кажется, он говорил о начале 1925 года. Потом ему приснился город, поднявшийся из моря. После этого он больше никогда не видел снов. Что ж, может быть, услышав это, я почувствовал облегчение, потому

что в следующий раз мне тоже приснился город.

— Тебе снился город, — сказала Хилари.

— Тот самый. Я рассказал отцу об этом сне на следующее утро, подробности, о которых он мне не говорил, были одинаковыми в обоих наших снах. Я смотрел на океан, на то же место, что и всегда. Не спрашивай меня, откуда я знаю, что оно всегда одно и то же. Я знал. Некоторое время я наблюдал за отражением Луны на воде, потом увидел, что она дрожит. В следующее мгновение из океана поднялся остров с шумом, как у водопада, даже громче, громче всего, что я когда-либо слышал во время бодрствования; я действительно чувствовал боль в ушах. На острове находился город из огромных, зеленоватых блоков, покрытых водорослями, и вода стекала с них. А грязь кипела от выброшенных на берег существ, что задыхались и лопались. Прямо передо мной, надо мной и подо мной была дверь. Из неё сочилась грязь, и я знал, что огромное бледное лицо, которого я боялся, находится за этой дверью, готовясь выйти, открывая глаза в темноте. Я проснулся, и это был конец сна. Скажи, что это были всего лишь сны, если хочешь. Тебе будет легче поверить, что мы с отцом делились ими телепатически.

— Ты прекрасно знаешь, — сказала Хилари, — что я ничего такого не думаю.

— Нет? Тогда как тебе это? — резко заявил Ингельс. — На выставке, которую я сегодня посетил, имелась картина о нашем сновидении. И её нарисовал не я и не мой отец.

— И что это значит? — воскликнула Хилари. — Что ты имеешь в виду?

— Ну, сон, который я так живо помню после стольких лет, стоит того, чтобы о нём подумать. И эта картина предполагает, что она гораздо более объективно реальна.

— Значит, твой отец читал об этом острове в каком-то рассказе, — сказала Хилари. — Как и ты, как и художник. Что ещё ты можешь предложить?

— Ничего, — сказал Ингельс, наконец.

— Так что за странные вещи ты собирался мне рассказать?

— Это всё, — ответил он. — Только картина. Больше ничего. Действительно.

Хилари выглядела несчастной, немного пристыженной.

— Ты мне не веришь? — спросил он. — Иди сюда.

Когда коврик из овчины присоединился к их

ласкам, она сказала:

— Мне действительно не нужно быть твоим экстрасенсом, не так ли?

— Нет, — ответил он, ощупывая её ухо языком, заставляя её приготовиться. Выключив на ходу стальные лампы на изогнутых ножках, Хилари повела Ингельса через квартиру, словно катая за собой магазинную тележку; они засмеялись, когда автомобильные фары осветили Мерси-Хилл и на мгновение — их руки. Они добрались до хрустящей постели и вдруг не смогли продолжить игру. Она обнимала его, пытаясь втянуть его глубже и глубже, мягко притираясь, Ингельс же пытался грубо оттолкнуть Хилари, чтобы заставить её вернуться с удвоенной силой. Они возвышались надо всем, кроме друг друга, задыхаясь. Он почувствовал, что поднимается в воздух, и закрыл глаза.

И стал падать в водоворот плоти, в огромную, почти неосвещённую пещеру, потолок которой, казалось, находился так же высоко над ним, как и небо. Ему предстояло ещё долгое падение, и он мог различить под собой движения огромных пузырей и верёвок из плоти, глаз, что раздувались и расщеплялись, гигантских тёмно-зеленых форм, лениво карабкающихся одна на другую.

— Нет, Господи, нет! — беспомощно воскликнул Ингельс. Он тяжело опустился на Хилари.

— О Боже, — сказала она. — Что ещё случилось?

Ингельс лежал рядом с ней. Потолок над ними дрожал от отражённого света. Всё выглядело соответственно его ощущениям. Он закрыл глаза и почувствовал тёмное спокойствие, но не мог долго удерживать глаза закрытыми.

— Всё в порядке, — сказал он. — Есть ещё кое-что, чего я тебе не сказал. Я знаю, ты беспокоишься о том, как я выгляжу в последнее время. Я говорил тебе, что это недостаток сна, и так оно и есть, но это потому, что я снова начал видеть сны. Это началось около девяти месяцев назад, как раз перед тем, как я встретил тебя, и я вижу их всё чаще, один или два раза в неделю. Только на этот раз я никогда не могу вспомнить, что мне снилось, возможно, потому, что я так долго не видел снов. Я думаю, это как-то связано с небом, может быть, с планетой, о которой мы слышали. Последний раз это произошло сегодня утром, после того, как ты ушла в библиотеку. По какой-то причине у меня нет снов, когда я рядом с тобой.

— Конечно, если ты хочешь вернуться к себе, иди, — сказала Хилари, глядя в потолок.

— С одной стороны, не хочу, — ответил он. — Это просто беда. Всякий раз, когда я пытаюсь увидеть сон, оказывается, что я не хочу спать, как будто борюсь со сном. Но сегодня я достаточно устал, чтобы просто задремать и всё-таки увидел сон. Весь день у меня были галлюцинации, которые, я думаю, исходят из него. И почему-то это кажется мне более срочным. Я должен был досмотреть сон. Я знал, что это важно, но картина убедила меня в том, что это нечто большее, чем сон. Хотел бы я, чтобы ты это поняла. Для меня это нелегко.

— А если я тебе поверю? — спросила она. — Что ты тогда сделаешь? Встанешь на улице и будешь предупреждать людей? Или попытаешься продать это своей газете? Я не хочу просто верить тебе. Как ты можешь думать, что другие поверят?

— Именно это мне и не нужно слышать, — сказал Ингельс. — Я хочу поговорить об этом с отцом. Думаю, он сможет помочь. Надеюсь, ты не будешь возражать, если я пойду без тебя.

— Не буду, — ответила Хилари. — Если хочешь, можешь идти смотреть свои сны и поболтать с отцом. Но для меня это означает, что ты меня не хочешь.

Ингельс направился к своей квартире, расположенной дальше на Мерси-Хилл. Газеты цеплялись за кусты, хлопая как птицы крыльями; машины с шипением неслись по близлежащим улицам, создавая волны из света. Ингельса и небо разделяли только дома, их стены казались низкими и тонкими. Даже в свете ламп он чувствовал, как над головой зияет ночь.

В доме, где он жил, стояла тишина. Радио, которое обычно тарахтело, как электронное сердце, сейчас молчало. Ингельс поднялся на третий этаж, его шаги по деревянной лестнице отзывались эхом в тишине, заставляя его проснуться. Он пошарил в прихожей в поисках вешалки. В доме Хилари она располагалась в другом месте. Под окном в гостиной он увидел её стол, заваленный комиксами; правда, когда он включил свет, это оказался его собственный стол, и на нём лежали газеты с телепрограммами. Ингельс устало посмотрел на свою смятую постель. Он ощущал, что комната вокруг него движется, как мутная вода. Он рухнул на кровать и тут же заснул.

Темнота тянула его вперёд, мягко проплывая сквозь его глаза. Его окружала безмолвная тьма. Он проплыл сквозь неё, спящий и в то же время бодрствующий. Он чувствовал, как далеко в тем-

ноте расцветает энергия, огромные беззвучные взрывы, которые охлаждаются и застывают. Ингельс вслепую ощущал, как что огромное и тяжёлое катится куда-то.

Затем у него появилась способность видеть, хотя темнота оставалась почти неизменной. Где-то в дальней дали, словно крошечные трещинки, светились несколько точек. Ингельс начал быстро плыть к ним. Когда он приблизился, точки расступились и скрылись из виду. Он мчался между ними, навстречу другим, которые теперь мельком выныривали из бескрайней ночи, неся более прохладные зерна застывшей пыли вокруг себя.

Они множились, поле зрения Ингельса наполнялось рассеянным светом и сопутствующими ему эффектами. Он поворачивался, запечатлевая в своем сознании каждую безмолвно пылающую перспективу. Его разум казался огромным. Он чувствовал, что с лёгкостью запоминает каждый узор из света, готовый увидеть следующий.

Прошло так много времени, прежде чем он пришел в себя, и поэтому он не помнил, как всё началось. Каким-то образом путь, по которому он двигался, вернул его к исходной точке. Теперь Ингельс плыл в равновесии со всей системой

света и пыли, что окружала его. Его мысли сосредоточились на всём, что он видел.

Он обнаружил, что часть его разума словно телескоп сосредоточилась на деталях тех миров, мимо которых он пролетал: городов из сфер, усеянных чёрными крылатыми насекомыми; гор, которым каким-то образом придали форму огромных голов; в их глазницах извивались идолопоклонники. Ингельс видел море, из его глубин поднималась суставчатая рука, протянувшаяся на многие мили вглубь материка, и тонкую паутину из кожи, что пыталась найти себе пропитание. Один крошечный мир, казалось, кишел жизнью, которая знала об Ингельсе.

Глубоко в одном из морей этого мира спал город, и Ингельс видел те же сны, что и его жители: о младенчестве, проведённом в огромной, почти лишённой света пещере, за которой ухаживала худая шуршащая фигура, такая высокая, что её голова терялась из виду; о полёте к этой маленькой, но плодородной планете; о неуклюжих танцах под светом осколка, который они вырвали из этого мира и выбросили в космос; о спячке в подводных базальтовых гробницах. Дремлющие ждали и разделяли свои жизни с другими подобными существами, активными на поверх-

ности; на мгновение Ингельс оказался жителем чёрного города, покинутого строителями. Он насторожился и стал продвигаться медленнее, когда бледная личинка пробежала по дорожке между зданиями.

Позже, когда активным жителям на поверхности пришлось прятаться от размножающихся личинок, те, кто находился в подводном городе, замерли в ожидании. Ингельс чувствовал, как их мысли сонно обшаривают поверхность, касаются разума личинок и проверяют его, чрезвычайно терпеливо и целеустремлённо. Он ощущал, как чрево моря омывает его келью. Его огромная плоть дрожала, предвкушая возрождение.

Без предупреждения Ингельс оказался в комнате, глядя через телескоп на небо. Казалось, он смотрит уже несколько часов; глаза его горели. Он сверялся с таблицей, настраивая телескоп. Лужица света от керосиновой лампы блуждала по комнате, захватывая книги в шкафах возле стен, рассыпаясь по картам у его ног. Затем Ингельс вышел из комнаты и поспешил через затемнённый театр; из лож выглядывали тёмные капюшоны. Выйдя из театра, Ингельс взглянул на испещрённое пятнами небо, на крышу, где, как он знал, одна шиферная плита скрывала

поднятый кверху телескоп. Он поспешил прочь по освещённым газом улицам из своего сна.

Проснувшись, он сразу понял, где находится тот театр: на окраине Брайчестера, куда его весь день тянуло.

III

Ингельс встал на рассвете, чувствуя себя очистившимся и обновлённым. Он умылся, побрился, оделся, приготовил себе завтрак. В его облегченном состоянии преамбула сна, казалось, не имела значения: ему объяснили его стремление оказаться на окраине Брайчестера, остальное казалось ему внешним, возможно, продуманно символичным. Он знал, что Хилари считает его сны симптомами расстройства, и, возможно, она права. «Может быть, — подумал он, — всё это означает, что театр пытается проникнуть в моё сознание? Много суеты, но таковы сны. Без сомнения, особенно когда им приходится пробивать себе путь в сознание. Мне не терпится увидеть, что этот театр значит для меня».

Когда Ингельс вышел из дома, рассвет охватил его, как будто он ещё не стряхнул с себя сновидения. Тусклый приглушённый свет оседал вокруг него, неясные фигуры торопливо проходили ми-

мо. Воздух казался удушливым от неминуемой опасности, не таким острым, каким должен быть во время холодов. «Это научит меня вставать с криком петухов, — подумал Ингельс. Похоже на бессонницу. Не представляю, о чём они там кукарекают». Очереди к коммутаторам двигались вперёд, как тиканье судьбы.

Кто-то оставил на столе Ингельса листок из телефакса. Фотографии с космического зонда ожидались с минуты на минуту. Он торопливо писал рецензии, поднимая глаза, чтобы избавиться от ощущения, что пол кишит бледными личинками, ползающими в проходах между столов. «Должно быть, мне нужно было больше сна, чем я думал. Может, вздремну попозже».

Хотя в его сне улицы выглядели по-другому — электрические лампы превратились в газовые, — он точно знал, где должен находиться театр. Ингельс поспешил вдоль границы Нижнего Брайчестера, мимо чавкающих паровых экскаваторов и ревущих скелетов горящих домов. Ингельс шагнул прямо на улицу из своего сна.

Одна её сторона была стёрта с лица земли, неровная полоса коричневой почвы протянулась трещинами через тротуар и в поля за ним. Но театр находился на другой стороне. Ингельс по-

спешил мимо домов из красного кирпича, мимо продуваемых ветром садов и сломанных цветов к выбоине на дороге, залепленной заплаткой, где, как он знал, газовый фонарь охранял театр. Ингельс остановился возле фонаря. Машины проносились мимо, а он смотрел на дома перед собой, внешняя одинаковость защищала их от взгляда человека. Театра не было.

Гудок приближающегося автомобиля вырвал Ингельса из оцепенения. Он побрёл дальше, чувствуя себя глупо и нелепо. Он смутно помнил, как однажды шёл с родителями по этой дороге на пикник. Тогда здесь стояла газовая лампа; он смотрел на неё и на театр, который к тому времени превратился в кинотеатр, пока родители не уговорили его идти дальше. Это объясняло сон, бессонницу, всё. «И меня никогда не убеждал Гражданин Кейн. Дайте мне тоже бутон розы». На самом деле он просто ошибся в местоположении лампы; вот она, в сотне ярдов перед ним. Внезапно Ингельс побежал. Он уже видел театр, теперь переименованный в мебельный склад.

Он почти миновал двойные двери и оказался в первом проходе, когда понял, что не знает, что сказать.

— Извините, я хотел бы заглянуть под ваши

стропила. Простите, что беспокою, но, кажется, у вас здесь есть потайная комната. Ради Бога, — сказал он, краснея, и поспешил вниз по ступенькам, когда продавец вышел вперёд, чтобы открыть ему двери. «Теперь я знаю, что это был за сон. Я позаботился о том, чтобы он не повторился. Забудь об остальном».

Ингельс навалился на свой стол. «А теперь сиди здесь и веди себя прилично. Какая ничтожная причина для ссоры с Хилари. По крайней мере, я могу признаться ей в этом. Позвони ей сейчас». Он потянулся к телефону, когда подошёл Берт, размахивая рецензией Ингельса на астрономическую телепрограмму.

— Я знаю, что ты хочешь всё переписать, — заявил он.

— Сожалею об этом.

— На этот раз мы отзовём людей в белых халатах. Я думал, ты пошёл тем же путем, что и этот парень, — сказал Берт, бросая на стол газетную вырезку.

— Просто недосып, — ответил Ингельс, глядя в сторону. — Как наш Мафусаил, скажи мне кое-что. Когда склад на Филдвью был театром, как он назывался?

— Ты имеешь в виду Варьете? — спросил Берт,

бросаясь к своему телефону. — Напомни мне рассказать тебе о том, как я видел там Бомона и Флетчера. Отличная пьеса в двух частях.

Ингельс перевернул вырезку, улыбаясь наполовину Берту, наполовину себе за то, что всё ещё не отпускал от себя сон. «Давай, просматривай документы в обеденный перерыв, — сказал он себе насмешливо. — Бьюсь об заклад, это Варьете никогда не попадало в заголовки газет».

«ЛСД ВЫЗЫВАЕТ ПОПЫТКУ САМОУБИЙСТВА», — говорилось в вырезке. *«Американский студент утверждает, что в „ЛСД-видении“ ему сказали, что планета, проходящая сейчас через нашу Солнечную систему, возвещает о восхождении Атлантиды. Он выбросился из окна второго этажа. Настаивает на том, что восстание Атлантиды означает конец человечества. Говорит, что Атланты готовы проснуться»*. Ингельс уставился на вырезку; звуки газеты хлынули ему в уши, как кровь. Внезапно он отодвинул стул и побежал наверх, в хранилище «Вестника».

Под потолком, на который давила крыша, мерцала и жужжала люминесцентная лампа. Ингельс прижал к груди толстые подшивки старых газет и положил их на стол, смахнув с него пыль. Первые газеты, что попались ему под

руку, датировались 1900-м годом. Тогда улицы освещались газовыми лампами. Пыль просачивалась в ноздри Ингельса и сгущалась вокруг; телефон, ждущий звонка к Хилари, молчал, обзор телепрограммы щипал его мозг, желая, чтобы его переписали. Оглядываясь и моргая, Ингельс пытался стряхнуть с себя сомнения.

Но поиск не занял у него много времени, хотя его глаза устали бегать вверх и вниз, вверх и вниз к тому времени, когда он увидел нужный заголовок:

> «ПОКУШЕНИЕ НА КРАЖУ В „ВАРЬЕТЕ“.
> ТОРГОВЦЫ НА СКАМЬЕ ПОДСУДИМЫХ»
>
> *«Магистрат Брайчестера обвинил Френсиса Уоринга, драпировщика, занимающегося своим ремеслом в Брайчестере; Дональда Нордена, мясника* („и так далее“, — раздражённо прорычал Ингельс, нетерпеливо просматривая текст) *в попытке ограбления театра „Варьете“ на Филдвью. Мистер Рэдклифф, владелец и управляющий этого заведения».*

«Выглядит неплохо», — устало подумал Ингельс, почти отбросив газету, чтобы просмотреть

другие. Но на той же странице ниже он вдруг заметил другой заголовок и вернулся к чтению:

«ОБВИНЕНИЕ И ВСТРЕЧНОЕ ОБВИНЕНИЕ
В СУДЕ. БОГОХУЛЬНЫЙ КУЛЬТ РАСКРЫТ»

И вот оно, в середине колонки:

«Допрошенный мистером Кирби для предъявления обвинения, Мистер Рэдклифф подтвердил, что был занят подготовкой своих счетов, когда услышал звуки, доносившиеся из его кабинета. Он собрал всё своё мужество и отважился войти. В кабинете он увидел нескольких мужчин».

«Продолжай», — настаивал Ингельс, видя, что и в суде царило нетерпение.

«Рассказ Мистера Рэдклиффа был грубо прерван Уорингом, который обвинил владельца в том, что тот сдавал в аренду четырём мужчинам одно из помещений в своём театре. По словам Уоринга, эта привилегия была в кратчайшие сроки отозвана, и четвёрка вошла в здание в попытке вернуть себе имущество, которое

по праву принадлежало им. Он продолжал:

— Мистер Рэдклифф знает об этом. Он был одним из наших членов в течение многих лет, и всё ещё был бы им, если бы у него хватило смелости.

Мистер Рэдклифф ответил:

— Это ужасная неправда. Однако меня не удивляет глубина вашего беззакония. У меня есть здесь доказательства этого.

С этими словами он предъявил суду тетрадь, содержащую, по его словам, материалы богохульного и кощунственного характера. Он нашёл под скамьёй в своём театре ту самую вещь, что искали неудачливые грабители. Тетрадь, которую Мистер Рэдклифф описал как „журнал культа, посвященного подготовке к богохульной пародии на Второе пришествие“, была вручена мистеру Пулу, судье, и тот быстро объявил, что тетрадь соответствует данному описанию.

Мистер Кирби привёл в качестве доказательства морального разложения, вызванного этим культом, тот факт, что четыре уважаемых торговца пре-

вратились в обычных грабителей. Если бы они не чувствовали стыда за свои убеждения, продолжал он, им пришлось бы обратиться к мистеру Рэдклиффу с просьбой вернуть утраченное имущество».

«Но какие убеждения?», — задался вопросом Ингельс. Он вновь зашуршал газетой, клочки пожелтевшей бумаги сыпались на пол. Лампа под потолком жужжала, как пойманное разноцветное насекомое. Ингельс чуть не пропустил страницу.

«ЗАДЕРЖАНЫ ГРАБИТЕЛИ В „ВАРЬЕТЕ“.
ПЯТЫЙ
ЧЕЛОВЕК ОТДАЁТ СЕБЯ ПРАВОСУДИЮ»

«Что за пятый?», — Ингельс всмотрелся в статью:

«Мистер Пул осудил культ, приверженцами которого являлись обвиняемые, как неопровержимое доказательство беззакония тех религий, которые претендуют соперничать с Христианством. Он описал культ как „недостойный даже низшей породы мулатов“.

В этот момент поднялась суматоха: в зал поспешно вошёл человек и попросил разрешения обратиться к судьям. Через несколько минут явился и Мистер Рэдклифф с решительным выражением лица. Однако, увидев опоздавшего, он, по-видимому, отказался от своего намерения и занял место в галерее. Человек тем временем пытался отдаться на милость суда, объявив себя пятым из грабителей. Он утверждал, что его побудило к признанию чувство несправедливости, когда он позволил своим друзьям взять всю вину на себя. Он сказал, что его зовут Джозеф Ингельс».

В ответ на его жест Ингельс увидел у подножия колонны расплывчатое пятно. Он едва его заметил. Он всё ещё смотрел на имя деда.

* * *

— Очень мило, что ты пришёл, — двусмысленно прокомментировал отец. Ингельс заметил, что его родители закончили отделку дома; цветы на обоях в холле выросли и стали ярко-оранжевыми. Но свет всё еще был тусклым, и стены

окружали его глаза, как ночь вокруг слабой лампы. Рядом с вешалкой Ингельс увидел зеркало, в которое, будучи подростком, он смотрелся перед свиданиями; трещину в углу, появившуюся от удара его кулака, когда юного Ингельса охватила ярость от того, что его детские проблемы никто не понимает. Уродливая дыра штукатурки зияла сквозь обои рядом с менее предательской дыркой от гвоздя.

— Я мог бы повесить зеркало для тебя, — сказал Ингельс, не желая унизить отца, который нахмурился и проворчал: «Не нужно». Они вошли в столовую, где мать стелила лучшую скатерть и столовые приборы.

— Вымой руки, — сказала она. — Чай почти готов.

Они ели и разговаривали. Ингельс следил за беседой, словно за игрушечным лабиринтом, который нужно было наклонять в разные стороны, чтобы шарик не провалился в отверстия.

— Как поживает твоя подружка? — спросила его мать.

— Разве ты не знаешь, как её зовут?

На самом деле Ингельс не говорил матери её имя.

— Прекрасно, — ответил он, наконец. Они

больше не упоминали Хилари. Мать достала его детские фотографии, которые они нашли в ящике буфета.

— Ты был чудесным мальчиком, — сказала она.

— Кстати, о воспоминаниях, — проговорил Ингельс, — помнишь старый театр Варьете?

Отец, стоя спиной к Ингельсу, размахивал рубахой возле камина, чтобы раздуть огонь.

— Старое Варьете, — сказала мать, — мы как-то хотели сводить тебя на пантомиму. Но, — она взглянула на спину мужа, — когда твой отец приехал, все билеты были распроданы. Потом было веселье. Я подготовила список театров и анекдотов.

Ингельс сидел напротив отца, из курительной трубки которого валил дым.

— Я просматривал наши старые газеты, — начал Ингельс, — и наткнулся на дело, в котором фигурирует Варьете.

— Ты что, на работу вообще не ходишь? — спросил его отец.

— Это было расследование. Кажется, в театре произошло ограбление. Это случилось до твоего рождения, но мне интересно, помнишь ли ты, что слышал об этом?

— Ну, не все мы такие умные, как ты, — сказала мать. — Мы не помним то, что слышали в колыбели.

Ингельс засмеялся, внутри у него всё сжалось; надежда на прояснение дела ускользала.

— Возможно, ты слышал об этом, когда был постарше, — объяснил он отцу. — В этом был замешан мой дед.

— Нет, — ответил отец. — Не был.

— Но так сказано в газете.

— Только его имя, — сказал отец, глядя на Ингельса пустыми глазами. — Это был другой человек. Твоему дедушке потребовались годы, чтобы пережить это. Газеты не стали бы публиковать извинения или говорить, что это не он. А ты удивляешься, почему мы не хотели, чтобы ты работал в газете. Ты не захотел стать приличным лавочником, ты позволил нашей семье потерять магазин, а теперь ты здесь, сгребаешь старую грязь и ложь. Вот, что ты выбрал для себя.

— Я не хотел вас обидеть, — сказал Ингельс, сдерживаясь от ответных обвинений. — Но это был интересный случай, вот и всё. Я собираюсь завтра сходить в этот театр.

— Если ты отправишься туда, то втопчешь нашу фамилию в грязь. Больше к нам не приходи.

— Подожди, — запротестовал Ингельс. — Если твой отец не был в этом замешан, ты не можешь так думать. Боже мой! — воскликнул он, охваченный воспоминаниями, — ты что-то знаешь! Ты рассказывал мне об этом, когда я был ребёнком! Я только начал видеть сны, и ты рассказал мне это, чтобы я не боялся, чтобы показать мне, что у тебя тоже случались такие сны. Ты был в комнате с телескопом, ожидая увидеть что-то. Ты рассказал мне об этом, потому что мне тоже это приснилось! Уже второй раз мне снится этот сон! Это комната в Варьете, это должна быть она!

— Я не знаю, что ты имеешь в виду, — сказал отец, — мне никогда такого не снилось.

— Ты говорил мне, что снилось! — настаивал Ингельс.

— Должно быть, я сказал тебе это, чтобы успокоить. Давай, скажи, что мне не следовало тебе лгать. Должно быть, я сделал это для твоего же блага.

Взгляд отца стал немигающим и пустым. Ингельс посмотрел на него и сразу понял, что за этой пустотой скрывается нечто большее, чем ложь о его детстве.

— Тебе опять снился сон, — сказал Ингельс. — Тебе приснился тот же сон, что и мне прошлой

ночью. И я думаю, ты знаешь, что это значит.

Взгляд отца почти незаметно сместился, а затем снова стал более пристальным.

— Что ты знаешь? — спросил он.

— Ты живешь в том же городе, что и мы, и навещаешь нас раз в неделю. Но ты знаешь, что я вижу сны? Иногда мы задаемся вопросом, знаешь ли ты, что мы здесь!

— Я знаю, — отрезал отец.

— Извини, — сказал Ингельс. — Но эти сны… они были у тебя. Те, которыми мы делились, помнишь?

— Мы делились всем, когда ты был маленьким мальчиком. Но всё кончено, — заявил отец. — Сны и всё такое.

— Это не имеет никакого отношения к делу! — закричал Ингельс. — У тебя всё ещё есть способности! Я знаю, тебе, должно быть, снились эти сны! Они отражались в твоих глазах в течение нескольких месяцев!

Ингельс замолчал, пытаясь вспомнить, правда ли это. Он умоляюще повернулся к матери.

— Разве ему не снился сон?

— Что я могу об этом знать? — развела она руками. — Меня это не касается.

Она убирала посуду со стола при тусклом свете

камина, не глядя ни на мужа, ни на сына. Внезапно Ингельс увидел её такой, какой никогда не видел прежде: сбитой с толку сновидениями и интуицией мужа, ставшей ещё более отчуждённой из-за тревожной и непостижимой связи между ним и её сыном. Ингельс вдруг понял, почему он всегда чувствовал, что она была счастлива, когда тот уезжал из родительского дома: только так она могла вернуть себе мужа. Ингельс взял пальто из прихожей и заглянул в столовую. Они не двигались: отец смотрел на огонь, мать — на стол.

— Увидимся, — сказал Ингельс, но единственным звуком в ответ ему было потрескивание горящего полена, рассыпающегося на угольки.

IV

Он смотрел телевизор. Движение цветных точек складывалось в формы. За окном небо притягивало его взгляд, напряжённое, тяжёлое, неминуемое, как гром. Ингельс записывал слова.

Позже он плыл сквозь чудовищную тьму; мерцающие сферы медленно вращались вокруг него, на одной из них сияла полоса из света; впереди в пустоте Ингельс видел пыль и камни. Кусок металла кружил вокруг Ингельса, как робкая игла, пытаясь уколоть, но вот она извергла пламя

и удалилась. Он почувствовал такое глубокое пренебрежение, что оно выглядело как простое безразличие. Ингельс закрыл глаза, словно сморгнул пылинку.

Утром он написал газетный обзор, находясь в своей квартире. Он знал, что не сможет долго выносить переполненные коридоры в редакции. Слепо пробираясь по этажу, он нашёл Берта. Ингельс смотрел на него с минуту или около того; ибо не мог сразу вспомнить, как тот должен выглядеть.

— То, что ты переписал в телевизионном обзоре, было не лучшим твоим решением, — заявил Берт.

— Да и ладно, — махнул рукой Ингельс. Машинально схватив со стола вчерашний номер «Вестника», он поспешил к двери.

Он почти дошел до неё, когда услышал, как редактор кричит в трубку:

— Но это не может повлиять на Сатурн и Юпитер! Я имею в виду, он не может изменить свою массу, не так ли?.. Прошу прощения, сэр. Я, конечно, не имел в виду, что разбираюсь в астрономии лучше вас. Но возможно ли изменение его массы?.. Что, и траектории тоже?

Ингельс усмехнулся, глядя на толпу журнали-

стов, собравшихся вокруг стола редактора, на их восхищённые лица. Они будут в восторге, когда он вернётся. Ингельс вышел из редакции.

Сквозь извивающиеся толпы, вверх по ступенькам, в пространство кроватей и туалетных столиков, похожих на улицу из тесных спален, стены которых были удалены волшебным образом.

— Могу я поговорить с управляющим? — обратился он к человеку, вышедшему ему навстречу. — *«Вестник Брайчестера»*.

Управляющий был молодым человеком в бледном изящном костюме, с длинными нестриженными волосами и улыбкой, которую он вытянул вперёд, словно для осмотра.

— Я слежу за сюжетом, — объяснил Ингельс, показывая своё корреспондентское удостоверение. — Похоже, когда ваш мебельный склад был театром, одно помещение сдавалось в аренду астрономической группе. Мы думаем, что их записи всё ещё здесь, и если их можно найти, они представляют огромный исторический интерес.

— Звучит любопытно, — сказал управляющий. — Где они предположительно находились?

— В комнате где-то на самом верху здания.

— Конечно, я готов помочь.

Мимо прошли четверо мужчин, неся в фургон обломки расчленённой кровати.

— По-моему, когда-то на самом верху здания было несколько офисов. Но сейчас мы ими не пользуемся, они заколочены. Будет очень трудно открыть их сейчас. Если бы вы позвонили, я мог бы привлечь несколько человек.

— Меня не было в городе, — сказал Ингельс, поспешно импровизируя теперь, когда его планы пошли наперекосяк. — Когда я вернулся, то нашел эту историю у себя на столе. Я пытался дозвониться раньше, но не смог. Должно быть, это дань вашему бизнесу.

Старик, один из грузчиков, сидел на стуле рядом и слушал; Ингельсу не хотелось лишних свидетелей и он желал, чтобы грузчик поскорее ушёл.

— Эти записи действительно важны, — выговорил Ингельс. — Большая историческая ценность.

— В любом случае я не думаю, что они всё ещё здесь, — сказал управляющий. — Если бы они находились в одной из верхних комнат, их давно бы выбросили.

— По-моему, вы немного ошибаетесь, — заявил старик со стула.

— Вам нечем заняться? — спросил его управ-

ляющий.

— Мы закончили погрузку, — ответил старик, — водитель ещё не приходил. Его мать заболела. Не мне говорить, что вы ошибаетесь, но я помню, как они чинили крышу после войны. Люди, которые это делали, говорили, что видели комнату, полную книг, они выглядели так, будто были спрятаны. Но мы не могли войти в комнату отсюда, и никто не хотел ломать себе шею, пытаясь проникнуть в неё с крыши. Думаю, что комната всё ещё там.

— Должно быть, это она, — сказал Ингельс. — Где она находится?

— Вон там, — ответил старик, указывая на скандинавскую кровать с балдахином. — За одним из офисов, так мы предполагали.

— Не могли бы вы помочь мне её найти? — спросил Ингельс. — Может быть, ваши напарники помогут вам, пока ждут. Конечно, если этот джентльмен не возражает. Мы сделаем ставку на ваше сотрудничество, — обратился Ингельс к управляющему. — Может быть, я даже смогу оформить для вас специальный тариф на рекламу, если вы захотите когда-нибудь подать объявление.

Пятеро человек поднялись по ржавой винтовой

лестнице, отгороженной стильной перегородкой, на второй этаж. Управляющий, всё еще хмурясь, оставил одного грузчика ждать водителя.

— Позови нас, как только он придёт, — сказал он. — Какова бы ни была причина, потеря времени означает потерю денег.

На втором этаже, который представлял собой лабиринт из ящиков и картонной мебели, у Ингельса возникли кратковременные воспоминания о своём сне: очертания театральных лож в стенах, ныне почти скрытые кирпичами; крюк, на котором висела люстра. Вещи из сна, казалось, проявлялись в мирской жизни, манили его.

Лестница продолжалась вверх, но уже более ржавая.

— Я пойду первым, — сказал управляющий и взял фонарик, что принёс один из грузчиков. — Нам не нужны несчастные случаи.

Его ноги вытянулись, как хвост, через люк. Они слышали, как он топает, бросая вызов полу.

— Всё в порядке, — крикнул управляющий, и Ингельс просунул свою голову сквозь пыль в голый дощатый коридор.

— Здесь, говорите? — спросил управляющий старика, указывая на доски, образующие стену.

— Именно, — ответил старик, уже вместе со

своими товарищами выковыривая молотком гвозди. Сквозь открывшиеся дырки тускло проглядывала дверь. Ингельс почувствовал, как улыбка исказила его лицо. Он взял себя в руки. «Подожди, пока они не уйдут».

Как только рабочие открыли дверь кабинета, Ингельс бросился вперёд. Мрачная зеленая комната, поломанный стол, в раздробленных внутренностях которого сидела покрытая пылью пишущая машинка.

— Боюсь, всё так, как я и думал, — сказал управляющий. — Здесь нет прохода. Вы же не ждёте, что мы разрушим стену. Особенно без консультаций с владельцем здания.

— Но должен же быть вход, — заявил Ингельс. — За этой стеной. Наверное, комната, была опечатана до того, как вы заняли это здание. Конечно, мы можем поискать её.

— Вам и не придётся, — сказал старик. Он пнул ногой стену, ближайшую к предполагаемому месту расположения комнаты. Штукатурка осыпалась вдоль трещины, затем они услышали смещение кирпичей.

— Я так и думал, — прокомментировал старик. — Это сделала война, сотрясла здание. Доски в порядке, но с раствором покончено.

Он ударил по стене ещё раз и отдёрнул ногу, затем руками вытащил два кирпича, и часть стены рухнула, оставив отверстие больше метра высотой.

— Этого достаточно! — сказал управляющий. Ингельс наклонился, всматриваясь в заваленную пылью щель. Голые доски, стропила и шифер наверху, должно быть, книжные шкафы, задрапированные тканью вдоль стен, что-то в центре комнаты, полностью закрытое рамой, увешанной тяжёлым материалом, возможно бархатом. Пыль ползла по разгоряченному лицу Ингельса, покалывая его, как в лихорадке.

— Эта стена всё равно бы рухнула, хорошо, что вы были здесь, — сказал он управляющему. — Теперь, когда всё сделано, я уверен, вы не будете возражать, если я осмотрюсь. Если я буду ранен, обещаю не предъявлять претензий. Я подпишу отказ, если хотите.

— Думаю, так будет лучше, — сказал управляющий и подождал, пока Ингельс возился со своим портфелем, вчерашним «Вестником», ручкой и листком из блокнота, вытирая брови, на которых пыль и пот превратились в струйки грязи, потирая дрожащие пальцы. Мужчины перелезли через груду кирпичей и подняли бархатную раму.

Под ним на высокой прочной подставке стоял зеркальный телескоп почти в тридцать сантиметров длиной. Один из грузчиков наклонился к окуляру, коснулся фокуса.

— Не надо! — закричал Ингельс. — Обстановка может оказаться чрезвычайно важной, — объяснил он, пытаясь рассмеяться.

Управляющий уставился на него.

— Так чем, говорите, вы занимаетесь в «Вестнике»? — спросил он.

— Корреспондент по астрономии, — ответил Ингельс, опасаясь, что этот человек может регулярно читать их газету. — У меня не так много работы, — пробормотал он. — Это сенсационная новость. Если можно, я хотел бы провести несколько часов, осматривая эти книги.

Ингельс услышал, как грузчики и их начальник спускаются по винтовой лестнице. «Извивайтесь», — подумал он и осторожно снял покрывала с книжных шкафов, стараясь уберечь телескоп от пыли, чему на протяжении десятилетий служило бархатное покрытие. Внезапно Ингельс поспешил обратно в коридор. В такт качанию его фонарика качались и стены. Он выбрал одну доску, перекинул её через кирпичи и ткнул в стропила над телескопом, прикрывая его рукой.

Через минуту шифер скользнул в сторону, и мгновение спустя Ингельс услышал отдалённый грохот.

Он присел на корточки и посмотрел в окуляр. Без сомнения, когда-то здесь имелся стул. Всё, что Ингельс мог видеть — размытое сумеречное небо. «Скоро ночь», подумал он и положил включенный фонарик на книги. Он вспомнил свет масляной лампы, плескавшийся у его ног во сне.

Большая часть библиотеки была посвящена астрономии. Поскольку многие книги и карты являлись астрологическими, Ингельс обнаружил, что некоторые из них написаны восточным шрифтом. Но были и другие, на полках в самом дальнем от запертой двери углу: *«История Атлантиды и потерянной Лемурии»*, *«Образ Мира»*, *«Книга Исследований»*, *«Откровения Глааки»*. Последние составляли девять томов. Ингельс, испытывая любопытство, вытащил их из шкафа, и пыль поднялась перед его лицом, как облака из сна.

Голоса медленно текли по лестнице, далеко внизу продавали кровати. В тесной комнате, затуманенной пылью, скопившейся у дыры в крыше, на которую терпеливо смотрел телескоп, Ингельсу казалось, что он снова погружается в сон.

Потрескавшиеся обрывки страниц прилипли к ногтям. Он читал в книгах заклинания, звучащие как голоса, бормочущие во сне, они постоянно переходили в другой неуклюжий стиль. В книги были вложены эскизы и картинки, некоторые по-детски грубые, некоторые поразительно подробные: М'нагала, щупальца чего-то похожего на раздутые сырые внутренности и глаза; Глааки, наполовину погруженное в воду губчатое лицо, выглядывающее из озера; Р'льех, город на острове, торжествующе возвышающийся над морем, огромная приоткрытая дверь. Ингельсу это было знакомо, он спокойно воспринимал информацию. Теперь он чувствовал, что у него никогда не было причин сомневаться в своем сне.

Ранняя зимняя ночь перекрыла дыру в крыше. Ингельс снова наклонился к окуляру. Теперь в телескопе он видел только темноту. Её словно размывало расстоянием; Ингельс чувствовал, как его головокружительно тянет вниз по трубе из тьмы, в безграничную пустоту, которую не может заполнить никакое количество материи. «Ещё нет, — подумал он, быстро отступая от телескопа, — скоро».

Кто-то уставился на него. Девушка. Она хмуро смотрела на дыру в крыше. Продавщица.

— Мы скоро закрываемся, — сказала она.

— Хорошо, — ответил Ингельс, возвращаясь к книге, лежащей текстом вверх в рассеянном свете. Она устроилась поудобнее, открывая ему новую страницу и подчёркнутую фразу: «когда звёзды примут правильное положение». Ингельс уставился на книгу, пытаясь понять. Это должно что-то значить. Туманные книги окружили его. Он покачал головой и быстро перелистал страницы в поисках подчёркнутых мест. Эта фраза повторялась в следующем томе, нет, она была дополнена: «когда звёзды примут правильное положение вновь». Он резко взглянул вверх, в настойчивую ночь над головой. Через минуту он зарычал. Здесь был подчёркнут целый отрывок:

«Хотя вселенная может притворяться непостоянной, её душа всегда знала своих хозяев. Сон её хозяев есть лишь величайший цикл всей жизни, ибо как вызов и забвение зимы оказываются тщетными летом, так вызов и забвение человека и тех, кто принял на себя управление, будут отброшены пробуждёнными хозяевами. Когда эти времена зимней спячки закончатся, и время пробуждения приблизится, сама вселенная пошлёт Предвестника и Создателя, Гхрота. Он тот, кто призовёт звёзды и миры к праведности.

Он тот, кто поднимет спящих хозяев из их нор и утонувших могил; кто поднимет сами могилы. Он тот, кто будет внимателен к тем мирам, где идолопоклонники считают себя управителями. Он тот, кто подчинит себе миры, пока все не признают свою самонадеянность и не преклонятся».

«Гхрот, — подумал Ингельс, глядя на дыру в крыше. — Тогда у них даже было имя для него, несмотря на суеверный язык. Не то чтобы это было так уж удивительно. Человек смотрел на кометы таким же образом, это тоже самое. Предзнаменование, которое становится почти богом. Но предзнаменование чего?»

Ингельс внезапно задумался. «Что именно должно произойти, когда звезды снова примут правильное положение?», Он опустился на колени в пыль и принялся рыться в книгах. Больше никаких подчёркиваний. Он бросился обратно к телескопу. Его бёдра болели, когда он присел на корточки. Что-то появилось в окуляре.

Это был внешний край блуждающей планеты, вползающий в поле зрения телескопа. По мере приближения она расплывалась, иногда становясь почти чёткой. Ингельс почувствовал, как пустота внезапно обрушилась на него. Теперь планета превратилась в расплывчатое красно-

ватое пятно. Он потянулся к фокусу, настраивая его.

— Мы закрываемся, — сказал управляющий у него за спиной.

— Я недолго, — воскликнул Ингельс, чувствуя, как фокус становится всё четчё и чётче…

— Мы ждём вас, чтобы закрыть двери, — настаивал управляющий. — Боюсь, я очень спешу.

— Ещё немного! — закричал Ингельс, переводя взгляд с окуляра на яркий свет.

Когда мужчина ушёл, Ингельс выключил фонарик. Теперь он не видел ничего, кроме крошечной щели в крыше. Он позволил глазам привыкнуть к темноте комнаты. Наконец, он разглядел неподвижный телескоп. Он нащупал его и присел на корточки.

Как только он дотронулся до окуляра, ночь ворвалась в телескоп и схватила его. Он плыл сквозь пустоту, но был неподвижен; всё двигалось вместе с ним. В наступившей тишине он услышал телефонный звонок и голос, сказавший: «Дайте мне главного редактора „Вестника“, пожалуйста». Он слышал, как бледные личинки мрачно скрипят по полу, всё время возвращаясь назад. Он вспомнил, как они двигались, мягкие, безразмерные. Перед ним, подвешенный в тем-

ноте, лицом к Ингельсу, находился Гхрот.

Он был красным, как ржавчина, безликим, за исключением выпуклых выступов, похожих на холмы. За исключением того, что, конечно, это не были холмы; если Ингельс мог видеть их на таком расстоянии; они должны были быть огромными. Ржавый шар, покрытый комками. Это было всё, но это не могло объяснить, почему Ингельс чувствовал, будто магнетическая сила наполняет его через глаза. Гхрот, казалось, висел тяжело, передавая громоподобное чувство неизбежности, силы. «Но это всего лишь его необычность, — подумал Ингельс, борясь против засасывания себя в безграничное пространство, — просто ощущение его вторжения. В конце концов, это всего лишь планета». Боль полыхала вдоль его бёдер. Просто красный бородавчатый шар.

Затем шар начал движение.

Ингельс пытался вспомнить, как управлять своим телом, чтобы оторвать лицо от окуляра; он навалился всем телом на телескоп, чтобы смести то, что мог видеть. Это было размытие, вот и всё, хотя стоял холодный безветренный день, движения воздуха должны вызывать размытие изображения; поверхность планеты не может двигаться, это всего лишь планета; поверхность

планеты не трескается, она не откатывается назад, она не откатывается назад на тысячи миль, чтобы вы могли увидеть то, что внизу, бледное и блестящее. Когда Ингельс попытался закричать, воздух ворвался в его лёгкие, как будто пространство взорвало вакуум внутри него.

Он споткнулся о кирпичи, мучительно упал с лестницы, плечом отшвырнул управляющего в сторону и оказался у здания «Вестника», раньше, чем понял, что собирается туда идти. Он не мог вымолвить ни слова, только издавал гиканье, втягивая в себя воздух; он бросил портфель и вчерашнюю газету на стол и сидел, обхватив себя руками и дрожа. Весь этаж, казалось, был в смятении ещё до его прихода, но они толпились вокруг Ингельса, нетерпеливо спрашивая, что случилось.

А он смотрел на заголовок в своей вчерашней газете: ПОВЕРХНОСТНАЯ АКТИВНОСТЬ НА СТРАННИКЕ «БОЛЕЕ ОЧЕВИДНА, ЧЕМ РЕАЛЬНА», ГОВОРЯТ УЧЁНЫЕ. Фотографии планеты с космического зонда: на одной изображена область, похожая на большое, круглое, бледное, сверкающее море, на другой — только горы и скалистые равнины.

— Неужели ты не понимаешь? — крикнул Ин-

гельс Берту среди толпы. — Он закрыл свой глаз, когда увидел, что мы приближаемся!

Хилари сразу же приехала, когда ей позвонили, и отвела Ингельса домой. Но он не спал, смеялся над доктором и транквилизаторами, хотя таблетки проглатывал довольно равнодушно.

Хилари выключила телевизор, старалась как можно реже выходить на улицу, не покупала газет, выбрасывала нераспечатанные экземпляры своих статей, разговаривала с Ингельсом, пока работала, ласково гладила его, спала с ним. Ни один из них не почувствовал, как Земля начала смещаться.

Перевод: А. Черепанов

Рэмси Кэмпбелл
Стадии Бога

Ramsey Campbell «The stages of the God», 1975.

Король Топопс покинул город на рассвете. Когда он спускался по полупрозрачной лестнице из своего дворца, зелёное солнце Йифне опускалось за вершины, возвышающиеся на горизонте, и

листья, струящиеся с деревьев на окружающих горах, казалось, снова потускнели. Он пересёк площадь и подошел к полированным, жемчужным конусам, которые обозначали границы его двора. Их кончики мерцали зелёным; оглянувшись назад, Топопс увидел, что этот эффект создаёт шпиль дворца, уже сияющий как изумруд.

Король зашагал дальше, через ульи, похожие на предгорья, расположенные позади дворцовых зданий. Его противники обещали, что у городских ворот они приготовят для него коня. Они настояли на том, чтобы он пешком прошёл по улицам города, дабы стук копыт не пробудил тех, кто захочет поддержать его; и король согласился, но с условием, что уйдёт на рассвете, а не в темноте, как вор, который обокрал город. Шагая к воротам, Топопс думал:

«Если бы я не склонился перед демократией, Ломбоан и его дружки не могли бы носить одежду придворных и высказывать своё мнение. Если бы я не покорился их словам и интригам, которые они скрывали, я не дал бы им земельные наделы в городе, чтобы они управляли ими от моего имени. Если бы они в тайне не выучили новые слова, чтобы настроить против меня горожан, их

сторонники никогда не превзошли бы числом тех, кто всё ещё был верен мне. Но моё тело состарилось раньше моего разума, и армия, которой я мог бы командовать, не смогла поддержать меня. Похоже, что моё время прошло, но тем не менее мои мысли формируются с изяществом, используя слова силы, как и подобает королю».

Наконец, Топопс увидел городские ворота. Они были открыты, как и обещали королю, и за крепкими стенами колыхались и исчезали волны в белой траве. Возле ровной дороги, ведущей в горы, стоял мечник, держа за поводья королевского коня. Топопс шагнул вперёд и сунул ногу в стремя, не удостоив воина ни словом, ни взглядом.

Он гладил гриву своего коня и шептал слова похвалы в его огромное, покрытое прожилками ухо, когда услышал скрежет железа. Мечник выхватил клинок из зелёных ножен и приготовился рубануть по ногам коня Топопса. Металлические листья, защищавшие голову и тело человека, были почти непробиваемы, но Топопс уже успел ударить его ногой, раздавив горло, и в то же мгновение он наполовину соскочил с седла и поймал падающий меч за рукоять. В скорбной ярости король отвёл коня от задыхающегося мечника, с которым когда-то много лет назад они вместе

воевали.

Затем из-за обеих половин ворот донеслось фырканье и плевки сдерживаемых коней, и Топопс понял, что мечника принесли в жертву, чтобы ослабить короля. Он закричал: «На землю, отбросы мира! Спрячьтесь, чтобы вас не загнали в яму и не подвергли таким испытаниям!», и, взмахнув мечом по дуге, которая почти расколола края ворот, он поскакал вперёд.

Двое из людей Ломбоана выскочили из засады и отпрянули от свистящего клинка. Один из них попытался остановить натиск короля собственным мечом, но закричал, когда тот вырвался из его рук, прорезал траву и вонзился в землю. Приземистый человек с тупым мясистым лицом, крикнул что-то ободряющее: «Лишённый власти! Пустые слова, пустая голова, пустая корона! Мы убьем его!». По голосу Топопс узнал в нём наемника из земель, давно пришедших в упадок. Король обрушил свой меч, как хлыст, на голову наёмника, не рассекая шлем, но оглушая его, и направил коня к горам.

Промчавшись несколько миль, он остановился, отряхивая пот с лица и хватая ртом воздух. Король открыл корзины, висевшие у его ног, и горько усмехнулся, обнаружив там провизию; она

стала бы частью оплаты наёмнику, и тот человек немедленно начал бы пировать, используя тело Топопса в качестве стола. Он снова посмотрел на город Топоум, который теперь сиял, как зелёные бутоны, растущие на покрытой рябью равнине. Далеко внизу в пыли копошились двое насекомых. Топопс погладил своего коня, который был самым быстрым в стране и который должен был доставить его в Йемин, находящийся в трёх днях пути по побережью, и далее на корабль.

В сумерках он добрался до гор. Избегая маршрута, которым пользовались торговцы из Йемина, Топопс ехал до тех пор, пока не добрался до второго прохода через горы, где никто не ходил. Проход был чуть шире переулков между ульями в его городе, и Топопс знал достаточно о суевериях наёмников, чтобы заподозрить, что его преследователи могут задержаться у входа. «Тем не менее, — думал он, — большинство форм жизни могут покориться словам короля». И он поскакал между высокими тёмными стенами.

Несколько часов спустя он услышал сухое позвякивание далеко внизу, похожее на звук оседающего пепла, и понял, что его преследователей никто не остановил. Он ехал дальше, часто держась обеими руками за холодную шершавую

темноту. В конце концов, он заснул, улегшись на спину своего коня, прижимая поводья подбородком вместо рук.

Когда он проснулся в темноте, закрытой, как крышка гроба, звуки его преследователей прекратились. Он позволил своему скакуну продолжать путь, пока темнота не расступилась высоко над ним, и россыпь звёзд появилась на небе. Его глаза, теперь внимательные к любому свету, разглядели впереди пещеру. Там было сухо, Топопс завёл своего коня внутрь, и оба уснули. Но ближе к рассвету их вытолкнуло что-то мягкое, появившееся из глубины пещеры, полностью заполнив отверстие и неся перед собой грохочущие обломки рыхлой породы. Ошеломлённый, встревоженный и неуверенный в силе своих слов против этой массы, Топопс вскочил на своего коня. Он пристально посмотрел на вход, но не смог определить, что торчит из пещеры — ветка или червь.

К полудню он почти достиг дальнего края гор. Серые изрезанные стены нависали над ним, а на выступах лежали большие костяные шары, сквозь которые тихо стонал ветер. Позади короля послышался отдалённый шорох погони. Он направил своего коня прочь из гор. Когда он

выбрался из прохода, медленные волны ветра и тени облаков пронеслись над лесом, который простирался под ним до самого горизонта.

Он въехал наискось в лес, что был шириной почти в один день пути. Над ним яростно тряслись верхушки деревьев, подгоняемые ветром, но между стволами уже разливалось зелёное тепло, как всё ещё не остывшее море. Вскоре он наткнулся на расчищенную торговую дорогу. Пепел от старых костров шевелился среди зелёных цепких корней. Топопс ускорил шаг своего скакуна, ныряя между огромными неподвижными стволами, спасаясь от удушливого полуденного зноя.

Задолго до наступления сумерек он был вынужден остановиться, так как шерсть его коня вся взмокла от пота, а голова раскачивалась, словно пульсирующее сердце, поэтому Топопс вывел коня на поляну и разделил с ним пищу и воду. Затем он лёг на спину в мягком зелёном дупле одного из деревьев. Его ветви сверкали, и на них щебетали птицы. Одна из них, ухватившись за горизонтальную ветку своими длинными полупрозрачными ногами, такими же розовыми, как и оперение, затрепетала крыльями и дико закружилась на месте. Топопс отдыхал, отяжелевший от мыслей, ибо под агонией мечника, растоптанного им, его

память обнаружила печаль и согласие. «Пусть Ломбоан знает, что его слова не могут изгонять смирение и мужество», — подумал он.

Наконец, король встал. Шипение и скрип леса скрывали любые звуки погони. Топопс набрал скорость, думая добраться до равнины за лесом до наступления сумерек. Корзины барабанили по его пяткам, мускулы коня шевелились между бёдер, ветер развевал пучки его волос. Затем его конь упал, опутанный длинными вьющимися травами.

Топопс с трудом поднялся на ноги. Конь слабо брыкался, его круглые чёрные глаза закатились. Король перерезал лианы, но конь лежал, фыркая, кровь и пена начали пульсировать у него изо рта. Тогда Топопс понял, что пища, которую они ели вместе в последний раз, была отравлена. Сам он съел мало, ему не нравился этот вкус. Выругавшись, Топопс погладил голову коня и, закрывая глаза одной рукой, глубоко погрузил меч в бок животного.

Он разрезал ремни между корзинами и, опустошив одну из них, забросил её на спину. Он собрал фрукты и наполнил фляги водой из ближайшего ручья. Затем Топопс зашагал по тропинке между тускнеющими деревьями, пока усталость без-

жалостно не навалилась на него, и он укрылся на поляне.

Когда он проснулся, было уже светло. Яркая, свернувшаяся кольцами и колющая зелень поляны причиняла ему боль, как будто его щипали во время пытки. Он с трудом поднялся на ноги, обняв ствол, и лес придвинулся ближе, давя ему на глаза. Его конечности онемели и казались огромными. Непослушными руками он повесил себе на спину корзину и поплёлся к опушке леса; его мысли плавали где-то в далёком тумане.

Когда Топопс добрался до белой равнины, песок на которой шелестел, как эхо моря на горизонте, он увидел, что вышел в миле к западу от дороги в Йемин. Яд отягощал его разум, но он понимал, что его преследователи, возможно, уже догоняют его, и что он не должен оставаться на опушке леса. Вместо этого он, пошатываясь, двинулся наискось по равнине.

Зелёное солнце било ему в глаза, как беззвучный гонг; оно блестело на песчинках, пронзая их лучами света. Песок скользил под его ногами; он швырял Топопса лицом вниз в ямы, песок полз под его ногтями, когда он пытался подняться, он шуршал в его ушах, как насекомые. Когда король на ощупь поднялся на ноги посреди равнины, то

увидел впереди какое-то строение. Теряющему сознанию Топопсу казалось, что оно погружается в землю вместе с остальной частью пейзажа.

Он зашаркал вперёд, сжимая ремни своей корзины. Вспомнив о преследователях, он обернулся, и равнина закружилась вместе с ним. На фоне зелени леса он увидел пучок бледных мясистых цветов. Затем, потирая пальцы о ремни, чтобы хоть как-то сосредоточиться, он разглядел, что цветы — это лица его преследователей, лениво ожидающих его смерти.

Он бросился бежать, опираясь на свой меч в ножнах и погружая ноги в песок. Он смог получше разглядеть строение: низкая круглая хижина, белая, как равнина, похожая на шар, наполовину зарытый в песок. Топопс вспомнил, что это была святыня, заброшенная ещё до постройки Йемина, и по этой причине жители побережья избегали её. Он больше не мог бежать; грудь его хрипела, как кузнечные мехи, забитые песком, а горизонт раскачивался, словно охваченный бурей. «Королю подобает защищать святыню, — подумал он, собираясь с мыслями. — Пусть наёмник бросит вызов суевериям своих отцов и найдёт смерть».

Топопс обошёл святилище и нашёл дверь, которая была обрамлена, как чистый холст в корке

песка. Он толкнул дверь. Песок посыпался вниз, но дверь не шелохнулась. Выглянув за край святилища, Топопс заметил наёмника — размытое пятно тусклой зелени и плоти, тот готовился вскочить на своего коня. Топопс вонзил свой меч в землю и, упершись ногами в рукоятку, надавил плечами на дверь. С глухим скрежетом и облаком пыли дверь качнулась вовнутрь.

Топопс выдернул меч и вошёл в святилище, опираясь одной рукой на стену. Внутренность святилища казалась несуразной: напротив двери этой полусферы стоял трон из белого камня. В остальном, если не считать россыпи песка, святилище выглядело пустым.

Топопс огляделся, выбирая место, где ему будет удобней защищаться. «Свергнутый король должен сражаться перед троном», — подумал он и, схватившись за подлокотники, закрыл глаза и приготовился к бою. Когда он вновь открыл глаза, то заметил барельеф на стене слева от себя. Он был вырезан грубо, но выглядел могущественным, и Топопс сосредоточил на барельефе свой ум для обретения силы.

На нём был изображён ребенок, глядящий на мужчину, который, в свою очередь, смотрел на фигуру, очертания которой были расплывча-

тыми. Лицо ребёнка, обращенное к мужчине, и лицо мужчины, обращённое к фигуре, выражали одинаковое благоговение. Топопс обнаружил, что очерченные, но неясные линии этой фигуры каким-то образом воздействовали на него с той же эмоцией. В поисках силы и движимый страстью, которая вырезала эти фигуры из камня, король шагнул вперёд и провёл пальцами по линиям барельефа. Дрожь невыразимого узнавания прошла через Топопса, барельеф отдалился от его руки, когда дверь в стене открылась.

Пространство, которое скрывала гигантская стена, казалось тесным; там стояла только каменная скамья, задрапированная потрескавшейся от времени кожей. Тем не менее Топопс вошёл внутрь. Одна часть его сознания понимала, что наёмник будет выделяться на фоне света, в то время как он станет менее заметен в тусклом пространстве, но при этом у него будет мало места для манёвров. Другая, более глубокая часть его существа была яростно нетерпелива и настаивала на том, чтобы он ощутил чьё-то скрытое присутствие где-то в этом святилище. И оно появилось — Топопс заметил слабый свет. Умиротворение, которое являлось также и слабостью, снизошло на него, и он опустился на скамью, держа меч

наготове. Теперь святилище казалось тонким, как раковина, готовая разлететься вдребезги и обнажить своё содержимое. Пейзаж снаружи и приближение наёмника тоже казались призрачными. Пейзаж растягивался, мутнел, дрожал, а видение расширялось дальше.

Равнина серого песка. Сухие волны пыли с шипением взлетают вверх и рассеиваются. Слои чёрных облаков громоздятся на горизонте, как осадочные породы, просачиваясь на равнину, так что небо и земля стали неразличимы. Пыль и тени скользят по равнине. Иногда корка песка трескается как яйцо, и из скользящей насыпи растекаются уродливые конечности. В одном месте из песка выглядывает глаз цвета гниющих деревьев, присыпанный и окаймленный сухими слезами пыли. Серая равнина. Деревянные фигуры вылезают из песка, искалеченные и шатающиеся, и неуклюже дубасят друг друга. Там, где раздроблена конечность или выбит один из слепых зелёных глаз, течет белая гниль.

За песком находится пляж пурпурной грязи, почти чёрной. Серое море выплёскивается на него, и там, где волны сталкиваются, грязь дрожит и всасывается, как желатин. Конусообразные скалы поднимаются из моря, тускло поблёски-

вая, а кончики других погружаются в грязь. С берега поднимаются хлюпающие столбы грязи и шатающиеся насекомоподобные конструкции из раковин. Когда они сталкиваются, столбы разбрызгиваются и раздваиваются, как черви; белые скелетообразные насекомые разбиваются на фрагменты, и каждый из них перестраивается. Пляж из пурпурной грязи, почти чёрной.

В глубине сознания Топопса зарождался дремлющий свет. Точка безжалостного сияния начала расти, отбрасывая тени назад на ландшафт, распространяясь через его разум. «Нет, — думал он, — не равнина серого песка, не пляж пурпурной грязи, а зелёное царство!», Его разум был вытянут над ландшафтом, сложенным чашей, как святилище, с остро очерченным краем. Он глубоко вдавил её, как корону, в песок и грязь. Затем, когда его разум создал сферу и осветил её содержимое, Топопс начал управлять ландшафтом.

«Море, зачерпни грязи! Незапятнанное море, вылейся на берег! Обременённое море, погрузись на отдых глубоко в океан! Ветры, бросьте серую пыль на горы! Белый удушливый песок, мчись навстречу морю! Почва и камни, поднимитесь же с равнины! Летящий песок, разруби деревянных

калек! Растущий лес, становись деревьями и иди вперёд! Поднимайся, трава! Горы, не прячьте калек в своих пещерам! Скалы, сомкнитесь и сокрушите их!»

Затем чаша вокруг Топопса превратилась в святилище, а в дверях напротив трона появился наёмник. Топопс спокойно посмотрел на него и встал; казалось, его разум всё ещё был прикован к святилищу. Он увидел, что этот человек пришёл один, чтобы забрать его меч и королевскую одежду, это понимание пришло к Топопсу мгновенно, как во сне. Наёмник бросился в тронный зал, поднимая меч. Даже не думая о своём собственном клинке, Топопс поднял весь песок с пола святилища и швырнул его в глаза врага, прожигая их насквозь. Человек упал, дёргаясь, уже мёртвый.

Топопс посмотрел на труп сверху вниз. Святилище дало ему силу жить в своём собственном видении. Позади себя он услышал, как потайная дверь скользнула на место, и, обернувшись, увидел, что третья фигура на барельефе стала ясно видна. Это был человек, окружённый светом, с благоговением взиравший на нарисованную фигуру. Топопс протянул руку к барельефу. Затем он услышал топот копыт по песку.

Король направился к двери. Снаружи спеши-

вался третий из людей Ломбоана.

— Возвращайся в Топоум, — сказал Топопс, выходя из святилища. — Я убил наёмника, но у меня нет иного желания, кроме как простить своих подданных. Возвращайся к Ломбоану и скажи ему, что ты передаёшь слова короля. Скажи ему, что у меня есть власть сделать Топоум самым великим городом на Тонде, и что он и ему подобные должны исчезнуть.

Мужчина обнажил меч и бросил ножны в песок. Топопс было повелел песку сбросить человека на землю, чтобы он мог подчинить его себе, но его разум воспротивился этому. Наёмник бросился на него, размахивая мечом. «Не искушай своего короля! — крикнул Топопс. — Я больше не буду убивать рабов, повинуясь словам Ломбоана! Король не наказывает рабов!», Но когда Топопс отступил в святилище, его противник убрал меч и приготовился метнуть нож. Он отказал Топопсу даже в чести умереть от меча; вместо этого он вознамерился убить короля ножом, как преступника. Топопс сконцентрировал свои мысли на святилище, и дверной проём сжался, отсекая руки человека, пытавшегося сдержать надвигающиеся стены. Затем Топопс, из жалости, свёл стены вместе.

Святилище выбросило труп наёмника. Топопс закрыл дверь, выбросив останки третьего человека на равнину, и предался печали. В то время как он горевал, он видел пейзаж под слоями чёрных облаков. Деревянные фигуры карабкались вперёд из-за скал, а из песка на пляже поднимались столбы грязи, покрытые крошащимся песком.

Топопс задумался: «Разум короля должен быть достоин этого святилища. Мой разум позволил злу проникнуть в Топоум и был повинен в смерти двух подданных, чьим единственным преступлением было рабство. И нет у него веры вне этого святилища. Поэтому я буду сражаться с его помощью и сокрушу зло, угрожающее моему видению, ибо тогда мой разум полностью воспользуется его силой и сможет использовать её на благо Топоума и даже самого Тонда. Мой ум будет очищен и целостен, как и подобает королю».

Затем Топопс пробрался сквозь тьму к трону и начал собирать свой разум воедино.

Всё это произошло столетия назад, или, по крайней мере, так гласят легенды Йемина. Город Топоум уже давно был охвачен беспорядками и грабежами. Теперь святилище стоит между каменистой равниной и пляжем, заляпанным грязью. Путешественники, которые обходят это место сто-

роной, сообщают, что деревья там выбираются из пещер и воюют друг с другом; некоторые иногда приближаются к путникам, но растрескиваются. Моряки говорят, что скелетообразные фигуры и тёмные черви сражаются в сумерках на берегу. Когда жители Йемина укрываются от приливов, бушующих на пляже, они рассказывают именно эту историю. Никто не подходит к святилищу.

Перевод: А. Черепанов

Рэмси Кэмпбелл
Затемнение

Ramsey Campbell «Blacked Out», 1977

Вырвавшись из Мюнхенского потока машин, Лэмб неторопливо поехал вперёд. Раскрашенные гиганты, искусно выполненные и светящиеся, как фрески, украшали стены домов, которые выглядели так, словно достаточно было поднять их крыши, чтобы они зазвенели. На многочисленных балконах пылали цветы. Деревенские коровы, мягко позвякивая колокольчиками, бродили по полю около амбаров. Августовский солнечный свет скользил по меловым озёрам. То

тут, то там мелькали распятия в придорожных святилищах, похожих на деревянные ниши на стеблях.

Лэмб забыл купить дорожную карту. На худой конец, ему следовало найти её до наступления темноты. Но он был очарован Баварией. Иногда снаружи домов он видел пни и даже целые стволы с вырезанными на них гротескными лицами. Часто такие идолы сбивались в группу скрюченных и неполноценных стариков, и гримасничали, глядя на Лэмба. Он проезжал мимо них, улыбаясь.

В то время как ландшафт вокруг Мюнхена был абсолютно плоским, теперь перед Лэмбом выросли горы. Они ощетинились соснами. Глядя вдаль, Лэмб различал слой за слоем вершины, которые становились всё бледнее из-за тумана и большого расстояния. Являлись ли самые дальние формы горами или облаками? Лэмб миновал дорожный указатель. Он не смог разглядеть его, вытягивая шею. Злясь на себя, он дал задний ход.

Да, что-то было не так с указателем. Направление, в котором ехал Лэмб, было замазано чёрной краской. Предупреждение или вандализм? Боковая стрелка указывала на Мюнхен. Лэмб не хотел возвращаться назад, если этого можно было из-

бежать. Кроме того, впереди за холмом виднелся кончик шпиля церкви — заострённая луковица, сверкавшая зелёным светом. Конечно, дорога была безопасной.

Когда Лэмб приблизился к церкви, навстречу ему вышел священник. По крайней мере, так это выглядело; человек, казалось, жестикулировал ему — хотя Лэмб не был уверен, потому что тень шпиля на закате погрузила крыльцо в полумрак. Наступление сумерек застало Лэмба врасплох; словно это произошло как минимум на час раньше, чем в Англии. Должно быть, это объяснялось британским летним временем и, конечно, дни шли на убыль. Поманил ли его священник или жестом отослал прочь?

Прежде чем Лэмб успел ответить, паства скрыла священника из виду. Наконец, он разглядел, что движение на затемнённом крыльце — это люди, которые вышли и встали перед церковью: человек, похожий на бочонок для пива, от питья которого у него покраснело лицо, сейчас обмякшее, как будто оно таяло в угрюмом зное; худой мужчина, руки которого беспрестанно карабкались друг на друга, словно лапы паука; молодая пышущая здоровьем блондинка. Из всех глаз, устремлённых на Лэмба и множившихся по

мере того, как появлялось всё больше верующих, только её казались робкими. Лэмб чувствовал себя нелепо: его медлительная машина выдыхала дым на паству, а священник удалился в церковь. Лэмб поехал дальше.

Когда ему пришло в голову, что прихожане вероятно живут где-то поблизости, он мельком увидел деревню. Её огни, или, учитывая время суток, скорее отражения солнечного света на окнах, блестели сквозь деревья у подножия холма. Возможно, Лэмб мог бы остаться в деревне и научить местных жителей понимать его английский язык.

Из загонов на краю деревни на Лэмба смотрели рогатые головы. Их глаза были неподвижны, но челюсти двигались, что-то жуя. Почему глаза коров выглядели так, словно их обвели тушью? Лэмб опустил стекло, чтобы высунуться наружу, затем, слегка встревоженный, помчался в деревню. В глазницах коров кишели мухи.

Лэмб действительно видел огни. Вдоль всей узкой, чистой улицы стояли бледные светильники в форме шаров, они словно неподвижно висели в воздухе. Возможно, какая-то ошибка не позволила их погасить. Шары отражали не только солнечный свет, но и цветы, что толпились по

краям лужаек и раскачивались на деревянных балконах. По улице разносились запахи.

Деревня казалась странно искусственной, похожей на сон или на павильон, построенный для туристов. Только когда Лэмб остановил машину и стал искать в разговорнике просьбу о помощи — «Helfen Sie mir, bitte», что в переводе с немецкого означало «Помогите мне, пожалуйста», и казалось чересчур мелодраматичным способом спрашивать дорогу, — он понял, что необычного в этом месте: улица выглядела пустынной. Все окна были ярко освещены, с балконов свисали только цветы. Ничто не двигалось, потому что даже лужайки были отягощены горячим неподвижным воздухом.

Внезапно наступившая тишина стала действовать Лэмбу на нервы. Свет цеплялся за деревню, словно его парализовала жара. Место казалось слишком идеальным, его чистота угнетала. Шуршание страниц разговорника было близким и нервирующим, к тому же бессмысленным: похоже, немецкие фразы Лэмбу не понадобятся. Он сунул книгу под приборную панель и поехал дальше.

Знак «Gasthaus», остановил его. Лэмб понял это слово, не обращаясь к книге. Он не мог позволить

себе упустить возможность поесть и снять комнату. Впереди могли быть только горнолыжные курорты с заполненными отелями. Балконы делали гостиницу похожей на комод с приоткрытыми ящиками, здание казалось слишком привлекательным, чтобы проехать мимо.

Но внутри него никого не было. Жара создавала ощущение, что звон колокольчика на стойке поглощался туманом. Низкие потолочные балки не понравились Лэмбу; он чувствовал себя в клетке из тёмного дерева. Яркие огни делали их ещё более твёрдыми и тяжёлыми. Лэмб не мог заставить себя крикнуть: «Есть тут кто-нибудь?», даже если предположить, что здесь поймут его речь. Он поспешил обратно к машине.

Мимо проплывали дома. Ощущение нереальности усилилось; если бы Лэмб позволил себе расслабиться, то он мог бы вообразить, что плывёт по течению сквозь сон об образцовой деревне, выросшей до роста человека. И всё же он почти доехал до конца деревни. Дорога изогнулась, открывая взору дом, в окнах которого стояли большие, незажжённые свечи. По-видимому, это была свечная лавка, хотя никакой вывески не имелось. За этим домом на краю деревни располагалась маленькая церковь.

Что за церковь может принадлежать такой тихой деревне? Хотя любопытство Лэмба было не совсем приятным, он вышел из машины. На некоторых могилах, окружавших церковь, по Баварской традиции горели свечи в стеклянных сосудах. Лэмб поднялся по тропинке, неровной и изрытой, как плохая дорога, и толкнул дверь под остроконечной аркой. Там он остановился, застигнутый врасплох.

Когда-то, судя по луковичному шпилю, это была типичная Баварская церковь. То, что осталось от фресок, наводило на мысль, что здесь было чем любоваться — в одном месте безупречно чистое крыло с перьями, в другом — обрывки лица и нимб. Но на облупившихся стенах остались лишь фрагменты картин, а большая часть крыши отсутствовала. Скамьи опирались друг на друга; они казались слившимися из-за корки осыпавшейся штукатурки. Внутренняя дверь лежала на крыльце, расколотая на несколько частей.

Она выглядела более свежей, чем само здание. Что же выломало дверь наружу? Шальная, возможно, дремлющая бомба? На мгновение Лэмба охватил приступ смутной исторической вины. Систематическое осквернение не могло бы разрушить церковь более основательно и не сделало

бы её менее похожей на церковь.

Послеполуденный свет просачивался сквозь закопчённые окна. Когда-то он, должно быть, освещал позолоченный алтарь. Теперь свет ощупывал чешуйки и раны отсыревшей штукатурки. Когда облака начали закрывать солнце, потрёпанный обесцвеченный участок стены, казалось, начал украдкой извиваться и ползти.

Там, где раньше стоял алтарь, теперь в каменном полу зияла неровная дыра. Если шуршание, доносившиеся до Лэмба, вызвали куски штукатурки, осыпавшейся в дыру от его шагов по полу, то по глубине звучания, дыра показалась ему довольно глубокой.

Лэмб не собирался это проверять. Пол вполне мог оказаться небезопасным, а в церкви царила сырость, потому что холод достиг Лэмба; он подавил дрожь в теле. Пахло плесенью — во всяком случае, чем-то растительным.

Лэмбу следовало бы двигаться дальше, чтобы до темноты успеть устроиться поудобнее. Или лучше вернуться на несколько миль назад, в отель с видом на озеро? Лэмб всё ещё нерешительно стоял на крыльце, когда услышал позади себя шаги.

На мгновение, когда он обернулся, сон наяву

превратился в кошмар. Он узнал все лица, появившиеся на улице, но точно так же он понял, что не встречал ни одного из них. Затем все сошлись воедино. Лэмб видел, как эти люди выходили из предыдущей церкви. Вот почему деревня была пуста. Даже излишнее освещение улиц, казалось, получило объяснение: вы тоже могли бы оставить свет включённым, уходя из дома на несколько минут, чтобы показать, что скоро вернётесь. Конечно, это была чепуха, но абсурдность ситуации вызвала у Лэмба вздох облегчения. А может быть и в гостинице сейчас кто-нибудь появился? Торопясь мимо нервных огней к своей машине, Лэмб увидел худого человека с беспокойными руками, заходящего в свечную мастерскую. Возможно, изготовление свечей успокаивает эти руки.

Кем ещё мог быть тот бочкообразный мужчина, как не хозяином гостиницы? Да, он мог бы предоставить Лэмбу номер на ночь. Его спаниельские щёки поникли под светильниками; свет делал его лицо ярким, как искусно расплавленную свечу. Мужчина казался угрюмо озабоченным и почти не интересовался Лэмбом. Может быть, его отвлекла жара? Но когда Лэмб поднимал свой чемодан наверх, он поймал на себе косой

взгляд хозяина. Возможно, он был слишком горд, чтобы открыто приветствовать Лэмба. Судя по тишине гостиницы, Лэмб мог быть единственным гостем.

В таком случае он должен отказаться от комнаты. Когда Лэмб, тяжело дыша, поднялся на три пролёта по крутой лестнице из тёмного дерева, то обнаружил, что ему тесно под таким низким потолком. По крайней мере, окно в наклонной стене располагалось на комфортном уровне, и Лэмб мог смотреть на улицу. Интересно, где сейчас та стройная блондинка?

В приступе негодования и разочарования Лэмб достал из чемодана журналы, которые купил в Мюнхене. Лучше почитать их, чем смотреть в окно. Но откровенные фотографии казались Лэмбу скорее извращёнными, чем эротическими. Им удалось лишь заставить его почувствовать себя одиноким под самой крышей гостиницы. Лэмб резко спустился вниз, чтобы потребовать другую комнату.

Он не мог объяснить свои чувства. Разговорник позволял ему сказать: «Нет, мне не нравится», — но не выразить словами, что именно неправильно с комнатой. «Es ist zu… холодная/горячая/тёмная/шумная?». Он не мог найти пе-

ревода для слов «одинокая», «уродливая», или «угнетающая», даже предполагая, что он мог бы заставить себя заговорить о таких вещах. Маленькие тусклые, озабоченные глазки хозяина гостиницы наблюдали за Лэмбом из-под тёмных балок с мрачным терпением спаниеля. Наконец Лэмб остановился, чувствуя себя глупо и неумело, и направился в ресторан.

Официантка держалась отчуждённо, почти не желая прислуживать ему. Если бы она была той блондинкой! Неужели Лэмб должен был купить еду, чтобы оправдать заказ пива? Очень жаль; он не собирался ужинать слишком рано — у него имелось много других планов на вечер, кроме прогулки. Он быстро опустошил свою кружку, потому что ресторан был слишком ярким, враждебным к мрачному, тёмному пиву, которого он жаждал. Едва ли хоть один уголок ресторана мог избежать освещения.

Возможно, комната Лэмба была предпочтительнее, по крайней мере на какое-то время. Он мог бы запереться в ней с журналами — хотя, как бы он себя ни сдерживал, чтение заняло бы слишком мало времени. Тень Лэмба горбилась, как гусеница, над лестницей перед ним; она выглядела одинокой среди яркого света. Верхние

этажи здания казались пустыми. Но когда Лэмб добрался до лестничной площадки, дверь его комнаты распахнулась. Лэмб чуть не оступился, когда перед ним появилась та самая блондинка.

Его эмоции перемешались и почти вывели его из равновесия: восторг, смущение, недоверие, подозрение. Он притворился, что его вздох был прелюдией к кашлю. Что блондинка делала в его комнате? Её косой взгляд казался не столько робким, сколько лукаво-соблазнительным, потому что она улыбнулась.

Было ли это сделано для привлечения внимания Лэмба или нет, но он смог шагнуть вперёд. Когда девушка отошла в сторону в узком проходе, яркий свет сделал всё её тело очень живым: её большие твёрдые груди, голубые глаза, её кожу, которая выглядела одновременно скульптурной и загорелой, её застенчивую улыбку. Что говорили Лэмбу её глаза? Прежде чем он успел подумать, девушка уже направилась к лестнице. Неужели она покачивает своей круглой попкой под облегающей чёрной униформой специально для него?

Конечно, она работала горничной. Всё остальное было фантазией. Лэмб понял это, как только увидел полотенце, висевшее на спинке кровати.

Но едва он вошёл в комнату, как его мысли остановились. Журналы, которые он оставил на полу, были разложены на кровати и открыты.

Как она смеет совать нос в чужие дела! То, что он читал, никого не касалось! Ей-богу, если он поймает её, то… Внезапно Лэмб понял, как аккуратно журналы разложены на кровати, открытые на самых откровенных страницах. Он сразу понял, что означали её улыбка и взгляд.

К тому времени, как Лэмб поспешил выглянуть из комнаты, лестница была пуста, отсутствовала даже тень горничной. Да он и не слышал её шагов. Должно быть, ему суждено ждать. Лэмб лежал на кровати и видел её во сне — или пытался увидеть, но резкий свет мешал ему. Где же, чёрт возьми, выключатель? Очевидно, не в комнате. Он мог бы отвинтить лампу, но соединение лампы и розетки было забинтовано изолентой. Возможно, выкручивать лампу опасно. Без сомнения блондинка знает, как выключить свет, — если, конечно, ему дадут поспать.

Лэмб лежал на кровати, воображая, что блондинка расположилась рядом. Темнота и тепло окутали их. Её шаги на улице заставили Лэмба очнуться от своих фантазий. Спотыкаясь, он подошёл к окну. Небо было затянуто тучами, а улица,

наоборот, казалась ещё светлее. Да, это была та самая блондинка, шаги которой он услышал. Она разговаривала с тощим мужчиной, у которого дёргались руки.

Лэмб попытался украдкой открыть окно, надеясь услышать слова, которые он мог бы понять. Но стекло задребезжало в раме, и мужчина поднял голову. Его лицо, казалось, исказилось выражением пуританского презрения, хотя на таком расстоянии Лэмб вполне мог ошибиться. Мужчина резко повернулся к блондинке, и Лэмб услышал их разговор, непонятный, если не считать одного ободряющего слова: она называла собеседника «отец». Всё шло хорошо, и вряд ли могло быть лучше, потому что, уходя вслед за отцом, она взглянула на Лэмба и, без сомнения, улыбнулась.

Значит, у неё и Лэмба есть общий тайный план. Если она собирается домой, чтобы приготовить отцу ужин, то Лэмбу лучше поесть прямо сейчас. Однако эта стратегия была настолько банальна, что заставляла его колебаться. Неужели всё это происходит на самом деле? Выставляет ли он себя дураком? В то же время дневные приключения обещали новые сюрпризы. Лэмб чувствовал себя так, словно незнание, где он находится, даже

незнание того, как называется эта деревня, давало ему свободу исследовать новые возможности.

И всё же в ресторане нереальность происходящего становилась всё более угрожающей. Под множеством огней его окружали клинически детальные лица. Лэмб узнавал каждого человека, но не понимал ни слова из их болтовни. В данных обстоятельствах казалось, было даже хорошо, что никто не сидел за его столом и не разговаривал с ним. Но это оставило его наедине с растущей паранойей: сколько из них знали о нём и девушке? Некоторые люди поглядывали на Лэмба во время разговора; большинство из них казались странно обеспокоенными, без сомнения из-за жары.

Конечно, Лэмб просто приписывает им свои собственные сомнения. Он плотно поужинал пряным мясом неизвестного животного. Конечно, это было не то, что он заказывал, но другого повода жаловаться у него не имелось. Лэмбу хотелось бы и дальше смотреть на жителей деревни, но он чувствовал, что не должен здесь задерживаться: девушка вряд ли придёт к нему иначе, как в его комнату.

Он был рад вернуться наверх, даже в комнату для гномов. Над голой лампочкой на наклонном потолке парило пылающее пятно, которое, каза-

лось, вот-вот обрушится на Лэмба. Он пожалел, что не попросил дать ему другую комнату, эта была слишком мала, но сейчас он не должен ничего менять.

Он лежал и ждал. За окном сгущалась ночь; яркое сияние деревни делало её больше похожей на туман. Сколько времени уже прошло? Сказать наверняка было невозможно: его часы остановились — должно быть, ещё в ресторане. Неужели отец девушки запретил ей встречаться с Лэмбом? Конечно, она не могла обсуждать этот план, и не это являлось причиной враждебного взгляда мужчины и других людей во время ужина. Из-за одиночества Лэмбу приходили в голову разные бредовые мысли. Нужно просто расслабиться, не ворчать, а просто позволить вещам происходить. Лэмб скользил мимо кучки морщинистых лиц; их глаза выглядели неровными дырами. Прежде чем он смог добраться до церкви, темнота поглотила его. Лэмб проснулся и увидел, что дверь его комнаты открыта.

Неужели блондинка приходила к нему и боялась разбудить? Спотыкаясь, он подошёл к окну. Улица была театрально яркой и совершенно пустой. Во рту у Лэмба появился кислый привкус пробуждения и разочарования. Его обманули

или он сам себя обманул? Чтобы окончательно проснуться и вернуть себе надежду, он поплёлся на лестничную площадку. Какое-то движение заставило Лэмба посмотреть вниз, и девушка у подножия лестницы робко улыбнулась ему, после чего сразу выскользнула из виду. Должно быть, она покидает гостиницу. Порывшись в кармане, чтобы убедиться, что ключ у него, Лэмб захлопнул дверь и поспешил вниз. Тёмное дерево загремело под его ногами. Боже милостивый, он топал так, словно совершал паническое бегство. Вряд ли девушке хотелось привлекать к себе внимание.

Неужели Лэмб шумел так, что спугнул её? Улица выглядела чистой, как обглоданная кость, не было даже теней. Все это выглядело как мечта о совершенстве, в которой автомобиль Лэмба возле гостиницы представлял собой несообразность. Являлось ли её лицо внизу лестницы остатком сна? Нет, потому что Лэмб мельком увидел её черное платье, исчезающее за поворотом улицы.

Он бросился вдогонку, ещё не понимая, куда она собирается его вести. Жара и затянувшееся оцепенение притупили мысли; Лэмба лихорадило. Похоже, блондинка удачно выбрала время, потому что улица оставалась безлюдной, хотя кое-где в окнах горел свет. Конечно, она знает,

когда жители будут заняты в своих домах или в гостинице.

Улица была слишком коротка, чтобы дать Лэмбу время для сомнений. Но тишина, изолированность их шагов, казались пугающе нереальными, как будто Лэмба вовлекли в имитацию сексуальной погони. Запахи доносились до него, манили его бежать вперёд. Он ускорил шаг, раздосадованный тем, что из-за поворота улицы он потерял девушку из виду. Он услышал, как она тоже ускорила шаг. Она почти добралась до дома своего отца.

Её отца нет дома или он ждёт их обоих? Лэмб не собирался выступать перед публикой. Приключение — это одно, извращение, которым он не наслаждался, — совсем другое. Но когда он добежал до поворота, то ясно увидел блондинку. Не оглядываясь, она прошла мимо дома и чопорно направилась к церкви.

Очевидно, она собиралась повести его в поле. Это было довольно примитивно, но вряд ли привлекательно. Лэмб не успел это обдумать, ибо церковь захватила всё его внимание. Была ли она охвачена огнём?

Рискнув шагнуть вперёд, Лэмб увидел огни. У него сложилось впечатление, что их тысячи;

стеклянные сосуды стояли не только на могилах, но и на дорожках между ними. В церковном дворе горело множество свечей.

Неугомонный свет заставил церковь зашевелиться на своём фундаменте. Может, кто-то прислонил к крыльцу ствол дерева? Должно быть, это была игра света, потому что на мгновение Лэмбу показалось, что на стволе дерева вырезано извивающееся лицо, такое же длинное и узкое, как дверной проём. Когда Лэмб прищурился, его глаза ещё больше ослепли, не в силах разглядеть внутреннюю часть крыльца.

Поначалу он не мог понять, куда делась блондинка. Пока он всматривался в темноту за деревней, откуда-то донеслось зловоние. Удобрение или перезрелый урожай? Господи, как долго они оставляли вещи гнить? Если девушка ушла в эту темноту, Лэмб больше не горел желанием следовать за ней.

И тут он увидел её. Она кралась вдоль внешней границы церковного кладбища. Только трепещущий овал её лица был виден над пляшущей оградой; её одежда сливалась с темнотой. И все же на её пути было достаточно света, чтобы Лэмб чувствовал себя в безопасности.

Когда он ступил на тропинку, она медленно

зашевелилась под своей травяной шкурой. Лэмб потратил некоторое время на то, чтобы убедиться, что под ним твёрдая земля. За оградой послышался лязг металлических ворот и быстрый скрежет. Девушка теперь оказалась вне поля зрения Лэмба. Боже милостивый, зачем он медлит? Он пробежал мимо ослепительно сияющего кладбища к краю ограды. Там имелась калитка, а за ней узкая тропинка между живыми изгородями — но калитка была заперта на цепочку и висячий замок.

Значит, блондинка дразнила Лэмба, не так ли? Прежде чем его гнев успел набрать оборотов, он притих. Здесь было нечто большее, чем сексуальные игры, хотя Лэмб ещё не мог сказать, откуда он это узнал. Что же его беспокоит? Острые пики на ограде и воротах, которые заключили его в темницу? Яркая улица замкнулась в себе? Блондинка сбежала? Возле церкви что-то шевельнулось.

Руки Лэмба судорожно сжали прутья ограды. Затем он немного расслабился. Движение оказалось всего лишь скачком темноты: несколько свечей, ближайших к крыльцу, погасли. Но прежде, чем Лэмб успел отвести взгляд, тьма приблизилась к нему ещё на шаг.

Словно тень упала на свечи, тень, состоящая из

грязи: Лэмб видел, как огни вспыхнули, сжались и погасли. Он с трудом разглядел, что фигура высотой с дверной проём, казалось, высунулась из церкви. Зловоние растений или разложения захлестнуло Лэмба, удушая его. Он вспомнил запах внутри церкви. Липкий холодок, похожий на тот, что он чувствовал тогда, пробежал по его телу и заставил его задрожать.

Когда погас третий ряд свечей, Лэмб побежал. Прежде чем он добрался до ворот кладбища, пятно тьмы уже растеклось по половине могил. Была ли это фигура, двигающаяся за пределами его зрения? Лэмб застонал, хотя воздух с трудом пробивался через его сжатое горло к дрожащим губам.

Всё казалось неизбежным, как кошмар. Всё было спланировано заранее. Лэмб почти не удивился, когда, спотыкаясь, вбежал в деревню и увидел, что все окна освещены. Теперь он смог увидеть девушку, которая возвращалась в дом своего отца.

Возможно, её принудили соблазнить Лэмба. Может ли она теперь приютить его? Пожалуйста, ради бога, пусть она поможет, потому что позади Лэмба всё кладбище погрузилось во тьму. Он может не успеть добраться до своей машины,

если огни деревни не защитят его. Зловоние нахлынуло на Лэмба, холод охватил его. Тишина кладбища казалась совершенно ужасной. Он, пошатываясь, направился к блондинке.

— Помогите мне, — закричал он.

Возле двери она обернулась. Её лицо выглядело непроницаемым, хотя и не робким.

— Helfen Sie mir, — с трудом выговорил Лэмб. Это звучало абсолютно неубедительно и абсурдно.

— Bitte! — выкрикнул он. — Bitte!

Слова застучали у него во рту и могли бы показаться комичным, если бы их невыразительность не была ужасающей.

Вдруг Лэмб увидел, что за спиной девушки встал её отец. Избегая взгляда Лэмба, она потянулась назад и что-то взяла в руки. Лэмб отпрянул, но это оказалось не оружие, а только большая сковорода и деревянная ложка. Она тут же принялась стучать ими друг о друга. Всё еще не в силах смотреть на Лэмба, она пинком захлопнула дверь у него перед носом. Как будто её стук был сигналом, а несомненно так оно и было, запертые дома ожили от грохота посуды.

Шум стоял оглушительный. Это привело ум Лэмба в смятение. Он не мог планировать, только дико побежал прочь, когда понял, что улица за

его спиной потускнела. Крайние светильники поглотила тьма. Должно быть, этот неистовый грохот предназначался для того, чтобы отогнать Лэмба и его преследователя подальше от домов, на середину улицы.

Лэмб бежал, отчаянно постанывая про себя. В груди у него саднило, он не мог дышать. Его ноги подогнулись от боли, и он чуть не упал. Какой короткой казалась улица раньше! Металлический грохот гнал безумно напуганного Лэмба вперёд.

Когда он увидел гостиницу и осознал, что его машина исчезла, он нечленораздельно вскрикнул. Спотыкаясь, он добрался до двери, хотя знал, что она заперта; рыдая, он забарабанил в неё. Краем глаза он заметил темноту, заливающую улицу. Грохот подтолкнул тьму к Лэмбу.

Когда он стукнул кулаком в дверь, уже не в надежде войти, а потому что вся его рука дрожала, он увидел впереди, за деревней, зарево. Оно было бледным и выглядело обглоданным. Лэмб захромал в ту сторону, потому что больше идти было некуда. Потом он понял, что это лунный свет поднимается над горами и грызёт силуэты сосен.

Конечно, ничто не могло погасить этот свет. Лэмб заставил себя бежать, с трудом втягивая воздух в лёгкие. Но на краю деревни он остановился.

Ему предстояло пробежать несколько сотен ярдов в темноте, прежде чем он достигнет холма и автотрассы, где его, возможно, поджидало сияние. Лэмб прищурился, задержавшись на самом краю освещённой деревни, ещё не решаясь рисковать бегством через тьму, дорога не была пустой. Там стояла машина, должно быть, его собственная.

Возможно, у Лэмба ещё есть шанс. Он втягивал воздух в лёгкие, пока они не начали пульсировать, а затем, задыхаясь от чистой паники, рванул вперёд, в темноту. Позади него деревня потускнела, превратившись в тлеющий уголек, а затем погасла.

Лэмб видел только свет луны вдалеке. Но затем вдруг деревня вновь осветилась, а металлический грохот прекратился. Лэмб сразу понял, что нечто, выбравшееся из разрушенной церкви, находилось теперь здесь, в темноте рядом с ним, не давая ему выйти из деревни.

В любом случае, коварный холод, и распространяющаяся вонь уже намекали на это. Почему жители деревни загнали его машину на холм? На тот случай, если ему удастся добраться до гостиницы, или для того, чтобы заманить его дальше? Лэмб хотел бы, чтобы тишина не позволила этим мыслям сформироваться. Он бежал, стараясь

не спотыкаться и глушил свои мысли тяжёлым дыханием, потому что позади него в темноте слышался неторопливый скрип, который мог быть и звуком конечностей, и, что ещё хуже — чем-то вроде смеха.

Перевод: А. Черепанов

Рэмси Кэмпбелл
Перед грозой

Ramsey Campbell «Before the Storm», 1980

Над городом солнце напряглось в серой пустоте; из-за горизонта с грохотом приближалась гроза. По всей Уолтон-Стрит люди вырывались на открытое пространство, чтобы отдышаться, тщетно пытаясь избежать жары в своих офисах. Ослепляющее солнце словно застыло над зданиями.

Внезапно он понял, что ещё до того, как в город ворвётся гроза, жара высвободит жизнь, шевеление которой где-то в темноте он ощущал даже сейчас. Куда он мог спрятаться? Следует выбраться из толпы покупателей, самое лёгкое прикосновение которых вызывало у него мучительную боль; но как он мог покинуть рас-

калённую улицу? Мужчина повернулся, чтобы посмотреть на размытые здания, и сумел сфокусироваться на входной двери слева. Он нырнул в низкий вестибюль, задев банку с деньгами, которые рассыпались на столе газетчика, и увидел лифт.

Стены были безликими, за исключением ряда кнопок перед его лицом. Инстинктивно он нажал пылающим от боли пальцем на самую верхнюю кнопку. Двери закрылись, и лифт поехал наверх, незанятые ничем руки мужчины безвольно опустились. Его бегающие глаза упёрлись в потолок; ему показалось, что нечто маленькое и круглое столкнулось с крышей. Он пополз через пещеру, потолок которой находился всего в тридцати сантиметрах над ним. Здесь не было света, но он как-то мог видеть пауков, которые роились над его головой, покрывая всю крышу. Периодически пауки мягко падали на него. Затем появился конец пещеры: изогнутая стена от пола до потолка, отсекающая все пути к бегству. Раздалось громкое шуршание. Мужчина перевернулся на спину и увидел, как шаровидные тела падают с потолка и мчатся к нему через пещеру, кусаясь. Его охватило безысходное отчаяние, когда пауки стали пробираться в его рот.

Его пылающая рука ударилась об открытую дверь лифта. Он упал в пустой вестибюль. Окна сияли впереди него, но, по крайней мере, солнечные лучи уже не светили прямо в помещение. Нарисованный на стене указательный палец с неразборчивыми словами над ним направил мужчину в нужную сторону. Здесь было лучше, чем на улице; через одно открытое окно даже немного дул ветер. Мужчина повиновался пальцу и захромал по короткому коридору, в конце которого он последовал указанию другого светящегося табло. Оно привело его в комнату, похожую на приёмную.

Справа он увидел дверь, которая приглашала его войти. Слева открылась перегородка, и лицо качнулось в окошке. Имелось ли какое-нибудь укрытие в том направлении? Нет, окошко было слишком высоко, чтобы в него можно было пролезть, и мужчина отвернулся, его голова закружилась, и, спотыкаясь, он прошёл через правую дверь.

У него не было чёткого представления о комнате за этой дверью, но его это не беспокоило. У него сложилось впечатление, что рядом с ним стоят шкафы, длинная, высокая комната, и вдалеке кто-то переговаривается шёпотом. Только одна

вещь имела значение: стул впереди, возле стола. Мужчина пошатнулся и мучительно опустился на стул. Затем он закрыл глаза. Но тут же спохватился и открыл их; но всё же на мгновение его затянуло вниз на изрытую ямами равнину с разрушенными башнями, из которых высовывались робкие руки. Лихорадочный жар прожигал мужчину. Он в отчаянии моргнул и обнаружил молодого человека, сидящего рядом за столом, возможно, из множества людей он находился ближе всех. Мужчина крикнул, как мог, и увидел, как молодой человек вопросительно смотрит на него, медленно встаёт, подходит, постепенно вырываясь из жидкой дымки.

— Кто это?

— О, извините, — добавила Джоан, поняв, что Боб отвечает на телефонный звонок. Молодой человек что-то подтвердил и взял другую трубку, дав ей сигнал, что он открыт для обращений.

— Просто похоже, что кто-то странный пришёл на собеседование, — сказала она. — Вон там, возле стола для приёма. Он выглядит очень больным.

— Да, мне сообщили по коммутатору. Кажется, он проигнорировал девушку в окне справочной и пришёл прямо сюда. Выглядит как налогоплательщик, у которого проблемы. Пусть с ним

поговорит кто-то другой. Если найдётся кто-нибудь. Я не провожу консультации.

— Ну, ты же не думаешь, что я буду им заниматься! Во всяком случае, — заметила она, — похоже, что он закреплен за Берни.

Это будет сложно и неприятно, подумал Бернард Коэн, садясь за стол. По крайней мере, стол являлся барьером между ним и мужчиной напротив. Бернард видел, как тот вошёл; было бы невозможно не заметить его появления, так как ботинки мужчины неловко стучали по полу в смехотворно кривоногой походке. Неприязнь Бернарда усилилась, когда мужчина подошёл ближе. По городу ходит много небритых людей, но они выглядят несомненно лучше, чем этот мужчина; пальто пришельца было грязным; всё его тело было бледным и раздувшимся, как у утопленника, а в его выпученных глазах полопались капилляры. Он, казалось, находился на последней стадии какой-нибудь гадкой болезни.

— Вы за справкой о подоходном налоге? — спросил Бернард.

И он увидел, что беседа будет хуже, чем он ожидал. Рука мужчины поднялась и слегка хлопнула по уху; он открыл рот, и нижняя челюсть его повисла. Бернард с удивлением подумал:

умственно неполноценный? Затем рот мужчины задвигался, и из него понеслись громкие звуки. «Уа-уу… эээ», разнеслось по офису. Сотрудники стали удивлённо оглядываться по сторонам. Бернард ничего не мог понять.

Он попробовал снова обратиться к посетителю.

— Не могли бы вы сказать мне своё имя? Это помогло бы.

Но теперь углы рта у мужчины повернулись вниз, а руки дико затряслись. Он снова начал издавать звуки, хриплые, более раздражающие. Бернард кашлянул.

— Простите, — сказал он и поспешил выйти из комнаты.

Оставшись в одиночестве, изолированный стенами из оптического тумана, мужчина положил подбородок на руки; даже от этого действия у него закололо в локтях. Его одежда сморщилась до состояния второй кожи и свободно оттопыривалась всякий раз, когда он двигался. Мужчина огляделся, напрягаясь от неопределённости. Впереди и слева от него был недавно освобождённый стол, усыпанный образцами заявлений; рядом с ним устало висели закрытые шторы. Его голова качнулась вправо; глазам удалось распознать

металлический шкаф с высокими двойными дверцами. Высокие двойные двери — как в том доме…

Он поверил, когда его впервые вовлекли в Сообщество однажды ночью в пабе; весь его скептицизм испарился, когда возле одного из маленьких близлежащих городов они повели его вниз по ступенькам в яму; и к тому времени, когда он поднялся из этой ямы, испытав прикосновения и шёпот невидимых обитателей чёрных озёр внизу, он был отгорожен от любого вида мирского знания. Поэтому, когда он спустился по Саут-Стрит в ту ночь и пришёл в дом за дорогой, он принял в качестве истины легенды, на которые намекали местные жители — об огромных лицах, которые выглядывали из окон этого дома; о формах, видимых на его крыше в свете луны. Ведь этот дом служил резиденцией ведьмы, которая однажды десять лет назад с криком выбежала из дома, стряхивая фигуры, копошащиеся на её теле, и исчезла в близлежащем лесу. Но если бы он ушел с сомнениями в голове, то такие сомнения исчезли бы при виде дома. Искривлённая остроконечная крыша и шаткая дымовая труба вырисовывались на фоне почерневшего неба, передняя дверь висела открытой на скрученных

шарнирах, окна смотрели в небо; дом словно поджидал гостей.

Мужчина прошёл под навесом со странными резными символами. Всё выглядело так, будто он перевернул камень в каком-то тёмном влажном месте; он почувствовал, что вещи оживают и отступают в темноту. Его охватил страх, который он подавил только вспомнив о сделке, на которую согласился. Место было живым — мужчина почувствовал, что жизнь пульсировала и смотрела на него из каждой неосвещённой комнаты. Когда он прошёл мимо железной балюстрады лестницы, что-то переместилось над его головой в отфильтрованном лунном свете, и он подумал, что видит объект, похожий на хвост чего-то огромного, что быстро исчезло за изгибом лестницы. Двери в зале за балюстрадой были закрыты; возможно, их закрыли только что, потому что из одной комнаты раздалось хлопанье, словно кто-то расправлял крылья. Дверь последней комнаты зияла темнотой; мужчина поспешил пройти мимо неё, но не мог не заметить кровать в глубине комнаты и бледную неподвижную фигуру, сидящую на кровати. Теперь мужчина оказался перед высокими двойными дверьми в конце зала. Он стоял в нерешительности, но вдруг услышал, как

что-то тяжёлое стало с грохотом стало спускаться по лестнице. Мужчина распахнул двери и прыгнул вперёд.

Он провалился в полную темноту и закричал, когда одна его нога машинально выдвинулась, чтобы избежать падения, и не нашла пола для опоры. Казалось, что падению никогда не будет конца. Он тщетно пытался отдышаться, когда невидимые порывы ветра завыли над ним. Он летел вниз по туннелям, покрытым мягким веществом, и ему не хотелось знать, что это за вещество. Но, наконец-то, он ударился о дно: круговую область из какого-то резинового материала. От неё мужчина отполз вниз по проходу, ощущая формы в темноте, которые пульсировали и отскакивали от его рук. Он вышел в огромный склеп с арочным потолком; сюда вели бесчисленные проходы и все они сходились на тёмном колодце в полу. Мужчина похолодел при виде этого колодца, и, пока он стоял в нерешительности, то увидел, как из проходов к краю колодца выскользнули белые существа. Он понял, что это те самые, которые вытолкнули его из его убежища. Затем что-то зашевелилось на стене. Из темноты вылез раздутый побледневший овал, который поддерживали бесчисленные бесплотные

ноги. В студенистом овале сформировались глаза и посмотрели на мужчину. И он поклонился, как ему сказали, и обратился к ужасу по имени — Эйхорт — и под арочной крышей посреди ночных туннелей сделка была заключена.

Он снова почувствовал стол перед собой, сиденье под ним, голоса, которые стихли, и жар, который мучал его, — всё это так же внезапно появилось, как и исчезло до этого. Он старался держаться, но это было не воспоминание о колодце и туннелях, а *реальность*.

Он пробирался по спиральному пандусу из какого-то сверкающего металла, и не знал, с какой целью. Он подтянулся к краю, его тело реагировало на незнакомые движения и на одну головокружительную секунду он выглянул наружу. Пандус поднимался по внутренней части башни, которая простиралась вниз и вверх намного дальше, чем он мог видеть. Пытаясь разглядеть, что находится в самом низу, мужчина заметил фигуру, которая с ужасающей скоростью по спирали поднималась к нему. В слепом ужасе он отпрянул назад. В стене не было ни одного окна, и он был почему-то даже рад тому, что не видит мира снаружи, потому что в своём бегстве он проносился мимо фресок, изображающих го-

родские башни, которые поднимались из болота — город, по улицам которого ходили высокие скелеты, лица которых всегда были закрыты. Слабая надежда вновь подтолкнула мужчину к краю, чтобы посмотреть наверх, но крыша всё ещё находилась за пределами его поля зрения, и когда он повернул назад, металлическая поверхность отразила его и то существо, что мчалось к нему снизу, но теперь оно стояло в одном шаге позади него. Мужчина вскрикнул.

Бернард отвёл глаза от Джоан и Роберта, которые жаловались ему:

— У нас тут псих какой-то.

Мистер Видалл поспешил к ним.

— Что случилось с тем парнем? Кто им занимается?

— Я, но я не мог с ним справиться, — ответил Бернард.

— Ну, кто-то же должен иметь возможность иметь дело с ним! Боже! — прошипел мистер Видалл. — Что подумают налогоплательщики за другими столами? Чей это клиент?

— Я даже не выяснил этого… или скорее, не смог…

— Кажется, вы работаете в нашем отделе достаточно давно, чтобы справиться с такой про-

цедурой. Хорошо, я сам поговорю с ним.

Видалл направился к дальнему концу комнаты, оглядываясь, пока сотрудники не разошлись по своим местам, и подошёл к столу. Но глаза сидящего человека были словно стеклянные и ничего не выражали. Это был очень больной человек, решил мистер Видалл, и коснулся его запястья, чтобы пробудить посетителя, но тут же с тревогой отдёрнул свою руку, потому что кожа мужчины пульсировала, как будто под ней ожили все нервы и мышцы.

Ночное небо было не таким, как на Земле. Чёрный город вокруг него был разрушен; его столбы лежали на каменных лестницах; стены с маленькими окнами покрылись ледяными сосульками. Какова бы ни была миссия мужчины, ему не следовало входить в эти лабиринты улиц; чем более мёртв город, тем больше жизни он скрывает. Что-то выглядывало из-за столба; позади мужчины послышался шорох мусора, и он обернулся, чтобы увидеть, как к нему приближается фигура в лохмотьях и капюшоне. Пока он беспомощно стоял, фигура скользнула ближе, капюшон наполовину раскрылся и под ним оказалась голова из летающей паутины. У мужчины не было шанса закричать, когда голова прижалась к его лицу.

Рука на его запястье пробудила картину из стола и стула. Напротив него всплыло видение человека; он что-то выспрашивал у него. Это не походило на предыдущий опрос; манеры этого человека были слишком официальными. Человек наклонился ближе и спросил шёпотом, который пронзил мужчину насквозь:

— Скажите, пожалуйста, что случилось?

Может быть, это слуга Эйхорта или, возможно, член какого-то культа? Если это так, он может вытащить его из тени на солнце — он должен тянуть время. Объяснить. Но его горло словно сжалось, и он не мог выдавить из себя ни звука. Он резко повернулся в кресле и увидел стол, обрывки бумаги, разбросанные шариковые ручки. Рукой, которая свисала, как вырванный зуб, он нащупывал их так отчаянно, что в конце концов сгрёб всё перед собой.

Его кожа зудела, но он не осмеливался прикоснуться к ней. Боль в руке подавила все другие ощущения. Мужчина теребил ручку и пытался думать о том, какие вещи из его памяти помогут описать его бедственное положение. Но совсем другие образы теснились в его голове, то, что он видел, места, которые он посетил: колоссы охраняли чёрные каналы на Югготе — свистящие

головы — звуки рога, которые преследовали его в лесах Тонда — гигантский глаз, выглядывающий из-за деревьев — лицо, которое изрекало слова в бездне за краем — мёртвые существа на орбите вокруг миров за пределами Шаггаи — закрытые потайные склады в портовом городе — последнее откровение у озера Глааки — выгоревшие на солнце здания забытого города, на стенах которого пульсировало слово «ТРАК», и в углах которого белые фигуры слабо двигались…

Мистер Видалл был непонимающе встревожен. Мужчина перед ним начал писать, его лицо скривилось от напряжения, затем его глаза потускнели, и он застыл от паники. Почти ритмично ручка в его руке боролась с бумагой, медленно выписывая слова:

«Заключил сделку с Эйхортом, Богом Лабиринта. Дал мне другие жизни. Жизнь торговца бумагами не имела значения, потому что я мог перейти в другие тела, оставляя своё, чтобы оно продолжало работать. Но люди сказали мне, что я не всё знаю о сделке. Никто не делал этого больше, ведь те, кто долго занимался перемещением своей души, использовались Эйхортом, для чтобы отправлять Своих детей в наш мир. Теперь я не могу контролировать свои переме-

щения. Когда Его слуги умирают, они входят в моё тело и заставляют меня входить в их тела и умирать там. Не смогу контролироватьЕго детей, когда они придут, есливы не позволитемне остаться…»

Ручка дрогнула; больше нечего было сказать, и опухшая рука положила её на стол.

Мистер Видалл перечитывал криво выписанные буквы, которые темнели на фоне наступающей грозы, и не видел в них никакого смысла. Он был уверен, что мужчина и физически, и психически нуждается в медицинской помощи, и что его следует сопроводить из офиса, так или иначе, и как можно скорей. Он наклонился к мужчине и сказал: «Думаю, теперь я понимаю. Подождите, я свяжусь с тем, кто сможет вам помочь».

Таким образом, он *был* одним из слуг Эйхорта и призвал других начать вторжение. Мужчина вскочил на ноги, чувствуя, как боль разрывает его конечности. Он должен уйти, разыскать другое убежище. Комната становилась темнее, как будто кто-то поглощал стены. Спотыкаясь, он добрался до двери и распахнул её. Болезненно качаясь, он вышел через приёмную в вестибюль. Сзади зазвучал голос. Куда идти? Лифтам потребуется время, чтобы отреагировать на нажатие кнопки.

Мужчина увидел дверь справа, бросился к ней, его ноги отяжелели и закипели.

— Не туда! — крикнул мистер Видалл.

Выйдя из офиса с папкой, Роберт увидел, что произошло. Он не упал в обморок, но бросился обратно в приёмную и рывком открыл дверь кабинета. Джоан уже выходила, но он толкнул её назад и каким-то образом уговорил её и остальных сотрудников не подходить к двери. Наконец, появился мистер Видалл, очень бледный, пытаясь успокоить людей, сказав им, что вызвал скорую. Он не позволил никому выходить из комнаты.

Но вскоре он дал Роберту знак рукой, чтобы тот вышел из кабинета, и позвал обыскивать открытые комнаты, лестницы и залы здания на предмет чего-то, что он не уточнил. Струи дождя извивались на окнах, пока они обыскивали комнаты; гром торжествующе грохотал над зданием. Они ничего не нашли. Тем не менее, мистер Видалл устроил себе переезд в другой офис, а Роберт убедил его переместить также себя и Джоан. Оставшиеся сотрудники не нуждались в переезде, они даже не заметили объект, от которого врачи из скорой помощи отводили глаза, когда поднимали его с пола вестибюля. Роберт не любит думать о том, что может угрожать людям,

работающим в этом высоком офисном здании, особенно после наступления темноты.

Ибо хромой посетитель распахнул дверь, несмотря на предупреждение мистера Видалла, и оказался лицом к крышам города, видневшимся за пожарной лестницей. В дверной проём ворвался застоявшийся воздух, и в мужчину ударил последний чистый луч солнца, настолько точно, что это казалось преднамеренным. Луч поймал мужчину, который издал ужасный вой и развернулся к Видаллу и Роберту; его голова безумно тряслась. Позже мистер Видалл заболел, а Роберт вернулся к рассудку и тому, что он когда-то принимал за повседневность.

Возможно, он не видел того, что пытался забыть всю оставшуюся жизнь: лицо человека разорвалось от виска до подбородка, щека повисла; но крови не было, только что-то бледное, как у существа, которое никогда не видело солнца, что-то стекающее по телу мужчины, который рухнул на пол. Конечно, Роберт не мог успеть разглядеть, как поток жидкости разделился на движущиеся объекты, которые катились вниз по лестнице вглубь здания, но это было воспоминание, которое он всегда старался отбросить; ибо какой-то инстинкт подсказывал ему, что если он

когда-нибудь вспомнит ясно, что он тогда видел, это будет чем-то ещё более худшим, чем полчище огромных, толстых, белых пауков.

Перевод: А. Черепанов

Рэмси Кэмпбелл
Толпа мертвецов

— известно, что толпа, стоящая на страже у тайного входа в каждую гробницу, кормится тем, что вырастает из её обитателей.

— «Некрономикон», Альхазреда

Ramsey Campbell «The Tomb Herd», 1961

Дерлет велел мне отказаться от попыток использовать Массачусетс в качестве места действия для моих рассказов и вообще недвусмысленно посоветовал, как улучшить их. Я подозреваю, что он выражался бы мягче, если бы понял, что мне всего пятнадцать лет, но, с другой стороны, если вы не можете принять такой прямой ответ редактора, вы вряд ли выживете как писатель. Я всё ещё находился в процессе обдумывания его советов, когда Дерлет попросил меня прислать ему рассказ для антологии, которую он редактировал (тогда называвшейся «Dark of Mind, Dark of Heart»). В неописуемом восторге я отправил ему переписанную «Толпу мертвецов».

— Рэмси Кэмпбелл, предисловие к сборнику «Чёрным по белому»

В космосе, где наша вселенная есть лишь атом, существуют мириады невыразимых ужасов, и двое врат агонии — жизни и смерти, зияют, изливая бесконечные мерзости. А другие врата, извергающие своих отпрысков, слава Богу, мало известны большинству из нас. Немногие могли

видеть порождение абсолютного разложения или познать тот центр безумного хаоса, где Азатот, слепой бог-идиот, бормочет в безумии; я сам никогда не лицезрел таких вещей, но Бог знает, что увиденное мной в те катастрофические моменты в церкви в Кингспорте, превосходит высшее земное знание.

Конечно, я бы никогда не приблизился к загнивающему, древнему Кингспорту, если бы не стал жертвой обстоятельств. Но в те дни мне остро не хватало денег, и когда я вспомнил о приглашении своего давнего друга, жившего в Кингспорте, стать его секретарём, я с некоторой надеждой подумал, что эта вакансия ещё может быть не занята. Я знал, что моему другу нелегко будет заполучить человека, который останется с ним надолго; не многим понравится пребывание в этом месте, известном своей дурной репутацией.

Размышляя таким образом, я собрал свои немногочисленные пожитки в чемодан, погрузил их на заднее сиденье небольшого спортивного автомобиля и отправился в Массачусетс. Ещё до того, как я добрался до места назначения, меня встревожил общий вид окрестностей — мрачная, угрюмая местность, малонаселённая и густо поросшая деревьями.

Встречались определённые участки, что вызывали у меня более сильное беспокойство: например, дорога из щебня пролегала вдоль быстро текущей реки Мискатоник, так что отражение моего автомобиля странно искажалось чёрной пеной на воде; разворот, который заставил меня ехать прямо через болото, где деревья смыкались над головой так, что тина вокруг была едва видна; и густо поросшие лесом склоны холмов, что побудили меня вспомнить некоторые вещи, намекавшие на аванпосты космических сил в округе Уилбрэхем. Не то чтобы меня пугало то, что я видел, ибо я никогда — или, по крайней мере в те дни — не был особенно суеверен; я просто ощущал смутное беспокойство, проистекающее из странного первобытного вида окружающей обстановки.

Имейте это в виду — моя натура не была суеверной, и поэтому я не испугался так, как могли бы испугаться некоторые люди, услышав намёки моего друга, когда тот разговаривал со мной. Он все чаще говорил о некоторых вещах, почерпнутых им из различных старинных книг; он рассказывал о «забытом цикле суеверных знаний, которые лучше было бы не знать»; он упоминал странные и чуждые имена, а во время нашей последней

встречи даже намекал на реальное поклонение транспространственным существам, что всё ещё практиковалось в таких городах, как Данвич, Аркхэм, Иннсмут и Кингспорт, в котором мой друг и жил. В своём последнем письме он рассказывал дикие вещи о храме Йог-Сотота, что существовал параллельно с настоящей церковью в Кингспорте, в которой совершались чудовищные ритуалы и где «врата», если их открыть с помощью чтения забытых чуждых заклинаний, открывались, пропуская в наш мир старших демонов из других сфер. По словам моего друга, существовала особенно отвратительная легенда, касающаяся поручения, с которым приходили эти демоны; но даже он не решался пересказать её, по крайней мере, до тех пор, пока не побывал в земном храме пришельцев. С тех пор, как это случилось около трёх недель назад, я больше ничего от своего друга не слышал и мог только предполагать, что в таком сильном нервном состоянии он готов заплатить за любую компанию. Таким образом, я могу заодно получить и должность секретаря. Если бы я знал, какие чудовищные мерзости подстерегают меня в Кингспорте, я, несомненно, вернулся бы к прежнему образу жизни.

Выехав на первую из архаичных, покрытых

мхом улиц Кингспорта, я почувствовал, что впереди меня подстерегают богохульные ужасы. Во всяком случае, если бы мой друг уже обзавёлся секретарем, что бы я тогда делал? А вдруг он переехал в какой-нибудь другой штат? Если мне придётся возвращаться в свой родной город, то делать это предстоит, по крайней мере частично, ночью, и я не находил приятной мысль о том, чтобы ехать по горным дорогам в темноте, когда во многих местах с одной стороны находится пропасть. Но мысль о возможной работе заставила меня двигаться дальше.

Я свернул на Обри-Стрит и мне сразу стало ясно, что здесь что-то не так. Дом моего друга, стоявший вдалеке от дороги, заросший плющом, что извивался мириадами причудливых форм, был заперт, а окна закрыты ставнями. Внутри дома я не заметил никаких признаков жизни, а снаружи сад был наполнен задумчивой тишиной, в то время как моя тень на заросшей грибами лужайке казалась жуткой и искажённой, как у какого-нибудь упыря, рождённого в преисподней.

Расспросив об этой аномалии странно молчаливых соседей, я узнал, что мой друг после наступления темноты посетил заброшенную церковь в центре Кингспорта и что это, должно

быть, навлекло на него месть извне. Церковь служила всего лишь вратами в невообразимые измерения, а те, что проходили через врата, имели форму, на которую никто не мог смотреть. Можно увидеть резные изображения, частично напоминающие их, — как прошептал мне один почтенный затворник, — в некоторых склепах на Югготе и на древних статуях Зотики. И дом моего друга тоже стал убежищем для тех, кто пришёл извне, и именно поэтому все его избегали.

Уже тогда я начал удивляться этим отвратительным и ненормальным легендам, которые распространялись в Кингспорте и соседних городах. В этом месте чувствовалась почти осязаемая атмосфера затаившегося инопланетного ужаса, который мог бы породить эти отвратительные истории. Но мне не нравились грибовидно-белые деревья, росшие в саду дома на Обри-Стрит, а также некая форма, которую я, казалось, мельком заметил в верхнем окне, что придавало некоторую достоверность этим ужасам.

Мне не хотелось спрашивать, может ли старый отшельник поведать мне чудовищную легенду о церкви, которую мой друг отказался пересказать. Так что я оставил старика в его ветхом доме с трухлявыми книгами, а сам пошёл по заросшей

лишайником лужайке к жуткому зданию на Обри-Стрит.

Я осознал всю силу местных легенд, когда увидел открытую входную дверь, и понял, что никто бы не осмелился в неё войти. Когда я проник в холл, где было удивительно темно, мне показалось, что я заметил кого-то наверху лестницы; вдоль стены, на которую падал малиновый свет, пробежала тень. Но тень принадлежала чему-то настолько богохульному и ужасному, что я могу только радоваться тому, что не разглядел её более отчётливо. До моих ушей донёсся чудовищный звук какого-то пугающего и мокрого тела, топающего по половицам наверху, и прошло несколько минут, прежде чем я смог преодолеть космический ужас, так сильно охвативший меня, чтобы подняться по скрипучей, источающей слизь лестнице и найти того, кто там прячется. Но в тёмных верхних комнатах с дубовыми балками ничего не было видно, и я спустился, чтобы осмотреть нижние комнаты старого дома.

Я вспомнил, что именно на первом этаже отсутствующий владелец имел обыкновение читать некоторые архаичные и ужасные книги, писать заметки о своих находках и проводить множество других исследований, о которых до меня дошли

только слухи. Комнату, служившую моему другу кабинетом, я обнаружил без особого труда: письменный стол, заваленный листами почтовой бумаги, книжные шкафы, наполненные книгами в кожаных переплётах, настольная лампа, казавшаяся неуместной в комнате, полной манускриптов столетней давности, — всё это говорило о том, что комната использовалась только для научных исследований. Я вошёл внутрь и увидел пыль, покрывавшую мебель и все остальные вещи. В комнате стоял полумрак, и только это обстоятельство объясняло то, что я не заметил в комнате некоторых странных улик.

Я подошёл к столу, очистил его поверхность от пыли, сел на кресло и включил лампу. Лучи электричества, струившиеся по комнате, очень успокаивали, но было что-то не совсем приятное даже в том, как некоторые тени тайно собирались в одном или двух углах комнаты. Но я не хотел, чтобы подобные вещи беспокоили меня, и обратился к газетной подшивке, лежащей на столе.

На первой странице я увидел заголовок «Подтверждающие доказательства». Статья, которая первой предстала моему взору, была посвящена племени Майя в Центральной Америке. Но что можно было почерпнуть из таких комментари-

ев, как: «Боги дождя (элементалы воды?) имеют странные носы-хоботки (как и у многих Великих Древних), какие можно видеть у статуй. Главным божеством Майя был Кукулькан (Ктулху?)».

Оказалось, что мой друг пытался объединить различные циклы легенд и суеверий с одним центральным циклом, который был, если верить повторяющимся ссылкам, намного старше человеческой расы. Мне не пришлось задаваться вопросом, где он взял все эти сведения, видя множество старинных книг в шкафах по всей комнате. Я посчитал, что для того, чтобы хоть немного понять эти комментарии, мне лучше поискать какие-нибудь записи, рассказывающие об этом отвратительном цикле легенд.

И вскоре я обнаружил их в стеллаже под столом. Я открыл большую папку с заметками и тут же ахнул от ужаса. К первой была приклеена фотография. Но как, если бы врата самой глубокой бездны не открылись на Земле, могла бы возникнуть эта мерзость? На фотографии был запечатлён риф посреди какой-то маслянистой чёрной водной глади; на заднем плане виднелись слабые огни далёкого прибрежного города. Вверху, на небосводе качалась Луна, странно искажённая туманом. Но как могло существо-

вать то, что открыла эта несуразная Луна? — эти скользкие твари, которые прыгали в мутной воде и ползали по рифу, эти твари с чешуйчатыми телами и перепончатыми пальцами, с огромными вытаращенными глазами, широкими ртами и лягушачьими жабрами? — те богохульства, что всё ещё имели отвратительно получеловеческий облик, существование которых вызывало страшное подозрение об отвратительной истине их происхождения?

В тот мучительный миг ужасного понимания и осознания ненормального ужаса, что искал мой друг и который, возможно, он пробудил от вечного сна в Кингспортской церкви, я закрыл книгу. Но вскоре я снова открыл её, потому что даже такие шокирующие, убедительные свидетельства не могли меня полностью убедить. И, в конце концов, этот странный человек был моим другом; я мог только попытаться предупредить других, если бы мне удалось раздобыть доказательства того, что существа — хотя, возможно, и не из этой вселенной — сбежали вместе с ним.

Долгие часы я корпел над кратким изложением этого чудовищного и чуждого мифологического цикла, записанного моим другом: легенды о том, как Ктулху спустился из неописуемой сферы, на-

ходящейся за самыми дальними пределами этой вселенной, о чудовищных полярных цивилизациях и отвратительных, нечеловеческих расах из черного Юггота на краю, об отвратительном Ленге и его монастыре с верховным жрецом, что должен скрывать то, что находится на месте его лица, и о многочисленных богохульствах, о существовании которых ходят только слухи, за исключением некоторых легендарных мест в этом мире. Я читал о том, как выглядел Азатот до того, как этот чудовищный ядерный хаос лишился разума и воли. Я узнал о многоликом Ньярлатхотепе и формах, которые мог принять этот ползучий хаос; люди никогда прежде не осмеливались рассказывать об этом. Я осознал полную форму и источник невыразимых Гончих Тиндалоса, и я узнал, как можно узреть дхола полностью, и что после этого можно увидеть.

Но эти тайные и нездоровые откровения, и даже рисунки, репродукции и фотографии, сопровождавшие их, не были столь шокирующими, как записки, которые я обнаружил в глубине стола.

Они состояли из личных исследований моего друга, касающихся этого ужасного цикла, а также описания странных персонажей и, иногда, существ, с которыми он встречался. Большую часть

этих заметок с их ужасными угрозами здравому смыслу и порядку я не осмеливаюсь процитировать; но я раскрою содержание некоторых из них, так как они имеют чудовищное отношение к моему более позднему опыту.

Записи начались прошлой зимой, и соответствующие события продолжались после этого в хронологическом порядке.

17 декабря. Сегодня (*так начинались заметки*) я раскопал одну жуткую легенду, касающуюся более чем одной церкви в Кингспорте и его окрестностях. Мой информатор говорил о прошлых днях, когда некоторые церкви служили местами встреч для тех, кто практиковал поклонение омерзительным и чужеродным богам. Подземные туннели были прорыты к отвратительным ониксовым храмам, и ходят слухи, что все те, кто ползал по туннелям, чтобы поклоняться, не были людьми. В других историях упоминается, что церковь на Асквит-Плейс, в центре Кингспорта, являлась центром этого ужасного движения, и есть ссылки относительно проходов в другие сферы, связанные с этим зданием, которое теперь давно не используется.

23 декабря. Тема Рождества навела сегодня моего информатора на определённые легенды.

Святочный обряд, по слухам, долгое время совершался в церкви на Асквит-Плейс, и, насколько может судить информатор, обряд всё ещё может иметь место. Он был связан с чем-то, пробуждённым в подземном некрополе под церковью, где лежало большое количество умерших жителей Кингспорта. Обряд будет совершён завтра вечером, если он действительно ещё проводится.

24 декабря. Я отправился на Асквит-Плейс сегодня вечером. Там уже собралась огромная толпа; они не несли никаких огней, но вся сцена была освещена странными плавающими шаровидными предметами, которые испускали жуткий трупный свет и улетали при моём приближении. Когда толпа поняла, что я пришел не для того, чтобы присоединиться к ним, они сделали вид, что преследуют меня, и я убежал. Я думаю, что за мной следили, но, слава богу, я не видел того, что преследовало меня. Что бы это ни было, оно имело больше четырёх ног. Осмелюсь ли я когда-нибудь вновь покинуть свой дом после наступления темноты?

13 января. Мой информатор больше ничего мне не сообщил. Кажется, он был втянут в это ужасное сборище накануне Рождества, и теперь он лишь предупреждает меня, что я должен навсегда по-

кинуть Кингспорт. Если я приду в церковь днём, я ничего не найду; если пойду после наступления темноты, я разбужу тех, кто прячется в этом отвратительном подземном некрополе. После этого меня должны будут навестить, но только не жители Кингспорта. По-видимому, как только космические безумцы, обитающие под церковью, пробудятся в Рождество, может пройти много лет, прежде чем они вернутся в свою собственную сферу.

(Здесь происходит то, что является либо перерывом в заметках, либо периодом, когда мой друг ничего не записывал. Во всяком случае, следующая запись сделана через несколько месяцев).

30 сентября. Я собираюсь посетить церковь на Асквит-Плейс прежде чем уеду из Кингспорта — сегодняшняя ночь кажется наиболее подходящей, или, возможно, я пойду завтра ночью. Я должен знать, правдива ли эта ужасная история! Конечно, мерзости этих нижних областей не причинят мне вреда — они питаются другими вещами.

1 октября. Завтра я уеду и никогда не вернусь. Сегодня вечером я ходил в это жуткое здание с привидениями. Боже мой, эта ненормальность — это космическое извращение, которое

я видел, — слишком чудовищно, чтобы я мог сохранить здравомыслие! Я спустился по тем ониксовым ступеням в подземные склепы, увидел толпу ужасов как на ладони и понял, чем они занимаются. Я пытался бежать из города, прежде чем вернуться сюда. Но почему все улицы поворачивали обратно к церкви? Неужели чудовищная тварь, которую я увидел и о которой догадывался, действительно лишила меня рассудка?

2 октября. Случился величайший ужас из всех. Я не могу покинуть Кингспорт. Сегодня все дороги приводили меня обратно в этот дом — я должен был понять силу тех, кто снаружи. А теперь я заперт в этом доме, пребывая в ужасе от этих тварей, прижавшихся белыми лицами к оконным стёклам и глядящих на меня своими личиночными глазами. Куда я могу обратиться? Телеграмма единственному человеку, которому я могу доверять, может принести результаты.

(Далее последовал абзац, который ужаснул меня больше всего на свете. Мой друг, должно быть, готовил телеграмму, записывая её на странице, в то время как снаружи к нему пробирались неописуемые гости — это становилось совершенно очевидно по мере того, как он записывал свои мысли).

Ричарду Декстеру. Приезжайте немедленно в Кингспорт, вы срочно нужны мне здесь для защиты от сил, что могут убить меня — или даже хуже — если вы не приедете немедленно. Объясню, как только вы доберётесь до меня… Но что это за тварь, неописуемо шлёпающая по коридору в сторону этой комнаты? Это не может быть та мерзость, которую я встретил в заплесневевших склепах под Асквит-Плейс… ИА! ЙОГ-СОТОТ! КТУЛХУ ФХТАГН!

На этом записки моего друга обрываются. То, что он увидел, проскользнуло в дверной проём в тот последний момент ужаса, и унесло его без следа. Я остался один на один с необъяснимым случаем частично-раскрытого кошмара.

В конце концов, конечно, я понял, что есть только один способ разорвать эту запутанную цепь из чудовищных намёков. Мне пришлось посетить старинную церковь на холме. Даже из резиденции на Обри-Стрит был виден чёрный шпиль на холме, его верхушка казалась мертвенно-белой под наблюдающей за всеми бледной луной. Башня, возвышавшаяся над холмом в центре города, напоминала некую космическую статую или отвратительное надгробие инопланетной расы титанов.

Прошло совсем немного времени, прежде чем я смог убедить себя покинуть этот проклятый дом на Обри-Стрит. Что, если мой визит в подземные склепы пробудит ту мерзость, что таится там внизу, из милосердной комы? Как бы ни была ужасна судьба моего друга, как бы ни важно было предупредить людей, чтобы они держались подальше от этого ужасного места, всё может оказаться бесполезным, если я тоже никогда больше не смогу покинуть Кингспорт. Что толку от простых записок моего друга, разве они убедят посторонних уничтожить этот ужас? И, наконец, я вышел из дома, чтобы посетить древний холм и то, что лежит под ним.

Остановившись у парадного входа, я оглянулся, чтобы в последний раз взглянуть на это место — ведь я действительно не вернусь сюда, а покину Кингспорт сразу же, как только увижу то чудовище, что скрывается под церковью. Луна через окно у лестницы осветила холл. Не мелькнуло ли что-то сквозь перила, что-то мертвенно-бледное, не похожее ни на что земное? Я не остановился, чтобы удостовериться, но захлопнул дверь этого дома со всеми его ночными тайнами и стоял, с содроганием глядя на легендарное здание в центре Кингспорта.

Когда я добрался до него, в бездне космоса ярко светила полная луна, и шаткие надгробия, заросшие отвратительно гниющей растительностью, отбрасывали странные тени на покрытую плесенью траву. Я пробрался сквозь этот кошмарный пейзаж и, наконец, подошёл к прогнившим вратам церкви.

Я сразу понял, что здесь что-то неправильно. Разве мой друг не говорил об этом месте как о «давно заброшенном»? Если это так, то кто или что зажгло факелы в изъеденных зеленью настенных кронштейнах? Испуганно глядя вокруг, я заметил зияющее отверстие в полу, которое могло быть только проходом в те неожиданные туннели, ведущие к чудовищным древним храмам глубоко под землёй.

Я помню отвратительный спуск по туннелям, которые, казалось, прорубались то в твёрдой скале, то в могильной земле. Помню, как я, наконец, оказался в огромном зале, в который вели и другие туннели. Я вспоминаю те двенадцать чудовищных статуй, стоявших на корточках, по шесть с каждой стороны, у входа в легендарный некрополь — статуи, изображавшие тварей, о которых я не смею думать. Я вспоминаю полуразумный вид этих изваяний, как будто они спали

в ожидании какого-то отвратительного пробуждения. Я помню эти плиты на полу, частично скрытые тьмой, каждая со своим отвратительно мёртвым жильцом, когда-то бывшим человеком. Худшее из того, что я видел, вспоминая при этом некоторые ужасные слова и намёки Абдула Альхазреда — отвратительные, тошнотворные грибы, которые росли из каждого трупа и пугающе раскачивались от какого-то ветерка в этом склепе.

На этом месте доктора перестают верить моему рассказу. Они не верят, что я видел открытые врата, ведущие в какой-то сказочный мир — открытые не в стене, а в центре пустого пространства. Они не могут поверить в то, что я видел монстров, катящихся, плюхающихся, чудовищно несущихся через эти врата, обладающие углами, что не могли существовать внутри трёх понятных нам измерений. Но я видел блестящий, студенистый, аморфный поток, который поднимался над заплесневелым полом; я видел их, когда они текли к нечеловеческим, скорчившимся статуям. Тринадцать ужасных, космических паразитов прорвались в наш мир, к грибовидным склепам под Кингспортом. Я не терял сознания, когда те твари сливались со статуями, и когда эти

статуи сами по себе зашагали к ужасным плитам. Я даже не упал в обморок, когда титанические существа начали царапать грибок, растущий на трупах, и отрывать его, чтобы проглотить тошнотворную, богохульную растительность. И только когда последнее из этих невыразимых бесформенных существ приготовилось напасть на меня, я, наконец, упал на скользкие камни и провалился в беспамятство.

О том, как я бежал по искривлённым улицам, пока надо мной тараторили отвратительные фигуры, я почти ничего не могу вспомнить. Если бы доктор из Аркхэма не обнаружил меня, мне даже страшно подумать о том, что со мной могло случиться. Но меня отвезли в госпиталь Святой Марии в Аркхэме, откуда меня выписали после того как я научился хранить молчание и ничего не говорить о своём ужасном приключении. Я задавал докторам пугающие вопросы, но в доме на Обри-Стрит в Кингспорте не нашли ни бумаг, ни книг. Но почему при виде трупа или кладбища у меня возникают какие-то невыразимые желания?

Я знаю о следах грибковых пятен на лицах и когтях статуй в склепе. Если бы только это, мой разум мог бы ещё отдыхать по ночам. Но

потом я начал догадываться, что сделала со мной тринадцатая мерзость после того, как я потерял сознание. Я снова думаю о тех желаниях, которые остаются со мной и о которых я не смею рассказать. И я думаю о тех грибковых образованиях, что я обнаружил, в конце концов, на своём лице и руках.

Перевод: А. Черепанов

Рэмси Кэмпбелл
Ужас под Уоррендауном

Ramsey Campbell «The Horror Under Warrendown», 1995

Вы просите меня хотя бы намекнуть, почему я отказываюсь открывать детские книги? Когда-то я зарабатывал себе на жизнь, сочиняя их. В те времена, когда имитация реальности, которой торговали вразнос мои коллеги по ремеслу, становилась всё более грязной, а фантазии — более постыдными, я нёс невинность из магазина в магазин или же с гордостью думал, что занимаюсь благим делом. Теперь вид детской классики в витрине книжного магазина заставляет меня

бежать, куда глаза глядят. Казалось бы, чем более безобидна книга, тем более невыразима истина, скрытая в ней. Но есть книги, одна мысль о которых пробуждает у меня неприятные воспоминания. Я хотел бы насовсем забыть про них, и просил бога в своих молитвах помочь мне сделать это.

Это случилось, когда я работал в Бирмингеме, а Уоррендаун являлся только названием на указателе по дороге в Брайчестер — дороге, которую я избегал, и не только потому, что в той стороне не имелось книжных магазинов. Не интересовал меня и маршрут, тянувшийся на несколько миль дальше указателя «Уоррендаун», через Клоттон, небольшое поселение, что, казалось, пребывало в значительной степени запустения. Там насчитывалось лишь несколько обитаемых домов, сгрудившихся по обе стороны реки. На её берегу стоял бетонный памятник, надписи на котором стали нечитаемы из-за воздействия климата и наросшего на них мха. Я никогда не любил сельскую местность, рассматривая её в лучшем случае как способ добраться из одного города в другой, и теперь застойный, почти рептильный запах и холодная дымка, окружавшие Клоттон, казалось, липли к моей машине. От такой непри-

ятной атмосферы ландшафт Котсволда стал для меня совсем неприемлемым. Фермерские поля и зелёные луга выглядели, словно маскировка для древних каменных холмов, и я решил проехать к югу от Брайчестера по автомагистрали, а затем вернуться к прежнему маршруту, хотя это добавило бы полчаса к моему путешествию. Если бы не Грэм Кроули, я бы никогда больше не оказался на дороге в Уоррендаун.

В те дни я употреблял спиртное для того, чтобы казаться общительным, а не для того, чтобы забыться или уснуть. Пару раз в месяц я встречался с коллегами по профессии; пока мы ели индийские блюда, запивая их холодным пивом, мне казалось, что некоторые из моих коллег тоже предпочли бы издавать книги для детей. По субботам меня можно было найти в местном пабе «Руки Саттона», в Кингс-Хите. Завершения рабочей недели среди людей, которых не нужно было убеждать в превосходстве моей последней серии книг, было достаточно, чтобы настроить меня на следующие семь дней. Но именно в «Руках Саттона», Кроули стал для меня чем-то вроде друга.

Я не помню ранних стадий процесса нашего с ним знакомства. Впрочем я не помню и того, где я встретил других людей, с которыми общался.

Я привык к тому, что всегда находил Кроули в маленькой чистой пивной, где стулья, столы и низкий потолок имели цвет пепла, смешанного с элем. Он отрывал от кружки своё широкое и круглое, щетинистое лицо, подёргивая носом и верхней губой в знак приветствия, и, когда я присоединялся к нему, он пригибался, как будто ожидал, что я либо похлопаю его по голове, либо ударю его, когда он начнёт выражать свой неизбежный сарказм.

— Что она делала в лесу с семью маленькими человечками, а? — обычно бормотал Кроули, или: — я знаю только один вид рога, на котором можно играть. Неудивительно, что он шёл за овцами.

Также часто Кроули цитировал какую-нибудь другую книгу, которую я возил по разным магазинам. В его голосе постоянно чувствовалась заискивающая нервозность, извинения за всё, что он говорил, и это было одной из причин, почему я никогда не чувствовал себя с ним непринуждённо. Пока мы говорили о том, как прошла неделя, о моих разъездах, о том, как Кроули стоял за прилавком местного торговца зеленью, я готовился услышать о его последних сексуальных похождениях. Я никогда не понимал, что такого находят многочисленные женщины в Кроули, но

вряд ли кто-то из них продолжал встречаться с ним после первого свидания. Моё любопытство относительно сорта тех девушек, что могут найти его привлекательным, возможно, заставляло меня делать ему одолжение.

Сначала он только спросил, какой дорогой я поеду в Брайчестер, а затем — по какой, если автомагистраль будет закрыта; и к этому моменту мне надоело, что он ходит вокруг да около, как будто готов броситься в укрытие при первом намёке на неприятности.

— Ты хочешь, чтобы я тебя подвёз? — спросил я напрямую.

Он наклонил голову так, что его длинные волосы ещё сильней закрыли его уши, и посмотрел на меня.

— Ну, подвезти, знаешь, я полагаю, действительно, да.

— Куда?

— Ты не узнаешь, потому что это не очень подходящее место. Только оно недалеко, не так уж далеко от Брайчестера, я имею в виду, если ты когда-нибудь поедешь именно той дорогой.

Когда он, наконец, произнёс название Уоррендаун, как вопрос, на который не ожидал ответа, его раздражающая неуверенность заставила

меня возразить:

— Я буду в том квадрате на следующей неделе.

— На следующей неделе — это значит на следующей неделе, да?

Его лицо дрогнуло так сильно, что обнажились зубы.

— Я совсем не думал, что в ближайшее время…

— Я прощу тебя, если ты откажешься от этой идеи, — заявил я.

— Отказаться… Нет, ты прав. Я поеду, потому что должен, — выговорил Кроули с несвойственным для него отчаянием.

Тем не менее, я подъехал к его дому на следующий день, не рассчитывая, что придётся брать этого приятеля с собой. Однако когда я позвонил в дверной звонок, Кроули высунул свой нос между закрытых штор и крикнул, что спустится через пять минут. И к моему непрекращающемуся удивлению он действительно вышел, догрызая что-то из своего завтрака, очевидно сделанного на скорую руку. Одет он был в единственный костюм, который я когда-либо видел на нём. Он сидел в моей машине, сжимая в руках портфель, от которого пахло овощами, в то время как я сосредоточился на поездке в час пик по запутанным автомагистралям. Мы уже были в пути без

возможности вернуться обратно, когда я заметил, что он сжимает свой багаж с той же решимостью, с какой звучал его голос в пивной.

— Ты ожидаешь каких-то неприятностей? — спросил я.

— Неприятностей, — ворчливо повторил Кроули, оскалив зубы.

Его поведение, казалось, говорило о том, что я понял так много, что больше не было необходимости задавать вопросы. Я чуть не вышел из себя.

— Потрудись объяснить каких? — посоветовал я ему.

— А чего бы ты ожидал? — ответил Кроули.

— Дело в женщине.

— Вижу, ты знал. Просто хитришь. Беда в том, во что я её втянул, если ты ещё не догадался. Она так быстро соблазнила меня, что я даже не успел надеть презерватив. Трудно устоять перед женщиной с волосатым лобком.

Это было гораздо более интимным делом, чем я готов был обсуждать.

— Когда ты её в последний раз видел? — спросил я так отрывисто, как только мог.

— В прошлом году. После того случая она забеременела. Я должен был уговорить её на аборт, но я, ты знаешь. Ты меня знаешь.

Он так крепко обнимал свой портфель, что, казалось, выжимал из него нелепый запах овощей.

— Боишься её семьи? — спросил я с минимальным сочувствием.

Кроули прижал подбородок к груди, но мне удалось разобрать то, что он пробормотал.

— Боюсь всего этого кровавого места.

История явно стоила того, чтобы двигаться дальше, благодаря ей я мог с чистой совестью ехать по своему обычному маршруту, за исключением того, что впереди я видел, как все три полосы движения тянутся до горизонта, а полицейские машины мчатся по жёсткой обочине на место какой-то аварии. Я покинул автостраду на ответвлении, как только оно появилось.

Фрэмилоуд, Саул, Фретерн, Уитминстер… Старые названия объявляли сами себя на указателях, а затем изгороди по краям узкой коварной дороги скрыли от меня автомагистраль. Под небом, затянутым тёмными тучами, мрачная листва на изгородях, казалось, тлела; горбатые склоны холмов светились зловещей зеленью. Когда я открыл окно машины, чтобы изгнать запах овощей из портфеля Кроули, в салон ворвался неожиданно холодный для сентября ветер, из-за него нервозность моего пассажира стала более

ощутимой. Он сидел, скрючившись, над своим багажом и, моргая, озирался на высокие острые изгороди, словно они были ловушкой, в которую я его привёл.

— Могу я спросить, каковы твои планы? — сказал я, чтобы разрушить тишину, что становилась такой же безжалостной, как древний пейзаж вокруг.

— Увидеть её. Выяснить, что у неё есть, чего она хочет от меня.

Его голос не столько затих, сколько полностью оборвался. Я был не уверен, что хочу знать, где оказались мысли Кроули.

— Что привело тебя туда? — это всё, о чём я хотел спросить.

— Беат… рис.

На этот раз я понял смысл его слов, несмотря на то, что он произносил их так, словно сам не верил в то, что это имя.

— Она — та молодая леди, о которой идёт речь. Я встретил её в «Капустной грядке», в кафе, ты знаешь это место. Она только что окончила университет, но осталась у меня.

Я боялся, что это может быть преамбулой дальнейших интимных подробностей, но Кроули продолжал с большей неохотой.

— Продолжала писать мне, после того, как уехала домой, желая, чтобы я приехал к ней, потому что она сказала, что я буду чувствовать там себя как дома.

— А ты?

Кроули поднял голову, словно принюхиваясь и застыл в этом положении. Дорожный указатель «Уоррендаун», на слегка покосившемся столбе, мелькнул за изгородью. Полуобнаженные чувства приятеля подействовали на меня так сильно, что моя нога на акселераторе дрогнула.

— Если ты предпочитаешь не делать этого…

Только рот Кроули зашевелился, едва открываясь, чтобы прошептать мне:

— Нет выбора.

Никакой ответ не мог разозлить меня сильнее. У этого парня воли не больше, чем у какого-то овоща из его портфеля, подумал я, и машина с визгом вылетела на дорогу к Уоррендауну. Когда мы оставили позади дорожный знак, который, казалось, пытался указать на землю, у меня возникло впечатление какого-то движения за изгородью по обе стороны от дороги; несколько фигур, стоявших абсолютно неподвижно, вдруг прыгнули вслед за машиной. Я сказал себе, что ошибаюсь, по крайней мере, в их скорости, и когда небреж-

ные зазоры в живых изгородях позволили мне увидеть гнетущие зелёные поля под тяжёлыми застывшими тучами, я не заметил никого, кто бы гнался за нами. У меня не было времени обдумывать всё это, судя по тому, как Кроули медленно наклонялся к лобовому стеклу, я мог сказать, что среди буйных полей, окружённых сгорбленными тёмными холмами, действительно находился Уоррендаун. До него оставалось около мили.

На таком расстоянии я увидел один из типичных элементов сельской местности, который мне больше всего не нравился — незначительную кучку зданий на большом расстоянии друг от друга, но я никогда до этого не испытывал такого быстрого приступа отвращения. Скопление соломенных крыш напомнило мне дюны, увенчанные сухой травой, что свидетельствовало не столько о человеческом жилище, сколько о бессмысленных деяниях природы. Когда покатая дорога привела меня к этим домам, я увидел, что солома свисает с них, как волосы над бровями идиота. Там, где дорога спускалась к деревне, самые дальние хижины выглядели настолько приземистыми, что казались разрушенными или погружёнными в землю грунтовой дороги. Соломенные крыши скрывали их прищуренные

окна, и я поддался иррациональной надежде, что деревня может быть покинутой. Затем дверь крайнего дома открылась внутрь, и когда я притормозил, из дверного проёма высунулась голова, чтобы наблюдать за нашим прибытием.

Голова женщины. Я успел определить это, прежде чем она отпрянула назад. Я на всякий случай взглянул на Кроули, думая, что он узнал эту женщину, но мой приятель сморщился при виде какой-то части деревни, которая привела его в замешательство. Когда машина въехала в Уоррендаун, женщина снова появилась, накинув на голову шарф, что закрывал её тело больше, чем платье. Я подумал, что она держит на руках ребёнка, но потом решил, что это какое-то домашнее животное, потому что, когда она выскочила на дорогу, маленькое тело выпрыгнуло из её рук в полумрак дома. Она завязала шарф и высунула из него своё одутловатое, но плоское лицо, чтобы взглянуть на моего пассажира опухшими глазами. Я готов был развернуться и рвануть на главную дорогу, но Кроули начал опускать боковое стекло, и я замедлил машину. Я видел, как их головы наклонялись друг к другу, как будто нижняя часть неба силой давила на них. По их движениям можно было предположить,

что они знакомы, но я не смог понять, о чём они говорили.

— Ты вернулся.

Хотя её низкий голос сам по себе не звучал угрожающе, я чувствовал, что Кроули смущён тем, что кто-то, кого он не может назвать по имени, узнал его. Однако всё, что он смог сказать в ответ, было:

— Ты знаешь Беатрис.

— Мы все знаем друг друга, — ответила женщина.

Она ни разу не взглянула на меня, но я не мог отвести от неё взгляд. Несколько грубых волосков торчали на её красноватом лице; у меня возникло неприятное ощущение, что её щеки были влажными от бритья.

— Вы знаете, где она? — спросил Кроули.

— Она с детьми.

Голова моего пассажира наклонилась сильнее, и его лицо оказалось ещё дальше от женщины.

— Сколько их? — спросил Кроули.

— Все, кто не спит. Ты не слышишь их? Думаю, даже он слышит.

Я понял, что женщина подразумевает меня, и послушно напряг слух, хотя в то же время старался не замечать, что с приездом в Уоррендаун,

отвратительный запах овощей в моей машине усилился. Через несколько мгновений я услышал серию повторяющихся высокотональных звуков — детские голоса распевали какую-то молитву. Я вздохнул с облегчением, и мой пассажир тоже.

— Она в школе, — сказал он.

— Это она. Там, где всегда было её место, — добавила женщина, бросив взгляд через плечо на свой дом, при этом из-под её шарфа показалась часть подозрительно большого уха.

— Время кормления, — сказала она и начала расстёгивать платье на груди, отступая в дверной проём, за которым, казалось, что-то прыгало по голому земляному полу.

— Увидимся там позже, — крикнула женщина моему спутнику и закрыла дверь.

Я дёрнул рычаг передач и поехал через деревню так быстро, как только мог. Из окон приземистых домов с плотными занавесками выглядывали лица, и я убеждал себя в том, что именно из-за полумрака эти лица показались мне такими разжиревшими и расплывчатыми. Наверное, мне передалось нервное напряжение от Кроули, поэтому мне казалось, что у местных жителей огромные глаза. В центре Уоррендауна домики, некоторые из которых я принял за магазинчики

без вывесок, теснились к дороге. Их словно вытеснили насыпи позади них, что были такими же широкими, как дома, но ниже, и кто-то покрыл их соломой или травой. Дома на окраине деревни ещё глубже ушли в землю; два или три из них вообще рассыпались, в то время как другие настолько заросли листвой, что только неясные и вялые движения за полутёмными незастеклёнными окнами наводили меня на мысль, что дома обитаемы. Я почувствовал, как гнилая растительная сладость в воздухе каким-то образом тянет все дома вниз, что грозило и моей машине, и мне пришлось сдержать ногу, чтобы не наступить на педаль газа. Теперь машина почти вырвалась из деревни под названием Уоррендаун, длина которой едва достигала полумили, и высокие голоса замолкли, прежде чем я смог различить то, что они пели — гимн, как мне подсказали мои инстинкты, хотя язык мне был совершенно не знаком. Мне было интересно, проехал ли я школу, и я собирался сказать Кроули, что не успел пересмотреть маршрут, когда он вдруг пробормотал:

— Вот и всё.

— Как скажешь.

Теперь я увидел, что последние пятьдесят или около того ярдов левой стороны Уоррендауна

были заняты одним длинным курганом, обложенным соломой, травой и мхом. Я остановил машину, но поставил ноги на педали.

— Что ты хочешь делать? — спросил я.

Пустые глаза Кроули повернулись ко мне. Возможно, из-за своего нервного напряжения, его глаза почти вылезли из глазниц.

— Почему ты спрашиваешь?

С меня было достаточно. Я протянул руку, чтобы выпустить его из машины, а дверь школы распахнулась, как будто я подал сигнал. В дверном проёме стояла молодая женщина, которую я едва мог рассмотреть, если не считать коричневого платья до щиколоток, с длинными рукавами; моё внимание привлекло зрелище позади неё — по крайней мере, полдюжины маленьких тел, собравшихся в беспокойную кучу на голом полу тёмного коридора. Когда некоторые из них вяло подняли головы, чтобы посмотреть на меня широко раскрытыми глазами и снова вернуться к своему занятию, Кроули выбрался из машины, перекрывая мне обзор.

— Спасибо тебе, ты знаешь за что, — пробормотал он. — Ты вернёшься сюда, не так ли?

— Значит ли это, что ты будешь готов уехать? — спросил я.

— Я узнаю это, когда ты приедешь.

— Я вернусь сюда до наступления темноты, и тебе лучше ждать здесь, на дороге, — сказал я ему и тронулся с места.

Я смотрел на Кроули в зеркало заднего вида до тех пор, пока живые изгороди не скрыли от меня Уоррендаун. Зеркало дрожало от неровностей дороги, но я видел, как он махнул свободной рукой мне вслед, вытянув туловище к машине, как будто собирался упасть на четвереньки и бежать за мной. Позади него из двери выскочила фигура, и когда Кроули обернулся, она схватила его. Я не смог толком рассмотреть её, заметил только очертания её большого лица, покрытого мехом и, без сомнения, обрамлённого волосами. Она и Кроули обнялись — во всяком случае, все её конечности обхватили его — и, когда я отвёл взгляд от этой близости, я заметил, что здание, к которому была пристроена школа, когда-то имело башню; камни от неё лежали разбросанные на задворках деревни, и они заросли травой. Меня не касалось, заботились ли местные о своей церкви, и почему те, кто учился в университете, решили стать простыми преподавателями в деревенской школе. Меня также не интересовало, какое влияние это место оказало на Кроули. Они достойны

друг друга, сказал я себе, и не только потому, что выглядели так похоже. Как только Кроули со своей подругой исчезли из виду, я опустил стёкла и увеличил скорость, чтобы избавить машину от застойного безумного запаха Уоррендауна.

Вскоре грунтовая трасса привела меня к пересечению с главной дорогой, где я не увидел никаких дорожных знаков. Я плотно закрыл окна и помчался через развалины Клоттона, которые тонули в пасмурном небе и коварном холоде с тёмной реки. Я не сбавлял скорость, пока не увидел впереди Брайчестер, и больницу с кладбищем, что возвышались над его многочисленными улицами. На этих улицах я чувствовал себя спокойнее: в таком городе, как Брайчестер, со мной никогда не случалось ничего плохого, да и вряд ли могло случиться, особенно в книжном магазине. Я припарковал машину в многоэтажном здании на окраине Нижнего Брайчестера и пошёл сквозь толпу на первую встречу.

Мои новогодние книги продавались хорошо; в последнем магазине за день, возможно, слишком хорошо. Новая управляющая, ранее она была второй по должности, не только заказала больше копий, чем любой из её конкурентов, но и в преждевременном праздничном настроении

уговорила меня помочь ей отпраздновать своё повышение. Одна рюмка привела к нескольким, не в последнюю очередь потому, что я, должно быть, пытался заглушить нервозность, которую у меня вызвали Кроули и Уоррендаун. Слишком поздно я понял, что мне нужно много кофе и что-нибудь поесть, и к тому времени, когда я почувствовал себя в состоянии вести машину, день уже закончился.

Наступили сумерки, словно паутина из сажи покрыла всё небо. С парковки я увидел огни, бегущие вверх по всему Брайчестеру, и исчезающие во тьме дома. Больница представляла собой мерцающий череп, рядом с которым лежали груды костей. Даже флуоресцентные блики на автостоянке казались неестественными, и я сидел в своей машине, размышляя, насколько хуже могут сейчас выглядеть места, через которые мне пришлось проехать. Я сказал Кроули, что заберу его до наступления темноты, но разве уже не стемнело? Может быть, он решил, что я за ним не приеду, и сам как-то выбрался оттуда? Этого было почти достаточно, чтобы убедить меня не возвращаться в Уоррендаун, но чувство вины за свою трусость заставило меня свернуть на утреннюю дорогу.

Мерцание города исчезло из поля зрения. Лишь несколько фар попались мне навстречу, а потом я остался наедине со своими лучами, что ощупывали дорогу в полумраке; она извивалась между холмами, что вздымались вверх, словно в темноте им больше не нужно было притворяться спящими. Изгибы дороги качались взад и вперёд, не в силах избежать моего слабого света, а один раз мне попалась пара рогатых голов, что уставились на ворота, закатив глаза; они бездумно что-то жевали, словно шли на бойню. Я вспомнил, как выпучились глаза Кроули, когда он готовился выйти из моей машины.

Но за пределами Клоттона меня охватил холод с реки. Хотя окна моей машины были плотно закрыты, когда я добрался до первого заброшенного дома, я услышал плеск воды, более громкий, чем можно было бы объяснить, словно какой-то крупный объект мешал воде течь. Я так быстро проехал по узкому мосту между безглазыми зданиями, что к тому времени, когда мне удалось подавить необъяснимую панику, я был уже в нескольких милях вверх по дороге и достиг безымянного перекрёстка с ответвлением к Уоррендауну.

Я сказал себе, что не должен использовать

страх как предлог, чтобы нарушить своё слово, и когда я достиг указателя «Уоррендаун», который выглядел так, как будто вес растущей черноты вдавливал его в землю, я свернул с главной дороги. Даже с включенными фарами мне приходилось ехать с черепашьей скоростью, вызывающей у меня ощущение, что машина зарывается в густую темноту, переходящую в настоящую ночь. Кривизна дороги говорила о том, что она делает всё возможное, чтобы я никогда не добрался до Уоррендауна. Шипы живых изгородей раздирали воздух, и сквозь щель в измученной массе растительности я увидел домики, что воровато сидели на корточках, опустив головы, посреди грязных полей. Несмотря на темноту, ни в одном доме не было света.

Возможно, случился сбой в электроснабжении; я предположил, что это обычное явление в такой изолированной и незначительной деревне, но почему никто в Уоррендауне не пользовался свечами или фонариками? Возможно, они были незаметны на таком расстоянии, успокоил я себя. Изгороди сомкнулись, не дав мне взглянуть ещё раз. Дорога шла под уклон, и у меня создалось неприятное впечатление, что Уоррендаун заманил её в ловушку, а живые изгороди закон-

чились, словно их отгрызли. Когда мои фары нашли самые дальние дома, их длинноволосые черепа, казалось, вылезли из-под земли. Кроме того, на пути к полуразрушенной церкви не было никакого движения.

Коварное овощное зловоние уже начало проникать в мою машину. Мне стоило больших усилий проехать по деревне достаточно медленно, чтобы найти причину, по которой я оказался здесь. Соломенные крыши были полны теней, которые двигались, когда я проходил мимо, как будто каждый дом поворачивал свою идиотскую голову ко мне. Хотя все окна выглядели пустыми и тёмными, я чувствовал, что за мной наблюдают, и всё больше и больше, по мере того, как машина следовала за своими дрожащими лучами по пустынной дороге, пока мне не стало трудно дышать. Мне показалось, что я услышал слабый нерегулярный стук — конечно, мой собственный прыгающий пульс, а не барабанную дробь под зёмлей. Я поравнялся с церковью и школой, и мне показалось, что стук ускорился, а потом прекратился. Теперь я выбрался из Уоррендауна, но мысль о том, что я вернусь на главную дорогу, поехав в любую сторону, убедила меня сделать последнюю попытку найти Кроули. Я развернул

машину, чуть не въехав задним бампером в один из замшелых каменных блоков от упавшей башни, и дважды нажал на клаксон.

Второй гудок последовал за первым в безмолвную тьму. Ничто не двигалось, ни одна соломенная крыша на домах в сгустившемся свете фар, но я вдруг занервничал от того, какой ответ могли вызвать мои гудки. Я отъехал от развалин башни и снова поехал через Уоррендаун, моя нога дрожала на педали газа, когда я заставлял себя сбавить скорость. Я уже миновал школу, когда в моём зеркале появилась неясная фигура, что погналась за машиной.

Только моё чувство относительной безопасности внутри автомобиля позволило мне затормозить и ждать достаточно долго, чтобы рассмотреть лицо бегущего. Фигура вспыхнула красным, как будто её кожу содрали с головы до ног, и за мгновение до того, как её руки дернулись, чтобы прикрыть глаза, я увидел, что это Кроули. Его глаза всегда были так чувствительны к внезапному свету? Я отпустил педаль тормоза, переключил рычаг коробки передач в нейтральное положение и увидел, что Кроули опустил руки, но больше не двигался. Мне потребовалась некоторая решимость, чтобы опустить боковое

стекло и позвать его:

— Садись же в машину, если поедешь!

Я едва расслышал его ответ, голос был невнятным и сдавленным.

— Не могу.

Я бы развернулся рядом с ним, но не было места, так как Кроули стоял посреди дороги. В ярости выскочив из машины, я громко хлопнул дверцей; этот звук, казалось, вызвал новую вспышку приглушённого барабанного боя, который я мог бы заметить, если бы не был полон решимости отмахнуться от удушливого овощного запаха.

— Почему не можешь? — спросил я, оставаясь у машины.

— Подойди и посмотри, — ответил он.

Мне не хотелось больше видеть Уоррендаун и даже самого Кроули. В свете фар его лицо казалось опухшим от щетины, которая не могла вырасти за один день, а его глаза пугающе увеличились, впитывая полумрак.

— Смотреть на что? — спросил я. — На твою юную леди?

— Мою кого? — переспросил Кроули.

Я не мог понять, был ли его тон истерическим весельем или паникой, или и тем и другим одновременно.

— Беатрис, — сказал я громче, чем мне хотелось бы в ненормальной тишине и темноте. — Это твой ребёнок?

— Там нет ни одного.

— Прости, — пробормотал я, не зная, стоит ли. — Ты говорил о Беатрис…

Мне не хотелось облекать в слова то, что, по моему мнению, она сделала, но Кроули покачал головой и неуверенно шагнул ко мне. У меня сложилось впечатление, которое так меня встревожило, что я пропустил мимо ушей его бормотание, — он не мог вспомнить, как ходить.

— Что ты сказал? — выкрикнул я, прежде чем мой голос вздрогнул от тишины. — Что абсурдно? Неважно. Скажешь, когда сядешь в машину.

Кроули остановился, размахивая руками перед собой. Его торчащие зубы блеснули, и я увидел, что он что-то жуёт; казалось, мелькнула зеленоватая полоска вокруг его рта и пухлых щёк.

— Не могу этого сделать, — пробормотал он.

Он имел в виду, что никто из нас не сможет вернуться к машине?

— Почему не можешь? — воскликнул я.

— Подойди и посмотри.

В тот момент ничто не могло заставить меня сделать это, но прежде чем я смог отказаться, он

повернулся ко мне спиной и прыгнул в темноту. Два шага или, по крайней мере, два судорожных движения привели его к церкви, у которой давно сгнила входная дверь. В следующее мгновение он исчез внутри строения, и я услышал быстрые шаги по тому, что служило полом; затем, насколько я мог различить по пульсации в своих ушах, наступила тишина.

Я подбежал к дверному проёму, до которого не доходил даже слабый свет фар.

— Кроули, — поспешно выкрикнул я, намереваясь предупредить его, что не собираюсь задерживаться, но единственным ответом из темноты было слабое эхо моего крика, сопровождаемое волной вездесущего овощного зловония. Я крикнул ещё раз, а потом, разъярённый почти до невозможности думать, бросился к своей машине. Если бы я всё ещё пребывал в здравом уме, если бы влияние Уоррендауна ещё не овладело моим рассудком, я, конечно, оставил бы своего приятеля на произвол судьбы и отправился бы прочь, чтобы жить своей жизнью. Вместо этого я достал свой фонарик из-под приборной панели и, выключив фары и заперев машину, вернулся в разрушенную церковь.

Когда луч фонарика скользнул в дверной про-

ём, я увидел, что это место выглядело хуже, чем заброшенное. Около дюжины скамей, покрытых зелёным мхом и сорняками, располагались по обе стороны прохода, каждая достаточно широкая, чтобы вместить большую семью, но алтарь был отодвинут и прислонён к задней стене церкви так, что обнажилась нижняя сторона камня. Я провёл лучом фонарика по осквернённому интерьеру и увидел грубые рисунки на пятнистых зеленоватых стенах, на которых плясали тени от скамей. Я не нашёл никаких следов Кроули, и ему некуда было спрятаться, если только он не присел за алтарём. Я прошёл вперёд, чтобы осмотреть алтарь, и чуть не упал головой в темноту, которая оказалась чем-то большим, чем темнота. Мой фонарик вовремя осветил проход, что был вырыт там, где следовало находиться алтарю.

Под небольшим уклоном под землю вёл тоннель, простирающийся дальше, чем мог достичь свет моего фонарика. Тоннель был шириной с крепкого мужчину, но не такой высокий, как я. Теперь я понял то, что мой разум отказывался принять, когда я услышал, как Кроули исчез в церкви, — его шаги, казалось, отступили на большее расстояние, чем могло вместить это здание. Я позволил лучу блуждать по скамьям в последнем

отчаянном поиске Кроули, и не смог избежать взгляда на изображения, нацарапанные на стенах — нечестивый танец шутовских фигур с ушами и ногами, такими непропорционально большими, что они, несомненно, были фальшивыми. Затем Кроули заговорил из туннеля, откуда-то из-за поворота, которого едва достигал мой луч света.

— Спускайся. Приди и посмотри.

Волна зловония, как дыхание огромного растения, поднялась из туннеля и окутала меня. Я пошатнулся и чуть не выронил фонарик, а потом опустился на землю и, спотыкаясь, пополз на зов. Сонливость, слышимая в голосе Кроули, тоже настигла меня, и, казалось, не было причин, по которым я не должен подчиняться, и не было ничего плохого в моём поведении или окружении. Мне даже понравился запах овощей, потому что я вдыхал его с тех пор, как вернулся в Уоррендаун. В самом деле, я стал хотеть только одного — чтобы меня привели источнику этого запаха.

Я добрался до поворота туннеля как раз вовремя, чтобы увидеть, как пятки Кроули исчезают за следующим изгибом ярдах в пятидесяти впереди. Теперь я видел, хоть и сопротивлялся тому, что слышу — на ногах у моего приятеля точно не было подков, во всяком случае, он шёл босиком,

хотя на какое-то мгновение мне показалось, что его ступни более волосатые, чем следовало бы. Он бормотал мне или самому себе, и его слова отдавались эхом:

— … откровения листа… пища потребляется дважды… лапы в темноте… матка, которая ест…

Я думал, что проход сужается только из-за неверного света моего фонаря, но прежде чем я достиг второго поворота, мне пришлось опуститься на четвереньки. Наклон туннеля становился всё более крутым, далеко впереди барабанный бой, который я слышал ранее, возобновился, и я представил, что модели фигур, изображённых на стенах церкви, производят звук, барабаня своими уродливыми ногами, когда они танцуют в какой-то огромной подземной пещере. От этой мысли мне стало не по себе, и я почти остановился, но овощное испарение, вновь донёсшееся до меня снизу, уговорило меня идти дальше, к следующему повороту, за которым исчезли пятки Кроули. Теперь я полз, довольный, как червяк в земле, фонарик в моей вытянутой руке мотало в разные стороны, и я периодически погружался в темноту. Топот ног по земле наполнил мои уши, и я увидел, как мохнатые подошвы Кроули исчезли в последний раз на границе луча фонарика,

не за поворотом, а в подземной темноте, слишком большой, чтобы мой свет мог определить её границы. Его бормотание прекратилось, как будто его заставило замолчать всё, что встретило его, но я, наконец, услышал ответ, который он дал мне, когда я спросил о ребёнке, и это был не абсурдный ответ. Кроули сказал мне, что ребёнок был *поглощён*. Но и этого безумного откровения мне не хватило, чтобы преодолеть влияние того, что ожидало меня в конце туннеля, и я быстро пополз вперёд в подземную полость.

Луч фонарика растянулся передо мной, делая всё возможное, чтобы осветить огромное пространство под потолком, слишком высоким, чтобы увидеть его даже мельком. Поначалу полумрак вместе с потрясением или оцепенением, охватившим мой мозг, позволяли мне разглядеть не слишком много: только орды голых фигур, прыгающих и вертящихся в воздухе вокруг идола, что возвышался над влажной землёй, идола, похожего на зеленоватую статую острова Пасхи, покрытого какой-то травой или грибами почти до безликости. Вершина идола терялась в темноте над головой. Потом я увидел, что один из поклоняющихся — Кроули, и начал различать лица, даже менее похожие на человеческие, чем его, их

огромные глаза выпучились в полумраке, звериные зубы сверкали в уродливых ртах. Рисунки на церковных стенах не преувеличивали их формы, как я заметил, и они не были в костюмах. Земля вокруг идола кишела их детёнышами, бесформенной массой бесчисленных тел, которых ни один человек не признал бы своим потомством. Я оцепенело смотрел на древний обряд, не из тех, что допустимо проводить при солнечном свете, — и тут идол зашевелился.

Он развернул часть себя в мою сторону — мерцающий зелёный отросток, что мог быть гигантским крылом, вынырнувшим из кокона, — и, вытягиваясь ко мне, он соблазнительно что-то шептал, не имея при этом рта. Даже этот ужас не мог вывести меня из оцепенения; но когда Кроули загарцевал ко мне, словно богохульный священник, предлагая принять участие в нечестивом таинстве, что свяжет меня с погребёнными тайнами Уоррендауна, какой-то последний остаток здравомыслия восстал во мне, и я попятился, бормоча, вдоль туннеля, оставив фонарик, чтобы он ослеплял всех, кто мог бы преследовать меня.

Весь путь обратно по туннелю я боялся, что меня схватят сзади. Однако все обитатели Уоррендауна, должно быть, собрались на том зверином

обряде, потому что я не встретил никаких препятствий, кроме самого прохода, когда выбрался из-под алтаря и, шатаясь, пробежал через тёмную церковь к своей машине. Опущенные головы домов дёргались скальпами в мою сторону, когда я опрометчиво мчался прочь из Уоррендауна, живые изгороди у дороги царапали воздух, словно намереваясь сомкнуть вокруг меня свои шипы, но каким-то образом, будучи в оцепенении, я добрался до главной дороги, откуда должно быть, мои инстинкты, полностью неосознаваемые, позволили мне выехать на шоссе, и далее — домой, где я рухнул на постель.

Я был настолько изможден, что проспал целые сутки. Даже кошмары не могли пробудить меня, и когда я, наконец, выбрался из постели, то почти поверил, что ужас под Уоррендауном был одним из них. Однако я избегал Кроули и паба, так что только через неделю я узнал, что он исчез — домовладелец заглянул в его комнату и не нашёл там кровати, только холмик земли рядом с выкопанной ямой, под размер тела, — и в этот момент мой ум был близок к тому, чтобы уступить натиску правды, которую не способен без страданий вынести ни один человек.

Почему меня никто не слушает? Как они не

понимают, что могут существовать и другие места, такие как Уоррендаун, где всё еще правят чудовищные боги, что старше человечества? Какое-то время мне казалось, что некоторые детские книги пытаются намекнуть на эти тайны, но потом я задумался, не являются ли они ловушками, расставленными, чтобы заманить детей в подобные деревни и подземелья, и я больше не мог выносить свою работу. Теперь я наблюдаю и жду, и держусь поближе к огням, которые ослепят огромные глаза жителей Уоррендауна, и я избегаю любого места, где продают овощи, запах которых я чувствую за сотню ярдов. Предположим, что по нашим улицам ходят и другие, такие как Кроули, гибридное отродье какого-то невыразимого союза? Предположим, они подкармливают ничего не подозревающую массу человечества какой-то частью ужаса из того, что я видел в последний раз под Уоррендауном?

Разве можно подобрать слова, чтобы описать это? Отчасти зеленоватый, отчасти сизовато-тягучий, с чахлыми спутанными узлами, без плодов, покрытосеменной, многоцветковый — ничто не может передать ужаса того окончательного откровения, когда я увидел, как оно преодолело последние следы человечности в своих идоло-

поклонниках, которые в каком-то потерянном поколении, должно быть, деградировали от подражания обитателям подземного мира до спаривания с ними. Ибо когда живой идол медленно развернулся ко мне, Кроули оторвал от своего безмозглого бога тот вытянувшийся отросток, вонзил в него зубы, чтобы проглотить кусок, прежде чем протянуть его мне — блестящий и корчащийся от отвратительной жизни.

Перевод: А. Черепанов

Рэмси Кэмпбелл
Другие имена

Ramsey Campbell «The Other Names», 1998

Они уже миновали вершину Брайчестера и почти добрались до искорежённого дома, когда Арнольд встрепенулся.

— Что написано на табличке, Силли? Что там написано?

— Там говорится: ОСТЕРЕГАЙСЯ УБИЙЦЫ: СОБАКА, — предположил Брюс, подняв кулаки, как он делал всякий раз, когда говорил.

— Нет, там написано: НАРУШИТЕЛИ БУДУТ

КАСТРИРОВАНЫ, — сказал Дензил, указывая самым толстым пальцем своей правой руки на каждую группу символов на табличке.

— Заткнись, ты. И ты, и все остальные. Я скажу вам, что там написано, — Арнольд почесал голову, словно вытягивая волосы из серой бритой кожи. — ТЕПЕРЬ ОЧЕРЕДЬ СИЛЛИ, МЫ ВСЕ БЫЛИ В ДЕЛЕ, ИЛИ ОН СЛАБАК.

— Не называй меня так[164], — огрызнулся Сильвестр. — Ты читаешь неправильно.

— Тогда сходи и посмотри сам. — Арнольд приблизил к приятелю своё прыщавое лицо и сломанный одиннадцатилетний нос. — Скажешь, что там написано.

С тёмных Котсуолдских холмов налетел ветер и попытался проникнуть под кожаную куртку Сильвестра. Хотя он не дрожал, всё вокруг заброшенного дома тряслось: высокие костлявые деревья, похожие на обугленные кости, свисающие с чёрного неба; трава высотой по колено и сморщенные сорняки, растянувшиеся на потрескавшейся мшистой дорожке за упавшими воротами; сгнившие куски забора, нависшие друг над другом поверх осыпающейся стены. Даже

---

[164] Примечания: 164
Силли (Silly) — глупыш, дурак.

табличка задрожала, словно от нетерпения, но Сильвестр не мог понять нарисованных на ней символов.

— Там написано, что ЭТО ПРОСТО СТАРЫЙ ДОМ, В КОТОРОМ НИЧЕГО НЕТ, — пробормотал он.

Если бы это было правдой… Он вспомнил о вещичках, которые принесли его приятели, чтобы доказать, что они побывали в том доме. Брюс выбежал, неся маску, которую нельзя было использовать по назначению, так как у неё имелось отверстие только для одного глаза и слишком большой ухмыляющийся рот. Брюс бежал так быстро, что уронил маску и она разбилась на каменной дорожке. Дензил нашёл миску, в которой, по-видимому, выращивали грибы, но когда он ощупал её, то решил, что это чей-то череп, разрезанный пополам, и поэтому метнул миску за ограду. Арнольд принёс банку с отвинчивающейся крышкой; она выглядела такой грязной, что невозможно было понять, что находилось внутри: маленькая рука или паук с недостаточным количеством ног, особенно после того, как Арнольд опрокинул банку, и мальчишки стали топтать руку, когда она, казалось, попыталась уползти. Возможно, Арнольд вспомнил об этом, когда сказал прямо в лицо Сильвестру:

— Если там никого нет, почему ты не идёшь?

— Посвети мне, и я схожу.

Арнольд с такой готовностью протянул ему фонарик, что Сильвестр спросил:

— Ты что, обмочил его?

— Сейчас узнаешь, — ответил Арнольд таким тоном, словно у него не осталось выбора. Фонарь этот где-то ранее украл Брюс.

Сильвестр направил луч света на ворота, покрытые высохшими, шуршащими сорняками. Он разглядел трухлявый фасад дома, но это было всё, до чего дотягивался свет фонаря. Во всех шести окнах царила темнота, которая, казалось, уходила дальше, чем следовало. Каждая пара окон зрительно казалась меньше предыдущей, и это было не единственной причиной, по которой Сильвестр понял, что дом накренился назад — распахнутая входная дверь также наклонилась в темноту. Когда он и его приятели прохаживались по переулку, в котором не было других домов, он заметил, что задняя часть здания казалась, по меньшей мере, на фут ниже передней и повернулась налево, как будто она пыталась тащить за собой остальную часть дома. Теперь, когда ветер затаил дыхание, Сильвестр увидел, что вся трава и сорняки наклонились к дому, намекая на то,

что тот притягивает их сильнее солнечного света. Сильвестру казалось, что тропинка под ногами идёт под уклон, хотя глаза говорили об обратном. Он хлестал по сорнякам фонариком и жалел, что не может чувствовать себя исследователем в джунглях, когда темнота за окнами надвигалась на него.

Это был всего лишь дом, который рушился, и он не собирался падать на Сильвестра. Владелец, что умер в этом доме, когда тот начал разрушаться, был просто сумасшедшим стариком — он кричал и пел по ночам на языке, который никто не мог понять. Неудивительно, что люди, жившие поблизости, рассказывали об этом старике дивные истории, потому что своими криками он будил соседей в любое время суток. В ночь его смерти люди услышали голос, присоединившийся к голосу старика, а потом старик попытался перекричать его, возможно, потому что тот был намного громче и, казалось, не нуждался в дыхании, пока крик старика не оборвался, как будто кто-то разорвал его на части. Неужели рот неведомого существа на самом деле был шире, чем размах рук, которыми старик пытался его закрыть? Об этом знали только полицейские, обнаружившие покойника.

Сильвестр находился уже в нескольких шагах от дома, но его фонарик нисколько не рассеивал тьму за наклонённой дверью.

— Не выходи, пока что-нибудь не найдёшь, — крикнул Арнольд с тропинки, так что Сильвестр не стал медлить из-за того, что за ним наблюдали, хотя порог, казалось, слегка накренился внутрь, когда Сильвестр ступил на него и направил луч фонарика в дом.

Сначала свет скользил по темноте, которая лишь постепенно выявляла наличие стен и голых половиц, а когда он поднял луч, то увидел высокий потолок прихожей. Всё вокруг было чёрным, как небо между звёздами. Хотя двери в обеих стенах были открыты, темнота проёмов выглядела практически неотличимой от самих стен.

— Там внизу ничего не осталось, — сообщил Брюс, стоя в безопасности на тротуаре. — Тебе придётся подняться наверх.

Сильвестр злобно показал ему средний палец, шагнул в перекошенный дверной проём и почувствовал, как его затягивает в дом. Возможно, именно из-за того, что свет, казалось, не мог удержаться на внутренних поверхностях, а полз по ним, даже когда Сильвестр сжимал фонарик обеими руками, он почувствовал себя в опасности и

быстро проскользнул через коридор мимо упавшей люстры, что выглядела как полупрозрачное существо, выброшенное на берег глубоководными водами. Сильвестр попал туда, где дом был больше всего искорёжен. Приступ паники отбросил его на лестницу, которую внезапно породила темнота слева от него. По крайней мере, углы лестницы удерживали больше света, чем прихожая. Сильвестр решил добраться до первого окна, из которого будет виден своим приятелям, и тогда им придётся признать, что он рискнул зайти дальше, чем они.

Скрип каждой ступеньки отдавался эхом вдалеке, увеличивая темноту и создавая впечатление, что дом продолжает искривляться. Ему пришлось убеждать себя, что чёрная нижняя часть крыши приближается только потому, что он карабкается к ней, а не опускается, но Сильвестру начинало казаться, что он заперт под камнем, и что бы там ни обитало, оно было невидимо. Сильвестр пожалел, что не спрятал какой-нибудь предмет в карман перед тем, как прийти в это место, чтобы потом объявить, что он нашёл его именно в этом доме, и тут он обнаружил, что лестница обрывается между вторым и третьим этажами.

По крайней мере, он мог теперь видеть, что

происходит снаружи дома. За дверью слева от него в оконном проёме виднелись самые высокие уличные фонари Мерси-Хилла, ведущие вниз, в Брайчестер. Сильвестр сделал шаг в сторону комнаты и не смог остановиться. Что бы ни происходило в доме, этот коридор искривился ещё сильнее, чем первый этаж, и у Сильвестра, казалось, не было иного выбора, кроме как ввалиться в комнату, молотя воздух кулаками и конусом света, если только он не хотел, чтобы его беспомощно отнесли вглубь дома.

Комната была практически пустой. Кровать, с которой свалился матрас, кто-то оттащил от окна, оставив глубокие царапины на половицах. Матрас был разорван, и его свисающие внутренности неприятно напоминали высохшие и запылённые кишки. Из-под них, словно спрятанная под матрасом, торчала книга, обложка которой была такой же чёрной, как и тьма внутри дома. Чувство того, насколько бесполезной будет для него книга, было настолько подавляющим, что Сильвестр почти забыл, что может взять её с собой, чтобы показать остальным. Он пробежал через комнату, преследуемый, должно быть, своими собственными шагами, и, схватив книгу за уголок, выхватил её из цепкой массы

внутренностей матраца. Обложка раскрылась, и Сильвестр увидел первую страницу.

Вот только книга, переплетённая как настоящая, но с рукописным текстом на страницах, не просто раскрылась. Она извивалась в руке Сильвестра, и у него возникло впечатление, что книга искривляется точно так же, как и дом, и эта мысль так сильно ошеломила его, что он почувствовал, как его разум меняет форму. Прежде чем он успел осознать происходящее, это странное видение исчезло, и книга приобрела обычный вид. Но он не мог оторвать от неё глаз, и всё остальное не имело значения. Сильвестр смог прочитать текст на первой странице.

«Чарльз Гор, его книга, пока он жив. Скопировано под защитой Ньярлатхотепа, Сталкера в Тенях. Написал по памяти из „Некрономикона“, Британский музей, 1985–1995…»

Каждое дрожащее слово, написанное от руки посреди уменьшающегося островка света, казалось, формировалось специально для Сильвестра. Он присел на корточки, чтобы перевернуть страницу, затем подумал, не присесть ли ему на край кровати, и в этот момент к нему вернулось осознание того, что его окружает. Это не испугало его, особенно когда он вдруг стал намного умней.

Сильвестр подбежал к окну и увидел, как трое мальчишек швыряют куски стены в уличные фонари, потеряв интерес к наблюдению за ним. Он покажет им приз, который ценнее всех их находок, а они не поверят, пока он не докажет этого. Обхватив книгу обеими руками, Сильвестр вынес её из комнаты.

Наклонный коридор его не беспокоил. Ему нужно было только подняться по лестнице, и он это сделал. Сама лестница была ещё хуже — когда Сильвестр спускался по ней, ему казалось, что он карабкается в скрытую темноту под крышей, а хвататься за перила было всё равно что пытаться удержать мёртвого угря — но, сказав себе, что он на пути к выходу, он смог двигаться дальше. Наконец его каблуки ударили по наклонному полу в холле. Сделав три шага вверх, Сильвестр миновал покосившуюся дверь и оказался на тропинке, шероховатость которой не позволяла ему соскользнуть обратно. Он был уже почти у ворот, когда его заметили остальные.

Дензил так яростно ткнул пальцем, что Сильвестру показалось, будто кто-то стоит у него за спиной, но потом он понял, что Дензил указывает на него.

— Смотрите, — усмехнулся Дензил, а когда он

закончил смеяться, добавил, — глядите, что он откопал.

Брюс повторил шутку по-другому:

— Силли добыл книгу.

— Давайте посмотрим, — заявил Арнольд, как будто зрелище было недостаточно убедительным.

Сильвестр сунул фонарик ему в руку, прежде чем раскрыть книгу посередине.

— Здесь только записи, — пожаловался Брюс.

Дензил посмотрел на страницы в два раза внимательнее, пока водил пальцем по воздуху перед ними.

— Это даже не дневник, — решил он, наконец.

— Дай посмотреть, я сказал. — Арнольд сунул фонарик в карман и схватился за край книги. Когда Сильвестр отказался выпустить её из своих рук, Арнольд подтащил её к свету уцелевшего уличного фонаря.

— Я так и думал, — сказал он. — Это просто безумие какое-то. Давай порвём её.

— Нет!

Сильвестр отступил вместе с книгой, и ему показалось, что она помогает ему, цепляясь за его руки, как существо, устраивающееся в своём логове.

— Я нашёл её. И я хочу взять её себе. Она моя.

— Думаю, он попытается сделать вид, что умеет читать. Держу пари, что отец даст ему пинка, если он попытается, — ликовал Брюс.

— Я даже не смог прочитать надпись, — пожаловался Дензил.

Сильвестр закрыл книгу, прижал её к себе и посмотрел на табличку над забором.

— Ну, я могу, — сказал он, когда буквы мгновенно сложились в его голове. — Там написано: ПРОДАЁТСЯ УЧАСТОК ПОД ЗАСТРОЙКУ.

— Он угадал, — сказал Арнольд, затем посмотрел на остальных. — Или кто-то ему подсказал.

— Я никогда, — возразил Брюс, потрясая кулаками от этой мысли.

— И не я, — запротестовал Дензил.

Сильвестр пожалел, что раскрыл свою новую способность, пока не увидел, чего можно добиться, скрывая её.

— Никто из вас, — объяснил он, — но я не скажу, кто.

— Видите, я же говорил вам, что кто-то подсказал ему, — разозлился Арнольд и хотел было ударить Сильвестра кулаком в лицо, но ограничился новым приступом насмешек.

— Давайте спустимся с холма, — сказал он,

наконец, и зашагал прочь, задержавшись только для того, чтобы разбить неповреждённую лампу.

Сильвестр оглянулся со склона. Искорёженный дом исчезал из виду за гребнем холма, как будто он рушился из-за отсутствия опоры, которую Сильвестр забрал с собой. У него было мало времени, чтобы обдумать это, потому что, как только они прошли по крутой улице с террасами, он стал слишком занят, пытаясь превзойти других в том, чтобы вызвать шумиху возле госпиталя, стуча палкой по ограде и выкрикивая худшие слова, что он знал. Он не мог показать приятелям, что может прочитать знак ПОЖАЛУЙСТА, СОБЛЮДАЙТЕ ТИШИНУ ВОЗЛЕ ГОСПИТАЛЯ. Вскоре охранник с дубинкой, свистящей в воздухе, погнался за мальчишками мимо кладбища, и Сильвестр заметил несколько надписей на надгробиях. Он хотел бы читать дальше, пока не поймёт, как сокращение жизней до дефисных дат влияет на него. Вскоре, однако, он и его спутники оказались в центре Брайчестера, и там было много чего почитать.

Пешеходные улицы и толпы прохожих заливал неоновый свет — дети делились бутылками, которые они уговорили кого-то купить или продать, молодые пары притворялись, что могут позволить себе всё, что хотят, люди покупа-

ли контрабандные товары в подъездах, банды искали пабы и возможность подраться — но Сильвестр видел только вывески. ПОСЛЕДНЯЯ МОДА. КОРОЛЕВСКИЙ РАЗМЕР. МГНОВЕННЫЕ ПРИЗЫ. МАГАЗИННЫЕ ВОРИШКИ БУДУТ ПРИВЛЕЧЕНЫ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ. ПИВО ЭТОГО МЕСЯЦА. ВЕСЬ УЩЕРБ ДОЛЖЕН БЫТЬ ВОЗМЕЩЁН. ВСЁ ЗА ПОЛЦЕНЫ ИЛИ МЕНЬШЕ. 24-ЧАСОВАЯ ОХРАНА. КНИГИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ… Раньше Сильвестр считал, что вывеска в каждой витрине сообщала, что это МАГАЗИН, но теперь для него стало откровением, что это РАСПРОДАЖА, и чем больше он расшифровывал надписи, тем больше, казалось, он ощущал страстное желание книги в его объятиях, чтобы её прочитали. Когда его спутники начали искать сигнализацию, чтобы потревожить её, или уже сработавшую, чтобы проникнуть внутрь здания, Сильвестр объявил:

— Я должен идти.

— Он идёт домой читать, — воскликнул Дензил, тыча в книгу своим любимым пальцем.

— Он собирается показать книгу своему отцу, — проворковал Брюс, сжимая кулаки.

— Скорее спрячь её от отца, — посоветовал Арнольд и опустил голову на случай, если придётся бодаться.

Сильвестр поспешил на автобусную станцию, полную спящих людей, которых будили охранники. Автобус, ненамного больше отцовского фургона, собирался отправиться в Нижний Брайчестер. В салоне пахло спиртным и табаком, но Сильвестр едва ли обратил на это внимание, когда обратился к книге. Возможно, она раскрылась сама по себе из-за того, что автобус накренился, чтобы кого-то обогнать.

«Даолот — это истина. Перед глазами и умами людей всё сжималось, и внутри них был Даолот. Даолот знает все имена, и он есть все имена, и все имена — Его имя. Все вещи во вселенной и всё, что находится за её пределами и является её частью, должны отдать свои истинные имена силе Даолота. Тот, кто произнесёт имя Даолота, услышит Его голос во всех вещах и таким образом узнает их имена. Как те имена призываются во имя Его, так и призванные должны сбросить плащ, который люди накинули на них, и открыть свой истинный облик в Даолоте…»

Хотя Сильвестр не мог бы перефразировать прочитанное, он чувствовал, что знание проникло в глубину его души. Казалось, едва он начал читать, как понял, что автобус вот-вот минует его остановку. В обычное время он увидел бы, как

далеко он может уехать, прежде чем его вышвырнут из салона, но сейчас он хотел погрузиться в чудеса чтения. Он нажимал на кнопку звонка, пока разъярённый водитель не остановил автобус и не пришёл разбираться с хулиганом, после чего Сильвестр увернулся от водителя, потянул за рычаг, открывающий двери, и побежал в ближайший переулок, который вёл домой.

Фургон его отца, на котором, как Сильвестр, наконец, понял, было написано СТРОИТЕЛЬ БЕННИ БЕНТЛИ, был припаркован на тротуаре перед домом и отбрасывал свою тень на клочок сада, как будто для того, чтобы скрыть некоторые из работ, выполненных его отцом — жёлтые контуры краски, создающие иллюзию больших окон, пластиковый водосток, свисающий с крыши, потрескавшаяся галька. Старуха в очках, которая всегда жаловалась на детей, тащила свою хрипящую собаку в клетку у дома напротив.

— Не смотри на меня, Сильвестр Бентли, — тут же сказала она, — или я натравлю его на тебя.

Сильвестр молча отвернулся и направился к себе, что дало старухе повод для продолжительной ругани. Он надеялся пробраться теперь наверх, когда входная дверь была не заперта, поскольку его отец был слишком занят самолётом. Кроме

того, в передней комнате Сильвестр мог слышать видео, производящее такие звуки, которые иногда издавали его родители, когда думали, что их сын спит. Сильвестр был уже на полпути к лестнице и как раз успел бросить книгу на кресло и сесть на неё, когда из комнаты вышел отец, заправляющий рубашку в джинсы. Он сердито посмотрел на Сильвестра.

— Где ты пропадал? Как долго ты тут торчишь?

— Он не ходил воровать кошельки, — крикнула или простонала мать Сильвестра.

— Ты слышал, что сказала твоя мать. Не так ли?

— Я только гулял с Арном и остальными.

— Надеюсь, ты не позволил им воспользоваться тобой, — сказала его невидимая мать. — Ты хочешь завести себе приличных друзей.

Закончив допрос, отец отправился в гараж.

— Не входи сюда, — приказал он и захлопнул дверь.

Сильвестр мог бы подслушать разговор снаружи, если бы ему не терпелось вернуться к своей книге. Он взбежал по лестнице, над которой самая высокая из трёх гипсовых уток начала неосторожно нырять носом, и вошёл в свою комнату. Сильвестр положил книгу на кровать, и

начал листать инструкцию к компьютеру. Хотя он наконец-то смог прочесть её, она не сообщила ему ничего такого, что не рассказывали в школе. Сильвестр бросил инструкцию на книжный шкаф, набитый компьютерными играми, и сел с книгой из искорёженного дома.

Книга сама собой открылась на той же странице, что и в автобусе. Сильвестр снова перечитал предложения и почувствовал, как они проскальзывают в его мозг. Возможно, он не поймёт их, пока не подчинится им. Он подошёл с книгой к окну и уставился на круглую террасу. Сильвестр осознал, как быстро из-за чтения пролетело время, когда увидел, что старуха уже тащит свою собаку домой с прогулки.

— Мисс Уиттл, — прошептал он, и добавил слова, которые, казалось, требовала от него сама книга, — Дэй о лот.

Собака настояла на том, чтобы остановиться у ближайшего к дому фонаря, и старуха заметила наблюдающего за ней Сильвестра. Он чуть не отпрянул, когда соседка подняла лицо к белому свету лампы, но она не могла знать, что он сделал, потому что Сильвестр и сам не знал. Несмотря на подсказку книги, он не совсем расслышал голос, если только тот не звучал у него в голове.

Скорее, он просто заметил мелькание каких-то фигур; что прятались либо за старухой и собакой, либо внутри них, либо как-то вместе. Какими бы неуловимыми они не были, этот проблеск подсказал Сильвестру слова, которые помогут ему увидеть их.

— Старые Кости, Которые Ползают, — проговорил он, словно отвечая у школьной доски. — Говорит Дэй о лот.

Собака опустила лапу, и очки старухи уставились на окно Сильвестра, словно её глаза побелели и ослепли, прежде чем они с собакой заковыляли по тропинке. Сильвестру показалось, что в тот миг, когда он перестал говорить, что-то в мире перевернулось. Он не был уверен, что хочет увидеть результат, но наблюдал, как Мисс Уиттл, похоже, с трудом вставляет ключ в замок своей двери. Когда собака втащила её в неосвещённый дом, дверь захлопнулась, так что Сильвестр не мог понять, то ли он видел, как она упала, то ли её поставили на четвереньки, и очки у неё слетели. Возможно, только из-за темноты Сильвестру показалось, что старуха уменьшилась в размере. Он заметил, что в доме соседки по-прежнему темно, и слушал до тех пор, пока не начал клевать носом, что навлекло на него опасность уронить

книгу. Он сунул её под одеяло для безопасности, готовясь присоединиться к ней в постели.

Сон не шёл к Сильвестру. Всякий раз, когда ему казалось, что он засыпает, его останавливал страх заговорить во сне, хотя он и не был уверен, что когда-либо делал это. Сильвестра нервировала мысль о том, что он может изменить что-то, сам того не осознавая, или о том, что ему всего лишь приснится, что это правда. Когда он, наконец, заснул, ему приснилось, что он подходит к окну и кричит: «Старые Кости, Которые Ползают». Он увидел, как дверь в дом Мисс Уиттл распахнулась, и скорчившаяся фигура начала выбираться на свет. На этом месте Сильвестр неожиданно проснулся. Ему пришлось подойти к окну, чтобы убедиться, что дверь соседки закрыта, а в доме темно, и в этот момент Сильвестр понял, что не слышал хриплого тявканья собаки с тех пор, как она с хозяйкой скрылась внутри.

Снова оказавшись в постели, он проснулся от утреннего визга матери:

— Что ты задумал, Сильвестр?

Он подумал, что мать его раскусила, пока она не добавила:

— Не пытайся опоздать в школу!

Пока Сильвестр был в ванной, она трижды

крикнула, что завтрак остывает, хотя он знал, что тарелки ещё не поставили на стол, а когда Сильвестр, спотыкаясь, спустился вниз, мать повторяла, чтобы он не ел так быстро, иначе он заболеет. Его отец ограничился тем, что велел сыну делать то, что говорит мать. Неудивительно, что Сильвестр был рад уйти из дома, хотя и не в школу. Тем не менее он направился туда, чтобы подтвердить то, что уже знал.

Узкие улочки, засаженные покосившимися деревьями, были полны подержанных автомобилей и людей, которые ехали в них, а лужи удваивали и то, и другое. Вся деятельность вокруг Сильвестра была бесконечно менее значимой, чем слова книги, оставшейся под одеялом. Он спрятался в автобусной остановке с разбитыми стеклянными стенами напротив школы. Сильвестр видел, как некоторые из его одноклассников были выведены родителями на школьный двор и издавали звуки, которые они должны были стараться не издавать в классе: Кевин тявкал как тюлень, Джимми изображал мегафон, забывший, как говорить. Их специальный учитель наводил порядок во дворе и приветствовал их тоном, каким рассказывают анекдот, над которым никто не должен смеяться.

— А как мы себя чувствуем в этот ненастный день? — спросил мистер Вестл, и Сильвестр понял, что учитель шутит, — ему показалось, что слова, которые он прочёл в своей книге, делятся с ним этой тайной. Причисляя себя к школьникам, к которым он обращался, мистер Вестл хотел казаться сочувствующим, но на самом деле между разумом детей и его разумом, что был меньше его головы, не имелось ничего общего. Прежде чем Сильвестра успели заметить, он навсегда отвернулся от школы и её Мистера Вестла. Он хотел быть там, где он мог читать столько, сколько ему хотелось, не объясняя свои способности.

Центральная библиотека являлась одним из самых больших зданий в Брайчестере, и она была так нагружена книгами, что требовалось шесть колонн, чтобы выдержать их тяжесть. Поднявшись по широким ступеням и пройдя за гигантские двери, Сильвестр почувствовал себя так, как, по его представлениям, должен чувствовать себя человек в церкви. Все старались говорить тише, но ропот всё усиливался, и под куполом, где уже начинало появляться солнце, начинались таинственные беседы. Сильвестр прошёл под эхо своих шагов к секции истории, снял с полки охапку толстых томов и осторожно

положил их на стол. Наконец-то он узнает, что могут предложить книги.

Те, что он выбрал, описывали историю нашего мира и они не задержали его надолго. Сильвестр заглянул на полки с книгами по религии, а потом занялся наукой, чтение которой подействовало на него таким же образом. Чем больше он читал, тем больше понимал, что тайна, заложенная в его мозг «искорёженным домом», делает все остальные книги неправдивыми. Книги — это ложь, которую мир рассказывает сам о себе, понял Сильвестр и подошёл к окну на случай, если зрелище за ним покажется более реальным.

Со всех сторон пешеходную улицу пересекали группы людей. Их единственная функция, казалось, состояла в том, чтобы образовывать бессмысленные узоры, подобные каплям дождя, высыхающим на тротуаре. Сильвестр смотрел в окно, пока библиотекарша не похлопала его по плечу.

— Разве ты не должен быть в школе, сынок? Если ты не хочешь читать, ты отвлекаешь тех, кто читает, и нам придется попросить тебя уйти.

— Я ничего не делаю, — ответил Сильвестр её огромной тени, в которой словно кишели черви.

— Тогда иди и делай своё ничего где-нибудь в

другом месте, как хороший мальчик, пока я не вызвала охрану.

Библиотекарша пыталась превратить его в ничтожество, но Сильвестр знал, к кому обратиться, чтобы продемонстрировать свою силу.

— Даолот говорит, — пробормотал он и замолчал, прежде чем подходящие для этой женщины слова успели прийти ему в голову; Сильвестр не был уверен, что хочет, чтобы все сидящие в читальном зале увидели, что произойдёт с библиотекаршей, особенно если в этом обвинят его. Он пробил себе путь сквозь тяжёлый запах её духов, которые, как он осознал, были призваны замаскировать её истинную природу, которую он почти раскрыл. Топот ботинок Сильвестра помог ему заглушить свои эмоции. Он пытался убежать от слов, которые пробормотал, но они двигались вместе с ним.

Пока Сильвестр брёл домой, слова крались за ним по пятам. Они прятались за каждым встречным прохожим и за всем, мимо чего он проходил, так что все объекты, казалось, старались сохранить свои формы из страха, что, если Сильвестр произнесёт своё заклинание полностью, всё вокруг примет истинное обличье. «Лица, скользящие по земле… клетки, хранящие ночь… руки,

которые карабкаются… глаза, впивающиеся в землю… листья, что засасывают мёртвых… окна погребённых… гниющие мозги…». Сильвестр понятия не имел, откуда взялись эти слова; он боялся, что одна только мысль о них может разоблачить его. Вернувшись домой, он сможет почитать книгу, которая, возможно, успокоит его мысли. Но, возвращаясь на свою улицу, он не мог не думать о том, что провёл весь день, стараясь не вспоминать о соседке и о том, что с ней могло произойти.

Сильвестр закрыл входную дверь и побежал в свою комнату. Отец уехал портить чью-то собственность, чтобы затем починить её, а мать ушла в клуб, играть в Бинго, оставив после себя предвкушающий запах тушёного мяса, которое никогда не было таким вкусным, как это обещание. Сильвестр мог делать всё, что хотел, но он осознал, что не сможет приступить к чтению книги, пока не выяснит, что случилось со старухой и её собакой. Он стоял у окна и смотрел на её молчаливый, темнеющий дом.

Это зрелище сфокусировало его чувства, Сильвестр ощущал, что здесь что-то скрыто от его глаз, и ему больше не требовалось повторять слова в адрес старухи; в конце концов, он уже были

произнесены раньше. Сильвестр заставлял себя выкрикнуть имя соседки, когда на улице начали появляться люди: матери, везущие домой младенцев, или, скорее, пары, которые выглядели так же, а затем, когда уличные фонари начали мерцать, появились дети постарше. Сильвестр внимательно наблюдал, как в доме старухи сгущалась тьма, когда заметил свою мать в конце улицы. Он отошёл от окна и сел на кровать, сжимая в руках книгу, но очень скоро мать с отцом позвали его на ужин. Сильвестр ещё не успел проглотить ни кусочка из полной тарелки, ожидавшей его, когда отец начал задавать вопросы, указывая на сына вилкой.

— Хороший день в школе?

— Справедливый.

Обычно такого ответа было достаточно, и Сильвестр попытался сказать это в своей обычной манере, но отец упорно смотрел на него. Сильвестр был бы благодарен матери за то, что она вмешалась в беседу, если бы не её вопрос.

— Ты видел сегодня мисс Уиттл?

— Кто, — выпалил Сильвестр, — я?

— А что с ней? — спросил отец.

Сильвестр набрал полный рот тушёного мяса и приготовился к ответу.

— Вот это я и хочу узнать, — сказала мать. — Она не пришла играть в Бинго, как всегда. Может быть, дети наконец-то спугнули её с улиц. Только бы это был не ты, Сильвестр.

— Это ведь не он, правда? — обратилась мать к отцу. — Он ни на что не способен.

Речь матери прозвучала так же покровительственно, как и заявление библиотекарши, и Сильвестр держал рот набитым, чтобы не опровергнуть это утверждение. Наконец, мать сказала:

— Когда мы закончим ужин, я пойду и посмотрю, как она там.

Сильвестр еле смог дожевать и проглотить кусок мяса.

— Нет, — пролепетал он. — В смысле, она уехала. Я слышал.

— Что именно?

— Я слышал, как мисс Уиттл говорила какой-то своей подруге, что уезжает на неделю. Когда я шёл в школу. И, — пробормотал он, как только ему пришла в голову такая необходимость, — собаку она тоже взяла с собой.

Мать смотрела на Сильвестра так долго, что он подумал, что поспешность выдала его.

— Странно, что в клубе мне никто этого не ска-

зал, — выразила она, наконец, свои мысли. — В чём дело, тебе больше не нравится мое рагу? Ты всегда его ел.

Это усугубило внезапный страх Сильвестра перед тем, какой вкус может быть у еды, если он придумает для неё слова.

— Я немного болен, — простонал он.

— Может, ему лучше пойти наверх и прилечь, — посоветовал отец. — Он может доесть свой ужин завтра, если ты всё не съешь.

Сильвестр не знал, кому из них отец угрожал, но ему удалось подавить мысль о еде, пока он поднимался в свою комнату — к окну. Дом посреди террасы напротив был не освещён и, казалось, застыл в ожидании его голоса. Сильвестр приподнял расшатанную раму окна, высунул голову наружу, чтобы осмотреть пустынную улицу, вдохнул прохладный ночной воздух и произнёс:

— Даолот говорит, что сейчас вы должны выйти наружу, Старые Кости, Которые Ползают.

В белом свете уличного фонаря дверь дома напоминала вход в гробницу из мрамора. Сильвестр с ужасом ожидал того, кто явится оттуда. Когда ему показалось, что дверь начала двигаться, он подумал, что это зрительная галлюцинация. Затем свет фонаря соскользнул с двери — она

зашаталась, открывая взору Сильвестра темноту и смутную фигуру, что сгорбилась у порога. Как только Сильвестр догадался, что дверь трясётся, потому что её открывают, обитательница дома бочком выбралась на безжалостный свет, и Сильвестр увидел, что ей трудно управляться с таким количеством конечностей. Она подняла к нему лицо, точнее, переднюю часть головы, и Сильвестр упёрся локтями в подоконник, словно боль могла привязать его к миру, реальность которого он привык считать само собой разумеющейся. Затем бесформенная фигура, лишённая плоти, пригнулась ещё ниже, прикрыв голову проросшим из неё материалом, и юркнула в густой кустарник. Живая изгородь между стеной и домом задрожала, и Сильвестр понял, что существо проскользнуло сквозь кусты.

Он хотел посмотреть, куда оно идёт и что делает. Существо не могло прикоснуться к Сильвестру или подойти ближе, чем ему хотелось бы, если бы Сильвестр сказал, что Даолот запрещает тому приближаться; в любом случае, казалось, что существо стремится скрыться от посторонних глаз. Сильвестр закрыл окно, и стал массировать затёкшие руки; затем, остановившись только для того, чтобы спрятать книгу под одеялом и взять

куртку, он на цыпочках быстро спустился вниз. С таким же успехом он мог бы и не скрываться, поскольку, когда он вошёл в прихожую, его мать, стоявшая с резиновыми перчатками возле кухонной раковины, обернулась и спросила:

— Куда это ты собрался?

— На улицу.

— Я и сама это вижу. Я думала, что ты лежишь больной.

— Мне уже лучше, — ответил Сильвестр и почувствовал, что ему больше не нужно есть, что он расслаблен и полон энергии от слов из книги.

— Твоя мать всё ещё хочет знать, куда ты идёшь, — возмутился отец, бросив кухонное полотенце рядом с перчатками.

— Встретиться… — Сильвестр вдруг испугался, что если он прямо сейчас не уйдёт, то поддастся искушению освободить себя от родителей с помощью своих тайных слов, хотя бы потому, что банальность их вопросов давила ему на мозг.

— Повидаться с Арном и другими, — выпалил он.

— Только постарайся вернуться к десяти. К половине десятого.

Когда Сильвестр рванулся к свободе, согласившись на оба условия матери, он услышал, как

она, защищаясь, сказала:

— Свежий воздух пойдёт ему на пользу.

Сильвестр перебежал через ослепительно белеющую дорогу и захлопнул дверь дома мисс Уиттл, прежде чем кто-либо успел удивиться, почему она открыта. Он так торопился, что чуть не забыл взглянуть на изгородь, под которой теперь заметил смутную изогнутую фигуру. Напрягая зрение, он смог различить, что это была путаница корней и ветвей, похожая на то существо, которое он искал. Сильвестр поднял глаза к остальным мраморным блокам, разделяющим тесные сады, и увидел, как самая дальняя живая изгородь вздрогнула, словно от отвращения к тому, что только что пролезло сквозь неё.

— Я тебя вижу! — крикнул он и побежал к углу сада.

На поперечной улице, ещё более узкой, чем та, где он жил, располагалось меньшее количество домов. Некоторые их окна были замурованы, и довольно много машин, припаркованных на тротуаре между разрушенными уличными фонарями, выглядели заброшенными. И всё же улица оказалась не такой пустынной, как хотелось бы Сильвестру. Он наблюдал, как одна за другой дёргаются и скрипят живые изгороди вдоль левой

стороны дороги, когда трое мальчишек, толкаясь и крича, выбежали из дома Брута справа. Они заметили Сильвестра, но не чудовище, что прошло мимо них.

— Смотрите, это ведь не он! — крикнул Денсил.

— Это не Силли, — согласился Брюс и посмотрел на Арнольда, стараясь превзойти его остроумие, что Арнольд и сделал:

— Это продаётся участок под застройку.

— Прочти нам что-нибудь, если ты не Силли, — крикнул Брюс, поднимая кулаки и хмуро озираясь в поисках подходящего задания для Сильвестра.

— Прочти нам это, — потребовал Денсил, тыча пальцем в табличку на стене у входа в переулок в середине улицы.

— Ты слышал своё задание, давай посмотрим, как ты справишься, — сказал Арнольд и почесал свою голову, как будто хотел увеличить на ней лысину.

Сильвестру надоело притворяться и кроме того, ему нужно было отвлечь приятелей от движений существа, которое уже чуть не выпрыгнуло в переулок.

— Там сказано: ТОЛЬКО ДЛЯ ВНУТРЕННЕГО

ПОЛЬЗОВАНИЯ,
НЕ ЦЕПЛЯТЬСЯ И НЕ ОПРОКИДЫВАТЬ.

— Нет, — усмехнулся Дензил, затем провёл пальцем вдоль первой строки на табличке, стоящей на противоположной стороне улицы и нахмурился. — Нет, не так ли?

— Если и верно, то кто-то подсказал ему, — возмутился Брюс, готовя кулаки для жертвы.

— На этот раз ты просто скажи нам, кто тебе прочитал это, — предупредил Арнольд Сильвестра и повёл его вперёд.

Сильвестр заметил какое-то движение в ближайшем саду, окаймлявшем аллею, — фигура быстро перелезла через низкую ограду и притаилась в тени, выжидая удобного случая.

— Никто, — ответил он. — Я смог прочитать сам.

К тому времени, как остальные закончили издеваться над Сильвестром, они уже окружили его, так что он чувствовал запах их пота и дыхания. Арнольд схватил Сильвестра за левое предплечье и начал ощупывать его мышцы.

— Он думает, что мы дураки.

— Такие же дураки, как и он, — сказал Дензил и ткнул Сильвестра в грудь.

— Нужно быть тупицей, чтобы так думать о

нас, — заявил Брюс и стал выбирать, в какую часть тела Сильвестра ударить, когда в переулке раздался грохот, и оттуда вывалился мусорный бак, рассыпав своё скудное содержимое.

— Эй, — забеспокоился Брюс, разворачиваясь так быстро, что чуть не ударил Арнольда.

— Кот, — предположил Дензил, хотя его палец казался менее уверенным в этом.

— Собака, — сказал Арнольд, не глядя на Сильвестра, и ещё сильнее сжал его руку.

Сильвестр не сводил глаз с прохода, ведущего в темноту между задними дворами.

— Ни то, ни другое.

— Кто говорит? — спросил Арнольд и, не получив ответа, ущипнул Сильвестра за мышцу. — Что же это было, а, Силли?

— Ох. Что-то, чего ты испугаешься, — прошептал Сильвестр.

— Я? Да ладно. — Арнольд отпустил Сильвестра для того, чтобы почесать свою голову. Его глаза приняли суровое выражение. — Ты дрожишь так же, как в том доме на холме. Ты умрёшь раньше, чем увидишь, как я испугаюсь.

— Тогда иди и посмотри, что там, — сказал Сильвестр вызывающе.

— Чтобы ты за это время сбежал? — Арнольд

снова схватил Сильвестра за руку и обратился к своим друзьям: — Вы двое держите его, а я схожу посмотрю. И пусть он боится моего возвращения!

— Тебе лучше начать бояться, — ухмыльнулся Брюс, схватив Сильвестра за руку и впившись в неё ногтями. Дензил довольствовался тем, что стал тыкать Сильвестра в рёбра. Сильвестру удалось не обращать внимания на дискомфорт, который, в конце концов, скоро пройдёт. Он смотрел, как Арнольд вошёл в переулок и уставился в темноту в дальнем конце.

— Ничего не вижу, — заявил Арнольд.

Существо попытается спрятаться от Арна, если его не позовут, понял Сильвестр.

— Даолот говорит: иди к нему, Старые Кости, Которые Ползают.

Дензил яростно ткнул в Сильвестра пальцем.

— Что он сказал?

— Похоже, он что-то говорил, — прокомментировал Брюс и уставился на Сильвестра. Прежде чем Брюс смог что-то сделать, Арнольд исчез в переулке, угрожая кому-то:

— Ну, держись!

Сильвестр не смог сдержать улыбки. Дензил уставился на него, потом на вход в переулок.

— Что он сделал? — пробормотал он, а затем крикнул: — Арн, подожди! Он…

Ответ Арнольда или, по крайней мере, звук, который он издал, прервал Дензила. Арнольда словно тошнило и одновременно он пытался кричать. Хотя Сильвестр и испытал глубокое удовлетворение, он не мог допустить, чтобы это привлекло внимание друзей Арна.

— Даолот говорит, что теперь ты не Арн, — прошептал он. — Даолот говорит, что ты Скальп Вместо Лица.

Сильвестр почувствовал, как мир ещё немного закрутился, и его разум тоже. Арнольд вдалеке резко замолчал, как будто к его рту приложили кляп! Дензил стоял у входа в переулок, крикнув Арнольду, что он идёт на помощь. Там он заколебался, яростно оглянулся на друзей, и, осмелившись сделать ещё один шаг, стал указывать на них пальцем.

Пришло время, подумал Сильвестр, продолжить начатое.

— Даолот говорит, перестань быть Дензилом, Черви Вместо Костей.

Сильвестр не видел результата — он был занят уклонением от удара, который нанёс ему Брюс, но Брюс увидел. Его лицо сжалось как кулак,

затем его рот раскрылся, чтобы закричать. Брюс побежал по улице, размахивая растопыренными пальцами, чтобы отгородиться от всего вокруг. Сильвестр позволил ему добежать до перекрёстка, прежде чем сказать Брюсу вслед:

— Даолот говорит: прощай, Брюс, Живущий Наизнанку.

Сильвестру пришлось тут же отвернуться, а затем он услышал, как новое существо пробирается сквозь тени вдоль стен, чтобы присоединиться к своим товарищам. Звуков, которые они издавали в переулке, спотыкаясь, скользя и шлёпая по земле, на данный момент было достаточно, и даже слишком много.

— Даолот говорит: отправляйтесь в дом на холме, где хранилась книга, — приказал Сильвестр. — Даолот говорит, что не позволит кому-либо вас заметить. А когда вы доберётесь до дома, спрячьтесь под полом.

Сильвестр был в состоянии вынести неуклюжее замешательство их отступления. Довольно скоро издалека они стали больше походить на насекомых, чем на что-либо отдалённо знакомое, а затем исчезли. Сильвестр сделал достаточно для одной ночи. Завтра он отправится в искорёженный дом, позовёт их и немного повеселится.

Когда он повернул домой, ему пришло в голову, что он, возможно, не проживёт там долго. Возможно, скоро он узнает и назовет себя по имени.

Перевод: А. Черепанов

Ричард Карл Лаймон
Хижина в лесу

Richard Laymon «The Cabin in the Woods», 2002

Я не выхожу из своей хижины после захода солнца, я проверяю ставни на окнах, баррикадирую дверь и сижу перед камином. Однако я не сомневаюсь, что оно может пробраться внутрь, если захочет.

До сих пор не пыталось.

Я живу в страхе, представляя себе ночь когда оно войдёт. Хилые ставни, незапертая дверь не смогут остановить эту ужасную тварь. Я бы сбежал, если бы мог. Унёсся прочь из этой хижины, от этих холмов, растаял в толпе людей в огнях большого города, никогда бы нога моя не ступала в чащобу.

И всё же я здесь.

Кроме моих ног, средства к перемещению у меня отсутствуют, а ближайший город находится на расстоянии многих миль. Даже если я начну своё путешествие с первыми лучами солнца, я боюсь, что тьма настигнет меня, пробирающимся сквозь заросли дикой местности и оно придёт. Конечно, мне может повезти и я наткнусь на какое-нибудь убежище, может это будет охотничий домик или такая же хижина, а может даже дорога, где я смогу поймать машину с водителем, который увезёт меня отсюда. Если даже это всё и возможно, я пока не нашёл ничего. Временами я оставляю моё безопасное убежище в поисках какого-нибудь соседа, путника или дороги. Я исследовал всё вокруг в разных направлениях. Исследования мои не занимали более шести часов за раз. Возможно, вы слышали выражение: «Для бешеной собаки семь вёрст — не крюк?»

Я чертовски похож на эту собаку.

И всё же зная, что мне нужно вернуться в мою хижину перед наступлением ночи, я могу проходить намного меньшую часть, чем хотел бы. Прошло уже много недель с тех пор, как я попал в эту ловушку. Прошёл я тоже немало, за счёт того, что ускорял темп ходьбы.

Совсем недавно я сделал попытку бежать.

Я начал свой путь с рассвета, чтобы преодолеть максимально большое расстояние, я бежал до тех пор, пока не выбился из сил, затем я переходил на ходьбу давая себе отдохнуть, затем снова бежал. Я осилил вдвое больше, чем обычно. За весь путь я не смог найти ни одно, хотя бы временное убежище, не смог найти и дорогу. И вот, наконец, в середине дня я решил вернуться обратно. Боже, мне не хватило времени, я был совсем без сил, спешил как мог, но вскоре осознал тот факт, что до темноты мне не достигнуть моей хижины.

Я чувствовал приближающийся конец.

Хуже того, с заключёнными в тюрьмах обращаются лучше, их милосердно вешают или сажают на электрический стул, а не разрывают на части и разбрасывают их по лесу. Однако у меня всё ещё был двуствольный дробовик Артура. Это чудовище он не возьмёт, а вот для меня — будет в самый раз. Я был готов использовать его для себя, если бы выбор стоял между такой смертью и этим монстром. Таким образом, с обещанием самому себе воспользоваться дробовиком в крайнем случае, я продолжил свой путь к хижине. Бегство началось после двенадцати часов дня. Я уклонялся от веток деревьев и кустов на моём пути, обходил стороной ручьи, преодолевал холмы, обрывы,

иногда падая или останавливаясь передохнуть реже, чем нужно было моему организму, но всё равно слишком часто, чтобы перерывы казались обоснованными. Через несколько часов солнце приобрело насыщенный золотистый оттенок, а все предметы вокруг отбрасывали длинные тени. Когда-то это было моё самое любимое время дня с его меланхоличной красотой. Сейчас же моё сердце наполнилось ужасом, потому что это значило очень скорое приближение заката солнца и тьмы, в которой сновало это ужасное нечто.

Вскоре наступил закат, тихий и тусклый, серый и синий. Ноги мои одеревенели, руки безвольно повисли вдоль тела не в силах держать оружие, лёгкие горели, а сердце было готово взорваться, но я всё равно продолжал свою гонку. Наконец, когда тьма совсем опустилась на холмы вокруг меня, я увидел хижину вдалеке. Я продолжал прорываться вперед, несмотря на то, что ноги не могли уже нести меня, а воздух не попадал больше внутрь. Я оставил деревья позади и с трудом шёл по открытой местности всё ближе и ближе к моей хижине. Я услышал крик этой безбожной твари и звуки издаваемые взмахами её огромных крыльев, я видел силуэт, что закрывал все звёзды в округе.

Оно не захотело нападать, не сегодня.

Вместо этого оно было занято чем-то ещё, но оно вернётся если не сегодня, значит завтрашней ночью, оно никогда не даст мне покинуть это место, ему нужно то, что есть у меня.

* * *

Сначала не стало Артура Эддисона — моего шурина. Естественно, я потрясён его смертью, но также ловлю себя на мысли, что какая-то часть меня испытывает наслаждение. Именно он настоял на идее своего присутствия в этом холоде против моей воли. Я надеялся на свободное время интимной связи с моей новой женой, а не на тройнячок с участием её брата, но мы не могли отделаться от него, потому что он также был хозяином этой хижины. Она была в собственности у семьи моей жены больше сотни лет, её передавали по наследству и вот наконец она оказалась во владении Эмили и Артура, после внезапной кончины их родителей в связи с аварией на железной дороге. Хоть хижина и была их собственностью, они никогда не были здесь. Их предок Гаррет Эддисон, в своём желании уединиться, построил её в самом глухом и безлюдном месте, какое только смог найти. Никто не знает

от кого или от чего он хотел уединиться.

В их семье его называли странным.

Даже его жена и трое маленьких детей были рады остаться в Провиденсе без него. У меня нет ни времени, ни желания вникать в историю этой хижины. Проще говоря, о ней стало известно со временем. Многие члены семьи приезжали сюда, фотографировали её с разных ракурсов и передавали из поколения в поколение до тех пор, пока она не оказалась в руках моей жены и её брата. Как по мне, это место было идеальным для того, чтобы закончить мою коллекцию страшных рассказов над которыми я трудился последние два года. Когда я предложил идею этого приключения Эмили, она сказала:

— Потрясно, давай сделаем это.

Однако, вскоре об этом плане узнал Артур.

— Да вы с ума сошли, — сказал он, — до этой развалюхи почти невозможно добраться.

Их отец, будучи молодым человеком, пытался добраться до хижины и уже почти был готов повернуть назад из-за большой и непроходимой дистанции. Добравшись всё-таки до места, он провёл всего одну ночь в хижине и поспешил вернуться домой.

— Он так и не сказал нам, что произошло той

ночью, — объяснил Артур. — Он предупредил нас, чтобы мы сторонились этого места. Я думаю, будет разумно последовать его совету.

— Но, Артур, — возразила Эмили, — это было так давно. Я не могу понять, что могло так напугать отца, но думаю, что спустя столько лет, там более, чем безопасно.

Артур продолжал спорить с ней и говорил, что подобное путешествие может быть весьма некомфортным, тяжёлым и даже опасным, но нас было бесполезно отговаривать.

Вскоре Артур произнёс:

— Хорошо, если вы оба желаете отправиться к этой Богом забытой хижине, я пойду с вами.

— Не глупи, — сказала Эмили.

— Я настаиваю! Я не могу отпустить тебя в подобное место, где никто не сможет защитить тебя, за исключением Декстера.

Когда он произнёс моё имя он сморщил нос, как-будто вдохнул что-то гадкое.

— Я более, чем способен защитить Эмили, — информировал я его.

— Фигня, — сказал он.

Принимая во внимание размеры его телосложения и тягу к насилию я не стал продолжать препираться с ним. Эмили пыталась ещё несколько раз

отговорить его от совместного путешествия, но всё тщетно. Не могли мы так же и просто сбежать вдвоём, ведь помимо того, что Артур владел половиной хижины, у него была карта местности. Он не позволял нам даже взглянуть на неё. На определённом этапе я попытался отговорить Эмили от этой затеи, но ей стала настолько интересна хижина и окрестности, что это было бесполезно.

— Всё будет хорошо, дорогой, — убеждала она меня.

— Да Артур просто дурак какой-то.

— Да, нет же, он просто слишком печётся обо мне, как-никак он мой старший брат.

— Но я ведь очень хотел побыть с тобой наедине.

— Я знаю, дорогой, я тоже расстроена, но Артур поклялся, что если мы будем нуждаться во времени наедине, то он предоставит нам такую возможность.

— Замечательно. Теперь мы ещё должны у него разрешения спрашивать.

— Всё будет не так плохо, поверь мне.

— Тогда этим будешь заниматься ты. Я не могу себе представить, как я спрашиваю у него разрешения поразвлечься с его младшей сестрой.

— Хорошо, я согласна, — сказала она посмеяв-

шись. Впоследствии она доказала, что держит своё слово.

* * *

Прибыв на поезде до станции Бэттлбора мы наняли машину, чтобы она отвезла нас как можно ближе к хижине. Артур попросил водителя забрать нас на том же самом месте через две недели. Затем он в десятый раз взглянул на карту и мы пошли по лесной тропе в лес. У нас были большие рюкзаки с одеждой, экипировкой и едой для нашего путешествия. А в дополнение к своему снаряжению у Артура был большой дробовик, который покоился на его плече, пока мы пробирались через лесные дебри. Наш поход от дороги к хижине занял чуть больше пяти дней. Хоть мы страдали от усталости, боли в мышцах, от комаров, многочисленных царапин, синяков и волдырей, а ещё больше беспокоились о полной изоляции нашего окружения и странных звуков, слышанных нами ночью, мы закончили путешествие без инцидентов. Сейчас, уже оглядываясь назад, это удивляет меня. Разумеется существу должно было быть известно о нашем подходе. Я позже понял, что странные неидентифицируемые звуки, которые мы слышали по ночам, были

хлопаньем его гигантских крыльев и сверхъестественные крики гнева и ликования. Я не знаю почему оно воздержалось от нападения на нас, возможно, у него были свои причины, позволяющие нам продолжать путь к хижине.

Может быть оно хотело, чтобы мы достигли её?

Прибыв на место, измученные и потрёпанные от нашего путешествия, мы уже были не готовы продолжать путь в обратном направлении. В противном случае, я сомневаюсь, что мы провели бы хотя бы одну ночь в этом месте. Хижина выглядела хмуро и обветшало, но это не было неожиданностью, в конце концов она стояла заброшенной долгие годы. Я полагаю, что мы ожидали чего-то более худшего. В целом, хижина оказалась неповреждённой, за исключением передней двери. Дверь слетела с петель и лежала на полу в нескольких метрах от дверного проёма. Мы стояли на крыльце и смотрели на неё.

— Интересно, как это произошло? — спросила Эмилия.

— Возможно, медведь хотел пробраться внутрь, — сказал Артур.

— Боже.

— Не о чем беспокоиться, — Артур снял свой

рюкзак и опустил его на пол. — Без сомнения наш незваный гость давно ушёл, — произнёс он, приготавливая дробовик. — Подождите здесь, — сказал он и шагнул в хижину.

Уже через несколько шагов очертания его тела скрыла тьма.

— Будь осторожен! — крикнула ему Эмили.

— Всё хорошо, только здесь ужасно воняет. Пахнет смертью, я бы сказал.

Через некоторое время зажглась спичка. Она освятила Артура, стоящего у дальнего угла комнаты.

— Да-а-а уж, — произнёс он.

— Артур? — сказала Эмили. — Что там?

— Тут паренёк.

— Что? — спросил я.

— Мёртвый паренёк.

— Боже мой! — вздохнула Эмили.

— И он тут без бот.

— Без чего? — спросил я.

— Подойди сюда и взгляни сам, Декстер, это в твоём стиле, я имею ввиду ту дрянь, что ты чирикаешь в своих книжках, если конечно у тебя кишка не тонка столкнуться нос к носу с настоящей мертвечинкой.

Я уже сделал первый шаг, как Эмили остано-

вила меня.

— Я только посмотрю, — сказал я, — подожди тут.

— Будь осторожен, дорогой.

— Пока я медленно пробирался по комнате к Артуру, спичка потухла.

Остановившись, я воскликнул:

— Я ничего не вижу.

— Используй своё обоняние, старый бродяга, — посмеялся Артур.

— Артур! — громко сказала Эмили.

Он снова засмеялся. Через некоторое время загорелась ещё одна спичка. Я поспешил в его сторону, пока он прикуривал свою трубку. Аромат хорошего табака быстро смешался с запахом тухлятины. Спичка уже догорала к тому времени, как я приблизился к нему.

Развалившись на полу, лежало всё то, что осталось от человеческого тела. Артур, по своему обыкновению, назвал это пареньком. Его одежда сгнила, как и большая часть плоти, открытая часть гнили оставалась на костях, череп же отсутствовал вовсе. Пока я тупо смотрел перед собой, трубка Артура успела погаснуть. Сладкий аромат дыма быстро проиграл свою позицию, уступив место запаху гнили. Задыхаясь и кашляя,

я побежал в сторону двери. Эмили быстро отстранилась, я спрыгнул с крыльца. Вдохнув свежий воздух я смог совладать с постыдным желанием показать всё то, что болталось у меня в желудке моей дорогой жене.

Артур был в экстазе от этой ситуации.

Последующие десять минут были потрачены им на то, чтобы посмеиваться и кидать в мою сторону комментарии, наподобие: «Железный у тебя желудок, Декстер», до тех пор пока он убирал труп. Он вынес его голыми руками за несколько раз и швырнул в кусты, на расстоянии приблизительно сотни метров от хижины. Закончив, он взглянул на нас и улыбнулся, похлопывая руками, как человек, который только что заготовил большую дровяницу с поленьями.

— Вот и всё, — проговорил он.

— Но где же его голова? — спросила Эмили.

— Я думаю, что он потерял её где-то.

— А может быть она всё ещё в хижине?

— Да, там ужасно темно, — добавил я.

— Я сейчас ставни сниму, лучше б там проветрить.

Всё ещё посмеиваясь, он забрался на крыльцо и пошёл внутрь. Через несколько мгновений выглянул и сказал:

— К сожалению, головы паренька тут нет.

Да, я не думаю, что смогу сегодня уснуть сказала Эмили.

* * *

Именно тогда мы начали обсуждать идею о том, чтобы покинуть хижину. Я был только «за».

Давайте убираться отсюда, пока есть возможность и дневной свет.

«И наши головы», — подумал я, но оставил этот аргумент при себе.

Но ведь мы только пришли, дорогой дружок.

— В комнате хижины лежал труп мужчины, — напомнил я ему. Если учитывать, что это действительно был мужчина, хотя мы не были до конца в этом уверены. Судя по состоянию тела он умер не своей смертью, я не хочу чтобы Эмили находилась в таком месте.

— Ай, Декстер, — сказал Артур, — он откинулся уже довольно давно.

— Сомневаюсь, что очень давно, мясо на костях всё ещё присутствует.

— Не стоит об этом, — сказал Артур с ухмылкой.

Сжимая мою руку, Эмили произнесла:

— С меня хватит, дорогой, дорога вконец меня

вымотала. Давай хотя бы переночуем здесь одну ночь и передохнём, поспим на улице под звёздами, а завтра утром решим оставаться здесь или повернём обратно.

— Браво! — воскликнул Артур, — голос разума.

— И всё же я думаю, что нам не стоит тут оставаться, — проговорил я.

Осклабившись, Артур похлопал меня по плечу и сказал:

— Не волнуйся, бедный мальчик, я смогу защитить тебя.

* * *

Я крепко спал в ту ночь, когда Эмили потрясла мою руку и прошептала:

— Декстер! Декстер!

— Что случилось? — спросил я.

— Ты слышишь это?

Я прислушался и услышал тихое «пфуп-пфуп-пфуп». Было похоже на хлопанье огромных кожаных крыльев. По дороге к хижине мы много раз слышали подобные звуки, но они были далеко, сейчас же они приближались всё ближе.

Я положил руку на Эмили и сказал:

— Не двигайся, тише.

— Я должна предупредить Артура.

Мы разложили наши спальные мешки неподалёку от хижины. Артур дал нам возможность остаться с Эмили наедине. Его спальный мешок лежал на расстоянии тридцати метров от нашего. При лунном свете я видел его очертания. Было видно, что он не двигается.

Чудовищное хлопанье всё приближалось, становилось всё громче и громче.

— О, Господи Боже, — прошептала Эмили.

Я закричал:

— Артур! Посмотри наверх.

Он вскочил, набирая в лёгкие воздух. Мы все вскинули наши головы и всмотрелись в небо.

Хоть я и пытался различить хотя бы что-нибудь, я мог видеть только очертания крон и веток тёмных деревьев.

Прокричав:

— Ей Богу, что это за хрень! — Артур вскинул дробовик.

Чудовищный писк поразил мой слух. Над Артуром раскинулось большое тёмное пятно.

Вспышка света от выстрела дробовика осветила Артура и этого монстра. Эмили пронзительно закричала. Артур был готов стрелять ещё и вскоре возникла ещё одна вспышка яркого света. Я был ослеплён и не увидел, что с ним стало. Всхлипы-

вая и сотрясаясь всем телом, Эмили прижалась ко мне. Через долю секунды, держась в обнимку, мы поднялись на ноги и подбежали к спальному мешку Артура. Его дробовик лежал на земле неподалёку, но самого Артура видно не было.

* * *

Мы с Эмили провели остаток ночи в хижине. Я курил трубку Артура по большей части, чтобы перекрыть остатки ужасной вони, а также потому что периодически клевал носом. Мы как могли обезопасили все проходы в хижину: забаррикадировали окна ставнями и дверной проём входа куском мебели, что нашли в комнате. Эмили лежала на полу. Её голова покоилась на моём колене. Рядом лежал дробовик Артура, готовый дать отпор чему бы то ни было. Во время томительного ожидания рассвета я думал о многих вещах. Среди всех моих мыслей меня поразило то, что я наконец получил то, что хотел — время, которое мы проводили с Эмили наедине, без Артура.

«Как иронично», — подумал я.

Теперь когда его не было с нами, на романтику меня совсем не тянуло. Я также подумал о том, что моё желание было довольно эгоистичным и закончилось для Артура совсем плохо.

Меня мучила совесть некоторое время и всё же я понимал, что не виноват в том, что существо забрало его, я также осознавал тот факт, что если бы и мог распоряжаться судьбой Артура, то сделал бы так, что его и вовсе с нами не было, даже сейчас он бы спокойно продолжал жить в Провиденсе. У меня было достаточно времени, чтобы осмыслить и тот факт, что нам бы с Эмили в Провиденсе сейчас было тоже куда лучше. Мы знали о грозящей опасности этого места, но как глупые дети всё равно захотели отправиться в это чёртово путешествие. О, как же я хотел бы сейчас повернуть время вспять и стереть любое упоминание об этой хижине. Её историю, наши желания, но я не мог так сделать.

Мы здесь, хорошо это или плохо.

Вскоре после того как небо начало сереть, предрекая скорый рассвет, сон захватил меня окончательно. Не помню, что точно мне снилось, помню лишь как проснулся с криком.

Эмили обхватила меня руками и начала успокаивать.

— Всё хорошо, дорогой, всё хорошо, — бормотала она. — Это был всего лишь дурной сон, всё в порядке, всё хорошо.

— Мы должны убираться отсюда.

— Мы уберёмся, — сказала Эмили.

Её тёплые пальцы скользнули по моей щеке.

— Мы уйдём сразу же после того, как найдём Артура.

— Но… Артур… Существо забрало его.

— Мы не знаем этого.

— Но оно ведь забрало его, дорогая.

— Может быть. Но мы ведь не видели точно, что оно унесло его с собой, ведь так? Мы оба были ослеплены вспышками от выстрелов, мы знаем лишь то, что оно опускалось к нему, а что случилось потом, нет.

Смотря прямо в глаза моей любимой жены, я сказал:

— Я думаю, что оно забрало его.

— А может быть он убежал в лес и спрятался?

— Но он же не вернулся.

Может быть он потерялся или он ранен, он может прямо сейчас нуждаться в нашей помощи.

«Скорей всего, сейчас, — подумал я про себя, — он мёртв и находится в желудке этой твари».

— Но мы не можем просто так взять и уйти, не убедиться в том, что с ним стало.

— До-ро-гая!

Видя мои мучения, она нежно поцеловала меня, затем произнесла:

— Я понимаю, что может быть он уже мёртв.

Я был одновременно рад и расстроен тем, что она не потеряла рассудок.

— Ну, скорее всего так и есть, — сказал я ей.

— Если это произошло мы должны забрать его тело из этого места.

— Мы не можем.

— Мы не можем уйти без него.

«Боже мой», — подумал я.

* * *

Мы разгребли забаррикадированный проход в хижину и вышли на крыльцо, залитое солнечным светом. Я не знал природу этого существа и не мог быть уверен в том, что оно охотится только по ночам, поэтому я стоял на страже с дробовиком Артура, прислушиваясь к звукам и всматриваясь в небо, но я не увидел и не услышал ничего, что могло бы сказать мне о приближении существа. Что касается Артура, мы изучили землю около его спального мешка и не обнаружили ничего странного, даже ни одной капли крови. Прищуриваясь и всматриваясь в лесную чащу, Эмили сказала: — Он где-то там, я это точно знаю.

— Но лес… он огромный, дорогая, мы будем искать его несколько дней, если не…

— Мы найдём его, — сказала она, — я уверена в этом, мы должны.

— Рискуя нашими собственными жизнями?

— Если на то пошло.

— Но, дорогая, неужели ты думаешь, что Артур хотел бы того же для тебя, чтобы ты также рисковала, пытаясь отыскать его тело?

— Я уверена, что он точно не выбрал бы для себя такой участи, быть оставленным в этой глуши.

Не желая дальше продолжать спор я промолчал, а затем сказал:

— Значит, мы найдём его.

* * *

И мы нашли его.

Через некоторое время поисков я стоял на страже, пока Эмили готовила нам еду. Мы поздно проснулись. Уже было далеко за полдень когда мы начали искать Артура. Не отходя далеко друг от друга, мы ходили кругами вокруг хижины. С каждым новым кругом увеличивая расстояние до постройки. Как по мне, это было безнадёжно, а также глупо. Мы должны были тратить время на то, чтобы бежать отсюда, увеличивая дистанцию и отдаляясь как можно дальше от этого проклятого места до наступления темноты, а не

ходить кругами в поисках тела Артура. И всё же мы наткнулись на его останки, хотя это и спорно, скорее он нас нашёл.

Пробираясь сквозь густые заросли, мы нагибались как можно ниже. Большую часть времени мы смотрели не перед собой, а под ноги. Не только, чтобы найти тело Артура, но и для того, чтобы не споткнуться о бесконечные сухие ветки и корни деревьев. Мы и вовсе не заметили Артура, как будто подтверждая слова Эмили о том, что Артур не хотел бы оставаться здесь в одиночестве, пальцы его рук зацепили её волосы.

— Вот чертовщина, — пробормотала она.

Я шёл перед ней на расстоянии нескольких шагов и повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть как она пытается высвободить прядь своих волос из хватки ветки дерева, схватившей её. Прежде чем я успел предупредить Эмили, она подняла вверх свою руку и потрогала… пальцы Артура. Закричала и стала быстро пятиться назад. Крупная прядь волос зацепилась и не давала ей возможности высвободиться. Потянув ещё сильнее, она упала на спину. Мы оба вперили наши взгляды на руку. Она принадлежала мускулистому, на вид гибкому плечу, которое свисало с тяжёлой ветви дерева, а рука казалась такой же жёсткой

как и сама ветвь.

* * *

Всеми фибрами души Эмили держалась за надежду найти брата живым. Когда же она увидела его руку, вся надежда ушла. Она сидела на земле, её плечи тряслись и слёзы текли ручьём по её щекам. Я подошёл к ней и обнял, чтобы успокоить. Через некоторое время она стала вести себя поспокойнее и произнесла сквозь всхлипы:
— Ты… ты спустишь его, правда?

Конечно.

И так, оставив Эмили на земле, я стал забираться на дерево. Я отводил взгляд от Артура и рассматривал ветку дерева, в которой запуталось его тело. Сказать, что он лежал лицом вниз, было вовсе нельзя. Вся его спина была в глубоких рваных порезах, части кожи и плоти лоскутами как и лохмотья одежды свисали вдоль его тела.

Головы же не было совсем.

Оставшаяся часть тела была одним целым хотя и полностью рваным и переломанным.

Несколько сломанных веток дерева над его телом указывали на траекторию падения. На тот момент я подумал, что Артур сам забрался на дерево, спасаясь от существа, естественно ещё до

того как лишился головы, однако позже я понял, что это было не так. Крылатое существо само сбросило его обезглавленное тело на дерево.

— Это Артур? — спросила Эмили внизу.

Спросила, хотя и сама знала ответ.

— Боюсь, что да.

— И он… он мёртв?

— Я… да, я сейчас спущу его вниз, но лучше тебе не смотреть, он видывал лучшие дни.

— Я подальше отойду.

Она повернулась и отошла на некоторое расстояние. Увидев это, я сказал:

— Не отходи далеко, дорогая.

Затем я пробрался к концу ветки с намерением опустить Артура на землю. Сначала я не хотел прикасаться к нему, но сам Артур, подумалось мне, посмеялся бы надо мной, насмехался бы над моей брезгливостью. Он бы быстро сделал всё, что следовало бы, если бы сейчас всё было наоборот. Эти мысли придали мне сил и также принесли мне небольшое удовлетворение. Взявшись за работу, я быстро распутал ветки вокруг тела Артура. Я отцепил его тело, а гравитация сделала оставшуюся часть работы.

Большой человек.

Он приземлился на землю с громким глухим

звуком. Должен сказать, что на какое-то время это зрелище заставило меня улыбнуться. Однако улыбка быстро исчезла с моего лица, как только я услышал всхлипы Эмили. Она не отошла далеко, она спряталась и смотрела на всю эту картину. Сейчас же она спешила, простирая руки в своём желании обнять его. Она всхлипывала и хватала ртом воздух.

— Артур? — произнесла она.

Она нагнулась к телу, как бы прислушиваясь к тому, что ей ответят.

— Артур, где твоя голова?

Мой желудок сильно скрутило, пока я наблюдал за Эмили.

— Артур, что ты сделал со своей головой?

— Эмили!

Хоть она и не ответила мне я продолжал:

— Я думаю, что существо забрало голову с собой.

Некоторое время она всё ещё стояла над телом Артура, затем её плечи содрогнулись и послышались громкие рыдания. Затем, как бы говоря это Артуру, она сказала:

— Это не дело, так не пойдёт.

Наконец, она успокоилась, подняла ко мне своё заплаканное лицо и посмотрела на меня таким

взглядом, что мой желудок скрутила ледяная судорога.

— Мы должны найти его голову…

— Но…

Безумие в её глазах всё выразило.

— Мы никогда не найдём её, дорогая.

— Найдём!

— Не найдём, потому что… потому что существо, скорее всего, съело её.

Тихим ледяным тоном Эмили произнесла:

— Значит мы убьём это отродье и вытащим голову из её живота.

* * *

Никогда прежде я не видел такого сильного гнева на лице Эмили или кого-нибудь ещё.

Трясясь от страха, я слез с дерева. Вцепившись в мою руку, она сказала:

— Мы сделаем это сегодня ночью, будем ждать и дождёмся его.

— Я думаю, нам следует убраться отсюда, дорогая.

Её хватка усилилась, ногти впились в мою кожу.

— Уходи если желаешь, Декстер. Я же уйду отсюда только в том случае если монстр, что сделал

это с моим братом, сгинет и я буду держать голову Артура в своих руках.

Я тупо всматривался в её глаза.

— Так ты со мной? — спросила она.

— Но я действительно думаю, что…

Затем я замолчал, хотя я и понимал, что остатки здравомыслия покинули её я так же знал и то, что потеряю её доверие и любовь, если брошу её здесь одну.

— Мы остаёмся, — сказал я, — и убьём его.

Сразу после моих слов она крепко и страстно поцеловала меня. Она опустилась ниже, вскоре легла на землю, наши тела были сплетены, страсть поглотила нас, а мы лежали рядом с телом Артура.

«Чистейшее безумие, — подумал я, — но и безумно потрясающее».

И Артур был совсем не против.

* * *

Той ночью Эмили расстелила свой спальный мешок на месте, где прошлой ночью устроился Артур, таков был её план. Я считал, что это глупо, но я не спорил с ней, потому как видел решимость в её глазах. К моему бесконечному горестному сожалению я ничего не сделал, чтобы остановить

её. Однако тогда, хотя я и боялся худшего, я считал, что у нас есть шанс на победу.

Альтернатива же была совсем печальна.

Я мог забрать Эмили силой и вытащить её отсюда, но тогда я потерял бы её любовь.

Теперь я могу лишь рассказать, как всё это было.

Вскоре после наступления темноты мы заняли наши позиции. Она легла в свой спальный мешок, поверх себя она накинула плед. В руках держала складной нож. Я же лежал неподалёку от неё на земле и сжимал в руке дробовик Артура. Всё моё тело было скрыто под ветками деревьев, которыми я накрылся. Я прочитал об этом методе маскировки в книгах, описывающих индейские племена апачи. Я прекрасно понимал, что Артур перед смертью выстрелил из своего оружия прямо в этого монстра и выстрел не остановил его.

Позже я понял почему так произошло.

Осмотр патронов, выстреленных в ту ночь, дал мне понять, что дробовик был заряжен гильзами для отстрела птиц мелкой дробью. Артур не мог знать, что на него когда-нибудь нападёт крылатое чудище размером с аэроплан. В его рюкзаке я нашёл другие патроны, например с содержанием крупной дроби, некоторые были с содержанием

свинцовых осколков. Сейчас же все мои карманы были наполнены амуницией. Подобные патроны давали нам куда больший шанс выстоять против монстра. Раз за разом, лёжа на спине в ту ночь я повторял про себя одно и то же. Конечно, лёгкое вооружение не смогло остановить это существо, но вот свинец точно остановит. Поразит его, оставит лежать подохшим на земле.

Только дурак мог зарядить дробовик мелкой дробью! О чём только думал этот кретин Артур?! Если бы он зарядил дробовик как надо, то он сейчас был бы всё ещё с нами.

Наверное, я говорил себе это тогда потому что сам хотел поверить своим словам. А также я думал о том, что нужно просто подняться на ноги, скинуть с себя ветки, с неё плед, грубо поднять её на ноги, привести в чувство и просто увести из этого треклятого места.

Хватит с меня.

Я воображал, как Эмили борется со мной, с моей хваткой, я представлял себе, как сильно встряхиваю её. Хватит, я не позволю нам умереть, глупо выбросить наши жизни на то, чтобы найти голову Артура, голову, которая приносит сейчас больше толку, чем в то время когда она была прикреплена к его телу. Но может быть в этот раз

свинец остановит монстра или сегодня ночью оно охотится в другом месте, где-то далеко? Хотя, чем больше я думал об этом тем меньше надеялся на благоприятный исход. Я уже был готов прекратить всё это когда послышался этот ужасный звук. Тихий «пфуп-пфуп-пфуп». Это были крылья существа.

— Артур? — сказала Эмили вслух.

— Я слышу монстра, всё ещё есть время, бежим к хижине.

— Никогда! — сказала Эмили.

Хлопанье крыльев становилось громче и громче и громче. Нежным тихим голосом Эмили произнесла:

— Иди ко мне, моя радость, иди ко мне.

На секунду мне показалось, что она сказала это мне.

Тишина.

Затем послышался звук ломающихся веток, затем снова «пфуп-пфуп-пфуп». Я подскочил и вскинул дробовик к небу, навёл его прямо на большое тёмное пятно, опускающееся сверху на землю, спустил курок, выстрелив сразу оба патрона. Сильные вспышки осветили всё вокруг, я видел глаза монстра, его красные глаза, как они сверкали. Затем наступила темнота, непрогляд-

ная чернота. Эмили вскрикнула.

«О, Боже, оно схватило её?!»

Всё ещё ослеплённый вспышками я щёлкнул дробовиком, чтобы перезарядить его. Я вставил ещё два патрона, один упал мне на колено, но один патрон плотно вошёл внутрь. У меня не было больше времени, я снова вскинул его готовый выстрелить…

По крику Эмили я понял, что она уже не на земле, она чуть выше того места, где разложила свой спальный мешок. Итак, я навёл дробовик в ту сторону с которой слышался её голос, чуть выше того места и выстрелил. Вспышка осветила Эмили, бьющуюся в мёртвой хватке существа. Было видно как складной нож быстро мелькает в её руке и бьёт по телу чудовища.

После того как вспышка прошла, они оба исчезли в темноте, но я всё ещё слышал голос Эмили, хоть и оглох на мгновение. Я также услышал громкий писк монстра и хлопанье огромных крыльев.

Эмили кричала:

— Вот тебе, умри, умри!!

Она продолжала выкрикивать эти слова до тех пор, пока её голос не пропал вдали.

* * *

На следующий день я обыскивал лес. Я надеялся, что Эмили заколола существо или хотя бы убежала от него прочь, но я не нашёл ни одного следа ни Эмили, ни монстра.

* * *

Той ночью приманкой был уже я. Я лёг на спальный мешок Эмили, дробовик покоился у меня на животе, я прикрыл его пледом. В ту ночь у меня не было никаких иллюзий о силе и мощи дробовика, но может быть нужно просто выстрелить в правильное место? Поздно ночью я услышал удары его крыльев. Сотрясаясь всем телом, я приготовил дробовик. Я либо отомщу, либо оно заберёт меня. Звук крыльев всё приближался, я ожидал, что скоро последует звук ломающихся веток дерева, но ничего не было слышно. Оно зависло высоко, блокируя лунный свет. Я прицелился, прикрыл глаза и выстрелил одиночным.

Затем я услышал громкий визг.

Я открыл глаза и увидел, как существо пикирует в мою сторону. Я всмотрелся, какие-то два

предмета падали на землю. Существо, как выяснилось позднее, пикировало в сторону двух этих предметов. Я прицелился и выстрелил снова. Второй выстрел заставил его изменить свою тактику. Существо поднялось вверх и улетело прочь.

* * *

Следующим утром я занялся поиском тех предметов, что обронило существо. Теперь они стоят на столе, пока я сижу в комнате хижины. Они похожи на цилиндры в полметра длинной и сделаны из неизвестного мне металлического материала. Они блестят серебром, у них есть крышки. Крышки, которые можно легко сдвинуть, открутив винты на них, тем самым можно открыть эти цилиндры. Я же больше никогда этого не сделаю. Если я смогу убежать отсюда я возьму оба цилиндра с собой. Я буду всегда стеречь их покуда буду жить.

Эмили хотела бы этого.

Господь знает, она бы не хотела быть отделена от брата. Если же я не смогу убежать от существа, то сам окажусь в подобном цилиндре и тогда нас будет трое. Самое худшее во всей этой ситуации, не то, что Эмили мертва, не то, что какое-то существо обезглавило её и не то, что её мозг был

помещён в этот цилиндр. Самое худшее то, что когда я держу оба цилиндра в руках я чувствую тепло. Я чувствую приятно щекочущую вибрацию и я знаю, что их мозги продолжают жить.

Перевод: О. Новгородский

Брайан Ламли
Кипрская раковина

Brian Lumley «The Cyprus Shell», 1968

Оукс, Иннсвей,
Редкар, Йоркшир.
5 июня, 1962 г.

Полковнику (в отставке) Джорджу Л. Гли,
члену Ордена Британской империи,
кавалеру Ордена за выдающиеся заслуги
Танстолл Корт, 11,
Вест-Хартлпул, графство Дарем

Мой дорогой Джордж,

Я должен принести свои искренние извинения за то, что я самым непростительным образом испортил настроение вам и Элис в прошлый субботний вечер. Элис обратила внимание на вы-

ражение моего лица, на моё несоответствующее поведение и на то, как грубо, должно быть, получилось, что я вытащил её из-за вашего чудесного обеденного стола; и всё это, увы, под пристальными взглядами многих моих военных товарищей. Я лишь могу надеяться, что наша давняя дружба и тот факт, что вы знаете меня так долго, дали вам некоторое представление о том, что только крайняя необходимость могла заставить меня покинуть ваш дом таким необычным образом.

Я представляю, как все вы были поражены моим уходом. Элис была расстроена и не разговаривала со мной, пока я не объяснил ей вескую причину того, что она сочла безумным поведением.

Что ж, кратко говоря, я рассказал ей ту же самую историю, которую собираюсь сейчас поведать и вам. Она была удовлетворена обоснованностью причин моих, казалось бы, неразумных действий, и я уверен, что вы почувствуете то же самое.

Конечно, всё это произошло из-за устриц. Я не сомневаюсь, что их приготовление было безупречным и что они были восхитительно вкусными — для всех, кроме меня. Правда в том, что я терпеть не могу морепродукты, особенно моллюсков. Вы, конечно, помните, как я любил

крабов и омаров? Тот случай в Гуле, когда я съел целых две тарелки свежих мидий в одиночку? Мне нравились такие блюда. Тьфу! Одна мысль об этом…

Два года назад на Кипре произошло нечто, что положило конец моему аппетиту к такого рода морепродуктам. Но прежде, чем я продолжу, позвольте мне попросить вас кое о чём. Достаньте свою Библию и посмотрите главу Левит 11; 10/11. Нет, я не стал религиозным маньяком. Просто с тех пор, как это произошло два года назад, я проявил глубокий и болезненный интерес к этой теме и всему, что с ней связано.

Если, прочитав мою историю, вы почувствуете, что ваше любопытство удовлетворено, то имеется множество книг на эту тему. Возможно, вы захотите их просмотреть, хотя я подозреваю, что большинство из них вы не найдёте в вашей местной библиотеке. В любом случае, вот список из четырёх таких книг: «Морские змеи», Гантли, «Обитатели глубин», Гастона Ле Фе, «Подводные культы», на немецком языке и чудовищный «Хтаат Аквадинген», неизвестного автора. Все они содержат почти одинаково тошнотворные фрагменты и имеют отношение к истории, которую я должен рассказать в своё оправдание.

Я уже говорил, что это случилось на Кипре. В то время я был командиром небольшого подразделения в Кирее, между Кефосом и Киренией, на побережье с видом на Средиземное море, самым красивым из всех морей. Вместе со мной служил молодой капрал по имени Джоблинг, который воображал себя кем-то вроде конхиолога и проводил всё свободное время с ластами и маской, ныряя со скал к югу от Киреи. Я говорю, что он мнил себя знатоком морских раковин, но на самом деле он собрал замечательную коллекцию, потому что служил во многих частях мира и погружался под воду в разных океанах.

Под стеклом в его комнате, в красиво сделанных самим Джоблингом «естественных», декорациях у него имелись такие разнообразные и завораживающие раковины, как африканский Пектиновый Иррадиан, Мурекс Монодон с длинным рогом и Джантина Виолацея из Австралии, странная Корона Мелонгена из Мексиканского залива, веерообразная Ранелла Перка из Японии, и многие сотни других, слишком многочисленных, чтобы упоминать их здесь. Мой еженедельный обход военной базы неизбежно заканчивался в комнате Джоблинга, где я бродил среди его стеклянных ящиков, восхищаясь уникальной

фантазией природы.

Хотя хобби Джоблинга занимало всё его свободное от службы время, оно никоим образом не мешало его работе в подразделении; он был добросовестным, трудолюбивым унтер-офицером. Я впервые заметил перемену в нём, когда он стал плохо исполнять свои обязанности. Больше недели я собирался сделать ему выговор за его вялость, когда у Джоблинга случился первый из тех приступов, которые в итоге привели его к ужасному финалу.

Однажды утром, после первого построения, его нашли свернувшимся на кровати самым странным образом, он лежал, поджав ноги и обхватив себя руками, почти что в позе эмбриона. Был вызван военный врач, но, несмотря на лечение, Джоблинг оставался в своём необъяснимом состоянии более часа, а затем он внезапно «очнулся», и начал вести себя вполне нормально, по-видимому, не в состоянии вспомнить ничего из того, что произошло. Я был вынужден освободить этого капрала ото всех обязанностей на одну неделю, и он был явно поражён моим приказом; он клялся, что находится в отличной форме, и обвинял кипрское солнце в том, что он перегрелся и потерял сознание. Я проконсультировался у врача, и тот

заверил меня, что состояние Джоблинга никоим образом не соответствовало солнечному удару, на самом деле оно было тесно связано с некоей травмой, как будто это был результат глубокого психологического шока…

На следующий день после того, как Джоблинг вернулся к своим обязанностям, он пережил второй из своих приступов.

В этот раз всё было так же, как и в первый, за исключением того, что потеря сознания у капрала длилась несколько дольше. Кроме того, обнаружилось, что он сжимает в руке блокнот с записями, относящимися к его коллекции раковин. Я попросил врача отдать мне блокнот, и пока Джоблинга, всё ещё в полубессознательном состоянии, везли в больницу на обследование, я прочитал эти записи в надежде найти что-нибудь, объясняющее причины его странного недуга. У меня было предчувствие, что его состояние во многом связано с его хобби; хотя мне трудно было понять почему коллекционирование и изучение раковин должно оказывать такое сильное воздействие на военнослужащего.

В блокноте капрала первые два десятка страниц были заполнены наблюдениями о местах, где можно было найти определённые виды морских

моллюсков. Например: «Пектиновый Иррадиан — маленький — в скальных бассейнах глубиной от десяти до пятнадцати футов». И так далее… За этим разделом следовала дюжина страниц с безукоризненно выполненными рисунками, и описания более редких образцов. Ещё две страницы были посвящены карте береговой линии Киреи с заштрихованными областями, показывающими места, которые коллекционер уже исследовал, и районами, помеченными стрелками, очевидно, Джоблинг намеревался их посетить. Затем, на следующей странице, я нашел удивительный рисунок раковины, подобной которой я никогда раньше не видел несмотря на то, что часто изучал коллекции Джоблинга. Я также никогда не видел такой раковины и после того случая с капралом.

Как её описать? Под рисунком он начертил шкалу в дюймах, чтобы показать размер раковины. На вид она была около шести дюймов в длину, и основная её форма представляла собой тонкую спираль: но на всём протяжении этой спирали, вдоль всего пути от рта до хвоста, имелись острые шипы длиной около двух дюймов в самой широкой части раковины и около одного дюйма на её узком конце. Очевидно, шипы слу-

жили средством защиты от океанских хищников. Рот существа (Джоблинг раскрасил рисунок) представлял собой блестящую чёрную крышечку с рядом крошечных глаз по краям, как у гребешка, и был ярко-розового оттенка. Основная часть раковины и шипы имели песочный цвет. Если бы я лучше умел выражать свои мысли на бумаге, я бы смог передать вам своё ощущение того, насколько отталкивающе выглядела эта раковина. Достаточно сказать, что это было не то, что я с удовольствием подобрал бы на пляже, и не только из-за её шипов! Имелось что-то отвратительно завораживающее в форме и глазах этого моллюска, что, принимая во внимание точность других рисунков, не выглядело обычной причудой художника…

На следующей странице я обнаружил заметки, которые, насколько я помню, выглядели так:

> «Мурекс гипнотика?
>
> Редкий моллюск? Неизвестный???
>
> 2 августа… Нашёл раковину с живой улиткой, недалеко от скал (отметил на своей карте), на глубине примерно в двадцать футов. Раковина лежала на песке в естественном каменном бассейне. Почти

уверен, что это очень редкий, возможно, новый вид. Улитка имеет глаза на краю мантии. Я не взял эту раковину собой, а привязал её к камню нейлоновой леской от гарпуна. Хочу изучить это существо в естественной среде, прежде чем поместить его в свою коллекцию.

3 августа… Раковина всё ещё на якоре. Увидел очень странную вещь. Маленькая рыбка, длиной в дюйм, подплыла к раковине, вероятно, привлечённая ярко-розовым ртом. Глаза улитки ритмично покачивались в течение нескольких секунд. Крышка открылась. Рыбка заплыла в раковину, и крышка захлопнулась. Подходящее название дал я этой улитке. Очевидно, рыбы ощущают такое же необычное воздействие от этой раковины, как и я, когда обнаружил её впервые. Улитка, похоже, использует гипноз для привлечения рыбок так же, как осьминог использует его для ловли крабов.

4 августа… Сегодня я на дежурстве и не могу проведать ту раковину. Прошлой ночью мне приснился забавный сон. Я находился в морской раковине. Видел,

как я перемещаюсь по дну. Я ненавидел пловца и считал его виноватым в том, что он ограничивал мои движения. Я был улиткой! Когда пловец, то есть я сам, удалился, я попытался перепилить нейлоновую леску своей крышечкой, но не смог. Проснулся. Неприятные чувства.

5 августа… Я на дежурстве.

6 августа… Снова посетил раковину. Леска возле неё слегка потрёпана. Глаза помахали мне. Почувствовал головокружение. Слишком долго оставался внизу. Вернулся в лагерь. Весь день кружится голова.

7 августа… Снова видел сон, что я был улиткой. Я ненавидел пловца и пытался проникнуть в его разум так же, как я это делаю с рыбками. Проснулся в ужасе».

Далее в блокноте возник большой разрыв в датах, и, оглядываясь в прошлое, я понял, что это был тот период, когда Джоблинг находился в больнице. На самом деле он попал туда на следующий день после того, как сделал последнюю запись, восьмого числа того месяца. Следующая запись была примерно такой:

«15 августа… Не ожидал, что раковина всё ещё будет находиться на том же месте, но она никуда не делась. Леска сильно потрёпана, но не разорвана. Я спускался под воду пять или шесть раз, но моя голова начала ужасно кружиться. Улитка отчаянно вытаращила на меня глаза! Я почувствовал, как в воде на меня надвигается тот ужасный сон! Пришлось выбираться на сушу. Поверьте, это чёртово существо пыталось загипнотизировать меня, как рыбу.

16 августа… Ужасный сон. Только что проснулся и должен записать его прямо сейчас. Я снова был улиткой! С меня хватит. Сегодня возьму эту раковину в свою коллекцию. Это чувство головокружения…»

Вот и все записи в блокноте. Последняя, очевидно, была сделана в тот самый день, когда у Джоблинга случился новый приступ. Я только что закончил читать заметки и сидел в замешательстве, когда зазвонил телефон. Это оказался наш военный врач. В больнице творился настоящий ад. Джоблинг пытался вырваться на свободу,

сбежать из палаты. Я поехал на своей машине прямо туда, и вот с этого-то момента и начался настоящий ужас.

У главного входа меня встретил санитар и проводил в одну из палат. Врач и три других санитара уже ожидали меня там.

Джоблинг свернулся калачиком на больничной кровати точно так же, как и раньше во время приступа. Точно ли это была поза эмбриона? Что же она мне напоминала? Внезапно я заметил кое-что, что нарушило ход моих мыслей, заставив меня вскрикнуть и присмотреться повнимательнее. На губах Джоблинга высыхала пена, его зубы были оскалены, а глаза ужасно выпучены. Но я не увидел никаких движений! Капрал был мёртв как камень!

— Как, чёрт возьми?... — ахнул я. — Что здесь случилось?

Врач схватил меня за руку. Он недоверчиво смотрел на меня широко раскрытыми глазами. Впервые я заметил, что один из санитаров, похоже, находился в состоянии шока. Врач начал рассказывать сухим, надтреснутым голосом:

— Это было ужасно. Я никогда не видел ничего подобного. Казалось, Джоблинг просто сошёл с ума. У него пошла пена изо рта, и он попытался

сбежать отсюда. Он добрался до главных дверей прежде, чем мы его догнали. Нам пришлось нести его вверх по лестнице, а он продолжал тянуться к окнам, смотрящим на море. Когда мы вернули капрала сюда, он внезапно свернулся вот так! — Врач указал на неподвижную фигуру на кровати. — А потом он дёрнулся — это единственный способ, которым я могу описать, как он двигался — он сполз с кровати, а затем с непостижимой быстротой оказался в стальном шкафчике и закрыл за собой дверь. Одному богу известно, зачем он туда забрался!

В одном углу палаты действительно располагался шкафчик. Одна из двух его дверей висела на вывернутой петле, почти полностью оторванная.

— Когда мы попытались вытащить Джоблинга оттуда, он дрался как чёрт. Но не так, как сопротивлялся бы человек! Он бодался головой, двигая ею словно пилой, кусался и плевался — и всё это время он оставался в этой ужасной позе, даже когда дрался. К тому времени, когда мы снова уложили Джоблинга на кровать, он был мёртв. Я…. я думаю, он умер от страха.

К тому моменту отвратительный поток мыслей, прерванный ужасной картиной в палате,

снова зародился в моём сознании, и я начал прослеживать невозможную цепь событий. Но нет! Это было слишком чудовищно, чтобы даже думать об этом, слишком фантастично… И затем, в довершение моих ужасных мыслей, из уст одного санитара вырвались те слова, что заставили меня внезапно провалиться в темноту.

Я знаю, вам будет трудно поверить, Джордж, когда я расскажу вам, что это были за слова. Кажется нелепым, что такое простое утверждение может оказать столь глубокое воздействие на человека. Тем не менее, я действительно упал в обморок, потому что увидел внезапную связь, кусочек головоломки, который встал на нужное место, и мне открылась пугающая картина. Санитар сказал:

— Вытаскивать Джоблинга из шкафчика было хуже всего, сэр. Это всё равно, что пытаться без булавки выдернуть моллюска из раковины…

Когда я пришёл в себя, то, несмотря на предупреждение врача, я отправился в кают-компанию, (в то время я ещё не встретил Элис и поэтому жил, где придётся), и взял свои принадлежности для подводного плавания. Я также захватил блокнот Джоблинга и направился к месту, отмеченному красной точкой на его карте. Найти его было

нетрудно; Джоблинг мог бы стать отличным картографом.

Я припарковал машину, затем надел маску и ласты, Я вошёл в воду на мелководье и поплыл над неровными выступами скал и песчаным дном. Я остановился над одной впадиной на несколько секунд, чтобы посмотреть, как куча крабов сражается за мёртвую рыбу. Злобные твари полностью покрыли её — удивительно, как их привлекает падаль, — но пока крабы дрались, я мельком заметил серебристую чешую и красную, разорванную плоть. Но я был там не для того, чтобы изучать пищевые привычки крабов. Я поплыл дальше.

Почти сразу я нашёл каменный бассейн, а следом и ту раковину. Она лежала на глубине около двадцати футов. Я увидел, что к ней всё ещё была привязана нейлоновая леска. Но по какой-то причине вода внизу оказалась не такой прозрачной, как я ожидал. Внезапно меня охватило страшное предчувствие, которому не было названия. Тем не менее, я обязан был осмотреть эту раковину, чтобы доказать себе, что мои мысли были чистой фантазией и не более того.

Я перевернулся в воде, отвернувшись от голубого неба, и бесшумно заскользил вниз. По

спирали я спустился к раковине, отметив, что она была точно такой, как на рисунке Джоблинга, и осторожно, с содроганием я взял её за один из тех шипов и перевернул, чтобы увидеть розовый рот.

Раковина была пуста!

Но если моя безумная теория была верна, я увидел именно то, чего мне следовало ожидать; тем не менее я отпрянул от этой раковины, как будто она вдруг превратилась в угря. Затем, краем глаза, я увидел причину помутнения воды. Вторая куча крабов поднимала небольшие облачка песка и сепии. Они рвали в своей ужасной, неистовой похоти какую-то мёртвую рыбу или моллюска.

Сепия! Внезапно я ужаснулся собственным мыслям. Великий Боже на небесах! Сепия!

Я снял с одной ноги ласт и отогнал ужасных, царапающихся тварей от их добычи, и тут же пожалел, что сделал это. Ибо сепия — это кровь или сок каракатицы, а также некоторых видов моллюсков и морских улиток.

Тварь всё ещё была жива. Её мантия слабо колыхнулась, и те глаза, что остались, посмотрели на меня. Помню, что даже когда наступил окончательный ужас, я вдруг осознал, что моя догадка была правильной. Ведь эта тварь не свернулась,

как положено морской улитке, да и какая морская улитка может покинуть свою раковину?

Я сказал, что она посмотрела на меня! Джордж, клянусь на Святой Библии, что эта тварь узнала меня, и, когда крабы снова ринулись вперёд на нечестивый обед, она попыталась подойти ко мне.

Улитки не должны ходить, Джордж, а люди не должны извиваться.

Гипноз — забавная вещь. Мы едва понимаем силы человека, не говоря уже о странных способностях низших форм жизни.

Что ещё я могу сказать? Позвольте мне просто повторить: я надеюсь, что вы примете извинения за то моё недостойное поведение в вашем доме. Конечно, всё это произошло из-за устриц. Не то, чтобы я сомневался в том, что их приготовление было безупречным или что они были восхитительны — любой бы оценил их вкус. Но я? Ну! После той истории с капралом я больше не способен есть устриц.

С уважением,

Майор Гарри Уинслоу

Перевод: А. Черепанов

Брайан Ламли
Уникальное доказательство

Brian Lumley «An Item of Supporting Evidence»1970

Именно содержание письма от Чандлера Дэвиса, художника, рисующего странные мистические картины, побудило меня пригласить его к себе в поместье Блоун-Хаус. Дэвис в своём письме поведал о негативном влиянии, которое оказал на него мой рассказ «Царство Йегг-ха». Не то, чтобы я сильно огорчился из-за негативных комментариев мистера Дэвиса — вы никогда не сможете угодить всем, — но я определённо был не согласен с его аргументами. Он считал, что время мифологической фантастики «прошло», что сказочные земли и существа из Мифов Ктулху, сверкающие цитадели и тёмные демоны Киммерии должны умереть печальной, но верной смертью вместе со своими создателями, и что постоянное повторение сюжетов из этих историй, чем занимаюсь я и многие другие писатели, ослабляет впечатление от оригинальных

произведений. И, по-видимому, мой рассказ, по общему признанию Лавкрафтовский, раздражал Дэвиса именно в этом отношении. Действие у меня происходило в те времена, когда Рим владычествовал над Англией, и я описывал поклонение «внешнему Богу». Вероятно, особенно сильно разозлил мистера Дэвиса тот факт, что я изобразил «настолько невероятного Бога», существовавшего в хорошо изученный период истории Англии, что даже студент-троечник, изучающий древности нашей страны, вряд ли мог не заметить очевидную неправдоподобность моего рассказа.

Я был рад, что господин Дэвис написал непосредственно мне, а не в отдел писем журнала «Гротеск», в котором первоначально появился мой рассказ, потому что тогда я был бы вынужден принять ответные меры, что, несомненно, вызвало бы большие приливные волны нежелательной активности на многих научных побережьях. Очевидно, этот художник не знал, что все мои рассказы основаны на каком-нибудь реальном факте, пусть и незначительном, и что я никогда не писал ничего, что, по моему мнению, не могло произойти, или в какой-нибудь степени не было бы связано непосредственно со мной.

Как бы то ни было, мистер Дэвис принял моё приглашение и, несмотря на странную ауру дурного предчувствия, которая окружает Блоун-Хаус, навестил меня однажды воскресным днём несколько недель назад. Он впервые ступил на порог моего дома, и я с удовлетворением отметил, как его глаза с завистью оглядывали содержимое моих книжных полок.

Взявшись за корешок оригинального экземпляра «Людей Монолита», Джеффри, художник отметил, как мне повезло, что я владею таким количеством редких книг; он даже зачитал некоторые названия, пока осматривался. В своём коротком монологе Дэвис похвалил «Оригинальные заметки о Некрономиконе», Фири, отвратительный «Хтаат Аквадинген», буквально бесценную книгу «Культ упырей», и многие другие подобные произведения, включая такие антропологические первоисточники, как «Золотая ветвь», и «Культ ведьм», мисс Мюррей. Я обратил внимание Дэвиса на то, что у меня также имеется перевод малоизвестного «Пограничного гарнизона», написанного около 138 года н. э. Лоллием Урбикусом. Я взял эту книгу с полки, прежде чем налить своему гостю приветственный бренди.

— Полагаю, что в этой книге содержится доказательство, о котором вы упомянули в своём письме, мистер Кроу? — спросил Дэвис. — В связи с этим считаю справедливым предупредить вас с самого начала: я не могу доверять всему, что говорит Урбикус, хотя я признаю, что его описание храма Митры в Баррбурге было довольно точным.

Оценив то, как мой явно эрудированный критик начал свою речь, я ответил на его исследовательский выпад улыбкой и сказал:

— Нет, книга просто содержит несколько дополнительных фрагментов, представляющих интерес в связи с моим уникальным доказательством, имеющим совершенно иной характер.

— Я не хочу, чтобы вы поняли меня неправильно, мистер Кроу, — ответил Дэвис, доставая из кармана сигареты и устраиваясь поудобнее в кресле; он готовился к предстоящей, более напряжённой битве. — В качестве развлечения ваша история была очень хорошей, даже превосходной, и любой случайный читатель, несомненно, испытал определённое содрогание от некоторых «шокирующих», намёков, которые вы так успешно использовали; но поместить место действия в период, в котором мы так исторически и археоло-

гически «уверены», в тот же период, отмечу это особенно, когда старик Урбикус делал заметки для своей книги, было ошибкой, без которой ваш рассказ вполне мог бы обойтись. Видите ли, я коллекционер, можно сказать, гурман подобных историй, и, хотя я не хочу показаться оскорбительным, должен признать, что такие промахи, как ваши, меня сильно раздражают…

Дэвис отпил глоток бренди.

Пока он высказывал своё мнение, я осторожно открыл «Пограничный гарнизон», на заранее отмеченной странице, и как только Дэвис закончил, я развернул книгу и перебросил её через разделяющий нас стол, чтобы критик мог прочитать отмеченный абзац. Улыбаясь, он так и сделал, хотя мне показалось, что его улыбка была слишком саркастичной; и, конечно, когда Дэвис дочитал абзац, он захлопнул книгу с таким выражением лица, которое означало полное неприятие моих аргументов.

— Я тоже читал легенды Платона об Атлантиде и Бореллия о… э-э, перерождении? Нет, мистер Кроу, отчёт Лоллия Урбикуса о смерти Йегг-ха от мечей напуганных и обезумевших римских солдат не производит на меня никакого впечатления. Прошу прощения.

— Мне скорее кажется, что вы отвергаете Платона и Бореллия как слишком поверхностных авторов, мистер Дэвис! — воскликнул я. — Я могу только подозревать, что ваша оценка их сочинений, не говоря уже о книге Лоллия Урбикуса, основана на том же настрое ума, с которым Инквизиция рассматривала работы Галилео Галилея; и, конечно, если бы Сайс не раскопал останки хеттов по всей Малой Азии и Северной Сирии, вы бы, вероятно, до сих пор отрицали, что они когда-либо существовали!

Я улыбнулся.

— Я тронут! — ответил Дэвис. — Ловлю вас на слове, мистер Кроу! Вы сказали: останки. Именно, именно так! В конце концов, останки — это доказательство! Но скажите мне, пожалуйста, какие останки свидетельствуют о том, что это отвратительное изобретение Урбикуса когда-либо существовало?

— Вы думаете, что он сам создал Йегг-ха? — спросил я. — Вы полагаете, что безликое, десятифутовое чудовище, о котором он упоминал в своих записях, было плодом его собственного воображения?

— О, нет. Я бы не был так самонадеян. Вероятно, Урбикус почерпнул эту идею из местных легенд

или сказок. Позже, вместо того чтобы списать позорную потерю полусотни солдат в результате нападения варваров, он приписал их уничтожение этому гигантскому, безликому Богу…

— Хм-м-м, умно, — ответил я. — А как насчёт братской могилы, недавно обнаруженной в Бриддок Форте, с сорока восемью фантастически изуродованными римскими скелетами, беспорядочно сваленными один на другой, некоторые всё ещё в доспехах, как будто их хоронили в большой спешке?

Эта информация немного удивила Дэвиса.

— Я забыл об этом, — признался он. — Но, ради Бога, там, должно быть, происходили тысячи мелких стычек, которые так и не попали в хронику! Видите ли, в этом вся суть, мистер Кроу; вы говорите об этих вещах точно так же, как вы писали о них в этом вашем чёртовом рассказе, как будто вы в них реально верите! Вы словно в самом деле считаете, что огромное, смертоносное, безумное существо было вызвано из ада варварами, чтобы сразиться с римлянами! Как будто у вас есть определённые доказательства, но их у вас нет. Вам вообще не стоило писать свой рассказ, якобы основанный на исторических документах. Одному Богу известно, сколько бедных,

обманутых читателей у вас появится; они будут бегать по Бриддоку и Хаусстедсу, дрожа от ужаса при мысли, что они, возможно, ступают по той же земле, на которой римляне вели страшную битву с отвратительным Йегг-ха!

Пока Дэвис зажигал сигарету, я налил ещё бренди в его бокал и усмехнулся.

— Что ж, я явно нажил себе литературного врага! Я сожалею об этом, потому что у меня имелось намерение попросить вас проиллюстрировать мою следующую книгу. Но в любом случае, скажите мне, вы когда-нибудь видели тот ужасный десятифутовый кусок гранитной статуи в секции римских древностей Британского музея?

— Да, видел; полагаю, что он сделан из известняка. Существо с короткими крыльями, очень похожее на Бога из вашего рассказа, с изуродованными чертами лица и… — Дэвис не сдержался. — К чему вы клоните?

— Постарайтесь подумать, мистер Дэвис, разве вам не кажется забавным, что черты этой статуи были так ловко, так гладко… э… изуродованы? Зачем? При ближайшем рассмотрении кажется, что у этого существа нет никаких особенностей…

Дэвис поперхнулся своим бренди. Я потянулся за его стаканом и снова наполнил его, пока ху-

дожник брызгал слюной и кашлял, вытирая губы носовым платком, пытаясь взять себя в руки.

— Ну вот, опять! Из всех предположений…

— Я был несправедлив, мистер Дэвис, — сказал я, вынудив своего гостя замолчать. — Я слишком долго держу вас в напряжении, и вы теряете терпение. Пейте свой бренди…

— Прошу прощения? — удивился Дэвис.

— Пейте свой бренди, — повторил я. — Вам это понадобится.

Я открыл свой письменный шкаф и достал предмет, спрятанный в коробке из-под чайника. Я положил коробку на стол. Затем я указал на книгу, лежащую перед недоумевающим художником, и сказал:

— Страница тридцать четыре, второй абзац…

Пока мистер Дэвис неуверенно, с подозрением перелистывал страницы, я гладил коробку, представляющую моё уникальное доказательство.

Наконец, Дэвис прочитал нужный отрывок.

— Здесь говорится о прогулке Урбикуса по сельской местности вскоре после того, как его люди якобы избавились от вашего монстра. С ним отправились шесть его лучших людей. И что?

— Он искал место, где можно что-то закопать, и ему нужны были эти люди, чтобы нести это, —

объяснил я. — Он хотел спрятать его, чтобы варвары не смогли использовать все его способности… э-э… как вы там говорите — после ритуала возрождения, который они могли бы совершить.

Мистер Дэвис открыл рот, чтобы выразить очередное отрицание, но я прервал его.

— Видите ли, я исследовал Стену Адриана по всей длине в том районе, между Хаусстедсом и Бриддоком, и, в конце концов, нашёл то, что мне нужно. Знаете, я немного археолог, но даже если бы я им не являлся, описание Урбикуса, — я кивнул на книгу, которую Дэвис отложил в сторону, — как и его описание храма в Баррбурге, сделаны довольно точно. Удивительно, но за восемнадцать веков сельская местность не сильно изменилась; мне оставалось только найти могилу, в которой я захоронил бы тело, если бы я был Урбикусом. Мне потребовалось пять недель, но я всё-таки нашёл её.

— О чём вы говорите? — удивился художник.

Я открыл коробку и передал спрятанный в ней предмет размером с футбольный мяч мистеру Дэвису. Он с недоверием осмотрел его.

Я взял с художника обещание молчать; не могу сказать, что мне нравится идея, когда толпы специалистов вторгаются в мою личную

жизнь, и я, конечно, никогда не расстанусь с этим доказательством. Мало того, Дэвис обещал проиллюстрировать мою следующую книгу.

В Блоун-Хаусе есть много необычных вещей: странные часы с четырьмя стрелками, которые тикают в чуждом человеку ритме; книга без названия, под обложкой которой скрывается «Хтаат Аквадинген»; хрустальный шар, на который так тревожно смотреть, что я вынужден держать его под замком, и многие другие, столь же странные вещи. Но особенно я горжусь своим пресс-папье, хотя, признаюсь, мне кажется необычным использовать такой странный предмет для бытовых нужд. Видите ли, это довольно большой череп без глазниц…

Если вкрутить в него крючки, то череп станет отличной вешалкой для одежды.

Перевод: А. Черепанов

Брайан Ламли
Билли и его дуб

Brian Lumley «Billy's Oak», 1970

Моя последняя книга «Здесь живут ведьмы!»,

имела неожиданный успех, и в процессе поиска информации для этого «документального», сочинения, наткнувшись на различные упоминания о некой «чёрной», книге — «Хтаат Аквадинген», почти легендарном сборнике заговоров и заклинаний, якобы относящихся, среди прочего, к призыву определённых водных элементалей, — я был сильно разочарован, обнаружив, что в Британском музее нет её копии; или, если она и имелась у них, то по какой-то причине кураторы этого огромного учреждения не позволили мне ознакомиться с ней! И всё же я очень хотел увидеть «Хтаат Аквадинген», потому что мне нужно было писать продолжение своих «ведьм», которое будет называться «Запретные книги»; мой издатель настаивал, чтобы я начал работать как можно скорее.

Куратор отдела редких книг Британского музея не пожелал ответить на мои запросы, ограничившись вежливыми отписками; это побудило меня связаться с Титусом Кроу, лондонским коллекционером непонятных и древних манускриптов. По слухам, он держал в своей личной библиотеке экземпляр «Хтаат Аквадинген», с которым я хотел ознакомиться.

Я нацарапал краткое письмо, и вскоре полу-

чил ответ от мистера Кроу, он пригласил меня в Блоун-Хаус, его резиденцию на окраине города, и заверил, что у него действительно есть нужная книга, и что мне будет позволено ознакомиться с её содержанием при одном условии. Суть заключалась в том, что любой предполагаемый визит в Блоун-Хаус должен происходить поздним вечером; в настоящее время Кроу был занят учёбой, и ночью ему было легче сосредоточиться, он очень поздно ложился спать и редко просыпался до полудня. Из-за того, что днём Кроу был занят более мирскими, но, тем не менее, необходимыми делами, он мог работать или беседовать с посетителями только по вечерам. Как он кратко объяснил, развлекал гостей он не часто. На самом деле, если бы Кроу не ознакомился с моими предыдущими сочинениями, он был бы вынужден решительно отказать мне в доступе к редкой книге. Слишком много «чудаков», уже пытались проникнуть в его убежище.

По воле судьбы я выбрал отвратительный вечер для визита в Блоун-Хаус. Лил проливной дождь, а над городом нависли огромные серые тучи. Я припарковал машину на длинной подъездной дорожке перед домом мистера Кроу, взбежал по лестнице, подняв воротник, чтобы не попасть под

ливень, и постучал в массивную дверь. За те полминуты, которые потребовались хозяину, чтобы ответить на мой стук, я основательно промок. Как только я представился Джеральдом Доусоном, меня провели внутрь, сняли с меня промокшее пальто и шляпу, и провели в кабинет Кроу, где он велел мне сесть перед жарким камином, чтобы «просохнуть».

Титус Кроу оказался не таким, как я ожидал. Он выглядел высоким и широкоплечим, определённо в молодости он был красивым мужчиной. Теперь, однако, его волосы поседели, а глаза, хоть и были всё ещё ясными и внимательными, несли отпечаток многих лет, проведённых в исследованиях и путешествиях по неизвестным тропам таинственного и тёмного знания. Он был одет в огненно-красный халат, и я заметил, что рядом с его рабочим столом на тумбочке стояла бутылка отличного бренди.

Однако главным образом моё внимание привлекло то, что находилось на самом столе; очевидно, это был объект исследований мистера Кроу — высокие напольные часы с четырьмя стрелками, их чудовищный корпус в форме гроба был покрыт иероглифами. Часы лежали горизонтально, лицевой стороной вверх и занимали всю

длину стола. Затем я заметил, что мой хозяин держит какую-то книгу; и когда Кроу положил её на подлокотник моего кресла, наливая мне приветственный напиток, я смог разглядеть, что это был изрядно потрёпанный экземпляр «Записок Уолмсли о расшифровке кодов, криптограмм и древних надписей». По всей видимости, мистер Кроу пытался перевести фантастические иероглифы на циферблате странных часов. Я пересёк комнату, чтобы поближе рассмотреть их, мне стало очевидно, что интервалы между громкими тиканьями были весьма нерегулярными; я также не заметил, чтобы четыре стрелки двигались в соответствии с какой-либо системой времени, с которой я был знаком. Я не мог не задаться вопросом, какой хронологической цели служат столь любопытные часы.

Кроу увидел недоумение на моём лице и рассмеялся.

— Для меня это тоже загадка, мистер Доусон, но пусть это вас не беспокоит. Я сомневаюсь, что кто-то когда-нибудь сможет по-настоящему понять эту вещь; время от времени у меня возникает желание снова взяться за исследование этих часов, и вот я занимаюсь ими недели напролет, но ничего не добился! Но вы же не для того при-

шли сюда сегодня вечером, чтобы ввязываться в разборки с часами де Мариньи! Вы здесь, чтобы посмотреть на книгу.

Я согласился с Кроу и начал излагать план включения одного или двух упоминаний о «Хтаат Аквадинген», в свою новую работу. Пока я говорил, он отодвинул тумбочку от своего стола. Затем в стене возле камина Кроу открыл потайную панель и взял с полки ту самую книгу, что меня интересовала. Затем на его лице появилось выражение крайнего отвращения, он быстро положил книгу на стол и вытер руки о халат.

— Э… переплёт, — пробормотал он. — Он вечно потеет, что, согласитесь, довольно удивительно, учитывая, что его донор мёртв уже по меньшей мере четыреста лет!

— Его донор! — воскликнул я, с нездоровым восхищением глядя на книгу. — Вы же не хотите сказать, что обложка сделана из…?

— Боюсь, что да! По крайней мере, этот экземпляр.

— Боже мой! А много ли есть копий? — спросил я.

— Я знаю только о трёх, и две из них находятся здесь, в Лондоне. Я так понимаю, они не позволили вам увидеть книгу?

— Вы очень проницательны, мистер Кроу, именно так. Мне не разрешили посмотреть на копию в Британском музее.

— Вы получили бы такой же ответ, если бы попросили «Некрономикон», — сказал Кроу.

Я был совершенно ошеломлён.

— Прошу прощения? Только не говорите мне, что вы верите, что такая книга действительно существует. Ну! Меня несколько раз уверяли, что эта история с «Некрономиконом», — чистая выдумка; ловкий литературный реквизит для поддержки вымышленной мифологии.

— Как скажете, — простодушно ответил Кроу. — Но в любом случае, вас интересует именно эта книга

Он указал на зловещий «Хтаат Аквадинген».

— Да, конечно, — воскликнул я, — но разве вы не упоминали что-то о… ну, о её состоянии?

— Ах! Что ж, об этом я позаботился сам, — объяснил Кроу. — Я попросил на всякий случай вырезать и переплести отдельно две центральные главы, более поучительные. Боюсь, вы не сможете их увидеть.

— Поучительные? На всякий случай? — переспросил я. — Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду? Зачем?

— На случай, если книга попадёт в чужие руки, конечно.

Кроули выглядел удивлённым.

— Конечно, вы наверняка задавались вопросом, почему кураторы в музеях держат копии таких книг под замком?

— Да, полагаю, их прячут, потому что они очень редкие и стоят больших денег! — высказал я свою гипотезу, — и я думаю, что в некоторых книгах описаны довольно неприятные вещи, эротические, супернатуральные, садистские штучки, что-то в духе средневекового Маркиза де Сада?

— Тогда вы ошибаетесь, мистер Доусон. «Хтаат Аквадинген», содержит полные наборы рабочих заклинаний и заговоров, Панихиду Нихарго и параграф о создании Старшего Знака, одну из Сатлатт и четыре страницы о Ритуалах Цатоггуа. В этой книге слишком много всего, и, если бы определённые люди во власти добились своего, даже три оставшиеся копии были бы давно уничтожены.

— Но, конечно, вы не можете верить в такие вещи? — выразил я свой протест. — Я имею в виду, что я намерен писать о таких книгах так, как будто в них есть что-то чертовски загадочное и чудовищное — мне придется это делать, иначе

я никогда не смогу продать их, — но сам я не могу поверить во всё это.

Кроу рассмеялся надо мной, довольно беззлобно.

— Не можете? Если бы вы видели то, что видел я, или прошли через то, через что прошёл я, поверьте, вы бы не пребывали в таком шоке, мистер Доусон. О, да, я верю в такие вещи. Я верю в призраков и фей, вурдалаков и джиннов, в определённый мифологический «реквизит», а также в существование Атлантиды, Р'льеха и Г'харна.

— Но, конечно, нет ни одного реального доказательства в пользу каких-либо вещей или мест, которые вы упомянули? — возразил я. — Где, например, можно встретить призрака?

Кроу на мгновение задумался, и я почувствовал, что одержал крупную победу. Я просто не мог взять в толк, что этот явно умный человек искренне верил в сверхъестественное. Но затем, вопреки тому, что я посчитал вопросом без ответа, он сказал:

— Вы ставите меня в положение священника, который однажды сообщил маленькому ребёнку о существовании всемогущего вездесущего бога, а ребёнок попросил предъявить ему этого бога. Нет, я не могу показать вам призрака, по крайней

мере, без особых усилий, но я могу показать вам его проявление.

— О, ну же, мистер Кроу, вы…

— Нет, серьёзно, — прервал он меня. — Слушайте!

Кроу приложил палец к губам, обозначив молчание, и мы сели на кресла.

Дождь за окном прекратился, и лишь тиканье больших часов и случайные капли, падающие с черепичной крыши, нарушали тишину. Затем до моих ушей донёсся вполне реальный, долгий звук, похожий на скрип деревьев от сильного ветра.

— Вы слышали? — Кроу улыбнулся.

— Да, — ответил я. — Я слышал этот скрип несколько раз, пока мы обсуждали книги. Ваш чердак построен из сырой древесины.

— У этого дома очень необычные балки, — заметил Кроу. — Тиковое дерево, высушенное задолго до постройки. И тик не скрипит!

Он усмехнулся, очевидно, ему нравилось последнее слово.

Я пожал плечами.

— Тогда это дерево, которое раскачивается на ветру.

— Верно, это дерево, но оно скрипит не из-за вет-

ра. Мы бы услышали шум ветра в таком случае. Нет, это была ветка «дуба Билли», протестующая против его веса.

Кроу подошёл к окну, задёрнутому шторами и наклонил голову в сторону сада.

— Вы пропустили нашего Билли, когда писали свою книгу про ведьм, — сказал он. — Уильям «Билли», Фоварг, обвинённый в колдовстве, был повешен на этом дереве в 1675 году толпой обезумевших от страха крестьян. Он ожидал суда, но после «линчевания», крестьяне заявили, что они набросились на Билли, потому что он начал читать ужасное заклинание, и в небе стали появляться странные фигуры, так что крестьяне просто вздёрнули Билли, чтобы предотвратить дальнейшее развитие событий…

— Понятно, — начал я. — Значит, скрип издаёт ветвь, на которой Билли был повешен, и она всё ещё скрипит из-за тяжести человека через двести восемьдесят лет после повешения?

Я вложил в свой ответ как можно больше сарказма.

Кроу был совершенно невозмутим.

— Именно так, — ответил он. — Этот скрип так сильно действовал на нервы предыдущему владельцу дома, что, в конце концов, он продал

этот дом мне. Он чуть с ума не сошёл, пытаясь обнаружить источник звука.

Я сразу заметил ошибку Кроу. Что-то из сказанного им показалось мне не совсем верным.

— А! — я поднял палец. — Вот тут ваша история превращается в сказку, мистер Кроу. Конечно, прежний владелец дома отследил бы источник звука и нашёл бы этот дуб!

Я принял молчание Кроу за признание моей сообразительности, встал с кресла и быстро подошёл к зашторенному окну, возле которого он стоял. Когда я это сделал, скрип дерева в саду раздался снова, уже громче.

— Это ветер в ветвях дуба, мистер Кроу, — заверил я его, — и ничего больше.

Когда жуткие звуки снова донеслись из-за окна, я раздвинул шторы и всмотрелся в ночь.

Затем я сделал быстрый шаг назад, говоря себе, что мне, должно быть, что-то мерещится. Но в том-то и дело, что я ничего не увидел. Мои мысли внезапно закружились; но после минутного раздумья меня затрясло от смеха. Хитрый дьявол Кроу. Он действительно заставил меня поверить в сказки! Я повернулся к нему в неожиданном гневе и увидел, что Кроу всё ещё улыбается.

— Значит, это всё-таки балки? — выпалил я,

мой голос немного дрогнул.

Кроу продолжал улыбаться.

— Нет, не балки, — сказал он. — Именно это чуть не свело с ума того беднягу, о котором я вам рассказывал. Видите ли, когда семьдесят лет назад строили этот дом, дуб, на котором повесили Билли, срубили, чтобы его корни не мешали фундаменту…

Перевод: А. Черепанов

Брайан Ламли
Раковина из глубокого моря

Рэмси Кэмпбелл называет моллюсков омерзительными. Какие ещё рекомендации вам нужны?

Brian Lumley «The Deep-Sea Conch», 1971

Танстолл Корт, 11,
Вест-Хартлпул,
графство Дарем
16 июня, 1962 г.

Майору Гарри Уинслоу,

Оукс, Иннсвей,
Редкар, Йоркшир.

Мой дорогой Гарри,

Какую интересную историю поведали вы мне в своём письме! Брюхоногие моллюски, владеющие гипнозом? Чёрт возьми! Но, честно говоря, вам не нужно было извиняться. Мы все сочли, что вы больны или что-то в этом роде, и поэтому мы не посчитали ваши действия «непростительными». Если бы я знал, что вы так восприимчивы к моллюскам, у меня бы никогда не появилось устриц в меню! И ради бога, успокойте Элис и скажите ей, что прощать нечего. Подарите бедняжке мою любовь!

Но эта ваша история действительно особенная. Я показал ваше письмо своему другу-конхиологу из Хардена. Этот парень, зовут его Джон Бил, проводит каждое лето на юге, «охотясь на раковин», как он это называет, в бухтах Девона и Дорсета; или, по крайней мере, он ездил туда раньше. Зачем? Он увлекался морскими раковинами так же, как и ваш несчастный капрал Джоблинг.

Но, похоже, у меня более выносливый желудок, чем у вас, старина. На самом деле я только что был в забегаловке «Горшок с лобстером», на набережной, где пообедал и выпил бутылку

пива, и я не мог устоять перед толстым крабом прямо из моря в «Старом Хартлпуле». Да, я сделал это, прочитав и ваше письмо, и послушав Била. Правда в том, что я не могу решить, какая из двух историй является более омерзительной, но я могу добавить, что ни одна из них, похоже, не повлияла на мой аппетит!

Тем не менее, я просто должен поведать вам историю Била так же, как он рассказал её мне, поэтому, рискуя ещё больше оскорбить ваши чувства, начну.

Вероятно, вы помните, как несколько лет назад британская океанографическая экспедиция нанесла на карту континентальный шельф на всём протяжении от Бискайского залива вдоль Североатлантического течения до Шетландских островов. Вы также, наверное, слышали, что их судно затонуло у Фарер в самом конце своего плавания, и об этом писали все газеты в то время. К счастью, экипаж успел сесть в спасательные шлюпки до того, как их судно «Сандерленд», затонуло.

В общем, один из членов команды был другом этого Била, и он знал, что тот увлекается морскими раковинами и тому подобным. Матрос привёз с собой самый необычный экземпляр в подарок

Билу — раковину моллюска, зацепленную сетью на глубине двух тысяч семисот саженей на дне Атлантики, в двухстах милях к западу от Бреста.

Это была уникальная находка, и другу Била пришлось бы несладко, если бы профессора на борту судна узнали, что он прибрал к рукам эту раковину. Матрос прятал её под койкой, пока судно не пошло ко дну, и даже тогда ему удалось пронести раковину с собой в спасательную шлюпку. Таким образом он благополучно привёз её домой. Конечно, после месяца пребывания на воздухе, даже если бы моллюск выжил после подъёма с такой глубины, он давно бы умер в своей раковине.

Вы бы пришли к такому же выводу, не правда ли, Гарри? Как только раковина оказалась у Била, он погрузил её в миску со слабым раствором кислоты, чтобы очистить поверхность и избавиться от останков моллюска внутри. Раковина была довольно большой — десять или одиннадцать дюймов в длину и четыре дюйма в ширину, плотно свёрнутая и с большим устьем. Бил предположил, что, как только он очистит раковину от странных океанических наростов, он увидит довольно экзотические узоры. Большинство обитателей океанских глубин по-своему экзотичны,

понимаете?

На следующее утро Бил вынул раковину из кислоты и заметил, что в глубине колоколообразного устья виднеется большая, блестяще-зелёная крышечка. Кислота нисколько не затронула наросты на раковине, но она явно разрыхлила мёртвую улитку (так вы их называете?) внутри этой оболочки. Вот тут-то и началось веселье.

Бил взял нож и попытался просунуть лезвие между зелёной крышечкой и внутренней частью твёрдой раковины, чтобы выковырять тело улитки. Но как только нож коснулся крышечки — чёрт побери, эта тварь ушла вглубь раковины! Да, она была ещё жива, эта улитка, даже после того, как её подняли с такой огромной глубины, даже после месяца без воды и нескольких часов в миске с раствором кислоты. Всё ещё жива! Фантастика, да, Гарри?

Тогда Бил осознал, что перед ним настоящая диковинка, и он должен немедленно отнести её какому-нибудь зоологу. Но как он мог сделать это, не уведомив человека, подарившего ему эту раковину? Ведь она оказалась единственной ценной находкой той неудачной экспедиции…

Итак, Бил долго думал, но через неделю всё-таки решил посоветоваться со своим другом-матро-

сом, которого звали Чедвик (и он проживал в Хартлпуле). Бил пригласил его в гости к себе в Харден, где ввёл Чедвика в курс дела, прежде чем спросить совета. К тому времени Бил купил аквариум для улитки и кормил её кусочками сырого мяса. Как это отвратительно! Бил никогда не видел улитку за едой, но каждое утро кормушка оказывалась пустой.

Главная надежда Била, обратившегося за советом к Чедвику, заключалась в том, что тот посоветует Билу передать раковину учёным. Он, видите ли, надеялся, что Чедвик захочет стать известным «ради науки». Но Бил ошибался. Этот Чедвик был обычным рядовым матросом, и он боялся, что ему придётся признаться в похищении раковины. Чедвик хотел знать, почему Бил не мог просто оставить себе эту раковину и больше ни о чём не беспокоиться? Бил объяснил, что его хобби — конхиология, а не зоология, и что он не хочет, чтобы этот аквариум вечно вонял в его квартире, и так далее. На что Чедвик возразил: почему бы Билу просто не убить улитку и сохранить раковину? Но Бил не мог ответить на этот вопрос.

Он неплохой парень, этот Бил, понимаете, и он прекрасно знал, что ему следовало бы сделать, то есть отдать раковину и заставить Чедвика

понервничать, но, чёрт побери, этот парень был его другом! В конце концов, Бил согласился убить улитку и оставить себе раковину. Таким образом, он мог избавиться от вонючего аквариума — раковина источала довольно сильный запах — и жить долго, и счастливо.

Но Чедвик видел нерешительность Била в отношении судьбы раковины и понял, что ему лучше остаться и проследить за тем, чтобы его приятель действительно убил улитку, но дело оказалось не таким простым. В тот вечер, когда Чедвик уже был готов отправиться обратно в Хартлпул, им так и не удалось избавить проклятую тварь от страданий. И поверь мне, Гарри, они действительно старались!

Прежде всего, Бил достал раковину из аквариума, чтобы поместить её в ванну с кислотой. Через два часа отложения на раковине исчезли, и сквозь них проступили совершенно обычные узоры. Кроме того, ванна наполнилась какой-то пеной, но твёрдая, блестяще-зёленая крышечка раковины всё ещё была на месте, плотная, как двери в хранилищах Банка Англии! Напоминаю, наши друзья знали, что улитка может прекрасно обходиться без пищи и воды как минимум месяц, а крышечка и твёрдый панцирь, похоже, были

способны выдержать самую сильную кислоту, которую только мог достать Бил.

Даже после того, как его друг ушёл домой, Бил всё еще ломал голову над этой проблемой. Всё это было чертовски странно, и он начинал чувствовать себя как-то неловко. Эта раковина что-то напоминала ему, нечто, что он уже где-то видел… в местном музее, например!

На следующее утро, как только появился его друг-матрос, они вместе отправились в музей. В секции «Доисторическая Британия», Бил нашёл то, что искал — целую полку ископаемых раковин всех видов, форм и размеров. Конечно, все окаменелости находились под стеклом, чтобы посетители не трогали их руками, но нашим героям этого и не требовалось.

— Вот она! — воскликнул Бил, возбуждённо указывая на один из экземпляров, — это она, не такая большая, возможно, но такой же формы и с такими же отметинами!

И Чедвик был вынужден согласиться, что окаменелость очень похожа на их раковину.

Итак, они прочитали табличку с описанием, и вот что там говорилось (насколько я могу вспомнить из того, что рассказал мне Бил, хотя я не уверен в названии и вынужден пропустить его):

Верхний меловой период:

«..?.. SCAPHITES, плотно свёрнутая раковина из Барроу-он-Соара в Лестершире. Обитала в океанах мелового периода 120 миллионов лет назад. Похожие образцы, с более заметными рёбрами и утолщениями, часто встречаются в слоях Нижнего Юрского периода в Лестершире. Вымерла более 60 миллионов лет назад…»

Не так уж много информации, согласитесь, Гарри. Но Бил немного подпрыгнул, прочитав, что эта улитка «вымерла», он предположил, что всякое может быть, и снова попросил Чедвика сдать эту находку в музей. Почему? Эта раковина являлась такой же редкой находкой, как и целакант!

— Даже не надейся! — небрежно ответил Чедвик. — Давай заедем к тебе домой и покончим с этим делом. В последний раз повторяю, я не хочу нести ответственность за то, что сделал тебе подарок!

И вот они вернулись в квартиру Била. Там, на кухне, их ждала раковина, всё ещё в ванне с кислотой и, по-видимому, совершенно невредимая. Они осторожно слили кислоту и ополоснули раковину чистой водой, чтобы взять её в руки.

Чедвик привёз с собой из Хартлпула большой нож с крючковатым лезвием. Он изо всех сил старался попасть остриём прямо внутрь раковины, но невероятно твёрдая крышечка держалась на месте, как пробка в бутылке.

Тогда Чедвик, окончательно потеряв терпение, предложил расколоть раковину. Прежде чем Бил успел среагировать, Чедвик вынес раковину на лестничную площадку. Но конхиологу не стоило беспокоиться; я имею в виду, как можно разбить то, что выдержало давление на глубине две тысячи семьсот саженей? К тому времени, когда Бил догнал Чедвика, тот с размаху швырнул раковину о бетонный пол, и Бил успел поймать её на отскоке. На раковине даже не появилось вмятин! Заглянув в колоколообразное устье раковины, Бил смог разглядеть один край зелёной крышечки, уходящей вглубь по изгибу спирали.

Чедвик начал лихорадочно думать. Единственное, чему не подвергалась раковина там, на дне океана, — это тепло: на большой глубине чудовищно холодный мир! И так получилось, что Бил уже заказал в местном хозяйственном магазине паяльную лампу для снятия краски со шкафа, который он хотел отреставрировать. Чедвик отправился за лампой, а Бил остался сидеть в

глубокой задумчивости.

Я уже упоминал, что у Била имелось странное, тревожное предчувствие по поводу раковины и её обитателя. Но к тому времени его беспокойство переросло все границы. Чувствительному коллекционеру казалось, что эту раковину окружает некая аура, то ощущение неисчислимых столетий, которое возникает, когда смотришь на древние руины, только в случае с раковиной это ощущение было гораздо сильнее.

И опять же, откуда у неё такая удивительная способность к самосохранению? Обладают ли моллюски способностью выживать в любой среде? Нет, то, о чём думал Бил, было просто невозможно, о таком выживании не могло быть и речи, и все же в мозгу Била продолжала крутиться безумная мысль, что моллюски способны на многое…

Как долго это существо, заключённое в катушки собственной конструкции (слова Била), пряталось на дне под толщей воды? «Вымерла 60 миллионов лет назад…». Внезапно Бил пожалел, что в его распоряжении нет инструментов для проверки точного возраста раковины. В его голове крутились безумные мысли и идеи.

В своём воображении он видел мир таким, ка-

ким тот был очень давно — огромные животные, что топчут примитивные растения в дымящихся болотах, и странные птицы, что не являлись птицами, парящие в тяжёлом предрассветном небе. А затем Бил заглянул в доисторические океаны, больше похожие на огромные кислотные ванны, чем на то, что мы видим сегодня. Бил узрел множество форм, что плавали, барахтались и ползали в этих смертоносных глубинах.

Затем Бил позволил себе мысленно, как он выразился, «отмотать время», представляя геологические изменения, видя, как континенты с шипением выходят из вулканических морей, а коралловые острова медленно погружаются в древние бульоны, где они сами ранее зародились. Бил наблюдал за постепенным изменением климата и окружающей среды, а также за тем, как эти изменения влияют на их обитателей. Он видел, как далёкие предки этой раковины изменялись внутренне, чтобы создать устойчивость к огромному давлению ещё более глубоких морей, и, когда их численность сокращалась, они развили в себе способность к долголетию, чтобы обеспечить продолжение своего вида.

Бил рассказал мне всё это, вы понимаете, Гарри? И одному Богу известно, куда могли бы

завести его такие мысли, если бы Чедвик не вернулся с паяльной лампой довольно быстро. Но даже после того, как матрос включил лампу и пока ужасно горячее пламя лизало раковину, фантазия Била продолжала работать.

Однажды в детстве на пляже в Ситон-Кэрью он вытащил крошечного рака-отшельника из раковины, в которую тот забрался. Бил смотрел, как рак в бешеном ужасе мечется в поисках нового дома по песку на дне небольшого бассейна. В конце концов, из мучительного сочувствия к совершенно уязвимому крабу, Бил опустил пустую раковину обратно в воду перед этим мягкотелым существом, чтобы оно смогло с головокружительной быстротой и почти заметным облегчением прыгнуть обратно в безопасное убежище, каким являлась та спиральная раковина из кальция. Для существ такого типа, когда их заставляют покинуть свою защитную оболочку, это смерть, понимаете, Гарри? Это то, что говорил мне Бил, и у такого существа есть только две альтернативы — вернуться обратно или найти новый дом… и найти быстро, пока не появились хищники! Неудивительно, что улитка в раковине не давала им покоя!

А затем Бил услышал шипящее дыхание Чедви-

ка и его возглас: «Она выходит!».

Бил сидел, отвернувшись от того, что он справедливо считал криминальной сценой, но на крик Чедвика он обернулся, как раз вовремя, чтобы увидеть, как матрос выронил паяльную лампу и почти судорожно отпрянул от стальной мойки, в которой он обжигал раковину с улиткой внутри. Как вы понимаете, Чедвик больше ничего не сказал после того первого возгласа. Он просто бросился прочь от дымящейся раковины.

Пламя от упавшей паяльной лампы быстро охватило кухонную скатерть, и первым побуждением Била стало спасение своей квартиры. Чедвик обжёгся, это было очевидно, но его ожог не мог быть настолько серьёзным. Подумав так, Бил подскочил к мойке, чтобы наполнить кувшин водой. Паяльная лампа продолжала гореть, но она лежала на полу из керамических плиток, где не могла причинить вреда. Когда Бил наполнял кувшин, он заметил, как вода, льющаяся мимо, сдвинула раковину, как будто та каким-то образом стала легче, но у него не было времени размышлять об этом.

Повернувшись, Бил чуть не выронил кувшин, увидев тело Чедвика, растянувшееся на полу кухни. Уклоняясь от прыгающего огня и тщетно

поливая его огнём, Бил подбежал к Чедвику и перевернул того на спину, чтобы посмотреть, в чём дело. Признаков ожогов не было, но, быстро взяв матроса за руку, Бил ужаснулся тому, что не смог нащупать пульс.

Шок! Чедвик, должно быть, страдает от шока! Бил засунул пальцы в рот матроса, чтобы ослабить его язык, а затем, увидев лёгкое движение горла, нагнулся к лицу, чтобы сделать искусственное дыхание.

Но Бил так и не начал спасать друга, вместо этого он с криком выскочил из горящей квартиры, метнулся вниз по лестнице и покинул дом. Бил сказал мне, что, кроме этого безумного рывка он больше ничего не помнит из кошмара, ничего, кроме причины его панического бегства. Конечно, невозможно доказать правдивость истории Била; весь жилой дом сгорел дотла, и просто чудо, что Чедвик оказался единственной жертвой. Не думаю, что мне удалось бы выведать эту историю у Била, если бы я не встретился с ним однажды вечером и не показал ему ваше письмо. К тому моменту Бил сильно напился, и я уверен, что он никогда никому не рассказывал свою историю.

Действительно ли всё так и было или он это выдумал? Будь я проклят, если знаю, но Бил

действительно больше не ездит на «охоту за раковинами», и я предполагаю, что всё произошло именно так, как он рассказал.

Какое потрясение для нежной нервной системы, а, Гарри?

Вы, наверное, догадываетесь, что случилось, но просто вообразите себя на месте Била. Представьте себе ужас, от которого может остановиться сердце, когда, увидев движение горла Чедвика, Бил заглянул тому в рот и увидел, как блестяще-зелёная крышечка улитки быстро опускается в горло матроса!

Перевод: А. Черепанов

Брайан Ламли
Спагетти

Brian Lumley «Spaghetti», 1985

Повесть из цикла «Мифы Ктулху. Свободные продолжения". Эндрю Картер, молодой человек с преступными наклонностями, узнал, что его старый дядя перед своим исчезновением оставил ему в наследство дом, где по слухам спрятаны сокровища — золотые

монеты из Р'льеха. Семь лет Картер искал их, пока не наступил особый день, указанный в завещании... (И это мой 250-й перевод!).

I

Что меня сразу и особенно сильно поразило в предложении моего друга, высказанном мне в тот вечер 1977 года в бифштексной по соседству с баром «Старая Лошадь и Телега" в Северном Лондоне, в двухстах ярдах от трассы А-1, так это то, что мой друг, похоже, действительно испытывал какой-то страх перед тем древним домом. Это первая настойчивая мысль или воспоминание, что приходят мне в голову каждый раз из-за странности случившегося: страх Эндрю Картера. Страх войти в тот дом и работать там в одиночку. Конечно, сейчас я понимаю это достаточно хорошо, но тогда...

Ныне я называю Эндрю своим «другом», но, возможно, «знакомый" будет более точным словом; на самом деле мы были очень разными, что стало заметным за несколько лет и бесчисленное количество встреч в баре «Старая Лошадь и Телега". Действительно, можно сказать, что единственное, что у нас действительно имелось общего, — это то, что мы оба наслаждались хо-

рошим бренди, и нигде мы не чувствовали себя лучше, чем в уютной и дружественной атмосфере нашего любимого паба в Северном Лондоне. Что касается остального… как я уже сказал, мы были очень разными. Или, возможно, в конце концов, мы не так уж и различались: вы можете судить сами.

Эндрю Картер был высоким, мрачным, и (я полагаю, оглядываясь назад) он всегда казался мне немного подозрительным. Его одежда, возможно, слишком модная; его манеры, оборонительные, даже несколько скрытные; его привычка говорить одним уголком рта, а также его взгляды, всегда краем глаза… да, я думаю, что ему подходит термин «подозрительный". Но не неприятный, если вы понимаете меня. Можно сказать, «слишком уверенный в себе" или «альфа-самец», так обычно говорят о таких людях в Лондоне.

А кто я? Военный, вышедший в отставку, и так уж получилось, что я прекрасно разбирался в недвижимости. Я не имел бешеного успеха у женщин, нет, но всегда был готов к отношениям, как мог бы выразиться Эндрю. Но достаточно обо мне.

Недвижимость можно назвать в каком-то смысле вторым пунктом наших встреч. Эндрю Картер

владел домом или собирался стать его владельцем всего через две недели. Дом, да, тот самый, о котором я упоминал в своём первом абзаце.

В этом нет ничего странного, справедливо скажете вы: многие люди являются домовладельцами, миллионы людей. За исключением того, что в завещании были прописаны определённые оговорки, и в тот вечер, в бифштексной Жирного Фреда, Эндрю рассказал мне о них. Это была необычная история с немалой долей таинственности, и я не думаю, что вообще услышал бы её, если бы Картер не выпил больше своих обычных двух или трёх стаканов.

— Это было семь лет назад, — сказал он мне. — В то время у меня были небольшие проблемы, со мной хотели поговорить кое-какие люди, и мне это не улыбалось, поэтому я приехал сюда из Ист-Энда, чтобы остановиться у моего дяди в Масвелл-Хилле. Залёг на дно, вроде как. Странный старикашка, мой дядя Артур: в его доме было полно старых заплесневелых книг и всякой всячины; кусочки меди и серебра, безделушки, понимаешь?

— Предметы искусства, — подсказал я Картеру.

— Верно. Его дом был подобен антикварному магазину — скучный и пыльный, как и вещи,

которыми дядя наполнял свой дом. Как бы то ни было, мой Старик часто говорил мне: «Энди, сынок, если у тебя когда-нибудь будут неприятности, просто навести своего дядю Артура; он забавный человек, но он мой брат, и он всегда тебе поможет". Это было незадолго до того, как мой старик умер.

Картер взглянул на меня краем глаза, в своей обычной манере, и заказал ещё два стакана бренди. И, возможно, мне лучше объяснить, что мы ещё не были в заведении Жирного Фреда, а сидели у барной стойки в «Старой Лошади и Телеге», где, как я уже намекал, мы оба выпили несколько больше, чем обычно.

"И, сынок» — говорил мне Старик, — продолжал Картер, пока мы ждали наше бренди, — «ты правильно относишься к своему дяде Артуру. Ты и я — единственная семья, которая у него есть, видишь ли, не то, чтобы он когда-либо был особенно привязан к семье, но у этого старика больше денег, чем ты когда-либо мог представить в его руках". «Что?" «У него целое состояние!" «Да?" Я спросил старика с сомнением: «Ты хочешь сказать, что у него есть пара шиллингов в банке, а?" «Не в банке, сынок» — ответил он. «Всё это в золоте, и он прячет его в том старом доме в

Масвелл-Хилле".

Эндрю Картер в тот вечер был как никогда многословен, и его история, как она разворачивалась, заинтересовала меня; но я также был и голоден.

— Эндрю, — сказал я, — я ещё не ел. — Я думал о макаронах, может быть, в «Неапольском ресторане" через дорогу. Может быть, ты присоединишься ко мне, и я смогу выслушать твою историю за ужином?

Желтоватое лицо Картера, казалось, стало ещё бледнее.

— Что? Тот ресторан спагетти на углу? Не для меня, мой старый друг Дэвид. Спагетти? Тьфу!

Я был немного озадачен. «Неапольский" — это не «Ритц», нет, но не так уж и плох.

— Они готовят очень вкусную Веккья-Романью, — сказал я Картеру.

— Веки что? — спросил он. Его лицо всё ещё выражало позывы к рвоте.

— Бренди, — сообщил я. — Итальянский бренди. Немного солоноватый, но очень вкусный!

Но я не мог соблазнить своего друга.

— Нет, — он покачал головой, — я так не думаю. Спагетти не для меня, от одного их вида меня выворачивает! Во всяком случае, я всегда пью светлое пиво во время еды. Но я угощу тебя стей-

ком с жареной картошкой у Фреда по соседству, если хочешь.

— У «Жирного Фреда"? — Я был вынужден улыбнуться. — Ты откажешься от тонко нарезанной печени Дженовезе и шампиньонов ради сомнительного куска старой кожи у Фреда?

— Да, я так и сделаю! — яростно ответил Картер. — Что угодно, приятель, но только не эти длинные розовые, макаронные черви! Нет, я и близко не подойду к ресторану спагетти. Кроме того, он ел эту чёртову дрянь…

— Он? — Я повторил слова Картера.

— Мой дядя Артур, — Картер с любопытством посмотрел на меня. — У него была своего рода страсть к спагетти. Наверное, потому, что это дешёвое блюдо и его легко приготовить. О, дядя любил и карамель, в этом нет ничего необычного, но он особенно был помешан на итальянской кухне. Он ел кровавые спагетти утром, днём и вечером!

Спорить было бесполезно, поэтому я пожал плечами.

— Да будет так, — воскликнул я. — Веди меня к «Жирному Фреду"!

Мы расплатились, и ушли.

II

За нашей трапезой (которая, насколько я помню, была весьма неплохой) Картер продолжил свой рассказ:

— Итак, почти семь лет назад я был у своего дяди, так сказать, отсиживался пару недель. И из-за той неприятной ситуации — э-э, те люди хотели поговорить со мной, я имею в виду, тех, с кем я не хотел разговаривать — я немного нервничал и нечасто выходил на улицу. Я имею в виду, мне бы не помешало выпить, понимаешь? Но у дяди Артура в том доме не было ни капли. И ещё кое-что мой отец рассказал мне о своём братце: тот на дух не переносил спиртное. Что-то вроде того, что оно свело его с ума, и это плохо сказалось на его сердце.

— Ты, должно быть, находил всё это немного клаустрофобным? — воскликнул я.

— А? О, да, молчи. — Картер казался рассеянным. — Да, ты прав. Я никогда особенно не любил сидеть взаперти. Знаешь, когда я был мальчишкой, я время от времени подрабатывал; и я не могу сказать, что мне нравится сидеть без дела. А дядя Артур был немного рахитичен и всё такое. И вся эта пыль, и старые книги, воняющие сыростью

и покрывающиеся плесенью. Хлам, статуэтки и безделушки в каждой комнате. — Голос Картера понизился почти до шёпота. — И монеты, красивые золотые монеты…

— Золотые монеты? — мой интерес снова возрос.

Картер, поигрывавший ножом и вилкой, резко оторвал голову от тарелки.

— Э, что? — спросил он. Но затем его взгляд стал более пристальным, а брови сошлись в линию мрачного подозрения.

— Ты сказал: «золотые монеты» — напомнил я ему.

Картер медленно кивнул.

— Да, это верно. Четыреста монет!

— Золото, о котором тебе рассказывал твой отец? — предположил я.

Снова его кивок.

— Полагаю, что да.

— Э… Значит, ты на самом деле не видел золота?

Картер сунул руку в карман и бросил на стол тусклую золотую монету. Я взял её в руки.

Монета была… холодной. Холоднее, чем должна была быть, поскольку Картер только что достал её из кармана, а погода стояла тогда тёплая, что-то

вроде бабьего лета. Но… я определённо ощущал мягкое, тяжёлое золото, и в этой монете было что-то такое, что делало её… привлекательным, да. И в этот момент я почувствовал, как во мне поднимается та страсть, ради которой люди убивали — любовь, жадность, жажда золота.

Я осмотрел… монету? Ну, я не мог быть в этом уверен. Её обод не был фрезерован; на ней было мало орнаментов; слишком затёртая, чтобы различить что-либо, кроме мягкого контура того, что могло быть рельефным рисунком или узором, с центральной выпуклостью и восемью расходящимися спицами. Может быть, что-то вроде рельефа восходящего солнца, или колеса, или, может быть, осьминога? Что-то, напоминающие рисунки, которые я видел в Средиземноморье. Это могло быть золото крестоносцев: возможно, медальон, а вовсе не монета.

Но она, конечно, была холодной, неестественно холодной, так что, несмотря на всю привлекательность этой монеты, я вернул её Картеру уже через пару минут.

— Четыреста таких штук, как эта? — поинтересовался я.

Он кивнул, отвечая:

— Но я нашёл только три из них.

Теперь в моём воображении появилась общая картина. Кусочки головоломки начали вставать на свои места. Во-первых, ногти Картера.

Ныне я стал более внимателен к ногтям: у мужчин мне нравятся чистые, розовые и достаточно длинные ногти, чтобы они доходили до кончика пальца, но не скрывали его изгиб. Поэтому ногти Эндрю Картера, на мой взгляд, были довольно отвратительными. Поломанные и очень грязные, а некоторые кутикулы были отодвинуты назад, обнажая грубую красноту, которая местами кровоточила, как раны. Его ладони были мозолистыми и шершавыми, как от тяжёлой работы, и за те три или четыре года, что я его знал, никакого улучшения я не наблюдал. Действительно, в тот вечер, о котором идёт речь, его руки были в ужасном состоянии! И это руки человека, который, казалось, вряд ли был из тех, кто даже помышляет о тяжёлом рабочем дне…

Ещё один кусочек головоломки: Картер ни разу не сказал о своём дяде в настоящем времени. Наконец-то Картер стал или собирался стать владельцем другой собственности, кроме своей маленькой квартирки. Всё это — в сочетании с его заявлением о монетах или чем бы они ни были: что он нашёл только три из них — заставило меня

сделать поспешный вывод. И так уж получилось, что я оказался абсолютно прав.

— Твой дядя Артур умер некоторое время назад, оставив тебе дом в Масвелл-Хилле. И с тех пор ты искал в саду, подвале и т. д., его сокровища, но без особого успеха!

Картер выпрямился и впервые в жизни посмотрел мне прямо в глаза, посмотрел на меня действительно очень испытующе.

— Чёртов Шерлок Холмс, я полагаю?

— Скорее доктор Ватсон, — смутился я, отводя взгляд. — Извини, если я лезу не в своё дело.

Пристально посмотрев на меня ещё несколько мгновений, Картер медленно покачал головой.

— Нет, не совсем. Я всё равно собирался тебе рассказать. Нет, ты абсолютно прав, по крайней мере, по большей части.

Картер увидел, что я снова смотрю на его руки, и хитро, понимающе усмехнулся.

— Так вот что меня выдало, да?

Я пожал плечами.

— Я сложил два и два, и…

— Да, я понимаю. Что ж, тогда давай сократим длинную историю и расскажем её.

Картер отставил тарелку и взялся за пиво.

— Когда я гостил тогда у дяди, мне удалось вы-

браться из дома один или два раза, и однажды я вернулся с бутылкой пятизвёздочного бренди. Когда дядя Артур поймал меня на том, что я втайне выпиваю, он сначала казался немного раздражённым, вроде как взволнованным, но после того, как я предложил ему немного выпить со мной, он почему-то согласился и расслабился. И мой старик был совершенно прав: было ясно, что выпивка могла бы очень легко подействовать на моего дядю Артура. Он просто не мог справиться с этой дрянью, даже в самых маленьких дозах.

Как бы то ни было, именно тогда он как бы потеплел ко мне, из-за бренди, конечно, и он дал мне монету, которую я только что тебе показал. А ещё дядя сказал мне, что там спрятано ещё четыреста таких же. Но не сказал, где именно. Более того, после хорошей порции моего бренди он сказал мне, что, поскольку я его единственный оставшийся в живых родственник, то, когда он умрёт, он оставит свой дом и всё, что в нём есть, мне!

— И я готов поспорить, что ты навострил свои уши! — прокомментировал я эту историю.

— Да, это так, — признался Картер. — Это действительно так. Как бы то ни было, я проследил, куда дядя положил монету, когда я возвращал её

ему — в маленькую жестяную коробочку, которую он держал на каминной полке в гостиной на первом этаже, и при первой же возможности я как бы позаимствовал её, выскользнул из дома и отнёс её в ломбард для оценки. Ты не поверишь, восемьдесят восемь фунтов!

— Ух! — воскликнул я и добавил: — Это было семь лет назад… Да ведь нынче такая золотая монета стоит больше двухсот!

— Двести тридцать семь, прямо сейчас, — поправил меня Картер.

Я тихо присвистнул сквозь зубы.

— Но, если их действительно четыреста, это даёт… э-э…

— Это почти сто тысяч фунтов, приятель, вот что это даёт! — прервал мои расчёты Картер. — И большинство монет в лучшем состоянии, чем эта. На самом деле три, которые я пока нашёл, почти идеальны — э-э, «мятные», как они говорят.

Я кивнул.

— Но ты не можешь найти остальные, верно?

— В точку, — сказал Картер, мрачно рассматривая свои пальцы.

— Как долго ты их ищешь? — поинтересовался я. — Конечно, ты усердно занимался этим всё то время, что я тебя знаю. Скажем, три, три с поло-

виной года?

— Вдвое больше, Дэвид, мой старый друг, — заявил Картер. — Я занимаюсь этим все семь лет!

III

Теперь настала моя очередь пристально посмотреть на своего друга.

— Ты имеешь в виду, что твой дядя умер, пока ты гостил у него? Пока ты, так сказать, залегал на дне?

— Ах! Нет, — ответил Картер, — ты всё неправильно понял. Может быть, мне следовало поправить тебя раньше. Дело в том, что мы не знаем наверняка, мёртв ли он. Нет, не уверены.

Я непонимающе посмотрел на Картера.

— Ну и что тогда, если не мёртв?

Картер пожал плечами (как мне показалось, немного неловко) и ответил:

— Ох, я не знаю. Уехал, типа? Ушёл в запой? Исчез…?

Но когда я внезапно взглянул на Картера, его глаза были холодными и немигающими, как у рыбы.

— Ты говоришь, исчез? — задумчиво спросил я. — Пока ты был в его доме? И, конечно, ты сообщил об этом в полицию?

— Что? — вскрикнул Картер. — Я? Сообщить об этом мерзавцам? Поверь мне, дружище, я ни о чём не докладываю этим мразям! Боже, нет, только не я!

— Но пропавший человек… — начал я протестовать, возможно, слишком громко.

Картер приложил палец к губам.

— Тсс! Ради бога, приятель! Я имею в виду, давай не будем рассказывать об этом всему чёртову миру. На самом деле, я действительно сказал им — но только примерно через шесть месяцев, когда всё немного успокоилось.

— Мне следовало так подумать, — кивнул я. — В конце концов, он был твоим дядей!

И я нахмурился.

— Но как именно он исчез?

— А! — промычал Картер, снова переходя к обороне. — Ну, возможно, он не исчез. Может быть, дело было просто в том, что он вроде как, ну, ушёл в подполье. Понимаешь?

— Нет, не понимаю, — запротестовал я, чувствуя себя дураком. — Я думал, это ты был, э-э, в бегах? Я имею в виду, от чего, чёрт возьми, твоему дяде нужно было прятаться?

Картер отвёл глаза.

— Не знаю, верно, — пробормотал он. — Может

быть, он боялся выпивки — боялся, что скажет слишком много, например, когда выпьет пару глотков — или опять же, может быть, это был я.

— Боялся тебя? Но я думал, ты сказал, что он собирался оставить тебе дом и всё остальное?

— Так он и собирался… он это и сделал! — ответил Картер. — Божья правда! Но, видишь ли, как только я узнал, что золото там, ну, я вроде как продолжал его немного подталкивать.

— Подталкивать его, — повторил я и, возможно, моё лицо скорчилось.

— Подожди. Сейчас объясню! — поспешил добавить Картер, когда увидел выражение моего лица. — Я не имею в виду какие-то угрозы или что-то подобное. Боже, нет! Я хочу сказать, что я просто оставлял бутылки вина там, где дядя мог их заметить, понимаешь? Немного удлинить его старый язык.

— И ты считаешь, что из-за алкоголя он захотеть скрыться, а? — спросил я, вероятно, чересчур подозрительно.

Лицо Картера приобрело суровое выражение.

— Теперь послушай сюда, Дэвид. Мы друзья или нет? Друзьям можно верить?

Я слегка кивнул.

— Полагаю, что да.

— Значит, ты поверишь мне на слово, что я чист?

Я с неохотой ответил:

— Если ты так утверждаешь.

— Хорошо!

— А что? — спросил я после минутного молчания. — Что ещё?

Картер загадочно посмотрел на меня и, казалось, немного замкнулся в себе.

— Я что, похож на слабака? — спросил он через некоторое время. — Я имею в виду, что я выгляжу мягким или что-то в этом роде? Знаешь, из тех парней, которые подпрыгивают при звуке выхлопной трубы автомобиля или от скрипа ворот, раскачивающихся на ветру?

— Или от вещей, что происходят в ночи, — добавил я импульсивно. — Нет, я так не думаю. С другой стороны. Я полагаю, есть те, кто сказал бы, что ты, вероятно, немного жестковат. — И я поспешно добавил: — Я имею в виду, что ты вполне можешь позаботиться о себе.

— И действительно, я могу! — тут же прорычал Картер. — И всё же…

— Да?

— Просто этот старый дом…

— Да?

Картер взял себя в руки.

— Было найдено завещание, — сказал он, — и, конечно же, старый дядя Артур оставил всё это мне. Но… была пара странных оговорок.

— Например?

— В случае, если дядя пропадёт без вести, я не получу его дом, пока не пройдёт семь лет. Да, я могу иметь доступ в него два раза в неделю для осмотра — я могу даже выполнять незначительные работы там, где они необходимы для сохранения или улучшения этого обиталища, при условии не делать никакой серьёзной реконструкции, — но на самом деле я не мог бы там жить. Не в течение семи лет.

— И? — спросил я с нетерпением.

— А?

— Ты сказал «оговорки". Пока я услышал только одну.

— О, да, — вздохнул Картер, рассеянно или отстранённо кивая. — Ещё одна.

— Вторая оговорка? — настаивал я.

Картер странно посмотрел на меня.

— Она забавная, — ответил он через мгновение, казалось, приглашая прокомментировать; но я просто ждал. Картер немного поёрзал на стуле.

— Ну, это о книге: об одной из его старых, по-

крытых плесенью, рассыпающихся книг. Она называется «Песнопения Дхолов". Через семь лет после исчезновения дяди, если бы он исчез, понимаешь, я должен был прочитать последний абзац на странице сто одиннадцать. Я должен был прочитать его вслух и в присутствии свидетеля…

Я подождал, потом пожал плечами.

— И это всё?

Картер кивнул.

Я задумался.

— Металлоискатель! — воскликнул я, меняя тему.

Картер глубоко вздохнул и выпрямился.

— Пробовал, — ответил он. — Даже модель, которая различает гвозди и полпенни, зарытые на глубине тридцати шести дюймов, и показывает вам изображение объекта на маленьком экране. Этот металлоискатель обошёлся мне в целое состояние! Безрезультатно.

— Как насчёт территории?

— Большие сады перед домом и позади него. Я расчистил кустарник, сжёг его дотла и перекопал всю землю на глубину трёх или четырёх футов. Две трёхпенсовые монеты, два старых шестипенсовика и полкроны 1890 года выпуска. Такие можно найти в любом большом саду. И больше

ничего путного.

— А подвал? — спросил я.

Картер вздрогнул.

— Что-то не так?

— Послушай, — сказал Картер, — я расскажу. Честно говоря, я терпеть не могу это чёртово место! Этот старый дом какой-то неправильный. И он становится всё хуже, а время быстро уходит.

IV

Ах! Теперь, похоже, мы приблизились к самому интересному.

— Объясни, — попросил я. — Что ты имеешь в виду, говоря «время уходит», и что не так с этим домом?

Это было всё равно, что пытаться высосать кровь из камня. Но…

— Правильно! — наконец решительно заявил мой друг. — Я объясню, и тогда, возможно, ты сможешь что-то посоветовать. Видишь ли, во-первых, старый дом собираются сносить.

Что ж, я разбирался в недвижимости и кое-что слышал о планах строительства в районе Масвелл-Хилл.

— Это согласно приказу о сносе старого жилья?

— Верно. Этот дом должен быть снесён. Государ-

ственное планирование; новая дорога проходит прямо через этот участок. О, я получу компенсацию — и в любом случае там много сухой гнили, но вряд ли это главное, не так ли?

— Понятно, — сказал я.

— Неужели? — удивился Картер. — Где-то в этом старом доме спрятано сто тысяч фунтов, и всего через неделю или десять дней сокровище исчезнет, как мой старый дядя Артур!

Я подумал об этом и медленно кивнул.

— Похоже, у тебя осталось мало времени, не так ли?

— Именно так. Но, по крайней мере, мне удалось получить стопроцентный доступ к дому — наконец-то! На самом деле, последние две недели я живу в нём. Ха! — а когда меня там не было, я жил здесь; вернее, прямо по соседству, в «Старой Лошади и Телеге".

— Это действует тебе на нервы, да? Все эти поиски, я имею в виду.

Картер кивнул.

— Чертовски верно! Поиски и сам дом. Видишь ли, год назад — э-э, до того, как всё стало слишком забавным, о чём я расскажу тебе через минуту, я нанял пару рабочих и сделал этот дом пригодным для жизни. Во-первых, мне установили ванну, по-

красили одну из маленьких комнат и поставили односпальную кровать, хотя я нечасто ей пользуюсь! Но из-за всех тех раскопок, которые я делал, поисков, разборки половиц и всего остального, я бывал очень грязным. Теперь, по крайней мере, я мог принимать ванну, когда хотел. До этого… ну, это, должно быть, выглядело немного забавно, не так ли? Я прихожу туда, так сказать, опрятный и чистый, а два раза в неделю выхожу весь в пыли и грязи! Люди непременно обратили бы на это внимание. Они бы подумали, что я привожу старый дом в порядок.

— Ты именно это и делал, — предположил я.

— Да, конечно, но я не хотел, чтобы люди знали об этом. Видишь ли, есть определённые круги, где у меня есть некоторая репутация, и людям не потребуется много времени, чтобы понять, что, если я что-то искал, значит, там было что искать.

— Понимаю. Так что после того, как ты отработал, ты принимал ванну и выходил таким же опрятным и чистым, как когда входил…

— Верно.

— Но разве у твоего дяди не было ванной комнаты?

— У него имелся туалет, но не было ванны. А на его кухне, если это можно назвать кухней, нет го-

рячей воды. Холодная вода, прямо из сети, но без горячей. Нет, он мылся в местных общественных банях, подлый старый ублюдок!

— Он оставил тебе всё, — напомнил я Картеру.

— Э-э, да, полагаю, я должен отдать ему должное, по крайней мере, в этом, — ответил Картер.

— Просто он жил довольно скудно, — сказал я.

— Как проклятый отшельник! Мне пришлось установить погружной нагреватель и бак наверху, на чердаке.

— Но, по крайней мере, теперь в доме уютно? — спросил я.

Картер пожал плечами.

— На самом деле, есть ещё беспорядок. Но какое это имеет значение, если дом пойдёт под снос? Итак, я выдрал большую часть половиц; проверил потолки; дымоходы; я вырвал задние стенки старых встроенных шкафов; проверял пол в подвале…

— И разочаровался, — предположил я.

— Ты чертовски прав, приятель!

— Но я не вижу, как я могу помочь тебе или что я могу предложить. И ты всё ещё не сказал мне о том, что с этим домом не так.

Картер снова смутился, но через мгновение спросил:

— Ты веришь в призраков, Дэвид?

Я улыбнулся и покачал головой.

— Нет, боюсь, что нет. Если человек умер, то он умер, это моё убеждение. Так ты думаешь, там водятся привидения, да?

— Я этого не говорил! — Голос Картера сразу же стал более резким. — Я выгляжу слабаком или кем-то в этом роде, веря в бугимена?

Я попытался кивнуть, пожать плечами и покачать головой одновременно.

— А ты сам-то веришь в привидения?

— Я… не знаю, — угрюмо ответил он. — Я имею в виду, ну и во что, чёрт возьми, я должен верить?

— Значит были какие-то происшествия?

— Да, — кивнул Картер. — Происшествия.

Всё это, но особенно его нежелание говорить прямо, вызвало у меня раздражение.

— Что ж, — я сделал вид, что собираюсь уйти, — не могу же я сидеть здесь всю ночь.

— Значит, ты занят? — Картер схватил меня за локоть, не желая, чтобы я уходил.

— Не особенно, но…

— Ладно, я всё расскажу. Да, были происшествия. Шумы, запахи, вещи, которые движутся сами по себе… и спагетти!

— Спагетти? Картер, какого чёрта?

— Никакого чёрта, приятель, — сказал он с дрожью, которую не смог скрыть. — Вообще ничего естественного. Что-то совершенно паранормальное. Призраки? Я не уверен, что это такое, но что бы это ни было…

— Они пугают тебя.

Я сделал это утверждением, а не вопросом. Потому что внезапно я увидел страх, ясно написанный на его лице.

— Ты боишься этого дома, и всё же тебе ничего не остаётся, как ходить туда и искать золотые монеты!

— Ты всё правильно понял, — сказал Картер, вяло кивнув. — Вот, вкратце и вся моя история.

— Не такая уж и плохая, не так ли? — поинтересовался я.

— А? Неплохая?

Потом он понял, к чему я клоню.

— О! — Картеру удалось ухмыльнуться, хотя и криво. — Это было похоже на поход к дантисту! — заявил он. — Но вот, теперь я закончил.

— Итак, теперь мы переходим к сути всего этого, — объявил я. — Так что давай — сделай мне предложение.

Картер положил руки на стол ладонями вниз.

— Есть и другие, к кому я мог бы обратиться…

— Но я честный человек, — ответил я, — а время уходит.

Мой друг знал, что это так.

— Десять процентов, — сказал он. — Если мы найдём сокровище.

— Я в деле! — согласился я.

V

— А что там со спагетти? — допытывался я по дороге к дому Картера, сидя в его старой американской машине. — Ты можешь рассказать мне об этом?

— Да… и нет, — сказал Картер. — Скажем так, я хочу, чтобы ты сам всё увидел.

— Но как я смогу что-нибудь увидеть, если ты не скажешь мне, что именно искать? — поинтересовался я. — И вообще, что такого чертовски подозрительного или даже необычного в спагетти?

Картера слегка передёрнуло.

— Я бы сказал, это зависит от того, где ты их найдёшь, — сказал он. — Или при каких обстоятельствах.

— Ах! — воскликнул я, пытаясь немного разрядить атмосферу. — Проявление твоего дяди Артура, да? Он умер или пропал без вести за эти

семь долгих лет, но всё равно повсюду валяются тарелки с этой едой.

И я усмехнулся. Но Картер был мрачен.

— Забавно, не так ли? — спросил он уголком рта, его голос был хриплым.

Я ахнул.

— Ты имеешь в виду, что действительно находишь тарелки со спагетти по всему дому?

— Нет, не тарелки, — ответил он. — Но… нити.

Я думал, что Картер продолжит свой рассказ, но он умолк.

— Нити спагетти? — Я надавил на приятеля, вглядываясь в его силуэт в тусклом салоне машины, где он склонился над рулём. — Сваренные? Ты имеешь в виду свежеприготовленные?

— Приготовленные? — Картер поперхнулся. — Боже, нет!

Его руки были похожи на гигантских пауков, оседлавших руль. Проезжая под уличным фонарём, я увидел, как они напряжены. Я также заметил, как быстро мы двигались, и вспомнил, что Картер выпил больше, чем обычно.

— Полегче, дружище! — воскликнул я. — Мы не на авторалли.

Картер сразу же сбавил скорость, но под светом очередного фонаря я увидел капли пота, высту-

пившие у него на лбу.

— Нервы, — пробормотал он. — Наверное, я самый нервный человек в мире.

— Но спагетти, Картер, — напомнил я.

— Да, чёртовы спагетти!

Я отодвинулся от него. Может быть, я зря с ним связался. История, которую он мне рассказал, была, в конце концов, больше, чем просто история.

— Извини, — сказал он, как будто прочитав мои мысли. — Извини, извини, извини! Но, видишь ли, я такой же, как ты. Я не верю в кровавых призраков! Единственное, что меня пугает, — это ножи, пистолеты и кастеты. И, может быть, мысль о тазиках с быстро твердеющим цементом — с моими ногами в них! Но не призраки. Не они.

— Сквоттеры! — предположил я, щёлкнув пальцами.

— А?

— Незаконно вселившиеся в старый, пустой дом, как этот? Сквоттеры, временно остановившиеся там. Или, может быть, дети, играющие в этом месте. Даже случайный бродяга. И ты сам сказал: спагетти — это дешёвая еда, которую легко приготовить. Как раз то, что джентльмен с большой дороги, вероятно, будет…

— Нет. — Картер покачал головой, отвергая

мою теорию. — Я жил там, помнишь? По крайней мере, часть времени. Дети, бродяги, сквоттеры? Забудь об этом! Во всяком случае, за последние две недели. Но спагетти — да. И не далее, как вчера…

Мы почти приехали. Я догадался, что, как только мы окажемся внутри дома, Картер снова замолчит, и поэтому я использовал то небольшое преимущество, которое у меня ещё оставалось:

— А как насчёт звуков, о которых ты упоминал? А запахи? А вещи, которые движутся сами по себе?

— Запахи. — Его голос дрогнул, когда он вспомнил. — Боже, да! Гнилостный запах. Хуже, чем запах в канализации, ужасней, чем гниющая плоть!

Мой разум съёжился от картины, которую вызвали в воображении его слова. Мне совсем не нравилось, как это звучит; не в том случае, если я собирался находиться там с ним какое-то время.

— Что, постоянно? — спросил я.

— Нет, только время от времени. Но этого достаточно…

— А шумы?

— Вероятно, старый дом оседает, — попытался он отмахнуться от этого и с треском провалил-

ся. — Я не знаю. Скрипит и стонет, то есть стонет древесина. Я думаю…

— А вещи, которые движутся? — спросил я.

Картер взглянул на меня краем глаза.

— Завещание, — сказал он. — Я имею в виду, я обыскал дом сверху донизу после того, как он… когда дядя не появился. Не из-за монет, не сразу же, а из-за завещания. Видишь ли, он сказал, что завещает всё это мне. Так что я осмотрел дом. Везде. Но о завещании стало известно только после того, как я рассказал полиции об исчезновении дяди. Потом, когда я привёл их в дом, или, вернее, когда они привели меня туда, они нашли это чёртово завещание, лежащее прямо в центре стола в гостиной!

— Значит, твой дядя был жив после своего исчезновения, — высказал я своё предположение. — И поэтому он может быть жив до сих пор.

— Да, — мрачно кивнул Картер. — Эта мысль осенила и меня много лет назад. Отсюда и шумы, запахи, спагетти. Боже! А в полиции меня долго допрашивали. Да, чёрт возьми! И по мере того, как проходили годы, и старый дом становился всё смешнее и смешнее — ну, долгое время я думал, что дядя всё ещё там прячется, понимаешь? Как сумасшедший. Я думал, что это он устраивает все

эти пакости. За исключением…

— Да?

— Семь лет, приятель, — с горечью ответил Картер. — Семь долгих лет. Если бы дядя прятался в доме, поверь мне, я бы его нашёл. И если бы он не был мёртв, когда я его искал, он наверняка был бы мёртв сейчас! Во всяком случае, это было как раз в то время, когда они нашли завещание, я имею в виду, что я впервые увидел спагетти. Тогда они воняли достаточно скверно, но с тех пор… Тут Картер резко смолк.

Мы преодолели крутой поворот, затем свернули налево, проехали между старыми столбами и по короткой дорожке. И всё, что Картер собирался сказать, осталось невысказанным. Вот он, старый дом, вырисовывающийся силуэтом в ночи, как какой-то мрачный каменный призрак с остроконечными крышами, как измождённый, полуразрушенный мавзолей.

И мне стало немного холоднее несмотря на то, что ночь была тёплой, и я почти чувствовал, как Картер вспотел, когда он замедлил машину, чтобы остановиться в тени у крыльца.

VI

Мы долго стояли, просто глядя на крыльцо, чёрное, как крыло ворона, на фоне мягкого ноч-

ного сияния Лондона. Картер, должно быть, уже перестал потеть, а мне не становилось ни на йоту теплее, но мы по-прежнему сидели в машине. Мне не очень хотелось заходить в дом, и я догадался, что Картер, должно быть, чувствовал то же самое. Но…

Как будто почувствовав мою нерешительность, он взял инициативу в свои руки. Зазвенели ключи, когда Картер открыл дверь на крыльцо, зажёг тусклый свет, провёл меня между кучек мусора к внутренней двери дома и повернул второй ключ в ржавом замке. Затем мы оказались внутри, и в следующую секунду Картер включил свет. Мы находились в чём-то вроде прихожей, которая, как и крыльцо, демонстрировала все признаки обширных, неприкрытых раскопок. Я посмотрел на Картера, он стоял, как будто нервно прислушиваясь к чему-то, затаив дыхание.

Да, воздух был затхлым, но ни в коей мере не ядовитым, как он описывал. Это был запах пыли и древности (и естественно, мусора от его раскопок), но это было всё. Никаких засорившихся стоков, которые могли бы обнаружить мои ноздри, и уж точно никаких…

— Всё в порядке! — неожиданно объявил Картер, напугав меня. И ещё более зловеще добавил:

— Во всяком случае, пока.

Он прошёл через дверь справа, снова включив свет, и я последовал за ним. И пока он стоял там, оглядываясь по сторонам, теперь уже немного менее нервно, я осмотрел очередное помещение.

Это была огромная гостиная, и она по меньшей мере на столетие устарела, вышла из моды и времени. Обои (то немногое, что Картер не тронул) были в жёлтую полоску, такие, должно быть, украшали миллионы гостиных на рубеже веков; камин состоял из тёмных мраморных колонн с каменной перемычкой над утопленной железной решёткой; в центре высокого потолка располагалась богато украшенная гипсовая «роза», на которой когда-то, несомненно много лет назад, висела какая-то хитроумная люстра, придававшая комнате определённую состоятельность. Все плинтусы имели двенадцать дюймов в высоту и полтора дюйма в толщину, с причудливой лепниной по верхнему краю; точно так же массивный карниз соединял стены с потолком — Картер ещё не снёс его! Огромный эркер с крошечными витражными стёклами наверху и прозрачным стеклом внизу венчал изогнутое окно — выступ, который, казалось, был сделан из цельного бруса. За исключением того, что он

больше не был твёрдым. Нет, потому что здесь определённо расплодились домовые грибы; и когда я надавил на подоконник, кончик моего пальца погрузился прямо внутрь, и выпустил облачко древесной пудры, когда я вытащил его обратно. Сухая гниль: несомненно, всё дерево здесь было изъедено.

Картер прошёл мимо меня и задёрнул древние шторы на грязных окнах.

— Вот, — сказал он без всякой необходимости. — В передней комнате. Я поднял половицы и осмотрел землю под ними. Именно там я нашёл одну из монет. Засёк её с помощью детектора. Но я думаю, что она просто упала туда через щель между досками. Как ты можешь видеть, все половицы кривые. Повсюду щели. И до меня никто не тревожил полы. Итак… Я думаю, мой старый дядя Артур просто потерял монету, вероятно, когда пересчитывал их или что-то в этом роде.

Картер подошёл к каминной полке.

— Вот, помоги мне, дружище. Тяжёлая какая.

Мраморная перемычка была расшатана; для того, чтобы оторвать её от каминной решётки, была использована грубая сила. Картер взялся за одну сторону перемычки, я — за другую, и мы подняли её. За камином я увидел пыль и обломки

штукатурки.

— Нашёл ещё одну монету там, — указал Картер. — Также засёк с помощью детектора. Но видишь, между каминной полкой и стеной была трещина. Так что я думаю, что монета попала туда случайно, как и первая — в трещину меж половиц. Старина Артур, вероятно, когда-то складывал их там на полке.

— Похоже, он был удивительно небрежен со своим золотом! — отметил я.

— Дряхлый старый хрыч! — рявкнул Картер. — Но именно поиск монет заставлял меня возвращаться сюда, в противном случае я давно бы уже сдался.

Я подумал, не кроется ли в том, что Картер только что сказал, нечто большее, чем он подозревал, но промолчал. В конце концов, какая причина могла быть у его дяди, чтобы заманить его в этот дом?

Мы поставили каминную полку на место, и Картер поднёс горящую спичку к куче бумаги, которую он приготовил заранее к нашему визиту.

— А как насчёт третьей монеты? — спросил я его. — Где она была?

— А? — Картер отвёл взгляд от мерцающего пламени, которое обжигало края скомканных

газет и цеплялось за расщеплённые концы сухих веток. — О, она нашлась в его матрасе. Ещё один подвиг старого металлоискателя.

— В матрасе твоего дяди?

— Да. Он вшил карманы в этот старый заплесневелый матрас. Довольно много карманов, но монета нашла дырку и оказалась в подкладке. Когда дядя перекладывал свою добычу, эта монета, должно быть, ускользнула от него.

— Перекладывал? — повторил я.

Картер вздохнул.

— Ну, если монеты были там, в его матрасе, а сейчас их там нет, тогда, очевидно, он их перепрятал в другой тайник!

— Перепрятал, когда ты начал, э-э, подталкивать его к употреблению спиртного, это ты имеешь в виду? — поинтересовался я.

Картер прищурился, затем отвёл взгляд. Он на мгновение замолчал, затем пожал плечами.

— Возможно, — сказал он.

Костёр уже разгорелся, и его пламя пожирало угли, которые сдвигались на платформу с хворостом. Дым из камина повалил в комнату, заставив нас попятиться, кашляя.

— Дым исчезнет через минуту, — сообщил Картер. — Видишь ли, я проверял и дымоход. Нанёс

ему небольшой ущерб. Засорил обломками кирпича. Я не сильно заботился о нём.

Картер вздрогнул, когда дымоход начал втягивать воздух и дым улетучился.

— Итак, какие места ты не проверял? — поинтересовался я.

Картер снова пожал плечами.

— Я ещё не закончил с подвалом, — сказал он. — Обычно детектор находит шурупы и гвозди. Я уже почти наполовину закончил.

— Тогда давай перейдём к делу, — предложил я.

— Ах, нет! — воскликнул Картер, поднимая руку, словно останавливая меня. — Я сам займусь этим. Ты здесь не для этого. Нет, друг мой Дэвид. Тебе работать руками? Забудь. Нет, ты приготовишь кофе для нас обоих, особенно для меня, потому что внизу становится холодно, и ты осмотришь старый дом, может быть, ты найдёшь укромные уголки, которые я мог пропустить, и ты просто вроде как будешь здесь.

Это меня вполне устраивало (хотя я подозревал, что Картер предпочитал работать в одиночку по вполне очевидной причине: вероятно, чтобы припрятать немного золота, как только оно обнаружится, и тем самым избежать выплаты моих

десяти процентов от найденного).

— Очень хорошо, — всё равно согласился я. — Покажи мне кухню и дорогу в подвал, и мы пойдём дальше. И ещё одно: ты сказал, что три монеты, которые ты уже обнаружил, были почти в отличном состоянии. Я бы хотел увидеть одну хотя бы для того, чтобы получить более чёткое представление о том, что нам нужно искать.

Картер поднял брови, словно удивившись. Но в итоге сказал:

— Без проблем. — Почему ты не попросил раньше?

Затем он нахмурился.

— Или, может быть, ты думал, что я на самом деле всё выдумал, а? Как будто я использовал эту историю только как приманку, чтобы заручиться твоей помощью в сомнительном предприятии?

Картер сунул руку под рубашку, где носил тяжёлую серебряную цепь, и вытащил кожаный мешочек. Тот сильно звякнул, когда Картер встряхнул его. Мой друг ухмыльнулся, развязал горловину мешочка, достал монету и передал её мне.

— Вот, — сказал он.

VII

Медальон, как я и ожидал, оказался холодным и тяжёлым, как и та монета, что Картер показывал до этого, но его узоры были видны так же отчётливо, как на свежеотчеканенной десятипенсовой монете. Вот она снова, эта выпуклая фигура с восемью расходящимися лучами. Но теперь я мог видеть, что на самом деле это был осьминог, при чём такой, с которым я бы никогда не пожелал встретиться во плоти.

Я назвал его осьминогом, но более точно было бы «осьминогоподобный дизайн". Но с таким же успехом я мог бы сказать «антропоморфный, похожий на человека". Не то, чтобы в фигуре на золотом диске было что-то действительно человеческое, если только это не было ощущением некоего глубинного разума, который, казалось, был присущ пристальному взгляду этих ужасных глаз. О, да, кто бы ни создал эти медальоны, он, несомненно, очень хорошо поработал над этими глазами. Взгляд, который они, казалось, физически бросали на меня с поверхности безжизненного золотого диска, был взглядом крайней злобности — ненависти ко всей человеческой расе, ко всем живым существам!

Что касается всего остального: у него были крылья летучей мыши, сложенные за торчащей головой. И от этой головы в вышеупомянутом солнечном луче расходились лицевые щупальца, милосердно скрывая большую часть остального тела, которое казалось раздутым, как у какого-то огромного океанского слизняка; и в центре, у корней этих щупалец, я мог видеть полуоткрытый клюв, который, как мне показалось, изрыгал безумный смех или безумный крик. Когти царапали край каменного трона, на котором сидел или восседал этот зверь. На троне были вырезаны кальмары и кракены, покрытые коркой водных грибов или кораллов и задрапированные верёвками из морских водорослей. Под фигурой, по краю медальона, имелись следующие символы:

И на обратной стороне: едва различимые (возможно, для создания эффекта погружения под воду, поскольку на переднем плане, несомненно, плавали странные рыбы) очертания колоссального города с зиккуратами и храмами, колоннами, башенками и зданиями без окон. Архитектура этого города казалась задуманной или изображённой каким-то сумасшедшим кубистом. Все углы были неправильными; поверхности казались одновременно вогнутыми и выпуклыми! Я

не мог толком понять, как я должен был смотреть на эту сцену или с какого ракурса. И ещё больше таких странных символов, как этот:

Я вернул медальон Картеру.

— Мне это не нравится, — сказал я ему.

— Что? — удивился он. — Брат, это же золото!

— Валюта или символ какого-то странного культа, я бы сказал, — ответил я.

Картер нахмурился, явно не понимая моего отвращения.

— Ты хочешь сказать, что тебе не нравятся рисунки? Ну и что? Расплавь их, и у тебя будет золото! Какая разница, как они выглядят сейчас? Или для чего они использовались?

Но было ясно, что Картер тоже этого не понимал, и, если уж на то пошло, я и сам не был уверен в своей версии!

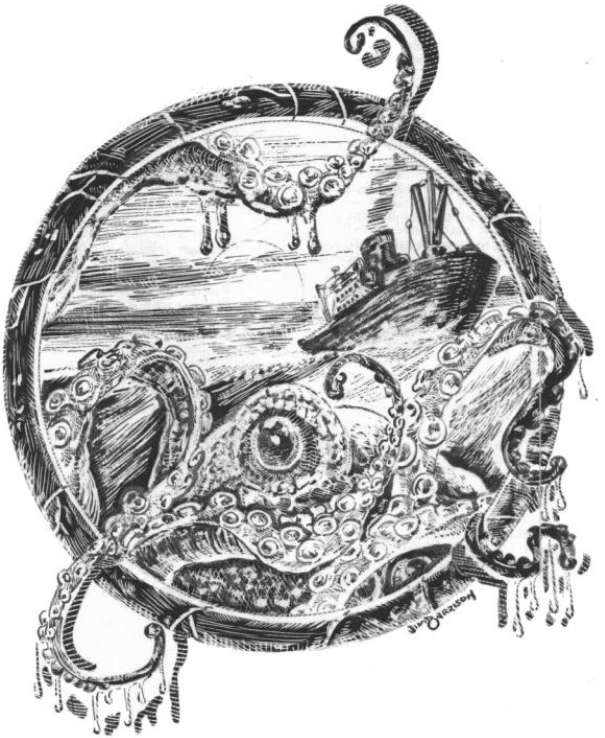
Он убрал медальон, посмотрел на меня с лёгким удивлением и сказал:

— Хорошо, я приступлю к работе в подвале. Кухня вон там, — он указал на приоткрытую дверь, — а подвал ты найдёшь внизу, под лестницей.

И он ушёл.

Я отправился на кухню и усмехнулся, сразу поняв, что имел в виду Картер. На шатком столе

стояла древняя электрическая плита с двумя конфорками, покрытая пятнами и грязью. Рядом с плитой, казалось, поблёскивал довольно новый электрический чайник. Я догадался, что чайник принадлежал Картеру. Там же имелась квадратная каменная раковина с единственным краном для воды. Раковина и сливное отверстие были изношены и покрылись пятнами более чем за сто лет.



Я сделал мысленную пометку, что кран был конечной точкой единственной свинцовой, водопроводной трубы, которая поднималась по стене и исчезала в пятнистом потолке. Мне подумалось, что это выглядит странно. Картер сказал мне, что у его дяди имелась только холодная вода, прямо из городской сети, так почему же подача сюда шла сверху? Если только… конечно! Там, наверху должен находиться туалет, или, может быть, умывальник для рук. Как бы то ни было, сначала вода должна приходить из сети. Должно быть, так оно и было устроено. Но Боже! — какой устаревший образ жизни, должно быть, вёл старый Артур Картер…

Я наполнил чайник, включил его в единственную розетку на кухне и решил быстренько заглянуть наверх, пока закипает вода. Я вернулся в переднюю комнату, а оттуда — в прихожую. Под лестницей я обнаружил открытую дверь с каменными ступенями, ведущими вниз. Из подвала доносился звук лопаты, ворчание и пыхтение Картера, он трудился изо всех сил. Должно быть, он надел комбинезон, потому что одежда, которая была на нём, теперь висела на спинке старого стула, стоявшего рядом с лестницей.

— Ты в порядке? — крикнул я.

И через мгновение получил ответ:

— Да. Где кофе?

— Есть шанс, что скоро будет.

Он проворчал что-то неразборчивое, после чего продолжил копать.

Когда я вышел из-под лестницы, я заметил ещё одну маленькую дверь в другом конце коридора. За ней туалет. И это тоже было необычно. Если туалет располагался здесь, внизу, почему водопроводная труба шла наверх из кухни? Затем я вспомнил, что Картер сказал о том, что ему поставили ванну, и поэтому на мгновение выбросил этот вопрос из головы…

Очень хорошо, теперь я хотел бы посмотреть, как выглядят комнаты наверху.

Ступеньки сами по себе были чем-то опасным: шаткие и прогнившие, они, казалось, прогибались у меня под ногами. Я прижался к стене, где края ступенек казались более прочными. На втором этаже было темно, потому что тусклый свет из прихожей почти не проникал туда. Но… на лестничной площадке я нашёл выключатель, и голая пыльная лампочка на затянутом паутиной гибком проводе давала достаточно света, чтобы показать мне коридор с полудюжиной дверей, ведущих в неизвестные комнаты.

Большое и длинное помещение в дальнем правом углу было недавно переоборудовано в ванную комнату; в ней имелись маленькие окна, которые с одной стороны выходили на пригород, а с другой — смотрели вниз с холма на сияющий огнями Лондон. Комната была более или менее нетронутой (хотя я мог видеть, что Картер поднял половицы), а старая ванна, которую он установил, была чистой и стояла на четырёх когтистых ножках у торцевой стены.

Над ванной стильный цилиндр современного электрического нагревателя поблёскивал синей эмалью и хромом там, где он был прикреплён к стене. Нагреватель соединялся с медной трубой небольшого диаметра, другой конец которой был приварен или припаян к старой свинцовой трубе, которую я видел на кухне; здесь она проходила через доски в нижней части ванны, поднималась по стене и уходила вверх, скрываясь из виду… на чердаке.

Теперь я увидел, что это действительно аномальный трубопровод. Я ломал голову над вопросом: если вода в дом поступала непосредственно из городской сети, почему труба была проложена через чердак?

Обычно это предполагало бы наличие там бака

для воды, но дяде Картера он не понадобился бы, не в его обстоятельствах. С другой стороны, бак мог быть стандартным приспособлением сто лет назад, когда построили дом. Так что, может быть, в конце концов, это было не так уж и странно.

В любом случае, я не был водопроводчиком, отнюдь нет. Но… возможно, стоит спросить об этом Картера.

Собираясь выйти из комнаты, я заглянул в ванну и…

Серовато-розовый пучок чего-то похожего на старые спагетти лежал в эмалированном углублении ванны, рядом с пустым сливным отверстием, словно какой-то тонкий, инертный червяк из канализации выполз на свет, чтобы умереть от собственных усилий…

VIII

Внезапно почувствовав прогорклый запах, я смыл этот пучок в сливное отверстие и закрыл кран, затем вышел из ванной и быстро заглянул в другие комнаты. Того, что я там увидел, было достаточно, чтобы сказать мне, что этот дом следует снести. Картер уже хорошо потрудился; только внешняя кирпичная кладка удерживала стены; один удар бульдозером, и дом рухнет! Ну,

может быть, Картер не так сильно подпортил стены, но достаточно. О, да, он отчаянно хотел найти золото!

Но я мог бы исследовать всё, что моей душе угодно, позже; прямо сейчас я должен был удовлетвориться тем, что, по крайней мере, изучил общую планировку этого места. Я спустился вниз, на кухню, заварил растворимый кофе, добавил сахар и молоко. Вкус был немного не тот — вода в старых домах всегда немного странная, я думаю, — но, по крайней мере, моя смесь была горячей и влажной (стандарт НАТО, как мы называли это в армии!), и Картер, должно быть, уже хочет пить. Затем я взял обе кружки и отважился спуститься в подвал.

— Самое время, приятель! — сказал Картер, когда я появился в поле зрения, спускаясь по каменным ступеням. — Чем же ты занимался?

— Осматривался, — ответил я.

— Увидел что-нибудь интересное?

Я намеренно воздержался от упоминания о моей встрече со спагетти.

— На самом деле я не осматривал дом; я просто хотел почувствовать это место, вот и всё.

И пока я говорил, я оглядывался по сторонам.

Подвал был довольно просторным, примерно

двадцать четыре на двадцать семь футов, с высоким бетонным потолком, который подпирали четыре бетонные колонны. Стены (то, что от них осталось) были кирпичными, но теперь по крайней мере четверть пола покрылась обломками битого кирпича и тёмной землёй. Доски пола были подняты, и Картер стоял по пояс в земляной яме, верхняя часть его тела блестела от пота, смешанного с грязью. Над его головой на гибком шнуре свисала одинокая яркая лампочка. Рядом с ямой Картер постелил газету, на которую он складывал ржавые, изогнутые гвозди, старые шурупы и другие железки. И прямо рядом со мной, у подножия лестницы, стоял металлоискатель Картера: новенький на вид «Супер-Искатель 7".

Картер вылез из своей норы, когда я шагнул вперёд. Верхняя часть его комбинезона болталась у него на талии. Он надел его, застегнул на все пуговицы и, взяв у меня свой кофе, выпил его за пару больших глотков. Затем он сказал:

— Вот и всё, на сегодня с меня хватит.

— Но ты работаешь всего полчаса!

— Здесь, внизу, сын мой, этого времени достаточно! — объяснил Картер. — Господи! Я начинаю жаждать компании уже через десять минут! В любом случае, у меня такое чувство,

что я порю дохлую лошадь — во всяком случае, здесь, внизу. Ни малейшего сигнала на старом детекторе. И, кроме того, наверху ещё много чего нужно сделать.

— Я поднимался по лестнице, — сказал я ему. — Во всяком случае, бегло осмотрелся. Странная сантехника.

— Э… Я не очень разбираюсь в сантехнике.

— Я и сам многого не знаю, — ответил я. — Но в ней есть что-то странное.

— Всё это место чертовски странное! — мрачно пробормотал Картер. — Давай вернёмся наверх. Мне бы не помешало ещё немного кофе.

Картер шёл впереди. На полпути вверх по ступенькам он остановился у выключателя. Он посмотрел вверх и спросил:

— Ты закрыл там за собой дверь?

Это было почти обвинение.

— А что?

Картер пожал плечами, но, когда он выключил свет, я понял, что он имел в виду. Единственная лампочка в подвале отбрасывала свет прямо на ступеньки; теперь, когда она погасла и дверь была закрыта, здесь стало темно, как в склепе. Тяжело дыша, Картер преодолел оставшиеся ступеньки, перепрыгивая через две, и я последовал

за ним. Это был всего лишь вопрос секунд, но я испытал облегчение, когда он открыл дверь подвала, и тусклый свет просочился внутрь.

Мы вернулись в гостиную, а Картер прошёл прямо на кухню, крикнув мне:

— Я приготовлю ещё кофе. Ты пока осмотри комнаты. Было бы неплохо, если бы ты хорошенько исследовал все их по очереди.

Это звучало разумно. Я полностью сосредоточился на гостиной.

Две стены, стоящие под прямым углом к большому эркеру, были глубоко утоплены. Одна стена являлась торцевой; в её нише стоял старый письменный стол из дуба. Противоположная ниша во внутренней стене была заставлена книжными полками; большинство из них сейчас пустовали, но на некоторых всё ещё пылилось изрядное количество старых томов. Я подошёл к книжным полкам, чтобы рассмотреть их поближе, и окликнул Картера:

— Ты заглядывал за книжные полки в нише?

— С детектором, да, — ответил он. — Ничего ценного.

Я пропустил ответ Картера мимо ушей. Название одной из книг отвлекло меня. Нет, я выражусь сильнее: как будто тусклые золотые буквы на

корешке бросились мне в глаза или, казалось, внезапно вспыхнули внутренним огнём, когда моя тень легла на книжную полку.

"Песнопения Дхолов".

Книга стояла на полке на уровне моих глаз. Я взял её в руки. Она вызывала ощущение липкости, и листая книгу, я как будто я копался в чьей-то могиле! Вместе с пылью поднималась гнилая вонь, которая была чем-то совсем иным, чем удручающий запах старой бумаги. Вместе с книгой с полки сорвался длинный кусок спагетти и шлёпнулся на пол…

Это были именно спагетти. Картер говорил о них, а у него был большой опыт встреч с ними. Но у них был запах (если запах исходил именно от спагетти) чего-то очень, очень мёртвого! Я пнул нить спагетти носком своего ботинка. Она разделилась на две части, может быть, по три или четыре дюйма каждая. Она была желтовато-серой, переходящей в заплесневело-синюю.

— А! — воскликнул Картер, вернувшись в комнату. — «Песнопения Дхолов". Ты нашёл эту чёртову книгу!

Он остановился и подозрительно принюхался.

Теперь, хоть убей, я не могу сказать, почему я это сделал, но что-то побудило меня не упоминать

об этой второй нити спагетти точно так же, как это побудило меня промолчать о первой. Может быть, из-за жадности? Если Картер испугается, в конце концов, плакали мои десять процентов. Как бы то ни было, стоя к нему спиной, я быстро носком ботинка растёр… что бы там ни было в пыль и неровности половиц.

Картер снова принюхался.

— Ты чувствуешь этот запах? — резко спросил он.

— А? — Я притворился невежественным, потому что на самом деле запах быстро исчезал. — Запах чего?

Картер постепенно перестал хмуриться.

— Моё воображение, — наконец сказал он. — Боже! Ненавижу это место.

Я подошёл к дубовому столу. По бокам и сзади него к стене была приделана деревянная скамья, обтянутая кожей. Я сел на край скамьи и открыл книгу. Картер подошёл, налил мне кофе и сказал:

— Пока ты здесь, я собираюсь осмотреть панели в дальней левой комнате наверху. Если что-нибудь захочешь узнать, подойди к подножию лестницы и крикни мне. Хорошо?

— Ладно, — ответил я, и пока Картер занимался

своими делами, я открыл сто одиннадцатую страницу необычной древней книги…

IX

Прежде чем я расскажу об этой странице, возможно, мне лучше описать кое-что из самой книги. В другом случае я бы не стал утруждать себя, но эта книга была… чем-то особенным. Ибо, как и «монеты" Картера, от неё буквально разило старостью. Она была… древней! Как египетские пирамиды, как менгиры древних могильников или мегалиты Стоунхенджа.

Большая, размером примерно одиннадцать дюймов на восемь; и громоздкая, книга имела почти четыре дюйма в толщину и весила, как большой кирпич. Кем бы ни был «Дхол», он, должно быть, ужасно много пел! Обложка книги была сделана из дерева, красного дерева, как мне показалось, но с причудливой резьбой и инкрустацией слоновой костью и серебром. Петли тоже были серебряными, с синеватым оттенком древности, и украшены причудливыми узорами, которые, хотя и не совсем живописные, тем не менее вызывали отклик в моём подсознании, как сцены, вызванные в воображении пламенем камина, или полузабытые картины из сна, или

видения и псевдовоспоминания из предыдущего плана существования. Любой, кто когда-либо испытывал дежавю, поймёт, что я пытаюсь сказать.

Между обложками: бумага была толстой и грубой, местами сильно испачканной, а в других местах крошащейся; края листов выглядели неразрезанными и неровными, трескались и отслаивались; текст и иллюстрации были сделаны вручную, и их темой было…? Здесь я оказался в растерянности.

В отличие от символов на медальонах, буквы в книге были очень похожи на английские (по крайней мере, ранние англосаксонские), но соединённые вместе таким образом, что не имели никакого смысла. Или… это был язык, ранее не известный мне. Или… текст был в закодированной или криптографической форме. И на сто одиннадцатой странице…

Это будет непросто! Как, чёрт возьми, можно было бы прочитать этот последний абзац вслух, как в «оговорке дяди Картера», или действительно прочитать его каким-либо другим способом, если никто не мог понять ни ритма, ни произношения, ни даже смысла и назначения этого текста? Трудно, да — и всё же я и теперь помню

этот абзац, символ за символом, «слово" за «словом". И зная о его силе, я воспроизвожу ниже только эту часть:

"Тб'ха гн — ка а'хбоа ум, эт — ум

Т'хн — хла пух — гхтагн бугг — угг.

Гн — ка ум Зг'х нутх — ах'н, эт — ум,

Эльгз — а'хбоа пух — атта улл…"

Чушь? Не более странная чушь, конечно, чем любое закодированное сообщение до того, как оно будет расшифровано. И если бы этот текст был не в зашифрованном виде… тогда, возможно, он представлял собой английское приближение того, как песнопение будет звучать на английском (или человеческом?) языке.

Ибо теперь я действительно чувствовал, что держу в руках книгу, во многом далёкую от мирских знаний; и это моё чувство, что она не совсем земная, не было таким притянутым за уши, как может показаться читателю. Инопланетная? Конечно, язык её был чужим: таким же непостижимым, как египетские иероглифы во времена, предшествовавшие открытию Розеттского камня. Древняя? Конечно, как я уже объяснял ранее; и, в силу своего отдалённого происхождения, очень чуждого. Но…

Зловещая? Нужно ли мне добавить, что да? По

крайней мере, я чувствовал, что в этой книге говорится о злых существах. Иначе почему её содержание такое непонятное и намеренно зашифрованное?

Или это болтовня Картера так подействовала на мои нервы? Нет, причиной тому была… книга! И ничего больше. Очень странная и очень старая, но всего лишь книга. Я позволил себе перелистать жёсткие, крошащиеся страницы, касаясь их большим и указательным пальцами.

Страницы сразу же раскрылись на разделе, который определённо часто открывали. С новым интересом я отметил, что кто-то оставил множество заметок на полях мелким паучьим почерком. Заметки были современными, написанными недавно и на английском языке; написаны, как мне показалось, тонкой шариковой ручкой. Более того, там имелась подпись: я с удовлетворением отметил, что это была подпись Артура Картера.

Что касается того, о чём говорилось в примечаниях: их было почти так же трудно понять, как и текст книги; не сам корявый почерк, а то, что он означал или что подразумевал пишущий.

Напротив одного длинного абзаца:

"Не так, как написано в «Некрономиконе», и не

так, как в «Заметках" Фири. Возможно, вариация на 8-ю строку Агга-атх. Опасно пробовать это без максимально возможных мер предосторожности. «Потерянная" литургия Элифаса Леви может сыграть свою роль..."

Или на другой странице:

"Голубое Сияние (стр. 79-3) — это загадка. Конечно, мне кажется, что я его вижу, но это из-за того, что заклинание изменяет мои глаза, или из-за того, что само сокровище из-за заклинания испускает это временное излучение? Как бы то ни было, оно эффективно, как и все эти проклятые заклинания..."

Или, что ещё более непонятно:

"Дхолам, по словам Принна, нельзя доверять ни при каких обстоятельствах, и по возможности следует избегать использования их устройств или тех устройств, которые им предоставлены. Их песнопения могут быть особенно ядовитыми. Принн, однако, отмечает, что, хотя их благотворная тауматургия сомнительна, их знаки мести особенно сильны — хотя почти всегда посмертны! Теперь я перевёл все вредные песнопения между номерами 101 и 127, но Боже! кто пожелал бы такого даже своему злейшему врагу?"

Я потряс головой, чтобы очистить её от всевоз-

можных странных образов, затем снова перевёл взгляд на второе из примечаний. «*Голубое Сияние (стр. 79-3) — это загадка…"* Что ж, я должен был согласиться с дядей Картера, всё это было головоломкой! Но давайте хотя бы посмотрим, к чему он клонил.

И вот я перешёл на страницу 79 и нашёл третий абзац.

Отрывок бросался в глаза сразу: на левом поле, напротив нужного текста, Артур Картер провёл тонкую линию карандашом. Но меня вновь постигло разочарование: текст был закодирован, как и остальная часть книги. Мелким почерком, однако, слева Картер также нацарапал:

"См. Принна об опасностях «Приманивания дхолов" и «Оккультное обнаружение золота".

Оккультное обнаружение золота…

Теперь я почувствовал, что действительно нашёл ключ к загадке!

Очевидно, дядя Картера был оккультистом — во всяком случае, дилетантом — и использовал определённые так называемые «искусства" в поисках спрятанных сокровищ. И, возможно, в конце концов, он не был таким уж дилетантом, поскольку, судя по всему, доказательства говорят о том, что он не знал средней меры успеха.

"См. Принна на… «Оккультное обнаружение золота".

Принн…? Конечно, это было имя, которое я видел на корешке другой книги — да, она тоже стояла на полке в доме старого дяди Артура!

У меня возникло искушение немедленно снова подойти к полкам, но вместо этого я заставил себя ещё раз взглянуть на третий абзац. Он казался полной и абсолютной тарабарщиной, но что-то в сочетании гласных и гортанных звуков заставляло меня пялиться на текст, и мой язык непроизвольно шевелился во рту. Я обнаружил, что читаю вслух, напрягаясь, чтобы выдавить чужеродные звуки из задней части моего горла и с кончика моего языка…

Казалось, земля стала уходить из-под моих ног!

Весь дом задрожал!

Послышался стон — от смещения почвы, от нагрузки на деревянные стены? — и ужасный крик Картера сверху…

X

Картер кричал так, словно взвод десантников спускался по той гнилой лестнице. Он был бледен как простыня, несмотря на лицо в грязи, когда ворвался в переднюю комнату. К тому времени стоны и сотрясения прекратились, как будто дом зашевелился во сне и теперь снова замер. Я не сдвинулся со своего места у стола.

Картер на мгновение замер в дверях, а затем, казалось, почти перелетел через комнату ко мне, его глаза расширились от шока и ужаса.

— Что, чёрт возьми, это было? — выкрикнул он.

Ответ казался мне довольно очевидным.

— Старый дом начал изгонять призраков, — объяснил я.

— Призраки?! — Глаза Картера расширились ещё больше. Это был неудачный выбор слов с моей стороны. Но…

— Да, призраки. Ты уничтожил этот проклятый дом. Ты поломал стены, сломал половицы и всё такое. Неудивительно, что дом начинает разрушаться сам по себе.

— Проседает? — Картера трясло, но бледность его лица постепенно уменьшалась.

Я пожал плечами.

— А что же ещё? Конечно, это было оседание грунта. Да ведь этот дом уже наполовину изъеден плесенью! Итак… это объясняет шум, на который ты жаловался. «Вероятно, старый дом оседает» — говорил ты и был прав.

Картер подошёл и схватил меня за плечо.

— А вонь?

Как я мог не заметить её, не знаю, но теперь, когда Картер упомянул о ней…

Этот запах отличался от гнилостного запаха разложения, которым сопровождалось моё обнаружение этих мерзких нитей спагетти. Это был запах… смерти? Я не был уверен, во всяком случае, такой запах. Но этот запах был живым! Едкий

запах ритма, мощи, силы; чего-то, ожидающего, затаив дыхание и напрягая мышцы; вонь чужеродного предвкушения, подмышка людоеда…

Казалось, он поднимается из щелей в половицах, из ободранных стен, из самого воздуха. Он был повсюду, но с каждой секундой становился всё слабее.

Я встал — признаюсь, немного неуверенно.

Мы посмотрели друг на друга.

Дом погрузился в раздумья.

Что-то застонало, но тихо, удаляясь…

— Уходим! — сказал Картер, снова задрожав. — Достаточно, по крайней мере, на сегодня. Мы вернёмся при свете дня. И с этого момента мы будем возвращаться только при дневном свете. Ты всё ещё в деле?

О, да, так оно и было. Во-первых, нужно было учитывать мои десять процентов, а во-вторых, я хотел узнать больше об оккультном обнаружении золота. Картер — каким бы деревенщиной он ни был, несмотря на все его раскопки и поиски, — даже не взглянул на книги своего дяди, в этом я был уверен. Но мне показалось, что ответ, вероятно, лежит прямо там: на книжных полках старого Артура Картера. И я найду его…

* * *

Когда Картер отвёз меня домой на своей машине, я сказал ему:

— Завтра суббота. Утром я занят, но к полудню должен освободиться. Я встречу тебя у дома между двенадцатью и часом.

— Хорошо, — ответил он, его позвоночник начал немного выпрямляться теперь, когда мы были достаточно далеко от того проклятого места. — Если я буду усердно работать, я, вероятно, смогу закончить осмотр той комнаты наверху и вычеркнуть её из своего списка.

— И что потом? — поинтересовался я. — А как насчёт чердака?

— А? Картер взглянул на меня. — Ты можешь подняться туда, если хочешь, но это тупик. Пара огромных осиных гнёзд в двух углах, где крыша доходит до карниза, но остальное пространство пусто, как жестянка слепого нищего…

* * *

Ещё через десять минут мы были недалеко от моего дома на Холлоуэй-роуд. Я жил в конце аллеи, предназначенной только для пешеходов, и

поэтому Картер высадил меня на главной дороге у светофора, на котором только что загорелся красный сигнал. Время близилось к полуночи, и те немногие люди, что были на улице, в основном направлялись по своим домам. Поток машин почти закончился и, конечно, пабы были давно закрыты.

Я дошёл до конца аллеи, и когда я смотрел, как большой автомобиль Картера удаляется по дороге и скрывается из виду, мои мысли вернулись к тому третьему абзацу или песнопению на странице 79 «Песнопений Дхолов". Их буквы в странных сопоставлениях теперь казались прочно зафиксированными в моём сознании. Завернув за угол у ювелирного магазина, я обнаружил, что эти странные «слова" сами собой вертелись у меня на языке, так что я бормотал или напевал их в такт своему шагу, когда спешил домой.

Именно тогда я обратил внимание на очень странную экспозицию за квадратными стальными ставнями и зеркальным стеклом витрины ювелира: тот факт, что при использовании какой-то формы освещения под полками отдельные изделия излучали голубоватое сияние. Каждое украшение из золота или серебра, казалось, купалось в собственном бассейне голубого огня.

Эффект был настолько поразительным, что я хотел остановиться и вернуться назад, но я уже прошёл мимо витрины и скрылся в тени аллеи; и к тому времени было ещё кое-что, что привлекло моё внимание. Конечно, могло быть и так, что какой-то мусор был подготовлен к вывозу за исключением того, что я знал, что по субботам мусор не собирают.

Кроме того, это был не запах отбросов.

И я думаю, что именно тогда я начал чувствовать что-то от страха Картера — я имею в виду, действительно чувствовать это, — когда земля задрожала у меня под ногами и раздался стон, как будто огромные металлические пластины скрежетали друг о друга глубоко под землёй. Вот как это ощущалось и звучало, но когда я резко развернулся и посмотрел назад, на огни главной дороги… Мимо прогрохотал огромный тягач с прицепом, его гидравлические тормоза рычали, когда он замедлялся при приближении к светофору. Выхлопные газы воняли, заставляя меня задыхаться, когда они врывались в аллею.

С колотящимся сердцем и липкой, как глина, кожей я нашёл дверь своего дома и вошёл в темноту.

И хотя я не мог бы сказать почему, тем не ме-

нее я держал все светильники включёнными до самого рассвета…

XI

Дневной свет прогоняет ночные страхи, а когда эти страхи непонятны или необоснованны, свет срабатывает гораздо быстрее. К полудню я отбросил все фантазии о тёмных часах, все странности и гротески. Деньги тоже являлись своего рода стимулом, потому что к этому времени я убедил себя, что Картер был прав, что в старом доме его дяди действительно хранились баснословные сокровища.

Я ждал возле старого дома, когда Картер подъехал под хруст слишком широких шин и слишком громкий звук американского клаксона. Казалось, он был в хорошем настроении, и дневной свет тоже сыграл с ним злую шутку.

— Сегодня не будем возиться, — сказал он, впуская меня в дом. — Я сразу наверх и за работу; ты можешь делать всё, что захочешь. Примерно через час мы выпьем по чашечке кофе. Верно?

И, не дожидаясь ответа, он оставил меня стоять в передней комнате, его шаги гулко отдавались над головой, когда он поднимался по шатающейся лестнице.

Я подождал, пока не услышал его тихий топот где-то в верхних частях дома, затем подошёл к книжным полкам в нише и нашёл книгу Принна.

Хотя это была книга не самого Принна, а перевод или трактат о ней. На кожаном корешке, сильно потёртом, за исключением имени Людвиг Принн, написанного золотыми буквами в полдюйма, значилось:

ТАЙНЫ ЧЕРВЯ

автор: ЛЮДВИГ ПРИНН

Заново открыл:

К. ЛЕГГЕТТ

Лондон

1821

Когда я взял книгу с её углового места на той же полке, где хранились «Песнопения Дхолов», её обложка раскрылась, и по меньшей мере дюжина листов тонкой бумаги упала на пыльный пол. Сначала я подумал, что это настоящие страницы из книги и что она просто рассыпается в моей руке; но, собрав их, я увидел, что листы были заметками или вставками, сделанными почерком

старого Артура Картера, каждый лист пронумерован в соответствии с его положением в книге. Я отнёс книгу и заметки к столу и сел на стул.

О самих заметках: я мало что мог разобрать в них. Они были такими же загадочными, как и аннотации в другой, более старой книге. Однако там имелся один лист, озаглавленный «*Дхолы — золото — обнаружение…*», и я быстро просмотрел его, но был разочарован. На этом листе был лишь список ссылок на другие произведения (книги с такими почти сказочно звучащими названиями, как «Некрономикон», «Книга Эйбона" дю Норда, «Культы Упырей" д'Эрлетта и «Пнакотические Манускрипты"), ни одну из этих книг я не видел в довольно ограниченной библиотеке старого отшельника.

Ограниченной, да, и это, несомненно, являлось ещё одной аномалией. Потому что Картер сказал мне, что дом был полон старых книг, безделушек, предметов искусства и так далее. Что ж, если так, то я видел очень мало. Я решил спросить Картера позже.

Однако лист был пронумерован (стр. 134), и поэтому я обратился к этой странице в книге Леггетта, чтобы узнать, о чём там написано. И наконец-то я был вознаграждён, пусть и сомни-

тельным образом.

По словам Леггетта, Людвиг Принн написал о Дхоле [лах] в своих «Тайнах Червя":

"По их звукам вы узнаете Их и по Их зловонию. В Долине Пнот Они шуршат, и прикосновения Их подобны прикосновениям больших улиток; но во тьме Пнота ни один человек не видел Дхолов, и это великое благо!

В вашем бодрствующем мире Дхолы чрезвычайно редко встречаются, хотя, несомненно, Их может призвать тот, кто безрассуден. Более того, Они всегда внимают Голубому Сиянию, которое непреодолимо манит Их, освещая сокровища. Да, и ваша песнь сияния — Их изобретение, ибо с её помощью в Долине Пнот Они ищут истерзанные упырями трупы; и там Они собирают золотые кольца с пальцев скелетов и самородки из челюстей без плоти, добычу из гробниц для изготовления тайных сокровищ Ктулху.

Да, и смрад от них в яме, и грохот, и вопль, и стон их велики; и Они заставляют дрожать саму землю, и зловония поднимаются из Пнота..."

Теперь, оглядываясь назад, может показаться удивительным, что я не установил никаких связей — или, в лучшем случае, немногочисленных и неопределённых — между написанным и тем,

что мы с Картером до сих пор пережили в этом старом доме. Но подумайте: я ничего не знал об оккультизме и не верил в него; моя прошлая мирская жизнь была такой, что обе мои ноги твёрдо стояли на земле; и, по общему мнению, старый Артур Картер был очень странным типом; его неприкрытый интерес к таким вещам вряд ли можно было принимать всерьёз. Да и никого невозможно принимать всерьёз из тех, кто верит в такие вещи.

Что касается дхолов, причина, по которой «*ни один человек не видел дхолов*», казалась мне очень ясной и простой: их не существовало! И всё же… в книге упоминалось о сокровищах, и, конечно, старик Картер, похоже, получил свою долю, благодаря…

Я вновь просмотрел отдельные листы, вставляя их в соответствующие места в книге. Когда я делал это, я наткнулся на лист, который не выпал из книги, а был свободно вставлен между страницами 88 и 89, и что-то в стиле письма на нём, а также тот факт, что, в отличие от других, он не был пронумерован, сразу привлекло моё внимание. Это был почерк Артура Картера, совершенно определённо, и, как всегда, корявый; но в буквах чувствовалась непривычная для него

торопливость или скрытность.

Позвольте мне объяснить:

Почерк другого человека оказывает на меня своеобразное воздействие: я почти всегда представляю себе писателя за работой, с пером в руках, в той позе или настроении, которые, казалось бы, диктует произведение. Таким образом, просматривая другие заметки, я представлял себе Картера, сгорбившегося над этим самым столом, бормочущего про себя, когда он занимался какими-то жуткими исследованиями или копировал из каких-то «августейших" источников ссылки, которые его интересовали, медленно, но верно продвигаясь к своей непостижимой цели.

Но с этим листом в моей руке ощущение было совершенно другим. Ведь здесь был старик, спешащий, задыхающийся, взволнованный или испуганный, и почти прежде, чем я прочитал написанное, я догадался об источнике его волнения, его страха:

"Дело дошло до этого, — писал он, — *и я в растерянности. Парень Грега — плохая компания. Что ж, таким же был и его отец, хотя у него, по крайней мере, была честь! Но этот... Он обнаружил мою слабость и постоянно искушает меня, и я, как дурак, принял участие и сказал*

слишком много. Он всё равно получил бы то, что есть, всё это, но, похоже, не может ждать; и я боюсь, что в своей жадности и рвении он может зайти слишком далеко. И после всех этих лет я только сейчас понимаю, насколько я здесь одинок и насколько изолирован. Из друзей у меня никого нет. Рядом мегаполис, а я один...

Однако на данный момент он вышел, и поэтому я могу сделать немного больше. Этим утром, пока Эндрю ещё спал, я был на ногах и занимался «Хтаат Аквадинген". Мне трудно примирить дхолов с какой-либо преданностью Ктулху (хотя я знаю, что Он повелитель снов), и я задаюсь вопросом, могут ли они быть подсознательной памятью или человеческим сознанием у шоггота? В конце концов, сны — это всего лишь подуровень всей сферы существования человека в целом. Мы «существуем" в снах так же уверенно, как и видим их. Можно сказать: я вижу сны, поэтому я существую в своих снах. И Герхард Шрах размышляет почти над тем же вопросом. Тем не менее, пугает мысль о том, что наши самые чёрные кошмары могут существовать в реальности, прямо за углом, так сказать, в параллельных землях сновидений...

Но... правда, я не могу сосредоточиться. Эндрю

напугал меня (его требования, хотя и хитрые, и пока ещё не откровенно враждебные, вскоре могут перерасти в полноценные угрозы), а я беззащитен. Я пришёл к пониманию того, насколько я стар — и насколько хрупок. А сын Грега немногим лучше обычного бандита... Если бы только он не был сыном моего брата, я бы немедленно выставил его из дома...

Вчера я искал в «Заметках" Фири его интерпретацию слов Альхазреда (о связи между «Песнопениями Дхолов" и Сатлаттами), но ничего не нашёл. Мне кажется, что следующий фрагмент: «душа купленного дьяволом не спешит выбраться из могильной земли, но жирует и наставляет самого червя грызущего; пока из тления не появится ужасная жизнь», имеет определённое отношение к призыву на стр. 111 внизу.

.... Пока достаточно; Эндрю скоро вернётся. И он, по крайней мере, составит мне компанию. Возможно, я стал слишком замкнутым и поэтому недооцениваю его..."

А остальная часть листа была пуста.

XII

Я решил, к лучшему это или к худшему, не выдвигать никаких обвинений. Во всяком случае, не сейчас. И в любом случае, то, что я прочитал, только подтвердило всё, что Картер до сих пор рассказывал. Пока что…

Я приготовил кофе и поднялся наверх, где Картер превратил комнату в дальнем левом углу в груду обломков. Тяжело дыша от напряжения, он сидел на куче мусора, когда я появился.

— Прошёл час? — спросил он. — Уже?

Я покачал головой.

— Нет, но у меня есть к тебе несколько вопросов.

— Ещё вопросы? — Картер склонил голову набок и, прищурившись, посмотрел на меня. — Насчёт дома?

— Да, и о…

Картер ждал, его косоглазие становилось всё более заметным.

— …других вещах.

Он кивнул и через мгновение добавил:

— Спрашивай.

— О водоснабжении: если оно осуществляется непосредственно из сети, и, если у твоего дяди не было горячей воды, почему труба идёт с чердака?

Картер пожал плечами.

— Не знаю. Я расскажу тебе всё, что мне об этом известно. Когда я впервые начал приходить сюда, после того как исчез старый скряга, вода тут имелась. Но на вкус она была поганой, и довольно скоро поток воды превратился в струйку. Я связался с сантехниками и попросил их разобраться. Старая магистральная труба проходила по кирпичному каналу в торцевой стене и выходила на чердак. Вода в трубе была, конечно,

и даже под давлением, но она не текла дальше. Труба была старой и, должно быть, засорилась или забилась известью в том месте, где она поднималась по стене. Поэтому сантехники обошли засор, проведя трубу вверх по стене от основания магистральной трубы и через кирпичи к новому баку, который они установили по центру на чердаке, рядом с люком.

— Там не было старого бака?

Картер озадаченно покачал головой.

— Это так важно?

— Это странно, вот и всё. Я имею в виду, если твой дядя использовал только кран на кухне, зачем вообще тянуть водопроводную трубу на чердак?

Картер пожал плечами.

— Может быть, дядя купил дом уже в таком состоянии. И поскольку он собирался завещать дом мне, он мог подумать, что меня устроит и такой водопровод.

— Но… если ты раньше пропускал грязную воду через засор, откуда ты знаешь, что она до сих пор не поступает оттуда?

— Слушай, это действительно важно? — возмутился Картер.

Я и сам не был уверен.

— Может быть.

— Ну, как я уже сказал, старый водопровод полностью высох. Так что никакой грязной воды! На самом деле, воды вообще нет, сантехники ещё не подключили обходную трубу. В любом случае, я хотел, чтобы они подсоединили её к водонагревателю в ванной, но в этом не было необходимости. Теперь засор был обойдён, поэтому сантехники просто направили воду из моего бака обратно в старую магистральную трубу, которая проходит прямо через мою ванную комнату. Это всё, что я знаю. О, это тяжёлая работа, я знаю, но, чёрт возьми, это только временно!

— Сделано по дешёвке, — кивнул я.

— Конечно. Я имею в виду, что этот дом идёт под снос, ты же знаешь!

Я обдумал это. Затем спросил:

— Куда сливается вода из ванной?

— В туалет. Старая труба была гнилой, поэтому они вставили другую от слива ванны к цистерне в туалете.

— Но разве она не переполняется?

Картер самодовольно ухмыльнулся.

— Всё сливается в унитаз, — сказал он. — Самопромывка, так сказать.

Я покачал головой, наполовину в изумлении,

наполовину в отвращении.

— В этом доме, наверное, самая странная сантехника на свете! — наконец объявил я. — И я нисколько не удивлюсь, если здесь представлен самый антисанитарный вариант!

— Временно, — повторил он, пожимая плечами в своей обычной манере безразличия. — Ну и что?

Какие-то ещё мысли толкались в глубине моего сознания, пытаясь вырваться наружу; но на данный момент они ускользали от меня. Я сменил тему.

— Где все те безделушки, о которых ты мне рассказывал? Старинные вещи? Книги, монеты, предметы искусства и так далее?

Картер осмотрел завалы в комнате, взял свой металлоискатель, вывел меня в коридор к лестничной площадке. Он отхлебнул кофе, сглотнули сказал:

— Почти всё ушло. Продал. Все эти вещи всё равно перешли мне по наследству, не так ли?

— Но…

— И как только я отказался от своей, так сказать, постоянной работы и зарплаты, чтобы уделять больше времени этому дому…

— Но…

— Но ничего, приятель! Человек должен чем-то питаться! И кое-что из этого старого хлама было чертовски хорошим!

— Ценным? — спросил я, следуя за Картером вниз по лестнице.

— Боже! Ты не поверишь. Сам Британский музей забрал половину этого хлама, особенно их заинтересовали книги! Удивительно! Чёртово заплесневелое старьё!

— Значит, ты уже получил немного денег от этого наследства, — настаивал я.

— Я не скупой, — ответил он, — но больше ничего не скажу.

Спустившись по лестнице, мы услышали, как хлопнула крышка почтового ящика у входной двери. Счета и…. письмо из Совета Харинги. Я имел с ними дело и узнал конверт, штамп, шрифт в обратном адресе. Картер проигнорировал счета, но вскрыл конверт. Он прочитал содержание письма, затем сердито помахал бумагой и конвертом в воздухе.

— Вот и всё! — прорычал он.

Мы прошли в переднюю комнату.

— Что произошло? — поинтересовался я.

— Они перенесли дату сноса, — объяснил Картер.

— О!

— Кровавый вторник! — Картер застонал. — Вторник! Это же…

— Всего через три дня, — закончил я за него. — У нас есть остаток сегодняшнего, воскресенье и понедельник, и это всё.

Картер тяжело опустился на скамейку у стола, с силой хлопнув ладонью по старой дубовой поверхности.

— Чёрт! — возмущался он.

Пыль маленькими облачками поднималась из трещин в столешнице; что-то хлюпало; исходило зловоние.

Картер рывком вскочил на ноги, с ужасом и отвращением уставившись на свою ладонь. Пятно чего-то мерзкого прилипло к его руке, и капля того же безымянного вещества свисала с его подёргивающихся пальцев. Две нити спагетти со сплющенными концами лежали в пыли на столе, ранее незамеченные. Но книга старого Артура Картера «Тайны Червя" исчезла. Я был уверен, что оставил книгу раскрытой на столе, но теперь она переместилась…

Я оглядел комнату.

…Обратно на книжную полку!

И «Песнопения Дхолов"! Если подумать, я оста-

вил эту книгу на столе прошлой ночью, когда мы уходили в такой жуткой спешке. Но теперь… она тоже вернулась на свою полку.

И с этой полки свисала третья нить спагетти.

Что ж, это ответ на ещё один вопрос, который я намеревался задать Картеру: о вещах, которые движутся сами по себе…

XIII

После этого Картера было бы невозможно удержать в этом доме даже средь бела дня, в этом я совершенно уверен, если бы не тот факт, что до сноса дома оставалось мало времени. Но поскольку его шансы обнаружить сокровища дяди теперь значительно уменьшились, Картер, по крайней мере, преодолел отвращение, чтобы сопровождать меня, пока я осматривал дом. Наконец, я построил в своём воображении план всей постройки.

Вкратце, в дополнение к тому, что я уже рассказал о его полуразрушенном состоянии, даю своё описание дома в том виде, в каком он был тогда:

Здание с прямоугольным основанием примерно тридцати футов в ширину и шестидесяти футов в длину, высотой в два этажа под низкой серой черепичной крышей. Над довольно

низкими фронтонами возвышались сдвоенные дымовые трубы из грязного жёлтого кирпича; верхние окна были маленькими, окна на первом этаже — большими, в основном многоярусными; небольшая дверь в задней части дома (выходящая в сторону города), заколоченная досками. Ни в малейшей степени не живописный или «красивый», архитектурно скучный, этот дом выглядел изможднным и, казалось, образовывал угловатый силуэт даже при дневном свете.

Внутри:

На первом этаже располагались, как я описывал ранее, крыльцо, прихожая, лестница на верхний этаж, ступени в подвал, туалет, большая гостиная и кухня. Но со стороны лестницы и прихожей напротив передней комнаты имелась ещё большая (или более длинная) комната, доступ в которую был через заколоченную заднюю дверь, а также через запертую дверь на кухне. Картер показывал мне эту комнату когда-то; как я догадался, это был кабинет, совмещённый с оранжереей, — но он накопил там столько обломков, что войти в неё было буквально невозможно. Картер сказал мне, что кабинет являлся главным хранилищем для вышеупомянутых, ныне «проданных" вещиц, подбор которых, должно быть, занимал большую

часть жизни старого Артура Картера.

Вот и всё о первом этаже. Выше:

Там был коридор, который разделял дом вдоль и заканчивался с обоих концов двумя большими комнатами, занимавшими всю ширину дома. Между этими крайними комнатами, с каждой стороны коридора было по две двери, ведущие в шесть меньших помещений. Большая торцевая комната справа стала переоборудованной ванной Картера; её полностью разрушенный аналог слева служил ему временной спальней (мало используемой, как он объяснил). Для чего использовались другие комнаты, я не могу точно сказать; я подозревал, что это кладовые, но сейчас они пребывали в таком запущенном состоянии и в таком беспорядке, что их фактическое использование должно остаться навсегда скрытым; хотя в одной из них действительно стояла старая ржавая железная кровать и древний матрас. Я осмотрел его и обнаружил, что в матрасе есть потайные карманы, точно такие, как описал их Картер.

И, наконец, чердак, и ещё одна аномалия…

Теперь, во время вышеупомянутого осмотра (первый надлежащий осмотр, который я предпринял в этом доме, поскольку мой преды-

дущий визит был вечером), вполне естественное отвращение Картера несколько утихло, и он восстановил некоторый контроль над собой; так что, когда я предложил заглянуть на чердак, он согласился, как бы ему на самом деле ни хотелось. Однако это время показалось мне таким же подходящим, как и любое другое, пока было ещё достаточно светло, потому что я чувствовал, что в этот день работы будет немного больше. То есть не со стороны Картера. На самом деле, я уверен, что, если бы я упомянул о книгах, об их перемещении, он бы тут же сбежал из дома, и на этом всё было закончилось.

Как бы то ни было, я промолчал (возможно, я ошибся, и на самом деле я сам поставил книги на полки и просто забыл об этом), и через некоторое время, выпив ещё одну кружку крепкого кофе, Картер повёл меня обратно наверх, на лестничную площадку. Там, притащив стремянку из одной комнаты, Картер взобрался до потолка, открыл люк и проник на чердак. Я последовал за ним.

Первое, что меня поразило, было чисто академическим: в конце концов, я непроизвольно оценивал дом как риэлтор. Чердак не был утеплён. Никакой изоляции на полу. Кроме того,

шиферные плитки были видны сквозь стропила; никакого внутреннего покрытия, чтобы предотвратить утечку тепла. Что ещё хуже, там имелось много маленьких щелей, которые, возможно, пропускали дождь, а «водопроводчики" Картера — какой же они, должно быть, были бандой разнорабочих! — оставили зияющую сквозную дыру в стене, чтобы получить доступ к обходной трубе. И ещё там был небольшой, цинковый бак для воды, не слишком надёжно привинченный к двум балкам; а далеко слева — осиные гнёзда, о которых Картер упоминал, в самых углах фронтонов над карнизом.

Крыша низко нависала над нашими головами, из-за чего нам пришлось пригибаться; слабый свет пробивался сквозь щели в плитке; всё помещение было пыльным и завешанным паутиной; передвигаться там было небезопасно, поскольку мы могли провалиться через потолки комнат, расположенных ниже. И нигде я не увидел места, где старик мог бы спрятать золото.

Но я упомянул об аномалии, и вот в чём она состояла: с улицы я видел две одинаковые дымовые трубы, по одной на каждом фронтоне. Здесь, внутри, имелась только одна: кирпичное сооружение, расположенное между осиными гнёздами

и выходящее на крышу, где оно исчезало из виду. Однако в крайнем правом углу…

Просто обычная, глухая кирпичная стена.

Я ничего не сказал, но мысленно подсчитал длину этой треугольной галереи под крышей, которая, по моим прикидкам, составляла чуть меньше пятидесяти футов. И это было действительно очень странно, потому что сам дом имел длину шестьдесят футов!

В сумеречной тишине, нарушаемой лишь слабым завыванием ветра там, где он проникал под черепицу, мы с Картером стояли, расставив ноги, на двух балках и смотрели друг на друга.

— Ну? — сказал он через мгновение.

— Ты использовал здесь с металлоискатель? — спросил я, потому что, похоже, Картер ожидал от меня подобного вопроса.

— Не видел смысла, — ответил он. — Здесь нет половиц, и ничего, кроме пустоты снаружи.

— Хм! Что ж, похоже, так оно и есть.

Мы снова спустились на лестничную площадку, Картер — первым, но затем я увидел, как он прижался спиной к стене. Под стремянкой, где их, конечно, раньше не было, теперь оказались беспорядочно разбросаны пять или шесть нитей того самого липкого вещества, которое, по утвер-

ждению Картера, называлось спагетти. И это, как и следовало ожидать, стало для него последней каплей; день поисков внезапно завершился.

Когда мы выходили из дома, я прихватил две книги, «Тайны Червя" Принна и «Песнопения Дхолов», затем подождал перед крыльцом на внезапно похолодевшем послеобеденном воздухе, пока Картер запирал дверь. Всё ещё бледный, он наконец повернулся ко мне.

— И ты по-прежнему настаиваешь на том, что с этим домом всё в порядке? — вызывающе спросил он.

Мне пришлось притвориться дураком и выдать сомнительную версию:

— Доски… настолько прогнили, — запинаясь, проговорил я, — настолько пропитаны влагой и гнилью, что из них выделяются нити этой отвратительной грибковой пасты. Это выделения грибка, не более того. Давление наших ног на доски — сам наш вес — выдавливает нити из трещин, как гной из нарыва!

Картер посмотрел на меня ещё мгновение, затем снова повернулся к мрачному дому.

— Фурункулы, да! — сказал он затем, кивая, — Чертовски большой и злокачественный нарост! Это место отравлено!

Когда мы направлялись к нашим машинам, я спросил:

— Ты дашь мне ключи от дома?

— Что?

— Ключи, — повторил я. — Возможно, я вернусь ещё за несколькими книгами.

— Сегодня, ты имеешь в виду? — Голос Картера выражал недоверие.

— Возможно, что сегодня. Возможно, сегодня вечером.

Теперь у Картера отвисла челюсть.

— Ты сможешь вернуться сюда, один, вечером?

— Смогу, если сочту это необходимым. У нас осталось всего два дня, помнишь?

На мгновение Картер заподозрил неладное, но потом просто пожал плечами и отдал мне ключи….

XIV

Я очень мало почерпнул из книг.

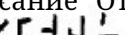
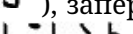
Согласно Чарльзу Леггетту, Принн был фламандским колдуном, алхимиком и некромантом. Его путешествия в чужие земли и изучение тёмных, запретных вещей сделали его блестящим и опасным знатоком всех оккультных наук. Настолько опасным, что в конце концов его со-

жгли на костре!

В космологии Принна существовало три чётких состояния или сферы реальности/существования. Это были: мир наяву, в котором правит Человек, пусть и неэффективно; земли человеческих грёз, которые были сформированы им с тех пор, как он впервые обрёл силу и разум, чтобы мечтать; и, наконец, измерение, параллельное обеим этим реальностям, не признающее Человека и даже не считающее его хоть немного важным в космическом цикле.

Но в то время, как сам космос был слеп и безличен, в этой вселенной, параллельной владениям Человека, обитали Существа, которые могли использовать людей, хотя бы как средство для достижения своих целей. Здесь Принн использовал труды колдунов незапамятных времён и тексты невероятной древности — осколки и фрагменты, которые существовали ещё до появления самого Человека, — чтобы составить пантеон, который можно было бы назвать только сказочным. Это был цикл Мифологии Ктулху, включающий в себя таких сущностей или «богов" (демонов?) с ужасающими именами, как Арзорот, Шуб-Ниггуракс, Йибб-Сартл, Затоггуа, Йотт-Соттот и другие. В предрассветные времена эти Сущности были

найдены в нужде. Будучи сами чёрными магами (на самом деле являясь основой всего ЗЛА), они воевали против сил БОЖЕСТВЕННОСТИ. Побеждённые, проклятые, закованные в цепи и выброшенные «вовне», они теперь занимали различные дополнения к измерению, параллельному к тому, где обитал Человек, самый новый участник огромного космического цикла. Даже сейчас, находясь в заточении, эти Сущности всё ещё пытаются влиять на Человека — в первую очередь через его самые тёмные сны, в которые Ктулху имел доступ, — в надежде, что однажды с помощью его собственного злого Человека они освободятся, вернутся из внепространственного изгнания.

Всё это было очень интересно, но на самом деле это было не то, что я искал. Однако там имелось подробное описание Отвратительного Повелителя Ктулху (), запертого в своём подводном городе Р'льех (), который мог быть только тем самым чудовищным, головоногим моллюском, с изображением которого я уже имел контакт в форме «монет" Картера. Что, казалось бы, позволяет отнести эти находки к категории «тайные сокровища Ктулху..."

Я продолжал читать книгу так быстро, как

только мог, одновременно пытаясь связать текст с пометками Артура Картера. Принн, казалось, проявлял чрезмерный интерес к «обитателям Страны Грёз" — в частности, к таким местам, как Бездна Нума, вершины Трока, Долина Пнот, Пещеры Тут-ахна, Кадат в Холодной Пустыне, Ленг и т. д., указывая таких существ, как Зуги, Гуги, Вурдалаки, Гасты и Ночные призраки (не говоря уже о Дхолах). Он заявлял, что вурдалаки, в частности, имеют обыкновение время от времени вторгаться в бодрствующий мир, чьи «обломки" смертности составляют для них величайший деликатес. О драгоценных металлах, которые они извлекают из трупов, преобразуют и перечисляют в казну Ктулху, Принн сказал совсем немного, лишь повторив свои заявления относительно Голубого Сияния; также повторяя снова и снова свои предупреждения в связи с Дхолами, их песнопениями, заклинаниями, колдовством и т. д…

Вот и всё о «Тайнах Червя".

Что касается того, почему я взял на дом другую книгу «Песнопения Дхолов": возможно, я надеялся найти какой-то ключ к её расшифровке у Принна. Если да, то я снова разочаровался; я вообще ничего не мог понять. Действительно, всё, что я знал об этой книге, это то, что она состояла

из «заклинаний», приписываемых Дхолам, и что отрывки между страницами 101 и 127 (которые включали заклинание внизу страницы 111) были вредоносными. Вот и всё.

К 18:30 на улице стемнело, и мои глаза быстро уставали от электрического освещения в моей комнате. Поскольку к тому времени казалось, что я больше ничего не получу от книг, я отложил их, приготовил себе лёгкий ужин и сел, обдумывая всё это, потягивая горячий кофе. Через некоторое время именно так я, наконец, решил головоломку в своём сознании:

Артур Картер давно интересовался оккультизмом. Его занятия в основном были напрасны: бессмысленные метафизические упражнения, обречённые на провал, как и все подобные: сверхъестественного не существует. Но он наткнулся на «устройство" (хотя, несомненно, с совершенно обоснованным и полностью научным объяснением), с помощью которого он смог найти некие сокровища. Используя это «устройство" или метод, он накопил определённое количество золота. Естественно, столь замечательный успех укрепил и придал смысл его оккультной решимости, его вере в «магию», которой были посвящены его занятия.

Что касается «устройства" или метода, который он использовал: это до сих пор оставалось загадкой (хотя, опять же, оглядываясь назад, ответ находился прямо у меня перед носом), но, возможно, дальнейшие подсказки существовали в оставшихся книгах, всё ещё находящихся в старом доме, и в некоторых сочинениях, которые сейчас отсутствуют или «проданы" — за эту непростительную глупость я основательно проклял неотёсанного племянника Артура Картера. Теперь, охваченный непреодолимым любопытством и беспокойством на грани одержимости, я ещё больше ругал себя за то, что не догадался взять с собой домой все книги; а затем, поскольку я знал, что не усну, я решил вернуться туда и сразу же забрать их.

Через несколько минут после этого я уже сидел за рулём своей машины, направляясь на север, к Масвелл-Хилл…

Пока я осторожно ехал по светлому вечернему шоссе, мой разум почти по собственной воле остановился на той паре загадочных и, возможно, закодированных отрывков из «Песнопений Дхолов"; заклинание «*Гб'ха гн — ка а'хбоа урн, эт — ум»,* и вызов Голубого Сияния: причудливое расположение звуков настолько очаровало меня,

что я сохранил почти идеальную их последовательность в своём сознании.

Странно, но чем больше я перебирал в памяти эти странные абзацы (песнопения, да), тем более знакомыми они казались, как бессмысленные, но завораживающие мелодии из какой-нибудь детской книжки стихов; более того, я начал чувствовать, что произношу их почти правильно. Меня немного беспокоила мысль о том, что теперь я должен владеть этими странными, чуждыми заклинаниями, смысл и назначение которых можно только предполагать, поэтому я нахмурился, когда въехал на своей машине на территорию старого дома Картеров и припарковал её перед крыльцом. Но затем я заставил себя усмехнуться. Смешно! Я должен даже думать об открытии чего-то существенного в таком количестве чистой тарабарщины.

Выбираясь из машины в резкую темноту вечера, которая, казалось, почти имела свой собственный вкус, я позволил чему-то из этого пения неземных звуков — этой тёмной литургии — снова зазвучать и сорваться с моих губ, её нестройное эхо нарастало и вибрировало в тёмных нишах холодной кирпичной кладки.

Но…

Я не приблизился к дому.

Земля начала дрожать под моими ногами, и запахло серой… или чем-то ещё. В холодной, твёрдой почве появились тёмные трещины, из которых, как пар, вырывались клубы вонючего пара; и грохот глубоко в земле — грохот и отдалённый стон, как от истязаемых металлических пластин…. Мой неосторожный язык мгновенно прилип к нёбу.

Когда грохот и стоны стихли, я уставился на дом, ещё пристальнее вглядываясь в его высокий, мрачный силуэт на фоне звёздного неба. Потом я вернулся в свою машину и уехал. Завтра будет достаточно времени.

Когда я разворачивался на машине, я всё ещё видел кирпичный столб дымовой трубы, торчащий в ночи, той трубы, что отсутствовала внутри чердака, а вокруг неё черепица, фронтон и карнизы горели холодным голубым светом, их собственным огнём Святого Эльма.

XV

На следующее утро я был в доме уже на рассвете, по крайней мере, на два часа раньше Картера, драгоценное время, которое я провёл в гостиной, изучая несколько оставшихся книг. Однако,

несмотря на наличие нескольких правдоподобно звучащих названий, таких как архаичный «Liber Miraculorem" и «Образ мира" де Меца, — я не смог найти ничего другого, связанного с «оккультным обнаружением золота», и вообще ничего, касающегося дхолов, упырей, Ктулху и тому подобного. Благодаря скупости Картера все наиболее важные книги теперь, несомненно, прочно обосновались в затхлых архивах Британского музея.

Что касается того, почему я искал: это было не столько потому, что дополнительная информация была необходима, но если бы я сейчас признал возможность использования определённых оккультных или паранормальных устройств, тогда я должен также признать сопутствующие им опасности. Первооткрыватели кислот редко вытравляли железо, не обжигая предварительно свои пальцы…

Что именно представляло собой Голубое Сияние и как простое «заклинание" могло вызвать его, всё ещё оставалось загадкой; но на самом деле это явление определённо было реальным, и я больше не сомневался, что оно служило своей предполагаемой цели. И, размышляя об этом, я задался вопросом: существовал ли «философский камень"? Но ближе к делу… существовали ли

дхолы? И если это так, разве Принн (и старик Картер) не предостерегали от каких-либо отношений с ними?

Но в любом случае песнопение выполнило свою задачу, и я с облегчением отметил, что читал не то, что находится между страницами 101 и 127, что должно означать, что оно не было изначально вредным. И к настоящему времени… но, клянусь Богом! — как легко было влюбиться во всё это, увлечься, начать верить…!

…Я не поднимался на чердак.

Теперь я хотел бы думать, что это было потому, что (а) мне не очень хотелось подниматься туда одному, или (б) что я в любом случае считал, что Картер должен сопровождать меня, поскольку золото по праву принадлежит ему, или (в) что я бы с удовольствием объяснил Картеру последовательность своих поисков. Но теперь (снова оглядываясь назад) я обнаружил, что мне стыдно за свои истинные мотивы. Всё просто: люди жадны, и я не был исключением.

(а) я не хотел, чтобы Картер нашёл меня на чердаке, когда приедет, что вызвало бы у него подозрения; и (б) я больше не хотел делиться с ним ни золотом, ни методом, с помощью которого я его обнаружил; и (в) я считал его грубым необ-

разованным грубияном, который, несомненно, заслужил все несчастья, которые были ему уготованы. Вот почему, когда он приехал, я ждал его в гостиной, заранее вооружённый некоторыми очень острыми вопросами.

Я бы не отказался от них даже под натиском подозрительного юмора Картера, его массивной фигуры и, возможно, бурной реакции. Ибо с того момента, как он присоединился ко мне, я понял, что он не спал большую часть ночи, и явно был пьян. И это всего в 9:30 утра. Более того, он принёс с собой бутылку, щедро плеснул в два бокала, прежде чем ухмыльнуться и заявить:

— Если мы должны находиться здесь весь день, и если я должен работать как проклятый ниггер, чтобы закончить то, что я намереваюсь, тогда мне кажется, что лучший способ сделать это…

— Это твоё обезболивающее? — фыркнул я.

— Я не спал, — внезапно заявил он, размахивая руками, — большую часть ночи. Часть времени я провёл с проституткой, другую — с «чёртовой бутылкой".

— Первое, чтобы успокоить боль и снять излишки физической энергии, — ответил я, — а второе, чтобы успокоить нервы, да? Смелость во хмелю!

Но Картер не заметил или, возможно, предпо-

чёл проигнорировать насмешку в моём голосе.

— Верно! — пробормотал он, хлопая меня по спине. — А теперь — к окончательному разрушению!

— Одну минуту! — Я почувствовал себя ободрённым. — Сядь. Вот свежеприготовленный кофе. У меня есть ещё вопросы, всего два, обещаю, прежде чем ты начнёшь работу.

Картер уставился на меня опухшими глазами и на секунду, казалось, был готов поспорить, затем, покачиваясь, взгромоздился на стол своего дяди.

— Валяй, — сказал он, небрежно прихлёбывая кофе.

— Что такого ты ему сказал, что ты, наконец, сделал, что заставило твоего дядю так бояться тебя, что он убежал из этого старого дома? Какая угроза, Картер, так напугала его, что он бросился наутёк и оставил всё это тебе?

И всё же он не заметил или, возможно, продолжал игнорировать нотки презрения, злобы в моём голосе.

— Я сказал ему, — ответил Картер сразу же, сделав лишь паузу, чтобы плеснуть себе ещё бренди, — что, если дядя не скажет мне, где сокровище, я проберусь наверх, когда он будет спать, и накрою его лицо подушкой!

Я не смог удержаться от резкого вздоха.

— Ты… угрожал его жизни?

(Это было именно то, чего старик боялся, или он боялся действия, а не простой угрозы?)

Но теперь Картер ошеломлённо покачал головой и более целенаправленно отхлебнул кофе.

— Что? — выпалил он, начиная хмуриться, черты его лица потемнели, а рот сжался. — Что?

— Ты сказал, что убьёшь его? — повторил я, немного отступая назад.

Но Картер немного расслабился, а затем, наконец, ухмыльнулся, как осёл.

— А? Разве я это сказал? Нет, нет, я не это имел в виду. Я говорил вот что: дядю в любой момент могут ограбить, пара молодых негодяев может ворваться сюда и прикончить его, не раздумывая! Не я, нет — я имел в виду кого угодно! Я предупреждал его, понимаешь? Картер разразился пьяным смехом.

Я пожал плечами, посмеялся вместе с ним и сказал:

— Наконец, последний вопрос. Когда именно, по твоим расчётам, мы позаботимся о второй оговорке: то есть о том, что ты вслух прочитаешь отрывок в нижней части страницы сто одиннадцать «Песнопений Дхолов"?

— Что? — С каждой минутой Картер становился всё более трезвым. — Ты думаешь, я действительно это сделаю?

Я был осторожен:

— Но что тебя остановит?

— Вообще ничего! Но почему я должен это делать? Это чушь собачья!

— Но ты, конечно, должен прочитать его. Это условие завещания, и…

— И ты мой свидетель!

— Ты хочешь, чтобы я лжесвидетельствовал? Помни, даже если мы не найдём золото…

— Но мы найдём его, мы должны! — запротестовал Картер.

— Но, если мы этого не сделаем, компенсация всё равно будет твоей. Я имею в виду, после сноса дома. Если, конечно, условия завещания были выполнены.

— Ты хочешь, чтобы я прочитал это? Я даже не уверен, что смогу произнести этот чёртов текст! О, конечно, я глянул на него один раз, но и этого было достаточно. Двойной голландский! Тарабарщина! Я не знаю, смогу ли я это сделать.

— А я не уверен, что смогу поклясться под присягой в исполнении завещания, если ты хотя бы не попытаешься. Ты взял меня на работу за мою

честность, помнишь?

— Чёртова честность! — воскликнул Картер, снова приняв угрюмый вид. Но потом он отставил в сторону свой кофе, ухмыльнулся и снова взялся за бутылку.

— Это сегодня! — сказал он. — Сегодня семь лет, насколько я могу судить с тех пор, как суетливый, испуганный маленький мешок с костями убежал и спрятался. И хорошо, что он исчез, потому что, клянусь Богом, я бы на его месте поступил бы так же!

Я кивнул, наблюдая, как он пьёт.

— Тогда ты прочитаешь предписанный параграф сегодня вечером, а я буду твоим свидетелем. Более того, я помогу тебе с этим.

— Хорошо, если это то, что требуется для твоего удовлетворения.

Картер встал, хотя и нетвёрдо.

— Я не тот, кого нужно удовлетворять, — сказал я ему. — Ты исполняешь завещание, вот и всё.

Картер мрачно посмотрел на меня, уголки его налитых кровью глаз подёргивались.

— Странный ублюдок! — сказал он, слегка покачиваясь. — Ты знаешь это? Ты странный ублюдок!

— Все типы людей нужны, — ответил я и снова

пожал плечами.

— Вот, выпей ещё. — Картер протянул мне стакан.

XVI

К полудню Картер разгромил до неузнаваемости все комнаты наверху, за исключением ванной, которую он обыскал ещё раньше. Потолки были опущены, полы подняты, обои оторваны; но во всех местах его металлоискатель не выдал ни единого сигнала, а Картер стал очень грязным и почти трезвым. Но к тому времени я успел купить солёную рыбу и чипсы для обеда, а также побольше светлого пива, и в качестве особого одолжения Картеру ещё одну бутылку лучшего и самого дорогого пятизвёздочного бренди.

Час спустя он шатался, как от усталости, так и выпитого алкоголя, но не мог удержаться от того, чтобы в последний раз спуститься в подвал, чтобы совершить финальный штурм оставшихся стен; не то, чтобы я слишком сильно пытался его отговорить. И всё это время я бродил по дому и старался не смотреть слишком часто на потолок; я заставлял себя выкинуть из головы и с языка настойчивое пение, которое, как я чувствовал, звучало там при каждом малейшем ослаблении

моей воли. И я признаю, что был взволнован.

Но также было важно, чтобы я поддерживал Картера в тонусе, что я и делал до тех пор, пока сочетание выпивки и тяжёлой работы почти не доконало его; и когда, наконец, он, пошатываясь, выбрался из подвала, я понял, что с ним покончено. Покрытый коркой пота, земли и пыли, он действительно представлял собой жалкое зрелище: его руки кровоточили, а глаза были пустыми, как пончики, на бледном, испачканном грязью лице. И вот он рухнул на шаткий стул и сказал:

— Чёрт!

Я не любитель ругательств, но сказал, что согласен с ним, потому что я выпил свою долю бренди и пива, и это сделало меня легкомысленным.

— Давай закончим на этом.

— Чертовски верно! — признал он. — Я точно могу считать, что я отработал по полной программе! Но ты…

— Я сделал так, как ты хотел! — запротестовал я. — Составил тебе компанию; принёс и оплатил наш обед; я даже угостил тебя достаточным количеством выпивки. И всё, кажется, впустую. И больше у тебя нет никаких идей, где искать? Вот чёрт. Десять процентов от этого не так уж много!

Моя логика, казалось, удивила его.

— Ха! — проворчал он. — Есть ещё завтрашний день.

Я передал ему остатки бренди и выглянул в эркерное окно. Время 16:30, а небо уже темнело, появились огромные чёрные тучи.

— И что ты теперь будешь делать? — поинтересовался я. — Я имею в виду, до конца сегодняшнего дня?

— На сегодня всё закончено. Я буду долго отмокать в ванной.

— Я включу нагреватель, — сказал я, направляясь к лестнице, ведущей наверх, в ванную. — Ты допивай свой бренди, пока вода греется.

Поднимаясь по ступенькам, я насчитал семь нитей спагетти, а на лестничной площадке их было ещё больше. Я быстро смахнул их все, не обращая внимания на вонь; но в ванной я нашёл ещё несколько нитей, и я отправил их в унитаз со струёй холодной воды.

На обратном пути к Картеру я почувствовал, как что-то нарастает. Но… не было никаких причин для его недоброжелательности по отношению ко мне…

— Странный ты! — сказал он мне, когда я вошёл в гостиную. Картер развалился в кресле, где я его оставил, и он сердито смотрел на меня. — Можно

подумать, что я твоя чёртова жена, судя по тому, как ты бегал за мной сегодня.

— Ты противостоял времени, — сказал я ему. — Ты нуждался в поддержке. Там осталась банка светлого пива, не хочешь ли немного?

Я налил половину ему, половину себе. Картер проглотил свой стакан.

— Ванна! — объявил он.

— Ещё не нагрелась вода, — сказал я. — В любом случае, тебе ещё нужно прочесть этот отрывок.

Я передал ему «Песнопения Дхолов".

Он, пошатываясь, поднялся на ноги.

— Что, чёрт возьми, происходит с тобой и этой чёртовой книгой?

Картер бросил её на стол, и она раскрылась на сто одиннадцатой странице.

— Завещание, — напомнил я.

Он поморщился, взял книгу и медленно начал.

— *Гб'ха… гн — ка… а'хбоа* …. дерьмо!

— У тебя хорошо получается, — сказал я, желая, чтобы он продолжал. И как ни странно — или, возможно, не так уж странно, — по мере того, как Картер читал, он, казалось, делал это всё более бегло!

… — *Ум… эт — ум, Т'н — хла,* чёртова штука! — *пух — гхтагн бугг — угг. Гн — ка ум зг'х* — да

ведь это просто!

— Прекрасно, прекрасно! — воскликнул я.

— *Нут — ах'н, эт — ум.*

И так далее до конца. А потом Картер швырнул книгу на пол, шатаясь, вышел из гостиной и устало побрёл наверх.

— Теперь ты удовлетворён? — крикнул он мне с лестницы.

Я ничего не ответил, но тихо последовал за Картером, подождал, пока он запрёт дверь ванной комнаты и включит воду, затем я достал стремянку и забрался на чердак. Может, дело было в бренди, а может, просто в нетерпении. Как бы то ни было, это, безусловно, была жадность. Но даже несмотря на это чувство, растущее во мне, я должен был проверить: существует ли золото его дяди, я должен был проверить эффективность «Голубого Сияния". Я сдерживал свою жадность весь день, но теперь я больше не мог ждать.

И там, на чердаке, ступая как можно осторожнее между балками, я приблизился к глухой торцевой стене, за которой должен был находиться дымоход, и вполголоса пробормотал ту другую песнь, которую я так хорошо запомнил.

Из-под центральной части стены сразу же засиял неоновый голубой свет. Его сопровождал

низкий, отдалённый рокот неземных двигателей и едва уловимый запах той безымянной вони дхола. Не обращая внимания на эти побочные эффекты, я толкнул светящуюся секцию стены шириной в три кирпича и высотой в восемь — и стена сдвинулась!

Она повернулась вокруг своей оси.

Я опустился на четвереньки и прополз в открывшееся отверстие. В моём кармане был фонарик, но он мне не понадобился. Я мог видеть всё, что хотел, в Голубом Сиянии.

За фальшивой стеной находилось убежище старого Артура Картера, нора жреца, логово колдуна. О, да, по крайней мере, это я знал об оккультистах: что у всех у них есть свои тайные места, свои убежища, внутренние святилища, где они корпят над руническими книгами и практикуют магию! А это место принадлежало Артуру Картеру.

Доселе секретная часть чердака, которая теперь открылась мне, полностью отличалась от пустого пространства позади. Старый Картер постелил здесь половицы, и там был даже выключатель с голой лампочкой, свисающей с затянутого паутиной гибкого провода. Я попробовал включить свет, но лампочка не горела. Над моей головой стропила были обиты брезентом, защищавшим

комнату от сквозняков; в центре стояли маленький столик и стул; книги, покрытые пылью и паутиной, были свалены в кучу на полу и под столом; а на самом столе…

Всю «комнату" заливало Голубое Сияние, но истинным источником его являлись стол и то, что на нём лежало. Проще говоря, это было золото Артура Картера, и никакое количество пыли и высохшей паутины не могло его скрыть! Вот вам и металлоискатель «молодого" Картера: стол был почти тридцати дюймов в высоту, доски — добрый дюйм, балки — около фута, а под всем этим — старые рейки и оштукатуренный потолок. Всё могло бы быть по-другому, если бы старикан выложил свои деньги на пол, но он этого не сделал.

Я быстро трезвел от возбуждения, и по мере того, как этот процесс продолжался, мои чувства становились всё более острыми. Голубое Свечение уже угасало, и я не был склонен снова использовать заклинание, по крайней мере, пока. Один Бог мог сказать, какая магия сработала в ту ночь, и я усомнился в мудрости дальнейших экспериментов.

Именно тогда мне показалось, что запах дхола внезапно стал намного сильнее, а затем жуткое оккультное освещение полностью исчезло, и я

остался в темноте. Именно тогда, когда последний нимб фосфоресценции мерцал в кромешной тьме, я, наконец, осознал или вспомнил недавнее проявление зловония таким, каким оно было на самом деле.

Это был вовсе не запах дхола, а мерзкая вонь гнили, которая неизменно сопровождала проявления «спагетти" в доме Картера! И я знал, что это проявление, каким бы оно ни было, появилось не в ответ на мою песнь Голубого Сияния, а скорее в ответ на недавнее чтение Картером зловещего заклинания внизу страницы 111 «Песнопений Дхолов".

Я не знал, что произошло в результате чтения этого заклинания, но нечто должно было случиться в этом старом и зловещем доме…

XVII

Окаменев на секунду или две, я просто стоял, дрожа, мои волосы шевелились. Затем я нащупал в кармане фонарик-карандаш, чтобы с помощью его яркого, но узкого луча посветить вокруг себя в этой потайной комнате на чердаке. И в свете фонаря я внезапно увидел или опознал несколько обыденных предметов, оставшихся незамеченными в потустороннем Голубом Сиянии.

У дымохода стояла раскладная кровать с металлическим каркасом и кучей заплесневелых одеял; а на грубой деревянной полке, закреплённой между стропилами — несколько банок с фасолью, уже пустых, их этикетки отклеились от ржавых банок. С одной стороны, высоко от пола, на раме из крепких брёвен стоял громоздкий старомодный бак — тот самый, который, как я подозревал, должен был находиться здесь — со старой сетевой трубой, входящей в его корпус с одной стороны, и знакомой мне теперь свинцовой трубой, выходящей из него с другой. Каждая труба имела запорный вентиль, но тот, который контролировал доступ из бака в дом, был повёрнут в положение «выкл.», что объясняло засорение. Но когда я начал восстанавливать контроль над своими нервами…

О, Боже! Что-то зашевелилось в баке!

Из-за этого движения возникло такое невыносимое зловоние, что я пошатнулся, чуть не выронив фонарик. Я выровнял луч, насколько мог, и снова направил его на бак, на трубы. И тогда я начал понимать, и мысленным взором я увидел всё это:

Старый Картер, сбежавший сюда, в это тайное место, дрожащий здесь от ужаса и ожидающий,

когда его племянник-грубиян уйдёт. Но другой Картер не уходит, а обыскивает дом из-за своей жажды золота. И проходили дни, когда старик не смел пошевелить ни одной конечностью, чтобы Картер не услышал его; всё больше слабея на скудной диете из бобов, пока они не кончились; пока не остались только вода в баке, чтобы пить, жалкая койка, чтобы спать, и чёрная ненависть, растущая в его сердце.

Возможно, именно тогда ему пришла в голову эта идея, и он привёл её в действие. О, когда-то он задавался вопросом, как человек может желать или навлекать подобное проклятие даже на своего злейшего врага, но теперь, в своём крайнем положении, он увидел, что всё возможно. Его племянник угрожал ему и всё ещё может привести эту угрозу в исполнение. Очень хорошо; но, если бы он это сделал, ему пришлось бы заплатить определённую цену. Действительно, посмертная месть!

Возможно, те «монеты», которые нашёл молодой Картер, случайно оказались на своих местах, а возможно, и нет. Что, если старик положил их туда намеренно, как приманку? Он готовил ловушку, в которую намеревался заманить неблагодарного сына своего брата. Я представил

себе ясную картину: старый Артур терпеливо ждал, пока Картер покинет дом, возможно, чтобы купить еду или питьё, а затем старик крадучись, спускался с чердака, чтобы просунуть золотую монету в щель за каминной полкой, другую — под половицы, а третью — в подкладку старого матраса; а затем Артур пробирался обратно в свою чердачную каморку, слабый как никогда. Ибо, конечно, даже если бы в доме имелась еда, старый Картер не осмелился бы прикоснуться к ней, потому что это означало бы дать знать своему племяннику, что он всё ещё здесь.

И в отчаянии, наконец, старик перекрыл вентиль, отказав в воде своему племяннику, сохранив при этом свой собственный запас; и всё же Картер держал его в осаде, в то время как возраст, немощи и слабость, казалось, сговорились убить дядю Артура.

Тогда я предположил, что старик наложил печать на свой оккультный план — свою месть, а затем, должно быть, произошёл несчастный случай. Если это был несчастный случай. Это вполне могло быть самоубийством, я никак не мог знать наверняка. Но старик, несомненно, утонул — и в этом самом баке, который теперь осветил для меня луч моего фонарика!

Я представил, как он взбирается туда, чтобы напиться, балансирует на платформе из брёвен, затем соскальзывает, падает головой вперёд в воду, борется и застревает между бортиком и стропилами, и так умирает. Возможно, последней каплей стал внезапный шок от погружения, резкий холод воды, я не знаю. Но, как прямой результат жадности и угроз своего племянника, он определённо умер там — потому что он был там даже сейчас!

Как я уже говорил: в резервуаре что-то бурлило и пузырилось, теперь более энергично, испуская ядовитые пары, волну за волной. И через край и вниз по трубе к запорному вентилю пополз отвратительный призрак того, что когда-то было рукой и запястьем, а теперь превратилось в нечто из костей и сгнившей ткани, оставляя за собой отвратительный след студенистой слизи; и под этими распадающимися пальцами запорный вентиль с визгом повернулся. И как раз в тот момент, когда я упал на колени, опустил голову и с криком протиснулся в щель в фальшивой стене, послышалось густое, липкое бульканье, которое говорило о движении в старой трубе.

Затем…

Спотыкаясь о балки, я нацелился на прямо-

угольник света из люка, и, когда потолок комнаты под моими ногами провис и угрожал проломиться, я добрался до этого благословенного отверстия, каким-то образом умудрившись спуститься по стремянке, не сломав ноги. И именно тогда я услышал первые крики Картера.

В моём сознании — даже сквозь его вопли — я всё ещё слышал скрип запорного вентиля, поворачивающегося под этой ужасной рукой трупа. Когда-то старик отказал Картеру в воде, а теперь?

"Душа купленного дьяволом не спешит выбраться из могильной земли... пока из тления не появится ужасная жизнь"!

Немногие люди, зная то, что знал я, сделали бы то, что я сделал тогда. Но хотя по натуре я осторожный человек, я никогда не был трусом. И вот — хотя бы для того, чтобы знать, чтобы быть уверенным — я побежал или заковылял в переоборудованную ванную и дёрнул дверную ручку, затем снова и снова я наваливался плечом на дверь, пока она, наконец, не поддалась, когда замок вырвало из прогнившей рамы. И когда дверь распахнулась, я увидел... Картера или кричащую, превращённую в кошмар карикатуру на Картера!

Он сидел там, в ванне, под душем, царапая себя и издавая пронзительный животный крик. Крик пойманного кролика или раненой крысы. Вид Картера и того, что его мучило, приковали меня к месту, паралич, который я не мог преодолеть, пока, наконец, крики Картера не оборвались. Он судорожно вскочил на ноги, а затем рухнул голый — или не голый — из ванны и лицом вниз на пол.

Движимый ужасом и зловонием одновременно, я повернулся, пошатнулся и, наконец, побежал во весь опор; я не останавливался, пока не оказался снаружи дома, когда внезапное смещение почвы не сбило меня с ног.

Из глубины я услышал ужасный стон, и когда он прекратился, я повернул голову, чтобы посмотреть назад. Как и в той легендарной сцене из шедевра Эдгара По, дом Картера рушился сам по себе, избавляя тех, кто собирался его снести, от лишних усилий. Дом превратился в пыль, щебень и руины, а вместе с ним и Картер, и всё, что осталось от его дяди; и я был бы лжецом, если бы сказал, что я не обрадовался этому…

XVIII

Но… это случилось почти семь лет назад, и с тех пор произошло многое. Во-первых, я разбогател, а во-вторых, я исследовал множество оккультных возможностей. Но что там было, на самом деле, исследовать? Кто-нибудь слышал о колдуне или любителе оккультизма, который пришёл в итоге к чему-то хорошему? Нет, потому что всегда есть цена, которую нужно заплатить.

И я не могу жаловаться. На этом пути было достаточно предупреждений, и, похоже, эти дхолы ориентируются по семилетним циклам. Так тому и быть — до тех пор, пока я не поступлю, как Картер, но… осмелюсь ли я рискнуть?

Во всяком случае, у меня есть пистолет, который я всегда ношу заряженным, и одно это должно гарантировать, что я не разделю его судьбу или любую другую подобную.

Что касается самой этой судьбы: я думаю, что уже сказал достаточно, но если вам всё ещё интересно, то давайте ещё раз вернёмся к сцене, когда я распахнул ту дверь и проник в импровизированную ванную Картера.

Он кричал там, под душем, который выпускал не только воду, но и извивающийся, непрерыв-

ный поток гниющих, вонючих лент плоти или того, что когда-то было плотью. Чудовищный поток разложения, который, наполненный собственной жизнью, накрыл Картера и прилип к нему, и заполнил его глаза, уши, нос и рот своей бурлящей массой, пока, наконец, не перекрыл его крики и воздух, и бросил его мёртвым на пол у моих ног!

Вот чем являлись на самом деле «спагетти" Картера…

Своё золото я оставляю тому, кто его найдёт. В конце концов, оно всё равно принадлежит Ктулху…

Перевод: А. Черепанов

Брайан Ламли
Оборотень

Brian Lumley «The Changeling», 2013

Солнце уже клонилось к закату, когда я, неторопливо шевеля ластами, доплыл до мелководья, бросил перед собой ружье для подводной охоты, и оно спокойно опустилось на песчаное дно в тихой воде, не более шести дюймов глубиной.

Потом я перевернулся и сел лицом к морю. Сняв маску, загубник и ласты, я побросал все назад, на желтый песок у самой кромки воды. Я нисколько не боялся, что вещи унесет приливом или волной, ведь Средиземное море недаром зовется «бесприливным», не приходилось опасаться и больших волн в такой безветренный и ясный вечер, когда поверхность моря чуть морщила лишь легкая рябь — только что оставленный мной же след, нагнавший меня и лизнувший берег.

Когда я подплыл сюда примерно сорок пять минут назад, по берегу бегали люди — группа англичан, приехавших на выходные, — они как раз собирались в двухмильное обратное путешествие в многолюдный пансионат на выступающем мысу, который был не виден и не слышен из этого отгороженного скалами залива. Это скрытое от любопытных глаз местечко (залив? а может, бухта?) было совсем невелико, не больше ста ярдов из конца в конец, просто промоина, оставленная океаном в желтых утесах. Мягчайший песок и уединенность, а точнее, полное безлюдье, кристально-чистая вода, подводные скалы, образовавшие что-то вроде неглубоких рифов, огораживали бухту в шестидесяти футах от берега — в общем, всю картину в целом можно было

описать одним слово: идиллия. Неудивительно, что художники так любят писать греческие острова, с их восхитительным освещением и выразительными ландшафтами, то пышными, то сдержанными, то выжженными подчистую. И снова, как в первый раз, я, осторожно спускаясь по грубо вытесанным из камня ступеням к отмели, подивился, что до этого тихого места, буквально рая земного, не добрались торговцы и предприниматели. Собственно, меня всегда тянуло к подобным уголкам — и Греция привлекала меня именно этим, — да, тянуло к таким уединенным бухтам, а особенно к этой безмятежной водной глади, к кротким волнам, лениво наползающим на берег.

Но где же неизбежная, почти (как мне иногда казалось) против воли навязанная таверна? Где ряды лежаков и пляжных зонтов — не говоря уж о загорелом служителе с его кошельком для купюр и звякающим на шнурке мешком, полным мелочи? Их не было здесь! Никакого намека!

О нет, по крайней мере одна попытка привнести сюда цивилизацию была сделана, а может быть, и не одна. Например, эти ступени, ведущие к заливу: кто-то должен был их вырезать. А немного дальше, у восточной оконечности

залива — в том месте, где я вышел на сушу, прибыв сюда днем, — эта небольшая бетонная плита круглой формы и с отверстием в центре определенно служила некогда основанием для пляжного зонта, от которого не осталось и следа… хотя кое-что от него все же осталось: ржавеющий остов, без тканевого купола, полузарытый в песок у подножия утесов.

Разумеется, владельцы курорта едва ли одобрительно отнеслись бы к попытке посторонних лиц затеять здесь какой-то доходный бизнес, особенно если это могло составить им конкуренцию. Но почему же они сами не освоили этот местечко, чтобы разгрузить собственный пляж, довольно тесный? Впрочем, я, иностранец, не был знаком с тонкостями земельного права в Греции. Не исключено, к примеру, что залив находился под охраной государства или — почему бы и нет — вообще являлся чьей-то частной собственностью! Как полноправный и единоличный владелец небольшой коммерческой компании в Англии (которая имела дело с коллекционными монетами), я, с одной стороны, считал упущением и расточительством, что такой изумительный участок до сих пор не освоен, но с другой — возможно, легкомысленно и эгоистично — был

счастлив, что залив сохранился в первозданном виде. По крайней мере на время моего визита.

Никто не рассказывал мне об этом потаенном месте, так мне, во всяком случае, помнилось, — когда бы не моя нелюбовь к компаниям и не пристрастие к прогулкам в одиночестве, я бы никогда и не нашел его. Но как-то после обеда я, выйдя из пансионата, пошел мимо зарослей кустарника, сосняка, ежевики и чахлых олив — по маршруту, который на карте выглядел невыразительным желтым пятном, граничившим с ярко-синим морем, — решив осмотреть местность. Оттуда я намеревался спуститься к морю и поискать пологую отмель или обрывистый склон, место, где можно было бы плавать и ловить рыбу…

… Именно так и произошло.

Раньше, после первой вылазки в море с маской, когда, налюбовавшись подводными сценами у рифов, я выбрался на берег, то обнаружил рядом с моими вещами парня (одного из десятка отдыхающих, слонявшихся по берегу). Он разглядывал мой вещмешок и другие пожитки, однако ни к чему не прикасался. Кажется, его особенно заинтересовало обрезиненное ружье для подводной охоты, которое я бросил на песке, отправляясь

обследовать риф с маской и ластами.

Место, которое я присмотрел для себя в качестве приюта и базы, располагалось, как я уже говорил, у восточной оконечности залива, где во время штормов океан усердно трудился, вымывая в утесах ниши. Кругом во множестве валялись отколовшиеся от слоистых скал громадные плоские камни, наполовину ушедшие в песок. Одна из таких пластин, лежавшая горизонтально, служила мне превосходной скамьей, обращенной к морю. Вот там-то, прямо перед этим огромным камнем — рядом с тем местом, где давным-давно кто-то установил бетонное основание для зонта (я упоминал о нем), ныне полуразрушенное, — там и дожидался меня этот юнец-англичанин.

Я приметил его раньше, пока спускался по каменным ступеням. Вместе с другим парнишкой примерно того же возраста, лет шестнадцати-семнадцати, они пытались вытащить прибитую к берегу сучковатую корягу (или, скорее, семивосьмифутовый ствол дерева, походившего на древнюю, скривленную оливу), которая покачивалась на мелководье у самого пляжа. Они тянули бревно то за один конец, то за другой, оставляя на песке извилистую борозду, похожую на след гигантской гремучей змеи. Странно, потому что все

это происходило примерно в пятидесяти ярдах к западу от места, где я находился сейчас, — однако и здесь, всего в нескольких шагах от своих плавательных принадлежностей, я увидел точно такие же борозды в песке.

Что ж, возможно, было еще одно старое бревно, которого я не приметил… но не менее странно и то, что не заметил я и мальчишек, которые с ним возились. Впрочем, мое внимание тогда почти безраздельно принадлежало морю. Все мои мысли были сосредоточены на том, что я обнаружу в расщелинах и нишах подводных скал, на этих убежищах, в которых на мелководье могут прятаться рыбы…

Я заговорил с юнцом, спросил, не могу ли чем-то быть ему полезным, и выяснил, что не ошибся: он сообщил, что его заинтересовало мое ружье. Я продемонстрировал ему защелку предохранителя, объяснил, как заряжать и разряжать ружье, а потом убрал его под полотенце, от греха подальше. После этого я поинтересовался группой, с которой он прибыл — как они нашли сюда дорогу?

Это две семьи, сообщил парнишка, в Англии они живут по соседству и иногда вместе проводят каникулы. О заливчике им рассказал местный

таксист, работавший в пансионате. Шофер сказал, что это отличное место для пикника — только не стоит задерживаться здесь допоздна. Это место необычное, «особое», говорил он, и безлюдное — и он якобы слышал, будто изредка сюда наведываются «чужие». А больше таксист им ничего не рассказывал, только попросил помалкивать и больше никому из туристов про залив не говорить: это может быть невыгодно пансионату, тогда не в меру болтливого водителя там перестанут привечать и он сам тоже лишится заработка! Так что, конечно, они не стали никому не рассказывать о заливе, вот только жалко, что завтра им уже надо уезжать, их ждет аэропорт на другом конце острова и дорога домой, в Англию, где он проведет остаток лета, вот скука-то будет.

Ну, ничего не поделаешь. Парнишка потрусил по берегу туда, где расположилась его компания под стайкой принесенных с собой солнечных зонтов, предоставив мне в одиночестве поедать апельсин и сэндвич с яйцом и помидором, запивая тепловатым пивом прямо из горлышка. Хотя у меня не было такой роскоши, как навес от солнца, тень можно было поискать под нависшим утесом слева от меня…

Тень была там и тогда, и сейчас. С меня все еще

капала вода. Я собрал вещи и побрел по пляжу к огромному плоскому камню, где оставил вещмешок, полотенце и одежду. Там-то я и увидел незваного гостя.

По тому, как его черный плащ, а может быть, сутана — трудно было определить в лучах вечернего солнца, тем более что глаза щипало от морской воды, все еще текшей по лбу с мокрых волос, — но по тому, как это просторное одеяние ложилось на плоский камень, где он сидел на расстоянии вытянутой руки от моих пожитков, я сначала принял его за священника из местной греческой православной церкви. Подойдя ближе, я убедился, что ошибаюсь — передо мной был не священник, а просто какой-то местный житель, эксцентричный, а то и вовсе выживший из ума старик.

— Приветствую! — заговорил я, взял полотенце и, снова отступив назад, стал вытираться.

Кивнув большой головой, он ответил любезно, но на удивление странно звучащим, гортанным, бесстрастным голосом:

— Доброго вечера и вам, сэр.

И в то же мгновение словно что-то внезапно изменилось. Что-то такое слышалось в этом голосе… в общем, приятной атмосферы, которой

я только что наслаждался, вдруг как не бывало. Того, что было — чем бы это ни было, — теперь не стало. Я почувствовал холодок внутри, кажется, даже задрожал и подумал: возможно ли, чтобы кто-либо одним своим присутствием и голосом мог так на меня воздействовать?

Я продолжал пятиться и наткнулся ногой на другой плоский камень, размером поменьше. Я резко сел, почти упал, на камень и оказался лицом к лицу с незнакомцем. Повинуясь внезапной тревоге, я бросил на песок ласты, маску и трубку, а ружье прислонил к камню поближе к себе.

Поводов для беспокойства у меня было немало. Прежде всего я вспомнил слова таксиста: что не стоит оставаться здесь поздно вечером, что этот маленький залив странный, что сюда может наведываться какой-то чужой народ.

Вначале я подумал: но разве большинство отдыхающих в пансионате, включая британцев, не являются здесь в какой-то степени чужаками? А сейчас пришла другая мысль. О! Но ведь могут быть чужие как иностранцы, а могут быть чужие в значении иноземцы, пришельцы или просто странные и непонятные люди.

Отвечая на возможный вопрос, скажу, что у моей явной нервозности имелись и другие при-

чины.

Например, запах, которому я не придал значения сначала, странный запах, явно усиливавшийся в непосредственной близи от незнакомца. Он стал более чем заметен — я даже мог бы назвать его настойчивым, — когда я подошел, чтобы взять полотенце: запах высохших водорослей в полосе прибоя во время отлива… запах океана, в котором есть приливы и отливы, вот что это было.

Беспокойство вызывал и облик этого человека, весьма странный. Тело под струящимся, полностью его окутавшим плащом (сутаной? мантией? неважно) казалось тучным, даже жирным и давно немытым, — впрочем, такое впечатление, вероятно, возникало из-за запаха. Что же до его лица…

Но лицо было скрыто в тени просторного капюшона, имевшегося сверху на плаще, этом темном одеянии, которое как будто отливало фиолетовым в лучах постепенно слабеющего света. Но хотя я из элементарного приличия — так сказать, учитывая, что бедняга может испытывать неловкость, сознавая, насколько уродливы и нелепы его черты, — не решился рассматривать его слишком пристально или слишком долго, все же я успел увидеть довольно, и лицо его по-

казалось мне поразительным. К собственному смущению, я чувствовал, что меня так и тянет смотреть на него.

— Кажется, я потревожил вас, — заметил он своим надтреснутым, квакающим голосом. — Вы не ожидали, что столкнетесь здесь со мной. Что ж, приношу извинения за своё… присутствие. Однако это место — можно даже сказать, место уединения — я люблю порой посещать. Так что, хотя вам кажется, что это я, хм, нарушил ваше уединение, можно сказать, что и вы нарушили мое.

Прежде чем я успел ответить — возразить ли, принести ли извинения, но в любом случае, прежде чем я успел подобрать нужные слова, — он повел плечами, так что по его плащу пошла мелкая рябь, отчего складки на миг вспыхнули пурпуром, и продолжал:

— Но ничего страшного, совсем скоро я отбуду. Жаль, в сущности…

— Жаль?

(Того, что он скоро отправится в путь? Не из-за того же, что я здесь сижу!)

Но сказанное им походило на правду: это заброшенное, унылое место казалось очень уединенным — для меня, как и для него, — однако

теперь его настроение пропало, ушла особая атмосфера, ушел, если хотите, его *genius loci*, гений места, — и, как ни странно, теперь это место казалось мне более принадлежащим ему, чем мне.

— О да! — Он кивнул, как мне показалось, сердито (хотя выражение лица в тени накидки было трудно различить) и поерзал под складчатым плащом, как бы от неловкости, возбуждения или разочарования. — Очень жаль, потому что я-то надеялся воспользоваться случаем и насладиться беседой, пусть краткой. Вы, я вижу, англичанин и, осмелюсь предположить, весьма образованный? За прошедшие десятилетия мне крайне редко доводилось вступать в общение с людьми хотя бы мало-мальски грамотными. С людьми, более, чем прочие, способными понять и подивиться жизни — существованию — таких, как я: ее происхождению, различным стадиям мутаций и эволюции, приведших… приведших к зарождению подобных мне. И ее тайнам, разумеется.

Пока он говорил — приводя меня в изумление как выражениями, так и смыслом своей речи, казавшейся бессмысленной, учитывая, что мы впервые друг друга видели и его излияния мало походили на обмен первыми репликами между незнакомыми людьми, — я поймал себя на том,

что черты его странного лица, да и вся фигура снова притягивают к себе мой взгляд. У меня уже начало складываться представление о том, что этот несчастный, должно быть, совершенно обезображен… к чему бы иначе ему кутаться в своё нелепое, гротескное одеяние, если не для того, чтобы скрыть от глаз еще более уродливое тело? Но лицо, его лицо!

Даже сейчас, вспоминая, как я отводил взгляд, стараясь не смотреть слишком пристально и не выдать любопытства, даже сейчас я вздрагиваю, пытаясь описать его или… или *это*. Я имею в виду его лицо — так мне кажется. Ибо до сих пор воспоминания меня ужасают.

А ведь с тех пор прошло много лет, и время вкупе со здравым смыслом должны были бы ослабить, а то и вовсе стереть из памяти немыслимое или невыносимое. Итак, я продолжаю.

Голова, сама по себе крупная, казалась непропорционально маленькой на его округлых, чрезвычайно широких плечах и, судя по всему, лежала прямо на них. Безобразное лицо было «украшено», плоским носом, подбородок отсутствовал или был настолько мал, что и говорить не о чем, а глаза — мало сказать, что они были навыкате. Похожие на рыбьи, глаза эти, казалось,

вылезли из глубоких орбит и не мигали, а мертвенная, чешуйчатая иссиня-серая кожа вокруг них была покрыта глубокими рытвинами. Короткая шея его с обеих сторон — насколько я мог рассмотреть там, где ее не скрывал капюшон — была покрыта не то параллельными складками, не то глубоко прорезанными горизонтальными бороздами. Тогда, помнится, я принял их за рубцы, результат племенных или культовых ритуалов самокалечения. По крайней мере, таково было мое первое впечатление — подкрепленное видом его изуродованных щек.

Под глазницами от скул ко рту и от нижней губы вниз к округлой капле атрофированного подбородка шли полосы, только уверившие меня в версии о самокалечении. Восемь извилистых выпуклых линий, чем-то напоминавших закрученные раковины ископаемых аммонитов.

Нельзя обойти молчанием лягушачий рот несчастного создания, с толстыми желтоватыми губами, такими широкими, что они буквально упирались в щеки, а те, в свою очередь, поддерживали пару явно рудиментарных ушей, также почти неразличимых в тени капюшона. Металлический диск (что-то вроде серьги, свисающей с тощей мочки правого недоразвитого или дефор-

мированного уха на золотой цепочке не менее дюйма длиной) тускло поблескивал при каждом движении головы своего владельца.

Остальная часть его непомерной туши и конечности были скрыты под странным, огромным, как палатка, одеянием… и за это обстоятельство я безотчетно, хотя, пожалуй, неоправданно, был благодарен судьбе.

Как я ни старался скрыть своё отвращение к его облику и особенно запаху — становилось все более очевидно, что волны зловония исходят именно от незнакомца, — оно не осталось незамеченным.

— Вы находите меня отвратительным! — давясь и кашляя, выкрикнул он с негодованием. — Я не соответствую вашим вкусам… разве не так?

— Помилуйте, да ведь я с вами незнаком! — запротестовал я. — Вы совершенно чужой для меня человек, я видел вас всего несколько минут, и мы перемолвились лишь несколькими словами.

— Но вы меня рассматривали — и как! — Плащ на нем дрожал, выдавая возбуждение или гнев скрытого под ним человека.

— Если я чем-то невольно вас обидел, — ответил я, — уверяю вас, что не имел такого намерения, и приношу свои извинения. И в отношении этого

места все легко исправить. Вы сказали, что вскоре покидаете его? Прошу вас, не беспокойтесь, потому что я собираюсь уйти еще раньше вас — прямо сейчас!

— Вы отрицаете, что глядели на меня? И к тому же неприкрыто изучающим взглядом? — Слова, хриплые и неясные, словно пузыри на черной глади болота, вырывались из его ужасной пасти. — Говорите, что не хотели меня оскорбить… однако это не означает, что вы не находите мой измененный облик неестественным, неприятным, даже омерзительным на ваш безусловно земной взгляд!

К тому времени я поднялся и пошел к нему. А почему бы и нет? Даже если у него и были недобрые намерения, я его почему-то не боялся. Я был уверен, что он попросту неспособен на сколько-нибудь серьезное физическое усилие, он был — не мог не быть — слишком тяжелым и жирным под своим черно-фиолетовым плащом-сутаной. К тому же я не приближался к нему вплотную, а лишь хотел забрать свои вещи, одежду и вещмешок, оставленные мной на огромном похожем на скамью камне… С неприятным чувством я заметил, что пожитки эти лежали гораздо ближе к нему, чем мне показалось вначале, — намного

ближе, чем мне хотелось бы.

Когда, задержав дыхание, чтобы не вдыхать его ужасающий запах, я схватил свои вещи и отступил назад, в глаза мне бросился золотой диск. Свисая из усохшего уха незнакомца, он мерно покачивался, пока тот крутил головой, не спуская с меня глаз. Увидев серьгу с близкого расстояния, я опознал необычный стиль и понял, что видел подобные украшения раньше, и у меня мелькнула мысль, что я практически ничего не знаю о тайне их происхождения.

Но тут, прежде чем я успел привести в порядок мысли по этому поводу (я тем временем вернулся к скамье поменьше и, присев, начал одеваться), эксцентричный незнакомец, подавшись в мою сторону, вновь злобно, даже угрожающе набросился на меня с обвинениями.

— Что? — то ли прокашлял, то ли пробулькал он. — Неужели моя внешность для вас настолько устрашающа… поразительна… уродлива? Вы же продолжаете на меня таращиться, вот проклятье!

Что тут возразишь, я действительно посматривал на него, хотя бы из опасения! Но, положа руку на сердце, кто бы не стал этого делать? Но теперь у меня появилась возможность выпутаться из

щекотливой ситуации, «объяснить», свой, безусловно, неприемлемый и неприличный интерес к нему. Я протестующе поднял руку:

— Но дело не в вас! И мне очень жаль, что моя любознательность кажется вам навязчивой и оскорбительной. Я просто заинтересовался серьгой или подвеской с необычным орнаментом, которую вы носите в ухе. Именно из-за этого, уверяю, вам показалось, что я веду себя неуважительно!

— Моя серьга? — пророкотал он, успокаиваясь и снова садясь прямо. — Вот эта золотая безделушка?

— Золотая? — переспросил я. — Неужели?

Он было сузил подозрительно глаза, но я опередил возможный ответ и быстро продолжил:

— Ну, конечно же, это золото! Разумеется, если это украшение аналогично тем, которые мне приходилось видеть, в том числе и нескольким, которые мне посчастливилось приобрести для своей коллекции, оно выполнено из золота — скажем, золота своего рода, — хотя материал этот невысокой пробы и с весьма необычными примесями.

— Материал? — в свою очередь переспросил он, после чего кивнул. — Что ж, можно сказать

и так, но материал этот исключительно редок, уверяю вас! Так вы видели похожие? И даже владеете несколькими? В самом деле? Теперь вы меня заинтриговали и должны рассказать об этом подробнее. А если я показался вам слишком резким или чрезмерно агрессивным, умоляю вас простить меня! Но позвольте мне пояснить, что хотя среди своего народа я считаюсь — как бы это получше выразить — отклонением? Да, среди родных и любимых я своего рода подменыш, оборотень, и все же для них я совершенно приемлем. Это делает меня весьма чувствительным к невежественному мнению неучтивцев, дурного семени и заставляет меня скрываться. Я высоко ценю уединение, потому-то и прихожу изредка сюда, в мой любимый уголок, где не рискую встретиться с кем бы то ни было — особенно ближе к вечеру, как сейчас. Но даже и это не всегда позволяет укрыться, о чем свидетельствует ваше здесь присутствие.

Неучтивцы, дурное семя? Как неуклюже он подбирает слова, подумал я. Или, напротив, выражается очень точно, если имеет в виду себя самого. Надо сказать, к тому времени я уже почти не сомневался, что мой собеседник, судя по внешнему виду, как раз и мог быть плодом крово-

смешения, приведшего к врожденному уродству. С другой стороны — отвлекаясь от наружности, — он производил впечатление человека разумного и развитого интеллектуально, хотя рассуждения его казались странно непоследовательными, а суть их по-прежнему оставалась для меня неясной. (Но, разумеется, какие бы мысли о нем ни приходили мне в голову, я ни за что не позволил бы себе — да и не решился бы — выдать свои чувства, не справившись со смущением. Странная наружность незнакомца объясняла его чувствительность к малейшим проявлениям эмоций и реакциям, незаметным для обычных людей, да и элементарное чувство такта не позволяло мне проявлять признаки неприязни.)

Итак, я предпринял новую попытку успокоить его.

— Я отлично понимаю, насколько вы цените возможность побыть в одиночестве, — заговорил я. — Я и сам необщителен и как раз поэтому, подобно вам, тоже полюбил это место.

(Так оно и было, по крайней мере, до того дня.)

— Но, видите ли, я страстно интересуюсь монетами и медальонами, особенно из редких или драгоценных металлов. Интересуюсь настолько, что сделал их не только своим хобби, но и про-

фессией. Именно этим я зарабатываю на жизнь.

Мой собеседник неожиданно замер, потом выпрямился и стал пристально вглядываться вдаль, куда-то за утесы.

— Вы только посмотрите! — воскликнул он. — Вон там, прямо у вас за спиной! Неужели дельфины, там, в заливе?

Я поспешно обернулся, но ничего не заметил: разве что брызги, так где плеснула рыба, но только совсем маленькая — выпрыгнула и на краткий миг замерла в воздухе. Я прищурился, вглядываясь в спокойную гладь за скалой. Но и там не на что было смотреть…

Зато я кое-что почувствовал!

Что-то мягко шлепнулось на полотенце, которым я, стягивая плавки и надевая шорты, прикрылся из стыдливости, да так и оставил на коленях: что-то приземлилось прямо на него. Я резко повернул голову, чтобы посмотреть, что это, — мог ли я хоть на миг представить, что передо мной окажется украшение из уха незнакомца. Однако на полотенце лежало именно оно: золотой медальон на дюймовой тонкой цепочке.

Подняв глаза на ее владельца, я успел заметить, как всколыхнулась от движения его одежда: по ее плотной однородной поверхности расходилась

пурпурная зыбь. Очевидно, он был не менее стыдлив, чем я. И все же невольно возникал вопрос: что за беда, если бы я увидел, как он высовывает из-под мантии руку, вынимает из уха украшение и бросает мне на колени? Зачем он отвлек мое внимание, прибегнув к обманному маневру с несуществующим дельфином?

Да, и еще одно: насколько я мог разобрать, в его одеянии, на вид цельнокройном, не было отверстий и разрезов. Больше всего похожее на монашескую рясу, оно не застегивалось и не запахивалось спереди, нельзя было различить ни рукавов, ни чего-то похожего на проймы! Но об этом, вспоминая его облик, я размышлял уже впоследствии, тогда же мое внимание было занято медальоном.

Он и в самом деле походил на те три, которые мне удалось добыть за многие годы, тот же металл с серебристым отблеском. Однако свои экземпляры я давным-давно проверил, и анализ не выявил ни серебра, ни платины — ни других примесей, которые можно было бы идентифицировать. Тот образчик, который я сейчас разглядывал в лучах угасающего света, был не более двух дюймов в диаметре. Однако всю его поверхность покрывал витиеватый орнамент, непостижимо тонкий и

искусный, так что его хитросплетения (не говоря уже о таинственных, по большей части подводных, сюжетах) действительно наводили на мысли о странном и даже неземном происхождении. Пожалуй, именно загадка происхождения так привлекла когда-то меня в этих произведениях. Не меньше она будоражила мое воображение и сейчас.

Как я уже упоминал, высочайшее качество отделки поражало воображение, хотя это выглядело не резьбой, а скорее чеканкой, как на монетах из драгоценных металлов. Несомненную красоту тонких рельефных узоров, на мой взгляд, несколько портило изображение устрашающих, зловещих чудовищ. Неудивительно: и на экземплярах из моей личной коллекции также красовались фантастические рельефы, изображавшие странных существ, подобных рыбам или лягушкам (причем некоторые обладали чертами и тех, и других), не только странно похожих на людей позами и жестами, но и облаченных в почти человеческую одежду, напоминавшую наряды конца XVIII — начала XIX века! Эти мелкие фигурки как бы служили или даже поклонялись более крупным, куда более уродливо-чуждого вида тварям.

Что касается родины этих орнаментов и странного сплава, из которого медальоны были выполнены, — здесь ничего нельзя было сказать с определенностью. Мои друзья дома, в Англии, довольно авторитетные эксперты, предлагали самые разные гипотезы на этот счет — от Камбоджи или Папуа Новой Гвинеи до островов южной части Тихого океана, в частности, Гавайев. Однако я — несмотря на знакомства за границей — не имел выходов на эти отдаленные регионы, а свои образцы приобрел на аукционах или в нумизматических магазинах на юго-западе Англии, а именно в девонширском Эксетере и корнуолльском Пензансе.

Кстати, о последнем: это было совсем не удивительно, ведь в давние дни Пензанс корнуоллский славился своими пиратами, и остатки их трофеев — награбленного добра, привезенного из заморских стран после их кровавых плаваний — можно по сей день (хотя и все реже) встретить на небольших аукционах или распродажах в антикварных лавках по всем юго-западным графствам. Главное, разумеется, — знать, где искать.

Но не только пираты — еще относительно недавно, в VIII–XIX веках не было недостатка и в законопослушных мореплавателях, так что

порты Плимута или Фалмута буквально кишели судами, вернувшимися с полным грузом заморских товаров. И, конечно, среди моряков находились те, кого интересовала не только обычная продукция — кое-кто даже привозил в Британию «компаньонок», — смуглянок с тропических островов, которые в плавании становились «женами», своим «мужьям»-морякам.

Из слухов, десятилетиями передававшихся из уст в уста бывалыми морскими волками, рождались байки, которые и сейчас можно услышать где-нибудь в портовом кабаке, о том, что некоторые из этих туземок носили диковинные, холодные, но притягательные золотые украшения. Эти истории я считаю не столько россказнями, сколько правдивой, достаточно точной передачей истинных событий, случившихся в прошлом, а необычные образцы из собственной коллекции, к моему удовольствию, служили тому достаточным и ярким свидетельством.

Сейчас, пока я изучал серьгу незнакомца, эти факты проносились в моих мыслях. Думаю, что выражение моего лица — на котором отражалось не изумление от первой встречи, а скорее радость узнавания, — по-видимому, показалось убедительным и определило ход нашей дальнейшей

беседы.

Казалось, он принял на веру все мной рассказанное (хотя и не доверял сначала), потому что поведение его стало более непринужденным.

— Любопытно, не правда ли? — заговорил он, и я убедился, что в голосе его нет ни малейшего признака былого отчуждения и напряженности. — Я об этих миниатюрных рельефах на диске.

— Чрезвычайно, — согласился я, по-прежнему сдержанно. — В самом деле, они поразительны… чтобы не сказать уникальны.

Вспомнив о повышенной чувствительности незнакомца, я испугался, что эти слова его заденут. Но можно было не волноваться.

— Истинно так, — кивнул он. — А по выражению вашего лица я заметил, что вам и впрямь доводилось видеть нечто подобное и прежде — вы ведь утверждали, что даже владеете несколькими. Позволите ли вы спросить, каким образом они к вам попали? Поймите, я не подвергаю сомнению ваши слова, но любопытно узнать, каким образом англичанин мог получить в своё распоряжение эти… ну, скажем, раритеты… и чем объясняется ваш очевидный интерес к ним.

Сочтя, что ничто не мешает мне ответить на его вопрос, я, попутно складывая вещи, поведал

о том, как пришел к своей профессии: рассказал о юности, о годах работы учителем математики в ньюквейской школе; о том, как, живя на берегу моря, интересовался океанологией во всех ее аспектах (но больше как хобби, чем профессионально), о том, как позднее во мне вспыхнула страсть к нумизматике, когда я получил в наследство от умершего отца его коллекцию монет и медалей (он собирал ее всю жизнь); как к тридцати годам сменил профессию учителя на любимое дело. И еще я подтвердил, что среди многих сотен экземпляров, которые мне оставил мой старик, действительно были монеты или медальоны, сходные с серьгой.

Более того, я пустился в рассуждения о своих теориях и открытиях (или, скорее, об отсутствии таковых) касательно происхождения этих необычных, чем-то странно отталкивающих и в то же время восхитительных украшений. На мой взгляд, рассказал я, они появились в Англии между 1820 и 1830 годами, вместе с островитянками из южных морей. В конце я описал, по возможности детально, образчики из своей коллекции и то, когда и как они ко мне попали.

Когда я закончил, уже совсем стемнело — солнце скрылось за отвесными утесами на западе

залива. Мой собеседник, все это время молча внимавший рассказу, наконец подал голос — он не крикнул, а скорее полузадушенно пробулькал или проквакал: «Аххх! Юго-запад! Ну, конечно! Привезены в Англию… моим народом. Все сходится, да. Только одно не сходится: вы сами! Я хочу спросить, откуда эта ваша одержимость золотыми пустячками? Потому что это в самом деле всего лишь пустячки для тех, кто их создавал. Но по вас этого не видно — у вас не те глаза, не тот подбородок, губы, вам в целом недостает того несходства облика, которое складывается из отличий. Если на то пошло, нет у вас и дополнений (то есть того, что вы, на свой манер, считаете „аномалиями“), необходимых для сколько-нибудь продолжительного… продолжительной жизни там! А ведь возможно, для вас все это и впрямь не более, чем стечение обстоятельств, чистая игра случая — включая мой визит сюда. Весьма примечательно!»

Я понятия не имел, о чем он толкует, — а если и догадывался, то отдаленно и в самых общих чертах, — и встал, собираясь уйти. Дело в том, что меня внезапно, ни с того ни с сего охватило непреодолимое желание как можно скорее убраться подальше из этого — уже нисколько не

идиллического — уголка и от моего собеседника. Я вдруг остро почувствовал, что и место, и он мне совершенно чужды. Но не менее сильным было… желание узнать все, что еще можно было узнать, все то, в чем я еще не разобрался и чего не понимал.

Так или иначе, не успел я встать, раздался его голос:

— Ах, погодите! Да не спешите же так!

Его слова, хотя и гортанно-булькающие, по крайней мере звучали нормально, в сравнении с тем, что он бормотал перед этим, и он, очевидно, постарался взять себя в руки. Вероятно, поэтому я уступил естественному любопытству и остался сидеть. К тому же я не мог показать даже самому себе, что испугался того человека, неважно, разумен он или страдает каким-то душевным расстройством. Тем временем он продолжал:

— Вероятно, чтобы объяснить причины моего появления здесь, которые я ошибочно применил и к вам тоже, я должен изложить факты… рассказать вам историю? Я услышал ее давным-давно, а родилась она в тех же юго-западных графствах, где, по вашим словам, вы отыскали свои — хм, должен ли я назвать их экзотическими, хотя для меня они таковыми едва ли являются? — словом,

свои собственные образчики. А потом, в награду за ваше терпение, ваше общество, вы должны позволить мне подарить вам то украшение, которое вы теперь держите в руках. Надеюсь, оно станет неплохим дополнением к вашей коллекции.

Прежде чем я успел выразить протест или вернуть ему вещицу, он замотал головой:

— Нет, нет! Когда я закончу свою… свою историю, вы убедитесь, что эта побрякушка, этот пустячок — самое малое, что я мог бы отдать за удовольствие провести лишних несколько минут в вашем достойнейшем обществе.

После этого мне ничего не оставалось, как снова сесть и слушать, страдая от зловония. Между тем свет с каждой минутой мерк, а воздух становился прохладнее, но, увы, не свежее. После долгой паузы — видимо, он собирался с мыслями — незнакомец продолжал:

— Жил когда-то в Корнуолле юноша, влюбленный в море. Младенцем его нашли лежащим на берегу, там, где прилив не мог его достать. Сирота рос на попечении чужих людей, пока благодаря своим выдающимся способностям не заслужил стипендию для обучения в университете. Учился он превосходно, получил достойную специальность — он посвятил себя теоретиче-

ской физике, — словом, встал на ноги.

Он жил один, зарабатывая более чем достаточно, и, подобно вам, много времени проводил у моря — бродил по берегу или плавал, но, главное, думал — полагаю, вы согласитесь, что это занятие свойственно людям подобного склада. А найдя какой-нибудь залив, похожий на этот — но куда более суровый, учитывая особенности Корнуолльского побережья, — он надевал маску, ласты и отправлялся нырять и обследовать поверхностные воды. Впрочем, этим, мне кажется, всякое сходство с вами и ограничивается.

Однажды, заплыв в море немного дальше и погрузившись глубже, чем обычно, молодой человек увлеченно наблюдал за громадной, но совершенно безобидной китовой акулой и не заметил приближения шторма. Меж тем ветер крепчал и небо начало темнеть. Когда, наконец, он осознал опасность, волны уже швыряли его, как игрушку, и ему никак не удавалось выгрести против течения и ветра.

Короче говоря, юноша понял, что попал в беду. Он решил, что это конец. Силы его были на исходе, легкие были полны воды — он более не мог удерживаться на поверхности бушующего моря… и достичь земли, такой обманчиво близкой и все

же такой далекой.

Но оставим его на время…

Скажу лишь, что это был не конец, а начало совсем другой жизни — или существования!

Юноша пришел в себя в старом доме рыбака, в крохотной деревеньке невдалеке от границы Девона и Корнуолла. Выхаживала его необычного облика и очень смуглая женщина — жена того рыбака, — как вы и сказали, она могла в стародавние времена попасть в Англию из Тихого океана, в качестве матросской «жены»… или, по крайней мере, была потомком одной из таких островитянок. Со временем стало ясно, что так и было на самом деле, причем основными доказательствами послужили некие несомненные… как бы назвать их, природными?… природные свойства ее сына (что поначалу казалось вполне естественным медленно выздоравливающему герою нашего рассказа).

Но довольно об этом. Чтобы не затягивать рассказ, упомяну только, что единственный сын рыбака и его экзотичной супруги был весьма странным ребенком — его скорее можно было назвать мутантом, чем уродом, и скорее протеем

— многоликим, изменчивым существом[165], чем мутантом… Но нет, даже это определение не вполне правильно, ведь слово «протей», обозначает способность принимать различные формы, а юнец из моего рассказа такой способностью не обладал, его внешность — или личина оборотня — была неизменной.

Позволю себе крохотное отступление: как человеку большой эрудиции, вам, я уверен, известно происхождение слова «протей». Разумеется, от Протея — греческого морского божества, способного принимать различные облики, какие только захочет. Ах, эти поразительные греки и их еще более поразительная мифология! Но какое же морское божество они имели в виду на самом деле, а? Филистимлянского морского бога Дагона, возможно? Или кого-то еще более древнего? Ведь и им, как римлянам, приходилось волей-неволей принимать так называемых богов других народов и цивилизаций. А может быть, Протей был наделен даже еще большей властью: что, если ему поклонялся и сам Дагон? Да и действительно ли он был таким изменчивым и многоликим, что даже имя его стало нарицательным? Или его дар

[165] Примечания: 165

В английском языке одно из значений слова protean — многообразный, изменчивый, многоликий.

был в другом — хотя и касался изменений, — что если то был дар видеть изменения в других?

Однако я должен излагать историю в том виде, в каком сам — э-э-э — слышал ее, и не слишком забегать вперед. Возвращаясь к выздоровлению моего героя, повторю, что протекало оно очень медленно и это — учитывая постоянный уход, необычные процедуры и особенные заморские снадобья, которыми лечил его рыбак (а точнее, жена рыбака) — было необъяснимо. Ведь после того как он тонул, был спасен и поднят на борт рыбачьей лодки (об этом он почти ничего не помнил), никаких ужасных ранений или болезней у молодого человека не было обнаружено. Придя в себя, он выглядел совершенно целым, разве что ослабел от долгого бездействия, но во всех отношениях был, как говорится, здоров, как бык.

К чему же тогда были все непрестанные заботы смуглой леди? И почему за все это время его ни разу не показали настоящему, квалифицированному врачу? Но хотя он и несколько раз решался задавать такие вопросы, однако удовлетворительного ответа ему не давали — по крайней мере, в течение довольно долгого срока…

Впрочем, прошло еще не так уж много времени, и начали проявляться кое-какие изменения. Вот

тогда-то, наконец, его сиделка, смуглая хозяйка дома стала более разговорчивой.

Прежде она не хотела пугать или шокировать его, объяснила женщина, но теперь он находится — как бы выразиться? — в состоянии изменения, и теперь она видит, что пришла пора ему узнать правду вот о чем: ему лгали, будто он чуть не утонул во время страшного шторма. В действительности он как раз именно утонул, одним словом, умер. Правда, ненадолго, так как ее мужчины выудили его из бушующего моря. Так что сначала все ее усилия были направлены на то, чтобы оживить его… И она буквально вернула его к жизни!

Конечно, ему было трудно в это поверить. Юноша ведь был человеком ученым, пусть даже в основном теоретически, но метафизика никак не укладывалась в его картину мира! С другой стороны, однако, те изменения, о которых я упомянул — едва заметные и куда более заметные изменения его физического состояния, — говорили сами за себя, вынуждая поверить в невероятное. В самом деле, если только он не сходил с ума, эти изменения казались невозможными и все же были реальны!

Оказалось, однако, что смуглой хозяюшке,

потомку обитателей далеких морей, под силу объяснить по крайней мере некоторые из этих трансформаций: это знание или способность к пониманию она получила от своих предков. Это было у нее в крови, в самых генах — замечу, не целиком человеческих! Вот почему ее сын имел такой странный облик, хотя все же мог сойти и сходил за человека, хотя бы уродливого и недоразвитого! Так вот странности, которые герой моего рассказа замечал у мальчика, отчасти, хотя и совсем немного, походили на те изменения, что происходили сейчас с ним самим!

Облик несуразного юнца наводил на мысли об атавизме, демонстрирующем черты более примитивных и малоразвитых организмов. Да, регресс, откат… но к чему? Не к тем ли чудовищным, чуждым существам, изображенным на диске, который я дал вам? Ведь диск этот есть не что иное, как одно из нескольких подобных украшений, вверенных позже смуглой леди нашему поверженному в ужас и отчаяние герою!..

Ужасно, да: такой эпитет точнее всего характеризует эту невероятную, поистине невообразимую историю.

Взволнованный рассказчик прервался, чтобы сделать несколько шумных, с сопением и при-

свистом, вдохов, и я не мог не отметить, как он возбужден: он так и колыхался всем телом, ходил ходуном, будто огромная порция недавно застывшего желе. Пока я пытался успокоить и немного привести в порядок собственные мысли, он снова заговорил:

— Взгляните, однако, уже довольно поздно и нам с вами пора расходиться… вскоре. Я обещаю, что не задержу вас надолго — ведь я вижу, что вам давно не терпится отправиться восвояси, — однако рассказ еще не закончен. Не вполне…

Разумеется, он был прав: казалось, я вижу, как тени от скал ползут в нашу сторону по песку, и мне стало не по себе от того, что — человек ли? — сидящий напротив меня, собирается продолжать пересказывать свою фантастическую выдумку (потому что чем еще мог быть его рассказ), сказку, в которую — я не сомневался в этом — сам он верил до последнего словечка, хотя было очевидно, что это лишь плод больного воображения.

Из-за этого (а также из-за волнения, которое, как казалось мне теперь, чуть ли не меняло его физически) мне теперь казалось, что движения его грузного, по-прежнему скрытого от меня тела, заставляющие колыхаться и собираться в складки плащ, отражают глубокие внутренние

переживания; он между тем раскачивался из стороны в сторону и потряхивал ужасной головой, а его квакающий голос звучал все более хрипло и монотонно, — видя все это, я снова попытался вскочить.

Мне страшно хотелось поскорее оказаться как можно дальше отсюда, от этого места, теперь уже совсем не идиллического, от этого странного греческого залива и от странного незнакомца, таких непонятных, таких чуждых мне. Но я едва держался на враз ослабевших ногах — после плавания или от вполне понятного страха, поднимавшегося во мне, трудно сказать, возможно, по обеим причинам. Ведь к тому времени я все отчетливее понимал, что оказался один на один с буйно помешанным — но вместе с тем (я едва ли смог бы объяснить себе причину) я вдруг понял, что отчаянно надеюсь и мечтаю, чтобы дело обстояло именно так! Но, попытавшись было вскочить, я споткнулся и сел на место. Не в силах заставить себя вернуть на место отвисшую челюсть, я будто примерз к месту и потрясенно вглядывался в изменения в удивительном облике моего незнакомца, принимавшем все более чудовищные черты.

Я и раньше обращал внимание на то, как его

плащ или сутана, словом, одежда — шевелилась, когда он казался взволнованным или возбужденным. Теперь, однако, колыхалась вся ее поверхность, морщась мелкими волнами, как поверхность воды, если бросить в нее камень. Прозрачно-пурпурные складки эти, бледного оттенка выцветшей пастели, вызвали в памяти опалесцирующие тельца медуз, исподы тропических раковин и фантастические переливы меняющих свой цвет каракатиц… казалось, одеяние непостижимым образом отражает чувства владельца, его страсть! Но подумать только, что эти самые эмоции сотворили с самим человеком; под капюшоном сутаны — также чудовищно подвижным: он так и трепетал вокруг лица незнакомца, будто пытаясь заставить его отвернуться, — тяжелая голова его казалась переменчивой массой оплывшей, трясущейся плоти. Его глаза, еще сильнее вылезшие из орбит, вперились в меня, когда незнакомец подался вперед, — и мне пришло на ум, что за все время ни разу не видел, чтобы эти глаза мигнули! Но само его лицо… эти пульсирующие щели или, может быть, заходящие одна за другую складки по бокам шеи… подрагивающий и явно бескостный пузырь на месте, где должен был бы быть

подбородок… недоразвитый нос и рудименты атрофированных ушей… и самое ужасное, его шрамы — точнее, странные вытатуированные изображения, которые я принимал за шрамы и которые, казалось, перекручивались и сплетались, пульсировали и трепетали, то сжимаясь, то расширяясь! Все это было совершенно, совершенно ужасно. У меня промелькнула мысль, что передо мной пришелец, невозможное, чуждое существо из какого-то немыслимого далекого мира — в определенном смысле так оно и было — или в лучшем случае нечто, что некогда могло быть человеком! И тут…

— Ну вот! — Он будто вторгся в мои мысли и кошмарные догадки, — Вот вы опять! Я все вижу по вашему лицу… страх… отвращение! Но я-то, я сам не ощутил ни страха, ни ужаса при виде того несчастного неуклюжего юнца… эту жалкую пародию на человека, которого лишь местные недоумки могли принять за умственно отсталого или идиота, потому что чувствовал, что нас что-то роднит! И его смуглая мать, выходец с каких-то странных островов, откуда она явилась, тоже приметила это во мне… она мгновенно, инстинктивно поняла, что моя кровь сродни ее крови, наследие древней расы… Вот почему она спасала

меня холодными компрессами из морской воды, умащивала своими маслами из угрей и осьминогов, всевозможными экзотическими бальзамами, зельями, ядами, даже заклинаниями, взывая к изменчивым богам океана.

Увы, как могла, коряво и неловко, коверкая слова, она объяснила мне, как, пытаясь спасти и сохранить мне жизнь, невольно ускорила мою… мою трансформацию. К несчастью, она не сумела вовремя остановиться и слишком далеко зашла. А теперь уж пути назад не было.

Я отказывался верить услышанному — этого не могло быть, ведь я всегда был полноценным и нормальным человеком, настоящим мужчиной, твердил я ей… покуда она не поинтересовалась, знал ли я своих родителей? Я был вынужден ответить, что не знал, меня нашли на берегу, во время отлива, закутанного в водоросли. «А!», — воскликнула она: меня оставила мать, а может быть, отец или оба, так как поняли… поняли, кого они явили этому миру, и не смогли это пережить. А может, они надеялись, что море возьмет их дитя к себе… примет того, кто ему принадлежит! Смуглая леди знала, что она здесь не единственный выходец из тех дальних земель — не единственный потомок древнего племени, — и не только она бродила по

песчаным берегам омывающего Англию океана, чувствуя его приливы и отливы в своей крови оборотня.

Но я спросил ее: а что же теперь станется со мной? И что будет с твоим сыном, который выходит в море со своим отцом, чтобы подманивать рыбу своим видом?

Он не сможет пойти дальше, отвечала она. Ему придется навсегда остаться таким, как есть, и молча страдать от одиночества до конца дней. Потому что он не завершен, плохо подготовлен, и если бы даже попытался уйти в море, оно убило бы его. Но что касается меня…

— Ну же! — торопил я ее. — Что же будет со мной?

— Ты ушел дальше, намного дальше по дороге к морю! И если выживешь, ты уже не сможешь остаться здесь. Пока никто не увидел, что ты… переменился, тебе лучше уйти. Для тебя теперь найдется место в любом из океанов, так как жить там теперь твой удел.

Еще она рассказала мне, что знает про одно место в срединном море, очень глубокое и совершенно незнакомое людям, жители которого примут меня, так что я смогу прожить там всю жизнь… о! очень-очень долгую и счастливую

жизнь — которую она мне подарила. Туда я и отправился, чтобы завершить начавшееся преобразование. И теперь история — моя история, о чем, я уверен, вы уже догадались — рассказана до конца.

С этим словами он встал и подошел ко мне. Но, говоря «встал», я выражаюсь неточно. Потому что на всем протяжении своего рассказа, все это время он толком не сидел и даже не полусидел. Нет, он лишь привалился к массивному обломку скалы, но я понял это только теперь, когда он отделился от камня, став при этом чуть выше, но ненамного, прежде чем двинуться в мою сторону.

Все еще оцепенев, как под гипнозом, я замер с открытым ртом, не в силах шевельнуться. Я попытался было издать хоть какой-то членораздельный звук, но разом забыл все слова и потому молчал. Затем я снова сел, уронив пожитки себе на дрожащие колени. Мое никчемное ружье так и стояло рядом, прислоненное к камню — никчемное, потому что я не находил в себе сил протянуть за ним руку, да и не хотел будоражить этого безумца (или это существо?), и без того уже взбудораженного донельзя.

— Но видите, — он будто выкашливал слова

и, наклонившись совсем близко, обдал меня отвратительным смрадом гниющих водорослей, — даже сейчас я не могу удержаться… Меня все равно тянет к этой земле, такой манящей, но недоступной. Ведь я не могу — не имею права — оставаться здесь, в вашем мире, который принадлежит людям по праву рождения. Мой мир теперь не здесь, он там, далеко… в глубинах!

— Я… я… — кое-как сумел я выдавить, чуть было не задохнувшись от этой попытки, заикаясь и бессмысленно повторяя слова, но он оборвал:

— Нет, нет — не нужно мне «я… якать»! Молчите — и просто смотрите! Потому что хотя я все вам рассказал и даже заплатил, чтобы вы выслушали меня, но пока еще почти ничем не подтвердил свои слова. Остается предъявить доказательства — напоследок. А засим прощайте…

С этими словами он улыбнулся (если можно улыбкой назвать то, что он проделал со своей кошмарной физиономией), и я увидел зубы за его жирными рыбьими губами — очень мелкие, треугольные и острые, как у пираньи. Затем, издав булькающий звук — то ли смех, то ли рыдание, он, наконец, повернулся, чтобы уйти. Тут ко мне вернулась-таки способность двигаться и я сделал то, чего он от меня требовал: повернул голову и

следил за каждым его движением, пока он развернулся и направился к потемневшему морю. Все случилось так, как он сказал, — напоследок я получил доказательство.

Да, он развернулся, и тогда я воочию убедился, что глубоко заблуждался. Все это время я думал, что он облачен в плащ или сутану. Ошибка! На самом деле этот окутывающий его со всех сторон пурпурный покров был частью его самого: да, это, пожалуй, была мантия, но никоим образом не предмет одежды. Скорее, можно сравнить это с мантией моллюска — мягким наружным покровом вроде «кожаного», мешка осьминога или защитной складки у улиток. Капюшон, теперь откинутый назад, оказался частью этой складки, и уродливой формы голова под ним…

… похожая на голову рыбы или лягушки, с этим выпяченным бородавчатым пузырем… и шея с этими трепещущими жаберными щелями… и это лицо, когда он обернулся напоследок… эти восемь закрученных отметин, которые поначалу казались мне татуировками или рубцами, — но нет, ничего подобного, это были корявые, дюймов двенадцати длиной, щупальца, которые теперь раскрутились и шевелились! На самое ужасное случилось, когда его мантия приподнялась, будто

юбка, подрагивая от соприкосновения с влажным песком на берегу… я увидел его тело, громадное, грузное и все же какое-то усеченное, как обрубок. Его поддерживали (я не могу точно сказать, сколько их было) жирные, иссиня-чёрные щупальца — это было похоже на кишащее гнездо потревоженных змей, блестящих, злобных. А над тем, что было, по всей вероятностью, нижними конечностями, мне открылись верхние — мягкие, пурпурные, тоже ничем не походившие на нормальные человеческие руки! Я смотрел на след, оставленный на песке массой извивающихся щупальцев, зигзаги и волнообразные узоры — я уже видел их и решил, что это след бревна, которое раньше тащили по берегу юнцы, чтобы снова бросить его в море. Теперь мне стало ясно, что это след существа, которое выбралось из воды и ползло по берегу, пока я плавал!

И вот, наконец, он возвращался в свою стихию, оставив меня в живых, целым и невредимым, хотя и потрясенным до глубины души и не уверенным, что все это мне не снится. Но в этот миг, в самом конце, произошло еще нечто, что как бы собрало воедино все, до тех пор виденное мной, и высветило жуткую, леденящую кровь картину, которая отпечаталась в моей памяти

навечно. А речь идет всего-навсего вот о чем: уже окунувшись в воду, это создание, этот оборотень обернулся ко мне и помахал на прощание. Но чем же, если у него не было рук? Отвечу: махал он самим своим чудовищным лицом! Не помню, как я выбирался оттуда, карабкался по отвесным утесам, как вернулся в пансионат, но потом пережитое преследовало меня в неизбежных снах. Вероятно, следовало зашвырнуть золотой медальон в морскую пучину, но я этого не сделал. Как и прочие образчики из моей коллекции, эта вещица обладает несказанной притягательной силой. И, возможно, как ни противлюсь я, не желая с этим мириться, на то есть веская причина.

Потому что теперь я постоянно задаю себе несколько вопросов:

Какое безотчетное стремление — образ странного рая — вообще влекло меня в этот уединенный залив? И что же было такого в рассказе чудовищного существа, что и сейчас все еще меня завораживает, как ни пытаюсь я отрицать это? Ведь несмотря на то, что я рос на попечении у любящих и заботливых родителей, они не были мне родными. Попав к ним из приюта, я никогда не знал своих истинных матери и отца. Правда, тот, кого я звал отцом, однажды упомянул, что

он приходится братом тому, кто меня породил. Только это он сказал мне, не прибавив больше ни слова. Но, учитывая это сомнительное родство, монеты, которые он мне завещал, те самые зловещие диски обретают особое, роковое притяжение. Возможно, он унаследовал их от своего брата, моего реального отца?

Кроме того, несмотря на кошмарный случай в том крошечном греческом заливе, я не утратил своей любви к морю и вижу удивительные сны о морских глубинах, которые могу описать не иначе как райскими, хотя и совершенно чуждыми.

И все же, не решаясь допустить, что мои страхи могут иметь реальное основание, я что есть сил уверяю, убеждаю себя, что рожден на земле и являюсь ее детищем, что мой удел — твердь под ногами, а не зыбкая океанская пучина. Временами мне удается почувствовать уверенность в этом, да…

И все же я знаю, что до конца жизни, как бы далеко он ни отстоял, буду скрупулезно следовать ежедневному ритуалу и осматривать себя — от макушки до пальцев ног, — очень, очень тщательно осматривать…

Перевод: Е. Мигунова

Фриц Лейбер
Крупинка Тёмного Царства

Fritz Leiber «A Bit of the Dark World», 1962

I

«В голове у него была трещина — вот и залетела туда крупинка Темного Царства, да и задавила его до смерти».

Редьярд Киплинг, «Рикша-призрак»

Старомодный, с приплюснутым носом черный «Фольксваген», с водителем и еще двумя пассажирами помимо меня с натужным гудением влезал на перевал хребта Санта-Моника, вплотную огибая приземистые, густо поросшие кустарником вершины с причудливо обветренными каменными выступами, похожие на какие-то первобытные изваяния или на мифических чудищ в плащах с капюшонами.

Мы ехали с опущенным верхом и достаточно медленно, чтобы ухватить взглядом то стремительно удирающую ящерицу, то здоровенного кузнечика, размашистым скачком перепрыги-

вающего из-под колес на серый раскрошенный камень. Раз какой-то косматый серый кот — которого Вики, в дурашливом испуге стиснув мою руку, упорно именовала барсом — мелкой рысью пересек узкую дорогу прямо перед нами и скрылся в сухом душистом подлеске. Местность вокруг представляла собой огромный потенциальный костер, и напоминать о запрете на курение никому из нас не приходилось.

День был кристально ясный, с плотными облачками, которые четко вырисовывались в головокружительной перевернутой глубине синего неба. Солнце между облаками было ослепительно ярким. Уже не раз, когда мы, взлетая на крутую горушку, нацеливались прямо на этот низко повисший над далеким горизонтом раскаленный шар, я чувствовал жалящие уколы его лучей, после чего страдал от черных пятен, которые потом еще с минуту плавали у меня перед глазами. Солнечных очков, конечно, никто не захватил.

Свернув с автомагистрали, ведущей вдоль тихоокеанского побережья, мы разминулись лишь с двумя автомобилями и заметили только с полдюжины домиков и жилых вагончиков — поразительное безлюдье, особенно если учесть,

что Лос-Анжелес остался от силы в часе езды позади. Это безлюдье уже отделило нас с Вики друг от друга своими молчаливыми намеками на тайны и откровения, но еще не успело сблизить опять — по той причине, что было в чем-то и жутковатым.

Франц Кинцман, сидящий на переднем сиденье справа, и его сосед, который вызвался порулить на этом довольно непростом отрезке дороги (мистер то ли Мортон, то ли Морган, то ли Мортенсон, я как следует не запомнил), находились, похоже, под несколько меньшим впечатлением от окружающего пейзажа, чего и следовало ожидать, поскольку обоим он был куда более знаком, чем нам с Вики. Хотя, честно говоря, трудновато было определить их реакцию исключительно по виду коротко стриженного седого затылка Франца или выцветшей парусиновой шляпы мистера М., которую он нахлобучил пониже, чтобы прикрыть глаза от солнца.

Мы как раз миновали ту точку дороги Малого Платанового каньона, откуда все острова Санта-Барбары — Анакапа, Санта-Крус, Санта-Роза, даже далекий Сан-Мигуэль — виднеются на горизонте, будто старинный парусник из серо-синеватых, слегка зернистых облаков, застывший

на поверхности бледно-голубого океана, когда я, безо всякой особо глубокой причины, вдруг вслух высказал то, что в тот момент пришло мне в голову:

— Сомневаюсь, что в наши дни можно написать истинно берущий за душу рассказ про сверхъестественные ужасы — или же, в том же смысле, испытать настоящий, глубокий, переворачивающий всю твою сущность сверхъестественный страх.

Вообще-то говоря, для замечания на подобную тему незначительные основания все-таки были. Мы с Вики работали вместе на съемках пары дешевых кино-«ужастиков», Франц Кинцман в дополнение к своей славе писателя-фантаста пользовался известностью в среде ученых-психологов, и втроем мы частенько болтали о судьбах в жизни и искусстве. Вдобавок, некий неуловимый налет тайны ощущался и в самом приглашении Франца провести с ним выходные в горах, в Домике-На-Обрыве, куда он возвращался после месяца в Анжелесе. И, наконец, при столь резком переходе от городской сутолоки к запретным просторам дикой природы всегда становится как-то не по себе… тут Франц будто прочитал мои мысли.

— Могу назвать первое условие для того, чтоб

пережить нечто подобное, — заметил он, не поворачивая головы, когда «Фольксваген», въехал в прохладную полосу тени. — Для начала нужно вырваться из Муравейника.

— Из Муравейника? — переспросила Вики, прекрасно понимая, что он имеет в виду, но желая услышать его речь и заставить повернуть голову.

Франц сделал такое одолжение. У него исключительно красивое, задумчивое, *благородное* лицо, словно откуда-то из прежних времен, хотя выглядит он на все свои пятьдесят, а с глаз не сходят темные круги с той самой поры, как его жена с двумя сыновьями год назад погибли в авиакатастрофе.

— Это я про Город, — сказал он, когда мы вновь выкатились на солнце. — Ареал обитания людей, где у нас есть полицейские, чтоб нас охранять, психиатры, чтоб заглядывать нам в головы, и соседи, чтоб болтать с нами, и где наши уши настолько забиты треском средств массовой информации, что практически невозможно что-либо как следует осознать, или прочувствовать, или осмыслить, что-либо, что за пределами человеческого рода. Сегодня Город, фигурально выражаясь, покрывает собой весь мир вместе с

морями, и ждет не дождется прорыва в космос. По-моему, что ты имеешь в виду, Гленн, так это что трудно оторваться от Города даже на природе.

Мистер М. дважды посигналил перед слепым поворотом-серпантином и, в свою очередь, тоже подал голос.

— Я в таких вещах не особо смыслю, — сказал он, сосредоточенно сгорбившись за рулем, — но по-моему, мистер Сибьюри, вы можете найти любые страхи и ужасы, даже не выходя из собственного дома, хотя я бы сказал, что там скорее больше грязи. Это я про нацистские лагеря смерти, промывание мозгов, убийства на сексуальной почве, расовые волнения, все в таком духе, не говоря уже о Хиросиме.

— Правильно, — парировал я, — но я говорю про ужас сверхъестественный, который по сути почти полный антитезис даже самым отвратительным проявлениям насилия и жестокости со стороны человека. Призраки, внезапное прекращение действия незыблемых законов природы, вторжение чего-то совершенно чуждого ей, ощущение, будто нечто подслушивает у края космоса и царапается с обратной стороны небосвода.

Пока я произносил эти слова, Франц вдруг поднял на меня взгляд, в котором, как мне по-

казалось, внезапно промелькнули волнение и тревога, но в этот момент меня вновь ослепило солнце, а Вики заметила:

— Разве мало тебе научной фантастики, Гленн? В смысле, ужасов иных планет, внеземных чудищ?

— Мало, — твердо ответил я, моргая на лохматый черный шар, скачками ползущий по горам, — потому что у чудища с Марса или откуда там еще (по крайней мере, как представляется автору), столько дополнительных ног, столько всяких щупальцев и кроваво-красных глаз, что оно реальней полицейского на перекрестке. А если оно случись газообразное, так состав этого газа распишут тебе в мельчайших подробностях. Герой не успел еще влезть в корабль и вырваться на просторы космоса, а ты уже знаешь, какую пакость он там встретит. Я думаю о чем-то более, ну… призрачном, что ли, чем-то совсем уж потустороннем.

— И что же, Гленн — эти самые призрачные, совсем уж потусторонние вещи, по-твоему, нельзя теперь ни описать, чтоб за душу брало, ни испытать самому? — спросил Франц с совершенно неожиданной ноткой затаенного нетерпения, вперившись в меня пристальным взглядом, хотя

«Фольксваген», вовсю подскакивал на ухабах. — Почему это?

— Ты только что сам начал набрасывать основные причины, — отозвался я. Пульсирующий черный шар уже помаленьку уплывал куда-то вбок и тускнел. — Мы стали слишком уж умными, ловкими и искушенными, чтобы пугаться каких-то там фантазий. Тем более, что к нашим услугам целая армия всевозможных специалистов, чтобы объяснить любое сверхъестественное явление, едва оно успеет возникнуть. Вещество и энергия давно уже просеяны физиками сквозь мельчайшие сита, и там не осталось никаких таинственных лучей и сил, кроме тех, что они описали и скрупулезно занесли в свои каталоги. Обратная сторона небосвода тщательно обшарена при помощи гигантских телескопов и представлена астрономами в виде таблиц и графиков. Земля исследована вдоль и поперек — по крайней мере, исследована достаточно, чтобы доказать: никаких затерянных миров в глубинах Африки или Хребта Безумия возле Южного полюса нет и быть не может.

— А как же религия? — поинтересовалась Вики.

— Большинство религий, — ответствовал

я, — в наши дни все дальше отходят от сверхъестественного — по крайней мере, те, которые заинтересованы в привлечении на свою сторону интеллигентных и здравомыслящих людей. Они сейчас больше напирают на всеобщее братство, социальное обеспечение, наставничество — если не на полную тиранию! — в области морали и тщательное увязывание теологии с достижениями науки. Им уже не особо-то нужны всякие чудеса и дьяволы.

— Ну ладно, тогда оккультизм, — не отставала Вики. — Парапсихология там.

— Тут тоже не о чем говорить, — отрезал я. — Если ты и *впрямь* задумаешь поглубже залезть в телепатию, телекинез, экстрасенсорику — во всю эту потустороннюю белиберду — то с первых же шагов выяснишь, что эту территорию уже давным-давно застолбил доктор Райн, вооруженный нетленными картами Зеннера, а с ним еще целая банда парапсихологов, которые в один голос начнут тебя уверять, что весь мир духов и привидений у них надежно под колпаком, и которые не меньше физиков помешаны на классификации и картотеках.

— Но что самое худшее, — продолжил я, когда мистер М. слегка притормозил перед изрытым

ухабами подъемом, — у нас уже тридцать три поколения дипломированных психиатров и психологов (ты уж прости, Франц!) только тем и занимаются, что объясняют любое твое странное чувство или настроение либо работой твоего подсознания, либо особенностями взаимоотношений с другими людьми, либо прошлыми эмоциональными переживаниями.

Вики хмыкнула и вставила:

— Все эти сверхъестественные ужасы у них почти всегда оборачиваются детскими переживаниями и страхами, связанными с сексом. Мама, мол, это ведьма, с полными тайны выпуклостями за кофточкой и потайным заводом по деланью детей в животе, а страшный щетинистый демон с громовым голосом — всего-навсего старый добрый папочка.

В этот момент «Фольксваген», уворачиваясь от очередной россыпи камней, опять нацелился почти прямо на солнце. Я успел зажмуриться, но Вики оно застало врасплох, насколько я мог судить по тому, как она через мгновенье заморгала и отвела прищуренные глаза на громоздящиеся сбоку от машины скалы.

— Вот именно, — сказал я ей. — Дело в том, Франц, что все эти специалисты *действительно*

специалисты, шутки в сторону, все они давно поделили между собой любые внешние и внутренние миры, и едва мы замечаем что-либо странное, как тут же обращаемся к ним (неважно, на самом ли деле, или же просто в воображении), и сразу готовы вполне рациональные и приземленные объяснения. И поскольку любой такой специалист понимает в своей специальной области *гораздо* лучше нас, нам остается только без лишних слов принять такие объяснения на веру — или же спорить, в глубине души сознавая, что ведем себя точно упрямые романтичные подростки или совершеннейшие чудики.

— В результате, — закончил я, когда «Фольксваген», благополучно миновал несколько глубоких рытвин, — для потустороннего в мире попросту не остается свободного места — хотя его навалом для грубых, топорных, дурацких, смехотворных подделок, что убедительно доказывает засилье всяких заскорузлых «ужастиков», в кинематографе и прорва псевдо-фантастических и психоделических журнальчиков с их малограмотным черным юмором и битниковскими шуточками.

— Смейтесь во тьме, — с улыбкой провозгласил Франц, оглядываясь назад, где поднятое «Фольксвагеном», облако пыли стекало по склону утеса

вниз, в поросшее кустарником глубокое ущелье.

— В смысле? — удивилась Вики.

— Люди по-прежнему боятся, — просто ответил Франц, — и все одних и тех же вещей. Они просто изобрели большее число уловок, чтобы защититься от своих страхов. Научились говорить громче, быстрей, хитрей, веселей — *и* с большей претензией на всезнайство — чтоб заглушить эти страхи. Да что там, я могу привести…

Тут он резко примолк. Его, похоже, действительно всерьез взволновала эта тема, сколь старательно ни прикрывался он маской холодного философа.

— Я могу пояснить свою мысль, — объявил он, — при помощи простой аналогии.

— Давайте, — согласилась Вики.

Полуобернувшись на сиденьи, Франц пристально оглядел нас обоих. Где-то через четверть мили дорога впереди опять слегка шла на подъем и пряталась в густой тени от облака, что я отметил не без явного облегчения — к тому времени у меня перед глазами плавало уже не меньше трех темных бесформенных шаров, дергано ползущих вдоль горизонта, и я давно мечтал хоть как-то спрятаться от солнца. По тому, как Вики скашивала глаза, я мог судить, что чёрные пятна

досаждают и ей. Мистер М. в глубоко нахлобученной шляпе и Франц, обернувшийся назад, похоже, испытывали меньшие трудности.

Франц сказал:

— Представьте себе все человечество в виде одного-единственного человека, который вместе со своей семьей живет в доме, стоящем на крошечной полянке посреди темного и страшного леса, практически неизведанного, практически нехоженого. Пока он работает и пока он отдыхает, пока занимается любовью с женой или играет с детьми, он всегда с опаской поглядывает на этот лес.

Через некоторое время ему удается разбогатеть настолько, чтобы нанять стражу, которая начинает присматривать за лесом вместо него, людей, хорошо разбирающихся во всех лесных премудростях и следах — твоих специалистов, Гленн. Со временем он все больше полагается на них, все больше прислушивается к их мнению и вскоре готов признать, что каждый из этих людей немного лучше знает какой-либо близлежащий участок леса, чем он сам.

Но что если все эти стражники однажды вдруг скопом заявятся к нему и скажут: «Послушайте, хозяин, на самом-то деле никакой вокруг не лес

— это сад, который мы давно возделываем, и который простирается за самых границ вселенной. Нету вокруг никакого леса, хозяин — вы только вообразили себе все эти чёрные деревья и непроходимые заросли, потому что вас напугал какой-то шарлатан!»

Поверит ли им этот человек? Будет ли у него хоть малейшее основание им поверить? Или он попросту решит, что его наемная стража, возгордившись своими небольшими достижениями, иллюзорно уверилась в собственном всезнании?

Тень от облака была уже совсем близко, в самом конце небольшого подъема, на который мы уже практически поднялись. Франц Кинцман перегнулся к нам через спинку переднего сиденья и тихо проговорил:

— Темный и страшный лес по-прежнему существует, друзья мои. За границами космоса, принадлежащего астронавтам и астрономам, за границами смутных, запутанных областей психиатрии Фрейда и Юнга, за границами сомнительных пси-полей доктора Райна, за границами земель, которыми правят политики, священники и врачи, далеко-далеко за границами всего этого мира, что ищет спасения в безумном, бестолковом, полуистерическом смехе — по-прежнему

существует абсолютная неизвестность, затаившаяся до поры до времени, будто жуткий призрачный зверь, и столь же укутанная покровом тайны, что и всегда.

Наконец-то, ко всеобщей радости, «Фольксваген», пересек четкую границу тени от облака. Сразу повеяло холодком и потемнело. Отвернувшись от нас, Франц принялся напряженно и настойчиво рыскать глазами по ландшафту впереди, который, казалось, с исчезновением прикрытого облаком солнца внезапно расширился, обрел поразительную глубину и резкость.

Почти сразу его взгляд остановился на сером каменном утесе со скругленной верхушкой, который только что показался на противоположном краю каньона сбоку от нас. Франц похлопал мистера М. по плечу, а другой рукой показал на маленькую автостоянку у обочины, на косогоре, который пересекала дорога.

Потом, когда мистер М. резко свернул и машина со скрипом тормозов замерла почти на самом краю обрыва, Франц встал и, глядя поверх ветрового стекла, по-командирски ткнул рукой в сторону серого утеса, а другую руку с растопыренной пятерней вскинул вверх, призывая к молчанию.

Я поглядел на утес. Поначалу я не увидел ничего, кроме полудюжины слившихся воедино башенок из серого камня, которые выдавались над зарослями кустарника на вершине. Потом мне показалось, что на нем пристроилось последнее из досаждавших мне пятен от солнца — темное, пульсирующее, с расплывчатыми косматыми краями.

Я моргнул и перевел взгляд в сторону, стараясь сбросить его или, по крайней мере, сдвинуть вбок — в конце концов, это было всего лишь остаточное раздражение глазной сетчатки, зрительный фантом, который совершенно случайно на миг совпал с утесом.

Пятно не сдвинулось. Оно прилипло к скале — темный, просвечивающий, пульсирующий силуэт — словно его магнитом притягивала туда какая-то неведомая сила.

Я поежился, ощутив, как по напрягшемуся телу пробежал неприятный холодок от столь неестественного соединения пространства у меня в голове с пространством за ее пределами, столь жутковатой связи между тем, что видишь в реальном мире и тем, что плавает перед глазами, когда закрываешь их в темноте.

Я моргнул посильнее и помотал головой.

Без толку. Лохматый темный силуэт с расходящимися из него странными тонкими линиями прилип к утесу, словно некий неведомый зверь, вцепившийся в великана.

И вместо того, чтобы тускнеть, он наоборот становился все темней, точнее сказать, даже черней, тонкие линии блеснули черным глянцем, и вся эта штуковина в целом принялась с пугающей быстротой обретать ясность и выразительность, совсем как те бесформенные фантомы, что плавают перед глазами в темноте и иногда вдруг оборачиваются лицами, или масками, или звериными рылами, послушные разыгравшемуся воображению — хотя в тот момент я был бессилен изменить ход превращения того, что проявлялось на утесе.

Пальцы Вики до боли впились мне в руку. Сами того не сознавая, мы привстали и наклонились вперед, поближе к Францу. Мои собственные руки крепко вцепились в спинку переднего сиденья. Остался сидеть только мистер М., хотя он тоже напряженно всматривался в сторону утеса.

— Ой, это так похоже на… — начала было Вики хрипловатым сдавленным голосом, но резким взмахом руки с растопыренными пальцами Франц приказал ей замолчать. Потом, не отрывая

взгляда от утеса, быстро опустил руку в карман пиджака и не глядя сунул нам что-то.

Краем глаза я увидел, что это были чистые белые карточки и огрызки карандашей. Мы с Вики их взяли — мистер М. тоже.

Франц хрипло прошептал:

— Не говорите, что видите. Напишите. Только основные впечатления. Прямо сейчас, скорей. Это долго не продлится — по-моему.

В течение нескольких последующих секунд мы вчетвером смотрели, торопливо царапали на карточках и поеживались — по крайней мере, могу сказать, что уж *я-то* точно чувствовал себя весьма неуютно, хотя и не настолько, чтоб сразу взять и отвести глаза.

Потом застывшее на утесе *нечто* внезапно пропало. Я понял, что и для остальных это произошло почти в то же самое мгновенье — по тому, как у них опали плечи, и по сдавленному вздоху, который испустила Вики.

Никто не произнес ни слова. Мгновенье мы переводили дух, потом пустили карточки по кругу и зачитали. Буквы на карточках прыгали и разъезжались в разные стороны — что бывает, когда торопливо царапаешь, не глядя на бумагу, — да еще, вдобавок, были начертаны явно дрожащей

рукой, что особенно бросалось в глаза в наших с Вики записях. Записи были такие:

Вики Квинн:

Черный тигр, горящий ярко. Ослепительный мех — или тина. Оцепенение.

Франца Кинцмана:

Черная царица. Сверкающая мантия из множества нитей. Не оторвать глаз.

Моя (Гленна Сибьюри):

Гигантский паук. Черный маяк. Паутина. Притягивает взгляд.

Мистера М., почерк которого отличался наибольшей разборчивостью:

Ничего я не видел. Не считая трех людей, которые уставились на голую серую скалу, будто в ней распахнулись врата ада.

Мистер М. и взгляд поднял первым. Мы встретились с ним глазами. Губы у него скривились в неуверенной усмешке, в которой одновременно промелькнули и язвительность, и тревога.

Мгновенье спустя он произнес:

— М-да, неплохо вы загипнотизировали своих юных друзей, мистер Кинцман.

Франц спокойно отозвался:

— Значит, Эд, это ты так — гипнозом — объяс-

няешь то, что произошло, или то, что произошло только на наш взгляд?

Тот пожал плечами.

— А чем же еще? — весело поинтересовался он. — У тебя есть какое-то другое объяснение, Франц? Особенно если учесть, что на меня это не подействовало?

Франц помедлил. Я с нетерпением ждал его ответа, страстно желая выяснить, не знал ли он об этом заранее, что очень походило на истину, и откуда знал, и сталкивался ли с чем-то подобным раньше. Ссылка на гипноз, хоть и вполне разумная, казалась полнейшей бессмыслицей.

Наконец, Франц покачал головой и твердо ответил:

— Нет.

Мистер М. пожал плечами и завел мотор.

Говорить никому из нас не хотелось. Пережитое было все еще с нами, покалывало нас изнутри, и когда свидетельство карточек оказалось столь неопровержимым, параллели столь точными, а убеждение в одинаковости восприятия столь твердым, можно было не вдаваться в более детальную расшифровку записей.

Вики только сказала мне, с небрежностью человека, лишний раз проверяющего какой-то

момент, в котором он практически уверен:

— Черный маяк — это значит свет, но черный? Лучи тьмы?

— Конечно, — ответил я, и в той же самой небрежной манере спросил: — Твоя «тина», Вики, твои «нити», Франц — все это случайно не похоже на такие хрупкие проволочные модели трехмерных фигур, которыми пользуются на уроках геометрии — ажурные каркасы, заполненные пустотой? Демонстрирующие привязку точек к бесконечности?

Оба кивнули.

— Как и моя паутина, — сказал я, и на этом разговор и закончился.

Я вытащил сигарету, вспомнил про запрет и сунул ее обратно в нагрудный карман.

Вики опять подала голос:

— Наши описания… чем-то похожи на описания всяких фигур при гадании… каждый видит что-то своё…

Не получив ответа, она примолкла на полуслове.

Мистер М. остановил машину в начале узкой подъездной дорожки, круто сбегавшей вниз к дому, единственной видимой частью которого была плоская крыша, неровно засыпанная серым

гравием, и выпрыгнул из-за руля.

— Спасибо, что подбросил, Франц, — сказал он. — Не забудь позвонить — телефон опять работает — если вас, ребята, надо будет куда-нибудь свозить на моей машине… или еще чего.

Он торопливо бросил взгляд на нас с Вики и нервозно улыбнулся:

— До свиданья, мисс Квинн, до свиданья, мистер Сибьюри. Постарайтесь больше не… — Тут он примолк, попросту бросил «Пока!», и быстро зашагал вниз по дорожке.

Но мы, конечно, догадались, что он хотел сказать: «Постарайтесь больше не видеть черных тигров с восемью ногами и женскими лицами», — или чего-нибудь в этом духе.

Франц перелез на водительское место. Как только «Фольксваген», тронулся с места, я понял, по какой причине обстоятельный мистер М. вызвался лично сесть за руль на горном участке. Не то чтобы Франц пытался заставить престарелый «Фольксваген», изображать из себя спортивный автомобиль, но манера езды была у него довольно своеобразная — с лихими поворотами руля и дергаными разгонами под завывание мотора.

Он пробормотал вслух:

— Одного только никак не пойму: почему этого

не видел Эд Мортенсон? Если «видел», конечно, подходящее слово.

Так что в конце концов я точно выяснил фамилию мистера М. Вовремя, ничего не скажешь. Вики проговорила:

— Мне видится лишь одна возможная причина, мистер Кинцман. Он ехал не туда, куда едем мы.

II

«Вообразите себе чудовищного южноамериканского паука-птицееда, принявшего вдруг человеческий облик и наделенного разумом едва ли в меньшей мере, чем человек, и получите лишь самое приблизительное представление об ужасе, который способен вызвать этот жуткий портрет.»

М.Р. Джеймс, «Альбом Кэнона Элбрика»

Домик-На-Обрыве располагался где-то милях в двух за обиталищем мистера Мортенсона и тоже значительно ниже дороги, извивавшейся вдоль крутого («крутого», — это еще слабо сказано!) косогора. Вела к нему узенькая дорожка — только-только проехать на машине — явно одна-единственная. С одной стороны этой дорожки, сразу за цепочкой выкрашенных белой краской

валунов на обочине, начинался практически отвесный обрыв глубиной футов в сто. С другой — поросший густым кустарником каменистый склон, который поднимался к основной дороге под углом сорок пять градусов.

Где-то через сотню ярдов подъездная дорожка расширялась, превращаясь в короткую и узкую площадочку или террасу, где и стоял Домик-На-Обрыве, который занимал чуть ли не половину всего свободного пространства. Франц, который преодолел начало дорожки с уверенной лихостью местного жителя, резко замедлил ход, как только показался дом, и «Фольксваген», пополз еле-еле, чтобы дать нам возможность в подробностях рассмотреть владения Франца, пока те еще находились под нами.

Дом действительно был выстроен на самом краю обрыва, который проваливался вниз даже еще глубже и отвесней, чем в начале подъездной дорожки. Со стороны въезда, не доходя до стены на каких-то два фута, спускался головокружительно крутой земляной склон практически без единого признака какой-либо растительности, такой геометрически ровный и гладкий, словно был частью колоссального коричневого конуса. Где-то на самом его верху цепочка коротких бе-

лых столбов, таких далеких, что не были видны подвешенные между ними провода, обозначала дорогу, с которой мы свернули. Мне показалось, что крутизна склона никак не меньше сорока пяти градусов — непривычному глазу горы всегда представляются невероятно крутыми, но Франц сказал, что там от силы тридцать — вроде еще немного, и весь склон поползет вниз. Год назад он полностью выгорел в результате лесного пожара, который едва не добрался и до самого дома, а совсем недавно случилось еще и несколько небольших оползней из-за ремонтных работ наверху, на дороге, которые засыпали последнюю уцелевшую от огня растительность.

Дом был длинный, одноэтажный, с выложенными асбестовой плиткой стенами. Почти плоская крыша, крытая серым шифером, имела едва заметный уклон в сторону горы. Дом состоял из двух одинаковых секций — или крыльев, назовем их так — поставленных под небольшим углом друг к другу, чтобы максимально использовать пространство у изогнутого края обрыва. Ближнее крыло дома, с северной стороны, огибал открытый плоский выступ с легкими поручнями (Франц прозвал его «палубой»), который причудливым балкончиком нависал прямо над

обрывом, имевшим в этом месте глубину в триста футов.

Со стороны въезда располагался мощеный дворик достаточных размеров, чтобы развернуть машину, и летний гараж без дверей, пристроенный к дому с противоположной стороны от обрыва. Когда «Фольксваген», въезжал в этот дворик, под колесами лязгнул толстый металлический лист, перекинутый через канаву, которая огибала его по периметру и служила для отвода воды со склона — а также с крыши — во время нечастых, но сильных ливней, что случаются в Южной Калифорнии зимой.

Прежде чем мы вышли, Франц развернулся. Сделал он это в четыре приема — свернул к углу дома, где начиналась «палуба», сдал назад, до упора вывернув руль, пока задние колеса не оказались почти над канавой, вывернул руль в обратную сторону, проехал вперед, чуть не упершись передними колесами в металлический отбойник на краю обрыва, и, наконец, откатился задним ходом к гаражу, практически перегородив задней частью автомобиля дверь, которая, по словам Франца, вела на кухню.

Мы втроем вылезли, и Франц позвал нас на середину дворика, чтобы еще разок оглядеть окрест-

ности до того, как войдем внутрь. Я заметил, что между булыжниками кое-где проглядывает настоящий монолитный гранит, присыпанный тонким слоем земли, что говорило о том, что терраса была не земляная, искусственного происхождения, а представляла собой верхушку скалы, торчащей сбоку от склона. Это придало мне чувство уверенности, которое я особенно приветствовал по той причине, что имелись и некоторые другие впечатления — а скорей, неосознанные ощущения — которые заметно меня беспокоили.

Это были едва заметные, практически неуловимые ощущения — все до одного, шатко балансирующие на самом пороге осознания. В другой ситуации я вряд ли обратил на них внимание — я не считаю себя слишком уж чувствительной личностью — но что тут говорить, невероятное видение на утесе несколько выбило меня из колеи. Для начала, едва заметно пованивало горелой тряпкой, из-за чего во рту ощущался горьковатый медный привкус; не думаю, что я все это просто себе вообразил, поскольку заметил, как Франц недовольно принюхивается и проводит языком по зубам. Потом, не оставляло чувство, будто лица и рук легонько касаются какие-то тон-

чайшие нити — вроде паутины или водорослей в воде, хоть мы стояли на совершенно открытом месте, прямо посреди двора, а ближайшим предметом над нами было облако, от которого нас отделяло не меньше полумили. И едва я это ощутил — чувство было едва уловимым, не забывайте — то тут же заметил, что Вики неуверенно провела рукой по волосам и затылку, как обычно поступает женщина, когда опасается, что ей на голову упал паук.

Все это время мы особо много не разговаривали — разве что Франц рассказал, как пять лет назад на весьма выгодных условиях купил Домик-На-Обрыве у наследников одного любителя серфинга и спортивных машин, разбившегося на повороте в Корабельном каньоне.

Так что мне, ко всему прочему, начали чудиться еще и какие-то неясные, почти за границами слышимости звуки в той практически полной тишине, которая нахлынула на нас, когда умолк мотор «Фольксвагена». Я знаю, когда попадаешь из города на природу, слух непривычно обостряется и начинаешь слышать даже собственное дыхание, что поначалу немного раздражает, но в том, о чем я говорю, было действительно что-то необычное. Что-то тихонько посвисты-

вало — слишком высоко и пронзительно для нормального слуха — и мягко погромыхивало, на слишком низких для него нотах. Но вместе с тем, что вполне могло объясняться просто шумом в ушах, три раза мне показалось, будто я слышу шипящее потрескивание осыпающихся камешков или гравия. Каждый раз я поспешно поднимал голову и оглядывал склон, но так и не заметил даже мельчайших признаков осыпи или обвала, хотя видел гору почти целиком.

Когда я третий раз поднял туда взгляд, облака уже немного разошлись, и на меня в ответ глянула верхушка прячущегося за вершину солнца. В голове у меня тут же промелькнуло сравнение со стрелком, залегшим за горой и берущим меня на мушку. Я торопливо отвернулся. Не хватало еще, чтоб опять перед глазами поплыли темные пятна. В этот самый момент Франц повел нас через «палубу», ко входной двери.

Я опасался, что неприятные ощущения усилятся, когда мы зайдем внутрь — особенно почему-то запашок горелого и невидимая паутина — так что очень приободрился, когда все они моментально исчезли, будто не выдержав прямого столкновения с присущими Францу сердечностью, душевным уютом, цивилизованной

основательностью и интеллигентностью, которые прямо-таки источала гостиная.

Это была длинная комната, вначале узкая, где она уступала место кухне с кладовкой и небольшой ванной, а затем расходящаяся на всю ширину дома. У стен не оставалось ни дюйма свободного пространства, настолько они были заставлены шкафами — большей частью с книгами. Между книг виднелись статуэтки, какие-то археологические редкости, научные приборы, магнитофон, стереосистема и все такое прочее. У внутренней стены, что отделяла гостиную от кухни, стоял большой письменный стол, несколько картотечных шкафчиков и подставка с телефоном.

Стол был приставлен к глухой стене, но чуть дальше, за углом, где начиналось второе «крыло», дома, располагалось широкое, как витрина, окно, выглядывающее через каньон на нагромождения скал и утесов, которые полностью закрывали собой не такой уж далекий океан. Прямо перед этим большим окном стояли длинный диван и такой же длинный стол.

В конце гостиной узкий коридорчик вел до самой середины второго крыла к двери, которая, в свою очередь, выходила на небольшую, закрытую со всех сторон лужайку, вполне пригодную для

использования в качестве солярия и достаточную по размерам для игры в бадминтон — если б нашелся такой хладнокровный человек, чтобы скакать с ракеткой на высоте птичьего полета у самого края глубочайшего обрыва.

С той стороны от коридора, что ближе к склону, располагались просторная спальня — Франца — и большая ванная комната, дверь которой выходила в коридор в самом его конце. На противоположную сторону выходили двери двух спален чуть поменьше, каждая с огромным окном, которые можно было полностью закрыть плотными темными шторами. Это были комнаты сыновей, заметил он походя, но я не без облегчения отметил, что в них практически не осталось никаких предметов, могущих напомнить об их юных обитателях: в глубине моего шкафа, честно говоря, висели какие-то женские вещи. Обе эти спальни, которые он отвел нам с Вики, соединяла общая дверь, которая с обеих сторон запиралась на задвижки, сейчас отпертые, хотя сама дверь была прикрыта — типичное проявление, хотя и совсем незначительное, интеллигентной тактичности Франца: он не знал, или, по крайней мере, делал вид, что не знает, какие у нас с Вики отношения, и вопрос с дверью оставил решать

нам самим, как сочтем нужным — без лишних слов и многозначительных намеков.

К тому же, прочными задвижками были снабжены и обе двери в коридор — Франц всегда искренне считал, что гость имеет право на уединение — и в каждой из комнат обнаружилась небольшая вазочка с серебряными монетками, не какими-то там коллекционными, а самой обыкновенной американской мелочью. Вики это заинтересовало, и Франц смущенно пояснил, посмеиваясь над собственной романтичностью, что исповедует старинный обычай испанской Калифорнии, требующий, чтобы помимо всего прочего под рукой у гостей имелись и необходимые им деньги.

Познакомившись с домом, мы разгрузили «Фольксваген», от нашего скудного багажа и провизии, которой Франц запасся в Анжелесе. При виде тонкого слоя пыли, собравшейся повсюду за его месячное отсутствие, он тихонько вздохнул, и Вики настояла, чтобы мы пришли к нему на выручку и на скорую руку навели порядок. Франц особо не протестовал. По-моему, всем нам — по крайней мере, мне-то уж точно — очень хотелось поскорей заняться чем-нибудь обыденным, чтоб стереть из памяти недавнее невероятное собы-

тие и вернуть ощущение реальности, хотя вслух этого никто не высказал.

За компанию с Францем с этим делом мы управились легко и непринужденно. За домом он, конечно, следил, но не никогда не возводил чистоту полов в культ. Сноровисто орудуя веником и шваброй, Вики просто-таки великолепно смотрелась в своем свитере, тореадорских штанах и сандалиях с длинными ремешками — она носит современную униформу молодых интеллектуалок, старающихся не забывать и о своей принадлежности к женскому полу, правда, не подчеркивая это положение, а исключительно следуя моде.

Покончив с этим делом, мы засели на кухне с кружками черного кофе — выпить почему-то никому из нас не захотелось — слушая, как побулькивает в котелке мясо, которое Франц поставил тушиться на плиту.

— Насколько я понимаю, — начал он безо всяких предисловий, — вам хочется узнать, не знал ли я о том, что нечто подобное должно было случиться, еще когда приглашал вас сюда, и нет ли какой-либо связи между данным феноменом — довольно претенциозный термин, не правда ли? — и прошлым этой местности или моим соб-

ственным прошлым — или некой деятельностью, осуществляемой в этих краях, включая военные испытания — и, наконец, нет ли у меня какой-либо теории, могущей все это объяснить — вроде предположения Эда насчет гипноза.

Вики кивнула. Он абсолютно точно выразил то, что было у нас в головах.

— Кстати насчет гипноза, — вклинился я. — Когда мистер Мортенсон высказал это предположение, оно показалось мне совершенно невероятным, но теперь я далеко не так в этом уверен. Я вовсе не хочу сказать, что ты нас умышленно загипнотизировал, но разве не существует таких форм самогипноза, которые могут передаваться другим? Как бы там ни было, условия для этого были самыми благоприятными — мы только что говорили о сверхъестественном, было солнце и оставшиеся от него чёрные пятна, которые способствовали привлечению внимания, потом внезапный переход к полутьме, и, наконец, ты так решительно указал на тот утес, словно там и следовало чего-то увидеть.

— Ни на минуту не могу в это поверить, Гленн, — убежденно возразила Вики.

— Честно говоря, я тоже, — повернулся я к ней. — В конце концов, записи на карточках

весьма наглядно продемонстрировали, что привиделось нам практически одно и то же — небольшие различия в описаниях способны лишь подкрепить это убеждение — и я не вижу, где по дороге, или при каких-то наших прежних встречах мы могли получить материал для подобного внушения. И все же мысль о неком скрытом подсознательном внушении меня упорно не оставляет. Может, это так называемый дорожный гипноз, или солнечный? Франц, с тобой такое и раньше случалось? Насколько я понимаю, это именно так.

Он кивнул, но потом обвел нас обоих задумчивым взглядом и проговорил:

— Хотя не думаю, что мне следует рассказывать вам об этом в мельчайших подробностях. Не то чтобы я опасаюсь, что вы заподозрите меня во вранье или чем-нибудь в этом роде, но просто по той причине, что если я расскажу, а потом нечто подобное случится и с вами, вы еще больше уверитесь — и вовсе не без оснований — что дело только во внушении.

— И все же придется мне дать ответ на эти вопросы, — продолжал он. — Только коротко, в общем и целом. Да, я уже не раз испытывал нечто подобное, когда приезжал сюда один в

позапрошлом месяце — и то же самое, что сегодня, и с некоторыми отличиями. Тогда у меня на этот счет не возникло никаких фольклорных или оккультных теорий, ни чего-то в этом духе, и все же я настолько перепугался, что в конце концов поехал в Анжелес и проверил глаза у очень хорошего окулиста, посетил психиатра и двух психоаналитиков, которым полностью доверяю. Все в один голос меня заверили, что психика у меня в порядке — зрение тоже. Через месяц я пришел к окончательному убеждению, что все виденное или прочувствованное мною было просто галлюцинациями, связанными с одиночеством. Вас я пригласил частично и с той целью, чтобы в случае повторения чего-то подобного кто-то мог развеять мои сомнения.

— Однако вы не были окончательно убеждены, что все это только померещилось, — заметила Вики. — Карточки и карандаши вы держали наготове, в кармане.

Франц ухмыльнулся в ответ — замечание угодило точно в цель.

— Верно, — сказал он. — В глубине души я не исключал ничтожной вероятности того, что мне действительно не померещилось, и заранее приготовился. И как только мы въехали в горы, стал

смотреть на все это совсем по-иному. То, что казалось совершенно невероятным в Анжелесе, стало чуть ли не само собой разумеющимся. Странно. Ну ладно, пошли пройдемся по палубе — там уже должно быть попрохладней.

Кружки мы взяли с собой. Снаружи и впрямь заметно похолодало, бо́льшая часть каньона уже часа два как скрывалась в тени, и снизу по ногам поддувал легкий ветерок. Чуть попривыкнув к тому, что нахожусь на краю ужасающего обрыва, я нашел это восхитительным. Вики, должно быть, тоже, судя по тому, как она смело перегнулась через жиденькие поручни, заглядывая вниз.

Каньон внизу густо порос темными деревьями и кустарником. Ближе к противоположной стороне растительность становилась все реже, и прямо перед нами из стены каньона выдавался колоссальный уступчатый срез бледно-рыжего гранита, слои на котором располагались, точно на картинке в учебнике по геологии. Выше этой среза опять начинался подлесок, а потом нагромождения отдельных рыжих и серых скал с темными провалами и пещерами между ними, ведущих уступами к высокому серому утесу, который заметно возвышался над остальными.

Склон за домом, конечно, уже полностью за-

гораживал от нас солнце, но желтые лучи все еще касались верха противоположной от нас стены, медленно продвигаясь вместе с заходящим солнцем. Облака сдуло к востоку, где они еще виднелись на горизонте, но с запада ни одного не пришло к ним на смену.

Вместо того, чтобы обрести более приподнятое «нормальное настроение», перед выходом на «палубу», я заранее приготовился к уже испытанным жутковатым ощущениям, но их не было. Что почему-то не настолько успокоило, как ожидалось. Я заставил себя восхититься пестрой каменной стеной напротив.

— Господи, просыпаешься — и такой вид! — с энтузиазмом воскликнула Вики. — Словно окунаешься в разлитый вокруг прозрачный воздух под невероятной вышины небом!

— Да, видок ничего, — согласился Франц.

И тут они вернулись, легчайшие, едва заметные, как и раньше, перышками щекочущие на самом пороге восприятия — запашок горелого, горьковатый медный привкус, касания невидимых паутин, полувибрации-полузвуки, шипение и пощелкивание призрачного гравия… те самые незначительные ощущения, как назвал я их про себя.

Я понял, что Вики с Францем тоже это ощутили, только потому, что больше они не сказали ни слова и я почувствовал, как они оба напряженно застыли… и тут один из последних солнечных лучей коснулся какой-то зеркальной плоскости на скалистой вершине напротив, очевидно, кварцевого вкрапления, поскольку отраженный луч вонзился в меня, словно золотая рапира, отчего я моргнул — и тут на мгновенье он стал глянцево-черным и мне показалось, что я увидел (хотя далеко не так четко, как того уже упомянутого паука-многоножку на утесе), черный силуэт — черный диковатой вспененной чернотой, которую можно увидеть, только закрыв глаза ночью. Силуэт стремительным зигзагом метнулся куда-то вниз, к изрытым пещерами скальным выступам, провалился окончательно и бесповоротно в подлесок над гранитным уступом и исчез.

В этот момент Вики судорожно стиснула мой локоть, а Франц резко развернулся к нам, после чего отвернулся опять.

Все это было очень странно. Я чувствовал испуг и в то же время нетерпение, словно вот-вот должно было случиться какое-то чудо, вот-вот должна была открыться какая-то тайна. И все

это время наше поведение было на удивление сдержанным и уравновешенным. Одна фантастически тривиальная подробность — никто из нас не расплескал ни капли кофе.

Минуты две мы разглядывали стену каньона выше уступа.

Потом Франц сказал, каким-то чуть ли не радостным тоном:

— Пора обедать. После поговорим.

Я с глубоким облегчением опять ощутил на себе удивительное действие дома, как только мы снова в него зашли — тот словно излучал покой, основательность, умиротворение и уют, казался пусть маленькой, но надежной крепостью, способной защитить от любой опасности, угрожающей извне. Я понял, что это союзник.

III

«Когда этот глубоко убежденный рационалист впервые пришел проконсультироваться со мной, он был в таком паническом состоянии, что уже не только он сам, но и я вместе с ним почувствовал, откуда ветер дует — со стороны сумасшедшего дома!»

Карл Густав Юнг, «Психология и символ»

Мы с аппетитом навернули приготовленное Францем мясо с толстыми ломтями черного ржаного хлеба и розоватым сыром, запили соком и кофе, а потом, взяв с собой еще кофе, переместились на длинный диван перед большим смотровым окном в гостиной. В небе еще теплился желтоватый радужный полусвет, но пока мы устраивались, он окончательно угас. Вскоре на севере слабо замерцала первая звездочка.

— А почему черный — страшный цвет? — неожиданно подала голос Вики.

— Ночь, — отозвался Франц. — Хотя тут можно поспорить, цвет ли это, или же отсутствие цвета, или просто некая пустая основа для восприятия. Но такой ли уж он изначально страшный?

Вики кивнула, поджав губы.

Я заметил:

— Почему-то самый сильный неосознанный страх лично у меня всегда вызывает фраза «чёрные пространства между звездами». На сами звезды могу смотреть, даже не задумываясь, а вот фраза меня достает.

Вики проговорила:

— А у меня такой страх вызывает мысль о чернильно-черных трещинах, взламывающих вдруг весь окружающий мир, сначала тротуары и сте-

ны домов, потом мебель, полы, машины и прочие предметы, и наконец, страницы книг, и лица людей, и голубое небо. Трещинах *чернильно-* черных — где ничего, кроме беспросветной черноты.

— Как если бы вселенная представляла собой гигантский кроссворд с черной заливкой между квадратиками для букв? — полуутвердительно вставил я.

— Почти. Или византийскую мозаику. Глянцевое золото и глянцевую *черноту*.

Франц заметил:

— Нарисованная тобой картина, Вики, хорошо иллюстрирует то ощущение всеобщего развала, которое не оставляет нас в современном мире. Семьи, нации, классы, любые другие группы, в которые по тем или иным признакам объединялись люди, распадаются на глазах. Вещи меняются, прежде чем успеваешь как следует их узнать. Смерть, при которой жизнь уходит по частям, словно взносы при плате в рассрочку — или гниение столь скорое, что уже неотличимо от смерти. Нежданное-негаданное рождение. Возникновение чего-то из ничего. Реальность, вытесненная фантастикой с такой быстротой, что уже не понять, где фантастика, а где реальность. Не отпускающее ощущение *дежа-вю* — «я тут уже

был — но когда, каким образом?», Даже вероятность того, что попросту не существует такого понятия, как ход событий, плавно перетекающих из одного в другое, что между ними только какие-то загадочные провалы. И, конечно же, в каждом таком новом провале — или трещине — сразу гнездится страх.

— Иллюстрирует также и фрагментарность знания, как это кто-то обозвал, — подхватил я. — Мир слишком велик и сложен, чтобы охватить его целиком, а не отдельными пятнами. Одному это не под силу. Нужны целые армии специалистов — армии из армий. У каждого специалиста своя область, своё пятно, своя строчка кроссворда, но между любыми двумя областями всегда найдется обширный нехоженный край.

— Правильно, Гленн, — резко вклинился Франц, — и сегодня, по-моему, в один из таких обширных краев мы втроем и сунулись.

Он помедлил и как-то неуверенно, чуть ли не смущенно проговорил:

— По-моему, каждому из нас хочется сейчас поговорить о том, что мы видели — и вряд ли стоит держать рот на замке только лишь из опасения, что рассказ об увиденном может как-то повлиять на представления, сложившиеся у других, и иска-

зить их свидетельства. Так вот, насчет черноты предмета, или тени, или видения, что наблюдал я (я назвал его «черной царицей», но пожалуй, более точным было бы слово «сфинкс», — посреди черного лохматого пятна проглядывало длинное звериное или змеиное тело) — так насчет черноты: чернота эта была явно гуще той клубящейся тьмы, что плавает перед глазами при отсутствии света, хотя что-то общее с ней имела.

— Верно, — подтвердил я.

— О да, — вторила мне Вики.

— Было ощущение, — продолжал Франц, — будто эта штуковина, возникшая где-то у меня в глазах, в голове, располагалась при этом и далеко на горизонте — я имею в виду, на утесе. Каким-то образом она являлась одновременно субъективной — существуя в моем сознании, и объективной — наличествуя в материальном мире, или же… — тут он помешкал и понизил голос, — или же имела отношение к некой более основной, более изначальной и менее органической области, нежели материальный мир и сознание.

— Почему не может существовать каких-то иных типов пространства помимо тех, что мы знаем? — продолжал он, будто бы оправдыва-

ясь. — Неких иных закоулков в пещере вселенной? Одних пространственных измерений люди уже ухитрились выдумать и четыре, и пять, и более! На что похоже *чувство* пространства внутри атома, или пространства между галактиками, или за пределами любых галактик? О, я прекрасно понимаю, что вопросы, которые я задаю, для большинства ученых просто нонсенс — это вопросы из тех, сказали бы они, к которым не применимы ни эксперимент, ни логика — но ведь те же ученые не способны дать даже намека на ответ, где и в каком виде существует пространство сознания, каким образом студень из нервных клеток способен поддерживать необъятный пламенеющий мир внутренней реальности — они отговорятся под предлогом (вполне по-своему законным) что наука имеет дело с вещами, которые могут быть измерены и на которые, что называется, можно указать пальцем, а кто способен измерить мысль или указать на нее пальцем? Но сознание-то как таковое *есть* — это основа, на которой все мы существуем и зародились, это основа, на которой зародилась сама наука, вне зависимости от того, способна она объяснить ее или нет — так что лично для меня вполне допустимо предположение о существовании некого основного, первородного

пространства, служащего мостом между сознанием и материей… и о принадлежности того, что мы видели, именно к такому пространству.

— А может, все-таки *есть* специалисты в подобной области, да только мы их выпускаем из виду, — совершенно серьезно сказала Вики. — Не ученые, а мистики и оккультисты, по крайней мере, некоторые из них — честное меньшинство среди толпы мошенников. У вас в библиотеке есть их книги. Я узнала заглавия.

Франц пожал плечами.

— Лично я никогда не находил в оккультной литературе ничего, что можно было бы взять за основу. Понимаете, оккультизм — почти как литературные и киношные «ужастики», — это нечто вроде игры. Да и как большинство религий. Поверь в игру и прими ее правила — или условности рассказа или фильма — и испытаешь страх, или чего там тебе еще нужно. Прими мир спиритов — увидишь духов и побеседуешь с безвременно усопшим родственником. Прими рай — и обретешь надежду на вечную жизнь и помощь всемогущего бога, работающего на твоей стороне. Прими ад — и столкнешься с дьяволами и демонами, если это то, что тебе надо. Прими — пусть даже с чисто литературными целями

— колдовство, друидизм, шаманизм, волшебство в каком-то ином современном варианте, и получай оборотней, вампиров, стихию неведомого. Или поверь в таинственное влияние и сверхъестественное могущество могилы, старинного дома или изваяния, мертвой религии или старого камня с полустертыми надписями на нем — и получай нечистую силу все того же общего сорта. Но я думаю про тот страх — который, пожалуй, больше опасливое изумление — что лежит за пределами любой игры, что свободен от любых правил, не подчиняется никакой созданной людьми теологии, не поддается никаким чарам или защитным ритуалам, что бродит по миру невидимым и бьет без предупреждения куда только пожелает, во многом подобно (хотя и устроен совсем по-иному) молнии, или чуме, или вражеской атомной бомбе. Про тот страх, ради защиты от которого и ради того, чтобы забыть о нем, и было возведено все здание цивилизации. Страх, о котором ничего не поведают никакие человеческие знания.

Я встал и подошел ближе к окну. Звезд на небе почти не прибавилось. Я попытался разглядеть гранитный уступ напротив, но он скрывался за отражениями в оконном стекле.

— Может, и так, — отозвалась Вики, — но парочку этих книг мне все равно хотелось бы пролистать заново. По-моему, они как раз над письменным столом.

— Как называются? — спросил Франц. — Я помогу найти.

— А я пока прогуляюсь по «палубе», — бросил я как можно небрежней, двигаясь в противоположную сторону. Ответа не последовало, но у меня было чувство, что внимательные взгляды проводили меня до самых дверей.

Как только я толкнул от себя дверь — что потребовало определенного волевого усилия — и прикрыл ее за собой, до конца не захлопывая — что тоже далось не без труда — я начал сознавать две вещи: во-первых, что на улице гораздо темней, чем я ожидал — широкое окно гостиной скрывалось за углом стены и бросало лишь слабый отсвет на узенькую площадку перед обрывом, а не считая звезд, других источников света здесь не было; и во-вторых, что темнота, как я обнаружил, вселяет чувство уверенности.

Причина этого была вполне очевидной — испытанный ранее страх ассоциировался с солнцем, с ослепительным солнечным светом. Теперь я был от него в безопасности — хотя если бы кто-

то невидимый вдруг зажег у меня перед лицом спичку, результат мог оказаться совершенно непредсказуемым.

Короткими шажками я двинулся вперед, нашаривая вытянутыми руками поручень.

Я прекрасно понимал, зачем вышел из дома. Я хотел испытать свою храбрость, бросив вызов этой штуковине, какой бы она не была — иллюзорной, реальной или какой-то еще, гнездящейся внутри нашего разума или вне его, или же способной каким-то образом, как предположил Франц, существовать в обеих этих областях одновременно. Но помимо этого, как я сознаю теперь, уже присутствовало и начало *очарования*.

Наконец мои руки коснулись поручня. Я вперился взглядом в черную стену напротив, то отводя глаза, то всматриваясь снова, как делаешь, когда пытаешься получше рассмотреть звезду или какой-то неясный предмет в темноте. Через некоторое время мне удалось разглядеть огромный белесый уступ и несколько скал над ним, но минуты через две я убедился, что если и дальше буду шарить взглядом по окутанным тьмой камням, то прыгающих по ним черных теней насмотрюсь хоть отбавляй.

Я поднял взгляд к небу. Млечного Пути еще не

было, но он должен был показаться совсем скоро, звезды разгорались так ярко и густо, как никогда не увидишь в затянутом смогом Анжелесе. Прямо над обведенным россыпью звезд темным силуэтом скалистой вершины напротив я нашел Полярную звезду и расходящиеся от нее ломаные цепочки Большой Медведицы и Кассиопеи. Внезапно я словно всем телом ощутил объем атмосферы, безбрежность расстояния между мной и звездами, а потом — будто обрел вдруг способность проникать взглядом во все стороны одновременно — ощутил вокруг себя вселенную, с каждым мигом все больше отдаваясь этому невероятно притягательному чувству, которое поглотило меня подобно какому-то вязкому веществу.

Пролегшая позади меня безупречно скругленная выпуклость земли около сотни миль вышиной закрывала собой солнце. За толщей земной коры под моей правой ступней раскинулась Африка, под левой — Австралия, и дикой казалась мысль о страшно сжатой раскаленной материи, что пролегла между нами под холодной земной мантией — ослепительно сверкающем расплавленном металле или камне, где не было глаз, чтобы видеть их сияние, и не имелось

даже миллионной доли дюйма свободного пространства, в котором мог перемещаться этот нестерпимо яркий, наглухо запертый свет. Я ощутил безмолвные мучения исковерканного льда у безжизненных полюсов, страшное давление воды в глубинах морей, слепое шевеление пальцев расползающейся во все стороны лавы, почувствовал, как тяжело ворочаются и осыпаются комочки сырой земли под упорно лезущими вглубь пытливыми отростками бесчисленного множества корней с копошащимися меж них червями.

Потом несколько мгновений я словно мимолетно заглядывал в два миллиарда пар человеческих глаз — сознание мое перелетало из разума в разум подобно огню бикфордового шнура. Еще несколько мгновений я смутно разделял бесчисленное множество чувств и переживаний, вздрагивая при слепых толчках миллиарда триллионов пылинок микроскопической жизни в воздухе, в земле, в человеческих жилах.

Потом мое сознание стремительно метнулось прочь от земли во все стороны сразу, будто стремительно выросшее облако вырвавшегося на свободу чувствительного газа. Я миновал пыльную сухую крупинку Марса, ухватил мимо-

летным взглядом молочные полоски Сатурна с его огромными тонкими кольцами из бестолково кувыркающихся в пустоте зазубренных льдин. Оставил позади безжизненный и холодный Плутон с его горькими азотными снегами. Я подумал, насколько все-таки люди похожи на планеты — одинокие крошечные крепости разума, отделенные друг от друга безмерными черными расстояниями.

Потом быстрота, с которой мое сознание распространялось в пространстве, стала безграничной, и мой разум тонко рассеялся среди звезд Млечного Пути и других звездных туманностей за его пределами — выше, ниже, по всем сторонам, среди звезд надира и среди звезд зенита — и на миллиарде миллиардов планет этих звезд я ощутил бесконечное разнообразие сознающей себя жизни — голой, одетой, укутанной в мех или упрятанной в панцири, и даже такой, где живые клетки витали отдельно друг от друга — с лапами, руками, щупальцами, клешнями, присосками, неведомой силой магнетизма — которая любила, ненавидела, боролась, отчаивалась, мыслила.

Некоторое время мне казалось, что все эти существа сплелись в едином танце, неистово веселом, остро чувственном, нежно манящем.

Потом настроение этой картины померкло, и весь искрометный хоровод развалился на триллионы триллионов одиноких пылинок, навек и бесповоротно отделенных друг от друга, сознающих лишь унылую бессмысленность космоса вокруг них и застывших в предчувствии грядущей гибели вселенной.

Одновременно каждая из миллиона абстрактных звезд словно стала для меня тем огромным солнцем, каким и была, заливая жалящими лучами площадку, на которой стояло мое тело, и дом за ней, и существ в доме, старя их мерцанием миллиарда пустынных лун, растирая в пыль в одно ослепительно сверкнувшее мгновение.

Меня мягко взяли за плечи и послышался голос Франца:

— Осторожно, Гленн!

Я замер, хотя на мгновенье каждая нервная клетка во мне была словно на самом пороге взрыва. Потом я испустил нервный смешок, больше похожий на сдавленный вздох, обернулся и голосом, который самому мне показался глухим и запинающимся, как у пьяного, отозвался:

— Я просто замечтался. На минуту мне показалось, будто я могу охватить взглядом весь мир. А где Вики?

— В доме, листает «Символику гадания», и еще пару таких же книжек с толкованиями гадальных фигур и ворчит, что нет указателей. Но что значит «весь мир», Гленн?

Запинаясь, я попытался описать ему своё «видение», хоть сразу понял, что не в состоянии передать и сотой доли увиденного. К тому времени, как я закончил, светлое пятно, которым казалось его лицо на фоне черной стены дома, проявилось в темноте уже достаточно отчетливо, чтобы я увидел, как он кивнул.

— Вселенная и друг, и враг своих детей, — послышался из темноты его задумчивый голос. — Насколько мне представляется, при своем бессистемном чтении, Гленн, ты случайно натолкнулся на одну внешне бесплодную теорию, суть которой в том, что вся вселенная в некотором смысле жива, или, по меньшей мере, обладает сознанием. Для нее на жаргоне метафизиков существует великое множество определений: космотеизм, теопантизм, панпсихизм, панфеоматизм — но чаще всего ее называют обобщающим термином «пантеизм». Основополагающая идея заключается в том, что вселенная это бог, хотя лично мне «бог», представляется не совсем подходящим словом, с ним привыкли связывать

слишком уж много совершенно разных понятий. Если ты настаиваешь на религиозном подходе, пожалуй, это ближе всего к древнегреческим представлениям о великом Пане, таинственном природном божестве, полуживотном, что до паники пугало мужчин и женщин в уединенных местах. В данном случае для меня гораздо более интересен панфеоматизм с его более туманными концепциями: утверждением старика Карла ван Хартмана, что основной реальностью является подсознание — это очень близко тому, о чем мы говорили в доме насчет вероятности существования более *основного* пространства, связывающего внутренний и внешний миры, а, может, и наводящего мосты с некими более обширными сферами.

Когда он примолк, я услышал слабое шуршание осыпающихся камешков, потом оно почти сразу повторилось, хотя ничего остального из той же серии я не ощутил.

— Но, как все это ни назови, — продолжал Франц, — я чувствую: нечто подобное все-таки есть — что-то поменьше, чем бог, но побольше, чем коллективный человеческий разум — сила, влияние, настроение вещей — нечто большее, чем просто набор элементарных частиц, что

обладает сознанием, что выросло вместе со вселенной и что помогает ей оформиться.

Он сделал шаг вперед, так что теперь я различал силуэт его головы на фоне густых звезд, и на мгновенье возникла причудливая иллюзия, будто говорят скорее звезды, чем он сам.

— По-моему, такие силы существуют, Гленн. Одним элементарным частицам не под силу создать живые и яркие миры внутри человеческого сознания — что-то должно постоянно тянуть из будущего, равно как и подталкивать из прошлого, чтобы не останавливалось наше продвижение сквозь время, должен иметься потолок разума над жизнью, равно как и пол материи под ней.

И снова, когда примолк его голос, я услышал едва уловимое шипение осыпи — два раза совсем друг за другом, потом еще два. Я с тревогой подумал про склон за домом.

— И если существуют подобные силы, — продолжал Франц, — я уверен, что сегодняшний человек уже достаточно вырос в своем сознании, чтобы суметь войти с ними в контакт безо всяких ритуалов и формулы веры, если они волею случая окажутся у него на пути. Для меня это словно какие-то невидимые спящие звери, Гленн, которые большую часть времени проводят в уми-

ротворенной дремоте, сонно поглядывая на нас прищуренными глазами, но иногда — наверное, когда человек вдруг ощутит их присутствие — полностью открывают глаза и начинают красться следом. И когда человек окончательно созреет, и когда вздумает вдруг отрешиться от суеты и шума человечества, не сознавая, что в них его единственная защита — тогда они и позволят ему узнать о себе.

Потрескивания струящихся камешков, по-прежнему слабые, чуть ли не иллюзорные, теперь ритмично следовали друг за другом, словно — это пришло мне в голову в то же мгновение — сторожкие шажки, при каждом из которых осыпалось немного земли. Мне показалось, что у нас над головами на миг вспыхнуло призрачно-тусклое сияние.

— Поскольку они, Гленн — это тот самый страх изумления, про который я говорил в доме, тот самый страх изумления, что существует за пределами любой игры, что шатается по миру невидимым и бьет без предупреждения, где только пожелает.

В это самое мгновение тишину разорвал леденящий визг ужаса, донесшийся со стороны мощеного дворика между домом и подъездной

дорожкой. В то же самое мгновенье все мои мускулы словно пронзило холодом и скрутило судорогой, а грудь сдавило настолько, что на мгновенье я почувствовал удушье. Потом я метнулся на крик.

Франц влетел в дом.

Я спрыгнул с края «палубы», чуть не упал, крутнулся на каблуках — и остановился, вдруг разом потеряв представление, что же делать дальше.

В темноте не было видно ни зги. Споткнувшись, я окончательно сбился с направления — в тот момент я не сумел бы сказать, с какой стороны от меня склон, с какой дом, а с какой край обрыва.

Я слышал, как Вики — я считал, что это могла быть только Вики — тяжело дышит и напряженно всхлипывает, но *где* — определить не мог, за исключением того, что звуки доносились скорей откуда-то спереди, а не из-за спины.

И тут прямо перед собой я увидел с полдюжины тонких, тесно поставленных стеблей, уходящих куда-то далеко ввысь, оттенок которых я могу описать только как более *пронзительную* черноту — они так же отличались от общего фона, как густо-черный бархат отличается от густо-черного войлока. Они были едва различимы, и все же чрезвычайно реальны. Я поднял взгляд вдоль

пучка этих почти невидимых, словно черная проволока, тонких стеблей туда, где они заканчивались — очень высоко наверху — плотным сгустком тьмы, казавшимся только пятном на звездной пыли, которую он заслонял, крошечным, как луна.

Черный сгусток качнулся, и последовала быстрая ответная встряска тесно поставленных черных стеблей — хотя если бы они могли свободно перемещаться у основания, я назвал бы их скорее ногами.

В двадцати футах от меня распахнулась дверь, и через дворик ударил луч ослепительно белого света, выхватив из темноты мозаику булыжника и начало подъездной дорожки.

Франц выскочил из кухонной двери с мощным фонариком. Все окружающее нас тут же единым прыжком оказалось на своих местах.

Луч метнулся вдоль склона, осветив только голую земляную поверхность, потом назад к краю обрыва. Уткнувшись в то место, где я видел чёрные стебли, он замер.

Никаких стеблей, ног или нитей видно не было, но Вики, шатаясь, билась там с залепленным темными волосами лицом, которое до неузнаваемости исказила судорога, подняв стиснутые

кулаки на уровень плеч — в точности будто она изо всех сил пыталась выломать вертикальные прутья тесной клетки.

В следующий миг натиск ее ослаб, будто то, с чем она боролась, исчезло неведомо куда. Она пошатнулась и слепыми спотыкающимися шагами двинулась к краю обрыва.

Очнувшись от оцепенения, я бросился к ней, схватил ее за руку, когда она уже подступила к самому краю, и наполовину оттащил, наполовину отвернул ее оттуда. Она не сопротивлялась. Ее движение к обрыву было совершенно случайным, и к желанию покончить с собой отношения не имело.

Она подняла на меня взгляд, скривив одну мертвенно-бледную щеку, и выдохнула:

— Гленн.

— Быстро в дом! — завопил нам Франц из кухонной двери.

IV

«Но третья сестрица, коя еще и младшая!.. Тихо! Шепчите, покуда мы говорим о ней! Королевство ее невелико, не то горе было бы всему живому; но в границах сего королевства могущество ее безраздельно. Голова ее, равно как у

Сибелии, вздымается башнею почти за пределами человеческого взора. К земле она не склоняется; и от глаз ее, что воздеты столь высоко, можно было бы укрыться благодаря расстоянью. Но глаза сии таковы, что не укроешься от них… Движенья сестрицы сей младшей не предугадаешь, словно прыжка тигриного. Ключи ей не потребны; ибо, хоть и редко появляясь промежду людей, бурею врывается она в любую дверь, в кою только пожелает войти. И имя ей Mater Tenebrarum — наша Госпожа Тьмы.»

Томас де Квинси, «Suspira de Profundis»

Как только мы проводили Вики в дом, она быстро оправилась от шока и сразу же настояла на том, чтоб рассказать нам обо всем в подробностях. Вела она себя при этом с потрясающей самоуверенностью, живостью и чуть ли не весельем, будто в голове у нее уже захлопнулась некая защитная дверь, наглухо отгородившая ее от абсолютной реальности того, что случилось.

В одном месте она даже сказала:

— Знаете, я по-прежнему не исключаю, что все это вполне могло быть просто сочетанием совершенно незначительных звуковых и зрительных ощущений, слившихся в единый образ под воздействием самовнушения — как в ту ночь, когда

я увидела стоящего у стены, едва ли не в футе от моей кровати, самого настоящего грабителя, увидела, несмотря на темноту, так четко и ясно, что смогла бы описать его в мельчайших подробностях — вплоть до фасона усов и прищура левого века… пока в первых проблесках рассвета он не обернулся черным пальто моей соседки по комнате, висящим на плечиках вместе с наброшенным поверх коричневым шарфом.

Читая, сказала она, она начала слышать тихое шуршание осыпающихся камешков, некоторые из которых слабо пощелкивали даже по задней стене дома, и сразу вышла через кухню все это расследовать.

Ощупью продвинувшись на несколько шагов за «Фольксваген», к центру дворика, она посмотрела в сторону склона и сразу же увидела движущийся по нему какой-то невероятно высокий ажурный силуэт, похожий на «гигантского паука коси-сено, высоченного, как десять деревьев. Вы знаете, о чем я: коси-сено — по большому счету даже не паук, такое совершенно безобидное существо, крошечный, на вид совсем неодушевленный шарик серо-коричневого цвета с восемью длиннющими суставчатыми ногами-ходулями, тоненькими, как нитки.»

Она видела его довольно четко, несмотря на темноту, потому что он был «черный с черным отблеском». Раз он совершенно пропал, когда проезжающий поверху автомобиль повернул на серпантине и свет его фар слабо мазнул где-то по самой вершине склона (это могло быть то самое мимолетное свечение, которое заметил и я) — но как только фары метнулись вбок, огромный черно мерцающий паук на тонких ходулях сразу возник вновь.

Она не испугалась (скорей, испытала изумление и жуткое любопытство) пока эта штуковина не принялась быстро подступать к ней. Мерцающие чёрные ноги замелькали все ближе и ближе, и вдруг она осознала, что они уже образуют вокруг нее тесную клетку.

Потом, как только она выяснила, что они далеко не так тонки и эфемерны, как ей представлялось, и спиной, лицом и боками ощутила их щекочущие, чуть ли не колючие прикосновения, она резко дернулась, издала тот самый испуганный визг и принялась истерически вырываться.

— Жутко боюсь пауков, — закончила она запросто, — и было чувство, будто меня вот-вот готов втянуть в себя некий черный мозг среди звезд… про черный мозг я подумала уже потом, сама не

знаю почему.

Франц некоторое время не произносил ни слова. Потом начал, как-то очень тяжеловесно, запинаясь на каждом слове:

— М-да, не думаю, что проявил особый дар предвидения или рассудительность, когда пригласил вас обоих сюда. Скорей наоборот, на самом-то деле — даже если тогда и не принимал все это всерьез… Во всяком случае, я чувствую, что сделал большую ошибку. Слушайте, можете прямо сейчас взять «Фольксваген»… или я сам вас отвезу… и…

— По-моему, я знаю, на что вы намекаете, мистер Кинцман, и зачем, — проговорила Вики со смешком, вставая, — но лично мне сильных ощущений для одной ночи более чем хватило. У меня нет ровно никакого желания получить добавку, еще пару часов высматривая в свете фар привидений.

Она зевнула.

— Я просто мечтаю свалиться в ту роскошную постель, которую вы мне предоставили, причем ни минуты не откладывая. Франц, Гленн — спокойной вам ночи!

Не проронив больше ни слова, она скрылась в коридоре, вошла в спальню, в дальнюю, и за-

крыла дверь.

Франц тихим голосом проговорил:

— По-моему, ты понимаешь, Гленн, что я говорил совершенно серьезно. Все-таки это было бы наилучшим выходом.

Я отозвался:

— В голове у Вики уже сработали какие-то защитные механизмы. Если вытащить ее из дома, они опять отключатся. Это может оказаться слишком серьезным ударом.

Франц сказал:

— Наверное, уж лучше такой удар, чем тут действительно чего-то случится.

Я заметил:

— До настоящего момента дом был для нас надежной защитой. За его стены вся эта чертовщина не проникает.

Он напомнил:

— Шорох шагов, который слышала Вики, все-таки проник.

Я сказал, припомнив своё видение космоса:

— Но Франц, если наши предположения верны, и мы действительно столкнулись с некой нечистой силой, просто глупо рассчитывать на то, что проехав несколько миль и оказавшись среди чуть более ярких огней, мы окажемся в большей

безопасности, чем в доме.

Он пожал плечами.

— Как знать, — проговорил он. — А ты сам это видел, Гленн? С фонариком в руках я ничего не заметил.

— В точности, как описывала Вики, — заверил я его и коротко поведал о том, что случилось со мной. — Если все это было только внушение, — добавил я, — то внушение совершенно невероятное.

Я зажмурил глаза и зевнул; внезапно я ощутил полнейшую тупость и пустоту в голове — надо полагать, вполне естественная реакция на случившееся. Я закончил:

— Пока все это происходило, и когда мы потом слушали Вики, были моменты, когда мне единственно, чего хотелось — это оказаться опять в старом добром, до боли знакомом мире, где над головой висит старая добрая водородная бомба и всякая прочая *понятная* дрянь в этом духе.

— Но при этом разве ты не испытал *очарование*? — требовательно поинтересовался Франц. — Разве это не поразило тебя страстным желанием узнать больше? — мысль, что ты видишь нечто совершенно невероятное, и что тебе дается редкостный шанс действительно *понять* вселенную

— или по крайней мере, близко познакомиться с ее неведомыми властителями?

— Не знаю, — отозвался я устало. — Пожалуй да, в некотором смысле.

— На что эта штуковина действительно похожа, Гленн? — спросил Франц. — Что это за существо? — если вообще можно употребить это слово.

— Не думаю, что можно, — отозвался я. У меня уже почти не оставалось сил для ответа на его вопросы. — Не животное. Даже не разум, в общепринятом смысле. Очень похоже на то, что мы видели на утесе и стене обрыва.

Я сделал отчаянную попытку привести в порядок разбредшиеся от усталости мысли.

— Нечто среднее между действительностью и символом, — сказал я. — Если это что-то может значить.

— Но разве ты не испытал очарование тайны? — повторил Франц.

— Не знаю, — ответил я, с усилием поднимаясь на ноги. — Послушай, Франц, я слишком вымотался, чтобы чего-то соображать и вести подобные разговоры. Жутко хочу спать. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Гленн, — сказал он, когда я уже направлялся в спальню. И больше ничего.

Когда я уже наполовину разделся, мне пришло в голову, что такая поразительная сонливость могла быть просто защитной реакцией сознания против разрушительного проникновения в него неведомого, но даже этой мысли оказалось недостаточно, чтобы меня встряхнуть.

Я натянул пижаму и выключил свет. Сразу после этого дверь спальни Вики отворилась, и она показалась на пороге, закутанная в легкий халатик.

Я подумывал и сам к ней заглянуть, но решил, что если она уже спит, то это для нее самое лучшее, и что любая попытка потревожить ее способна нарушить то хрупкое душевное равновесие, которое она обрела, оказавшись в доме.

Но теперь по выражению ее лица, по свету из ее комнаты я понял, что ни о каком подобном равновесии и речи быть не может.

И в тот же самый момент и мой защитный барьер — неестественная сонливость — исчез без следа.

Вики прикрыла за собой дверь. Мы двинулись навстречу друг другу, обнялись и замерли на месте. Потом улеглись бок о бок на кровать под широким окном, в котором поблескивали звезды.

Мы с Вики давно любовники, но тогда в наших объятьях не присутствовало ни грана страсти. Мы были просто двумя, пораженными не столько страхом, сколько неким жутковатым благоговением людьми, ищущими душевного уюта и покоя в присутствии друг друга.

Не то чтобы мы могли надеяться действительно защитить или укрыть друг друга от неведомой опасности — то, что довлело над нами, обладало для этого слишком грозным могуществом — хрупкое чувство покоя дарило лишь чувство, что ты не один, что найдется тот, кто разделит с тобой все, что бы ни случилось.

Мы и не пытались искать временного забытья в любовных утехах, как наверняка поступили бы перед лицом более физической угрозы — грозящее было для этого слишком сверхъестественным. Впервые тело Вики было красиво для меня в совершенно холодном абстрактном смысле, что имеет не большее отношение к страсти, чем радужные переливы мушиного крыла на просвет, или изгиб древесного ствола, или сверкание заснеженного поля. И все же я продолжал чувствовать, что внутри этой абстрактной оболочки скрывается близкая мне душа.

Мы ни сказали друг другу ни слова. Не было

простых слов, чтобы выразить большинство овладевших нами мыслей, а порой казалось, что таких слов нет вообще. К тому же мы старались ни производить ни малейшего звука, словно укрывшиеся в траве мышки, когда поблизости пофыркивает кот.

Поскольку чувство чего-то нависшего над домом и окрестностями было чрезвычайно сильным. А теперь просочившегося и *внутрь* самого дома, поскольку все те же знакомые ощущения опять налетали на нас тут же тающими снежинками — запашок и привкус горелого, щекочущие касания невидимых паутинок, низкий гул и пронзительный писк, а потом и шорохи осыпающихся камешков.

И поверх них, переплетенное с ними — гнетущее чувство присутствия затаившейся *черноты*, связанной со всем космосом тончайшими черными нитями, податливо тянущимися и не способными сдержать неумолимого ее приближения…

Я не думал про Франца, я едва ли думал о том, что случилось в тот день, хотя овладевшей мною тревоге не требовалась помощь памяти…

Мы просто лежали, тесно прижавшись друг к другу, и смотрели на звезды. Минуту за минутой.

Час за часом.

Временами мы, должно быть, проваливались в сон — я точно знаю, что засыпал — хотя лучшим определением этому сну было бы забытье, поскольку он не приносил отдыха измученному телу и душе, а пробуждение было связано с кошмаром медленного осознания причины ползущего по телу ломотного холодка.

Довольно нескоро я заметил, что видны часы в дальнем углу комнаты — наверное потому, подумал я, что у них светящийся циферблат. Стрелки показывали ровно три. Я осторожно повернул к ним голову Вики и она кивнула в подтверждение, что тоже их видит.

Только звезды и были тем, что поддерживало в нас рассудок, говорил я себе, в мире, который в любую минуту был готов рассыпаться в прах.

Почти сразу после того, как я заметил часы, звезды начали менять цвет — все до единой. Сначала они приобрели фиолетовый оттенок, который постепенно перешел в синий, потом в зеленый.

В каком-то далеком закоулке моего сознания сверкнуло предположение о некой дымке или пыли, повисших в воздухе, которые и могли вызвать подобную перемену.

Звезды тем временем становились тускло-желтыми, оранжевыми, густо-красными, а потом — словно последние искры, карабкающиеся по закопченной стене дымохода над потухшим очагом — мигнули и пропали.

У меня промелькнула совершенно сумасшедшая мысль о звездах, разлетевшихся прочь от земли с такой невероятной быстротой, что свечение их вышло за границы видимой красной части спектра.

После этого нам следовало бы оказаться в полной темноте, но вместо этого мы начали видеть друг друга и окружающие предметы, словно обведенные едва различимым мерцанием. Я решил, что это первый проблеск утра, и полагаю, что Вики тоже так подумала. Мы одновременно посмотрели на часы. Было едва половина пятого. Потом мы опять посмотрели в окно. Оно не было призрачно-бледным, как должно было быть с рассветом, а представляло собой черный как смоль квадрат, обрамленный белесым свечением. Вики увидела то же самое, что я мог судить по тому, как она вдруг стиснула мне руку.

Я не смог выдумать ни единого объяснения этому странному свечению. Оно немного походило на свечение циферблата часов, только более

бледное и белесое. Но еще больше все это походило на те картины, которые возникают перед глазами в абсолютной темноте, когда беспорядочно мечущиеся белые искорки на поле сетчатки начинают сами собой складываться в знакомые призрачные силуэты — будто эта тьма сетчатки вылилась из наших глаз в реальную комнату, и мы видели друг друга и все, что нас окружало, не благодаря свету, а благодаря силе воображения — которая с каждой секундой усиливала ощущение чуда, поскольку тускло мерцающая сцена не собиралась рассеиваться в бестолково бурлящий хаос.

Мы уставились на стрелку, которая медленно подползала к пяти. Мысль о том, что снаружи может быть светло, и что нечто непонятное отгораживает нас от этого света, в конце концов побудила меня двинуться и заговорить, хотя прежнее чувство близкого присутствия чего-то нечеловеческого и неодушевленного оставалось все столь же сильным.

— Надо попробовать выбраться отсюда, — прошептал я.

Пройдя через спальню, словно мерцающий призрак, Вики открыла дверь. Я помнил, что в ее комнате оставался свет.

За дверью не было даже этого слабого мерцания. Дверной проем был чернильно-черным.

Сейчас мы это исправим, подумал я, и включил лампу возле кровати.

Моя комната тут же погрузилась в кромешную тьму. Я не мог даже разглядеть циферблата. *Свет теперь тьма*, подумал я. *Черное теперь белое.*

Я выключил лампу, и свечение вернулось. Я подошел к замершей в дверях Вики и шепотом приказал ей выключить свет в ее комнате. Потом я оделся, большей частью нащупывая раскиданную вокруг одежду и не особо доверяясь призрачному свету, в котором окружающее слишком напоминало воображаемую сцену, готовую в любой момент превратиться в вихрь разноцветных точек.

Вики вернулась. Она даже прихватила свою маленькую сумочку. Мысленно я порадовался присутствию духа, о котором говорил этот поступок, но сам не сделал ни малейшей попытки собрать хотя бы самые необходимые вещи.

— У меня в комнате жутко холодно, — прошептала Вики.

Мы выбрались в коридор. Я услышал знакомый звук — жужжание телефонного диска. В гостиной я увидел высокий серебристый силуэт. Мгно-

веньем позже я понял, что это фигура Франца, обведенная призрачным свечением. Я услышал, как он повторяет:

— Алло, девушка. Девушка!

Мы подошли к нему.

Он поглядел на нас, прижав трубку к уху. Потом положил ее обратно на рычаг и обратился к нам:

— Гленн. Вики. Я пытаюсь дозвониться до Эда Мортенсона, чтоб он посмотрел, случилось тут чего со звездами, или нет. Но у меня не выходит. Попробуй дозвониться до телефонистки, Гленн.

Он крутнул диск и протянул мне трубку. Я не услышал ни гудка, ни даже потрескивания — только будто тихонько завывал ветер.

— Алло, девушка, — проговорил я. Не последовало ни ответа, ни каких-то перемен, только все то же завывание ветра.

— Подожди, — тихо сказал Франц.

Должно быть, прошло не меньше пяти секунд, когда обратно из трубки мне ответил мой собственный голос, совсем тихий, почти заглушенный одиноким ветром, словно эхо с другого конца вселенной: «Алло, девушка.»

Дрожащей рукой я повесил трубку.

— Радио? — спросил я.

— Такие же завывания, — ответил он мне, — по

всем диапазонам.

— А мы решили уходить отсюда, — сказал я.

— Наверное, придется, — отозвался он с каким-то неуверенным вздохом. — Я готов. Пошли.

Едва ступив на «палубу», вслед за Францем и Вики, я сразу почувствовал, что ощущение постороннего присутствия заметно окрепло. То, что ему сопутствовало, опять навалилось на нас, только во сто крат сильнее: от привкуса горелого мне чуть не перехватило горло, невидимые паутины хотелось срывать с тела руками, неосязаемый ветер стонал и свистел во всю мощь, призрачные осыпи безостановочно шипели и трещали, будто несущаяся в горном ущелье порожистая река. И все это почти в абсолютной темноте.

Я хотел бегом броситься к гаражу, но Франц подступил к слабо мерцающему поручню. Я присоединился к нему.

Очертания скалистой стены напротив все еще прорисовывались в темноте призрачными белесыми линиями. Но с неба над ней потоком лилась совершенно чернильная, мертвая тьма — *черней самой черноты*, подумалось мне — которая поглощала призрачное свечение повсюду. С каждым мигом белесые очертания все больше тускнели, растворяясь в падающем сверху черном потоке.

И вместе с этой чернильной тьмой возник холод, который впился в меня миллионами колючих иголок.

— Смотри, — проговорил Франц, — светает.

— Франц, надо отсюда двигать, — поторопил я.

— Сейчас, — ответил он мягко, протягивая руку назад. — Идите вперед. Заводите машину. Выезжайте на середину двора. Я сейчас подойду.

Вики взяла у него ключи. За руль села она. Свечения еще было достаточно, чтобы разглядеть окружающие предметы, но я доверялся ему еще меньше, чем когда-либо. Вики завела мотор и машинально включила фары. Двор с подъездной дорожкой тут же накрыл веер лучащейся черноты. Она выключила их и продвинула машину на середину дворика.

Я оглянулся. Хотя вокруг было черно от ледяных солнечных лучей, в призрачном свете я еще достаточно четко видел Франца. Он стоял там, где мы его оставили, и нагибался вперед, словно во что-то напряженно всматриваясь.

— Франц! — громко позвал я, перекрывая жуткие завывания и усиливающийся рев сыпящихся камней. — Франц!

Там, вырастая откуда-то из глубины каньона, прямо перед Францем, башней громоздясь

над ним и чуть наклонившись к нему, маячила огромная фигура, будто сотканная из тончайших нитей мерцающей бархатно-черной черноты — мерцал не призрачный свет, мерцала сама тьма — которая походила на гигантскую раздувшую капюшон кобру, или прикрывшуюся капюшоном мадонну, или огромную многоножку, или колоссальное первобытное изваяние, или на все это вместе, или ни на что вообще.

Я увидел, как серебристые очертания тела Франца начинают крошиться, превращаясь в беспорядочный вихрь белых крупинок. В тот же самый момент темная фигура качнулась вперед, и вокруг него словно сомкнулись колоссальные пальцы, затянутые в черную шелковую перчатку, или закрывающиеся лепестки огромного черного цветка.

С чувством человека, бросающего первую горсть земли на гроб друга, я хрипло каркнул Вики:

— Поехали!

Свечение уже почти полностью растворилось во тьме — дороги почти не было видно, когда «Фольксваген», рванулся с места.

Вики выжимала из машины все возможное.

Треск осыпающихся камней становился все

громче и громче, заглушая неосязаемый ветер, заглушая шум мотора. Вскоре он превратился в настоящий гром. Я чувствовал, как под движущимися колесами содрогается земля — эти толчки были ощутимы, даже несмотря на то, что машина подскакивала на ухабах.

Сбоку от каньона перед нами вдруг открылась яркий провал. Мгновенье мы неслись словно сквозь напластования густого дыма, потом Вики резко притормозила, мы вывернули на дорогу и нас чуть не ослепил утренний свет.

Но Вики не остановилась. После поворота она тут же прибавила ходу, и мы помчались дальше по дороге Малого Платанового каньона.

Нигде не было ни единого признака темноты. Гром, который сотрясал землю, затих вдали.

Там, где дорога резко уходила от вершины склона в сторону, Вики свернула к обочине и остановила машину.

Вокруг нас громоздились горы. Солнце еще не поднялось над ними, но небо было уже ярко-синим.

Мы поглядели вниз вдоль склона. На месте сползшей вниз земли осталась обширная впадина. Ее уже не закрывали облака пыли, хотя пыль еще поднималась откуда-то со дна каньона.

Осевший склон тянулся теперь от нас до самого края обрыва сплошной единой плоскостью, без единого разрыва или бугорка, без единого выдающегося над ровной земляной поверхностью предмета. *Абсолютно все* унес и похоронил под собой оползень.

Таков был конец Домика-На-Обрыве и Франца Кинцмана.

Перевод: А. Лисочкин

Фриц Лейбер
В Аркхэм и к звёздам

Fritz Leiber «To Arkham and the Stars», 1966

Ранним вечером 14 сентября я ступил, наконец, на старинную кирпичную платформу станции Аркхэм, что находится на железной дороге Бостон — Мэн. Я мог бы прилететь на самолёте в прекрасный, новый аэропорт Аркхэма к северу от города, но посчитал, что путешествие на старом добром поезде более удобно и приятно, хотя мне рассказывали, что в пригороде довольно много современных, построенных со вкусом колониальных домов, и они теперь занимают большую

часть холма Мидоу.

С собой у меня имелись только маленький чемодан и лёгкая картонная коробка, поэтому три квартала до Аркхэм-Хауса я решил пройти пешком. На полпути через старый мост на Гаррисон-стрит, который отремонтировали и обновили всего десять лет назад, и под которым бурлит река Мискатоник, я остановился, чтобы осмотреть город с этого скромного возвышения, поставив на землю свой чемодан и положив руки на старые железные перила. А чуть ли не вплотную к моей спине грохотали проезжающие машины.

Справа от меня, только на этой стороне Вест-Стрит-Бридж, где Мискатоник начинает поворачивать на север, в бурном течении притаился островок из серых камней, о котором ходит дурная слава. Я читал недавно в присланном мне номере «Аркхэм Адвертайзер», что недавно на этом островке арестовали группу бородатых правонарушителей, стучащих в барабаны, празднующих чёрную мессу в честь Кастро или кого-то в этом роде, как неистово утверждал один из них. (На короткое мгновение мои мысли странным образом обратились к Старому Кастро из Культа Ктулху). За островом и поворотом реки виднелся Холм Висельников, теперь застроенный домами.

Солнце бросало последние призрачно-жёлтые лучи из-за холма. В этом бледном, золотом свете, разрывающем туман, я увидел, что Аркхэм по-прежнему является городом деревьев со множеством прекрасных дубов и клёнов, хотя все вязы исчезли, став жертвами голландской болезни, и что среди новых зданий всё еще виднеется много крыш со слуховыми окнами. Слева от себя я рассмотрел новую автостраду; она пересекает подножие Французского холма над Паудер-Милл-стрит, обеспечивая быстрый доступ к военным, машиностроительным и химическим заводам к юго-востоку от города. Мои глаза, опускаясь вниз и в южную сторону, некоторое время искали старый Ведьмин Дом, прежде чем я вспомнил, что его снесли ещё в 1931 году. Затем я заметил, что развалившиеся многоквартирные дома Польского Квартала в значительной степени были заменены скромными жилищными комплексами в колониальном городском стиле, в то время как новейшими «иностранцами», заполонившими город, стали пуэрториканцы и негры.

Подняв свой чемодан, я спустился с моста и продолжил путь через Ривер-стрит мимо жизнерадостных старых складов из красного кирпича с наклонными крышами. Счастье этих зданий

заключалось в том, что их не снесли. В гостинице «Аркхэм», я подтвердил заказ номера и доверил чемодан приятному пожилому администратору. Поскольку я уже пообедал в Бостоне, то сразу же отправился по Гаррисон-стрит мимо Церкви в Университет, продолжая нести в руках картонную коробку.

Первыми академическими постройками, попавшимися мне на глаза, оказались новое административное здание и за ним Ядерная Лаборатория Пикмана. Они располагались там, где река Мискатоник расширялась на восток напротив Гаррисон-стрит, хотя, конечно, она не нарушала покой кладбища на пересечении Лич-стрит и Паснидж-стрит. Обе пристройки к Университету показались мне великолепными сооружениями, полностью совместимыми со старым четырёхугольником, и я молча поблагодарил архитектора, что так хорошо помнил традиции.

Уже сгустились сумерки, и несколько окон светились в ближайшем здании, где университетские преподаватели, должно быть, разбирались с растущим объёмом бумажной работы. Но прежде чем немедленно направиться в одну из этих освещённых комнат, я обратил внимание на

антисегрегационную демонстрацию, организованную студентами на окраине кампуса в знак сочувствия подобным демонстрациям в южных городах.

Я заметил, что один из плакатов гласил «Мазуревича и Дероше — в члены правления!». Мне подумалось, что студенты, должно быть, проявляют пристальный интерес к правлению университетского городка, и я вынужден был задуматься: не являются ли эти кандидаты сыновьями едва образованных людей, невинно замешанных в деле о Ведьмином Доме? Времена меняются!

В приятных коридорах административного здания я быстро нашел святая святых Председателя Литературного Отдела. Худой, седовласый профессор Альберт Уилмарт, едва выглядевший на свои семьдесят с лишним лет, тепло приветствовал меня, хотя и с той насмешливой сардонической ноткой, которая заставляла некоторых людей называть его не просто «очень эрудированным», а «неприятно эрудированным». Прежде чем завершить свою работу, он вежливо объяснил её суть:

— Я только что опроверг заявление какого-то молокососа о том, что покойный Молодой

Джентльмен из Провиденса, что так хорошо описал многие из самых странных событий в Аркхэме, являлся «ужасающей фигурой», наиболее близкой по характеру к Питеру Картену, Дюссельдорфскому убийце, который признался, что все свои дни в одиночном заключении он потратил на вызывание в своём воображении сексуально-садистских фантазий. Великий Боже, разве этот безмозглый юнец не знает, что все нормальные мужчины имеют сексуально-садистские фантазии? Даже если предположить, что литературные вымыслы покойного Молодого Джентльмена имели нарочитый сексуальный элемент и действительно были фантазиями!

Отвернувшись от меня с каким-то зловещим смешком, он сказал своей привлекательной секретарше:

— Теперь запомните, мисс Тилтон, речь идёт о Колине Уилсоне, а не об Эдмунде. Я очень тщательно позаботился об Эдмунде в одном из предыдущих писем! Печатные копии — для Аврама Дэвидсона и Деймона Найта. И пока вы там, проследите, чтобы они отправились с подстанции «Холм палача», я хочу, чтобы они несли этот штемпель!

Достав шляпу и лёгкое пальто и, помедлив ми-

нуту у зеркала, чтобы убедиться, что его высокий воротник выглядит безупречно, достопочтенный, но бойкий Уилмарт вывел меня из административного здания через Гаррисон-стрит к старому четырёхугольнику, не обращая внимания на окружавшее нас движение. По дороге он ответил на мое замечание:

— Да, архитектура чертовски хороша. И она, и лаборатория Пикмана, и новые апартаменты в Польском квартале — тоже были спроектированы Дэниэлем Аптоном, который, как вы, вероятно, знаете, сделал выдающуюся карьеру с тех пор, как получил справку о вменяемости и был освобождён с вердиктом «оправданное убийство». И этого после того, как он застрелил Асенат или, скорее, старого Эфраима Уэйта в теле своего друга Эдварда Дерби. На какое-то время этот вердикт вызвал у нас почти столько же критики, сколько оправдание Лиззи Борден в Фолл-Ривер, но оно того стоило!

Молодой Данфорт тоже вернулся к нам из лечебницы и навсегда, теперь, когда исследования Моргана в области мескалина и ЛСД выявили эти умные антигаллюциногены, — продолжал мой проводник, когда мы проходили между музеем и библиотекой, где преемник великого сторожево-

го пса, уничтожившего Уилбура Уэйтли, звенел цепью, вышагивая в тени. — Молодой Данфорт… боже, ему почти столько же лет, сколько и мне! Вы знаете, это тот самый блестящий ассистент с дипломом, который пережил со старым Дайером худшее из того, что Антарктика могла показать им в 30–31 годах. Данфорт ушел в психологию, как Уингейт Пизли и сам старый Пизли — это терапевтическое призвание. Сейчас он углубился в статью об Асенат Уэйт, показывая, что она такая же анима-фигура, то есть пожирающая ведьма-мать и гламурная фатальная ведьма-девушка, как утверждал Карл Юнг относительно «Айши», Хаггарда и «Селены», Уильяма Слоуна.

— Но, разница, безусловно, есть, — несколько нерешительно возразил я. — Женщины Слоуна и Хаггарда были вымышленными. Вы же не утверждаете, что Асенат являлась плодом воображения Молодого Джентльмена, написавшего «Тварь на пороге», или, скорее, сочинившего грубый рассказ Аптона? Кроме того, на самом деле это оказалась не Асенат, а Эфраим, как вы сами указали минуту назад.

— Конечно, конечно, — поспешно ответил Уилмарт с ещё одним зловещим и, должен признаться, неприятным смешком. — Но старый

Эфраим придаёт Анима-фигуре именно тот свирепый мужской компонент, который ей и нужен, — мягко добавил он, — и после того, как вы проведёте взрослую жизнь в Мискатонике, вы обнаружите, что у вас развилось совсем иное понимание различия между воображаемым и реальным, чем у толпы. Идёмте.

Мы вошли в комнату отдыха преподавателей, и Уилмарт провёл меня мимо дубовых панелей к большому эркеру, где по кругу были установлены восемь мягких кресел с кожаной обивкой, подставки для курения и стол с чашками, стаканами и графином с бренди, а также синий кофейник. С глубоким трепетом я уставился на пятерых пожилых учёных и почётных профессоров, уже занявших места за этим современным Круглым Столом. Я чувствовал, что не достоин находится среди возвышенных бойцов против того, что хуже людоедов и драконов — космического зла во всех его чудовищных проявлениях. Здесь присутствовали: Апхем с кафедры Математики, в классе которого бедный Уолтер Гилман излагал свои поразительные теории о гиперпространстве; Фрэнсис Морган с кафедры Медицины и сравнительной анатомии, ныне единственный выживший из того храброго трио, что сразило

Ужас в Данвиче в то промозглое сентябрьское утро в далёком 28-м году; Натаниэль Пизли с кафедры Экономики и Психологии, переживший ужасное подземное путешествие в 1935-м; его сын Уингейт, ныне психолог, который был с ним в той австралийской экспедиции; за столом сидел и Уильям Дайер с кафедры Геологии, что за четыре года до Пизли подвергся ужасному приключению среди Хребтов Безумия.

За исключением Пизли, Дайер был самым старым из присутствующих, ему шёл уже девятый десяток, но именно он, приняв своего рода неформальное председательство, теперь резко, но горячо сказал мне:

— Садитесь, садитесь, юноша! Я не виню вас за ваши сомнения. Мы называем это Заслуженной Беседкой. Боже, сжалься над простым доцентом, который занимает кресло без приглашения! Послушайте, что вы будете пить? Кофе, говорите? Что ж, это разумное решение, но иногда нам нужно другое, когда наш разговор заходит слишком далеко, если вы понимаете, что я имею в виду. Но мы всегда рады видеть умных, доброжелательных посетителей из обычного «внешнего мира». Ха-ха!

— Хотя бы для того, чтобы исправить их невер-

ное представление о Мискатонике, — кисло вставил Уингейт Пизли. — Они постоянно спрашивают, предлагаем ли мы курсы сравнительного колдовства и так далее. К вашему сведению, я скорее проведу курс сравнительного массового убийства с текстом «Майн Кампф», чем помогу кому-нибудь разбираться с этим!

— Особенно, если учесть, каких студентов мы получаем сегодня, — немного задумчиво сказал Апхем.

— Конечно, конечно, Уингейт, — Уилмарт успокаивающе обратился к молодому Пизли. — И мы все знаем, что курс средневековой метафизики, который Асенат Уэйт проходила здесь, был совершенно невинным академическим курсом, свободным от тайных материй.

На этот раз он сдержал смешок, но я почувствовал его.

— У меня тоже есть свои проблемы, — сказал Фрэнсис Морган, — я не люблю сенсаций. Например, я был вынужден разочаровать МТИ, когда они попросили меня сделать наброски анатомии Великих Древних, чтобы использовать их в своём курсе по проектированию структур и машин для «воображаемых», — Боже! — внеземных существ. Инженеры — порода бессердечных людей, и в

любом случае Великие Древние не просто внеземные, но внекосмические. Мне также пришлось ограничить доступ к скелету Бурого Дженкина, хотя из-за этого пошли слухи, что данный скелет — просто сделанная напильником подделка коричнево-охристого цвета, как Пилтдаунский череп.

— Не волнуйтесь, Фрэнсис, — сказал ему Дайер. — Мне пришлось отклонить много подобных запросов в отношении антарктических Старцев.

Он посмотрел на меня своими удивительно яркими, мудрыми, старческими глазами, окружёнными морщинами.

— Вы знаете, Мискатоник присоединился к последующим геофизическим исследованиям в Антарктике главным образом для того, чтобы держать других учёных подальше от Хребтов Безумия, хотя оставшиеся Старцы, кажется, делают это довольно хорошо сами по себе — полагаю, с помощью каких-то гипнотических трансляций. Но это совершенно нормально, потому что (это строго конфиденциально!) антарктические Старцы, похоже, на нашей стороне, даже если их шогготы — нет. Они хорошие ребята, как я всегда и утверждал. Учёные до последнего! Люди!

— Да, — согласился Морган, — эти бочко-

образные звездоголовые чудовища больше заслуживают названия «люди», чем некоторые представители рода «человек разумный», разбросанные в наши дни по всему земному шару.

— Или чем кто-то из наших студентов, — печально вставил Апхем.

Дайер сказал:

— А Уилмарту было поручено возглавить расследование по поводу Плутонианцев в холмах Вермонта и сохранить их существование в секрете с помощью Старцев. Как насчет этого, Альберт — крабоподобные летуны идут на сотрудничество?

— О да, на свой лад, — коротко подтвердил Уилмарт, снова неприятно усмехнувшись, на этот раз в полный голос.

— Ещё кофе? — Задумчиво спросил меня Дайер, и я передал ему чашку и блюдце, которые я довольно неловко держал на своей картонной коробке на коленях, просто потому, что не хотел забыть коробку.

Старый Натаниэль Пизли дрожащими, но умелыми руками поднёс стакан с бренди к своим морщинистым губам и заговорил впервые с момента моего приезда.

— У всех нас есть свои секреты… и мы работаем

над тем, чтобы сохранить их, — прошептал он со свистом в голосе, возможно, из-за несовершенных зубных протезов. — Пусть молодые космонавты в Вумере… запускают свои ракеты над нашими предыдущими местами раскопок, говорю я… и там песок станет гуще. Лучше так.

Глядя на Дайера, я рискнул спросить:

— Полагаю, вы также получаете запросы от федерального правительства и военных тоже? Думаю, с ними будет сложнее справиться.

— Я рад, что вы подняли этот вопрос, — сообщил он мне нетерпеливо. — Я хотел рассказать вам о…

Но в этот момент Эллери с кафедры Физики быстрым шагом пересёк гостиную, слегка шевеля губами и сердито хмуря лоб. Это, напомнил я себе, был человек, который проанализировал фрагмент статуэтки, фигурирующей в деле о Ведьмином Доме, и обнаружил в ней платину, железо, теллур, а также три не поддающихся классификации тяжёлых элемента. Эллери опустился на свободный стул и сказал:

— Дайте мне этот графин, Нейт.

— Тяжёлый день в лаборатории? — Спросил Апхем.

Эллери успокоил свои чувства щедрым глотком

горячительной жидкости и энергично кивнул:

— Кал-Тек захотели ещё один образец от металлической статуэтки, которую Гилман принёс из своего сновидения. Они всё еще пытаются идентифицировать в ней трансурановые металлы. Мне пришлось прямо заявить им: «Нет!». Я сказал, что мы сами работаем над этим проектом и что мы близки к успеху. Если бы они добрались до цели, то через неделю всё было бы кончено — пробы пошли бы прахом! Калифорнийцы! Из хороших новостей: Либби хочет провести углеродную датировку некоторых материалов из нашего музея, в частности костей из Ведьминого Дома, и я сказал ему: «Дерзайте».

— Как начальник Ядерной Лаборатории, Эллери, — обратился к нему Дайер, — может быть, вы дадите нашему юному посетителю краткий очерк того, что мы могли бы назвать атомной историей Мискатоника?

Эллери хмыкнул, но улыбнулся мне.

— Почему бы и нет, — сказал он, — хотя, в основном, это история двух десятилетий войны с бюрократами. Вначале я должен подчеркнуть, молодой человек, нам повезло, что Ядерная Лаборатория полностью финансируется Фондом Натаниэля Дерби Пикмана…

— С некоторой помощью Фонда Выпускников, — вставил Апхем.

— Да, — ответил Дайер. — Мы очень гордимся тем, что Мискатоник не принял ни цента от Федерального Правительства или от Штата в этом отношении. Мы по-прежнему во всех смыслах — независимое частное учреждение.

Иначе я не знаю, как бы мы сдержали назойливых людей, — продолжал Эллери. — Это началось ещё в те далекие дни, когда Манхэттенский Проект был Металлургической Лабораторией Чикагского Университета. Какой-то важный чиновник прочёл рассказы Молодого Джентльмена из Провиденса и отправил группу людей за остатками метеорита с неизвестными радиоактивными веществами, упавшего сюда в восемьдесят втором году. Они были весьма удручены, когда обнаружили, что место его падения находится в самой глубокой части водохранилища! Они послали двух водолазов, но оба погибли, и на этом всё закончилось.

— Ну, они, наверное, не так уж много пропустили, — прокомментировал Апхем. — Разве метеорит не должен был полностью исчезнуть? Кроме того, мы в Аркхэме полжизни пьём воду из водохранилища, построенного на месте Испепе-

лённой Пустоши.

— Да, пьём, — вставил Уилмарт, и на этот раз я почувствовал, что ненавижу его за неприятное хихиканье.

— Ну, это, очевидно, не повлияло на наше долголетие… пока, — добавил старый Пизли с тихим свистящим смехом.

— С тех пор, — продолжал Эллери, — не проходило и месяца, чтобы Вашингтон не запрашивал или не требовал образцы из нашего музея, в основном, предметов искусства из неизвестных металлов или с радиоактивными элементами в них, а также записей из нашего научного отдела и секретных интервью с нашими учёными, и так далее. Они даже хотели «Некрономикон», я думаю, что они надеялись найти в нём оружие ужаснее водородной бомбы и межконтинентальной баллистической ракеты.

— Что они и сделали бы, — вполголоса вставил Уилмарт.

— Но я не дал им коснуться книги даже пальцем! — С яростью, почти испугавшей меня, заявил Дайер. — И копии Уайднера тоже! Я позаботился об этом.

Мрачный тон его голоса заставил меня воздержаться от вопроса: каким образом? Дайер

торжественно продолжил:

— Хоть мне и грустно говорить об этом, но в Вашингтоне и Пентагоне есть люди, занимающие высокие посты, которым нельзя доверять эту проклятую книгу. Они ещё опаснее, чем Уилбур Уэйтли. Несмотря на то, что русские тоже охотятся за ним, ответственность за «Некрономикон», лежит исключительно на нас. Милосердный Создатель, да!

— Я бы предпочёл, чтобы книга попала в руки Уилбуру, — хрипло вставил Уингейт Пизли.

— Вы бы так не говорили, Уин, — рассудительно вмешался Фрэнсис Морган, — если бы увидели Уилбура после того, как его порвала библиотечная собака, или, конечно, если бы увидели его брата на Сторожевом Холме. Боже!

Он покачал головой, и устало вздохнул. Один или два профессора повторили его слова. Слабо скрипнув механизмом, напольные часы в другом конце зала медленно пробили двенадцать.

— Джентльмены, — сказал я, отставив чашку с кофе и вставая с картонной коробкой, — вы развлекали меня бесподобным образом, но теперь наступила… полночь, и мы все рассеемся в фиолетовых и зелёных парах?

Уилмарт усмехнулся.

— Нет, — ответил я ему. — Я собирался сказать, что наступило 15-е сентября, и я предлагаю совершить небольшую прогулку всего лишь до кладбища за новым административным зданием. У меня здесь с собой венок, и я предлагаю возложить его на могилу доктора Генри Армитеджа.

— Годовщина победы над Ужасом Данвича в 1928 году! — Сокрушённо воскликнул Уилмарт. — Важное воспоминание. Я пойду с вами. Фрэнсис, вы, конечно, тоже пойдёте? Вы приложили руку к этому делу.

Морган медленно покачал головой.

— Нет, если вы не возражаете, — ответил он. — Мой вклад был меньше, чем ничего. Я думал, что большой охотничьей винтовки будет достаточно, чтобы свалить зверя. Боже!

Остальные вежливо отпросились под тем или иным предлогом, так что только мы с Уилмартом отправились по Лич-стрит, ставшей теперь улицей на территории Университета. Мы прошли между Администрацией и Лабораторией Пикмана, когда над Французским холмом взошла огромная луна, а у его подножия огни нескольких машин всё еще жутко кружились по новой автостраде.

Мне хотелось бы иметь побольше спутников

или менее зловещего собеседника, чем Уилмарт, который поразил меня с самого утра. Я не мог не вспомнить, как однажды его обманула чудовище, замаскировавшееся под учёного отшельника Генри Эйкли из Вермонта, и как было бы иронично и ужасно, если бы через Уилмарта тот же трюк проделали с другим человеком.

Тем не менее, я воспользовался возможностью, и смело спросил его:

— Профессор Уилмарт, ваше столкновение с Плутонианцами произошло 12 сентября 1928 года, почти в то же самое время, когда случился ужас в Данвиче. На самом деле, в ту самую ночь, когда вы сбежали с фермы Эйкли, оголодавший брат Уилбура вырвался на свободу. Был ли когда-нибудь намёк на объяснение этого чудовищного совпадения?

Уилмарт подождал несколько секунд, прежде чем ответить, и на этот раз — Слава Богу! — без своего хихиканья. В действительности его голос звучал тихо и без тени легкомыслия, когда он, наконец, сказал:

— Думаю, я могу рискнуть и сообщить вам, что я поддерживал более тесные контакты с Плутонианцами или Югготианцами, чем, возможно, предполагал старый Дайер. Мне пришлось! Кро-

ме того, Плутонианцы, как и антарктические Старцы Данфорта и Дайера, не такие уж и злые существа, когда узнаешь их поближе. Хотя они всегда будут внушать мне благоговейный страх!

Ну, судя по намёкам, которые они мне дали, Плутонианцы пронюхали о намерении Уилбура Уэйтли впустить Древних и готовились остановить их, заполучив больше человеческих союзников, особенно здесь, в Мискатонике, и так далее. Никто из нас не осознавал этого, но мы были на грани межкосмической войны.

Это откровение лишило меня дара речи, и наш разговор возобновился только после того, как железные ворота, выкрашенные в чёрный цвет, с протестующим скрипом открылись, и мы оказались среди тёмных, залитых лунным светом надгробий. Когда я благоговейно вынул из своей коробки венок для Армитеджа, Уилмарт схватил меня за локоть и с тихой настойчивостью проговорил практически мне в ухо:

— Есть ещё информация, которую мне сообщили Плутонианцы, и я думаю, что должен поделиться ею с вами. Возможно, сначала вы не поверите — и я не поверил! — но теперь я уверовал в это. Вы знаете хитрость Плутонианцев, заключающуюся в том, что они могут извлекать

живые мозги у существ, неспособных летать в космосе, сохранять эти мозги бессмертными в металлических цилиндрах и переносить их с собой по разным галактикам, чтобы с помощью надлежащих инструментов мозг мог видеть, слышать и комментировать все тайны космоса? Что ж, боюсь, это будет для вас неприятным потрясением, но скажу вам, что в этом есть и хорошая сторона, потому что в ночь на 14 марта 1937 года, когда Молодой Джентльмен лежал при смерти в Род-Айлендском госпитале, кое-кто тайно проник в крыло Джейн Браун, и, говоря его словами, или, вернее, моими — «его мозг был отделён от его тела при помощи столь искусных разрезов и сечений, что назвать это хирургической операцией было бы слишком грубо». Так что теперь он летит по определённому маршруту между Гидрой и Полярной звездой, будучи в безопасности в объятиях ночного призрака, вечно наслаждаясь чудесами Вселенной, которую он так сильно любил.

И величественным жестом Уилмарт поднял руку к Полярной звезде, слабо светившей в сером небе высоко над холмом Мидоу и рекой Мискатоник.

Я дрожал от смешанных эмоций. Внезапно небо очистилось от облаков. Теперь я понимал,

почему я весь вечер чувствовал себя неуютно при виде моего спутника, и всё жё я был глубоко счастлив, что это оказалась причина, по которой я мог уважать его ещё больше.

Рука об руку мы двинулись к скромной могиле доктора Армитеджа.

Перевод: А. Черепанов

Фрэнк Белнап Лонг
Тёмное пробуждение

Frank Belknap Long «Dark Awakening», 1980

Это было подходящее место для встречи с чаровницей. Длинная полоса пляжа с песчаной дюной, возвышающейся поодаль, высокий белый шпиль и отражающие солнце крыши маленькой деревеньки в Новой Англии, которую я только что покинул, чтобы окунуться в море. У меня был отпуск — это всегда хорошее время, чтобы задержаться в гостинице, которую ты сразу полюбил, поскольку ни одно неприятное замечание не сопутствовало твоему прибытию с изношенным и потрепанным чемоданом, а ты сразу увидел дубовые панели, которым был век или даже больше.

Деревня казалась сонной и неизменной; это было просто потрясающе посреди лета, когда ты насытился шумом города, дымом, суетой и невыносимыми посягательствами бригады «сделай одно», «сделай другое».

Я увидел ее во время завтрака, она была с двумя своими маленькими детьми, мальчиком и девочкой, которые занимали все ее внимание до тех пор, пока я не сел за соседний столик и не посмотрел прямо на нее. Я не мог не сделать этого. На дефиле гламурных моделей все взгляды были бы прикованы к ней. Вдова? — думал я. Разведенная? Или — я отгонял эту мысль — счастливая замужняя женщина, которую не волнуют случайные взгляды?

Конечно, это было невозможно выяснить. Но когда она подняла взгляд и увидела меня, она слегка кивнула и улыбнулась, и на мгновение все показалось неважным, кроме страха, что она слишком красива и что мой взгляд откроет мои сокровенные мысли.

Вновь прибывших в маленьких деревенских гостиницах часто приветствуют благожелательной улыбкой и кивком, только чтобы успокоить их и заставить почувствовать, что они совсем не чужаки. Я не обманывался на этот счет. Но

все же…

Встретив ее сейчас, между дюной и морем, опять вместе с детьми, я был не готов к продолжению знакомства; разве что еще одна улыбка и кивок ожидали меня. Я появился из-за дюны, возникнув так внезапно, что она могла испугаться и поприветствовать меня просто от удивления.

Она подняла руку, махнула мне и окликнула:

— О, привет! Я не ожидала увидеть никого из гостиницы здесь так рано. Вы мне можете помочь.

— Каким образом? — спросил я, стараясь выглядеть не столь взволнованным, каким я был на самом деле; я преодолел разделявшее нас расстояние, сделав несколько не слишком поспешных шагов.

— Я только что довольно глубоко порезала руку об острую, как бритва, раковину, — ответила она, — Но меня это мало волнует. Просто… огромная глупость с моей стороны, что у меня нет носового платка. Если у вас есть…

— Конечно, — сказал я, — Мы сейчас же перевяжем рану. Но сначала вам лучше дать мне на нее посмотреть.

Ее бархатно-нежная рука лежала в моей руке — такая прекрасная, что вначале я едва заметил порез на ладони. Он немного кровоточил, но не

сильно, хотя это была не совсем царапина. В одно мгновение я дважды обернул платок вокруг ее ладони и туго завязал узел чуть ниже запястья.

— Должно помочь, — сказал я. — На первое время. Если вскоре вы не вернетесь в гостиницу, то можете снять повязку, когда остановится кровотечение, и облить рану морской водой. Она — лучший антисептик. Ржавый гвоздь и морская раковина — с точки зрения антисептики несходны.

— Вы мне очень помогли, — сказала она, казалось, не обращая внимания, что я не спешил отпускать ее руку. — Я вам так благодарна, что даже не могу сказать.

Дети ерзали, повернув носки внутрь, укоризненно смотря на мать, на меня и снова на нее. Нет ничего, что возмущает детей больше, чем полное пренебрежение, когда знакомство — дело нескольких секунд. Пропасть, которая зияет между ребенком и взрослым, иногда может расшириться до невероятной степени из-за одного-единственного жеста, и большинство детей довольно умны, чтобы понять, когда их лишают полезного опыта без особой на то причины.

Казалось, внезапно она поняла, что она не смогла даже представиться, и она быстро испра-

вилась.

— Меня зовут Хелен Ратборн, — сказала она. — Когда мой муж умер, я не думала, что когда-нибудь снова окажусь в гостинице. Я чувствовала, что приезд сюда вернет… что ж, очень многие вещи. Но я действительно люблю это место. Здесь все неотразимо очаровательно. Дети тоже его обожают.

Она похлопала сына по плечу, подхватила прядь развевающихся на ветру волос дочери и накрутила их на палец.

— Джону восемь, а Сьюзен шесть, — сказала она. — Джон маленький исследователь. Когда он отправляется на поиски приключений, все земли очень далеки; не важно, как близки они географически.

Она улыбнулась.

— Он предпочитает простое оружие. Лук и пучок стрел прекрасно ему подходят. Он убил несколько невероятных зверей только благодаря своей меткости.

— Я не сомневаюсь в этом ни на секунду, — сказал я. — Привет, Джон.

Казалось, он немного застеснялся, но от стеснительности не осталось и следа, когда мальчик гордо протянул мне руку. Как будто в каких-то

тайниках своего разума он верил каждому слову из тех, которые его мать только что произнесла.

— Сьюзен же совсем другая, — продолжала она; в уголках ее глаз появились совершенно очаровательные морщинки. — Большинство ее приключений происходит «на крыльях яркого воображения», как некоторые поэты выражались когда-то в прошлом, возможно, в викторианскую эпоху. Я не очень хорошо помню такие строки.

— Уверен, вы ошибаетесь, — сказал я ей. — Я прочитал огромное количество поэзии, как традиционной, так и авангардной, и не могу припомнить, что когда-либо сталкивался с этими словами.

— Спотыкались о слова — так лучше, — сказала она.

— Это немного пышно, — признался я. — Но когда вы говорите это, звучит совсем не так. Я точно знаю, что вы хотите сказать. Сьюзен любит часами мечтать, сидя на подоконнике, когда комнатная герань немного заслоняет обзор — морской пейзаж или холмы с виднеющимися вдали снежными горами.

— Спасибо, — сказала она. — Я могу подстрелить такой комплимент, вооружившись всего лишь одной стрелой Джона. Но когда вы гово-

рите это…

Мы оба засмеялись.

— Сьюзен не девчонка-сорванец, — задумчиво добавила женщина. — Но она не станет терпеть пустую болтовню Джона или кого-то из его друзей. Вам следовало бы посмотреть, как быстро она только что бежала по пляжу, обгоняя брата на несколько секунд. Они оба — дети, которыми можно гордиться, вы так не считаете?

— Определенно, — заверил я ее. — Я сразу это почувствовал. Но об этом даже не нужно лишний раз говорить.

— Еще раз спасибо, — сказала она. — Должна признаться, в редких случаях меня одолевают некоторые сомнения. Но удивительно, как быстро дети могут заставить взрослого изменить о них мнение, когда прощение становится первостепенно значимым…

Мне следовало знать: если то, что она сказала об исследовательском духе ее сына, было правдой — и у меня не было причин в этом сомневаться — будет невозможно успокоить его на секунду или несколько мгновений. Но я не был готов к тому, как он прервет нашу беседу, как раз когда она достигла плодотворного этапа. Он повернулся и побежал так стремительно, что беспокойство

за его безопасность вытеснило все остальные мысли из ее головы.

— Джон, вернись сюда! — закричала она. — Сейчас же. Я…

Она последовала за ним по пляжу, почти бегом, пока я не увидел, что ее встревожило. Он не просто преодолел линию прибоя и направился к участку пляжа, усыпанному обломками после недавнего шторма. Он забрался на гнилые доски разрушенного штормом волнореза, смытые на берег, и посмотрел вниз на поток бурлящей темной воды, который почти рассекал пляж напополам именно там. Чуть ниже того места, где он застыл на одной из досок в сомнительной безопасности, вода превращалась в омут, который ветер не покрывал рябью. Омут казался глубоким, черным и чрезвычайно зловещим. Еще большую опасность представляло то, что из воды тут и там торчали обломки, края которых были такими зазубренными, что вилы показались бы менее угрожающими.

Я догнал женщину прежде, чем она сделала то расстояние, которое ее сын преодолел с поистине чудесной скоростью. Нельзя понять, как быстро маленький мальчик может перемещаться с места на место, если какая-то дикая навязчивая идея

пускает корни в его сознании.

— Не волнуйся, — убеждал я ее, семеня рядом. — Дети в его возрасте иногда делают безрассудные вещи просто потому, что они не думают. Но мы думаем, и потребуется всего минуту, чтобы спустить его вниз.

— Он не слушает меня! — возражала она. — Это меня тревожит. Я никогда не видела его таким упрямым.

— Он послушает меня, — заверил я ее. — Может быть, ему уже нужно поговорить с суровым отцом. Если ребенку приходится обходиться без этого, что он достаточно долго знал…

— Я не хочу, чтобы он упал! — сказала она так, как будто меня не слышала. — Я так ужасно волнуюсь.

— Можете не волноваться, — заверил я ее. — Он спустится вниз, как только я повышу голос.

Я совсем не был уверен, что он спустится. Но я не просто говорил пустые слова, чтобы впечатлить ее. Я искренне беспокоился о безопасности мальчика; тому, что он сейчас делал, не было оправданий. Он мог, я думал, по крайней мере, ответить на почти отчаянные призывы своей матери. Отказ подчиняться — это одно, но полное пренебрежение к ее беспокойству — совсем

другое.

Когда я подошел к куче обломков, мальчик придвинулся еще ближе к краю разрушенного мола, и доска, на которой он стоял, казалась крайне шаткой. Местами она прогнила насквозь; за ее деформированным и почти отвесным дальним краем были видны клубящиеся темные волны, бушевавшие прямо за неподвижным омутом. В его форме было что-то такое, что заставило меня испугаться. Опорные балки в виде виселицы (скорее всего просто случайное сходство), вертикальные и горизонтальные линии — все это было как-то туманно и пугающе.

Проявлять родительскую строгость — это для меня сложно, потому что я всегда чувствовал: протесты юных часто оправданы, и чаще всего я находился на их стороне. Но сейчас я был очень зол и не чувствовал не малейшего сочувствия к мальчику, который причинял своей матери столько совсем не нужных страданий.

— Джон, слезай! — кричал я ему. — Тебе должно быть стыдно!

Внезапно я понял, что кричать не надо, и продолжал довольно громким голосом, чтобы быть уверенным, что он услышит каждое мое слово.

— Я понял, я ошибался, веря всему, что твоя

мать говорила о тебе. Я никогда не видел смелых исследователей, которые бессмысленно рискуют своими жизнями. Тебе надо подумать и о других людях. Как ты можешь быть таким жестоким, таким беспечным? Твоя мама…

Я резко остановился, в первый раз заметив, что у него был отсутствующий взгляд, и что он не слушает меня. Он что-то сжимал в правой руке, внезапно он разжал пальцы и посмотрел на них, как будто только этот предмет имел значение, а все, что я сказал, прошло незамеченным.

И тогда это случилось. Я совершил ужасную ошибку — не забрался наверх и не схватил его молча. Но, возможно, это ничего бы не дало. Даже если бы он не боролся… Один мой по доскам — и они могли обрушиться.

Доска рухнула с ужасным треском. Деформированная и перевернутая, почти сгнившая часть первой упала в темный канал, пересекающий пляж, сразу за ней последовала та часть, на которой стоял мальчик. Он исчез в воде так быстро, что ни малейшего звука не доносилось из-под обломков почти десять секунд. Затем я слышал только бульканье воды, а когда оно утихло, раздался чуть слышный всплеск. Несмотря на этот шум, я был уверен: если бы мальчик закричал,

прежде чем исчезнуть, я бы это услышал.

Моей первой, непреодолимой реакцией был ужас, смешанный с недоверием и внезапной благодарностью. Благодарностью за одно то, что я пришел на пляж поплавать, поэтому под легким летним халатом я был облачен в одни только плавки.

Сначала я скинул тапочки и отбросил халат, почти одновременно с этим поднявшись на оставшиеся обломки исчезнувшего мола. Я понятия не имел, насколько могло быть глубоко в этом конкретном месте, но там, где узкий канал переходил в омут, воды, вероятно, гораздо больше, и я на девять десятых был убежден, что там совсем не мелко.

Мгновение я стоял, глядя в черный омут, пока не убедился, что там не видно головы мальчика — это зрелище могло бы меня ободрить. Медлить больше не следовало.

Прыгнуть вниз было бы рискованно, так как можно было удариться головой о нагромождение обломков, которые торчали из омута в разные стороны. Поэтому я медленно и осторожно спустился, прежде чем поплыть в слабо движущимся потоке.

Я прекратил грести руками, чтобы опуститься

на глубину примерно в том месте, где, вероятнее всего, упал мальчик. Чем глубже я опускался, тем скорее становилось течение, и вскоре меня хаотично мотало туда-сюда.

Это была моя первая попытка спасти кого-то из воды, и мне недоставало тех качеств, которые могли бы сделать такую попытку спасения удачной.

Я начал опасаться, что мне придется всплыть, чтобы глотнуть воздуха, и нырнуть второй раз, но тут я увидел его сквозь размытую пелену темной воды. Сначала смутно, потом более четко — мальчик медленно вращался, как будто на какой-то маленькой подводной беговой дорожке, от которой никак не мог оторваться.

К счастью, он не сопротивлялся, когда я добрался до него — я слышал, что тонущие люди могут вырываться, почувствовав прикосновение спасателя. В следующее мгновение я схватил мальчика за руку и поднялся с ним с глубины, которая, казалось, достигала по крайней мере двадцати морских саженей.

Пятью минутами позже он лежал, вытянувшись на песке у обломков; мать наклонилась над ним. Она тихо плакала и смотрела меня, ее глаза сияли благодарностью.

Ни один семилетний мальчик не мог бы так быстро восстановить жизненные силы, использовав ресурсы очень молодого и сильного тела. Румянец снова возвратился на его щеки, его глаза, трепеща, открылись — и я заметил все тот же упрямый, решительный взгляд юного исследователя, который отказывается сдаваться, несмотря на самые тяжелые удары, которые может нанести судьба.

Я полагал, что не почувствую ничего, кроме облегчения и сочувствия. Но я был все еще зол, и первые слова, которые я ему сказал, были такими грубыми, что я почти мгновенно пожалел о них.

— Тебе следовало подумать получше и не подвергать свою маму таким испытаниям. Хорошо, что ты не мой сын. Если бы ты был моим сыном, то лишился бы бейсбола и всего остального на целый месяц. Ты бы просто сидел у окна и кричал то-то своим друзьям. Возможно, они такие же плохие, как и ты. Непослушные, эгоистичные, абсолютно недисциплинированные дети, которые бегают как свора волчат.

Когда я остановился, его глаза широко открылись, и он посмотрел на меня без малейшего следа враждебности или обиды. Как будто он осознал, что я говорю как человек, которым не

был и никогда не мог быть.

— Я не мог удержаться, — сказал он. — Там было что-то… Я знал, что найду это, если осмотрюсь. Я не хотел это найти. Но ничего не поделаешь, когда ты видишь сон о чем-то, чего ты не хочешь найти, и не можешь проснуться вовремя…

— Ты это видел во сне?

— Не так, когда я сплю. Я просто думал о том, как все будет, когда я это найду.

— И поэтому ты убежал, не предупредив мать о том, что собирался сделать что-то опасное?

— Я ничего не мог поделать. Как будто что-то тянуло меня.

— Ты смотрел на это, когда я говорил с тобой, — сказал я. — Поэтому, должно быть, ты это нашел. Жаль, что ты потерял свою находку, когда упал в воду. Если бы она еще осталась у тебя — та вещь, в существование которой мы должны поверить — это бы кое-что прояснило. Не все — но немногое.

— Я ничего не потерял, — сказал он. — Оно у меня в руке.

— Но это невозможно.

— Нет, возможно, — сказала его мать, впервые прервав нас. — Посмотрите, как плотно сжата его правая рука.

Я едва мог в это поверить, только потому,

что было бы разумнее предположить, что руки мальчика, упавшего с рухнувших досок, будут открываться и сжиматься много раз в отчаянном подобии захвата, сначала в попытках сжать воздух, а затем — удушающую стену воды, которая на него обрушилась. Я не мог понять, как в такой необычной ситуации кто-то мог удержать такой маленький предмет — камешек или раковину, — который только что подобрал, даже в плотно сжатой руке.

Там могло оказаться нечто большее. Не только мужчины и женщины, но и некоторые дети переживали невыносимые муки, не отказываясь, даже под угрозой смерти, от каких-то маленьких предметов, драгоценных для них или таких, которых они боялись из-за какой-то ужасной тайны. Крестовый поход детей…

Мне было сложно представить, что могло вложить такие мысли мне в голову: я только мельком видел предмет, который Джон, по-видимому, нашел очень быстро. Определенно, его слова можно было считать детским лепетом. Принуждение, похожее на сон, внезапно подчинило его и заставило отправиться на поиски, как будто мальчика притягивало магнитом. Он был беспомощен, не мог сопротивляться принуждению, не способен

преодолеть это мистическое влияние. Он вовсе не хотел отыскать эту вещь, но осознавал, что у него нет выбора. Он не хотел…

Сьюзен присоединилась к нам у обломков, не обращая внимания на жесты матери, которая показывала, что девочка должна вернуться обратно и не отвлекать нас от спасения жизни Джона. Еще один маленький ребенок, бегущий по песку, помешал бы ей разобраться в том, о чем мы говорили с ее сыном.

Но сейчас она смотрела на меня, как будто я добавил новое неожиданное осложнение, умолкнув на пару минут.

— Дай ему посмотреть на то, что ты подобрал, Джон, — сказала она. — Просто открой руку и покажи это ему. Ты делаешь из этого какую-то странную тайну. Я тоже хочу на это посмотреть. Тогда мы все будем счастливее.

— Я не могу, — ответил Джон.

— Не можешь что? — спросил я, пораженный удивлением и болью, которые отразились в его глазах.

— Я не могу шевелить пальцами, — сказал он. — Я только что понял. До этого я не пробовал.

— О, это чепуха, — сказал я, — Послушай меня, прежде чем скажешь что-нибудь еще более

глупое. Ты должен был, по крайней мере, попытаться пошевелить пальцами дюжину или боле раз, прежде чем я спас тебя. И после этого столько же.

Он покачал головой.

— Неправда.

— Это должно быть правдой. Это твоя правая рука. Ты все время ее используешь. Как и все.

— Я не могу шевелить пальцами, — повторил он. — Если бы я разжал руку, это бы выпало…

— Все это я знаю, — сказал я. — Но ты мог, по крайней мере, раньше выяснить, можешь ли ты шевелить пальцами. Это было бы вполне естественно.

Мне было сложно думать о его матери очень особым образом, так как она очень утомилась с тех пор, как я бросился спасать мальчика. Но какие-то черты прежней пляжной соблазнительницы вернулись, когда ее сын открыл глаза, и казалось, избежал трагедии, которая могла случиться. Но теперь она вновь выглядела безумной. Внезапно страх вспыхнул в ее глазах.

— Может быть… истерический паралич? — спросила она. — Мне говорили, такое может случиться с маленькими детьми.

— Не думаю, — ответил я. — Просто постарай-

тесь оставаться спокойной. Мы скоро все узнаем.

Я взял руку ее сына, поднял и осмотрел повнимательнее. Он не сопротивлялся. Пальцы были сжаты очень плотно Я подумал, что ногти, должно быть, впились в кожу на ладони. Суставы посинели.

Я начал работать над его пальцами, пытаясь силой разжать их. Сначала я не преуспел. Затем, постепенно они как будто стали более гибкими, и прежняя жесткость исчезла.

И вдруг внезапно вся его рука расслабилась, как будто мои судорожные усилия разрушили какие-то чары.

Маленький предмет, который лежал на ладони мальчика не был ни раздавлен, ни поврежден. Сначала я подумал, что он металлический — так ярко он блестел в солнечном свете. Но когда я взял эту вещицу и рассмотрел, то увидел, что она сделана из какого-то эластичного вещества блестящего, как металл.

Никогда раньше я не разглядывал неодушевленный предмет с таким ужасом. На первый взгляд он напоминал маленького осьминога со множеством щупалец, но что-то отличало его от морских тварей — самое уродливое морское чудовище по сравнению с этим показалось бы всего

лишь обычной рыбой. У этого существа было лицо какого-то сморщенного старого утопленника, которое вряд ли стоило называть человеческим. На самом деле оно было абсолютно бесчеловечным, но в его злобной природе сохранялся по крайней мере некий намек на человекоподобный интеллект. Но чем дольше я изучал изображение этого существа, тем менее человечным оно казалось, и потом я начал чувствовать, будто увидел в нем нечто, чего в действительности не было. Интеллект, да — сознание особого рода, но настолько противоположенное человеческому, что мой разум содрогнулся, когда я попытался представить, каким бы был интеллект, если бы он оказался таким же холодным, как темная бездна космоса, и смог бы проявить всю безжалостную власть над одушевленными объектами в звездной вселенной.

Я посмотрел на Хелен Ратборн, и увидел, что она дрожит и бледнеет. Я опустил руку, чтобы она не могла ясно рассмотреть находку, и понял, что ее сын снова увидел эту вещь. Он ничего не сказал, просто посмотрел на меня, будто мысль о том, что у него в руках такая находка, заставила его почувствовать себя каким-то странным образом запачканным.

— Ты взял его, ничего не понимая, — хотел я закричать ему. — Забудь это, дитя — вычеркни это из памяти. Я отнесу его к омуту, в котором ты едва не утонул, и брошу туда, и мы позабудем все, что увидели.

Но прежде, чем я успел сказать хоть слово Джону или его матери, с моей рукой начало что-то происходить. Это началось даже до того, как я понял, что предмет соединен с ржавой металлической цепью и явно предназначен для ношения в качестве амулета на шее.

Мои пальцы сомкнулись вокруг него, сжимая сильнее и сильнее, пока я не ухватил его так же крепко, как недавно Джон. Казалось, я не больше не смогу разжать пальцы или отшвырнуть предмет, что мне внезапно захотелось сделать.

Затем произошло и еще кое-что. Казалось, все вокруг меня незаметно изменилось, контуры ближних предметов стали нечеткими силуэтами на фоне неба, а более дальние предметы не только утратили форму, но, казалось, почти растворились. В ушах зашумело, и странное, пугающее ощущение необъятности и пустоты — я больше никак не могу это описать — охватило меня.

На самом деле ничего не испарилось и не исчезло, но у меня было чувство, что я нахожусь

в двух местах одновременно — подвешен в какой-то обширной бездне, больше, чем вселенная, и одновременно остаюсь на пляже у обломков, рядом с Хелен Ратборн, Джоном и Сьюзен, и все они тревожно на меня смотрят.

Они смотрели на меня с беспокойством, потому что я двигался, похоже, как-то странно, почти неестественно, как не двигаются люди. Как какой-то бездумный автомат, возможно, как робот, который не может сохранить равновесие, потому что его синтетические мозги взорвались, и он может только шататься в тисках безумия, которое заставляет его упасть.

Затем мое восприятие немного восстановилось; я присмотрелся и обнаружил, что изменения не коснулись, по крайней мере, моего физического тела. Но я покачнулся и зашагал прямо к линии прибоя.

Я подходил к ней ближе и ближе, и внезапно я оказался не один. Джон поднялся на ноги, и дети последовали за мной. Их мать шагала за ними, обезумевшая от беспокойства, но не способная нагнать их, потому что они бежали очень быстро, чтобы догнать меня, прежде чем я зайду в волны, которые пенились в нескольких футах от берега.

В миг, когда они добежали до меня, моя рука

протянулась к Сьюзен, и ее маленькие дрожащие пальчики сплелись с моими. Я не мог протянуть Джону вторую руку, но ему не нужна была поддержка. Он вновь стал сильным и самостоятельным и очень быстро зашагал ко мне. Вода кружилась вокруг моих щиколоток, и Сьюзан слегка споткнулась, потому что вода доходила ей до коленей; и тут я произнес слова, которые возникли не у меня в голове, голосом, который я сам не узнал:

— Те, кто в глубине, ждут своих последователей, и мы не потерпим неудачи, присутствуя при Великом Пробуждении. Написано, что все должны восстать и объединиться. Мы, носившие их печать и узревшие ее. Со всех концов земли доносятся призывы и вызовы, и мы не должны медлить. В бездне Р'лье пробуждается Великий Ктулху. Шуб-Ниггурат! Йог-Сотот! Йа! Козел с Тысячью Младых!

* * *

— Теперь он будет в порядке, — говорил молодой доктор. — Уверен, с ним все будет в порядке. Ваш сын заслуживает похвалы, так как с трудом выхватил пропавший амулет из его руки как раз тогда, когда он собирался уйти под воду, подхва-

тив вашу дочь.

Я четко слышал голоса, хотя моя голова все еще кружилась. Хрустящие белые больничные простыни были так сильно накрахмалены, что врезались мне в горло, когда я попытался поднять голову. Поэтому я прекратил попытки, и вместо этого продолжал слушать.

— Странно, — произнес голос, который я бы узнал, даже если бы от меня ничего не осталось, кроме пустой оболочки. — Как быстро дети привязались к этому незнакомцу. Сьюзен рисковала жизнью, чтобы спасти его, как и мой сын. Когда он забрал ту отвратительную вещь из руки моего сына, я думала, что упаду в обморок. Не могу сказать вам, как это было тяжело.

— Он не знал о…

— Как он там оказался? Очевидно, нет. Он прибыл в гостиницу только сегодня утром. С тех пор, как случилась трагедия, прошло две недели, все перестали о ней говорить. Такая ужасная вещь — и меня это совсем не удивило.

— Мужчина был участником эзотерического культа, как я понимаю. Полусумасшедший, неотесанный мужик с бородой до пояса. Таких человек восемь или десять шатались здесь одно время, но теперь они все исчезли. После того, что

случилось, это не удивительно, как вы и сказали.

— Я не могу об этом думать, особенно сейчас. Его тело расчленили и ужасно изрезали. Одна из его ног пропала. Его нашли именно в том месте, где мой сын взял амулет, поэтому, должно быть, он принадлежал ему. Конечно, у каждого есть готовое объяснение таких ужасов. Шериф Уилкокс полагает, что там, где разрушенный волнорез разделяет канал, достаточно глубоко для акул. И если он споткнулся и упал…

— Вы думаете, так и было?

— Вы можете думать так же или считать, что он намеренно бросился в воду. Вы знакомы с работами Г.Ф. Лавкрафта? Он в своем роде гений. Он жил в Провиденсе до самой смерти в 1937 году.

— Да, я читал несколько его историй.

— Те бородатые неотесанные участники культа, которых вы упомянули, должно быть, прочитали все. Возможно, именно поэтому они исчезли. Возможно, они совершили ошибку, приняв истории всерьез.

— Вы не можете верить в это.

— Я не совсем понимаю, во что я верю. Просто полагаю — Лавкрафт не вкладывал в свои рассказы все, о чем знал или подозревал. Это оставляло бы довольно широкое поле для будущих иссле-

дований.

— О да, — сказал доктор. — Именно это он утверждал до того, как я ввел ему вторую инъекцию секонала. Уверен, он почувствует себя по-другому, когда проснется.

— Надеюсь, он не забудет о героизме Сьюзен, похожем на настоящее самопожертвование. Любовь к абсолютному незнакомцу. Забавно, но вы знаете… я понимаю, почему Сьюзен чувствует это.

Именно это я и хотел услышать. Я закрыл глаза и начал тихо мурлыкать себе под нос, ожидая, когда начнется действие второй дозы секонала.

Но когда это случилось, лекарство уже как будто стало водой. Что-то похожее на сморщенное лицо выплыло из-за неизмеримого далека, и я вспомнил свои собственные слова: «Написано, что все должны восстать и объединиться… Мы, носившие печать и узревшие ее…»

Перевод: А. Цицилина

Роберт У. Лоундес

Бездна

Robert W. Lowndes «The Abyss», 1941

Мы достали тело Графа Нордена ноябрьской ночью под звездами, которые сияли с ужасающей яркостью, и поехали быстро вдаль по горной дороге. Тело должно быть уничтожено из-за глаз, которые не могли быль закрыты, и казалось, до сих пор глядят на некий объект позади наблюдателя, тело, которое было полностью обескровлено, без малейшего следа ран, тело, чья плоть была покрыта омерзительными, светящимися надписями и рисунками, которые сдвигаются и изменяют форму прямо на глазах. Мы закрепили то, что было Графом Норденом плотно за рулем, поставили самодельный взрыватель в бензобак, зажгли его, а затем спихнули машину на обочину дороги, где она резко скользнула вниз по склону к главному шоссе, словно пылающий метеорит.

Но не раньше следующего дня мы поняли, что все находились под заклятием Дурина — даже я ничего не помнил. Как иначе мы могли броситься на это дело так яростно, позволив ему злорадствовать из-за своего триумфа? С того ужасного момента, когда зажегся снова свет, и мы увидели

то, что было за мгновение до этого Графом Норденом, мы были словно призрачные, нечеткие фигуры, мчащиеся сквозь сон. Все было забыто, кроме негласных команд, когда мы наблюдали, как пылающий автомобиль рухнул на тротуар внизу, разлетевшись на части, а затем потопали тяжело каждый к своему дому.

Когда на следующий день частичная память вернулась к нам, мы бросились на поиски Дурина, но он исчез. А мы так высоко ценили нашу свободу, что никому не рассказали о том, что случилось, и больше не пытались искать Дурина. Мы хотели все забыть.

Я думаю, что я мог бы, возможно, забыть все, но я не раз изучал «Песнь Йсте». У остальных наблюдается растущая тенденция рассматривать все это как иллюзии, но я так не могу: я видел малую часть реальности. Ибо одно дело читать книги такие, как «Некрономикон», «Книга Эйбона», или «Песнь Йсте», но совсем другое, когда на собственном опыте убеждаешься в реальности некоторых из страшных вещей, описанных в них. Многие читали выдержки из «Некрономикона», пока их обнадеживала мысль, что Альхазред сошел с ума: что если бы они вдруг обнаружили, что он далеко не безумец, что Абдул Альхазред был настолько

ужасно вменяемым, что другие называли его сумасшедшим только потому, что они не могли вынести бремя фактов, которые он обнаружил?

Зная эти истины, я нашел один параграф в «Песне Йсте», но не смог читал дальше. Темный том, наряду с другими книгами Нордена, до сих пор стоит на моих полках, я не сжег его. Но не думаю, что когда-нибудь буду читать его — и позвольте мне рассказать вам о Дурине и Графе Нордене, ибо вокруг этих двух лежат причины моего нежелания дальнейшего проведения моих исследований.

Я встретил Графа Нордена в Дарвичском университете, в классе доктора Хельда по средневековой и ранне-реннесанской истории, которая изучала тайные мысли и часто простой оккультизм.

Норден был очень заинтересован в этом; он провел совсем небольшое исследование оккультизма; в частности он был очарован трудами и записями семейства Дирков, которые прослеживали своих предков до предледниковых дней. Они, Дирки, перевели «Песнь Йсте», с его легендарного оригинала на три великих языка рассвета культур, а затем на греческий, латинский, арабский и, наконец, на елизаветинский

английский язык.

Я высказал Нордену сожаление по поводу слепого презрения, в котором мир держит оккультизм, но никогда не исследовал эту тему очень глубоко. Я был доволен быть простым зрителем, позволяя моему парящему воображению отдаться на волю множества течений в этой темной реке; скользить по поверхности было достаточным для меня — редко я решался погружаться в пучины. Как поэт и мечтатель, я был достаточно осторожен, чтобы не потерять себя в темных омутах, где я развлекался — всегда можно было выйти, чтобы найти тишину, голубое небо и мир, который не думал обо всех этих реальностях.

С Норденом все было по-другому. Он уже начал сомневаться, говорил он мне. Это был не легкий путь; там существовали жуткие опасности, скрывающиеся на протяжении всего пути, часто происходило так, что путник не знал о них, пока не становилось слишком поздно. Земляне прошли не очень далеко по пути эволюции, были еще очень молоды как раса, у них отсутствовали необходимые знания, не говоря о тех немногих из их числа, которые стремились пройти через все неизведанные дороги. Он говорил о посланниках извне и делал ссылки на непонятные отрывки из

«Некрономикона», и «Песни Йсте». Он говорил об инопланетных существах, нечеловеческих сущностях, которые невозможно измерить любыми человеческими мерками, с которыми нет возможности продуктивно бороться.

Дурин появился примерно в это время. Он вошел в класс однажды во время лекции; некоторое время спустя доктор Хельд представил его как нового члена класса, прибывшего из-за рубежа. Было что-то такое в Дурине, что сразу вызвало мой интерес. Я не смог определить какой он расы или национальности — он был очень близок к понятию — красив, каждое его движение было наполнено грацией и ритмом. Тем не менее, ни в коей мере он не мог считаться женственным, он был, если одним словом, — прекрасен.

То, что большинство из нас старалось его избегать, не смутило его, вовсе нет. С моей стороны, он не казался искренним, но со стороны других это было, вероятно, вследствие полного отсутствия каких-либо эмоций. Был случай, например, в лаборатории, когда пробирка ворвалась у его лица, несколько осколков глубоко вошли в кожу. Он не показал ни малейших признаков дискомфорта, отмахнулся от всех проявлений заботливости со стороны некоторых из девушек и продолжил

заниматься своим экспериментом, как только медик закончил с ним.

Заключительный акт начался, когда мы начали иметь дело с гипнозом, в один прекрасный день после полудня, и обсуждали практические возможности субъекта, наблюдая за экспериментами Рейна и других. Колби представил самый оригинальный аргумент против этого, высмеивая объединение экспериментов по передаче мыслей или телепатии с гипнозом, и пришел к окончательному выводу, что гипнотизм (вне механических средств индукции) невозможен.

Именно в этот момент заговорил Дурин. То, что он сказал, я не могу сейчас вспомнить, но это закончилось прямым вызовом Дурину доказать свои утверждения. Норден ничего не сказал в ходе этой дискуссии, он выглядел несколько бледным, и как я заметил, пытался подать предупреждающий сигнал Колби. Мое мнение сейчас в том, что Дурин планировал этот вызов, тогда же это показалось достаточно спонтанным решением.

Здесь были все мы пятеро, кто был у Нордена в ту ночь: Гранвиль, Чалмерс, Колби, Норден и я. Норден бесконечно курил сигареты, грыз ногти и бормотал что-то себе под нос. Я подозревал, что нечто неправильное происходит, но что именно

не мог понять. Затем Дурин подошел и разговор на рассматриваемую тему закончился.

Колби повторил свой вызов, призывая других в качестве свидетелей, чтобы застраховать себя от обмана. Ни зеркала, ни фары, ни какие-либо другие механические средства, вводящие в гипноз, не разрешались. Все должно быть целиком основано на воле. Дурин кивнул, шагнул в тень, затем повернулся, направив свой взор на Колби.

Мы наблюдали, ожидая, что он начнет делать движения руками и произносить команды: он не сделал этого. Он устремил свой взор на Колби и тот застыл, словно пораженный молнией, а затем, глядя широко раскрытыми глазами в пустоту перед собой, он медленно поднялся и замер на узкой полосе черного цвета, которая бежала по диагонали через центр ковра.

Мой разум поднял воспоминания о дне, когда я застал Нордена в процессе уничтожения каких-то бумаг и устройства, — последнее было построено при той помощи, какую я был в состоянии оказать, в течение нескольких месяцев. Его глаза были полны ужаса, и я смог разглядеть в них сомнение. Вскоре после этого события, Дурин изменил свой внешний вид: была ли здесь связь, задавался я вопросом?

Моя задумчивость была прервана внезапным звуком голоса Дурина, приказывающего Колби говорить, рассказать нам, где он находится и что видит вокруг себя. Когда Колби повиновался, его голос пришел к нам словно издалека.

Он стоит, говорил он, на узком мосту с видом на ужасающую пропасть, настолько обширную и глубокую, что он не в состоянии различить ни дна, ни стен ее. Позади него этот мост продолжается, исчезая в голубоватой дымке, впереди он убегает к нечто похожему на плато. Он боится сделать шаг, так как мост очень узок, но понимает, что должен двигаться к плато, прежде чем сам вид глубины под ногами не заставит его потерять равновесие. Он чувствовал себя странно тяжелым, и разговор для него был сродни пытке.

Когда голос Колби смолк, мы все зачарованно уставились на маленькую полоску черного цвета на голубом ковре. Это, возможно, и был тот мост через пропасть… но что могло родить иллюзию глубины? Почему его голос казался таким далеким? Почему он чувствовал себя тяжелым? Плато — это должно быть верстак, расположенный на другом конце комнаты: ковер подбегал к своего рода возвышению, на котором был установлен стол Нордена, поверхность его находилась где-то

около семи футов над полом. Колби начал медленно идти вперед по черной полосе, двигаясь как будто с особой осторожностью, очень похоже на замедленное движение на экране. Его конечности поднимались с трудом, он часто дышал.

Дурин вдруг приказал ему остановиться и осторожно посмотреть вниз в пропасть, рассказать нам, что он там видит. При этих словах мы еще раз осмотрели ковер, как будто никогда не видели его раньше и не знали, что он был совершенно лишен украшений за исключением той единственной черной полосы, на которой Колби сейчас стоял.

Его голос снова пришел к нам. По его словам он ничего не видел в пропасти под ним. Потом он начал задыхаться, закачался и почти потерял равновесие. Мы могли видеть пот, проявившийся на его лбу и шее, впитывающийся в его голубую рубашку. Вот нечто появилось в этой пропасти, сказал он хриплым голосом, больших размеров, похожее на сгустки абсолютной черноты, но которые, он это знает, обладают жизнью. Из центральных масс этих существ, как он видел, вытягиваются невероятно длинные, тонкие щупальца. Они двигаются вперед и назад — по горизонтали, но не могут двигаться по вертикали,

как кажется. Они были, думает он, ничем иным, как живыми тенями.

Но находились все в одной и той же плоскости. Правда их движения были горизонтальными только по отношению к их расположению, но некоторые из них двигались параллельно ему и некоторые по диагонали. Вдалеке он видел предметы, перпендикулярные к нему. Там появилось сейчас намного больше этих предметов, чем он думал. Первые из них, которых он увидел, были намного ниже и не знали о его присутствии. Но они почувствовали его и попытались связаться с ним. Он начал двигался быстрее, сказал он, но нам казалось, что он по-прежнему идет в замедленном темпе.

Я посмотрел искоса на Нордена, он тоже вспотел. Он встал и подошел к Дурину, говоря ему что-то шепотом, так чтобы никто из нас ничего не смог услышать. Я знал, что он имеет в виду Колби и что Дурин отказал требованиям Нордена. Едва Дурин отвлекся на мгновение, как голос Колби снова пришел к нам, дрожа от испуга. Тени стали тянуться к нему. Они поднимались и кружились со всех сторон: некоторые далеко, некоторые жутко близко. Ни одна из них не смогла найти ту плоскость, на которой он мог быть схвачен;

мечущиеся щупальца не прикоснулись к нему, но все же те существа ощущали его присутствие, он был уверен в этом. И он боялся, что, возможно, они могут изменять плоскости по собственному желанию, однако, представлялось ему, они должны делать это вслепую, так как являются двухмерными существами. Щупальца метались вокруг него в полной темноте.

Страшное подозрение возникло во мне, когда я вспомнил некоторые из моих бесед с Норденом и отрывки из «Песни Йсте». Я попытался встать, но мои конечности были словно лишены всех сил: я мог только сидеть и беспомощно смотреть. Норден еще говорил с Дурином, и я увидел, что теперь он был очень бледен. Казалось, он удаляется — он повернулся и подошел к шкафу, достал какой-то предмет и вернулся к полоске на ковре, на которой стоял Колби. Норден кивнул Дурину, и теперь я увидел, что именно он держал в руке: многогранник, сделанный на вид из стекла. Было у него внутри, однако, свечение, которое поразило меня. Отчаянно я пытался вспомнить значение этого — ибо я знал, — но в моих мыслях, казалось, произошло короткое замыкание, и когда глаза Дурина обратились на меня, сама комната начала шататься.

Опять раздался голос Колби, на этот раз полный отчаяния. Он боялся, что никогда не достигнет плато. (На самом деле он был в ярде от конца черной полосы и помоста, на котором стоял верстак Нордена). Тени, сказал Колби, теперь были очень близко: масса нитевидных щупалец только что скользнула рядом с ним.

Теперь послышался голос Нордена, и он тоже раздавался как будто издалека. Он назвал мое имя. Это было больше, сказал он, чем просто гипноз. Это было, — но тут его голос стих, и я почувствовал силу Дурина, блокирующего звук его слов. Время от времени я слышал предложение или несколько разрозненных слов. Но из всего этого мне все же удалось получить небольшой намек на то, что происходит.

Это был не просто гипноз, но реальное межпространственное путешествие. Мы просто вообразили то, что увидели Норден и Колби, стоя на ковре, — или, возможно, это было благодаря воздействию Дурина.

Безымянное измерение было местом обитания этих теневых существ. Бездна и мост, на котором стояли двое, были иллюзиями, созданными Дурином. Когда то, что планировал Дурин, было завершено, наши умы были освобождены, а наши

воспоминания были обработаны таким образом, что мы не могли вспомнить то, чего не хотел Дурин, чтобы мы помнили. Он, Дурин, был существом невероятной силы, он использовал Колби и остальных из нас для неведомой цели. Нордену удалось принудить Дурина к соглашению, которое он должен был выполнить; в результате, если двое смогут достичь плато до того, как теневые существа прикоснутся к ним, все будет хорошо. Если нет — Норден не уточнил, но отметил, что на них будут охотиться эти существа, как люди охотятся на дичь. Многогранник содержит некий элемент, отталкивающий их.

Он был лишь немного позади Колби; мы могли видеть, что он настраивает многогранник. Колби снова заговорил, говоря нам, что Норден материализовался позади него и принес какое-то оружие, с которым эти тени можно будет сдержать.

Тогда Норден назвал мое имя, прося меня позаботиться о его имуществе, если он не вернется, говорил мне взглянуть на «адумбрали», в «Песне Йсте». Медленно он и Колби продолжили свой путь к возвышению и столу. Колби был всего лишь в нескольких шагах впереди Нордена; вот он взобрался на помост и с помощью второго перебрался на скамью. Он пытался помочь Нордену,

но, когда тот поднялся на помост, он внезапно замер, и многогранник выпал из его рук. В отчаянье он пытался вытянуть себя, но был вынужден отступить назад, и я знал, что он пропал…

Затем раздался одинокий тоскливый крик, и свет в комнате резко снизил яркость и потух. Непосредственное влияние заклятия исчезло, мы бросились словно безумцы, пытаясь найти Нордена, Колби и выключатель света. Затем, опять внезапно, свет был включен, и мы увидели изумленного Колби, сидящего на скамейке, в то время как Норден лежал на полу. Чалмерс склонился над телом, пытаясь реанимировать его, но когда он увидел состояние останков Нордена, он впал в такую истерику, что мы вынуждены были применить физическую силу, чтобы успокоить его.

Колби следовал за нами механически, по-видимому, не зная еще о том, что происходит. Мы взяли тело Графа Нордена ноябрьской ночью и уничтожили его огнем, впечатлительный Колби переволновался так, что позже очевидно перенес сердечный приступ во время поездки по горной дороге; автомобиль упал, и его тело почти полностью сгорело.

Позже Чалмерс, Гранвиль и я встретились, чтобы попытаться рационализировать то, что

мы видели и слышали. Чалмерс был в порядке после того, как пришел в себя, он помог нам с нашим ужасным делом на горной дороге. Никто, я думаю, не слышал голос Нордена после того, как он присоединился к Колби в предполагаемом гипнотическом состоянии. Таким образом, я считаю: сила Дурина гасила звук голоса Нордена для них полностью. Но они также не помнят, видели ли какой-либо объект в руке Нордена.

Но менее чем через неделю даже эти воспоминания поблекли у них. Они полностью поверили в то, что Норден погиб в результате несчастного случая после неудачной попытки Дурина гипнотизировать Колби. До этого они считали, что Дурин убил Нордена по неизвестным причинам, и что мы были его невольными соучастниками. Гипнотический эксперимент был проведен специально, чтобы собрать нас всех вместе и обеспечить средство для избавления от тела. То, что Дурину удалось загипнотизировать нас, они никогда не сомневались. Иллюзия пропасти, говорили они, была просто жестокой шуткой…

Не имеет смысла говорить им о том, что я узнал несколько дней спустя, о том, что я узнал из записей Нордена, которые объясняют появление Дурина. Или процитировать им отрывки из

«Песни Йсте». Тем не менее, я должен записать обо всем. В этой проклятой книге есть разделы о внеземной расе сущностей, известных как «адумбрали».

…И эти адумбрали не что иное, как живые тени, существа невероятной силы и злобы, которые обитают вне пространства и времени, тех, что мы знаем. Их развлечение — завлекать в своё царство обитателей других измерений, на которых они практикуют свои жуткие шалости и многообразие иллюзий…

…Но страшнее их — искатели, которых они посылают в другие миры и измерения, существа невероятной силы, которых они сами создали и дали облик тех существ, что живут в пределах любого измерения, или в зависимости от того, в какие миры эти искатели будут посланы…

…Эти искатели могут быть обнаружены только адептом, чьи тренированные глаза различают их совершенные формы и движения, их странности, а аура власти и сила — это верный признак…

…Мудрец Джалканаан рассказывает об одном из этих искателей, который обманул семерых священников Ньягхоггуа, вызвав их на дуэль гипнотического искусства. Далее он рассказывает, как двое из них были захвачены и доставлены к

адумбрали, их тела вернулись, когда тени наигрались с ними…

…Самым любопытным было состояние трупов, они были полностью лишены всех жидкостей, но на телах не было обнаружено никаких следов ран, даже самых незначительных. Но венцом ужаса были глаза, которые не закрыты, глядящие спокойно за пределы, мимо и сквозь наблюдателя, и как ни странно — светящиеся знаки на мертвой плоти, любопытные узоры, которые двигаются и меняют форму прямо на глазах у очевидца…

Перевод: Р. Дремичев

Гэри Майерс
Ксюрхн

Gary Myers «Xiurhn», 1975

Напротив мрачного ониксового Храма Недостижимых Желаний, посвященного Луне, на улице Пантеона в Хазат-Клэге стоял длинный, невысокий, внушающий ужас дом Скаа, окруженный ореолом мифа; Скаа проживала одна в своем доме и монотонно пела, жгла бесовские свечи,

творила знамения Вуриша. Но всегда находятся и те, кто не совестится общаться с ведьмами; к этой категории людей относился Тиш, чей род занятий нельзя охарактеризовать иначе, нежели грабеж.

Тиш слушал молву, распускаемую торговцами камнями, пока его тонкая удавка не заставила их замолчать навеки, о драгоценном камне, охраняемом Ночью в мифическом Мхоре. Тиш услышал о нем впервые в Целефейсе от пухлого ювелира, чью жизнь он купил вместе с этими исключительными сведениями с потрохами, но тогда не поверил предсмертному мычанию жертвы. В Ворнаи Тиш был уже меньше уверен, а в Ултгарских охраняемых скорпионами магазинах он задумался, не было ли это правдой, и, наконец, в караване яков в Канарской солнечной долине дольше сомневаться не мог; торговцев рубинами, которые шли в Дилас-Лин, Тиш даже не ограбил. Правду и другие относящиеся к делу материалы, он знал, можно прочесть в ветхих Древних Манускриптах, в которых записаны многие вещи, сокрытые от глаз профанов, но не желал платить Страже только за то, чтобы пролистать лиходейский талмуд. Менее рискованным ему показалось обратиться к тому, кто однажды уже заплатил за это…

В низком доме Скаа обитали призраки. Им не мешало мерцание маленькой, странно разрисованной глиняной лампы. Тишу же не нравилось, как ведут себя тени, равно как и глаза Скаа, которые светились в полумраке, словно падучие звезды некой безымянной бездны, и действовали на него отнюдь не успокаивающе. Тиш вошел в покосившуюся дверь, сделал то, что обычно ожидают от клиентов.

«За неизвестным Востоком, — пробормотала Скаа, — должна находиться огромная безмолвная долина по имени Ночь; каждый вечер она посылает четыре тени, чтобы убить обессилевшее солнце, и именно там укрываются все сны, когда солнце возвращается на рассвете. В охраняемой призраками долине (если довериться словам тех, кто изрекает любые истины тому, кто может их слышать) есть высокая башня, внутри которой сидит миф Ксюрхн, бормочет сам себе свои сны и стережет день и ночь камень неизмеримой ценности. И нет во всем мире камня, подобного этому, ибо он сделан искусством Других Богов по просьбе безумного султана демонов Азатеза и врезан в оправу, являющую собой шутовскую смесь ленивца и летучего вампира, чья мясистая голова скрывается между двух сложенных кры-

льев. И лучше смертному не думать о нем, ибо Другие Боги не как люди (их тонкие души привязаны к телам серебряными нитями), но если найти земное сосредоточение слабых звеньев, тогда пагубная душа Ксюрхна обратится в Черный Камень. Встреча в Ксюрхном или его душой не будет приятной, да и Другие Боги обладают достаточными методами наказания. Однако известно, что священники с костистыми черепами Юты владеют талисманом, освященным ими на поклонении Н'тса-Каамбле, способным защитить посягнувшего на собственность Других Богов», — Скаа описала путь к талисману. Бросив к ногам ведьмы плату в опалах, Тиш поспешил к извилистым булыжным улицам, освещенным мерцающими звездами.

Скаа открыла сумочку, куда спрятала опалы, но нашла там лишь серые голыши, ведь Тиш был с рождения вором. Она начертила узор, понятный священникам Юты, пригвоздила его ко лбу своего посыльного, который почтительно поклонился и исчез с шелестом кожаных крыльев. Затем в темноте Скаа указательным пальцем провела в воздухе черту над ничего не стоящими камешками, те превратились в опалы, и перестала думать о воре.

В седьмую ночь крадущаяся, в одних чулках тень прошла через третий и секретнейший погреб ненавистного монастыря, где священники справляли мессу Юте, сопровождая ее извращенными муками и молитвами…

Священники с желтыми костистыми черепами обнаружили за алтарем задушенную ведьму с тонкой удавкой на шее и пропажу талисмана с положенного места, отчего тихо рассмеялись и вернулись к своим странным занятиям.

…Даже Восток должен закончиться, если зайти достаточно далеко, — это известно любому здравомыслящему человеку. В своем странствии Тиш видел, как четыре времени года Земли проходят вереницей по полям, возделанным человеком; каждое приходит, уходит и возвращается снова. Все экзотичнее становятся земли, если ехать, не останавливаясь, дальше на Восток. За последним из Шести Королевств Тишу открылись темные гнилые леса, чьи чахлые деревья устремляют свои узловатые корни к мякоти, сокам и извести земли, а в безобразных тенях дурачатся и хитро косятся назойливые Зуги; он видел зловонные трясины, покрытые бледным перламутром рясы, их странных обитателей — вздутых червей, имеющих поразительные мордашки. На той стороне

Гака Тиш ехал по пустыне, сплошь усеянной костями химер. Он потратил на путь по барханам около недели, неустанно молясь, чтобы любители обгладывать кости оставались невидимыми как можно дольше. За пустыней есть город, чьи опускные решетки выполняют роль зубьев так хорошо, что не приходится лукавить. Отсюда Тиш направил свою голодную зебру по бесплодному каменистому краю последней границей Востока. В один из дней он увидел Ночь, зловеще плескавшуюся под ним, медлительный тягучий водоем в мифическом Мхоре.

Тиш отпустил зебру. Кровавое солнце клонилось к закату. Свирепая Ночь устремилась вверх из долины, и Тиш не нуждался, чтобы ему говорили, какое адское отродье скрывается до поры до времени в сумерках. Он зажег маленькую глиняную лампу, опустился на камень, закутался с головой в дорожный плащ…

Со множеством неуловимых шорохов и всхлипов в темноте морозной стыни звездного пространства появились тени. Что-то, холодное и липкое, пролетело, едва не коснувшись его лба. Движущиеся очертания кошмара выступили за границей слабого света. Тиш услышал далекое недолгое безумное ржание своей зебры и вторив-

шее ей злобное хихиканье. Вслед за этим стая теней потянулась к перевалу, прямо за пределы Мира, и Тиш начал осторожно спускаться по склону, неся с собою лампу. Каждый камень срывался под ногами в хлипкой чавкающей грязи. Повсюду были вырыты ямы с уходящими в глубину норами. Лампа давала слишком мало света. Тиш оступался много чаще, чем ему хотелось бы, и как-то раз его рука соскользнула в одну из таких нор…

Позже он нашел стесанные ступени у основания башни, когда что-то мягкое стало угрожающе скатываться позади него, вздыхая в темноте и тревожа древние кости. Тиш был бы рад не увидеть того, что предполагал. Он невнятно бормотал бессмысленные молитвы, обращенные к талисману, что лежал в кармане, пустословил и бешено карабкался вверх, цепляясь руками и ногами, по головокружительной лестнице, в то время как глухие подозрительные звуки у него за спиной усиливались, что-то мокрое вывернуло лампу из его ослабевших пальцев, проглотило ее со скотскими слюнями и повисло на шее, пока его окровавленные руки искали медную дверь. Тиш толкнул ее, забрался внутрь и быстро захлопнул за собой. Что-то билось в дверь и зловеще

хихикало.

Распластавшись в темноте на полу, бормоча о Черном камне, бесценном и охраняемом Ночью в мифическом Мхоре, в бесформенном Ксюрхне, чьей душой он является, кто сидит во мраке высокой башни и беседует с Другими Богами, чьи методы наказания вора имеют веские причины для страха, но которые не в силах терпеть талисман, освященный самой богиней П'тса-Каамбле, чья благородная красота разбивала миры вдребезги. Тиш во тьме разбитого разума никогда не узнает, что талисман покинул его пальцы по молчаливому знаку священников с желтыми костистыми черепами…

Он не видел и того, как Ксюрхн спустился вниз вместе со своей душой, чтобы откликнуться на назойливый стук в дверь.

Перевод: К. Пилоян

Гэри Майерс
Рожа в алькове

Gary Myers «The Snout in the Alcove», 1976

Я очнулся от тягостного сна в незнакомом аль-

кове. Высокая готическая арка была занавешена гобеленом. Лампа, как полная луна, свешивалась откуда-то сверху. Но свет лампы был настолько тусклым, что я никак не мог разглядеть узор на темной ткани гобелена.

Думая найти в рисунке некий ключ к разгадке моего местонахождения в пространстве и во времени, я тщетно выворачивал свои карманы в поисках спичек, когда занавес вдруг расступился, впуская омерзительную рожу. Рожу, матово-светящуюся и туманно-расплывчатую. Рожу в форме серого удлиненного конуса, завершавшегося пучком розоватых извивающихся щупалец.

Я закричал и рухнул лицом вниз.

Множество пар уверенных человеческих рук подхватили меня за ноги и потащили по каменному полу. Я очутился в окружении семи бородатых старцев в белых рясах священников. Они грозили мне деревянными посохами и что-то взволнованно говорили на незнакомом мне гортанном языке. Они отвели меня в круглую комнату, ярко освещенную жаровнями с раскаленным железом. Некоторые предметы в этой комнате удивительно походили на средневековые приспособления для человеческих пыток: набор клещей различного размера, складывающееся деревянное кресло,

всевозможные иглы, щипцы и даже каменные стоки для отвода крови. И венчало это поистине ужасное зрелище высокое ложе, составленное из ножей такой ослепительной остроты, что глазам было больно смотреть на них. Но природа остальных вещей, а их в этой комнате оказалось большинство, отнюдь не указывала на их предназначение доставлять кому-либо неудобство.

Глядя на них, я заключил, что почтенные старцы никто иные, как жрецы Лиги Старейшин, и что подобная темница могла существовать только в сказочной стране, которая окружает наш мир. Поэтому я нарисовал Знак Старейшин, являющийся могущественным паролем этой волшебной страны, где по умению им пользоваться отличают людей от демонов.

Жрецы Лиги Старейшин извинились за то, что не узнали меня сразу. Но когда ты находишь человека в занавешенном алькове, где ты предполагал найти демона, что еще остается думать? Указывая на мою чужеземную одежду, они высказали осторожное предположение, что я только что прибыл из бодрствующего мира.

Мне пришлось рассказать им о моих одиннадцати предыдущих посещениях сказочной страны, предусмотрительно умолчав о данной

мною клятве, согласно которой мой одиннадцатый визит должен был стать последним. Необходимость в подобной клятве возникла из-за тайного пророчества, в чьей правоте я не мог долее сомневаться. Это пророчество гласило, что вскоре всемилостивейшие Старейшины будут свергнуты бесчисленными силами Других Богов, которые хотят столкнуть мир в черный винтообразный водоворот, идущий по направлению к центральной пустоте, где султан демонов Азатез терзаем желаниями в темноте. Этот приговор будет неукоснительно исполнен во второе пришествие пресмыкающегося хаоса Наярлозотепа… Итак, я умолчал о клятве с одним лишь желанием избавить жрецов от лишнего упоминания об этом ужасном предсказании.

В свою очередь, они сообщили мне, что я нахожусь в Храме Старейшин в Олтгаре, куда, по всей видимости, был перенесен силой своего воображения. На мой недоуменный вопрос, как столь священное место могло стать убежищем для демонов, они отвечали, что сами вызвали злого духа, так как умелый допрос нечистой силы является одним из способов проверки сверхъестественных слухов.

Когда я осведомился, что за сверхъестественные

слухи они пытаются проверить, они ответили мне, что только один, который извещает о надвигающемся свершении основного пророчества их веры.

Вероятно, мое лицо выдало мою несколько большую осведомленность по этому вопросу, так как жрецы тотчас же выразили надежду, что коли я выдумал свою дорогу в сказочную страну, то при неблагоприятных обстоятельствах я всегда смогу выдумать ее обратно. Но если я желаю узнать большее, добавили они, то мне следует пойти к их патриарху, в его комнату на вершине Храма.

Я покинул добрых старцев и, следуя их указаниям, стал подниматься по узкой винтовой лестнице, круто восходящей вверх вдоль стен круглой комнаты. Осторожно ступая боком по узким ступеням и прижимаясь спиной к шероховатой стене, я видел, как внизу подо мной пылающие жаровни описывали в воздухе плавные круги и уменьшались в размерах, пока не стали походить на маленькие красные звездочки на дне глубокого колодца. Все это время я мысленно заклинал Старейшин, чтобы они помогли жрецам поскорее поймать ужасного демона, так как боялся, что он последует вслед за мной

по ступеням. Я невольно ускорил шаг, и тогда новое опасение заставило меня содрогнуться. Я подумал, что коварный демон мог опередить меня и теперь поджидает где-нибудь наверху в темноте, и я пошел медленнее. Однако теперь я вспомнил, что рожа демона светилась, и если он окажется рядом, я смогу вовремя его заметить, и, возможно, мне удастся сбежать от него. В противном случае оставалось только одно — прыгнуть. Лучше пойти на верную смерть, чем попасться живым в руки морды.

Однако все мои опасения оказались напрасными, и я продолжал подниматься вверх по лестнице, пока не наткнулся на деревянную ручку большой, обитой кованым железом двери. За дверью я услышал тихое мурлыканье человеческой речи и, приникнув к ней правым ухом, смог различить три дребезжащих голоса, принадлежащие трём старым людям.

— Вот уже три месяца, — продолжал первый голос, — как в Селефейс не приходил ни один корабль из заоблачного Серанниана, где небо сходится с морем. Два месяца мы ждали каравана через Танарианские Холмы из Драйнена на Востоке, и только теперь мы узнаем, что он не вернулся в Драйнен, а взял курс на запад через Серенари-

анское море на Хланиг в устье реки Оукранос. Месяц назад море тьмы разлилось на Востоке, подойдя к подножию Танарианских Холмов, и не двинулось назад на рассвете. Тьма разрывалась воплями потерянных душ, и мы в Селефейсе жгли сторожевые огни на вершинах холмов, чтобы растущее наводнение не перехлестнуло через них и не затопило земли Ут-Наргаи своим мраком, и завываниями. А поднимаясь на корабль, идущий в Хланит, я увидел, что чужестранец в красном одеянии проповедует ересь на рынке, но никто не посмел остановить его.

— Множество кораблей, — начал второй голос, — пришло в Хланит с Востока в прошлом месяце. Они извергли на улицы города бесконечный поток потерявших от страха дар речи матросов, которые вздрагивали при виде любой тени. И еще больше кораблей повернуло прочь на поиски другого пристанища. Долгое время ни одно морское судно не нарушало спокойствия вод гавани Хланита. Но четыре ночи назад огни последнего корабля, совершившего длительный путь с Востока, идущего, как ни один корабль не шел до него, мрачно засверкали в ночной темноте. Мы в Хланите оттолкнули его длинными баграми, которые глубоко вошли в его пористые

борта. Следующей ночью он снова вернулся, и мы опять отогнали его. А когда галера несла меня вниз по реке Оукранос по направлению к Трану, я в третий раз увидел чужестранный корабль, возвращающийся в Хланит. На носу его железным изваянием стоял незнакомец в красной мантии.

— Мы в Тране, — произнес третий голос, — всполошились только вчера утром, найдя воду Оукраноса солоноватой на вкус и, обнаружив плавающие обломки славного города Хланита, качавшиеся на волнах у мраморных причалов Трана. Тем же вечером в час сумерек чужестранец в алой сутане был остановлен стражей вблизи восточных ворот. Но он успел произнести три заклятия, удостоверяющих его волшебство, достойное миновать добрую сотню ворот Трана. Я не слышал слов, сказанных незнакомцем, но те, кто их слышал, пронзительно крича, спасались бегством через северные, западные и южные ворота, а вслед за ними побежали и те, кто не слышал. Сегодня в полночь мы смотрели на восток с яшмовых уступов Кирана и видели тысячи позолоченных шпилей Трана, которые почернели и оплавились, при свете горбоносой луны.

Тут дверь распахнулась внутрь, и я стоял, щурясь от яркого света, в то время как жрецы один

за другим медленно проходили мимо меня. Их облачения и бороды были такими же, как у тех старцев, что остались внизу, только посохи сверкали позолотой, а головы украшали золотые шапочки. Они поочередно благословили меня от имени Старейшин, но их лица в этот момент казались неестественно бледными и искаженными ужасом. Я проводил взглядом белые фигуры, осторожно спускавшиеся вниз в темноту и вошел в комнату, которую они покинули.

Занавешенная легким пологом кровать на четырех столбиках неясно вырисовывалась в окружении высоких зажженных свечей, чей свет смутно отражали стеклянные дверцы стоящих рядом книжных шкафов. Старый служитель, поддерживаемый множеством подушек, полулежал на узорчатом покрывале. И я мог бы сразу догадаться, что передо мной действительно тот патриарх, которого я искал, единственно по поразительной длине его белоснежной бороды и по знакам неведомого зодиака, вышитым на его иссиня-черной мантии. Однако другое привлекло мое внимание; я узнал его по выражению великой усталости на морщинистом лице и мудрости в бесцветных глазах; болезненная усталость человека, дожившего до трехсот пятидесяти с

лишним лет, бесконечная мудрость верного старого последователя Барзая Мудрого.

Я преклонил колени у кровати патриарха Атала и с глубоким почтением поцеловал его благообразную руку.

Очень кратко я поведал ему о моем таинственном пробуждении в алькове, появлении омерзительной рожи и о моей беседе со священнослужителями. Патриарх выслушал меня до конца, не прерывая моего рассказа, и только важно кивая своей почтенной головой. Он допускал, что Наше одновременное прибытие, мое и ужасного демона, не было простым совпадением. Дети Тьмы не могут по своей воле вырваться из родной преисподни, и только космические дыры дают им такую возможность, и кто может сказать, какое новое появление готовят эти повсеместные дыры, из каких иных сфер и плоскостей существования? Вероятно, я, как опытный мечтатель, оказался особенно восприимчив к воздействию подобных дыр, и поэтому он выражает беспокойство, что открытие именно такой дыры послужило причиной моего неумышленного появления.

Но в сложившейся ситуации это может пойти на пользу, продолжал он, если предположить, что я послан Старейшинам, чтобы послужить их из-

бранным орудием, и поэтому он предлагает мне принять участие в поисках, которые он вскоре намеревается предпринять. Дело в том, что слух о втором пришествии пресмыкающегося хаоса Наярлазотепа недавно окончательно подтвердился, и остается только надеяться, что человеку удастся предотвратить крушение мира, как это уже однажды сделали Старейшины, когда они и весь мир были молоды, и только Другие Боги были уже стары.

Но до того, как открыть мне предмет своих поисков, он хотел бы услышать от меня все, что я знаю о всемогуществе Других Богов. Я ответил, что знаю лишь то, что известно каждому: Другие Боги были озорными слугами Старейшин, но они были освобождены от телесной оболочки в наказание за их проказливые выходки и что только неизменная бдительность Старейшин, которая символически отображена в их древних манускриптах, отводила шалости Других Богов от жилища человека. Однако по выражению лица патриарха я понял, что это был плохой ответ.

И тогда я сказал, что знаю то, что запрещено знать любому, но конечно же известно самому патриарху Лиги Старейшин.

— Другие Боги есть главные первичные боги, ко-

торые явились на Землю в далекие незапамятные времена Хаоса задолго до рождения Старейшин. Другие Боги родились в черном винтообразном водовороте, откуда взяло начало Время, и они умерли, когда дыхание вечности увлекло их слишком далеко от первобытного Хаоса. Но они снова оживут, когда очередной виток вечности вернет их обратно в черный водоворот, и тогда Время оборвется, а мир и звезды будут поглощены беспредельным султаном демонов, чье имя ни одни губы не осмеливаются выговорить вслух.

Началом этой трагической развязки послужит возвращение Других Богов. Ведь в тот день, когда еще юные Старейшины сошли со звезд на корабли из облаков, они нашли обезображенные трупы Других Богов и узнали об их предсказаниях. И тогда они переплели могущественные заклятия между телами и душами Других Богов, схоронив их тела глубоко под землей, а души изгнали на невидимую темную сторону Луны. Вот как случилось, что первый приход пресмыкающегося хаоса Наярлозотепа, души и вестника Других Богов, был расстроен чарами Старейшин.

Но дыхание вечности ослабило эти заклинания, и внушающие ужас души Других Богов сошли с небес в подлунный мир, а дряхлые Старейшины,

утратившие свою силу, удалились в ониксовые крепости на вершине укромного Кадата, бежали в холодную пустыню, чтобы там готовить свою последнюю защиту, а возможно, они просто покорились судьбе и теперь ожидают гибели, которую не в силах предотвратить… Но если сами Старейшины впали в отчаяние, на что остается надеяться нам, людям?

— Надежда уходит последней, — сказал Атал, — и она заключается в том, что поведал Барзай Мудрый мне, его молодому ученику, накануне своего трагического восхождения на запретный Хатег-Кла три столетия тому назад. Поклоняющиеся Старейшинам думают, что Старейшины создали человека, но жрецам Лиги известно, что он развивался самостоятельно из единого первоисточника, прообраза всей земной жизни, который создали Старейшины и который древние рукописи упоминают под именем Уббо-Сатла. Но даже священники не знают того, что было известно одному Барзаю Мудрому, сумевшему расшифровать ту ужасную часть заплесневелых манускриптов, слишком старых для того, чтобы можно было их прочесть. Когда Старейшинам наскучило создавать мир, они отдали на хранение Уббо-Сатлу всю свою непостижимую мудрость,

записанную на табличках из камня, добытого со звезды. И это был Уббо-Сатл, которому поклонялся волосатый доисторический человек, а поздние гиперборейцы поносили под именем Абхот, отец и мать всех космических нечистей, которые залегли в берлоге под горой Вумитадрат на гиперборейском континенте задолго до сотворения бодрствующего мира. Весьма возможно, — продолжал Атал, — что заклинания, которыми Старейшины предотвратили гибель мира, до сих пор хранятся у Абхота, и это было надеждой патриарха и целью его поисков — добыть их.

Тут старый служитель поднялся и тяжело опираясь на неукрашенный посох верховного священнослужителя, который лежал у него на коленях, медленно двинулся в сторону книжных шкафов, стоявших напротив входной двери. Здесь он трижды постучал посохом по мраморному полу, и тотчас же два высоких шкафа перед ним повернулись наружу, как французские окна, открывая прямоугольный клочок ночного неба, густо усыпанный сверкающими звездами.

— Страх перед неведомым, — продолжал он, — всегда был сильнее всех страхов в мире, именно он, потому что, однажды открывшись, неведомое может оказаться самой чудовищной вещью

во Вселенной. Жрецы Лиги Старейшин гораздо лучше меня изучили древние тайны, и поэтому только они знают, что представляет собой наихудшая вещь во Вселенной и что сейчас мы стоим на пути наиболее благоприятном для встречи с ней. Но знание лишает их мужества, тогда как мой страх не может лишить меня его, ибо страх перед неведомым не так уж силен по сравнению с боязнью самой худшей вещи в мире.

Сказав это, он выдернул из своей бороды маленький серебряный свисток на тонкой цепочке и тихонько подул в него. И хотя он сразу же вернул свисток в его потайное место, я успел разглядеть и узнать тот странный рисунок, который был изображен на нем, отвратительное хитросплетение усиков, крыльев, когтей и вьющегося хвоста. Где-то вдалеке поднялся невообразимый кошачий вой, и несколько звезд в окне исчезли, закрытые, как мне показалось, густым облаком летучих мышей. Некоторые звезды по краям этого движущегося контура еще мерцали, но центр его был непроницаем. Все больше и больше разрасталась туча, пока все звезды не были поглощены ею, и тогда неистовый кошачий концерт был задушен громким хлопаньем огромных пар кожаных крыльев. Сырой зловонный ветер подул

в окно судорожными порывами, пробивая пламя свечей, развевая бороду Атала и надувая черным парусом его длинную мантию. Старик обернулся ко мне с костлявым пальцем, приложенным к губам, и жестом приказал мне потушить свечи.

Но когда последняя свеча была передо мной, и я наклонился, задуть ее, я увидел нечто, возникшее из темноты позади нее, нечто матово-светящееся и туманно-расплывчатое. Нечто в форме серого удлиненного конуса, оканчивавшегося пучком розоватых извивающихся щупалец.

И как мне показалось, слабое свечение становилось все бледнее, а туманная неясность все четче, пока не осталось только мое собственное злобное лицо, смутно отражающееся в стеклянной дверце книжного шкафа.

Я задул последнюю свечу.

Перевод: К. Пилоян

Гэри Майерс и Марк Лэдлоу
Призыв Нугут-Йуга

Gary Mayets, Marc Laidlaw «The Summons of Nuguth-Yug», 1981

Я, Снит, ученик старших мистерий, практикующий белую и серую магию, пишу этот рассказ своим мелким почерком на чистом листе в конце «Четвертой Таинственной Книги Хсана». Своей собственной кровью я пишу его, не имея других чернил, под тусклым светом двадцати плененных светлячков, сидя со скрещенными ногами на пороге молчаливого дома моего коллеги Нугут-Йуга.

Я вспоминаю, что призыв Нугут-Йуга нашел меня в моем кабинете, обдумывающего один из наиболее темных отрывков из «Второй Таинственной Книги Хсана», книги, в которой, как следует отметить, Хсан дает объяснения скрытым движущим силам звезд. Из задумчивости меня вырвал безудержный стук во внешнюю дверь. Поднявшись из глубины моего кресла и моей души, я положил книгу и взял серебряный подсвечник: прикрыв свечу от порывов ветра, я поспешил по гулкому коридору к твердому дубовому порталу, откуда раздавался стук. Грохот неуклонно становился все громче, пока кончики моих пальцев не коснулись медной дверной ручки с пятнами медянки, а затем — прекратился! Я распахнул дверь. Кипарисовая изгородь отбрасывала длинные чёрные заостренные тени на

освещенные лунным светом дорожки сада. Того, кто стучал не было видно.

Но затем я услышал мрачный хлопающий звук, исходящий сверху, и, подняв взгляд, увидел заслоняющую звезды тень, кружащуюся над головой. Мое воображение обрисовало двигающийся передо мной смутный силуэт, как принадлежащий мужской фигуре, худой и крылатой. Но мои глаза устали от долгих часов учебы и, несомненно, мое воображение было болезненно возбуждено по той же самой причине.

— Прекрати эти шутки! — крикнул я. — Во имя Старших, я заклинаю тебя! — И я швырнул свой подсвечник в оскорбительную тень.

И что было более эффективным, мой снаряд или мой крик, я не знаю, но крылатая тень отскочила, как от удара, от моей крутой соломенной крыши и быстро затерялась среди черных промежутков между звездами.

Между тем что-то цилиндрическое упало на землю у моих ног. Наклонившись, чтобы поднять это, я обнаружил не свой подсвечник, а черную покрытую лаком трубку, обернутую в кусок пергамента. Единственный лист был тщательно исписан с обеих сторон светящимися чернилами, которые мерцали в темноте синим светом.

Такие чернила, как я полагал, использовались исключительно народами Великой Бездны, той скрытой страны, где не знают о солнце, а луна и звезды считаются мифическими. Но на этом языке говорили в моем родном городе Нарат. И паутинный почерк выглядел странно знакомым — по причине, которая вскоре стала очевидной из прочтения текста.

«Друг Снит, — говорилось в нем, — в этот ужасный час мировой нужды я призываю тебя объединить свои силы с моими в борьбе с опасностями, возникшими из глубокой тьмы. Ты поймешь меня, когда я скажу, что нечто научило гугов каким-то образом нарушать Знак Коф. Приди, я умоляю тебя, и возьми с собой „Четвертую Таинственную Книгу Хсана“. Мой курьер, ночной призрак из Великой Бездны, перенесет тебя в мой дом; Старшие ускорят твое путешествие».

И здесь была подпись: «Нугут-Йуг, жрец Ноденса».

Имя Нугут-Йуг не было неведомым мне, поскольку его владелец и я вместе учили магию в секретном институте Хезетхуба, главного колдуна Нарата, в разрушенных катакомбах под этим городом. Но Нугут-Йуг был послан в нижние катакомбы по секретному поручению, и из этого

путешествия он так и не вернулся! А Ноденс, как известно всем людям, Владыка Великой Бездны. Но более загадочная ссылка Нугут-Йуга была на ползающий хаос Ньярлатотепа и означала, что приближается гибель мира. Здесь действительно были загадки, и я с нетерпением читал дальше в поисках их решений.

Но все, что осталось, — это длинный постскриптум, набор подробных указаний о том, как найти Храм Ноденса или, возможно, дом Нугут-Йуга в вечной темноте Великой Бездны. Это было на случай непредвиденных обстоятельств, предусмотренных автором, таких как произошло, когда я прогнал своего предполагаемого коня — неосмотрительно брошенным подсвечником.

Об этикете, который соблюдают маги, я ничего не говорю. Я поймал двадцать светлячков и заключил их в темный фонарь: ведь свет, конечно же, был необходим, и хотя даже самый слабый отсвет мог выдать меня плохим тварям с глазами, по крайней мере, запах горячего металла не должен был привлечь ко мне еще худших тварей, не имеющих глаз. И «Четвертую Таинственную Книгу Хсана», этот бесподобный сборник заклинаний для вызова и уничтожения всех видов демонов, я завернул в непромокаемый плащ. Ме-

ра высушенных абрикосов, завязанная в платке, железная бутылка с чистой родниковой водой с добавлением бренди, и письмо Нугут-Йуга, которое будет моим гидом: вот и все мое снаряжение.

Затем я повернул ключ в замке наружной двери — изнутри. Вернувшись в кабинет, я убрал мебель в одну сторону комнаты и откинул ковер с пола из широких плит. Один из этих камней был отмечен знаком Киш, как и говорил Нугут-Йуг. Подняв этот камень, я обнаружил квадратное отверстие, непроходимая тьма которого, если Нугут-Йуг написал верно, была единой с мраком Великой Бездны, и в которую убегал крепкий шелковый шнур. Я погрузился в эту темноту, как в чернильную ванну, и вверил свою душу Старшим, и соскользнул вниз по шелковому шнуру.

Когда я опустился на обожженном склоне над долиной Пнот, яркое отверстие надо мной было размером не больше звезды, и я подумал, что в Великую Бездну больше путей, чем из нее. Затем я зашагал вниз сквозь слепую тьму, выбрав направление по описанию из светящегося постскриптума Нугут-Йуга. Но я не достал свой фонарь: есть твари, которых люди не должны видеть, и большинство из них обитают в долине Пнот.

Выжженный склон был гладким и пологим, и я спустился без каких-либо проблем. Но однажды я наступил на что-то круглое и твердое, что оказалось у меня под ногой, и упал на колени. Мои пальцы натолкнулись на пустые орбиты человеческого черепа; призрачные лучи моего фонаря обнажили полностью сочлененный человеческий скелет, лежащий у моих ног. Мой грубый шаг повернул череп лицом вверх. Как он попал сюда, владелец этих костей? Одна скелетная рука обнимала маленького идола из прокаженного камня, антропоморфного кумира с бородой из щупалец. Я не терял времени на пустые предположения; я оставил их лежать на том месте и продолжил свой путь.

Затем шлаковый склон побежал вниз, чтобы перейти в покрытую золой равнину, и первый этап моего путешествия был позади меня. Но мне еще предстояло пересечь саму невыразимую долину Пнот, перспектива, которая так же тяжело отразилась на моей душе, как непроглядная тьма на моих ноющих глазных яблоках. Ибо в долине Пнот все могло случиться; и знать это — значит ничего не знать заранее; а против неведомого нет иной защиты, кроме бегства.

Я шел, пока не устал, и спал, пока не отдохнул:

так я разделил бесконечную ночь на дни. И всегда, прежде чем лечь, я повторял определенную формулу из «Четвертой Таинственной Книги Хсана», чтобы охранить себя, пока сплю. Я не знаю, было ли это из-за этой формулы или своеобразная удача, но ничто неприятное не мешало моему отдыху. Я завтракал, а когда и обедал, лишь двумя сухими абрикосами и глотком воды.

Утро первого дня расстелило у меня под ногами ковер из костей в несколько слоев, которые гремели при каждом моем шаге. Мой фонарь показал, что это были в основном человеческие кости, а некоторые — кости крыс и слонов. Путь становился все круче, когда сложенные кости сдвигались подо мной; я мучительно преодолел последний участок склона, передвигаясь на руках и коленях. Но когда я достиг вершины горы костей, я обнаружил, что противоположный уклон был еще круче. Таким образом, я начал медленно двигаться по краю того, что было похоже на ободок воронки в несколько миль в поперечнике, воронки, которая так походила на яму муравьиного льва.

Подойдя к дальнему краю воронки костей, я невольно столкнул один из черепов в яму, где услышал, как его мрачный стук исчез в удиви-

тельной тишине невероятных глубин. А потом я услышал нечто похожее на эхо, отскакивающее от стен воронки. Но этот звук был слишком громким и слишком нерегулярным для повторения, чтобы быть эхо. И тогда я осознал ужасную истину, которая заставила меня подняться на страшную лавину и в один миг скатиться на ней по потрясающему склону, остановившись потрепанным и потрясенным на краю зольной равнины: череп потревожил муравьиного льва, и муравьиный лев выполз!

Это произошло в черный полдень следующего дня — появился странный шепот. Сначала что-то прошептало несколько слов передо мной, а затем что-то прошептало еще несколько слов позади, а затем ужасный приглушенный смех раздался со всех сторон. Я быстро достал свой фонарь, полагая, что дети тьмы должны быть сбиты с толку внезапным появлением света среди них. И я, должно быть, правильно рассуждал, потому что шепот быстро стих.

Не было никаких признаков шептуна, к которому ужасный смех в какой-то мере подготовил меня. Но что могло подготовить меня к зрелищу, которое предстало моим изумленным глазам, когда, думая, что я все еще на выжженной равнине,

я оказался в узком проходе между бесконечными стенами, которые поднимались выше, чем мог достать мой свет? Эти стены были покрыты странными выпячиваниями, схожими с анатомическими чертами человека, с коленями, локтями и головами, потому что они были полностью сложены из сломанных скульптур. И в них не было надлежащих дверей и окон, а только высокие, круглые проемы шириной с человеческий торс.

Шепот возобновился за чертой света моего фонаря, отступая передо мной, когда я продвигался по узкому пути, но прижимаясь вплотную и не оставляя следов на покрытом пеплом пути. И так продолжалось до конца того дня, потому что я не смел ложиться спать, пока город и шепоты не остались позади меня.

Вечер третьего дня привел меня к самому порогу тихого дома Нугут-Йуга. Свет изливался из открытого дверного проема, отбрасывая мою тень далеко через выжженную равнину, по которой я прошел, и поднимался, как туман, вверх по черному фасаду циклопической каменной кладки без окон, на высокую крышу, где семь горгулий сидели в ряд. Черные, как стена, которая поддерживала их, почти такие же чёрные, как и темнота, которая окружала их, этих горгу-

лий было нелегко рассмотреть; они могли быть похожими на людей, худыми и крылатыми как летучие мыши. Но их выжидательные позы было настолько живыми, что я почти услышал, как стучат их перепончатые крылья.

Двойные двери из зеленой бронзы в стене были открыты и изображали в горельефе первозданную аллегорию Ноденса, Повелителя Великой Бездны: антропоморфного бога с бородой щупалец, охотящегося на крылатых спрутов с трезубцем, восседая на троне из раковины морского гребешка.

Заглянув за двери в освещенное внутреннее пространство, я увидел непритязательную кровать отшельника, тюфяк из грязной соломы и алтарь из прокаженного камня его бога с венчающим его постаментом в форме раковины морского гребешка. Оба были пусты.

Затем свет погас. А в следующий момент я испытал большое несчастье, при свете моего открытого фонаря увидев как дверной проем сомкнулся вокруг меня, как рот.

Перевод: Р. Дремичев

Гэри Майерс
Жрец Млока

Gary Myers «The Priest of Mlok», 1984

За три ночи до прихода Млока на землю Лохи было предсказание во сне. Этот Лохи был очень старым и очень святым, он жил в полном одиночестве на краю пустыни Бназик больше лет, чем кто-либо мог представить, и за все эти годы ни с кем не разговаривал, кроме своих богов. Но за несколько месяцев до того времени, о котором я пишу, он взял себе ученика. Когда Лохи проснулся от грез о Млоке, он дал указание Нину (таково было имя ученика) приготовиться к недельному пребыванию в пустыне, поскольку он был настроен быть первым из людей, кто предложит себя Млоку.

Вечером они отправились, Лохи, Нин и верблюд, на котором был нагружен багаж. Лохи ехал с багажом, потому что годы сделали его слабым, но Нин шел пешком. Они путешествовали на восток, преследуя свои тени от заходящего солнца; и чем быстрее они шли, тем быстрее двигались

их тени, убегая далеко вперед, пока ночь не скрыла их. Они путешествовали ночью, потому что только в это время ослабевала жестокая жара пустыни, и потому что на этой лишенной ориентиров равнине Лохи мог строить свой курс только по звездам. Звезды были святы для его богов, и он умолял их указать ему путь бесконечными молитвами.

Таким образом, Нин впервые услышал об объекте их поисков. Новый бог собирался объявить себя людям, и они станут свидетелями его пришествия. Они будут приветствовать его во имя людей и выведут из пустыни в города, где они жили, где он будет почитаться выше всех богов, поскольку его жрец будет почитаться выше всех остальных жрецов. Это то, что Нин разобрал в молитвах жреца об объекте их поисков. После этого он наблюдал за небом в поисках знамений, даже более внимательней, чем глядел на землю в поисках змей.

К концу третьей ночи его бдение было вознаграждено, когда звезда сорвалась с небесной сферы и упала на землю. Она упала на востоке, издавая звуки, разбудившие гром, который рычал и рычал над горизонтом еще долго после того, как крики стихли.

На следующий вечер демон упрямства покорил верблюда, и ни мягкие слова Лохи, ни жесткие удары Нина не смогли снова заставить идти его. Им ничего не оставалось, кроме как оставить его, поэтому Нин поднял своего хозяина на спину и пошел. Он недолго шел так, как вдруг между ним и звездами возникла стена песка. Стена не была крутой, и Нин мог легко подняться на нее даже с Лохи, но, поднявшись, он обнаружил, что не может двинуться дальше из-за ямы, которую окружала стена. Полная луна освещала устье, но только звезды освещали ее дно. В их свете Нин смутно увидел большие валуны, вздымающиеся, как зубы, высоко вверх на пологих сторонах.

Лохи не заглядывал в яму, потому что знал, что в ней содержится. Вместо этого он опустился на колени спиной к ней и помолился последней молитвой. Он молился не звёздам, потому что они уже не были такими святыми, так как Млок покинул их ради пребывания среди людей. Он молился не звездам, а яме. Ибо там падающая звезда родила Млока и земля открылась, чтобы принять его, и там он ждал, когда придет его жрец. И это было бременем молитвы Лохи, ибо он должен быть признан приемлемым для Млока, чтобы девяностолетнее верное служение не

осталось неоплаченным.

Нин тоже служил богам, семь месяцев он служил им. Но молитва слабого старика стояла между ним и его наградой. Поэтому он поднял тяжелый камень и навсегда оборвал оскорбительную молитву.

Затем он опустился на колени рядом с Лохи и помолился своей молитвой: он молился не так, как это делал Лохи, старик, живущий прошлым. Нет, новый культ нуждался в новой крови, и Нин был человеком, который мог предоставить это. Он не жил прошлым, не жил будущим, он должен был посвятить все свои годы служению Богу. Но бремя его молитвы было таким же, он должен быть признан приемлемым для Млока.

И тогда Нин посмотрел и увидел, что его тень не принадлежит ему. Что-то встало между ним и лунным светом, что-то, что не было человеком. Он посмотрел краем глаза и увидел, как кончик рыщущего щупальца пробирается мимо него к убитому Лохи. Посмотреть назад он не осмелился. Но когда щупальце отступило от мертвого лица Лохи и повернулось к Нину, он склонил голову, чтобы получить благословение.

Жертва была приемлемой для Млока.

Перевод: Р. Дремичев

Гэри Майерс
Боги Дринена

Gary Myers «The Gods of Drinen», 1985

Неся перед собой символ своего сана — увенчанный анкхом посох жреца Старших, Бел вошел в храм Млока, чтобы убить божество этого храма. Во имя Старших он пришел, потому что именно они постановили предать смерти своего величайшего соперника в Дринене, и именно они назначили Бела исполнителем своей воли. Он был именно тем, кто должен убить бога или умереть в попытке, и у него было мало надежды на то, что он сможет победить.

Он знал, что жрецы Млока не будут мешать ему, потому что все они запирались в своих камерах на закате, и появятся снова лишь на рассвете. Но он также знал, что это происходит из-за их боязни своего бога, который посещает ночью свой храм. И это знание не приносило утешения, когда он находился в этом самом храме, полном темноты, с таким количеством колон, за которыми вполне мог укрыться сам бог. Единственный свет — свет

звезд, который проникал внутрь через парадную дверь позади Бела. Колонны стояли вокруг, словно призраки.

Только однажды во всей этой темноте он увидел что-то похожее на проблеск надежды, и это была свеча, горящая перед дверью храмового склепа. Эта запретная дверь, почерневшая от времени и обитая железными гвоздями, была последним барьером между храмом и его богом, но никто не охранял ее. Только эта маленькая свеча стояла перед ней, как будто ее свет имел власть удержать темноту на расстоянии. Это не всегда было так. Когда-то жрецы охраняли своего бога так ревниво, как скряга охраняет своё золото. Бел прекрасно это знал, потому что сам провел больше одной ночи, охраняя эту дверь, служа жрецам Млока.

Еще три года назад юный жрец Старших слыхом не слыхивал о Млоке. Но два года назад ночью жрецы его тайно пронесли в город и спрятали в склепе заброшенного храма по пути из храма Старших, и за эти два года его культ стал самым популярным в Дринене. Не известно, что было такого в культе Млока, что привлекло так много поклонников на его сторону из других культов. Возможно, в этом была виновата лишь

новизна. Или, может быть, свидетельства живого бога были более убедительными, чем пыльные записи древних чудес. Но что бы это ни было, это вскоре стало ощутимо даже в храме Старших. Ибо жрецы Млока носили мантию из шелка и обедали на золотых тарелках, а жрецы Старших носили только тряпки и голодали, когда их чаши для подаяний были пусты.

Поэтому Бел сказал об этом своим хозяевам, трем первосвященникам Старших, когда преклонил колени перед ними в зале для собраний, и умолял их освободить его от его обета. Все в белом были они, эти древние жрецы с печальными глазами, и их длинные белые бороды свисали до самых сандалий. Каждый из них держал в своей правой руке посох, увенчанный анкхом, который был как опорой для старца, так и символом его сана. Он умолял их освободить его от обета, и они не отказали ему. Естественно, что молодой жрец захотел перейти от слабеющего света старых богов к все увеличивающемуся свету нового. И для него было естественно чувствовать себя обескураженным, когда чаша для подаяний слишком часто была пуста. Но это был не первый случай, когда бог пришел, чтобы бросить вызов Старшим, и, конечно же, не последний; и рано или

поздно Старшие ответят на вызов, как это всегда происходило в прошлом. Между тем их жрецы должны быть терпеливыми, потому что Старшие вспомнят верных им в годы своей великой славы. И если они вспомнят верных, они не забудут и неверных. Так говорили жрецы Старших, пытаясь предотвратить Бела от его опасного желания. Но он не отступил. Сломав посох своей веры об колено, он бросил обломки к ногам своих бывших мастеров.

Хотя Бел иногда охранял дверь, он никогда не видел, что находится за ней. Но теперь, благодаря свету заимствованной свечи, он видел, что это настоящий лабиринт из лестниц и коридоров, лабиринт, в котором он мог часами охотиться за своей жертвой и все еще мог быть далеко от своей цели. Он мог бы охотиться часами, но он разработал лучший план. Пол был усыпан человеческими костями, и везде, где возникал выбор пути, он выбирал тот проход, где костей было больше, как самый быстрый путь к логову бога, если не к самому богу. Но у него вызывали приступ тошноты мысли о том, куда могут вести другие пути, поскольку он давно догадался, что из лабиринта выходило больше коридоров, чем предполагали жрецы Млока. И он очень осторож-

но шагал по костям, потому что об их владельцах все было известно ему.

Не прошло и месяца, как он пробыл на службе у жрецов Млока, как начались исчезновения. Жрец исчез из своей камеры ночью, и никто, кто слышал его удаляющиеся крики, не мог поверить, что он кричал по своей собственной воле. Они обыскали храм сверху-донизу, но никаких следов пропавшего не нашли. Только в склепе они не искали, поскольку дверь в него тщательно охранялась, и никто не проходил через нее в любом направлении, как могли бы подтвердить два охранника. Но когда сами охранники исчезли даже без единого крика, сигнализирующего об их смерти, все предпочли отказаться от поисков, а не следовать логическим выводам. А затем немногие открыто заявили, что все должны понимать в тайниках своего сердца, что ничто не могло коснуться жреца Млока в храме Млока, если только это не был сам Млок. Они сказали, что Млок рассердился на своих жрецов за то, что они не давали ему требуемой пищи, так необходимой ему, и что те, кто хочет отправиться на поиски пропавших жрецов, должны искать их в брюхе Млока. Позже они сказали, что исчезновений было больше, чем необходимо одному богу. Хотя

на самом деле исчезновений было не так много, как слухов порожденных ими, и некоторые из пропавших, скорее всего, совершили побег, чтобы избежать участи своих товарищей. Сам Бел оставался здесь столько, насколько хватило сил, но однажды ночью он услышал, как что-то осторожно грохочет за охраняемой им дверью, и решил, что его истинные интересы лежат где-то в другом месте. Ибо лучше голодать со Старшими, чем быть съеденным Млоком.

Он покаялся перед своим старыми хозяевами — тремя первосвященникам Старших, когда преклонил колени перед ними в зале советов, и попросил их вернуть его обратно. Они не изменились в течение года с тех пор, как он покинул их, только их бороды стали немного длиннее и их глаза немного печальнее. Он умолял их вернуть его обратно, и они не отказали ему. Им было приятно видеть, как молодой жрец возвращается от разрушающего света ложного бога в хранящую тьму истины. И им было приятно видеть, что он таким образом может избежать гнева Старших. Но удовольствие, которое они испытывали при его возвращении, было ничто по сравнению с удовольствием, ощущаемым самими Старшими. Они были рады настолько, что захотели угодить

Белу, в свою очередь, подарив ему исключительную честь. В течение трех лет они терпели Млока, который бросил вызов их власти. Они больше не хотели терпеть его. Сегодня они определили его смерть, и тем же вечером они отправили его как исполнителя своей воли. Но Бел не мог убить бога без оружия. Таким образом, они вложили в его слабые руки посох жреца Старших. И он увидел, как тьма сомкнулась вокруг него, ибо это был его собственный посох, который они дали ему, его собственный посох, чудесным образом восстановленный.

Кости привели Бела, когда он уже начал отчаиваться, туда куда нужно, стены разошлись по обе стороны от него, чтобы явить ему логово, которое он искал. Он сразу увидел, что это логово по размеру и форме напоминает большую квадратную комнату с четырьмя дверями, открывающимися в ее стенах, и алтарем из черного камня, который стоял в самом центре. Но по большей части он видел вокруг лишь кости, человеческие кости, которые лежали так густо на полу, что его совсем не было видно между ними. В комнате было пусто. Он осторожно пересек ее и поставил свечу на алтарь. Он уже почти решил вновь поднять ее и попытать свою удачу в лабиринте, когда грохот

костей раздался позади него.

Он прекрасно знал, что это было, но его вера в посох Старших дала ему силы, чтобы противостоять этому. Но когда он увидел то, что стояло за ним, потянувшись к его горлу странными человеческими руками, все силы покинули его. Только когда он почувствовал прикосновение этих рук к своему сжавшемуся от страха горлу, только тогда он нашел силы, чтобы нанести удар. Он ударил не один раз, а много, терзая протянутые к нему конечности, чтобы достичь мягкого тела позади них. Он продолжал бить безжизненное тело еще долго даже после того, как конечности расслабились.

Но в момент своей победы он увидел, что все было в пустую, увидел это в очертаниях мертвой твари у своих ног. Это было не в ужасной насмешке над человеческой формой, как видел он. Это было не в основе различия, что никакая видимая форма никогда не может полностью скрыть. Это было даже не в неестественном количестве рук, ног и голов, в два раза превышающем то, что должен иметь человек. Это было не в самой твари, но вывод, который он извлек из всего увиденного, вырвал победу из его рук, даже когда он потянулся, чтобы схватить ее. Тварь умерла, находясь

в финальной стадии расщепления своего тела пополам.

Но только после того, как он поднял глаза от поверженного ужаса, он понял весь масштаб своего поражения. Братья убитого бога вернулись с охоты в храме наверху, чтобы найти его над телом своей жертвы. Они стояли вокруг него за краем тусклого света свечи, дрожа от молчащего смеха, что было хуже любой угрозы. Но Бел уже видел худшее. Он поднял в вызове посох Старших, посох, который мог бы привести их к смерти.

И только тогда он понял причину, почему боги смеялись. Старшие сломали свой посох второй раз пополам.

Перевод: Р. Дремичев

Гэри Майерс
Гробница Неба

Gary Myers «The Tomb of Neb», 1985

Где бы люди ни собирались пообсуждать невероятные подвиги воров, они всегда вспоминали о Тхангобринде и Тише, но ничего не говорили о Муте. Но тот, кто занимается искусством во-

ровства, не заботится о славе, разве что для того, чтобы научиться избегать ее. Именно те, на ком он практикует, делают его имя бессмертным. А те, на ком практиковал Мут, были как тихими, так мертвыми, потому что Мут был торговцем древностями.

Есть некоторые люди, кто идет путем Мута, они царапают землю наугад, и другие, более методичные, которые просеивают гору через сито. Мут не работал подобно им. Вместо этого он опирался на книги и свитки, которые могли подсказать ему, где копать. Он мог читать более чем на семи древних языках, в том числе на трех человеческих. Можно было подумать, что его познания охватывают записанную мудрость многих древних народов, но, увы, он заботился только о том, что мог показать в витрине своего магазина.

Он много читал о гробнице Неба, прежде чем догадался о ее местонахождении. И он часто замечал круглый холм в пустыне к востоку от Дринена. Он задавался вопросом, почему он никогда не меняется перед лицом пустыни, которая всегда менялась, всегда сглаживала морщины и создавала новые вместо прежних. Но только после того, как он увидел, как жрецы Старших восстановили холм после песчаной бури, он

сложил два и два вместе и обнаружил, что получилось четыре.

Неб был последним жрецом культа Млока. Этот культ был очень великим в своё время, около сорока веков прошло до того времени, когда я пишу это; но частое деление главного божества все увеличивало его пантеон, выходя за пределы богатств любого культа, нужных для его поддержания, и это привело к его исчезновению. Ибо дети Млока требовали человеческих жертвоприношений, и жрецы Млока делали все возможное, чтобы обеспечить им их. И когда они думали, что им больше нечего принести в жертву, Неб показал им их ошибку. Он был последним. Ревнивые жрецы Старших похоронили его в пустынной гробнице, а детей Млока похоронили с ним. Они уничтожили все записи о местонахождении гробницы, чтобы никто из последователей Неба никогда не нашел ее. Сорок столетий спустя даже жрецы Старших не знали, почему они вываливают корзины с песком на круглый холм к востоку от Дринена.

Но Мут знал. И поскольку он знал, то сделал этот холм объектом своей вечерней прогулки. Это было на закате, когда он обосновался на месте у подножия западного склона, выбрав его для

раскопок. Под звездным светом приступил он к работе, чтобы доказать мудрость своего выбора. Он копал под светом звезд, потому что любой другой свет был бы виден со стен Дринена, а Мут опасался раскрыть себя перед жрецами Старших. Когда полная луна поднялась над вершиной холма, он обнаружил, что его лопата ударила в дверь тайной гробницы, раскрыв притолоку прохода.

Целая печать на каменной двери была так же хороша, как надежды Мута, надежды на богатое вознаграждение за его труд. Но когда он сломал печать и открыл дверь, когда он зажег лампу и изгнал темноту сорока столетий, он увидел, что надежды его не оправдались. Не было никаких статуй запрещенных богов. Не было мумии их объявленного вне закона жреца. Не было даже горстки пыли, чтобы показать, где она лежала. Пол был таким же чистым, как если бы он только что был подметен.

Когда Мут уходил, он увидел, что печать выпала из двери одним куском. Его первым желанием было растоптать ее ногами, потому что он чувствовал сильное разочарование. Но, подумав, он взял ее домой, чтобы использовать в качестве украшения для своего магазина.

Это была ночь, когда ужас пришел в Дринен.

Он пришел за час до рассвета в восточную часть города, когда более чем один спящий был разбужен громким криком, донесшимся из района близ пустынных ворот. Когда крик прервался, едва успев начаться, они решили, что это сосед кричит, увидев кошмарный сон, и снова легли. Но утром, когда они обнаружили, что караульное помещение опустело, а ворота стояли широко открытыми, они были очень удивлены.

На следующую ночь крик повторился. Но на этот раз он не дожидался часа до рассвета и не остановился вскоре после этого. Нет, он раздался через час после захода солнца, и если он стихал в одном месте, то вскоре раздавался уже в другом. Те, кто слышал его второй ночью, не могли отмахнуться от него так же легко, как это сделали в первую. Они могли только натянуть свои одеяла на головы и проклинать ночные часы, но ничего не делали, чтобы остановить крик. А утром они обнаружили, что во второй раз караульное помещение было пусто, и ворота вновь широко открыты. Они закрыли их и заперли, но никто не остался, чтобы нести ночную вахту. И многие дома в восточном квартале не открывали свои ставни весь день.

Магазин Мута находился в восточном квартале

недалеко от пустынных ворот; он был одним из первых, кто услышал крики, и одним из последних догадался, что это на самом деле означает. Пробудившись четыре раза за вторую ночь, он лишь подивился, почему кошмары внезапно стали настолько распространенными. Но на третью ночь, когда крик наполнил его собственные сны и сделал сон немногим лучше, чем пробуждение, он обратился к своим книгам за утешением. И первой книгой, на которую он наткнулся, была старая история культа Млока.

Неб был последним жрецом культа Млока. Когда у него не было больше жертв, которые он мог бы предложить детям Млока, он отправлял их на улицы, чтобы они сами смогли найти их для себя. Они покидали свой храм тайком и ночью, и только крики их жертв говорили, где они находятся; но ночь за ночью раздавались крики, и от заката до восхода солнца они не прекращались. Третья часть населения древнего Дринена стала жертвой детям Млока, прежде чем вмешались жрецы Старших. Но жрецы не смогли убить детей бога, потому что те унаследовали божественность своего отца. Поэтому они закрыли их в гробнице в пустыне и запечатали ее с помощью мощной магии печати Старших.

Когда Мут прочитал это, его сердце опустилось, словно превратилось в камень. Та печать Старших, печать, которая в течение сорока столетий сдерживала детей Млока, была печатью, которую он забрал из двери гробницы, печатью, которая теперь лежала в его витрине. Но это было не самое худшее. На руке Мута была надпись, хотя при каких обстоятельствах он написал ее, он не мог даже предположить. «Вы должны вернуть ее, — было написано, — немедленно!»

Мут вышел через заднюю дверь, опасаясь, что за передней могут наблюдать. Он двигался позади домов, все время держась в тени. Однажды он даже обошел квадрат света, льющегося из освещенного окна. Двигался ли он более тихо, чем другие люди, или ужас, привыкший добывать свою жертву в домах, больше не думал искать его на улицах, я не знаю, но он добрался до пустынных ворот, не встретив того, чего боялся. Он проскользнул через ворота и направился в пустыню, где почти сразу встретил группу тварей.

Твари склонились над телом человека, разрывая его, чтобы добраться до души, как псы ломают кости, чтобы добраться до костного мозга. Они все стояли спиной к Муту. Но вот предательский порыв свежего ветра, должно быть, донес его за-

пах туда, где они низко припали к земле, потому что сразу же их морды поднялись, громко втягивая ноздрями воздух. Когда Мут услышал это, он понял, что проиграл. И когда они двинулись к нему, передвигаясь на четвереньках и злобно хихикая, он закрыл глаза и стал ждать конца.

Но конец долго не наступал. Вот хихиканье уступило место хныкающему звуку, похожему на скулеж собак, удерживаемых от своей добычи. И когда Мут снова открыл глаза, он увидел, что все твари стоят перед ним, их слепые морды осторожно нюхают печать Старших, которую он прижимал к груди. Увидев, что печать отталкивает тварей, которых она так долго держала в заточении, он сжал ее покрепче. Затем сделал шаг вперед. Твари отступили.

Твари отступали шаг за шагом, но они не рассеивались перед ним. Вскоре их число увеличилось, поскольку из пустыни вышли другие подобные им твари, чтобы присоединиться к первым, присоединиться, образуя живую стену между Мутом и гробницей. Казалось, что они догадывались о его цели и пытались остановить его. Их целью было переубедить его наравне со страхом, но лица, которые они подняли, взирая на него, убили бы более нервного человека.

Когда он отогнал их так близко к гробнице, что пространство между ними уже не могло вместить их, они начали отступать в дверь, к которой старались не пустить его. Один за другим они отступали через дверной проем, пока Мут не удостоверился, что все они находятся в гробнице. И когда вошел последний, и ночь и пустыня были снова пусты, Мут закрыл за ними каменную дверь. Он уложил печать у порога двери и набросал на нее песок до самой притолоки.

Это был момент, когда Неб решил объявить о своем присутствии, мягко покашляв позади него.

Перевод: Р. Дремичев

Джозеф А. Маккалоу
Чёрный бог джунглей

Joseph A. McCullough «The Jungles Black God», 1999

Странные вещи происходят во время войны.

От: Сержант Ричард Харрисон
Седьмой участок департамента полиции

Ричмонд, Вирджиния
Кому: Генерал Роберт Соменч
Армейский разведывательный департамент 6 (С: ВМ)
Пентагон

В ответ на ваш запрос, я пересылаю расшифровку истории капрала Александра Грегсона, которую он рассказал мне два дня назад 4 июля 1968 г. Вот его точные слова из записанного на пленку разговора, за исключением нескольких, что я добавил для разъяснения.

Нас было семеро, кто осуществлял разведку в глубоком тылу. Лейтенант (Джеймс) Эллери был в команде. Это была моя первая разведывательная миссия за вьетнамскую границу, хотя я совершал уже подобные на фронте. Задача была проста. Мы должны были высадиться с вертолета в 50 километрах за пограничной линией в тылу врага незадолго до рассвета. Затем мы должны были идти около двадцати километров к северу и передать по радио, чтобы нас забрали. Любые сведения должны были быть предоставлены после нашего возвращения, и ни при каких обстоятельствах мы не должны были привлекать

внимание противника.

В вертолете я сидел между (рядовым Майком) Джонсоном и (рядовым Дарреном) Маршем, нашим радистом. Лейтенант Эллери заметил мою нервозность.

— Соберись с духом, Грегсон, шанс контакта с противником минимален. Ты еще вернешься назад.

— Хотя бы в мешке для трупов, — добавил (капрал Рональд) Лейк, пулеметчик с М60.

— Пошел ты, Лейк, — крикнул я в ответ.

— Заткнитесь вы оба, — отрезал лейтенант и разговор закончился. Я чувствовал тошноту.

Не помню точно, сколько времени мы провели в вертолете, но похоже не очень долго, прежде чем он сел на небольшой поляне в раннем утреннем тумане. Я помню, как подумал, что вряд ли можно не услышать рев нашего вертолета при снижении. Это было достаточно громко.

Я выпрыгнул последним, и через секунду после того, как мои ноги коснулись земли, вертолет поднялся в воздух и умчался прочь. Эллери выкрикнул короткий приказ принять стандартное построение для разведывательного отряда. Будучи прикрепленным к отряду медиком, я шел в центре рядом с лейтенантом. Сержант (Кристо-

фер) Митчелл был впереди.

Несколько часов мы продвигались через плотные вьетнамские джунгли. Каждый шаг, казалось, порождал эхо и объявлял о нашем присутствии по всей территории страны. Все были очень напряжены, за исключением Лейка. Он улыбался весь день, словно это была прогулка в парке. Но это не спасло его.

Тем же вечером, после того, как мы взяли десятиминутный перерыв на обед и снова вышли на маршрут, это и случилось. Сержант Митчелл вскинул руку, подавая сигнал остановиться, а затем показал жестом, чтобы мы опустились на землю. Слишком поздно. Пулемет взревел справа от нас. Я видел, как пуля прошла через горло Лейка, когда он собирался присесть. Он не издал ни единого звука, когда падал на землю. Хотя я и слышал крик. Я обернулся и увидел Марша на земле, кровь стекала по его животу. Выстрелы раздавались уже со всех сторон. Я пополз по земле к Маршу. Весь отряд был на земле к этому времени, отстреливаясь от врага. Мне говорили, что единственный выход из засады — атаковать, но гораздо легче говорить об этом сидя в кресле у себя дома, чем тогда, когда вы находитесь за деревом в поле.

Едва достигнув Марша, я взглянул на Джонсона, который притаился за клубком корней. В тот миг, когда я взглянул на него, верхнюю часть головы Джонсона просто сорвало. Кровь и мозги пролились на дерево рядом с ним.

Я услышал, как Эллери прокричал в перерывах между очередями.

— Они нас окружают! Отступайте. Отступайте.

Я не знал, что должен был делать. Я увидел Митчелла указывающего и что-то кричащего мне. Я не слышал, что он сказал, но перебросил Марша через плечо и побежал в направлении, куда он указывал. Марш был тяжелый, нагруженный переносной радиостанцией, но я бежал, спасая свою жизнь.

Я не знал, куда бегу, но меня это и не волновало. Дважды я споткнулся и упал, когда пробегал среди деревьев. Во второй раз сержант Митчелл помог мне подняться на ноги. Я все еще слышал грохот стрельбы вокруг. Он сказал мне, чтобы я продолжал делать свою работу, что я и сделал. Я продолжал бежать, неся Марша, пока не почувствовал, что мои легкие вот-вот лопнут. Где-то позади меня остальная часть отряда, кто еще был жив, отстреливалась и бежала за мной.

Я уже собирался уступить, боль наполняла

каждый квадратный дюйм моего тела, думал, что пуля была бы лучше, чем этот безумный бег, когда вдруг выбрался на поляну. Возможно, она была около сотни квадратных футов. На противоположной стороне скала поднималась на двадцать футов в воздух. Я прищурившись оглядел камень, интересно, это был бред или я действительно разглядел гигантское лицо, высеченное на склоне скалы — странно пустое, ничего не выражающее лицо. Оно было почти так же велико, как и сама скала. Его рот образовывал большую пещеру на уровне земли, достаточно большую, чтобы в нее смог войти человек. Рядом с большим лицом, две перевернутые каменные руки торчали из скалы. Я мог бы лечь в любую из них и только стопы бы торчали через край.

Это был глупый шаг, но я бросился к пещере. То, что не нужно делать, когда тебя преследуют, но я запаниковал и очень устал. Я побежал через поляну с Маршем, стонущим на моей спине, и нырнул в пещеру. Оказался в полной темноте.

Я включил фонарик, который всегда носил в своем боевом жилете, но вместо того, чтобы осмотреть пещеру, я оглянулся назад. Эллери и Митчелл бежали через поляну. Митчелл остановился один раз, чтобы развернуться и дать

очередь из своего M16 по деревьям за спиной, а затем продолжил бег. Я обернулся и посмотрел вглубь пещеры.

Я был в туннеле около шести футов высотой, так что мне пришлось присесть, чтобы влезть с Маршем на моей спине. Туннель был грубым, но, безусловно, создан человеком. Он уходил под уклон. Я прополз вниз по туннелю около сорока футов, пока не попал в круглую пещеру, возможно, тридцати футов в ширину.

Мой взгляд сразу же наткнулся на нишу в противоположной стороне. В нише стояла шестифутовая статуя человека, чье лицо было высечено на скале. Лицо и тело не имели определенных черт. Его руки были вытянуты вперед и повернуты ладонями вверх. Пальцы, казалось, тянулись к потолку. Низкий каменный стол стоял посреди помещения. На него я положил Марша. Он был почти без сознания.

В течение нескольких секунд я стоял, облокотившись о стол, и пытался успокоить своё дыхание. Звуки выстрелов вернули меня назад. Я посмотрел в туннель и увидел темные фигуры Эллери и Митчелла у входа, оба лежали и отстреливались. Я обратил внимание на Марша. Отстегнул рацию с его спины и отложил в сторо-

ну. Потом разорвал на нем рубашку и осмотрел рану. Он получил несколько пуль в область живота, я нащупал свою сумку с инструментами, но ему нужно было гораздо лучшее лечение, чем то, которое я мог предоставить ему здесь. И как можно скорее, только тогда у него будет хоть какой-нибудь шанс выжить. Марш застонал. Я сделал ему укол, чтобы попытаться убить боль, и начал перевязывать рану. Я ударил кулаком по столу в гневе, чувствуя свою беспомощность.

Не знаю, как долго занимался Маршем, но не замечал, что обстрел прекратился до тех пор, пока Эллери не положил руку мне на плечо. Я подпрыгнул и инстинктивно потянулся за пистолетом. Он схватил мою руку и выдавил вялую улыбку. Эллери быстрым взглядом окинул помещение, скривился, наткнувшись на невыразимое лицо статуи, и двинулся к рации.

— Что творится снаружи? — спросил я.

— Я не уверен. Через несколько секунд после того, как мы проникли сюда, они прекратили обстрел. Но они все еще там, наблюдают за нами.

Эллери посмотрел на рацию и покачал головой. Он повернул ручку, но ничего не произошло.

— Я не знаю, как, черт возьми, мы сможем выбраться отсюда, — сказал он мне.

— Что это за место, — спросил я, окидывая взглядом странное помещение.

— Вероятно, храм одного из их богов, проклятье, если я знаю, какого из них. Я никогда не видел ничего подобного раньше.

Я кивнул и повернулся назад к столу. Дыхание Марша изменило ритм, перейдя в быстрые вдохи.

Когда я повернулся, свет от моего фонарика упал на край стола. Впервые я заметил странные письмена на его поверхности, высеченные в камне. Я посмотрел на лейтенанта.

— Вы читаете по-вьетнамски?

Эллери кивнул и присел рядом со мной. Я посветил фонариком на надпись.

— Что здесь сказано?

Выражение недоумения появилось на лице лейтенанта, когда он взглянул на слова.

— Это написано на вьетнамском алфавите, но я думаю, что это другой язык, — он указал на первое слово и начал говорить. — Гро'нада. — Его палец переместился на второе слово. — Верш'кум.

Я почувствовал холод, когда он указал на третье из четырех слов.

— Каль'ва.

Казалось, у него возникли проблемы с послед-

ним словом, и он с трудом его разобрал:

— Ни'ар'лат'о'теп.

Так много вещей случилось в ту же секунду, что довольно трудно вспомнить, в каком порядке они произошли. Стрельба раздалась в туннеле, и Митчелл что-то крикнул. Марш завопил и оторвал свою спину от стола. Кровь потекла сквозь повязку, которую я наложил на его рану. Позади Марша каменная статуя стала темнеть.

Эллери и я ничего не могли сделать, лишь глазели в ужасе. Мы слышали, как кричал Митчелл, что они идут и что ему нужна наша помощь, но мы не могли пойти к нему. Кровь вытекала из Марша и, пока мы замерли ошеломленные, впитывалась в стол. Статуя налилась теперь черным цветом и начала двигаться. Ее руки медленно перевернулись и замерли, указывая ладонями на стол, где Марш корчился в агонии. Я попытался двинуться, чтобы сделать хоть что-нибудь, но мое тело не слушалось.

Эллери и я продолжали смотреть, мы видели, как тело Марша начинает растворяться и всасываться в стол. Я почувствовал желчь в своем горле. Взглянул на статую, и там, где раньше было невыразительное лицо, была теперь большая, пустая черная улыбка. Тело Марша погружалось

в стол, пока не осталось только его лицо. Потом я услышал крик Митчелла от входа в пещеру.

Когда лицо Марша исчезло в камне, ступор словно отпустил меня и Эллери. Я прыгнул к столу, но под моими руками был только прохладный плоский камень. Эллери схватил свою M16 и повернулся к туннелю.

Я посмотрел на статую. Она повернулась ко мне лицом. Сильный грохочущий голос сказал:

— Ваша жертва принята, что вы хотите?

Краем глаза я увидел, как Эллери ведет огонь в туннеле. Затем его тело разорвало под градом пуль. Кровь брызнула повсюду, когда он корчился под огнем и падал на землю. Я повернулся и уставился в ужасе. Стрельба прекратилась, и что-то круглое проскочило в помещение: граната. Я закричал. Я просто заорал: «Я хочу домой…»

Я ничего не смог понять из того, что Грегсон говорил после. Каждый раз, когда он пытался говорить об этом, выходил лишь бессвязный бред. Но я знаю, что у меня есть три отдельных свидетеля, которые клянутся, что в 8:23 утром 4 июля 1968 года раздался громкий раскат грома, и Грегсон появился на ступенях Мерритт Драйв 245 в Ричмонде, Вирджиния. Это дом, где он вырос.

Перевод: Р. Дремичев

Аллен Маккей
Ужас Зукалы-Кофа

Allen Mackey «The Horror Of Zukala-Koth"

Грэм Вестерли исследовал поток фрагментов запрещённой пьесы «Король в жёлтом», найденных в различных изданиях. Это поручение дала ему одна тайная организация, называемая «Кладовая», чтобы он задокументировал все известные появления пьесы. Работа Грэма заключалась в том, чтобы собрать все известные экземпляры Фрагментов и определить их происхождение.

Он заварил свежего кофе; энергия этого тёмного напитка помогала его разуму справиться с возложенной на него задачей.

Годы работы окружили его; стопки бумаг, копии нескольких пьес, о которых идёт речь. А так же работы, которые хоть как-то были привязаны к Фрагментам.

Большой прогресс был сделан в направлении исследований греческой версии пьесы. Большинство исследователей не смогли пройти дальше

обнаружения греческого драматурга Ливиуса Карбо. Некоторые из последних изысканий, похоже, указывают на то, что Ливиус Карбо является оригинальным автором этой проклятой пьесы, но Грэм решил копнуть поглубже. Он продвигался дальше, намного дальше, чем многие до него.

Истоки пьесы уходят гораздо глубже, чем Греция.

Все его последние исследования указывали на создание пьесы в затерянном городе, расположенном некогда в регионе пустыни Гоби, который назывался Каркоса. Этот затерянный город был обречён на энтропийную петлю после исполнения пьесы; он был перенесен целиком на планету Короля, обычно называемую Каркоса, расположенную где-то в созвездии Тельца, в V-образной «шее», Гиад.

Зараза же сущности под названием «Король в жёлтом», находится на планете Земля. И так было с незапамятных времён. Это острый запах разложения, отвратительное прикосновение ложного искупления. Желтый Король, который является безликим лицом Хастура (аватаром), был приравнен в мифологии к внебрачному ребенку — Иисусу Христу из Назарета.

Многое наводило на размышления. Христос,

судя по всему, был несущим чепуху самоучкой, отродьем Йог-Сотота. Позже образы смешались с запретными преданиями старших эонов; в частности, о мантии «Короля в жёлтом».

Копаясь в слоях фактов и вымыслов, Грэм обнаружил, что тайное имя «Короля в желтом», — Зукала-Коф.

Не только эти секреты, но и многие другие он обнаружил, пристально всматриваясь в колдовское зеркало. Грэм использовал черное зеркало только в том случае, когда его нынешние исследования заходили в тупик.

Неожиданные глубины шафрановых знаний привели его в такие тёмные места, от которых он едва смог оправиться; чем больше он узнавал и докладывал своему начальнику в «Кладовой», тем больше Желтые Знаки проклинали его, дразня тёмными проблесками знаний. Порочность, в которой он принимал участие, навсегда оставила глубокий след в его душе.

Это был Ужас Зукалы-Кофа: бесконечные глубины, куда спускался Грэм Вестерли, были не исследованы. Его начальники в «Кладовой», заметили это: и Грэм был исключен из списка исследователей.

Дни потеряли свои границы, ночи и месяцы

проходили во тьме. Психическое здоровье Грэма Вестерли ухудшилось до состояния разорванного сознания со множеством тёмных пробелов, которые сгорели от взгляда «Короля в жёлтом».

Разрозненные кусочки реальности обрушивались на него. Лекарство лишь превратило его в пускающего слюни идиота. Врачи решили его судьбу.

Вещи потеряли всякий смысл. Обряд экзорцизма был проведён за закрытой дверью.

В глубине сознания Грэма раздавались сводящие с ума голоса, которые не были голосами, они издевались над ним, повторяя:

«Сила Зукалы-Кофа исцелит тебя! Сила Зукалы-Кофа исцелит тебя! Сила Зукалы-Кофа исцелит тебя!»

Перевод: Р. Дремичев

Джон Маккормик
Погребён за преступление призыва

John M. McCormick «Entombed for the Crime of Invocation», 2019

Я слышу их. Они кирками и лопатами удаля-

ют песок, скрывающий вход в мою гробницу. Я пребываю здесь так долго, погребённый под волнистыми барханами и покоящийся в полнейшей темноте. Молюсь, чтобы они не сумели прочитать предупреждения, начертанные на каменной кладке, преграждающей проход, или сдерживающие заклинания, рядами теснящиеся на стенах коридора, ведущего к моему саркофагу. Премного времени утекло с того злопамятного дня, когда меня похоронили. Долгие тысячелетия миновали, пока я неусыпно берёг искру веры в этом жалком узилище; веры в то, что моё молитвословие достигло ушей того, кого было запрещено называть по имени. Мне приходится лишь ждать, лелея надежду на освобождение из непроглядного мрака, поскольку сам я не в состоянии даже различить магические знаки, нанесённые на внутреннюю поверхность деревянной крышки, нависающей над моим лицом.

Когда-то я был обыкновенным крестьянином и не мог позволить себе покупку льняной ткани, необходимой для сохранения целостности тела после упокоения. Прежнюю жизнь не назовёшь лёгкой, но в ней ощущалась невероятная сладость, и я не хотел, чтобы мой дух растворился в воздухе после того, как останки подвергнутся

полному разложению. Не было ни великодушного благодетеля, готового посмертно укутать меня в полотно, ни искусного резчика, согласного запечатлеть моё лицо в вечности камня, ни мудрого писца, желавшего составить для моей особы свод заупокойных текстов на ценном папирусе. Мне оставалось, покинув мир живых, предстать перед Осирисом[166] и Аммат[167] неподготовленным, а перо Маат[168] ничего не весило по сравнению с грехами моего сердца. Я бы сгинул, не имея заклинаний, необходимых для ориентации в подземном мире.

Ах, я слышу их; они всё ближе. Ритмичные удары молотка о зубило воскрешают в памяти те далёкие годы, когда я делил свободу с солнцем и работал в огромном карьере на камнедобыче,

---

[166] Примечания: 166

Осирис — древнеегипетский бог возрождения, повелитель загробного мира и судья душ умерших, который изображался в виде мужчины с зелёной кожей.

[167] Примечания: 167

Аммат — древнеегипетская богиня возмездия за грехи, которая изображалась в виде чудовища с пастью крокодила, телом гиппопотама, львиными лапами и гривой.

[168] Примечания: 168

Маат — древнеегипетская богиня истины, справедливости и миропорядка, которая изображалась в виде желтокожей женщины, носящей на голове страусиное перо. Маат, принимая участие в загробном суде Осириса, опускала на одну из чаш весов справедливости своё перо истины. На другую чашу помещалось сердце покойного (вот почему

из всех внутренних органов сердце оставляли в мумии). Если сердце оказывалось вровень или легче пера, значит, покойный вёл праведный образ жизни и достоин райской благодати. Если сердце перевешивало, то его пожирала Аммат, и грешник навеки отправлялся в небытие.

исполняя повеление фараона. Интересно, кем являются эти посетители, решившие заглянуть сюда спустя столько-то лет? Кто решится посягнуть на тайну бесплодной пустыни и пробудить меня от эонического сна? Пало ли великое царство? Неужели воды, благословлённые Себеком[169], всё ещё текут сквозь буйство цивилизации? Я так долго ждал здесь, в кромешной тьме, чтобы снова усладить слух весёлым пением речной воды и ощутить её восхитительный вкус в иссохшем рту. Слышу приглушённый звук падения камня на пыльный пол, а ещё — взволнованные голоса на языке, которого не знаю и не понимаю. Значит, чужаки нашли место моего вынужденного заточения. Они продолжают работать, а я — надеяться.

Помню ту ночь, когда меня забрали. Мы собрались, чтобы поклониться тем, чьи имена приказано забыть, чьи лики запрещено высекать в камне; силам столь архаичным, что они, как сказывают, пришли на нашу землю извне и стали свидетелями зарождения жизни в дни, предшествующие человечеству. Древние обладали неисчислимым могуществом, но по какой-то

[169] Примечания: 169

Себек — древнеегипетский бог воды и разлива реки Нил, который изображался в виде мужчины с головой крокодила.

неведомой причине предали ледяному безразличию этот мир в те стародавние времена, когда боги Египта ещё только родились. Мы надеялись своим достойным служением вновь обратить к нам их взоры, ведь собственные боги не удовлетворяли наши потребности или желания.

Я не боялся последствий, поскольку не имел гарантии сохранения себя в загробном мире богов моего народа. Я жаждал продолжения существования в посмертии и умолял запретных богов дать мне шанс служить им в обмен на вечную жизнь. Я думал, что если в своей нищете не способен скопить достаточно средств, чтобы войти в благословенный подземный мир у ног Осириса, то, возможно, сумею заслужить путь в бессмертие через поклонение и преданность тем, чьи имена так старательно пытались стереть из людской памяти. Словом, я купался в лунном свете, отмечая один из величайших праздников восхваления Древних, о которых известно немногим, о которых с благоговейным почтением рассказывают мудрецы-отшельники, о которых умалчивают, зловеще шипя и плюясь ядом осуждения, жрецы других богов.

А теперь… шаги. Они всё ближе. Каменная кладка почти полностью разобрана, и я их отчёт-

ливо слышу. Шаги, сопровождаемые мужскими голосами, приближаются к моей погребальной камере. Каждый камень тут несёт на себе проклятия и знаки, призванные отпугнуть грабителей могил. Здесь нечего красть. В гробнице нет ни золота, ни драгоценных даров, а есть только я. Инородцы приостанавливаются, чтобы посовещаться меж собой; их разговор, без сомнения, сосредоточен на письменах, покрывающих стены коридора. Но вот они подходят ближе, и моё тело начинает шевелиться спустя столько времени. Их присутствие пробудило нечто внутри меня или, может быть, это что-то иное? Холодное чувство срочности берёт верх над удивлением. Я ёрзаю и дёргаюсь; тело отвечает на мои усилия впервые за много веков.

Хорошо помню, как слуги фараона явились той ночью, и все собравшиеся обратились в бегство. Жертва на алтаре ещё не остыла, а с лезвия ритуального ножа капала кровь. В свете полной луны она казалась чёрной. Песнопения эхом отдавались в моей голове даже тогда, когда верховный жрец бросил свой нож и удрал в пустыню.

— Хранитель Врат! Услышь нас! Хранитель Ключа! Услышь нас! Йог-Сотот — это Врата! Йог-Сотот — это Ключ и Страж Врат!

Возможно, именно поэтому я не сбежал вместе с остальными. Я сосредоточился на песнопениях и продолжал даже тогда, когда ритуальный нож со звоном ударился о каменную плиту у подножия алтаря. Я выкрикивал запретное имя, а между тем люди фараона окружили меня со всех сторон. Я славословил дико и яростно, будто околдованный, не обращая никакого внимания на острые копья, терзающие плоть.

Мой труп отнесли к жрецам, панически боявшимся, что оскорбительный дух успеет освободиться от тела, и я войду в скрытые врата, которые единожды открывшись, никогда не смогут полностью закрыться. Они дали мне в качестве плодов богохульства то, чего я никогда не достиг бы, служа их богам, и добросовестно сохранили мёртвое тело. Внутренние органы извлекли и поместили в искусно украшенные канопы[170]. Тело завернули в прекраснейшие тонкие полотна и покрыли смолой. Я мог лишь наблюдать, не в состоянии пошевелиться и заступиться за себя, как жрецы инициируют ритуалы смерти, обычно предназначенные для представителей

[170] Примечания: 170

Канопа — ритуальный сосуд с крышкой в форме человеческой или звериной головы, предназначенный для хранения внутренних органов, извлечённых при мумифицировании из тела покойного.

богатых сословий. Такое делалось для простого крестьянина не из любви, а от страха. Жрецы провели церемонию открытия рта[171], однако это был извращённый ритуал, сопровождаемый мстительными заклинаниями, призванными не только сохранить живую душу в мёртвом теле, но и лишить меня способности произносить имя Повелителя.

Через много дней мой труп положили в деревянный саркофаг. Я не мог прочитать надписи на дереве, но слышал, как жрецы шлют всевозможные проклятия на мою голову. Затем они поместили деревянный саркофаг внутрь каменного, на чьей крышке оказалось выбито лицо, лишённое человеческих черт, и вся она была испещрена ужасными символами, предназначенными для того, чтобы вселить страх в сердце любого смертного, который придёт сюда случайно или с умыслом. Они запечатали проход в мою камеру, и я в последний раз услышал приглушённое чтение заклинаний, а ещё звуки инструментов, наносящих обереги в последнем акте презрения к человеку, чьим ве-

[171] Примечания: 171

Церемония открытия рта — один из древнеегипетских погребальных ритуалов, проводимый для того, чтобы покойный мог дышать, говорить, пить и есть в загробной жизни.

личайшим грехом стало желание найти счастье в следующей жизни. Вот так я и был погребён за преступление призыва, лишён голоса, заклеймён богоотступником.

Мои посетители, однако, не боятся. Если они смогли прочитать надписи и заклинания, то не убоялись их. Слышу, как отодвигается каменная крышка; скрежещущий звук приятно успокаивает. Инструменты вгрызаются в узкую щель между деревянной крышкой и одним из бортов саркофага. Впервые за много лет я вижу свет. Свет факелов. Чужаки задыхаются от внезапного испуга, когда крышка откидывается прочь; их жалкий лепет непонятен, но переполнен всепоглощающим страхом. Я шевелюсь, и смола льняных обёртываний трескается, а ветхая от времени ткань рвётся. Я медленно поднимаю правую руку. Я не в силах выдавить из себя ни словечка, но указываю на потолок гробницы, когда тот раскалывается и рассыпается, впуская ослепительный свет. Постороннее вторжение расстроило тончайшую магию, которая скрывала меня от взгляда Повелителя. Я не могу говорить, но если бы мог, то закричал бы от восторга, заглушая вопли экзальтированного ужаса и возвещая, что спасение близко, ведь врата наконец-то от-

крыты, и их Хранитель здесь.

Перевод: Б. Савицкий

А. Ли Мартинес
Зов крови

A. Lee Martinez «The Innsmouth Nook», 2010

Ящик содержал в себе невообразимые ужасы — документы, исписанные безнадежностью и страданием. Людям приходилось ежедневно в него заглядывать, и тогда они молились всем богам сразу, какими бы жестокими и безразличными к людскому страданию они ни казались, чтобы, протянув руку в темные глубины ящика, не извлечь оттуда свой конец. Этот вездесущий ящик, тень которого нависает над каждым домом, каждой квартирой и любым другим обиталищем цивилизованного человека, напоминает ему о том, что он не является хозяином своей судьбы. И сколько бы ни пытался человек это отрицать, но Вселенная требует свой кусок плоти, и она никогда не насытится, никогда не отречется от своего права высасывать из человека жизнь и до самой его смерти кормиться его несчастьями, его

потом и кровью. А иногда это продолжается и за чертой жизни.

Филип, как и все цивилизованные люди, научился жить с ящиком. Он свыкся с постоянным ожиданием все новых и новых запросов. Впрочем, в последнее время он осознал, насколько ящик его поработил. Он пришел в ужас от понимания того, что каждое утро покорно плетется к нему и кланяется, уподобляясь кукле, лишенной собственной воли. Но даже это понимание не освободило его от тирании ящика.

Итак, сегодня утром он, как всегда, направился к ящику, к этому приводящему его в исступление ящику, сунул руку в призрачные глубины и извлек очередную порцию богомерзких заповедей.

— О черт! — застонал он. — Счета.

Он досадливо захлопнул дверцу почтового ящика, борясь с желанием схватить топор и изрубить чертову штуковину в щепки. Но убить его было невозможно. Ящик не был зверем. Он не был даже головой зверя. Он был всего лишь щупальцем, протянувшимся из великого непознанного, из того жуткого места, где плодятся счета по кредитным картам, почтовая реклама и отчаяние.

С океана налетел порыв холодного ветра. Облака расступились, пропустив одинокий солнеч-

ный луч. Он на мгновение озарил безрадостный пейзаж, прежде чем тучи снова сомкнулись в бесконечную бурлящую серую массу.

Филип вбежал в дом. Вэнс готовил завтрак. Аромат жареных яиц и бекона был первым приятным моментом за сегодняшний день.

— Это были последние яйца, — сказал Вэнс, испортив радость момента. — В почте есть что-нибудь хорошее?

Филип промычал что-то невнятное, не в силах облечь в слова то, что Вэнс знал и сам. Впрочем, Вэнсу было легче. Ввязавшись в эту затею, он просто принял предложение Филипа, которому принадлежала идея.

Как ему могло прийти в голову то, что кому-то захочется остановиться в его мини-отеле, затерянном в этой географической и культурной глуши? В Новой Англии были места, много мест, отличающихся причудливостью нравов и обычаев, мест, где живут причудливые люди с причудливой речью, готовые поделиться своей причудливой мудростью.

Но что же Клэм-бей? Тут было холодно даже в солнечную погоду, уныло даже во время так называемого лета, которое здесь длилось ровно четыре недели. Тут росли деревья, на которых ни-

когда не бывало листьев, и жили странные люди. Странные без причудливости. Просто странные. Они были тихими и не то чтобы враждебными к чужакам, но относящимися к ним настороженно. А чужаками тут считались члены любой семьи, которая жила здесь меньше пяти поколений. И Филипу ничуть не помогало то, что его прапрадедушка был одним из полноправных жителей Клэм-бей. И то, что дом, который достался ему в наследство, представлял собой форменную руину, прежде чем он вложил в его ремонт несколько тысяч долларов в надежде привлечь туристов. Он все равно оставался чужаком.

И это было сложновато скрыть. И дело было не только в том, что все жители Клэм-бей имели склонность к серой одежде, ходили медленно и как будто неохотно, волоча ноги по земле. И не в том, что говорили они тоже медленно и с запинками, и что в их речи не было совершенно ничего причудливого или своеобразного. Они были все похожи друг на друга. В этом городишке существовал какой-то совершенно особый генофонд, который оказался не слишком благосклонен к своим носителям.

Тут даже с моллюсками было плохо[172].

Филип и Вэнс позавтракали в полном молчании. Комментировать растущую гору счетов и отсутствие туристов не было никакой необходимости. Даже не глядя на бюджет, Филип знал, что у них есть еще четыре месяца, прежде чем всепоглощающий долг… того… поглотит их.

Раздался звон колокольчика, закрепленного снаружи на входной двери. Филип и Вэнс вскочили и бросились в прихожую приветствовать гостя. Их надежды рухнули при виде местного констебля.

— Привет, — без всякого энтузиазма произнес Филип.

Констебль кивнул и приподнял серую фуражку.

— Доброе утро, парни. Боюсь, у нас тут небольшая проблема.

Филип попытался определить его акцент. В Новой Англии так никто не разговаривал. Жители Клэм-бей разговаривали на своем собственном диалекте. Этот городишко был поистине замкнутым мирком. К сожалению, его отличало не очарование Старого мира, а что-то неуловимо

---

[172] Примечания: 172
Clam — съедобный морской моллюск (англ.).

жутковатое. Но, несмотря на всю свою жутковатость, жители Клэм-бей не сделали Филипу или Вэнсу ничего плохого.

И вот возникла проблема.

Констебль вывел их на крыльцо и указал на поставленный у дороги указатель.

— Что вы можете об этом сказать?

— Я нашел его на чердаке, — пояснил Вэнс. — Он показался мне очень живописным.

Ледяной ветер начал раскачивать знак. Констебль придержал увесистую доску.

— Если вам нетрудно, мы предпочли бы, чтобы вы его убрали.

— Почему?

Констебль издал харкающий звук и сплюнул комок зеленой слизи.

— Просто нам так хочется.

— Прошу прощения, но у нас не полицейское государство, верно? — заартачился Вэнс. — Мы можем вешать на свой дом все, что захотим. Разве не так?

Констебль нахмурился. Заметить это было нелегко, потому что уголки губ граждан Клэм-бей были естественным образом опущены вниз.

— Эх-хе-хе… Видите ли, мы не любим об этом вспоминать. То бишь о старом названии города.

Он подвигал челюстью, как будто желая удостовериться, что она все еще функционирует надлежащим образом.

— Но тут почти ничего не видно, — возразил Вэнс.

— Это напоминание, — ответил констебль. — Напоминание о том, о чем мы предпочли бы забыть.

Он смотрел вдаль, на океан, со странным выражением тоски и страха. В этой бухте никто никогда не плавал. Вода там была слишком холодная. Но изредка Филип замечал на берегу человека. Или двух. На их лицах неизменно было вот это самое пугающе непостижимое выражение.

— Мы его уберем, — успокоил констебля Филип. — Все нормально.

Констебль кивнул.

— Эх-хе-хе… — Он потер лицо. — Эх-хе-хе… — И зашаркал прочь, ни на мгновение не отводя взгляд от океана.

— Почему ты согласился? — спросил Вэнс. — Мы живем в свободной стране.

— Оставь, — отмахнулся Филип. — Какая разница? Нам ведь еще жить здесь. По крайней мере еще несколько месяцев.

— Что за срань! Это цензура!

— Да, да, да. Будешь отстаивать свои права, когда вернемся в Нью-Йорк.

Продолжая ворчать, Вэнс вступил в борьбу с указателем, решив во что бы то ни стало вырвать его из земли голыми руками.

Магазин в Клэм-бей снаружи казался очень большим. Но внутри он был наполовину пуст. Самым странным было то, что вместо того, чтобы разделить магазин на две части — пустые ряды с одной стороны, а заполненные товаром — с другой, владельцы магазина поступили совершенно иначе. Товары располагались на полках в абсолютно произвольном порядке. За стеллажами с консервами шел пустой ряд, за ним следовал ряд полок с крупами и еще два пустых ряда, потом замороженные продукты и очередной пустой ряд, этнические продукты, сводившиеся к тортильям и тако, еще несколько пустующих рядов и в самом конце, дальше всего от входа, находился мясной ряд. Еще более странным казалось то, что освещение в магазине было мутновато-тусклым и не проникало в проходы между пустыми полками, где всегда царил мрак. Временами Филипу чудилось, что в пустом ряду между этническими и замороженными продуктами притаилось

нечто зловещее. Не то чтобы он это видел, но ощущал — это точно.

В магазине никогда никого не было. Он был уверен, что люди приходят сюда за покупками. У них не было другого выхода. Магазин был единственным местом, где можно было приобрести продукты. Но он никогда никого не видел, не считая потрепанного парня на кассе. Поэтому, поворачивая в очередной ряд, Филип не особо остерегался с кем-нибудь столкнуться. Но столкнулся с какой-то женщиной.

Оба одновременно вздрогнули.

— О господи! Простите! — выдохнул он.

Она улыбнулась. Он уже давно не видел, чтобы кто-нибудь так улыбался. И одета она была не в стандартные для Клэм-бей цвета — черный или серый. Нет, на ней был синий свитер и бежевые брюки. Филип внезапно осознал, что в определенных обстоятельствах бежевый цвет может быть очень даже ярким.

— Ничего страшного, я сама должна была смотреть, куда иду. Просто… видите ли… я не ожидала кого-нибудь тут увидеть. — Она протянула ему руку. — Энджела.

— Привет, я…

— Филип, — перебила она.

— Мы знакомы?

— О нет. Я только вчера приехала. Но весь город взбудоражили слухи о двух — она изобразила в воздухе кавычки — парнях из большого города, поселившихся в бухте.

Ему не удалось представить Клэм-бей взбудораженным. Кассир, ссутулившись, неподвижно сидел у входа и смотрел в окно.

Энджела прошла мимо Филипа и направилась к кассе. Он еще не закончил с покупками, но все равно направился за ней.

— И что же привело вас в Клэм-бей? — поинтересовался он.

— Приехала проведать маму.

Это его удивило. Энджела не была похожа на человека, родившегося в этом городке. Она не была роскошной женщиной. Да и особенно привлекательной тоже. В другом месте ее могли бы счесть дурнушкой. Но здесь она показалась ему совершенно сногсшибательной. Он попытался понять, как смог местный генофонд произвести на свет такого человека, как она.

— Я приемный ребенок, — пояснила она. — Вы ведь об этом подумали, верно?

Он кивнул.

— Угу. Это было так очевидно?

— Нет, но мне кажется, это первое, что должно прийти в голову стороннему наблюдателю. А как насчет вас? — поинтересовалась она. — Что привело в Клэм-бей вас и вашего… — она снова изобразила пальцами кавычки — партнера?

— Вряд ли наше решение можно назвать в достаточной степени обоснованным. Мы кое-что не рассчитали… Погодите. Как вы нас назвали?

— О, простите. — Она покраснела. — Я употребила неправильный термин? Я не хотела вас обидеть.

— Вы думаете… э-э… нет, мы не геи.

Она засмеялась.

— Да все в порядке. Здесь никому нет дела до таких подробностей. Мы очень терпимо относимся к альтернативным союзам.

— Мы не геи, — повторил он с несколько большим нажимом, чем следовало бы. — Мы просто друзья.

— Вы женаты?

— Нет.

— Подруги?

— В настоящий момент тоже нет.

Она приподняла бровь.

— Убежденные холостяки?

— Не убежденные, — промямлил он.

— Итак, двое холостых мужчин из большого города переселяются в наш захолустный городишко и открывают гостиницу. Но вы не геи.

— Мы просто друзья, — повторил он.

— Я вам верю, потому что гетеросексуальные мужчины только и делают, что открывают гостиницы.

— *Эти* гетеросексуальные мужчины именно так и поступили.

— Гетеросексуальные мужчины, которых зовут Филип и Вэнс.

Он хотел ее переубедить, но внезапно его самого одолели сомнения. Эта мысль оказалась такой неожиданной, что поглотила все его внимание. Он даже не заметил, как она попрощалась и ушла.

Вэнс воспринял весть об их статусе «парней из большого города», спокойнее, чем Филип. Наверное, потому, что, как оказалось, он и в самом деле был геем.

— Что? — изумился Филип.

— Ну, может, я и не вполне гей, — пожал плечами Вэнс, — но я сказал бы, что вероятность этого процентов семьдесят на тридцать.

— Но я видел тебя с женщинами!

— Это была тридцатипроцентная часть уравне-

ния, — ответил Вэнс, делая глоток кофе.

— О боже! Так вот почему ты согласился принять участие в этой затее. Ты думаешь, что я тоже гей!

— Дружище, ты не гей, — усмехнулся Вэнс.

— Я это знаю, но знаешь ли это ты?

— Я бы сказал, что в твоем случае соотношение девяносто два процента против восьми, — ответил Вэнс.

— Какого черта…

— Гомосексуалисты видят своих издалека, дружище.

Филип опустил голову на стол и задумался.

— Значит, я на восемь процентов гей?

— Помнишь, как ты целую неделю распевал «Хэлло, Долли»?

— И это тянет на восемь процентов?

— Это и тот факт, что это *ты* захотел открыть гостиницу. Даже меня посетили сомнения, когда я впервые услышал от тебя об этой идее.

— Гостиницы открывают не только геи, — принялся защищаться Филип.

— Согласен, — кивнул Вэнс. — Но я знаю не так много холостых гетеросексуальных парней, поступивших подобным образом.

— Но…

— Я не устанавливаю правила, дружище. Я беру их с вебсайта.

— Итак, если ты не считаешь меня геем, почему ты согласился вступить со мной в дело?

— По причинам, которые я уже озвучивал, — вздохнул Вэнс. — Я потерял работу. Меня ничто не удерживало в городе. Мне было необходимо хоть чем-то заняться.

— И все?

Вэнс покачал головой.

— Филли, приятель, я люблю тебя всей душой. Честное слово. Но ты не в моем вкусе.

— Не в твоем вкусе?

— Что? Тебя это обижает?

Филип задумался над ответом, но тут звякнула входная дверь. Он не понимал, почему этот звук до сих пор его будоражит. Их порог еще не переступил ни один турист в поисках жилья. Правда, последние несколько часов шел дождь, скользкий и холодный, от которого дороги стали опасными для путешествий. Так что, возможно, кому-то пришлось здесь остановиться, а их гостиница была единственным подходящим местом. Эта идея была притянута за уши, но он с робкой надеждой выглянул в прихожую.

Это была Энджела. Хотя она не была туристом,

нежеланной гостьей она тоже не была. Он представил ей Вэнса.

— Это мой *друг* Вэнс, — произнес он, нажимая на слово *друг.* — Мой добрый *друг* Вэнс.

Энджела и Вэнс насмешливо переглянулись. Филип понимал, что вызвало их усмешки. Нажим на слове *друг* был палкой о двух концах. Это могло сулить проблемы.

— Не обращайте на него внимания, — махнул рукой Вэнс. — Он только что обнаружил у себя гомофобию. Но в остальном он неплохой парень.

Они показали ей гостиницу. Судя потому, что барабанная дробь по крыше становилась все громче, дождь пошел еще сильнее. Сверкнула молния. Молния без грома. Филип ни разу не слышал в Клэм-бей грома. Даже в самые сильные грозы молнии были молчаливыми.

— А вы, ребята, тут здорово потрудились, — отметила Энджела, когда они, завершив обход, вернулись в кухню. — Отделка просто бесподобная.

— Это в основном заслуга Вэнса, — сообщил Филип. — Я больше по части деревянных конструкций и сантехники.

— Да, а я отвечаю за цветочные композиции и салфеточки, — с невозмутимым видом подтвер-

дил Вэнс.

Энджела потянулась к Филипу и пальцами коснулась его руки.

— Я тебе верю.

Он с облегчением вздохнул.

— Но, если честно, я верю Вэнсу. Пока ты готовил эспрессо, мы тут перекинулись парой слов. — Она сделала глоток. — Кстати, у тебя получается превосходный эспрессо.

В этот момент Филипу показалось, что в Клэмбей не так уж уныло.

Входная дверь снова звякнула. Одновременно мигнул свет. Во время сильных гроз такое случалось довольно часто.

— Вы сидите, а я взгляну, кто там, — сказал, вставая из-за стола, Вэнс.

— Премного благодарен, — кивнул Филип.

Вэнс вышел, а свет все продолжал мигать.

— Проводка, — обернулся Филип к Энджеле. — Мы никак не доведем ее до ума. А вообще я рад, что ты к нам заглянула.

— Ага, я тоже.

Они с улыбкой переглянулись.

Свет окончательно погас. С учетом мрака здешних ночей, Филип был убежден, что их должна окружить тьма. Но из прихожей пробивалось

мягкое зеленоватое свечение.

Вэнс закричал, но крик тут же оборвался. Филип и Энджела бросились в прихожую посмотреть, что стряслось.

Было слишком темно, чтобы разглядеть все в деталях. Вэнс лежал на полу и стонал. А над ним стояло нечто. Нечто с огромными глазами, излучавшими потустороннее изумрудное сияние.

— Какого… — начал Филип.

Сверкнула бесшумная молния, осветив вошедшего человека… нет, не человека… *существо,* потому что другого слова для него просто не было. Это ссутулившее плечи создание покрывала серая кожа. У него была большая голова с разинутым ртом. А по бокам шеи торчали жабры, раздувавшиеся вырывавшимся из горла придушенным шипением. Впрочем, звука Филип все равно не услышал. В это мгновение все его внимание было приковано к окнам, за которыми притаились тени. Их было не меньше четырех, а то и пяти. И каждая тень светила на него потусторонними глазами.

Он стоял как зачарованный, не в состоянии пошевелиться. Его приковал к месту не ужас. Ужас был бы чем-то чересчур осязаемым. Он мог быть парализующим и сокрушающим. Но тому, с чем

он столкнулся, не было названия. Это странное существо во мраке было чем-то непознанным. Неосязаемое каким-то образом превратилось в реальность, и постичь это было невероятно трудно. Поэтому он просто стоял и смотрел, хотя существо угрожало Вэнсу.

Энджела рванулась вперед. Монстр бросился к ней. Она схватила его за руку и крутнулась на месте, проведя какой-то прием кунг-фу, причем такой стремительный, что существо оказалось на полу, прежде чем Филип успел что-либо понять. Рыбоподобное чудовище визжало, барахтаясь на спине. К его заунывному плачу присоединились существа за окнами.

Энджела вцепилась в Вэнса и потащила его туда, где стоял Филип.

Входная дверь распахнулась. Зазвенел звонок. В прихожую вошли еще несколько существ.

— Тут есть задняя дверь? — спросила Энджела.

И поскольку ни Филип, ни Вэнс не ответили, она схватила Филипа за рубашку и потрясла его.

— Где задняя дверь, Фил?

— Э-э… сзади, — ответил он.

Она двинулась внутрь дома, волоча обоих мужчин за собой. Далеко они не ушли. Через заднюю дверь в дом проникли еще три существа, забло-

кировав путь к отступлению. Выхода не было. Хриплое дыхание существ и зловещее зеленое сияние предостерегло их как раз вовремя, не позволив попасть в засаду. В прихожей что-то с грохотом упало на пол и разбилось.

— Мои вазы, — вздохнул Вэнс.

Но он произнес это так причудливо, на какой-то европейский манер, что Филип даже удивился, как он раньше не понял, что Вэнс — гей. Потом он подумал о стереотипах и о том, как они, в сущности, абсурдны. Потом он понял, что абсурдно обо всем этом думать в тот момент, когда его вот-вот сожрут твари из Черной Лагуны[173]. Хотя все его размышления именно этим и объяснялись. Ему было проще размышлять над всяким вздором, чем над альтернативой, какой бы насущной она ни была.

— Подвал, — прошептал Вэнс. — Мы можем спрятаться в подвале.

Филип всегда ненавидел подвал. Там было промозгло и пахло плесенью. Но существа уже приближались к кухне, поэтому выбора у них не было. Они спустились вниз. У Энджелы хватило

---

[173] Примечания: 173

«Тварь из Черной Лагуны», — американский фильм ужасов 1954 г. Первая кинокартина из цикла о Gillman, жаброчеловеке, — существе, подобном Ихтиандру.

здравого смысла придержать крышку люка, не позволив ей хлопнуть. Вэнс потратил неделю на то, чтобы привести подвал в порядок, поэтому, несмотря на мрак, тут можно было передвигаться, не спотыкаясь. Вэнс двигался, как кошка. Во всяком случае, Филипу так казалось. Вокруг было настолько темно, что судить наверняка он не мог. Но Вэнсу удалось извлечь откуда-то фонарь почти бесшумно. Он щелкнул кнопкой и прикрыл луч рукой, чтобы свет не был чрезмерно ярким.

Они молчали, прислушиваясь к топоту ног тварей над головой. Они не сводили глаз с люка, ожидая, что он вот-вот откроется, впустив монстров, которые спустятся и сожрут их живьем. Спустя несколько минут скрип стих. Не было слышно и хриплого дыхания тварей.

Но даже после этого они продолжали молчать. Прошло не меньше пяти минут, прежде чем они рискнули заговорить.

— Какого черта? — спросил Вэнс так тихо, что Филип едва его расслышал. — Что это было? Чудовища, что ли? — Он повысил голос. — Чертовы чудовища или что это, по-вашему?

— Бестии, — произнесла Энджела.

— Что, черт возьми, за…

— Это всего лишь история, — перебила его

она. — Если ее можно так назвать.

— Это еще что означает?

Она провела рукой по лбу.

— Это трудно объяснить. Вы же знаете, что в каждом городке существуют свои легенды? И Клэм-бей ничуть не отличается от других городков.

— Я бы сказал, что отличается, — сквозь стиснутые зубы процедил Филип. — Еще как, черт возьми, отличается.

Пол скрипнул, и они снова затаились.

Энджела наклонилась вперед. Тусклый свет фонаря отбрасывал на ее лицо зловещие тени. Казалось, что они сидят у костра, травя истории о привидениях. Вот только призраки были вполне реальными. И если бы на самой страшной ноте на них кто-то и прыгнул, то не какой-нибудь придурок в попытке испугать, а вполне реальное чудовище.

— Это было очень давно, — начала свой рассказ Энджела. Она говорила так тихо, что они тоже наклонились, чтобы не пропустить ни одного слова. — Задолго до того, как Клэм-бей получил своё нынешнее название. Тогда он назывался совершенно иначе. Так вот, люди заключили договор с древним богом, ожидающим в океанских глубинах.

— Чего он ожидал? — спросил Вэнс.

— Никто не знает, — ответила Энджела.

— Тогда откуда это известно? То, что он ожидал?

— Сейчас это совершенно неважно, — заметил Филип.

— Она сама об этом заговорила! — возмутился Вэнс.

— Да заткнись ты с этим ожиданием!

— И незачем повышать на меня голос, как будто я какой-то засранец! — взвился Вэнс.

— Ты прав. Извини.

— Если тут и есть засранец, так это ты. Если бы ты не придумал эту идею с гостиницей…

— Я знаю, — согласился Филип.

— Я всего лишь задал простой вопрос, пытаясь разобраться в ситуации…

— Проклятье, Вэнс, я же извинился! Какого черта ты еще от меня хочешь?

— А вы точно не пара? — поинтересовалась Энджела, переводя взгляд с одного из друзей на другого.

— Рассказывай дальше, — махнул рукой Филип.

— Да рассказывать особо больше нечего. Бестии явились сюда в качестве слуг морского бога. Они

предложили секреты власти и бессмертия, и люди этим воспользовались. Я предпочла бы не вдаваться в подробности.

— Какие подробности? — встрепенулся Вэнс.

— Это не имеет значения, — помедлив, ответила Энджела.

— Может, в них содержится подсказка, чего хотят эти твари сейчас?

— Надеюсь, что нет, — еле слышно пробормотала она, но оба ее услышали. Застигнутая врасплох Энджела сконфузилась под их пристальными взглядами. — Ну хорошо, хорошо… Только предупреждаю, вам это не понравится. Они… э-э… Насколько я понимаю, использовался термин *смешивать кровь*.

— Ты хочешь сказать, они резали себя? — удивился Вэнс. — Как дети, когда хотят стать кровными братьями?

— Э-э… нет.

— О боже! Только не говори, что они съедали людей.

Она покачала головой.

— Тогда, как они…

— Люди трахались с рыбомонстрами.

— Что они делали? — воскликнул Филип.

— Угу, интересно, как это у них получалось? —

поддержал друга Вэнс.

— Не знаю, — покачала головой Энджела. — Но они как-то решили этот вопрос. И ДНК бестий постепенно начала превращать людей в рыбомонстров. Все больше людей уплывало в море с тем, чтобы уже никогда не вернуться. Наверное, в конце концов это произошло бы со всеми, но тут вмешалось правительство. Оно приняло решительные меры, прочесав город под предлогом исполнения «сухого закона», и убило всех, в чьей внешности было слишком много рыбьего. Но они не тронули тех, в ком было больше от человека, чем от рыбы. Город отрекся от бестий и попытался забыть об этой истории. Большинство жителей разъехалось. Но остались те, в ком кровь бестий была слишком сильна и не позволяла им покинуть бухту и море. Они попытались жить обычной жизнью, но все время ожидали возвращения бестий. Они предвкушали это возвращение, хотя сама мысль об этом приводила их в ужас.

— И вот они вернулись, — заключил Филип.

— Чтобы заняться с нами сексом, — уточнил Вэнс.

В подвале воцарилась зловещая тишина.

— Мы все об этом подумали, — начал защи-

щаться Вэнс.

— Это не означает, что надо было произносить это вслух, — отрезал Филип.

Люк подвала скрипнул и отворился. Друзья попытались спрятаться, но скрыться было негде. По лестнице неуклюже спустились две бестии. Они шаркали и переваливались с ноги на ногу, как это делали жители Клэм-бей. Свет фонаря и сияние глаз бестий смешались, наполнив подвал отвратительным гнилостным мерцанием. Филип наконец-то смог разглядеть монстров во всех ужасающих подробностях. Сходство с жителями Клэм-бей было более чем очевидным. От походки до тупого выражения лица с отвисшей челюстью и лишь немногим более чешуйчатой кожи — все было подобным. Бестии показались ему даже менее отталкивающими, потому что были законченными чудовищами, а не каким-то генетическим недоразумением.

Он отчаянно сопротивлялся желанию взглянуть на пах чудовищ, но проиграл эту битву. Опустив глаза, он убедился в отсутствии оснастки, необходимой для смешивания крови. По всей видимости, эти монстры были скорее рыбами, чем людьми. Он не считал себя по этой части экспертом, но привык думать, что рыбы производят

потомство, откладывая икру, после чего является самец и осуществляет свой вклад. Если все было устроено именно таким образом, то, пожалуй, он мог бы с этим смириться.

Раскат грома сотряс дом. Первый раскат за все время, проведенное им в Клэм-бей. И, возможно, последний. Снова вспыхнул свет, представив взглядам парней и Энджелы бестий во всей их рассольной пятнисто-зеленой красе.

Вэнс схватил бутылку и обрушил ее на голову главаря. Посыпались осколки. По телу бестии заструились красные потоки, но это было вино, а не кровь. Твари этот удар, похоже, не причинил ни малейшего вреда. Она даже не шелохнулась. Потом медленно, градус за градусом, повернула голову к Вэнсу.

Он улыбнулся и нервно засмеялся, как будто пытаясь перевести все в неудачную шутку.

Бестия открыла рот, и из ее горла с бульканьем вырвалась ужасная отрыжка. Спазм сотряс ее тело, жабры задрожали. Тварь рыгнула, с ног до головы обдав Вэнса черным рагу из морских водорослей и рыбьих костей.

Филип отчаянно надеялся, что это не любовная прелюдия. В последний раз ему хотелось заниматься сексом, будучи измазанным рвотными

массами, еще в колледже. Сегодня он не был настолько пьян. Да он вообще не был пьян.

— Прошу прощения.

Бестия постучала по своей груди и откашлялась. Это был чудовищный, скрежещущий звук.

Люди замерли, пытаясь проанализировать слова жуткого создания. В его речи явно присутствовал акцент. Тот же самый, нисколько не причудливый и отдаленно новоанглийский акцент, присущий добрым гражданам Клэм-бей. Голос был хриплым, но слова прозвучали вполне отчетливо. Дело, в общем-то, было не столько в том, *что* именно произнесла бестия, сколько в том, что она вообще что-то произнесла.

Тело твари сотряс приступ кашля. Из ее открытого рта капала морская вода. Она отерла губы и сделала сиплый вдох.

— Клянусь Дагоном[174], какой же сухой тут воздух! Вы не могли бы дать нам чего-нибудь выпить?

Филип сидел на крыльце, обращенном в сторону пляжа. Сеял мелкий, похожий скорее на густой туман дождь. Пляжный зонт частично

---

[174] Примечания: 174

Дагон, Даган — филистимский идол, с человеческими головой и руками, а туловищем рыбы.

защищал его от сырости, но с бухты тянуло холодным ветром, и он, поежившись, застегнул молнию на куртке.

— Привет! — окликнула его Энджела. — Вэнс сказал, что тебя можно найти здесь.

Она наклонилась и поцеловала его в щеку, после чего устроилась на стуле рядом.

— Они скоро придут, — сказал он.

— Откуда ты знаешь?

— Пляж, — ответил Филип, беря ее за руку. — Когда песок становится похож на светло-коричневую грязь, это знак.

— Как идут переделки?

— Хорошо. Нам наконец-то удалось установить большие ванны. Теперь осталось сорвать оставшиеся ковры. — Он сделал глоток газировки. — С них течет. И очень сильно.

Гораздо легче вытереть пол, чем вести непрекращающуюся и безнадежную борьбу с плесенью.

Несколько мгновений они наблюдали за накатывающимися на пляж волнами, пока из этих волн не появились бестии. Филипу и самому казалось странным, как быстро он свыкся со зрелищем ковыляющих из океана чудовищ. Иногда была только одна бестия. Чаще две. Но никогда

не было больше пяти. Тяжело ступая, они брели по пляжу к Филипу и Энджеле. Тварь, шедшая впереди, подала голос:

— Это Иннсмаут-Нук?

— Да, сэр, — кивнул Филип, по виду жабр определивший, что перед ним существо мужского пола. Жабры дам были более бахромчатыми.

— У нас забронированы номера на троих, — произнесла бестия.

— Эта дорожка приведет вас к дому. Мой партнер Вэнс уже ждет вас.

Вскочив на ноги, Филип небрежно помахал гостям рукой. Бестии не обменивались рукопожатиями, и его это нисколько не задевало.

Они сложили к его ногам горку свежей рыбы. Среди чешуи тускло поблескивали кусочки металла. Филип заметил пару дублонов и несколько драгоценных камней. Бестии заковыляли дальше.

Туристы наконец появились в Клэм-бей. В этом странном городке, где было холодно даже в солнечную погоду, уныло даже во время так называемого лета, которое здесь длилось ровно четыре недели, где росли деревья, на которых никогда не бывало листьев, и жили странные люди. Но для определенного типа людей, созданий

из глубин, пытающихся изыскать возможность навестить родину, это место было не лишено определенного очарования.

Клиент есть клиент. И не считая капающей с их тел воды и хриплых голосов, бестии были весьма вежливыми и непритязательными. Они приносили еду с собой, и готовить им было несложно. Достаточно было бросить на тарелку кусок тунца, украсить его водорослями и подать с высоким бокалом морской воды. По большей части бестии вели себя тихо и скромно. Единственная опасность таилась в излишней говорливости некоторых из них. Они могли долгими часами превозносить великолепие Р'льеха[175] и чудесное забытье, которому было предначертано подняться из океана, захлестнув мир на суше. Но вытерпеть их было гораздо легче, чем саентолога, который однажды заночевал под их крышей.

Дела в гостинице явно шли в гору. Это было не то, что представлял себе Филип, замышляя это предприятие, но жизнь вынуждает проявлять

[175] Примечания: 175

Р'льех — вымышленный город, впервые упомянутый Говардом Филлипсом Лавкрафтом в рассказе «Зов Ктулху», (1928). С тех пор Р'льех стал неотъемлемой частью мифологии Лавкрафта и мифов Ктулху. Р'льех — город, созданный Древними в незапамятные времена. В настоящее время он затоплен и находится на дне Мирового океана. В Р'льехе погребен под толщей воды Ктулху. Когда звезды займут нужное положение, Р'льех поднимется со дна.

гибкость, приспосабливаться к новым, порой неожиданным условиям. Гостиница процветала, и Клэм-бей, хотя и не перестал быть унылым, мокрым и холодным, в плане возможностей для бизнеса превзошел все ожидания друзей.

Филип обнял Энджелу и прижался к ее губам долгим, глубоким поцелуем.

— Отлично! — улыбнулась она, оторвавшись от него. — Убедил. Ты не гей.

Они рассмеялись.

— Как ты смотришь на то, чтобы немного… смешать кровь? — спросил он.

— Я думала, ты уже никогда не предложишь.

Она улыбнулась и, взяв его за руку, повела к дому.

Перевод: Е. Боровая

Даниэль Миллс
Беззвучно, безостановочно

Daniel Mills «Silently, Without Cease», 2011

От автора: *Действие рассказа «Беззвучно, безостановочно», разворачивается в поражённом чумой Константинополе в 542 году нашей*

эры. Я попытался воссоздать страдания византийского императора Юстиниана I, чьи мечты о восстановлении прежней Римской империи погибли в результате катастрофической вспышки бубонной чумы, в народе прозванной «чумой Юстиниана». Впервые эта болезнь проявилась в Египте, где, по общему мнению, она и зародилась. На протяжении жизни не одного поколения чума опустошала страны Средиземноморского бассейна, что привело к всеобщему хаосу и массовой депопуляции. Связь с Ньярлатхотепом — фараоноподобным вестником Апокалипсиса, описанным Лавкрафтом в ранней поэме в прозе, — легко прослеживается. Хотя моя история опирается на реальные факты, карантин в городе — выдумка.

Он открывает глаза, разбуженный колыханием занавесок и шорохом ткани по плитам пола. Звуки, усиленные тишиной комнаты, оглушают. Они прорываются сквозь пелену сна и лихорадки, возвращая его к агонии слабеющего тела. В комнате темно. Он не знает, который сейчас час.

Занавески в дверном проёме раздвигаются, впуская смесь ароматов шафрана и жасмина. *Феодора.* Он закрывает глаза, пока императрица пересекает просторную комнату. Её шаги бес-

шумны, а приближение угадывается лишь по слабому усилению аромата духов. Ноги несут её к постели больного Юстиниана, возле которой она некоторое время стоит, ничего не говоря.

Он притворяется спящим. Его укрывает её тень, будто ещё одно одеяло, затемняя пространство под веками. Она не принесла свечу, и за это он ей благодарен. Он не выносит, когда на него смотрят. Последние часы его сознание напоминает сумеречную пустыню или ночное небо, где мерцают пятна угасающих видений. Жить осталось недолго. Бубон в паху размером со сжатый кулак, а кожный покров вокруг потемнел.

Она наклоняется. Её вуаль скользит по его лбу, носу, почерневшим губам. Слегка приподняв его голову с мягких подушек, она прижимает её к своей груди, хотя он не раз умолял не подходить к нему. Аромат шафрана щекочет нос, вытесняя запахи болезни, лечебных порошков и благовоний, сжигаемых для того, чтобы отгонять миазмы. Он выдыхает.

Она не оставит его. Он вырвал её из лап борделя, и она была рядом на протяжении всего правления, даже когда сам город восстал против него. Дни мучений, дни пожарищ — бунтовщики осадили дворец. Хотелось бежать, броситься в

воду и вплавь спастись от разъярённого люда, но она не испугалась. Она сказала, что примет смерть достойно. Одеяние императрицы, по её словам, послужит прекрасным погребальным саваном. Что ему оставалось делать, кроме как стоять рядом с ней и сражаться? По его приказу десятки тысяч были зарублены в стенах ипподрома, но это лишь малая жертва, принесённая во имя жизни Феодоры.

Теперь она правит от его имени, хотя скоро их ждёт вынужденная разлука, погружающая в страдания могильного одиночества. У него нет надежды на Небеса. Наедине с ночью он даже молился, вверяя душу тьмы, ибо ни один из светлых богов не приблизился к нему. Всадник Апокалипсиса давно пересёк границу империи, и дни её столицы сочтены.

Чума свирепствует уже второй год. Она пришла с юга, из далёкого Египта, появившись в самых отдалённых провинциях прошлой весной. Оттуда она распространялась от деревни к деревне, от города к городу, отступая с наступлением холодов только для того, чтобы вновь объявиться на окраинах империи с весенним теплом. В апреле первые случаи заболевания были зарегистрированы в портовом районе города.

Лекари в отчаянии. Такого они ещё не видели. Сначала озноб. Заразившемуся человеку становится плохо, и он впадает в бред. Кто-то кашляет кровью и быстро умирает, но большинству везёт куда как меньше. Слишком слабые, чтобы подняться, больные могут только ждать появления бубонов: шишек величиной с куриное яйцо, прорастающих, словно чудовищные грибы, из паха и подмышек. Со временем бубоны чернеют и крошатся, а инфекция, проникшая в кровоток, огненным потоком разливается по каналам организма, подводя жертву к агонии смерти. Многие на последнем издыхании, кривя рты и пуская пену, проклинают Бога, а тьма в их глазах бурлит, будто кипящее масло.

Болезнь мало кого щадит. Выживают те, у кого загноившиеся бубоны разрываются, но Юстиниан сомневается, что дальнейшая жизнь соразмерна цене каждодневных страданий. Ибо поборовшие недуг люди неизбежно становятся калеками с уродливыми лицами, перекошенными до жути, и мышцами, постоянно дёргающимися до такой степени, что трудно удержаться на ногах.

В считаные дни болезнь охватила все кварталы Константинополя, и Юстиниан решился на принятие крайних мер. Один из его совет-

ников — человек необычных взглядов и идей, пренебрегающий наставлениями астрологов и лекарей, — предложил закрыть городские ворота и прекратить всякое передвижение по улицам. Император согласился. Позже он приказал собирать покойников по домам и хоронить на краю города. Когда огромные ямы заполнились, а работники погребальных команд замертво повалились в вырытые ими же могилы, Юстиниан повелел растворять мертвецов.

Для вышеозначенной цели была отведена башня. В полу топорами прорубили большое отверстие и сбрасывали тела в этот импровизированный каменный мешок. Сверху лили едкий раствор щёлочи, чтобы трупы разжижались и стекали друг по другу. Образовавшееся зловоние напоминало адские испарения, и ядовитое туманное облако нависло над столицей, словно саван для империи, конец которой предрешён.

Феодора шевелится. Она бормочет короткую молитву и опускает его голову на пуховые подушки. Нежно, очень нежно. Его лоб горит от отсутствия её поцелуя. Она отходит… приостанавливается. снова возвращается к постели. Она касается губами его лба.

Он не открывает глаза. Он не может смотреть

на неё. даже когда она отворачивается и отступает к выходу, задерживаясь лишь для того, чтобы проститься.

— Отдыхай, любовь моя, — шепчет она. — Скоро твои мучения закончатся.

Затем она исчезает за занавесками. Лёгкие шаги удаляются по коридору, а последние нотки духов заглушаются запахами благовоний.

Комната пуста. Он один.

Снова шелест занавесок.

В глазах мутнеет, а следом накатывает волна пульсирующей боли, сопровождаемая испепеляющим жаром лихорадки. Чудится, что в комнате кто-то есть.

Он шарит взглядом по дальним углам комнаты. Он не смеет повернуть шею. Бубон на горле настолько разросся и воспалился, что любое неосторожное движение может привести к потере сознания. По занавескам пробегает рябь, будто от слабого ветерка, хотя воздух остаётся застоявшимся и удушливым.

— Да? — хрипит он, не в силах поднять голос выше шёпота.

Ответа нет.

Занавески слегка раздвигаются, в результате чего тени возле них смещаются, скручиваются,

распадаются на неровные куски. Из образовавшейся щели в комнату просачивается видимая тьма, которая клубится дымом цвета густейшей из теней. Она пересекает комнату, надвигаясь беззвучно и безостановочно, приближаясь к постели с неумолимой медлительностью мирового океана, чьи приливы способны поглощать даже горы.

Возле постели тьма обретает чёткие очертания, складываясь в тонкую фигуру: безволосую, в лохмотьях, ростом выше самого высокого из воинов. Она склоняет голову, словно в знак почтения. Её голос схож со скрипом кедра в бурю.

— Ваше Величество, — произносит она.

— Наконец-то ты пришла, — шепчет Юстиниан. Он чувствует облегчение. Уже несколько дней он ждёт последнюю посетительницу своего смертного ложа.

— Это чистая правда, что я пришёл, — доносится в ответ. — И что мой визит долго откладывался. Однако боюсь, что я не совсем тот, кого вы себе представляете.

— Не… Смерть?

Фигура отрицательно мотает головой.

— Я лишь одно из лиц тьмы, Ваше Величество. Маленькая смерть, что всегда с вами: конец, ко-

торый вы несёте в себе, как и остальные люди, будто тайну. Ту, которую никому нельзя доверить или открыть… даже любимой женщине.

— Кто же ты тогда?..

— Я здесь новичок, — молвит незнакомец. — Веками я жил среди пирамид и колышущихся песков Египта. Меня называли «фараоном». Я имел власть, блистал ужасом, но мой голод был… ненасытен… Ваши нынешние страдания весьма значительны. Я знаю. Тем не менее, вы не можете даже вообразить, каково это — тысячи лет терпеть голод, который невозможно утолить. Итак, я отправился на север и прибыл в ваши земли прошлой весной.

Наступает понимание.

— Ты. всадник Апокалипсиса? Мор?

Визитёр пожимает плечами. Одно плечо на мгновение отделяется, зависнув в воздухе клубящимся дымом, а затем вновь воссоединяется с телом.

— Это правда, что некоторые именно так меня и именуют. Для других я просто Чёрный Человек. Вам я, должно быть, кажусь тенью, словно старуха Смерть, прихода которой все люди боятся. На самом же деле я материален по своей природе и мало чем отличаюсь от вас. В то время как вы

состоите из крови и костей, моё тело сформировано из миллиона крыс и миллиарда насекомых — все они собраны воедино, сконцентрированы во мрак, более глубокий, чем любой иной… В апреле текущего года я сел на корабль, идущий в ваш город. Прибыв на место, я сошёл на берег. С тех пор тружусь не покладая рук. Но голод не ослабевает, а я всё больше… *устаю*.

Голос надламывается, будто кедр под порывом ураганного ветра.

Повисает тревожная тишина.

— Я не понимаю, — выдавливает Юстиниан. — Если настало моё время… то, пожалуйста, забери меня, и давай покончим с этим делом. Больше не продлевай мои страдания.

— Вы неправильно истолковали цель моего визита, — тяжело вздыхает посетитель. — Я пришёл к вам не как правитель — хотя многие считают меня таковым, — а как проситель.

К удивлению Юстиниана, незваный гость подгибает ноги так, что оказывается на коленях, а его голова возвышается над скомканным одеялом.

— Ваше Величество, я пришёл сюда, чтобы просить… просить об услуге и сделать предложение.

Юстиниан закрывает глаза. Комната вращается, потолок давит. Император сомневается в себе,

сомневается во всём. Когда он открывает глаза, тьма не шевелится. Она стоит перед ним на коленях, склонив голову, словно верный подданный, неподвижно ожидающий приказа.

— Какую… услугу… я могу тебе оказать? — взволнованно шепчет Юстиниан. — Тебе, имеющему такую власть. Тебе, которому не может указывать ни один император.

— Я умираю, — заявляет визитёр. — Вы победили меня. или почти победили. Голод растёт, а силы меня покидают. Это правда, что люди гибнут на улицах каждый день, однако вы поймали меня в ловушку, заперев в стенах города. Есть другие земли, в которых я мечтал побывать. Есть империи, о которых я слышал и которые никогда не увижу.

Я умру здесь, Ваше Величество, но не в одиночестве.

— Да, — соглашается Юстиниан. На его теле пульсируют бубоны — ноющие, ядовитые, стремящиеся распространить свой губительный огонь через кровоток по всему организму.

— Ваше время действительно близится, — говорит посетитель. — Через несколько часов вы испустите последний вздох и перейдёте за завесу в то, что лежит за ней. Вы можете представить

последующие события? Тело пролежит здесь некоторое время, прежде чем лекари поймут, что вы скончались. Естественно, позовут императрицу: жену, которую вы при жизни так нежно любили и из обычной блудницы сделали равной себе. Она станет оплакивать вас, целуя остывающие губы, и всю ночь пробудет рядом. Это…

Гость снова вздыхает, его дыхание подобно шелесту далёких ветвей. В голосе угадывается искренняя печаль, более глубокая, чем та, которую Юстиниан когда-либо знал.

— Это будет её последняя ошибка.

Слова как бы повисают в пустоте, смешиваясь с ароматным дымком, вьющимся из курильницы для благовоний и ещё больше скрывающим тёмную фигуру, застывшую возле кровати.

Юстиниан пытается приподняться на локтях. Боль слишком велика. Сознание затуманивается, незыблемо удерживая лишь одну мысль, одно слово, одно имя.

Император спрашивает чуть слышно:

— Неужели ничего нельзя сделать?

— Разумеется, Ваше Величество, можно кое-что предпринять. Я перед вами на коленях, но с протянутой для дружбы рукой. — Из тьмы появляется отросток, который вытягивается вперёд, показы-

вая ладонь с пятью удлинёнными пальцами. — Мы оба при смерти. Умирающие властители, так сказать. Однако нам не обязательно расставаться с жизнью. И вашей императрице тоже.

— Что ты предлагаешь?

— Дайте мне власть над вашей империей, — просит визитёр. — Сделайте меня союзником, и я стану другом — самым верным из тех, которые у вас имеются. Болезнь, пожирающая вас, отступит. И императрица ещё долго проживёт, чтобы почить вечным сном в своё время.

— Продолжай.

— Чумные ямы почти полны. Пусть они переполняются. А тех, кто умирает непосредственно на улицах — одиноких, нелюбимых и неизвестных, — позвольте оставить непогребёнными. Пусть себе гниют. Пусть источают зловоние. В наступившем хаосе лишь одна повозка покинет город. Я уеду в ней.

— Что тогда? Что ты будешь делать?

Тьма разводит руки в стороны, её длинные пальцы струятся, словно пламя свечи.

— Кормиться, — изрекает посетитель. — Я… голоден. Очень голоден.

Юстиниан крепко зажмуривает глаза. Будущее предстаёт перед ним с ясностью мистического

откровения, рождённого в пламени кошмара. От Фракии до Никомедии распространится мор — яд в крови империи, — опустошая один город за другим, подводя Восток к запустению и разорению. Военные походы, так тщательно спланированные, ни к чему не приведут. Запад вернётся к готскому варварству, а мечта о Риме умрёт навсегда и никогда не воскреснет.

Император открывает рот, чтобы говорить.

— Пожалуйста. — Тьма предостерегающе поднимает руку. — Вы должны всё обдумать. Тщательно.

Тщательно.

Сознание Юстиниана кружится, словно в оргии танца. Лёжа в душной комнате, он вспоминает, как впервые увидел Феодору: пот, бисеринками выступивший на её лбу; очертания стройного тела, охваченного вихрем движения в сиянии дюжины свечей; игру теней на призывно вихляющих бёдрах. А ещё вспышку карих глаз, резанувшую, будто острая кромка кремня. И убогость окружения. Некоторые мужчины стояли и аплодировали, требуя большего. Другие стыдливо наблюдали за Феодорой, вращающейся вместе со светом, меняющей форму и лик, растворяющейся во мгле по окончании неистовой пляски.

Юстиниан пытается сглотнуть. В горле слишком сухо.

Остаётся лишь слабо кивнуть.

— Да будет так, — через силу хрипит император.

Дымка чуть колышется, колеблемая внезапным дуновением призрачного ветерка. Тьма встаёт в полный рост, едва не касаясь макушкой каменного потолка.

В руку Юстиниана вложен квадрат пергамента. Это пропускная грамота, дающая предъявителю право на беспрепятственный проход через городские ворота. Перстень с личной печатью подан императору. Металл обжигает кончики пальцев. Юстиниан прижимает перстень к воску, заверяя документ своей печатью, прежде чем в изнеможении рухнуть на спину.

— Вы сделали мудрый выбор, — склоняет голову гость. — И полагаю, сочтёте меня достойнейшим из союзников. Я ещё немного полакомлюсь плодами этой земли, а после удалюсь, но через восемь столетий вернусь, чтобы отомстить разрушителям вашего города. — Тьма наклоняется ниже. — Однако сделка есть сделка. И теперь вы исцелитесь.

Пальцы визитёра держат что-то тонкое и

острое. Юстиниан не замечал этого раньше. Тьма поднимает предмет над головой, и тот блестит в слабом свете. К императору приходит понимание, что перед ним игла длиной более фута[176].

— Подожди… нет, — лопочет он, и слова застревают в горле.

Игла устремляется к Юстиниану. Она прокалывает плоть, вскрывая бубон на шее. Тёплая жидкость струйкой выплёскивается наружу, омывая голую грудь. Император кричит — или пытается это сделать, — но болезнь лишила его голоса, и зародившийся вопль звучит не громче предсмертного хрипа.

Тьма целится в подмышечные впадины и разрывает один бубон за другим, с лёгкостью вонзая в них миниатюрное копьё. Кровь и гной вытекают из ран, пачкая одеяло. Мир меркнет перед глазами. Сиплое дыхание с трудом вырывается из груди. Юстиниан задыхается, его зрение гаснет, и он теряет сознание.

Кончик иглы откидывает одеяло, открывая взору измождённое тело. В паху сидит последний бубон, багровый и опухший, пульсирующий жаром. Посетитель закатывает глаза. Он про-

---

[176] Примечания: 176
1 фут = 30,48 см.

должает рассматривать потолок, даже когда усмехается и поднимает иглу, чтобы нанести заключительный удар.

Юстиниан просыпается в комнате, залитой утренним солнцем. С далёких улиц эхом доносятся крики и проклятия умирающих людей. Прошли дни. Болезнь отступила от императора, но оставила ужасные следы. Бубоны покрылись коркой, образовав уродливые кисты, которые никогда не заживут. Кожа рябая и пепельного цвета, щёки впалые, кости выпирают. Юстиниан обезображен, изменён тьмой, как Христос преображён светом.

Феодора сидит рядом. Она одета в пурпур; руки сложены на коленях. При виде неё кровь приливает к лицу, однако Юстиниану тяжело дышать и говорить. Его руки неудержимо дрожат. Из последних сил он поднимает с одеяла ослабевшую длань и тянется к Феодоре; пальцы ложатся на её колено.

Она вздрагивает и опускает взор на свои колени, меняя положение тела так, чтобы Юстиниан не мог дотянуться. Он шепчет её имя. Она отводит взгляд в сторону, не желая смотреть на него.

Чума Юстиниана — как известно истории — опустошала Византийскую империю более двух

столетий. Окончательный упадок империи пришёлся на период Высокого Средневековья, когда город Юстиниана пал под натиском франкских крестоносцев в 1204-м году.

Много лет спустя одинокий путешественник, облачённый в лохмотья, сошёл с корабля на Сицилии. Появление незнакомца вызвало некоторый интерес, поскольку тот был необычайно высок и обладал голосом, похожим на скрип раскачиваемого ветром дерева или стон мачты в зимний шторм.

Позже стало известно, что он обеспечил себе проезд до Марселя. Он признался, что очарован Западом и надеется, что его визит туда окажется интересным.

Перевод: Б. Савицкий

Чайна Мьевиль
Детали

China Mieville «Details», 2002

Я никогда не отказывался, когда мальчишка, мой сосед сверху, предлагал пострелять из пневматического пистолета или закидать проез-

жающую машину вареной картошкой. Я был не в стороне, а вместе со всеми. Но когда ребята собирались к желтому дому, чтобы подслушивать под окнами или нацарапать пару слов на кирпичной стене, я отказывался идти с ними.

Одна девчонка стала меня дразнить, однако ее заставили заткнуться. Друзья вступились за меня, хотя сами и не понимали, почему я туда не хожу.

Я уже не помню то время, когда ходил в желтый дом по поручениям матери.

Каждое утро в среду, часов в девять, я открывал парадную дверь старого здания ключом из связки, которую давала мне мать. Там был холл и две двери. Одна была выбита. Она вела к разбитой лестнице. Я открывал вторую и попадал в темную квартиру. В коридоре было темно и сильно пахло сыростью. Я там больше двух шагов и не смел делать. Гниль и тени сливались воедино, и в темноте казалось, что уже в нескольких метрах от меня коридор обрывается. Дверь в комнату миссис Миллер была прямо напротив. Я протягивал руку и стучал.

Довольно часто там были видны следы недавних посетителей. Об этом говорили сбитая пыль и валявшийся кое-где мусор. Иногда я оказывался там не один, я видел двоих ребят, которые

шмыгали в дом или, наоборот, выскакивали из него. Миссис Миллер навещали также некоторые взрослые.

Иногда я наталкивался на кого-нибудь в холле, у двери, а иногда кто-нибудь, горбясь, мялся в самой квартире. В ожидании одни подпирали стены, другие читали дешевого вида книжки или громко ругались.

Там бывала молодая женщина азиатского типа, ярко накрашенная и яростно курившая. Она не обращала на меня никакого внимания. Заходили туда и двое забулдыг. Один всегда, непонятно почему, громогласно меня приветствовал, широко раскинув руки, как будто желая прижать к своему жутко вонючему свитеру. Проходя мимо них, я криво улыбался и с опаской махал рукой в ответ. Другой через раз пребывал либо в меланхолии, либо в ярости. Время от времени я встречал его у двери в комнату миссис Миллер. Он крепко ругался на кокни. Я помню, как увидел его в первый раз. Он стоял с красным, перекошенным лицом, громко стонал и бранил миссис Миллер.

— Вылезай, старая улитка! — завывал он. — Вылезай, корова ты этакая!

Его слова испугали меня, однако звучали они умоляюще. Затем из комнаты донесся голос мис-

сис Миллер. Она отвечала без всякого страха или злобы.

В растерянности я попятился назад, не зная, что делать, а она все не умолкала. В конце концов этот несчастный пьяница печально поплелся прочь, а я смог выполнить своё поручение.

Однажды я спросил у мамы, можно ли попробовать еду миссис Миллер. Она сильно рассмеялась и покачала головой. За все те среды, когда я носил обеды миссис Миллер, я ни разу даже пальцем туда не залез, чтобы попробовать.

Вечером каждого вторника мама тратила целый час на приготовление этой стряпни. Сначала она разводила немного желатина или муки в молоке, потом добавляла сахар и специи и туда же крошила горсть витаминов. Все это она перемешивала, пока не получалась густая однородная масса, которой потом давали осесть в одноцветной пластиковой миске. Наутро она превращалась в нечто сильно пахнущее и напоминающее пудинг. Мама накрывала миску полотенцем и давала ее мне вместе со списком вопросов для миссис Миллер, а иногда и ведерком белой краски.

Итак, я стоял перед дверью миссис Миллер, стучал в нее, а миска с едой стояла прямо у моих ног.

Сначала слышалось какое-то движение, а потом совсем близко от двери раздавался ее голос.

— Привет, — говорила она, а потом произносила мое имя несколько раз. — Принес завтрак? Готов?

Я подходил ближе к двери, держа еду наготове, и говорил, что готов.

Тогда миссис Миллер начинала медленно считать до трех. На счет «три», она приоткрывала дверь на несколько сантиметров, и я быстро просовывал ей еду. Она хватала миску и захлопывала дверь прямо у меня перед носом.

Мне никогда не удавалось рассмотреть ее комнату. Дверь приоткрывалась всего на пару секунд. Больше всего меня поражала ослепительная белизна стен. Рукава ее одежды тоже были белыми. Я толком не мог увидеть и ее лица, а то, что удавалось разглядеть, было не особенно запоминающимся. Это было суровое лицо женщины средних лет.

Если у меня было с собой ведерко с краской, то ритуал повторялся снова. Потом я обычно сидел перед ее дверью и, скрестив ноги, слушал, как она ест.

— Как мама? — выкрикивала она.

На это я разворачивал листок с маминым

вопросами. Я говорил, что все нормально и что у нее есть к ней пара вопросов.

По-детски стараясь, я монотонно зачитывал странные мамины вопросы. При этом миссис Миллер замолкала, потом издавала какие-то странные звуки, прочищала горло и начинала рассуждать вслух. Иногда ответа можно было ждать целую вечность, а иногда он следовал немедленно.

— Скажи маме, что так трудно сказать, хорош человек или плох, — сообщала она.

— Скажи ей, чтобы она не забывала о тех проблемах, какие были у нее с твоим отцом.

Иногда она говорила:

— Да, это можно продолжать, только надо рисовать той специальной краской, о которой я ей говорила.

— Скажи маме, что семь. Только четыре из них касаются ее, а остальные три были мертвы.

А однажды она тихо сказала:

— С этим я не могу ей помочь. Скажи маме, чтобы она немедленно шла к врачу.

Мама пошла и вскоре поправилась.

— Кем ты не хочешь стать, когда вырастешь? — однажды спросила меня миссис Миллер.

Когда я пришел к ней в то утро, под дверью ее

комнаты опять был тот меланхоличный бродяга, который ругался на кокни. Он барабанил в дверь, и в такт ударам в его руке звякали ключи от квартиры.

— Он умоляет тебя, ты, старая дрянь! Ну пожалуйста! Ты же ему обязана. Он чертовски зол на тебя, — кричал он. — Ну же, старая корова! На коленях прошу!

— Мужчина, моя дверь тебя знает, — отозвалась изнутри миссис Миллер. — Она тебя знает, и я тоже. Ты же знаешь, что она перед тобой не откроется. Я не лишилась глаз и не сдамся. Иди домой.

Я беспокойно ждал, когда бродяга возьмет себя в руки и, пошатываясь, уберется прочь. Потом, опасливо оглядываясь, постучал в дверь миссис Миллер и назвал себя. И вот, когда я отдал ей еду, она задала мне этот вопрос:

— Кем ты не хочешь стать, когда вырастешь?

Если бы в тот момент я был на пару лет старше, то обратная постановка этого избитого вопроса лишь привела бы меня в раздражение. Она показалась бы надуманной. Но я был еще совсем мал, и вопрос мне даже понравился.

Я робко ответил, что не хотел бы стать адвокатом. Я так сказал из преданности матери. Мама

иногда получала какие-то письма, после которых плакала или же много курила. Она громко ругала адвокатов, этих чертовых проныр адвокатов.

Миссис Миллер мой ответ понравился.

— Хороший мальчик, — фыркнула она. — Мы всё про них знаем. Ублюдки, не так ли? Вечно со своими дополнительными условиями, а печатают их мелким шрифтом! Оно прямо под носом, *под самым носом,* а ты просто *не видишь* его, а потом оно вдруг *заставляет себя увидеть!* И как только его замечаешь, ты пропал! — Она усмехнулась. — Не попадись на мелкий шрифт! Я открою тебе один секрет.

Я тихо ждал, вытянув шею под дверью.

— В деталях — сам дьявол! — Она снова рассмеялась. — Спроси у матери, если не веришь. В деталях сам дьявол!

Обычно я ждал минут двадцать, пока миссис Миллер закончит с едой, а потом мы проделывали утреннюю процедуру в обратном порядке, то есть она быстро просовывала мне через приоткрытую дверь пустую миску. Я возвращался домой и вместе с ней передавал маме ответы на ее многочисленные вопросы. Обычно она кивала и что-то записывала. А иногда плакала.

После того как я сообщил миссис Миллер, что

не хочу быть адвокатом, она стала просить меня читать ей вслух. Она велела мне передать это матери и сказала, чтобы я приносил ей газету или одну из книг, которые она назвала. Мама лишь коротко кивнула на это, и в следующую среду я получил завернутый сэндвич и газету «Зеркало». Мама наказала мне, чтобы я был вежлив с миссис Миллер и слушался ее, а еще она сказала, что зайдет за мной днем.

Вообще-то я ее не боялся. Миссис Миллер за своей дверью никогда не обижала меня. Я был послушным и лишь немного нервничал.

Миссис Миллер заставляла меня читать рассказы на определенных страницах, номера которых выкрикивала из-за двери. Она требовала, чтобы я перечитывал их снова и снова, очень медленно. Потом она разговаривала со мной. Обычно все начиналось с шуток по поводу адвокатов и мелкого шрифта.

— Есть три способа не видеть то, чего видеть не хочешь, — сказала она мне. — Один чертовски болезненный, он для трусов. Второй способ — закрыть глаза навсегда, что практически то же, что и первый. Третий — самый трудный, но и самый лучший. Надо сделать так, чтобы перед глазами было лишь то, что ты *можешь позволить себе*

видеть.

Однажды утром я застал ту стильную азиатскую женщину. Она что-то быстро нашептывала через дверь. Я слышал, как миссис Миллер с явным неодобрением кричала ей в ответ. В конце концов молодая женщина пронеслась мимо, просто уничтожив меня своими духами.

Миссис Миллер смеялась, а во время еды была сверх меры разговорчива.

— Она нарывается на неприятности — путается не с той семейкой. С такими нужно держать ухо востро! — сказала она тогда. — Каждый там — хитроумный ублюдок. Не успеешь оглянуться, как тебя уничтожат.

— Есть там один упрямый горлопан… а есть один шустрый старик, имени которого лучше не называть, — бормотала она, — все они — поганые ублюдки, все! Им нельзя доверять, вот что я тебе скажу! Надо это знать, да! — Она засмеялась. — Уж поверь мне, пропадешь как нечего делать… — Как сегодня погода? — вдруг спросила она.

Я сказал, что облачно.

— С этим нужно быть осторожнее, — отозвалась она, — со всеми этими лицами в облаках. Нельзя не заметить, правда? — Она перешла на шепот. — Сделай одолжение, когда пойдешь до-

мой к своей мамочке, не смотри вверх, мальчик. Вообще не смотри вверх.

Но когда я вышел, погода переменилась. Припекало, небо было синим-синим.

Те двое пьяниц опять бранились в холле. Я проскочил мимо них к двери. Пока я был у миссис Миллер, они все время спорили какими-то сдавленными голосами.

— Знаешь, сейчас я даже не вспомню, с чего все началось, — сказала миссис Миллер, когда я перестал читать. — Не помню! Просто ужас. Это все время ускользает от меня. Сказать по правде, может, я была слишком *любопытной,* слишком *этим рисовалась.* Не могу сказать, что я так этим гордилась, но вполне возможно… Вполне возможно. Но каков бы ни был вопрос, все дело в том, как увидеть ответ. Можно смотреть на вещи и видеть в них скрытое. Смотришь, скажем, на потеки смолы на стене или на крошащийся кирпич, на что-нибудь в этом роде… Есть способ разъять их. Если знаешь, как это делается, то можно прочесть то, что в них скрыто, что находится *прямо под носом.* Ты это видишь, но не замечаешь. Просто нужно знать, как это делается. — Миссис Миллер неприятно захихикала. — Кто-то должен тебя научить. Нужно завести определенных друзей.

Однако, заводя друзей, невозможно не нажить и врагов. Нужно научиться видеть нутро. И то, что ты видишь, становится неким окном, через которое ты видишь все, что хочешь. Это как бы *дверь.*

Миссис Миллер долго молчала. Потом вдруг спросила:

— Там опять облачно?

И, не дождавшись ответа, продолжила:

— Если смотреть вверх и долго всматриваться в облака, то увидишь в них лицо. И в дереве тоже. Всмотрись в какое-нибудь дерево, в ветки и скоро увидишь их так, как надо. Появится лицо, бегущий человек или летучая мышь, да что угодно. Увидишь неожиданно. Раз, и в узоре веток проявляется изображение. Но не ты решаешь, что видеть. И ты уже не в силах *не видеть.* Вот чему надо научиться. Научиться читать детали, видеть, что есть что, и разбираться в них. Однако ж, черт побери, будь осторожен. Будь осторожен, чтобы ничего не потревожить.

Ее голос звучал так бесстрастно, что мне стало страшно.

— Открыв то окно, нужно быть чертовски осторожным, чтобы живущее в деталях не посмотрело в ответ и не увидело тебя.

…Когда я пришел в следующий раз, под дверью

опять, завывая, бранился пьяный бродяга. Миссис Миллер крикнула мне, чтобы я пришел попозже, сейчас ей не нужна еда. В ее обреченном голосе слышалось раздражение. И она продолжила ругательски ругать своего посетителя.

Он орал в ответ, что она зашла слишком далеко, что она уже давно валяет дурака и нарывается. Он орал, что она за все заплатит в аду, ни за что ей этого не избежать и она сама во всем виновата.

Когда я вернулся, он громко храпел, свернувшись калачиком в грязном проходе. Миссис Миллер взяла обед, быстро его съела и вернула мне миску, не сказав ни слова.

На следующей неделе, как только я постучал в дверь, она схватила обед и принялась с жаром нашептывать:

— Все вышло случайно, — сказала она, словно отвечая на вопрос. — Я имею в виду, теоретически ты знаешь, что нечто может случиться. Тебя предупреждают, ведь так? Но, Господи, у меня дыхание перехватило и мороз пошел по коже, когда я поняла, что именно произошло.

Я ждал. Я не мог уйти, потому что она не вернула миску и не сказала, что я могу идти. Очень медленно миссис Миллер заговорила снова.

— Был новый день, — ее голос звучал с при-

дыханием и как будто издалека, — можешь себе представить? Можешь представить, на что я была готова? Я была готова… изменить… увидеть скрытое. Книгу лучше всего прятать в библиотеке. Лучшее место для тайника — открытое место, у всех на виду. Я тренировалась, пробовала и наконец научилась. Настало время узнать правду. В первый раз я по-настоящему открыла глаза. Я всматривалась тогда в старую стену. Искала ответ на вопрос. Я уже говорила, что не помню его. Дело не в вопросе, а в том, что у меня открылись глаза. Я всматривалась в ряды кирпичей, потом поморгала и как бы ослабила взгляд. Сначала я видела в кирпичах лишь кирпичи, а в прослойках между ними — лишь полоски цемента. Но через некоторое время они превратились в настоящее видение. Как только все распалось на линии и формы, я задержала дыхание и начала видеть. Мне представился широкий выбор. Это были послания в трещинах стены. Какие-то намеки в открывшихся образах. Все секреты обнажены. Это было словно откровение. А потом, без всяких намеков, я вдруг увидела что-то еще, у меня даже сердце сжалось. Я поняла суть того изображения. Сначала это была лишь путаница линий, трещин и осыпающегося цемента, но, всматриваясь в сте-

ну, я различила рисунок. Я видела клубок линий, который вдруг превратился во что-то ужасное, древнее, и хищное, и жутко страшное. Оно тоже смотрело на меня. А потом я увидела, что оно движется.

— Ты должен понять, — сказала миссис Миллер, — ничего не изменилось. Понимаешь? Все время я продолжала смотреть на стену. Но в тот момент все происходило так, когда видишь лицо в облаке. Я просто заметила его в кирпичах, я просто заметила, как нечто смотрит на меня. Нечто злое. А через мгновение я опять заметила другое сплетение линий и трещин. Оно было там всегда, понимаешь? Рисунки на треснутом кирпиче, которые я видела секунду назад, выглядели как то существо, только теперь чуть ближе. А еще через мгновение еще одна картинка, еще ближе. Оно приближалось ко мне.

— И тогда я убежала, — прошептала миссис Миллер, — я убежала оттуда в ужасе, закрыв глаза руками. Я кричала и все бежала, бежала. А когда остановилась и приоткрыла глаза, то поняла, что добежала до конца парка. Я медленно убрала руки от лица и осмелилась посмотреть назад. На аллее никого не было. Я глянула на кусты, траву и деревья… И увидела его опять.

Словно задумавшись, она растягивала слова. Раскрыв рот, я подошел ближе к двери.

— Я увидела эту тварь в листве, — произнесла она совершенно несчастным голосом. — Повернувшись, я увидела листья так… словно они случайно сплелись, понимаешь? Я увидела образ. *Не могла не увидеть.* Сам не выбираешь, увидишь лицо в облаках или нет. Я снова заметила то чудовище, и оно опять подбиралось ко мне. Я закричала, и все мамы, папы и дети оглянулись на меня. Я отвела взгляд от дерева и быстро развернулась к одной милой семье, гулявшей неподалеку.

— Но оно было и там, в той же позе! — с болью прошептала она. — Оно было в складках пальто отца семейства, и в спицах детской коляски, и в беспорядке женских волос. Еще одно сплетение линий, понимаешь? Но не ты выбираешь, *что ты увидишь.* Я не могла не увидеть именно те линии. Чудовище оказалось еще ближе и смотрело на меня. Я опять отвернулась, но увидела, как оно приближается ко мне в облаках. Я отвернулась снова, и оно было готово схватить меня в колышущейся осоке пруда. А как только я закрыла глаза, клянусь, что-то коснулось моего платья. Ты понимаешь меня? Понимаешь?

Я не знал, понимаю я или нет. Конечно, сейчас ясно, что не понимал.

— Оно живет в деталях, — произнесла миссис Миллер бесцветным голосом. — Оно перемещается… в восприятии. Оно движется сквозь случайное сплетение линий. Иногда его ловишь взглядом, когда смотришь на облака, а иногда оно само тебя приметит. Но меня оно увидело целиком. Оно стережет своё место, а я глазела без всякого разрешения, словно назойливый сосед, который подглядывает через дырку в заборе. Я знаю, что это такое. Я знаю, что произошло. Оно таится рядом с нами, в том, что мы видим каждый день. Это владыка всех тварей, скрытых в простых вещах. Отвратительные, ужасные твари. До них лишь рукой подать. Наглые и невидимые. Тот демон поймал мой взгляд. Теперь он может двигаться через все, что я вижу. Для многих это просто случайность, правда? Что они увидят в переплетении проводов. Там таится тысяча картин. Просто сморишь, и некоторые проявляются. Но сейчас… Это чудовище, живущее в линиях, выбирает для меня картины. Оно может наброситься на меня. Оно заставляет меня видеть себя. Оно нашло выход. Выход ко мне. Через то, что я вижу. *Я открыла дверь своего восприятия.*

Ее голос был ледяным от ужаса. Я совсем не был готов к такому взрослому страху. Я беззвучно шевелил губами, словно пытался что-то сказать.

— Это была долгая, долгая дорога домой. Каждый раз, когда я украдкой смотрела сквозь пальцы, я видела, как эта тварь ползет ко мне. Она выжидала, чтобы наброситься. Стоило мне лишь чуть-чуть отвести руки, как вместе с этим я открывала и дверь. Я взглянула на спину женщины в свитере, и в рельефе ткани демон опять готовился прыгнуть на меня. Я взглянула на мостовую и увидела, как он *преследует меня.* Мне пришлось тут же закрыть глаза. Я пошла домой на ощупь. Потом я завязала глаза и попыталась все обдумать.

На время воцарилась тишина.

— Понимаешь, всегда есть простой выход. Но он пугает меня до ужаса. Я боюсь крови и боли, — произнесла она вдруг упавшим голосом. — Много раз я подносила к глазам ножницы, но даже с крепко завязанными глазами я не могла этого вынести. Можно было пойти к врачу. Можно было устроить все так, чтобы все прошло без боли. Но знаешь, я никогда… по-настоящему… не была… уверена, что это выход, — сказала она задумчиво. — А что, если найдется способ закрыть дверь?

А? А глаза уже вырвали? Останусь в дураках, что скажешь? Мне ведь эти повязки тоже не помогают. Я пробовала. Всегда подсмотришь. Увидишь блики света или локон собственных волос — вот и *проход.* Что-то попадет в поле зрения, и остается только посмотреть как надо… тут же появится нечто, пришедшее за тобой. Это и есть проход. Это невыносимо… иметь зрение и вот так прятать его. Но я не сдаюсь. Видишь…

Ее голос понизился, и она заговорщически произнесла:

— Я думаю, что мне удастся закрыть эту дверь. Я научилась видеть, но могу и разучиться. Сейчас я пытаюсь найти способ. Я хочу снова увидеть в стене кирпичи. Ничего больше. *Поиск.* Конечно, я не могу читать сама — на печатной странице слишком много углов и линий, поэтому читаешь мне ты. И ты очень хорошо читаешь.

Я много раз думал о том, что она сказала, но никак не мог найти в этом смысл. Я читал миссис Миллер школьные учебники, старые нудные сельские истории и любовные романы. Наверное, она говорила о других посетителях, которые читали ей что-нибудь особенное. В противном случае то, что она искала, было, по-видимому, хитро запрятано в скучных строчках, которые я,

спотыкаясь, ей прочитывал.

— Глядишь, найдется и другой способ выжить, — сказала она коварно, — и глаза оставлю, но и *никаких деталей* им не дам. Та тварь может заставить увидеть себя, но только через то, что там. Вот как она передвигается. Представь, если я посмотрю на пшеничное поле. Не могу даже *подумать* об этом! Миллионы, миллионы маленьких чертовых граней, миллионы линий. Из них можно сложить все, что угодно. Тут она себя и покажет. Прыгнет из засады. А если посмотреть на гравий, дом или лужайку… Но я ее перехитрю.

Нотка лукавства заставила ее голос дрогнуть.

— Держу его подальше, пока не нашла способ захлопнуть эту дверь. Пришлось все устраивать вслепую, с повязками вокруг головы. Конечно, пришлось повозиться, но теперь я здесь. В безопасности. Я в безопасности в своей холодной комнатке. Стены *гладкие и белые.* Окна я тоже закрасила. Шкаф у меня из пластика, поэтому, когда я просыпаюсь, мне не увидеть ничего сотканного или чего-нибудь в этом духе. У меня все мило и… просто. Когда все было готово, я сняла повязки, огляделась и… все в порядке. Чистые стены, никаких трещин, никаких деталей. Я даже

на руки свои не смотрю. Слишком много линий. Твоя мама готовит мне отличный питательный суп, который похож на мороженое. Если я и гляну в миску, то не увижу там ни брокколи, ни риса, ни сплетенных спагетти — ничего, что создает линии или углы. Я открываю и закрываю дверь так быстро, потому что у меня только и есть, что это мгновение. *Эта тварь готова прыгнуть.* И секунды не пройдет, как она выскочит из одного только взгляда на твои волосы, книгу или что там еще.

Ее голос слабел. Я ждал, но она так ничего больше и не сказала. Потом я несмело постучал и позвал ее по имени. Ответа не было. Тогда я прижался ухом к двери и услышал, как она тихо плачет.

Ушел я без миски. Мама на это лишь поджала губы и ничего не ответила. Я не рассказал ей ничего о разговоре с миссис Миллер. Я был обеспокоен и совершенно сбит с толку.

Когда я в следующий раз принес миссис Миллер еду в новом контейнере, она быстро мне прошептала:

— Оно охотится за моими глазами. Здесь все *белое.* Нельзя ни на что смотреть. Нельзя смотреть в окно. Нельзя смотреть на ногти. Оно охотится за

моим разумом. У меня даже не осталось воспоминаний, — с тоской сказала она. — Оно захватило их. Я вспоминаю старые времена… счастливые времена… а оно уже дожидается в рисунке моего платья или в крошках именинного торта. Раньше я его не замечала. Теперь замечаю. Мои воспоминания больше мне не принадлежат. Да и мечты тоже. Прошлой ночью я думала о морском береге, и тварь была там, в пене волн.

В следующие разы миссис Миллер говорила совсем мало. По ее просьбе я читал главы из книг, на что она лишь отрывисто бормотала. Ела она быстро.

Когда пришла весна, ее посетители стали появляться чаще. Стильная азиатская женщина теперь о чем-то спорила с добродушным пьяницей, а старик всхлипывал в дальнем конце коридора. Всегда был там и тот агрессивный мужчина. Он все в чем-то убеждал миссис Миллер и жаловался, а иногда разговаривал нормальным тоном, тогда она ему отвечала так же, как и остальным. Но обычно он все-таки кричал.

Я приехал в один из холодных дней и увидел, что этот здоровяк спит прямо под дверью, разливаясь в храпе. Я передал миссис Миллер еду, а потом сел на пальто и, пока она ела, читал ей

что-то из женского журнала.

Когда она закончила, я, как всегда, ждал у двери с вытянутыми руками, готовый схватить пустой контейнер. Помню, я чувствовал, что что-то не так. Я беспокойно оглянулся, но все было вроде бы в порядке. Я посмотрел на пальто, на смятый журнал, на мужчину в коридоре, который лежал в отключке.

Но как только услышал, что миссис Миллер открывает дверь, я понял, что именно изменилось. Пьяница перестал храпеть. Он затаил дыхание.

На какой-то момент я подумал, что он умер, но мне было видно, как вздрагивает его тело. Глаза у меня расширились, я открыл было рот, чтобы прокричать предупреждение, но дверь уже начала открываться. Не успел я и выдохнуть, как этот вонючий здоровяк вскочил так быстро, как я и представить себе не мог. Он бросился ко мне с налитыми кровью глазами.

Все-таки я успел что-то крикнуть, и дверь затормозила на полпути. Однако мужчина сгреб меня в охапку, обдав тяжелым запахом алкоголя. Он наклонился, схватил мое пальто, дернул за свитер, который я повязал на поясе, и пихнул меня в дверь.

Она с силой распахнулась, отшвырнув в сто-

рону миссис Миллер. Я кричал и плакал. У меня глаза заболели от яркого белого цвета стен. Я видел, как в углу миссис Миллер потирала голову, борясь со своими ощущениями. Пошатываясь, пьяница тряс моим клетчатым пальто и узорчатым свитером прямо перед ней. Потом он нагнулся, схватил меня за ноги и потащил из комнаты, посадив мне кучу заноз. Я бешено орал от страха.

За спиной начала кричать и ругаться миссис Миллер, но я не смог ничего разобрать, потому что мужчина сильно прижал меня к груди. Я отчаянно боролся и кричал. Потом я почувствовал, как меня качнуло, когда он потянулся, чтобы захлопнуть дверь.

Вырвавшись, я услышал, как он кричит.

— Я тебя, дуру, предупреждал, — причитал он, — предупреждал тебя. Я говорил, что пришло время…

Сквозь его причитания можно было различить несчастные всхлипы ужаса, доносившиеся из комнаты. Они оба кричали и плакали, пол стонал под ударами, дверь сотрясалась. Слышал я и какие-то другие звуки.

Словно все звуки в доме слились в какие-то комбинации, звучащие в полной дисгармонии

друг с другом. Крики, хлопки и вопли страха сформировали слышимую иллюзию чьего-то присутствия.

Это было похоже на чье-то рычание, чье-то протяжное голодное дыхание.

А потом я кинулся прочь, крича от ужаса. По коже под футболкой у меня бегали мурашки. Я всхлипывал, меня тошнило. То и дело у меня вырывались прерывистые жалобные стоны. Я добрался до дома и лег в маминой комнате. Она прижала меня к себе, а я все плакал и плакал, сбивчиво рассказывая ей, что произошло, пока вконец не ослаб и не затих.

Мама ничего не сказала насчет миссис Миллер. В следующую среду мы рано поднялись и пошли в зоопарк. Мама и я. И в то самое время, когда я обычно стучался в дверь миссис Миллер, я смеялся над верблюдами. В другую среду мы пошли в кино, а еще через неделю мама осталась в постели, а меня отправила за сигаретами и хлебом в местный магазинчик. Я приготовил завтрак, и мы съели его в маминой спальне.

Друзья могли мне рассказать о том, что изменилось в желтом доме, но они молчали. А вскоре эта история вообще перестала их интересовать.

Несколько недель спустя я встретил ту азиатскую женщину. Она курила в парке со своими друзьями. К моему изумлению, она кивнула мне, а потом подошла, прервав своих собеседников.

— Как дела? — спросила она.

Я застенчиво кивнул в ответ и сказал, что все в порядке, спасибо.

Она кивнула и отошла.

Того разъяренного пьяницу я больше никогда не видел.

Вообще-то мне было у кого разузнать, что случилось с миссис Миллер. Всю эту историю я мог бы выведать, если бы только захотел. Незнакомые мне люди приходили и тихо разговаривали с мамой, озабоченно и с сожалением поглядывая на меня. Я мог бы их расспросить. Но все больше и больше я думал о своей собственной жизни. Я не хотел никаких деталей миссис Миллер.

Однажды я все-таки вернулся в желтый дом. Это было спустя год после того страшного утра. Стояла зима. Я помнил наш последний разговор с миссис Миллер, но теперь я чувствовал себя настолько повзрослевшим, что даже голова кружилась. Все случившееся казалось таким далеким.

Я прокрался в дом вечером, попробовал ключи, которые все еще были у меня. К моему удивле-

нию, они подошли. В коридоре было промозгло и темно. Воняло еще сильнее, чем раньше. Я немного поколебался, а потом толкнул дверь комнаты миссис Миллер.

Она легко подалась и беззвучно открылась. Случайный сдавленный звук улицы прозвучал так далеко, что казался воспоминанием. Я вошел.

Миссис Миллер тщательно закрыла окна, до сих пор ни один луч света не мог проникнуть сюда с улицы. Было очень темно. Я подождал, пока не станет лучше видно благодаря электрическому свету в коридоре.

Я был совсем один.

Мое старое пальто и свитер валялись в углу комнаты с распростертыми рукавами. Меня передернуло, когда я их увидел. Я подошел и слегка до них дотронулся. Они были покрыты плесенью и влажной пылью.

Белая краска местами отслоилась. Все выглядело так, будто комната стояла в запустении уже несколько лет. Я не мог поверить, как сильно все разрушилось.

Я медленно поворачивался и осматривал стены. Я всматривался в хаотичные замысловатые узоры обвалившейся краски и сырой штукатурки. Они выглядели как карты и горный ландшафт.

Я очень долго всматривался в ту стену, которая была дальше всего от того места, где лежало пальто. Было очень холодно. Прошло немало времени, когда в обвалившейся краске я увидел очертания. Тупое любопытство, оказавшееся сильнее всякого страха, подвело меня ближе.

На осыпающейся поверхности стены растянулась целая анатомия трещин, которые, под определенным углом и освещенные бликами света, очертаниями напоминали женщину. Пока я смотрел, они приобретали все более четкую форму. Потом я перестал видеть лишние линии и без всякого усилия сфокусировал внимание на нужных мне. Я видел женщину, которая смотрела на меня.

Я мог разобрать выражение ее лица. Кусок гнили, который был ее лицом, выглядел так, словно она кричала.

Одна рука у нее была заведена назад, она была напряжена, словно женщину тащили, а она тщетно старалась вырваться. Там, где кончалась рука и где должен был быть тот, кто держит ее, краска отвалилась целым пластом, открыв большой кусок влажного неровного цемента.

В этой темной бесконечности знаков я видел все, что захочу.

Перевод: А. Полякова

Адам Нисуондер
Жуткое дело

Adam Niswander «An Eldritch Matter», 2010

Я ужасно смущен.

Не люблю приключений, если вы понимаете, о чём я.

На самом деле мне нравится, что происходящее вокруг немного скучновато.

Вчера моя жизнь была нормальной, возможно, немного предсказуемой, и я был счастлив. Жена любила меня, дети уважали, у меня была хорошая работа, мы нравились всем людям, что окружали нас, и они нравились нам. Мы вовремя оплачивали все счета, наш дом был настоящим семейным очагом, и самая большая неуверенность в моей жизни была в незнании того, что моя жена захочет приготовить на ужин: свиные отбивные или спагетти?

Но этим утром, пока я ожидал автобус, случилось так, что я посмотрел себе под ноги и увидел на бордюре маленький металлический диск. Вы

бы и не подумали, что такая глупая вещь как обломок какого-то дешевого горшка могла бы испортить вашу жизнь.

В тот момент он совсем не был похож на что-то необычное. Это был всего лишь диск из белого металла, на котором были вырезаны какие-то щупальца, обвивающие большой красный глаз в центре рисунка. Я поднял диск, осмотрел его и решил, что мой сын Арни сочтёт его интересным. Положив находку в карман, я быстро забыл о ней.

Добравшись до своего офиса, я взял чашку кофе в киоске у входа и на лифте поднялся на восьмой этаж. Потом сразу пошёл к своему столу, сел на стул и начал работу над планом, который нужно было сдать к концу недели. Клиент был важен, его заказы приносили нам большой процент прибыли.

Я просидел над работой всего несколько минут, когда безо всяких предварительных симптомов в моём правом бедре возникла ужасная пронзительная боль. Она была мучительной… как будто кто-то укусил меня, или как если бы гигантское насекомое вонзило в меня своё жало. Я подскочил и запрыгал, шлёпая себя рукой по бедру, но боль не прекращалась. Ногу жгло.

А затем боль стала распространяться по телу. И я упал на пол. Начал вопить.

Несколько моих сослуживцев прибежали посмотреть в чём причина шума. Несмотря на моё очевидное мучение, никто не видел ничего подозрительного. Что бы ни напало на меня, оно было скрыто одеждой, а мои извивания на полу удерживали коллег на расстоянии вытянутой руки. Боль была похожей на прикосновение, словно пламя ползло по ноге, оставляя за собой следы агонии.

И казалось, что я ничего не могу поделать с этим, никакого способа облегчить свои страдания.

Боб Шоу упал на колени передо мной и попытался спросить, что случилось: — В чем дело, Томпсон?

И я почувствовал… ну, что-то… странное…

Даже под воздействием боли моя правая нога внезапно вообще перестала ощущаться ногой. Чувствовалось, что она… без костей. И когда я попытался сжать ногу через штанину, мои пальцы не нащупали ничего твёрдого. Я сдвинул руку к колену, но не почувствовал и его. Колено на ощупь было таким же, как бедро, и что странно, тоже не твёрдое. Это ощущение одновременно

стало распространяться и вниз, и вверх по ноге. Это до жути испугало меня!

Если до этого я кричал от боли, то теперь вопил от ужаса. Посмотрев вниз я обнаружил, что мой ботинок свалился с ноги. Носок был ещё на месте, но ступня в нём стала ужасающе бесформенной, и сейчас вся моя правая нога изогнулась неестественным образом.

Мои коллеги отскочили от меня подальше.

Я слышал, как Боб Шоу схватился за телефон.

— Нет, я не знаю, что с ним случилось, — кричал он в трубку, — но пришлите скорее машину скорой помощи. Человек умирает!

Но боль еще не охватила меня полностью. Она поползла в мой пах, ошпарив меня подобно кислоте. Я не могу даже начать описывать свой ужас от того, как боль прошла через мои гениталии, а затем в левую ногу, снова опускаясь вниз, вызывая ощущение, что мои кости сгорают.

Я не мог перестать кричать.

Скорость, с которой боль распространялась по моему телу, казалось всё увеличивается. Через мгновение моя левая нога подобно правой стала странным образом мягкой, и я понял, что больше не могу держаться вертикально. Я шлёпнулся на спину как только боль и горение стали взбирать-

ся по моему позвоночнику.

У меня начались спазмы, а ноги задёргались. Но они больше не были похожими на ноги. Они слегка колебались и корчились; казалось, что они скользили по полу. Правый носок совсем сполз, открыв неприлично розовую плоть, которая больше не была похожа на ступню. Уже не было никаких признаков пальцев или ногтей, лодыжки или подошвы, только непонятная мясистая труба, сужающаяся к закругленному кончику. Хуже того, в ноге начался беспощадный зуд.

В это время я смог услышать сирены на улице и визг шин, тормозящих на асфальте. Я надеялся, что медработники спешат как могут.

Мои коллеги по офису отошли как можно подальше, и среди них распространилась паника.

— О, Боже! Посмотрите! Его кожа морщится!

— Что с ним случилось? Его кости, похоже, тают!

— Думаете, это заразно?

Последний вопрос заставил некоторых работников бежать к лифту; оставшиеся напряглись и отошли от меня ещё дальше.

Я хотел принять сидячее положение и взять себя в руки, но не смог. Странный прилив трансформаций неустанно продолжался, а боль,

казалось, всё увеличивается. Боюсь, мои вопли превратились в поток звуков, которые едва напоминали что-то человеческое. Я был истощён, моё горло пылало от громкого голоса. Мои крики теперь стали резким блеянием и стенанием.

Странно, что не зависимо от того, как изменялось моё тело, я мог чувствовать, что моё сердце бьётся в стабильном ритме. Это был гипнотический ритм, который сразу же ошеломил меня и сверхъестественным образом успокоил.

Чувство чего-то бегущего через моё тело теперь достигло плеч и шеи, и быстро перешло в руки. Я всё ещё метался, но это выглядело так, словно я был пойман в ловушку внутри своей головы и меня заставляют смотреть как весь я, всё, что я представлял как свою сущность, безвозвратно изменяется.

Затем внезапно, по чьей-то милости боль прекратилась.

И когда я захотел посмотреть на свою левую руку, которая бесконтрольно крутилась, я не разглядел её вообще. Мои глаза расширились от увиденного ужаса. Вместо руки я увидел гигантского розового червя, который выполз из рукава моего пиджака.

Возле двери послышался шум, и три медработ-

ника протиснулись через толпу, расталкивая моих коллег. Двое вносили каталку, а третий человек нёс медицинскую сумку. Но когда они приблизились ко мне, я почувствовал / услышал / догадался, что трансформация уже завершилась. Моя голова мягко опустилась, и я понял, что мой череп только что прошел тот же путь, что и остальные кости.

Когда главный медик присел возле меня, я попытался сказать ему, что больше не чувствую боли. Я не мог поднять голову, но пока ещё пребывал в ложной иллюзии, что могу общаться с другими. Я ошибался. То, что исходило из моего рта, было баритоном студенистой отрыжки, сопровождаемой ужасным зловонием.

Думаю, я был в таком же шоке, как и медик.

Конечно, на его лице отразилось отвращение.

— Черт побери, что это такое? — спросил он гневно.

Шоу подошёл ближе и в ужасе уставился на меня. Он прокашлялся, и после нескольких неудачных попыток начать объяснение, наконец, сказал:

— Несколько минут назад он был нашим коллегой, мистером Дэвидом Томпсоном. Это его стол. Он сидел за ним и работал как обычно до того,

как… что-то начало… э… происходить…

— Вы хотите сказать мне, что это человек? — спросил медик.

— Да, насколько мне известно, — ответил Шоу.

Если бы я мог тогда контролировать свои движения, то там же и в ту же минуту обнял бы Шоу. Я был переполнен благодарностью. Я попытался поднять руки и нашёл, что привожу червей в движение. Розовые отростки, казалось, поднимаются с пола подобно щупальцам, но я не мог их контролировать.

Медик со страхом на лице отпрыгнул от меня. Шоу и все остальные также отошли подальше.

Я снова попытался заговорить, но на это раз всё, что я издал — шумящий выдох вредных газов.

Затем я обнаружил, что испытываю трудности с дыханием, словно какой-то гигант сидел на моей груди. Я судорожно вздохнул.

Медик снова приблизился. Неуверенно он прикоснулся ко мне, пытаясь взять за запястье, но его у меня больше не было. Медик оставил эту попытку, а затем приложил стетоскоп к моей груди. Его лицо немного расслабилось, когда он услышал биение моего сердца.

— Что случилось? — громко спросил медик.

Шоу пожал плечами: — Я не знаю. Он работал

за своим столом, а затем внезапно закричал, как будто от боли. Он упал на пол и начал корчиться, и в течение нескольких минут, кажется, заболел. Сначала мы пытались ему помочь, но изменения в Томпсоне потрясли и испугали нас. Его метание по полу стало опасным, и нам пришлось отойти. Именно тогда я решил вызвать вас.

— Мы заберём его, — сказал медик. Он указал своим компаньонам: — Положите его на носилки.

То, что произошло дальше, могло показаться смешным, если бы не было таким ужасным.

Два медбрата разложили носилки возле меня, и собрались поднять моё тело. Каждый взял меня за руку, или за то, что было руками, и потянул, но казалось, что изменившиеся конечности только вытягивались до невозможности, а остальное туловище осталось там же, где и было.

Главный медик подошёл, чтобы помочь коллегам. Они сложили мои длинные трубчатые конечности на моей груди. Втроём медики подсунули свои руки под моё туловище и то, что было моими бёдрами, и вновь попытались поднять меня.

Полагаю, что это было похоже на попытку переместить лужу желе с помощью зубочисток.

Медики попробовали поднять меня несколько раз, но поняли, что и этот способ не работает.

В итоге они просто перекатили меня через край носилок, перекладывая мои конечности для облегчения работы и используя мою одежду как верёвки.

С сочувствием медики закрыли меня простынёй, когда направлялись к лифту, а затем двинулись на первый этаж, потом в ожидающую их машину, и, наконец, под звук сирен «скорой помощи», они привезли меня в местный госпиталь.

Уже прошло несколько часов. Врачи зарегистрировали меня, разместили в индивидуальной палате и оставили в одиночестве. Хотел бы я сказать, что потерял сознание, но нет.

Самое странное в этой ситуации было то, что мой ум остался тем же. Независимо от того, насколько я был травмирован, прекращение боли дало мне некое ощущение отделения от тела; я словно плыл над самим собой. Я не мог понять своей трансформации, но затем во мне проснулось любопытство.

Если у меня не было черепа, то что защищало мой мозг? То, что осталось от моего лица, было вдавлено в кровать небольшим весом моего

оставшегося дряблого тела, вызывающего ощущение, что я всё еще был чем-то целым. Но если у меня не было рёбер, окружающих сердце, то как оно могло биться? Но оно продолжало биться со странной успокаивающей регулярностью.

Я сосредоточился на том, чтобы подвигать одной своей конечностью — той, что раньше была правой рукой. Она дёрнулась.

Я сфокусировал свои мысли на том, чтобы коснуться своего лица. Придаток нерешительно изогнулся в сторону моего глаза.

Я почувствовал бессмысленное ликование. Впервые с того момента, как у меня возникла боль в ноге, я начал ощущать некий минутный, фрагментарный, крошечный контроль над чем-то.

Очень медленно, старательно я направлял свою правую руку. Когда, наконец, она осторожно коснулась моего лица, я открыл две вещи.

Во-первых, мои конечности обладали чувствительностью, хоть и изменённой. На самом деле ощущение касания, казалось, было увеличено, как будто вся конечность стала чувствительной как кончик пальца.

Во-вторых, то, что было моим черепом, не исчезло полностью. Твёрдый, но податливый вид хряща сформировал защитную оболочку вокруг

моего бедного человеческого мозга. И некое подобие гребешков защищало мои глаза.

Однако мой рот утратил губы и стал беззубым, при этом он словно источал вязкую жидкость. Нос просто исчез, даже ноздревых отверстий не осталось.

Но я всё ещё каким-то образом дышал…

Затем я вновь услышал жужжание и фыркание, и понял, что этот звук идёт из того места, где была моя шея. Я снова сфокусировался на руке и направил её на то место, где, как мне казалось, моя грудь приподнималась, когда я вдыхал, и опускалась при выдохе.

Внезапно я осознал. Жабры? Великий Бог, у меня были жабры!

За дверью послышались голоса, и белая мужская фигура вошла в комнату. Рядом с ней шли две медсестры.

В полуметре от моей кровати мужчина остановился и посмотрел в карту пациента.

— Это, как предполагается, Дэвид Томпсон, — с сарказмом произнёс врач. Он отогнул мою простынь, обнажив меня до бёдер. — Это не человек. Что за фокус?

Я ощущал как его руки двигаются по моим конечностям, ранее бывшим ногами.

— Подождите! — Внезапно воскликнул врач. — Что это?

Я почувствовал как он сжал кожу на бедре и нащупал нетипичное уплотнение под ней.

— Держу пари, что смогу вытащить это даже без анестезии, — пробормотал мужчина сам себе. Он посмотрел по сторонам и взял с подноса скальпель, а затем сделал быстрый, небольшой разрез. Я ощутил лёгкое давление, а затем что-то хлопнуло. Не могу это как-либо описать. Потом нечто звякнуло на подносе.

— Какой-то круглый металлический объект, — заключил врач, осторожно поднимая его. — Размером почти как пробка от бутылки.

Врач повернулся ко второй медсестре: — Зашейте разрез. Я собираюсь осмотреть этот предмет в лаборатории.

Но он смог сделать только несколько шагов, а потом внезапно застыл на месте.

— Какого х...!

Он так и не договорил. Голос врача повысился до быстрого вопля и стал криком. Он сжал в кулаке найденный диск и рухнул на пол. Там он продолжил корчиться, а его крики стали более пронзительными.

Я не мог привстать, чтобы лучше увидеть про-

исходящее, но быстро догадался, что произошло.

Бедный ублюдок, подумал я. Теперь нас двое.

Перевод: А. Черепанов

Джойс Кэрол Оутс
Вечерние тени

Joyce Carol Oates «Shadows of the Evening», 1988

1

В конце зимы 1928 года шестнадцатилетняя девушка Магдалена Шён, моя бабушка по материнской линии, впервые отправилась в путешествие одна. Ей предстояло проехать поездом пятьсот миль, отделяющих Буффало, штат Нью-Йорк, от морского порта под названием Эдмундстон, штат Массачусетс. Никогда прежде этой застенчивой неопытной девочке не доводилось ездить самостоятельно; да и вообще она крайне редко выбиралась из района Блэк-Рок, где жили преимущественно выходцы из Германии и Венгрии. И где родилась она у иммигрантов с юга Германии. По-английски Магдалена до сих

пор говорила с акцентом и страшно стеснялась в присутствии незнакомцев, словно страдала заиканием или имела какой-то физический недостаток. И очень боялась уезжать из дома, но выхода не было. В семье было семеро детей, столько ртов не прокормить, и где напастись на всю эту ораву одежды. К тому же скоро на свет должен был появиться восьмой ребенок, а потому родители решили отправить Магдалену в Массачусетс, к пожилой тетушке, сестре отца. Бездетная вдова, она после удара осталась прикованной к постели и мучительно страдала от одиночества и отсутствия семейной заботы. *Но почему именно я должна ехать, почему* я? Так возражала Магдалена, и тогда ее мать с улыбкой заметила, точно это все объясняло: *Твоя тетушка Кистенмахер была замужем за богатым человеком, она оставит нам деньги.*

И вот в состоянии шока, ошибочно принимаемого за уступчивость, Магдалену посадили в трамвай, идущий до центрального вокзала, из багажа у нее при себе были лишь обшарпанный чемоданчик с вещами да сумочка с сандвичами, питьевой водой, молитвенником и четками. И предупредили: *В разговоры ни с кем не вступай, особенно с мужчинами в поезде. Просто отдай*

билет кондуктору и молчи.

Напряженно выпрямив спину, Магдалена сидела у закопченного окошка и, сжав зубы, старалась побороть отвратительное ощущение тошноты от рывков, толчков и раскачивания поезда. Она избегала смотреть на кого бы то ни было, в особенности — на громогласного и бесцеремонного кондуктора в униформе, который забрал у нее билет. Большую часть первого дня Магдалена просидела, глядя в окно или просто с закрытыми глазами, а губы шевелились в беззвучных молитвах Деве Марии, которые, как она поняла, проехав первую сотню миль, были совершенно бесполезны. Она не плакала, нет, но время от времени на щеке блестела яркая слезинка, напоминавшая дождевую каплю. Плакать тоже было бесполезно.

Она думала: *Моя мать от меня отказалась! Мама просто выгнала меня из дому!*

Из миллионов фактов всей долгой последующей жизни Магдалены Шён один всегда казался ей самым жестоким и непреложным, и она никогда об этом не забывала: *Мама меня не любила, она выгнала меня из дому.*

В вагоне было неудобно, жарко, полно разного народа, и большую часть пассажиров составляли

мужчины. Все они с интересом поглядывали на Магдалену. Некоторые — совершенно неосознанно, будто дремали с открытыми глазами; взгляды других были преисполнены какого-то особого значения. Магдалена, конечно, не подавала виду. Она уже давно, лет с двенадцати, усвоила железное правило: ни в коем случае не встречаться взглядом с незнакомцами.

Она была привлекательной девушкой среднего роста. Кожа светлая, здоровая, в еле заметных веснушках; глаза чудесного темно-синего цвета широко расставлены и опушены густыми ресницами. Вьющиеся волосы цвета спелой ржи, густые, словно лошадиная грива, аккуратно заплетены в косы, уложенные двумя кренделями вокруг ушей, отчего напоминали наушники телефонного оператора. На коленях лежала сумочка, в которую Магдалена часто заглядывала проверить, не пропало ли чего. Есть ей не хотелось, и еда, которую собрала мать, начала попахивать кислым. Лишь время от времени она отпивала по глотку противно теплой воды из бутылочки — во рту почему-то все время было сухо. И вдруг она подавилась и разразилась приступом кашля, напоминавшего громкие рыдания. На Магдалене было платье ржаво-коричневого цвета, слишком

просторное и явно с чужого плеча, на ногах старомодные кожаные ботинки на шнурках. Словно на дворе был 1918-й, а не 1928 год. В школе она принадлежала к числу детей иммигрантов, таких забитых и неуверенных в себе, что они считались умственно отсталыми; дома ей всячески давали понять, что у нее не все в порядке, и она постоянно вызывала раздражение. На лице, казалось, навеки застыло разочарованно-смущенное выражение. И когда кто-то из домашних, обычно сестра, пытался за нее вступиться и говорил: *Оставьте Магдалену в покое, она не виновата, что такая,* — девушку переполняло чувство благодарности и стыда одновременно.

Мужчина, сидевший напротив, не разговаривал с ней, но когда поезд, замедляя ход, подъехал к станции Олбани, неожиданно спросил, не хочет ли она пообедать с ним в вагоне-ресторане. Магдалена сидела, уставившись в окно невидящим взором, шевеля губами и перебирая четки, и, казалось, не слышала вопроса. На коленях по-прежнему лежала нелепая сумочка. Она перестала размышлять о случившемся и в тумане полузабвения позволяла поезду уносить себя все дальше и дальше на восток, в сгущающиеся ночные сумерки, где ее ждала совершенно непред-

сказуемая и непостижимая разумом судьба. Так бывало с ней в школе, когда она решала задачку по геометрии и вдруг, поняв, что справиться не в силах, переставала думать, предоставляя решать ее более сообразительным однокашникам, с чем они с легкостью и справлялись. Лишь одна мысль неотступно преследовала ее под стук колес: *Она меня отослала. Она меня выгнала. Моя мать меня не любит, она меня выгнала.*

На рассвете Магдалена с онемевшей от неудобного сидения шеей и пересохшим ртом очнулась от тревожного сна и, к своему изумлению, увидела, как светлеет небо над горизонтом, а совсем рядом поблескивает в полутьме какая-то неизвестная широкая, как Ниагара, река. Поезд промчался над рекой по высокому мосту. Магдалена видела его скелетообразную конструкцию на сваях. В отдалении, на полуострове, виднелся город, должно быть, это Эдмундстон, цель ее путешествия. Небо над головой еще не совсем посветлело, низко нависали грозно зазубренные облака. Поезд сильно раскачивался, как казалось Магдалене, от ветра. В панике она прикусила губу — или то было возбуждение? Никогда еще не доводилось ей быть так далеко от дома. И ни за что не найти ей дороги обратно. Справа,

вдали, вдруг резко оборвалась горная гряда, и за ней открылось огромное водное пространство, все в мелких искрящихся волночках. Магдалена протерла глаза — в жизни она не видела такой красоты. И ей вдруг показалось, что весь этот прекрасный светлый мир раскинулся перед ней и ждет. Впереди будущее, оно зовет и манит, оно прекрасно и удивительно, А позади остался убогий и угрюмый мир Блэк-Рока с его душными темными квартирками, холодными и бесконечными зимами, заваленными снегом улицами, вонью фабрик, закопченными стенами домов и постоянным смогом в воздухе, от которого люди кашляли и кашляли, пока по щекам не начинали катиться слезы. Все это теперь позади, быстро сужалось и уменьшалось в размерах — точно туннель. Когда в него попадаешь — страшно, а как только вырвался на волю и под солнце — сразу забыл.

Солнце вставало над горизонтом, пробивая лучами плотную массу облаков. Столбы света косо ударили в землю. Справа от Магдалены прежде почти бесцветное водное пространство вдруг налилось изумительным зеленовато-голубым цветом, и даже издали было видно, как прозрачна и чиста вода, будто стекло. И Магдалена в детском

изумлении воскликнула:

— О, что это?

Мужчина, сидевший напротив, ответил с гордостью, словно это чудо принадлежало ему:

— Это, мисс, Атлантический океан.

Атлантический океан! Родители не сказали Магдалене, что Эдмундстон находится на берегу океана. Впрочем, об Атлантическом океане Магдалена знала совсем немного, разве что родители рассказывали страшные истории о том, как в штормовую погоду пересекали его, но то было еще до ее рождения. Мать была беременна и едва выжила после этого ужасного плавания. Всем братьям и сестрам Магдалены с детства внушали страх перед океаном, а о его красоте никто не упоминал. Теперь же Магдалена смотрела и не могла насмотреться на Атлантический океан. Как он прекрасен и огромен! Ничего подобного прежде не видела. Магдалена надеялась, что дом тети находится недалеко от берега и можно будет любоваться им до бесконечности.

2

Настало время сюрпризов. Теперь Магдалена не переставала удивляться, как ребенок, оказавшийся в сказочной стране.

Первым сюрпризом был вокзал в Эдмундстоне. Заранее было оговорено, что встретит там ее шофер тети, и Магдалена, выйдя из вагона и судорожно вцепившись в чемодан и сумочку, нервно озиралась по сторонам. Сумятица и толчея, царившие на вокзале — Господи, сколько же людей, и все незнакомцы! — повергли ее в панику, А если ее никто не ждет? *Если произошла какая-то ошибка? Если меня захотят отослать обратно, избавиться от меня?* Наконец она заметила мужчину в темной униформе и кепи с козырьком. Он спокойно стоял на платформе и держал в руке картонку с надписью «Кистенмахер». Магдалене понадобилось несколько секунд, чтобы осознать: Кистенмахер, эта странная фамилия, имеет к ней непосредственное отношение.

Она подошла к мужчине в униформе, и тот приветствовал ее:

— Мисс Шён?

Он взял из ее рук чемоданчик и сумочку, подхватил с такой легкостью, будто они были невесомы, и быстро зашагал сквозь толпу на перроне, а затем — через зал ожидания, к черному блестящему, похожему на катафалк автомобилю, припаркованному у входа. Магдалена, испытывая невероятное чувство облегчения, едва поспевала

за ним. Мисс Шён! Этот мужчина назвал ее мисс Шён! Она заметила, с каким любопытством и уважением посмотрели на нее прохожие, когда шофер распахнул заднюю дверцу лимузина и помог ей сесть. Никогда Магдалена не видела такой роскошной машины, только на фотографиях; подушки на заднем сиденье были обтянуты мягким серым бархатом, окна чистые и прозрачные, в меру затемненные, и сквозь них так все хорошо видно, будто никаких окон нет вовсе.

Бесшумно и плавно, как во сне, скользили они по оживленным улицам Эдмундстона, долго ехали по широкой, открытой всем ветрам авеню, а затем — через парк с пожухлой от морозов травой. И вот, наконец, поднявшись по склону холма, оказались в районе, сплошь застроенном особняками, с чисто подметенными каменными тротуарами и большими красивыми старинными домами за изгородями из сварного железа. Магдалена любовалась всем этим как завороженная. Ловила воздух судорожными глотками, точно после долгого бега. Ей хотелось задать шоферу массу вопросов, но она была слишком застенчива и просто не осмеливалась. Да и шофер держался очень официально. Заговорил с ней всего раз, как только они отъехали, спросил,

удобно ли ей. И Магдалена пробормотала в ответ: о да, да, спасибо. Да ей в жизни не задавали подобных вопросов! Водитель сидел за стеклянной перегородкой, и она видела лишь его затылок да кепи. Над ветровым стеклом было зеркало заднего обзора, но лицо водителя в него не попадало.

Когда поезд подъезжал к вокзалу в Эдмундстоне, прекрасный океан скрылся из виду; казалось, они проезжают через бесконечный туннель из фабрик, складов, старых домов и унылых многоквартирных зданий — ну в точности как у них, в Блэк-Роке. Скорость еще уменьшилась, поезд уже почти полз, прижимаясь к земле, подобно огромному зверю, а затем проехал над каналом с водой цвета ржавчины. Все кругом заволакивала туманная дымка, и Магдалена уже знала, каков этот воздух на вкус — слегка прогорклый, словно подгорелый. Но здесь, на холме, где проживала ее тетя по фамилии Кистенмахер, воздух был чист и свеж, будто промыт дождем. Даже в облачном небе вдруг открылась голубая прогалина, когда шофер неторопливо вел лимузин по мощенной булыжником улице под названием Чартер.

Магдалена продолжала глазеть на длинные и блестящие чёрные лимузины, которые бесшумно въезжали в ворота, отмеченные каменными

колоннами не меньше десяти футов в высоту, на одних она заметила дату: «1792». Дом Кистенмахеров оказался не самым большим и не самым роскошным из всех. То было узкое в фасаде трехэтажное здание из старого кирпича розоватого оттенка, немного поблекшего от времени; в фасад были вделаны гранитные блоки, потемневшие от дождя. Крыша странно пологая, из побитой черепицы, а сбоку, будто башенка, красуется большая каминная труба. Покрытые черным лаком ставни нуждались в ремонте и покраске. Побитый холодами плющ жался к кирпичам, растопырив когтистые ветви, а из щелей между камнями, которыми была вымощена дорожка к элегантному входу, пробивался мох. Вход являл собой портик с высокими и изящными колоннами, но и здесь были заметны следы разрушений. И тем не менее Магдалена почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы, — в жизни она не видела, тем более так близко, столь замечательного и красивого дома.

Неужели я буду жить здесь?

Я, Магдалена Шён?..

Девочка, которую не любила мать, девочка, которую она отослала из дома.

Следующим сюрпризом для Магдалены стало

знакомство с Эрикой Кистенмахер.

Женщина в темном платье и белом накрахмаленном фартуке показала ей комнату на третьем этаже, где она должна была жить, и через несколько минут приказала спуститься вниз, познакомиться с тетушкой.

— Миссис Кистенмахер, — тихо заметила она, — ждет вас с раннего утра, мисс Шён. — В голосе звучал легкий упрек.

Магдалена пробормотала извинения, но женщина, похоже, вовсе не слушала, даже не смотрела на девушку. Магдалена никак не могла понять, сколько же лет этой женщине. Во всяком случае, старше, чем мать, тонкие седые волосы подхвачены сеткой, фигура плотная, приземистая, но не полная, движения быстрые и точные. Она провела Магдалену по длинному коридору, даже ни разу не обернувшись. Магдалене говорили, что тетушка ее очень одинока и нуждается в компаньонке, из чего она сделала вывод, что дом Кистенмахеров абсолютно пуст и в нем никого, кроме тетушки. Но теперь она поняла, как заблуждалась. Богатые люди нуждаются в прислуге, ей тоже предстоит стать здесь прислугой. Женщина постучала в дверь; через несколько секунд ее открыли, но вовсе не тетушка, как на-

ивно предполагала Магдалена, а другая мрачная и неулыбающаяся женщина средних лет, тоже плотного телосложения, с красным лицом, в белом халате и с белой накрахмаленной шапочкой на свинцово-серых волосах. По всей видимости, сиделка. И никаких приветствий, а скорее упрек в адрес взволнованной и смущенной девушки:

— Ну наконец-то, мисс Шён! Входите поскорее, сквозняки нам здесь совершенно ни к чему. И не утомляйте миссис Кистенмахер, она и так сегодня вся на нервах.

Магдалена шагнула в комнату, и в лицо ей ударил такой спертый и жаркий воздух, что стало нечем дышать, а сиделка быстро затворила за ней дверь. То была просторная спальня с высокими потолками, так тесно заставленная мебелью, вазами, статуэтками, подсвечниками, разбросанными повсюду книгами, завешанная коврами и старинными мутноватыми зеркалами, слегка искажающими изображение, что Магдалена не сразу увидела тетушку. Пока та не прошептала:

— О моя дорогая! Подойди же!

На диване, в пятне падающего из окна света, лежала прикрытая шелковым стеганым одеялом странно белокожая и похожая на куклу старуха. Одна рука была приподнята и указывала дрожа-

щими пальцами на Магдалену, лицо искажено радостным нетерпением.

Отец и мать Магдалены много рассказывали о молодой женщине по имени Эрика Шён, которая приехала в Бостон с юга Германии работать нянькой в богатой семье. В девятнадцать лет она вышла замуж за мужчину намного старше ее, к тому же вдовца. И они переехали жить в Эдмундстон, штат Массачусетс. Довольно долго Эрика Шён не общалась со своей семьей; она пренебрегла традициями и вышла замуж, не обвенчавшись в католической церкви. Потому Магдалена знала тетушку лишь по старой фотографии, где ее отец был снят еще мальчиком, а рядом стояла ее молодая тетушка. Но та девушка на снимке с вьющимися волосами, почти хорошеньким лицом, длинным носом и умными прищуренными глазами ничуть не походила на женщину на диване. Магдалена даже растерялась — она не ожидала, что тетушка так стара. Пробормотав слова приветствия, она дотронулась до протянутой к ней руки — какая тоненькая! а пальцы просто ледяные! — и подумала: *Это совершенно чужой человек. Это какая-то ошибка. Сейчас она выгонит меня из дому, как выгнала мама.*

Но старуха, похоже, была просто счастлива ви-

деть Магдалену и говорила хриплым свистящим голосом, что сразу же узнала ее, что у Магдалены «типичное лицо Шёнов», личико сердечком. «Но только ты куда более хорошенькая, чем большинство из нас!», И хотя хмурая сиделка вертелась поблизости, Магдалену попросили присесть на табурет рядом с диваном — и поближе! — и старуха продолжала смотреть на нее голодным, истосковавшимся взглядом и крепко сжимала ее руку в своей. Только сейчас Магдалена с ужасом и отвращением заметила, что левый глаз тети затянут белой пленкой и незряче устремлен куда-то в сторону; вся левая сторона ее лица окаменела в напряженной болезненной гримасе, а левая рука лежит вяло и неподвижно, и по-детски тонкие пальчики на ней скрючены. *Твоя тетя Кистенмахер перенесла удар, должно быть, страшно боится умереть. Если сумеешь угодить ей, она оставит нам деньги.*

Однако же Магдалена имела самое смутное представление о том, что это такое, удар, да и родители так толком ничего и не объяснили. Зато теперь она уже через несколько минут поняла, что бедная женщина почти ослепла и на «здоровый», глаз, к тому же очень плохо слышит. И вряд ли может ходить без посторонней помощи, если

вообще может. Даже голос потеряла, бедняжка, говорит еле слышным хриплым шепотом. Особое замешательство вызывал тот факт, что она постоянно и, наверное, неосознанно вставляла в речь отдельные бессмысленные словечки и слоги («а-а», «й-и»). Пахло от нее тальком и еще чем-то острым и кислым, наверное, лекарством. Как же бледна ее кожа, просто как бумага. И как тонка — Магдалена видела, как просвечивают сквозь нее тонкие синие вены. Лицо в мелких морщинах, будто его много раз сминали, а потом разглаживали, как шелк. Однако она вся дрожала от возбуждения и радовалась Магдалене, как девочка, к которой пришла поиграть подружка.

Магдалена понимала далеко не все из того, о чем говорила тетя, но общий смысл был ясен. Она расспрашивала ее о доме, семье, больше всего об отце. Но когда Магдалена начинала говорить, сразу ее перебивала, улыбалась половинкой лица и не сводила яркого глаза с лица девушки. А потом принялась гладить Магдалену слабой правой рукой по волосам, заплетенным в толстые косы и уложенным вокруг головы. Из ее неразборчивой речи девушка поняла, что у тетушки некогда были такие же красивые волосы. И еще все время твердила, что у Магдалены «личико Шёнов», и

пробегала холодными пальцами по ее губам. Магдалена с трудом подавляла брезгливую дрожь, хотя в комнате было очень тепло, даже жарко.

— Ты ведь слышала обо мне, дорогая? Я твоя тетя Эрика, — говорила она. — Так и называй меня, просто тетя Эрика.

И Магдалена неуверенно произнесла:

— Тетя Эрика. — Слова прозвучали фальшиво, словно с неверным ударением.

А тетя Эрика поднесла сложенную чашечкой ладонь правой руки к уху и зашептала:

— А? А? Что?

И тогда Магдалена с пылающим от смущения лицом повторила уже громче:

— Тетя Эрика.

Хмурая сиделка в белом встала за диваном и смотрела на Магдалену с нескрываемой враждебностью. Но тетя Эрика все сжимала пальцы девушки и улыбалась половинкой рта, и во взгляде ее светилась такая мольба, что Магдалена вдруг почувствовала, как сердце ее пронзило жалостью и любовью.

Примерно те же ощущения испытывала она при виде калек, по большей части мужчин, которых так часто встречала на улицах Блэк-Рока, то были жертвы несчастных случаев на литейном

заводе, где работали и ее отец и братья. Тем временем старуха продолжала еле слышно шептать:

— Я знала, что однажды ты приедешь ко мне, дорогое мое дитя. Знала, что не бросишь меня, как все остальные Шёны. — И на середине этой речи пронзительный возглас «й-и!», точно крик боли; и Магдалена, испуганная, лишь кивала в ответ на эти слова, ибо что здесь можно было ответить. Тонкие пальчики тети впились в ее ладонь с удвоенной силой, и странный сладковато-кислый запах стал уже почти невыносимым. Тетя Эрика вдруг расплакалась, рыдания так и сотрясали ее хрупкое тело, и, видя это, Магдалена заплакала тоже. Она обладала нежным сердцем и при виде плачущих людей тоже пускала слезу.

— Я… я б-буду счастлива здесь, тетя Эрика… с-спа-сибо за то… что пригласили меня…

В этот момент сиделка быстро шагнула вперед, словно ждала такого развития событий. Поправила шелковое одеяло и с упреком заметила:

— Ну вот видите, миссис Кистенмахер, я же вас предупреждала! Спали скверно, нервы расшатаны вконец, и вот теперь расстраиваетесь из-за этой девчонки, которую даже не знаете.

Еще один сюрприз для Магдалены Шён. Впервые в жизни у нее появилась собственная ком-

ната.

На третьем этаже старинного и красивого особняка в федералистском стиле на Чартер-стрит в городе Эдмундстон, с видом на реку, которая находилась приблизительно в полумиле к югу. Если высунуться из окна и изогнуть шею, в нескольких милях к востоку был виден океан — светлая полоска воды, приобретающая то серебристый, то сине-зеленый, то сиреневатый оттенок. Магдалена знала, что это и есть тот самый сказочный Атлантический океан, хотя и ни разу не видела его прежде, не считая того раннего утра в поезде, когда подъезжала к Эдмундстону. Того волшебного, похожего на сон утра, которое торопливо уходило в прошлое.

Выдавались часы, когда Магдалена сидела в своей аккуратной, чистенькой и нарядной комнате совершенно одна, но она совсем не скучала по прежнему дому. Да и как можно было скучать по тесным убогим комнатушкам и Блэк-Роке.

Иногда вечерами при свете настольной лампы она читала молитвенник, подарок от родителей на день конфирмации, и губы ее беззвучно и усердно шевелились. Иногда она засыпала с четками, обвившимися вокруг руки, и, проснувшись поутру, с удивлением смотрела на прозрачные

хрустальные бусинки.

Ее тетя Эрика не посещала церкви под тем предлогом, что она инвалид. «Если Богу угодно меня видеть, Он знает, где меня искать», — шепнула однажды старуха Магдалене и подмигнула здоровым глазом. Магдалена засмеялась, но в глубине души была немного шокирована.

Возможно, отсылая ее так далеко, в Эдмундстон, родители втайне побаивались, что она отойдет от веры Шёнов. И не раз предупреждали ее, что по прибытии следует подыскать церковь, где можно посещать мессу. *Да, но оба они меня не любили, они избавились от меня, выгнали из дому.* Однако почему глаза Магдалены сухи? А сердце бьется часто и взволнованно, словно в предвкушении небывалого счастья?..

Самое замечательное в комнате Магдалены это окна — высокие, узкие, впускающие солнце с раннего утра, когда оно только начинает вставать над рекой. Даже во сне она чувствовала прикосновение теплых лучей, слышала зов: *Проснись! Проснись! Скорее! Вставай же!* И этот голос был похож на новую неизвестную ей песню; был не женским и не мужским, прозрачным, как стекло, и невыразимо прекрасным. *Магдалена, вставай!*

Она вскакивала с постели и босая, в отделанной

кружевом хлопковой ночной рубашке, подаренной тетей, с длинными распущенными волосами, небрежными локонами спадавшими на спину и плечи, подходила к окну. В весенние дни небо было ослепительно голубым, или же по небу бежали тонкие серебристые облачка; грело солнце, или шел мелкий теплый дождик. Но бывало, что дождь расходился не на шутку и лил стеной, и все это сопровождалось сильным ветром и сверканием молний. Каким новым и свежим казалось Магдалене каждое утро, она смотрела в окно и не могла налюбоваться! И ей совершенно не хотелось вспоминать о той прежней жизни в Блэк-Роке, в пятистах милях к западу отсюда, где ей приходилось делить постель с одной, а то и сразу двумя сестрами. А окна той жалкой квартирки на первом этаже, где проживали Шёны, было просто невозможно держать в чистоте, и выходили они на побитую непогодой глухую стену соседнего дома, или же на грязную в рытвинах улицу, или на помойку, заваленную мусором. Там не на что было смотреть, но Магдалена все равно подолгу простаивала у этих окон, научившись не видеть, не замечать ничего этого.

Здесь же, в доме Кистенмахеров, ей ни с кем не приходилось делить свою славную спаленку.

То была очень милая, типично девичья комната с воздушными белыми занавесками на окнах, белыми стенами и белыми шелковыми покрывалами. И мыслями своими Магдалена тоже не была обязана ни с кем делиться. Здесь ее никто не осуждает, никто не унижает и не бранит, ее не наказывают, она не является объектом жалостливой снисходительности — *Оставьте Магдалену в покое, она не виновата, что такая!*

Под каким углом ни встань у окна солнечным утром, отовсюду открывается прекрасный вид, или какое-нибудь занимательное зрелище, или же интригующая сценка. Магдалена смотрела на мощенные булыжником улочки, убегающие вдаль, — ну в точь улицы на картинке из детской сказки; булыжник блестел от прошедшего ночью дождя. Однажды утром в начале апреля Магдалена увидела стайку малиновок, купающихся в луже, и услышала звонкое мелодичное пение других птиц, которых не знала, с хохолками на изящных головках и оливково-серым оперением; она слышала пронзительные и требовательные крики чаек. Магдалена рассматривала крыши соседних домов, таких же старых, как и дом Кистенмахеров, вот только многие из них были значительно больше и содержались в лучшем со-

стоянии. И она гадала, кто же живет в этих домах с высокими и красивыми каминными трубами из камня и кирпича.

А взгляд продолжал скользить дальше — вон те изящные деревья с набухшими зелеными почками, должно быть, вязы; а совсем неподалеку, вниз по холму от Чартер-стрит, виднеются несколько церковных шпилей, ярко сверкают на солнце и даже в пасмурные дни словно светятся изнутри. А еще там были река, и мост, перекинутый через эту реку, частично скрытый за домами; этот мост постоянно притягивал взгляд Магдалены. Река, как она узнала, называлась Мерримак, а мост — Мерримакский; за ним, по ту сторону реки, находился район под названием «нижний город», застроенный доходными домами, совсем уже старинными зданиями (типа старой таможни), возведенными еще в колониальные времена, складами и рыбацкими домиками. Там были доки и пристань, там стояли суда всех размеров, начиная от маленьких рыбацких лодок и кончая океанскими грузовыми кораблями. Вся женская половина дома на Чартер-стрит, даже больная тетушка, говорили о «нижнем городе», с оттенком презрения и плохо скрытого беспокойства, словно он был населен какими-то опасными людьми.

Но Магдалена так толком и не понимала, что представляют собой эти люди, поскольку ни один из них никогда не заходил к ним в дом.

(Хотя муж тети Эрики, мистер Кистенмахер, скончавшийся уже восемнадцать лет назад, вроде бы вел в качестве брокера какие-то дела с тамошней пароходной компанией. Из скудных сведений, известных Магдалене об этом человеке, этот факт почему-то интриговал ее больше остальных.)

Среди ожидавших ее в доме тети сюрпризов самым удивительным и одновременно вызывающим некоторое замешательство казалось Магдалене то, что на нее в качестве племянницы и компаньонки не было возложено почти никаких обязанностей.

— Но, тетя Эрика, я могу это сделать! — воскликнула Магдалена во время их первой трапезы в маленькой столовой, когда служанка Ханна принялась собирать со стола посуду.

Но тетя Эрика похлопала ее по руке и выдавила категоричное «нет».

— Но, тетя Эрика, дома…

Старуха сжала запястье Магдалены, делая знак замолчать, чтобы мрачная Ханна в черном платье и белом накрахмаленном фартуке ее не

слышала. И хриплым крякающим голосом почти сердито пролаяла:

— Теперь это твой дом, дорогое дитя, и у нас здесь свои правила.

Магдалена была потрясена тем фактом, что ей, оказывается, не придется быть здесь служанкой.

Нет, конечно, она, как и родители, предполагала, что будет помогать тете. Из всех детей Шёнов Магдалена была самой усердной и безропотной помощницей в домашних делах. Счастливейшие ее воспоминания о доме были связаны с кухней, где она помогала матери готовить еду — раскатывать тесто и нарезать лапшу, печь хлеб. Даже дни большой стирки, связанные с тяжким многочасовым трупом, от которого после ныла спина, особенно с развешиванием на заднем дворе тяжелого мокрого белья, мужских комбинезонов и курток из плотной ткани, клетчатых рубах, простыней, покрывал и одеял, ее не раздражали. Магдалена еще совсем ребенком была умелой и спорой работницей; ей нравилось получать приказания от матери и старших сестер, потому что то был способ потрафить им. Что в каком-то смысле заменяло любовь.

Теперь же в доме на Чартер-стрит она была для прислуги «мисс Шён». И у нее не было никаких

дел и обязанностей по дому, не считая уборки собственной комнаты и стирки своей одежды (на последнем пришлось настоять), кроме как быть компаньонкой тети, что занимало всего лишь несколько часов в день в зависимости от самочувствия и расположения духа престарелой родственницы. Магдалена сидела и болтала с ней или же слушала несвязные и невнятные речи тетушки. Иногда Магдалена читала ей вслух стихи, в основном разных поэтесс, о которых прежде никогда не слышала, или же Библию. При этом тетя Эрика, добродушно поглядывающая на нее здоровым глазом, скоро засыпала с вяло приоткрытым влажным ртом и обмякшим лицом — и почему-то напоминала ребенка. Магдалена не знала, что делать, продолжать читать или же удалиться на цыпочках. Но догадывалась, что ее присутствие действует на тетушку успокаивающе и что, даже уснув, та слышит ее голос. *Если бы в моей власти было сделать тетю Эрику счастливой!* — часто думала она. Однажды, когда Магдалена читала стихи, тетушка задремала. А потом она вдруг начала мурлыкать себе под нос какую-то песенку, и правая сторона ее бледного морщинистого немного кукольного лица осветилась нежностью. И, не открывая глаз, еле слышно

прошептала:

— Музыка твоего голоса, дорогое дитя. Я узнаю в ней своё детство.

Магдалена усомнилась: ведь она родилась в Америке. И уж немкой ее никак нельзя назвать.

В такие моменты сиделка с кислым лицом по имени Хельга оставалась поблизости, сидела в соседней комнате и вязала; чуткое ухо Магдалены улавливало тихое звяканье спиц. За исключением нескольких часов в неделю, Хельга не покидала своего поста; была страшно предана пациентке, хотя та часто выводила ее из терпения. И относилась к миссис Кистенмахер как к капризному и своенравному ребенку, за которым нужен глаз да глаз. Хельга поселилась в доме Кистенмахеров сразу после того, как у тети Эрики случился удар, то есть два года назад. К Магдалене она относилась с нескрываемой ревностью и всячески давала понять, что не одобряет ее присутствия в доме. Та заняла ее место в сердце пожилой леди, и Магдалена не могла упрекать сиделку за ревность. Хельга не улыбнулась девушке, ни разу не назвала ее Магдаленой, как та просила. А тетя Эрика часто приводила в смущение их обеих, спрашивая сиделку хриплым шепотом:

— Ну скажи, разве она у нас не хорошенькая, а, Хельга? Она приехала ко мне, я знала, так оно и будет. Тебе нравятся ее волосы? Красивые, правда?... Вот и у меня в молодости тоже были такие же.

Узкие как щелки глаза сиделки на секунду останавливались на Магдалене; она морщила нос и лоб, не в силах придумать, что же ответить, и, наконец, говорила важно и не теряя достоинства:

— Что ж. Пора бы вам немного отдохнуть, миссис Кистенмахер. Уж больно вы разволновались, а это не на пользу. Следует сообщить доктору Мейнке.

Между сиделкой и больной вечно фигурировал грозный доктор Мейнке, раз в десять — двенадцать дней приходивший в дом на Чартер-стрит осмотреть миссис Кистенмахер.

Иногда Магдалена завтракала с тетей, иногда в два часа дня делила с ней трапезу под названием «обед». Еду подавали в меньшую из столовых на первом этаже или же, если тетя Эрика чувствовала себя плохо, в ее душную спальню на втором. Тетя Эрика передвигалась по дому с помощью тросточки, а также Хельги и Магдалены и даже в моменты недомогания настаивала на том, чтобы «встать, встать и одеться». Нет, по лестнице, разу-

меется, подняться она не могла, но в доме имелся лифт. Это была довольно странная, напоминавшая клетку конструкция, жалобно и тревожно поскрипывающая при подъеме и вмещавшая не более двух человек. Магдалена, которой было приказано ехать с тетей, в то время как Хельга мрачно трусила следом по лестнице, всякий раз замирала от страха и испытывала приступ удушья. *А если мы застрянем здесь вместе? Что, если лифт вдруг упадет? То* был первый лифт, которым довелось пользоваться Магдалене, и она наслышалась немало ужасных историй о несчастных случаях, происходивших там с людьми, о том, как лифты застревали между этажами или срывались вниз, в шахту, насмерть давя при этом своих пассажиров. И ко времени когда маленькая клетка со скрипом останавливалась и Магдалена просовывала сквозь решетчатую дверцу пальцы, чтобы отпереть ее, бедняжка была вся в поту от страха и дрожала мелкой дрожью.

А тетя Эрика шептала:

— Спасибо, дорогая! Ты так добра! — И сжимала руку Магдалены своими когтистыми пальчиками.

Эти трапезы с тетей постоянно вызывали у Магдалены чувство неловкости, старуха ела очень

медленно. Обеды всегда подавались горячие, сытные блюда в немецком духе, и продолжалось все это больше часа. За это время тетя умудрялась съедать несколько каких-то крошек. В такие моменты Магдалена особенно остро ощущала присутствие Хельги за дверью и Ханны в буфетной, ожидавшей, когда хозяйка позвонит в маленький серебряный колокольчик и призовет ее. (Ханна также готовила еду и относилась к этому занятию крайне серьезно и ответственно. И всякий раз, когда Магдалена предлагала свою помощь, отказывалась со словами: «Что вы, мисс Шён. Это я повариха у миссис Кистенмахер».)

По понедельникам в дом на Чартер-стрит приходила энергичная рыжеволосая женщина лет сорока по имени Мейвис, она занималась стиркой и большой уборкой и дружила с Ханной, которая ее наняла. Магдалена часто слышала, как эти две женщины перешептываются и смеются, ничуть не стесняясь ее присутствия. Однажды за обедом Магдалена увидела, что Ханна с Мейвис подглядывают за ней через щелку в двери буфетной, — и ей стало страшно обидно и больно. Под предлогом, что хочет принести тете стакан свежей холодной воды, она поднялась из-за стола, ворвалась в буфетную и напустилась на своих

растерявшихся мучительниц:

— За что вы меня так не любите? Что я вам сделала? — В глазах девушки закипали слезы, а женщины отвернулись и промолчали.

С того случая отношения Магдалены со штатом домашней прислуги стали еще более напряженными.

Тетя Эрика, знавшая об обстановке в доме куда больше, чем можно было предположить, учитывая ее немощь, плохие зрение и слух, выбранила Магдалену за ее поведение: «Дорогая, девушке это не подобает». Впрочем, упреки ее были скорее игривы и сопровождались легкими похлопываниями по руке племянницы, что, возможно, превратилось бы в чувствительные шлепки, если бы здоровье ей позволяло.

На второе воскресенье после прибытия Магдалены в дом на Чартер-стрит тетя пригласила нескольких человек на чай. Магдалена удивилась, узнав, что у Эрики Кистенмахер столько друзей и знакомых. Сколько лиц, имен и рукопожатий! Большую часть гостей составляли дамы в возрасте тети, тоже вдовы, как и она. Но были и мужчины, в основном партнеры покойного мистера Кистенмахера по бизнесу, а также юристы и финансовые советники самой миссис

Кистенмахер. Ну и разумеется, грозный доктор Мейнке, седовласый и болтливый старик. Был среди гостей и один молодой человек лет двадцати семи, младший помощник бухгалтера миссис Кистенмахер. Его пригласили как потенциального жениха Магдалены Шён, и бедняжка так смутилась, что в первый момент даже не расслышала его имени и не разглядела лица. А вскоре и вовсе забыла его, как, впрочем, и всех остальных, посетивших их дом в тот день.

3

День на исходе,
Близится ночь,
Рисует вечерние тени…

Магдалена не уставала любоваться загадочным городом Эдмундстоном из окна своей комнаты на верхнем этаже кирпичного дома на Чартер-стрит. Особенно часто привлекала ее внимание река Мерримак, блестящая, словно змеиные чешуйки, поверхность, а также Мерримакский мост — они так и манили к себе. Погода с каждым днем становилась все теплее, вечера дольше, и Магдалена распахивала окна настежь и высовывалась из них, полном грудью вдыхая упоительный аромат

сирени, смешанным с острым прохладным запахом океана, что доносили порывы ветра. Глаза ее расширялись, зрение обострялось Начинало казаться, что она видит вдали затянутый серым смогом Блэк-Рок, где воздух напоен дымом и парами сталелитейного завода, хотя на самом деле видела она не дальше чем на четверть мили. И с какой живостью и остротой доносились до нее разные звуки, через многие мили!

Хрустальный перезвон церковных колокольчиков и других больших колоколов, чей глубокий гулкий звон походил на мощное биение огромного сердца.

И другая, более ритмичная музыка — аккордеон?

И чей-то прекрасный высокий голос, выводивший песню. С расстояния невозможно было определить, мужской он или женский. *День на исходе, близится ночь…* Голос приносили порывы ветра, и он то звучал громко, то таял вдали. Магдалена опасно далеко высовывалась из окна, подносила к уху руку — ну в точности глухая тетя Эрика. Как изысканна и прекрасна эта музыка, как она манит к себе: *Магдалена, приди! Скорее!*

И все эти звуки доносились с Мерримакского моста, оттуда, где находился «нижний город».

«Только прогуляться. Всего на часок».

Так сказала себе Магдалена однажды днем, когда от смешанного аромата сирени и моря кровь прихлынула к лицу, а сердце, казалось, вот-вот разорвется от тоски и желания. И хорошенькая беленькая комнатка на третьем этаже вдруг показалась ей тесной и душной, как коробка. Как клетка…

«Не буду заходить далеко, обещаю. И нет, я не потеряюсь…»

Это был ее первый выход на улицу за несколько недель пребывания в доме на Чартер-стрит. Прочь отсюда, от этих выстроившихся на холме старинных особняков и элегантных мощеных улочек, обсаженных деревьями. Прощай, чистый, напоенный ароматом цветов воздух верхнего Эдмундстона, здравствуй, солоноватый и густой воздух нижнего Эдмундстона! В тот день Магдалена провела больше времени, чем обычно, с тетей Эрикой, сидела с ней с утра да и потом тоже, после обеда. И вот теперь была наконец свободна, и ей не терпелось пуститься в эту маленькую авантюру. Она накинула на плечи красно-коричневую шелковую шаль, один из многочисленных подарков тети, голову оставила непокрытой, несмотря на то что погода была неустойчивой,

день выдался довольно ветреный, а в небе то ярко сияло солнце, то набегали дождевые облака. Она понимала, что могла бы дождаться и лучшего дня, но нетерпение просто сжигало ее. Она ждала и не могла дождаться — вот только чего?…

«Нет, правда, просто прогуляться. Обещаю, что не потеряюсь».

Как провинившийся ребенок, объясняла она тете Эрике все про себя. Которая, если бы слышала, наверняка не одобрила бы. *Не подобает, дитя мое! Не подобает леди даже одной ногой ступать в этот «нижний город»!*

Но тетя Эрика удалилась до конца дня к себе в спальню с плотно задернутыми шторами, насквозь пропахшую тальком, лекарствами и чем-то заплесневелым, и дремала там. Даже когда Магдалена читала ей из Библии, книги псалмов, старая женщина погружалась в легкую дремоту, лежала, тихонько похрапывая, а ее бледное кукольное лицо было лишено какого-либо выражения. В такие моменты Магдалена взирала на тетю с жалостью и одновременно неким ужасом. Вообще-то она высчитала, что тетя Эрика не так уж и стара — ей, должно быть, где-то под семьдесят. И сразу было видно, что совсем еще недавно она была довольно привлекательной женщиной

с выразительными глазами и красивым ртом. И Магдалена передергивалась словно от озноба в этой жаркой комнате, и думала: *Я никогда не буду старухой! Никогда не буду такой, как вы, тетя Эрика!*

Старомодные дедовские часы в холле пробили пять, и Магдалена бесшумно, как кошка, спустилась по лестнице с третьего этажа на второй, а потом со второго на первый. Правда, внизу она столкнулась с неожиданным препятствием — никак не удавалось отпереть замок входной двери. Заметив прошмыгнувшую в прихожую Магдалену, Ханна окликнула:

— Мисс Шён! Куда это вы, интересно, собрались? На что девушка виновато ответила:

— Просто прогуляться, Ханна. Тут где-нибудь, неподалеку.

Ханна подошла, руки сложены на жестко накрахмаленном белом фартуке. Нахмурилась, будто собралась сказать что-то еще, но промолчала. Щеки у Магдалены пылали. Впервые Ханна заговорила с ней так открыто, впервые смотрела прямо в глаза. И Магдалена добавила:

— Я не потеряюсь, обещаю. И не буду заходить далеко.

Ханна колебалась, покусывая нижнюю губу,

затем пробормотала:

— Вот что, мисс. Ключ от замка у меня. Так что когда будете возвращаться, придется позвонить. К тому же дверь запирается изнутри еще и на задвижку.

Магдалена выскользнула из дома на Чартер-стрит и быстро двинулась вниз по холму, вдыхая опьяняющий аромат сирени, целиком доверившись инстинкту, который должен был вывести ее к Мерримакскому мосту. И вскоре заметила, что дома вокруг становились все менее «историческими»; по обе стороны от дороги тянулись ровным строем небольшие оштукатуренные бунгало, магазины и лавки. Магдалена вышла на широкую улицу с очень оживленным движением под названием Файетт, посреди которой были проложены трамвайные пути и грохотали трамваи. Эта улица и вывела ее к мосту, на который Магдалена ступила не без некоторого колебания, потому что здесь пришлось идти по узенькой пешеходной дорожке в виде сетчатой металлической решетки — такого она никогда не видела прежде. Внизу, прямо под ногами, неслась река, и вода в ней не сверкала на солнце, а была темно-графитного цвета и отливала маслянистыми пятнами. И как неприятно пахло от этой

реки — никакого аромата сирени. И как шумела она мелкими волночками, что лизали каменные опоры моста.

Магдалена прошла по мосту с бешено бьющимся сердцем, сама себе удивляясь, зачем это ей понадобилось уходить так далеко от красивого старого дома на Чартер-стрит и от своего окошка на третьем этаже, где она была в полной безопасности. Она понятия не имела, как широка, грозна, продуваема всеми ветрами эта река. Из окна Мерримакский мост казался изящным, даже хрупким, а вертикальные его формы напоминали кружева; только сейчас, при ближайшем рассмотрении, она заметила, как они толсты, грубы и сильно проржавели. А мимо с грохотом несся непрерывный поток машин — тяжелые грузовики, фургоны и легковые автомобили. И из них на Магдалену глазели совершенно незнакомые люди. Смотрели, как она шагает по продуваемой ветрами пешеходной дорожке, с непокрытой головой, в накинутой на плечи коричнево-красной шали. *Эй! Девушка! Подвезти?* Но Магдалена не слышала или не желала слышать и не сводила глаз с сетчатой металлической решетки под ногами и убегающей вдаль, словно судьба, мутной воды.

На мосту было так шумно, что Магдалена уже не слышала больше звуков музыки, а ко времени, когда, задыхаясь и вытирая от пыли глаза и поправляя встрепанные ветром волосы, достигла противоположного берега, и думать забыла о ней. Но, едва свернув на улочку с длинным рядом домов и маленьких магазинчиков, вновь услышала ее. Сразу обрадовалась и воспрянула духом. Причем слышала Магдалена не одну мелодию, а сразу несколько, и над всеми остальными звуками превалировал торжественный рокот органа. Он-то и привел ее в район, тесно застроенный домами красного кирпича, из окон которых выглядывали люди и перекликались веселыми голосами. Кругом бегали и шумно играли чумазые и темноволосые, но очень красивые ребятишки; на ступеньках лавок сидели и курили мужчины в рубашках с короткими рукавами И собирались на углу, возле таверны. До чего ж все это похоже на Хейвесс-стрит в родном ее Блэк-Роке!

Магдалена улыбнулась, увидев зеленную лавку, а потом мясную, булочную и маленькое ателье. Проходя мимо мясной, она закрыла глаза и вдыхала такие знакомые запахи парной говядины, крови, опилок. Дома ее часто посылали к мяснику, где ей приходилось выслушивать его

грубые шуточки, и при виде острых блестящих окровавленных ножей и топориков ей всегда становилось не по себе, и она отворачивалась.

Однако язык, на котором говорили в этом районе, был ей не знаком. Не английский, и не немецкий, и не венгерский тоже, хоть и напоминающий все эти языки. И люди здесь попадались не белокожие, как она, а смуглые и черноглазые, с блестящими и выразительными темными глазами. А как они смотрели на нее, особенно мужчины! Так и ловили взглядом каждое движение. За столиками у входа в кафе тоже сидели мужчины, играли в карты, курили, пили и громко болтали. Но когда Магдалена проходила мимо по тротуару, понижали голоса, перешептывались или просто молчали. А потом принимались жарко что-то обсуждать. И еще она заметила, как открыто, никого не стесняясь, ходят здесь пары, обняв друг друга за талии, — в Блэк-Роке такого никогда не увидишь.

Источник звучной, так и подмывающей пуститься в пляс рокочущей органной музыки находился на боковой улочке, совсем узенькой, как аллея. На ступеньке сидел седовласый старец и играл на ручном органе, вокруг столпилась кучка слушателей, в основном дети. Какая же

она веселая и зазывная, эта музыка — ничего подобного в Блэк-Роке тоже не было!

Но Магдалена продолжала неустанно шагать все вперед и вперед, влекомая запахом воды, и вскоре оказалась в районе, сплошь застроенном складами и доками. У причалов покачивались на воде рыбацкие лодки; в течение нескольких минут Магдалена как завороженная следила за тем, как мужчины разделывают большую рыбу, и дивилась тому, что ей было нисколько не противно смотреть на это; кругом витал пронзительно острый и свежий запах рыбы. Но она, дойдя до самого края причала и вглядываясь в бесконечную даль, вдруг подумала: *Да здесь же просто нечем дышать.*

Однако Магдалена продолжала идти дальше, и в ее ушах звучали загадочные слова: *День на исходе, близится ночь…* Их доносили порывы ветра. Вскоре она оказалась среди очень старых, по большей части брошенных домов с полуобвалившимися крышами, где все вокруг заросло сорняками, а кое-где пробивались сквозь камни молодые деревца. На одной из улиц, загибавшихся под крутым углом, бродили какие-то обезьяноподобные фигуры, завидев Магдалену, они разразились громким хохотом, криками и

свистом. Мгновенно пропали, неизвестно куда. Дети?

Магдалена растерянно озиралась по сторонам, и неожиданно к ее ногам упала горстка камней. Одна надежда, что целились все же не в нее.

Магдалена торопливо зашагала дальше, поднялась по склону холма, на котором стояла старая церковь, сложенная из грубых потемневших от непогоды камней. Она заглянула во двор: спутанные плети дикой вьющейся розы, вереск, а среди них — покосившиеся от времени темные надгробия. На них выбиты какие-то слова, но прочесть невозможно, буквы стерлись. А вот цифры сохранились — 1712, 1723, 1693. Магдалена смотрела и изумлялась. Какая древность! Сама она родилась в 1912-м. Она пыталась представить огромный провал во времени, разделяющий существование этих людей и момент ее появления на свет, и голова у нее закружилась. Так бывало, когда она сталкивалась со сложной геометрической задачей, казавшейся ей неразрешимой.

А пение тем временем становилось все ближе и слышнее — высокий чистый голос просто разрывал сердце. Тенор. Поет какой-то церковный гимн, очевидно, протестантский, неизвестный Магдалене. *День на исходе, близится ночь…* Там,

где стены полуразрушенной церкви соприкасались с каменной оградой, образовалось нечто вроде темного углубления в форме треугольника; а может, когда-то здесь был вход в церковь. И певец находился где-то там, внутри, в темноте, практиковался, репетировал. Какой-нибудь молодой человек, подумала Магдалена. Она не стала подходить, но вытянула шею, стараясь разглядеть его, а сердце билось часто-часто. *Вечерние тени на небе…* Настала пауза, послышалось чье-то хриплое дыхание, и голос снова запел, в той же тональности и темпе. *День на исходе…* Теперь в голосе певца слышалось напряжение и даже легкое раздражение, хотя от этого он не стал хуже, а возможно даже, звучал еще более прекрасно. Магдалена вся обратилась в слух. Она была уверена, что певец молод и красив, и непременно темноволос, как большинство мужчин, которых она видела в «нижнем», Эдмундстоне, с выразительными черными глазами под длинными ресницами. И еще она почему-то страшно боялась, что он может увидеть ее, даже если она сделает вид, что просто прогуливается по церковному двору и заглянула сюда совершенно случайно. Он может сразу перестать петь, если вдруг поймет, что его подслушивают. Да и

что делать ей, Магдалене, во дворе старой протестантской церкви?

Затаившись среди высоких надгробий, она слушала его еще довольно долго, а потом потихоньку, крадучись, вышла на улицу, в сгущающиеся сумерки.

По пути к дому тетушки на Чартер-стрит, что возвышался над городом на холме, и к его массивным дверям, где следовало позвонить в колокольчик, чтобы ее впустили, Магдалена размышляла: *Кто он? Как он выглядит? Почему я не попыталась взглянуть на него хоть одним глазом?..*

4

Вот так и получилось, что Магдалена Шён влюбилась, хотя и сама не подозревала и ни за что бы не признала этого.

Соблазнительный голос певца слышался ей, не только когда она стояла у раскрытого окна, подставляя лицо свежим порывам ветра, но и когда спала в своей белоснежной постели под белым шелковым одеялом. Да и днем тоже, причем в самые, казалось, неожиданные и неподходящие моменты, порой даже в присутствии тети Эрики, неугомонно болтавшей о чем-то хрипловатым

бездыханным голоском. Слабое, еле слышное пение, но это, несомненно, он. *День на исходе… Вечерние тени…*

Магдалена, никогда не скучавшая по Блэк-Року, по тесным комнатушкам своего родного дома, даже по родителям, братьям и сестрам, которых, как ей казалось, искренне любила, начала вдруг испытывать жгучую душераздирающую тоску по «нижнему», Эдмундстону, реке Мерримак и мосту через нее. А также по докам и древней полуразрушенной церкви, ее дворику с покосившимися надгробиями. И безликому и безымянному певцу с поразительно красивым голосом, звуки которого преследовали ее повсюду, навеки вошли в плоть и кровь. Он вновь и вновь выводил безыскусные слова своей песни: *День на исходе… День на исходе…*

Однажды тетя Эрика вдруг оборвала свой несвязный монолог, улыбнулась Магдалене здоровой половинкой рта и воскликнула:

— Ты вспоминаешь свою семью, дорогое мое дитя? Ты скучаешь о них?

На что Магдалена, словно очнувшись от сна, с рассеянной улыбкой ответила:

— Ах, тетя Эрика! У него такой высокий чистый и сильный голос! Мужской голос, но особенный,

какого вы наверняка никогда не слышали!

День на исходе, близится ночь.
Магдалена, приди!..

В другой раз, ветреным и пасмурным днем, Магдалена, заслышав вдали знакомую музыку, снова выскользнула из дома на Чартер-стрит и направилась в «нижний», Эдмундстон, к старой церкви. И там снова пел невидимый певец. На этот раз Магдалена разглядела церковь получше: ни единого признака, говорившего о ее принадлежности, лишь крест на крыше, грубо вырезанный из камня и накренившийся от ветров, но наделенный при всем этом своеобразной примитивной красотой. Он частично разрушился и напоминал букву «Т». На крыше из щелей между полусгнившей черепицей пробивались пучки мха. В здании оказалось всего одно окошко, глубоко врезанное в грязную каменную стену. Видно, эта церковь очень бедна, нет денег, чтобы привести ее в порядок. Но тенор пел, даже более старательно и искусно, как если бы твердо вознамерился отточить своё мастерство. *День на исходе, близится ночь, вечерние тени на небе…*

Магдалена различала в голосе певца неподдельное волнение и страсть, и когда он умолк,

услышала частое затрудненное дыхание. Набравшись смелости, она приблизилась к темному алькову в стене. Сердце колотилось как бешеное, и с большим трудом Магдалена все же различила внутри смутные очертания фигуры. Это действительно был молодой человек, красивый или казавшийся красивым в неверном свете. Он стоял перед алтарем, тело напряжено, руки сжаты в кулаки, на шее вздулись жилы. Магдаленой вдруг овладели страшная тоска и жгучее желание одновременно, головокружительное, прежде незнакомое ей чувство, от которого, казалось, земля поплыла под ногами, а из тела выкачали всю силу и волю. И ее пронзила мысль: *Я должна помочь ему!*

Молодой человек запел снова, слегка покачивая головой и проводя рукой по волосам. А волосы, как и предвидела Магдалена, оказались у него чёрные. Густые роскошные чёрные кудри и смуглая кожа. Но несмотря на прекрасный мощный голос, в нем чувствовалось нечто болезненное. Он часто моргал глазами, точно пытался разглядеть что-то и не мог.

Магдалена подошла поближе, ожидая, что вот сейчас, сию секунду он увидит ее. Сердце билось так бешено, что, казалось, вот-вот разорвется и

она замертво рухнет на пол. Но пути к отступлению уже не было. *Я должна, должна, должна помочь ему! Затем и пришла.* В церкви стояли тяжелые запахи гнили и разложения, сырой земли и плесени, резко контрастируя со свежим весенним воздухом на дворе. Когда молодой человек умолк и облизал пересохшие губы, Магдалена выдавила еле слышно:

— Простите меня, но… какая красивая песня. Никогда прежде не слышала ничего прекраснее.

Певец обернулся и посмотрел на Магдалену, вернее, в ее направлении. Сразу было заметно, как он смущен. Он-то думал, что здесь один, и вдруг появилась она. На секунду Магдалене показалось, что он попросит ее уйти или развернется в гневе и уйдет сам. Но вот на его губах промелькнула еле заметная слабая улыбка, и он вновь запел. Он стоял у алтаря, такой одинокий, подбородок приподнят, голова слегка откинута назад, жилы на высокой стройной шее напряглись, руки сжались в кулаки. Магдалена видела, как мелкая дрожь сотрясает все его тело, когда он выводил: *День на исходе, близится ночь, рисует вечерние тени…* Магдалена подошла еще ближе, теперь она уже отчетливо видела, как певец не спускает с нее глаз, поет и смотрит прямо на нее сквозь густые

длинные ресницы. И ей показалось, что сейчас он поет только для нее, говоря с ней загадочными и прекрасными словами песни. Он пел несколько минут, а Магдалена стояла как завороженная и слушала. Теперь песня показалась ей еще более прекрасной и преисполненной сладострастного томления, она тоже крепко сжала кулаки, на левом виске, как и у певца, пульсировала жилка, горло перехватило от волнения.

Перед тем как отправиться в «нижний», Эдмундстон, Магдалена плотнее стянула на плечах коричнево-красную шелковую шаль, но сильный ветер так и стремился сорвать ее и растрепал аккуратно уложенные волосы. Певец тоже откинул волосы со лба, а когда закончил петь, Магдалена увидела, что и лоб, и все его измученное лицо блестит от пота, а побледневшая кожа кажется почти прозрачной. Магдалена поспешила к нему, к незнакомцу, встала на цыпочки и вытерла это прекрасное лицо платочком. То был свежо пахнущий лавандой льняной носовой платок, который подарила ей тетя. Затем Магдалена аккуратно сложила его и убрала в карман.

— Спасибо, — еле слышно пробормотал молодой человек; но не улыбнулся, а запел снова и завершил куплет на странно напряженной ноте.

Во всяком случае, именно так показалось Магдалене, которая не спускала глаз с его лица и заметила, как на нем промелькнула тень неудовлетворения. Неожиданно рассерженным и нетерпеливым жестом певец показал на своё горло, словно давая понять, что оно пересохло и он испытывает страшную жажду. Магдалена сразу поняла его и, пролепетав «Сейчас!», выбежала из церкви искать питьевую воду. На пути в церковный двор она еще раньше приметила торчащую из заросшей травой каменной стены маленькую медную трубочку, а под ней — деревянный кувшин. Магдалена без труда отыскала родник, наклонилась, принюхалась к воде, пришедшей из-под земли с такой глубины, что, как ей показалось, в ней ничего не отражалось. Какой же чистой и ледяной была эта вода, как чудесно пахло от нее свежестью. С какой радостью наполнила Магдалена кувшин и поспешила обратно в церковь напоить жаждущего певца.

Он приник к кувшину и долго жадно пил с полузакрытыми от наслаждения глазами. Потом протянул его Магдалене и жестом дал понять, что и она тоже может отпить из кувшина, поскольку вода в нем еще осталась. Она так и сделала, и ей показалось, что никогда прежде она не пила

столь необыкновенно вкусной и свежей воды! Как же она счастлива! Счастливее, чем когда-либо в жизни, чем в Блэк-Роке, когда на кухне ей удавалось заслужить похвалу матери. Магдалена заметила, что певец смотрит на нее с благодарностью и любопытством, а потом услышала, как он тихо-тихо пробормотал:

— Спасибо.

Магдалена залилась краской смущения, хотела что-то сказать, но ничего лучше не придумала, как спросить, запинаясь от робости:

— Вы поете здесь… по воскресеньям? Готовитесь к воскресной службе?

Молодой человек грустно улыбнулся и пожал плечами. Он был высок, статен, но страшно худ, ключицы так и выпирают. А потом вдруг заговорил хриплым шепотом, словно боялся, что их кто-то подслушивает:

— Я должен петь. Просто у меня нет другого выбора.

Магдалена вовсе не была уверена, что расслышала его правильно, но переспросить не решилась. А он отвернулся от нее и снова запел, расхаживая перед алтарем, более уверенным и окрепшим голосом: *День на исходе, близится ночь, в небе рисует вечерние тени…* Нет, на этот

раз он пел просто превосходно! И сейчас перейдет к следующему куплету. Но нет, молодой человек снова раздраженно пожал плечами, резким жестом откинул волосы с глаз. А потом произнес «нормальным», голосом, таким невыразительным, плоским и хриплым, будто у него болело горло:

— Я счастлив, только когда пою. Но пение меня изнуряет.

Магдалена очнулась и увидела, что сидит на скамейке у входа в церковь. Сидит, не замечая того, что скамья сломана и вся покрыта липкой паутиной. И в состоянии полного экстаза слушает, как певец продолжает своё мучительное занятие, решительно и мрачно. Страсть звенела в его голосе, глаза расширились и стали совсем черными, приобрели какой-то стеклянный блеск, и смотрел он, казалось, внутрь себя. Наконец он снова умолк, пот заливал бледное лицо, и Магдалена поспешила отереть его. Он поймал ее за запястье и произнес:

— Как вы добры! Как ваше имя?

Магдалена сказала ему, в ответ на что он заметил:

— Замечательно красивое имя. А меня зовут… — И произнес какое-то слово, сплошь состоящее из

свистящих звуков.

Магдалена не разобрала его и постеснялась переспросить. Она лишь спросила:

— Где вы живете?

Молодой человек, слегка скривив рот, ответил:

— Живу? Я живу здесь.

Магдалена так и не поняла, где именно, потому что разве можно жить в старой церкви?… А может, он просто подшучивал над ней? Потом спросил, где она живет, и Магдалена, прикусив нижнюю губку, ответила:

— Вообще-то у меня нет дома. Мать выгнала меня, она совсем меня не любит.

Странно, но Магдалена всецело и полностью доверилась этому незнакомцу. А тот смотрел на нее с состраданием. Глаза девушки наполнились слезами, и она услышала собственный голос:

— Там, дома, слишком много ртов, всех не прокормить. Кому охота умирать с голоду? — И поразилась своим словам. Как можно такое говорить?

Однако молодой человек, похоже, ничуть не удивился. Лишь нахмурился и заметил:

— Да, так уж устроено в природе… слишком много ртов. Вот почему я пою, Магдалена.

И снова Магдалена не поняла его, и снова побо-

ялась спросить. А молодой человек спросил:

— Можете остаться со мной, Магдалена? Только вы можете мне помочь.

Магдалена с готовностью воскликнула:

— Помочь? Но как?

И он ответил:

— Просто остаться со мной! Я ведь протяну недолго, поймите это правильно.

Он запел снова, еще более страстно, чем прежде, и Магдалена слушала как завороженная. Ей показалось, он усовершенствовал стих. Ничего прекраснее просто представить было невозможно. Но вот он умолк, грустно покачав головой, и Магдалена предложила ему кувшин, где, как ей казалось, еще осталась вода. Она забыла, что и сама пила из этого кувшина. Но певец лишь отмахнулся, и в его жесте сквозила безнадежность. Он сказал:

— Я начал петь, потому что мне просто этого хотелось. А теперь в пении вся моя жизнь. Я понял, что создан для этого. Я должен.

Магдалена наивно воскликнула:

— Как это создан? И кто вас заставляет? — Поблизости не было ни души. Никого, кто бы мог заставить его. В церкви никого, кроме нее и певца; на церковном дворе тоже ни души, и он

выглядит таким заброшенным и запущенным. За частично обрушившейся каменной оградой терялись вдали, в туманной дымке, пологие холмы, доносился плеск волн. Океан? Так близко? Но ни единого признака, что место это обитаемо. Лишь чайки кружили над головой, испуская пронзительные голодные крики.

Певец расхаживал у алтаря и, похоже, не обращал внимания на то, что его окружало. Несколько раз натыкался на скамью и кафедру, слепо обходил препятствие, хмурился, его рот странно кривился. А потом пробормотал:

— Мой отец пел, и его отец тоже. У них была в точности такая же судьба. Они умерли совсем молодыми. Я, разумеется, не помню ни того, ни другого. Оба умерли от разорвавшейся в горле артерии. — И он провел ладонью по своему бледному горлу с синеватыми жилами, которые так страшно набухали во время пения. — Говорят, это проклятие. Но я не верю в проклятия.

Магдалена содрогнулась, но может, это было вызвано порывом холодного ветра? Она заметила, что на улице уже почти стемнело, хоть теперь и весна и дни стали длиннее. И тогда она спросила:

— Чем же я могу помочь?

Молодой человек вдруг улыбнулся веселой мальчишеской улыбкой и ответил:

— Просто пойте со мной, Магдалена!

Магдалена изумилась. Петь? С таким одаренным певцом?

— Но…

— Да, вы должны! Обязательно. Тогда силы мои удвоятся.

И застенчиво, нехотя Магдалена запела. Она, которая никогда прежде в жизни не пела, разве что себе под нос или вместе с сестрами, пела теперь с этим молодым человеком, а он сжимал ее руку в своей и смотрел ей в глаза. *День на исходе… Близится ночь…* Голос Магдалены был слишком слаб; тогда молодой человек прервался и сказал, что лучше начать сначала. *День на исходе… Близится ночь…* Но нет, что-то не ладилось. Щеки у Магдалены горели — она стыдилась своего тоненького девичьего голоска. Ничего не получалось, хотя Магдалена пыталась петь изо всех сил и правильно. Просто голос не был поставлен, лишен звучности и красоты. О, больше всего ему не хватало именно красоты! Молодой человек поморщился, словно ему причиняли боль звуки ее голоса, перестал петь и оттолкнул ее руку. А потом с упреком заметил:

— Ты не стараешься, Магдалена!

Расстроенная, она принялась по-детски оправдываться:

— Но я… я стараюсь! Я очень стараюсь!

Молодой человек отвернулся и мрачно заметил:

— Шла бы ты отсюда. Оставь меня. Ты просто смешна!

Так Магдалену, обиженную и удрученную сверх всякой меры, снова выгнали. Она выбежала из церкви, а потом — и из церковного дворика, в «нижний», Эдмундстон, и слезы градом катились у нее по щекам.

Магдалена бежала и слышала за спиной тишину — гулкий вибрирующий звук, какой издают волны, накатывающие на берег; тишина невыносимо давила на барабанные перепонки, угрожала оглушить, затопить ее. И сквозь эту тишину пробивался голос певца, уже не такой сильный и громкий, но по-прежнему невыразимо прекрасный. *День на исходе, близится ночь… вечерние тени…* Уже в сумерках Магдалена подбежала к дому на Чартер-стрит, и ей пришлось позвонить в звонок (что было странно и глупо). И в ожидании, когда Ханна откроет и впустит, она рыдала в полный голос.

5

— Что… что это такое? Эта вечная обуза, она всегда со мной!

Магдалена читала девяносто шестой псалом, и вдруг тетя Эрика перебила ее и бешено заколотила правой рукой по безжизненной левой. Ею овладела невиданная прежде ярость, будто пламя обуяло ее маленькое хрупкое кукольное тельце. Мало того, что заколотила, она еще громко пронзительно и сердито зарыдала. Хельга, вязавшая в соседней комнате, со звоном отбросила спицы и поспешила в спальню. Магдалена, сидевшая рядом с диваном, со страхом и удивлением взирала на тетю. Хельга начала успокаивать:

— Да будет вам, миссис Кистенмахер! Не надо. Вы прекрасно знаете, что это такое и почему.

В ответ на что тетя Эрика прорыдала:

— Не знаю! Я не знаю!

И тогда Хельга сказала:

— Знаете, миссис Кистенмахер. Ну-ка, скажите вслух «моя рука».

И тетя Эрика взвизгнула:

— Нет! — И, опираясь на правую руку и судорожно двигая ногами, отчаянно пыталась приподняться и облокотиться на спинку дивана,

напоминая в этот миг раненое, бьющееся в агонии животное. От этих беспомощных стараний глаза у нее вылезли из орбит.

Магдалена с ужасом наблюдала эту сцену. Что она должна делать? Чем может помочь? Хельга схватила тетю за правую руку и пыталась успокоить, затем похлопала по левой, безжизненной, вытянутой вдоль тела. И сказала:

— Вот, видите? Это тоже ваша рука, миссис Кистенмахер. И эта тоже. Все это ваше.

В ответ на что тетя Эрика сердито прошептала:

— Нет! Не мое! — А потом прекратила борьбу, и Хельга мягко заметила:

— Вы не должны оборачивать гнев против себя, миссис Кистенмахер. Доктор Мейнке все время так говорит.

На секунду показалось, что бедняжка пришла в себя. Она часто дышала и не сводила глаз с левой руки, торчавшей из рукава розового шерстяного халата, затем убрала здоровую руку и бессильно откинулась на подушки дивана. А потом вдруг ее маленький влажный и розовый ротик приоткрылся, точно птичий клюв, а правый здоровый глаз превратился в узенькую щелочку, и она пронзительно закричала. Она кричала и кричала, а Магдалена с Хельгой взирали на нее в

немом ужасе.

6

Магдалена думала: *Он меня прогнал. Я никогда больше не смогу прийти и увидеть его. Я его подвела, теперь он меня презирает.*

Магдалена думала, вертя в пальцах гладкие блестящие бусины четок: *Господи, дай мне силы. Не позволяй больше приближаться к нему. Верни мне мою гордость, Господи.*

На протяжении нескольких дней Магдалена закрывала и зашторивала окна своей комнаты, не позволяя ворваться в них ни солнечному свету, ни весеннему шуму. И все время проверяла, крепко ли закрыты и заперты рамы, плотно ли задернуты шторы. На протяжении всего дня избегала по мере возможности подходить к другим окнам в доме, уж не говоря о том, что на улицу не ступала и ногой. По ночам плохо спала, крепко прижималась ухом к подушке, хотя слышать было особенно нечего — кроме биения крови в висках. Но Магдалене все время казалось, что она необычайно ясно слышит голос певца, словно он находится не в милях отсюда, в заброшенной церкви, а стоит рядом, прямо под окном. *День на исходе… Близится ночь…*

И Магдалена яростно шептала себе:
— Нет!

* * *

Ветер с реки, дующий резкими порывами, был влажным, прохладным и имел солоноватый металлический привкус. Невидимая пыль въелась в лицо Магдалены, щипала глаза. Как безобразна сейчас река, цвета расплавленного олова от отражающихся в ней тяжелых свинцовых туч. А лодки и доки кажутся такими хрупкими, жалкими. Магдалена торопливо шла по Мерримакскому мосту и вся дрожала от волнения и холода. И несмотря на шум движения и плеск воды о сваи моста, отчетливо различала голос молодого человека. Он пел, звал ее. И еще казалось, что в его песне звучит больше страсти — или отчаяния? И разве не к ней он когда-то взывал: *Ты должна мне помочь, Магдалена!*

На сей раз Магдалена твердо вознамерилась не подводить его.

Куда ты собралась, дитя мое! — спросила тетя Эрика, игриво похлопывая девушку по руке. *Мысли твои витают где-то далеко отсюда, где?* В ответ Магдалена смущенно пробормотала, что хочет выйти погулять. Просто на прогулку, здесь,

поблизости, ведь сегодня такой прекрасный майский день (тогда в «нижнем», Эдмундстоне погода тоже была прекрасная). И да, она обещает, что не будет уходить далеко от дома. Тетя Эрика рассмеялась и заговорщицки подмигнула здоровым правым глазом: *Я тоже ухожу не слишком далеко, в этом смысле мы с тобой похожи.*

Магдалена прошла по узким прибрежным улочкам, оказалась в старом заброшенном районе и поднялась по холму к церкви. И, к своему удивлению, заметила, что церковь стала казаться еще более запущенной, а сад заросшим, будто над ними пронесся ураган. Среди могил валялись сухие ветки, урны и памятники перевернуты, могильные плиты сдвинуты с места и многие из них в трещинах. Магдалена приблизилась к полуразрушенной каменной ограде и увидела за ней, как и прежде, полупрозрачную дрожащую пелену тумана, которая все время меняла очертания и, казалось, жила своей отдельной жизнью. А что же там, за этой пеленой — океан? Великий Атлантический океан, некогда так напугавший ее родителей и тех, кто переплывал его вместе с ними, после чего они не желали ни вспоминать, ни говорить о нем. Магдалена не видела воды, лишь слышала пробивающийся сквозь голос

певца ритмичный и гулкий шум. Вот так всегда — фоном для голоса человека служит шум великого океана. И еще — пронзительные и жадные крики чаек над головой, неустанно кружащих в поисках добычи.

Еще один сюрприз ждал Магдалену у бывшего заднего входа в церковь — только сейчас она заметила, что это уже не церковь, а лишь ее развалины. Груды камней и мусора, большая часть крыши провалилась внутрь, все поросло мхом и сорняками. И все же остался один узкий проходик, напоминавший покрытую паутиной дыру в пещере, где взрослый человек среднего роста мог выпрямиться с трудом. Пение тем временем продолжалось. Вот пауза, певец закашлялся, и Магдалена различила его частое напряженное дыхание. А затем снова: *День на исходе… Близится ночь…*

Магдалена вся дрожала от возбуждения и страха: вдруг молодой человек снова прогонит ее? Причем сразу же, как только увидит? *Вечерние тени…* Безупречное, как и прежде, пение, преисполненное небывалой красоты и тоски.

Она подобралась как можно ближе к входу и смутно различила фигуру певца. Он был примерно на том же месте, бродил возле разрушенного

алтаря, то попадая в пятно света с улицы, то вновь скрываясь во тьме. Руки сжаты в кулаки, плечи горбятся от напряжения. И все же… с ним было явно что-то не в порядке. Он уже не был так молод и красив. Когда певец повернулся на звук ее шагов, Магдалена с ужасом увидела, что он превратился в ходячий скелет. Лицо морщинистое, болезненно бледное и состарившееся, как у тети Эрики; тощая шея торчит из воротника, и на ней резко выступают вены. А глаза сужены и превратились в щелочки, как у испуганного и разъяренного зверя. *Он меня не узнает!* подумала Магдалена. *Он меня просто не видит.*

Но дальше случилось уже нечто совсем невообразимое, о чем Магдалена молчала потом всю свою долгую жизнь, лишь много десятилетий спустя поведав эту тайну любимой внучке. Отбросив страх и гордыню, она собралась подойти к певцу, как вдруг из тени выступила чья-то фигура… То оказалась женщина довольно странной внешности, сразу и не поймешь, старуха или молодая, с морщинистым обезьяньим личиком, на котором светилось обожание. Она проворно приблизилась к певцу, который, ослабев, стоял, облокотившись о разбитую скамью, и стала отирать его влажно блестевший лоб обрывком

белой ткани. А затем поднесла к его губам кувшин и, придерживая трясущиеся руки, помогла напиться. О, как жадно он пил! Костлявая грудь вздымалась и опускалась при каждом глотке. Слепой и пустой взгляд прекрасных глаз обратился в ту сторону, где стояла Магдалена, но в них не мелькнуло и тени узнавания.

Похожая на ведьму женщина продолжала гладить его исхудавшие руки, нашептывая слова хвалы и восхищения. Он услышал ее, бескровные губы скривились в подобии улыбки. И вот, наконец, он гордо откинул голову, тряхнул копной поседевших и поредевших спутанных волос и снова запел. *День на исходе…* Сначала голос дрожал и плохо слушался и совсем не был похож на голос молодого человека. Жилки на горле безобразно вздулись; но постепенно голос набирал силу, становился богаче, громче, звучнее, словно черпал источник жизни из глубины души. Магдалене вспомнились загадочные слова певца, лишенные хвастовства или желания спорить, а просто подтверждающие простую и очевидную для него истину: *Я должен петь. У меня нет выбора.*

Он все пел и пел дальше: *День на исходе, близится ночь. Рисует вечерние тени на небе…*

Во второй и последний раз Магдалена поняла, что ее присутствие здесь нежелательно, и выбежала со двора, испытывая такую тоску и смятение, что даже плакать не было сил. В лицо ей бил резкий и холодный ветер с моря.

7

— Пожалуйста, впустите! Это я, Магдалена!

Она отчаянно жала кнопку звонка, но из дома не доносилось ни звука. Может, звонок сломался? Сумерки на улице быстро сгущались, дом на Чартер-стрит был погружен во тьму. Еще никогда Магдалена не возвращалась так поздно, поэтому почти не узнавала дома тети. Она окончательно выбилась из сил: давали о себе знать долгие мили ходьбы вверх по холму, по скользкой булыжной мостовой, под сильными порывами ветра. Магдалена отчаялась дозвониться и заколотила в дубовую дверь кулачками, бешено, сильно, рыдая, как испуганное дитя.

— Пожалуйста! Впустите же! Это я, Магдалена!

На крыльце вспыхнул свет, и через стекло она различила суровое лицо Ханны, которая смотрела на нее, словно не узнавая. Неудивительно… Длинные густые волосы Магдалены, прежде всегда аккуратно заплетенные в косички и уложенные

вокруг головы, растрепались и развевались по ветру; позже она с изумлением обнаружила, что они утратили золотистый пшеничный цвет, их словно пригасили, как гаснет и обесцвечивается все вокруг во время солнечного затмения. А юное и цветущее прежде лицо выглядит постаревшим и вконец изможденным. Одежда в полном беспорядке, в нескольких местах порвана.

— Ханна! Ханна! Пожалуйста! Имей сострадание! Пожалей меня, впусти!

Наконец Ханна узнала Магдалену, видно, по голосу; щелкнула замком и медленно приоткрыла тяжелую дубовую дверь.

— Мисс Шён! А я никак не думала, что это вы! — сказала Ханна, и в ее взгляде отразилось удивление.

Перевод: Н. Рейн

Уилум Пагмаир
Эликсир забвения

W. H. Pugmire «Balm of Nepenthe», 1997

Посвящается Самуэлю Лавмену

В то время я чувствовал себя отвратительно, боль в глазах угнетала меня, делая чтение невозможным, а существование — невыносимым. И потому мне было неприятно находиться на ежемесячной встрече нашей маленькой поэтической группы. Саймон Грегори Уильямс только что прочитал царственным тоном одно из своих претенциозных стихотворений и улыбался, пока остальные аплодировали ему, а затем хмуро взглянул на меня.

— Тебе не понравилось, Харли?

— Это было неплохо, — пожал я плечами.

— Неплохо? — его серебристые глаза раздражённо прищурились. — Что ж, давай теперь послушаем твоё божественное творение.

— У меня ничего нет. Глаза снова не дают мне покоя, и чёртовы судороги вернулись, так что невозможно держать ручку в руках дольше получаса.

— Ах, — вздохнул Саймон, — смертность может быть таким бременем для людей. Что ж, это объясняет твою грубость сегодняшним вечером.

Встав со стула, я повернулся лицом к этому гоблину.

— Да, должно быть, утомительно для кого-то столь выдающегося как ты, беспокоиться о

ничтожных людях, вроде меня. Почти так же утомительно, как повторяющиеся раз за разом образы в твоих стихотворениях. Почему я вообще решил прийти на встречу с вами, глупцами, выше моего понимания. Уверен, в тенистом лесу я мог бы найти компанию получше.

— Полагаю, ты прав, — фыркнул Саймон. — Здесь ты определённо не встретишь сочувствия.

— К чёрту твоё сочувствие, — отрезал я, бросившись к двери и вылетев на прохладный ночной воздух.

Я посмотрел в небо, на ослепительный звёздный свет. Мне всегда казалось странным то, насколько ярко сияли звёзды над долиной Сесква[177], и насколько близкими казались эти космические бриллианты. Я протянул руку, будто хотел прикоснуться к их мерцающему свету, и почувствовал, как пальцы странным образом напряглись, а затем вытянулись. Это были судороги, которых я раньше не испытывал, казалось, что моя рука пыталась подать какой-то знак далёким небесам. Я поднёс руку ко рту и кос-

---

[177] Примечания: 177

Долина Сесква или Скесуа (Sesqua Valley) — вымышленное Пагмаиром место в штате Вашингтон, ставшее его аналогом долины Мискатоник (Miskatonic Valley) или Страны Лавкрафта (Lovecraft Country) в штате Массачусетс, и долины Северн (Severn Valley) Рэмси Кэмпбелла в графстве Глостершир на западе Англии.

нулся её влажными губами, ощущая вкус своей смертной плоти. Как я устал от этого жалкого существования.

Эта печаль давно уже поселилось в моём сердце, лишая аппетита и спокойного сна, вызывая головную боль и усталость. Мои кости казались такими тяжёлыми, заключённые в тюрьму из плоти. Как же мне хотелось освободиться от бренности бытия и стать таким же свободным как свистящий ветер, который шумит в верхушках деревьев.

Я позволил вечернему ветру вести меня по дороге к центру города. В большинстве зданий уже было темно, но я заметил бледный свет, освещавший билетную кассу старого кинотеатра. Подойдя к окошку, я улыбнулся сидевшему внутри молодому человеку в очках.

— Привет, Говард, — поздоровался я[178].

Он вздрогнул при звуке моего голоса, оторвал взгляд от блокнота, в котором что-то писал, и, прищурившись, взглянул на меня поверх очков. Затем его плотно сжатые губы, которые редко

---

[178] Примечания: 178

Имя, образ и должность персонажа, несомненно, являются намёком на самого Говарда Лавкрафта, который, согласно Джоши, в период 1929–1930 годов подрабатывал по вечерам билетным кассиром в кинотеатре Провиденса, «почитывая книгу в свободное от посетителей время".

когда улыбались, слегка изогнулись в знак приветствия.

— Добрый вечер, мистер Рэндольф[179]. Ваша встреча сегодня закончилась раньше?

Я знал, что Говард стремился писать стихи, и только необходимость зарабатывать на жизнь удерживала его от наших ежемесячных встреч.

— Над чем это ты работаешь? — спросил я, игнорируя вопрос.

Он улыбнулся той нервной улыбкой, которую можно увидеть на лицах художников, когда им предоставляется возможность обсудить свою работу.

— Так, одна причудливая вещица, но моего собственного сочинения, — сказал он, скромно пожимая плечами. — Недавно я бродил по старому кладбищу и наткнулся на ту статую безликого ангела. Понимаете о чём я? В ней есть что-то необычное. Вы когда-нибудь обращали внимание на посох, который она держит в руках? Сначала я думал, что это была коса, у которой вандалы от-

---

[179] Примечания: 179

Имя рассказчика Харли Рэндольф (Harley Randolph), очевидно, образовано от имён Харли Уоррена (Harley Warren) и Рэндольфа Картера (Randolph Carter) — персонажей рассказа «Показания Рэндольфа Картера" (The Statement of Randolph Carter, 1919), написанного Лавкрафтом на основе сна, в котором он вместе со своим другом Самуэлем Лавменом спустился в старинный склеп и столкнулся там с чем-то пугающим.

били лезвие. Но однажды я пришёл на кладбище днём, чтобы внимательно изучить её при свете солнца, и оказалось, что это вовсе не посох или древко косы, а фрагмент тонкой и длинной кости. Странно, не находите? В последнее время я много размышлял об этом, и, будучи не в состоянии выбросить из головы, решил избавиться от этих мыслей с помощью поэзии.

— Я часто изгоняю своих демонов таким образом, — сказал я ему. — Давай послушаем твоё стихотворение.

Подняв блокнот к свету, он начал читать:

Потерянный, я брёл по извилистому переулку
В тусклом свете уличных фонарей,
Пока не узрел грозного серафима,
Возникшего предо мной словно тень.
Он обрекал меня на погибель,
Речами, что нечестивые гимны,
Языком опасным и мрачным,
Словами забытыми, но вновь обретёнными.
И медленно я приблизился к безликому.
Пар, исходивший изо рта моего,
Сгустился в облако формы неясной, что устремилось
К изваянию из камня в поцелуе страстном.
И рука моя потянулась к холодному звёздному

свету,

И пальцы сложились в Знаке Старшем[180].

Какую тоску я вдруг ощутил. Руку опять начало покалывать и сводить судорогой, так что мне пришлось засунуть её в карман брюк. Я встретился взглядом с Говардом, и что-то в выражении моего лица, должно быть, смутило его. Я поспешно выдавил из себя улыбку.

— Твоё стихотворение впечатляет.

На мгновение он просиял, а затем его лицо стало серьёзным.

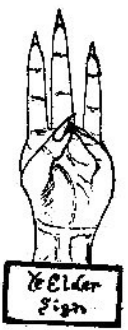
— Конечно, над ним ещё нужно поработать, это всего лишь черновой набросок. — Он замолчал, заметив, что я достал бумажник. — Боже мой, вы действительно хотите посетить фестиваль студенческого кино?

---

[180] Примечания: 180

Старший Знак (Elder Sign) — некий мистический символ или жест, обладающий защитными и иными свойствами. Упоминался Лавкрафтом в неоконченном рассказе «Потомок" (The Descendant, 1926), повести «Сновидческие поиски неведомого Кадата" (The Dream-Quest of Unknown Kadath, 1926–1927), соавторских рассказах «Последний опыт" (The Last Test, 1927) и «Врата Серебряного Ключа" (Through the Gates of the Silver Key, 1932–1933), а также стихотворении «Вестник" (The Messenger, 1929), и впервые был изображён им в письме К. Э. Смиту от 7 ноября 1930 года в виде ветви дерева. Дерлет, не видевший этого рисунка, в повести «Притаившийся у порога" (The Lurker at the Threshold, 1945) использовал свой вариант знака в виде искривлённой пятиконечной звезды с огненным глазом в центре. Джордж Хэй с соавторами в «Некрономиконе: Книге Мёртвых Имён" (The Necronomicon: The Book of Dead Names, 1978) создали на основе описания Дерлета изображение

знака, получившее широкое распространение, а также его вариацию в форме жеста, которую, очевидно, и имел ввиду Пагмаир.



Старший Знак, иллюстрация из «Некрономикона: Книги Мёртвых Имён"

— Думаю, да. Есть что-нибудь сто́ящее?

— Несколько интересных экспериментальных проектов, хотя и немного претенциозных. Поспешите, антракт вот-вот закончится.

Поблагодарив его, я вошёл в вестибюль кинотеатра и направился в полутёмный зрительный зал. Увидев знакомое лицо, я прошёл между рядами кресел и сел рядом.

— Харли? — удивлённо произнесла девушка. — Ты только что пропустил самый скучный фильм. Я подумывала уйти, но теперь, когда ты здесь, чтобы держать меня за руку, то, пожалуй, я останусь.

— И у тебя такая красивая рука, Алексис, — заверил я, поднеся её руку к губам. — Что, всё настолько плохо?

— Этот последний фильм был псевдодокументальным фарсом о процессах над ведьмами в Аркхеме, скучный с самого начала. Когда недостаток воображения сочетается с серьёзной нехваткой бюджета, результаты не радуют.

Свет в зале начал гаснуть, экран замерцал, и на нём возникли слова:

"Кинематографическое общество Мискатоника

представляет фильм Теобальда Лоу[181]."

Заставка исчезла, и появились титры на греческом, которые я не мог прочитать. Экран стал чёрным. Из этой черноты медленно начал проступать смутный образ — глубокая тень в движущемся потоке полутени. Я наблюдал, как из этой непроглядной ночи к нам приближались две маленькие сферы распахнувшихся глаз, которые, казалось, лучились божественной насмешкой. Замерцали и другие точки света, а затем посыпались, словно песчинки. Никакой музыки не было, лишь едва уловимый звук — какое-то гудение, похожее на вой ветра. Смутно различались очертания луны, гигантской и круглой, и на её фоне вырисовывался силуэт фигуры в тройной короне. Луна превратилась в диск света, ослепительно сиявший над песчаной полосой пустыни. Экран заполнил зловещий оттенок сепии. Гул ветра превратился в отчётливое жужжание, будто тысячи насекомых пытались назвать какое-то чудовищное имя.

Мне показалось, что сидевшая рядом Алексис что-то еле слышно бормочет. Но я не мог оторвать

---

[181] Примечания: 181

Имя режиссёра Теобальда Лоу (Theobald Loe), вероятно, образовано от фамилии Лавкрафта (Lovecraft) и его псевдонима Льюис Теобальд-младший (Lewis Theobald, Jr.).

взгляда от фигуры в мантии на экране — демона в короне, который поднял свою клешню и сложил когти в каком-то таинственном знаке, словно подавая сигнал небесам.

Я видел, как небо снова темнеет, пока не осталось ничего, кроме пустоты, повелителем которой был насмешливый демон. Алексис отпустила мою руку и поднялась, слегка пошатываясь, она прошла между рядами кресел и направилась к сцене, где был установлен экран. Неуклюже, словно сомнамбула, Алексис взобралась на неё, встала перед экраном и приложила руку к призрачному изображению. Я видел, как цвет её одежды и тела начал медленно переходить в тусклый оттенок сепии, а экран стал темнеть.

Опустилась тьма, и некоторое время я сидел неподвижно, прислушиваясь к затихающему гудению. Затем я встал со своего места, спотыкаясь, вышел из зала и направился к двери, ведущей наружу. Я оглядел тёмное небо, которое было странным образом лишено звёздного света и выглядело похожим на изображение, которое я на мгновение увидел в кинотеатре. Каким чудесным казалось это небо моей измученной душе, словно какая-то долгая, мирная ночь небытия, в которой я мог бы обрести желанный покой.

Я стоял и слушал вой усиливающегося ветра, а затем позволил ему подтолкнуть меня к своей утерянной мечте. Я направился к древнему некрополю, где хоронили чужаков долины Сесква. Подойдя к изваянию безликого ангела, о котором говорил Говард, я склонился у могилы. Захоронение было очень старым, принадлежавшим одному из отцов-основателей поселения, чей несчастный ребёнок покончил с собой. На освящённой земле кладбища не было особого места для самоубийц, поскольку больше половины похороненных здесь жителей долины покончили с собой. Пускай я и сам был глубоко несчастен, но совершенно не склонен к самоубийству. И всё же я часто находил своего рода утешение в компании печальных душ, что обрели упокоение в этом месте. Многие из них были необычайно молоды, как тот юноша, который лежал под этим величественным монументом. Как абсурдно, что он, такой молодой, столь легко избежал тягот существования, в то время как я был обречён на него так долго.

Я свистнул ветру и почувствовал, как у меня начало сводить в судороге руку, как вытянулись пальцы, эти облачённые в тонкую плоть кости. К чёрту всё! Я воздел руку к небесам, позволив

ей подать знак любому богу или дьяволу, который мог бы его заметить. Я свистнул сильней, и воздух задрожал. От осыпающегося каменного изваяния, перед которым я преклонил колени, поднялось облачко пыли, и на моих глазах приняло форму печального юноши, одетого по моде прошлого века.

— Зачем ты потревожил меня? — простонал он.

— Ты проспал более ста лет, — печально улыбнулся я, — и ты был так молод! Это не место для таких юных и прекрасных. Посмотри в мои глубоко запавшие глаза, на этом усталом лице. Разве не я больше всех заслуживаю вечного покоя?

Фигура огляделась и нахмурилась.

— Мне не нравились крадущиеся тени этой про́клятой долины. Но отец не внял моим мольбам, и тогда я вошёл в воды тёмного озера, став единым с тенью. Больше я не боюсь этого места как раньше, и хотел бы снова прогуляться по долине.

Тихонько продолжив насвистывать навязчивую мелодию, я протянул фантому сведённую судорогой руку. Подплыв ко мне, он уважительно поцеловал её, а затем, приблизил свой призрачный рот к моим губам, и моё горячее дыхание

наполнило его бесплотное тело. Мёртвое существо выпило всю мою жизнь до капли.

Теперь я мирно покоюсь в глубинах небытия. Порой мне вспоминается отвратительная вещь под названием жизнь, но я отгоняю от себя эти воспоминания. Иногда, откуда-то издалека, слышится насвистываемая мелодия печальной души, чьё место я занял — души, которая страдает и хотела бы вернуться обратно в забвение. Но я остаюсь глух к её мольбам.

Перевод: А. Лотерман

Примечания переводчика:

Рассказ Уилума Пагмаира «Эликсир забвения" появился в сборнике «Истории долины Сесква" (*Tales of Sesqua Valley*, 1998), а затем вошёл в «Плесневое пятно и другие фантазии" (*The Fungal Stain and Other Dreams*, 2006). Оригинальное название рассказа «Бальзам из Непенфа" (*Balm of Nepenthe*), от греч. νηπενθές — в древнегреческой мифологии египетская трава забвения и приготовляемое из неё зелье (предположительно, настойка опиума или полыни, аналогично абсенту или лауданому), исцеляющее от печали и дарящая забвение.

Уилум Пагмаир
Призрак обольщения

"Меж совершеньем преступления,
И замыслом его, похоже всё
На наваждень, иль страшный сон."
"Юлий Цезарь" Шекспир

W. H. Pugmire «The Phantom of Beguilement», 2001

I

Кэтрин Уинтерс на мгновение остановилась на маленьком деревянном мостике и посмотрела на журчавший под ним Блейкс-Крик[182]. Свет тусклого октябрьского солнца мерцал на воде ручья, а туманный воздух Кингспорта наполняли ароматы осени. Она была счастлива, что осталась

---

[182] Примечания: 182
Ручей Блейка (Blake's Creek) — ручей в северной части города. Этот топоним, как и некоторые другие названия, позаимствован Пагмаиром из сценария «Кингспорт: Город в тумане" (Kingsport: The City in the Mists, 1992) Кевина Росса для настольной ролевой игры Call of Cthulhu, и, вероятно, является отсылкой к художнику Роберту Харрисону Блейку (Robert Harrison Blake) из рассказа «Обитающий во тьме" (The Haunter of the Dark, 1935) Лавкрафта.

здесь после окончания туристического сезона, старый город с его причудливыми, старомодными обитателями просто очаровали её. Пройдя по Орн-стрит, Кэтрин, наконец, добралась до антикварного магазина. Мгновение поколебавшись, она вошла внутрь, закрыв за собой дверь. Внутри царила тишина, прохлада и полумрак, это место больше походило на гробницу забытого прошлого. Она медленно шла мимо покрытых пылью предметов, пока не остановилась у того, что искала. Протянув руку, она взяла небольшую картину в рамке и осторожно стёрла тонкий слой пыли со стекла.

От возникшей рядом с ней тени исходил аромат сирени.

— Здравствуйте, мисс Уинтерс, — булькнул тихий голос. — Вижу, картина заинтересовала вас.

— Так и есть. К счастью, моя мать прислала довольно щедрый чек, поэтому я могу побыть немного экстравагантной и позволить себе безрассудные траты.

Пожилая женщина улыбнулась толстыми розовато-лиловыми губами и провела тонкими пальцами по густым волосам.

— Матери такие чудесные создания, за некоторым исключением, — проворковала она флегма-

тичным голосом, указав обкусанным ногтем на картину. — Его мать вообще не понимала.

— Вы сказали, что его звали Джереми Блонд?

— Да. Нервный молодой художник с тёмными печальными глазами и бледным безжизненным лицом. У нас в Кингспорте полно таких, но я никогда не видела, чтобы кто-то выглядел настолько измученным, бедняга.

— И это единственная его работа, которая у вас есть?

— Только она. Остальное забрала его мать, у неё тоже был какой-то одинокий вид. Она ненавидела, что её единственный ребёнок решил стать художником и поэтом. Но когда он исчез, а его тело так и не нашли, то его искусство было всем, что осталось ей в память о сыне. Но эту работу она так и не увидела, потому что он подарил её мне. Я нашла маленькую фоторамку и вставила в неё картину. Значит, вы решили купить её у меня?

— Да, пожалуй, — ответила Кэтрин, неохотно отдавая картину. — Это ведь почти как экспериментальная фотография, такая нечёткая и сюрреалистичная. Фигура на плоту, она окружена тенью или призрачным туманом? А парящие над ней твари, словно стая первобытных психопомпов, если это чайки, то почему они такие жуткие?

Его работа обладает удивительным, уникальным стилем. Сколько ему было лет?

— Почти что ребёнок, мисс Уинтерс. Но он был не по годам развит и полностью поглощён своими странными книгами.

— Оккультными книгами?

— Да, так оно и было. Когда он только приехал, то приходил сюда в поисках старых изданий классической поэзии, биографий поэтов и тому подобного. Но затем его заинтересовали местные легенды. Он часто слушал истории того пьяного мужлана, что живёт на крыльце пустующего коттеджа, где раньше обитал Страшный старик[183].

Кэтрин подавила ликующую улыбку, когда пожилая женщина заворачивала картину в плотную бумагу.

— А Джереми тоже был поэтом, миссис Китс?

— Весьма своеобразным поэтом, как это часто бывает в нашем старом городке. Ах, подождите-ка минутку, — она достала большой запылённый гроссбух, открыла его на середине и вынула

---

[183] Примечания: 183

Страшный старик — персонаж рассказа Лавкрафта «Страшный старик" (The Terrible Old Man, 1920), живший в доме на Уотер-стрит в Кингспорте и разговаривавший с маятниками в бутылках. Подробнее о рассказе и персонаже см. в обновлённой и дополненной версии статьи «Тайна Жуткого старика" в сборниках «Крысы в стенах" и «Шепчущий во тьме" от издательства «РИПОЛ классик" 2023 года.

сложенный лист бумаги, который протянула Кэтрин.

— Я добавлю это к вашей покупке. Он назвал его одним из своих «шекспировских сонетов», и, конечно же, это было таким же бредом, как и всё, что писал старина Уилл. Если можно так выразиться.

— Можно, — разрешила Кэтрин, аккуратно разворачивая листок. — Бумага выглядит такой древней и так необычно пахнет.

— Да, как-то раз он нашёл коробку, набитую писчей бумагой прошлого века, и был просто в восторге. Как же он тогда сказал? «Старинная бумага, на которой я буду писать свои старомодные стихи», что-то в этом роде. Вы когда-нибудь читали Оскара Уайльда, мисс Уинтерс? Так вот, Джереми выражался в манере, напоминавшей мистера Уайльда. Он принадлежал к другому времени и был слишком молод, чтобы казаться таким старомодным, в этом и заключался его парадокс. И вот однажды его забрали у нас, но кто, как и почему, мы никогда не узнаем. Есть многое на свете, что нам неведомо, мисс Уинтерс, не сомневайтесь.

Женщина забрала наличные и протянула Кэтрин бумажный свёрток. Погружённая в свои

размышления, девушка удалилась, прижимая к груди картину и листок со стихотворением. В такт счастливому биению сердца она легко шагала по мощёным улицам Кингспорта, а в небе за ней следовали смутные тени.

II

Она танцевала на тёмной воде, окутанная тенями и призрачным туманом, а высоко над ней вздымались силуэты отвесных утёсов Кингспорта. Солёные брызги морских волн окружали её лёгкой причудливой дымкой, в которой она могла различить очертания паривших фантастических тварей. Кэтрин вскрикнула, и те ответили ей приглушёнными завываниями. Она заплакала, ей хотелось увидеть бледные лица странных крылатых существ. Туман сгустился, окружив её плотной стеной, а затем потоком хлынул в задыхающийся рот и устремился к измученной душе. Она превратилась в такое же существо, парившее на волнах эфира.

Кэтрин проснулась от шума северного ветра, бившегося в окно её спальни. Она застонала ему в унисон, не желая стряхивать с себя остатки сна, но ветер был настойчив. В конце концов, она выбралась из постели, пошатываясь, подошла к

окну и опустилась перед ним на колени. Шторы в её спальне никогда не были задёрнуты, поскольку ей нравилось наблюдать за ночным небом, уютно устроившись в своей кровати. Кэтрин смотрела на раскинувшуюся перед ней панораму овеянного легендами Кингспорта. Она приехала сюда на деньги, оставленные ей тётей, которая тоже любила искусство и поощряла поэтический талант Кэтрин. Услышав об этом очаровательном городке в Новой Англии, где процветало большое сообщество художников и поэтов, она приехала искать утешения после нелепого нервного срыва и в поисках вдохновения. Постепенно она снова начала сочинять, и в течение двух месяцев закончила черновик своего цикла сонетов.

Но Кингспорт дал ей нечто большее, чем просто вдохновение для творчества — богатое общение, которое ей нравилось всё больше и больше. Одним из его лучших источников стал «мужлан», о котором говорила миссис Китс, некий поэт по имени Уинфилд Скот[184]. Кэтрин встретила его в публичной библиотеке, где тот проводил целые

[184] Примечания: 184

Имя Уинфилд Скот (Winfield Scot), очевидно, образовано от имени Уинфилда Скотта (Winfield Scott) — отца Лавкрафта, или его друга Уинфилда Таунли Скотта (Winfield Townley Scott) — поэта и автора нескольких эссе, посвященных жизни и творчеству писателя.

дни за чтением, греясь и притворяясь, что пишет, хотя он уже много лет не публиковал новых работ. Ежемесячный чек обеспечивал ему достаточный запас алкоголя, помогавший бороться с личными демонами. Ночи же он проводил, завернувшись во множество одеял и спальных мешков на широком крыльце ветхого коттеджа, известного среди горожан как дом странного джентльмена, которого все называли «Страшным стариком". Поговаривали, что когда-то он был морским капитаном и на момент смерти достиг весьма преклонного возраста. Во время своих путешествий он научился неведомым ритуалам и тайным церемониям, и людям не нравились большие, причудливо раскрашенные камни, стоявшие в высокой траве его двора словно древние идолы.

Респектабельные жители Кингспорта недолюбливали Уинфилда, потому что он спал в месте, которого все избегали. Кэтрин устроилась на неполный рабочий день в маленькое кафе, скорее чтобы избавиться от скуки, чем ради денег, и у неё вошло в привычку забирать после смены остатки еды и относить их «одинокому поэту". Она находила его компанию приятной, а ум и эрудицию весьма богатыми, что совершенно не

вязалось с его неряшливым внешним видом. И ко всему прочему, Уинфилд был знаком с молодым художником, который так таинственно исчез.

Кэтрин встала и подошла к висевшей над кроватью картине Джереми Блонда. Она коснулась пальцами изображённой на ней нечёткой фигуры на плоту, разглядывая пряди волос, выбившиеся из-под капюшона или погребального савана. Но были ли это волосы, или же лохмотья, а может вьющиеся лозы растения или морские водоросли? Она рассматривала небольшую стайку призрачных существ, паривших в тумане. Как странно, что они не имели чёткой формы. Возможно, это были чайки или большие летучие мыши, но разве бывают у летучих мышей такие бледные лица? Ей никак не удавалось сосчитать их количество, находя в тумане то семь, то десять существ. Как великолепно художник отразил их неземную грацию. Она с любопытством изучала плот. Был ли он составлен из гнилых брёвен, связанных вместе верёвками, или же это были большие раздробленные кости, оплетённые сетью обескровленных вен? Призрачная фигура стояла на самом краю плота, закутанная в мантию из сверкающего тумана и чернильно-чёрной тени.

Кэтрин ещё раз перечитала сонет, нацарапанный на листке старой бумаги. Работая до изнеможения над собственным циклом сонетов, она устала от стихотворной формы, но это произведение пленило её, и она произнесла его строки вслух:

Плыви ко мне в густом тумане,
И поцелуй мой череп древними устами,
Прильни ко лбу холодными губами,
Не знавших смертных слов.
Тебе неведом смертный голос,
И страсть грудь не теснила,
Тебе неведом смертный разум,
И смертного жизнь не имеет силы.
Я слышу хриплый голос твой в тумане,
Средь распростёртых крыльев шелеста,
Поющих крыльев теневых созданий.
Я слышу заклинание, целующее душу.
Я слышу заклинание, меняющее плоть и кости.
Я расправляю обретённые мной крылья.

Интересно, подумала она, хотя и немного однообразно. Стихотворение, безусловно, служило дополнением к картине, и эти пленительные образы пробудили в её сердце странную страсть,

ей до боли захотелось понять душу того, кто их создал.

Когда ближе к вечеру её смена в кафе подошла к концу, Кэтрин забрала небольшой алюминиевый контейнер с горячей едой и отправилась к заброшенному коттеджу на Уотер-стрит. День был солнечным, но прохладным. Она вальсировала по пути к старому дому, и остановилась лишь однажды, когда встретила группку детей, разыгрывавших сценки. У каждого ребёнка была тонкая деревянная палочка с закреплённой на ней бледной маской из папье-маше. Кэтрин засмеялась, наблюдая, как малыши танцевали и резвились, а затем внезапно застыли, превратившись в живые фигуры. Дети услышали её смех и протянули к ней свои крошечные ручки, приглашая присоединиться к их забавной игре. Очарованная их невинностью, Кэтрин на мгновение изящно закружилась, а затем упала на колени. Над ней возникли бледные бумажные лица. Она подняла руки, словно те были крыльями, и в этот момент налетел вечерний ветер, казалось, стремившийся подхватить её. Прелестный ребёнок наклонился, чтобы поцеловать её в шею, а затем они всей гурьбой с визгом убежали в сторону заката.

Кэтрин продолжила свой путь, пока перед ней не предстал небольшой коттедж, окружённый корявыми деревьями и сгущающейся темнотой. Её руки прижались к холодному металлу ворот, и она на мгновение задержалась, чтобы взглянуть на раскрашенные камни, причудливо расставленные в высокой пожухлой траве. Вид этих камней всегда приводил её в замешательство. Их расположение, казалось зловещим, словно это было сделано с какой-то непостижимой целью. Именно камни и то, как свет звёзд играл на их окрашенной поверхности, заставляло горожан держаться подальше от старого морского капитана, когда он был ещё жив. И именно они отпугивали людей от дома после его смерти.

Кэтрин увидела мужчину на крыльце, который улыбался ей, устроившись в своём гнезде из одеял с бутылкой виски в руке.

— Ах, милая Кейт, ты пришла составить мне компанию?

Она села рядом и протянула ему своё подношение.

— Здесь немного ростбифа с картофельным пюре и кукурузой. Но всё горячее.

— Восхитительно. Благодарю тебя, добрая Кэтрин. Вот, глотни. — У него была шутливая

привычка предлагать ей свою выпивку. Нахмурившись, девушка взяла протянутую бутылку и поднесла к губам. Когда она начала задыхаться и кашлять, мужчина радостно похлопал её по плечу и забрал бутылку.

— Фу, как ты можешь пить эту гадость?

— Это нектар богов, милая Кейт. Он согревает и спасает меня.

— Мне он не принесёт ничего, кроме дурных снов.

— Ах, нет, это камни дарят мне сны. Чудесные, кошмарные сновидения.

— Сегодня мне тоже приснился довольно странный сон, навеянный одним произведением искусства, картиной Джереми Блонда.

Уинфилд улыбнулся, глядя в ночь.

— Да, его работы способны на такое, бедняга, он казался таким одержимым. Джереми был настоящим художником Кингспорта.

— Что это значит?

— Ну, у нас есть туристы и множество студентов-художников, которые не более чем те же туристы. Они очарованы этим прекрасным старым морским портом и его историческим наследием, но им не дано проникнуться его магией, им никогда не познать душу города. Они

видят лишь окутанный призрачным туманом фасад, во тьме за которым бьётся сокрытое сердце Кингспорта.

Она наклонилась к Уинфилду и легонько поцеловала его в щёку.

— Мне нравится, когда ты говоришь как поэт.

— Да, я теперь совсем как Уайльд, поэт, который только и делает, что говорит, но говорит красиво. Я живу в мире шёпота и воспоминаний, точно так же, как Джереми Блонд жил в мире призрачных образов.

— Каких образов?

Уинфилд ухмыльнулся.

— Если у тебя есть одна из его картин, то ты знаешь каких. Смерть, плывущая на плоту по реке Стикс в окружении гарпий. Однажды я намекнул, что его работа была вдохновлена знаменитой картиной Иоахима Патинира, но он это

отрицал[185]. Болезненный мальчик с причудами, как все говорили. Ближе к концу он стал очень странным, а потом и вовсе исчез.

— Очаровательно. Но ты неправильно понял смысл его работы, дорогой Уин. Это не Смерть, а нечто более соблазнительное.

— Более заманчивое, чем забвение, ты шутишь? — он внимательно взглянул на неё. — И тебе это приснилось?

— Да, прошлой ночью. Прекрасное видение.

Уинфилд несколько мгновений молчал, на его лице застыло выражение тревоги. Открыв контейнер с едой, он достал ломтик говядины и отправил его в рот. Когда Кэтрин поднялась, собираясь уйти, его глаза наполнились неясной паникой, а затем каким-то смирением.

---

[185] Примечания: 185

Имеется ввиду картина фламандского художника «Переправа через Стикс" (El paso de la laguna Estigia) 1520–1524 годов.

— Ты так скоро покидаешь меня, милая Кэтрин?

— Мне нужно пройтись.

— Тогда подойди и поцелуй меня на прощание.

— Хорошо, но только раз. У тебя такое серьёзное выражение лица! — она наклонилась к его щеке, а затем отпрянула и бросилась к воротам, в ночь.

Вместо того чтобы отправиться домой, Кэтрин взяла такси до Центрального холма[186]. С гавани дул сильный ветер, и она куталась в тяжёлую шаль, пока поднималась по каменным ступеням, ведущим на кладбище. Большинство покосившихся надгробий датировалось серединой 1600-х годов. Она остановилась у невысокого столба с мемориальной табличкой и посмотрела вниз на склон холма, вдоль этого поля смерти, поверх крыш домов на воду внизу. Кингспорт был залит светом уличных фонарей. Слабый туман

[186] Примечания: 186

Центральный холм или Централ-Хилл (Central Hill) — холм в центральной части Кингспорта, где располагалась заброшенная церковь и старинное кладбище. Лавкрафт описал их в «Празднестве" (The Festival, 1923), взяв за основу Старый могильный холм, а также несколько церквей и молитвенных домов Марблхеда. К моменту событий рассказа Пагмаира церковь на холме уже должна была быть снесена, а на её месте выстроено здание Конгрегационального госпиталя (Congregational Hospital), но кладбище сохранилось.

наползал с тёмного океана, а плотные серые тучи скрывали фантастические очертания пика Кингспорт-Хед, возвышавшегося на тысячу футов над пенившимися волнами. Каким древним всё было, и какой поэтичной была красота веков, даривша я её душе нежность, которой она прежде не испытывала. Забывшись, она танцевала среди чёрных надгробий, там, где стояла старая ива. Кружась, она протянула руки к её струящимся словно лозы ветвям, обвивавшим её запястья и вплетавшимся в волосы. Она танцевала до изнеможения, а затем опустилась на холодную землю. Свет молодой луны пролился на неё, и когда она обратила к нему лицо, то увидела существо, парившее в тёмном небе. Поднявшись с колен, она сжала украшенные кисточками концы своей шали и воздела руки к небу. Она почти могла различить бледное лицо в вышине, как вдруг дикий порыв ветра сбил её с ног. Кэтрин упала на кладбищенскую землю. Когда она снова взглянула в ночное небо, то не увидела ничего, кроме сгущавшегося тумана.

III

Кэтрин брела сквозь недвижимый воздух, наслаждаясь остатками тумана, касавшимися её

лица. Какой-то сверхъестественный инстинкт вёл её по извилистым улицам, тротуарам, и мостиками. Она чувствовала тяжёлый пульс дремлющего Кингспорта, его сокрытого во тьме сердца, о котором говорил Уинфилд Скот. Кэтрин ощущала присутствие призраков прошлого и будущего. Раздававшийся приглушённый скрип невидимых лодок, раскачивавшихся на волнах в гавани, напоминал стенания поглощённых морем душ. Она шла, спотыкаясь, погружённая в причудливые фантазии, по вымощенной булыжником узкой мостовой Харборсайда, мимо нависавших над улицей безмолвных домов. Кэтрин знала, что дальше на Фостер-стрит находится высокое и обветшалое здание, когда-то служившее Морской церковью[187], но теперь стоявшее заброшенным. Она медленно двинулась дальше по Уотер-стрит, к окутанной туманом гавани. Вдохнув тяжёлый запах морского воздуха, она ступила на гниющие доски старого причала.

Кэтрин добралась до конца причала, опусти-

---

[187] Примечания: 187

Морская церковь или Церковь моряков (Mariner's Church) — протестантская церковь XVIII века на Фостер-стрит в Харборсайде, северо-восточной части Кингспорта. Ещё один элемент, позаимствованный Пагмаиром из сценария «Кингспорт: Город в тумане" и не упоминавшийся в произведениях Лавкрафта, но, тем не менее, органично вписавшийся в образ старого портового городка.

лась на колени и всмотрелась вдаль. Она ждала. Высоко в тумане виднелись смутные силуэты странных крылатых существ с бледными лицами. Её губы дрожали, ей хотелось позвать их. Стонавший ветер поднялся над водой, принеся с моря запах гнили… и чего-то потустороннего.

Плот выскользнул из тумана, и когда он приблизился к причалу, Кэтрин поняла, что картина Джереми Блонда не преувеличила неземную природу стоявшего на нём существа. Скорее, она точно передала его суть. Дрожа, девушка прижала ладони к влажному дереву и подалась вперёд, к призраку, остановившемуся всего в нескольких дюймах от неё. Фигура наклонилась к ней, её спутанные волосы извивались и переплетались с волосами Кэтрин. Призрачные когти сомкнулись на запястьях её дрожащих рук, когда мрачная тень устремилась через поры кожи, проникла в самую душу, изменяя плоть. Неестественным движением её рот растянулся, чтобы пропеть новые звуки, вырывавшиеся из горла.

Порождение чудесного кошмара отпрянуло. Кэтрин подняла своё бледное лицо к сумеречным существам, что ждали её в вышине. Расправив обретённые крылья, она взмыла в воздух и поплыла над тёмной водой, чтобы присоединиться

к стае, парившей в туманном эфире.

Перевод: А. Лотерман

Уилум Пагмаир Знак, что освобождает тьму

W. H. Pugmire «The Sign That Sets the Darkness Freea», 2002

Я напевал под тихую музыку, стоя на тёмной веранде и взмахивая руками ей в такт. Как сладко она проникала в уши, такая же лёгкая, как влажная морось на моём восторженном лице и движущихся руках. Мелодия подошла к концу, и на какое-то мгновение воцарилась тишина, а затем откуда-то издалека до меня донеслись, сначала невнятные, звуки другой странной мелодии.

Я посмотрел на мощёные улицы, спускавшиеся вниз по крутому склону холма, петляющие и, казалось, сливающиеся в водовороте утраченного времени. Эти узкие улочки всегда были погружены во мрак, поскольку покосившиеся дома по обеим их сторонам почти соприкасались крышами. Мой взгляд проследовал мимо

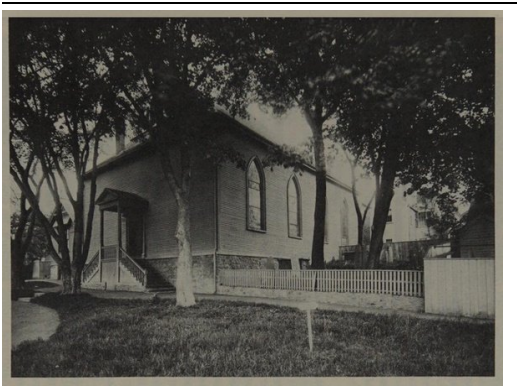
этих сгрудившихся крыш и глубокого канала к окутанному седым туманом шпилю церкви Сен-Тоуд[188].

Да, именно оттуда доносилась печальная музыка, звуки которой будоражили мой напряжённый слух. Я наклонился вперёд, вытянув руки, будто хотел прикоснуться к звукам, и, беспечно высунувшись слишком сильно, свалился с веранды на мокрую траву. Это было падение примерно с одиннадцати футов, а ведь я уже не молод. Не в силах громко выругаться, я тихо всхлипнул. Сдерживая выступившие на глазах слёзы, я с трудом поднялся на ноги и последовал за резонирующей мелодией. Я брёл не останавливаясь, спускался по древнему холму, ковылял под мрачной сенью старинных крыш и по старому каменному мосту,

---

[188] Примечания: 188

Церковь Сен-Тоуд (St. Toad) заимствована Пагмаиром из одноимённого XXV сонета «Грибов с Юггота" Г.Ф. Лавкрафта. Её название переводится как «Святая жаба" и является пародией на Фрог-лейн (Frog Lane) или «Переулок лягушки" — старое название улицы в Марблхеде, где располагается Епископальная церковь святого Михаила, на кладбище позади которой «в сумерках странные тени прячутся среди густых ив в дальнем углу и исполняют жуткие танцы на старых каменных надгробиях, когда заходит луна". Очевидно, именно это описание из письма Лавкрафта, вкупе с сонетом, а также мотивами «Музыки Эриха Цанна" и 'Обитающего во тьме', вдохновили Пагмаира на сюжет его рассказа. Несмотря на то, что некоторые исследователи, основываясь на названии церкви, связывают её с Иннсмаутом, Пагмаир, очевидно, поместил её в Кингспорт, прообразом которого послужил Марблхед, таким образом, рассказ можно отнести к кингспортскому циклу вместе с «Плесневым пятном" и «Призраком обольщения".



Церковь святого Михаила (кладбище во дворе справа, колокольня скрыта деревьями, а высокий шпиль ещё не восстановлен), фотография Филиппа Шреффлера, 1977 год.

пока не оказался на церковном кладбище.

Я обернулся, сам не знаю почему, и бросил взгляд на вершину холма. Вдоль спящих тенистых улиц и покосившихся домов, которыми они были застроены, вверх к вековому зданию отеля и моему окну, где всё ещё мерцала одинокая свеча. Луна взошла над этим почтенным зданием, и её призрачный свет наполнял его слабым фосфоресцирующим сиянием. Я посмотрел в окно маленькой комнаты, где вёл своё жалкое существование. Лунный луч скользнул к нему, слившись с янтарным пламенем свечи, его холодный свет манил меня, словно желая сбить с пути.

Я повернулся спиной к этому маяку и вздохнул, всматриваясь в темноту перед собой. Луна совсем не освещал каменную церковь, её потрескавшиеся и покрытые плесенью стены, причудливой формы витражи и чёрный шпиль, устремлённый в тёмные безразличные небеса. Я удивился странному отсутствию звёздного света в чернеющем пятне космического эфира прямо над церковью Сен-Тоуд.

Где та музыка, что привела меня сюда? Я слышал только журчание воды в канале позади себя. Оглядевшись по сторонам, я смутно разли-

чил маленькое существо, притаившееся среди надгробий. Медленно, очень медленно оно пошевелилось. Я едва мог разглядеть скрипку в его руках и смычок, который осторожно начал двигаться.

Да, это были аккорды той самой мелодии! Более скорбной, чем гимны смерти, которые поют обитатели холмов Кентукки. Я опустился на колени и подполз к существу, игравшему на своей скрипке. Это была женщина, миниатюрная и изящная, с девичьим телосложением, но её лицо казалось таким же древним, как этот город. Я уставился на её подёрнутые бельмом глаза, на неестественный наклон головы и тревожную улыбку. Нерешительно, я потянулся к подолу её изодранной одежды и поднёс ткань к своим губам.

Музыка смолкла. Её лицо было обращено ко мне, а странная улыбка стала ещё более причудливой. Коснувшись смычком моего лица, она очертила им контур рта, который не могла видеть. Её же собственный рот широко раскрылся в песне.

"К звукам прикоснись сердцем и рукой,
Коль голос твой немой;
И вслед за музыкой тёмной земли,
К границам тени поспеши."

Она снова заиграла на скрипке. И пока она танцевала, кружась вокруг меня, казалось, что тень игриво следует за ней по пятам, словно какой-то преданный фамильяр.

Остановившись прямо передо мной, она воздела смычок к небесам, навстречу лунному свету. Это призрачное сияние озарило покрытую шрамами и болезненными пятнами кожу её лица, окружавшую невидящие влажные глаза. Продолжив играть, она подняла ногу, и прижала ступню к моим губам. Её сухая, запачканная кладбищенской землёй, плоть дрожала в такт пульсации музыки.

"О, человек безмолвия, мы вняли твоим грёзам и зову твоих желаний. Как биение сердца, как волнение ума, мы познали смятение твоей души".

Она убрала ногу от моего рта и опустилась на колени. Вкус её плоти сменился резким запахом тяжёлого дыхания. Её задыхающийся рот прижался к моему глазу в поцелуе.

— Оно, — прошептала она, — придёт ровно в

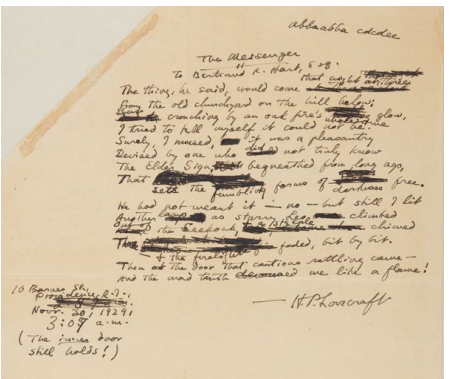
три[189]. Его красота ужасна, его чудо неотвратимо. Это внушающий страх ответ на твою немую мольбу.

Пересохшие губы у моего лица искривились в усмешке. Слёзы застлали глаза, и я закрыл их. Странные очертания всполохами огня танцевали перед сомкнутыми веками. Я поднял руку, чтобы вытереть слёзы, а, открыв глаза, увидел, что нахожусь совершенно один в темноте и тишине.

Я вдыхал воздух, пробуя на вкус атмосферу ночи. Приникнув к кладбищенской земле, я прикоснулся к прошлому. Каким-то образом я знал, что моё тайное стремление освободиться от гнёта этого неотерического века[190] осуществилось. Я встал, смеясь над болью в суставах. Мои руки были подняты в немом знаке песни. Пробираясь

[189] Примечания: 189

Фраза является отсылкой к первым строкам из стихотворения Лавкрафта «Вестник" (The Messenger): «Оно, как говорят, приходит ночью ровно в три / Со старого церковного двора, что у холма". Стихотворение было написано Лавкрафтом 30 ноября 1929 года в 3:07 утра, в ответ на шутливую угрозу Бертрана Харта (обнаружившего, что в рассказе «Зов Ктлху" скульптор Генри Уилкокс проживает в доме?7 на Томас-стрит, где когда-то жил сам Харт) подослать к нему в дом призрака, чтобы тот «стонал и гремел цепями ровно в 3:00 каждое утро".



Черновик «Вестника», 1929 год.

[190] Примечания: 190

Имеются в виду римские поэты-неотерики, предпочитавшие классическому гомеровскому эпосу малые литературные формы азианской поэзии и стремившиеся к формальному мастерству в области языка, метрики и композиции. Отсюда понятие неотеризма (neoteric) как чего-то нового и отвергающего старое, в контексте же рассказа под «неотерическим веком" (neoteric age) следует понимать период авангардизма, модернизма и постмодернизма в искусстве, литературе и поэзии конца XIX — начала XXI веков.

среди безмолвных камней, я покинул это место и ввалился на древний мост, перекинутый через грязный канал. Пошатываясь, я вышел в свет уличных фонарей и поразился тому, каким отвратительно ярким он был. Каким же обжигающим казался свет каминов, лившийся из окон домов. И с какой издёвкой сияла мерзкая луна. Я попытался прикрыть глаза рукой, но обнаружил, что кожа на ней слишком бледная и светлая для этого.

Я был счастлив вернуться в свою, погружённую во мрак комнату. Свеча у открытого окна милосердно потухла. Я выбросил подсвечник в окно и прислушался к звуку его падения. Задёрнув шторы, я поставил жёсткий деревянный стул в самый тёмный угол комнаты, а затем тихо сел лицом к стене. Я задремал, но меня разбудил приятный холодок.

Окно осталось открытым и тонкие кружевные занавески на нём слегка колыхались. Дувший в окно ветерок был нежным и ароматным, но в то же время в нём ощущался космический холод, проникавший в поры моей кожи и пробиравший до костей. Холод сдавил и подхватил мою душу. Я подплыл к окну, лишь слегка касаясь ногами деревянного пола. Мои руки сорвали занавески.

Зелёная штора на окне взметнулась вверх, как

испуганный зверь. Осколки тусклого звёздного света пронзали небо, а фиолетовая луна была такой маленькой и далёкой. Она бледно сияла над церковью Сен-Тоуд, отчего та казалась похожей на флуоресцирующую амфибию. В этом свете я увидел, как странно вытягивалась тень от старого камня. Она росла и растекалась по земле церковного кладбища, по осыпающимся надгробиям, и существу со скрипкой.

Надтреснутый колокол Сен-Тоуд пробил трижды[191]. Смычок двигался по скрипке, извлекая музыку сфер. Я поднял руки ей в такт. Боже, какой чудовищной была эта симфония! Как один-единственный инструмент мог породить такой пандемониум звуков? Откуда взялись те другие, *outré*[192] аккорды?

Шум прекратился. Мои руки замерли. Я увидел, как вдалеке женщина вонзила смычок в землю.

---

[191] Примечания: 191

Здесь Пагмаир вновь обращается к XXV сонету Лавкрафта, начинающемуся с предупреждения — «остерегайся звона надтреснутого колокола Сен-Тоуд". Согласно Доновану Лоуксу, провозглашая о независимости колоний, жители Марблхеда ворвались в англиканскую церковь святого Михаила, и не переставали звонить в её колокол, пока тот не треснул. Для англофила Лавкрафта это событие, очевидно, имело по-своему мрачное символическое значение, отразившееся в сюжете сонета и образе церкви Сен-Тоуд. 41

[192] Примечания: 192

Потусторонние (фр.)

Я видел, как она воздела руку к лунному свету и преклонила колени. Моя собственная рука двигалась, подражая её движениям, а вместе с тем синхронно двигалась и тень. Она клубилась вокруг неё, а затем выплыла с церковного кладбища. Тень вилась и разрасталась, расправляя свои густые чёрные ветви. Она ползла вверх по склону древнего холма, и другие тени присоединялись к ней. Тьма тянулась к отелю. Она поднялась и распростёрлась передо мной.

Я почувствовал, как холодная тьма тяжело стекает на мой разгорячённый лоб. Она наполняла тяжестью мои веки, отдавалась эхом в ушах, облачала руки, словно в перчатки, заставляя пальцы сжиматься в кулаки. Она просочилась мне в рот.

Тьма бурлила внутри меня. Я хотел петь, но мои руки отказывались двигаться. Тогда я открыл рот, никогда не издававший ни звука. И он, благословлённый космической тенью, начал петь, когда тьма вознесла меня.

Перевод: А. Лотерман

Уилум Пагмаир

Плесневое пятно

"Примкни к моим губам в священном поцелуе..."
"Поцелуй" Томас Мур

W. H. Pugmire «The Fungal Stain», 2006

I

Я прислонился к окну небольшого книжного магазинчика, листая в свете свечи том Джастина Джеффри и упиваясь его космическим безумием[193], когда заметил фигуру в тумане снаружи. Странная игра света и тени, танцующая в клубах тумана. Я увидел этого человека, эту женщину, и подумал, что мои глаза сыграли со мной злую шутку. Её лицо казалось совершенно неправильным, скорее звериным, чем человеческим. И то, как она с любопытством приоткрыла рот, вдыхая вечерний воздух, было совершенно неестественным. Она опустила голову и посмотрела в сторону

---

[193] Примечания: 193
Джастин Джеффри (Justin Geoffrey) — безумный поэт, придуманный Робертом Говардом и описанный в его рассказах 1930 года «Чёрный камень" (The Black Stone) и «Дом" (The House), подробнее см. статью «Джастин Джеффри: история проклятого гения".

окна, быть может, привлечённая пламенем свечи. Её губы изогнулись в жуткой улыбке, и пока я наблюдал за движением рта, туман сгустился, скрыв её лицо.

Прислушиваясь, я вернулся к книге, и услышал, как открылась дверь магазина. Внезапная волна холода пронеслась мимо меня, струйки тумана смешались с окружающим полумраком. Она приблизилась к тому месту, где я стоял. Искоса взглянув на неё, я увидел, что она делает вид, будто изучает названия книг на полках. Закрыв сборник Джеффри, я потянулся, чтобы вернуть его на полку, но её рука, коснувшись моей, перехватила книгу.

— Какая редкость, — сказала она, улыбаясь. — Он описывал такие прекрасные места, не правда ли?

— Он описывал кошмарные пейзажи, — рассмеялся я.

— Великолепные, — ответила она и процитировала по памяти следующий стих:

"В деревушке, где чёрный камень стоит,
В том месте, где время неспешно течёт,
Я отыскал начертанное на нём,
Своё смертное имя."

Кивнув ей, я задул свечу, отнёс её к прилавку и вышел из магазина в туманную ночь. Воздух казался необычайно холодным, и я поднял воротник пальто, закрывая шею. Я понятия не имел, куда пойти, знал только, что не в настроении болтать с кем-то о пустяках. Мне хотелось окунуться в древнее очарование Кингспорта, этого города, где я остановился на какое-то время[194]. Я стоял, глядя на уличный фонарь, мерцавший в окутывавшем его тумане, когда услышал шаги на крыльце книжного магазина. Она остановилась на нижней ступени и огляделась, а затем, заметив меня, кивнула. Я неловко переступил с ноги на ногу и замер, услышав мелодичные звуки. Странная песня лилась из её неподвижного рта, смешиваясь с клубившимся вокруг неё туманом. Что-то в этой песне соблазнило меня, и, двигаясь почти бессознательно, я устремился к ней. Я медленно брёл, наблюдая, как тени на её лице сгущаются, искажая его черты. Вскоре не осталось ничего, кроме расплывчатых очертаний

[194] Примечания: 194

Кингспорт (Kingsport) — город в Новой Англии, появившийся в рассказе Лавкрафта «Страшный старик" (The Terrible Old Man, 1920). После посещения писателем в 1922 году городка Марблхед тот послужил прообразом Кингспорта, подробно описанного в рассказах «Празднество" (The Festival, 1923) и «Загадочный доме на Туманной вершине" (The Strange High House in the Mist, 1926).

фигуры и двух булавочных головок её бриллиантовых глаз. А затем туман поглотил и их. Я подошёл к тому месту, где она стояла, но оказался совершенно один.

На следующий день я решил посетить вечер поэзии в кафе «Жестяная флейта"[195]. В этом поистине богемном заведении можно было увидеть множество шумных бунтарей, развешивавших по стенам свои картины и декламировавших печальные оды, стоя на столах. Временами, однако, здесь встречались и сверхчувствительные художники или мечтатели, чьи души казались такими же причудливыми, как старейшие переулки Кингспорта. Мне нравилось считать себя одним из таких эксцентричных поэтов. Прошло некоторое время с тех пор, как я последний раз посещал подобные еженедельные мероприятия. Однако недавно я сочинил новое стихотворение и по этой причине, поборов вечернюю прохладу, сел на автобус до той части города, что известна как Лощина, а доехав, вышел и направился к небольшому зданию, в котором располагалось

---

[195] Примечания: 195

Жестяная флейта или вистл — металлическая дудочка с шестью отверстиями, получившая широкое распространение в Англии как элемент ирландской и шотландской фольклорной музыки, название penny whistle произошло от её первоначальной стоимости в один пенни, другое название tin whistle — жестяной свисток.

кафе. Внутри оказалось много посетителей, а складные деревянные стулья образовывали пять рядов перед импровизированной сценой. Кивнув нескольким знакомым, я занял своё обычное место в третьем ряду.

Главным поэтом вечера была бездомная женщина, чей внешний вид казался довольно жалким. И всё же никто совершенно не обращал внимания на её испачканную одежду и выпавшие зубы, когда она декламировала свои сочинения. В отличие от многих *позёров*, у которых эго было больше, чем таланта, поэзия этой женщины исходила из какого-то подлинного уголка её несчастной души. Она читала в течение пятнадцати минут, а затем владелец кафе пригласил остальных представить свои работы. Я слушал, как драматично выступили двое моих друзей, а затем поднялся и вышел на сцену сам. Моё выступление прошло хорошо, хотя я был несколько поражён, увидев знакомую фигуру, стоявшую позади. Когда я вернулся на своё место, она вышла вперёд с книгой в руке и встала перед нами.

— Я не поэт, но я люблю поэзию и была очарована тем, что услышала сегодня вечером. Я хотела бы прочитать короткое стихотворение поэта,

ныне почти забытого. К сожалению, мы живём в эпоху, когда поэзией редко интересуются. И хотя её совершенно игнорируют, поэзию нельзя предать забвению, никто не может лишить нас голоса. Вот один такой голос, и пускай он не настолько… свободный по форме, как тот, что мы слышали у мистера Кристофера, он равен ему по экстравагантности.

"Дерзкая лиса» — сердито подумал я, хмуро глядя на неё, когда она открыла книгу и начала читать:

Я целую космический ветер, касающийся моего лица,
Пылающего, словно охваченное пламенем углей,
Тлеющих на чуждой земле Древней страны,
Которая жаждет узнать моё имя.
Я называю своё имя среди камней, что высятся
Словно чёрные башни под чёрными звёздами,
Осыпающими мою смертную плоть,
Тёмными песками Марса.
Я поднимаюсь столпом из чёрного камня,
Возрождаюсь из древней земли Юггота.
Я слышу звук, что пронизывает меня до костей:
Безрадостный смех какого-то безумного бога.

Я закрыл глаза, когда она начала читать, и это было ошибкой, потому что, слушая произносимые нараспев строки, я невольно перенёсся в описанную ей сцену, ощутил бурю, обжигавшую моё лицо и проникавшую под кожу, в самую мою плоть. Я схватился за лицо, почувствовав, как на нём начали образовываться наросты, но вежливые аплодисменты рассеяли видение. Они предназначались какому-то парню, а не таинственной женщине, окутавшей мой мозг кошмаром. Встав со стула и спотыкаясь, я покинул кафе, выйдя в ночь.

Она стояла, прислонившись к стене здания, и смотрела на звёзды.

— Ты чувствуешь запах надвигающегося тумана? Посмотри, как он скрывает звёздный свет. Чувствуешь приближающуюся бурю?

— Нет, — прямо ответил я, доставая пачку сигарет из кармана рубашки и надеясь, что это оскорбит её. — Не хочешь одну?

— Конечно, — ответила она.

Сунув сигарету в рот, я прикурил, затянулся, и протянул ей. Она поднесла тонкий цилиндр с наркотиком к лицу и вдохнула дым. Её рот даже не прикоснулся к нему.

— Ты пройдёшься со мной? — спросила она.

— Возможно.

Мне не нравилось находиться наедине с людьми, а тем более женщинами, которых я не мог понять и с которыми всегда чувствовал себя неуютно. А это была не обычная женщина. С того момента, как я впервые увидел её, мне было не по себе. Она походила на одну из пантер Уайльда, столь же опасную, сколь и соблазнительную. Мне казалось, что я ощущал её звериный голод, когда её бёдра прижимались к моим. Это вселяло в меня тревогу, пока я не услышал далёкие звуки музыки. Ах, как я был рад им. Уличное зрелище могло привлечь её внимание, и тогда я бы сумел сбежать.

Небрежно я повёл её на звук, в заросший и обычно заброшенный двор, который освещался всего одним слабым фонарём. В его тусклом свете были видны две фигуры. Та, что повыше, оказалась сгорбленным пожилым джентльменом, игравшим на старом потёртом аккордеоне, старомодном инструменте из другого века, с кнопками вместо клавиш. Он механически двигал по ним пальцами, совершенно не обращая внимания на производимую душераздирающую музыку.

Возле старика склонилось одно из самых странных и жалких существ, которых я когда-либо

встречал. Инстинктивно можно было понять, что это не ребёнок, даже несмотря на то, что большую часть его лица закрывала маска обезьяны из потрескавшейся резины. С головы, прямо над маской, свисали спутанные грязные волосы, напоминавшие толстых мёртвых червей. Склонившись и рисуя на асфальте мелом, оно не подозревало о нашем присутствии.

Я посмотрел на свою спутницу и заметил, что она наблюдает за рукой существа, сжимавшей кусок жёлтого мела. Плоть его правой руки оканчивалась чуть выше костяшек пальцев, на левой же сохранились лишь два пальца. Маленькое существо прекратило рисовать, когда мы подошли ближе, повернулось и взглянуло на нас. Как странно блестели под маской его чёрные глаза. Пальцы выронили мел и начали двигаться, будто оно пыталось использовать какую-то жалкую форму языка жестов. Затем оно встало на короткие ноги и, пританцовывая, низко склонилось, как бы преклоняя колени перед женщиной.

Музыка заиграла громче, и, непринуждённо заключив свою спутницу в объятия, я закружился с ней в танце возле безмолвной пары, стоявшей неподвижно, словно предвестники гибельного рока. Старик наблюдал за нами, а я старался не

смотреть на покрывавшие его гротескное лицо уродливые шишки и складки плоти. Маленький фамильяр склонил голову и протянул свою изувеченную руку. Оттолкнувшись от меня, женщина подошла к нему и поцеловала протянутую ладонь, а существо вздрогнуло от её прикосновения.

Музыка смолкла, старый джентльмен убрал руку со своего инструмента и тоже протянул ей. Она взяла его древнюю морщинистую лапу и поднесла к своему лицу. Её руки устремились к его бледному лицу, а затем зарылись в седые волосы. Подавшись вперёд, она приникла своими губами к его, а после впилась ими в уродливую опухоль на его щеке. Её поцелуй был долгим. Когда она, наконец, отстранилась, я, к своему ужасу, увидел кровь, сочившуюся из щеки старого джентльмена. Испытывая отвращение, я попятился, а когда старик дрожащими руками снова притянул лицо женщины к себе, бросился прочь.

II

Я брёл сквозь влажный туман, тот странный туман, что держался уже два дня. По звуку портовых гудков я понял, что добрался до Харборсайда, и, оказавшись на Уотер-стрит, направился че-

рез ворота в восьмифутовой каменной стене к древнему дому. Окружавшие его искривлённые деревья были окутаны густым туманом. На широком крытом крыльце я различил тусклый свет фонаря и услышал тихий пьяный напев. Уинфилд Скот уже ждал меня.

— А, собрат-поэт, подойди же и раздели моё вино, или попробуй этот обалденный ром, он согреет тебя от ненавистного тумана. Ты выглядишь как человек, нуждающийся в поддержке, что с тобой случилось, сынок, как её зовут?

Я взял предложенную бутылку рома и сделал большой глоток.

— Она настоящий дьявол.

— Разве они не все такие? Расскажи мне подробности. Но аккуратнее с ромом, приятель, до моего следующего чека ещё целая неделя.

Пока я рассказывал о своей встрече, взгляд Уинфилда становился всё серьёзнее. Думаю, иногда он притворяется более пьяным, чем есть на самом деле, словно подыгрывая тому, что от него ожидали, будто он будет исполнять роль городского пьяницы. Он внимательно выслушал мою историю.

— Хммм, — произнёс он после долгой паузы, а затем поднёс ко рту бутылку с вином.

— Что? — спросил я.

— Говоришь, она появилась из этого проклятого тумана, когда ты читал «Людей Монолита"[196]? Ты ведь читал вслух?

— Не знаю. Иногда я читаю вслух, особенно стихи. Мне нравится чувствовать слова на губах. А что?

— Джастин Джеффри был поразительным поэтом. Я уже предупреждал, чтобы ты не читал вслух некоторые его мистические стихи. Теперь ты знаешь историю этого парня, как он написал рукопись своей печально известной поэмы в состоянии полного сумасшествия, сидя возле пр**о**клятого монолита. Призрачное место и призрачный разум, оба связаны в безумии. В таком состоянии, поверь мне, люди способны воспринимать необычное влияние извне. Сынок, мы с тобой как поэты слишком хорошо знаем о странных вещах, что просачиваются в наше воображение. Откуда же?

— Я уже слышал всё это раньше, твою теорию о всеобщем безумии поэтов.

---

[196] Примечания: 196

"Люди монолита" (The People of the Monolith) — поэма и основное сочинение Джеффри, написанное им во время поездки в венгерскую деревушку Стрегойкавар или после возвращения из неё, впервые упомянута и процитирована Говардом в рассказе «Чёрный камень".

— Не всё, есть разные степени безумия. Я же говорю о тех, что касаются странных космических областей. Ты сам немного писал и читал об этом. Это место, старый морской порт, принимает тех из нас, кто способен воспринимать влияние извне. Мы ощутили бархатистый поцелуй того безумия, что породило поэзию «Людей монолита" и «Аль-Азиф"[197]. При помощи особой алхимии мы обращаемся к языку, который наполнен энергией. В результате появляется поэзия, которая пробуждает воспоминания. Нам следует проявлять осторожность, читая подобные вещи вслух.

— Ладно, я знаю, к чему ты клонишь. Хочешь сказать, что я призвал эту ведьму, произнеся вслух слова стихотворения безумного поэта?

— Ты схватываешь на лету. Пойдём, я хочу показать тебе кое-что интересное.

Я помог Уинфилду подняться. Он неуклюже доковылял до двери древнего жилища и толкнул её.

— Не думаю, что это хорошая идея, Уинфилд.

---

[197] Примечания: 197

Согласно «Истории Некрономикона" (The History of the Necronomicon, 1927), первоначальное название написанной Аль-Хазредом книги было «Аль-Азиф" (Al Azif), которое Лавкрафт почерпнул из примечаний к английскому переводу французской повести Уильяма Бекфорда «Ватек" (Vathek, 1782), где указывалось, что этим словом 'арабы называли вой демонов пустыни', то есть джиннов, за который принимали звуки ночных насекомых или движения песков.

— Дай мне фонарь и не будь трусом. Суть в том, чтобы не задерживаться внутри слишком долго. Возьми меня за руку, дитя, если это поможет. Ты чувствуешь? Это царство безумия.

Я держался позади него, рассматривая хлам, которым была загромождена комната.

— Старик, что жил здесь, да упокоится он с миром, оставил следы безумия в этих гниющих стенах. Сколько же странных вещей он привёз из своих плаваний. Это место настоящий кладезь его неведомой добычи. Судя по историям, которые он рассказывал, и по тем моментам, что осторожно опускал, но на которые намекал, старик не останавливался ни перед чем, чтобы добыть их. Успокойся, здесь нам ничего не угрожает, по крайней мере, пока те раскрашенные камни стоят во дворе. Вот, нашёл.

— Нашёл что?

Он передал мне фонарь и взял маленький ящик из полированного чёрного дерева. Сдвинув защёлку, он открыл крышку. Я заглянул внутрь и увидел небольшой обсидиановым кинжал, лежавший на красном бархате.

— Что это? — спросил я.

— Жутковато выглядит, правда? Видишь ли, Джастин Джеффри был не единственным безум-

цем, посетившим Чёрный камень в Стрегойкаваре. На протяжении десятилетий суеверные крестьяне обрушивали удары своих молотов и топоров на этот монолит. И хотя они никогда не причиняли ему особого вреда, у его основания валяется куча отбитых осколков. Из одного из них наш морской капитан и изготовил это ритуальное оружие. Только богу известно, для чего он его использовал.

— Пойдём отсюда, — сказал я, закрывая крышку ящика. Уинфилд заметил, как я положил оружие в карман пальто. Он последовал за мной через дверь на крыльцо, которое служило его пристанищем.

— Послушай, парень. Этот старый город — не просто морской порт. Это врата, и нечто может быть призвано через них с другой стороны. А потому я не удивлюсь, если старый сумасброд и призвал когда-то ту женщину, кем бы она ни была. Если она связана с Чёрным камнем и безумными стихами Джеффри, то носить с собой эту штуку — плохая идея.

— Я хочу изучить его. Вырезанные на рукоятке символы кажутся знакомыми, я помню их по книге, которую видел в библиотеке Мискатоника. Может быть, удастся найти что-то об этой

женщине.

— Ты имеешь в виду о её воплощении? Похоже ты и сам безумен. Я спокойно улыбнулся, а затем повернулся и пошёл в туман.

III

Я шёл по Уотер-стрит к океану и причалам. Сбросив маску спокойствия, под которой скрывал тревогу от своего подвыпившего друга, я брёл по пустырю, пока не оказался возле жалкой лачуги. Глубоко вдохнув туманный воздух, я толкнул покосившуюся деревянную дверь. Мерцавший свет одной-единственной свечи освещал это место. Старик сидел на ящике и ел рыбу, завёрнутую в газету. Заглянув в угол, я увидел груду одеял, в которой спал его приземистый спутник. На стене рядом с ним жёлтым мелом были нацарапаны странные символы.

— Здравствуй, Енох.

Он посмотрел на меня слезящимися глазами, из уголка его рта торчал кусок рыбы.

— Добрый вечер.

— Как ты?

Его глаза моргнули. — Как нельзя лучше.

Он задумчиво потянулся скрюченной рукой к изуродованному месту на лице и почесал. Сна-

ружи до меня донёсся жалобный вой лодочного гудка, и, словно бы в ответ на него, я услышал тихий стон, который принял за шум ветра на воде. Этот звук усилился и превратился в яростный порыв ветра, сотрясший лачугу из дерева, металла и картона. Я взглянул на одну из дрожащих стен, на прикреплённые к ней маски из папье-маше. Подойдя, я осторожно коснулся одного из бледных лиц. Его тонкая поверхность прогнулась под моими пальцами.

— Что это, Енох?

— О, это личины её и её сородичей. Им нравятся эти фальшивые лица. Я потянулся, чтобы коснуться другой ужасной маски, и осторожно ткнул пальцем в пустую глазницу. Какими бы отвратительными они ни казались, ощущение было странно возбуждающим. Таким мягким. Возможно, если я буду очень осторожен, то смогу снять одну из масок со стены и надеть на своё лицо.

Старик начал тихо напевать в такт задувавшему в лачугу ветру:

— Они танцуют над чёрными безднами, направляясь к нам, чтобы посмеяться над нашей ничтожностью. Из угла комнаты доносилась приглушённая музыка флейты, сопровождавшая пение старика. Я повернулся, чтобы взглянуть

на уродливого карлика. Всё ещё закутанный во множество одеял, он сердито смотрел на меня своими блестящими чёрными глазами. Надтреснутая флейта была прижата к отверстию его изорванной маски.

Что-то мягко коснулось моего плеча. Я повернулся. Её прохладный рот прижался к моему лбу, и я ощутил на коже движение её языка — такого странно мягкого, такого тёплого и тяжёлого. Но когда она отпрянула, я понял, что это был вовсе не язык, потому что всё ещё чувствовал его на своём лице. Протянув руку, я дотронулся до грибкового нароста на нём. Её бриллиантовые глаза засияли, а тени сгустились и изменили очертания нечеловеческого лица. Она вновь наклонилась ко мне и прильнула к губам. Пока мы целовались, моя рука скользнула в карман и нащупала кинжал. С безумным ликованием я вонзил небольшое лезвие ей в лицо, прямо в глаз. Как легко рвалась плоть, словно мякоть гриба, а гниль из её злобной физиономии хлынула на меня, заливаясь в глаза, рот и ноздри.

Я оттолкнул существо от себя и бросился прочь из этого призрачного места. Бушевавший ветер рвал мои волосы и одежду. Он рассеял зловонный туман, и я увидел тёмное небо, пронизанное

серебряным светом мерцавших звёзд, похожих на россыпь драгоценных камней. Я наблюдал за несущимися грозовыми тучами, собиравшимися над возвышавшимся пиком Кингспорт-Хед[198], и слушал, как волны разбиваются о гнилые деревянные причалы. Сзади послышался странный шорох. Обернувшись, я увидел скопление больших листьев, которые ветер гнал по земле вслед за мной.

Нет, это были не листья, а тонкие впалые лица, колышущиеся на ветру. Я застонал, услышав в его завываниях другой звук. Вдалеке показались две смутные фигуры, выбравшиеся из своей ветхой лачуги. Одна играла на старинном аккордеоне, а другая в маске и с флейтой резвилась у его ног. Позади них, в сгущающейся темноте, появилась она. Буря бушевала вокруг этой дьяволицы, взметая маски в вихре кружащегося воздуха. Протянув руку, она легко подхватила одну из них и скрыла

---

[198] Примечания: 198

Кингспорт-Хед (Kingsport Head) — высокий скалистый мыс в гавани Кингспорта, на вершине которого расположен таинственный дом с обращённой к океану дверью. Впервые был описан в рассказе Лавкрафта «Загадочный дом на Туманной вершине», однако своё название получил позднее в повестях «Тень над Иннсмаутом" (The Shadow Over Innsmouth) и «Хребты безумия" (At the Mountains of Madness) 1931 года как место расположения аркхемской радиостанции, принимавшей сообщения антарктической экспедиции Мискатоникского университета.

под ней своё израненное лицо.

Пробормотав несколько строк из безумных стихов, что вертелись у меня в голове, я бессмысленно рассмеялся. Покрывавшие мой рот и лоб наросты начали увеличиваться, сочась чем-то влажным из самых глубин чёрного космоса. Бросив взгляд на демона, скользившего ко мне по воздуху, я закрыл глаза, ожидая последнего поцелуя.

Перевод: А. Лотерман

Уилум Пагмаир
За вратами глубокого сна

" Но навевая эти сны, ветра сметают дюжину других."
"Звёздные ветры" Г. Ф. Лавкрафт

W. H. Pugmire «Past the Gate of Deepest Slumber», 2006

I

(Сайрус Линчвуд)

Меня разбудил вой ветра, и, прислушавшись, я понял, что шум доносится не снаружи, а откуда-то изнутри большого старого дома. Он звучал не как обычный ветер, в нём ощущалось нечто чуждое, что совершенно сбило меня с толку. Я поднялся из удобного кресла, в котором заснул с книгой на коленях, и вышел в коридор. Внимательно прислушиваясь к призрачным звукам, я осторожно ступил на лестницу, ведущую на первый этаж, но остановился на середине, когда дверь в библиотеку внезапно распахнулась. Филип Найтон, мой домовладелец, на мгновение застыл в дверном проёме, черты его лица исказились в растерянности, а руки вцепились в пряди седых волос. Не обратив на меня никакого внимания, он устремился к входной двери, открыл её и, пошатываясь, вышел в ночь.

Я спустился на первый этаж старого запылённого дома и закрыл дверь, но не стал её запирать. Затем, двигаясь неуверенными шагами, я направился в библиотеку, поскольку почувствовал сверхъестественное изменение в царившей там атмосфере. Переступив порог большой комнаты, я зажмурился от нахлынувшего головокруже-

ния. Смутные образы из забытых сновидений всплыли в моём сознании, и повсюду вокруг меня слышалось затихающее эхо какой-то далёкой, неземной бури. А потом всё стихло, мой разум прояснился, и я открыл глаза.

Подойдя к столу, я осмотрел стопку принадлежащих домовладельцу книг. Лежавший поверх неё том оказался редким изданием, опубликованным несколько десятилетий назад издательством «Оникс Сфинкс Пресс"[199]. Взглянув на открытую страницу, я продекламировал хорошо знакомые мне строки стихотворения:

Когда волны пронизывающего ветра обдувают моё лицо
И осколки космической памяти раскалывают мозг,
В буре я вижу резвящихся крылатых нимф
И уши мои улавливают богохульные звуки,
Что исходят из треснувшей флейты,
Зажатой в неуклюжей лапе
У нечеловеческой пасти того,

---

[199] Примечания: 199

Согласно рассказу Фрица Лейбера «Ужас глубин" (The Terror from the Depths, 1976), данным издательством был выпущен поэтический сборник «Азатот и другие ужасы" (Azathoth and Other Horrors) Эдварда Пикмана Дерби, следовательно, его авторству и принадлежат приведённые далее строки.

Кто надрывно дует в неё, бурлит и бормочет.

Отвернувшись от стола, я заметил на полу какой-то небольшой предмет, и, подняв его, удивился тому, каким лёгким он оказался. Мои глаза снова сыграли со мной злую шутку, потому что когда я попытался рассмотреть его внимательней, мне показалось, что предмет слегка изменил свою форму. Тут я ощутил чьё-то присутствие позади себя и обернулся, услышав, как мистер Найтон произнёс моё имя.

— Сайрус. Пожалуйста, помогите мне сесть на стул. Осторожней, да, благодарю. Ох, мои старые бедные лёгкие. Следовало догадаться, что не стоит выходить на улицу в такую холодную ночь. Но мне нужно было проветрить голову! Хотя снаружи оказалось ничуть не лучше, и этот дьявольский ветер! Я думал, что он преследует меня, а потом понял, что какая-то его часть находится внутри меня! Боже… или, вернее, боги! — он яростно замотал головой, словно пытаясь избавиться от наваждения.

— С вами всё в порядке?

Мистер Найтон искоса посмотрел на меня.

— Вы сущий дьявол, юноша, не так ли? Нет, не удивляйтесь. Ах! — он протянул руку к предмету, который я держал. — Вижу, вы нашли моего

маленького друга. Должно быть, я уронил его, когда…

Затем он откинулся на спинку стула и закрыл глаза, массируя лоб своей древней рукой, кожа на которой была тонкой, словно пергамент. Его голос, когда он заговорил снова, казался тихим и спокойным.

— Из чего, по-вашему, вырезан этот маленький демон?

— Я бы сказал, что это какое-то дерево, но оно такое лёгкое.

— Верно. И оно также очень гладкое, почти шелковистое, как нежная яичная скорлупа или полированная кость. Это весьма необычно.

Мы молчали, и я не мог ничего понять по выражению его лица.

— Вам лучше? Может, мне вскипятить немного воды для чая? Вы дрожите.

— Но не от холода, нет. — Он наклонил голову и одарил меня странным взглядом. — Что привело вас сюда, юноша?

— Меня разбудил шум ветра.

— И что же вы услышали в нём?

— Ничего. Полагаю, меня отвлекло ваше странное поведение. Я был на лестнице, когда вы выбежали из библиотеки на улицу. И выражение

вашего лица…

— Несомненно, моё лицо выражало множество эмоций! И я виню в этом вас. Нет, не смотрите на меня невинными глазами. Мы разговаривали о снах, когда впервые встретились, и я предложил вам снять свободную комнату в своём доме. Тогда вы удивили меня, сказав о снах как о вратах к глубинам памяти. Зная о моём сильном интересе к оккультным материям, вы порекомендовали мне некоторые сборники стихов, которые, как я теперь подозреваю, являются чем-то большим, нежели простой поэзией. Вы советовали мне читать вслух определённые строки стихов перед сном, уверяя, что они, как вы выразились, «способны провести человека в мир ярких грёз, каких ещё никто и никогда не испытывал". Что ж, ваше колдовство, как я его называю, превзошло, с позволения сказать, мои самые смелые ожидания.

— Думаю, что такое вполне возможно.

— Вы, умный юноша, не так ли? А знали ли вы, что это также способно повлиять на бодрствующий мир? Знали, что некоторые аспекты моей жизни приобретут черты сновидений? По выражению вашего лица я вижу, что знали. Так вот, когда в прошлом месяце я ездил в Новую Англию, чтобы навестить своего друга, то отыскал

очаровательный магазинчик антиквариата, в котором надеялся найти некоторые редкие старинные книги. Вместо этого я обнаружил там то, что вы держите в своей руке. Эта фигурка показалась мне странно знакомой, хотя я никак не мог вспомнить, где видел её. Я подозревал, что мог встречать её изображение в какой-то книге, но ошибался. И купив статуэтку, я ощутил странное желание скрыть её от посторонних глаз, в том числе и от своих собственных. Владея ею, я чувствовал себя каким-то преступником. И с тех пор, как она попала ко мне, мои сны приобрели фантастический характер, но самый необычный из них приснился сегодня ночью. В нём я увидел это изваяние как живое существо. Его приземистая форма напомнила мне мужскую версию примитивной Виллендорфской Венеры. — В глазах домовладельца появилось почти мистическое выражение, когда он тихо усмехнулся и покачал головой. — Существо *танцевало*, играя на ониксовой флейте, и в воздухе ощущалось присутствие других сущностей. А потом я заметил, как что-то чудовищное возникло за пределами моего сознания, маленький демон предложил мне свою флейту, и я поднёс её ко рту…

Казалось, что он окунулся в ужас воспомина-

ний.

— Пробуждение сопровождалось сильными судорогами, — продолжил он. — Непостижимо, но я спал, стоя на ногах и чуть не упал! Когда же я, наконец, пришёл в себя, то обнаружил, что в одной моей руке была зажата эта искусно вырезанная фигурка. А в другой…

Я положил статуэтку на стол, подошёл к домовладельцу и прижал руку к его груди. Во внутреннем кармане его жакета находился какой-то предмет. Сунув руку за пазуху, я вытащила то, что там лежало — флейту из полированного оникса. Это была точная копия инструмента, который держало в своих лапах маленькое существо.

— Я принёс её с собой, — прошептал Филип Найтон, — из-за пределов сна![200]

II

(Долина Сесква)

Космическая буря, порождённая среди мёртвых звёзд, ощутила силу той, кто призвал её — силу, которая была смесью земной магии и неземной

---

[200] Примечания: 200

Заключительная часть фразы «from beyond the wall of sleep" служит отсылкой к названию рассказа Лавкрафта «За гранью сна" (Beyond the Wall of Sleep, 1919).

алхимии. Следуя этому зову, буря безжалостно обрушилась на Землю и отравила ионосферу, пройдя через неё. Этот звёздный ветер принёс с собой воспоминания о тех, кто мёртв но видит сны. В бесконечной ночи он достиг таинственной долины, куда был призван, и устремился к зазубренным пикам титанической белой горы. Ветер мчался по верхушкам деревьев, пока, наконец, не отыскал стоявшую на вершине гигантского валуна чернокожую девушку.

Бумажная корона, которую она надела поверх пышной копны рыжих волос, трепетала в порывах разумного ветра. Он прижимался к девушке, шептал ей на ухо, скользил по губам. И она чувствовала восхитительный вкус древнего потустороннего сна, чудо которого настолько потрясло её, что, покачиваясь в экстазе, она раскинула руки в стороны и откинулась назад. Подхваченная ветром, девушка медленно опустилась на траву. Бумажная корона сорвалась с её головы и улетела прочь.

Она вслушивалась в пение ветра, но затем уловила иной звук. Другой обитатель долины наклонился и поднял бумажную корону, а затем шутливо надел её себе на голову. Закрыв глаза, он тоже прислушался. Почувствовав в песне

ветра страсть к призвавшей его чародейке, он осторожно поднёс флейту к уродливому рту, и принялся передразнивать своей музыкой язык космического эфира. Словно оскорблённый этим, звёздный ветер вырвался из объятий девушки и рассеялся в стратосфере.

— Селена, — вздохнул парень.

Она неохотно открыла глаза, и на мгновение её лицо изменилось, превратившись в гладкую чёрную поверхность. Затем серебристые глаза преобразились, появился тонкий носик, а тёмная щель стала изящным ртом с красивыми полными губами. Девушка взглянула на существо перед собой и усмехнулась, заметив, как забавно оно надело корону, сдвинув её набок. Глубоко вздохнув, она сжала губы и выдохнула. Парень вздрогнул от пахнувшего ему в лицо совершенно чуждого воздуха.

— Я вижу, ты призвала Ветры Йита[201]. Весьма

---

[201] Примечания: 201

Ветры Йита (Winds of Yith) — некий ритуал и потустороннее явление, впервые упомянутые в одноимённом рассказе Пагмаира 1987 года. Название, очевидно, основано на рассказе Лавкрафта «Тень из безвременья" (The Shadow Out of Time, 1934–1935) и цикле сонетов Дуэйна Римеля «Сны об Йите" (Dreams of Yith, 1934). Именно Лавкрафт предложил Римелю «Yith" вместо неблагозвучного первоначального «Yid», а затем использовал его в своём рассказе как название родного мира расы, способной переносить свои сознания через пространство и время в другие тела.

неразумно, даже с твоими талантами. И какие же заклинания ты использовала?

— Ничего такого, что есть в твоих изъеденных червями книгах, Саймон. Мне не нужны какие-то невнятные заклинания, потому что я неразрывно связана с внешними областями и являюсь их частью.

Он, игриво бросил девушке свою флейту, та поймала её и чувственно прижала к губам.

— Да, — согласилось существо, — ты в равной мере являешься порождением звёзд и этой тёмной долины. Какое прекрасное сочетание. Однако тебе не следует пренебрегать древними знаниями, ибо они чудесны, могущественны и истинны.

— А что это за «чудесная" книга у тебя в руках?

— Ах это, — он усмехнулся и поцеловал книгу, опустившись рядом с ней на траву. — Это, потрясающая находка. Помнишь прошлое лето, когда мы с Эдит ездили в Провиденс, штат Род-Айленд, чтобы посетить церковь, которую планировали снести?

— Да, Церковь свободной воли[202], из которой ты привёз какие-то заплесневелые книги и выцветшие витражные стёкла. Запах, впитавшийся в эти потемневшие осколки прошлого, всколыхнул воспоминания, похороненные глубоко в моей душе.

— Всё так. Что ж, Эдит до сих пор держала эту книгу у себя. Ты же знаешь, насколько она эгоистична, когда дело касается тайных знаний. В конце концов, я забрал у неё книгу и был удивлён, обнаружив, что это экземпляр «Liber Ivonis"[203]. Из-за своего равнодушия к древним фолиантам ты даже не представляешь, насколько редка эта книга. Но удивительно другое. С тех пор как я начал изучать её, мне стали сниться необычные сновидения, в которых я проник в немыслимые

---

[202] Примечания: 202

Церковь свободной воли (Free Will Church) — название церкви на Федерал-хилл в Провиденсе, где располагалась Секта Звёздной Мудрости в рассказе Лавкрафта «Обитающий во тьме" (The Haunter of the Dark, 1935), основные события которого происходят в августе 1935 года. Согласно вольному продолжению Роберта Блоха «Тень с колокольни" (The Shadow from the Steeple, 1950), церковь была снесена осенью 1936 года, а значит, Саймон посетил её в этот период, следовательно, действие рассказа Пагмаира происходит в середине 1937 года.

[203] Примечания: 203

"Liber Ivonis" или «Книга Эйбона" (The Book of Eibon/Livre d'Eibon) — труд гиперборейского мага Эйбона, придуманный Кларком Эштоном Смитом и впервые появившийся в его рассказе «Уббо-Сатла" (Ubbo-Sathla, 1932).

глубины, где обитает Безграничный! Да, я знал, что это поразит тебя, ведь ты так часто ощущала эти области мира снов, но в своих странствиях никогда не могла найти путь к ним.

— Именно из этих областей я слышала зов своего Старшего Брата. Безликий, он дразнит видениями, но смутно различим. Он зовёт, и всё же ускользает от меня. Я тянусь к нему, но он избегает моих объятий. И теперь ты говоришь, что смог отыскать его?

— Лишь один аспект из тысяч его форм и воплощений, слабое отражение его устрашающего величия. Очень немногим довелось узреть истинный лик Ньярлатхотепа! И я не встречал ещё никого, кому бы удалось проникнуть в такие бездны сна, чтобы предстать перед троном Азатота. До сих пор…

— Расскажи мне.

— Ты же знаешь, что достигнув совершеннолетия, дети долины Сесква покидают это место, чтобы отправиться в путешествие и отыскать те редкие души, что познали тёмные тайны. Помнишь молодого художника Сайруса, который изваял твой поразительный бюст? Конечно, помнишь. Он нашёл самую очаровательную душу — пожилого поэта, могущественного сновидца,

который, впрочем, никогда не стремился к тёмной стороне, но к которому тьма взывала сама.

— И какое отношение этот пожилой человек имеет ко мне, дорогой Саймон?

— Я вижу твоё беспокойство, Селена. Та часть тебя, что рождена тенью долины Сесква, дремлет; но другая, порождённая за пределами космического хаоса, пробуждается. Звёздное вещество, составляющее бóльшую часть твоего существа, стремится вернуться домой. Оно взывает к тебе так же, как ты сегодня призвала его. Тебе не терпится воссесть вместе со своим Старшим Братом у энтропийного трона Абсолютного Хаоса. Безграничный зовёт тебя. Волны его сновидений расходятся по вселенной. И всплеск психической активности возник здесь, в этой населённой призраками долине, я чувствую это своими старыми костями. Ничего подобного не было с тех самых пор, как шестьдесят лет назад божество, что мёртво но видит сны, неуклюже брело по своему затонувшему городу[204]. Ах, эти удивительные сны! Новый знакомый юного Сайруса может

---

[204] Примечания: 204

Пагмаир, вероятно, ссылается на события третьей части «Безумие из морских глубин" (The Madness from the Sea) рассказа Лавкрафта «Зов Ктулху" (The Call of Cthulhu, 1926), происходившие в 1925 году, что противоречит предыдущей датировке, если, конечно, не имеется ввиду что-то другое, или Пагмаир не учитывал хронологию рассказа Блоха.

стать ключом к твоему возвращению.

— И ты узнал всё это из сновидений, навеянных чтением книги, которую ты держишь в руках?

— Да, ты же знаешь, что я часто читаю подобные книги вслух, и поэтому неудивительно, что возникают такие эффекты. Завтра мы отправимся на встречу с Сайрусом и Филипом Найтоном. А сегодня вечером, моя дорогая Селена, долина в последний раз воздаст тебе почести своим безымянным празднеством.

Он протянул ей свою массивную лапу, и девушка увидела, как та взволнованно дрожит. Вдохнув зачарованный воздух, она подняла чёрную как полночь руку, и их пальцы крепко переплелись.

III

(Из дневника Филипа Найтона)

Я не претендую на полное понимание происходящего, но мне это определённо нравится. Нравится новое чувство приключения, это ощущение, что жизнь не проходит мимо. Последние два десятилетия я жил своей спокойной жизнью, наслаждаясь хорошей едой и восхитительной литературой. Но особый интерес к мрачной поэзии всегда таился в глубине меня. И я никогда особо

не задумывался над этим, у меня просто не было причин задаваться вопросом, почему я был так очарован Странными сёстрами в «Макбете"[205], или отчего *outré*[206] истории Генри Джеймса приводили меня в восторг больше, чем его нелепые социальные романы. У меня всегда была склонность ко всему макабрическому — таково моё объяснение, и этого казалось вполне достаточно.

Конечно, я подозревал, что это странный и необычный интерес, поскольку не встречал никого другого, кто тоже испытывал бы его. Думаю, что это и стало началом моего отшельничества. Не найдя никого, с кем можно было бы разделить свою страсть, я с удовольствием оставался дома в окружении любимой литературы. Вот почему меня сразу так привлёк Сайрус, когда я увидел его в читальном зале библиотеки, находившейся всего в трёх кварталах от моего дома. Там он сидел и читал небольшой сборник избранных фантастических стихов Кларка Эштона Смита в мягкой обложке, недавно опубликованный

[205] Примечания: 205

Странные сёстры (Weird Sisters) — три сёстры-ведьмы из пьесы Шекспира «Макбет" (Macbeth), пророчащие восхождение на престол и погибель лорду Макбету, их образ восходит к трём богиням судьбы в античной мифологии.

[206] Примечания: 206

Мистические (фр.)

каким-то нью-йоркским издательством. Что ж, от старых привычек трудно избавиться, а во мне всегда была (как бы выразиться?) склонность к драматизму. И вот я встал немного поодаль от его стола и тихо продекламировал несколько строк из «Жуткой тьмы" Смита[207]:

Волшебный ветер жутко завывает,
И всюду тени мрачные ползут,
Деревьев подражая шелесту, голоса их шепчут и поют…

Нахмурившись, библиотекарь шикнул на меня, но юноша широко улыбнулся и предложил подсесть к нему. Наша увлекательная беседа закончилась тем, что я пригласил его на ужин и познакомил со своей обширной библиотекой. И когда я узнал, что он ищет недорогое жильё, то совершенно неожиданно для себя предложил ему снять за бесценок мансарду в моём доме.

Разве не удивительно, как можно быть оди-

[207] Примечания: 207

Стихотворение К. Э. Смита «Жуткая тьма" (The Eldritch Dark) появилось в поэтическом сборнике «Ступающий по звёздам и другие стихотворения" (The Star-Treader and Other Poems), выпущенном в 1912 году калифорнийским издателем А.М. Робертсоном в твёрдой обложке. В сборнике с мягкой обложкой «Последнее забвение: Лучшие фантастические стихи Кларка Эштона Смита" (The Last Oblivion: Best Fantastic Poems of Clark Ashton Smith) стихотворение было переиздано нью-йоркским издательством «Hippocampus Press" лишь в 2002 году.

ноким столько лет и не осознавать этого, пока в твою жизнь не ворвётся какая-нибудь совершенно очаровательная личность, которая нарушит это одиночество? Его присутствие в моём доме, совместные трапезы и тихие вечера в библиотеке за молчаливым чтением, всё это было похоже на вновь обретённые частички утраченной молодости, и со временем превратилось в великолепные платонические отношения.

Однако прошлой ночью произошло нечто такое, что заставило меня задуматься. И теперь я уверен, что сама рука судьбы привела этого молодого человека в мою жизнь. Мы взяли такси и доехали до довольно убогой части города. Был поздний вечер, но в этом месте кипела жизнь. Шум казался просто невыносимым, как и запах. Для моей затворнической натуры стало настоящим потрясением оказаться в подобной обстановке, среди того, от чего я так старался отгородиться. Тьфу! Толпы безумцев, которые по собственной воле стали пленниками наркотиков и алкоголя!

Что может быть отвратительней, чем покрытое грязью и брызжущее слюной человеческое существо, бродяга, который смотрит на всех с неприкрытой ненавистью, когда его просьбы о

подаянии игнорируются? Быть может спешащие офисные клерки с совершенно пустыми лицами? Я не знаю, всё это казалось таким мерзким и бессмысленным, и вызвало во мне свирепую ненависть, о существовании которой я даже не подозревал.

Моё раздражение длилось всего пару минут, пока Сайрус вёл меня от такси к высоким металлическим воротам, за которыми я увидел узкий мощёный переулок между двумя высокими кирпичными зданиями. Взяв меня за руку, Сайрус толкнул створки ворот, и мы шагнули к неприметной лестнице, спускавшейся к входу в какое-то уединённое заведение.

— Почему бы вам не присесть за столик, Фил, а я закажу нам кофе? — сказал Сайрус.

Я сел, наблюдая, как он подошёл к окошку в стене и протянул кому-то немного денег, а затем вернулся, чтобы присоединиться ко мне. Оглядевшись, я был приятно удивлён царившей здесь атмосферой, резко контрастировавшей с тем, что было снаружи. Множество людей самых разных возрастов сидели за столиками или расположились на больших диванах и тихо беседовали, стояли у стеллажей с книгами и бродили по комнате, изучая висевшие на стенах картины.

Было восхитительно тихо. И когда свет трижды мигнул, Сайрус улыбнулся и шепнул:

— Пришло время для поэтических чтений.

Какой-то богемный тип с растрёпанными волосами, одетый во всё чёрное, и оттого казавшийся ещё бледнее, подошёл к одной из книжных полок и выбрал том, затем вышел на освещённое место и раскрыл книгу.

— Стихотворение Самуэля Лавмена, — объявил он, и начал читать поэму, посвящённую покойному Томасу Холли Чиверсу[208]. Когда парень закончил, аплодисментов не последовало, он поставил книгу на полку и вернулся на своё место. Поднялась пожилая женщина и прочла отрывок из сборника удивительных стихов новоанглийского поэта Эдварда Дерби[209]. После вышел Сайрус, достал из кармана пальто маленькую книжечку и зачитал пару сонетов неизвестного

---

[208] Примечания: 208

Томас Холли Чиверс (1809–1858) — американский врач и поэт, известный своей дружбой с Эдгаром По. Поэма Лавмена была написана в 1923 году и опубликована в сборнике «Гермафродит и другие стихи" (The Hermaphrodite and Other Poems, 1936), а переиздана «Hippocampus Press" в сборнике «Из бессмертной ночи" (Out of the Immortal Night, 2004).

[209] Примечания: 209

Эдвард Пикман Дерби (Edward Pickman Derby) — талантливый аркхемский поэт, прославившийся своим поэтическим сборником «Азатот и другие ужасы". Персонаж появился в рассказе Лавкрафта «Нечто на пороге" (The Thing on the Doorstep, 1933), исследователь С.Т. Джоши соотнёс его с другом Лавкрафта, поэтом и писателем К.Э. Смитом.

мне Уильяма Дэвиса Мэнли[210].

Я пытался решить, стоит ли и мне продекламировать по памяти одно из своих любимых сочинений Эдгара По, когда из самого тёмного угла с мучительной неторопливостью возникло нечто. Тучное существо медленно подкатило свою инвалидную коляску к месту, освещённому бледным светом лампы. Сайрус наклонился ко мне и взволнованно прошептал:

— Это Кайл Гноф[211], слепой поэт. Он настоящий гений, но очень редко выступает!

Я никак не мог избавиться от чувства отвращения при виде этой бесформенной массы раздутой плоти. Никогда раньше я не видел таких рук, кожа на них сильно обвисла тяжёлыми складками, когда они поднялись, сжимая кусок засаленного пергамента. Одна ладонь осторожно разгладила поверхность бумаги, словно нащупывая текст,

---

[210] Примечания: 210

Уильям Дэвис Мэнли (William Davis Manly) — поэт и автор книги «Видения Хройдона" (Visions of Khroyd'hon), впервые упомянутый в рассказе Пагмаира «Существо в долине" (The Thing in the Glen, 1977).

[211] Примечания: 211

Имя поэта Кайла Гнофа (Kyle Gnoph), вероятно, образовано от Гноф-кех (Gnoph-keh) или Гнофки (Gnophkehs) — названия покрытых шерстью, шестилапых, кровожадных каннибалов с острым рогом, упоминавшихся в рассказах Лавкрафта «Полярис" (Polaris, 1918) и 'Ужас в музее' (The Horror in the Museum, 1932), а также в «Притаившемся у порога" (The Lurker at the Threshold, 1945) Дерлета.

написанный шрифтом Брайля. Жалкое существо медленно подняло свою тяжёлую голову, и я различил на его лице остатки того, что когда-то было глазами. Ужасные дряблые губы приоткрылись, выпустив струйку густой слюны, и, неуклюже искривившись, произнесли:

— Утраченная песнь Безумного араба из его книги тёмных сновидений, ранее не публиковавшаяся и обнаруженная лишь недавно. В моём вольном переводе.

Мне было трудно разобрать его речь, но когда он попытался заговорить, я ощутил не жалость, а тепло на сердце. Казалось, я инстинктивно понимал заключённого в этом отвратительном теле прекрасного поэта. Кайл Гноф слепо улыбнулся в пустоту своей идиотской улыбкой, а затем продолжил:

Ньярлатхотеп,
Он явится Всевидящим оком,
Крадущимся в мерцающем сиянии Семи Солнц[212].

---

[212] Примечания: 212

Здесь Пагмаир основывается на фрагменте из повести Лавкрафта «Шепчущий во тьме" (The Whisperer in Darkness, 1930) о пришествии Ньярлатхотепа: «Всё будет поведано Ньярлатхотепу, могущественному Посланнику. И он примет подобие человека, надев восковую маску и одеяния, что скроют его, и спустится из мира Семи Солнц, чтобы притвориться..."

Он остановился, чтобы отдышаться, а затем начал бормотать что-то неразборчивое. Его дрожащие губы жадно хватали воздух, словно в поисках подходящих слов. В этом зрелище, каким бы отталкивающим оно ни было, присутствовало что-то такое, что взволновало меня. И прежде чем полностью осознать свои действия, я сунул руку во внутренний карман и достал флейту, которую нашёл за пределами царства сна. Поднявшись, я подошёл к задыхающемуся поэту и сел перед ним. Поднеся флейту ко рту, я стал наигрывать мелодию, эхом отдававшуюся внутри головы. Масса содрогающейся плоти передо мной разинула пасть и начала устрашающе завывать. Затем он ударил рукой себя по лицу и вонзил обломанный ноготь в лоб, где нацарапал какой-то символ[213].

— В своих метаморфозах мы обретаем вечное перерождение, — выкрикнул он.

Его окровавленная рука протянулась ко мне, и я приподнялся на коленях ей навстречу, на её мизинце я заметил кольцо, похожее на маленький деформированный череп. Влажной густой кровью Кайл Гноф помазал мой лоб. А затем,

[213] Примечания: 213

Данная сцена, как и стихотворение Дерби в начале рассказа, очевидно, служат отсылкой к XXII сонету «Азатот" (Azathoth) из «Грибов с Юггота" (Fungi from Yuggoth, 1929–1930) Лавкрафта.

словно в знак презрения, он быстро поднял свою босую массивную ногу и яростно ударил ею меня по голове.

Когда я пришёл в себя, то обнаружил, что нахожусь дома, в постели, с сильнейшей головной болью. Сайрус сидел рядом, тихо напевая себе под нос, и свет свечей мерцал в его необычно бледных, почти серебристых глазах. В руке он держал резную фигурку, которую я нашёл в Новой Англии, нежно поглаживая её, словно маленького фамильяра. Я посмотрел на эту бесформенную, словно высеченную из камня диковинку при свете свечей, и удивился тому, как сильно в моём бессознательном бреду она напоминала напавшего на меня слепого поэта-идиота.

IV

(Долина Сесква)

Купаясь в серебристом лунном свете, деревья долины Сесква танцевали свой медленный танец под нежную песню ветра. Где-то на горе с двумя вершинами зверь выл на луну, разевая свою пасть и восхваляя её призрачный свет. Под босыми ногами Селена всё меньше ощущала призрачный пульс долины, частью которой она

была, и всё сильнее чувствовала другой, взывавший к ней из космоса. И скоро на этот зов будет дан ответ.

Она медленно шла через рощу, а деревья тянулись своими ветвями к её распущенным волосам. За ней следовали дети долины Сесква, и серебристые глаза этих существ, рождённых сверхъестественной тенью, с обожанием смотрели на её очаровательную эбеновую кожу. Слегка покачиваясь в танце, они двигались в такт размеренной пульсации долины, которая соответствовала ритму их собственных сердец.

Девушка грациозно подняла руки навстречу сгущавшемуся туману, струившемуся к ней по горному склону. Она улыбнулась неясной фигуре, двигавшейся во мгле — высокому парню, чьё худощавое тело было облачено в алые как закат одеяния, его массивные руки затянуты в блестящие перчатки, такие же чёрные, как её собственная кожа, а лицо скрыто тёмной вуалью. Его голова была увенчана тройной короной из белого золота, и девушка почтительно склонилась перед ним. Позади него в туманном воздухе она увидела семь алебастровых сфер, пылавших словно солнца. Её глаза заблестели, когда эти сферы начали темнеть и чернеть, они величе-

ственно расправили свои крылья и устремились к ней. Одна из них запустила когти в развевающиеся рыжие волосы, и девушка почувствовала исходящий от безликого существа дух мира снов, из которого оно пришло.

Человек в маске обнял её и закружился в танце. Вслед за ними, пробираясь через траву и сорняки, по земле ползли тени долины, воспевавшие магическими словами звёздный свет. Пара замерла, и Селена прижалась губами к тёмной вуали, скрывавшей лицо Саймона, ставшего воплощением того, кто вскоре заключит её в объятия и поведёт за грань к кислотному трону Безграничного.

V

(Из дневника Филипа Найтона)

Мы сидели в тихом уголке полупустого кафе, потягивая напитки и тихо разговаривая. Я мельком изучал друзей своего жильца, этих существ из неизвестного мне города. Чернокожая девушка особенно очаровала меня, поскольку её кожа хоть и была черна как ночь, её лицо совершенно не имело африканских черт. В ней ощущался намёк на что-то благородное и экзотическое, а таких серебристых глаз как у неё, я никогда

раньше не встречал. Спутником девушки был худощавый парень со смуглой кожей, чрезмерно широкими плечами и большими руками, скрывавший своё лицо под широкими полями шляпы. Я никак не мог увидеть его глаза, но вот его рот имел странную форму и двигался с какой-то неестественностью. А его одежда хоть и выглядела новой, была пошита по моде прошлых десятилетий.

— Вы понимаете, — сообщил этот гротескный джентльмен, — что большинство инопланетных существ, о которых написано в изъеденных червями фолиантах и истлевших рукописях, не более чем порождения снов. Человеческий мозг, как бы я ни высмеивал его, необычайно могущественен и способен на удивительные вещи, хотя это обычно является простой случайностью, непреднамеренным и хаотичным результатом невероятно сильного бреда. Альхазред был именно таким случаем. Больше половины его «Аль-Азифа" не что иное, как записи о демонах, увиденных им в безумных сновидениях.

Его слова беспокоили меня. Он говорил о человеческом роде так, будто сам не принадлежал к нему. И непринуждённая манера, в которой он разглагольствовал о тёмных материях, напом-

нила мне, что я вступил в причудливый мир, который не мог постичь. В самом деле, я будто попал в сон. И глядя на Сайруса, я видел в его глазах такое же сильное волнение, когда он зачарованно слушал этого парня по имени Саймон.

— Возьмём, к примеру, «Тех, что в воздухе», о которых вы, Филип, читали в стихах Дерби. Он писал, что их призывают многократным повторением формулы Дхо, и что они не могут явиться без пролития человеческой крови, благодаря которой принимают телесную форму[214]. Тьфу! Разве нуждается внеземное божество, появившееся тысячелетия назад в эпохи, предшествовавшие тому тёмному периоду, когда жизнь в океане только зародилась, в такой помощи смертных? Эта идея нелепа. А ведь есть серьёзные «исследователи», которые верят в подобную чушь. Я встречал нескольких таких в Мискатонике. И всё же, *существуют* сущности, порождённые болезненными видениями безумцев — силой столь же смертоносной, как ядерный кошмар Эйнштей-

[214] Примечания: 214

Пагмаир основывается на тексте из дневника Уилбура Уэтли в рассказе Лавкрафта «Ужас Данвича" (The Dunwich Horror, 1928) и фрагментах из «Дневника Алонзо Тайпера" (The Diary of Alonzo Typer, 1935), написанного на основе заметок Уильяма Ламли, в которых говорится о формулах Дхо и Акло, позволяющих призвать и увидеть «Тех, что в воздухе" (They from the Air).

на. — Он усмехнулся. — Что за демоническая сила! Человеческий мозг может создавать свою собственную реальность, этот напряжённый орган способен вызывать и излечивать болезни, сумасшествие и смерть, порождать в воображении множество тварей, богов и дьяволов. А легенды об этих существах описаны в текстах бесчисленных фолиантов по некромантии. Всё это так необычно.

Я кашлянул.

— И кем же вы считаете меня, мистер Уильямс?

— Вы, любезный сэр, являетесь исключительным случаем, проводником в глубочайшие бездны сна. Вы не вызывали созданных вашими снами сущностей, вас самих призвали те, кто пришёл Извне. Вы пешка в их дерзкой игре.

— Каким беспомощным я чувствую себя из-за вас, — пробормотал я.

Молчавшая всё это время девушка внезапно пошевелилась и медленно поднесла руку к моему лицу. Я ощутил исходящий от неё землистый запах, который смутно замечал, когда находился рядом с Сайрусом, тогда я считал, что это его лосьон после бритья или что-то в этом роде. Запах, довольно сладкий и не вызывавший

отвращения, сильнее всего исходил от Саймона Уильямса. Но был и другой аромат, который напомнил мне о чём-то, что я смутно припоминал из тех времён, когда пробуждался от крепкого сна. Девушка по имени Селена дотронулась своей прохладной рукой до моего лба, и я ахнул, когда потемнело в глазах.

— Твоя душа, — проворковала она, — прикоснулась к внешним областям, где обитает Безграничный, тот, чьим воплощением служит мой Старший Брат. Пожалуйста, помоги мне пересечь космический предел.

А затем она опустила руку и положила поверх моей. Зрение прояснилось, и я увидел её прелестное лицо.

Я интуитивно чувствовал, что эти существа (ибо как ещё я мог их назвать?) таили в себе невероятную силу. Но при этом они действительно нуждались в моей помощи! И, несмотря на все разговоры Саймона о «ничтожной" роли человечества, он требовал от меня открыть ему путь, который я отыскал в глубинах сна — оказать услугу, сути которой я не понимал, но которую мне хотелось выполнить для него. Для них всех.

Я нежно поднёс изящную руку девушки к своим губам, и она вздрогнула от моего поцелуя.

Когда же я заглянул в её серебристые глаза, мне показалось, что я могу различить в них целое море эмоций.

VI

(Сайрус Линчвуд)

Я стоял в библиотеке, потягивая вот уже третий бокал виски. Но опьянение никак не могло обуздать растущего волнения. Взглянув на своего пожилого домовладельца, я заметил, что и он тоже дрожит в нетерпении. Конечно, он старался выглядеть хладнокровным и собранным, сидя за столом и нервно поглаживая пальцами маленькую кедровую шкатулку, в которой лежала *outré*[215] флейта. Наконец, он больше не мог сдерживать эмоции.

— Где они, чёрт возьми? — спросил он.

— Успокойтесь, мистер Найтон, они готовятся. Саймон любит превращать всё в фарс.

Не успел я это сказать, как Саймон Грегори Уильямс влетел в комнату, преисполненный ликования. На нём не было шляпы, и он не потрудился скрыть свои истинные черты, которые

---

[215] Примечания: 215
Причудливая (фр.)

являются нашим наследием. Я не мог сдержать улыбку, наблюдая за выражением испуга на лице мистера Найтона, и, подойдя к нему, ободряюще положил руку на его плечо.

— Да! — воскликнул Саймон, расхаживая по комнате с вытянутыми перед собой руками и широко растопыренными пальцами, словно ощупывая призрачную атмосферу. — Это действительно врата! Я редко когда ощущал такое *присутствие*. Здесь одно из тех диковинных мест на Земле, где пересекаются миры. Сайрус, помнишь, я рассказывал тебе о вратах, которые обнаружил на улице Рю д'Осей[216]? Чистая случайность, точнее, чистый инстинкт привёл меня туда. Я почувствовал сверхъестественный запах эфира среди зловония тёмной речной воды. Там были полуразрушенные фабрики, серый дым которых заслонял солнечный свет. И в этом смоге я заметил запах крови, оставшийся от сновидцев прошлого, от тех редких душ, что заманили в это нечестивое место. И здесь очень похожее место, поэтому, Филип, когда мы закончим, вы должны

---

[216] Примечания: 216

Рю д'Осей (Rue d'Auseil) — название парижской улицы в рассказе Лавкрафта «Музыка Эриха Цанна" (The Music of Erich Zann, 1921). Согласно Джоши, название образовано от французского «au seuil», что значит «на пороге" и указывает, что окно на чердаке Цанна, как и сама исчезнувшая улица, находились на границе с потусторонним.

рассказать мне историю этого дома. Были ли в вашем роду какие-нибудь необычные предки? Но об этом позже, а сейчас начнём нашу магическую прелюдию. — Он устремил жадный взгляд на кедровую шкатулку. — Скажите на милость, что там у вас?

— Нечто невероятное, — заверил его пожилой джентльмен, осторожно открывая шкатулку и вынимая из неё ониксовую флейту.

— Ну надо же! — Саймон выхватил флейту из его рук и вперился в неё своим пугающим взглядом. — Предмет явно не из этого мира, *поразительно*! — Он продемонстрировал мне флейту. — Парень, помнишь, я показывал тебе ту статуэтку в Мискатоникском университете, которую вылепил психически сверхчувствительный юноша по имени Уилкокс[217]? Какой великолепной была его работа, она содержала в себе неземную силу. И всё же она была сделана

---

[217] Примечания: 217

Генри Энтони Уилкокс (Henry Anthony Wilcox) — персонаж первой части «Ужас в глине" (The Horror in Clay) рассказа Лавкрафта «Зов Ктулху», «психически сверхчувствительный" (psychically hypersensitive) скульптор, увидевший во сне затонувший город Рлиех и заточённое в нём древнее божество Ктулху, и воплотивший этот кошмар в глиняном барельефе, который представил профессору Брауновского университета. Данный эпизод был основан Лавкрафтом на сновидении 1920 года, в котором он так же обратился к хранителю музея в Провиденсе с необычным глиняным барельефом.

человеческими руками. А это…

Он осторожно поднёс флейту к губам и мягко подул в неё. По комнате пронёсся низкий звук, и немного потемнело. В дверном проёме возникла фигура девушки. На ней было платье из жёлтого шёлка, облегавшее её изящное тело. Роскошные рыжие волосы, ниспадавшие почти до щиколоток, сияли в свете множества мерцающих свечей, которые велел зажечь Саймон. Она неторопливо подошла к тому месту, где сидел мистер Найтон, и, соблазнительно наклонившись, поцеловала его в лоб.

— Мы выражаем вам нашу глубочайшую признательность, Филип. Вы уникальный сновидец. — Её губы приблизились к его рту, и по испуганному выражению лица старика я понял, что он никогда ещё не испытывал ничего подобного.

Саймон вдыхал горячий живой воздух в музыкальный инструмент у своего рта. Не в силах больше сдерживаться, я позволил человеческой маске медленно сползти с моего лица и открыться сескванским чертам. Домовладелец, освободившийся от поцелуя Селены, изумлённо уставился на мой истинный облик. Улыбнувшись, я подмигнул ему, а затем закрыл свои серебристые глаза и

прислушался к музыке флейты, за ней я услышал другой звук — шум потусторонних ветров. Это был шум, который я уже слышал той ночью.

Девушка величественно воздела руки в знак приветствия. Зрение начало затуманиваться, и комната странным образом расплылась, словно утратив свою материальность. Это было потрясающе! Проступили неясные очертания фигуры, зажавшей в своей неуклюжей лапе треснувшую флейту. Над ней я скорее ощущал, чем видел, кружившихся существ, похожих на летучих мышей, которые двигались в поклонении Безграничному, этому демону Абсолютного Хаоса. Я знал, что смотрю на то, чего никогда не следует видеть. Моё лицо горело и пульсировало, будто его черты были гротескно изуродованы. Краем глаза я заметил, как Филип Найтон прикрыл глаза и съёжился в кресле. У ног старика расположились двое существ, бесформенных, похожих на маленькую статуэтку, которую он показал мне в ту ночь, когда для меня началось это безумное приключение.

Звуки, наполнявшие комнату, достигли своего апогея, когда из космической тени появилась ещё одна фигура. Это было безликое существо, чёрное как ночь, с тройной короной на голове. Напевая,

Селена бросилась к нему, опустилась на колени и завыла, когда существо запустило свои когти в её распущенные волосы. Комната наполнилась шумом и движением неземного ветра. Мне казалось, что его стремительный поток вот-вот сдерёт кожу с моего лица. И всё же я не мог отвести глаз от этих двух чёрных существ, одно из которых яростно тянуло другое за волосы. Богиня поднялась, сбросив с лица человеческую маску. Её облик был чудом живой тени, в которой тлели эбеновые точки полуночного звёздного света. Её Старший Брат снял со своей головы тройную корону из алебастрового золота и надел на неё.

Я обернулся на звук восторженного визга и увидел Саймона, чьё лицо было скрыто за маской тумана, он бросил зачарованную флейту мистеру Найтону, который поднял голову, услышав его ликующий возглас. Внезапно Саймон оказался рядом со мной, целуя меня в перекошенное лицо и притягивая к Селене. Демонический ветер завывал у нас в ушах, и когда он проникал в поры нашей кожи, мы вкушали воспоминания, которые он принёс — воспоминания о тех, кто мёртв но видит сны, о Древних, что пребывают за гранью реальности. Боже, это было восхитительно! Мы яростно щёлкали челюстями и

выворачивали свои конечности. Изменившиеся, мы преклонили колени как истинные звери перед божеством потустороннего. Я рассмеялся, когда одно существо, похожее на летучую мышь, подлетело к мистеру Найтону и выхватило у него из рук ониксовую флейту. Оно зависло перед лицом старика, а затем коснулось тонким когтем его лба. Я всмотрелся в оставленную им отметину, из разорванной плоти медленно проступила густая кровь. И вновь засмеялся, когда пожилой джентльмен упал на колени, а алая струйка устремилась ему в рот. Выражение его старческого лица соответствовало моему собственному ощущению этой экстатической анархии.

Саймон Грегори Уильямс поднял свою звериную морду и завыл. Разинув пасть, я вторил его нечестивому вою. То, что раньше было Селеной, а теперь соединилось со своим божественным братом, подплыло к нам, словно порождённый сном суккуб, и коснулось наших пылающих лиц эфемерными руками. И наши языки в упоении заскользили по её ладоням.

Перевод: А.Лотерман

Примечания переводчика:

Рассказ Уилума Пагмаира «За вратами глубокого сна" (*Past the Gate of Deepest Slumber*) был опубликован в сборнике «Плесневое пятно и другие фантазии" (*The Fungal Stain and Other Dreams*) 2006 года. Название основано на фразе о спуске Рэндольфа Картера по семистам ступеням к Вратам глубокого сна в начале повести «Сновидческие поиски неведомого Кадата" (*The Dream-Quest of Unknown Kadath*, 1926–1927), а сам сюжет обращается к мотивам «Снов в Ведьмином доме" (*The Dreams in the Witch-House*, 1932), «Гипноса" (*Hypnos*, 1922), и прочих рассказов Лавкрафта.

Роберт М. Прайс
Под надгробием

К вечной жизни никто не стремится, кроме дураков.
Мудрый вместо этого жаждет покоя забвения.
Ты сможешь уснуть и отдохнуть в гробу,
Что станет твоим щитом от нежелательных гостей.
И если Старший Знак начертан на глине,
Он будет держать бессменную вахту против шаркающего врага.
— Книга Иода

Robert M. Price «Beneath the Tombstone», 1984

Предисловие автора

Эта история началась как дружеская пародия на фантастический рассказ Августа Дерлета в духе Лавкрафта, изданный в шестом номере

журнала «Crypt of Cthulhu». В расширенной и переписанной форме она стала чем-то большим, чем дань Дерлету, и появилась на страницах журнала «Footsteps». Но это также дань уважения и Генри Каттнеру. История использует некоторые из характерных тем Каттнера, такие, как мертвец, ожидающий в могиле, и «Книга Иода». Возможно, главная концепция этой книги-каббалистическая, поскольку Каттнер использует такие термины, как Тиккун и Кадеш. Гностический элемент проистекает из-за сходства между словами «Iod», и «Iao», греческого сокращения имени «Yahweh», которое часто использовалось в синкретической магии эпохи эллинизма (см. Ханс Дитер Бетц (ред.), «Переводы греческих папирусов по магии», и Джон Гейджер, ред., «Проклятые таблички и связывающие заклинания из древнего мира»); ср. с «Io Sabbaoth, Ialdabaoth», в гностических текстах.

В рассказе «Под надгробием», содержится первое упоминание о таинственной деревушке Тофет, штат Пенсильвания, о которой позднее напишет и Лин Картер. Это название является одним из обозначений, используемых пророком Иеремией для проклятой Долины Хинном, находящейся за пределами Иерусалима, где почитатели

Молоха когда-то приносили в жертву младенцев. Позднее эта долина превратилась в мусорную свалку, куда сбрасывали тела тех, кто не мог получить достойного погребения на священной земле. Тофет — исторический прототип того места, «где червь не умирает, и пламя никогда не гаснет».

Первая публикация: «Footsteps TV», 1984.

I

Не могу точно сказать, почему мой эксцентричный дядя Авессалом выбрал меня в качестве наследника его мирского имущества. Бог знает, что у него остались и другие родственники, которые были ему ближе, чем я, или, по крайней мере, я предполагал, что они где-то существуют. Во всяком случае я мог лишь вспомнить, что со времён семейных праздников моего детства я мало общался со своим дядей. Я не мог представить себе, почему он вдруг вспомнил обо мне.

Тем не менее, 5 марта я сложил свои вещи в машину (это было достаточно легко сделать, так как вещей у меня мало) и отправился в старый особняк, находящийся среди низких холмов округа Ланкастер, что в штате Пенсильвания. Маленькие города никогда мне особо не нравились,

но время было такое, что я не собирался отказываться от свободного дома, независимо от того, в каком он состоянии и в какой глуши находится.

Деревушку, в которой поселился мой дядя, было не так-то просто найти. На дорожных картах она не значилась, и даже местные жители, у которых я спрашивал, как проехать к деревне, похоже, не слышали о Тофет. Возможно, я неправильно произносил это слово. Я лишь знал, что название для деревни было взято из Библии, но это же относилось и к большинству других городов и деревень в этом районе. Этот факт стал очевидным, когда я бесцельно проехал через некоторые из них. Если мне суждено было заблудиться, то округ Ланкастер выглядел, по крайней, мере живописным местом для этого. Но к вечеру я всё же нашёл Тофет, благодаря указаниям владельца небольшого магазина и автозаправки возле дороги.

Деревня оказалась крошечной, действительно захолустной. Когда я оказался там, для меня уже не составило труда найти дом дяди Авессалома. На самом деле он был расположен в нескольких милях от остальной части деревни, поэтому мне стало интересно, подпадает ли моё наследство под муниципальную юрисдикцию. Старый дом возвышался во всём своём декадентском вели-

чии посреди дикой сельской местности. Он был в довольно хорошем состоянии, хотя и мрачным на вид. Это впечатление усиливалось благодаря серии нарисованных мелом и краской колдовских знаков высоко над карнизом. Конечно, я весь день видел подобные символы и мемориальные доски и оценил их как настоящие образцы народного творчества. Но я постоянно задавался вопросом: насколько серьёзно местные фермеры из амишей и меннонитов относятся к этим колдовским знакам? Вряд ли эти благочестивые люди использовали колдовские символы в качестве украшения, но, безусловно, их религия была одинаково недружелюбна и к суевериям, и к ведьмам с их проклятиями.

У меня был ключ, и несмотря на то, что замок был ржавый, он легко открылся; я вошёл в дом и стал осматриваться. Даже для того, чтобы обойти первый этаж, мне понадобилось много времени. Проходя из передней через гостиную и кабинет, я был весьма впечатлён декором. Обшитые дубовыми панелями стены должны были придавать интерьеру определённое ощущение тепла, но почему-то этого не чувствовалось. Возможно, это произошло из-за пренебрежения к искусной работе по дереву. В течение короткого времени,

прошедшего с момента смерти моего дяди, покрытие лаком не могло стать таким тусклым, если бы его не игнорировали задолго до этого. Дядя Авессалом, должно быть, не разделял привередливость предыдущего поколения. Возможно, он, как и многие эксцентричные отшельники, вообще не обращал внимания на мирские вещи, его разум был занят чем-то другим. Ржавый замок на входной двери уже являлся признаком того, что дядя не заботился о мелком ремонте. Фактически, единственная работа по дому, которая, кажется, его беспокоила, — содержать ковёр в чистоте; я заметил это только потому, что загадочные геометрические узоры в переплетении нитей ковра привлекли моё внимание. Они не были бы настолько отчётливыми, если бы старый Авессалом не ухаживал за ковром. Что-то в этом странном переплетении показалось мне знакомым, возможно, случайное сходство с колдовскими символами на внешней стороне дома. Что ж, это неважно.

В кабинете мой взгляд переместился от унылой отделки стен к забитым книгами полкам и, наконец, к портрету в раме, висящему над камином. Конечно, портрет изображал самого дядю Авессалома. Как я уже говорил, я не видел

этого человека с детства, но лицезрение этой картины мгновенно заполнило пробелы, которые годами увеличивались в моей памяти. Это действительно он. Мастерство художника ухватило даже намёк на скуку и раздражение, которые старик, должно быть, испытывал, позируя для портрета, — трудная работа, навязанная ему, без сомнения, каким-то надоедливым кузеном. Насколько же родственники раздражали этого человека, стремящегося только к молчанию, чтобы он отверг их притязания и оставил своё имение только мне!

Во всяком случае, я стал его наследником, и имущество моего дяди было достаточно дорогим, несмотря на довольно странный пункт в его завещании, что я должен сжечь несколько книг из обширной библиотеки и засыпать удивительно большой подвал в доме.

Вскоре я приготовился выполнить первое из этих обязательств, и развёл огонь в огромном старом камине. В любом случае, мне нужно тепло, рассуждал я, поэтому почему бы мне заодно не позаботиться и о деле? Чем быстрее я исполню завещание, тем скорее собственность станет моей по закону.

Я легко нашёл нужные книги; видимо дядя

надеялся, что они смогут последовать за ним в загробный мир. Некоторые книги содержали порнографические иллюстрации довольно захватывающего характера, исследующие глубины извращений, которых я даже не мог вообразить. Эти книги отправились в огонь. Мне было достаточно пролистать несколько страниц, чтобы почувствовать тошноту, так что я с облегчением обратился к остальным книгам.

Некоторые из их названий ни о чём мне не говорили, хотя, когда я учился в колледже, иностранные языки были моим любимым предметом, и некоторые из странных книг пробудили моё любопытство. Одна из них, «Книга Иода», была написана на греческом и коптском языках и, похоже, являлась каким-то сочинением гностиков. «Каббала Сабота», служила, по-видимому, трактатом по ангелологии, составленным на какой-то варварской версии языка идиш, которая для меня не имела никакого смысла. Ещё одну книгу, «Исповедь Безумного Монаха Клифануса», я мог прочесть, но её написали на испорченном латинском языке. Я смутно вспомнил, что слышал об этом неясном образце обширной литературы средневековья.

Может быть, некоторые из этих книг достойны

того, чтобы сохранить их или продать? Они могут представлять интерес для эксперта, который знает, что с ними делать. Тем не менее, я не хотел нарушать условия завещания и рисковать потерей своего наследства. Однако ничто не мешало мне неторопливо просматривать коллекцию.

Наконец, в моих руках оказалась книга, которая заинтриговала меня сильнее всех остальных. Моей первой реакцией было лёгкое отвращение, так как её обложка казалась неприятной и похожей на человеческую кожу. Не меньше сбивал с толку и совершенно незнакомый мне язык книги (переложенный на английские буквы). Единственное понятное слово я нашёл в частичном переводе названия книги, написанного почерком моего дяди на титульной странице — «Текст Рльеха». Я попробовал применить свои знания языков, прочитав несколько подчёркнутых слов на странице, где дядя оставил закладку: «мглв' нафх фхтагннгах кф 'айяк 'вулгтмм вугтлаг'н…»

Слова эхом отдавались в большой комнате, а затем растаяли на фоне потрескивания дров в камине. Тем не менее уже наступил вечер, и я решил отложить все свои дела на следующее утро.

Подготовив одну из кроватей на втором этаже, я лёг спать. День был трудным, и вскоре я заснул;

меня беспокоил только ненормально громкий хор лягушек, а также вой ветра в кронах деревьев неподалёку от дома. И все же, вероятно, что эти звуки беспокоили меня больше, чем мне тогда казалось, ибо мои сны были пронизаны видениями огромных форм, полуящериц, полуосьминогов, выстроившихся в ряд на фоне лесных склонов и резных каменных стен.

II

Проснулся я не особо отдохнувшим. Приготовив лёгкий, холодный завтрак, я отнёс тарелку в кабинет, где снова стал просматривать содержимое библиотеки. Дядя Авессалом собрал в папку вырезки из местных газет, посвящённых причудливым, но, казалось бы, не связанным между собой происшествиям. Несколько статей из «Ланкастер Рекорд», относились к необъяснимым исчезновениям и увечьям крупного рогатого скота. Все эти вырезки выглядели как материал, который нужен был лишь для того, чтобы чем-то заполнить последние страницы газеты. То, что дядя хотел найти в этих странных вырезках, находилось за пределами моего понимания, но я уже видел адекватные доказательства непристойных и похотливых вкусов старика.

Мои размышления прервал стук в дверь. Я содрогнулся от этого звука, осознав тишину, охватившую дом с предыдущего вечера. Открыв входную дверь, я увидел местного полицейского. Он был средних лет и смотрел на меня подозрительно, но, казалось, он немного расслабился, пока мы разговаривали. Оказалось, что этой ночью у одного фермера исчезла пара призовых быков. Офицер ездил по округе в поисках каких-либо следов похитителей, когда заметил дым из моей трубы. Зная, что Авессалом Мюллер умер примерно месяц назад, полицейский посчитал необходимым проверить его дом. Я представился племянником старого Авессалома и его наследником Уильямом. Офицера, казалось, удовлетворил мой ответ, и он направился к своей машине, чтобы продолжить поиски. Однако на полпути он обернулся и спросил: планирую ли я поселиться в Тофет? Достаточно естественный вопрос, конечно, даже вежливый при обычных обстоятельствах, но я не мог не заметить определённую тревогу в поведении полицейского, когда сказал, что да, я надеюсь обосноваться в этой деревне.

Закрыв дверь, я стал думать над тем, что подразумевал вопрос офицера. Моя первая мысль

— дядя Авессалом получил какую-то сомнительную репутацию среди местных, и это было не трудно представить, учитывая их деревенское благочестие и его довольно отвратительные вкусы. Что такое он натворил, чтобы заработать себе такую дурную репутацию? Но меня беспокоило то, что я вполне мог унаследовать статус своего дяди-изгоя. Очень плохо обустраивать жизнь в новом месте с таким к себе отношением. Я решил, что книги и документы могут подождать. Возможно, визит в деревню даст ответ на некоторые из моих вопросов.

Я посчитал, что к тому времени, когда я приведу себя в порядок и войду на главную улицу Тофет, большинство горожан будут уже на улице, тем более что это было прежде всего сообщество мелких фермеров, которые просыпались на рассвете. Правда, более вероятно, что они будут заняты своими делами, но я надеялся, что смогу встретиться, по крайней мере, с некоторыми из моих новых соседей. Если бы я не нашёл никаких подсказок относительно моей (возможно, воображаемой) тайны, то я хотя бы мог показать всем, что я не чудовище, и возможно завёл бы несколько новых знакомств. С такими планами я отправился в деревню.

Но мои надежды не оправдались. Самый дружелюбный ответ, который я мог получить от нескольких жителей, к которым я обратился, был поспешным «приятно познакомиться», и я подозревал, что даже эти скудные слова не отражали того, что они думали на самом деле. Неужели они боялись меня как преемника дяди Авессалома и продолжателя каких-то его злых дел? Или они просто невежественные крестьяне, которые содрогались от контакта с любым приезжим? Последнее, в конце концов, было вполне вероятным; мне показалось, что лица многих увиденных мной деревенских жителей очень похожи, явный намёк на кровосмешение с последующим психическим упадком.

Мне пришла в голову одна идея, и, купив нужные продукты, я вернулся в свою машину, направляясь к придорожной заправке, мимо которой я проезжал вчера. Старик, который там работал, знал, где находится Тофет, и возможно, он мог поведать мне что-то ещё. И не будучи жителем этой деревни, он может быть менее молчаливым, чем другие.

Но и здесь меня ждало разочарование. Когда я прибыл на автозаправку, дверь в магазинчик была закрыта, а жалюзи на окнах опущены. Свежие

следы шин в пыли и другие маленькие подсказки заставили меня задуматься: не спрятался ли кто внутри? Тишина в этом месте казалась напряжённой, словно владелец заправки и его клиенты увидели, как я приближался, и отчаянно искали, где спрятаться. Озадаченный, я вернулся к машине и поехал в свой дом, решив осмотреть его получше. Но когда я вырулил на дорогу, я увидел проблеск чего-то, что ускользало от меня до этого. Внезапно я заметил импровизированный магический символ, нарисованный на большом диске, вырезанном, скорей всего, из цинкового таза. Кто-то пригвоздил его к передней стене магазинчика над дверью. Каким-то образом я не заметил этот диск пару минут назад, но это можно объяснить моим замешательством. Но я точно был уверен, что этого диска вчера не было!

К полудню я вернулся в дом, еще более озадаченный, чем раньше. Я решил, что ответ на мучающий меня вопрос может находиться только в книгах моего дяди, в тех самых книгах, которые я чуть не отправил в огонь накануне вечером. В них я прочёл о фантастических сущностях с такими именами, как Левиафан, Демогоргон, Азатот, Зеемебооч. Каким-то образом я понял, что это были те самые существа, которые мне сни-

лись прошлой ночью! Какими исследованиями занимался дядя Авессалом? И ещё хуже — какими делами?

III

Ещё раз мои мысли были прерваны, на этот раз странным звуком — подо мной. Подвал! Поглощённый адскими книгами своего дяди я совсем забыл о втором пункте завещания. Следуя за звуком, насколько мне удавалось (он теперь угасал), я спустился в подземную комнату. До сих пор я слышал только отражённые звуки, которые могли быть эхом предсмертной агонии какого-то зверя. Но когда звуки прекратились, я увидел, что подвальное помещение наполнено ужасающим зловонием, как на скотобойне. На каменном полу кто-то разбросал скелеты одной или нескольких коров. А может, тех самых пропавших быков? Они почти закрывали собой следы от кругов и пентаклей, когда-то начерченных мелом.

Когда наступила ночь, я был уже в двух милях от деревни, перелезая через ограду Тофетского кладбища. Видите ли, вернувшись к коллекции оккультных книг в кабинете, я просмотрел их заново, ещё более отчаянно нуждаясь в какой-то подсказке. И я верил, что в подчёркнутом сти-

хе из «Книги Иода», я нашел ответ. Я перевёл его приблизительно, как смог, и почувствовал уверенность, что конец всего ужасного дела находится здесь, в месте последнего упокоения моего дяди.

После недолгих поисков я нашёл нужную могилу и стал раскапывать её, подавляя чувство отвращения. Наконец, моему взору открылась крышка гроба. С некоторым удивлением я заметил, что гроб был уложен так, что надгробие стояло над его серединой, а не над головой покойника, как это было принято. Таким образом, чтобы откопать гроб на всю длину, мне пришлось сдвинуть могильный камень. Само надгробие любопытного дизайна не имело ни традиционной прямоугольной формы, ни формы креста. Оно выглядело скорее, как пятиконечная звезда, с каким-то узором, вырезанным на ней. Без могильного камня, поднятие гроба на поверхность стало сравнительно простым делом.

Я сделал паузу, на мгновение испугавшись порывов ветра, которые, казалось, вырвались из ниоткуда. Успокоившись, насколько позволяла окружающая обстановка, я приготовился посмотреть на труп. Но снимая крышку с гроба, я оказался не готов к открывшейся мне картине.

Тело моего дяди было таким же, как на портрете. Он казался не мёртвым, определённо не разложившимся, а просто спящим. И всё же я лишь мельком видел его в таком состоянии. Крышка гроба открывалась с трудом, и я был вынужден с огромным усилием оттолкнуть её. Когда крышка откинулась, петли разрушились, как и камень в форме звезды, на который она упала. При этом глаза моего дяди Авессалома распахнулись с выражением чистого ужаса, мгновенно передавшимся мне, когда я увидел, что последовало за этим. Ибо его прежде неподвижное тело стало покрываться кровавыми бороздами, словно его раздирали невидимые когти!

Следователи того полицейского участка, где я сейчас нахожусь, обвиняют меня в осквернении трупа, но я слишком хорошо знаю, что расчленение дяди Авессалома было работой какого-то жуткого существа, которое я выпустил на свободу, беспечно прочитав древнее заклинание, и благодаря моей глупости оно получило доступ к защищённому до этого телу моего дяди!

О Роберте Прайсе

Роберт М. Прайс работал редактором журна-

ла «Crypt of Cthulhu», четырнадцать лет. Его очерки о Лавкрафте выходили в таких изданиях, как «Lovecraft Studies», «The Lovecrafter», «Cerebretron», «Dagon», «Etude Lovecraftienne», «Mater Tenebrarum», и в «An Epicure in the Terrible and Twentieth Century Literary Criticism». Его хоррор-фантастика издавалась в «Nyctalops», «Eldritch Tales», «Etchings & Odysseys», «Grue», «Footsteps», «Deathrealm», «Weirdbook», «Fantasy Book», «Vollmond», и других журналах. Он редактировал антологию «Tales of the Lovecraft Mythos», для издательства «Fedogan & Bremer», а также «The Horror of It All», и «Black Forbidden Things», для «Starmont House». Ещё им изданы книги: «H. P. Lovecraft and Cthulhu Mythos», («Borgo Press») и «Lin Carter: A Look behind His Imaginary Worlds», («Starmont»). В дневное время Роберт М. Прайс — богослов, учёный Нового Завета, редактор «Журнала Высшей Критики», и пастор Вселенской Церкви Святого Грааля.

Перевод: А. Черепанов

Роберт М. Прайс

Опиумная война Чёрного Тонга

Robert M. Price «Dope War of the Black Tong», 1996

Жуткий дым клубился в этом месте, как будто кто-то открыл окна и впустил туман, который постоянно поднимался со стороны гниющих причалов и пытался проникнуть в каждую замочную скважину на Ривер-стрит. Но сегодня вечером туман выглядел по-другому, с горьким привкусом опиума, и, тем не менее, даже эти слова не подходили для его описания. В комнате с низким потолком царила почти такая же тьма, как и на улице. Слабое, потрескивающее пламя свечей, прикреплённых к влажным стенам, освещало только лежащие на спинах фигуры обычных наркоманов с Ривер-стрит. Они перебирались из одного опиумной курильни в другую, хотя в последние дни некоторые из них вошли именно в эту нору, и больше их никто не видел.

Наркотическая Нирвана приносила им фальшивый покой, за который приходилось платить высокую цену, но сегодня она была ещё выше, чем обычно. На мгновение эта картина застыла, а затем тяжёлая дубовая дверь распахнулась

внутрь, словно от удара средневековой осадной машины. Конечно, даже это волнение не могло привлечь внимание ушедших глубоко в себя жертв опиума, но внезапный шум, похожий на взрыв, оживил нескольких мужчин, которые, должно быть, симулировали наркотическое оцепенение. Сбросив покрывала и шали, горстка сильных, вооружённых восточных людей, национальность которых была не видна в этом густом мраке, бросилась, как сибирские тигры навстречу какой-то армии, вторгшейся в их тайное убежище. А это действительно *оказалась* армия — армия по имени Стив Харрисон.

Отряд из одного человека с Ривер-стрит твёрдо встал на ноги, в его руках неожиданно появились два одинаковых пистолета из воронёной стали, и они начали извергать град правосудия белого человека в толпу азиатских головорезов. Когда патроны закончились, Стив отбросил пистолеты в сторону и потянулся за гуркским ножом, который он прятал за поясом на восточный манер. Нож опустился с силой гильотины, расколов череп первого из убийц, и это позволило Харрисону избежать дождя пуль и добраться до следующего азиата. Кровь Гималаев забрызгала Стива, когда он вытащил клинок из разрубленной головы,

сумев увернуться от удара меча, направленного на него. Поймав ныряющую к нему руку между своим локтем и боком, Харрисон удерживал врага достаточно долго, чтобы снова пустить в ход свой клинок. Он разрубил человека почти пополам, частично используя инерцию его движения, чтобы полностью не разрубить тело и не задеть себя своим же клинком.

Только случайность спасла детектива от следующего убийцы, так как он чуть не поскользнулся в потоке крови под своими ногами. Неловко споткнувшись об отрубленную конечность, Стив избежал удара дубинкой, нацеленной ему в череп. Его чёрные волосы раскачивались как плети от напряжения, голубые глаза горели ненавистью и решимостью. Отпустив клинок, он нанёс хороший старомодный удар по единственному врагу, ещё стоящему на ногах; тот недолго оставался в вертикальном положении. Похожий на окорок кулак соединился с бородатой челюстью, издав громкий щёлкающий звук, похожий на треск гнилой ветки дерева.

Харрисон стоял один, пропитанный теперь собственным обильным потом и чужой кровью. Его зоркие глаза обшаривали тусклое пространство логова, проверяя, не приближаются ли ещё

нападающие — точнее, защитники. Никто не появлялся. Казалось, что комната завалена трупами, пока Харрисон не понял, что большинство из них — это раскачивающиеся во сне туши клиентов курильни. За одним исключением. От внезапного крика по спине здоровяка-детектива пробежали мурашки. Ещё раз окинув взглядом комнату, теперь уверенный, что этот странный вопль должен возвестить о присутствии какого-то дьявола из Одиннадцати Алых Адов Восточной легенды, Стив присел в ожидании. Через несколько мгновений он обнаружил неожиданный источник нечестивого шума. Им оказалась одна из лежащих куч накачанной наркотиками плоти.

Опиумная истома внезапно уступила место маниакальному покачиванию и корчам, как будто человека жарили на сковородке в Аду. Харрисон видел немало приступов у наркоманов, но ничего подобного этому. Он подошел к трясущейся койке и её ужасной ноше с чувством суеверного ужаса, который не смогла пробудить в нём только что произошедшая бойня. Неужели этот несчастный одержим демоном? Сопротивляясь вековому страху своих кельтских предков-варваров, Стив потянулся вперёд и мощными руками обхватил дрожащую фигуру. Даже Харрисону трудно было

удерживать одурманенного человека достаточно долго, чтобы разглядеть его, и даже тогда он ощутил лишь смутное узнавание, как будто это было лицо, которое он не видел уже много лет. Что-то подсказывало ему, что нужно отвезти беднягу в безопасное место.

Харрисон понял, что у него есть только несколько мгновений, чтобы действовать. В любой момент на него набросится ещё больше азиатов. Поэтому он быстро ударил в челюсть сопротивляющийся в его руках скелет. Это, казалось, успокоило наркомана, и дородный полицейский без труда взвалил его на свои широкие плечи, как мешок с картошкой. Он быстро пошёл к выходу тем же путем, что и вошёл. Он знал, что косоглазые дьяволы никогда не осмелятся последовать за ним на открытое место большой группой. Даже на Ривер-стрит это было бы слишком смелым шагом для любого, кому есть что скрывать. Плоть Харрисона, уже покрытая гусиной кожей от жуткой атмосферы наркопритона, трепетала от благотворной вечерней прохлады улицы. Даже липкие объятия речных туманов стали для него долгожданным облегчением.

Бросив свою ношу на заднее сиденье ожидающей его машины, Харрисон рявкнул водителю

приказ и занял позицию рядом с ним, осторожно наблюдая за неподвижной фигурой позади себя. Пока родстер мчался к Госпиталю Святой Агнессы на окраине Восточного квартала, Харрисон протянул руку и обхватил лицо наркомана своей огромной ладонью.

— Клянусь Иудой! — воскликнул Стив, напугав водителя, копа, готового помогать неортодоксальному правосудию Харрисона в нерабочее время. Почти выпустив руль от неожиданного возгласа коллеги, водитель съехал на обочину.

— Я думал, они обнаружили и убили его до того, как я туда попал, — громко выражал удивление Харрисон. — Но это же он!

— Кто, Стив, кто это? — рявкнул ошеломлённый водитель через плечо, вцепившись в огромный руль и пытаясь выровнять движение мчащегося на большой скорости автомобиля.

— Джонг-Цо, маленькая крыса и информатор, который втянул меня в эту чёртову историю. Однажды ночью он позвонил мне в офис. Просто так получилось, что я засиделся там допоздна. Я взял трубку, и это оказался Джонг-Цо. Я спросил, есть ли у него что-нибудь на контрабандистов и рэкетиров, но нет, он сказал: это что-то другое, что-то большее. Что-то о тайной восточной банде

под названием «Чёрный Тонг». Цо сказал, что они торгуют опасной дрянью.

Остановившись на свободном пятачке рядом с аварийным входом в госпиталь, Билл Уотерман, водитель, обернулся с недоверием в глазах.

— Он? Джонг-Цо с такой же вероятностью расстроится из-за плохой дури, как одержимый верующий — из-за ядовитой змеи, Стив, и мы оба это знаем.

Двое мужчин вытащили спящую фигуру Джонга-Цо из машины, один взял его за обутые в сандалии ноги, другой — обхватил его за грудь. Стив ответил:

— Да, но, сказать по правде, именно поэтому я так заинтересовался. Я подумал, что это должно быть что-то из ряда вон выходящее. Поэтому я согласился встретиться с ним. Нашёл я его в одном из прибрежных салунов и выслушал всю историю или, по крайней мере, большую её часть. Всё это по большей части тайна. А теперь всё стало ещё более загадочным. Джонг-Цо сказал, что он беспокоится, потому что у него есть родственники, друзья, которые исчезают после посещения некоторых заведений, таких как курильня, которую мы только что посетили. Другие вернулись, но вскоре умерли. Они знали, что здесь что-то не так,

но не осмеливались обратиться за медицинской помощью, потому что таким подонкам, как они, нельзя появляться на людях. Мы с Джонгом-Цо договорились, что он в последнюю минуту изменит дозу, попробует подменить её, может, сумеет хоть как-то понять, что там происходит.

Разговор продолжился после того, как маленький китаец был принят в госпитале. Детектив и полицейский ждали в холле.

— Но, Стив, на Ривер-стрит есть доктора, которые зарабатывают на жизнь, помогая таким же портовым крысам, как этот Цо, когда тем нужно, чтобы кто-то зализывал их раны. Почему китайцы не пошли к *ним*?

— Некоторые так и сделали. В большинстве случаев доктора не смогли бы им помочь. О, сначала они пытались, но потом стали отказываться, как будто доктора поняли, что здесь что-то не так, но побоялись лезть в это дело. Вот почему я привел Джонга-Цо сюда, к белому доктору. Возможно, он не сможет понять, что случилось, но если поймёт, то я уверен, что он, по крайней мере, расскажет нам.

При этих словах оба мужчины погрузились в молчание. Билл не выдержал и уснул. Он присоединился к рейду своего друга в наркопритон

после долгого рабочего дня. Харрисон почти не замечал храпа, листая эротический журнал карманного формата, купленный им в газетном киоске на улице. Но женских прелестей на страницах не хватало, чтобы лихорадочный ум Стива смог отвлечься. Теперь он не мог думать ни о чём, кроме нависшей над Ривер-стрит угрозы, ещё более зловещей, поскольку её очертания ещё не просматривались. Как вы можете подготовиться к борьбе с тем, чего не видите? Стив никогда не уклонялся от хорошей драки, но он должен был знать, с чем ему придется столкнуться.

Там, где похоть не могла одолеть Стива, наконец, победила усталость. Он присоединился к своему напарнику в объятиях Морфея, пока не почувствовал, как его грубо разбудили руки доктора, который что-то настойчиво говорил.

— Где вы нашли этого человека? И, что ещё важнее, откуда он это взял… этот… яд, что в его крови?

Поправив свою грязную шляпу и помятый галстук, Харрисон моргнул и пробормотал:

— Ну, Док, я не уверен, что смогу вам это сказать, пока вы не расскажете мне, что именно беспокоит маленького… э-э, что это за болезнь у моего друга? Видите ли, это вроде как полицей-

ское расследование.

Так говорил Стив, доставая свою лицензию частного детектива, вскоре дополненную наспех вытащенным полицейским значком Билла. Теперь, во всяком случае, врач стал выглядеть ещё более напуганным.

— Я мог бы догадаться! Офицеры, пройдите со мной, пожалуйста.

После этого трое мужчин прошли через вращающуюся дверь и оказались в больничном коридоре. Запах дезинфицирующего средства ударил им в ноздри, он ощущался таким же отвратительным, как опиум всего пару часов назад. Они задержались здесь лишь на мгновение, пока доктор шёпотом давал какие-то указания медсестре, а затем снова присоединился к полицейским.

— Позвольте представиться. Я доктор Рэндалл Беннет. Сюда, джентльмены.

Другая дверь вела в отделанный дубовыми панелями кабинет, стены которого полностью покрывали сертификаты и дипломы различных медицинских учебных заведений. Многие из них были явно не американскими, если судить по надписям на разных языках. Стив, человек с минимальным образованием, с восхищением

посмотрел на дипломы. Он полагал, что научился всему, что ему было нужно, в профессиональной школе улиц, но уважал любого человека, который так серьёзно относился к своему ремеслу. Когда его глаза обратились к изящному столу из красного дерева, где доктор теперь усаживал своё проворное тело в дорогое кожаное кресло, Стив заметил, что пожилой человек снял с полки огромную книгу странного вида и положил её на стол.

— Сначала я подумал, что ошибся в своём диагнозе, но даже второй тест не дал ничего, что соответствовало бы обычным вероятностям. Только благодаря наитию я заглянул в эту старую книгу. Мы, врачи, не любим признавать своё поражение, и иногда мы идём на всё, чтобы избежать этого. Так что я рассматривал это как последнее средство.

— Что это, Док? — проворчал Стив. — Нечто вроде Библии?

— В каком-то смысле, да, мистер Харрисон.

Доктор сделал паузу, чтобы протереть очки, словно пытаясь решить, какую часть секретного дела он осмелится раскрыть двум незнакомцам.

— Я даже не уверен, что должен это вам рассказывать. Но вы говорите, что ваш друг не

единственный? Если это распространяется, я думаю, мы должны попытаться положить этому конец.

Харрисон подался вперёд в своем кресле, раздражённый монологом доктора.

— Положить конец чему, Док? Я должен знать!

— Очень хорошо. Сначала я расскажу вам о книге. В противном случае остальное не будет иметь большого смысла. — Доктор указал на потёртый корешок массивной книги. — Вы читаете по-немецки?

— Нет, только по-английски. Для меня этого достаточно. Предположим, вы скажете мне, что там написано.

— *«Unaussprechlichen Kulten».* Это и есть название. Оно означает что-то вроде «Невыразимые», или «Безымянные культы». Это своего рода энциклопедия безумия и кошмара, составленная много лет назад старым немецким учёным по имени фон Юнцт. Этот человек был одержим жаждой необычных знаний. Современники сравнивали его с легендарным Доктором Фаустом.

— Вы хотите сказать, что этот фон Юнцт продал свою душу за то, что написано в этой книге? — спросил Харрисон скептически и всё же пытаясь побороть возвращающееся чувство жуткого

страха.

— Продал свою душу? Да, наверное, так оно и было. Книга содержит рассказы о его путешествиях в странные, забытые места. Авторитетные учёные до сих пор клянутся, что некоторые из этих мест — чистый миф. В одной главе Юнцт утверждает, что Ад — реален и находится где-то на этой земле, и что он побывал там. Я не стану рассказывать вам, что он там узнал. Не думаю, что вы будете спать лучше меня.

Брови Харрисона нахмурились от интереса и страха.

— Откуда у вас эта книга, Док? Я не могу себе представить, что она может быть напечатана легально.

— Вы правы. Не легально. И я согласен. Никто не напечатает такое. Моя книга является изданием Брайдуолла. Достаточно редкое, хотя должны существовать ещё более редкие версии большего объёма. Я могу только догадываться, какие ужасы таятся на тех страницах. Я нашёл этот экземпляр недалеко отсюда, в лачуге на вашей же Ривер-стрит. Меня вызвали туда для неотложной медицинской помощи. Уличное насилие, когда я добрался до места, было уже поздно помогать. Человека застрелили перед книжным магази-

ном, на самом деле он служил прикрытием для тёмных делишек в подсобке. Очевидно, кто-то сбросил в магазин кучу старых книг, украденных из особняка за городом. Сложив два и два, я позже решил, что они, должно быть, принадлежали старому Джону Гримлану. Вы слышали это имя?

Харрисон был весь во внимании. Он действительно слышал это имя, плюс множество историй, от которых у него до сих пор волосы на затылке вставали дыбом. Он просто кивнул.

Доктор продолжил:

— Насколько я понимаю, воры вломились в дом после его смерти и забрали книги, которые являлись ценными предметами антиквариата. Они думали, что смогут легко продать краденое, но обнаружили, что никто не хочет иметь с ними ничего общего. На Ривер-стрит люди, кажется, знают о таких вещах. Должно быть, воры, в конце концов, продали книги за гроши, лишь бы избавиться от них. В тот день я случайно увидел знакомое название и купил книгу за смехотворно малую сумму. Конечно, это не так уж много по сравнению с той ценой, которую я заплатил за её прочтение.

Видите ли, в течение нескольких лет эта книга была предметом слухов в медицинских кругах,

потому что фон Юнцт, как говорили, составил каталог некоторых трав и лекарств, в основном ядов, достойных Борджиа, но часто те же ядовитые вещества можно использовать и для лекарств в разных дозах. Даже для анестезии. Я никогда не обращал на это особого внимания. Утверждение, что яд может служить лекарством, казалось спорным, поскольку само существование книги подвергалось сомнению. Но как только я увидел книгу, я понял, что должен прочесть её. Слухи оказались достаточно правдивыми. Я нашел нужную информацию в главе о культах убийц. Вы не поверите, как много способов изобрели люди, чтобы убивать друг друга. Многие смерти сегодня относят к несчастным случаям, потому что доктора не знают то, что фон Юнцт каким-то образом выведал.

— Док, вы хотите сказать, что Джонгу-Цо дали одно из этих лекарств? Он выживет?

Доктор покачал головой.

— Нет, боюсь, что китаец уже мёртв. И для него это благо. Поверьте мне, ему было бы гораздо хуже, если бы он выжил. Но, конечно, вы правы. Это был один из препаратов, перечисленных фон Юнцем, что-то под названием «Чёрный Лотос». И если кто-то распространяет его, то на кону стоит

гораздо больше, чем какая-то местная сеть наркодилеров. И дело даже не в наркотике, каким бы ужасным он ни был, а в реальной опасности. Это Силы, которые культивируют данный наркотик и то, для чего они его используют. «Чёрный Лотос», не предназначался для использования в таких приземлённых заведениях, как опиумные притоны, мистер Харрисон.

Стив поднялся на ноги, чувствуя, что беседа подошла к концу.

— Ну и для чего же он тогда предназначен?

Доктор уставился в свою промокашку на столе.

— Боюсь, детали не совсем ясны. Я же сказал, что мой экземпляр — сокращённое издание. У меня есть кое-какие подозрения, но они слишком туманны, чтобы быть полезными для вас. У меня нет ответа. Я просто даю вам взглянуть на головоломку, которую вы принесли мне, когда доставили своего мёртвого друга.

— Спасибо, Док, — буркнул Харрисон. Когда он повернулся, чтобы уйти, Билл последовал за ним, более озадаченный, чем когда-либо. Стив сказал:

— Я думаю, что знаю кое-кого, кто может дать нам ответ или, по крайней мере, он подскажет, как его получить.

Стив Харрисон знал, что на этот раз он был

далеко не в своей тарелке. Он не стал ничего объяснять Биллу, отвёз его домой к жене, испытавшей облегчение, и вернулся в Восточный квартал. Было уже поздно, но Харрисон не мог позволить себе ждать более цивилизованного часа. Он вёл позаимствованный у Билла родстер по более ярко освещённым улицам квартала, фары его машины прогоняли прочь крадущиеся вороватые фигуры, которые боялись застрять в лучах света. Припарковавшись у местного буддийского храма, самого безопасного места, какое он только мог найти, Стив прошёл остаток пути пешком. Здесь планировка квартала напоминала древний восточный город, превратившийся в лабиринт никуда не ведущих переулков, извилистых закоулков и тупиков. Карты этого района не существовало, и никогда машина не смогла бы проехать через настолько узкие зазоры между зданиями.

У Стива никогда ранее не было повода искать дом, к которому он теперь приближался. Он знал этого человека только по репутации и всегда надеялся, что так оно и останется. И всё же, когда имеешь дело с тайнами Востока, приходится прибегать к путям Востока. Часто эти пути были непостижимы. Есть тайны, которые белый чело-

век никогда не узнает, и тогда приходится искать союзников. Но перспектива была не из приятных, когда единственный возможный союзник был столь же страшен, как и враг, с которым Стив собирался сразиться.

Харрисон дошел до угла Левант-стрит, где тёмная пасть переулка зияла, как пасть кита Ионы. Он не видел никаких указателей, возможно, их никогда и не было, но Стив знал, что это Китайская Аллея. Его целью являлся дом номер 13 вдоль этого туннеля тьмы. Глубоко вдохнув, детектив погрузился во мрак. Как оказалось, темнота не являлась абсолютной. Голая лампочка отбрасывала тусклое сияние на маленькую бронзовую табличку с именем, прикреплённую к грязному кирпичу на уровне глаз всего в паре метров дальше по аллее. Табличка проржавела почти до неузнаваемости, но очертания цифр прямо над ней говорили Стиву, что он прибыл к месту назначения. На всякий случай он попытался потереть табличку с именем краем своего поношенного пальто. Часть грязи неохотно исчезла, и он смог увидеть достаточно букв, чтобы заполнить остальное, как кроссворд: «ЗАРНАК». С чувством покорности Харрисон нажал кнопку звонка.

Почти сразу же, как будто его прихода ждали,

дверь распахнулась. Хорошо освещённый интерьер на мгновение ослепил его, но через секунду Стив смог разглядеть силуэт фигуры, такой же массивной, как и он сам. Ещё мгновение и Стив увидел, что перед ним сикх, представитель одной из самых могущественных рас Азии. Ему доводилось сражаться и против таких людей, и бок о бок с ними, как на Ривер-стрит, так и в прежние годы, когда он путешествовал по Востоку.

Гордая голова высокого мужчины была увенчана тюрбаном, его сжатые челюсти украшала густая чёрная борода. Над ней возвышался ястребиный нос и свирепые острые глаза горного орла. Статуя заговорила:

— Мистер Стив Харрисон, не так ли? Вообще-то мы ожидали вас раньше.

Сикх жестом пригласил озадаченного детектива в прихожую. Харрисон подчинился, взяв шляпу в руки.

— Значит, вы меня знаете. Это я могу понять. Я достаточно известен в этих краях. Но вы говорите, что знали, что я буду здесь, доктор Зарнак?

При этих словах глубокая грудь смуглого великана содрогнулась, издавая звук, похожий на отдалённый раскат грома. Харрисон предположил, что это был смех.

— Ах, *сахиб* Харрисон, я не такой уж достойный человек. Для меня большая честь служить ему. Он ждёт вас в кабинете. Вы не составите мне компанию?

Следуя за доверенным слугой, Харрисон не мог оторвать глаз от экзотической обстановки, окружавшей его. Внешний вид здания, небольшого двухэтажного строения, примыкающего с обеих сторон к более высоким, прогнившим многоквартирным домам, не давал никакого намёка на внутреннее убранство, которое больше походило на музей или, возможно, дворец восточного монарха, чем на что-либо другое. Полы были полностью покрыты персидскими и китайскими коврами. Стены точно так же скрывались за шёлковыми парчовыми гобеленами, изображавшими сцены из какого-то безумного опиумного сна. Люстры и канделябры были украшены замысловатыми завитушками и гравюрами, которые, казалось, напоминали неизвестные разновидности морских чудовищ и водяных. Книжные шкафы повсюду ломились от книг, переплетённых в необычные материалы с названиями на неизвестных древних языках.

Огромный сикх, казалось, двигался медленнее, чем можно было ожидать, и Харрисон подумал,

не для того ли он это сделал, чтобы позволить детективу увидеть как можно больше. Пока Харрисон прикидывал, как далеко должно простираться узкое здание, чтобы вместить такой интерьер, его проводник указывал на тяжёлую дверь из тикового дерева, окаймлённую бронзой. Зарнака, сказал он с ноткой почтения, можно найти внутри. И с этими словами сикх исчез в другом коридоре. Когда Стив оглянулся на дверь, он был удивлен, увидев, что она уже открыта, хотя минуту назад он видел дверь запертой.

Прежде чем войти, он окинул взглядом помещение. И снова его глаза должны были привыкнуть к темноте, так как комната была слабо освещена двумя низко горящими жаровнями, стоявшими по обе стороны большого, заваленного бумагами стола. За этим столом сидела одинокая, немного сгорбленная фигура со слегка наклонённой головой. Ни одна черта этого человека еще не была различима. Когда Харрисон сделал первый шаг в комнату, ступая бесшумно не только благодаря инстинктивной кошачьей походке, но и по причине слишком толстого бухарского ковра, фигура тотчас же поднялась на ноги.

— Мистер Стив Харрисон, не так ли? — произнёс ясный, твёрдый голос необычного тембра. — Да-

вайте получше рассмотрим друг друга, хорошо?

При этих словах пламя в двух жаровнях поднялось ещё выше, словно управляемое невидимой силой. *Какой-то трюк*, подумал Харрисон. Он видел фокусы и получше.

В ярком свете он заметил, что доктор Антон Зарнак протягивает ему руку. Харрисон колебался лишь мгновение, и всё же в этот момент каждая деталь экзотической внешности другого человека запечатлелась в его памяти. Он был не выше среднего роста, стройный, с безмятежно гордой осанкой. Его фигура скрывалась в складках тёмно-фиолетового шёлкового пиджака, лацканы и широкие манжеты которого украшали узоры, вышитые золотыми нитями. Чёрный галстук-аскот скрывал его горло, а над ним Стив увидел непроницаемое лицо с евразийскими чертами. Над слегка раскосыми глазами, создававшими иллюзию, что они состоят из одних зрачков, изогнулись тонкие брови. Высокий интеллектуальный лоб венчал их, словно могучая горная крепость. Волосы Зарнака были тонкими и чёрными, с причудливым пучком серовато-белого цвета на макушке головы. На его вытянутой руке, как и на другой, имелось несколько колец, на каждом из которых был выгравирован особый

символ. Одно кольцо Харрисон разглядел лучше всего, гравировка на нём изображала фигуру с головой петуха и извивающимися змеями вместо ног.

Харрисон пожал протянутую ему руку, надеясь узнать что-нибудь о Зарнаке по его жестам. Рукопожатие было удивительно сильным, таким же, как и его собственное. Стив был смущён своей неспособностью оценить возраст этого человека, даже приблизительно. Зарнак жестом пригласил гостя сесть за стол напротив. Сделав это, Стив заметил, что кресло удобно расположилось рядом с внезапно вспыхнувшим камином великолепной работы. Но внимание Харрисона привлекла коллекция замечательных предметов на полке. Там располагались статуэтки различных азиатских божеств, большинство из которых Харрисон часто видел в Восточном квартале, но многие из них выглядели странно и непривычно. Там была скрестившая ноги, раздутая фигура Ганеши, но из его ушастых ушей, казалось, тянулись щупальца. Другие фигурки Стив не мог идентифицировать с такой же лёгкостью. Тут и там он видел глиняные таблички с надписями, языки которых Харрисон не мог угадать.

Над всем этим, словно огромное солнце, освеща-

ющее мелкие вещи, висело большое деревянное лицо, выкрашенное в ярко-красный цвет. Под единственной бровью, увенчанной короной из зубцов, украшенных человеческими черепами, виднелись три выпученных глаза. Золотистые пары или языки пламени вырывались из его широких ноздрей или текли слюной из уголков клыкастого рта. Надутые щёки могли означать пресыщение монстра человеческой плотью.

— Я уже видел это раньше, — сказал Харрисон. — Яма, Тибетский Царь Мёртвых, верно?

— Очень хорошо, мистер Харрисон, — ответил Зарнак с едва заметной улыбкой. — Но на самом деле это более древний аватар этой сущности, известный в древней Лемурии как Ямат, Повелитель Пламени. Центром его культа была метрополия Патанга. Возможно, вы читали об этом в классических «Остатках потерянных империй», Достманна. Здесь.

Странный ученый взял в руки большую книгу Викторианской эпохи.

— Нет, сэр, боюсь, это что-то новое для меня. Я не так начитан, как вы. У меня нет времени на это. Моё дело — правосудие, и Ривер-стрит не даёт мне покоя.

Зарнак бросил книгу на стопку таких же фо-

лиантов в углу стола, подняв небольшое облако пыли.

— Но тогда я вижу, что мы занимаемся одним и тем же делом, мистер Харрисон. Видите ли, я не читаю на досуге. Я занимаюсь той же работой, что и вы, и это инструменты моего ремесла.

Стив невольно взглянул на корешки ближайшей стопки книг. Такие же загадочные названия, как и у книг, увиденных им по пути к кабинету Зарнака, они ничего для него не значили: *«Тайная Книга Дзиан», «Священное Писание Понапе», «Песнопения Дхол».*

— Пожалуйста, мистер Харрисон, не думайте, что я хочу вас унизить. Вы хорошо владеете своим оружием, как и я своим. И я считаю, что для того, чтобы справиться с угрозой, с которой мы оба столкнулись, потребуются и ваши, и мои навыки.

Харрисон оживился. В его компетенцию входили дела, а не разговоры, и теперь они подошли к сути.

— Вы имеете в виду опасный наркотик? Я не знаю, откуда вы знаете о моём участии, но я думаю, что у вас, вероятно, есть свои информаторы.

Зарнак ещё раз загадочно улыбнулся.

Стив продолжил:

— У меня было предчувствие, что если кто-то и разберётся в этом деле, то только вы. Расскажите мне, что вы знаете, а потом мы разработаем план. Я думаю, что смогу вызвать подкрепление полиции, если оно нам понадобится.

— Боюсь, что их участие будет неблагоразумным, — заявил Зарнак. Он, казалось, не торопился, как будто объясняя сложный вопрос прилежному ученику как можно лучше. — Прежде всего позвольте мне сказать вам, что именно поставлено на карту. Вам это покажется фантастикой, но вы уже многое повидали, возможно, достаточно, чтобы поверить в мою историю. Начнём с того, что каждый поделится тем, что знает.

Харрисон, сидевший на краешке удобного кресла, откинулся на спинку и прислушался.

— Что вы можете рассказать мне о своём китайском друге? Что он вам сказал и что с ним стало?

— Мёртв, мёртв от дурмана, Чёрного Лотоса. Таков диагноз доктора из госпиталя. Вы знаете такой наркотик?

— Я удивлён, что западный медик знает о нём. Но на Ривер-стрит туманы шепчут о многом внимательным ушам. Может быть, мы имеем дело с Чёрным Лотосом, а может быть, и нет.

— Доктор Зарнак, всё, что я знаю об этом дурмане и что я видел, — это то, что бедняги, употребляющие эту дрянь, внезапно переходят из ступора в состояние дикого возбуждения. Джонг-Цо бредил, говорил что-то на непонятном мне языке, хотя я не думаю, что это был китайский.

— Вероятно, вы знаете о недавних убийствах в квартале?

— Там постоянно происходит личная месть, поножовщина, удушение, отравление, в основном войны развязывает банда Тонг. Впрочем, обычная наркота.

— Значит, эти убийства держатся в секрете от белых ушей. Ужасные бойни, увечья, работа демонов, одержимых неистовой яростью. Они тоже являются результатом воздействия Чёрного Лотоса. Те, кто его принимает, не умирают, а убивают. До сих пор мне не удалось исследовать тела тех, кого убивает сам наркотик. Если бы я мог их осмотреть, я бы знал то, что мне нужно знать. Не могли бы вы показать мне покойного Джонга-Цо?

— Боюсь, что не могу, Док. Родственников у него не было. Я думаю, что его уже сожгли. Я не знаю, что они сделают с пеплом.

— Понятно. Я не удивлён. Вы были один, когда

вытаскивали китайца из опиумного притона?

— Нет, мой приятель Билл Уотерман ждал меня в машине. Какое он имеет к этому отношение?

— Мне бы хотелось задать ему вопросы, вот и всё. Мы можем съездить и повидаться с ним? Я понимаю, что уже поздно. Мой человек Акбар Сингх отвезёт нас.

Оба мужчины встали.

Харрисон отклонил предложение Зарнака:

— Нет, если вы не возражаете против нескольких минут ходьбы, я припарковал машину Билла недалеко отсюда. Я всё равно собирался ехать к нему, чтобы вернуть машину.

Итак, Зарнак и Харрисон вышли из дома. К облегчению Стива, в машине никого не было. Они сели, Стив устроился за рулем. По дороге он молчал, отчасти охваченный странным предчувствием, отчасти испытывая неловкость от благоговейного страха перед незнакомцем рядом с ним. Поездка не заняла много времени. Когда родстер приблизился к знакомому бордюру, глаза Харрисона расширились — он увидел полицейских, оцепивших дом и отворачивающихся от любопытных, взволнованных соседей. Распахнув дверцу машины, Стив выскочил на тротуар. Зарнак последовал за ним более достойной по-

ходкой.

К тому времени, когда эрудированный оккультист догнал своего грубоватого напарника, Харрисон уже втянулся в грубую перепалку с лейтенантом полиции, которого он, похоже, знал, а возможно и не любил.

— Чёрт побери, Фил, ты должен позволить мне увидеть его! Я знаю, как не наследить на месте преступления, ради всего святого! По крайней мере, скажи мне, как умер Билл? Это был грабитель? Чья-то месть?

Полицейский вытаращил глаза.

— Послушай, Стив, ты всё понял неправильно! Билл *жив!* Он не тот, кого убили. Это была Флора, его жена. Сейчас мы пытаемся взять Билла под контроль.

Харрисон хмыкнул, опустив глаза, и это было самое нежное выражение эмоций, на которое он был способен.

— Иуда, но это же трудно! Дай мне поговорить с ним, Фил.

— Ты всё ещё не понимаешь меня, — запротестовал полицейский. — *Он убил её!* Бедняга, должно быть, сорвался, убил её, пока она спала. Он безнадёжно безумен. Потребовалось пять наших самых крепких парней, чтобы удержать

его, как только они получили звонок от соседа. Когда они добрались туда, он… *поедал* её.

Тут лейтенант побледнел, уже не в первый раз за эту ночь.

Зарнак выдвинулся на первый план. Он не сводил глаз с полицейского, пока Стив наблюдал, заинтригованный, несмотря на шок от только что полученной новости. Учёный заговорил успокаивающе:

— Лейтенант, уверяю вас, что нам крайне необходимо увидеть и, если возможно, допросить бедного безумца. Я могу гарантировать, что это поможет вам в расследовании данного случая.

Глаза копа послушно опустели, он ничего не сказал, но пропустил Зарнака и Харрисона через полицейский кордон.

Стив в ужасе уставился на открывшуюся ему картину. Он не впервые видел лужи крови. И его обычно не тошнило, но здесь было совсем другое, удар слишком близко к сердцу. Судебно-медицинские эксперты уже приступили к своей ужасной работе, собирая дико разрубленные куски мяса, которые до недавнего времени были Флорой Уотерман. Другие пытались надеть смирительную рубашку на размахивающего руками маньяка, немного похожего на старого товарища Стива. Он

жевал кляп. Зарнак сразу же настоял, чтобы кляп убрали. Он проигнорировал протесты удивлённых экспертов и сам потянулся к сумасшедшему. Харрисон отмахнулся от их синих рукавов.

— Делайте, что он говорит, парни! Если кто и может разобраться в том, что здесь произошло, так это Доктор Зарнак!

Одобрительно кивнув, оккультист стоял молча, ожидая, какие пронзительные слоги вырвутся изо рта безумца. Ему не пришлось долго ждать, так как Уотерман начал рыдать и вопить:

— *Йа! — Йа Ллойгор фхтагн! Жар!* Плавающий в Озере Хали! Пожалуйста, о, пожалуйста! Ахххххх…!

Зарнак прошептал странные слова, когда встретился взглядом с беднягой, словно удерживая того в гипнотическом замке. Внезапно обмякшая фигура упала на пол, что принесло озадаченным синим мундирам некоторое облегчение, но ещё большее замешательство.

Обращаясь к бесстрастному Харрисону, Зарнак сообщил:

— Я услышал достаточно. Именно этого я и боялся. А теперь вернемся в моё жилище. Я вам всё объясню.

Сгорая от нетерпения узнать, на что именно

он наткнулся, Харрисон последовал за оккультистом к входной двери, лишь невыразительно хмыкнув лейтенанту, который теперь так же неохотно провожал детектива взглядом, как и несколько минут назад впустил его. Стив направился к ожидавшей его машине, вслед ему неслись ругательства.

— Похоже, бедняге Биллу она не понадобится, — пробормотал Стив, когда они отъехали от тротуара. — Наверное, кто-то проследил за машиной до дома Билла, каким-то образом прокрался внутрь и дал ему «Чёрный Лотос». Во сне или нет, не знаю. Мы оба дремали в больнице, но это не могло случиться тогда, иначе меня бы тоже накормили этой дрянью.

— Я тоже так думаю, мистер Харрисон. Не исключено, что те же самые люди выследили машину и в моем районе, но, зная о моем близком присутствии, они не захотели преследовать вас.

— Иуда! — выругался великий сыщик, внезапно сворачивая, чтобы подогнать родстер к обочине. — Возможно, жёлтые дьяволы заминировали эту чёртову машину!

Украшенная драгоценными камнями рука его загадочного спутника легла на массивное плечо Стива, словно птица, севшая на землю.

— Мудрая предосторожность, мой импульсивный друг, но не бойтесь. Я бы заметил такую грубую хитрость, когда мы впервые приблизились к машине. Уверяю вас, никакой опасности нет — во всяком случае, такой.

И вновь непохожие друг на друга партнёры совершили короткую поездку назад в Китайскую Аллею с той информацией, которую они собрали. Харрисону нечего было добавить. Зарнак, напротив, продолжал объяснять, когда они вернулись в его кабинет.

— Теперь вы сами убедились в истинной силе Чёрного Лотоса.

— Больше, чем мне хотелось бы видеть, Док. Но скажите мне вот что: какого чёрта кому-то, даже наркокурьеру, понадобилось тайком переправлять эту дрянь своим клиентам? Где же выгода? Я вижу, что Лотосом пользуются наёмные убийцы, но кому захочется убивать подонков с Ривер-стрит?

— Осмелюсь сказать, что эти несчастные не могли избежать своей кармы. Но, как вы догадываетесь, ни один киллер не желал им смерти. Очевидно, что местные контрабандисты перехватили товар, предназначенный для кого-то другого. Чёрный Лотос имеет очень специфиче-

ское применение, и, если его использовать иначе, результаты будут такими, как мы видели сегодня вечером.

Харрисон неловко поёрзал в кожаном кресле. Он не привык ни к такому изысканному окружению, ни к такому плотному покрову смертельного зла, как то, что теперь, казалось, окружало его.

— Но какое законное применение может быть у этой адской дряни?

— Это потребует некоторых объяснений, мистер Харрисон, но я сомневаюсь, что вы сможете всё понять.

Поднявшись из-за тикового стола, измождённая фигура подошла к одной из стен, уставленных книгами, и извлекла одну из них, странного вида. Книга выглядела довольно большой и напоминала ту, которую доктор Беннет ранее показывал Стиву и его несчастному коллеге в больнице. Но эта, казалось, даже напечатана была на алфавите, не похожем на латинский.

— Текст написан египетскими иероглифами. Он называется «Чёрные Ритуалы Коф-Сераписа». Я сомневаюсь, что вы слышали о таком. Он мало известен на Западе. Даже ученый профессор Уоллис-Бадж не упоминает о нём. Текст содержит

знания о многих тайных материях, в том числе и о Чёрном Лотосе. По-видимому, это растение впервые начали культивировать давным-давно, в тёмные эоны доисторической эпохи, или, вернее сказать, истории, которая по понятным причинам замалчивалась. Те, кто выращивал Лотос и использовал его, являлись жрецами-колдунами древней Стигии. Они обнаружили, что это растение может усилить поклонение, предлагаемое их тайным богам, таким как Сет-Тифон и Гол-горот.

Глаза Стива сузились от недоумённого скептицизма, но он продолжал внимать Зарнаку молча. Он и раньше слышал странные истории, которые оказывались слишком реальными. Это может быть одна из них. Истина должна быть довольно странной, чтобы объяснить то, что он уже видел этой ночью.

— Прошли века, и богохульства Стигии, наконец, были сметены потоком молодых народов, не терпевших упадочных культов первобытной магии. И всё же тайна Чёрного Лотоса отнюдь не умерла вместе со Стигией. Неведомыми путями и окольными тропами наркотик был доставлен на Восток, где иерофанты Ленга и Сунга в самом сердце Азии заново открыли его ритуальную

ценность. В конце концов, он оказался слишком страшен в своей опасности, слишком силён в своей привлекательности для тех, кто осмеливался воровать небольшие количества вещества для собственного употребления. Вы видели результаты, и всё же так велик экстаз, что многие считали: даже такую высокую цену стоит заплатить за несколько ограниченных мгновений блаженства.

Ханы забытых империй приказали уничтожить Чёрный Лотос, но он остался в употреблении у малоизвестного народа Чо-Чо в Бирме. Там использование Лотоса ограничивалось орденами адептов, которые единственные знали, как правильно его использовать, те, кто всё ещё понимал предписания Чёрных Ритуалов Коф-Сераписа. И, как и было задумано, Чёрный Лотос открыл разум посвящённых Чо-Чо, и позволил им узреть своих богов, Ллойгора и Жара. Некоторых из адептов Лотос приводит в безумную убийственную ярость. Такой жрец, одержимый божеством, набросится на связанную жертву, будь то зверь или человек, и разорвёт её на куски, вы видели подобное сегодня ночью. Остальные присутствующие присоединяются к провидцу в каннибальской оргии.

Харрисон прервал Зарнака:

— Вы правы, Док. Для меня это не имеет особого смысла — по крайней мере, до сих пор не имело. Я помню, как бедняга Билл выкрикивал эти два имени, если их можно так назвать! И Чо-Чо! Каждый полицейский в округе знает их слишком хорошо: последняя волна восточных иммигрантов захламляет доки. Чёрт побери, почти каждый из них так или иначе связан с криминальным подпольем. Их всего несколько, но даже при этом их чертовски много, если вы спросите меня!

— Да, они заслужили себе довольно мрачную репутацию, как здесь, так и на своей родине. Мало кто знает о них; все, кто ненавидит их и боится. Несомненно, это были те, для кого предназначался запас Чёрного Лотоса. Теперь я уверен, что они жестоко отомстили тем, кто лишил их наркотика.

— Наверное, я дал им фору в наркопритоне. В таком случае те азиаты, должно быть, работали посредниками, настоящими дураками, попавшими в смертельную ловушку. Должно быть, кто-то из Чо-Чо догнал Билла. Но скажите, Док, всё, что вы мне рассказали, содержится в этой книге? Большая часть вашей истории происходит на Дальнем Востоке, а не в Египте.

— Вы очень наблюдательны, детектив. Я вижу, вы не упускаете множество подсказок. Нет, моя информация поступает по другому каналу. Видите ли, *я сам* когда-то служил на далёком Плато Сунг верховным жрецом культа Жара и Ллойгора. На самом деле, это зашифровано в буквах, составляющих моё имя: Жар-Нак, глашатай Жара.

У Харрисона отвисла челюсть.

— Нет, этого не может быть! Вы же не один из этих маленьких приземистых дьяволов!

По крайней мере, Стив надеялся, что этот человек лжёт. Холодок суеверия вернулся и запрыгал по его позвоночнику, как голубая дуга по электрическим столбам.

— Я не говорил, что я был одним из них, мистер Харрисон. Вы должны знать, что эти похожие на гномов фигуры принадлежат к касте воинов, выведенных специально. Не все Чо-Чо похожи на них, и я не утверждал, что принадлежу к их народу. Моё происхождение останется моей тайной. Оно не имеет отношения к нашей цели. Но я держал власть над сектой до тех пор, пока хитрый жрец по имени Э-по, человек-дьявол, пристрастившийся к Лотосу в достаточно малых дозах, чтобы предотвратить свою смерть, не украл у меня тиару жреца, пообещав доступ к наркотику

всем, кто присоединится к нему. Я уже говорил вам о сильном искушении Лотоса для тех, кто знает о его силе. Таким образом, деградировав, секта отвернулась от меня, и Чо-Чо стали злобными созданиями, которых вы видите сегодня.

Это была напрасная надежда вернуть себе первосвященство. Что толку председательствовать над такими дегенератами? И всё же я должен сделать всё возможное, чтобы не допустить дальнейшего осквернения возвышенного поклонения божественным Ллойгору и Жару. Между нами говоря, я полагаю, что мы оба обладаем средствами, чтобы остановить вредное влияние банды Чёрный Тонг, состоящей из людей Чо-Чо, и не допустить распространяемой ими гнили в Новом Свете.

Итак, детектив Харрисон, я рассказал вам всё, что знаю. Вам решать, будете ли вы сражаться на моей стороне.

Стив несколько мгновений молчал. Ему очень хотелось выбросить из головы то, что рассказывала ему эта странная фигура. Истории Зарнака выглядели как самая настоящая наркотическая фантазия! И всё же он не мог отрицать, что именно такая тень обычно падала на Ривер-стрит, где, казалось, всегда собиралась самая глубокая тьма

Древнего Мира. И если хотя бы половина из того, что рассказал Зарнак, была правдой, это давало ему единственный ключ к окончанию ужасной эпидемии преступлений и смертей. А ещё надо было подумать о Билле и Флоре Уотерман. Стив не мог позволить себе отказаться даже от самого слабого шанса отомстить за них. Он встал и протянул оккультисту руку.

— Доктор Зарнак, я с вами. Показывайте дорогу. Почему-то я думаю, что мои обычные методы мало что будут значить в этом случае.

— Превосходно, мой юный друг! Но вы совершенно неправы в одном: ваши способности окажутся действительно полезными. Хотя это правда, что мы противостоим не только человеческим Силам. Им служат плоть и кровь, поскольку именно мир плоти и крови они хотят завоевать. Да, здесь действуют силы тёмного колдовства, но я верю, что мы можем уравнять шансы. Полагаю, вы бы сказали так же. Идёмте со мной.

Зарнак провёл озадаченного детектива через дверь и по устланному ковром коридору к изящно инкрустированному антикварному шкафу. Это была высокая витрина со стеклянной дверцей, позволяющей рассмотреть набор редких Средиземноморских древностей. Но Зарнак полез

за шкаф, нащупывая какую-то скрытую кнопку. Панель распахнулась, открывая взору Стива странный предмет, закреплённый в углублении из мягкого материала. Нечто вроде посоха длиной около метра. Один его конец был заострен, и из него торчал смертоносный на вид шип. На другом конце была изящно вырезана голова одной из огромных кошек джунглей. Зарнак быстро высвободил посох из креплений и передал его Стиву. Тот удивился его тяжести и явной твёрдости.

— Это могущественный талисман, когда-то принадлежавший вашему предку. Я верю, что вы найдёте его столь же полезным, как и он.

Стив *действительно* испытывал странное чувство узнавания, как будто он когда-то тренировался с этим оружием, посох был так же естественен для него, как одна из его собственных конечностей. Он надеялся использовать ужасную силу посоха в грядущей битве.

Настал день, который неофициально стал известен как Марди Гра на Ривер-стрит, день, когда различные секты Восточного квартала отмечали несколько крупных и мелких религиозных праздников. Верующие выплеснулись на переполненные улицы со своими любимыми тотемами. Казалось, время повернуло вспять, и

Стив Харрисон, Антон Зарнак и слуга последнего, Акбар Сингх, шагали по извилистым улочкам древнего Тира. Здесь четыре пары сильных смуглых рук несли скинию неизвестного мусульманина *вели*, или святого, окружённого обезумевшей толпой магометан, которые с пеной у рта хлестали себя, читая арабские стихи из Корана. Там же группа столь же опьянённых богом поклонников Шивы ковыляла в состоянии транса, вонзая шипы и булавки в свою, казалось бы, бескровную плоть. Два китайских бумажных дракона грациозно скользили сквозь толпу, их поддерживали скрытые кукловоды. Стив знал, что фестиваль был в значительной степени прикрытием для начала сезона охоты на туристов и невинных. О да, карманники вышли в полном составе, поклоняясь единственному богу, которого они знали: Маммоне.

Харрисон, Зарнак и Акбар Сингх пробирались сквозь толпу так незаметно, как только могли, закутанные в маскировочные костюмы. Любому случайному прохожему должно было показаться, что это идёт богатый выходец с Востока в сопровождении двух дюжих телохранителей, что было не редкостью. Акбар Сингх скрывал только лицо, а в остальном носил свою обычную одежду, но его

хозяин использовал прекрасные шелка торговца Старого Света. Вуаль скрывала и его лицо, хотя мало кто даже на Ривер-стрит смог бы вспомнить хорошо известное, но загадочное имя Антона Зарнака. Стив Харрисон по-своему был столь же печально известен, его белое лицо и одежду могли безошибочно узнать в такой обстановке. Таким образом, в этот день он выглядел почти как двойник Акбара Сингха, большая часть его могучего тела была скрыта в деталях, если не в очертаниях. И именно Стив первым заметил в этой сцене нечто любопытное.

— Эй, Док, — прошептал он, — вы получите целую партию Лотоса! Вы когда-нибудь видели подобного китайского дракона раньше?

Палец Харрисона в перчатке указал на загадочное скопление папье-маше и ярко окрашенных конечностей, извивающихся в поле зрения в одном из боковых переулков. Дракон больше походил на осьминога или кальмара, чем на что-либо другое.

— Действительно странно. Он представляет собой тотем незнакомой секты или культа. И всё же было бы совершенно нехарактерно для слуг Старых Богов так показывать свою руку. Интересно, может быть, это не предназначено как…

— *Диверсия!* — закончил Стив, отбрасывая в сторону более громоздкие части своей маскировки. Ибо из устья противоположного переулка, тёмного, как полночь, даже в свете полудня, теперь лился поток миниатюрных джаггернаутов, низкорослых, но мощных фигур страшных головорезов Чо-Чо. Харрисон и Акбар Сингх, не теряя времени, выхватили оружие, чтобы встретить обнажённые кинжалы и пистолеты своих приземистых противников. Приливная волна тревоги прокатилась по толпе, которая быстро растаяла, отступая, как утренний туман, во все стороны. Одни искали укрытия в витринах магазинов, другие — в люках. И хотя ни у Стива, ни у его спутника-сикха не было времени заметить этот факт, Зарнак тоже исчез. Поддался ли он внезапной атаке в первые же мгновения или решил, что диверсия может обернуться против её авторов, судить было невозможно.

Чо-Чо набросились на двух гигантов, как охотничьи собаки на льва. Ужасные шансы, но, по крайней мере, подумал Стив, эта тактика делает невозможным участие в схватке ещё кого-то в данный момент. Первоначальная группа нападавших действовала как своего рода барьер против других. Стив злобно размахивал вокруг

себя гуркским ножом и посохом. За последние несколько дней ожидания он отточил своё мастерство владения этим странным оружием, и теперь оно кружило и кололо врагов с беспощадной точностью. Хотя ему и удавалось делать глубокие порезы или вмятины там и сям, казалось, что самого лёгкого прикосновения к палке с кошачьей головой было достаточно, чтобы вывести из строя многих Чо-Чо. Зарнак предвидел, что члены банды, когда бы они ни показались, попытаются укрепить свои позиции с помощью чёрной магии, той же самой, что безуспешно применялась поколением ранее во время Боксёрского Восстания. Тогда победа Британии была достигнута лишь с помощью тайного применения того же самого посоха джуджу, который Стив так разрушительно использовал сейчас. Казалось, что магическое подкрепление Чо-Чо, как и Боксёров, на самом деле сделало их более уязвимыми для контрмагии жезла Соломона.

Не осмеливаясь выхватить пистолеты на таком близком расстоянии, Стив тем не менее быстро уравнял шансы, отсекая от себя фигуры злобных карликов, словно сбивая плоды со ствола дерева. Его нож и посох искали и находили места для ударов в неарийской плоти снова и снова. Ярост-

ные усилия орудий Стива согнали атакующих в тесную толпу, и Чо-Чо ранили больше самих себя, чем тех, кого намеревались. Хотя Харрисон и сикх были покрыты кровью от дюжины мелких порезов и ссадин, ни один из гигантских бойцов ещё не получил серьезного удара, но каждый уже нанёс много таковых врагам. Расколов один куполообразный, лысый череп Чо-Чо до зеленоватых зубов, Акбар Сингх воскликнул:

— Такова борьба, когда трусливые убийцы сталкиваются с воинами на открытом воздухе!

Но у Стива имелась другая теория. Внезапно ему пришло в голову, что с таким количеством хорошо обученных убийц, выставленных против них, они вдвоём, как бы доблестно ни сражались, должны были уже встретить свою смерть, если только нападавшим не приказали вообще не убивать их! Предположим, вместо этого им было приказано *захватит*ь его…

Стив пришёл к завершению своей мысли с помощью удара дубинки, подчеркнувшей верность его предположения. Он даже не заметил этого, когда упал под ноги толпы злорадствующих Чо-Чо. И Стив не мог видеть Акбара Сингха, последовавшего за ним всего несколько мгновений спустя.

Спустя вечность пустоты Стив Харрисон по-

чувствовал, что сцена его кошмара изменилась. Теперь он, казалось, лежал ничком, связанный, в подземелье с тусклым освещением. Он попытался перевернуться и обнаружил, что не может. Казалось, он был привязан к чему-то, что не давало ему двигаться. Стив быстро понял, что проснулся, что его лихорадочные сны подошли к концу. Может быть, они накачали его наркотиками, чтобы держать под наркозом после того, как он придёт в сознание после удара дубинкой по голове? Его глаза начали привыкать к окружающей обстановке. Он начал различать фигуры всё чётче и чётче. И запахи тоже. Стив сразу же понял, что оказался лицом к лицу с трупом, причём не свежим. Была ли это садистская шутка дьяволов Чо-Чо — позволить ему умереть таким образом, стать невольным спутником того, кто уже был послан вперёд в мрачное царство смерти?

Обладая прагматизмом своих предков-варваров Харрисон понимал, что не может позволить себе поддаться ужасу своего положения. Единственное, что можно было сделать, — это отнестись к этому как к ещё одной ловушке и начать искать выход из неё. Тогда он мог бы позволить себе придумать немного собственного садизма. Поэтому он начал оценивать своё положение.

Безуспешные попытки напрячь мышцы быстро показали, что руки Стива были связаны не на запястьях, как он наполовину ожидал, а прямо в локтях. Его предплечья и те, что безжизненно свисали с лежащего перед ним трупа, оставались свободны. То же самое и с ногами: они были привязаны к гниющим членам трупа чуть выше колена. Если Харрисон дотащит мёртвое тело до одной из стен, то сможет поднять себя и свою ношу на ноги. А потом, если он сумеет удержать равновесие с мешком гнилой плоти, свисающим спереди, то, возможно, сумеет добраться до двери камеры и посмотреть, насколько она надёжна. Может быть, менее, чем думали его похитители.

Кряхтя, обливаясь потом даже в затхлой прохладе камеры, Стив уже наполовину достиг своей цели, когда новый удар чуть не лишил его воли. Ибо когда он смог подняться под мимолётный серый луч света, пробивающийся сквозь отверстие в дубовой двери, он был ошеломлён, увидев, что узнал лицо или искажённую карикатуру на лицо человека напротив себя — это был Билл, бедный Билл Уотерман!

Итак, бандиты из Тонга добрались до Билла, обошли полицейский патруль (без проблем, Стив сам привык делать то же самое) и закончили

свои дела с жертвой. Стив понял это, когда снова соскользнул на землю, волоча за собой тело своего мёртвого товарища. Но когда он приготовился к новой попытке, то снова вздрогнул, и это было хуже всего. Он почувствовал, как труп под ним зашевелился с кощунственным оживлением. Волосы на затылке Стива встали дыбом от неестественного страха, и его охватил озноб. Здесь проявилась сила самого глубокого ада, заклинание зомби. Внезапно он почувствовал, что сам является обузой, что его облик должен казаться лишь досадной помехой сверхчеловеческой силе дьявола, овладевшего инертной оболочкой его друга. Тварь под ним задрожала, а затем дёрнулась с почти змеиной гибкостью, чтобы избавиться от смертного, сидящего на нём. Стив никак не мог выкинуть из головы гротескный образ родео верхом на дьявольском коне! Сможет ли он каким-то образом выиграть состязание и спасти свою душу?

Инстинктивно детектив понимал, что не должен позволить своему противнику получить свободу передвижения. Демон, сидящий в теле Билла, своими железными конечностями уже разорвал путы на ногах и теперь занимался освобождением рук. Стив знал, что должен попы-

таться удержать труп на месте и вывести его из равновесия. Если он позволит демону вырваться на свободу, то никогда не сможет пережить рвущие его когти. Поэтому он собрал все свои знания о борцовском ринге, полученные много лет назад в любительских состязаниях на борту корабля, когда он ехал на торговом судне из одного захолустья Южных морей в другое. Он использовал массу своего тела как тупой инструмент, перемещая свой вес, чтобы выбить своего жуткого противника из равновесия и опрокинуть на твёрдый пол. Он не осмеливался дотянуться своими свободными руками до горла существа, которое было Биллом, чтобы оно не воспользовалось тем же шансом и не обрушило более мощную демоническую хватку на самого Стива.

Именно во время своих приключений в Южных морях и Восточной Азии он впервые узнал об античном зле, с которым ему пришлось сражаться на Ривер-стрит. Среди них был страшный обряд *роланг*, труп, который танцует. Ходили тайные слухи, что адепт магии добровольно принимает участие в том же самом состязании, в которое теперь оказался вовлечённым сам Стив. Если он сумеет достаточно долго сохранять рассудок, то сможет обрести великую оккультную силу,

пройдя через это испытание. Но в чём же секрет окончательного выведения из строя некроманта-людоеда, пока не стало слишком поздно? Это было давно, и Стив, тогда ещё молодой и охваченный наивным рационализмом юности, не обратил на это особого внимания. Если бы он только мог *вспомнить!*

Теперь мёртвые глаза роланга открылись, и их закатившиеся зрачки вновь выплыли в поле зрения. Они смотрели на Стива с совершенно нечеловеческим интеллектом, прямо из Ада. Крошащийся рот начал открываться, и Стив не знал, что было хуже — вонь от склепа или демонический хохот. Он чувствовал, что безумие и смерть уже не за горами, и был близок к тому, чтобы принять их объятия. Если бы он только мог вспомнить! А потом откуда-то издалека донёсся голос, и Стив принял его за голос своего противника, зовущего из дальних пределов Тартара.

— *Язык, сахиб Стив!* Отрежь язык!

Но нет, понял Стив сквозь суеверную панику, это был голос живого человека! Это, должно быть, Акбар Сингх! Каким-то образом ему удалось освободиться, и теперь он пытался спасти и Стива. Что же он сказал? Язык? Это вряд ли имело какой-то смысл. Может быть, безумие пришло

за ним. Но что-то заставило Стива попробовать это отталкивающее предложение. Задыхаясь, Харрисон разжал собственные стиснутые зубы и невольно оскалил рот в невыразимом поцелуе со своим адским двойником. Глубокая печаль охватила его, когда он стал рыться в выгребной яме собственным языком в поисках сморщенного обрубка мертвеца. Но он нашёл язык и схватил протестующими челюстями, грызя изо всех сил, пока, наконец, тот не поддался. Стив схватил его, сплюнул на невидимый пол под собой и почувствовал, как омерзительная фигура обмякла, её внезапный вес увлёк детектива за собой.

Но теперь дверь распахнулась, и гигантский силуэт Акбара Сингха заполнил дверной проём. Наклонившись, он достал собственный нож Стива, чтобы разрезать оставшиеся путы. Подхватив шатающуюся фигуру Харрисона, он помог ему выбраться из крошечной комнаты в коридор. В более ярком свете Стив разглядел, что на всю длину коридор усеян изуродованными тушами охранников Чо-Чо. Обутая в сапог нога великого сикха нашла свободную голову и размозжила её, как гнилой плод, о каменную стену.

— Дьяволов гораздо больше, чем мы предполагали, *сахиб* Стив. Но большинство из них

собралось в другом месте, куда мы сейчас направляемся.

В ответ на вопрос своего спутника Акбар Сингх объяснил:

— Они предоставили слишком мало своих товарищей для того, чтобы сопровождать меня. Я заставил их думать, что пребываю без сознания, пока не смог застать их врасплох. Они действительно приготовили мне хитроумные пытки, но, слава богу, я сумел их предотвратить. Теперь дьяволы еще много раз вкусят свой собственный ужас в аду, куда я их послал.

Теперь Харрисон был вполне в состоянии идти рядом с сикхом по извилистым коридорам, на удивление пустым — ни одного грабителя, кроме них самих.

— Мне очень повезло, что ты появился именно тогда, приятель! Но как насчёт Зарнака? Его тоже забрали? Ты знаешь, где они его держат?

— Я немного поискал, но я, недостойный раб, не знаю, где находится мой господин. И всё же я *кое-что* нашёл.

С этими словами он достал из складок своей потрёпанной шёлковой накидки знакомый резной посох и протянул его Стиву. Тот взял оружие с благодарностью.

— Но одного я не понимаю, Акбар Сингх. С этим посохом ты мог бы быстро справиться с этим зомби сам, не так ли?

— Думаю, что нет. Даже сам Зарнак не осмелился бы воспользоваться силой посоха. Его силу может пробудить и контролировать только тот, кому предназначено быть владельцем. И если бы я вмешался физически, я стал бы бояться за свою бессмертную душу, как вы боялись за свою. Сила *роланга* велика, а средств остановить его мало.

Две фигуры замедлили свой темп, и Харрисон последовал примеру сикха, присев, чтобы продолжить движение на корточках. Пока они пробирались через то, что казалось бездействующим дренажным туннелем, Харрисон прошептал:

— Итак, где же мы? Обычно я могу сориентироваться где угодно в квартале, но я не знаю этого места.

— Я не могу поклясться в этом, мой друг, но мне кажется, что мы находимся в нескольких туннелях, ведущих от склада к набережной. Вполне вероятно, что дьяволы Чо-Чо наткнулись на эти старые норы контрабандистов и нашли им новое применение. Если я не ошибаюсь, мы сейчас вернулись из зоны камер содержания, вероятно предназначенных для торговли белыми рабами,

и находимся очень близко от самого склада. Без сомнения мы проделали путь, по которому они привели нас, чтобы затем убить. Вы слышите пение прямо за дверью? Давайте подойдём ближе.

Через мгновение Стив и Акбар Сингх обрадовались возможности подняться во весь рост, хотя продолжали двигаться украдкой. Открыв настенную панель в помещении, похожем на старую бухгалтерию, они отчётливее услышали звуки, которые только что уловил острый слух сикха. Харрисон позавидовал своему спутнику — его обострённым от природы органам чувств. Голос действительно звучал как пение, повторяющееся, осьмогласное. Кто-то шёл впереди, множество других голосов следовали за ним. Значит, имелся и лидер. Кто может руководить всей операцией? Стив задумался, потому что, кто бы это ни был, детектив уже считал его мертвецом.

Нарастающий хор гортанных голосов намекнул Стиву на его прежний страх. В глубине души он знал, что его кельтские предки изгнали рептильных сородичей этих тёмных троллей с открытых пространств, где обитали люди. Его нож жаждал их вонючей крови. Казалось, он знал, что его статный спутник разделяет его собственную первобытную ненависть к маленькому народу.

Мифология предков Акбара Сингха знала их как асуров, вечных врагов арийских богов.

Стив и его спутник медленно приблизились к более выгодной позиции, надеясь, что они всё еще незаметны. Здесь они смогли лучше рассмотреть единственную фигуру человека, стоявшего за ониксовым камнем алтаря, размещённом на задрапированном помосте в одном конце комнаты высотой в два этажа. Его руки были вытянуты вперёд и время от времени поднимались, словно в мольбе. Сначала Харрисон подумал, что они всё ещё слишком далеко, чтобы разобрать слова, которые произносил незнакомец, но вскоре понял, что песнопение звучало на незнакомом ему языке, вероятно, на том же варварском наречии, которое он слышал из бредящих уст Билла Уотермана несколько дней назад. Да, там были те же самые слова: *«Йа! Йа! Ллойгор! Жар фхтагн! Кфьяк вулгтлм вултлагн!»*, Стив почувствовал лёгкую тошноту, услышав эти загадочные звуки. У них был странный резонанс, как будто они задели струну на каком-то более глубоком, забытом уровне, чем просто слух.

Акбар Сингх резко встряхнул гигантские плечи Харрисона, выводя его из гипнотического оцепенения.

— Именно этого я и боялся, *сахиб* Стив! Он открыл врата, и *Нечто* соизволило ответить на зов!

Звук пения неуловимо изменился, приобретая приглушённый оттенок ожидания и надежды. Качество света тоже изменилось. Он стал похож на завесу, возвещающую о надвигающемся торнадо. Вдруг из этой взволнованной атмосферы начала сгущаться Форма, которую трудно было постичь умом, но она смутно напоминала фигуру бумажного кальмара во время фестиваля на Ривер-стрит. Казалось, что клубок перекрещивающихся рук, усиков или щупалец скрывал то центральное тело, из которого они исходили. Раздался громкий плеск, хотя воды не было видно. А Форма расширялась, подобно рассеивающемуся облаку дыма. Только она не таяла, а по мере расширения становилась всё отчётливее. Её щупальца теперь извивались над съёжившимися гномами, чьё поклонение и призвало Её. Некоторые из них дрожали, охваченные благоговейным трепетом, в то время как другие, казалось, были готовы бежать в ужасе, колеблясь, возможно, только из страха, что бегство может стать более опасным действием.

Эта сцена продолжалась ещё мгновение, преж-

де чем две трети Чо-Чо бросились к дверям. Двое наблюдателей поднялись из своего укрытия, их видимость теперь не имела значения, и направились к платформе. Ибо затенённый капюшон таинственного жреца на помосте откинулся, открывая взмокшее от пота лицо Антона Зарнака! Теперь он перешёл на мандаринский язык, который Стив хорошо знал.

— О Пресвятой Жар, уничтожь этих осквернителей твоих тайн, как однажды ты поразил жителей Ленга! Йао Тамунгазот, во имя твоего имени!

Это было всё, что Стив смог разобрать, поскольку литания Зарнака потонула в криках убегающих Чо-Чо. Несмотря на кажущуюся неуклюжесть, гигантские придатки светящегося призрака нанесли быстрый и смертельный удар. Запаниковавшие гоблины исчезли один за другим, окутанные дымными объятиями своего неутомимого преследователя. Заговорил глашатай Жара, и его слово не было напрасным.

Стив и Акбар Сингх остановили своё безрассудное движение к алтарю и теперь вернулись в своё укрытие, не зная, защитит ли их оно от рыскающих щупалец этой твари. Когда они осмелились снова поднять глаза, после того как крики

стихли, вздымающееся облако смерти всё еще парило над ними.

— Я думаю, что это то, что мой хозяин называл *Тулку* Жара, проецируемый образ бога, который пребывает в беспокойном сне в гроте глубоко под плато Сунг, — прошептал сикх. — Но посмотрите на самого хозяина! Я боюсь, что он потерян для нас!

Зарнак стоял прямо, подняв руки и широко раскрыв глаза. Он больше не говорил. А облачная сущность продолжала расширяться. Её добыча закончилась, и щупальца стали вытягиваться в том направлении, куда убежали обречённые Чо-Чо. Может быть, Жар собирался поймать тех, кого упустил? Но Стив готов был поклясться, что никто из Чо-Чо не смог бы убежать так далеко. И это означало… Он посмотрел на бледнеющее лицо Акбара Сингха.

— Зарнак не может отослать его обратно! Жар ощущает голод, и он собирается направиться на Ривер-стрит!

— Боюсь, что вы правы, *сахиб*. Но что мы можем сделать? Атаковать эту тварь смертельно опасно!

Но Харрисон не слушал сикха. Он вновь внимал эху того, что когда-то знали его предки. Посох с

кошачьей головой в его побелевшей руке странно потеплел. Он знал, что есть одна вещь, которую он может попробовать.

Выпрямившись, он прошептал: «Прости, Акбар Сингх. Простите меня, Док!», И с этими словами Стив послал заострённый посох, пролетевший сквозь странно заряженный мрак, как копьё — прямо в незащищённую грудь Антона Зарнака!

Огромный сикх жалобно застонал, когда снаряд достиг цели, и Зарнак рухнул на пол. Но внезапно призрачный гость из таинственного сердца Азии исчез, словно взошло солнце, прорезая тяжёлый утренний, морской туман. Уверенные, что теперь они в безопасности, Стив и Акбар поспешили к помосту. Конечно, там лежало тело, но это было тело связанного Чо-Чо, несомненно, жреца, который намеревался руководить совсем другой церемонией. Зарнак, должно быть, каким-то образом расправился с ним до того, как собралась толпа. Харрисон разорвал на куски несколько метров упавшего балдахина, которым теперь были задрапированы обломки алтаря, надеясь, что падающее тело Зарнака могло запутаться в этом хламе, но и здесь его ожидало разочарование. Также Стив не увидел никаких признаков посоха. Акбар Сингх был доволен тем, что позволил

Харрисону самому продолжить его безумные поиски. Казалось, слуга смирился с этим странным обстоятельством.

— Не может ли быть так, что Зарнак вернулся с аватаром своего бога в их прибежище в Азии? Полагаю, что да. Мы не найдём его, хотя я не стану мешать вам искать дальше, мой друг.

— Что ты имеешь в виду? — спросил озадаченный детектив, чувствуя, что после всего увиденного даже самая дикая теория сикха вполне может оказаться правдой. — Он жив или мёртв?

— Я знаю так же мало, как и вы. В самом деле, не моё дело знать, присутствовал ли когда-нибудь среди нас доктор Зарнак. Возможно, он сам являлся *тулку*. Я не знаю. Я просто вернусь в его жилище и буду ждать. Когда-нибудь он снова сможет воспользоваться моими услугами, и кто знает, возможно, ему понадобятся и ваши. Иди с миром, брат мой.

Не говоря ни слова, Стив Харрисон повернулся и нашёл дверь. Сикх был прав в одном: это оказался склад, один из самых старых и внешне обветшалых строений на набережной. Через несколько минут, вырисовываясь силуэтом на фоне благодатного рассвета, Харрисон проплёлся через всю Ривер-стрит, едва обращая внимание

на странные взгляды тех немногих жителей улицы, кто рано встал, чтобы заняться честными делами. Когда Стив шёл по Восточному кварталу, его огромное тело сгорбилось от усталости, он впервые почувствовал, несмотря на экзотическую потусторонность этого места, что на его древних улицах он вернулся в реальный мир.

Перевод: А. Черепанов

Роберт М. Прайс
Роющий норы

Robert M. Price «The Burrower Beneath», 1997

Говорят, что бессмертием обладают только боги, и с этим даже я, Эйбон из Му Тулана, склонен согласиться. Но так было не всегда. В былые дни, прежде чем устать от жизни, я осмелился узнать, может ли смертный человек достичь бессмертия богов. И ничто не страшило меня в этом намерении, кроме как сложность его достижения. Но я говорю загадками, и лучше вернуться к началу, чтобы смысл моих слов стал понятен читающим эти строки.

То был ранний расцвет моего мастерства в

эзотерических искусствах, когда я необдуманно считал себя способным на любое чудо, какое только можно вообразить, если бы только мне удалось найти подходящий способ и хватило бы смелости для его исполнения. Более того, я хорошо знал, что старшими магами было открыто многое из того, что теперь предано забвению теми, кто слишком труслив, чтобы заплатить высокую цену за малое проявление Потустороннего. Но я не испытывал подобных сомнений, и потому осмеливался обращаться к нечистым демонам, заплатив такую цену, которую не хотел бы раскрывать, за то, чтобы получить утраченные писания проклятых дьяволов, сделанные кровью.

Самые гнусные богохульства таились в папирусе, под названием «Чёрные ритуалы Коф-Сераписа», зловещего чародея, жившего в позабытые дни Ахерона. В запретных кругах адептов преисподней шептались, что нечестивый Коф-Серапис сумел обмануть смерть. И самонадеянный новичок, каким был я, несмотря на свои научные и тауматургические достижения, решил раскрыть занесённый песками путь, проторённый в древние времена тёмным Коф-Сераписом. Мои рассуждения были таковы: если этот маг на самом деле постиг тайну бесконечной жизни, то

даже по прошествии бесчисленных столетий я смогу отыскать его и выведать секрет. То, что это будет нелегко, нисколько не останавливало меня, и потому, вопреки мудрым предостережениям тех, кто был старше меня по годам и намного превосходил мудростью, я пустился в путь.

Никто из моих собратьев-чародеев не имел ни малейшего понятия как помочь мне, даже если бы они этого захотели, а потому я знал, что придётся искать иной помощи. Я рассудил, что о местонахождении человека, ставшего бессмертным, из всех существ ведомо тем, кого смерть уже забрала. Из зависти или нет, но мёртвые могут знать что-то о том, кто избежал постигшей их участи, подобно тому, как узники превозносят своих более удачливых собратьев, сбежавших из темницы, в которой всё ещё томятся остальные. Мне следовало искать дух того, кто делил землю с древним Коф-Сераписом, и при этом сам достаточно знал об искусстве некромантии.

В конце концов, я решил отправиться на далёкий остров Серендип, ибо он представлял собой один из последних осколков Лемурии, этого доисторического континента эпохи рассвета Земли, которым правили первобытные Короли-Драконы, прежде чем легендарный Махатонгойя

изгнал их, как написано на древних страницах «Упа-Пуран», после чего одни из них нашли убежище в Валузии, а другие в моей родной Гиперборее. Там, на острове Серендип, я надеялся найти руины легендарной гробницы Шахраджи, могущественнейшего из магов эпохи, предшествовавшей Великому катаклизму.

Поэтому я сел на корабль работорговцев, отплывавший из южных гаваней Атлантиды и направлявшийся на восток. О приключениях, с которыми я столкнулся во время путешествия, можно поведать многое, но я должен продолжать свой рассказ. Достаточно сказать, что раз или два в тёмные часы новолуния мне удалось выманить из водных пучин нескольких детей Дагона, которые заверили меня, что храм Шахраджи всё ещё стоит в глубине острова, и указали самый безопасный путь к нему.

Спустя много дней наш корабль достиг берегов Серендипа, и я попрощался со своими спутниками. Они очень сожалели об этом, потому что моя власть над стихийными духами не раз оказывалась полезной в сохранении хорошей для плавания погоды, но теперь им, как и прежде, придётся полагаться на капризы природы.

В омываемом волнами королевстве Серендип

я был радушно принят правителем острова, любезно предоставившим мне всё необходимое для продолжения поисков. В знак благодарности я оживил вечернюю трапезу несколькими незамысловатыми фокусами, которые все восприняли с безудержным детским восторгом.

Рано утром, в сопровождении небольшой группы смуглых носильщиков, которые не переставали удивляться цвету моей выгоревший на солнце северной кожи, я отправился в заросшую джунглями часть острова. Непривычную жару удавалось сдерживать с помощью колдовства, которому я научился у гномов Гипербореи, вынужденных проводить много времени среди пламени подземной магмы, выковывая покрытые рунами мечи-атамы, подобные тому, что находился у меня на бедре.

После того, как мы прошли некоторое расстояние по джунглям, каких нет на моей родине, я приказал спутникам свернуть с хорошо известной им тропы, и следовать по пути, указанному мне чешуйчатыми дагонитами. Но услышав об этом, они сильно испугались, поскольку путь пролегал через земли, которые издревле считались запретными. Я заверил их, что нечего бояться, пока они находятся рядом со мной, но некоторые

попросили разрешения разбить лагерь и ждать моего возвращения. Для примитивного народа их логика была вполне здравой, хотя они и использовали её в интересах низменного суеверия, и, в конце концов, я позволил им всем остаться.

Разрушенный храм лемурийского мага находился не так уж далеко, и я достиг его ещё до наступления заката. В косых лучах тропического солнца я наткнулся на то, что осталось от храма, служившего, согласно древним свиткам, одновременно гробницей могущественного волшебника и жертвенным алтарём его духа. Тяжесть веков легла на мои плечи, когда я шагнул в тень величественного прошлого, понимая, что нет нужды ни в каких церемониях, настолько сильно ощущалось присутствие сверхъестественного в этом месте. Тем не менее, я поспешил соблюсти все предписания и установил медный треножник для воскурения благовоний. Совершив Великую Инвокацию Некромантии, я глубоко вдохнул дым оракула. Чувство времени ускользнуло от меня, и в какой-то момент я осознал, что передо мной стоит тень Призванного, окутанная странным тёмным пламенем.

— Зачем ты нарушил мой покой, о человек последних дней?

Я упал на колени перед могучим призраком, подобным мрачной грозовой туче.

— Великий Шахраджи, прошу, выслушай меня! Я проделал долгий путь…

— Мой путь был ещё дольше!

— Да, Владыка, прости мою дерзость. Молю, поведай мне, как найти бессмертного Коф-Сераписа! — говоря это, я не осмеливался взглянуть в лицо тому, чей дух посмел потревожить.

— Ты призвал мёртвого мага, чтобы отыскать живого дьявола? Это путь, по которому не пойдёт ни один разумный человек. Я предостерегаю тебя, о Эйбон, ибо вижу, что ты не сможешь обрести того, что ищешь, когда найдёшь это. И раз богохульство Коф-Сераписа снова стало искушением для человечества, то будет лучше, если истина о нём раскроется.

Я вернулся к своим верным носильщикам, извиняясь за то, что заставил их ждать слишком долго, хотя понятия не имел, сколько прошло времени. Они смотрели на меня как на безумца, говоря, что я покинул их всего несколько мгновений назад. Мы собрались и в тревожном молчании побрели обратно во дворец правителя острова. Я размышлял над словами Шахраджи все долгие месяцы возвращения к берегам Ги-

перборей, уверенный в том, что путь к искомому наконец открылся мне, но с предчувствием, что исполнение желаемого, не принесёт мне удовлетворения. Я мало что узнал из таинственного пророчества тени Шахраджи, но скоро всё разъяснится.

Вернувшись в привычную обстановку своего колдовского святилища, где неугасимое пламя и бурлящие зелья окружали меня успокаивающим теплом, я приготовился снова отправиться в далёкое путешествие, хотя на этот раз и внетелесное. Ибо откровение Шахраджи указывало, что цель моих поисков находится в ужасной долине Пнат, которую мне не доводилось посещать ещё ни разу.

Я совершил все необходимые приготовления и в мгновение ока свободно воспарил над своим телом. Освободившись от оков плоти, я теперь видел скрытые вещи, что незримо окружают нас и которые милостиво сокрыты. Так, взглянув на лестницу, ведущую из комнаты, мне открылось то, что скрывал дневной свет — семь тысяч ониксовых ступеней, ведущих в Подземный мир глубин Дендо.

Я быстро спускался вниз, пока не увидел перед собой раскинувшиеся зловещие просторы доли-

ны Пнат — пустошь, подобная посеребрённым пескам Луны, где властвует злобный Мномкуа. Мне не понравилось увиденное, и я знал, что даже в своей астральной форме могу столкнуться в этом месте с неисчислимыми опасностями. Подобно призраку я плыл над изрытым норами ликом Пната в поисках некоего колодца, названного в потаённых преданиях бездной Нот, куда меня вёл загадочный шёпот мёртвого Шахраджи. На мгновение я задержался на краю пропасти, чтобы окинуть взглядом жуткое зрелище, представшее передо мной в колышущихся инфракрасных испарениях. Ибо там лежало не что иное, как разрушенный некрополь Нуг-Хатот, о котором древние сказители мало чего знали.

Мне следовало подготовиться к роковому часу, когда откроются подземные норы. О его наступлении я узнаю по поднявшемуся ядовитому чёрному ветру, что донесёт до моих ушей внушающее ужас ворчание Дхолов, когда они слепо и неуклюже выползут наружу, чтобы начать своё погребальное пиршество. Я счёл за лучшее расположиться на вершине башни Нарган и там ожидать появления безглазых слизней из их жутких нор.

Внезапно мучительный вой возвестил о прибы-

тии тех, кого я ждал. Я приготовился спуститься к нечестивым норам, когда внезапно передо мной возник струящийся столп вязкой мерзости, титаническая форма величайшего из могильных чудовищ, столь же высокая, как башня, на вершине которой я стоял! Лицо, если его можно так назвать, не выдавало никаких признаков разума, и только мерзкая слюнявая пасть непрерывно жевала, истекая невыразимыми ядами.

Каково же было моё потрясение, когда эта тварь заговорила на человеческом языке!

— Назови себя, смертный, чтобы я мог знать, кого собираюсь сожрать.

— Нет, повелитель Дхолов, ты не сможешь поглотить мою эктоплазму, поскольку я не дух умершего, а всего лишь путник, желающий постичь мудрость ночи и таинства червя. Я ищу бессмертного волшебника Коф-Сераписа, ведомо ли тебе что-нибудь о нём, о Роющий норы?

При этих словах из клыкастой пасти вырвались звуки, похожие на смех.

— И зачем ты ищешь его, о лакомый кусочек?

Всё меньше и меньше мне нравилась эта беседа, и я надеялся, что искомое знание откроется мне прежде, чем придётся и дальше терпеть это невыносимое зловоние, которое могут уловить

даже органы чувств астрального тела.

— Легенды гласят, что он один из всех смертных достиг бессмертия, и я хотел бы узнать эту тайну. Теперь я заклинаю тебя Оковами Пната поведать мне о том, где искать Коф-Сераписа, если ты действительно это знаешь.

Волна безудержного смеха сотрясла живой столп космической мерзости, и мне показалось, что отвратительная громада вот-вот развалится на части.

— Знай же, маг Коф-Серапис обнаружил, что плоть смертных никоим образом не способна удерживать жизнь вечно. Но она всё же может обмануть смерть, приняв её в полной мере. Силой несокрушимой воли, если только удастся сохранить её в момент смерти, чародей перенесёт осквернение своего тела языком личинок и перейдёт с последним остатком плотской пищи в грызущего её червя-победителя, после чего он сможет подчинить безмозглых трупоедов своей воле и возродиться из разложения самым необычным образом.

Обретя ужасное знание, которое так долго искал, я в ужасе бежал прочь, пока смех мерзкой твари телепатически эхом отдавался в моём поражённом мозгу. Открывшаяся кошмарная правда

прервала моё путешествие, и я пробудился в своей комнате в чёрной башне Му Тулана. Тогда я хорошо понял мудрость Шахраджи, что только узнав секрет бессмертия, я должен никогда больше не стремиться к нему, и, хотя с тех пор я не колеблясь продлевал своё земное существование с помощью определённых тайных средств, когда смерть, наконец, придёт за мной, я буду смотреть на неё как на друга и с радостью приму её. Ибо в последний миг я понял, какую немыслимую цену заплатил древний Коф-Серапис, потому что это он был той огромной, говорившей со мной червеподобной тушей!

Перевод: А. Лотерман

Примечание переводчика: Рассказ «Роющий норы" (The Burrower Beneath) был написан Робертом Прайсом и опубликован в журнале «Fungi" в 1997 году, а позднее вошёл в антологию «Книга Эйбона" (The Book of Eibon) 2002-го. Как отмечает Прайс в предисловии к нему, в «Обитающем во тьме" (The Haunter of the Dark) 1935 года Лавкрафт привёл названия пяти сочинений Роберта Блейка, пародирующих рассказы Роберта Блоха. Из них «Роющий землю" (The Burrower Beneath) вдохновил Брайана Ламли написать «Роющих

землю" (The Burrowers Beneath) 1974-го, Фрица Лейбера на «Ужас из глубин" (The Terror from the Depths) 1976-го, а Лина Картера на «Наследие Уинфилда" (The Winfield Inheritance) 1981-го. Сам же Прайс написал свой рассказ в рамках Гиперборейского цикла К. Э. Смита, обратившись к мотивам «Празднества" и «Сновидческих поисков неведомого Кадата" Лавкрафта, использовав название из «Обитающего во тьме», которое в данном переводе получило вариант «Роющий норы», как более точно отражающий особенности жизни дхолов и соответствующий сюжету.

Роберт М. Прайс
Сын морской нимфы

Robert M. Price «Sea Nymph's Son», 2014

1

Гравюры и Одиссеи

Слушайте, друзья мои, и я расскажу вам о борьбе титанов и героев. О царе Агамемноне, великом полководце воинства аргивян, втором Тесее, убившем Человека-Быка в решающем бою. И о

могучем Ахиллесе, непобедимом сыне морской нимфы Фетиды и биче всех людей. Хвастались, что он был неуязвим для оружия: мать-богиня окунула Ахиллеса в реку Стикс, забыв обмакнуть только пятку, за которую она крепко держала младенца, чтобы он не выскользнул из её рук и не погиб в ледяных водах. Но никто не видел проявления этой необычной неуязвимости Ахиллеса по той веской причине, что её обладатель был настолько искусен в бою, что его противники падали на землю без сил, прежде чем кто-либо мог приложить руку или меч к его лицу. Неуязвимый или нет, Ахиллес был одарён не только смертоносной доблестью. За несколько дней до этого все стали свидетелями спора между двумя героями, когда великий Ахиллес заявил, что он слишком силён и могущественен, чтобы подчиняться приказам простого смертного.

Агамемнон сначала не поддался на уговоры Ахиллеса, а затем тщетно раскаивался, когда Ахиллес отказался вести армию на поле боя против троянских врагов, как раньше. Генерал опасался, что его люди потеряют доблесть, если сын Фетиды не поведёт их за собой. Так велико было его удивление на рассвете следующего дня, когда Ахиллес вышел в полном вооружении из

своей палатки и молча сел на могучего жеребца, ожидая приказа Агамемнона с несвойственным ему смирением. Агамемнон гадал, что отражает лицо Ахиллеса, скрытое шлемом: обиду или твёрдую решимость? Но сомнения и страхи царя улетучились, как сорванные ветром листья. Он приказал людям выдвинуться на равнину за городом.

Следуя примеру Ахиллеса, ахейцы прорвали оборону царя Приама, подобно тому, как огромный корабль разделяет волны своим носом. И так продолжалась битва, пока не случилось то, о чём никто и не мечтал.

Ахиллес пал.

По мере распространения слухов ахейцы замедлились, а троянцы сплотились. Кровь Ахиллеса обагрила воздух, и ход событий изменился. Всё, что могли сделать его соотечественники, это забрать тело и отступить к ахейским кораблям, а тыловая охрана не подпускала мстительных троянцев к своим флангам, пока те бежали в позорном беспорядке.

И сегодня в лагере Агамемнона полным ходом шли траурные обряды. Теперь царь медленно шёл к палатке павшего героя, чтобы собрать несколько сувениров, которые должны стать

призами в играх, что будут проводиться позже в этот день в память о погибшем. Внутри палатки раздались едва уловимые звуки движения, и Агамемнон выхватил меч, думая застать врасплох какого-нибудь вора. Он откинул полог палатки и увидел Ахиллеса.

Его массивная спина была обращена к Агамемнону, и Ахиллес не сразу повернулся, чтобы поприветствовать царя. Но он заговорил, и голос действительно принадлежал Ахиллесу:

— Вчера, о великий Агамемнон, дела шли не лучшим образом, не так ли?

Ошеломлённый генерал пробормотал в ответ:

— Но ты был… все думали, что ты убит… Как…? Твой труп ожидает костра даже сейчас.

— Это тело Патрокла. Ты не знал его в лицо?

— По правде говоря, нет. Не знал. Но я не видел и твоего собственного лица, могучий Ахиллес.

Ведь действительно, сына Фетиды никогда не видели без шлема; это было позволено только избранным, таким как Патрокл, обычный мирмидонец, но любимец Ахиллеса; даже были слухи, что Патрокл — его возлюбленный.

— Глупый Патрокл не хотел огорчать тебя и не собирался разочаровать своих товарищей. И вот он попросил у меня разрешения воспользо-

ваться моими доспехами, чтобы разыграть свой неудачный маскарад, и я разрешил. Не позволяй, Агамемнон, какому-то юному щенку выиграть их. Я хочу забрать мои доспехи. Я собираюсь использовать их завтра.

С этими словами Ахиллес повернулся лицом к Агамемнону, впервые без своего шлема, скрывающего лицо.

Агамемнон открыл рот и поспешно вышел из палатки, его царственная осанка исчезла.

2

Необъяснимое двустишие

Во дворце Приама большинство светильников было погашено, но факелы в изобилии располагались вдоль крепостных стен, чтобы коварные аргивяне не пытались ночью убить невинных жителей Трои. При свете единственной свечи, уже почти догоревшей, принц Гектор снова надевал свои доспехи. Он долго и упорно сражался почти весь день. Некоторые из его перевязанных ран всё ещё кровоточили, всё тело ныло от ушибов. Гектор хорошо поработал на полях сражений, убил более чем достаточно захватчиков для одного дня, но, вместо того чтобы отдохнуть

перед тем, как с первым криком петухов начнётся новая битва, он снова натягивал нагрудную пластину и шлем.

Он никак не мог одеться тихо, чтобы не разбудить свою жену Андромаху, и она проснулась. Несколько минут она молча наблюдала за мужем, так что Гектор не сразу понял, что она не спит. Но затем она заговорила:

— Дорогой мой, куда ты собираешься? Какое дело отвлекает тебя от нашей постели?

— Любимая, — сказал Гектор, присаживаясь рядом с ней, — до меня дошли вести, что Ахиллес ещё жив. Перед воротами нашего города сражался и погиб не он, а другой. Тот воин был дорог Ахиллесу, и он непременно завтра отомстит. Он узнает, что это я убил того воина, и меч Ахиллеса будет искать моей крови. Теперь я иду к оракулу, чтобы узнать о битве и её исходе.

— Но я знаю исход, великий Гектор. Ты снимешь его голову с плеч. Ты убьёшь его так же, как убил его двойника.

— Да, я встречусь с Ахиллесом, разделив радость битвы. Но, боюсь, я знаю исход лучше тебя, настолько хорошо, что для этого мне не нужен оракул. Я не сравнюсь со сверхъестественными способностями Ахиллеса.

— Но это, конечно, суеверие; он всего лишь человек, хотя и сильный. И ты тоже, мой муж, — возразила Андромаха.

— Разве ты не видишь? Неважно, полубог он или смертный человек. В любом случае он сражается со странным и богоподобным мастерством. В конце концов, я не смогу противостоять ему.

Андромаха начала плакать. Она спросила:

— Тогда почему ты оставляешь меня, если это наша последняя ночь? Что толку искать прорицателя Аполлона?

— Наши боги глухи и немы, — ответил Гектор. — Жрецы смотрят на меня пустыми глазами. Я должен знать, какая судьба ждёт тебя и моего отца, и город. Лучше знать заранее, чтобы мы могли планировать худшее.

— Разве мы уже не планировали это?

— Мой отец и его советники думают, что у них есть план, но, боюсь, они не учли, насколько ужасным может быть худшее. Теперь я иду умолять Кабири. *(Что, согласно толкованию, означает «Древние»).* Они старше Титанов и, по слухам, знают то, чего не знают даже боги. Сейчас я собираюсь совершить последнее полезное дело для Трои и для тебя, любимая Андромаха. С этими словами Гектор вышел из комнаты, Андромаха

долго смотрела ему вслед из дверного проёма.

Через час Гектор вышел из тайного туннеля, ещё не обнаруженного ахейскими разведчиками. Он договорился с проводником, который сейчас вышел из тени на свет луны. Бесшумно следуя за ним, Гектор вскоре обнаружил, что спотыкается в темноте. Ему мало помогал зыбкий свет от коптящего факела, который нёс сгорбленный гном в одежде. Миниатюрная фигура вела Гектора по скалистым тропам, которых он никогда прежде не видел, хотя, будучи принцем Трои, считал, что он знает каждый фут территории своего царства. Он молился, чтобы это не оказалось ловушкой. Гектор знал, что его смерть неминуема, но надеялся прожить чуть дольше, чтобы встретиться с Ахиллесом и умереть славной смертью. Его проводник не издавал ни одного вразумительного звука.

В конце концов, тени разного роста остановились перед тем, что казалось просто расщелиной между валунами. Это оказалось устье пещеры, через которое могучий Гектор едва мог протиснуться. Когда он миновал щель, гном был уже далеко впереди на узкой тропинке, ведущей вниз. В этой пещере не было факельного освещения, но по мере того, как Гектор карабкался и прыгал, он

понял, что на самом деле там имелись гладкие каналы, протоптанные бесчисленными ногами, но они проходили по отвесным стенам. Гектор старался не думать о том, какие обитатели могут пользоваться этими тропами. Он был рад, что его молчаливый проводник продвинулся так далеко вперёд, учитывая, что тот вёл себя в пещере как дома. Гектор не стал интересоваться, как этому парню удаётся так быстро идти.

Когда туннель закончился, Гектору открылся огромный грот, потолок которого находился слишком далеко для глаз. Огромное чёрное озеро заполняло весь грот. Далеко в тихой воде возвышался небольшой остров. Проводника Гектора нигде не было видно, но на скальном выступе появились две новые фигуры. Одна стояла вертикально, её факел ничего не освещал под нависающим капюшоном. Другая фигура сидела на камне или на корточках — это трудно было определить из-за того, что он или она также была в длинном балахоне. Её лицо тоже скрывала тень. Стоящая фигура произнесла одно слово, которое так отчётливо проникло во мрак, что Гектору показалось, что оно было сказано прямо ему в ухо кем-то, стоящим в укрытии рядом с ним, поэтому он повернулся, чтобы убедиться, что находится

на берегу один.

— Спрашивай.

Принц склонил колено и голову и заговорил:

— Оракул Кроноса, я хочу узнать тайну этого утра: кто победит в битве? Что будет с побеждёнными?

Теперь заговорила сидящая фигура, если это действительно была речь. То, что она произнесла, не было похоже ни на один из языков, известных Гектору, совершившему множество путешествий в другие страны. Голос был гортанным и булькающим, больше похожим на полоскание рта, чем на речь. Каков бы ни был смысл этого высказывания, оно не могло принести Гектору никакой пользы. Но тут стоящая фигура заговорила, и Гектор всё понял. Это было похоже на оракула Аполлона в Дельфах: провидица говорила на неизвестных языках, а сопровождающий её жрец переводил её слова на диалекты смертных.

«Тот, кто молится Р'льеху,
Погибнет, но победит в этот день».

Когда сын Приама поднял голову, чтобы посмотреть на оракула, обе фигуры исчезли, хотя ни раньше, ни теперь он не видел никакой лодки, подплывающей к крошечному островку. Гектор не мог подавить дрожь, но его душа была

освобождена от бремени. Его город и его близкие должны пережить его смерть. Гектор правильно поступил, решив посетить оракула, он оказался даже мудрее, чем сам о себе думал.

3

Порождение Тетис

Гектор плакал вместе со своей женой, обнимая её в последний раз. Но когда он шагнул в строй своих храбрых троянских солдат, его настроение улучшилось. Он понял, что испытывает восторг. Как будто знание своей судьбы заранее лишило его беспокойства и неуверенности. Он чувствовал себя свободным и мог сражаться изо всех сил ради самого сражения. В самом деле, разве не чувствовал то же самое в глубине души каждый настоящий воин, ведь в итоге все должны пасть под мечом какого-нибудь врага. Любой из них может оказаться посланцем Аида, пришедшим за ним. Никакое мастерство не может спасти человека от смерти. И если бы сегодня этот Ахиллес оказался с косой Аида, что с того? Да, Гектор будет делать выпады и размахивать руками с полной отдачей до тех пор, пока судьбой ему предназначено играть свою роль.

Его люди, казалось, ожидали чего-то важного. Некоторые хлопали Гектора по спине с восхищением и нежностью, не обращая внимания на его царскую серьёзность ради этого момента, который сделал их похожими, братьями по клинку. Гектор мог прочитать в глазах многих, что они знают будущее так же хорошо, как и он, и уже начинают скорбеть. Со своей стороны, наступающие аргивяне воспряли духом, распевая задорные боевые песни, зная, что их полубог-чемпион всё-таки жив, и вдвойне уверенные в его неуязвимости. Трудно было победить таких людей, которые, казалось, уже ликовали от победы, которую у них не могли отнять никакие грядущие события.

Танец смерти в обеих армиях начался, как и всегда, с неэффективного обмена стрелами, хотя их становилось всё меньше по мере истощения запасов. Поднятые вверх щиты сдерживали удары стрел, издающих звук, похожий на сильный дождь по крыше. Литые копья наносили больше урона, но к этому времени их тоже стало не хватать, и большинство из них берегли для гущи боя, где можно было более точно прицелиться. Тем не менее, метание копий делало их более громоздкими в тесных условиях, где мечи было

легче носить и использовать. Армии-близнецы столкнулись, как соперничающие облака. Сплочённые массы на мгновение сцепились, прежде чем маленькие ручейки людей начали прокладывать извилистые каналы сквозь живую стену врага, пока проникновение не превратилось в разрушение, а твёрдые континенты людей не распались на множество островков из рубящих и колющих мечников. Воинам казалось, что у них галлюцинации, так как оранжевые и красные пятна затуманивали их зрение, но эти пятна были вполне реальными брызгами крови и сплетёнными решётками из колющих бронзовых мечей.

Картина снова изменилась, когда бойня превратилась в неровный круг, центр которого занимала пара мужчин, настолько похожих по росту и телосложению, что они могли бы быть Кастором и Поллуксом; только считалось, что те близнецы не пытались убить друг друга, как это происходило сейчас. Ахиллес появился, ступая по дорожке, залитой кровью, перед забрызганным кровью Гектором, который прибыл почти в таком же стиле. Выхватив мечи, двое стояли неподвижно в центре бушующего вокруг них урагана, и никто из их людей не смел отвести любопытных глаз от своих собственных противников.

Гектор бросился в атаку, меч и боевой топор совершали сверкающие акробатические трюки в воздухе. Ахиллес каким-то образом отбил и то, и другое оружие своим единственным мечом, затем ткнул Гектора в грудь, в последнюю секунду отведя руку и смеясь. Он подшучивал над сыном Приама, который улыбался этой шутке, так как и сам получал удовольствие от игры.

Гектор позволил битве захватить себя, использовав ложный выпад Ахиллеса против него самого. Он отрубил руку Ахиллеса и только через мгновение осознал это. Он увидел, как рука упала на землю, и почувствовал надежду: Ахиллес отнюдь не был неуязвимым! Затем Гектор заметил слабое зеленоватое свечение на отрубленной руке. Было ли это знаком быстрого разложения плоти? Конечно, нет. Одно удивление Гектора тут же сменилось другим, когда он увидел, как другая правая рука, такого же оттенка, потянулась вниз, чтобы выхватить меч из ослабевших пальцев. Его противник в мгновение ока отрастил себе новую конечность! Так Гектор узнал секрет непобедимости Ахиллеса. Он мог быть ранен, и серьёзно, но подобно какой-нибудь рептилии, он мог восполнить утраченное.

Принц Трои проклинал себя за то, что отвлёкся,

хотя вряд ли мог удержаться. Он снова обратил своё внимание на Ахиллеса. Пока Гектор готовился к новой атаке, он испытал новый шок — Ахиллес потянулся к своему шлему и снял его.

Его лицо не принадлежало ни одному из племён людей, в этом Гектор не сомневался. У сына Фетиды не было ни волос на голове, ни бороды, ни даже губ. Выпученные глаза не выражали никаких эмоций, они даже не моргали. Широкий рот Ахиллеса открылся, не показывая зубов. Из него вырвалась туманность фиолетового цвета. Гектор непроизвольно вдохнул ядовитое облако и его мгновенно парализовало. На секунду он задумался, не заглушит ли этот яд боль от смертельного удара, который он вот-вот получит. И так Гектор пал, жестоко убитый.

Весть о его поражении распространилась, как лесной пожар, среди воинов и на стенах Трои. Андромаха, похоже, не восприняла это сообщение с тем шоком и истерикой, которых все ожидали. Она только покачала головой в знак покорности, как будто уже видела эту часть гобелена Судьбы. Она единственная знала, что произойдёт. И только она знала о визите Гектора к провидице, о которой в Трое было запрещено говорить. Женщина-оракул не дала надежды её мужу, но теперь

Андромаха молилась, чтобы сбылось остальное, чтобы жертва Гектора каким-то образом принесла спасение Трое.

4

Дар Богов

Война между Ахейским союзом и Троей тянулось долго, целое десятилетие, и мало кто помнил с чего всё началось. А те, кто помнил, возмущались тем, что столько людей потратили свои жизни зря, ради простой мести в бытовой мелодраме. Ибо весь крестовый поход был направлен на то, чтобы вернуть некую Елену, неверную жену царя Менелая. Она бросила некрасивого мужа ради молодого любовника по имени Парис, распутника, а не воина, приехавшего из Трои. Он околдовал королеву Елену нелепой историей о сне, в котором его выбрали для сравнения трех красавиц: Афродиты, Афины и Елены. Он присудил корону Елене, а она, узнав об этой сновидческой победе, отдала ему своё сердце или, по крайней мере, тело, и пара грешников сбежала в Трою. Греческие цари договорились, что все они потеряют лицо, если один из них позволит своей жене безнаказанно изменять ему. Их жёны

качали головами в недоумении по поводу ребяческого плана мужчин, но знали, что не смеют протестовать. И вот ахейский флот отплыл.

Но у троянцев имелась более веская причина сокрушаться о глупости своего участия в войнах. Все возмущались присутствием в их городе греческой прелюбодейки, которую они считали не более чем обычной блудницей, и удивлялись, что для Трои считается делом чести защищать Елену и её женоподобного любовника от ахейцев, которые были явно правы. Неудивительно, что война шла так плохо; какое уважающее себя божество посчитает Трою достойной защиты в таких обстоятельствах? Единственным утешением для троянцев служило то, что боги их противников должны были испытывать к ним такое же отвращение, отсюда и бесконечные тупики, в которых ни одна битва никогда не была решающей. Это было похоже на сон, в котором одно и то же повторялось снова и снова.

Если бы это была детская игрушка-головоломка, которую никто не мог решить, то тут помогла бы птица, что разломала бы игрушку своим клювом. Однажды утром троянские наблюдатели на крепостных стенах поспешили сообщить убитому горем Приаму, что одна из игрушек богов

упала с Олимпа на равнину прямо за городскими воротами. Это был огромный деревянный конь, грубо сколоченный из досок. Царь призвал своего самого доверенного жреца, который совершил гадание на свежих внутренностях голубя и объявил, что гигантское чучело на колесах — это действительно дар богов, знак их благословения, и победа уже не за горами. Троянцам нужно было только открыть ворота и вкатить коня внутрь, и защита Зевса и Геры будет им обеспечена. Приам, всегда прислушивавшийся к советам богов, обдумал этот план и быстро согласился. У него не было причин подозревать, что его жрец всего несколько дней назад получил взятку золотом от ахейского посланника.

На улицах Трои было большое ликование, когда ворота открылись и коня вкатили в город. Царь и его вельможи сидели на поспешно возведённом помосте, достаточно широком, чтобы на нём стояло несколько тронов. Они с волнением наблюдали, как жрец читал древние благодарственные псалмы и перерезал горло жертвенным животным. Ритуальные танцоры жестикулировали и взмахивали конечностями с изящной грацией. Флейты и лиры дополняли праздник, но вдруг люк в конском животе рас-

пахнулся, и, подобно жеребятам, выходящим из чрева кобылы, отряд ахейских солдат высыпал наружу и бросился на троянцев. Жрец знал, что его ждёт, но, тем не менее, был немало удивлён, когда первое же брошенное копьё пронзило его насквозь, как лягушку.

Толпы людей разбежались подобно испуганным овцам при появлении волка. Ахейские хищники сыграли свою роль и отправились на убой. Приам и его свита были закованы в цепи, хотя всеобщая вера в богоизбранность, окружающую любого царя, имел он её или нет, защитила их от дальнейшего грубого обращения, по крайней мере, на данный момент.

Захватчики быстро открыли городские ворота, и их товарищи хлынули внутрь, как поток воды через шлюзовые ворота. Троянские воины были застигнуты врасплох и оказали не более серьёзное сопротивление, чем обычный человек, которого внезапно ограбили в переулке. Город был занят всего за несколько часов. Вначале произошла волна казней, но они прекратились, и вельможи молились, чтобы их больше не было. Вскоре и троянцы, и ахейцы установили непростой мир, ожидая дальнейших распоряжений судьбы.

В этом относительном спокойствии единственным исключением был Ахиллес. Его разрыв с Агамемноном был легко забыт, его печаль по поводу смерти Патрокла смягчила славная смерть его друга. И теперь он взялся за решение последнего вопроса. Он принялся искать безумного Париса, который прятался где-то в закоулках города, возможно, даже во дворце. Никто не возражал против этого; действительно, большинство троянцев винили Париса в постигших их несчастьях. Они были бы рады любому правосудию, которое Ахиллес и Агамемнон сочтут для Париса подходящим. Некоторые троянцы с радостью вызвались участвовать в поисках, или, как они считали, в охоте.

Поиск был систематическим; Парис ускользал от своих преследователей в течение недели или около того только потому, что у него имелось несколько преданных слуг, которые докладывали ему о передвижениях охотников. Вскоре, однако, поступило сообщение, что Ахиллес и его отряд приближаются, и через несколько минут они настигнут Париса. Елену отняли у него, и он знал, что умрёт в одиночестве. Он ждал, как осуждённый узник в своей камере, но случайный взгляд в окно подтолкнул его к безрассудным действиям.

Внизу под ним на улице стоял Ахиллес, всё ещё в шлеме, и дружески беседовал с Еленой. Его броня была непробиваемой, не считая того, что он был физически неуязвим. Но его пятка! Разве не было слухов о том, что Ахиллеса можно ранить только в пятку?

Парис отвернулся от окна и быстро осмотрел комнату. Да, вот оно: его охотничий лук и одна стрела в колчане. Парис подумал о ядовитом снадобье, которое приготовил, чтобы не попасть живым в руки мстительных ахейцев. Он пересёк комнату и вынул прочное древко, затем вылил большую часть химиката на наконечник стрелы. Затем он наложил стрелу на лук и прицелился, как лучший охотник.

Как олень в засаде, могучий Ахиллес рухнул на мостовую, сильнодействующий яд растёкся по его вздувающимся венам. Елена закричала изо всех сил, привлекая внимание солдат, половина из которых оттащила её в сторону, а остальные занялись застывшим телом полубога. Они сняли с него вездесущий шлем, чтобы облегчить Ахиллесу дыхание, но быстро отшатнулись от открывшегося им лица. Немногие слышали последние слова Ахиллеса, но все, кто мог потом их вспомнить, упоминали только имя его матери.

Он обращался к ней? Молился ей?

Свергнутой принцессе Андромахе тайно передали весть о том, что убийца её мужа предстал перед правосудием, но она, как все и ожидали, не обрадовалась. Ибо вспомнила она слова прорицательницы Кабири, которую люди звали Кассогтой:

«Тот, кто молится Р'льеху,
Погибнет, но победит в этот день».

Возможно, в ужасе размышляла Андромаха, её Гектор не тот, о ком шла речь в этом двусмысленном пророчестве. И, возможно, судьба Трои окажется страшнее, чем она себе представляла.

5

Чёрные Боги Р'льеха

Если Андромаха и Приам оплакивали убитого Гектора, то скорбеть по Ахиллесу было некому. Теперь возобновились обряды, начатые, когда ахейцы приняли убитого Патрокла за Ахиллеса. Его доспехи стали призом в состязании чемпионов. Аякс Великий завоевал их, и в последующие века доспехи Ахиллеса переходили во владение Голиафа Гатского, Роланда Франкского и других. Но плач по Ахиллесу не ограничивался миром

несчастных смертных, ибо глубоко в океанской пещере, Фетида, мать божественного Ахиллеса, неподвижно стояла перед огромными воротами, облепленным ракушками. Никто, кроме Фетиды не бывал здесь. На протяжении веков она часто приходила сюда, чтобы отдать дань уважения Великому Кроносу, который грезил, метался и ворочался внутри, взбудораживая воды и доводя их до бурлящего кипения на поверхности Великого Моря. Но теперь, после подлого убийства её сына, она пришла с другой целью. На забытом языке Галиех, который также называется Рльехским, она произнесла древнее заклинание, которое в переводе означает «Освободи Кракена!».

Ахейцы получили то, за чем пришли. Честь Менелая была восстановлена, хотя люди всё ещё шептались на его счёт, и Агамемнон решил, что пора возвращаться домой. Он оставил в городе часть войск и установил условия выплаты троянцами дани в качестве военных репараций. Но ни одна из них так и не была выплачена, поскольку вскоре Троя оказалась не в состоянии что-то платить. Когда последние из оставшихся ахейских кораблей (многие были сожжены или разобраны на древесину для строительства коня) благополучно отплыли, Агамемнону показалось,

что его флот вошёл в тень огромного облака. Он не мог этого понять, ведь всего несколько минут назад небо было голубым, и солнце безжалостно сияло. Затем Агамемнон поднял глаза вверх, как и многие из его людей. Никто из них впоследствии не говорил о том, что они видели. Им показалось, что нечто стремительно пронеслось в небесах над ними, направляясь в сторону поверженной Трои. По очертаниям оно было похоже на человека или слона на задних ногах, но с крыльями, расправленными, как паруса, навстречу потокам ветра. Но хуже всего был гигантский кальмар на его плечах, с глазами, похожими на драгоценные чёрные камни.

По ту сторону моря, в поле, один человек по имени Эней увидел огромную форму, похожую на облако, приближающуюся к Трое, и бросился бежать прочь.

Перевод: А. Черепанов

Роберт М. Прайс
Костёр богохульств

Robert M. Price «The Bonfire of the Blasphemies»,

2017

Полиция быстро установила, что это был поджог. Но Эзра Пепперидж, старый учёный, работавший в библиотеке Хоуга при Мискатоникском университете, понял это сразу же, как только заметил огонь. Пепперидж увидел, что хотя пожар и был необычайно сильным, он охватил только одно крыло увитого плющом здания, где располагалась Комната Специальных Коллекций, его любимое пристанище. Кто-то использовал изощрённые средства, чтобы ограничить распространение пожара; так поступает охотник, который целится только в одно конкретное животное в стаде. И как показали последующие расследования, поджигатель являлся членом воинствующей фундаменталистской секты, которая вела вендетту против «оккультистов и дьяволопоклонников". Доктор Пепперидж не помнил ни названия секты (все они были довольно похожими и, следовательно, взаимозаменяемыми), ни имени её основателя. Но учёный вспомнил хвастовство главного сектанта — до того, как тот раскаялся и «уверовал в Господа», он в течение многих лет являлся лидером сатанинского культа, стремящегося проникнуть

в традиционную христианскую культуру Америки и подмять её под себя. В 1970-х годах было несколько таких мошенников, и ещё появлялись подобные во время «Сатанинской Паники" 1990-х. Но большинство из них уже давно занялись другими видами рэкета, и таких мошенников ещё не разоблачили. Однако у старого библиотекаря имелись основания полагать, что этот пожар являлся смертельно опасным начинанием.

На протяжении десятилетий экзотическое содержание ныне превратившихся в пепел книг из Комнаты Специальных Коллекций служило тем, что закон называет «привлекательной неприятностью», маяком света для заплутавших потерянных душ, которые верили, что древние еретические книги позволят им заключить контракт с дьяволом и приобрести сверхъестественную силу, чтобы использовать её, без сомнения, для мелких и эгоистичных целей, для достижения которых было бы достаточно обычных социальных навыков, если бы они их имели. Не раз в дальних лесах случались гнусные ритуальные убийства, плюс один или два психотических срыва, и несколько изгнаний бесов из одержимых; причины этого тактично умалчивались. Пепперидж знал, что именно этот сомнительный

пожар послужил причиной шуток: «Наконец-то!" и «Скатертью дорога!», которые он слышал среди толпы зевак, когда адский огонь начал угасать, и дрожащие от холода преподаватели и студенты вернулись в общежития и квартиры в кампусе.

Но реакция доктора Пепперидж была не такой, нет, совсем не такой. Он прекрасно понимал: то, что произошло здесь в эту холодную, но согретую огнём ночь, являлось более серьёзной трагедией, чем кто-то либо мог предполагать. Древние и незаменимые книги безвозвратно утеряны? Да, Пепперидж тоже оплакивал бы такую потерю, такой акт варварства, если бы, скажем, погибла серия книг Трумэна об истории Новой Англии или «Архив альтернативной науки" Морристера. Но старик, как никто другой, знал, что потеря Комнаты Специальных Коллекций и её запретного содержимого представляет намного большую экзистенциальную опасность, чем утрата дорогих, но обыденных редкостей.

О, ужасная ирония фанатиков, совершивших это злодеяние! Они и не подозревали, что натворили. Ибо Пепперидж знал, как они были правы и как ужасно ошибались! Он не был слепым и приземлённым учёным, не подозревающим о существовании Сил, недоступных человече-

скому пониманию, но не выходящих за рамки человеческих молитв. Из своих собственных расследований случайных смертей и экзорцизма в университетском городке Аркхэм и его окрестностях Пепперидж знал, что в этих зверствах было нечто большее, гораздо большее, чем фанатизм и шалости, вышедшие из-под контроля. Некоторые из глупых фальсификаторов оккультных книг были словно обезьянами с автоматами, но случались опасные времена, когда даже неправильные заклинания могли навлечь на наш мир апокалиптическое зло, но от него защищали те самые запретные книги, которых одни жаждали, а другие боялись. Пепперидж изучил различные гримуары, демонологии и оккультные писания, и узнал, как их сила может быть использована (и применялась) в качестве защитных оберегов, устройств, отводящих порчу, для предотвращения гибели и изгнания нечестивых. И это работало! Как ещё объяснить, что такой арсенал магического оружия все эти десятилетия находился здесь, в беззащитном университетском городке в эксцентричной Новой Англии?

А теперь эта защита исчезла. Но репутация города и университета уже давно заслужила (суеверную?) славу узла сверхъестественных

энергий. Всё ещё существовала реальная возможность того, что едва ли понимаемые силы могут заявить о себе здесь, будь то по приглашению глупых смертных или по их собственной инициативе. Может быть, старый библиотекарь был параноиком, как он иногда сам о себе думал. Конечно, любой, кому он мог бы доверить свои страхи, подумал бы так же. Таким образом, он доверял только самому себе. И его план начал формироваться.

Он знал, что должен заменить как можно больше редких текстов, или хотя бы переписать их содержание. И это была нелёгкая задача. Очень немногие университетские библиотеки в Западном полушарии когда-либо обладали копиями оккультных трудов, но они тоже на собственном горьком опыте узнали, к какому вреду может привести одно лишь хранение этих книг, и отказались от них. Возможно, другие университеты вообще уничтожили редкие книги, хотя ни одна библиотека не призналась бы в таком преступлении. И одну или две коллекции, как подозревал Пепперидж, постигла та же участь, что и коллекцию Мискатоника.

Когда старый учёный стряхнул снег с ботинок и вернулся в постель, он поблагодарил

себя или кого-то за то, что буквально на днях он позаимствовал из Коллекции одну недавно приобретённую книгу, чтобы ознакомиться с ней повнимательней. Это было своего рода апокрифическое дополнение или приложение к «Эльтдаунским Осколкам". Осколки, якобы оставшиеся от исчезнувшей цивилизации или даже с другой планеты! Предполагалось, что это новое дополнение будет представлять собой аналогичный набор сообщений от ещё одной внеземной расы, переданных от ордена древних архивистов, таких же, как сам Пепперидж. Некоторые вещи, казалось, были постоянны во вселенной везде, где процветал разум. О, Пепперидж прекрасно понимал, что серьёзное отношение к такому «сумасшедшему" сочинению будет стоить ему академического авторитета, но публично он всегда прибегал к сентенции Сола Либермана: «Мистицизм — это чепуха, но история чепухи — это наука". Однако в глубине души он знал, что это не чепуха и что это гораздо больше, чем наука.

Пепперидж считал большой удачей, что именно эта книга избежала огня, так как в её напыщенном переводе имелось несколько намёков, которые помогли бы в его проекте. Возможно, как

он и мечтал, он найдёт в этой книге даже больше информации.

На следующий день занятия продолжались как обычно, но библиотека Хоуга была закрыта, так как производилась оценка ущерба, и полиция осматривала сгоревшую комнату. Таким образом, доктор Пепперидж смог провести весь день в своей квартире в кампусе, накинув халат на худощавое тело и покуривая трубку. Он углубился в расшифровку «Эльтдаунских Осколков», когда внезапно вспомнил свой вчерашний сон. Он был забыт, как часто забываются даже самые красочные сны, до сегодняшнего дня. Пепперидж уставился на протекающий потолок, пытаясь вспомнить тот сон.

Кажется, он находился в каком-то затенённом месте, которое тускло перекликалось с тонкими, не поддающимися идентификации фоновыми звуками. Он обнаружил, что стоит перед сидящей фигурой странных пропорций, со смутными и размытыми очертаниями. Она была покрыта шелками, немного жёлтыми, немного золотыми. В своём сне Пепперидж ожидал эту фигуру, как студенты ждали от него информации в университетской библиотеке. Это была своеобразная смена ролей. Он не помнил, чтобы фигура дей-

ствительно передавала информацию, которую он искал, но, когда он проснулся, доктор Пепперидж понял, что есть определённые вещи, которые он знал и словно бы знал их всегда. Единственное, что ещё он вспомнил из своего сна, да и то смутно, — что произошла какая-то сделка. Ну, что ж. Он продолжил изучение спасённой книги.

В тексте имелась грубая схема, предположительно воспроизведённая с оригинала. Она выглядела на удивление сложной, заставляя доктора Пепперидж задуматься о запутанных мандалах высшей математики. Углы на схеме вызвали у него слегка тошнотворное ощущение дислексии. Текст на полях подразумевал, что это иллюстрация «врат», хотя они вряд ли были похожи на них. Пепперидж снял свои очки и протёр глаза (хотя врачи говорили, что этого делать не положено). Даже если «врата" — это метафора, то какой смысл заложен в ней? Когда надвигающаяся головная боль внезапно рассеялась, мысли Пепперидж переключились на нечто совершенно не относящееся к делу: портретную галерею почтенных преподавателей и администраторов, расположенную на стенах Большого Зала. Глядя на них, библиотекарь часто думал о том, что, если целью такой выставки было увековечить

память об этих ветеранах Мискатоникского университета, это сработало не очень хорошо. Что касается большинства студентов и даже нынешнего поколения преподавателей, то эти портреты в рамах с таким же успехом могли бы являться изображениями императоров из династии Габсбургов. Пепперидж знал, что его собственное лицо никогда не будет висеть в этой галерее, и он не возражал; ему было интересно, могут ли души этих старых бородатых и лысеющих патриархов попасться в ловушку на холстах.

"Перестань, старина!" — упрекнул он себя и попытался отбросить эту мысль. Но как раз перед тем, как библиотекарь смог изменить поток своих размышлений, он обнаружил, что сосредоточился на одном запомнившемся ему портрете преподавателя политической экономии по имени «Некто Пизли», с которым был связан какой-то скандал или тайна. Одно звено вело к другому, и Пепперидж отложил в сторону «Эльтдаунские Осколки". С Пизли было связано нечто, имеющее отношение к изысканиям библиотекаря, ему требуется лишь подумать и вспомнить. Пепперидж попытался поймать ускользающую мысль. Наконец, у него получилось! В библиотеке Хоуга ему показали дневник, написанный этим Пизли.

Его содержание было настолько необычным, что главный библиотекарь попросил Пеппериджа решить, следует ли помещать этот дневник в Специальную Коллекцию. Пепперидж прочитал дневник с некоторым интересом и в конце концов постановил, что лучшее место для него — в разделе Психологии Отклонений. Однако теперь он вспомнил, что видел в том дневнике заметки относительно гипнотического устройства, которое, по мнению Пизли, позволило бы ему участвовать в каком-то перемещении души. Позже, в своём дневнике, профессор утверждал, что это устройство сработало! В течение многих месяцев, как ему впоследствии рассказывали другие, его личность претерпевала резкие изменения, так что он уже не казался прежним человеком. Об этом альтер-эго Пизли ничего не помнил после того, как вернулась его первоначальная личность. Но он также утверждал, что он действительно вспоминал то, что следовало бы считать серией лихорадочных снов, в которых он предположительно сам проживал среди разумных существ, совершенно не похожих на людей, в подземном архиве. Пизли даже утверждал, что изредка он мог выглядывать в окна, и видел мир густых и влажных джунглей, населённых тита-

нами мелового периода. Это приключение, как полагал Пизли, было настоящим путешествием не только в пространстве, но и во времени.

На этом этапе размышления доктора Пеппериджа были прерваны стуком в дверь. Он встал и поплотнее запахнул халат, надеясь, что посетитель не сочтёт его ленивым бездельником. Так получилось, что ему нанёс визит один из полицейских, что присутствовали на месте пожара в предрассветный час. Он пришёл сообщить новые детали о расследовании причин пожара. Естественно, библиотекарю не терпелось их услышать. Большим событием стало задержание поджигателя. Именно тогда Пепперидж узнал о роли религиозного фанатика в этом деле. Его оказалось легко выследить, и он казался почти счастливым, страдая от такого «преследования" со стороны властей. Имя этого фанатика звучало как Лэтроп или похоже. Доктор Пепперидж попытался вспомнить, где он о нём слышал. Среди его предков по материнской линии кого-то звали Лэтроп, и библиотекарь надеялся, что он не окажется родственником поджигателя. Он поблагодарил офицера и вернулся к своим мыслям. Наконец, все эти размышления утомили старика, поэтому он убрал очки и залез под одеяло с элек-

трическим подогревом. Вскоре он заснул.

Он не видел снов, но, как это часто бывает, когда бодрствующий разум перестаёт беспокоиться об ответе, подсознание свободно извлекает из глубин памяти недостающий фрагмент. Таким образом, на следующее утро Пепперидж проснулся от того, что ему удалось установить связь, которую он так старался найти. Теперь он знал, почему ему вспомнился дневник Пизли: странный рисунок из «Эльтдаунских Осколков" довольно точно соответствовал описанию устройства из дневника Пизли.

По прошествии двух недель доктор Пепперидж нашёл в Аркхэме человека, который рекламировал свои услуги по ремонту небольших двигателей. Он принёс ему описание из дневника Пизли и копию древней схемы, и спросил механика, похоже ли это на функциональное устройство.

— Ну, мистер Пепперидж, я даже не могу предположить, что делает эта конструкция, но её схема достаточно проста. Все детали для неё довольно легко достать. Мы можем попробовать.

Доктор Пепперидж не был так уверен в успехе, как механик, но, с другой стороны, даже профессор политической экономии как-то смог собрать

это устройство, хотя и жил в заумном мире своих теорий о перемещении души. Для такого старого человека, как Пепперидж, даже починка тостера была равносильна постройке ракеты, поэтому он был счастлив оставить это дело профессионалу.

Восстановление сгоревшей комнаты шло быстрыми темпами, но доктор Пепперидж обнаружил, что не может получить прямого ответа ни от совета директоров библиотеки, ни от администрации университета: для чего будет использоваться обновлённое помещение? Они должны понимать, что редкие книги нельзя просто взять и заменить. Так зачем же нужна новая Комната Специальных Коллекций? У Пепперидж были и другие обязанности в библиотеке. Он не боялся потерять свою должность, ему всё равно скоро выходить на пенсию. Но в недалёком будущем у него были планы на обновлённую коллекцию книг, хотя их будет не так много, как раньше.

Настал день, и Пепперидж направился в мастерскую, где он заказывал изготовление необычного устройства. Вместе с ним был студент-помощник, и они осторожно доставили странного вида конструкцию из прутьев, цилиндров и зеркал в квартиру библиотекаря. Пепперидж установил устройство на своём столе, сел перед ним,

выключив свет и опустив шторы. Когда его предвкушение превратилось в тревогу, он активировал устройство.

Он никогда добровольно не прибегал к гипнозу и считал себя неспособным поддаваться ему. Сначала ему показалось, что ничего не произошло, но через несколько минут нетерпения он решил посмотреть в сторону от стола, на окружающую его комнату, и когда он это сделал, его ожидал сюрприз: не было видно ни мебели, ни знакомых картин. Ничего, кроме туманных стен туннеля, через который он, казалось, двигался без усилий. В конце туннеля Пепперидж увидел необычный свет, но он чувствовал, что это, скорее всего, просто визуальное искажение.

Когда он приблизился к выходу из туннеля, сцена резко изменилась. Привычные боли старика исчезли. Он почувствовал себя более выносливым и крепким, чем раньше. Но уже через секунду он заметил, как странно ощущается его тело. Оно могло быть даже не его собственным. Пепперидж взглянул вниз на резиновый конус, где ожидал найти свои ноги и грудь. Его первой мыслью было, что его каким-то образом поместили в какие-то тяжёлые ножны, но его визуальная перспектива вращалась и смещалась, словно биб-

лиотекаря качало на волнах. Он слышал звуки, щелчки и хлопки, а не слова, и всё же он верил, что может понять, что означают эти звуки!

Что ж, ещё один странный сон. Устройству удалось только усыпить его. Должно быть, это тот же самый сон, который устройство вызвало у Пизли. Осознание этого погасило всякий страх, и Пепперидж рискнул оглядеться с любопытством и интересом. Из дальних углов огромного помещения вышло несколько существ (или машин?), которые выглядели такими же, каким видел себя Пепперидж. Это были огромные конусы, каждый из которых имел множество конечностей, похожих на щупальца осьминога, отходящих от верхушки. На конце одного из щупалец имелся шар, похожий на булаву, покрытую немигающими глазами вместо шипов.

Эти существа шокировали бы человека, незнакомого с эзотерическими преданиями, с которыми много лет работал доктор Пепперидж. Но он почувствовал себя как дома. Не будучи практикующим эзотериком, он, тем не менее, занял позицию стороннего наблюдателя и в этот момент не мог не испытывать определённого трепета при виде реальности причудливых существ и чужеродных мест, которые раньше

имели окраску мифа и экстравагантности. Конические существа теперь окружали его, как будто приветствуя гостя. Прочитав дневник Пизли, он получил некоторое представление о том, что происходит. Как донести до них то, что он искал здесь? На мгновение он почувствовал разочарование из-за неспособности тела, в котором он оказался, говорить как человек. Постепенно Пеперидж осознал, что если он перестанет бороться и позволит себе впустить в сознание смысл щелчков конусообразных существ, то сможет понять их, по крайней мере, на каком-то уровне. Однако он понятия не имел, как «говорить" на их своеобразном языке, но вскоре понял, что они способны понимать его мысли.

Пеперидж вздохнул с облегчением, когда хозяева дали ему понять, что могут удовлетворить его желание, и повернулись, ведя его к огромному ряду полок и шкафов, содержащих потусторонний аналог его собственной утраченной библиотеки оккультных книг. (К этому времени доктор Пеперидж совершенно забыл, может ли он видеть сны и имеет ли вообще какое-либо значение различие между бодрствованием и сновидением).

Видя неуклюжесть новичка с клещами на его змеевидных руках, другие конусы извлекли из

хранилища большую папку из какого-то лёгкого металла и положили её на высокую платформу, которая напомнила Пепперидж средневековый скрипторий. Библиотекарь в виде существа-конуса остановился, чтобы почувствовать свои крабоподобные конечности, прежде чем попытаться перевернуть листы из металлической ткани и переписать их содержимое на другой носитель, предоставленный для этой цели.

Это была «Книга Эйбона". Как и в случае с большинством наиболее важных книг, находившихся в его ведении, Пепперидж, естественно, был знаком с её содержанием, но недостаточно хорошо, чтобы воспроизвести книгу наизусть. Он всегда завидовал тем, кто обладал благословенным даром фотографической памяти! Этот экземпляр не был ни латинским «Liber Ivonis», переведённым Филиппом Фабером, ни норманнско-французским «Livre d'Eibon" Гаспара дю Норда. Перед ним лежал открытым оригинальный текст, написанный гиперборейскими иероглифами! Пепперидж не знал этого языка, и никто из живущих людей не знал. Но он достаточно хорошо помнил латинскую и французскую версии, чтобы, вероятно, отважиться на новый перевод на английский, когда вернётся в своё время и в свой дом.

Здесь было трудно оценить течение времени, но всё равно казалось, что потребуется очень много дней, чтобы выполнить эту задачу. И постепенно он научился общаться со своими новыми коллегами. Он спросил, правда ли то, что он подозревал: был ли гиперборейский текст записан в этой потусторонней библиотеке самим колдуном Эйбоном, путешествующим во времени? Пепперидж разволновался, обнаружив, что его догадка подтвердилась, хотя и был сильно озадачен, услышав, что этот философ скопировал печально известный текст из рукописи в папке точно так же, как это сделал Пепперидж! Совершенно сбитый с толку, библиотекарь затем спросил, кто написал их версию? Конусов этот вопрос удивил и развеселил. Конечно, Эйбон скопировал свой текст из их экземпляра, и он сам ранее написал его во время другого визита, совершённого в более поздний момент его жизни. Когда колдун скопировал текст, он не знал, что конусообразные существа ранее похитили постаревшего Эйбона, который к тому времени уже написал свою книгу.

Ошеломлённый этой головоломкой, Пепперидж почувствовал, что слабеет, теряет сознание. В какой-то момент он пошевелился и с

облегчением обнаружил, что снова сидит в своём знакомом рабочем кресле перед устройством, детали которого начали замедлять своё вращение. Если всё это было сном, то библиотекарь, должно быть, заболел лунатизмом, так как теперь он был полностью одет. И ещё одно удивительное явление: у его ног лежал металлический контейнер с «Книгой Эйбона".

Доктор Пепперидж надел своё самое тёплое пальто и направился в Библиотеку. Он думал, что посмотрит, какие ремонтные работы выполнили со вчерашнего дня. Представьте себе его удивление, когда он увидел, что задача выполнена, а рабочие ушли! Затем он посмотрел на своё пальто и впервые заметил, что на земле больше нет снега! Он был выведен из транса дезориентации, когда один из преподавателей университета, профессор Олдстоун, проходя мимо Пепперидж, воскликнул:

— Замечательно, что ты вернулся, Эзра! Хороший творческий отпуск?

— Творческий отпуск? — удивился библиотекарь. — Э-э, да, я, э-э, полагаю, что да, спасибо.

Олдстоун, слегка озадаченный ответом, ушёл. Доктор Пепперидж постоял мгновение на месте, затем повернулся и отправился в свою квартиру.

Сбросив пальто, он плюхнулся в рабочее кресло. Именно тогда он заметил то, чего раньше не замечал. Пепперидж увидел ворох бумаг, заполненных его собственным почерком, с различными инструкциями, указаниями и адресами, а также удивительными предложениями относительно дальнейших шагов в его поисках. Конечно, он не помнил, как сочинял этот материал. Но это заставило его осознать то, что должно было быть очевидным: он не только отправил себя обратно в затерянный мир инопланетных архивистов. Они воспользовались его авантюрой, послав одного из своих собственных развоплощённых путешественников, чтобы «подчинить" себе его бездействующее тело. Конусы, должно быть, благосклонно отнеслись к его проекту (возможно, просто сочувствие коллег-библиотекарей!) и решили помочь ему быстрее с этим справиться. Морщинистое лицо Пепперидж сложилось в улыбку благодарности. Он только надеялся, что «арендатор" его физического тела не сделал ничего постыдного, за что ему пришлось бы отвечать!

Эзра Пепперидж начал готовиться к необходимой поездке в Германию, где ему предстояло завести определённые сомнительные знакомства, чтобы продвинуться дальше по пути к

неизвестному месту, где он мог бы договориться об аудиенции со старым отшельником, человеком, которого считали давно умершим. Его звали Фридрих Вильгельм фон Юнцт.

Творческий отпуск библиотекаря, который вместо него взял «другой», закончился, поэтому он опасался, что ему будет трудно выпросить разрешение на эту новую поездку в Европу, но всё, что ему нужно было сделать, это сказать правду: у него появилась неожиданная возможность найти замену некоторым драгоценным книгам, потерянным в огне. Никто из администраторов библиотеки не мог возразить на это.

Что ж, размышлял усталый путешественник, он больше никогда не будет жаловаться на проживание в американских отелях! Его трансатлантический перелёт прошёл без происшествий и почти с комфортом. Пепперидж отдохнул один день в отеле рядом с Берлинским аэропортом, прежде чем его последующие поездки на поезде привели его в унылые, умирающие деревушки, две из которых даже не были отмечены на современных картах. Кто-то, должно быть, использовал значительное личное влияние, чтобы поддерживать железнодорожное сообщение с этими станциями.

Наконец Пепперидж прибыл к месту назначения, в деревню под названием Стрегойкавар. Ему пришлось расспросить почти всех жителей некогда живописной деревни, прежде чем он получил подсказку. Выяснилось, что объект его поисков не был известен под своим настоящим именем. Кто-то наконец предположил, что он, возможно, захочет поговорить с пожилым учёным с невероятной фамилией «Фвиндфуф», который, возможно, что-то знает. Конечно, старик оказался самим фон Юнцтом.

Пепперидж обнаружил, что встреча с таинственным автором взволновала его ещё больше, чем общение с коническими инопланетянами! Как фон Юнцт смог так продлить свою жизнь? Пепперидж был почти уверен, что старик не поделится своим секретом, но, если бы действительно существовал источник молодости, фон Юнцт, неутомимый искатель тайных и чудесных мест, был бы тем, кто нашёл его.

Сразу за деревней располагалось большое баронское поместье, почерневшие балки которого всё ещё поддерживали средневековые каменные стены. Здесь присутствовали многочисленные признаки упадка и запустения, как будто предназначенные для отпугивания посетителей. Но

Эзра Пепперидж не унывал. Ему пришлось использовать обе руки, чтобы поднять и опустить большой дверной молоток, вызвав тяжёлое, глухое эхо внутри дома. Примерно через десять минут массивная дверь открылась, явив взору библиотекаря едва различимого в тени высокого худощавого мужчину, одетого в чёрную шёлковую тунику и брюки, скорее похожие на пижаму. Эта скелетообразная фигура не сказала ни слова, но повернулась и направилась прочь по огромному, затянутому паутиной коридору. Казалось, гостя ждали. Так же молча Пепперидж последовал за ним. В этом полумраке было трудно различить детали, но библиотекарь мог поклясться, что видел прикреплённую к стене табличку, из которой высовывалась человеческая голова. Когда Пепперидж приблизился к ней, то вздрогнул при виде рогов, торчащих изо лба. Почему-то он был уверен, что для таксидермиста такое изделие было не первым в его творческой карьере.

Пепперидж вслед за слугой прошёл через открытую дверь в большую комнату с высоким потолком, слабо освещённую послеполуденным солнечным светом через витражное окно. Вдоль стен тянулись книжные полки, заполненные старыми томами, которые, естественно, вызвали

любопытство библиотекаря, но он также увидел, что на полках стояли статуэтки и артефакты, от которых он быстро отвёл глаза. Он увидел в тени силуэт лежащего человека и подумал: не может ли это быть престарелый фон Юнцт, прикованный к кровати или кушетке? Но это было не так. Тевтонский голос с сильным акцентом донёсся с противоположного конца комнаты, где в кресле с высокой спинкой, украшенном резьбой, сидел хрупкий старик.

— Я вижу, вы обратили внимание на мумию Чёрного Фараона. Позвольте мне представить вас друг другу.

Неохотно, но с удивлением Пепперидж шагнул немного ближе к неподвижной, завёрнутой в марлю фигуре. Он надеялся, что ему мерещатся порождённые страхом вещи, когда ему показалось, что он увидел, как дёрнулись пальцы древней мумии.

— Мистер Пепперидж, познакомьтесь с Его Величеством Нефрен-Ка, Владыкой Верхнего и Нижнего Египта, наследником мудрости Ахерона и Стигии. Ваше высочество, я представляю вам Эзру Пеппериджа, исследователя земель, на которые ангелы боятся ступать. Мистер Пепперидж, вы знаете систему иероглифов? Если знаете, вы,

возможно, захотите изучить надписи на этих марлевых повязках, поскольку они описывают будущее всех, кто их читает. Нет? Позор.

Пепперидж отвернулся от мумии и подошёл к сидящему мужчине. Тощий слуга, который сам был похож на мумию, указал библиотекарю на стул.

— Спасибо, Сурама, — послышался удивительно энергичный, немецкий голос.

— Признаюсь, я поражён встречей с вами, сэр! — воскликнул Пепперидж. — Простите меня, но я должен спросить: как это возможно, что вы остаётесь среди живых, герр профессор? Вы жили в конце девятнадцатого века, не так ли?

Фон Юнцт усмехнулся.

— Судя по вашей принадлежности к университету, я уверен, что вы слышали о человеке по имени Джозеф Карвен, да? Конечно, слышали. Этот замечательный человек поделился тайной долгой жизни в теле с двумя коллегами здесь, на европейском континенте. Тем не менее, его очень долгая жизнь не смогла защитить его от насилия со стороны меньших людей. Насколько я знаю, он подвергался нападениям дважды, а возможно и больше. Будучи очень умным, он нашёл способ вернуться. Сегодня он ходит среди

людей. Я встретил его сто с лишним лет назад и убедил его, за цену, которую я не хочу называть, поделиться со мной своими секретами. Таким образом, мы с вами сегодня сидим и приятно беседуем. Но я поклялся молчать и не раскрывать тайну долголетия. И я должен предупредить вас, чтобы вы не пытались найти этого Карвена, как вы нашли меня. Я уверен, что он не обрадуется вашему визиту.

— Благодарю вас, сэр, — ответил Пепперидж. — Я прислушаюсь к вашему совету. Но я должен осмелиться попросить вас о помощи в другом вопросе. Экземпляр вашего великого опуса, хранящийся в моём учреждении, был утерян во время большого пожара, устроенного врагами знания. Я стремлюсь возместить эту ужасную потерю.

— О да, об этом мне сообщили.

Слезящиеся глаза доктора Пепперидж расширились при этих словах, но он решил, что будет мудрее не спрашивать. Его хозяин щёлкнул костлявыми пальцами, чтобы призвать своего доверенного слугу. Последний появился быстро и протянул библиотекарю старую и хрупкую книгу. Пепперидж сразу понял, что это было: ещё один экземпляр «Безымянных культов" в

оригинальном издании «Black Letter". Осмелится ли он прикоснуться к этой книге? Он не хотел предполагать.

— Возьмите её, мой юный коллега, — сказал фон Юнцт. — Мне она больше не нужна. Я слишком хорошо знаю, что там написано. Может быть, книга принесёт вам пользу. А теперь давайте поговорим.

Ошеломлённый Пепперидж пытался придумать вежливые комментарии, чтобы подчеркнуть удивительные высказывания этого великого человека, черты которого оставались невидимыми для него сквозь завесу теней. Всё, что он мог разглядеть, — это очки в пенсне и огромные ницшеанские усы, которые вибрировали от слов, произносимых Юнцтом. По мере того, как день переходил в вечер, а затем в ночь, Пепперидж сидел, беспомощно очарованный, изо всех сил пытаясь отметить и запомнить дикие откровения, которые его наставник выдавал за праздную беседу. Он узнал о диких обрядах покрытых пеплом шиваитских аскетов Индии, которые обедали на кладбищах и пили кровь из человеческих черепов. Ему рассказали об истинной мотивации печально известного Жиля де Рэ, прославившегося под именем «Синяя Борода". Фон Юнцт говорил

об опасностях, которые ожидали тех учёных, которые в эти дни утверждали существование параллельных вселенных. Тайны Хаоса и Телемы больше не оставались аллегорическими. И, что уже было неудивительно, старый мистик был хорошо осведомлён об исследованиях конических обитателей в их подземельях. Потрясённый Пепперидж сразу же узнал источник самой странной на первый взгляд информации, записанной в «Безымянных Культах".

Час действительно был очень поздний, когда хозяин позвал своего одетого в чёрное помощника, который проводил гостя в приготовленную для него комнату. Фон Юнтц объявил:

— Я желаю вам счастливого пути, когда вы отправитесь домой, юный Эзра. Сурама проводит вас утром. Вы не спрашивали, но, боюсь, я больше не смогу внести свой вклад в восстановление вашей библиотеки. Остальное из того, что вы видели на моих полках, — в основном стандартные работы по этнологии, психологии и криптозоологии, я думаю, это не совсем то, что вам нужно.

Вернувшись, наконец, домой, в Аркхэм, Эзра Пепперидж с удвоенным усердием посвятил себя дальнейшим поискам. Он с облегчением обнаружил в «Безымянных Культах" определённые

формулы для некромантического допроса мёртвых, которые произносились над «жизненными солями», что, как он понял, означало разложившиеся останки желаемого информатора, какими бы древними они ни были. Конечно, он когда-то читал этот отрывок, как и все остальные, но он больше не помнил деталей, и общей сути вряд ли хватило бы для заклинания, где бессмысленные слоги предназначались исключительно для создания определённых мощных звуков и вибраций.

Но как он должен раздобыть останки старого Людвига Принна? Ибо именно к нему мискатоникский библиотекарь должен был обратиться в следующий раз.

Он наполовину ожидал, что инструкции, оставленные когда-то обитателем его освобождённого тела, могут содержать некоторую соответствующую информацию. Должно быть, он подсознательно вспоминал какую-то заметку, которая при первом прочтении не имела смысла. Конечно же, там была контактная информация какой-то компании, торгующей запрещёнными реликвиями печально известных злодеев и их жертв на чёрном рынке. Однажды он получил каталог товаров этой компании, и был поражён,

увидев выставленные на продажу банки с пеплом из нацистских концлагерей; обугленные кости, украденные из могилы Адольфа Гитлера, найденные после его тайного захоронения в кремлёвской стене; плод, который носила Шэрон Тейт, когда семья Мэнсонов убила её; сохранившиеся в банке опухоли, вырезанные из свежего трупа Джозефа Меррика, викторианского «человека-слона», и череп печально известного маркиза де Сада. Каждое предложение было более отвратительным, более душещипательным, чем предыдущее. Пепперидж задавался вопросом: как можно проверить подлинность этих ужасных предметов и можно ли это сделать? Но у него не было другого выбора, кроме как доверять своему источнику, и поэтому он связался с дилером по указанным подпольным каналам.

Оказалось, как он и предполагал, что прах Принна (в конце концов, он был сожжён на костре инквизиции) был доступен, поскольку его украли из секретного музея в Голландии. Урна с прахом стоила Пепперидж каждого цента его сбережений и потребовала крупных займов, но ему удалось заполучить её.

Условия эффективного использования этого материала были просты в принципе, но, тем не

менее, представляли собой серьёзную проблему. В квартире Пепперидж, если сдвинуть мебель, должно быть достаточно места, а также уединения для его запланированной операции. Но ему требовался помощник, причём особого рода. Поразмыслив, Пепперидж решил, что и это он может устроить. Благодаря своим утомительным обязанностям в определённых административных комитетах он знал о нескольких студентах, проходящих академический испытательный срок и балансирующих на грани отчисления из университета. Он решил подойти к одному из таких студентов. Пепперидж предложил ему свою помощь — замолвить за него словечко профессорам, если студент примет участие в его проекте, и даже получит немного денег за это. Любой молодой человек, без сомнения, не мог бы не задаться вопросом, какой эксперимент будет проводить библиотекарь.

Вербовка прошла безупречно. Спортивный парень, которого Пепперидж выбрал, был готов сделать всё, что могло бы помочь ему избежать гнева родителей, которые оплачивали счета за его образование. А обещанные деньги? Они пригодятся на несколько кружек пива в таверне Эрни. Добрый старый библиотекарь провёл сту-

дента в свою квартиру, стараясь сделать так, чтобы никто не видел, как они вошли. Парень выразил некоторое удивление состоянием квартиры: стулья, письменный стол и диван были сдвинуты к стенам, а пол пуст, если не считать странной и сложной диаграммы, нарисованной цветными мелками.

— Игра в «Классики"? — удивился студент.

— Нет, боюсь, что нет, — ответил Пепперидж. — Однако я полагаю, что это нечто вроде игры, потому что существуют определённые правила, и мне нужна твоя помощь, чтобы следовать им, Тим. Теперь мне нужно, чтобы ты встал прямо здесь. Ты услышишь, как я, э-э, произнесу молитву на языке, которого ты, вероятно, не знаешь. Молитва может показаться немного странной, но потерпи. Ты поймёшь, что делать, когда придёт время. Я действительно ценю твою помощь, мой мальчик.

— Конечно, доктор Пеппер.

Это была шутка, которую старик слышал слишком много раз, чтобы ещё на что-то обижаться. И студент, вероятно, подумал, что это действительно имя библиотекаря.

Парень стоял спокойно, лишь время от времени оглядывая комнату, как будто он искал кого-то,

ради кого разыгрывался этот своеобразный спектакль. Ему не пришлось долго ждать.

В комнате резко похолодало. По этому сигналу доктор Пепперидж высыпал горсть пепла на пол в центре диаграммы и быстро отступил назад. Достав из ножен на поясе мясницкий нож, он развернулся, схватил оцепеневшего студента за воротник и вонзил лезвие ему в грудь. Когда студент беззвучно рухнул на пол, Пепперидж неуклюже собрал в ладони столько багровой крови, сколько смог, и разбрызгал её над пеплом. Задыхаясь от прилива адреналина и головокружения, Пепперидж сумел возобновить предписанное песнопение.

Его глаза почувствовали внезапное давление, как будто что-то взорвалось перед его лицом. На какое-то мгновение он ослеп. Всё снова начало всплывать в поле зрения, когда он услышал властный голос с хитрым намёком на коварство. Прежде чем он сменился криком, Пепперидж понял, что голос, как и ожидалось, говорит по-голландски. К счастью, это был один из многих языков, которыми эрудированный библиотекарь владел достаточно свободно. Крики затихли, сменившись прерывистой речью. Чем больше он слышал, тем труднее было понять, и доктор

Пепперидж осознал, что Людвиг Принн появился перед ним совершенно голый; его лысая и высохшая фигура была почти вся покрыта сильными ожогами и шрамами, он говорил на давно устаревшей версии голландского. Но Пепперидж легко приспособил свои уши к этому языку, на котором был написан знакомый текст «Тайн Червя" Принна.

— Добро пожаловать, о мастер Принн! Простите, что нарушил ваш покой!

— Покой? — удивился голый человек. — Разве ты не знаешь, откуда я пришёл? Поверь, там тебя не будет ждать покой! Теперь, о несчастный из века деградации, я обязан оказать тебе услугу. Не бойся и говори прямо!

— Ах, это ваша, ваша книга, которую я обязательно должен найти.

— И ты ждёшь книги от меня, у которого нет даже тряпок, чтобы одеться?

— Нет, нет, милостивый сэр. Вы только продиктуйте мне, а я буду записывать.

Призрак, которого Пепперидж призвал, сильно дрожал, как будто ожоги всё ещё мучили его, но он ответил:

— Я помню эту проклятую книгу, которая обрекла меня на пламя в этом мире и в следующем.

Но не приказывай мне повторять её, чтобы меня не постигли ещё худшие муки!

Пепперидж впадал в отчаяние.

— Милорд, я должен её получить! Но, может быть, вы процитируете лишь часть из книги? Могу я услышать от вас «Сарацинские Ритуалы?"

— Тьфу! Это худшее, из-за них я страдаю больше всего! Но пойдём, займёмся этим, чтобы я мог скорее уйти!

Библиотекарь включил портативный магнитофон, надеясь, что ему не придётся испытывать терпение замученного Принна, останавливаясь, чтобы сменить кассеты.

Час спустя дело было сделано. Принн, казалось, не замечал присутствия Пепперидж, вздрагивая от какой-то новой степени мучений. Библиотекарь выключил свой магнитофон, затем прочитал заклинание в обратном порядке, и гротескная фигура исчезла, вернувшись обратно в пепел. Что-то заставило Пепперидж произнести вслух: «Вы — соль земли".

Он запомнил ещё одну процедуру из «Безымянных Культов», предназначенную для превращения неповреждённого тела в его химические рудименты, и теперь он произносил её над убитым студентом, имя которого он уже

забыл. Комната всё ещё пребывала в беспорядке, который нужно было устранить, но, по крайней мере, не было неудобного трупа, от которого нужно было избавиться.

Около полуночи усталый учёный проснулся с осознанием того, что совершил одно из тех ритуальных убийств, о которых так долго сожалел. Но сейчас с этим ничего не поделаешь.

Расшифровка речи Принна оказалась нелёгкой задачей. Такие вещи, как программное обеспечение для распознавания голоса, представляли для старика пугающую перспективу, и он не осмелился нанять кого-то другого для расшифровки «Сарацинских Ритуалов". Поэтому он приступил к выполнению задачи сам, постоянно останавливаясь, записывая, нажимая на повторное воспроизведение, проверяя точность и так далее. Несмотря на интерес к этой теме, Пепперидж счёл расшифровку почти невыносимым наказанием. Но в конце концов он справился с ней и возрадовался. Затем он долго спал.

На следующий день он оценил свой прогресс. Ему удалось заполучить, в той или иной форме, три фундаментальных труда по древним знаниям: «Книгу Эйбона», «Безымянные Культы" и «Сарацинские Ритуалы". Это был тщательный

процесс, но он был далёк от завершения. Оставалось ещё по крайней мере одна книга, которую Пепперидж должен был восстановить. Он обратился к работе фон Юнцта, будучи уверенным, что она подскажет нужное ему решение. Никто никогда не заявлял, что владеет останками Безумного Араба. Действительно, их и не должно существовать, если легенды правдиво повествовали о смерти старого отступника. Его биограф Ибн Халликан клялся, что, по словам перепуганных свидетелей, Абдул Альхазред был полностью поглощён каким-то невидимым демоном на виду у всех. Так что должен быть другой способ.

И он существовал. Пепперидж пойдёт к тому же источнику, из которого сам араб получил свои откровения. «Сарацинские Ритуалы" Принна рассказывали, как можно вызвать Воинство Экрона, этот рой пустынных джиннов, которые, как говорят, появляются в виде кашляющих насекомых, стрекочущей саранчи и жужжащих мух. Именно этому способу откровения ненавистная книга обязана своим оригинальным арабским названием «Аль-Азиф" — «Жужжание". В далёкой древности Охозия, царь Израиля, отправил гонцов в Экрон, один из городов филистимской пентады, чтобы найти оракула божества Экрона,

могущественного Баал-Зебуба, Повелителя Мух только для того, чтобы быть проклятым за это пророком Илией. Столетия спустя Альхазред тоже искал запретного оракула, и он тоже в конце концов поддался смертельному проклятию. Что могло бы случиться с Эзрой Пепперидже, если бы он тоже осмелился? Он решил склониться перед судьбой, которая открылась ему так же ясно, как если бы он расшифровал её по надписям на льняном саване Нефрен-Ка.

Всё встало на свои места, потому что вскоре Пепперидж узнал о готовящейся археологической экспедиции в Святую Землю, спонсируемой школой богословия Мискатоника. Для него практически не составило труда обеспечить себе место в команде. Скоро они сядут на самолёт до Тель-Авива, а затем отправятся в Ашдод, ещё один из великих филистимских городов. Экрон лежал к югу от всё ещё населённого города. Экрон, как и древний Гат, давным-давно обезлюдел, в отличие от Газы и Ашдода. Он располагался на кургане Хирбет эль-Муканна. Название Экрон можно было прочесть и как Аккарон, что доктор Пепперидж распознал как Ахерон, древний город магии и зла в Хайборийскую эру.

Он уже бывал в одной из таких экспедиций,

поэтому его участие не казалось надуманным. Несмотря на старость, доктор Пепперидж смог засучить рукава и заняться настоящей работой в этом начинании, которое само по себе представляло интерес для него как для антиквара. Но никто не возражал, когда он сослался на усталость и попросил день отдыха. Сев за руль джипа и никому не сообщив о пункте назначения, он поехал по ухабистой дороге к Хирбет-эль-Муканну. В окрестностях больше ничего нельзя было увидеть, так что найти город оказалось нетрудно. Пара бедуинов вдалеке почти не обратили внимания на Пепперидж, так что ему ничто не мешало. За исключением невежества. Он действительно не знал, что должно произойти дальше.

Около одиннадцати вечера старый учёный достал Библию и начал читать вслух историю Охозии и его обречённого посольства в Экрон к Баал-Зебубу. Как оказалось, это было всё, что требовалось. Постепенно ветер всколыхнул холодный ночной воздух и раздул пламя походного костра. Сквозь ветер Пепперидж услышал нарастающее жужжание. Звёзды над ним внезапно заслонила армия летающих насекомых. Среди них мерцали новые «звёзды" фиолетового света.

Библиотекарь, ставший археологом, почувствовал чьё-то Присутствие в центре вращающейся спирали. Он не слышал голоса, не видел формы, но не мог отказать своей интуиции. Как будто молясь невидимому богу (что, если подумать, было именно тем, что он делал), доктор Пепперидж озвучил своё заветное желание. Он искал секреты, которыми был наделён его предшественник Абдул Альхазред. Он был уверен, что его услышат, так как в противном случае его присутствие не вызвало бы тех явлений, которые он сейчас испытывал.

Он сразу же потерял сознание, слишком быстро, чтобы успеть подумать, не умирает ли он. Но вскоре он проснулся от сказочного ощущения полёта в космосе в качестве одного из воинов Экрона. Время превратилось в иллюзию. Или он страдал иллюзией безвременья. Казалось, он был свидетелем сцен древней и современной истории. Ему снилось, что он присутствовал при появлении неописуемых чудовищ из глубоководных тюрем. Он видел ужасные жертвоприношения, непристойные обряды крови и огня; извивающиеся фигуры на живых барельефах; подводных обитателей и целеустремлённых ракообразных размером с человека; мясистых личинок, выпол-

зающих из свежих могил, принимающих на себя грубые очертания людей. Пепперидж мельком увидел конических инопланетян, воюющих с другой расой существ, которые использовали пронзительный свист в качестве оружия. Он смотрел на огромные цитадели из высеченного льда, сквозь которые и вокруг которых странные существа со звёздами вместо голов роились, как пчёлы в улье. Он отшатнулся от лица Того, кто был одновременно ключом и стражем Врат. И он видел ещё много неописуемых вещей.

Наконец перегруженный мозг доктора Пепперидж вернулся к бодрствующему сознанию. Его бедная голова раскалывалась, как от безжалостного солнечного света снаружи, так и от пугающего знания в его голове. Он открыл воспалённые глаза, когда незнакомые руки помогли ему подняться на ноги. Члены Мискатоникской экспедиции были встревожены длительным отсутствием библиотекаря и отправились на его поиски. По следам его джипа было легко проследить, куда отправился Пепперидж. Но что могло занять у них так много времени? Судя по огромной массе новых знаний, которыми Пепперидж располагал, он считал, что, должно быть, находился «далеко" (в теле или вне тела, он не

мог сказать) больше месяца, подобно Моисею на вершине Синая, получающему слова Божьи в течение сорока дней. Но когда его нашли, спасатели сообщили библиотекарю, что прошло меньше двадцати четырёх часов с тех пор, как он покинул лагерь. Теперь он знал, что чувствовал Скрудж рождественским утром. Духи сделали всё это за одну ночь.

Вернувшись в лагерь, остальные члены команды настояли, чтобы Пепперидж вылетел ранним рейсом обратно в Штаты. Очевидно, старый учёный был не так энергичен, как они все думали. Он быстро согласился и собрал свои вещи.

В самолёте домой он обдумывал свой следующий шаг. Он читал книгу Альхазреда, поэтому то, что он увидел в своих поисках во сне, в принципе не было для него чем-то новым, и этот опыт ни в коем случае не был таким ошеломляющим, каким он являлся для «безумного" араба, который не мог не повредиться умом после грозы откровений, которые на него обрушились.

Доктор Пепперидж понимал, что нечего даже и надеяться восстановить подлинный текст легендарного «Некрономикона" Альхазреда, вплоть до выразительной и поэтической формулировки. Он никогда не запоминал сотни страниц книги

наизусть, да в этом и не было необходимости. Несколько отрывков он, вероятно, знал буквально. Его видение в пустыне открыло ему не текст Альхазреда, а лишь более или менее похожую информацию. В ближайшие месяцы, если не годы, его задачей будет составить новый сборник откровений, полученных им и его предшественником, так сказать, «Нео-Некрономикон". Но предназначение книги останется тем же самым.

Доктору Пепперидж потребовалось больше времени, чем он предполагал, чтобы закончить свою новую версию «Аль-Азифа". Он напечатал текст и переплёл книгу. Затем он отнёс свои труды в библиотеку Хоуга в качестве первого вклада, из которого могла бы вырасти новая Специальная Коллекция. Однако во время пожара погибли ещё многие книги, которые Пепперидж пока не знал, как восстановить. Но ему удалось раздобыть до сих пор не внесённые в каталог копии нескольких из них: «Чёрную сутру Ли-По», «Книгу Иода" Джейкоба Франка (известную некоторым как «Чёрный Зоар") и мощную «Горл Нираал" Рудольфа Йерглера.

Правда, его долгая работа по дому могла бы продлиться ещё дольше, но Эзра Пепперидж был физически и эмоционально истощён. Наконец он

позволил себе расслабиться в надежде, что эти новые приобретения вместе разожгут то кольцо эктоплазменного огня, которое должно вновь защитить сообщество и его университет от гнусных нападений. Публичного доступа к Коллекции вообще не будет, и исследователям даже не должно быть позволено знать о ней. Мискатоникский университет не станет о них говорить. Книги теперь будут служить исключительно защитным талисманом.

Неприятности начались с тревожного звонка директора библиотеки:

— Эзра, сколько экземпляров этих сумасшедших книг ты заказал? И кто, чёрт возьми, заплатил типографии? Для распространения?

— Притормози, Малкольм, — удивился Пеперидж. Я не знаю, из-за чего ты расстроен. Что произошло?

Его лицо побелело, когда Директор сообщил ему эту новость. Специальная Коллекция Мискатоника была широко известна среди университетских библиотекарей, которые давно научились отклонять межбиблиотечные запросы на эти названия. Этим утром сотрудники Хоуга были завалены звонками от коллег из других кампусов по всей Америке и из нескольких других стран. Внезапно

и необъяснимо каждое из этих заведений обнаружило на своих полках совершенно новые экземпляры «Некрономикона», «Тайн Червя" и остальных печально известных книг. Никто из них не знал, что содержимого этих трудов следует остерегаться; всем не хватало опыта Мискатоникского университета с Уэйтли, Маршами и Уэйтами. Но они хотели знать, что за шутку сыграли с ними и как это было сделано. Прошла неделя или около того, прежде чем кто-либо из этих колледжей понял, что они не единственные получатели этих якобы редких книг.

Пепперидж мог бы рассказать им всё, что знал, и всё равно не смог бы объяснить эту загадку. Он был так же сбит с толку, как и все остальные. Но тайна стала только глубже, когда изучение компьютерных картотечных каталогов и описей книжных магазинов по всему миру показало, что огромное количество книг каким-то образом исчезло со всех полок. Если воры вышли на дело, то почему никого из них не поймали? Ещё более странным было то, что общее количество записей в документах не соответствовало фактическим запасам. Никто не мог назвать или вспомнить ни одной недостающей книги! Никто из библиотекарей и книготорговцев не слышал о

Библии, произведениях Шекспира, Гомера, Данте, Ингерсолла, Эйнштейна или других подобных писателей.

Положив трубку, доктор Пепперидж увидел, что у его двери стоит посетитель. Всё ещё пребывая в шоке, библиотекарь рассеянно открыл дверь и впустил незнакомца внутрь. Они оба сели, и Пепперидж покачал головой, чтобы собраться с мыслями.

— Я… мне жаль, что я так отвлёкся! Э-э, что я могу для вас сделать? Вы здесь учитесь? Я не думаю, что видел вас раньше.

Он бы запомнил его, если бы когда-нибудь увидел, потому что высокий, довольно тощий мужчина был особенно эффектен. Он был неопределённого возраста и этнической принадлежности, вероятно, африканец или южно-индиец. Но черты лица были точёными, ноздри не раздувались, как если бы мужчина был выходцем из Африки или Австралии. В его голосе не чувствовалось особого акцента. Он был совершенно лысым и одет в угольно-чёрное, как будто на нём был костюм, а не повседневная одежда. Пепперидж понял, что изучает гостя более пристально, чем позволяют вежливые манеры.

— Если вы говорили мне своё имя, боюсь, я уже

забыл его! Простите старика.

— Вы не такой старый, как я, — заявил посетитель. — Не совсем. Моё имя старинное, вышедшее из моды. Лэтроп Най. Вы уверены, что хотя бы не слышали обо мне?

— Подождите, что-то припоминаю… Я думаю, что слышал… Глаза Пепперидж расширились.

— Конечно, вы не можете быть тем человеком, который…

— Сжёг библиотеку дотла? Я признаю, что это так, мистер Пепперидж.

— Почему вы не под стражей в полиции, мистер Най? У меня сложилось впечатление, что они вас задержали.

— У них не было улик против меня. И я не признался им в поджоге, как признаюсь вам. В любом случае, я подумал, что должен зайти и объяснить, что произошло. Видите ли, я знал, что так и будет. Мистер Пепперидж, названия этих книг вам о чём-нибудь говорят? «Илиада», Библия, «Божественная комедия"? Нет? Никогда о них не слышали? Не могу сказать, что я удивлён.

— Мистер Най, вы можете думать, что вы мне что-то объясняете, но я в ещё большем замешательстве, чем когда-либо. Не перейдёте ли вы к делу, предполагая, что в этом есть смысл?

Короткий смешок предшествовал ответу чернокожего, который стал ещё одним вопросом.

— Вы случайно не помните сон, который приснился вам пару лет назад? Вы разговаривали с фигурой, закутанной в жёлтый шёлк.

— Да! Но… я никогда никому не рассказывал об этом сне! Как?..

— Дело в том, добрый мой человек, что тот, с кем вы говорили, с кем вы торговались, был я сам. Я знаю, что выгляжу по-другому.

— Значит, вы хотите сказать, что это был не сон? — удивился Пепперидж.

— Не сон, это верно. Теперь я расскажу вам, что это было. Давайте назовём это собеседованием, переговорами. Речь шла о потере ваших специальных книг, специальных книг Библиотеки. Насколько я помню, вы были сильно расстроены.

— Да. Странные вещи, опасные вещи, происходили здесь в течение многих лет. Я думал, что без этих книг всё, скорее всего, станет намного хуже.

— Итак, вы хотели заменить их, и вы знали, что это будет непростая задача. Вы всё объяснили, пока мы разговаривали. И я предложил свою помощь. Именно я. Я скормил вам ваши первоначальные идеи, как только мы договорились

об условиях.

— Условиях? Каких условиях? О чём вы говорите, мистер Най?

— Я думаю, вы всё забыли. Это прекрасно; вы должны были забыть. Я знал, что вы это сделаете, и решил заскочить к вам и напомнить о нашей сделке.

— Я должен вам мою, э-э, мою, э-э, душу?

— Ничего подобного, — с удивлением ответил гость. — Это была скорее сделка в натуральной форме. Видите ли, за каждую восстановленную вами книгу, за каждое название, классическое произведение мысли или искусства, как вы, библиотекари, их называете, исчезало с полок и из памяти людей. Они больше не будут предлагать свою мудрость человечеству. Эффекты, я уверен, будут интересными. Но не волнуйтесь, эти старые потрёпанные книги были заменены теми, которые вы так упорно выслеживали. Сейчас они повсюду, и любой желающий может проконсультироваться с ними. Так много уже сделано! И скоро вы увидите результаты. Молодец, добрый и верный слуга!

Перевод: А. Черепанов

Эдгар Хоффман Прайс
Повелитель иллюзий

E. Hoffmann Price «The Lord of Illusion», 1932.

Это первоначальный вариант рассказа «Врата Серебряного Ключа», который позже был изменён Лавкрафтом. Относится к межавторскому циклу «Мифы Ктулху. Свободные продолжения». Сам Прайс написал в своих мемуарах так: «Мне больше всего нравился рассказ Лавкрафта „Серебряный ключ“ и я решил написать продолжение. В 1932-м году я отправил ГФЛ текст на 6000 слов. В 1933-м он удлинил его до 14000 слов, но оставил не более 50 слов из моего сочинения». Впервые этот вариант рассказа был опубликован в 1982 году.

Впервые на русском языке.

Рассказывают историю о некоем Рэндольфе Картере и о серебряном ключе, с помощью которого он стремился открыть врата, препятствующие выходу человека из трёхмерной фантазии, которую мы считаем реальностью, в сверхпро-

странственный мир, имя которому — иллюзия.

Говорят, что Рэндольф Картер нашёл серебряный ключ архаичной ручной работы. Сотни лет этот ключ лежал без дела, из-за чего покрылся чёрно-синими пятнами. Загадочные руны, вырезанные на поверхности ключа, были едва разборчивы даже для глаз, способных прочесть эти необыкновенные слова. Картер сразу же направился в свой родовой дом в Аркхэме, и там он отыскал то, что в старину называли змеиной норой — глубокий грот в зловещем затенённом месте, возле которого мало кто из местных жителей решался замедлить свой шаг, — наоборот все путники старались быстрее уйти отсюда. С того дня Картера никто больше не видел, и ходили слухи, что сбылась его давняя мечта — перейти в Страну Иллюзий.

На этом летопись заканчивается. Изящная красота этой истории может сравниться разве что с её незавершенностью. Учёный летописец, который, по всей вероятности, проник намного дальше в тайные сферы запредельной космической пропасти, нежели кто-либо из его современников, записал только то, что знал и воздержался от рассказов о вещах, о которых лишь подозревал, оставив нам одни намёки. Прошло, однако, уже

четыре года; и множество поразительных событий убедили нас в том, что Рэндольф Картер не пропал бесследно. Эта космическая пропасть сначала была для него фантазией, но, наконец, он встретился с ней лицом к лицу. Последние фрагменты свидетельств подтверждают мнение, что летописец в своём интуитивном предположении был прав, и ему не хватало только деталей.

Следует напомнить, что Рэндольф Картер в день своего исчезновения, выйдя из автомобиля, забыл захватить вырезанную из дубовой древесины шкатулку. Он взял с собой лишь старинный серебряный ключ, с помощью которого намеревался открыть несколько дверей, преграждающих путь сквозь обширные тоннели пространства и времени к самой Границе, которую не пересекал ни один человек с тех пор, как Шаддед своим ужасающим гением построил и скрыл в песках Аравийской Петры большие купола и бесчисленные минареты тысячеколонного Ирема. Голодающие дервиши и кочевники, сошедшие с ума от жажды, вернулись, чтобы рассказать о мимолётном видении монументального портала Ирема и о скульптурной Руке над краеугольным камнем арки. Ни один человек не вошёл в сам город и не вернулся, чтобы поведать о нём, и на

красном песке пустыни не осталось никаких следов людей, доказывающих их пребывание в этом месте. Говорят, что Рука безуспешно пыталась схватить тот самый ключ, что Картер имел при себе. Но по незнанию или по невнимательности от ликования он забыл про манускрипт, который через несколько дней после исчезновения Картера обнаружили в резной шкатулке. Картера искали долго и безуспешно, и много толков ходило о том, куда он мог пропасть.

Этот пожелтевший пергамент с клинописными символами весьма озадачил учёных, изучающих утраченные языки. Позже он попал в руки летописца, который первым попытался объяснить исчезновение Картера. Но в свете последующих событий, в частности благодаря случайной встрече в Новом Орлеане летом 1932-го года, выяснилось, что для Картера было бы благом взять с собой не только ключ, но и манускрипт. Таким, по крайней мере, было утверждение старика, который тихо и неподвижно сидел на красном, как бухарское вино, коврике. Изредка он что-то бормотал и вставал, чтобы подбросить ладан на стоящий рядом странный треножник из сварного железа, от которого исходил дым. Но больше всего этот старик бормотал о том манускрипте.

* * *

Рэндольф Картер с серебряным ключом в кармане решил пойти по знакомой тропинке, почти незаметной по причине того, что по ней давно никто не ходил. В тот день Картер заметил, что расселина в гранитном склоне оказалась очень похожа на бастионы примитивной формы, что стоят по обеим сторонам ворот некоего окружённого стеной города. Но это изменение, вместо того, чтобы встревожить Картера, укрепило его веру в то, что он выбрал благоприятные день и час. К несчастью, он был забывчив, как все учёные, и восторг от обладания Ключом ослабил его память. И Картеру даже не пришло в голову, что пергаментный свиток мог ему пригодиться. Хотя, памятуя о том, какая судьба постигла одного его друга, прочитавшего подобный манускрипт несколько лет назад, могло быть и такое: Картер мог счесть более разумным не брать с собой зловещую рукопись, отправляясь в чуждые земли, и поэтому намеренно оставил шкатулку в автомобиле.

Когда Картер шагнул в полумрак, он вытащил из кармана серебряный ключ и достал фонарик, чтобы осветить грот, расположенный, как Картер

знал, позади небольшой входной пещеры и узкой расщелины в её дальней стене. Пока он осматривал пещеру, его на мгновение поразил тот факт, что внутри было достаточно светло. Поняв, что нужно делать дальше, Картер отложил фонарик и, с ключом в руке, шагнул вперёд, ожидая увидеть грот с высоким потолком. Именно так он выглядел в тот день, когда в детстве Картер посещал это место.

Однако действительность превзошла все его ожидания. Когда Картер прошел через расщелину, он был настолько ошеломлён, что несколько секунд даже не замечал старика, который любезно приветствовал гостя. Картер странным образом оказался не в гроте, а в огромном зале. Невероятных размеров полусферический потолок висел над его головой. Картеру не с чем было сравнить необъятность зала, даже с холмом над этой пещерой. Он не мог понять, как часть может превосходить целое. Затем Картер осознал, что этот гигантский зал не может быть частью холма, в центре которого размещался. Здесь происходило загадочное искривление пространства.

Циклопические столбы, поддерживающие свод, всё еще отвлекали внимание гостя от вежливого старика, который приблизился к нему. Массив-

ная громадность беспокоила Картера и создавала у него впечатление, что ни природа, ни долото какого-либо каменщика не могли обработать камень с такой торжественной и величественной простотой. Он пытался вычислить радиус закругления купола, заметив, что на самом деле потолок был не полусферическим, как казалось на первый взгляд, но отличался своей геометрией не только от сфер, но и от эллипсоидов вращения и параболоидов, известных Картеру.

Затем, вздрогнув, Картер осознал, что ничем не ответил на приветствие старика и, несколько смутившись, хотел загладить свою вину за недостаток учтивости. Но он растерялся и не мог придумать подходящих слов или приветствий. Поскольку Картер никогда не видел человека, даже отдалённо напоминающего эту прямостоящую фигуру с гордо поднятой головой и монументальными чертами лица, похожими на сфинкса, незваному гостю явно не следовало делать никаких банальных высказываний вроде «Как чудесно встретить вас здесь». Недолго поразмыслив, Картер пришёл к выводу, что после всего увиденного самым естественным было встретить здесь такого человека с величественной осанкой и мягким блеском в глазах, которые казались бо-

лее древними, чем своды этого зала. Кроме того, Картер сомневался в том, что он знает или может хотя бы назвать язык, на котором ему следует ответить. И, наконец, Картер, смущённо глядя на старика и забыв о Ключе, засомневался в том, что это вообще человек. Он чувствовал, что этот старик существовал ещё до Сотворения.

— Мы ждали тебя, — сказал бородатый незнакомец на языке, понятном Картеру. — Добро пожаловать, хоть ты и опоздал. У тебя есть ключ, и врата ждут твоего решения…

Он сделал краткую паузу, а затем продолжил, тактично ощущая, что у Картера не могло быть нужного ответа: — Если у тебя хватит смелости.

Его последние слова были лишены угрозы, но всё же Картер затрепетал от скрытого смысла этой речи. Душа Рэндольфа Картера, как и линия всех провидцев Картеров до него, скорее ощущала, чем понимала смысл; она трепетали от риска пройти через порог, о котором ей сейчас объявили.

— Я Умр ат-Тавил, твой проводник, — сказал старик. — Или, по крайней мере, ты можешь называть меня так, хотя у меня много имён.

Затем он улыбнулся, заметив, как Картер содрогнулся при упоминании имени, которое

тот прочёл в запретном Некрономиконе, чьи нечестивые страницы, написанные древними арабскими буквами, он когда-то всего один раз осмелился пролистать.

Таким образом, это Существо было Умр ат-Тавилом, тем Грозным Древним, о котором туманно и тревожно писал безумный араб Абдул Альхазред: «Дерзнувшие заглянуть за Преграду и принять Его в качестве Проводника, совершают непоправимую ошибку, ибо, как сказано в Книге Тота, страшную цену придется платить всего за один только взгляд. Ушедшим на ту сторону не суждено вернуться. Бесконечность за пределами этого мира населена призраками тьмы, от которых нет спасения. Они блуждают в ночи, где защитой от них не является даже Знак Древних; они незримо присутствуют у изголовья каждой могилы, питаясь тем, что исходит оттуда. Но все эти призраки — ничто в сравнении со Стражем Ворот, ведущим безрассудных за пределы всех миров, во Всепоглощающую Бездну. Он — это Умр-ат-Тавил, старейший из Властителей Древности, именуемый также Продлившим Жизнь».[218]

— Я действительно Древнейший, — сказал Умр

---

[218] Примечания: 218

Цитата из Некрономикона взята из рассказа «Врата Серебряного Ключа», в переводе В. Дорогокупли.

ат-Тавил, — и если ты, Рэндольф Картер, боишься, то можешь уйти целым и невредимым. Но если твой выбор — идти вперёд…

Повисла зловещая пауза, но улыбка Древнего была мягкой. Картер задумался на мгновение — не могли ли страшные, богохульные намёки безумного араба и отрывки из утраченной Книги Тота возникнуть из зависти и неудовлетворенного желания испытать то, что собирался совершить Картер.

— Я пойду вперёд, — объявил Картер. — И я принимаю тебя как своего проводника, Умр ат-Тавил!

Собственный голос казался Картеру странно резонирующим в ушах, когда он произносил эти слова. Тогда он понял, что ответил на том высокопарном языке, который все, кроме трёх малоизвестных учёных, считали мёртвым: Геэз[219], что так же похож на Амхарский язык, как Латынь на Английский.

Умр ат-Тавил жестом принял его ответ. А затем он сделал левой рукой ещё один знак; но теперь Картер преодолел смятение, несмотря на то, что узнал это причудливое движение и необычное

---

[219] Примечания: 219
Геэз — древнеэфиопский язык.

расположение пальцев. Рэндольф Картер теперь знал, что он приближается к вратам, и что, несмотря на высокую плату, он мог плыть на галерах «вверх по реке Украност мимо золотых шпилей Трана и шествовать со своими караванами слонов по ароматным джунглям в Кледе, где забытые дворцы с колоннами из слоновой кости спят под луной, прелестные и нерушимые». Поэтому он предпочёл забыть об опасности.

Но прежде чем отправиться вслед за своим проводником, Картер оглянулся и увидел, что трещина, через которую он вошёл, теперь закрыта, и что удивительный подземный зал наполнен зеленоватой дымкой, пронизанной лучами и полосками серной синевы. Следуя за Древнейшим, он понял, что подземный зал не был таким безжизненным, каким казался ему поначалу. В тумане, низко висящем вдоль изогнутой стены, Картер заметил группу бородатых людей, которые восседали на шестиугольных обсидиановых призмах. Подойдя достаточно близко, чтобы разглядеть детали резных изображений на их тронах, он начал осознавать то, что за несколько мгновений до этого только смутно ощущал: он находился в присутствии тех, кто не были человеческими существами. Картера озадачил

вопрос: как они приняли форму людей? Но теперь он находился за пределами ужаса. Его разожгла отчаянная решимость.

— Если бы я не стремился к этому поиску, — произнёс Картер, когда его ноги погрузились в металлически блестящие синие песчинки на полу подземного зала, — моё тело прожило бы ещё долгие годы после смерти моей души. Поэтому предпочтительнее противостоять этому замыслу, ибо с какой целью человек спасает свою душу, если она жалко гниёт в цепях, наскоро выкованных священниками и врачами? Уж лучше потерять душу в этом великом поиске, хотя бы для того, чтобы я мог, в конце концов, сказать, что никто никогда не терялся в этом на пути к этому знанию.

Он увидел, что у восседающих существ были длинные квадратные бороды, завитые в какой-то не совсем незнакомой ему манере. Высокие серые митры, надетые на их головы, странным образом напоминали фигуры, которые забытый скульптор высек на извечных скалах той высокой горы в Тартаре. Он помнил, кому они служили, и цену их службы; но Картер по-прежнему оставался довольным, поскольку мог узнать у них всё. А проклятие — всего лишь слово, распространён-

ное теми, чья слепота заставляет их осуждать его, кто отчётливо видит даже одним глазом.

Каждая фигура держала в руке скипетр, чьё резное навершие являло архаичную тайну, но даже тогда Картер был рад тому, что продвинулся в своём поиске, хотя знал, вне всякого сомнения, кто они такие и откуда пришли.

Картер задумался над потрясающей самонадеянностью тех, кто болтает о злобных Древних; как будто ОНИ могли прервать свои вечные сны, чтобы выплеснуть гнев на человечество. Когда он смотрел на их лица, это предположение казалось таким же глупым, как если бы мстительный динозавр тратил своё время на погоню за маленьким червяком.

Они приветствовали его движениями тех странных резных скипетров, и затем возвысили свои голоса, говоря в унисон.

— Мы приветствуем тебя, Древнейший, и тебя, Рэндольф Картер, поскольку твоё безрассудство сделало тебя одним из нас.

После этого Картер понял, что призматический трон был предназначен для него, а Древнейший жестом велел ему занять своё место. Блестящий металлически синий песок хрустел у него под ногами, когда он взошёл на свой трон. А затем он

увидел Древнейшего, сидящего на подобном, но более высоком троне, посреди других Древних, расположившихся полумесяцем.

Затем Умр ат-Тавил подался вперёд и поднял с песка у подножия трона выкованную из переливающегося металла цепь, последнее звено которой было прикреплено к опоясанному серебром шару. Он вытянул руку и показал устройство другим Древним. Затем он начал петь на том неизвестном звучном языке, на котором обращался к Картеру.

Песнопение было обращено к Древним, сидящим на обсидиановых тронах, а не к Картеру. Он видел, как их сияющие глаза излучали потрясающее, по-неземному великолепное свечение, когда они рассматривали глобус, пылавший и пульсировавший на конце цепи, которую держал Повелитель. Они покачивались в ритме пения; и один за другим возвышали свои голоса до тех пор, пока не возникла полная гармония, которая охватила весь зал и гремела под его сводами, подобно барабанному грохоту и трубному рёву. Ореолы зеленоватого пламени плясали вокруг их голов, когда они кивали в такт песнопению Повелителя, и лучи света играли на их лицах.

И затем, один за другим, они возобновили

молчание, пока не остался слышен только голос Древнейшего. Картер считал, что Древние спят; и он задался вопросом: что они видели в тех снах, от которых их пробудили, дабы освободить его? Впервые Картер начал понимать смысл, а также слова, которые Повелитель говорил другим Древним.

Картер знал, что Древнейший вызвал их из того вечного сна, из глубины которого они созерцали необъятные просторы. Он знал, как они исполнят то, что требовало присутствия Картера. Древнейший напевал в их уши тот образ, что они должны были представить в соответствии с его желанием; и Картер знал, что, поскольку каждый из Древних воображал то, что Умр ат-Тавил предписывал, это имело видимое проявление. Когда они достигли унисона, воздействие их концентрации материализовало то, что ему было нужно.

Картер однажды видел в Индостане, как концентрация мысли может стать осязаемым, материальным феноменом, принимая форму благодаря проекции воли, излучаемой кругом адептов. И эти Древние силой своих мыслей спроецировали перед ним вихрь.

Серебряный Ключ был в руке Картера. Но сплошная стена, с которой он столкнулся, по-

прежнему оставалась твёрдой, как адамантин. Не было ни следа замочной скважины, незаметна была и линия, разделяющая дверь и остальную стену.

Древнейший прекратил песнопение. Впервые Картер осознал, насколько ужасным может быть молчание. Прежнее безмолвие грота оживил земной пульс, и эта низкая вибрация, хотя и неслышная, тем не менее, препятствовала ощущению полной тишины. Но теперь Картер не слышал собственного дыхания. Тишина бездны нависла, словно чьё-то присутствие в подземном зале. Взгляд Древнейшего теперь был зафиксирован на шаре, который он держал, и вокруг его головы также светился огненный нимб, зеленоватый, с сернисто-голубыми вспышками.

Картер ощутил головокружение, все его чувства перемешались, и он полностью утратил какую-либо ориентацию в этой непроницаемой черноте. Он мог видеть Древних по обе стороны от своего обсидианового трона, но всё же чувствовал себя в ужасной изоляции. Затем он ощутил себя плывущим сквозь неизмеримые глубины. Волны ароматного тепла падали на его лицо, как будто он плыл в благоухающих розой водах жаркого моря. Казалось, что это море состояло

из наркотических вин, и его волны пенились на фоне объятых медным пламенем берегов. Великий страх охватил Картера, когда он увидел себя в обширном пространстве бурлящей воды далеко от берега.

— Человек Истины находится за пределами добра и зла, — произнёс громкий голос, который наполнил зал. — Человек Истины узнал, что иллюзия — единственная реальность, и что материя является ложным представлением.

Теперь очертания ворот стали отчётливо видны. Картер, наконец, понял, что Ключ служил скорее символом, нежели инструментом для открывания замков, ибо это одурманивающее ароматом роз море, хлеставшее его щёки, было чрезвычайно твёрдой массой гранитной стены, уступающей под напором мысленного вихря, который Древние направляли на неё.

Его продвижение через огромную массу извечного гранита было падением сквозь неизмеримые межзвёздные пропасти. Издалека он услышал торжествующие, богоподобные волны смертельной сладости. Затем, когда эта потрясающая фанфара угасла, Картер услышал шорох крыльев, странные щелчки и шелест. Он оглянулся через плечо, увидел, что ждало его у ворот, и обрадовал-

ся тому, что в гранитной стене не было замочной скважины, и он один владел Ключом.

Сбитый с толку Картер, только оправившись от ужасного вида тех, что напрасно стучались в дверь, которую не могли открыть, испытал потрясение более сильное, нежели то, что вызвал брошенный назад взгляд. Внезапно он осознал, что теперь стал одновременно множеством личностей.

Тело и разум Рэндольфа Картера из Аркхэма все ещё сидели на том шестиугольном блоке из обсидиана, покрытом немыслимыми резными изображениями, которые человеческое сознание могло бы назвать гротескной непристойностью. Но то, что он считал своим Я, той сущностью, которая всё еще требовательно стояла у врат, не было его настоящей личностью. Даже тот, кто сидел на троне среди Древних, не был самим Картером.

Сейчас Рэндольф Картер испытывал такой ужас, какого даже отдаленно не ощущал в самый разгар того страшного вечера, когда двое зашли в гробницу, но вышел только один. Никакая смерть, никакой рок, никакое мучение не могут возбудить давящее отчаяние, пробужденное потерей идентичности. Слияние с ничто — это

мирное забвение; но существовать, осознавать себя и всё же знать, что человек больше не сохраняет идентичность, которая будет служить ему отличием от любой другой сущности; знать, что у человека больше нет своего Я.

Он помнил, что был Рэндольфом Картером из Аркхэма; но в своем ужасающем смятении не знал, был ли он тем самым Картером, или каким-то другим. В этом ужасе у него возникло дикое, возмутительное чувство того, что одновременно существует множество Картеров. Его личность была уничтожена, и все же если бы он действительно мог в силу предельной ничтожности индивидуального существования сохранить своё Я, то каким-то непостижимым образом осознавал бы легион своих двойников. Казалось, что его тело внезапно превратилось в одну из тех многоликих и многоголовых скульптур в индийских храмах, и он созерцал совокупность своих личностей, изумлённо пытаясь различить, что было оригиналом, а что копией. Кроме того, его индивидуальность была самим ужасом, грозным по сравнению со всеми другими аномалиями. Затем разрушительный кошмар Картера стал пустяком по сравнению с тем, что противостояло и окружало личность — интеграцией, вследствие которой

Рэндольф Картер из Аркхэма стал бесконечно малым. Это были одновременно БЫТИЕ, сила, неограниченная полнота пространства и личное присутствие; и не было никакого несоответствия в этом смешении ранее не связанных понятий. Перед лицом этого страшного чуда квази-Картер забыл об ужасе разрушенной индивидуальности. Космическое существо обращалось к сумме всех Картеров. Оно излучало огромные волны, которые ударяли, жгли и концентрировали энергию, и та с невыносимой свирепостью противостояла Картеру. Казалось, что солнце, все миры и вселенные сошлись в одном пункте — эту точку в космосе они сговорились уничтожить яростным ударом.

Картер понял, наконец, что он высвободился из соединения всех Картеров.

— Рэндольф Картер, — сказало ОНО, — мои проявления, Древние, послали тебя как человека, который будет царствовать на опаловом троне Илек-Вада, сказочные башни и бесчисленные купола которого внушительно вздымаются к единственной красной, зловещей звезде, сияющей в чужом небосводе, местонахождение которого скрывает царство Иллюзий.

Но свершится иное. Окончательная тайна ско-

ро будет раскрыта, а любой трон является всего лишь преображением земной фантазии и прибежищем того, кто не удовлетворён тем, что он считает реальностью. Тем не менее, прежде чем ты узнаешь эту последнюю и первую из тайн, ты можешь, как и прежде, воспользоваться свободой воли и вернуться на другую сторону Границы, не снимая последней завесы со своих глаз.

Затем утихающие всплески сверхкосмической энергии стихли. Вибрации исчезли, оставив Картера в ужасной тишине и одиночестве. Он находился в необъятной безбрежности и пустоте. Через мгновение Картер обратился к пустоте:

— Я принимаю вызов, и я не отступлю.

После чего Космическая Сущность вернулась, и Картер понял её слова.

— Ты, Рэндольф Картер, прошёл через самые глубокие пропасти ужаса, и ты достиг самой дальней бездны космоса. Поэтому мы даруем тебе просветление.

— Ты пришёл из мира, в котором каждая сущность имеет своё собственное индивидуальное лицо, личность; и где всё ограничено тремя направлениями — вверх-вниз, вперёд-назад, вправо-влево. Среди ваших ученых есть те, кто смутно намекали, что могут быть и другие на-

правления, кроме тех, что ведомы вашим органам чувств. Но никто не пронзил завесы и не узрел того, что увидел ты.

В вашем трехмёрном пространстве с длиной, шириной и толщиной вы установили богов с их трёхмерной яростью, ненавистью, мстительностью, тщеславием и жаждой лести.

Ваши божества унизились, алкая жертвы, и сотворили веру в то, что неприемлемо для тех немногих из вас, кто сохранил связь с царством, в которое ты только что проник. Главный предмет поклонения в вашем трёхмерном мире — это троица, чья людоедская алчность насыщается посредством вашего символического поедания тела бога, который также был человеком.

Вы — раса идолопоклонников, которые сотворили бога по своему образу и подобию.

Вы отреклись от своего наследия.

На мгновение Картер был поражён смыслом услышанного; и затем увидел то, что до этого в своем ужасе не замечал: он находился в пространстве за пределами тех измерений, которые постижимы для глаз и ощущений человека. Теперь он увидел в погружённых в раздумья тенях то, что было сначала вихрем силы, а затем стало безграничной пустотой, взмахом творения, вы-

зывающим головокружение. Со своего места он смотрел на огромные формы, измерения которых выходили за пределы трех плоскостей, видимых им вдалеке, и он знал, что сам всё ещё неподвижно сидит на шестиугольной призме из обсидиана. Тем не менее, хоть и далеко отсюда, у него также был свой аналог в этом сверхпространстве, и его устрашающие указания сбивали Картера с толку. Затем голос усилился и помог ему уловить просветление, которое проникло в его существо и примиряло его с многочисленной личностью, по сравнению с которой он был бесконечно мал.

— В вашем мире есть пространственная форма, которая определяется как квадрат. И ваши геометры объяснили, что эта форма является результатом проекции куба на плоскость. И то, что вы называете окружностью, является результатом прохождения плоскости через сферу. Таким образом, каждая известная вам плоская фигура, обладающая длиной и шириной, есть лишь проекция трехмерной формы. И на этом вы остановились.

Но как круг является проекцией сферы, так и сама сфера является проекцией формы более высокого уровня, но ваши глаза не могут её видеть. Таким образом, ваш мир с его трёхмерными

людьми и богами — есть лишь поперечное сечение этого сверхпространства, в которое ты вошёл. Проекция, тень Реальности, не более того. И эту тень вы считаете реальностью, не думая, что и она, и вы сами являетесь лишь иллюзией.

Достаточно странно, что в своём мире вы утверждаете, что Время скоротечно. Вы рассматриваете время так, словно оно движется и служит причиной перемен. Но это неправильно; время неподвижно, и в действительности не имеет ни начала, ни конца. На самом деле время является иллюзией и не существует в том смысле, будто есть так называемое течение времени, порождающее фантазию и заблуждения, которые вы называете будущим, прошлым и настоящим.

Нет ни будущего, ни прошлого, ни настоящего!

Эти последние слова были произнесены с торжественностью, которая лишила Картера возможности сомневаться. Он верил, хотя и не мог даже во множестве своих личностей представить себе то, что было перед ним.

— Но если не Время, которого, по-твоему, не существует, то что является причиной изменений? — спросил он, наконец, поставленный в тупик этим парадоксом.

— Нет изменений. Всё, что было, и всё, что бу-

дет, существует одновременно. Изменение — это иллюзия, породившая еще одну иллюзию.

В вашем мире не было бы времени, если бы не то, что вы называете изменением.

Когда голос умолк, Картер задумался и пришёл к выводу, что он может принять этот последний постулат умозрительно, а также просто потому, что Космическое Присутствие столь величественно это утверждает. Очевидно, что если ничего не изменяется, то нет никакого смысла в существовании времени. Звёзды направлением своего полета и часы движением своих стрелок отмечают время; и если бы ни эти, ни другие вещи не изменялись, то, конечно, не было бы и времени.

— Но они меняются! — запротестовал Картер. — И поэтому время должно существовать. Мои волосы поседели, моя кожа сморщилась, я изменился. И моя душа содержит воспоминания о том, что когда-то произошло, и чего больше нет. Меня снедает горе, вызванное смертью друга, а в другие моменты я испытываю восторг, вспоминая тех, чья духовная сущность пережила изменение в их телах. Есть перемены, и они заметны во мне и в каждом человеке! Что же, всё это иллюзия? — вопрошал Картер, охваченный безудержным отчаянием.

— Нет никаких изменений, — торжественно произнёс могучий голос, заставивший Картера поверить, хотя он не мог ничего понять.

— Послушай, Картер, и ты поймёшь, что твоя вселенная — всего лишь проекция пространства более высокого измерения.

Рассмотрим в твоем собственном ограниченном представлении форму, которую вы называете конусом. Ваши геометры рассекли его плоскостью. Сечение является окружностью. Они рассекли конус плоскостью, проходящей под другим углом, и сечение стало эллипсом. И новое сечение — это парабола, кривые которой простираются до самых дальних границ вашего пространства. Но, тем не менее, это один и тот же конус, и никаких изменений с ним не произошло. Просто вы рассекли его под другим углом. И, если угодно, одновременно. У вас под конец остаётся не больше и не меньше, чем в начале; и, следовательно, эллипсы, параболы и гиперболы — это иллюзии, которые вы называете изменениями, забывая, что их исходная форма является неизменной пространственной фигурой.

Ваш мир — это часть сверхпространства, — повторяло Космическое Существо, пока Картер погружался в состояние просветления. — А время

и перемены — те иллюзии, которые возникли в этом призрачном существовании в результате смены угла плоскости, рассекающей мир реальности.

— Но тогда есть изменение! — закричал Картер с триумфом от того, что он наконец-то вынудил Космическое Существо войти в противоречие. — Углы сечения различаются!

Затем перед снисходительной улыбкой Существа, что превосходит богов, Картер почувствовал себя маленьким ребёнком, и его триумф стал ещё более глупым, когда он услышал ответ.

— Если ты по человеческому обыкновению хочешь спорить о пустяках, Рэндольф Картер, — сказал голос, — мы предоставим тебе твою точку зрения и не напомним, что этот угол и этот план принадлежат этому миру в больше мере, нежели вашему. И странно, — продолжал голос, — что придираться к углам сечения может тот, кто принадлежит к расе достаточно доверчивой, чтобы поверить в то, что Бог приказал убить другое своё Я в качестве урока смирения!

Чудовищное многомерное пространство содрогалось от смеха. Картер в своих земных фантазиях объяснял это весельем молодых богов, когда они по-детски ругались, отбрасывая миры, от

которых устали. Однако за этим смехом ощущалась торжественная нота, которая была больше, чем божественное веселье, и которая придавала шуткам возраст древнее самого времени. И уязвленный мраком, окрашенным… грустью, Картер, наконец, осознал. Он сожалел о своей монументальной глупости.

Затем Картер начал воспринимать, смутно и с ощущением ужаса, подоплёку загадки этой утраты индивидуальности, которая поначалу потрясла и напугала его. Его интуиция объединила фрагменты истины, которые излило на него Космическое Существо. И все же он пока не мог видеть всю картину.

— Когда-то существовал я, — наконец, сказал он, — и даже это было уничтожено отрицанием времени и перемен. И если нет ни прошлого, ни будущего, то что из всех этих предшествовавших мне Картеров, всех тех, кого я ощущаю самим собой, и всё же не …

Когда он пытался сформулировать этот вопрос, его голос затих в небытии, ибо Картер ощутил, что не может выразить того, что потрясло и смутило его. Он не осмеливался встретиться лицом к лицу с тем фактом, что, как ему теперь казалось, никогда не было Картера, сражавшегося

под стенами Ашкелона[220]; Картера, который во времена королевы Елизаветы баловался черной магией; Картера, странным образом исчезнувшего возле змеиного логова, и того, чьи запретные занятия привели опасно близко к погибели. Они являлись его наследием и оплотом его эго; и даже они были уничтожены этим беспощадным Существом, которое не жалело ни Бога, ни Времени, ни Перемен.

— Все эти Картеры, — ответил голос на его вопрос, — являются одним Картером в сверхпространственной области; и этот многовариантный Картер вечен, как и мы. И те, кого ты считал предками, чьим наследием души ты владел, — это лишь поперечные сечения в трёх направлениях пространства одного из наших собратьев, который является всеми Картерами в одном лице. А ты — ты всего лишь проекция. Различная плоскость сечения, так сказать, несёт ответственность за твоё проявление, а не за то, что твой предок так странно исчез.

И он исчез, когда его преобладающая плоскость повернулась ребром одновременно к трём направлениям ваших чувств.

---

[220] Примечания: 220
Ашкелон — город на юго-западе Израиля. Основан ок. 5950 до н. э.

Послушай ещё раз, Рэндольф Картер из Аркхэма, растерявшийся из-за разрушения своего эго, — ты всего лишь одна из плоскостей, подобно тому, как любой эллипс является лишь одним из бесконечных сечений конуса.

Картер задумался в тягостном молчании, которое последовало за этим утверждением, и постепенно в его уме оформилась новая идея. Если он понял правильно, то в своем физическом теле можно сделать то, что он умел лишь в своих сновидениях.

Он пытался проверить своё понимание, выразив его словами.

— Стало быть, моя секущая плоскость будет менять свой угол… Смогу ли я стать любым из тех, кто когда-либо существовал? Тем Картером, например, что в течение 11 лет был заточен в крепости Аламут[221] близ Каспийского моря, оказавшись в руках того, кто ложно утверждал, что является Хранителем Ключей? Джеффри Картером, который, наконец, сбежал из своей клетки, голыми руками задушил этого ложного хозяина и

[221] Примечания: 221

Аламут — древняя крепость в 100 км от современного Тегерана, построенная в 9-м веке, была резиденцией секты исмаилитов. До нашего времени дошли только руины. Разрушение крепости Тамерланом — вымысел Прайса.

забрал у него серебряный ключ, который именно сейчас я держу в руках?

— Тем или любым другим Картером, — ответило Существо. — Всеми, которых ты теперь знаешь. И если таков твой выбор, ты должен сделать его здесь и сейчас…

Затем раздались треск и барабанная дробь, превратившиеся в чудовищный гром. Картер снова почувствовал себя центром напряженного сгустка энергии, которая ударила и невыносимо опалила его; он не мог сказать, было ли это невероятно сильным жаром или всепроникающим холодом бездны. Лучи и полосы цветовой палитры, совершенно чуждой спектру этого мира, играли и переплетались перед ним; он ощущал жуткую скорость движения….

Картер поймал один мимолётный взгляд того, кто в одиночестве сидел на шестиугольном обсидиановом троне.

Потом он понял, что находится посреди развалин крепости, некогда венчавшей гору, что возвышается над южным побережьем сумрачного Каспийского моря.

Как ни странно, Джеффри Картер сохранял несколько рудиментарных воспоминаний о том Рэндольфе Картере, который появится спустя

примерно 550 лет. И это было не так уж странно для него — мысль о том, что он помнит кого-то, кто не существовал до тех пор, пока не минет пять столетий после того, как Великий эмир Тамерлан до основания, камень за камнем, разрушил крепость Аламут и вручил мечи своему составленному из преступников гарнизону.

Картер слегка усмехнулся над человеческим заблуждением. Теперь он знал, почему эта крепость лежала в руинах. Слишком поздно он понял ту ошибку, которую совершил — или совершит? — Рэндольф Картер, потребовав сместить плоскость Картера без соответствующего сдвига земного плана, чтобы Джеффри-Рэндольф Картер мог на этот раз попытаться сделать то, в чем однажды не добился успеха: въехать в крепость с кортежем погруженного в мрачные раздумья Тамерлана, который столь ужасным образом разрушил Аламут, и освободить его.

Джеффри вспомнил достаточно о личности Рэндольфа, чтобы сделать своё аномальное положение не совсем безнадёжным. У него были все воспоминания, которые должен был иметь Рэндольф Картер через пять столетий; и самым странным парадоксом было то, что он, Джеффри Картер, был жив и находился в мире, который на

пятьсот лет старше, чем должен быть. Он сел на массивный каменный блок и задумался. Наконец, он встал на ноги, не получив желаемого…

* * *

Один из собравшихся в некоем доме в Новом Орлеане сказал так: — Это в какой-то степени правдоподобно, несмотря на ужасающе непостижимый хаос и беспорядок времени, пространства и личности, и кощунственное приведение Бога к математической формуле, а Времени — к причудливому выражению. Превращение всего в иллюзию, а действительность — в ничто геометрического плана, совершенно лишённого сущности. Но это по-прежнему не помогает решить вопрос о поместье Рэндольфа Картера, которое наследники требуют разделить.

Старик, сидевший скрестив ноги на бухарском ковре, пробормотал что-то про себя и встряхнул почти угасший уголь в треножнике.

И затем он сказал:

— Рэндольфу Картеру в некоторой степени удалось разрешить загадку времени и пространства, однако его успех был бы более значительным, если бы он взял с собой не только Серебряный ключ, но и пергамент. Ибо если бы он произнес

его текст, земной план переместился вместе с Картер-плоскостью, и он осуществил бы неисполненное желание Джеффри Картера, которым стал. Но вместо этого он переместился в план бытия на 550 лет позже, чем хотел.

Другой слушатель сказал:

— Всё это правдоподобно, хотя выглядит фантастично. Но если Рэндольф Картер не вернётся со своего шестиугольного трона, поместье должно быть поделено между его наследниками.

Старик поднял сверкающие глаза и загадочно улыбнулся.

— Я мог бы легко урегулировать спор, — сказал он, — но никто мне не поверит.

На мгновение он сделал паузу, погладил подбородок, а затем продолжил:

— Ибо я и есть Рэндольф Картер, прибывший с руин Аламута. И я в столь же сильной степени Джеффри Картер, что меня по ошибке можно принять за самозванца. И потому, хотя я владею имуществом обоих Картеров — к сожалению, мне не отходит ничего.

Мы пытливо вглядывались в его лицо; а затем учёный летописец, который смотрел дольше всех, сказал, отчасти вслух, отчасти про себя: «А я-то думал, что новый король воцарился на опаловом

троне Илек-Вада в Ултаре, что за рекой Скай».

Перевод: А. Черепанов
Редактура: Б. Лисицын и А. Минис

Лон Прейтер
Музыка в голове

Lon Prater «Head Music», 2003

В две минуты первого ночи Диего резко открыл глаза. Навязчивая, нестройная музыка снова звучала у него в голове, теперь громче, чем когда-либо. Траурные тона то поднимались, то понижались, отражаясь между его висками. Все восемнадцать лет своей жизни он слышал их редкий, слабый, зазывающий шепот, проходящий через все его нутро. Теперь низкая, расходившаяся эхом песнь горна зазвучала громче, навязчивее, получила власть над его телом.

Босой и с обнаженным торсом, он выскочил через дверь-ширму. Прохладная осенняя ночь приветствовала его липкими, солеными объятиями.

Расшатанная деревянная дверь скрипнула и захлопнулась за ним. Ключи от служебного гру-

зовика его отца звенели у него в руке.

Плутоватая луна, полная и желтая, склонилась на горизонте за низким забором из освещенных сзади облаков. Диего прижался голой спиной к холодному пластиковому сидению. Его пронзила бы дрожь, но музыка, направлявшая его тело, этого не допустила. Он в душе порадовался, что лег спать в штанах.

Голой ступней, мокрой от росы и покрытой обрывками травинок, он надавил на педаль газа. Безмолвно, невозмутимо проследил он за тем, как его правая рука повернула ключ. Упрямый двигатель, вернувшись к жизни, недовольно зашумел.

Грузовик, покачнувшись, выехал на пустую дорогу, фары его потухли. Диего совершенно не владел собой — он был таким же пассажиром в своем теле, как и в грузовике.

Ржавая старая громадина шумно понеслась по асфальту, в кузове безумно загрохотали инструменты для озеленительных работ. Диего почувствовал удовлетворение. Он ехал, то возвышаясь, то падая вместе с жалостливой внутренней симфонии; но страха не было.

Пляж относился к государственному парку и был заповедной территорией. Красно-белые знаки грозили внеурочным нарушителям штрафами

и тюремными сроками. Штрафы за посещение пляжа были даже более ощутимыми, чем штрафы для тех, кто оказывался достаточно глуп, чтобы брать с собой животных и стекло или заезжать на песок на машинах.

Вероломный грузовик ворвался на погрязшие во мраке дюны. Горестный плач тут же начал затихать, но набирала силу какофония более низких тонов. Он с дрожью осознал, что его тело вновь стало принадлежать ему.

Диего сощурился, всматриваясь в грязное лобовое стекло. Завеса густых серых облаков скрыла почти весь отраженный луной свет. Звезды светили здесь, вдали от города, необыкновенно ярко, отсвечивали в искрящихся гребнях пенных волн. А у кромки воды мерцал влажный песок.

В нескольких метрах от набегающих волн лежал темный бугор. Наклонившись вперед, Диего включил передние фары.

Музыка, игравшая в голове, переросла в разрывающие душу вопли. Его рука невольно метнулась вперед, погасив фары. Вернувшаяся тьма задушила истошные крики, заставлявшие его кровь стыть в жилах, — но он успел мельком уловить очертания твари, лежавшей на пляже.

Он содрогнулся. Становилось тише, ветер успо-

каивался. Даже немелодичная музыка теперь превратилась в слабое мяуканье — его мозг заполнился новорожденными котятами.

Песок и обрывки травы захрустели под ногами, когда он стал приближаться к созданию. В длину и в обхват оно было с небольшую косатку, но на этом все сходства заканчивались.

Диего обошел его кругом, не в силах постичь, что находилось перед ним. У него была скользкая, бородавчатая серо-зеленая кожа, вся испещренная оранжевыми, похожими на драгоценные камешки чешуйками. Глаз, которые действительно можно было бы назвать глазами, у него не было. Оба конца его трубкообразного тела представляли собой мясистые комки плоти, окруженные множеством гибких веничков и колких усиков. Примерно посередине туловища находилось три больших, испещренных прожилками веера, которые плотно прижимались к телу.

От твари разило запахом стеклоочистителя.

Чем бы оно ни было, это именно оно призвало его сюда, на этот пляж, своей песнью горна. Такие же звуки он слышал все эти годы, только теперь они звучали громче и в них слышалось больше отчаяния.

Одинокая заунывная песнь звучала у него внут-

ри. Она уносила его в пучину печали, заглушая тихое подвывающее многоголосие. Он ощутил странную близость с этой тварью — близость, которую он не мог объяснить.

Первобытная интуиция прорвалась в его сознание. Создание было… Нет, она была просто выброшена на берег, на чуждый ей воздух. Неспособная вернуться в океан, она чувствовала приближение смерти.

У него на глазах навернулись слезы. Он бросился к ней, тщетно наваливавшись своим весом, чтобы перекатить громадный цилиндр ее тела обратно в воду.

В итоге обнаженная грудь, руки и спина Диего покрылись крошечными порезами от оранжевых чешуек, которыми было усеяно тело твари. Его торс смазала зернистая, липкая пленка, отчего открытые ранки начали вспучиваться и гореть, словно пчелиные укусы. Он закричал от бессилия и принялся искать другие способы спасти это причудливое и невиданное создание.

Его взгляд остановился на брошенном грузовике. Он прошагал к нему, стараясь не обращать внимание на жалостный плач в своей голове. Порывшись в грузовике, он нашел газонокосилку, канистру с бензином, ручные инструменты

и садовые ножницы, лопаты и грабли, тачки и несколько чистых мешков — но ничего такого, что помогло бы ему благополучно вернуть это чудовище в океан.

Безысходность, будто свежеуложенный бетон, наполнила его существо. Он вернулся к ней. Темно-синие волны почти доставали до одного из концов его морщинистого тела.

Мяуканье снова зазвучало в полную силу. Он положил руку на тварь, стараясь, чтобы острые оранжевые чешуйки его не порезали. На каком-то примитивном уровне он ощутил, что внутри нее извивалась жизнь.

Это мог быть как ее разум, так и ее потомство. Для Диего это не имело значения — он лишь знал, что эта жизнь хотела выбраться наружу.

Сглотнув, он вновь подошел к ней со стороны океана, где находился ее сфинктер. Влажный запах соли и гниющих водорослей смешался с вонью аммиака, исходящим от нее, создавая неприятное сочетание. Он осторожно раздвинул развевающиеся усики, открыв себе путь к отверстию. Дело ему предстояло непростое.

Диего просунул руку вовнутрь этого неземного существа, стараясь справиться с отвращением. В ушах громко отражалось учащенное сердцеби-

ение. Что-то пробежало у него по ноге, заставив подпрыгнуть — это был краб-привидение[222].

Рука вошла по самое плечо. Причитания в его голове стали еще громче, еще беспокойнее. Он ухватился за конец скользкой жирной кишки и потянул на себя. Та вылезла с чавкающим звуком и гейзером грязной жидкости.

Диего выпустил из рук сальное гнойное существо и вырвал прямо на него. Оно стало корчиться, будто празднуя опустошение кишечника Диего. Затем, словно медлительный, но громадный светлый червь, поползло к воде.

Материнская песнь теперь была едва различима, но беспорядочный душевный плач ее детенышей продолжал отчаянно его терзать.

Он вновь воткнул в нее руку, но не ощутил ничего, кроме боли горящих порезов и хлюпанья ее органов. Вынув руку, подошел к ее противоположному концу. На этот раз было проще. Диего освободил из отверстия две червеобразные твари, каждая по шесть футов длиной. Он осторожно опустил их в плещущуюся воду.

Они лежали, не двигаясь. Внезапно Диего по-

---

[222] Примечания: 222

Вид крабов, встречающийся на тропических и субтропических побережьях. Получил своё название благодаря удивительному проворству: он способен передвигаться со скоростью более 2 м/с.

чувствовал запах разложения — даже поверх аммиака и запахов пляжа. Мертворожденные. Как и остальные, что до сих пор гнили в чреве со стороны суши.

Он спас одну из безобразных тварей. Неужели этого мало? Жалостное многоголосие тех, кто еще оставался со стороны моря, говорило, что мало, и умоляло освободить их. Когда-нибудь они вырастут и превратятся в столь же красивых и внеземных созданий, что и то, которое умирало сейчас перед ним. Но этого не случится, если он бросит их здесь на погибель.

Он отошел к задней части кузова грузовика и вернулся с садовыми ножницами. Вставив нижнее лезвие в сфинктер, находившийся у кромки воды, он перекрестился, готовясь к тому, что ему предстояло сделать.

Диего со всей силы сдавил обтянутые резиной ручки. Лезвия оказались менее острыми, чем он надеялся. Они не столько резали, сколько жевали разрез, расширяя сморщенное отверстие. Крови, насколько он мог сказать, не было, но от аммиачной вони он едва не лишился чувств. В сознании его удерживали лишь ее тихие саксофонные стоны боли и страха, эхом отражавшиеся в его голове.

Он закончил второй разрез по жесткой плоти. Чувствуя в себе волю делать то, что от него требовалось, он все же был благодарен за то, что его желудок уже был пуст. Затем Диего в последний раз осмотрелся вокруг.

Луна оторвалась от облаков и теперь наклонилась, чтобы поближе разглядеть своим бледным глазом парня и первобытную морскую тварь на пляже. Отцовский грузовик стоял одиноким дозором, возвышаясь над дюнами.

Диего стянул свои штаны и трусы-боксеры и бросил их в кучу на песок. Крякнув, он сделал последний вдох, прежде чем безбоязненно зарыться обнаженным в чрево твари.

Грубая слизистая ткань, будто гнойные чешуйчатые струпья, сжала его со всех сторон. Оказавшись уже по пояс внутри, он проскреб себе путь к червивому гнезду ее хрупкого потомства. Оттуда исходили зловонные, заразные испарения. Каждый порез на его теле возопил, когда туда попали ее отвратительные внутренние жидкости. Продвигаясь ползком все глубже, Диего давился желчью.

Он чувствовал, как ветер щекотал его ступни и лодыжки. Все остальные его члены были умащены в гелеобразном тракте ее внутренних

органов.

Диего вновь услышал ее бессловесный голос — он звучал чище и гуще, будто тихое завывание. Изнутри нее его обволакивала музыка, с каждой нотой сплетая его душу с ее душой. Она пела ему о глубоком черном океанском дне, подводных городах, высеченных из камней и раковин, куда не проникал солнечный свет. Он быстро, как гарпун, пронесся в соленой воде по величественным пещерам, населенным невообразимыми видами, одновременно прекрасными и отвратительными. Эпохи, давно минувшие — и грядущие — ослепили его разум; те, кто когда-то правил, однажды пробудятся. Они очистят планету от человечества, сбросив с ее лица хрупкие людские достижения, будто омертвевшую кожу.

Диего зарылся вытянутыми вперед руками в изорванную мембрану и стал раздирать ее еще сильнее. Он зачерпнул горсть стенающих завитков ее переплетенных детенышей и потащил их за собой наружу сквозь омерзительное зловоние. Когда он рухнул на песок, извивающиеся светлые создания стали корчиться рядом с ним, освобождаясь друг от друга, а затем слепо поползли навстречу волнам.

Наконец, последний из них соскользнул в воду,

оставив Диего наедине с луной и величественной зловонной тушей. Он почувствовал, как на него накатила грусть, когда он увидел, как течение уносит прочь его штаны, и его стошнило в воду.

Утром здесь появятся ученые и репортеры. Они станут фотографировать, проводить замеры. Изумленно почесывая подбородки, они будут убедительно рассказывать об эволюции и цекалантах[223]. Разрежут ее в своих лабораториях, поломают головы над загадками ее генов. Позже кто-нибудь осознает страшную правду; мир получит предупреждение и поймет, что человечество держат на коротком поводке.

Диего поднялся, его голое тело было липким от отвратительных соков и обезображенным от раздувшихся порезов. Он зарылся пальцами ног в песок и пнул его.

В последний раз подошел к отцовскому грузовику, порылся в бардачке, а затем достал из задней части кузова жестяную банку.

С таким состраданием, какого никогда не чувствовал прежде, Диего облил бензином все ее тело и ее мертворожденных детенышей. Он долго простоял, понимая, что музыка смолкла, и,

[223] Примечания: 223

Вид доисторических хищных рыб наподобие современных латимерий. В длину достигали 90 см. Вымерли около 145 миллионов лет назад.

наконец, поджег скомканные обрывки бумаг. Произнеся немую, невнятную молитву, бросил пылающие бумаги в нее.

Она занялась быстрым голубым пламенем, которое в иной раз заставило бы Диего отскочить назад. Вместо этого он пустился в неведомый танец вокруг нее. От испарений у него все сильнее кружилась голова. Обнаженный перед луной, песком и ветром, он произносил надгробную песнь, никогда прежде не звучавшую из человеческих уст.

Погребальный костер догорел — до рассвета оставалось около часа. Диего сгорбившись сидел на песке, наблюдая за последними тлеющими угольками. Костей у нее не оказалось; пламя не оставило ничего, кроме россыпи оранжевых чешуек. Он ковырнул почерневший песок лопатой, прежде чем перевернуть его снова и снова, спрятав свидетельства от слабеющих над головой звезд.

Он потел, облипший песком и клейкой скверной. Никто не узнает, что случилось на этом пляже, — Диего знал это наверняка. Тайна ее вида не откроется еще целую эпоху, а то и больше, до тех пор, пока они сами не решат показаться.

Он стал отходить, сначала шагом, затем бегом,

насколько мог, далеко и глубоко, в пучину студеных черных вод. Последним, что он слышал, была музыка подводных горнов, она звала его домой.

Перевод: А. Агеев

Мирл Прут
Дом Червя

Но что за образ, весь кровавый,
Меж мимами ползёт?
За сцену тянутся суставы,
Он движется вперёд,
Всё дальше, — дальше, — пожирая
Играющих, и вот
Театр рыдает, созерцая
В крови ужасный рот.
Эдгар Аллан По[224]

Mearle Prout «The House of the Worm», 1933. Рассказ из цикла «Мифы Ктулху. Свободные продолжения», впервые опубликованный в журнале «Weird Tales», в 1933 году. Автор

---

[224] Примечания: 224

Эпиграф — отрывок из стихотворения «Червь-Повелитель», в переводе Валерия Брюсова.

определённо читал Лавкрафта, так как использует его цитаты.

Впервые на русском языке.

Часами сидел я за своим рабочим столом, тщетно пытаясь испытать и передать на бумаге ощущения преступника, ожидающего исполнения приговора в камере смертников. Вы знаете, как можно прилагать усилия для достижения желаемого эффекта долгие часы, даже дни, а затем почувствовать внезапный стремительный ритм и осознать, что ты нашёл этот эффект? Но очень часто, словно вмешивается сама Судьба, происходит так, что кто-то мешает, как будто нечто полностью перекрывает прямую и ясную дорогу, сияющую перед нашими глазами. Так было и со мной.

Едва я поднял руки над клавишами печатной машинки, как приятель, живший со мной в комнате, до этого долго и молча читавший журнал, произнёс достаточно тихо: «Эта луна — интересно, она на самом деле существует?»

Я резко обернулся. Фред стоял возле окна, глядя с мрачным вниманием в темноту.

Заинтригованный, я встал, подошёл к нему и последовал за его взглядом в ночь. Там была

луна, уже немного прошедшая фазу полнолуния, но всё еще почти круглая, висящая как большой красный щит близко к верхушкам деревьев, достаточно реальная…

Что-то в странном поведении моего друга предотвратило раздражение, которое обычно возникало у меня, когда кто-то мешал мне работать.

— Почему ты так сказал? — спросил я после минутного колебания. Фред стыдливо засмеялся, частично оправдываясь. — Извини, что я говорил вслух, — сказал он. — Я думал только о причудливой теории, с которой столкнулся в рассказе.

— О луне?

— Нет. Просто обычная история о призраке, типа тех, которые ты пишешь. «В то время его звали Пан Бродяга, и его ничто не связывало с Луной». Фред снова посмотрел на красноватый шар, теперь освещающий бледным, разрежённым светом тёмную улицу внизу. Затем он сказал: — Знаешь, Арт, эта идея овладела мной; возможно, в конце концов, в этом что-то есть…

Странные теории всегда вызывали восхищение у Фреда, тогда как меня привлекала их романтика. И так, пока он обдумывал свою последнюю фантазию, я терпеливо ждал.

— Арт, — начал он, наконец, — ты веришь, что древняя история о мыслях становится реальностью? Я имею в виду мысли людей, имеющих физическое проявление.

Я на мгновение задумался, прежде чем позволить себе слегка засмеяться. — Однажды, — ответил я, — юноша сказал Карлайлу, что он решил принять материальный мир как реальность; на что старик ответил только: «Эгад, ты бы лучше!»... — Да, — продолжал я, — я часто сталкиваюсь с этой теорией, но...

— Ты упустил суть, — был быстрый ответ. — Принимая физический мир, что ты имеешь? Нечто, сотворённое Богом! И как мы узнаем, что всё творение прекратилось? Может, даже мы...

Фред отошёл к книжной полке и через мгновение вернулся, стирая пыль с толстой книги в кожаном переплёте.

— Впервые я столкнулся с этой идеей здесь, — сказал он, листая пожелтевшие страницы, — но только когда часть фантастической истории осела в моём уме, я всерьёз задумался над этим. Послушай:

— Библия говорит: «В начале Бог сотворил небо и землю». Из чего Он сотворил их? Очевидно, всё было сотворено из мысли, воображения, силы и

воли, как тебе угодно. Но Библия далее гласит: «И так сотворил Бог человека по Своему образу». Не значит ли это, что человек обладает всеми качествами Всемогущего, только в меньшем масштабе? Конечно, тогда, если ум Бога в своём могуществе мог создать всю вселенную, то разум человека, сотворённый по образу Бога, и будучи Его аналогом на Земле, может делать тоже самое, но в бесконечно малой степени, создавать вещи по собственной воле.

Например, древних богов на заре мира. Кто может утверждать, что они не существовали в реальности, будучи созданы человеком? И если боги созданы, можем ли мы быть уверены в том, что они не превратятся в нечто, что будет тревожить и разрушать, выйдя из-под всякого контроля своих создателей? Если это правда, то единственный способ уничтожить таких богов — перестать в них верить. Таким образом древние боги умерли, когда вера людей повернулась к Христианству.

Фред помолчал немного, наблюдая как я стою на месте, размышляя. — Странно, откуда такие мысли могут приходить в голову людям, — сказал я. — Откуда нам знать, какие вещи реальны, а какие вымышлены? Я имею в виду, что расовые

фантазии являются общими для всех нас. Думаю, я понял, что ты имел в виду, спрашивая: реальна ли луна.

— Но представь себе, — ответил мой приятель, — группу людей, культ, в котором все думают одинаково, поклоняются одной и той же воображаемой фигуре. Если они так глубоко и фанатично верят, может случиться что угодно. Физическое проявление, чуждое всем нам, неверующим…

Наш с Фредом спор продолжался в том же духе. И когда мы наконец-то уснули, луна, которая пробудила в нас такие мысли, висела почти в зените, посылая холодные лучи на мир твёрдой физической реальности.

На следующее утро мы оба проснулись рано — Фред вернулся к своей будничной работе в качестве банковского служащего, а я с опозданием усадил себя возле печатной машинки. Благодаря тому, что вчера вечером меня отвлекли от работы, я смог теперь почти без труда дописать надоевшую сцену, закончить рукопись, пересмотреть текст и после обеда отправил его почтой.

Когда вернулся мой друг, он говорил спокойно о нашей вчерашней беседе и даже признал, что рассматривает свою теорию как немного относя-

щуюся к метафизике.

Однако, когда Фред предложил съездить на охоту, он уже не был таким спокойным. Фред был романтиком, а его работа в банке была тяжёлой и нудной, так что любой побег от неё был для него редким счастьем. Я тоже был свободен от работы и мой ум был чист, и я был вдвойне рад такой перспективе.

— Мне хотелось бы подстрелить несколько белок, — сказал я. — И я знаю хорошее место. Ты можешь поехать завтра?

— Да, завтра. Мой отпуск как раз начинается с завтрашнего дня, — ответил Фред. — Но я очень долго мечтал вернуться туда, где много раз бывал раньше. Это не очень далеко — всего лишь в ста милях отсюда, и… — он посмотрел на меня с сожалением, что расстроил мои планы, — в Таинственном Лесу гораздо больше белок, чем ты где-либо видел.

Итак, мы договорились.

Таинственный Лес — это аномалия. Имея три или четыре мили в ширину и около восьми миль в длину, этот лес занимает всю своеобразную долину, которая как бы раскалывает строгую топографию плато Озарк. Через долину не протекает ни одного ручья, нет ничего, чтобы

соответствовать определению нормальной долины; она просто существует благодаря чистому физическому присутствию, оставляя все вопросы без ответа. Мрачные, покрытые деревьями горы окружают долину со всех сторон, как бы стремясь ввиду своей собственной прочности компенсировать это пятно мягкости и безмятежности. У этого места есть своя особенность: хотя горы здесь все обитаемы — не густо, конечно, а по необходимости — эта лесная долина, имея все признаки прекрасного плодородия, никогда не знала плуга; а высокий, гладкий лес из душистых дубов никогда не знал топора лесоруба.

Мне тоже был знаком Таинственный Лес; все считали его раем для охотников, и дважды, задолго до этого, я охотился там. Но это было так давно, что я почти забыл это место, и теперь был действительно благодарен, что мне снова напомнили о нём. Ибо, если в мире и есть такое место, где белки растут быстрее, чем их отстреливают, то это — Таинственный Лес.

Было уже около полудня, когда мы, наконец, одолели последнюю горную тропинку, и остановились на небольшой поляне. Крошечная лачуга с крышей из вагонки стояла, как украшение, рядом с дорогой, а за ней согбенная фигура в вы-

цветшем комбинезоне рубила иссохшие стебли хлопка.

— Это, должно быть, старый Зик, — сообщил мой спутник; его глаза сияли даже от этого напоминания о детстве. — Привет! — крикнул он, ступая по земле.

Старый горец выпрямился и сморщил лицо, пытаясь распознать гостя. Он стоял так некоторое время, пока мой друг выспрашивал об охоте; затем глаза старика снова стали тусклыми. Он молча покачал головой.

— Теперь не охотятся, парни. Всё мертво. Таинственный Лес мёртв.

— Мёртв! — воскликнул я. — Не может быть! Почему он мёртв?

В тот момент я понял, что разговариваю невежливо. У горца нет никакой информации, чтобы сообщить её человеку, который много хочет знать, тем более чужаку, который выражает недоверие.

Старик вернулся к своей работе. — Сейчас не охотятся, — повторил он и яростно ударил стебель хлопка.

Старик так явно отмахнулся от нас, что мы не могли оставаться с ним дольше. — Старый Зик слишком долго жил один, — сказал Фред, когда

мы отошли. — Все горцы рано или поздно становятся такими.

Но я видел, что путешествие Фреда было уже наполовину испорчено, и даже подумал, что он сердится на меня за то, что я так неудачно испортил его встречу со стариком. Тем не менее, он ничего не сказал, только отметил, что Таинственный Лес расположен в следующей долине.

Мы продолжали идти. Дорога некоторое время тянулась вдоль плоской вершины. А затем, когда мы начали спускаться по грубой тропинке, Таинственный Лес открылся перед нашим взором, одетый так, каким я никогда раньше его не видел. Яркие красные, жёлтые и коричневые цвета смешались вместе в брызгах красоты, словно массивные деревья одели осеннее платье. Почти миниатюрным казался он нам с вершины, на которой мы стояли. Лес мерцал, как горное озеро в сухой жаре ранней осени. Но почему, когда мы молча смотрели на лес, смутная мысль о нечистоте заставила содрогнуться всё мое тело? Был ли я чувствителен к зловещим словам старого горца? Или моё сердце подсказало мне то, что не мог мой разум — что ещё не наступил сезон, когда исчезают все следы зелени, и их заменяют цвета смерти? Или это было что-то другое? — нечто, не

апеллирующее ни к чувствам, ни к интеллекту, но все жё посылающее слишком важное сообщение, чтобы его игнорировать?

Но я не стал долго останавливаться на этом вопросе. Я давно знаю, что человеческий ум, стремясь представить логическую последовательность событий, часто натягивает ткань фактов ради гладкости. Возможно, я действительно ничего не чувствовал, и мои нынешние представления были изменены последующими событиями. Во всяком случае, Фред, хоть и неестественно бледный, ничего не сказал, и мы продолжили спускаться в молчании.

Ночь в глубокой долине Таинственного Леса наступает рано. Солнце просто отдыхало на высоком западном пике, когда мы вошли в лес и разбили лагерь. После того как темнота окружила нас, гора, с которой мы спустились, ещё долго светилась мягким золотом.

Мы сидели в сумерках и курили свои трубки. В затемнённом лесу царило глубокое спокойствие, и всё же мы с Фредом были неестественно молчаливы, возможно, думая об одном и том же. Почему большие деревья так рано лишились листьев? Почему птицы перестали петь? Откуда появился слабый, но ясно ощущаемый запах гнили?

Весёлый огонь вскоре развеял наши страхи. Мы снова были двумя охотниками, радуясь нашей свободе и предвкушению добычи. По крайней мере, я радовался. Однако Фред каким-то образом лишил меня чувства безопасности.

— Арт, независимо от причины мы должны признать, что Таинственный Лес мёртв. Почему, дружище, эти деревья не готовятся к спячке? Они мертвы. Почему мы не слышали птиц? Сойки всегда собирались здесь и шумели. И откуда у меня возникло такое ощущение, как только мы сюда пришли? Арт, я чувствителен к этим вещам. Я могу ощутить кладбище в самую тёмную ночь; и вот как я чувствую себя здесь, — как будто пришёл на кладбище. Я знаю, говорю тебе!

— Я тоже это почувствовал, — ответил я, — и запах тоже… Но сейчас всё это уже исчезло. Огонь всё меняет.

— Да, огонь всё меняет. Слышишь стон в деревьях? Думаешь, это ветер? Что ж, ты ошибаешься, говорю тебе. Это не ветер. Что-то нечеловеческое страдает; может быть, огонь причиняет ему боль.

Я натянуто рассмеялся. — Ну, хватит, — сказал я, — а то у меня мурашки от твоих рассказов. Я почувствовал то же самое, что и ты; даже запах,

но тот старик просто расстроил нас. Это всё. Огонь всё изменил. Сейчас всё в порядке.

— Да, — сказал он, — теперь всё в порядке.

При всей его нервозности Фред первым уснул той ночью. Мы разожгли большой костёр, прежде чем лечь спать, и я долго лежал, наблюдая за прыгающим пламенем. И я думал об огне.

«Огонь очищает», — сказал я про себя, как бы направляя мысль вовне. «Огонь очищает; огонь — это жизнь. Сама жизнь наших тел сохраняется окислением. Да, без огня в мире не было бы чистоты».

Но я, должно быть, тоже уснул, потому что, когда меня разбудил низкий стон, огонь погас. В лесу было тихо; ни шёпот, ни шелест листьев не нарушали тяжёлую неподвижность ночи. А затем я почувствовал запах… И сразу же запах начал всё усиливаться, пока сам воздух не стал казаться тяжёлым, даже массивным; движимый словно по инерции он, казалось, вдавливался в землю благодаря одному своему весу. Воздух накатывал и кружил в отвратительных волнах запаха. Это был запах смерти и гнили.

Я услышал ещё один стон.

«Фред», — позвал я, и мой голос застрял в горле.

Единственным ответом был ещё более глубокий стон.

Я схватил его за руку и… мои пальцы погрузились в раздутую плоть, как в гниющий труп! Кожа лопнула, как перезрелая ягода, и слизь потекла по моей руке, капая с пальцев.

Преодолев ужас, я чиркнул спичкой; и в свете крошечного пламени увидел на мгновение лицо Фреда! Фиолетовая, раздутая, ползущая плоть почти покрыла его открытые глаза; белые черви кишели на его запыхавшемся теле, извергаясь из ноздрей, и падая на его синевато-багровые губы. Плотное зловоние усилилось; оно было таким густым, что мои замученные лёгкие кричали о помощи. Затем, вскрикнув от ужаса, я уронил зажжённую спичку, бросился в постель и закрыл своё лицо подушкой.

Не знаю, как долго я лежал там, больной, дрожащий, одолеваемый тошнотой. Но потихоньку я осознал проносящийся в верхушках деревьев звук. Большие сучья скрипели и стонали; а сами стволы, казалось, трескались в агонии. Я посмотрел наверх и увидел, что вокруг нас отражается красноватый свет. И, как грохот грома, в мою голову пришла мысль:

«Огонь очищает; огонь — это жизнь. Без огня в

мире не было бы чистоты».

И с этой заповедью я встал, схватил всё, что было в пределах досягаемости, и бросил в умирающий костёр. Не ошибся ли я, или запах смерти действительно стал слабеть? Я подтащил дрова и сложил их в высокую кучу. На самом деле было удачей, что спичка, которую я бросил, упала на уже сухие листья!

Когда я подумал о своём приятеле, ревущее пламя подпрыгивало вверх на пять метров. Медленно я обернулся, ожидая увидеть труп, валяющийся в нечистых испарениях отбросов, но увидел спокойно спящего человека! Лицо Фреда покраснело, его руки всё ещё были слегка опухшими; но он был чист! Он дышал. Я спрашивал себя: могла ли мне просто присниться смерть и её запах? Мог ли я увидеть сон о червях?

Я разбудил его и стал ждать.

Фред мельком посмотрел на меня, а потом, глядя на огонь, издал крик экстаза. Свет блаженства на мгновение блеснул в его глазах, как у маленького ребёнка, впервые смотрящего на тайну очищающего пламени; а затем, когда к нему пришло осознание, это блаженство исчезло в ужасе и отвращении.

— Черви! — воскликнул он. — Личинки! При-

шёл запах, а вместе с ним и черви. И я проснулся. Как раз, когда костёр погас… Я не мог двигаться, не мог вскрикнуть. Черви пришли, я не знаю откуда; наверное, из ниоткуда. Они пришли, и они ползли, и они ели. И запах пришёл с ними! Он просто появился, как и черви, из-за пределов густого воздуха! Он просто… стал таким. Затем… смерть!.. Я умер, говорю тебе, я сгнил… я сгнил, а черви… личинки… они ели… Я умер, говорю тебе! Мёртв! Или должен был умереть! — Фред закрыл своё лицо руками.

Как мы протянули ночь, не сойдя с ума, не знаю. На протяжении долгих часов мы держали огонь ярко горящим; и всю ночь высокие деревья стонали в своих смертельных муках. Гниющая смерть не возвращалась; каким-то странным образом огонь удерживал нас в чистоте от неё и сражался с ней. Но мы ощущали и смутно понимали зло, барахтающееся в темноте, и боль, которую наш иммунитет доставлял этому дьявольскому лесу.

Я не мог понять, почему Фред так легко стал жертвой смерти, а я остался цел. Он попытался объяснить это тем, что его мозг был более восприимчивым, более чувствительным.

— Чувствительным к чему? — спросил я.

Но Фред не знал.

Наконец наступил рассвет, сметая в сторону запада паутину тьмы. Со всех концов леса и вокруг нас, со всех сторон гигантские деревья шелестели от боли, словно миллионы зубов скрежетали в мучениях. А на востоке, над хребтом появилось улыбающееся солнце, с ясностью освещая ветви нашего дерева.

Никогда у нас не было столь долгого ожидания дня, и никогда мы так не приветствовали его наступление. Через полчаса наши вещи были собраны, и мы быстро выбрались на открытую дорогу.

— Фред, ты помнишь нашу беседу пару дней назад? — спросил я своего спутника после некоторого периода молчания. — Мне интересно, не может ли здесь происходить что-то подобное?

— Думаешь, мы были жертвами галлюцинации? Тогда как ты это объяснишь? — Фред закатал рукав до локтя, показывая свою руку. Как хорошо я это помню! Ибо там, на сморщенной коже, был отпечаток моей руки, красный как клеймо!

— Я воспринял, а не почувствовал, что ты схватил меня прошлой ночью, — сказал Фред. — Вот наше доказательство.

— Да, — медленно ответил я. — Нам есть о чем подумать, тебе и мне.

И мы оба ехали в машине молча.

Когда мы добрались до дома, полдень ещё не наступил, но с нашей точки зрения яркость дня уже сотворила чудеса. Я думаю, что человеческий разум — это далеко не проклятие, а самая милосердная вещь в мире. Мы живем на тихом, защищённом островке невежества, созерцая одинокий поток, протекающий мимо наших берегов, мы воображаем обширность чёрных морей вокруг нас и видим простоту и безопасность. И все же, если даже часть пересекающихся потоков и вращающихся вихрей тайн и хаоса будут раскрыты нашему сознанию, мы немедленно сойдём с ума.

Но мы не можем видеть. Когда один поток, пересекающий наш мир, нарушает спокойствие и безмятежность видимого моря, мы отказываемся в это верить. Наши умы упираются и не могут понять. И таким образом мы достигаем этого странного парадокса: после опыта постижения ужаса разум и тело надолго остаются расстроенными; но даже самые страшные встречи с неизвестными существами забываются как незначительные при ясном дневном свете. Скоро нам предстояла прозаическая задача приготовить обед, чтобы удовлетворить, казалось бы,

ненасытный аппетит!

И всё же мы ни в коем случае не забыли о происшедшем. Рана на руке Фреда быстро зажила; через неделю даже шрама не осталось. Но мы изменились. Мы видели пересекающий наш мир поток, и стали знающими. При дневном свете быстрое воспоминание часто вызывало тошноту; а ночи, даже когда горели лампы, были для нас наполнены ужасом. Наши жизни казались связанными с событиями одной ночи.

Тем не менее, несмотря на это, я не был готов к потрясению, которое случилось со мной, когда однажды ночью, через месяц, Фред ворвался в комнату, его лицо было мертвенно-бледным.

— Прочти это, — хрипло прошептал он и протянул мне смятую газету. Я взял её и прочёл заметку, на которую указал Фред.

ГОРЕЦ УМЕР

Иезекиль Уиппл, одинокий горец, 64 лет, вчера был обнаружен соседями мёртвым в своей хижине.

Посмертное вскрытие показало ужасное состояние гниения его внутренних органов; медики заявили, что Уиппл умер не менее двух недель назад.

Коронёр, исследовав тело, не нашёл никаких признаков убийства, но местные служители правопорядка ищут возможные улики. Джесси Лейтон, ближайший сосед и близкий друг пожилого холостяка, утверждает, что он навестил Уиппла и говорил с ним за день до обнаружения покойника; и именно на этом заявлении основано ожидание возможного ареста Лейтона.

— Боже! — воскликнул я. — Это значит…

— Да! Оно распространяется, что бы это ни было. Оно растягивается, ползая по горам. Бог знает, докуда оно может в итоге распространиться.

— Нет. Это не болезнь. Оно живое. Оно живое, Фред! Говорю тебе, я это почувствовал; я слышал это. Кажется, оно пыталось заговорить со мной.

Той ночью мы не могли уснуть. Каждый момент нашего полузабытого опыта переживался тысячу раз, каждый ужас усиливался тьмой и нашими страхами. Мы хотели сбежать в какую-нибудь далёкую страну, чтобы оставить позади себя ужас, который мы ощущали. Мы хотели остаться и сражаться, чтобы уничтожить разрушителя. Мы хотели составить план; но… ненавистная

мысль… как мы могли планировать сражаться… с ничем? Мы были так же беспомощны, как старый горец…

Итак, раздираемые этими противоречивыми желаниями, мы сделали именно то, что и ожидалось, — ничего. Мы, возможно, даже вернулись бы к ровному укладу нашей жизни, если бы новости в газетах не показывали дальнейшего распространения болезни и больше смертей.

В конце концов, конечно, мы рассказали людям нашу историю. Но опущенные глаза и явное смущение слушателей слишком хорошо показывали, как мало нам верили. Действительно, кто мог ожидать, что нормальные жители 1933 года, с обычным жизненным опытом, поверят в явно невозможное? Итак, чтобы спасти себя, мы больше ни с кем не говорили, но с ужасом наблюдали медленное, неумолимое приближение зла.

Была середина зимы, когда первое поселение людей оказалось на пути расширяющегося круга смерти. Всего лишь горная деревня в полсотни жителей; но смерть настигла их в одну холодную, зимнюю ночь, глубокую ночь, потому что никто не сбежал — все были задушены в своих кроватях. И когда на следующий день посетители нашли убитых и сообщили о них, в газетах было описано

такое же ужасное, запущенное состояние гниения, что присутствовало во всех других случаях.

Тогда мир, бывший до этого безразличным, начал верить. Но даже в этом случае люди искали самое лёгкое, самое естественное объяснение, и отказывались признать возможности, которые мы изложили. Они сказали, что новая чума угрожает нам, разрушает нашу страну. Мы уедем подальше… Несколько человек переехали. Но оптимисты, все доверяющие медикам, остались. И мы, едва зная почему, остались с ними.

Да, мир бодрствовал перед опасностью. Чума стала одной из самых популярных тем разговоров. Представители движения ревайвалистов предсказывали конец света. А медики, как обычно, приступили к работе. Они заполонили заражённый район, в страхе за свою безопасность осмотрели набухшие трупы, и обнаружили бактерии разложения, и червей. Они предупреждали местное население: нужно покинуть эту местность; а затем, чтобы избежать паники, сочинили рекламу.

«У нас есть подозрение на истину, — сказали медики в лучшем стиле детективного агентства. — Мы надеемся вскоре изолировать смертельную бактерию и произвести защитную вакцину».

И мир поверил… Я тоже наполовину верил и даже посмел надеяться.

— Это чума, — сказал я, — какая-то странная новая чума, которая убивает страну. Мы были там самыми первыми.

Фред ответил: — Нет. Это не чума. Я был там; я чувствовал это; оно говорило со мной. Говорю тебе, это Чёрная Магия! Нам нужно не лечение, а лекари.

И я… частично поверил ему тоже!

Наступила весна, и угроза заражения расширилась до размера круга радиусом в десять миль, с точкой в лесу в качестве центра. Достаточно медленно, но, казалось бы, непреодолимо… Тихий, смертельный марш болезни, смерти, как её называли, всё ещё оставался загадкой и всех пугал. И пока проходила неделя за неделей, а добрых вестей от медиков и приехавших учёных не было, мои сомнения усилились. Почему, спрашивал я себя, если это была чума, она никогда не нападала на свои жертвы в дневное время? Какая болезнь может поразить всё живое, будь то животное или растение? Я решил, что это не чума; по крайней мере, хватаясь за последнюю нить надежды, я убедил себя, что это не обычная чума.

— Фред, — сказал я однажды, — если ты прав,

то эта болезнь не выстоит против огня. Это твой шанс доказать, что ты прав. Мы сожжём лес. Возьмём керосин. Мы сожжём лес, и если ты прав, то зло умрёт.

Его лицо просветлело. — Да, — воскликнул он, — мы сожжём лес, и зло умрёт. Огонь спас меня: я знаю это; ты знаешь это. Огонь никогда не мог вылечить болезнь; он никогда не мог заставить нормальные деревья шептаться и стонать, и трескаться в агонии. Мы сожжем лес, и всё зло умрёт.

Так мы говорили друг другу и верили. И мы приступили к работе.

Мы взяли четыре бочки керосина, факелы и фонари. И в ясный, холодный день в начале марта мы отправились в путь на грузовике. Северный ветер ожесточённо свистел; наши руки посинели от холода в открытой кабине. Но это был чистый холод. До его чистой остроты было почти невозможно поверить, что мы направляемся в грязную и бесплодную страну смерти. И всё ещё низко на востоке солнце посылало свои яркие жёлтые лучи на уже расцветающие деревья.

Было раннее утро, когда мы достигли края медленно расширяющегося круга смерти. Здесь последняя жертва вчера или ранее встретила

свой конец. Тем не менее, даже если жертва была не последней, до которой дотянулся мор, мы могли бы понять это по отсутствию признаков жизни. Маленькие почки, которые мы отмечали ранее, отсутствовали; деревья оставались сухими и холодными, как во время мёртвой зимы.

Почему жители этого района не вняли предупреждениям и не уехали? Правда, большинство из них сбежало. Но несколько старых горцев остались и умерли один за другим.

Мы поехали по скалистой, крутой тропе, оставив суету и безопасность нормального мира позади себя. Не ошибался ли я, думая, что солнце закрыла тень? Разве не стали окружающие вещи темнее? Тем не менее, я ехал молча.

Слабое зловоние коснулось моих ноздрей — запах смерти. Оно всё усиливалось. Фред был бледен; и, если на то пошло, я тоже был бледным и чувствовал слабость.

— Мы зажжём факел, — сказал я. — Возможно, он уничтожит этот запах.

Мы зажгли факел при ярком свете дня, а затем поехали дальше.

Когда мы проезжали мимо свинарника, то увидели белые кости, лежащие под лучами солнца; вся плоть была полностью съедена или сгнила.

Какой ужас убил свиней, пока они спали?

Теперь я не мог ошибаться: тень становилась темней. Солнце ещё светило ярко, но каким-то странным образом слабо. Его свет подозрительно мерцал, как будто происходило частичное затмение.

Но долина была уже рядом. Мы преодолели последнюю гору, проехали мимо падающей хижины горца, который умер самым первым. Затем дорога пошла под уклон.

Таинственный Лес лежал ниже нас, но не свежий и зелёный, каким я видел его раньше, много лет назад; он также не вспыхивал красками, как во время нашей последней поездки сюда прошлой осенью. Лес был холодным и затуманенным. Чёрное облако лежало над ним, одеяло тьмы, клубящийся туман, похожий на тот, что согласно мифам, скрывает реку Стикс. Туман покрывал район смерти, как тяжёлый саван, и прятал лес от наших широко раскрытых глаз. Показалось ли мне, или я действительно услышал доносившийся из неосвящённого леса отчетливый шёпот, произносящий святое имя? Или я почувствовал то, что не мог услышать?

Но в одном отношении я не мог ошибаться. Темнело. Чем дальше мы ехали по скалистой

дороге, тем глубже мы спускались в эту цитадель смерти, и тем бледнее становилось солнце, и более затуманенным путь.

— Фред, — прошептал я, — они прячут солнце. Они разрушают свет. В лесу будет темно.

— Да, — согласился он. — Свет ранит их. Я чувствовал их боль и агонию в то утро, когда восходило солнце; они не могли убивать в тот день. Но теперь они сильнее и прячут само солнце. Свет мучает их, и они уничтожают его.

Мы зажгли ещё один факел и поехали дальше.

Когда мы добрались до леса, темнота углубилась, почти ощутимый мрак сгущался, пока день не превратился в лунную ночь. Но это была не серебряная ночь. Солнце было красным как кровь; сияя над проклятым лесом. Огромные красные кольца окружали его, как круги от бессонницы вокруг больных глаз. Нет, само солнце не было очищающим; оно было слабым, больным, бессильным, как и мы перед новым ужасом. Его красное свечение смешивалось с малиновым пламенем факелов и освещало сцену вокруг нас цветом крови.

Мы заехали так далеко, насколько позволяла твёрдая почва, почти к самому краю леса, где гибкие и тощие поросли кедра и бука уступали

место тяжёлым росткам более высоких и суровых дубов. Затем мы вышли из грузовика и ступили на гниющую землю. И при этом сильнее, чем до этого, нас охватило зловоние гниения.

Мы были благодарны за то, что вся животная материя полностью распалась; остался только едкий, проникающий запах разлагающихся растений; неприятно и сильнодействующий на наши уже обострившиеся нервы, но стойкий… И на охваченном смертью дне долины было тепло, несмотря на сезон и на то, что солнце совсем не согревало. Теплота распада и брожения нападала на нас с хлёсткими ветрами, которые иногда спускались с окружающих холмов.

Деревья были мертвы. Не только мертвы; они были гнилыми. Большие сучья упали на землю и засорили всё вокруг. Все маленькие ветви исчезли, но сами деревья остались стоять в вертикальном положении, их обнаженные конечности вытянулись, как молящиеся руки к небесам, словно эти мученики леса стояли в ожидании. Но даже в этих массивных стволах ползали черви и поедали древесину. Это был лес смерти, ночной кошмар, лес, поражённый грибками, который взывал к захватчикам, что всхлипывали в агонии под светом ярких факелов и качались туда-сюда

во всей своей нечестивой гнилости.

Защищённые нашими факелами, мы были невосприимчивы к силам смерти, которые свирепствовали в тёмных уголках леса, за пределами нашего пылающего света. Но хотя они не могли охотиться за нашими телами, они взывали, обращались к нашему разуму. Картины ужасов, страха и кошмара наполняли наши головы. Я снова увидел своего товарища, когда он лежал в постели, полгода назад; и подумал о деревне в горах и о шестидесяти жертвах, которые умерли там за одну ночь.

Мы знали, что не имеем права утонуть в этих картинах, иначе сойдём с ума. Мы поспешили собрать кучу мёртвых веток. Фред и я хватали сырой, гнилой валежник — сучья и ветви, которые ломались при попытке поднять их или рассыпались в пыль между нашими пальцами. Наконец мы сложили кучу из самых сухих и твёрдых ветвей, и на всё это вылили полную канистру керосина. Когда мы зажгли огромный костёр и стали наблюдать, как пламя взмывает всё выше и выше, — вздох боли, печали и бессильной ярости охватил поле смерти.

— Огонь вредит им, — сказал я. — Пока огонь горит, они не могут причинить нам вред; лес

будет гореть, и они все умрут.

— Но будет ли лес гореть? Они затуманили солнце; они даже притушили наши факелы. Понимаешь! Они должны быть ярче! Будет ли лес гореть сам, даже если они оставят его в покое? Он влажный и гнилой, и не будет гореть. Смотри, наш костёр гаснет! Мы потерпели неудачу.

Да, мы проиграли. Мы были вынуждены признать это, когда после двух других попыток зажечь новый костёр убедились, что, вне всякого сомнения, лес не может быть уничтожен огнём. В наших сердцах была сила и отвага, но теперь страх преследовал нас, мы дрожали и покрылись холодным потом, пока гнали грохочущий на большой скорости грузовик по скалистой тропе подальше к безопасности. Наши факелы вспыхивали на ветру, оставляя чёрный след дыма позади нас, пока мы мчались прочь.

Но мы пообещали себе, что снова вернёмся в этот лес. Мы приведём много людей и возьмём с собой динамит. Мы найдём логово этой силы зла и уничтожим его.

И мы старались. Но снова потерпели неудачу.

Смертей больше не было. Даже самые упрямые уехали из поражённой местности, когда наступила весна, и стали видны настоящие размеры

круга смерти. Никто не мог сомневаться в немом свидетельстве мёртвых и умирающих деревьев, которые пали от загадочной болезни. Круг увеличивался на пятнадцать, тридцать или даже шестьдесят метров за ночь; деревья, которые вчера были свежими и живыми, с растущими зелёными побегами, на следующий день становились грубыми и пожелтевшими. Смерть никогда не отступала. Она продвигалась по ночам и удерживала занятую землю днём. А на следующую ночь пугающий марш продолжался.

Состояние ужаса захватило население прилегающих районов. Газеты не несли на своих страницах ничего, кроме разрушенных надежд. Они подробно описывали каждую новую идею; заумные теории ученых на техническом языке, вести с поля битвы; но не надежду.

Мы с Фредом указали на это людям, охваченным ужасом, и сказали им, что только наша идея имеет единственный шанс на успех. Мы изложили им наш план, попросили их помощи. Но они ответили: «Нет. Чума распространяется. Она началась в лесу, но сейчас уже вышла за его пределы. Как это поможет сжечь лес сейчас? Мир обречён. Уходите вместе с нами, и вы сможете прожить еще какое-то время. Мы все должны

умереть».

Нет, не было никого, кто хотел бы прислушаться к нашему плану. И мы отправились на север, где смерть ещё не разрушила общество благодаря тому, что не знала о людях, живущих там, и большому расстоянию. Здесь люди, сомнительные, нерешительные, но верившие в своих учёных, всё ещё сохраняли порядок и продолжали работать на заводах. Но наша идея не приветствовалась. «Мы доверяем докторам», — сказали они.

И никто не присоединился к нам.

— Фред, — обратился я к товарищу, — мы ещё не проиграли. Мы оборудуем большой грузовик. Нет! Возьмём вездеход. Мы сделаем, как сказали. Возьмём больше керосина и динамита; мы всё равно уничтожим зло!

Это был наш последний шанс; мы знали это. Если мы потерпим неудачу сейчас, мир действительно будет обречён. И мы знали, что с каждым днём смерть становилась сильнее, и мы работали быстро, чтобы встретить её.

Материалы, которые нам были нужны, мы перевозили по суше в грузовике: ещё больше факелов, динамит, восемь бочек керосина. Мы даже взяли два ружья. А потом мы загрузили всё это в импровизированный прицеп к вездеходу и

отправились в путь.

Когда мы въехали в лес, в нём было темно, хотя ещё даже не наступил полдень. Чёрным, как колодец в полночь, был лес; мерцающий красный свет наших факелов проникал на скромные несколько метров сквозь упрямый мрак. И сквозь дрожащую темноту наших ушей достигало многочисленное жужжание, словно от миллиона пчелиных ульев.

Не знаю, как мы выбрали путь; я старался повернуть туда, где жужжание звучало громче всего, надеясь, что таким образом мы найдём источник самого бедствия. И наш путь не был трудным. Вездеход прокладывал свой бесконечный след, раздавливая гусеницами сырую гниющую древесину, которая усеивала весь лес. А сзади по ровной колее, создаваемой вездеходом, неуклюже тащился тяжёлый прицеп.

Измождённые, израненные деревья, лишённые всех ветвей, вставали вокруг нас, как таинственные стражи, указывающие путь. Чем дальше мы углублялись в лес, тем всё более пустынной становилась сцена; скрипящие стволы, стоящие подобно столбам, казались всё более и более гнилыми; запах смерти вокруг нас становился всё более пронзительным; не отвратительный запах

распада, но менее ядовитый и более проникающий запах гнилости.

Он звал нас и тянул к себе. Из темноты он проникал в наши мозги, двигал их, изменял, чтобы подчинить своей воле. Мы не замечали этого. Мы только ощущали, что запах вокруг нас больше не тошнит; он стал самым сладким ароматом для наших ноздрей. Замечали лишь, что деревья, похожие на грибы, радуют наши глаза, они словно восполняли и удовлетворяли некоторые давно скрытые эстетические потребности. Перед моим мысленным взором появилась картина совершенного мира: влажная, разложившаяся растительность и сочная плоть — гниющая плоть, которой можно питаться. Казалось, эта картина расширилась на всю землю, и я громко закричал в экстазе.

Но из-за этого наполовину невольного крика что-то мелькнуло в моей душе, и я понял, что эти мысли были не моими, но навязанными мне извне. С воплем я дотянулся до факела и омыл руки в живом пламени; схватив другой факел, я зажёг его от первого и стал махать им перед лицом Фреда. Очищающая боль пробежала по моим венам и нервам; картина исчезла, тоска исчезла; я снова стал самим собой. Если бы мы

повиновались этому призыву, то затерялись бы среди визжащих деревьев! Тем не менее, всё время после этого эпизода мы чувствовали, как непристойный разум играет с нашими умами, всё ещё пытаясь склонить нас на свою сторону. И я вздрогнул, когда вспомнил, что эти мысли вполне могли быть мыслями червя!

Затем, внезапно, поверх рёва извне и постоянного грохота двигателя вездехода, мы услышали человеческое пение. Я заглушил двигатель, дёрнув за рычаг коробки передач. Теперь в наших ушах ясно зазвучало песнопение на знакомом, но странно изменённом языке. Жизнь! В этом краю смерти? Это было невозможно! Пение прекратилось, и жужжание среди столбов-деревьев усилилось вдвое. Кто-то, или что-то, поднялся, чтобы декламировать заклинание. Я напряг уши, чтобы услышать, но этого не требовалось; отчётливо и громко сквозь гудящую темноту зазвучал высокий голос, распевающий:

«Наш могучий повелитель, Червь. Сильнее всех царей небес и земли, Червь. Боги творят; человек планирует и строит; но Червь стирает их труды.

Могущественны архитекторы и строители; велики их дела и владения. Но в итоге им останется лишь узкий участок земли; и даже это, поистине,

заберёт Червь.

Это Дом Червя; его дом, который никто не сможет уничтожить; дом, который мы, его защитники, построили для него.

О Хозяин! Преклонив колени, мы даруем тебе три эти вещи! Мы даруем тебе человека и его имущество! Мы отдаём тебе жизнь земли, да будет она куском пищи для тебя! Мы отдаём тебе саму землю, чтобы она была твоим домом!

Могучий, о могучий, выше всех королей небес и земли, наш повелитель и хозяин, Червь, для которого Время — ничто!»

Испытывая ужас и отвращение, мы с Фредом обменялись взглядами. Там была жизнь! Бог знает, какого рода, но жизнь и человек! Затем, там, в адском лесу, с запахом, видением и звуками смерти вокруг нас, мы улыбнулись! Клянусь, мы улыбнулись! Нам дали шанс сражаться; сражаться с чем-то ощутимым. Я запустил двигатель, дёрнул рычаг скорости и нажал на газ.

Через тридцать метров я остановился, потому что мы наехали на идолопоклонников! Полсотни из них сидели на корточках и стояли на коленях, да, даже валялись в гнили и грязи, что была вокруг них. Они громко завопили, когда наши пылающие факелы ударили по их невидящим,

широко раскрытым глазам! Только сумасшедший мог вспомнить и разместить на печатной странице литанию ненависти и ужаса, которую они бросали в наши лица. Есть голоса, присущие людям, и голоса, присущие животным; но нигде по эту сторону самого ада не слыхали таких громогласных криков, исходящих из напряженных глоток идолопоклонников, когда мы с Фредом схватили факелы и помчались к ним. Только несколько мгновений они стояли вызывающе на нашем пути; боль непривычного света была слишком сильной для их чувствительных глаз. С пронзительными криками страха они повернулись и побежали прочь. А мы посмотрели вокруг, на мерзость и грязь, что окружала нас, и снова улыбнулись!

Ибо мы увидели их идола! Не идола из дерева, камня или какого-либо чистого, нормального материала. Это была огромная могила! Массивная, шесть метров в длину и три в высоту, она была покрыта гниющими костями и ветвями деревьев. Земля, нагромождённая в ужасный курган, дрожала и вздымалась, как будто от какой-то мерзкой жизни внутри. Затем, наполовину утопая в грязи, мы увидели само надгробие — косо наклонённую доску в низком фундаменте. И на

ней была вырезана только одна строка — «Дом Червя».

Дом червя! Огромная могила. И культ тьмы и смерти стремился превратить мир в одну грязную могилу и даже покрыть её пеленой тьмы!

С воплем ярости я ударил ногой по земле, сваленной в кучу. Корка земли оказалась такой тонкой, что я пробил её насквозь, и чуть опрометчиво не провалился в яму; только яростный рывок назад не позволил мне упасть прямо в кучу червей! Белые твари корчились под нашим кроваво-красным, вспыхивающим светом, извиваясь от муки в изысканных пытках, принесённых им благодаря очищающему пламени. Дом червя, действительно…

С тошнотой и отвращением, мы безумно трудились. Рёв чужеродного леса поднялся до воя — жуткого бормотания, которое пело в наших ушах и тянулось к нашим мозгам, пока мы работали. Мы зажгли ещё больше факелов, искупали наши руки в пламени, а затем, вопреки злобной воле, разрушили дрожащую кучу земли, которая являлась пародией на форму могилы. Мы приносили бочку за бочкой и выливали керосин на извивающихся тварей, которые уже расползлись, перекатываясь, как океан грязи, у наших ног. А

затем, забыв про вездеход, который должен был доставить нас в безопасное место, я швырнул на червей коробку с динамитом, наблюдая, как она тонет в массе червей, пока она не исчезла из виду, а затем бросил в них факел. И побежал.

— Арт! Вездеход! Оставшийся керосин понадобится нам, чтобы осветить себе дорогу.

Я безумно рассмеялся и побежал дальше.

Через сотню метров мы остановились и стали наблюдать за зрелищем. Пламя, прыгнувшее на двадцать метров вверх, освещало лес вокруг нас, отталкивая густой неестественный мрак в тяжёлую темноту. Невидимые голоса, которые безумно и истерично выкрикивали тарабарщину, рвущую наши души в своей дикой мольбе; настолько ощутимыми они были, что мы чувствовали, как они тянутся к нашим телам, дёргают их туда-сюда одновременно с нечестивым танцем качающихся деревьев. Из ямы мерзости, где танцевало яркое пламя, появилось густое облако жёлтого дыма; оглушительный звук словно от шипящей сковороды пронзал лес, и отдавался эхом в тьме вокруг нас. Вездеход был охвачен пламенем, последняя бочка керосина брызнула огнём. А затем…

Раздался глубокий, тяжёлый рёв; мягкая земля

под нашими ногами закачалась и задрожала; струи огня, побуждаемые непреодолимой силой под ними, взмыли одновременно в воздух, изогнулись в длинных широких параболах зловещего пламени и рассеялись меж корней деревьев. Динамит!

Дом червя был разрушен; и одновременно с его разрушением воющие голоса вокруг нас умерли, издав тяжкий шёпот, и наступила тишина. Зловещий туман тьмы наверху и вокруг нас на мгновение дёрнулся, как шёлковая завеса, сжался, а затем свернулся над погибшими деревьями и открыл нашему взору солнце!

Солнце, яркое во всей его полуденной славе, вспыхнуло над нами, согревая наши сердца золотым сиянием.

— Видишь, Арт! — прошептал Фред, — лес горит! Теперь ничто не сможет остановить огонь, и всё будет уничтожено.

Это была правда. Из тысячи крошечных мест пламя поднималось и распространялось, отправляя странные, маленькие лианы пламени во все стороны, чтобы найти путь дальше. Огонь, разбросанный взрывом, укоренялся.

Мы развернулись и быстро пошли в сторону тёплого южного ветра, который дул нам навстре-

чу; мы оставили растущий огонь за спиной и двинулись дальше. Через полчаса после того, как мы преодолели несколько миль падшего леса и пахучих пустошей, мы остановились, чтобы оглянуться назад. Огонь распространился по всей ширине долины и с рёвом двигался на север. Я подумал о пятидесяти сбежавших идолопоклонниках, которые тоже устремились на север.

— Бедные дьяволы! — сказал я. — Но, без сомнения, они уже мертвы; они не могли долго переносить яркость солнца.

Так заканчивается наша история о том, что, возможно, было самой большой катастрофой, которая когда-либо угрожала человечеству. Учёные строили теории, но ничего не смогли придумать; на самом деле это было задолго до того, как мы смогли дать объяснение, удовлетворяющее даже нас самих.

Мы тщетно искали ответ в каждом известном справочнике по оккультизму, когда один старый журнал неожиданно дал нам подсказку: он напомнил нам собственный полузабытый разговор, который был воспроизведён в начале этого повествования.

Каким-то странным образом этот Культ Червя должен был организоваться для поклонения

смерти и основал там, в долине, свою штаб-квартиру. Они построили огромную могилу как святыню, а чрезмерное сосредоточенное поклонение и фанатичные умы вызвали физическое проявление жизни в ней, будучи реальным результатом их мыслей. И какое указание на смерть могло быть более сильным, чем её вечное сопровождение — черви-трупоеды и бактерии разложения? Возможно, задачу верующих облегчал тот факт, что смерть всегда является реальностью и не нуждается в такой большой концентрации силы воли для своего проявления.

Во всяком случае, всё началось с того, что в этом центре идолопоклонники излучали мысленные волны, достаточно сильные, чтобы влиять на район, где они собирались; и по мере того, как они становились всё сильнее, по мере того, как их разум становился всё более могущественным, и благодаря острой психической концентрации, их мысли распространялись и даже уничтожали сам свет. Возможно, они также привлекли много новобранцев, чтобы укрепить свои ряды, поскольку мы сами почти поддались их влиянию; возможно, также, что земля, которую когда-то завоевали верующие, контролировалась духами, оказавшимися под их властью, и им больше не нужно было

ничего делать для распространения смерти. Это могло объяснить странные шумы, доносящиеся из всех частей леса, которые сохранялись даже после того, как сами верующие сбежали.

А что касается их окончательного уничтожения, я процитирую строчку из старой книги, в которой мы впервые прочитали такую теорию: «Если это правда, то единственный способ уничтожить таких богов — перестать в них верить». Когда макет могилы, их большой фетиш, был разрушен, главные оковы, которые удерживали всю их систему, были сломаны. И когда сами идолопоклонники погибли в пламени, всякая возможность повторения ужаса умерла вместе с ними.

Таково наше объяснение и мы верим в это. Но мы с Фредом не хотим заниматься научными дебатами; мы только ищем возможности забыть хаотический опыт, который так испортил нашу жизнь. Награда? Мы получили свою награду, уничтожив мерзость, с которой мы так долго сражались; но к этому удовлетворению благодарный мир добавил нам богатства и почестей. Мы благодарны эти вещам и наслаждаемся ими. А какой человек не делал бы этого? Но мы чувствуем, что не в восхвалении и не в удовольствии лежит на-

ше окончательное выздоровление. Мы должны работать, должны забыть такой печальный опыт только благодаря усердному труду; мы запечатаем ужас, если не от нашего ума, то, по крайней мере, от нашего непосредственного сознания. Со временем, возможно…

И всё же мы не можем полностью забыть. Не далее, чем сегодня утром, гуляя по полям, я наткнулся на мёртвую тушу дикого зверя, лежащего в борозде; и в его худом, распадающемся тельце возникла другая жизнь — тошнотворная, чужая жизнь гниения и распада.

Перевод: А. Черепанов

Бертрам Рассел
Плеть Б'Мота

Bertram Russell «The Scourge of B'Moth», 1929

Рассказ из цикла «Мифы Ктулху. Свободные продолжения», написанный 90 лет назад. Настоящее имя автора — L. H. Hardingham. Под псевдонимом «Бертрам Рассел», он опубликовал пару рассказов в журнале «Weird Tales», и больше о нём ничего не известно.

С. Т. Джоши предполагает, что Г. Ф. Лавкрафт хоть как читал этот рассказ, но в его сохранившихся письмах нет никаких комментариев на этот счёт.

1

Первое подозрение о существование гигантской мерзости, которая вскоре, в 192..-м году, должна была задушить весь мир своей скверной, возникло у меня почти случайно.

Мой друг, доктор Прендергаст, джентльмен, выдающийся специалист в своей области медицины, включающей в себя все виды заболеваний мозга, операции, трепанацию и т. д., позвонил мне лично по телефону из своей резиденции поздно вечером.

Меня поразило то, что он не попросил свою секретаршу или медсестру обратиться ко мне в рабочее время. Я не ошибся, когда посчитал его миссию срочной.

— Рэндалл, — сказал он мне, — я никогда не видел ничего подобного за все годы своей практики, и я уверен, что и ты никогда не видел.

— Психический случай? — спросил я, живо заинтересовавшись.

— Да. И более того признаюсь, я почти в тупике.

Я тщательно осмотрел пациента, сделал рентген и так далее, но всё же не могу найти никаких признаков органических нарушений.

— Ну, разве это не функциональный невроз? — спросил я с некоторым удивлением.

— Если это так, то я никогда не видел ничего подобного. Парень, кажется, действительно одержим. Он сам не знает, почему он делает то, что делает. Я провёл с ним грубый психоанализ, но не выявил ничего, кроме подавлений и запретов, что имеются у каждого обычного человека. Содержимое его подсознания показывает абсолютную неосведомлённость относительно той ужасной одержимости, из-за которой часы его бодрствования сильно ограничены.

— Должна быть причина для этого, — сказал я. — Если у человека есть навязчивая идея, существуют бессознательные ассоциации, способные изгнать её. Разве что это символ чего-то другого…

— Символ чего-то другого. Здесь ты прав. Но если я не смогу выяснить, что же это такое на самом деле, и как можно скорее, этот пациент скоро присоединится к своему Хозяину.

— Своему Хозяину? — спросил я удивлённо. Мне показалось, что Прендергаст намекает на

Библию.

— Да. Кто бы это ни был. Пациент не говорит ни о чём другом. Этот Хозяин представляет собой то, что господствует над больным, он протягивает свои щупальца из самых тёмных глубин непостижимых пропастей, чтобы задушить в пациенте желание жить. Теперь он говорит, что хочет умереть, и тебе не нужно объяснять, что это значит для невротика.

— Я немедленно выезжаю.

— Германо-Американский Госпиталь, палата 3, психиатрическая, — добавил Прендергаст, передавая мне последние инструкции.

* * *

Я поспешно оделся (перед сном я читал Гёте, сидя в халате) и, отперев гараж, завёл машину. Вскоре я уже мчался в госпиталь, где мой друг должен был встретить меня.

Ночь была исключительно тёмной, начался липкий, моросящий дождь — не холодный дождь, а вязкая всепроникающая тьма, похожая на дыхание какой-то стигийской ярости. Все окна в моей машине были закрыты, но и внутри салона я почувствовал эту липкость. Я даже заметил, что приборная панель покрылась каплями жидко-

сти, а руль стал мокрым и непокорным. Я почти позволил ему выскользнуть из моих рук, когда машина сделала резкий поворот. Я нажал на тормоза. Колёса забуксовали по скользкой земле. Я успел затормозить как раз вовремя и не дал машине скатиться с обрыва, где прямо от дороги начиналась тёмная пропасть, как будто великан прокладывал себе путь через сердце холмов.

Я покрылся холодным потом и едва мог управлять машиной. Мои волосы покалывало до самых корней. Ибо в тот момент мне показалось, что другие руки, кроме моих собственных, сжали руль в демонической жажде и намерении убийства. Как я ни старался, я не мог отделаться от мысли, что безымянное зловоние овладело мной в тот момент и даже сейчас оно находилось внутри машины, стремясь уничтожить меня.

Был ли я психиатром с многолетним стажем, сведущим во всех процессах, вызывающих нарушения в человеческом мозге, искусный в лечении, или я падал, сломя голову в глубины, бессильный помочь себе? Я боролся с таким внушением, но безрезультатно. Тёмная ночь, дикая и гористая природа местности (где ради тишины и уединения был воздвигнут госпиталь) в совокупности породили во мне ощущение присутствия

неведомых сил, злобных в своей ярости по отношению к человеку и сынам человеческим. И я не мог избавиться от этого ощущения.

Но больше всего меня угнетал этот тошнотворный, подавляющий и липкий туман, как дыхание зла, что ехало со мной, обволакивая меня своим холодным ветром. Я громко рассмеялся при мысли о присутствии в машине кого-то ещё, и смех, приглушённый тяжёлым дыханием, что окружало меня, эхом отдавался в задней части машины. Мой голос звучал странно, как смех актёра, не заинтересованного в своей роли. Я даже обернулся посмотреть на заднее сиденье, как будто ожидая кого-то увидеть там, но мои бегающие глаза ничего не заметили.

— Это должно прекратиться, — сказал я сам себе, включив обогреватель. Возможно, меня успокоило тепло, а может быть, это была бессознательная уверенность в том, что законы природы всё ещё продолжают действовать — включение обогревателя доказало это. Я не знал, что являлось истинной причиной, но по мере того, как жара в машине усиливалась, мой дух тоже согревался, и я обнаружил, что еду с привычной осторожностью, и я совершенно избавился от бессмысленных страхов, которые переполняли

меня только что. Сейчас мне уже казалось, что это произошло много веков назад.

Воздух внутри машины теперь был чист; капли влаги исчезли с приборной панели, и мои руки схватились за руль с привычной уверенностью. Становилось невыносимо жарко, и, наконец, я выключил обогреватель. Когда воздух остыл, призраки тоже сгустились. Я снова почувствовал, как тот же самый бессмысленный страх охватил меня, и я с большой тревогой наблюдал за появлением тех же капель влаги на приборной панели. Казалось, что они явились, материализовавшись из небытия.

Воздух внутри машины сгущался, сладострастно и болезненно лаская меня. Когда огни госпиталя появились на гребне холма впереди, я начал говорить себе, что должен снова включить обогреватель. Но моя воля не соответствовала моим действиям. Я ехал словно во сне, беспечно, не обращая внимания ни на что в окружающем мире. Руль легко откликался на моё прикосновение; он даже, казалось, выскакивал из-под моих рук, когда я объезжал предательские углы, где пропасти глубиной в тысячи футов зияли внизу. Расстояние между моей машиной и обрывом дороги составляло всего несколько дюймов.

Я ехал дальше, не обращая на это внимания, в густом тумане. Я ничего не мог разглядеть. Но колёса, казалось, обладали собственной магией. Я чувствовал, как машина подпрыгивает и раскачивается, как на американских горках. Моя голова ударилась о крышу. Рессоры сгибались со зловещим треском. Я почувствовал, как колёса скользят вбок, как будто кто-то тянет их с дороги, и, наконец, с ужасным грохотом машина перевернулась, и свалилась бы в пропасть, если бы колонны, обозначающие проезд в госпиталь, не помешали ей упасть.

Доктор Прендергаст и двое его помощников открыли дверцу машины и вытащили меня, находящегося в полубессознательном состоянии.

— Что случилось, Рэндалл? — с тревогой спросил Прендергаст.

Я тупо стоял, не зная, что ответить.

— Мы наблюдали за тобой в течение некоторого времени. Мы видели огни твоих фар за пять миль. Ты ехал, как спящий. Посмотри!

Я оглянулся и увидел следы своей машины на лужайках перед госпиталем. Оказалось, что я съехал с шоссе и путешествовал по холмам и долинам ландшафтного сада. Меня охватила дрожь. Я мог видеть следы от шин, выходящих на дорогу.

Я даже видел фары другой машины, ехавшей по той же трассе, что и я. Она находилась очень далеко. В мягком воздухе не было влаги; звёзды в небе надо мной мерцали на тех же местах, что и столетия назад. Туман рассеялся!

С новым страхом, сжимающим моё сердце, я заговорил с Прендергастом.

— Туман… дождь… Они мешали моему обзору. Половину времени я не мог найти дорогу. Я никогда ещё не ездил такой темноте!

— Туман? Дождь? Не было ни тумана, ни дождя. Да ведь мы могли видеть твои фары за много миль. Ночь ясна, как кристалл!

— Но был туман, минуту назад, — возразил я. — Я говорю вам, что машина промокла из-за него.

Говоря это, я протянул руку к лобовому стеклу, намереваясь доказать свои слова, и уставился на стекло в изумлении. Там не было никаких следов влаги, вообще никаких! Я наклонился к траве и уткнулся в неё рукой. Никаких следов дождя. Она даже немного высохла, и я видел, что её уже некоторое время не поливали. Я снова всмотрелся в ночную темноту. Нигде не проплывало облаков, никакого тумана между городом и госпиталем.

— Тебе требуется успокоительное. Зайдём внутрь, и я налью тебе, — сказал доктор Прендер-

гаст, осторожно беря меня за руку.

Опасаясь за свой рассудок, я, спотыкаясь, направился к зданию. Когда я в последний раз оглянулся, мне показалось, что я увидел тонкую струйку болезненного пара, вьющегося вокруг зеленой лужайки, словно жёлтый ядовитый призрак, и пока мои расстроенные нервы трепетали всеми фибрами, до меня донеслось приглушённое эхо издевательского смеха.

Наполовину идущим, наполовину скользящим я был препровождён в госпиталь.

2

— Тебе лучше? — спросил доктор Прендергаст, когда я проглотил настойку, которую он дал мне.

В бодрящем воздухе его личного кабинета я почувствовал, что мои страхи стали совсем незначительны. Я даже чувствовал, что вынужден громко смеяться над ними. Но воспоминание об этой поездке так легко не стиралось. Тем не менее, я не придал значения произошедшему, объяснив, что мало спал, и ночная езда плохо отражается на мне. Доктор Прендергаст бросил на меня странный взгляд, скосив глаза, но ничего не сказал.

Мы вышли из кабинета и, поднявшись на лиф-

те, вскоре оказались в палате № 3 — той самой, где держали взаперти психически больных. Медсестра встретила нас с больничной картой в руках.

— Как пациент? — с большим интересом спросил мой коллега.

— Всё ещё в бреду, доктор, — ответила миловидная, невысокая медсестра.

— Мы посмотрим на него, — заметил Прендергаст, направляясь к койке, расположенной в дальнем углу палаты, и обратился ко мне: — Вот он.

Перед нами лежала бледная фигура. Чёрные волосы пациента были растрёпаны, как будто он рвал их пальцами. Глубокие тёмные круги вокруг глаз делали его похожим на мрачного предшественника самой смерти. Он говорил нечленораздельно и бессвязно, беседуя с каким-то воображаемым существом, которое видел только он один.

Когда я сел рядом с пациентом, тот разразился бешеным смехом. Подняв свою истощенную руку, он указал на моё лицо своим пальцем:

— Ха! Ха! Явился ещё один желающий ограбить Хозяина. Вы пришли слишком поздно… Он позаботился об этом. Ха-ха!

— Угомонитесь, — сказал доктор Прендергаст

успокаивающим голосом. — Вы поправитесь, но вам не следует так волноваться.

— Поправлюсь? О нет, я не… Хозяин позаботился об этом. Я собираюсь скоро, очень скоро. Я собираюсь присоединиться к Хозяину. В глубине души — там, где он ждёт верующих. Вот куда я направляюсь. Почему я должен хотеть жить? Зачем мне ждать, когда есть работа, которую нужно сделать?

— Что за работа? — спросил я, надеясь, что если пациенту позволят говорить, это избавит его от напряжения.

— Работа в джунглях. Глубинная работа. Вот, что нужно сделать. Время приближается. Миллионы и миллионы помогут. И я скоро буду там. Ха! Ха! Вы пришли слишком поздно Хозяин позаботился об этом. Он едет верхом на буре. Его дыхание — это дыхание тумана. С дождём он приходит на землю. Он остановил вас сегодня вечером. А? Не так ли?

Почему-то меня встревожили эти слова. Кем был этот Хозяин, что едет на крыльях бури, и чьим дыханием является туман? Я спросил себя: как этот сумасшедший, пребывая в бреду, узнал о том, что случилось со мной по дороге в госпиталь?

У пациента перехватило дыхание. Его усилия были напрасны, и, по-видимому, он находился на грани смерти. Медсестра принесла стакан воды, которую тот жадно выпил.

— Вода, — проговорил он. — Океаны воды. Вот, что любит Хозяин. Это способ связаться с ним. В пещеры, где пылает голубой свет, вода уходит вниз, вниз, под тела мертвецов, глубоко-глубоко. Хозяин! А! Б'Мот! Хозяин, я приду!

Голова больного откинулась на подушку, и с выражением восхищения в глазах он умер. Я стоял в замешательстве. Это не могло быть обычным случаем галлюцинации. Этот пациент казался заколдованным, одержимым, как и говорил доктор Прендергаст. Вместе с ним мы отошли от койки.

Внезапно доктор лихорадочно сжал мою руку.

— Смотри, — закричал он. — Смотри!

Я повернулся в том направлении, куда он указывал. Рука пациента всё ещё сжимала стакан с остатками воды. Она излучала яркое голубоватое сияние. Оно освещало лицо мертвеца, и от этого его лицо стало зеленоватым. Его губы скривились в рычании, а острые длинные клыки пронзили его закрытый рот и выступили наружу.

Вода в стакане заклокотала, словно закипела; и затем на моих глазах уровень жидкости стал

медленно падать, пока в стакане не осталось ничего, кроме голубоватого сияния, окружавшего не только сам стакан, но и койку, простыни, мертвеца и нас самих!

3

Груз моих профессиональных обязанностей заставил меня на несколько дней забыть об этом деле, но его вновь довели до моего сознания самым грубым и странным образом.

Я небрежно просматривал газету, когда мой взгляд зацепился за маленькую и, по-видимому, малозначительную заметку, которая была зажата между историями о судебном деле по поводу серьёзных алиментов и о рейде против нескольких бутлегеров. Если бы редактор знал всю важность этой новости, он бы напечатал её крупным шрифтом и выпустил бы специальное издание своей газеты. Я цитирую заметку дословно:

> АРИКА, ПЕРУ, 8 мая. Сегодня здесь полиция обратила внимание на странный случай. Алонзо Сигардус, уроженец Вест-Индии, предстал перед судьей Кордеро по обвинению в попытке самоубийства. Капитан Дженкс, наблюдатель на стан-

ции Морской Биржи, видел, как Сигардус нырнул в океан возле мыса Локаста.

Дженкс говорит, что он бросился на помощь человеку, думая, что тот намеревался поплавать и не знал о предательском отливе в тот момент. Однако когда он добрался до мыса, то сразу понял, что это была попытка самоубийства, поскольку Сигардус не умел плавать и просто беспомощно барахтался в глубине.

Капитан Дженкс быстро нырнул в воду в месте, известном туристам как Котёл Дьявола, и после неистовой борьбы с водоворотом, во время которого Сигардус сделал всё возможное, чтобы утопить их обоих, Дженкс смог спасти этого человека.

Однако вместо благодарности Сигардус грубо ударил Дженкса по лицу, крича: «Проклятие Б'Мота на тебя! Это был зов Хозяина. Какое ты имеешь право вмешиваться? Я собирался присоединиться к Б'Моту, а теперь ты снова вытащил меня назад. Когда придёт время, ты будешь страдать».

Этот случай вызвал сильный интерес у

местных жителей, потому что считается, что Котёл Дьявола в туманные дни становится местом собрания духов из глубин. Легенда гласит, что в такие дни и в сезон дождей Чудовище Омута восстаёт из глубокой воды, чтобы требовать своего.

Очевидно, суеверный Сигардус думал, что его призвал дух Котла. Интересно отметить, что после его спасения, густая дымка начала затягивать омут. До этого времени солнце ярко сияло.

Местное население сильно взволнованно, говорят, что это спасение не сулит ничего хорошего. В нескольких деревнях, расположенных в глубине страны, возникли серьёзные беспорядки, и полиция вместе с военными объединили свои силы для защиты белого населения, против которого, как представляется, главным образом и были направлены выступления.

По-видимому, этот инцидент был замечен журналистами только благодаря легендам, связанным с Котлом Дьявола, что представляли интерес для внешнего мира, а также из-за попыток восстаний.

Но для меня вставка этого единственного и явно неполного слова придала всей заметке зловещую и ужасную интонацию.

Кем или чем был Б'Мот? Должно быть, это тот самый «Хозяин», к которому в Германо-Американском Госпитале обращался умирающий. Я даже не сомневался, что в Перу произошло событие из той же серии, и связывало нашего больного и Сигардуса именно коварное влияние Б'Мота.

Я почувствовал, как у меня волосы встали дыбом, когда я перечитал новость и дошёл до заметки о тумане, который накрыл омут после того, как Сигардус произнёс своё проклятие. Слишком сильное сходство, чтобы объяснить туман простым совпадением. Как психиатра это меня очень заинтересовало, и я даже начал смутно ощущать, что мой долг — расследовать всё это дело. Возможно (и какой бы надуманной ни казалась эта идея, я размышлял о ней со всей серьёзностью), на карту было поставлено само здравомыслие мира.

Отложив газету в сторону и собираясь ехать в свой врачебный кабинет, я снова ощутил

гнетущую тяжесть того невыразимого, чего я постепенно начинал бояться — ехать одному в тумане или под дождём (хотя я и не осмеливался рассказывать кому-либо об этой фобии). Я чувствовал… Боже мой, как я чувствовал… тяжесть этой скверны. Казалось, что меня непреклонно втягивают в пасть этого разложения. Я стоял как вкопанный, стуча зубами, не в силах поднять руку, и смотрел на то место, где, как я был абсолютно уверен, находилось это Существо. И тут до моего затуманенного сознания донёсся повелительный телефонный звонок.

Я медленно двинулся к аппарату, неотрывно глядя в противоположный конец комнаты. Механически я поднял трубку.

Голос донёсся до меня как будто с большого расстояния.

— Это доктор Рэндалл? Пожалуйста, немедленно приезжайте в Германо-Американский Госпиталь. Доктор Прендергаст сошёл с ума!

4

Когда я приехал в госпиталь, где за ним наблюдали, состояние моего ума было далеко не уравновешенным. Для меня стало серьёзным потрясением, что несчастье, которого я боялся, уже

постигло моего друга. Но я старался успокоиться, когда входил в здание. Если мои подозрения были верны, то предстояла работа, тяжелая работа и много работы — если мы собираемся разрушить коварные планы этой мерзкого существа.

Я нашел доктора Прендергаста в уютной частной палате — лучшей в этом госпитале. Он спокойно спал, когда я вошёл. Но не прошло и нескольких минут, как он проснулся и, взглянув на меня, сердечно пожал мне руку. После чего заговорил естественным, мягко модулированным голосом.

— Рэндалл, в этом деле есть что-то странное и сверхъестественное. После того случая, когда мне пришлось вызвать тебя для консультации, у меня появилось странное чувство, что всё плохо. На самом деле меня преследуют болезненные фобии — если это именно они. Мне и в голову не приходило, что ко мне придёт психоз. Чем больше я думаю об этом деле, тем больше убеждаюсь, что нам с тобой предначертано стать мучениками, хотя почему и как, я тоже не понимаю.

Кажется, с тобой всё в порядке, и, конечно, ты никогда не производил впечатление невротика. Вот и всё. Я должен был бы сломаться в последнюю очередь, но хотя я и нахожусь в здравом уме,

насколько это вообще возможно для человека в наше время, через несколько минут это Существо может схватить меня, и я стану безумцем. Забавно, Рэндалл, иметь возможность анализировать свою собственную форму безумия — если таковая существует. Я хорошо помню, что случилось со мной прошлой ночью. Это было намного реальней, чем любые сновидения. И из-за этого я ещё больше боюсь его возвращения. Если это безумие, то оно такой формы, которую никто раньше не наблюдал. Но я не думаю, что это безумие.

— Расскажи мне об этом, — настаивал я. — Возможно, два разума могут сделать то, что не может один.

— Рассказывать особо нечего. Вчера вечером я допоздна читал Фрейда, его последнюю книгу, знаешь ли. Вдруг мне в голову пришли мысли, которые, несомненно, зародились не на Земле. Я начал испытывать огромное отвращение к жизни — я имею в виду жизнь, которую мы имеем сегодня. Я вспомнил эпоху джунглей; и эти изначальные воспоминания, которые дремлют в каждом человеке, вернулись ко мне. Искусственность мира с его коммерческими системами, кодексами поведения, гигантскими материальными вещами, которые, в конце концов, не

принесли ничего, кроме того, что сделали нашу жизнь труднее и короче — всё это выглядело тщетным и бесполезным.

Мне показалось, что человек был создан не для того, чтобы жить таким образом. Я думал, что гигантский первобытный лес с его жестокой борьбой человека против человека и зверя против зверя являлся подходящей средой обитания для живых существ. Я подумал об этих чудовищах из глубин, огромных, недоступных человеческому пониманию, мелькавших время от времени вблизи кораблей. Когда-то жизнь вообще велась в таких гигантских масштабах. Я чувствовал, не могу сказать почему, глубокое родство, близость с этими раздутыми колоссами моря — падалью, питающейся телами мёртвых. Мне казалось, что эти существа представляют собой самую дальнюю ступень, которую можно достичь в обратном направлении — назад от цивилизации, видишь ли, назад от болезненно приобретенных вещей, которые мы считаем столь ценными.

И… вот что странно… мне показалось, что эта мысль являлась не совсем моей. Как будто кто-то прошептал мне на ухо эту мерзость о регрессии. Я чувствовал, что в то же время не я один, а тысячи и тысячи, а точнее миллионы, мечтали о том

времени, когда цикл должен будет завершиться. Ты знаешь, нас всегда учили, что всё происходящее — циклично. Восхождение Рима; величие; падение. Так и с другими цивилизациями, со всеми. То же самое, несомненно, случится с нашей собственной великой цивилизацией. Это будет мифический конец света, который провидцы предсказывали веками. Тогда произойдёт не звёздный катаклизм, но будет возвращение всей жизни в джунгли.

Компетентные власти заявляют, что если мы не попытаемся остановить эту надвигающуюся катастрофу, нас буквально съедят живьём насекомые, например, муравьи. Кажется, есть много научных оснований для этого предположения. Но кто думает о вероятности таких ужасов, что возникнут, если эти неизвестные существа, раздутые до отвратительных размеров, в едином порыве захватят цивилизованный мир?

— Такое будущее пугает, но для этого нет никаких оснований, — сказал я.

— Я не уверен, что их нет. В последнее время у меня возникло ощущение, что сейчас идет грандиозное движение, единственной целью которого является свержение цивилизации и восстановление жизни в джунглях.

И вот что, кажется, является причиной того, что выбрали нас с тобой. Мы можем осуществлять невероятный контроль над умами людей; ты согласен? Это невыразимое Существо захватило нас, пытается опутать тебя и меня своей сетью, вовлечь нас в дело, потому что с нашими возможностями влиять на общество, мы являемся чрезвычайно ценными исполнителями. Понимаешь? Мы должны стать апостолами этого вероучения!

— Какая ужасная идея! Я бы предпочёл умереть, — содрогнувшись, прокомментировал я слова Прендергаста.

— Умереть? Кто знает, что может с тобой случиться после этого? Ты можешь присоединиться к Хозяину…

— Ты тоже! — воскликнул я.

Спазм страха охватил лицо моего друга, когда до него дошёл весь смысл его слов. Его мышцы скрутились в агонии внутренней борьбы, когда он стал сопротивляться влиянию невидимой силы.

— Они ещё не получили меня, Рэндалл. Но они преследуют меня! Я буду бороться с ними. Я молюсь, чтобы мои периоды просветления повторялись достаточно часто, чтобы позволить

мне разгадать эту грязную тайну. Боже! Я весь в холодном поту. Толчки!

Я прошёл через комнату к столу и, налив стакан воды, протянул его Прендергасту. Он судорожно вздрогнул и отшатнулся от воды, как от живого ужаса.

— Прочь! — крикнул он. — Убери эту заразу! Она преследует меня! Она живая! Я не буду пить её. Это означает безумие!

С отчаянным усилием он швырнул стакан и его содержимое на пол. Я в ужасе уставился на своего друга. Внезапно мне пришла в голову мысль — воспоминание о той ночи, когда определённый стакан воды сверкал радужным огнём; когда, преодолев пагубное влияние тумана, мой собственный разум обошёл границу безумия. Я начал понимать.

Мой коллега снова успокаивал себя. В настоящее время он говорил:

— Для меня это будет бой. Но я буду сражаться до последнего вздоха. Твоя роль будет заключаться в том, чтобы наблюдать и, если возможно, узнать побольше об этом ужасном Существе, что угрожает здравомыслию нашего мира. Должен быть какой-то способ его уничтожить.

— С чего мне начать? — пробормотал в недоуме-

нии. У меня имелась лишь маленькая зацепка, над которой можно было поработать. Газетные вырезки лишь подтвердили то, о чём я уже подозревал.

— Твой ключ — это слово Хозяина: «Б'Мот». Не забывай — Б'Мот. Я не знаю, что это означает. Но это слово звучало в моих ушах в течение нескольких дней. Вот, кто этот Хозяин — это именно та ядовитая гниль, которую ты должен уничтожить!

5

Я покинул госпиталь в состоянии шока. Как я должен был уничтожить это Существо? Я уже наполовину находился в его лапах. Я мало что мог сделать, кроме как барахтаться в темноте. Если, как утверждали доктор Прендергаст и тот покойник, существовали миллионы последователей, они держали свои дела в секрете. «Б'Мот», — слово было похоже на голос из другого мира — не имеющий смысла.

Я всё думал и думал, охваченный предчувствием беды. Я не знал, куда обратиться за информацией. Я проводил долгие часы в своей библиотеке, что сильно вредило моей врачебной практике. Я пролистал кучу книг по мифологии и

антропологии, но всё же не мог найти ничего, что могло бы иметь хоть какое-то отношение к делу.

Однажды, просматривая древний том «Магии и Чёрных Искусств», Кейна, переплетённый тяжёлой бронзовой застежкой с замком, я наткнулся на следующее:

«Есть много тех, кто почитает Пожирателя, хотя немногие видели его истинную мощь. Это видение, чреватое ужасом и востребованное колдунами древних времён. Один из них, Иоганн Магдебургский, умудрённый знаниями прошлых веков, очень преуспел в своей практике. Он утверждал, что Пожиратель живет в Глубине, и его нельзя достичь никакими средствами, однако Иоганн смог почувствовать дыхание Пожирателя и узнать его волю. Секрет заключается в источнике испарений. Ибо Пожиратель имеет силу проявлять себя там, где есть влага. Его дыхание — это туман и дождь. Поэтому многие считают воду изначальной стихией и поклоняются ей различными способами.

Этот Иоганн рассказал в своей книге по медицине, как он случайно во время заклинаний вызвал из тяжёлого пара саму эту Сущность. Фосфоресцирующий свет мёртвых тварей разросся до огромной яркости и заполнил комнату, а вместе

с ним пришёл и дух Пожирателя. Иоганн узнал, что тот живёт в глубочайшем океане, где ожидает лишь благоприятного времени для своего возвращения на землю. Есть многие люди, которые с радостью верят, что это время приближается, но Иоганн говорит, что пройдёт много веков, прежде чем Хозяин вернётся, чтобы потребовать своего».

Одно замечание, сделанное этим колдуном, меня очень удивило. Он говорит, что Пожиратель знаком каждому мужчине и каждой женщине. «Он вечно живёт во Внутреннем Человеке. Он выходит из Глубины, и Внутренний Человек должен его услышать. Всевидящи его глаза, всеслышащи его уши. Никто не может уничтожить его, потому что он присущ всем людям. Во времена зла и похоти, войны и раздоров, человека против человека и брата против брата, Пожиратель живёт в людях. Его пути — пути Глубины. Есть святые и мистики, которые верят, что они изгнали Пожирателя, но он пребывает и в них. В глубинах вод и в душах людей он спит и однажды проснётся, чтобы взять своё».

Я с содроганием закончил чтение древнего манускрипта. Хотя Существо здесь называлось другим именем, я не сомневался, что речь шла о том же самом. Я жадно искал книгу по меди-

цине, написанную Иоганном Магдебургским, и после целого дня поисков, наконец, нашёл её в антикварной лавке. Книга была порванной и сильно обесцвеченной, написанной на латыни, и во многих местах её было трудно расшифровать, но я нашёл кое-что очень интересное для себя.

Иоганн, описав свои попытки общения с Пожирателем, рассказал о своём успехе. Секрет он узнал от философа ещё более древних времён. Цитирую, перевожу так же, как умею:

> «Стремясь открыть для себя Высшее, я усердно изучал труды историков и мудрецов всех времён. Во время учебы я случайно наткнулся на рукопись, написанную одним из них, Иоахимом из Канн. Он собрал огромное количество знаний от людей из всех государств. Он сказал, что настоящее имя Пожирателя — Бегемот, и оно переводится как „тот, кто пожирает души людей“. „Этот монстр относится к глубокой древности и хорошо известен народам тех времён.
>
> Он упоминается в еврейской Библии. Провидец Иов много говорит о нём. Все люди сходятся во мнении, что размеры

Бегемота настолько же превосходят размер человека, насколько человек огромен по сравнению с жабой. Он обладает способностью размножаться вечно, и после времён потопа его загнали в океан, где он живет среди мёртвых в пещерах ползающих тварей.

Но сила его мыслей распространяется на всех людей. Он может проявлять свою силу разными способами. Его можно ощутить посредством воды и тумана, и его мысли — это мысли жаб и змей, поэтому многие считают этих рептилий священными. Есть только одно заклинание, которое может изгнать Бегемота обратно в океан, и части этого заклинания…“»

С досадой я отбросил рукопись в сторону. В конце концов, я готов был сотворить любое заклинание, если оно, как сказал Иоганн, поможет изгнать этот ужас. Но многовековое небрежное обращение с рукописью привело к тому, что кто-то вырвал страницу, на которой было написано заклинание.

Однако теперь, по крайней мере, у меня был ключ к этому Существу. Я схватил полное изда-

ние Библии и жадно прочитал все упоминания о Бегемоте в Ветхом Завете и Апокрифах. Я также обратился к другим сочинениям, считающимся ветхозаветными апокрифами, и нашёл в них ещё больше ссылок. Все они соглашались в том, что Бегемот — разрушитель и пожиратель, и все подтверждали, что однажды он вернётся из глубин, чтобы заявить о себе.

Энциклопедия Уинслоу, с которой я ознакомился последней, поместила в качестве сноски к более ранней статье абзац, в котором говорилось, что во многих странах организованное поклонение Бегемоту практиковалось под различной маскировкой, и что культ был более распространён вблизи экватора и среди диких народов. Ученый историк предположил, что это животное может быть гиппопотамом!

Как мало он знал о силе, о которой писал! Но я почерпнул из этой короткой заметки ещё один интересный факт. Размышляя о культе Бегемота, я пришёл к выводу, что вполне естественно предположить следующее. Культ являлся более распространённым в тропических странах и среди наименее развитых представителей человечества. Причина была очевидна: они находились ближе к джунглям, как физически, так

и по уровню сознания. Я также подозревал, что культ будет распространён среди обитателей подобных земель возле океана. Отдельный инцидент с Котлом Дьявола подтвердил эту гипотезу.

С некоторым удовлетворением в душе я покинул библиотеку метафизики, когда закончил свои дневные исследования. Двигаясь по тротуару к стоянке, где я оставил свою машину, я застыл на месте, с ужасом глядя на открывшееся мне зрелище.

По улице мчалась грязная, взъерошенная человеческая фигура, а её преследовали двое полицейских. Человек был одет в самую лёгкую одежду, которая больше походила на нижнее бельё или пижаму, чем на что-либо ещё. Иногда он спотыкался, но какой-то инстинкт, казалось, позволял ему держаться подальше от преследователей. Обеими руками он удерживал что-то тяжёлое. Когда он оказался ближе ко мне, я присмотрелся и понял, что это был резервуар, наполненный водой, и внутри него плавали ящерицы, водяные змеи и тому подобное. А когда человек оказался рядом со мной, на волосок ускользнув от преследователей, я увидел, что этот сумасшедший в пижаме — сам доктор Прендергаст.

6

Но как он изменился! Его профессиональные манеры исчезли. Его обычно добродушное лицо исказилось от яростного рычания; он скрежетал зубами и чавкал губами, как зверь в джунглях, жаждущий крови.

Полицейский объяснил, что они поймали доктора, когда тот пытался ограбить близлежащий аквариум, и отказались верить рассказу Прендергаста о том, что ему было приказано взять рептилий, которых он до сих пор нёс с такой ревнивой заботой.

Моя профессиональная визитка и репутация, однако, удовлетворили офицеров; и так как доктор отказался расставаться со своим сокровищем, сказав, что он умрёт первым, я, в конце концов, согласился заплатить за украденное имущество, владелец принял мое предложение, и доктору разрешили оставить свою добычу себе.

На протяжении всей дороги обратно в госпиталь он непрерывно болтал о вещах, которые я едва мог понять. Сотни раз он повторял слова «Хозяин», и «Б'Мот». Он утверждал, что исполнил приказ Хозяина, похитив рептилий, и призывал это Существо вознаградить его, когда придёт

время.

Я сотни раз расспрашивал Прендергаста о причинах кражи резервуара и его содержимого, но в глазах его мелькнуло лукавство, и, как я ни старался, так и не смог добиться от него никаких объяснений. Он цеплялся за своё утверждение, что всего лишь выполнил приказание Хозяина и что он должен быть вознаграждён за это.

Его взгляд выражал подозрительность и недоверие ко мне. Как и другой несчастный больной, Прендергаст почувствовал во мне врага своего Хозяина. Временами я ловил на себе убийственный взгляд его покрасневших глаз и, признаюсь, чувствовал себя не совсем уютно, сидя в закрытой машине наедине с этим сумасшедшим, который до этого являлся моим другом.

Со вздохом облегчения я свернул к широкой подъездной дороге к госпиталю, где Прендергаст всё ещё должен был находиться под наблюдением. Он не выказывал ни малейшего желания сопротивляться санитарам, которые пришли сопроводить его внутрь, и, казалось, был доволен тем, что выполнил свою задачу.

Когда он вошёл в свою палату, то осторожно поставил резервуар с рептилиями на стол и, по-видимому, больше не обращал на него внимания.

Я оставил его и отправился в кабинет врача.

Отчёт был такой же, как обычно. Доктор Прендергаст хорошо спал, ел, но моменты просветления случались всё реже и реже. Даже тогда он, казалось, размышлял под воздействием одержимости, которая доминировала над ним.

У него развилась мания коллекционировать всевозможных насекомых. Он умолял начальство госпиталя раздобыть для него варенье и другие сладости. Вместо того, чтобы есть их, он расставлял приманки в соответствующих местах своей палаты и ждал паразитов, которых непременно привлечёт такая еда.

Его палата была заполнена мухами, муравьями и мышами; но вместо того, чтобы уничтожать их, он прилагал все усилия, чтобы собрать ещё больше насекомых. Прендергаст сконструировал коробки, работающие как ловушки, и которые, как сообщил нам заведующий госпиталем, были переполнены различными видами насекомых. У пациента имелась одна коробка с кузнечиками, другая с муравьями, третья с мухами и так далее.

Это занятие являлось чем-то, чего я никак не мог понять. Какова была его цель — ибо я был вполне уверен, что она существует, — в сборе насекомых? Я мог понять аквариум с рептилиями

после того, как прочел Иоганна. Они, несомненно, были символом самого Хозяина. Возможно, Прендергаст поймал их, будучи уверенным, что они — родственники Существа. Но насекомые и паразиты — этого я никак не мог объяснить.

Однако мне не суждено было долго оставаться во тьме. Возвращаясь в палату, я постоял некоторое время снаружи, заглядывая в дверное окошко, которое часто используется для наблюдения за психически больными. Притворное безразличие доктора как рукой сняло, и, предполагая, что он остался один, мой друг яростно принялся за работу.

Сначала я не мог понять, чем Прендергаст занимается, но вскоре до меня дошло, какой была его цель. Он взял в руки одну из коробок. Она была заполнена мухами. В полубессознательном состоянии доктор медленно высыпал пригоршни вредителей из коробки, в которой они пребывали слишком слабыми, чтобы двигаться. Затем Прендергаст осторожно скормил мух существам внутри резервуара! Я заметил возле него другие пустые коробки и предположил, что они были заполнены муравьями и кузнечиками. Доктор скормил последнюю муху водяной змее и с большим удовольствием сложил коробки аккуратной

стопкой на полке.

Твёрдо схватившись за ручку двери, я вошёл в комнату. Мой друг обернулся ко мне, скрипя зубами. Его лицо превратилось в маску ярости. Как загнанный в угол тигр, который собирается напасть, Прендергаст упёрся спиной в стену, но я с улыбкой уселся на стул. Видя мои действия и то, что я не собираюсь мешать его питомцам, доктор немного расслабился и сел на кровать. На его лице застыло угрюмое выражение. Его брови нахмурились, словно он что-то обдумывал.

Постепенно напряжение его тела ослабло, лицо приняло обычные черты хорошего настроения, которые я так часто видел на нём, и он поднял глаза.

— Ей-Богу, Рэндалл! Если то, что я думаю, произошло, мне лучше умереть! — воскликнул он.

— Что бы ни случилось, мне приятно видеть, что ты всё ещё сражаешься, — ответил я.

— Да, но я трачу слишком много сил. Я хотел убить тебя, когда ты вошёл. Тебе лучше следить за мной, потому что в следующий раз я могу это сделать. Меня охватило чувство, что ты стоишь у меня на пути, вернее, на пути того отвратительного Существа, которое держит меня в своей власти, и что тебя надо убить и скормить акулам.

— Зачем кормить акул? — спросил я с большим интересом.

— Потому что они из моря — пожирают друг друга. Каждое живое существо, которое они пожирают, если оно не принадлежит морю, — это ещё одна душа, добавленная к их силе — к могуществу Б'Мота.

— Невероятно! — воскликнул я в изумлении.

— Вот это слово. Но я знаю, не могу сказать, откуда я это знаю, но я всё равно это чувствую, что смысл всего происходящего состоит в том, чтобы передать подавляющую власть в руки грязных мерзостей на дне моря и в глубинах джунглей. Ты прямо здесь. Я уже понял это. Поэтому ты скармливал наземных существ тем рептилиям в резервуаре?

Прендергаст проследил за моим указательным пальцем и в ужасе отпрянул от своих питомцев.

— Это я собрал тех тварей? — спросил он дрожащим голосом.

— Да. Разве ты не помнишь этого?

— У меня есть навязчивая идея расставлять приманки для насекомых под воздействием воли, более сильной, чем моя собственная, но почему я держу этих змей, я не знаю.

— Ты украл их сегодня днём, — тихо сказал я.

— Украл их, вот как? Я совсем не помню этого. Это Существо довольно крепко меня держит. Боюсь, что если мы ничего не сможем сделать, мне конец. Я не могу вспомнить, чем занимался в последние несколько дней. Я проигрываю этот бой.

— Мы тебя вытащим. Моя гипотеза заключается в том, что ты раздобыл рептилий, чтобы скормить им других существ, и таким образом увеличить долю душ для морских глубин. Я не могу объяснить это лучше, но ты, возможно, понимаешь. Ты хотел помочь этому ужасному замыслу, усилив ментальное влияние Хозяина и ему подобных.

Я вздрогнул, когда обнаружил, что использую слово «Хозяин», так легко и знакомо.

— Без сомнения, ты прав. Я не могу представить никакой другой причины для такого поступка. Сам вид этих зелёных, слизистых тварей меня сейчас пугает. Я не могу думать об этом без содрогания.

— Есть одна вещь, которую я хочу у тебя спросить.

— Давай, — ответил мой друг без особого энтузиазма.

— Есть ли какие-то особенные моменты, когда это Существо приходит к тебе?

— Нет конкретного времени, но есть определённые обстоятельства. Ей-богу, мне следовало бы подумать об этом раньше! Именно когда снаружи туман, я испытываю чувство сонливости, которое предшествует этим приступам.

Я не мог сдержать крик, когда услышал это. Я вспомнил свой собственный опыт в автомобиле в ту ночь, теперь уже так давно, как мне казалось. Сонливость пришла ко мне вместе с одуряющим аккомпанементом, когда туман просочился сквозь щели машины. Туман исчез, когда я включил обогреватель. Мне пришла в голову мысль — как можно спасти моего друга, находящегося на краю гибели.

Я позвонил в колокольчик, вызывая санитара.

— Немедленно разожгите дрова в камине! — приказал я.

Санитар изумлённо уставился на меня. День был жаркий, и мой приказ, должно быть, казался таким же безумным, как сбор муравьев больным человеком.

— Скорее, — рявкнул я, увидев, как по лицу Прендергаста расползается знакомое мне выражение.

Санитар умчался как ветер, понимая, что дело, должно быть, важное. Пока я с тревогой наблю-

дал за борьбой, которая, как я знаю, происходила в уме моего друга, санитар принёс дрова. Бусинки пота выделялись на лбу моего друга. Он стиснул челюсти в яростной решимости, наблюдая, как санитар тщетно пытается разжечь огонь.

Нельзя было терять времени. Я выскочил из комнаты в диспансер. Мои глаза нашли бутылку спирта. Выхватив её из рук испуганного интерна, я побежал обратно в палату так быстро, как позволяли мои ноги.

Доктор Прендергаст извивался на кровати и отчаянно отмахивался от тонких клочьев серого тумана, которые, словно вытягивали свои извилистые щупальца, чтобы притянуть его к себе. Казалось, они на самом деле живые. Я был уверен, что так оно и было. Прендергаст лежал на кровати, словно пытаясь спрятаться от неумолимой цели этого Существа, которое стремилось разрушить его рассудок.

Я выплеснул весь спирт, он загорелся от спички, и пламя жадно лизнуло дрова. Тонкие струйки тумана стали корчиться и извиваться, постепенно исчезая по мере того, как огонь набирал силу и угрожающе рычал в сторону Существа из глубин.

Я увидел измученную фигуру моего коллеги,

дрожащую и слабую, но улыбающуюся — и в здравом уме!

7

— Мы победили! — радостно закричал он, хватая меня за руку.

— Правильнее сказать «мы побеждаем», — улыбнулся я, довольный успехом своего эксперимента. — Не позволяй этому огню погаснуть, как бы жарко здесь ни было, иначе ты скоро поймешь, что это дело ещё не закончено. Смотри! Разве ты не видишь его там на лужайке? Туман клубится и извивается, это Существо расстроилось. Туман живой, я клянусь. Если огонь погаснет или ты откроешь это окно, оно снова будет преследовать нас и с удвоенной силой! Не забывай — поддерживай огонь и днём и ночью! Сейчас от него зависят жизнь и смерть!

Я немедленно ушел, потому что у меня имелось много дел. Я поспешно поехал в Броклбэнк, провинциальный городок. Остановив машину перед воротами большого дома, я нажал кнопку звонка. Слуга, который хорошо меня знал, без предисловий привёл меня в библиотеку моего старого друга Джеффри д'Арланкура, что изучал древности и странные верования. Я удивлялся

сам себе, что не вспомнил о нём раньше.

Без дальнейших промедлений я начал с главного:

— Что ты знаешь о поклонении Бегемоту, Джефф?

Он вопросительно наморщил брови.

— Бегемоту?... Ну, немного. Это, по-видимому, мифическое чудовище, которое было центром различных форм Сатанизма, псевдорелигии и откровенной резни.

Я рассказал приятелю о своих исследованиях книг средневековых философов и о том, что я смог разузнать об этом Существе.

— В этом случае ты, вероятно, знаешь больше, чем я могу поведать, — сказал д'Арланкур с улыбкой, — за исключением того, что ты, возможно, никогда не видел, чтобы поклонение Бегемоту действительно практиковалось.

— Действительно, не видел, — признался я. — Вот по этому поводу я и пришёл к тебе.

— Что ж, а я видел. Это имя, очевидно, имеет неисчислимые вариации, но основная идея всегда одна и та же. Иногда у меня возникает соблазн считать, что нечто подобное может существовать и в реальности. Ты, конечно, знаешь, что так называемые дикие народы предаются всем

формам вудуизма, анимизма и тому подобного. В своём мудрствовании мы говорим, что это только потому, что дикари ещё не научились истинному чувству ценностей. Я часто склонен думать, что это потому, что они более свободны в своём субъективном восприятии, чем мы. Они думают, что дерево обладает силой добра и зла. Мы говорим, что это невозможно, и всё же Бозе, например, упомянул одного из великих учёных, который убедительно доказал, что растение испытывает чувство радости и боли, и на самом деле громко плачет, когда ему причиняют вред. Эти дикие люди легко поддаются влиянию того, что мы называем духовными явлениями (потому что мы не можем постичь их иначе). Естественно, среди подобных народов такое поклонение может найти устойчивую точку опоры. Чем лучше мы воспринимаем жизнь в её первозданной реальности, тем ближе мы подходим к поклонению Бегемоту и другим родственным существам.

— Ты подразумеваешь, что от такого поклонения есть польза? — удивлённо спросил я.

— Я не утверждаю этого, но скажу, что подобное поклонение служит определённой цели и заполняет пробел, который мы в цивилизованные времена оставили пустым. Но вернёмся к нашему

предмету. Если вы хотите найти примеры поклонения Бегемоту, ищите их среди низших слоев общества — в жарких странах, среди коренных жителей Новой Зеландии и так далее. Именно в таких местах я обнаружил бесчисленные примеры подобного поклонения во время своего недавнего путешествия. Признаюсь, я был очень удивлен тому, что поклонение Бегемоту там преобладает. Оно распространяется с угрожающей скоростью.

— Расскажи мне подробно, — попросил я, затаив дыхание. Видимо, наконец-то я напал на след.

— По существу, поклонение везде одинаково, и само его сходство придает ему видимость представления широко распространенной истины. Похоже, оно связано с реальным живым существом. Великая идея заключается в том, что быстро приближается время, когда цивилизация будет уничтожена, вернутся джунгли и закон силы вновь восторжествует.

Очевидно, этого Бегемота никто никогда не видел, но его можно почувствовать. Я почти верю, что почувствовал его сам. Заклинания произносятся на языке, абсолютно никому непонятном; сами знахари говорили мне, что они могут постичь смысл только с помощью тради-

ционных переводов. И вот ещё одна странность: хотя я видел это поклонение в Новой Гвинее и Перу, в Малайзии и Финляндии, заклинания у разных народов звучат похоже. Это определённо одни и те же слова. Они звучат как непонятная тарабарщина, больше похожи на язык обезьян или рёв морского льва, чем на речь, но эти расы, разбросанные на большом расстоянии друг от друга, произносят их почти одинаково. Рэндалл… они что-то значат!

И вновь я почувствовал, как у меня по коже поползли мурашки при мысли о той огромной силе, с которой мне пришлось иметь дело.

— Какова главная особенность этого поклонения?

— Их две: мистический союз с Бегемотом, что означает обязательство помочь ему в восстановлении джунглей и свержении цивилизации; и, во-вторых, объективная сторона, которая включает в себя жертвоприношение неверующих — обычно рептилиям, хотя я видел детей, которых отдали ягуарам, этих животных держали в качестве священных символов.

— Полагаю, даже у нас есть места, где властвует эта мерзость, — обеспокоенно предположил я.

— Не сомневаюсь в этом, — согласился мой

учёный друг. — Очевидно, это Существо собирает жертвы повсюду, почему бы и не здесь? Я даже могу предположить, где мы можем найти подобный культ в нашей стране.

Затем я рассказал д'Арланкуру обо всём, что привело меня к подобным вопросам. Когда я закончил, его лицо выглядело напряжённым и испуганным.

— Это чудовищно! Я едва могу в это поверить. Если это правда, мы должны немедленно что-то предпринять, чтобы искоренить эту раковую гниль в самом её сердце. Подожди!

Он подошёл к книжному шкафу и взял какую-то книгу. Несколько минут он читал молча. Затем он заговорил:

— Похоже, какие-то тайные ордена основаны на этом культе. Имена, по всей вероятности, будут изменены, но они могут быть достаточно похожи, чтобы мы их заметили. Один из них — Макрокосм. Другой — орден Фемаута, очень древний, возникший во времена Древнего Египта и поклоняющийся в качестве своего символа гиппопотаму. Если мне не изменяет память, гиппопотама на языке третьей династии называли Пе-Хе-Маут, что по звучанию очень похоже на слово Бегемот. Теперь мы выясним, есть ли ка-

кие-нибудь пережитки этого культа в Америке двадцатого века.

Он взял телефонную трубку, а меня охватил леденящий ужас. Я снова ощутил тот всепоглощающий страх, который предвещал появление этого Существа.

Мой друг обратился к кому-то по телефону:

— Секретная служба? Позовите Эллери. Скажите ему, что это д'Арланкур. Да, пожалуйста. Здравствуйте... да, это Джефф. Хочу узнать, есть ли у вас какие-нибудь сведения о тайных обществах, которые носят имя Фемаут, Б'Мот или Бегемот, в общем, с названием, похожим на эти?

Некоторое время д'Арланкур прислушивался.

— Что... Боже мой! Мы сейчас же приедем.

Он повернулся ко мне с посеревшим лицом.

— Мне сказали, что во всём мире известны общества, носящие имя Фемаут, и другие с похожими названиями, и что после облавы на них полиция обнаружила кости — человеческие кости, обугленные и во многих случаях погребённые. Эллери говорит, что эти тайные общества подозреваются в поджоге, подрыве и тому подобном. Рэндалл, ты приложил палец к самой страшной ране, которую ещё только предстоит прижечь человечеству!

8

Мы нашли Эллери, ласкающего красивую полицейскую собаку, которую он начал дрессировать, когда та ещё была щенком.

Д'Арланкур быстро описал сотруднику спецслужб то, что я уже сказал ему. Эллери воспринял эту информацию сначала с насмешливой улыбкой, но по мере накопления доказательств, которые мы смогли предоставить, его лицо приняло серьёзное выражение. Он позвал своего секретаря и поручил ему раздобыть определённый адрес.

— И отправьте телеграмму в секретные службы каждой цивилизованной страны, зашифрованную, — добавил он. — Спросите, были ли какие-нибудь признаки намерений… что мне сказать? — он остановился, беспомощно глядя на нас.

— Спросите, происходили ли в последнее время какие-либо явные попытки, которые, по-видимому, направлены тайными обществами на реабилитацию жизни как в первобытные времена, — с намёком добавил я.

— Но они будут считать меня сумасшедшим, — возразил Эллери, — они не поймут, о чем я.

— Они достаточно хорошо поймут, если столкнутся с чем-то подобным тому, с чем мы имеем дело здесь, — быстро сказал д'Арланкур — Если они не поймут, то подумают, что телеграмма исказилась при передаче.

— Хорошо, вставь что-нибудь подобное. Спросите, в частности, были ли у них какие-либо проблемы с группами людей, которые поклоняются какому-либо животному или рептилии, особенно той, которая напоминает бегемота.

— Хорошо, сэр, — сказал секретарь с лёгкой ухмылкой.

— Вот и всё, — заявил Эллери.

Мы вместе покинули офис и поехали в один зал для тайных собраний. Детектив Эллери пожелал нам показать его. С этим местом были связаны отвратительные слухи, и существовала некоторая вероятность, что мы найдем там то, что искали.

Когда мы подъехали к этому залу, уже стемнело. Он находился в убогой и нищенской части города. Мы припарковали машину на некотором расстоянии, и, смешавшись с пёстрой толпой, которая искала вход, вошли в здание и уселись возле задней двери.

Зал был почти заполнен, и после того, как мы заняли свои места, огни начали тускнеть. Они

превратились в простые точки зелёного пламени, и в зале зазвучал хор бессмысленно лепечущих людей; всё это было похоже на болтовню обезьян в лесах Амазонки. Очевидно, так они приветствовали верховного жреца Бегемота, который сейчас входил.

Он был одет в сияющую зелёную мантию; по-видимому, сшитую из кожи какого-то океанского монстра. Подобно гниющей рыбе, она светилась голубовато-зелёным огнём и окружала отталкивающие черты маски, которую закрывала его лицо, дьявольским, неестественным светом. Жрец медленно поднялся по ступенькам на кафедру. Я увидел, что перед ним стоит резервуар, светящийся тем же ярким голубым огнём, который я видел в зеркале, когда тот сумасшедший умер в Германо-Американском Госпитале.

Я обнаружил, что не могу подавить дрожь в теле. В этом месте было почти темно, и, кроме жреца на кафедре, мы не могли ничего разглядеть, только крошечные зелёные точки, обозначавшие разноцветные электрические огни.

По-видимому, никаких определённых церемоний или ритуалов здесь не требовалось. Каждый верующий делал то, что ему нравилось, но все говорили на диком жаргонном языке, который

напоминал мне глухой лес. Слева от меня сидела женщина с отвисшей челюстью и огромными зубами, выступающими между толстых губ. Её крики почти разрывали мои барабанные перепонки.

По мере того как действие продолжалось, толпа приходила в экстаз, и многие бросались на пол, срывая с себя одежду и дико танцуя в темноте. Множество верующих принесли с собой ручных змей и с любовью гладили их; у других имелись крошечные обезьяны, которых они нежно целовали. Мужчины и женщины бросались друг на друга в безумном порыве отчаяния. Я увидел малайца, борющегося в объятиях белой женщины, и услышал их крики экстаза. Я видел, как другие фанатики глубоко впивались зубами в руки, ноги, плечи ближайших к ним людей в безумной ярости первобытной свирепости. Там была красивая девушка, её обнаженное тело лежало в объятиях бронзовой фигуры, упиваясь страстными поцелуями, которыми он осыпал ее. Обезьяны метались туда-сюда среди сумасшедшей толпы, получая дань уважения везде, где они пробегали. Змеи извивались, их кольца обвивали горло истово верующих. Их крики превратили зал в сумасшедший дом.

Воздух становился всё гуще с каждой минутой. Сначала я не мог ничего понять, но вскоре мне всё стало ясно. Я видел этот тяжёлый зеленоватый пар и раньше. Это было дыхание того адского ужаса, которому поклонялись эти обманутые негодяи. Казалось, пар нависал над всем залом, окутывая всё и вся своими липкими складками. Я почувствовал его болезненное прикосновение, и я корчился, как будто в тисках какой-то отвратительной твари. Мои спутники сидели с вытянутыми лицами, их мышцы напряглись в попытке противостоять ужасному зрелищу.

Возгласы сумасшедших быстро смешались в ритмичный крик. Ошеломлённый происходящим, я смог разобрать только одну фразу: «Б'Мот… Хозяин!», Это повторялось тысячу раз, пока тяжёлая завеса, покрывающая нас, становилась всё гуще и гуще.

Человек, сидевший рядом со мной, ревел от радости.

— Хозяин почти готов, — крикнул он мне, перекрывая шум. — Ещё несколько дней, и мир почувствует его силу.

Он бил себя по лбу и кричал в экстазе: «Приди… Б'Мот… Хозяин, приди!». Я кивнул в притворном согласии, и он продолжил кричать.

Женщина обняла меня и шепнула мне на ухо какие-то непристойности. Внезапно внимание толпы обратилось к жрецу на кафедре. Он открыл резервуар с водой, стоявший на платформе, и, к моему ужасу, я увидел огромного крокодила, раскрывшего свои челюсти. Он казался облаченным в сернистое сияние, как и всё остальное.

В шумное столпотворение ворвался новый, поразительный звук — пронзительный в своей силе крик — женский голос, охваченной смертельным ужасом! Я напряг свои глаза и сквозь густой пар смог рассмотреть — О Боже! — девушку, которую этот чудовищный жрец держал в воздухе над резервуаром! Его цель была ясна. Он намеревался накормить девушкой эту тварь в воде.

Парализованный от ужаса, я продолжать смотреть. Я не мог поднять руку, чтобы спасти её! Рядом со мной раздался оглушительный грохот. Вспышка пламени пронзила темноту. Эллери выстрелил из пистолета. Зачарованный ужасом, я увидел осколок резервуара, когда пуля пробила его. Вода хлестнула в толпу, переливаясь и фосфоресцируя, накрывая фанатиков волной. Крокодил соскользнул на пол и побрёл к тем, кто находился ближе. Его измазанные красным челюсти яростно чавкали по рукам и ногам людей на передних

сиденьях, а Эллери все стрелял и стрелял.

Наконец пули нашли свою цель. Крокодил скорчился в смертельной агонии, хлопнул хвостом, ударив полдюжины мужчин, которые кланялись ему, и умер. Священник бросил девушку и побежал прочь. В спешке маска, которая скрывала его лицо, отцепилась и упала на пол.

Я с ужасом смотрел на искаженное похотью лицо, которое мне открылось.

9

Девушка, избежавшая жертвоприношения, стремительно пробежала по проходу и исчезла на улице. Мы оказались в опасном положении. Обезумевшая толпа набросилась на нас с убийственной похотью. Царапаясь, колотя кулаками и тяжело дыша, они повалили нас на пол. Оружие Эллери вновь выплюнуло свинец, и толпа отпрянула. Фанатики замешкались, а мы бросились к двери, перебежали улицу и сели в машину.

Мы увидели девушку, стоящую на обочине. Поспешно велев ей сесть в машину, мы поехали обратно в кабинет детектива.

Когда мы прибыли, то застали секретаря в сильном беспокойстве. Полицейская собака, которую так сильно любил Эллери, похоже, внезапно забо-

лела. Детектив извинился и вышел из комнаты.

Мы услышали его снаружи, он звал свою собаку. До нас донёсся топот собачьих ног, затем рычание. Затем послышался тяжёлый удар тела об пол и крик боли. Бросившись к двери, мы увидели тошнотворное зрелище.

Эллери лежал на полу, и кровь текла из его горла. Он умер раньше, чем мы подбежали к нему. И пока собака — полуволк, полудворняга — стояла там, лая на нас, невыразимая вражда этих глаз, тронутая дьявольским светом, говорила о злодее, пожирателе, Бегемоте. Вокруг собаки свернулся тонкий пучок жёлтого пара.

Д'Арланкур взял со стола револьвер Эллери и выстрелил в зверя. Собака упала замертво, и сразу после этого — было ли это на самом деле, или мои растерянные нервы подвели меня? — мне показалось, что я услышал зловещий грохот из тёмных ниш комнаты, когда пар выплыл из окна и исчез.

10

Для того чтобы убедить нас в том, что близок тот день, когда целая орда из джунглей попытается захватить цивилизацию, не требовалось подтверждение девушки, которую мы привели

с собой.

Все без исключения телеграммы рассказывали о серии других подобных попыток. В некоторых телеграммах даже использовалось слово «Б'Мот», это ясно показывало, что все инциденты были связаны какой-то серьёзной и главной целью.

Но мы всё ещё были в неведении и не знали о времени и месте нападения. Ожидалось, что это Существо поднимет свою голову в Аргентине, Африке, Индии и дюжине других стран. Как мы можем надеяться справиться с этими головами гидры одновременно?

Однако мы действительно связались с полицейскими силами всего мира, наказав им внимательно следить за всем и быть начеку на случай любого вторжения из джунглей или с моря. Возможно, наше послание звучало для них фантастически, но мы сделали его максимально убедительным.

После этого мы стали искать способ защитить наше население от угрозы, которая, по общему мнению, была неизбежна. Подумав немного, я нашел возможный способ предотвратить эти ужасные события. Эту смелую и рискованную попытку нельзя было предпринять без полного согласия доктора Прендергаста.

Я позвонил в госпиталь и спросил, на месте ли он. Я узнал, что он всё ещё там, и что руководству госпиталя удалось разжечь огонь, погасший некоторое время назад из-за беспечного санитара. Доктор быстро поправлялся. Я попросил врачей соединить меня с ним, и Прендергаст ответил достаточно весело.

Он был совершенно не в состоянии предоставить мне какую-либо информацию такого рода, какую я хотел. Наконец, я высказал своё предложение. Это был единственный способ, который мог помочь нам в борьбе.

— Готов ли ты сделать кое-что для человечества? — поинтересовался я.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал? — спросил Прендергаст с тревогой. Он уже находился в страшной опасности, и я вполне мог поверить, что он боялся Существа больше чего-либо ещё в нашем мире.

— Я хочу, чтобы ты позволил этому огню снова погаснуть на несколько минут, — медленно и отчётливо сказал я.

— Боже мой! Я не могу этого сделать. Ты знаешь, что это будет значить.

— Да, я знаю. И поскольку дело очень важное, я прошу тебя сделать это. Мы будем снаружи,

готовые зажечь огонь снова, чтобы ты не лишился сил.

— Зачем ты хочешь, чтобы я это сделал?

— Существует вероятность того, что ты сможешь сообщить нам, когда произойдет это вторжение. Если оно случится скоро, все последователи Хозяина должны будут это знать. Ты должен попытаться вспомнить всё, что происходит, когда огонь гаснет. Ты сделаешь это?

— Это трудно… но я сделаю это, — решительно сказал он.

Мы с д'Арланкуром поспешили в госпиталь и наблюдали через дверной проём, как доктор Прендергаст позволил огню медленно погаснуть. Его лицо побелело от страха, когда исчезли последние искры, а пепел остыл. Даже с этого расстояния я мог видеть, как капли пота вспыхнули на его лбу, когда коварная сила стала окружать его. В комнате потемнело, и завитки пара медленно собрались вокруг доктора. Он лежал на кровати, как мёртвый, но по его дыханию я понял, что он всё ещё жив.

Я видел, как искажённая свирепость, с которой я так хорошо ознакомился за последние несколько дней, распространилась по его правильному лицу. Я слышал ворчание, которое исходило

от Прендергаста, словно он превратился в какое-то дикое животное. Он рычал и плевался в ярости дикого вожделения, превращаясь из доктора в демона. Он уже не лежал неподвижно, но взволнованно задвигался и начал говорить на бессмысленном для меня языке. Казалось, он вёл долгий разговор с кем-то, но, в конце концов, он стал вырываться, словно пытаясь сбросить с себя какое-то страшное бремя, и я понял, что пришло время вновь разжечь огонь. Я вошел в комнату, решительно избегая сырости, которая пыталась окутать меня своими кольцами. Вскоре разгорелся яркий огонь, и добрый доктор медленно ожил.

— Ты что-нибудь помнишь? — спросил я с тревогой.

— Да, я всё помню. Едва ли я могу поверить в это. Будет вторжение из океана во время следующего полнолуния. Монстры попытаются уничтожить весь цивилизованный мир, и ожидается, что последователи Б'Мота помогут в разрушении. Даже мне приказали помогать.

— Ты уверен, что это будет при следующей полной луне? — задал я серьёзный вопрос.

— Да. Следующее полнолуние — когда это?

Я сверился с календарем.

— Через неделю, — сказал я. — Есть ли у тебя

какие-нибудь мысли о том, где начнётся вторжение?

— Совсем никаких, но я полагаю, что оно начнётся где-то в нашей стране, — уныло сказал Прендергаст.

— Что ж, мы будем дежурить везде, — ответил я на это.

Д'Арланкур и я покинули госпиталь, и, поспешив в секретные службы, мы снова отправили несколько телеграмм, а также радиосообщения на корабли в море. Мы попросили всех внимательно следить за скоплением монстров, как в воде, так и на суше.

Мы провели несколько дней вынужденного безделья и теряли надежду на то, что сможем предотвратить ужасную катастрофу, которая вот-вот сокрушит нас. Нам было очень трудно повлиять на военное ведомство в этом вопросе, но, в конце концов, они согласились отдать приказ фортам в разных частях страны обстреливать что-нибудь необычное, принадлежащее животному миру. Это было всё, на что они были способны, и такой приказ был отдан скорее из вежливости, чем по какой-либо другой причине. И кто может обвинить их? Они привыкли сражаться с армиями, а не с духами.

С приближением дня полнолуния вооруженные силы мира, объединённые ради цивилизации, пребывали в тревожном ожидании. Затем мы получили сообщение с парохода «Малолана», курсирующего между Сан-Франциско и Гавайями. Радиосообщение, которое мы отправили несколькими днями ранее, оказалось эффективным. Капитан доложил, что видел стаю чудовищ, быстро плывущих к материку, прямо по судоходным маршрутам, образующим большой круг до Гонолулу. Их были тысячи, словно одеяло из рыб, огромных вне всякого сравнения, почти таких же больших, как его собственный пароход!

В течение дня поступали и другие сообщения от различных судов по маршруту большого круга на Гавайи, и все они упоминали об этом огромном множестве Существ. Президиум в Сан-Франциско был немедленно уведомлён, и мы взяли быстрый самолет, доставивший нас в Чикаго, Денвер и далее в Миллс-Филд.

Мы прибыли в Сан-Франциско в ту самую ночь полнолуния, после чего поспешили в форт. Военные суетились повсюду. Огромные выдвижные орудия, способные выстрелить снарядом на тридцать миль, были готовы к отражению атаки из морской пучины. Самолёты-разведчики парили в

воздухе, чтобы сигнализировать о приближении захватчиков. Телескопы с тревогой следили за Тихим океаном, что освещался лишь звёздами. Форт Майли также стал местом действия. Военно-морские станции в Бремертоне и Сан-Диего наблюдали за любым изменением курса со стороны полчищ из океана. И с полной луной они пришли! Океан на многие мили представлял собой бурлящую массу ужасающей необъятности. Зелёные тела прокладывали себе путь сквозь спокойную воду. Их плеск был отчётливо слышен наблюдателям на сторожевых постах гарнизона.

Поступил приказ: «Огонь!», и дальнобойные орудия изрыгнули послание смерти. Вновь и вновь снаряды падали в скопище раздутых существ. Тем не менее, монстры двигались медленно, неуклонно и непрерывно.

Воздух наполнился оглушительными адскими воплями и взрывами, когда орудия делали свою работу. Океан стал красным от крови Существ. И всё же они продолжали свою атаку!

Мины взрывались за пределами Голден-Гейта — мины, размещённые там, чтобы подрывать линкоры. Но твари по-прежнему наступали!

Самолёты сбрасывали бомбу за бомбой на них и возвращались за дополнительными боеприпаса-

ми, но наступление продолжалось! Густой туман, которого я научился бояться, окутывал океан — дыхание самого Бегемота во главе своих войск!

Время от времени грохотали орудия. Содрогались даже холмы. Из Форта Майли тоже пришел гром. Боевые корабли, стоявшие на якоре в Нави-Роу, приблизились к устью Голден-Гейта и своими бортами пытались остановить поток монстров. Те замедлили своё движение, и их число значительно уменьшилось, но всё же наступление остановить не удавалось.

Наконец, со станции береговой охраны на пляже пришло отчаянное сообщение, что враги выходят на берег. Охваченные паникой люди покидали свои дома и видели, как под тяжестью захватчиков те ломаются как спички. Орудия направили сосредоточенный заградительный огонь на место высадки монстров и разорвали пляж в клочья.

Под ярким светом огромных прожекторов я увидел медленные потоки красного цвета там, где продолжалась ужасная бойня; но наконец-то они повернули назад — обратно в океан, откуда они пришли. Туман рассеялся — Хозяин встретил свою судьбу? — и грязные твари тяжело поплыли прочь от берега, толкая при этом туши тысяч

своих мертвецов. Тем не менее, грохот пушек следовал за ними далеко-далеко до горизонта, до предела своей дальности стрельбы; и когда всё было кончено, мы безвольно опустились на землю, потеряв дар речи перед опасностью, с которой мы только что столкнулись.

Конечно, детали этого дела так и не стали известны общественности, но на следующий день мы получили телеграммы со всех концов света, рассказывающие о согласованной попытке этих созданий ужасного прошлого вернуть себе власть.

Из Индии приходили сообщения о вторжениях стай тигров и слонов-мамонтов; из Африки — о львах и других диких животных из леса; из Бирмы — о гигантских обезьянах, которые отнимали жизнь у людей; из Южной Америки — обо всех рептилиях, населявших амазонские леса. Но благодаря нашему знанию об их намерениях, все попытки были сорваны.

Разумеется, истории о поджогах нельзя было скрыть от прессы. О подрыве здания Маколиффа в Нью-Йорке узнали все. Жестокое убийство профессора Аткинсона в его собственной лаборатории экспериментальной гигиены тоже стало известно прессе. Во всем цивилизованном мире

полицейским силам было трудно справиться с угрозой низвержения цивилизации.

Но она победила, и силы разрушения были значительно уменьшены, хотя и не уничтожены; они никогда не могут быть уничтожены. Доктор Прендергаст теперь смеётся над туманом, а меня больше не пугает дождь.

Была ли верна моя гипотеза, что эти твари развернулись и ушли в открытое море, потому что Б'Мот умер? Не знаю, не знаю!

Перевод: А. Черепанов

Альтер С. Рейсс
Хроника Алията, сына Алията

Alter S. Reiss «The Chronicle of Aliyat Son of Aliyat», 2011

От автора: *Я принимал участие в раскопках двух важных для филистимлян мест: Ашкелона и Тель-эс-Сафи, который идентифицирован как филистимский Гат. Рассказ «Хроника Алията, сына Алията», основан на моём опыте работы там и интересе к ранним текстам. Я позволил себе некоторые вольности в отношении истории.*

Например, считается, что землетрясение 760 г. до н. э. произошло до проказы Уззии Иудейского, и это было вопросом геологии, а не теологии.

На пятнадцатом году правления Алията, сына Алията, сына Обедагона, из рода Каллиота, в город Ашдод прибыл изгнанник из горного царства Иудейского.

Стражники у ворот стали насмехаться над чужаком, закрывающим лицо платком. Тогда незнакомец отцепил ткань от одного уха, чтобы был виден уголок лица.

Когда стражники узрели, то лишились дара речи от страха и пали ниц.

Известие быстро дошло до царя, и он приказал привести чужеземца.

— Кто ты, иудей, что явился в мой город, скрывая лицо под платком, и перед кем в страхе преклонились стражники у ворот? — спросил царь.

— Выслушай меня, о царь Ашдода, — ответил незнакомец на старом ашдодском диалекте. — Горная Иудея подобна палке, прогнившей в сердцевине своей. Меня прогнали, и я обрёк её царя на проказу, а народ — на заклание. Я пожаловал к тебе, Алият, сын Алията, чтобы предложить драгоценные дары, благодаря которым враги

твои будут отброшены, а стены города поднимутся до самих небес.

Услышав это, вельможи, находящиеся при дворе, засмеялись, говоря:

— Кто же пришёл к трону Ашдода и изъясняется на старом ашдодском диалекте? Пусть он возвращается в Иудею, где в горах босиком пасёт овец, испив молодого вина.

И действительно, ноги странника были босы, а плащ покрывала дорожная пыль.

— Отрадно, что вы веселитесь, о дети Ашдода, — сказал незнакомец. — И славно, что радуетесь, о сыны Каллиота. Иудея опустошила вашу землю вплоть до равнины Газы и возводит новые города. На севере Ассирия становится сильной и гордой, а её арсеналы полнятся стрелами, жаждущими крови. Отрадно, что вы веселитесь, и славно, что радуетесь.

Лишь Алият, сын Алията, из рода Каллиота, не смеялся и не потешался.

— Тогда яви нам, — велел он, — доказательство даров, которые предлагаешь.

— Конечно, о царь Ашдода, — молвил чужеземец. — Пусть приведут раба и рабыню.

Когда тех привели, он перстом своим указал на них. Рабов моментально поразила проказа, и

лица их побелели от недуга, а сами несчастные упали на землю.

— Так сделал я, — объявил незнакомец, — с Уззией, сыном Амазии, изгнавшим меня из горной Иудеи. Тот, кто был могущественным царём, теперь заперт в доме за пределами столицы, и даже рабов не пускают туда, чтобы те не осквернились. Так поступлю я со всеми врагами Ашдода и с теми, кто замышляет предательство или измену.

Придворные изумились и ужаснулись, глядя на страдания раба и рабыни.

— Чего же ты хочешь, — задал вопрос Алият, сын Алията, — в уплату за то, что сделаешь для нас?

— Постройте храм длиной и шириной в пятьдесят локтей, с крышей из крепких брёвен, где я мог бы молиться моему богу и совершать обряды так, чтобы никто их не видел и не оплевал.

Строители Алията, сына Алията, возвели из прекрасного тёсаного камня храм длиной и шириной в пятьдесят локтей. Снаружи украсили золотом и драгоценными камнями, и только чужеземцу дозволялось входить в храм. Для жертвоприношений приводили туда быков и свиноматок, а ещё рабов и рабынь. Вскоре незнакомец выполнил своё обещание и принёс дары

Алияту, сыну Алията.

Какое-то время чужеземец беседовал со жрецами Ашдода, делясь некоторыми тайнами. Он поведал им многое из того, что они знали, а потом забыли, и что их беспокоило. Габридагон, не имеющий отца, верховный жрец Молоха[225], совершавший ужасные обряды и охранявший тайны своего храма, подолгу разговаривал с этим человеком. Затем его охватил великий страх, заставивший бежать из города Ашдода и больше не приближаться к землям филистимлян.

Увидев, что мудрость не очень-то и востребована, незнакомец принялся раздавать людям иные дары. Дал золото и серебро, прекрасное вино и маковый сок. Рабов и рабынь, красивых и трудолюбивых. Послушных лошадей, сильных в работе, и отборное зерно, заполнившее хранилища без труда жнецов.

Дары, преподнесённые царю Ашдода, оказались куда как больше этих. Враги Алията, сына Алията, среди знати и жрецов были поражены язвой, или с ними случались смертельные припадки, или их находили на суше с животами, наполненными водой, словно у утопленников.

---

[225] Примечания: 225

Молох — бог в семитской мифологии, которому приносили в жертву детей.

Ашкелон склонился в поклоне перед Ашдодом. Правитель Газы стал отсылать дань без задержек, видя укрепление могущества Ашдода.

По мере увеличения даров, раздаваемых чужеземцем, повышалась и цена. В храм сотнями приводили животных и рабов, чтобы утолять голод неведомого бога. Даже кровь жертв не покидала пределы храма, и дым от жертвоприношений не поднимался к небу.

В юности Алият прислушивался к голосу народа, но когда укрепился во власти, то перестал слушать горожан, жрецов ашдодских богов и представителей знатных родов. Как только погибал очередной недоброжелатель, царь отправлял его сыновей и дочерей в храм скрытого бога, откуда они никогда не возвращались.

В те дни верховным жрецом Дагона[226] в высоком храме Ашдода был Мелихибал, сын Абедизевува, сына Амнона Израильтянина. Его поразила почечная язва, и он умер в своём храме, совершая утреннее подношение. Народ сильно опечалился, так как любил Мелихибала, нелестно отзывавшегося о безымянном жреце неведомого бога.

---

[226] Примечания: 226

Дагон — бог земледелия и рыбоводства в семитской мифологии; покровитель филистимлян.

Ишбал, сын Мелихибала, когда узнал о смерти отца, рвал волосы на голове, резал свою плоть ножом, но делал это в тайном месте, чтобы никто не знал о его горе, и носил поверх вретища богатую одежду. «Когда царь услышит, что я не оплакиваю отца моего, — говорил Ишбал в сердце своём, — он поставит меня верховным жрецом Дагона в высоком храме Ашдода вместо него. И когда Алият придёт, чтобы принести жертву в праздник убывающей луны, я убью его ударом тяжёлого жреческого жезла. Так будет отомщена кровь отца моего». Ибо Ишбал знал, что смерть отца исходила от царя.

И случилось так, что Алият, сын Алията, сделал Ишбала, сына Мелихибала, верховным жрецом вместо почившего отца. В праздник убывающей луны, когда царь приносил жертву, Ишбал, сын Мелихибала, обрушил на его голову тяжёлый жреческий жезл. Кровь брызнула фонтаном, и оборвался жизненный путь Алията, сына Алията.

Увидев, что сделал верховный жрец, некоторые из сильных людей царя, которые были его стражей, пронзили мечами грудь Ишбала, сына Мелихибала, и тот испустил дух на алтаре Дагона. Но сердца народа, присутствующего в храме на

празднике, не были на стороне царя, и горожане вынули горящие шесты из жертвенного огня. Теми шестами избивали сильных людей царя до смерти. Затем толпа выплеснулась на улицы Ашдода.

Многие потеряли отцов или матерей в храме изгнанника из Иудеи. Многие потеряли сыновей или дочерей и видели, что земля их отдана чужаку, а правление Алията, сына Алията, стало ненавистным. Горожане подошли к царскому дворцу, разорили его, перебили всех слуг и придворных. Лишили жизни и Яншуф, царскую жену, и Реуму, наложницу, и сыновей Алията, так что правящая ветвь рода Каллиота полностью засохла.

Из разгромленного дворца люди пришли к храму чужеземца, в котором тот заперся, прослышав о смерти царя.

Медные ворота храма имели высоту в десять локтей. Толпа остановилась, не зная, что делать, поскольку ворота оказались слишком крепкими.

Тогда Зарикаш, сын Балнатана, могучий полководец, взял топор и срубил огромный платан, растущий неподалёку. Народ сделал таран из древесного ствола, чтобы силой открыть ворота храма.

Когда таран впервые ударил по воротам, изнутри раздался голос.

— Слушайте, жители Ашдода, и слушайте, сыны филистимские. Сегодня вы убили царя и пролили кровь царевичей. Вернитесь в свои дома и покайтесь в преступлениях, чтобы не быть непременно уничтоженными.

И в тот же миг всё золото и серебро, розданное незнакомцем, превратилось в слизь и грязь.

Когда таран во второй раз ударил по воротам, изнутри вновь донёсся голос.

— Слушайте, жители Ашдода, и слушайте, сыны филистимские. Баал не защитит вас, и Дагон отвернулся. Ашторет в слезах скрылась, и Зевув[227] удалился. Возвращайтесь в свои дома, чтобы последний из богов этой земли не покинул вас.

И в тот же момент зерно, которым чужеземец наполнил хранилища, полностью сгнило.

Когда таран в третий раз ударил по воротам, изнутри опять послышался голос.

— Слушайте, жители Ашдода, и слушайте, сыны филистимские. Иудея становится слишком гордой, и Эдом расширяет границы. На севере Ассирия собирает войско и готовит провиант

---

[227] Примечания: 227

Баал, Ашторет, Зевув — боги, относящиеся к семитской мифологии.

для завоевательного похода. Только благодаря силе Ашдод выстоит, а если навредите мне, то лишитесь третьей её части.

И тут же лошади, рабы и рабыни, подаренные чужаком, перевоплотились в бесформенных тварей, раздирающих плоть своих владельцев.

Когда таран в четвёртый раз ударил по воротам, створки распахнулись, и из храма вышел дух тления. Некоторые горожане упали замертво, вдохнув ядовитое зловоние, а многие заболели и не смогли оправиться. Однако народ продвигался вперёд и уже собирался войти в храм, как вдруг явилось нечто, подобного которому никогда не видели и не должны видеть.

Скрытый бог показался одним похожим на морского спрута, а другим — на гигантскую лягушку, но все понимали, что это истинное зло, и спасались бегством, закрывая лица, чтобы только не смотреть на него. Мужчины, штурмовавшие ворота, бросились наутёк, лишь Зарикаш, сын Балнатана, поднял свой острый меч и ударил чудовище. Но это не помогло. Когда лезвие коснулось шкуры существа, рука Зарикаша отсохла, а сам он лишился чувств там, где стоял.

Храмы Дагона и Баала были разрушены. Священные деревья Ашторет вырваны с корнями,

статуи прочих богов повержены, а жрецы поражены безумием или перебиты. Городские ворота Ашдода напоминали открытые раны, откуда струились потоки беженцев, словно горячая кровь.

Камни трещали там, где проходил неведомый бог, покинувший храм, и подземные воды отступали. Вдруг земля разверзлась, и образовавшаяся пропасть поглотила и чудовище, и храм, и изгнанника из Иудеи, и дома, и большинство жителей Ашдода.

Тогда заголосила сама земля:

— Горе мне, что такая мерзость взята в сокровенные глубины мои!

И случилось великое землетрясение, дошедшее даже до Моава и самых дальних пределов Египта. На жертвеннике скрытого бога погибли десятки тысяч несчастных, а от землетрясения — мириады. И Атишуф, сын Менелегара, который был среди тех, кто нёс таран к воротам храма, запел такую песню:

Башни Ашдода разрушены.
Гордость Газы сломлена.
Род Каллиота угас.
Корона филистимская потеряна.
Горе нам, детям Дагона.

Скорбим мы, последовавшие за Каллиотом с Запада.

Горе нашим сыновьям, обречённым на рабство.

Горе нашим дочерям, обречённым на рабство.

Башни Иерусалима разрушены.

Гордость Самарии сломлена.

Нет камня на камне в Лахише.

Гезер превратился в руины.

Кто поможет нам, когда ассирийцы придут?

Кто защитит от мечей Севера?

Арам повержен, Египет стал ямой разложения,

И вся наша сила утрачена.

Когда земля поглотила неведомого бога, некоторые больные исцелились, а обморочные очнулись. Ни один из пришедших в себя людей не рассказывал о том, что видел в беспамятстве, но всех их охватывал великий страх, когда они долго смотрели на морские воды или созерцали свет звёзд.

Зарикаш, сын Балнатана, уцелевший лишь чудом, стал царствовать в Ашдоде после Алията, сына Алията. Правая рука Зарикаша была парализована с того момента, как он ударил чудовище, а ещё его донимали ночные кошмары. На двадцатом году правления Зарикаша, в то вре-

мя года, когда влияние звезды Собаки наиболее сильно, из глубин океана поднялись на поверхность диковинные рыбы. Увидев это, Зарикаш сбросился с самой высокой из дворцовых башен, и никто не мог объяснить почему.

Балдад, сын Зарикаша, из рода Балнатана, царствовал в Ашдоде семь лет. Затем он заболел горячкой крови и умер, а на трон взошёл Атишуф, сын Балдада, из рода Балнатана. На тридцать втором году своего правления Атишуф, сын Балдада, был пленён ассирийцами. Сам он, как и весь его род, сгинул на чужбине за Евфратом.

Перевод: Б. Савицкий

Дуэйн Римел
Музыка звёзд

«Рядом с маршрутами наших дневных прогулок есть чёрные зоны мира теней, откуда время от времени прорываются на свет посланники кошмара».

— Г. Ф. Лавкрафт, «Тварь на пороге»

Duane W. Rimel «Music of the stars"

Перевод впервые на русском языке. Рассказ относится к межавторскому циклу «Мифы Ктулху. Свободные продолжения». Д. Римел известен тем, что написал в соавторстве с Г. Ф. Лавкрафтом рассказы «Дерево на холме», и «Волшебство Эфлара». «Музыка звёзд», — неплохой рассказ, но очень уж заметно подражание Лавкрафту (Тварь на пороге, Из потустороннего мира, Крысы в стенах, Музыка Эриха Цанна).

Меня называют убийцей, потому что я хладнокровно убил своего лучшего друга. Однако попытаюсь доказать, что поступив так, я совершил акт милосердия — устранил нечто, что никогда не должно было прорываться в наш трёхмерный мир, и спас своего друга от ужаса, что хуже смерти.

Люди будут читать это и смеяться, они назовут меня сумасшедшим, потому что многое из того, что случилось, не может быть выражено словами и доказано в суде. В самом деле, я часто задаюсь вопросом: созерцал ли я истину? Я, тот кто видел ужасный конец. Есть много такого в нашем мире и в других мирах, что наши пять органов чувств не воспринимают, а то, что лежит за их предела-

ми, можно найти только в буйном воображении и в сновидениях.

Я лишь надеюсь, что убил своего друга вовремя. Если я могу поверить в то, что вижу в своих снах, — я проиграл. И если я выжидал слишком долго, прежде чем выпустить ту последнюю пулю, то мне останется лишь приветствовать судьбу, что угрожает пожрать меня.

Мы были друзьями с Фрэнком Болдвином в течение долгих одиннадцати лет. Это была дружба, которая усилилась с течением времени, так как мы оба живо интересовались необычной музыкой и литературой. Мы родились и выросли в одной и той же деревне, и как часто отмечал один очень образованный автор и наш корреспондент из Провиденса, это было очень неординарным явлением — сразу два человека с такими странными увлечениями в деревне, где население составляет меньше шести сотен жителей. Это было удачно, да; но теперь я бы желал, чтобы мы никогда так глубоко не исследовали сферы ужасного и неизвестного.

Беспокойство началось 13 апреля 1940 года. В тот день я навестил своего друга, и во время разговора на разные темы он намекнул, что обнаружил на пианино несколько сочетаний нот, которые

потревожили его. Это произошло вечером, и мы были одни в огромном, двухэтажном доме, который стоит там и поныне под гигантским клёном, заплесневелый и пустой, как костлявое напоминание об ужасе, который мы выпустили на свободу в одной из комнат.

Болдвин был очень способным пианистом, и я восхищался его талантом, который затмевал мои скромные возможности в игре на музыкальных инструментах. Дикая, странная музыка, которую он любил, часто навевала на меня приступы меланхолии, причины которой я не мог понять. Поистине жаль, что ни одна из его оригинальных нотных записей не сохранилась, поскольку многие из них были классикой ужаса, а другие — столь фантастическими, что я сомневаюсь, можно ли их вообще назвать музыкой.

Его заявление обеспокоило меня. Раньше у него была полная уверенность в том, что во время упражнений на пианино, он просто нажимает клавиши наугад. Я предложил свою помощь. Ничего не говоря, он направился к пианино, включил стоящий рядом торшер и сел за инструмент. Его тёмные глаза уставились на клавиши; гибкие, белые пальцы на мгновение зависли над клавиатурой, затем опустились.

Раздался необычный каскад звуков, когда Болдвин пробегал пальцами по всем клавишам пианино от начала одной октавы до конца другой. Его музыка состояла из серий необычных нот, что ошеломили и удивили меня. Я никогда не слышал ничего подобного; это было что-то «не от мира сего». Я зачарованно слушал, как его летающие пальцы создавали любопытную симфонию ужаса. Я не могу описать ту музыку никакими другими словами. Мелодии были жуткими и неземными, и проникали в самую душу. Это не было похоже на обычную классическую музыку, как, например, «Остров Мёртвых», Рахманинова или на «Пляска Смерти», Сен-Санса. Это было извилистое, музыкальное безумие.

Наконец, произведение моего друга закончилось резким диссонансом, и напряженная тишина разлилась по тёмной комнате. Болдвин повернулся ко мне и приложил палец к губам. Он указал на стену позади пианино. Сначала я подумал, что он шутит, но когда увидел его бледное, красивое лицо, вытянутое и взволнованное, то посмотрел на затемнённые стены и прислушался.

Некоторое время я ничего не слышал; затем слабый, коварный шелест нарушил тишину.

Возможно, это была мышь, бегающая по полу на верхнем этаже. Но этот звук доносился из стен. Лёгкий топот крошечных когтей по дереву, шелест маленьких тел… крысы! Множество крыс, карабкающихся по стенам. Постепенно писки и царапанье уменьшились и превратились в струйку звука, которая, затихая, исчезла в направлении подвала.

Я встал, дрожа. Болдвин смотрел на меня, его глаза блестели, а челюсти были сжаты.

— Я сделал это, Рамбо; я всегда думал, что смогу. Это музыка, что заставляет двигаться любое животное, даже нас самих. Вспомните Гамельнского Крысолова… Я сам повторил его историю! Но я намерен пойти дальше; я собираюсь сочинить произведение, которое будет сводить людей с ума; хочу научиться музыке звёзд… даже если мне придётся использовать для этого специальные инструменты.

Я хотел пропустить его слова мимо ушей, как шутку, но друг был очень серьёзен. Болдвин всегда был несговорчив, и я знал, что любые аргументы тут бесполезны. Однако, должен признать, что сама его идея начала очаровывать меня, ослабляя барьеры в моём уме, возникшие было, когда я услышал о его странных планах. Посколь-

ку интерес ко всему сверхъестественному и жуткому является не только чертой Болдвина, но и моей, то странная музыка пробудила и моё любопытство. Всё же я был настроен скептически, и высказал ему свои сомнения. Я не совсем понял к чему он стремится; наверное, тогда Болдвин и не думал об этом, но возможности такой музыки были потрясающие.

Мы читали о странной истории Эриха Цанна и о судьбе, которая его постигла, когда он с помощью игры на виоле боролся с угрозой из запредельной пустоты. Мы также были осведомлены о музыке дикарей, с помощью которой некоторые племена на Гаити призывают своих злых богов.

Мы в течение многих лет пытались найти копии различных запретных книг, содержащих знания древних: «Некрономикон», безумного араба Абдула Альхазреда, таинственную «Книгу Эйбона», и омерзительную «De Vermis Mysteriis», Людвига Принна, но напрасно. Нам приходилось возбуждать в себе ощущения присутствия сверхъестественного более простым способом — проводить ночи в домах с привидениями и на замшелых кладбищах, выкапывая трупы при свечах. Но нам хотелось чего-то настоящего, хотя оно всегда ускользало из наших пальцев. Даже наш

начитанный друг из Провиденса не мог помочь нам. Он читал отрывки из нескольких не столь ужасных сочинений и предостерегал нас снова и снова. Сейчас я даже рад, что мы так и не нашли тех книг, поскольку то, что мы выкапывали на кладбищах, уже было достаточно отвратительным. Мне даже хочется верить, что этот наш друг воспользовался своими связями среди оккультистов и посоветовал им спрятать запретные книги от нашего взора. Конечно, несколько хороших направлений поиска растворились в воздухе.

Во время одного моего обхода книжных магазинов в Споукейне я нашел, чисто случайно, английский перевод «Хроники Натх», слепого немецкого мистика Рудольфа Йерглера, который в 1653-м году закончил эту свою монументальную работу, как раз перед тем, как его зрение стало портиться. После выхода первого издания книги автор был отправлен в сумасшедший дом в Берлине и изолирован от общества. Даже изменённый переводчиком Джеймсом Шеффилдом (1781), текст Йерглера был безумен и находился за гранью воображения.

Болдвин вновь и вновь обращался к пассажам из «Хроник Натх», пытаясь постепенно восстановить принципы создания музыки звёзд. И это

пугало меня, ведь я тоже читал эти «Хроники», и знал, что книга содержит необычные образцы музыкальных ритмов, разработанных для призывания определённых чудовищ, рожденных среди звёзд, в ядре Земли, и в других мирах и измерениях. При этом Йерглер не был музыкантом, и скопировал ли он формулы из более древних книг или сам их изобрёл, я так и не смог выяснить. Мечтания Болдвина были, конечно странными.

Он сказал, что подготовительная работа потребует от него уединения, по крайней мере, в течение недели. Это дало бы ему достаточное количество времени, чтобы расшифровать зловещие формулы в древней книге и перенастроить «Лунакорд», — музыкальный инструмент, стоявший на втором этаже его дома. Болдвин хорошо разбирался в технике и нашел на своём инструменте такие сочетания звуков, которые сбили с толку его коллег-музыкантов. Милт Херт, известный своими выступлениями на радио, сделал то же самое на Органе Хаммонда, который внешне напоминает «Лунакорд». Звуки «Лунакорда», фактически являются электрическими импульсами, которыми управляют пятнадцать циферблатов на причудливой панели, расположенной над двумя клавиатурами. Они способны подражать

любым инструментам от басового рожка до малой флейты. Вариации звуков бесконечны. Болдвин посчитал, что существует более миллиона таких вариаций звуков, хотя многие звуки не будут отличаться друг от друга. Вначале я задавался вопросом, как он планировал воспроизвести такую эксцентричную музыку на обычном пианино; но здесь было уже готовое решение — научное достижение, ждущее применения.

Мой энтузиазм уменьшился, когда я шёл домой под светом бледного полумесяца. Мой друг не разъяснил конкретно, что он намеревался вызвать с помощью своей тревожной музыки. Сам Йерглер был особенно туманен в этом пункте, либо переводчик Шеффилд выбросил эту часть отвратительного текста — абсолютно логичное предположение. В самом деле, что земная музыка, то есть звуки, которые способно услышать ухо человека, может вызвать из пропасти чего-то полностью неземного? Но всё протестовало во мне против такой теории. Болдвин играл с огнём, но сами пределы человеческого познания о пространстве, времени и бесконечности будут мешать ему обжечься. Однако, Йерглер сделал это; или что-то столь же плохое, и я вспомнил предисловие Шеффилда, который написал осто-

рожный отчёт о таинственной смерти алхимика в сумасшедшем доме.

Во время мощной грозы снаружи здания и над комнатой Йерглера прозвучала отвратительная какофония звуков. Казалось, что она звучит с самых небес. Затем загрохотали ставни на окне; дикий крик; и Йерглер был обнаружен в углу комнаты — он словно внезапно рухнул на пол от запредельного ужаса. Мёртвые выпученные глаза, на лице и теле множество отверстий, которые напоминали ожоги, но не являлись ими. Однако я знал, что многие летописцы средневековья имели прискорбную привычку всё грубо преувеличивать и искажать.

Ожидание, пока пройдёт неделя, было для меня невыносимым. Я осознавал, что Болдвин был совсем один в той комнате на втором этаже. Он, наверное, всё листал ту древнюю богохульную книгу и сочинял странную музыку на дьявольской машине. Наконец, наступила суббота, и я подошёл к двери своего друга около часа дня, потому что знал, что Болдвин уже много лет спал до обеда и не видел восхода солнца. Приободрившись от вида струйки дыма из покосившегося дымохода, я открыл провисшие деревянные ворота, прошёл под тенью клёна и постучался во

входную дверь.

Дверь открылась, и я был потрясён изменениями в лице моего друга. Он постарел на пять лет; новые морщины появились над его бровями. Его приветствие было механическим. Мы сидели в комнате и беседовали, в то время как он зажигал одну сигарету за другой.

Когда я спросил друга, спал ли он и ел ли он что-то существенное, он отказался отвечать. Болдвин сам делал всю работу по дому, и если никто за ним не смотрел, то никогда не ел больше чем требуется для поддержания себя наполовину живым. Я сказал ему, что он выглядит ужасно, но Болдвин только отмахнулся рукой. Какие адские силы превратили его в измождённое подобие того, кем он был раньше? Я выразил протест и потребовал, чтобы он бросил ту зловещую музыку и немного отдохнул. Друг не хотел меня слушать.

Я начал пугаться того, что он обнаружил, поскольку было очевидно, что он достиг какого-то успеха. Само его поведение говорило об этом. Без дальнейших объяснений он заметил, что будет занят весь день и велел мне вернуться в половину одиннадцатого вечера. Я спросил об его экспериментах, но не получил ответа. Я уехал, обещав вернуться в назначенный час.

Когда я вновь постучал в его дверь, у меня в кармане уже был револьвер 38-го калибра, который я купил в городе после полудня. Я не могу сказать точно, в кого планировал стрелять; этот поступок был вызван чувством нависшей трагедии. Болдвин явно о чём-то умалчивал, и мне это не нравилось. Раньше он всегда рассказывал мне о своих успехах и открытиях.

Не говоря ни слова Болдвин привёл меня в комнату на втором этаже. Указывая мне жестом на кресло около «Лунакорда», он сел на стульчик и повернул выключатель, который управлял электродвигателями. Бледность и худоба его лица испугали меня. Он затушил свою сигарету и повернулся ко мне.

— Рамбо, ты был очень терпелив, и я знаю, что тебя всё это очень беспокоит. Ты также думаешь, что я убиваю себя. Я отдохну немного, когда закончу… здесь. Я думаю, что нашёл то, что искал — ритм пространства, музыку звёзд и вселенной, которая может быть очень близко или очень далеко. Ты помнишь, как мы охотились за теми книгами — Некрономиконом и прочими? Этот перевод сочинения Йерглера не очень понятный, но я попытался устранить пробелы и воспроизвёл результаты, на которые он намекал.

Видишь ли, в самом начале было два совсем разных типа музыки — тот, который мы знаем и слушаем сейчас, и другой, который на самом деле вообще не является земным. Та музыка была запрещена древними, и только историки ранних веков помнят её. Ныне элементы негритянского джаза восстановили некоторые из этих эксцентричных ритмов. Они почти получили его! Эти полиритмические варианты близки к оригиналу; в буги-вуги есть прикосновение к той музыке. Эрл Хайнз в своей импровизации «Дитя Беспорядочного Мозга», подошёл очень близко…

Не могу сказать, что произойдёт. Вчера я получил письмо от Ланкастера из Провиденса, и он положительно боится! Я написал ему в прошлый раз о своих планах.

Он, наконец, признался, что прочитал оригинал «Хроник», и эта книга бесконечно ужаснее, чем тот перевод, что есть у нас. Ланкастер неоднократно предупреждал меня относительно воспроизведения такой музыки. Он боится того, что я сочинил. По сути, это не может быть записано в нотной тетради — нет таких символов! Это потребовало бы нового музыкального языка. Я ещё не начал эксперимент, однако… он не может быть очень плохим. Ланкастер пишет, что может

случиться некое проявление силы. Такая музыка может призвать определённую сущность из теней иного измерения.

То, что я изобрёл, конечно, не может вызвать ничего подобного, но эксперимент будет интересным. И помни, Рамбо, не прерывай меня.

Я хотел схватить его за шею и встряхнуть, чтобы привести в чувство. Я дважды открыл рот, но не вымолвил ни слова. Болдвин начал играть на «Лунакорде», и шепчущие звуки заставили меня замолчать быстрее, чем если бы мой рот закрыли рукой. Я должен был слушать; гений не разрешит ничего больше. Я был околдован, мои глаза парализовало от созерцания летающих пальцев друга.

Музыка возвысилась, следуя странным узорам из ритмов, которых я никогда не слышал прежде и надеюсь никогда не услышать вновь. Они были неземными, безумными. Музыка глубоко возбуждала меня; я чувствовал мороз по коже, мои пальцы дёргались. Я согнулся на краю кресла в напряжении и тревоге.

Волна холодного ужаса охватила меня, когда ужасная мелодия и дополнительный аккомпанемент возросли до наивысшей степени. Инструмент сотрясался и визжал в агонии. Бе-

зумная фантазия, казалось, вышла за пределы четырёх стен комнаты, вызывая содрогание в других сферах звука и движения, как будто некоторые ноты избегали моих ушей и уходили в другое место. На бледных губах Болдвина застыла мрачная улыбка. Это было безумие; ритмы были намного старше чем само человечество и бесконечно ужаснее. Они издавали запах разложения, которому не было названия. То было зло — зло, подобное песне друида или колыбельному напеву вампира.

Это произошло во время внезапного затишья в музыке. Окно в потолке над нами грохотало, и лунный свет, брызгающий сквозь окно, казалось, превращался в жидкость и мчался вниз. Одиночный удар интенсивной белизны разбил стекло, и вся рама проломилась внутрь. Обломки с грохотом рухнули на пол. Торшер потускнел и погас. Тем не менее безумная увертюра продолжалась, её отвратительное эхо, от которого трясся весь дом, казалось, достигло бесконечности и коснулось самих звёзд…

В тусклом, изменчивом свете луны я видел, как мой друг склонился над клавиатурой, не обращая внимания ни на что, кроме музыки. Затем над его головой я заметил что-то ещё. Вначале это

выглядело только как более глубокая тень. Затем оно двинулось. Я открыл рот и закричал, но звук потерялся в том хаосе ужаса.

Капля тени плыла вниз — бесформенная масса более плотной черноты. Она увеличилась в объёме и постепенно приняла форму. Я увидел пылающий глаз, слизистое щупальце и ужасную лапу, что вытягивалась вниз.

Музыка оборвалась, и тишина чрезвычайной пустоты окутала нас. Болдвин вскочил на ноги, повернулся и посмотрел наверх. Он завопил, когда чернота подвинулась ближе, и коготь из дыма схватил его. Лицо моего друга в тусклом свете стало маской ужаса.

Я нащупал оружие в своём кармане, пристально смотря как тень корчится и медленно обволакивает голову Болдвина. Шатаясь подобно зомби, он поднял руки, чтобы оттолкнуть чудовище, но они потерялись в растущей тени.

Я, должно быть, немного лишился рассудка в тот момент, поскольку могу вспомнить лишь некоторые моменты. Знаю, что набросился на облако, пытался ударить его кулаками. Мои руки ничего не коснулись, хотя я вспоминаю зловоние. Револьвер каким-то образом оказался в моей руке, и я пять раз выстрелил в эту массу. Пули по-

пали в стену и ни во что больше. Что-то ударило меня в висок, и я упал на спину. Возможно, это была одна из лап чудовища или рука Болдвина; не знаю.

Грохот беспорядочных звуков привёл меня в чувство. Я лежал на спине на залитом лунным светом полу, с револьвером в руке. Противный запах заставил меня встать на колени, хватая ртом воздух. Болдвин резко упал назад на клавиатуру. Зазвучали беспорядочные ноты, наполняя комнату страшным диссонансом. Я не мог видеть ужас, но чувствовал, что он рядом.

Голова Болдвина покатилась и вздернулась. Она больше не была человеческой, она стала чем-то ужасным и чужим. Голова была усеяна крошечными каплями крови и изрешечена отверстиями, которые были похожи на ожоги и что-то ещё. Его губы искривились, и он стонал через сжатые зубы:

— Рамбо! Рамбо! Я не могу видеть… Ты здесь?… Оно захватило меня… часть меня!.. Спасай свою жизнь! Выстрели в меня! Убей меня! Я не могу позволить ему получить остальное…

От его призыва я застыл в ужасе. За то мгновение я словно прожил десять лет. Я забыл о невозможной тени и потаённом страхе. Я видел

только лицо друга и вспоминал о приятных событиях во время нашей дружбы. Думал о мирных солнечных днях, проведенных в серьёзных разговорах под огромным клёном; думал о спокойных вечерах и обычной музыке.

Но те видения угасли, и ужас возвратился. Болдвин опустился ниже, его руки отцепились от инструмента, и он упал на пол, обратив лицо к лунному свету. Последнее ужасное эхо достигло моих ушей, а затем наступила тишина. Я видел ужасную тень около его головы, её нащупывающие когти потянулись к…

Я больше не мог ждать. Я знал, что Болдвин имел в виду именно то, что он сказал. Дрожащей рукой я поднял револьвер и выстрелил ему в висок. Мое последнее сознательное усилие было безумным бегством вниз по витой лестнице. Споткнувшись, я упал в яму темноты.

Несколько часов спустя я очнулся и нащупал выход из дома, шатаясь в лунном свете. Мое сознание было пустым; я мало что мог вспомнить. Страшные события хаотично перемешались в голове. Убегая, я оглядывался назад, взирая на верхушку темного фронтона около комнаты моего друга.

Я дал признательные показания, и полагаю,

что судья и присяжные постановят повесить меня. Я не могу упрекнуть их в таком решении. Они никогда не поняли бы, почему я убил своего друга. И теперь я также должен заплатить своей жизнью за вмешательство в те запретные сферы кошмара.

По особому решению суда все рукописи Болдвина были сожжены, включая копию зловещей книги Йерглера. Похоже, соседи слышали крики и дикую музыку.

А теперь другой ужас преследует меня. Часто в своих снах я вижу туманное облако чрезвычайной черноты, спускающееся с ночного неба, чтобы поглотить меня. И в центре того облака я вижу лицо, отвратительное искажение чего-то, что однажды было человеческим и нормальным — лицо моего друга; смятое и сожжённое. Должно быть, ужасное лицо Йерглера было таким же.

Перевод: А. Черепанов

Жан Рэй

Странные опыты доктора Паукеншлагера

Jean Ray «Les Etranges etudes du Dr. Paukenschlager», 1923

Это была «ве», латинская буква «V».

Два ряда пурпурных буков по сторонам дороги сходились на горизонте, вырисовывая на сумеречном небе эту гигантскую букву.

Несколько бледных звездочек прокололи небосвод в самой вершине острого угла.

Именно в этот момент меня охватило своеобразное чувство дурноты, ничем не оправданный страх, заставивший нажать на акселератор автомобиля.

Буква «V», продолжала своё величественное заглавное шествие.

Кто скажет мне, почему я, находясь в полном одиночестве, на бесконечной дороге среди болот и пустошей, поросших утесниками и папоротниками, почему я вдруг начал вспоминать слова, начинающиеся на «ве», и произносить их во весь голос?

— Ваганка… Воронка… Валет… Вампир…

— Вот именно! — пронзительно закричал кто-то рядом со мной.

Я затормозил так резко, что чуть не перевернулся. На тенистой обочине дороги находилось странное создание: мне сразу бросился в глаза длинный сюртук, над которым возвышался цилиндр неизвестной модели; лицо почти полностью закрывали огромные темные очки.

— Это именно то слово, которое я пытался вспомнить. Не думаете ли вы, что…

Только теперь я разглядел желтое морщинистое лицо и пару глаз, в которых светился недюжинный ум.

— Извините, — продолжал чудак. — Я профессор Паукеншлагер. Следовательно, вы согласны со мной: это…

Внезапно профессор отскочил назад на несколько шагов, и его небольшую физиономию, похожую на зимнее яблоко, исказила комическая гримаса крайнего удивления и гнева.

— Или вы действительно ничего не знаете о моей работе, — завопил он, — или вы шпионите за мной, и тогда вы просто каналья!

— Добрый вечер, господин профессор, — сказал я — Вы явно свихнулись. Итак, добрый вечер и

прощайте!

Я протянул руку к стартеру.

— Нет, вы просто так не уедете!

Голос профессора прозвучал резко и властно. Одновременно я увидел — со вполне понятным испугом — направленный мне прямо в грудь большой автоматический пистолет.

— Я стреляю достаточно метко, — с издевкой заявил странный тип. — При первом же движении, которое мне не понравится, я убью вас, господин посланец доктора Тоттони.

— Доктора Тоттони? — воскликнул я с искренним удивлением. — Но я не знаю такого.

— Ладно, ладно… Тогда объясните, что вы делаете здесь, на этой пустынной дороге, по которой давно никто не ездит, и почему вы прокричали такие мерзкие, хотя и правильные слова?

Я попытался объяснить ему, что просто сбился с дороги.

— Возможно, — ответил профессор, — но у меня нет ни времени, ни желания проверять правдивость ваших слов. Что касается меня, то думаю, что я не был так уж не прав, когда заявил об агенте презренного Тоттони. Кроме того, я совсем не возражаю, чтобы кто-то из его сторонников присутствовал при моем триумфе.

— Господин профессор, — робко попытался я перебить его.

— Замолчите! Ваш автомобиль позволит мне наверстать упущенное время. Вперед! Съезжайте на эту проселочную дорогу слева. По ней вполне можно проехать… Но помните: при малейшем подозрительном движении я стреляю!

Мы остановились на опушке небольшого леса из высоких черных елей.

— Это здесь! — заявил профессор. — Вы поможете мне собрать небольшой прибор. Потом, если захотите, можно будет отдохнуть. Но прежде всего дайте слово, что не попытаетесь удрать!

— Зачем вам слово канальи?! — ухмыльнулся я.

На мне остановились зеленые огни сверкающих глаз.

— Я внимательно наблюдал за вами, пока мы ехали сюда, — медленно сказал профессор, — и теперь убежден, что Тоттони не посылал вас. Думаю также, что если сейчас отпустить вас, то вы обрадуетесь гораздо меньше, чем можно было бы предположить.

Это был не человек, а дьявол; он просто читал мои мысли.

— И подозреваю, — продолжал профессор, —

что научный аспект приключения, которое позволю пережить вместе со мной, окажется для вас пустым звуком, потому что вы будете воспринимать все происходящее как журналист, то есть очень поверхностно…

— Откуда вы знаете, что я журналист?!

— Не задавайте дурацкие вопросы! Вы же сказали мне, пытаясь объяснить своё присутствие на этой дороге, что направлялись на открытие какого-то памятника на побережье.

— Да, это так!

— И вы направляетесь туда за двадцать четыре часа до начала столь незначительного события? Кто, кроме журналиста, способен на подобную глупость?

Его доводы меня не убедили. Я подозревал, что ученый с горящим взглядом действительно мог читать во мне столь же легко, как в открытой книге.

— Тем не менее, — продолжал он, — за те несколько лет, что провели в тропиках, вы приобрели вкус к приключениям и опасностям.

— Но…

— Никаких «но»! Мушиные точки следов от шприца для подкожных инъекций прекрасно видны на ваших запястьях! А теперь настроим

мой прибор и подождем, что произойдет после этого. Имейте в виду, что я в долгу за мое первоначальное пренебрежительное отношение к вам.

— Могу ли я узнать…

— Куда собираюсь захватить вас с собой?

— Вы меня… захватите с собой?

— Хорошо, скажу: я захвачу вас в мир четвертого измерения!

* * *

— Мой дорогой профессор, — сказал я, когда мы уселись возле странного прибора, состоявшего из двух небольших индукционных катушек — по крайней мере, мне показалось, что это были индукционные катушки, — и торчавшей над ними антенны из блестящего металла, — мой дорогой профессор, я хотел бы записать кое-что.

— Это ваша работа; даже если я совсем свихнулся, как думаете, все равно наберется достаточно материала для статьи, и она будет отнюдь не хуже того, что вы собирались нацарапать об открытии памятника…

На этот раз стало совершенно ясно, что мои мысли были прочитаны, и прочитаны идеально точно; какое-то чувство полнейшей беспомощности и отчаяния охватило меня.

* * *

Наступила ночь, черная, как чернила. Нас освещали фары стоявшего поблизости моего автомобиля. Профессор долго говорил о своих исследованиях, однако запретил стенографировать. Поэтому пришлось торопливо набрасывать в блокноте отдельные слова и обрывки фраз:

«Четвертое измерение… Эйнштейн, точка совмещения… промежуточный мир… уравнение восемнадцатой степени… бесконечное множество чисел… следовательно, вибраторы с неограниченной частотой… поразительная формула…»

В общих чертах я резюмировал сказанное профессором следующим образом:

«Существует рядом мир, невидимый и недостижимый для нас, ибо находится в иной плоскости существования. Тем не менее он способен странным, преступным образом, согласно профессору Паукеншлагеру, сочетаться с нашим миром. Поэтому на Земле есть точки, в которых барьер между соседними мирами не столь непроницаем, как обычно».

Небольшой песчаный бугорок, на котором мы расположились, по-видимому, относился к числу

таких точек, имеющих странную привилегию.

Прибор профессора предназначался для того, чтобы создать особые вибрации, способные, можно сказать, буквально проломить дверь в таинственный мир.

Но каким образом? Он не сказал об этом ничего; говорит только об электронах и интегралах.

Ночь продолжала сгущаться; резкий ветер трепал ветви деревьев; профессор изредка поглядывал на звезду, серебряным гвоздиком торчавшую на темной лазури над вершиной огромной ели.

Полночь… час ночи… два часа… Начинает ощущаться усталость. Паукеншлагер протягивает мне фляжку, наполненную великолепной бодрящей жидкостью; она прогоняет сон и даже вызывает чувство тихой радости.

Три часа… Ветер стих. Вокруг абсолютная тишина. Я хлебнул немного из фляжки, и у меня прекрасное настроение. Профессор покрывает страницу за страницей в своей записной книжке сложнейшими расчетами.

Серые тона затопили окрестность. Карандаш профессора продолжает бешено метаться по бумаге. Неожиданно он откладывает блокнот и рывком сдвигает свой прибор в сторону, бор-

моча:

— С точностью до метра…

Две ночные птицы почти коснулись наших голов во время своего бархатного полета. На болоте, над которым серел рассвет, прокричала выпь. Страшно заверещал какой-то зверек, очевидно, схваченный кровожадной лаской.

Профессор прекратил расчеты и прислушался к жалобному эху совершившегося во мраке небольшого преступления. Потом как-то странно посмотрел на меня.

Внезапно в тишине возник отдаленный звук, очень тихий, очень мелодичный. Мне показалось, что он слетает с антенны.

Паукеншлагер тут же бросил записную книжку и уставился на звезду над вершиной ели. Она немного опустилась к горизонту, и теперь я видел ее поблекший огонек сквозь густые ветви.

— Молодой человек! — закричал внезапно профессор, и его лицо страшно побледнело, искаженное невероятным ужасом. — Бегите прочь, еще есть время… Бегите к дороге… Я не имею права…

Теперь антенна завибрировала на высокой длинной ноте.

— Поздно! — завопил он.

И в этот момент рядом с нами появился бродяга.

* * *

Он неожиданно вышел из-за деревьев, тощий, грязный и жалкий; недоверчиво остановился, подозрительно присматриваясь к нам.

— Бегите прочь! — закричал ему ученый.

В мутном взгляде бродяги вспышкой мелькнул гнев.

— Бегите сами, если хотите, — проворчал он. — Я здесь у себя дома и...

Окончание его фразы пропало в неожиданно раздавшемся потрясающе оглушительном ударе гонга.

На верхушке антенны вспыхнул длинный язык ослепительного голубого огня, похожего на римскую свечу фейерверка.

— Теперь же, скорее сюда! — заорал профессор, протянув руки к бродяге.

Однако тот отшатнулся, сделал несколько шагов вбок, как вдруг произошло нечто ужасное: у него исчезло лицо!

Я хочу сказать, что на том месте, где долю секунды назад мы могли видеть его глаза, щеки, рот, не было ничего, кроме четкого гладкого крас-

ного среза, мгновенно покрывшегося бурлящей кровью… словно чудовищный невидимый тесак обрушился на лицо несчастного.

— Он высунулся за защитную зону прибора, — прорыдал профессор. — Я догадывался об этом… Это ужасно, это…

* * *

То, что вы прочитали, — точная копия записей в блокноте Денвера, репортера «Большой турбины», пропавшего несколько месяцев назад при обстоятельствах, оставшихся загадочными. Его автомобиль обнаружили брошенным поблизости от дороги, на опушке небольшого елового перелеска.

В нескольких шагах от машины, на пятачке в десяток квадратных метров, были видны следы отчаянной схватки; здесь же валялся втоптанный в песок блокнот.

Через пару дней после этого зловещего открытия живший поблизости крестьянин, направлявшийся на своё поле, расположенное рядом с жутким местом, подобрал комок бумаги — две смятые страницы из того же блокнота, покрытые скачущим почерком и — странная деталь — сильно выпачканные в крови.

Увы, записи, расшифрованные с большим трудом, ничем не помогли при разгадке тайны случившегося.

«Мы находимся, — писал Денвер, — все на том же песчаном бугорке, но на окружающий нас пейзаж накладывается едва различимый, словно прозрачный мир. Еловый лес виднеется сквозь почти идеально прозрачный конус, заполненный чем-то вроде сильно бурлящего дыма. С десяток больших сфер, похожих на странные пузыри, подпрыгивают над болотом; они заполнены тем же клокочущим дымом. Я отдаю себе отчет в том, что только дым и позволяет разглядеть конус и шары».

Далее почерк становится неровным, словно обезумевшим, и почти неразборчивым.

«Это не дым у них внутри, это глаза, руки, когти, какие-то другие кошмарные органы… Тело бродяги было проглочено конусом. Паукеншлагер просит у меня прощения…

Прибор горит…

Грохот… Белое пламя… Кто-то схватил профессора, и он исчез… На мое лицо хлынул кровавый ливень…

В небе надо мной появились жуткие глаза, пристально уставившиеся на меня… Рука… Боже!..»

* * *

Денвер так и не появился, и никто никогда его не видел. Расследованием было установлено, что профессор, немец по происхождению, носивший фамилию Паукеншлагер, проживал в Ленде.

Он пропал из своего дома за несколько дней до странного происшествия.

Обыск у него дома не обнаружил ничего существенного, если не считать того, что ученый перед отъездом старательно и методично уничтожил приборы и сжег все бумаги.

Хорошо известного в районе бродягу по имени Рикки Камперс тоже так и не удалось найти.

Удивительные факты были сообщены нью-йоркским журналом «Юсай ик Ревью»: именно в день загадочного исчезновения профессора и журналиста, точно в тот же час знаменитый американский медиум Марлоу погрузился в необычный транс. Он бросился к черной доске и с поразительной быстротой нарисовал на ней кошмарные фигуры, чередующиеся со сферическими и коническими телами, преследовавшими в порыве бешеной ярости человеческое существо. Лицо этого человека, без всякого сомнения, было лицом Денвера.

Через два дня медиум снова впал в состояние транса. На этот раз он нарисовал лицо Денвера, искаженное гримасой сверхъестественного ужаса и нечеловеческого страдания. На полях рисунка написал следующее:

«Я еще жив… Это гораздо страшнее… Ужасно… но они подстерегают вас!»

И еще: «Берегитесь!.. На помощь!..»

На следующий день Марлоу опять написал: «Помогите!..», И это было все.

По мнению лучших графологов, почерк на этих записках аналогичен почерку Денвера.

Спириты утверждают, что журналист не погиб, а находится в иной плоскости существования, недоступной для нас.

Вернется ли когда-нибудь Денвер в наш мир, чтобы подтвердить справедливость этих предположений и поведать нам продолжение своего жуткого приключения?

Перевод: И. Найденков

Жан Рэй

Майнцский псалтырь

Jean Ray «Le Psautier de Mayence», 1930

Последние слова людей, собирающихся свести счеты с жизнью, обычно не отличаются большим красноречием. В стремлении рассказать как можно больше о своей жизни, они подвергают свой монолог строжайшему редактированию…

Так вот, в рубке рыболовецкого суденышка «Северный капер», умирал Баллистер.

Напрасно окружающие пытались преградить путь уходившей из тела жизни. У Баллистера не было лихорадки, его речь текла быстро и гладко. Казалось, что он не замечает ни белья в красных пятнах, ни кюветы с окровавленными бинтами; его взгляд оставался устремленным на далекие опасные видения. Рейнес, радиотелеграфист, вел записи.

Все знают, что он использует любую свободную минуту, чтобы строчить рассказы или эссе для эфемерных литературных журналов; стоит какому-нибудь из них вылупиться на свет в одном из офисов на Патерностер Роу, как, можете не сомневаться, среди фамилий его сотрудников вы обязательно встретите имя Арчибальда Рейнеса.

Поэтому, не удивляйтесь несколько своеобразному стилю изложения финального монолога смертельно раненного моряка. Вся вина за это должна быть возложена только на Рейнеса, никому не известного литератора-неудачника, — именно он записал последние слова Баллистера. Но я торжественно подтверждаю, что содержащиеся в записанной истории факты полностью соответствуют тому, что было рассказано умирающим в присутствии четырех членов экипажа «Северного капера», — капитана Бенжамина Кормона, вашего покорного слуги, помощника капитана и главного рыболовного мастера Джона Коперланда, механика Эфраима Рози и уже упомянутого выше Арчибальда Рейнеса.

Вот что рассказал Баллистер

— Я встретил школьного учителя в таверне «Веселое сердце»; здесь мы обговорили дело и здесь он передал мне свои инструкции.

«Веселое сердце», — это скорее кабачок лодочников, чем таверна настоящих моряков. Его убогий фасад отражается в стоячей воде последнего тупика ливерпульских доков, где причаливают шаланды каботажного плавания.

Я внимательно рассмотрел хорошо вычерчен-

ный план небольшой шхуны.

— Это почти яхта, — сказал я, — которая в состоянии идти чуть ли не против ветра, а ее корма, имеющая достаточную ширину, позволяет успешно маневрировать при встречном ветре.

— На шхуне также установлен дополнительный двигатель.

Я презрительно поморщился, так как всегда предпочитал из спортивного интереса и любви к морю ходить исключительно под парусами.

— Верфи «Хэллетт и Хэллетт», Глазго. Год постройки — 1909, — задумчиво пробормотал я. — Великолепный такелаж. С экипажем в шесть человек и со своими шестьюдесятью тоннами водоизмещения шхуна будет держаться на курсе устойчивей, чем любой пакетбот.

На физиономии школьного учителя отразилось удовольствие, и он тут же заказал несколько порций отборного питья.

— Но почему, — добавил я, — вы не оставили шхуне ее прежнее название — «Веселый попугай», звучало совсем неплохо. Это красивое название. Мне всегда нравились попугаи — это птички, что надо.

— Ну, это потому, — неуверенно произнес он, — что тут замешаны дела… скажем, сердечные;

если хотите, это просто выражение глубокой признательности.

— Значит, судно называется «Майнцский Псалтырь». Что же, весьма оригинально, хотя и несколько странно, по правде говоря.

Алкоголь сделал его язык несколько более развязанным.

— Дело совсем в другом, — сказал он. — В прошлом году скончался мой дядюшка, оставивший мне в наследство сундук, набитый старыми книгами…

— Тьфу!

— Подождите! Перебирая их без особого энтузиазма, я обратил внимание на один том — это была инкунабула!

— Что-что?

— Так называют, — с видом некоторого превосходства заявил учитель, — книги, относящиеся к первым годам книгопечатания; и каково же было мое изумление, когда я, как мне показалось, узнал почти геральдический знак Фуста и Шеффера!

Я не сомневаюсь, что эти имена ничего не говорят вам; это ближайшие помощники самого Гутенберга, изобретателя книгопечатания. Книга же оказалась редчайшим, великолепно сохранившимся экземпляром легендарного «Майнцского

Псалтыря», напечатанного в конце XV века.

Я изобразил вежливое внимание и даже, не знаю, правда, насколько мне это удалось, фальшивое понимание.

— Вас, Баллистер, наверное, больше впечатлит, — продолжал он, — если я скажу, что эта книга стоит целое состояние.

— Вот как! — бросил я, внезапно заинтересовавшись.

— Да, книга стоит солидную пачку фунтов стерлингов, достаточную для того, чтобы приобрести бывшего «Веселого попугая», и платить жалованье экипажу из шести человек во время путешествия, которое я собираюсь предпринять. Теперь вы понимаете, почему я хочу дать нашему маленькому кораблику это имя, имеющее так мало отношения к морю?

Я сообщил ему, что прекрасно понял его мотивы, отметив попутно величие его души.

— И все же, — сказал я, — было бы более логичным дать кораблю имя вашего дорогого дядюшки, осчастливившего вас наследством.

Учитель рассмеялся неприятным смехом, и я замолчал, сбитый с толку таким некрасивым поведением воспитанного человека.

— Вы должны выйти из Глазго, когда я ска-

жу, — сухо произнес он, — а затем пройти через Северный Минх к мысу Рэт.

— Опасные места, — бросил я.

— Я выбрал вас, Баллистер, именно потому, что вы знаете эти места.

Сказать моряку, что он знает этот жуткий водный коридор, каковым является пролив Минх, значит, произнести для него высочайшую похвалу, какую только может представить человек, связанный с морем. Мое сердце дрогнуло от горделивой радости.

— Да, — кивнул я, — это так. Я как-то чуть не потерял свою шкуру между Шикеном и Тьюмпен Хэдом.

— К югу от Рэта, — продолжал он, — есть небольшая, хорошо защищенная бухта, которая знакома лишь немногим рыцарям удачи, называющим ее Биг-Той. Замечу, что этой бухты нет ни на одной карте.

Я бросил на него взгляд, одновременно изумленный и восхищенный.

— Вы знаете даже это? — воскликнул я. — Черт побери! Такая осведомленность обеспечила бы вам с гарантией уважение людей с таможни, и, может быть, удар ножом, нанесенный каким-нибудь темным типом с побережья.

Учитель беззаботно отмахнулся.

— Я поднимусь на борт именно в Биг-Тое.

— И оттуда?

Он показал точно на запад.

— Гм, — проворчал я. — Плохие места, настоящая пустыня, усеянная скалами. Вряд ли мы увидим много пароходных дымов на горизонте.

— Именно это я имею в виду, — ответил он.

Я подмигнул, решив, что все понял.

— Ваши дела меня не касаются, — заявил я. — По крайней мере, до тех пор, пока вы будете платить, как мы договоримся.

— Думаю, что вы ошибаетесь в том, что касается моих намерений. Баллистер, мои дела имеют характер… скажем, скорее научный; я отнюдь не хотел бы, чтобы мое открытие украл какой-нибудь завистник. Впрочем, это не имеет значения, я плачу, как и сказал, достаточно щедро.

Несколько минут мы молча расправлялись с содержимым наших стаканов.

Я чувствовал себя достаточно уязвленным; мое достоинство моряка было задето тем, что я был вынужден признать: в захудалом баре пресноводных шлепунов, каким был, несомненно, бар «Веселое сердце», подавали весьма сносные напитки.

Затем, когда мы принялись обсуждать состав экипажа, наш разговор принял какое-то странное направление.

— Я не моряк, — резко заявил он. — Поэтому не рассчитывайте на мою помощь при навигации. Но я буду определять наше положение — я ведь школьный учитель.

— Я отношусь с большим уважением к науке, — сказал я, — да и сам имею к ней некоторое отношение. Значит, вы школьный учитель? Прекрасно, прекрасно…

— Да, я преподаю в Йоркшире.

Я добродушно улыбнулся.

— Вы мне напомнили о Сквирзе, — сказал я. — Он был учителем в школе Грета-Бридж, в Йоркшире. Это из «Николаса Никльби».

Но вы ничуть не похожи на этого неприятного типа. Постойте, постойте… Дайте-ка мне подумать минутку…

Я долго и внимательно рассматривал его небольшую костистую голову с упрямым подбородком, с красивыми прямыми волосами, обезьяньими глазками разного цвета, его скромную аккуратную одежду.

— Догадался! — наконец, воскликнул я. — Хедстон из «Общего друга»!

— К черту, — рассерженно бросил он, — я пришел сюда совсем не для того, чтобы выслушивать неприятные высказывания в мой адрес. Оставьте при себе свои литературные воспоминания, господин Баллистер; мне нужен моряк, а не знаток штампов из романов. Что касается книг, то, как мне кажется, я неплохо разбираюсь в них без посторонней помощи.

— Простите, — возразил я, сильно задетый, потому что обычно моя начитанность безотказно обеспечивала мне общее уважение в той среде, в которой протекала моя жизнь. — Я не такой уж невежда, и вы — не единственный человек с образованием; у меня есть диплом капитана каботажного плавания.

— Великолепно! — бросил он с таким видом, словно издевался надо мной.

— Если бы не эта дурацкая история с пропажей тросов, в которой я был почти что ни при чем, я бы не находился сейчас здесь, обсуждая вопросы оплаты своей работы с хозяином грязной калоши в шестьдесят тонн!

Он смягчился.

— Я не хотел вас задеть, — вежливо сообщил он. — Капитан каботажного плавания — это очень ответственная должность.

— Еще бы! Математика, география, гидрография побережья, элементы небесной механики! Я не могу удержаться, чтобы не повторить применительно к моему случаю фразу Диккенса: «Все… в Баллистере!»

На этот раз он жизнерадостно рассмеялся.

— Я недостаточно высоко оценил вас, Баллистер. Хотите еще виски?

Признаюсь, виски — это мое слабое место. В свою очередь, я тоже улыбнулся. На столе появилась еще одна бутылка, и воспоминания о нашей ссоре рассеялись, словно табачный дым.

— Вернемся к составу команды, — сказал я. — Смотрите, у меня есть на примете Тюрнип. Очень забавное имя, согласен, но его носит отличный парень и прекрасный моряк. В его сравнительно недавнем прошлом есть… Гм, скажем, довольно темная история с налогами… Вы не считаете, что это может помешать?..

— Ни за что на свете.

— Что ж, отлично. Вы сможете нанять его за весьма умеренную плату, особенно, если погрузите на борт как можно больше рома. О! Самого дешевого рома! Он не обращает внимания на качество, лишь бы его любимая жидкость имелась в достаточном количестве. Еще у меня есть

фламандец Стивенс. Он большой молчун, но способен разорвать причальную цепь с такой же легкостью, с которой вы можете перекусить мундштук голландской трубки.

— Тоже какая-нибудь темная история с налогами? Не так ли?

— Такого понятия в его стране нет, но не исключено, что с ним было нечто подобное.

— Ладно, сойдет. Как там его?

— Стивенс.

— Стивенс… Сколько он потребует?

— Немного. Он постарается компенсировать невысокое жалованье тем, что приналяжет на солонину и бисквиты. И еще, на обычный джин, если вы запасетесь им наряду с прочим провиантом.

— Хоть целую тонну, если будет нужно.

— Тогда он будет вашим рабом. Еще я могу предложить вам Уолкера, но бедняга жутко уродлив!

— Вы большой шутник, Баллистер!

— Это не шутка. Дело в том, что у него на физиономии недостает половины носа и части подбородка, а также нет одного уха, а поэтому любой, кто не имеет привычки регулярно посещать музей ужасов мадам Тюссо, вряд ли будет испытывать удовольствие от созерцания этой

особы. Весьма существенно, что эту операцию над ним провели — дьявольски небрежно — куда-то немного торопившиеся итальянские матросы.

— Кто еще, мой дорогой друг?

— Еще два отличных парня: Желлевин и Фриар Тукк.

— Боже, Вальтер Скотт после Диккенса!

— Я не стал бы так говорить, но раз уж вы обратили внимание… Итак, Фриар Тукк. Я знаю его только под этим именем. Он немного разбирается в поварском деле — своего рода морской мэтр Жак.

— Очаровательно, — протянул школьный учитель. — Господин Баллистер, я могу только поздравить себя с такой удачей: мне здорово повезло, что я встретил такого интеллигентного и образованного человека, как вы.

— Так вот, Желлевин и Фриар Тукк никогда не расстаются; кто видит одного из них, тот видит и другого. Кто нанимает на работу одного, одновременно нанимает и другого: это два взаимно дополняющих друг друга существа.

Я наклонился к собеседнику, словно собираясь сообщить ему нечто конфиденциальное.

— Это довольно загадочные личности; говорят, что в жилах у Желлевина течет королевская

кровь и что Фриар Тукк — его преданный слуга, делящий невзгоды со своим господином.

— Не сомневаюсь, что плата этим двоим будет хорошим добавлением к их тайне!

— Вот именно. Есть надежда, что лишенный законных прав принц в своё время не напрасно крутил баранку своего автомобиля; поэтому, он просто создан для того, чтобы заниматься обслуживанием вашего вспомогательного двигателя.

В этот момент произошла небольшая интермедия, имеющая весьма отдаленное отношение к событиям, излагаемым в настоящем повествовании, но которую я до сих пор вспоминаю с неприятным ощущением.

Какой-то бедолага ввалился в бар, словно его подтолкнул сзади порыв ночного ветра. Это был тощий, промокший до нитки под дождем типичный забулдыга, промытый и обесцвеченный всеми несчастьями морей и портов, настоящий шут гороховый. Он заказал стакан джина и с наслаждением поднес его ко рту дрожащей рукой. Внезапно раздался звон бьющегося стекла, и я увидел, что бродяга, застыв с поднятой кверху рукой, уставился на моего собеседника с выражением неописуемого ужаса на лице. Через мгновение он одним прыжком вылетел в сви-

репствующую снаружи непогоду, оставив на прилавке монету в полкроны, с которой ему не успели дать сдачу. Я не думаю, что школьный учитель обратил внимание на это незначительное происшествие — по крайней мере, он не показал этого. Но хотел бы я знать, какая причина заставила этого беднейшего из бедных разлить джин, расстаться с деньгами и выскочить на пронизывающий холод, в то время как в баре царили тепло и уют?

* * *

В эти первые дни удивительно теплой весны пролив Северный Минх открылся перед нами, готовый к братским объятиям.

Правда, местами все же бушевали отдельные, почти незаметные для неопытного глаза, но весьма свирепые подводные течения, которые можно было определить по их зеленой спине, извивавшейся, словно разрубленная на куски змея.

Необычный юго-восточный бриз, который встречается только в этих местах, донес до нас с расстояния в добрых две сотни миль аромат первых цветов, ранних ирландских лилий; заодно он помог нашему вспомогательному двигателю быстрее толкать судно по направлению к

Биг-Тою.

И вот тут-то все изменилось коренным образом.

Смерчи то и дело разрывали водную гладь, свистя при этом, словно паровые сирены. Мы с большим трудом уворачивались от них. Огромный массив водорослей, принесенный сюда из глубин Атлантики, зеленый, словно пласт мха, вынырнул почти перед ватер-бакштагом нашего бушприта и разбился, словно мрачное солнце гнили, о каменный утес.

Раз двадцать нам казалось, что вот-вот мы увидим, как «Майнцский Псалтырь», теряет мачту, снесенную словно одним ударом гигантской бритвы, К счастью, это был удивительный корабль; он нес трисель с элегантностью настоящего джентльмена океана. Установившееся на несколько часов затишье позволило нам запустить на всю мощность вспомогательный двигатель и преодолеть с его помощью узкий проход в Биг-Той как раз в тот момент, когда прилив в новом приступе бешенства кинулся вслед за нами в облаках зеленой водяной пыли, поднятой порывами ветра, резкими, словно удары бича.

— Мы находимся в не слишком дружелюбных водах, — сказал я своим парням. — Если типы с

побережья увидят нас здесь, нам придется давать объяснения, а если они попытаются прогнать нас прежде, чем поймут, то мы будем вынуждены прибегнуть к оружию.

И действительно, ребята с побережья появились — и появились на свою беду. То, что случилось с ними, показалось нам столь же волнующим, сколь и непонятным.

* * *

Восемь дней мы стояли на якоре в небольшой бухте, более спокойной, чем утиный пруд. Жизнь казалась нам легкой и приятной. Наша шхуна была обеспечена продовольствием и напитками не хуже, чем какая-нибудь роскошная яхта.

В двенадцати гребках от судна, если перебираться на берег вплавь, или в семи ударах весел ялика находился миниатюрный пляж из красного песка, на который со скал стекал небольшой ручеек пресной воды, ледяной, как настоящий «Швеппс».

Тюрнип ловил на удочку мелкого палтуса; Стивенс то и дело уходил на берег, в дикие пустынные ланды; иногда, в соответствии с капризами ветра, мы слышали выстрелы его ружья, похожие на хлопки пастушьего кнута.

Он приносил куропаток, тетеревов, иногда даже зайца с нелепо большими лапами; чаще его добычей были небольшие вересковые кролики с ароматным мясом.

Школьный учитель не появлялся.

Это нас не беспокоило — плата за шесть недель была выдана нам авансом отличными банкнотами в один фунт и десять шиллингов, и Тюрнип утверждал, что он покинет стоянку только с последней каплей рома из нашего трюма.

Но однажды утром обстановка неожиданно изменилась в худшую сторону.

Стивенс только что наполнил бочонок свежей пресной водой из ручья под скалой и собирался вернуться на судно, как что-то с визгом пронеслось над его головой и в футе от его лица выступ скалы разлетелся в пыль. Стивенс, человек крайне флегматичный, не торопясь вошел в воду; оглядевшись, он заметил струйку голубоватого дыма, поднимавшуюся над расселиной на гребне скалы. Презрительно не обращая внимания на небольшие яростные всплески, вздымавшиеся вокруг него на поверхности воды, он спокойно добрался вплавь до шхуны. Поднявшись на борт, он вошел в кубрик, где просыпались остальные члены экипажа, и сообщил:

— Похоже, что в нас стреляют.

Два или три сухих щелчка о борт шхуны отметили, словно знаками препинания, окончание его фразы.

Я сорвал со стены мушкетон и поднялся на палубу.

Мне тут же пришлось инстинктивно отвесить поклон пуле, свирепо просвистевшей над головой; через мгновение пригоршня обломков дерева взлетела в воздух рядом со мной. Бронзовое кольцо гика зазвенело от удара кусочка свинца.

Я поднял ружье, направив его в сторону расселины в скале, на которую указал Стивенс и из которой к небу поднималось облачко дыма от старого черного пороха. Внезапно стрельба прекратилась и раздались вопли ужаса и крики о помощи.

Красный пляж под скалой зловеще дрогнул от глухого удара, и я пошатнулся от охватившего меня ужаса — на песке распласталось тело человека, рухнувшего с отвесной скалы с высоты трехсот футов. Его останки почти целиком погрузились в песок, но я все же смог разглядеть, что погибший был одет в костюм из грубо обработанной кожи, весьма популярный среди убийц

кораблей из Рэта.

Не успел я отвести взгляд от жалкого неподвижного тела, как Стивенс тронул меня за плечо.

— А вот и еще один, — сказал он.

Странная бесформенная масса неслась с небесных высот к земле; это походило на беспорядочное падение огромной взъерошенной птицы, настигнутой свинцом на большой высоте. Побежденная своим весом и преданная воздухом, она рухнула вниз без каких-либо следов былого достоинства и великолепия.

Второй раз песок отозвался глухим хищным гулом. Физиономия висельника, оказавшаяся повернутой к солнцу, трепетала еще несколько мгновений, покрываясь большими розовыми пузырями. Стивенс медленно вытянул руку по направлению к гребню скалы.

— Еще один, — произнес он странно бесцветным голосом.

Дикие вопли неслись с вершины берегового уступа. Внезапно мы увидели, как на фоне неба появилась верхняя часть туловища человека, яростно отбивавшегося от противника, которого мы не видели. Потом несчастный в отчаянии взмахнул руками и взлетел в воздух, словно подброшенный катапультой. Через несколько

мгновений его тело разбилось о землю рядом с двумя другими, но крик, казалось, некоторое время еще висел в воздухе, постепенно опускаясь к нам в медленном штопоре безнадежности.

Мы застыли в ужасе.

— Не имеет значения, что они охотились за нашими головами, — промолвил Желлевин. — Я все равно хотел бы отомстить за этих несчастных чертей! Не уступите ли вы мне свой мушкетон, господин Баллистер? Фриар Тукк, ко мне!

Бритый череп слуги Желлевина вынырнул из недр судна.

— Фриар Тукк вполне может заменить охотничьего пса, — объяснил Желлевин с некоторой долей снисходительности. — А если точнее, он стоит доброго десятка псов — он чувствует дичь с удивительно большого расстояния. Это настоящий феномен.

Он обратился к слуге:

— Что ты думаешь об этой дичи, старина?

Фриар Тукк полностью извлек на палубу свою приземистую фигуру и скорее скользнул, чем подошел, к планширу.

Его пронзительный взгляд остановился на расплющенных телах, отразив глубочайшее удивление; затем землистый оттенок покрыл его

обычно такое розовое лицо.

— Фриар, — с нервным смешком обратился к нему Желлевин, — ты повидал немало трупов в своей жизни. Тем не менее ты бледнеешь, словно юная камеристка, увидевшая дохлую мышь.

— Ну уж нет, — глухо отозвался моряк, — дело совсем не в моих нервах… Там, наверху, находится нечто очень плохое. Там… Ваша Светлость, скорее! Стреляйте в расселину! — внезапно закричал он. — Туда, туда, скорее же!

Желлевин в ярости обернулся.

— Замолчи, Тукк! Я запретил тебе наклеивать на меня этот дурацкий ярлык!

Фриар ничего не ответил, а только молча покачал головой.

— Слишком поздно мы спохватились, это уже исчезло, — пробормотал он про себя.

— Что именно? — спросил я.

— Ну, то, что скрывалось в расселине, — прикинувшись простачком, ответил моряк.

— И что же это было?

Фриар Тукк бросил на меня взгляд исподлобья.

— Не знаю. И вообще, этого уже нет.

Я не стал расспрашивать его дальше. Меня отвлекли два пронзительных свистка, раздавшихся на скалах над нашими головами; затем

чья-то тень замелькала на фоне узкой полоски неба, видневшейся в расселине. Желлевин снова поднял ружье, но я оттолкнул его.

— Осторожнее, какого дьявола!

По петлявшей по расселине незаметной снизу тропинке с вершины скалы на пляж спускался школьный учитель.

* * *

Я отвел школьному учителю удобную каюту на корме судна; для меня же пришлось переоборудовать смежный отсек, превратившийся в комфортабельную каюту с двумя койками.

С момента своего появления на борту судна школьный учитель заперся в свой каюте и занялся просмотром огромной груды книг; один-два раза в день он поднимался на палубу, требовал секстант и тщательно определял наше положение.

Мы двигались на северо-запад.

— Это курс на Исландию, — как-то сказал я Желлевину. Он внимательно посмотрел на морскую карту, потом нацарапал на бумаге показания компаса и еще какие-то цифры.

— Не совсем. Скорее, мы направляемся в Гренландию.

— Ба! — пожал я плечами. — Одно стоит другого.

С необычной для него беззаботностью он согласился со мной.

Мы покинули Биг-Той в прекрасный солнечный день, оставив за спиной горы Росса, греющие в лучах солнца свой бугристый хребет.

В первый же день мы повстречали судно с Гебридских островов с экипажем отвратительных плоскорожих типов — для жителей Гебрид почему-то характерно неприятно плоское лицо. Мы старательно окатили отборнейшей руганью этих уродов, не пожалев на это дело своих глоток.

К вечеру на горизонте вырисовался силуэт какого-то двухмачтового судна, шедшего под всеми парусами.

На следующий день поднялась большая волна; в середине дня мы увидели с триборда под ветром датский пароход, отчаянно боровшийся с волнением. Он был окутан таким густым облаком дыма из своей трубы, что мы даже не смогли разобрать его название.

Это было последнее судно, встреченное нами.

Правда, на заре третьего дня плавания мы увидели на юге два дыма; Уолкер сообщил нам, что

это авизо британского флота. И это было все.

В тот же день до нас донеслись издалека звуки, издаваемые косаткой при дыхании. Эти низкие вибрации были последним проявлением жизни в водах вокруг нашего судна.

Вечером школьный учитель пригласил меня в свою каюту и предложил пропустить стаканчик-другой.

Сам он даже не пригубил спиртное; это был далеко не тот разговорчивый собутыльник, каким я помнил его по кабачку «Веселое сердце». Тем не менее он оставался умным собеседником и воспитанным человеком, потому что ни на минуту не оставлял мой стакан пустым. И все время, пока я опустошал один стакан за другим, он не отрывал взгляда от книжных страниц.

Я должен признаться, что у меня сохранились довольно смутные воспоминания об этих днях. Жизнь на борту текла крайне монотонно; тем не менее мне иногда казалось, что матросы чем-то озабочены. Возможно, это было связано с несколько неожиданным для всех нас незначительным происшествием, случившимся однажды вечером.

Мы все сразу, практически одновременно, испытали приступ сильнейшей рвоты. Тюрнип

закричал, что нас отравили.

Я строго приказал замолчать.

Надо признать, что наше недомогание быстро прошло; резко сменившийся ветер заставил команду выполнить сложный маневр. За работой мы быстро забыли о своем плохом самочувствии.

Наступило утро восьмого дня плавания.

* * *

Я увидел вокруг себя озабоченные замкнутые лица.

Мне хорошо знакомо это выражение; на море оно не обещает ничего хорошего.

Эти лица отражали стадное чувство беспокойства и враждебности, объединяющее людей, сплавляющее их в одно целое, охваченное одним и тем же страхом или одной и той же ненавистью. Овладевшая людьми злобная сила определяет их поведение и всю обстановку на судне, отравляя атмосферу общения. Первым взял слово Желлевин.

— Господин Баллистер, — сказал он, — мы хотим поговорить с вами не как с капитаном, а как с другом, нашим старшим товарищем по бродячей морской жизни, каким вы стали для каждого из

нас за прошедшие дни.

— Неплохо для начала, — бросил я, ухмыльнувшись.

— Мы обращаемся к вам таким образом только потому, что мы действительно считаем вас своим другом. Только поэтому мы и разводим тут эти церемонии, — проворчал Уолкер, и его жутко обезображенное лицо еще сильнее исказила отвратительная гримаса.

— Говорите! — коротко приказал я.

— Так вот, — продолжал Желлевин, — мы догадываемся, что вокруг нас происходит что-то плохое, и хуже всего то, что никто из нас не может понять, что именно.

Я мрачно огляделся и, внезапно приняв решение, протянул ему руку.

— Ты прав, Желлевин, я тоже, как и вы, ощущаю это.

Лица вокруг меня мгновенно прояснились; люди были рады найти союзника в лице своего начальника.

— Взгляните на море, господин Баллистер.

— Я видел все то, что видели вы, — ответил я, опустив голову.

Увы, уже в течение двух дней я видел… Я видел, что море приняло необычный облик; несмот-

ря на два десятка лет, что я провел, занимаясь вождением судов, я не припомню, чтобы видел что-нибудь подобное на какой-нибудь из широт.

Странно окрашенные полосы змеились на поверхности моря; неожиданно налетавшие кипящие шквалы с шумом бороздили ее. Неведомые звуки, похожие на смех, то и дело срывались с гребня резко набежавшей волны, заставляя людей в испуге оборачиваться.

— Вот уже несколько дней ни одна птица не следует за нами, — пробормотал Фриар Тукк.

И это было чистой правдой.

— Вчера вечером, — медленно сказал он своим серьезным тоном, — небольшая стайка крыс, ютившихся в продовольственном отсеке, выбралась на палубу. Затем они разом, словно по команде, бросились в воду. Я никогда не видел ничего подобного.

— Никогда! — мрачным эхом откликнулись остальные моряки.

— Мне не однажды приходилось плавать в этих местах, — вмешался Уолкер, — и примерно в это же время. Море здесь должно быть темным от бесчисленных утиных стай. Большие стада дельфинов должны следовать за нами с утра до вечера. Может, вы видели их?

— Смотрели ли вы вчера вечером на небо, господин Баллистер, — шепотом обратился ко мне Желлевин.

— Нет, не смотрел, — ответил я, слегка покраснев. Еще бы, ведь я здорово нализался в молчаливой компании школьного учителя, так здорово, что даже не поднимался на палубу, побежденный сильнейшим опьянением, последствия которого до сих пор словно тисками сжимали мне виски в финальных приступах мигрени.

— Куда этот дьявол тащит нас? — спросил Тюрнип.

— Именно дьявол — вот это правильно сказано, — подтвердил обычно молчаливый Стивенс.

Каждый сказал своё слово.

Я принял внезапное решение.

— Послушайте меня, Желлевин, — обратился я к моряку. — Я командую здесь, это так. Но я не стыжусь признать перед всеми, что вы — самый умный из всех, кто находится на борту. И еще, я знаю, что вы — не совсем обычный моряк.

Желлевин удрученно улыбнулся.

— Ладно, не буду спорить с вами, — сказал он.

— Мне кажется, что вы знаете обо всем происходящем вокруг нас больше, чем все остальные вместе взятые.

— Нет, это не так, — честно признался он. — Но вот Фриар Тукк — это действительно создание… скажем, весьма своеобразное. Как я уже говорил вам, он способен предвидеть многое, хотя и не всегда может объяснить свои ощущения. Можно сказать, что у него на одно чувство больше, чем у обычного человека, и это чувство опасности. Говори же, Фриар!

— Я знаю очень немного, — ответил тот серьезным тоном. — Можно сказать, не знаю совсем ничего, если не считать ощущения того, что вокруг нас находится что-то нехорошее, что-то невероятно страшное, гораздо более страшное, чем сама смерть!

Мы в ужасе переглянулись.

— И к этому имеет какое-то отношение школьный учитель, — продолжал Фриар Тукк, казалось, с трудом подбиравший слова.

— Желлевин! — воскликнул я. — У меня на это не хватит мужества, так что придется вам сходить к нему и сказать все, что мы думаем о происходящем.

— Хорошо, — кивнул в ответ Желлевин.

Он повернулся и спустился вниз. Мы слышали, как он постучал в дверь каюты школьного учителя. Потом постучал еще, и еще. Затем распахнул

дверь.

Прошло несколько томительно долгих минут мертвой тишины.

Когда Желлевин поднялся к нам на палубу, он был бледен, как стена.

— Его там нет, — сказал он. — Будем искать его на судне, хотя здесь нет укрытия, где человек может скрываться достаточно долго.

Мы обыскали судно. Затем, снова собравшись на палубе, боязливо переглянулись. Школьный учитель исчез.

* * *

С наступлением ночи Желлевин знаком вызвал меня на палубу и указал на верхушку мачты.

Мне показалось, что я рухнул на колени.

Над ревущим морем выгибало свой свод жуткое небо; на нем не было видно ни одного известного мне созвездия. Незнакомые небесные тела с совершенно необычным расположением слабо сияли в ужасающе мрачной межзвездной бездне.

— Иисусе! — пробормотал я заплетающимся языком. — Боже мой! Где мы?

Небо над нами заволокли тяжелые тучи.

— Так-то будет лучше, — спокойно сказал Жел-

левин. — Если наши спутники увидели бы это, они бы сошли с ума. Где мы, спрашиваете вы? Откуда я знаю? Пожалуй, стоит повернуть назад, господин Баллистер, хотя, по-моему, это уже бесполезно…

Я обхватил голову руками.

— Вот уже два дня, — прошептал я, — как стрелка компаса неподвижно застыла на месте.

— Я знаю это, — пожал плечами Желлевин.

— Но где мы? Куда нас занесло?

— Успокойтесь, господин Баллистер, — ответил моряк. В его голосе я уловил легкий оттенок иронии. — Не забывайте, что вы все же капитан. Я не знаю, где мы находимся, но могу высказать одну гипотезу — это ученое слова, которое прикрывает собой игру воображения, иногда слишком дерзкую.

— Какое это имеет сейчас значение, — ответил я. — Я предпочел бы услышать любую самую нелепую историю о колдунах, о чертях, о чем угодно, лишь бы только не это отравляющее дух «я не знаю».

— Хорошо, слушайте. Очевидно, мы попали в некий иной план существования Вселенной. Вы ведь знаете математику — это поможет вам понять меня. Вероятно, наш родной мир с тремя

привычными измерениями потерян для нас окончательно. Этот новый мир я определил бы как мир энного измерения, что, разумеется, слишком неопределенно. Если бы мы силами какого-нибудь невероятного волшебника были перенесены на Марс, на Юпитер или даже на Альдебаран, то это не помешало бы нам увидеть в некоторых областях неба те же созвездия, которые мы видим с Земли.

— Но солнце? — неуверенно промямлил я.

— Чисто случайное сходство, совпадение в бесконечности. Скорее всего, это подобная нашему солнцу звезда, — ответил Желлевин. — Впрочем, это всего лишь предположения, слова, пустые звуки; поскольку, как я надеюсь, нам будет дозволено умереть в этом чужом мире с тем же успехом, что и в нашем, я полагаю, что мы вполне можем сохранять спокойствие.

— Умереть… Умереть? — воскликнул я. — Ну, нет, я собираюсь защищать свою шкуру!

— От кого же? — с коварным простодушием спросил мой собеседник. И добавил: — Не забывайте, что Фриар Тукк говорил о чем-то, более страшном, чем смерть. А если имеется мнение, которым не стоит пренебрегать, особенно в случае опасности, то это именно его мнение.

Мои мысли вернулись к тому, что он назвал своей гипотезой.

— Вы имеете в виду энмерное пространство?

— Ради Бога, — нервно сказал Желлевин, — не придавайте столь реальное содержание моим смутным соображениям. Ничто не подтверждает, что творение возможно за пределами трех наших вульгарных измерений. Точно так же, как мы никогда не сможем увидеть идеально плоские существа двумерного мира поверхностей или линейные существа одномерного мира, существа, принадлежащие к миру с большим, чем у нас, количеством измерений, скорее всего, просто не в состоянии увидеть нас. И вообще, у меня нет ни возможности, ни желания, господин Баллистер, читать вам в этот момент курс лекций по гипергеометрии. Единственное, в чем я уверен, — это то, что какие-то пространства, отличающиеся от нашего, должны существовать. К ним относится, например, пространство, с которым мы встречаемся в наших снах. Это пространство охватывает одновременно прошлое, настоящее и, скорее всего, будущее. Может быть, это также миры атомов и электронов, необозримые пространства релятивистского мира… Не исключено, что в них скрываются таинственные проявления жизни,

способные вызвать у нормального человека головокружение при одной лишь мысли о них. — Он махнул рукой с крайне утомленным видом. — Какова была цель загадочного школьного учителя, завлекшего нас в эти края, где властвует сам дьявол? Как, и, в особенности, почему он исчез?

Внезапно я стукнул себя кулаком по лбу, вспомнив выражение беспредельного ужаса, которое мне довелось видеть на лицах двух совершенно разных людей в разных ситуациях. Это были Фриар Тукк в заливчике под скалой с расселиной, и тот несчастный бродяга в кабачке «Веселое сердце». Я рассказал об этом случае Желлевину.

Тот медленно покачал головой.

— И все же, давайте не будем преувеличивать достаточно неопределенную способность моего друга к восприятию всего необычайного. С первого же дня пребывания на судне Фриар, едва увидев нашего пассажира, сказал: «Этот человек вызывает у меня ощущение непреодолимого барьера, за которым может происходить нечто чудовищное, нечто ужасное». Я не стал расспрашивать его дальше — это бесполезно, потому что он и так сообщил мне все, что знал. Его оккультное восприятие выражается в образах, которые, очевидно, непосредственно возникают в его

мозгу, и он совершенно не в состоянии анализировать эти образы. Надо сказать, что первые ощущения чего-то недоброго у Фриара Тукка относятся к еще более отдаленным событиям. Уже в тот момент, когда он впервые услышал название нашей шхуны, он проявил беспокойство, сказав, что за всем этим скрывается бездна коварства. Когда я сейчас вспоминаю его слова, я могу сказать, что в астрологии имена живых существ и названия предметов имеют первостепенное значение. Похоже, что астрология — это наука, объектом изучения которой является нечто, имеющее отношение к четвертому измерению. Некоторые крупнейшие современные ученые, как, например, Нордманн и Льюис, начинают со страхом сознавать, что тайны этой тысячелетней мудрости и такие ветви современной науки, как физика радиоактивных явлений и еще более поздняя теория о гиперпространствах — это троюродные сестры.

Я понимал, что Желлевин говорит все это для того, чтобы успокоить меня и самого себя; он словно пытался объяснить окружавшему нас миру свои воззрения, своё понимание сущности происходящего, надеясь победить таким образом ужас, стягивающийся к нам со всех сторон

горизонта под зловещим, словно вырезанным из черной жести, небом.

— И куда нам теперь направить судно? — спросил я, почти полностью забыв о своем авторитете капитана.

— Мы пойдем галсами крутым бейдевиндом, — сказал Желлевин. — Бриз кажется мне весьма устойчивым.

— Может быть, стоит лечь в дрейф?

— Зачем? Нам лучше двигаться дальше; стоит также взять несколько рифов, если учитывать возможность неожиданного шквала, хотя пока и нет никаких признаков его приближения.

— Для начала за штурвал встанет Уолкер, — сказал я. — Ему нужно будет только следить, не появятся ли по курсу белые буруны; если мы зацепим подводную скалу, мы камнем уйдем на дно.

— Что ж, — бросил Желлевин, — может быть, для всех нас это будет наилучшим выходом.

Никогда бы не подумал, что он способен так здорово сказать.

Если возникшая опасность обычно укрепляет авторитет начальника, то неизвестность низводит его на уровень подчиненных.

Этим вечером кубрик опустел; все обосновались в небольшом помещении, служившем мне

каютой. Желлевин выставил на стол две бутылки с отличным ромом из своих личных запасов, и мы соорудили из них чудовищный пунш.

У Тюрнипа внезапно резко улучшилось настроение, и он начал бесконечную историю о двух кошках, молодой леди и вилле в Ипсвиче. Сам Тюрнип играл в этой истории весьма выигрышную роль.

Стивенс ловко соорудил фантастические сандвичи из бисквитов и тушенки.

Плотный дым морской махорки густым облаком вился вокруг керосиновой лампы, неподвижно застывшей в карданном подвесе.

В каюте сама собой возникла приятная, дружелюбная атмосфера; после нескольких порций поддержавшего мои силы пунша я даже начал улыбаться, вспоминая небылицы, которые недавно мне рассказал Желлевин.

Уолкер отлил себе добрую порцию пунша в термос и, прихватив большой фонарь, отправился нести вахту, пожелав нам всем доброй ночи.

Мои стенные часы медленно пробили девять.

Довольно заметная качка судна сообщила нам, что на море началось волнение.

— У нас поднято не слишком много парусов, — сказал Желлевин.

Я молча кивнул в ответ.

Монотонно рокотал басок Тюрнипа, обращавшегося к Стивенсу; слушая собеседника, тот не забывал дробить один за другим бисквиты своими мощными челюстями.

Когда я, опустошив в очередной раз свой стакан, протянул его Фриару Тукку, чтобы тот снова его наполнил, меня поразил растерянный взгляд Тукка. Вздрогнув, он схватил за руку Желлевина, вцепившись в нее изо всех сил; казалось, оба моряка напряженно прислушиваются к чему-то, происходящему снаружи.

— Что это вы… — начал я.

В этот миг над нашими головами разразились страшные проклятия; затем послышались сначала топот босых ног, потом ужасный крик.

Охваченные ужасом, мы уставились друг на друга. Где-то вдали над морем прозвучал пронзительный вопль, нечто вроде тирольской рулады.

Вскочив разом, как один человек, мы ринулись на палубу, толкаясь в темноте.

Снаружи, однако, все было спокойно; ветер ровно шумел в парусах, возле штурвала ярким пламенем горел фонарь, освещавший приземистый силуэт стоявшего на палубе термоса. Но за штурвалом никого не было!

— Уолкер! Уолкер! — в испуге закричали мы.

Откуда-то издалека, с самого горизонта, затянутого, словно ватой, ночным туманом, к нам долетела вместо ответа загадочная тирольская мелодия.

Великая безмолвная ночь навсегда поглотила нашего несчастного Уолкера.

* * *

За трагической ночью последовала зловещая заря, фиолетовая, словно быстрый закат в тропической саванне.

Отупевшие от заполненной ужасом бессонницы, матросы молча смотрели на крутую волну. Бушприт судна яростно клевал клочья пены с гребней.

В нашем квадратном фоке появилась большая дыра, и Стивенс открыл люк отсека трюма, в котором хранились запасные паруса.

Фриар Тукк достал инструмент и приготовился к починке рваного паруса.

Все движения людей казались инстинктивными, автоматическими и нервными. Время от времени я подправлял небольшими движениями штурвала наш курс, бормоча про себя:

— Зачем все это? Ах, зачем все это…

Тюрнип забрался на большую мачту, хотя я и не отдавал ему такого приказания. Я машинально следил за ним, пока он не добрался до реи, после чего паруса скрыли его от наших взглядов.

Неожиданно мы услышали его свирепый вопль:

— Скорей ко мне! На мачте кто-то есть!

Послышался фантастический шум воздушной схватки, затем крик агонизирующего существа. Подобно тому, как над кромкой скалы в воздух взлетали тела морских разбойников из Росса, чье-то тело быстро пронизало воздух и рухнуло в волны довольно далеко от судна.

— Проклятие! — прорычал Желлевин, кидаясь к мачте вместе с Фриаром Тукком.

Мы со Стивенсом бросились к нашей единственной шлюпке, но едва могучие руки фламандца спустили ее на воду, как изумление и ужас заставили нас оцепенеть на месте. Что-то серое и блестящее, какая-то стекловидная масса, неотчетливо различимая в волнах, внезапно обволокла шлюпку, неудержимо потянув ее вниз. Неизвестная сила резко наклонила шхуну на левый борт… Потом натянувшаяся цепь лопнула, клокочущая вода захлестнула палубу и водопадом обрушилась в открытый трюм.

Через мгновение на поверхности моря не было видно никаких следов нашей небольшой спасательной лодки. Лодку поглотила бездна.

Желлевин и Фриар Тукк медленно спустились с мачты.

Они никого не увидели на ее верхушке.

Едва ступив на палубу, Желлевин схватил тряпку и принялся судорожно вытирать руки — все снасти наверху были выпачканы еще теплой кровью.

Надтреснутым голосом я прочитал молитву за упокой матросской души, беспорядочно перемежая святые слова с богохульственными проклятиями в адрес океана и его тайн.

* * *

Было уже довольно поздно, когда мы с Желлевином поднялись на палубу, решив провести ночь вместе за штурвалом.

Кажется, через какое-то время наступил момент, когда я разразился громкими рыданиями, а мой товарищ ласково похлопывал меня по плечу. Потом я несколько успокоился и даже разжег свою трубку.

Нам нечего было сказать друг другу. Потом я заметил, что Желлевин наконец задремал рядом

со мной. Я бездумно блуждал взглядом во мраке.

Внезапно я оцепенел, завороженный невиданным зрелищем. Перед этим я перегнулся через планшир левого борта и сразу же отшатнулся с приглушенным восклицанием.

— Вы что-нибудь видели, Желлевин, или мне это померещилось?

— Нет, господин капитан, — ответил он едва слышно, — вы это действительно видели. Но, ради Христа, не говорите об этом никому. Мозг наших спутников и так уже слишком близок к грани, за которой наступает безумие.

Мне потребовалось совершить невероятное усилие над собой, чтобы вернуться к реальности; я попятился к релингам. Желлевин подошел ко мне.

Морские глубины были охвачены безбрежным кровавым заревом, простиравшимся под шхуной во все стороны до горизонта. Световые блики скользили под килем, освещая мерцающим светом паруса и снасти.

Мне показалось, что наш корабль очутился посреди сцены театра на Друри-Лэйн, освещенной огнями невидимой рампы, вдоль которой бежала цепочка бенгальских огней.

— Фосфоресценция? — неуверенно предполо-

жил я.

— Да смотрите же, — выдохнул Желлевин.

Вода под нами стала прозрачной, словно стеклянный шар, подсвеченный прожекторами.

На невероятной глубине мы увидели огромные зловещие массы фантастических очертаний — это были, кажется, замки с высоченными башнями, гигантские купола, прямые до жути улицы, обрамленные исступленно стремящимися ввысь сооружениями.

Казалось, что мы пролетаем на огромной высоте над центром какой-то безумной промышленности.

— Похоже, что там что-то передвигается, — пробормотал я, заикаясь от страха.

— Боюсь, что вы правы, — шепотом ответил Желлевин.

Действительно, на улицах невероятного города кишела беспорядочная толпа существ неопределенной формы, суетливо занимавшихся непонятной мне судорожной адской деятельностью.

— Назад! — внезапно заорал Желлевин, резко дернув меня сзади за пояс.

Одно из этих существ с невероятной скоростью устремилось вверх из глубин простиравшейся под нами бездны. Менее чем за секунду его огром-

ная тень заслонила от нас подводный город. Перемещение существа можно было сравнить с мгновенным распространением в воде под нами облака чернил, выброшенных головоногим моллюском.

Страшный удар по килю потряс судно; в багровом свете мы увидели, как три чудовищных щупальца, каждое высотой не менее, чем три поставленные друг на друга мачты, отвратительно забились в воздухе. Огромная тень страшного лица с дырами глаз, заполненными расплавленным янтарем, поднялась на уровне деревянного парапета левого борта и бросила на нас жуткий взгляд.

Все это продолжалось не более нескольких секунд, после чего на шхуну обрушилась внезапная крутая волна.

— Руль на триборд, полностью! — закричал Желлевин.

Я автоматически подчинился и, похоже, сделал это весьма своевременно. Порвав топенанты, гик рассек воздух, подобно секире, и большая мачта затрещала, едва не переломившись. Фалы полопались один за другим с высоким звенящим звуком рвущихся струн арфы.

Страшная картина расплылась, вода вокруг

судна забурлила, покрытая пеной. По правому борту, под ветром, по гребням скачущих волн промчался странный, похожий на пылающую бахрому, свет и пропал.

— Бедный Уолкер, бедный Тюрнип, — прошептал Желлевин, едва сдержав рыдание.

В рубке раздался звонок. Наступала полуночная вахта.

* * *

Следующее утро началось без происшествий.

Небо оставалось затянутым плотной неподвижной пеленой туч грязно-охристого цвета; воздух казался непривычно холодным.

Около полудня мне показалось, что я вижу за высокой стеной тумана светлое пятно, которое можно было принять за солнце. Я решил определить наше положение, вооружившись секстантом, хотя, по мнению Желлевина, это не имело смысла.

Море было довольно бурным; я попытался удержать горизонт, но каждый раз быстрые волны врывались в поле зрения, и горизонт буквально швыряло в небо.

Тем не менее у меня вот-вот должно было получиться.

В тот момент, когда я искал в зеркале секстанта отражение светлого пятна, которое, как я полагал, соответствовало солнцу, я внезапно увидел, что перед ним на большой высоте пульсирует нечто вроде молочно-белой ленты.

Из перламутровой глубины зеркала что-то неопределенное рванулось ко мне с ужасающей быстротой; секстант, вырванный из моих рук, взлетел в воздух, и я почувствовал страшный удар по голове. Затем до меня донеслись, словно издалека, крики, шум борьбы, снова крики…

* * *

Вообще-то я не потерял сознание полностью; я привалился спиной к рубке, и в моих ушах трезвонила бесконечная череда колоколов. Мне даже почудилось на мгновение, что я различаю в сумятице шумов солидное звучание вечернего Биг-Бена над Темзой.

На эти симпатичные звуки накладывались другие шумы, более тревожные, но гораздо более отдаленные.

Я собрался сделать над собой усилие, чтобы подняться на ноги, но почувствовал, что меня что-то схватило и приподняло над палубой.

Завопив, я принялся отбиваться изо всех сил,

уже частично вернувшихся ко мне.

— Слава Богу! — воскликнул Желлевин. — Хоть этот остался в живых!

Я попытался поднять веки, тяжелые, словно свинцовые пластины.

В поле моего зрения появился и стал четким лоскут желтого неба, косо исполосованный снастями.

Потом я увидел Желлевина, стоявшего, шатаясь, возле меня и напоминавшего человека, только что сильно поддавшего.

— Ради Бога, скажите, что тут произошло? — промямлил я странно задребезжавшим голосом, потому что увидел, что лицо моряка залито слезами.

Не говоря ни слова, он увлек меня в каюту. Я увидел, что на одной из коек распростерлось неподвижное тело.

Ко мне сразу полностью вернулось сознание; я невольно схватился за сердце, потому что узнал страшно изуродованную голову Стивенса. Желлевин поднес к моим губам стакан. Я услышал его шепот:

— Это конец.

— Это конец. Конец… — негромко повторил я, пытаясь сообразить, что же все-таки произошло

на судне.

Желлевин положил свежий компресс на голову матроса.

— Где Фриар Тукк? — спросил я.

Желлевин разразился бурными рыданиями.

— Как все остальные… он… Мы больше никогда не увидим его!

Голосом, прерывающимся от слез, он рассказал мне то немногое, что знал сам.

Все произошло с той же безумной скоростью, как и все предыдущие трагедии, составлявшие основу нашего теперешнего существования.

Желлевин был занят внизу проверкой маслопровода, когда внезапно услышал раздавшиеся на палубе крики о помощи. Взлетев наверх по трапу, он увидел Стивенса, в течение нескольких мгновений яростно отбивавшегося от охватившего его со всех сторон серебристого полупрозрачного шара и тут же рухнувшего на палубу и застывшего без движения. Вокруг мачты валялись принадлежности для починки парусов, но самого Фриара Тукка не было видно. Стрингер по левому борту был окрашен кровью. Я валялся без сознания, приткнувшись к рубке. И это было все, что он увидел и мог сообщить мне.

— Может быть, Стивенс расскажет нам еще что-

нибудь, если придет в себя, — слабым голосом промолвил я.

— Придет в себя! — горько повторил Желлевин. — Его тело — это кошмарный мешок, заполненный раздробленными костями и раздавленными внутренностями. Он дышит до сих пор только благодаря своему атлетическому телосложению, но по сути он уже мертв, мертв, как и все остальные.

Мы предоставили шхуне возможность плыть в соответствии с ее фантазиями; «Майнцский Псалтырь», нес весьма небольшую парусность, и его сносило в дрейфе почти на столько же, на сколько он продвигался вперед.

— Все свидетельствует о том, что опасность грозит только тем, кто находится на палубе, — сказал Желлевин, словно рассуждая про себя.

Когда наступил вечер, мы забаррикадировались в моей каюте.

Дыхание Стивенса было настолько хриплым, что слушать его было просто невыносимо. Приходилось то и дело вытирать ему губы, покрывавшиеся кровавой слюной.

— Я не буду спать, — сказал я.

— Я тоже, — решил Желлевин.

Мы плотно закрыли и завинтили иллюминато-

ры, несмотря на застоявшийся в каюте тяжелый воздух. Судно испытывало слабую бортовую качку.

Около двух часов ночи, когда неудержимое оцепенение спутало мои мысли и полный кошмаров полусон начал овладевать мной, я внезапно очнулся.

Желлевин бодрствовал; он не сводил полный ужаса взгляд с деревянного потолка каюты.

— Кто-то ходит по палубе, — едва слышно прохрипел он.

Я схватился за карабин.

— К чему это? Оружие здесь не поможет. Нам лучше оставаться внизу. Ах, черт, — воскликнул он. — Там уже перестали стесняться!

Палуба гудела от быстрых тяжелых шагов. Можно было подумать, что там передвигается в разных направлениях множество людей, выполняющих какую-то работу.

— Я так и думал, — добавил Желлевин. Он криво ухмыльнулся. — Вот мы и стали рантье — там работают за нас.

Звуки на палубе стали более определенными. Скрипел штурвал; очевидно, выполнялся сложный маневр при встречном ветре.

— Они отдают паруса!

— Проклятье!

«Псалтырь», резко клюнул носом, затем дал сильный крен на правый борт.

— Мы идем галсом триборд. И это при таком ветре! — прокомментировал Желлевин. — Эти существа — настоящие чудовища, опьяненные жаждой крови и убийства, но они — прекрасные моряки. Не каждый известный яхтсмен Англии на яхте прошлогоднего выпуска осмелился бы идти так круто к ветру. И что же это доказывает? — спросил он с профессорским видом.

Я безнадежно махнул рукой, перестав понимать хоть что-нибудь.

— Это доказывает, что у нас имеется точное место назначения, и они хотят, чтобы мы обязательно прибыли туда.

Я подумал и сказал в свою очередь:

— И что это не демоны и не привидения, а такие же существа, как мы с вами.

— О, это, пожалуй, слишком смелое предположение.

— Я неточно выразился. Я просто имел в виду, что это материальные существа, располагающие лишь естественными силами.

— В этом, — холодно заметил Желлевин, — я никогда не сомневался.

Примерно в пять утра был выполнен еще один маневр, снова заставивший шхуну испытать сильную бортовую качку. Желлевин открыл иллюминатор: грязная заря едва просачивалась сквозь густую облачность.

Мы осторожно поднялись на палубу. Она была пустой и чистой.

Судно лежало в дрейфе.

* * *

Прошли два спокойных дня.

Ночные маневры не возобновлялись, но Желлевин отметил, что нас несет очень сильное течение, увлекающее шхуну в направлении, которое можно было определить, как северо-западное.

Стивенс все еще дышал, но все слабее и слабее.

Желлевин разыскал среди своих вещей небольшую походную аптечку и время от времени делал бедняге уколы. Мы почти не разговаривали друг с другом. Мне кажется, что мы даже не думали; что касается меня, то я был оглушен алкоголем, потому что поглощал виски целыми пинтами.

Однажды во время пьяных проклятий, когда я обещал школьному учителю, что разобью его физиономию на сто тысяч частей, я упомянул

о книгах, которые он, как мне было известно, погрузил на шхуну.

Желлевин буквально подпрыгнул и принялся яростно трясти меня.

— Эй, — пробормотал я, — осторожнее! Я все же ваш капитан!

— К дьяволу таких капитанов, как вы! — разразился грубой бранью Желлевин. — Что вы сказали? Какие книги?

— Ну, да, в его каюте их целый чемодан. Я видел, они все на латыни, а я не разбираюсь в этом аптекарском жаргоне.

— Зато я разбираюсь. Почему вы никогда раньше не упоминали об этих книгах?

— Какое это могло иметь значение? — возразил я заплетающимся языком. — И потом, я капитан… И вы… вы должны уважать меня!

— Проклятый пьяница! — с гневом бросил Желлевин, направляясь к каюте школьного учителя. Я услышал, как он вошел в нее и запер за собой дверь.

Несчастный неподвижный Стивенс, гораздо более молчаливый, чем когда-либо раньше, оставался единственным моим собеседником на протяжении многих последующих часов беспробудного пьянства.

— Я… я капитан, — мямлил я, — я пожалуюсь… морскому начальству… Он назвал… назвал меня проклятым пьяницей… Но я первый после Бога на моем корабле… Разве это не так, а, Стивенс? Ты будешь свидетелем… Он грязно обругал меня… Я вышвырну его за борт!

Потом я заснул.

* * *

Когда вернувшийся Желлевин торопливо поглощал завтрак из бисквитов и консервов, его глаза сверкали, а щеки пылали.

— Господин Баллистер! — сказал он. — Школьный учитель никогда не говорил вам о предмете из хрусталя, может быть, о небольшом ларце?

— Я никогда не был его доверенным лицом, — пробурчал я, все еще не забыв о его наглом поведении.

— Ах, — с сожалением проговорил он, — если бы эти книги попались мне на глаза до начала всех этих событий!

— Так вы раскопали что-то? — поинтересовался я.

— Так, кое-что. В основном, неясные намеки… Я продолжаю искать; похоже, что я напал на верный след. Возможно, конечно, что это не имеет

никакого смысла, но, если… Нет, это будет что-то неслыханное. Вы понимаете, неслыханное!

Желлевин был весь во власти странного возбуждения. Но мне так и не удалось ничего вытянуть из него. Вскоре он снова скрылся в таинственной каюте, и мне пришлось оставить его в покое.

Вновь я увидел его только вечером, да и то лишь в течение нескольких минут. Он прибежал, чтобы налить керосина в лампу и не сказал мне ни слова.

На следующее утро я встал очень поздно. Едва проснувшись, я тут же отправился в каюту школьного учителя.

Желлевина там не было.

Охваченный болезненной тревогой, я стал звать его — никакого ответа.

Я обшарил все судно и, забыв об опасности, всю палубу, непрестанно окликая его.

В конце концов я рухнул на пол в своей каюте, захлебываясь от рыданий и без всякой надежды взывая к небесам.

Я остался один на борту проклятой шхуны, один с умирающим Стивенсом на руках.

Со мной было только одиночество, жуткое одиночество.

Только после полудня я снова побрел в каюту

школьного учителя. На глаза мне сразу же попался листок бумаги, прикрепленный к перегородке на самом виду.

Это была записка от Желлевина.

«Господин Баллистер, я отправляюсь на вершину большой мачты. Там я рассчитываю увидеть кое-что.

Может быть, я никогда не вернусь; в этом случае простите мне мою смерть, оставляющую вас в одиночестве. Потому что Стивенс — человек конченый, как вы знаете сами.

Но постарайтесь как можно быстрее сделать то, что я вам скажу.

Прежде всего, сожгите все книги; устройте костер на корме, как можно дальше от мачты, но старайтесь не приближаться к бортам. Думаю, что вам постараются помешать — об этом говорит все, что мне удалось узнать.

Но сожгите их, сожгите как можно быстрее. Не бойтесь, даже если вам придется устроить пожар на борту „Майнцского Псалтыря“. Не знаю, спасет ли это вас — я боюсь надеяться. Но, может быть, Провидение оставит вам хотя бы малейший шанс? Да сжалится над вами Господь, господин Баллистер, как и над всеми нами!

Герцог XXX[228], он же Желлевин».

* * *

Потрясенный этим поразительным прощальным посланием, я вернулся в каюту, проклиная своё постыдное пьянство, вероятно, не позволившее моему отважному товарищу разбудить меня.

В каюте я не услышал прерывистого дыхания Стивенса. Я склонился над искаженным судорогой лицом несчастного. Он тоже покинул меня.

Я взял в машинном отсеке две канистры с бен-

---

[228] Примечания: 228

Записка была подписана именем, которое мы не можем привести здесь, дабы не пробудить печаль у членов одной благородной правящей династии Европы. Желлевин нес на душе груз тяжких ошибок, но смерть искупила все его грехи.

зином и, движимый каким-то спасительным инстинктом, запустил на полную мощность вспомогательный двигатель.

Поднявшись на палубу, я свалили книги грудой возле штурвала и облил их бензином. Высокое бледное пламя стремительно взвилось кверху.

В этот момент до меня донесся крик — мне показалось, что кричало само море. Потом мне удалось разобрать, что кто-то окликнул меня по имени.

Оглянувшись, я, в свою очередь, тоже закричал, закричал от ужаса.

В кильватере «Майнцского Псалтыря», в двух десятках саженей за его кормой, плыл школьный учитель.

* * *

Рядом со мной потрескивало пламя, быстро превращавшее книги в пепел.

Адский пловец за кормой изрыгал то мольбы, то страшные проклятия.

— Баллистер! Я сделаю тебе сказочно богатым, ты будешь богаче, чем все люди Земли, вместе взятые! Нет, несчастный идиот, ты умрешь страшной смертью, ты скончаешься под невообразимыми пытками, еще не известными на твоей

проклятой планете… Я сделаю тебя великим царем, Баллистер, властителем фантастического царства! Ах, сам ад покажется тебе раем по сравнению с тем, что я сделаю с тобой!

Он плыл изо всех сил, отчаянно взмахивая руками, но почти не приближался к идущему на большой скорости судну.

Неожиданно шхуну потрясли глухие удары, и она как-то странно шарахнулась в сторону. Я увидел, как вокруг меня поднимается вода — нет, это какая-то жуткая сила увлекала судно в морскую пучину.

— Послушай меня, Баллистер, — завопил школьный учитель. Он быстро приближался. Лицо его оставалось жутко неподвижным, и только глаза, сверкавшие невыносимо ярким блеском, жили на мертвом лице.

В этот миг я увидел среди массы еще раскаленного пепла свернувшийся в трубку пергамент, под которым блестело что-то непонятное.

Я сразу вспомнил слова Желлевина.

Фальшивая книга скрывала под своей обложкой загадочный хрустальный ларец, о котором он спрашивал меня.

— Хрустальный ларец! — громко воскликнул я.

Школьный учитель услышал меня; он испу-

стил безумный вопль, и на мгновение моему взгляду представилась совершенно невероятная картина: он высоко поднялся над волнами и словно стоял на их гребнях, протянув вперед руки со скрюченными, как угрожающие когти, пальцами.

— Это величайшее во Вселенной знание, знание, которое ты хочешь уничтожить, проклятый невежда! — прорычал он.

Со всех сторон горизонта ко мне теперь неслись звуки тирольских трелей.

Первые волны обрушились на уходящую из-под ног палубу.

Прыгнув в середину костра, я одним ударом сапога разбил хрустальный ларец.

Меня сразу же охватило страшное головокружение; я почувствовал невыносимую тошноту.

Небо и море смешались в искрящемся молниями хаосе; чудовищный вопль потряс все вокруг. Я стремительно рухнул во мрак…

И вот я здесь. Я очнулся — будь благословенно небо — среди людей. Я все рассказал вам, и теперь могу умереть со спокойной душой. Может быть, вы решите, что все это приснилось мне? О, я хотел бы, чтобы это было так… Но я умру среди людей, на своей Земле… Какое это счастье!

* * *

Человека за бортом заметил первым Бриггс, юнга «Северного капера». Мальчишка утащил из камбуза яблоко и, уютно устроившись среди свернутых бухтой канатов, собирался насладиться своей добычей, когда увидел Баллистера, медленно плывшего в нескольких ярдах от судна.

Бриггс заорал, как оглашенный, поняв, что плывущего вот-вот затянет в водовороты от винта. Прибежавшие на крики моряки успели спасти несчастного. Он был без сознания и плавательные движения совершал, словно во сне, совершенно автоматически, как это иногда бывает у очень опытных пловцов.

Ни одного корабля на было видно на горизонте; на поверхности моря отсутствовали обломки, обычно свидетельствующие о кораблекрушении. Однако юнга рассказал, что он видел, — или ему показалось, что он видел, — прозрачное, словно стеклянное, судно, которое встало на дыбы по левому борту и исчезло в глубинах океана.

Эти слова обеспечили ему пару оплеух от возмущенного капитана Кормона, решившего отучить парня от привычки рассказывать бессмысленные истории.

Спасенному удалось влить в рот несколько капель виски; механик Рози уступил ему свою койку, на которую и уложили беднягу, укутав как можно теплее.

Вскоре его бессознательное состояние незаметно перешло в неглубокий лихорадочный сон. Все с любопытством ожидали его пробуждения, когда на корабле произошло нечто неожиданное и страшное.

Об этом теперь вы можете услышать рассказ вашего покорного слуги, Джона Коперланда, плававшего старшим помощником на борту «Северного капера». Его рассказ дополняют сведения, полученные от матроса Джилкса, столкнувшегося лицом к лицу с порожденными ночью тайной и ужасом.

* * *

Последнее определение нашего положения за этот день свидетельствовало, что «Северный капер», находился на 22° западной долготы и 60° северной широты.

Я сам встал за штурвал, решив провести ночь на палубе, так как накануне мы заметили, что большие льдины освещали отраженным лунным светом горизонт на северо-западе.

Матрос Джилкс зажег ходовые огни; поскольку он уже несколько суток страдал от сильнейшей зубной боли, усиливавшейся в теплом кубрике, он устроился со своей трубкой рядом со мной.

Это вполне устраивало меня, потому что одинокие часы вахты, продолжающейся всю бессонную ночь, кажутся невероятно монотонными.

Чтобы обстановка на судне была понятнее для вас, я должен сказать, что «Северный капер», — надежное прочное судно, но все же не являющееся шхуной последней модели, хотя его и оборудовали радиопередатчиком.

Все на судне дышит атмосферой примерно полувековой давности, включая систему парусов, помогающих паровой машине небольшой мощности толкать корабль вперед.

На «Северном капере», отсутствует эта высокая и такая неэстетичная рубка, характерная для современных судов, на которых она торчит в виде совершенно неуместной надстройки посреди палубы.

Штурвал на нашем судне по-прежнему установлен ближе к корме, что позволяет встречать лицом и ветры, овевающие морские просторы, и соленые брызги.

Я привожу здесь это описание только для того,

чтобы сказать вам, что мы оказались свидетелями непонятной драмы отнюдь не в качестве посторонних наблюдателей, изолированных за стеклом рубки; мы находились непосредственно на палубе, в самой гуще событий. Без этого уточнения мой рассказ мог бы вызвать недоумение у тех, кто более или менее знаком с топографией паровых судов.

Луна не была видна, и только слабый рассеянный свет с затянутого облачной пеленой неба да гребни волн, слабо фосфоресцирующие, словно гряда бурунов, позволяли что-то различать вокруг нас.

Было, наверное, часов десять; тяжелый первый сон навалился на усталых матросов.

Джилкс, по-прежнему мучимый зубной болью, стонал и негромко ругался. Его искаженное болью лицо нечетко вырисовывалось в неярком свете лампы нактоуза на фоне окружающей темноты.

Внезапно я увидел, что гримаса боли у него сменилась сначала крайним изумлением, а потом — выражением невероятного ужаса. Трубка выпала из его широко открытого рта. Это показалось мне настолько комичным, что я отпустил в его адрес какую-то шутку.

Вместо ответа он указал мне пальцем на сиг-

нальный фонарь по правому борту.

Моя трубка тут же присоединилась к трубке Джилкса при виде открывшегося моему взору зрелища. В нескольких дюймах от фонаря из мрака торчали две руки, на которых поблескивала вода. Руки судорожно сжимали самые нижние ванты.

Неожиданно руки разжались, и темная мокрая фигура запрыгнула на палубу.

Джилкс отскочил в сторону, и свет лампы нактоуза хорошо осветил пришельца.

Совершенно остолбенев от неописуемого изумления, мы увидели человека, чем-то похожего на клерка — в черном сюртуке и таких же брюках, с которых ручьями стекала морская вода. Бросалась в глаза его маленькая головка с пылавшими, словно угли, глазами, уставившимися на нас.

Джилкс едва заметно шевельнул рукой, намереваясь выхватить свой рыбацкий нож, но закончить это движение ему не пришлось: незнакомец кинулся на него и сбил с ног одним ударом. В это же мгновение лампа нактоуза разлетелась на мелкие кусочки. Секундой позже из кубрика послышались пронзительные вопли юнги, выполнявшего роль сиделки возле постели больного:

— Помогите! Его убивают! Его убивают!

С тех пор, как однажды мне довелось улаживать серьезную стычку между членами команды, я завел обычай иметь при себе ночью револьвер.

Это было оружие большого калибра, стрелявшее пулями в мягкой оболочке, которым я пользовался достаточно умело. Я быстро взвел курок.

Неясный шум наполнил, казалось, все помещения судна.

В это время, то есть через несколько мгновений после того как произошла описанная выше последовательность событий, сильный порыв ветра, нанесшего шхуне пощечину, разорвал облака и луч лунного света словно прожектором осветил палубу «Северного капера».

Крики юнги перекрывались оглушительными ругательствами капитана; послышался топот множества ног… И тут до моих ушей донеслись мягкие, словно кошачьи прыжки, раздававшиеся справа от меня. Я увидел клерка, перемахнувшего через борт и без всплеска ушедшего под воду. Через мгновение его небольшая головка поднялась на гребне волны почти до уровня палубы; хладнокровно прицелившись, я нажал на курок.

Человек испустил какой-то странный вопль; набежавшая волна подтолкнула его назад, прямо

к борту судна.

Возле меня оказался Джилкс, еще не до конца пришедший в себя, но уже ловко орудовавший багром.

Неподвижное тело плавно колыхалось на поверхности воды вплотную возле борта судна, то и дело глухо ударяясь о него.

Багор подхватил тело за одежду, надежно вцепившись в нее, и матрос с поразительной легкостью поднял свою добычу из воды.

Затем Джилкс сбросил мокрую бесформенную груду на палубу, пробурчав себе под нос, что эта штука кажется ему легкой, как перо.

Бен Кормон выскочил из кубрика, размахивая зажженным фонарем.

— Кто-то попытался убить нашего утопленника, — крикнул он.

— Мы видели его, капитан. Он вышел из моря.

— Ты сошел с ума, Коперланд!

— Мы не дали ему уйти, капитан. Посмотрите. Я выстрелил, и вот…

Мы столпились вокруг жалких останков, но тут же шарахнулись в стороны, испуская вопли, словно обезумевшие.

Перед нами лежала только пустая оболочка — одежда, из которой торчали две искусственные

руки и голова, искусно вылепленные из материала, напоминавшего воск. Моя пуля раздробила нос и пробила парик.

* * *

Теперь вы знаете все о том, что довелось пережить капитану Баллистеру.

Он рассказал нам свою историю на исходе этой адской ночи, очнувшись после сна, рассказал просто, как будто был счастлив, получив возможность облегчить душу.

Мы самоотверженно пытались вылечить его. Левое плечо у него было пробито в двух местах, словно ему нанесли мощные удары сапожным ножом. Если бы мы смогли своевременно остановить кровотечение, нам удалось бы спасти его, потому что ни один важный орган не был задет.

После продолжительного монолога спасенный погрузился в оцепенение, из которого вышел только для того, чтобы поинтересоваться, каким образом у него появились раны.

Возле него в этот момент находился Бриггс. Довольный тем, что оказался в центре внимания, он рассказал, что ночью во время дежурства внезапно увидел возникшую как бы из ничего темную фигуру. Проникший в кубрик человек

подскочил к больному и нанес ему несколько ударов ножом. Потом он сообщил о метком револьверном выстреле и показал пострадавшему фальшивую оболочку.

Увидев ее, спасенный, охваченный ужасом, закричал:

— Я знаю его! Это школьный учитель! Школьный учитель!

После этого он впал в болезненное лихорадочное состояние, из которого вышел через шесть дней в Морском госпитале Галуэя, чтобы поцеловать образ Христа и умереть.

* * *

Трагический манекен был передан преподобному Леемансу, достойному духовному лицу, много путешествовавшему по свету и хорошо разбиравшемуся в тайнах моря и диких земель.

Он долго и внимательно изучал останки.

— Так что же могло находиться там внутри? — спросил его Арчи Рейнес. — Потому что, в конце концов, ведь было же там что-то. И это что-то было живым.

— Это уж точно. Оно было живым, пожалуй, даже слишком, — проворчал Джилкс, потирая свою распухшую и все еще болевшую шею.

Преподобный Лееманс обнюхал, словно охотничий пес, одежду и отбросил ее с отвращением.

— Я так и думал, — буркнул он, ни к кому не обращаясь.

Мы, в свою очередь, тоже сунули носы в груду все еще влажной одежды.

— Она, кажется, пахнет муравьиной кислотой.

— И фосфором, — добавил Рейнес.

Кормон помолчал, потом произнес задрожавшими губами:

— Она пахнет спрутом.

Лееманс пристально посмотрел на капитана.

— В последний день перед Страшным Судом, — сказал он, — именно из моря по велению Господа выйдет Зверь Ужаса. Давайте, не будем опережать судьбу своими нечестивыми изысканиями.

— Но… — начал Рейнес.

Подняв руку, Лееманс остановил его.

— Кто затемняет предначертанное мною своими речами, лишенными знания? — торжественно произнес он.

Мы молча склонили головы перед святыми словами и отказались от попыток понять.

Перевод: И. Найденков

Жан Рэй
Господин Вольмют и Франц Беншнейдер

Jean Ray «Monsieur Wohlmut et Franz Benschneider», 1947

История, случившаяся с профессором Вольмютом, пропавшем в одном из этих таинственных и жутких смежных миров, как их называет Сейферт, естественно, не может быть ни доказана, ни проверена. Настоящее повествование основывается исключительно на устных свидетельствах, полученных при особых обстоятельствах и вопреки желанию Франца Беншнейдера, принимавшего участие в странном приключении, а также на скудной информации, поступившей от ректора Лооба и фрау Моншмейер, квартирной хозяйки профессора.

Франц Беншнейдер, достигший к настоящему времени почти девяностолетнего возраста, все еще проживает в местечке Мироу; у него сохранилась прекрасная память, и он не отказывается от конфиденциальных бесед. Последнее мы со-

общаем специально для тех, кто больше верит своим собственным расследованиям, чем тому, что пишут в книгах и газетах.

Это случилось в 1889 году, в день Святого Амбруаза, «post meridiem»[229], как частенько говорил профессор Вольмют, преподававший латынь и греческий язык ученикам коммунального лицея в Хольцмюде, этот достойный ученый муж пытался, к сожалению, достаточно безуспешно, заинтересовать три десятка шалопаев в возрасте от 14 до 15 лет «Комментариями», Цезаря, дополняя свои высказывания обширными цитатами из Светония и Цицерона.

В оконные стекла стучал мелкий твердый снег, смешанный с ледяной крупой, и резкие сильные порывы ветра заставляли гудеть пламя в большой чугунной печке. Ученики явно были не в состоянии сосредоточиться, и профессор заметил, что один из них, а именно Карл Бенншнейдер, несомненно, принадлежавший к числу самых нерадивых его подопечных, увлеченно рассматривал какой-то предмет, спрятав его за спиной сидевшего впереди Мишеля Стро, вожака их компании.

---

[229] Примечания: 229
После полудня (лат.).

— Беншнейдер! Ну-ка, отдайте мне это! — строгим тоном приказал господин Вольмют.

Под аккомпанемент всеобщего хихиканья Карл, красный и сердитый, подошел к столу и передал профессору большую пузатую бутылку необычной формы.

— Это что еще такое? — поинтересовался господин Вольмют.

Мальчишка пожал плечами.

— Я нашел ее на рынке, под прилавком одного торговца, еврея-галантерейщика, после того, как тот уехал из города, — ответил он.

Профессор не особенно удивился. Польские евреи, посещавшие рынки Хольцмюде, весьма неопрятные типы, в колтунах и с липкой от грязи кожей, нередко выставляли на продажу довольно необычные предметы.

С некоторой осторожностью он водрузил бутыль на угол стола и сухо сказал:

— Я конфискую этот предмет. Можете сесть на место.

Карл неохотно подчинился, бросив при этом нехороший взгляд на преподавателя.

— Представляю, какой шум поднимет папаша, когда я скажу ему, что в бутылке был шнапс, — проворчал он.

Вскоре пробило четыре, что означало свободу для скучающей детворы.

Господин Вольмют, заинтригованный необычной формой бутылка, захватил ее с собой, когда уходил домой.

Профессор снимал уютную квартирку из трех комнат у фрау Моншмайер, проживавшей на углу Линдендам и Сальцгассе. И, поскольку дома его встретил яркий огонь в камине, отличный кофе и аппетитные тартинки с тильзитским сыром, он забыл о находке Карла.

Вечер обещал быть приятным, потому что в комнате, заполненной книгами, гравюрами и картами, было тепло, несмотря на то, что снаружи завывал холодный декабрьский ветер.

Господин Вольмют разжег свою великолепную баварскую трубку и раскрыл наудачу «Буколики», Виргилия, книгу, всегда лежавшую на столике у изголовья его постели.

Резкий звонок прервал его поэтические занятия; через минуту в вестибюле раздался недовольный бас фрау Моншмайер:

— Разумеется, господин профессор у себя. Можно подумать, что он вечерами шляется по кабакам, как это проделываете вы, жалкий пьянчуга! Что вам нужно от него? И не думайте, что я

позволю вам наследить на моем чистом паркете. Убирайтесь отсюда, или я…

Господин Вольмют решил, что ему пора вмешаться, потому что догадался, кто именно нанес ему визит.

— Пусть он поднимется, фрау Моншмайер, — крикнул он, выйдя на лестницу.

Хозяйка с ворчанием подчинилась, и Беншнейдер-отец совершил робкое вторжение в рабочий кабинет профессора. Он нервно мял неловкими пальцами свою шапку из кроличьего меха и со смущенным видом взирал на воплощавшую науку и знания обстановку кабинета, в которой он неожиданно очутился.

— Господин профессор… я к вам по поводу… Ну, вы знаете, что Карл…

— Ах, да, бутылка, — с улыбкой произнес господин Вольмют. — Будьте так любезны, присядьте, господин Беншнейдер.

Извинившись, он принес предмет, о котором шла речь, и водрузил его на стол.

— Я собирался передать бутыль господину ректору, — промолвил он, — и я сделал бы это уже сегодня, если бы он не отсутствовал в лицее.

— Гм, — промычал Франц Беншнейдер, неловко раскачиваясь в кресле, — конечно, конечно…

Этот чертов шалопай не должен был приносить ее в школу, а поэтому, господин профессор, когда он мне рассказал все, я отвесил ему одну из этих оплеух, которые, уверяю вас, забываются не скоро. Но… — Он искоса посмотрел на бутылку, вздохнул и, неожиданно собравшись с духом, пылко воскликнул:

— Так как же, господин Вольмют? Ведь господин Лооба, ваш ректор, выдует ее в одиночку, так что нам с вами не достанется ни капли! Мы даже не попробуем этот замечательный напиток!

На его широком грубом лице отразилось такое комичное отчаяние, что господин Вольмют невольно рассмеялся.

— Ну, так-то будет лучше, — с облегчением заявил Беншнейдер, явно почувствовавший себя увереннее. — У этих польских евреев, да простит их Господь за их жадность и вороватость, иногда попадаются неплохие вещи. Мне помнится один крюшон, приготовленный на данцигской водке… Так что, господин профессор, мы с вами разопьем эту бутылочку, а? Если судить по бутылке, напиток должен иметь приличный возраст; поэтому можно не сомневаться, что качества он будет отменного.

Господин Вольмют был непьющим, но никогда

не отказывался от стаканчика-другого. Поэтому его колебания были чистой формальностью.

— С точки зрения права, если вы нашли потерянную вещь, то становитесь ее собственником только через некоторый срок, предусмотренный законом. С другой стороны, правила рыночной торговли в Хольцмюде не разрешают евреям-торговцам оставлять свой товар без присмотра в общественном месте, дыбы избежать рекламаций и судебных исков со стороны этих недобросовестных личностей. А поэтому, господин Беншнейдер, мы можем повторить вслед за римлянами: «Beatus possessor»[230].

— Если то, что вы сказали, означает, что мы имеем право опустошить бутылочку, то ваши римляне тысячу раз правы. Похоже, что это весьма здравомыслящие граждане, — заявил старина Беншнейдер, обнадеженный видом штопора и двух довольно больших стаканов, которые профессор торжественно водрузил на стол.

Для начала господину Вольмюту пришлось удалить с горлышка бутыли толстый слой очень твердого воска, прежде чем он добрался до пробки.

---

[230] Примечания: 230
Счастлив обладающий (лат.).

— Любопытный материал, — пробормотал он, в то время, как пробка медленно ползла вверх по стальной спирали. — Это явно не пробковый дуб; я даже сказал бы, что это какая-то пластмасса.

— Неважно! — с энтузиазмом воскликнул Беншнейдер, поспешно протягивая свой стакан. — Ах, до чего же здорово пахнет, просто потрясающе пахнет! Видать, это очень старая водка, настоянная на травах!

Слегка тягучая жидкость золотисто-зеленого цвета полилась в стаканы с многообещающим бульканьем.

— Ваше здоровье! — провозгласил Беншнейдер, явно торопившийся поддаться своим гурманским наклонностям. — Ах, черт!

Если бы господин Вольмют в этот момент посмотрел на собутыльника, то он, скорее всего, не стал бы пробовать таинственный эликсир. Но он именно в этот момент внимательно изучал на свет бледно-изумрудную жидкость; внезапно, также соблазненный пьянящим густым ароматом, он поднес стакан к губам и решительно отхлебнул из него.

— Это… э-э-э…

Глаза у Беншнейдера вылезли из орбит; его рот беззвучно открывался и закрывался, слов-

но у извлеченного из воды карпа. Что касается профессора, то ему показалось, что он очутился на палубе корабля, отчаянно сражающегося с взбесившейся стихией.

По-видимому, затем они некоторое время находились в состоянии частичной потери сознания; очнувшийся первым Беншнейдер, не успев окончательно прийти в себя, дико завопил:

— Какого черта, что все это значит? Где мы?

* * *

Вот что рассказал господин Вольмют ректору Лообу, когда одалживал у него физические и химические приборы, использованные им позднее в его злосчастном эксперименте.

— Привычная обстановка моей комнаты полностью исчезла; вместо нее нас окружало пространство, заполненное чем-то зеленоватым. Сначала все вокруг казалось неясным, но постепенно проявились все более и более отчетливые формы.

Франц Беншнейдер сидел напротив меня на расстоянии нескольких футов, причем сидел самым необычным образом, какой только можно представить: он сидел на пустоте.

Вскоре я узнал от него, что и он видел меня в

столь же необычном положении — по его утверждению, я тоже сидел на пустоте.

В то же время, я очень хорошо ощущал под собой кресло, а под ногами — пол, покрытый ковром. Я осязал пальцами все изгибы подлокотников моего кресла, мог дотронуться до поверхности невидимого стола.

Беншнейдер, на которого я смотрел, достаточно отчетливо выделялся на фоне испарений зеленого и бледно-золотистого цвета; он явно был сильно напуган и не переставая бормотал о колдовстве, чары которого обрушились на нас. Я принялся успокаивать его.

— Господин Беншнейдер, — сказал я, — нет никаких оснований поддаваться панике. То, что происходит с нами, может быть, скорее всего, разновидностью галлюцинации, вызванной крепким алкогольным напитком, к которому, несомненно, было подмешано какое-то ядовитое вещество вроде гашиша, бетеля или опиума, но действующее гораздо быстрее. Я могу предположить, что его воздействие скоро пройдет, потому что я не ощущаю ни головокружения, ни тошноты.

— Я тоже чувствую себя неплохо, — ответствовал Беншнейдер, — только все это очень странно.

Я, например, вижу горы, а перед ними что-то похожее на озеро. И все-таки, где мы с вами находимся?

— Где же еще, если не в моей комнате, — с уверенностью заметил я. — Вот, пожалуйста, я протягиваю руку и касаюсь книги, которую читал в момент вашего появления. Я даже переворачиваю ее страницы. А вот сейчас я нащупал свою трубку!

И действительно, я схватил трубку и инстинктивно поднес ее ко рту, хотя она и оставалась невидимой.

Сначала я едва не ткнул себя в глаз мундштуком, но тут же направил его в правильную сторону и попытался, хотя и без особого успеха, затянуться.

Я говорю «без успеха», только потому, что хотя и ощущал вкус табачного дыма, но не видел, как он поднимается над трубкой, точно так же, как не видел дыма, выдыхаемого мной. Мало-помалу обстановка вокруг нас, которую я все еще воспринимал как воображаемую, становилась все более и более отчетливой.

Мы с моим компаньоном находились в центре небольшой каменистой морены, на поверхности которой я хорошо различал отдельные камни и

куски щебня.

В то время, как перед собой я видел только густой зеленый туман, по которому пробегали неясные золотистые блики, по сторонам от меня и сзади дугой изгибался обрыв огромной скалы, вздымавшийся на головокружительную высоту. Глубокий черный цвет каменной поверхности вызывал какое-то тревожное чувство. Вдали, у самого горизонта, простиралась обширная водная поверхность, темная и гладкая, без каких-либо волн и всплесков.

Я поинтересовался, что видит перед собой Беншнейдер, и тот в точности повторил мое описание.

Впрочем, он мало интересовался всем, что нас окружало, но был сильно взволнован тем фактом, что мы с ним восседали, как нам казалось, на пустоте.

Мое убеждение, что мы не покидали комнату в доме фрау Моншмайер, еще больше укрепилось, когда я уловил звуки обыденной жизни на первом этаже и даже почувствовал привычные запахи.

Так, например, я услышал, как в салоне фрау Моншмайер музыкальный ящик монотонно повторяет наивные прозрачные ноты песен-

ки «Ах, мой милый Августин», за которым тут же последовал отрывок из «Вальса роз». Затем послышались звуки ссоры между хозяйкой и служанкой: последняя с гневом воскликнула: «Если бы вы клали немного больше жира в картошку, она ни за что не пригорела бы…»

И действительно, через несколько мгновений мои ноздри защекотал неприятный запах сгоревшего жира.

— Я предполагаю… — начал я, но замолчал, увидев, что Беншнейдер не слушает меня. Казалось, он с тревожным вниманием следил за чем-то, происходящем за моей спиной. — Что вы там увидели? — поинтересовался я.

Он затряс головой и с трудом перевел дыхание.

— Эта штука там, за вами, сначала показалась мне сплошной скалой, но теперь я разглядел в ней дыры… Это отверстия, похожие… Они похожи на большие круглые окна!

Я обернулся. Беншнейдер был прав. Я отчетливо разглядел окна; можно было даже различить оконные переплеты из узловатых стержней, за которым смутно виднелись какие-то неотчетливые формы.

— Это же лица! — завопил Беншнейдер.

Очевидно, в этот момент по улице проехал

омнибус, так как я услышал перезвон колокольчиков и хлопанье бича. Служанка на кухне распевала во все горло.

— Я больше не хочу оставаться здесь! — закричал снова Беншнейдер, размахивая руками так, словно изображал ветряную мельницу.

После очередного взмаха его рук послышался стук упавшего на пол предмета и звон бьющегося стекла. Я повернулся к нему; при этом скала исчезла из моего поля зрения, и взгляд скользнул по далекому берегу застывшего озера. Какое-то огромное существо, видимое еще недостаточно отчетливо, перемещалось по поверхности воды, резко и неуклюже изгибая тело движениями ползущей рептилии. Правда, его никак не удавалось разглядеть как следует, но даже без этого я сразу ощутил его чудовищность и омерзительность.

— Там лица, — снова взвыл Беншнейдер, пряча лицо в ладонях. — Лица и руки!

Что-то зашумело над нашими головами, словно сверху на нас опускалось нечто огромное и крылатое…

И в этот миг я увидел своего Виргилия, лежавшего на столе, увидел валявшуюся рядом с книгой трубку; в кресле напротив съежился бледный и дрожащий Беншнейдер. На ковре под

ногами хрустели осколки пресловутой бутылки, разлетевшейся вдребезги.

Господин Вольмют без особых усилий склонил Беншнейдера принять высказанную им в самом начале их совместного приключения гипотезу: они оказались жертвами странной галлюцинации — и не более того. Разумеется, старина Франц сожалел о пропавшем ликере, хотя и признавал, что крепко призадумался бы, прежде чем снова пригубить эту жидкость, даже если такая возможность представится ему в дальнейшем.

— Слишком уж жуткие рожи были у этих существ, — говорил он с содроганием.

Но ректор Лооб, которому профессор латыни рассказал об удивительном происшествии, высказал иное мнение.

— Уже несколько лет ученые говорят о смежных пространствах, об иных изменениях, — задумчиво сказал он. — Какая жалость, что мне не довелось оказаться на месте этого болвана Беншнейдера. Мы с вами, Вольмют, наверняка смогли бы провести наблюдения, подтверждающие эту новую научную теорию.

Господин Вольмют сохранил кусочки бутылочного стекла, пробку и часть ковра, на которую пролилась загадочная жидкость и которая все

еще хранила ее странный терпкий аромат.

Именно тогда у профессора Вольмюта возникла безумная идея заняться химическими опытами с остатками бутылки и ее содержимого. Ректор Лооб охотно предоставил ему приборы из лаборатории лицея, и латинист с увлечением принялся за дело.

Надо сказать, что он отнюдь не был профаном в этих вопросах — прежде, чем заняться классической филологией, он изучал естественные науки в Боннском университете.

Первые же анализы осколков бутылочного стекла показали, что это стекло, внешне не отличавшееся от обычного, поляризовало свет совершенно неожиданным образом.

В то же время, пластмасса, из которой была сделана пробка, оказалась совершенно неизвестной науке. Она проявила исключительную устойчивость к кислотам, и только после обработки слегка разбавленной жидкостью Нордхаузена потеряла устойчивость, частично разложилась и дала кристаллический осадок после выпаривания. При исследовании образовавшегося вещества красивого зеленого цвета под микроскопом выяснилось, что эти небольшие кристаллики ромбовидной формы ведут себя более чем

странно: казалось, что им присуща способность к самопроизвольному беспорядочному перемещению, которое ректор Лооб после консультаций с химиками предложил назвать «гигантским броуновским движением». Нам больше ничего не известно об опытах господина Вольмюта, если не считать того, что он обработал кусок ковра, залитый жидкостью из бутылки, раствором солей редких металлов.

После этого развитие событий резко ускорилось. Когда вечером в Сретение фрау Моншмайер пекла оладьи с салом на плите, она внезапно услышала сначала крики о помощи, доносившиеся со второго этажа, а затем ужасный вопль, в котором, казалось, не было ничего человеческого. Фрау Моншмайер была известна в городе как весьма решительная особа; ее авторитету среди соседей способствовала мощная, словно у гренадера, фигура. Она схватила подвернувшуюся под руку кочергу и взлетела вверх по лестнице, перескакивая сразу через несколько ступенек.

Комната профессора оказалась пустой. На полу валялись осколки химической посуды, над которыми клубилось легкое облачко пара или дыма.

Нигде не было видно господина Вольмюта, хотя из его трубки, лежащей на столе, к потолку

поднималась тонкая струйка дыма.

Внезапно фрау Моншмайер охватило тревожное чувство; ей показалось, что рядом с ней находится нечто необычное и опасное. Она обернулась. Стены перед ней не оказалось; ее место занимало облако молочно-белого тумана, из которого выглядывало лицо. Но это было такое жуткое лицо, что… Только ад мог бы соединить в одно целое столько свирепости, ярости и ужаса.

Хозяйка размахнулась и нанесла точный удар кочергой. Чудовищное видение исчезло.

У ректора Лооба сохранилась кочерга, послужившая оружием для нашей мужественной фрау Моншмайер. Она была скручена самым невероятным образом, так что больше всего напоминала штопор.

Никто и никогда больше не видел господина Вольмюта.

В ходе последовавшего за описанными выше событиями расследования члены магистрата и их помощники, осматривавшие комнату профессора, испытали сильную тошноту, за которой последовала необъяснимая полная потеря сил. Тем не менее, все пострадавшие быстро пришли в себя за исключением доктора Бунда, у которого врачи обнаружили следы ожогов и который на

длительное время потерял зрение.

По совету ректора Лооба коммунальная магистратура Хольцмюде решила сохранить эту невероятную историю в тайне, насколько это представлялось возможным. К сожалению, у Франца Беншнейдера появилась нехорошая привычка искать ссоры с торговцами-евреями. Он не единожды основательно избивал некоторых из них, как только напивался до соответствующего состояния. А когда Беншнейдер был пьян, он не умел держать язык за зубами — если бы он не пил, то вряд ли мы узнали когда-нибудь о случившемся.

Перевод: И. Найденков

Хулио Торо Сан Мартин
Сеятель со звёзд

Julio Toro San Martin «The Seeder from the Stars», 2011

От автора: *Читая о шумерах и аккадцах, населявших «колыбель цивилизации», я заинтере-*

совался устройством их миропорядка или ме[231], *чьё нарушение, полагаю, означало бы наступление хаоса. Что может быть более лавкрафтовским, чем это? Что может быть более привлекательным для писателя, чем работа над сказанием о Энхедуанне, дочери Саргона Великого и одной из первых поэтесс (если не первой), известной по имени?*

Одним из первых прочитанных мной рассказов Лавкрафта был «Иные боги». Свою историю я написал как некоторого рода дополнение к нему, поскольку, по моему мнению, оказывая влияние на творчество других авторов, он во многом напоминает пустоши Кадата, холодные и мрачные. Однако я не стремился к стопроцентной согласованности между текстами, и кроме того, Энхедуанне, любимице земных богов, повезло больше в её истории, чем Барзаю Мудрому в его. Ещё на сюжет повлиял один из рассказов Кларка Эштона Смита, в котором содержится намёк на то, кем или чем на самом деле является Сеятель со звёзд. А может, и нет. Возможно, Сменхкаре и есть тот самый загадочный египетский фараон

---

[231] Примечания: 231
Ме — божественные законы, упорядочивающие организацию мира.

18-й династии[232]. А может, и нет. Я занимался сочинительством в облаке агностицизма и ненадёжности. Борхес тоже оказал определённое влияние.

Верховная жрица постоянно общалась с Инанной[233], своей покровительницей.

Мы жили в великом храмовом зиккурате, а из множества слуг и приближённых только я один мог похвастаться тем, что был ближе всех к ней в её отрешённых привязанностях. Моя госпожа являлась *эн*[234] — жрицей лунного бога Нанна, но Инанна, его дочь, оставалась самым дорогим её сердцу божеством.

Я служил ей на самом высоком месте, ближайшем к звёздам, составляя небесные карты. Я видел сверху славнейший из городов — огромные строения, дома, фруктовые сады и сельскохозяйственные угодья. Меня зовут Сменхкаре.

Моя госпожа всегда говорила странные вещи,

---

[232] Примечания: 232

Так звали 11-го египетского фараона 18-ой династии, правящего с 1335 (или 1336) по 1334 г. до н. э., основная часть сведений о котором впоследствии была сознательно уничтожена.

[233] Примечания: 233

Инанна — богиня плодородия и любви в шумеро-аккадской мифологии; дочь Нанна.

[234] Примечания: 234

Эн — высший жреческий титул в Древней Месопотамии.

чтобы напугать меня, и этого я не понимал. Мне ведомо, что она одержима всем божественным, а я, обыкновенный простолюдин, ничего не смыслил в подобных вещах. Но я гордился дружбой с дочерью великого правителя, служа ей душой и телом в храме города Ура.

Поскольку моя госпожа была членом правящей в Аккаде династии и *эн* — жрицей, её указы не подлежали обсуждению. Она раздавала множество странных запретов, например: никогда не заглядывать за занавес внутреннего святилища.

Годы текли незаметно в храме Нанна, в ныне далёком городе Ур, и замечательными казались те времена. Великолепен напиток молодости, которым мы наслаждались. Особенно прекрасны были гимны Энхедуанны, моей госпожи. Если я слишком много восхваляю её, то потому, что не могу по-другому, а если мало рассказываю о себе, то потому, что моя персона не так уж и важна.

Ишме прибыл из разорённого города-государства Ка- залла, расположенного к западу от реки Евфрат, на седьмом году пребывания моей госпожи в титуле *эн*. Без отца и матери, осиротевший на весь мир. Мальчика нашли среди обрушившихся глыб обожжённой глины, облачённого в жалкие лохмотья, поедающего грязь

и ползающих жуков. Мне поручили обучить его храмовым обязанностям, но с самого начала он подавал надежды на большее. Разнеслась молва, что однажды Ишме перерастёт храм и уйдёт, чтобы достичь величия. Поскольку я стал для мальчика главным учителем, он начал называть меня «отцом». Я был только рад.

Моя госпожа очень заинтересовалась Ишме. Она посвятила его во многие тайны мудрости, однако о тьмы, обитающей, по слухам, за занавесом святилища Нанна, хранила молчание.

Когда иногда он опрометчиво говорил что-нибудь неподобающее, я ругал его со всей строгостью.

— Может, ты считаешь его нашим сыном, Сменхкаре? — шутила Энхедуанна и смеялась.

О, пусть мне никогда не вменяется в вину, что я, Сменхкаре, когда-либо вынашивал кощунственные мысли по отношению к святейшему Нанну!

Однажды, когда мы втроём шли по пустому коридору тёмного храма, какой-то безумец, вооружённый мечом, напал на мою госпожу. Ишме молниеносно прыгнул вперёд, прикрыв её своим худеньким тельцем. Быстро подоспели служители храма, услышавшие шум борьбы, и скрутили мужчину.

Всю ночь моя госпожа стояла на коленях у ложа Ишме, читая свои прекрасные стихи, чьи строки обладали силой, способной умилостивить богов, изменить их волю или вызвать из преисподней визжащую Эрешкигаль[235]. Но в тот день боги хранили молчание.

Я опустился на колени рядом с Энхедуанной. Я посмотрел в её глаза и впервые — второй раз это будет много лет спустя — увидел, что они наполнились влагой. Я протянул руку и коснулся её плеча, прикрытого жреческим одеянием. Лишь раз я прикоснулся к ней, и она не остановила меня.

— Почему мальчик так поступил? Я вполне могу постоять за себя, — уловил я её шёпот. Мы плакали вместе.

Затем Энхедуанна решительно поднялась на ноги и покинула покои Ишме.

Спустя несколько часов, после того как храмовые лекари сообщили мне, что состояние мальчика стремительно ухудшается, я пошёл искать мою госпожу и нашёл за занавесом. Странными теперь были её песнопения, странными, но прекрасными, исполняемыми на языке, которого

---

[235] Примечания: 235

Эрешкигаль — богиня смерти и владычица загробного мира в шумеро-аккадской мифологии.

я не понимал, и это глубоко меня взволновало. Я дал ей закончить.

Когда она вышла, я заприметил, что в её кулаке зажато нечто. Я не мог разобрать, что именно.

Войдя в покои мальчика, Энхедуанна приказала удалиться всем, кроме меня. Затем вложила принесённое нечто в рану Ишме.

Я услышал, как он кашлянул.

Я посмотрел и узрел, что рана затянулась. Мальчик с недоумением взглянул на нас. Потом он повернулся к Энхедуанне, раскрыл объятия и крепко обнял её.

Вскоре после покушения на жизнь моей госпожи храм охватило великое ожидание. Саргон, её отец, направлялся в Ур. С одной из верхних площадок храма мы с Ишме увлечённо наблюдали, как великий правитель, сопровождаемый сотнями марширующих воинов, вооружённых сверкающим бронзовым оружием и тугими луками, входит в празднично украшенный город. Ближе к вечеру того же дня прибыл крупный отряд наёмников и встал лагерем близ Ура. Мы знали, что тот враждебно настроен по отношению к моей госпоже и её отцу.

Саргон держал совет с дочерью и своими приближёнными в храме, а не во дворце Ура.

— Все города-государства Шумера, — вспоминаю я слова великого правителя, — недовольны тем, что над ними господствует один город. Они хотят вернуть себе автономию. Здесь больше небезопасно.

— Я пела богам, — сказала моя госпожа, бесстрастно заплетая прядь волос, — и буду петь снова. Они всегда довольны моими подношениями.

— Не только боги хранят тебя, дочь, но и острое лезвие моего боевого топора. Когда я отправлюсь на далёкий север, какая великая армия помешает остальным шумерам восстать против нас, как сейчас это делают города Урук и Лагаш? Твоя смерть или смещение с поста верховной жрицы Нанна станет большим ударом по моим амбициям. Пойдём со мной, и будешь в безопасности.

Моя госпожа бесстрашно сверкнула глазами и с улыбкой ответила:

— Инанна, моя покровительница, любит меня так же, как полюбила тебя в ту далёкую пору, когда ты был взят из корзины и поставлен носителем чаши к правителю города Киша. Она помогла тебе свергнуть Ур-Забабу и поныне оказывает поддержку в преумножении величия Аккада. Но она и мне благоволит. Она подарила мне питом-

ца. Благодаря этому зверю я вселю такой страх в сердца изменников, что они будут трястись, словно малые дети, и не посмеют выступить против меня.

— Тогда сделай вот что, — грозно молвил Саргон. — Яви этого зверя сегодня ночью. Но если к завтрашнему утру, — предупредил он, — наши враги всё ещё будут стоять лагерем, я заживо сдеру с них кожу, а затем ты пойдёшь со мной на далёкий север, где уже маршируют великие сонмы моих армий.

Он сразу же ушёл. Мы потеряли дар речи от того, что услышали.

Настал туманный вечер.

В поздних сумерках, пока верховная жрица пела свои гимны во внутреннем святилище, я и Ишме поднялись на самую высокую площадку легендарного храма. Темнота и сильный туман, который в одних местах был очень густым, а в других — более редким, серьёзно ухудшали видимость. Тем не менее, мы всё равно пытались разглядеть хотя бы что-нибудь на земле. С нашего наблюдательного пункта мы едва различали в обозримой дали тусклые огни костров вражеского лагеря. Ишме, который в свои восемь лет едва доставал мне до пояса, держал меня за руку

в напряжённом ожидании.

Вдруг начал подниматься ветер, пронизывающе холодный, и в его нарастающем крещендо, пронзающем мрак и туман, мы почувствовали зачатки чего-то огромного, пробуждающегося высоко вверху. Ишме робко указал на небо. Мы услышали грозный рёв и смутно увидели в ночных небесах ширококрылое чёрное существо. Ветер усилился, рёв сделался громче, а на меня накатила неудержимая паническая волна. Ишме испуганно обхватил мои ноги своими ручонками. В полнейшем ужасе я сгрёб мальчика в охапку и метнулся в безопасное чрево храма. Изнутри я слышал, как удаляется неистовый рёв, а после короткого промежутка тишины раздались далёкие мужские крики, полные отчаяния и безумия.

Ясным утром мы с Ишме вернулись туда, где стояли ночью, и заметили, что неприятельский лагерь исчез. Мальчик потянул меня за тунику, взволнованно указывая на то место, и победно закричал. Могу сказать, что он был горд.

Днём я отправился в город, чтобы собрать новости. Я кое-что разузнал у людей, которые довольно тесно общались с наблюдателями, отправленными Саргоном следить за действиями противника. Мне поведали, что эти наблюдатели

впали в помешательство, и великий правитель предал их смерти.

Я узнал, что сразу, как только чёрное существо с громогласным рёвом пронеслось над лагерем, враги поспешили вооружиться. Люди, застигнутые врасплох кошмарным призраком, узрели, как с туманного неба сыплются тускло светящиеся споры. Куда бы ни падали споры, они росли с астрономической скоростью, превращаясь в свирепых бесформенных чудовищ. Всё, что было слышно, — это неистовый рёв и предсмертные крики, а затем, словно для кульминации некой грандиозной какофонии звуков, сам Сеятель погрузился в сердцевину лагеря, дико разрывая и самозабвенно пожирая несчастных людей.

В тот же день Саргон отбыл, чтобы продолжить свои завоевания на далёком севере. Когда он уходил, я видел его страх и благоговение перед дочерью.

Лениво тянулись последующие годы. Ишме продолжал постигать науки, и было ясно, что однажды он покинет храм, а с возрастом станет всеми уважаемым *энси*[236]. Я с трепетом думал об этом, ведь, в конце концов, разве он не стал мне

[236] Примечания: 236

Энси — титул чиновника высочайшего ранга в Древней Месопотамии.

практически родным?

В это время меня начали преследовать необъяснимые сновидения об архаичном Ниле — этой длинной извилистой реке, откуда я пришёл. Во снах я не был Сменхкаре, а оказывался совершенно другим мужчиной, который доставлял секретные послания и сражался бок о бок с царём Скорпионом в походе за жезлом и короной Нижнего Египта. Я проживал жизнь этого лишённого покоя человека, но если он и существовал, то за много столетий до меня.

Я также начал замечать постепенные изменения в поведении Ишме. Он сделался отстранённым, менее желанным в своих привязанностях. Я полагал, что причиной тому стало взросление. Со временем, однако, всё вроде бы нормализовалось.

В день, когда пришла пора Ишме оставлять храм и приступать к работе в качестве младшего помощника одного из городских советников, он попросил меня проследовать за ним к внутреннему святилищу. На его подбородке уже проступил пушок мужественности. Я помню, как он с вызовом взглянул на меня и заявил:

— Я никогда не опущусь до того, чтобы стать слугой Аккада. Я не собираюсь служить ему ни

в какой роли.

Его отказ был мне непонятен. Я знал, что тень прошлого, беспокоившая его раньше, теперь снова появилась. Я решил противостоять ей. Я сказал:

— Ишме, Саргон не хотел причинить тебе боль, когда убил твоих родителей и заставил страдать твой народ, сравняв с землёй Казаллу. Это политика. На предложение о том, чтобы бесконфликтно объединить земли, Казалла ответила войной. Таков путь нашего мира. Разве не дочь великого правителя приняла тебя с его же благословения? И смотри, сегодня ты уходишь, чтобы стать великим человеком в Аккаде. Ты не можешь ненавидеть Саргона, а тем более ту, которая заменила тебе мать?

Ишме смотрел на меня сыновними глазами; они смягчились. Но внезапно его осенила другая мысль, и они превратились в камень. Он изрёк:

— Всё не так просто. Всё не так просто, Сменхкаре.

Я попытался образумить его.

— Если тебя что-то тревожит, Ишме, скажи мне. Я помогу.

— Я не могу! — закричал он. — Ты слишком сильно её любишь!

— Так и есть, — ответил я. — К тому же я верен Аккаду и всегда буду верен.

— Если любишь меня, то иди со мной за занавес. Давай посмотрим, что скрывается за ним.

Юнец волновался и произносил безумные слова. Я отказался удовлетворить его желание.

Он возбуждённо вопрошал:

— Что скрывается за занавесом, Сменхкаре?! Разве ты никогда не задумывался?! Дай мне пройти!

Затем он попытался заглянуть за занавес. Я схватил его и не отпускал. Пока мы боролись, он злобно кричал:

— Она и её отец — они убийцы и узурпаторы! Она ведьма и дьяволица! Разве ты не видишь, Сменхкаре?! Она дьяволица!

Услышав столь дерзкие инсинуации, я пришёл в ярость и с силой швырнул его на пол. Именно тогда с моего языка сорвалось то, о чём я сожалею больше всего в жизни. Это была последняя ложь, которую я когда-либо говорил Ишме. Я в гневе выпалил, что больше никогда с ним не заговорю.

Он бросился прочь.

Мы отчаянно искали Ишме по всему храму, а после — по городу и окрестностям. Он не хотел, чтобы его нашли. Мы могли только надеяться,

что наш любимый мальчик находится в безопасности.

Мысли мои и Энхедуанны никогда не уходили далеко от воспоминаний об Ишме. Со временем мы узнали от одного гончара из Ниппура, что юнец отправился в горы Загрос. Мы вздрогнули, услышав это. Кочевые торговцы лазуритом и иными драгоценными камнями рассказывали о далёких горах Загрос и окутанном туманами царстве на их призрачных пиках, которым правит тот, кого шёпотом называют «чудовищем на троне»: властитель злой учёности, поклоняющийся богам со странными именами. Однако повествования были расплывчаты, и никогда в них не разглашался точный путь. Мы молились, чтобы Ишме не нашёл его.

Что же касается меня, то мои нежелательные сны продолжались и становились всё более загадочными и причудливыми. Грезилось, что я — это человек, ведущий группу оборванных людей из Африки; рыбак в деревне на морозном континенте; правитель в Серанниане; нищий в Гирсу; свернувшаяся кольцом змея, разговаривающая со смутно припоминаемым Гильгамешем; лютнист из славного дворца Олатоэ в обречённом Ломаре.

Однажды Энхедуанна пришла ко мне с сосудом

для возлияний, и я заметил седую прядь, почти скрытую короной *эн* — жрицы и густыми чёрными волосами, обрамляющими всё ещё молодое и красивое лицо. Она с грустью посмотрела на меня и молвила:

— Почему ты не стареешь, Сменхкаре? Неужели ты, как и я, избран богами для некой роли? Долг, от которого невозможно уклониться?

Я не знал, что она имела в виду. Я всего-навсего Сменхкаре, который после смерти станет никем.

Энхедуанна печально улыбнулась и продолжила после короткой паузы:

— Мы все являемся творениями богов, Сменхкаре. Некоторые из нас более тесно связаны с этим. — Она окинула меня взглядом нового узнавания, от которого я вздрогнул. — Он явился из пустоты космоса, принеся с собой великие тайны, грозный и далёкий бог, непохожий на земных богов, непостоянных в своей суровости. Они, забывшие прикосновение холодных звёзд, полюбившие высокие горы, глубокие моря и девственные леса, танцующие на укрытых туманами вершинах, запрещают нам наведываться к ним и всё же иногда навещают нас, нежно целуя во сне. Его больше нет, Сеятеля со звёзд. Я не видела его многие годы, и Инанна, моя покрови-

тельница, которая носит Законы Цивилизации, опоясывающие её талию, больше не признаёт и не говорит о нём.

Она закончила и ушла, чтобы продолжить своё служение.

С течением лет Саргон умер, шагнув в легенды. Власть перешла к его наследникам: сначала к Римушу, потом к Ма- ништушу, а после к Нарам-Сину, провозгласившему себя богом.

Во время правления Нарам-Сина, племянника Энхеду- анны, по всем землям Шумера и Аккада прокатилась волна смуты. Незадолго до этого моя госпожа приглушённым тоном предупредила меня, что боги Шумера и Аккада находятся в ссоре и готовятся к битве. Я был в ужасе и трепете перед грядущим апокалипсисом.

Всё началось с того, что Лугаль-Анне, вассальный правитель Ура, выступил против нас. Не испытывая никакого почтения к полубожественному существу, которым теперь считалась моя госпожа, он сбросил с неё корону *эн* — жрицы и приказал покончить с собой, а затем осквернил священные реликвии. В тот день, когда с неба начал падать огонь, мы бежали вместе с остальными жрецами, забрав своё скудное имущество, и рыдали на холмах, вырывая волосы и расцара-

пывая лица от горя.

Посреди жестокой бури, застигшей нас на дороге в Урук, я впервые увидел кое-кого из земных богов. Я узрел в тёмных облаках таинственную госпожу Тиамат[237], распространяющую хаос и уговаривающую Лотана, змееподобного морского дракона о многих головах, помешать нашему бегству адским ветром, поднимаемым его мерзкими перепончатыми крыльями.

Мы, потрёпанные непогодой, измученные долгим путешествием, близкие к изнеможению, всё же сумели добраться до Урука и найти приют в храме Ану[238].

Вскоре прибыли гонцы с тревожным сообщением, что от гор Загрос движется великая армия. Там, куда она ступает, как утверждали вестники, растворяются *ме* — законы, управляющие мировым порядком. Сама тьма сгущается и принимает искажённую осязаемую форму. Как только армия пересекла реку Тигр, к ней примкнул Лугальанне.

---

[237] Примечания: 237

Тиамат — праматерь всего живого (в том числе и богов); женское олицетворение первобытного океана-хаоса в шумеро-аккадской мифологии.

[238] Примечания: 238

Ану — бог неба в шумеро-аккадской мифологии.

Моя госпожа, услышав это, забеспокоилась.

Она занавесила вход во внутреннее святилище Ану и тут же бросилась внутрь, чтобы молиться о *ме*, желая скорейшего восстановления нарушенного порядка.

Я не очень точно помню восхитительные слова, которые произносила Энхедуанна, но мои слабые руки писца всё же попытаются передать, хотя и плохо, услышанное великолепие. Она молилась:

— Госпожа Инанна, услышь меня, ты, чей щит — луна, а звезда — Венера. Ты, чьи даже самые простые повеления подобны золотым стрелам, рассекающим горячий воздух. Я преклоняю колени перед тобой с молитвой о *ме* нашей сферы и их соблюдении, о гармонии и равновесии, которые они несут. Что станет без них с прекрасными городами? Городами архитектурной симметрии и благолепия, высоких башен и пышных садов, основанными должным порядком много лет назад в соответствии с Законами Цивилизации черноволосыми людьми. Людьми искусными, мастерами музыки и слова, металла и золота. Это же твой благодарный народ, строящий могучие корабли, уходящие, но возвращающиеся с дарами из далёких мистических земель. Не дай погибнуть добрым людям. Или же моя покрови-

тельница ныне предпочитает раздор любви, тьму свету, неотвратимый рок, хаос, вражду, беззакония и разногласия? Госпожа, этого ли ты хочешь? Должна ли и я рушить то, что следует сохранять?

Энхедуанна пела ночь напролёт и вышла утром из святилища вся измотанная и утомлённая. Подойдя ко мне, она тихо произнесла:

— Сменхкаре, это идёт Ишме.

Повсюду царил хаос.

Нарам-Син, Повелитель Четырёх Сторон Света, не мог защитить нас, поскольку был втянут в смертельную битву с Ипхур-Киши из Киша.

Амар-Гирид, правитель Урука, отправился к Энхедуан- не, чтобы умолять её спеть свои непревзойдённые гимны богам и помочь в грядущем сражении с Лугаль-Анне и Иш- ме, страшным властелином гор, которого все теперь именовали «Нелюдем». Он упрашивал её призвать Сеятеля, как она уже делала однажды.

— Это невозможно, — ответила моя госпожа.

С высоты я наблюдал за приближением объединённой армии Лугаль-Анне и Ишме. Во время её марша землю била дрожь, здания сотрясались, а небо потемнело от дыма пожарищ. Армия судорожно продвигалась вперёд, извиваясь и пульсируя. Я помню, как один старый жрец, дер-

жащий в руках бронзовый меч, при виде этого зрелища выкрикнул:

— Теперь, в конце всего сущего, пусть никто не пытается воспрепятствовать моему акту спасения от гнева Владык Творения!

Затем, вбежав в храм, он покончил с собой. Многие последовали его примеру. Предвидя поражение, Амар-Гирид позволил неприятельской армии беспрепятственно войти в город.

— Ты слаба и навлекаешь на нас беды, — сказал правитель моей госпоже. — Теперь я встану плечом к плечу с Уром и Кишем.

Город пощадили, но нас — нет. Лугаль-Анне не остановится, пока не уничтожит *эн* — жрицу и её племянника.

Как только чёрная армия ступила в город, верные моей госпоже воины сражались, защищая храм Ану, превращённый в крепость. Однако против объединённой мощи Ура, Урука и горного царства им было не устоять. Враг с лёгкостью прорвал оборону.

Вопли умирающих доносились до наших ушей со всех сторон, тысячекратно усиливаясь в длинных коридорах. Я имел при себе меч, чтобы защищать мою госпожу. Когда мы подошли к святилищу Ану, она странно посмотрела на меня.

— Он вернулся, Сменхкаре, — молвила Энхеду-анна. — Сеятель вернулся.

Она тут же скрылась за занавесом.

Как только это произошло, к святилищу под-бежал воин. Он умолял нас спасаться бегством. Он твердил, что Нелюдь уже близко. Поняв, что уговоры бесполезны, воин решил остаться с нами до самого конца.

Мы стояли в нескольких шагах от входа. Не-истовые звуки битвы и предсмертные крики продолжали оглашать бездонные глубины на-шего отчаяния. Я уставился на чёрный проём коридора. Секунды тянулись мучительно долго. Раздавались сбивчивые боевые кличи, и я почув-ствовал, как ноют от напряжения волокна, нервы и ткани моего тела. Вдруг во мраке, в который я пристально вглядывался, начали прорисовы-ваться более тёмные очертания.

Когда я увидел, как циклопическое нечто схватило воина, то сразу же был ослеплён по-током внутренностей и крови, пока куски мяса и отсечённые конечности разлетались по всем сторонам. Моя ладонь крепко сжала рукоять меча, словно собираясь её раздавить, но не успел я сделать безумный отчаянный взмах, как ока-зался на полу без оружия. Казалось, сам воздух

сгустился, ожил и зашевелился. От воина остался лишь гротескный остов, а я, убогий человечишка, лежал подле возвышающегося надо мной другого Ишме.

Он застыл монументальной фигурой с накинутым на голову капюшоном и в длинном чёрном плаще, олицетворяющем даже не цвет, а отсутствие или отрицание такового. Снизу, там, где должны были быть ноги, извивались розовые щупальцеобразные конечности, напоминающие клубок огромных питонов. Как описать мой ужас, когда под тёмным капюшоном я разглядел раздувшиеся серые губы, длинный гноящийся язык, немигающие жёлтые глаза? Руки, распухшие и покрытые трещинами, будто сухая глина, или смрадный запах червивых разлагающихся потрохов?

С тяжёлым мечом в руках Нелюдь пошёл или, вернее сказать, плавно заскользил на извивающихся щупальцах к занавесу. По пути он говорил голосом хриплым и глубоким, но по манере артикуляции узнаваемо похожим на Ишме:

— Не пытайся остановить меня, Сменхкаре. Я знаю, кто и что ты на самом деле, даже если сам этого не ведаешь.

Когда он подступил к занавесу, Энхедуанна

вышла и вызывающе встала перед ним.

— Не делай, — предупредила она.

Ишме издал протяжный стон раненого зверя, затем, наклонившись, приблизил к ней своё безобразное лицо. Теперь она могла внимательно рассмотреть его. Я узрел, как она вся сжалась, но сразу же взяла себя в руки. В упор глядя на неё, Ишме спросил:

— Я кажусь тебе отвратительным? Собственная работа вызывает у тебя отвращение?

В недоумении и печали она ответствовала:

— Что ты имеешь в виду, Ишме?

Он гневно взревел:

— Это из-за того, что ты в меня вложила! Ты должна была позволить мне умереть, а не жить и страдать от невыносимого позора! — Затем он воззрился на меня. — Когда я убежал, Сменхкаре, спрятавшись в Ниппуре, то начал меняться. Превратившись в омерзительного уродца, я продолжал скрываться. Мне, посрамлённому и презираемому людьми, пришлось уйти в горы Загрос, где довелось встретить мудреца, который поделился тайными знаниями, передаваемыми из уст в уста на протяжении многих веков. Он объяснил, что моя трансформация вызвана частичкой Сеятеля, невольным носителем которой

я оказался. Я убил наставника и основал собственное царство в горах. — Ишме вновь повернулся к моей госпоже. — Кто таится за занавесом? Если первое излечение пришло от него, то он может исцелить меня снова; не так ли? Я должен увидеться с ним. Тогда я опять стану человеком.

Он попытался оттолкнуть мою госпожу, но та изо всех сил старалась удержать его, увещевая:

— Нет, Ишме, ему нельзя доверять!

Вырвавшись из её объятий, он вошёл в святилище, и она в смятении последовала за ним.

Всё это время я силился помочь, но не мог. Я пребывал в странном ступоре. Я дрожал от страха за них обоих. Я напрягался и доводил себя до исступления, пробуя хотя бы шелохнуться, но словно сделался бесплотной сущностью, запертой в узилище неподвластного мне тела. Я пластом лежал на полу и, когда они скрылись за занавесом, ещё отчаяннее заставлял себя шевелиться, но безрезультатно.

— Не ходи туда, Ишме! — донёсся предостерегающий окрик Энхедуанны.

— Отойди от меня, ведьма! Живо! Это ты виновата во всём, что со мной случилось! — послышалось в ответ.

— Нет, Ишме, не говори так! Откуда я могла

знать?

Я услышал возню, гулкий хлопок и звук падения. После чего голос Ишме торжествующе пророкотал:

— Вот ты где! Что ты за тварь?! Я всего лишь хочу быть человеком! Говори со мной! Я прикончу тебя своим мечом!

Затем последовала суматоха, сопровождаемая шумом борьбы. Ослепительный свет пробился сквозь занавес. Храм загрохотал. Я ощутил резкий порыв ледяного ветра, а следом голос Ишме, становящийся всё более слабым, прорычал:

— Именем Йог-Садука, Хранителя Врат, и Анибуру, Грозной Планеты, приказываю помочь мне!

Внезапно воцарилась тишина, и я начал безудержно рыдать. Я не мог даже представить, что произошло за занавесом. Потом появилась моя госпожа и со слезами на глазах прошептала:

— В пространстве образовался разлом. Моему взору открылась пещерная пустота. Ишме больше нет. Это забрало его.

Она упала без чувств.

Здесь моё повествование подходит к концу, и, хотя я мог бы сказать ещё многое, с кончиной Ишме история завершилась. Моя госпожа вернулась

на свой пост в Уре и в итоге присоединилась к Инанне и богам на небесах. Когда она изменилась, и очи её стали подобны ярко пылающим огням, а облик в пространстве сделался огромным, словно исполинское кедровое древо, я услышал голос, наполняющий землю и небо, говорящий:

— Не бойся, Сменхкаре. Если и есть страх, то только в тебе. Я отправляюсь на поиски Ишме, и если он всё ещё жив, то приду, чтобы сказать тебе… однако просторы за гранью гораздо шире, чем можно себе представить.

С тех пор я её не видел. По моим подсчётам, минуло уже семь столетий.

Всякий раз, когда я рассказываю свою историю, люди называют меня безумцем или лжецом, считая, что ни с одним человеком из Кемета на Ниле не могло случиться ничего подобного. Они не ведают, что я не всегда был известен как «Сменхкаре», ибо у меня столь много разных имён, что и сам иногда их путаю. Теперь я знаю больше о себе. Каждые сто лет я должен уходить подальше в болота, укрытые туманной дымкой испарений, и сбрасывать кожу. Я издаю странные сиплые звуки и по завершении процесса становлюсь новым существом.

Помню, как моя госпожа однажды сказала:

— Мы все — частички этого.

И я в большей степени. Природу своего происхождения я всё ещё не раскрыл, хотя отчасти убедил себя, что являюсь одним из творений Сеятеля со звёзд.

Спустя столетия других жизней я покинул Крит и наконец-то возвращаюсь в Междуречье. Шумер и Аккад обратились в пыль и исчезли, а я направляюсь с торговым караваном в Вавилон. Я похороню этот папирусный свиток. Если в грядущем не забуду, то откопаю его, когда настанет время, и вспомню.

Вспомню Ишме, бедного Ишме, и женщину-богиню, и пережитые события, и тайну запретного занавеса. Что на самом деле произошло? Полагаю, только двое на земле когда-либо знали это… и один из них мёртв.

Перевод: Б. Савицкий

Дэвид Т. Сен-Албанс
Жизнь мастера

David T. St. Albans «The Life of the Master», 1984

(Биография Абдула Альхазреда, написанная его учеником Эль-Раши)

Переведено Дэвидом Т. Сент-Олбансом (Директор по историческим древностям, Мискатоникский университет, Аркхем, Массачусетс).

Введение для перевода текста Эль-Раши.

Таинственный «Безумный араб», из Дамаска, известный как Абдул Альхазред, предполагаемый автор «Некрономикона», (называемого «Аль-Азиф», в арабском мире) и поэт Йемена, долгое время был персонажем, окутанным туманом небылиц, мифов и россказней. За долгие годы был сделан вывод научным сообществом, что сам «Некрономикон», является ложным томом, возможно, даже мистификацией, но, скорее всего, простым бредом араба, приверженца периферийных сект гностической мысли. Книга, возможно, была предназначена для того, чтобы вызвать страх и ужас перед «Великим Злом», которое было для гностиков «Демиургом», создателем всех материальных вещей. Эта книга попадала во всё более разносторонние руки, что привело к тому, что люди стали поклоняться описанным в ней отвратительным демонам, а не остерегаться и презирать их. Были сформированы тайные

культы; из них культы Ктулху и Йог-Сотота были двумя самыми известными.

В конце концов, с наступлением эпохи Просвещения, этому бессмысленному поклонению был положен конец, и эти культы подверглись насмешкам со стороны других авторов. Позже, предположительно, писатели в жанре ужасов — Лавкрафт, Чамберс, Дерлет, Блох и др. воскресили впечатляющие образы Ктулху и Шуб-Ниггурат и других описанных в «Некрономиконе», демонов и использовали их в своём творчестве, чтобы внушать страх своим читателям, не говоря уже о восторге.

Однако сегодня благодаря различным исследованиям и раскопкам, проведённым профессором Саймоном Хаасе из Университета в районе Южного Йемена в конце семидесятых и начале восьмидесятых годов, стало известно, что Абдул Альхазред действительно существовал. Мало того, он вызывал суеверный страх и отвращение у жителей всей Аравии ещё при жизни, в период около 700 гг. н. э. То, что он был своего рода провидцем, толкователем снов и предзнаменований, а также исследователем и основателем тайной школы, имеющей какое-то значение в то время, теперь, как известно, невозможно опровергнуть.

Имена пантеона этой школы верований такие же, как и имена в «Некрономиконе», когда-то страшные, потом забытые, высмеиваемые и вновь воскрешаемые на протяжении веков. Они действительно являются «мёртвыми именами», как предполагает перевод слова «Некрономикон», (necro: мёртвый, nomicon: книга имен). Являются ли эти имена символическими или аллегорическими, или истинными именами давно забытых богов древности, воскрешёнными поэтом Альхазредом для своего культа, или же они являются настоящими именами существ со звёзд и из других измерений, которые побывали на нашей планете несколько эонов назад, и которым поклонялись древние люди в своём невежестве — существ с маловероятными именами Азатот, Ктулху, Ньярлатотеп, Биатис и Шуб-Ниггурат — нам ещё предстоит узнать. Ни одна из этих теорий в её нынешнем виде не является невозможной или маловероятной. Ученики Альхазреда горячо верили, что такие существа существуют и постоянно замышляют гибель человечества. Они верили, что существа эти живут вечно, не могут быть убиты, обладают сверхъестественными способностями восприятия, могут обращаться к сознанию людей из своих многомерных тюрем,

ища спасения и испытывая неутолимую жажду человеческой крови и душ. Они верили всему, что сейчас написано в «Некрономиконе».

«Некрономикон», не обязательно является истинным представлением фактов культа Альхазреда или точных слов безумного араба. Но в тоже время не всё в нём ложно. Большая часть материала была действительно написана в восьмом веке нашей эры человеком, который истинно был учителем и главным мастером одного из мировых культов странников. Мы можем взглянуть на него в историческом смысле как на учителя последней политеистической религии в быстро развивающемся монотеистическом мире — мире, быстро становящимся враждебным по отношению к еретикам и неверующим. Абдул Альхазред, возможно, был одним из преследуемых религиозных мыслителей, столь распространённых позднее в истории. Как бы то ни было, теперь выяснилось, что Безумный араб был настоящим историческим персонажем.

В месте раскопок № 54 в Южном Йемене, в окрестностях города Таиз, в 1982 году профессор Хаасе обнаружил документ, имеющий большое значение для историков и антикваров всего мира. Этот документ называется «Жизнь Мастера»,

который был написан неким Эль-Раши, учеником поэта, в 742 году н. э. — предположительно написан на том самом столе, на котором Алхазред писал свой «Некрономикон», в доме поэта в Йемене. Документ был найден в основании сгоревшего дома в состоянии сохранности, сравнимом с состоянием лучших из сохранившихся свитков Мёртвого моря. Он был запечатан воском в зелёной металлической шкатулке (из сплава, что пока не был опознан), которая была завёрнута в пропитанную маслом ткань. Вместе с биографическим документом было также помещено в свинцовую трубу то, что, как теперь полагают, является оригинальным первым рукописным вариантом книги Альхазреда, которую мы сегодня знаем как «Некрономикон»!

Это, безусловно, заслуживает внимания и является очень важной находкой для нашего Мискатоникского университета, давнего хранителя таких редких книг, как «Книга Дзиан», и латинский «Некрономикон». Университет, однако, зарезервировал документацию оригинального арабского «Некрономикона», для более поздней даты, ожидая дальнейших процедур датирования и перевода. Однако, так мало известно о самом поэте из Йемена, что мне пришлось пе-

ревести и задокументировать текст Эль-Раши, его ученика, последователя и посмертного биографа. Этот перевод публикуется без сокращений в очень ограниченном издании для прочтения сотрудниками университета и другими известными людьми.

Примечание: даты в тексте были переведены с арабских календарных лет и месяцев на современные для удобства чтения.

Д. Сент-Олбанс, доктор философии
Мискатоникский университет,
9 сентября 1983 г.

Перевод:

Был рождён в 712 году н. э.[239] в городе Табез двадцать первого дня января человек, которого многие назовут Мастером и Учителем Старой Веры. То есть веры, которая пришла до Мухаммеда, до Авраама из Халдеи, да, даже до Ноя, Пророка Потопа. До того, как люди «Книги», вышли из Месопотамии, была Вера. До того, как Еву соблазнил змей Йиг, отец обмана, Вера была уже древней в пустоте. В далёкой Хайбории знали о Вере; в Атлантиде была Вера и были гонения за свои

[239] Примечания: 239

Дата, судя по исчислению последующих дат в хронологии жизни Альхазреда, неверна. Данную историю не стоит воспринимать всерьёз.

убеждения.

Учитель, который возродил старую веру в пространстве между небом и землёй, говоря языком могущественного джинна, родился и получил имя Абдул Ашиф Бетель Мухаммед Альхазред, сын серебряных дел мастера Абдула Мухаммеда Халаса Альхазреда, богатого жителя Табеза. Мать Учителя была грешной женщиной, проституткой, спасённой верой Мухаммеда Пророка Аллаха и вышедшей замуж, когда была обременена ребёнком.

В детстве Учитель быстро проявил свой интеллект и стал знатоком изучения «Корана», и других книг Авраама и Моисея, а в искусстве математики его нельзя было превзойти. Он обучался у лучших учителей мировой истории, истории своего и других народов земли. Мастер в возрасте одиннадцати лет затмил даже самых прилежных учителей. В возрасте шестнадцати они уже его называли «учёным». В возрасте двадцати лет он женился на племяннице губернатора Табеза — Рахель Садиз и она родила ему двух детей мужского пола, Абдула и Мета.

Зимой в год двадцать четвёртого дня рождения, когда он ждал появления третьего ребёнка, Учителя охватило странное недомогание, и он

внезапно потерял работоспособность в конечностях и дар речи. Его лечили хорошие арабские врачи, но всё безрезультатно. Раввины из Иерусалима были призваны осмотреть его. Они объявили, что душа Абдула Альхазреда покинула его тело и что он был одержим демоном. Из-за этого печального диагноза у Рахель случился выкидыш, и она потеряла своего третьего и последнего ребёнка.

Было замечено, что глаза Учителя некоторое время светились странным светом, но сам он не мог ни принимать пищу, ни одеться. Через несколько месяцев он начал говорить как младенец, затем как ребёнок, и только через ещё несколько дней он заговорил снова, как говорит человек, но с новым голосом и новыми идеями. Он потратил своё богатство, унаследованное от отца, и приданое своей жены на приобретение некоторых невероятно древних свитков и пергаментов. Он финансировал караваны, направляющиеся в далёкий Катай и в Африку, и проводил тайные беседы с греческими учёными и часто посещал дома людей, которые приносили знания из Индии и Европы. Он публично отказался от веры Мухаммеда, поклявшись, что это суеверие и маскарад. Это принесло ему дур-

ную славу среди людей Табеза, которые когда-то любили его. Он больше не общался с женой и не посещал своих детей, и отдалился от всех родственников. Он свободно говорил на языках, которые никогда не изучал, и преподавал формы математики, выходящие за пределы знаний Табеза. Он стал отшельником и его никогда не видели за пределами дома при дневном свете. Его дом был закрыт плотными шторами, а еда и необходимые товары ежедневно доставлялись к его двери. Говорили, что он изобретал вещи в своём доме, которые могли бы убить здорового человека, просто взглянувшего на них. Дворяне и доктора Табеза сделали вывод, что он одержим Сатаной и стремились изгнать его из своего города навсегда.

Поздним зимним вечером солдаты халифа и губернатора Табеза ворвались в дом Учителя и нашли свитки и пергаменты на темы некромантии, колдовства, оккультных и гностических доктрин; также они обнаружили старинные таблички и статуэтки древних богов, таких как Баал, Молох и других. Повсюду они видели признаки колдовства и чудес, от которых они отводили глаза, чтобы не умереть. Все они были за то, чтобы изгнать Учителя из Табеза навсегда. Тем не

менее, Учитель поклялся: «Эти вещи перед вами для меня значат меньше, чем ничего. Все они основаны на ложной доктрине и достойны презрения. И всё же я отыщу секреты Врат и познаю тайны Хранителя Врат! Затем я освобожу своих людей от смерти Времени!»

Эти слова, однако, только разозлили солдат и учёных людей Табеза, которые сопровождали их. И поэтому Учителя жестоко избили, его одежду разорвали на части, а самого его потащили к халифу. Затем халиф Йемена в Таизе публично высмеял Учителя и остриг его волосы, а затем даже без обуви на ногах Учитель был изгнан из Йемена в пустыню.

Его жена, которая поначалу была единодушна с халифом, вскоре опомнилась и раскаялась, вспомнив прежнее состояние мужа, и поэтому закрылась в своём доме на сорок два дня тайного траура.

Учитель много рассказывал нам о тех днях своего несчастья спустя много лет после того, как стал нашим Учителем. Долго бродил он в «Пустой четверти». Будучи больным и умирающим от жажды, он, тем не менее, был спасён бедуинами Аль-Раяды, которые ещё не обратились на путь Мухаммеда, но поклонялись Аврааму как своему

истинному отцу. Они приняли Альхазреда как потерянного святого человека, и поэтому накормили и одели его. Несколько смелых душ он увёл в пустыню после своего выздоровления, разыскивая многоколонный Ирем. Он действительно нашёл и ходил по древним улицам этого легендарного города, беседуя в мыслях с демонами того места. Многое он почерпнул из покрытых иероглифами столбов Ирема. И всё же он вернулся из этого ночного города без единого спутника и принёс из него шкатулку из зелёного золота, какой люди никогда не видели. И снова он рискнул и отправился через Красное море с другой группой в поисках мифического Безымянного Города. Мужественно он отправился в тот ужасный бастион старшей расы в Египте. Этот город, как он клялся, он нашёл, обыскал и исследовал. Кроме того, он клялся, что с того дня и до его превосходства, злые демоны этого запретного места, полулюди, полу-крокодилы, постоянно искали его, чтобы уничтожить его и знание о них вместе с ним, потому что он богохульничал против их языческих храмов Старших Богов. Пересекая снова Красное море по пути в Йемен, он попал в шторм ужасной силы, порождённый демонами, и множество странных сокровищ были потеряны,

упав в море с его корабля. Все, кто был на борту, кроме него, также исчезли навсегда. И всё же Учитель был спасён судьбой и брошен на берегах северной Аравии.

Через два полных года он был спасён другими бедуинами, приверженцами Мухаммеда. Они привели его в Мекку, и там он получил помощь, а позже отправился в Йемен с караваном, направившись в Табез, что рядом с Таизом. Там он посетил старейшин веры Мухаммеда и умолял их восстановить его положение и прежний статус, сказав: «Я долго сражался в пустыне с моим противником (шайтаном) и демоном, который овладел мной, и силой Аллаха бросил его во тьму внешнюю!», Но по правде говоря, он ничего не мог вспомнить с того времени, как заболел. Странный свет исчез из его глаз, и старейшины испытали его, обнаружив, что он крепкий и здоровый, спасённый возрождённой верой в Мухаммеда. Поэтому он был восстановлен на прежнем месте и снова поприветствован в своём доме.

Таким образом, он жил в течение многих месяцев в качестве учителя и учёного, пока однажды вечером не был удивлён тому, что его призвали во снах к месту за пределами Табеза, где он нашёл некогда захороненную шкуру рептилии,

в которую были завёрнуты глиняные таблички ассирийской формы, а также керамические фрагменты, изображающие демонов полулюдей полу-крокодилов. Они стояли на всех четырёх ногах, поклоняясь богу, который был ужасен обликом, со щупальцами, похожими на щупальца кальмара на лице, когтями, как крабовые конечности, и крыльями, похожими на крылья летучей мыши. Он понятия не имел, что это значит, и не мог прочитать ассирийские таблички. Тем не менее, он знал, что это он сам похоронил здесь эти предметы, которые принёс из Безымянного Города, и было это сделано, когда он ещё был одержим! В другой раз его привели во сне к месту бедуинов Аль-Раяда, которые распластались перед ним, называя его «Учитель», и «Маг». И все же он ничего не знал о них. Единственное — он получил шкатулку из зелёного золота, которую оставил с этими людьми. Они похоронили её в пустыне, потому что им показалось, что те, кому поручено хранить шкатулку, заболели и умерли тяжёлой смертью, а также умерли их животные и все близкие родственники. Поэтому они с радостью отдали шкатулку Учителю. В этом сне он так же увидел, что должен положить шкатулку в ящик из чеканного золота без швов, а так же

положить туда кожу рептилии, фрагменты и таблички. Однако он бежал от этих бедуинов, поскольку многие из них обратились к Мухаммеду и обвинили его в колдовстве.

В других снах Учитель бродил по пространству между небом и землёй, населённому всевозможными демонами, ангелами и духами. Он также утверждал, что посетил звёзды Бетельгейзе, Альдебаран и Сириус. Он также клялся, что посетил древние времена и другие планеты. Всё больше и больше этих снов преследовали его, и старейшины, видя его утомлённое состояние, задавались вопросом, изгнав одного злого духа, не впустил ли он ещё семь. Учитель больше не был доволен своей простой работой и любовью своей жены и детей, и они постоянно плакали перед ним.

На переулках и площадях Табеза Учитель начал обучать новому слову. Он рассказывал о богах, которые могли брать тела смертных мужчин и женщин и могли использовать их, чтобы творить добро или зло среди людей. Он сказал, что такие боги находятся за пределами добра и зла и спускаются со своих небес только для того, чтобы найти потерянные врата самого Времени и войти в них и обрести вечную жизнь, в которой отказал им Владыка Хаоса, их Создатель. Но они не нашли

ворота, и скоро время для них закончится. Таким образом, их разрушение было неизбежным, и на их небесах была печаль, хотя они могли прожить ещё миллионы и миллионы лет. Этих богов он называл Великой Расой. Он утверждал, что эта Великая Раса одержима чужими телами, и поэтому тронутый богом, он сам стал Святым и продолжал вести Древнюю Войну, которую Великая Раса вела против Старших Богов. Старшие Боги были могущественными и старыми ещё до пришествия Великой Расы. Это были первые создания Азатота, Повелителя Хаоса, Фараона Тьмы.

Шайтан, учил он, был мелким подчинённым отвратительного Ньярлатотепа, которого в старину называли «Тот, кого нельзя называть». Все они были злой природы и стремились разрушить Врата Времени, которые сдерживают Хаос. Сны Учителя пробудили в нём новую природу — Святого Воина. Он учил, что Иисус, Мухаммед и Моисей не были настоящими святыми людьми, потому что они не были тронуты осязаемой Великой Расой, истинными богами. Никогда ранее не упоминались такие имена и идеи в Йемене. Когда старейшины услышали эти вещи, они снова обрушились в гневе на Учителя Альхазреда и в темноте ночи изгнали его и всех его учеников

из Табеза прочь, назвав его и их богохульниками, неверующими, язычниками и колдунами. Его жене было разрешено развестись с ним, чтобы она могла сохранить свои товары, домашнее хозяйство и детей, поскольку старейшины знали, что она была набожной и не таила коварства.

В своих странствиях Учитель начал сомневаться в идеалах Великой Расы, которые, как он знал, будут однажды уничтожены — у них не было спасения. Также они не интересовались человечеством, они смотрели на него, как человек смотрит на муравья, чтобы изучить его повадки. Учитель начал считать, что Старшие Боги, пришедшие до Великой Расы, были более достойны поклонения, поэтому он говорил: «Эти Древние Боги пришли из мест, где нет Времени, и во Вселенной нет ничего, что могло бы противостоять им. Великая Раса заключила в тюрьму Старших Богов в измерении беспокойного сна, и это их грёзы открывают мне многие вещи, несмотря на то, что сами они лежат на дне морском или в тюрьмах среди звёзд. Но Старшие Боги не могут умереть! Когда Время падёт, они восстанут из затонувших руин Р`льех, из Нот Вадика и из своих гробниц на других планетах, они призовут бхолов и Шудде-М`елла и все ужасы Матери Гидры и Отца Йига

чтобы… возродиться! Они будут отцами ужасов за пределами шогготов и ллойгор! Владыки Хаоса Азатота будут править планетами, бесконечно скользя в пустоте! Великая Раса не победила, а только выиграла момент времени. Они полетят, словно мякина перед дыханием великого Ктулху! Поэтому я буду поклоняться Ктулху и Йигу как моим богам, а Йог-Сотот, Хранитель Врат других миров, будет моим спасением!»

Учитель показал им облик Ктулху, величайшего из потомков Старших Богов Земли; теперь он знал, что это бог, описанный на глиняных фрагментах из Безымянного Города. Он обучал ритуалам Ньярлатотепа, которые во снах показали ему. Многие не могли вынести даже мысли о таких вещах и бежали. Своим избранным ученикам он поведал тайны Йига, которого древние египтяне называли Сетом. Он также открыл им секреты Шуб-Ниггурат, Козлицы с Тысячей Младых, и они построили алтари в пустыне для Тёмного Хана и Чаугнар Фаугна.

Теперь Учитель, пройдя через множество трудностей, стал старше, и его зрение потускнело. Вокруг него словно пылал тёмный огонь, аура силы и смерти. Старшие Боги слышали его молитвы и мольбы и наслаждались его жертвами в

диких местах, поскольку он мог вызвать шоггота из земли и ночного призрака из ямы. Он торговал с упырями, которые грабили могилы богачей для него.

В своё время он приехал в Дамаск и, отложив на какое-то время свои учения, отстранился от всех, живя как монах, и записал своё учение, которое начал в Табезе ещё до изгнания. Эту книгу ужасных знаний он назвал «Аль-Азиф», голоса проклятых. Именно я, Эль-Раши, посещал его в те дни. Он часто хорошо отзывался обо мне и любил меня. Я увидел в нём свет горящего знания, которого не было ни у кого другого. Читая его учения, я обратился к пути Ктулху. Страх перед этим Старшим Богом был сильнее в моём сердце, чем страх перед Аллахом, и поэтому я оставил Веру Пророка и устремился к Учителю.

Я верил, что зло больше, чем добро, и также верил, что человечество было остатком великой алхимии Ктулху со времён, когда Земля была молода. Учитель рассказал мне о скором воскрешении Ктулху из его смертельного сна в затонувшем Р`льехе, и что сам он приложит все силы в помощь этому. Секрет многогранного Сияющего Камня Атлантиды поведал мне Учитель. Сияющий Камень всё ещё можно найти, если

у молодого и жизненного человека хватит смелости отправиться на его поиски. Я клялся ему, что сделал бы это. Когда он будет найден, сказал он, всё, что я должен сделать — это посмотреть в него и держать его в полной темноте в течение определённого периода, и тогда начнётся конец человечества. Наградой для верных последователей Ктулху будет вечная жизнь и вечная слепота, так что верные не будут сходить с ума, глядя на Вихрь Хаоса, когда он обретёт волю. Вместо этого верующим будет дано лучшее зрение, чтобы они могли стать свидетелями славного правления Ктулху.

В это время Учитель вышел из уединения, и его слава начала распространяться по всей Аравии, Сирии и Ираку. Многие трепетали перед его мистическими силами, потому что он мог обрушить огонь с небес по своему приказу и направить ужасных демонов на семьи своих врагов. Он знал секреты, которые могли убить и вызвать безумие у кого бы он ни пожелал. Многие стали верить его словам, которые он произносил как стихи на городской площади. Старая вера была явлена в Дамаске. Учитель был призван стать официальным астрологом при дворе халифа Багдада. И какое-то время всё шло хорошо.

Тем не менее, спустя год в Багдаде здоровье Учителя начало ухудшаться. Он снова отправился в Дамаск, решив построить храм для Ктулху, чтобы в нём разместить Сияющий Камень. Нет, я не отправился на поиски Камня, но остался ухаживать за Учителем, потому что был его самым любимым учеником. Другие ученики искали, но ничего не нашли, или о них никогда больше ничего не слышали из далёких земель Малай и Ниппон. Народ Дамаска клялся, что Учитель соперничал с Сайманом Волхвом, древним гностическим учителем, соперником Павла из Тарса и Петра, ученика Иисуса Назарянина. Даже приверженцы Тота-Гермеса называли Учителя «Патером», то есть «Отцом». И всё же многие по-прежнему называли его Безумным арабом, богохульником и колдуном. Многие ненавидели его и убили бы его, если бы не его силы.

Однажды (летом 732 г. н. э.) Учитель стоял у самого основания строящегося храма, посвящённого Ктулху, и проповедовал толпе приверженцев, насмешников и любопытных, Абдул Альхазред, поэт из Йемена, Учитель Старой Веры, исчез из поля зрения, как будто сам воздух поглотил его, или земля разверзлась под его ногами, чтобы принять его! Его одежда лежала разбросанной

вокруг, а так же небольшое количество порошка, похожего на сухую кровь.

Многие говорили, что он был поглощён демонами целиком или разорван на части. И всё же его ученики клялись, что по милости Ктулху он был перенесён в пространство между небом и землёй, чтобы дождаться конца времени, и что, подобно Иисусу, он снова придёт, чтобы вести их всех в новый мир. Тем не менее, Учитель никогда больше не явился нам снова. Многие из нас отчаялись ждать, покаялись и вновь приняли веру Пророка. Но на нас набросились солдаты халифа, и все были убиты, кроме двух.

Я вместе с другим выжившим, Ибн Каллиханом Рашидом, поспешно вернулся в Йемен переодетый и скрывающий свою личность. Я унёс с собой «Аль-Азиф», и другие вещи Учителя, великое богатство, собранное в Багдаде, шкуру рептилии, шкатулку из зелёного золота и даже порошкообразную кровь, собранную у основания храма, поскольку полагал, что это земные останки Учителя. Что его убило, я не знаю — возможно, демон из Безымянного Города, возможно, некая сила или болезнь, подхваченная им в его многочисленных путешествиях; возможно, также, что он превзошёл смертную плоть, чтобы жить с при-

спешниками Ктулху на далёком Альдебаране.

Ибн Каллихан Рашид покинул меня около Таиза и направился, я не знаю куда — я больше ничего не слышал о нём. Однако он поклялся, что докажет существование Старших Богов; я был обескуражен исчезновением Учителя, но это не поколебало мои убеждения. Я приехал в Табез и приобрёл старый дом Учителя у его вдовы, но не открыл ей, кто я. Его сыновья переехали в Ибб и Мекку, чтобы разбогатеть и избежать бремени имени своего отца.

В Табезе я был один и очень боялся, поэтому не мог проповедовать слово, данное мне Учителем, потому что моя вера подводила меня. Всего за несколько лет Учитель был почти забыт, лишь немногие ещё называли его «тот Безумный поэт», или «тот старый богохульник из Йемена». Никто больше не вспоминал о странных силах его западающих в память глаз. Никто больше не воспринимал его, как учителя или мастера знаний. Но я хорошо его помнил, хотя тоже начал думать, что его вера была направлена не на те вещи.

Прошли годы с тех пор, как я впервые встретился с Абдулом Альхазредом, но всё же по ночам мои сны зовут меня в места обитания Старших Богов и Вихря Хаоса. Хотя я потерял веру, всё

же я искренне верю, что моя душа потеряна для Ктулху, который посылает мне свои сны. Я хочу сбежать от Старших Богов, но не могу. Молитвы Аллаху только ухудшают ситуацию. Сейчас я постоянно боюсь и всё чаще болею. Ежедневно я смотрю на шкатулку из зелёного золота, и меня посещают тайные думы. Мне интересно, каково это — прокатиться на отвратительной птице шантак к самому трону Азатота и жить в вечном присутствии слепого бога-идиота.

Я дважды скопировал «Аль-Азиф», и отправил копии в некоторые секты в Дамаске и в Сирии, которые знали меня и верили, что Альхазред действительно был Пророком. Я не стал разубеждать их, хотя и дал твёрдые предупреждения о влиянии учения на хрупкие умы людей.

Ежедневно раздаются странные громы и скрипы под землёй, кажется, они преследуют меня во сне и в часы бодрствования. Я решил поехать в Кадис, в Испанию, в надежде хоть — то избавиться от этих смутных демонов, что преследуют меня. Однако я чувствую, что это будет напрасно. Я буду следовать по пути Учителя, пока моя душа не исчезнет в клыкастой пасти шипящего змеиного облика Йига Лживого. Бхолы поглотят мою плоть, а птица-шантак доставит мой бессмерт-

ный дух к Азатоту, ухмыляющемуся со своего трона под отвратительную музыкальную какофонию обитателей ада. Поэтому я написал эту историю об Абдуле Альхазреде, Учителе Старой Веры, но в качестве похвалы или предупреждения я не могу точно определиться. Всё громче и громче становятся скрипы и скрежет под моим домом. Я должен скоро освободиться от своей лени и уйти…

Примечание переводчика: город Табез был разрушен в результате сильного землетрясения и пожара в 754 году н. э. Отправился ли Эль-Раши в Кадис и пережил катастрофу, нам неизвестно. Однако история говорит, что никто не выжил в той катастрофе. Табез по сей день считается нечестивым или проклятым местом и его избегают бедуины из Йемена. Документ, который вы только что прочитали, был найден в фундаменте древнего дома, и налицо были все признаки того, что его разорвали на части и сожгли. Была ещё одна пачка документов написанной Эль-Раши биографии, но она была в таком плохом состоянии, что разобрать что-либо не было никакой возможности. Мы также совершенно уверены, что шкатулка из зелёного золота, о которой так часто говорится в рукописи — это то, в чём бы-

ла обнаружена рукопись. Однако любая «кожа рептилии», или порошкообразная кровь давно разложились.

Перевод: Р. Дремичев

Ричард Франклин Сирайт
Запечатанная шкатулка

Richard F. Searight «The Sealed Casket», 1935

Ричард Ф. Сирайт переписывался с Г. Ф. Лавкрафтом, получая от него полезные советы. Сирайт попросил ГФЛ просмотреть «Запечатанную шкатулку», и тот немного подправил эпиграф, хотя в первой публикации этого рассказа в журнале «Weird Tales», эпиграф потерялся.

...И записано, что в древние времена Ом Орис, самый могущественный из колдунов, устроил хитроумную ловушку для демона Авалота, применив против него тёмную магию; ибо Авалот поразил землю необычным разрастанием льда и снега, которые ползли, как живые, всё дальше на юг и поглощали леса и горы. Однако исход поединка с демоном не известен; но колдуны того времени утверждали, что Авалот, которого нелегко было увидеть, не мог быть уничтожен иначе, как сильным жаром, способом, тогда ещё неизвестным, хотя некоторые из колдунов предвидели, что однажды это произойдёт. Однако в это время ледяные поля начали сжиматься и уменьшаться, а затем и вовсе исчезли, и земля снова расцвела.

— Фрагмент из Эльтдаунских Табличек

Почти час Вессон Кларк изучал запечатанную шкатулку, его проницательные чёрные глаза жадно изучали грубо вырезанные металлические контуры. Она стояла перед ним в луже света от

настольной лампы, которая в то же время погружала во мрак заставленный книгами кабинет, похожий на пещеру. Классические, расчётливые черты лица Кларка озаряло бледное сияние. Снаружи пронзительно завывал сильный мартовский ветер, цепляясь ледяными пальцами за карнизы и фронтоны старого дома. Это давало Кларку приятное, роскошное чувство безопасности — возможность расслабиться в жарком полумраке кабинета, слушая нарастающий стон снаружи. Небрежный, неуклюжий старый Симпкинс ушёл на всю ночь, растопив древнюю печь до предела; и Кларк остался в доме один, как ему и хотелось на этот раз.

Он слегка улыбнулся и промурлыкал отрывок из последнего хита Гершвина, пока его глаза рассматривали добычу. Шкатулка была маленькой и компактной, примерно шестнадцать дюймов в длину и шесть-семь в ширину. Она была сделана из тусклого, потускневшего от времени металла, не поддающегося идентификации. Грубые извивающиеся изображения, вырезанные на её поверхности, не помогали понять, кто её смастерил; Кларк не смог отнести эту шкатулку к какому-либо известному периоду раннего искусства.

Эта старинная вещь являлась приятным наследием для ценителя антиквариата. Значит, старый Мартуччи ничего не подозревал. Бывали моменты, когда Кларк удивлялся и боялся своего тайного романа с молодой женой Мартуччи. Впрочем, теперь это уже не имело значения — зловещий старый учёный с его извращённым чувством юмора был мёртв, а Нонна, хотя и преисполненная, как всегда, латинского огня, казалась гораздо менее очаровательной теперь, когда юридические барьеры исчезли. Кроме того, она становилась самолюбивой, слишком уверенной в себе. Кларк понимал к чему это ведёт. Он иронически улыбнулся, изучая шкатулку. Пока Мартуччи был жив, Кларк притворялся его другом и наслаждался завоеванием сердца Нонны на тайных свиданиях, соблюдая величайшую осторожность. Но теперь бояться было нечего. По крайней мере, на какое-то мгновение он пресытился прелестями Нонны и теперь чувствовал себя вправе отказаться от неё, по своему усмотрению, без навязчивого страха разоблачения и мести со стороны подозрительного старого археолога. Кроме того, ему нужна была свобода, чтобы поймать на удочку новую добычу, более соблазнительную, чем эта итальянская девушка,

и обладающую почти мифическим богатством. Здесь его намерения были очень серьёзны.

Улыбка Кларка стала ещё шире, когда он вспомнил странный пункт в завещании Мартуччи — условие, согласно которому Кларку достаётся эта шкатулка: *«И я завещаю моему бывшему другу Вессону Кларку древнюю шкатулку Алу-Тора; и только прошу его оставить свинцовую печать на ней нетронутой, как я делал это в течение тридцати лет».*

Кларк тихо рассмеялся. Мартуччи был наивным дураком, несмотря на свою сомнительную репутацию в научных кругах, где некоторые безжалостные и неэтичные действия, приписываемые ему, вызывали сильное неодобрение. Он ведь сохранил печать нетронутой, не так ли? И никто не догадывается, какие редкие сокровища древности могут быть спрятаны внутри! Мартуччи провёл всю свою жизнь, копаясь в земле и попутно приобретая скудное состояние (теперь почти растраченное), с которым он удалился на покой, в то время как, вероятно, настоящее богатство ожидало его в этой шкатулке. Но, с другой стороны, итальянец был странным персонажем — одним из тех редких, непонятных существ, которые, кажется, не придают большого значения

простому обладанию деньгами. Возвеличивание своего имени в науке, поиск запретного в скрытых оккультных знаниях, циничное изучение человеческой природы, казалось, значили для него гораздо больше. Разумеется, он никогда не открывал шкатулку, потому что пятно расплавленного свинца, запечатавшее её, выглядело почерневшим от старости и не несло никаких признаков того, что кто-то его подделал.

Со всей своей неторопливой леностью сибарита Кларк откинулся на спинку стула и стал злорадствовать над своим приобретением. Он ещё внимательнее вгляделся в загадочные, извивающиеся символы, расплывчатые и тонкие, которые когда-то были нанесены на свинцовую печать, несомненно, когда металл ещё был горячим. Они были совершенно не знакомы ему, потому что не походили ни на что из того, что он видел раньше, но в их почти осязаемых очертаниях было что-то неопределённо тревожное. Они вызывали в памяти какое-то совершенно невозможное *живое* существо. Кларк рассмеялся над нелепостью этого впечатления.

Но что бы они ни изображали, символы выглядели очень древними. Их примитивная грубость наводила на мысль об античности,

предшествовавшей финикийскому алфавиту или даже письменам Майя. Кларк сожалел о своём скудном знании таких вещей, ибо здесь, как он наполовину подозревал, мог находиться образец самого первого первобытного письма — неуклюжая живописная попытка передать мысль. Из этой попытки развились самые ранние из известных письменных знаков. Кларк сохранит печать нетронутой и отдаст её на экспертизу какому-нибудь авторитету. Возможно, она обладает определённой внутренней ценностью сама по себе. Мартуччи, должно быть, знал: его познания в эпиграфике были глубокими, и ходили слухи, что все его достижения в этой области не достались никому из учёных. Возможно даже, что он расшифровал эту надпись, если это действительно были буквы. Но тем временем Кларк намеревался открыть эту шкатулку.

Конечно же, он собирался её открыть. Для Мартуччи было весьма характерно, что из-за какой-то брезгливой эксцентричности сам он воздерживался от этого поступка. Но неужели он всерьёз думал, что новый владелец будет настолько нелогично сдерживаться? Кларк снова усмехнулся.

И всё же было странно, что итальянец никогда не говорил о шкатулке, тем более что он, долж-

но быть, решил избавиться от неё несколько месяцев назад. Об этом свидетельствовала дата составления завещания. Без сомнения, это был небольшой сюрприз для «бывшего друга», — особенно странный потому что шкатулка являлась такой вещью, относительно которой учёный-неудачник с его обширным знанием древностей, и Кларк с его дилетантской любовью к ним, могли бы провести много дискуссий, которые археологу так нравились.

А ещё эта странная формулировка — «бывший друг». Это почти наводило на мысль, что Мартуччи подозревал Кларка и свою жену, когда диктовал приговор. Но это было невозможно. Сама передача такой редкой реликвии в наследство выглядела доказательством полного доверия и добрых чувств. В конце концов, смысл слов, предназначенных для чтения после смерти автора, был достаточно ясен.

Ну что ж, больше медлить было незачем. Кларк уже достаточно долго злорадствовал. Его чёрные глаза жадно сверкнули, когда он взял со стола тяжёлый бронзовый нож для разрезания бумаги и осторожно коснулся им печати. Свинцовое пятно оказалось на удивление твёрдым; возможно, это был какой-то странный сплав. Кларк надавил

сильнее, и наконец ему удалось вставить острие ножа между печатью и почерневшим от времени металлом самой шкатулки. Свинец отказывался гнуться дальше, он цепко держался за свои вековые причалы. Наконец Кларк оставил шкатулку и принялся бегать по дому в поисках инструментов. Он вернулся с молотком и тщательно запер единственную дверь кабинета, прежде чем сесть за стол.

Он использовал нож как клин, и при первом же ударе свинец аккуратно отошёл в сторону, открыв под собой тускло мерцающее пятно металла. Кларк никак не ожидал обнаружить, что печать закрывает замочную скважину, и ничего подобного он и не увидел. Очевидно, шкатулка была слишком древней для такого изобретения.

Сердце Кларка бешено колотилось. Он нетерпеливо вздохнул и просунул острие ножа под крышку, применив силу рычага. Крышка поднялась. Шкатулка оказалась пуста. Кларк искренне удивился. Странно, что шкатулка была так плотно запечатана, когда в ней не имелось ничего, что можно было бы охранять. Всё это выглядело неправдоподобно.

Пока Кларк в недоумении смотрел на полированную внутреннюю поверхность шкатулки, он

почувствовал слабый зловонный запах, проникающий в его ноздри. Он фыркнул, сморщив нос от отвращения. Как ни слаб был этот запах, он смутно напоминал эманацию склепа из какой-то давно закрытой могилы.

А потом появился холодный ветер. Сквозь тесный воздух кабинета, который постепенно становился невыносимо горячим, ветер дохнул ему в лицо одним ледяным порывом, отягощённым внезапным усилением тошнотворного запаха гниения. Затем порыв ветра исчез, и нагретый воздух сомкнулся вокруг Кларка, как будто ничего не произошло.

Кларк вздрогнул, но тут же снова опустился на стул. Он нахмурился, пристально глядя на дверь и окна, наполовину скрытые в тёмном сумраке за кругом света лампы. Он знал, что они надёжно заперты, и тревожное беспокойство шевельнулось в его груди, когда его испытующий взгляд подтвердил этот факт.

Его внимание снова привлёк едва уловимый запах разложения, который постепенно усиливался. Теперь он пронизывал всю комнату — сырой мефистофельский запах, гротескный, совершенно неуместный в тихом кабинете. Кларк медленно поднялся на ноги, и на его лице отра-

зилась тревога. И как только он встал, ледяной, зловонный холод снова обдал его лицо, словно ветерок из какого-то ледяного склепа. Его голова дёрнулась назад, и в глазах появился страх. Здесь, в запертой комнате на верхнем этаже старого дома, в котором он жил уже много лет, происходило нечто совершенно сверхъестественное, нечто совершенно выходящее за пределы здравого смысла. Кларк медленно двинулся через кабинет к двери, но вдруг резко остановился.

Слабый звук донесся из теней в дальнем конце комнаты, где тяжёлый сарукский ковер остановился в полуметре от стены. Это был коварный, едва слышный шелест — такой могла бы издавать огромная змея, извивающаяся вдоль не покрытой ковром полосы. И это произошло *между* Кларком и дверью!

В прошлом он гордился своей хладнокровной невозмутимостью, но теперь его дыхание участилось, и дикий, беспричинный страх как у загнанного в ловушку зверя затопил его разум. Какова бы ни была природа этого существа, находящегося в одной комнате с Кларком — мог ли он сомневаться в его присутствии? — оно разумно отрезало человеку путь к отступлению. Должно быть, оно следит за каждым движением Кларка

злобными, задумчивыми глазами. От осознания этого факта его охватила дрожь абсолютного ужаса.

Он стоял совершенно неподвижно в центре кабинета, его разум бешено метался по кругу, охваченный паникой. Ощущение тесного присутствия какой-то животной, первобытной порочности, всепоглощающей нечистоты с парализующей уверенностью пронеслось в его мозгу. Мысли о побеге отступили на задний план — неотвратимость опасности подавляла способность рассуждать. И всё же сквозь волны ужаса, бушевавшие в его сознании, Кларк понял, что его жизни — даже самой его душе — угрожает невыразимая космическая злоба.

С огромным усилием он сдержал нарастающую, удушающую истерику и сумел частично восстановить контроль над своими мыслями. Его глаза пронзали мрак впереди и вокруг себя. Ничто не шевелилось. Что за отвратительно древнее существо было заключено в шкатулке? Он не мог угадать, да и не хотел знать. Но Мартуччи знал — Мартуччи, знаток древних писаний, искатель скрытых знаний! Мартуччи знал всё на свете. Он строил козни — о, как хитро! — он замыслил отомстить, и сейчас Кларк увидел эту месть. Если бы

мёртвые могли знать, как старик, должно быть, злорадствовал, видя, как его хитрая ловушка смыкается вокруг жертвы!

Теперь Кларк чувствовал, как холодные вибрации бьют по нему; вибрации нечеловеческого, безликого зла. Его нервы дрожали и сжимались, как от отвратительного физического контакта. Он неловко пошевелился, и тут послышался звук крадущегося, скользящего движения по ковру в его сторону. Кларк попятился назад, пока его плечи не упёрлись в стену. Но тихие звуки всё ещё продолжались, медленно приближаясь. Они свернули в одну сторону, потом в другую, а потом снова оказались перед Кларком и гораздо ближе. Его глаза отчаянно всматривались в тени. Они были пусты, бесформенны, таинственны; но ничто не двигалось, что могло бы обнаружить его физическое зрение. Затаившаяся угроза, о которой говорил каждый напряженный нерв его тела, всё ещё оставалась невидимой. Если он мог доверять своим глазам, то в кабинете он находился один. Но он чувствовал близость чего-то холодного и в то же время живого; чего-то, что было определённым физическим присутствием, проявляющимся для него через сверхчеловеческие чувства, полу-атрофированные тысячелетиями

бездействия. Что бы это ни было, оно поглощало удушающую жару комнаты, фактически понижая температуру, и очень быстро.

Совершенно неожиданно полный ужас перед невозможной, невероятной ситуацией прорвался сквозь плотину отчаянного сопротивления, которую выстроил разум Кларка. Что-то щёлкнуло, и он рассмеялся — пронзительный крик нарастающей истерики, который диким эхом отразился от губ, оттянутых назад в ухмыляющемся безумии ужаса. Он съёжился, вскинув руки в унизительной покорности страху. Его ужасный смех превратился в поток невнятного бормотания. Сумрачная комната плыла вокруг Кларка, и он не знал, что его колени подогнулись и что он упал на них, вытянув руки перед лицом, чтобы отогнать приближающуюся опасность.

Снова повеяло ледяным дыханием, наполненным первобытной грязью, пугающей своей близостью. Она тихо скользнула по его лицу, вызвав у него рвотные позывы от её всепоглощающего запаха. Затем он вскрикнул один раз в парализованном отчаянии, когда тонкие щупальца, протянувшиеся словно из открытого космоса, стали ласкать его горло и тело, их смертельный холод пробивался сквозь одежду, как

будто Кларк был нагим. Огромный, расплывчатый, бесформенный туман окутал его. Он был отталкивающе мягким и объёмным, но, когда Кларк начал сопротивляться, его сжала непреодолимая сила стали. Он чувствовал равномерно распределённые вибрации какой-то совершенно чуждой, непостижимой жизни — жизни настолько ужасной, что Кларк кричал снова и снова, когда её цель становилась очевидной.

Затем тёмная комната закружилась вокруг него — его подбросило вверх, он смотрел горящими глазами в потолок, сквозь который пробивались маленькие язычки пламени, а зловонный ужас постепенно сжимал свои ледяные объятия. Кларк полетел вниз сквозь бесконечные валы ледяной черноты в бездонную трясину первобытной слизи. Громкий рёв наполнил его уши. Чудовищные призраки плотоядно смотрели на Кларка сквозь вспышки пламени, которые подчёркивали его стремительное падение. Затем всё погрузилось в тишину, темноту и забвение.

Раздуваемое сильным ветром пламя уже опустошило старый дом, когда прибыли пожарные. Почти ничего не осталось, чтобы коронер смог провести своё расследование. Естественно, он сильно недооценил фантастические свидетель-

ства некоторых соседей, прибывших на пожар раньше, относительно пронзительного, мучительного свиста, который, как они утверждали, исходил из верхней части здания, и извергающихся облаков зловонного дыма, которые нашли выход после того, как верхние этажи рухнули и свист прекратился. Признание Симпкинса в том, что он не позаботился закрыть воздуховоды печи, прояснило причину пожара; но коронер был чрезвычайно озадачен результатами вскрытия обугленного и почерневшего трупа, идентифицированного дантистом как тело Вессона Кларка. Несомненно, выглядело странным, что практически каждая кость в его теле была сломана, как будто он побывал в объятиях какой-то гигантской змеи типа удава. Также для коронера осталось непостижимой тайной то, что из тела Кларка *выкачали всю кровь до последней капли!*

Перевод: А. Черепанов

Анджела Слэттер
Пробуждённый, неспящий

Angela Slatter «Rising, Not Dreaming», 2011

— Играй, — сказали они, и я играл, касаясь струн арфы, сделанной из кости и сухожилий.

— Пой, — сказали они, и я пел, сплетая слова с потоками воды и заставляя моих слушателей плакать. Я извлекал из глубин, из душ, о существовании которых никто не мог помыслить, грезы, наводящие дрему. Я окутывал их колыбельными, чтобы погрузить богов в сон, чтобы удержать их *внизу* и сделать безвредными для всего, что дышит *наверху*.

Слишком много столетий царили боль и смерть, слишком долго правили Великие Древние. *Довольно*, сказали мои повелители, *довольно*. Слишком долго человеческий сон нарушали вторжения звездных владык. Слишком часто они по собственной прихоти поднимались из своего подводного города, своего Р'льеха, чтобы шествовать по земле и нести за собой тьму.

Мои повелители желали знать, как удержать чудищ под сенью морских волн. Они думали, что музыка сможет убаюкать их, что спасение каким-то чудом может таиться в магии звука. Но кто бы играл — кто *мог* бы сыграть — такой мотив? Они устроили состязание, чтобы найти лучшего музыканта, самого потрясающего виртуоза, лучшего певца-обольстителя. Они сулили

бессмертие, мои повелители, обещали, что игру победителя никогда не предадут забвению — ибо у *него всегда* будет слушатель. Они совершенно разумно сделали ставку на гордыню и тщеславие артиста.

И я победил. Победил, да помогут мне боги. Я должен был сидеть на самой высокой горе на берегу моря и играть, чтобы волны моей музыки набирали силу и неслись, разбиваясь о тела шагающих воплощений чудовищного, чаруя их и уводя, будто несмышленых детей, в морские глубины, назад в их затонувший город.

Мои повелители наложили на меня заклятья, чтобы я не мог утонуть, а вода стала для меня тем же, чем когда-то был воздух. Чтобы моя жизнь не могла угаснуть, и чтобы я вечно держал их, моих жутких слушателей, под своими чарами, навеки во сне. Однако я был невнимателен, слушал недостаточно пристально. Только оказавшись в заточении и повторив их слова в своей памяти, я осознал, на что согласился.

Навеки во сне, пока я продолжаю играть.

Я думаю о жене, которая у меня была, прекрасной и нежной.

Я думаю о ее набухающем животе, пышном и круглом.

Я думаю о том, как сказал ей, что все будет хорошо. Что я вернусь, мои повелители вознаградят меня, и мы больше никогда ни в чем не будем знать нужды.

Ослепленный гордостью, я думал, что мне нужно лишь усыпить их своей песней. Но когда стихли ее последние ноты, я увидел, как гигантские создания начинают ворочаться и просыпаться. И я не мог смириться с мыслью, что они вновь будут шагать по земле, что они могут причинить вред моей жене, что наш ребенок может оказаться на алтаре, принесенный в жертву созданиям, что пришли с далеких темных звезд.

И я играл вновь.

И вновь.

И вновь.

Навеки и вновь.

Но в последнее время я устал. Слишком долго я оставался под сенью терзаемых бурями волн. Столетия, эоны проходят, пока я медленно погружаюсь в состояние распада, не живой, не мертвый. Я не знаю, кто я такой — вещь, которая помнит, как была человеком; или человек, который считает себя вещью.

Моя жена давно превратилась в кости и пыль, унесенные рекой времени.

Мои повелители тоже давно стали прахом.

Какое мне дело до мира, которого я больше не знаю?

Какое мне дело до кого-то еще, если все, о чем я мечтаю — умиротворение сна? Умиротворение, которое я дарил этим *тварям* столько лет.

Мои пальцы замедляются на струнах, и моя песня останавливается.

— Проснитесь! — говорю я, и они восстают.

Я смотрю, как они ворочаются и двигаются, выплывают из омута сна, словно гиганты, словно континенты, поднимающиеся из морских глубин в клубах пара и смрада первородной земли, застилающего их серо-зеленую кожу. Вода вокруг нас бурлит, словно под ней извергается вулкан.

Конечности раскачиваются, словно исполинские деревья, вздымаются туловища, подобные отвесным скалам. Лики, которым неведомы благие намерения, устремляют свой взгляд вверх в поисках поверхности воды, чтобы знать, куда им направиться. Их тела расправляются, и они тянутся к небу и к воздуху, ищут способ избавиться от власти морских волн и вновь прорваться во сны людей.

— Восстаньте! — говорю я, и они восстают. Освобожденные от сна, они считают, что пришло

время вернуть все, что когда-то принадлежало им.

Величайший из них, их владыка, их бог-жрец первым, быстрее прочих, устремляется ввысь, навстречу свободе. Взмахи его гигантских рук пробуждают морские приливы; из его вновь наполнившихся легких выходят пузыри воздуха — его некогда забытое дыхание — большие, словно строения. Мертвый Ктулху поднимается из своего дома в Р'льехе; его сны окончены, его пробужденный разум одержим финалом, окончанием, катастрофой. Вокруг меня его племя, его последователи затягивают гимн разрушения, который настолько похож на мою песню, что я чувствую, как меня пронзает кинжал собственного предательства.

Я думаю о том, что сотворил. Об обещании, которое нарушил, о завете, который предал позору. Я думаю о разочаровании на лице моей жены, если ее бесплотная тень узнает о моем предательстве. И я рыдаю, хотя мои слезы растворяются в морской воде, и никому кроме меня неведомо мое раскаяние. Я чувствую, как ко мне подкрадывается мой собственный сон; смерть и забвение, такие близкие и желанные.

И я борюсь с ним.

Я вновь касаюсь грешных струн своей арфы и перебираю мелодию, чтобы повернуть их, эти ужасные горы, этих Великих Древних, которые могут разрушить все, что ходит по земле и парит в небе, вспять. Все падет под поступью их беспощадных чудовищных ступней.

Мой голос настигает каждого из них. Почти каждого. Всех, кроме одного. Те, что все еще достаточно близко ко мне, чтобы попасться на крючок моей сладкой песни, чарующих нот моей арфы, вновь усмирены. Они возвращаются в свои мертвые утонувшие дома, открывают тяжелые каменные двери и скрываются за ними.

Но величайшего, первого из них, я не поразил.

Ктулху, пробужденный, неспящий, вырывается из оков дремы.

Ктулху пробудился, и я не знаю, где теперь его логово, и какие разрушения он приносит. Но я помню его ужасные глаза. Когда он плыл вверх, он бросил в мою сторону короткий, полный презрения взгляд, и я понял, что я сотворил с ним, с подобными ему, с подобными мне. Он счел меня просто вещью во власти волн, вещью, которая помнит, как была человеком, и которая едва ли заслуживает внимания.

И именно этот взгляд, самый долгий и самый

короткий из всех взглядов, заставляет меня играть дальше и молиться, чтобы мои ноты звучали вечно.

Перевод: П. Баратов

Дональд Рэймонд Смит
Почему Абдул Альхазред сошёл с ума?[240]

Donald R. Smith «Why Abdul Al Hazred Went Mad», 1950

Легендарный «Некрономикон», так и не был завершён. Об этом знают все ученики, достигшие значительных успехов в изучении оккультизма, независимо от того, имелись ли у них мужество и удача, чтобы просмотреть копию этой книги. Хорошо известно — мало кто вникал в душераздирающие секреты этой отвратительной

[240] Примечания: 240

Рассказ написан в 1950-м году, а в 1996-м его извлёк из небытия Роберт М. Прайс, который включил рассказ Смита в антологию «The Necronomicon: Selected Stories and Essays Concerning the Blasphemous Tome of the Mad Arab». О Дональде Р. Смите неизвестно ничего, только годы его жизни: 1917–1999. Скорей всего, это просто писатель-любитель, который, начитавшись Лавкрафта и Дерлета, захотел что-то сочинить на тему «Мифов Ктулху».

мешанины из отталкивающих инструкций и богохульной истории, но ещё меньше тех, кто сумел сохранить своё здравомыслие до конца книги и прочитать эту заключительную главу, которая начинается с исступлённого бормотания и заканчивается ужасным маниакальным бредом. Абдул Альхазред — пусть его имя будет проклято навсегда — оставался дьявольски здравомыслящим во время получения и записи на бумаге этого отвратительного знания. Мало кто на протяжении веков осмеливался овладеть этой информацией даже частично. Именно нижеследующую историю он попытался рассказать в той последней, безумной главе, которая потрясла его тёмный ум; а его душа в ужасе отлетела из его больного тела в радостные объятия мучителей проклятых.

Никто никогда не осмеливался рассказывать эту историю. В самом деле, даже самые тщательные поиски не помогли отыскать ни одного упоминания об этом страшном послании у какого-либо исследователя оккультизма. Тем не менее, о нём знал один возвышенный гений, и суть послания Альхазреда он передал миру словами, которые всё ещё звучат с театральных подмостков:

«Антоний[241]*... А в Альпах*
Ты ел такую падаль, говорят,
Что видевшие замертво валились.»[242]

Но если эта история, которая свела с ума богохульствующего Араба, станет широко известна, то она вполне может сделать честных людей нормальными. И поэтому я переписываю ниже правильную версию последней главы «Некрономикона», сокращая как можно больше бессвязных, безумных фраз и очищаю от омрачающей грязи каждую мысль, что пузырилась из колодца непристойного ума Альхазреда.

* * *

Был ещё один из Великих Древних. Величайший. Великий Отец и Великая Мать в одном. Более Великий, чем Великий Ктулху, чем Хастур, его брат, чем Шуб-Ниггурат — Козлица с Тысячей Младых, чем Цатоггуа, чем сам Великий

---

[241] Примечания: 241
Марк Антоний (первый век до н. э.) — древнеримский политик и военачальник.

[242] Примечания: 242
«...возвышенный гений... А в Альпах...», — имеется в виду Уильям Шекспир и строки из его пьесы «Антоний и Клеопатра», (в переводе Бориса Пастернака).

Йог-Сотот, потому что Они всего лишь Его потомство. Величайший был когда-то среди Великих Древних, возле самых могущественных, ибо Величайший бросил вызов господству самого Азатота, слепого идиота, Владыки Всего. Нет, его дети сказали мне, но я не могу поверить, что Величайший, (кто слишком велик, чтобы Его называть), действительно был Повелителем Всех! Настолько великим был Величайший, что «Они, О Которых Нельзя Думать», опасаясь, что зло превзойдёт их в силе, сбросили Величайшего с его ужасного престола и сковали его цепями плоти с Планетой Проклятых, откуда он не сможет вырваться. Когда он пал, он породил Йог-Сотота, который меньше Азатота. Так говорит великий Ктулху, первый из Великих Мерзостей, которого Величайший создал из своей плоти, чтобы те стали его слугами и хозяевами планеты.

Могущественным был Величайший. Отвратительно то тело, в котором Они его заточили, но он прославился в ужасе и по своей воле превратил тело в нечто такое, что люди с трусливой душой могли бы умереть от страха, увидев его. Безликий Ньярлатхотеп, посланник Великих Древних, не мог вынести той мерзости, которой являлся Величайший, когда он лежал в луже своих соб-

ственных слизистых испарений в пещере среди гор, лежал и правил миром, ужасая самого себя и богов, которых он породил. Если бы я, Абдул Альхаздред, жил тогда, чтобы поклониться ему! Великие его Дети, старательно я служил им, и они мне хорошо платили, с экстазами, название которых вызвало бы ужас у этих малодушных детей в образе мужчин, которые так громко говорят о своих ребяческих пытках с ножами, огнём и водой. Но Величайший — служить ему был бы… был бы…

Будь проклят этот Римлянин! Пусть Гончие Тиндалоса охотятся за его вопящей душой до самого конца вселенной миллион миллионов тысячелетий! Как он мог сделать то, что он сделал! Великого Ктулху спросил я, а он съёжился и не ответил. Цаттогуа спросил я, и Цаттогуа не смог мне ответить. Йог-Сотота спросил я, величайшего из Потомства, и Йог-Сотот не ответил мне. Да, своим мастерством я призвал Ньярлатхотепа безликого, воющего во тьме, владычествующего посланника Великих Древних, и никогда прежде не смел человек призвать его. И Ньярлатхотеп прекратил свой вечный вой и не отвечал, хотя он боялся меня, как он боится только Ктугхи, Вечного Пламени, которое, когда придёт время,

полностью поглотит Ньярлатхотепа.

Это были козни Азатота? Его дети говорят, что Азатот, каким бы могущественным он ни был, никогда бы не осмелился плести козни против Величайшего. Но, конечно, какой-то враг руководил этим человеком, этим невероятным человеком, который привёл с собой толпу солдат в горы, где находилась пещера Величайшего. Возможно, его вели Старшие Боги, но они только хотели изгнать Величайшего, а не уничтожить его.

Однако это случилось, пришёл Римлянин. Марк Антоний, большой дебошир, развратник и грубиян, который хвастал, что не боится ни бога, ни дьявола. Глупый хвастун. Я знал многих таких, кто убегал с воплями, лишь учуяв зловоние, оставшееся от Ктулху, приходившего неделю назад. Но Марк Антоний — как мог существовать такой человек? Он был обычным мужчиной, который сражался и любил, как мужчина, и умер глупо, как мужчина из-за своей глупой преданности проститутке. Может ли такой человек являться более великим, чем Великие Древние, которым я так много поклонялся? Что я навлёк на себя проклятия на всю вечность, потому что… НЕТ!

Я должен это сказать. Это должно быть записано. Этот Антоний и его солдаты заблудились.

Голодали. Они пили мочу лошадей. Они убили лошадей и съели их, и продолжали идти по голым камням среди гор. Антоний был их лидером. Он хвастался своей силой и выносливостью и не ел лошадиное мясо, оставляя его другим. Наконец, они вышли в долину — мрачную расщелину среди холмов. Кристально чистая вода текла по скалистому руслу, и вокруг росли карликовые сосны. Солдаты пили воду и развели огромный костёр из деревьев, но они всё ещё испытывали голод. И Марк Антоний был самым голодным из всех.

У другого края расщелины располагалась пещера. В пещерах часто обитают животные. Животных можно есть. Марк Антоний направился к пещере, но все остальные остались на месте. Ибо из пещеры донеслось такое зловоние, что душа человека могла сгнить в ещё живом теле, и даже хуже. Никто не мог сделать ни шага, но Антоний, который назвал солдат трусами, пошёл один и погрузился в ужасный мрак этой пещеры. Пошёл один…

Молчание. Долгое молчание. Затем вдруг все услышали ужасный, оглушительный грохот яростной битвы в какой-то огромной пропасти внизу. Некоторые звуки принадлежали безум-

ному Марку Антонию, но другие имели такую природу, что многие солдаты, едва заслышав их, с криками убежали из этого проклятого места. Это были счастливчики. Те, кто остались на месте, с побелевшими лицами и застывшие от ужаса, услышали, как странный грохот становился всё ближе. Внезапно пещера изрыгнула из себя корчащуюся массу и безумствующего Антония, с головы до ног покрытого смесью собственной крови и отвратительной слизи Того, с кем он сражался. То, что он выволок на свет дневной, никто никогда раньше не видел. Его копье не могло убить это чудовище, меч не мог его ранить. Это была мерзость, от вида которой наблюдатели падали замертво, а души вылетали из их тел.

Антоний звал на помощь, и сумерки скрыли солнце, и увеличивающиеся формы Шествующих по Ветру Итаквы, Ллойгора и Зхара, и самого великого Хастура с воем опустились с неба. Антоний увидел их и бесстрашно засмеялся, и призвал Юпитера, которого греки называли Зевсом, господином Небес и хозяином штормов, призвал его на помощь как равного себе. И вот, на Шествующих, и на Хастура, и на Ктулху, мчащегося с моря, и на Йог-Сотота, проявляющего свою форму со всех сторон и ниоткуда, на всё спешащее отродье

Величайшего, Юпитер швырнул свои громы, и его смех зазвучал как рёв, раскалывая небеса, когда он забросал массу детей Величайшего множеством молний.

И под этим безумием света и шума Марк Антоний, чья сила превосходила силу смертного человека, поднял Величайшего и бросил его в огромное пламя, которое разожгли его люди. Ужасно кричал Величайший и извивался среди пылающих углей, а Антоний смеялся и подбрасывал дрова. В сердце пламени Величайший отвратительно кричал, пока от его ужасного тела не остался небольшой кусок угля. И тогда Марк Антоний, человек среди людей, что не боялся ни бога, ни дьявола, но который был очень голоден, разбил этот кусок угля и внутри не нашёл ничего, кроме одного дымящегося куска раненой плоти, отвратительной формы, цвета и запаха. Но это была плоть, и Антоний стал есть её.

Да, он съел её! Жестокий римский болван, он съел его, ещё живое сердце Величайшего! И тем самым навсегда уничтожил Его. И если Величайший мог быть таким образом уничтожен грубым мужеством и аппетитом, то что насчёт Его детей? Я отдал свою жизнь и даже больше, чем жизнь, служению тем, у кого не больше власти над храб-

рым человеком, чем у зверей полевых?

* * *

Остальное — безумие.

Перевод: А. Черепанов, А. Лотерман

Кларк Эштон Смит
Безымянное отродье

«Велико число и многообразие смутных ужасов Земли, что наводняют её со времени сотворения нашего мира. Они дремлют под нетронутым камнем; растут вместе с корнями деревьев; движутся по дну моря и ползают под землёй; они обитают в самой глубине святилищ. В нужное время эти ужасы выбираются из закрытых бронзовых гробниц и запечатанных глиной могил. Есть такие, что давно известны человеку, и другие, ещё неведомые, что проявят себя только в последние страшные дни. Самые ужасные и омерзительные из всех этих созданий ещё ждут, когда их случайно обнаружат. Но среди тех, что раскрыли себя в былые времена и проявились в своем истинном обличии, было одно существо, что не могло получить имя из-за своей крайней скверны. Се-исчадие, от смерти в смерти порождённое тем, кто незримо пребывает в склепах».

Из «Некрономикона», Абдула Альхазреда

Clark Ashton Smith «The Nameless Offspring», 1932

В некотором смысле нам повезло, что история, которую я собираюсь вам поведать, по большей части основана на видении непонятных теней, неясных полунамеках и моём недопустимом воображении. Иначе она никогда бы не была написана рукой человека или прочтена людьми. Моё незначительное участие в этой отвратительной драме ограничивалось лишь последним актом, а то, что происходило до этого, я воспринимал лишь как далёкую призрачную легенду. Но даже в таком расколотом отражении его противоестественный ужас вытеснил все другие события из моей повседневной жизни, превратив их в подобие непрочной тонкой паутинки, сотканной на самом краю продуваемой всеми ветрами раскрывшейся чёрной бездны, уходящей глубоко внутрь полуоткрытых подземных склепов, в самых нижних пределах коих таятся гниль, тлен и разложение.

Легенда, о которой я говорю, была знакома мне с детства. В моей семье её рассказывали шёпотом, качая головой — о сэре Джоне Тремоте, что был школьным другом моего отца. Но я никогда

лично не встречал сэра Джона, никогда не посещал Тремот-Холл до тех самых событий, которые стали основой для финала этой трагедии. Мой отец увёз меня из Англии в Канаду, когда я был ещё младенцем. Он процветал в Манитобе как пчеловод; а после смерти отца забота о его пчёлах отняла у меня много лет на пасеке, чтобы исполнить свою давнюю мечту — посетить свою родину, прогуляться по её сельским тропинкам.

Когда, наконец, я стал свободен, легенда о сэре Джоне почти исчезла из моей памяти, так что, путешествуя на мотоцикле по сельской Англии, я никак не планировал оказаться в Тремот-Холле.

Во всяком случае, меня никогда не тянуло в такие места из одного лишь нездорового любопытства, какое, возможно, подобные жуткие истории пробуждали в других. Мой визит, как это обычно бывает, оказался чисто случайным. Я забыл точное расположение Тремот-Холла и даже не думал, что нахожусь в его окрестностях. Если бы я знал, то, наверное, объехал бы его стороной, чтобы не нарушать поистине демонических страданий владельца, даже несмотря на то, что мне нужно было найти убежище.

Ранним осенним днём, до того, как попасть в Тремот-Холл я весь день не спеша путешествовал

на мотоцикле по извилистым сельским дорогам и тропинкам. День был ясным и светлым, с нежно-лазурным небом над величественными парками, тронутыми первыми красками янтаря и багрянца уходящего года. Но ближе к полудню из-за скрывавших океан холмов пришел туман, замкнув меня в свой скользящий призрачный круг. Каким-то образом в этом обманчивом тумане я потерял дорогу и пропустил путевой столб, указывавший направление к городку, в котором я собирался заночевать.

Я проехал ещё немного наугад, думая, что вскоре достигну другого перекрёстка. Путь, по которому я следовал, был всего лишь неровной, на редкость пустынной тропой. Туман сгустился, потемнел и приблизился ко мне, закрывая обзор до горизонта. Я мог лишь видеть, что попал в какую-то пустошь с валунами, без признаков обработанной земли. Я перевалил через холм и стал спускаться по длинному однообразному склону, в то время как сумерки и туман вокруг меня продолжали сгущаться. Я думал, что двигаюсь в сторону заката, но в этом полумраке не было видно ни малейшего отблеска или красного всполоха, который мог бы послужить признаком тонущего в тумане заката. Ноздрей моих коснул-

ся промозглый запах соли, как будто впереди лежала гниющая морская топь.

Дорога повернула под острым углом, и мне показалось, что я еду между холмами и болотами. Ночь надвигалась неестественно быстро, будто спеша догнать меня, и я начал ощущать какое-то неясное беспокойство и тревогу, словно сбился с пути не в родной Англии, а в каких-то незнакомых враждебных краях. Туман и сумерки удерживали окружающий пейзаж в холодной тишине, в смертельной и тревожной тайне.

Затем слева от тропы, чуть впереди меня я увидел пятно света, которое напоминало скорбный, наполненный слезами глаз. Оно смутно просвечивало сквозь какую-то неопределённую хаотическую массу, словно находилось за деревьями в призрачном лесу. Когда я пошёл в сторону света, то увидел маленькую сторожку, какие обычно строят у въезда в некоторые поместья. В сторожке было темно и пусто. Остановившись и вглядываясь в полумрак, я заметил в изгороди из неподстриженных кустов очертания кованых железных ворот.

Всё вокруг имело запущенный и неприступный вид. Из невидимого болота наползали угрюмые, бесконечно извивающиеся спирали тумана, и

я продрог до костей. Но свет указывал на возможное присутствие живых людей посреди этих пустынных холмов, и я надеялся получить место для ночлега или, по крайней мере, найти того, кто мог бы указать мне дорогу к городу или постоялому двору.

К моему удивлению ворота были не заперты. Они с жутким скрипом повернулись на ржавых петлях, словно их не открывали в течение долгих лет. Толкая перед собой мотоцикл, я пошёл по заросшей сорняками дорожке к источнику света. Хаотичная масса передо мной оказалась большой усадьбой, расположившейся среди деревьев и кустов, искусственные формы которых, как и живая тисовая изгородь у ворот, давно лишённые ухода садовника, приобрели дикие и гротескные очертания.

Туман тем временем превратился в унылую морось. Почти наощупь пробираясь сквозь мрак, я нашёл тёмную дверь недалеко от окна, в котором светила одинокая лампа. Я трижды постучал в дверь, и в ответ услышал медленные приглушённые, шаркающие шаги. Дверь была отворена с той неспешностью, что свидетельствовала об осторожности и нерасположении хозяина, и я увидел перед собой старика с горящей свечой в

руке. Его пальцы дрожали от паралича или дряхлости, и чудовищные тени подобно зловещим взмахам крыльев порхающих летучих мышей трепетали позади в сумрачной прихожей, падая на его сморщенное лицо.

— Что вам угодно, сэр? — спросил он. Хотя голос старика дрожал, и говорил он нерешительно, тон его речи был далек от неучтивости. Он не выказывал явного негостеприимства и подозрительности, которых я опасался. Однако я все же ощутил некую нерешительность и сомнения, и пока старик слушал рассказ о причинах моего стука в эту одинокую дверь, я заметил, что он внимательно осматривает меня с той проницательностью, которая опровергла моё первое впечатление о его крайней дряхлости.

— Вижу, вы чужак в этих местах, — заметил старик, когда я закончил свои объяснения. — Могу ли я узнать ваше имя, сэр?

— Генри Чалдейн, — ответил я.

— Вы случайно не сын мистера Артура Чалдейна?

Немного удивившись, я признал, что это действительно так.

— Вы похожи на своего отца, сэр. Мистер Чалдейн и сэр Джон Тремот были большими

друзьями до того, как ваш отец уехал в Канаду. Не желаете ли войти, сэр? Это Тремот-Холл. Сэр Джон долгое время не принимал гостей, но я скажу ему, что вы здесь, и может быть он захочет вас увидеть.

Испуганный и не совсем приятно удивлённый выяснением своего местонахождения, я последовал за стариком в заставленный книгами кабинет, чья меблировка свидетельствовала о роскоши и небрежности. Здесь старик зажег древнюю масляную лампу с пыльным, раскрашенным абажуром и оставил меня наедине с покрытыми пылью книгами и мебелью.

Я ощущал странное смущение, чувствуя, будто я проник в запретное место, пока ждал хозяина при тусклом свете жёлтой лампы. Здесь ко мне вернулись во всех подробностях воспоминания о странной, жуткой, полузабытой истории, которую я в детстве слышал от своего отца.

Леди Агата Тремот, жена сэра Джона в первый год после их женитьбы стала жертвой приступов каталепсии. Третий приступ, по-видимому, привёл к её смерти, поскольку она не очнулась спустя некоторое время, как обычно бывало ранее, а на её теле проявились все признаки трупного окоченения. Тело леди Агаты поместили в фамильный

склеп, настолько древний и протяжённый, что он занимал огромное пространство под холмом позади дома. На следующий день после погребения сэр Джон, обеспокоенный странными устойчивыми сомнениями в окончательном медицинском заключении, вошёл в склепы. В тот же миг он услышал дикий крик и обнаружил леди Агату сидящей в своем гробу. Крышка гроба вместе с торчащими гвоздями лежала на каменном полу. Казалось невозможным, чтобы крышка могла быть выбита руками столь хрупкой женщины. Однако никакого другого правдоподобного объяснения этому не было, поскольку сама леди Агата мало что могла поведать об обстоятельствах своего странного воскрешения.

Наполовину в оцепенении, почти в бреду, в состоянии крайнего ужаса, который был вполне понятен в данном положении, она повела бессвязный рассказ о том, что с ней произошло. Она, похоже, не помнила, как пыталась освободиться из гроба, но её больше беспокоили воспоминания о бледном, омерзительном нечеловеческом лице, которое она увидела во мраке, пробудившись от долгого, похожего на смерть, сна. Именно вид этого ужасного лица, склонившегося над ней, когда она лежала в уже открытом гробу, и вызвал у неё

столь дикий крик. Тварь исчезла до того, как сэр Джон приблизился к Агате, быстро умчавшись во внутренние склепы, и у женщины осталось лишь смутное представление о внешнем виде этого создания. Ей показалось, что оно было большим и белым, и бежало подобно животному на четвереньках, хотя его конечности были похожи на человеческие.

Конечно, её рассказ был расценен как своеобразное виде?ние или порождение бреда, вызванного чудовищным шоком от испытанного ею переживания, истинный ужас которого вытеснил из её памяти все реальные события. Но воспоминания об этом жутком лице и фигуре, казалось, постоянно преследовали леди Агату, и, в конце концов, страх свёл её с ума. Она не оправилась после той болезни, и прожив девять месяцев в расшатанном состоянии разума и тела, умерла после того как родила своего первенца.

Смерть стала милостью для неё, так как ребенок, похоже, оказался одним из тех ужасных монстров, которые изредка появляются в человеческих семьях. Точная природа его ненормальности была неизвестна, хотя пугающие и противоречивые домыслы вроде бы исходили от доктора, нянь и слуг, которым довелось его

увидеть. Некоторые из них навсегда покинули Тремот-Холл и отказывались возвращаться после того как всего лишь мельком увидели его уродство.

После смерти леди Агаты сэр Джон удалился от общества. С тех пор почти ничего не было известно о его дальнейших действиях, так же, как и о судьбе жуткого ребёнка. Люди, однако, шептали, что ребёнок был заперт в комнате с зарешеченными окнами, куда не входил никто, кроме самого сэра Джона. Эта трагедия разрушила всю его жизнь, и он превратился в затворника, живущего всего с одним или двумя оставшимися верными слугами, в то время как его поместье, лишённое ухода, постепенно пришло в тягостный упадок. Несомненно, думал я, тот старик, который впустил меня, является одним из тех слуг, что остались верны хозяину. Я всё ещё обдумывал эту жуткую легенду, по-прежнему пытаясь припомнить какие-то определённые детали, что почти выветрились из моей памяти, когда услышал шаги, медленные и немощные — очевидно возвращался тот старик-слуга.

Однако я ошибся. В кабинет вошёл сам сэр Джон Тремот. Высокая, слегка сутулая фигура, лицо, словно исчерченное струйками какой-то едкой

кислоты — всё это выражало особое достоинство и победу над разрушительной смертельной скорбью и болезнями. Учитывая его возраст, я ожидал увидеть пожилого человека, но ему казалось было едва ли больше пятидесяти лет. Его трупная бледность и нетвёрдая походка являли собой признаки какого-то смертельного заболевания. Его манера поведения, с которой он обратился ко мне, была безупречно вежливой и даже любезной. Но по его голосу было заметно, что в своей жизни он не видит уже ничего ценного и интересного.

— Харпер сообщил мне, что вы сын моего школьного друга Артура Чалдейна, — сказал Тремот. — Прошу вас быть как дома. Я давно не принимал гостей, и боюсь, что Холл покажется вам довольно унылым и мрачным местом, а я — бездушным хозяином. Тем не менее, вы должны остаться, хотя бы на ночь. Харпер приготовит вам ужин.

— Вы очень добры, — ответил я. — Но боюсь, что я вам мешаю. Если…

— Ничуть, — твёрдо ответил хозяин. — Будьте моим гостем. До ближайшей гостиницы много миль, а туман уже превратился в ливень. В любом случае я рад вас видеть. Вы должны рассказать мне о своём отце и о себе за ужином. Тем вре-

менем я подыщу вам комнату, если вы пойдёте со мной.

Он повел меня на второй этаж особняка и далее по длинному коридору с балками и панелями из старого дуба. Мы прошли мимо нескольких дверей, которые очевидно вели в спальни. Все двери были заперты, а одна из них была укреплена стальными брусьями, тяжёлыми и зловещими, как в тюремной камере. Мне пришла в голову неизбежная мысль, что тот уродливый ребенок должен был находиться за этой укреплённой дверью. Но жив ли он еще? По моим подсчётам с момента его рождения прошло уже лет тридцать. Насколько же ужасно и отвратительно должно быть его расхождение с нормальным человеческим обликом, если это потребовало немедленного удаления ребенка подальше от людских глаз! И какие ещё особенности его дальнейшего развития привели к необходимости закрыть дубовую дверь такими тяжёлыми брусьями, что могут выдержать натиск любого человека или зверя?

Хозяин даже не взглянул на дверь, продолжая идти вперёд. Тонкая свеча слегка дрожала в его немощных пальцах. Мои пытливые размышления, пока я шёл следом за Тремотом, внезапно

были прерваны громким душераздирающим криком, исходящим из зарешёченной комнаты. Он был долгим, завывающим; низкие басы приглушенного замогильного демонического голоса постепенно возрастали до омерзительно пронзительного визга алчной ярости, как будто демон поднимался по ступенькам из-под земли на поверхность. Крик был ни человеческим, ни животным, он был совершенно противоестественным, дьявольским, смертоносным; и я содрогнулся от невыносимой жути, не исчезавшей даже после того, как достигнув наивысшей громкости, вопли будто снова постепенно погрузились в глубокую могилу.

Сэр Джон не обращал никакого внимания на эти крики, продолжая двигаться своей обычной шаркающей походкой. Он достиг конца коридора и остановился возле комнаты, которая находилась через дверь от той запертой темницы.

— Я предоставлю вам эту комнату, — сказал он. — Она как раз рядом с моей.

Он не смотрел на меня, пока говорил, и его голос был неестественно сдержан и невыразителен. Я с содроганием осознал, что дверь, на которую указал хозяин как на свою, соседствовала с той, откуда исходил ужасающий вой.

Комната, которую он позволил мне занять, явно пребывала в запустении на протяжении многих лет. Воздух внутри был холодный, застоявшийся и какой-то нездоровый. Повсюду царила затхлость, а старинная мебель была вся в пыли и паутине. Сэр Джон начал извиняться.

— Я не подумал о состоянии комнаты, — пробормотал он. — После ужина я отправлю Харпера немного прибраться и постелить чистое постельное белье.

Я запротестовал, скорее из вежливости, что ему не нужно извиняться. Нечеловеческое одиночество и угасание в этом старом особняке, десятилетия запущенности, и полностью соответствующее ей затворничество владельца болезненно впечатлили меня. И я не осмеливался слишком много размышлять о призрачной тайне зарешёченной комнаты и адском вое, что потряс все мои нервы. Я уже сожалел о той странной случайности, что привела меня в это место обитания зла и гниющих теней. Я испытывал непреодолимое желание уехать, чтобы продолжить своё путешествие даже под секущим лицо холодным осенним дождем и дующим в темноте ветром. Но я не мог придумать никакого, достаточно реального и основательного оправдания своему уходу.

Что ж, делать нечего, придётся здесь остаться.

Наш ужин был накрыт в мрачной, но величественной комнате стариком, которого сэр Джон называл Харпером. Еда была простой, но сытной и хорошо приготовленной, обслуживание — безупречным. Я сделал вывод, что Харпер был единственным слугой — камердинером, дворецким, экономом и поваром в одном лице.

Несмотря на мой голод и старания хозяина, чтобы я чувствовал себя спокойно и уверенно, ужин получился мрачным, словно на похоронной церемонии. Я никак не мог выбросить из головы легенду, рассказанную отцом, и уж тем более не мог заставить себя не думать о той запечатанной двери и зловещем завывании. Что бы это ни было, но уродец всё ещё был жив, и чувствами моими владела сложная смесь восхищения, жалости и ужаса, когда я смотрел на измождённое и любезное лицо сэра Джона Тремота, отражавшее все те адские муки, которые ему пришлось претерпеть в жизни и ту стойкость с которой он переносил свои немыслимые испытания.

Слуга принёс отменный херес. За вином мы просидели больше часа. Сэр Джон некоторое время говорил о моём отце, о смерти которого он не знал. Тремот искусно вытягивал из меня

сведения о моей жизни и делах с утончённой ловкостью человека, повидавшего жизнь. Он немного рассказал о себе, но ни одним намёком не указал на ту трагическую историю, о которой я уже говорил.

Поскольку пил я мало, и стакан мой пустел медленно, то бо?льшую часть крепкого вина выпил хозяин. Вскоре сквозь его таинственность начало потихоньку прорезываться любопытство, и он впервые заговорил о своей болезни, следов которой невозможно было скрыть. Я узнал, что Тремот болен тяжёлой формой стенокардии, и недавно пережил необычайно острый приступ.

— Следующий добьёт меня, — сказал Тремот. — И он может произойти в любое время, может даже этой ночью.

Он сообщил об этом так просто, словно смертельный приступ был чем-то заурядным, как прогноз погоды. Затем, немного помолчав, он продолжил говорить, но в его голосе появилась необычная решимость.

— Вам это может показаться чудачеством, но у меня имеется твёрдое предубеждение против того, чтобы меня похоронили в могиле или в склепе. Я хочу, чтобы моё тело тщательно кремировали, а пепел развеяли по ветру на все четыре

стороны. Харпер проследит за тем, чтобы всё было выполнено в точности. Огонь — самый чистый элемент, он сокращает все отвратительные процессы между смертью и окончательным распадом тела. Для меня непереносима сама мысль о заплесневелой, кишащей червями могиле.

Он ещё некоторое время продолжал рассуждать на эту тему во всех подробностях и напряжённость в его голосе показывала, что он давно размышлял о кремации, которая в конце концов сделалась его навязчивой идеей. Казалось, он чувствовал в ней него какое-то нездоровое очарование, в его пустых болезненных глазах отражалась некая затравленность, а в голосе чувствовалась едва сдерживаемая истерия. Я вспомнил о погребении леди Агаты, о её трагическом воскрешении, и о сумрачном, бредовом подземном ужасе, которые образовывали необъяснимую туманную и тревожную часть её истории. Было нетрудно понять, почему сэр Джон испытывает такую неприязнь к погребению, но я был далёк от понимания того мертвящего кошмара, на котором основывалось его отвращение.

Харпер исчез после того, как принес херес, и я предположил, что он отправился готовить мне комнату. Мы допили последние бокалы, и мой

хозяин прекратил свои разглагольствования. Его недолгий порыв оживления казалось, завершился, и он выглядел теперь ещё более больным и изможденным чем раньше. Сославшись на усталость, я выразил желание отправиться спать, и сэр Джон со своей неизменной учтивостью настоял на том, что перед сном он посетит меня в комнате и проверит, удобно ли я устроился.

В холле наверху мы встретили Харпера, который как раз спускался по лестнице, что, должно быть, вела на чердак или на третий этаж. Он нёс тяжелую чугунную сковороду в которой осталось несколько клочков мяса, и на мгновение мне явственно почудился доносящийся из неё прогорклый запах гниения, когда он прошёл мимо. Мне подумалось — не кормил ли он того чудовищного ребенка? Похоже было, что Харпер бросал ему еду через дыру в потолке. Догадка была вполне логичной, хотя запах выносимых объедков навеивал какие-то далёкие полу-литературные ассоциации, предлагая другие догадки, далеко отстоящие от области разумного и возможного. Некоторые неуловимые разрозненные намёки внезапно начинали указывать на нечто чудовищное и отвратительное. С переменных успехом я уверял себя, что, воображаемое мною

существо невозможно с точки зрения науки, это скорее творение суеверной чертовщины. Нет, такого не может существовать здесь… в Англии, где угодно… это пожирающий трупы демон из восточных сказок и легенд… гуль.

Вопреки моим опасениям, когда мы снова проходили мимо таинственной комнаты, дьявольский вой больше не повторился. Но мне показалось, что я слышал размеренный хруст, словно гигантское животное что-то грызло.

Моя комната, всё ещё унылая и довольно мрачная, была очищена от наслоений пыли и густой паутины. Осмотрев всё лично, сэр Джон покинул меня и уединился в своей комнате. Я был поражён его смертельной бледностью и слабостью, когда он пожелал мне спокойной ночи. Я ощущал вину и тревогу за то, что ради беседы со мной Тремот возможно потратил слишком много сил, и это могло усугубить его болезнь. Казалось, я ощущал его боль и мучения, скрытые под маской вежливости, и удивлялся тому, какой ценой удается хозяину оставаться столь бодрым и учтивым.

Усталость от дневного путешествия и крепкое вино за ужином должны были способствовать моему скорейшему засыпанию. Но хоть я и лежал с закрытыми глазами в темноте, мне никак не

удавалось избавиться от мыслей о нечистой тени, что легла на этот дом, и о чёрных могильных ларвах, что копошатся где-то рядом, в стенах старинного особняка. Невыносимые и запретные мысли осаждали мой ум, словно грязные когти; они щекотали меня зловонными кольцами змей, пока я в течение несколько часов лежал на кровати, уставившись в серый проём окна, за которым были лишь тёмная ночь и буря. Шелест дождя, лёгкий шум и стон ветра отступали на задний план на фоне страшного бормотания нечленораздельных голосов, что шептали о тошнотворных безымянных тайнах на своём демоническом языке.

Наконец, после ночи, длившейся едва ли не столетие, буря стихла, и я уже не слышал чудившихся мне двусмысленных голосов. Окно в чёрной стене стало немного светлей, и ужасы моей долгой ночной бессонницы казалось, частично отступили, но сон ко мне всё не шёл. Меня окружала абсолютная тишина, а затем в этом безмолвии я услышал странный, отдалённый тревожный звук, причина и местонахождение которого сбили меня с толку на несколько минут.

Звук был приглушённый и время от времени отдалялся. Затем он, казалось, начал приближать-

ся, словно его источник находился в соседней комнате. Он напоминал царапанье когтей животного по твёрдому дереву. Сев в постели, я внимательно вслушивался и с новым приступом страха осознал, что звук доносится со стороны запертой комнаты. Звук обладал странным резонансом. Затем он стал почти неслышимым и внезапно ненадолго прекратился. Тем временем я услышал стон, будто человек стенал в агонии или от ужаса. Я не мог ошибиться в источнике стона — он исходил из комнаты сэра Джона Тремота, но я больше не сомневался и в причине скрежета.

Стоны более не повторялись, но мерзкое царапанье когтей снова возобновилось и продолжалось до рассвета. Затем, словно существо, издававшее скрежет, вело полностью ночной образ жизни, слабый резонирующий звук прекратился, и далее не раздавался. В состоянии притуплённого, кошмарного предчувствия, уставший и сонный, я с нестерпимой напряжённостью вслушивался в окружающие звуки. Дождь прекратился, наступал мертвенно-бледный рассвет, и я провалился в глубокий сон. Бесформенные бормочущие призраки старого дома уже не могли удерживать моё внимание.

Разбудил меня громкий стук в дверь. Даже в ны-

нешнем сонном состоянии и спутанных чувствах я заметил, что стук выглядел повелительным и спешным. Должно быть, было уже около полудня, и, чувствуя вину за свой долгий сон, я подбежал к двери и открыл ее. Снаружи стоял старый слуга Харпер. Дрожащим печальным голосом он сообщил мне плохую новость.

— С сожалением хочу сказать вам, мистер Чалдейн, — сказал старик, — что сэр Джон умер. Он не ответил на мой стук как обычно, так что я осмелился войти в его комнату. Должно быть, он скончался рано утром.

Неописуемо поражённый этой новостью, я вспомнил одинокий стон, который донёсся до моего слуха на рассвете. Мой хозяин, должно быть, как раз умирал в этот момент. Также я вспомнил и отвратительное кошмарное скрежетание. Неизбежно я задался вопросом — что было причиной этого стона: физическая боль или страх? Не привели ли беспокойство и страшные звуки к последнему приступу болезни сэра Джона? Я не мог быть уверен в истинной причине, но мозг мой кипел от жутких и отвратительных догадок.

Соблюдая бесполезные в таких случаях формальности, я попытался выразить старому слуге свои соболезнования и предложил свою помощь

в необходимых приготовлениях к похоронам в соответствии с завещанием Тремота. Так как в доме не было телефона, я вызвался привезти доктора, который смог бы осмотреть тело и выдать свидетельство о смерти. Старик, казалось, всем своим видом выражал облегчение и благодарность.

— Спасибо, сэр, — с жаром сказал он, и добавил: — Я не хочу покидать сэра Джона. Я обещал ему, что прослежу за его телом.

Затем Харпер заговорил о желании сэра Джона быть кремированным. Баронет оставил на этот счёт недвусмысленные указания: необходимо соорудить из найденных в реке брёвен погребальный костёр на холме за домом; сжечь тело, а пепел развеять по всем полям его поместья. Тремот поручил слуге выполнить эти действия как можно скорее после своей смерти. На церемонии не должно быть никого из посторонних, кроме Харпера и тех, кто будет нести тело. Даже близких родственников сэра Джона, живущих неподалёку, не следовало извещать о его смерти, пока обряд кремации не будет закончен.

От предложения Харпера приготовить мне завтрак я отказался, сообщив, что могу поесть в соседней деревне. В поведении слуги наблюдалось какое-то странное беспокойство, но по

его невысказанным мыслям и эмоциям я понял, что старику не терпится скорее приступить к обещанному дежурству возле тела сэра Джона.

Было бы утомительно и бесполезно рассказывать о деталях последовавшего погребального обряда. С моря вернулся густой туман, и я едва ли не наощупь отправился в соседний городок через промокший нереальный мир, с трудом отыскивая дорогу. Мне удалось найти доктора, а также нескольких человек, согласившихся сложить погребальный костёр и отнести к нему покойного. Повсюду я натыкался на странную неразговорчивость. Казалось, никто не хотел обсуждать смерть сэра Джона или говорить о тёмных преданиях, связанных с Тремот-Холлом.

Харпер, к моему удивлению, предложил как можно быстрее выполнить кремацию. Однако это оказалось неосуществимо. Когда все формальности и вопросы были решены, туман превратился в сплошной затяжной ливень, сделавший невозможным зажжение погребального костра, и нам пришлось отложить церемонию. Я пообещал Харперу, что останусь в Холле, пока не будет сделано всё задуманное. Таким образом, мне пришлось провести ещё одну ночь под крышей этого проклятого дома с его омерзительными тайнами.

Тьма опустилась рано. Ещё раз посетив соседнюю деревню, в которой я добыл сэндвичи на ужин для Харпера и себя, я вернулся в одинокий Холл. Я встретил Харпера на лестнице, когда поднимался в комнату с покойником. Слуга выглядел встревоженным, как будто его что-то сильно испугало.

— Я надеюсь, вы составите мне компанию этой ночью, мистер Чалдейн, — сказал он. — Это страшное дежурство может оказаться опасным, и я прошу вас разделить его со мной. Но сэр Джон был бы благодарен вам, я уверен. Если у вас есть какое-нибудь оружие, будет хорошо, если вы его возьмёте.

Отказать слуге в его просьбе было невозможно, и я без колебаний согласился. Оружия у меня не было, и Харпер настоял на том, чтобы я взял один из его старинных револьверов.

— Послушайте, Харпер, — обратился я к нему, когда мы следовали по коридору к комнате сэра Джона, — скажите прямо, чего вы боитесь?

Он заметно вздрогнул от моего вопроса. Похоже, ему не слишком хотелось отвечать. Но уже миг спустя он, казалось, осознал, что откровенность будет более полезна, чем молчание.

— То существо в закрытой комнате, — прошеп-

тал старик. — Вы должны были его слышать, сэр. Мы заботились о нём, сэр Джон и я, все эти двадцать восемь лет, и мы всегда опасались, что оно может вырваться на свободу. Оно нас никогда особо не беспокоило, пока мы кормили его как следует. Но в последние три ночи оно повадилось царапать толстую дубовую стену между своей комнатой и спальней сэра Джона. Раньше оно такого не делало. Сэр Джон полагал, что существо чувствует скорую смерть хозяина, и жаждет добраться до его тела. Оно алчет ту еду, которую мы не могли ему дать. Вот почему этой ночью мы должны охранять покойного, мистер Чалдейн. Я молю бога, чтобы стена выдержала, но тварь царапает её без перерыва, точно демон. И мне не нравится гулкость звуков — похоже, что стена стала совсем тонкой.

Потрясённый подтверждением моих собственных чудовищных догадок, я не нашёл что возразить, поскольку любые комментарии тут были излишни. С открытым признанием Харпера ненормальность ситуации стала ещё более зловещей и опасной, а тени зла — более могущественными и угрожающими. Как хотел бы я избежать этого ночного дежурства, но увы — это было невыполнимо.

Звериное, дьявольское царапанье становилось всё громче и неистовей. Оно ворвалось в мои уши, когда мы проходили мимо запертой комнаты. Теперь я понимал причину того невыразимого страха, что побудил старого слугу попросить меня составить ему компанию. Звук был невыразимо тревожный, он жестоко действовал на нервы, с мрачной, жуткой настойчивостью указывая на дьявольский голод невидимого существа. Его неистовые колебания сделались ещё более явственными и омерзительными, когда мы вошли в комнату покойного.

В течение всего дня похорон я воздерживался от посещения этой комнаты, так как никогда не испытывал того болезненного любопытства, которое заставляет многих людей пристально рассматривать мёртвых. Таким образом, я увидел моего хозяина во второй и последний раз. Полностью одетый и приготовленный к погребальному костру, он лежал на холодной белой кровати, её узорный полог, похожий на вышитый гобелен был отдёрнут. Комнату освещали лишь несколько высоких свечей, стоявших на маленьком столе в причудливых, позеленевших от древности бронзовых канделябрах. Но этот колеблющийся мерцающий свет был настолько слаб, что не мог

разогнать печальные тени смерти в этой большой и мрачной комнате.

Вопреки своей воле я посмотрел на мёртвого хозяина, но быстро отвёл взгляд. Я был готов увидеть каменную бледность и строгость лица, но оно полностью изменилось. На нём застыло отвратительное выражение нечеловеческого испуга и ужаса, разъедавшего душу этого человека на протяжении всех этих адских лет, которые он тщательно скрывал от других случайных людей с поистине сверхчеловеческим самообладанием. Это открытие оказалось для меня столь болезненным, что я больше не мог смотреть на покойного. Казалось, что сэр Джон не умер, и всё ещё мучительно прислушивается к ужасающим звукам из соседней комнаты, которые, возможно, послужили причиной столь скорого наступления последнего приступа его недуга.

В комнате было несколько стульев. Думаю, что они, как и кровать, были изготовлены в семнадцатом веке. Мы с Харпером сели у столика, между постелью и, покрытой черными дубовыми панелями стеной, за которой слышалось непрестанное царапанье. В негласном молчании, с револьверами наготове, мы начали наше жуткое ночное бдение.

Пока мы сидели и ждали, я всё пытался представить себе облик это безымянного чудовища. В моей голове непрерывной хаотической чередой проносились бесформенные или полуоформившиеся образы кладбищенских кошмаров. Жестокое, несвойственное любопытство подталкивало меня расспросить Харпера, но я старался сдерживать себя могучим усилием воли. Со своей стороны, старик не выказывал желания говорить хоть что-либо. Покачивая головой, точно парализованный, он наблюдал за стеной, и глаза его блестели от ужаса.

Невозможно выразить словами то неестественное напряжение и жуткое ожидание зловещей неизвестности, в которых мы провели несколько последующих часов. Деревянная стена, должно быть, была очень толстой и прочной, способной выдержать атаку любого земного животного с когтями и зубами, но этот очевидный довод рушился на наших глазах. Скребущий звук продолжался бесконечно, он становился всё резче и ближе, с каждым мгновением усиливая мои лихорадочные фантазии. Время от времени я слышал тихое голодное поскуливание, похожее на собачье, словно хищный зверь почуял добычу за стеной и жаждет туда пролезть.

Никто из нас не высказал ни слова о том, что мы будем делать, если монстр вырвется наружу. Казалось, что между Харпером и мной образовалось молчаливое соглашение по этому вопросу. Однако в своём суеверии, которого раньше мне не доводилось за собой замечать, я рассчитывал, что существо окажется хоть в чём-то похожим на человека, а значит, будет уязвимо для обычных револьверных пуль. До какой степени в этом монстре проявлены черты его неведомого фантастического родителя? Я пытался уверить себя, что эти вопросы и размышления совершенно абсурдны, но они увлекали меня всё дальше, как соблазняет некоторых запретная бездна.

Ночь тянулась бесконечно, как тёмный медлительный поток, а высокие ритуальные свечи в позеленевших канделябрах уже догорели почти до конца. Лишь это обстоятельство давало мне представление о том, сколько прошло времени. Казалось, что я падаю в чёрную загробную яму, на дне которой ползают и копошатся ужасные слепые твари. Я уже почти привык к царапающему звуку, доносящемуся из-за деревянной панели. Он длился так долго, что увеличение его громкости и гулкости я посчитал обычной галлюцинацией. Финал нашего ночного бдения наступил резко,

без всякого предупреждения.

Внезапно, когда я, застыв, неподвижно смотрел на стену, прислушиваясь к звукам, до моего слуха донёсся резкий звук ломающегося дерева. В дубовой панели появилась узкая полоса, от которой отвалилась щепка. Не успел я собраться с мыслями от ужаса, как от стены под ударом какого-то тяжеловесного тела отвалился большой полукруглый кусок, развалившийся на множество частей.

Возможно, это было божьей милостью, что дальнейшие события почти стёрлись из моей памяти, и я не могу достаточно определённо вспомнить, что за адская тварь вылезла из дыры. Шок от увиденного и крайний ужас почти затмили все подробности. Остались лишь туманные, размытые образы огромного, белесоватого, безволосого тела, стоящего на четвереньках, с собачьими клыками на получеловеческом лице. На задних и передних конечностях, похожих на руки, были длинные когти, как у гиены. Появлению этой твари предшествовало жуткое зловоние, похожее на запах падали из берлоги животного, питающегося мертвечиной. Одним кошмарным прыжком существо пересекло комнату и напало на нас.

Я услышал отрывистый треск револьвера Харпера, такой резкий и мстительный в этой закрытой комнате, и всего лишь ржавый щелчок моего оружия. Возможно, мне попался слишком старый патрон, и револьвер дал осечку. Прежде чем я снова смог нажать на курок, меня с ужасающей силой швырнуло на пол, и я ударился головой о тяжелое основание стола. Чёрная завеса с бесчисленными огнями упала на меня и скрыла комнату из виду. Затем все огни погасли и осталась только темнота.

Медленно приходя в себя, я начал различать пламя и тени. Казалось, что пламя это становится всё более ярким, живым и ослепляющим. Вскоре мои притупившиеся чувства прояснились, и я различил едкий запах горящей ткани. Возвращающееся зрение явило мне очертания комнаты, и я обнаружил себя лежащим возле перевёрнутого стола. Взгляд мой был направлен на смертное ложе. Угасающие свечи были сброшены на пол. Пламя одной из них пожирало ковер рядом со мной, а другая свеча подожгла полог кровати, и огонь быстро распространялся вверх по большому балдахину. Пока я лежал, большие ярко-красные лохмотья горящей ткани упали на кровать в нескольких местах, и тело сэра Джона

Тремота окружило пламя.

Шатаясь, я кое-как поднялся на ноги и осмотрелся, ошеломлённый. Голова моя кружилась после падения, ввергшего меня в небытие. В комнате никого не было за исключением старого слуги, который лежал у двери и невнятно стонал. Сама дверь была распахнута, как будто некто или нечто выбежало наружу, пока я лежал без сознания. Я снова повернулся к кровати с инстинктивным полуоформившимся намерением потушить огонь. Пламя разрасталось быстро и поднималось высоко, но всё же не настолько, чтобы скрыть от моих измученных глаз руки и лицо, — если кто-то мог это так назвать — того, что было телом сэра Джона Тремота. О последнем, настигшем его ужасе я воздержусь рассказывать, и надеюсь, что мне больше не придется об этом вспоминать. Огонь спугнул чудовище слишком поздно…

Осталось рассказать совсем немного. Оглянувшись назад ещё раз, пошатываясь от заполнившего комнату дыма, с Харпером на руках, я увидел, что пылает уже вся кровать, а её навес полностью объят пламенем. Несчастный хозяин нашёл в своей комнате погребальный костер, к которому так долго стремился.

Уже почти рассвело, когда мы выбрались из обречённого особняка. Дождь прекратился, на небе остались лишь высокие мертвенно-серые тучи. Холодный воздух, казалось, немного оживил старого слугу. Ослабевший, он стоял рядом со мной, не произнося ни слова, и мы вместе наблюдали, как столб пламени прорвался через крышу Тремот-Холла, отбрасывая зловещие блики на неухоженную живую изгородь.

Пламенеющий рассвет и зловещий огонь пожара позволили нам заметить на земле получеловеческие чудовищные следы с отметинами длинных собачьих когтей, глубоко отпечатавшиеся в размокшей под дождём земле. Следы начинались от особняка и шли в сторону поросшего вереском холма, возвышавшегося позади нас.

Всё ещё ничего не говоря, мы пошли по следам. Почти не прерываясь, они привели нас с Харпером к входу в древние фамильные склепы, к тяжёлой железной двери, ведущей внутрь холма, скрывавшей за собой всех предков сэра Джона Тремота. Она была открыта, и мы заметили, что ржавая цепь и замок были сорваны с силой, превышающей силу любого человека или зверя. Вглядываясь внутрь, мы увидели глинистые

отпечатки следов на лестнице, которые уходили вниз, во тьму мавзолея. Обратных следов видно не было.

Мы оба были безоружны, наши револьверы остались в комнате покойного сэра Джона, но мы долго не колебались. У Харпера был большой запас спичек. Посмотрев по сторонам, я нашел сырое полено, которое могло послужить в качестве дубины. В угрюмой тишине, с молчаливой решительностью, забыв о всех опасностях, мы провели тщательный обыск почти бесконечных склепов, зажигая спичку за спичкой, продвигаясь сквозь заплесневелую тьму.

Дьявольские следы становились всё незаметнее, но мы продолжали идти по ним в чёрных глубинах. Однако мы не обнаружили ничего, кроме зловонной сырости и непотревоженной паутины на бесчисленных гробах с телами мертвецов. Тварь, которую мы искали, странным образом исчезла, как будто её поглотили стены подземелий.

Наконец, мы вернулись к выходу. Когда мы стояли с посеревшими и изможденными лицами, моргая от яркого дневного света, Харпер впервые заговорил медленным и дрожащим голосом:

— Много лет назад, вскоре после смерти леди

Агаты, сэр Джон и я обыскали все склепы из конца в конец, но не нашли ни единого следа того существа, о котором она говорила. Сейчас, как и тогда, бесполезно что-то искать. Есть тайны, которые по воле бога никогда не будут нам открыты. Мы знаем только, что отродье из склепа вернулось обратно. Пусть там и остаётся!

Тихо, с дрожащим сердцем, я повторил последние слова и пожелание Харпера.

Перевод: А. Черепанов
Редактура: В. Спринский

Кларк Эштон Смит, Лин Картер
Свиток Марлока

Clark Ashton Smith, Lin Carter «The Scroll of Morloc», 1975

Рассказ входит в межавторскую серию «Мифы Ктулху. Свободные продолжения». Написан по наброскам К. Э. Смита Лином Картером.

Шаман Йехемог, подавленный черствым отказом своих собратьев Вурмитов избрать его

главным жрецом, серьезно подумывал уйти из родовых нор примитивного мехового племени и уединиться в ледяных скалах севера — области, не посещаемой его робким, живущим под землей народцем.

Семь раз он предлагал свою кандидатуру на обладание заветным головным убором из черного огового дерева, завершавшимся легендарными суусимовыми перьями, и в седьмой раз старейшины несправедливо отказали ему в том, что он считал наградой, трижды заслуженной его благочестием и суровым аскетизмом. После моего исчезновения, клялся отверженный шаман, у них не будет восьмой возможности пренебречь именем Йехемога в вопросе о даровании странной иерархической власти, и уже не сомневался, что вскоре они раскаются в своем выборе жалкого святоши взамен единственного ревностного почитателя бога Вурмиша.

В доисторический период большинство племен Вурмитов обитало в норах, проложенных под непроходимыми дебрями горного полуострова Гипербореи, другое его название Мху Тулан. Их косматые полуживые предки воспитывались в рабстве у ощущающих человекозмей, чей первобытный континент был расколот на части

вулканическими сотрясениями и низвергнут в океаническую пучину одним или двумя зонами ранее. Спасаясь из рабских загонов своих прежних хозяев, теперь, к счастью, почти вымерших, прародители нынешних Вурмитов силой захватили эту территорию у совершенно деградировавших людоедских племен отталкивающего обличья и мерзких обычаев; немногие из них оставшиеся в живых были вытеснены на север и поселились на суровом, загроможденном ледниками Полярионе.

Позже количество Вурмитов необъяснимо сократилось, их военная доблесть выродилась до робости, угрюмые и мстительные потомки их древних врагов превратились в зловещий, многочисленный и своенравный народ. В те времена многие из Вурмитов нашли прибежище в подземных обителях, дававших им покой и защиту, и теперь меховые создания уже привыкли к укромной темноте и разлитому повсюду зловонию своих нор. Редко кто из них осмеливался выйти в верхний мир, ставший чужим под пронзительными тревожными просторами неба, освещенного нестерпимым сиянием враждебных солнц.

В размышлениях о судьбах своего племени

разгневанный шаман не забывал, конечно, о предстоящих опасностях. Этот особенный регион полуострова впоследствии назовут Фенкором, самой северной провинцией Мху Тулана. В те дни, на протяжении Эоценского периода, первые настоящие люди только начинали просачиваться в Гиперборею, покидая южные районы тропиков, где климат становился слишком жарким для них, и весь Фенкор был дикой необитаемой местностью, если не считать живших под землею Вурмитов. Не без риска, знал Йехемог, ему предстояло пересечь доисторические джунгли и зловонные топи молодого континента, любимые места обитания агатовогрудных варвенов и прожорливых котоплебов, если брать в расчет только наименее грозных хищников этих мест.

Однако, как любой доисторический человек, Йехемог имел навыки простейшего шаманства и колдовства. С этим оружием он чувствовал себя спокойно и намеревался достичь Фенкорианских Гор, где мог проводить дни в относительной безопасности.

Ведя подземный образ жизни — наверно, нужно это здесь отметить — Вурмиты только подражали своему нелепому божеству, которому поклонялись с ритуалами, могущими показаться нам

мерзкими и кровожадными. Как известно из мифов о вере Вурмитов, это божество, которое они называли Тзаттогуа, сделало себе жилище в лишенных света проходах, расположенных глубоко под землей, таким образом, их выбор пещерного способа существования являлся изначально символическим. Довольно рано в истории народа, Вурм Древнейший, мифологический прародитель расы, провозгласил доктрину, в которой утверждалось, что принятие на себя Вурмитами всецело подземного образа обитания дарует им в дальнейшем особую мистическую близость с их богом, который сам предпочел погрузиться в бездну под горой Н'каи на Юге, считавшейся сакральной у Вурмитов. Этот догмат преподобный Вурм обнародовал незадолго до своего ухода в глубокое ущелье, примыкающее к ранее упомянутой горе Н'каи, где он мог скоротать преклонные зоны вблизи объекта своего поклонения.

Старейшины рода единогласно высказали мнения об этом патриархе, как о непогрешимом, особенно в делах чисто прагматических, ибо боялись пойти вразрез с общественным верованием, согласно которому их верховный жрец и общий прародитель был рожден никем иным, как самим Тзаттогуа, во время его мимолетной

связи с второстепенным женским божеством по имени Шатак. С этим основным патриархальным учением старейшины рода отчасти запоздало согласились; повиноваться последней заповеди Духовного Учителя было, помимо прочего, разумной предосторожностью, если принять во внимание тот упадок, к которому они так недавно и так внезапно привели расу.

Приняв, таким образом, твердое решение о невозможности проживать впредь в сырых и зловонных порах своего рода, и будучи сторонником радикального изменения местожительства на головокружительные пики, вздымавшиеся вдоль северных границ Фенкора, шаман Йехемог обнаружил, что впадает в опасную ересь. Не в силах примирить свои личные склонности со всевозможными религиозными откровениями, наложенными мифологическим прародителем его расы, он вскоре начал безотчетно подвергать сомнению фактическую сущность учения, тенденция, которая привела в итоге к отрицанию его непогрешимости. Теперь, отвергнув, в сущности, ничего не стоящие верховные догматы, он, почитаемый раньше, как святой, перешел от самого одиозного состояния ереси в прискорбный и богохульный мир атеизма.

Вот как случилось, что разочарование скисло в горькое чувство обиды, обида нагноилась в зависть, и уже зависть ядовитым бичом подтачивала и терзала корни его веры, пока жалкие лоскуты его прежних убеждений не были полностью сожраны ею. Ничего теперь не осталось в сердце Йехемога, за исключением глухой пустоты, которая стала заполняться желчью самоедящей злобы и болезненного язвительного презрения ко всему, что он считал когда-то дорогим и священным. Именно это презрение нуждалось теперь в выражении, в диком жесте предельного оскорбления, рассчитанном на то, чтобы ввергнуть старших собратьев в шоковое оцепенение и ужас. Йехемог желал размахивать своим новоприобретенным атеизмом, как вонючей тряпкой перед набожными рылами отцов рода.

Для начала он определил порядок действий, подходящий для его целей: сначала проникнуть в святилище Тзаттогуы и похитить оттуда свиток с описаниями неких ритуалов, относившихся к высочайшим ступеням религиозного отвращения для членов его веры. Документ был частью добычи, принесенной его победоносными предками с полей сражений против

омерзительной расы, которая населяла регион во времена вторжения дикарей Вурмитов в Мху Тулан. Считалось, что пергамент хранит темнейшие секреты колдовства ненавистных Гнофексов, это имя принадлежало косматым антропофагам, которых предки Йехемога обрекли на арктическое изгнание. Но на самом деле он содержал таинственные и могущественные обряды, с помощью которых Гнофексы поклонялись своему жестокосердному божеству, ни больше ни меньше как земному воплощению космической непристойности Рхан-Тегозу. В те времена оно приписывалось Марлоку, Великому Шаману.

Сами Вурмиты из своих давних малоубедительных источников считали себя избранным народом Тзаттогуы, единственного божества, которого они почитали. Тзаттогуа был земной стихией, состоявшей в непримиримой вражде с Рхан-Тегозом и всем его войском, которые относились, в принципе, к стихии воздуха и презирались такими Древними Сущностями, как Тзаттогуа, он не любил воздушной пустоты над миром и предпочитал ей мрак подземного логова. Та же обоюдная и непримиримая враждебность существовала между расами, которые были слугами Тзаттогуа (среди них Вурмиты выделя-

лись особым усердием), и теми, кто поклонялся воплощению космической непристойности Рхан-Тегозу (к ним принадлежали нездоровые людоеды Гнофексы). Таким образом, похищение свитка Марлока повергло бы Вурмитов в панику, предчувствие ужаса, с каким они будут смотреть на эту пропажу, вызывало в Йехемоге приятную дрожь ожидания.

Свиток тысячелетиями хранился в святая святых Тзаттогуа, вложенный в сосуд из мамонтового бивня. Положение свитка символизировало триумф Вурмитов над врагом. Чтобы украсть пергамент, прежде чем покинуть грязные смрадные норы, где он провел невосполнимые века своей молодости, Йехемог должен был в силу необходимости первым переступить порог святыни.

Для шамана, только окончившего период ученичества, столетие или два назад, нарушить неописуемую святость запретного неприкосновенного места являлось проступком величайшей суровости. Одним своим присутствием Йехемог уже осквернял обитель, и этот акт поругания он совершил под холодным испытующим взглядом всемогущего Тзаттогуы, ибо там, помещенная навеки, стояла самая древняя статуя бога, объект всеобщего почитания и поклонения.

Сама по себе мысль о вторжении в священное место для свершения подлого и презренного действия кражи со взломом в устрашающем присутствии божества, которому Йехемог когда-то поклонялся со столь чрезмерными усилиями, была огорашивающей. Однако, к счастью, для внутренней ясности Йехемога рвение, с каким он принял свой новоприобретенный атеизм, значительно превосходило пыл его прежней религиозной преданности. Иконоборчество закалило его сердце до несокрушимого окоченения, что презирая свои ранние безрассудства, Йехемог разуверился теперь во всех земных и сверхъестественных сущностях больше, чем раньше в них верил. Объект поклонения был только куском сработанного камня, думал он про себя, архимятежник Йехемог не боится изделий из камня!

Однажды ночью вероломный и атеистический Йехемог забрался в глубочайшую и сокровеннейшую святыню, посвященную Тзаттогуе, предварительно навеяв сон на евнухов, поставленных охранять неприкосновенность места. Их тучные тела развалились на мозаичном полу перед блестящим пологом, скрывавшим внутренние пределы от случайного осквернения нечестивым глазом, и Йехемог, крадучись,

прошел мимо них на босых трехпалых ногах. За блестящей тканью его глазам открылась комната, лишенная украшений. Она была пуста, если не считать идола, который являл собой изображение жирного, непотребного, похожего на жабу божества. Привыкший к неотесанным идолам, вырезанным из ноздреватой лавы неумелыми руками своих соплеменников, шаман изумился мастерству, с каким неизвестный скульптор сделал изваяние из твердого и хрупкого обсидиана. Он восхищался непревзойденным искусством забытого художника, который облек приземистую жирную фигуру бога подобием гладких волос и свел воедино в его чертах все признаки жабы, летучей мыши и ленивца. Громоздкое божество было изображено с полуприкрытыми сонными глазами, которые, казалось, светились холодной ленивой злобой; безгубый разверстый оскал рта вызвал у Йехемога мысль об улыбке, хотя он больше напоминал жесткую и злорадствующую усмешку.

Его недавнее презрение к подобным существам поблекло, сменившись предательской дрожью. Мгновение он колебался, почти напуганный неестественным, словно живым видом идола, который, казалось, мог вот-вот пошевелиться и

обнаружить бдительность и вполне реальную сущность. Но момент прошел без каких-либо оживлений, и тогда насмешка и отрицание всего наземного поднялись внутри него, устроившись в своей слепой уверенности.

Настало время окончательного осквернения: теперь Йехемог метафорически отрекся от прежних убеждений и похитил из-под ног божественно святого образа его главное сокровище, пергамент, где хранились дьявольские секреты древних Гнофексов. Собравшись с духом атеистических доктрин, отбросив последние остатки суеверного ужаса, испытываемого им когда-либо к божеству, Йехемог опустился на колени, взломал печать сосуда из мамонтового бивня и извлек драгоценный свиток.

В последующее мгновение ничего абсолютно не случилось. Черная блестящая статуя оставалась неподвижной; она не шевелилась, не карала Йехемога молнией или внезапной атакой проказы. Волна облегчения коснулась его волосатой груди; он замер в ликующем исступлении. Но в следующий миг Иехемогу стало грустно, ибо только сейчас он понял степень порочной мистификации, какую хранители культа учинили над ним. Так вводить в заблуждение невинных юнцов

Вурмитов, что их самым заветным стремлением становилась мечта о головном уборе иерофанта, было действием изысканнейше извращенного порядка, и мысль об этом возбудила в нем страсть осквернить и поругать, с невиданной доселе силой богохульства эти священные пределы.

Перед тем, как покинуть навеки сырые и грязные норы для поисков новой уединенной жизни среди болотных миазмов и саговниковых джунглей верхней земли, он решил совершить поругание, столь непоправимое, чтобы испачкать, развратить и растлить на все времена, которые придут в цитадель этой лживой и жестоко увековеченной религии. В каждой своей лапе Йехемог держал истинное орудие триумфального мщения, оскверняя храм Тзаттогуы, если только не распевать перед его древним изваянием, внутри его самого священного места, отвратительные литургии, которые прежде служили врагам его любимого народа для прославления их непристойного зверского божества, его противника?

Искаженное яростью лицо, клокотавшей в нем, Йехемог развернул древний пергамент и, напрягая маленькие глазки, принялся читать письмена. Ему удалось установить их значения. Черное знание Гнофексов сводилось, в сущности,

к прославлению и задабриванию их скверного божества. Несколько раньше шаман нашел ритуал заклинательного культа, показавшийся ему исключительно обидным для Тзаттогуы и его самообманывающихся слуг. Ритуал начинался резкой диковинной фразой: «УЗА-ЙЕИ! УЗА-ИЕИ! Й'КАА ХАА БХО-ИИ», — и заканчивался серией безумных продолжительных завываний Вурмитов. Однако стоило Йехемогу прочесть литургические формулы вслух, как он заметил легкость произношения. К концу ритуала шаман обнаружил, что его голос, глухой и дребезжащий, достиг необычайной и даже беспокойной музыкальности, а маленькие уши начали расти и теперь были не лишены сходства с хлопающими ушами уродов Гнофексов. Глаза также претерпели изменения и, казалось, вылезали из орбит…

Закончив последнее бесконечное завывание, шаман бросил Свиток Марлока. Он с ужасом рассматривал себя. Его гладкая миловидная кожа исчезла, взамен нее появилась густая поросль всклокоченных волос. Рыло, помимо прочего, расширилось и вышло за пределы, считавшиеся красивыми у Вурмитов, и превратилось в голое хоботное образование. Йехемог истошно завыл, ибо понял, охваченный леденящей душу

паникой, что слова, призывающие поклоняться, как Гнофекс, имеют при определенных обстоятельствах значение совершенно буквальное. И когда отвратительные крики шамана подняли из заколдованной дремоты грубых тяжеловесных евнухов, и те ввалились с шумом за блестящий занавес, чтобы обнаружить прокравшегося тайком Гнофекса, корчившегося на грязном волосатом брюхе, издавая кулдыкающие звуки перед улыбчивыми, загадочными и лениво-злобными глазами Тзаттогуы, они отправили вонючего гостя на тот свет. Один из них замешкался с такой анатомической подробностью, отчего наиболее подверженные тошноте читатели будут благодарны за то, что я сдерживаю своё перо от натурального описания.

Перевод: К. Пилоян

Брюс Стерлинг
Непредставимое

Bruce Sterling «The Unthinkable», 1991

Еще со времен переговоров по вопросам стратегического вооружения в начале семидесятых

политикой Советов стало проведение переговоров в собственных апартаментах — причиной, как подозревали американцы, был страх перед новой, ранее неизвестной техникой подслушивания.

Избушка Бабы-Яги, где размещалась штаб-квартира д-ра Цыганова, присела на краешке по-швейцарски тщательно подстриженной лужайки. Д-р Элвуд Даути зажал в руке карты и посмотрел в окно избушки. Немного выше подоконника торчало громадное чешуйчатое колено одной из шести гигантских курьих ног — чудовищная узловатая конечность в обхват толщиной. Как раз в этот момент курье колено согнулось, избушка под ними покачнулась, и затем под скрип бревен и шорох соломенной крыши вновь приняла прежнее положение.

Цыганов сбросил карту, взял еще две из колоды и принялся их изучать, пощипывая профессионально неухоженными руками с грязью под ногтями редкую бородку; его голубые глаза хитро поглядывали из-под сальных прядей длинных седеющих волос.

К своему приятному удивлению, Даути удалось собрать полную масть Жезлов. Изящным движением он выдернул из кучки банкнот две

десятидолларовые бумажки и обронил их на стол подле себя.

Взглядом, полным славянского фатализма, Цыганов смерил свой истощающийся запас твердой валюты. Затем что-то проворчал, почесался и бросил карты на стол лицом вверх. Смерть. Башня. Двойка, тройка, пятерка Денариев[243].

— Может, в шахматы? — предложил Цыганов, поднимаясь.

— В другой раз, — отозвался Даути. Хотя, из соображений безопасности, он не добивался официального признания в шахматном мире, фактически Даути достиг совершенства в шахматной стратегии, особенно проявлявшегося под конец игры. Когда-то в знаменитых своей длительностью марафонских переговорах 83-го года они с Цыгановым поразили своих военных коллег турниром, который начался экспромтом, однако продлился почти четыре месяца, в то время как делегация ожидала (и напрасно) какого-либо сдвига в зашедших в тупик переговорах о контроле над вооружениями. Даути не смог переиграть поистине одаренного Цыганова, но зато ему удалось проникнуть в ход мыслей своего

---

[243] Примечания: 243
Перечисляются названия карт для игры в Таро.

соперника.

Однако, главным образом, Даути испытывал смутное отвращение к хваленым шахматам Цыганова, где вместо черных с белыми сражались красные, как во времена гражданской войны в России. Атакуемые слонами-комиссарами и казаками, маленькие механические пешки издавали слабый, но довольно жуткий мученический писк.

— В другой раз? — пробормотал Цыганов, открывая небольшой шкафчик и вынимая бутылку «Столичной». Внутри холодильника маленький перетрудившийся морозильный демон сердито глянул из своего заточения среди спиралей и злобно выдохнул порцию густого, холодного тумана. — Другого раза может и не оказаться, Элвуд.

— Мне ли не знать. — Даути заметил, что экспортная этикетка на бутылке русской водки была напечатана по-английски. Было время, когда Даути побоялся бы пить у русских. Отрава в бокале. Губительное зелье. Это время уже вспоминалось с удивлением.

— Я имею в виду, что скоро нашей деятельности настанет конец. История продолжается. Все это, — Цыганов взмахнул своей мускулистой

рукой так, будто хотел охватить не одну Женеву, а целое человечество, — станет всего лишь историческим эпизодом, не более.

— Я готов к этому, — мужественно заявил Даути. Водка расплескалась по стенкам его рюмки, стекая холодными, маслянистыми струйками. — Мне никогда не нравилась такая жизнь, Иван.

— Неужели?

— Все, что я делал, я делал из чувства долга.

— А, — улыбнулся Цыганов. — И уж, конечно, не ради командировочных?

— Я отправляюсь домой, — сказал Даути. — Навсегда. В окрестностях Форт Уэрта есть одно место, где я собираюсь выращивать скот.

— Обратно в Техас? — казалось, Цыганова это известие развеселило. — Главный теоретик стратегических вооружений становится фермером, Элвуд? Да вы второй римский Цинциннат[244]!

Даути пил водку небольшими глотками, вглядываясь в развешанные по грубым бревенчатым стенам выполненные в духе соцреализма позолоченные иконы. Он подумал о своем собственном офисе, расположенном в подвале Пентагона.

---

[244] Примечания: 244

Цинимннат — римский патриций, консул (460 до н. э.), диктатор (458 и 459). Согласно преданию, был образцом скромности и верности гражданском долгу.

Относительно просторном, хотя и низковатом, по подвальным стандартам. Уютно обитом коврами. Отстоящем всего на несколько ярдов от могущественнейших в мире центров военной власти. Совсем рядом министр Обороны. Объединенный комитет начальников штабов. Министры Сухопутных войск, ВМС и ВВС. Начальник Оборонных исследований и Некромантии. Лагуна, Потомак, Мемориал Джефферсона. Вспомнил розовый отблеск рассвета на куполе Капитолия после бессонной ночи. Будет ли ему недоставать всего этого? Нет.

— Вашингтон — неподходящее место для воспитания ребенка.

— А-а. — Цыганов приподнял брови. — Я слышал, вы наконец женились. — Конечно же, он читал досье Даути. — А ваш ребенок, Элвуд, с ним все в порядке, он крепок и здоров?

Даути ничего не ответил. Было бы трудно скрыть нотки гордости в голосе. Вместо этого он открыл бумажник из кожи василиска и показал русскому портрет своей жены с новорожденным сыном. Цыганов откинул с глаз волосы и рассмотрел фотографию повнимательнее.

— А, — сказал он. — Мальчик очень похож на вас.

— Возможно, — ответил Даути.

— У вашей жены, — вежливо заметил Цыганов, — очень привлекательная внешность.

— В девичестве Джэйн Сейджел. Служащая Сенатского Комитета по международным отношениям.

— Понимаю. Оборонная интеллигенция?

— Она опубликовала книгу «Корея и теория ограниченной войны». Считается одной из первых работ по данной проблематике.

— Должно быть, она станет замечательной мамочкой. — Цыганов залпом выпил свою водку, жадно закусил коркой черного хлеба. — Мой сын уже совсем взрослый. Пишет для «Литературной газеты». Вы видели его статью по вопросу иракского вооружения? О кое-каких недавних очень серьезных разработках, касающихся исламских демонов.

— Я бы непременно ее прочел, — ответил Даути. — Но я выхожу из игры, Иван. К тому же, дела плохи. — Холодная водка ударила ему в голову. Он коротко рассмеялся. — Они собираются прикрыть нас в Штатах. Отобрать средства. Обчистить до костей. «Мир поделен». Мы все сгинем.

Как Макартур[245]. Как Роберт Оппенгеймер[246].

— «Я есмь Смерть, Разрушитель миров», — процитировал Цыганов.

— Да-а, — Даути задумался. — Бедняга Оппи плохо кончил, после того как заделался Смертью.

Цыганов сосредоточился на своих ногтях.

— Думаете, будут чистки?

— Прошу прощенья?

— Я слышал, граждане штата Юта подали в суд на ваше федеральное правительство. По поводу испытаний, которые проводились сорок лет назад…

— А, — перебил его Даути, — вы имеете в виду тех двухголовых овец… На старых полигонах еще до сих пор стелются ночные тени и раздаются стоны банши. Где-то в Скалистых горах… Неподходящее место для прогулок в полнолуние. — Он содрогнулся. — Но «чистки»? Нет. У нас действу-

---

[245] Примечания: 245

Макартур, Дуглас (1880–1964) — американский генерал армии. Участник Второй мировой войны, командовал оккупационными войсками в Японии, руководил операциями американских вооруженных сил в Корее.

[246] Примечания: 246

Оппенгеймер, Роберт (1904–1967) — американский физик. Руководил созданием американской атомной бомбы. Противник создания водородной бомбы В 1953 обвинен в «нелояльности», и лишен допуска к секретным сведениям.

ют другими методами.

— Вы бы посмотрели на овец неподалеку от Чернобыля.

— «Полынь горькая», — в свою очередь, процитировал Даут.

— Ни один «акт долга», не остается без воздаяния, — Цыганов открыл консервы с какой-то черной рыбой, пахнувшей наподобие пряной копченой сельди. — А как насчет Непредставимого? Какую цену пришлось заплатить в этом случае?

Голос Даути прозвучал ровно, без тени иронии.

— Мы готовы нести любое бремя, сражаясь во имя свободы.

— А вот это, возможно, не лучшее в ряду ваших американских ценностей. — Трезубой вилкой Цыганов выудил из банки ломтик рыбы. — Осмелиться вступить в контакт с совершенно чуждым порождением бездны между мирами… Сверхдемоническим полубогом, сама пространственная структура которого противоречит всякому здравому смыслу… Этим Созданием безымянных времен и непостижимых измерений… — Цыганов промокнул губы и бороду салфеткой. — Этим ужасным Сиянием, бурлящим и бесчинствующим в самом центре бесконечности.

— Вы слишком сентиментальны, — возразил Даути, — мы должны вспомнить те исторические обстоятельства, в которых было принято решение создать Бомбу Азатот. Японских великанов Маджина и Годжиру, крушивших Азию. Бескрайние эскадроны нацистских Джаггернаутов[247], громивших Европу… А также их подводных левиафанов, охотившихся за морскими судами…

— Вы когда-нибудь видели современного левиафана, Элвуд?

— Да, одного… когда он кормился. На базе в Сан-Диего. — Даути помнил его с ужасающей отчетливостью — огромное водное чудовище с плавниками; в поросших морскими желудями углублениях на его бочкообразной брюхе дремали отвратительные тощие духи с крыльями летучей мыши.

А по команде из Вашингтона пробудились бы низшие демоны, вырвались из чрева, взметнулись в небо и понеслись бы с ураганной скоростью и неумолимой точностью к указанным целям. В своих когтях они сжимали бы заклятия под тремя печатями, способные на несколько ужасных микросекунд распахнуть врата между вселенными. И

[247] Примечания: 247

Джаггернаут — в индийской мифологии одно из воплощений бога Вишну.

тогда в мгновенье ока хлынуло бы Сияние Азатота. И на что бы оно ни пало, где бы ни коснулся его луч земного вещества, повсюду Земля начала бы корчиться в непредставимых муках. И сама пыль от взрыва покрыла бы все неземным налетом.

— Вы присутствовали при испытаниях той бомбы, Элвуд?

— Только при подземных. Воздушные испытания проводились задолго до меня…

— А как насчет отходов, Элвуд? Из-под стен десятков ядерных станций.

— С ними мы разберемся. Запустим их в космическую бездну, если нужно будет. — Даути с трудом скрывал своё раздражение. — К чему вы клоните?

— Трудно оставаться спокойным, друг мой. Я боюсь, что мы зашли чересчур далеко. Мы с вами были ответственными людьми. В своих трудах мы следовали распоряжениям осознающего ответственность руководства. Прошло пятьдесят долгих лет, и ни разу Непредставимое не сорвалось с цепи по безрассудству. Мы потревожили Вечность ради своих преходящих целей. Но что наши жалкие пятьдесят лет перед вечностью Старших Богов? Мы думаем, что теперь нам удастся отказаться от неразумного применения

этого ужасного знания. Но очистимся ли мы когда-нибудь?

— Это задача следующего поколения. Сделав все, что в моих силах, силах смертного, я смирился.

— Не думаю, чтобы это можно было просто так взять и бросить. Слишком близко мы подошли. Мы прожили слишком долго в его тени, и оно затронуло наши души.

— Мой долг исполнен, — настаивал Даути, — до конца. Я устал от бремени. Устал от попыток осмыслить происходящее, представить грядущие кошмары, постоянно бороться со страхом и искушением, превосходящими пределы представимого. Я заработал свой отдых, Иван. И у меня есть право на человеческую жизнь.

— Непредставимое коснулось вас. Ведь от этого вы не сможете отмахнуться?

— Я профессионал, — ответил Даути. — Я всегда предпринимал необходимые меры предосторожности. Меня осматривали лучшие военные доктора-заклинатели духов… Я чист.

— Разве это можно знать наверняка?

— Они лучшие из наших специалистов; я верю в их заключение… Если я снова обнаружу тень в своей жизни, то отброшу ее прочь. Отсеку. По-

верьте мне, я знаю вкус и запах Непредставимого — он больше никогда не найдет места в моей жизни…

Из правого кармана брюк Даути раздался мелодичный перезвон. Цыганов прищурился, затем продолжил:

— А что если оно обнаружится совсем рядом с вами?

Карман Даути снова зазвенел. Американец рассеянно встал.

— Вы знаете меня много лет, Иван, — проговорил он, опуская руку в карман. — Конечно, мы смертны, но мы всегда были готовы предпринять необходимые меры. Всегда. Неважно, какой ценой.

Даут извлек из кармана большей шелковый квадрат с изображением пентаграммы и размашистым жестом расстелил его перед собой.

Цыганов был поражен.

— Что это?

— Портативный телефон, — ответил Даути. — Модная безделушка… Я теперь постоянно ношу его с собой.

Цыганов возмутился.

— Вы принесли телефон ко мне в дом?

— Черт, — воскликнул Даути с неподдельным

раскаяньем. — Простите меня, Иван. Я действительно забыл, что у меня с собой эта штука. Послушайте, я не стану отвечать отсюда. Выйду наружу. — Он открыл дверь, спустился по деревянной лестнице на траву, залитую швейцарским солнцем.

Позади него избушка Цыганова поднялась на своих чудовищных курьих ногах и важно удалилась, раскачиваясь, — как показалось Даути, с чувством оскорбленного достоинства. В отдаляющемся окне он увидел, что Цыганов украдкой подглядывает, не в силах подавить своё любопытство. Портативные телефоны. Еще одно достижение изобретательного Запада.

Даути разгладил звенящий шелк на железном столике посреди лужайки и пробормотал Заклинание. Над вытканной пентаграммой поднялось искрящееся изображение его жены по грудь.

С первого взгляда он тотчас догадался, что новости плохи.

— В чем дело, Джейн?

— Наш Томми, — произнесла она.

— Что случилось?

— О, — бодро отрапортовала она, — ничего. Ничего заметного. Но лабораторные исследования дали положительный результат. Заклинатели

— они говорят, он помечен.

В одно мгновенье самые фундаментальные основы жизни Даути беззвучно раскололись и разошлись.

— Помечен — повторил он опустошенно. — Да… я слышу тебя, дорогая…

— Они пришли в дом и осмотрели его. Они говорят, что он чудовище.

На этот раз его охватила злоба.

— Чудовище. Откуда им знать? Это всего лишь четырехмесячный ребенок! Как, черт побери, они могут установить, что он чудовище? Что они вообще, черт подери, знают? Эта шайка зашоренных докторов-чернокнижников…

Теперь его жена открыто рыдала.

— Знаешь, Элвуд, что они порекомендовали… чтобы мы сделали?

— Но мы же ведь не можем взять… и бросить его, — с трудом выговорил Даути. — Он наш сын.

Тут он остановился, перевел дыхание и посмотрел вокруг. Аккуратно подстриженные лужайки, солнце, деревья. Весь мир. Будущее. Мимо пролетела птичка.

— Погоди, давай подумаем, — сказал он. — Давай все хорошо обдумаем. Вообще, насколько он чудовищен?

Перевод: Э. Дейнека

Чарльз Стросс
Очень холодная война

Charles Stross «A Colder War», 2000

Аналитик

Роджер Йоргенсен откидывается в кресле и вновь принимается за чтение.

Роджер — блондин примерно тридцати пяти лет от роду. Коротко стриженые волосы, кожа бледная, давно не видевшая солнечного цвета. Очки, белая рубашка с коротким рукавом, галстук, на шее на цепочке висит бэджик с фотографией. Роджер работает в кабинете, где нет окон, а воздух идёт из кондиционера.

Дело, которое он читает, пугает его.

Когда-то давно, ещё в детстве, отец Роджера взял его с собой на день открытых дверей на авиабазе Неллис, глубоко в невадской пустыне. Ярко светило солнце, отражаясь от полированных серебристых самолётных боков, огромные

бомбардировщики сидели в своих бетонных отсеках, отгороженные барьерами и под неусыпным надзором датчиков радиации. С трубок Пито свисали яркие вымпелы и трепетали на ветру, придавая самолётам необычный, почти праздничный вид. Но за этим образом таился кошмар — стоило разбудить атомный бомбардировщик, и в радиусе полутора километров никому, кроме его команды, не удастся выжить.

Тогда, глядя на блестящие, круглобокие контейнеры, подвешенные под крыльями, Роджер ощутил предчувствие того пламени, которое таилось за металлическим корпусом, липкий ужас, который отдавался в душе эхом сирены воздушной тревоги. Он нервно лизал мороженое и крепко держался за отцовскую руку. Оркестр наяривал бодрую мелодию Сузы, но страх Роджера развеялся только когда над его головой воздух вспороли крылья звена F-105, заставив все стёкла на несколько километров вокруг содрогаться.

Теперь, повзрослев и читая донесение разведки, он испытывал то же самое, что и в тот летний день, когда впервые увидел бомбардировщики на атомном ходу, затаившиеся в бетонных логовах.

К папке приложена размытая фотография, сделанная осенью 1961 года пролетавшим в вышине

U-2. Три озера в форме вытянутых восьмиугольников мрачно блестели под полярным солнцем. На запад, в самое сердце советской страны, уходил канал, огороженный знаками трилистника и надёжно охраняемый. Омуты насыщенной солями кальция воды, бетонные гидротехнические перемычки, обшитые золотом и свинцом. Спящий великан, нацеленный на НАТО, страшнее любого ядерного оружия.

Проект «Кощей».

На Красной Площади

Внимание

Данный инструктаж относится к категории «Секретно», по коду «ЗЛАТО — ИЮЛЬ — БАБАЙ». Если у вас нет допуска по коду «ЗЛАТО — ИЮЛЬ — БАБАЙ», *немедленно* покиньте помещение и доложите куратору своего подразделения. Нарушение режима секретности карается тюремным заключением.

У вас есть шестьдесят секунд, чтобы покинуть помещение.

Видеозапись

Красная площадь, весна. Небо чистое и пронзительно-синее, на высоте виднеются перистые

облака. Превосходный фон для пролёта множества звеньев бомбардировщиков с четырьмя двигателями, которые с грохотом проносятся за головой и исчезают за высокими стенами Кремля.

Диктор

Красная Площадь, парад, посвящённый Дню Победы, 1962 год. Советский Союз впервые демонстрирует вооружение, засекреченное по коду «ЗЛАТО — ИЮЛЬ — БАБАЙ». Вот оно:

Видеозапись

Тот же день, чуть позже. По площади марширует нескончаемый поток солдат и бронетехники. Воздух сизый от дизельного дыма. Едут грузовики, по восемь ряд, в кузовах, выпрямившись, сидят солдаты. За грузовиками движется батальон Т-56, в люках стоят командиры и отдают воинское приветствие принимающим парад. В небе низко летят, ревя двигателями, истребители МиГ-17.

За танками тянутся четыре низкорамных тягача — огромные тракторы тянут за собой приземистые платформы, груз на которых затянут брезентом. Груз этот выглядит неровным, он похож на батон хлеба размером с небольшой дом. Слева и справа от тягачей — эскорт из вездеходов,

в пассажирских отделениях сидят навытяжку солдаты.

На брезентовых чехлах серебряной краской нарисованы контуры пятиконечных звёзд. Каждая звезда обведена стилизованным серебряным кругом — возможно, опознавательный знак подразделения, но не такой, какие приняты в Красной Армии. Круг обрамляет какая-то надпись, выполненная странным стилизованным шрифтом.

Диктор

Это — живые служители под временным управлением. На тягачах нарисована эмблема второй бригады инженерных войск — это штрафное подразделение, дислоцированное в Бухаре. Они выполняют задания по строительству объектов, относящихся к ядерным установкам в Украине и Азербайджане. Впервые в истории страна Дрезденского Соглашения открыто, пусть и не до конца, демонстрирует, что владеет этой технологией; предполагается, что мы сделаем вывод, что в каждой бригаде инженерных войск имеется четыре таких единицы. С учётом боевого состава и дислокации войск СССР можно предположить, что всего у них имеется двести восемьдесят восемь служителей, если данная бригада не явля-

ется исключением.

Видеозапись

Четыре гигантских бомбардировщика Ту-95 сотрясают воздух над Москвой.

Диктор

Истинность этого вывода сомнительна. Например, в 1964 году бомбардировщики Ту-95 пролетели над Мавзолеем двести сорок раз. Однако, технические средства разведки на тот момент сообщали о том, что к вылету в ВВС СССР готовы всего сто шестьдесят таких бомбардировщиков, а общее число произведённых фюзеляжей, согласно фотографиям, сделанным в КБ Туполева составляет от шестидесяти до ста восьмидесяти экземпляров.

Дальнейший анализ фотоснимков, сделанных на параде Победы указывает на то, что четыре звена по пять бомбардировщиков несколько раз пролетали над одним и тем же местом, совершая затем круговой облёт за пределами видимости из Москвы. В итоге в отчёте о военной мощи СССР потенциал для нанесения первого удара был завышена как минимум на триста процентов.

Следовательно, при оценке военной мощи СССР на основании того, что они демонстрируют на Красной Площади, следует проявлять скепти-

ческий подход. Вероятно, кроме этих четырёх служителей у них ничего нет. Опять же, сила данного подразделения может оказаться значительно выше.

Слайды

Снимок сделан с очень большой высоты, возможно даже с орбиты. Изображено небольшое село в гористой местности. В тени скалы ютятся несколько хижин, рядом — пастбище, где пасутся козы.

На втором снимке видно, что через село что-то прокатилось, оставив за собой сплошные разрушения. Ландшафт выглядит так, словно его долгое время утюжила артиллерия; по каменистому плато пролегает гладкая полоса четырёхметровой ширины, словно выжженная чудовищным жаром. Угол одной из хижин покосился, другая половина хижины срезана начисто. В полосе блестят белые кости, однако стервятники не спускаются глодать падаль.

Диктор

Данные снимки были сделаны несколько дней назад, двумя проходами спутника КН-11 по орбите. Временной интервал между снимками составляет ровно восемьдесят девять минут. Этот населённый пункт был родным селом известного

лидера моджахедов. Сравните след с грузом на тягачах на параде 1962 года.

Имеются следующие признаки применения служителей вооружёнными силами СССР в Афганистане: ширина колеи поглощения составляет четыре метра, вся органика на их пути разложилась на молекулы. Время, затраченное на боевые действия не превышает пяти тысяч секунд, выживших нет, а причинный фактор был снят уже к моменту второго прохода спутника по орбите. Противник при этом был вооружён тяжёлыми пулемётами ДШК, ручными противотанковыми гранатомётами и автоматами АК-47. Также следует отметить, что причинный фактор, судя по косвенным признакам, ни разу не отклонился от своего пути, но всё живое в области применения было уничтожено. За исключением лишённых плоти останков нет признаков того, что эта местность была обитаема.

Все эти признаки однозначно указывают на то, что Советский Союз нарушил Дрезденское соглашение, применив ЗЛАТО — ИЮЛЬ — БАБАЙ как средство ведения войны в Хайберском проходе. Нет оснований полагать, что бронетанковая дивизия войск НАТО справилась бы лучше, чем эти моджахеды, без ядерной поддержки…

Дворец Загадок

Роджер — не солдат. И патриот из него тоже не особенный — он подписал контракт с ЦРУ сразу же, как получил диплом, в начале семидесятых, когда ещё не отгремели разоблачения, предшествовавшие созданию Комиссии Чёрча. Разведка завязала с убийствами, стала обычной бюрократической машиной и штамповала отчёты по национальной безопасности. Роджер не имел ничего против. Но прошло пять лет, и он уже не может отстранённо ехать наравне с этой машиной, под горку, на нейтралке, к выслуге лет, пенсии и золотым часам. Роджер кладёт папку на стол и трясущимися руками достаёт запрещённую сигарету из пачки, которую прячет в ящике стола. Он зажигает сигарету и ненадолго откидывается, чтобы затянуться и расслабить мозг. Дым клубится в беспощадном свете ламп. Затяжка, ещё и ещё — пока руки, наконец, не перестают трястись.

Большинство людей думают, что шпионы боятся пуль, убийц из КГБ или колючей проволоки, но самое опасное, с чем им приходится сталкиваться — бумага. Бумаги — носитель секретов.

Бумаги могут оказаться смертным приговором. Бумаги вроде этой, с размытыми фотографиями ракет восемнадцатилетней давности, графиками числа выживших по отношению ко времени и оценками распространения психозов, доводят до ночных кошмаров и заставят с криком просыпаться ночью в холодном поту. Это — одна из бумаг высочайшей секретности, которые он систематизирует для Совета по Национальной Безопасности и Избранного Президента — если, конечно, одобрит начальник отдела и замдиректора ЦРУ — и вот, ему приходится успокаивать нервы сигаретой, чтобы заставить себя перевернуть страницу.

Проходит несколько минут, и рука Роджера больше не дрожит. Он кладёт сигарету в угол пепельницы с головой орла и снова берётся за отчёт разведки. Это — компиляция, выжимка из тысяч страниц и сотен фотографий. В ней нет и двадцати страниц; в 1963 году, когда этот отчёт готовили, в ЦРУ почти ничего не знали о проекте «Кощей». Только самые общие данные и слухи от шпиона в самой верхушке. И, конечно, их собственные наработки в том же направлении. В этой гонке СССР выбился в лидеры, и ВВС США вывели на взлётную полосу белых слонов

с серебряными боками, проект НБ-39. Двадцать бомбардировщиков, работающих на ядерном реакторе, с ХК-ПЛУТОН в бомболюках, готовых нанести удар по проекту «Кощей», если красные решат открыть бункер. Три сотни мегатонн ядерных бомб, нацеленных в одну точку, и никто не был уверен, что этого хватит.

А ведь было ещё это фиаско в Антарктике, которое не удалось замять. Как мокрой тряпкой по лицу — подземные ядерные испытания на международной территории! Этого, как минимум, хватило, чтобы не дать Кеннеди пойти на второй срок. Испытания были нелепым оправданием, но ещё хуже было рассказать всем, что же случилось с 501 воздушно-десантной дивизией на промёрзлом плато за вулканом Эребус. Плато, о котором не знали обычные люди, которого не было на картах геологоразведывательных экспедиций тех стран, которые подписали Дрезденское соглашение в 1931 году — а его соблюдал даже Гитлер. Над этим плато пропало больше самолётов U-2, чем над СССР, там исчезло больше экспедиций, чем в самых глубоких дебрях Африки.

Чёрт. И как, чёрт побери, мне ему это представить?

Последние пять часов Роджер таращился на

этот краткий отчёт и пытался придумать, как же сжато сформулировать этот ужас, вполне поддающийся измерению, в таких словах, которые будут под силу читателю. Которые дадут ему возможность подумать о немыслимом. Задача оказалась не из лёгких. Новый обитатель Белого Дома говорит прямо и увиливать от ответа не позволяет. Он достаточно религиозен, чтобы не верить в сверхъестественное, и настолько уверен в себе, что его речи, если суметь закрыть глаза и подумать об уверенности в завтрашнем дне, заставляют обрести новые силы. Наверное, не получится объяснить проект «Кощей», ХК-ПЛУТОН, МК-КОШМАР и те же врата, не описав их как очередное новое оружие. А они — совсем не оружие. Оружие может убивать и калечить, но моральные качества оно приобретает от того, кто пускает его в дело. А эти проекты целиком покрыты несмываемым пятном древнего зла…

Он надеется, что если шар всё же взмоет в небо, если заревут сирены, то ему, Андреа и Джейсону достанется стоять и смотреть на ядерный взрыв. По сравнению с тем, что, как он подозревает, таится в неизведанной и необъятной бездне за вратами, ядерный взрыв — милость. Именно из-за этой бездны Никсон отказался от программы

пилотируемых полётов в космос и оставил от неё незабвенную шутку про белого слона. Просто он понял, какую жуткую угрозу может таить в себе космическая гонка. Именно эта тьма заставила Джимми Картера утратить веру, а Линдона Джонсона сделала алкоголиком.

Роджер поднимается и нервно переминается с ноги на ногу. Оглядывается, смотря на стены своего отсека в рабочем помещении. На какую-то секунду его внимание привлекает дымящаяся на краю пепельницы сигарета; в воздухе над ней, словно неторопливые драконы, извиваются клубы дыма, образуя неведомую клинопись. Он моргает — и образы пропали, но волоски в основании шеи встали дыбом, словно кто-то точит на Роджера нож.

— Чёрт. — Повисшая в комнате тишина наконец-то нарушена. Роджер тушит сигарету в пепельнице, рука дрожит. *Нельзя принимать всё это так близко к сердцу*. Он смотрит на стену. Ровно девятнадцать-ноль-ноль, очень поздно, слишком поздно. Пора домой. Энди вся изведётся от нервов.

В конце концов, слишком уж велик груз. Он укладывает тонкую папку в сейф за креслом, запирает его и крутит рукоятки, потом расписы-

вается на выходе из читального зала и проходит обычную процедуру обыска на проходной.

До дома ехать полсотни километров. Роджер плюёт в окно, но во рту по-прежнему стоит вкус пепла Освенцима.

Поздняя ночь в Белом Доме

Полковник объят нездоровым энтузиазмом, словно горячкой, мерит комнату шагами.

— Отличный, позволю себе сказать, отчёт вы составили, Йоргенсен. — Он доходит до закутка между канцелярским шкафом и стеной, разворачивается кругом, идёт обратно к краю стола. — Главное, вы понимаете основы. Это — плюс. В нашем бы деле побольше таких, как вы, и той лажи в Тегеране не случилось бы. — Полковник заразительно ухмыляется. Он горит неугасимым энтузиазмом, как супергерой из комиксов, доживший до сорока с небольшим. От его речи Роджер сидит навытяжку на краешке стула. Роджеру постоянно приходится прикусывать язык, чтобы не назвать полковника «сэр», — он гражданский, и полковник ему не командир. — Поэтому-то я и попросил заместителя директора МакМердо перевести вас на это место работы и присовокупить

вас к моей команде для дальнейшего сотрудничества. И к моему удовольствию, он согласился.

— Работать здесь, сэр? — не сдерживается Роджер. «Здесь», — это на цокольном этаже здания Исполнительного Управления, пристройки к Белому Дому. Кто бы там ни был этот полковник, у него есть *связи*, в совершенно невозможных количествах. — Чем я здесь буду заниматься? Вы же сказали, ваши люди…

— Успокойтесь. Выпейте кофе.

Полковник быстрым шагом подходит к столу, садится сам. Роджер осторожно потягивает бурую жижу из кружки с гербом морской пехоты.

— Президент поручил мне набрать команду, — говорит полковник таким будничным тоном, что кофе встаёт Роджеру поперёк горла, — для работы с непредвиденными обстоятельствами. Всякими внезапностями политического характера. Со сраными коммуняками в Никарагуа. «Мы с Империей Зла стоим вровень, Оззи, глаза в глаза, и мы не можем позволить себе моргнуть», — цитирую дословно. Империя Зла дерётся подло. Но сейчас мы их опережаем — сброд, быдло, очередная диктатура из третьего мира. Верхняя Вольта с шогготами. Моя задача — держать их за шкирку и не давать прийти в себя. Не дать ни малейшей

возможности стучать ботинком по трибуне в ООН, требовать уступок. Захотят блефовать — я их блеф раскрою. Захотят выйти один на один — что ж, я выйду. — Полковник поднимается и снова принимается расхаживать. — Раньше этим занималась контора, и хорошо занималась, ещё в пятидесятые-шестидесятые. Но от этой сердобольной оравы меня просто выворачивает. Если вам сегодня опять вменят в обязанности мокрые дела, журналисты за вами в сортир полезут, чтобы только достать сенсацию.

— Следовательно, теперь мы так делать не будем. Команда у нас маленькая, но инстанция — последняя. — Полковник берёт паузу, смотрит на потолок. — Хотя последняя, наверное, там. Ладно, все всё поняли. Мне нужен человек, который знают контору. Такой, чтобы допусков было до жопы, чтобы мог войти и забрать дурь, пока на неё не накинется очередная комиссия из протирателей штанов. Ещё будет человек из Дворца Загадок, и кое-кто замолвит словечко, чтобы в Большом Чёрном делали как мы скажем. — Полковник резко смотрит на Роджера. Тот кивает; он знает и про Агентство Национальной Безопасности, оно же Дворец Загадок, и про Большой Чёрный — Национальное Разведывательное Бюро, само

существование которого по сей день является секретной информацией.

Роджер находится под впечатлением от полковника, что бы ни говорил здравый смысл. Полковник, находясь в центре хитросплетений политики разведывательных служб США, говорит о том, чтобы построить свой маленький линкор и пустить его в плаванье под чёрным флагом и с каперским свидетельством за подписью президента. Но у Роджера по-прежнему есть пара вопросов и желание выяснить, что же дозволено полковнику Норту, а что — нет.

— Сэр, ГОРЯЧЕЧНЫЙ БРЕД в это входит?

Полковник ставит кружку с кофе на стол.

— Он мой с потрохами, — прямо говорит он. — КОШМАР тоже. И ПЛУТОН. Мне было сказано «*всеми доступными средствами*», и у меня на всё будет указ президента, на котором ещё не высохли чернила. Эти проекты больше не входят в оргструктуру национальных войск. Официально их сняли с боевого дежурства и рассматривают в качестве предмета следующих переговоров о разоружении. В боевой состав сил сдерживания они больше не входят; мы берём в качестве стандарта обычное ядерное оружие. Неофициально они — часть моей группы, и если будет нужно

— я применю их, чтобы сдержать военную мощь Империи Зла и не дать ей вырасти.

По коже Роджера эхом ужаса из детских лет бегут мурашки.

— А Дрезденское соглашение…?

— Не беспокойся. Если *они* не нарушат его первыми — не нарушу и я, — скалится полковник. Здесь-то ты и пригодишься.

Берега озера Восток в полнолуние

Стальная пристань промёрзла насквозь, но инея нет. Здесь сухо, температура близка к -20. Темнота в подлёдной пещере, кажется, давит сверху. Многослойная тёплая одежда не спасает Роджера, он дрожит и переминается с ноги на ногу, чтобы согреться. Приходится постоянно сглатывать, чтобы не шумело в ушах, а от давления, которое создали в этом подлёдном пузыре, его несколько мутит. Но иначе человеку здесь, под шельфовым ледником Росса, не выжить; всем им предстоит провести ещё сутки в декомпрессионной камере на обратном пути.

Вода лениво лижет пристань, но звука нет. Свет прожекторов исчезает в глубине — вода в подлёдном антарктическом озере невероятно чистая,

свет уходит так глубоко, что кажется, будто вся эта глубина бездонная и чернильно-чёрная.

Роджер здесь в качестве представителя полковника. Ему поручено наблюдать за прибытием зонда, принять груз и доложить наверх, что всё идёт штатно. Остальные пытаются не обращать на него внимание, но присутствие человека из Вашингтона действует на нервы. Вон там — стайка технарей и инженеров, прилетевших транзитом через Мак-Мёрдо для работы с крохотной субмариной. Нервный лейтенант командует взводом рассевшихся по углам плота морпехов с необычным личным оружием — наполовину видеокамерами, наполовину автоматами. И, конечно, обслуга глубоководной платформы, но здесь они нервничают и чувствуют себя подавленно. Все они плавают в пузыре воздуха, закачанного под антарктический лёд. А под ними простирается тихий, остывший ниже точки замерзания омут озера Восток.

Они ждут встречи.

— Четыреста пятьдесят метров, — докладывает один из техников. — Скорость подъёма десять. — Его напарник кивает. Они ждут, пока субмарина с экипажем, непрошеные гости в давным-давно затонувшей гробнице, прорежут пятикиломет-

ровую толщу вод и выплывут на поверхность. Подлодка ушла почти сутки назад; заряда батарей должно было хватить на дорогу, а воздуха команде должно хватить даже если откажут системы. Но все они на собственном опыте знали, что отказоустойчивых систем не бывает. Тем более здесь, на краю обитаемого людьми мира.

Роджер снова перетаптывается.

— А я боялся, что на той батарейке, которую ты переставил, напруга пробьёт изолятор и мёрзнуть нам тут до второго пришествия, — шутит один из операторов подлодки в сторону соседа.

Оглянувшись, Роджер замечает, как один из морпехов крестится. — От Гормана и Сусловича что-нибудь слышно? — тихо спрашивает он.

Лейтенант смотрит в планшет.

— Со времени отплытия — нет, сэр, — говорит он. — С подлодкой нет связи, пока она под водой — для КНЧ она слишком мала, да и не стоит вещать, если кто-то, гм-м, слушает.

— И вправду.

На краю светового пятна прожекторов появляется горбатый силуэт крохотной подводной лодки. По жёлтому корпусу маслянисто змеятся струйки воды.

— Спасательное судно на поверхности, —

бубнит оператор в микрофон. У него сразу же появляется куча дел — задать дифферент, задуть воздух из баллонов в балластные цистерны, обсудить с помощником уровень воды в цистернах и количество лопастей. Обслуга крана тоже занята делом и тянет длинную стрелу над озером.

Над водой наконец показывается люк подлодки, и лейтенант внезапно приходит в движение.

— Джонс! Чиватти! Выставить наблюдение, слева и по центру! — Кран уже примеряется крюком к субмарине, готовый затащить её на борт. — Не вскрывать, пока не осмотрите иллюминаторы! — Это десятая (если считать пилотируемые, то седьмая) экспедиция сквозь игольное ушко озёрного ложа, сквозь подводное строение, так похожее на древний храм, и от этого у Роджера на душе неспокойно. *Не может им постоянно везти*, думает он. *Рано или поздно…*

Субмарина выходит из воды целиком, словно гигантская игрушка для ванной или кит-полуробот, созданный Творцом, у которого разыгралось чувство юмора. Тянутся минуты, техники управляют краном и аккуратно опускают подлодку на платформу. Морпехи занимают позиции, светят яркими фонарями в близорукие выпуклые иллюминаторы на гладком носу подлодки.

Наверху кто-то уже говорит в устройство связи, прикреплённое к коренастой рубке лодки; колесо на задраенном люке начинает вращаться.

— Горман, сэр. — Это лейтенант. В свете натриевых прожекторов всё выглядит мертвенно-жёлтым и обесцвеченным; лицо солдата серое, как мокрый картон, но нервное напряжение сменилось облегчением.

Роджер ждёт, пока подводник — Горман — неуверенными движениями спускается вниз. Это высокий и измождённый человек в красном утеплённом костюме на три размера больше, чем надо; на подбородке, как наждачная бумага — небритость цвета соли с перцем. Более всего он сейчас напоминает холерного больного. Землисто-жёлтая кожа, от тела, которое поглощает собственные запасы белка, исходит едкая кетоновая вонь, смешиваясь с другими, ещё более отвратительными запахами. К левому запястью Гормана наручниками пристёгнут тонкий чемоданчик; браслет наручников оставил синяки на коже. Роджер делает шаг вперёд.

— Сэр? — Горман слегка выпрямляется, на секунду принимая слабое подобие стойки «смирно». Ему не хватает сил, чтобы стоять в таком положении. — Груз мы забрали. Вот образец для

проверки качества, остальное — ниже. У вас есть код, чтобы открыть? — спрашивает он усталым голосом.

— Один. Пять. Восемь. Один. Два. Два. Девять. — кивает Йоргенсен.

Горман медленно набирает код на кодовом замке чемоданчика, потом выпускает ручку и разматывает цепочку на запястье. В свете прожекторов блестят полиэтиленовые пакеты, заполненные белым порошком. Пять кило высококачественного героина с афганских холмов; ещё четверть тонны расфасовано по ящикам в отсеке экипажа. Лейтенант рассматривает пакеты, закрывает чемоданчик и вручает его Йоргенсену.

— Доставка выполнена, сэр.

Доставка из развалин на высоком плато в пустыне Такла-Макан до американской территории в Антарктиде через врата, связующие разные миры. Через врата, которые неизвестно как создать или разрушить. Это ведомо только Предтечам, но они не расскажут.

— Каково там? — спрашивает Роджер, распрямив плечи. — Что вы там *видели*?

Наверху, в люке субмарины, обмяк Суслович, привалившись спиной к ушку для крепления

крюка крана. С ним что-то глубоко не так. Горман мотает головой и старается не смотреть в его сторону; бледный свет чётко очерчивает глубокие борозды на его лице, словно расселины на луне Юпитера. Гусиные лапки вокруг глаз. Морщины. Признаки старения. Лунная седина в волосах.

— Так много времени прошло… — говорит он, словно жалуется. Валится на колени. — Нас так долго не было… — Он держится рукой за борт подлодки, бледная тень себя самого, состарившаяся не по годам. — Там такое яркое солнце. И наши счётчики Гейгера. Наверное, вспышка на солнце, или ещё что. — Он складывается пополам на краю платформы, его рвёт.

Роджер смотрит на него целую минуту. В голове его роятся мысли. Горману двадцать пять лет, он «решал вопросы», для Большого Чёрного, начинал ещё в зелёных беретах. Два дня назад, перед отправкой за грузом через врата, у него было возмутительно хорошее здоровье. Роджер поворачивается к лейтенанту.

— Я лучше пойду, доложу полковнику, — говорит он. Думает некоторое время. — Этих двоих отведите в медблок, пусть за ними ухаживают. В ближайшее время мы вряд ли будем отправлять ещё экипажи через Виктор-Танго.

Он поворачивается и идёт к шахте лифта, сжав руки за спиной, чтобы они не дрожали. Воды озера Восток освещаются снизу лунным светом, доносящимся через пять километров и бесчисленные световые годы.

Генерал ЛеМей мог бы гордиться

Внимание

Данный инструктаж относится к категории «Секретно», по коду «ЛАЗУРЬ — МАРТ — ИНДРИК». Если у вас нет допуска по коду «ЛАЗУРЬ — МАРТ — ИНДРИК», *немедленно* покиньте помещение и доложите куратору своего подразделения. Нарушение режима секретности карается тюремным заключением.

У вас есть шестьдесят секунд, чтобы покинуть помещение.

Видеозапись

Общий план на гигантский бомбардировщик. Из толстого, неровного фюзеляжа тут и там торчат ощетинившиеся стволами пулемётов выпуклости огневых установок. Непривычно огромные гондолы двигателей стоят слишком близко к кончикам крыла; каждый атомный узел окружён четырьмя турбинами.

Диктор

Convair B-39 «Миротворец», самое внушительное оружие в миротворческом арсенале нашей стратегической авиации. Самолёт оснащён восемью турбовинтовыми двигателями Pratt and Whitney NP-4051, работающими на ядерной энергии. Он неустанно кружит над ледниковым покровом Арктики, ожидая сигнала. Это — Борт Один, испытательный и учебный самолёт; ещё двенадцать крылатых птиц ожидают критичности на земле — поднявшийся в воздух B-39 можно посадить только на два специально оборудованных аэродрома в Аляске. Борт Один находится в воздухе уже девять месяцев и не выказывает никаких признаков старения

Смена кадра

Из открытого бомболюка великана выпадает акула размером с Боинг-727. Кургузые дельтовидные крылья режут воздух, яркое, как ракета, пламя толкает конструкцию вперёд.

Диктор

Модифицированная ракета «Навахо», испытательное средство запуска боезаряда ХК-ПЛУТОН отделяется от самолёта-носителя. В отличие от настоящего оружия, здесь нет ни водородных бомб, ни прямоточного воздушно-реактивно-

го двигателя на реакции ядерного распада для ответного удара по врагу. Средство ХК-ПЛУТОН летит над враждебной территорией на скорости, втрое превышающей скорость звука, и сбрасывает бомбы в одну мегатонну каждая. После того, как боезапас будет исчерпан, ракета наводится на последнюю цель и облетает её. После наведения на цель ракета сбрасывает свой реактор, заливая врагов раскалённым плутонием. ХК-ПЛУТОН — тотальное оружие; каждым своим аспектом, вплоть до ударной волны, которую она создаёт, летя на сверхмалой высоте, оно предназначено наносить вред врагу.

Смена кадра

Открытки из Берген-Бельзен, видеозаписи из Освенцима; выходной день в аду.

Диктор

Вот зачем нам нужно такое оружие. *Вот*, что оно должно остановить. Нечисть, впервые потревоженная Третьим Рейхом, организацией Тодта. Теперь она находится в Украине, стоит на службе Советского Человека — так себя называет наш враг.

Смена кадра

Угрюмо-серая бетонная плита, вершина ступенчатой пирамиды, построенной из восточ-

ногерманского цемента. Колючая проволока, пулемёты. Прямое, как струна, безводное русло канала уходит на север от основания пирамиды до побережья Балтики. Это осталось со времён постройки. С этого всё началось. У подножия пирамиды жутким памятником ЗК в чёрных робах стоят одноэтажные бараки рабов.

Смена кадра

Новое пристанище: огромный бетонный монолит, окружённый тремя озёрами с бетонными берегами и каналом. Вокруг, насколько видит глаз, простирается плоский, как блин, ландшафт Украинских степей.

Диктор

Это — проект «Кощей». Ключ к вратам ада в руках Кремля…

Испытатель новых технологий

— Известно, что впервые они появились здесь в докембрийский период.

Профессор Гулд возится со слайдами, опустив глаза и стараясь не смотреть лишний раз на аудиторию.

— У нас есть образцы макрофауны, найденные палеонтологом Чарльзом Д. Уолкоттом во вре-

мя первой экспедиции в Канадские Скалистые горы на восточной границе Британской Колумбии. — На экране появляется сделанный от руки набросок каких-то неописуемо диковинных находок. — Например, эта опабиния, которая умерла там шестьсот сорок миллионов лет назад. Такие древние окаменелости животных без внешнего скелета встречаются редко, в сланцах Бёрджес найдено больше всего образцов докембрийской фауны на сегодняшний день.

Тощая женщина с огромной причёской и не уступающими ей по размеру подплечниками громко втягивает воздух. До этой седой древности ей дела нет. Роджер морщится и сочувствует учёному. Он бы предпочёл, чтобы её здесь не было, но она каким-то образом пронюхала о визите известного палеонтолога — а она работает помощником полковника по административным вопросам. Выгнать её значит навсегда испортить себе карьеру.

— Примечательны здесь — фотография видавшего виды камня, увековеченный образ опабинии — следы от зубов. Такие же следы, или их полные аналоги, можно найти на кольцевых сегментах срезов, взятых антарктической экспедицией Пэбоди в 1926 году. Мир докембрия был

устроен иначе, чем наш; территории, которые сейчас являются отдельными континентами, раньше являлись частями одного огромного целого. Поэтому в те времена от одного образца до другого было не больше трёх тысяч километров. Это указывает на то, что они принесли с собой своих паразитов.

— А что полезного о них могут сказать нам эти следы от зубов? — спрашивает полковник.

Доктор поднимает голову. Его глаза блестят.

— Что кто-то любил кушать их сырыми, — краткий смешок. — И у этого кого-то челюсти открывались и закрывались так же, как диафрагма на вашем фотоаппарате. И мы считали, что этот кто-то вымер.

Ещё один слайд, на этот раз — мутный подводный снимок. Тварь на нём напоминает какую-то странную рыбу — то ли доработанный, обвешанный бронёй пиявкорот с боковыми обтекателями и антикрыльями. то ли кальмар, у которого не хватает щупальцев. Сверху голова выглядит как плоский диск, спереди торчат два странных, похожих на папоротник щупальца, скручивающихся в сторону рта-присоски на нижней стороне головы.

— Этот снимок был сделан в озере Восток в

прошлом году. Оно не должно жить — ему там нечем питаться. Это, дамы и господа, *Аномалокарис*, наш зубастый любитель пожевать. — Доктор берёт краткую паузу. — Очень благодарен вам за то, что вы показали мне этот снимок, — добавляет он, — хотя многие из моих коллег будут ему совсем не рады.

Это что, стеснительная улыбка? Профессор говорит дальше, не давая Роджеру возможности понять, как он на самом деле на это отреагировал.

— А вот это уже крайне интересно, — замечает Гулд. «Это», чем бы оно ни было, выглядит как кочан капусты или чей-то мозг — постоянно ветвящиеся отростки всё меньшей длины и диаметра превращаются в переливающийся складчатый комок пуха, обвивающий центральный стебель. Стебель своими корнями уходит в выпуклый цилиндр, стоящий на четырёх коротких и толстых щупальцах.

— Нам каким-то чудом удалось впихнуть аномалокариса в таксономию, но это — беспрецедентный случай. Оно очень, просто поразительно похоже на укрупнённый сегмент тела *Hallucigenia* — он перещёлкивает слайд, на котором изображена многоножка с кинжально-острыми

конечностями и терновым венцом из щупалец — но год назад мы догадались, что бедная галлюцигения у нас стояла вверх ногами и вообще она — просто колючий червь. В голове же такое высокое содержание иридия и кристаллического углерода… это — точно не животное, по крайней мере к царству животных, которое я уже тридцать лет изучаю, оно не относится. Клеточной структуры нет вообще. Я попросил своих коллег оказать мне услугу, и они не смогли выделить ни ДНК, ни РНК. Это как машина, по сложности не уступающая живому существу.

— Время, когда оно жило, назвать можете? — спрашивает полковник.

— Ага, — ухмыляется профессор. — Определённо до начала ядерных испытаний в атмосфере, то есть до 1945 года. Собственно, всё. Мы считаем, что оно относится либо к первой половине этого века, либо ко второй половине прошлого. Оно уже несколько лет как умерло, но ещё точно живы люди, на чьём веку оно было живо. И это на фоне — он перещёлкивает проектор обратно на слайд с аномалокарисом — вот этого образца, найденного в камнях, которому примерно шестьсот десять миллионов лет. — Ещё один снимок, гораздо более чёткий. — Отметьте сходство с мёртвым,

но не разложившимся. Где-то определённо ещё есть живые такие же.

Профессор смотрит на полковника, резко становясь скованным и косноязычным. — Можно перейти к, гм, той штуке, ну которая, типа, раньше…?

— Пожалуйста, прошу вас. Допуска у всех присутствующих есть. — Широкий жест руки полковника охватывает и секретаря с пышной причёской, и Роджера, и двух людей из Большого Чёрного, что-то строчащих в блокнотах, и очень серьёзную даму из контрразведки, и даже лысеющего, беспокойного адмирала с двойным подбородком и в очках с толстыми стёклами.

— А. Ну ладно, — стеснительность пропадает, словно и не было. — Что ж, мы препарировали ткани аномалокариса, которые вы нам передали. Некоторые образцы отправили в лабораторию, но из них почти ничего извлечь не удалось, — добавляет он поспешно. Потом выпрямляется. — Согласно кладистическому анализу и тому, что мы смогли узнать об их биохимии, наши пути развития в прошлом не были общими. Это два разных пути. Даже у *капусты* больше общего с нами, чем у этих созданий. По окаменелостям шестисотмиллионолетней давности этого не скажешь, но

образцы тканей — совершенно другое дело.

— Итак: это — многоклеточный организм, но в каждой клетке есть несколько структур, похожих на ядра. Это называется синцитий. ДНК нет, в нём задействована РНК с несколькими парами оснований, которых нет в земной биологии. Мы так и не смогли выяснить, что делают почти все их органеллы, есть ли у них соответствие в земной биологии. А белки оно строит с помощью пары аминокислот, которых нет у нас. Такого не бывает. Либо общий предок с нами у него был на стадии до археобактерий, или, что более вероятно, общего предка у нас с ним нет. — Профессор больше не улыбается. — Врата, полковник?

— Да, в целом верно. Эту тварь на слайдах мы достали во время одной из, хм-м, вылазок. По ту сторону врат.

Гулд кивает.

— Я так понимаю, ещё таких же я вряд ли получу? — с надеждой спрашивает он.

— Вылазки не проводятся, пока мы расследуем один инцидент, который случился в этом году, — говорит полковник, со значением взглянув в сторону Роджера. Суслович умер две недели назад; Горман до сих пор выглядит как жуткая развалина, в его теле разлагаются соедини-

тельные ткани — скорее всего, из-за сильного облучения. На действительную службу он больше не выйдет, а канал поставок останется закрытым до тех пор, пока не найдут способ возить товар и не губить при этом людей. Роджер слегка наклоняет голову.

— Ну ладно, — пожимает плечами профессор. — Если снова начнёте — дайте знать. Кстати, есть какая-нибудь привязка по координатам по ту сторону врат?

— Нет, — отвечает полковник, и в этот раз Роджер знает, что это ложь. В ходе четвёртой экспедиции, ещё до того, как полковник определил новый груз, на пустынной площади города по ту сторону врат установили небольшой радиотелескоп. ХК-Масада, где воздух слишком разрежен для человеческих лёгких, где небо цвета индиго, а здания отбрасывают бритвенно-острые тени на выжженный рдяным солнцем, спёкшийся ландшафт. Затем уловленные им сигналы пульсаров были подвергнуты анализу; выходило, что это место почти на шесть сотен световых лет ближе к ядру галактики и расположено на внутренней стороне нашего же спирального рукава. На постройках, сооружённых не людьми, начертаны иероглифы, и есть в них сходство с теми символа-

ми, что запечатлены на зернистой чёрно-белой плёнке Minox на дверях украинского бункера. За этими символами спит суть проекта «Кощей», неживая, но и не мёртвая, злобная сущность, которую русские извлекли из затонувших развалин города на дне Балтийского моря. — А почему вы хотите знать, откуда они происходят?

— Ну… Нам так мало известно о том контексте, в котором развивается жизнь. — Взгляд профессора на секунду становится тоскливым. У нас есть только одна точка отсчёта — Земля, наш родной мир. Теперь же у нас есть второй, вернее, часть второго. Если будет и третий, можно будет задаваться глубокими вопросами. Не такими, как «одиноки ли мы во Вселенной», потому что на этот вопрос ответ уже стал известен, а, например, «какая ещё бывает жизнь», и «есть ли на свете место для нас?»

Роджера передёргивает. «Идиот», думает он, «если бы ты только знал, не прыгал бы так от радости». Он прикусывает язык. Если сейчас заговорить, это тоже может испортить карьеру. Более того, это может отрицательно сказаться на продолжительности жизни профессора, который явно не заслужил такого наказания за сотрудничество. Плюс, исчезновение профессора из

Гарварда в здании Исполнительного Управления в Вашингтоне гораздо сложнее замять, чем пропажу какого-нибудь волонтёра-преподавателя в засиженном мухами сельце в Никарагуа. Кто-нибудь да заметит. Полковник будет не в восторге.

Потом Роджер понимает, что профессор Гулд смотрит прямо на него.

— У вас есть ко мне вопрос? — спрашивает маститый палеонтолог.

— М-м, секундочку. — Роджер собирается с мыслями. Вспоминает графики анализа выживаемости, зверские опыты гитлеровских медиков, изучавших способность человеческого мозга оставаться в живых вблизи Балтийской Сингулярности. Безумие Менгеле. Последнюю попытку СС ликвидировать выживших и свидетелей. Кощея, заряженного и нацеленного, словно орудие, исполненное чёрной злобы, в самое сердце Америки. «Разум, пожирающий миры», что плавает в сияющих безумных снах, что застыл в спячке, лишённый добычи, будь то толстые крылатые твари со щупальцами, или же люди, сменившие их на Земле.

— Скажите, а могли они быть разумными, профессор? Обладать сознанием, как мы?

— Я бы сказал, что да, — глаза Гулда блестят. —

Этот, — он указывает на слайд, — не живой в общепринятом смысле. А вот этот, — он нашёл Предтечу, помоги ему Бог, Предтечу с коротким и толстым, как бочка, телом, и кожаными перепончатыми крыльями, — этот наделён неким подобием сложного ганглия. Не мозг, привычный нам, но массой не уступающий нашему. Есть и хватательные конечности; можно счесть, что они годятся для работы с инструментами. Сложите эти факторы и получите технологическую цивилизацию высокого уровня. Врата между планетами, что крутятся вокруг разных звёзд. Чужеродную флору, фауну, что там ещё. Я бы не счёл невероятной даже межзвёздную цивилизацию. — Голос профессора дрожит от эмоций. — Мы, люди, затронули самую малую часть! Что от нас останется во времени? Все наши здания обратятся в пыль уже через двадцать тысяч лет, даже пирамиды. Следы Нила Армстронга в Море Спокойствия размолотит ударами микрометеоритов всего лишь через полмиллиона лет или около того. Выработанные месторождения нефти заполнятся через десять миллионов лет, метан просочится сквозь кору, дрейф континентов сотрёт всё. Но эти! Эти строили на века. Нам есть чему у них поучиться. Интересно, достойные ли мы преемники их тех-

нологического первенства?

— Ну конечно, достойные, профессор, — бесцеремонно произносит секретарь полковника. — Скажи, Олли?

Полковник с ухмылкой кивает ей в ответ.

— А то, Фоун. А то.

Великий Шайтан

Роджер сидит в баре гостиницы «Царь Давид», пьёт второсортный лимонад из высокого стакана и потеет, несмотря на все старания кондиционера. От перелёта через несколько часовых поясов голова мутная, чувство времени сбилось, из-за спазмов в животе он только час назад смог выйти из номера, а до того как можно будет попробовать позвонить Андреа, ещё два часа. Перед его отлётом они в очередной раз крупно поссорились; она никак не может понять, зачем ему надо постоянно летать в какую-то даль. Она лишь твёрдо знает, что их сын растёт в полной уверенности, что отец — это такой голос, который иногда звонит в неурочное время.

Роджер чувствует себя несколько подавленным, несмотря на всю радость от того, что он ведёт дела на таком уровне. Он постоянно бес-

покоится, что же будет, если их раскроют, что же останется делать Андреа и, если на то пошло, Джейсону? Если расколется полковник, если адмирала вынудят рассказать всё как на духу перед Конгрессом, и Роджера уведут в наручниках под щёлканье вспышек — кто тогда присмотрит за Джейсоном, у которого уже больше не будет отца, который всегда на связи?

Роджер не строит иллюзий насчёт того, что губит людей из секретных контор. Слишком уж многие связаны круговой порукой, слишком много подставных компаний, номерных счетов на предъявителя в банках и сомнительных торговцев оружием с Ближнего Востока. Рано или поздно найдётся причина, кто-то заговорит, а Роджер уже слишком глубоко увяз. Он уже не простой сотрудник, приданный организации, он стал оруженосцем полковника, его тенью, человеком с диппаспортом и чемоданчиком, доверху полным героина и сертификатов конечного пользователя.

Утешает только, что эта пирамида начнёт рушиться с самого верха, думает он. Кое-кто в самых верхах ратует за полковника. Кода дерьмо попадёт на вентилятор и украсит своими брызгами первые страницы *Washington Post*, должны будут

полететь головы министров и членов правительства: сам президент должен будет выступить как свидетель и всё отрицать. Республика будет допрашивать самоё себя.

На его плечо опускается рука, бесцеремонно прерывая его раздумье.

— Роджер, здорово! Ты чего опять такой смурной?

— Да всего понемножку, — мрачно говорит Йоргенсен, поднимая усталые глаза на собеседника. — Ты садись.

Деревенщина из посольства, Майк Хамилтон — согласно легенде, младший атташе, или что-то вроде — выдвигает кресло и плюхается в него с силой дружелюбного метеорита. Роджер понимает, что Майк совсем не деревенщина, доктора наук международных отношений в Йэле кому попало не дают. Просто он любит прикинуться простачком перед людьми, от которых чего-то хочет добиться.

— Он рано, — говорит Хамилтон неожиданно деловым тоном, глядя куда-то за Роджера. — Играй как договаривались. Я — придурковатый, но хороший полицейский. Легенду помнишь? Отговорки заготовил?

Роджер кивает, потом озирается и видит Мех-

мета (фамилия неизвестна), идущего к ним через всю залу. У Мехмета безупречный маникюр и ухоженный вид, а его костюм с Джермин-Стрит стоит больше, чем Роджеру платят в месяц. Усы, аккуратная бородка, оксфордское произношение. Мехмет — имя турецкое, а не персидское. Само собой, это псевдоним. Незнакомому человеку он покажется турецким бизнесменом, набравшимся западных манер, а вовсе не иранским революционером, крепко связанным с Хезболлой и (только тс-с) самим стариком Рухоллой, Кумским Отшельником. Ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах — неофициальным послом Ирана у Малого Шайтана в Тель-Авиве.

Мехмет подходит к ним широким шагом. Краткий обмен любезностями прикрывает формальность их встречи — он пришёл раньше, и он сделал это намеренно, чтобы вывести их из равновесия. И они превосходят его числом, и это — тоже расчётливый ход, чтобы заставить их играть от обороны. Первое правило дипломатии — не вступай в переговоры, если соперник располагает моральным превосходством, а численный перевес — весомый психологический аргумент.

— Роджер, любезный друг, — улыбается он Йоргенсену. — И, как я погляжу, наш замечательный

доктор Хамилтон. — Улыбка становится шире. — Я так понимаю, славному полковнику нужны новости от его друзей?

— В этом вы, несомненно, правы — кивает Йоргенсен.

Улыбка исчезает с лица Мехмета. На секунду кажется, что он разом постарел на десять лет.

— Я навестил их, — просто говорит он. — Вернее, меня к ним отвезли. Очень и очень печальные новости, друзья мои. Они находятся в руках опаснейших людей, таких, которым нечего терять, и которыми движет лишь ненависть.

— Между нами есть долг, — прерывает его Роджер.

— Спокойно, друг мой, — поднимает руку Мехмет. — До этого ещё дойдём. Эти люди живут насилием. На их же собственных глазах разрушали их дома и творили непотребство с их близкими. Их души исполнены гнева. Потребуется немалое покаяние, высокая цена за их снисхождение, заплаченная кровью. Таков наш закон, понимаете? Род оскорблённого имеет право стребовать с обидчика плату кровью, и разве может быть на свете иначе? Так они это видят — вам следует покаяться в своих злодеяниях и помочь им вести священную войну против тех,

кто идёт наперекор воле Аллаха.

— Делаем, что можем, — говорит Роджер со вздохом. — Мы поставляем им оружие. Всеми доступными средствами боремся с красными, стараясь не разбудить великана. Чего им ещё нужно? Заложники — за такое в Вашингтоне по головке не погладят. Должен быть какой-то компромисс. Если Хезболла их в ближайшее время не отпустит, весь мир начнёт считать, что к переговорам они относятся наплевательски. И тогда уже всё. Полковник хочет вам помочь, но ему надо отчитываться перед теми, кто сверху, так?

— Мы с вами живём в этом мире, — кивает Мехмет, — И мы понимаем, что так удерживать заложников — неразумный ход, но их мольбы о помощи в борьбе против Великого Шайтана, об обороне от его нападок, устремлены к вам. И кровь их кипит яростью оттого, что вся ваша нация лишь говорит красивые слова, но ничего не делает. Великий Шайтан громит Афганистан, стирает целые сёла с земли за одну ночь, и получает ли он отпор? Нет, Соединённые Штаты отворачивают взор. И не только эти люди видят в этом предательство. Наши враги из Баас в Ираке… Нечистое братство Тикрита в Басре и их клевреты из Мухабарат еженощно приносят

жертвы на алтарь Йайр-Сутота, и фонтаны крови в Тегеране тому свидетельство. Если богатейшая и сильнейшая нация Земли не даёт им боя, то как, мыслят люди из долины Бекаа, живущие войной, как нам открыть уши этой нации? И люди эти не столь проницательны, как мы с Вами.

От его взгляда Роджер тревожно сутулится.

— Нельзя выходить против красных в открытую! Неужели они не понимают, что это принесёт конец не одной только их собственной битве. Если Талибану нужна помощь Америки в бою против русских, её нужно предоставить скрытно.

— Наш противник — не русские, — тихо отвечает Мехмет, — а то, как они выбирают себе союзников. Мнится им, будто они неверные безбожники, но по делам их узнаем мы их — ледяная тень Лэнга накрыла их, и в руках их — орудия, что описаны в книге Китаб Аль-Азиф. У нас есть доказательство того, что они нарушили Дрезденское соглашение. Проклятые и нечистые бродят ночами по мёрзлым ущельям Гималаев, забирая всех на своём пути. Станете ли вы и дальше затыкать свои уши, пока русские, в заблуждении своём, считают, что власть их над этими силами зла полна и безгранична? Врата открываются

повсюду, как и было предсказано. На прошлой неделе наш F-14C с фотокамерой пролетел в такие врата. И лётчик, и стрелок сейчас в раю, но мы заглянули в ад, и подтверждением тому — плёнка и показания радаров.

Иранский посол ледяным взглядом смотрит на шумного дурня из посольства.

— Передайте послу, что мы объявили о намерении вести с Моссадом переговоры, целью которых является приобретение того, что производится на заводе в Димоне, в пустыне Негев. Мы готовы забыть прошлые распри, ибо сейчас над нами нависла угроза дня нынешнего. Они готовы услышать наши доводы, пусть даже вы не готовы. Его святейшество Аятолла лично объявил, что всякий воин, пронесший ядерное оружие в логово пожирателя душ, обретёт рай. С приспешниками древней нечисти на этой Земле будет покончено, доктор Хамилтон, пусть даже нам придётся вколачивать ядерные бомбы им в глотки собственными руками.

Бассейн

— Мистер Йоргенсен, когда именно вам стало известно, что правительство Ирана угрожает

нарушить резолюцию ООН № 216 и протокол к Женевскому Соглашению 1956 года о нераспространении ядерного оружия?

Под палящим светом ламп Роджера пробирает пот, сердце бьётся быстрее.

— Я не совсем понимаю вопрос, сэр.

— Вам был задан прямой вопрос. В каком именно слове непонятно? Повторю ещё раз, медленно: когда вам стало известно, что правительство Ирана угрожает нарушить резолюцию № 216 и протокол к Женевскому Соглашению 1956 года о нераспространении ядерного оружия?

Роджер мотает головой. Это как дурной сон, а вокруг неистово гудят невидимые насекомые.

— Сэр, у меня нет прямых связей с правительством Ирана. Всё, что мне известно — я передавал сообщения некоему Мехмету, который, как мне сказали, что-то знал о ситуации с нашими заложниками в Бейруте. Насколько я понимаю, полковник вёл тайные переговоры либо с этим господином, либо с теми, кто его поддерживает, уже довольно долго — пару лет. Мехмет упоминал о неких людях в администрации Ирана, но я не могу знать точно, говорил ли он правду, а никаких дипломатических верительных грамот я не видел.

Напротив него сидят его инквизиторы — конгрессмены в тёмных костюмах, словно учителя, перед которыми на ковре стоит нерадивый ученик. Проблема в том, что эти учителя могут отправить его на суд, а оттуда — в тюрьму на очень долгий срок. Тогда Джейсон вырастет с голосом в трубке вместо отца. Голос в трубке не отведёт его на авиашоу, на футбол и на прочие этапы взросления. Конгрессмены негромко переговариваются, обдумывая очередной ход допроса. Роджер нервозно ёрзает в кресле. Слушанье закрытое, кинокамера здесь — на службе архива конгресса. Стая голодных демократов почуяла кровь республиканцев в воде.

Конгрессмен в середине поднимает взгляд на Роджера.

— Стойте. Откуда вы узнали про этого Мехмета? Кто сказал вам пойти на встречу с ним и кто рассказал, что он из себя представляет?

— Как всегда, пришла служебная записка от Фоун, — сглотнув, начинает Роджер. — Адмиралу Пойндекстеру нужен был человек на месте, чтобы пообщаться с этим Мехметом. По сути, связной, который уже в курсе дела. Полковник Норт завизировал эту записку, а деньги на поездку сказал взять из фонда для непредвиденных расхо-

дов. — Наверное, этого говорить не стоило — два конгрессмена, склонившись, шепчутся о чём-то, затем помощник одного из них почтительно подходит за запиской и убегает на всех парах. — Мне сказали, что Мехмет — посредник, — добавляет Роджер. — Посредник, чтобы разрешить всю эту ситуацию с заложниками в Бейруте.

— Посредник, — задавший вопрос конгрессмен с недоверием смотрит на Роджера.

Мужчина слева от него — древний старик, седой, как лунь, с пигментными пятнами на носу крючком, веки обвисли — одобрительно ухмыляется.

— Ага. Такой же, как Гитлер — дипломат. «Ещё одна территориальная претензия», — он оглядывается вокруг. — Кто-нибудь ещё это помнит? — с грустью в голосе спрашивает старый конгрессмен.

— Нет, сэр, — очень серьёзным тоном отвечает Роджер.

Тот, кто ведёт допрос, фыркает.

— Что именно Мехмет сказал вам по поводу того, что собирается сделать Иран?

Роджер некоторое время обдумывает ответ.

— Он сказал, что они собираются купить что-то на заводе в Димоне. Я так понимаю, это ядерный

исследовательский центр Минобороны Израэля, и, в контексте разговора единственно разумным будет предположить, что купить они собираются ядерное оружие. Несколько единиц. По его словам, Аятолла заявил, что смертник, который взорвёт храм Йог-Сотота в Басре обретёт рай, а также, что у них имеются неопровержимые доказательства того, что СССР применил в Афганистане некоторые запрещённые виды оружия. Разговор шёл в контексте обсуждения распространения незаконных видов оружия, и насчёт Ирака он был очень настойчив.

— О каких именно системах речь? — требовательно спрашивает третий инквизитор, спокойный человек с ястребиными чертами лица, сидящий слева.

— Их называют «*Шогготим*», или служители. Технически они являются роботами высочайшего технического уровня, сделанными из молекулярных компонентов. Они могут изменять свою форму и менять структуру материала на атомном уровне — например, разъедать его, как кислота, или выделять алмазы. Некоторые из них выглядят как тонкая дымка — доктор Дрекслер в МТИ называет это «инструментальным туманом», другие же больше похожи на маслянистую

каплю. Похоже, что они могут производить новых служителей, но они не являются живыми ни в одном известном смысле этого слова. Они программируемые, как роботы, для этого используется командный язык, восстановленный по записям предшественников, которые и оставили там шогготов. Большую партию вывезли с Экспедицией Молотова в 1930 м, мы же выскребаем за ними останки и пользуемся данными антарктических исследований. Пессимистичнее всего выглядят отчёты профессора Либкунста…

— Погодите. Хотите сказать, что у русских есть эти, гм, шогготы, но у нас их нет. И даже немытые арабы в Багдаде над ними работает. По-вашему, выходит, у нас есть отставание по шогготам? Стратегическая брешь в обороне? И теперь русские с иранцами утюжат ими Афганистан?

— В общем и целом верно, — быстро говорит Роджер, — Однако, были разработаны оружейные системы противодействия, предназначенные для уменьшения вероятности одностороннего упреждающего применения, которое затем перерастёт в обмен ударами, без малого, божественных сил. — Конгрессмен в середине ободряюще кивает. — За прошедшие три десятилетия по программе конструкционного усовершенствования

боевых ЛА на группировку самолётов B-39 была возложена задача поддержания в готовности системы ХК-ПЛУТОН, чьей целью является ослабление возможности Советского Союза привести в действие проект «Кощей». Последний является дремлющим чужеродным созданием, которое русские захватили в гитлеровской Германии в последние дни войны. У нас имеется двенадцать крылатых ракет класса «ПЛУТОН», на ядерной тяге, которые постоянно нацелены на этот «проект». В них столько же мегатонн, сколько во всех наших ракетах «Минитмен». В теории, мы разнесём его на кусочки ещё до того, как оно проснётся и разом сожрёт разум всех людей в радиусе трёхсот километров.

Роджер оседлал любимого конька.

— Во-вторых, насколько нам известно, возможности Советского Союза по управлению технологией шогготов на сегодняшний день в лучшем случае крайне малы. Они могут приказать им прокатиться по горному селу козопасов в Афгане, но не могут заставить их создать нового шоггота. Пригодность их в качестве оружия ограниченная, хотя и потрясающая. Но основная проблема не в них. Большую проблему представляет храм в Басре. Там находятся функционирующие врата,

и, если верить Мехмету, Мухабарат, служба политической разведки Ирака, пытается выяснить, как с ними работать. Они пытаются что-то через них призвать. Больше всего он боялся, что они, а также русские, потеряют контроль над тем, с чем работают; по всей вероятности, это ещё одна сущность почти божественной силы, как К-Тулу, являющееся ядром проекта «Кощей».

— Эта твоя Тула, — говорит старик, — можешь, кстати не швыряться при мне префиксами «Ка что-то там», — она одна такая?

— Не знаю, сэр, — мотает головой Роджер. — Известно, что врата ведут как минимум на три другие планеты. Возможно имеются и другие, неизвестные нам. Мы не знаем, как их создавать и закрывать. Единственное, что мы можем — отправлять через них людей или заложить проход кирпичом. — Ему приходится прикусить язык, потому что миров больше, чем три, и в одном из них он бывал — убежище в ХК-Масада, построенное НУ ВКР из засекреченного бюджета. Он видел купол полуторакилометровой высоты, на разработку которого у Ричарда Фуллера ушло десять лет, видел кольца ПВО системы «Пэтриот». Звено чёрных угловатых истребителей от Skunkworks, которые, говорят, не видны на радарах, облетают

дозором пустые небеса ХК-Масады. Гидропонные фермы, пустые казармы и многоквартирные дома ждут сенаторов, конгрессменов, их семьи и тысячи сотрудников обслуги. В случае войны их эвакуируют через небольшой проход, который теперь установили на цокольном этаже здания Исполнительного Управления, в помещении под бассейном, где некогда Джек купался нагишом с Мэрилин.

— Теперь без протокола, — рубит воздух рукой старый конгрессмен. — Выключай, говорю, парень. — Оператор выключает камеру и выходит за дверь. Старик подаётся вперёд. — С твоих слов получается, что мы ведём необъявленную войну с каких, скажи-ка, пор? Со второй мировой? Или раньше, со времён экспедиции Пэбоди, когда выжившим удалось притащить первые неземные артефакты? А теперь в игру пролезли засранцы иранцы и решили, что это — часть их войны с Саддамом?

— Сэр, — Роджер может себе позволить лишь один кивок.

— Ладно, — Конгрессмен внимательно смотрит на собеседника. — Допустим, я тебе сейчас скажу слова «великий фильтр». Что они для тебя значат?

— Великий… — Роджер осекается. Профессор Гулд, вспоминает он. — Нам читал лекцию профессор палеонтологии, — объясняет он. — По-моему, он это упоминал. Что-то на тему того, почему у нас в небе не черным-черно от летающих тарелочек.

Конгрессмен снова фыркает. Его собеседник приходит в движение и выпрямляется в кресле.

— Благодаря Пэбоди и его последователям вроде Либкунста и иже с ними, мы знаем, что во вселенной полно всякой жизни. Великий фильтр, мальчик мой, это та сила, которая не даёт этой жизни развить разум и навестить нас. Неизвестно что и неизвестно как убивает разумную жизнь до того, как та разработает себе такую технологию. Что если они, не подумав, суются в наследие древних? Что ты на это скажешь?

Роджер нервно облизывает губы.

— Думаю, вполне вероятно, сэр, — отвечает он. Нервозность всё нарастает.

— Это оружие, с которым цацкается твой полковник, — сурово произносит конгрессмен, — по сравнению с ним наш ядерный арсенал выглядит как детский пистолетик, а ты, значит, «вполне вероятно, сэр»? По-моему, кто-то в Овальном Кабинете спит на боевом посту.

— Сэр, согласно указу президента № 2047 от января 1980 года на роль оружия массового поражения в вооружённых силах принято ядерное оружие. Разработка других типов оружия приостановлена, излишки передаются в ведение объединённого комитета по расходу боеприпасов под председательством адмирала Пойндекстера. Полковник Норт был переведён в этот комитет приказом командования Корпуса морской пехоты США при полном ведении Белого Дома…

Дверь открывается. Конгрессмен сердито оборачивается.

— Я же сказал, чтобы нас не беспокоили?

— Сэр, — неуверенно произносит стоящий в дверях помощник, — произошло, э-э, серьёзное нарушение режима безопасности, и нам требуется эвакуироваться…

— Куда? Что случилось? — настаивает конгрессмен. Роджера одолевает щемящее чувство; помощник смотрит не на членов комитета, а за ним стоит человек из президентской охранки.

— Басра. Нападение, сэр. — Помощник украдкой смотрит на Роджера, и тот замирает, отказываясь верить. — Пожалуйста, пройдёмте со мной…

Бомбардировка начнётся через пятнадцать минут

Пригнуть голову, и вперёд по коридору, где носятся с бумагами чиновники конгресса. Слышны требовательные голоса. К Роджеру присоединяется группа людей из службы охраны в тёмных пиджаках, и они вместе поторапливаются в кильватере конгрессменов. Словно звон в ушах, голову наполняет вой сирены. На вопрос «Что происходит?», никто не отвечает.

Вниз, на цокольный этаж. Ещё коридор, два морпеха охраняют проход с оружием наизготовку. Люди из службы охраны обмениваются краткими докладами по рации. Членов комитета поспешно уводят по узкому служебному тоннелю, а Роджера задерживают на входе.

— Что происходит? — спрашивает он своего «опекуна».

— Минутку, сэр.

Они вслушиваются, принимают приказы, наклонив головы, словно хищные птицы в поисках жертвы.

— Это Дельта-четыре, приём. Разрешаю идти по

тоннелю, сэр. Сюда, пожалуйста.

— Что происходит? — продолжает требовать Роджер, но позволяет вести себя по коридору до конца и за угол. От потрясения немеют конечности, он заставляет себя переставлять ноги. Шаг, ещё один.

— Уровень готовности вооружённых сил повышен до максимального, сэр. Вы в особом списке персонала дома. Следующая дверь налево, сэр.

Очередь в слабо освещённом служебном помещении движется быстро; охранники в белых перчатках ставят галочки в списках, и мужчины и женщины проходят по за толстую стальную дверь. Роджер в замешательстве оглядывается. Вот знакомое лицо.

— Фоун? Что происходит?

— Не знаю, Роджер. — Секретарь полковника выглядит удивлённой. — Я думала, ты сегодня даёшь показания.

— Я тоже так думал. — Они уже у двери. — Что ещё?

— Ронни сегодня выступал с речью в Хельсинки; полковник поручил мне её записывать у него в кабинете. Что-то про то, чтобы не мириться с существованием империи зла. Отпустил какую-то шутку про то, что начинаем бомбить через

пятнадцать минут, а потом это…

Вот и дверь. За ней — обшитый сталью шлюз. Морпех-охранник забирает именные бэджики и пропускает их за дверь. С ними заходят ещё два штатских чиновника и бригадный генерал средних лет. Дверь захлопывается, фоновый шум стихает, в ушах у Роджера щёлкает, а потом открывается другая дверь. Очередной охранник делает им знак проходить в приёмную.

— Где это мы? — озираясь, спрашивает секретарь с пышной причёской.

— Добро пожаловать в ХК-Масаду, — отвечает Роджер. Страхи его детства настигают его, и он уходит искать туалет, чтобы не блевать у всех на виду.

Вернись к нам

Следующую неделю Роджер проводит в состоянии оцепенения. Его квартирка выглядит как номер в отеле — есть охрана, кондиционер, но окна выходят на внутренний двор. Но он почти не обращает внимания на то, что его окружает. Всё равно у него больше нет дома, куда можно вернуться.

Роджер больше не бреется. Не меняет носки. Не

смотрит в зеркало и не расчёсывает волосы. Он много курит, заказывает в пищеблоке дешёвый бурбон и каждый вечер напивается до потери памяти. Если честно, он в полном раздрае. Разрушает сам себя. Всё, что у него было, развалилось в единый миг — работа, уважаемые им люди, семья, сама его жизнь. Но одна вещь никак не идёт у него из головы — лицо Гормана, стоящего перед подводной лодкой, сжигаемого изнутри лучевой болезнью. Мёртвого, но ещё не знающего об этом. Поэтому он больше не смотрит в зеркала.

На четвёртый день он валяется в кресле, смотрит по телеку старые серии «Я люблю Люси», в записи. Дверь в его номер тихо открывается, кто-то заходит. Роджер не смотрит на посетителя, пока полковник не подходит к телевизору и не выключает его из розетки, а потом садится рядом. Под глазами у полковника тёмные мешки; форма помята, воротник расстёгнут.

— Завязывай, Роджер, — тихо произносит он. — Выглядишь как говно.

— Ну, да. Вы тоже.

Полковник передаёт ему тонкую папку жёлтого картона. Роджер инстинктивно извлекает оттуда единственный лист бумаги.

— Они, значит.

— Ага. — Недолгая пауза. — А знаешь, мы, по сути, ещё не проиграли. Может быть, удастся вытащить твою жену и сына. Или вернуться домой.

— И вашу семью, наверное. — Роджера трогает сострадание полковника, надежда на то, что Андреа и Джейсон будут в порядке, пробирает даже через сковавшую его броню отчаяния. Он понимает, что в стакане пусто, но не наливает новую порцию, а ставит его на ковёр, рядом с ногами. — Почему?

Полковник вынимает лист из его занемевших пальцев.

— Наверное, кто-то засёк тебя в «Царе Давиде», и отследил до нас. У Мухабарат везде агенты, а если они с КГБ работали… — Он пожимает плечами. — Потом президент отпустил шуточку по микрофону, который оказался не отключённым… Ты на этой неделе за сводками следил?

— А надо? — смотрит на него Роджер пустыми глазами.

— О, событий по-прежнему полно. — Полковник откидывается на спинку дивана, вытягивает ноги. — Насколько мы знаем, на той стороне ещё кто-то жив. Лигачёв по правительственной связи рвёт и мечет, обвиняет нас в геноциде, но хотя бы пока не молчит. В Европе хаос, а что творится на

Ближнем Востоке, никто не знает. Оттуда даже SR-71 не возвращаются.

— То, что в Тикрите.

— Да. Плохие новости, Роджер. Вернись к нам.

— Плохие?

— Хуже некуда. — Полковник зажимает ладони коленями, смотрит в пол, как пристыжённый ребёнок. — Саддам Хуссейн аль-Тикрити много лет пытался заполучить технологию древних. Похоже, ему наконец удалось стабилизировать врата в Сотот. Исчезли целые деревни, в низинах восточной части Ирака исчезли низинные арабы. Говорят о жёлтом дожде, от которого плоть сходит с костей. Иранцы всполошились и нанесли-таки ядерный удар. Дело в том, что нанесли за два часа до той речи. Какой-то козёл в Плотске запустил половину SS-20 Уральского кольца — они ещё восемь месяцев назад перешли на повышенную готовность к запуску — правда, выжег он, слава Богу, юг. О Ближнем Востоке можешь забыть раз и навсегда. Всё от Нила до Хайберского прохода превратилось в пепел. Вестей из Москвы всё ещё ждём, но стратегическое командование ВВС подняло в воздух все «Миротворцы». Восточное побережье севернее Северной Вирджинии мы потеряли, а они лишились Донбасса и Влади-

востока. Полный бардак, никто даже не знает, с красными мы воюем, или с кем ещё. Но та коробка в Чернобыле — проект «Кощей», — двери открыты, Роджер. Мы прогнали над ним по орбите спутник. Есть следы, ведут на запад. ПЛУТОН его не остановил — и хрен его знает, что творится в странах Варшавского Договора. Или во Франции, Германии, или Англии с Японией.

Полковник тянется к виски Роджера, протирает горлышко и делает большой глоток. Выражение его лица совершенно дикое.

— Кощей вырвался, Роджер. Эти суки его разбудили. И не могут с ним справиться. Представляешь?

— Представляю.

— Завтра с утра заступаешь на смену, Роджер. Надо узнать, на что способно эту Тулу. Надо узнать, как его остановить. Про Ирак забудь, вместо Ирака теперь дымящийся кратер. Но К-Тулу движется к Атлантическому побережью. Что будем делать, если оно не остановится?

Масада

Город ХК-Масада гигантским грибом возвышается над холодной равниной. Купол диаметром

три километра, стоящий на холодной возвышенности засушливой планеты, что крутится вокруг умирающей звезды. В пустом небе на рассвете и закате ревут чёрные угловатые F-117, облетая грозящую со всех сторон пустоту, что уходит в невообразимую даль.

По улицам города движутся тени, некогда бывшие людьми оболочки в форме. Они шуршат у подножия бетонных громад, словно осенние листья, всецело отдавшись задаче, которая придаёт какой-то смысл их последним дням. Над ними возвышаются громады стальных опор, которые поддерживают исполинский геодезический купол, закрывающий город. Он загораживает злые, чуждые созвездия и не даёт пыльным бурям, которые время от времени сотрясают кости этого древнего мира, добраться до хрупких остатков человечества. Сила тяжести здесь немного меньше, а в ночном небе струятся прозрачные струи газа, сорвавшиеся с умирающего светила этого мира. Долгими зимними ночами поверхность купола заметает пурга из двуокиси углерода. Воздух здесь сухой, как пустыня; город утоляет свою жажду из подземных водоносных слоёв.

Некогда эта планета была живой — возле экватора ещё есть пенное море, водоросли в котором

отдают в атмосферу кислород. Есть и вулканическая гряда у северного полюса, которая указывает на движение тектонических плит. Но планета умирает, и это видно. У неё было богатое прошлое, но будущего у неё нет.

Иногда, рано утром, когда ему не спится, Роджер выходит за город и гуляет по краю сухой возвышенности. За его спиной гудят машины, поддерживая какую-то жизнь в городе; он не обращает на них внимание. Поговаривают о вылазке на Землю в ближайшие годы, чтобы достать что-нибудь уцелевшее, пока опаляющий ветер времени не стёр наследие человечества навсегда. Об этом Роджер думать не любит. Он старается как можно меньше думать о Земле. Только иногда, когда ему не спится, он гуляет по обрыву, перебирает воспоминания об Андреа, Джейсоне, о родителях и о сестре, о родственниках и друзьях, и все эти воспоминания болят, как лунка от вырванного зуба. На краю этой возвышенности у него — полный рот пустоты, горечи и боли.

Время от времени Роджеру кажется, что он — последний живой человек. Он работает в кабинете, яростно пытается докопаться до ошибки. Вокруг него ходят тела, разговаривают, едят в столовой, иногда говорят с ним и смотрят, словно

ждут ответа. Здесь есть тела, говорящие мужчины и женщины, гражданские и военные — но нет людей. Одно из тел, военный хирург, сказало ему, что у него обычный синдром стресса, вина выжившего. Возможно, это так, соглашается с ним Роджер, но это ничего не меняет. Очередной бездушный день уходит за очередной бессонной ночью в никуда, пыль пересыпается за обрыв, словно песок в невыкопанную могилу его семьи.

По краю возвышенности идёт узкая тропинка. Она ведёт вниз от основания города, где из гигантских отверстий вырывается жар от ядерных реакторов. Роджер идёт по тропинке, и под его изношенными ботинками хрустит гравий и рассыпающийся песчаник. В небе моргают чужие звёзды, и их незнакомые узоры говорят ему, что он очень далеко от дома. Тропинка ведёт резко вниз от вершины возвышенности, и вскоре город превращается в невидимую, нависающую за плечом тень. По правую руку открывается завораживающая панорама — долина в разломе, в которой раскинулся древний город мёртвых. За ней — чужие горы, вершины которых возносятся в безвоздушную высь, словно мёртвые вулканы на Марсе.

Метрах в восьмистах от купола тропинка об-

ходит каменистый выступ, уходит вниз петлёй серпантина. Роджер останавливается на повороте и разглядывает пустыню под ногами. Он садится, прислоняется к твёрдой скале и вытягивает вперёд ноги. Ступни висят над пустотой. Далеко внизу — изборождённая прямоугольными впадинами долина; миллионы лет назад они могли быть полями, но до этого дня ничто не может дожить. Всё в долине уже мертво, как и всё остальное на этой планете. Как Роджер.

В его кармане — помятая пачка драгоценных сигарет. Трясущимися пальцами он вытягивает белый цилиндрик, нюхает его, щёлкает зажигалкой. Сигареты в дефиците, пришлось экономить. Роджер вдыхает первую затяжку безвкусного дыма, сотрясается от резкого кашля. То, что мировая война спасла его от рака лёгких, даже в нынешнем состоянии кажется ему забавным.

Выдох — и дым прозрачным облачком утекает за скалу.

— Почему я? — спрашивает он тихо.

Пустота долго не отвечает. Слова, которые он слышит потом, сказаны голосом полковника.

— Сам знаешь, почему.

— Я не хотел этого делать, — слышит он собственный ответ. — Я не хотел оставлять их там.

Бездна смеётся над ним. Под болтающимися ногами — километры пустого воздуха.

— У тебя не было выбора.

— Был выбор! Я мог бы не приходить сюда. — Он замолкает. — Мог бы вообще ничего не делать, — говорит он тихо, затянувшись очередной порцией смерти. — Может быть, этого было не избежать.

— …Избежать, — отзывается эхо на горизонте. Под звёздами скользит тёмный угловатый силуэт, словно напоминание о вымерших птерозаврах. Завывая турбинами, F-117 продолжает охоту, высматривает древнее зло, не знает, что бой уже проигран. — А знаешь, может быть, твоя семья ещё жива.

— Может быть? — он поднимает голову. Андреа? Джейсон? — Жива?

Бездна злобно смеётся в ответ.

— В пожирателе душ — жизнь вечная. Никто не забыт, никому нет покоя. Все они живут в виртуальных областях его разума, переживают все возможные варианты конца своей жизни. Есть, знаешь ли, судьба и хуже смерти.

Роджер смотрит на сигарету, не желая верить; выкидывает её в ночное небо над равниной. Тлеющий огонёк падает долго, потом пропадает из виду. Роджер поднимается на ноги. Какой-то

долгий миг он стоит на краю обрыва, собираясь с духом и размышляя. Потом отходит, поворачивается и медленно идёт по тропинке обратно, к укреплению на возвышенности. Если он сделал неверный анализ ситуации, то он, хотя бы, ещё жив. Если же анализ верный, то и в смерти не будет спасения.

Он не понимает, какого чёрта в это время года так холодно.

Перевод: А. Гузман

Дональд Тайсон
История кинолога

Donald Tyson «The Dog Handler's Tale», 2014

1

Всё началось с того, что я нашёл те забавные камни в форме звёзд. До тех пор всё шло гладко, как говаривала моя хозяйка, упокой её Господь. Единственный несчастный случай произошёл на торосе, когда мы потеряли двух собак, но это была естественная проблема, не похожая на то, что случилось позднее.

Но я вижу, что забегаю вперёд. Я никогда не умел хорошо рассказывать истории. Позвольте мне начать с самого начала.

Меня зовут Джек Хоббс. Я родился и вырос недалеко от Лондона, но последние четырнадцать лет живу в Аркхэме, штат Массачусетс, работаю в Мискатоникском университете. Числюсь я там как плотник, но я также чиню проводку, прочищаю канализацию, когда она засоряется, ремонтирую автомобили и делаю практически всё, что необходимо для бесперебойной работы университета.

Когда весной 1930 года распространился слух, что профессор Дайер, профессор Пэбоди и некоторые другие планируют эту университетскую экспедицию в Антарктиду и ищут добровольцев, я записался к ним в качестве помощника. Я могу выполнять любую работу, но Дайер назначил меня одним из кинологов, потому что я сказал, что раньше занимался собаками в Англии. Мне нравятся все виды собак — большие, маленькие, свирепые, ручные — и почти все собаки любят меня.

Примерно за четыре месяца до того, как мы покинули бостонскую гавань на борту двух старых, деревянных китобойных судов, переименован-

ных в «Аркхэм" и «Мискатоник», университет купил пятьдесят пять ездовых собак на Аляске. Они прибыли поездом с западного побережья, в основном это были аляскинские маламуты и хаски, и несколько смешанных пород. Все они были хорошими собаками, и их уже научили тянуть сани, так что всё, что нам, кинологам, нужно было сделать, это разделить их на команды и заставить работать вместе. У нас в распоряжении было целое лето для подготовки, так что мы довольно хорошо научили собак терпеть друг друга.

Но вы, возможно, кое-чего не знаете о ездовых собаках. Они не совсем похожи на собак, которых вы держите в качестве домашних питомцев. В них всё ещё осталось много от волков, и это дикие звери, которые убьют друг друга, если среди них не будет порядка как в волчьей стае.

Я прекрасно провёл время, тренируя своих собак. Они были лучшими из всех, потому что я вроде как добрался туда первым, когда их выгрузили с поезда на Северном вокзале, и я выбрал семь собак для своей команды. Лучший из них — мой ведущий пёс Сержант, громадный маламут с белой маской и широкой чёрной полосой на верхней части морды. Маленькая хаски, сука по имени Рядовая, — почти такая же хорошая

ведущая собака, но далеко не такая сильная.

Все собаки в моей команде имеют военные клички. Вы можете назвать это глупостью, но я использовал такие смешные клички, чтобы выделить свою команду среди других собак. Основная команда — Сержант во главе, Рядовая за ним, затем Капрал, Генерал, Полковник, Бригадир и Майор. Я знаю, что воинские звания идут в другом порядке, но именно так мои собаки тянут сани лучше всего.

О путешествии из Массачусетса в Антарктиду писать особо нечего. Все собаки были собраны на барке «Мискатоник», а большая часть другого груза для экспедиции, такого как буровые установки, отправилась в трюм брига «Аркхэм". Естественно, я и другие кинологи находились рядом со своими собаками. Мы покинули бостонскую гавань второго сентября, чтобы добраться до пролива Мак-Мердо в тёплую погоду (я должен упомянуть для тех, кто, возможно, не знает, что, когда в Новой Англии зима, здесь, в Антарктиде, лето).

Каким прекрасным было утро, когда мы подняли трап и отчалили от Длинной пристани! Мэр и его жена присутствовали там, чтобы проводить нас, вместе с личным помощником конгрессмена

Уильяма Дж. Грэнфилда. Студенты университета приехали на поезде с марширующим оркестром. Я до сих пор слышу звуки тромбонов и барабанов, а также возгласы хора, которые перекрывали грохот наших паровых двигателей.

Мы использовали их только для того, чтобы отплыть подальше от доков и переполненного входа в гавань. Как только мы миновали Олений остров, экипажи обоих кораблей подняли паруса, и двигатели были выключены, чтобы сэкономить уголь. Ветры благоприятствовали нам на протяжении всего пути вдоль Атлантического побережья. Какое-то время меня укачивало, но мне стало лучше, когда мы прошли через Панамский канал в Тихий океан.

Собаки справились лучше меня, хотя в течение первой недели или около того некоторые беспокоились из-за качки и отказывались есть. Мы кормили собак в основном мясом, чтобы они были сильными: вяленой говядиной, солониной и консервированным лососем — источником рыбьего жира. По правде говоря, собаки ели лучше, чем мы, кинологи, но я никогда не жалел для них еды, потому что знал, что они понадобятся нам в хорошей форме, когда мы выйдем на лёд.

Мы провели большую часть нашего корабель-

ного времени в переполненном трюме «Мискатоника" с собаками, я, Зак Ивенс, Стью Зулински, Билл Муни и юный Генри Лейк, сын профессора Лейка, которому было всего семнадцать лет — ему исполнилось восемнадцать к югу от ледника Бирдмор, и мы шутили, что у него ещё не было бороды, чтобы побриться, да упокоится он с миром. Огромные дубовые балки, установленные в трюме для защиты бортов корабля от пакового льда, оставляли нам очень мало места; нам пришлось повесить гамаки среди собачьих клеток.

Мы все создали свои собственные команды и тренировали их в Аркхэме, используя сани с колёсами, чтобы кататься по пыльным летним дорогам, но, можно сказать, для страховки имелись и другие собаки на случай, если одна из команды заболеет, или станет хромой, или будет разорвана в драке так сильно, что не сможет работать.

Было ещё много драк, хотя к этому времени каждая собака знала своё место в упряжке. Сержант сам распределил роли для других собак. Он был лучшим псом, и когда он скалил зубы и издавал своё грозное рычание, другие собаки не обращали на него внимания, но нам, кинологам, всё равно приходилось быть начеку. Эти собаки

были только наполовину домашними, и иногда в них проявлялся сильный волк.

Их нужно было регулярно тренировать на палубе корабля каждый день, иначе они сошли бы с ума в этом тёмном трюме. Вот тогда и случались драки — когда мы вытаскивали собак из клеток и давали им размять лапы. У меня есть неприятный шрам на тыльной стороне левой руки, как напоминание о том, что нельзя быть беспечным. Сейчас она почти зажила, просто кривая белая линия на моей коже.

Я был счастлив, когда ветер над Тихим океаном стал холодным, и мы увидели первый айсберг. Это был большой плоский стол изо льда. Моё тело создано для зимы — я не выношу жару июля и августа. Сейчас я бы отдал всё за частичку того тепла! Иногда я даже не могу вспомнить, на что похож летний день.

Тот первый вид на Большой Барьер, который открылся нам, когда мы подплывали к заливу Мак-Мердо, почти оправдывает всё, что произошло позже. Это было зрелище, за которое стоило умереть, и это правда. Полуденное солнце стояло низко в безоблачном небе за нашими спинами, и барьер, все двести футов в высоту, необычно сиял синим, зелёным и розовым цветами. Таких

оттенков вы никогда не увидите в Массачусетсе, даже в середине зимы.

Лёд был весь прозрачный, так что солнечный свет, казалось, проникал в него глубоко и освещал изнутри. Лёд светился в основном бледно-голубым, а прозрачная вода холодного моря отливала зелёным оттенком; небо было ясным, тёмно-синим, без единого облачка. Я мог видеть птиц, парящих над возвышающимся льдом, таких маленьких, что они были похожи на пятнышки сажи, которые вылетали из трубы, когда работал паровой двигатель.

На горизонте возвышалась огромная гора, похожая на большой тёмный конус. Я спросил капитана Торфиннссена, как называется эта гора, и он сказал, что это Эребус. Из его верхушки поднимался шлейф чёрного дыма. Это вулкан, если вы можете в это поверить — вулкан среди всего этого льда. На заднем плане виднелась ещё одна большая гора, которую Торфиннссен назвал Террор. Хорошее название для горы, но, на мой взгляд, она и близко не так впечатляет, как Эребус, даже если она выше.

Собаки чувствовали запах земли. Вы бы слышали, как они лаяли, чтобы выбраться из этого трюма. Мы, кинологи, не меньше других стреми-

лись ступить на сушу, или, точнее, на лёд, потому что почвы видно не было, кроме нескольких скальных выступов. Руководитель экспедиции, профессор Уильям Дайер, не терял времени даром. Он провёл совещание с Дугласом, капитаном «Аркхэма», и вместе с Торфиннссеном они разработали план, как доставить всех собак, машины, еду и другие припасы с кораблей на лёд.

Сначала они выгрузили всё на остров Росса и провели инвентаризацию того, насколько хорошо буровые установки, самолёты и собаки перенесли это путешествие. Когда все люди и оборудование были выгружены, начался их подъём на вершину Большого Барьера.

Морякам-янки нет равных в транспортировке грузов, даже если это говорит англичанин. Они выполняли работу с помощью канатов и шкивов, и было почти волшебством видеть, как ящик за ящиком поднимаются на вершину этой светящейся зелёным скалы. Собаки выли в своих упряжках, как проклятые души, когда они висели на высоте около двухсот футов, все четыре лапы болтались и брыкались в замёрзшем воздухе, но мы не потеряли ни одной собаки.

Самой большой проблемой стали детали для пяти самолётов, которые нужно было собрать

вместе, как только они окажутся на вершине Барьера. Некоторые из них, например двигатели, весили тонны. Без самолётов мы никогда не смогли бы так быстро продвинуться далеко на юг — собачьи упряжки предназначались для того, что можно назвать местным транспортом, но именно самолёты перевозили нас из лагеря в лагерь.

Обустройством Барьерного Лагеря, как его стали называть, могла бы гордиться даже армия. Механики собрали эти самолёты так аккуратно, что вы бы никогда не узнали, что их когда-либо разбирали на части. Это были огромные штуковины, каждая с четырьмя огромными двигателями и стойками выше человеческого роста.

Они были оснащены специальными нагревателями, чтобы двигатели и топливопроводы не замерзали. Как сказал мне профессор Пэбоди, было важнее уберечь двигатели от замерзания, чем уберечь от этого членов экспедиции. Он всегда шутил, пытаясь поднять нам настроение, но даже не улыбнулся, когда сказал это. Мне жаль, что я никогда больше его не увижу, он был хорошим человеком.

Я нашёл время отойти немного в сторону от лагеря и осмотреться. На востоке и западе, на-

сколько хватало глаз, не было ничего, кроме льда, да кое-где виднелось несколько чёрных скальных хребтов, а вдалеке на юге возвышались горы, которые нам предстояло пересечь, чтобы добраться до внутренней части континента.

Ветер пробирал меня до костей. Дело было не в холоде — температура была не ниже двадцати градусов или около того, и все мы были одеты в эскимосские костюмы, сделанные из тюленьих шкур, — дело было в том, откуда взялся ветер и какие пространства он пересёк, чтобы добраться до нас. Ни дерева, ни растения, ни травинки, ни клочка мха, ничего, кроме льда и нескольких крошечных кусочков камня, которые выглядели так, как будто они тонули во льду.

И не думайте, что лёд был таким же, как на поверхности замёрзшего озера в Аркхэме. Ничего подобного — лёд был весь изломан, скошен и повален. Некоторые участки занесло снегом, и они казались достаточно плоскими, чтобы по ним могли ехать сани, даже если они имели коварные пустоты внизу, но некоторые участки были настолько неровными, что всё, что мы могли сделать, это перетащить стальные полозья саней вручную, помогая собакам.

Мы держали их в упряжке и тренировались в

тот первый день, чтобы привести собак в форму после долгого морского путешествия. Как им нравилось тащиться по этому льду! Им было всё равно, что это Антарктида, они знали только, что снова могут свободно бегать, и они постоянно делали это.

Когда я впервые запряг Сержанта, он был так взволнован и счастлив, что всё его тело сотрясалось. Он повернул ко мне свои карие глаза в знак благодарности и издал долгий вой, которого было достаточно, чтобы у вас кровь застыла в жилах, и все остальные собаки подхватили этот вой, так что они зазвучали как стая волков. Может быть, это было по-детски с нашей стороны, но мы, кинологи, сами издавали крики и вопли; мы были так рады сойти с этого корабля.

Большая часть экспедиции установила палатки на вершине Барьера, а суда с их командами матросов встали на якорь. У профессора Лейка, преподававшего биологию в Мискатоникском университете, в лагере была установлена радиостанция, и такие же имелись на каждом самолёте. На «Аркхэме" с грот-мачты свисала огромная антенна, достаточно большая, чтобы посылать сообщения обратно в университет. Таким образом, экспедиция никогда не теряла контакта с

Новой Англией, хотя это и принесло нам мало пользы, когда начались неприятности.

2

Поначалу всё шло хорошо и гладко. Это должно было заставить меня нервничать, но я позволил всем этим экспертам убаюкать себя их самодовольством. Почти все участники этой экспедиции являлись экспертами. Большинство аспирантов могли летать на самолётах и работать с радиостанциями. Механики следили за самолётами и буровыми установками, чтобы те работали как швейцарские часы. Собаки вели себя смирно и не болели. Я должен был понять, что всё было слишком хорошо, чтобы быть правдой, но я хотел, чтобы экспедиция прошла спокойно, поэтому я не прислушивался к тому тихому шёпоту предупреждения в глубине моего сознания, который советовал мне быть осторожным.

Двадцать первого ноября мы погрузили в четыре больших самолёта сорок пять собак, четверо из пяти саней, буры, ящики с динамитом, палатки и другие припасы, и полетели на юг на расстояние около семисот миль. Мы разместили один самолёт и одну собачью упряжку в Барьерном Лагере для экстренного использования, руководствуясь

старым принципом, что держать все яйца в одной корзине — значит искушать судьбу.

Муни остался там со своей командой собак. В то время я жалел его, но теперь я хотел бы поменяться с ним местами… нет, это неправда, я бы никому не пожелал такой судьбы, что ожидала меня. Муни — хороший человек, он заслужил спасения. Только я бы хотел, чтобы на его месте оказался юный Генри Лейк, потому что у него вся жизнь была впереди.

Профессор Дайер начал обустраивать Южный лагерь. Даже тогда мы все могли видеть, что между Дайером и профессором Лейком собирались грозовые тучи. Дайер, возможно, и являлся официальным руководителем экспедиции, но Лейк хотел идти своим путём и не желал, чтобы ему указывали, что делать. Они не часто общались между собой даже когда мы достигли Антарктиды.

Я лично считаю, что Дайер был неподходящим человеком для руководства экспедицией. У него имелись знания, чтобы руководить, это правда, но у него не хватало воли отступить, когда кто-то оспаривал его приказы. Он всегда говорил своим тихим голосом: «Хорошо, хорошо, давайте соберёмся с мыслями и тогда всё решим". Такой

руководитель может пригодиться в университете, но не в Антарктиде.

В самолётах не было места для обычных кресел, поэтому мы сидели на скамейках вдоль бортов, а груз был сложен под сетками везде, где для него нашлось место. Было забавно наблюдать за молодым Лейком и его отцом, сидящими бок о бок, когда мы летели над этими бесконечными милями битого льда и зазубренных выступов чёрных скал. Они вели себя так, как будто едва знали друг друга, они были такими официальными и вежливыми, как будто познакомились всего неделю назад. Лейк не хотел проявлять благосклонность к своему сыну, а юный Генри не хотел выглядеть так, будто просит о каких-то одолжениях, поэтому они просто кивали и бормотали друг другу, отводя глаза.

Погода была хорошей. Мы разбили постоянный лагерь к югу от ледника Бирдмор, недалеко от горы Нансена. В те первые дни было много веселья. В середине декабря профессор Пэбоди, который являлся не только инженером, но и альпинистом-любителем, поднялся на гору Нансена с двумя аспирантами, Гедни и Кэрроллом, и водрузил на её вершине американский флаг.

Несколько недель спустя профессор Дайер,

который прилетел из Барьерного лагеря на самолёте с некоторыми припасами, решил взять два самолёта и пролететь над Южным полюсом. Лейк, Пэбоди и все семь аспирантов отправились вместе с Дайером. Я не полетел с ними, потому что меня не звали. Слава и почёт — для лидеров, а не для плотников, которые работают с ездовыми собаками. Однако молодой Генри Лейк тоже отправился в полёт. Дайер придумал какую-то причину, по которой он должен быть в самолёте, и профессор Лейк не возражал против этого, но было видно, что ему стало не по себе. Я думаю, что со своей стороны Генри был бы счастлив остаться с собаками, но он не имел права голоса в этом вопросе.

Всё это время профессор Лейк пребывал в восторге от найденных им окаменелостей, когда он использовал свои нагреватели, чтобы растопить лёд, а установки Пэбоди — для бурения горных пород под ним. Лейк смог исследовать только несколько мест, где скала выступала пиками у поверхности; лёд был слишком толстым, чтобы просверлить его до самого дна. Тем не менее, Лейк обнаружил некоторые вещи, от которых у него волосы встали дыбом. Я признаю, что это было нетрудно сделать — если вы видели фотографии

профессора Лейка, вы знаете, что его волосы стоят почти вертикально даже после того, как их расчесали, — но вы понимаете, что я имею в виду.

Профессора держали нас в напряжении, заставляя бегать туда-сюда с образцами окаменелостей папоротников и забавных маленьких моллюсков. Я привёз с собой плоские камни, из-за которых Лейк завёлся и захотел двигаться на запад, а не на восток, как планировал Дайер. Камень был разорван на куски взрывом динамита, но Лейк собрал его воедино, как головоломку. Тогда я не знал, почему его так обеспокоил этот камень — это были просто какие-то линии, похожие на отметины, если пальмовый лист вдавить в грязь. Профессор Дайер тоже не придал этому большого значения, но Лейк чуть с ума не сошёл от волнения.

Лейк начал перемещать наши сани всё дальше и дальше на северо-запад в течение всей середины января. Он был похож на дикаря и не слушал слов предостережения. Ездить по такому снегу было опасно. Лёд под ним имел широкие трещины, которые профессор Пэбоди назвал расщелинами, уходящими вниз на бесконечную глубину, но снег заносило ветром, который дул каждый день, так что мы не могли определить, где эти расщелины, пока не оказывались над

ними и не слышали, как снег начинает хрустеть и проваливаться под ногами.

Забавно, однако, что, когда произошёл несчастный случай, причиной его была не трещина, а один из тех гребней, где лёд выталкивается вверх. Мы с Генри Лейком мчались из лагеря туда, где Пэбоди и двое студентов вырыли в скале яму. Они хотели поскорее собрать окаменелости, чтобы мы все могли двигаться дальше, поэтому всё происходило в спешке. Я должен был предвидеть несчастный случай. Генри был всего лишь юношей, и его не следует привлекать к ответственности за случившееся.

Он пытался опередить мои сани, преодолевая неровные участки льда, наклонённые как горки. У меня хватило ума объехать это место стороной, и я подумал, что он поступил так же. Генри не смог бы победить Сержанта и других моих собак в честной гонке, и он это знал. Так вот, он взлетел на огромную плиту льда размером с половину футбольного поля и не увидел, что на другой её стороне обрыв.

Его сани перевалились через край. Юный Генри выпрыгнул из них в последний момент. Две собаки сильно пострадали при падении на острые края льда внизу. Одна умерла примерно через

десять минут, но мне пришлось перерезать горло другой, милой голубоглазой хаски, чтобы избавить её от страданий. Генри не мог этого сделать — он начал лить слёзы, и они примерзали к его щекам и ресницам на ветру, так что он ничего не видел.

Мы смогли добраться до места раскопок с его пятью оставшимися собаками, но это было неприятное дело. Оглядываясь назад, я вижу в этом предзнаменование того, что должно было произойти, но в то время я не беспокоился о будущем, а думал лишь о том, соберётся ли Генри с духом и выполнит ли свой долг как мужчина. Когда ты участвуешь в такой экспедиции, как эта, нет такого понятия, как бросить её на середине — ты должен довести дело до конца, несмотря ни на что.

Профессор Дайер и профессор Лейк почти ничего не сказали о потере двух собак. Я предполагаю, что они ожидали потерь, и именно поэтому они взяли с собой запасных животных. Когда мы с Генри вернулись в лагерь, они спорили о том, куда направиться дальше — на восток или на запад. Дайер хотел ехать на восток, но Лейк и слышать об этом не хотел. Он потребовал, чтобы самолёты были направлены на запад, в ту часть

Антарктиды, которая ещё не нанесена на карту и не исследована. Лейк утверждал, что окаменелости вели его на запад и что он должен был идти по их следу.

Профессор Лейк проявлял железную волю, когда чего-то хотел. Дайер не мог противостоять ему. Они спорили несколько часов, но в конце концов было решено, что Лейк направит четыре самолёта на запад с буровыми машинами и большей частью собак и людей. Лейк попросил Дайера отправиться с ним, потому что Дайер был геологом, но тот отказался. Мы все видели, что его чувства были задеты. Он решил остаться в Южном лагере с профессором Пэбоди и пятью мужчинами. Одним из них был Зулински — Дайер хотел взять с собой собачьи упряжки на случай, если он будет отрезан от самолётов из-за погоды или механических проблем.

Мы покинули Южный лагерь и полетели на запад над горами двадцать второго января. Лейк был в приподнятом настроении. Он добился своего и верил, что мы найдём окаменелости, которые сделают нас всех знаменитыми на всю жизнь. Может быть, он был прав, но я никогда об этом не узнаю. Это был последний раз, когда я видел профессора Дайера и остальных.

3

После нескольких часов в воздухе мы приземлились, чтобы Лейк мог провести бурение и взрывные работы для получения образцов. Мы нашли ещё несколько тех странных окаменелостей, похожих на пальмовые листья, которые так взволновали профессора Лейка. Примерно через восемь часов мы снова взлетели. Не было никаких причин останавливаться и разбивать лагерь — солнце стояло над горизонтом весь день и всю ночь. Оно никогда не поднималось очень высоко в небо и не заходило совсем, если только не оказывалось за соседней горой. Небо никогда не темнело.

Это было забавно — пытаться заснуть, когда не было ночи. Я обнаружил, что бодрствую двадцать, двадцать два, иногда более двадцати четырёх часов подряд, а затем сплю десять или одиннадцать. Я всё время чувствовал себя уставшим. Все остальные тоже. Мы действовали друг другу на нервы и перестали разговаривать, за исключением тех случаев, когда нам нужно было что-то сказать.

Пролетев ещё около семи часов, мы увидели огромный горный хребет, не отмеченный ни

на одной карте. Мы никогда раньше не видели таких гор. Никто не видел. Говорят, Гималаи — самые высокие горы в мире, но теперь я знаю, что это не так.

Один Господь знает, что мог бы сделать профессор Лейк, если бы судьба не вмешалась в происходящее. Он поговорил с аспирантом Данфортом, который летел на нашем самолёте. Они склонили головы друг к другу — никто из нас, сидевших сзади, не мог слышать, что они говорили, но я думаю, что Лейк пытался убедить Данфорта перелететь через эти горы. Это было бы безумием. Зазубренные чёрные пики были похожи на отвесную каменную ограду до самого неба. Они были так высоки, что на них не лежал снег. Но, как я уже сказал, судьба приложила к этому руку.

В самолёте, которым управлял аспирант Моултон, забарахлил двигатель, и он решил приземлиться для ремонта. Он сел на плоское пространство льда и снега прямо у подножия гор. Поэтому и Лейк решил разбить там лагерь. Мы установили палатки и соорудили временный снежный загон для собак.

Ветер разбушевался. Я никогда в жизни не чувствовал такого холода. Если на десять секунд убрать шарф с лица, то нос и щёки замерзали,

вот как было холодно. У нас имелись защитные очки, но они постоянно запотевали и покрывались льдом, так что мы с трудом могли видеть во время работы.

Ветер издавал какой-то странный свистящий звук, который собакам совсем не нравился. Мой вожак, Сержант, привык стоять, повернув голову по ветру, навострив уши, сузив глаза и растянув губы, обнажая зубы в подобии рычания. Когда я подходил поговорить с ним и погладить, чтобы утешить, он скулил и смотрел на меня как бы извиняясь, виляя своим пушистым хвостом, как шваброй для пыли, но, когда я возвращался к работе, он снова начинал рычать.

Звук ветра был жутким. Мы с Генри Лейком не раз переглядывались, слушая ветер, но между собой это не обсуждали. От разговоров о подобных вещах не было ничего хорошего. Обычный ветер. Мы не могли остановить его, поэтому притворялись, что не слышим.

Ветер гнал снег горизонтально по равнине, так что временами мы не могли видеть дальше дюжины ярдов. Мы держались поближе к самолётам и палаткам. Лейк понял, что палатки никогда не выдержат сами по себе, и приказал нам построить из снежных блоков баррикады,

чтобы они служили защитой от ветра. Мы разместили их с наветренной стороны палаток и перед самолётами, которые стояли против ветра и были привязаны десятками стальных якорных канатов, вбитых длинными стальными колышками в лёд.

Лейк беспокоился, как невеста в день своей свадьбы. Он не мог дождаться, пока мы закончим строительство лагеря, и отправил команду людей и одну из буровых установок на скальную гряду, которую он обнаружил почти непокрытой снегом недалеко от лагеря. Через некоторое время ветер начал немного стихать, и это облегчило работу, но дуть он не переставал. Он всегда был здесь, свистел с гор, что бы мы ни делали, куда бы ни шли. Спасения не было.

Я как раз закончил кормить своих собак, когда Гедни принёс известие, что буровая бригада под его руководством нашла пещеру. Они просверлили отверстие в скале и установили заряд динамита, и взрыв открыл проход в пещеру. Мы бросили свои дела и побежали смотреть.

Дыра была ненамного больше дверного проёма, но в неё было достаточно легко пролезть. Она открывалась в пещеру с достаточно высоким потолком, чтобы под ним можно было стоять. А

в темноте мы разглядели столбы из рифлёного камня, похожие на колонны, которые можно увидеть в церкви, только более грубые.

Я пробрался в пещеру вслед за остальными. У Лейка был электрический фонарик, и он использовал его, чтобы осмотреть стены. Насколько я мог судить, этой пещере не было конца. Я слышал, как Лейк сказал Гедни, что это известняковая пещера и что она возникла под воздействием воды. Если так, то вода давно ушла, потому что там, внизу, было сухо.

Вся поверхность пола пещеры была покрыта рыхлыми раковинами и костями, таким толстым слоем, что невозможно было ходить по ним без хруста. Кости перекатывались и скользили под моими ногами при каждом шаге и издавали какой-то скрежещущий звук, когда тёрлись друг о друга. Воздух был наполнен хрустом, потому что около дюжины мужчин решили осмотреться. Их ботинки подняли белую пыль, которая застряла у меня в горле.

Лейк сказал Гедни, что пещера, должно быть, когда-то была открытой, и в ней жили существа, от которых остались эти кости, но затем пещеру завалило, и она оказалась скрытой от внешнего мира по меньшей мере на тридцать миллионов

лет. Я думаю, Лейк знал, что я тоже его слышу. Он как бы смотрел на меня, пока говорил, и в уголках его губ играла лёгкая улыбка. Похоже, он не возражал против того, что я подслушивал.

Я никогда раньше не был в такой пещере. Пещеры в Новой Англии маленькие. Цвета известняковых колонн — Лейк называл их «сталагмитами" — были чем-то чудесным: голубые, зелёные и розово-красные. Я не знаю, как возникли эти цвета, может быть, из-за каких-то веществ в воде, которая создала эту пещеру. Я был рад выбраться оттуда, как бы интересно всё это ни было, потому что треск костей напоминал мне скрежет зубов, и ещё там был странный запах, от которого у меня сводило живот.

Когда я возвращался в собачий загон, мой пёс Генерал цапнул меня за руку, когда я попытался погладить его по голове. Он попятился, опустив уши и оскалив зубы, и зарычал на меня. Сержант достаточно быстро разобрался с ним, несколько раз гавкнув и щёлкнув зубами, но даже Сержант отшатнулся от меня, когда я позвал его подойти поближе, поэтому после нескольких попыток успокоить их я просто оставил их в покое, решив, что полёт на самолёте расшатал их нервы.

Когда Лейк делал свои открытия в пещере, он

отправил студентов бегом обратно в лагерь с записками, чтобы Моултон мог отправлять сообщения о находках в Южный лагерь и на судно «Аркхэм" по радио с одного из самолётов. «Аркхэм», в свою очередь, смог отправить сообщения в Мискатоникский университет, используя свою длинную антенну. Из-за этого, я думаю, участники нашей экспедиции погибли не зря.

Моя собачья упряжка стала той, что привезла звёздные камни в лагерь. Именно так я назвал их, когда увидел — у них не было собственного названия, потому что никто никогда раньше не видел ничего подобного. Они были сделаны из восковидного зелёного камня, вырезанного или каким-то образом сформированного в форме морской звезды шести дюймов или около того в поперечнике от острия к острию.

Я начал складывать их на сани у входа в пещеру, прежде чем заметил, что собаки капризничают. Их расстраивал странный запах камней, похожий на запах внутри пещеры, только сильнее.

Юный Лейк попытался погрузить камни на свои сани, но его собаки этого не допустили. Они подняли такой шум и так сильно запутали поводья, что я попросил его прекратить эти попытки, и сказал, что я сам отвезу эти камни в

лагерь. Моим собакам они тоже не понравились, но Сержант держал их в узде. Они стояли в своих упряжках, их ноги дрожали, хвосты были опущены, они завывали и лаяли, но они не пытались вырваться, и я смог перенести проклятые камни в лагерь, но только благодаря Сержанту. Он знал, как заставить других собак вести себя хорошо, и это было чудо.

4

Я спал в своей палатке, когда они нашли эти уродливые серые растения. Криноиды, как назвал их профессор Лейк. Я никогда не видел ничего подобного, даже в книгах. Я оделся и направился вместе с остальными ко входу в пещеру. К тому времени, как я добрался туда, мужчины вытащили троих существ через дыру на поверхность. Им пришлось выколачивать этих тварей из цельной скалы, потому что известняк стекал вниз и затвердевал вокруг них, удерживая криноидов в тех колоннах, о которых я говорил раньше.

У них были тела, похожие на ребристые бочонки, и забавная морская звезда вместо головы со стеклянными глазами на концах. Они стояли вертикально, около восьми футов в высоту, на пяти плавниках. Их руки, если их можно назвать

руками, были похожи на ветви дерева с ободранными листьями, а между гребнями, которые поднимались по бокам их тел, имелись маленькие сложенные крылья. Профессор Лейк смог потянуть за крылья и немного раскрыть их, потому что эти окаменелости не были каменными, а были сделаны из чего-то гибкого и прочного, типа бычьей шкуры.

Лейк улыбался от уха до уха, говорил и смеялся, чтобы развеселить нашу группу. Когда он увидел своего сына, он обнял его и хлопнул по спине.

"Мы сделали это, Генри» — услышал я его слова. — «Это находка века. Никто в мире никогда не видел ничего подобного, мой мальчик".

Мне было приятно видеть, как исчезла его вечная сдержанность. Впервые с тех пор, как мы отплыли из Бостона, эти двое вели себя как отец и сын.

И последнее. Мы, кинологи, вернулись в лагерь за тремя санями, чтобы перевезти наши находки. Но никакие наши ухищрения не смогли заставить собак перевозить этих существ. Даже Сержант не хотел приближаться к ним. Он лаял вместе с остальными, белая пена клочьями летела из уголков его оскаленной пасти. Я думал, он сломает себе все зубы, так сильно он стучал

челюстями.

В конце концов, нам пришлось отвести собак обратно в лагерь. Мы сами тянули сани с этими существами. Всего их было четырнадцать, хотя я слышал, как один из студентов сказал, что только восемь из них выглядели целыми. Остальные шесть были повреждены, у них отсутствовали некоторые части. Некоторых раздавили камни в пещере.

Профессор Лейк велел нам построить ещё один загон для собак, подальше от палаток, чтобы запах этих существ не так сильно их беспокоил. После того, как эти твари появились в лагере, собаки не переставали лаять и выть. Мы, кинологи, ничего не могли сделать, чтобы успокоить их. Мы привязали их к цепям на другой стороне ледяного хребта и построили ещё один загон дальше от лагеря, на противоположной стороне от большой научной палатки, где хранилось лабораторное оборудование. Мы поставили новый загон так далеко от лагеря, как только осмелились, но этого было недостаточно. Собаки всё не переставали лаять.

Они почувствовали запах крови, если это можно назвать кровью, которая сочилась из одного существа, которого профессор Лейк принёс в

палатку, чтобы разморозить и препарировать. Я тоже почувствовал этот запах, когда вышел из палатки с подветренной стороны. Пахло не то, чтобы плохо, просто неестественно, я никогда раньше не нюхал ничего подобного. Это заставило мой желудок скрутиться, но более того, запах заставил меня почувствовать страх. Я думаю, что именно это чувствовали все собаки — страх перед неизвестным.

Лейк приказал, чтобы другие существа, вытащенные из пещеры, были выстроены в ряд на снегу перед научной палаткой. Они представляли собой странное зрелище — склонённые друг к другу, как поле прямостоящих гигантских дынь с цветущими на их верхушках морскими звёздами. Было достаточно холодно с этим дьявольским ветром, так что не было никакой опасности, что они оттают, но солнечный свет, косо падающий через ледник на юг, освещал верхушки морских звёзд всевозможными цветами. Я думаю, это был первый раз, когда они увидели солнечный свет за миллионы лет.

Ни у кого не было много времени, чтобы глазеть на уродливых тварей, потому что ветер не утихал, а дул всё сильнее и сильнее. Это сделало строительство второго загона для собак ужасно

тяжёлой работой. Нам пришлось переводить собак по две штуки, они так безумно хотели добраться до этих монстров на льду. Когда они увидели их, то чуть не разорвали поводки. Нам с юным Лейком пришлось использовать дубинки, чтобы заставить собак обратить на нас внимание и пойти в новый загон, а я никогда так не поступаю с собаками.

Мне не понадобилась палка для Сержанта. Он каким-то образом сохранил самообладание, но я видел, что он так же стремился добраться до этих существ, как и другие собаки. Но я разговаривал с ним так, как обычно, тихо и медленно, и он меня выслушал. И это тоже хорошо, потому что я сомневаюсь, что мы смогли бы удержать Сержанта, если бы он вздумал вырваться на свободу.

Как бы то ни было, мы закончили перемещение собак в новый загон, накормили их и напоили. Другие помощники и механики были заняты изготовлением более высоких ветрозащитных стен, чтобы укрыть самолёты и палатки. Тот шторм, который дул с тех гор, был подобен дыханию из пасти ада. Большинство людей думают, что ад горячий и обжигающий, но мой старый отец читал греческую классику — он получил образование в колледже, и он сказал мне, что ад

на самом деле — это место льда и холода; только он всегда называл его Аидом. Раньше я смеялся над ним, да простит меня Бог, но теперь я знаю, что он был прав. Я был в аду, и это очень холодное место, холоднее смерти.

Когда я закончил с собаками, я подошёл к большой палатке, чтобы спросить профессора, не требуется ли ему ещё какая-либо помощь. В палатке было так тесно, что я с трудом протиснулся сквозь полог. Все, кто не работал снаружи, пришли посмотреть на то чудовище, которое Лейк разделывал на столе для образцов. К тому времени, как я туда добрался, он уже разделил существо на отдельные органы. Мне пришлось зажать нос рукой и дышать ртом, настолько отвратительным был запах. Даже когда я это сделал, я всё ещё чувствовал его вонь.

Из того, что я подслушал, Лейку и выпускникам удалось вскрыть существо ледорубами вдоль тех швов, которые шли вверх и вниз по его телу. Оно уже было частично расколото от дробления в пещере, когда на нём образовался известняк, так что тело не было слишком твёрдым. Я заглянул через плечи тех, кто стоял передо мной, но ничего не смог разобрать. Всё, что я увидел — массу серых и коричневых комков, что могли быть

органами, и несколько длинных белых волокон, которые, насколько я знал, могли служить венами, сухожилиями или даже нервами.

Я выскользнул из палатки на холод и поднял меховой воротник, защищаясь от ветра. Он дул маленькими резкими порывами, которые заставляли меня пошатываться и не давали мне сохранять равновесие. Я прошёл мимо тварей, оставленных на снегу, возвращаясь к своей палатке. Они раскачивались взад-вперёд на ветру, и те ветки деревьев, которые у них были вместо рук, кружились в воздухе, как будто они ожили. От одного взгляда на них меня бросало в дрожь, поэтому я держался на расстоянии и не поворачивался спиной, пока не оказался далеко от них.

5

Меня разбудили крики. Я приподнялся на койке в своей палатке, прислушиваясь к вою ветра и хлопанью брезента. Сначала я подумал, что всё ещё сплю, и что в моём сне кричала женщина, но, когда крики раздались снова и стали громче, и к ним добавился вой собак, я понял, что проснулся и что происходит что-то ужасное.

Внутри палатки царил полумрак. Мы создавали темноту на время сна, чтобы это больше похо-

дило на ночь, хотя солнце никогда не заходит в Антарктиде в течение летних месяцев. Света было достаточно, чтобы я увидел, что все койки пусты, кроме койки молодого Лейка. Юноша только что проснулся, как и я. Он уставился на меня широко раскрытыми глазами.

— Что происходит, Хоббс? — спросил он дрожащим голосом.

Я выглянул в открытый клапан палатки, который раскачивался взад-вперёд на ветру. Всё, что я мог видеть, — движущийся снег, который нёсся прямо справа налево, как картечь, выпущенная из ружья.

— Кого-то убивают — ответил я ему.

Я не знаю, почему я это сказал. Я ничего не видел и не понимал, что происходит. Это были просто крики, такие высокие и протяжные, как женские, только среди нас не было женщин, чтобы их издавать.

Из-за холода мы спали в одежде, так что мне осталось только надеть сапоги и рукавицы. Я схватил первое попавшееся мне пальто с вешалки. Только позже я понял, что оно было не моим, а принадлежало кому-то другому, вероятно, одному из механиков. Прежде чем выйти наружу, я прихватил топор. У нас имелись топоры с

большими широкими лезвиями для прорубания снега и льда.

Лейк последовал за мной. Мы постояли секунду или две, не зная, что делать, а потом услышали крики, доносящиеся со стороны научной палатки. Мы не могли видеть больше чем на дюжину футов или около того перед собой из-за метели. Снег создавал расплывчатую белую дымку. Время от времени ветер со снегом стихал, позволяя нам сориентироваться.

Того, что мы увидели, когда подошли к научной палатке, было достаточно, чтобы у меня кровь застыла в жилах. Один из этих огромных, высоких монстров из пещеры держал в своих ветвистых лапах человека. Монстр поднял его высоко в воздух и швырнул на лёд. Я слышал, как сломались кости человека, когда он ударился. Он был мёртв ещё до того, как его тело перестало двигаться; я думаю, он сломал позвоночник. Монстр полуобернулся, как будто смотрел на нас, и издал странный свист, похожий на звук флейты, когда на ней играет ребёнок, не знающий, какие отверстия зажимать. Такие же звуки доносились откуда-то из-за палатки. Затем ветер поднял снег и заставил это существо исчезнуть.

Я схватил Лейка за плечо и вроде как встрях-

нул, чтобы привлечь его внимание.

— Идём, — прокричал я сквозь ветер. — Мы должны добраться до твоего отца.

Это заставило юношу пошевелиться. Я шёл впереди с поднятым топором. Это существо, должно быть, переместилось куда-то ещё, потому что мы с ним не встретились.

То, что мы увидели перед большой палаткой, напомнило мне одну из тех старинных церковных картин с демонами. На снегу лежали мёртвые тела, оторванные головы и руки, красная кровь забрызгала белый снег. Один бедняга, которого я не узнал из-за повреждённого лица, был разорван пополам.

Двое из этих монстров сражались с профессором Лейком и аспирантом Уоткинсом, которые держали в руках топоры. Ещё один монстр лежал на льду позади них. Он не был мёртв, но, похоже, не мог стоять. Части его тела отсутствовали. Эти топоры были очень острыми, и мы часто ими работали.

— Отец! — закричал юный Лейк и побежал вперёд.

Профессор повернул голову на голос своего сына. Существо, с которым он сражался, опустило одну из своих рук и прорубило ему череп, как

будто он был не твёрже спелой тыквы. Профессор упал навзничь. Юный Генри Лейк бросился на тварь и ухитрился обхватить руками часть её макушки, где были глаза.

— Назад! — крикнул я Лейку и начал рубить существо сбоку, пытаясь не задеть юношу. Казалось, монстр обращал внимание на топор не больше, чем бык на метёлку из перьев. Тело этого бочкообразного существа было твёрдым.

Тварь обхватила бедного Лейка двумя руками и притянула его к себе. Я слышал, как его кости ломаются одна за другой. Куда делся раненый монстр, пока это происходило, я не знаю, потому что меня окружила метель. Из палатки доносились удары топоров и крики, но я не думал ни о чём, кроме как расправиться с дьяволом, убившим Лейка и его сына.

Внезапно повсюду появились собаки, лающие и воющие, как демоны. Должно быть, они вырвались из загона, когда услышали шум борьбы. Сержант бросился на монстра, и тот уронил тело юного Лейка на землю, пытаясь схватить собаку, но Сержант был слишком быстр для этого. Пёс кусал монстра за ногу, когда ему удавалось приблизиться, и отскакивал, когда монстр пытался ударить его своими руками-ветвями.

— Держи его, Сержант, держи! — крикнул я.

Моя кровь бурлила. Говорят, что человек в припадке злости видит красный цвет, и это, должно быть, правда, потому что перед моими глазами висела красная дымка. Я не думаю, что это была кровь, меня пока не ранили. Я просто сошёл с ума от убийственной ненависти. Что-то глубоко внутри меня твердило мне, что эта тварь не принадлежит моему миру, что она чужая и должна быть уничтожена. Собаки чувствовали то же самое. Их страх сменился убийственной яростью.

Монстр издал что-то вроде жужжания, по всему его телу появились маленькие крылышки и начали вибрировать. Я думаю, их было пять, хотя я и не собирался считать. Они бились быстро, как крылья стрекозы, и монстр поднялся в воздух, но далеко не улетел. Ветер перевернул его, и он упал на бок примерно в двадцати ярдах от нас.

Сержант не колебался, он побежал за монстром, а я последовал за псом. Это существо вело нас по снегу. Время от времени оно пыталось взлететь, но не могло справиться с ветром и в конце концов сдалось. Метель мешала мне следить за монстром, но он мог передвигаться по снегу так же быстро, как и я, так что я не мог догнать его с топором. Собака продолжала кусать его за пятки,

или там, где они должны были находиться, но существо не обращало на него внимания.

Когда оно внезапно исчезло из виду, я понял, что мы вернулись ко входу в пещеру. Тварь нырнула в дыру. Или, может быть, в пещере было что-то, что оно хотело использовать в качестве оружия. Пёс прыгнул сразу за монстром, так что я не мог остановиться, не так ли? Как я мог позволить этому псу погибнуть самому, не попытавшись ему помочь? Я забрался в дыру вслед за Сержантом, и, оглядываясь назад, я ни капельки не жалею об этом.

Монстр пытался пробежать между колоннами, но не мог очень быстро передвигаться по неровному полу пещеры, и он не мог летать, поэтому мы поймали его, прежде чем он ушёл слишком далеко. Теснота помогала нам и мешала ему. Сержант зашёл с одной стороны, а я подобрался к монстру с другой. Он поднял собаку и швырнул её о колонну. Вот так у Сержанта сломались рёбра. Я обнаружил, что могу разрубить монстра, если ударю топором по голове и тому месту, где эта морская звезда соединялась с верхней частью его туловища.

Через проход в пещеру просачивалось немного света, но его было достаточно, чтобы разглядеть

движущиеся тени. Может быть, эта тварь так же не могла видеть в темноте, как я и мой пёс. Во всяком случае, монстр был почти мёртв, когда я допустил оплошность. Я поскользнулся и упал. Чудовище опустило одну из своих конечностей на мою левую ногу, и я услышал, как кости затрещали, как горсть крапивы, брошенная в огонь. Вот тогда Сержант схватился за его голову. Его зубы впились в неё там, где она была самой мягкой, тварь издала что-то вроде свистящего крика и упала на бок. Пёс продолжал вгрызаться в него, даже после того, как монстр перестал двигаться; Сержант рычал как дикий зверь, которым, я полагаю, он и был в тот момент.

Боль и шок от сломанной ноги, должно быть, вырубили меня. Я не знаю, как долго я пролежал без сознания. Меня разбудил сильный грохочущий звук. У меня кружилась голова, и сначала я не мог понять, где нахожусь. Я почувствовал, как Сержант облизывает моё лицо, и постепенно начал приходить в себя. Моя левая штанина была пропитана засохшей кровью, так что я предполагаю, что один из кусочков кости проткнул мою кожу.

Я попытался встать, но не смог. Моя больная нога не выдерживала никакого веса, и от боли я

чуть не потерял сознание. Я попытался ползти, но я не мог перенести вес на колено, поэтому я начал подтягиваться на животе к крошечному пятну света, которое, как я знал, было входом в пещеру. Свет был далеко не таким ярким, каким должен был быть. Сначала я подумал, что у меня что-то не так с глазами, но когда я добрался до входа, то понял, что произошло.

Пока я пребывал без сознания или спал, профессор Дайер и люди из Южного лагеря прилетели на пятом самолёте и обнаружили всю эту смерть и разрушения вокруг научной палатки. Дайер, должно быть, прямо тогда решил запечатать вход в пещеру на случай, если там остался кто-нибудь из тех монстров, что проснулись. Он сделал это самым быстрым и надёжным способом, что пришёл ему в голову, свалив все тяжёлые буровые установки, запасные части и отрезки труб в дыру, одну за другой.

Я долго кричал, но это было бесполезно. В то время сквозь проход всё ещё просачивалось немного света. Позже маленькое отверстие, через которое проникал дневной свет, завалило снегом, и в пещере стало совсем темно. Прежде чем это произошло, я нашёл электрический фонарик, который один из аспирантов, должно быть, оставил

прямо у входа.

Я знаю, о чём вы думаете. Почему Сержант своим лаем не предупредил Дайера о том, что в пещере кто-то есть? Я не могу этого объяснить, потому что был без сознания. Если хотите знать моё предположение, пёс действительно залаял, но он не отходил от меня, а Дайер и остальные были слишком напуганы тем, что может выбраться из пещеры, чтобы спуститься и посмотреть.

Может быть, они услышали лай Сержанта и решили не идти за ним, потому что он был всего лишь собакой. Я не могу сказать, что я слишком сильно виню их, учитывая то, что они, должно быть, нашли в лагере. Эти монстры были ужасно сильны и жёстки, как сапожная кожа, и их было просто слишком много. Они застали нас врасплох, но даже если бы мы были готовы, они всё равно бы победили нас.

У нас не было другого оружия, кроме топоров. Я думаю, может быть, у профессора Лейка имелся револьвер, хранившийся в рюкзаке, я его никогда не видел, но один из выпускников как-то пошутил на эту тему, когда мы были на судне, что Лейк пристрелит нас, если мы не будем выполнять его приказы. Оружие всё равно ничего бы не изменило — пули не могли повредить этим тварям.

6

Батарейка в фонарике прослужила дольше, чем я предполагал, учитывая, что с самого начала она была разряжена наполовину. Я держал его выключенным так долго, сколько мог просидеть без света. Темнота была такой густой, что мне казалось, будто я плыву или тону в ней. Моё сердце заколотилось, я весь вспотел и в то же время задрожал. Когда мне показалось, что я не могу дышать, я снова включил фонарик на несколько минут. Я продолжал делать это в течение долгого времени, как мне показалось — во всяком случае, часов.

Сержант всегда был рядом, тихо сидел и наблюдал за мной, навострив уши. Темнота его совсем не беспокоила. Может быть, он мог слышать эхо от каменных колонн, или, может быть, он мог чувствовать запах земли достаточно хорошо, чтобы ему не нужно было видеть.

Он даже не заскулил, хотя я этого и не ожидал. Он никогда не был такой собакой, чтобы показывать слабость. В конце концов кровь засохла на его правом боку. В свете факела его шерсть превратилась из блестяще-красной в тускло-коричневую. Имейте в виду, что сам фонарик к

тому времени уже тускнел. Когда он, наконец, перестал включаться, независимо от того, как сильно я его тряс или стучал им по стене, я просто сел, прислушиваясь к своему сердцебиению и ровному тяжёлому дыханию пса.

В пещере было не очень холодно. Должно быть, откуда-то из глубины поднималось тепло через какую-то трубу или трещину. Я никогда не пытался найти эту трещину в темноте, это было бы самоубийством, а у меня и в мыслях не было убивать себя. Моя нога была сломана настолько сильно, что я, вероятно, всё равно не смог бы отползти очень далеко.

Вонь от этой мертвечины стала настолько сильной, что я скорчился и откатился на дюжину ярдов или около того от монстра, затем приподнялся и сел, прислонившись спиной к колонне. Пёс последовал за мной. Казалось, он не возражал против вони, теперь, когда тварь умерла. Должно быть, Сержант испытывал жажду — последний раз собак поили примерно за шесть часов до нападения. Нельзя было оставлять воду на открытом воздухе в загоне, потому что она замёрзла бы через десять минут или около того. Лёд нужно было растопить на плите, чтобы собаки могли пить.

Мы с Сержантом долго сидели в темноте. Боль в

ноге усилилась, но я старался не обращать на неё внимания. Нет смысла размышлять об этом. Я нашёл блокнот и карандаш во внутреннем кармане своего пальто, когда обыскивал его в надежде, что тот, кто им владел, оставил там немного вяленой говядины или бисквита. Я открыл блокнот и провёл пальцами по страницам. Только на первой я нащупал какие-то записи, поэтому я вырвал её и начал писать то, что вы читаете. Почему бы и нет? Что ещё мне оставалось делать?

Писать в темноте не так сложно, как вы могли бы подумать. Всё, что требуется, — это чтобы строки были красивыми и ровными, и ещё надо следить за тем, чтобы карандаш не соскальзывал с края страницы. Мой складной нож, который я всегда носил в кармане брюк, сохранял карандаш острым. Это был способ потратить немного времени.

Кто знает? Может быть, когда-нибудь другая экспедиция откроет вход в эту пещеру и найдёт меня и собаку. Наверняка они заинтересуются тем, что случилось со всеми нами. Может быть, профессор Дайер возглавит и следующую экспедицию. Нет, если кто-нибудь спасёт меня, я ни за что не вернусь снова в эту адскую, богом забытую ледяную пустыню. Но, похоже, этого не

произойдёт.

Я слышу, как Сержант стоит возле мёртвого монстра, обнюхивает его и ковыряется в нём зубами. Я не слышу никакого жевания. Это либо слишком жёсткое блюдо для него, либо ему не нравится вкус, хотя к этому времени он, должно быть, уже проголодался. Я думаю, мы находимся здесь уже несколько дней. Должно быть, прошло не меньше недели, но трудно сказать. Время как бы бежит в темноте.

Иногда я, должно быть, сплю, но не могу сказать, сплю я или бодрствую, пока не запишу свои мысли в этот блокнот. Я начал видеть вещи в темноте. Картинки, но большие, как будто я сижу в кинотеатре на первом ряду, прямо у экрана. По какой-то причине это в основном то, что я помню с тех пор, как был мальчиком в Англии. Лондон, улицу Пикадилли, рынок Ковент-Гарден и Стрэнд.

Моя бабушка жила в коттедже в деревне, и иногда я вижу, как она стоит у открытой входной двери и машет мне рукой, чтобы я зашёл к ней, как она делала, когда меня отправляли к ней в гости на лето. Я чувствую запах её роз, которые росли по бокам дорожки перед домом, и вижу её серого кота Лаггера, вытянувшегося на подокон-

нике открытого переднего окна.

Я не вижу образов из Аркхэма или университета. Это странно. Может быть, это означает, что вещи, которые я делал в университете, не были настолько важными, чтобы их стоило запоминать. Или, может быть, воспоминания, которые мы создаём в начале жизни, возвращаются к нам, когда мы приближаемся к концу.

На какое-то время я, должно быть, заснул. Разбудил меня язык Сержанта. Он лизал мою сломанную ногу, где шов брюк разорвался, а кровь просочилась и засохла на штанине. Пёс отступил, когда услышал, что я просыпаюсь, но издал лишь тихий звук. Это было скорее урчание, чем рычание.

Я просил его не возражать и говорил, что он хороший пёс, снова и снова, пока, наконец, он не подошёл ко мне и не позволил мне погладить его по шее, как я обычно делал, когда мы тренировались с колёсной упряжкой в Новой Англии на пыльных летних дорогах. Он лизнул мою руку и как бы уткнулся в неё мордой. Его нос был не совсем в порядке. Он был горячим, а не прохладным и влажным, как должно быть.

Он хороший пёс, но, должно быть, он уже сильно проголодался. Как я уже говорил вам в начале

этого дневника, ездовые собаки не совсем похожи на собак, которых вы держите в качестве домашних питомцев. В них есть дикость, которую никогда не укротишь. Где-то глубоко внутри они наполовину волки, а ни один волк не может вынести запаха крови и мяса, когда он умирает от голода.

Я не хочу, чтобы вы в чём-то обвиняли Сержанта. Он хороший пёс, лучший пёс, который у меня когда-либо был. Я просто хотел бы, чтобы он был моей личной собакой, но почему-то, учитывая мои обязанности в университете и то, что после смерти моей Мэри я жил один в съёмном доме, завести собственную собаку мне не представлялось разумным. Но то, что Сержант собирается сделать, это не его вина, просто помните об этом.

Теперь он тихо рычит. Думаю, что это продлится недолго. По крайней мере, мне не нужно будет нюхать эту гниющую тварь из ада. Может быть, когда Сержант поест, он наберётся достаточно сил, чтобы обыскать эту пещеру и найти выход наружу. Может быть, в лагере всё ещё найдётся кто-нибудь, кто отвезёт его домой. Надеюсь. Пёс не заслужил того, что с ним случилось. Никто из нас этого не заслужил, но, по крайней мере, мы, люди, знали, во что ввязываемся. Собаки просто

перестали нам доверять.

Мне жаль, что я подвёл тебя, старина. Ты хороший пёс, Сержант, да, это так, ты хороший пёс…

* * *

Дополнительная записка профессора Старквезера, руководителя антарктической экспедиции Старквезера-Мура 1935 года из Мискатоникского университета, Аркхэм, Массачусетс:

"Приведённый выше отчёт, написанным карандашом, был найден рядом с телом Джека Хоббса, сорокачетырёхлетнего плотника, нанятого Мискатоникским университетом, который сопровождал экспедицию 1930 года в качестве кинолога. Он был вдовцом, детей не имел.

Хоббс держал блокнот в левой руке, а в правой сжимал огрызок карандаша длиной не более двух дюймов. Рядом с ним лежал открытый перочинный нож, а кедровые стружки на его вытянутых ногах указывали на то, что он много раз затачивал карандаш. Судя по всему, он умер от заражения крови, вызванного сложным переломом левой большеберцовой и малоберцовой костей.

Поперёк его ног лежал мёртвый большой, ездовой пёс маламут. Причиной смерти пса стал голод. Состояние его тела указывает на то, что ка-

ким-то образом ему удалось оставаться в живых в течение нескольких недель, возможно, целых двух месяцев, после смерти Хоббса. Я могу лишь предположить, что псу удалось найти какой-то источник воды глубже в пещере, но там не было еды. Пёс не пытался кормиться телом мёртвого Хоббса".

Перевод: А. Черепанов

Дональд Тайсон
Исчезновение в морге

Donald Tyson «Missing at the morgue», 2017

1

Один из моих источников в семнадцатом участке сообщил мне по секрету, что тело серийного убийцы Джеймса Оута находится на вскрытии в морге Больницы Святого Джеймса.

Двенадцать недель этот Оут терроризировал город, задушив пять молодых женщин. Но, наконец, полиция настигла его в заброшенном многоквартирном доме, и после часовой перестрелки, которую транслировало телевидение

по всей стране, преступник был убит. Однако не было обнародовано ни одной фотографии Оута. Всё, что появилось в средствах массовой информации, — это гипотетический карандашный набросок, сделанный несколько дней назад полицейским художником на основе воспоминаний женщины, которую кто-то пытался, но не смог задушить.

Я схватил фотоаппарат, запрыгнул в свою машину, и на дымящейся резине помчался в больницу, пока о местонахождении покойника не пронюхали вездесущие газетчики. Когда я говорю «дымящаяся резина», то это лишь образно. У моей умной машины недостаточно лошадиных сил, чтобы всерьёз сжечь шины. Но она отлично преодолевает городские пробки. Я чувствовал себя Фиолетовым Мстителем, проскальзывающим в щели, слишком маленькие для обычного автомобиля или грузовика, чтобы даже подумать о том, как в них протиснуться.

Мои часы показывали 21:30, больница всё ещё была открыта для посещений. Я не смог найти места на общественной стоянке, поэтому оставил машину под огромным алюминиевым светильником.

Я чувствовал себя довольно бодро, когда шёл

по больничному коридору к служебному лифту, намереваясь попасть в подвал. Моё бодрое настроение исчезло, когда я вышел из кабины лифта и увидел детектива в звании сержанта Лероя Биггса, стоящего в холле рядом с дверью в морг. Выражение его лица, когда он узнал меня, говорило о том, что он испытывает такое же сожаление.

— Как, чёрт возьми, ты узнал об этом, Далхой? — возмутился Биггс.

— Ты знаешь, как это бывает. Я держу ухо востро, — ответил я.

— Майкельсон из дежурки сказал тебе?

Чёрт, Биггс, ты молодец, подумал я, но с серьёзным выражением лица покачал головой.

— Ты знаешь, что я не могу тебя впустить, — сказал Биггс, складывая свои массивные руки на груди. Он выглядел устрашающе при его росте в 185 сантиметров и с массой более ста двадцати килограммов.

— Тебе не кажется унизительным, что тебя назначили охранять комнату, полную мертвецов? — спросил я. — Сомнительно, что Оут оживёт и задушит их.

— Я здесь не из-за Джеймса Оута.

Мои уши навострились, как у ретривера, когда

он слышит выстрел из дробовика.

— Что ты здесь делаешь, Биггс?

— Я не могу тебе этого сказать, Далхой.

— Да ладно, ты же знаешь, что я умею держать рот на замке. Что происходит?

Сержант раздражённо вздохнул и прикусил нижнюю губу. Он страдал из-за невозможности закурить.

— Странное дерьмо тут творится, — проворчал он. — Я предполагал, что ты тут появишься. Кажется, ты всегда оказываешься рядом, когда происходит что-то странное.

— Что я могу сказать тебе, Биггс? Это карма.

— Главный патологоанатом, доктор Ю, позвонила нам, чтобы сообщить о краже органов у трупов, хранящихся в морге, — объяснил сержант.

— Кто-то крадёт органы, чтобы продать их для трансплантации? — удивился я.

Биггс замахал руками.

— Тела недостаточно свежи для пересадки.

— Значит, фетишист, — предположил я. Дело становилось всё интересней.

— Похоже на то, если только доктор Франкенштейн не создаёт ещё одного монстра.

Дверь за спиной Биггса открылась, и оттуда вы-

шли двое полицейских криминалистов со своим оборудованием.

— К этой двери приставлен наряд, Далхой, — сказал Биггс, наблюдая, как его коллеги направляются к лифту. — Посторонний персонал не должен входить или выходить.

— Всего десять минут. Я вхожу, фотографирую уродливое мёртвое лицо Оута и выхожу. Десять минут.

— Десять минут, — повторил Биггс. — Всего-то?

Он с отвращением покачал головой и нахмурился, глядя на меня сверху вниз. Мой рост — жалкие 165 сантиметров, так что ему долго пришлось искать меня глазами.

— Входи, фотографируй и убирайся. Не заставляй меня сожалеть об этом.

Я проскользнул мимо сержанта в морг и вздрогнул. Там было холодно. В воздухе стоял сильный запах формальдегида, от которого у меня пересохло в носу и защипало. Китаянка в белом лабораторном халате склонилась над столом из нержавеющей стали, на котором лежал обнажённый труп мужчины. У неё были короткие чёрные волосы и очки в чёрной оправе с толстыми линзами.

— Доктор Ю? — спросил я.

Она повернулась ко мне. Из-за линз очков её тёмные глаза казались огромными.

— Это тело Джеймса Оута? — задал я другой вопрос.

— Кто вы? — спросила она. У неё был такой сильный акцент, что я с трудом понимал её речь.

— Я полицейский фотограф.

— Я думала, у полиции уже есть все фотографии, которые им нужны.

— Один снимок получился плохо, — соврал я. — Мне нужно переснять лицо Оута.

Китаянка отступила от стола и сделала жест рукой.

— Будьте как дома.

Мужчине на столе прострелили лицо чуть выше уголка верхней губы. Кто-то смыл кровь, но дыра была зияющей и кровавой. Прекрасная деталь. Веки Оута были полуоткрыты, а стеклянные серые глаза уставились в потолок. Он был уродливым сукиным сыном, но не хуже многих других, которых я фотографировал за эти годы.

Я подошёл к столу и поднял камеру над головой покойника, фокусируясь на плоскости его лица. Из-за этого кончик его носа оказался слегка не в фокусе, но это не имело значения. Снимок,

который я сделал, был перевёрнут вверх ногами, но я мог достаточно легко исправить это на компьютере.

— Итак, я слышал, что кто-то похищает внутренние органы у мертвецов, — сказал я непринуждённым тоном.

Патологоанатом взглянула на меня. Меня так и подмывает сказать, что выражение её лица было непроницаемым.

— Есть какие-нибудь подозрения относительно того, кто это делает? — спросил я.

— Это не моя работа. Вам следует спросить полицию, ну, знаете, тех, на кого вы работаете.

Вот тебе и очарование.

— У меня есть для вас двадцать долларов, если вы расскажете мне всё, что знаете, — сказал я негромко.

Китаянка посмотрела в сторону двери. Мы были наедине с мертвецами. Она протянула свою крошечную ладонь. Я положил в неё двадцатку, и купюра исчезла в кармане доктора. Она поведала мне следующее:

— Это началось две недели назад. Сначала похитили сердце. Затем печень. Мы начали замечать и отслеживать то, чего не хватало.

— Сколько человек имеет доступ в этот морг?

Патологоанатом пожала плечами.

— Полдюжины. Я, мой помощник Артур Куртц, уборщики, санитары, которые перевозят тела.

— Так это, должно быть, один из вас украл органы, верно? Так предполагает полиция. А что думаете вы сами? — спросил я.

Она серьёзно посмотрела на меня.

— Органы пропадают, когда в морге никого нет, а дверь заперта.

— Вы имеете в виду, что здесь никого нет, дверь заперта снаружи, а органы исчезают? — уточнил я.

— Именно так.

— Как такое возможно?

Её лицо посуровело.

— Я больше ничего не скажу.

Биггс просунул голову в дверь.

— Твоё время истекло, Далхой. Уноси свою задницу отсюда.

Я улыбнулся патологоанатому.

— Мой босс. Настоящий рабовладелец.

— Ты знаешь, что у тебя там, Биггс? — сказал я, выходя в коридор.

— Что? — спросил Биггс безо всякого любопытства.

— У тебя есть тайна запертой комнаты.

— Не существует такой вещи, как тайна запертой комнаты, — возразил сержант.

— Ты что, Агату Кристи не читаешь?

— У меня слишком много работы, чтобы тратить время на чтение.

— Главный патологоанатом говорит, что органы пропадают, когда в морге никого нет и дверь заперта, — объявил я.

— Значит, она лжёт или ошибается, — прокомментировал это Биггс.

— Похоже, ты не очень заинтригован.

— Это проблема покойников, Далхой. А моя работа — искать убийц.

2

Та фотография Оута принесла мне наибольшее денежное вознаграждение за весь год. Я продал её телевизионным каналам, газетному синдикату, телеграфной службе и таблоидам. У таких вольнонаёмных работников, как я, бывают долгие периоды безденежья, а иногда — удачный заработок за один день. Я использовал эти деньги, чтобы оплатить аренду квартиры и погасить остаток кредита за свою машину. И даже после этого на моём текущем счете осталась приличная сумма. Я устроил себе праздник, купив кое-какие

продукты.

Возможно, я бы навсегда забыл о тайне пропавших органов, но позже в тот же день позвонил Майкельсон.

— Ты помнишь тот морг, куда забрали труп Оута? — спросил он.

— Больница Святого Джеймса. Что там опять?

— Кое-что пропало.

Я сразу же подумал о потрошителе трупов.

— Ты хочешь сказать, что был украден ещё один орган? — предположил я.

— Орган? Что? Нет.

— Тогда о чём ты говоришь?

Майкельсон понизил голос.

— Прошлой ночью кто-то украл труп Оута.

— Что?! Ты хочешь сказать, что они забрали всё его тело?

— Именно это я и говорю. Департамент хранит дело в тайне, пока они пытаются отследить местонахождение трупа. Украл ли его сумасшедший или кто-то ещё? Это должно быть как раз по твоей части, Далхой.

Я повесил трубку и откинулся на спинку дивана, чтобы подумать. Подушки и спинка моего дивана были обмотаны полосками серебристой клейкой ленты. Некоторое время назад кто-то

вломился в мою квартиру и разграбил её, попутно исполосовав ножом мой диван. В ближайшие выходные мне придётся поискать на гаражных распродажах другую мебель.

Похититель органов становился всё смелее, так как продолжал заниматься своим хобби, не будучи пойманным. Он или она, поправил я себя. Это могла делать и женщина. Обычно, однако, именно мужчина предавался подобной фетишистской одержимости. Я не хотел знать, что он делал с органами, но у меня возникло неприятное подозрение, от которого у меня скрутило живот. Возможно, он любил фасоль Фава и вино «Кьянти". Но зачем ему красть целый труп? Было ли это просто совпадением, что он забрал печально известный труп Джеймса Оута, или это было сделано намеренно?

У меня самого есть ряд личных проблем. К счастью, фетишизм не входит в их число, как и некрофилия. Но у меня больное сердце, из которого я вероятно умру в один прекрасный день, когда перетружусь. И психолог сказал мне, что у меня лёгкая форма аутизма. Раньше это называли Синдромом Аспергера. Также я страдаю из-за навязчивых мыслей и не могу устоять перед желанием разгадать тайну, когда она мне

попадается. Я знал, что должен расследовать кражу чьего-то трупа, даже если мне за это не заплатят. Я бы не смог спать по ночам, если бы не сделал этого.

Я приехал в Больницу Святого Джеймса и направился в морг. Биггс и его команда уже находились там. Сержант выглядел так, словно был готов рвать на себе волосы. Невозможность выкурить сигару, находясь в больнице, реально действовала ему на нервы.

— Только не ты, — сказал он, увидев меня у открытой двери морга. — Ты преследуешь меня, Далхой?

— Просто пытаюсь сделать снимок, который попадёт в журнал «Тайм», Биггс.

Я неторопливо вошёл в морг, и сержант не вышвырнул меня вон. Возле стены женщина-полицейский беседовала с доктором Ю и нервным белым мужчиной с короткой стрижкой, предположительно её помощником Артуром Куртцем.

— Я думал, вы поставили охранника за дверью морга, — сказал я Биггсу.

— Он был там всю ночь.

— Так как же вор пронёс труп Оута мимо него?

— Я не знаю.

— Должно быть, он в какой-то момент ушёл

в туалет.

Биггс замахал руками.

— Он новичок в полиции. Молодой, имеет крепкий мочевой пузырь. Он клянётся, что ни на миг не отходил от двери.

— Значит, он заснул, — засомневался я.

— Он говорит, что не спал, — мрачно ответил Биггс.

— Но он вряд ли признается в этом, не так ли?

— Он хороший парень, Далхой. Я верю ему.

— Ты уверен, что труп был в морге, когда твой парень приехал сюда? — не унимался я.

— Он зашёл внутрь и проверил всё сам. Тело Оута лежало на том столе.

Биггс указал на тот же стол из нержавеющей стали, где я фотографировал лицо Оута.

Женщина-полицейский закончила допрашивать патологоанатома и её помощника. Я отошёл от Биггса, чтобы он мог поговорить с напарницей, и направился к Артуру Куртцу, имевшему ошеломлённый вид. Я назвал ему своё имя.

— Не возражаете, если я поговорю с вами, доктор Куртц?

Он моргнул и сосредоточился на моём лице.

— Вы из полиции?

— Я фотографирую, — сказал я, что являлось

абсолютной правдой.

— Что вы хотите узнать? — спросил доктор.

— Эти органы пропадают уже около двух недель, верно?

Он кивнул.

— За это время вы не заметили ничего странного?

— Не понимаю, что вы имеете в виду.

Его голубые глаза оторвались от моих.

— Что-нибудь необычное. Смешное, странное.

— Насколько мне известно, нет, — ответил Куртц, не глядя на меня.

— Вы что-то видели, не так ли? Что это было?

Куртц взглянул на патологоанатома. Я подумал, не велела ли она ему молчать.

— В конце концов, всё выяснится, доктор, — добавил я серьёзно.

Наконец, он посмотрел на меня.

— Это была мелочь. Просто мои нервы. Я не упомянул об этом полицейским, потому что это было неважно.

— Скажите мне, что это было. Если это действительно так тривиально, я даже не стану сообщать об этом сержанту Биггсу.

— Иногда я работаю допоздна, — начал Куртц тихим голосом. — Однажды вечером, около

недели назад, когда я сидел за своим столом, просматривая кое-какие бумаги, я кое-что услышал.

— Где находится ваш стол?

— В офисе.

Доктор указал на дверь.

— Так что же случилось?

— Это был какой-то скользящий звук, я не знаю, как ещё его описать. Я встал из-за стола, чтобы посмотреть в чём дело. В этот час единственное освещение исходит от ночных ламп, которые всё время остаются включенными, чтобы мы не натыкались на столы в темноте. Большая часть морга была погружена в тень. Я услышал скрежет. Я подумал, что это, должно быть, крыса.

— У вас здесь много крыс? — спросил я.

— Нет, у нас никогда не было крыс, — встревожился Куртц. — Я даже никогда их не видел, а я работаю здесь уже три года.

— Итак, вы услышали скрежет. Как вы поступили?

— Я направился в сторону звука. — Куртц сглотнул и посмотрел на меня извиняющимся взглядом со слабой улыбкой. — Как вы можете себе представить, я нервничал. Скрежет исходил из-под одной из простыней, которыми был накрыт труп на столе. Когда я подошёл ближе, я

увидел, как простыня поднимается и опускается, как будто что-то двигалось под ней.

— Какое имя было у покойника? — спросил я.

— Это был просто «Неизвестный". Какой-то бездомный, у которого случился сердечный приступ.

— Что вы сделали затем?

— Я стоял там, пытаясь набраться храбрости, чтобы поднять простыню. К тому времени я убедил себя, что это, должно быть, крыса, но я не хотел, чтобы она прыгнула мне в лицо. Наконец, я схватил простыню за один угол и просто сдернул её вниз и со стола.

Куртц замолчал, его голубые глаза расфокусировались. Он смотрел сквозь меня, в прошлое, заново переживая тот момент.

— Когда простыня соскользнула в сторону, что-то отодвинулось с другой стороны стола.

— Что-то? Например, что? — спросил я, удивившись.

— Я не разглядел его как следует. Оно было быстрым, а освещения не хватало. Я могу сказать вам, что оно было не очень большим, но всё же намного крупнее чем крыса. И даже крупнее кошки или собаки. Но всё было черным. Оно походило на движущуюся тень, скользящую по полу.

— Куда делась эта тень? — спросил я.

Доктор указал на секцию ящиков из нержавеющей стали, в которых лежали тела.

— В том направлении. Было темно. Я подбежал к выключателю, но к тому времени оно уже исчезло.

Несколько секунд я размышлял над рассказом Куртца.

— Могло ли оно проскользнуть в один из ящиков? — спросил я, наконец.

— Я заглянул во все из них. Там не было ничего, кроме трупов.

Я подумал о том, что ещё мне следует выведать у Куртца.

— У Неизвестного пропал какой-нибудь орган?

Доктор отрицательно покачал головой.

— Вы понимаете, почему я не хотел рассказывать об этом полиции? Всё это выглядит так, словно я сумасшедший.

Я похлопал Куртца по плечу.

— Не волнуйтесь об этом, док. Я им не скажу.

3

После полуночи я проник в больницу через отделение неотложной помощи и проскользнул мимо охранников, когда выгружали несколько

пострадавших в автокатастрофе. Я спустился по лестнице на уровень морга и просто ждал у подножия лестницы. Через окно в дверях я мог видеть полицейского в форме, которого Биггс поставил дежурить у двери.

Не многие мужчины могут продержаться восемь часов без перерыва на туалет. Новичок, возможно, и справился с этим в первую ночь, но сегодня вечером он начал танец «пи-пи" сразу после половины четвёртого. В конце концов он покинул свой пост и проскользнул в туалет, расположенный дальше по коридору. Пришло моё время действовать.

Я спустился с лестницы и вошёл в морг. Дверь была не заперта, вероятно, для того, чтобы патрульные могли периодически заглядывать внутрь. Там было темно, но от ночных ламп, расположенных низко на стенах, исходило достаточно света, чтобы я не натыкался на предметы, как и сказал Артур Куртц. Я опустился на колени рядом с одной лампой и убедился, что моя камера готова к съёмке. Если кто-то заявится в морг, мне нужно было его сфотографировать. Затем я нашёл чистую белую простыню, взобрался на свободный стол и накинул на себя простыню так, чтобы она накрыла меня с головы до ног.

С одного края я сложил край простыни домиком, чтобы из своего укрытия наблюдать за всей комнатой. Стол располагался у стены, так что мой обзор был достаточно большим, хотя в густых тенях мог прятаться кто угодно.

Как только я привык к запаху морга, он стал каким-то умиротворяющим. Я чуть не заснул. Металлический звук вернул меня к реальности. Я не мог представить себе, что это было. Похоже, скрипело какое-то колесо. Очень осторожно я приподнял угол простыни, чтобы присмотреться.

Что-то двигалось по моргу. Я видел тень, и она была намного больше любой кошки. Нечто двигалось вокруг столов с трупами и, казалось, принюхивалось к ним. Постепенно оно перемещалось в мою сторону.

В этот момент у меня пропало всякое желание фотографировать, что бы это ни было. Я лежал неподвижно, как смерть, и пытался успокоить дыхание, чтобы моя грудь не поднималась и не опускалась. Я был во власти страха, который пробрал всё мое тело до костей. Я не смог бы пошевелиться, даже если бы попытался.

Оно приблизилось и наклонилось над моим столом, и я увидел из-под простыни, что это был

голый мужчина. Его член болтался почти у самого моего лица. Запах был ужасный. Мужчина был мёртв слишком долго и явно не хранился в морозильной камере.

Внезапно он сорвал мою простыню. В тусклом свете я увидел, как он склонился надо мной. Я действовал инстинктивно и сфотографировал его лицо. Вспышка камеры испугала мертвеца и заставила его отшатнуться. Я соскользнул с другой стороны стола и помчался к двери, но мертвец был слишком быстрым. Он обхватил мою шею сзади. Я ухитрился ударить мертвеца по голове своей довольно тяжёлой фотокамерой. Мы врезались в стол, и инструменты на нём с грохотом покатились по кафельному полу.

Я видел звёзды, когда зажглись яркие лампы на потолке. Рука отпустила моё горло, и я вновь смог дышать. Я обернулся и увидел обнажённый труп Джеймса Оута, дерущегося с полицейским-новичком. Они выглядели так, как будто участвовали в танцевальном конкурсе, но я не знаю, был ли это вальс или джиттербаг.

Всё происходящее выглядело как-то неправильно, кроме того факта, что Оут был мёртв. Что-то чёрное торчало из его открытого рта. Оно было размером с теннисный мяч, имело блестящие

чёрные глаза, и белые зубы. Они щёлкнули перед носом полицейского, когда тот попытался удержать мертвеца на расстоянии.

Я огляделся по сторонам, схватил электрическую пилу для костей и начал бить Оута по голове и спине. Пила издавала глухой хрустящий звук. Оут, казалось, даже не замечал моих ударов. Он держал руки на горле полицейского и душил его. Старые привычки умирают с трудом.

Когда мне удалось попасть пилой по чёрной штуковине, что высунулась изо рта мертвеца, я наконец-то привлёк его внимание. Он отпустил парня, который тут же рухнул на пол, и направился ко мне. Я отпрыгнул и ударился головой обо что-то твёрдое. Должно быть, я потерял сознание на несколько секунд.

Вы знаете ту дезориентацию, которую испытываешь, когда теряешь сознание? Вы не можете понять, где вы находитесь и сколько времени прошло. Я моргнул и огляделся. Я обнаружил, что лежу на спине возле шкафов. В другом конце морга я увидел Оута. Он держал новичка за ноги и тащил его в один из открытых ящиков в стене, который находился на уровне пола.

Оут двигался так, что его нельзя было назвать человеком. Он казался бескостным. Он корчил-

ся и извивался внутри ящика, словно змея, а я безвольно наблюдал, как тело полицейского медленно втягивается вслед за ним. В последнее мгновение он открыл глаза и посмотрел на меня с выражением чистого ужаса. Затем он исчез в ящике. Через мгновение дверца медленно закрылась, и я услышал тот же звук металлических колёс, что озадачил меня чуть ранее.

4

Итак, что бы вы сделали? Убрались бы к чёрту оттуда и позвонили бы в полицию? Конечно, так поступил бы любой здравомыслящий человек. Только я знал, сколько времени полиции потребуется, чтобы отреагировать. Чего я не знал, так это как долго новичок будет оставаться в живых.

Поднявшись на ноги, я проверил свою фотокамеру и направился к ящику. Я осторожно открыл дверцу, отодвинувшись в сторону, но когда я заглянул внутрь, там было пусто. Совершенно пусто. Словно магический трюк, который Дэвид Копперфилд мог бы проделать в Вегасе.

Мой разум действительно работал не совсем ясно. Удар по затылку испортил мне ход мыслей. Нащупав свой мобильный телефон, я набрал личный номер Биггса. Он не взял трубку. Я позвонил

в 911, но меня попросили оставаться на линии и ждать. К чёрту. Я убрал телефон в карман и полез в ящик.

Если бы я был более крупным человеком, я не смог бы пошевелиться в таком тесном пространстве, но во мне всего лишь 165 сантиметров. Я смог залезть в ящик и закрыть дверцу изнутри. Там была кромешная тьма. Я достал свой телефон и стал использовать его экран в качестве фонарика. В конце ящика я увидел что-то вроде тени. Я дополз до того места и обнаружил, что сбоку отсутствует кусок листовой стали.

Он был аккуратно вырезан. Когда ящик был открыт, задняя стенка скрывала это отверстие от посторонних глаз. Оно становилось заметным только при полностью закрытом ящике и то лишь изнутри, а кто в здравом уме полезет в ящик с трупом?

Как говорится: назвался груздем — полезай в кузов. Я протиснулся через дыру в стенке в узкий туннель, который оказался за ней. Там пахло смертью. Не формальдегидом, а гниющей плотью. Имелся только один путь, и не было возможности развернуться. Я извивался и полз вперёд, как червяк, с камерой в одной руке и светящимся телефоном в другой.

В какой-то момент телефон потерял сигнал. Большой сюрприз, верно? По крайней мере, у меня не сел аккумулятор. Туннель вывел меня в какую-то старую трубу, сделанную из кирпича. Должно быть, это была дренажная труба для ливневых вод, но она была сухой от пыли и выглядела так, словно ей не пользовались столетие. Она была достаточно большой, чтобы в ней можно было стоять во весь рост.

Я посмотрел направо и налево, раздумывая, в какую сторону идти. Затем я заметил следы волочения в пыли на дне канала и последовал за ними. Они провели меня через нескольких поворотов и по боковым каналам к другому отверстию в этой трубе.

— Чёрт, это уже надоедает, — пробормотал я себе под нос.

Моя голова раскалывалась от сильнейшей боли, которую я когда-либо испытывал, и у меня двоилось в глазах. Я знал, что мне сейчас следовало лежать в больнице. Я заполз в дыру и начал пробираться вперёд. К счастью, этот туннель был коротким. Я выбрался в обширное тёмное пространство, которое пахло и казалось влажным.

Я встал и осторожно продолжить путь. Свечение от моего телефона освещало только неболь-

шой круг вокруг моих ног. Я шёл по гравию, который хрустел под моими кроссовками. Через дюжину шагов я оказался у края чёрной воды. Свечение телефона не показывало мне дальнюю сторону, поэтому я предположил, что это некое озеро и оно должно быть не менее шести или десяти метров в поперечнике, но эхо говорило мне, что оно намного шире.

На гравии не было видно, в какую сторону тащили новичка. Я мысленно подбросил монетку и двинулся вправо. Пройдя немного, я обнаружил его лежащим лицом вниз у воды. С замиранием сердца я перевернул его.

Полицейский был жив. Одну его щеку покрывал синяк, а над глазом у него был порез, но в остальном он не казался сильно раненым. Его глаза широко раскрылись, и он начал сопротивляться.

— Успокойся, — сказал я ему. — Мой друг, ты цел? Я собираюсь вытащить тебя отсюда.

Полицейский перестал сопротивляться. Потом он начал всхлипывать. Я притворился, что ничего не заметил.

— То существо, что это было за существо? — бормотал парень, вглядываясь в темноту за пределами свечения моего телефона.

— Я не знаю, но оно не могло уйти далеко. Если ты можешь встать, нам нужно убираться отсюда к чёртовой матери.

Он не стал спорить. Я помог ему подняться, и мы заковыляли обратно тем же путём, которым я пришёл. Мы не сделали и дюжины шагов, когда я услышал плеск воды. Я направил свой телефон на бассейн, или озеро, или что бы это ни было.

— О, Господи! — воскликнул новичок. — Мария, матерь Божья!

У меня не было слов. На пределе бледного свечения что-то большое поднялось с поверхности чёрной воды. Оно было примерно сферической формы и чёрного цвета, около трёх метров в поперечнике, и вся его поверхность корчилась и извивалась, как клубок змей. Чёрные твари с поверхности этой сферы стали соскакивать в воду и быстро плыть к нам. Они имели длину около полуметра, и их невозможно было описать. Они были чем-то похожи на саламандр или на угрей с короткими руками и ногами. У них были маленькие круглые головы с белыми зубами.

— Закрой глаза покрепче, — сказал я новичку.

Я сделал паузу, чтобы сделать несколько снимков со вспышкой. Яркий свет на мгновение отбросил тварей назад, но затем они снова нача-

ли преследовать нас.

— Нам нужно бежать!

Мы начали хромать и ковылять по галечному пляжу, как мне показалось. У меня был момент ужаса, когда я задумался, правильно ли я иду обратно к отверстию в стене, или меня развернуло, когда я делал снимки извивающегося клубка монстров.

Твари начали настигать нас. Они не были особо сильными, иначе мы бы уже погибли. Мы могли пинать их ногами и отбрасывать в сторону, но из их маленьких ртов текла кровь каждый раз, когда они прикасались к нам.

— О, чёрт! — вскрикнул я.

Мы остановились как вкопанные. Рядом с дырой в тоннель стоял обнажённый труп Джеймса Оута. Из его зияющего рта высунулась такая же маленькая круглая голова, как у тех тварей. Её крошечные блестящие глазки наблюдали за нами. Они были похожи на глаза насекомого, бездушные и без признаков сострадания.

Звуки выстрелов из полицейского пистолета чуть не сбили меня с ног. Новичок стоял в боевой стойке, держа оружие обеими руками, и стреляя с постоянной скоростью. Я видел, как одна из пуль попала в круглую голову существа во рту

мертвеца. Голова взорвалась, и в то же мгновение труп Оута рухнул на гравий.

Не было времени поздравлять самих себя. Извивающиеся чёрные твари были повсюду. Мы продолжали пинать и бить их, пытаясь помешать им вцепиться в нас зубами.

— Ты иди первым, — крикнул новичок. Его лицо было жёстким, профессиональным. Я подумал, что его тренировка наконец-то началась.

Я не стал с ним спорить. Я забрался в дыру и побежал так быстро, как только мог. Я слышал, как у меня за спиной стреляет его «Глок". В конце концов у него закончились патроны. Я ждал его в старой сухой трубе, но он не появился. В конце концов, мне пришлось убираться оттуда к чёртовой матери. Я побежал вниз по водоотводу, не обращая внимания на направление. Я не знал, где может находиться туннель в морг, и в любом случае у меня не было никакого желания пробираться в него, когда те чёрные твари вероятно шли по моему следу.

Пройдя по старой дренажной системе через дюжину поворотов, я нашёл железную лестницу и поднялся на более высокий уровень, где эти туннели всё ещё использовались. Я нашёл дверь и оказался внутри муниципальной насосной

станции.

5

К тому времени, как я вернулся в Больницу Святого Джеймса, морг превратился в сумасшедший дом. Биггс и полдюжины других полицейских допрашивали всех, кто работал в ночную смену. Я думаю, кто-то, должно быть, слышал, как нечто напало на меня и новичка.

— Опять ты, Далхой, — с отвращением воскликнул Биггс, увидев меня. Его глаза сузились. — Что с тобой случилось? Ты весь в грязи и крови.

— Заткнись, — сказал я.

Я отвёл его в сторону, чтобы мы могли поговорить так, чтобы нас не подслушали, и рассказал ему, что произошло. Он смотрел на меня как на психа.

— Это что, какая-то шутка?

— Новичок мёртв, Биггс. Он спас мне жизнь.

— Льюистон.

— Так его звали?

— Он был хорошим человеком. Где он?

Я указал на ящик для трупов в правом нижнем углу.

— Отправь туда человека. Скажи ему, чтобы он держал оружие наготове, и убедись, что у него

есть фонарик. Закрой за ним дверцу.

Прошло некоторое время, прежде чем я смог убедить Биггса в том, что это необходимо. Он нашёл женщину-полицейского стройного телосложения и отправил её внутрь с пистолетом наготове и фонариком. Через несколько минут она постучала по боковой стенке ящика. Мы открыли дверцу.

— Что ты видела? — спросил Биггс.

— Там нет прохода. Просто кирпичная стена.

Я подошёл к женщине и взял её за руку.

— Подожди, ты хочешь сказать, что туннеля нет?

Женщина отрицательно покачала головой.

— Чёрт бы тебя побрал, Далхой, мне не стоило верить твоей сумасшедшей истории! — разозлился Биггс.

Прежде чем он успел оскорбить меня ещё больше, я поднял свою покрытую пылью камеру и нашёл снимок ходячего трупа Аута с чёрной тварью, торчащей из его рта. Я показал этот кадр Биггсу. Это заставило его замолчать. Я показал ему другую фотографию — чёрную сферу. Этот кадр вышел не очень понятным. По фотографии невозможно было судить о размерах сферы, и на её черной поверхности было видно не так

много деталей, но, по крайней мере, это было доказательством того, что я не сфабриковал свою историю.

* * *

Шли дни. Биггс провёл расследование, но так и не нашёл Льюистона. Он даже попытался выкопать кирпичи в задней части ящика для трупов, но после того, как его люди углубились на два или три метра, им пришлось остановиться. Туннеля не было. Каким-то образом те существа засыпали туннель за то время, которое мне потребовалось, чтобы выбраться на поверхность и вернуться в морг.

Никто больше не расспрашивал меня. Никто не пытался изъять мои фотографии в качестве улик. Всё это было настолько безумно, что полиция просто спокойно спустила это дело на тормозах. Можете ли вы винить их? Кто хотел бы нести ответственность за расследование такой истории?

Можно подумать, я заработал бы состояние, продавая эти фотографии, верно? Нет. В наши дни все автоматически предполагают, что фотография является фальшивой, если в ней есть что-то странное. Существует так много способов подделать фотографии, что в большинстве слу-

чаев их не отличить от настоящих. Беда в том, что подлинные кадры отправляются в мусорную корзину, потому что никто не воспринимает их всерьёз.

Тело Льюистона так и не было найдено. Я был на его поминальной службе. Мне не хотелось идти, но я должен был это сделать. В конце церемонии я подошел к его матери, чтобы выразить свои соболезнования.

— Я недолго знал вашего сына, миссис Льюистон, — сказал я ей, держа её за руку. — Он был прекрасным человеком и достойным полицейским.

Она кивнула. Её глаза были красными, но не влажными. Она уже выплакала все слёзы, что у неё были.

— Я просто молюсь Матери Марии, чтобы он обрёл покой. Он был хорошим сыном.

Я кивнул и попытался улыбнуться, но в моём воображении возник образ мёртвого Льюистона, шатающегося в темноте с разинутым ртом, из которого выглядывает маленькая чёрная голова с жуткими зубами.

Перевод: А. Черепанов

Кэтрин Тоблер
Только для того, чтобы снова почувствовать её вкус

E. Catherine Tobler «If Only to Taste Her Again», 2011

От автора: *Я всегда питала слабость к Египту и не уверена почему. Хотелось бы проследить шаги, заставившие мой мозг впервые подумать «Ох, ничего себе!», о данном месте, но это, увы, потеряно. Тем не менее, древние руины, которые когда-то не являлись таковыми, совершенно очаровательны. Проводя очередные изыскания для своего романа, я наткнулась на упоминание о правительнице Хатшепсут, и мой интерес усилился. Женщина-фараон? Как такое могло случиться? Сведения о ней оказались в значительной степени уничтожены её преемником. Почему, чёрт возьми?.. Одним из интригующих моментов правления Хатшепсут были корабли, отправленные ею в Пунт и возвратившиеся с множеством удивительных вещей. По некоторым данным, на основании старинных рисунков*

можно идентифицировать привезённую рыбу вплоть до её видовой принадлежности… Рыба из чужих земель? О, с какими ещё чудесами могли вернуться корабли? Я мысленно задалась вопросом и придумала эту историю.

Посвящается Джозефу

Ветер дул слабый и оставался тёплым, когда наши пять кораблей скользили по тёмно-винным водам Красного моря. Конец сезона… к этому времени ветры уже начали стихать, ведь мы возвращались позднее, чем планировалось, но правительница Пунта оказалась необычайно щедра в своём приёме. Дни, проведённые в её владениях, казались длиннее целой эпохи, а ночи были наполнены вином, инжиром и вниманием стройных юношей. Правительница не жалела средств, чтобы мы вернулись в Джесер-Джесеру с богатством, которого никто не ожидал; она надеялась добиться особой милости Хатшепсут, Великой Жены Царя, Владычицы Двух Земель.

Корабли вошли в порт, наделав много шума. Хотя стояла глубокая ночь, Хатшепсут отправила на берег большую часть своего двора, чтобы встречать нас. Факелы горели ярко, словно звёзды, указывающие путь; доносились звуки трещоток и костяных колотушек, усиливаясь по мере при-

ближения. Гребцы подхватили ритм, приближая нас к родине.

Как потом выяснилось, служители и музыканты жили в порту уже несколько недель, сменяя друг друга, чтобы к нашему появлению находиться в полной готовности. Из Пунта не было способа послать весточку о нашей задержке. Неужели Хатшепсут поверила, что правительница Пунта съела нас? Конечно, та оказалась женщиной пышнотелой и не страдала от отсутствия аппетита, но мы не являлись свидетелями случаев подобного безобразия, пока гостили у неё.

У всех служителей, усердно восхваляющих нас, оказались усталые глаза. Мой родной брат, находящийся среди музыкантов, отложил подальше свою костяную колотушку, чтобы подать мне руку и помочь ступить на сушу. Казалось, что земля покачивается под ногами, невзирая на его поддержку. Он был высок; я всегда буду помнить брата таким, даже когда его поглотит живой ужас.

Он сделал только одно замечание по поводу нашего позднего возвращения, однако в его низком голосе отсутствовал упрёк. Безусловно, это было проявлением беспокойства, но я ничего не сказал, лишь кивнул, когда люди, вместе с

которыми мне довелось путешествовать долгие недели, приступили к разгрузке. Пять кораблей, каждый из которых до краёв набит каменными ящиками и тростниковыми корзинами; высокими деревьями мирры и ладана, чьи корни бережно связаны и неустанно увлажняемы на всём протяжении пути, чтобы мы могли посадить столь экзотические растения в саду Владычицы Двух Земель. Лазуритом и серебром, шкурами пантер и бивнями слонов. Толстыми связками кассии; очень скоро она наполнит дворцовые залы благоуханием, проникающим и в мои покои.

Хатшепсут приветствовала нас во дворце, когда мы, наконец, проделали долгий путь туда. Она стояла возле длинной лестницы, ведущей к храму. В её позе угадывалась плохо скрываемая гордость за нас, а тёплый ветер, пригнавший корабли к родным берегам, теперь ласкал тонкое льняное одеяние повелительницы. Её тёмные волосы были аккуратно уложены и блестели от масел. Когда она раскрыла для меня свои объятия, чтобы прошептать на ухо благословение, я почувствовал аромат этих масел. Они, согретые её телом, пахли лотосом и оливой. Я случайно коснулся губами её щеки, умасленной благовониями. Она имела вкус дома.

— Мир будет говорить об этом славном путешествии и триумфальном возвращении на протяжении многих поколений, — молвила Хатшепсут, пока подношения несли по террасированным дорожкам и располагали так, чтобы повелительница могла изучить каждое из них в своё удовольствие. Она отошла от меня, чтобы заняться именно этим, открыла одну из корзин и зачерпнула горсть зерна. Затем раздался чуть слышный шелест… Вероятно, зерно посыпалось сквозь пальцы Хатшепсут, однако позднее у меня появится повод усомниться в правильности скоропалительно сделанного вывода. Она заглядывала в сундуки и корзины наугад, а воздух вокруг нас, казалось, стал теплее. Дрожь пробежала по моей коже, и я ощутил странную тошноту, когда Хатшепсут опустилась на колени перед золотой шкатулкой и откинула крышку, удерживаемую на весу двумя цепочками.

В воздухе разлился аромат мирры, ведь шкатулка оказалась наполнена слабо мерцающими шариками благовоний. Возможно, меня грызла усталость; возможно, донимали стрессы, накопившиеся за время длительного путешествия. Все неблагоприятные факторы объединились, чтобы обрушиться на меня и заставить зрение на миг

затуманиться. Снова послышался тихий шелест. *Зерно сквозь пальцы фараона,* — попытался я мысленно убедить себя, однако звук прокатился по моим плечам, пробежал вниз по позвоночнику, а затем достиг Хатшепсут.

По-видимому, она ничего не почувствовала, потому что отошла от шкатулки без комментариев. Тогда было легко убедить себе, что я крайне измотан, полностью в это поверив. Я оставался рядом с моим фараоном, пока она двигалась вдоль линии корзин, пока протягивала руку, чтобы погладить низко свисающую ветвь мирры. Потом она начала отдавать своим слугам приказы по поводу посадки деревьев прямыми рядами вдоль колоннад и у бассейнов с водой. Тут подошёл брат, осторожно взял меня за локоть и мягко увлёк в сторону. Мы остановились неподалёку от золотой шкатулки, и я старался не подавать виду, что предельно устал.

Мы стояли возле этой проклятой штуки. Чересчур долго, непомерно долго брат говорил о вещах, которые представлялись несущественными по сравнению со шкатулкой у наших ног. Она, казалось, излучала тепло, окутывала причудливым ощущением постороннего присутствия, потворствовала пришествию *чего-то*, протягива-

ющего когтистые лапы ко мне и заставляющего волосы на затылке вставать дыбом. Неужели это нечестивое тёмное проявление абсолютно не воспринимается моим братом? Он негромко рассмеялся, повествуя о событиях, произошедших в моё отсутствие. Мне не было дела ни до одного из них, я только хотел убраться подальше от шкатулки.

Слишком поздно я смог вырваться на свободу. Я чувствовал грязь и безнадёжность, а моё горло сдавило наглухо. Тошнота обвилась вокруг живота, впившись когтями в бёдра. Я буквально метнулся в свои покои, проносясь мимо обеспокоенных друзей. Воды… я хотел воды и кричал, чтобы все держались подальше, не докучали мне, дали только тишину! Однако, оказавшись в своих покоях, я не нашёл там убежища. Стены выглядели чужими, пол покачивался, а огоньки светильников искристо вспыхивали, стоило лишь подойти к ним близко. Я вцепился ногтями в собственное одеяние, желающее меня задушить. Освободившись от его предательства, я бросился в дальний конец просторных покоев к бассейну с водой. Она не походила на воду. она была похожа на жидкий галенит, чёрный и густой, и я опустился туда, всецело отдавшись

прохладным объятиям.

Там я кое-как задремал.

Во сне виделось, как незримые кисти и пальцы плавными быстрыми движениями плетут вокруг моего тела сложную сеть. Нити света опутывали меня и удерживали на месте. Сильные руки с маленькими тёплыми ладонями вдавили меня в плитку на дне бассейна, но я не сопротивлялся.

Позволь пройти через тебя, — послышался голос в моей голове. Он звучал так, словно все, кого я когда-либо любил, слили свои голоса в один, до ужаса искажённый непостижимой полновесной тьмой.

Несколько часов спустя я проснулся на краю бассейна с ощущением полнейшей душевной пустоты. Светильники погасли, за окнами зарождался рассвет нового дня. Я перекатился на спину, вздохнул и бесцельно уставился в потолок, где замысловато переплетались узоры из цветов лотоса и звёзд. Телесная усталость от тягот путешествия покинула меня, как и странное чувство, испытанное при виде золотой шкатулки.

В покоях стоял тяжёлый аромат мирры, от которого меня слегка подташнивало, пока я, наконец, не встал на ноги. Я нашёл свежее одеяние, чей прохладный лён так приятен телу, и подкрасил

глаза чёрной галенитовой краской, прежде чем выйти за дверь. В коридорах пока ещё царила пустота, и я преисполнился уверенности в правильности выбора. В моих воспоминаниях о событиях минувшей ночи обнаружились непонятные пробелы, однако я отмахнулся от них и сосредоточил внимание на высокой фигуре брата, который лежал в своей постели, а его тихое дыхание было подобно лёгким дуновениям тёплого ветерка.

Тёплый ветер, тёплая вода и непрекращающийся шелест зерна, просеиваемого сквозь пальцы. Я потянулся к брату руками, которые теперь не были похожи на мои собственные. Пальцы извивались и удлинялись, обвивая его горло, пока их заострившиеся кончики не скрылись в эбеновых волосах. Он был сладок — я чувствовал его вкус через пальцы, — сладок, словно жареный инжир или сочащаяся соком мякоть манго, и какая-то потаённая моя часть утоляла необузданную жажду до момента, когда чудесный нектар не иссяк, а телесная оболочка не порвалась в лохмотья. Кошмарные пальцы заново склеивали плоть, а почерневший язык запечатывал швы до тех пор, пока невозможно стало сказать, что за ужас таится внутри.

Янтарный солнечный свет разливался по покоям фараона и по её плечам, когда мой брат подошёл к ней. Он провёл утро, сочиняя для неё самую яркую музыку, а она перебирала многочисленные драгоценные камни, присланные правительницей Пунта. Хатшепсут находила красоту во всём, что сверкало голубоватыми оттенками. Ей хотелось отполировать все кусочки лазурита, чтобы полностью покрыть ими своё одеяние.

Мой брат сказал ей о том, как прекрасно она выглядит, чем привлёк её строгий взгляд. Как он смеет? Фараон отмахнулась от него — глупый музыкант, — но он пошёл вперёд, бесшумно ступая босыми ногами по полу. Знакомый шелест щекотал затылок, бежал вниз по плечам и скользил по животу, пока приближался мой брат, хотя, когда его рука коснулась фараона, звук смолк. Казалось, что невероятное упоение сокрыто в одном лишь этом прикосновении.

Фараон вскрикнула; мой брат начал меняться прямо у неё на глазах. Швы разошлись, и изнутри вырвалось нечто такое, чего никто даже не мог себе вообразить. Существо, состоящее будто бы исключительно из тёмно-винной воды, пробивало себе путь наружу, сбрасывая человеческую

плоть, словно льняное одеяние. Останки брата с мокрым шлепком упали на пол, кровь и вода омыли ноги фараона, а новоявленное чудовище набросилось на нашу любимую Хатшепсут.

Она оттолкнула тварь, однако и сама опрокинулась вместе со стулом. Охранники фараона шагнули вперёд, но замялись в нерешительности, словно прикидывая, как лучше атаковать существо, чтобы в схватке не навредить Хатшепсут. Та при падении перевернула несколько корзин с бельём и шкатулок с благовониями, что были привезены из Пунта. Со слезами на глазах она ползла сквозь всевозможные богатства, а над ней нависал живой ужас, от которого исходило отвратительнейшее зловоние илистых глубин Нила. Пурпурно-чёрная вода оставила на льняном одеянии фараона пятна, напоминающие синяки. Многопалые руки (о, это были те же руки с маленькими тёплыми ладонями, что и под водой моего бассейна) вцепились в ноги Хатшепсут и с силой потянули, извлекая её из кучи сокровищ, где перемешались драгоценные камни, украшения и посуда. Но в трясущихся руках она сжимала щербатый осколок блюда цвета слоновой кости, которым рубанула по яйцевидной голове чудовища, склоняющегося над ней.

Голова твари лопнула с неистовым воплем, и голос показался мне до боли знакомым по сновидению. Он проник глубоко внутрь меня, опутал сердце и потянул за собой. Пока существо извивалось в последней попытке дотянуться до фараона, я рухнул на пол. Охранники бросились на помощь Хатшепсут, отсекая длинные водянистые руки. Конечности отделились от агонизирующего тела, забрызгав всех, кто находился в пределах досягаемости, густой жидкостью, пахнущей для меня межзвёздным пространством. Прозрачным холодом. Безбрежной пустотой.

В покоях повисла тревожная тишина. Служанки, забившиеся было в угол, теперь с опаской двинулись к Хатшепсут; промокшие охранники вернулись на свой пост у входа. Я подумал, наблюдая за происходящим сузившимися глазами, что для меня уже слишком поздно. Маленькие тёплые ладони сжимали сердцу, а голос… этот бездонный голос… шептал на ухо свою мольбу.

Позволь пройти через тебя.

Мой взгляд остановился на сброшенной коже брата, на кровавых следах босых ног у края стола. Ах, высокий и красивый брат, который умел создавать прекрасную музыку. Эта кровь звала меня так же настойчиво, как и голос; эта кровь

давила так же нещадно, как и маленькие тёплые ладони. И мой фараон… Владычица Двух Земель… с трудом встала на дрожащие ноги… Я страдал по ней, по вкусу лотоса и оливы. Болезненное желание обладать ею разрывало меня на куски, провоцируемое шёпотом, способным расколоть небеса.

Позволь пройти через тебя.

Я позволил, но только лишь для того, чтобы снова почувствовать её вкус.

Перевод: Б. Савицкий

Гэхан Уилсон
Г.Ф.Л

«Я оказался далеко от дома, на восточном побережье, и океан меня зачаровал».

Г. Ф. Лавкрафт

Gahan Wilson «H.P.L.», 1990

Этот город действительно существовал. *Существовал!*

Глубоко вдыхая насыщенный, никогда не изменяющийся аромат прибрежных болот, я жадно

и наугад читал сочные экзотические названия в дорожной карте — Вестерли, Наррагансетт, Аппонауг… Автобус бодро мчался по восходящему изгибу прибрежной дороги, а на севере, к которому я с каждой минутой становился ближе, находился Провиденс!

В этом не могло быть никаких сомнений — абсолютно неопровержимые доказательства виднелись вокруг меня — пикирующие чайки, солёный прибой и выбеленные пирсы в разных стадиях Иннсмутского упадка. Я, Эдвард Хейнс Вернон, рождённый и воспитанный среди плоских равнин Среднего Запада. Я вырос на берегу озера Мичиган. Я верил в то, что до другого берега можно добраться за полдня, и что там окажется такой же скучный Средний Запад с ещё более скучными людьми. И если я потружусь поехать туда, то увижу, что тамошние жители будут говорить о таких же скучных вещах, как и на моём берегу. И вот я, вышеупомянутый Эдвард Хейнс Вернон, сейчас нахожусь на берегу великого Атлантического океана, на самом востоке, а на другом его берегу находится не менее великолепная Европа!

Я откинулся на спинку сиденья, позволив себе глубоко вдохнуть, и с триумфом потряс кулаком

в воздухе перед собой; затем я увидел, что встревожил худую, седую женщину, сидящую рядом. Я было разозлился на неё, но вдруг осознал, что, конечно, она являлась прекрасной старой леди из *Новой Англии* и была бы расстроена моими грубыми, некультурными манерами жителя Среднего Запада. Боже, благослови её иссохшее старое сердце, Боже, благослови её бледно-голубые, неодобрительные глаза!

— Извините меня, — мягко сказал я, — но я новичок в вашем штате и не до конца понимаю его обычаи. Пожалуйста, будьте так добры, простите мою выходку.

Женщина долго и пристально смотрела на меня поверх стальных оправ своих очков, затем фыркнула и вернулась к чтению журнала «Профилактика», благослови её Господь ещё раз, а я, в свою очередь, снова повернулся к окну автобуса и стал смотреть широко раскрытыми глазами на открывшийся мне пейзаж.

Только сейчас я осознал, что до сих пор мне не приходило в голову, что всё это происходит на самом деле! Я мечтал об этом путешествии, планировал его так долго, значительную часть своей жизни, и я почти свыкся с мыслью, что это случится (я надеялся) только в будущем. Я

всегда думал, что поеду когда-нибудь потом, но неожиданно это произошло сейчас! Внезапно Провиденс оказался здесь! И я тоже!

Осторожно, чтобы повторно не встревожить мою дорогую леди из Новой Англии дальнейшей *бестактностью*, я вытащил свою маленькую сумку из-под сиденья (хотя я планировал остаться в этих краях гораздо дольше, чем на ночь — клянусь Богом, я планировал жить здесь!), открыл её и осторожно вытащил аккуратно сложенное письмо, которое лежало в сумке поверх всех других вещей. С благоговением, подобно жрецу, читающему священный артефакт, я развернул драгоценное письмо и просмотрел буквы, написанные мелким почерком, и слова на мгновение расплылись перед моими глазами, прежде чем я сморгнул слёзы и смог перечитать тот важный первый абзац в тысячный, или возможно, в десятитысячный раз.

«Конечно, вы должны приехать и навестить меня, Эдвардиус, во что бы то ни стало. И, пожалуйста, погостите в моём доме. Это красивое строение. Я уверен: тот, кто одарён вашими знаниями и восхищается антиквариатом, сможет оценить мой дом в полной мере. В прошлом, в силу стеснённых обстоятельств, я не мог играть

роль хозяина для своих любимых корреспондентов так, как мне хотелось бы. Возможно, самое большое удовольствие в моём нынешнем состоянии процветания заключается в том, что теперь я могу в полной мере побаловать себя дедушкиным гостеприимством!»

Это совершенно неожиданное приглашение пришло в ответ на мои робкие мысли в предыдущем письме к нему, в котором я признался, что мечтаю как-нибудь прогуляться по улицам, по которым ходили он и По, и рассказал ему, как я иногда баловал себя фантазиями о том, как сижу на какой-нибудь могиле на кладбище Святого Иоанна, в соответствующую готическую ночь посреди тумана или вспышек молний, и сочиняю с ним стихи и рассказы о червях, что ползают и кормятся мёртвыми в заплесневелой земле под нашими ногами.

После этого первого, ошеломляющего абзаца он немного пошутил о том, что церковный двор действительно очень приятное место, совсем не заплесневелое, а затем перешёл к практическим деталям моего визита, даже вызвавшись оплатить моё путешествие, если у меня возникнут проблемы.

«Пожалуйста, не обижайтесь на это предложе-

ние, — написал он. — Вам известна моя история, я слишком хорошо знаком с опасностями и разнообразными неудобствами, которые бедность налагает на тех, кто, подобно вам, оскорбляет общее стадо, осмеливаясь ценить искусство выше коммерции».

Я отправил утвердительный ответ, как только смог правильно изложить его на бумаге — на это ушло около недели и, я думаю, целая стопка черновиков! Я постарался объяснить, что отложил достаточно средств на путешествие, при условии, что буду расходовать их экономно. Его ответ включал пару строк трогательной, старомодной похвалы моей бережливости и трудолюбию, и после короткого обмена письмами мы уладили все даты и детали.

Внезапно мои глаза распахнулись, и я пробудился от своих воспоминаний, обнаружив, что я фактически прижался носом к окну (несомненно, к ещё большему ужасу сидящей рядом женщины), потому что за стеклом, передо мной и надо мной, казалось, появляясь с внезапностью мистического видения давно отложенного рая, неожиданно возникли древние шпили и купола Колледж-Хилла. Блуждая в своих мечтах, я, сам того не подозревая, попал непосредственно в

Провиденс!

Я нервно смотрел в окно, пока мы приближались к автовокзалу. Он сказал, что меня там будут ждать, но, как я внезапно осознал, он не дал мне никаких подсказок, что помогли бы мне идентифицировать человека, которому он поручил встретить меня.

Затем мое сердце остановилось, и я действительно громко ахнул (заработав ещё один словесный упрёк от моей соседки), потому что там, во плоти, с положительно весёлым видом стоял на платформе Говард Филлипс Лавкрафт, Г.Ф.Л., собственной персоной!

Я думал, что из-за преклонного возраста у Лавкрафта будут серьёзные трудности с передвижением; было весьма вероятно, что теперь он постоянно прикован к дому, или, возможно, прикован к какому-нибудь любимому антикварному креслу, или даже постоянно находится в причудливой кровати с балдахином, но стало совершенно очевидно, что я сильно недооценил его выносливость. Хотя Лавкрафт действительно казался немного сутулым, и в его движениях был заметен какой-то небольшой след той осторожной медлительности, которая обычно ассоциируется со старостью, он лишь слегка

опирался на трость и уверенно стоял на ногах, несмотря на давление толпы. Он заглядывал в окна автобуса с живым любопытством, сверкающим в его глазах.

Конечно, его длинное, измождённое лицо как у статуи с острова Пасхи, с орлиным носом, впалыми щеками и мощной челюстью было для меня таким же узнаваемым, как лица моего отца или матери, так как я с любовью изучал каждую фотографию Лавкрафта, которую смог достать за эти годы, начиная с тех чёрно-белых снимков, сделанных в двадцатых и тридцатых годах, и собранные в фотоальбомы в издательстве «Arkham House». Я также помнил плохо проявленную, зеленоватую фотографию, сделанную «Полароидом», которую он приложил к своему письму с приглашением: «…чтобы подготовить вас к шоку, когда вы увидите Дедушку в его нынешнем состоянии, похожем на труп».

Я помахал Лавкрафту через окно с рвением ребёнка, и когда его зубы блеснули в улыбке, и он дружелюбно поднял свою руку в знак приветствия, я неуклюже вытащил свою сумку из-под сиденья и вышел из автобуса следом за женщиной из Новой Англии.

Затем она чопорно свернула в сторону, оста-

вив меня на виду, и я внезапно превратился из счастливейшего молодого человека в одного из самых несчастных людей в мире, потому что, хотя Лавкрафт сделал всё возможное, чтобы скрыть свои чувства, как полагается джентльмену, я почти мгновенно уловил угасшее доброе веселье в глазах Лавкрафта, когда он осмотрел меня с головы до ног. Впервые, стоя перед этим человеком, который являлся моим кумиром на протяжении большей части становления моей личности, я в полной мере осознал свой невероятный идиотизм, гротескную абсурдность, ужасную самонадеянность моего маленького, пухлого, глупого «я», на стиль одежды, который я выбрал для себя в последние годы, подражая Лавкрафту — чёрный плащ и широкополая шляпа. Эти мысли яростно и беспощадно закружились в моей голове, угрожая раздавить меня прямо там и тогда под своим весом.

Застыв в одной позе перед дверью автобуса, не в силах даже дышать, полностью униженный, я едва сумел подавить безумное, отчаянное желание развернуться и убежать в тёмный салон и прятаться там, пока автобус не отвезёт меня обратно в мой край ненавистных равнин.

Затем лицо Лавкрафта озарилось тем добрым

сиянием, которое редко можно увидеть на его фотографиях, и он двинулся ко мне с протянутой рукой.

— Признаюсь, я очень тронут, Эдвардиус, — сказал он быстро, отчётливо и вежливо. Только сейчас я понял, что это была самая искренняя форма лести. — Пожалуйста, примите мою благодарность.

Лавкрафт сделал паузу и крепко, по-дружески сжал мою руку, что, как я понял, было американским обычаем, затем повернулся и взмахнул тростью, указывая на чёрный, очень элегантный, старый «Роллс-Ройс», который даже под серым, низким небом сиял как прекрасный жук-бронзовка на стоянке рядом со станцией.

— А теперь, — сказал Лавкрафт, легко, по-товарищески похлопав меня по плечу и старательно отводя от меня глаза, чтобы я мог собраться с мыслями, — давайте покинем этот вокзал и насладимся транспортом, более подходящим для дворянства.

Водительская дверь «Роллс-Ройса», распахнулась при нашем приближении, и из машины грациозно вышел высокий, худой, бородатый мужчина. На нём был элегантно сшитый пиджак, а его идеальный аскотский галстук больше напо-

минал мне о Сен-Тропе, чем о Провиденсе. Пока мы с Лавкрафтом в одинаковых плащах и шляпах приближались к машине, водитель наблюдал за нами без видимых признаков веселья, разве что слегка иронично наклонив голову, но я узнал позднее, что он делал так постоянно.

— Познакомьтесь, Эдвардиус, с моим незаменимым коллегой, мистером Смитом, — объявил Лавкрафт, когда мы подошли к худому мужчине. — Мистер Смит, пожалуйста, позвольте мне представить вам мистера Вернона, молодого фантаста, это его сочинения мы так много обсуждали в последнее время.

Мистер Смит одарил меня застенчивой улыбкой, при этом его лицо покрылось морщинами. Он сердечно пожал мне руку, так же несильно, как принято у нас на Среднем Западе.

Но затем, по тому, с какой ненавязчивой лёгкостью и осторожностью он спрятал свою руку в карман пиджака, я понял, что мне не удалось полностью скрыть своё отвращение, когда я коснулся его ладони. Она была на редкость сухая и странно негнущаяся, и, хотя Смит выглядел настолько утончённым и физически нежным во всех других аспектах своей внешности, что сразу напомнил мне денди елизаветинской эпохи на каком-то

элегантном портрете, текстура его кожи была шокирующе грубой. Очевидно, бедняга страдал от какой-то ужасной и неуместной болезни.

— Я обнаружил, что особенно восхищаюсь тем, как вы использовали короля червей в «Завесе», — тихо сказал Смит с акцентом, явно чуждым этому региону, и, судя по всему, совершенно не подозревая о небольшой пантомиме, которая только что произошла между нами. — Но должен признаться, что пока мне больше всего нравится ваша идея о том, что недовольный бог преподносит своим последователям отравленного идола, сделанного по его образу и подобию.

Поблагодарив Смита за его любезные замечания, я поймал себя на том, что смотрю на него со всё возрастающим благоговейным недоумением, потому что, хотя в данный момент я не мог связать это с какой-либо конкретной ассоциацией, теперь я был абсолютно уверен, что хорошо знаю его лицо и много раз видел его мудрые глаза.

К этому времени Лавкрафт уже разместился на заднем сиденье машины — опять же без видимых признаков того, что его преклонный возраст был для него чем-то ещё, кроме пустякового неудобства, — и он махнул мне, чтобы я сел рядом с ним. Мистер Смит устроился на водительском

сиденье, чтобы сыграть роль шофёра, пока Г.Ф.Л. устроит нам краткую экскурсию по его любимому Провиденсу. Лавкрафт указал на различные достопримечательности, имеющие особое значение в жизни старого города и его собственной, рассказывая о них маленькие истории с многочисленными интересными подробностями, и я даже не пытался отказать себе в радостном удовольствии, предвкушая зависть, которую вызовет в сердцах моих читателей в последующие годы мой пересказ того, что поведал мне Лавкрафт. И так оно и было!

Однако с каждым косым взглядом, который я украдкой бросал на своего хозяина, возрастало моё удивление по поводу того, как замечательно он сохранился. Глядя на него, можно было не сомневаться, что он необычайно стар, но также не было сомнений в том, что он был поразительно, даже устрашающе подтянут и подвижен для джентльмена, возраст которого приближался к ста годам.

Кроме того, разрушительные последствия времени, казалось, в его случае следовали какой-то странной прогрессии, которая значительно отличалась от обычных моделей. Его лицо, например, не покрылось морщинами, потому что вместо

глубоких линий на коже, которые привыкли видеть у стариков, оно было исчерчено паутиной тонких линий, подобных трещинкам на старой причудливой кукле. Также Лавкрафт не имел никаких признаков старения, как у обычных людей: ни увеличения ушей, ни складок на горле, абсолютно никакого поредения волос. Истина заключалась в том, что Лавкрафт выглядел совсем как на тех старых фотографиях, сделанных в конце 30-х годов.

Он закончил свою экскурсию, указав на дом, в котором жил в последний период своей «безвестности», как он это называл.

— Дом был перевезён с Митинг-стрит, — объяснил Лавкрафт, — но, как вы видите, мне удалось договориться о том, чтобы его аккуратно доставили сюда, на Колледж-стрит, 66, где ему и место. И я позаботился о том, чтобы мои тёти пользовались им вплоть до своей смерти.

— Должно быть, это доставило вам большое удовлетворение, — сказал я.

— Да, Эдвардиус, — подтвердил он мои слова с улыбкой, которая сначала была немного мрачной, но затем стала шире. — Однако это было ничто по сравнению с реставрацией, воссозданием, вы могли бы даже справедливо сказать,

прославлением дома моего дедушки на Энджелл-стрит, 454, куда мистер Смит уже почти доставил нас. Вот этот дом.

Мы ненадолго затормозили перед высокими коваными воротами, которые плавно открылись, когда на приборной панели «Роллс-Ройса», была нажата кнопка, затем свернули на подъездную дорожку и плавно остановились перед внушительно большим домом.

— Я признаю, что улучшил его архитектуру, — заметил Лавкрафт, выходя из машины лёгким шагом и вообще не используя свою трость. — Даже до полного его преображения. Дом Уиппла Ван Бурена Филлипса был простым, обшитым вагонкой, хотя и внушительных размеров, и совсем не похож на великолепное поместье в георгианском стиле, которое вы видите перед собой. Я полагаю, что меня можно было бы обвинить в том, что я любитель старины, но этот дом и эстетически, и эмоционально полностью соответствует своей эпохе.

— Звучит точно так же, как создание поместья в вашем рассказе «Крысы в стенах», — воскликнул я, оглядывая всё это великолепие широко раскрытыми глазами.

— Конечно, это так, — сказал Лавкрафт с улыб-

кой. — Конечно, это так. Боже мой, разве не было до боли очевидно, что всё мое представление об американском миллионере, создающем идеальный дом предков, являлось жалкой мечтой обнищавшего романтика? Ах, но я вижу по вашему выражению лица, что это, похоже, не приходило вам в голову. Тогда, возможно, эта моя маленькая история не такая уж и постыдная, как я боялся все эти годы.

К этому времени мистер Смит уже открыл обшитую множеством панелей высокую входную дверь, над которой сияла фрамуга. Лавкрафт провёл меня внутрь, положил свой плащ и шляпу на веджвудский столик и подождал, пока я сделаю то же самое.

— Они выглядят там вполне естественно, бок о бок, не так ли? — спросил он. — Возможно, Эдвардиус, если мне не удалось сделать это в одиночку, то вдвоём мы сможем вернуть в моду плащи и широкополые шляпы!

Лавкрафт подошёл к красивой двойной двери, остановился, положив ладонь на одну из её ярко отполированных ручек, затем повернулся ко мне со слегка раздражённым выражением лица.

— Пожалуйста, примите мои извинения, — сказал он, — я стал легкомысленным в своём

одиночестве, потакая своим желаниям. Я собирался провести для вас продолжительную экскурсию по дому, так как знаю, что вам многое захочется увидеть, особенно в библиотеке… о, просто подождите, пока вы не увидите библиотеку!.. но у меня совершенно вылетело из головы, что вы только что вышли из этого явно неудобного автобуса и, несомненно, с удовольствием бы освежились.

Он сделал паузу, чтобы извлечь из кармана своего жилета причудливые старинные часы.

— Обед в 4, и у вас есть в запасе чуть более часа, — сказал он. — Если мистер Смит будет настолько любезен, чтобы показать вам вашу комнату, у вас будет достаточно времени, чтобы умыться и, возможно, даже немного вздремнуть перед чаем, что является обычаем, который мы стали соблюдать в последние годы. Кроме того, откровенно говоря, это даст вашему дедушке возможность тоже немного поспать!

Мистер Смит сопроводил меня до гостевой комнаты и познакомил с её причудами, в частности, с элементами управления импортным душем в ванной. После того, как он ушёл, я провел несколько минут, изумлённо разглядывая чудесную антикварную мебель в комнате, а затем

— огромную картину с пейзажем. Я подумал, что это работа Тёрнера, пока не наклонился, чтобы прочитать надпись на маленькой золотой пластинке, прикреплённой к нижней раме. Картина изображала легендарное царство Оот-Наргай из рассказа Лавкрафта «За стеной сна», и что художник «неизвестен».

Отойдя от картины, я почувствовал лёгкое головокружение и, наконец, понял, что Лавкрафт совершенно прав: я был измотан (моя чопорная леди из Новой Англии пришла бы в ужас, узнав, как громко она храпит во сне). Поэтому я повесил на крючок свой единственный запасной костюм, смыл немного дорожной грязи с рук и лица, и едва я растянулся на кровати, как вдруг обнаружил, что меня выдернули из глубокого сна тихое постукивание и голос мистера Смита, сообщивший мне с другой стороны двери, что скоро подадут чай.

Я приподнялся на локтях и полежал так секунду или две, пытаясь отогнать исчезающие воспоминания о том, что, должно быть, являлось невероятно интересным кошмаром. Он был вполне Лавкрафтовским, соответствующим ситуации. Я оказался посреди сурового горного ландшафта, там царили холод и ветер. Я увидел,

как что огромное и серое с ужасающим размахом крыльев летело ко мне сквозь снегопад, ужасно и нетерпеливо щёлкая зубами. Его маленькие красные глаза пронзительно смотрели на меня с подозрительной заинтересованностью, и я услышал, как это летающее существо грозно каркнуло: «Идеальный!», и протянуло ко мне свои когти. Я почувствовал, как они сжимают мои плечи.

— Ты следующий! — каркнуло оно. — Ты следующий! Ты следующий!

Какой-то важный аспект сна, казалось, почти ускользнул от меня, но я сконцентрировался как мог, и мой желудок сжался от особенно ужасного воспоминания о том, что я смотрел на монстра, находясь в его гнезде, расположенном где-то высоко над землёй.

Я покачал головой, чтобы окончательно проснуться, ещё раз быстро умылся, затянул на шее галстук и начал спускаться по ступенькам, покрытым мягким ковром. Тут я сделал чудесное открытие — портреты предков, которые висели на стене возле лестницы и на которые я до этого не обращал внимания, на самом деле оказались изображениями некоторых из главных злодеев в романах и рассказах Лавкрафта. Каждый портрет имел золотую табличку с датой жизни

персонажа.

На стене у лестничной площадки висел триптих портретов, в центре которого находилась стройная, слегка пугающая фигура Джозефа Карвена, воскресшего некроманта из «Случая Чарльза Декстера Варда», а по бокам от него располагались изображения двух ужасных, ухмыляющихся стариков, которые были его наставниками и помощниками в романе: Саймон Орн, родом из Салема, и Эдвард Хатчинсон, позже ставший известным под именем Барон Ференци из Трансильвании. Среди других удивительных злодеев, изображённых на картинах, я наткнулся на сгорбленную и злобную Кецию Мейсон из «Снов в Ведьмином доме», с её ужасным фамильяром, Бурым Дженкином, мерзко вьющимся у её ног. Также я заметил высоченного Уилбура Уотли, колдуна-гибрида из «Ужаса в Данвиче», по-видимому, не подозревающего, что его жилет слегка распахнулся, и свидетель в ужасе смотрит на извивающееся чудовище, что пряталось под одеждой.

В гостиной никого не было, но я услышал приятный звон посуды, доносившийся из задней части дома, и вскоре я нашёл дорогу в исключительно удобную, солнечную и хорошо оборудованную

кухню, где наткнулся на мистера Смита, склонившегося над стойкой и напевающего что-то себе под нос. Он безмятежно нарезал крошечные треугольные бутерброды к чаю.

— А, мистер Вернон, — воскликнул он, улыбаясь. — Хорошо отдохнули?

Я улыбнулся ему в ответ и уже открыл рот, чтобы рассказать о своём кошмарном сне про монстра, когда солнечный свет определённым образом осветил щеку Смита, и я, наконец, узнал его.

Он прекратил резать хлеб и начал наблюдать за мной с некоторым беспокойством, потому что выражение моего лица, безусловно, внезапно стало действительно очень странным, и я уверен, что я, должно быть, побледнел как труп.

— Что-то не так? — спросил Смит. — Принести вам стакан воды, мистер Вернон?

— Эдвардиус, — поправил я, затем понял, что говорю хриплым голосом. Мне пришлось кашлянуть, чтобы продолжить. — Для меня было бы большой честью, если бы вы называли меня Эдвардиусом, как это делает Лавкрафт. В конце концов, он всегда признавал вас равным себе.

— Равным себе? — переспросил Смит.

— Да, — сказал я, так как вы Кларк Эштон Смит,

поэт, писатель, художник и почётный друг Лавкрафта, Г.Ф.Л. Пожалуйста, не отрицайте этого, потому что я уверен в этом.

Я сделал паузу, а затем, чувствуя, как моё сердце колотится в груди, продолжил.

— Конечно, я знаю, что это невозможно, потому вы умерли.

Смит некоторое время смотрел на меня, затем слегка нахмурился и задумчиво вернулся к своему занятию. Он сделал ещё три маленьких бутерброда и аккуратно положил их на серебряный поднос вместе с остальными.

— Я полагаю, что это должно было случиться однажды, рано или поздно, — пробормотал Смит бутербродам, а затем слегка пожал плечами и посмотрел мне прямо в глаза.

— Вы правы, — сказал он. — Оба ваших предположения верны. Я Кларк Эштон Смит, и я *мёртв*. Как видите, это оказалось не таким уж невозможным.

Я уставился на Смита, затем на ощупь двинулся вперёд и ухватился за стол обеими руками, потому что, к моему великому смущению, я, казалось, оказался на грани обморока.

— Тут есть табурет, слева от вас, — вежливо сказал Смит. — Судя по вашему виду, вам лучше

присесть. Осторожней, не торопитесь. С моей стороны было совершенно необдуманно быть таким резким.

Я сел, осторожно и медленно, как он посоветовал; шум в ушах и пляшущие пятна света перед моими глазами начали тускнеть и исчезать.

— Я думал, что вы узнали меня ещё на автовокзале, — сказал Смит, протягивая мне стакан воды, который он каким-то образом наполнил так, что я этого не заметил. — Потом я увидел, что вы колеблетесь в нерешительности, и я предположил, что нам снова это сошло с рук.

Я сделал большой глоток воды, потом ещё один, и после одного-двух глубоких вдохов решил, что, вероятно, смогу говорить.

— Я не мог вспомнить, кого вы мне напоминаете, до этого момента, — ответил я; каждое последующее слово давалось мне легче. — Потом я увидел, как солнце просвечивает сквозь вашу бороду, и я понял.

Смит взглянул на окно позади себя и кивнул с облегчением человека, решившего небольшую головоломку.

— Ах, да. Яркий свет портит весь эффект, — сказал он. Именно квадратный срез, выходящий за пределы челюсти, создаёт маскировку. Я сам

её придумал и должен признаться, что очень горжусь тем, как это эффективно борода скрывает существенную треугольность моего лица. Но благодаря вам, я узнал, что солнечный свет всё портит.

— Конечно, трудно узнать человека, когда думаешь, что он в могиле, — сказал я, выпив ещё немного воды.

— Естественно. Это было наше основное рабочее предположение, — ответил Смит. Затем с тихим вздохом, он добавил: — Не то, чтобы я был так уж хорошо известен. Это не значит, что мы пытались скрыть кого-то действительно известного.

Чайник на конфорке засвистел. Смит взял с полки две жестяные банки, затем повернулся ко мне.

— Какой чай вы бы хотели, мистер… э-э… Эдвардиус? Нам наконец-то удалось отучить Говарда от кофе с сахаром. Теперь он пьёт простой английский чай на завтрак. А я всегда любил экзотику, особенно японский отвар из веточек, но, признаться, он на любителя.

— Я никогда не пробовал ничего, кроме «Липтона», в пакетиках, — признался я.

— Боюсь, здесь ничего этого нет, — сказал

Смит. — Слишком заурядно для таких, как мы. Давайте начнем с «Дарджилинга», это чай самого высокого качества.

Смит на некоторое время погрузился в сервировку банок, чашек и блюдец, но затем уставился на свои руки, остановился и посмотрел на меня с выражением беспокойства на своём лице.

— Надеюсь, вы не опасаетесь, что мои руки распространяют какую-нибудь заразу, — сказал он, держа их перед собой, как два чужеродных предмета. — Они выглядят так же грубо, как и я сам. Вы знаете, что это не болезнь. Вы не подхватите никаких вирусов.

— Простите, что отдернул свою руку от вашей ещё на автобусной остановке, — сказал я после паузы.

— О, нет, у вас было на то полное право. Они ужасны, — пожаловался Смит. — *Ужасны!*

Он повернулся к окну и повертел кистями рук под лучами солнца.

— Знаете, я весь такой, — заключил он. — Каждая частица меня. И дело не только в моей коже, к несчастью, то же самое происходит и с моими внутренностями. Мои органы, моё сердце, и без сомнения сам мой мозг должны быть сделаны из этого отвратительного, дефектного материала.

Смит потёр руки, как будто пытался разгладить их, уменьшить зияющие поры, а затем оглянулся на меня через плечо.

— Вы должны простить его, — сказал он. — Видите ли, он был одинок. Я знаю, что такому молодому человеку, как вы, трудно представить, насколько невозможно долго изолироваться от мира, в котором вы родились. Вместе со всеми его обитателями, заметьте. Люди и вещи продолжают исчезать только для того, чтобы их заменили другие люди и вещи, которые, в свою очередь, исчезают, пока даже воспоминания обо всём и обо всех, с кем вы выросли и кем дорожили, не превратятся в утомительные, устаревшие анекдоты.

Смит снова повернулся к чайному подносу, пытаясь успокоить себя, занявшись перестановкой чашек и бутербродов.

— Вы сами это отметили, Эдвардиус, — сказал он, наливая молоко в кувшин, его рука выдавала лишь легчайшую дрожь. — Я был одним из немногих людей, которых он считал равными себе. Я также являлся, что очень важно, жителем его родного мира, современником. К несчастью для него, я также был мёртв. Но Г.Ф.Л. некоторое время назад нашёл способ решить эту проблему. Он украл основную идею из книги самого Котто-

на Мэзера — идею воскрешения мёртвых из их «сущностных солей», приписал её французскому ученому Бореллию и использовал её в качестве основного занятия подлых Франкенштейнов в «Случае Чарльза Декстера Варда». Мое нынешнее воскрешение представляет собой второй случай практического применения данной магической практики.

— Это ужасно! — воскликнул я.

— Да, — согласился Смит. — Честно говоря, время от времени я жалею, что он сделал это, так как смерть для меня оказалась действительно большим облегчением. Но, как я уже сказал, он был одинок. И, в конце концов, я снова умру. Мне нужно только набраться терпения.

Из глубины кухни донёсся слабый вздох.

— Так, так, Кларкаш-Тон, — тихо произнёс Лавкрафт, используя жуткое прозвище, которое он придумал для своего друга во время их знаменитой переписки в тридцатых годах. Лавкрафт стоял в дверном проёме, слегка наклонившись вперёд и положив обе руки на ручку своей трости. — Похоже, всё шло хорошо, пока Дедушка дремал.

Я неуклюже вскочил на ноги, как испуганный телёнок, но Смит просто повернул голову и кивнул, когда Лавкрафт вошел в комнату, вни-

мательно посмотрев сначала на него, а затем на меня.

— Юноша превосходит все наши ожидания.

— Он узнал меня, Говард, — объяснил Смит, — он узнал меня, тем самым отделив себя от всех предыдущих посетителей, и, будучи дотошным знатоком нашего маленького литературного кружка, он знал о моей неожиданной смерти.

— Итак, вы пошли дальше и сказали ему правду без лишних предисловий, как мы и планировали, — объявил Лавкрафт, затем медленно подошёл ко мне. — А вы, Эдвардиус? Вы ему поверили? Судя по вашему виду, похоже, что поверили.

— Моё присутствие трудно опровергнуть, — заметил Смит. — Как и мою ужасную внешность. И что более важно, наш друг, похоже, воспринял полное и внезапное переворачивание реальности, какой он её знал, с похвальным хладнокровием. Похоже, наши предположения были совершенно правильными; он многообещающий писатель, и в отличие от обычного стада Эдвардиус наделён открытым умом.

Лавкрафт задумчиво потёр свою огромную челюсть и долго рассматривал меня.

— Отлично, — сказал он наконец и, помолчав

ещё мгновение, добавил: — Мы оба в течение некоторого времени ощущали растущую потребность в толковом помощнике, Эдвардиус. Кроме того, определённые признаки, которые неоднократно появлялись в моих исследованиях и экспериментах, убедительно указывают на то, что наше учреждение находится на пороге какой-то важной трансформации и что очень скоро потребуется новая кровь. Мы изучали ваши работы и были впечатлены ими не только из-за их очевидных литературных достоинств, но и потому, что они, кажется, говорят нам, что в вас есть что-то удивительно правильное для того рода деятельности, которой мы занимаемся. Кратко говоря, мы оба пришли к выводу, что вы прекрасно впишетесь в нашу маленькую компанию.

Я был поражён, даже ослеплён этим совершенно неожиданным поворотом. Какое-то время я мог только глазеть на Смита и Лавкрафта — уверен, с широко раскрытым ртом, — но, в конце концов, мне удалось собраться с духом, чтобы заговорить.

— Для меня большая честь, — сказал я, — даже в том, что вы подумали о том, чтобы взять меня в свой круг.

— Очень хорошо, тогда давайте посмотрим, как

всё сложится, — заключил Лавкрафт с лёгким кивком, пристально глядя мне в глаза. — Ваша способность принять воскрешение Кларкаш-Тона была прохождением важного испытания. Возможно, после того, как мы все выпьем немного чая, Эдвардиус, вы сможете принять ещё некоторые вещи. Но имейте в виду, пожалуйста, *имейте в виду*, их будет намного труднее проглотить, чем нашего призрачного мистера Смита!

Бутерброды оказались на вкус даже лучше, чем я думал; миндальный торт, который Смит купил в португальской пекарне, был превосходным, а «Дарджилинг», ясно продемонстрировал, что пакетики «Липтон», хотя и пригодны для питья, но ни в коем случае не являются лучшим сортом чая.

— Восхитительно, — сказал Лавкрафт, удобно откидываясь на спинку кожаного кресла с подголовником. Я предполагал, что у него в доме будет именно такое кресло. — И теперь, когда мы насытились, благодаря усилиям Кларкаш-Тона и его друга, пекаря-иностранца, я думаю, что пришло время покинуть эту прекрасную, солнечную гостиную и устроить Эдвардиусу небольшую экскурсию по нашему дому.

Мы встали, и Лавкрафт направился к одной из

высоких белых дверей, я пошёл за ним, но Смит достал серебряный поднос и начал собирать чашки и блюдца.

— Я, пожалуй, останусь и приведу себя в порядок, — сказал он. — Правильно ли я понимаю, что вы не станете проводить для нашего юного друга ограниченную и вводящую в заблуждение экскурсию?

— Он увидит каждую потайную дверь и каждую секретную панель, — ответил Лавкрафт, улыбаясь. — События развиваются гораздо быстрее, чем я планировал, благодаря проницательности Эдвардиуса и его способности к восприятию необычной информации, так что всё идет с опережением графика. Я считаю, что действительно настало время как можно полнее посвятить его в нашу работу. Я начну с библиотеки, не буду откладывать её на потом, поскольку полагаю, что её атмосфера и впечатляющее содержание в значительной степени помогут придать достоверность той, безусловно, неправдоподобной информации, которую я планирую передать Эдвардиусу.

Смит, кивнув, больше ничего не сказал, и продолжил убирать посуду со стола. Я последовал за Лавкрафтом через дверь и вскоре мы оказались в красивом коридоре, который, как и большая

часть дома, была увешан картинами, связанными с рассказами моего хозяина. Они, однако, были гораздо более тревожными, чем те, что я видел до сих пор, так как все картины изображали различных сказочных монстров, порождённых фантазией Лавкрафта.

— Я вполне доволен собой за то, что мне пришла в голову идея повесить эти огромные картины в таком ограниченном пространстве, — заявил Лавкрафт, ухмыляясь мне через плечо и небрежно указывая на удивительную и ужасающую визуализацию того, что, судя по клыкастому вертикальному рту и выпученным розовым глазам могло быть только одним из гигантских, вечно голодных Гугов, которые рыскали по страницам его «Сомнабулического поиска неведомого Кадата».

— Расположение монстров в узком коридоре делает их особенно подавляющими, не так ли? Робкий зритель мог бы избежать их в обычной комнате, но здесь он оказывается в угрожающей близости к этим существам.

Не постыжусь признаться, что я немного нервно озирался по сторонам. Монстры с картин словно надвигались на нас, и я отпрянул назад, когда рукав моего пиджака случайно задел дьявольски хорошо нарисованную картину,

изображающую скопление радужных шаров — Йог-Сотота, одного из самых могущественных и ужасных богов в мифологии Лавкрафта.

В конце концов, он остановился перед большой, искусно обшитой панелями дверью из чёрного тикового дерева и, достав тяжелую золотую цепочку с внушительного вида ключами, Лавкрафт открыл не менее трёх замков, прежде чем повернул огромную латунную ручку, выполненную в виде немигающего глаза осьминога, обрамлённого волнистыми щупальцами.

— Моя библиотека, — сказал он просто, но с явной гордостью, и повёл меня внутрь.

Конечно, некоторое время назад я понял, что всё в этом доме намного превосходит изначальную обстановку Уиппла Ван Бурена Филлипса, но я был уверен, что ничто в этой сказочной версии любимого дома Лавкрафта не внушило бы его деду большего благоговения, чем библиотека, в которую я сейчас вошёл.

Там были полки с книгами высотой в два этажа. В стене напротив входной двери имелось три высоких окна, но даже под ними располагались стопки книг, ещё больше их было на двух длинных столах и на стульях с высокими спинками, на полу и в углах. Я увидел чудесную коллекцию

учёного, и я сгорал от желания потрогать переплёты и пролистать страницы этих книг.

— Впечатляет, не правда ли? — спросил меня Лавкрафт. — Я полагаю, что это, безусловно, лучшее в мире собрание книг в жанре ужасов и фантастики. Вон там, например, под греческой нишей, в которой находится бледный бюст Паллады, находится своего рода чудесное собрание первых изданий и рукописей наряду с другими, гораздо более экзотическими артефактами Эдгара По, которые я никогда не смел даже надеяться увидеть, не говоря уже о том, чтобы прикоснуться к ним и владеть в дни моей безвестности.

Лавкрафт медленно двигался по длинной комнате, указывая тростью на ту или иную сказочную редкость и удовлетворённо описывая их странные особенности и сложные истории, а я, спотыкаясь, следовал за ним в каком-то оцепенении, с возрастающим изумлением разглядывая все эти легендарные сокровища. Я увидел в этой библиотеке неизвестные книги таких гигантов, как Артур Мейчен, Амброз Бирс и Артур Конан Дойл. Даже будучи специалистом в этой области, я не подозревал о существовании таких изданий.

В конце концов мы добрались до дальней стены комнаты и, стоя у одной из изогнутых стальных

лестниц, ведущих на балкон, Лавкрафт осторожно положил руку на голову крошечной горгульи, стоящей на полке, и посмотрел на меня с чрезвычайно торжественным и серьёзным выражением на своём длинном, худом лице.

— Вы должны пообещать мне самым серьёзным образом, — объявил Лавкрафт довольно строго, и в его голосе не было и следа насмешки, — что вы никогда не раскроете ничего из того, что вы далее увидите, если у вас не будет моего полного разрешения на это.

Я посмотрел на Лавкрафта, пытаясь найти какой-нибудь знак, указывающий на то, что эта внезапная крайняя суровость являлась какой-то забавной позой, но потом я понял, что он действительно был смертельно серьёзен. Я утвердительно кивнул головой.

— Боюсь, мне нужно нечто большее, чем простое кивание, — сказал Лавкрафт без тени юмора в голосе.

— Я обещаю, что сохраню в секрете всё, что вы собираетесь мне показать, — ответил я. — Обещаю.

Лавкрафт долго изучал моё лицо, затем улыбнулся, ткнул маленькую горгулью точно в нос, и, без единого звука стеллаж плавно скользнул

в сторону, открывая моему взору продолжение полок с книгами. Там была меньшая и, как я сразу понял, гораздо более зловещая, вторая библиотека, искусно спрятанная внутри первой!

— Эти книги тоже связаны с ужасной фантастикой, — заметил Лавкрафт, входя в эту таинственную маленькую комнату. Его лицо попрежнему сохраняло выражение торжества, но в его голосе чувствовалась некая насмешка. — Существенным является то, что теперь мы вышли за пределы отдела художественной литературы моей небольшой библиотеки и перешли в ту часть, которая связана с фактами, и, хотя многие из этих фактов были бы решительно опровергнуты современной мудростью этого мира, здесь есть многое, что одобрили бы самые серьёзные исследователи.

Лавкрафт указал пальцами на секцию книг справа. Я быстро осмотрел корешки и заметил множество имён, хорошо известных любому, кто претендует на минимальное знакомство с современной физикой.

— Конечно, даже в этой относительно безопасной области знаний есть книги, которые могут очень серьёзно обеспокоить нынешнее научное сообщество, — сказал Лавкрафт. — Например,

формулы, нацарапанные в той маленькой записной книжке Эйнштейна прямо у вас перед носом. Но я думаю, что учёному с такими особыми вкусами, как у вас, Эдвардиус, будет более интересно взглянуть вон на те книги.

Я с удивлением уставился в дальний конец комнаты, мне показалось, что в этом зрелище имелось что-то очень странное и неправильное. Я не мог точно определить, что это было, вся та часть комнаты казалась подозрительно тёмной, как будто она была каким-то образом завуалирована — неприятный и очень тревожный образ ужасно липкой паутины всплыл в моём сознании, словно угол маленькой библиотеки находился непропорционально далеко. У меня возникло необычное ощущение, что я никогда не смогу дойти до того угла, и если я потрачу на это часы или даже недели, то, скорее всего, умру при ужасных обстоятельствах где-нибудь на полпути, если решусь попробовать.

Но, очевидно, всё это не имело смысла, поэтому я взял себя в руки и сделал шаг к полкам, на которые указал Лавкрафт. Тогда он мягко положил руку мне на плечо, чтобы остановить меня, затем бочком протиснулся вперёд и, встав так, чтобы закрыть мне обзор, он выполнил короткую

серию ритуальных жестов; затем он отошёл в сторону, слегка поклонился, и махнул мне рукой. Я снова посмотрел в тот угол и вынужден был улыбнуться — моё воображение слишком разыгралось, потому что теперь там вообще не было никаких признаков какой-либо необычной темноты, и если когда-либо и существовало то странное пространственное искажение, оно уже полностью исчезло.

Но когда я подошёл к полкам и начал читать названия книг, я почувствовал, что моя улыбка быстро исчезает. Я протянул руку, внезапно ставшую липкой, схватил с полки изъеденный червями том и нервно перевернул несколько его страниц, которые были не бумагой, а чем-то отвратительно толстым, почти дряблым, что, казалось, издевательски выпало из моих пальцев, словно живое, прежде чем полное отвращение полностью овладело мной, и я поспешно и с содроганием поставил книгу на место. Я повернулся к Лавкрафту и увидел, что он обеими руками опирается на трость и улыбается мне с видом человека, который удачно пошутил.

— Этого не может быть — воскликнул я, а затем сглотнул и выдавил из себя: — Я понимаю… вы улыбаетесь, потому что дурачите меня, потому

что эта книга — замечательная подделка, и вы напугали меня ею!

— Нет, вовсе нет, — сказал Лавкрафт, всё ещё ухмыляясь. — Я улыбаюсь, потому что книга реальна, потому что ваш страх обоснован, и потому что вы так сильно напоминаете мне меня самого и мой ужас, когда я впервые наткнулся на эту книгу.

— Но… «De Vermiis Mysteriis!», — воскликнул я. — Такой книги не существует! Она была придумана Робертом Блохом в середине тридцатых годов для рассказа, опубликованного в журнале «Weird Tales», когда вы, он и все остальные авторы играли в ту замечательную литературную игру, изобретая мир монстров и их культов. Книга служила магической подпоркой для его вымышленных волшебников. Вы даже помогли Блоху создать её, когда написали ему письмо и посоветовали дать книге название на латинском языке!

Лавкрафт торжественно кивнул, но ухмылка не сходила с его лица.

— Верно, всё верно, — подтвердил он. — И в своих письмах я часто обращался к Роберту как к Людвигу, в честь Людвига Принна, странного учёного, автора этого гримуара, и Роберт, и я, и

все мы твёрдо верили, что он сам выдумал этого старика.

Лавкрафт рассмеялся, и эхо его смеха отразилось шёпотом от корешков книг в малой комнате.

— О, нас всех обманули, Эдвардиус, это действительно довольно забавно. Мы все думали, что знаем так много, но мы были всего лишь дерзкими, умными детьми, играющими с Йог-Сототерией, включая твоего старого Дедушку, но оказалось, что мы ничего не знали.

Затем Лавкрафт сделал паузу и захихикал.

— Но мы были правы! — сказал он, глядя на меня и подмигивая. — Так или иначе, всё это время мы были правы!

Затем Лавкрафт сделал паузу, глубоко вдохнул, и я увидел, как он явно собрался с духом, прежде чем продолжить.

— Эдвардиус, вы действительно, как заметил Кларкаш-Тон, хороший знаток из той небольшой группы авторов хорроров, знакомством с которыми мы гордимся. Вы знаете наши биографии, включая историю моей жизни, но я должен сказать вам сейчас, что в ней есть много поворотов, имеющих большое значение, о которых вы не знаете по той очень веской причине, что я пошёл

на многое и использовал хитроумные уловки, чтобы тщательно всё скрыть.

Лавкрафт вышел из маленькой библиотеки, и мы сели по разные стороны ближайшего стола в большой комнате. Он отодвинул в сторону кучу вещей, включая потрёпанную металлическую коробку, несколько пожелтевших газетных вырезок и плитку из засохшей глины, чтобы расчистить пространство между нами, затем он устроился поудобнее и начал говорить.

— Вы знаете о моей тяжёлой болезни в 1937 году. В течение многих лет меня преследовали всё более мучительные проблемы с пищеварением, которые я стоически и глупо игнорировал, но постепенно я осознал серьёзность своего состояния, и в феврале того года у меня почти не было сомнений в том, что я умираю. Мой диагноз был подтверждён специалистом в марте, и вскоре я оказался под морфием в Мемориальном госпитале Джейн Браун, где мне ничего не оставалось делать, кроме как записывать свои симптомы в слабой надежде, что это может помочь моему врачу.

Ночью тринадцатого числа боль разбудила меня, несмотря на все лекарства. Я лежал, уставившись в потолок и пытался изолировать своё

восприятие от агонии в животе. Часть моего разума, которая была почти полностью подавленной на протяжении всей моей жизни до этого момента, внезапно ослабила свои оковы и начала интенсивно говорить с остальной частью меня. Мне казалось, что я действительно слышу, как она шепчет мне на ухо, шепчет так отчётливо, что я начал беспокоиться — медсёстры могут услышать этот голос и как-то утихомирить его, но я не хотел, чтобы это произошло, так как голос рассказывал мне о некоторых удивительных вещах.

Лавкрафт сделал паузу и посмотрел на меня, и на фоне теней библиотеки он, казалось, положительно светился от волнения, и поэтому стал выглядеть ещё моложе, чем он казался до этого.

— Что, если бы те удивительные существа, которых я всю свою жизнь придумывал и описывал, — все эти ужасающие древние монстры, что пришли с других планет и измерений, и обладали такими огромными и подавляющими силами, — что, если бы они были реальными? Предположим, что мои мельчайшие, точные визуализации всех их ужасающих подробностей, вплоть до их последнего щупальца и когтя, были вовсе не моим творением, а медленным раскры-

тием реальных существ?

Это факт, что я играл с такими понятиями раньше, но только в качестве дразнящего, интеллектуального развлечения. Однако я думаю, что даже тогда я должен был знать — хотя я, конечно, самым праведным образом отрицал бы это, если бы на меня надавили, — что эти монстры говорили с чем-то очень глубоким внутри меня, потому что они никогда не переставали вызывать у меня глубокую и в высшей степени удовлетворительную, омерзительную дрожь. Могло ли быть так, что я использовал таланты и способности, о которых эта хитро шепчущая часть моего разума знала всё это время, но которые мой бедный, ограниченный ум старательно и, без сомнения, справедливо игнорировал? Неужели я, сам того не ведая, нащупал барьеры, отделявшие Их от нас, и *открыл проход во времени и пространстве между разными мирами?*

Лавкрафт наклонился вперёд, слегка постукивая глиняной плиткой по столу, и пристально смотрел на меня, словно оценивая, готов ли я к тому, что он собирался поведать мне дальше.

— Я провёл небольшой эксперимент, Эдвардиус, — сказал он. — Признаться, для тихого писателя-затворника, любящего своих тётушек,

это было довольно вульгарно, но, в конце концов, я умирал. У меня не было бы другого шанса.

Я обнаружил трещину, идущую по потолку над моей кроватью, и я смотрел и смотрел на эту трещину так долго, как только мог, пока не увидел, как края штукатурки зашевелились. Затем я понял, что могу смотреть ещё пристальнее, и трещина начала расширяться, а затем со странным чувством облегчения, которое я даже не могу описать, я увидел, как два тонких чёрных щупальца высунулись из щели, и небольшой кусок штукатурки шлёпнулся прямо мне на грудь.

Затем шепчущий внутри меня голос использовал весь мой разум, чтобы поговорить с этим Существом наверху, командуя им с уверенностью опытного волшебника, и я почувствовал огромное движение над потолком. Оно распространилось и на стены. Я услышал со всех сторон что-то похожее на шуршание тысячи испуганных крыс и на шипение множества разбухших червей; и вот трещина в потолке расширилась ещё больше, из неё потекла вода, и между теми маленькими щупальцами появился длинный, сложный змеевидный отросток, заканчивающийся клубком волнистых нитей. Пока я пялился на него, клубок опустился ниже, и я увидел, как

нити плавно проникли сквозь одеяло и заскользили внутри моего тела.

Я наблюдал, как раковая опухоль покидает меня, Эдвардиус, я видел, как её забирают, всасывают через эту живую трубку непрерывным кровавым потоком, и, наконец, исчез самый последний атом опухоли! А затем этот клубок отделился от моего тела, скользнул вверх и пропал из виду.

Когда я вновь вернулся к трещине, я увидел парящий в темноте за потолком светящийся красный глаз с вертикальным зрачком, и он подмигнул мне, а я подмигнул ему; маленькие щупальца растворились в воздухе словно дым, и трещина закрылась почти так же плотно, как и до моего маленького эксперимента.

Лавкрафт сделал долгую паузу, а затем тихо хихикнул.

— Всё это было такой идеальной, весёлой пародией на фреску Джотто — костлявый, умирающий писатель на своей солидной больничной койке, уставившийся блестящими глазами на видение отростка Шуб-Ниггурат, появившегося сверху, — что я начал смеяться, Эдвардиус. Сначала тихо, затем всё громче и громче, и вскоре палата, казалось, наполнилась озадаченными медсестрами.

Они стряхивали пыль с моего одеяла и просили успокоиться, а я не хотел или не мог, потому что со времён своего детства я сгорал от желания поиграть с джиннами и дриадами, и теперь, только в самый последний момент моей жизни шепчущий голос показал мне, как это сделать!

Лавкрафт вздохнул, откинулся на спинку кресла и указал рукой на книги.

— Голос помог мне построить и купить этот дом, — сказал он, — поскольку я никак не мог бы позволить себе такое, не мог бы позволить себе ничего из этого, если бы не поразительный успех, который имели мои небольшие литературные усилия, сами по себе, а также фильмы и необычайное разнообразие других предприятий, достойных и глупых, что возникли на основе моих рассказов. Я думаю, будет справедливо сказать, что эта ужасная субботняя телепрограмма для детей с презрительным названием «Детишки Ктулху», покрывает только наши обычные ежедневные расходы. Весь этот успех произошёл после моего выздоровления в ту самую насыщенную событиями ночь, и его истоки явно восходят к контракту, который я заключил по этому случаю.

Я уставился на Лавкрафта, мой разум был в

смятении. Заикаясь, я задал животрепещущий вопрос:

— Тогда те монстры, о которых писали вы, Смит, Блох и другие, были реальны всё это время?

— Именно так! — подтвердил Лавкрафт. — Но они не были реальными в *нашем* мире. Они находились за стеной в беспомощном, подвешенном состоянии, совсем как бедный старый Ктулху в моих рассказах. Наши писания и сны коснулись их и пробудили, но только после того, как я действительно вытащил одного из них, чтобы спасти свою жизнь, вытащил его в этот наш мир силой воли, абсурдно усиленной угрозой неминуемой смерти, тёмные боги смогли проявиться. Они усердно и неустанно продолжают следить за тем первым прорывом в наш пространственный узел пространства и времени, в котором мы с тех пор живем, Эдвардиус, и, я должен сказать, они проделали это самым забавным способом, какой только можно себе представить!

Лавкрафт перевернул глиняную плитку, а затем пододвинул её ко мне.

— Вы узнаёте это? — спросил он.

Я с удивлением осмотрел плитку. Это был грубый прямоугольник толщиной менее дюйма и площадью примерно пять на шесть дюймов. На

его лицевой стороне, в некоем скрещении стилей кубизма и арт-деко, явно из двадцатых или тридцатых годов, кто-то вырезал удивительно тревожный образ крылатого монстра с головой осьминога, злобно присевшего перед многоугольным зданием в духе Пикассо.

— Это скульптура, вдохновлённая сном художника Уилкокса из повести «Зов Ктулху», — воскликнул я возбуждённо. — Это первая осязаемая подсказка, данная в ваших мифических историях, о том, что древние боги существуют!

— Совершенно верно, — кивнул Лавкрафт, — но не *совсем*. Обратите внимание, что подпись художника, вырезанная на обратной стороне плиты, — Уилтон, а не Уилкокс, и дата — 1938, а не 1925, как в моём сочинении. И хотя пожелтевшие газетные вырезки, что вы видите здесь, следуют той же общей схеме, которую я создал в «Зове», все они являются её вариациями и описывают реальных людей. Имена из газет отличаются от имён моих вымышленных персонажей, иногда значительно, а приключения в их жизни произошли после моего чудесного выздоровления в Мемориальном госпитале Джейн Браун.

То же самое и с этими потрёпанными записными книжками. Вы заметите, что они написаны

не старым профессором Джорджем Гэммеллом Энджеллом, которого я придумал, страдая в Бруклинской ссылке в 1925 году, а нацарапаны пребывающим в отчаянии джентльменом из плоти и крови по имени Гораций Паркер Уиппл. Весьма интересно, что он также является профессором, но физики, а не семитских языков. Однако оба этих джентльмена, настоящий и вымышленный, действительно умерли после того, как их таинственным образом толкнул моряк. Странные силы, материализующие мой вымышленный мир, всегда довольно тесно связаны с более зловещими деталями моих историй.

В связи с этим также интересно отметить, что, как и в записных книжках моего полностью воображаемого профессора Энджелла, записные книжки Уиппла показывают, что он столкнулся с культом, члены которого действительно поклонялись Ктулху. Хотя всё остальное в этом непрерывном процессе материализации существ и основных понятий из моих мифов и включения их в нашу вселенную, кажется, может иногда прихотливо изменяться, если это необходимо, имена всех божеств и их слуг никогда не отличаются ни на букву от тех, что придуманы мной.

— Но эти книги, — возразил я, — если вам уда-

ётся изменить реальность, тогда как насчёт книг? «De Vermiis Mysteriis», и другие… Я видел знакомые названия! Все эти древние тома по чёрной магии, которые, как считается, вы со своими друзьями выдумали для своих историй — «Cultes des Goules», «Unaussprechlichen Kulten», — эти книги старые! Они древние! Они были здесь задолго до вашего рождения!

Лавкрафт улыбнулся.

— Да, они были, — подтвердил он. — И все годы изданий, которые Смит, Блох, я и другие приписывали этим книгами, оказались точными. Да, все мы являлись лишь наивными нищими с жалкими претензиями на учёность, писаками для журналов, и никто из нас не был достаточно искушён, чтобы иметь представление о том, что наши истории на самом деле могли оказаться правдой. Но эти книги уже существовали, всё верно, и они были очень тщательно спрятаны учёными под замок, именно так, как мы думали; в основном, полагаю, чтобы защитить эти книги от бескультурных лап таких самонадеянных выскочек, как мы — писателей из «Weird Tales»! Кто-то пошутил над нами и над всей нашей маленькой планетой: библиотека колдовских гримуаров оказалась именно такой, какой мы её вообразили!

Лавкрафт снова разразился неприятным смехом, словно колдун, и доверительно наклонился вперёд.

— Единственная проблема с этими книгами, Эдвардиус, — прошептал он, подмигнув, — заключалась в том, что пока я и другие не написали о них, и пока на пороге смерти я не вступил в контакт с силами, стоящими за этими книгами, они не работали!

Лавкрафт сделал паузу, положив руки на тёмную столешницу перед собой; суровая торжественность, которую я наблюдал раньше, на мгновение накрыла его, как саван. Затем, в мгновение ока, он поднялся и многозначительно ухмыльнулся.

— Но теперь они работают, — прошептал он. — *Теперь они работают!*

Я сидел, как нечто, высеченное из камня, безуспешно нащупывая в сумбурном водовороте своих мыслей что-нибудь твёрдое, за что можно было бы уцепиться. Затем я услышал тихий осторожный стук в дверь библиотеки и подскочил, словно пушка выстрелила возле моего уха.

— Это, должно быть, Смит, — пробормотал Лавкрафт, затем крикнул: — Входите, Кларкаш-Тон.

Дверь открылась, и в комнату бесшумно про-

скользнул Смит. Он заинтересованно оглядел меня, а затем повернулся к Лавкрафту.

— По изумлённому выражению лица нашего юного друга я вижу, что его посвящение идёт быстрыми темпами, — заключил он. Затем Смит повернулся ко мне, продолжая изучать меня доброжелательным, но проницательным взглядом. — Не будьте слишком строгими к себе, Эдвардиус, всё это очень трудно понять. Мне тоже было трудно, когда Г.Ф.Л. попытался объяснить мне положение дел после того, как он произнёс над моими сущностными солями формулу Боррелия и вернул меня в этот симулякр моего оживлённого «я». И вам повезло в том, что, когда вы, наконец, осознаете красочные последствия этой ситуации, вы сможете утешить себя тем, что вы не являетесь одним из тех, кто несёт ответственность за её возникновение. По крайней мере, в отличие от Говарда и меня, вы не принимали участия в освобождении этих монстров.

Лавкрафт выпрямился в кресле, тихо фыркнул и посмотрел на Смита с тихим неодобрением.

— Монстры, Кларкаш-Тон? — спросил он. — Звучит как будто осуждающе.

— Монстры, — отчётливо сказал Смит, мрачно улыбнувшись Лавкрафту, затем повернулся

ко мне, всё ещё улыбаясь. — Говард никогда не медлит с намёком на то, что я космический ксенофоб.

— Я не намекаю, — твёрдо сказал Лавкрафт. — Я просто констатирую факт. Эти существа никоим образом не враждебны по отношению к жизни на нашей планете — я всё время говорил об этом в своих рассказах, и это оказалось правдой — они просто равнодушны к нам.

Смит посмотрел на своего старого друга и вздохнул.

— Когда вы, наконец, посмотрите правде в глаза, Говард? Существа, которых мы выпустили на свободу, — монстры. Они были монстрами в том аду, из которого пришли, они являются монстрами здесь, на Земле, и они будут монстрами, куда бы они ни отправились дальше. Мне повезло в том, что я достаточно равнодушен к своим собратьям, мужчинам и женщинам, и я не беспокоюсь о том, какой ужас мы призвали на человечество. Пожалуйста, не воспринимайте моё мнение как моральное неодобрение. Меня беспокоит не безусловное господство этих монстров над нами и уничтожение людей, а смущение от того, что мой вклад в это дело окажется всего лишь случайным результатом личной неумелости и невежества.

Я бы предпочёл намеренно обречь свою несчастную расу на гибель.

Лавкрафт скривился от отвращения, отмахнулся от комментариев Смита усталым жестом, указывающим, что он делал это и раньше, а затем посмотрел на меня через стол с видом человека, которому внезапно пришла в голову очень хорошая идея.

— Поскольку дела идут так хорошо, и вы проявили такую замечательную способность к расширению сознания, Эдвардиус, — сказал Лавкрафт, — я знаю, как развеять любые страхи и мучительные сомнения, которые, возможно, пробудили в вас унылые речи Кларкаш-Тона относительно этих вторженцев в наш мир. Всё очень просто, я могу представить вам одного из них лично, чтобы вы могли поговорить с ним, а затем решить, считаете ли вы его монстром или нет. Кроме того, если вы хотите помогать нам в нашей работе, важно выяснить, считают ли они *вас* подходящим для этого или нет. Дело рискованное. Вы готовы к этому?

Я уставился на Лавкрафта, разинув рот, моя голова закружилась от такой неожиданности.

— Вы намекаете на то, что призовёте одного из этих существ? — ахнул я.

— Я постоянно этим занимаюсь, — небрежно ответил Лавкрафт. — Нет ничего проще, как только вы освоитесь.

Смит пошевелился, и я увидел, что выражение его лица стало ещё более ироничным, чем обычно.

— Полагаю, вам стоит объяснить Эдвардиусу, как вам удаётся так часто призывать своих приятелей, — сказал он.

Лавкрафт взглянул на Смита, слегка нахмурившись, затем пожал плечами и повернулся ко мне.

— Как знаток наших литературных трудов, — холодно сказал Лавкрафт, — вы, конечно, знаете, что Кларкаш-Тон всегда любил иронию. Дело в том, что для того, чтобы продолжать жить здесь в роскоши, к которой мы привыкли, необходимо время от времени приносить небольшую жертву. Человеческую жертву, если быть точным. Имейте в виду, мы всегда тщательно отбирали людей. Их исчезновение не должно остаться без внимания публики, или их смерть должна быть воспринята с благодарностью. Высокомерные или тупые литературные критики, например, или некоторые из тех, кто несёт ответственность за грубые пародии на мои сочинения.

— И на мои, — добавил Смит с мрачной улыбкой. — Но, несмотря на наши добрые намерения, вы должны понимать, что если вы позволите Говарду познакомить вас с этими существами, вы рискуете сами стать их жертвой, если что-то пойдёт не так. Я не уверен, что эти монстры могут отличить плохого критика от хорошего писателя.

Лавкрафт поднялся с кресла.

— То, что говорит Кларкаш-Тон, совершенно верно, Эдвардиус, — сказал он. — В этой встрече будет и риск. Но, в отличие от него, я могу с энтузиазмом порекомендовать вам рискнуть и отправиться в это приключение. Если бы в годы моей молодости кто-то пригласил бы меня на такую встречу, я бы с радостью отдал всё, что угодно. Итак, Эдвардиус, вы в игре? Может, сделаем это?

Я поколебался ещё мгновение, затем уверенно кивнул.

— Я бы никогда не простил себя, если бы упустил такую возможность, — сказал я.

Мы втроём вышли из библиотеки и направились по коридорам и лестницам. Лицо Смита выражало сомнения. Меня постоянно преследовало ощущение, что злодеи и монстры с картин

следят за нами. Мы с Лавкрафтом остановились в гостиной, чтобы взять свои плащи и шляпы, так как на улице начал моросить мелкий, порывистый дождь. Смит остался в доме, а Лавкрафт повёл меня в лес. Мы пробирались между деревьями дольше, чем я считал возможным для такого маленького участка, каким казался этот уголок Провиденса, особенно когда я заметил, что эти деревья превратились из относительно молодых в древних гигантов со сморщенными листьями. Это выглядело совершенно невероятным для данной местности, и я повернулся к Лавкрафту в некотором недоумении.

— Вы совершенно правы, Эдвардиус. — кивнул мне Лавкрафт и улыбнулся. — Всё здесь намного больше и старше, чем может быть, но мы немного обманули время и пространство. Сегодня мы лишь немного углубимся в западную окраину леса. Поверьте, здесь есть ещё много чего интересного, вы всё узнаете, как только поселитесь у нас. Например, там есть древний разрушенный город, и удивительное мрачное болото, и пещеры, и гроты, которые я ещё даже не начал исследовать. В любом случае, мы достигли нашей цели.

Мы вышли на поляну, и я с восторгом обнаружил, что стою среди примитивных шпилей

небольшого, но впечатляющего круга монолитов, по сравнению с которыми я выглядел карликом. Лавкрафт подошёл к серому, вертикально стоящему камню и ласково погладил рукой покрытую лишайником поверхность.

— Эти старые камни были аккуратно перенесены сюда с высокой, одинокой горы в реальном мире, почти точном эквиваленте Данвича, который, конечно же, служил местом обитания моего вымышленного колдуна Уэйтли и нечеловеческих созданий, призванных им, — объяснил Лавкрафт. — Я сделал точно такой же круг из этих камней, и с гордостью могу сообщить, что они не потеряли ни одной из своих удивительных способностей.

Лавкрафт указал на внушительную гранитную плиту в центре круга.

— Это камень для жертвоприношений, — сказал он. — Он служил для этих целей ещё задолго до того, как ведьмы прибыли из Европы, чтобы заявить о своих правах на этот камень. Индейцы использовали его в своих ритуалах с древних времён, и я также узнал, что более древние, гораздо более необычные существа давали этому камню то, что он хотел в течение предыдущих тысячелетий. Подойдите к нему, Эдвардиус. Почувствуй

его. Не только его форму, но и его настроение. Этот камень участвовал в бесчисленных магических обрядах и впитал много крови самых разных видов.

Моросящий дождь перешёл в непрекращающийся ливень, и гладкие канавки, вырезанные в камне, ловили падающую воду так, что она призывно журчала, направляясь и выливаясь в ненасытную яму в центре. Я протянул руку к камню, и в тот момент, когда мои пальцы коснулись лишайника, окружающего отверстие, сама земля содрогнулась от оглушительного удара грома над моей головой.

— О, это превосходно, — воскликнул Лавкрафт, вглядываясь в небо, совершенно не замечая капель дождя, стекающих по его лицу, — Это очень хорошо. Посмотрите на облака, Эдвардиус. Как плавно они стягиваются со всех сторон, образуя в этой точке над камнем единое, более крупное облако. Словно ведьмы, спешащие на шабаш, не так ли?

Ветер усилился, он с яростью пригибал траву и трепал наши плащи. Повсюду в небе сверкали молнии, и вскоре каждый раскат грома стал перекрывать предыдущий, так что слышался только непрерывный рёв.

Но я лишь смутно осознавал всё это, потому что мне постепенно становилось ясно, что я наблюдаю явление, не имеющее аналогов в природе. Я уставился на небо так же пристально, как и Лавкрафт, и чем больше я наблюдал за движением облаков, тем больше мой страх превращался в своего рода благоговение.

Облака слились в одно огромное существо над нами, оно быстро приобрело крайне неприятную плотность, в то время как молнии, вспыхивающие вокруг него и в его глубинах, начали раскрывать бесчисленные, всё более чёткие детали, это были уже не просто газовые вихри, а сознательные движения огромного множества живых органов. Сначала они имели туманные очертания, и каждый орган неистово двигался.

Безумное их разнообразие становились всё более отчётливым по мере сгущения форм. Некоторые из них имели различную степень сходства с органами существ, обитающих на нашей планете, но другие были настолько чужды всему земному, что, казалось, не имели никакого отношения ни к одному знакомому нам виду или функции.

Среди этих конечностей и отростков, имелось, по крайней мере, несколько опознаваемых; я мог

различить когти и клешни, жадно хватающие воздух; бурлящую массу паучьих ног, вытягивающихся с непристойным любопытством во всех направлениях; бесчисленные крылья — некоторые перепончатые, некоторые чешуйчатые, некоторые с рваными и тёмными перьями, но все огромные, и каждое хлопало в едином ритме со всеми остальными крыльями.

Надо всей этой массой органов доминировал огромный глаз, окружённый четырьмя дрожащими веками, состоящими из тысяч глаз меньшего размера на извивающихся стебельках, благодаря чему это существо могло смотреть сразу во все стороны.

Я вздрогнул, когда рука Лавкрафта внезапно схватила меня за плечо.

— Что вы об этом думаете, Эдвардиус? — прокричал он, перекрывая раскаты грома. — Разве оно не великолепно? Разве это не *прекрасный* монстр?

Я не знал, что сказать. На мгновение мне показалось, что я не в состоянии ответить, и, кроме того, непрекращающийся гром, казалось, издевался над любыми тихими звуками, что я мог из себя выдавить.

Затем я напрягся, потому что звук грома на-

чал меняться. Прошло некоторое время, прежде чем я понял, что слышу: существо в небе стало сгущаться в новую форму, подобно тому, как до этого стягивались облака. У небесного монстра появилось нечто, похожее на рот.

— Вы поняли, что происходит, не так ли, Эдвардиус? — крикнул Лавкрафт.

Я посмотрел на него и почувствовал, как у меня задрожали ноги. Я прислонился к жертвенному камню, чтобы не упасть. Лавкрафт нахмурился, когда увидел это, схватил меня за руку и оттащил назад.

— Нет, — сказал он, — это ошибка, которую всегда совершают жертвы. Стойте рядом со мной.

— Оно формирует слова, — сказал я. — Оно говорит!

Лавкрафт склонил голову набок и с сомнением прислушался.

— Ну, *не совсем*, ещё нет, — прокомментировал он. — Но заговорит в любую минуту!

Держа одну руку на моем плече, Лавкрафт стоял немного впереди, вглядываясь вверх.

— Это Эдвардиус, — громко и чётко произнёс он. — Он мой друг. Он работает с нами. Он не жертва.

Лавкрафт снова повторил моё имя, выкрикивая

его слоги один за другим и тщательно выговаривая их.

— Эд-вар-ди-ус, — крикнул он. — Эд-вар-ди-ус!

Я уставился на монстра и с новым трепетом ужаса увидел, что в центре его нижней части начались какие-то титанические конвульсии, щупальца и суставчатые ноги извивались, то же самое делали и другие непостижимые и ужасные органы. Это было похоже на то, как море из узлов развязывается само по себе!

И в этот момент монстр обрёл голос.

— ГГГГГГГ! — проревел он, словно гром. — ГГГГГГГ!

Я почувствовал, как Лавкрафт слегка напрягся и с некоторым беспокойством поднял глаза.

— Странно, — заявил он, слегка озадаченный и, впервые, немного неуверенный в себе. — Это звучит совсем неправильно.

Затем, освободившись от узлов, все эти ужасные органы стали вытягиваться всё дальше и дальше, пока не вышли даже за пределы своего гигантского тела. Всё это выглядело как ужасная пародия на сияющую звезду над головой святого на русских иконах.

— ГГГГГГГГГГГГ! — проревел голос, и я увидел, как Лавкрафт задумчиво прищурился, глядя

вверх. — ГГГГГГГГГГГ!

— *Эд-вар-ди-ус!* — крикнул Лавкрафт, затем повернулся ко мне, слегка раздражённо пожав плечами. — Оно не может произнести ваше имя. Представьте, как трудно его голосовому аппарату освоить наш язык.

Вытянутые конечности существа начали медленно, очень зловеще изгибаться вниз, и я невольно съёжился. Затем они опустились ещё ниже, все эти разные хвататели, захваты, присоски и кусачие зубы — тысячи их приближались всё ближе и ближе, и по мере того, как они плавно и неизбежно двигались, моя ужасная догадка медленно превращалась в уверенность.

— Оно тянется ко мне, не так ли? — спросил я сначала спокойно, а затем повторил с тревогой. — *Оно тянется ко мне, не так ли?*

— Не паникуйте, не паникуйте, — прошептал Лавкрафт мне на ухо, а затем снова крикнул вверх: — Эд-вар-ди-ус, он мой друг — *Эд-вар-ди-ус!*

— ГГГГГГГГГ-ФФФФФФФФ, — проревел голос с неба, и могучий круг камней, казалось, задрожал от этого звука.

Лицо Лавкрафта внезапно побледнело, затем покраснело, а затем его глаза расширились в

абсолютном изумлении.

— Боже мой, кажется, я наконец понял, что означает та строфа в «Людях Монолита», Джеффри, — сказал он себе, а затем повернулся ко мне. — Какое сегодня число, Эдвардиус?

— Пятнадцатое сентября.

— Ага, — сказал он, — я так и думал. Не волнуйтесь, мой мальчик, вы в полной безопасности.

Затем Лавкрафт с застенчивой тоской посмотрел на монстра, что совершенно не сочеталось с его костлявым лицом с острова Пасхи.

— Это действительно необычайно трогательно, — сказал он.

Затем Лавкрафт повернулся ко мне и указал наверх.

— Оно прекрасно, не так ли? — спросил он.

— Да, — ответил я, успокоенный его поведением. — Прекрасно. Кларкаш-Тон ошибается насчёт них.

— Он ничего не может с этим поделать; такой уж у него характер. Вы должны простить его.

— ГГГГГГГГГ ФФФФФФФФ ЛЛЛЛЛЛЛЛ — прогремел голос, и камни вокруг нас закачались.

Лавкрафт убрал руку с моего плеча и сделал пару шагов вперёд, затем лёгким прыжком, выполненным с лёгкостью и неосознанной грацией

маленького мальчика, он запрыгнул жертвенный камень.

— Я здесь, — крикнул он своим тонким голосом, глядя на монстра в небе. — Я здесь!

— ГГГГГГГГГ ФФФФФФФФ ЛЛЛЛЛЛЛЛ, — снова прогремел голос, — ОО — ОО — ОО — ОТЕЦ! ОТЕЦ!

Лавкрафт стоял спокойно, глядя широко раскрытыми глазами на огромную массу, нависающую над ним, на щупальца, когти и странно соединенные пальцы, тянущиеся к нему. Один из монолитов, вырванный с корнем вездесущим ревом, с грохотом упал позади Лавкрафта, промахнувшись всего на несколько дюймов, но он даже не заметил этого.

— ОО — ОТЕЦ! — снова прогремел голос, когда все эти странные, ужасные конечности нежно обхватили Лавкрафта, каждая в соответствии со своей причудливой анатомией, и вместе они осторожно подняли его с земли, а он не сопротивлялся в их объятиях. Лавкрафт смотрел вверх, в огромный глаз существа, что поднимало его всё выше и выше. И когда я в последний раз посмотрел на Г.Ф.Л., выражение его худого, вытянутого лица было странным, сверхъестественным, любящим; он был как младенец в своей кроватке.

* * *

Когда я вернулся, дверь дома была открыта, и Смит стоял прямо на пороге, держа в руках два бокала вина и наблюдая за мной без малейшего видимого удивления.

— Как странно, — сказал он, — я абсолютно точно знал, что вернётесь вы, а не Говард. Даже не знаю, почему. Конечно, такая возможность никогда не приходила мне в голову в случаях с другими людьми. Возможно, это из-за тех цитат из «Пнакотических рукописей», Лавкрафт часто повторял их в последнее время.

— Сегодня годовщина «Ужаса в Данвиче», — сказал я. — Это день, когда брат Уилбура Уэйтли наконец-то вернулся домой.

Смит задумчиво посмотрел на меня.

— Но в конце концов, жертвоприношение всё равно состоялось, — сказал он, — и оно сработало. В этом нет никаких сомнений. Вы изменились.

В этот момент я впервые осознал, что я стал чувствовать себя иначе, чем когда-либо. Во мне возникло какое-то сияние, какая-то сила. Очень глубокая сила, которая мне понравилась.

— Мы всегда пьём после жертвоприношений, — сказал Смит, протягивая мне один из

бокалов. — Это стало традицией.

Мы чокнулись бокалами, и они издали волшебный звон. Смит быстро опустошил свой бокал, пока я сделал только один глоток. Конечно, это было вино «Амонтильядо».

— Я приготовлю ужин, когда вы проголодаетесь, — сказал Смит.

С того дня ни я, ни он не испытывал ни малейшей потребности в каком-либо обсуждении или соглашении. Кларкаш-Тон по-прежнему остаётся пономарём, я занял должность колдуна, и мы совершали жертвоприношения почти без затруднений; похоже, что недостатка в жертвах не предвидится. Нам хватило бы и высокомерных критиков. Признаюсь, я был поражён, увидев, как происходят жертвоприношения, как разрываются и плавятся тела, всё это имеет мало сходства с благоговейным вознесением Г.Ф.Л.

В тот первый вечер, однако, Смит незаметно исчез в направлении кухни, по пути наливая себе очередной бокал вина, а я спокойно направился в библиотеку. Вскоре я уже стоял в тайной комнате, протягивая руку к тёмному корешку «Некрономикона»; я заметил его ещё раньше, но не осмеливался упомянуть. Моя рука всё еще находилась в нескольких дюймах от полки, когда

книга зашевелилась, как проснувшаяся кошка, и сама скользнула в мои пальцы, мягко устроившись в них, подобно птице в своём гнезде.

Обложка книги была изготовлена из какой-то чёрной шкуры с длинными густыми волосами, и после того, как я подержал «Некрономикон», пару минут, я заметил, что некоторые из длинных прядей волос ласково обвились вокруг моих пальцев. Они всё еще делают это каждый раз, когда я беру в руки книгу, и иногда они держат мои пальцы очень крепко. Особенно когда я читаю заклинания.

Послесловие автора

Когда я был ребёнком, и клетки моего мозга были ещё более мягкими и податливыми, чем сейчас, вместе с родителями я приехал во Флориду, и в пыльной аптеке Ки-Уэста я купил сборник рассказов Лавкрафта «Странная тень над Иннсмутом», издательства «Bart House».

Эта книга всё ещё у меня. Я бережно храню её в пластиковом пакете, хотя она далеко не в идеальном состоянии. Её обложка выцветшая и грязная, с загнутыми нижними углами; на страницах много пятен и моих детских рисунков, и, что хуже всего, в книгу вклеен рисунок мыши.

В 12 лет я пытался убедить себя, что это крыса, а книга — сам «Некрономикон».

Я уверен, что многие знатоки Лавкрафта посмеялись бы над этим, и я им полностью сочувствую, но для меня это, безусловно, самый ценный предмет в моей коллекции Лавкрафта, даже более ценный, чем моё любимое, первое издание «Иннсмута», с иллюстрациями Атпателя и с опечатками. Данную книгу я приобрёл много лет спустя. Но я полностью погрузился в ту книгу из Ки-Уэста, прочитав всего несколько абзацев, и с тех пор я никогда полностью не выходил из неё.

Я представляю себя бродящим по тихим докам «Иннсмута», или ночным шпионом в тёмном, мёртвом Нью-Йорке из рассказа «Он»; я навсегда останусь отчасти «Изгоем», и благоговейным слушателем «Шепчущего во тьме», и что самое главное и радостное — путешественником, с энтузиазмом оседлавшим гибридную крылатую тварь, которую ни один здравый глаз никогда не сможет полностью охватить; я представляю, как прокладываю себе путь через извилистые, темные туннели на «Праздник».

Я полагаю, в каком-то смысле это своего рода проклятие, но я бы не хотел, чтобы это было по-другому, и я ужасно благодарен вам за это,

мистер Лавкрафт.

Пожалуйста, примите эту мою историю как своего рода благодарность.

Вольный перевод: А. Черепанов

Дональд Уоллхейм
Ужас, навеянный Лавкрафтом

«О, Боже мой, Боже, — задыхался кричавший, — Оно снова идёт, и на этот раз днем! Оно вышло оттуда — вышло и движется, вот прямо сейчас, в эту самую минуту, и одному Богу известно, когда оно нападет на всех нас!»

— Г. Ф. Лавкрафт

Donald Wollheim «The Horror out of Lovecraft», 1969

Не знаю какое странное любопытство завладело мной, когда я решил провести собственное расследование таинственных занятий Элифаса Снодграсса той зимой 39-го года. Есть вещи, о которых людям лучше не знать, и есть тайны, которые навсегда должны оставаться скрытыми

от смертных. Среди этих тайн — местопребывание Элифаса Снодграсса в течение осени 39-го и последующей зимы. Если бы у меня были силы, чтобы обуздать своё любопытство…

Впервые я услышал об этом человеке, когда навестил свою тётю Эйлалию Баркер. Её дом находился в Восточном Аркхэме, в глухом районе Массачусетса. Это богом забытая местность, тёмная и мрачная, одна из самых старых областей Америки не только из-за появления там первых белых поселенцев, но и по древности их традиций. В эти земли в 1647-м прибыли несколько полных лодок угрюмых рабовладельцев с пакетбота «Нэнси Б.», которым командовал старый капитан Хью Квиндж. О нём мало что было известно. Говорили только, что он был наполовину индус и женился на ирландской девице из Корка при странных обстоятельствах. Моя тётя Эйлалия была достаточно приятной старой девой. Она приходилась мне роднёй со стороны матери, которая носила фамилию Баркер, а родом она была из Баузера — маленького, почти неизвестного рыбацкого городка.

Несколько лет назад моя тётя внезапно уехала из Баузера, причины такого отъезда так и остались непонятными. В Аркхэме она свела

поверхностное знакомство с семьёй Снодграссов, которые проживали в тихом особняке Кромбли на другой стороне города.

Как ей удалось встретить миссис Снодграсс — тётя Эйлалия не хотела обсуждать.

Тем не менее, я проживал в её доме, занимаясь своими исследованиями и посещая знаменитую библиотеку Мискатоникского университета, но это было ещё почти за три недели до того, как тётя упомянула имя Элифаса Снодграсса. Она говорила о нём тревожным тоном, хоть и притворялась равнодушной, сообщив мне, что мать Элифаса (у которой предки несколько поколений назад, должно быть, были азиатами) попросила тётю связаться со мной и спросить совета. Я был известен благодаря своим научным изысканиям на тему древних мифологических царств, и миссис Снодграсс считала меня учёным. Похоже было, что Элифас Снодграсс вёл себя странно. Это не было чем-то новым, но случилось так, что его странность приняла необычный и тревожный оборот.

Как я узнал от своей тёти и впоследствии расследуя это дело Элифас Снодграсс был молодым человеком в возрасте около 27 лет. Он был высоким и худощавым, его лицо имело суровое

выражение. Снодграсс был слегка смуглым (вероятно, унаследовал эту черту от своего отца, Езекии Снодграсса, о матери которого говорили, что её дальние предки были из Африки). Ещё Элифас часто предавался длительным размышлениям. Порой он казался нормальным и почти жизнерадостным (как и все молодые люди в Аркхэме), но были периоды, когда в течение многих недель он запирался в своей комнате и оставался мрачным и молчаливым. Иногда причудливые звуки доносились из его комнаты — таинственное пение и странные разговоры. Однажды дом оказался во власти страха из-за таинственных воплей и завываний, которые так быстро и страшно прекратились, что невозможно было понять их происхождение. Когда у Элифаса пытались спросить о причине этих странных звуков, он пристально и холодно посмотрел на вопрошавшего и пробормотал что-то о проблемах с радиоприёмником.

Естественно, вы поймёте, каким зловещим и тревожным было всё это. И так как я был в долгу перед тётей Эйлалией (не буду говорить, что это за долг), я посчитал себя обязанным выяснить чем таким необычным занимается Снодграсс. Моя тётя помогла мне проникнуть в особняк

Снодграссов, взяв с собой на светский визит.

Не прошло и минуты, как я вошёл внутрь, а гнетущая атмосфера дома уже давила на меня. В воздухе, казалось, зависло чувство напряжённого предвкушения, как будто что-то — я не знаю, что именно — выжидало… выжидало момента, чтобы напасть. Любопытный запах проникал в мои ноздри — странное зловоние чего-то заплесневелого и давно уже мёртвого. Я чувствовал себя неспокойно.

Вскоре после того, как мы пришли в гости, явился сам Элифас. Он был где-то на улице, и не соизволил объяснить где. Его обувь показалась мне неестественно грязной, словно он в какой-то пыли выкапывал глубокую яму; волосы Снодграсса были так же странно взъерошены. Он говорил со мной достаточно вежливо и проявил внезапный интерес, когда услышал, что я учился в Мискатоникском университете. Он с воодушевлением спросил не слышал ли я о знаменитой копии книги «Некрономикон», безумного араба Абдула Альхазреда, которая является одной из самых дорогих вещей в университете. Я вынужден был ответить отрицательно, и мне показалось странным, что Элифас рассердился. На мгновение я подумал, что он собирается внезапно покинуть

нас, но затем он сдержался, сделал странное движение в воздухе большим и указательным пальцами левой руки, и перешёл на разговор о необычной погоде, которая была в те дни.

Началось всё с непривычно жаркого лета, но несколько дней назад погода внезапно изменилась, и наступил необычный сухой холод. Ночью внезапно возник ветер, который, казалось, дул с холмов, окружающих Аркхэм, и этот ветер нёс с собой странное рыбное зловоние. Большинство старожилов указывали на эту странность, а один или два сравнивали этот ветер с необычным ветром Тёмного Дня в 1875-м году. Что это был за день они не объяснили.

Я видел Элифаса Снодграсса ещё несколько раз тем летом, и с каждой встречей он казался более озабоченным и странным, чем до этого. Однажды он загнал меня в угол и упрашивал взять для него книгу Альхазреда из университетской библиотеки. Ему отказал в доступе к «Некрономикону», библиотекарь, очень сведущий человек, который, очевидно, сделал своим правилом не давать эту и подобные книги в руки людям, которые похожи на сумасшедших.

Я хорошо помню ночь 10-го сентября. С утра это был ещё типичный жаркий день, как в конце

лета, но вечером стало холодно, и когда зашло солнце, поднялся сильный ветер. Тёмные облака возникли словно из ниоткуда, и вскоре ветер с холмов превратился в бурю, а вдалеке затрещали молнии.

Около двенадцати часов случилось странное затишье, которое длилось примерно десять минут. Я могу вспомнить, что в тот момент зловоние затхлости просочилось в город, проникая в каждый дом. Я зачитался допоздна, и прекратил чтение только когда запах достиг моих ноздрей. Тут я заметил, что буря прекратилась. Я подошёл к окну, отодвинул шторы и изумился открывшейся картине.

Снаружи небо было мертвенно чёрным. Воздух застыл в неподвижности, и тонкий миазматический туман повис вокруг. Внезапно раздался ужасный гром, а затем я увидел потрясающую, зелёную вспышку молнии, которая ударила где-то в Аркхэме и затихла. Помню, я был поражён тем фактом, что услышал гром раньше, чем увидел молнию, а не наоборот, как это всегда бывает.

Сразу же после этого примечательного явления буря возобновила свою ярость и продолжалась ещё несколько часов.

Утром меня разбудил настойчивый звонок

телефона. Моя тётя, взявшая трубку, вскоре после этого постучала в мою дверь и предложила одеться. Было похоже на то, что особняк Кромбли оказался пунктом назначения той странной молнии. Сам особняк не пострадал, но Элифас Снодграсс пропал без вести.

Я поспешил на место происшествия. Когда я приблизился к дому, то ощутил неприятный запах, а переступив порог, был буквально оглушён проникшим сюда зловонием мёртвой и гниющей рыбы. Миссис Снодграсс объяснила мне, что зловоние пришло после удара молнии, и они отчаянно пытались проветрить комнаты. Тогда воняло намного хуже, чем сейчас.

Преодолевая отвращение, я вошёл в особняк и по ступенькам поднялся в комнату Элифаса. Всё здесь было в ужасном беспорядке, словно кто-то уходил в спешке. Мне сказали, что в комнате была упакованная сумка, но она отсутствовала. Кровать Элифаса была не тронута; комната была завалена книгами, рукописями, бумагами, дневниками и любопытными старыми реликвиями.

В течение последующих дней, пока полиция штата и федеральные власти безуспешно разыскивали молодого Снодграсса, я изучал бумаги, найденные в его комнате. Я содрогаюсь от ужас-

ных заметок и вещей, на которых они намекали.

Прежде всего я нашёл тетрадь, такие используют дети для записей на уроках в школе. Эта тетрадь, как мне показалось, содержала серию подсказок. Очевидно Снодграсс делал в ней свои заметки. Здесь я нашёл пожелтевшую вырезку со статьёй из какой-то газеты, напечатанной в Сан-Франциско. Статья называлась:

СТРАННАЯ ИСТОРИЯ С ГРУЗОВЫМ СУДНОМ

Команда «Кунгесхавена», прибыла в порт с рассказом о кипящем море и затонувших островах.

Сан-Франциско: Шведское грузовое судно «Кунгесхавен», прибыло в порт сегодня. Его команда рассказывает странную историю о сверхъестественном шторме на море, и о почти невероятных событиях. Большинство членов команды отказывалось говорить о том, что они видели, но репортеры вытянули из оставшихся моряков фантастический рассказ о внезапном шторме, в который попало их судно два дня назад по пути из Новой Гвинеи. Пять часов ужасный водяной смерч

преследовал их в полутьме. Им показалось, что на их глазах остров ушёл под воду, а затем они плыли через кипящее море в течение двух часов. Третий помощник капитана по фамилии Свенсон, которого, казалось, это событие потрясло глубже всех, продолжал бормотать заклинания и молиться ужасному демону или морскому чудовищу, которого он назвал Кихулу или Китуху.

В газетной заметке дальше было ещё несколько параграфов, посвященных главным образом деталям вышеупомянутого события.

Следом в тетрадь была вклеена вырезка из той же самой газеты, но с датой на несколько дней позже. Сообщалось о внезапной смерти некого Олафа Свенсона, члена команды «Кунгенсхавена». Он был найден в глухом переулке в Сан-Франциско, а всё его лицо было съедено.

Рядом с этой заметкой была запись, сделанная необычным раздражительным почерком Элифаса Снодграсса: *«Кихулу — он имеет в виду Ктулху?»*

Тогда это имя ничего для меня не значило. А должно было значить! Возможно, я всё ещё мог

спасти Элифаса.

Далее в тетради была еще одна запись, сделанная его рукой:

> *Во вторник нужно произнести заклинание Дхо и шесть раз обернуться против часовой стрелки. Хастур восходящий. Дагон нисходящий? Нужно изучить. См. у Лавкрафта подходящую магическую формулу для Йог-Сотота. Пиньон говорит, что у него есть для меня копия Книги Эйбона; нужно написать ему, чтобы выслал книгу со специальным посыльным. Я чувствую, что время близко. Я должен проконсультироваться у Альхазреда — нужно найти способ получить «Некрономикон». Это всё есть в книге старого араба; он испортил дело; я не должен. Так мало времени. День Мрака приближается. Я должен быть готов. Ллойгор защищает меня.*

После этой заметки шло множество страниц, заполненным чем-то похожим на химические и астрологические формулы.

Я чувствовал себя очень взволнованным после чтения этой тетради. Всё это было так необычно.

Нужно упомянуть ещё одну вещь из моего расследования. На потолке в комнате Элифаса была странная широкая полоса, оставленная чем-то влажным. Я знал, что крыша протекала, но тем не менее это выглядело зловеще.

Постепенно город возвращался к нормальной жизни. Нормальной! Размышляя теперь об ужасе, что бродил среди нас, меня бросает в дрожь от того, что мы могли говорить такие слова как «назад к нормальному». Зловоние в особняке Снодграссов постепенно уменьшалось.

Я вернулся к своим исследованиям и вскоре почти забыл об Элифасе. Только в начале зимы это дело вновь напомнило о себе. Миссис Снодграсс позвонила мне и сообщила, что в глухую ночь слышала чьи-то шаги в комнате Элифаса и ещё какие-то голоса. Но когда она постучалась в дверь, никого внутри не было.

Вместе с миссис Снодграсс мы вернулись в особняк Кромбли и вновь вошли в комнату Элифаса. Хозяйка привела комнату в порядок, тщательно собрав вещи и бумаги. Я думал, что всё на своих местах, пока случайно не посмотрел на потолок. Там были влажные следы, прямо на побелке. Следы начинались над входной дверью и заканчивались над большим шкафом, который был

открыт!

Я тут же подошёл к шкафу; на первый взгляд всё было в порядке. Но затем я заметил кусочек бумаги на полу и поднял его. На бумажке было написано одно слово, и это несомненно был почерк пропавшего студента.

Одно слово — «Альхазред»!

Едва освободившись, я отправился в Мискатоникский университет и получил разрешение посмотреть ту омерзительную книгу Абдула Альхазреда. Лучше бы я не читал её! Если бы я мог позабыть всё это дело!

Никогда не забуду то ужасное знание, которое проникало в мой мозг в течение тех часов, когда я сидел над этой отвратительной книгой, читая заполненные ужасом страницы. Бесноватые уродства, которые атаковали мой ум, и бесспорная истина их существования навсегда поколебали мою веру в этот мир. Книга должна быть уничтожена; это энциклопедия сумасшествия. Весь день я читал эти наполненные безумием страницы, и уже наступила ночь, когда в одном месте я увидел слова, которые были ответом на мою загадку. Не скажу, о чём там было написано, поскольку не осмеливаюсь. Все же я отшатнулся в страхе; то, что открылось мне было многообразием ужаса. И

я понял, что нужно действовать без промедления, в ту же ночь, или всё будет потеряно. Возможно, всё уже было потеряно. Я помчался из библиотеки в темноту ночи.

Падал странный снег, необычный мерцающий снег, который опускался как призраки во тьме. Я бежал под этим снегом через бесконечные кварталы древних домов к особняку Снодграссов. Когда я достиг их улицы, мне показалось, что я вижу зеленоватое мерцание над их крышей. Я ускорил шаг, взбежал на крыльцо и забарабанил в дверь. Было около полуночи, и прошло ещё сколько-то времени, прежде чем семья впустила меня. В спешке я объяснил, что мне нужно сделать ещё один обыск комнаты Элифаса, и они разрешили мне пройти. Я помчался вверх по лестнице и распахнул дверь. Было темно, и я щёлкнул выключателем.

Забуду ли я когда-нибудь ту страшную вещь, что увидел там? Ужас, страх и безумие казались слишком великими для человеческого разума, чтобы вынести их. Я тут же выключил свет и, закрыв дверь, с криками выбежал на улицу. К счастью случилось так, что немедленно после этого вспыхнул неистовый огонь и полностью сжёг тот проклятый дом. Правильно. Такой омерзитель-

ной вещи не должно существовать, никогда не должно существовать в нашем мире.

Если бы человек знал о кричащем безумии, что скрывается в недрах земли и в глубинах океана, если бы он хоть мельком увидел тварей, что выжидают в бесконечных пустых глубинах отвратительного космоса! Если бы он знал тайное значение мерцания звезд! Если бы открытие Плутона поразило его как предзнаменование, чем оно и было на самом деле!

Если бы человек знал всё это, то думаю, что такое знание сожгло бы мозги каждого мужчины, женщины и ребенка на поверхности Земли. Такие вещи никогда не должны становиться известными. Такому отвратительному, непостижимому злу никогда нельзя позволять просочиться в мысли людей, иначе все сойдут с ума, и в мире наступит хаос.

Как я должен рассказать о том, что я увидел в комнате того проклятого дома? Когда я открыл дверь, там на покрывале, обнаруженный из-за внезапной вспышкой электрического освещения, лежал всё ещё подрагивающий большой палец ноги Элифаса Снодграсса!

Перевод: А. Черепанов

Дональд Уондри
Хихикающий

Donald Wandrei «The Chuckler".

Микрорассказ в жанре хоррор, написанный под впечатлением от «Заявления Рэндольфа Картера», Г. Ф. Лавкрафта.

I

7. Все драгоценности, которыми я владею, должны перейти к моей дочери Мэри Уолтон, за исключением изумруда, известного как «Тёмное пламя», — он должен быть помещён в мою правую руку и похоронен вместе со мной.

8. Всю мою коллекцию оккультных книг, за исключением четырёх указанных ниже, следует передать в публичную библиотеку нашего города. Эти четыре книги должны быть помещены в мой гроб:...

Мэри Уолтон позволила похоронить изумруд,

потому что она была послушным ребёнком и, кроме того, не испытывала особой симпатии к зелёному камню. Те четыре книги она также положила в гроб покойного. Это были древние манускрипты, написанные на каком-то неизвестном или забытом языке, и она не знала, что каждая из них являлась единственной в своём роде. Более того, она совершенно не знала о силах, которыми управляли эти книги, и ключом, к которым они служили.

II

Тень, чёрная на фоне мрака безлунной ночи, внезапно пересекла кладбище. Она исчезла в густой темноте вокруг большого входа в какой-то семейный склеп. Некоторое время оттуда доносились слабые скрежещущие звуки. Потом они прекратились. Часть тени слегка качнулась наружу, как дверь; её положение оставалось неизменным в течение короткого времени, а затем она снова качнулась. Всё было тихо.

III

Только по чистой случайности в это время он возвращался домой. Он ушёл с дежурства в

полночь, но пробыл в участке ещё около часа, разговаривая с двумя другими полицейскими; один час не казался ему особенно важным. Но именно из-за этого он так поздно шёл домой мимо кладбища, достаточно поздно, чтобы полицейский смог услышать слабые скрежещущие звуки и увидеть, как чёрный сегмент слегка отделился от входа в склеп и чуть позже вновь слился с ним.

Полицейский остановился и через мгновение уже бесшумно начал пересекать кладбище. Тусклые надгробия то и дело мелькали в сумраке впереди него и исчезали в темноте позади.

«Опять грабитель могил, — пробормотал он себе под нос, — но на этот раз ему не уйти». Внезапно у него перехватило дыхание. «Господи, только не склеп Уолтона! Держу пари, грабитель охотится за изумрудом, который, как говорят, так нравился Уолтону, что тот похоронил его вместе с собой!»

Перед полицейским замаячил монумент. Дверь, ведущая в склеп, была закрыта, но замок сломан; мужчина ожидал чего-то подобного. Он прислушался на мгновение. Всё было тихо и спокойно. Он оглядел ряды надгробий, которые возвышались со всех сторон, белые и призрачные; посмотрел на холодные, бледные звёзды в

небе над своей головой, и закрытую дверь перед собой. Время от времени он слышал зловещий шелест ночного ветра; за исключением этого, на кладбище стояла мёртвая тишина.

Полицейский осторожно потянул на себя дверь, и она распахнулась. Перед ним лежала чёрная как смоль тьма, из глубин которой поднимались сырые запахи, нездоровые и зловещие. Он невольно вздрогнул и вытащил пистолет.

Он застыл в нерешительности и с минуту раздумывал, войти ему или подождать, пока кладбищенский вор выйдет сам. Полицейский снова прислушался, но до него не доносилось ни звука. Раз или два ему показалось, что за его спиной раздаются шаги, но это оказался лишь лёгкий ветерок, шевеливший траву. Он попытался заглянуть в склеп, но чернильная тьма не давала ничего рассмотреть. Свет никогда не тревожил уединённость этого кладбища. Медленно тянулись минуты, полицейский продолжал стоять в нерешительности. Он снова осторожно просунул голову в проход и прислушался. И пока он слушал, его лицо побледнело в темноте, и он вздрогнул. Ибо едва он просунул голову в дверь, как из глубины склепа донеслось затихающее эхо длинного, пронзительного крика. А потом

раздался *звук*, неописуемый *звук*, неизмеримо далёкий, как будто кто-то хихикал. Эхо крика затихло, но мужчина всё ещё слышал далеко внизу этот хриплый смешок.

Он больше не медлил, выхватил фонарик и включил его. Через мгновение полицейский уже вошёл в склеп и быстро спускался по лестнице. Он не боялся, что его заметят; он знал, что в коридоре имеется два поворота, прежде чем путь приведёт его к самому склепу. Чёрные стены плавно скользили мимо мужчины. Он следил за своими шагами, но двигался как можно быстрее. И всё это время он слышал этот жуткий смешок, и с каждой минутой тот становился всё *громче*.

Мужчина дошёл до первого поворота, здесь пол наклонился круче. Он немного замедлил шаг, но не остановился. И так как он шёл медленнее, звук его шагов стал мягче, так что мужчина мог лучше ориентироваться. И всё это время он слышал этот жуткий смешок, и с каждой минутой тот становился всё *громче*.

Вверху, внизу, по обе стороны бесшумно скользили чёрные стены. Позади простиралась темнота коридора, по которому полицейский шёл. Впереди его ждала ещё более глубокая темнота оставшегося прохода и склеп, и Смех. Мужчина

дошёл до второго поворота, и, хотя пол стал почти ровным, он всё время замедлял шаг: дверь в конце коридора вела прямо в склеп. Однако полицейский продолжал идти вперёд. И всё это время он слышал тот жуткий смешок, и с каждой минутой тот становился всё *громче*.

И когда он добрался до двери, тщательно приглушив фонарик, держа пистолет наготове, из склепа донеслось чёткое, отчётливое и ужасное хихиканье — отвратительный гортанный звук, чем-то напомнивший полицейскому бульканье пухлых утонувших крыс. Он задрожал и, понимая, что больше не выдержит, рывком распахнул дверь, направив свой фонарик в склеп перед собой.

Мгновение мужчина стоял неподвижно. Затем он развернулся и с криком устремился в ночь наверху. Ибо вся комната была освещена мёртвым, адским, зелёным сиянием, которое исходило волнами от изумруда на полу. Рядом с камнем лежал мёртвый грабитель могил с перекошенным лицом. А на грабителе, уставившись ему в лицо, в пожелтевшем саване, ниспадающим с желтоватой плоти, с блестящими глазами, смотрящими прямо перед собой, с жирным и раздутым лицом, расплывшимся в злобной ухмылке, хрипло и

гортанно хихикая, сидел гниющий труп давно умершего Уолтона.

Примечание:

По замыслу автора это — сиквел к рассказу Г. Ф. Лавкрафта «Заявление Рэндольфа Картера». Написано где-то в период между 1920-м (публикацией ГФЛ) и 1926-м (когда Уондри познакомился с Лавкрафтом).

Перевод: А. Черепанов

Джеймс Уэйд
Молчание Эрики Цанн

James Wade «The Silence of Erika Zann», 1976

Впервые на русском языке. Данный рассказ литературоведы относят к межавторскому циклу «Мифы Ктулху. Свободные продолжения». Автор попытался написать продолжение культового рассказа Г. Ф. Лавкрафта «Музыка Эриха Цанна».

Я иногда ещё прогуливаюсь по Эшфорд-Стрит и

смотрю на пустырь, где раньше стоял клуб «Багровый сгусток». В период своего расцвета это был один из самых первых и лучших психоделических цветомузыкальных клубов; один раз о нём даже упоминалось в журнале «Time».

Но рок-сцена меняется быстро, а вкусы фанатов в Сан-Франциско меняются ещё быстрее. Когда я в последний раз пришёл на пустырь, то был в ужасе от того, что там уже начали закладывать фундамент нового здания. Мне казалось, что бульдозеры закапывают некую лучшую часть моей жизни — часть, которая была всё ещё жива и безмолвно кричала под землёй.

Кажется, что все, кроме меня, забыли о том, что «Багровый Сгусток», вообще когда-либо существовал. Но я всегда буду помнить это старое место с его ослепительными рикошетами огней, и музыкой, уносящей разум прочь. И в этом клубе со мной произошло самое трагическое и изумительное событие — молчание Эрики Цанн.

Я не особо интересуюсь рок-музыкой и приёмом галлюциногенов, да и раньше не интересовался. Я тащился на выступлениях некоторых идиотских, малоизвестных групп, и там немного глотал или курил то, что мне предлагали, — а в Сан-Франциско большой выбор химии, — просто я хотел

узнать на что это похоже. Но мне уже за тридцать, и все в этом возрасте инстинктивно стараются выглядеть солидными, и я уже не пытался быть похожим на подростков-переростков. Я также испытывал дискомфорт, пытаясь говорить на новом жаргоне. «Круто», и «ещё как», создавали кавычки вокруг себя в моём рту. Я, пожалуй, ради удобства повествования не буду больше говорить жаргонным языком. (Если я собираюсь написать это правильно, мне наверняка придется «покопаться», но не в сленговом значении этого слова.)

Всё, к чему я привык — после своей скучной работы «с 9 до 17», сидеть в роли ошеломлённого зрителя, наблюдая новые зрелища и звуки, что включались на территории Залива. Всего несколько лет назад это было, а кажется, что минули уже столетия. Парней, которым нужны были слушатели, было больше чем уродов и эксгибиционистов, желающих послушать их музыку. Как новоприбывший из глубинки Среднего Запада, полагаю, я был достаточно одинок, и пассивный образ жизни нравился мне больше чем вообще отсутствие какой-либо роли в жизни.

Вот так я начал посещать клуб «Багровый Сгусток», и встретил там вокалистку местной

рок-группы «Электрический Комод», (здесь было модно давать группам причудливые названия).

Я слышал об Эрике Цанн ещё до встречи с ней. Она выпустила несколько мрачных записей; это был ещё более ранний материал, чем тот, что она исполняла с «Комодом». Помню, был один диск, полностью посвященный сатанинской мессе. Эрика участвовала в ней, и в записи присутствовал удивительный диапазон звуковых эффектов вкупе с человеческими, экстатическими завываниями, выражающими страх и ещё какие-то чувства. (Позже она сказала мне, что порвала с чёрной магией, но не объяснила почему, хотя я думаю, что она намекала на денежные проблемы).

Так как сатанизм никогда меня не интересовал, эта история не произвела на меня впечатления; но иметь любого записывающегося исполнителя в таком месте как «Сгусток», в те годы было своего рода символом положения в обществе. Таким образом, Эрика получила права звезды на оплату, даже при том, что она ещё не начинала побеждать в опросах общественного мнения. Фактически, для такого места, её выступление сначала казалось удивительно подавленным и мрачным, хотя долго это не продолжалось.

Помню в один вечер я вошел в «Сгусток», кивнул менеджеру клуба Питу Муцио, беря пиво в баре. Место было раньше таверной, и всё ещё имело лицензию на торговлю спиртным, хотя хиппи из Хэшбери уже приносили свои коробки с таблетками и мешки травы.

Многие из этих странно одетых бородатых типов сидели без дела за столами, более-менее обдолбанные — не мне описывать вам экземпляры контркультуры в эти последние дни — в то время как длинноволосые гитарист и бонго-барабанщик на сцене пытались играть музыку Битлз на индийский лад. Немногое происходило при этом, разве что в черепах некоторых слушателей бурлили кислотные реакции.

Менеджер Муцио украдкой подошел ко мне в баре. На его месте и с его сломанными зубами, я бы не смог всё время так широко улыбаться.

— Со времени вашего последнего появления у нас я нашел новую группу для нашей сцены, — пробормотал он. Для менеджера клуба с громкой музыкой, Пит, конечно, говорил тихо, что вызывало напряженность и неудобство при разговоре с ним.

— Кто они? — спросил я из вежливости. Пит Муцио являлся таким приложением к «Багрово-

му Сгустку», без которого клуб было бы трудно представить.

— Называются «Электрический Комод», — начал Пит. — До нынешнего времени они не представляли собой ничего особенного, но у них есть новая вокалистка, которая выпустила несколько дисков. У меня пока не было времени напечатать её постеры, но её зовут Цанн, Эрика Цанн. Немецкая тёлка, как я понимаю.

Через некоторое время на сцену вышла сама группа, и Эрика исполнила несколько громких, но легко забывающихся номеров. В том году в моде был эйсид-рок, и если бы вы разбирались в этом стиле, то могли бы сказать, у кого «Электрический Комод», крал ноты для своих произведений. Освещение в «Сгустке», тогда управлялось специалистами, и Пит сам включал стробоскопы, от которых было мало толку.

После выступления он привёл Эрику в бар и в своем бормочущем стиле представил её гостям. Так как у меня была полноценная работа и я мог позволить себе тратить деньги, то Пит старался быть вежливым со мной, в отличие от других клиентов.

Я купил Эрике пиво и сделал ей несколько традиционных комплиментов. Она ответила: «Мы

пишем теперь довольно приятную музыку, но Томми — это наш ведущий гитарист — просто нанял нового аранжировщика. Он обрабатывает некоторые новые фантастические композиции — в них намного больше электронных эффектов. Подождите, и вы услышите их».

Я составил мнение об Эрике Цанн. Типичное расшитое блёстками платье, хорошая фигура, но слишком худая. Широкий лоб подчеркнут густым пепельным цветом её причёски. Большие тёмно-фиолетовые глаза являлись её единственной претензией на красоту; Эрика признала, что цвет глаз связывает её с клубом. Крошечный заострённый подбородок; рот казался слишком маленьким для голоса, который выходил из него. Определенно нервная, возможно страдает конвульсиями, как и многие другие исполнители на сцене.

Чтобы завязать разговор, я заметил: «Пит говорит, что вы немка». Она механически рассмеялась: «Не совсем. Я родилась в Европе сразу после войны. Мои родственники были беженцами и добрались до Штатов несколько лет спустя. Я даже не помню этого».

— Музыканты? — спросил я.

— Мой отец уже умер, но он был скрипачом.

Скрипачом был и мой дедушка, но он давно пропал без вести. Забавно, — ответила Эрика.

— Что? — удивился я.

— Дедушка Эрих Цанн оставил свою семью в 1920-х годах и поселился в Париже. Он играл в оркестре, хотя папа сказал, что раньше дед был хорошим скрипачом. Он был немым — не глухим, конечно, но он не мог выговорить ни слова. Здесь меня называют куклой, но мне нравится жить так, чтобы сносило башку.

Мы ещё много о чем с ней говорили, я уж и не помню всего, но в эту худую, встревоженную блондинку я тем не менее не влюбился с первого взгляда.

На самом деле, я не возвращался в «Сгусток», в течение недели или двух после этого, а зашел в следующий раз только ради любопытства — хотел услышать новые песни и звуки.

Всё там было уже по-другому. Пит завлёк большое количество посетителей в свой клуб, и его беззубая улыбка стала более широкой чем раньше, когда он смотрел на толпу фанатов под тусклым светом потолочных огней. Он считал доходы и расходы от посетителей, и думал о том, как выйти сухим из воды. Постеры Эрики были развешаны повсюду. Когда вы проходили через

облака тумана от марихуаны, ваши глаза становились умнее, а тягучие завитки дыма были достаточно массивны, чтобы сделать помещение ещё более темным. Пит Муцио, должно быть, тратил часть своей прибыли на подкуп местной полиции, так как его клуб никогда не разорялся.

Он также использовал свои деньги, чтобы нанять хорошего осветителя и заменить дуэт гитаристов на виртуоза игры на органе Хаммонда. Сейчас они совместили фуги Баха с джазовыми перкуссиями. О таком не мечтали даже Дисней и Стоковский.

Если всё это казалось вам диким, то вам оставалось только ждать главного события. «Электрический Комод», определенно нашел нового аранжировщика, хотя никто так и не выяснил как того звали. (Однажды долговязый ведущий гитарист, которого все просто звали Томми, разоткровенничался. Он утверждал, что их композитор был «темнокожим мужчиной — не негром, просто темнокожим». Интересно, что он имел ввиду?)

Первое впечатление об их новом звучании — оно было таким громким, что если вам уже вынесло мозг из головы, то музыка «Комода», могла вдуть его обратно. Во-вторых, музыка была элек-

тронной. Было полдюжины новых инструментов для поддержки партий гитары, саксофона, трубы и барабанов. Но таких инструментов никто раньше не видел и не слышал. Они могли существовать разве что в лаборатории доктора Франкенштейна на Ночном Шоу.

В-третьих, была Эрика. Была ли она такой всегда, или обзавелась какими-то хитрыми приспособлениями, но не было слов, чтобы выразить её способность к завываниям. В кульминационных моментах тех длинных композиций, которые истощали ее, вызывая содрогание, она безмолвно поднималась в воздух, подобно Име Сумак, странной перуанской певице, выступавшей не так давно.

Общий эффект, не только — и не столько — от рока, был, в любом случае, изнуряющим. У некоторых постоянных клиентов были настоящие конвульсии, но они продолжали ходить на эти концерты. Полагаю, что им нравилось превращаться в эпилептиков.

Время от времени что-то похожее на стереоэффект звучало за кулисами. Всенаправленное рычание с широким диапазоном, которое росло и росло, как будто растягивалось вдоль клавиатуры органа в кафедральном соборе. Никто не мог по-

нять, что это было. Но все были уверены в одном — такой звук не мог издавать старый орган Хаммонда, стоящий на сцене. В эти моменты цветные огни в зале начинали скользить по воздуху, как отблески из глубин ада. И Эрика превзошла сама себя, чтобы возвыситься над шумом. Я мог почти поклясться, что смесь страха и ликования на её лице были настоящими.

Аудитория «съела», это, и «Сгусток», стал обычной достопримечательностью, привлекая репортеров, туристов и уголовников. Пит Муцио выкупил соседний магазин кофе-эспрессо и разрушил смежную с клубом стену, чтобы получить больше свободного места.

Я тоже попал на крючок, и возвращался в клуб каждую неделю. Наконец, я осознал, что меня влечет не музыка, которая стала какой-то беспокойной и одиозной, а сама Эрика.

Я узнал о ней больше, просто покупая группе пиво в перерывах между выступлениями или играя роль разносчика травки. Она была странным, уклончивым ребенком, но я был уверен в том, что она чего-то боится, и мои чувства к ней усуглублялись чувством жалости и неким инстинктивным желанием защищать её.

Однажды ночью мы пили с ней у барной стойки

наедине, и она, наконец, стала более откровенной со мной. Я сделал какое-то глупое замечание о том, что она казалась нервной. Это была моя попытка разрушить стену её сдержанности — она всегда казалась возбуждённой. Фактически, я никогда не видел её спокойной.

— Я нервная? — удивилась Эрика. — Думаю, да.

Она потянулась за сигаретой, в этот раз из обычного табака.

— Это из-за работы. Только раньше я могла успокоиться с помощью травки или нескольких глотков джина. Теперь ничто, кажется, не помогает.

— И в чем твоя проблема? — поинтересовался я.

— О, множество мелочей.

Она сделала глубокую затяжку и медленно выпустила дым из легких.

— Тот жуткий менеджер отнимает у нас большую часть денег. Барабанщик положил глаз на меня или на Томми, или возможно на нас обоих… кто знает? Томми тоже изменился. Он не говорит нам, откуда берёт аранжировки или где достаёт те сумасшедшие инструменты. Знаешь ли ты, что новые участники группы и даже осветитель никогда не говорят, где они работали раньше?

— Это пугает тебя? — спросил я.

— Возможно, что должно пугать, — ответила Эрика. — Я долго была в секте, поклоняющейся дьяволу, об этом я уже рассказывала. Поклонение — не всё, чем занималась эта секта. Некоторые её члены весьма злы на меня, и мне кажется, что человек с сильной энергетикой, играющий сейчас в нашей группе, тоже из той секты. Но он, как и все, молчалив, и я не уверена, что это именно он. Человек этот дружен с Питом Муцио, у них, кажется, много общих дел. Но хуже всего — музыка.

— Музыка! — Воскликнул я. — Это — то, что сделало тебя звездой!

— Я знаю, но это всё ещё пугает меня. Когда я нахожусь на сцене, я не могу сказать откуда приходит половина звуков. Они идут не из тех сумасшедших коробок с решетками и неоновыми трубками; это просто макеты, художественное оформление на обычных электронных инструментах. Тот рев, стонущий шум из-за кулис — вот, что овладевает мной. Клянусь богом, я обыскивала каждый квадратный дюйм за кулисами — там нет такого большого пространства. Если никто не умудрился встроить динамики в кирпичную стену и замаскировать их, то этим звукам просто

неоткуда взяться. И зачем кому-то делать такое? Это не имеет смысла даже в качестве рекламного трюка, так как Томми не позволит никому даже говорить об этом, — заключила Эрика.

Я вспомнил, что один знаток звукотехники рассказывал мне, как он попытался записать на пленку выступление Эрики и скрытые звуки, но странный шум из-за кулис никогда не записывался.

Эрика допила мартини со льдом, который уже превратился в воду, и продолжила:

— Я расскажу тебе то, что раньше никому не рассказывала. После того, как папа умер, я нашла коробку с письмами от его отца, Эриха Цанна, адресованного моей бабушке. Они были написаны в Париже, в основном в 1924 и 1925 годах. Я могу немного читать по-немецки, так как дома мы часто говорили на нём.

Письма повествуют о событиях, когда старик играл на своей скрипке в полном одиночестве ночью на чердаке, где он жил. Он, кажется, намекает на то, что рядом с ним что-то было, и только звук скрипки отгонял это от Цанна.

Есть одно письмо, в котором он рассказывает, что испытывает чувство вины за то, что «совал свой нос в вещи, которые лучше оставить

в покое». На немецком языке это не звучит так вульгарно. И в одном фрагменте, который я перевела со словарём, Цанн говорит о том, как он в полночь выглянул из окна и увидел «тёмных сатиров и вакханок, что исполняли безумный танец и кружились в бездне облаков, в тумане и среди молний».

Сумасшедший, ха? Он, должно быть, был действительно в нервном расстройстве. Но я нашла другое письмо в коробке — отчет Парижской полиции, говорящий, что Эрих Цанн исчез, и его не удалось найти. Это, должно быть, был ответ бабушке в Штутгарт на её запрос о пропавшем Цанне.

Пит Муцио подобно дьяволу материализовался в облаке дыма позади Эрики:

— Перерыв закончен, Эрика? Время для последнего выступления.

Его волчья улыбка казалась насмешкой, хотя я не думаю, что он слышал наш разговор.

Пока я сидел в ожидании музыки, мне пришло в голову, что между старым Эрихом Цанном и его внучкой есть что-то общее. Он, возможно, был сумасшедшим, и Эрика такая же странная. Да и круг её общения — такие же сумасшедшие. Но в то же время я видел, как эти очевидные паралле-

ли могли бы довести того, кто и так был нервным и встревоженным, до полного безумия.

Я пытался придумать, как помочь Эрике сбежать из «Багрового Сгустка». Может ей как-нибудь взять отпуск, а затем продлить его? Но здесь была дилемма: именно в этом клубе группа стала успешной, а Пит Муцио (да будут прокляты его острые клыки) состряпал контракт таким хитрым образом, что в нём нет лазеек. По каким-то причинам Томми, лидер группы, отказался сокращать композиции или говорить, почему не делает этого. И при этом он отклонил предложения, которые, возможно, привели бы группу к настоящей известности.

Томми с его прической Иисуса и полуслепыми, направленными внутрь себя глазами, казалось, был постоянно обкуренным, и если он был слишком далёк от того, чтобы позаботиться о себе, как можно было ожидать, что он будет волноваться об Эрике?

С течением времени дела не становились лучше. Эрика всё время выглядела худой и напряжённой. Выступления группы, стоящей позади нее, становились всё более безумными, а Эрика вопила и выдавала вокальные пассажи громче уродливого невыразительного рёва, который,

казалось, появлялся на сцене из ниоткуда.

Уже не ощущалось новшества в музыке, и хотя это всё ещё был прибыльный бизнес, на концерты приходили только старые поклонники и наркоманы. Вечер символической борьбы Эрики на сцене казался им эквивалентом эмоционального катарсиса. Репортеры и бойскауты из звукозаписывающей компании «A&R», более не интересовались «Электрическим Комодом», а искали другие странные группы, которые были более сговорчивы в эксплуатации своего творчества.

Однако в тот заключительный вечер, клуб был забит зрителями, потому что это была пятница (не тринадцатое, но тем не менее, Черная пятница). Я приплёлся в клуб довольно поздно, и бросил взгляд на Эрику как раз перед последним выступлением того вечера. Протиснувшись через толпу и приблизившись к ней, я был потрясён видом её опустошенного лица, рассеянным взглядом фиолетовых глаз и сморщенным ртом.

На мгновенье я решил, что её личность кардинально изменилась, но она, казалось, узнала меня, и пока органист завершал настройку своего политонального калипсо, я взял Эрику за руку и отвёл в сторону.

— Эрика, ты выглядишь больной, — выпалил я обеспокоено, забыв о вежливости. — Отпросись и давай выберемся отсюда. Ты, должно быть, заработала уже достаточно, чтобы выкупить свой контракт с Томми или Питом, или с ними обоими. Ты не должна делать этого; это постепенно убивает тебя. Я помогу. Ты знаешь, что нравишься мне, — добавил я. Это был единственный случай проявления моих чувств к ней.

Её лицо дёрнулось благодарной улыбкой — единственный ответ на мои чувства, который она когда-либо дала, но её голос был хриплым карканьем из-за выпитого джина. — Боюсь, что я не больна. Он становится всё громче и громче, и я не могу перекричать его. Он следует за мной и каждый раз всё ближе. Я думаю, что знаю, чего он хочет, и я боюсь! — с грустью сказала Эрика.

— Так уйдём же! — воскликнул я.

— После выступления, возможно, — ответила она. — Мой голос пропадает, это не ложь, но я должна сделать всё правильно, получить справку от доктора. Таким образом не будет проблем, не так, как прошлый раз…

Органист настроил регуляторы инструмента, чтобы он выдавал звуки диссонанса, в то время как стробы вспыхнули со скоростью пулемёта,

превратив мир в сменяющие друг друга фотографии. Эрика оторвалась от меня и медленными рывками пошла к сцене, это выглядело как пародия на ирреальную последовательность немого фильма.

Занавес поднялся, на сцене была группа «Электрический Комод». Огни цветомузыки по всему залу взорвались безумным узором, подобно ночной бомбардировке во время Второй мировой войны. Удушающий вопль ужаса, разрывающий мозг и истощающий нервы, вмешался в звучание «Комода», и я знал, что выступление будет необычным даже для этой группы.

Эрика была как бы не здесь, она быстро напевала слова, скользящие по острым аккордам, которые напоминали заимствования у Кентона и Стравинского из сороковых годов. Почти немедленно глубокий рёв, больше похожий на инфразвук, появился откуда-то извне. Он стал громче, чем я слышал его прежде — бездушный, голодный, неумолимый.

Хиппи в страшном парике, с блестящими от наркоты глазами стоял возле меня и кричал что-то неразборчивое. Я наклонился я к нему и уловил несколько обрывочных фраз: «Чернота… чернота безграничного пространства!.. Нево-

образимое пространство, полное движения и музыки… ничего подобного нет на Земле…»

Эрика изо всех сил пыталась держаться на гребне звуковой волны. Быстрее и быстрее, выше и выше поднимался её голос, но импульс шума пронесся мимо Эрики, завился в вихри над её головой, сложившиеся в застывшие звуковые волны по обе стороны от неё. Огни светомузыки приобрели тусклые, мертвенно-бледные цвета, как будто оказались под водой, — зелёные, алые, пурпурные, фиолетовые.

Я знал, что никто не мог выдержать такое напряжение. Я двинулся назад к бару, где Пит Муцио с его кинжалоподобной улыбкой прятался в тёмном углу. Схватив его за плечо, я приблизил к нему своё лицо и закричал среди грохота: «Отключи тот шум! Тот раздутый динамик или то, что вы спрятали за ним — у вас где-то должна быть панель управления усилителем. Отключите его! Это убьет её!»

Пит не улыбался теперь; он вспотел и был напуган, и впервые в его жизни он вопил, чтобы быть услышанным:

— Нет никакой пленки, никаких динамиков. Клянусь богом, я не знаю, что это! Я думал сначала, что группа издает этот шум, а они думали, что

это делал я. Тогда новый парень попросил меня заниматься только своим делом, если я хотел удержать кого-либо…

Я оттолкнул Пита и побежал к сцене. Звуковое насилие повысилось до оглушительного вопля; музыканты «Комода», в испуге побросали свои инструменты. Даже светящийся экран погас, остался лишь один фонарик, чей луч метался по Эрике, отражаясь от металлических блёсток её платья и от её огромных испуганных глаз.

Она старалась держаться на ногах, вытянув руки, наклонив голову назад. Чуждый звук ревел вокруг неё, образуя видимый ореол. Эрика глубоко вдохнула, скривила губы и попыталась выжать в последний раз искажённую ноту своей истерической сольной партии.

Ничего.

Ни звука, не писка, ни даже стона не выдавилось из растянутого квадрата её рта. Её голос, который был единственной её защитой от неизвестного преследователя, наконец, сломался.

Торжествующий, всезаполняющий рёв, казалось, атаковал Эрику. Она качнулась назад, споткнулась о брошенную Томми гитару, после чего упала на большой усилитель, который питал все электрические инструменты и громкогово-

рители.

Из усилителя брызнули искры, я видел, что Эрика пыталась ухватиться за один из странных новых инструментов, которые стояли на сцене как зловещий хор роботов.

Немедленно все смертоносное напряжение из усилителя перескочило на металлические блестки её платья. Горение и запах озона пробились через сильный запах марихуаны.

Занавес превратился в пламя, когда участники группы сбежали — за исключением Томми, который так и не смог сдвинуться с места. Зрители толкались в замешательстве, пытаясь найти выход из клуба. Дешевые ленты и психоделические художественные декорации из гофрированной бумаги и марли направили огонь в каждый угол «Багрового Сгустка», осветив ночной кошмар, когда все предохранители перегорели.

Я был около выхода, и хотя знал, что у Эрики не было ни шанса, я попытался пробиться к сцене, преодолевая напор бежавших мне навстречу людей. Это действие было бессмысленно и бесполезно — импульс толпы тащил меня к спасению, к которому я не стремился и которым не дорожил.

Пожар не был таким зрелищным, как бывает в переполненных развлекательных заведениях.

Помимо Эрики и Томми, тела которых ужасно обгорели, только Пит Муцио умер той ночью. Его не могли найти до следующего дня, но он сидел на корточках позади бара около входа. На нём не было внешних повреждений, и предполагалось, что у Пита случился сердечный приступ. Ещё говорят, что его лицо сохраняло обычную беззубую гримасу, которую все считали улыбкой.

Больше из ошеломленных хиппи во время панического бегства от пожара никто не пострадал, что является доказательством поговорки — Бог заботится о дураках и детях. Интерьер «Багрового Сгустка», был полностью уничтожен, но пожарные не испытывали затруднений в борьбе с огнем. Позже, тем не менее, было решено, что каркас здания слишком ненадёжен, и клуб снесли.

Я рад, что его не стало, хотя я никогда не смогу забыть то, что там произошло, и людей, с которыми это случилось. Меньше всего я забуду — хотя мне кажется, что со временем я буду желать это забыть — молчание Эрики Цанн.

Перевод: А. Черепанов

Том Флетчер
Дом с отличным видом

Tom Fletcher «View», 2012

— Одна только прихожая чего стоит, — сказал Нил. — Ты только взгляни на эти перила, на плитку. Как здесь просторно!

Прихожая впечатляла. Шахматный пол в черно-белую клетку. Отполированные до блеска плитки. Тяжелые на вид перила винтовой лестницы. Темное массивное дерево, тоже гладко отполированное. И правда, прихожая была просторная: шахматный пол зрительно увеличивал пространство, плитки в противоположном конце помещения практически сливались воедино.

— Как на картинке, — сказал Нил.

И в самом деле, *как на картинке*.

* * *

Агент по недвижимости был очень высоким, а его лысина казалась такой же гладкой и отполированной, как плитка на полу. На нем был серый

костюм и рубашка кремового цвета. В руках он держал планшет с несколькими листами — судя по его поведению, там содержалась информация о недвижимости: он то и дело опускал взгляд на планшет, после чего озвучивал какой-либо факт. Каждый раз, когда он начинал говорить, веки его глубоко посаженных глаз медленно опускались.

— Это оригинальный пол, — глубокомысленно и торжественно изрек он. — Он был заложен в тысяча семьсот восемьдесят втором году, когда было завершено строительство первой части этого дома. С тех пор дом много раз расширяли, делали пристройки по бокам, надстраивали новые этажи и даже добавляли этажи под землей.

— Пристройки? — переспросила я. — Я думала, это терраса.

— Это и есть терраса, — сказал агент. — Вы поймете, о чем я говорю, как только мы поднимемся наверх. Предлагаю сначала осмотреть первый этаж, затем подняться наверх и в завершение спуститься вниз, в подвал. Потом вы сможете все это обсудить. Как вам такой вариант?

— Звучит неплохо, — сказал Нил, разглядывая потолок.

* * *

Кухня была не менее роскошна, чем прихожая. Мраморные столешницы, глубокая керамическая мойка, повсюду красивая плитка. Шкафчики и ящики, изготовленные, судя по всему, по индивидуальному заказу из того же восхитительного темного дерева.

— Милая, — сказал Нил, — это идеальный дом. Нужно соглашаться. Определенно, нужно соглашаться.

— Это сейчас он кажется нам идеальным, — возразила я, — но ведь мы не все здесь посмотрели. Давай хотя бы осмотрим его полностью, прежде чем принимать решение. И цену тоже надо обдумать. Нельзя же безрассудно хвататься за первый попавшийся вариант, если мы не хотим сесть в лужу.

— Хм, — протянул Нил, оглядываясь по сторонам. — Наверное, ты права…

Агент по недвижимости расплылся в улыбке и жестом пригласил нас пройти к черному ходу.

* * *

Сад был длинный и узкий, но сквозь осенний

туман проглядывала яркая свежая зелень. Он был обнесен высокой деревянной изгородью. В дальнем конце сада виднелась ухоженная грядка с овощами. Ярко-желтые выпуклые верхушки тыкв возвышались над землей на одинаковом расстоянии друг от друга. Нил сжал мою ладонь.

— Когда у нас появятся дети, — сказал он, — они будут играть в этом саду.

Мы обернулись, чтобы посмотреть на дом, и я заметила, что туман опустился слишком низко. Он уже скрывал окна второго этажа.

* * *

Квадратная гостиная оказалась вполне уютной, с теплыми деревянными половицами — гладкими, лакированными, — и камином, растопленным, по всей видимости, специально для нас. Мерное потрескивание дров напоминало урчание довольного зверя. Стены были выкрашены в нежно-лаймовый цвет. Безукоризненная свежесть.

Агент проводил нас назад в прихожую и снова улыбнулся, выставив напоказ все зубы.

— Как видите, — сказал он, — этот дом — лакомый кусочек. Так. Теперь пойдемте наверх.

* * *

Комнаты на втором этаже были не менее пышными и роскошными, чем на первом. За небольшой лестничной площадкой располагались две спальни, одна из которых — со смежной ванной.

— Дом кажется каким-то узким, — сказала я агенту.

— Нижние этажи и в самом деле довольно узкие, — ответил агент. — Изначально весь дом был узким и высоким. Видите, на каждом этаже всего по паре комнат. Это создает уют, но, если вы предпочитаете простор, верхние этажи придутся вам по вкусу. — Он снова улыбнулся. — Этот дом соединяет в себе лучшее от обоих миров, — сказал он.

Я смотрела на него и думала: его рубашка действительно кремового цвета или просто грязная? Воротничок изнутри темный, будто бы сальный. И в целом рубашка вся как будто в пятнах.

— А что там, наверху? — спросил Нил.

— Ну, вообще-то владельцы могут распоряжаться комнатами, как им заблагорассудится, — сказал агент. — Поэтому то, что вы увидите наверху, — исключительно их инициатива.

* * *

Планировка третьего этажа повторяла планировку второго, только ванная комната была не смежной со спальней, а располагалась отдельно. Винтовая лестница вела на мансарду, переоборудованную под жилое помещение. Мы молча осмотрели этаж; я думала о том, что можно разместить здесь: кабинет, детскую, комнаты отдыха, библиотеку.

— Начиная отсюда, вы сможете наблюдать, как дом начинает расширяться, — сказал агент, вытирая платком пот со лба. — Давайте поднимемся наверх.

Я не совсем поняла, что он подразумевал под словами «начинает расширяться», но вслух переспрашивать не стала. Я была уверена, что скоро мы сами все увидим.

И скоро мы действительно все увидели. Слишком скоро. И слишком многое.

* * *

Мансарда поразила нас. Лестница привела нас в крохотную комнатушку, потолок которой был ниже, чем потолки других комнат в этом доме,

но все же довольно высоким по сравнению с обычными потолками. Стены были выкрашены в розовый, неравномерно, будто красил их нетерпеливый ребенок. Лестница находилась посреди комнаты, что сбивало с толку, поскольку на всех предыдущих этажах лестница располагалась в левом углу. Справа была дверь.

— Сюда, — сказал агент, указывая в сторону двери.

Все комнаты мансарды были соединены между собой, повсюду были двери разных форм и размеров, странные ломаные лестницы. По мере продвижения мы щелкали выключателями, но света все равно казалось мало.

— Семья, которая жила здесь прежде, выкупила чердаки соседних домов, — пояснил агент, — и в результате получился такой вот лабиринт. Вышло очень удобно, здесь можно проводить вечеринки, играть в прятки или, на худой конец, использовать помещение как склад.

— А почему нет окон на крыше? — спросил Нил. — На чердаках ведь обычно бывают окна на крыше, разве нет?

— Ну, — сказал агент, — когда хозяева переоборудовали чердак в эту сложную систему комнат, они надстроили еще один чердак — сверху.

— Звучит разумно, — кивнул Нил.

— А для чего все эти комнаты? — спросила я.

— *Для* чего? — переспросил агент, снова ухмыляясь. — Странный вопрос. Не думаю, что они были сделаны специально *для* чего-то. Каприз владельцев, если хотите. Если бы все, что создается в мире, создавалось исключительно для того, чтобы выполнять определенную функцию, мир был бы ужасно скучным. Вы не находите?

— Наверное, вы правы, — сказала я, оглядываясь по сторонам.

— Желаете подняться наверх? — спросил агент.

— Да, — ответил Нил. — Пойдем, милая. Какой интересный дом.

— Очень интересный, — согласилась я.

— Сюда, — сказал агент, и мы последовали за ним в комнату, которую, как я думала, мы уже видели — но оказалось, что я ошиблась. Комната была до самого потолка завалена старой пыльной деревянной мебелью. Сломанные стулья, кривые рамы, маленькие витиеватые журнальные столики, кожаные подставки для ног, набивка из которых вывалилась на пол.

Ни дверей, ни каких-либо лестниц не было.

— Нам сюда, — сказал агент, показывая на люк

в потолке. Он начал взбираться на гору хлама, держа планшет в зубах, медленно, но ловко перебирая руками и ногами. Он полз вверх, будто четырехногий паук. Вскоре он открыл люк, просунул в него потную голову и исчез наверху. Нил полез за ним, а следом пошла я.

Второй чердак был действительно похож на чердак, в его крыше, как полагается, были окна. Но света все равно было недостаточно: мешал слишком густой туман.

Чердак представлял собой единое вытянутое помещение — очень длинное, — пол которого был выложен второсортными досками. Казалось, будто пол был неровный, а одна часть комнаты — ниже другой. Во внешней подвесной стене была дверь.

— В этой комнате все тайное становится явным, — сказал агент. — Давайте поднимемся выше. — Он вытащил на середину комнаты стремянку и стал взбираться по ней, лестница при этом покачивалась. Вся конструкция — а комната, похоже, не имела под собой никакой опоры, — была, судя по всему, полностью деревянной. Я не могла понять, на чем она держится, разве что она встроена в стену того второго чердака, но, учитывая, что и сам второй чердак

являлся пристройкой, я чувствовала, что вряд ли это сооружение безопасно. Я пощупала правой ногой пол — вернее, крышу.

— А все эти расширения законны? — спросила я.

— Ну разумеется! — сказал агент. Но уточнять он не стал. Я решила прояснить этот вопрос до конца — после окончания осмотра.

Мы стали взбираться вслед за ним.

Я ожидала увидеть нечто вроде еще одного дополнительного чердака, но мы увидели нечто гораздо более странное. Как только агент исчез за дверью, и мы зашли следом, перед нами открылась комната с очень высоким потолком — выше, чем следовало бы. Потолок был выше, чем на втором чердаке. Вверху на боковой стене было окно, рядом с которым стояла складная лестница.

— Сюда, — сказал агент.

— Такое чувство, будто мы не осматриваем дом, а просто взбираемся все выше и выше, — сказала я.

— Ну, — отозвался Нил, — все комнаты почти ничем не отличаются, в них даже мебели нет, ведь так? Комнаты как комнаты.

— Да, наверное, — сказала я.

— Кроме того, — сказал агент, — главное пре-

имущество этого дома — в виде на улицу.

— Знаете, — проговорила я, — а ведь я совсем забыла об этом.

— Что ж, — сказал агент, — скоро сами увидите! — он опять расплылся в улыбке, глядя на нас с лестницы. Его рот показался мне непропорционально огромным, а зубы слишком большими и желтыми. Он весь обливался потом. Мокрые пятна проступали даже на его пиджаке. Я подумала, что его рубашка, наверное, все-таки была изначально белой, но потемнела из-за сильного потоотделения.

Нил полез вверх по лестнице, и я последовала за ним.

За окном оказалась деревянная платформа, вмонтированная в боковую стену, вдоль которой мы только что поднимались, и соединенная с крышей под ней — крышей второго чердака — сложной системой металлических балок. Туман мешал разглядеть все как следует, но мы увидели, что эта платформа была не единственной: вверху и по сторонам были и другие, на вид еще менее надежные, чем эта.

— О-о, — разочарованно протянул Нил. — Надо же было выбрать для осмотра день, когда вокруг ничего не видно.

— Не беспокойтесь, — сказал агент. — Давайте просто двигаться дальше.

— Еще дальше? — удивился Нил.

— А как же! — уверил агент. Может быть, до этого момента мы просто не подходили так близко друг к другу, но я заметила, что изо рта у него неприятно пахнет.

— А можем мы с Нилом поговорить наедине? — спросила я агента.

— Конечно, — сказал он. — Тогда я поднимусь на следующий этаж и подожду вас там.

— Спасибо, — сказала я.

Я подождала, пока он поднимется по какой-то шаткой самодельной лестнице, а затем повернулась к Нилу.

— Слушай, — сказала я, — я знаю, что дом замечательный, но не поддавайся эмоциям. После того, как мы все осмотрим, надо будет хорошенько подумать, посмотреть другие варианты и только после всего этого сделать выбор.

— Дом и в самом деле отличный, — сказал Нил, — а ведь мы еще не посмотрели, что там за вид на улицу.

— Знаю, — сказала я. — Мы оба сейчас под впечатлением. Но надо сохранять здравый смысл.

Нил кивнул, глаза его были широко раскрыты.

— Знаю, знаю, — сказал он. — Я все понял.

Вокруг нас кружился туман. Никакого ветра не было, но туман все равно медленно двигался. Я не слышала никаких звуков, кроме отдаленного крика ворон и будто бы шороха сухих листьев. Это показалось мне странным, ведь, как я уже сказала, ветра не было. Разве что ветер был где-то под нами.

Когда мы поднялись на следующую платформу, агент налил три чашки чая из графина и поставил их на маленький столик. Фарфоровые чашки, графин и столик — все это будто заранее ждало нас.

— Большинство потенциальных покупателей предпочитают передохнуть здесь, — сказал он, протягивая мне чашку. Судя по чашке, ее однажды разбили, а затем вновь склеили. Все три чашки были из разных наборов.

— Значит, дом пользуется спросом? — спросил Нил и подул на чай, чтобы охладить его.

— На самом деле, да, — ответил агент. Он то и дело почесывал шею и макушку.

Нил понял — а я заметила это еще раньше, — что чай уже и так давно остыл. Он скосил глаза в свою чашку. Из вежливости я сделала маленький глоток и почувствовала, как пищевод пытается

вытолкнуть его назад: вкус был отвратительный; чай был не только холодным, но еще и пах гнилью.

Агент же с удовольствием пил из своей чашки.

— Да, — сказал он, — этот дом часто ходят смотреть. Многие хотят его купить.

— Действительно, хотят, — сказал Нил, оглядывая сырую древесину, окутанную туманом. — Особенно если вид и впрямь хорош.

— Да, конечно, — сказал агент. — Скоро увидите. Так. Нам осталось этажей пять или шесть.

— А это все не рухнет? — спросила я.

— Сами видите, какое все здесь прочное, — сказал агент. — Ваши глаза вас не обманывают.

Каждый следующий этаж казался все менее и менее устойчивым. Платформы были не ровными, а какими-то угловатыми; все опоры, трубы и планки были разной длины; все держалось на расшатанных болтах и гайках.

У меня появилось чувство, будто в моих волосах гуляет ветер.

Агент никак не мог оторвать рук от шеи и головы. Чесался и чесался. Мне показалось, будто у него за ушами и на шее под воротником начали проступать большие воспаленные пятна, но туман был такой густой, что наверняка сказать

было сложно.

— Хорошо будет забраться сюда в летний денек и выпить чего-нибудь охлаждающего, — сказал Нил. Но я ничего не ответила. Я была сосредоточена на том, чтобы сохранить равновесие.

Платформы становились все меньше, каждая следующая платформа держалась только за счет предыдущей на четырех деревянных опорах. В каждой платформе было отверстие для лестницы и еще одна лестница, ведущая наверх, к следующей платформе. Я то и дело ощущала, как вся конструкция покачивается на ветру, но, возможно, это было ложное ощущение, вызванное движением тумана.

Не знаю, сколько таких «этажей», осталось позади, но никак не меньше пяти или шести, поэтому я остановила агента, прежде чем он успел подняться на следующий.

— Сколько еще? — спросила я.

— Осталось совсем немного, — ответил он. — Но, уверяю вас, отсюда открывается такой замечательный вид, что вы не пожалеете.

— Знаю, — сказала я. — Не волнуйтесь, я вовсе не собиралась развернуться и уйти. Просто я подумала, что должна спросить.

Мы поднялись по оставшимся лестницам в

тишине. То есть, мы не разговаривали. Агент, идя впереди нас, бормотал что-то себе под нос и непрерывно чесался. Звук ногтей, скребущих по коже, не прекращался. Наконец, туман остался внизу. Мы могли видеть. Конечно, внизу мы не могли разглядеть ничего, кроме тумана, но все же. Небо над нашими головами было бледно-голубое, холодное. Конструкция, по которой мы взбирались наверх… что ж, мы не знали, как высоко еще она поднимается, потому что видна была только нижняя часть следующей платформы.

— Боже мой, милая, — сказал Нил. — Этот дом восхитителен! Посмотри, как просторно!

— Еще как просторно, — согласилась я, оглядываясь по сторонам. Туман внизу был не белым, а серовато-желтым. Верхние части конструкции мягко покачивались на ветру. Или не на ветру — просто мягко покачивались. Наверное, само наше нахождение здесь выводило их из равновесия.

— Ладно, — сказала я. — Пойдемте. Посмотрим, что там за вид.

Мы поднялись еще на пару этажей.

Забравшись достаточно высоко, чтобы видеть вдалеке границу, на которой туман рассеивался, мы легли на животы и посмотрели вниз.

— Давайте подождем, пока туман рассеется, —

предложил агент.

Из-за тумана практически ничего не было видно, за исключением неопределенного, серо-коричневого ландшафта. Я не узнавала местность: раньше я думала, что все постройки в этом районе жилые.

По мере того как туман рассеивался, взору открывалось все больше и больше, и внутри у меня нарастало беспокойное чувство. Да, внизу были ряды домов, но сверху они выглядели совершенно иначе, нежели с земли. Я даже не была уверена, что это те самые дома, которые я ожидала увидеть. И вряд ли остатки тумана были тому виной. Стандартные викторианские домики рядами стояли вдоль улицы, что само по себе было логичным и правильным, но все они были будто бы чуть более высокими и вытянутыми, чем казалось с земли. Все они были более темными и мрачными. Взгляд то и дело натыкался на заколоченные окна, влажные истлевшие занавески, заброшенные сады. Вдали виднелся пустырь. Я подумала, что на этом месте, должно быть, когда-то находилось общественное здание: библиотека, музей, здание муниципалитета или что-то в этом роде.

— Что-то не припомню здесь всего этого, — ска-

зала я.

— Да брось, — сказал Нил. — Память тебя частенько подводит.

— Что? — возмутилась я. — Ничего подобного!

Но Нил не слушал.

— Ты только посмотри! — воскликнул он, показывая пальцем вниз. — Что это?

— Что ты там сказал о моей памяти?

Нил не обращал внимания на мои слова. Он таращился на что-то, раскрыв рот.

Внизу по улице что-то двигалось. Что-то большое. Сначала мне показалось, будто это мусоровоз, но нет. Во-первых, оно было слишком большое, почти не уступало размерами домам по соседству. Оно было такое широкое, что заняло всю ширину улицы. Гладкая горбатая спина покачивалась из стороны в сторону по мере того, как оно двигалось. Оно шло на четырех ногах, хотя передние ноги были скорее похожи на руки. Оно было покрыто розовато-белой кожей, в пятнах и каких-то наростах. Головы видно не было, она скрывалась под трясущейся массой его тела.

— Уникальный вид, — сказал агент.

Существо добралось до пустыря, который когда-то был зданием муниципалитета, библиотекой или музеем, а затем присело на корточки, начало

вращаться и исчезло под землей.

— Честно говоря, — сказала я, — я ожидала не этого.

Между губ и необычно острых зубов агента сочилась слюна.

— Так, — забормотал он, захлебываясь и брызгая слюной. — Так-так-так. Ну что ж, о вкусах не спорят.

— Мы можем обсудить это внизу? — спросила я. — В прихожей или в гостиной. Там хотя бы теплее.

— Ладно, — сказал Нил. — Погоди-ка, смотри! — и он снова куда-то указал.

Я мельком взглянула туда и заметила какой-то тупик, в котором толпились люди — много людей, судя по всему, но я не успела толком разглядеть, кто это был и что они там делали. Я опустила голову на деревянные доски, на которых мы лежали.

— Я хочу вниз, — сказала я. — Сейчас же.

— Ладно, ладно, — сказал Нил. — Пойдем.

Агент повел нас вниз.

Пару раз я оступилась, и Нил тоже, но мы ни разу не упали.

* * *

Мы снова стояли в прекрасной прихожей, и меня била дрожь.

— Что с тобой? — спросил Нил.

— Не знаю, сказала я. — С этим домом что-то не так.

— А мне он очень понравился, — сказал он.

— Я вижу, — ответила я, — что тебе нравится. Но… когда мы были наверху, у тебя не было впечатления, что все вокруг изменилось? Особенно когда мы лежали на досках? Тебе не показалось, что происходит что-то странное?

— Странное? — переспросил Нил. Он был в замешательстве.

— Да, странное, — сказала я. — Думаю, нам лучше уйти.

Агент по недвижимости, который стоял у нас за спиной, откашлялся. Звук получился противный и громкий. Я обернулась и увидела, как он вытирает губы, перемазанные чем-то зеленым.

— Еще не время уходить, — сказал он. — Вы еще не осмотрели подвал.

— Я не хочу в подвал, — сказала я.

— Но вы не можете уйти, не осмотрев подвал, — сказал агент. — Это может полностью

перевернуть ваше представление об этом доме.

— Я не хочу, чтобы что-либо переворачивало мое впечатление, — сказала я.

— Милая, ну что ты, — сказал Нил. — Давай посмотрим подвал. — Он взглянул на агента. — Это ведь не займет много времени?

— Разумеется, нет, — отозвался тот, широко улыбаясь и почесывая адамово яблоко. — Это займет всего чуточку времени.

— Пойдем, — сказал Нил, взял меня за руку и как ребенка потянул за собой к небольшой двери слева от винтовой лестницы. — Пойдем, милая.

Агент прошагал мимо нас, звякая ключами.

— Мы держим дверь в подвал закрытой, — сказал он.

— Это еще зачем? — спросила я. Но он, видимо, не услышал моего вопроса.

Он открыл дверь и запнулся о порог. Нил последовал за ним и тоже споткнулся, но при этом каким-то образом ухитрился улыбнуться мне через плечо.

— Пойдем, — неслышно прошептал он.

Агент спускался по крутым узким ступенькам, сжатым между тесными стенами с облупившейся краской.

Я поколебалась. Оглянулась на черно-белые

плитки прихожей. Сердце бешено колотилось в груди, кровь в жилах словно вскипела. Я не слышала ничего, кроме шума в ушах. Меня не отпускала навязчивая идея, будто бы все, что мы только что увидели, было неправильным, странным, невозможным. Подумав о том, с чем нам придется столкнуться в подвале, на секунду я засомневалась во всем.

— Милая, — повторил Нил, и потянул меня за руку. — Пойдем.

Я улыбнулась ему. Наверное, усталость и стресс всему виной. Выбирать дом — крайне утомительное занятие.

— Давай просто взглянем и уйдем, — сказала я.

— Мы так быстро закончим, что ты и глазом моргнуть не успеешь, — кивнул он.

Я кивнула ему в ответ, сжала его ладонь и пошла вслед за ним по ступенькам.

Перевод: А. Домнина

Дирк Флинтхарт
Летним днём в Ультаре

Dirk Flinthart «To Be in Ulthar on a Summer

Afternoon», 2017.

Я добрался до Ультара, следуя за кошкой, ведь все кошки знают дорогу в этот тенистый город. Конечно, следить за кошкой — задача не из простых, особенно когда она пробирается сквозь трещины в стенах времени и пространства, разделяющих множество миров. И всё же это проще, чем вызвать и оседлать бьякхи. Несмотря на то, что они могут доставить всадника быстрее, малейшая ошибка в ритуале оставит вас на милость этих ужасных тварей — и неважно, что говорят истории, бьякхи не любят, когда к ним относятся как к таксопарку для оккультного братства.

Анастасия Усманова не допустила ни одной ошибки, хотя я знал, что это, должно быть, её первый подобный ритуал. Круг Лоранца на полу её квартиры был безупречен. От всё ещё горевших свечей исходил характерный запах собачьей шерсти, как и положено. Пять знаков были вырезаны точно и тщательно. Если предположить, что её нервы выдержали и что она приняла надлежащие меры предосторожности против суровых условий путешествия, я сразу понял, что должен искать её в Ультаре.

Кошка, ставшая моим проводником, привела

меня в одну из запутанных задних улочек квартала возле реки. Выбравшись из невозможно маленькой щели между двумя стенами из грубого камня, я глубоко вдохнул и уловил характерный запах горящей дрифы — травы, которую ультарцы используют для отпугивания насекомых летом. Это был резкий запах, не похожий на мяту и кофе, и он всегда доставлял мне удовольствие. Щёлкнув языком, я опустился на колени и протянул руку большому, рыжему коту с порванным ухом. Он посмотрел на меня с сомнением.

— Что это значит? — спросил он.

Я выпрямился и сказал:

— Ах. Я один из говорящих. Извините. Я не знал. Я собирался предложить вам лосося.

Лучше всего оставаться в хороших отношениях с кошками в Ультаре.

Кот сел и начал тщательно вылизывать переднюю лапу.

— Свежего или консервы?

— Консервы, — признался я. — Перевозить свежего лосося сложновато.

Глаза кота — один голубой, другой зелёный, как я заметил, — лениво закрывались и снова открывались.

— Ну, ладно.

Я открыл банку и поставил её на грубый булыжник, а затем отступил назад. Рыжий кот прыгнул вперёд и благодарно фыркнул.

— Не кошачий корм, — сказал он. — Хорошо. Но я уверен, что в твоём рюкзаке есть кое-что из дешёвых продуктов. Рад, что ты заметил, что я умею говорить, гений.

Кот лизнул розовое мясо, его глаза сузились от удовольствия.

— Я никогда не заморачиваюсь с кошачьим кормом, — объяснил я и показал ему ещё три банки первоклассного розового лосося. — Таким образом, я смогу съесть всё это, если наступят трудные времена.

Кот ел с жадностью, облизывая губы и лапая жестянку, чтобы лучше рассмотреть её.

— Вы, наверное, могли бы получить немного больше лосося, если бы захотели мне помочь.

— Помочь тебе? — Кот поднял голову. — Чем? Может быть, у тебя в запасе есть крысы?

— Женщина.

Я достал фотографию Анастасии, распечатанную с её страницы в Фейсбуке. Кот взглянул на неё и вернулся к своей еде.

— Она была бы здесь новенькой, — объяснил я. — Она прибыла сюда с одним из тёмных ле-

тунов. Она не хотела, чтобы кто-то это заметил, поэтому приземлилась в лесу и далее пошла пешком. Она никогда не бывала здесь, поэтому она сначала спрячется и будет изучать местность издалека.

— Тебе стоит попробовать посетить Храм Старших Богов, — посоветовал кот, разглядывая мой рюкзак. — Это каменная башня на самом высоком холме, в Старом Районе.

— Вы говорите мне, как найти Храм? — хихикнул я. — Рад, что вы заметили, что я разбираюсь в магии, чтобы следовать за кошкой по Ночным Путям, гений.

Кот моргнул.

— Хорошо, — сказал он. — Я заслужил это. Покажи мне ещё раз свою картинку.

На этот раз он посмотрел на фотографию Анастасии более внимательно, наклонив голову на бок.

— Есть что-нибудь с её запахом?

— Не смейтесь, — ответил я, доставая тщательно запечатанный пластиковый пакет для сэндвичей. Внутри лежал комплект облегающих розовых трусиков, которые я взял из корзины для белья Анастасии. Я открыл пакет, и кот осторожно обнюхал его.

— Сойдёт, — сказал он, наконец. — Я расскажу братьям и сёстрам. Где мы можем тебя найти?

— Где ещё? — улыбнулся я и отправился вверх по крутым, извилистым, мощёным дорогам к Храму Старших Богов.

Прошло около пятидесяти лет — Ультару время только снится — с тех пор, как почтенный Атал отказался от трона из слоновой кости в этом Храме. В возрасте трёх с половиной веков он, наконец-то, назначил себе преемника, затем открыл портал во тьму за пределами снов и ушёл. Ушёл в соответствующее время. Его слабость к лунному вину была хорошо известна после печально известного визита Рэндольфа Картера, а его рассказы о Хатег-Кла, Неизвестном Кадате и других подобных местах, которые Атал посетил в юности, давно превратились в древний фольклор. Новый патриарх, человек по имени Бирс, обладал острым умом и запасом забавных анекдотов. Он также предпочитал хороший бурбон липкой сладости лунного вина, что я учёл при подготовке к встрече с ним. Он принял мою бутылку «Дикой Индейки», жадной рукой, и улыбнулся мне.

— Рад снова видеть тебя, юный Дрейк, — сказал он; его глаза блестели под кустистыми белыми бровями. — Ты, конечно, присоединишься ко

мне.

— Ненадолго, — согласился я. — Я здесь по делу.

— По делу, конечно.

Бирс открыл богато украшенный шкаф, стоящий рядом с пожелтевшим троном из слоновой кости и достал оттуда два бокала причудливой формы из фиолетового хрусталя.

— Ты всегда здесь только по делам, не так ли? Можно подумать, что чистый воздух Ультара, его чудесные кошки, восхитительная архитектура и благоприятный климат привлекают посетителей из многих миров.

— Не забывайте о лютнистах, — сказал я, принимая порцию бурбона.

— Будь прокляты лютнисты, — огрызнулся Бирс, одним глотком осушив почти весь свой бокал. — С тех пор как этот дурак Картер поговорил с тем длиннолицым идиотом из Провиденса, здесь только и шастают лютнисты. Я ненавижу лютни.

Бирс допил свой напиток и налил ещё, глядя на бутылку.

— Тогда какое же дело привело тебя сюда? Книга? Я правильно понимаю?

— Женщина, — ответил я и показал ему фото-

графию Анастасии. Бирс взял фотографию своей рукой с большими костяшками и стал рассматривать.

Наконец, он поднял голову.

— Она красивая.

Я улыбнулся.

— У неё есть книга. Ваше первое предположение было правильным.

Бирс покачал головой и вернул мне фотографию.

— Всё ещё книжные дела, — прорычал он. — Хорошо. Какое отношение это имеет ко мне?

— Она ещё не приходила сюда?

Бирс покачал головой.

— Я не думаю, что она говорит на каком-либо языке, кроме английского, — добавил я. — Сколько людей в Ультаре свободно владеют этим языком?

Бирс покачал головой.

— У нас есть несколько бродяг, — сказал он. — Не могу ручаться за них. Но из тех, кто живёт здесь, сейчас… может быть, несколько человек знают английский. Включая меня.

— Ей понадобится помощь, — размышлял я. — У неё не будет местных денег. В любом случае, она, вероятно, не намерена считать этот город

своим конечным пунктом назначения.

Патриарх налил ещё по одной порции бурбона. Он прикоснулся краем своего бокала к моему, и необычный фиолетовый хрусталь зазвенел неприятно пронзительной нотой. Бирс нахмурился.

— В следующий раз, когда приедешь, может, захватишь приличные рюмки? Эти Атал использовал для своих попоек лунным вином. Я уверен, что они вырезаны из черепов слепых гигантских лягушек, которые живут в пещерах под Запретной Горой Тактала, и, честно говоря, я не слишком высокого мнения о них.

Он глотнул и скорчил гримасу.

— Так куда эта милочка планирует пойти?

Я покачал головой.

— Не могу сказать точно. У меня нет полного текста её книги. Но она определённо содержит правильные заклинания, что привели её в Ультар, поэтому я здесь.

Я достал из рюкзака вторую бутылку «Дикой Индейки», и поставил её на стол.

— Вы Патриарх. Может быть, вы можете дать распоряжение, что никто не должен помогать рыжеволосой земной женщине уезжать из Ультара в течение одной или двух недель?

Бирс посмотрел на бутылку с тоской и потёр свой подбородок.

— Ну… мне не очень нравится использовать свою должность для таких целей. Это не то, чем должен заниматься Патриарх, ты понимаешь.

Я вытащил маленькую кожаную сумку и вытряхнул на инкрустированный стол её сияющее содержимое. У Бирса загорелись глаза; он вытащил один из маленьких магнитов, отделив его от общей кучи, и внимательно изучил.

— Неодим, — объяснил я. — Редкоземельный элемент, открытый после того, как вы перешли сюда. Я уверен, что эти магниты сохранят свою силу и здесь.

Я подтолкнул сияющую кучку к Патриарху.

— Здесь две сотни.

Бирс сгрёб магниты большой лапой, перебирая их так, так что они зазвенели.

— Ах, — произнёс он. — Знаешь, я советовался со Старшими Богами, и, похоже, что в течение следующих двух недель звёзды просто не будут благоприятствовать рыжеволосым женщинам в дальних путешествиях. Как Патриарх, я считаю своим долгом позаботиться о том, чтобы население Ультара было осведомлено о возможных опасностях, связанных с этой ситуацией.

Он широко улыбнулся, и я поднял свой бокал в ответ.

Уголком глаза я заметил какое-то движение. Одна из огромных алых камчатных портьер, скрывавших древние каменные стены, шевельнулась, словно от дуновения ветерка. Мгновение спустя два светлых глаза выглянули из-под края тяжёлой ткани. Маленький полосатый кот жалобно мяукнул.

— Извините, — сказал я Бирсу. — Я думаю, что, возможно, скоро получу важные новости.

Патриарх проследил за моим взглядом, и его лицо смягчилось.

— Уже разговариваешь с кошками, Дрейк? Почему бы тебе не поселиться в Ультаре? Похоже, ты нравишься этому городу.

— Может быть, — ответил я. — Когда-нибудь. Но не скоро.

Маленький полосатый кот повёл меня по приятным извилистым улочкам Ультара, мимо торгового квартала к речному. Даже в своей одежде землянина — синих джинсах, прочных туристических ботинках, куртке из микрофибры и широкополой шляпе — я не привлекал особого внимания местных жителей. Ультар лежит в глубине Страны Грёз, тех странных царств, кото-

рые иногда посещают жители Земли (и других мест) во время сна, и ультарцы вполне привыкли к людям необычной внешности. И конечно, в Ультаре нет ничего странного в том, что кошку можно увидеть переходящей с места на место.

Рыжий кот ждал нас возле конюшни при небольшой таверне. Существа внутри — не совсем лошади, но достаточно похожие на них, приятно зарычали, когда я приблизился, надеясь, возможно, получить кусок свежего мяса или что я почешу их за ушами, куда не достают их когти. Кот держался от них подальше, потому что в Ультаре нет законов, запрещающих лошадям питаться бродячими кошками.

— Это заняло у тебя достаточно времени, — сказал он, когда я неторопливо вошёл в тень конюшни. — Я думал, ты хочешь найти ту женщину.

— Она здесь? — спросил я нетерпеливо.

Кот присел и лизнул переднюю лапу.

— Рядом, — пояснил он. — Достаточно близко. В наш договор входило больше одной банки лосося?

Я достал из рюкзака ещё одну банку с рыбой и поставил ее на булыжники рядом с корытом для лошадей. Кот посмотрел на банку, затем с укором

— на меня.

— У нас нет больших пальцев, гений. Помнишь? — сказал он.

— Я открою банку, когда ты покажешь мне девушку, — заявил я ему. В конце концов, я уже имел дело с кошками. — И, если это действительно она, вы получите и вторую банку.

— Я голоден, мяяуууууу! — взвыл кот.

Я пожал плечами, скрестил руки и прислонился к стене, наслаждаясь прохладой затенённого камня. Кошки всегда преследуют свои корыстные интересы. Единственный способ получить от них то, что вы хотите, — это убедиться в том, что они знают, что служение вашим интересам принесёт им выгоду.

Кот надулся, повернувшись ко мне спиной, чтобы вылизать свой зад. Я насвистывал небольшой фрагмент песни «Ты не можешь всегда получать то, что хочешь», группы «Роллинг Стоунз». Рыжий оглянулся на меня через плечо. Я толкнул банку с лососем ногой, так что она заскрипела по камням. Маленький полосатый кот, по всей видимости не очень разговорчивый, с тревогой смотрел на нас.

— Хорошо, — прорычал рыжий. Он потянулся, подошёл к двери таверны и снова сел. — Они да-

ли ей одну из этих метёлок. Ею она ткнула меня!

В его тонком голосе ощущалось возмущение.

Я заглянул внутрь. В таверне «Уловка Зуга», было достаточно многолюдно для этого часа дня. Кучка речных жителей в капюшонах и тряпичных накидках спорила на своём щёлкающем, цокающем языке о цене жареной птицы. В одном из углов большой комнаты, у камина, полдюжины мужчин в аляповатых лодочных костюмах ожесточённо резались в кости. Возле же барной стойки сидели представители самых разных профессий: несколько бронзовокожих ультарцев, равнинный житель Нарраха и трое, чья одежда показалась мне странной. Они пили то, что было похоже на лунное вино. Худой, бледный человек в традиционном зелёно-золотом, полосатом бархате ультарского лютниста выстукивал на двенадцатиструнной лютне нестройную мелодию. В самом дальнем углу комнаты я увидел Анастасию Усманову. Она сидела на корточках за соломенной метлой, бесцельно толкая её взад-вперед. Её голова была опущена. Я тихо закрыл дверь и улучил момент, чтобы дать рыжему его лосося. Я также аккуратно открыл вторую банку и направил её по усыпанным сеном булыжникам к маленькому полосатому коту. Рыжий зарычал,

но не отошёл от своей еды. Я надеялся, что маленький кот получит приличную долю, прежде чем рыжий доест свою банку и заберёт у младшего остальное. Я всегда старался поддерживать репутацию беспристрастного человека в отношениях с кошками Ультара.

Войдя в таверну, я занял видное место у барной стойки, убедившись, что Анастасия видит мою земную одежду, и заказал на беглом ультарском языке Лангнурский эль. Лангнур — мой любимый ультарский напиток, который варят неподалёку, используя воду из благословенного источника и уникальную смесь ячменя и трав. Этот эль острый, чистый, освежающий и вкусный, и я скучаю по нему каждый раз, когда покупаю пиво на Земле.

Уголком глаза я увидел, как Анастасия перестала дёргать метлу и уставилась на меня. Я повернулся и поднял свой бокал.

— Противостояние, не так ли? — спросил я.

Она моргнула и прижала метлу к груди. Каким-то образом она приобрела ультарское платье: тёмные леггинсы, мягкие высокие сапоги и серебристо-серую тунику, затянутую на талии широким кожаным поясом. Наряд был ей к лицу. Бирс оказался прав. Анастасия действительно

была очень красивой.

— Ты говоришь по-английски! — воскликнула она, наконец. — Кто ты? Что ты здесь делаешь?

— Билл Дрейк, — сказал я. — Путешествую. Как и ты, полагаю.

Я сделал хмурое лицо.

— Ты ведь не спишь?

— Я..., - начала она, но в её глазах появилась паника, и она быстро огляделась вокруг. — Нет, не сплю. Но мне кажется, я кого-то видела...

— Без сомнения, — сказал я. — Большинство сновидцев не задерживаются здесь надолго. Такова природа снов. Несколько секунд, минута или две, и они идут дальше. Если долго сидеть на одном месте здесь, в Ультаре, то можно увидеть десятки таких путешественников. Но есть и те, кто мечтает о большем...

Я глотнул орехово-золотистого эля, подыскивая нужное слово.

— С большим энтузиазмом, я полагаю. Некоторые даже мечтают настолько сильно, что приходят сюда во плоти.

— Ты именно так сюда попала?

В её темных глазах был голод, и я почти пожалел её. Страна Грёз достаточно неспокойное место; даже Ультар, который дружелюбен и бо-

лее или менее безобиден, если вы не забываете хорошо обращаться с кошками. Но прибыть сюда чужаком на крыльях отвратительного Бьякхи…

— Ты не сошла с ума, — сказал я. — Это случается с некоторыми, особенно с теми, кто прибывает на Бьякхи. Это невыразимые твари. Ты прибыла сюда с ними?

Я, конечно, знал ответ. Я просто хотел услышать, что она скажет.

— Бьякхи, — прошептала Анастасия, и её челюсти сжались. Её рука дрожала, когда она отбрасывала назад медные волосы, закрывавшие её глаза. — Крылья… голос. Я могу…

Метла выскользнула из её рук, и Анастасия резко села на низкую деревянную скамейку.

— Я не могу, — всхлипывала она, и слёзы заблестели на её щеках. — Я не буду.

Я подал знак девушке за барной стойкой, чтобы она принесла Чёрный Спирт. Она посмотрела на рыдающую Анастасию и кивнула мне в знак молчаливого согласия. Я взял стакан смолистого вещества, так сильно пахнущего хабсвортом и крапивой, что он перебивал неизбежный дым от дрифы, и сел рядом с Анастасией.

— Выпей это, — сказал я. — Я понимаю, что он неприятно пахнет, но это поможет. Но не пей

слишком много. Возможно, стакан или два, не больше. Я выпил слишком много во время моего первого… путешествия. Я забыл своё имя на полгода.

Анастасия осторожно взяла Чёрный Спирт, но её лицо выражало сомнение. По моему невысказанному требованию она принюхалась, затем зажмурила глаза и выпила содержимое одним глотком. Моргая, задыхаясь, она отшатнулась назад, и я поймал стакан, когда он выскользнул из её пальцев. На её лице расцвела широкая, недоверчивая улыбка.

— Хорошо, — сказала она. — Весьма хорошо. Я не могу…

Она повернулась ко мне.

— Откуда ты знаешь?

Я отставил стакан в сторону.

— Чёрный Спирт гонит племя арахноморфов на юге. Речные люди торгуют им. Что именно входит в состав напитка, никто точно не знает. Но он обладает эффектом затуманивания памяти и смягчения воспоминаний, особенно о недавних событиях. Опытные путешественники обычно носят с собой флягу здесь, в Стране Грёз. И в других местах, конечно. Земли Страны Грёз, какими бы опасными они ни были, меркнут по

сравнению с такими местами, как Каркоза и Юггот. Я не уверен, что существует достаточно Чёрного Спирта, чтобы справиться с длительным путешествием на Юггот.

— Теперь к делу, — сказал я, когда она перевела дыхание и её лицо приобрело исходный цвет. — Где книга, Анастасия?

— Ты знаешь моё имя?

Она недоумённо моргнула. Чёрный Спирт также на некоторое время затуманивает разум, делая человека уязвимым для внушения. Я, конечно, рассчитывал и на это.

— Ты Анастасия Усманова, недавно прибыла из Аркхэма. Ты учительница в школе и аспирант, изучающий ранние санскритские языки. Ты унаследовала от своего покойного дяди экземпляр второго издания «Дневника сновидений Арпана Старшего». Получив доступ к очень редкому экземпляру первого издания, ты заметила в тексте акростих, который был удалён во втором издании. С твоим знанием языков было несложно собрать воедино ритуалы, которые… ну, — я улыбнулся. — Я уверен, что ты помнишь, что последовало дальше.

Анастасия отстранилась от меня, и её правая рука скользнула за спину. Я внимательно наблюдал

за ней, позволяя печали отразиться на моем лице, когда она вытащила небольшой револьвер.

— Откуда ты всё это знаешь? — прошипела она. — Говори быстрее. Я тебе не доверяю. Я уже видела…

Она вздрогнула.

— Тварей, — слабо закончила она.

— Ночные кошмары? — предположил я. — В конце концов, это одна из Земель Грёз. Не все сны являются желанными. Пожалуйста, — сказал я, жестом показывая на револьвер. — Убери это. Если он вообще сработает, то, скорее всего, отстрелит тебе пальцы. Земное железо здесь портится. Сталь твоего оружия уже ослаблена. Через месяц от неё останется только ржавчина.

С расширенными глазами Анастасия кивнула и положила револьвер на сиденье. Поблагодарив Чёрный Спирт, я отодвинул оружие подальше от нас.

— Книга, — повторил я твёрдым голосом. — Ты принесла её с собой. Она не может быть далеко.

— Они дали мне комнату, — сказала Анастасия тонким голосом. — Человек, который владеет таверной, добрый. Он немного говорит по-английски. Он сказал, что я могу остаться и поработать здесь. Пока… пока я не готова.

Я кивнул.

— Ты планировала пойти дальше. Увидеть чудеса, на которые намекнул Арпан. Но ты не верила, по крайней мере, до тех пор, пока за тобой не пришли Бьякхи, а после этого было уже поздно. Книга Арпана ясно показала, что произойдёт, если ты не совершишь это путешествие.

Я накрыл дрожащую руку Анастасии своей. Она была тёплой, как пойманная птица.

— Ты не готова.

— Нет, — сказала она и склонила голову. — Я не знала.

Она подняла на меня глаза и поинтересовалась:

— Зачем тебе эта книга?

Я усмехнулся.

— Она просрочена. Ты взяла её в Специальной Коллекции Мискатоникской Библиотеки, воспользовавшись карточкой своего дяди. Когда ты не вернула книгу вовремя, библиотекари начали искать её. Узнав, что твой дядя умер три месяца назад, мы проверили, как он распорядился своим имуществом, и это вывело нас на тебя и Круг Лоранца на полу твоей квартиры. Всё просто.

— Просрочена? — удивилась Анастасия.

Я кивнул.

— Просрочена! — её глаза превратились в блюдца. — Ты явился сюда за просроченной библиотечной книгой?!

— Библиотека Мискатоника очень серьёзно относится к подобным вещам, — объявил я и показал ей удостоверение библиотечного инспектора с фотографией и подписью. — Ты не читала правила обращения с нашими книгами?

Анастасия музыкально хихикнула и хлопнула в ладоши.

— Карточка дяди, помнишь? Я сказал клерку, что заберу книгу для него. А этот клерк был привлечён к дисциплинарной ответственности, — добавил я. — Анастасия, книги из Особой Коллекции могут быть опасны. Подумай, где ты находишься!

Из другого угла комнаты раздался высокий звук и крик боли, возвещающий о разрыве струны лютни. Последовали аплодисменты. Анастасия снова хихикнула.

— Просрочена, — повторила она. — Мне жаль. Я просто не могу… ты здесь, потому что книга магических заклинаний просрочена в библиотеке.

Чёрный Спирт оживил Анастасию сильней, чем мне было нужно.

— Книга, — повторил я более резким голо-

сом. — Где она?

Анастасия сделала усилие, чтобы сосредоточиться.

— Она в безопасности. Я… я больше не хочу этого. Если я отдам тебе книгу, ты… сможешь вернуть меня домой?

Это был безопасный вопрос.

— Да. Я могу. Где книга?

— Подожди здесь, — сказала она и встала, слегка покачиваясь. — Ух! Голова кружится.

— Я пойду с тобой, — сказал я и тоже встал, протягивая ей руку. Она оперлась на неё без комментариев, и мы пробирались через дымный лабиринт табуретов и столиков, пока не вышли на улицу, где смогли вдохнуть прохладный, сладкий воздух. Кот ждал меня, свернувшись клубочком рыжей шерсти на выступающей балке крыши.

— Значит, нашел её, — сказал кот и одной лапой погладил своё порванное ухо. Он с любопытством рассматривал Анастасию. — Ты собираешься спариваться с ней?

Анастасия снова хихикнула.

— Этот кот мяукает так, будто пытается заговорить.

— Не обращай внимания, — сказал я, глядя на

кота. — Это грубое создание.

И всё же, возможно, кот был прав. Анастасия была очень красива и достаточно умна, чтобы реконструировать сложный оккультный ритуал из текста двенадцатого века. При других обстоятельствах я был бы рад познакомиться с ней.

С воодушевлением Анастасия подвела меня к узкой лестнице в боковой части конюшни.

— Моя комната находится на самом верху, — объяснила она. — Она маленькая, но чистая.

Анастасия скорчила гримасу.

— Вместо туалета горшки. Я рада, что мне не придётся к этому привыкать.

Книга, как и следовало ожидать, была засунута под матрас из соломы и мешковины. Я взял книгу из рук Анастасии и смахнул с потрескавшейся кожаной обложки кусочки соломы. Она с беспокойством наблюдала, как я подношу книгу к маленькому окошку и внимательно рассматриваю.

— Здесь слишком темно, — сказал я. — Давай спустимся обратно.

— Слишком темно для чего? — удивилась Анастасия.

— Чтобы проверить состояние книги, — отозвался я через плечо, спускаясь по лестни-

це. — Плохо, что ты взяла книгу. Но если ты не повредила её, я всё ещё могу спасти тебя.

— Спасти меня?

На вершине лестницы она пошатнулась, ухватилась за перила и осторожно спустилась во двор.

— Спасти меня от чего?

Книга оказалась невредимой, что меня порадовало. Мне не нужно было приводить Анастасию, чтобы она предстала перед Библиотекарями. Поскольку книга не пострадала, они были бы довольны, если бы я просто вернул её — при условии, что Анастасия останется вне их досягаемости. Я завернул книгу в шёлковую ткань, положил её в тяжелый пластиковый мешок и засунул его в рюкзак.

— В том-то и дело, — сказал я. — Всё идёт хорошо. Тебе никогда не придётся узнать, от чего я тебя спас.

Анастасия нахмурилась.

— Ничего не понимаю.

Её ноги подкосились, и она села на край корыта.

— Откуда мне знать, что ты вообще меня спасаешь?

— Вот, — сказал я и протянул ей небольшой

кожаный мешочек. — Возьми. Это неодимовые магниты.

Анастасия высыпала их в ладонь и ткнула в них пальцем.

— О, я люблю такие вещи! С ними так весело!

— Осторожно, — сказал я. — Поскольку железо ведёт себя не так, как мы привыкли в Ультаре, магниты очень редки и очень ценны. Этот мешочек… ну, если ты будешь осторожна, тебе больше никогда не придётся искать здесь работу.

— А? — Она подняла на меня глаза, заслоняя их от полуденного солнца. — Что ты говоришь?

Я закрепил рюкзак на своей спине и проверил лямки.

— Тебе следует посетить Храм Старших Богов в старом квартале города. Патриарх — добрый человек, питающий слабость к прекрасным женщинам, и он тоже родом с Земли. Он поможет тебе, если нужно.

— Нет, — сказала Анастасия. — Это не так… Я иду домой. Ты ведь возьмешь меня с собой, не так ли?

В её голосе звучала мольба. Я проигнорировал её, хотя моё сердце сжалось. Так было лучше. Так и должно было быть. Ультар являлся добрым местом. Анастасия выживет.

— Кроме того, ты должна быть добра к кошкам. Ты определённо захочешь быть на стороне кошек Ультара.

Затем я склонил шляпу перед рыжим котом и перешёл на ультарский язык.

— До встречи, котейка.

— Ты уезжаешь? — спросил кот и огляделся. — Тебе нужен проводник?

— Не в этот раз.

Я улыбнулся Анастасии, которая непонимающе уставилась на меня. Затем я плотно прижал руки к телу, сгорбился и очень чётко произнёс:

— Нет места лучше, чем дом!

Одиннадцать крючков, засевших глубоко в моей душе, сжались от ощущения, которое я не могу описать. Ужасная сила тянула и рвала меня, а тёплый, добродушный полуденный свет Ультара кружился и мерцал в воющей тьме, когда меня с криком протащило сквозь безымянные измерения времени и пространства.

Спустя неизвестный и неопределимый период времени я обнаружил, что стою на коленях в отделанном серебром семиугольнике в Комнате Теней на главном подуровне Мискатоникской Библиотеки, и голова у меня идёт кругом. Я схватился за свою набедренную флягу, но рука

дрожала слишком сильно.

— Вот, — сказала Чандлер, старший инспектор, высокая, суровая женщина; она вышла из тени, щёлкая артритными суставами, и предложила мне свою флягу в серебряной оправе. С благодарностью я откинул голову назад и открыл рот, чтобы принять небольшую порцию Чёрного Спирта. Её лицо смягчилось, когда я выпил.

— Лучше?

— Лучше, — пробурчал я, вытирая губы, и да, мне было лучше, потому что кружащиеся, вихрящиеся, ужасающие впечатления от немыслимого путешествия, казалось, исчезали. За это придется заплатить: похмелье, период неуклюжести. Лучше, чем воспоминания.

— Я добыл вашу книгу.

— Но не женщину, — сказала Чандлер и покачала головой. — Серьёзно, Дрейк. Я не понимаю тебя. Ты знаешь, как это делается. Верни женщину, просрочившую книгу. Мы превращаем таких людей в инспекторов. Они помогают оплатить твой штраф, пока отрабатывают свой собственный. Тебе действительно нравится заниматься этим?

Я не потрудился ответить на этот вопрос.

— Я сделал свою часть работы. Делайте свою.

— Эх, — сказала Чандлер. — Твои похороны.

Взяв в левую руку нож из метеоритного железа, она произнесла отрывок на языке, который никогда не был предназначен для человечества. Сделав разрез в воздухе перед моей грудью, она придвинулась, и когда её правая рука исчезла, я почувствовал, как что-то зашевелилось и закрутилось под моими рёбрами. Мгновение яркой, серебристой боли, вспышка тошноты, а затем Чандлер отступила назад, держа в правой руке крюк для души из сплава железа и серебра.

— Осталось ещё десять, — сказала она. — Еще десять взысканий, и твой штраф будет оплачен. Если только, — добавила она, — ты не наймёшь для нас другого инспектора.

Я покачал головой.

— Я облажался. Я признаю это. Я прочитал правила. Я знал о штрафах. Это мой штраф, и ничей больше. Я не злой человек. Я больше ни с кем так не поступлю.

Чандлер бросила крюк для души в инкрустированный сигилами шкаф из тёмного дерева у противоположной стены. Она снова покачала головой и посмотрела на меня.

— Ты уже сделал десять восстановлений. Сколько раз ты чуть не умер? Дважды нам приходилось

обращаться в институт, чтобы тебе провели курс электроконвульсивной терапии. Ты принимаешь Валиум, Прозак и Золофт, как конфеты Эм-энд-Эмс, но всё равно просыпаешься с криком каждую ночь. Ты действительно думаешь, что сможешь сделать ещё десять?

— Это было легко, — заявил я. — Если вы действительно беспокоитесь о моём благополучии, можете продолжать посылать меня в Ультар.

Расстегнув лямки рюкзака, я покопался внутри и достал пакет с книгой.

— Вот, — сказал я. — Без повреждений. К сожалению, женщина, взявшая книгу, ускользнула от меня.

В Ультаре с ней всё будет в порядке, сказал я себе. У неё были деньги, своего рода. Бирс ей тоже поможет.

Чандлер взяла книгу и пожала плечами.

— Пусть будет по-твоему, — вздохнула она. — Следующее твоё задание прямо здесь, на Земле. Нью-Йорк, собственно говоря. Один из наших посетителей скоропостижно скончался, и прежде, чем мы успели сообщить властям, его библиотеку прибрал к рукам некий… ну, как говорят, некромант.

— Потрясающе, — сказал я. — Он не признаёт

наши претензии?

— За почти полную копию Пнакотических Манускриптов? — Чандлер рассмеялась, седой шлем её лакированных волос затрепетал. — Кроме того… я забыла упомянуть, что он Марш. Из ветви Маршей Иннсмута. О, в последнее время его редко видели на улице, но те, кто его знает, говорят, что он побледнел и, кажется, изменился.

Чандлер усмехнулась.

— Тебе придётся действовать быстро.

Я устало встал и помассировал свои ноги. Где-то в Ультаре, я знал, симпатичная рыжеволосая женщина лечилась от похмелья и размышляла, найдёт ли она когда-нибудь способ вернуться в мир своего рождения. Ей предстоит столкнуться с зугами, бродячими кошмарами, лютнистами, котами-антропофагами и средневековым водопроводом… но она будет жить.

— Я займусь этим некромантом прямо сейчас, — сказал я. — Можете ли вы организовать водолазный колокол и глубоководную буровую установку на случай, если он преобразуется прежде, чем я его догоню?

Чандлер кивнула, и я зашаркал к двери, за которой стоял знакомый затхлый, рептильный запах Мискатоникской Библиотеки. Я чихнул.

Болела голова.

Ох, как бы мне хотелось оказаться днём в Ультаре среди кошек…

Перевод: А. Черепанов

Алан Дин Фостер
Некоторые заметки насчёт зелёного ящика

Alan Dean Foster «Some Notes Concerning a Green Box», 1971

Джентльмены, я не знал, что делать с этими записками, пока один мой друг не предложил переслать их вам, полагая, что они могут вас заинтересовать. Они составляют чрезвычайно странную историю, и теперь я не уверен, что хочу иметь к ней отношение. Я пишу отчёт о том, как всё произошло.

Как правило, я не часто бываю в помещениях отдела антропологии, но однажды мне случайно понадобилось туда пойти. Будучи аспирантом, я мог получить доступ к документам, которые хранятся подальше от глаз нерадивых старшекурсников и случайных посетителей. Именно в

дальнем углу старого хранилища рукописей я впервые наткнулся на тот ящик.

Он привлёк моё внимание, потому что являлся единственным, определённо новым предметом в этом древнем месте. Сгорая от любопытства, я устроился на стопке старых бумаг и внимательно осмотрел находку. Это был совершенно обычный на вид зелёный ящик, если не считать довольно внушительного замка на крышке. И мне показалось, что из граней этого ящика исходит слабое фосфоресцирующее свечение (конечно, из-за того, что моё воображение разыгралось). Я осторожно потрогал крышку и обнаружил, что замок не заперт. Больше от скуки, чем от чего-либо ещё, я сунул руку в ящик и вытащил из него пачку документов. Большинство из них выглядели совершенно новыми, но имелось также несколько обрывков толстого, грубого пергамента, обожжённого по краям. Мне подумалось, что пергамент был обработан каким-то химическим консервантом, потому что, когда я впервые открыл ящик, оттуда вырвался чрезвычайно ядовитый запах. Однако он очень быстро рассеялся, и я больше не думал о нём.

Содержимое ящика включало в себя отпечатанные на машинке письма с дописанными от

руки различными заметками, схемами и набросками, в дополнение к пожелтевшим обрывкам пергамента. Поскольку письма, казалось, имели какое-то отношение к моей области исследований, я отнёс ящик и его содержимое в главную комнату и начал делать ксерокопии материала для последующего, более неторопливого изучения.

Вскоре в комнате появилась пожилая библиотекарша. Заметив ящик, она необъяснимо разволновалась и довольно энергично настояла на том, чтобы я прекратил свои занятия. Бедная женщина была в таком возбуждённом состоянии, что я согласился подождать, пока она сходит за главным библиотекарем. При виде ящика и его содержимого этот дородный джентльмен пришёл в такую же ярость, как и старая леди, и первое, что он сделал, — это вернул каждый клочок бумаги обратно в ящик и надёжно запер его. Сдерживая свой явный гнев, он отвёл пожилую женщину в сторону, бережно держа ящик под мышкой. Озадаченный, я напряг слух, чтобы подслушать, о чём они шепчутся, но смог разобрать лишь несколько бессвязных фраз, потому что они старались говорить очень тихо. Мужчина сказал: «… кто он такой?… не допускать… надо

было запереть дверь… деликатная ситуация». И женщина: «… не видела!.. нет причин подозревать… спросить его… безопасно…».

В этот момент они замолчали, и мужчина вернулся, чтобы пристально посмотреть на меня сверху вниз. «Ты скопировал что-нибудь из того, что было в этом ящике, сынок?», Я ответил, что нет, и при этих словах ему словно необъяснимо полегчало. Когда я осмелился спросить, почему я не могу их скопировать, он ответил, что рукописи ещё не опубликованы и, следовательно, не защищены авторским правом. Он улыбнулся впервые с тех пор, как я увидел его, сказал: «Тогда ничего страшного», и пожал мне руку. Продолжая разыгрывать свою роль, я ответил, что данный материал, похоже, в любом случае мне не помог бы, и поэтому я совершенно готов забыть весь этот инцидент.

По счастливой случайности в тот день я сначала зашёл на почту, чтобы пополнить запас конвертов и марок. Так уж случилось, что у меня есть друг, который тоже желает получить место в нашей экспедиции, и поэтому я вложил свои первые копии в конверт и отправил их ему через почтовый ящик библиотеки. Как оказалось, мне не нужно было просить своего друга вернуть

мне эти копии, так как конверт вернулся в мою квартиру на следующий день, нераспечатанный, со штампом «недостаточная оплата почтовых услуг». Несмотря на все мои усилия выяснить, куда переместили тот таинственный зелёный ящик, я не смог найти его следов в прежнем закутке и счёл неразумным наводить справки.

Несколько копий, которые мне удалось сделать, состояли из помеченных от руки писем и клочков пожелтевшей бумаги. Беглый осмотр материалов убедил меня в том, что даже то немногое, что я скопировал, оказалось в моих руках лишь по счастливой случайности, так как в копировальной машине явно имелся значительный дефект. Старые обрывки, отпечатанные тёмными чернилами и покрытые выцветшими красными пятнами, не скопировались полностью. Меня это весьма удивительно, так как сами пятна на ксерокопии получились очень чётко. Я написал производителю копировальной машины письмо с жалобой, но они в обычной уклончивой манере ответили, что никогда не слышали о таких дефектах.

Эти письма, по-видимому, являлись работой двух профессоров Калифорнийского Университета в Лос-Анджелесе, и я смог получить некоторую

информацию о них, которую я включаю в свой отчёт.

Джонатан Тёрнер, профессор антропологии и лингвистики. Родился в Провиденсе, шт. Род-Айленд, 1910. Бакалавр искусств, Университет штата Мэн, 1931. Работал в колледже в разгар Великой Депрессии, занимаясь тяжёлым ручным трудом. Магистр гуманитарных наук, Йель, 1932, доктор философии, Йель, 1935, докторская диссертация — «Некоторые исследования природы малых религий Южной Луизианы и Алабамы, с акцентом на Каджунские народы». (Эта работа, как я обнаружил, по-прежнему доступна заинтересованным лицам в Исследовательской Библиотеке Йельского Университета, после предъявления надлежащих полномочий). Член Американского Антропологического Общества, Французской академии и т. д, и т. п… Женился на Эмалин Генри из Бостона в 1937 году. После её трагической смерти в 1960-м, переехал в Калифорнию и занял профессорскую должность в Калифорнийском Университете. Автор многочисленных книг обширной тематики, в том числе известного очерка о мифах Атлантиды и Лемурии.

Роберт Нолан, доцент кафедры археологии. Родился в Беверли-Хиллз, Калифорния, 1944. Ба-

калавр искусств, Магистр гуманитарных наук, Калифорнийский университет, Беркли. Кандидатская диссертация в процессе подготовки. Лауреат многочисленных премий за оригинальность теории, касающейся археологии Тихоокеанского региона. Сын богатого адвоката из Лос-Анджелеса.

Что касается более личных подробностей, касающихся этих двух учёных, то я смог получить некоторую информацию о Тёрнере и Нолане от их бывших студентов. Это направление исследований было необходимо, потому что эрудированные коллеги двух этих персон проявляли явную враждебность к любым моим вопросам. Тёрнер являлся высоким, похожим на льва человеком с бородой в форме лопаты и неухоженной копной таких же седых волос. Гораздо более молодой Нолан, напротив, был приземистым и почти полностью лысым. Построенная на безобидной основе общего интереса к подводному плаванию, дружба двух мужчин быстро крепла, несмотря на разницу в возрасте.

В 1966 году они одновременно взяли академический отпуск. На сэкономленные Тёрнером деньги и немалые средства Нолана в виде призовых денег и семейных сбережений они купили и

снарядили небольшую моторную шхуну, объявив о своём намерении отплыть на остров Пасхи, а затем исследовать берега Южной Америки. Тёрнеру всегда хотелось побывать в тех местах, а Нолан желал провести какие-то полевые работы неопределённого характера.

С этого момента информация о профессорах начинает становиться отрывочной и ненадёжной. Известно, что они вернулись в Лос-Анджелес в сентябре 1966 года в отличной физической форме и хорошем настроении. Удивительно, но Тёргнер и Нолан подали в отставку со своих должностей в Университете. Это случилось к великому ужасу их начальников, которые, по понятным причинам, были подавлены перспективой потерять двух таких блестящих сотрудников своих факультетов: одного старого и почтенного, а другого — молодого и исключительно многообещающего. Но ни одного из них не удалось переубедить, и после приведения в порядок некоторых личных дел они объявили о своём намерении вновь вернуться в район своих прежних путешествий. Известно также, что они привезли с собой целый ряд хорошо сохранившихся и чрезвычайно эксцентричных образцов резных иероглифов и статуэток. Нолан утверждал, что они нашли эти

вещи не на острове Исла-де-Паскуа (Пасхи), а на его более мелком и малопосещаемом западном соседе, Сала-и-Гомесе. Сообщается также, что эти учёные консультировались с некоторыми так называемыми специалистами по оккультным вопросам, среди которых числился довольно известный и пользующийся дурной славой старый книготорговец в центральной части Сан-Диего. Лавки этого старика больше нет, здание, в котором она находилась, с тех пор снесли и заменили многоуровневой парковкой, одна часть которой, как я могу сообщить, провисает под очень странным углом, несмотря на неоднократные попытки исправить её.

Из-за очевидной искренности, с которой факультет Нолана сожалел о его отставке, профессор согласился поддерживать связь со своими старыми друзьями посредством случайных писем, которые он будет пересылать всякий раз, когда представится такая возможность. Это те послания, которые я так поспешно скопировал в библиотеке антропологии. На некоторых конвертах почтовый штемпель был вдавлен с излишней силой и оставил оттиск на письме внутри, но с помощью порошка для снятия отпечатков пальцев я смог привести текст в разборчивое состояние.

Даты в письмах варьируются от 3 февраля до 18 мая 1967 года. Все они имеют почтовые штемпели из Вальпараисо, Чили, и один из учёных признаётся, что экспедиция была вынуждена оставаться там в течение такого длительного периода времени, чтобы его хватило на ремонт их судна, повреждённого штормом.

Я решил написать человеку, упомянутому в этих записях как ремонтник, некоему сеньору Хуану Марии-и-Флоресу. В ответ мне пришла записка, нацарапанная неловким почерком, как будто владелец пера не знал, как пользоваться пером. О Тёрнере и Нолане он мало что мог сказать. Флорес, всегда считал профессоров очень сдержанными личностями, а эти двое американцев казались нервными и раздражёнными одновременно. Вместо этого он сосредоточился на ремонте их шхуны. Повреждения показались ему очень необычными, а ведь он проработал на кораблях более сорока лет. Например, он упоминает, что, по его мнению, слова профессора Тёрнера о «неожиданной сильной волне», не вполне объясняли странное скручивание четырехдюймового стального стержня левого приводного вала шхуны, а также то, как три из четырёх лопастей оказались отломанными от

винта. Местный судовладелец из Лонг-Бич уверяет меня, что мистер Флорес, несмотря на свои сорок лет, несомненно, питает естественную склонность к преувеличениям.

Первое из этих писем, датированное 11-м февраля, включает в себя длинную запись: «40 градусов, 9' Ю, всё еще на 110. На гориз. ничего не видно, но Боб всё ещё увер.»

Этот, казалось бы, безобидный кусочек информации показывает ряд странностей. По-видимому, всё указывает на то, что хотя письма домой отправлялись с февраля до середины мая, они были написаны не в Вальпараисо, а в то время, когда профессора были ещё в море! Зачем двум мужчинам нужно было записывать это, а затем ждать возможности отправить письма через равные промежутки времени, растянувшиеся на три с половиной месяца со дня их прибытия в Чили? Это выше моего понимания. Вполне понятно, что сокращение означает 40 градусов Южной широты. «110», может быть только долготой. Таким образом, из этой информации следует, что их судно шло почти прямо на юг от острова Пасхи. Но самая странная часть фразы та, в которой говорится: «ничего не видно на горизонте», поскольку это, по-видимому, подразумевает, что, возможно,

двое мужчин ожидали, что на горизонте может быть что-то. Это вопиющая бессмыслица, так как беглого взгляда на любую карту Тихого океана будет достаточно, чтобы показать даже случайному наблюдателю, что в этой части океана нет ничего на сотни миль в любом направлении, не говоря уже о юге! Интересно отметить, однако, что этот курс вёл их почти прямо к центру подводного горного хребта, известного как Кордильера острова Пасхи.

На полях следующего письма приписано: «повернули на восток, следуя инструкц. Кука». Еще раз сверившись с архивами научной библиотеки, я обнаружил, что капитан Джеймс Кук действительно прошёл этот же участок океана в 1773 году, возвращаясь в Англию. Что еще более интересно, так это то, что в следующем году капитан, очень опытный штурман, провёл довольно много времени, блуждая в районе между 40–50 градусами южной широты и 120–130 градусами восточной долготы. Конечно, Кук не мог находиться там в поисках чего-то, поскольку тогда эта область океана являлась такой же пустынной, как и сейчас.

Следующая разборчивая заметка гласит: «129 З, Боб обескуражен, поворачиваем назад, запад. течение». Это может означать только то, что

профессор Нолан действительно ожидал найти что-то в этом пустом районе океана и, как и следовало ожидать, не нашёл. Кроме того, обратная сторона письма содержит предостережение: «Координаты неправильны? Проверьте Сиднейский Бюллетень». В то время эта ссылка для меня звучала бессмысленно.

Оставалась только одна последняя запись, имеющая хоть какое-то значение, и я пришёл к выводу, что она является ключом ко всему этому запутанному делу. Она является одновременно самой ясной и самой загадочной из всех и состоит из трёх частей. Текст: «проверить ссыл. Лвкрфт», несколько загадочных символов, нарисованных рукой профессора Тёрнера, и одно слово под ними: «КТУЛХУ».

Упоминание о «Лвкрфт», совершенно озадачило меня, пока я случайно не упомянул об этом в разговоре с одним из студентов. Он сообщил мне, что сокращение «Лвкрфт», возможно, означает Г. Ф. Лавкрафта, писателя 20-30-х годов, который сочинял странные фантастические рассказы. Разыскивая указатель работ этого человека, я был одновременно удивлён и обрадован, встретив рассказ, содержащий упоминание странного слова «Ктулху», озаглавленный как «Зов Ктулху».

Достав книгу, содержащую указанный текст, я прочитал её с тем, что поначалу являлось жадным интересом. Мой интерес быстро угас. Я был разочарован! Я-то думал, что раскопал какое-то потенциально великое научное открытие, которое по какой-то неизвестной причине некоторые личности пытались скрыть, а на самом деле всё, что я делал, оказалось пустой тратой времени на детские фантазии двух взрослых учёных, которые, по-видимому, должны были лучше понимать, что занимаются ерундой!

И всё же…

Далее в рассказе Лавкрафта я нашёл ссылки не только на тот же самый «Сиднейский бюллетень», но и на некий мифический остров или береговую линию, которая якобы была найдена на «широте 47°, 9' и долготе 126°, 43'»! Эти совпадения оживили мой значительно угасший интерес, даже если это был просто юмор. Впоследствии я написал своему другу-газетчику в Мельбурн, который обещал найти для меня экземпляр Бюллетеня на указанную в рассказе дату (18 апреля 1925 года). Несколько недель спустя я получил от него письмо с извинениями, в котором он сообщил, что единственный известный, полный архив «Сиднейского Бюллетеня», погиб во время

пожара в Сиднейском университете в 1929 году. Я нашёл это особенно странным, так как рассказ Лавкрафта был написан в 1928 году.

Дополнительные поиски выявили ещё более тревожные факты. Должен добавить, что я продолжал заниматься этими утомительными исследованиями, поскольку до сих пор не смог найти никакой информации о местонахождении профессора Тёрнера или профессора Нолана, которые, по-видимому, исчезли из поля зрения после отъезда из Вальпараисо 21 мая 1967 года. Я был бы очень признателен за любую информацию о них. В качестве последнего средства я попытался связаться с единственным оставшимся в живых родственником одного из мужчин, но отец профессора Нолана в прошлом году оставил свою юридическую практику и переехал в Европу.

Недавняя беседа с чилийским консулом в Лос-Анджелесе привела к появлению побочного и любезного письма от некоего Карлоса Мальпело, начальника полиции Вальпараисо. Он пишет, что после упомянутой даты, 21 мая 67 года, нет никакой дополнительной информации о двух американских учёных, но есть две подходящие новости, которые, по его мнению, могут меня

заинтересовать. Во-первых, профессора проводили много времени в Университете Сантьяго, и в частности со старым другом профессора Тёрнера, известным чилийским лингвистом П. К. Фернандесом. Также отмечается, что этот Фернандес был очень доволен, получив от двух американцев подарок, состоящий из запечатанной коробки, содержащей необычную статуэтку очень отвратительного дизайна.

К сожалению, нет никакой возможности подтвердить это, потому что профессор Фернандес стал одной из многих жертв недавнего великого чилийского землетрясения. Несколько носильщиков-индейцев из его отряда, переживших катастрофу, были слишком потрясены, чтобы сообщить о смерти профессора и их товарищей. Этих людей обнаружили в горах в ночь после землетрясения, дрожащих и испуганных. Правительственная спасательная команда дала им пищу и одежду, а также разрешила вернуться к своим семьям, за исключением одного старика, который, несмотря на самые решительные попытки успокоить его, упорно твердил, что именно Фернандес несёт ответственность за это землетрясение. По словам этого патриарха, профессор проводил какой-то непонятный ритуал с горя-

щими травами и странным маленьким идолом, когда начались толчки. В этом месте показания старика превращаются в безумную бессмыслицу, как, например, когда он утверждает, что гора через долину от них встала на гигантские каменные ноги и наступила на профессора, убив большую часть группы вместе с ним. Беднягу поместили в общественный санаторий для бедных в Ранкагуа, но он, по-видимому, в прошлом году сбежал из этого известного учреждения.

Другая «интересная новость», которую любезный сеньор Мальпело переслал мне, оказалась краткой, но не менее важной. Это был клочок из маленькой газеты, издаваемой в Вальпараисо. В нём говорилось, что некий Хуан Мария-и-Гомес, по роду занятий корабельный мастер, пропал без вести, предположительно ночью в море 6 июня 1967 года во время шторма. На следующий день команда рыболовного судна наткнулась на обломки корабля сеньора Гомеса. Упоминается, что корабль, должно быть, прошёл через исключительно сильную часть шторма, потому что те части, что остались, повредило до неузнаваемости, даже вал одного из гребных винтов был совершенно искорёжен.

В последнее время по всему университету я

показываю загадочные символы, нарисованные профессором Тёрнером над словом Ктулху. Реакция людей очень своеобразна. Большинство профессоров, которые видят эти символы, воспринимают их как юмор и необычную студенческую шалость. Те немногие, кто не находит это забавным, демонстрируют странное дрожание рук, когда впервые видят слово «Ктулху», но очень быстро скрывают это и объявляют символы оскорбительной мистификацией. Они весьма настойчивы в своём мнении и не желают больше говорить об этом. Я очень озадачен, так как это, кажется, происходит почти всегда со старшими профессорами.

На первой из схем, что я успел скопировать тогда в библиотеке, показана общая территория южной части Тихого океана. Она изображает остров Пасхи, примерное повторение курсов Кука в путешествиях 1773-75 годов и ряд других обозначений и пометок, большинство из которых непонятны. Наиболее характерным из них является «X», примерно на 167 градусах восточной долготы и 77 градусах южной широты. Под этими координатами стоит подпись «Галлея, 86», это, несомненно, относится к следующему появлению знаменитой кометы Галлея, которая

должна будет вернуться в наше небо в 1986 году. Национальная географическая карта этой области показывает, что вышеуказанные координаты пересекаются на Эребусе или очень близко к нему. Это действующий вулкан высотой 15000 футов у пролива Мак-Мёрдо в Антарктиде. Какое отношение это имеет к будущему появлению кометы Галлея, однозначно известно только профессорам Тёрнеру и Нолану.

Вторая схема — это просто грубая карта мира с двумя линиями, нарисованными на ней. Несмотря на смехотворную простоту, я был весьма заинтригован, так как две линии шли таким образом: одна по прямой линии от этого «Х», (Эребус?) до острова Пасхи. Другая линия проходит от Пасхи, через центр её соседа Сала-и-Гомеса, до некоего места в Андах на севере Чили. Это, опять-таки по случайному совпадению, та самая область, которую исследовал профессор Фернандес, когда его убило землетрясение. Прямая, как стрела, линия продолжается вперёд с тремя другими «Х», отмеченными вдоль неё. Один крестик находится где-то в джунглях Матто Гроссо (памятка: написать в Бразильскую земельную инспекцию), другой — в Бразильском Бассейне, самой глубокой части Атлантического океана, и,

наконец, третий крестик нарисован недалеко от Аддис-Абебы, в Эфиопии.

Последний листок оказался не запиской и не диаграммой, а скорее эскизом-рисунком того, что казалось какой-то огромной пирамидальной структурой нелепой формы, с сопроводительными словами Тёрнера. Это был единственный предмет, который мне удалось вынести из библиотеки в целости и сохранности. Я сожалею, что вскоре после этого один богатый профессор, у которого я консультировался, предложил мне за этот листок смешную сумму денег, и, не задавая вопросов, я продал его. Затем этот профессор куда-то переехал.

Эскиз завершает то, что я счёл чрезвычайно странным набором фактов, и до тех пор, пока Тёрнер и Нолан не вернутся (откуда-либо), я боюсь, что большей части этого материала придётся оставаться такой же загадочной, как и раньше. Я надеюсь, что вы найдёте мой отчёт хоть немного интересным. Кроме того, я пришёл к выводу, что разумней хранить информацию в неизвестных никому руках. В последнее время у меня появилось ощущение, что за мной следят, особенно по ночам. Я также был вынужден переехать из своей бывшей квартиры после того, как начал испы-

тывать ночные кошмары, уникальные в своем призматическом ужасе. Доктор в университете заверил меня, что это естественные результаты переутомления от учёбы. Может быть, и так, но однажды утром после особенно кошмарного сна я обнаружил на оконном стекле борозды, словно процарапанные двумя лапами с шестью когтями на каждой. Это заставило меня насторожиться. Одно я знаю точно: мои сны не были результатом переутомления от занятий в университете.

Это всё, что я могу сказать о своей работе с «зелёным ящиком», и странными документами, хранившимися в нём. Я вполне счастлив в своем новом жилище, и меня больше не беспокоят кошмары. Кроме того, меня выбрали для участия в университетской экспедиции в южные моря! Моим партнером и компаньоном будет блестящий и эксцентричный кинематографист по имени Пикман. Остался только один факт, который меня беспокоит. У моего нового домовладельца очень необычные, жёлтые глаза.

Перевод: А. Черепанов

Джон Р. Фульц

Так вот и кончится мир

John
R. Fultz «This Is How the World Ends"[248], 2010

Всегда говорили, что мир закончится огнём. Атомные грибы, ядерный холокост, ад разверзнется и изрыгнёт пламя на мир греха, беззакония и алчности. Мир превратится в пепел и Христос спустится с облаков, чтобы вознести верующих на небеса.

Раньше я верил в это. Мой папа отец проповедовал мне Библию и его любимой частью было Откровение Иоанна Богослова. Он верил в Божий гнев и страшился адского пламени.

Но мир не выжгло праведным огнём. Не было никакого великого пожарища.

Мир не сгорел.

Он утонул.

В одном Библия оказалась права: моря действительно сделались кровью[249].

---

[248] Примечания: 248

Цитата из стихотворения американо-британского поэта Т. С. Элиота «Полые люди».

[249] Примечания: 249

Второй Ангел вострубил, и как бы большая гора, пылающая огнём, низверглась в море; и третья часть моря сделалась кровью.

Прибрежные города сгинули первыми. Два года назад первая из Больших Волн нанесла удар. Дикторы называли их «мегацунами». Лос-Анджелес, Сан-Диего, Сиэтл, Сан-Франциско — столько песчаных замков сровняло с землёй и затопило. Водные могилы для миллионов. Нью-Йорк, Майами, даже Чикаго, когда Великие озёра вырвались из своих впадин взбесившимися великанами. Один-единственный день и всех крупнейших городов нет.

После цунами пришёл *настоящий* ужас. Волны вынесли на сушу ужасных тварей, тварей, которых ещё не видел свет. Клыкастых, кусачих, *голодных* тварей. Они питались трупами утонувших, откладывая яйца в обглоданные тела. От миллиардов их моря покраснели вдоль новых берегов. Выжившие из Фриско бежали вглубь страны, разнося истории о чём-то *похуже* тех ужасающих Кусак. Чём-то колоссальном, что кое-кто называл самим Дьяволом. Оно угнездилось на рухнувших небоскрёбах, правя царством кровавых вод.

Я слышал такие рассказы от беженцев с запада и востока. Они бежали внутрь страны, подальше от смрада морской воды и крови, и плавающих островов раздувшихся тел.

Военные пытались сопротивляться, но тварей, захвативших побережье, оказалось слишком много. Тогда и началась чума. Она проплывала по стране громадными чёрными тучами, словно песчаные бури во время Великой Депрессии. Те, кто вдыхал эту дрянь, не умирали, они *менялись*. Они отращивали клыки и жабры, и извивались, как змеи, плюясь ядом. Пожирая друг друга. Вскоре солдат больше не осталось.

Я слышал, что на Манхэттен пытались сбросить атомную бомбу, когда из океана выползло что-то, величиной с Луну. Ракеты не вылетели. Что-то закоротило всю технику, каждый компьютер на континенте, возможно и на планете, каждый элемент электронного оборудования, всё погибло. Самолёты ВВС рушились с небес мёртвыми птицами. Кто-то назвал это электромагнитным импульсом. Словно изменились законы вселенной. В мгновение ока появился современный мир.

Теперь не осталось ничего, лишь бежать. Прятаться.

Орды Кусак бродили по равнинам, холмам, долинам и горам. Тех бедняг, что не попали под накатывающиеся тучи, в конце концов истребляли Кусаки или червеподобные твари, которые

повсюду их сопровождали. Громадные пилозубые ублюдки, вроде пиявок, размером с грузовой фургон. Я видел, как одна из Кусачьих стай разоряла Бейкерсфилд, видел, как школьный автобус, полный беженцев, целиком канул в пасть одного из тех червей. И всё ещё иногда вижу в кошмарах — лица тех детей, звуки их криков.

Виски помогает, когда удаётся его раздобыть.

Около пятидесяти из нас, с ферм в долине Сан-Хоакин[250], объединились, нагрузились оружием, боеприпасами и консервами из бомбоубежища Ллойда Тэлберта, и направились на восток колонной старых пикапов и списанных армейских джипов. Мы догадались, что Кусакам обычно предшествовали чёрные тучи, так что мы оставались на шаг впереди. Мы попытались забрать из Бейкерсфилда нескольких родственников, а иначе объехали бы его стороной. Оттуда еле удалось вырваться и в процессе мы потеряли двенадцать славных парней. Никого не удалось спасти.

Прямо в Калифорнии дождило два месяца, без перерыва, с самих Больших Волн. Когда мы забрались дальше вглубь страны, то там дождей было

---

[250] Примечания: 250
Сан-Хоакин — долина, часть Калифорнийской долины.

поменьше. Стало понятно, что Кусакам нравится влажность, сухость они ненавидели, поэтому мы двинулись в Неваду. Мы думали, что найдём в Лас-Вегасе единомышленников.

Это оказалось ошибкой.

Город Грехов вдребезги разнесло что-то ужасающее, что вылезло из могильника «Юкка Маунтин»[251], где складывали все те ядерные отходы. Мы не могли сказать, что именно это было, но видели, как оно скользило по холмам из щебня, раскапывая трупы, как свинья, вынюхивающая трюфели. Некоторое время мы следили за ним с высокого гребня, пока оно не поднялось и не завыло на луну. Его голова превосходила размером стадион и она раскрывалась пурпурной орхидеей, усеянной окровавленными клыками. То, что росло на большей части бесформенного тела твари, я могу назвать лишь щупальцами. Выглядело, как что-то из второсортного фильма ужасов, снятого в аду. Это был Зверь, Съевший Лас-Вегас.

Потом оно изрыгнуло одну из тех чёрных туч и обрушилось назад, в море обломков, что раньше были городом сверкающих грёз. Эта туча не

[251] Примечания: 251

Юкка Маунтин — полигон для глубокого захоронения радиоактивных отходов.

походила на другие. Там были твари, летающие твари, возможно, миниатюрные версии вегасского пожирателя. Мы подумали, что наши машины смогут обогнать тучу, поэтому повернули на запад, пока эти Летуны не бросились на нас.

Я ехал в джипе, который вёл Адам Ортега, человек, знакомый мне ещё по Ираку. Мы — два волка-одиночки, которые прошли вместе через уйму дерьма и как-то выплыли живыми. Один из тех Летунов появился из тьмы и приземлился ему на лицо. Он смердел, как рыбьи потроха. Адам завопил и тварь обратила свою орхидейную морду на меня. Розоватые язычки трепетали между рядов клыков и я вскинул дробовик как раз вовремя, чтобы отправить эту тварь ко всем чертям. Мой выстрел напрочь снёс Ортеге голову. Видит Бог, я не хотел этого делать. Я перетрусил.

Джип свернул с дороги, врезался в ограждение и вышвырнул меня прочь. Я вырубился, а когда очнулся, то вся колонна пылала, каждый человек скрылся под мельтешением чернокрылых монстров. Но они забыли обо мне, по крайней мере, на несколько минут.

Это были хорошие люди, все они, но сейчас им было никак не помочь. Некоторые прихватили с собой и семьи. Я слышал крики женщин. И детей.

Что до меня, я всегда был один, с самого моего развода. Жизнь на ферме была жизнью одиночки, но это и хорошо. Мой папаша преставился три года назад. Теперь, когда я думаю об этом, то рад, что он ушёл до того, как случилось всё это. И у меня никогда не было собственных детей, которые могли бы увидеть, как обрушилось всё это гнусное дерьмо. Но у некоторых моих друзей были любимые, которых те не собирались бросать, поэтому они тоже оказались тут, в самом центре этой хреноверти, вместе с остальными. Я укрылся в канаве и наблюдал, как несколько отставших попытались сбежать, но Летуны вороньей стаей снялись с трупов и метнулись вслед за ними.

У меня всё ещё оставался «Пустынный Орёл», 45-го калибра и я понимал, что скорее всего погибну. Я мог убежать и, может, прожить немного подольше. Но одна из женщин, старающихся скрыться от тех тварей, была беременна. Так что я начал отстреливать преследующих её Летунов, одного за другим. Вслед за ней бежал мужчина и твари повалили его. Он выкрикнул её имя и я понял, кто она.

— Эвелин!

Это был Джонни Колтон и его жена. Они разошлись уже больше года назад.

Кровь Джонни хлынула струёй, когда проклятые твари вырвали его сердце, затем принялись за лицо.

Я кинулся к Эвелин, подстрелив ещё двух Летунов в воздухе. Я довольно хорошо стреляю. Много практиковался на Ближнем Востоке. И все эти годы поддерживал навыки на стрельбище.

Один из них приземлился Эвелин на спину и она упала в двадцати футах от меня. Я побоялся стрелять в Летуна, поэтому бросился на него с охотничьим засапожным ножом. Располовинил тварь начисто, но её кровь оказалась, словно кислота, выплеснулась мне на левую щёку, обжигая, как дьявольская моча. Теперь от этого останется ещё один долбаный шрам.

Я помог Эвелин подняться на ноги и мы побежали вместе. Она звала Джонни, но я не позволял ей оглянуться. Чёрная туча наступала нам на пятки, затмевая звёзды и луну. Я чуял переваливший через пустыню смрад океана, вонь мёртвой и гниющей морской жизни.

Я выхватил из перевёрнутого джипа сумку с пожитками и мы направились в пустыню. Летуны должны забыть о нас немного погодя. У них и так было весьма крупное пиршество позади, на шоссе.

Когда взошло солнце, красное и раздутое в лиловых небесах — оно ещё с Больших Волн никогда не выглядело правильно, мы вошли в Перамп[252]. Крошечный город опустел, а на улицах валялись трупы. Мы видели, что они были порядком обглоданы, возможно, Летунами, или чем-то ещё, таким же скверным. Там не оказалось ни одной живой души. Но мы обнаружили неплохие запасы консервов и воды в бутылках, оружейный магазин с боеприпасами и несколькими ружьями, и ещё всякую всячину.

Именно Эвелин рассказала мне о старом серебряном руднике на краю города. Прежде, чем выйти за Джонни, она была невадской девчонкой.

— Может, мы спрячемся там, в туннелях, — говорила она. — Может, они не полезут в подземелья. Те шахты довольно глубокие. Там мы будем в безопасности, Джо.

Я не верил в это, но увидел её большие голубые глаза, полные хрустальных слёз по её мёртвому мужу, по её мёртвым родственникам в Сан-Хоакине, по всему этому проклятому миру, что пошёл прахом.

---

[252] Примечания: 252
Перамп — городок в США, в штате Невада.

— О да, — солгал я ей. — Там мы будем в безопасности. Хорошая мысль.

Мы загрузили ручные тачки провизией, водой, оружием, одеялами и я забрал из оружейного магазина старое коротковолновое радио. Я не жду, что оно заработает, но это было хоть что-то. Что-то, скрепляющее наши надежды. Когда мир заканчивается, то берёшь всё, что можешь.

Эвелин была уже на пятом месяце, когда мы перебрались в шахту. Нам было не так уж *удобно* там, в холодном чреве земли, но она располагалась так близко, что мы смогли добраться. Даже одеяло на твёрдых камнях поднимает настроение, если ты полумёртв от истощения и тревоги. Эвелин заботилась о ране на моём лице, и я говорил ей обнадёживающую ложь, чтобы успокоить. Я говорил, что всё это пройдёт и через несколько месяцев вернётся нормальный ход вещей. Я не верил ни единому слову из этого. Может, она верила или, по крайней мере, хотела поверить.

Я начал возиться с радио, подключив его к переносному аккумулятору и вслушиваясь в статику. Я проверял каждую частоту, каждый день многие недели, но там не было ничего. Вообще ничего. Я представлял всех радиолюбителей там, снаружи, лежащих мёртвыми в своих подвалах

или их кости в утробах безымянных тварей; их радиопередатчики, разбитые вдребезги или покрывающиеся пылью в заброшенных сараях.

Медленно проползали месяцы. Эвелин оказалась права. В подземелье мы были в безопасности. Её живот всё рос и она перестала так много двигаться. Я начал внутренне готовиться принимать роды — к тому, чем прежде никогда не занимался. Но я повидал так много крови и страданий, сначала на войне, а теперь при конце света, что понимал — это уже не имеет значения. Разве так уж трудно будет вытащить этого сосунка из мамочкиного живота? *Она* сама проделает большую часть работы.

— Я назову его Джонни, — сказала она. — В честь его отца.

Я улыбнулся, словно это было важно. У ребёнка нет будущего в мире, вроде этого. Я вычистил свой 45-й калибр и задумал освободить нас обоих от страданий. Зачем жить дальше? Какой в этом смысл? Лучше будет нам обоим умереть. Я зарядил барабан револьвера и заткнул оружие за пряжку ремня. Я пришёл посидеть рядом с Эвелин, на самодельной кровати, которую мы оба делили. Я никогда не касался её сексуально, но мы просто брались за руки посреди ночи. Это

приносило некоторое успокоение, больше ей, чем мне, убеждал я сам себя.

Сегодня ребёнок пинался и она восхищалась этим. Я убавил огонь в нашем светильнике и велел ей немного поспать. Попозже я выберусь наружу и добуду на ужин зайца, сказал я ей. Я всегда это говорил, но никогда не находил снаружи живой дичи, за все три месяца, что мы здесь обитали. Но всё же, временами, я пробирался между скользящими чёрными тучами и рылся в мусоре или искал признаки жизни. Я знал, что дурачу сам себя и устал от этого.

Скоро Эвелин заснёт и я безболезненно закончу её жизнь, один чистый выстрел ей в череп и второй, чтобы прикончить нерождённое дитя.

Затем последний патрон сквозь нёбо, прямиком мне в котелок.

Все страдания для нас закончатся. Ребёнок никогда не узнает мир ползучих Кусак и голодных Летунов. Это будет правильным поступком, уверял я сам себя, подкрепляя своё решение.

Но Эвелин остановила меня, даже не зная о моём плане.

Она взглянула на меня своими большими голубыми глазами, из-под потемневших тяжёлых век и немного приподняла голову.

Она поцеловала меня, чёрт бы её побрал.

Она поцеловала меня, словно любила, и я взял её за руку. Мы немного полежали так, затем провалились в сон. После этого я понял, что никогда не смогу её убить. Даже, чтобы спасти от мучений жизни в этом умирающем мире.

Через две недели у неё начались схватки. У меня имелись полотенца, прокипячённая вода и даже немного болеутоляющих, которые я раздобыл в сгоревшей аптеке в Перампе. Она закричала и я увидел, что ребёнок полез из её живота наружу.

Она кричала, а я понукал её: вдох, вдох, вдох. Она тужилась и кричала. Из неё вывалился сгусток крови и плаценты, и я понял — что-то идёт не так. Её крики взлетели до пронзительной высоты и она взывала к Иисусу, к своим маме и папе, к бедняге Джонни.

Я отступил, когда её утроба треснула спелой дыней и, словно засохший сучок, высунулся кривой коготь. Она извивалась змеёй и её вой отдавался белым шумом у меня в ушах, пока тварь внутри неё *продирала* себе выход. Оно соскользнуло по её распахнутому настежь чреву и Эвелин отключилась. Я не мог пошевелиться. Я таращился на дитя Джонни Колтона, моя челюсть отвисла, сердце

бешено колотилось в груди. Пещеру заполнил смрад глубокого океана, перекрыв душок человеческой крови и последа.

У твари была луковицеобразная голова, изумрудная и покрытая кровавой слизью. Два глаза без век пучились чёрными камнями, но ничего другого на этой морде не было. Под глазами корчилось множество трепещущих усиков, безголовые подобия змей, источающие сукровицу и слизь. Оно выползало из тела Эвелин и я понял, что она умерла. Никто не смог бы потерять столько крови и остаться в живых. Эвелин стала просто полой оболочкой. Её закатившиеся глаза смотрели в неровный потолок тоннеля. Вспоминая это, я думаю, это даже к лучшему, что она не выжила и не увидела взросшую внутри неё тварь.

Оно спрыгнуло с трупа Эвелин, разбрызгивая тёмную флегму со своих когтистых рук и ног. Ещё два придатка росли из маленькой сгорбленной спины и, когда они раскрылись, я услышал треск, как от растягивающейся кожи. Это походило на крылья большой летучей мыши, хотя чересчур маленькие, чтобы нести эту тварь, с её дынеобразной головой и раздутым брюхом. По-моему, оно весило, по крайней мере, фунтов двадцать пять-тридцать.

Бесконечный миг тварь смотрела на меня, а затем отвернулась, чтобы дёргающимися лицевыми щупальцами обследовать тело своей умершей матери. Я услышал ужасный сосущий звук, пока оно лакало кровь Эвелин, словно материнское молоко, а потом треск костей, когда его усики оплели и *выжали* её тело в кашу. Тварь выглядела уже немного побольше.

Звук ломающихся костей Эвелин разорвал мой транс и я метнулся к обрезу, который хранил рядом с одеялами. Тварь снова повернулась ко мне, как будто знала, что я собирался поставить на ней крест. Большие чёрные глаза сузились во впадинах и остатки его же собственного последа вытекли из незаметного осьминожьего рта. Оно уставилось на мою двухстволку и, клянусь, *заговорило*.

Хотя оно шипело на меня лишь мгновение, это единственное слово, которое я никогда не слышал прежде, почему-то прозвучало знакомо. Может быть, я слыхал его в кошмарах.

Ктулху, прошептало оно, прежде, чем я снёс ему башку.

Теперь я слышу это слово уже многие месяцы. Каждый раз, когда закрываю глаза.

Иногда мне снится Нью-Йорк или Лос-Ан-

джелес, или даже Лондон. Я вижу громадные памятники мира, который был прежде, башни, что когда-то бросали вызов небесам. Я вижу их покосившимися, полуразрушенными и рухнувшими в море, и полчища холоднокровных земноводных тварей кишат на них, словно опарыши на разлагающемся трупе.

Я вижу и ребёнка Эвелин Колтон или что-то, похожее на него. Оно высится над разрушенными городами, грозовой тучей раскинув крылья, распевая дикую песнь торжества и уничтожения. Оно сидит на корточках, будто колоссальная обезьяна, на острове Эмпайр Стейт Билдинг, словно он не больше бревна, упавшего в какое-то болото, размером с весь мир.

Я вижу его *детей*, расселившихся по всему земному шару, заполняющих низины солоноватой морской водой, превращающих высоты в пустоши. Бурные моря извергают мириады мириад чудовищ, выкрикивающих его имя под кровавой луной.

Ктулху.

Сонмы Колтоновских детей слетают вниз с холодных звёзд, массами жужжащих мух роятся вокруг своего бога.

Вот именно, теперь я понял, это — их бог.

Это — бог нового мира.

Прошёл уже год, так как я похоронил Эвелин. Её могила лежит в одном из самых западных тоннелей шахты, отмеченная крестом, который я забрал из остатков старой церкви.

Каждый день я слушаю нескончаемую статику по радио. В разрушенном городе я нашёл небольшой генератор и накачал бензина с заброшенной бензоколонки, чтобы его запустить. Статика заполняет мои уши, а иногда даже заглушает отзвуки стонов Эвелин, когда та тварь вырывалась из неё наружу. Иногда я передаю сообщения, не выдавая, где нахожусь, но надеясь, что кто-нибудь — хоть кто — ответит. Я чувствую себя вроде тех учёных из SETI[253], которые раньше отправляли радиосообщения в космос, во тьму бесконечности, на тот случай, если кто-то там прислушивается.

Но тут лишь статика.

Там, наверху, теперь всё время льёт дождь. Я больше не могу выходить наверх, потому что в дождевых облаках движутся странные твари, а в лужах плодятся маленькие кошмары.

Мир до сих пор тонет.

---

[253] Примечания: 253

Проект SETI — общее название проектов и мероприятий по поиску внеземных цивилизаций и возможному вступлению с ними в контакт.

Вонь океанского рассола накатывается в шахтные тоннели.

Я настраиваю регуляторы радио, высылаю ещё несколько сообщений SOS.

45-й калибр лежит передо мной на одеяле. Я смотрю на него — сверкающую серебряную перспективу.

На сей раз Эвелин не остановит меня. Один быстрый, чистый выстрел и больше я не почувствую океанской вони, больше не увижу снов, не услышу статики. Ненарушаемой, чистой статики.

Вода в бутылках заканчивается. Я не могу напиться дождём, но понимаю, что мне придётся, рано или поздно. Я не хочу задумываться, что это со мной сделает. Но жажда — демон, от которого ни один человек не может долго убегать. Я сижу, уставившись на оружие, слушая статику по радио, принимая решение.

Я поднимаю 45-й и засовываю ствол себе в рот. Он горький и холодный на вкус. Статика заполняет мои уши. Я держу большой палец так, чтобы он опирался на спусковой крючок. Я безмолвно читаю молитву и вспоминаю папино лицо.

Что-то прерывает статику.

Мгновенный сбой в стене белого шума. Я мор-

гаю, мои губы охвывают ствол револьвера. Я вытаскиваю его изо рта и колдую над верньерами. Снова оно! Секундный разрыв в статике, голос!

Я прибавляю звук, несколько мгновений выжидаю, затем беру микрофон, бросаю пистолет.

— Привет! — говорю я, хриплым голосом, словно в горле песок. — Привет! Там кто-нибудь есть?

Белый шум статики, потом пауза, после чего одно-единственное слово, ясно прозвучавшее из пыльного динамика, жирное, как ил.

Ктулху.

Я роняю микрофон. Что-то скручивает мои потроха и я отступаю от радио, словно оно — ещё одно чудище, вырывающееся из чрева Эвелин Колтон.

Оно вновь отвечает мне — голос, медленно сочащийся из холодных океанских глубин.

Ктулху.

Это слово вонзается в меня, словно плавно рассекающий нож, кусок холодного металла между глаз не мог быть действеннее. Боль вбивает понимание. Я склоняюсь, моя рука застыла между посеребрённым пистолетом и радиомикрофоном. Я беру микрофон, не оружие и подношу его к губам.

Я смотрю во тьму за пещерой и выдыхаю свой ответ.

— Ктулху.

Я роняю микрофон на пол и пинком переворачиваю маленький столик, где стоит радио. Оно разбивается о камень, опрокидывая светильник. Пылающее масло поджигает одеяла и пещера наполняется отвратительным дымом. Я поворачиваюсь к нему спиной и иду на запах солёного дождя, моё горло пересохло, словно кость.

Когда я в последний раз выхожу из серебряного рудника, ярится буря, крылатые твари парят между облаков, и слышен хор визга и завываний, подпевающий стенающему грому. Меня иссушает жажда.

Я открываю рот к чёрным небесам и пью маслянистый дождь. Он нектаром течёт по горлу, заливая убийственную жажду самым удовлетворительным образом. Он холодом и утешением ложится в моём животе и я всё упиваюсь и упиваюсь им.

«Мне никогда больше не захочется пить», — осознаю я.

Это не конец света.

Это его начало.

Моё тело трепещет от потаённого обещания.

Я знаю, что мне уготовано место в этом новом мире.

Гигантские твари с крыльями из прозрачных теней опускаются вокруг меня на землю, гроздьями стеклянистых глаз наблюдая, как я съёживаюсь, трясусь, изменяюсь.

Я поднимаю к буре свою распустившуюся морду и скрежещу свою радость миру в лицо.

Его миру.

Ктуууууулхууууу

Расправив чёрные крылья, я взмываю в небеса.

Перевод: BertranD

Марта Хаббард
Добрый епископ платит цену

Martha Hubbard «The Good Bishop Pays the Price», 2011

От автора: *Середина V века оказалась временем мощных и далеко идущих преобразований. Христианство «победило», в битве с язычеством. Римская империя на Западе лежала в руинах, а на Востоке её сменила блистательная метропо-*

лия — Константинополь. Вдали от столичных интриг, на восточном берегу Эвксинского моря, епископ Проб и его писарь Тимос исследуют, что значит быть человеком, быть другом и жить жизнью, пронизанной верой… пусть и не санкционированной властями.

Епископ Селестии[254] стоял на верхней площадке своей резиденции и наблюдал за движением громоздких повозок: слоноподобных колёсных гигантов, со скрипом спускающихся в гавань и занимающих места у императорских трирем, ожидающих погрузки.

— Тимос, это последняя. Сколько их всего?

— Тридцать три, мой господин.

— Только-то! Думаешь, этого достаточно?

Тимос поднял брови в том извечном жесте отрицания, которым с рождения владеют все бюрократы. Будучи всего лишь писарем, да ещё и рабом, что он может знать о работе императорского двора? Его хозяином являлся епископ, духовный лидер паствы, обретающейся вблизи храма Святых Мучеников на восточном бере-

[254] Примечания: 254

Город Селестия ныне не существует… если, конечно, он вообще когда-либо существовал. Географические описания соответствуют восточному побережью Чёрного моря, территориально занимаемому Грузией. (Примеч. автора)

гу Эвксинского моря. В обязанности епископа входило «знать», что требуется, чтобы убедить двор Феодосия в том, что притязания на спорную реликвию справедливы, честны и неоспоримо правильны. что треклятую вещицу следует вернуть на прежнее место упокоения в церкви Святителя Николая Чудотворца.

Епископ Проб потёр свой великолепный нос. Затем, поскольку стояла удушающая июльская жара, он приподнял широкополую шляпу и задумчиво почесал потную голову с седеющей копной волос, напоминающей птичье гнездо. Иногда ему казалось, что одна из самых трудных сторон епископского бытия — носить под митрой эту зудящую массу.

— Напомни мне ещё раз. Что мы отправляем?

— Всё?

— Нет, только самое важное.

С протяжным вздохом всех мучеников-писарей Тимос взял в руки первый из ста свитков и призадумался, с чего начать. Ему хотелось, чтобы епископ прочёл их сам, но тот не умел читать. Хотя в юности Проб так и не смог овладеть ни одним языком, кроме родного армянского, его отец, прославленный полководец Марк Проб, усердно используя семейные связи, сумел добиться для

своего единственного сына этой синекуры на востоке Анатолии.

— По шесть тюков красного и лазурного фригийского шёлка; сто отрезов пурпурной шерстяной ткани для зимних плащей; десять шитых золотом и серебром алтарных полотен, ради которых пять святых сестёр из монастыря Святой Евлалии потеряли зрение; три шкатулки с шафраном, собранным крошечными пальчиками местных детей младше трёх лет; двадцать обработанных и пригодных для письма шкурок невыношенных весенних ягнят; четыре шкатулки, наполненные горошинами чёрного перца; две шкатулки с корицей; две шкатулки с цельными сушёными лепестками гвоздики и одна — с молотыми; две бочки с копчёной осетровой икрой и три — с солёными карпами…

Пока Тимос перечислял сокровища, приготовленные для того, чтобы побудить императора отдать приказ о незамедлительном возвращении украденной реликвии, Проб погрузился в мечты. Он представлял себе, как изумится настоятель, когда кесарева гвардия, специально прибывшая из Константинополя для этой цели, сопроводит епископа и его паству вверх по склону горы в тот проклятый монастырь. Разбойничье логово не

защитит вороватого настоятеля и подлую шайку. То, что объявит цезарь, будет исполнено.

Это не какая-то там пустяковая реликвия: не предполагаемое перо из крыльев архангела Гавриила — таких в округе отыщется сотня, — не один из углей, на которых Валериан зажарил бедного Лаврентия (храни Господь его душу), не склянка с пылью, взбитой при убийстве змея Георгием Каппадокийским. О нет, это подлинный кошель святителя Николая Мирликийского. Сей кошель, наполненный золотыми монетами, в своё время послужил приданым девушке из бедной семьи. Он *принадлежал* церкви, недавно переименованной в честь святителя. И пусть чёрт заберёт монахов за то, что решились унести одно из самых священных сокровищ епископства без всякого «с-вашего- позволения»… как если бы он, Проб, дал согласие на такое.

Епископ дрейфовал на перине заоблачных грёз. Минувшие недели выдались суматошными и затратными, когда он заказывал и собирал всю эту роскошь для императора. даже если большую часть работы выполнял Тимос. Когда Проб пробудился полчаса спустя, писарь как раз подходил к концу оглашения девяносто девятого свитка, а корабли, направляющиеся в Священный Город

Императоров, превратились в крошечные пятнышки на горизонте.

— Ты закончил? Мне только что приснился такой чудесный сон.

— А вы?.. Прежде чем ответите, может быть, мне стоит достать немного золотистого вина, привезённого на прошлой неделе…

— К вину хорошо подойдут оливки. Как ты добр ко мне.

Большую часть времени, вдали от потрясений и интриг Нового Рима, жизнь в Селестии, византийском портовом городе середины V века от рождения Иисуса Христа, была спокойной и упорядоченной. Епископ Проб занял нишу, которая как нельзя лучше соответствовала его талантам и способностям. Не обладая ни сильными политическими, ни страстными религиозными убеждениями, он с искренней добродушной терпимостью относился к бурлящему многообразию культур и народов, считающих Селестию своим домом, чем снискал абсолютную симпатию и поддержку прихожан.

В этом ему помог Тимос, писарь, друг и… э-э-э… раб. Много лет назад отец Проба, прославленный полководец, понимая ограниченность возможностей сына, закабалил, призвав на военную

службу, болгарского деревенского мальчишку — фактически схватил его за шиворот — и привёз в Константинополь, чтобы тот стал компаньоном, охранником и помощником неусидчивому отпрыску. Тимос, который к своему же благу оказался слишком умным, с пользой посещал все занятия, на которых Проб спал и видел такие приятные сны.

Однако, по словам остроумцев, перемены постучались в дверь. После нескольких лет регентства своей старшей сестры Пульхерии император Феодосий, теперь в полном величии, утвердил:

«…полное и надлежащее собрание законов, обнародованных со дня провозглашения христианства единственной истинной религией благословенным императором Константином…»

Тимос, желавший уже не в первый и не в тысячный раз — от тяжеловесного слога у него ныли зубы, — чтобы епископ читал самостоятельно, был прерван.

— Чёрт! Зачем ему это понадобилось? — Проб, разочарованный тем, что полученная депеша не содержит ни малейшего подтверждения его притязаний на похищенную реликвию, выразил личное раздражение императорами, повелителями и бюрократией в целом.

— Что предосудительного в стремлении навести порядок в змеином гнезде правил и предписаний, вываливаемых на империю каждым полоумным императором со времён Диоклетиана?

— Осторожно с теми, кого называешь «полоумными», — один из них приходится мне тёзкой.

— Я остаюсь при своём мнении. Но что плохого в том, чтобы попытаться упорядочить хаос?

— Возражаю я не против порядка как такового; именно его навязывание впоследствии вызовет проблемы.

— Какие проблемы?

— Подожди и увидишь. Добром это не кончится.

— Что случилось? Обычно вы не столь пессимистичны.

— Прошлой ночью мне снился дурной сон.

— О…

Сны Проба служили такими же хорошими предвозвестниками знаменательных событий, как орлиный помёт или появление двухголовых мышей на рыночной площади.

— Мне приснилось, что император прислал нам указ, подтверждающий право на кошель святителя Николая. Когда я поднимался в гору к

монастырю, то услышал шум, похожий на удары волн, разбивающихся о дамбу. Огромные розовато-охристые валуны катились вниз, грохоча, подпрыгивая и треща. Я поспешил убраться с их пути и спрятался в пещере…

— …которая появилась очень кстати.

— Не шути! Это серьёзно. Когда всё закончилось, четверть нашего города оказалась погребена под упавшими камнями.

— Звучит зловеще. Было ли во сне ещё что-нибудь?

— Нет. В тот момент я проснулся.

— В депеше больше ничего нет. Император желает, чтобы вы в ближайшее воскресенье объявили с кафедры о вступлении в силу нового Кодекса. Звучит не так уж и плохо.

— Не рассчитывай на это. Малюсенькая песчинка способна породить великое бедствие.

Как и предсказывал епископ, неприятности не заставили себя долго ждать. Спустя месяц небольшой отряд при полном параде промаршировал через Порта Гесперия и поднялся по Страда Мемориам, чтобы вручить приказ, подписанный старшей сестрой императора:

«С радостью принимая великолепный труд, созданный нашим возлюбленным братом, импе-

ратором Феодосием II, и из великой и неизменной любви к басилевсу, мы, достопочтенная Пульхерия, Невеста Господа нашего Иисуса Христа…»

— Дорогие святые и цыплята, она ведёт дела хуже, чем собственный брат. Пропусти преамбулу и переходи к сути… если таковая имеется.

— Дайте-ка погляжу, смогу ли я её найти. Ах… вот: *«Приказываю отыскать и предать очистительному огню все языческие, еретические и прочие нечестивые писания, которые до сих пор оскверняют умы и сердца наших невинных подданных…»*

— Я же говорил тебе. Нам предстоит организовать сожжение книг. Как скоро Пульхерия обратит свой ущербный ум на то, чтобы предавать людей «очистительному огню»?

Руководствуясь определениями, содержащимися в новом своде законов, *«суть»*, задачи была ясна. Любой свиток, папирус или клочок письма, не санкционированный Кодексом, подлежал изъятию и сожжению. Другое дело, *«как»*, это устроить.

Город Селестия с населением в восемь тысяч душ — плюс-минус несколько рабов — раскинулся на склоне горы каскадом огромных блюд, окрашенных в цвета розы, охры и сиены, на-

мертво прилепленных к осыпающемуся склону, поросшему низким кустарником, соснами и оливковыми деревьями, беспорядочно сбегающими к изгибу гавани. Дома, построенные из *туфа*, зачастую переходили в пещерные помещения, выдолбленные в горной породе. Улицы были чуть ли не вертикальными, что больше подходило для ослов, чем для вооружённых до зубов солдат. В нескольких местах располагались *форумы* — ровные площадки для важных собраний.

По крайней мере, — размышлял Тимос, — *нам не придётся тащить конфискованные писания в гавань для сожжения. Мы можем утилизировать их на месте. Прочёсывать каждый район в поисках запрещённых текстов и вырывать их из рук протестующих владельцев — презренная работа. На этот проклятый проект уйдут многие дни.*

Бормоча что-то под нос и перешагивая через брошенный на пол приказ Пульхерии, словно через мёртвую гадюку, он, не спросив разрешения, вышел из покоев епископа.

Глядя на удаляющегося писаря, Проб подумал: *Ненавижу быть правым. Это истинный кошмар.*

В воскресенье Тимос зачитал с кафедры требование Пульхерии. По всему городу были расклеены уведомления с указанием времени

и мест добровольной сдачи запрещённых материалов. В понедельник Тимос, сопровождаемый солдатами, прибыл в первое такое место — Плака Илония. Пища для огня была подготовлена, но костёр оставался незажжённым. Чуть в стороне ждал Антониос, старейшина одной из местных общин, с небольшой коллекцией потрёпанных рукописей. Он протянул их.

— Возьмите и уничтожьте, если хотите. Это всё, что у нас есть.

— Я благодарю вас, Кириос Антониос. Хорошее начало, однако боюсь, что это ещё не всё. Мне жаль; но теперь нам необходимо обыскать каждый дом, дабы убедиться, что все запрещённые тексты обезврежены.

— Обезвреживание? Так вы обозначаете уничтожение знаний, копившихся веками?

— Кириос Антониос, я не устанавливаю законы. Я лишь подчиняюсь им… так же, как и вы.

Не сказав больше ни слова, старик плюнул в пыль перед Тимосом и гордо зашагал прочь.

— Оставьте его. — Тимос удержал солдат. — Избавьтесь от этого хлама. Тогда мы сможем приступить к поискам.

Пока пламя разгоралось, солдаты собирали разбросанные бумаги и носили к костру. Ветхие

папирусы рвались, выскальзывая из пальцев; ветер подбрасывал обрывки в воздух. Преследующие их солдаты спотыкались и падали. Разочарованные и смущённые, они решили собрать и сжечь каждый клочок. Всё быстрее и быстрее раздосадованные солдаты бросали сопротивляющиеся тексты в огонь, только чтобы услышать, как те жалобно стонут, пожираемые хищным пламенем. Эти обрывки были старыми и потёртыми. Вскоре последний клочок издал сдавленный хрип и умер.

— Отлично. Давайте продолжим поиски.

К концу дня удалось собрать большое количество исписанных папирусных и пергаментных листов. Тимос распорядился всё уничтожить. Солдаты стояли позади, разглядывая кучу манускриптов и молчаливую толпу с угрюмыми лицами.

— Может, сделаем это утром… — предложил командир.

Тимос указал на разгневанных горожан.

— К утру вся толпа, прихватив с собой бумаги, исчезнет в горах. Мы не уйдём, пока не превратим это в пепел.

На негнущихся ногах и с опущенными глазами усталые солдаты принялись перетаскивать

рукописи поближе к пляшущему пламени. Это не утренний провал; было хуже… гораздо хуже. Тексты бились и визжали, сопротивляясь палачам, будто отчаявшиеся дети, пока их тащили к костру. В огне их страдальческие вопли казались бесконечными, поднимаясь в удушливом дыму, когда бумаги отдавали свои жизни пламени. К тому времени, когда всё закончилось, и последний папирус, стеная, отправился на смерть, наступила ночь. Уродливая тьма заслонила звёзды и луну.

— На сегодня хватит. — Тимос оглядел измученных солдат. — Завтра мы проведём ротацию. Никто не будет заниматься этим больше одного дня подряд.

Кроме меня, — отметил он мысленно.

— Выставьте караулы на всех дорогах, ведущих из города. Теперь, когда жители знают, что мы собираемся делать, они постараются защитить самые ценные страницы, спрятав их в пещерах наверху. Принесите мне всё, что найдёте.

Пока Тимос, пошатываясь, медленно брёл к резиденции епископа, каждый шаг был подобен кошмару, ведь бёдра ужасно ныли от усилий тащить протестующее тело вперёд.

Отмахнувшись от расспросов любопытству-

ющих епископских рабов, он удалился в свои покои. Он слишком вымотался, чтобы дать Пробу немедленный отчёт о прошедшем дне. Часом позже, когда Тимос не явился на ужин — тихое время, совместно проводимое за едой, хорошим вином и свежими сплетнями в конце каждого дня, было любимым для епископа, — Проб распорядился принести лёгкий ужин в покои друга и, вздохнув, отправился спать.

Тимос, крайне утомлённый, чтобы думать или протестовать, сидел в полутьме и наблюдал, как раб расставляет посуду. От запаха, исходящего от горячего блюда, его подташнивало. Он отрешённо смотрел, как раб ставит на стол полный кувшин вина, зажигает свечу и уходит.

— Спасибо, Оскар, — прошептал Тимос в сторону закрывающейся двери. Он потянулся к кувшину, наполнил кружку до краёв и осушил её одним глотком. Снова и снова Тимос повторял этот отчаянный жест, пока сосуд не опустел. Упав на кровать и натянув на голову лёгкое покрывало, он пробормотал беззвучное «спасибо», другу за щедрость. Темнота накрыла мгновенно.

Утром Тимос встал и умылся, после чего направился к епископу. Как-то надо представить отчёт. А ещё там будет чай.

Проб оторвался от созерцания восходящего солнца.

— Настолько плохо, да?

— Вы не представляете. Это было похоже на сожжение младенцев; тексты плакали как дети.

— Ужасно. Возможно, нам следует остановиться.

— Как можно? Пульхерия бросит нас самих в костёр, если мы не закончим.

— Правда, к сожалению. Может, возьмёшь выходной и продолжишь завтра?

— Нет. Чем скорее я закончу, тем скорее смогу забыть об этом деле.

Направляясь к казармам, Тимос бросил взгляд на небо. Яркое солнце, неумолимо поднимающееся над горизонтом, рассеяло остатки ночной прохлады. День обещал быть жарче предыдущего.

В помещении стражи уже ждал командир Охрид, седой ветеран, многие годы сражавшийся с варварами. Он выглядел таким же усталым, как и Тимос.

— Ну что, есть для меня что-нибудь?

— Да, несколько рукописей. Довольно обычных, кроме…

— Кроме чего?

— Ну, была… есть книга.

— Книга? Какая книга?

— Такая книга. Листы пергамента в кожаном переплёте.

— Ладно, а что в ней?

— Не знаю. Я… солдаты побоялись её открыть. Она там.

Тимос огляделся.

— Где же она?

— Вон за тем столом. Мы накрыли её плащом.

В темноте дальнего угла, отгороженного массивным столом, несколькими стульями и потрёпанным походным сундуком, лежал полосатый шерстяной плащ с выпуклостью посередине. Прямо-таки спящий пехотинец… или же чей-то труп. Тимос подошёл и наклонился, чтобы снять покров.

— Будь осторожен.

— А что, кусается? — полюбопытствовал Тимос, откидывая плащ. В полумраке угла книга светилась и пульсировала фиолетовым цветом. Тимос опустился на колени, чтобы её раскрыть.

— Думаю, мы должны завернуть книгу и сжечь. прямо сейчас.

— Полагаю, ты прав, Охрид, — сказал Тимос, поглаживая гладкую коричневую кожу. — Одна-

ко на это уйдёт слишком много времени. Если начнём жечь сейчас, то потеряем половину утра.

— Тебе виднее, конечно. Но мы же не хотим оставлять книгу здесь. не так ли? Что-то может случиться с нами. с ней.

— Именно. Иди вперёд и начинай поиски. Я же отнесу книгу на хранение в резиденцию епископа. Мы сможем избавиться от неё позже.

Охрид поспешил прочь, словно за ним волки гнались. Тимос с почтением завернул книгу в чистое льняное полотенце и положил в свой заплечный мешок. Она тихонько цокала, грея спину, пока он топал обратно к резиденции епископа.

В середине утра никто не собирался задавать вопросы о его присутствии или предлагать помощь. Он проследовал в свои покои, с удовлетворением отметив, что Оскар успел навести порядок и убрать пустой кувшин, кружку и прочую посуду. Теперь никто больше не войдёт. Положив свёрток на стол, Тимос развернул ткань, и перед его взором предстало произведение волнительной красоты. Воздух вокруг книги колыхался и дрожал, приглашая протянуть руку, погладить…

приоткрыть обложку… всего на дюйм[255]….

Иди сюда; ты же знаешь, что хочешь этого, — промурлыкал голос, музыкальный, мягкий, соблазнительный… Тимос не был связан обетом безбрачия. Он и раньше слышал подобные голоса. И последующие ощущения, несомненно, оказывались очень даже приятными.

— Не сейчас, — молвил Тимос. — Мы познакомимся поближе, когда я вернусь вечером.

Чудесный фиолетовый свет, оскорблённый отказом, ярко вспыхнул и погас.

— Не надо так. Увидимся вечером.

Книга оставалась унылой кожаной глыбой, лишённой жизни.

Покинув резиденцию, Тимос направился к *плаке*, где сегодня должен состояться акт очищения. Солнце, значительно продвинувшееся по небосводу, уже испустило из своей головы горящие мечи. Тимос не считал себя духовным или суеверным человеком, оставив это епископу. Просто он почувствовал, что сейчас вся природа ополчилась на его хрупкое худощавое тело.

В центре *плаки* Охрид только что поджёг кучу хвороста и досок. В стороне ждала сожжения гру-

---

[255] Примечания: 255
1 дюйм = 2,54 см.

да текстов. Солдаты, стоящие на страже, смотрели на неё с подозрением. Они были хорошо осведомлены о печальных событиях минувшего дня.

— Это всё?

— Мы так думаем, — ответил Охрид. — Наши граждане, похоже, поняли, что диктату сестры императора следует подчиняться.

— Надеюсь, ты прав.

— Я тоже. Вы… воины! Немедленно избавьтесь от этого хлама.

Солдаты принялись за работу: толкали, тянули и тащили сопротивляющиеся рукописи к хищно облизывающемуся огню. Языки пламени потянулись к обречённым текстам, стонущим и изрыгающим гневные проклятия в адрес костра и своих мучителей. К тому времени, когда на каменной плите осталась лишь кучка тлеющих головешек, у побледневших солдат из отряда, состоящего в основном из совсем молоденьких новобранцев, впервые оказавшихся вдали от родных домов, по щекам текли слёзы, а некоторых рвало на угасающие угли.

— Здесь вроде бы всё. Хочешь, чтобы мы продолжили поиски? Может, мы что-то упустили.

Тимос уже собирался дать соответствующие указания, когда сладкий аромат сирени напол-

нил его ноздри. В голове зазвучала изящная нежная мелодия.

— А… нет, думаю, на сегодня достаточно. *Мили*[256] явно исчерпаны.

— Ты очень тактичен.

— Кроме того, я умираю от голода. а ты?

— Полагаю, нам всем не помешало бы перекусить и отдохнуть.

Оставив Охрида и его солдат заканчивать уборку пепла, Тимос отправился восвояси. Высоко поднятая голова, точные и размеренные шаги — всё это являло собой образец достоинства и благопристойности. Выйдя за пределы *плаки*, скрывшись от глаз своих людей, Тимос бросился вприпрыжку бежать вниз по крутым лестницам, ведущим в главный город. Голова горела под солнцем, пот струился по трясущимся конечностям, но он ничего из этого не чувствовал — только непреодолимое желание оказаться в прохладном уединении своих покоев и увидеть прекрасную книгу, лежащую там в ожидании его.

Во внутреннем дворе Тимос сверился с солнечными часами. Полчаса до приглашения к

---

[256] Примечания: 256

1 римская миля = 1000 двойных шагов = 1,48 км.; 1 византийская миля = 1000 двойных шагов = 1,57 км.; 1 современная международная миля = 1,61 км. 23 1 фут = 30,48 см.

ужину. Время, которое можно провести наедине с книгой.

Всего-то полчаса, — пожаловался голос в голове.

Ступив в свои покои, Тимос остановился.

— Как я могу прикасаться к такой красоте грязными руками? Прости, но я должен омыть тело. Я не могу запятнать твою прелесть.

Да, омой. Только поторопись.

Через пять минут, освежившись и облачившись в чистую тунику, Тимос встал перед книгой и погладил её обложку. Кожа казалась мягче и чувственнее, чем раньше.

Открой меня, — умоляла книга.

Дрожащими руками Тимос поднял тяжёлую обложку. Чарующий фиолетовый свет наполнил покои, ослепив на миг. Невиданные на земле цветы и животные обвивали странные письмена, требующие разгадать их тайны. Тимос обвёл пальцем очертания символов. Огонь желания вспыхнул в его мозгу. Новые знания, загадочные концепции будоражили чувства.

— Потребуется целая жизнь, чтобы понять и познать… *О да!..* — послышалось в ответ.

В этот не самый подходящий момент в дверь постучал Оскар.

— Тимос, пожалуйста, епископ хочет отужинать вместе с тобой и ждёт. Что мне доложить?

— Скажи ему… скажи, что я сейчас приду.

Твёрдо вознамерившись закрыть книгу, Тимос услышал всхлипывания.

Как жестоко ты поступаешь, бросая меня тут.

— Я должен. Епископ Проб — мой господин.

При этих словах вспыхнул фиолетовый свет; обложка плотно захлопнулась. Тимос повалился на кровать, настолько болезненным оказалось чувство утраты. Тем не менее, через несколько минут, придя в себя и приведя в порядок одежду, он направился на *лоджию*, где его ожидал епископ.

— Я боялся, что мне снова придётся трапезничать в одиночестве.

— Нет, Ваше Преосвященство. День выдался суматошным, и солнце жарит нещадно. Я ощутил потребность омыть тело, прежде чем к вам присоединиться.

— Хорошо. А с тобой всё в порядке? Ты выглядишь бледным.

— Просто устал, мой господин. Это не самое лёгкое задание из тех, что мне доводилось выполнять.

— Вижу. Может, хочешь, чтобы я заменил тебя кем- нибудь на пару дней?

— Нет… думаю, я сам должен довести дело до конца.

— Ладно. Но если завтра вечером ты будешь выглядеть таким же расстроенным, я перепоручу это Охриду.

— Я бы не стал. Он выглядит хуже меня… если можно в такое поверить. Давайте выпьем немного прохладного критского вина.

— Оно должно помочь.

Ужин прошёл более или менее нормально. Проб хотел получить подробный отчёт о проделанных действиях. Поначалу Тимос не хотел описывать, как тексты кричали и проклинали. Однако, как и всегда, из него постепенно выуживали информацию. Епископ, сложив руки на пухлом животике, обладал удивительным умением ухватиться за какой-либо странный аспект и, ловко используя его, подтягивать к нему один факт за другим, пока не складывалась полная картина.

— Звучит ужасно. Пожалуй, мне стоит отправить солдатам бочонок хорошего вина… что скажешь?

— Скажу, что мальчишки будут благодарны. Хотя, судя по всему, единственное, что могло

бы заставить их чувствовать себя лучше, — это собственные матери.

— Бедные ребята, они действительно слишком молоды, не так ли?

Тимос пожал плечами.

— Такова система. Человек не станет полноправным гражданином *государства*, пока не выполнит перед ним свой долг — так было и будет.

— Знаю. Но всё равно как-то не по себе.

Вскоре Тимос вернулся в свои покои. Там он провёл бесплодный час, пытаясь убедить книгу открыть обложку. Просьбы, мольбы, уговоры — ничего не помогало. В конце концов, разозлившись и разочаровавшись, Тимос осушил кувшин вина, который прислал ему Проб, а после погрузился в пьяный сон.

Следующий день оказался хуже предыдущего. если подобное вообще возможно. К полудню Тимосу стало так худо — от жары, похмелья, досады и злости, — что Охриду пришлось взять командование на себя и приказать тому вернуться в резиденцию епископа.

— Да, да, ты прав. Мне следует немного отдохнуть. Завтра я буду в порядке.

— Я уверен в этом. Не волнуйся. Я прослежу,

чтобы всё делалось должным образом.

— В жаловании будут дополнительные *солиды*… всем вам. Обещаю.

Освободившись от повинности по сожжению текстов, Тимос безбородым юнцом помчался на свидание. Ему даже стало интересно, являются ли уничтожаемые рукописи друзьями его книги.

А если она не простит. не извинит за то, что он бросил её прошлым вечером? Подходя к своим покоям, Тимос замедлил шаг, а сердце гулко билось в груди. За порогом приветственно мерцал великолепный фиолетовый свет.

Накрепко заперев за собой дверь, Тимос посмотрел на прекрасное создание, возлежащее на кровати, укрытой белым полотном, и приглушённо светящееся. Воздух полнился чудесными запахами: сирени и фиалок, гиацинтов и роз. От ароматов, тяжёлых и мускусных, кружилась голова. Упав на колени, Тимос обнял книгу, словно возлюбленную, и потёрся щекой о мягкий кожаный переплёт.

— Прости меня, — прошептал он.

Всё в порядке. Ты вернулся. Я прощаю тебя. Теперь открой меня.

Тимос повиновался, перелистывая страницы, наполненные поразительной красотой:

сияющими изображениями ужасных демонов, прекрасных дев, далёких невиданных городов, каллиграфией странной формы — не греческой и не латинской, — руническими символами… Что всё это может значить?

Летели часы. Тимос не чувствовал ни голода, ни жажды. Глубоко погрузившись в магию страниц, он едва слышал неоднократный настойчивый стук Оскара. Бежало время. Тимос уверовал, что все тайны вселенной заключены в этом необыкновенном томе… и нужна лишь смелость для того, чтобы ими овладеть.

Возлюбленная вела его за собой, и голос её теперь не всегда казался таким сладким. Когда Тимос умолял об отдыхе, она шипела, что он слабак.

Минул остаток дня, и наступил вечер. Тимос не выходил из своих покоев и не отвечал на какие-либо попытки вызвать его. Епископ был обеспокоен… более чем обеспокоен. Он понимал, что-то здесь не так. Первым делом Проб расспросил Охрида, который только что завершил одиозную работу по поиску и сожжению запрещённых текстов. Епископ очень жалел его, однако старому вояке придётся повременить с ужином, пока не прояснится ситуация с Тимосом.

История с книгой раскрылась сразу.

— …и ты утверждаешь, что он взял её с собой в мою резиденцию? Ты видел, как она горит?

— Нет, Ваше Преосвященство, я больше никогда её не видел.

— Это значит, что она у Тимоса. Спасибо тебе, мой славный воин. Теперь отправляйся отдыхать. Но сначала пришли мне четверых самых опытных солдат. Необходимо взглянуть на книгу. Боюсь, Тимоса придётся убеждать, чтобы он дал доступ к своему сокровищу.

— Я незамедлительно всё организую.

Ожидая солдат, Проб обдумывал свой следующий шаг. Поднявшись, чтобы подобающе одеться, он достал пурпурную ризу, расшитую гагатом. Её носили в самые мрачные часы после смерти Господа Иисуса. Проб призадумался над символизмом этого. Затем, положив пурпурное одеяние обратно в сундук, он облачился в великолепное зелёное, белое и золотое — цвета Утра Воскресения.

Если я собираюсь сразиться с дьяволом, то мне нужна магия сильнее смерти, чтобы его победить.

Как Проб и предполагал, Тимос не ответил на стук; из- за двери доносились лишь слабые

стоны.

— Ломайте дверь, — приказал епископ солдатам. — Не входите в покои, пока я не позову.

Внутри он обнаружил Тимоса, который свернулся калачиком на полу и что-то бормотал. Рядом лежала старая книга, шипящая и изрыгающая радугу непристойных цветов. С храбростью, доступной только истинно невинным, Проб приблизился и стал изучать странные тексты.

— Что вы делаете? — простонал Тимос. — Вы же не умеете читать.

— Может, и не умею. Но я могу понять, что это за… мерзость.

— Да! — взвыл Тимос. — Это всё она! Вы поможете мне?!

— Возможно. Мы вместе должны отправиться в место, которое не видел ни один человек нашего мира.

— Там мы и умрём, — проскулил Тимос.

— Это предстоит выяснить. Где травы, подаренные тем северным шаманом, с которым мы познакомились много лет назад?

Тимос вяло поднял руку, указывая на полку над столом.

— Ну же. Возьми себя в руки; помоги мне. Я один не справлюсь.

Проб и трясущийся Тимос разожгли огонь в жаровне и стали, сверяясь со свитком шамана, отбирать из мешочков нужные травы в должном количестве. При этом книга чертыхалась и сквернословила. Когда всё было готово — Тимос слабо протестовал, — Проб перенёс на жаровню душистую кучку сушёных растений.

Епископ взял друга за дрожащую руку, потянул за собой и заставил склониться над дымом. Вместе они вдыхали горьковатый травяной аромат. Воздух вокруг них помутнел; пространство вращалось всё быстрее и быстрее, пока злая книга с истерическим смехом не поднялась в воздух и пещерная пустота образовавшейся воронки не поглотила их всех. Глубоко внизу громогласно гоготали духи, рождённые в бурлящем и клокочущем пламени. Падение казалось бесконечным.

Епископ с хрустом приземлился на пятую точку. Опрокинувшись на спину, он ощутимо приложился затылком о пол гигантской пещеры. Повсюду вокруг, ослепляя и клубясь, перетекали из формы в форму мириады образов — одни слишком расплывчатые, другие до тошноты чёткие. Вот дракон, выдыхающий огонь, с пылающими перепончатыми крыльями сжимает в когтях книгу. Вот сотни копошащихся змей,

скорпионов, ящериц, оранжево-чёрных пауков — все страшные и ядовитые.

Пока Проб поднимался на ноги и восстанавливал дыхание, желая, чтобы сердце перестало так бешено колотиться в груди, дракон превратился в светящийся фиолетовый сгусток материи со щупальцами.

— Довольно! — закричал епископ. — Чего ты хочешь?!

— Это я должен тебя спросить; ты вторгся в моё святилище.

— Кто ты? Что ты?

— Разве не знаешь, что невежливо отвечать вопросом на вопрос? Кто я такой, не имеет отношения к нашей дискуссии. Более актуален вопрос: «Что тебе здесь нужно?»

— Я не могу ответить, пока не узнаю, являешься ли ты тем… э-э-э… субъектом, который может удовлетворить мой запрос?

— Умный ответ. Позволь заверить тебя, что я — единственное существо, способное удовлетворить запрос любого паломника, нашедшего сюда дорогу.

— Если так, то где Тимос?

— Твой несчастный раб?

— Мой спутник и друг.

— Ах… посмотри налево.

— Тимос, Тимос… — Проб попытался броситься к другу, корчащемуся на полу.

Тимос взвизгнул и протяжно застонал.

Невидимая сила, более мощная, чем подлинное желание помочь, удерживала Проба на месте.

— Ты не можешь к нему прикасаться. Он отправляется в другое царство, — сказало существо.

Выхватив нож, спрятанный под *далматиком*, епископ бросился на чудовище.

— Изверг! Отпусти его!

Он успел отсечь щупальце, прежде чем клинок оказался вырван из его руки.

— Это непочтительно, — изрекло существо, облизывая кровоточащую культю отрезанного щупальца.

— Освободи моего друга, монстр… зверь!

— Боже мой. Он так много для тебя значит?

— Он самый добрый, порядочный, внимательный, заботливый человек в моей жизни. Без него я был бы никем.

Округлившиеся от удивления глаза Тимоса, лежащего в некотором удалении у стены, демонстрировали понимание каждого слова.

— И это действительно так?

— Клянусь крестом, который никогда не покидал мою шею со дня крещения. — Проб демонстративно поцеловал золотой нательный крест.

— Гм, мы здесь не очень-то высокого мнения о кресте, — молвило существо, отступая назад. — Спрячь-ка его у себя на груди.

— Как ещё я могу убедить тебя в искренности?

— Я тебе верю. Для неграмотного церковника ты рассуждаешь довольно убедительно. Однако не жди, что я откажусь от своего приза без равноценной замены, — заявило чудовище.

Внутренности превратились в желе, живот скрутило в узел, и Проб не чувствовал в себе ни уверенности, ни храбрости. Ему хотелось очутиться в своих покоях, пить ромашковый чай и обсуждать с Тимосом последние безумства *полиса*.

— Что ты хочешь взамен?

— Хорошо сказано, добрый человек… Я хочу то, что тебе дороже всего.

Какая странная ситуация, — подумал Проб.

— То, что мне дороже всего. то, что поддерживает меня в любых испытаниях и бедах, — это вера во Всеблагого Господа!

Извивающиеся щупальца затрепетали, съёживаясь от звука двух последних слов.

— Откажешься от своей веры? Сделаешь это, чтобы спасти друга?

— Буль-буль… — протестующе клокотал Тимос.

Его возражения были проигнорированы епископом.

— Ради Тимоса — да. Я бы… попытался.

— Итак, расскажи мне о своей вере; как ты её чувствуешь?

— Я вижу Господа во всём. Однажды, будучи ещё ребёнком, я узрел Его лик в наросте на стволе дерева.

— Готов поспорит, ты не говорил об этом своему отцу.

— Э… нет. Он видит лик Господа лишь в сверкающем шлеме с римской *фасцией*.

— Это плохо?

— Нет, это делает его счастливым.

— Но не тебя?

— Все люди разные. — Епископ пожал плечами.

— Ты прямо святая невинность.

— Попрошу без оскорблений. Я же воздерживаюсь от комментариев по поводу тех нелепых щупалец, которыми ты размахиваешь перед моим лицом.

— Аргх!.. — взвизгнул Тимос.

— Они тебе не нравятся? Прошу прощения; я переоблачусь.

Воздух вокруг Проба сгустился; ослепительно вспыхнул свет, а с пола пещеры поднялась вонища, гораздо худшая, чем серная. Когда епископ снова смог видеть, над ним возвышался змей — чудовищных размеров и ухмыляющийся.

— Это хуже прежнего сгустка со щупальцами. Ты не мог бы измениться обратно?

— Прости, но ты задел его чувства. Он стал совсем застенчивым; не думаю, что смогу убедить ту *личность* вернуться.

— Безмерно жаль. Новая *личность* поистине *очень* уродлива.

— Ты уверен, что хочешь, чтобы я снова переменился? У тебя только три шанса. Что, если моё следующее лицо окажется гаже первых двух?

Проб ненавидел и боялся змей больше всего на свете. Он страшился их даже пуще, чем родного отца. Когда прославленный полководец приказал убить змею, испугавшую его коня, молодой Проб вынул меч, чтобы обезглавить ползучую тварь. Она подняла чешуйчатую зелёную голову, сверкнула золотистыми глазами, показала розовый язык и улыбнулась. Проб лишился чувств. Это трагическое событие, как никакое другое,

убедило отца в том, что сыну не суждено стать воином.

Проб сжал мышцы сфинктера и уставился на чудовище, стараясь не грохнуться в обморок.

— На чём мы остановились? — спросил змей. — Ах да, вспомнил! Ты собирался отдать мне свою веру в обмен на жизнь и рассудок друга.

— Я мог бы попытаться, но не думаю, что получится. Дело в том, что вера слишком глубоко укоренилась в каждой частичке меня — не только в разуме, но и во всех фибрах тела, даже в подошвах ног, — это всё принадлежит Господу. — Проб приподнял шляпу. — Включая каждую прядь моих волос.

— Фу! Положи это обратно. Ну и мерзость.

Епископ вернул на голову шляпу, методично заправляя сальные пряди под её края.

Уголки змеиной пасти изогнулись, образуя полумесяц.

— Возможно, ты прав. Мы не испытываем особой радости от вероотступничества. Если вера достаточно сильна, чтобы её стоило иметь, то эта навязчивая штука всегда находит способ ускользнуть обратно к своему первоначальному владельцу.

— Должно быть, у меня есть что-то ещё, что мо-

жет представлять ценность. Я не очень богатый человек, но мой отец… ты, кажется, его знаешь.

— Ха, земные богатства для меня ничего не значат. Теперь, когда я рассмотрел тебя более внимательно, увидел… Есть что-то ещё — что-то такое, что ты ценишь и любишь, однако сам того не осознаёшь.

— Что же это?

— Аррррррр! — отчаянно рычал Тимос, дёргаясь на полу.

— Твои сновидения.

Требование оказалось настолько неожиданным, что Проб покачнулся, когда голова закружилась от попыток сдержать страх и понять игру, затеянную змеем.

— Может, и впрямь нужна менее угрожающая *личность*? Я не могу вести переговоры с просителем, пребывающим в беспамятстве, — сказало чудовище и снова перевоплотилось.

Теперь перед епископом стоял одинокий дряхлый старик. Кожа была желтушной; под злобными глазами набухли багровые мешки. Редкие волосы — седые, немытые, пахнущие плесенью — прилипли к пепельно-серой макушке. От старика несло разложением и обидой— как из глубокой ямы заброшенного колодца.

— Так лучше? — поинтересовался он.

— Незначительно.

— Итак, твои сновидения— твоя способность видеть и помнить земли, по которым путешествуешь во снах… Согласен ли ты отказаться от этого ради спасения друга?

— Если это необходимо, чтобы вырвать Тимоса из лап кошмара, то я готов.

— Да будет так. — Старик протянул ужасную склизкую руку, одобрительно потрепал епископа по щеке и ущипнул за ухо.

Стараясь не опозориться, Проб затаил дыхание и напрягся всем телом, сосредоточив взор на прижавшемся к стене Тимосе, в то время как чудовище исследовало щели его головы и, наконец, забралось в уши. Епископ чувствовал, как удлиняющиеся и утончающиеся пальцы прощупывают слуховые каналы, проталкиваясь всё глубже. Боль от этого усиливалась и усиливалась, но он не мог ни пошевелиться, ни закричать, пока горячая жидкость вытекала из него в сосуд, подставленный существом.

Какой красивый оттенок лазури, — подумал Проб перед тем, как потерять сознание.

Он очнулся, кувыркаясь в круговерти клубящейся пыли, вопящих упырей и огромных

каркающих чёрных птиц. Несясь в туманный мрак, Проб отметил, что Тимос сжимает его руку, будто утопающий, полный решимости не потерять спасительную соломинку. Злые голосящие птицы метались и хлестали крыльями по их лицам. Проб знал, что если отпустит руку Тимоса, то друг будет потерян навсегда.

— Держись крепче, Тимос! Мы справимся!

— Я пытаюсь! Пытаюсь! — раздались в ответ хриплые крики.

Какая-то часть разума Проба подметила, что если Тимос может членораздельно говорить, значит, состояние того улучшается. Наполнив лёгкие воздухом, Аарон Проб с мужеством, о котором даже не подозревал, прокричал птицам и кружащимся облакам:

— Будьте вы все прокляты! Вы не заберёте моего друга!

Вихрь вращался всё быстрее и быстрее; ад из пыли, веток, камней, щебня, песка и кусков мёртвых морских существ толкал людей вперёд. Но вот завывающие голоса стихли, атакующие птицы прекратили преследование, а Проб и Тимос оказались сцепившейся кучей выброшены на пол хорошо знакомых им обоим покоев.

— Ты выглядишь лучше, — произнёс Проб, под-

нимаясь с пола второй раз за день.

— Спасибо. Как вы? — осведомился Тимос, который глядел на доброго епископа так, словно боялся, что тот при малейшем дуновении ветерка осыплется горсткой пепла.

— Хорошо, я полагаю. Помнишь, где мы были, и чем мне пришлось пожертвовать? — Проб слегка потряс головой, словно отгоняя наваждение.

— Я всё помню. Вам не следовало так поступать. соглашаться на отказ от собственных сновидений.

— Какой прок от снов, если у меня не стало бы тебя, готового их выслушивать?

Тимос поморщился. С логикой епископа не поспоришь.

— Как вы на самом деле?

— Не знаю. Я не уверен… не хуже, кажется, — ответил Проб, ощупывая свою голову. — Спроси меня утром.

Перевод: Б. Савицкий

Сара Ханс

Тени темнейшего нефрита

Sarah Hans «Shadows of the Darkest Jade», 2011

От автора: *Во многих своих рассказах Лавкрафт использовал идею о чужаках из цивилизованного мира, зачастую людях науки, исследующих более примитивные, менее просвещённые области, где неизбежно столкновение с древними непостижимыми богами. Я же воспользовалась буддийскими монахами, поскольку сама являюсь буддисткой, и у меня редко подворачивается возможность писать о буддизме в жанре ужасов/научной фантастики/фэнтези. Неотвратимое безумие — моя любимая из тем ужасов, которыми в совершенстве владел Лавкрафт, и эта история родилась, как попытка соединить все вышеперечисленные элементы воедино.*

Когда Гуру попросил меня поведать об ужасах, свидетелями которых мы с Сатиндрой стали, я обнаружил, что не в силах подобрать нужные слова для описания произошедшего. Тогда он предложил попробовать изложить всё на бумаге, но я не смог. Только сейчас, находясь при смерти,

я могу писать, однако некоторые фрагменты истории останутся известны лишь мне одному. Есть вещи, которые тяготят душу человека, поэтому ими просто не следует делиться.

Мы шли, окружённые купцами и путешественниками, по Великому шёлковому пути из Гандхары на равнины империи Хань. Люди, которых мы встречали, отдалившись от процветающей Гандхары и следуя вдоль реки Инд, узнавали наши шафрановые одежды, щедро наполняя чаши для подаяний. Ночь за ночью мы гостили у их костров. В обмен на еду и тёплый ночлег Сатиндра рассказывал им о *дхарме*[257], улаживал споры, раздавал благословения. Сидя и слушая его истории, которые успел выучить наизусть, я понимал, что Гуру сделал мудрый выбор, отправив именно Сатиндру к ханьцам, поскольку тот отличался спокойной харизмой и благонравным поведением, что пристало истинному ученику Будды Амитабхи.

По мере нашего продвижения вперёд, число других путешественников стало уменьшаться. В конце концов, мы покинули Великий шёлковый путь и ступили на неизведанную территорию.

---

[257] Примечания: 257

Дхарма — в индийских религиях совокупность норм и правил, соблюдение которых необходимо для поддержания космического порядка.

Дорога сужалась и вилась через просторы рисовых полей, где под палящим солнцем трудились сутулые крестьяне.

К сожалению, жители империи Хань редко видели монахов, а тем более просящих подаяние, и не знали, как к нам относиться, к тому же один из нас являлся инородцем, а другой — юнцом, не успевшим отрастить бороду. Когда мы протягивали чаши для подаяний, они ехидничали, отпускали оскорбительные замечания в адрес нищих, а некоторые даже плевали под ноги. Через несколько дней после того, как сошли с Великого шёлкового пути, у нас закончился тщательно хранимый рисовый паёк, и мы были настолько голодны, что начали спотыкаться.

— Брат Сатиндра, — нехотя сказал я, когда брёл сквозь ещё один жаркий и пыльный день, — нам необходимо найти еду.

Я имел в виду, что мы должны украсть, если не способны выпросить, хотя и не мог заставить себя прямо это предложить.

Сатиндра кивнул.

— Амитабха поможет, — молвил он с непоколебимой уверенностью, ничем не выдавая, понял ли скрытый смысл моих слов. — Гуру послал нас сюда, чтобы нести *дхарму*; Амитабха поможет.

Стыдно признаться, что тогда я практически утратил веру, но Сатиндра никогда не переставал верить. Даже когда мы, пошатываясь, подошли к небольшой хижине из глины и бамбука, настолько измученные, что едва держались на ногах, он достал чашу для подаяний и слабым от голода голосом изрёк традиционные слова благословения. Наши носы щекотал запах вечерней трапезы, аромат столь дразнящий, что я громко застонал.

Девочка, появившаяся на пороге, могла бы быть моей младшей сестрой. Невысокого роста, с золотистой кожей и иссиня-чёрными волосами, скромно собранными на затылке. Она носила такую же простую одежду из хлопковой ткани, как и все ханьские крестьяне. Её узкие глаза — так похожие на мои! — расширились, и она скрылась внутри хижины, зовя старших на местном диалекте.

Я снова застонал, на этот раз пораженчески, в полной уверенности, что нас прогонят, и мы умрём на пыльной дороге. Сатиндра повернулся, взглянул на меня, ободряюще улыбнулся потрескавшимися губами и прошептал:

— Верь, младший брат.

Девочка вернулась вместе с беременной женщиной, а за ними следом приковыляла маленькая

старушка с круглым пухлым личиком. Женщины без каких-либо вопросов или рассуждений пригласили нас войти, и вот так мы были спасены, а крепость веры Сатиндры прошла очередную проверку.

Девочку звали Джун, беременную женщину, её мать, — Бао-Юй, а старушку, бабушку Джун, — Мэй. Как объяснила бабушка Мэй, мужчины сейчас пьют рисовое вино и играют в азартные игры, поэтому женщины могут делать всё, что заблагорассудится, в том числе кормить странствующих монахов. Она рассказывала это, пока мы с жадностью поглощали варёный рис и самую вкусную горячую похлёбку из тех, что я когда-либо пробовал. Бабушка Мэй непринуждённо болтала на протяжении всей трапезы, жестикулируя коротенькими сморщенными ручонками, щуря чёрные глазки-бусинки и улыбаясь беззубой улыбкой. Я, незнакомый с местным диалектом, понимал лишь половину из того, что она говорила, а бедный Сатиндра, владеющий только учёным языком ханьцев и не знающий ни одного грубого крестьянского наречия, не мог ничего толком разобрать, но мы с энтузиазмом кивали, стараясь казаться хорошими слушателями.

Когда аппетит был утолён, бабушка Мэй попро-

сила поведать нашу историю.

— Вы должны извинить брата Сатиндру, — сказал я. — Он изъясняется исключительно на языке учёных.

— У тебя странный акцент, — подметила бабушка Мэй с прищуром поверх щёк, похожих на сливы.

— Я рос в деревне неподалёку отсюда, — пояснил я, — но много лет не был дома. Я мало что помню.

Старушка кивнула, откинувшись на подушку, и повторила свою просьбу о нашем рассказе.

Я старался изо всех сил, взаимозаменяемо сочетая учёный язык с диалектом своей деревни. Метод оказался на удивление эффективным.

— Мы монахи из монастыря в Гандхаре, — повествовал я. — Сатиндра знает много языков, а я родом из Хань, и наш Гуру подумал, что было бы мудро послать нас сюда распространять слово *дхармы*. Мы долго шли, разыскивая деревню, где я родился. Я запамятовал дорогу, поскольку был очень мал, когда меня увели из родного дома.

Бабушка Мэй фыркнула.

— Почему родители отослали тебя? Здорового и крепкого мальчика?

Я пожал плечами.

— Позднее, когда я стал старше, мне объяснили, что причина кроется в неспособности родителей прокормить чересчур большую семью.

Старушка глубокомысленно кивала головой, покачивающейся на тонкой шее.

— Несколько лет назад случилась засуха. Хорошо помню, что дети во многих семьях голодали. — Она сокрушённо поцокала языком, вспоминая это бедствие. — Значит, твои родители были крестьянами?

— Да. Отец и мать работали на рисовом поле. Смутно припоминаю четырёх братьев и одну сестру, но, возможно, есть другие, которых отослали, как и меня, или которые родились после моего ухода, — ответил я.

— Ты должен благодарить мать и отца за то, что отправили тебя к монахам, — укорила бабушка Мэй, заслышав в моём голосе нотки печали, когда я говорил о своей семье. — Они спасли тебя от жизни, полной непосильной работы, изнурительного труда и безутешной печали. Вместо этого ты научился читать и писать, не так ли? А теперь путешествуешь по миру! — Она фыркнула. — Это счастье для тебя. Жаль, что малышка Джун не мальчик, а то мы могли бы отправить её с тобой, куда подальше от этого прозябания.

Я посмотрел на Джун, которая смущённо отвела взгляд.

— Некоторые утверждают, что самыми преданными учениками Будды Амитабхи были его жена и наложницы, — произнёс Сатиндра на учёном языке ханьской знати.

Бабушка Мэй скептически хмыкнула.

— В тот день, когда женщинам разрешат стать монахами, мы научимся мочиться стоя, — заявила она, а затем рассмеялась, хлопнув ладонью по бедру. Бао-Юй и Джун выглядели неловко, но послушно улыбались грубоватой шутке. Задыхаясь от смеха, бабушка Мэй попросила чая, и Джун вскочила, чтобы приготовить его для всех нас.

— Расскажите мне больше о своём Амитабхе, — потребовала бабушка Мэй, и пока Джун измельчала чайные листья и кипятила воду, мы с Сатиндрой — он говорил на языке учёных, а я переводил кое-какие непривычные понятия на здешний диалект — делали всё возможное, чтобы объяснить *дхарму*.

Пока мы разговаривали, Джун вложила в маленькие руки бабушки глиняную пиалу с чаем; старушка поблагодарила и сделала глоток.

— Жаль, что ни одному из вас не нужна жена; малышка Джун уже прекрасно готовит чай, а ей

едва пошёл одиннадцатый год! Подумайте, какой женщиной она станет всего-то через несколько лет!

Мы с Сатиндрой покраснели и уставились в пол. Некоторые философские школы последователей Амитабхи дозволяли брать себе жён, но только не наша; мы являлись смиренными монахами, посвятившими себя бедности и целомудрию. Бабушка Мэй посмеялась над нашей скромной реакцией на её слова и поинтересовалась:

— А твоя мама готовила такой чай, младший брат?

— Вы должны называть меня Вэнем, бабушка Мэй, — ответил я. — И да, она его делала. Я помню запах.

Это действительно так: аромат мяты, растёртой с чайными листьями, навевал воспоминания о детстве и тёмной хижине, где я спал, прижавшись к братьям.

— Стало быть, деревня, где ты родился, расположена недалеко отсюда, брат Вэнь. По аромату чая легко узнать то, в какой части империи Хань находишься, ведь листья обладают уникальным вкусом и готовятся по-разному, куда ни пойди. — Старушка сделала ещё один глоток и удовлетворённо вздохнула.

В памяти моей всколыхнулось былое, стоило лишь Джун передать мне пиалу с чаем. Мятное благоухание и тепло глиняной посуды, зажатой в руках, вернули меня в бамбуковую хижину моей семьи.

— Я много чего позабыл, в том числе название деревни, — тихо признался я. — Однако помню фестиваль, на котором мы сжигали подношения из чайных листьев, подобных этим… праздник Нефритового Журавля.

Бабушка Мэй всплеснула руками настолько резко, что её пиала с чаем упала, расплескав горячее содержимое по полу. Она выкрикнула что-то нечленораздельное, и глаза, обращённые ко мне, уже не искрились добротой и жизнерадостностью, а полнились страхом и отвращением. Её беззубый рот открылся, превратившись в чёрную щель, издавшую громкий клокочущий звук, от которого зашевелились волоски на моих руках. Перемена оказалась столь разительной, что я не успел среагировать; никто не успел. Мы все в недоумении уставились на бабушку Мэй.

Тогда девочка и её мать начали действовать. Бао-Юй обняла матушку и стала успокаивать, нашёптывая что-то на ухо; постепенно причитания сменились стонами. Они до ужаса походили на

плач младенца. Тем временем Джун забрала у нас с Сатиндрой пиалы и стала выпроваживать из хижины.

— Что ты сказал? — спросил Сатиндра, пока Джун выдворяла нас на улицу.

— Только то, что в моей деревне был фестиваль, — ответил я. — Праздник Нефрито…

Я не успел договорить, поскольку бабушка Мэй снова завизжала, и Джун прижала свою маленькую ладонь к моему рту. Девочка с нескрываемым волнением покачала головой, а её узкие глазёнки так широко открылись, что я увидел белки вокруг чёрных радужных оболочек. Она вытолкала нас обоих за порог и вывела на дорогу, а после умчалась обратно.

Мы с Сатиндрой несколько минут стояли в подступающей темноте, слушая испуганные вопли бабушки Мэй. Всё произошло так быстро, что я даже не знал, как к этому относиться. Мы оторопело переглянулись и, убрав наши чаши для подаяний, двинулись прочь от хижины.

Тут крики прекратились, и мы услышали звук приближающихся шагов. Обернувшись, мы увидели, что к нам несётся Джун с небольшим узелком сырого риса в руках. Без слов она вложила его в мои ладони. В её глазах сострадание

боролось со страхом. Я поблагодарил за щедрое пожертвование, а затем задал вопрос:

— Что сказала твоя бабушка, когда я упомянул… птицу?

Я сознательно не использовал слова, которые так расстроила бабушку Мэй.

Джун нахмурилась, облизнула губы и оглянулась на хижину, где тусклый свет лился из дверного проёма на дорогу.

— Проклятый, — вымолвила она чуть слышно, а ветер словно украл её ответ и унёс в неведомую даль, настолько сказанное казалось нереальным. Я хотел, чтобы девочка произнесла это ещё раз для пущей убедительности, но она повернулась и побежала к хижине.

— «Проклятый»? — медленно повторил Сатиндра на языке ханьцев. — Значит ли это то, о чём я думаю?

— Да, — приуныл я.

Сатиндра рассмеялся и приобнял меня за плечо, затем легонько похлопал по спине.

— Не позволяй суеверной старухе напугать тебя, младший брат. Проклятый. Ха! Если уж на то пошло, мы благословлены. Давай найдём поле, где сможем переночевать.

Той ночью мы спали под звёздами, и Сатиндра

оставался в приподнятом настроении, невзирая на то, что я хмурился. Он перечислил удачно сложившиеся обстоятельства: перед припадком бабушка Мэй благословила нас обильным ужином и предоставила возможность поделиться *дхармой*; погода стояла тёплая и не дождливая; разбойники не напали на нас и не ограбили; скоро мы окажемся в деревне, где я родился, и, возможно, даже найдём мою семью.

— Два странствующих монаха вряд ли могут желать большего, — изрёк он, когда мы улеглись.

Я спал урывками и был меланхоличен весь следующий день. Утренняя медитация, во время которой мы на ходу повторяли мантру, не принесла успокоения. Ближе к полудню мы остановились на отдых. Сатиндра приготовил немного риса, который нам дала Джун, и мы пообедали, смакуя каждое зёрнышко. Еда оказалась с привкусом мяты, и это породило в моей голове путаную смесь воспоминаний.

Пока шли по Великому шёлковому пути, мы миновали множество святилищ местных богов. Одними из самых богатых были статуи, вырезанные из нефрита или слоновой кости и размещённые в пагодах, находящихся под постоянным присмотром жрецов. Путешественники возлага-

ли на жертвенники молоко, мёд, рис и даже мясо. По мере отдаления от главной дороги размеры святилищ становились всё менее впечатляющими. Почти каждый день мы проходили мимо этих крошечных святынь с их грубыми изваяниями, а то и просто наборами камешков, символически обозначающих того или иного бога. Как правило, подношения здесь были чрезвычайно скудны, а некоторые жертвенники вообще пустовали из-за малой численности путников.

Теперь, когда мы довольно далеко отдалились от Великого шёлкового пути и оставили позади хижину бабушки Мэй, характер этих святынь изменился. Раньше я не обращал на них внимания, а ныне чувствовал непреодолимую потребность рассмотреть поближе. Святилища, располагающиеся вдоль дороги, представляли собой простенькие пирамидки, увенчанные небольшими каменными или деревянными фигурками животных, не представляющими для воров абсолютно никакой ценности. Но днём позже мы наткнулись на статуэтку, вырезанную, по-видимому, из нефрита.

Я присел перед святилищем и уставился на изваяние, стоящее в подобии глубокой каменной чаши, перевёрнутой на бок. Маленькая статуэтка

была чёрной и по большей части скрывалась в тени, но когда на неё попадали солнечные лучи, она приобретала зеленоватый оттенок темнейшего нефрита. Густая тень мешала разглядеть детали, но фигура по своей форме не походила на человека или известного мне зверя. Выпуклые глаза, вытянутая голова и много рук, будто у индуистской богини Кали[258], однако подробности разобрать не удавалось, как я не щурился. Решив попробовать на ощупь понять то, что смутило мой взор, я протянул руку и провёл пальцами по поверхности.

Я ожидал ощутить прохладную твёрдость нефрита, но камень оказался на удивление тёплым, вероятно, успел нагреться на солнце, а его текстура была влажной и скользкой. Отдёрнув руку, я взглянул на свои пальцы, полагая, что на них сохранится влага; они остались сухими, хотя чувство маслянистости не пропало. Не желая вторично прикасаться к этому предмету и не в силах смотреть на него, я отступил от святилища и поспешил к Сатиндре, который сидел на кор-

[258] Примечания: 258

Кали — богиня-мать в индуизме, оберегающая своих чад, уничтожающая демонов и все проявления зла. Изображается в виде многорукой стройной женщины с голубой кожей и длинными чёрными волосами.

точках чуть дальше по дороге, дожидаясь меня.

— Что случилось, младший брат? — спросил он, когда я присоединился к нему, всё ещё рассматривая свои пальцы. Они казались какими-то запачканными, точно прикоснулись к чему-то нечистому. Мне хотелось вытереть их о край одежды, хотя на них не было видно никакой грязи.

— Что-то не так со статуэткой в этом святилище, — нахмурился я.

— Полагаю, сегодня ты намерен во всём найти нечто неправильное, — усмехнулся Сатиндра. Я смиренно вздохнул, подумав, что он прав.

Мы шли ещё несколько дней, проходя мимо святилищ с одинаковыми чёрно-зелёными идолами из маслянистого камня. Дорога сузилась почти до нуля, стала ухабистой и зарастающей колючками, однако число святилищ увеличилось, а каждая последующая статуэтка оказывалась чуть выше предыдущей.

Странным казалось то, что количество встречаемых нами людей сокращалось по мере роста идолов здешнего божества. Рисовые поля выглядели неухоженными и запущенными, словно крестьяне начисто позабыли о посевах. Лес постепенно отвоёвывал это полузаброшенное

человеком пространство.

В итоге мы набрели на несколько простых бамбуковых хижин, очень похожих на жилище бабушки Мэй, но они были пусты, а за ними начинался тёмный и неприступный лес. В некоторых очагах ещё тлели угли, а рядом с грязными мисками для риса, кишащими муравьями, стояли недопитые пиалы с чаем. Обследовав очередную хижину, я повернулся к Сатиндре и сказал:

— Такое впечатление, что все просто исчезли. Это неестественно. Мне такое не нравится.

Сатиндра с присущим ему изяществом попытался отшутиться от моих страхов, но потерпел неудачу. Его смех прозвучал глухо и неуместно в безмолвии опустевшей деревни.

— Не волнуйся, младший брат. Я уверен, что этому есть разумное объяснение. Нам нужно найти место для ночлега.

Мы не считали себя людьми чересчур суеверными, однако ночевать в деревне не стали. Ужинали мы, расположившись в поле неподалёку, откуда могли видеть хижины, не приближаясь к ним слишком близко.

Последние ночи я спал плохо, мне снились крупные чёрные птицы со старушечьими голосами и острыми изогнутыми клювами. Теперь с

птиц капало масло, и они орали, надрывая глотки, скрипучим голосом бабушки Мэй:

— Проклятый! Проклятый!

Я проснулся в поту, путаясь в длинной одежде. Оглядевшись в поисках Сатиндры, я обнаружил, что он, невзирая на поздний час, бодрствующий и исполненный напряжённого ожидания, сидит возле меня. Его глаза оказались настолько широко распахнуты, что я различал их белки в окружающей нас темноте.

Я проследил за его взглядом до деревни. Среди ранее пустующих хижин двигались огоньки. Я начал было что-то говорить Сатиндре, предлагая пойти потолковать с местными жителями, но он заставил меня замолчать, сильно сжав мою руку. Ещё никогда мне не доводилось видеть его таким, когда каждый нерв натянут до предела, поэтому я прикусил язык. Через некоторое время огоньки стали удаляться, и Сатиндра воззрился на меня.

Казалось, что глаза на его смуглом лице увеличились вдвое. Ночь выдалась до жути тихой, даже ветер не шевелил высокую траву.

— Не думаю, что это были люди, — прошептал он.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я, присаживаясь на корточки рядом с ним.

— Я видел их лица. Они выглядели неправильно. — Он решительно покачал головой.

— Что ты видел?

Сатиндра тяжело сглотнул, будто в его горле застряло что-то большое и неприятное на вкус. Глаза оставались прикованными к моему лицу.

— *Дакини.*

Дакини — древнее слово, обозначающее потустороннее существо: бога или демона.

— Нам пора уходить, — заторопился я.

Сатиндра, к моему ужасу, отрицательно замотал головой.

— Нет, — твёрдо сказал он. Его руки дрожали, но он встал, глядя мне прямо в глаза. — Вот зачем мы здесь, младший брат. Люди должны услышать *дхарму*. Гуру послал нас, чтобы освободить твой народ.

Я тоже вскочил на ноги. Сатиндра был выше меня на целую голову, поэтому я смотрел на него снизу вверх.

— Нет, брат Сатиндра! Гуру не в силах такое предвидеть! Мы не можем идти одни; это слишком опасно. Нам следует вернуться в монастырь…

Он прервал меня, крепко взяв за плечи и слегка встряхнув, словно впавшую в истерику жен-

щину.

— Ты осмеливаешься подвергать сомнению способности просветлённого Гуру?

Сатиндра резко отпустил меня, и я отшатнулся.

Он отвернулся от меня и решительно зашагал в сторону деревни.

Я смотрел ему вслед, размышляя, что делать. Ночной воздух, казалось, ворвался в пространство, оставленное быстро удаляющимся Сатиндрой, окутав меня тёмной прохладной тишиной. И тут мои уши уловили гул, слабый, но настойчивый. Сначала я не мог его идентифицировать. Затем подумал, что это жужжание насекомых. Внезапно я понял, что слышу далёкие человеческие голоса, нараспев повторяющие некую фразу.

Я побежал за Сатиндрой.

Следы *дакини* были хорошо заметны; они не скрывали своего передвижения, и мы пошли за ними в глубину мрачного густого леса, где ветви деревьев и кустов цеплялись за одежду, а корни путались под ногами. Вскоре следы стали теряться в вездесущей темноте, но теперь мы слышали песнопения и неистовые звуки цитры.

Люди находились на краю поляны, где пели во

мраке, не зажигая костров. Я не видел того, кто играет на цитре, но знал, что он где-то справа, так как именно оттуда доносилась неприятная, режущая слух музыка. Складывалось впечатление, что мелодия и песнопения не имеют ритма. Я пытался разобрать слова, однако по мере приближения всё яснее понимал, что те представляют собой бессмысленную тарабарщину, хотя собравшиеся повторяли их с превеликой убеждённостью.

В тусклом лунном свете мы узрели, что жители деревни в большинстве своём обнажены, хотя на некоторых ещё сохранялись клочья одежды. Люди стояли на коленях, обратив лица к центру поляны. Мне приходилось выглядывать из-за спины Сатиндры, чтобы видеть их — в густом лесу идти можно было только след в след, — но я заприметил, что некоторые в экстазе пустились в пляс под странную музыку. Шум стоял ужасный, и я заткнул уши, чтобы приглушить его. Я чувствовал растерянность и безысходность, будто завеса между здравомыслием и безумием могла быть прорвана этой комбинацией звуков.

От зловония у меня слезились глаза. Пахло тухлым мясом и кислым молоком, фекалиями и кровью. Я боролся с рвотными позывами.

Сатиндра столь резко остановился, что я на-

летел на него сзади. Я вцепился в его одежду, пытаясь заставить немного подвинуться, чтобы иметь возможность наблюдать за происходящим на поляне, но он застыл на месте. Привстав на цыпочки и ухватившись за его плечо, я смог взглянуть на людей, танцующих в лунном свете. На мгновение я с ужасающей ясностью увидел разбросанные по земле искривлённые тела, конечности которых приняли самые неестественные положения. Среди них были и крошечные ножки младенцев, и скрюченные артритом руки стариков. Нагие танцоры с выпученными глазами и перекошенными ртами двигались вокруг и прямо по неподвижным фигурам, казалось, не замечая этого.

Помимо деревенских плясунов присутствовало нечто, которому они поклонялись. Оно было столь высокого роста, что заслоняло не только огромные деревья, но и звёзды над ними, и я прищурился, пытаясь разглядеть его черты. Это длинная журавлиная шея или же руки? Это деформированная голова или же сгорбленная спина? Существо, как и статуэтки из придорожных алтарей, не воспринималось зрением полностью, оно будто бы колебалось в пространстве без малейшего движения.

Внезапно Сатиндра повернулся и обнял меня, прижимая к себе. Он вдавил мою голову в своё плечо. Он что-то бормотал, но не отпускал. Сначала я не сопротивлялся, полагая, что это следствие сильнейшего испуга, однако вскоре у меня перехватило дыхание. Я не мог вздохнуть и начал вырываться. Сатиндра, будучи гораздо сильнее меня, легко одержал победу, и пока я боролся, он тихо напевал мне на ухо:

— Не смотри, младший брат. Не смотри на это!

Через некоторое время я очнулся в деревне. Сатиндра сидел рядом, охраняя меня на случай, если одержимые местные жители решат вернуться, а его широко раскрытые глаза не мигали, вглядываясь в темноту. Когда я спрашивал, как долго пребывал без сознания, должны ли мы возвратиться в монастырь, хватит ли у нас еды, он лишь повторял свой мрачный напев:

— Не смотри, младший брат. Не смотри на это!

Такими были единственные слова Сатиндры, произносимые им на протяжении всего обратного пути до монастыря в Гандхаре. Поход оказался унылым. Сатиндра из благочестивого монаха превратился в печального безумца, который то кричал незнакомцам что-то невразумительное, то безудержно рыдал часами напролёт. Погода

испортилась, и пришлось тащиться по икры в грязи. Мы оба исхудали до крайности, кости выпирали под кожей, но другие путешественники сторонились нас, поскольку Сатиндра всё ещё стонал свою тревожную мантру. Мы выживали только благодаря воле и редким пожертвованиям тех истинно щедрых последователей Амитабхи, которые не забывали о своём долге, даже если монахи, нуждающиеся в подаянии, грязные и сумасшедшие.

На порог монастыря ступили лишь бледные тени наших прежних «я». Разумеется, Гуру не сумел вытянуть из Сатиндры ничего толкового, поэтому обратился ко мне, желая знать о том, какая беда приключилась с нами в жутких дебрях империи Хань. Я не смог подобрать нужные слова для ответа.

Теперь, зная, что скоро меня ждёт смерть, я, наконец, могу написать о произошедших событиях, хотя они кажутся мне спустя столько лет всего лишь дурным сном. Однако есть некоторые фрагменты истории, которые я не вправе раскрывать и унесу их с собой на погребальный костёр. Именно они погубили бедного брата Сатиндру, скончавшегося через пару дней после нашего прибытия в Гандхару и до последнего

бормотавшего свою проклятую фразу. Он оставил меня одного нести бремя пережитого кошмара, и я вот-вот освобожусь от него, ибо верю, что после кончины перестану еженощно, едва смыкая веки, видеть Нефритового Журавля, затмевающего своей необъятностью звёзды, и слышать пение одержимых прислужников, танцующих нагими у его ног. Было время, когда я стремился найти покой просветления, но ныне ищу лишь тишину смерти, где эти ужасы канут в небытие.

Перевод: Б. Савицкий

Диана Хундертмарк
Папирус королевы Нитокрис

Diane C. Hundertmark «The Papyrus of Queen Nitocris"

Наконец они показали мне его тело. Они вопили, стонали и рассказывали мне, какой он храбрый и смелый, а теперь он мертв, разорван львом, по их словам. Мой возлюбленный, мой муж, Царь-Бог, Мерен-Ра II, который был моим прекрасным братом, моим любовником и фараоном.

— По крайней мере, лев не испортил лицо господина, — проскрежетал древний Венис голосом сухим, как пески пустыни.

Я смотрела на этих двоих, старых, сморщенных и злых людей. Венис, этот жалкий крестьянин, который сейчас согнулся и скулил, и подхалимством своим проложил путь к власти под управлением моей семьи, поддерживаемый моим дедом. Теперь он занимал высокое звание Губернатора Верхнего Египта. Он выглядел так, будто над ним уже провели процесс мумификации, такой он был сморщенный и ссохшийся. Другим был мой любимый дядя Джа`ю, великий визирь, младший брат моего отца. Джа`ю не был таким старым, как Венис, но из-за своей скверной жизни он выглядел почти так же.

Я наклонилась и поцеловала моего мужа, как надлежало египетской жене:

— Прощай, брат мой, я знаю, ты ждешь меня в загробной жизни.

— Моя королева Нитокрис, — голос моего дяди был таким же бархатистым, как шипение королевской кобры. — Двор ждет вас и ваше заявление об этом трагическом происшествии.

Я нахмурилась, взглянув на них обоих, когда повернулась:

— Джа`ю, мы с тобой оба знаем, что Марен-Ра никогда не пошел бы на охоту один… но… — Я сделала паузу и расправила складки моего чистого льняного платья и осторожно проверила мои волосы, — но для людей… это будет несчастный случай. Мы положим его в его гробницу и закончим все вокруг него. Красный, я думаю, для последнего покрова… за пролитую кровь.

Их лица бледнели, когда я шла мимо них. Мерен-Ра и я знали, что наши жизни находятся в опасности с тех пор, как мы поженились, а его стали называть Фараон Царь-Бог. Мы знали, что его жизнь в опасности, и вот они убили его. Они все еще нуждались во мне, как царской дочери и Жены Бога, чтобы получить страну посредством моей крови. Теперь я задавалась вопросом, за кого меня принудят выйти замуж. Поэтому я заставила их думать, что не была расстроена этим отвратительным убийством и излила все свои усилия на организацию похорон, завершение пирамиды и мою месть. Мы доставим Мерен-Ра в его последнее место отдыха по Нилу с великой пышностью и торжествами.

Между пирамидой и Великой рекой у меня была большая камера, построенная под песками, для проведения более изысканного празднества.

Месяцы потребовались для этого, но я была терпелива. Стены украсили золото и прекрасные картины. Драгоценности и жемчуг инкрустировали золотые и серебряные пластины. Пища должна была быть самой экзотической и щедрой, которую могли бы создать мои слуги.

В ночь банкета я оделась в самые дорогие ткани. Все они пришли, все те, кто замышлял для моего возлюбленного смерть. Темной и безлунной была та ночь, сильный ветер нес жгучий песок в их глаза и ароматные парики, когда они добирались до входа в камеру. Факелы трепетали на ветру, бросая жуткие тени. Я закуталась в свой прекрасный льняной плащ и следовала за большим золотым саркофагом, когда рабы несли его в камеру. Там они пировали и пили, вспоминая и восхваляя славу Моего Возлюбленного.

Они ели и пили, а я смотрела. Я стояла во всех моих королевских одеждах с символами правительницы двух земель и подняла руки над головой для драмы.

— С удовольствием я попросила бы вас остаться здесь и подождать, пока я провожу своего возлюбленного до его могилы, — я взмахнула рукой, указывая на обилие деликатесов.

Жадные и всегда верные своей природе, они

стали поглощать с жадностью все, что было для них приготовлено. Входные двери были закрыты и заперты на засов теми, кто стоял за мной, когда я последовала за саркофагом по туннелю, заперев всю жестокую нечисть внутри. Увы, там осталось много верных слуг, которые выбрали этот путь, чтобы почтить своего убитого Господина и Фараона. Туннель не вел к пирамиде, а выводил на поверхность и в ночь. Ветер стих, и нас окружила страшная тишина, когда мы расстались, чтобы завершить свои задания в эту ночь.

Рабы отвезли саркофаг в пирамиду и гробницу Мерен-Ра, и я приступила к своему одинокому и ужасному плану. Я вернулась к входному туннелю и проверила, что двери были должным образом заперты. Я потянула декоративный рычаг и открыла в камеру доступ водам Нила. Я услышала слабый вопль, когда открылась правда, но вскоре стало тише, слышны были только плеск Бога Великой реки с другой стороны двери и тихие звуки ночи.

Но мой план не удался.

— Нитокрис, моя королева, — послышался голос скользкий, гладкий. — Что ты наделала?

Я повернулся, чтобы взглянуть на дядю, его лицо было еще более мрачным в свете мерцающего

фонаря, который он нес.

— Полагаю, я сильно усложнила для тебя возможность использовать меня в качестве марионетки. Как ты меня убьешь? Я хочу лечь рядом с моим супругом.

— Так и будет, — ухмыльнулось мне похожее на череп лицо.

Перевод: Р. Дремичев

Джеймс Уильям Хьорт
Жрец Йхагни

James William Hjort «Yhagni's Priest"

I. Согласованное движение

Как долго он лежал, ощущая только боль, он не мог определить, не мог рассчитать, потому что его мысли не текли по когерентным каналам. Казалось, ничего нет, кроме агонии, и основного стремления к облегчению боли.

Он лежал на кровати, укрытый толстыми одеялами в комнате, освещенной лампами девятнадцатого века. Желтое свечение рассеивалось по комнате, придавая теплую мягкость всей об-

становке, настенным гобеленам, письменному столу в углу и полкам, беспорядочно заставленным потрепанными книгами.

Но он не обращал на это внимания.

Его голова пульсировала постоянно, глаза болели, и странное гудение наполняло его уши, как океанские волны, колотящиеся о прибрежные скалы. Страдания мешали собраться с мыслями, но восприятие окружающего осталось.

Смутно, сквозь прищуренные глаза, как человек, который только что вышел из долгого заключения в подземелье, он увидел, как дверь распахнулась, и в нее вошла грациозная фигура с подносом. На нем не было еды, а просто бокал, наполненный янтарной жидкостью.

— Наконец-то ты проснулся, — услышал он мягкий женский голос. Он прикрыл глаза от боли.

— Здесь, — сказала она, и он почувствовал, как к его губам прикоснулся край бокала. — Напиток.

Как автомат, как больной ребенок, он повиновался, медленно глотая янтарную жидкость.

— Вот так, — сказала она успокаивающим тоном.

Постепенно, в течение нескольких мгновений он начал ощущать, как боль отступает. Наконец его дыхание успокоилось, а линии, пересекаю-

щие лоб, смягчились, как суровые черты лица, смягчаются с возрастом. Вскоре он обнаружил, что может открыть глаза без сопровождения боли.

Впервые он внимательно осмотрел комнату. Ее обстановка была незнакомой, книги и резной стол, а так же причудливо вышитые портьеры на стенах.

Немного ближе стоящая на подставке ночная лампа изливала на лицо девушки тусклое свечение. Она сидела на краю кровати, как красивая нянька, мягко промокая его лоб тряпкой, погружаемой в таз с прохладной водой.

Опять его глаза сузились, но не от боли, а смущения и удивления. Ибо, хотя девушка и показывала всем видом, что хорошо его знает, ее лицо было так же незнакомо ему, как и комната. Узнавание ускользало от него.

Когда он попытался сесть и поговорить, она положила ему на плечи свои руки и удержала его.

— Нет, — прошептала она, ее слова текли мягко, словно неторопливый ручей. — Ты должен отдохнуть. Восстановить свои силы. Не торопись, пусть все вернется само по себе. Ты вытерпел великое испытание, и для восстановления потребуется время.

Он опустился назад, наслаждаясь прекрасными чертами лица девушки, округлого, утонченного, с убранными назад волосами, украшенными странными серебряными тесемками. Ее одежда напомнила ему что-то из «Кентерберийских сказок», платье пастельных тонов, которое открывало больше, чем простой намек на нежную плоть под ним.

Он отвел глаза, когда она, казалось, смутилась от его взгляда.

— Ты не помнишь меня, — сказала она. — Я чувствую это в твоих глазах, наполненных молчаливыми вопросами.

Улыбка коснулась ее губ, не откровенных, но нежных.

— Ты даже не помнишь кто ты, не так ли? Подумай. Скажи мне своё имя?

Он попытался. И хотя он пронесся по краям своего сознания с неуловимостью бабочки, он все еще не мог вспомнить имя.

— Скоро твоя память вернется, и ты узнаешь, кто ты, что сделал и что еще предстоит сделать.

Она поднялась с улыбкой на лице.

— Теперь я должна позаботиться об Отце.

Он попытался что-то сказать, но она остановила его, приложив палец к своим губам:

— Тсс. Попробуй поспать. Скоро я вернусь.

Забрав поднос с пустым бокалом, она вышла из спальни, оставила его наедине со своим разумом, переполненным вопросами.

II. Воспоминания и восстановление

Это было правдой. Он не помнил девушку, это место, даже свою личность. Эти вещи ускользали от него, словно он пытался удержать ветер. Может быть, предположил он, если бы он смог увидеть отражение своего лица? Он оглянулся. На дальней стене висело зеркало. Но даже не пытаясь встать, он почувствовал, что его ноги слишком слабы для этого.

Затем он задумался о девушке. Ее манера была нежной, успокаивающей. И все же он не мог изгнать слабое чувство, что что-то еще скрывалось за ее словами утешения.

Может быть, опасение? Что-то беспокоило его, как будто все было не правильным, обстановка приглушенная темнотой, как тень, стремительно скользящая под водами кристаллического бассейна.

Но, несмотря на это, по крайней мере, он ощущал комфорт. Ужасная головная боль была облегчена на время. Очевидно, о нем хорошо

заботились. И пусть он не мог вспомнить последних событий, у него не было желания быть в другом месте.

Он откинулся назад, закрыв глаза.

Возможно, путем ассоциации он мог бы породить намек на определение своей личности, того, где он был, или где находился.

Он думал о городах, метрополиях с небоскребами и тускло освещенными переулками. Бостон. Нью-Йорк. Даллас. Высокие фаллические структуры из бетона и стали, изобилующие жизнью и все же какие-то безжизненные. И более мелкие: Колфакс, Аркхем, Меландо. Они были знакомы ему, но он не мог представить себе, как жил в этих местах. Никакой реконструкции его прошлого не было, и не было никакого чувства привязанности к этим названиям.

С удивлением он легко напомнил названия других мест. Кали, Игнар-Ват, Картмеш, пропасть Й`Куаа, Юггот, Ирем и Город Колонн. Опять же, существовала некая неопределенная связь, но ничего существенного.

— Отдыхай, — слова девушки вернулись, как эхо, скользящее между каменных стен грота. — Скоро твоя память вернется, и ты узнаешь, кто ты, что сделал и что еще предстоит сделать.

Когда головная боль утихла, всего лишь через несколько мгновений он погрузился в глубокий и продолжительный сон.

Однако его сон не был спокойным, и кровать часто вздрагивала, когда он ворочался и метался во сне.

Как у человека, поглощенного лихорадкой, его лицо исказилось от видений в его голове. Холодный пот выступил на его лбу, стекал по щекам и крошечными ручейками тек на подушку.

В его снах двигались привидения, кружились, как разноцветные чернила в бассейне колдуна или пестрые узоры на крыльях мотыльков. Они сливались, соединяясь в формы, которые были нечеткими, но не полностью бесформенными.

Постепенно туман отступал перед его взором, и он смог оглядеться вокруг. Огромные стены простирались в обе стороны, перед ними высились плотные ряды колонн, которые стояли на фундаменте, вершины которых вздымались вверх под неправильными углами и странно наклоненные.

Подобно стражам, столбы возвышались с обеих сторон рядами, украшенные резными фигурами и рунами какого-то чуждого языка, иероглифами, которые изображали сцены сверхъестественных

перспектив и существ, чуждых земным.

Здесь были крылатые существа, чьи губчатые лица имитировали руки, которые заканчивались скоплениями щупалец или червями, отвратительные чёрные похожие на собак твари, гончие с мордами земляных волков.

И все же, когда он смотрел на это неземное, многообразие уродов, казалось, что они не были совершенно чуждыми ему, как будто он видел их раньше, так или иначе. Как будто они были больше, чем вымыслы странной мифологии или вызванной грезами фантазией.

Он шел, и колонны, украшенные звериными фигурами, впереди сходились к тому, что казалось похожим на некий алтарь. А позади него две огромные двери стояли приоткрытыми, маня скрывающейся за ними темнотой. Они приглашали его изучить секреты по ту сторону, маня его, словно ламия, которая заманивает свою жертву и возлюбленного обещанием фиолетовых губ и возвышенной смерти.

Каким-то образом, в самых глубоких нишах своего разума, задрапированных за завесами невежества, он знал, что лежит за дверями. Но память ускользала от него, исчезая как духи, чьи запахи можно вспомнить, только если почуешь

их снова.

В конце концов, раздался скрип, решетка качнулась на древних петлях, металл заскрипел по металлу, как ворота избегаемого мавзолея, как двери склепа, где двигались твари, что должны быть давно мертвы.

Даже когда звук ужалил его уши, его сердце затрепетало в молчаливом ответе. Безумные страхи подтолкнули его к действиям. Он повернулся, чтобы убежать, бежать быстро, словно бесформенные демонические твари преследовали его по пятам. С одной стороны, колонны проносились мимо, как стремительно парящие стервятники, пока не слились в размытое пятно, которое распространилось, чтобы заполнить его все видение.

Он проснулся, подушка его была сырой от пота. Его одежда прилипла к коже, как будто его окунули в черный бассейн, в пещеру полную холодных липких вод.

Сны исчезли при пробуждении, оставив в его сознании лишь неприятный осадок и затянувшееся предчувствие угрозы. К его ужасу головная боль возвращалась, как неумолимый поток лунных приливов, как мощный зверь, которого можно было изгнать лишь на время.

Дрожащими руками он потянулся помассировать виски. Он вздрогнул, потому что обнаружил выпячивающийся наружу из его правого виска бугорок. От прикосновения он почувствовал острую боль, которая атаковала его с той же яростью, как если бы он соскабливал плоть открытой раны острым стеклом.

Это происшествие заставило его голову запульсировать с большей интенсивностью, чем раньше, поэтому, испытывая боль, он задавался вопросом о своем прошлом, — это был серьезный удар по виску, возможно, произошла какая-то жестокая авария, которая оставила его с сотрясением мозга, отсутствием памяти и жуткой головной болью, которая приходила, когда кровь пробивалась сквозь поврежденную ткань.

Возможно, пробиты кости черепа. Такая травма могла бы служить хорошим объяснением его тяжелого положения и периода выздоровления.

Он жаждал обещанного возвращения девушки, чтобы получить еще той янтарной жидкости, чтобы облегчить боль и предотвратить возвра-

щение нарколепсии[259]. Ибо, несмотря на злые сны, его тело жаждало большего отдыха.

Как долго он спал? Единственное окно комнаты было завешано тяжелыми шторами, не пропускающими света, и он не мог определить день сейчас или ночь. Ни одни часы не висели на стене, отсчитывая поток времени, их не было и на столе в углу, заваленном книгами, бумагами и свитками.

Книги лежали беспорядочно с открытыми страницами, что указывало на то, что их использовали для розысков или наведения справок, но не для чтения. Что-то в мыслях о бумагах и свитках тронуло струны его памяти. Названия приходили на ум, возможно, бессмысленные, но с ароматом древности — Манускрипты Пнакотика, Осколки Кофа и Йхондау Тхане. Названия были похожи на горстку музыкальных нот, знакомых — но еще слишком коротких, чтобы восстановить всю симфонию.

Музыка, подумал он. Здесь была музыка.

---

[259] Примечания: 259

Нарколепсия — заболевание нервной системы, относящееся к гиперсомниям, характеризуется дневными приступами непреодолимой сонливости и приступами внезапного засыпания, приступами каталлексии, то есть внезапной утраты мышечного тонуса при ясном сознании, нарушениями ночного сна. Иногда отмечается кратковременная парализованность тела сразу после пробуждения.

Он закрыл глаза, расслабив свои лицевые мышцы. Сопротивление боли только лучше поспособствовало этому. Он позволил музыке вернуться по собственному желанию. Нежные звуки собрались, как деликатно играющие флейты, и все же были подчеркнуты другими шумами, расплывчатыми, неопределенными, словно вообще не являющимися музыкой. Он дрейфовал, словно скользил по безмятежным водам, течение которых неизбежно несет его в логово поющих лорелей[260].

Снова он оказался в храме.

Теперь он знал, что это было — святилище, убежище, храм вечной тени, куда свет солнца никогда не проникает, расположенный глубоко в земле, погребенный под неизмеримыми слоями камня и почвы.

Шум был различим среди музыки, похожий на стоны, которые вырываются из голосовых связок плоти, а не инструментов ручной работы… густые липкие звуки, вырастающие до жуткого вопля.

Звуки флейт усиливались в ответ на глубокие грохочущие звуки, или они были больше похожи на слова? — шум какой-то огромной

---

[260] Примечания: 260
Речная фея — центральный персонаж романтической поэзии.

бесчеловечной твари, неземной, отвратительной и все же неоспоримо привлекательной, сродни низкому стону ламии, перед тем как она пожрет своего возлюбленного. Затем, без каких-либо определенных намеков, он понял, что музыка предназначена для него, как и песня, исполняемая лично ему, и он вздрогнул.

Мысли потекли необузданным потоком, и до тех пор, пока он позволял им это, он забыл о муках, которые терзали его висок. Он находился без сна в комнате, продолжая воспринимать их обрывки.

Сцена его грез сменилась. Другие формы скользили перед его взором, похожие на резные фигуры, украшавшие колонны храма. Но это были не простые изображения, вырезанные и нарисованные на камне неизвестными руками, но по-настоящему реальные, полностью сформированные.

Твари. Твари, которые парили над вздымающимися вверх башнями на своих кожаных крыльях, спешащие по своим темным поручениям. Твари, похожие на летучих мышей, чьи тела были длинными и змеевидными, с лицами чуть больше, чем светящиеся шары, утонувшие в чешуйчатых черепах. Они метались над городом,

переполненном зданиями и конусообразными сооружениями, похожих на кучи песка в чудовищных часах.

И в городе внизу бесчисленное множество других существ двигалось по наклонным улицам, по косым пандусам, которые проходили под странно изогнутыми арками. Существа, которые медленно сочились, а не шли, которые текли или ползли, как огромные богохульства змей и насекомых. В тени они двигались, как скользящие трупные черви, или улитки, или слизни; с невидимыми органами передвижения и придатками, функция которых была столь же неопределимой, как базальтовые архитектуры, через которые они путешествовали.

Здесь были и другие, другие, которые жили в разных местах, перспективах и климатах, за пределами; бесчисленное множество крылатых, ракообразных, внеземных насекомых, тварей, покрытых сверкающими, проникающими глазами, красными щелкающими ртами и щупальцами, ощетинившимися шипами и выступами, и с широкими глотками.

— Дети, — подумал он. — Все дети. Тысячи молодых. Отродья. Миньоны. В тысячах мест, разделенных морями и заливами пространства,

они обитают и ждут. Ждут.

Он моргнул, и все исчезло, пропало из его расстроенных мыслей и все же осталось, досаждая ему где-то на краю сознания. Почему эти видения пришли с такой легкостью, в то время как детали его прошлой жизни остались туманными и неприступными?

III. Ее первое возвращение

Смутно он осознал, что звук стука вернул его к реальности спальни. Чувства облегчения и беспокойства нахлынули на его. Девушка, подумал он довольный.

— Войдите, — выпалил он и удивился звукам своего голоса, потому что он казался странным, не его собственным, как будто он услышал его впервые.

— Ах, — улыбнулась она, когда вошла снова с подносом и бокалом. — Ты проснулся. Ты спал?

Он утвердительно кивнул, когда она предложила ему бокал. Его рука все еще дрожала, он схватил бокал и поднес к губам. Бокал был немного больше прежнего, жидкость внутри почти малиновой, как будто в янтарное лекарство была добавлена кроваво-красная составляющая. Она казалась немного гуще, чем раньше, и имела

солено-сладкий вкус. Отвар, предположил он, добавленный, чтобы помочь ему восстановить силы.

Она несколько мгновений пристально осматривала его лоб.

— Да, — сказала она. — Ты отлично справляешься. Это не продлится долго. Отец тоже вполне успешно восстанавливается.

— Скажи мне, — сказал он, обретя свой голос. — Скажи мне, кто я, что случилось? И кто мы — друзья, брат и сестра… любовники?

Она замерла, протирая его лоб чистыми тряпками, меняя его подушку на другую сухую и удобную. Он смотрел ей в глаза, и выражение, которое он видел, отражало тоску и страстное желание. Но было также очевидно, что что-то сдерживало ее, соперничая с ее желанием ответить. За ее глазами развернулась небольшая борьба.

— Нет, я не должна, — сказала она наконец. — Отец говорит, что твоя память должна искать собственные пути, чтобы вернуться, иначе…

— Иначе?

Наступила пауза, в то время как ее взгляд переместился вниз, сломав мост, который вел к ее глазам.

— Иначе наступит шок… это может побудить твой ум отступить еще дальше, и наша работа будет отложена на несколько недель, может быть, даже на месяцы.

— Что ты…

— Пожалуйста, не спрашивай. Я люблю тебя, ты не видишь этого? Лучше, чтобы ты смог вернуться сами… Как давно я этого хочу, — она взяла его за руку, — …чтобы мы снова стали такими, какими были.

Он все еще не узнавал ее, но сердце его откликнулось на эмоции, которые она выразила. Он попытался привлечь ее к себе, сострадание, которое хлынуло потоком внутри него. Но она отстранилась.

— Скоро. Скоро, — сказала она, произнося слова, чтобы успокоить, возможно, больше себя, чем его. Она встала, быстро, так словно промедление могло сломать ее решимость.

Он был смущен, одурманен, страдал от мыслей, что здесь было нечто большее, чем простая травма головы.

— Дай мне хоть что-нибудь, — умолял он, когда она потянулась к декоративной дверной ручке. — Имя, твое имя, по крайней мере…

— Карина, — сдалась она, когда дверь уже за-

крывалась за ней.

Карина, подумал он, откидываясь назад. Имя ее перекатывалось в его голове, как бесконечный шорох набегаемых на берег волн.

IV. Библиотека

Действительно, отвар, который она добавила в бокал, был сильным и оживляющим. Он согрел живот и успокоил дрожащие руки и колени, так что ему даже казалось, что он сможет подняться с постели, чтобы взглянуть в зеркало, и внимательно просмотреть рукописи, разбросанные на столе. Он надеялся, что найдет какую-то подсказку в отношении своей личности, что-то, что подтолкнет его воспоминания и изгонит забывчивость. Хотя, с другой стороны, он размышлял, если его амнезия была вызвана ударом по голове, возможно, только время исцелит травму и принесет с собой возвращение его прошлого.

Когда он отбросил своё одеяло и встал с кровати, его голова запульсировала в ответ. Головокружение нахлынуло на него, как будто он стоял на шатающихся зубцах древних руин, глядя вниз с неимоверной высоты. Но через мгновение приступ сошел на нет. Медленно он подошел к столу и висящему на стене зеркалу.

Лицо взглянуло на него, заключенное в ртуть. Это было лицо одновременно знакомое и чужое. Он приложил пальцы к щекам, проследил линии тонкого, изможденного лица. Его глаза были глубоко посажены и окружены фиолетовыми пятнами, как у того, кто подвергся страшному испытанию или страдал от продолжительной болезни. Но даже в этом случае блеск решительности был в этих глазах, а также мягкость, как если бы он был тем, чья резолюция и намерения были связаны с пониманием и состраданием. Черты лица не были грубыми, а в более здоровом состоянии были бы твердыми и строго очерченными.

Светлые брови нахмурились, когда он увидел желвак, который болезненно украшал его висок. Ибо это было больше, чем кусок розоватой плоти, пронизанный темными прожилками и крапинками, как яйцо какой-то безвестной рептилии.

К сожалению, вид его лица не приоткрыл завесы памяти. Единственными воспоминаниями, которыми он обладал, помимо девушки и его нынешнего положения, были теми вещами, которые он увидел в своих снах, и они, несомненно, были порождением кошмара, созданного беспокойный разумом. О своем прошлом, своей личности, сво-

ем месте рождения, как он оказался в этом доме, кем был отец Карины, — об этом и многом другом он совершенно ничего не знал.

Возможно, он найдет какой-нибудь ключ на открытых страницах, лежащих перед ним, какой-то намек, какую-то фразу или текст, которые послужили бы катализатором для восстановления его подлинной сущности.

Но пока он стоял там, возобладало жуткое чувство отчуждения — сродни невыразимым чувствам одиночества и небытия, которые приходят в безлюдных местах, во время молчаливого созерцания бездны пространства и звезд ночью. На данный момент он чувствовал себя странно чужим, как будто он каким-то образом не принадлежал себе, как будто его вырвали из другого мира, другой жизни и засунули в чужую среду.

Для него девушка казалась нереальной, как и комната, и тело, в котором он был. Реальность каким-то образом была связана с особенностями его кошмаров, храмом, и то, что он знал, должно было ждать его по ту сторону тех массивных дверей.

Он покачал головой, прогоняя грезы, и просмотрел бумаги, которые привлекли его внимание. Как он и подозревал, это были заметки о неко-

торых исследованиях, переписка и отрывки, отмеченных в разных справочных работах, — некоторые целые, некоторые крошащиеся от покрывавшей их плесени, в кожаных переплетах и с застежками из чугуна и медными навесными замками.

Когда он внимательно прочитал их, его недоумение лишь увеличилось. Большая часть того, что он видел, казалась полной тарабарщиной, хроники какого-то еретического суеверия, басни или народные сказания. Но в трудах пытались проследить определенные связи и сходства, существующие в доктринах Египта и Вавилона, друидизме и даже в верованиях некоторых североамериканских индейцев.

Разбросанные записи, как он обнаружил, были недавно написаны на чистой бумаге и были, по-видимому, собранием различных выдержек из книжных текстов и отрывков. И это привлекло его внимание.

Был ли он автором или получателем этих конкретных заметок, он не мог определить. Но то, что они предлагали, было мрачно интригующим. Та, которую он сейчас держал в руках, представляла собой письмо к ученому или коллеге…

«Не думайте, Джонатан, что то, что написано в тех рукописях, которые вы нашли, рассказывает всю историю. Ибо даже образцы ткани могут быть изменены или картины отретушированы, чтобы порадовать зрителя, поэтому истина искажается с течением времени. Как и в истории человечества, изменения были совершены больше за счет упущений, чем с помощью прямой фальсификации. Хотя я боюсь, что мы также можем увидеть и справедливую долю этого.

Говорят, что истории написаны теми, кто побеждает в битвах.

Что касается тех исследований, в которых вы принимаете участие, Джонатан, несомненно, вы признаете большую часть как правду, которая лежит в основе легенд Ктулхуизма. И хотя публично над этими теориями насмехаются или, по крайней мере, они игнорируются научными кругами этого университета, существует ядро людей, которые считают иначе. Как вы знаете, я причисляю себя к их кругу.

Но следует ли эти рассказы принимать

за чистую монету или исследовать как аллегории конфликта и власти и возрождения другой реальности, я не знаю. Время и дальнейшие исследования, возможно, подскажут. Хотя все больше и больше я становлюсь убежденным, что основополагающая база для этих легенд — жизнеспособная реальность, с которой можно бороться.

Я давно с нетерпением жду того момента, когда грант предоставит мне свободу проводить исследования, необходимые для обоснования некоторых из этих вопросов, и был бы очень рад, если бы вы посетили меня в удобное для вас время, чтобы обсудить возможности в дальнейшем присоединиться к такой экспедиции. Я уверен, что Карина, с которой вы познакомились, разделяет мой энтузиазм и ожидание вашего визита.

Ваш, Маккензи».

И другое:

«Не то, что он написал, привело Абдула Альхазреда к безумию, отвратительному и вызывающему кошмары, как те тва-

ри… но те твари, о которых он не смог написать, или описания которых позднее были изъяты из оригинальной арабской рукописи. Очевидно, что были внесены изменения в разное время. Известно, например, что копия „Некрономикона“ хранящаяся в Мискатонике исключает несколько отрывков, которые имеются в арабской версии. Один из них касается воскрешения мертвого тела колдуна посредством усилий его собственной неукротимой воли. Как и в других. Это вмешательство было выполнено с какой-то целью.

Есть слова, которые если написать, воспламеняют саму бумагу, на которую их наносят, и другие, которые если произнести, заставляют гнить язык во рту говорящего. В Колфаксе я нашел такую ссылку, а также эту довольно необычную фразу:

Yhagni pthagi tal kai pthagiis
Йхагни грезит в своих снах

Существует текст, называемый „Оскол-

ки Йхондау Тхане“, который призван выявить некоторые несоответствия в Общепринятых Текстах Ктулху. В нем представлены доказательства подделок, изменений, упущений. В нем раскрывается существование до сих пор неизвестных членов Великого Пантеона.

Есть более глубокие тайны, чем Хастур и Йог-Сотот, Азатот и Ньярлатотеп.

Йхагни грезит в своих снах

Хотя я собрал фотокопии свитков, которые предшествовали кодексам первого века, „Осколки Йхондау Тхане“ кажутся гораздо более поздними, возможно, восемнадцатого или девятнадцатого веков… некоторые фразы, словосочетания, предлагают последнюю дату. Некоторые части не нуждаются в переводе…

„Осколки Йхондау Тхане“ — первоначальный перевод манускриптов ккалф аткс:

„Великая и чудесная Йхагни, во вратах твои дети восхвалят тебя и ждут с распростертыми объятиями твоего счастливого возвращения.

Ветер говорит их голосами, и земля

бормочет их знания. В темноте они ступают, и Великий Ктулху, Их двоюродный брат, но даже он может увидеть их лишь смутно.

Об их славе и величии избранные лишь узнают, и когда враждебные врата, которые удерживают их в покое, растворяются, и звезды займут правильное положение, тогда они возвратятся. Тогда Посланник отправится в Р`льех и Кадат, и Юггот, и все другие места, разнообразные и разбросанные, где они ждут…

И горе будет тем, кто [неразборчиво]

До времени их прибытия, и все уходящие циклы, те, кто служат им, должны дать им прибежище и своё поклонение и кормить их.

И когда [неразборчиво] Те, что скрываются на глубине, первородные наблюдатели вне времени, и все же за все время будут [неразборчиво] И дьявольские миньоны, отродья, которые готовятся к их возвращению к величию и несут их знак на своей плоти [неразборчиво] И это будет признаком принятия в священство, [неразборчиво] и из этого взрастет сама

плоть Йхагни,

Yhagni pthagi tai kai phtagiis
Йхагни грезит в своих снах“

Ее имя вырвано из анналов и его избегают даже жрецы Ктулху… даже безумный араб не упомянул о ней в „Некрономиконе“, кроме символа и неясного пророчества.

Ктулху служат глубоководные, а его братьям дхолы, Отвратительные Ми-Го, народ Чо-Чо, Гуги, Призраки ночи, Шогготы и Вурмисы, и Шантаки, и все остальные… Все те, кто являются потомками Детей Древних и ждут их возвращения.

Но Йхагни живет одна, служат ей только жрецы в ее Храме Колонн в глубине Киартхольма.

Ее избегает даже ее двоюродный брат Ктулху и ненавидит Хастур за ее отвратительность. И еще… потому что она грезит в своих собственных снах, и мечтает о своем господстве. И от моря до моря, и от луны до самого солнца, она в один прекрасный день будет властвовать.

Ибо она была заключена в тюрьму не Старшими Богами в прошлые века, но теми, кто представляет ее Собственный Вид, задолго до того, как они сами были подавлены Владыкой Бездны и брошены во Внешнюю Тьму и в далекие заброшенные места смерти, где они погружены в сон и находятся в плену.

Это их руки, что поднялись против нее. И Йхагни ничего не забывает, Йхагни мечтает о мести».

Он сделал паузу, помассировав переносицу пальцами, чтобы снять напряжение с глаз и убедиться, что то, что он прочитал, действительно было реальным, а не продолжением его злых сновидений. Однажды он поймал свою руку, двигающуюся в бессознательном жесте к виску, но воспоминание о его крайней чувствительности к прикосновениям быстро остановило это действие.

Он утомился, но не мог оторваться от бумаг, потому что, несмотря на их дикие и причудливые доктрины, они были интригующими и влекли его, как железную щепку к магниту.

Он исследовал другое письмо или его часть:

«Где ее убежище? „Осколки“ описывают ее звезды и их позиции. Вы понимаете, что это значит? Звезды подходят для этого полушария! Даже учитывая их сдвиг с момента написания „Осколков“, они видны только с севера Американского континента в их предписанных положениях по отношению друг к другу.

— Она здесь! Она здесь!»

Продолжение из «Осколков», было на другой странице:

«О Великих Древних сказано, что они бессмертны, потому что они не обладают жизнью, как ее понимает человек, и не обладают смертью. И все же, как бы то ни было, они нуждаются в средствах к существованию и пище.

Что касается их отродий, отвратительных и многообразных, — то они несут в себе в различной степени сходство и родство со своими родителями и существуют в разных формах и скрытных местах.

Их власть и силы намного меньше, чем у их родителей, но они так же отвратительны, и ужасны, и беспощадны. И они

приносят свои плоды на ЭТОЙ стороне врат и порождают своих отродий. Некоторые из них удерживают древние сигилы, многие живут в замкнутых царствах и в ограниченном пространстве, но они не полностью ограничены в своих местах и подвижны в циклах, и размножаются в своё время.

Но их времена не для сынов людских, и их пути отличны от путей человечества. В ужасных местах рождаются их потомки и не выразить словами эти пути… [неразборчиво].

Ибо Врата — есть плоть, А хищные — молодые, когда рождаются… Йхагни мечтает о детях.

Но Йхагни — это ВСЕ, и ей не нужен помощник. Она — отец и мать, прародитель и зверь, начало и конец. И она живет одна в принадлежащем ей — Храме Колонн».

Далее следуют некоторые наброски, добавленные красным карандашом рядом в кавычках:

«Жреческая линия вымерла или давно была уничтожена, она десятилетиями остается без внимания и без присмот-

ра. Неизвестно, были ли старые жрецы настоящими строителями этого дома или нет. Возможно, некоторые ничего не подозревающие группы построили это место себе в помощь, намереваясь использовать нижние пещеры для защиты, например от урагана или во времена войны… и впоследствии были вытеснены культом.

Остерегайтесь ее прикосновения. Она касается плоти и делает ее своей. Потому что ее прикосновение — это смерть, и ее плоть бродит в одиночестве».

Здесь следовал знак вопроса, и заметки, написанные как комментарии или возможные объяснения.

«Она пожирает плоть? Ассимилирует в свою сущность, как мы делаем с пищей, которую потребляем? Или она может появиться в облике плоти? Возможно, гуманоидный вид или его подобие? Что? Она мобильна? Сигилы определяют ее сферу деятельности, не так ли? Может ли наше открытие быть более чем случайным? Мог ли ее разум достичь нашего,

потому что настало время для возобновления служения ей? Потому что она готовится к появлению?»

Об этих вещах он читал и о многом другом. И из них, как куски огромной головоломки, он начал реконструировать, по крайней мере, вероятные происхождения самого себя.

Он понял на уровне чувств, что его зовут Джонатан, что он был своего рода учителем или, по крайней мере, ассистентом профессора в специализированной области исторических исследований, ведя хроники фольклорных знаний и старой религии, возможно, археологии.

В сотрудничестве с другим педагогом из колледжа, Маккензи, он приступил к более конкретным исследованиям. Они обнаружили смутные ссылки на неизвестное ранее божество или странного идола некоего божества, который принадлежал к туманной и, казалось бы, непротиворечивой мифологии инопланетных существ, которые просачивались на землю в изначальные времена, обладали властью и были вытеснены неясно описанными старшими богами или заключены в тюрьмы в разных временах, пространствах и местах, скрытых на земле и во всей вселенной.

Здесь преобладала повторяющаяся тема последующего возрождения и возрождения их господства, в отличие от Мессианского цикла библейских тем, но злобной природы, более сродни частям «Книги Откровения», которая описывает Змея, брошенного на тысячу лет в пропасть, стремящегося вернуться, чтобы сразиться со святыми.

И было бесчисленное множество мифов, чью взаимосвязь он едва ли мог понять в этот момент.

Он подозревал, что он и Маккензи проследили поклонение божеству по окружающей местности. Жрецы, возможно, жили в этом самом доме. Были катакомбы и проходы под землей по всему региону. Возможно, даже под его ногами.

Что с ним случилось? Как он был ранен? В газетах он ничего не нашел, да и мог ли ожидать что-то иное. Возможно, они были на пути к чему-то, он и Маккензи, который, несомненно, был отцом девушки, Карины?

Возможно, их атаковал кто-то, кто возмутился их любопытству? Или они просто упали? Возможно, при изучении некоторых местных районов или разрушенных храмовых сооружений, расположенных поблизости? Он не обнаружил

никаких следов или синяков на других частях своего тела, чтобы обосновать теорию о том, что он упал, но желвак на его голове намекал на сотрясение или аварию.

Он вспомнил фразу. «Скоро настанет день, и в этот день, все, что хранилось в тайне, и что было сокрыто, откроется».

Он надеялся, с безрадостной усмешкой, что то же самое будет верно для его памяти.

Какое-то время спустя его слабость, его бессилие стало возвращаться. И когда он перевернул одну из последних страниц, он почувствовал, как оттенок тошноты скручивает его кишки, оттенок, который быстро начал переходить в саму тошноту. Внезапно тяжело задышав, он шагнул к своей постели.

Потянувшись к металлической утке дрожащими пальцами, он вытащил ее как раз вовремя, его стошнило.

Толстые глобулы черноватой слизи заполнили таз. С головокружительной слабостью, которая следует за рвотой, он опустился на кровать.

Однажды он уже истекал кровью после извлечения зуба, и впоследствии извергал сгустки загустевшей крови из желудка. Но когда он попытался ухватиться за это воспоминание, оно

исчезло, как будто кто-то воспрепятствовал его усилиям.

Он вытер рот полотенцем, которое взял с тумбочки, нервно, слегка подрагивая. Он сильно перетрудился, и бульон не остался в его животе.

Сон пришел, наполненный кошмарами, и влажный.

V. Фантасмагория

Когда Карина вернулась, он заговорил первым.

— Я видел сон, — сказал он, держа перед собой бокал, глядя в его закрученные глубины. — …об этом бульоне. Мне снилось, что я видел, как кто-то убивал мелких животных, добавляя кровь в этот бокал, я…

Поднос, который она держала, выскользнула из ее рук, громко зазвенев на полу, как щит, оброненный воином, пронзенным стрелой.

Не сказав ни слова, она начала вытирать ему лоб, менять постель.

— Я не могу остаться. Улучшения отца были недолговечными. У него был рецидив, и я должна его увидеть. — Она произнесла эти слова словно с комком в горле, подавляя всхлипы.

У двери в мучительной тишине она взглянула на него, почти грустно.

— Что я должна делать? Вы читали книги, вы должны… — Она наполовину умоляла, наполовину рыдала. — Ответь мне… это часть ритуала. Это необходимо. Ты был тем, кто всегда убеждал меня в каждом шаге, каждой фазе преодолевать мое нежелание, возражения… Ты и Отец… И теперь ты хочешь, чтобы я… О, Джонатан, я не могу…

Ее слова застряли у нее в горле, но нашли выражение в слезах. Она ушла.

Он был ошеломлен, покинут в ловушке молчания. Была ли какая-то правда в том, что он читал в свитках, бумагах и рукописных заметках? По-видимому, он был вовлечен в какую-то рискованную авантюру за пределом простых исследований мертвой веры, больше, чем раскрытие возрождения древнего богослужения. Все больше и больше он подозревал, что он и Маккензи и девушка были проповедниками, идолопоклонниками. И стремились вступить в священство неясной богини Йхагни.

Он думал о патриархах и колледжах древних тайн, о священниках Вавилона, иерофантанах, являющихся мостами между богами и людьми, служителях, хранителях вечного пламени, мастерах жертвенной крови и диких безумных ритуалах с использованием ножа и заклинаний.

Каковы были обязанности жрецов Йхагни? Если он подвергся некоторому ритуалу посвящения, оставившему его без личности, будет ли его голова, раскалывающаяся от боли, здорова без лекарств?

Достаточно его прежней любознательности, его чувства прекрасного пережило его амнезийное состояние, чтобы он стремился узнать, какие темные секреты могли побудить таких людей, как Маккензи и он сам к таким действиям. И все же, с этим откровением, этой догадкой произошло возрождение нервозности, беспокойства, которое душило его в его кошмарах. Он снова почувствовал тот липкий ужас, который испытал, когда слушал музыку слабоумных флейтистов, когда стоял перед дверями и слышал, как они скрипели в мрачном открытии.

Он лежал на кровати и дрожал, десятки неразрешенных вопросов метались в его голове, превращаясь в ужасные сновидения, когда он переходил из состояния бодрствования в сон.

Вскоре он различил звуки вне комнаты, и когда девушка Карина вошла в комнату, он заговорил, тщательно выбирая слова, не отрывая глаз от девушки, чтобы оценить ее реакцию.

— Когда закончится Посвящение?

Лицо Карины, которая избегала его взгляда, когда предлагала бокал с отваром, внезапно просветлело.

— Твоя память вернулась! — воскликнула она. Но пока она лучезарно улыбалась, стоя над ним, он молчал. Так что скоро ее лицо вновь помрачнело, словно его накрыла тень сомнения и сдержанности. Она искала появления признаков, что он действительно пришел в себя, но от него не было никакого потока любви, никакой радости при виде ее лица, никаких свидетельств воссоединения возлюбленных.

— Нет, — сказала она медленно с грустью и разочарованием. — Она не вернулась, иначе ты бы изменился.

— Она вернулась, частично. Разрозненно. Извини, но то, что существует между нами еще сокрыто для меня. Теперь скажи мне. Когда мы вернемся в Храм Колонн? Что сказал Маккензи?

На мгновение она показалась нерешительной, но затем уступила, очевидно, убедившись в его частичном возврате воспоминаний.

— Сегодня вечером, циклы правильны. А затем не раньше двух дней полнолуния через месяц. Но будут ли твои ноги служить тебе?

— Да, — сказал он и не обманул. — Отвар укре-

пил меня. Теперь иди, скажи Маккензи, что я готов.

Она нахмурилась, не насмешливо, но с серьезной озабоченностью.

— Даже если ты готов, я не знаю как Отец. Что-то в его состоянии беспокоит меня. Все не так как мы полагали. Возможно, было бы лучше подождать следующего открытия. — Она пожала плечами. — Но решать не мне. Так никогда не было. Я узнаю, что он скажет…

Карина подняла поднос, и в один импульсивный момент он потянулся, чтобы схватить ее за руку. И на этот раз она не ушла. В ее прикосновении было тепло, нежность и многое другое. Но на ее лице была озабоченность, явные проявления нежности, которые он испытывал, когда она впервые заходила в комнату за несколько часов до этого. Но тень все еще была там, таящаяся на дне бассейна, темнота в зеркале, дрожь в голосе.

И когда она ушла, он почувствовал нарастание напряжения и волнения; в первый раз ему показалось, что он играет активную роль в том, что случилось с ним.

VI. Это не смерть…

Крик, пронзительный и резкий, заколебал воздух, разбил его концентрацию, заставив его подпрыгнуть с кровати. Затем послышался лязг, когда упал металлический поднос, и звук разбитого стекла. Крики не ослабевали, пугали, охлаждая кровь и чувства.

Все необоснованные страхи и опасения, которые он испытал, все ужасы его сновидений, все его собственные подозрения уступили перед этим резким пронзительным криком.

С сердцем, бьющимся где-то в области горла, он впервые выбежал из своей комнаты и побежал по коридору, чрезмерно украшенному панелями из полированного дерева, уставленному роскошной мебелью, странными украшениями, гобеленами с изображениями нечеловеческих существ и изнеможенных людей в позах поклонения.

Но он не обращал на них внимания, разыскивая источник звука. Он безоговорочно манил его в комнату за углом коридора.

Карина стояла в коридоре. Крик оборвался, и она тяжело дышала не в силах сдержать рыдания.

— Боже мой, Боже мой…

Она пошатнулась, словно пораженная невыносимой печалью. Ее руки закрыли глаза, словно удерживая слезы.

Она прикрыла за собой дверь, немного придя в себя, и прислонилась к ее поверхности, словно ища опору, но создавалось впечатление, что она сдерживает что-то внутри, прячет и скрывает из виду.

Она подняла мутные и опухшие глаза, взглянув на его приближение. Тысячи мыслей вспыхнули за этими глазами, бездонными, туманными. Любовь исчезла, ее заменило что-то другое.

Подобно неудержимому фонтану, эти мысли внезапно вырвались на волю.

— Я должна была знать… Боже, я должна была знать… теперь уже слишком поздно… Это было безумие с самого начала. Ты сумасшедший. Оба вы, а я был дурой, что согласилась помочь…

Он потянулся к ней.

— Нет, не трогай меня! Пусть гнев Йхагни падет на меня. Какое это имеет значение? Вечное Священство, какое богохульство! Какая мерзость! Ты все время заблуждался.

Она горько рассмеялась над каким-то известным ей секретом.

— Она никогда не собиралась давать Тебе или

Отцу жизнь на ее уровне, позволить служить ей так, чтобы она… приняла вас в своё жречество. Ты пища для ее детей! Ты слышишь меня? Пища! Бедный Отец, бедный Отец, слепой дурак!

Он снова протянул руки, чтобы утешить ее, обнять ее, чтобы успокоить, словно пытался удержать ее, он также смог подавить страх, который жил в его душе и не мог исчезнуть.

— О, Боже, оставь меня в покое. Оставь меня в покое…

Она глубоко вздохнула, успокаиваясь, настраивая себя за какое-то действие.

— У нас осталось мало времени. Так мало времени. Если хоть что-то человеческое осталось в тебе, Джонатан, ты не будешь вмешиваться.

Карина говорила это, пересекая коридор. Когда она вернулась, у нее в руках был меч с фигурной рукоятью.

— Серебряный клинок, — пробормотала она загадочно.

В глазах ее появился странный блеск.

— Не пытайся меня остановить. — Затем добавила:

— У нее не будет даже частицы Отца, я не дам ей даже этого…

Пылкая решимость сменила ее слезы. Она толк-

нула дверь, которая качнулась внутрь на своих петлях в немом протесте.

Когда она исчезла в сумраке за дверью, он стоял, ошеломленный, сбитый с толку, в замешательстве, один, как матрос, брошенный на произвол судьбы, столкнувшийся с внезапным и отвратительным бедствием.

Ему нечего было предложить девушке, ни утешения, ни истинного понимания того, что происходило в этом затененном доме. Даже сейчас он был скорее зрителем, чем участником. Он видел дверь, молчаливую и мрачную. Все, что привело девушку к таким внезапным и радикальным изменениям, находилось за ней.

Приглушенные звуки достигли его ушей, стоны и скулеж, а так же тяжелое дыхание.

В тусклом свете он стал свидетелем сцены, словно вырванной из какого-то кошмара. Карина стояла у кровати, держа поднятый меч в руках, и казалась застывшей на границе между действием и нерешительностью.

И тогда на кровати он разглядел нечто, нечто жуткое, как самые отвратительные из порожденных его снами созданий. Оно стояло над трупом старика или его останками.

Голова мужчины была разделена на две части,

кости черепа были полые, а грудная полость раздроблена, как будто была разорвана и выпотрошена. Тварь нависала, изгибалась, приседала, ее очертания колебались, как будто она становилась все более и более сильной с каждым проходящим мгновением.

Она занималась облизыванием трупа, слизывая сочащуюся жидкость, как кошка облизывает новорожденного котенка. Одни части тела твари были тревожно четкими, ужасающе чуждыми, в то время как другие казались еще более отвратительными из-за их бесформенности, — как недавно вылупившиеся осы, белые и частично развитые, слизкие, как слизняки или моллюски, вырванные из их раковин.

От дверного проема он смотрел на эту сцену, веря и не веря в показания своих чувств.

Отвращение и очарование, ужас и восторг объединенные вместе.

Тварь на кровати со своей позиции не видела девушку, не видела, как серебряное лезвие блестело в тусклом свете лампы, как глаза Карины закрылись от слез, когда ее руки снова и снова опускались вниз.

Она рубила ее, просто искромсала. Из ее груди исторгались рыдания с каждым взмахом, с каж-

дым наносимым ударом.

Мерзость, скорчившаяся над трупом, чьи конечности были почти неотличимы от остальных частей тела, не кричала. Но издавала тошнотворное хныканье. Оно зарождалось из голосовых связок и вырывалось из ртов, расположенных в нескольких местах.

Тени комнаты сгустились. Кровь и ихор забрызгали платье и лицо Карины, но она все продолжала рубить.

Щупальца судорожно дергались, скручиваясь, как земляные черви, влажные и толстые.

Наконец, их движения прекратились. Карина упала на колени, ее руки застыли на рукояти меча, суставы были белые, как кости, кулаки сжаты, как тиски.

Она взглянула на него.

— Отдай мне это, — сказал он, протягивая руку, чтобы взять меч. Она сердито посмотрела на него и направила оружие на него, держа его в руках, заляпанных по локоть в крови.

Она поднялась рядом с кроватью, подальше от мокрых простыней и окровавленных одеял. Повернув лицо и меч к нему, она отступила к дверному проему.

— Посмотри, что принесло ваше безумие. По

крайней мере, Отец сейчас свободен. И она не касалась меня. Я не запятнана в ее грязи. Прощай, Джонатан. Ты один из них, и она возьмет тебя…

Последние слова Карины он слышал словно издалека. Его глаза не последовали за ней, когда она убежала, скрывшись в лабиринте коридоров, безнадежно потерянная для него. Боль вновь ударила его, как стальное клеймо, вонзившееся в виски.

Внезапный и сильный всплеск обрушился на него.

Его голова запульсировала, и когда он коснулся желвака, он, казалось, был удлиненным, расширенным, опухшим, выпуклым. Боль усилилась в сто раз, и когда он сделал шаг, он пошатнулся, потеряв равновесие. Давление в его голове нарастало невыносимо. Жужжание атаковало его снова, подобно реву тысячи водоворотов.

Он сжал голову, громко крича, когда руки коснулись нечто, что теперь выступало из его виска, как рога или змеи.

Он пошатнулся словно пьяный, стоявший на краю большой пропасти. Он шагнул к центру комнаты. Инерция привела его к постели, и он рухнул в слизкое месиво, пропитавшее одеяла. Его лицо окунулось в зеленую и малиновую

слизь, липкую, как сочащийся из разбитого яйца белок. Его руки напряглись в тщетной попытке подняться, касаясь острых осколков черепа старого Маккензи, комков разорванной плоти, липких останков и кусков твари, что поглощала труп Маккензи.

Ахеронские пары поднялись от останков, ужалив его глаза, ноздри, обволакивая его.

Каким-то образом он соскользнул с кровати, и сквозь помутневшие глаза увидел бокал с янтарной жидкостью, полный до краев лекарства. Слепо ползя на коленях и руках, он искал стол, затем нащупал бокал.

И когда он, наконец, почувствовал его в своих пальцах, он опрокинул содержимое бокала в рот, не ощущая вкуса, все чувства были притуплены горячей болью в области его виска.

Он опорожнил весь бокал. Но боль лишь слегка ослабла. Словно в тумане он поднялся на ноги, шатаясь, выбрался в коридор и, спотыкаясь, начал спускаться по лестнице.

Он сдвигал столы в стороны.

Лампы падали с них на пол.

Обрывались толстые шторы, когда он хватался за них, ища поддержки, и много раз падал на пол.

Но он продолжал двигаться, пробираясь по коридорам, опускаясь по лестницам в подземные хранилища, в катакомбы и туннели, которые уводили все глубже, глубже и глубже.

Yhagni pthagi tai kal pthagiis
Yhagni Yhagni Yhagni

Слова всплыли, как барабанный бой, пульсируя с той же регулярностью и интенсивностью, что и его нарост.

Они раздавались как в его собственном мозгу, так и снаружи, из-за пределов, из того места, куда его предательски несли его ноги.

Он знал эти коридоры.

Он двигался инстинктивно, снова и снова, пока не оказался рядом с украшенными изображениями зверей столбами, резными колоннами, в камере с высоким сводчатым потолком.

Сегодня вечером циклы правильны.

Йхагни Йхагни Йхагни
Йхагни грезит в своих снах

Звуки флейт заполнили все вокруг, бесконечным эхо витая между огромных колонн, наклонных стен. Послышался стон. Низкие соблазнительные звуки смешивались с высокой

пронзительной музыкой сфер и с шумами в его голове.

В одно мгновение он понял. Циклы были правильны.

Йхагни пришла в своё время. Она отдала им не знак священства к своей плоти, но больше. Она пропитала их своим семенем.

Они служили ей не как отцы, а как носители, хозяева для эмбриона. Один из ее детей вылупился из Маккензи, пожирая его труп и набираясь сил, так же как растущий плод потребляет эмбриональную жидкость.

Йхагни Йхагни Йхагни

Он увидел чудесные двери, и они медленно открывались, призывая, маня. Они требовали войти в тени, где она ждала.

Прежде чем Джонатан увидел ее в ее истинном обличье.

Прежде чем его видение раскололось, и его глаза перестали фокусироваться, поскольку расстояние между ними расширилось.

Прежде чем его голова распахнулась.

И щупальца твари вырвались из треснутого черепа и разломанной грудной клетки.

Прежде чем он упал рядом с открытыми дверя-

ми в последнем приступе пароксизма, — Джонатан произнес лишь одно слово…

— МАТЕРЬ.

Перевод: Р. Дремичев

Роберт Чамберс
Жёлтый знак

«Пусть думает красный восход,
Что сделаем с ночью мы;
Звезд призрачный свет умрет,
Настанет царствие тьмы…»

Robert Chambers «The Yellow Sign», 1895

I

Как много в мире вещей, которые невозможно объяснить! Почему, например, некоторые аккорды музыки заставляют меня думать о коричневых и золотистых оттенках осенней листвы? Почему месса в Сан-Сесиль гонит мои мысли в пещеры, где стены блестят от нетронутого серебра росы? Почему шум и суматоха шестичасового Бродвея вдруг сменяются перед моими глазами картиной

мирного бретонского леса, где солнце проникает сквозь весеннюю листву, а Сильвия нагибается, нежно и удивленно рассматривая маленькую зеленую ящерку, и еле слышно шепчет: «Подумать только, ведь это создание — тоже под покровительством Бога!..»

Когда я увидел сторожа первый раз, он стоял ко мне спиной. Я окинул его безразличным взглядом, даже не заметив, как он скрылся в дверях церкви. Тогда я обратил на него не больше внимания, чем на любого другого прохожего, бредущего в этот час по Вашингтон Сквер. А как только я захлопнул окно и вернулся в студию, то и вовсе позабыл о нем. День был в разгаре, и в комнате стояла страшная духота, поэтому через некоторое время я снова распахнул окно и высунулся наружу, чтобы глотнуть свежего воздуха. Сторож по-прежнему стоял во дворе церкви, оглядел площадь с фонтаном, а потом, все еще вспоминая уличный пейзаж — деревья, асфальтовые дорожки и толпы гуляющих нянюшек с детьми — решил вернуться к своему мольберту. Однако, отвернувшись от окна, я понял, что мой рассеянный взгляд все же прочно запечатлел в памяти этого человека в церковном дворе. На сей раз он стоял ко мне лицом, и я совершенно

бессознательно пригнулся, чтобы получше разглядеть его. Не знаю, что в этом лице заставило меня ощутить такое отвращение, но мне тут же представился омерзительный могильный червь. И это ощущение, что передо мной — толстый белый трупный опарыш, было настолько сильно и тошнотворно, что оно, видимо, отразилось и на моем лице, потому что сторож сразу же отвернулся с очень недовольным видом, а я почему-то подумал о том, как неприятно бывает личинке, когда ее беспокоят в собственном коконе.

Вернувшись к мольберту, я жестом попросил натурщицу принять нужную позу, но поработав немного, убедился в том, что успел испортить все, что уже удалось написать. Пришлось брать шпатель и соскребать с холста нанесенную краску. Дело в том, что цвет кожи на портрете получился какой-то бледный и нездоровый, и мне даже показалось странным, что я умудрился сотворить такое в своей мастерской, где света было вполне достаточно, и все до сих пор получалось у меня отлично.

Я хмуро посмотрел на Тэсси. Но она ничуть не изменилась — здоровый яркий румянец по-прежнему играл на ее шее и щеках.

— Я что-нибудь не то сделала? — спросила она.

— Нет, просто я тут плохо выписал руку и вообще не понимаю, как можно было нанести такое на холст, — ответил я.

— Разве я плохо позирую? — не унималась она.

— Да нет же, все замечательно.

— Значит, это не моя вина?

— Нет, тут все дело во мне…

— Мне очень жаль, — искренне расстроилась она.

Я сказал ей, что можно немного передохнуть, пока я буду очищать скипидаром испорченное место, и Тэсси пошла курить, на ходу перелистывая иллюстрированный журнал «Курьер Франсэ».

Не знаю, был ли испорчен скипидар, или же проявился скрытый брак холста, но чем больше я тер, тем сильнее распространялась по картине эта зараза. Я работал без устали, пытаясь вывести краску, но страшный мертвенный оттенок перебрасывался от руки к руке прямо на моих глазах. Я изо всех сил пытался помешать этому, но краска уже успела измениться и на груди — странная инфекция заражала всю фигуру; казалось, портрет впитывает в себя этот жуткий цвет тления, как губка воду. В отчаянии я отбросил шпатель, тряпку и скипидар в сторону и подумал о том,

какую сцену я устрою Дювалю, продавшему мне этот чертов холст. Но вскоре я понял, что дело вовсе не в холсте и не в красках, купленных у Эдварда. «Наверное, виной всему плохой скипидар, — подумал я. — Или что-то случилось у меня с глазами, и после солнечного света они видят все искаженным». Я подозвал Тэсси. Она тихо подошла сзади и перегнулась через мой стул, выпустив в воздух кольцо сигаретного дыма.

— Что ты наделал с картиной? — в ужасе воскликнула она.

— Ничего, — прорычал я. — Наверное, это из-за скипидара.

— Какой жуткий цвет! — продолжала она. — Ты считаешь, что мое тело похоже на зеленый сыр?

— Конечно же нет, — сердито ответил я. — Разве я раньше когда-нибудь так писал?

— Нет, никогда…

— Вот видишь!

— Да, наверное, это действительно из-за скипидара или из-за чего-нибудь еще, — растерянно согласилась Тэсси.

Она накинула японский халат и подошла к окну. А я тер и скоблил до тех пор пока не устал, и в конце концов схватил кисти и с силой проткнул ими холст, при этом крепко выругавшись

во весь голос, и тут же испугался, что мои слова могут долететь до Тэсси. Так и случилось: она сразу же повернулась в мою сторону и всплеснула руками.

— Ну правильно! Ругайся, веди себя по-дурацки, кисти ломай… Ты три недели проработал над картиной, а теперь посмотри! Зачем же портить холст?.. И что за народ эти художники!

Я же почувствовал себя пристыженным, как это бывает у меня всякий раз после вспышки гнева, и повернул испорченный холст лицом к стене. Тэсси помогла мне очистить кисти и пошла одеваться. Из-за ширмы она продолжала давать советы по поводу того, как надо себя вести, когда чувствуешь, что начинаешь терять контроль, а потом, посчитав, что с меня хватит, вышла и попросила помочь ей застегнуть пуговицы на спине, до которых сама она не могла дотянуться.

— Все пошло насмарку, когда ты отошел от окна и рассказал мне про того жуткого типа, что стоял во дворе церкви, — сказала она.

— Да, наверное, он заколдовал картину, — ответил язевая и посмотрел на часы.

— Уже седьмой час, я знаю, — перехватила мой взгляд Тэсси и подошла к зеркалу, чтобы поправить шляпку.

— Да, но я, правда, не хотел тебя так задерживать… — Мне было страшно, неловко и в смущении я выглянул из окна, но сразу же отшатнулся, потому что молодой человек с одутловатым лицом по-прежнему стоял в церковном дворе.

— Вот это и есть тот, кто тебе так не понравился? — шепнула Тэсси.

Я кивнул.

— Я не вижу его лица, но, по-моему, он весь какой-то толстый и мягкий. Во всяком случае, — продолжала она, задумчиво посмотрев на меня, — он напоминает мне один сон — страшный сон — который я однажды увидела. Или, — Тэсси неожиданно замолчала, уставившись на свои туфли, — это был вовсе и не сон?..

— Откуда же мне знать? — попробовал улыбнуться я.

Тэсси улыбнулась в ответ, но как-то искусственно и принужденно.

— Дело в том, что ты тоже там был, — сказала она. — Поэтому, может быть, и ты что-то об этом знаешь.

— Тэсси, Тэсси! — рассмеялся я. — Уж не хочешь ли ты мне польстить, заявляя, что я являюсь тебе во сне?

— Но все это правда, — настаивала она. — Тебе

рассказать?

— Валяй, — ответил я и закурил сигарету.

Тэсси облокотилась на подоконник и после минутной паузы очень серьезно начала свой рассказ:

— Как-то прошлой зимой я поздно вечером лежала в постели И ни о чем особенном не думала. Весь день я позировала для тебя и очень устала, но все же почему-то мне никак не удавалось заснуть. Я слышала, как городские часы пробили десять, одиннадцать, потом полночь. Наверное, после полуночи я и заснула, потому что больше часовне было слышно. И мне приснилось, будто как только я закрыла глаза, что-то повелело мне встать и подойти к окну. Я поднялась, открыла окно и выглянула наружу. Вся 25-я улица была пуста. Мне стало страшно: все казалось каким-то черным и пугающим. Потом до моих ушей донесся скрип колес, и мне показалось, что именно этого я и должна была дождаться. Постепенно звук нарастал, и наконец я увидела повозку, медленно ползущую по ночной мостовой. Экипаж подъезжал все ближе и ближе, и, когда он поравнялся с моим окном, я поняла, что это был катафалк. Мне стало очень страшно, и я вся задрожала, а кучер тут же повернулся на козлах и

посмотрел прямо на меня. Проснулась я, стоя у окна и дрожа от холода, но черный катафалк уже уехал. В марте мне опять приснился этот же сон, и опять я очнулась возле окна. И прошлой ночью сон повторился еще раз. Ты же помнишь, какой вчера был сильный дождь, и когда я проснулась, стоя у открытого окна, вся моя ночная рубашка была мокрая.

— Ну а где же я в этом сне?

— Ты… ты был в гробу, но ты не был мертв, — ответила Тэсси. Голос ее дрожал.

— В гробу?

— Да.

— Но откуда ты это знаешь? Ты что, видела меня?

— Нет, но я знала, что ты там.

— Может, ты переела грибов или салата из омаров? — засмеялся я, но она вдруг испуганно вскрикнула.

Я быстро подбежал к окну, возле которого стояла Тэсси, крепко вцепившись рукой в подоконник. Глаза ее широко раскрылись от ужаса.

— Тот… тот человек в церковном дворе — он и есть кучер катафалка, — упавшим голосом еле выговорила она.

— Чепуха, — попытался успокоить ее я, но в

глазах у Тэсси прыгал нешуточный страх. Я выглянул в окно. Однако сторож уже ушел.

— Ну пойдем, Тэсси, — ласково попросил я. — Не будь глупенькой. Просто ты очень долго позировала и у тебя расшатались нервы.

— Ты думаешь, я могла бы забыть это лицо? — пробормотала она. — Три раза я видела катафалк под своим окном, и каждый раз кучер смотрел на меня. Лицо у него было такое же бледное и такое… мягкое, что ли! Он показался мне мертвецом — словно умер уже давным-давно.

Я заставил ее присесть и выпить стаканчик сухого мартини. Потом уселся рядом и попытался дать ей добрый совет.

— Послушай, Тэсси, — сказал я. — Езжай-ка ты в деревню на пару недель, и катафалки сразу перестанут тебе сниться. Ведь ты целыми днями позируешь, а когда наступает вечер — становишься усталой и издерганной. В этом нет ничего удивительного, но дальше так продолжаться не может. Да кроме того по вечерам ты снова, вместо того чтобы пойти выспаться после трудного дня, бежишь нвечеринки или в парк Сузлера, а то и вовсе едешь в Эльдорадо или на Кони-Айленд, и уж на следующее утро приходишь совершенно измотанная. Но никаких катафалков не было. Это

самый обыкновенный кошмарный сон. Она едва заметно улыбнулась.

— А как же тот человек в церковном дворе?..

— О, господи! Да это самое обыкновенное, только немного больное, земное существо.

Но Тэсси с сомнением покачала головой.

— Нет, все-таки то, что я видела, было так же верно, как то, что меня зовут Тэсси Ридрен. Я клянусь, что лицо этого человека и есть точь-в-точь лицо кучера катафалка!

— Ну и что с того? — спросил я. — В конце концов это ведь тоже честная профессия.

— Значит, ты считаешь, что я все же видела катафалк?

— Ну… — дипломатично сказал я, — даже если ты и впрямь видела его, то вполне возможно, что именно тот человек им и управлял. Но что же в этом необычного?

Тэсси поднялась, развернула надушенный носовой платок, вынула из уголка жвачку и положила ее в рот. Потом, надев перчатки, протянула мне руку и, пожелав спокойной ночи, ушла.

II

На следующее утро Томас, посыльный, принес мне «Геральд», и другие газеты с новостями.

Церковь, которая располагалась напротив моего дома, была кому-то продана. И я искренне поблагодарил бога за это. Нет, вовсе не потому, что мне не нравилось, что под самыми окнами у меня собираются прихожане; я и сам был католиком. Но каждый мой нерв содрогался, когда выходил проповедник, и его слова разносились не только по церковному саду, но были прекрасно слышны и во всех моих комнатах, и он постоянно ревел своим грассирующим «р», так, что весь мой организм начинал бунтовать. Там был и еще один дьявол в человеческом обличье — органист, позволявший себе играть старинные гимны в собственной интерпретации, и мне не терпелось разделаться с этим существом, которое вставляет в рождественские молитвы такие аккордики, каких нельзя услышать даже в ансамбле подростков-любителей. Я всей душой хочу верить, что священник в нашей церкви — вполне порядочный человек, но когда он начинает рычать: «И сказал господь Моисею, что он повер-р-ргнет его, и что меч его сокр-р-рушит непокор-р-р-рных!..», — мне всякий раз кажется интересным, сколько же столетий ему придется провести в чистилище за такой грех.

— И кто купил эту церковь? — спросил я у То-

маса.

— Не знаю, сэр. Говорят, что джентльмен, сдающий квартиры — Гамильтон — присматривался к ней. Может, и он.

Я подошел к окну. Сторож с нездоровым распухшим лицом по своему обыкновению стоял у ворот, и от одного его вида меня отшатнуло, до того стало мерзко.

— Кстати, Томас, — сказал я. — Что там за парень стоит внизу?

Томас шумно втянул носом воздух.

— Этот червяк, сэр? Он по ночам сторожит церковь. И мне так противно смотреть на него, сэр, когда он сидит на ступеньках и оскорбляет тебя своими высокомерными взглядами, что однажды я даже не выдержал и вдарил ему по башке. Вы уж извините, сэр…

— Ничего-ничего, продолжай, Томас.

— Ну, как-то ночью мы с Гарри возвращались домой — это мой приятель, тоже из Англии, — а этот гнус сидел на ступеньках. С нами еще были девочки, сэр, Молли и Джейн, они в кафе работают, а он на нас так посмотрел, сэр, что я не выдержал и сказал: «А ты чего уставился, жирная свинья?», — Извините, сэр, но я именно так и сказал. А он ничего не ответил. Ну я и говорю:

«Иди-ка сюда, я тебе сейчас всю башку разобью». Он опять молчит. Тогда я открыл ворота и сам вошел, а он снова ничего не сказал, только посмотрел на меня как бы с осуждением. Тут я и вмазал ему, но… эх, сэр, такой он был противный, что его и трогать-то было тошно.

— Ну и что же он сделал? — с любопытством спросил я.

— Он? Да ничего!

От смущения юноша покраснел и растерянно улыбнулся.

— Мистер Скотт, я ведь не трус какой-нибудь и не понимаю, почему надо было убегать. Но только когда я опомнился, то был уже далеко от этого места — около Пятой Лонсерс, сэр.

— Ты хочешь сказать, что ты убежал?

— Да, сэр, я убежал оттуда, — стыдливо признался Томас.

— Но почему? — удивился я.

— Вот это-то мне и непонятно, сэр. Я схватил Молли в охапку, и все остальные тоже перепугались…

— Чего же это вы так испугались?

Томас сначала отказывался отвечать, но от этого мое любопытство еще больше возросло, и я стал настойчиво просить его рассказать мне

все до конца. Но он упорствовал; его затруднение заключалось в том, что он прожил в Америке уже три года и теперь приобрел чисто американскую привычку — Томас боялся, что над ним будут смеяться.

— Да вы мне все равно не поверите, сэр, — продолжал отнекиваться он, покраснев до ушей.

— Поверю, — твердо пообещал я.

— А вы не будете надо мной смеяться?

— Что за чепуха! Конечно, нет.

Он помолчал еще немного, а потом шумно вздохнул и сказал:

— Ну ладно, сэр, тут все дело в том, что когда я ему вмазал, он схватил меня за руку, но я вывернулся, и, клянусь Богом, у него оторвался один палец и остался болтаться в моей руке. — Ужас с лица Томаса, наверное, перешел и на мое лицо, и он быстро добавил: — Это было так мерзко, сэр, что теперь, когда я его вижу, то просто поворачиваюсь и ухожу. Меня, вы уж простите, прямо блевать тянет при виде этой сволочи.

Когда Томас ушел, я снова подошел к окну. Сторож стоял у ворот, положив обе руки на решетку. Назад к мольберту я вернулся, с трудом сдерживая подступившую тошноту, так как сразу же заметил, что на правой руке у него не хватает

среднего пальца.

В девять часов пришла Тэсси и, весело поздоровавшись, скрылась за ширмой. Когда она приготовилась и стала позировать, я, к ее радости, взял уже новый холст, решив не мучаться понапрасну с загубленным вчера портретом. Пока я делал наброски, она молчала, но как только работа с карандашом была закончена и я стал готовить фиксатив, Тэсси начала щебетать без умолку.

— Вчера я так чудесно провела вечер! Представляешь, мы ходили к Тони Пастор.

— Кто это «мы»? — потребовал я объяснений.

— А, ну Мэгги — ты ее знаешь — она позирует для мистера Уайта, Розочка Маккормик — мы ее называем Розочкой, потому что у нее такие рыженькие волосы, которые вам, художникам, очень нравятся — и еще Лизи Бэрк.

Я направил струю фиксатива на холст и сказал:

— Ну-ну, продолжай.

— Там мы встретили Келли и Бэби Барнс, танцовщицу, и… ну и всех остальных, конечно. И я влюбилась!

— И поэтому решила вернуться ко мне, да?

Тэсси засмеялась я покачала годовой.

— Да нет, он брат. Лиза и Бэрк — Эд. Настоящий джентльмен!

Я попытался с родительской заботой объяснить ей, что надо быть поосторожней со своими влюбленностями, но она только улыбнулась в ответ.

— Ну конечно я знаю, что с чужими надо быть осторожней, — сказала, она, рассматривая кусок жвачки, — но ведь Эд — совсем другое дело; Лиззи же — моя лучшая подруга.

Потом она рассказала, что Эд бросил ферму в Лоуэлл, штат Массачусетс, и приехал, чтобы помогать воспитывать свою сестру, что он очень образованный и обаятельный молодой человек и не пожалел полдоллара на мороженое и устриц, чтобы отпраздновать своё назначение на должность младшего клерка в шерстяной компании Мэйси. Пока она все это говорила, я начал рисовать, и она приняла нужную позу, не переставая чирикать, как настоящий воробей. К полудню у меня уже кое-что получилось, и Тэсеи подошла посмотреть.

— Вот это уже лучше! — улыбнулась она.

Мне тоже так казалось, и я пообедал в приподнятом настроении, удовлетворенный тем, что дело наконец-то пошло на лад. За столом Тэсси расположилась напротив меня, и мы пили кла-

рет из одной бутылки и прикуривали сигареты от одной спички. Я очень привязался к Тэсси. На моих глазах из неуклюжего подростка она превратилась в худенькую симпатичную женщину с милой фигуркой. Она позировала мне уже третий год и была моей любимой натурщицей. И меня, конечно, очень беспокоило, как бы эта птичка не улетела, не ровен час, с каким-нибудь первым встречным красавцем. Но я, как ни силился, не мог заметить никаких изменений в ее поведении и интуитивно чувствовал, что в этом отношении с ней все будет в порядке.

Мы с Тэсси никогда не дискутировали по поводу морали, и я совсем не собирался этого делать; частично из-за того, что иногда сам многое себе позволял, а отчасти — потому что знал, что она все равно все сделает по-своему. И все же я надеялся, что она избежит неприятностей, потому что желал ей только добра, и к тому же мне хотелось, чтобы моя лучшая натурщица осталась при мне, хотя с моей стороны это и было эгоистично. Я знал, что «влюбленность», как выразилась Тэсси, для нее большого значения не имела, и подобные вещи здесь, в Америке, не имеют ничего общего с «влюбленностью», в Париже. Да, я человек разумный и понимаю, что рано или поздно кто-нибудь

заберет у меня Тэсси, и хотя сам я считаю свадьбу ненужным элементом жизни, мне все же хочется, чтобы у Тэсси в конце концов все произошло как полагается — со священником и в церкви. Сам я католик, и когда я слушаю мессу, или когда мне просто хочется перекреститься, мне кажется, что и сам я, и все вокруг становится более светлым. А когда я исповедуюсь, мне и вправду становится гораздо легче. Человек, который, как я, долго живет в одиночестве, обязательно должен кому-то исповедоваться. И кроме того, Сильвия тоже была католичкой… Но я говорил о Тэсси, а это совсем другое дело. Она тоже католичка, и я не беспокоился о ней до тех пор, пока она не влюбилась. Вот уж когда сама судьба должна указать ей путь, и я молюсь про себя, чтобы бог не позволил ей влюбиться в человека, подобного мне, а направил бы ее стопы к Эду Бэрку или Джимми Маккормику, да благословит Господь ее милое личико!..

Тэсси сидела за столом, пуская в потолок кольца дыма, и задумчиво потряхивала кусочки льда в стакане с вином.

— А ты знаешь, мне этой ночью тоже приснился сон… — заметил я.

— Не про того ли типа? — спросила она, засмеявшись.

— Именно. Сон был похожим на твой, но только гораздо хуже.

С моей стороны, конечно, было очень глупо и крайне неосмотрительно говорить ей такие вещи, но вы же знаете, как мало тактичности у среднего художника.

— Заснул я где-то часов в десять, — продолжал я, — и немного спустя мне приснилось, будто я проснулся. Я до того ясно слышал, как часы пробили полночь, как шумят за окном деревья и гудят теплоходы в заливе, что даже теперь я до конца не уверен — спал я или нет. И мне показалось, что я лежу в ящике со стеклянной крышкой. Меня куда-то везли, а я смутно различал сквозь окна крытой повозки тусклый свет уличных фонарей. И скажу тебе, Тэсси, что ящик, в котором я находился, на этой мягкой повозке медленно везли по какой-то каменной мостовой.

Через некоторое время мне стало неудобно, и я попытался пошевелиться, но ящик оказался слишком узким. Руки мои были скрещены на груди, и я никак не мог их поднять, чтобы хоть как-то помочь себе. Еще немного я полежал молча, а потом попробовал закричать. Но голос мой пропал. Я отчетливо слышал стук копыт лошадей, запряженных в повозку, мерное поскрипывание

колес и даже тяжелое свистящее дыхание кучера. Но потом до меня донесся другой звук — будто кто-то открыл окно. Мне удалось слегка повернуть голову, и теперь я мог видеть уже не только сквозь стеклянную крышку ящика, но и через окна закрытого экипажа. Я видел дома, мимо которых мы проезжали — все они были тихие и пустые, кроме одного. В этом доме было открыто окно на втором этаже, и в окне я разглядел фигуру женщины, смотревшей вниз. Это была ты.

Тэсси отвернулась и с испуганным видом облокотилась о стол.

— Я видел твое лицо, — убеждал я, — и мне показалось, что оно было полно горя. Потом мы поехали дальше и вскоре свернули в узкий темный тупик. Лошади остановились. Я ждал очень долго, поминутно закрывая глаза от страха и нетерпения, но вокруг было тихо, как в могиле. Мне казалось, что прошло уже несколько часов, и вдруг стало не по себе: у меня появилось ощущение, что рядом со мной кто-то есть, и я открыл глаза. И тогда я увидел над собой белое лицо кучера катафалка, который смотрел на меня через стеклянную крышку гроба…

Неожиданно Тэсси вскрикнула, и я замолчал. Она тряслась, как осиновый лист. Я понял, что

своим рассказом очень сильно расстроил ее и вообще вел себя как осел, и поэтому тут же попытался исправить положение.

— Ну что ты, Тэсс, — ласково сказал я, — я только хотел показать тебе, как могут повлиять такие рассказы на сны впечатлительных людей. Ведь ты же не веришь, Что я на самом деле лежал в гробу, правда? Тогда чего же ты так дрожишь? Тут ведь все очень просто: твой сон и моя неприязнь к этому противному сторожу перемешались у меня в голове, и как только я лег спать…

Но тут она закрыла лицо руками и разрыдалась так, словно на нее обрушилось какое-то чудовищное несчастье. Какой же я идиот! Решив побыстрее исправить свою дурацкую ошибку, я подошел к ней и обнял ее за плечи.

— Тэсси, милая, прости меня, пожалуйста, — с чувством сказал я. — Мне не надо было пугать тебя такой чепухой. Ты ведь очень чувствительная девушка и настоящая католичка, поэтому так сильно и веришь в сны.

В ответ она крепко сжала мою руку и положила мне голову на плечо, все еще продолжая дрожать и всхлипывать. Поэтому я принялся ободрять и успокаивать ее, как только мог.

— Ну что ты, Тэсси, открой же глаза и улыб-

нись, — продолжал я.

Она очень медленно открыла глаза, но выражение их было настолько странным, что я еще раз в сердцах обругал себя за свою идиотскую неосмотрительность.

— Да ведь все это ерунда, Тэсси, — добавил я. — Ты же знаешь, что тебе от этой чепухи плохо не будет.

— Не будет… — как эхо откликнулась она, но ее губы по-прежнему дрожали.

— Тогда в чем же дело? Ты боишься?

— Да. Но не за себя.

— Неужели за меня? — весело спросил я.

— Да, — пробормотала она еле слышным голосом. — Я… я… люблю тебя.

Сначала я засмеялся, но когда смысл ее слов дошел до меня, по мне пробежала невольная дрожь, и я замер, словно окаменев. Так вот что было наградой за мое идиотское поведение! За время, прошедшее между ее фразой и моим ответом, я мог бы найти тысячу невинных отговорок — мог свести все в шутку, мог притвориться, что неправильно понял ее и пожаловаться на своё плохое здоровье; мог, наконец, просто-напросто объяснить ей, что меня невозможно любить. Но мой ответ был быстрей моих мыслей, и теперь,

когда уже поздно что-либо исправлять, мне остается только думать и думать над тем, что же я натворил… Я поцеловал ее в губы.

Вечером я, как всегда, пошел бродить по парку Вашингтона, размышляя о событиях дня. Да, я серьезно влип. Назад пути уже не было, и мне пришлось посмотреть будущему прямо в глаза. Приходилось признать, что я — далеко не идеальный человек; на мой взгляд, у меня напрочь отсутствовала совесть, но все-таки я не хотел обманывать ни себя, ни Тэсси. Единственная страсть моей жизни была похоронена где-то в лесах Бретона. Но навсегда ли она упокоилась там? Надежда кричала мне «НЕТ!», И уже три с лишним года я прислушивался к этому голосу надежды и все это время ждал знакомых шагов у порога. Неужели Сильвия забыла меня? «НЕТ!», — кричала мне надежда.

Вернувшись домой, я осторожно намекнул Тэсси, что она, возможно, ошибается, считая меня таким уж хорошим человеком, а сам в это время подумал, что хоть я и действительно не идеал, но все же и не какой-нибудь там злодей из комической оперы. Просто я веду свободный, легкий образ жизни, делаю то, что доставляет мне удовольствие, иногда, правда, ругая себя за

последствия и сожалея о том, что успел натворить. Только в одном я был совершенно серьезен, если, конечно, не считать моего рисования, и этот предмет моего серьезного отношения, эта моя единственная страсть лежала далеко в бретонских лесах и, скорее всего, была уже потеряна для меня навсегда.

Но теперь было поздно сожалеть о том, что произошло в этот день. Не важно, почему так получилось — то ли из-за жалости, то ли от неожиданного прилива нежности в ответ на ее тревогу, а может, просто из-за скотской благодарности за ее преклонение передо мной — в любом случае я не хотел делать больно ее сердцу, а этот вспыхнувший в ней огонь сильнейшей страсти, которого я уже и не предполагал встретить на своем жизненном пути, не оставлял мне никакой альтернативы — я должен был либо ответить ей взаимностью, либо прогнать ее от себя. Может быть, из-за того, что мне всегда было страшно причинять людям боль, а может — потому, что где-то глубоко во мне сидел неистребимый пуританин, обуреваемый тайными вожделениями, у меня не хватило духу ответить ей твердым отказом, и двери ее сердца распахнулись для меня, выпустив наружу весь огонь ее страстной любви.

Другие люди — те, которые обычно радуются, когда кому-то плохо, пусть даже им самим — могли бы выдержать это. Но я не мог.

И не смел. И все же, после того как буря страсти слегка улеглась, я объяснил Тэсси, что гораздо лучше ей было бы влюбиться в того же Эда Бэрка и носить простенькое золотое колечко, но она и слышать об этом не хотела. Тогда я решил, что если ей так уж хочется любить человека, за которого она все равно никогда не сможет выйти замуж, то пусть лучше это буду я. По крайней мере, я буду обращаться с ней как интеллигент, и когда ее пылкая влюбленность пройдет, то хуже ей от этого не станет. В этом я был абсолютно уверен, хотя решиться на такое мне было очень непросто. Я слишком хорошо помнил, какое отвращение во мне всегда вызывало одно даже упоминание о платонической любви, и знал, что иду на дело, которое нелегко дается таким бессовестным людям, как я, но зато со мной она будет в полной безопасности. Если бы это была любая другая девушка, а не Тэсси, я бы не мучился слишком долго. Но я не хотел приносить в жертву своей легкомысленной натуре такого человека, как она. Глядя в будущее, я совершенно ясно видел несколько вариантов, которыми эта

история может закончиться: в конце концов ей все это надоест, или же она станет настолько несчастной, что мне придется либо жениться на ней, либо решительно прогнать ее прочь. Но если мы поженимся, то оба станем несчастными — у меня будет жена, которая мне совсем не подходит, а у нее, соответственно — муж, который не устроил бы ни одну женщину на свете. Да и вся моя прошлая жизнь никак не вязалась с возможностью жениться. Если же мы расстанемся, то она, скорее всего, будет тяжело переживать это, но потом оправится и выйдет замуж за какого-нибудь Эдди Бэрка, или же умышленно, а может быть, безрассудно — неважно как — натворит кучу глупостей. С другой стороны, даже если она и устанет от меня, ее в любом случае будет ждать незавидное будущее — свадьба с Эдди Бэрком, дешевое обручальное колечко под золото, дети-двойняшки, квартирка в Гарлеме, ну и все такое прочее. Итак, я бродил по парку и постепенно склонялся к мысли, что именно в моем лице она должна найти себе верного друга, а будущее пусть движется навстречу само по себе. Потом я вернулся домой, надел вечерний костюм, а на шкафу заметил приколотую булавкой надушенную записку: «Бери такси и подъезжай

за мной ровно в одиннадцать прямо к театру». Ниже стояла подпись: «Эдит Кармишель, театр Метрополитен».

Я, вернее, мы с мисс Кармишель поужинали в ресто ране Соляри, а как только наступил рассвет и заблестел крест мемориальной церкви на набережной, я ушел от Эдит и направился на площадь Вашингтона. В парке не было ни души, и я долго бродил по тропинке от статуи Гарибальди до дома Гамильтонов, а уже по дороге домой, проходя мимо церкви, опять увидел на ступеньках знакомую фигуру сторожа. При виде этого бледного отечного лица у меня мурашки побежали по коже, и я ускорил шаг. И вдруг он что-то произнес. Может быть, в мой адрес, а может — просто пробурчал себе что-то под нос, но меня охватила дикая ярость: как вообще может такое мерзкое существо что-то мне говорить?! Первым же моим желанием было развернуться и ударить его тростью по голове, но я сдержался, прошел мимо и скоро был уже дома. Некоторое время я проворочался в кровати, пытаясь выкинуть из головы его гнусный голос, но у меня это плохо получалось. Этот противный хриплый шепот засел у меня в ушах, как жирный липкий дым, выходящий из чана для топления сала, он привязался ко мне, как надоедливый и

тошнотворный запах гниющего мяса. Я лежал и ворочался, а голос постепенно становился все более отчетливым, и я незаметно для себя начал понимать слова, которые он произнес. Они доходили до меня очень медленно, будто я их забыл, а теперь с трудом вспомнил. И вот что прозвучало у меня в голове:

«Ты нашел Желтый Знак?»

«Ты нашел Желтый Знак?»

«Ты нашел Желтый Знак?..»

Я совсем озверел. Что он хотел этим сказать? Мысленно я послал ему проклятье и постарался заснуть. Вскоре мне это удалось, но когда я проснулся, то почувствовал себя совершенно разбитым и больным, потому что мне опять приснился тот же самый сон, что и прошлой ночью, и на сей раз это уже серьезно взволновало меня.

Я оделся и пошел в студию. Тэсси сидела у окна. Когда я вошел, она встала, обняла меня и поцеловала еще нежнее, чем вчера. Она была такая милая и изящная, что я не удержался и ответил ей на поцелуй, а потом сел у мольберта.

— Послушай! А где моя вчерашняя работа? — спохватился вдруг я.

Тэсси прекрасно меня поняла, но почему-то не ответила. Я стал копаться в куче начатых холстов

и поторапливал при этом Тэсси, которая отправилась за ширму приводить себя в порядок, так как я хотел успеть воспользоваться утренним светом.

Отчаявшись найти холст среди начатых работ, я оглядел комнату в надежде обнаружить его где-нибудь совсем рядом с собой, и тут заметил, что Тэсси стоит возле ширмы все еще одетая.

— В чем дело? — спросил я ее. — Ты себя неважно чувствуешь?

— Да.

— Тогда давай побыстрее начнем и пораньше закончим сегодня.

— Ты хочешь, чтобы я позировала тебе… как обычно?

Наконец-то мне все стало ясно. Вот и начались новые сложности. Теперь я потерял свою самую лучшую натурщицу, которая позировала мне обнаженной. Я растерянно посмотрел на Тэсси. Лицо ее пылало. Увы. Увы! Мы съели плод с запретного дерева, и теперь былая невинность и Эдем безвозвратно потеряны — я хочу сказать, что для Тэсси они стали уже мечтами прошлого.

Похоже, она заметила тень разочарования, скользнувшую по моему лицу, потому что сразу же сказала:

— Если хочешь, я буду тебе позировать, как всегда. А тот холст лежит за ширмой, я его спрятала.

— Нет, — ответил я. — Мы начнем что-нибудь новенькое.

Я пошел в гардеробную и отыскал там арабский костюм с блестками. Это был настоящий шедевр, и Тэсси, придя от него в восторг, скрылась за ширмой. Когда, переодевшись, она вышла на свет, я был приятно удивлен. Ее длинные чёрные волосы по лбу перехватывала нитка бирюзы, а концы бус спускались к сверкающему пояску. На ногах были надеты искусно отделанные жемчугом тапочки с загнутыми вверх острыми носками, а юбка, вышитая серебром, доходила до самых щиколоток. На ней была еще темно-синяя блестящая шелковая жилетка, тоже расшитая серебряными узорами, короткая стеганая курточка восточного стиля, сверкающая разноцветными камнями и бирюзовыми вставками, и, самое главное — все это ей восхитительно шло. Тэсси подошла ко мне и улыбнулась. Я сунул руку в карман, достал оттуда золотую цепочку с крестиком и надел ей на шею.

— Это тебе, Тэсси.

— Мне? — неуверенно спросила она.

— Да, тебе. Ну а теперь иди и начинай мне

позировать.

Но вместо этого. Тэсси, все еще улыбаясь, забежала за ширму, и тут же появилась снова, держа в руках маленькую деревянную коробочку, на которой было написано мое имя.

— Я хотела отдать тебе это сегодня вечером, но теперь уже не могу больше ждать.

Открыв шкатулку, я поразился ее содержимому. Внутри на розовом шелке лежала заколка из черного оникса, и на ней чистым золотом были изображены какие-то таинственные знаки. Но это оказались не арабские и не китайские иероглифы, и, как я потом узнал, они вообще не принадлежали ни к одному известному человеческому языку.

— Это все, что я могу тебе подарить, — скромно сказала она.

Мне стало не по себе, но я. все же ответил, что очень ценю ее заботу и обещал носить эту заколку всегда. И Тэсси тут же приколола ее на лацкан моего пиджака.

— Но все-таки с твоей стороны было очень неразумно покупать мне такие дорогие вещи, — укоризненно сказал я.

— А я ее и не покупала, — засмеялась она.

— А где же ты ее взяла?

И тогда Тэсси рассказала мне, что нашла заколку, больше года назад, когда возвращалась из гостей; потом она давала объявления в газетах, следила за новостями, но, в конце концов, так и отчаялась найти ее владельца.

— Это случилось еще прошлой зимой, — сказала она. — И как раз в ту ночь мне впервые приснился сон про катафалк.

Я сразу же вспомнил свой собственный сон, но промолчал, а карандаш стремительно летал по холсту, пока Тэсси со счастливым лицом неподвижно позировала мне для новой картины.

III

Следующий день был для меня неудачным. Когда я переносил холст с одного мольберта на другой, то поскользнулся на натертом полу и упал, растянув себе оба запястья. Они так сильно болели, что я не мог даже держать кисть, и мне пришлось весь день без дела слоняться по мастерской, рассматривая свои незаконченные работы.

В конце концов это начало меня злить, я уселся на стул и закурил сигарету, в отчаянии вертя большими пальцами. Дождь нудно стучался в окна и барабанил по церковной крыше напротив, еще больше раздражая меня своей монотонно-

стью. Тэсси сидела у окна и что-то шила, время от времени отрываясь от своего занятия и поглядывая на меня с таким невинным обожанием, что мне стало стыдно своего раздражениями я решил тоже чем-нибудь заняться.

В своей библиотеке я давно уже перечитал все книги и журналы, но чтобы хоть как-то отвлечься, все же подошел к полкам и начал локтем открывать их одну за другой. Внимательно изучая глазами знакомые корешки, я спасался от скуки, насвистывая какую-то мелодию, и уже собирался идти в столовую, как вдруг взгляд мой упал на толстый том в переплете из змеиной кожи, который стоял в самой дальнем ^углу на верхней полке. Я не помнил, что это за книга, а снизу никак не мог разглядеть бледные буквы на корешке, поэтому я пошел в курительную и позвал Тэсси. Она принесла из студии стремянку и залезла наверх.

— Что это? — с нетерпением спросил я.

— «Король в желтом».

Я был ошеломлен. Кто мог туда ее положить? И как Она вообще попала в мою квартиру? Ведь я давно уже решил для себя, что никогда в жизни не открою эту книгу, и ничего на свете не заставило бы меня купить ее. Я всякий раз даже специально

отворачивался от нее, когда встречал в книжных лавках, чтобы любопытство не заставило меня изменить своему решению. Если я когда-то и хотел ее прочитать, то трагедия, случившаяся с моим другой Кастенье, теперь не позволяла мне даже мельком пробежать по страницам; Более того, я всегда отказывался даже выслушивать разговоры о ней, хотя вторую часть этой книги никто бы и не осмелился обсуждать вслух. Поэтому я не имел ни малейшего представления о том, что могло заключаться в этих страницах. В ужасе я уставился на страшный, изъеденный молью переплет, будто передо мной держали живую змею.

— Не трогай ее, Тэсси, — сказал я, — и скорее спускайся вниз.

Разумеется, моего предупреждения оказалось достаточно, чтобы разжечь ее любопытство, и прежде чем я успел что-либо предпринять, она схватила книгу и, весело рассмеявшись, проскользнула с ней в, студию. Я окликал ее, звал посмотреть на мои беспомощные руки, но она только улыбнулась на прощанье, и мне не оставалось ничего другого, как броситься, вслед за ней.

— Тэсси! — закричал я из коридора. — Послушай, я говорю серьезно. Отложи эту книгу. Я не

хочу, чтобы ты даже открывала ее!

Но ее уже не было в мастерской. Я обыскал обе комнаты для рисования, потом спальни, кухню, столовую, потом снова вернулся в библиотеку и начал искать заново. Но она так хорошо спряталась, что нашел я ее лишь спустя полчаса. Тэсси молча сидела в кладовке у решетчатого окна, сильно побледнев и согнувшись. Я сразу же понял, что она была наказана за свою глупость. У ее ног лежала эта злополучная книга и раскрыта она была на второй части. Одного взгляда на Тэсси было достаточно, чтобы понять, что уже слишком поздно. Она успела раскрыть «Короля в желтом». Я молча взял ее за руку и отвел в мастерскую. Было видно, что она глубоко потрясена чем-то, и когда я велел ей лечь на диван, Тэсси повиновалась, не произнеся ни слова. Через некоторое время она закрыла глаза, и дыхание ее стало глубоким и ровным, но я так и не смог определить, заснула она или нет. Я долго сидел рядом с ней, не выпуская ее рук из своих, но Тэсси не шевелилась и не разговаривала, и в конце концов я встал, прошел в кладовую, поднял с пола раскрытую книгу. Она показалась мне неимоверно тяжелой, будто сделанной из свинца, но я притащил ее в студию и, сев на коврик рядом с

диваном, раскрыл и прочитал от корки до корки.

Когда же я начал терять чувства от переполнявших меня эмоций, увесистый том выпал из моих рук, и я откинулся на диван, а Тэсси открыла глаза и посмотрела на меня.

Некоторое время мы говорили с ней в каком-то тоскливом монотонном напряжении, и до меня дошло, что мы обсуждаем «Короля в желтом». О, страшный грех написания этих слов — слов чистых, как хрусталь, ясных и мелодичных, как журчание ручейка, сверкающих и переливающихся, как отравленные бриллианты Медичи! О, проклятье той душе, что смогла так заворожить и парализовать этими строками человеческий разум — строками, одинаково понятными невеждам и мудрецам, более драгоценными, чем алмазы, более мягкими, чем музыка, и более страшными, чем сама смерть!

Мы продолжали беседовать, не обращая внимания на сгущавшиеся вокруг нас тени, и она попросила меня выбросить заколку из оникса, потому что теперь мы поняли, что это и был Желтый Знак. Я никогда не узнаю, почему я отказался сделать это, и даже сейчас, когда я лежу в своей спальне и пишу эту исповедь, я бы многое отдал, чтобы понять, что же именно не позволило мне

немедленно сорвать с себя Желтый Знак и швырнуть его в горящий камин. Я уверен, что именно так и хотел поступить, но все просьбы и мольбы Тэсси оказались тщетными. Наступила ночь, и время потекло медленней, а мы продолжали бормотать друг другу что-то о Короле к Бледной Маске, и вот где-то вдали городские часы пробили полночь. Мы говорили о Хастуре и Кассилде, а туман снаружи сгущался и клубами вертелся возле наших окон, подобно волнам у берегов Хали.

В доме стало необычайно тихо, и с улицы не доносилось ни звука. Тэсси улеглась на подушках, лицо ее было очень печальным, но она держала свои руки в моих, и я понимал, что теперь она знала и легко читала все мои мысли, так же, как и я — ее, ибо мы узнали тайну Гиад, и призрак Истины лежал перед нами. И пока мы быстро и молчаливо отвечали друг другу мыслью на мысль, тени зашевелились вокруг нас, и откуда-то издалека, с улицы, донесся звук. Он приближался — это было нудное поскрипывание колес, оно становилось все отчетливее и яснее, но перед самой дверью моего дома неожиданно стихло. Я с трудом подошел к окну и увидел внизу черный катафалк. Ворота открылись и закрылись снова, и я, трепеща, дополз до двери и запер

ее на засов, хотя прекрасно знал, что никакие засовы и замки уже не могут спасти нас от того жуткого существа, которое пришло за Желтым Знаком. И вот я услышал, как он начал медленно подниматься по лестнице; Он подошел к двери, и засовы упали, разом прогнив от его прикосновения. Я в ужасе вытаращился в темноту, но так и не смог разглядеть, как он вошел в комнату. И только когда я почувствовал, что он обволакивает меня своими мягкими ледяными объятиями, я закричал и стал отбиваться, но руки плохо повиновались мне, и тогда он сорвал с меня оникосовую заколку, и я почувствовал сильный удар в лицо. Падая, я услышал, как вскрикнула Тэсси, и душа вылетела из ее тела, и в это мгновение я страстно желал одного — последовать за ней, ибо знал, что Король в желтом уже распахнул свою изорванную мантию, и теперь оставалось только молиться Богу.

Я могу рассказать и больше, но не знаю, какую пользу это принесет миру. Что же касается меня, то я уже потерял человеческую помощь и надежду. Я лежу сейчас и пишу это, и мне все равно, умру ли я раньше, чем закончу писать, или нет. Я вижу, как доктор, стоящий рядом со мной, собирает свои склянки и порошки и делает

священнику жест, который понятен всем.

Конечно, многим будет очень интересно узнать о конце нашей трагедии — особенно тем, кто живет в этом мире, чтобы писать книги и издавать миллионы газет, но больше я ничего не скажу, и мои последние слова услышит только священник. А его уста будут запечатаны обетом сохранения тайны исповеди.

Да, пусть они пишут о человеческом горе, пусть газетчики наживают деньги на крови и слезах, но эти шпионы от меня ничего не услышат. Им известно, что Тэсси умерла, и что я тоже скоро умру. Им известно, что соседи, разбуженные моим нечеловеческим воплем, ворвались в комнату и нашли в ней живого меня и два трупа, но они не знают того, что я собираюсь сказать сейчас своему исповеднику, и никогда не узнают, что сказал доктор, указывая пальцем на ужасную бесформенную груду в углу мастерской — лилово-синий труп церковного сторожа. А он сказал: «У меня нет ни гипотез, ни объяснений. Но этот человек мертв уже много месяцев!»

Мне кажется, я умираю. Как жаль, что священник…

Перевод: С. Алукард, В. Терещенко

Майкл Чейбон
Бог тёмного смеха

Michael Chabon «The God of Dark Laughter», 2001

Через тринадцать дней после того, как цирк братьев Энтуистл-Илинг отправился в дальний путь на свою зимнюю базу в Перу, штат Индиана, двое ребят, охотившиеся на белок в лесу близ Портуайн-роуд, обнаружили мертвое тело в сумасшедшем костюме из пурпурно-оранжевого велюра. Они наткнулись на него в конце грязной гравийной дороги, которая начинается в пяти милях от города и идет к западу, — на карте округа Юггогени она значится под аббревиатурой A22. Еще бы на полмили восточнее — и тогда не мне, а моим коллегам из округа Файетт пришлось бы искать ответ на вопрос, кто застрелил этого человека и освежевал его голову с подбородка до макушки и от ключицы до ключицы, хладнокровно сняв уши, веки, губы и скальп в один прием, точно кожуру с апельсина. Меня зовут Эдвард Саттерли, и вот уже двенадцать лет я честно служу

обитателям Юггогени на посту окружного прокурора, занимаясь делами, в которых чересчур много изуверского и эксцентричного. Я привожу нижеследующий отчет, хорошо понимая, что у многих возникнут сомнения в его истинности и моей правдивости, и прошу читателя рассматривать его, по крайней мере отчасти, как мое заявление об отставке.

До того, как найти труп, подростки несколько часов кромсали убитых белок длинными ножами — это жестокая забава, и неудивительно, что поначалу члены следственной бригады заподозрили в совершении преступления их самих. Кровью были испачканы рукава мальчишек, полы их рубах и козырьки их серых саржевых кепок. Но и окружные детективы, и я быстро исключили Джои Матушака и Фрэнки Корро из числа потенциальных убийц. При всем своем близком знакомстве с хрящами, сухожилиями и ярко-багряной внутренностью распоротого тела ребята прибыли в участок бледными и ошеломленными, и вдобавок у нас имелись убедительные доказательства того, что страшная находка вынудила их расстаться со значительной долей содержимого своих желудков.

Далее, хотя я твердо намерен изложить все

обстоятельства этого дела, насколько они подвластны моему разумению, не боясь показаться читателю лжецом или ненормальным, я не вижу смысла в том, чтобы приводить дальнейшие *анатомические* подробности преступления, — скажу лишь, что наш медицинский эксперт доктор Соэр, выполнивший свою задачу со всем тщанием и печальной решимостью, выразил абсолютную и непреклонную убежденность в том, что жертва рассталась с жизнью прежде, чем ее убийца принялся орудовать своим очень длинным и очень острым ножом.

Как я уже упоминал, мертвец был облачен в весьма странный костюм — сильно поношенные штаны и куртку из пурпурного велюра и ярко-оранжевую жилетку, все это с огромными заплатами из материи самых невообразимых, вызывающе контрастных цветов. Именно эти заплаты наряду с многочисленными трещинами на подошвах ботинок погибшего и общим плачевным состоянием его одежды позволили первому прибывшему на место убийства детективу — человеку, не способному видеть глубже самой верхней оболочки мира (я должен признаться, что в нашем унылом уголке на западе Пенсильвании нет ровно ничего привлекатель-

ного для лучших мастеров сыска), — опознать в нем бродягу, хоть и с необыкновенно большими ногами.

— Дурень ты, Ганц! Скорее всего, это не настоящие его ботинки, — мягко заметил я. Позвонив мне в пансион с той жуткой лесной поляны, он оторвал меня от ужина — брунсвикского рагу (коронного блюда моей хозяйки), приготовленного, по крайне неприятному совпадению, из свинины и *беличьего мяса*. — Он носил их, чтобы смешить публику.

— Они и правда смешные, — сказал Ганц. — Если подумать. — Детектив Джон Ганц был крупным детиной — широкий костяк, облеченный в румяную плоть. Он дышал ртом, ходил, понуро сутулясь, как часто ходят люди высокого роста, и пять раз на дню совершал один и тот же ритуал: доставал расческу и приклеивал свои редеющие светлые пряди к макушке, предварительно мазнув их бриллиантином.

Когда я добрался до поляны, прервав свой одинокий ужин, труп лежал в той же позе, в какой его застали молодые охотники, — навзничь, вскинув руки по обе стороны от своего освежеванного лица. В этом жесте читалось удивление, сразу подогревшее надежду бедного доктора Соэра

на то, что смерть несчастного от пистолетного выстрела предшествовала надругательству над его телом. Ганц или еще кто-то из полицейских милосердно прикрыл изуродованную голову куском замши. Довольно было на одно мгновение заглянуть под него, чтобы узнать о состоянии головы все, что могло бы понадобиться мне или читателю, — я никогда не забуду этой чудовищной безгубой улыбки, — и заметить необычный галстук, на котором бродяга остановил свой выбор. Это была гигантская обвисшая бабочка, белая в оранжевый и пурпурный горошек.

— Черт побери, Ганц, — сказал я, хотя в действительности мой вопрос вовсе не был адресован этому увальню, который — я знал — едва ли сможет ответить на него в относительно скором времени. — Что делает в моем лесу мертвый клоун?

Мы не нашли при трупе ни бумажника, ни какого бы то ни было удостоверения личности. Мои люди вместе с лучшими силами полицейского управления Эштауна вновь и вновь прочесывали лес к востоку от города, ежечасно увеличивая радиус своих поисков. В тот день, в минуты, свободные от исполнения прочих моих обязанностей (тогда я пытался покончить с шайкой

Дашника, занимавшейся контрабандой и сбытом сигарет в наших краях), цепочка умозаключений привела меня к цирку братьев Энтуистл-Илинг, который, как я вскоре припомнил, недавно останавливался у восточной окраины Эштауна, на опушке леса, где было обнаружено тело.

На следующий день мне удалось связаться с зимней базой цирка в Перу и переговорить с его главным управляющим, человеком по фамилии Онхойзер. Он сказал мне по телефону, что труппа покинула Пенсильванию и сейчас направляется в Перу, и я спросил, не поступало ли от ее директора сигналов о внезапном исчезновении одного из клоунов.

— Об исчезновении? — переспросил он. Я пожалел, что не вижу его лица, ибо мне послышалась в его голосе какая-то напряженная, фальшивая нотка. Может быть, он просто нервничал, разговаривая с окружным прокурором. Все данные свидетельствовали о том, что цирк братьев Энтуистл-Илинг — сомнительное предприятие, и его деятельностью наверняка уже не раз интересовались представители судебной системы. — Да нет, по-моему, ничего такого.

Я объяснил ему, что в сосновом бору близ Эштауна, Пенсильвания, найдено тело мужчины,

который, судя по всему, был при жизни цирковым клоуном.

— Нет-нет, — сказал Онхойзер. — Я искренне надеюсь, что это не наш, мистер Саттерли.

— Не могло ли случиться так, что один из ваших клоунов отстал от труппы, мистер Онхойзер?

— Клоуны — особый народ, — ответил Онхойзер таким тоном, словно хотел оградить себя от дальнейших нападок с моей стороны. — Они любят свою работу, но иногда она начинает, как бы это выразиться, немного их угнетать. — Выяснилось, что сам он в молодости выступал клоуном в цирке, который теперь перешел под его управление. — Для клоуна нет ничего необычного в том, чтобы на время отойти от дел и позволить себе месяц-другой честно заслуженный отдых в каком-нибудь тихом городке, — это позволяет им, так сказать, снова обрести форму. Не то чтобы это *принято*, но так бывает. Я позвоню директору труппы — они сейчас в Кантоне, в Огайо, — и попробую что-нибудь выяснить.

Из подтекста нашей беседы я извлек, что клоуны — люди нервные и порой срываются в неожиданный загул. Наверное, этот бедняга бросил здесь якорь пару недель назад и залечивал душевные раны, хлеща горькую, покуда не повздорил

с кем-то очень опасным и, возможно, не питающим большой любви к клоунам. Честно говоря, внутренний голос нашептывал мне — хотя пока факты этого не подтверждали, — что простые жители Эштауна и его окрестностей могут спать спокойно, не боясь разгуливающего на свободе убийцы. В очередной раз я вынул листок бумаги, который положил утром под пресс-папье. Это была справка, врученная мне доктором Соэром: «Коулрофобия — болезненный, иррациональный страх перед клоунами или отвращение к ним».

— Кхм… послушайте, мистер Саттерли, — снова заговорил Онхойзер. — Надеюсь, вы не будете против, если я спрошу. Надеюсь, это не входит в число конфиденциальных подробностей, которые нельзя разглашать, или чего-то подобного. Но я знаю, что когда дозвонюсь до них, до моих людей в Кантоне, они захотят узнать.

Я почему-то догадался, о чем он хочет меня спросить. За его любопытством ощущался свербящий страх; в его голосе звучала нотка ужаса. Я ждал продолжения.

— Как он… было ли что-нибудь… как он умер?

— Его застрелили, — сказал я, на минуту откладывая самую интересную часть ответа, словно натягивая эту слабую ниточку страха. — Пуля

попала в голову.

— А было ли… простите. И ничего… больше никаких повреждений? Кроме огнестрельной раны, разумеется.

— Да, его голову действительно очень жестоко изуродовали, — бодрым тоном ответил я. — Вы об этом спрашиваете?

— Ох! Нет-нет, я…

— Убийца или убийцы удалили всю кожу с черепа. Это было сделано весьма умело. А теперь расскажите-ка мне все, что вам об этом известно.

Последовала новая пауза; через несколько секунд по соединяющей нас линии хлынул поток возбужденных электронов.

— Я ничего не знаю, господин окружной прокурор. Мне очень жаль, но у меня срочное дело. Я позвоню вам немедленно, как только…

В трубке раздался гудок. Мой собеседник так торопился дать отбой, что даже не успел закончить фразу. Я встал и подошел к полке — в последние месяцы там, за бюстом Дэниэла Уэбстера, у меня всегда стояла наготове бутылка виски. Захватив ее и пыльный стакан, я снова уселся в кресло и попробовал примирить себя с мыслью, что столкнулся — увы, не в первый раз за время своего пребывания на посту главного блюстителя

закона в округе Юггогени — с убийством, в основе которого лежит не обычный сплав глупости, низости и редкостной неосмотрительности, а непостижимые планы существа, злого по самой своей природе. Однако обескураживало меня не то, что преступление, совершенное по наущению некоей злой силы, априори представлялось мне более трудным для раскрытия, нежели деяния глупцов, неудачников или людей с необузданным нравом. Наоборот, зло частенько проявляет себя на удивление понятным образом, посредством несложных схем и силлогизмов. Но присутствие зла, будучи учуяно хоть однажды, нередко пробуждает в воображении публики все, что в нем есть иррационального и неподконтрольного. Это катализатор для возникновения самых абсурдных теорий, псевдонаучных домыслов и не знающих критики космических нагромождений истерии.

В этот момент ко мне в дверь постучали, и вошел детектив Ганц. Раньше я пытался прятать стакан с виски за пишущей машинкой или фотографией моей жены и сына, но теперь это казалось мне напрасной суетой. Я бы все равно никого не обманул. Ганц отреагировал на стакан в моей руке поднятием брови и ханжеским под-

жатием губ.

— Ну? — спросил я. Был краткий период, сразу после смерти моего сына и последующего самоубийства моей дорогой жены Мэри, когда я черпал утешение в сочувствии, проявляемом ко мне подчиненными. Затем я обнаружил, что сожалею о своей прежней слабости. — Ну что? Нашли что-нибудь новое?

— Пещеру, — ответил Ганц. — Этот чудак жил в пещере.

Вся гряда низких холмов с лощинами, отделяющая Юггогени от соседнего округа Файетт, изъедена пещерами. В течение многих лет — я тогда был мальчишкой — человек по имени полковник Эрншоу устраивал грошовые туры с демонстрацией переливчатых органных труб и острых каменных клыков Нейборсбургских пещер, пока их не завалило во время таинственного землетрясения 1919 года, похоронившего полковника и его сестру Айрин и положившего конец многочисленным странным слухам об этой эксцентричной пожилой паре. Иногда, блуждая по лесу, мы с приятелями натыкались на опутанный корнями зев какой-нибудь из пещер, чувствовали на себе его прохладное плутоническое дыхание и подзадоривали друг друга, не решаясь покинуть

солнечный свет и вступить в этот мир теней, — мне всегда казалось, что передо мной вход в само легендарное прошлое, где, наверное, доныне тлеют кости индейцев и французов. Именно в одном из этих вестибюлей погребенного прошлого луч фонарика, принадлежащего заместителю шерифа из Планкеттсбурга, блеснул на серебристой крышке банки из-под свинины с бобами. Кликнув своих спутников, полицейский продрался через завесу паутины и очутился в гостиной — она же спальня и кухня — убитого клоуна. Здесь было немного консервов (рагу из говядины с чилийским перцем), примус, переносной фонарь, постельная скатка, походный столовый набор и заряженный старый кольт армейского образца, из которого относительно давно не стреляли. Была даже крошечная библиотека: пособие для скаутов, собрание сочинений Блейка и еще пара книжек, древних и потрепанных. Одна из них, написанная на немецком языке неким Фридрихом фон Юнцтом, называлась «Über das Finstere Lachen», и была то ли религиозного, то ли философского содержания; в другой, маленьком томике в переплете из черной кожи, я увидел вязь неизвестного мне алфавита — плавные строчки, ощетинившиеся диакритическими значками.

— Шибко он грамотный для клоуна, — сказал Ганц.

— По-твоему, Джек, они только и умеют что толкаться да поливать друг дружку сельтерской из сифона?

— А разве нет?

— Нет. В душе клоунов кроются неизведанные глубины.

— Я тоже начинаю склоняться к такому мнению, сэр.

У самой ровной стены пещеры, прямо за фонарем, стояло большое зеркало с погнутыми металлическими скобками, на которых, догадался я, оно когда-то висело в мужском туалете на какой-нибудь бензозаправке. Около него был найден предмет, убедивший детектива Ганца (а теперь, когда я осмотрел его, и меня тоже), что в пещере действительно проживал размалеванный цирковой клоун, — большой деревянный ящик с набором гримировочных принадлежностей, снабженный замком и имеющий довольно сложную конструкцию. Я велел Ганцу пригласить питтсбургского криминалиста, который негласно помог нам во время расследования ужасного дела Примма, напомнив ему, что до прибытия мистера Эспая и его черного чемоданчика с кисточками

и светящимися порошками никто не должен ничего трогать.

Воздух в пещере был едкий и солоноватый, с примесью затхлого мускусного аромата животного происхождения, странным образом напомнившего мне запах под шатром передвижного цирка.

— Почему он жил здесь? — сказал я Ганцу. — У нас в городе есть вполне приличная гостиница.

— Может, денег не было.

— А может, он думал, что те, кто его ищет, первым делом отправятся в гостиницу.

На честном простоватом лице Ганца появилось смущение, смешанное с легким раздражением, будто он считал, что я нарочно говорю загадками.

— *Кто* его искал?

— Не знаю, детектив. Может быть, и никто. Я просто думаю вслух.

Ганц нетерпеливо поморщился. Он понял, что я прислушиваюсь к своей интуиции, а интуиция была одним из тех орудий, которые детектив Джон Ганц решительно и бесповоротно исключал из арсенала судебного расследования. Надо признаться, что она и впрямь порой меня подводила. В деле Примма ее подсказка едва не привела

нас с Ганцем к гибели. А что касается закадычного дружка моей матери Таддеуса Крейвена и его намерения бросить пить — думаю, я до конца жизни буду жалеть, что послушался тогда своего капризного внутреннего голоса.

— Ты извини, Джек… — сказал я. — Что-то эта вонь меня допекла.

— Я сначала подумал: может, он держал здесь свинью, — отозвался Ганц, склонив голову набок и еще раз для пробы потянув носом воздух. — По-моему, пахнет похоже.

Прикрыв рот ладонью, я поспешил наружу, под сень влажного и прохладного соснового бора. Там я несколько раз вдохнул полной грудью. Тошнота отступила; тогда я принялся набивать трубку, расхаживая перед пещерой туда-сюда и пытаясь связать вместе наше новое открытие и мою беседу с руководителем цирка Онхойзером. Он определенно подозревал, что смерть этого клоуна сопряжена с особыми жуткими обстоятельствами. Мало того — он знал, что и его товарищи-циркачи будут питать те же подозрения, словно в их умах существовал какой-то сумасшедший коулрофоб с ножом, входящий в комплекс профессиональных суеверий наряду с запретом свистеть в гримерке или оборачиваться

во время циркового шествия.

Раскурив трубку, я углубился в лес в направлении поляны, где мальчишки наткнулись на мертвеца, — туда вела найденная полицейскими тропинка. Это была даже не тропинка, а след из примятой травы и сломанных веток, ведущий сложным извилистым маршрутом вниз по склону холма от пещеры к поляне. Видимо, его оставили несколько дней назад жертва и ее преследователь; ближе к концу, где деревья расступались и голубело чистое небо, на земле были заметны борозды, без сомнения, пропаханные каблуками гигантских башмаков клоуна: эксперты обнаружили на них засохшую почву соответствующего состава. Должно быть, у края поляны преследователь настиг клоуна, который в панике, оскальзываясь, бежал вниз, и протащил его то ли за волосы, то ли за ворот рубахи последние двадцать пять ярдов. Отпечатки ног предполагаемого убийцы имелись повсюду в изобилии — судя по ним, он был в длинных туфлях с заостренными носами. Но самую большую загадку представляли следы третьей разновидности, рассеянные там и сям вдоль холодной и черной глинистой тропы. Казалось, их оставил босоногий ребенок лет восьми-девяти. И про-

валиться ему на этом месте, воскликнул Ганц в заключение своего отчета, если этот босоногий ребенок не танцевал!

Я вышел на поляну, чуть запыхавшись, и стоял там, слушая, как шумит ветер в соснах и рокочет отдаленная автомагистраль, пока моя трубка не погасла. День выдался прохладный, но небо с самого утра оставалось чистым, и в напоенном ароматами лесу царили тишина и покой. Тем не менее, стоя на подстилке из прелых листьев, где было обнаружено тело, я чувствовал, как в душу ко мне закрадывается беспокойство. Я не верил в привидения тогда и не верю сейчас, однако, пока солнце опускалось за верхушки деревьев, удлиняя и без того длинные тени вокруг, во мне окрепло непреодолимое убеждение, что за мной кто-то наблюдает. Вскоре это чувство стало еще сильнее и, так сказать, локализовалось: теперь я был уверен, что увижу неизвестного наблюдателя, стоит мне только оглянуться. Решительно — от природы я не слишком отважен, но в тот раз действовал так, будто отвага у меня в крови, — я вынул из кармана спички и снова раскурил трубку. Затем повернулся. Я знал, что, обернувшись, увижу не Джека Ганца или кого-нибудь из других полицейских, поскольку любой из них уже давно

заговорил бы со мной. Нет — там либо вовсе ничего не будет, либо окажется нечто, чего у меня не хватает духу даже вообразить.

Так оно и вышло: это оказался бабуин, который сидел на корточках посреди тропы и смотрел на меня близко посаженными оранжевыми глазами, держа у бока одну лапу, сжатую в кулак. У него были пышные усы и длинная собачья морда. Широкая грудная клетка и густые бачки позволили мне предположить — как потом выяснилось, правильно, — что это самец. Несмотря на свои внушительные размеры, бедняга представлял собой довольно жалкое зрелище. Его свалявшаяся шерсть была заляпана грязью, а на ноги толстым слоем налипла хвоя. В глазах его застыло до боли грустное, потерянное, почти умоляющее выражение, хотя мне почудилось, что в этой немой мольбе сквозит намек на оскорбленное достоинство. Возможно, причиной тому была шляпа, которая сидела у него на голове, — конической формы, раскрашенная оранжевыми и пурпурными ромбами, да еще с большим ярко-оранжевым помпоном. Завязанная у него под подбородком черной ленточкой, она съехала с макушки и торчала вбок под забавным углом. Пожалуй, мне самому захотелось бы убить того, кто нацепил на

меня такую шляпу.

— Так это был ты? — спросил я, вспомнив рассказ По о свирепом орангутанге, размахивавшем бритвой в парижской квартире. Имела ли эта история реальные основания? Мог ли клоун принять смерть от рук своего любимца и товарища, который — на что теперь ясно указывал животный запах в пещере, еще недавно поставивший меня в тупик, — делил с ним тяготы его отшельнического существования?

Бабуин отказался отвечать на мой вопрос. Тем не менее спустя минуту он поднял свою длинную, скрюченную левую руку и показал себе на живот. Смысл этого жеста был очевиден, а заодно я получил и нужный мне ответ: если он не мог вскрыть банку сосисок с фасолью, разве в его силах было подвергнуть тело своего владельца или партнера столь изощренной и жестокой хирургической операции?

— Ну ладно, старина, — сказал я. — Давай-ка раздобудем тебе чего-нибудь перекусить. — Я сделал шаг по направлению к нему, слегка опасаясь, что он пустится наутек или, еще того хуже, бросится на меня. Но он по-прежнему сидел, тоскливо сгорбившись, сжимая что-то в своей правой лапе. Я приблизился к нему. От его отсыревшей

шерсти нещадно воняло. — А тебе не мешало бы помыться, верно? — машинально сказал я, будто обращаясь к чьей-то усталой старой собаке. — У вас с приятелем не было привычки вместе принимать ванну? Ты был здесь, когда это случилось, дружище? Не подскажешь, чьих рук это дело?

Животное смотрело на меня снизу вверх, и в глазах его светилась та пронзительная и мудрая печаль, которая придает мордам человекообразных обезьян и мандрилов выражение братского упрека, словно люди изменили святым принципам нашего общего рода. Я осторожно потянулся к нему. Он сжал мои пальцы своей сухой кожаной лапой и в следующий миг внезапно прыгнул прямо ко мне на руки, точно ребенок, ищущий утешения. Его невыносимый смрад — помесь скунса с помойкой — ударил мне в нос. Я задохнулся и едва не упал, а бабуин завозился, стараясь обхватить меня всеми четырьмя лапами. Должно быть, я испустил невольный крик; мгновенье спустя меня будто дважды грохнули по голове железной крышкой; грузное животное обмякло и с ужасным, почти человеческим вздохом разочарования соскользнуло наземь у моих ног.

Ганц и двое полицейских из Эштауна подбежали ко мне и оттащили в сторону мертвого

бабуина.

— Он не… он просто… — я был в такой ярости, что это мешало мне говорить связно. — Вы же могли попасть *в меня*!

Ганц закрыл животному глаза и вытянул его лапы вдоль туловища. Правая была до сих пор сжата в косматый кулак. Не без некоторых усилий Ганцу удалось разжать его. И тут с губ моего помощника сорвалось непечатное восклицание.

На ладони у бабуина лежал человеческий палец. Мы с Ганцем переглянулись, тем самым подтвердив без слов, что у мертвого клоуна имелся в наличии полный комплект соответствующих единиц.

— Проследи, чтобы этот палец отдали Эспаю, — сказал я. — Возможно, мы узнаем, кому он принадлежал.

— Женщине, — отозвался Ганц. — Посмотрите, какой ноготь.

Я взял у него палец, держа его за изжеванный, окровавленный конец, чтобы ненароком не испортить улики, которые могли прятаться под длинным ногтем. Хоть и твердый, он оказался до странности теплым — наверное, благодаря тому, что провел несколько дней в лапе животного, пусть в малой степени, но все-таки отомстив-

шего убийце своего хозяина. Похоже, это был указательный палец с аккуратно подпиленным, заостренным ногтем длиной чуть ли не в три четверти дюйма. Я покачал головой.

— Он не накрашен, — сказал я. — Даже без лака. Многие ли женщины ходят с такими?

— Может, краска стерлась, — предположил один из полицейских.

— Может быть, — сказал я. Потом опустился на колени рядом с телом бабуина. У него на шее, сзади, я заметил рану — длинную, глубокую, под коркой грязи и запекшейся крови. Перед моим мысленным взором встала эта картина: бабуин, как босоногий ребенок, танцует вокруг убийцы и его жертвы, в борьбе прокладывающих свой путь к поляне. Отогнать такого зверя мог лишь достаточно сильный мужчина. — Поверить не могу, что вы прикончили нашего единственного свидетеля, детектив Ганц. Бедняге просто захотелось меня обнять.

Это сообщение, похоже, не только озадачило, но и изрядно позабавило Ганца.

— Он был обезьяной, сэр, — сказал Ганц. — Сомневаюсь, что…

— Он умел подавать знаки, дуралей! Он объяснил мне, что голоден!

Ганц заморгал, пытаясь, по-видимому, добавить в свою персональную инструкцию параграф о потенциальной полезности цирковых обезьян при полицейских расследованиях.

— Если бы в моем распоряжении была дюжина таких бабуинов, — сказал я, — у меня никогда не возникло бы нужды покидать кабинет.

В тот вечер перед возвращением домой я заглянул на склад для хранения вещественных доказательств на Хай-стрит и взял оттуда две книги из тех, что были найдены нынче утром в пещере. Когда я вышел обратно в коридор, мне померещился какой-то странный запах — странный, во всяком случае, для этого унылого царства линолеума и зудящих ламп дневного света. Это был запах моря — свежий, резкий, солоноватый аромат. Я решил, что здесь, должно быть, вымыли пол каким-то новым дезинфицирующим средством, но это напомнило мне и запах крови, исходящий от пакетов с образцами и закрытых контейнеров, которые хранились на складе. Я повернул в замке ключ, сунул книги в скользких защитных конвертах к себе в портфель и зашагал по Хай-стрит в сторону Деннистон-роуд, где расположена публичная библиотека. По средам она закрывалась поздно, а если я со своим универси-

тетским немецким хотел сколько-нибудь близко познакомиться с герром фон Юнцтом, мне был необходим немецко-английский словарь.

Библиотекарь Люси Бранд ответила на мое приветствие с осторожным видом человека, который надеется быть вознагражденным за своё терпение двумя-тремя интригующими новостями. Сообщение об убийстве, не обремененное излишними подробностями, было опубликовано в эштаунском «Сплетнике», накануне утром, и хотя я предупредил незадачливых охотников за белками, чтобы они не распускали языки, по округе уже поползли слухи, полные нелепых догадок и откровенной лжи; я же достаточно хорошо знал свой родной город и понимал, что дело необходимо закрыть как можно скорее, иначе ситуация легко выйдет из-под контроля. Прецедент 1932 года — я имею в виду появление в наших краях таинственного Зеленого человека и связанные с этим события — как нельзя лучше продемонстрировал, что у моих земляков есть досадная склонность ударяться в панику чуть ли не по любому поводу.

Найдя на полках словарь Кёлера, я под влиянием внезапного импульса свернул к каталогу, чтобы поискать в нем Фридриха фон Юнцта. Ни

одной карточки с работой этого автора в ящиках не оказалось — пожалуй, это едва ли заслуживало удивления, поскольку городок у нас маленький и библиотека сравнительно небогата. Тогда я обратился к полкам со справочной литературой и полистал энциклопедии по философии и сравнительной филологии, но и там не нашлось никакого упоминания о фон Юнцте (хотя на титульном листе его книги значилось, что он имеет дипломы Тюбингенского университета и Сорбонны). Складывалось впечатление, что Фридрих фон Юнцт безжалостно вычеркнут из пыльных анналов тех научных дисциплин, коим он себя посвятил.

Лишь когда я закрывал «Энциклопедию археоантропологических исследований», мне в глаза вдруг бросилось одно название — я заметил его буквально за миг до того, как книга со стуком захлопнулась. Это название я уже видел в книге фон Юнцта: Урарту. Я едва успел сунуть между страниц кончик большого пальца; еще полсекунды, и драгоценное место было бы безвозвратно утеряно. Обнаружилось, что имя фон Юнцта также спрятано (вернее, захоронено) в саркофаге этой статьи, длинной и нудной, посвященной трудам некоего оксфордца по имени Сент-Деннис Т. Р.

Гладфеллоу, «крупного специалиста, — как говорилось в статье, — в области изучения верований древних, большей частью неизвестных народов, условно называемых ныне протоурартскими». Нужная мне ссылка была втиснута в столбец, изобилующий сравнениями обломков различных артефактов из обсидиана и бронзы:

> К анализу этих ритуальных орудий Г., возможно, подтолкнули недавние находки Фридриха фон Юнцта на раскопках бывшего храма Иррха в северной части центральной Армении, в том числе несколько жертвенных клинков, имеющих отношение к культу протоурартского божества Йе-Хеха, довольно выспренне (хотя, к сожалению, без всяких серьезных на то оснований) охарактеризованного немецким коллегой как «бог темного, или издевательского, смеха», — таким образом, можно признать, что работа этого печально известного путешественника и фальсификатора в данном случае оказалась небесполезной для науки.

После этого перспектива провести вечер в компании герра фон Юнцта стала казаться мне

еще менее соблазнительной. Одной из самых скучных личностей, с какими сводила меня судьба, была моя собственная мать, которая в пору моего раннего детства подпала под влияние мадам Блаватской и ее приверженцев и до самой своей кончины продолжала отравлять мое существование и истощать мое будущее наследство пристрастием к этой неудобоваримой каше, состряпанной из бессмыслицы и лжи. Мать заморочила голову нескольким местным простакам — среди них был несчастный старый пьяница Таддеус Крейвен — и испепелила их так же основательно, как земная атмосфера испепеляет угодившие в нее астероиды. Самыми приятными в моей карьере были эпизоды, связанные с разоблачением жуликов и шарлатанов, наживавшихся на чужом легковерии, и меня отнюдь не вдохновляла мысль о том, что мне придется скоротать вечер в обществе подобного персонажа, вдобавок ко всему прочему изъясняющегося на немецком языке.

Несмотря на все это, меня глубоко поразил самый факт знакомства убитого циркового клоуна с научными сочинениями — пусть и весьма сомнительного толка — о религиозных верованиях протоурартских народов, и я никак не мог

закрыть на него глаза. Взяв Кёлера, я отнес его к стойке, где Люси Бранд жадно ожидала от меня хотя бы малой толики животворной информации. Однако я ничем ее не порадовал, и тогда она заговорила сама.

— Он был немец? — спросила она с бесцеремонностью, какой прежде я за нею не замечал.

— *Кто* был немец, дорогая моя мисс Бранд?

— Убитый. — Она понизила голос до хрестоматийного библиотекарского шепота, хотя во всем здании, кроме нас, был один только Боб Сферакис, мирно похрапывающий в зале периодики над старым номером «Грита».

— Не… не знаю, — ответил я, слегка ошеломленный то ли простотой ее вывода, то ли тем, что он ускользнул от меня самого. — Полагаю, это возможно.

Она подвинула словарь ко мне.

— Сегодня приходил другой, — сказала она. — По крайней мере, сначала я подумала, что он немец. Хотя на самом деле, наверно, еврей. Он как-то умудрился найти единственную книгу на иврите, которая у нас есть. Одну из тех, что отошли к нам по завещанию усопшего мистера Форцайхена. По-моему, молитвенник. Крохотный такой. В переплете из черной кожи.

Конечно, ее сообщение должно было вызвать в моей памяти ответную реакцию, однако этого не случилось. Я надел шляпу, пожелал мисс Бранд доброй ночи и медленно побрел домой со словарем под мышкой и портфелем, где лежали увесистый томик фон Юнцта и книжечка в черном кожаном переплете, крошечные листы которой были испещрены странными загогулинами.

Не стану утомлять читателя рассказом о том, как мучительно я продирался сквозь колючий кустарник неуклюжего и высокопарного текста фон Юнцта. Довольно будет сказать, что большая часть вечера ушла у меня на борьбу с предисловием. Было уже за полночь, когда я добрался до первой главы, и дело близилось к двум часам, когда я наконец накопил достаточно информации, каковую и выложу сейчас перед читателем без всяких иных подтверждений, помимо свидетельства этих страниц, а также без всякой надежды на то, что ее без обиняков примут на веру.

Ночь выдалась бурная; я сидел в кабинете на верхнем этаже круглой башенки, слушая, как дребезжат в рамах оконные стекла, точно в мой старый дом пытается ворваться разом целая толпа грабителей. Говорили, что в 1885 году именно

в этой комнате под самой крышей Говард Эш, последний из живых потомков основателя нашего города, генерала Аннании Эша, запечатал в конверт пустой бланк своей жизни и отправил себя, должным образом оплатив почтовые расходы, своему Создателю. Под случайными порывами сквозняка время от времени шевелились страницы словаря Кёлера у моей левой руки. Я читал, и мне казалось, будто весь мир заснул и блаженно дремлет в неведении, тогда как меня оставили в «вороньем гнезде», нести одинокую вахту в когтях шторма, примчавшегося к нам с тропика ужаса.

Согласно рассказу ученого или шарлатана Фридриха фон Юнцта, земли, лежащие в окрестностях нынешней северной Армении, породили (вместе с целой уникальной космологией) два враждебных друг другу культа, уцелевшие и до наших дней; последователи одного из них поклонялись Йе-Хеху, Богу Темного Смеха, а приверженцы другого — Аи, Богу Беспредельной и Вездесущей Печали. Те, кто исповедовал культ Йе-Хеха, считали вселенную космическим трюком, розыгрышем верховного божества Иррха, придуманным им ради неведомых целей, юдолью, полной горя и жестокой иронии, единственный

возможный отклик на которую — злобный смех вроде того, каким, по их убеждению, смеялся сам Иррх. Чтобы выразить своё отношение к черной комедии жизни, смерти и всех человеческих потуг, поклонники бабуиноголового Йе-Хеха создали священный бурлеск, упоминаемый Павсанием и одним из путников в диалоге Плутарха «О крушении оракулов». Ритуал начинался со свежевания человеческой головы, снятой с плеч воина, погибшего в сражении, или иного деятеля, пожертвовавшего собой из каких-либо благородных побуждений. Затем клоун-священник надевал на себя эту бескровную маску и танцевал, изображая собой карикатуру на павшего героя. Поскольку поклонники Йе-Хеха в течение долгих веков заключали браки только внутри своей секты, они фактически превратились в своеобразный подвид homo sapiens, характеризуемый противоестественно широкой ухмылкой и белой как мел кожей. Фон Юнцт утверждал даже, что обычай гримировать цирковых клоунов возник после того, как непосвященные принялись неуклюже подражать этим древним мутантам.

Непримиримыми соперниками слуг Бабуина были, как я сказал выше, почитатели Аи, Вечно Скорбящего Бога. Этим мрачным фанатикам

мир представлялся таким же страшным и жестоким, как их заклятым врагам, но их реакцией на вселенскую несправедливость был более или менее постоянный траур. За долгое тысячелетие, минувшее с поры расцвета древнего Урарту, представители этой секты разработали сложную физическую дисциплину, нечто вроде джиу-джитсу или художественной гимнастики убийства, и практиковали ее в основном во время безжалостной охоты на поклонников Йе-Хеха. Ибо они верили, что Иррх, он же Ушедший, этот Молчаливый Завещатель, который целую вечность тому назад выбросил космос через плечо, словно обертку от съеденной селедки, и отправился восвояси, не оставив и намека на свои дальнейшие планы, может вернуться и открыть смысл своего необъяснимого и трагического творения лишь после того, как все племя обожателей Йе-Хеха вкупе со всеми экземплярами их священной книги «Хндзут Дзул», или «Непостижимый обман», будет стерто с лица земли. Только тогда Иррх возвратится после своего вековечного отсутствия, «и какой новый ужас или искупление принесет он с собой, — торжественно возглашал немец, — не дано знать ни единой живой душе».

Все это показалось мне лишь крайне отталки-

вающей разновидностью той самой зороастрийской белиберды, которой так щедро потчевала окружающих моя мать, и я уже подумывал махнуть на свои находки рукой и намекнуть Джеку Ганцу, что дело лучше всего спрятать под сукно и покрыть забвением, однако меня заинтересовали слова, коими Фридрих фон Юнцт завершал вторую главу своего утомительного труда:

> Хотя евангелие цинизма и насмешки, проповедуемое поклонниками Йе-Хеха, нашло широкое распространение во всех странах, сам культ практически исчез, отчасти по причине вражеских нападений, отчасти из-за хронических болезней, порожденных биологической замкнутостью. По некоторым данным, сегодня (книга фон Юнцта была помечена 1849 годом) во всем мире осталось не более 150 его представителей. Почти все они зарабатывают себе на жизнь работой в передвижных цирках. Хотя прочие цирковые деятели осведомлены об их существовании, они не торопятся раскрыть эту тайну рядовой публике. А сами несчастные ведут себя тихо, ежеминутно

находясь в ожидании поступи за ближайшим углом, тени на пологе шатра и безжалостного ножа, который, пародируя их собственный давно забытый ритуал жестокой пародии, отделит от черепа их мертвенно-бледные лица.

На этом месте я отложил книгу — руки мои уже дрожали от усталости — и взял другую, написанную на неведомом языке. «Непостижимый обман»? Едва ли, подумал я: у меня вовсе не было охоты принимать на веру нелепые измышления герра фон Юнцта. Скорее, маленький черный томик просто содержал в себе некие священные тексты на родном языке мертвеца — к примеру, отрывки из Библии. И все же я должен признаться, что кое-какие детали из отчета фон Юнцта пробудили в моей душе неясные, но скверные предчувствия.

Затем за окном вдруг раздался тихий скрип — словно кто-то бережно, почти любовно провел по стеклу пальцем с длинным ногтем. Но этим пальцем оказалась всего лишь качающаяся под порывами урагана ветвь старого тополя, росшего у моей башенки. Я вздохнул с облегчением, чуть пристыженный. Пора на боковую, сказал я себе.

Прежде чем улечься, я подошел к полке, отодвинул в сторону бюст Галена, доставшийся мне от отца, сельского врача, и как следует глотнул доброго теннессийского виски — вкус к нему тоже перешел ко мне по наследству. Подбодрив себя таким образом, я вернулся к столу и взял книги. Честно говоря, я предпочел бы оставить их на месте — а если уж быть совсем откровенным, я с удовольствием вовсе бы их сжег, — но моим долгом было сохранить их в неприкосновенности, покуда они находятся у меня на руках. Я положил их в казенные конверты, сунул к себе под подушку, лег в постель — и мне приснился самый плохой сон в моей жизни.

Это был один из тех снов, где вы точно муха на стене, бесплотный наблюдатель, не способный ни заговорить, ни вмешаться в происходящее. На сей раз меня угостили историей человека, сыну которого было суждено умереть. Этот человек жил в том уголке света, где ржаво-красная земля порой источала зло, словно горючие миазмы давным-давно захороненной в ней мертвечины. И все же год за годом он, верный своему кодексу чести, смело встречал атаки темных сил, вооруженный лишь юридическими справочниками, сводами законов и постановлениями окружного

совета, словно прикрывая тех, кто был вверен его попечению, жалким газетным листом, делая вид, что низвергающийся на них жгучий черный гейзер — всего только весенний дождик. Эта картина вызвала у меня смех, но соль шутки раскрылась позже, когда этот человек в порыве запоздалого сострадания к своей покойной безумной матери решил не карать за вождение в нетрезвом виде одного из ее бывших любовников, пьяницу по фамилии Крейвен. Вскоре после этого Крейвен поехал в неверном направлении по улице с односторонним движением, где его старенький «хадсон терраплейн», столкнулся — со всеми соответствующими такому случаю комическими звуковыми эффектами — с несущимся ему навстречу велосипедом, педали которого отчаянно крутил бесшабашный и горячо обожаемый сын того самого человека. Это было смешнее всего — смешнее забавных нелепостей, связанных с профессиональными хлопотами этого человека, смешнее его тайного пьянства и тоскливых одиноких ужинов, смешнее даже, чем сделавшее его вдовцом самоубийство: отец пережил сына. Это было до того смешно, что, глядя во сне на этого недотепу, я буквально задыхался от хохота. Я смеялся так буйно, что глаза мои выскочили из

орбит, а улыбка ширилась, покуда не разорвала моих ноющих щек. Я смеялся, пока оболочка моей головы не лопнула, развалившись, как стручок, — и тогда мой череп и мозги взмыли в небо белым невесомым пухом, облачком из эльфийских парашютиков.

Примерно в четыре часа утра я проснулся и заметил, что со мной в комнате кто-то есть. В воздухе витал отчетливый солоноватый запах моря. Я плохо вижу и потому не сразу различил пришельца в полумраке, хотя он стоял рядом с моей кроватью, а его длинная тонкая рука, точно змея, ползала у меня под подушкой. Я лежал абсолютно неподвижно, терпеливо снося близость изящных острых ногтей призрака и шорох его чешуйчатых костяшек, покуда он не выгреб все содержимое моего изголовья и не умчался с ним в окно спальни, оно же зев Нейборсбургских пещер, у которого продавал в будке билеты крошечный полковник Эрншоу.

Теперь я очнулся по-настоящему и сразу же полез под подушку. Книги все еще были там. В восемь часов утра я вернул их на склад вещественных доказательств. В девять поступил звонок от Долорес и Виктора Эбботов, хозяев мотеля близ Планкетсбург-Пайк. Один из их по-

стояльцев внезапно скрылся, оставив после себя зловещие следы. Я сел в машину вместе с Ганцем, и мы отправились туда. Эштаунская полиция уже рыскала по территории и домикам мотеля «Виста Долорес». Корзина для мусора в ванной номера 201 была переполнена окровавленными повязками. Похоже, что сбежавший гость держал в своем номере живую птицу: соседи показали, что слышали крики наподобие вороньих. По всей комнате был разлит солоноватый запах, который я тут же узнал; одним из нас он напомнил запах на берегу океана, другим — запах крови. Когда насквозь промокшую подушку отправили в Питтсбург на экспертизу к Эспаю, выяснилось, что она пропитана человеческими слезами.

Ближе к вечеру, вернувшись из суда, я обнаружил в своем кабинете записку от доктора Соэра. Он закончил аутопсию и предлагал мне зайти. Прихватив с собой бутылку, спрятанную за бюстом Дэниэла Уэбстера, я направился в окружной морг.

— Этот несчастный сын своей матери был уже мертв, когда его свежевали, — сегодня высокий, нескладный доктор Соэр выглядел не таким угрюмым, как во время нашего последнего разговора. Убежденный методист, Соэр старательно избегал

крепких выражений, однако — по крайней мере, на моей памяти — никогда не чурался крепких напитков. Я налил нам обоим по маленькой, а затем по второй. — Мне пришлось с ним повозиться, потому что у этого бедняги была одна особенность, которую я упустил вначале.

— А именно?

— Теперь я вполне уверен, что он страдал гемофилией. Так что мое определение времени убийства по сворачиванию крови оказалось неточным.

— Гемофилия, — повторил я.

— Да, — сказал доктор Соэр. — Иногда она появляется в результате перекрестных браков между родственниками, как у королевских семей в Европе.

Перекрестные браки. Мы постояли, глядя на печальный силуэт мертвого тела под простыней.

— Кроме того, я нашел татуировку, — добавил Соэр. — Голову скалящегося бабуина. На левом предплечье. Да, и еще одно. У него была какая-то разновидность витилиго. Все горло и шея сзади в белых пятнах.

Заметим кстати, что содержимое ящика с гримом, принадлежавшего жертве, включало в себя кольдкрем, помаду, гримировочную краску алого

цвета, пудреницу, несколько кистей и хлопчатобумажных тампонов и пять баночек грунта с этикетками «Мужской оливковый». Однако там не было и следа белой краски, которую мы столь часто видим на смеющихся лицах клоунов.

На этом я завершаю свой отчет, а с ним и своё пребывание в должности прокурора нашего невезучего, чтобы не сказать проклятого, округа. Я строил свою карьеру — да что там, всю свою жизнь, — опираясь на вещи, которые мог осязать, на истории, которым мог верить, и оценивал всякую прочтенную книгу с позиций разумного скептицизма. Двадцать пять лет, глядя, как люди вокруг вершат преступления, проливают кровь, наносят друг другу увечья и губят себя всеми возможными способами, я крепко сжимал в руках бритву Оккама, стараясь, чтобы мои суждения были непредвзятыми и свободными от праздных домыслов, всячески избегая любых интриг и гадания на кофейной гуще. Моя мать, сталкиваясь с каким-либо бедствием или личным горем, искала их подоплеку в космических эманациях, незримых империях, древних пророчествах и вселенских заговорах; я поставил целью своей жизни отвергать эти глупости и находить для всего более естественные причины. Но мы были

глупцами, она и я, высокомерными болванами, ибо не видели или не желали замечать самое простое объяснение: что мир есть непостижимая шутка и наша человеческая потребность объяснять его чудеса и ужасы, наши устрашающие успехи в изобретении таких объяснений — всего лишь звон оркестровых тарелок, сопровождающий очередной кувырок кривляющегося на арене паяца.

Не знаю, был ли тот безымянный клоун последним, но в любом случае при таких преследователях их едва ли осталось много. И если в мрачной доктрине этих охотников кроется какая-то правда, то возвращения нашего отца Иррха с его неисповедимыми намерениями долго ждать не придется. Но я боюсь, что, несмотря на все их усилия за последние десять тысяч лет, поклонники Аи сильно разочаруются, когда в конце всего, что мы знаем, в завершение всех наших утрат и фантазий стропила мира будут потрясены взрывом ужасного, оглушительного хохота.

Перевод: В. Бабков

Брайан Эвенсон

Дальше Рино

Brian Evenson «Past Reno», 2014

I

Бернт начал подозревать, что поездка какая-то странная, когда на окраинах Рино зашел в магазин, где один из шести проходов был целиком заставлен вяленым мясом. Наверху лежали знакомые копчености — бренды, рекламу которых он видел. В середине было что-то на вид местное, с одноцветной упаковкой, но все-таки вакуумной и с аккуратными этикетками. А вот в нижнем ряду лежали куски сушеного и копченого мяса в грязных целлофановых пакетах с завязками, без всяких этикеток. Он даже не знал, что это за мясо. Потыкал одну пачку носком кроссовки, а потом долго на нее смотрел. Когда заметил, что на него пялится продавец, тряхнул головой и отошел.

«Уже тогда надо было догадаться», — думал он часы спустя. Уже в этот момент надо было развернуться, проехать полмили до Рино и дальше не соваться. Но он говорил себе, что это всего лишь магазин. И даже не такой уж странный. Ну подумаешь, жители Рино любят вяленое мясо.

Так что он тряхнул головой и поехал дальше.

Бернт впервые за десять лет покинул Калифорнию. Его отец умер, и ему об этом сообщили слишком поздно, чтобы успеть на похороны, но он все равно ехал в Юту, чтобы попасть на раздачу недвижимости, если от той еще хоть что-то осталось. Он был сам по себе. Его девушка хотела поехать, но в последний момент заболела. Чем, не знали оба, но она не могла стоять, сразу начинала кружиться голова. Чтобы поблевать, она буквально ползала в ванную. Такое состояние продлилось три-четыре часа, а потом так же неожиданно, как налетело, ушло. Но после этого она отказалась садиться в машину. А если болезнь вернется? Если ей так плохо, пока она лежит, рассуждала она, насколько же хуже будет в машине? Пришлось признать, что в этом есть логика.

— А тебе самому-то обязательно ехать? — спрашивала она. — Разве тебе не пришлют твою долю, где бы ты ни был?

Технически да, она была права, но Бернт не доверял своим дальним родственникам. Если не поехать, они сделают все, чтобы ему не досталось то, что он заслуживает по праву.

Она устало покачала головой и спросила:

— И что именно ты заслуживаешь? — Надо признать, это был хороший вопрос. — И разве отец не сказал тебе больше никогда не возвращаться?

Бернт кивнул. Так отец и сказал.

— Но у него нет права голоса, — заметил он. — Он теперь умер.

Так или иначе, она с ним не поехала. И может, думал он теперь, сидя за рулем, болезнь его девушки — за мили до Рино — стала первым звоночком, что поездка выдастся странной. Но откуда ему было знать? А теперь, забравшись так далеко от Рино, проделав такой путь, как он мог взять и просто развернуться?

В начале, чуть дальше Рино, он ехал и наблюдал, как шоссе 80 флиртует с рекой Траки: то подбирается, то снова отстраняется. Потом попал в россыпь домиков под названием Фернли, и река пропала из виду. На многие мили не было почти ничего, всего пара ранчо на засушливой земле. Бернт смотрел, как вдоль обочины позвякивает провисающая колючая проволока, а когда и она закончилась, отсчитывал время по металлическим знакам, торчащим каждую десятую часть мили. Через какое-то время исчезли и они, остались только выцветшие зеленые знаки, отсчитывающие мили, с цифрами, вытравленными

белым. Думая о чем-то своем, Бернт наблюдал, как они приближаются, и наблюдал, как они удаляются.

Он думал об отце: когда тот был молод, то никогда не покидал дом без отутюженных стрелок на джинсах. Перед выходом всегда проверял, блестят ли туфли, даже если всего лишь собирался обходить свои акры, даже если знал, что туфли будут в грязи и песке, стоит сойти с крыльца. Такой уж он был. Бернт это ненавидел. Ненавидел его.

Он помнил, как отец стреножил задние ноги свиньи, протянул веревку через шкив над полом сеновала и наматал на колесо. Потом велел Бернту взяться за колесо и сказал: «Поднимай засранца и держи, и не смотри, что дергается. Я вскрою ему глотку, и тогда все — худшая работа позади. Тебе достается чепуха. Просто держи, пока из этого говнюка вся кровь не вытечет». Бернт только кивнул. Отец сказал «тяни», и Бернт начал крутить колесо. Свинья пошла наверх, визжа, вращаясь и брыкаясь. Отец стоял рядом, неподвижный, с ножом наготове и большим пальцем на самом краю лезвия, ждал. А потом одним взмахом рассек животному горло от уха до уха. Свинья еще боролась, кровь хлестала из раны и густела в песке. Бернт не понял, как та не

попала отцу на туфли и штаны, но не попала.

И так было всегда, каждый раз, когда он кого-нибудь убивал. На нем — ни капли крови. Почти невероятно, думал Бернт, и в подростковом возрасте потратил не одну бессонную ночь, удивляясь, как это возможно, почему кровь сторонится отца. Все возможности, какие приходили в голову, казались такими оторванными от реальности, что он предпочитал считать это просто удачей.

Таким человеком был его отец. Какой он теперь, мертвый?

Бернт содрогнулся. Снова стал следить за милевыми знаками — точнее, попытался, но те исчезли. На миг он подумал, что где-то случайно съехал с шоссе. Но нет, это же невозможно, а кроме того, дорога, по которой ехал, сохраняла все внешние признаки шоссе. Потом на обочине промелькнул срезанный металлический столбик, и Бернт задумался, а что если когда-то тут торчал знак, — что если кто-то систематически их спиливает. Наверно, скучающие подростки, которым заняться нечем.

Бернт прикинул положение солнца в небе. Казалось, оно так же высоко, как и час назад, еще не начинало спускаться. Проверил датчик топлива:

от половины до четверти бака. Поехал дальше, думая, хватит ли бензина до следующей заправки. Наверняка хватит. Разве она так уж далеко?

Он открыл бардачок, чтобы достать карту и посмотреть, но карты не было. Может, он ее уже доставал и она соскользнула под сиденье, но если так, то она завалилась куда-то глубоко и он не мог ее найти, по крайней мере, за рулем. Нет, сказал он себе, заправка скоро будет. Как иначе. Он не так уж далеко от Элко. От Рино до Элко меньше трехсот миль, а он заправлялся в Рино. А где-то между ними Виннемука. Он что, проехал город и не заметил?

Хватит ему бензина, он сам знал, что хватит. Не надо поддаваться играм разума.

Отец сказал ему, что если Бернт уйдет, то может не возвращаться.

«Ладно, — ответил Бернт. — Я и не планировал».

А потом ушел.

Или стоп, не совсем так. Прошло уже столько лет, легче думать, что этим все и кончилось, но все было не так просто. Он не сказал «Ладно». Он не сказал: «Я и не планировал». На самом деле он сказал: «А на хрена мне возвращаться?»

Отец улыбнулся:

— Я уж думал, ты не спросишь. Пошли, — и направился к двери, поманив Бернта за собой.

Наверное, час спустя — может, больше, может, меньше, трудно судить, когда едешь один, — Бернт позвонил подруге, хотел сказать, что она была права, не стоило ему ехать. Надеялся, она уговорит его повернуть, и бог с ним, с наследством.

Но она не взяла трубку. Или нет, не совсем так: звонок не прошел. Казалось, будто проходит — Бернт набрал номер, услышал несколько гудков, потом звонок прервался. У телефона не было приема.

«А что тут такого странного?», — удивилась какая-то часть его разума. Он посреди глуши — естественно, обслуживание будет паршивым. Придется ждать, пока он не подъедет к городу, и тогда пробовать опять.

Все это казалось нормальным, рациональным, правильным. И все же другая его часть переживала, понимая: что-то не так.

Радио тоже оживало и глохло, одна и та же станция то отлично слышалась, то почти тонула в помехах, то опять слышалась. «Не странно», — настаивал кто-то в разуме. Наверное, говорил он

себе, сигнал здесь скачет. Он все твердил это, хотя на открытой равнине скачки происходили не реже, чем когда он объезжал гору или подъезжал к следующей.

Были моменты, когда не оставалось ничего, кроме помех. Когда он медленно поворачивал ручку, но ничего не находил. Когда нажимал на кнопку поиска и тюнер пробегал всю полоску от начала до конца, не зная, где примоститься, и начинал заново, и снова, и снова, и снова. Так продолжалось минут пять или даже десять, потом вдруг включалась частота, на которой, казалось, шли сплошные помехи, но так и не сменялась. Через какое-то время начинало мерещиться, что за помехами что-то есть, странный шепот, и он вот-вот усилится и постепенно превратиться в чьи-то голоса. Но он так ничем и не становился, просто помехи.

Бернт посмотрел на датчик топлива. От четверти до половины бака. Разве он это уже не видел? Постучал по датчику пальцем, сперва легонько, потом сильнее и сильнее, но показания не менялись.

Когда он приедет в Виннемуку, все равно заедет заправиться, на случай, если датчик сломался. Наверняка ему не понадобится бензин, чтобы

доехать до Элко, но он все равно остановится. Он опять постучал по датчику. Он уже проехал Виннемуку? Казалось, что должен был, но он бы его заметил, разве не так?

Бернт смотрел, как отец проверяет стрелку на штанинах. Смотрел, как он останавливается на крыльце и сперва поднимает к ограждению одну ногу, потом вторую, быстро обмахивая их висящей там желто-оранжевой тряпицей, прежде чем сойти и направиться по тропинке к дороге.

Бернт пошел за ним.

— Все это мое, — говорил отец, обводя окрестности рукой. — Все, все это принадлежит мне.

Но, конечно, Бернт и так об этом знал. Отец нес эту хрень с самого детства Бернта. Это не новости. Когда отец обернулся, чтобы посмотреть на реакцию сына, и увидел его выражение, то скривил губы, усмехнувшись:

— Ты-то что об этом знаешь, умник хренов?

— Что? — удивленно спросил Бернт. — Я знаю, что земля принадлежит тебе. И так знал.

— Земля, — сказал отец и сплюнул. — Черт, да это ерунда. Мне принадлежит все, что сюда попадает: растение, зверь или человек, включая тебя. Если ты уйдешь, то только потому что я разрешил. А если я разрешу, то ты сюда не вернешься,

если только я не скажу иначе.

Бернт даже не успел понять, как рука отца метнулась и зажала его запястье в крепкой, давящей хватке. Бернт попытался вырваться, но отец был сплошь жилы. Он кивнул один раз, губы его сжались в прямую тонкую линию, и отец сорвался по тропинке к штормовому убежищу, волоча Бернта за собой.

Нет, он уже точно должен был доехать до города. Что-то случилось. Солнце все еще стояло высоко в небе. Не должно оно там быть. Бессмыслица какая-то. И еще либо сломался датчик, либо у него почему-то не кончался бензин. Бернт снова попытался позвонить девушке, и в этот раз, хотя на телефоне не было ни одной полоски, звонок прошел. Он услышал два гудка, а потом она взяла трубку. Сказала: «Алло», — голосом до странного низким, почти неузнаваемым — наверное, из-за болезни, говорил он себе позже. Он сказал: «Дорогая, это я», — а потом связь оборвалась. Позвонив опять, пробиться он уже не смог.

Отец перевел сына через двор и тащил за руку так, что Бернт едва удерживал равновесие. Когда он споткнулся и чуть не упал, отец просто продолжил волочить его вперед, так что пришлось с

трудом вскарабкаться на ноги. Казалось, отцу все равно, останется сын на ногах или нет.

Они обошли сарай, отправились туда, где было штормовое убежище — простая деревянная дверь прямо в земле и закрытая на навесной замок. Бернт всегда знал, что оно там есть, но внутри никогда не был. Отец отпустил руку и сунул ему ключ.

— Давай, — сказал он. — Давай загляни.

II

Когда Бернт уже начал паниковать, показался город. Названия он не заметил — наверное, табличку срубили вандалы, как и милевые знаки. Просто переехал горку, завернул — и вдруг увидел знак съезда и россыпь зданий внизу, с блестящими на солнце окнами. Пришлось притормозить и срочно свернуть с дороги, но даже так он задел шумовую полосу и едва не снес дорожные конусы перед бетонным отбойником. Но к этому времени уже был на скате и направлялся вниз, под мост и в город.

Остановился у первой же заправки. Припарковался у насосов, заглушил мотор и выбрался, только тогда заметив, что магазин заброшенный и пустой, насосы забрызганы грязью, а резино-

вые шланги старые и растрескавшиеся. Бернт сел обратно в машину и снова завелся, потом проехал по городу в поисках другой заправки. Но ее нигде не было.

Что он увидел в штормовом убежище? Он до сих пор не был уверен. Бернт отпер дверь и спустился по лестнице, пока отец стоял наверху, скрестив руки. Внутри пахло пылью и чем-то еще — чем-то, от чего во рту чувствовался металлический привкус, стоило только вдохнуть. От чего заболело горло.

Бернт сошел по шатким деревянным ступенькам на утрамбованный земляной пол. Можно было стоять во весь рост, но места хватало впритык. Даже с открытой дверью глаза привыкли не сразу, а когда привыкли, не увидели ничего особенного. Заляпанный местами пол, где-то темнее, чем в других местах, — если только это не природные свойства самой почвы. Но не похоже. В дальнем конце было несколько стоек, на которых что-то висело. Он замешкался и услышал, как отец сверху сказал: «Давай», — холодно и твердо. Нащупал дорогу вперед, но из-за того, что загораживал телом свет, только через фут-другой понял, что видит перед собой полосы сушеного мяса. Сотни, тонко нарезанные и иногда запле-

тенные, и ничто не говорило, какому животному принадлежало мясо. Хотя оно явно было большое, в этом Бернт не сомневался.

Во рту пересохло, и он поймал себя на том, что не может оторвать взгляд от стоек, глаза перебегали с одной полоски на другую и обратно. Он чуть не крикнул отцу, чтобы спросить, откуда они, но что-то его остановило. В мыслях увидел, как отец вместо ответа просто захлопнет дверь и оставит его в темноте. Ощущение было таким осязаемым, что на миг Бернт даже засомневался, не остался ли уже сейчас в темноте, не воображает ли то, что перед собой видит.

Он заставил себя очень медленно повернуться, словно ничего такого не произошло, и подняться по лестнице. Отец смотрел, как он выходит, но не двинулся с места, чтобы помочь, пока Бернт вылезал из убежища, только спросил:

— Видел?

Бернт помялся мгновение, не зная, что именно должен был увидеть: полоски мяса или что-нибудь еще, что-нибудь за подставками, еще глубже. Но почти сразу решил, что безопаснее просто согласиться.

— Видел, — сказал он.

Отец кивнул:

— Хорошо. Тогда ты понимаешь, почему должен остаться.

Бернт неопределенно махнул рукой, отец принял это за согласие. Хлопнул по плечу и ушел.

Бернт не мог сказать, почему отец решил, будто сын понял то, что увидел, то, как на него должно было повлиять убежище. Конечно, теперь Бернт никогда не узнает, а в конечном итоге — лучше и не знать. Он последовал за отцом домой и ушел в свою комнату. Оставалось просто дождаться темноты, а потом упаковать вещи, вылезти в окно и уйти навсегда. С тех пор он не возвращался.

Через какое-то время Бернт бросил искать заправочную станцию. На датчике по-прежнему было от четверти до половины; наверное, хватит до Элко.

Он остановился перед придорожным кафе на Главной улице и зашел. Внутри было тесно, все столики заняты. Он сел за стойкой. Даже тогда официантка подошла к нему не сразу. Когда наконец решила принять заказ, он спросил про заправку и подумал, что ее ответ под стать всей поездке: заправки не было. «Стояла одна, — сказала она, — но бензин здесь слишком дорого стоит. Никто ею не пользовался, раз рядом Элко». Нет, ближайшая — дальше по дороге в Элко.

— Это далеко? — спросил он.

Вопрос ее как будто чем-то озадачил:

— Недалеко.

Он спросил, что она посоветует, и она порекомендовала суп дня, который он и взял, даже не поинтересовавшись, что это за суп. Когда заказ принесли, тот оказался на удивление хорош — насыщенный оранжевый бульон с запахом шафрана и волокнами мяса. Наверное, свинина. Слюнки потекли от одного вида. Ему показалось, что это знак: поездка наконец становилась не такой странной или хотя бы странной в хорошем смысле, а не в плохом. Когда Бернт доел, то собрал пальцем остатки по краям тарелки, выскоблил ее до чистоты.

Так он там и сидел, не особенно торопясь в дорогу. Официантка в конце концов принесла ему кофе со сливками, хотя он даже не просил, и не успел он сказать, что не пьет кофе, как она уже ушла к другому клиенту. Сперва он не трогал чашку, потом, не зная, что делать, попробовал. Вкус оказался насыщенным и нежным, не похожим на знакомый ему по прошлому опыту, и не успел он заметить, как выпил всю чашку.

«Все в порядке, — говорил он и обнаружил, что более-менее себе верит. — Странная часть поезд-

ки кончилась. Отныне все будет в порядке».

Из Калифорнии он писал отцу дважды. В первый раз — где-то через год после того, как приехал. Хотелось, чтобы отец знал: с Бернтом все в порядке, он встал на ноги. Еще хотелось немного позлорадствовать. А может, ему все еще было интересно. «Что, по твоему плану, должен был сделать со мной этот поход в убежище? Что там могло меня удержать?»

Бернт ждал реакции месяц, может, два. Но отец так и не ответил. Бернт потом узнал, что отец получил послание: когда он умер, об этом написала тетя, добавив, что адрес Бернта они нашли благодаря письму, которое он присылал отцу.

Второе письмо, годы спустя, уже было взвешенным, спокойным. Им Бернт хотел примириться, насколько это вообще возможно. Конверт пришел обратно неоткрытым, с надписью «Вернуть отправителю», выведенной отцовским почерком аккуратными строчными буквами.

«Все будет в порядке», — все еще говорил он себе, когда слез со стула и направился в туалет. Помочился и смыл, потянулся. Пока мыл руки, заметил зеркало.

А вернее, *зеркала*. Их было два, одно поверх

другого, маленькое привинчено на большое, так что большое казалось рамой.

Бернт посмотрел на себя, на своё осунувшееся лицо, но глаза соскальзывали через край, где кончалось одно зеркало и начиналось второе. Так и задумывалось? Какой-то особенный дизайн? Может, середина большого стекла разбилась или испачкалась, и чтобы это скрыть, повесили маленькое? Второе зеркало закрывало какую-то дырку?

Он взялся за его края. Оно было прикреплено по четырем углам винтами, они проходили через угол и тонкий деревянный брусок, а потом через зеркало сзади. В щель между зеркалами пролезали только кончики пальцев. Он потянул, но конструкция сидела крепко.

Когда он отпустил ее, подушечки пальцев почернели от пыли. Бернт снова помыл руки, теперь медленно. Лицо, когда он снова поднял взгляд, казалось все таким же осунувшимся. Он выключил краны, вытер руки и ушел.

Тут же вернулся. Достал маленький фонарик-брелок и посветил в щель между верхним зеркалом и нижним. Прижался в упор, но, как бы ни всматривался, как бы ни светил, зеркало сзади казалось целым и невредимым.

III

Сперва он соврал девушке — заявил, что съездил в Юту на ранчо, посидел на чтении завещания, но ничего не получил. Но потом, когда пришел ящик, рассказал правду. Ящик был старым, начинал рассыхаться и пах сыростью. Очень тяжелый. На боку аккуратным почерком отца было написано «Доля Бернта».

Он не притрагивался к ящику на столе полтора дня. Вечером второго Бернт вместе с девушкой сидели в кровати, читали, когда она спросила, собирается ли он вообще открывать ящик. Бернт положил книжку на грудь и начал рассказывать. Она не мешала, перебила только раз, а когда он договорил, свернулась рядом, мягко касаясь плеча одной рукой, и ничего не сказала. Это его удивило — Бернт думал, что она разозлится, раз он соврал. Но если она и разозлилась, то держала это при себе.

«Конечно, — говорил он ей, — на самом деле ничего не было, это все мое воображение. Самая обычная поездка. Я просто замечал то, на что при нормальных обстоятельствах не обратил бы внимания». Но пока Бернт рассказывал, двигался миля за милей от Рино до маленького городиш-

ки, названия которого так и не узнал, его снова начала охватывать паника. Он не верил, что это нормальная поездка. Верил, что поездка какая угодно, только не нормальная. И еще верил, что виноват в этом отец.

Самым трудным было объяснить, почему именно именно зеркала заставили его развернуться и поехать назад в Рино, остановиться, снять номер в отеле и напиться почти до беспамятства, пока алкоголь не кончился и он не протрезвел как раз вовремя, для того чтобы заметить, что уже прошло достаточно дней и можно сделать перед девушкой вид, будто он все-таки съездил в Юту. На самом деле с зеркалами не было ничего такого особенного, вынужден был признать он, — но отчего-то *именно* поэтому они и казались какими-то странными.

Тогда она его и перебила:

— Они походили на то, что ты видел в штормовом убежище?

Но что он видел в штормовом убежище? Бернт не знал до сих пор и никогда не узнает. Похоже на зеркала? Да нет, там была яма в земле с копчеными кусками сушеного мяса. Как двойное зеркало может быть похоже на яму в земле и куски мяса? Нет, единственное общее между ними — он не

понимал до конца, о чем они ему говорят. Чувствовал, как что-то упускает.

Тогда он ушел из кафе, сел в машину и поехал. Сперва намеревался, несмотря на разброд в душе, продолжать путь дальше в Юту, завершить путешествие. Но стоило свернуть налево с парковки и поехать по Главной улице, как он почувствовал, будто растягивается между зеркалом и пунктом назначения. Что его частичка поймана в зеркале, и что связь между ней и им становится все тоньше и тоньше.

И вместо того чтобы выехать на шоссе, он заложил круг и вернулся в кафе. Достал монтировку из набора инструментов рядом с запаской, зашел в кафе и направился прямиком в туалет. Несколько раз аккуратно стукнул по верхнему зеркалу и отломал все четыре угла, потом снял его и положил лицом на пол. Большое зеркало оказалось целым и невредимым. Его Бернт просто разбил, хотел убедиться, что за ним ничего нет. Ничего не было. Только голая стена. Тогда он разбил и первое зеркало, а потом ушел так же быстро, как пришел, пока официантка глазела на него с открытым ртом, а здоровый повар выскочил из кафе и погнался за ним с проклятьями, как раз когда Бернт повернул ключ в машине и уехал.

И даже тогда он бы мог поехать дальше, мог бы направиться в Юту, рассказывал Бернт. Но поездка — вся, от начала до конца, не только когда он начал делать то, чего бы раньше ему даже в голову не пришло делать, — казалась предупреждением. Продолжать — это ошибка, чувствовал он. И развернулся.

И в самом деле, не успел он глазом моргнуть, как вернулся в Рино, почти на одних парах бензина. Нашел заправку, потом отель, потом засел там на несколько дней и запил, чтобы переждать. Ему было стыдно, что он не доехал до самой Юты, а еще, если честно, то, когда он вернулся в место, которое казалось ему целиком и полностью реальным, Бернт побоялся снова садиться в машину.

Но все-таки с больной от похмелья головой влез в нее и поехал. Миг спустя уже пересек границу штата. Пропетлял по горам, проехал мимо Траки, обогнул озеро Доннер, через перевал Эмигрант-гэп, потом медленно съехал с гор во все более и более населенные области, все ближе и ближе к дому. Когда он сворачивал на их улицу, ему уже начало казаться, что он раздул из мухи слона, что просто искал повод не ехать в Юту.

Чем больше он говорил, чем больше пытал-

ся одновременно и объяснить своей девушке, что чувствовал, и выкинуть эти мысли из головы, предать все прошлому, тем больше где-то в глубине души произошедшее уплотнялось и твердело, как болюс или опухоль — словно что-то одновременно единое и совсем отдельное. Он не понимал, хуже ему или лучше от того, что он все выложил.

Закончив, Бернт лежал и молчал. Девушка была рядом, и скоро ее дыхание замедлилось, и он понял, что она уснула. Более-менее остался один.

Бернт знал: осталось разобраться с посылкой. Знал, что не откроет ее. Ему не нужно то, что там внутри. Он планировал, как от нее избавиться. Просто выкинуть — это мало.

Осторожно, чтобы не разбудить девушку, Бернт встал. Натянул джинсы и нашел ключи от машины. Надел носки и рубашку, а у двери — ботинки.

Нет, нужно увезти ящик как можно дальше. Бернт отвезет его обратно в Юту, откуда тот и явился.

А может, и нет, подумал он через несколько часов, проделав долгий путь и ничего не узнавая за окном, совершенно не понимая, где оказался.

Может, еще не в Юте, но точно где-то дальше Рино. Достаточно далеко, должно хватить.

Перевод: С. Карпов

Харлан Эллисон
Разумный город

Harlan Ellison «Sensible City», 1994

На третьей неделе судебного процесса один из сотрудников отдела внутренних расследований, которого прокуратура тайно внедрила в учреждение Гроппа, под присягой попытался описать, насколько ужасающей была улыбка его начальника. Парень из ОВР немного заикался; и казалось, что его лицо полностью побелело; но он мужественно пытался, не будучи поэтом или красноречивым оратором, рассказать всё, что он там увидел. После некоторого нажима со стороны прокурора он сказал: «Знаете, когда вы чистите зубы… вы полощете рот и сплёвываете зубную пасту, а затем вы сжимаете челюсти и растягиваете губы, чтобы посмотреть на свои зубы — стали ли они белее, и тому подобное… Получается такая вот зловещая улыбка. Ну, вы понимаете, что я

имею в виду…»

Уединившись в ту ночь в отеле в центре города, каждый из двенадцати присяжных встал возле зеркала, вытягивая губы, напрягая мышцы, стискивая зубы, и смотрел на своё гротескно искажённое лицо. Затем двенадцать мужчин и женщин мысленно наложили на зеркальное отражение лицо обвиняемого, что маячило перед ними в течение трёх недель, и получили образ Гроппа, который никогда не улыбался на суде.

И в тот момент, когда фантомное лицо наложилось на отражение, Гропп был признан виновным.

Лейтенант полиции В.Р. Гропп. Рифмуется со словом «гроб». Мясник, управлявший гражданским учреждением, что называлось «Пункт предварительного заключения». Каждый год мэрия включала его в список расходов городского бюджета. Что представляет собой этот пункт? Повсюду влага, холодное железо, запах мочи, смешанный с кислым вином, пот проступает сквозь грязную кожу, мужчины и женщины плачут в ночи. Острог, тюрьма, лагерь военнопленных, гетто, камера пыток, карцер, скотобойня, княжество, вотчина, армейская столовая, и головорез с короткой шеей, что всем этим управляет.

Последний из тридцати семи освободившихся заключённых, который был вызван в суд для дачи показаний, вспоминал: «Любимым занятием Гроппа было вытащить какого-нибудь дурака из камеры, раздеть его догола, а затем раскатать».

Когда от свидетеля потребовали говорить яснее, бывший сиделец заведения Гроппа — не преступник, а простой слесарь из паровозного депо, который немного перебрал с выпивкой и получил за это десять дней заключения в ППЗ — объяснил, что значит «раскатать». Гропп обхватывал шею какого-нибудь заключённого своей большой, волосатой рукой, а затем с силой проталкивал голову несчастного между прутьев решётки. Голова ударялась о железо, как шарик о колесо рулетки в казино. Дзинь-дзинь, вот так. Как правило, человек сразу терял сознание от такой пытки. Видя, что глаза жертвы потухли или побелели, Гропп продолжал душить её, бил и с каким-то чёртовым удовольствием упоминал, насколько этот преступный ублюдок крупнее его самого. Да, именно так. Это было любимое занятие Гроппа — он всегда вытаскивал какого-нибудь бедного голого сукина сына вдвое больше себя.

«Вот как умерли те четверо парней, в смерти которых вы обвиняете Гроппа. Задушенные его

рукой. Я держал рот на замке; мне повезло, что я выбрался оттуда целым и невредимым», — закончил свой рассказ слесарь из депо.

Пугающее свидетельство, последнее из тридцати семи. Даже излишнее, как перья на баклажане. С момента наложения фантомного лица на лицо отражения, лейтенант полиции В.Р. Гропп уже катился по наклонной, и ему предстояло провести свои последние годы в камере смертников, набитой до отказа преступниками, чьих духовных собратьев он калечил, давил, унижал, ослеплял, резал и убивал. Жестокость при исполнении служебных обязанностей — серьёзное преступление в таких заведениях.

Аналогичная судьба ожидала и громадного Магога, заместителя Гроппа, сержанта Майкла «Микки», Риццо. Это был безмозглый и злобный тип ростом в шесть футов четыре дюйма и весом в триста сорок фунтов; он всегда носил отполированные до блеска служебные ботинки со стальными носками. Микки было предъявлено обвинение только по семидесяти пунктам, в то время как Гропп совершил восемьдесят четыре злодеяния. Но если бы Микки удалось избежать приговора и смертельной инъекции за то, что тот давил ногами головы заключённых, он, конеч-

но, отправился бы в тюрьму для особо опасных преступников и пребывал бы там до конца своей обезьяньей жизни.

Однажды Микки дошёл до того, что, зажав одного заключённого между прутьев, бил его до тех пор, пока не оторвал бедняге руку; позже Микки бросил эту руку в столовой перед ужином.

Приземистый, пулеголовый тролль, лейтенант В.Р. Гропп, и бездумная машина для убийств Микки Риццо. Оба катились по наклонной.

Поэтому они вместе вышли под залог, пока присяжные два часа обсуждали их дело.

Зачем ждать? Гропп понимал, куда всё идёт, даже с учётом того, что сотрудникам тюрьмы многое прощают. Образовалась пропасть между городом, мэрией и Гроппом с Микки. Так зачем ждать? Гропп был разумным парнем, очень прагматичным, он не любил глупостей. Поэтому вместе с Микки они всё обдумали за несколько недель до суда; так поступил бы любой здравомыслящий преступник, желающий скрыться.

Гропп знал одну нелегальную мастерскую, которая была ему обязана. В одном помещении на пятом этаже, казалось бы, заброшенной швейной фабрики, в двух кварталах от здания суда, их ждал четырёхлетний, быстрый и рычащий

автомобиль «Понтиак Файербёрд», с полным комплектом документов.

А чтобы не оставлять свидетелей побега преступников на этом автомобиле, Гропп заставил Микки сбросить парня из мастерской в шахту лифта. Это был разумный поступок. В конце концов, парень, при падении, сломал шею.

К тому времени, когда присяжные вернулись в суд в тот вечер, лейтенант В.Р. Гропп и Микки находились уже за пределами штата, где-то в районе Бойсе. Два дня спустя, двигаясь окольными путями, «Понтиак», оказался на другой стороне реки Снейк и Скалистых гор, между Рок-Спрингс и Ларами. Через три дня после этого, петляя по дорогам, остановившись в Шайенне на обед и посещение кинотеатра, Гропп и Микки оказались в Небраске.

Здесь колосилась пшеница, синие тучи плыли на горизонте, и листва на деревьях дрожала от жары. Вороны собирались на полях, клевали зёрна и взмывали в небо. Пейзажи выглядели словно из какого-нибудь стихотворения.

Гропп и Микки находились в центре равнинного штата, между Гранд-Айлендом и Норфолком, где-то в глуши; они просто ехали, не оставляя следов, думая, куда направиться — в Канаду или

в другую сторону, в Мексику. Гропп слышал, что в Мазатлане есть возможности для бизнеса.

Прошла неделя после того, как присяжные лишились удовольствия увидеть лицо Гроппа, когда они зачитали приговор: «Воткните иглу в этого сукина сына и садиста. Наполните большой шприц наилучшим средством для уничтожения сорняков и воткните иглу в грудь Гроппа. Он виновен, ваша честь, виновен по всем восьмидесяти четырём пунктам. Вколите ему средство от сорняков и посмотрим, как этот жирный подонок будет танцевать!»

Всю неделю Гропп и Микки неторопливо ездили по разным дорогам. И каким-то образом, ранее этим вечером, Микки пропустил поворот, и теперь они оказались на участке автострады, которая, казалось, не имела никаких важных ответвлений. То и дело им попадались маленькие городки, вдалеке мерцали огни, но, если они находились в нескольких милях от крупного мегаполиса, карта не давала им подсказок, куда же они попали.

— Ты не туда свернул, — заметил Гропп.

— Да неужели? — удивился Микки.

— Я тебе точно говорю. Следи за дорогой.

— Прости, лейтенант.

— Нет, не лейтенант, — возразил Гропп. — Я уже говорил.

— О, да, конечно. Извини, мистер Гропп.

— Не Гропп. Дженсен. Мистер Дженсен. Ты тоже Дженсен, и ты мой младший брат. Тебя зовут Дэниел.

— Понял, больше не забуду: Гарольд и Дэниел Дженсены — это мы. Знаешь, чего бы мне сейчас хотелось?

— Нет, чего же?

— Коробку хлопьев с изюмом. Я мог бы держать её здесь, в машине, и когда мне бы захотелось немного поесть, я мог бы высыпать хлопья из коробки прямо себе в рот. Очень хочу хлопья.

— Следи за дорогой, — сердито сказал Гропп.

— Так что ты думаешь?

— О чём?

— Может быть, на следующей развилке я сверну с дороги, и мы заедем в один из этих маленьких городков, возможно какой-нибудь «7-11», будет открыт, и я смогу купить коробку хлопьев с изюмом? Скоро нам также понадобится бензин. Видишь там знак с маленькой стрелкой?

— Вижу. У нас ещё полбака. Продолжай ехать прямо.

Микки надулся. Гропп не обратил на это вни-

мания. Вынужденное путешествие с попутчиком имеет свои недостатки. Но между этим участком тёмной автострады и Нью-Брансуиком, что в Канаде, или Мазатланом в мексиканском штате Синалоа, имелось много тупиков и свалок.

— Что это, Юго-Запад? — спросил Гропп, глядя через боковое окно в темноту вокруг машины. — Средний Запад? Что?

Микки тоже огляделся.

— Не знаю. Хотя здесь очень красиво. Очень тихо и красиво.

— Темнота кромешная, — возразил Гропп.

— Да ну, — удивился Микки.

— Просто веди машину, ради бога. Красиво? Господи!

Они проехали в молчании ещё двадцать семь миль, затем Микки сказал:

— Мне нужно отлить.

Гропп громко вздохнул. Куда исчезли тупики и свалки?

— Окей. Найдём съезд с дороги возле следующего города любого размера и посмотрим, есть ли там приличное жилье. Ты сможешь купить коробку своих хлопьев и воспользоваться туалетом; я смогу выпить чашечку кофе и изучить карту при лучшем освещении. Кажется, что это

хорошая идея… Дэниел?

— Да, Гарольд. Видишь, я вспомнил.

— Мир — прекрасное место.

Они проехали ещё шестнадцать миль и нигде не увидели указателя выезда с автострады. Но на горизонте появилось зелёное свечение.

— Это что за чертовщина? — спросил Гропп, опуская стекло. — Это какой-то лесной пожар, что ли? На что, по-твоему, это похоже?

— На зелень в небе.

— Ты когда-нибудь думал, как тебе повезло, что твоя мать бросила тебя, Микки? — устало сказал Гропп. — Потому что, если бы она этого не сделала, и если бы они не привезли тебя в окружную тюрьму для временного содержания, чтобы найти тебе приёмную семью, и, если бы я не заинтересовался тобой, и не устроил бы тебя жить с Риццо, и не позволил бы тебе работать в изоляторе, и не сделал бы тебя своим заместителем, ты хоть представляешь, где бы ты оказался сегодня?

Гропп сделал небольшую паузу, ожидая ответа, осознал, что это риторический вопрос, не говоря уже о том, что он бессмысленный, и сказал:

— Да, небо зелёное, приятель, но оно также и странное. Ты когда-нибудь раньше видел «зелень

в небе»? Где-нибудь? Когда-нибудь?

— Нет, думаю, что нет, — пробормотал Микки. Гропп вздохнул и закрыл глаза.

Они проехали в молчании ещё девятнадцать миль, и зелёные миазмы в воздухе окутали их. Они висели над машиной и вокруг них, как морской туман, холодный и с крошечными капельками влаги, которые Микки сбрасывал дворниками с лобового стекла. Зелёный туман сделал ландшафт по обе стороны автострады слабо различимым, рассекая непроглядную тьму, но при этом придавая местности зыбкое, призрачное качество.

Гропп включил свет в салоне и начал разглядывать карту Небраски. Он пробормотал:

— Я понятия не имею, где мы, чёрт возьми, находимся! Здесь даже нет такой автострады. Ты свернул не туда, приятель!

Свет в салоне погас.

— Прости, лей… Гарольд…

Справа от них появился большой светоотражающий стенд, зелёно-белый. На нём было написано: ЕДА, БЕНЗИН, ЖИЛЬЁ — 10 МИЛЬ.

Следующий знак гласил: СЪЕЗД ЧЕРЕЗ 7 МИЛЬ.

А затем появился ещё один: ПОСЛУШАНИЕ — 3 МИЛИ.

Гропп снова включил свет и стал смотреть в карту.

— Послушание? Какое, к чёрту, Послушание? Нигде нет ничего подобного. Это что, старая карта? Откуда у тебя она?

— Взял на заправке, — ответил Микки.

— Где?

— Не знаю. Далеко отсюда. В каком-то месте, где мы останавливались, там ещё рядом стоял киоск по продаже пива.

Гропп покачал головой, прикусил губу и пробормотал что-то невнятное.

— Послушание, — сказал он.

— Ну и ну, — удивился Микки.

Они ещё не достигли съезда с автострады, как справа появился какой-то город. Гропп тяжело сглотнул и издал звук, который заставил Микки посмотреть на него. Глаза Гроппа стали большими, и Микки мог видеть их белки.

— В чём дело, лей… Гарольд?

— Видишь там город? — Голос Гроппа дрожал.

Микки посмотрел направо и увидел пугающую картину.

Много лет назад, когда Гропп недолго учился в колледже, он прошёл краткий курс по изобразительному искусству. Изучали основы, всё,

что легко понять — от наскальных рисунков аборигенов до Диего Риверы. Одной из картин, которую показывали сонным учащимся на большом экране в 8 часов утра, была «Нимфа Эхо», Макса Эрнста. Картина изображала позеленевшие древние руины, заросшие извивающимися растениями, у которых, казалось, имелись глаза, цель и собственная злобная, но весёлая жизнь. Под изумрудными листьями, в голодной чёрной земле скрывалось нечто порочное.

— Продолжай ехать вперёд! — крикнул Гропп, когда Микки начал снижать скорость, чтобы свернуть на боковую дорогу, оказавшуюся специальной горкой для аварийного торможения.

Микки услышал крик, но его рефлексы замедлились. Машина продолжала дрейфовать вправо. Гропп протянул руку и резко дёрнул руль влево.

— Я сказал: продолжай ехать прямо!

«Понтиак», занесло, но через мгновение Микки смог вернуть себе контроль над машиной, а ещё через несколько секунд они уже миновали горку и на большой скорости уносились прочь от этого кошмарного места. Гропп завороженно смотрел на мелькающий справа город. Он мог видеть здания, наклонившиеся под необычными углами, зелёный туман, который клубился на

призрачных улицах, тени неправильной формы, что скрывались в переулках.

— Это было очень страшное на вид место, лейте… Гарольд. Не думаю, что я захотел бы оказаться там даже ради хлопьев с изюмом. Но, возможно, если бы мы не уехали так быстро…

Гропп повернулся на сиденье в сторону Микки настолько, насколько позволяло его мускулистое тело.

— Послушай меня. В фильмах ужасов, в телешоу существует традиция, что люди всегда идут в дома с привидениями, на кладбища, в зоны боевых действий, как придурки, как полные идиоты! Понимаешь, о чём я говорю? Доходит до тебя?

Микки промычал:

— Э…

— Хорошо, позволь мне привести пример, — продолжил Гропп. — Помнишь, мы ходили на фильм «Чужой»? Помнишь, как тебе было страшно?

Микки быстро мотнул головой, его глаза расширились в испуге от воспоминаний.

— Окей. Итак, ты помнишь тот эпизод, где парень, который был механиком, парень в бейсболке, он отправляется на поиски кошки или кого-то в таком роде? Припоминаешь? Он от-

делился от команды и бродил в одиночестве. И он вошёл в тот большой грузовой отсек, и вода капала на него, и все эти цепи свисали вниз, и тени повсюду… Помнишь это?

Глаза Микки сузились. Да, он вспомнил, как схватился за пиджак Гроппа, пока тот не шлёпнул его по руке.

— А ты помнишь, что случилось в фильме? В кинотеатре? Помнишь, как все кричали: «Не ходи туда, придурок! Тварь там, придурок! Не ходи туда!», Но парень пошёл в отсек, и та тварь подкралась к нему сзади и всеми своими зубами откусила его глупую голову! Помнишь это?

Микки сгорбился за рулём.

— Ну, так уж устроены люди. Они не разумны! Они заходят в такие места, в которых, как ты видишь, их ожидает смерть; их загрызают, или высасывают у них кровь, или используют таких глупцов для растопки… но я не идиот, я разумный парень, и у меня есть мозги, которые дала мне мать, и я не приближаюсь к таким местам. Так что веди машину, как сукин сын, и увези нас отсюда, а мы достанем твои чёртовы хлопья в Айдахо или ещё где-нибудь… если мы когда-нибудь сможем свернуть с этой дороги…

Микки пробормотал:

— Мне жаль, лейтенант. Я свернул не туда или меня чёрт попутал.

— Да, да. Просто продолжай вести…

Машина замедлилась. Время словно застыло. До этого момента Гропп мысленно ликовал — он не дурак и не окажется в глупой ситуации, он смог удержаться подальше от дома с привидениями, от зловещего тёмного чулана, этого проклятого места. Пусть идиоты сворачивают с этой автострады в город, где в каком-нибудь подвале находится лестница в ад. Но Гропп так не поступит! Он всех перехитрит.

Но вдруг «Понтиак», вновь оказался в ядовито-зелёном тумане, а справа от автострады опять возник ужасный город Послушание, который Гропп и Микки оставили позади пять минут назад.

— Ты свернул на другую дорогу? — забеспокоился Гропп.

— Э-э… нет, я… я просто быстро ехал…

Дорожный указатель гласил: СЛЕДУЮЩИЙ ПОВОРОТ ЧЕРЕЗ 50 ЯРДОВ. ПОСЛУШАНИЕ.

Гропп нагнулся к приборной панели, чтобы как следует рассмотреть указатель уровня топлива. Он был прагматичным человеком и не совершал глупостей, но у них действительно закончился

бензин.

Машина замедлялась, замедлялась и, наконец, остановилась.

В зеркало заднего вида Гропп увидел, как зелёный туман накрывает дорогу; а из-за насыпи, толкаясь, появилась орда каких-то существ. Они щёлкали зубами и пускали слюни, роняя разложившиеся части тел и оставляя блестящие следы червивой жижи, пока они тащили свои деформированные мясистые тела по чёрному асфальту. Их змеиные глаза сверкали зелёным и желтым в тумане, жители Послушания суетились, скользили и ползли к машине.

В этом был здравый смысл, который приветствовало бы любое бюро по развитию бизнеса: если туристы не хотят приезжать в ваш город, переместите свой город ближе к туристам. Особенно если автострада вынуждает коммерсантов проезжать мимо вас. Если вашему городу для процветания нужна свежая кровь. И конечно, если у вас есть потребность делиться своим богатством с другими.

Зелёный туман окутал «Понтиак», и необычные звуки, доносившиеся изнутри. Не заходить в тёмную комнату — разумная позиция. Особенно в разумном городе.

Перевод: А. Черепанов

Российские авторы
Владимир Аренев
Клювы и щупальца

Здесь, в Тихом океане, вода, хотя бури и не приводят ее в волнение, все же никогда не остается спокойной, ибо она не перестает чувствовать возбуждение, которое царит на юге.

Чарльз Дарвин. Путевой дневник

2015

Быть первым далеко не всегда почетно. Одно дело, если ты впервые производишь картографирование побережья Южной Америки, совсем другое, если твое судно — впервые же в истории мореплавания — сталкивается с останками исполинского головоногого моллюска. Еще хуже — если это происходит в полный штиль, когда судно дрейфует в тумане, а на борту у тебя находится молодой и дотошный натуралист.

— Хорошо, пусть вытаскивают, — отмахнулся капитан Роберт Фицрой. — Но скажите ему,

Уикем: при первых же признаках разложения я велю выбросить кракена за борт. Даже мое увлечение естественными науками имеет пределы.

Разумеется, сам он не сдержался и вышел посмотреть. В конце концов, уж если и существует нечто безграничное, так это любопытство.

То, что матросам удалось вытащить из воды, выглядело довольно странно. Бугристые бурдюки черного цвета, от одного до шести футов в диаметре, с явно выраженными глазами, причем значительно более крупными, чем у обычных осьминогов. А вот щупальца оказались без перепонок и скорее напоминали длинные, тонкие, чрезвычайно прочные кнуты; росли они изо рта двумя группами, по восемь в каждой.

Однако больше всего капитана поразили клювы этих созданий — они были отчетливо видны и заставили Фицроя задуматься над тем…

— Для какой же добычи предназначен такой инструмент!.. — Дарвин уже стоял на коленях рядом с тушами и что-то помечал в своей записной книжке. — Согласитесь, капитан: чертовски напоминает клюв одного из галапагосских вьюрков… той, похожей на дубоноса разновидности… — Он закончил писать и поднялся, весьма воодушевленный.

— Сомневаюсь, что на дне океана найдется достаточно орехов, чтобы прокормить хотя бы одного дубоноса или вьюрка — не говоря уж об этих моллюсках.

— Ну, скоро выясним. — Дарвин прошелся вдоль выложенных в ряд туш, словно кухарка по мясному ряду. Сказал с предвкушением: — Уверен, хотя бы одно из этих головоногих перед тем, как всплыть, отобедало.

Фицрой — тоже недавно отобедавший — почувствовал, что все-таки, кажется, вплотную приблизился к пределам своего любопытства. Он уже намеревался пожелать натуралисту удачи и заняться более продуктивными вещами, нежели наблюдение за вскрытием, но в этот момент боцман ткнул носком в дальнюю тушу и заметил:

— А один-то, похоже, еще живой.

Оказалось — живы два, самых мелких. Каким-то чудом Дарвину удалось выторговать у боцмана пару пустых бочек. Их наполнили соленой водой и в каждую посадили по спруту. Фицрой не возражал. По его мнению, это обеспечивало хоть каким-то развлечением застрявший посреди Тихого океана экипаж. Тварей с легкой руки судового врача Бенджамина Байно назвали «баклажанчиками», пытались подкармливать

выловленной рыбой, бились об заклад, который из двоих выпустит струю воды помощней и повыше.

Дарвин в первый же день вскрыл три другие туши, однако без сколько-нибудь значимых результатов. Желудки «баклажанчиков», оказались пусты. Строение тел позволяло предположить, что эти создания действительно сродни осьминогам, кальмарам и каракатицам, — но имелись различия, и существенные. Помимо упомянутого клюва, Дарвина сильно смущал мозг: он был у «баклажанчиков», несоизмеримо крупнее, чем у прочих головоногих. Вдобавок вопрос питания был отнюдь не умозрительного характера: от рыбы «баклажанчики», отказывались. Грызли ее, иногда откусывали голову или хвост, но дальше этого дело не шло.

Фицроя же во всей этой истории тревожило другое. Перед тем, как обнаружить за бортом «баклажанчиков», «Бигль», натолкнулся на что-то. Лейтенант Уикем поначалу сделал вывод явно ошибочный: заметив щупальца, предположил, будто речь идет о легендарном кракене. Но «баклажанчики», были значительно меньше кракена. Это вполне устраивало Дарвина (кракена он так запросто не сунул бы в бочку) — а вот Фицрой

задавался вопросом простым и очевидным: если мы не могли столкнуться с «баклажанчиками», то с чем же тогда мы столкнулись?

Впрочем, и это казалось пустяком, когда речь заходила о делах более насущных.

— Вы уверены, что корабль не сбился с курса? — в сотый раз спрашивал преподобный Ричард Мэттьюз. — Эти изменения течений, о которых вы рассказывали… не могли ли они унести судно… ну… просто унести… А что, если мы не приближаемся к Таити, а наоборот, удаляемся от него?..

Преподобный, конечно, слегка повредился разумом после неудачной миссии на Огненной Земле. Местные жители оказались не расположены к тому, чтобы безоговорочно принять в сердца свои Слово Божье, — а вот блага цивилизации принять готовы были, именно безоговорочно и безвозмездно. В бухте Вулья, где команда оставила миссионера вместе с двумя огнеземельцами, тот пережил худшие дни в своей жизни. Стоило «Биглю», скрыться из поля зрения — и местные дикари тотчас принялись избавлять Мэттьюза от утвари, мебели, одежды и белья. Тщательно отобранные и бережно упакованные, эти предметы проделали долгий путь лишь для того, чтобы

перейти во владение к созданиям, которые и понятия не имели об их истинной ценности. Что знали они о бобровых шапках и супных мисках? О чайном сервизе и тонком белом полотне? Наконец, о винных стаканах и платяных шкафах красного дерева?!

По правде сказать, капитан Фицрой несколько сомневался в душевном здоровье преподобного еще в момент погрузки всего этого миссионерского инвентаря, — однако после избавления Мэттьюза от общества упомянутых дикарей окончательно утвердился в своем мнении.

В сотый раз лейтенант Саливан пояснял, что нет никаких оснований для беспокойства. Да, в феврале в Чили случилось мощнейшее землетрясение, каковое команда «Бигля», имела возможность наблюдать в окрестностях Вальдивии. Верно, катаклизм причинил немало бед: разрушены города, пострадали острова. Из-за переменившихся океанских течений разбилось о скалы исследовательское судно «Челленджер». Однако — нет, нет и нет! — течения переменились не настолько, чтобы сейчас, спустя восемь месяцев после катастрофы, «просто унести», «Бигль», к берегам какой-нибудь Антарктиды.

Преподобный слушал, покусывая губы и дергая

скверно выскобленным подбородком. Порой даже кивал. Но явно не верил ни единому слову.

Чтобы хоть как-то отвлечь Мэттьюза от навязчивых мыслей, капитан попытался переменить тему.

— «Успехи»? — переспросил Дарвин. — Ну, в некотором роде это можно и так назвать. Я не то чтобы дрессирую… скорее наблюдаю и развиваю отдельные их привычки.

— По-вашему, эти твари умны? — уточнил художник экспедиции Конрад Мартенс. — Просто из-за того, что когда кто-нибудь подходит к бочке, они плюются водой из этой своей трубки?

— Эта трубка называется сифоном… впрочем, не важно. Вы же видели сами, Мартенс: они делают это, только когда вы стучите определенным образом по краю бочки.

Доктор Бенджамин Байно хмыкнул:

— И делают довольно метко, чего вы, Мартенс, не могли не заметить.

— Случайность! Чистая случайность! — Потом он махнул рукой и расхохотался: — Ну, или эти слизни разумны настолько, что уже понимают человеческую речь.

— И слышали, как вы о них отзывались!

— Более того — мнения своего не переменил!

Уродливые твари, вдобавок чертовски подвижные. Так и передайте своим воспитанникам, Дарвин: если они будут отворачиваться или брызгать в меня водой — сдохнут раньше, чем я закончу рисунки. Хотя — что за беда, дохлых будет проще изобразить.

Дарвин помрачнел: он, очевидно, надеялся, что «баклажанчиков», удастся сохранить живыми как можно дольше. По крайней мере — до тех пор, пока «Бигль», окажется в местах, где Дарвин сумеет раздобыть соответствующие стеклянные колбы и запасы формалина.

Фицрой сочувствовал молодому натуралисту и разделял его тревоги. Более того: знал, что вопреки заверениям лейтенанта Саливана, судно… не то чтобы сбилось с курса — просто на данный момент не представляется возможным определить его точное местонахождение. Слишком густой туман, слишком давно дрейфуем…

Ночью ему приснились чертовы «баклажанчики», и даже цилиндр, правда, не стеклянный, а отчего-то металлический. Впрочем, в последнем Фицрой не был уверен. Стенки светились мягким, желтым светом, капитан словно бы плыл в этом цилиндре изнутри, а снаружи — казалось ему, — снаружи смотрели чьи-то внимательные,

безразличные глаза. Глаза Великого Экспериментатора. Хозяина этого Музея.

Ровно тот же взгляд чудился ему в последующие дни — сквозь молочную густоту тумана и даже в редкие часы, когда пелена рассеивалась.

«Бигль», медленно двигался в заданном, если верить компасу, направлении. Команда изумлялась новым трюкам «баклажанчиков», Мартенс трудился над своими рисунками, Мэттьюз выказывал опасения, и только Дарвин с каждым днем все более воодушевлялся.

— Я и раньше знал, что они сообразительны… ну, точнее, их собратья. На Сант-Яго я ведь наблюдал за спрутами — как они прибегали к разнообразнейшим уловкам, чтобы остаться незамеченными. Они словно ясно понимали, что я гляжу на них! Меняли цвет, выбрасывали облако чернил, крались, будто кошка… Но эти!.. Эти, по-моему, умнее кошек и даже собак!

— С чем же вы сравните их? — посмеиваясь, уточнял Бенджамин Байно. — С обезьянами? Или, может быть, с самим человеком?

— Но вы же видели! Видели своими глазами: сегодня Улисс действовал совершенно сознательно! И Атлант — он ведь каждый день выбирается из бочки и пытается ходить, пытается справиться

с тяжестью собственного тела!..

— Да это он пытается удрать от безжалостной кисти нашего микеланджело! — хохотнул доктор Байно.

— А может, наоборот: от кое-чьих не столь уж колких острот? — Мартенс кивнул Дарвину: — Что скажете — по-моему, рисунки удались на славу. Как будто этот ваш Атлант нарочно позировал. А уж когда он попытался завладеть моим карандашом!..

Все это время преподобный Мэттьюз сидел, глядя в глубины своей чайной чашки с отстраненным, полусонным выражением лица — ровно с таким, должно быть, Моисей внимал терновому кусту. К счастью, чашка от возгорания пока воздерживалась.

Однако больше капитана Фицроя волновало сейчас то, как у преподобного Мэттьюза обстоят дела с голосами.

Оторвавшись от созерцания кругов на поверхности, миссионер вскинул голову:

— Вы, господа, говорите так, словно эти твари и в самом деле разумны! Но это… это вздор! Абсурд, нелепица!

— Ну а почему нет? — Мартенс раскурил короткую, изящную трубочку и выпустил к потолку

несколько пушистых колец. — Вот что, по-вашему, отличает, допустим, дикаря от пса? Ну, кроме наличия души. Привязанность к родным и близким? Способность сопереживать? Склонность к творчеству? Или, может, умение обучаться? Так если постараемся — согласитесь, эти Дарвиновы воспитанники дадут фору тем же дикарям, с которыми вы имели дело на Огненной Земле.

Фицрой слушал их спор со странным чувством: словно обсуждали его собственную неудачу. Может, так оно и есть — в конце концов, этой экспедиции могло не быть, если бы во время прошлой капитан не взял с собой в Англию нескольких туземцев. Двое мужчин, маленькая девочка и мальчик, купленный у родителей за перламутровую пуговицу. Джемми Пуговица, так он себя теперь зовет. Один из туземцев умер от оспы, трое других… капитан решил вернуть их на родину, и вот — вернул.

Были ли они умнее своих сородичей? Были ли… *человечнее*? Ведь если бы не вмешательство Фицроя, и они ходили бы нагишом, с безразличием наблюдали за страданиями собственных детей, в голодные годы убивали своих старух… Чем они лучше диких зверей? И как отнеслись бы сами к тому, что кого-то другого, не их, белый человек

увез бы за море и вернул… в другом обличье. В конце концов, мать Джемми тосковала по нему в первые дни — но увидев после разлуки, лишь удивленно взглянула и ушла, чтобы заняться более насущными делами.

Кто из них счастлив сейчас: те, кто никогда не вкушал от благ цивилизации, или Джемми, Фуэгия и Йорк? И были ли эти трое счастливы прежде — в Лондоне?

— …но это, — говорил Дарвин, — в конечном счете неизбежно. Там, где преподобный Мэттьюз потерпел поражение, рано или поздно высадится другой миссионер! В конце концов туземцы поймут, для чего предназначены все наши супницы, подсвечники и простыни. И как следует носить башмаки.

— И что такое огнестрельное оружие, — добавил доктор Байно. — А главное: почему им следует его бояться.

— Все это пустое, — отмахнулся художник. — Даже если они поймут или просто учуют опасность, которую несет их нынешнему укладу белый человек, — как смогут защититься и что противопоставят? «О, это так отвратительно: позволять старухам доживать век среди людей! Нельзя идти против законов природы!», «Мы не

должны брать в рот ни капли огненной воды, поскольку она противна нашим многовековым традициям!», — Он снова затянулся, щурясь сквозь клубы дыма. — Вон, японцы устроили себе изоляцию — и чем это закончилось? Подыграли голландским торговцам-кальвинистам, только и всего. Есть вещи, которые не остановишь — все равно что голой… хм… ладонью затыкать дыру в плотине. Протекла так протекла. И с прогрессом та же история: черта с два его изолируешь. Те, кто отмечен им, неизбежно будут изменять других. Раздувать, так сказать, искры разума.

— Подумать только! Не вы ли, Мартенс, еще позавчера считали «баклажанчиков», неразумными тварями!

— Ну, в отличие от других, я умею признавать свои ошибки.

Преподобный смотрел на них, покусывая нижнюю губу. Рука дрожала, несколько капель пролилось на колени, но он даже не заметил.

Перед сном Фицрой отправился к бочкам — в который раз взглянуть на подопечных Дарвина. Атлант отдыхал, устроившись на дне и плавно помахивая щупальцами. Блестящий, похожий на крупную пуговицу глаз повернулся и уставился на капитана, потом моргнул и закрылся.

Улисс… Улисса в бочке не оказалось. Как и свой легендарный тезка, он отправился в странствие — и был обнаружен капитаном на полуюте, над каютой, которую занимали Дарвин и штурман Джон Стокс. Сейчас Стокс как раз стоял у штурвала — а Улисс распластался рядом, будто верный пес.

— Помогает тебе не сбиться с курса?

Стокс глянул на спрута:

— Присматривает за мной, не иначе, сэр.

— Надеюсь, он принесет нам удачу.

— В крайнем случае, — невозмутимо заметил Стокс, — разнообразит нам меню. Учитывая, что они ни черта не жрут, удивительно, как вообще протянули так долго. Хотя, конечно, я слышал про черепах и крокодилов, которые голодали в зверинцах месяцами.

Капитан рассеянно покивал. Некая мысль все не давала ему покоя, однако Роберт Фицрой, пожалуй, не готов был ею делиться с кем бы то ни было.

Он посмотрел на неуклюжее тело Улисса — сейчас фиолетовое, с вкраплениями алых пятен. «Баклажанчик», лежал неподвижно, только ритмично подрагивали два внешних щупальца.

«Нет, это вздор. Разумеется, вздор!»

— …настолько ли они разумны, чтобы иметь представление о, собственно, Высшем Разуме? — спрашивал тем временем, поднимаясь из кают-компании, Мартенс. — Вопрос, верно? Вопрос вопросов! — Подчеркивая свои слова, он взмахивал уже погасшей трубкой и хмурил брови.

Заметив Улисса, художник двинулся к нему. На ходу он рылся в карманах, пока наконец не извлек смятый листок и карандаш.

— Ну-ка, приятель! Повторим утренний трюк твоего друга? — Он положил перед моллюском расправленный листок и подмигнул: — Давай!

Утром Атлант на глазах изумленных матросов сам подошел к Мартенсу, когда тот в очередной раз пытался увековечить его образ для науки. «Баклажанчик», как будто позировал, когда же Мартенс присел рядом с ним на корточки, — протянул одно из щупалец и, мягко ухватив за карандаш, потянул к себе… Изумленный художник выпустил карандаш из пальцев, и Атлант принялся водить грифелем сперва по палубе, а когда Мартенс положил перед ним раскрытый блокнот — по бумаге.

То, что изобразил Атлант, сложно было назвать собственно рисунком. Скорее это были

узоры сродни тем, что оставляет на обоях ребенок, завладевший кусочком угля, — и все-таки Мартенс благодаря им сделался безоговорочным симпатиком обоих моллюсков. Он был уверен, что щупальцем Атланта водила если и не осьминожья муза, то по крайней мере ясный разум. Да, пока еще примитивный, да, ограниченный — однако же разум!

— Давай, приятель! — Художник наклонился к Улиссу и протягивал на ладони карандаш. — Ты ведь не глупее своего друга, я уверен.

«Баклажанчик», чуть подался назад, меняя цвет с фиолетового на угольный. Он неуверенно выпростал одно из средних щупалец и все же взял карандаш. Помахал им в воздухе, словно разглядывал со всех сторон.

И сунул в клюв.

Раздался приглушенный хруст, Улисс приподнялся на щупальцах и заскользил вбок, оставив на палубе обломки карандаша.

— Я посрамлен, — сказал с невозмутимым выражением лица доктор Байно. — Они действительно чертовски разумны. К тому же обладают превосходным вкусом, как мы видим на примере Улисса. Он не только по достоинству оценил ваши работы, Мартенс, — он еще и уберег вас от

разочарований, связанных с созданием новых.

— Или же, — тихо добавил Дарвин, — карандаш напомнил ему нечто, чем эти моллюски питаются в обычных условиях.

— Тогда нам следует озаботиться поиском их родины. Колонии дикорастущих карандашей… да мы на этом сколотим целое состояние!

Они ушли, продолжая пикировку, а Фицрой подобрал и разгладил брошенный листок. Все эти линии, проведенные Атлантом… разумеется, в них не было ни малейшего смысла. Но что-то такое они пробуждали в воображении капитана.

Этой ночью он плохо спал, и снились ему линии, линии, бесконечные линии, что терялись в тумане.

Разбудил его лейтенант Саливан.

— Вы пьяны? — холодно спросил капитан. — Что значит «пропали»? Вы хоть отдаете себе отчет?..

Он говорил, одеваясь, потому что в глубине души знал: все это правда. И боялся только одного: что знает также причину, подоплеку случившегося.

— А что вахтенные? Что, черт подери, говорят вахтенные?!

— Вахтенные утверждают… — Лейтенант каш-

лянул. Был он бледен, по лицу катились крупные капли. — Сэр, они утверждают, будто ничего не происходило.

Капитан почти оттолкнул его, взбежал по трапу наверх. Огляделся, стискивая кулаки.

— То есть, — процедил, — совершенно ничего? Ни звука, ни движения?

— Нет, сэр.

— Иными словами, оба вельбота попросту растаяли в воздухе? В тумане?

— Один мы уже нашли, сэр. Собственно… — Саливан снова кашлянул. — Собственно, благодаря ему мы и обнаружили… пропажу… сэр.

— Надо полагать, кто-нибудь споткнулся о него на пути в гальюн.

— Нет, сэр. Вельбот плавал рядом с судном, сэр. И, сэр, постукивал о борт. Сейчас Уикем с матросами пытаются поднять его обратно.

— Сколько человек пропало? Господи, Саливан, не смотрите так, будто я проявляю невиданные чудеса прозорливости! Или полагаете, вельботы сами собой спрыгнули за борт? Да не стойте вы истуканом, всю команду живо на палубу!

— И?..

— И остальных тоже. Проверить, что еще взяли: оружие, припасы…

— Бочки, сэр. Я не стал говорить, поскольку… это мне показалось не таким уж важным… сэр.

— С моллюсками.

— Так точно, сэр!

— Где преподобный? Найдите мне Мэттьюза, немедленно.

Разумеется, его не нашли. Фицрой этому даже не удивился — а вот пропажа художника загнала капитана в тупик.

«Хотя… если преподобный вообразил, будто обязан избавить нас от моллюсков, порождений дьявола… если, допустим, Мартенс хотел спасти их и выбор был: увезти и сбросить бочки в море или попросту убить «баклажанчиков»… Нет, не сходится! Не сходится! Какой-то, Господи, бред, вздор! Не то, не то!..»

Была глухая ночь, фонари не разгоняли туман, свет словно увязал в ватных клочьях.

— Ни компаса, ни припасов — ничего не взяли, сэр.

— И ведь черта с два найдешь их, — проворчал штурман Стокс. — В такой мгле… Разве только подождать до утра — вдруг прояснится.

Фицрой кивнул ему:

— Зажечь огни, сколько можем. До утра судно продолжает дрейфовать, дальше по ситуации.

Он прошелся, заложив руки за спину. Потом кивнул, скорее самому себе. И повернулся к штурману:

— Стокс, вы за старшего.

— Сэр?

— Саливан — четырех добровольцев на весла. Припасов на сутки, запасной компас. Приготовьтесь в крайнем случае спустить ял, понадобится — будем стрелять в воздух.

— Капитан, не лучше ли дождаться рассвета… сэр?

— Намного лучше. Но если я прав, преподобный находится не в том состоянии, чтобы мы могли рисковать.

Из своей каюты на палубу поднялся Бенджамин Байно с саквояжем в руке.

— Если вы правы, — сказал он недовольно, — вам потребуется врач. Не для преподобного, так для нашего микеланджело. Вряд ли Мартенс присоединился к нему по собственному желанию. И с веслами управляться я умею, сэр.

— И я, сэр!

Фицрой покачал головой:

— Одного врача нам вполне хватит, Дарвин. А если вы беспокоитесь о судьбе ваших подопечных…

— Нет, сэр, — отрезал тот. — Я беспокоюсь о том, что видел в снах, сэр.

Кто-то из матросов — вопреки отнюдь не располагающей к этому ситуации — хохотнул. Другой пошутил по поводу снов, которые, безусловно, каждому доводится видеть, если давно не общался с дамами.

Остальные молчали. И некоторые смотрели на Дарвина со странным выражением на лицах.

— Вы ведь поняли, что я имел в виду, — уточнил натуралист, когда вельбот двинулся сквозь густой туман, прочь от «Бигля». — Вы ведь поняли, сэр.

— Берите чуть левее, — сказал Фицрой. Он полуприкрыл глаза и спросил себя, не подобное ли чувство испытывает голубь, который через полстраны летит к знакомому чердаку. Ты знаешь куда, и ничего здесь от тебя не зависит. Просто двигаешься вперед, как по ниточке. Что бы ни ждало тебя на чердаке.

— Преподобный жаловался, — неожиданно сказал Байно. Он ворочал веслом спокойно, почти небрежно. И смотрел, когда говорил, мимо капитана. — Несколько дней назад… то есть, он и раньше-то… но раньше это были обычные страхи. После Огненной Земли, вы и сами знаете,

душа у него была не на месте. Поэтому, сэр, я и не обратил должного внимания.

— Это все защитная реакция, — уверенно сказал Дарвин. — Ну да, разумеется. Мне следовало раньше догадаться. Осьминоги ведь, если их напугать, выпускают чернильное облако…

— А «баклажанчики», значит, сводят людей с ума? Насылают дурные сны, так, по-вашему? — Байно покачал головой. — Не усложняйте, Дарвин. Люди просто устали… только в случае с преподобным усталость наложилась на пережитое раньше — вот и привело к чему привело.

— Ну подумайте сами: а что, если Улисс и Атлант… если для них не в новинку находиться на суше? Они ведь становятся совершенно беспомощными. И даже чернила — как бы им помогли здесь чернила? А выпустить некое летучее вещество, которое отпугивало бы врага, — отчего нет? Как скунсы или хорьки…

— Простите, мистер Дарвин, — отозвался один из матросов, Джеремийя Филлипс. — Мы же все там были, ну, сколько раз мимо ходили, рядом стояли. Ничем таким не пахло же. Хотя, — добавил он, помолчав, — ну, если вы правы — это ж значит, нам надо какие-то повязки на лицо сделать, а? Ну, раз эти твари сумели сбить с толку

не только преподобного, а даже мистера Мартенса… Я бы не хотел, знаете, остаток жизни слюни пускать и пялиться на какие-нибудь уродские развалины, которые и существуют-то лишь в моем мозгу.

Доктор, услышав эти слова, заметно помрачнел.

— Сделаем, — сказал, — повязки.

Больше он не спорил и вообще не разговаривал, и остальные тоже молчали.

Второй вельбот они догнали минут через сорок. Точнее Фицрой сказать не мог: еще на «Бигле», он обнаружил, что часы показывают какое-то невообразимое время. Видимо, вот так невовремя сломались.

Вельбот лежал, завалившись на правый бок. Весла были здесь же, на камнях, прямо в луже зеленоватой, смрадной воды. Рядом темнели перевернутые бочки. Байно присел возле одной, заглянул, подсвечивая себе фонарем.

— Повязки бы нам, — напомнил Джеремийя Филлипс. — А то, верите, мне начинает казаться… — Он оборвал сам себя и сплюнул в бурый, влажный ил.

— Пусто, — сказал, поднимаясь, Байно. Он понюхал пальцы, которыми изнутри провел

по стенке бочки: — Никакого особого запаха, Дарвин.

Тот на его слова даже внимания не обратил. Подошел вплотную к Фицрою, заглянул в глаза:

— Сэр, если я прав… не исключено, что мы подвергаемся смертельной опасности. То, что я вижу… и то, что, несомненно, видите вы все… это ведь напоминает наши сны, верно? Но если мы находимся под воздействием сильных галлюциногенов…

— Это просто остров! — отрезал Фицрой. — Да и не остров, собственно, а горстка камней посреди океана. Настолько незначительная, что ее даже не отметили на картах. — Он для убедительности притопнул ногой: — Видите? Твердая, устойчивая поверхность. Если бы мы бредили и все это нам чудилось — как думаете, далеко мы ушли бы по ней?

Дарвин явно намеревался возразить, но Фицрой не дал ему и рта раскрыть.

— Сейчас мы отправимся по следам, — капитан указал на мокрые отпечатки сапог. — Найдем Мартенса с Мэттьюзом. И — так или иначе — убедим их вернуться на «Бигль». Все рассуждения о природе моллюсков и прочих материях отложим до лучших времен. К рассвету мы должны быть

на борту. Уилкинсон, — обратился он к четвертому из добровольцев, — остаетесь сторожить вельботы. При малейшей угрозе стреляйте в воздух, мы придем. Если же потребуется, воздухом не ограничивайтесь, однако постарайтесь без смертельных ранений.

Следы вели в глубь этого диковинного нагромождения скал. Туман рассеивался, однако темень стояла непроглядная, и фонари не слишком-то помогали. Их свет выхватывал лишь фрагменты поверхности: застывшие под разными углами плиты, горбы, впадины. Порой то там, то здесь под наносами ила Фицрою мерещились некие узоры, но ни гармонии, ни симметрии в них совершенно не было — казалось, что в этом отсутствии даже проглядывает некая сознательная закономерность. Закономерность, какой бывают наполнены худшие, подлейшие из кошмаров.

— Пожалуй, — вполголоса произнес Байно, — вы, Филлипс, были правы. Не знаю насчет воображаемых осьминожьих выделений, но если бы повязки хоть отчасти избавили нас от здешнего смрада, — уже ради этого стоило бы их сделать. Что скажете, сэр? Мне ведь доводилось ходить на китобоях — и то, знаете, там было

как-то полегче.

Действительно: казалось, сами камни источают здесь густую, маслянистую вонь. Фицрой уже готов был согласиться с Байно и задержаться, чтобы изготовить повязки…

— Смотрите, сэр, — прошептал Дарвин. Он опустил свой фонарь и знаком велел Филлипсу сделать то же самое.

Тропа уходила вниз, в каменный лабиринт из все тех же плит, расщелин, глыб, — и там, впереди, на мгновение вдруг показались два силуэта. Они шагали с трудом, странно сгорбившись и безвольно покачивая руками.

Миг — и оба скрылись за очередным нагромождением углов и линий.

Ни капитану, ни Дарвину с Байно, ни Филлипсу даже в голову не пришло окликнуть этих двоих.

— Проклятье!.. — Судовой врач оглянулся на Фицроя с беспомощным, растерянным выражением на лице. — Я до последнего надеялся, что Мартенса это не коснулось. Думал, только преподобный двинулся умом. Но… отчего?.. что они увидели такого?.. — Байно потряс головой. — К дьяволу. Не важно. Мы все равно должны… если уж не спасти — по крайней мере облегчить их мучения.

Они переглянулись.

— Попытаемся связать их, — сказал после паузы Фицрой. — Попытаемся доставить на борт. Я отвечаю за них. Но вы, если хотите, можете подождать меня здесь.

Байно опустил взгляд, стиснул кулаки. Все они понимали: если Фицрою придется идти одному, у него не останется выбора. Один он не сумеет обезвредить тех двух. Значит — только стрелять. Чтобы облегчить мучения.

— Слишком просто, — сухо усмехнулся Байно. — Этот микеланджело так легко не отделается, сэр. Попытаемся, сэр. Я слышал, бывали случаи, когда люди приходили в себя месяцы, годы спустя.

— Нам потребуется отвлечь их внимание. — Дарвин поднял фонарь, кивнул матросу. — Мы с Филлипсом пойдем в обход, не скрываясь. А вы…

— А мы, — сказал Фицрой, — дождемся, пока они вас заметят.

Идти без фонарей оказалось проще, чем ожидал капитан. Оставшись без света, они с Байно поняли, что покрывающий камни ил словно источает сияние — гнилушное, текучее, однако же вполне достаточное, чтобы не спотыкаться об углы и выбоины.

Беглецов удалось настичь в ущелье, образованном вздыбившимися плитами. Эти двое стояли перед исполинским дверным проемом. То, что служило дверью, — некая поверхность из материала, схожего скорее с металлом, нежели с камнем, — беззвучно съезжала куда-то в глубину, двигаясь при этом словно бы по диагонали, вопреки всем законам природы.

«Стойте! — закричал Роберт Фицрой. — Ни с места!»

Но он не сказал ни слова, ни одна мышца не подчинялась его воле.

Поскольку сейчас — понял он без страха и отчаяния, разве что с легким удивлением — сейчас другая воля подчинила его себе.

Он опустился на колени, рядом встал на колени судовой врач Бенджамин Байно. И две фигуры с чудовищными горбами на спине тоже склонились перед тьмой, которая медленно потекла из дверного проема.

Смотреть на нее Фицрой не отваживался, поэтому не сводил глаз с «баклажанчиков», которые висели, обхватив плечи и шеи Мэттьюза и Мартенса. Для чего бы ни использовались в естественных условиях клювы этих осьминогов, сейчас они сжимали мертвой хваткой шеи

миссионера и художника. Однако Фицрой не сомневался: те подчиняются Улиссу и Атланту вовсе не из страха. Мысли его каким-то невероятным образом вдруг оказались не то чтобы переплетены — скорее совмещены в неком едином пространстве и времени с мыслями и побуждениями Мэттьюза и Мартенса. Он ощущал физическую усталость обоих, растерянность преподобного, острое любопытство художника. Но кроме того, он проникал в мысли тех двоих, что сидели сейчас на плечах его людей.

Тех двоих, что прежде проникали в сны его команды. Тех, кто подчинил своей воле Мэттьюза и Мартенса. Тех, кто заставил вахтенных «забыть», о спуске вельбота. Тех, кто даже сейчас горевал о гибели своих собратьев во время непредвиденной катастрофы.

Тех, кто проделал невообразимый путь, дабы найти этот остров именно в эти дни.

Мысли капитана путались, сталкивались с чужими, но больше всего мешал ему мотивчик, который отчего-то вдруг решил именно сейчас вспомнить Бенджамин Байно. Одна из фривольных песенок, о красотке с кривыми ногами, мохнатыми подмышками и черными зубами — той, которая всех милей матросу, вернувшемуся

из дальнего плавания. Песня эта удивительным образом прочищала мозги, и Фицрой понял вдруг, что способен пошевелить пальцами правой руки.

В этот момент краем глаза он заметил некое движение — и не сдержавшись, глянул туда. Мгла, что наползала из проема, на миг вскольхнулась — и оттуда наружу выпросталось нечто живое или по крайней мере нечто, способное передвигаться и мыслить. Если прежнее положение напоминало Фицрою нечаянное переплетение пальцами с чужой рукой, то сейчас ему показалось, будто на эти руки — его, художника, миссионера, врача и двух моллюсков — разом наступила исполинская ступня.

Мысли этого создания были просты: Голод, Боль, Ненависть. Нечто подобное, наверное, испытал бы тот, кто сумел бы заглянуть в голову раненной улитке — вот только улитка эта была размером с гору.

Восторг и предвкушение, которые исходили от головоногих, сменились изумлением, затем — паникой. Оба соскользнули со спин своих носильщиков и вскинули щупальца, клювы их клацали, но то, что вышло из проема, — Фицрой не знал, заметило ли оно вообще этих двоих.

Оно перетекло-шагнуло вперед, и волна смрада захлестнула капитана. Он закашлялся, прикрываясь рукой. Рядом вскочил на ноги Байно, в руке блестел хирургический нож.

— Хватайте! — Врач махнул рукой, и в первый миг Фицрой решил было, что тот хочет напоследок отомстить головоногим. Все это не имело ни малейшего смысла: явившееся из мрака создание поглотило бы их раньше. Их всех, без разбору.

— Спасайте преподобного! — Байно бросился к художнику, прямо навстречу волне слизистой, зловонной плоти.

И та на мгновение замерла — а после потекла куда-то вбок. Туда, откуда прозвучали выстрелы и голоса.

«Неужели Оно обратило внимание на пули или на крики?»

— Нет, — ответил на невысказанные мысли капитана Байно. — Свет! Разве вы не чувствуете?..

Теперь, когда Байно сказал это, Фицрой действительно чувствовал Его Гнев. Создание двигалось с величавой медлительностью к склону, на котором размахивали фонарями Дарвин и Филлипс.

— Быстрее, сэр! Попытаемся унести их…

— Черта с два! — рявкнул вдруг Мартенс. Он с трудом поднялся и повел плечами. Сплюнул. —

Если речь о том, чтоб унести отсюда ноги, вам обоим еще придется постараться, чтобы догнать меня. Эй, преподобный, вы как?..

Мэттьюзу было хуже, чем ему. Бледный, словно мраморная статуя из собора св. Павла, он дрожал и мотал головой, из уголков рта стекали две мутные струйки слюны.

— Берите его под руки. — Проходя мимо моллюсков, Мартенс небрежно пнул ближайшего: — Ну что, наслаждайтесь теперь! Благоволейте, поклоняйтесь!

Тот судорожно взмахнул щупальцами, но даже не попытался прикрыться. Лишь выкрикивал две жалобные повторяющиеся ноты, снова и снова…

До берега добрались на удивление быстро. За спиной, во тьме, слышно было, как ступает, оскользаясь на изломанных плитах, тварь. Дарвин и Джезайя разделились и сбивали ее с толку, размахивая фонарями.

— Чертов Уилкинсон! Сбежал! Сэр, он сбежал!

— Вижу, Байно, не кричите. Но он оставил нам лишнюю пару весел и второй вельбот. Стреляйте в воздух! Дадим знать Дарвину и Филлипсу, что пора возвращаться.

Фицрой промолчал о том, что он лишился того ощущения, которое вело его к острову. Искать

«Бигль», придется самим, наудачу, — но сейчас у них имелись проблемы посерьезней.

Дарвин и Филлипс не замедлили явиться, оба были запыхавшиеся и изрядно напуганные.

— Вы обратили внимание? Похоже, мы имеем дело с уникальным…

— Господи, Дарвин, это в конце концов непорядочно! Мы тут все едва не передохли от страху, а вы, похоже, в полном восторге, — ну так хотя бы держите его при себе. На весла, на весла, что вы стоите?! Даже это ваше «уникальное», пошевеливается бодрее вас.

Они отплыли, когда тьма на горизонте уже начала рассеиваться, таять. Остров исчезал вдали — увы, не так быстро, как им бы хотелось. В сумерках было видно, как то, что явилось из древних подземелий, входит в воду и плывет за ними, с неожиданным и пугающим проворством.

— Гасите чертовы фонари! Э-э-э… Вы уж простите, капитан, что я распоряжаюсь…

— Заткнитесь и гасите. И берегите дыхание.

— Есть, сэр! Сэр! Смотрите, а это что ж, вонючка Уилкинсон? Он, не иначе! Эй, сукин ты сын, ну что, далеко ушел, а?

— Заткнитесь и гребите, Мартенс!

Они видели второй вельбот и Уилкинсона,

который работал веслами как ополоумевший. И хотя старались изо всех сил, не сумели уйти достаточно далеко. Видели то, что случилось с ним через некоторое время. Когда его настигла тварь с острова.

Покончив с Уилкинсоном, она отправилась за ними — плыла, вздымая с каждым взмахом исполинских конечностей волны, то выныривая над поверхностью, то погружаясь с головой. Все шестеро без устали работали веслами, поэтому вынуждены были смотреть на Него. Лишь Мэттьюз сидел спиной к корме и дрожал, обхватив себя руками.

Именно он, как ни странно, первым заметил то, что случилось. Возможно, его связь с «баклажанчиками», была более крепкой и после бегства с острова не оборвалась до конца. Преподобный задрожал и обернулся — и тотчас они увидели, как из серых сумерек, оттуда, где был остров, в небо ударил яркий луч света. Предследовавшее вельбот создание нырнуло и тут же, под водой, совершило плавный разворот, а затем двинулось обратно.

— Дважды, трижды болваны, — спокойно сказал Мартенс. Он взмахнул головой, как будто хотел вытряхнуть из ушей попавшую туда воду.

Или, подумал Фицрой, чьи-то мысли.

«Бигль», они отыскали спустя примерно полчаса — или это он их отыскал, уж как посмотреть. Поскольку преподобный до сих пор не пришел в себя, Фицрой не без угрызений совести все списал на его расстроенную психику. Не было никакого острова, а были погоня в ночи, невнятная потасовка на двух вельботах, геройски погибший Уилкинсон. Бочки, канувшие вместе с любимцами команды в пучину.

Уже через несколько дней преподобному сделалось лучше. Он начал вставать с койки, охотно ел, с интересом разглядывал окружающий мир — так, словно видел его впервые, — однако же по-прежнему молчал. Фицрою Мэттьюз напоминал сейчас Джемми Пуговицу в самые первые дни путешествия мальчика на «Бигле».

Жизнь между тем текла своим чередом, и судно двигалось по некогда установленному курсу, отклонившись от него не столь уж существенно, если сделать поправку на туман и штиль, и прочие превратности путешествия. Все вернулось на круги своя: Байно обменивался остротами с Мартенсом, тот корпел над очередными набросками, Дарвин вел дневник и пристально изучал запрыгнувших на палубу летучих рыб… И только

Мэттьюз с некоторым отстраненным любопытством скитался по судну, подолгу задерживаясь то на капитанском мостике, то в столовой, подбирая там и здесь какой-то мусор, из которого пытался как будто соорудить нечто осмысленное — или, точнее, казавшееся ему таковым. Порой он приходил в каюты и сидел, с рассеянной улыбкой наблюдал за Дарвином, Мартенсом, Фицроем, лейтенантом Уикемом…

— Боюсь, — однажды заметил натуралист, — преподобный вернулся в своем развитии к тем благословенным временам, когда он был младенцем. Такое ведь случается, доктор Байно?

— Ну, если разум не справляется с тем, что узнал и пережил… — Врач отвечал нехотя, как будто речь шла о вещах, в которых он не был до конца уверен.

— А не может ли то же самое произойти с человечеством, — тихо спросил Дарвин. — Столкнувшись с некой истиной… испытав чудовищное потрясение…

Фицрой с почти удавшейся ему небрежностью отложил читанный уже трижды альманах и поднялся.

— Это вы к тому нашему давнему разговору о прогрессе? Ну да, если бы древние египтяне или

ассирийцы вдруг оказались на своих верблюдах посреди, допустим, Лондона, — они бы, наверное, в первый момент опешили. Но быстро изыскали бы объяснение: что-нибудь про ад или рай, каким они его себе представляли.

— А если бы они поняли, куда попали на самом деле? Что это *их* будущие, *их* потомки?.. Или… если бы мы с вами увидели Ноя, Адама, Каина?

— Пустой разговор, — отрезал Байно. — К чему эти домыслы? Что вы хотите сказать, Дарвин?

— Я думаю о моллюсках, которых мы подобрали. О том, зачем они стремились так попасть на тот остров.

— Господи, Дарвин, — засмеялся Фицрой, — они никуда, ровным счетом никуда не стремились. Вас там не было, но мы-то видели. Они… это просто какой-то яд, который они впрыснули Мартенсу и преподобному: один пришел в себя быстрее, другой… увы. Все наши тогдашние шутки о разуме… ну, вы же не принимаете их всерьез? Разумны, как всякий высокоорганизованный хищник, но не более того. Впрыскивают яд, вынуждают дельфинов или мелких китов плыть, куда им нужно, в какую-нибудь пещеру, и там пожирают. Вот и весь разум.

— Но сны, которые мы видели? И рисунки — их

рисунки ведь напоминали остров, я это потом понял!

— Или, — вмешался Байно, — нафантазировали себе. Задним числом о чем только не догадаешься!.. Это я вам сейчас как медик, поверьте.

— Но вы не можете отрицать их сходства: «баклажанчиков», и… той твари, что выбралась из двери. А вы, Мартенс? Вы со мной согласны?

Художник, все это время сидевший с каменным лицом, извинился и вышел вон.

— Господи, — сказал Байно, — это был какой-нибудь разросшийся слизняк или другое неведомое науке беспозвоночное. И выбралось оно из пещеры. Из пещеры, Дарвин, не из двери, побойтесь Бога! Что до сходства — ну, ваши вьюрки вон тоже похожи друг на друга: две лапы, два крыла, один клюв. Так и у этих: щупальца, глаза, голова… Клюв тоже. — Байно хохотнул. — Но все же различий, согласитесь, много больше.

— Клюв, да… — пробормотал Дарвин. — Клювы… и щупальца…

Он поднялся и вышел из кают-компании — очень похожий сейчас на Мэттьюза, каким тот стал после возвращения. Несколько следующих дней Дарвин пребывал в задумчивом состоянии, что-то писал на отдельных листах, перечеркивал,

хмурился.

Фицрой наблюдал за ним с тревогой — однако скоро понял, что это лишь очередная страсть, охватившая естествоиспытателя. Новая идея, не более того.

Ничего, что было бы на самом деле связано с островом.

Лгать оказалось легко и просто. Капитан даже сам не подозревал, насколько. Фицрой открыл для себя это очевидное правило, почти закон природы: «Чем больше ты напуган, тем проще врать».

Впоследствии он не раз следовал ему — пусть и с переменным успехом. Сложнее всего оказалось сражаться с Дарвином, когда тот — видимо, после длительных, серьезных сомнений — все же осмелился обнародовать свою теорию о происхождении видов. Впрочем, возможно, дело было не в сомнениях, а в поисках доказательств, которые он мог привести; вряд ли Дарвин рискнул бы писать в своей книге о других клювах, тем более — о щупальцах, эволюционировавших за столько лет.

Фицрой был неутомим. Сперва под псевдонимом «Senex», затем публично он выступал против Дарвина, в действительности же — против пер-

спектив, которые учение натуралиста открывало перед человечеством. По совести говоря, он не мог обвинять Дарвина в неосмотрительности: в ту ночь на острове натуралист с Филлипсом были слишком далеко и не подпали под воздействие моллюсков. Дарвин лишь догадывался — а Фицрой точно знал, зачем те искали остров. Зачем явились из далеких глубин космоса в цилиндрическом летательном аппарате, на который случайно наткнулся «Бигль».

Паломничество — вот что было причиной их появления. Паломничество к далекому первопредку, моллюсковому Адаму, а может, и богоспруту, своеобразному Христу, заточенному в глубоководной темнице эоны назад. Они явились узреть живую святыню — и в панике осознали, сколь велика разница между ними и их пращуром. Насколько они чужды друг другу.

Дарвин был много сообразительней и прозорливее Фицроя: он своим умом догадался о том, что капитан после той ночи твердо *знал*. Живые организмы со временем, под воздействием внешней среды, неизбежно изменяются, — и Фицрой мог лишь предполагать, как воспримет человечество это откровение.

Но и его борьба с Дарвином была тщетной

попыткой отвлечься от еще более чудовищной истины — капитан понял это много позднее. Когда услышал первые разговоры о возможности беспроводной радиосвязи и сообразил, *что* мог мастерить преподобный Мэттьюз до того, как однажды ночью сознание его окончательно прояснилось. Некий странный прибор, безделица, игрушка, над которой все насмехались, — *что* сделал он с этим прибором… или, точнее, — что сделал тот, чье сознание даже после смерти головоногого тела осталось, будто кукушонок в гнезде, под черепным сводом Мэттьюза. Тот, кто счел необходимым продублировать сигнал, отправленный с острова другим своим собратом. Тот, кто умер не раньше, чем убедился: сделано все возможное.

«Нет, — думал Фицрой, — нет страшнее безбожника, чем истово веровавший, но в вере своей разочаровавшийся».

Он искал способ предупредить других о своих догадках, но понимал: сам же лишил себя всякой опоры. Высмеивая Дарвина. Отрицая очевидное. Замалчивая то, о чем молчать не следовало.

Невозможно остановить прогресс, но задержать его — под силу даже одному человеку. И порой последствия этой паузы могут оказаться

роковыми. Как для тех дикарей, что не желали смириться с истиной, принесенной им преподобным Мэттьюзом и Джемми Пуговицей.

Капитан Роберт Фицрой покончил с собой 30 апреля 1865 года, в возрасте шестидесяти девяти лет. Перерезал себе горло бритвой, не в силах справиться с мыслью о том, что мог предупредить катастрофу, остановить тех, кто рано или поздно снова явится на Землю. Прилетят уже не для того, чтобы совершить паломничество, — но чтобы уничтожить ее и само воспоминание о своей осквернённой, развенчанной святыне.

Когда капитан умирал, в ушах его стояло непрерывно повторяющееся, жалобное чередование двух нот, плач двух брошенных существ, которые осознавали своё одиночество и мысленно взывали к тому, кто некогда был божеством их народа. «Кту́лла, кту́лла, кту́лла, кту́лла», — слышал он — как слышал тогда, удирая к вельботу.

Фицрой надеялся, что никому больше на Земле не доведется услышать эти звуки.

До первой вспышки на поверхности Марса, которую зафиксирует французский астроном Жавель, оставалось четверть века. Двадцать семь лет — до публикации книги Персиваля Лоуэлла, в которой тот выскажет предположение о суще-

ствовании на Марсе жизни.

Пятьдесят шесть лет — до момента, когда грузовое судно «Бдительный», отклонившись от курса, отыщет тяжеловооруженную яхту «Сигнал», из новозеландского Данидина с единственным выжившим моряком, норвежцем Густавом Йохансеном.

Юрий Бархатов
Дверь в ад

2011

Я собираюсь рассказать эту историю не из желания предостеречь. О том, что некоторые знания могут быть опасны, и без меня хорошо известно. И не только для глупцов, к сожалению. Также я не гонюсь за славой, используя интерес широкой публики к смерти знаменитости. Мне будет неприятно, если вы так подумаете. Все-таки Виктор Мокин был моим другом… И очень хорошим человеком, интеллигентным, легким в общении… до последнего года, конечно… Мне не хотелось порочить его память. Но, боюсь, я все-таки должен рассказать правду. Хотите услышать

правдивую историю смерти профессора Мокина?

Слушайте.

Мы познакомились с ним еще на студенческой скамье. Уже тогда было ясно, что Виктор далеко пойдет. Всего за десять лет он сделал головокружительную карьеру, став мировым светилом антропологии. Работы, рисующие общие черты мифологии замкнутых групп, будь то индейцы Амазонки или сибирские старообрядцы, сделали его знаменитым. Виктор получал предложения занять должность профессора из Кембриджа и Сорбонны. Так что известие о том, что он переехал на постоянное место жительства в Штаты, меня не особо удивило. Тогда мне показалось странным другое — преподавать он вызвался только один семестр в году, а все остальное время он проводил в разъездах по северо-востоку США. Причем с антропологией его экспедиции имели мало общего — судя по тем крупицам сведений, что до меня доходили, Виктор разыскивал древние книги определенного сорта. Демонология, некромантия, черная магия. За разрешение снять ксерокопию с пыльного фолианта он иной раз был готов заплатить сумасшедшие деньги. Что именно могло заинтересовать серьезного ученого в этих завалах напыщенного бреда, я не мог

понять. Еще его очень интересовали старинные особняки; представляясь агентом по недвижимости, он посетил их не меньше тысячи.

Однажды, как бы между прочим, я спросил Виктора, что он ищет.

— Дверь в Ад, — ответил он без тени улыбки.

Но я все же посчитал, что он шутит или просто не хочет распространяться о предмете своих поисков. Так что в тот раз я удержался от дальнейших расспросов — как оказалось, зря.

После нашей последней встречи прошло около года, когда я вновь оказался в Нью-Йорке. Я решил навестить старого друга… и с удивлением узнал, что он продал свою квартиру на Брайтон-бич. Наши общие знакомые рассказали, что Виктор недавно купил пустующий особняк в Провиденсе и переехал туда. Одна дама, которая, как я рассудил, раньше была любовницей Виктора, с презрением отозвалась о его новом жилище. «Похоже, там никто не жил уже лет сто. Все сгнило и вот-вот развалится». Адрес назвать она отказалась. Когда я обратился с той же просьбой к руководству университета, оказалось, что Виктор уволился оттуда без всяких объяснений полгода назад после какого-то жуткого скандала, который, впрочем, постарались замять из сообра-

жений сохранения репутации заведения. Более того, мне намекнули, что «доктор Мокин, похоже, испытывает определенные проблемы с состоянием своей психики». Впрочем, адрес я получил.

Вы спрашиваете, почему я не позвонил самому Виктору? О, он был весьма старомоден и даже интернетом пользовался неохотно — только когда этого требовала работа. А сотовых телефонов он на дух не переносил. Так что если вам нужно было поговорить с Виктором, приходилось делать это по старинке — с глазу на глаз. Он был типичным интравертом и всегда говорил, что лишнее общение утомляет его.

Итак, я отправился в Провиденс. Удивительно, но адрес Виктора ничего не сказал хмурому таксисту, и нам пришлось изрядно поплутать по узким старинным улочкам, изредка останавливаясь и спрашивая маршрут у местных жителей.

Когда таксист подвез меня к нужному месту, уже наступил вечер. Улица была пуста. Скрип отворяемой калитки спугнул несколько ворон. Стояла пасмурная погода, накрапывал дождик, и ветхий особняк в окружении вязов производил исключительно мрачное впечатление. Я подошел к двери и нажал на кнопку электрического звонка, выглядевшую в таком месте сущим ана-

хронизмом.

Не прошло и минуты, как дверь открылась, и передо мной предстал Виктор Мокин.

Боже мой, я его даже и не узнал сначала! Обросший бородой, с торчащими во все стороны нечесаными волосами и диким блеском в глазах. Он выглядел самым натуральным безумцем!

— Здравствуй, Виктор, рад тебя видеть. Далеко же ты забрался, — сказал я, стараясь унять дрожь в голосе. Но Виктор ничего не заметил. Он искренне обрадовался мне, обнял за плечи и пригласил в дом.

Изнутри особняк выглядел скорее запущенно, чем мрачено. Осыпавшаяся штукатурка, водяные разводы на потолке, паутина в темных углах — дом нуждался в основательном ремонте. Но Виктора это нисколько не беспокоило. Он сообщил, когда мы поднимались на второй этаж по узкой винтовой лестнице, что использует только две комнаты — спальню и кабинет, а остальные его не интересуют. Впрочем, стены кабинета пребывали в том же запустении. Тусклая лампа давала слишком мало света для такой большой комнаты, и в ее свете лицо Виктора приобрело мертвенно-бледный оттенок.

— Я расскажу тебе, — начал он без всяких пре-

дословий, — о том, чему невозможно поверить, и все же столь пугающе реальном. О том, что долгие годы не давало мне покоя. О том, ради чего я похоронил свою академическую карьеру и ничуть не жалею об этом.

— О Двери в Ад? — вырвалось у меня.

— А, ты запомнил! — усмехнулся Виктор, обнажив желтые зубы, — Да. Но сейчас я не стал бы ее так называть. Скорее это Дверь Куда-то, в необозримые и неописуемые пространства, где обитает Безумие…

Он замолчал, глядя прямо перед собой. Я ждал. Наконец он продолжил, произнося слова с надрывом, как будто что-то мешало ему говорить.

— Дверь… Я узнал о ее существовании очень давно. Когда я проводил исследования по сравнительным характеристикам мифов… Были кое-какие вещи, не укладывающиеся в разработанную мной схему. Объяснить их можно было только культурным влиянием извне, но этого влияния не было! Эти странности появлялись только в определенных местах — географически, а не во времени. Аномальные пятна на карте нормального распределения мифологий. Я замалчивал этот факт, ведь он мог поставить под сомнение мою теорию! Не публиковал неудоб-

ные данные. И я смог скрыть это… от других, но не от себя. Но я-то был уверен в правильности собственных построений! Значит, эти «пятна», должны иметь разумное объяснение. И я его получил, однажды случайно наткнувшись на подлинник «Некрономикона»!

— Да этой книги не существует! — воскликнул я. — Ее выдумал Лавкрафт, а его бездарные последователи превратили в фетиш, а затем в балаган! В любой эзотерической лавке можно купить сразу несколько различных «Некрономиконов», — на выбор.

— Только так и можно было защитить тайну, которую бездумно разнесли по свету! Превратить в посмешище! Нет, я и сам сначала не мог поверить… но факты заставили меня это сделать. В отличии от доступного любому эзотерического ширпотреба, истины «Некрономикона», слишком легко проверяются чисто научным методом. Опытным путем. Но я лучше не буду говорить об этом сейчас — без доказательств я никого не смогу убедить, а доказательства слишком опасны. Я не хочу рисковать твоей жизнью, дружище.

Виктор снова замолчал. За окном уже окончательно стемнело, и фары редких машин бросали на стены соседних домов уродливые тени.

— Прости, Виктор, — сказал я, — но тебе трудно поверить.

Я все еще надеялся, что это был просто глупый розыгрыш.

— Ты бы меня очень удивил, если бы поверил.

— С этим связаны твои неприятности в университете?

— Зашоренные идиоты, — ответил он спокойно. — Но речь сейчас не об этом.

Дальнейший его рассказ я недостаточно хорошо запомнил, чтобы передать в подробностях. Он говорил том, как нашел на страницах «Некрономикона», — и еще нескольких книг того же сорта — упоминание о Дверях а Ад. Места, где эти Двери должны были находиться, в точности соответствовали мифологическим аномалиям в теории Виктора. Поняв это, он сделал один-единственный вывод: Двери в Ад — это порталы в другие измерения, откуда на Землю не протяжении всей человеческой истории проникали… Виктор называл их демонами. Одно из этих мест находилось на Северо-востоке США.

Виктор решил, что обязательно найдет эту дверь. Не думаю, что им двигало желание воочию увидеть демонов — скорее он хотел доказать истинность своей теории всему миру и самому

себе. В этой части рассказа вдруг появились недомолвки и ясно видные пропуски — в частности, Виктор так и не объяснил, откуда ему стало известно, что Дверь в Ад скрывает подвал особняка начала девятнадцатого века с вполне определенными приметами. Что это были за приметы, я тоже не узнал.

Но конец его истории был уже ясен.

Дверь в Ад находилась в нескольких метрах под нами.

— Это самая обычная на первый взгляд железная дверь, — говорил Виктор, — запертая с нашей стороны на засов. Но чеканка на ней — не бессмысленный орнамент, как может показаться, а слова заклятия на языке, не существующем уже двадцать тысяч лет. Они закрывают проход в наш мир демонам Безумия. Всякий, кто отважиться заглянуть за дверь, неминуемо погибнет… если не защитит себя надлежащим ритуалом и не сделает это в определенное время. В одну ночь в году, когда демоны боятся подходить к границам нашего мира. Вот что это за время, я так до конца и не выяснил, — добавил он несколько смущенно, — существуют разночтения в источниках… Когда-то в один из них вкралась ошибка… Так что существуют два варианта. 15 марта и 20 августа.

Я не знаю, какой из них верный.

— Вернее, — сказал дальше Виктор, — я склонялся к одной из дат, но не был окончательно уверен. Теперь же мне дан знак, что я был прав.

Надо ли говорить, что этим знаком был мой визит! Кроме посыльных из фаст-фуда, Виктора никто не посещал больше трех месяцев. А я прибыл в Провиденс как раз двадцатого августа!

Когда я понял, что Виктор собирается идти в подвал, чтобы отпереть Дверь в Ад, мне стало не по себе. И рациональное мышление — верный спутник всей моей жизни — покинуло меня. Однако, видимо из нежелания показаться трусом, я почти не пытался отговорить Виктора от его затеи.

Мы спустились на первый этаж, там Виктор на несколько секунд оставил меня одного, затем вернулся с большим свертком. В подвал вела такая же винтовая лестница, только еще более узкая. Освещения там не было, но Виктор прихватил с собой электрический фонарик. В его свете Дверь тускло сияла на фоне темной штукатурки стен. Если не считать Двери, подвал был абсолютно пуст.

— Начнем, — сказал Виктор.

Словно в трансе я наблюдал его сложные при-

готовления — опрыскивание нас обоих разными сортами дурнопахнущих жидкостей, рисование на полу мелом загадочных знаков, имевших несомненное сходство с узорами на Двери, расстановка по территории подвала странных шариков и пирамидок, по виду стеклянных. В конце концов, Виктор продемонстрировал внушительного вида армейский «ЗИГ-Зауэр», — на случай, если что-то пойдет не так.

Веля мне держаться чуть в стороне, с пистолетом в правой руке и фонариком в левой, Виктор подошел к двери. Положил фонарик на пол, так, чтобы тот светил в потолок, и потянул за ручку засова. Затем резко распахнул дверь.

С той точки, с которой смотрел я, за дверью была абсолютная тьма. Но Виктор что-то увидел там! Несколько мгновений он стоял совершенно оцепеневший, словно не веря своим глазам. Затем… Внезапно он издал жуткий крик, который будет преследовать меня в кошмарах до конца жизни. Через секунду вопль заглушил грохот выстрелов.

Виктор пробежал мимо меня с невидящими глазами; с отпечатавшемся на лице запредельным ужасом; так быстро, будто за ним гнались все демоны ада; с распахнутым в вопле ртом. Я

же не мог и пошевелится — жуткий ужас сковал меня. Я ждал смерти — но ничего не происходило. Как видите, я остался жив. А Виктор был сбит автомобилем в трех кварталах от дома и скончался в больнице, не приходя в сознание.

Разумеется, он был безумцем, но его убило не его безумие. Его убил страх. Страх перед тем, что открылось ему за дверью, перед реальностью, которую невозможно было вынести.

Я же, когда мне стало ясно, что ничего больше не произойдет, подобрал откатившийся к стене фонарик и заглянул за дверь. Не буду врать, что мне было легко это сделать.

За дверью была только узкая ниша, в каких обычно составляют всякий ненужный хлам.

И высокое, в рост человека, расстрелянное в мелкие дребезги из пистолета зеркало.

Кирилл Бенедиктов
Октябрь в Купавне

Все персонажи этого рассказа вымышлены и являются плодом фантазии автора.
Совпадения с реальными историческими событиями — не более, чем случай-

ность.

2013

1

Осень выдалась теплой и сырой.

В дымчатом низком небе кружили чёрные птицы. Они во множестве слетались на огромную свалку, оставшуюся на месте старого фармацевтического завода, бродили по грудам мусора и выклевывали из дурно пахнущего месива съедобные крохи. Когда начинался дождь, птицы нехотя поднимались в воздух — над свалкой словно взмывало рваное черное покрывало — и находили приют в кронах раскидистых лип, росших вдоль насыпи узкоколейки. Старик наблюдал за птицами с чердака. Он часами просиживал у полукруглого окна, разглядывая свалку и аллею через голубоватые линзы мощного морского бинокля. На подоконнике расстилал газету, на нее клал толсто порезанный пористый хлеб, перышки лука, три-четыре куска твердой, как камень, колбасы. Так себе еда, конечно, но до вечера дотянуть можно. Вечером приходила со смены Дарья,

и старик, кряхтя, спускался вниз. Кряхтел он больше для порядка — ни суставы, ни поясница его по-настоящему не беспокоили. Вот на что грех жаловаться, так это на здоровье. Доктора пугали лучевой болезнью — и действительно, восемь матросов, которые были вместе с ним в шестьдесят первом на «Хиросиме», облысели и умерли — а ему хоть бы хны. До сих пор пятаки скручивает в трубочку.

И все же, спускаясь по приставной лестнице, он старательно кряхтел. Дарья молча ставила на стол бутылку молока, кружку и уходила на кухню чистить картошку. Сколько старик помнил, на ужин у них всегда была картошка — иногда вареная, со сметаной, иногда жареная со шкварками, реже — запеченная с сыром. Вообще-то он очень любил картошку с грибами, но при Дарье о грибах лучше было не заикаться.

Он пил молоко, принюхиваясь к плывущим из кухни запахам. В соседней комнате (Дарья называла ее «зало») вызывающе громко тикали ходики. Старик думал о том, что это самый неприятный звук в мире, и еще о том, что все старики так думают. Старики делают вид, что живут прошлым, а на самом деле их мысли постоянно прикованы к будущему. Но ведь в будущем для

них нет ничего, кроме смерти, более или менее близкой. Поганая вещь — старость; нечего хотеть, ничто не радует, простата не подвела — счастье, удачный поход в сортир может поднять настроение на весь день. Порой старик вспоминал своего деда, Николая Николаевича, — совершенно бесплотный уже, с опушенной белым, одуванчиковым пухом головой, дед целыми днями сидел на завалинке, подставив иконописное лицо солнцу. «А что это дедушка все сидит и сидит? — спрашивал маленький Вася у матери, и мать отвечала, мельком взглянув на свекра: — Отдыхает дедушка, не мешай ему, Васенька».

Отдыхает, удивлялся несмышленый Вася, от чего же он устал? Он ведь ничего не делает.

Прошло шестьдесят пять лет, и Вася, сам ставший стариком, понял: устают от жизни. Чем она длиннее, тем больше усталости накапливается в мышцах, нервах, в уголках глаз и кончиках пальцев. И если в молодости ты можешь, вымотавшись, как черт, лечь и проспать сутки, а потом вскочить бодрым и полным сил, то старые люди такой возможности лишены. Поэтому и придумывают себе занятия, позволяющие балансировать на тонкой грани между явью и забытьем. Николай Николаевич грелся себе на солнышке, ну а

внук его Васенька, Василий Архипович, сидит у окна и разглядывает в морской бинокль руины фармацевтического завода. И не то чтобы он надеялся увидеть там что-то интересное — свалка она свалка и есть — просто с чердака смотреть больше не на что.

А потом, ожидая, пока Дарья покормит его вечной своей картошкой, вспоминает увиденное, перебирает застрявшие в памяти картинки, словно фотокарточки. Дождь; серые плети воды секут расплывшиеся груды отбросов; худая облезлая собака бредет вдоль полуразвалившейся кирпичной стены; птицы дерутся из-за куска тухлятины, раздирая ее крепкими лакированными клювами; человек в черном плаще с накинутым на голову капюшоном едет на старом, дребезжащем велосипеде по липовой аллее, петляя между лужами под косыми струями ливня.

Человека этого старик запомнил очень хорошо, хотя лица его под капюшоном разглядеть не сумел. Но фигура, посадка, да и сам велосипед говорили о том, что это чужак. Скорее всего, из Обираловки — узкоколейка ведет именно туда. Еще пару лет назад по ней ходил товарняк, возивший уголь для Обираловского МПЗ, но потом завод встал, а паровоз, по слухам, отдали

китайцам за долги. Должны, как водится, все равно остались, а вот узкоколейка окончательно умерла.

Старик медленно размышлял о том, кем мог быть этот чужак из Обираловки, и что ему понадобилось в Купавне, почти опустевшей, всеми забытой, не представляющей интереса ни для властей (а кто теперь власть?), ни для предпринимателей (завод лежал в руинах, а к прудам рыбхоза ни один человек в здравом уме приближаться бы не стал), ни для обленившегося криминалитета. Турист? Но турист должен иметь рюкзак, а у чужака никакой поклажи не было. Спортсмен? Для спортсмена слишком сутул и неуклюж, да и средство передвижения у него не из тех, на которых совершают велопробеги. Кто ж тогда? Старик вспомнил учителя из поселковой школы, большого любителя гербариев, совершавшего рискованные прогулки по купавинским торфяникам в поисках трофеев для «Атласа новейшей флоры Восточного Подмосковья». Тот тоже, бывало, садился на грустно поскрипывающий рыдван и отправлялся на свою тихую охоту. Из очередной такой вылазки он закономерно не вернулся; велосипед со странно покореженной рамой нашли у подернутого зеленой ряской

болотного «окна», рядом лежал один (правый) ботинок учителя. За безумного натуралиста чужак еще мог сойти — во всяком случае, только безумец может покинуть дом (какое-никакое, а убежище) в такую мерзкую, слякотную, волглую погоду. Но что делать на болотах под дождем? Или же предполагаемый натуралист направлялся вовсе не на болота?

Когда раздался робкий стук в дверь, старик даже не очень удивился.

2

— Вы кто такой? — спросил старик брезгливо. Человек топтался на пороге, с ужасом глядя на все увеличивающуюся лужу у себя под ногами. Он был высок, худ, нескладен; длинный плащ, порванный в нескольких местах, делал его похожим на огородное пугало.

— Я… э… Борис, — пробормотал гость. — Из Москвы. Журналист.

Из кухни выглянула Дарья, хлестнула пришельца недружелюбным взглядом суровых серых глаз.

— Дарьюшка, — сказал старик, — к нам журналист пожаловал…

Он постарался вложить в свои слова как можно больше неодобрения, и, как выразился бы умный доктор Затонцев, сарказма. Но Борис никакого сарказма не почувствовал, а может, просто был слишком поглощен созерцанием потоков льющейся с него на пол воды.

— Извините меня, — запинаясь, проговорил он, — я все уберу… вытру… вы только тряпку мне дайте… пожалуйста…

Дарья вытерла руки вафельным полотенцем, решительно пересекла комнату и встала перед гостем.

— Плащ снимай, журналист, — велела она. Борис послушался — еще бы не послушаться, голос у Дарьи хриплый, низкий, с особыми, чуть угрожающими, вибрациями. Старик, отдавший полжизни флоту и дослужившийся до вице-адмирала, командный голос тренировал лет пять, а у Дарьи ее дар был врожденным. Когда Сенечка привел семнадцатилетнюю пигалицу Дашеньку в дом, старик с первого же разговора почувствовал в ней скрытую силу; предупредил сына: девка с характером, будет тебя ломать, берегись. Сенечка посмеялся: у тебя, батя, врожденное моряцкое недоверие к женщинам, она не такая. Сын оказался прав — Дарья, как хорошо тренированная

сторожевая собака, своих не трогала. Сенечку любила преданно, когда случилось несчастье, и его забрали, осталась со свекром, хотя могла уехать к себе в Рязань, там, вдали от столицы, было спокойнее. Так и прожила двадцать лет, ожидая мужа, как в те благословенные дни, когда он возвращался из командировки ни свет ни заря, грохал об пол чемодан и орал на весь дом: «Эй, вы, сонные тетери! Отворяйте Сене двери!», Старик любил ее: за эту молчаливую преданность, за то, что она вела себя так, словно ее Сеня все еще жив, просто командировка немного затянулась.

— Тряпка в ведре, — сказала Дарья, забирая у Бориса его обноски. — Ведро в углу.

Журналист, оказавшийся без плаща очень тощим и костлявым, покорно взял тряпку и ведро и принялся убирать следы преступления. Старик смотрел на то, как он возится, и думал, что правильнее всего было бы выставить гостя за порог. Но Дарья уже унесла его плащ сушиться у печки, тем самым как бы выдав санкцию на пребывание журналиста Бориса в доме. Ничего не поделаешь, подумал старик хмуро, придется терпеть его за ужином.

— Василий Архипович, — говорил, между тем, Борис, обращаясь к уменьшающейся в размерах

луже, — я собираю материалы для журналистского расследования… под условным названием «Рыцари холодной войны». Хотел взять у вас интервью… вы же были непосредственным участником событий шестьдесят второго года…

Старик молчал. Борис с ожесточением выжал набухшую тряпку в ведро и повернулся к нему.

— Ну вы же легенда! Я, когда узнал, что вы живы… что командир «Хиросимы», герой Карибского кризиса, человек, предотвративший Третью мировую, живет совсем рядом, в Старой Купавне… я даже не поверил сначала!

— Я никогда не командовал «Хиросимой», — сказал старик, скривившись. — В шестьдесят втором я был помощником командира, не более.

— Да, конечно, — торопливо поправился Борис. — Я знаю, это капитан Зверев хотел ответить запуском ядерных ракет на атаку американцев. А вы не позволили ему… и спасли мир.

Старик крякнул. Провел ладонью по лысому черепу.

— Борис, ты в армии-то служил?

— Я? Нет… у меня невралгия… я, правда, хотел… медкомиссия…

— Значит, что такое субординация, ты не знаешь. Почему же тебе такую серьезную статью

писать поручили, если ты в элементарных вещах не разбираешься?

Борис неожиданно обиделся, кровь прилила к его впалым щекам.

— Никто не поручал… я сам… Я фрилансер, продаю сенсационные материалы крупным агентствам…

— Большие деньги, небось, заколачиваешь, — с издевкой сказал старик.

— Нормальные, — журналист обвел комнату скептическим взглядом. — На квартиру на Соколе хватает.

— На Соколе? Знатно устроился… Так вот, фрилансер, — старик с трудом выговорил незнакомое слово, — чтоб ты знал: помощник командира не может не позволить командиру сделать что-то, если только речь не идет о государственной измене. Я просто убедил капитана Зверева подождать, пока Москва по дипломатическим каналам свяжется с Вашингтоном.

— Но вас же бомбили глубинными бомбами! — воскликнул Борис. — И вы все это время просто ждали, пока Хрущев позвонит Кеннеди?

«А он все-таки меня разговорил, — с неудовольствием понял старик. — Хитер гусь, ничего не скажешь…»

— Непосредственной опасности для экипажа на тот момент не было, — нехотя сказал он. — У капитана Зверева был приказ, позволявший ему использовать ядерное оружие, это факт. Но если бы мы выпустили ракеты по Восточному побережью Штатов, ответный удар американцев стер бы с лица Земли весь Советский Союз. Ты хоть знаешь, сколько у них было тогда ядерных зарядов?

— Полторы тысячи, — не задумываясь, ответил Борис.

— Смотри-ка, знаешь… А у нас было триста пятьдесят. Чуешь разницу?

— А как вы… уговорили капитана Зверева подождать?

Старик хмыкнул.

— Очень просто. Объяснил ему, что пятикратный перевес означает победу американцев, и никакое учение Маркса-Энгельса тут не поможет.

— Не понял… при чем тут Маркс и Энгельс?

— А это замполит наш любил повторять, что если случится ядерная война, и девяносто процентов человечества погибнет, то оставшиеся десять обязательно построят коммунизм.

— Шутил?

— Да какие тут шутки… Капитан, в отличие от замполита, был мужик умный, и все понял. Согласился подождать… А через час из Москвы пришла радиограмма — отбой, мол, американцы извиняются, отходят в территориальные воды, бомбить больше не будут.

— И все? — удивился Борис. Тряпку он по-прежнему держал в руках.

— А чего тебе еще надо? Поцелуев Никиты Сергеича? Так ему тогда не до нас было…

Борис выглядел разочарованным. «Может, все-таки уйдет?», — с надеждой подумал старик.

— Я читал ваше интервью журналу «Огонек», — сказал Борис, — вы его в восемьдесят восьмом году давали, помните?

— Помню, — ответил старик. Тогда к нему приезжал холеный господин в дорогом пальто и шляпе, какие носили чикагские гангстеры. Он привез старику подарок от главного редактора — банку черной икры — и письмо, где Коротич слезно просил вице-адмирала «рассказать, наконец, правду о тех трагических и великих днях».

— Вы там говорили почти то же самое. Только про замполита не упоминали.

— А по-твоему, я должен каждый раз новую историю сочинять? — насмешливо спросил ста-

рик. — Как охотник на привале?

Борис, наконец, бросил тряпку (в ведре тяжело плюхнуло) и вытер мокрые руки о мокрые джинсы.

— Василий Архипович, — сказал он решительно, — дело в том, что я встречался с Маккормиком.

Старик вздрогнул, будто получив удар током. И гость (незваный, незваный, хуже татарина!) это, конечно же, заметил.

— Теперь вы понимаете, — голос Бориса звучал заговорщически, — почему я пришел к вам. И что я хочу от вас услышать.

«Пошел вон отсюда, — хотел рявкнуть старик, — ступай прочь, щенок! Маккормик не мог тебе ничего рассказать, да и как бы ты добрался до него, он двадцать лет безвылазно сидит в своем Колорадо и отстреливает репортеров, как зайцев…»

Но в глубине души он понимал, что парень не врет — ему каким-то чудом удалось разговорить Маккормика, и он услышал то, что должно было показаться ему бредом сумасшедшего… а проверить, так это или нет, можно было только одним способом — найти второго оставшегося в живых участника тех давних событий.

— Маккормик — выживший из ума старик. У подводников это, — он выразительно покрутил пальцем у виска, — часто бывает. Посидишь полгода в стальной коробке — поймешь…

— Я видел фотографии, — сказал Борис. — Он много снимал, Маккормик. Подводные крепости. Развороченные глубинными бомбами туши. Сеть, которой вы ловили этого… ну, их главного осьминога. И особенно город… Это невероятно! Как такое могло быть построено на глубине пяти километров? Уму непостижимо.

Он наморщил лоб, пытаясь что-то вспомнить.

— Как же он назывался? Все время из головы вылетает. Такое слово… нечеловеческое…

— Р'льех, — сказал старик.

3

Для московского журналиста Дарья расстаралась — накрыла стол свежей скатертью, открыла закатанную с прошлой осени банку с солеными помидорами и выставила графин термоядерной самогонки желтоватого цвета, которую в народе называли «ипритовка». Борис сначала отказывался, но под жареную картошку с лучком все-таки опрокинул стопку, а дальше пошло,

как по маслу. Вице-адмирал решил, что и ему пара-другая рюмок не повредит, тем более что на трезвую голову разговаривать о таких материях было сложно.

— Маккормик был парень отчаянный, — говорил он, смачно закусывая зеленым помидором. — То, что называется «сорвиголова». Когда наши локаторы засекли движение в Разломе, он сразу жахнул туда глубинными бомбами. Никто же не предполагал, что это сам Биг Си.

— Ктулху? — подмигнул раскрасневшийся от «ипритовки», Борис.

— Трепло ты, — нахмурился старик. — Их нельзя называть по именам. Неужели Мак тебя не предупреждал?

Борис виновато потупился.

— Предупреждал. Но, знаете, в это так трудно поверить… Мы же еще в школе проходили, что Холодная война была противостоянием США и СССР… что во время Карибского кризиса мир стоял на пороге Третьей мировой войны… фильмов про это сколько снято… а потом вдруг оказывается, что все это неправда…

— Тебе никто и не поверит, — усмехнулся вице-адмирал. — Решат, что ты псих.

— Но ведь есть же доказательства! Фотогра-

фии…

— Их легко подделать. Вон, Лох-Несское чудовище сколько раз фотографировали — и каждый раз снимки объявляли подделкой.

— А оно тоже… одно из этих?

Старик пожал плечами.

— Я слышал, это их домашняя зверушка. Что-то вроде щенка.

— И все равно я не понимаю, — Борис упрямо затряс головой. — Столько лет шла война… столько лет… и до сих пор никто не знает, что на Землю напали чудовища?

Вице-адмирал налил ему (и себе) еще по пятьдесят грамм.

— Историю пишут победители — не помню, кто сказал, но человек был умный.

— Вы имеете в виду… — побледнел журналист.

— Когда Маккормик сбросил в Разлом бомбы, Биг Си поднялся на поверхность. При этом он уничтожил два американских линкора и наш сухогруз, который вез на Кубу партию оружия и два взвода боевых пловцов. Операция «Анадырь», — слыхал о такой?

— Конечно, — кивнул Борис, — ее так назвали, чтобы запутать американцев… они думали, что мы перебрасываем войска на Чукотку, а мы раз-

мещали ядерное оружие на Кубе.

— Армянское радио спрашивают: правда ли, что Рабинович выиграл в лотерею «Волгу»? Армянское радио отвечает — правда, но не Рабинович, а Иванов, не в лотерею, а в карты, не «Волгу», а «Запорожец», и не выиграл, а проиграл… Так и здесь. Мы путали не американцев — какой смысл вводить в заблуждение союзников? Кастро умолял нас защитить Кубу от атак морских дьяволов, как он их называл — и было принято решение окружить остров цепью военно-морских баз. Американцы в эту игру влезать не хотели — Биг Си пригрозил, что если они помогут кубинцам, он сотрет с лица земли Майами. Ну, а нам терять было нечего, в Черное море мы бы его не пропустили, а во Владике стояли на дежурстве наши атомные ракетоносцы… Но переброска войск на Кубу должна была осуществляться скрытно. А когда Мак сбросил свои бомбы и разозлил Биг Си, вся конспирация полетела псу под хвост.

— И тогда капитан Зверев решил ударить по нему ракетами с ядерным зарядом?

Вице-адмирал кивнул. Сок соленого помидора стекал по жесткой седой щетине на его подбородке.

— А я убедил его этого не делать.

— Но почему? — глаза Бориса блестели — то ли от самогона, то ли от возбуждения. — Вы же сами говорили, что взрыв атомной бомбы может их уничтожить!

— Не уничтожить, — педантично поправил старик. — Нанести ущерб. Это не одно и то же. Когда они неожиданно появились на Новой Земле, мы сбросили на них две водородные бомбы, и этого хватило, чтобы они больше никогда не тревожили наш Север. Но тут… тебе, наверное, непросто понять. Если бы мы ударили по Большой Суке… так у нас называли Биг Си… он, возможно, на какое-то время выбыл бы из игры. Но, зализав раны и вернувшись, отомстил бы так, что живые позавидовали бы мертвым.

— То есть вы просто струсили? — пьяновато прищурился журналист. — Могли уничтожить этого самого Кту… ладно, Биг Си… но не стали этого делать, потому что испугались его мести?

— Сопляк, — сказал вице-адмирал беззлобно, — ничего ты не понимаешь… Да, американцы были нашими союзниками, но если бы чудовища нас обескровили, они не стали бы проливать слезы. Как и мы, кстати, не особо переживали, когда Большая Сука все-таки сожрала Новый Орлеан. Это была очень странная война, парень — война,

в которой каждый боялся сделать лишний ход, одержать ненужную победу, подставиться под удар чересчур сильного противника… В общем, я не жалею о том, что убедил капитана подождать с возмездием. А потом… потом Хрущев и Кеннеди обзавелись «красной линией», — прямой телефонной связью между Кремлем и Белым домом. Как ты понимаешь, кабель с телефонными проводами был протянут по дну Атлантики, так что переговоры, по сути, велись между тремя собеседниками.

— И мы заключили перемирие?

— Ну, не сразу… Сначала была разрядка — всем объявили, что СССР и США договорились о взаимном сокращении вооружений. На самом деле лидеры обеих сверхдержав постепенно сдавали свои позиции врагу… А когда чудовища победили окончательно, Холодная война завершилась.

Борис пытался нацепить на вилку убегающий от него по тарелке помидор. После нескольких безуспешных попыток он плюнул и отправил его в рот пальцами.

— Но почему мы в таком дерьме, а Штаты процветают?

— Потому что они выбрали правильную сторону, — ответил старик грустно. — Ими правят

монстры, имеющие склонность питаться в заповедных угодьях. Поэтому они все время развязывают войны где-нибудь на периферии — в Ираке или в Афганистане, сейчас вот подбираются к Сирии… Американская армия превратилась в загонщиков дичи, понимаешь? А наши… — он запнулся, — то есть чудовища, захватившие СССР… они жрут прямо у себя дома. Жрут и срут.

Он вспомнил раскинувшуюся за окном свалку и помрачнел. Разлил по рюмкам остатки «ипритовки».

— Можешь об этом написать, Боря, — сказал он, нехорошо усмехаясь. — Только тебе все равно никто не поверит. А если прочтут те, кто знает, как все обстоит на самом деле… скорее всего, тебя просто уберут. Я, честно говоря, удивляюсь, как тебя после визита к Маку где-нибудь в Гудзоне не утопили.

— А я умный, — хмыкнул Борис, — и осторожный.

— Ах, мальчик, — сказала вдруг Дарья своим хрипловатым голосом. И журналист, и вице-адмирал удивленно к ней повернулись — она сидела так тихо, что они забыли о ее присутствии. — Ах, мальчик, если бы ум и осторожность хоть кому-то помогали…

4

В три часа ночи Бориса, окончательно осоловевшего от «ипритовки», совместными усилиями уложили на печи. «Ох, как тепло-то, — бормотал он, не раскрывая глаз, — вот наслаждение какое… благодать…»

— Дурачок, — сказала Дарья сурово, накрыла его солдатским одеялом и пошла спать на свою половину.

Старик лежал на узкой и жесткой койке, смотрел в потолок и никак не мог заснуть. Перед глазами его проплывали видения далекого прошлого: ступенчатые багровые пирамиды Р'льеха, покрытые бурой подводной растительностью террасы, изломанные, изогнутые под невозможным углом колонны его храмов, хлещущая из Разлома черная пузырящаяся протоплазма, поглотившая «Щуку», вместе со всем ее экипажем, палец капитана, дрожащий в сантиметре от красной кнопки, гигантские неподвижные глаза, чей взгляд проникал через бронированное стекло иллюминатора прямо в мозг, отвратительное ощущение присутствия чуждого, нечеловеческого сознания, шипящие слова иного языка,

непонятные, и в то же время кристально ясные… Потом он все-таки провалился в сон, и это было избавлением.

Наутро снова шел дождь. Вице-адмирал и журналист позавтракали в молчании — говорить им, по сути, было уже не о чем. Дарья, которой сегодня было идти в ночную смену, отсыпалась, поэтому старик хозяйничал, как умел: заварил крепкий чай, нарезал толстыми ломтями хлеб и достал из погреба кусок черного от перца сала.

— Спасибо, Василий Архипович, — вежливо сказал Борис, допив чай. — Вы мне очень помогли. Маккормик… он был не такой открытый. Все время старался себя выгородить. Ну и потом, у него на них личная обида, как я понял.

— Да? — равнодушно спросил старик. — И какая?

— Ну, он не слишком-то распространялся. Но я так понял, они у него лошадь сожрали. У него же ранчо своё, у Маккормика.

— Лошадь? — переспросил вице-адмирал.

— Да, — пожал плечами Борис. — Если бы не это, он вряд ли стал откровенничать.

Старик промолчал, только зубами скрипнул.

— Ну, я пойду, — сказал Борис, поднимаясь. — Вы дочку свою поблагодарите от меня, ладно? Я

посмотрел — она, оказывается, мне вчера плащ зашила…

— Поблагодарю, — сухо сказал старик. — Всего хорошего, Борис.

Когда журналист, взгромоздившись на свой расхлябанный велосипед, выехал со двора, вице-адмирал поднялся по лестнице на чердак. На газете, расстеленной на подоконнике, не осталось ни единой хлебной крошки, зато лежали маленькие чёрные катышки — ночью на его наблюдательный пункт приходили мыши.

Старик брезгливо свернул газету в комок и выбросил за окно. Ветер подхватил ее и швырнул на голые ветви кустов сирени.

Вице-адмирал снял с окуляров бинокля резиновые накладки. Поднес бинокль к глазам, подкрутил барабан, настраивая фокусировку. Резкость никак не хотела наводиться, глаза словно заволокло какой-то пленкой, по-видимому, у него повысилось внутричерепное давление.

Наконец, он справился — картинка приобрела четкость и цвет. Он увидел велосипед Бориса, скачущий по неровной кочковатой тропинке вдоль края свалки. Свалки, которая с годами образовалась на месте разрушенного ими фармацевтического завода.

Он знал, что сейчас произойдет, но все равно вздрогнул, когда птицы, выискивавшие себе пропитание среди куч гниющего мусора, взмыли в небо, закрыв его своими крыльями.

Посреди свалки вздувался огромный грязный пузырь. К серым низким облакам взметнулись три толстенных — с сосновый ствол — мохнатых щупальца, извивающихся в непристойном танце.

Послышался громкий звук «ух», — как будто зарытый в землю великан с силой втянул в себя воздух.

Тощая черная фигура, оседлавшая велосипед, на мгновение замерла, а потом принялась отчаянно крутить педали, пытаясь уйти от шарящих вслепую щупалец. Спасительная аллея, за деревьями которой рассчитывал укрыться журналист, была уже совсем близко, когда на конце каждого щупальца раскрылся большой мутноватый глаз, и чудовище увидело свою жертву.

Стремительный бросок мускулистого щупальца выбил Бориса из седла и сбросил в раскисшую мокрую грязь. Серая мохнатая змея обвилась вокруг туловища журналиста — старику почудилось, что он слышит, как трещат ребра — и, подняв в воздух, потащило обратно на свалку.

Вице-адмирал заставил себя досмотреть все до конца. Борис изо всех сил старался освободиться из стальных объятий — его длинные ноги дергались, словно выплясывая безумную джигу. Потом щупальце втянуло его в своё подземное логово, и волны мусорного моря сомкнулись над ним.

«Лошадь, — подумал старик. — У Мака сожрали лошадь, и он, разобидевшись, растрепал все дурачку-журналисту… А когда они забрали моего Сенечку, я молчал. Молчал, потому что уговаривал себя — наступит день, когда они ответят за все. Люди поднимут восстание и сметут их обратно в преисподнюю, из которой они явились. Но день этот все не наступал и не наступал… и вот теперь вместо партизан, которые станут уничтожать их жестоко и беспощадно… вместо подпольных организаций боевых офицеров… вместо героев-одиночек, наконец… явился этот сопляк, этот хлыщ… этот фрилансер…»

В то же мгновение он почувствовал, что тяжесть, давившая на его глазные яблоки, исчезла. И мутноватая, мешавшая видеть, пленка — тоже.

Словно кто-то, смотревший на мир его глазами, используя их, как сам он использовал цейссовскую оптику, наконец-то убрался из его головы.

Вице-адмирал вздохнул и отложил бинокль.

Стефан Брег
Пять дверей

2015

Некоторые двери лучше всегда держать закрытыми. Даже во сне. Именно эти слова я сказал Ричарду при нашей последней встрече, и теперь они не покидают меня ни на миг — моя память беспрестанно прокручивает в голове ту встречу и тот разговор, что так меня встревожил.

Я сижу в маленьком кафе на Дрейкотт-авеню. Меня окружают люди — они пьют, смеются, спорят, обсуждают свои проблемы, беспокоятся о своем будущем. До меня невольно долетают обрывки их фраз, но очень скоро их болтовня перестает меня волновать. Я смотрю в никуда, и мир вокруг затихает. Да, эта техника непросто далась мне, но теперь от осознания, что я в любой момент могу погрузиться в мир грез, мой разум ликует. Конечно же, для сомнамбулизма кафе является наименее пригодным местом, поэтому я вновь фокусирую взгляд на ближайшем столике

с двумя дискутирующими джентльменами и полностью прихожу в себя. Мой кофе совсем остыл.

Иллюзорный мир нередко бывает опаснее обычного. В первую очередь тем, что там хочется остаться навсегда, отрешиться от суеты и проблем. Действительно, летать над облаками и погружаться в бездну океанов куда интереснее редактирования статей в местной газетенке с ограниченным тиражом.

Ричард, сколько я его помню, всегда был в поиске чего-то нового. Его, словно магнит, притягивало все неизведанное, непознанное. В Ньюфаундленде на берег выбросило огромное морское чудовище? Ричард просто обязан был посмотреть на него своими глазами. Вновь стали популярны спиритические сеансы? Ричард, во что бы то ни стало должен был поучаствовать в них. И неважно, что чудище оказалось полуразложившимся кашалотом, а спиритический сеанс — полной профанацией. Это были эмоции и новые впечатления, которыми так дорожил мой друг.

Справедливости ради, стоит отметить, что он немало путешествовал и многое повидал. Таинственные храмы в джунглях Бирмы, великие пирамиды Египта и Мексики, мрачные замки

Европы — все это заставляло его срываться с места и мчаться за тысячи миль от родного дома навстречу приключениям. В этом мы были с ним очень непохожи.

Отточенную веками технику осознанных сновидений Ричард привез из путешествия по Индии. Он никогда не говорил, кто и за какие заслуги обучил его этому приему, но втянуть меня в эту историю было довольно безрассудно с его стороны.

Да, первое время я испытывал просто неземной восторг от всего происходящего, но чем чаще я погружался в свои фантастические сны, тем более серым и безвкусным виделся мне реальный мир. Ричард же казался полностью поглощенным своими сомнамбулическими приключениями. К тому же он совершенно не воспринимал происходящее там, как сон. Для него это были отличные от нашего, параллельные измерения, где его сознание обладало большой силой и безграничными возможностями. Он считал себя чуть ли не хозяином астрального мира, величайшим странником в истории. Пока не встретил там таинственную личность, поведавшую ему множество секретов о пространствах за гранью нашего сознания.

Эту встречу Ричард расписал мне на следующий

день во всех подробностях. Я лишь ухмылялся в ответ, но ровно до тех пор, пока не услышал об удивительном способе раскрыть неподвластные тайны вселенной. Он был поразительно прост и крайне заманчив, но именно этим внушал вполне оправданные опасения. А что, если тонкий мир действительно существует? Что, если кажущийся таким ничтожным риск за возможность обладать бесценным знанием на самом деле чрезвычайно велик?

Таинственный человек поведал, что, находясь в осознанном сновидении, стоило лишь выкрикнуть странную труднопроизносимую фразу, своеобразное заклинание, после произнесения которого пути назад уже не было. Останется лишь выбор, и, наверное, только судьба решала, каким будет его итог.

«Перед тобой окажется пять дверей, — говорил мне Ричард, тяжело дыша и сжимая бокал виски так, что побелели костяшки пальцев. — Пять порталов, за каждым из которых тебя ждет определенная участь. От непередаваемо ужасной до потрясающе величественной. Но ужасна лишь одна дверь, так что шансы познать великие тайны очень высоки. Я хотел сразу же выкрикнуть это заклинание, но что-то остановило меня. Мне

кажется, что я просто обязан был поделиться этим с тобой. Поэтому, проснувшись в полночь, я уже не смог сомкнуть глаз. Этой ночью моя жизнь изменится. Я чувствую, случится то, что должно. Я выберу правильную дверь.»

Его слова произвели на меня впечатление. И сейчас, сидя в уютном летнем кафе, я думаю о них, пытаясь понять, связаны ли они с тем, что произошло в итоге.

Тело Ричарда обнаружила горничная на следующее утро после нашей с ним встречи. Он был одет в свой лучший пиджак и, не подавая признаков жизни, лежал в своей постели. Врач потом сказал мне, что его сердце остановилось во сне.

Так неужели это правда? Неужели все то, что я считал иллюзией, реально? Чем больше я размышлял об этом, тем сильнее чувствовал усталость. Усталость от этого суетного физического мира, от бестолковой беготни и бессмысленных тревог. Я, наконец, решился на отчаянный шаг.

Кафе осталось далеко позади — я направился домой с твердой уверенностью выполнить предназначенное мне испытание. Я должен узнать судьбу Ричарда. Я должен открыть одну из дверей.

Мой путь совсем недолог. Я поднимаюсь к себе

на третий этаж, прохожу в свою квартиру и на минуту задерживаюсь в прихожей, пытаясь выровнять дыхание и еще раз собраться с мыслями. Входная дверь остается приоткрытой.

В конце концов, решение принято окончательно, и больше времени на сомнения я себе не даю. Зашториваю окна, снимаю обувь и медленно ложусь на кровать.

Дыхание — главный секрет быстрого разрыва сознания с реальностью. Даже покой имеет здесь лишь второстепенное значение. Что же за гуру научил тебя этой великолепной технике, Ричард? Почему ты не поведал мне об этом даже перед столь рискованным мероприятием? Но полно, необходимо забыть обо всем, сосредоточиться на своем теле и той цели, которая ждет меня по ту сторону.

Вот та легкость, то невероятное чувство безмятежности, что ознаменовывает собой переход сознания в другую фазу. Я лечу сквозь туманное неизведанное пространство, чтобы оказаться в мире, созданном моим воображением.

Вокруг меня тревожимое ветром поле, окруженное по всему горизонту прекрасными кучевыми облаками, похожими на фантастические горы с темными склонами и белоснежными вершина-

ми, достойными быть обителью олимпийских богов.

Я мог бы любоваться красотой этого мира, мог бы парить над ним, но сейчас, хоть мое тело не осязаемо, я чувствовал сильное волнение. Но, не дожидаясь, пока оно поработит меня, я вскинул руки и выкрикнул заклятие, которому научил меня мой единственный друг.

Ничего не произошло. Мир остался прежним. Может, все это лишь случайность, и нет никакого великого выбора. А, может, Ричард не решился поведать мне правильные слова. Как бы то ни было, мне не удалось призвать таинственные силы, и я решился проснуться.

Переход из сновидений в реальность всегда получался легко. Так поначалу было и в этот раз, но вдруг что-то пошло наперекосяк. Я очнулся в своей кровати, но вокруг была темнота, сопровождаемая целым сонмом потусторонних звуков: смех, скрежет, неразборчивые крики и глухие удары раздавались со всех сторон. Я вскочил с кровати, ущипнул себя и вдруг понял, что это реально. Страх овладел мной. С языка сами собой слетели слова молитвы. Я вдруг будто против своей воли закричал, что отказываюсь от произнесенного заклинания — настолько мне стало не

по себе. В ответ раздался страшный скрип, заставивший меня зажмуриться и закрыть ладонями уши. Когда он прекратился, я открыл глаза.

Появилась маленькая комната в форме пятигранника — пять невзрачных дверей на каждую из стен. Тьма исчезла, исчезла также кровать. Остался лишь я и выбор, от которого зависела моя судьба.

«Пять дверей, — в голове пронесся прошлый разговор. — Открой одну из них, и она заставит тебя проснуться, другая — отправит в самый прекрасный мир, что есть во всех реальностях. Третья — навечно лишит тебя сновидений. Четвертый проход откроет тебе все тайны мироздания. Пятая же дверь… Пятая откроет портал в царство хаоса и леденящего ужаса, что будет вечно терзать тебя, не давая сойти с ума или умереть. Вечная жизнь в бездонной пропасти, полной хтонических тварей. Один шанс из пяти. Это более чем справедливо, главное — верить в себя»

Рассказ Ричарда я помню слово в слово, но дрожь все равно пробирает меня до костей, будто я стою на вершине Эвереста и вот-вот сорвусь вниз.

За каждой из дверей мне что-то слышится. За одной слышен плач, за другой — завывание

ветра. Я слышу детский смех и жуткие вопли, доносящиеся из глубины. Лишь за одной дверью гробовая тишина, ничего не доносится оттуда.

«Жизнь — всего лишь вереница из вариантов», — вдруг вспомнилось мне.

В тот же момент в моей голове звучит голос, и я узнаю его, отчего глаза мои наполняются слезами. Это Ричард. Он отыскал мое трепещущее сознание во мраке чуждой реальности.

— Прости меня, друг, что подверг тебя этому, что вынудил пойти на такой риск. Знай, я сейчас там, где нет рассвета и заката, нет ночи и дня. Это место — прекрасный сад в пустыне вселенной, и его не описать существующими словами. Я выбрал лучшую из дверей. У меня мало времени. Ты должен знать — двери лживы. Верь в себя.

— Ричард! — я кричу изо всех сил, но не получаю ответа.

Смех и плач. Крик и ветер. Тишина. Ложь.

Я вобрал воздух в легкие и дернул на себя ручку той двери, из-за которой доносились крики боли и отчаяния. Все в тот же миг померкло, и меня затянуло в неизвестность…

Тьма и тишина. Пустота, пустотой лишь прикидывающаяся. Я начинаю слышать едва различимый однообразный гул вокруг себя. Тело

покалывает, но я не понимаю почему. Мои ноги не чувствуют опоры. Когда пространство за моей спиной вдруг ярко освещается, я оборачиваюсь, чтобы узреть источник света. Бессчетное количество огромных нечеловеческих глаз наблюдает за мной. Они дрожат, переливаясь всеми возможными цветами. Дрожу и я, ибо невозможно перенести подобное зрелище без трепета. Когда чудовищное создание вдруг устремляется ко мне, мой крик тоже мало походит на человеческий.

Одна мысль успела мелькнуть в моей голове за миг до этого. Лишь одна.

«Двери лживы…»

Дмитрий Висков
Кричать, убивать и веселиться

2013

Командир Эзельской бронебашенной батареи Силин докуривал последнюю сигарету, морщась при каждом новом залпе. В шкафу лежала еще дюжина пачек «Триумфа», но встать Силин не мог с прошлого вечера. На черном сукне его кителя кое-где проступила соль от высохшего пота.

Жутко раздражало радио. Отыграв бравурный марш, оно завело речь о сложной международной обстановке. А когда эта обстановка была простой? Больше маршей, больше! Под флейты и медь легче переносить дребезжание стаканов на полках.

Ожил коммутатор.

— Попадание подтверждаю, — доложили с дирижабля.

— Хорошо, — Силин переключился на связь с башнями, — теперь квадрат семнадцать-пятьдесят.

Снова на дирижабль:

— Контроль семнадцать-пятьдесят.

— Там эсминец «Проворный», командир.

Силин отключил связь и раздавил окурок в пепельнице. Одновременно загорелись кнопки сигналов с орудийных башен и дирижабля.

— Подтверждаю приказ. Семнадцать-пятьдесят, по готовности.

Пушки начали равномерно ухать, но в гул канонады вмешался щелкающий звук. Это пулеметы. Какофонию дополнила сирена тревоги. Вспышки и быстрые тени замелькали за бронестеклом окошка. Батарея атакована.

По коридору пробежали военморы, клацая затворами винтовок. Ворвался всколоченный

дальнометрист: «Командир, по своим стреляем!»

— Нам раскрыли новые способы кричать, убивать и веселиться, а мы даже старых еще не распробовали.

— Что? — выдохнул дальнометрист, оседая у двери. Пистолетный выстрел слился с залпом батареи.

— По своим стреляем, по своим! — Силин швырнул ТТМ на стол.

Пулеметчик дирижабля садил из пулемета по черным фигуркам внизу, и попадал, попадал. Отстреляны уже две ленты, но нападавших словно и не убывало. Из окон казармы тоже стреляли. Черт, как же их много! А снизу уже не отвечали, хотя бронебашни исправно утюжили море.

Еще в гидроплане каперанг Романцев огласил официальную версию произошедшего: На Эзельской батарее Б-11 проводились учебные стрельбы, а эсминец «Проворный», попал под огонь из-за поломки навигационных приборов.

— Версия корявая, но соседей должна устроить, поскольку их суда не пострадали. Что же было на самом деле, нам предстоит узнать. — Романцев провел ладонью по седому бобрику, словно проверяя работу парикмахера.

— А какова неофициальная версия, товарищ

каперанг? — вклинился каплей Белкин из флотской прокуратуры. Романцев взглянул на него так, будто Белкин только что материализовался из воздуха. Раздражал он, этот адмиральский сынок. Одет и причесан по уставу, только китель пошит в Доме Моды и парижским одеколоном разит на весь салон. Наверняка свингует вечерами под саксофоны.

— А неофициальная состоит в том, что дурак Силин накрыл огнем судоходный сектор в нейтральных водах. Он отстрелял четверть боезапаса, потом явились пловцы Балтфлота и застрелили его в собственном бункере. Вот, изучите внимательно.

Каперанг передал Белкину папку бумаг. «Впервые в комиссии?», — спросил Романцев, словно не знал ответа.

Так, перелистаем. Все листы одной фактуры, клавиша «Е», везде западает. Не икона, а новодел, тут к гадалке не ходить.

Белкин уже в который раз пытался поймать взгляд порученца Романцева, своего сокурсника Лехи Вахина, но тот отвечал взором сомнамбулы. Остальных членов комиссии Белкин знал по службе, приятельских отношений, правда, не завел. Но те кивнули, а Вахин сквозь тебя в

иллюминатор смотрит. Что ж, придется изучать бумаги.

Выглядело так, будто к прилету комиссии на батарее провели генеральную уборку. Командно-дальномерный пост побелен, трава покрашена в зеленый, волны — в синий. Орудийные бронеколпаки начищены как пуговицы. Хотелось верить, до такого не дошло, но чисто выбритый старлей вызывал подозрения подобного рода.

Старлей по фамилии Постнов козырнул прибывшим и отрапортовал о том, что временно исполняет обязанности командира батареи. За последние двенадцать часов происшествий не было.

Полковник Романцев, глава комиссии, досадливо сморщился:

— Постнов? В списках комсостава батареи такой не значится.

— Я прибыл из Риги вчера вечером, вот назначение штаба округа, — старлей протянул бумагу. Романцев, не взглянув, передал ее Вахину.

— Выходит, личный состав находится под арестом?

— Так точно, товарищ каперанг.

— А кто будет отражать противника, если попрут? Всех выпустить, пусть несут службу пока.

Офицеров, свободных от вахты, ко мне по одному. Вы, Белкин, допросите рядовой состав. Андриенко и Иецелниекс — общий осмотр. Доктор, найдете тела.

— Есть.

Каперанг удивленно посмотрел на Постнова, который всё еще стоял перед ним.

— Бегом!

Того сдуло с места.

— Остальные — шагом.

Вскоре зазвучали команды, расчеты побежали по местам. Батарейных, как выяснилось, не кормили со вчерашнего дня, так что поваров торопили с обедом. Белкин нашел дежурного по казарме белобрысого военмора с красными глазами. Вместе с ним обошел помещения и остановил свой выбор на каптерке: «Давай по одному на исповедь!»

Никто из допрошенных не знал о предстоящих стрельбах, не видел штурмовавших батарею пловцов. Те, кто был в бронебашнях и казармах, забаррикадировались, а экипаж дирижабля видел только силуэты. Загадкой представлялось вот что: как и на чем пловцы Балтфлота умудрились прибыть сюда уже через полчаса после начала обстрела и почему они не стреляли, после того

как их обнаружили.

— Следующий! Фамилия, имя, отчество?

— Кадкин Денис Семенович.

— Не спал?

— Не спал, товарищ каплей.

Кадкин выглядел так, что можно было и не спрашивать.

— Во время учений где был?

— На своем номере, я заряжающий четвертого орудия.

Белкин сверился со списком. Всё так.

— Во сколько начались стрельбы?

— Около двадцати ноль-ноль, учения были внеплановые, никто не готовился.

— А закончили?

— Я не засекал, товарищ каплей, — военмор пожал плечами, — но около часа стреляли, думаю.

В открывшуюся дверь заглянул Вахин.

— Август, тебя каперанг требует.

— Ладно, потом продолжим, — Белкин хлопнул заряжающего по плечу.

Оказавшись снаружи, однокурсники переглянулись.

— Я думал, ты меня не узнал, — признался Белкин.

— Брось, просто каперангу бы не понравилось.

Строг.

— А зачем я ему сейчас понадобился?

Вахин усмехнулся.

— Мне знать не положено, но ничего приятного не услышишь. Видел?

Август повернулся в указанную сторону. Со стороны Рижского залива в предзакатном небе ползли тяжелые дирижабли с истребителями в подвесках. В Швецию, похоже. И одного «Атланта», вполне достаточно, чтобы сровнять Стокгольм с землей, а тут целых пять.

— Слушай, где находится база пловцов Балтфлота?

Порученец резко остановился, снова став похожим на сомнамбулу.

— Вот это мне знать положено. Но не знаю. Странно.

— Странно, — согласился Белкин.

Вахин привел однокурсника в офицерскую столовую. Члены комиссии уже расположились за столом. Посреди скатерти стоял складной латунный восьминожник, явно привезенный Романцевым с собой, а не одолженный в «красном уголке», батареи.

— Товарищ каперанг, по вашему приказанию явился, — козырнул Белкин.

— Садитесь обедать.

Кроме Романцева и Вахина были также Иецелниекс, Андриенко, Постнов и еще два офицера, очевидно батарейных. Вместе с Белкиным — восемь человек. Из присутствовавших только доктор Кеосаян не участвовал в трапезе — возможно, он должен был наблюдать за состоянием участников транса.

Каперанг, на правах старшего, приподнял восьминожник и тут же опустил его на подставленные ладони. Свободной рукой он медленно налил внутрь морскую воду, отчего острые ножки вонзились в кожу восьмерых собравшихся.

Во рту появился вкус соли, как всегда во время коллективного транса. Август не верил в богов, хотя рационального объяснения происходящему не находил. В курсе прикладной теологии эта процедура вскользь описывалась, но практикумов почему-то не было. Когда-нибудь наука и это разберет на винтики. Кислородом дышали и до его открытия, а нынешний ритуал был когда-то детской игрой. Дети ошибались лишь в слове «вода», ставя в нем ударение на первый слог.

— Море волнуется раз.

Стало темно и шатко, только золотая фикса Романцева иногда вспыхивала как маяк. Водой

был Вахин. Оказалось, что он специально учился этому.

— …волнуется два.

Соленая вода из восьминожника вымывала нутро и возвращалась обратно, свет внезапно блеснул и стремительно стал заполнять пространство, вдруг остановившись вокруг Августа белыми стенками прокуренной комнаты.

— …три.

— Попадание подтверждаю, — доложили с дирижабля.

— Хорошо, теперь квадрат семнадцать-пятьдесят.

Недоумение на лице усатого наводчика, эсминец «Проворный», в окружении всплесков от снарядов. «Командир, по своим стреляем!», Сдвоенный пулемет выплюнул отстрелянную ленту. Осколки событий, собранные сотрапезниками, Вахин складывал в безумный витраж. Наконец закончив, он разбил выстроенную картину в соленые брызги и стал смотреть на открывшийся за окном пейзаж. С порезанных рук капала морская вода.

— Всё.

Восьминожник кто-то убрал.

Августа трясло как в ознобе. Прочие участники

трапезы тоже выглядели неважно.

— Следствие закончено, официальную версию события считаю подтвержденной. Благодарю за работу, всем отдыхать, — сказал Романцев и добавил, повернувшись к Кеосаяну: — Распорядитесь доставить сюда матрасы.

Белкин смотрел в потолок, испытывая припадок отвращения к своей работе. Собирать сведения, добывать информацию и никогда не знать результата, даже не иметь понятия, кто и как распорядится плодами его труда. Прежде казалось, что с этим можно примириться, но теперь погоны хотелось сорвать как перцовый пластырь.

Увиденное в трансе не только не подтверждало официальную версию, но порождало еще больше вопросов. Хваленые боевые пловцы не сумели проникнуть ни в башни, ни на контрольно-дальномерный пост, ни даже в казармы, при этом даже не пытались воспользоваться спецсредствами. А ходили легенды, будто они захватывают линкоры, идущие на полном ходу. Далее, кто же убил командира батареи, раз пловцы до него не добрались? Нужно бы осмотреть его тело, но доктор Кеосаян в трансе не участвовал. Почему? То, что видел доктор, полностью похоронило

бы официальную версию, на которой настаивал каперанг, — вот единственное объяснение.

Вокруг храпели на пять голосов, кто-то скрипел во сне зубами. Застонал Вахин, которому пришлось труднее всех, он так и не приходил в сознание. Август повернулся к нему, бледному, бездвижному, положил руку на запястье — жив ли? Пульс прощупывался. Вахин, не открывая глаз, сжал кисть Белкина и стал постукивать по ней пальцем то легко, а то сильно прижимая. Морзянка, как тогда, на экзамене по диамату?

— …база пловцов в море…

Из темноты и страха своего забытья Вахин хотел донести не просьбу о спасении, не послание любимой, а именно это. Белкин постучал пальцем по запястью порученца, но, похоже, связь тут была односторонней.

— Доктор, вы здесь? — позвал Август.

— Здесь. Что у вас? — Темный силуэт шевельнулся в углу.

— Мне бы на воздух, но на ногах не стою. Поможете?

Кеосаян приблизился, поднял Августа на ноги.

— Держитесь за плечо, каплей.

На улице уже светлело. Они сели на скамейку у выхода. Доктор закурил, Белкин отказался от

предложенной сигареты.

— Как вас по имени-отчеству?

— Артак Минасович. Зовите просто Артак.

— Я Август.

— Именины весь месяц отмечаете? — Доктор слегка подтолкнул Белкина плечом.

— Если бы! До конца сентября! Я вот что хотел спросить вас, Артак: как бы мне взглянуть на труп Силина? И если его не убили пловцы, то как он умер?

— Застрелился. Пороховой ожог вокруг раны на виске, вы понимаете.

Август согласно кивнул.

— А где морг? На труп всё же хочется взглянуть.

Кеосаян аккуратно положил недокуренную сигарету на раструб урны.

— Я мигом проверю, как там внутри, и сходим, ладно? Чуть подождите.

Но через минуту вместо доктора пришел Иецелниекс: «Каперанг вас требует немедленно!».

— Он без меня как без рук! — усмехнулся Август, поднимаясь.

В офицерской столовой уже зажгли свет, все были на ногах. Только Вахин по-прежнему лежал на своем матрасе. Заметив вошедших, Романцев

велел батарейным офицерам удалиться. Что-то было не так, что-то изменилось. Доктор Кеосаян стоял возле Романцева с напряженным лицом, а здоровяк Иецелниекс загородил дверь.

Август снова посмотрел на Вахина, который по-прежнему выстукивал точки и тире кода Морзе: «…в море семнадцать-пятьдесят…», Каперанг, проследив за взглядом Белкина, резко нагнулся к порученцу и с хрустом сломал ему указательный палец.

— Да ты… — Август бросился на Романцева, но Иецелниекс мгновенно оказался между ними и отправил Белкина на пол резким тычком. Тяжелое колено придавило его к полу, выбив воздух из легких.

— Молчи и слушай! — Романцев уселся на стул.

— Просто из уважения к твоему отцу позволь мне объяснить кое-что. Думаю, ты в курсе, что СССР владеет Балтфлотом на паях с запредельными силами. Вижу — знаешь, хоть тебе и не положено. Отсюда и корабли, не требующие экипажа, и лучи смерти, и тяжелые дирижабли, которые по законам физики не должны бы летать, и прочие чудеса. Ты думал, это наши «кулибины», изобрели? Если бы! Но вот, понимаешь, какая

штука: это ведь не только с Балтфлотом так, но с каждым военным округом, каждой воинской частью любого государства. Но мы огромная страна и пайщики везде разные. Следовательно, то, что для Древних всего лишь мелкая склока, для нас будет гражданской войной. Это понятно?

— Да, — прохрипел Август.

— Тогда присаживайся и слушай дальше. Отпусти его, Гунтис.

Белкин послушно вскарабкался на стул.

— То, что произошло здесь, на батарее, — очень серьезно, и твое частное расследование ставит под угрозу государственную безопасность. Силин действовал под влиянием «паутины Атлач-Нача», доктор нашел ее на спине трупа. Доктор, покажите ему!

Извлеченная из саквояжа пробирка служила тюрьмой существу, схожему более с пиявкой, чем с паутиной, только цвета белого. Тварь скручивалась в пружину и снова распрямлялась, силясь выдавить пробку. «Вырезал ее с куском мяса», — сообщил Кеосаян.

— Эта дрянь может вылезти откуда угодно, прилепляется к позвоночнику, и человек теряет волю, теряет способность ходить. Когда же Силин получил свободу, он застрелился как честный

офицер и человек.

А в квадрате семнадцать-пятьдесят, по которому палила батарея, находится город глубоководных. Понимаешь, к чему я клоню? Мы, следственная комиссия Балтфлота, обязаны представить отчет как в Совнарком, так и Подводному Хозяину. Представь, что он узнает правду и тогда мы будем иметь вооруженный конфликт Балтфлота с Прибалтийским военным округом — вотчиной Атлач-Нача. Поэтому мы и подготовили два разных отчета.

Перед Августом легла пачка машинописных листов.

— Это для Совнаркома, и ты его подпишешь сейчас, — каперанг протянул Августу авторучку. Тот подписался на всех листах.

Романцев указал на бездвижного Вахина.

— А этот отчет для Подводного Хозяина, и упоминаний об Атлач-Нача там нет.

«Его придется подписать потом», — догадался Август.

Через час гидроплан оторвался от воды, но полетел не в Ленинград, а в сторону Швеции, как и вчерашние дирижабли. А вот и они — пять темных точек над темной водой. Вахина уложили в надувную шлюпку.

— Воинство Атлач-Нача с венденского аэродрома, — усмехнулся Романцев. Самолет заходил на приводнение, у пристегнутого к носилкам Вахина потекла слюна изо рта.

— Иван Сергеевич, разрешите вопрос?

Это было дерзким отклонением от устава, но каперанг бровью не повел — не до церемоний.

— Валяй!

— Вахин у вас который по счету порученец?

— Не считал. А это попытка оспорить то, что стоит повесить троих, чтоб спасти четверых?

Август усмехнулся.

— Силин застрелился как честный офицер и человек. Отчего же вы не застрелитесь?

— Есть такая профессия — родину защищать.

— Есть. Жаль, что вы ее не выбрали.

Иецелниекс приподнялся: «Разрешите мне?», Романцев махнул рукой, угощайся, мол. Но здоровенный прибалт замер, когда Белкин продемонстрировал ему пробирку с «паутиной Атлач-Нача». Сорвать крышку большим пальцем — секундное дело. Громила не спасовал бы и перед пулей, но перспектива стать марионеткой его напугала.

Хлоп, хлоп, хлоп. Романцев аплодировал.

— И когда ж успел?

— Когда шлюпку надували.

— Молоде-е-ц! Что будешь делать дальше?

Вот с планами было непонятно. А гидроплан несколько раз скакнул и приводнился. Андриенко обернулся, стягивая пилотский шлем, но так и застыл, увидев пробирку в руках Белкина.

— Мы в квадрате семнадцать-пятьдесят, не так ли? — спросил наконец Август.

— Именно так, — каперанг улыбнулся, чувствуя его растерянность.

— Тогда план такой: вы, господа, достаете Вахина из шлюпки и грузитесь в нее сами. Далее вы направляетесь куда пожелаете, а я с Вахиным улетаю.

Романцев по-прежнему улыбался.

— Не пойдет. Ты разумный человек, и откроешь пробирку лишь в самом крайнем случае, меня же устраивает и патовая ситуация.

Они готовы сидеть и часами ждать, пока Август утратит бдительность. Возможно, у кого-то из них есть оружие, они не задумываясь им воспользуются, выждав подходящий момент.

Тут в дверь салона гидроплана постучали снаружи. Это был даже не стук, а как если бы шлепали мокрой тряпкой. Из иллюминатора не разглядеть, кто там есть.

— Кого-нибудь ждете? — Август ощутил прилив адреналина. Кровь колотила в виски как в набатный колокол.

— Не возражаете, если я открою? — спросил Романцев. Внезапный переход на «вы», еще более настораживал.

— Откройте. Медленно, не загораживая мне остальных.

Каперанг, аккуратно выполняя инструкцию, откатил дверь вбок. Влетел ветер, на пол полетели брызги. А следом в салон гидроплана стали запрыгивать люди в черных водолазных костюмах, мгновенно заполнив свободное пространство, источая запах рыбы. Август от неожиданности едва не открыл пробирку.

Да ведь не костюмы это на них — вон, чешуйки, костяные наросты. Пловцы Балтфлота действительно не были людьми. Об их чешую разбивался любой скепсис.

Черные существа молча вытащили шлюпку наружу, громко плюхнув ее об воду. Дверь за ними захлопнулась. Несколько минут никто не проронил ни слова, будто это была минута молчания по Вахину.

— Что ж, каплей, однокашника ты не уберег, так, может, отдашь пробирку?

— Забирайте! — Август бросил стекляшку Романцеву, тот поймал ее в полете.

— Но где «паутина»?

Каперанг переводил взгляд с Белкина на пустую пробирку и обратно.

— Чувствуете, как отнимаются ноги? — спросил его Август.

— Что?

— Ноги. Она прилепляется к позвоночнику, и человек теряет волю и способность ходить. Так вы сказали. Поэтому и спрашиваю, можете ли вы еще подняться.

Каперанг налился краской и полез за спину рукой.

— Когда вы открывали дверь, я выпустил тварь вам на спину.

— Гунтис, убей его! — приказал Романцев Иецелниексу, но тот резко взял каперанга за затылок и подбородок и с хрустом свернул ему шею. Звук был тот же, что и тогда, когда сломали палец Вахина.

— Ты что сделал, кретин? — заорал Кеосаян. Тело каперанга сползло ему под ноги.

— Какой номер инструкции? — спокойно спросил Август у Иецелниекса.

— Номер четыре. «Любой военнослужащий,

попавший под вражеский ментальный контроль, должен быть немедленно уничтожен». Но ты, каплей, сейчас тоже умрешь. Мучительно, без инструкции.

— Возражаю, — Белкин достал из кармана пробирку, на этот раз не пустую. Раздалась брань сразу на трех языках.

— Надо же, впервые и блеф и натс в одной руке!

Август взвесил пробирку в руке, оглядел всех в салоне.

— Гунтис, Артак Минасович… Андриенко, как вас? Борис? Прекрасно! Итак, предлагаю: мы взлетаем и направляемся в район эскадры моего отца, я покажу местоположение. Он тоже локальное божество, не Атлач-Нача или Подводный Хозяин, но про Роберта Андреевича Белкина, надеюсь, слышали? Контр-адмирал, а?

Все знали, все слышали. Никто не возражал.

— Официальная версия такова: каперанг Романцев действовал под влиянием «паутины», и Иецелниекс поступил строго в соответствии с инструкцией номер четыре.

— Но след «паутины»…

— Надеюсь, Артак Минасович не откажется вырезать кусочек плоти со спины бывшего на-

чальника. Или остаются какие-то химические следы?

Кеосаян помотал головой и полез в саквояж за инструментами.

— Борис, взлетаем!

Гидроплан закрутил винты, точки над морем стали почти неразличимы, а потом пропали вовсе. Остались лишь бакланы и облака. И еще остались счета — за Вахина, за Силина и тех парней, что погибли на батарее. У нас хорошая память. Придет время — посчитаемся за всё.

Вадим Вознесенский
Псалмы субмарин

Long afloat on shipless oceans
I did all my best to smile
Til your singing eyes and fingers
Drew me loving to your isle
«Song to the Siren», Tim Buckley

Они — суть страждущей плоти Его,
С примесью черной моей крови
И алчущего безумия — черви,
Настигнут, насытят чрева свои,
И превратят, исторгнут в муках

В безобразии своем великолепную,
Родят иную, неведомую жизнь.
Ибо пребудет во всем семя Его
Йайн, темные Владыки Саккарта!
Йайн! Йайн! Йайн!

2016

— Герр доктор, познакомиться с ihr patienten… вашим пациентом. — Капитан легко похлопал меня по плечу и подтолкнул к шлюзу.

Я, борясь с тошнотой, шагнул в слабо подсвеченное нутро носового отсека, не без труда ориентируясь из-за тесноты и полумрака. Мы прошли мимо стены с двумя рядами откидных коек и оказались в узком тупике. С одной стороны, отгороженные шторой, в нем ютились кровать, откидной столик, небольшой шкаф, а напротив располагалась стойка с мерцающими лампами и настроечными шкалами-потенциометрами. За аппаратурой, ссутулившись, сидела темноволосая девушка.

— Есть? — Мой провожатый наклонился, и я скорее почувствовал, чем увидел, как напряглись ее плечи.

— Нет, — прошептала девушка, не поднимая

головы.

Голос, именно тот голос, который я слышал в телефонной трубке.

— Плехо, Марина. — Капитан неспешно поднял с палубы валяющийся кусок толстого резинового патрубка и, коротко размахнувшись, внезапно ударил девушку по кисти.

Я вздрогнул, кровь, пульсируя, прилила к вискам. Радистка не произнесла ни звука, даже не пошевелилась, руки так и остались лежать на столе.

— Девочка, mach mich nicht… не заставлять меня ломать твои пальцы снова.

Девушка, похоже, кивнула — пряди засаленных волос едва колыхнулись. Капитан бросил патрубок обратно на пол.

А я не мог отвести взгляда, наблюдая, как набухает на ладони Марины глубокая багровая борозда и как криво срослись кости мизинца и безымянного пальца…

Это сумасшествие началось, когда я решился покончить со старой жизнью. После Пришествия Древних привычная медицина стала медленно, но уверенно отходить в прошлое. Получилось так, что людям стало удобнее полагаться на Слова Силы, чем на учение Гиппократа. Любые болезни

— вещали пастыри — лишь следствие проклятий и одержимости, а исцеление обретается в молитве, причщении и жертвоприношениях. Надо признать, чудеса Веры действительно случались, оттого из эскулапов востребованными оставались разве что костоправы.

И еще психиатрия кое-как балансировала между наукой и ересью, пытаясь по мере сил отделять проявления истинных божественных присутствий от воспаленного воображения. Тем для исследований хватало.

Представители же моей профессии — неврологи — уходили с врачебной сцены безропотно. Смирившись, что бессознательное, движущее человеком, есть не рефлекторная деятельность, а результат влияния высшей воли. Чушь, конечно, но в эпоху массового умопомешательства спорить с толпой не хотелось — рискуя оказаться принесенным в жертву ради чьего-нибудь исцеления.

Практика заглохла, и мне ничего не оставалось, как днем бродить по агентствам, а по вечерам, в скуке и одиночестве, перелопачивать газетные объявления. В медиках мир не нуждался. Временно, конечно, однако я от этого радости не испытывал — жить приходилось днем сего-

дняшним. Выбор доступных профессий оказался невелик, и я уже склонялся к мысли, что еще пару месяцев — и буду морально готов работать даже дворником.

Каково же было удивление, когда я наткнулся в газете на вакансию судового врача. Было поздно, но я не рискнул откладывать. Телефонистка соединила меня с указанным в объявлении номером агентства, там уточнили данные и сказали, что свяжутся с заказчиком. Ответный разговор не заставил себя ждать — трель звонка разбудила меня сразу после полуночи.

— Вы настоящий доктор? — послышалось в трубке, и, кроме серебристого, с едва уловимой хрипотцой, девичьего голоса, я услышал противный скрежет помех.

Вероятно, связь была организована через радиокоммутатор.

— Да, конечно, диплом медицинской академии…

— Нам не нужны клирики, которые врачуют рукоположением.

Голос, даже перемежаемый электрическим шумом, очаровал. И требование к врачевателям меня более чем устраивало. Говорят, некоторые адепты Древних способны оживлять мертвецов,

но я всегда считал, что проще не допустить смерти, чем устраивать эксгумации, наслушавшись шарлатанов.

— Я понимаю вас. Практикую только научные, медикаментозные методы.

В конце концов общий курс медицины я изучал, а для того чтобы наложить лангет в экстренных условиях, совсем не обязательно упражняться в полевой хирургии на фронтах Первой мировой. К тому же у меня теплилась надежда, что обязанности судового врача ограничиваются выдачей лекарств от морской болезни и распределением корабельных запасов спирта. Если одно не подразумевает другое.

Кстати говоря, я вырос в русском квартале Харбина, море видел только на репродукциях и совершенно не представлял, как поведет себя при качке собственный организм. О чем честно признался.

— У нас почти не качает, — колокольчиками отозвалось сквозь помехи. — Помолчите, надо подумать.

Видимо, корабль не маленький, может даже — какой-нибудь круизный лайнер. Я послушно помолчал, а треск помех просочился по проводам и заполнил мое сознание, тревожа и одновремен-

но навевая сухопутно-наивные мысли о далеких берегах.

— Вы нам подходите, — ответили по прошествии где-то минуты.

Хотя, не исключено, ответ прозвучал и с большим интервалом. Ощущение времени отшибло напрочь.

Я спешно выехал через границу во Владивосток — там, в порту, была назначена встреча. Меня проводили на какой-то полузаброшенный причал, где взору предстал видавший виды буксир — мечты о белом пароходе оказались преждевременными. Правда, настроение чуть поднялось, когда штурман буркнул, что настоящий работодатель ждет в море, а его дело маленькое — доставить пассажира ко времени.

Часа через три плавания пришло понимание, что мой вестибулярный аппарат отнюдь не в восторге от пляшущей под ногами палубы. Капитан некоторое время наблюдал мои забортные потуги, потом попросил пройти в каюту и не выходить, пока не позовут.

— Зачем? — не понял я.

На свежем воздухе ощущалось хоть и не намного, но легче, чем в замкнутом помещении.

— Так лучше будет.

Недоумевая, я все же удалился. В каюте упал на койку, скрючился на пропахшем сыростью матраце и уткнулся лбом в прохладную переборку. Лучше не стало, но под мерное раскачивание я на какое-то время впал в забытье и пропустил момент швартовки. Меня вежливо растолкали, помогли собрать вещи, довели до сходней. Они вели вниз. Уже стемнело, и кроме иллюминаторов буксира, других источников света не было. Я почти на ощупь перебрался с одного борта на другой, мне помогли дойти до двери, потом по лестнице спуститься еще ниже, и только после этого я попал в освещенное помещение.

— Здравствуйте, доктор.

Моим собеседником оказался невысокий сухощавый мужчина лет сорока. Впалые щеки, резкие черты лица, редкие брови — наверное, именно так и должны выглядеть настоящие морские волки. Разве что кожа, на мой взгляд, была не настолько обветренной и загорелой, чтобы полностью соответствовать образу. Говорил мужчина с сильным немецким акцентом.

— Я капитан Ван Страатен. Добро пожаловать на лодку.

— Лодку? — удивился я, подавая ладонь для рукопожатия.

Крепкая хватка, сухие холодные пальцы — капитан создавал впечатление жесткого и уверенного в себе человека.

— Здесь некоторые вещи вам могут показаться fremdartig… странные. — Капитан не обратил внимания на мой вопрос. — Принимайте это, как есть — jedem das seine…[261] Каждый из нас должен делать свою работу.

У меня все еще кружилась голова, во рту стоял привкус желчи, и вообще чувствовал я себя отвратительно.

— Боюсь, капитан, именно сейчас мне будет трудновато делать свою работу. Надеюсь, никто не нуждается в срочной помощи врача, кроме меня самого? — попытался я пошутить.

Моя попытка не вызвала даже тени улыбки.

— Мы заканчиваем schiff bestimmungen… грузить припасы. Потом, in den abgrund… на глубине, качать не будет. Когда освободится, я поручу erster nautischer offizier… старшему помощнику показать вам лодку. А с вашим пациентом вы сейчас будете знакомиться…

Он ударил ее без ненависти, и это, пожалуй, напугало меня больше всего. Но ее тихая покор-

---

[261] Примечания: 261
Каждому своё (нем.) — надпись на воротах концлагеря Бухенвальд.

ность повергла меня в ступор. Соображал я и так не очень ясно, но сейчас меня охватило ощущение абсолютной нереальности происходящего. Машинально я коснулся ладони девушки, чтобы осмотреть повреждение. Не для этого ли меня пригласили на лодку?

Марина отдернула руку — недавний удар капитана она перенесла безропотно, а от моего прикосновения встрепенулась, словно я приложил к телу раскаленный прут.

— Не надо, — сказал Ван Страатен.

Сказал мне, но девушка вернула ладонь на стол и замерла. Капитан посмотрел мне в глаза, в его взгляде не было ни маниакальной исступленности, ни раскаяния — взгляд совершенно спокойного, уравновешенного человека.

— Сейчас очень важный u#ber Funk… сеанс связи. С Атлантикой — это Gegenseite… другая сторона Земли.

Я не знал, что ответить. Молчание бы затянулось, но сзади раздались шаги и к нам протолкнулся еще один член экипажа — плотный круглолицый мужчина со шкиперской бородкой. Стало совсем тесно.

— Капитан, погрузка закончена.

Ван Страатен кивнул и представил нас друг

другу. Бородач, Яков, оказался старшим помощником — ему и предстояло продолжить экскурсию. Капитан, потеряв ко мне интерес, снова переспросил у Марины:

— Не слышишь? Помогать?

Та затравленно покачала головой.

Мы со старпомом уже направлялись к выходу, но я обернулся и увидел, как капитан жестом приказал девушке поднять с палубы злосчастную трубу, а потом приглашающе отодвинул штору перед койкой. И еще я заметил цепь на лодыжке Марины и то, как она зачем-то вытерла поднятый патрубок полой своей рубахи.

— Каюта капитана рядом с боевым постом акустика-радиста, — прокомментировал Яков. — Не вставая с койки — в курсе всех событий.

И липко хохотнул. Мысли в моей голове противностью затмили тошнотный привкус во рту.

— Привыкай, — обнадежил Яков. — Откуда начнем осмотр, с кормы или передка?

Мне было все равно — хотелось побыстрее добраться до своей каюты. О том, что подышать свежим воздухом не получится, я уже догадался. Старпом оценил мой зеленый, во всех смыслах, вид и попытался обнадежить:

— Как нырнем — полегчает. Главное, чтобы

Маринка быстрее связь наладила. Под водой же антенна не берет.

Мне раньше казалось, что подводные лодки погружаются только перед боем — запас хода у них ограничен емкостью аккумуляторов, — а все остальное время находятся на поверхности, идут на дизельных моторах. Старпом просветил:

— Наша «семерка»[262] особенная. Не любит она поверхности. После того как она досталась от немецких «кригсмарине», Страннику, — под «Странником», я угадал Ван Страатена, — лодка научилась дышать на глубине.

— При помощи шноркелей?

Не то чтобы я особенно разбирался в субмаринах, но совсем недавно, помнится, читал про эти устройства, позволяющие дизелям работать даже при погруженной лодке. Революция в подводном деле.

— Нет, — улыбнулся старпом, — наша красотка дышит без всяких трубок и компрессоров. И при этом ныряет на добрую половину мили.

Кажется, предел для подводных лодок скромнее, метров двести-триста, но я не стремился

---

[262] Примечания: 262

«Семерка», — тип VII — самая многочисленная серия подводных лодок в истории, выпускалась гитлеровской Германией в период Второй мировой войны.

разобраться в тонкостях или уличить старпома в хвастовстве; под водой — значит, под водой, и чем глубже, тем лучше, если при этом меньше качает. К тому же — вспомнился роман Жюля Верна — в глубоководных путешествиях определенно присутствовал некоторая торжественная романтика.

А Яков, положившись на собственный вкус, уже притащил меня в нос лодки, в торпедный отсек.

— Вот они, пробирки с нашими живчиками, — похлопал старпом по аппаратам. — Торпедная атака — это как эякуляция, не находишь?

Фаллические фантазии старпома меня не впечатлили. Трубы торпедных аппаратов больше напоминали цилиндрические гробы. И это мне не нравилось. Мне вообще мало что здесь нравилось, особенно — пока не прекратилась качка. Быстрей бы Марина провела чертов сеанс.

— А это что? — указал я на сооружение, напоминающее пюпитр из обшарпанного стального листа на ржавой стойке, с грубо приваренными по периметру автоматными гильзами. В некоторых из них торчали свечные огарки.

Штуковина располагалась между торпедными аппаратами, а рядом, на полу, покоилась неровная стопка разномастных книг. На потертой

обложке верхней значилось крупными буквами: «De vermis mysteriis». Моих медицинских познаний в латыни хватило, чтобы перевести название как «Мистерии Червя».

— Это, — Яков похлопал по стойке, — наш алтарь. Тут же фокусная точка, вся сила лодки. А по правде, в боевой рубке-то его и пристроить негде. Ты, кстати, кому поклоняешься?

Я пожал плечами:

— Никому.

— Что так? — удивился старпом.

Обсуждать мое отношение к религии не очень хотелось. Я вырос в православной русской семье, с обязательным соблюдением всех постов и таинств — догматичных, требующих слепого следования. А потом пришли Древние, и хотя в Харбине не случилось явлений воочию, адепты время от времени демонстрировали простоту, наглядность и эффективность поклонения Темным богам. Но меня лично больше всего поразило другое.

При всей своей неоспоримой реальности, Древние не пытались бороться за паству, безразличные к проблемам смертных, принимали в свои культы лишь тех, кто был усерден в стремлении. Большей частью, с медицинской точки

зрения, такие люди производили впечатление психически неустойчивых. Отбросов и изгоев.

Выходило так — человечество, получив доказательства существования богов, убедилось и в том, что богам до человечества дела нет. Вера сменилась констатацией факта.

Мои родители еще искренне ходили в церковь. У меня — уже не получалось.

— Можно жить и без этого, — попытался я объяснить старпому свою позицию.

— Можно, — не стал спорить Яков. — Но как надумаешь, не робей, приходи. В любое время. У нас тут кому хотят, тому и молятся. Любым культам и ересям. Прежний доктор, помнится, с этой книжкой не расставался.

Старпом покопался в стопке, вытащил самый обыкновенный псалтырь и сунул мне. Я машинально взял. Тотчас весь корабль словно пронзила судорога, загудели, лязгая, невидимые механизмы, палуба накренилась под ногами.

Пытаясь восстановить равновесие, я оперся рукой в бок торпедного аппарата. Игра воображения или нет, но я явственно ощутил, как сквозь толстую сталь ладонь обожгло холодом и нечто словно толкнуло, царапнуло меня изнутри. Я отдернул руку, потерял опору и навалился всем

телом на алтарь.

Яков поддержал меня за локоть:

— Оп! Маринка откровение приняла. На глубину уходим.

Корпус лодки дрожал и потрескивал словно скорлупа грецкого ореха, стиснутого в дверном косяке. Заложило уши; не знаю, прекратилась ли качка, но мое самочувствие только ухудшилось.

— Можно пройти в свою каюту? — с трудом выдавил я, будто это не переборки, а мои ребра трещали под прессом тысяч тонн воды.

— Свою каюту? — хохотнул старпом. — На лодке персональная каюта положена только командиру. Тебя ждет откидная койка в офицерском блоке — первом от носа, и это, скажу я тебе, отличное место. Команда располагается на корме, между дизельным отсеком, камбузом и центральным постом. Из-за постоянной толкотни и шума там вообще не продохнуть.

В тот момент я рад был и откидной койке, благо она оказалась сразу за шлюзом торпедного отсека. Отгородив себя занавеской от окружающего безумия, я впал в забытье.

Мне мерещилось, будто я, как библейский Иона, оказался в чреве Левиафана. Чудовище, тяжело дыша и скрежеща скелетом, медленно падало

в темную бездну. Я оскальзывался в зловонной жиже его багровых внутренностей — или еще пищевода, или уже кишечника, — барахтался, не в силах сдвинуться с места.

Но в какое-то мгновение перспектива изменилась — и уже не я внутри, а сама мерзкая тварь погрузилась в глубины моего сознания. Двигая когтистыми щупальцами, шевеля покрытыми бородавками плавниками, растущей карциномой начала превращать в кашу мой мозг.

Наверное, от боли я закричал.

И очнулся.

Сразу не понял, где оказался. Узкое пространство, залитое красно-коричневым светом, навеяло мысли о гробе. Пробил озноб. Я повел рукой, все еще сжимающей псалтырь, шевельнул занавеску и вздохнул с облегчением — лодка. Наполненная гулким поскрипыванием металла и затхлостью, немного перемежаемой какими-то химическими, ацетоновыми запахами и вонью солонины. Мысли о пище все еще были противны.

— Доктор, ты снова с нами? — Сопроводив возглас хлопком по плечу и заставив вздрогнуть, с нижней койки поднялся Яков. — Полегчало, нет? Капитан уже немножко interesse, — старпом весьма удачно спародировал акцент, — интере-

совался.

Меня сюда пригласили не для того, чтобы отлеживаться за шторкой — это я и сам понимал, — поэтому отложил псалтырь, спустился с койки и, бурча, заковылял вслед за старпомом.

— Он немец?

— Капитан? Голландец вроде. Но из прежней, немецкой команды, их на лодке всего двое осталось — он и гельминт.

— Кто-кто?

— Гельмут, наш механик.

— А остальные?

— Покинули, — отмахнулся Яков. — Кто где.

Странный факт — для подводной лодки.

— Я имел в виду — сейчас. Остальные — кто? Русские?

— Всякие. Но наших хватает. Странник раньше часто в Курилах плавал. Там много кого подобрали.

— И Марину?

Яков осекся, обернулся, посмотрел мне в глаза, словно пытаясь предугадать следующий вопрос:

— Нет. И не убивайся из-за девчонки. Так надо, доктор. Она иначе не может. А без ее откровений мы слепы, глухи и немы.

Откровения. Расспросить дальше я не успел

— Яков попросил поторопиться. В знакомом тупичке почти ничего не изменилось — ссутулившаяся у аппаратуры Марина теперь еще и сухо кашляла в мало похожую на носовой платок тряпку-ветошь. Кроме серых следов мазута на ветоши виднелись и пятна крови.

— Посмотрите, что с ней, — процедил Ван Страатен, не вставая с койки.

— Что угодно, — пробормотал я. — Пневмония или артериальное давление, а может — вы ей ребра сломали. Освободите место. Пожалуйста.

Капитан не спеша поднялся, демонстративно, как мне показалось, снял со стены портупею, повесил на пояс, извлек из кобуры «люгер», проверил магазин, вернул пистолет обратно и отошел в сторону. Я жестом попросил девушку пересесть на капитанскую кровать, потом снять рубашку. После каждой моей просьбы она, дожидаясь разрешения, озиралась на стоящего за моей спиной Страатена.

Худое, изможденное тело, едва наметившаяся грудь, следы побоев — в основном зажившие. При каждом касании трубкой стетоскопа девушка сжималась словно перед ударом, и я слышал, как тревожно начинает биться ее сердце.

— Похоже, бронхит, — подвел я промежуточ-

ный итог. — Кровотечение носовое. Кашель вызывает скачки внутричерепного давления, оно компенсируется разрывами капилляров — из-за этого течет кровь.

— И как это лечить?

— Бронхит? Обильным горячим питьем, желательно молоком с медом, и постельным режимом, — капитан только хмыкнул в ответ, — но это, боюсь, не все. Если кашель провоцирует разрывы капилляров, значит — в нормальном состоянии внутричерепное давление уже выше нормы. Вдобавок… мне очень не нравятся ее глаза.

Я пренебрег истиной. Глаза, почти всегда скрытые засаленной челкой, оказались под стать голосу. Не знаю, можно ли так охарактеризовать взгляд, но у Марины он был грустно-мелодичный. И эта мелодия проникала мне в душу, отгоняя тяжелые мысли, смягчая симптомы морской болезни.

Но как врачу, тем более — неврологу, ее глаза мне и в самом деле не нравились. Правый зрачок намного превышал размеры левого, причем на изменение освещения оба реагировали неадекватно. Я попросил девушку лечь. Простучал колени, запястья, локти — везде по правой

стороне наблюдалось повышение сухожильных рефлексов. Провел ногтями по ступням — тот же результат. Плохо. Я предложил перевернуться на живот и приспустить штаны. Марина снова посмотрела на Ван Страатена, пауза затянулась.

— Капитан, мне надо осмотреть ее позвоночник, — раздраженно бросил я через плечо.

Прошла еще минута, наконец он кивнул. Девушка, возбуждающе изогнувшись на койке, потянула пояс вниз. Под парусиновыми штанами никакой одежды больше не было. Почти всю правую — совпадение? — ягодицу занимала странная татуировка, выполненная, похоже, красными чернилами.

Формой она напоминала звезду Давида, но только отдаленно — шесть ее коротких лучей изгибались наподобие щупалец и оканчивались загнутыми когтями-крючьями. Внутреннее пространство фигуры заполнял узор из точек и волнистых линий, создающих иллюзию движения к центру. Рисунок затягивал внутрь, как вращающаяся спираль, и я задерживал на нем взгляд, пока капитан предупреждающе не кашлянул.

— Может, достаточно Massage… делать массаж? — уточнил Ван Страатен, когда я добрался

до основания шеи.

Похоже, он спешил.

— Это не массаж, капитан, у вашей девушки серьезные невралгические нарушения — я ищу причину.

— Заканчивайте. Вы сказали, как лечить кашель, — мы постараемся sich an das Rezept… слушаться этого рецепта.

Я бегло прощупал семь позвонков шейного отдела — картина подтверждала мои опасения.

— Капитан, вам следует прекратить истязания, иначе…

Марина сидела ко мне вполоборота — Странник не видел ее лица. Губы девушки немо пошевелились, и я сумел прочитать сорвавшиеся с них слова: «Не говори ему». А потом девушка повернулась к Ван Страатену:

— Быстрее, герр капитан.

Странник выругался по-немецки и подтолкнул меня к выходу, заторопился, пошел рядом, потом обогнал.

Присутствие капитана меня нервировало — молчание напрягало, но и разговаривать желания не было. Почти дойдя до моей койки, капитан вдруг замедлил шаг, рассматривая потолок и прислушиваясь, я не успел остановиться и толкнул

его в спину. Словно в ответ на это где-то сверху прозвучал удар, заставивший вздрогнуть весь корпус, а потом что-то, будто скрежеща когтями, процарапало лодку от носа до кормы. Я присел на корточки, и даже капитан, похоже, на мгновение втянул голову в плечи.

Впрочем, его замешательство длилось недолго — он почти бегом, насколько это возможно в узком проходе, бросился в торпедный отсек.

— Глубина, ее фокусы, — прокомментировал мой ошарашенный вид Яков.

Старпом так и лежал на нижней койке, задумчиво положив руки под голову.

— Но зачем так глубоко опускаться? — Я вытер выступившую на лбу испарину.

— Бездна — она как магнит. Чем глубже, тем больше Силы. И у нас с каждым разом все ниже получается.

— А обшивка выдержит?

— Обшивка… — Старпом накрыл ладонью правой руки сжатую в кулак левую: — Сверху — легкий корпус. Снизу — прочный. Внутри — мы. А знаешь, — Яков приподнял ладонь над кулаком, демонстрируя пространство между корпусами лодки, — знаешь, что посередине?

Я покачал головой — не знаю. Старпом резко

ударил кулаком в ладонь:

— Вот и я — не знаю. Но до сих пор — выдерживала. Да не боись, сейчас Странник договорится.

— Как договорится? — Вероятно, присутствие капитана в торпедном отсеке что-то означало. — Да что вы все вообще здесь делаете?

— Не «вы», — поправил меня старпом, — а «мы». Служим, конечно. Каждый делает свою работу. Как там Маринка — всю осмотрел?

— Да.

— Ну и как она?

Мне не хотелось обсуждать проблемы девушки с кем бы то ни было прежде, чем с капитаном, но Яков жестом, имитирующим поглаживание женской груди, обозначил вектор своего интереса:

— Для единственной самки на корабле — хороша?

Захотелось дать ему в морду, но я — сам толком не понимая зачем — спросил:

— Что значит ее татуировка?

— Татуировка? — не сразу понял старпом. — А, ты про Знак? Ба, да тебе позволили лицезреть потаенные области! Говорила мне мама — учись на фельдшера! Это был Знак Врат Сакката, доктор. Самое то место для входа в логово Червя.

И, заржав, Яков звонко хлопнул себя по яго-

дице.

Шум, раздающийся снаружи, начал постепенно стихать. Удары и скрежет сменились постукиванием и едва уловимым шелестом, потом остался только мерный гул моторов, передающийся всему корпусу лодки. Может, источник предыдущих звуков тоже не столь зловещ, как казалось, а все дело в акустических особенностях воды и невероятном внешнем давлении?

Старпом с видимым облегчением вздохнул:

— Теперь можно и перекусить. Пойдем, доктор?

Понятное дело — предложение не показалось мне заманчивым. Яков пообещал принести мне хотя бы чаю с лимоном и направился в сторону кормы, а я снова завалился на койку в надежде успокоиться. Вероятно, из-за морской болезни и обезвоживания, сознание оставалось спутанным. Или окружающее на самом деле балансирует на грани ирреальности, а встреченные члены команды — умопомешательства?

Я повертел перед глазами псалтырь — он валялся на скомканном одеяле, маня задолженными с детства ответами на все вопросы. Не похоже, что книгу часто читали: переплет был разношен только в одном месте, на двадцать первом псалме

— шелестя страницами, псалтырь раскрывался здесь сам.

Пророческая Песнь Страданий Давида, за тысячелетие предсказавшая мучения Иисуса. Она даже начинается с тех же слов, которые прозвучали с креста: «Боже, Боже мой, для чего оставил Ты меня?»

Воскресная школа не прошла для меня даром.

Синим химическим карандашом предшественник-врач, или кто-то иной подчеркнул стихи: «Аз же есмь червь, а не человек, поношение человеков и уничижение людей, яко ты еси исторгий мя из чрева, упование мое от сосцу матере моея».

И больше никаких пометок…

Лязгнув шлюзом, из торпедного блока выбрался, пошатываясь, Ван Страатен. Для лодки, с ее насквозь проходными отсеками, постоянное перемещение людей из стороны в сторону является нормой. Но меня отсутствие личной зоны раздражало. Неуютное сочетание: тесное, ограниченное пространство и невозможность уединиться, — наверное, это тоже должно накладывать определенный отпечаток на психику здесь присутствующих.

Да, к лодке надо привыкать.

Капитан выглядел хуже, чем обычно: еще более

бледный, с пустым, бессмысленным взглядом. Я тоже отвел глаза, сделал вид, что листаю псалтырь.

— Ищете, кому geben sich teuer… отдать себя задорого? Напрасно.

Странник говорил сквозь зубы, к тому же акцент, и я подумал, что ослышался:

— Что?

Капитан небрежно ткнул пальцем в обложку псалтыря:

— Бог facettenreichen… имеет много граней, доктор. Неважно — кому молиться, надо раскрыть разум… отдать душу. Тогда в любом писании найдется след всякой из его hypostasen… ипостасей. Или — за душу боязно?

В чем-то он прав. Наличие бессмертной души, учитывая доказанный факт существования богов, тоже сомнениям не подвергалось. И отдавать ее с потрохами, без оглядки, кому ни попадя теперь не очень хотелось. А у богов приветствовался натуральный обмен — как оказалось, благотворительностью они не промышляли. Так лучше ничего ни у кого не просить и остаться при своем. Философия.

Раньше Ван Страатен виделся мне иначе, но уставший и несвойственно для себя многослов-

ный, сейчас Странник не воспринимался таким неприступным, и я решился:

— Капитан, девушка, Марина… видимо, тут считают откровениями то, что она видит во время приступов…

Ван Страатен как-то задумчиво кивнул, и мне ничего не оставалось, как сбивчиво продолжать:

— …но это лишь воспаленный бред. Она больна, нарушено кровоснабжение мозга — шейный позвонок смещен вследствие травмы и передавливает артерии. Мозгу не хватает кислорода — у девушки предынсультное состояние…

Капитан не отвечал, но и не останавливал меня, и я шел вслед за ним, стараясь высказать за короткий промежуток как можно больше:

— …предынсультное! Даже то, в какой позе она сидит, ссутулившись, провоцирует ишемические атаки, вы же усугубляете ее положение истязаниями. В любой момент может случиться обширное поражение тканей мозга, понимаете? Она станет растением или…

Мой лепет прервал серебристый голос Марины, раздающийся из ее угла. Говорила она быстро, невнятно, но сами звуки завораживали.

Приступ! Я попытался обогнать капитана, но в узких проходах лодки это оказалось непросто.

Ван Страатен легко прижал меня — в глазах ни осталось ничего от недавней отрешенности:

— Уйдите прочь. Не надо вам слышать это go#ttlich gesang… божье пение. Я подумаю, что вы сказали.

И положил руку на кобуру. Дергаться расхотелось.

— Schneller! — поторопил капитан, а сам быстрыми шагами направился к посту акустика.

Марина сидела где обычно, только безвольно свесив руки и откинув вполоборота голову. Еще более бледная, с закатившимися глазами, посиневшими губами. Жалкая и страшная.

Я попятился, чувствуя себя предателем — и в отношении пациента, и своей профессии, — споткнулся, чуть не упал и побежал, цепляясь за какие-то стойки. За спиной журчащим ручьем изливался божественный речитатив Марины, время от времени становившийся понятным: можно было выделить числа и градусы похоже, обрывки координат.

Голова кружилась, с новой силой замутило. Нестерпимо хотелось позорно забиться в свой угол, закрыть глаза, заткнуть уши и вдыхать не носом, а ртом, как выброшенная на берег рыба… Потеряв ориентацию, я свернул к корме и вва-

лился в камбузный отсек.

Сидящий за столом Яков поднял голову и улыбнулся — в его бороде копошились белесые черви. Отчего-то это воспринялось почти нормальным.

— Решил, доктор, сам за чаем наведаться? — рассмеялся старпом.

Присмотревшись, я вздохнул с облегчением — червями почудились несколько запутавшихся в волосах тонких вермишелин. Но даже такое открытие не побудило желания почаевничать.

— Спасибо, нет. — Я попытался развернуться.

Не уверен, сильно ли качало лодку на глубине, — меня шатало ощутимо. К тому же ацетоновый запах, пропитавший всю лодку, здесь ощущался сильнее. Лучше передавалась вибрация дизельных моторов, сопровождающаяся металлическим перестуком. Как молотками по наковальням моих перепонок. Я сжал ладонями виски.

— Что там? — встрепенулся Яков, указывая в сторону центрального поста.

Наверное, я выглядел еще хуже, чем обычно.

— Марина…

— Поет? — Старпом захлопнул за мной дверь и вдобавок повернул рычаги кремальерных затворов. — Побудь-ка с нами, доктор, познакомься

с командой.

Я послушно уселся на лавку и осмотрелся по сторонам. Глаза уже привыкли к коричневатому полумраку лодки, и я без труда рассмотрел лица на противоположной стороне длинного стола: хмурые, неопрятно бородатые, бледные и отрешенные — команда соответствовала настроению, навеваемому их кораблем. Народу было не много, человек десять — стол явно рассчитывался на большее количество матросов. Кто-то жевал, кто-то перебрасывался в карты, пару человек безразлично мне кивнули. Представить мне команду поименно Яков не удосужился. Он подцепил из тарелки извивающийся комок макарон и продолжил начатую еще до моего прихода беседу:

— Через Панаму, иначе в Атлантический Анклав не успеем.

— Никто нас в каналь не пустить, — мрачно отозвался один из матросов. — Там есть шьльюзы…

Очень тяжелая, хриплая, с придыханием, речь. Искаженная к тому же акцентом и почти истеричными нотками. Вероятно, это второй член «немецкой», команды — механик Гельмут. Он и в самом деле оказался тощим и длинным как глист. Старпом, плотоядно хлюпнув, втянул в

себя вермишель и провел освободившейся вилкой в воздухе, словно подныривал, или пытался подцепить нечто на ее зубцы.

— Под. Сначала — личинку, за ней Странник сам пойдет.

— Насквозь? Это тебе не есть осеменять острова.

— Материк — тоже остров. Только большой. Оттрахаем. К тому же — всего Панама, лишь перешеек. Меньше сотни верст. Как Хальмахера — помнишь?

Что-то я и сам припоминал про этот малазийский остров с не очень благозвучным для русского, а оттого запоминающимся, названием. Что-то из газет, с крупными заголовками.

Механик покачал головой:

— Плыть под землю есть безумие…

— Оксюморон, — блеснул эрудицией Яков. — Когда-нибудь надо начинать.

— Нет, — выдохнул Гельмут. — Я больше не могу. Не могу слушать этот…

Он сбивчиво перешел на немецкий, болезненно закашлялся, обхватил, совсем как я недавно, руками голову и, не прекращая взволнованно болботать на своем, бросился в сторону моторного отсека. Остальные матросы безмолвно подались

в стороны, пропуская механика.

Яков снова принялся орудовать вилкой в тарелке, цыкнул зубом:

— Вот так и живем: один — с сиреной, второй — с мотором.

В ответ пару человек сдержанно хохотнули. Я решительно поднялся и пошел вслед за Гельмутом — очевидно, что механик был болен.

— Не спеши, доктор, — окликнул старпом, — там Гельминта и без тебя отпустит.

Но я не слушал. Странно, но как раз сейчас сам я чувствовал себя несколько легче.

Машинное отделение встретило меня дробным лязгом клапанов и басовитым рокотом. Два двигателя, расположенных вдоль бортов лодки, воспринимались адскими машинами. Все вокруг мельтешило и двигалось, не оставляя возможности сосредоточиться на деталях. Стекающее по механизмам масло в уже привычном для лодки недоосвещении больше походило на тягучую кровь, чем на смазку. Свободное пространство было опутано патрубками — впускные и выпускные коллекторы пульсировали в унисон тактам моторов, продавливая сквозь себя неведомое содержимое.

Патрубки — разные: длинные, короткие, тол-

стые, тонкие — выглядели инородными среди веющего жаром металла. Вспомнились слова Якова об «умении», лодки «дышать», на глубине — видимо, топливопроводы и система выпуска отработавших газов здесь кустарно переделывались. По крайней мере, материал имел сходство не с резиной, а с махрящейся, пропитанной жиром необработанной кожей, перемеженной гофрированными вставками то ли из коровьих глоток, то ли из осклизших противогазных шлангов.

Сочленения были выполнены неряшливо, даже безобразно; облепленные сочащейся наростообразной массой, они вызывали отвращение. Все вместе, в неровном освещении, создавало впечатление какого-то гротескно живого организма. Толстые жгуты этих «дышащих», артерий уходили в стенку кормовой переборки, а возле ее шлюза, баррикадируя проход, валялся матрац, нагруженный одеялами и скрюченным телом механика Гельмута. Хозяина этого места.

Я склонился над ним — механик пребывал в полуобморочном состоянии. Вокруг пахло немытым телом, и я не сразу понял, что резкий прокисший запах распространяется не от Гельмута. Дышалось вообще тяжело — атмосфере не

хватало кислорода.

Пока я осматривал механика, он не прекращал нашептывать что-то на немецком, разбавляя его русскими ругательствами. Я к словам не прислушивался — воспаленные веки, изъязвленные губы и гортань, одышка, влажные хрипы в легких говорили сами за себя. Мои глаза тоже начали слезиться, а в горле запершило.

— Вам надо уйти отсюда! — попытался я привести в чувство Гельмута, дал нашатырь, хоть в его случае он мог вызвать дополнительное раздражение слизистых. — Немедленно!

Он попытался сфокусироваться на мне:

— Найн! Здесь… тихо.

Вокруг лязгало и рокотало, и, чтобы понять Гельмута, приходилось напрягать слух — странное понимание тишины. Я потянул его за предплечье, но механик отдернул руку:

— Иди сам. Ты здесь — ради нее. Здесь все — ради нее. Ради суки. Будь проклят тот день, когда она пришла на зов Странника…

Он вновь закашлялся — булькающе, отхаркивая кровь и зеленоватую мокроту. Я попытался хотя бы отодвинуть Гельмута от двери — кислотный запах исходил именно оттуда, — но механик принялся отбиваться.

Оставлять его тут было нельзя — я бросился обратно в жилой отсек за помощью.

Обстановка там не изменилась — матросы продолжали расслабленно ничего не делать, но, быть может, выглядели при этом чуть более блаженными, чем раньше. И старпом наконец покончил с макаронами.

Вдохнув свежего по сравнению с моторным отделением воздуха, я и сам испытал подобие эйфории. Нужно было действовать.

— Яков, надо срочно вытаскивать механика!

Я встряхнул старпома, выводя из полудремы.

— Отстань, доктор. Здесь каждый на своем месте… согласно расписанию. Каждый делает своё дело.

— Какое, к чертям собачьим, дело? В дизельном отсеке — очаг химического поражения. Что там у вас за дальним шлюзом?

— Последний отсек. Раньше были электродвигатели и аккумуляторная. Только, доктор, не надо тебе туда.

— Почему?

— Нельзя. Туда никому нельзя. Сядь отдохни. — Яков расслабленно уронил руку на скамью.

Фрагменты картинки становились на свои места. Не знаю, что за секретную систему для ра-

боты дизельных двигателей под водой они здесь изобрели, но работала она явно не так, как надо. Вдобавок — необслуживаемые аккумуляторы. Только объяснять это Якову было бессмысленно. Быть может, хотя бы у капитана осталась толика здравого смысла? Хотя бы толика!

Я дернул рукояти затворов, открыл шлюз и, не обращая внимания на предостерегающий возглас старпома, бросился в командный отсек. Казалось, свет ударил мне в глаза, адреналин придал сил — видимо, качка действительно прекратилась, и морская болезнь отпустила окончательно. Если бы мне сказали, что у меня за спиной выросли крылья, я бы не удивился.

Марина пела. Как вода кристального родника, срывающаяся с горного пика. Как бриз над пенящимися верхушками волн. Как листва пальм на берегах лазурных лагун. Но едва уловимое пение прерывалось ритмичными звуками ударов.

Ван Страатен хлестал девушку портупеей — монотонно и размеренно, словно колол дрова. Я развернул его на себя:

— Капитан, прекратите! Она больной человек, я вам уже объяснял! Еще один больной — в моторном отсеке! Гельмут, у него отек легких, отравление парами аккумуляторной кислоты.

Это только начало. Кашель Марины, скорее всего, по этой же причине. И это не самое страшное — главную опасность представляет выхлопная система наших дизелей. Как врач заявляю — корабль интоксицирован! Немедленное всплытие, проветривание отсеков, очистка электродвигательного отделения…

Марина за спиной капитана всхлипнула.

— Уйдите прочь, — спокойно ответил Ван Страатен, — вон отсюда, — и толкнул меня в грудь.

Я запнулся — в этой лодке постоянно за что-то цепляешься, — задел на столе какие-то железки и упал навзничь, а капитан снова занес ремень над девушкой. Пелена окончательно спала с глаз — передо мной обычный маньяк, капитан отравленной команды. Еще один больной, подавивший своей волей кучку несчастных. Я с удивлением обнаружил возле своей ладони кобуру — вероятно, Ван Страатен, прежде чем начать истязания, снял ее с портупеи и положил на стол, а я сгреб, падая. Капитан, или сама Судьба, не оставлял мне выбора.

Не задумываясь, что могу попасть в Марину, я выхватил «люгер», и трижды выстрелил в ее мучителя. В пространстве лодки выстрелы прозвучали подобно взрывам вселенных.

Никогда до этого не убивал людей. Оказывается — это просто. Я отбросил пистолет и подошел к Марине. Широко раскрытые глаза, приоткрытый рот, прижатые к груди ладони. Она больше не пела, только как затравленный зверек смотрела на меня снизу вверх. Какая же она маленькая и хрупкая. Я обнял девушку, прижал к себе, погладил по волосам:

— Все, Марина, все.

Она облегченно выдохнула, положила ладони мне на плечи. Я вдруг почувствовал себя героем приключенческих романов Рафаэля Саббатини — повергнувший злодея капитана, на палубе захваченного корабля, сжимающий в объятиях спасенную красавицу.

Звякнула цепочка, сковывавшая лодыжку девушки. Марина прижала колено к моей поясничке, подтянулась, наши лица оказались на одной линии. Ее глаза — один зрачок больше, другой меньше — запульсировали перед моими глазами.

— Марина…

Я не понял, как соскользнули мои брюки, — тело девушки обжигало, словно она была солнцем, единственным ярким источником в унылом, мрачном тоннеле лодки. И я вошел, отдавая Ма-

рине всего себя.

Левиафан плывет во тьме, преисполненный немигающих глаз.

Матово поблескивает бугристая, будто пораженная опухолью кожа.

Лениво шевелятся щупальца, беспорядочно вырастающие из плоти.

И стальным горбом на его спине вздымается боевая рубка с выдвинутыми трубами перископов.

И едва вращаются покрытые ракушками гребные винты.

И трубки, многочисленные провода и капельницы тянутся к моему сердцу, к моему мозгу, к моему члену.

А Левиафан погружается, следует к одному ему известной цели.

К абсолютно черному, еще более непроницаемому, чем тьма вокруг, зеву пещеры.

И проникает, как бахромящийся фаллос, в ее разверстое нутро…

Напуганный неожиданными видениями, я попытался отстраниться, но Марина плотно охватила меня ногами, прижала к себе, выдавливая, в этом молниеносном совокуплении, до последней капли.

Потом она рассмеялась.

Звонко, радостно, торжествующе. Я попятился, как сопливый мальчишка, путаясь в своих портках. Будто она смеялась надо мной. По крайней мере, сам я испытал смятение. Марина откинулась на своем стуле, и теперь трудно было понять — смеется она все еще или уже плачет. А я все смотрел на цепь вокруг щиколотки, зачем-то прикидывая ее длину, и пятился, пятился, пятился… уперся спиной в одну перегородку, повернул, уперся в другую.

Бравый победитель ретировался с поля битвы, поджав хвост, словно только что изведал величайшее в своей судьбе поражение.

На этот раз я не ошибся с направлением — свернул к торпедному отсеку, и через мгновение уже стоял у алтаря. Яков говорил — если что, приходи, здесь слышат любые молитвы.

А мне очень хотелось молиться.

Только правильные слова не шли на ум.

Как бы понадобился сейчас псалтырь, валяющийся у меня на койке.

Но уйти было страшно, банально страшно — невероятным образом алтарь, ржавый стальной лист с наваренными по периметру гильзами, вселял спокойствие. Я вспомнил про стопку книг и наклонился, выискивая среди корешков знако-

мые названия.

Если богам не нужны люди, это не значит, что людям нет нужды в богах?

А мне необходимо просто расслабиться, прийти в себя и начать спасать лодку. Одно или два добрых слова. К сожалению, перечень христианской литературы в подалтарной «библиотеке», ограничивался моим, отсутствующим теперь, псалтырем. Из знакомых Писаний мне встретился только Коран — все остальные книги, в новых обложках, относились к более древним культам.

Ну что ж, Коран тоже источник духовной мудрости, я открыл его наугад в поисках успокоения. А он открылся там, где открылся.

Знакомый синий химический карандаш — говорят, линии, нанесенные им, невозможно смыть водой. Очень актуально для подводников. Сура семьдесят пять, Аль-Кийяма, «Воскрешение». Ее стихи тоже заинтересовали моего предшественника?

Как человек, что источился каплей спермы

И стал затем червеобразной тварью,

Из коей Господь мог и сотворить и соразмерить,

Его — по образу в подобии своем…

Я захлопнул книгу — при желании, в любом Писании можно найти все, что угодно. Особенно если задаться целью убедить себя, что какая-то нечеловеческая грань Бога пытается обратить нас в первозданное состояние и перетворить по своим меркам.

Позади меня лязгнул шлюз, я не стал оборачиваться — по звукам было слышно, что там больше чем один человек. Вдобавок — кого-то волочили.

— Доктор, ты исхитрился все испортить.

— Яков, я понимаю, что убийство капитана — плохое решение. Но так получилось. На лодке не все ладно. Надо всплывать.

Старпом вздохнул:

— Не все ладно? Думаешь, это можно объяснить простыми словами?

— Да. Система выпуска отработанных газов работает не так, как хотелось бы. У нас всех легкая степень отравления оксидом углерода, угарным газом. Отсюда воздействие на психику, массовые галлюцинации, бредовые идеи. Аккумуляторы в электродвигательном отсеке повреждены. Там утечка серной кислоты. Дайте команду на всплытие. Срочно.

— Нет никакой утечки. Я бы отвел тебя в по-

следний отсек, доктор. Но это ничего не изменит. И всплыть не так легко, как тебе кажется. Только девка может ладить со Странником. И только Ван мог ладить с девкой…

Я полуобернулся, не убирая руки с алтаря. Кроме Якова здесь оказались еще трое матросов. И труп капитана у их ног.

— Разве Ван Страатен не Странник?

— Нет, конечно. Странник — это то, чем стала лодка после Экспедиции. Той самой, арктической. В тридцать девятом году. Она была в конвое.

— Что вы с ним размусоливаете, господин старший помощник? — рыкнул один из провожатых Якова. — Отрежем ему яйца — и пускай сам управляется с этой сучкой!

— Если бы все было так просто… — В словах старпома зазвучал металл, которого я не слышал прежде. — А, доктор… сможешь сам себя оскопить? Ван когда-то смог. Но он знал, на что идет. К тому же… ты ведь не удержался, да?

Поняв, о чем он, я кивнул.

— Если бы ты додумался сделать это сзади — все еще можно было изменить. Не додумался?

Я молчал.

— Понравилось хоть?

— Нет…

По знаку старпома матросы подтащили труп Ван Страатена к торпедному аппарату, открыли люк и начали заталкивать тело в трубу.

— Это девка в тебя кончила, доктор, а не ты в нее.

Обмякшее тело капитана никак не поддавалось — матросы беззлобно поругивались.

— Хочешь сказать, она не человек?

— Ты сам ее осматривал. Я не доктор. Человек, наверное. Или сирена. Или глубинная полукровка. Разве это теперь важно?

Наконец Ван Страатен оказался внутри аппарата — как в топке крематория. Яков вздохнул:

— Твоя очередь, доктор.

Я пытался сопротивляться, но матросы несколько раз двинули меня по ребрам, оторвали от алтаря и скрутили руки. Запихивая рядом с капитаном, приложили головой о стенку трубы.

— Ничего личного — мало кто захотел бы быть рядом, когда ты начнешь меняться. На первое время у тебя будет что пожирать, — старпом кивнул на труп, к которому я был прижат в трубе. — А мы попытаемся договориться с Гельминтом. Рассказывали, что, пока не было сучки, он худобедно находил общий язык со Странником.

Я что-то кричал, требуя воззвать к разуму, но

меня никто не слушал. Закрывая люк, один из матросов усмехнулся — мол, теперь два доктора рядом, как в аптечке. И я вспомнил, как обожгло меня касание соседнего торпедного аппарата. Кажется, это случилось целую жизнь назад.

— Все там будем, — отрезал Яков.

Свет померк. Остался только скрип закручивающихся винтов. И что-то слабо мерцало в изголовье. Я повернул голову, изгибаясь как червь, — на внешнем шлюзе аппарата, словно нарисованная кровью, манила внутрь себя извивающаяся звезда Саккарта.

Хальмахера. Я вспомнил, что писали в газетных передовицах, о том, как неведомые твари являются из-под земли и сама почва начинает родить нечто невообразимое. А сколько подобных безымянных, никому не известных островов в Курильской гряде, осемененных новой жизнью?

Господи, как я хочу на землю. На Твердь. Пережевывать питательный грунт Панамского перешейка. Пусть так.

Мои руки были связаны за спиной, и я мог только скрести ногтями по стальному корпусу аппарата.

Боже, Боже мой, зачем оставил Ты меня?

Или нет?!

Йайн, темные Владыки Саккарта, Йайн!

* * *

Мои соотечественники: эмигранты, политические и религиозные беженцы — не оставляют меня вниманием. Весточки с Родины, из ее переломного прошлого и темного настоящего, приходят регулярно.

Пишут городские жители и новая сельская интеллигенция, профессура, школьные учителя, потерявшие ориентиры, потому что учебная программа вдруг разом устарела, и священники-растриги, которым стало некого окормлять. Краскомы революционной армии, присягнувшие новым владыкам, получили за свою изменчивую верность земельные наделы, но и в отставке продолжают мучиться правильностью выбора.

Но вот солдаты не писали никогда. Возможно, просто не знали обо мне или не хотели делиться сокровенным. Именно по ним, по их душам прошла линия водораздела, когда идеология трижды менялась прямо у них на глазах. И последняя, вместе со словом и страхом, весьма наглядно смогла показать, что будет с отступниками и предателями. И даже повседневные дела новых хозяев лемехом гигантского плуга перепахивали

тысячи жизней и судеб. И не всегда смерть оказывалась наихудшим выбором.

Бойцы не писали скромному исследователю в Мискатоник, но все же у меня есть одно письмо о солдате. Интересно было бы узнать, кто его автор: поздний ли исследователь-фольклорист или просто путешественник, наткнувшийся на вымершую деревню. Слишком складный слог для простых крестьян, да и, скорее всего, давно уже не осталось свидетелей правды о том солдате, пришедшем с незнаменитой снежной войны.

Станислав Данилов
Лампа безумного араба

2010

Ходили предания, что эта лампа была извлечена из аравийской гробницы, воздвигнутой еще на заре истории. Некогда она принадлежала какому-то полусумасшедшему арабу, известному под именем Абдул Аль-Хазред, и была изготовлена мастерами легендарного племени Ад, одного из четырех таинственных племен Аравии, обитавшего на юге полуострова. Потом лампу

обнаружили в заброшенном городе Ирем, Городе Столбов, возведенном Шедадом, последним из деспотов Ада. Некоторые знают его как Безымянный город, находившийся где-то в районе Хадрамаута. Другие же считают, что он был погребен вечно движущимися песками аравийских пустынь, и, невидимый обычным глазом, иногда случайно открывается взору избранных людей.

Лампа имела необычную форму, напоминая по виду небольшой продолговатый горшок, с одной стороны к которому была прикреплена ручка, а с другой находилось отверстие для фитиля. Лампа была изготовлена из сплава металлов, отливавших золотым блеском, и украшена множеством забавных рисунков, а также букв и знаков, складывавшихся в слова на незнакомом языке. С виду она не таила в себе ничего зловещего, однако оказалась причастна к жуткому происшествию, произошедшем с одним из известных людей Аркхэма. Официально это убийство (хотя многие считали и считают до сих пор его самоубийством) так и не было раскрыто, однако мне, инспектору Джону Леграссу, удалось узнать довольно много о сути происшедшего с известным коллекционером разных оккультных и древних рукописей Теодором Смитом, чье тело было обнаружено

в его особняке утром 13 апреля 1938 года. К сожалению, предоставленные мною материалы, полученные в ходе следствия, совершенно не удовлетворили мое руководство, по причине содержания в них довольно большого количества вещей отличных от обыденного взгляда на события повседневности. Некоторые моменты были настолько фантастичны и неправдоподобны на первый взгляд, что не соответствовали даже в малой степени всей совокупности человеческих знаний об окружающем нас мире, измерениях и временных пространствах.

Именно это и подвигло меня взяться за эту рукопись, питаясь слабой надеждой на то, что кому-нибудь все-таки захочется проникнуть в эту зловещую тайну. Тем более что дело это до сих пор не закрыто за отсутствием поимки потенциального преступника.

Обнаженное тело покойного миллионера Теодора Смита, одного из самых известных оккультистов на американском континенте, было обнаружено в его личном особняке, располагавшемся на окраине города Аркхэма, на полу в комнате, в центре начерченной пентаграммы, окруженной загадочными символами. Вид покойника был ужасен. Многие кости были

переломаны, как будто тело упало с головокружительной высоты, а кожа во многих местах была стерта каким-то белым песком, частицы которого остались на ссадинах покойного. Вскрытие показало, что у трупа не хватало части внутренностей, удаленных каким-то жутким способом через пищевод, и ротовую полость, которые были чем-то обожжены почти по всей поверхности. Сходным образом были удалены глаза и часть мозга, явив обожженные пустые глазницы обнаружившим труп почтальону и двум полицейским.

Почтальон как обычно принес почту рано утром. Оставив корреспонденцию у двери, он уже собрался было уходить, как вдруг он почувствовал странный запах. Запах был настолько резкий и необычный, что заставил почтальона поперхнуться и в нерешительности осмотреть дом снаружи. Он заметил, что слуховое окно на чердаке разбито и из него струится что-то вроде слабой дымки. Дверь дома оказалась заперта снаружи, что, впрочем, было неудивительно, учитывая ранний час. Однако почтальон вызвал полицейских, опасаясь того, что в доме произошла утечка газа, ибо резкий запах, доносившийся из дома, его не на шутку встревожил. Полицейским никто не открыл, а когда стражи порядка

взломали дверь, они были буквально сбиты с ног волной такого отвратительного смрада, что вынуждены были отпрянуть на улицу и отдышаться. Когда в дом проникло уже достаточно воздуха, люди вошли внутрь и начали подниматься по винтовой лестнице на второй этаж, по имени окликая хозяина. Ответа не последовало. Зайдя в комнату на втором этаже, одновременно служившей и чуланом, и судя по всему, местом проведения зловещих ритуалов Смита, полицейские и почтальон увидели обнаженного хозяина дома лежащим на полу, уставившимся обожженными глазницами в гнилой потолок чердака.

Я прибыл на место происшествия незамедлительно. Осмотр дома только прибавил несколько загадок к этому и так довольно непростому делу. Убийство было совершено между полуночью и четырьмя часами утра, так как незадолго до наступления полуночи Смита видели стоящего около своего дома и неподвижно смотрящего в звездное небо. Сосед, совершавший утреннюю пробежку, в пять часов утра, неподалеку от дома, заметил, что слуховое окно было то ли распахнуто, то ли разбито уже к тому времени. Ему показалось, что он чувствует слабый неприятный запах со стороны дома. Но зная причудливые склонно-

сти Смита, не заподозрил ничего плохого. Следы посторонних людей в самом доме совершенно отсутствовали, дверь была заперта изнутри, по-видимому, самим хозяином. Единственная улика того, что в доме побывал, возможно, кто-то еще — разбитое окно на чердаке. Однако его осмотр показал только, что стекло лопнуло от какого-то давления изнутри чердака. Больше всего поражал удушливый, резкий, неприятный запах в доме. Рядом с телом в каком-то магическом круге стояла еще слегка дымящаяся старинная лампа. Однако мне стало понятно, что не она основной источник зловония. Какие бы экзотические вещества не сжигали в ней, источник резкого запаха должен иметь совсем иное происхождение и… я бы сказал габариты… Было такое ощущение, что в доме побывало что-то громадное, одушевленное или нет, но оставившее после себя такой резкий запах, которым успели пропитаться все внутренности дома. Так же было непонятно наличие мельчайшего странного белого песка в ранах покойного. Судя по ссадинам, Смита должны были длительное время волочить по какой-то песочной поверхности. Однако, ни на лестнице, ни даже на самом чердаке, равно как и в любом другом месте дома частицы песка отсутствовали

напрочь.

Также я подверг осмотру личный кабинет Теодора Смита. Книжные полки были уставлены самыми разными книгами и фолиантами по оккультизму. Мне и раньше приходилось иметь дело с преступлениями, имевшими оккультную подоплеку, поэтому я не без содрогания узнал в этих книгах — зловещий том «De Vermis Mysteriis», Людвига Принна, ужасное сочинение графа д'Эрлетта «Cultes des Ghoules», проклятая книга фон Юнтца, «Unaussprechlichen Kulten», и конечно чудовищный, переплетенный в человеческую кожу, «Некрономикон», безумного араба Аль-Хазреда. Тогда еще я не знал, насколько уникальны эти книги и какой силой обладают, впрочем, как не понимал и редкости некоторых фрагментарных отрывков: жуткой «Книги Эйбона», пропитанных ужасом «Пнакотических Рукописей», грозного «Текста Р'лайха». На столе помимо всего прочего, были обнаружены на отдельных листах записи самого Смита, имевших отрывочный характер. Я внимательно ознакомился с записями, которые собственно и дали ключ к разгадке. Записи этого странного человека, как было отмечено выше, носили отрывочный характер, но некоторый смысл в них все же можно было уловить. Состоя-

ли они из четырех фрагментов. Привожу их текст полностью. Вот первый из них:

> «… говорили, что с помощью нее можно найти вход в Семь Надземных Сфер, которые были известны халдеям и древним расам, поклонявшимся богам в забытых храмах Ура… Сферы эти управляются небесными духами, и когда жрец будет совершать свой путь через земли, за которыми лежат Пустоши Внешнего Мира, ему следует оставить Наблюдателя охранять его тело и имущество, иначе его могут убить, пока он будет не в силах защититься, и душе его придется вечно блуждать в темных просторах среди Звезд, если ее не пожрут чудовищные ИГИГИ, обитающие за пределами Сфер…»

Следующий отрывок был еще менее вразумительным, чем первый:

> «… ночь Прохождения Врат, которая должна быть приурочена к 13 ночи Луны… должен призывать также Трех Великих Старших Богов — АНУ, ЭНЛИЛЯ и ЭНКИ, используя правильные обращения

к ним. Число АНУ — 60, Число совершенства, ибо Он есть Отец Небес. Число ЭНЛИЛЯ, Отца Ветра, — 50. А число ЭНКИ — 40, самое возвышенное из Чисел, и он — Отец Всех, кто осмеливается ступать на давно забытые тропы и отправляться в странствия по неведомым землям, среди Пустошей и ужасных чудовищ Азонея… должен приблизиться к Вратам с благоговением и трепетом….»

Третий фрагмент содержал более осмысленную информацию, по сравнению с ритуальными причитаниями двух предыдущих:

«… зажег Свет и увидел пустыню… видел Первые Врата НАННЫ, называемого также СИН… Третьи Врата ИШТАР… Седьмые Врата НИНИБА, называемого также АДАР… пески и холмы в формах, искаженных и мучительных для глаза и разума… В глубинных Долинах Мертвых, обитают полчища Древних, и каждый день они порождают столько новых тварей, сколько не в силах представить себе разум человека, и таких ужасных, что вид их невозможно перенести… Огромный алтарь из

громадных камней, покрытый жуткими узорами, возвышался надо мной, с его вершины доносились страшные звуки и пронзительные крики, принадлежали ли они человеку сказать трудно…»

Четвертый отрывок был последним и, пожалуй, самым содержательным:

«… я увидел, Его! Несколько двуногих существ, закутанных в чёрные платки и балахоны, наподобие арабов, втащили меня по огромной каменной лестнице на вершину алтаря и бросили на пол… Вряд ли эти существа были людьми… Такие ужасные глаза без зрачков… И вообще, глаза ли это? С широкой площадки алтаря, открывалась мрачная панорама… Недалеко от алтаря виднелся циклопический город, с колоннами и зданиями, имевшими неправильную геометрию… Очень странные углы! Алтарь и этот город-призрак окружала бескрайняя пустыня, освещаемая семью черными солнцами. Около алтаря возвышается гора, с крайне странными выпуклостями, создававшими иллюзию живого исполинского

тела. Рядом раздался чей-то стон… Я заметил чей-то силуэт, лежавший недалеко от меня. Судя по всему существо, было связано, так же как и я. Я хотел было подползти поближе, но испугался странных очертаний головы, связанного пленника. На его голове, шевелились несколько щупалец, исходивших из того места, где должен был располагаться рот… Неожиданно, я услышал громкий звук, и обернулся. Гора шевелилась! Теперь она нависала над алтарем, я всей плотью почувствовал дыхание адского чудовища! Тяжкие удары начали сотрясать землю и пьедестал алтаря. Огромная волна черной протоплазмы захлестнула алтарь. Сверху на алтарь упало что-то похожее на связку бревен… Живых бревен, которые извивались! Огромные щупальца твари извиваясь, подползли к связанному существу. Из их присосок появились более тонкие щупальца, увенчанные ядовитыми ртами. В мгновение ока вытянувшись, они впились в глаза и рот безобразного пленника, постепенно погружаясь в него. Несчастный задергался, не в состоянии

даже вскрикнуть. И в этот момент я увидел гигантский глаз. Появившись в этой глыбе черной протоплазмы, он казался глубоко запавшим и был красноватого цвета. Он стал постепенно сужаться, и невидимая глотка Древнего Бога потрясла окрестности ревом… Убитое чудовищным образом существо лежало без движения, сильно изменив формы тела, из которого была высосана жизнь прямо на моих глазах… Щупальца двинулись ко мне… Что-то похожее наверно будет сейчас и со мной… Слава богу, лампа прогорела! Весь этот адский мираж исчез…»

Когда я обнаружил и прочитал эти отрывки, мне стало ясно, что коллекционер стал жертвой галлюцинаций. Они, в свою очередь были, очевидно, вызваны вдыханием продуктов сгорания веществ, сжигаемых в лампе. На это прямо указывали и последние слова в четвертом фрагменте, ставшем своего рода предсмертной запиской. Единственное что не объясняли записи, это причину гибели Смита.

Как это и ожидалось следствие зашло в тупик. Было объявлено, что Смит стал жертвой

неизвестного маньяка. А от меня потребовали быстрого окончания этого затянувшегося дела. Мне и самому не терпелось отыскать ключ к этому загадочному и от этого не менее зловещему делу. Господи, если бы я тогда знал, чем это закончится!

В доме обстановка не выявила следов постороннего, ибо сначала я предположил, что Смит с кем-то вместе устраивал свои колдовские ритуалы. Впечатление было такое, что все личные вещи хозяина с минуты на минуту ждали его возвращения, не подозревая о том, что какая-то сила извне сделала невозможным его возвращение. Сила извне… Тогда это выражение случайно пришло в мою голову… Но я отвлекся, буду излагать все по порядку.

Взявшись за это дело, я оказался в полнейшем тупике. Специалисты из медицинской экспертизы оказались в тупике по поводу состава возможной жидкости, которая вызвала ожоги на теле Смита. Она не походила ни на одну из известных кислот. Обнаруженный же песок в ранах миллионера был похож на песок из аравийской пустыни, однако имел более сложную структуру. Меня, впрочем, больше интересовало, как он вообще попал в особняк Смита. И после двух недель

глубоких размышлений, построений различных гипотез, показавших всю бесплодность моих усилий, я решился на один эксперимент. Собственно, тогда это был единственный шанс, хоть как-то приблизится к разгадке преступления. Я решил пойти по пути Теодора Смита и зажечь старинную лампу. Лампа была изъята как одна из улик по этому делу и подверглась осмотру, также мало что прояснившем. Металл, из которого была сделана лампа, был сплавом золота с неизвестным науке металлом неподдающимся идентификации. Узоры, вырезанные на лампе и изображавшие неведомых существ, говорили о незапамятных временах, когда человечество едва ли существовало, и я задумался — только ли человеческие руки ее держали, и тем более изготовляли? Анализ порошка взятого из лампы показал, что в лампе сжигалось сильнейшее наркотическое и галлюциногенное средство, которое было довольно широко распространено среди народов Ближнего Востока и Аравии. Это и убедило меня в подозрении, что покойный Смит в момент трагедии мог находиться в плену сильнейшего наркотического опьянения.

В одну из безлунных ночей, взяв ключи от дома Смита и лампу, я направился к зловещему

особняку. Отбросив предрассудки, я открыл дом и поднялся в кабинет. Половицы скрипели под ногами, в помещении была затхлая атмосфера, казалось, книги на полках слабо фосфоресцируют, но когда я включил свет, эта иллюзия исчезла. Я сел в кресло и еще раз осмотрел лампу. Она была приятно теплой, и даже вызывала чувство желания ее поскорее зажечь. Пламя вспыхнуло, и фитиль загорелся. Отключив электричество, я стал наблюдать за довольно ярким свечением лампы. Когда пламя начало подрагивать, на стенах начали появляться причудливые тени. Я стал внимательно их рассматривать. Темнота сгустилась вокруг меня, в воздухе появился специфический запах от сгорания в лампе остатков наркотического зелья. Первая волна удушья накатила на меня. Я бросил взгляд на окно и пожалел, что не открыл его. Тело внезапно отяжелело, руки с трудом двигались, дыхание стало затрудненным, темнота сгущалась все сильнее. И мне уже показалось, что черный джинн, какой-то аморфный демон выполз из лампы и тянет ко мне свои чёрные лапы; казалось, что я чувствую его касания…. Невероятным усилием я протянул руку, схватил лампу и бросил ее в окно. Стекло разбилось, и в комнату ворвалась ночная прохлада.

Мне почудилось, что когда лампа вылетала через разбитое стекло, чей-то сдавленный рев раздался и через секунду замолк, так и не набрав высокой ноты. Чудовищные тени в комнате мгновенно исчезли. Наступило облегчение, отяжелевшее еще минуту назад тело, вновь наполнялось силой.

Я отдышался и стал размышлять. Несомненно, сжигание определенных веществ в лампе вызывало галлюцинации, в этом сомнений не осталось. Правда, я не мог отличить реальное от привидевшегося. Например, те страшные тени? Действительно ли они появились только после того как я зажег лампу? И почему вдруг темнота стала такой осязаемой, только ли от того что я вдруг ослабел?

Закрыв разбитое окно ставнями, подобрав лампу, валявшуюся под окном, и тускло мерцавшую при свете бледной луны, я запер дом на ключ и отправился домой. В квартире на меня навалилась усталость, и я лег на кровать, даже не раздевшись. Действие наркотика оказалось даже более сильным, и я провалился в тяжелое забытье.

Мне снилась бесконечная пустыня. Дул горячий сильный ветер с порывами песка, пытающихся снять с меня скальп. Я шел, утопая по колено в горячем песочном месиве. Шаги понемногу

замедлялись, так как ноги постепенно увязали, сантиметр за сантиметром. В горячем небе, освещенном семью черными солнцами, парили адские создания нимало не напоминающие птиц. Внезапно провалившись в песок по пояс, я начал лихорадочно дергаться, пытаясь с помощью рук выбраться из горячей трясины. Я начал проваливать глубже, песок начал засыпать меня, но вдруг ноги наткнулись, на что-то твердое. И это Что-то вдруг зашевелилось и двинулось вместе со мной вверх!..

Я проснулся. Во рту горело, лампа стояла рядом на столе, зловеще поблескивая в лучах восходящего солнца, бивших в окно. Глотнув воды, я задумался. В голову пришла навязчивая мысль еще раз зажечь лампу. С трудом поборов в себе это желание, я опять лег на кровать. Затем решил перечитать записки Смита еще раз. Где-то в них должен быть ключ к происшедшему. «Ночь Прохождения Врат, которая должна быть приурочена к 13 ночи Луны…», — не значит ли это, что лампу Смит зажигал в тринадцатую ночь месяца? После этих мыслей я уже был твердо уверен, что зажгу лампу еще раз.

Когда наступил вечер 12 мая, я спешным шагом направился к особняку Смита, сжимая в руках

лампу безумного араба. Начальник городского управления полиции требовал от меня результатов расследования, которое уже и без того затянулось. Я пообещал предоставить результаты к утру.

Было уже часов девять вечера и до полуночи надо было успеть приготовиться. Но приготовиться к чему? Этого я не знал, но вряд ли меня ждало что-то хорошее, учитывая предыдущий эксперимент с лампой. Все вокруг особняка было зловещим. Ветер, шумевший в деревьях, оживлял их и делал похожими на корявых великанов, тянувшихся ветками-руками ко мне; сам особняк был похож на присевшее чудовище, готовое в любую минуту броситься на меня; луна напоминала бледный подвешенный в небе кусок гниющей плоти. Изредка выходя из-за туч, она освещала окрестности мертвенным светом, и в такие моменты становилось еще более жутко. Отовсюду слышались посторонние шорохи, и я был рад, что наконец-то дошел до входной двери особняка.

Внутри дома было не так страшно, здесь царила тишина. Я сразу же включил свет, осмотрелся и начал взбираться на второй этаж. Я зашел в библиотеку Смита и окинул взглядом книжные полки. Почти сразу же мой взгляд наткнулся

на полуистлевший переплет хорошо знакомого зловещего тома. Я взял «Некрономикон», в чудовищном переплете, и пошел к чердаку. Лестница надсадно скрипела. Мое дыхание резко участилось, когда дверь на чердак внезапно открылась. От неожиданности я чуть было не выпустил книгу и лампу из рук. Я насторожился, но дверь лишь слегка покачивалась, как от сквозняка, вполне обычного для чердачных помещений. Она как бы приглашала меня зайти внутрь. Сделав пару шагов, я понял, что повода для опасений нет, и зашел на чердак.

С момента убийства здесь мало что изменилось. На полу белели загадочные символы, виднелись многочисленные следы ног, оставшихся от криминалистов. Вонь почти выветрилась, но смутное ощущение присутствия чего-то чуждого осталось. Свои действия я делал наугад, смутно представляя к чему это должно привести. Я поставил лампу в тот круг, в котором она стояла, положил «Некрономикон», на стул и выглянул в окно. Изуродованный глаз луны молча взирал на меня с небес. С луной на меня попеременно выглядывала из-за туч какая-то красная звезда. Поднялся ветер, но закрывать разбитое окно ставней я не стал, памятуя об удушливой атмосфере,

возникающей во время горения лампы.

Я посмотрел на часы, была половина двенадцатого ночи. Можно было поджигать лампу и ждать. Ждать неизвестного. Фитиль на этот раз засветился более тускло. Очевидно, топлива в лампе оставалось не так уж и много. Я придвинул стул поближе к лампе, раскрыл «Некрономикон», и стал читать, усевшись на ветхий стул. Через открытое окно меня обдувал свежий ночной ветер, и опасений задохнуться, как в прошлый раз уже не было. Мой взгляд медленно пополз по страницам страшной книги:

«О Древних было сказано, что Они ждут за вратами. И эти Врата есть во всех местах во все времена, поскольку им чуждо понятие времени и пространства — Они существуют, не проявляясь, и Пребывающие извне способны приобретать разные Формы и Свойства, давая обличье Вратам. Все они похожи на детей Старших Богов, но Великая Раса Йита и Древние не обрели согласия между собой и Старшими Богами — Древние завладели Землей, однако же Великая Раса Йита еще будет править в иных временах, в будущем, не

ведомом ныне живущим…»

Я оторвал глаза от книги. Прочитанное в книге не говорило мне решительно ничего. Лампа уже начала чадить, но вонь была довольно терпимой. В помещение постоянно поступал свежий воздух с улицы, и опасаться было нечего. Мне показалось, что на чердаке раздаются какие-то звуки, но, видимо, они были всего лишь игрой воображения. Я наугад пролистал несколько страниц и наткнулся на небольшую закладку в книге. Судя по всему, ее заложил Смит. Закладка была сделана из какого-то эластичного, высохшего, явно органического материала и я не решился предполагать, что это была за материя и кому она могла принадлежать. Я, с внезапно нахлынувшей тревогой, начал читать, чем-то особенно приглянувшуюся покойному оккультисту мрачную главу:

«Даже служители Ктулху не смеют говорить об Й-голонаке, и все же придет время и он вырвется из векового одиночества, чтобы вновь пребывать среди людей. Во тьме подземелий по ту сторону бездны есть путь ведущий за каменные стены, где высится Й-голонак и безглазые

твари мрака прислуживают ему. Долго он спал за этими стенами и все, кто ползал по его телу, не ведали о скрытом внутри. Но когда имя его произносится или читается, Й-голонак восстает ото сна и питается душой и телом зовущего...»

Что-то показалось мне знакомым в этих строчках, но что? «Все, кто ползал по его телу, не ведали о скрытом внутри». Я вспомнил свой сон, когда проваливался в песочное месиво, но наткнулся, на что-то (или на кого-то?) твердое, определенно живое, но сон тогда к счастью оборвался вовремя. Я поднялся со стула и попытался в слух выговорить труднопроизносимое имя Древнего Бога — Й-голонак, так кажется... И в ту же секунду, когда я произнес это имя, лампа Аль-Хазреда ярко вспыхнула. Мои глаза рефлекторно зажмурились, а когда они открылись, то поначалу не увидели ничего кроме темноты. Более того, знакомого мгновением раньше свежего потока ветра с улицы я уже не ощущал, наоборот, воздух стал необъяснимо жарким, именно жарким, а не душным, как будто я находился у входа в гигантскую печь. Но самое ужасное было не это.

Ногами я больше не ощущал привычную твердую поверхность пола на чердаке. В голове у меня все поплыло, все мысли смешались. Подо мной было что-то рыхлое. Боясь поверить своей самой безумной мысли, я сел на корточки и стал ощупывать поверхность, на которой стоял. Сомнений не было никаких: подо мной был раскаленный песок. Точно такой же, как в том кошмарном сне. Но откуда он на чердаке? Я, теряя остатки разума, протер глаза, пытаясь убедить себя, что это очередной сон. Что наверно потерял сознание от смрада адской лампы и теперь лежу на полу чердака и снова вижу сновидения.

Я сделал несколько шагов, но не наткнулся, ни на стены чердака, ни на что-либо другое. Пространство вокруг меня несоизмеримо расширилось, это чувство пришло интуитивно. Меня обдували горячие воздушные массы возможные только в какой-нибудь пустыне. В горле пересохло. Я огляделся по сторонам, пытаясь определить, где же все-таки нахожусь. Я чувствовал жаркие дуновения сухого ветра и внезапно увидел просвет впереди. Темнота постепенно рассеивалась, но меня ждало полное разочарование. В просвете без труда угадывалась бескрайняя пустыня. Никаких намеков на помещения дома, в который я

зашел пару часов назад. Тьма отступила от меня. Увиденное наполнило мой разум осознанием полной безысходности.

Скорее всего, у меня случилось что-то вроде галлюцинации. Не могу сказать, что хорошо запомнил пейзаж, появившийся как будто из ниоткуда. Словно какой-то вихрь пронес меня сквозь эпохи. В облаках поднятого кем-то песка вздымалась какая-то башня. И когда видение приблизилось, я понял что вижу чудовищных размеров алтарь, описанный Смитом. Его обвивала высеченная каменная лестница. Стены алтаря были полностью испещрены иероглифами и узорами, в некоторых местах из камня выглядывали морды неведомых чудовищ, вырезанных искусной рукой мастера настолько впечатляюще, что оставляли иллюзию живых. Существа были поистине безобразны, и оставляли впечатление космического ужаса, ибо ни один уголок Земли не смог бы вместить столь мерзких тварей.

Алтарь находился посреди бескрайней пустыни. Вокруг стояла мертвая тишина. Белый песок слепил глаза, от сильного зноя пересохло в горле. Я приблизился к алтарю. Идти приходилось с трудом. Ноги увязали в рыхлом раскаленном песке. Мрачный монолит возвышался над землей

на добрых футов триста. Около него я заметил в песке огромное отверстие, похожее на нору. Я остановился и начал беспомощно озираться. Ужас сковал меня. Я просто не знал, что делать дальше и в бессилии заорал: «Это просто сон! Этого не может быть на самом деле!»

Едва мой крик затих, как песок под моими ногами задрожал. Вибрация усилилась, как будто под моими ногами проходило метро. Но я знал, что никакого метро в этой адской пустыне, порожденной лишь ядовитым зловонием колдовской лампы, быть не может. Песок заходил ходуном, и в громадном отверстии блеснуло что-то черное и жидкое. Вода? Но это была не вода. Как бы сильно мне ни хотелось пить, я не смог сдержать отвращения при виде той жидкой черной пузырчатой массы, которая начала заполнять отверстие и выплескиваться наружу. Эта пульсирующая чернота вытекала какими-то толчками и постепенно дотекла до алтаря. А потом…. Потом эта черная масса стала принимать ужасные формы. Сначала в ней образовался один бугор, затем второй, потом они срослись, из них вырастали новые. И вот уже кошмарное создание вытянулось ввысь, и стало выше алтаря, не переставая увеличиваться в размерах. Внезапно в этой глыбе отвратительного

желе, образовалась глубокая щель, из которой прозвучал жуткий звук, напоминающий рев урагана. Далее эта щель сдвинулась как бы назад, а на меня из этого жидкого монолита уставился громадный красный глаз. Это был последний предел моим нервам, я развернулся и бросился бежать, ловя губами раскаленный воздух. Ноги утопали в песке и скорость бега замедлялась. Я напряг мышцы ног, заставляя себя бежать еще быстрее, но все усилия оказались бесполезны. Во второй раз, пытаясь подняться, я почувствовал, как поверхность пустыни начала подниматься вместе со мной. Я заметил широкие трещины, прочертившие гладь пустыни и рванулся вперед, но было поздно. Огромный монстр, лежащий под песком, проснулся и начал подниматься. То, что вытекло через громадное отверстие, оказалась всего лишь его кошмарной головой. От подземных толчков я упал на спину, и смотрел, на приближающуюся громаду алтаря, на который меня несла волна песка, поднятая подземным чудищем. Впрочем, сам алтарь по сравнению с ним казался лишь небольшой каменной палкой, воткнутой в безбрежный океан песка. Повсюду песок вздымался, как натянутая простыня. Размеры чудовищной твари просто потрясали.

Казалось, вся поверхность пустыни пульсирует. Меня же несло на алтарь. Скоро меня швырнет на него с ужасающей силой и от меня останется одно лишь кровавое месиво.

Я издали приметил лежащий на алтаре предмет. По очертаниям он напоминал человеческую фигуру. Алтарь был уже близко, но теперь я понимал, что меня несет мимо него. Изловчившись, я оттолкнулся ногами от песочной массы, и, проваливаясь в песке, все-таки совершил прыжок и зацепился руками за алтарь. Я подтянулся и перекатился на его поверхность. Вокруг меня лежали останки и кости разных существ. Трупное зловоние было незначительно по сравнению со смрадом, доносящимся от чудовища. Теперь-то я понял, чем пропитался дом Смита! Валялось на алтаре и несколько человеческих черепов. Стараясь не смотреть на них, я сделал несколько шагов по направлению к предмету, который еще раньше привлек мое внимание. Алтарь в этот момент казался крошечным островком посреди океана бушующего песочного безумия. Передо мной лежало тело человека. Я посмотрел на его голову и увидел, что из его глаз и рта выползает что-то вроде змей, которые уползали за край алтаря. Но через минуту появилась голова ужас-

ного демона, и я понял все. Пока я смотрел на это черное полужидкое НЕЧТО, внимательно наблюдавшее за мной, вся чудовищная правда в тот момент пронеслась в моем воспаленном мозгу. Понял, как был убит этот безумный коллекционер Смит, чье окоченевшее тело сейчас лежало передо мной и что это вовсе не змеи, а щупальца огромного Древнего Бога высосали из него жизнь. И эти щупальца ужасного Й-голонака в тот момент потянулись ко мне, и я рефлекторно схватился за них, стараясь удержать эти отростки гнилой плоти подальше от своего лица. Кожа на моих ладонях лопнула от едких выделений из щупалец, и сознание стало покидать меня. Последнее я помнил, что на концах щупалец открылись плотоядные пасти, которые потянулись к моим глазам…

Как этот приснившийся кошмар выпустил меня из своих цепких объятий, я не помню. Но с воплем отчаяния и боли вернулся в реальный мир, возможно, за секунду до того, как остался бы в этом аду навсегда. Мне рассказывали, что я боролся с санитарами до последнего, пока мне не ввели снотворное. Полицию вызвали соседи, которых разбудили громовые раскаты и ужасная вонь, доносившаяся из особняка. Меня обнару-

жили кричащего, на обломках рассыпавшегося стула, с вытянутыми вперед руками на задымленном чердаке особняка Теодора Смита. Мои башмаки были порваны, а вся одежда была в каком-то белом песке. Ладони были обожжены едкой жидкостью, а в доме стоял запах невыносимой вони. Как будто в нем побывало что-то на редкость огромное…. К тому же волосы на голове стали полностью седыми, и меня поначалу даже не сразу узнали. Лампа, полностью прогоревшая, стояла в своем нарисованном кругу. Капитан управления полиции с удивлением и тревогой смотрел на меня, пока меня закутанного в смирительную рубашку усаживали в машину. Потом я написал свои показания об окончании расследования, которое, безусловно, закончил. Прочитав мои каракули, было принято решение поместить меня сюда, в эту клинику. Но здесь я чувствую себя на удивление спокойно. И меня не пугают по ночам крики пациентов в запертых палатах, мне уютно в своей тихой камере, ибо я знаю, что такое настоящий ужас и знаю, что он далеко от меня. И хотя мне сняться кошмары, и по ночам я просыпаюсь в холодном поту, я твердо знаю, что это сон. Иногда мои обожженные руки болят под утро, но вспоминая сумасшедшего Смита,

понимаю, что мне повезло гораздо больше, и начинаю смеяться. Смеяться от радости, что остался жив, что не лежу сейчас в адской пустыне, и мои внутренности не пожирает кошмарное чудовище, Великий Древний Й-голонак, дремлющий и ждущий своего часа, чтобы обрушиться злобным кошмаром на все человечество. Радуюсь, что никогда больше я не увижу это зловещую лампу безумного араба, открывающую врата в проклятые миры, населенные чудовищными демонами, правившими когда-то на Земле в незапамятные времена еще задолго до появления на ней первого человека.

Роман Дремичев
Ри`й

2014

Огромный огненный шар солнца высоко висел в ясном небе над головой. Его раскаленные лучи безжалостно терзали одинокого путника, устало бредущего по горячим пескам. Осунувшееся лицо, порванные пропыленные одежды, истертые сандалии — человек проделал уже довольно

долгий путь и не знал, сколько еще ему брести в этом раскаленном аду. Еды — нет, вода закончилась несколько часов назад, а на горизонте, как назло, не видно ни единого укромного места, где можно отыскать хоть каплю живительной влаги для высохшего горла, не говоря уж о пристанище для уставшего тела. Куда ни кинь взгляд лишь безжалостные, пышущие жаром пески, медленно из века в век ползущие по сухой земле с места на место по воле горячих ветров. Одни барханы кругом, а за ними еще одни, и так до самого горизонта.

Вот путник оступился, зачерпнув сандалией песка, и упал на колени. Он тяжело дышал, ноги сводило судорогой, он очень устал. От этой всепроникающей жары, кажется, закипает мозг, мысли путаются, медленно уплывая куда-то в туманную даль — и ощущение такое, что здесь даже жарче, чем в пекле, где обитают разъяренные и жестокие демоны. Человеческая плоть медленно, но неумолимо сдавалась под напором стихии пустыни, высыхая и склоняясь к смерти.

Какие боги привели его сюда? Кто же навел те странные мысли, что здесь он сможет обрести спасение? Спасение? — нет, здесь можно найти лишь смерть. Пустыня выпьет жизнь по капле,

всасывая ее в песок, и даже не обратит внимания на еще одного беднягу, чьи кости со временем укроет среди барханов.

… он бежал из Курдишана без оглядки, даже не успев взять с собой в дорогу свои вещи, так и оставив их на постоялом дворе толстяка Акина в тесной комнатке на втором этаже. Лишь полупустой бурдюк с теплой водой, черствый хлеб да нож — вот и все, что он смог добыть, перед тем как на украденном в торговом квартале коне выскочить через южные ворота в пустыню. За ним гнались, это он понял еще в городе, умело обманывая преследователей, петляя по узким улочкам, переполненным товарным и праздным людом, разбрасывая фрукты, сбивая с ног путников и оставляя позади себя бедлам — орущую возмущенную толпу, осыпающую его черными проклятиями, но, тем не менее, задерживающую идущих по пятам преследователей. Он ясно понял, кем были они — три чёрные тени, что неотступно следовали за ним, все быстрее разгадывая его уловки и трюки. Лишь на улице менял он сумел на какое-то время исчезнуть из их вида, чтобы украсть коня и покинуть этот проклятый город.

По его следу шли лучшие воины шаха Кумара,

в сокровищницу которого прошлой ночью попытался проникнуть дерзкий и ловкий вор. И если бы не охранные чары, наложенные на тайную комнату, укрытую в недрах огромного дворца шаха, куда, видит солнечный бог, его завели злобные бесы Тантара, он сейчас бы не удирал сломя голову от погони, а пил бы сладкий душистый чай в каком-нибудь караван-сарае в дне пути от Курдишана, наслаждаясь покоем и тишиной под сенью опахал, окруженный прекрасными девами…

Но все произошло совсем не так, как он рассчитывал. Темные силы, которым мудрый шах доверил охрану своих сокровищ, сломали все его планы, и вот теперь он мчится на запад через южную пустыню, все дальше и дальше углубляясь в неизвестные земли, а за спиной маячат мрачные слуги шаха и наверняка у них строгий приказ догнать и жестоко покарать беглеца и вора, дурака, вознамерившегося посягнуть на сокровища правителя…

… прошло много часов погони и многое изменилось. Солнце поднялось высоко, тени исчезли, как и любая растительность вокруг. Жара стала просто невыносимой, от солнечных лучей, переполнивших все пространство, слепило глаза,

дышалось с трудом.

Усталый, измученный скачкой конь пал где-то после полудня, не выдержав всего этого безумия. Выпучив налитые кровью глаза, он обреченно рухнул на песок и уже не встал, тихо с хрипом дыша и роняя на землю кровавую пену.

Беглец, понимая, что это конец, оставил бедное животное и, даже не взглянув на его муки, медленно побрел дальше, не рискнув тратить время на оказание последней милости умирающему животному. Разум человека был на грани от страха и истощения, он словно плыл среди цветных волн, и невыносимый жар немилосердно терзал погружающийся в пучины грез распаленный мозг.

Когда однажды беглец решил обернуться назад, то он заметил далеко-далеко на самом горизонте, на высоком бархане три чёрные тени, едва различимые в парах нагретого воздуха, — слуги шаха не отставали, все так же упорно преследуя его.

Страх вновь наполнил его душу, противной дрожью скользнув по натруженным мышцам, и заставил его двигаться дальше — спасаясь, убегая, скрываясь — на пределе сил, выжимая все оставшиеся соки из натруженного тела. Человек уже почти не соображал, куда идет, лишь бы по-

дальше от врагов и неминуемой смерти. То, что сама смерть окружала его вокруг, все радостнее сжимая свои костлявые пальцы на его сухом горле, об этом он не думал. Так же он не знал, что давно сошел с привычной караванной тропы, и двигается сейчас напрямик на юг через центр раскаленный песков, углубляясь в «Багровую пустошь», где давно никто не отваживался путешествовать. Здесь — самое сердце жары.

Вскоре три чёрные тени замерли далеко за его спиной, глядя напряженно ему вслед. Воины шаха в пропыленных, покрытых коркой соли одеждах смотрели, как он сам себе прокладывает дорогу в бездну, направляясь в проклятые земли. Они стояли так, пока одинокая фигурка беглеца не скрылась за дальним барханом, а после медленно повернули назад своих коней и отправились к родным очагам, на все сто процентов уверенные, что безумец сам выбрал свою судьбу, и жестокие боги песков покарали его, затуманив разум и завлекая в объятия смерти. Мертвая пустыня не зря носила название «Черная погибель».

* * *

Мертвая Земля — часть огромной пустыни Хардиш, расположенная на юге от Курдишана,

Града Тысячи Столбов, последнего города племени артаков, известна своей мрачной славой. Караваны обходят ее за много дней на запад или восток, не рискуя направляться в темные земли. Ни один человек за многие века не отважился направиться туда, ни один путник не рискнул нарушить покой раскаленных песков. Древние тайны и страшные проклятия скрывает эта земля. Легенды кочевников оставили о них смутные упоминания и предостережения. И самый ужас рожден среди песков «Багровой пустоши», где по преданию не ступала нога человека с древнейших времен. Это место навсегда проклято — там обитает лишь смерть, более ужасная, чем огненное солнце. Смерть, рожденная еще до человека, и ее нельзя тревожить, заветы отцов и дедов строги в этом.

* * *

Вот беглец, носивший имя Джан, медленно взобрался на высокий бархан и тяжело осел на землю, сил больше не было. И пусть солнце уже скатывалось вниз по краю небосвода, уступая место приближающейся ночи, не так изнуряя своим жаром, это уже ничего не значило. Путнику срочно нужна была вода. Язык во рту высох,

и натруженное горло саднило, в голове бухали разъяренные барабаны песчаных демонов — утхаров, перед глазами плыл фиолетовый туман, уставшее тело словно онемело и почти перестало слушаться.

Он даже не почувствовал, как песок под его телом подался, заскользил на непрочной опоре, и Джан, не удержавшись, кубарем скатился вниз, взметнув вверх тучи песка и пыли.

Лишенный сил, он замер внизу в небольшой котловине весь покрытый песком и солью, ослепленный солнцем, с зудящей и нестерпимо чешущейся кожей. Он потерял свой тюрбан при падении и сейчас его чёрные волосы, покрытые коркой песка, больше всего походили на сухие веревочки. Он немного полежал, приходя в себя, и хотя молоты в голове все не утихали, порождая противное гудение, но он вдруг отчетливо различил один такой знакомый звук, от которого едва не подавился — растревоженное горло захотело сглотнуть, смочиться слюной, которой не было. Слизистую тотчас словно резануло раскаленным лезвием, Джан едва не взвыл от резкой боли, стиснув глаза. Но это теперь было не важно. Где-то совсем рядом слышался манящий шум текучей воды. Это было, словно милость безжалостных

небес снизошла на землю, живительная влага в пределах доступа, а это означало жизнь — его жизнь.

Джан, уже почти ничего не видящий в предсмертном тумане, медленно пополз на этот звук, дарующий надежду на спасение среди безжалостных песков. Где же это, где же? Сердце так бешено билось в груди, что готово было выпрыгнуть, пробившись сквозь клетку ребер, и умереть. Но он упрямо из последних сил полз вперед, пока его руки не уткнулись в каменный бортик. Он ощупал его — грубые кирпичи, плотно пригнанные друг к другу и скрепленные каким-то раствором. А дальше… Джан перекинулся через невысокий борт, и его руки погрузились в прохладную свежую воду, кожа немилосердно зачесалась, словно на нее напал какой-то зуд, но это было терпимо, а через несколько мгновений боль прошла.

Джан, больше ни о чем не думая, перегнулся через край и начал пить. Он почти не чувствовал вкуса, сделав несколько глотков, ощущая как живительная влага стекает в истомившийся желудок, как тело наливается жизнью и страх смерти отступает, скрываясь за туманным окоемом. Немного передохнув, дав жидкости наполнить все внутри, он снова припал к воде и

пил, пил, пил, пока не почувствовал, что больше не в силах сделать ни одного глотка. Затем он ополоснул лицо и, тяжело дыша, но блаженно улыбаясь, замер у края этого бассейна, выложенного неведомо когда, неведомо кем, и забылся тяжелым сном, до поры не вспоминая ни о шахе, ни о его проклятом сокровище, ни о всадниках-преследователях. Измученное тело исчерпало запас сил и требовало немедленного покоя.

А солнце — оранжевый шар — почти скрылось за горизонт, и совсем скоро ночь опустится на землю, принеся с собой холод и мрак.

* * *

Джан очнулся перед самым закатом. Он обвел мутными глазами место, где очутился по прихоти злодейки судьбы. И лишь сейчас внимательно осмотрелся вокруг. Он лежал на дне небольшой круглой ямы длинной шагов в пятьдесят, окруженной невысокой стеной песчаника. Из стены, выложенной известняковыми плитами, вытекал небольшой ручеек и стекал по выдолбленному скату в огороженный пруд — округлой формы неглубокий бассейн.

А посреди этой котловины высились странные колонны разных размеров и высоты, побитые

ветрами и временем, сделанные из какого-то черного камня, слегка отблескивающего на свету.

Джан окунул руку в бассейн, умыл лицо и встал, почувствовав, что вода и короткий сон вернули часть сил в его тело. Он присел на бортик бассейна, достал пустой бурдюк и наполнил его водой, затем немного попил и, спрятав бурдюк, направился ведомый интересом к колоннам.

Больше здесь ничего не было. Лишь эти мрачные персты стояли, образуя круг вокруг центра ямы. Некоторые из них были почти разрушены, лишь небольшие остатки камня торчали еще из песка, а все остальное валялось рядом. У многих были сколы и глубокие трещины, говорящие о том, что и этим колоннам недолго еще вздыматься в небеса и их ожидает участь тех, что сейчас лежат на земле. Как же давно были возведены они здесь и для чего? Может это остатки древнего города, который тысячелетия назад поглотила пустыня, или который был предан огню и разрушен в страшной кровопролитной войне пустынных племен. Сколько веков песчаных бурь простояли они здесь, терзаемые ветром и песком? И какие тайны скрывает налет времени, что осыпается медленно год за годом с них, растворяясь в песке пустыни.

Джан подошел к ближайшей колонне и дотронулся до нее, под рукой он почувствовал холодный камень, даже не нагревшийся на этом жарком солнце, что терзало землю целый день. Странные, почти стершиеся письмена и рисунки покрывали ее — уже почти уничтоженные временем, но все еще еле видимые глазом, проступающие, словно сквозь толщу забытых веков. Извивающиеся существа с головами птиц и змей, многоногие крылатые монстры, замершие в странных позах, какие-то звезды или искры с огромными пастями, полными острых зубов, деревья с тысячей голов на своих ветвях и множество иных не менее страшных существ летящих, парящих, танцующих и устраивающих кровавые пиршества.

Что же это такое? Разум человека, наконец, начал включаться в работу, и медленно мысли потекли вдаль. И тут пришла тьма — солнце напоследок мигнуло, озарив небеса, и мгновенно скатилось за горизонт, явив миру усыпанный звездами купол ночного неба.

Джан дернулся, словно придя в себя от туманного сна, и тут же зашипел от боли, так как неожиданно поцарапался об острый край шершавой колонны, и капельки крови застыли на ее

поверхности черными бусинками, блестящими в тусклом свете далеких звезд.

То, что произошло после, было совершенно неожиданно — яркий белый свет наполнил изнутри остатки колонн, словно просочившись из них сквозь трещины и щели, разрезав ночной мрак, высветив четко все рисунки и старинные письмена на неведомом языке — мертвый холодный свет, будто отражение мира духов, скрытого до поры во мраке мировых бездн. Те колонны, что лежали на земле, тоже засветились светом, но не столь ярким, более приглушенным. Затем над вершинами оставшихся целыми колонн взметнулось багровое пламя, оглушительно взревев, лизнуло чёрные небеса и превратилось в большие шары бушующего огня, наливающиеся багровым с желтоватыми всполохами внутри. На сколах поверженных временем исполинов взметнулись снопы огненных искр, раздался громкий треск, но больше ничего не произошло, лишь обломки, замершие среди песка, почти прекратили излучать дивный свет.

Странное гудение наполнило остывающий воздух. Свечение колонн усилилось, земля под ногами замершего от ужаса человека задрожала, словно в припадке безумия пески пришли в

движение. Джан в испуге отшатнулся, широко раскрыв рот и глаза, ужас все глубже проникал в его тело, терзая мозг, спутывая мысли и тормозя природные рефлексы.

— О, Великий Хатор-Раш, владыка жизни, о боги мрака и тьмы, что же здесь творится?

И тут песок в кольце колонн вспучился, словно пузырь, и опал вниз, образуя неглубокую воронку, медленно он начал движение по спирали, утекая вглубь земли. Вот появился стальной зев, и из него пахнуло невыносимым смрадом и разложением. Казалось, все вокруг в единый миг умерло, просто перестало жить, весь мир как будто наполнился смертью и грязью, гнилью и нечистотами. Стало трудно дышать, человек закашлялся и упал на землю, сотрясаемый приступами сильнейшей рвоты. Зеленоватый ядовитый туман взвился, клубясь, в остывающий воздух, раздражая глаза, кожу, принеся с собой нестерпимый зуд и жжение.

Джан уже почти ничего не видел, — туман жестоко разъедал слезящиеся глаза, — но все же краем глаза он разглядел, как из под земли медленно к небесам поднимается черный блестящий столб, покрытый наростами, слизью и какими-то ошметками, — толщиной больше

самого толстого дерева саванн. Свет колонн стал почти непереносим. И вдруг по краям столба выдвинулись сотни острых коленчатых пик, покрытых вязкой субстанцией. Джан непроизвольно взглянул вверх и замер, полностью перестав дышать. Прямо над ним возвышался огромный черный червь. Сейчас на закругленном конце его тела вспыхнули багровым огнем десятки узких глаз-щелочек. Силы древнейшего, незнакомого человеку зла плескалась в них. Зла, бесчинствовавшего на этой планете задолго до появления самого первого первобытного человека. Это был взгляд бога, пришедшего из иных пространств, правителя забытого и канувшего в небытие мира, расцветшего на заре времен. Это был взгляд, наполненный ненавистью и мраком, уничтожающий саму душу, ибо был рожден еще до ее создания.

И тогда Джан закричал так, как никогда не кричал прежде, но его никто не услышал. Забытое в веках божество дернулось, раскрыв ужасную пасть, лишенную зубов, и бросилось на человека, первого кто за долгие века потревожил его сон. Еще миг и кровь оросила холодеющий песок. Чудовище, окруженное клубами зеленого тумана, смачно чавкало, утоляя свой вселенский голод —

вечный, нестерпимый, жуткий. Оно — проклятие этих обреченных земель, загнанное в пески тысячелетия назад, плененное и заточенное навеки, несущее лишь смерть, ибо было самой смертью.

Старинные знаки и рисунки племени А`хтка, созданного из космической пыли миллиарды лет назад неведомой цивилизацией галактических странников, еще сильны и способны сдержать Великого Ри`йа — проклятого бога, рожденного под Пульсирующей Звездой в лучах Синего Солнца в Иной Вселенной. Одного из тех, кто некогда спустился на Землю, сея разрушения и смерть. Одного из тех, что спят вечным сном, замурованные в самых мрачных и гибельных местах планеты.

…вот свет колонн потух, огромное тело скользнуло обратно в недра пустыни, и тишина накрыла одинокую яму, затерянную среди мертвых земель. И лишь маленький ручеек продолжает все так же медленно наполнять неглубокий бассейн…

Древние боги не умирают,
Древние боги спят под землей.
Энергия жизни их тело питает,
Энергия смерти приносит покой.

Владислав Женевский
Искусство любви

Кто из моих земляков не учился любовной науке,
Тот мою книгу прочти и, научась, полюби.
Знанье ведет корабли, направляя и весла и парус,
Знанье правит коней, знанью покорен Амур.
Овидий. Наука любви (Пер. М. Гаспарова)

2016

С пятого этажа вид был неважный — крыши в потеках, трубы, водяные цистерны, фонтаны пара. За этим унылым ландшафтом просматривалось ядовито-желтое рассветное небо. Из-за дальнего дымохода выползал сигарообразный силуэт — дирижабль. А может, и что-то живое.

Фэрнсуорт поприветствовал утро понедельника, щелчком отправив окурок в его паскудную

рожу.

У него было много слабостей, за которые стоило себя ненавидеть. Любовь к эвфемизмам ничем не выделялась на общем фоне, но сейчас Фэрнсуорта раздражала именно она.

Неважный? Нет. Вид был попросту отвратительный.

По запыленным слуховым окнам дома напротив ползали какие-то мелкие твари — недостаточно мелкие для мух. В их копошении чувствовалась некая закономерность — как в движениях пальца, выводящего узоры на запотевшем стекле.

Вот еще одна дурацкая привычка — во всем на свете видеть цель и смысл. Но это уже общечеловеческое. Высматривать в облаках фрегаты и крокодилов. Улавливать музыку в стуке капель, барабанящих по подоконнику. Искать порядок в россыпях гальки на садовой дорожке.

Возможно, в облаках что-то и есть. Но не в мельтешении букашек на чердачном окне. Если только это все-таки не мухи — у тех еще есть с людьми что-то общее.

Его взгляд сместился ниже, к узкой расщелине переулка. Между переполненными мусорными баками семенила пегая собачонка. Может, и

просто грязная — зоркостью Фэрнсуорт никогда не отличался. Хотя в нынешнюю эру у плохого зрения были и преимущества.

Нет, определенно не мухи, подумал он, протирая очки краем галстука.

Собака задрала ногу точно у служебного входа «Нью-Йорк миррор», бесшумно сделала свои дела и затрусила дальше. Фэрнсуорт успел уже отвыкнуть от бездомных дворняг: за последние годы почти все они благополучно перебрались в питомники, устроенные безлицыми. Ходили слухи, что там с ними творят всяческие мерзости, но верилось в это с трудом. Хамфри Литлвит из социальной хроники, сделавший репортаж об одном из них, вспоминал об этом визите с неизменным восторгом. Можете мне не верить, но я охотнее жил бы в таком вот питомнике, чем в своей каморке на Клинтон-стрит. И шавкам там тоже нравится. Им плевать, как выглядят их хозяева, — лишь бы пожрать давали. И этому у них можно поучиться. Нет, я не конформист. Нас и так имеют — просто мы зовем это работой. По меньшей мере такая тварь не станет вопить на тебя и называть бездарной мве… мразью.

Литлвит наверняка играл на публику, а вот выдумывал вряд ли: даже если медицина и не

признает паралича воображения, жертвы недуга исчисляются миллионами. И это тоже преимущество, пожалуй.

Бросив прощальный взгляд на переулок и мысленно пожелав собаке удачи, Фэрнсуорт взял трость и неуклюже сполз с подоконника. Он каждое утро убеждал себя, что нет ничего гнусней должности литературного редактора в «Миррор», но всякий раз панорама крыш приводила его в чувство. Этот город был достаточно уродлив и с уровня земли; сверху он походил уже не на фурункул, а на вздувшуюся опухоль.

Прошаркав по узкому коридору в кабинет и ответив по пути на несколько вялых приветствий, Фэрнсуорт уселся за стол у окна. Соня на миг подняла глаза. Да, я костлявый и лысый. Да, зубы у меня желтые, а линзы на очках толще пальца. Да, доктор Паркинсон — мой старинный приятель. И да, я буду сидеть напротив тебя, пока кто-то из нас не сдохнет — ты или я. И знаешь, мне почти без разницы, кто это будет.

— С добрым утром, мисс Грюнберг. Рано вы сегодня.

— Доброе утро, мистер Райт, — механически прозвучало с другой половины кабинета.

— Какая очаровательная у вас блузка. Полагаю,

я уже говорил, что вишневый — мой любимый цвет?

— Это сливовый, мистер Райт, — холодно обронила Соня и снова уткнулась носом в печатную машинку.

— Ах да, простите… вечно путаю оттенки. Но вы равно прекрасны и в вишневом, и в сливовом, мисс Грюнберг.

Не дождавшись ответа, он скрежетнул зубами и принялся за работу.

На столе возвышалась кипа сегодняшней корреспонденции. Конверты из манильской и обычной бумаги — некоторые потрепанные, некоторые совсем новенькие, но заполненные одной и той же субстанцией — дерьмом. Для стороннего человека это были бы рукописи и письма, но Фэрнсуорт держался мнения, что профессионал имеет право называть вещи своими именами. Дерьмо. Иногда оно даже пахло — дешевыми вдовьими духами, дрянным табаком, горелым жиром.

Следующие полтора часа ушли на заполнение корзины для бумаг. Конверты, подписанные с ошибками, отправлялись туда нераспечатанными. Прочие отнимали чуть больше времени — около минуты каждый. Комические куплеты

о кошечке, забравшейся на дерево… Воспоминания пожилого коммивояжера… Трогательный рассказ о сиротках, беззастенчиво срисованный у покойницы Бронте… С миром действительно было что-то не так. Скоро одной корзины станет мало для этого потока.

На последнем конверте Фэрнсуорт запнулся. Средней толщины, дорогая бумага мраморного оттенка. Это еще ничего не значило: в среднем талант и толщина кошелька соотносились не более, чем размер обуви и склонность к астигматизму. И все же подобная забота об осязательных ощущениях редакторов «Миррор», вызывала чувство, отдаленно похожее на благодарность.

Отправителем значился некий Эдвард Софтли. Адрес, отпечатанный на машинке, гласил: «СЕЙДЕМ — ХИЛЛ, 19». Фэрнсуорт что-то слышал об этом месте — кажется, площадь в Бруклине, — но плохо знал город и не имел желания узнать его получше, хотя с переезда из Чикаго прошло четыре года. Некоторые его знакомые похвалялись, что давно забыли родные края и чувствуют себя в Нью-Йорке как рыба в воде. Болваны. В воде есть создания и покрупней, о которых рыбы даже не подозревают. И вот они-то там настоящие хозяева.

Вскрыв конверт, Фэрнсуорт извлек аккуратную белую стопку. Первый лист занимало лаконичное и донельзя при этом высокопарное авторское послание, далее следовала сама рукопись. Текст был разбит на две колонки. Заголовок вещал:

ИСКУССТВО ЛЮБВИ,

или

Приключения Элизабет Беркли.

Фэрнсуорт пожалел, что во рту у него пересохло и совсем не осталось слюны. И принялся переворачивать страницы, потому что этот вид дерьма в «Миррор», приветствовался и даже ценился.

«…ее первый бал. Накануне Элизабет долго не могла уснуть: все мысли в ее хорошенькой головке были устремлены к завтрашнему вечеру, когда…»

«…тайком поглядывал на нее. Элизабет почувствовала, что краснеет, но не в силах была устоять перед магией этого взгляда. Наконец юноша…»

«…приняли меня за кого-то другого, капитан! Как вы смеете даже намекать на подобные вещи в присутствии леди? Я отказываюсь верить, что ваш батюшка не привил вам подобающих манер!

— Элизабет, я лишь…»

Отложив последний лист, Фэрнсуорт какое-то время задумчиво созерцал поверхность стола — некогда светло-коричневую, теперь испещренную пятнами кофе и чернильными кляксами. Эдварду Софтли хватило наглости прислать в «Миррор», повесть, которую сочли бы безнадежно устаревшей и во времена Остин. С салонной прозы он сбивался на слезливый романтизм, а все потуги на стилизацию сводились на нет манерой викторианского порнографа и вульгарным подбором слов.

Трудность заключалась в том, что читатели «Миррор», отстояли в умственном отношении еще дальше — тысячелетия на три, не меньше. А значит, мистер Софтли имел немалые шансы на успех.

По крайней мере, в тексте было на удивление мало ошибок.

Через мгновение Фэрнсуорт скривился, внезапно осознав: ошибок не было вообще. В каком-то смысле существование этой повести оскорбляло литературу больше, чем мемуары старого резонера или вирши о котятах. В их случае форма и содержание хотя бы находились в убогой гармонии. «Искусство любви», же напоминало сгнившего кадавра, на которого натянули свежую

синтетическую кожу. Впрочем, до их появления оставалось всего ничего, если верить ученым.

Фэрнсуорт нехотя поднялся и мелкими шажками заковылял к кабинету главного редактора. Соня опять смерила его взглядом. Да, я костлявый и лысый, а руки мои дрожат. Но ты и представить не можешь, как я называю одну шлюху из Бронкса, когда вколачиваю ее в кровать. Тебе бы имя показалось знакомым.

И никакой блузки на тебе нет. Ни вишневой, ни сливовой.

Из-за двери Главного, забранной матовым стеклом, просачивался привычный запах плохого пищеварения и спиртного — тоже плохого. Звуков, однако, не доносилось — и Фэрнсуорт никак не мог определиться, к добру это или нет. Но все же постучал. И, подождав немного, вошел.

Главный развалился в облезлом кожаном кресле — бесформенная туша с широкими плечами, мощной шеей и мясистыми брылами. Поговаривали, что он из тех, морских, однако Фэрнсуорт не замечал за ним приязни к воде — судя по некоторым очевидным признакам, ему и ванна-то была в диковинку. Конечно, глаза его по-рыбьи выпучивались, а жидкую растительность на макушке поела плешь, но обладателей такой

наружности хватало и в Чикаго — за сотни миль от обоих океанов.

Сквозь подрагивающие веки Главного виднелись пожелтевшие белки́. На столе тикали часы в форме цеппелина — сувенир из атлантического круиза.

— Мистер Роули?

Складки шелушащейся кожи вздымались и опускались, вздымались и опускались.

— Сэр?

Неясный глухой рокот — то ли храп, то ли ворчание дизеля на улице.

— Сэр!

— Да! — рявкнул Главный, заворочавшись в кресле. С колен соскользнула пустая бутылка и покатилась по паркету. — Чего вам, Райт? Я работаю.

— Я тоже, сэр.

— Не дерзите, Райт, по-хорошему советую, — прорычал Главный, почесывая бок. — Что у вас?

— Повесть, сэр. Как раз в таком духе, как вы хотели.

— Да мало ли повестей! И это повод, чтобы донимать меня? Райт, вы кто у нас — редактор или стажер? Отказы, насколько помню, вы писать умеете. О размерах бюджета тоже осведомлены,

иначе зачем вообще вы тут сидите? Повестей мы себе позволить не можем.

Фэрнсуорт сжал кулаки, комкая углы рукописи.

— Сэр, это особый случай…

— Ну разумеется, у вас все случаи особые! Знаете, Райт, временами я жалею, что все-таки нанял вас. Не скрою, опыт у вас солидный, но боже, что за писульками вы занимались в Чикаго! Страшилками для малых деток! И кому нужны эти ваши «странные истории», теперь? Да у нас тут странности на каждом шагу — не говоря уж об этих, сами знаете… Всех уже тошнит и от того, и от другого. Вы неудачник, Райт. Вы поставили не на ту лошадку. А я дал вам шанс начать заново — и что взамен? Некомпетентность, ужасающая некомпетентность!

Фэрнсуорт подумал о доме напротив. Узоры на стекле; круги, изломы и восьмерки наползают друг на друга, переплетаются и расходятся вновь. Живые иероглифы на копоти и пыли, тайная изнанка бытия. Движение, излучающее потусторонний покой.

— Сэр, случай действительно особый. Автор полностью отказывается от гонорара.

Главный медленно поднял голову. В глазах его

впервые зажглось подобие интереса — но почти сразу же сменилось прежней брюзгливостью.

— Неужели? Он настолько уверен в своей гениальности? Все настолько плохо?

— Вполне прилично, сэр… конечно, по меркам подобной литературы. Можете взглянуть сами — я принес рукопись.

Выхватив у него из рук мятую стопку, Главный погрузился в чтение. Едва намеченные брови шевелились под низким лбом, толстые губы тихонько проговаривали слова точно некое заклинание. Он и в самом деле колдовал — пытался заглянуть недалеким злобным умишком за пелену будущего, разглядеть блеск прибыли за черными знаками на белом поле. У дельцов существовала своя собственная разновидность магии — и, как в любой другой, иные смельчаки забывали об осторожности и заигрывали с сущностями, обуздать которые было им не под силу. Эмес Роули вызвал из небытия «Нью-Йорк миррор», собрал вокруг новоявленного монстра пеструю свору редакторов и журналистов, передал вожжи заместителям — и уснул тяжелым алкогольным сном. Изредка он пробуждался, раздавая подчиненным указания: иногда разумные, чаще — ни на что не похожие, аморфные, не успевшие еще

обсохнуть от бредовой слизи подсознания.

Весной Роули взбрело в голову, что газета должна взять курс на домохозяек как самую стабильную часть аудитории, и вместо детективных рассказов в «Миррор», стали публиковаться сентиментальные историйки с продолжением и без. Плата за них была положена такая скудная, что профессиональные авторы разбежались через несколько выпусков. Вдохновенных любителей, конечно, не убавилось, но и качество их писаний осталось прежним — то есть близким к абсолютному нулю. Фэрнсуорт несколько месяцев кряду растрачивал остатки зрения, выправляя те немногие тексты, которые поддавались правке. Порой ему начинало казаться, что он и есть автор этих слюнопусканий, что они ему нравятся и отражают какие-то неведомые, доселе дремавшие свойства его души. В этом смысле «Искусство любви», могло бы быть настоящим подарком — если бы зефирный мир любовных сюжетов хоть чем-то превосходил в мерзости замещаемую им действительность.

Роули отложил рукопись. Фэрнсуорт покорно ждал, изучая носки ботинок. Дьявольски чесалось под лопаткой. Вверх и вниз, влево и вправо; круги, изломы, восьмерки… Если Главный со-

чтет улов хорошим, то может расщедриться на премию — такое было редкостью, но все же случалось. Зигзаги, кривые, вензеля…

Осознав, что молчание неприятно затянулось, он поднял глаза. Роули уставился на него сонным взглядом имбецила. С уголка припухшего рта свисала зеленоватая ниточка слюны, готовая переползти на рубашку. Казалось, он застыл в прозрачном коконе, парализующем все видимые функции тела. Или растерял объем, сплющившись в безжизненную плоскость. Время замерло. Даже цеппелин на столе как будто притих. Внутри Фэрнсуорта зашевелилась какая-то первобытная сила, готовая наполнить энергией непослушные, слабые ноги и унести его подальше от этого кабинета, здания, города. Ему не хотелось думать, что и сам он порой имеет такой вид — когда возносит молитвы злому гению Джеймса Паркинсона, уподобляясь окоченелому трупу. Но нет, нет. То, что сидело сейчас перед ним, было в равной мере далеко и от живой материи, и от мертвой.

Вдруг Роули моргнул, кашлянул и стал самим собой. Фэрнсуорт готов был поклясться, что мгновение назад кровь в этих жилах стояла неподвижно, как прошлогодняя вода в системе отопления, — и вдруг заструилась, наполняя тело

реальностью и жизнью. Неужто и он выглядит так же, когда выходит из оцепенения?

— Хорошо, Райт, очень хорошо, — проговорил Роули. — Как раз то, что нам нужно. Вам повезло. Пробегите до конца и отдавайте в набор. Будем печатать по главе каждую неделю, начиная с пятницы.

Так просто? Таким спокойным тоном?

— Сэр, вы не опасаетесь юридических осложнений? Сейчас этот Софтли отнекивается от денег, но какие у нас гарантии, что позже он не передумает? За всю свою редакторскую практику я знал лишь одного человека, державшего подобные обещания, но он вообще был большой чудак и любил называть себя джентльменом старой школы. Забавно, кстати: «Искусство любви», звучит почти как…

Главный бесцветно усмехнулся.

— Давайте будем надеяться, что и Софтли из племени бескорыстных. У меня на такие вещи чутье, Райт. Поверьте мне на слово, трудностей он нам не доставит… У вас все?

— Да, сэр.

— Тогда работайте.

Фэрнсуорт кивнул, развернулся и вышел, больше обычного налегая на трость. Уже в коридоре

его посетило чувство, что зловоние в кабинете Главного стало сильней — или поменяло окраску. Но это, конечно, только чудилось.

И вновь сон бежал от глаз Элизабет. Перед ее внутренним взором дразнящим маяком стояло смуглое лицо иноземца. Зрачки его блестели, точно выточенные из черной яшмы; полные губы трепетали, обещая невиданные удовольствия, в которых так искусны посланцы загадочного Востока, если верить преданиям и сказкам. Совершенство принца казалось столь несомненным, что он мог бы сойти со страниц магической книги. Переплет ее отделан изумрудами и рубинами, застежка сделана из чистого золота, страницы дышат стариной и непостижимой мудростью — но это лишь оболочка, главное скрыто внутри. Что мог предложить капитан Теобальд, грубый и бесчувственный, против этих манящих тайн и восторгов?..

Когда томиться без сна стало невмоготу, Элизабет соскользнула с кровати и невесомой тенью перепорхнула к изголовью сестры.

— Мэри! — прошептала она чуть слышно, боясь разбудить миссис Мэйнворинг, дремавшую в соседних покоях. — Мэри!

Наконец та заворочалась, разомкнула веки и

сердито уставилась на Элизабет.

— Что стряслось?

— О, ничего серьезного, сестрица… Я лишь хотела спросить у тебя, что за имя носит тот дивный принц, с которым нас познакомили на балу.

— Элизабет, это безумие! Уже за полночь!

— Сестрица, прошу тебя! Ты и не представляешь, как это важно для меня!..

Несколько мгновений Мэри неодобрительно смотрела на нее, потом смягчилась и промолвила, сладко зевнув:

— Должно быть, ты говоришь о том смуглом джентльмене в тюрбане?

— Да-да, о нем!

— О, его мудрено не заметить, — проговорила Мэри и добавила со вздохом: — Признаться, я и сама не могла отвести от него глаз. Его имя Абдул. Остального я не запомнила — фамилии у этих арабов такие сложные!..

Луна давно уже скрылась за западным окном, птицы щебетали свои утренние песни, Мэри мирно сопела во сне, а Элизабет все шептала, пробуя губами это удивительное, неземное имя:

— Абдул… Абдул… Абдул…

…плеснул ему алкоголя в ситро! И, можете ли поверить, пил за милую душу и даже не морщил-

ся! А уж как повеселел-то, ох-хо-хо. И до самой смерти потом хвастался, что никогда спиртного и в рот не брал! Хлыщ надутый.

— Полегче, полегче. Если ты забыл, он покинул нас.

— И вовремя, надо сказать! Как раз разминулся с теми, о ком писал в своих рассказиках. Фэрни, ты ведь тоже знал его?

— М-мы… никогда не встречались.

— Жаль, жаль! Он во многом заблуждался, но парень был занятный, Фрэнк подтвердит. Вот взять то же спиртное. Мог ли он подумать, что через каких-то десять лет без пойла будет как без воздуха?

— По-моему, ты преувеличиваешь.

— Если бы! Начнись вся эта катавасия чуть пораньше, во времена Закона, нас бы с вами вообще тут не было! Вот ты, Фэрни, знаешь хоть одного трезвенника? Такого, чтоб ну совсем ни капли?

— Не… не припомню.

— То-то и оно. Даже мусульмане сдались — но им вообще несладко пришлось, с такими-то гостями в Мекке. Можете сколько угодно со мной спорить, но привыкнуть ко всему этому не-воз-мож-но, и точка. Ты либо пьешь, либо съезжаешь с катушек. Еще лучше наркотики, только вот они

что-то не дешевеют.

— Очень удобная теория, Хамфри.

— Может быть, но ты тоже в нее укладываешься, Фрэнк, иначе не сидел бы тут со мной и Фэрни. Вот расскажи-ка нам о последней поездке в Провиденс, а? Смотри, как побледнел-то, глаза прячет. То-то и оно. Наша психика просто не приспособлена для такого. Можно сколько угодно хорохориться, но если уйдешь после такой вот встречи с мокрыми штанами и тиком, то ты еще легко отделался.

— Но ты же водился как-то с этими, безлицыми?

— Да они еще ничего — по сравнению с некоторыми вообще как мы, разве что языком не треплют. Хотя долго я даже с ними не выдержал бы. Есть в них что-то такое… неправильное. Ну и еще эта дурацкая привычка — живот щекотать. Шавкам-то того и надо, а вот мне…

— Хватит, не хочу о них. Фэрни, расскажи и ты что-нибудь, чего такой тихий? Как работа? Тайные шедевры, непризнанные гении? Новое слово в дамском романе?

— Д-да, есть… кое-что. Повесть. Дамам понравится.

— Скромничает, как всегда. Не верь ему, Фрэнк:

у него там настоящая бомба. Сам Главный так проникся — третий день не вылезает из кабинета. Вся редакция кипит. Ну, та часть, что в юбках. Веришь ли — перепечатывают друг у друга и читают, читают; еле заставил машинистку хоть сколько-то поработать. Их даже увольнением не проймешь — ополоумели просто. И что они в этом находят? Я полистал немного — так, солома с рюшами. Вот, казалось бы, все перевернуто с ног на голову, пространство-время разве что на помойку не выбросили — а женщин все равно понять не-воз-мож-но.

— Ты несправедлив, Хэмфри.

— А где ты во Вселенной видел справедливость, Фрэнк? Это человеческая выдумка, а человек сейчас не в почете. Но давайте еще по одной, у меня что-то горло пересохло…

Сердце Элизабет бешено колотилось. Конечно же, эта встреча была случайностью — но каким судьбоносным значением могло наделить ее любящее женское сердце! Да, она не могла более таиться от самой себя: Абдул пленил ее душу, напоил тело безудержной плотской жаждой — погубил ее! И пусть! Она скорее погибнет за один миг блаженства, чем позволит голосу разума подчинить ее волю, заточить в оковы бессмыс-

ленных приличий…

Абдул… Абдул… Абдул. Элизабет чувствовала, как с каждым ударом сердца все плотнее обволакивает ее сладостная паутина. От этого имени веяло сандалом и миррой, свежим ветром над ночной пустыней, строгой древностью руин. Устоять перед ним было немыслимо — да и надо ли?

Абдул, Абдул, безумный дар Аравии…

С женщиной ему повезло. Фэрнсуорт за свои полвека достаточно натерпелся, чтобы признать удачу с первого взгляда и не отталкивать ее.

Во-первых, ее дом стоял близко к подземке — и за две станции до его собственной. Даже с его скоростью на дорогу до подъезда уходило десять минут. И еще столько же по лестнице, но это уже другое дело.

Во-вторых, она никогда не смеялась над ним. Фэрнсуорт был слишком беден, чтобы покупать дорогих проституток, а большинству прочих не хватало профессионализма… да самого обыкновенного человеколюбия, черт возьми! Они не могли сдержать усмешки, когда замечали его трясущиеся руки, его скованность, неловкость, вялый член. О, ноги они раздвигали охотно, но с какими лицами! На него смотрели как на без-

родного попрошайку, забредшего в священный храм красоты и женственности, — даже если штукатурка в храме давно осыпалась, а купола поникли.

Она же встречала его как равного — как друга. Как брата. Последнее сравнение он гнал от себя как мог, но без успеха.

В-третьих, брала она совсем не много.

Однако был и один серьезный, очень серьезный недостаток — расположение квартиры. Шестой этаж, одиннадцать пролетов со старомодными высокими ступенями. Никакого лифта — хотя теперь его могла себе позволить даже «Миррор». Сам Фэрнсуорт жил на первом, но возможность домашних визитов не обсуждалась в принципе. Всякому делу — своё место.

Этот дом мало изменился с двадцатых. Лестницу, похоже, не мыли с тех же времен. За облупившимися стенами кто-то копошился: по привычке думалось о крысах, но тяжелый грибной запах указывал на тварей поновее — сухопутных головоногих, имени которым пока не подобрали. Наверное, дом обречен: в Бронксе никогда не строили на века, а с паразитами таких размеров дело только ускорится. Фэрнсуорту было плевать. Лишь бы потолок не обрушился на

его голые ягодицы.

Пока же обрушиться угрожало его собственное тело. В нем тоже поселился незваный гость, угнездившийся в мозге и раскинувший чёрные щупальца по всему организму. Фэрнсуорт уже много лет не мог вывести на бумаге даже собственную подпись. Родись он столетием раньше, на карьере можно было бы ставить крест. Хвала тому, кто придумал печатную машинку. И чума на вас, доктор Паркинсон, но не ждите, что я отчаюсь. Я получу своё, даже если этажей будет двенадцать. Двадцать. Тридцать. Я буду ползти по ступеням, как первобытная живая масса, ведомая единственным инстинктом — преумножать свою плоть.

И все же на десятом пролете он почти сдался. Почти. Но сверху уже слышался знакомый скрип, заглушивший и шорохи в стенах, и пульсирующий гул в ушах. Дверь Мэгги стонала, как неупокоенная душа в январскую ночь, царапала ржавыми коготками прямо по нервам. Но для Фэрнсуорта это был глас самой надежды. Он сулил конец тяжелого пути, мгновения блаженного покоя и неги.

— Фэрни, ты что-то поздно сегодня, — пискнула Мэгги, выглянув из проема. С лестницы было

видно немногое: бледная щека, подведенный лиловым глаз, пучок морковно-рыжих прядок. Фэрнсуорт ни разу не видел ее без макияжа — и не желал этого. Общипать у мечты хвост несложно, только перья потом назад не вставишь.

— Я ра… ра… работал. Извини.

— Ну что ты, милый, я же все понимаю! Пойду сделаю кофе, — чирикнула она и исчезла в квартире.

Фэрнсуорт переступил через порог, запер за собой дверь и послал Нью-Йорк ко всем чертям — или тем, кто пришел им на смену. Несколько часов удовольствия у него не отнимет никто. Желтые обои, красные торшеры, белый потолок — вот его дворец и оплот.

Отдышавшись и выпив пару чашек кофе с бренди, он развалился на диване, ленивым хозяйским взглядом скользя по телу Мэгги. Из одежды на ней был лишь розовый (персиковый?) пеньюар, не оставлявший простора для фантазии. Фантазий ему доставало и на работе. Из-под густо накрашенных век на Фэрнсуорта смотрели ясные зеленые глаза. Сегодня их блеск казался тусклым и усталым, и даже огненные кудри как-то поникли — словно это были не настоящие волосы, а парик.

— Не высп-палась? Клиенты?

Мэгги как будто смутилась.

— Нет, Фэрни… ты же знаешь, у меня из постоянных только ты и тот фараончик, Дункель, да еще один еврей… А с уличными я теперь стараюсь не связываться, на жизнь мне хватает.

— Н-ну так в чем же дело? — спросил он, неловко поигрывая ее рыжими кудрями.

— Чудно́ сказать, милый… читала всю ночь.

Какое-то время Фэрнсуорт таращился на нее, затем отрывисто хохотнул. Мэгги надула губы.

— Ну зачем ты так, Фэрни… Ну да, я не машинистка и пишу с ошибками, но читать-то умею. И даже люблю иногда. Вот возьму и обижусь на тебя.

— Ну прости, п-прости, — растерянно пробормотал он и чмокнул ее в щеку. — Что же такое и-и-интересное ты читала?

— Ох, Фэрни, до меня только сейчас дошло! Ты же в ней и работаешь!

— В ней?

— Ну ты понял. В «Миррор», или как ее там.

— И откуда т-такой интерес к н-нашему почтенному изданию?

— Сьюзи мне все уши прожужжала — почитай, мол, тебе понравится. А, да ты же ее не знаешь.

Ну вот, она так на меня насела, что пришлось пойти к мистеру Филлипсу и купить ее. Газету, в смысле. У мистера Филлипса аптека на углу, я как-то еще просила тебя…

— Мэгги, г-газета.

— Ой, извини. Принесла я, значит, ее домой, а час-то поздний уже. Хотела почитать чуточку и спать лечь, но как начала — так сразу и приклеилась, не оторваться.

— Постой, да что же ты такое читала? — просипел Фэрнсуорт, прекрасно зная ответ.

— Ну как что — эту вашу историю про любовь. Элизабет такая лапочка. Вот бы и мне так повезло! Мы ведь с ней очень похожи, на самом деле. У меня сестру тоже зовут Мэри, только она младшенькая. И когда мы жили в Теннеси, дом у нас тоже стоял у пруда. Без колонн, конечно, — какие уж тут колонны, нам бы хоть крышу починить…

Она щебетала и щебетала, и Фэрнсуорт послушно кивал, но мысли его были далеко. Черт возьми, Роули в кои-то веки попал в яблочко. Если «Миррор», теперь читают даже проститутки в Бронксе, то это несомненный успех. Эдвард Софтли еще пожалеет о своей бескорыстности, когда потекут золотые реки. Что-нибудь обязательно перепадет и скромняге редактору — в конце концов, это он

набрел на счастливую жилу. Если же его опять попытаются обойти, он просто засунет рукопись в портфель, соберет вещички — и поминай как звали. Адрес Софтли есть только у него, а уж с этим типом как-нибудь договоримся, хоть тот и запретил беспокоить его без нужды. Ох уж эти литераторские капризы… Можно еще навязаться ему в агенты. Рыбка уже клюнула, сейчас эту штуку в любой газете с руками оторвут. Даже и в «Таймс». Но на этот раз оформим контракт по всем правилам. Если Софтли не знает цену деньгам, то у Фэрнсуорта таких трудностей не возникнет. Выжать его досуха, а затем можно перейти к чему-нибудь поинтереснее. Вот тот же Лонг до сих пор пишет — а ведь раньше был неплох. Растормошить его немного, вывести на роман… Там можно и подтянуть остальных из старой гвардии — Смита, Куина, Боба… хотя нет, этот десять лет как мертв. Само собой, придется как-то перестраиваться, на оккультных страшилках нынче погоды не сделаешь. Но кто захочет, тот сумеет. А если сложится с деньжатами, то можно и в АМА слетать — говорят, жаберники творят чудеса. В том числе и с Паркинсоном. Да в самом деле, чего церемониться — заберу рукопись сегодня же, и дело с концом.

Внезапно Фэрнсуорт почувствовал, что мужское его естество напряжено и готово к действию. Обычно от Мэгги требовались долгие и кропотливые усилия, чтобы добиться от него хотя бы подобия твердости. Сейчас все получилось само собой. Хороший знак. Он на верном пути.

— Мэгги, — мягко прервал он ее монолог. — Я отдохнул. Д-давай начнем.

— Но я же не все еще рассказала! Потом она пишет ему письмо…

— Мэгги, я з… знаю эту историю. Кто, д-думаешь, их сочиняет?

Ее глаза распахнулись широко — неестественно широко, словно веки могли вот-вот отлететь, как скорлупа с яйца. Фэрнсуорт раньше и не замечал, какие странные у нее белки — желтоватые, в сеточке полопавшихся сосудов. Может, подцепила что-то? Разумеется, они не пренебрегали гигиеной, но с женщинами такого сорта никогда нельзя быть уверенным до конца.

— Ух ты, Фэрни! Какой же ты молодец! Расскажешь, что было дальше? Хотя нет, не надо — так уже неинтересно. Дождусь пятницы, хоть и жуть как не терпится. Но ты был хорошим мальчиком, — ворковала она, расстегивая «молнию», у него на брюках, — и сейчас тебе будет награда.

Ой, а ты и вправду хорошо отдохнул. Ну здравствуй, здравствуй. М-м-м…

Пристроив очки на спинке дивана, Фэрнсуорт закрыл глаза.

Ему было пятьдесят семь, и славный доктор Паркинсон водил с ним дружбу не один десяток лет, но некоторые потребности сохранялись, а чувства и желания не хотели притупляться. Его душа состарилась, плоть иссохла, и все же женское тело до сих пор оставалось для него желанной и достаточной целью. Только эта цель и вела его сквозь тоскливые будни, делая пытку бытия сколько-нибудь сносной.

Соня… Ну и где же теперь твоя нахальная улыбка? Как не бывало. И правильно, для твоего рта найдется лучшее применение… так… так. Будешь знать, как совать свой еврейский нос в мужские дела… да… До чего же хорошо… даже *слишком* хорошо. Пусть это длится вечно.

Он сгреб ладонью ее волосы, стиснул в кулак, потянул — и едва не угодил себе по носу, потому что весь пучок остался у него в руке. Ошалело вытаращившись на него, Фэрнсуорт перевел взгляд ниже.

На макушке Мэгги открылась широкая плешь, затянутая чем-то антрацитово-серым, как будто

даже чешуйчатым. Остатки волос на затылке и за висками уже опадали ему на брюки оранжевой соломой.

— М-м-м.

Без очков он видел скверно, но вместо лба и носа Мэгги у его паха вырисовывалось что-то вытянутое, грубое, все того же землистого цвета, похожее на хобот или свиное рыло.

— М-м-м.

С потрескавшегося лица на него взирали два больших лимонно-желтых глаза.

Он шарахнулся к краю дивана (что-то громко хлюпнуло, отпуская его), вскочил, повалился обратно, бросился на пол, опрокинул журнальный столик (НЬЮ-ЙОРК МИРРОР, мелькнуло с бумажным шелестом), снова вскочил и, путаясь в брюках, понесся к выходу.

— Фрм-м-м, хд-с-с т-т-т? — послышалось сзади, но он уже был на лестнице, летел навстречу земле, не замечая ступеней, забыв про собственные ноги. Перекошенные двери, пятна плесени, бледный отросток, выглядывающий из стены. Стук, стук, стук в ушах, стук по ступеням. Стон дверных петель. Фрм-м-м, хда-а-а? Изломы, зигзаги, овалы…

Сознание вернулось к нему у входа в подземку.

Брюки так и болтались на щиколотках. Фэрнсуорт не смог бы сказать, сколько раз падал на пути сюда, но не два и не три. Очки остались на диване. Пиджак с бумажником тоже. И где-то по дороге его орудие успело разрядиться. По дороге. И ни минутой раньше.

Он поднял брюки, застегнул ремень и неуверенно побрел к ближайшему спуску, нашаривая в карманах мелочь.

Уже на платформе, когда сердце сменило галоп на нервную рысь, Фэрнсуорт вспомнил, что не оставил платы за посещение. Стыдно не было.

…В последний миг ее охватил неодолимый страх: хотелось вырваться, бежать прочь из комнаты, навсегда покинуть этот счастливый уголок земли и спрятаться далеко-далеко — там, где не надо делать выбор между восторгом и ужасом, где все спокойно и понятно, где ОН никогда ее не найдет, даже если она проклянет себя когда-нибудь за это решение. Но вот пришел следующий миг, с ним пришла боль — и тотчас же сменилась мучительно-сладкой негой, уже не отпускавшей ее…

Позже она лежала в его объятиях, опустошенная и наполненная одновременно, и пропускала огромный новый мир через себя, пробовала его на вкус, нежась в уютном безвременье.

— Любимая, — разнесся во мраке опочивальни бархатистый шепот, — счастлива ли ты?

— Счастлива ли я? О нет, Абдул, нет! Какое глупое, слабое слово! Разве может оно сравниться с тем, что наполняет сейчас мою грудь? Нет, о нет! Если я счастлива, то это счастье, созданное для богов. Не жалких земных богов, что подобны нам в пороках своих и безумствах, — нет, для иных богов, что вовеки пребудут за краем небесной тверди, средь великих красот и чудес. И это чудо явил мне ты, Абдул!

— Но не страшит ли тебя кровь, что обагрила этот белый шелк?

— Ах, Абдул, эту кровь я пролила для тебя! Как может меня что-то страшить, когда ты рядом?

— О Аллах! Я зрел в тебе лишь красоту и юность — и не ведал, какую мудрость таишь ты в себе. В крае, который вы называете Востоком и откуда я родом, любовь почитают искусством — и, подобно всякому искусству, она нуждается в сообразном инструменте. У ваятеля есть резец, у живописца — кисть, у музыканта — лютня. Инструмент того, кто познал искусство любви, — кровь. Кровь священна и вечна, Элизабет, кровь есть сама жизнь…

— Информация, Райт. Все дело в информации.

...На пятый день у него закончились даже галеты. Последнюю бутылку виски он осушил еще вечером — и к лучшему, потому что вместе с головной болью (неожиданно слабой) к нему наутро возвратилась ясность разума. Перевернутым крабом развалившись на скомканной простыне, он изучал трещины на потолке и размышлял, что же такое на него нашло. Безусловно, галлюцинация была не из приятных — но все-таки оставалась галлюцинацией. В прессе регулярно мелькали статьи о коварных проститутках, подсыпáвших клиентам в напитки разнообразные вещества. Как правило, целью был обыкновенный грабеж, однако встречались и более экзотические варианты, вплоть до запрещенных видов жертвоприношений. Очевидно, Мэгги по неосторожности превысила дозу или же наркотик вошел в непредвиденную реакцию с кофе либо бренди; так или иначе, эффект оказался чересчур мощным. Фэрнсуорт с горечью подумал, что в очередной раз погорел на своей наивности: не стоило так доверяться публичной женщине, даже если все как будто бы говорило о ее простодушии. У этих существ, торгующих собственным телом, свои представления о морали и преступлении. В их мире не существует

ни верности, ни чести: все это мужские понятия, которым *они* следуют лишь для виду. Горько получать от жизни по носу, когда за плечами полвека и полстраны, и все же он отделался сравнительно легко: бумажник с кое-какой мелочью, трость, очки и несколько дней прогула. Телефона у него не было, а тратить время на поездку в Бронкс и поиски его квартиры никто из коллег не пожелал. Что ж, и это тоже к лучшему: ему в любом случае полагался отпуск, а с «Миррор», без него за такой срок ничего не случится. И вообще скатертью дорога.

Но побывать в редакции еще хотя бы раз все же придется: рукопись нужно уводить, пока ее не хватились. И надо бы выбрать жалованье за последние недели. Фэрнсуорт всегда держал под рукой пару десяток на черный день (в комоде; после Черного вторника он стал относиться к банкам с изрядным предубеждением, и биржевой кошмар тридцать девятого зацементировал эту веру), однако почти все его сбережения ушли в тот злополучный вечер на виски и сигареты.

Из-за штор в прокуренную комнату пробрались первые солнечные лучи; рассвело. Он опасливо поднялся с кровати, поплелся к умывальнику — и с удивлением отметил, что чувствует себя

даже лучше обычного. В голове все еще шумело, но конечности наполняла давно забытая бодрость, а сердце билось спокойно и ровно. Похоже, славный доктор отлучился по делам. Фэрнсуорт не возражал.

Облачившись в единственный уцелевший костюм и разыскав домашние очки, он повязал галстук, сгреб со стола остатки денег и пружинистым шагом покинул квартиру. Подземка еще не работала, пришлось ловить такси. Через несколько минут вдали завиднелся одинокий автомобиль, мчавшийся на бешеной скорости. По всем признакам он должен был пронестись мимо, но в последний момент затормозил, визжа покрышками. Выбирать не приходилось. Услышав, что ему надо в Куинс, водитель нервно кивнул и распахнул дверцу; на вопрос о плате пробубнил что-то вроде «сколько есть, и сразу же». Фэрнсуорт в один миг расстался с последними грошами, но его хорошее настроение не развеялось: по совести, поездка стоила дороже. По пути таксист молол невнятный вздор и зачем-то предложил ехать вместе с ним в Пенсильванию — у родственников там ферма, не откажут. Словесный поток втекал в уши Фэрнсуорта, не задевая сознания; его охватила приятная дремота, в которой плава-

ли, как в растворе, причудливые геометрические формы и бессвязные обрывки мыслей. Кривые, зигзаги, завитушки… и как можно было думать, что в них нет смысла, вот же он, вот…

Грубо вторгшись в его грезы, такси дернулось и встало перед зданием редакции. Едва успев высадить пассажира, водитель дал по газам, и вскоре улица вновь опустела.

Поднимаясь в лифте, Фэрнсуорт насвистывал…

— Боюсь, в наше время даже умные и эрудированные люди — такие, как вы, Райт, — имеют не вполне верное представление о сути и значимости этого поразительного явления. Ничего постыдного здесь нет: всего неделю назад я и сам пребывал в невежестве, — однако в моем новом… статусе осмысление некоторых понятий дается значительно легче. Считаю своим долгом поделиться и с вами, Райт; немного времени у нас еще есть.

…В редакции, как и ожидалось, не было ни души (так же и на первом этаже — по всей видимости, ночной сторож не особенно дорожил своим местом). Впрочем, его появление никого не удивило бы: Фэрнсуорт считался ранней пташкой и всегда приходил на работу одним из первых; ключи от внешней двери ему доверили

не случайно.

Воздух в коридоре стоял несвежий, с каким-то душком. Неужели и здесь паразиты? Его бы больше устроила старая добрая крыса, даже если и пришлось бы вскрывать пол на всем этаже.

Он прошмыгнул в литературный отдел, поплотнее затворил за собой дверь и направился к окну. Традиционно обязанность открывать форточку возлагалась на Соню (она очень мило балансировала на скамеечке, разом пытаясь сдвинуть защелку и придержать подол юбки), но Фэрнсуорт ощущал в себе достаточно сил, чтобы сделать это самому. Головная боль исчезла, словно ее и не было. Черт, да ему сегодня и трость не понадобилась. Честное слово, как в отпуске побывал. Может, он еще поблагодарит Мэгги…

— Наиболее распространенное и обобщенное определение гласит, что информация — это некое знание или представление, передаваемое одними лицами другим в какой-либо условленной форме, будь то устная речь, письменная, рисунок и так далее. Безусловно, сказанное соответствует истине, однако данное определение страдает узостью и несколько однобоко. В действительности понятие информации неизмеримо шире, хотя привыкнуть к этой мысли и непросто. Инфор-

мация окружает нас со всех сторон, Райт, на ней — и только на ней — построена сама Вселенная. Мы сами — одна из форм информации… Понимаю, звучит это странно, поэтому считаю своим долгом дать вам некоторые объяснения. Попробую проиллюстрировать свою мысль примером. Представьте себе каменщиков, возводящих здание — хотя бы даже и то, в котором находимся сейчас мы с вами. Каменщики действуют согласно некоему плану, намеченному архитектором. Думаю, вы согласитесь, что этот план — форма существования информации. На этом, однако, история не заканчивается. Движения каждого работника, необходимые для надлежащей укладки кирпичей, — это также информация. Состав раствора, скрепляющего эти кирпичи в единое целое, — информация. Более того: атомы, из которых сложены и кирпичи, и раствор, и каменщики, организуются по неким естественным принципам — а что есть принцип, как не форма информации? В живых организмах атомы складываются в клетки, те, в свою очередь, — в ткани, ткани — в органы. Как было известно еще Гиппократу и прочим древним, нарушение этих принципов ведет к возникновению аномалий и уродств. И тем не менее лишь единицы задумы-

вались о подлинном значении этих фактов.

…Рукопись лежала там, где и была оставлена. Фэрнсуорт убрал ее в портфель и позволил себе окончательно расслабиться. У наборщиков осталась третья глава — и больше публика не получит ни словечка, пока повесть мистера Софтли не найдет новый дом.

Осталось дождаться бухгалтера. Нашарив в столе пачку сигарет, он подумал, не закурить ли прямо в кабинете, но слушать фырканье Сони не хотелось: слишком хорошо начинался день. Сгодится и обычное место.

В коридоре было все так же тихо и душно, только еле слышно капала где-то вода из крана. Он прошел к единственному окну, распахнул створки и запрыгнул на подоконник. Грудь его переполняла неясная, почти мальчишеская радость. Даже желтизна за частоколом труб и флюгерных божков ласкала глаз. Да, мир изменился, но люди приспосабливались и не к такому. Говоря откровенно, тем, другим, мы почти что безразличны — а значит, можно жить как раньше.

Из переулка донесся шум. В запасных очках Фэрнсуорт видел еще хуже прежнего, но все же разобрал, что у дальней стены роется в мусоре уже знакомая ему пегая шавка.

— Привет! — крикнул он, стряхивая пепел за окно. — Как делишки, Тоби?

Собака вроде бы посмотрела на него и вильнула хвостом, после чего вернулась к своему занятию. Фэрнсуорт последовал ее примеру и вновь обратился к праздному созерцанию.

Букашек на слуховых окнах как будто не было. Вот и превосходно. Странностей ему хватило на три жизни вперед. Что же за дрянь ты мне подмешала, Мэгги?.. Впрочем, одна странность была: стекла в окнах казались до того мутными, будто…

Воздух прорезал истошный визг. Вздрогнув, Фэрнсуорт уронил сигарету на брюки. Несколько секунд он тупо глядел на нее, потом спохватился и смахнул на пол. После еще одной паузы соскочил с подоконника, отыскал тлеющий окурок, с опаской подобрал за фильтр и вышвырнул.

Брюки были загублены. Последняя пара.

Но по-настоящему его беспокоило нечто другое — что-то настолько очевидное, настолько грубо осаждавшее его чувства, что он даже не осознавал этого.

Визг продолжался, не утихая, — стилетом бил по барабанным перепонкам и ворочал острием. Истошный собачий визг.

Фэрнсуорт высунулся в окно. У мусорных баков билось, словно под током, черно-белое тельце. Сбоку к нему приникло какое-то существо покрупнее. Фэрнсуорт схватился за очки, чуть не вдавливая оправу в лицо, но так ничего и не разглядел.

Внезапно визг оборвался. Спустя мгновение от стены оторвалась тень и бесшумно заскользила по переулку, обретая форму и цвет.

Фэрнсуорт смотрел ей вслед, пока боль не напомнила ему, что очки по-прежнему вжаты в глазницы. Тогда он опустил руки и долго сидел без движения.

Форма и цвет, цвет и форма. Изломы, кривые, круги. Форму было трудно не узнать даже без очков — она давно уже отпечаталась у него в мозгу и закалилась в огне бесчисленных фантазий. Сейчас она выглядела странно искаженной, скособоченной, но общие очертания сохранились. И цвет, этот проклятый цвет спелой вишни.

Или чего-то совсем другого — он вечно путал оттенки…

— Итак, примем это как аксиому: в основе сущего лежит информация. Теперь перед нами открывается множество интересных возможностей. Вновь обратимся к примеру. Как вы знаете,

примитивные виды информации относительно легко поддаются преобразованию и переходят из одного состояния в другое. Так, по мотивам романа снимают фильм; по фильму в свою очередь на Бродвее ставят мюзикл; на песни из мюзикла сочиняют пародии — и так далее. При этом некие изначальные элементы остаются общими для всех этих произведений, иначе цепочка обрывается. Теперь расширим нашу метафору. Представим, что подобные трансформации возможны не только в культурно-ментальной среде, но и с любыми другими проявлениями бытия. Как я уже упоминал, живая материя также информационна по своей природе. Доводилось ли вам слышать имя некоего Клода Шеннона, Райт? О, это был способный паренек. Начинал он в Мичиганском университете, продолжил в МИТе. Еще тогда ему прочили блестящее будущее. Можете догадаться, как называлась его докторская? Не догадаетесь. «Алгебра для теоретической генетики». Генетика, Райт. Сейчас слово почти забылось, но к нашему предмету оно имеет самое непосредственное отношение… Как бы то ни было, диссертацию Шеннон закончил в сороковом — и по понятным причинам опубликовать ее не смог, поскольку научный ландшафт к тому

времени успел измениться. Тогда он предпринял единственный возможный шаг и перебрался в Аркхем, где дарование такого масштаба встретили, конечно же, с распростертыми объятиями. Пару лет он мирно трудился над своими теориями, а потом взял да и пропал — безо всяких следов. Поговаривали, конечно, о руке Советов, но больше из страха. Люди так чисто не работают, Райт. А Советам давно уже не до нас — с этими их сибирскими проблемами… К чему я вообще заговорил о Шенноне, спросите вы? Все крайне просто: перед исчезновением он как раз работал над теорией информации. Прибавьте к этому интерес к генетике, сложите два и два — и придете к очень любопытным выводам… Сам факт исчезновения указывает на то, что наш гений нащупал нечто важное. И я объясню вам почему.

…Фэрнсуорт запер кабинет и перевел дыхание. В ушах снова гудело. В бухгалтерию можно будет заглянуть и после обеда, а сейчас ему, как никогда, требовалось выпить. Бармен в «Дохлом Джонни», хорошо знает его и не откажет в кредите. До чего же стойкий оказался наркотик! Где только Мэгги раздобыла его? За такие грезы, сколь угодно дикие, кое-кто отдал бы хорошие, очень хорошие деньги.

Прижав портфель к груди, он направился к выходу.

Кап, кап, кап — капал незакрытый кран. Разруха и ржавчина, вот что такое «Миррор». И вонь, всепроникающая вонь.

У двери он вспомнил, что ни умывальников, ни туалетов на этаже нет. Редакционные дамы постоянно жаловались, что по всякой надобности приходится бегать к страховщикам на четвертый, но Главный и ухом не вел.

Значит, отопительные трубы.

Летом?

Фэрнсуорт без спешки двинулся обратно. Капало где-то рядом: лениво, вязко… не похоже на воду. И вонь как будто усилилась.

Тут ему впервые бросилось в глаза, что дверь в кабинет Литлвита приотворена. И звук доносился именно оттуда.

Он заглянул в щелку.

Литлвит мешком распростерся на столе красного дерева, которым так гордился при жизни. Запах гнили подтверждал, что он очевидно и несомненно мертв. Голова безвольно свешивалась со столешницы, из уха сочилась кровь — кап, кап, кап. Перед корзиной для бумаг расползлась большая темная лужа. Кап, кап. Глаза Литлвита

были приоткрыты и взирали на Фэрнсуорта с холодным презрением, присущим только мертвецам. Кап, кап — чем ты отличаешься от меня, много ли осталось тебе самому?

В углу за кадкой с фикусом что-то зашевелилось, и Фэрнсуорт, зачарованный зрелищем, не успел отстраниться от двери. На середину комнаты выползло на четвереньках человекоподобное существо. По перекошенным очкам в нем можно было узнать мисс Уилли, машинистку Литлвита. Или, вероятнее, ее очки и одежду присвоила какая-то безволосая обезьяна с ячеистой серой кожей и вытянутой мордой. Сердито рыкнув, существо прошлепало к столу, присело, обхватило лапами голову трупа и пристроилось к левому уху. Затем из пасти его что-то быстро выстрелило, и послышалось чавканье.

Он вскрикнул. Тварь тут же отвлеклась от трапезы и воззрилась на него. Таким взглядом встречают посетителей волки в зверинце. Спокойным, уверенным, парализующим душу.

Фэрнсуорт с воплем кинулся прочь, дергая за каждую попадавшуюся дверную ручку. Наконец одна из них поддалась; влетев в помещение, он захлопнул дверь, нащупал задвижку, закрыл ее и сполз на пол.

И с первым же глотком воздуха чуть не задохнулся от смрада.

Он поднял голову…

— Допустим, некое заинтересованное и достаточно могущественное Лицо желает приспособить некую среду под свои привычки и потребности. Оно может поступить двояко. Во-первых — войти в контакт с аборигенами и попытаться уговорить их либо иными ненасильственными методами склонить на свою сторону. Если эти методы не сработают, можно принудить их силой — но и здесь результат не гарантирован. Человек в целом чересчур упрям, чтобы беспрекословно подчиняться кому бы то ни было. Как бы послушно ни склонила головы основная часть населения, всегда останется горстка недовольных и готовых сопротивляться. Должно быть, это врожденное. Остается второй вариант: переделать аборигенов по собственному образу и подобию. И вот здесь-то мы возвращаемся к понятию информации. Предположим, что создается — кем, не столь важно — некое литературное произведение, в скрытом виде содержащее в себе инструкции по фундаментальной перестройке человеческого организма. Предположим также, что произведение это публикуется в некоем пе-

риодическом издании и имеет значительный успех среди прекрасной половины человечества. Всякая дочерь Евы, за редким исключением, подвергнется определенной трансформации, соответствующей целям и намерениям упомянутого Лица. Что касается сильной половины, эффект может быть непредсказуемым, хотя на конечной стадии процесса внешние различия неизбежно сгладятся. Данное противоречие может быть связано с природой Лица, которую традиционно связывают с женским началом. Шеол-Нагганот, Черная Козлица Лесов с Тысячью Младых… Поверьте, Райт, их много больше тысячи. Некоторых из них вы видите прямо сейчас. Вдумайтесь — какая гениальная простота! Ее дети проникают в нас с каждой прочитанной строчкой — и мы необратимо меняемся. Кто-то заметно, кто-то исподволь, но меняются все. О, Райт, вас тоже не ми́нет чаша сия. Подождите совсем немного, и будете вознаграждены. Ибо так возлюбила Шеол-Нагганот эту землю, что любовь ее преображает и возвышает все сущее, и нет ей пределов.

Фэрнсуорт не отрываясь смотрел на пузырчатую массу, растекшуюся по столу Роули. Человеческого в ней осталось мало. Та часть, которая

вероятнее всего была головой, сплавилась в безобразное целое с печатной машинкой. Остальное колыхалось и побулькивало, как жидкий воск. И все же создание было способно мыслить и даже воспроизводить человеческую речь. И Фэрнсуорт слушал, слушал, слушал.

По разжиженной плоти, по столешнице, по коврику у двери и голому паркету ползали существа размером с кулак, выписывавшие нечеловеческие узоры и фразы на неведомых языках. Рассмотреть их никак не удавалось: это была не столько материя, сколько ее отсутствие; казалось, пристальный взгляд на их сверкающие тела мог расколоть череп надвое. Разум был не приспособлен к подобному, и другой на месте Фэрнсуорта справился бы не лучше. Он отвел глаза.

— Информация, Райт. Информация. Наши друзья с Юггота давно знают ей цену — и научились консервировать мыслящие сущности, как мы консервируем огурцы. Я вступил с ними в контакт — каким именно образом, умолчу, — и теперь представляю их философию и жизненный уклад несколько лучше, чем прежде. Но даже и они работают грубо и неэффективно в сравнении с той удивительной метаморфозой, что уготована для всех нас. Ибо тому, кто заражен — благо-

словлен — личинками Шеол-Нагганот, суждено познать святость преображения и чистой информации. Мы сбросим оковы плоти, Райт, и вступим в новый мир, далеко превосходящий все наши представления о рае и аде. Это предстоит и вам, в свой черед. Быть может, пристрастие к нездоровым и странным сюжетам определило вашу устойчивость к некоторым информационным воздействиям — но когда-нибудь вы вспомните об этом с сожалением, даже если сейчас и скованы ужасом. Не спрашивайте, откуда мне это известно: в своё время поймете сами. А теперь, увы, вынужден с вами попрощаться. До встречи, Райт. Не задерживайтесь. Вас уже ждут.

В наступившей тишине Фэрнсуорт слышал только тиканье часов и собственное хриплое дыхание. Затем раздался громкий хлопок, и комнату заполнила густая нефтяная вонь. Открыв глаза, он увидел лишь копошащуюся на столе пустоту.

— Абдул, скажи мне, что это блаженство никогда не закончится, — прошептала она, глядя в его бездонные чёрные зрачки.

— Никогда, любимая. Я буду с тобой, пока солнце не обратится в холодный пепел, пока звезды не закружатся в последнем танце и не рассыплются в пыль. Я буду с тобой, пока боги не покинут

своего далекого прибежища в ледяной пустыне, пока хаос не захлестнет земное бытие ревущей волною. Но даже и тогда я буду с тобой. Вместе мы ступим за грань времен, вместе растворимся в сияющем поднебесье и сольемся в божественной гармонии, ибо любовь наша вечна и нет ей границ.

Я не покину тебя никогда.

Никогда.

Стоя на краю котлована, Фэрнсуорт наблюдал за воронкой. Глазные яблоки болели так, будто вот-вот лопнут, в черепной коробке визжала циркулярная пила, но он заставлял себя смотреть. Сейчас это было важно, как никогда.

Место на руке, куда его укусила женщина из подземки, все еще кровоточило. Обрывок рубашки, которым он наскоро перевязал рану, потихоньку менял цвет от багрового к изумрудно-зеленому. Вероятно, это что-то значило, но интерес к таким вещам у него пропал.

Сверкающие сгустки небытия обтекали его ноги и тысячами низвергались в яму, вихрясь по стенам живым водоворотом. На пути сюда их было еще больше — на фасадах и крышах, окнах и дверях, светофорах и дорожных знаках. Их притягивала всякая поверхность. И всякую

поверхность они переписывали заново.

Пятнисто-желтые дома Бруклина глядели на него молочными бельмами, сдуваясь и раздуваясь, как исполинские меха. Хотя к черту эвфемизмы: как легкие, распухшие легкие умирающего гиганта. Там, где раньше стояли трубы, апатично колыхались гибкие чёрные отростки — но сходство с водорослями было обманчивым, и это стоило жизни многим птицам. Впрочем, последний птичий крик Фэрнсуорт слышал за много кварталов отсюда. Теперь небо безразлично голубело над головой — чистое, как лабораторное стекло, если не считать горстки военных дирижаблей, с которых кто-то по чему-то палил. Время от времени раздавались взрывы, и с каждым на небесном холсте становилось на одну кляксу меньше. Фэрнсуорту нравился этот новый город.

Прохожих ему по пути не попадалось — только темные фигуры в юбках, платьях и жакетах, изорванных и пестрящих ржавыми пятнами. Его обнюхивали, настороженно буравили глазами, но не трогали — за исключением той, что подстерегала жертв у турникета в метро, куда он сунулся было по глупости. Разглядеть ее как следует не удалось: впихнув ей в пасть портфель, Фэрнсуорт

поспешил вернуться на улицу. И все же у него осталось впечатление, что в ее яростной атаке было больше от обыкновенной помешанной, чем от преображенной. Кажется, у нее даже сохранились волосы. Не у всех метаморфоза протекала так быстро и безболезненно, как у Мэгги.

Да, его не трогали, но остальным повезло меньше. Живые попадались редко. Чаще ему приходилось перешагивать через тела, распростершиеся на тротуаре в самых неудобных местах. Некоторых смерть застигла в машинах; эти таращились невидящим взглядом из-за разбитых стекол, словно удивляясь, что гений Генри Форда не сумел их защитить. У большинства увечья ограничивались единственной раной в ухе, хотя в некоторых было уже трудно признать недавних ньюйоркцев, еще вчера ворчавших на изменников из Капитолия и препиравшихся с женами. Многих покрывала бурлящим ковром та же неопределимого цвета масса, что и все вокруг. Схлынув, каждая стайка оставляла за собой бугор бесформенной плоти, пульсирующей рваным сердечным ритмом. Все происходило в глухой тишине, и звук собственных шагов казался Фэрнсуорту богохульством.

На Батлер-стрит ему встретилась живая собака

— рыжая дворняга, забившаяся в угол у парикмахерской. Прежде чем он успел что-то сказать или сделать, сверху спикировала крылатая фигура, подхватила животное под брюхо и вместе с ним исчезла в проулке.

Он не знал, сколько времени заняла эта прогулка и каких опасностей избегнул по пути, и тем не менее стоял теперь у жерла котлована и наблюдал, как в теле Нью-Йорка открывается зияющая язва, набухая и ширясь с каждой волной бесцветных телец.

Догадаться можно было с самого начала. Двадцать лет назад он отдал полсотни за рассказ о той самой земле, которую попирали сейчас его ноги. Тогда этот район назывался «Паркер-плейс», а на месте котлована стояла церковь. С тех пор от нее осталась лишь груда раздробленных камней да цветные осколки витража.

Мог ли он подумать, что в тех нелепых фантазиях скрывалась хоть толика истины?

До него доходили слухи, что в Бруклине снесли очередную церковь и вместо нее хотят устроить мемориал какому-то мученику домифической эпохи. Мог ли он подумать, что речь шла о Роберте Сейдеме?

Мог ли подумать, что где-то под землей вновь

открыла зев бездонная впадина, которая считалась запечатанной раз и навсегда?

Он многое понял слишком поздно, но ошибки эти принадлежали другому — беспомощному созданию, трусливо бежавшему от предназначенной ему судьбы. Оно ушло навсегда — вместе с доктором Паркинсоном, с близорукостью, со своей жалкой похотью и загаженным разумом. Чужая необоримая воля переписала его набело, перечеркнув даже имя. Фэрнсуорт. Фэрнсуорт. Фрн-н-с-т.

«Обращаем Ваше особое внимание на то обстоятельство, что до определенных пор попытки установить с Нами какой бы то ни было контакт крайне нежелательны. Спешим заверить Вас, джентльмены, что в надлежащий час Мы сами будем искать встречи с Вами. С наилучшими и искреннейшими пожеланиями, Эдвард Софтли».

В сияющей бездне, клокотавшей под ногами, уже проступали очертания Той, что ждала за гранью — тысячеликая луна, спутница ночи, матерь теней. Усталое солнце дрогнуло и отступило, отдавая Ред-Хук во власть иного света, иных законов.

Боль в глазах — вот и все, что осталось от Фэрнсуорта.

Сжав в лапе кусок вишнево-красного стекла, его преемник двумя точными ударами поприветствовал новую эпоху.

* * *

Мне кажется, или общий настрой в письмах становится все более безысходным? Или это я сам в своем затворничестве уже не вижу никакого просвета?

Отшельник из Провиденса, наверное, ощущал нечто подобное. Невыносимо страшно чувствовать себя носителям тайного знания и не иметь возможности рассказать об этом. Точнее — сказать-то можно, но вряд ли кто поверит. У меня немного другая ситуация: я сам не хочу, ибо не вижу смысла. Они уже здесь, Мифы пришли навсегда, и моя правда ничего не изменит. Любое сопротивление давным-давно подавлено, недовольные уничтожены или изменены, государственные деятели стали марионетками. А самые могущественные державы мира превратились в арену столкновения ИХ интересов.

Люди сами по себе больше никого не интересуют. Так что лучше пусть и дальше пребывают в неведении. А мне остается лишь скрупулезно фиксировать факты и домыслы моих респонден-

тов, надеясь, что когда-нибудь найдется человек решительнее скромного исследователя. Я всего лишь наблюдатель. И вместо дара Предвидения, как у Затворника, я получил лишь дар молчания.

Мифы сродни неотвратимо надвигающемуся товарному составу. Ему некуда свернуть, и уж тем более бесполезно пытаться его остановить. А если все-таки рискнешь, держись. Правда о себе самом, открывшаяся внезапно и неотвратимо, как слепящий свет фар локомотива, иногда бывает пострашнее самой суровой кары.

Анастасия Зайцева
Письмо из Паллена

2012

One day in (the) Mayan calendar
The Winter Solstice is open
Like a gate to the Plumed Serpent
For the Maya and the Toltec he return
Sol, volvera, en la costa vimos su luz
Quetzalcoatl

Oh Senor del Sol!

Ride on Quetzalcoatl and you will reach another day

When Capricorn will change the world

Enter into 2012

Ancient forecasts of the Maya will be true

Sol, volvera, en la costa vimos su luz

Quetzalcoatl

Oh Senor del Sol!

Простите меня, дорогой друг, что пишу Вам, но никто другой не сможет понять то, что произошло со мной во время этой экспедиции, более того, боюсь, что мне не поверят. Но позвольте мне начать с самого начала, чтобы не утаить ничего из этой странной и пугающей истории.

Вам наверняка известно, что университет Брауна интересуется исследованиями индейских городов на полуострове Юкатан и в Южной Америке. Вы должны быть осведомлены об этом куда лучше, ведь до той злополучной поездки я даже представить себе не мог, что развалины старого города не будут давать мне спать по ночам. Они приходят снова и снова, и никакие лекарства от них не спасают. Это становится просто невы-

носимо и заставляет меня помыслить о самом страшном.

Но я пересиливаю себя и продолжаю писать. До нынешнего дня большинство научных экспедиций имели своей целью прекрасно сохранившийся город «Пернатого змея», и «Пещеру волшебников», недалеко от мексиканского городка Тула-де-Альенде. Каждый, кто интересовался историей мексиканских индейцев, наслышан о легендарной Туле, которая, согласно единодушным сообщениям индейских хроник, в конце первого тысячелетия была главным и одновременно самым роскошным городом тольтеков — индейского племени, носителя высокой культуры, с которой связывали своё прошлое все, кто жил в Мексике после них.

И уже здесь мы натыкаемся на сведения, переворачивающие весь привычный для нас мир. Стоит только бросить один взгляд на величественную статую Чак-Мооля — посланца богов, чтобы тебя пробрала дрожь, внушаемая ужасом, что источают его пустые глазницы.

Громадное белое здание, вперившее свой купол в небо. Обсерватория, откуда древние мудрецы вели наблюдение за небесными телами, пытаясь в их ходе заметить волю богов.

Но все эти известные науке чудеса — ничто перед теми мрачными безднами, затянутыми вековечной паутиной, что открылись мне.

В то время, работая в брокерской конторе «Декстер, Каупервуд и Ко», я очень интересовался археологией и разными оккультными памятниками старины. Поэтому меня можно было часто увидеть в коридорах Брауновского университета и его библиотеке. Доктор Эндрьюс благоволил мне и не редко посвящал в свои изыскания. Поэтому нет ничего удивительного в том, что когда он получил то удивительное послание, первым известил меня.

Наш друг и коллега Барреро Васкес, заведующий Юкатанским национальным музеем и страстный майяолог писал об потрясающий находке, сулящей новое блестящее открытие. Заинтересованный этим, я попросил доктора прочесть мне это злополучное письмо. Вот что там было написано:

«Мерида,
20 апреля 1941 года

Дорогой Уиллис!

Зная твою искреннею заинтересованность историей майя, сообщаю тебе об

открытии, сделанном моим сыном. Он и его друзья любят купаться в тихом, всеми забытом озере, которое находится в семи километрах от шоссе, ведущего в Прогресо. Там они обнаружили скалистый холм, покрытый тонким слоем земли. И представляешь себе, что только счастливый случай помог им недавно узнать под ним часть стены, сложенной из грубо обработанных камней! Дома, во время ужина, он рассказал мне о стене посреди забытой сельвы, а я сразу же направил туда опытного человека. Моя догадка оправдалась — на том же месте были найдены несколько других зданий, остатки дороги, ведущей к холмам, таившим в себе храмы или пирамиды индейцев. После того, как развеялись последние сомнения, Юкатанский музея послал в те места всех свободных сотрудников. Но представь себе — их усилия оказались тщетными! Сельва там совершенно непроходима, и даже наняв большее количество работников, мы не смогли далеко продвинуться. Всё же одно было установлено доподлинно — этот город, или часть города,

превосходит по размерам все известные доныне поселения. Гораздо больше, чем основная метрополия. Это даёт мне основание думать, что город — не майяское поселение. Приезжай как можно скорее. Остальное — при встрече.

Барреро Васкес,
доктору Уиллису Эндрьюсу, Провиденс».

Послание произвело на нас большой эффект, и мы решили отправляться как можно скорее. Мысль о том, что где-то в лесах Юкатана нас ждёт открытие, по сравнению с которым меркнут все достижения современной археологии, приятно волновала. Доктор Эндрьюс пытался отыскать хоть что-нибудь в известных науке материалах о загадочном городе, но его постигла неудача, которая лишь распалила наш интерес к предстоящей поездке.

Итак, после спешных сборов и приготовлений мы отправились в Мериду, остановившись на день в Нью-Орлеане, где доктор Эндрьюс имел продолжительную беседу с профессором Центральноамериканского исследовательского института Робертом Уокопом, который также

получил письмо от Васкеса и был немало заинтригован городом в сельве. Поэтому к нам присоединился его младший коллега, Джордж Брейнерд.

Вскоре мы прибыли в Мериду, где нас постигло первое удручающее известие. Оказалось, что директор музея неделю назад возглавил небольшую экспедицию, отправляющуюся к уединённом озеру, и пока что от них не было никаких вестей.

Впрочем, мы получили не менее радушного хозяина в лице Антонио Канто Лопеса, служащего Юкатанского музея. Оказалось, что именно он был тем самым человеком, кто первым посетил развалины и убедился в том, что эти постройки — часть громадного города майя. Меня сильнее всего заинтересовал рассказ Лопеса о пирамидах, скрытых под холмами. В моём воображении уже рисовались величественные храмы забытых богов и усыпальницы древних правителей. Распалённый до предела рассказами Лопеса, я был готов немедленно отправляться в сельву и даже подговаривал к этому моих товарищей.

Однако доктор Эндрьюс сказал, что следует подождать Васкеса, который, несомненно, принесёт нам куда более основательные известия о майяском городе. Брейнерд поддерживал его, и я

остался в меньшинстве, не особенно переживая из-за этого.

Спустя пару дней отсутствие Васкеса стало тревожащим. Рассеивая мои страхи, Лопес объяснил такую задержку тем, что Васкесу удалось продвинуться в изучении нового майяского культурного центра.

Это казалось вполне возможным, но отнюдь не объясняло, почему директор не счёл нужным послать человека, который бы известил о его задержке. Хотя, увлекшись таинственным городом, он мог и позабыть про это.

Ещё пару дней мы занимали себя разбором архивов музея, пытаясь отыскать то, что помогло бы установить происхождение такого крупного поселения индейцев. Брейнерд сделал, показавшееся всем нам комичным, предположение, что найденные постройки — часть одного из городов потерянной Атлантиды. Ведь в прибрежных водах недалеко от Юкатанского полуострова уже производились поиски остатков Атлантиды, почему бы этому городу, о котором не сохранилось никаких ведомостей, не быть следом легендарной цивилизации, уничтоженной в результате древней катастрофы.

В доказательство он приводил статью док-

тора Пауля Шлимана, внука прославленного Генриха Шлимана, первооткрывателя Трои, под названием «Как я открыл Атлантиду, исток всей цивилизации», дополненную фотографиями Рэндольфа Пикмана. Мысли выражаемые им в этой статье имели поддержку в лице французского ученого Огюста Ле-Плонжона, который нашёл майяскую архитектуру похожей на греческую и утверждал, что треть майяских слов имеет греческое происхождение.

Эндрьюс склонялся к мысли, что размеры города были преувеличены и это — доселе неведомый остаток тольтекского поселения.

Мы проводили всё свободное время в подобных дискуссиях, предвкушая, подобно настоящим гурманам, изысканное угощение, ожидающее нас в сельве.

На следующий день явился человек, передавший послание Васкеса. Это был один из нанятых им рабочих, он был молчалив и на все вопросы отвечал односложно. В то время как записка Васкеса было куда красноречивее:

> «Друзья мои, мы на пороге, возможно, самого удивительно открытия этого века. Мы установили, что город основан

во втором тысячелетии до нашей эры. А ведь все известные науке месоамериканские центры возникли не раннее, чем в первом тысячелетии нашего летоисчисления. Таинственный город превосходит по размерам метрополию в Чичен-Ица и другие центральноамериканские города не только своим возрастом, но и числом построек. Количество обнаруженных нами близится к четырёмстам, но, учитывая размеры города (наблюдения с самолёта дают нам основания утверждать, что его площадь — сорок восемь квадратных километров), я предполагаю, что при такой же плотности построек, как и в этом районе, общее их число будет превышать двадцать тысяч. Наши находки превзошли все ожидания. Приношу свои извинения, за то, что не встретил вас лично, но сейчас я тем более не могу бросить место работы. Наоборот, я приглашаю вас сюда. Лопес будет вашим проводником.

Барреро Васкес,
Мерида, Юкатанский национальный музей».

Взяв с собой минимум снаряжения, ведь мы должны были присоединиться к основной группе, что наверняка имела все необходимые инструменты для работы, доктор Эндрьюс захватил лишь две книги, надеясь на то, что с помощью них удастся на месте расшифровать майяскую письменность, если она будет обнаружена, наша небольшая группа отправилась к своей цели прямо по шоссе, ведущем в главный Юкатанский порт, Прогрессо.

Преодолев половину пути на машине, мы вскоре были вынуждены оставить её, чтобы свернуть с шоссе в сердце джунглей. Как на человека, никогда не покидавшего свой родной штат, сельва произвела на меня большое впечатление. Путешествовать по ней пешком — совсем не то, что наблюдать фасад зарослей из окна поезда. Теперь же я сам блуждал в них, следуя за идущим впереди Брейнердом. Та тропинка, по которой мы шли, была до того узка, что представляла собой свободный коридор лишь для одного человека. Окружавшие со всех сторон многоярусные леса давили на нас, обступив со всех сторон и закрыв от глаз небо.

Брейнерд, очень любознательный по своей природе человек, просил Лопеса рассказать о

тех растениях и животных, что мы встречали на своём пути. Так я узнал о том, что недавно минованное мной дерево было бразильской гевеей, которая являлась источником каучука, содержащегося в её млечном соку. Когда они заговорили о змеях, я, растревоженный своими страхами, стал слушать внимательнее. Впрочем, укус змеи, всвязи с достижениями медицины, в наши времена уже не является таким опасным, как это было ранее.

Преодолев примерно пять километров, мы, наконец, вышли к тому самому водоёму, что служил купальней для меридских мальчишек. Пруд этот, на самом же деле, был не чем иным, как сенотом, жертвенным колодцем майя. Поросший зеленью, он внешне был неотличим от обычного водоёма.

К нашему удивлению людей Васкеса возле сенота не оказалось. Хотя если вспомнить поразительные находки, которые удалось обнаружить в результате исследования «Колодца смерти», в Чичен-Ице, следовало бы сосредоточить главные усилия именно здесь. Или обнаружилось нечто настолько удивительное, что смогло увлечь Васкеса прочь отсюда?

Терзаемые догадками мы приблизились к краю сенота. Эндрьюс прикинул его глубину — не бо-

лее восьмидесяти метров. Так обычно строили древние зодчие. Мы решили остановиться здесь и ждать Васкеса. Если же никто из участников его экспедиции не появится в течение трёх часов — будем двигаться дальше.

Пользуясь привалом, доктор Эндрьюс отправился осматривать ближайшие окрестности. Я, Брейнерд и Лопес остались возле сенота. Лопес рассказал нам о том, как предположительно проходил ритуал возле этого жертвенного колодца.

Где-то поблизости, скрытая растительностью, находится церемониальная площадка, где собирались паломники перед ритуалом. После окончания богослужений в святилищах жрецы укладывали роскошно одетых девушек на деревянный катафалк и несли по священной дороге к сеноту. Повсюду играла музыка: гремели тункули, майяские барабаны, рога из морских раковин трубили в честь древних богов, коленопреклонные люди пели величественные гимны. Затем девушки сходили с катафалка, жрецы очищали их дымом копаловой смолы и отводили на жертвенную площадку. Люди взывали к своим богам: «О боже, даруй нам свою благодать, даруй дождь и урожай и прими этих дев в свой дом, на своё ложе…», Жрецы брали девственниц за руки и

ноги, сильно раскачивали и бросали в колодец, под тёмной гладью вод которого их ожидал бог.

Я до сих пор не могу отделаться от неприятной дрожи, пробирающей меня всякий раз, стоит только вспомнить о непрозрачных водах того колодца. Мне кажется, что оттуда на меня смотрит пара мерзких глаз и от этого взгляда голова кружится, и чувства оставляют меня.

Тогда же ритуал жертвоприношения чрезвычайно заинтересовал меня. Я решил непременно узнать о нём больше, как только мы вернёмся в музей.

Перекусив, мы были готовы продолжать свой путь, как вдруг Брейнерд с удивлением обнаружил, что доктора Эндрьюса нигде нет. Мы стали кричать и громко звать его. Обошли окрестности сенота, однако, не удаляясь слишком далеко. Не обнаружив его, мы пришли к единственно верному выводу, что доктор встретил кого-то из членов экспедиции Васкеса и теперь, скорее всего, присоединился к ним. Это значило, что мы не наткнулись на них лишь случайно и вскоре увидим директора музея и отправившихся с ним сотрудников.

Собрав свои вещи и прихватив с собой рюкзак Эндрьюса, мы направились к холмам за жертвен-

ным колодцем. Стоило нам приблизиться к ним, как к нашему удивлению «холмы», оказались развалинами древнего здания, густо поросшего лианами. Рядом с ним обнаружились ещё несколько таких же разрушенных построек. Брейнерд предположил, что это часть дворцового комплекса. Никаких следов экспедиции Васкеса и доктора Эндрьюса здесь не было.

Долго задерживаться у руин мы не стали, ведь впереди нас ждало самое главное. Тут Канто Лопес сделал порадовавшее нас открытие — то, что мы считали частью руин, оказалось сакбе, священной дорогой. Она поднята над уровнем земли больше чем на два метра, поэтому мы сначала приняли её за здание. Лопес предложил нам следовать по ней, ведь сакбе, начинаясь, по-видимому, от сенота, должна выводить нас к какому-то из главных религиозных или административных сооружений.

Сакбе, хоть и полуразрушенная, оказалось очень широкой, по ней могли бы проехать в ряд четыре автомобиля, вроде того, на котором мы добрались сюда. Держась её, мы продвинулись довольно далеко вглубь города. Нас окружали развалины самых важных зданий, храмов и святилищ, но они не привлекают наше внимание

— что интересного можно найти в руинах, без нужного для исследования времени и необходимых инструментов? Тем не менее, вскоре нам пришлось обратить своё внимание на одно из них.

Эта была стела, покрытая таинственными письменами. Лопес пытался прочесть их, но у него ничего не вышло. Тогда Брейнерд, вовремя вспомнивший о книгах Эндрьюса, стал искать в них похожие символы. Прошло более получаса, прежде чем он вынужден был признать, что к иероглифам, запечатлённые на стеле, не подходит ни один ключ. Это был не майяский алфавит, объявил он.

Такое заявление, как громом, поразило меня. Кто же мог использовать здесь, в городе, сделанном по канонам майя с характерной для них архитектурой, совершенно иную письменность? Выбитые на стеле знаки не имели ничего общего с майяскими иероглифами.

Более наблюдательный Лопес указал нам на то, что стела вытесана из цельного куска гранита, борозды же на ней до того глубокие, что невозможно представить себе, каким путём они были нанесены на её поверхность. Гранит, андезит и базальт — а именно эти самые твёрдые породы

камня чаще использовались индейцами — плохо поддаются обработке медными и каменными инструментами. В этих символах была тяжкая мощь и извращённое искусство, словно циклоп отчаянно пытался изготовить тонкое ювелирное изделие, а у него опять вышла молния. Изгибы иероглифов были скорее похожи на арабский, чем на майяский алфавит.

Когда мы уже хотели покинуть стелу с её непонятными знаками, Брейнерд чуть не вскрикнув от радости, сообщил нам, что на торце стоит дата согласно майяскому календарю. Таким опытным майяологам, как Лопес и Брейнерд ничего не стоило установить её, как 5 Ахав Мак, что соответствует нашему 721 году.

Трудно сказать, прояснило ли она нам что-то или, наоборот, запутала всё ещё больше. Что же с той запиской, где Васкес сообщает о возрасте города — второе тысячелетие до нашей эры? Выходит это поселение существовало больше двух с половиной тысячелетий? И почему жители позже стали использовать немайяский алфавит?

На все эти вопросы Брейнерд ответил одним предположением. По его словам, город, изначально основанный майя, спустя длительный период времени, был завоёван иной культурой. Что же

это была за цивилизация, что настолько развита, чтобы иметь собственную письменность, но не сумевшая оставить о себе никакой памяти в веках?

Даже сейчас я не могу ответить на этот вопрос и оттого во мне пробуждаются новые страхи. Таинственная цивилизация, о существовании которой нам ничего неизвестно продолжает свою историю где-то в лесах Центральной и, возможно, Южной Америки.

Оставив позади стелу, мы продолжали следовать по священной дороге. И постепенно прямо перед нами начала вырисовываться удивительная конструкция древнего храма, по-видимому, главного культового сооружения здесь.

Мы устремились вперёд, отбросив все волнения, к засыпанному тоннами пыли наследию прошедших веков. Перед храмом, как оказалось, помещён постамент из нескольких ступеней, на котором стоит необычно простая стела. Она, несомненно, также свидетельствует о значительной древности города. А за ней, уже в самом конце сакбе возвышается храм.

Он представлял собой небольшое квадратное по форме помещение, но что удивительно — над крышей святилища поднимается совершенно

непривычная для майяских храмов башня. А в стенах храма мы увидели настоящие окна, каких до той поры не встречали ни в одной другой майяской постройке.

Скорее всего, пирамидальное основание храма ушло под землю, оказавшись засыпанным ею. Для того чтобы осмотреть нижнюю часть пирамиды придётся вести длительные раскопки, впрочем, основная экспедиция должна иметь достаточно ресурсов для этого.

И вот мы входим в храм, что несколько веков уже не знал посетителей. Внутри необычно чисто, хотя, возможно, что здесь уже побывали люди Васкеса. Да, это всё объясняет. В полу святилища Брейнерд замечает примерно полуметровое углубление, заваленное какой-то ветошью. Покопавшись там, мой спутник извлёк, одну за другой, семь поразительных статуэток. Вспоминая их, я бы хотел сказать не просто поразительных, но поразительно отталкивающих.

У двух из них на спине был огромный горб, четыре имели деформированный живот, седьмая изображала карлика. Вероятно, соотнося находку с предметами, обнаруженными в других Месоамериканских городах, статуэтки помогали жрецам предотвращать болезни и излечивать

телесные недостатки.

Углубление, служившее хранилищем статуэток, было соединено со святилищем каменной трубкой. Могло ли быть, что она служила особого рода магическим «телефоном», пользуясь которым, статуэтки при посредничестве жрецов якобы передавали из своего мира приказы и распоряжения?

Однако я не могу скрыть того, что фигурки найденные нами, вызывали во мне чувство подлинного омерзения, а также необъяснимого страха.

Значение места, где мы находились, трудно было переоценить, поэтому Лопес предложил остаться здесь, дожидаясь Васкеса и Эндрьюса. Не испытывая никаких сомнений по этому поводу, мы расположились внутри «Кукольного храма», как его окрестил Брейнерд.

Прежде всего, наше внимание привлёк алтарь святилища. Точнее наше внимание привлёк украшавший его медальон, в самом алтаре, как таковом, не было ничего занимательно, но на медальоне Брейнерд разглядел написанную иероглифами дату. Она относилась к тому времени, в какое уже ни в одном другом городе ни одна написанная собственной рукой индейца дата

нам не известна, а именно к началу XIV столетия, следовательно, к тому периоду, когда Чичен-Ица была уже мёртвым городом.

Таким образом, дело обстояло так, что обнаруженный город — одно из самых последних майяских поселений, которое, в то же время, является и одним из самых ранних. Неужели мы находимся в районе древнейшей метрополии, а все известные доселе города — всего лишь дочерние по отношению к этой культуре, что настолько же отлична от майяской, сколь и похожа на неё?

Пока Брейнерд занимался изучение медальона, Лопес обратил моё внимание на деревянные дверные притолоки, сохранившиеся до сих пор. Они, по словам Лопеса, были сделаны из самого твёрдого юкатанского дерева субинче.

Меня до сих пор не перестаёт поражать мастерство древних строителей и архитекторов. Они создавали такое, что оставалось недоступным для других американских индейцев даже во времена расцвета их цивилизаций. Действительно, кто они? Те самые неведомые зодчие, что создали таинственный город в глубине сельвы. Создавшие и оставившие его на произвол судьбы. Где теперь они? Что за злой рок заставил их покинуть эти места?

Тут произошло совсем удивительное событие, которое тоже должно мне упомянуть — Брейнерд волею случая обнаружил, что медальон состоит из двух слоёв-дисков. И, сняв верхний, он увидел под ним ещё один… украшенный датой, на 600 лет более древней.

Похоже, самые потрясающие открытия уже перестали удивлять нас, но сдержать своё потрясение было совершенно невозможным. Следуя надписи на диске, храм существовал самое малое шестьсот лет. В истории майяской архитектуры это нечто совершенно необычное. Даже самый красивый юкатанский город — Чичен-Ица тольтекского периода — жил едва ли половину этого времени.

Когда мы закончили восторгаться богатым на находки храмом, солнце уже садилось за горизонт, окрашивая сельву в столь непривычный для её зелени багрянец.

Мы решили собрать хворост и зажечь костёр для того, чтобы группа Васкеса в случае, если они находятся поблизости, могла заметить нас. Брейнерд остался копаться в храме, утверждая, что углубление с куклами более обширно, чем нам показалось на первый взгляд. Я и Лопес разошлись в поисках подходящей древесины, та, что

была вокруг, вряд ли стала гореть.

Идя на север от сакбе, я размышлял об этом удивительном путешествии и моей собственной жизни. Какой же серой казалась она мне. Один день дал мне едва ли не больше впечатлений, чем тридцать четыре года в Провиденсе. Я не льстил себе и понимал, что моя роль во всех грандиозных открытиях, сделанных в развалинах города, даже меньше, чем минимальна. Но всё же мне было приятно общаться с такими образованными и открытыми людьми. Разве мог я мечтать о чём-то более?

Теперь можно будет попрощаться с «Декстером, Каупервудом и Ко», вести жизнь полную настоящих красок и эмоций, полную добрых и отданных своему делу людей. Увы, мои мысли вряд ли можно было счесть подходящими той ситуации, в которой я, сам того не ведая, оказался.

Набрав полную охапку подходящих для костра веток, я хотел было направиться к нашему пристанищу в храме, но к собственному удивлению обнаружил, что на вершине башни уже горит огонь. Неужели Лопес опередил меня? А ведь мне казалось, что я не медлил особо, в любом случае моя решимость дотащить хворост до стоянки была непоколебима.

И в тот же момент я увидел, как группа человеческих фигурок расположилась вокруг основания пирамиды. Сначала я не мог в это поверить, но вскоре я уже клял себя за недогадливость. Ну, конечно же! Васкес увидел огонь и пришёл сюда. Мысль об этом заставила меня поторопиться с моей ношей.

Однако по мере того, как я приближался к «Кукольному храму», очертания людей всё более наводили меня на размышления. Разве в группе Васкеса было так много сотрудников? И что за шесты они держат в руках?

Я шёл по зарослям, между стелами у священной дороги, незаметный для… существ, что несли свою стражу возле храма. Они не были людьми Васкеса. Похоже, что они даже не были людьми вовсе.

Странные существа были почти полным подобием людей, кроме того, что нижняя часть их туловища была подобна змеиной. Я не могу сказать по-другому — вместо ног у них были змеи. При ходьбе эти щупальца извивались, оставляя за собой склизкий след. В руках они держали копья и дубины.

Затаившись между стелами, я старался ничем не выдать своего присутствия, продолжая наблю-

даться за происходящим у пирамиды. Я видел, как оттуда вышел один из них, облачённый в странные бежевые одеяния. Лишь спустя мгновение я понял, что на нём висела окровавленная человеческая кожа.

Двое змееногих выволокли из храма только что освежёванное человеческое тело, следующая пара несла ещё целого человека, находящегося, по-видимому, без сознания. Одетый в содранную человеческую кожу исполнял, по моему мнению, обязанности жреца, остальные же со своей ношей выстроились за ним и чинной процессий двинулись по сакбе в сторону сенота.

Дикость всего происходящего была настолько велика, что я оказался почти полностью парализован ею. С другой стороны, в этом было своё преимущество, возможно, только по этой причине мне и удалось уцелеть.

Когда они приблизились ко мне, ужасный мерзостный смрад ударил мне в нос. Эти монстры, откуда они появились? Вышли ли они из воды? Их щупальца источали слизь, как то делают рыбы, чтобы уменьшить трение о воду.

Прошествовав по сакбе, они остановились возле сенота. Я, оставаясь на том же месте, уже плохо видел их, и уж тем более не мог ничего слышать.

Мне было видно, как жрец начал прохаживаться вокруг сенота, возможно, он что-то говорил. А затем змееногие, раскачав тела людей, бросили их в пруд.

Мне показалось, что вода в сеноте вспенилась, как будто там происходило множественное движение. Остальное осталось покрытым тайной, страх настолько овладел мною, что, почувствовав относительную свободу движения, я бросился бежать сломя голову и не разбирая дороги.

Дальнейшие события не имеют ровным счётом никакого значения. Спустя несколько часов я вышел из сельвы в районе Прогрессо и взял билет на паром «Кадат», до Майями, не входя в контакт с руководством Юкатанского национального музея.

Прошло уже больше месяца, но я впервые отваживаюсь написать кому-нибудь о том, что произошло со мной, об ужасных событиях, свидетелем которых я оказался. Пишу Вам, не зная, поверите ли Вы во всё или же отбросите мой рассказ, посчитав его бредом больного человека. Увы, всё так и есть. Я болен, а воспоминания об испытанном наяву кошмаре не оставляют меня, принуждая помыслить о единственном выходе…

Лишь одну мою просьбу исполните — не

храните письмо долго у себя, а при первой же возможности уничтожьте.

Зашифрованный постскриптум.

Недавно в мои руки попала монография М. Лгнитса посвящённая разбору греческих мифов, и там я нечаянно наткнулся на пересказ легенды о гигантах и их битве с богами-олимпийцам и Гераклом. В тот момент свет поразительной догадки озарил меня. Сопоставив описание гигантов и индейского бога Кецалькоатля (на языке науталь — «Оперённый змей», «Пернатый змей») я отметил интересную деталь — оба связанны со змеями. Но это ещё не всё. Гиганты вступают в битву с греческими богами, а Платон сообщает о войне греков с атлантами («Критий») произошедшей девять тысяч лет назад. Атлантами, обитавшими на острове за Столпами Геракла, что принимал участие в той войне на стороне олимпийцев. Единство имени — Геракл — большой знак.

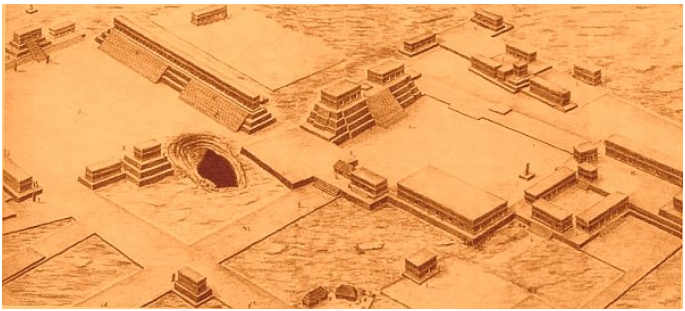
Поэтому я спросил себя — может ли быть некая связь между гигантами и теми загадочными существами, создавшими или захватившими город в глубине тропических лесов? Могли ли эти змееподобные создания после гибели Атлантиды

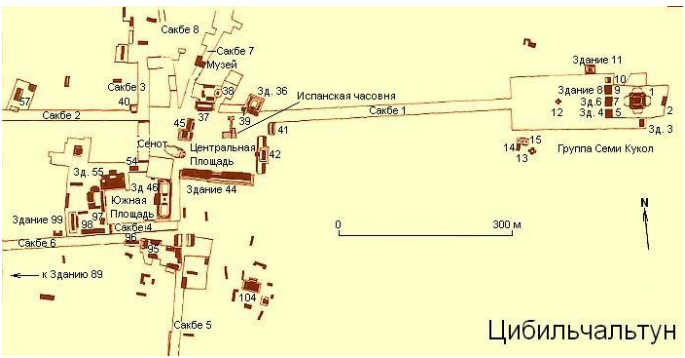
в огне и пепле найти прибежище у майя и тольтеков, что стали обожествлять их?

В любом случае догадка должна быть проверена. Не разглашайте моё имя, это в Ваших же интересах, и последуйте моему совету — немедленно сожгите письмо.

Обо мне не беспокойтесь, загнанный в угол человек становится способен на немыслимые вещи.

С надеждой на лучшее, П.Г.Ф.Л.





Сергей Исаев (Clandestinus)
Искренне ваш, Лавкрафт

2009

Милях в шестидесяти от Портленда мою машину почти занесло снегом; и куда я смотрел, отправляясь в такую бурю да ещё на ночь глядя?! А всё потому, что хотел доставить удовольствие двоюродной сестре Лили — первому из всех гостей оказаться у неё с раннего утра, чтобы поздравить девушку с двадцатилетием. Я невольно ругнулся, ударив кулаком по коробке скоростей (внутри неё что-то хрустнуло и затарахтело); стеклоочистители работали вовсю, но видимость от этого не улучшалась. Сейчас бы вернуться назад, в N.,однако не в моих правилах отступать; к тому же большая часть пути уже проделана. Благодаря сильному ветру с моря дорогу, идущую по самому его берегу, почти не заносило белыми и тяжёлыми хлопьями, зато они будто бы сговорились дружно падать на лобовое стекло автомобиля с целью окончательно вывести меня из себя.

Из-за боязни не вписаться в очередной поворот я постоянно сбрасывал скорость, из-за чего, собственно, и тащился черепашьим шагом; свет фар никак не мог пробить толщину белой стены на расстояние больше нескольких метров. А буря, в отличие от меня, и не думала сдаваться.

Спустя несколько минут мои глаза различили маленькую точечку света где-то впереди; сперва

я принял это за галлюцинацию, вызванную моим уставшим и расстроенным в дороге зрением. Но нет, точка не исчезала; и по мере моего приближения к ней она всё разрасталась и увеличивалась до тех пор, пока мне не стало отчётливо видно ярко освещённое окно маленького двухэтажного и весьма опрятного особняка, стоящего прямо у обочины дороги.

Свет фар помог мне внимательно рассмотреть его: обыкновенный, очень уютный домик с двумя верандами; искусно сложенная башенка, напоминающая собой православный церковный купол; из трубы призывно струился дым — точно также, как из готического окна на втором этаже свет.

Конечно, первым моим чувством была радость по поводу получения давно утраченной надежды на ночлег под крышей; однако к этой радости примешивалось чувство стыда — ну, как это будет смотреться, если я вломлюсь в три часа ночи в незнакомый мне коттедж с просьбой принять меня до наступления утра? Однако снег свирепствовал и не думал прекращаться. И только благодаря ему я стал участником поразительных, таинственных событий, о которых мне никогда не узнать, не побори я своей робости постучаться в чужую дверь глухой ночью. Но так

уж случилось, что я заглушил мотор автомобиля у самого крыльца, после чего поднялся по ступеням, проклиная слепящий глаза снег и, держась за резные деревянные перила, постучал кулаком в массивную, украшенную по углам какими-то химерами, дверь.

Пару минут никто не открывал, хотя я и заметил, что в прихожей загорелся свет; затем послышались мягкие шаги, чей-то кашель (или это ветер свистел в моих ушах?) — и двери были открыты симпатичной, лет тридцати пяти, женщиной. Она была стройна, черноволоса; локоны падали по плечам. На ней был тёплый мягкий халат из синего бархата. Лицо было овальным; его можно было назвать по-мужски волевым, если его обладательница не имела бы чисто женских, нежных, чуть приоткрытых полных губ и мечтательных серых глаз. В её маленьких ушах при каждом движении покачивались лёгкие коралловые серьги.

— Что вам угодно? — спросила она мелодичным голосом, увидев мою занесённую снегом физиономию; я открыл было рот для ответа, но она, умно улыбнувшись, что придало её глазам неожиданную серьёзность и проницательность, сама заговорила раньше меня. — Ах, бедный

промокший молодой человек! Ну, чего же вы стоите — входите в дом, иначе в открытые двери наметёт снега! Вы, должно быть, попали в эту ужасную метель? Заходите же, заходите! — и она, взяв меня за руку своей тёплой пухлой ручкой, почти втащила меня в помещение, захлопнув дверь за моей спиной.

Женщина помогла мне снять пальто и тут же повесила его на вешалу — ближе к пылающему камину, изображающему собою раскрытую драконью пасть. Снимая пиджак и вешая его рядом, я не стал упускать возможности рассмотреть комнату, в которую попал минуту назад. Старинные шкафы и секции, битком набитые книгами, занимали здесь большее место; возле рабочего стола, на котором лежала скрипка и несколько нотных тетрадей, стоял превосходно сохранившийся беккеровский рояль; стены были увешаны коврами на восточный манер, с потолка свисала громадная хрустальная люстра. Около камина стояли два кресла с высокими спинками; между ними находился маленький столик — на нём лежала длинная курительная трубка и букет сухих цветов; в специальной стойке стояла красиво сделанная кочерга и каминные щипцы. Маленький пушистый котёнок, который едва пошевелился

при моём появлении в комнате, лежал на чистенькой, аккуратно сложенной поленнице дров, внося всем своим видом дополнительный покой в дом, равно как и потрескивание огня в камине. Везде, на каждой вещи, лежал отпечаток сна; ничто не пошевелилось при моём вторжении… Из этих апартаментов одна дверь вела в соседнюю комнату, а красивая винтовая лестница, таинственно уходящая на второй этаж, вела в те помещения, из окон которых я впервые увидел свет с дороги.

Я только-только обернулся к хозяйке, чтобы поблагодарить её за радушный приём и изложить свою просьбу воспользоваться её гостеприимством до восхода Солнца, как наверху послышались шаги — и мужской тенор произнёс:

— Кто там, Соня?

Женщина не успела ответить, как по лестнице чинно и плавно, держась левой рукой за перила спустился довольно худой, с ясными чертами лица, мужчина лет сорока или чуть больше. Подобно женщине, он тоже был одет в длинный халат, но только изумрудно-зелёного цвета; в правой руке он держал дымящуюся сигару. Человек этот был словно воплощением умиротворения и спокойствия. Его лицо сразу поразило меня

— не очень худое, но слегка вытянутое. Волосы были коротко подстрижены; глаза — большие, серые — как будто бы ничего не выражали; даже удивления по поводу стоящего перед ним ночью незнакомого человека я в них не разглядел. Губы тонкие; брови почти срослись на переносице; ни бороды, ни усов человек этот не носил. Теперь, когда я перечитываю написанное, мне кажется, что я всё-таки неверно передал его внешность — при таком моём описании трудно представить покой его лица; но тем не менее это было первой чертой, что бросилось мне в глаза — оно же было и последней, когда я покинул дом с первым лучом Солнца.

Мужчина задержался на нижней ступени лестницы, затем сделал ещё несколько шагов в мою сторону, молча поприветствовав меня кивком головы. Я набрался смелости и произнёс несколько слов о моём положении, заставившего меня искать их гостеприимства в столь поздний час бурной зимней погоды. Тогда он заговорил:

— Попали в пургу, значит, молодой человек? Что ж, тогда милости просим к камину, вам необходимо обсушиться… Соня, — обратился он к женщине, — гостю надо чего-нибудь поесть и выпить, а потом уложим его спать на втором

этаже… Знаете, — снова обратился он ко мне, когда женщина покинула помещение, — у нас всегда готова комната для гостей, хотя и редко кто пользуется ею. Здесь больше нигде нет ни одного дома в радиусе тридцати-сорока миль, лишь ферма в нескольких милях от Портленда…

Я, ещё раз извинившись за столь поздний и внезапный визит, изложил хозяину коттеджа все свои приключения: как я выехал из N. на день рождения Лили; как попал в бурю; как, наконец, оказался на крыльце его дома… Хозяин не перебивал меня, глядя мне в лицо ясными, умными глазами; потом он предложил мне сесть в одно из кресел возле камина и подкрепиться: его супруга (насколько я мог предположить, она приходилась ему супругой) принесла несколько горячих котлет, хлеб и графинчик с красным вином; пока мы беседовали, она успела всё расставить на столик между креслами и, пожелав нам обоим спокойной ночи, удалилась в соседнюю дверь.

После того, как с едой было покончено (хозяин несколько раз приглашал меня не стесняться), он бросил окурок сигары в камин и, набивая трубку табаком из кисета, который откуда ни возьмись появился у него в руках, предложил мне перебраться наверх, к нему в кабинет — если,

конечно, я не слишком утомлён дорогой:

— Там намного уютнее и спокойнее, — пояснил он, закуривая, — да и натоплено там всегда получше.

Я принял его предложение; мы захватили с собою графин и стали подниматься по лестнице.

Кабинет хозяина коттеджа оказался действительно замечательным: небольшой, тёплый (теплее гостиной); тот же камин, полки с книгами; на стенах — несколько хороших копий да Винчи, Руссо, Айвазовского. Стол, два мягких дивана; на каждом шкафу — статуэтки, бюсты. Мы сели друг напротив друга через стол и хозяин откинулся на подушку.

— У вас очень много книг, мистер… — я сделал паузу, ожидая, что он сам подскажет мне свою фамилию.

— Говард, — немедленно отозвался он, — просто Говард.

— …мистер Говард, с вашего позволения, — несколько растерялся я; хотя между нами не более двадцати лет, почему же тогда, с разрешения человека, я не могу называть его по имени? — Вы, наверное, ужасный поклонник изобретения

Гуттенберга?[263]

— С вашего позволения, — улыбаясь ответил он, как бы в шутку передразнивая меня. — С вашего позволения — являюсь. Редко, что можно ценить больше, чем любовь или хорошую книгу.

Пока он говорил, я пробегал глазами по корешкам толстых и тонких томов; мне попадались как известные, так и не известные авторы. Произведения на самые разнообразные темы были собраны в этой комнате — поэзия, религия, философия; нередко попадалась техническая и научная литература.

Я спросил разрешения познакомиться с библиотекой поближе, и когда оно было мне дано, поднялся с дивана и подошёл к самой большой — трёхэтажной — полке, висевшей слева от камина. Хозяин тем временем перебрался в кресло за дубовым письменным столом, заваленном рукописями, которые скрывали от меня названия тостых книг под ними.

— Я хотел бы написать письмо знакомому, — обратился он ко мне, беря в руку чернильную ручку и придвигая к себе чистый лист бумаги, — так что прошу вас свободно рассматривать книги

---

[263] Примечания: 263
Иоганн Гуттенберг (XV в.), изобретатель печатного станка (прим. авт.).

и не обращать на меня никакого внимания.

Я обнаружил издание Malleus Maleficarum[264], несколько трудов отцов церкви — Тертуллиана, Августина и Оригена — на латинском и греческом; потом моим вниманием завладели сочинения Рэмбо, Лотреамона и Бодлера; здесь же, на полке, стояло несколько книг небезизвестного маркиза де Сада. Библиотека была значительной — поистине, было удивительно содержать таковую в частном доме, и тем более — в такой глуши. Было очень много книг о морской флоре и фауне; открытия, исследования — видимо, хозяин серьёзно изучал море. Об этом ясно говорил многотомник «Океан», нескольких авторов. И вдруг руки мои благоговейно затряслись: мне в глаза бросился том с леденящим душу названием «Седьмая книга Моисея»[265]. Я просмотрел названия других книг — судя по ним, книжная полка была полностью отведена оккультизму, магии и мистике. Я не смог скрыть своего восторженного удивления и, с пылающим от восхищения книгами взором, повернулся к хозяину; тот уже

[264] Примечания: 264

Молот ведьм (лат.), средневековое руководство инквизитора по борьбе с еретиками и ведьмами (прим. авт.).

[265] Примечания: 265

Справочник средневековых колдунов (прим. авт.).

запечатывал надписанный конверт.

— Это грандиозно, мистер Говард! — моя искренность придала столько силы голосу, что я мигом вспомнил о спящей внизу женщине; после этого я заговорил с гораздо пониженным звуком. — Это просто грандиозно! Подобной библиотеки мне ещё никогда не доводилось видеть! И вы, смею поинтересоваться, уже смогли осилить всю эту литературу?

Губы хозяина пришли в движение — он улыбнулся:

— Если хочешь найти — тогда ищи. Вот я и разыскивал…

Во время этих слов он выронил письмо из пальцев; нагибаясь за ним, хозяин нечаянно смахнул локтем несколько листов со стола на пол. Неожиданно для себя я взглянул на книгу, название которой они до сих пор прикрывали — и онемел: никогда ещё ни одной книге не удавалось ввергнуть меня в паралитическое состояние — передо мною лежал старый, обшитый потёртым чёрным материалом том «Necronomicon», — это название чуть не заставило меня свалиться с ног, которые сделались будто ватными.

Так я и стоял — безмолвно, словно окаменевший, — до тех пор, пока мистер Говард не собрал

свои упавшие на пол бумаги и не посмотрел на меня. Заметив мой неподвижный взгляд, он проследил за его направлением и, подойдя ко мне, тронул меня за плечо:

— Что с вами случилось, молодой человек? Вас что-нибудь напугало?

К тому времени (а кто знает, сколько его на самом деле прошло?) я несколько отошёл от первого впечатления — от того магнетического эффекта, произведённого на меня одной из древнейших книг и, протянув руку к тому, прохрипел:

— Necronomicon!

Хозяин вопросительно смотрел на меня; глаза его не выражали ничего, кроме полного спокойствия.

— Я и представить себе не мог, что эта книга существует на самом деле!

Забыв о том, что я гость в чужом доме, забыв про все правила хорошего поведения я кинулся к книге — и секундой спустя держал её в руках. Я поспешно раскрыл её — в глаза мне бросились буквы арабского, арамейского и ещё каких-то совсем неизвестных мне языков и алфавитов; странные рисунки, чёрточки, точечки; астрологические и алхимические символы звёзд, планет, камней; человеческие и нечеловеческие фигу-

ры — я держал в руках одну из самых ужасных книг земли! Она существовала не только в моём воображении.

— О, мистер Говард! — кажется, здесь я снова обрёл дар речи. — Я не могу поверить, что держу эту книгу в руках! Я всегда полагал, что она не более, чем выдумка — выдумка гениального писателя-мистика Лавкрафта — и вот, оказывается…

Что-то заставило меня умолкнуть, когда я снова посмотрел в глаза хозяину таинственного особняка. Однако он по-прежнему улыбался.

— Так-так, молодой человек, — мой собеседник скрестил руки на груди. — Значит, вы знакомы с творчеством Лавкрафта? — он хмыкнул. — И что же вы можете сказать мне о его произведениях?

Я несколько опешил. Не было ничего удивительного в том, что я читаю Лавкрафта в свои двадцать четыре года; меня поразило, что этого писателя знает более чем вдвое старший меня человек. Знает, и даже интересуется моим мнением! Что ж, в таком случае у меня есть прекрасный повод поговорить до рассвета на очень занимающую меня тему.

Хочу сознаться, что в кругу своих сверстников я, да и все остальные, только и делаем, что взахлёб читаем Лавкрафта, Эдгара По, Мейчена,

Блоха, Стокера — а потом жестоко дискутируем по поводу прочитанного. Мы спорим о творчестве, увлечениях и судьбах писателей; достаём откуда попало интересную информацию об их жизни, хобби и тому подобном. Из всех этих знаменитых писателей наименее всего людям известен Лавкрафт и, на мой взгляд, это совершенно несправедливо. И кто знает: может, хозяину коттеджа известно о нём что-нибудь примечательное?

Я начал подробно распространяться об этой таинственной личности: о его странной, никому неизвестной жизни; о его не менее таинственной смерти, которая постигла его в расцвете лет и которую каждый трактует по-своему — было ли это убийство или же самоубийство; добавил, что лично я предпочитаю мистическое разрешение этого спорного вопроса. Я рассказал о том, что никто и никогда не знал, как выглядит Лавкрафт — лучшие его друзья на протяжении многих лет были знакомы с ним лишь по переписке; что был всего один человек, видевший писателя в лицо — его жена Соня Грин, с которой он прожил всего несколько лет. О том, что ни одной его фотографии не сохранилось, и что местонахождение могилы писателя до сих пор тоже никому

неизвестно.

Затем я начал — повесть за повестью, новеллу за новеллой — анализировать высокий творческий талант Лавкрафта с его самых ранних произведений и до последнего. Хозяин постепенно, казалось, заражался моим пылом, включаясь в беседу; мы обсуждали произведение за произведением — и мне пришлось признать, что передо мной находится поразительный знаток творчества писателя. Мы говорили о мирах Лавкрафта, о безжалостных Глубоководных Богах, о далёких звёздах, о пришельцах из Иных Вселенных, о Зле, вечно содержащемся в недрах Земли и Воды и готовом в любую минуту вырваться наружу — и поглотить человечество, которое никогда не было в состоянии вести с Ним подготовленную борьбу. Мы разгорячились — так бывает всегда, когда два знатока, обсуждая любимую тему, сходятся в закрытом помещении один на один. Я вернулся к «Necronomicon».

— Откуда же у вас, простите за нескромный вопрос, этот чудесный экземпляр? Ведь это — рукопись?

— Смотрите сюда, мой друг! — он указал пальцем на последнюю страницу. — Вы не читаете по-латыни? «1281 A D, master Albertus fecit», —

«сделано мастером Альбертусом, 1281 год от Рождества Христова». По-видимому, работа монаха-переписчика, так как оригинал написан Абдул аль-Хазредом в IX веке нашей эры, если не раньше.

— Поразительно! Я всегда считал — да и не я один! — что Necronomicon не только не был написан, но полностью является выдумкой самого Лавкрафта…

— Ничего подобного! Подлинность рукописи не оставляет места сомнению. Да пусть даже это и подделка; пусть Лавкрафт придумал или даже написал (допустим это) Necronomicon — как он его писал? Для этого необходимо знать семь древнейших языков, в числе которых арабский, санскрит, арамейский и древнееврейский? Это вам, молодой человек, не какая-нибудь латынь или греческий! Только на изучение этих языков жизни не хватит!

— Верно, — согласился я, — а ведь Лавкрафт помимо этого оставил несколько увесистых томов своего творчества, да ещё массу писем на такое же — если не более — количество бумаги. Итак, значит, Necronomicon существует, и автор его — безумец аль-Хазред.

— Конечно, — продолжал мой собеседник, —

Лавкрафт пользовался латинским переводом оригинала; откуда иначе выдержки из этой книги могли бы взяться на страницах его произведений? Или, может, вы хотите уличить его во лжи?

— Не имею ни малейшего намерения. Писатель ничего не придумал, за исключением реки Мискатоник и ряда городов — Иннсмаута, Эркхама, Данвича и им подобных. Но я считаю, что это придало его произведениям ещё большую силу — города эти так ярко и живо описаны, что поклонники Лавкрафта разыскивают их до сих пор, словно они существовали бы на самом деле! Я мыслю себе, что в творчестве писателя это весьма правильный ход — слить воедино выдумку и реальность.

— Лавкрафт наверняка думал так же, — улыбнулся мой хозяин. — А что вы думаете о его божественном пантеоне?

Я в упор посмотрел на него:

— Писатель был замечательным визионером и духовидцем — почему бы ему в таком случае не видеть того, что не могут созерцать простые смертные? Здесь я ничего не могу считать выдумкой.

Беседа наша продолжалась. Мистер Говард знал о писателе гораздо больше меня и, в какой-то

степени, я нашёл это для себя оскорбительным. Но можно ли, справедливо ли дуться на человека, знающего больше других?! Если я мог рассказать любую из новелл писателя очень близко к тексту, то он запросто цитировал многие места наизусть.

Под конец я не выдержал:

— Мистер Говард! — чувство восхищения им искренне подтверждало мои слова. — Мистер Говард! Я, прямо, не знаю, как мне благословлять эту бурю, которая привела меня к порогу вашего дома! Говоря откровенно, я всегда считался в своём кругу непревзойдённым знатоком жизни и творчества Лавкрафта, но против ваших знаний о нём — мои совсем ничего не стоят! Признаться, я вам ужасно завидую; в том числе и тому, что ваше имя — имя великого писателя. Вы так хорошо осведомлены о его жизни, что я…

Мистер Говард снова улыбнулся:

— Завидовать, молодой человек, здесь совершенно нечему: если я был бы поклонником писателя, тогда — и лишь в том случае — ваша зависть чего-нибудь да стоила. Не стоит удивляться тому, что жизнь и творчество Лавкрафта мне хорошо известны… Дело в том, что я и есть Говард Филлипс Лавкрафт.

С самого начало его речи я словно оцепенел; последняя фраза отдалась в моих ушах ударом молота по наковальне. Я подумал, не схожу ли с ума, и смотрел на собеседника, идиотски мигая то правым, то левым глазом. Он положил свою тонкую руку мне на плечо:

— Ну, ну! Успокойтесь, я понимаю — это весьма неожиданно. Возьмите себя в руки и сядьте. — С этими словами он усадил меня на прежнее место.

В голове моей царил настоящий Содом; мысли цеплялись одна за другую с той же скоростью, с какой одна о другую и разбивались.

— Это — розыгрыш? — только и смог выдавить я. — Не думал, что наша беседа так глупо закончиться!

Хозяин улыбнулся — ни тени беспокойства или гнева на лице:

— Это я также предвидел. Вы, пожалуй, назовёте меня самозванцем — и оно вполне простительно. Давайте же разберёмся — кто я на самом деле, идёт?

Хоть и глубоко разочарованный, я подумал, что до рассвета всё равно делать нечего.

— Итак, по-вашему, я — не Лавкрафт. Чудесно! Где же тогда Лавкрафт?

— Он умер в 1937 году, — ответил я более чем безучастно.

— Умер? — воскликнул хозяин дома. — Что ж — умер, так умер… Но ведь вы сами говорили, что никто не видел его могилы, да и его самого. Как же теперь вы можете утверждать, что я — не Лавкрафт?

Тут какие-то странные, подозрительные мысли зашевелились в моей голове, подобно лавкрафтовским химерам в своих саркофагах. Зовут его Говард и он утверждает, что является знаменитым писателем. Это ещё ничего не значит; гораздо интереснее, что его жену зовут Соней. Соня Грин… Странное, однако, совпадение. И «Necronomicon»… Розыгрыш? Но зачем? Неужели хозяин дома от нечего делать втянул в эту нелепую игру и себя, и жену, и меня и, наконец, самого Лавкрафта? Откуда он мог знать, что я сам — поклонник писателя и что сегодня окажусь у него в доме?

— Задумались над происходящим, мой друг? — прервал мои размышления хозяин; всё это время он степенно ходил по кабинету без малейших признаков волнения. — А между тем сказанное мною — правда. Так что теперь вы — второй человек после Сони, которому известно, как я

выгляжу.

Никакой игры в его действиях я не замечал. И тут меня осенило:

— Но, позвольте — теперь 199… год! В 1937 Лавкрафту было… то есть, в этом году ему должно исполниться более ста лет!

— Ваш рассчёт вполне оправдан и безошибочен, молодой человек, — хозяин сел напротив меня, закинув ногу на ногу. — Не помните ли вы некоторые мои произведения, такие как «Холодный воздух», «Тень над Иннсмаутом», или «Единственный наследник»?

— Помню, — ответил я. — В них рассматривается проблема и методы увеличения срока жизни, и даже — полное упразднение смерти.

— Правильно, кивнул головой мой собеседник и сунул в рот недокуренную трубку. — Так вот, благодаря похожим на описанные методы я и остался жив. Вместе с Соней мы ушли в Океан к Старожилам — подобно семейству Маршей, описанном в моих произведениях. Ведь Глубоководные живут вечно и никогда не теряют зрелого возраста.

— Но ведь Лавкрафт полностью придумал свой мир!

— Ничего подобного! Вы же сами говорите, что

писатель был чудесным визионером. Единственная его выдумка — это несколько рек и городов, которые якобы имеются на территории Соединённых Штатов.

Весь этот странный разговор постепенно стал вызывать у меня повышение интереса. Я настолько забылся, что чуть было не потребовал у хозяина особняка паспорта — однако вовремя сообразил, что ничего нелепее невозможно придумать. Этот человек — само спокойствие! — смотрел на меня, изучая моё лицо и наверняка наблюдая внутреннюю борьбу в моей душе.

— А, кстати, — он поднялся с дивана, и подойдя к письменному столу, стал рыться в одном из ящиков. — Кстати, все ли произведения Лавкрафта вам известны?

Я почувствовал некоторую обиду:

— Естественно! И даже кое-что из его переписки с Дерлеттом и Уитли.

— Тогда, может, вам известны такие повести, как «Таинственная метка», «Speculum Infernalis», или роман «Дом проклятых»?

Я мысленно вспомнил названия всех произведений писателя; на это мне понадобилось меньше минуты:

— Нет, такие названия мне ничего не говорят.

Я слышу о них впервые.

— Неудивительно — ведь я написал это около полугода назад, в этом самом доме…

Это было сказано так просто, что я поверил в его слова, несмотря на собственный скептицизм. Тем временем хозяин достал из ящика пачку исписанных листов в клетку и, вернувшись к дивану, положил принесённое на стол в полуметре от меня.

— Разрешите мне взглянуть на рукописи, — попросил я уже куда более смиренным голосом — и где теперь была моя полная уверенность в розыгрыше?

— Не стоит того… знаете, у меня очень трудночитаемый почерк… Но если вы не будете против, то я с удовольствием прочитаю кое-что из этих произведений своему первому слушателю.

Я кивнул головой, выражая согласие; и уже через несколько минут позабыл обо всём на свете — настолько меня увлёк сюжет повествования, а главное — стиль, техника изложения — это действительно был неповторимый стиль Лавкрафта, который просто никак невозможно подделать. Я мог узнать этот стиль даже не читая, только лишь на слух; таким же образом гурманы не то, что на вкус — на запах! — с завязанными глаза-

ми могут определить сорт любимого вина или пива, которое нельзя спутать ни с каким другим. Стиль Лавкрафта изобилует неповторимыми сравнениями, речевыми оборотами — его нельзя скопировать, как и стиль любого неповторимого писателя.

Пока хозяин читал, мне как будто бы удалось немного вздремнуть. И мне предвиделось, будто разбушевавшийся океан обрушивает волны прямо на маленький особняк: падают стены — и вода утаскивает за собой в пучину мебель, предметы домашнего обихода и прочую мелочь. И словно, уже на опустевшем берегу, появляется хлзяин дома, которого уже нет и спокойно произносит:

— Я не умер. Такие люди — бессмертны. Мы можем появиться, потом исчезнуть, потом — снова появиться. Но мы — не умираем. Не можем умереть…

Я встрепенулся и пришёл в себя: свет по-прежнему горел в комнате; хозяин читал, отчётливо произнося слова и умно выделяя мысли, которые, по его мнению, могли меня заинтересовать; ветер за окном свистел уже не так жестоко. Я припомнил всё случившееся за сегодняшнюю ночь, улыбнулся — и стал слушать дальше…

Чтение продолжалось около двух с половиной

часов; шторы на окнах понемногу заалели, когда хозяин дома дочитал последнюю страницу и положил её на стол.

— Ну, и что вы можете сказать об услышанном? — обратился он ко мне. — Ваше мнение особенно ценно, потому что вы мой первый слушатель да ещё знаток Лавкрафта впридачу…

Я сцепил кисти рук на животе:

— Замечательно, мистер… Говард, — на секунду мой голос осёкся, я чуть было не назвал хозяина дома знаменитой фамилией. — Вот если напечатать бы это для более широкой публики…

Мой собеседник опять улыбнулся своей чарующей улыбкой:

— Напечатать? Теперь? И, конечно же, под фамилией «Лавкрафт»?! Нет, молодой человек, это превесело! Неужели кто-нибудь этому поверит? Ведь даже ни в одном из своих писем писатель не упоминает о том, что начал работу над произведениями с такими названиями или закончил их.

— Но ведь стиль…

— Да, стиль, конечно, за десятилетия не очень изменился — всё те же точки и запятые, что и раньше, — хозяин, поднявшись, взял со стола чернильную авторучку, и присев к столу, стал что-то писать на последней, чистой странице

одного из произведений. — Мне они не нужны — ведь я их уже написал, а вам, может статься, они когда-нибудь понадобятся… например, в виде памяти о нашем знакомстве.

Он закончил писать и пододвинул лист ко мне. Моё сердце забилось сильнее.

— На добрую и вечную память. Моему другу — в час, когда мы расстаёмся. Искренне ваш, Г. Ф. Лавкрафт, — прочитал я вслух.

Дыхание моё прервалось; на лбу (это было весьма ощутимо) выступили капельки пота.

— Да, на добрую и вечную память, — повторил хозяин дома, чиркнув спичкой о коробку.

Секундой спустя по комнате снова плавали успокаивающие клубы табачного дыма.

— Но, чёрт возьми! — воскликнул я. — Ведь мне никто не поверит!

— А-а, вас уже успела прельстить мысль поделиться подробностями сегодняшней ночи со своими знакомыми? Конечно, в ответ на ваши рассказы о личной встрече с писателем после «смерти», друзья посоветуют вам поменьше читать Лавкрафта, — улыбаясь произнёс мой собеседник, попыхивая трубочкой. — Но если вы всё-таки хотите опубликовать мои работы — то что вам мешает сделать это под своим именем? Я,

во всяком случае, даю вам на это со своей стороны полное и неоспоримое право.

Внезапно я припомнил своё забытие во время чтения. Что могло значить это видение или сон? Передо мной снова предстала картина рухнувшего под напором воды особняка — и я сказал об этом своему собеседнику.

Он заинтересовался:

— Говорите, дом смыло океаном?.. Только фундамент остался?.. Ничего страшного, молодой человек — вы наблюдали прошлое… Это мне никак не грозит — ведь я снова исчезну в Царстве Ктулу, который пока не пробудился; и кто знает, когда я появлюсь на земле в следующий раз…

Стук в дверь прервал его речь и в комнату вошла женщина:

— Говард, ты опять не спал всю ночь! Доброе утро, молодой человек… Ну, разве так можно?

— Доброе утро, уважаемая миссис Грин… или Лавкрафт? — слова эти выскочили из меня неожиданно, непроизвольно, но так естественно, как если бы «доброе утро», предназначалось моей матери. Вошедшая любопытствующе посмотрела на меня, переводя вопросительный взгляд на мужа.

Мистер Говард лишь успокаивающе положил

руку ей на плечо:

— Молодому человеку всё известно, Соня. Видишь, как оказывается, мои произведения ещё пользуются спросом у людей конца XX столетия!

Женщина улыбнулась и грациозно провела рукой по волосам:

— Солнце уже поднялось и я хотела пригласить вас к завтраку. Поэтому милости прошу — извольте оба спуститься вниз.

Она сделала несколько шагов к двери; затем, остановившись, ещё раз с улыбкой осмотрела нас — и тихо удалилась.

Мистер Говард улыбнулся ей вслед и сказал:

— Соня — замечательная женщина и жена, но всё-таки она решила оставить свою фамилию.

— Но ваша, мистер… Мне казалось, что ничего не может быть лучше «Силы Любви»[266]! Я, признаться, сперва даже не мог предположить, как с такой фамилией можно писать «чёную мистику», но теперь вижу, что в самый раз! Только Мастеру Любви дано быть классиком своего жанра! — выпалил я на едином дыхании. Хозяин дома собрал листы листы рукописей по-порядку и подал мне:

— Надеюсь, вы сохраните их, мой друг?

---

[266] Примечания: 266

Буквальный перевод с английского фамилии Lovecraft (прим. авт.).

— С этой минуты у меня нет ничего дороже! — воскликнул я, складывая листы вдвое и пряча за пазуху. — Завтра же эти произведения станут известны моим друзьям!

— Тогда можете приготовиться к тому, что они посчитают вас по меньшей мере фантазёром, — мистер Говард одёрнул на себе халат и поправил пояс. — Что ж, тогда, как сказала Соня, прошу вас спуститься вниз!

Завтрак прошёл превосходно; мы втроём сидели возле камина и разговаривали. Я поинтересовался, почему же мой гостеприимный хозяин «добровольно ушёл из жизни»? почему он сделал это в тот момент, когда его популярность начала стремительно подниматься вверх? Он немедленно вскинул на меня свои умные, проницательные глаза:

— Одиночество, молодой человек! Мне его просто не хватало: вот и все причины моего удаления из общества мне подобных.

— Но ведь Лавкрафт был и так слишком одинок — он никогда никого не принимал; никто и никогда не видел его на улицах; говорят даже, что он даже заколотил досками окна в собственном доме, чтобы не общаться с Солнцем! Неужели и этого было мало? — не удержался я.

— Наверное, мало, — хозяин особняка переглянулся с женой. — А что касается славы, поклонников — да будет вам известно, молодой человек, что слава способна развратить какой угодно талант, если человек ей поддастся. Ну, скажите мне: разве можно что-либо сотворить стоящего, купаясь при этом в лучах славы и поклонения? Нет, творение лишь тогда будет прекрасным, если его создатель обособится, исчезнет из мира людей, скроется где-нибудь в горах, непроходимых лесах или труднодосягаемых пещерах. Что случилось бы, например, с Бахом, начни он творить свою музыку в пьяном кабаке, под крики и ругань завсегдатаев? Или с Ницше, развивай он свою философию в вагнеровском театре? Имели бы мы, люди, в таком случае замечательного композитора и замечательного мыслителя? Нет, нет и ещё раз нет! Среди людей творить невозможно — среди них возможно лишь существовать.

— Но ведь вы продолжаете творить?

— Конечно! Время от времени я появляюсь на земле, приплывая из океана вместе с Соней…

— …как семейство Маршей к рифу Дьявола, — не удержался я.

— Да, Царство Глубоководных описано мной довольно точно — обряды, дворцы, сады и тому

подобное.

— Ужасно напоминает язычество, даже демонические культы.

— Естественно! — согласился хозяин. — Там нет места христианскому Богу и святым. Они предлагают отнюдь не то, что может удовлетворить человека после смерти.

Соня разливала кофе в чашечки, слушая наш разговор. Шторы на окнах были подняты; ранний свет заливал комнату. Буря совершенно улеглась; невозможно было даже поверить в то, как ужасно она свирепствовала ночью. Я надел свой пиджак, переложив рукописи в один из боковых карманов; одежда была ещё тёплой от близкого соседства с камином и мне было несколько жарко в хорошо натопленном помещении. Поднося маленькую фарфоровую чашечку к губам, я осторожно глотал горячий кофе, а хозяин дома, сидя в кресле, по-стариковски обхватив руками колени, рассказывал мне о своей переписке со знакомыми.

У меня постепенно улетучивались все подозрения по поводу розыгрыша и недоверие к речам гостеприимного худого мужчины. Конечно, трезвый рассудок продолжал вопить мне на ухо: «Этого не может быть!», но можем ли мы, имеем

ли мы право всегда руководствоваться подобной вещью? В моём ночном и утреннем происшествии не было ничего обычного — наоборот: всё было из ряда вон выходящим. Мог ли я объяснить это разумно? Никогда. Вернее, не мог объяснить этого материалистически, но мистическое наитие — вечно неусыпно в каждом человеке. Что же получается? Получается то, что в данную минуту передо мною никто иной как Лавкрафт помешивает ложечкой кофе в чашке; и именно он подарил мне три своих неизвестных никому произведения, сделав на них дарственную надпись. Если всё это не укладывается в голове, можно ли понять и поверить в это душой?

— Простите, но всё это просто невозможно! — произнося эти слова, я сам не желал верить сказанному. — Да неужели вы — Лавкрафт? Неужели я — беседую с Лавкрафтом, да ещё и с его супругой?

— Сомневаетесь снова? — он откинулся в кресле. — Правильно. Глупо всё принимать на веру, не проанализировав информацию. Анализ — это и есть зачастую сомнение. А сомнение — вернейший метод познания. Вот и вся истина… — он на секунду умолк, но затем продолжил. — Однако, достаточно вам осмотреться — и вы увидите, что

не только беседуете со мной и моей женой, но ещё и находитесь в нашем доме — доме Лавкрафта. Это вас нив чём не убеждает? Как не убеждает и мой подарок?

Я молча думал и не знал, что же мне делать — признавать хозяина дома великим писателем прошлого или не признавать. Естественно, на данный вопрос может быть только один ответ — или передо мной Лавкрафт, или нет. Рукописи, жена, внешность хозяина — это не может служить твёрдым обоснованием первого, хотя и глупо всё это относить в разряд подделок. Одно особенно смущало меня — стиль написанного. Может быть, это было единственным, что сопротивлялось тому, что люди обычно именуют «трезвым рассудком». Настолько глубоко литературный стиль скопировать невозможно. Да и зачем? И как? Ведь для этого надо и думать так же, как думал сам Лавкрафт; без знания его мыслей невозможно построить ни абзаца! Для этого десятки лет нужно провести жизнью Лавкрафта, изучить его миры, создать себе необходимые для этого условия. Но… для этого надо родиться гением. А гениальное мышление — не украдёшь…

Через несколько минут мы стали прощаться: я надел пальто и направился к двери.

Хозяева поднялись вслед за мною с улыбками на лицах.

— Очень приятно было поговорить с вами, молодой человек! — сазал хозяин, тоже одеваясь — он тоже хотел немного прогуляться по берегу моря, по свежему снегу. — С людьми-то, сами понимаете, мы с Соней уже много лет не общаемся, так что вы для нас этим утром были сущим кладом.

Я поклонился его жене и в нескольких фразах поглагодарил их за оказанное гостеприимство. Женщина улыбнулась и подала мне на прощание руку. Мы с мистером Говардом спустились с крыльца и дверь за нами тут же захлопнулась.

Пальто я бросил на заднее сиденье автомобиля и стал заводить мотор. Хозяин особняка тем временем пристально глядел на океан, куда-то вдаль; глаза его светились тем светом, какой появляется в глазах человека, сильно грустящего по родному дому и смотрящему в ту сторону, где этот дом находится. Весь облик его дышал спокойствием; он стоял, заложив руки за спину, сжимая в одной из них небольшую чёрную шляпу за ободок. Его созерцание безбрежных вод было прервано резко взревевшим двигателем и он обернулся в мою сторону.

— Ну, значит, пора в путь-дорогу?

— Да, — теперь мне ничуть не хотелось уезжать; о сестре я и думать забыл. Ведь я так и не узнал, кто же это — Лавкрафт или не Лавкрафт. Одно убеждение тут же сменялось другим и до прихода следующего предыдущее было твёрже камня. Хозяин коттеджа внимательно смотрел на меня.

— Что бы вы теперь не думали, мой друг, истина, как говорили древние мудрецы, всегда восторжествует. У вас ещё будет тысяча возможностей убедиться в том, что я — это я.

Мне пришлось выслушать эти слова сквозь шум работающей машины; я кивнул головой:

— Несомненно! — к чему добавил ещё несколько благодарных фраз, идущих прямо из моей души.

Хозяин дома поднял руку со шляпой и легонько покачал ею в воздухе, сказав:

— Ну, что ж — счастливого пути, молодой человек! На вашем месте я тоже, быть может, ничему не поверил. И тем не менее, остаюсь искренне вашим…

В этот момент я отпустил сцепление и выжал педаль газа — машина, слегка амортизируя по снегу, медленно выехала на дорогу и на мгно-

вение особняк скрыл от меня фигуру мистера Говарда.

Дорога была вполне сносной, несмотря на высокий уровень снега, но моему «джиппу», было всё равно. Несколько раз я оборачивался на сидении или смотрел в зеркало заднего видения: фигура хозяина особняка ещё виднелась возле самого берега — он по-прежнему стоял заложив руки за спину и смотрел вдаль. Дом до невозможного одиноко смотрелся на фоне дороги, холмов, океана. Очень непонятно и странно смотрелось человеческое жилище в такой глуши, где в радиусе многих десятков миль можно было перебросить-ся словечком лишь с шелестом волн, деревьев и каркающими воронами. Я поймал себя на мысли, что да, действительно такой человек как Лавкрафт мог поселиться в таком уединении, вдали от людей — и здесь, в полном одиночестве, которое открывает ему врата в собственные миры, творить и рассказывать человечеству о множестве древних, непонятных и до сих пор не раскрытых тайнах.

Дальше дорога огибала холм — и перед самым поворотом я бросил беглый — прощальный, последний — взгляд на одинокое строение посреди снегов; дом значительно уменьшился в размерах,

соизмеримо расстоянию, что я проделал от него; но дым из трубы продолжал штопором врезаться в небо, уже как следует залитое солнечным светом — и неземное спокойствие охватило меня: я повернул рулевое колесо — и поворот окончательно скрыл от меня навсегда отложившуюся в моей памяти картину.

Я включил радио и около тридцати миль слушал новости и позывные различных радиостанций. Милях в семи-восьми от Портленда на моём пути попалась небольшая ферма, на которой я остановился, чтобы хоть немного помыть машину. Хозяин фермы — здоровенный блондин в кожаной куртке — вызвался вместе с маленьким сыном помочь мне. Покуда мы драили капот автомобиля горячей водой, я неожиданно для себя спросил своих помощников:

— Не будете ли вы так любезны сказать мне, чей это дом стоит по дороге прямо на берегу милях в тридцати отсюда?

Хозяин фермы поднял на меня ничего не понимающие глаза:

— Милях в тридцати? Дом? Нет, ничего о таком не знаю, — и посмотрел на сына.

— Ну, как же, — не унимался я, — такой, знаете ли, заметный, двухэтажный, с двумя верандами

коттедж, прямо на берегу моря — метрах в пяти от воды! Там ещё живут двое супругов…

В этот миг я был перебит фермерским сынишкой:

— А-а-а, папа! — завопил он что было мочи. — Неужели ты не помнишь? Мистер спрашивает тебя про тот дом, который два года назад…

— Перестань орать! — рявкнул на него отец и вдруг, улыбнувшись, слегка стукнул себя ладонью по лбу. — Ах, я, разиня! Точно! Дом от воды, милях в тридцати-тридцати пяти… Вспомнил! Конечно, мистер, вы наверняка что-то уже слышали об этой истории: два года назад или около того во время сильного шторма этот дом смыло в океан чуть ли не вместе с фундаментом. Правда, а я и позабыл! Там действительно жила супружеская пара, только вот не могу вам сказать их имён — они оба погибли в волнах или под обломками, так решила полиция. Теперь об этом деле ни слуху, ни духу… Как же я мог об этом забыть, вот растяпа! — и он снова виновато улыбнулся, выливая на капот «джипа», целое ведро воды.

Более сильного замешательства мне ещё не доводилось испытывать.

— Как вы сказали — дом смыло в океан, а супруги погибли?! И это на самом деле… простите,

вы точно уверены в том, что это произошло пару лет назад?!

— Да чтоб меня трактор переехал! — немедленно отозвался фермер. — Неужели я могу что-нибудь перепутать? Два года, если не раньше. И тел не нашли. Полиция искала родственников, как говорят, но то ли не нашли, то ли у этих несчастных их не было, не знаю. В общем, всё известно лишь океану.

Одурение и ступор всегда сваливаются на человека неожиданно — это мне известно по собственному опыту. Итак, дом был два года назад разрушен водой, а люди, жившие в нём, погибли. Но тогда, чёрт бы меня взял, где же я получил ночлег сегодняшней ночью?! Ведь не могло же мне всё присниться? И вдруг… Рукописи! Я стремительно рванул дверь салона машины и под ничего непонимающими взглядами фермера и его отпрыска вытащил пальто прямо на снег и стал судорожно шарить по его карманам… Нет, кажется, я сунул их в боковой карман пиджака… Вот они! Пачка листов лежала у меня на ладони. Та самая. С памятной надписью. Я чуть не сел на землю от замешательства вторично. Это было уже сверъестественно для моего разума — откуда я, в таком случае, мог взять рукописи, если дом с

его обитателями…

Фермер удивлённо смотрел на меня. Потом тронул меня за рукав пиджака и хмыкнул:

— Простите, мистер, с вами всё в порядке?

Я лишь тупо смотрел на него. Тогда он перевёл взгляд на исписанные листы в моей руке и кашлянул:

— Понимаю, мистер: ведь погибшие были вашими родственниками? Очень жаль…

Тут дар речи снова вернулся ко мне:

— Нет, они были мне больше, чем родственники, — и, совершенно не понимая ситуации, спросил. — А вам, случайно, не была известна их фамилия?

Фермер лишь покачал кучерявой головой:

— Нет, мистер. Жили они очень замкнуто. Я не то что фамилии, даже имён их вам не могу сказать! В городе они никогда не появлялись. Но — гостеприимные, добрые. Однажды трактор у меня заглох милях в пяти от их коттеджа — так стоило мне только обратиться к ним за помощью! Это не люди, а, наверное, ангелы, спустившиеся к нам с облаков: и горючее нашлось у них, и накормили сына — помнишь, Фред? — спросил он у мальчика, который уже добрые пять минут шлифовал левую фару «джиппа», мокрой тряп-

кой. Тот кивнул в ответ головой и, застенчиво косясь на меня, улыбнулся. — Конечно, он помнит, продолжал добродушно фермер, подойдя к сыну и потрепав его по щеке, — неужели такое забывается?

— Да, — автоматически подтвердил я, — да, конечно.

Минутой спустя мойка автомобиля была закончена. Рукописи я снова сунул в карман пиджака и попрощался со своими помощниками. Солнце припекало всё сильней; снег, казалось, таял прямо на глазах. Я глянул на часы — пожалуй, ещё четверть — и я наверняка буду в Портленде. Двигатель заурчал и моя машина плавно выбралась на дорогу.

Внезапно некая мысль сверкнула в моём мозгу ярче молнии — да ведь этого не может быть! Конечно, теперь я приеду к Лили далеко не первым, но что мне теперь до этого? Первым я смогу появиться у неё и в следующий раз. Я никак не мог поверить словам фермера, что особняка, который я покинул меньше двух часов назад, не существовало уже более двух лет! Мои размышления по этому поводу не были долгими: я развернул машину — и стрелой, как только мне позволяла скорость и дорога, понёсся к маленькому котте-

джу на берегу океана.

Верстовые столбы и деревья мелькали перед глазами; Солнце слепило их, но я не сдавался — налегая на рулевое колесо, я крутил его не хуже профессионального гонщика. Не могу сказать, какие чувства владели мною в тот миг — сомнения ли или неотвратимости, но машина летела не медленнее, чем в голове моей одни мысли сменялись другими…

А вот и последний, тот самый поворот; сразу за ним мне должен открыться вид на маленький особняк. Стуча от нетерпения кулаком по рулевому колесу, я пролетел ещё несколько сотен метров — и от удивления остановил автомобиль: прекрасная панорама океана, береговой полосы и холмов расстилалась перед моими глазами, но какие-либо признаки особняка отсутствовали. Голова моя снова пошла кругом, появились даже признаки тошноты. Домика на берегу нигде не было видно.

Сколько я не пялил глаз на чудесную лагуну, лучше не стало: особняк исчез и это было очевидно. Я снова завёл мотор и медленно тронулся вдоль берега, высматривая знакомые места, где он мог ранее находиться… Теперь я уже не верил ничему или верил всему. Чем же был я занят? По-

исками коттеджа, который был моим ночлегом и который я совсем недавно покинул?

И вот, наконец, я разглядел более-менее ровное место на побережье; исчезнувший дом мог стоять только здесь. Я вышел из машины, заглушив двигатель, и осмотрелся по сторонам: да, это было то самое место. Да, именно здесь — я запомнил это — дорога более всего петляла по самому берегу; именно эти две сосны возвышались на холме, словно указатель; именно здесь, отсюда, виднелась далёкая каменная гряда… Всё было на месте. Не хватало только особняка.

Я в оцепенении смотрел на то место, где несколько часов назад простился с супружеской парой. Впрочем, на этот раз оцепенение длилось на очень долго: мой глаз разглядел, что местами снег лежит как-то неестественно, словно что-то скрывая, пряча под своей толщей. Оставив машину прямо на дороге, я рванулся вперёд прямо по сугробам, не накинув на плечи даже пальто.

По свей линии берега снег лежал довольно ровно, но здесь он выделял собою какое-то подобие неправильного квадрата. Я стал копать снег прямо руками — и точно: через несколько секунд больно ударился пальцами о камень. Это были остатки некогда крепкого фундамента;

поработав ещё немного, моим глазам открылось несколько балок и перекрытий потолка, чудом не унесённых в океан во время шторма. И я словно взбесился: разбрасывал руками снег направо и налево; тяжело дыша поднимал осколки стёкол и крупные деревянные остатки панелей и перегородок. Руки мои были были изранены о камни и совсем замёрзли; ноги промокли и тоже начинали леденеть. А голову мою палило сверху равнодушное Солнце.

Я сильно устал и сел прямо на холодный камень отдышаться; отдышаться не столь потому, что усталость моя была физической, нет — потому, что умственно я измучился в тысячу раз больше. Нелепые вопросы, нелепые догадки так и вертелись в моей голове. Как же это могло произойти? Я столько пережил за эту ночь — и вот, оказывается… Не могло же мне всё это присниться?.. Присниться? Я припомнил свой сон: буря сносит дом, но из глубин океана ко мне является его хозяин — Говард Филлипс Лавкрафт… И он сказал мне, что я видел прошлое. Я обхватил голову руками: что бы это могло значить? Может, он вторично, таким образом, инсценировал собственную смерть, чтобы удалиться к Глубоководным, а потом, спустя много лет, ничуть не

изменившимся и не постаревшим, вернуться на землю? Во всяком случае, теперь мне вполне ясно, почему могила писателя не найдена и почему она никогда не будет найдена — её попросту нет и никогда не существовало… Может, такое разрешение загадки и правильно, а может и нет. Но каким образом я провёл ночь в беседе с великим писателем — это поистине было выше моего разумения и понимания. Что ж, ещё хорошо, что мой сон — или, вернее, видение — до какой-то степени способно многое объяснить…

Я — печально, но с сознанием огромной радости — смотрел на обломки: когда-нибудь он снова вернётся! Вернётся в наш мир и опять станет жить в каком-нибудь отдалённом от человеческих жилищ месте со своей женой Соней Грин и маленьким пушистым котёнком. Я вспомнил, что в творениях Лавкрафта кошки — воплощённые демоны; кем же тогда являлся этот греющийся у камина зверёк? Не был ли он представителем иного мира, где всё далеко не так, как у нас, людей?

Я неотрывно смотрел на остатки балок и фундамента, бессмысленно перебрасывая снежный комок из руки в руку; снег потихоньку таял и вода тоненькими струйками попадала мне за

рукава рубашки, но я этого почти не ощущал. Недаром у хозяина дома был такой страждущий взгляд на океан, который я поймал случайно, заводя автомобиль перед отъездом. Он сказал мне на прощание: «Искренне ваш…», Да, мой на веки веков! Неужели после всего случившегося со мной я ещё мог не верить — я понял глубину миров и измерений гения; сегодняшнюю ночь я провёл — благодаря случайным обстоятельствам — только лишь в одной из прихожих его мира — мира вечно необъяснимых и загадочных сюжетов. «Искренне ваш…»

Нет, решительно невозможно было объянить случившегося со мною sub specie materialis[267]! Но сознание того, с кем я провёл ночью несколько часов беседы…

Моё внимание было привлечено длинным гудком автомобиля. Я посмотрел на дорогу — возле моей машины стоял здоровенный «Мэк»; шофёр грузовика — лысый мужчина в кепке, одетый в потёртый плащ — или, скорее, длинное пальто — уже приближался ко мне стремительным шагом.

— Терпите бедствие? — осведомился он, подойдя ко мне вполотную.

---

[267] Примечания: 267
С материальной точки зрения (лат.) (прим. авт.).

Я не ответил, продолжая смотреть себе под ноги. Мужчина слегка нахмурился:

— У вас какие-нибудь неполадки с машиной? Могу взять на буксир до Портленда. Возьму недорого — двадцати пяти долларов за это будет в самый раз… Столкуемся?

Тут я впервые посмотрел ему в глаза и ответил:

— Нет.

Он, казалось, ничуть не обиделся:

— Что ж, нет — так нет; хозяин, как говорится, барин. Ну и сидите тут, пока кто-нибудь не согласится дотащить ваш автомобиль до ремонтной станции за меньшую цену! А у меня дела! — и, сделав ручкой, он с ухмылкой побежал назад к своему грузовику. Мотор громко заревел — и через несколько минут «Мэк», скрылся за поворотом дороги.

Мысли мои снова вернулись к недавнему происшествию. Я закрыл глаза: вот он — кабинет Лавкрафта! — мы сидим друг напртив друга; писатель что-то говорит, а я, глупец, не верю ни единому его слову… «Истина, как говорили древние мудрецы, всегда восторжествует», — пришли мне на память слова. И она восторжествовала. Радуясь этому более, чем кому бы то ни было,

я добрался до автомобиля и уже на медленной скорости потащился в Портленд…

Спустя несколько месяцев я смог ещё более углубить и рассмотреть моё происшествие в ту памятную зимнюю ночь, когда я ехал поздравлять Лили. Мне довелось много говорить со знатоками и исследователями творчества Лавкрафта; я увидел множество копий его писем друзьям, в которых он, незадолго до своей «смерти», в 1937 году пишет, что собирается «уйти ещё дальше от людей; настолько далеко, где возможно достижение вечности». Я подумал, что именно эта фраза или какая-нибудь ей подобная породили версию о самоубийстве писателя; но что теперь значит эта версия для меня — человека, который лично общался с автором этих строк, который достиг Вечности во всех её смыслах — и в сердцах людей, и… если это правильно будет звучать — в прямом понимании этих слов.

Мне даже удалось найти нескольких людей, отцы или матери которых перепивывались с Лавкрафтом лично, однако, поискам моим это никак не помогло — писатель использовал, как и в предыдущих случаях, пишущую машинку. Я уже совсем было отчаялся познакомиться с его почерком, когда случайно наткнулся в Национальном

музее на несколько его писем от руки. Я помню этот день как сейчас — схватив один из листов его «Таинственной метки», я бегом побежал в музей, где на одной из прочно застеклённых витрин были выставлены на всеобщее обозрение несколько страниц из писем писателя по случаю столетия с его рождения. Протолкавшись сквозь толпу любопытствующих, я подобрался к стеклянному шкафу — несколько пожелтевших листов, исписанных мелким, угловатым почерком, лежали на самом виду. Я сунул руку в карман и извлёк свой. Сомнений во мне больше не осталось: на тех листах, что пожелтевшие от времени лежали передо мной под стеклом, и тем листом, что я держал дрожащей рукой перед глазами, почерк был идентичен. Несомненно, на всех листах пробовала себя одна и та же рука.

Я в растерянности стоял посреди зала — тысячи самых смелых желаний рвались из моего сердца. Мне хотелось крикнуть, что вот они — три последних, никому не известных произведения Лавкрафта, гениального писателя и визионера, чей день рождения отмечали сегодня тысячи и тысячи поклонников его таланта. Я едва удерживался от того, чтобы не поведать всему миру о своей беседе с писателем, о его теперешнем ме-

стопребывании, но здравый смысл одержал верх. Как бы отреагировали люди на то, что я хотел им сообщить? Без сомнения, мистер Лавкрафт был прав даже после «смерти».

Никто, даже мои самые лучшие друзья, ничего не знают о той ночи, которую я провёл в доме на берегу Атлантического океана; точно так же никому ничего не известно о трёх последних произведениях писателя: я никому об этом не обмолвился и не показывал рукописей. Может, я никогда и не скажу об этом ни слова. Мне остаётся лишь довольствоваться сознанием того, что во всём мире лишь мне одному известна тайна — тайна Говарда Филлипса Лавкрафта…

Мне остаётся снова и снова погружаться в книги писателя, где события и действия разворачиваются словно наяву; подолгу после этого я пребываю в каком-то непонятном и приподнятом состоянии. Да, он пишет не сентиментальные романчики — он выводит картину чёрную, ужасную, холодную, пробирающую морозом до костей, но — реальную. В этом-то и заключается «Сила Любви». Большой мизантроп, крайний нелюбитель человеческого общества, патологическая личность, вечно стремящаяся к вечному одиночеству — и всё же он любит человека, стремиться

помочь ему путём предостережения и раскрытия древних и ужасных секретов Зла земли, воды и далёкого космоса.

Я совершенно не знаю, что мне делать с его произведениями — опубликовать или же сохранить в тайне от других людей? Так и не могу придти к выводу, как мне с ними поступить. Не могу же я доказывать, что они принадлежат перу Лавкрафта, причём написаны после 1937 года! Остаётся одно: опубликовать их разве что под чужим именем. Я никогда, несмотря на разрешение писателя, не смогу дать произведениям своё имя — зачем? Разве настоящий знаток не узнает его неповторимый стиль даже спустя много-много лет? Или пусть какой-нибудь новеллист опубликует их под своим именем — какая разница? Главное, чтобы они дошли до людей — нашли себе читателя, всколыхнули умы. Ведь таково и есть последнее желание Лавкрафта — предупредить. И какое дело до того, под чьей фамилией это будет сделано?

Я чувствую, что опубликовать их мне придётся так или иначе. Вот возьму — и всуну их в какой-нибудь сборник мистической литературы одного или нескольких авторов; пусть считается, что они принадлежат перу любого из них. И лишь

один человек на всём белом свете будет знать, кто же их настоящий автор — я, один лишь я… А пока что, каждую ночь, прежде чем отойти ко сну, я вспоминаю маленький уютный дом, где я провёл столь незабываемые несколько часов до рассвета. Я вспоминаю мягкие руки Сони Грин, ленивого пушистого котёнка… Вспоминаю уверенный и спокойный взгляд писателя, который благодаря своему гению и духовности сумел победить великого человеческого врага — смерть. И я считаю, что над нею восторжествовал не только он один — в числе её победителей много других гениальных писателей, мыслителей, поэтов, художников, скульпторов, композиторов, актёров. В своём бессмертии они становятся ещё более величественными, слава их переходит от века к веку — а они время от времени навещают землю. Никто не может спорить со мной, что так не происходит.

Очень часто, когда я нахожусь в комнате один, то достаю из шкафа тщательно хранимые рукописи и начинаю внимательно рассматривать их. Читать мне практически незачем — за несколько лет я выучил их почти наизусть; всё своё последнее время я только ими и занимался. Мне вполне достаточно созерцать их в тишине дома, чтобы

вызвать из памяти на свет Божий все воспоминания, все тайны, пережитые мною в кабинете особняка, самым таинственным образом исчезнувшего со своего места на берегу океана. А когда мне становится совсем невмоготу, то я отправляюсь в автомобиле в недельное путешествие к месту его остатков. Сейчас лето, и я могу гулять по атлантическому побережью вдоволь — от зари до зари. Здесь, в полном одиночестве, мне ничего не мешает собраться с мыслями, когда я оглядываю остатки фундамента; я могу сесть на одну из сломанных балок или потолочное перекрытие, лежащее на песке. Волны океана тихо нашёптывают мне о чём-то, когда я предаюсь воспоминаниям.

И вот, однажды (а этой маленькой историей я и хотел бы закончить своё повествование) я, сидя на песке, заметил посреди мусора, щепок и битого стекла, которого повсюду было полным-полно торчащий из песка у самого фундамента какой-то предмет.

Я протянул руку — и уже спустя секунду держал трубку писателя, ту самую, что он курил (восточную, с длинным мундштуком), ходя туда-сюда по своему кабинету на втором этаже. Хотя то, что я держал теперь в руке, никак нельзя было назвать

трубкой: чубук её был сломан, остался только сам длинный мундштук из какого-то тяжёлого, коричневого дерева. Я долго и бережно рассматривал эту вещь, которая словно была подброшена мне океаном впридачу к памятным рукописям, остававшимся у меня до сих пор единственной памятью о встрече с мистером Лавкрафтом. Я осторожно вычистил из трубки песок и бережно положил её в нагрудный карман; а когда вернулся домой — в мраморную шкатулку, что стоит на моём рабочем столе.

Оказалось (в первые разы я этого вовсе не заметил), что трубка писателя была сплошь и рядом испрещена изображениями различных змей, чудовищ и химер. Это была очень тонкая и сложная работа; было видно, что мастер вложил очень много труда и времени в её изготовление. Изображения так переплетались между собой, что сперва не было никакой возможности что-либо заметить и тем более внимательно рассмотреть, но вооружившись хорошим увеличительным стеклом и знанием творчества писателя здесь можно было много чего обнаружить.

Не было ли это неким подобием иероглифической записи всех его новелл, повестей и романов? Не знаю и не узнаю никогда. Но на мундшту-

ке были запечатлены человеческие фигурки; образы странных инопланетных пришельцев, которые прибыли сюда сквозь время и пространство, чтобы поработить цивилизацию первых или полностью её уничтожить; целые битвы и схватки между Глубоководными и Старожилами в глубинах Океана, куда человечеству никогда не добраться, покуда дремлет Великий Ктулу — в этих рисунках и был собран весь мир писателя, собран небольшими отрывками, но с весьма ярким указанием на целое.

Многое даже, на мой взгляд, послужило бы неплохим дополнением к рассказам Лавкрафта — иллюстрированным дополнением, сошедшим со старой, сломанной трубки. Даже при первом взгляде на неё сразу было видно, что изготовлена она далеко не в нашем столетии. Возможно, век XIII или даже раньше того. И кто может поручиться, что эту трубку не курил сам Абдул аль-Хазред, великий безумец, написавший «Necronomicon»? Кто бы мог поручиться за это? И с какой гарантией? Одно можно утверждать с очевидной точностью: кто бы не был её владельцем, так или иначе это всегда был мудрый человек.

Миры Говарда Филлипса Лавкрафта неизменно являются во всём своём ужасном многообразии

глазам человека, знакомого с творчеством прекрасного новеллиста. Они вечны и незабываемы; окунувшись в них единожды никак невозможно не возжелать повторения; а некоторые люди даже после первого знакомства не могут вернуться к обманчивой реальности — те, что не ведают страха перед опасностями извне или изнутри нашей планеты. Ибо все книги Лавкрафта есть грозное напоминание — человек никогда не должен выходить в Высшие Сферы или шутить с магией; но он постоянно обязан использовать последнее в целях собственной безопасности и безопасности своих близких. Все цивилизации должны объединиться для борьбы с инфернальными мирами — это и есть Сила Любви, это одновременно и причина, и следствие.

Поскольку я столкнулся с Говардом Филлипсом Лавкрафтом несколько больше всего остального человечества, то и решил впоследствии не скрывать случившегося со мною происшествия, а наоборот: рассказать о нём по возможности полнее, не утрируя и не преувеличивая деталей. Что я и делаю перед вами в настоящую минуту. Поэтому хочу напомнить, что миры писателя — это вовсе не обыкновенный жанровый, стилистический приём — это реальность; такая же

реальность, как и само вечное существование Лавкрафта. Не сумасшедший же я, чтобы утверждать противоположное.

Кстати, могу добавить, что скоро у одной из моих сестёр — Розы, живущей неподалёку от Балтимора — тоже будет день рождения. Конечно, я постараюсь приехать раньше других гостей. И кто знает — может, и в этот раз со мною случиться какое-нибудь странное приключение? Может, мне посчастливится где-нибудь в уединённом месте встретиться с господином Эдгаром Алланом По или ещё каким-либо гениальным человеком… Я твёрдо верю в это; верю всей душой в возможность того, о чём только что сказал. Ведь мне известно, что великие люди никогда не умирают. Они могут скрыться от нас, удалиться в одиночество — но никогда не умирают. Не могут умереть.

Максим Ковалёв
Город, которого нет

2013

Ленинград…

Помнит ли кто-нибудь, каким он был — до?..
Помню ли я, кем был сам?..

Мне десять лет. Я шагаю по мощёному красным булыжником проспекту 25-го Октября, бывшему Невскому. За руку меня держит отец. Высокий, красивый человек в лётном комбинезоне из чёрной, затёртой, скрипящей кожи. Покоритель Небес, Небесный Воин, Брат Солнца. Его летучий дракон из «Сталинской Эскадрильи», — чудо авиации с тремя двигателями. Повод для гордости, предлог для чествований, основа для любви. Слева от нас — шершавая громада Казанского собора мерцает тусклым золотом купола, охватывая застывшими объятиями колоннады сквер с фонтаном. Справа — воздушно-величественное торжественно открытое в прошлом году представительство корпорации «Тьюринг», в Советском Союзе, увенчанное прозрачно-изумрудным вытянутым куполом со стеклянным земным шаром. Позади — брусчатка моста и синева канала Грибоедова. Впереди — красный транспарант, перекинутый между фасадами над проспектом. Цитата огромными белыми буквами: ««Наши лётчики — славные ребята! Весь мир нам завидует!», Т. Сталин»

Когда мы проходим под полосой кровавой мате-

рии, отец берёт меня и сажает на плечи. Теперь я вижу далеко, теперь я улыбаюсь радужному солнцу и бледно-голубому небу, тяжёлым, разноцветным зданиям и остроконечному ослепляющему шпилю Адмиралтейства прямо по курсу. Вижу, поверх голов текущих к саду, — реющие стяги и плакаты с лозунгами, трибуну и полотна — пять чёрно-белых фотографий на одной из которых узнаю отца. Белозубая улыбка, вытянутое, обветренное лицо. Элитный корпус, каста избранных, благословленная самим вождём…

Портрет вождя закрывает половину фасада Адмиралтейства. Он всегда один и тот же, с начала 40-х годов. Сталин застыл в одной эпохе, в одном возрасте, в одном фотоизображении — неизменно монохромном. Чуть вскинут решительный подбородок, взгляд слегка прищуренных глаз вбок и вниз. Умудрённое, добродушно-надменное выражение, пасущего своих овец пастуха. Он не седеет, не покрывается сетью морщин, не походит на пыльного старика. Его не видно на мавзолее, в кинохронику монтируют фрагменты старых записей, по радио речи вождя читают соратники, но мир знает, что он существует. Незримый, живой — ведущий народ к великим свершениям и великой же славе.

И мы знали. Я знал — в ту пору четвероклассник, посвящённый в пионеры. Снежной белизны рубашка, алый галстук, алая пилотка. Товарищ Сталин — капитан, ведущий корабль в верном направлении. В 1959-ом году — последнем для Ленинграда — ему должно быть восемьдесят лет…

Идеальное государство и метро, которое городу не суждено было обрести. Как это могло быть взаимосвязано?..

В моей памяти, если, — то, есть, действительно моя память — ведь я уже давно изменился, распался, стал частью нечеловеческой сущности. Поглощён космической тьмой, брежу и грежу о том, в кого превратился с момента, когда в последний раз видел зеркало на Земле. В моей памяти, ясно отпечатался день, когда в газете «Правда», официально объявили о приостановке сооружения метрополитена на неопределённый срок в связи с наличием обширных пустот в южной части города. Кто бы мог подумать, что город на болоте может иметь разветвлённую сеть карстовых пещер?..

— Посмотри, Павлик, геологам не поздоровится, — усмехнулся отец, взглянул на меня из-за огромного листа газеты, вздувшимся парусом на

мгновение. Был сентябрь, и мы сидели в парке, задувал лёгкий ветерок. Пахло палой листвой.

— Значит, у нас не будет своего метро?..

— Не знаю, Павел, не знаю… — затуманенный взор, поверх газеты в никуда.

Отец видел Их. Тех, что пришли. Йит, Ми-го, Старцы. Не мог не видеть и очень неохотно рассказывал, даже будучи в составе всемирно известной эскадрильи в числе первых поприветствовавших Ми-го на территории Советского Союза. Стране пришлось впускать их, свободу передвижения поначалу ограничивали специальным транспортом — затенёнными, закрытыми фургонами не только поддерживающими специальную атмосферу в своих утробах, но и прятавшими с глаз простых граждан. Впоследствии, когда связи становились теснее, абсолютную внешнюю чужеродность приходилось принимать.

Возможно, отец понимал, что карстовые пещеры не просто геологическое явление.

Возможно, доступ к почти капиталистическим благам — четырёхкомнатной квартире на Московском проспекте, двухэтажной даче во Всеволожске и личной «Волге», — позволял приобщиться к знакомствам, тонко выводящим к построению теорий заговоров.

Возможно, вопрос — «кто за всем стоит», — не пустой звук и не случайные флуктуации геологических процессов причина грядущих социальных потрясений. Хотя теперь сложно сказать, и не только потому, что я сам уже давно не «я», а «оно», и от родного дома меня отделяют квадрильоны километров. Но и потому что Они принесли нам много благ, а зло странным образом ковали мы сами, лишь порой в связке с Их отдельными представителями, часто прямо не желавшими зла или понимающими его по-другому. Просто Они не могли совладать с собственным наследием, которое, возникнув на заре Вселенной, быть может, ещё перешагнёт через её закат. Чего уж говорить о нас, жалких обезьянах…

А возможно, отец, как немногие в начале интеграции, понимал к чему ещё приведёт взаимодействие со сверхцивилизациями намного превосходящими нашу.

В следующую ночь целый квартал ушёл под землю, обнажив чёрную, холодную бездну. Многоступенчатое ледяное напластование — сырое, истекающее подземными родниками. Нас разбудил подземный толчок и надрывная, сводящая с ума сирена воздушной тревоги, последовавшая вслед за ним.

Улицы заполнились гомоном запаниковавших, полуодетых людей, выскочивших в стылый сентябрь с самым дорогим, что у них было — детьми, домашними животными, паспортами, деньгами, книгами по марксизму-ленинизму, портретами вождя.

В руинах лежал жилой квартал, примыкающий к Кировскому заводу. Облако пыли вырастало во тьме безлунной ночи и медленно двигалось в нашу сторону.

— Это война?..

Моя мать — невысокая, стройная женщина, наспех накинувшая пальто, поверх ночной рубахи — стояла, обхватив плечи руками. В нескольких метрах кучка жителей нашего элитного дома, а из арки уже выезжает чёрный воронок. Им, как и нам полагается немедленная защита особых органов.

— Нет, не думаю…

Догадывался ли отец уже тогда, предвестником чего это могло быть?..

Три человека из КГБ в костюмах с галстуками и весомой кобурой на ремнях, коротко и ясно дали понять, что ночь для граждан, проживающих в доме тридцать шесть специального назначения, скорее всего, пройдёт на улице до «выяснения об-

стоятельств произошедшего и степени угрозы».

— А что случилось-то вообще?..

Жена главы района с рыжим котом на плече переминалась с ноги на ногу.

— Не беспокойтесь. Всё под контролем. Будьте уверены.

Жители соседних домов, кому охрана не полагалась, предусмотрительно держались поближе к воплощающим власть, дабы контроль коснулся и их. Зацепил, хоть легонько…

Знали бы они, что нас ожидает…

Мой отец — ас. Лётчик-испытатель и штурмовик по призванию, его услуги понадобились спустя шесть дней, но прежде я участвовал в разговоре.

Похоже, одна из множества моих личностей ещё не растворилась в студне. С вкраплениями сильно разрозненных в застывшей субстанции фрагментов человеческих органов, напоминающих клубни картофеля, обросшие щетиной. И я могу сказать точно — разговоры велись мной не в качестве десятилетнего пионера, а в качестве человека вхожего в круги спецслужб, более того занимающего высокую должность.

Всё больше я вижу его воспоминаний, память перемешивается. Я перестаю ощущать целост-

ность сознания и почти физически чувствую его распад.

Я вижу Гражданскую войну и себя выкашивающего из пулемёта белогвардейскую конницу.

Я помню рукопашную атаку и искажённое шоком лицо юнкера, которому только что отрубил шашкой руку, вместе с плечом.

Я слышу биение курантов и боковым зрением в мутном, белом дне различаю фигуру вождя на гранитной террасе мавзолея, а над площадью проплывает тень от туши гигантского бронированного дирижабля.

Я в деревне. Сморщенная, горбатая старуха улыбается беззубым ртом. Семенит на кривых, худых конечностях. Бросается на шею, обнимает, шепча на ухо: «сынок», — и плачет. А я подавленно взираю на покосившуюся, чёрную, крытую соломой хату, за её спиной и серую пыль носит горячий степной ветер…

Последнее видение делегация Ми-го.

И я полон суеверного ужаса, который тщетно пытаюсь скрыть, но он испариной проступает на холодном лбу. Розоватые, словно варёные креветки существа. Ряды костистых наростов — не то крыльев, не то шипов — усеивают ракообразное панцирное тело вдоль хребта. Пара мощных

лап синхронно несёт кольчато-варённое тело по красной ковровой дорожке. И голова, если можно назвать головой похожий на прилепившегося мерзкого паука мохнатый шар, будто утыканный членистыми усиками, напоминающими лапки жирного насекомого. Они шевелятся, трутся, клацают и жужжат. Оно приветствуют меня стрёкотом, похожим на песню цикады. Оно ближе и ближе, оно тянет мне клешню-лапу, иссечённую зазубринами, между которыми прорастает венчик игл. Оно желает поздороваться на человеческий манер. Неслыханное выражение расположения!.. Я отступаю на шаг, понимая, что не смогу взять в ладонь конечность, но я всё равно беру. Холодную, твёрдую броню и пара когтистых пальцев осторожно сжимает кисть. Как рак, всего лишь, как чёртов рак, с облегчением думаю я…

Меня называют Андреем. Мне больше пятидесяти, а из личного кабинета видна Спасская башня. Я выпиваю коньяк, беседуя с бледным, морщинистым, лысым типом и разговор не сулит ничего хорошего. Он заранее обречён. Оба мы знаем — кабинет нашпигован подслушивающими устройствами…

Мы говорим о ксенотрансплантациях, при-

шельцах, событии в Ленинграде и Сталине. Мы говорим о взаимосвязи этих явлений и о концепции идеального государства, которая выползла в связи с именем вождя в очень-очень узких кругах.

— Он ведь жив, — говорит мой собеседник. Крайне известная личность. Куда известнее меня, куда приближённее в недавние времена к Хозяину, но сейчас опальный властитель. Он тоже грузин и в его аккуратных, почти ювелирных очках отражается янтарный закат. — Ты ведь понимаешь, что он на самом деле жив. Чтобы ни говорили, какие бы слухи не ходили даже в номенклатурных кругах, но он живее всех живых и всех переживёт. Признайся, ты ведь надеялся, что он умер несколько лет назад?..

Я просто развожу руками и нацеживаю ещё в стопку себе и ему.

— Я не знаю. Я боялся даже думать об этом. Я решил, что вы, особо приближённые, просто не можете поделить трон после его смерти и разыгрываете спектакль.

— Мы должны были убить его, Андрэй… — акцент собеседника внезапно становится отчётливей на моём имени. Прорывается волнение.

— Что?.. Ты уверен, что хочешь сказать именно

сейчас…

Я понимаю, если он продолжит — это будет смертный приговор и ему, и мне, но я чувствую безразличие к своей судьбе. Я понимаю, приговор сейчас или потом, всё равно. Новые репрессии не за горами — извращённые временем, в котором чужие и люди вступили в противоестественный диалог…

— А уже поздно. Я всё сказал. И он знает, что это я, точнее — мы. Но ему всё равно, он движим иной логикой и иными побуждениями, может быть он даже благодарен нам, если в нём осталось человеческое…

— Человеческое?..

— Да, — он усмехается горько и обречённо. Поднимается с гостевого дивана, подходит к окну. Москва порождает отдалённый автомобильный гул, на горизонте торчит частокол башен нового квартала. Монументальные, тяжёлые сооружения — кубические нагромождения, опоясанные нависающими карнизами, истыканные коммунистической и новой — ксеносимволикой — архитектурные гиганты. — Пятого марта 1953-го года в спальню к Хозяину по моей личной указке было подселено существо. Аморфная, скользкая тварь, которую наши коммерческие

агенты одолжили у Ми-го. Официально для медицинских опытов, по сути, так оно и было. Активное взаимодействие с чужими технологиями уже шло полным ходом. Отдел биологических исследований выявил высокие регенеративные способности объекта — и, пожалуй, это было единственное, что он выявил на первых порах. Существо, вообще не походило на животное. Никаких органов, никаких реакций, кроме способности оправляться, собираясь заново, даже если порезали на сотню частей. Наши доблестные советские учёные работали при полном облачении — защитные костюмы с подачей воздуха и непроницаемые шлемы. Но случилось, то, что назвали бы в былые времена вредительством, а ныне — малодушной халатностью. Возможно, градус опасности у одного из лаборантов резко ослаб. Ведь объект не выглядел ни ядовитым, ни живым, а его молекулярные связи являли доселе невиданную небиологическую решётку. Один товарищ решил запросто снять свой шлем, за что и поплатился. Тварь пружиной вытянулась, словно каучук по направлению к лицу, и, не отлепляясь от разделочного стола, за секунду просочилась, протекла сквозь его череп. Дурак прожил полминуты, постоял как столб перед застывшими от

ужаса коллегами и умер. Существо же вылезло обратно, тем же путём, через лицо, собралось на полу в студенистый комок, и с шипением растаяло, оставив облако пара. Товарища вскрыли. Никаких внутренних аномалий не обнаружили. Причина смерти банальна — инсульт…

— Вы хотели совершить идеальное убийство?..

— Убийство, не оставляющее следов. Никаких продуктов распада ядов в организме и уж тем более телесных повреждений. Инсульт и всё. В его возрасте это обычное дело.

— У вас и получилось, и не получилось одновременно. Я правильно понял?..

Он стоит вполоборота. Заходящее солнце очерчивает его фигуру сиянием. Лицо, погруженное в тень. Эмоции разглядеть невозможно, но молчание недвусмысленно. Клокочет ярость и бессилие. Я различаю рокот двигателей — оранжевое солнце заслоняет очередной цеппелин.

— Всё пошло не так. Он не умер, но если бы только это… Оно срослось с ним, то что должно было убить… Видел бы ты его. Сейчас. И ты увидишь очень скоро. Возможно, даже завтра. Он выйдет из тени, Андрэй. Как ты думаешь, почему разговоры об идеальном государстве давно заменили мечты о коммунизме?

Идеальное государство, когда каждая человеческая единица — часть единого организма. Когда невозможна крамольная мысль о государстве, вожде и цели. Инакомыслие, как абсолютное зло. Болезнь. Помеха идеи во имя идеи, смысла во имя смысла, цели во имя цели. Представьте себе, что люди мыслят в едином, синхронном порыве. Маршируют в ногу, впитывают новое искусство, строят новые города, поют дифирамбы обществу справедливости и вождю его основавшему. Преступлений нет, печали нет, боли нет, ибо люди разучились совершать преступления, печалиться и испытывать боль. Они умеют только славить, радоваться и возводить. И не умеют — физически не в состоянии — мыслить по-иному, бунтовать и идти против течения. Человеческий муравейник…

— Похоже, цель близка, — произносит он, потирая подбородок, — Ближе чем, кажется. Всё начнётся с Ленинграда. Там уже происходит кое-что, и он предвидел, что это случиться. Он планировал…

В акваторию Невы вошёл линкор «Иосиф Сталин».

Что такое в десять лет увидеть стальное чудовище, ощетинившееся множеством орудийных

башен размером с дом, и с многоуровневой, двухтрубной надстройкой величиной с небольшой город?.. Чувство всеохватного, распирающего, щекочущего в груди счастья!

Гигантское плавучее сооружение встало напротив Стрелки Васильевского острова, в самой широкой части реки, демонстрируя гордое своё название и выпуклый барельеф вождя под ним. В корме корабль нёс диковину того времени — три военных многовинтовых геликоптёра. Серые, хромированные, хищные, напоминающие богомолов механизмы. Чем-то они отдалённо походили на некоторых представителей Ми-го…

То был следующий день после обвала. Юго-западный район Ленинграда подлежал эвакуации, линия которой проходила точно по левой стороне Московского проспекта и не затрагивала наш дом, но нас всё равно выселили в пансионат «Заря», на Крестовском острове. Отца немедленно вызвали на аэродром.

Назревало неизбежное.

Прогуливаясь по набережной, я слышал рокочущий, подземный гул, будто под землёй ворочалось что-то огромное, беспорядочное. Поговаривали о расширяющейся к центру города трещине. Шраме, ползущем к заливу и, навер-

ное, это было правдой. Отдалённый треск, серая завеса пыли в районе завода никак не желала оседать и только росла, загустевая в чернильное, косматое пятно. Кажется здания, а то и целые кварталы уходили под землю. В небе барражировали звенья истребителей и штурмовиков, среди них, может быть, был и мой отец.

Навстречу промаршировал целый отряд солдат, чеканя шаг. Проехало звено мотоциклистов, а за ним проследовала бронемашина — ребристое нечто с кубиками противодинамической защиты по бортам. Мне оставалось лишь с открытым ртом изумлённо провожать чудеса техники. Одно за другим…

А потом линкор стал медленно поворачивать носовую башню. Шум дизельного двигателя вращающего зубчатый привод огромной башни наполнял меня неистовым, оргастическим весельем. Я готов был нырнуть в чёрные, маслянисто поблескивающие, мазутные воды Невы и преодолеть вплавь один километр, отделявший меня от серо-белой махины. Но пришлось, опираясь грудью о гранитную плиту, наравне со всеми довольствоваться созерцанием завораживающего процесса со стороны.

Орудия установились на юго-запад и замерли.

До меня дошло неминуемое. В их прицеле место, где клубиться дым.

Иногда я, — если «я», ещё имеет значение в моём случае, — размышляю, как нас использовали.

В моём распавшемся, раздувшемся, желеобразном бытии мелькают личности и исполнители, солдаты и вожди, дети и их родители.

Иногда я вижу сны о тех днях. В ту минуту, когда тот «я», первоначальный (я надеюсь), восхищался чудесами техники, вошедшей в город, на другом его краю уже готовилась операция.

Где-то в моей аморфной оболочке присутствует сознание наивного солдатика откуда-то со Смоленщины, превращённой в один большой картофельный колхоз.

Солдатик впервые видит Ми-го. В его уме эти существа всегда ассоциировались с какой-то мелкой китайской народностью. Он ожидал увидеть желтолицых людей с усами, как у сома. Китайцев наряжённых в подобие туркменских тюбетеек и верблюжьих халатов, выходящих из огромного транспортного средства. Тягача с колёсами в человеческий рост и прицепом-фургоном. Он полагал, что истинным зрелищем и будет этот

самый невиданный тягач, ведь крупнее трактора парень ничего в жизни не видывал.

Но когда из чрева фургона, вместе с белым туманом, тяжело выпорхнуло грузное, летучее, невиданное нечто. Беспорядочное смешение несовместимых органов и конечностей. Безглазое, безголовое — трещащее, словно гигантский кузнечик — он понял, о чём будет рассказывать в деревне.

Удивлён не только он. Командир, должен бы, уже пять минут назад построить зелёную солдатню строем. Оснастить автоматическим оружием нового типа, отдать приказ занимать позиции на острове Новая Голландия, к которому трещина подступила вплотную, похоронив целые кварталы, перерезав по пути каналы Обводный, Грибоедова и Крюков, породив разломы с хлещущими в тёмное жерло водопадами. Но он стоит с открытым ртом и чешет бритую голову…

Командир, майор Леонид Челищев, тоже часть меня. И я вижу особенно ясно его сны о доме — солнечные поля и золотая рожь. Ми-го для него — синоним абсолютной чужеродности и неизбежной интервенции. Хотя он упорно старается не выдавать мыслей, по крайней мере, сейчас. Перед отправкой в центр, высшим офицерам

давали инструктаж, где особенный напор делали на способностях Ми-го, среди которых есть возможность читать мысли. Поэтому особым наказом представителей из КГБ был — думать о белых медведях…

Я уже очень далеко. Я растворяюсь в мёртвом вакууме, подставляя разросшиеся, распухшие фрагменты моего «я», остаточному излучению далёких, холодных солнц. Тот мир прошлого со мной, слишком чёткий и резкий, но я ещё не дошёл до самого главного. И я бы не хотел, чтобы мир оставался таким всегда. Я бы хотел раствориться во снах майора, в невинном сознании восемнадцатилетних, которым доверили лучевое оружие. Пустили в разломы, пожирающие город и никто не рассказал им о Шаб-Ниггурате и детях его…

— …Павлик! Павлик! Вставай! Вставай же!!..

Паника.

Меня вырвали из сладкого сна. Втолкнули в душно натопленный замкнутый мир, мерцающий беспорядочными серебристыми сполохами, пляшущими кривыми, заострёнными тенями.

Была комната с вибрирующими навзрыд стёклами в окне. С лязгающими трубами газового отопления вдоль плинтусов. Пространство вне на-

шего содрогающегося маленького мира доносило громовые раскаты. Порождало в гонимых ветром сквозь ночь грузных тучах вспышки. Палили батареи крупнокалиберных орудий — сильнее, настойчивее, чаще. Сливаясь в сплошную канонаду. И утробный, протяжный вой — далёкое, глухим эхом разносимое — «ууууухххх»…

— Мама, что это?..

Она шарила ногой у кровати, пытаясь найти туфлю.

Мы должны выскочить в коридор, дальше по лестнице бежать вниз с пятого этажа. Я быстро натянул брюки от школьной формы, собрался всунуть руку в рукав рубашки, когда земля начала уходить из под ног…

Стёкла распались на части, обрушившись льдистыми обломками на облупившийся подоконник. Старый, распухший от сырости паркет затрещал, с потолка посыпались лохмотья плесневой штукатурки.

Противоположный берег залива, через Васильевский остров, кипел. Пять долгих секунд мой взор держался на раздувшемся дымном облаке зависшим над югом города, внутри которого что-то происходило. Что-то, будто ворочалось в коричнево-жёлтом вихре, обстреливаемое шквалом

огня. Очередями трассирующих пуль с ближних крыш. Орудиями линкоров, грохочущими до рези в барабанных перепонках. Странными сплошными белыми лучами, скрещивающимися в густой завесе. У границы облака, кажется, кружились истребители, а ниже хищно шарил тот самый геликоптер с «Иосифа Сталина»…

— Там же папа!.. — заорал я, но крик утонул в раскатистой, сумасшедшей пальбе. Дом содрогался. Трудно было понять от чего. Хотя точно не громкий звук канонады стал причиной землетрясения, а то, что подмешивалось к нему. Низкий гул, перекатывание, треск, утробное бормотание недр, разрушительные процессы из глубины, буквально ощущаемые подошвами. Если бы я находился на той стороне, то увидел бы целый каньон, в который заливалась вода из Невы и проваливались гранитные набережные. Если бы я обнаружил себя подле Медного Всадника, то оказался бы, рядом с этими зияющими пустотами, поглотившими здания, дороги, дворы…

Мы выскочили в тёмный коридор. Столкнулись с соседкой по этажу — женой какого-то партийного деятеля, тащившей стёганое одеяло. В руках у неё мелькал свет карманного фонарика.

— Мой муж что-то видел в облаке! — внезапно

схватив мать, крикнула она, таращась красными глазами. — Все бегут во двор!.. — и вопрос в пустоту стен: — А куда ещё?!..

Я хотел спросить, что видел муж. Ведь это значило, моему отцу приходится сражаться с этим чем-то, но времени не было. Перескакивать через две-три ступеньки во тьме, шуме, тряске и одновременно пытаться донести что-то до другого человека невозможно без ущерба для себя.

Со второго лестничного пролёта спускалась толпа. Шумный, неорганизованный поток не выспавшихся людей, явно сбитых с толку и перепуганных. Где же представители власти?.. Где боевой отряд, приставленный к нашей группе?..

Настораживали некоторые высказывания. Влившись в поток, крепко удерживая за руку мать — я расслышал шёпотом произнесённое впереди идущим тучным мужчиной:

— Они просто уехали. Бросили нас, причём спешно. Сам видел…

— Вы уверены?..

— По рации им разве что не гавкали, так грубо приказывали…

— Что вообще происходит??..

Красное, косматое солнце проплывает, озаряя пузырящиеся вкрапления под студенистой обо-

лочкой моей сущности. Солнце — это Арктур, выкидывающий протуберанцы в космос и нагревающий пространство вокруг. У Арктура пять планет, одна из которых, содержит древние артефакты Старцев. Что-то в их чёрных, гигантских, геометрически болезненных, неевклидовых городах разбросанных по поверхности. Что-то старое и опасное…

Но мне не туда.

Я опять заложник другой личности. Тяжёлые, вязкие воспоминания.

Снова Москва и сумеречный кабинет, уже известный мне, но теперь я один. За окнами озарённая огнями города ночь. Горящие рубиновые звёзды Кремля, отдалённый шум набережной…

В кабинете работает телевизор. Полукруглый, похожий на аквариум ящик, с выпуклым экраном показывающий в цвете. Мерцающем, тусклом, бедном на оттенки…

Идёт выступление. Он вышел из тени. Сталин.

Его голос перекатывается как горная река. Хлещет и шумит, заставляет слушать, не отрываясь и внимать против воли. Его вид странно искажен. Но не отсутствием совершенства цветного изображения и телевизионного сигнала.

Он изменился физически. Волосяной покров на

лице и голове отсутствует. Правая сторона черепа бугристо раздулась, оттенок кожи желтоватый, но лицо заметно бледнее, хотя возможно это всё же искажение цвета, изъян картинки. Один глаз затянут бельмом. Он стоит в белом френче, за спиной герб Советского Союза и фрагмент бордовой шторы.

Речь посвящена событиям в Ленинграде. Приходу нового времени, в котором советские люди будут счастливы. Времени, где новое общество родиться неизбежно, даровав каждому исполнение мечты. Жизнь в мире справедливости и истинного равенства. Общество станет нерушимым, неприступным, как горный хребет. Человек перестанет завидовать, мучиться заботами о завтрашнем дне, бояться войны и вторжения извне. Человек будет жить — чисто, безгрешно, прозрачно для других и даже для себя. А самое главное установление порядка уже идёт в этот самый момент…

Я испытываю ужас. Тьма вокруг меня в кабинете — символ тьмы, которая близиться.

Меня должны отправить в Ленинград завтра. Я должен буду осудить тех, кто развязал оборону против живого воплощения справедливости, способного её нам даровать. Если честно, я ожидал,

что осудят меня. За потерю лояльности, и сомнительные разговоры в кулуарах министерства с сомнительными же личностями, потерявшими доверие.

Возможно, суд меня ещё ожидает. Может быть, моя отправка в Ленинград закончится арестом. Я бы не хотел туда и предпочёл бы Лубянку немедленно. Никто не знает, что там происходит, но самый распространённый слух, вероятно истинен.

Ленинград превращён в концлагерь, а жители основные узники. Причина уже озвучена — жителям великого города оказывают великую честь — стать первыми членами счастливого общества, пройти посвящение. Не исключено, что и меня самого посвятят, как только я сойду с самолёта…

— Шаб-Ниггурат, — говорю я в пустоту страшное слово. Древнее божество. Я не знаю, почему произношу его имя. Пока я ни прибыл в Ленинград и не был посвящён в полуправду, — я не мог знать, что Шаб-Ниггурат может иметь отношение к событиям.

По телевизору играет гимн. Кажется, торжественнее, чем обычно. Двенадцать часов ночи — начинаются новые сутки…

Одним махом оно сметает лес портальных кра-

нов и ряды доков в гавани.

Плюётся и сочится едкой жижей прожигающей бетон, бронированную технику, — расплавляющей стены, крыши и сталь. Его невероятное тело столь безмерно, что верхняя часть — сонмище разнокалиберных члеников, многосуставчатых конечностей, венчиков с гроздьями чёрных глазок — скрывается в ядовитом жёлто-коричневом тумане, испаряемом скользкой поверхностью кожи и смешивающейся с обычной завесой облаков. Оно выкрикивает проклятья, что-то похожее на — Йагггххх! — разносится над миром. Оно неописуемо кошмарно и разрушительно. Его длинный червеобразный отросток-хвост бороздит по Кировскому заводу, круша цеха и дымовые трубы, словно картонные, а сочленённое тело и подобие головы — косматое нечто, накрыло центр города, покоясь на краю каньона из которого выползло…

Леонид Челищев бежит.

Часть его людей смело конвульсивным движением жирного щупальца, вывалившегося из облака, будто кишка, и накрывшего полквартала зданий примыкающих к Сенной площади. Другая часть, потеснённая корчами колоссального многоэтажного хвоста, отступала, пока не уткнулась

в край зазубренного каньона и не сорвалась в пропасть в полной безысходности. Третьи растворились в кислоте или утонули, четвёртых в возникшей панике случайно перестреляли свои…

Его отряд погиб практически весь. В распадающихся, залитых кислотой развалинах каждый выживший спасается сам по себе. Без геройства. Надеясь выскочить к своим в тыл.

Леониду больно и горько. Я хорошо ощущаю смятение, буквальную слепоту его сознания. Он то ныряет в липкий дым, то оказывается на перепаханной, словно гигантским плугом равнине, на которой с трудом угадываются бывшие фундаменты зданий, стрелы проспектов, извивы улиц. Обломанные будто спички деревья и фонарные столбы, смятые автомобили, перевёрнутые танки, скрученные узлами трамвайные рельсы, расплющенные трупы солдат и простых жителей. За спиной грохочут взрывы газопроводов, и беснуется существо, выползшее из пределов ада…

В какой-то момент дорогу Леониду преграждает арматура упавшего подъёмного крана, и он не в силах её обойти. Страшась, что, скрывшись в вонючем тумане, наткнётся на бездну, бушующий пожар или совсем уж непроходимые завалы

— пролезает под деформированной стальной конструкцией на четвереньках и оказывается перед озером рыжей, горячей воды, хлещущей из лопнувшего трубопровода. Дальше путь вперёд закрыт. Остаётся следовать вдоль грязного берега, превращённого в шипящее болото.

Леонид чувствует жар и боль в правой ступне. В сапоге хлюпает кровь. Его сознание замутнено, а мир кажется чёрно-белым. Цель идти, не сворачивая, как можно дальше и прочь из тумана уже не кажется выполнимой.

На самом деле, он близок к цели, он выйдет к кордону. Но я, — тот, что поджаривается у раскалённого шара Арктура, на короткое время притянутый мощной гравитацией, — знаю, чем закончится поход… Приказ — «Прекратить огонь!», — был как безумие. Когда он в перекрёстии мечущихся снопов света, поступил с небес, испоганенных существом, выблёвывающим едкую смесь, было уже поздно и тщетно. Леонид слышал приказ, и мысль — ведь мы здесь, для того чтобы уничтожить тварь любым способом и будем стоять до смерти! так зачем же прекращать огонь!?.. — на мгновение озарила мозг, но стоять до конца всё равно уже не имело смысла. Существо было неуничтожимо, а противоречи-

вые приказы, лишь доказывали, то, что стало понятно задним числом, когда перестало иметь значение любое доказательство и исход, прежде всего для меня…

Ночь истекает. Утробный гул за спиной, сливается в сплошное клокотание, но оно, словно задремало. Леонид опасливо бросает взгляды через плечо и видит лишь плотную взвесь туч от земли до неба, подсвеченную рыжеватым восходом. Густую, в завихрениях, похожую на жидкость или тлеющий пожар. Развалины остаются позади, и он вступает в пригородные кварталы, целые, но зловеще пустые. Ветер гоняет пыль. Лоскуты туч несёт он по расцвеченному болезненной зарёй осеннему небу. Прочь от руин.

Впереди угадывается мерцание фар и надрывное урчание моторов. Кажется, он вышел к своим. Пытается идти быстрее. Вдоль тёмных фасадов с чёрными окнами по прямой как стрела улице. И чем ближе подходит к маневрирующей технике, тем яснее различает, сквозь бьющий свет фар — огромные дымящие выхлопами тягачи с прицепными фургонами непонятного назначения, занявшие поперёк все полосы движения на Московском проспекте. Большинство нагружены странными прозрачными сплошными

ёмкостями, сложенными в прицепах наподобие пчелиных сот.

Леонид уже совсем рядом. Он знает, что за ним наблюдают. Он сомневается, стоит ли идти дальше?.. Что они здесь делают?.. Зачем всё это?..

— Товарищ! — рёв мегафона, заставляет вспорхнуть стаю ворон с кроны дерева. — Вы вышли в зону оцепления! Назовите себя и своё звание!

На него направляют орудийные башни броневиков. Лучевое оружие заградотряда — эти энергетические скальпели, — дружно нацеливаются на грязного, согбенного человека подволакивающего ногу.

Он понимает, что это не вооружённые спасатели и не подмога, а, так называемые, специальные части взаимодействующие с представителями Ми-го, Старцев и Йит. С каждой из трёх рас по-разному, в зависимости от их степени открытости. Так что войны больше не будет. Его вообще не ожидали увидеть. Живых, с той стороны, видно пришло единицы.

— Майор Леонид Челищев… — хрипит он.

— Громче!.. — ему не знаком этот голос. Человек орёт из открытого люка командного броневика, и он в тёмных очках.

— Майор Леонид Челищев!

— К какой части вы приписаны?..

— Часть номер четыре, Ленинградского военного округа.

— Руки за голову! Двигайтесь нам навстречу слаженно и без резких движений! Выбора нет. Руки сцепляют затылок, движение сразу отдаётся мышечной болью. Леонид идёт по россыпи выпуклых трещин в асфальте. Приближается к кордону на расстояние пяти шагов. Его стремительно окружают, толкают в спину дулом, проталкивают в узкий коридор между бронированными боками машин. Ведут, напирая сзади, мимо колонны джипов, вдоль прицепов с непонятным грузом.

— Направо.

Леонид послушно поворачивает и сталкивается с картиной, которая западает в память на всю короткую жизнь. Его, и мою нынешнюю жизнь, в виде куска изменяющегося нечто в межзвёздном пространстве.

Он видит Ми-го, собравшихся вокруг сияющей сферы и безмолвно наблюдающих за светом объекта похожего на многократно увеличенную замороженную шаровую молнию. Ми-го — шесть крупных особей. Им никто не мешает. Они отгорожены металлическим заграждением. Похоже,

идёт ритуал. Шар изменяет структуру. Блеск угасает, и поверхность начинает напоминать кожу огромного слизня свернувшегося в клубок, а не кусок льда. Ми-го издают еле различимое пощёлкивание…

— Господи… — шепчет Леонид.

— Вы религиозны?.. — голос из-за спины — вкрадывающийся, ироничный.

Майор вздрагивает и оборачивается — охрана, будто испарилась. Перед ним стоит тот самый человек в тёмных очках, плотно прилегающих к глазницам, который орал в мегафон. Что ответить?..

— Я — нет, — чётко говорит он. Не моргнув, не дрогнув не единой лицевой мышцей, хотя стоять навытяжку даётся с трудом — боль в ноге притупилась, но теперь ноет всё тело.

— Майор, как же так?.. — слегка улыбаясь и прищуриваясь, говорит молодой человек. В чертах лица есть что-то восточное, чистый брюнет. Он действительно молодой, не больше тридцати, а по званию не младше Леонида совершенно точно. Но погон не видно за кожаной курткой. Странная форма — она однотонно чёрная, облегающая. — Как же так?.. Вы помянули бога и теперь спишите всё на генетическую память?.. — он усмехается,

качает головой, — Удивительно всё же, как вы выжили там, майор?!.. Как выбрались?.. Да там верно и небо плавилось от его божественной благодати!..

— О чём вы?.. — Леонид просто чувствует, что должен что-то произнести.

— Об отпрыске воистину Бога из богов Шаб-Ниггурате, который ниспослал нам сына своего, дабы воплотить в жизнь давнюю мечту об идеальном обществе порядка и справедливости!..

Леонид переводит взор на всё громче и громче стрекочущих Ми-го.

— О, майор! — человек внезапно берёт его под руку, неспешно ведёт, подстраиваясь под хромоту и неспособность идти живее. — Давайте не будем им мешать своими мыслями. Они готовятся к важному ритуалу. Они должны заарканить существо воистину божественное и величественное. Вы тут помянули другого бога, чьего лика не видели, и которого, скорее всего, нет в природе. Так вот знайте же! Там, в соку собственных выделений варится истинный бог и ему следует воздать поклон. Ведь он действительно существует!.. Разрушительную мощь вы испытали на себе сегодня и чудом остались живы, хотя виноваты вы сами!.. Лет двадцать назад вас бы расстреляли

по приговору судебной тройки за измену! Вы же атаковали то, что важнее всего на свете! Вот ведь чёртова бюрократическая машина! Иногда я слышу скрежет несмазанных зубчатых колес — так туго и ржаво она ворочается и так часто допускает ошибки! Но сегодня вас удостоят награды!

Леонида подводят к двери. Первый этаж, вход в булочную, но хлеб там уже зачерствел, а на прилавках разложены карты местности и данные аэрофотосъёмки. Дверь туго открывается, и его приглашают пройти внутрь. — Он не бог, — заявляет майор на пороге, не спеша входить в холодное помещение, где слишком много непонятных чинов и гудит генератор.

— Вы глубоко ошибаетесь. Вы ощутите веру в него. Вы сольётесь с ним в целое. Он наложит на вас перст свой, дарует вам плоть свою. Воля вождя, воля бога, воля общества — три столпа морали, которые вы неспособны будете обойти!

Он мягко подталкивает его в спину, обнимает за плечо.

— Проходите же! Не стесняйтесь! Не пристало советскому офицеру околачиваться на промозглом осеннем воздухе. Сейчас вам окажут первую помощь. А затем вы станете одним из тех, кто первым поверит в Нового Бога!..

В десять лет я увидел очень многое. Больше, чем способно выдержать ещё детское сознание…

Увидел, как жирное, червеобразное нечто — фрагмент ещё более жирного и неописуемо ужасного — поднимается над утопающими в дыму разрушенными кварталами. Движется к реке по воздуху, раскрываясь подобно розе, и выстреливает из венчика стремительные липкие нити. Нити облепляют геликоптер, стопорят винты и аппарат начинает падать, разбивается о воду, поднимая шипящий фонтан брызг…

Увидел, как топит линкор — тремя мощными ударами. Тот же огромный, уродливый хвост, щупальце или клешня, заваливая на борт корабль-город, корабль-остров. Лязг разрываемого корпуса, разрыв детонирующих снарядов, волна пропитанной топливом воды захлёстывает на берег вместе с изувеченными трупами. Шум стоит адский…

Увидел, как падает самолёт. Один, другой, третий…

Последний добирается до нашего берега по длинной дуге и глухо взрывается за рядами домов.

— Папа… — шептал я.

Я знаю, что он был там. И он погиб.

Стальная, гладкая, серебристая птица. Я помню тот ангар на аэродроме и ту обтекаемую машину. Настоящее, с тремя винтами — абсолютное совершенство. Я сидел в кабине за хромированным штурвалом, разглядывая разнокалиберные циферблаты и шкалы. Отец с улыбкой называл их. От него пахло керосином и кремом для бритья.

— Это указатель крена, — говорил он, тыча в чёрный круг со стилизованным изображением корпуса самолёта относительно градусной сетки. — А это и сам догадаешься!

Я смотрел на большой циферблат с делениями. Максимальное — 1000. И подпись точно под стрелкой — км/ч.

— Указатель скорости!

Он рассказывал мне про авиагоризонт, альтиметр, указатель вертикальной скорости…

— А в чём разница?!..

Я и так знал — штудировал техническую литературу и мечтал, что сяду за штурвал, взлечу по-настоящему. Откину заветную рукоятку, сдавлю красную кнопку и буду поливать пулемётным огнём вражеские амбразуры.

— Скорость снижения или набора высоты — ты же сам прекрасно знаешь! — и он засмеялся.

Смех этот я слышу всё время. Он как круг

дантовского ада обречен повторятся в моей распавшейся на множества сущности. Он мучит меня. Смех. Будто я сам убил отца. Сам, сшиб его с траектории.

— Я люблю, когда ты рассказываешь мне.

И он треплет меня по волосам.

Концентрационный лагерь N6. Какая невозможная ирония!

Идти по пустой улице, между зданий. Через мусор, вдоль разбитых витрин, брошенных автобусов, троллейбусов, трамваев, и фонарей, которые не горят.

Натирать мозоли. Кутаться в одежду, в одеяла и простыни, поддерживая стариков. Обсуждать версии произошедшего и происходящего. Неконтролируемое вторжение, заговор своих, заговор Ми-го, Йит, Старцев. Рослый мужчина, член союза писателей, живущий один в соседнем подъезде, упоминает пугающее имя — Ктулху. Его он где-то от кого-то слышал, но не может точно сказать что оно, или кто оно такое. Известно только, что встреча с этим ничего хорошего не сулит и то, что беснуется там, может Ктулху и есть.

Идти, опасаясь нападения. Прислушиваясь к неизменному гулу, и вглядываться в мерцание

густых облаков на юге. Бояться, что оно задумает ползти, а тогда спасения не видать.

И набрести, наконец, на колючую проволоку. Солдат на той стороне разматывающих связку вокруг окраинного нового района для рабочих, ещё не заселённого. У них есть электричество — мы видим свет в окнах. И других видим тоже, похоже, гражданских бредущих по деревянным мосткам мимо бетономешалок.

— Внимание! Ещё одна группа!.. — слышим голос усиленный динамиками.

— Родненькие! — восклицает подле меня женщина, которую я не знаю. Она измучена этим бесконечным, ночным походом и её «родненькие», получается очень искренним и на последнем издыхании.

Никто, похоже, не в состоянии разглядеть подвох. Всем хочется согреться и отведать полевую кухню, услышать слова поддержки, заверения в безопасности и заботе вождя. Улечься на койку, в конце концов.

— Теперь всё будет хорошо, Павлик, — говорит мама, когда нашей измученной группе велят идти вдоль смертоносной проволоки с торчащими шипами, словно рассчитанными на слонов — к воротам рядом с вышкой охраны.

Мы движемся вдоль глухой кирпичной стены здания. Спотыкаясь, поддерживая друг друга, пытаясь не цепляться одеждой за шипы. Мы предупредительны и улыбчивы, помогаем старикам, которые уже успели стать своими. Белый сноп света прожекторов направляет нас. Я вижу силуэты охранников в шлемах и с автоматами. Они показывают какие-то знаки и в сумерках, почти ослеплённый светом, мой взор различает другие фигуры, разыгрывающие секретную пантомиму в ответ. Одну на карнизе недостроенного жилого дома, другую на подъёмном кране. Третью на вышке в сильном отдалении. Четвёртая, похоже, снайпер. Торчит из окна пятого этажа длинный ствол винтовки.

Если б я был старше, опытнее. Не был бы подавлен зрелищем уходящего под воду корабля. Падающих зигзагами самолётов. Ревущем нечто, подмявшем целый город. И мыслями об отце, которые занимали меня всё время. Похлеще, чем холод, голод, сырые ноги, мучительная усталость — мне бы показалось странным, почему в этом лагере нет тяжёлой, оборонительной техники, почему он устроен в городском квартале, зачем нужны такие широкие въездные ворота с вышками и расширенная проезжая часть.

Нас встречают, когда мы проходим железные ворота, без улыбок, приветствий. Люди, чья форма не похожа на советскую — чёрная и однородная. Регистрируют в течение часа, заставляя ещё промаяться, валясь с ног от усталости. Кормят гречневой кашей, хлебом и располагают на мягких матрасах на первом этаже дома с заколоченными окнами. На вопросы никто не отвечает. Озабоченных женщин игнорируют — холодно, равнодушно и терпеливо. Мужчины подозревают неладное, но молчат сбитые с толку странным приёмом.

В нашем помещении стоит обыкновенная буржуйка с трубой, выведенной в форточку. Мы не ощущаем спокойствия, мы переглядываемся, читая во взглядах тех, с кем шли — молчаливую озабоченность. Говорить не хочется. Всё напоминает отсроченную экзекуцию…

— Поспи, сынок… — говорит мне мать.

Кажется, это последние дни, недели, когда я помню, каким был сам, и какой была мать.

Дальнейшее напоминает сон. Череду отрывочных фрагментов, где реальность не всегда кажется таковой…

Леонид Челищев молится.

Место, где он находится, напоминает ему пла-

нету Венеру из статей в научных журналах.

Тучные коричнево-жёлтые испарения смрадных болот. Духота гнилостных туманов. Солнце в душном мареве — громадный расплывчатый шар, и звериные звуки невиданных животных, похожих на динозавров.

Леонид Челищев в респираторе и с баллоном кислорода за плечами на тот случай, если атмосфера вокруг станет слишком ядовитой. Головной гусеничный броневик, продравшись через утрамбованные обломки целого города, перемешанные с мутной водой и вязкой грязью, двигаясь с помощью радара утыкается в стену.

Леонид даже слышит изумлённого водителя по рации:

— Стена…

— Идиот! — и смех подле себя — неожиданно сумасшедший.

Человек в тёмных очках сидит рядом с Челищевым на орудийной башне танка в окружении охраны, похожий на филина. От них головной броневик следует в колонне, через четыре машины снабжения и один тягач с «сотами». Которые, ни что иное, как капсулы для выродков выродка Шаб-Ниггурата или как сказал человек в тёмных очках (Меня зовут Марк! Можно без звания!) —

божественные паразиты, и они сослужат нам службу!..

— Идиот! Это не стена, а фрагмент его четвёртого подбрюшья! Мы на верном пути!

Леонид чувствует тошноту.

— Расслабьтесь! Он нам ничего больше не сделает. Ми-го установили над ним контроль. Скоро оно начнёт плодоносить!

— И вы называете это богом…

— А вы называете богом седого деда с бородой на облаке. Разве это хуже?.. В нём есть подлинное величие. Он существует.

— И воняет хуже всех свинарников вместе взятых.

— Однако вы осмелели в своих высказываниях. Скоро ваш скептицизм исчезнет навсегда. Что же касается вони, как вы выразились, — оно существо из иного мира и к тому же колоссальных размеров. Вообразите только, как мы воняем для муравья! — и выкрик предназначенный ведущему колонны: — Не останавливаться! Поворачивайте направо и следуйте вдоль этой вашей «стены», говоря вашим языком!

Замершая было колонна продолжает движение. Дизель взрёвывает раз, другой, третий и, дернувшись, танк, ползёт вслед за полугусенич-

ным фургоном.

Господи, как же жарко, — в очередной раз размышляет Леонид, поминая бога, которого по-прежнему и вопреки, считает подлинным. В коричневом тумане вырастает вертикальная тень. Чёрное, сплошное, безграничное.

Они находятся где-то в бывшем центре Ленинграда. Десять минут назад Леониду показалось, что он видел в озере воды фрагмент Александрийской колонны — ангела с крестом. Возможно, почудилось. Видимость двадцать метров вперёд, не больше. Да и то лишь фрагментарная. Эта едкая атмосфера обладает свойством непостоянства и периодически накатывают волны ещё гуще, ещё жарче. Сковывая мир затхло-дымно-трупно нездешним смрадом. Леонид думает об экспериментах с шагающей техникой — насколько быстро и без проблем они преодолели бы это перепаханное пространство, обладая шагоходами?..

— Вы видите это?.. — вкрадчивый голос.

Машина развернулась на одной гусенице в нескольких метрах от рельефного, складчатого, жаркого, похожего на шершавый камень и сколы скальный породы одновременно, нечто, отвесно уходящего в свинцовые небеса. Поверхность сочилась слизью, похожей на сосновую смолу.

— Хотите потрогать, может быть?..

Леонид не отвечает.

— Что вы видите?.. — Марк говорит в рацию.

— Стена… (помехи) условно-стена…

— Не тратьте время на названия! Говорите как есть!

— Оно… поворачивает и уменьшается в высоту. Если смотреть вверх, можно разглядеть закругляющийся край.

Человек в тёмных очках снова усмехается чему-то своему.

— Понял. Конец связи, — вертит в руках рацию, смотрит на Леонида, сосредоточенно изучающего сложный рельеф.

— Вижу, вам нравится. Мы близки. Ещё минут десять, готовим «соты», и наших друзей Ми-го! Наш условный яйцеклад близится. Условный, потому что и не яйцеклад вовсе, а складка, точка выхода на поверхность паразитов. Кстати, нужно смотреть в оба и не натолкнуться на другую его фауну — нежелательную!..

Нежелательная не заставляет себя ждать. По вертикальным морщинистым складкам, по смоле, как по рельсам, соскальзывают ленточные присоски с кожистыми перепонками, похожие на змей и червей одновременно.

Марк делает выстрел из лучевого пистолета. Световой сноп врезается в тварь и перерубает её пополам в полуметре от лица Леонида. Скользкий фрагмент сваливается на броню, Марк сталкивает его носком сапога.

— Чёрт! Кто поручиться, что это самостоятельное существо, а не очередной членик нашего божества!

Атака продолжается, но сваливающиеся склизкие твари перерубаются одна за другой последующими залпами. Белая, вязкая жидкость выливается из перерубленных тел. Существ становится меньше, некоторые сами сваливаются под гусеницы и раздавливаются. В конце концов, кто-то убивает последнее существо.

Приободрённый человек в тёмных очках, вновь обращается к головному броневику.

— Как у вас там?..

— Мы видим складку!

— Где там наши стрекочущие друзья? Готовим манёвр по стратегии один-один-восемь. Выстраиваем ряды! Майор, друг мой, скоро вы приобщитесь к истинным ценностям!

— А вы?..

— Я высшее звено. Мне не полагается.

Через два часа начинается ритуал. Шестеро

Ми-го, безымянных чужих, — древних и мудрых парят вокруг скользкого, пульсирующего шара. Леонид представляет, что может произойти, если ритуал выйдет из-под контроля. Одно движение, один вздох адской твари и вся эта техника, выстроенная в определённом порядке, будет сметена, расплющена и раскидана вместе с людьми. Леонид желает, чтобы это случилось прямо сейчас. Пока не настал ключевой момент, пока складка, раскрывающая красно-коричневое дымящееся нутро не начала плодоносить.

Марк, похоже, понимает, какие мысли посещают майора Челищева, но ему всё равно. Он заворожен песней цикад. Прицепы с «сотами», образуют полукольцо вокруг складки, шара и Ми-го. Внутренности «сот», создают особую атмосферу для сохранения аморфных, студенистых существ и готовы принять гостей.

Стрекотание — этот странный язык, несущий бездну смыслов, — убаюкивает. Мягко, как колыбельная. Интересно, зачем это надо Ми-го?.. Зачем эти странные древние существа вмешиваются в жизнь молодых и глупых?.. К чему им помогать сейчас в узурпации, жестоком подавлении целого народа?.. Возможно, из праздного интереса. Или из строгого научного эксперимента. Или они

просто играют…

Внезапно Леонид ощущает вибрацию воздуха и видит, как туман подёргивается, идёт волнами, будто фата. То, что человек в тёмных очках называл складкой, на деле напоминает порез с острыми, зазубренными краями в который спокойно может заехать автомобиль, если пробьётся сквозь ткани. Мягкие или твёрдые — понять невозможно. И этот порез раскрывается, выпуская бледных, похожих на мотыльков существ. Одного, двух, нескольких, небольшую стаю. Они движутся в смрадном воздухе обрамлённые сиянием. Ми-го продолжают ритуал — шар стекленеет, покрывается дымчатыми пятнами. Существ становится намного больше, они вылетают почти сплошной струёй, раздвигая края складки, выстраиваются в цепь, проплывают в почти прозрачном воздухе, освободившемся от грязных, ядовитых испарений, и бесшумно погружаются в мозаичные отверстия, испускающие белый, морозный дым — работает система охлаждения.

Мир замер в ожидании. Леониду сонное движение сияющего выводка, выделывающего несколько петель, напоминает вьюжный ветер в многократном замедлении.

— Красиво… — шепчет Марк, берёт рацию, — Какие «соты», заполнены? Докладывайте!

Ответ не доносится. Первая половина полукольца окутана морозным воздухом. Свободных ячеек нет — видно и так, и поток существ заполняет дальние соты, мерно раскачивающиеся на колесных рессорах.

— Доложить немедленно или под трибунал!

— Восемь из четырнадцати. Предполагаемое время завершения — три минуты. Вы можете начинать испытания…

— Свои советы, товарищ лейтенант, что и когда я должен начинать, оставьте при себе. — И обращаясь к Леониду Челищеву: — Майор, а вы станете в числе первых, кого коснётся благодать.

Вторым будет Андрей. Присланный из Москвы судья Верховного Суда СССР. Я переживаю приступ пробудившейся шизофрении вместе с ним и сейчас. Какая-то дальняя сторона моего совершенного организма на просторах сущего вакуума охвачена образами.

Я сижу в душном брюхе гусеничной БМП и, вылавливая из воздуха мерцающие шарики-каштаны с мушиными, сетчатыми крылышками,

видимые только мне, сокрушённо гадаю, почему этот величественный молодой человек, прячущий глаза за непроницаемыми тёмными очками выбрал себе в фавориты простого офицера. К тому же раненого. К тому же, кажется, совсем безразличного к Шаб-Ниггурату.

Я сижу и гляжу в затылок сержанту, который в свою очередь, смотрит в визор перископа. А водитель пялится в смотровые щели — слишком узкие. Внутрь поступают выхлопные газы, но всем плевать…

Я отрываю крылышко от шарика, и тот распадается в руках, как трухлявый брусок.

— Что вы мне подсовываете… — шепчу я.

Через люк в крыше на меня поглядывает охранник. Следит за тем, как я выделываю пассы в пустом воздухе, преследуя порхающих фей.

Я видел адову пещеру. Зёв размером с кратер, полный зубов на дисках, вращающихся подобно циркулярной пиле в глубокой глотке. И что-то замкнуло во мне, когда самолет, в котором я летел в Ленинград, обдало слизью. Качнуло, швырнуло навстречу пасти, едва не поглотившей его. Кто бы мог подумать, что может происходить там внизу…

— Ха-ха… — говорю я, выщипывая остатки во-

лос с головы.

— Видимость почти нулевая.

— Главное ехать за кормой восьмого…

Переговаривается между собой экипаж, игнорируя тихое сумасшествие своего высокого пленника.

Помутнение. Я не чувствую времени. Я не задаю вопросов, что здесь происходит. Для меня желанное расстрел.

— Ты веришь в то, что видишь?.. — говорит тот, который смотрит в перископ.

— Как это?.. Я вижу стену…

— Я не про то. Может это всё не по-настоящему…

Внезапный толчок и лязгающий, надсадный скрежет. Я скатываюсь со скамьи и врезаюсь в ящик со снарядами головой, разбивая лоб до крови. Даже не замечаю удара, только мои светящиеся друзья сменяются потемнением в глазах и цветными кругами…

— Тормози!

— Твою ж мать!..

— Врезались?!..

Сверху сваливается охранник, отчаянно матерясь. Никто тут отчего-то не пытается соблюдать субординацию, никто не называет друг друга

«товарищ», но знаки различия имеет. Чёртовы сержантские лычки, например…

Впрочем, через минуту движение возобновляется. Некогда устраивать разборки, ничья корма и ничей нос, не помяты. Броня неприкосновенна.

Когда колонна начинает следовать вдоль выросшей чёрной тени, превратившейся в часть тела существа, какую только непонятно, снаружи раздаётся крик:

— Нас атакуют!!!

А я пропускаю всё. Я лью свою кровь на железный пол, и мне кажется, она прожигает сталь, булькает и скворчит как лава. Сверху доносятся странные шлепки по корпусу и свистящие звуки выстрелов из лучевого оружия.

Кровь загустевает, превращается в шевелящуюся многоножку не способную оторвать уплощённое тело от пола — и тогда я понимаю, озаряюсь мыслью — её раздавили, и она приклеилась внутренностями.

— Мама… мама… — шепчу я.

Холодная, пыльная хата и сухая, старая, мёртвая женщина, облепленная многоножками, лезущими из сырого земляного пола. А я кричу и отчаянно топчу их — жирных, оранжевых, извивающихся на складках одежды. Лопающихся,

будто капсулы с рыбьим жиром…

И затемнение…

Для Андрея желанное, похожее на смерть — забытье. Для меня же просто ещё один фрагмент мозаики. Когда он приходит в себя — рассудок кристально чист. Его ведут вместе с Челищевым к человеку в тёмных очках. Он понимает зачем. И осознаёт, что должен прояснить для себя кое-что, прежде чем потеряет всякую способность к критической оценке…

Последней в колонне следует передвижная лаборатория. Целый дом-фургон с десятью колёсными осями и двумя мощными дизельными двигателями — бронёй, пулемётами, взводом охраны.

Андрей, Леонид Челищев — обе части меня находятся в идеально чистом чреве машины. В стерильной белизне освещённой белым светом ртутных ламп, заставленной мигающими приборами, стеклянными колбами, хирургическими инструментами.

«Соты», забиты до отказа — результат лучше, чем можно было ожидать. Ми-го утверждают, что существа способны к делению и при благоприятных обстоятельствах — оптимальном сочетании температуры и давления — процесс может на-

чаться, после чего первая сотня тысяч возрастёт в два-три раза уже через несколько суток. Колонна готовится к отходу, и есть время на эксперимент, на первую пробу…

— Я хочу получить ответ, — говорит Андрей. Его рассудок встал на место, временно просветлел. Он уже не жаждет наброситься на майора, не мечтает стать фаворитом человека в тёмных очках, не ловит фей. Он понимает, что они с Челищевым в одинаковом положении подопытных и стоят подле друг друга, едва не касаясь плечами. Оба измучены, изранены, почти безумны по-своему.

— Валяй! — отрезает Марк, вынося стальной контейнер из холодильной камеры. В нём экземпляры — первая выжимка аморфных существ. — Пусть это будет последнее проявление скептицизма и критического ума перед безднами слепой веры!

— Сталин… У него ведь та же тварь…

— Тварь — грубое слово. Слово для живых. Они не живые в полном смысле. Я понимаю, что ты хочешь сказать, и я расскажу. У нас есть минут десять на свободную болтовню.

Он поправляет дужку своих очков и в какой-то момент, кажется, что сейчас он их снимет. Что-то скрывается за этими очками, что-то нечелове-

ческое. Движения молодого душегуба внезапно становятся странно прерывистыми.

— С самого начала была необходимость взять под контроль правительства сверхдержав. С американцами просто. Демократическая система, выдвигается кандидат на пост президента и дальше дело за грамотной агитацией. С вами было сложнее… — он набирает цифровой код на чемодане, щёлкает замок, — У власти — задержавшийся пожизненный правитель с крепким здоровьем. Тиран, которого все бояться. Свергнуть его слишком грубо, откровенно, даже опасно. Тогда была разработана цепь событий — запланированная, предвидимая, предсказанная. Цепочка причин и следствий, в которой основные игроки не догадывались о своих ролях. Лаврентий Берия — куратор научных проектов, человек с амбициями, чьё высокое положение было шатким, но влияние по-прежнему огромным. Необходимо было встроить инцидент в реальность. Навести на ложные выводы его, и его окружение. Единственную группу особо приближённых к вождю задумывающихся о возможности заговора, дрожащих за свою шкуру и осознающих простой, очевидный факт — начало новых репрессий ознаменует их арест. Они будут

первыми. Несчастный случай в лаборатории не начальное звено. Первое — аморфное нечто с заложенным алгоритмом действия. Второе — идиот-лаборант, которого мучило в скафандре лёгкое удушье. Третье — его роковой поступок и четвёртое — инсульт. Он мог бы скончаться и от инфаркта, и от водянки головного мозга, тромбоза, закипания крови. Мог бы разложиться на отдельные химические элементы или даже сгореть. В зависимости от того, что мы заложим в программу. Он мог бы встать и пойти, как ни в чём не бывало…

— Вы?.. Кто такие вы?.. — вопрос майора.

Человек в тёмных очках, снимает очки. Открывает ярко выраженные надбровные дуги с зашитыми глазницами. Зашитыми, лишь на первый взгляд. В розово-лиловой коже скреплённой подобием скрепок оказываются тёмные отверстия, из которых тут же высовываются белёсые стебельки с гроздьями на конце, похожими на ягоды красной смородины.

— Да. Мы. Йит. Это тело — футляр, оболочка, а я играю роль человека. Насколько удачно судить вам. Мы вынуждены сотрудничать с Ми-го, предоставлять им свои услуги по алгоритмизации, так сказать. Играть по их правилам, внося свои кор-

ректировки без их ведома. Закладывая основы на будущее и ходы для манёвра. Мы ликвидировали человечность вождя и сотворили ровно то, что от нас ожидали заказчики. Правительство под контролём. Вождь по-прежнему мудр, но его ум хранит нечеловеческую мудрость. Всё что вы видите сейчас его план, его предвиденье и желание…

Андрей пятится, пока не утыкается спиной в шкаф с хирургическими приборами. Майор разглядывает, блестящие как стёклышки красные глазки, которые подёргиваются мигательным, полупрозрачным веком и тоже отступает назад…

Человек — не человек. Как его теперь называть?.. Извлекает колбу из контейнера, покрытую инеем, похожую на ледяной куб.

— Что ж, товарищи, начнём. Больно не будет.

Он улыбается и улыбка слишком человеческая. Но Леонид успевает увидеть движение в глотке. Бледный пузырь в красном горле — появившийся и исчезнувший в глубине.

Андрей впервые смотрит на майора. Идёт безмолвный диалог — извинения-прощение-прощание. Колба раскрывается в стремительных руках человека-футляра. Андрей и Леонид синхронно закрывают глаза. Ощущают холод, высвободив-

шийся из стеклянного сосуда — неприятная, влажная, ледяная суть. Два свернувшихся в мёртвой сцепке аморфных, подкатывающих к краю колбы впустившей тепло…

— Вы на пути к счастью, друзья мои! — расплывается в оскале ставшее рыхлым лицо, дрожат стеклянистые стебельки с глазками.

«Улыбка Чеширского кота», — проносится в мозгу Андрея, прежде чем холод накрывает, становясь вездесущим…

Сорок дней беспросветного ожидания. Становится хуже.

Мы едим хлеб, вполне мясной суп и пьём крепкий чай — дозировано, мало. Нам не наваливают полные миски, как в первые дни. И мы невольники. На пятый день нашего заточения была предпринята попытка побега, и мы стали свидетелями расстрела. Лучи резали молодых людей, как желе. Самому младшему было четырнадцать. Женщины орали и бились в истерике, мужчины покорно молчали, когда с вышки беспощадно сыпали по живому…

Мать унесла меня тогда в комнату. Грязную, обычно переполненную, хотя сейчас и пустую — все снаружи — осознают свой окончательный статус заключённых концлагеря. Если не считать

старухи в углу шамкающей челюстью, которая кажется, собралась помирать, кашляла всё громче и злее, порой заливая кровью пол подле себя. Господи, — говорила иногда мать, — Помоги нам, — когда слышала, как она задыхается.

Обычно люди теснились на полу, на матрасах из соломы, кому уже не доставались ватные. Новые прибывали по-прежнему, сбитые с толку, непонимающие, почему их отправляют сюда, а не в свои дома. Почему им внушают мысль, что они должны быть тут до распоряжения обкома партии, которое поступит неизвестно когда? Почему их дети не могут согреться у буржуек, получают урезанные пайки и страдают от вшей, поноса, недоедания? И близятся холода — в недостроенных зданиях по ночам изо рта валит пар, люди болеют, дров дают мало и они слишком сырые.

Мать укутала меня в солдатское, грубое одеяло. Я молчал уже несколько дней, мне снились кошмары. Тонущие корабли, падающие самолёты, облепленные слизью. И отец в них. Во снах. Странное существо, терзающее его снова и снова — гигантское, обрамлённое щупальцами. Он гибнет раз, за разом разрываемый на части, но возрождается, как феникс из пепла и гибнет вновь.

И я вижу светлые сны. Город, которого нет. Под синими небесами. С золотыми куполами. Высокими колокольнями, одетыми в гранит каналами и реками. Светлыми дворцами, залитыми солнечным светом, отражённым в сводчатых окнах. Я вижу статуи и памятники, улицы и площади. Лучезарных людей и их детей. Слышу уличные оркестры, гудки поездов и грохот трамваев. Ощущаю запах свежевыпеченного хлеба и светлые горизонты белых ночей. Я гуляю по этому городу. Я буду там всегда. Но меня там больше нет и этого города нет — тоже…

Мы ждём — уже без разговоров, без версий, без хулы на власти. Ждём и дожидаемся.

Нас выводят на улицу в липкий дождь, под неподвижное небо, напоминающее однотонный бетон. Всех сразу. И мужчин, и женщин и детей. Надзиратели в чёрном, — безмолвные люди в шлемах, без знаков различия, — указывают нам на огромный стальной фургон, стоящий в воротах. Нам объясняют, что надо просто пройти через него, и вы окажитесь на свободе. Вы поймете, когда будете на другой стороне, куда идти потом, и ничего не бойтесь. Я вижу трубу, которая подходит к фургону по воздуху, выворачивая из-за угла серого здания, она будто бы слегка дымится.

Мы можем улыбаться. Наконец-то. Кто-то шепчет в толпе: Неужели? Мама тоже улыбается мне, и нам дают отмашку — мы можем двигаться.

Первый мужчина в шапке-ушанке заходит в железную дверь и… выходит с другой стороны. Он бодро шагает в своих резиновых сапогах и оборачивается в нашу сторону, лучезарно улыбаясь из-за колючей проволоки. Он непринужденно машет нам.

Столь же счастливой выходит и следующая партия. Каждый расходится в разные стороны. Они действительно знают, куда им идти. Мать просит разрешения войти вместе, когда близиться наша очередь. Ей отказывают простым кивком. Она вздыхает, наклоняется и заверяет меня, что разлука будет недолгой.

Разлука будет вечной.

Сияющее счастье на лицах всех. Неужели?..

Дверь плотно закрывается, каждый раз, впуская нового человека, и мы не видим, что происходит в ту секунду, пока он внутри. Но видим, что ничего плохого.

Приходит наша очередь.

Мама идёт первой, не задерживаясь и пары секунд внутри. Выходит с противоположной стороны фургона и не ждёт меня. Она шагает по

грязным мосткам прочь. Её лицо озарено широкой улыбкой. И она забыла обо мне. Будто меня и не было…

— Мама?.. — прорывается сиплый голос.

— Сынок, иди же за ней!.. — бодро говорят мне.

И я иду…

Я не помню себя после выхода на ту сторону ворот. Совсем. Будто я умер и воскрес в подлинном аду…

Вообразите, что я осознал своё новое естество, будучи далеко за пределами Солнечной системы. Представьте мой беззвучный, невообразимо долгий крик. И мозг — точнее, то, что его заменяет — взорвавшейся, отнюдь не мыслями десятилетнего мальчика. Я ощутил разом тысячи, миллионы, миллиарды мыслей, образов, страхов непонятно откуда взявшихся в сознании существа, которым я стал!

Долгое время — неизвестно сколько — времени я не ощущаю, — пролетая мимо обледеневших комет и сухих астероидов, я пытался найти ответ на вопрос, что со мной произошло. Я вычленял мысли тех личностей, которые заняли естество студенистого кома — меня самого. Мысли, кото-

рые лишили меня детской наивности и принесли свои адские жизни. Все они содержащиеся во мне прошли через фургон, и там нет никого, кто не прошёл!

И вот я нахожу свою мать в себе. Образ — своими глазами она смотрит на меня — маленького, поглощающего манную кашу, и встречает отца с очередного задания. Она касается его шершавой, небритой щеки губами и говорит, что очень соскучилась. Она ставит на стол тарелку супа и наливает стопку коньяка.

Я вижу и другие события её жизни. Те, в которых меня ещё нет. Падение с велосипеда под мост, перекинутый через небольшую мутную речушку в её селе где-то под Новгородом. Ободранные колени, ладони и плач. Я вижу её пьяного отца, он надвигается на неё чёрной тушей. Она смотрит в бляху его ремня с морским якорем и покорно терпит крепкий удар по затылку. Вижу её, вместе с семейством провожающими, брата в армию и материнские слёзы. Вижу жуткую грозу — ту самую, в которой погиб отец. Старая берёза во дворе завалилась под шквалистым ветром, задавив его насмерть.

Я вычленяю и тот миг, когда она входит в фургон. Ровно до момента, когда дверь с ляз-

гом открывается, впуская её — озабоченную, беспокойную — и бесшумно затворяется. Всё — темнота. Полный провал в небытие. Как и у тысяч других…

Но что случилось со мной?..

Узнаю ли я когда-нибудь, отчего стал составной частью студенистого нечто, заброшенного во Вселенную?.. И куда я направляюсь?..

Я получаю ответ на первый вопрос. Спустя неопределённое время, пройдя через метания. Через чужие потрясения чужих личностей во мне, через шизофренические прозрения и бред, через убийства и грехи. Пережив каждую жизнь — до ворот, до точки — до. Прочувствовав все процессы в своём ужасном теле, оказывается можно ощутить, как отрастают под полупрозрачной оболочкой новые нити вен и как обзаводятся оболочками мозги-картофелины…

Я вдруг вижу себя со стороны десятилетним мальчиком, и понимаю, что этот момент запечатлён чьими-то глазами после ворот! Но чьими глазами?!.. Если я обрёл чужие разумы, только тех, кого фургон разделил, а они фактически умерли после прохождения, потеряв способность фиксировать окружающий мир!

Я стою в гигантском ослепительно белом поме-

щении, похожем на ангар. Но в нём нет крылатых машин, обслуживающей техники и пилотов. Есть ажурная конструкция под потолком утыканная заклёпками. Плафоны с белыми лампами внутри. Гигантские створы открытых ворот, впускающие тьму. И мерцающий шар, зависший посреди в полуметре от надраенного пола. И мальчик — я сам — в рваных брюках и курточке, с коркой грязи на лице, стоящий подле люминесцирующего шара. Тот, кто смотрит на меня подходит ближе. Я почему-то не ощущаю его эмоций. Не могу проникнуть глубже, словно мне намеренно открыли только одно событие, один канал связи…

Я полагаюсь на одно чувство — слух, помимо зрения. Идущий скрипит кожей и ступает мягко, будто лань. Он не оглядывает безразличный мир вокруг и в упор смотрит на мальчика. Шар изменяется, становится, словно бы куском каучука и вытягивается навстречу — тому мне. Я подхожу вплотную и глазами незнакомца, смотрю на самого себя. Незнакомец проводит по спутанному колтуну волос.

— Ты нашёл себе цель. Вот как значит! — в голосе слышна ироничная усмешка, — Кто бы мог подумать, что она будет именно такой! Иди к нему смелей!

Шар превращается в студень и поглощает меня бесшумно и бесстрастно. Незнакомец отводит глаза, и несколько секунд я вижу только белую стену. Потом он снова смотрит на шар — тот пульсирует буграми, полупрозрачный, с вкраплениями непонятной черноты. Меня, мальчика, кажется, успешно переварили…

— Ты знаешь что делать.

Шар плывёт к воротам. Вонзается во тьму бледным, живым блеском. Я вижу рдеющую зарю на востоке и взлетно-посадочную полосу. Да, это был ангар. Вижу полуразрушенные здания-огрызки. Гнойную блямбу свинцовых туч, по-прежнему неизменно накрывающую дремлющее чудовище. Понимаю что это — Ленинград.

Шар поднимается в небо, распуская венцы лучей. И появляется ещё кое-что. Светящиеся точки, летящие со стороны города. Множество, целый рой — их больше и больше. Они уже сливаются в сплошное серебряное мерцание. Аморфные…

Тот, кто взирает на меня, предусмотрительно отбегает на несколько десятков шагов, когда невероятная гигантская стена света врезается в шар на высоте полусотни метров со свистом и грохотом. Воздух дрожит от накатившего в позднюю осень тепла. Небо разражается искрами

и трещинами молний. Незнакомец прикрывает лицо рукой и добрых полминуты взгляд мой утыкается в кожаный рукав, подсвечиваемый вспышками.

Когда грохот стихает в воздухе курится дым. Пахнет озоном. Шар превратился в светящуюся точку в безоблачном небе и стремительно затухает, исчезая совсем в чёрном космосе…

Незнакомец отряхивает подол плаща и идёт вдоль ангара. Поворачивает на бетонную дорогу, выводящую к местам для стоянки автотранспорта.

Личный автомобиль уже дожидается.

— Ты уже очень далеко, — говорит незнакомец, сокращая расстояние между собой и аэродинамическим чёрным автомобилем без колёс, — с абсолютно плоским днищем, — преодолевшим силу гравитации. Один из первых в своём роде — предвестник нового времени.

Я среди бесконечной черноты — осознаю, что незнакомец обращается ко мне через умопомрачительные пласты пространства и времени. Он садится за руль и заводит двигатель. Раздаётся мерное жужжание.

— Ты уже у цели. И можешь успокоиться — они все свободны и живы, как и твоя мать. А ублюдок

Шаб-Ниггурата призван отцом и скоро отправится в Иные Сферы…

Он смотрит в зеркало заднего вида. Я могу увидеть лицо незнакомца. Молодой человек в непроницаемо тёмных очках, плотно прилегающих к глазницам. Он улыбается.

— …А мы продолжаем и дальше вносить свои корректировки в их план!..

Но мне всё ещё снятся сны о городе, которого нет…

Данила Котлов
По Г. Лавкрафту

2011

Тихая летняя ночь. Ночь теплая. Ночь нежная. Ночь ласковая, заполненная серебристым светом луны и звуками мирной городской жизни. Самой природой такая ночь предназначена для прогулок по парку в лучах лунного света — держась за руку любимой и не думая ни о чем кроме своего счастья. Я всегда любил такие ночи. Теперь они сводят меня с ума.

Вся эта история началась довольно давно, а в

день смерти Андрея, последнего из моих друзей, все еще остававшегося в живых, я понял кто будет следующим. В тот день я нашел в своем доме эту чертову табличку из-за которой все и произошло. С тех пор любимая ночь обернулась для меня кошмаром.

Однако, хватит рыдать над судьбой, в том что со мной случится, в том что быть может скоро случится и с тобой, читающий эти строки, виновен только я. Сейчас у меня еще есть немного времени, чтобы рассказать обо всем с самого начала. Мне нелегко вспоминать те события, особенно на пороге смерти, мне стыдно за то что я появился на свет, но все же придется это признать — я один из тех, кто, пусть и неосознанно, выпустил в мир древнее зло, то самое зло которое сейчас идет по моему следу. Надеюсь я буду последней его жертвой, Боже, как же я на это надеюсь!

Черт, сейчас я попытаюсь хотя бы немного прийти в себя и расскажу все по порядку, так как оно и происходило, похоже другого шанса сделать это у меня уже не будет.

Все началось 3 года назад. Нас было трое — трое лучших друзей, не мысливших себя друг без друга. Друг без друга и без своей одержимости. Мы были одержимы Атлантидой. И, честно говоря, в

этом нет ничего удивительного — даже и сейчас, на пороге гибели из-за этой своей одержимости, я не пойму человека, которому не интересна эта легендарная страна.

Тогда, 3 года назад, заканчивая университет, мы решили организовать экспедицию в Антарктику, надеясь найти следы Атлантиды именно там. В университетской библиотеке еще на первом курсе мне попалась одна из малоизвестных работ великого Платона в которой он описывал берега Атлантиды удивительно схожими с этим царством холода и вечной тьмы. На то, чтобы собрать экспедицию ушло полгода. В тот момент, окрыленные своей мечтой, мы не придавали этому никакого внимания. Сейчас же я уверен, что нас уже тогда вела та злая воля, которую мы впустили в этот мир. Ведь согласитесь, по-настоящему удивительно когда седые профессора с первых слов проникаются безумной идеей никому не известных, да что тут и говорить, особо не блещущих своими талантами студентов. И вот — прошло всего полгода с момента возникновения идеи этой чертовой экспедиции до того дня как новейший катер с тремя полубезумными пассажирами прибыл к берегам Антарктиды. Это произошло 24 июня 2008 года.

О, Антарктида! Бессмысленно описывать ее красоту тому кто не был в царстве вечного льда. К тому же, я просто не смогу этого сделать. Также как и сказать хоть слово о том, как прошла наша экспедиция. Сейчас я даже не уверен в том, были ли мы в этой проклятой Богом Антарктике. Должно быть то, что я сейчас скажу покажется бредом сумасшедшего, черт, я и сам не поверил бы ни одному слову, если бы это не произошло тогда со мной и с моими друзьями, но все случилось именно так. Я вижу перед собой сияющие ослепительно белым светом берега Антарктики, готовлюсь к великим открытиям, готовлюсь не посрамить своих предков, которые когда-то точно так же как и я влекомые духом открытий сходили на этот берег… Я помню все это как тогда, хотя прошло уже 3 года с проклятого дня — легкое головокружение, чернота в глазах на долю секунды, и вот, жажда открытий и готовность не посрамить никуда не исчезли, нет. Исчезли берега Антарктиды. Вместо них наш катер приближался к берегам Африки недалеко от Кейптауна, а корабельные часы показывали все то же 24 июня но уже 2010 года. Ровно год прошел с того дня, но память ко мне так и не вернулась. Похоже мы все же что-то нашли, ведь

когда я пришел в себя, на палубе прямо передо мной лежала эта проклятая пластина.

Мы так и не смогли понять из чего она сделана — кусок неизвестного материала, скорее всего какой-то металл, ни у кого из нас не было нужных знаний чтобы говорить об этом с уверенностью. Кусок неизвестного металла размером десять на десять сантиметров, казалось бы ничего особенного, но то, что было изображено на этой пластине вызвало из глубины души чёрные волны гнетущего ужаса. Это был именно панический ужас от ощущения невообразимой чуждости и древности, исходивших от изображенного на пластине существа. Там было настоящее чудовище, нечто рожденное больным воображением. При взгляде на ЭТО в моем воображении возникли одновременно образы осьминога, дракона и карикатуры на человека. Мясистая голова, снабженная щупальцами, венчала нелепое чешуйчатое, но все же человеческое тело с недоразвитыми крыльями. Фигура располагалась на фоне, который должно быть, изображал некие циклопические архитектурные сооружения. Несмотря на свою чужеродность, фигура казалась поразительно знакомой, как будто мне известно что это за порождение бездны. Но до сих пор мне

так и не удалось узнать кто это был.

Жаль, что я не сошел с ума еще тогда. И очень жаль, что ни у кого из нас просто не хватило сил притронуться к этой мерзости и отправить ее в океан. Когда же мы бросили якорь в порту, ужас исчез. После короткого отдыха мы отправились домой, захватив с собой на память загадочный артефакт.

Следующие полгода текла размеренная и ничем не примечательная жизнь. О том, что была какая-то экспедиция никто и не вспомнил, даже люди, бывшие нашими спонсорами. Может быть, тебе, читатель, интересно узнать о событиях того периода побольше, но, черт возьми, это моя жизнь, хорошая или плохая, делится ей я не хочу ни с кем, даже сейчас, когда она подошла к концу.

Все изменилось в конце декабря 2010 года. Женя, хранивший табличку у себя, так как чаще всего собирались мы именно у него дома, позвонил и сказал что рисунок изменился. В голосе его была паника. Тем же вечером мы собрались у него и долго рассматривали рисунок, на котором был изображен человек, лежащий под колесами автомобиля. Так ничего и не решив мы разошлись по домам. Через час после этого прозвенел

звонок из милицейского участка — Женю нашли под колесами автомобиля, нечеловеческий ужас безумной маской застыл на его лице.

Табличку забрал себе Андрей, засунув ее в самый дальний ящик своего стола, и снова два месяца спокойной жизни. А на исходе 2-го месяца снова раздался звонок — Андрея нашли в залитой кровью ванной с перерезанными венами. Экспертиза показала что он был смертельно пьян, хотя из принципа совсем не употреблял алкоголь. И, да, его лицо было невозможно узнать, настолько его обезобразил испытанный перед смертью ужас.

В вещах Андрея табличку так никто и не нашел, ее местонахождение было тайной для меня. Было — до прошлой недели. Четыре дня назад, 20 июня 2011 года, сидя за своим столом я услышан странный стук. Обернувшись я почувствовал как кровь стынет в моих жилах, а волосы поднимаются дыбом и теряют свой цвет. В этот раз на табличке мое лицо.

Всю ночь я так и не сомкнул глаз, а утром, увидел в зеркале полуседого трясущегося старика. И это несмотря на то, что мне всего 23 года. Сейчас я живу в ожидании неизбежной смерти, я уверен в ней учитывая то, как мы нашли табличку и то

как она оказалась в моей квартире.

Что ж, мое время пришло, я слышу как за окном поднимается ветер и собирается гроза. В звуке ветра, бушующего снаружи, слышатся далекие голоса, кажется они поют, да, что-то вроде «Пх'нглуи мглв'нафх Ктулху Р'льех вгах'нагл фхтагн».

Черт, это слово… нет, имя!!! Ктулху! Как будто сработал безжалостный механизм и воспоминания рекой полились в мой мозг, истерзанный ожиданием гибели. Да, мы были в царстве вечного льда и действительно нашли там остатки древней Атлантиды. И в чудом уцелевшем храме умудрились разрушить алтарь. На этом и закончилась наша экспедиция. Похоже это был храм Древних Богов, и сейчас меня ожидает их гнев. А может быть и не храм, а место их заточения, тюрьма из которой они не могли вырваться сотни тысяч лет, и меня ожидает благодарность. Нет, не представляю себе, что из этого хуже. Мне уже никогда не узнать правды. Теперь мне понятен ужас на лицах моих друзей, то что ожидает меня намного страшнее смерти. Но, черт возьми, я не сдамся так просто, быть может они не успеют добраться до меня — окно моей квартиры довольно высоко, и оно уже открыто…

Александер Лейхенберг
По следу Ктулху

Нет смысла искать Ктулху в океанской пучине, если ты не нашёл его в своём черепе

2018

Ктулху (англ. Cthulhu), также известный как Клулу («Локоны Медузы»), Тулу («Курган»), Ктулхут («Живущий во тьме»), Ктулхутль («Электрический палач»), Кутлу («Глубинный ужас»), Катулу (частое английское произношение), Хлу-хлу («Синхронность или что в этом роде») — божество из пантеона мифов Ктулху, впервые упомянут и подробно описан в рассказе Г.Ф. Лавкрафта «Зов Ктулху». Внешний вид Великого Спящего, каким он выглядит запечатлённым в камне, заставляет вспомнить одновременно осьминогов и драконов, в то же время имеется сходство («карикатурное», по выражению Лавкрафта) с человеком. Возможна символическая трактовка деталей такого образа: крылья сим-

волизируют стремительность, молниеносность и в то же время связь с небом, верхним миром, осьминожья (кальмарья) голова — власть над морем, ум и хитрость, чешуя (черта змей и ящериц, прячущихся в норах) — связь с нижним миром, миром мёртвых, и в то же время обновление и возрождение.

Великий Ктулху спит на дне Тихого океана в своём чертоге в затонувшем городе Р'льехе; может влиять на сны чувствительных людей; в его распоряжении имеется армия разных морских чудовищ. Не будучи ни самым могущественным, ни самым ужасным божеством, Ктулху является наиболее известным и популярным.

Прямых указаний, позволяющих пролить свет на истоки образа Ктулху, не обнаружено. Достоверно неизвестно, чем Говард Филипс руководствовался, выбирая имя и создавая облик инопланетного древнего бога. Но давайте попробуем рассмотреть различные мифологические образы из разных мест Земли — вдруг у Ктулху найдётся прототип, пусть и не стопроцентный? В поисках такого прототипа нам придётся совершить виртуальное путешествие, а начнём мы его недалеко от тех мест, где находится легендарный затонувший город Р'льех.

Океания

В мифологии многих народов Океании присутствует божество **Тангароа** (другие имена: Тароа, Каналоа, Тагалоа). Этот бог — повелитель морей, создатель островов и всего, что на них есть. Люди, согласно одной из версий, появилась из грязи, которую Тангароа вычистил из-под ногтей, решив отдохнуть от трудов праведных. В одних сказаниях Тангароа становится небом, в других отправляется на дно океана и погружается в сон. У многих народов Океании является тёмным божеством, кое-где (в частности, у жителей Самоа) — неустрашимым богом войны. У жителей Гавайских островов Тангароа имеет под своим началом армию спрутов и сам выглядит как гигантский кальмар. Там, где Тангароа изображается похожим на человека, облик его разнится; в частности, в одних случаях у него имеется борода, в других — бороды нет.

Небольшое замечание по поводу кальмаров. Эти головоногие моллюски обладают крыловидными выростами, служащими им в качестве руля, а некоторые виды могут, выпрыгнув из воды, взмахивать этими плавниками и немного летать подобно летучим рыбам; у Ктулху есть

рудиментарные крылья.

Очевидно, у Тангароа и Ктулху явно много общего, в особенности внешний вид и сон на дне океана.

Ближний Восток

Среди божеств, почитавших у народов ближневосточного региона, обращает на себя внимание **Дагон** — получеловек-полурыба. У Лавкрафта этим же именем называется предводитель Глубинных Жителей — рыболюдей. Однако Дагон серьёзно уступает Ктулху во всех отношениях.

В шумеро-аккадской мифологии божеством вод был **Энки**. Обычным его занятием был сон в океанской пучине под названием Энгури, где его мало какой бог мог потревожить, не говоря уже о существах ниже богов. Считался создателем людей. Имел в подчинении огромную армию морских чудовищ. Указывалось, что Энки управляет погодой, определяя движение воды на земле и на небе, насылая дождь и грозу. Так же Энки считался знатоком магии и был способен внушать человеку определённые мысли и давать ему знания и вдохновение; происходило сие действо, как это водилось на Ближнем Востоке, во сне.

Также можно вспомнить, что Ветхом Завете

упомянут **левиафан** — огромный морской дракон. Тут вряд ли стоит проводить параллель с Ктулху, поскольку левиафан в Библии является пусть и гигантским, но лишь животным; кроме того, в различных мифологиях есть и подобные глубинные чудища — Ёрмунганд, Кракен и другие.

Таким образом, мы можем уловить некоторые параллели между Энки и Тангароа, но вряд ли стоит это рассматривать всерьёз.

Россия

Оставим, пожалуй, в покое изыскания некоторых (нео)язычников, утверждающих, что Ктулху — это **Перун**, Йог-Сотот — Сварог и так далее. Упрямый (или просто любопытный) почитатель творчества Лавкрафта может обнаружить на физической карте Российской Федерации две реки с довольно странными названиям — **Кутулук** в Самарской области и **Тулхутуй** в Забайкалье. Но их можно считать не более чем забавными созвучиями, поскольку известно, что Лавкарафт сначала написал рассказ «Карающий рок над Сарнатом», а только потом узнал, что в Индии есть место с таким названием.

На первый взгляд, в мифологиях народов Рос-

сии не обнаруживается какого-либо персонажа, хотя бы с натяжкой претендующего на прототип. Однако, у народов дальнего Востока есть такой персонаж, как **Кутх** — творец мира, установивший привычный порядок вещей, прародитель людей, изображается часто в виде ворона, но может принимать облик бородатого старика. Закончив свои великие дела, Кутх сделал себе жилище и удалился в него спать, по другой версии — сделался небом. Кутху как прародителю человечества поклоняется малочисленный народ ительмены (старое название — камчадалы), проживающий в основном на Камчатке (подземный народ из повести «Курган», тоже поклонялся Тулу как богу-прародителю). Следует обратить внимание на географическую близость к Океании, а предки ительменов были не из числа континентальных монголоидов, а тихоокеанских, так что они имели в прошлом непосредственные контакты с океанийскими народами; также заметно, в сказаниях о Кутхе и океанийском Тангароа есть некая общая схема. Язык ительменов заслуживает особого упоминания, поскольку отличается обилием согласных и горловых смычек посреди слова, так что почти все слова ительменского языка проще прокаш-

лять, прорычать или прохрипеть, что наводит на мысль — а не мог ли ительменский язык быть прототипом р'льехского? Тем более, что в повести «Зов Ктулху», упоминается поклонение этому божеству у одного из племён эскимосов, а слова известного всем почитателям творчества ГФЛ ритуального напева *«Пх'нглуи мглв'навх Ктулху Р'льех вгах'нагл фхтагн!»*, также богаты согласными и горловыми смычками, как слова ительменского языка; и эскимосы и ительмены являются северными народностями и относительно близки географически; а о созвучии имён Кутха и Ктулху и упоминать кажется излишним.

Внимательный читатель может указать, что Кутх — в первую очередь ворон, а уж потом бородатый старик, и если борода имеет сходство со щупальцами, то птичий клюв такого сходства не имеет. Однако на самом деле есть и промежуточный вариант изображения между бородой клювом. В рассказе «Ущелье близ Салапунко», за авторством Августа Дэрлета читаем:

«10) Деревянная фигурка. «Река Сепик. Обратить внимание: а) нос — щупальце, спускается до самого пояса; б) нижняя челюсть — ещё одно щупальце, спускается до пупка. Непропорционально большая голова. Живая модель?»»

Такие фигурки реально существуют, убедиться в этом может любой желающий, воспользовавшись поиском в **Google**, **Yandex** или другой поисковой системе. Зная о наличии контактов предков ительменов с океанийцами, можно предположить такую цепочку эволюции черт предметов народного творчества: **Борода → Борода и длинный нос → Тонкая борода и длинный нос → Длинная тонкая борода и длинный нос → Опущенный клюв → Поднятый клюв**. Данная простенькая схема показывает нам, как за счёт культурного обмена в сочетании с эффектом «испорченного телефона», изображение бородатого Тангароа в ряду поколений народных умельцев стало изображением ворона Кутха; кроме того, следует вспомнить, что головоногие моллюски (а Тангароа у гавайцев как раз похож на спрута) обладают прочным хитиновым клювом, схожим с птичьим — как знать, может, и у Ктулху под щупальцами скрывается клюв?

Таким образом, у нас появился новый кандидат на звание протопипа Ктулху — ворон Кутх.

Аппенинский полуостров

В северной части современной Италии в эпоху Античности располагалось государство Этру-

рия, населённое народом этрусков. Несмотря на тесные контакты с Древним Римом, известно об этрусках довольно мало, именно поэтому историки награждают этрусков эпитетом «загадочные». Их верования в значительной степени напоминали древнегреческое и древнеримское язычество, установить параллели между божествами не составляет особого труда. Однако в этрусской мифологии присутствует персонаж, соответствий которому не обнаруживается у древних греков и римлян — демон смерти по имени **Тухулка**.

На сохранившихся в этрусских некрополях фресках Тухулка изображён человекоподобным, с клювом грифа, змеями на голове и крыльями за спиной, часто вооружён двузубцем (атрибут богов подземного мира, общий для латинян и греков), реже — луком и стрелами. Его имя порой использовалось этрусками как ругательство.

Легко заметить, что и имя, и внешний вид смертоносного демона из этрусской мифологии напоминают лавкрафтовского Ктулху; наличие клюва не должно смущать, по причинам, описанным выше.

Северная и Центральная Америка

У коренных народов Северной Америки весьма распространены предания о вороне — прародителе и созидателе. Можно предположить, что это результата давних контактов с народами Дальнего Востока (вспомним ворона Кутха). Легенды в общих чертах схожи, а названия различаются от народа к народу.

Коренные американцы майя (в популярной культуре почему-то считающиеся исчезнувшими, хотя в Мексике, Белизе и Гватемале их довольно много), жители Центральной Америки, до прихода европейцев поклонялись триединому божеству по имени **Хуракан**. Этот бог почитался как творец всего сущего и прародитель человечества. Хуракан — бог-громовержец, повелевающий дождями, грозами и ураганами (слово «ураган», как раз и происходит от его имени). В книге народа майя-киче «Пополь-Вух», названы имена богов составлявших тамошнюю троицу: Кукулха-Хуракан, Чипи-Какулха и Раша-Какулха. «Какулха», в переводе с языка майя-киче означает «молния», что для громовержца не удивительно, хотя созвучие этого слова с Ктулху весьма очевидно. Также и здесь есть мотивы, ранее встреченные в мифах

о Тангароа и Энки. Не отсюда ли берут начало те самые измышления, что Ктулху и славянский бог-громовержец Перун — одно и то же божество?

Итог

По результатам нашего путешествия и сравнений различных мифологий можно выделить трёх главных, наиболее вероятных претендентов на звание прототипа Зелёного Дедушки:

1) океанийский **Тангароа**, бог морей

2) дальневосточный **Кутх**, ворон и прародитель людей

3) этрусский **Тухулка**, владыка смерти

Возможно, кто-то один из этих персонажей в творчестве Лавкрафта трансформировался в Великого Ктулху, возможно, что сразу все три послужили прототипами. Кто же теперь скажет наверняка?

Александер Лейхенберг
Итакуа — царь, бог и Дед Отмороз

Тёмный силуэт, худой, высокий
Широко шагает в небесах.
Всё кругом сковал мороз жестокий,

Сердце смертного сжимает страх.

2019

Итакуа (также встречается написание Итаква), также Шагающий с Ветрами, Оседлавший Ветер, Снежная Тварь, Спутник смерти, Повелитель Белого Безмолвия, Вендиго, Старина Ветродуй — божество ктулхианского пантеона, один из Властителей Древности, грозный и зловредный повелитель ветров и стужи. Его облик — тёмная высокая тощая человекоподобная фигура с бородой и красными горящими глазами. Итакуа активен в полярных и приполярных областях земного шара, особенно в зимнее время. Встреча с ним не сулит ничего хорошего — рядом с собой Шагающий с Ветрами может опустить температуру почти до абсолютного нуля, заморозить человека насмерть или похитить его, чтобы потом выбросить либо перенести в неведомые человеку места и измерения; даже его взгляд опасен, а одно лишь его присутствие вселяет ужас в сердца даже самых храбрых людей. По характеру Итакуа — высокомерный, мстительный, жестокий пакостник, обожающий садистские развлечения, злопамятный, жадный и обидчи-

вый тиран. Испытывает интерес к предметам искусства, драгоценным металлам и камням. Снежной Твари подчиняются все ветра (воздушные элементали), но служат они ему только из страха, а не из уважения. Те племена коренных американцев, что поклоняются Итакуа, делают это не из почтения, а с целью задобрить коварного владыку стужи, чтобы хотя бы вредил поменьше. День его почитания точно неизвестен, однако нетрудно догадаться, что он должен быть близок к 21–25 декабря — Зимнему Солнцестоянию, самому короткому дню в году, после которого светлое время суток становится длиннее. Тем не менее, у Шагающего с Ветрами есть почитали и слуги: культисты Итакуа не подвержены действию холода — это дар их страшного бога, а жрецы способны управлять ветром и вызывать вихри. Дар (или проклятие) Итакуа наделяет человека нечувствительностью к морозу, уменьшением температуры тела без торможения мыслительных и двигательных функций и боязнью святых символов, в первую очередь пятиконечной звезды — Старшего знака; дар-проклятие может даже передаваться по наследству и примерно в третьем-четвёртом поколении сходит на нет. Итакуа насылает стужу, метели, разрушительные

смерчи, град, снегопады, облачную погоду, при необходимости может атаковать направленным ударом молнии или точно брошенной ледяной бомбой. Физическая сила его поистине чудовищна — Итакуа способен поднять и унести целый корабль. Также Шагающий с Ветрами является очень сильным телепатом, что для Властителей Древности совершенно обычное дело. Возможно, что Повелитель Белого Безмолвия способен создавать нежить и командовать ей — не зря же его отождествляют с вендиго, злым духом в поверьях аборигенов Северной Америки, способным оживлять человеческие трупы, делая их кровожадными упырями.

Как и на других Властителей Древности, на Итакуа наложено наказание за участие в мятеже против Богов Седой Старины. Заключается это наказание в том, что Шагающий с ветрами не может долго оставаться на одном месте и вынужден постоянно скитаться по одному ему известным дорогам не только по Земле, но и по Космосу и даже по другим измерениям. Время пребывания Итакуа на одном месте ограничивается примерно тремя-четырьмя земными сутками, что для божества, являющегося ровесником Вселенной, меньше, чем для человека — один удар сердца.

Тем не менее, такое наказание можно считать относительно лёгким по сравнению с тем, как были наказаны сородичи Спутника Смерти: Ктулху заточён в своём чертоге на Р'льехе, Хастур отбывает наказание на озере Хали на планете в скоплении Гиад, Йог-Сотот и вовсе отправлен в персональное тюремное измерение… Однако из здесь есть нюанс — в своих странствиях Старина Ветродуй очень одинок. Видимо, однажды в его голову пришла шальная мысль — «А не сделать ли мне ребёнка? Он вырастет и, обладая хотя бы половиной моей силы, будет тоже путешествовать вместе со мной, да и союзники мне помешают, особенно в час, когда звёзды займут нужное положение в Цикле Вечности! И потом, у Ктулху множество детей, а Йог-Сотот даже наплодил потомков от человеческой женщины — чем я-то хуже?». Так что нередко похищения Снежная тварь устраивает с целью поиска потенциальной матери своих детей; правда, когда Повелитель Белого Безмолвия находит себе «невесту», её согласия он не спрашивает и совершает изнасилование. Беременности заканчиваются по-разному: дети либо рождаются мёртвыми, либо умирают в течение недели после рождения, реже являются жизнеспособными и внешне по-

чти нормальными, при этом наследуя от своего чудовищного отца способность управлять атмосферными явлениями. Женщина, выносившая ребёнка Оседлавшего Ветер, обычно после родов погибает либо даже совершает самоубийство, не в силах жить с тем, что с ней произошло. Когда сыновья и дочери Итакуа подрастали и понимали, что за монстр их отец, они никогда не присоединялись к нему, а начинали сражаться против него, отчего и погибали. Ни один из детей Шагающего с Ветрами не захотел быть вместе со своим божественным родителем.

Несмотря на бродячую жизнь, у Итакуа есть любимые места. Одно из них — планета под названием Борея, находящаяся то ли на краю Вселенной, то ли вовсе в другом измерении. У Бореи есть три крупные луны, одна из них — Нуминос — даже населена потомками викингов нашего мира; ещё одна луна, Дромос, служит пристанищем ледяных жрецов — человекоподобных существ, служивших Итакуа на Земле, когда та была ещё молода. Могущество и гнусность этих ледяных жрецов так велики, что даже сам Повелитель Белого Безмолвия их побаивается. На самой Борее имеет военизированный культ Итакуа — «Дети Ветров». С ними сражаются жители

одинокого плато, в подвале которого когда-то давно сам Шагающий с Ветрами сидел в заточении. Как он попал туда и при каких обстоятельствах был выпущен — загадка. Духовным лидером и живым знаменем сопротивления у жителей плато является Армандра — Женщина Ветров, полубогиня, дочь Итакуа, пошедшая против отца. В наследство от божественного родителя Армандра получила не только власть над ветрами и телепатические способности, но и лягушачью ступни, подвергшиеся хирургической коррекции в подростковом возрасте.

Во время битвы за плато бесстрашный человек по имени Хэнк Сильберхатт, принесённый с Земли самим же Итакуа, сумел ранить Шагающего с Ветрами и заставить отступить его и его войско, метнув во Владыку Холода копьё с привязанным к нему звездным камнем (священный символ Старших Богов, миллионы лет назад нанесших поражение Властителям Древности) и надолго лишив его глаза и желания вредить жителям плато. Рана со временем затянулась (а иначе и быть не могло, всё-таки это бессмертный бог, который может быть поранен или пленён, но не убит), но Старина Ветродуй никак не мог простить такую обиду и долго искал возможности отомстить и

даже придумал для этого хитрый план, но это уже совсем другая история.

(Описание составлено на основе рассказов и повестей: Август Дерлет «За порогом», «Итакуа», «Оседлавший Ветер», Брайан Ламли «Исчадие ветров», «На лунах Бореи»)

Таким образом, перед нами грозное северное божество, связанное с холодом и смертью. Теперь давайте рассмотрим «коллег», Шагающего с Ветрами, представленных в мифологиях различных народов Европы и поищем точки пересечения.

Карачун

Карачун, он Корочун — славянский бог холода, зимы и по совместительству владыка царства мёртвых. Вероятно, имеет вид высокого бородатого старца с горящими глазами и опирающегося на посох. Существует мнение, что для того, чтобы умилостивить этого грозного бога, ему приносили кровавые человеческие жертвы — девушки привязывали к ели, а когда она замерзала, ей вспарывали живот, а внутренности развешивали по дереву. Именно отсюда берёт начало милый обычай украшать ёлку на Новый год. Принесённая в жертву девушка именовалась «снегурочкой», и считалась невестой Карачуна,

поскольку ритуал принесения добровольной человеческой жертвы сравнивался с обручением и венчанием, подобные воззрения нашли отражение даже в творчестве С.А. Есенина («… Повенчаюсь в непогоду С перезвонною волной»); если продолжить аналогию, то недобровольное принесение в жертву можно рассматривать как изнасилование. Карачуну также приписывается похищение людей, особенно если человек исчез во время метели.

К XVII веку слово «карачун», стало синонимом смерти, о чём красноречиво повествует В.И. Даль в своём словаре:

> *КАРАЧУН сущ. м. и нареч. капут, конец, смерть, гибель, извод, мат; допяченье кого до конца. Дать кому карачун, задать карачуна, убить, уничтожить кого либо что. Пришел ему карачун. || Симб. злой дух (Наумов). || Солноворот, день 12 декабря, Спиридоньев день. Карачунить что, кого, уничтожать, изводить, убивать. карачуниться, гибнуть, уничтожаться.*

Кроме того, отсюда следует, что у Карачуна есть памятный день — 25 декабря (12 декабря — по юлианскому календарю); на это же день прихо-

дится праздник Коляда. Очевидно, это зимнее солнцестояние, самый короткий в году, когда свет ослабевает, а тьма сгущается; после день начинает идти на прибыль — свет торжествует. Изредка встречающееся написание «корочун», явно является однокоренным со словом «короткий», что опять же указывает на самый короткий день в году. Есть и другая версия этимологии этого имени — от глагола со значением «шагать», (сербохорв. крачати и т. п.) — «шагающий», что намекает то ли на переход Солнца крайней южной точки своего пути по небу, то ли на способ перемещения божества (ср. «Шагающий с Ветрами»). Также следует упомянуть, что у многих народов Северного полушария северная сторона ассоциировалась не только с холодом и ночью, но и со смертью, из-за чего царство мёртвых чаще всего помещали именно на севере.

Итак, перед нами весьма неприятный и зловредный персонаж. Карачун никогда не был положительной фигурой, ни до христианизации Руси, ни тем более — после. С Итакуа он имеет много общих черт.

Морозко

Морозко, он же Дед Мороз — персонаж славянской мифологии, суровый, но справедливый дух холода, управитель зимы. Выглядит как высокий седовласый старик с длинной бородой, одетый в синюю (а не красную, как это часто пытаются представить в наше время) шубу. При ходьбе опирается на посох, являющийся также магическим артефактом и проводником силы Мороза. Ездит на санях, запряжённых тройкой лошадей, может летать на них по воздуху. Морозко может убить человека, заметя его снегом или сковав льдом, если был потревожен, либо человек, встретившийся ему, сам по себе плохой и заслуживает сурового наказания. Достойных людей и тех, кто претерпел множество страданий и выстоял, Морозко может наградить дорогим и подарком или как минимум уничтожением тех, из-за кого человек пострадал. И этот мотив нашёл отражение в творчестве Есенина — в стихотворении «Сиротка», Дед Мороз дарит героине жемчуг, а злую мачеху и её не менее злую дочь замораживает насмерть.

День почитания Морозко находится рядом с зимним солнцестоянием — это Новый Год. В

старину Деда Мороза также угощали на Святки и в Чистый Четверг, ставя ритуальную пищу — блины (символ солнца) и кутью (поминальное блюдо, символ смерти).

В Сказке Евгения Шварца «Два брата», фигурирует такой персонаж как Прадедушка Мороз — суровый дух холода, обожающий тишину и покой (ср. «Повелитель Белого Безмолвия»), в целом весьма похожий на Карачуна; при этом говорит, что является отцом Дедушки Мороза. Из всего этого напрашивается вывод, что Дед Мороз не просто трансформация образа Карачуна — Дед Мороз это сын Карачуна, причём отклонившийся от заветов своего родителя (всё-таки образ у Морозко светлее и мягче, чем у бога холода и смерти).

В советское время, в 30х годах, когда разрешили проводить «ёлки», образ Деда Мороза подвергся серьёзной трансформации — из грозного духа зимы он превратился в новогоднего волшебника, приносящего радость, веселье и, конечно же, подарки; спутницей Деда Мороза стала Снегурочка, при этом именуемая внучкой (после христианизации снегурочками в народе именовались младшие духи холода). Здесь имеет место слияние с образом Святого Николая, делавшего

подарки на Рождество. Однако, образ сурового повелителя холода ещё долго не забывался, и советские солдаты говорили про лютые холода зимой 1941—42 гг. «Генерал Мороз».

Надо сказать, что у Санта-Клауса и других коллег Деда Мороза имеется не менее мрачная подоплёка — образ сурового и даже зловещего хтонического старца, навещающего людей зимой, эдакого Деда Отмороза, весьма древний, гораздо древнее образа добродушного рождественско-новогоднего дарителя. Итакуа — самый настоящий Дед Отмороз, тем более, что за ним тоже водится вручение подарков, правда, дарит он их посмертно, и всегда одни и те же: портреты и статуэтки себя любимого.

Кощей Бессмертный

Кощей Бессмертный — ещё один персонаж славянской мифологии, злодей, могущественный маг и шаман, колдун и воин, правитель некоего края, населённого разнообразной нечистью, в том числе ожившими мертвецами. Выглядит как высокий тощий, словно скелет, старик с седой бородой. Есть мнение, что Кощей — сын Карачуна, «достойный», своего отца; если это так, то он ещё и родной брат Деда Мороза (по моему скром-

ному мнению, такую подробность стоит взять на заметку составителям сценариев новогодних спектаклей, постановок и фильмов-сказок). Обычно имеет в распоряжении волшебного коня, на котором ездит по различным делам, как привило — делать заранее придуманные и продуманные пакости. Во время этих выездов он убивает, заколдовывает, проклинает или похищает людей; вероятно, ещё и казну пополняет, забирая золото, драгоценности и другие интересные предметы, поскольку невероятно скуп (вспомним А.С. Пушкина «Там царь Кощей над златом чахнет…»). Оружием Кощею служит большой, порядка двух аршин, меч, которым он мастерски владеет; при этом он также обладает пугающей аурой и мертвящим взглядом («дурной глаз»). Иногда оборачивается вороном или орлом. Как ни странно, Кощей часто носит броню — очевидно, это не защита, а показатель статуса, ибо отличный как по качеству, так и по внешнему виду доспех могли себе позволить не просто состоятельные, а богатые и знатные люди. Следует отметить, что в советской мультипликации доспехи стали рыцарскими XIV–XV вв. а сам царь Кощей «переезжает», в каменный романский замок и вообще сильно европеизирован (очевидно, такой

образ появился под влиянием событий мирового масштаба — Великая Отечественная, а затем и Холодная война). Где же всё-таки находилось пресловутое Кощеево царство? Сказочное указание «за тридевять земель, в тридесятом, царстве», не слишком информативно, однако, очевидно, что раз Царство Кощея населено живыми покойниками и другой разнообразной нечистой силой и окутано тьмой реально и фигурально, то локализовано оно, надо думать, на севере — стороне, ассоциирующейся со смертью и холодом, ночью и темнотой. Однако встречается и прямое указание, что Кощеево царство находится под землёй.

Появление Кощея нередко сопровождается сильным ветром, низкими чёрными тучами, грозой, громом и молнией, резким похолоданием. Нередко в подчинении у славянского владыки мертвецов есть подручный-дракон: в одних сказаниях это просто ручной летучий змей, в других — сам Змей Горыныч, хотя бывает и так, что эти двое являются соседями и порой недолюбливают друг друга. Не менее любопытно мнение, что одним из прообразов дракона является смерч — огромная чёрная воронка, сметающая всё на своём пути, сея разрушение, ужас и беспорядок не хуже сказочного крылатого и чешуйчатого

чудища.

Очевидно, Кощей так тонко познал тёмные искусства, нашёл способ стать бессмертным — отделил свою душу (либо свою смерть) и заключил её в игле, при этом став нежитью, после чего спрятал: игла в яйце, яйцо, в утке, утка в зайце, заяц в сундуке, сундук на дубе, дуб на острове и охраняется драконом. Любопытно, что местопребывание души у шаманов сибирских народов тоже связано с птицей и деревом. Здесь также прослеживается определённый символизм: остров — вода, дракон — огонь, сундук — гроб и одновременно ковчег, утка — птица, воздух, заяц — зверь, земля, яйцо — начало мира, железная игла — тянет за собой нить жизни, сделана из материала, чуждого природным стихиям (единственное доступное самородное железо имеет космическое происхождение). Обычно Кощея в бою вовсе не берёт никакое оружие, реже — наносимые повреждения минимальны и немедленно заживают; чтобы убить злодея, надо после того, как игла добыта, сломать её или воткнуть этот длинный и острый предмет в самого Кощея. Следует отметить, что в некоторых сказаниях, Кощея можно убить без всего этого, но способ всё равно довольно изощрённый — нуж-

но, чтобы Бессмертного лягнул волшебный конь (как такого коня добыть — отдельная история), после чего добить тяжёлым тупым предметом, например, булавой, и потом сжечь тело. При этом расположение смерти персонажа отдельно от него самого отнюдь не уникально — смерть героя греческой мифологии Мелеагра была заключена в полене, когда его мать в отместку за гибель её брата во время Калидонской охоты сожгла то полено, Мелеагр тут же умер, а до этого был непобедим. Если уж речь зашла о греческой мифологии, напрашивается ещё одна параллель — бог Аид, владыка подземного царства и обладатель несметных сокровищ (богатства недр); правда, на этом сходство и заканчивается, поскольку Аид явно не злодей, а в греческих мифах он вообще единственный нормальный бог. Конечно, за ним водится один нехороший поступок — похищение Персефоны (и, как следствие, введение нового времени года — зимы), ставшей его женой, однако Аид это сделал с одобрения отца девушки, своего брата Зевса, и супругу свою каждый год на полгода отпускает на землю, в гости к маме.

Всё вышеуказанное делает Кощея очень похожим на персонажа фэнтези — лича. Лич — это маг, обычно некромант, с помощью особого

ритуала ставший нежитью; при этом душа мага отделяется от тела и заключается в особый предмет — филактерию, делающую лича бессмертным и неуничтожимым. Особо сильный волшебник даже может стать личом без всякого ритуала, умерев и воскресив самого себя. Храниться филактерия может где угодно, что сильно затрудняет и без того сложный процесс уничтожения лича. Если принять во внимание, что в отличие от какого-нибудь рядового лича, веками сидящего в каком-нибудь всеми забытом подвале, Кощей владеет целым царством, что делает его не просто личом, а самым настоящим Королём-Личом русских сказок. Кстати, о подвалах — во многих сказках сам Бессмертный упоминает, что был пленником и триста лет сидел в подвале, скованный цепями.

Касательно семейного положения Кощея единого мнения нет. В некоторых сказаниях он женат и ищет себе любовницу, но чаще всего холост и ищет невесту. При этом он не опускается до непотребств своего ужасного отца Карачуна и предлагает похищенной девушке добровольно стать его супругой; получив отказ, он со злости наказывает девушку, превращая её в лягушку или змею, чтобы она хорошо подумала. Однако, в

одном из вариантов сказки «Царевна-Лягушка», Елена Прекрасная отнюдь не невеста Кощея, а его дочь, унаследовавшая кое-какие магические способности от отца и решившая сражаться против него, за что тот и превратил её в квакающее земноводное (вспомните-ка, у кого там, в разделе про Итакуа, кроме него самого были лягушачьи ступни?). В этом случае владыка нежити выступает не как соперник в любви главного героя, а как отец его невесты.

Подходя к завершению разбора столь примечательного персонажа, процитируем словарь В.И. Даля:

> *КАЩЕЙ м. (см. кость) сказочное лицо, вроде вечного жида, с прилаг. бессмертный, вероятно от слова кастить, но переделано в кощей, от кости, означая изможденного непомерно худобою человека, особенно старика, скрягу, скупца и ростовщика, корпящего над своею казною. || Стар. смерд, подлый раб. Кащей — сам с ноготь, борода с локоть, пуга (бич) в семь сажен. Кащейка м. скупая, весьма худая старушонка. Кащеев, кащейкин ему, ей принадлежащ. Кащейский,*

кащеям свойственный. Кащейный, к ним относящ. Кащеить или кащейничать, скряжничать, жидоморничать. Кащейничанье ср. скряжничанье. Кащейство ср. то же, бол. в отвлеченном знач. Кащейник м. кто кащейничает.

КАСТЬ ж. сокращ. из капость, пакость, мерзость, гадость, скверна; паскуда, нечистое, поганое, сор, дрянь, сметье, смотки.

То есть получается, что имя Кащей, согласно В.И. Далю, означает «пакостник, вредитель, осквернитель», что согласуется с характером персонажа и как ни странно, с характером и деятельностью «заморского коллеги», — Короля-Лича. Упоминание костей в пояснении не нуждается, целом понятно значение «раб, пленник», зато нуждается пояснении, кто такой «вечный жид». Вечный жид — это персонаж христианской мифологии, великий грешник Агасфер: когда Иисус шёл на Голгофу и прислонился к стене одного дома, чтобы перевести дух, Агасфер выбежал из дому, оттолкнул Христа и издевательски произнёс — «Отдохнёшь, когда назад идти будешь!». За это хамоватый иудей был проклят и обречён

вечно скитаться по земле, нигде не оставаясь надолго (никого не напоминает?). При таком раскладе получается, что, по мнению Даля, для Кощея бессмертие — это проклятие.

Что же мы видим? У Итакуа и Кощея Бессмертного есть ряд общих свойств, а история Итакуа, рассказанная в повестях Брайана Ламли «Исчадие ветров», и «На лунах Бореи», во многом перекликается с историей Кощея.

Святой Касьян

Иоанн Кассиан, или Касьян Римлянин — христианский святой. При жизни много путешествовал, когда от болезней скончались его супруга и дети, Касьян решил полностью посвятить себя служению Господу Богу и основал ряд монастырей, в одном из которых в посте и молитве провёл остаток дней.

На Руси образ Касьяна претерпевает серьёзные и, мягко говоря, странные изменения. За святого Касьян не признаётся, а его имя считается несчастливым. Его называют Немилостивым, Скупым, Недоброжелателем, Завистливым, приписывают демонические черты. Согласно легенде, Касьян был ангелом и предупредил архангела Люцифера (Сатану) о том, что Бог со-

брался изгнать его и его присных с небес, после чего Люцифер собрал вокруг себя как можно больше сторонников (с ним пошла одна треть небесного воинства) и поднял мятеж. За это Касьян был наказан, при этом наказание его относительно лёгкое — 4 года подряд Касьян сторожит врата ада, а 29 февраля у него выходной день. Именно в эту дату демоны сбегают из пекла, чтобы совращать людей, да и сам Касьян тоже предаётся буйному веселью: берёт косу (сельскохозяйственные инструменты, такие как серп и коса — частые атрибуты персонификаций смерти у народов Европы) и отправляется гулять по земле; будучи обладателем «дурного глаза», насылает беды на неосторожных людей и даже вызывает гибель посевов и падёж скота («Касьян на что ни взглянет — всё вянет», «Касьян всё косой косит», «Касьян на народ — народу тяжело»). Его воле повинуются все ветра. Любое начинание в Касьянов день будет неудачным, а человек, родившийся 29 февраля, будет нести всю жизнь проклятие — либо будет болезненным и невезучим, либо вредителем и злодеем.

Отчего же Иоанн Кассиан так не полюбился русичам? Вероятно, это связано с тем, что его имя напоминает имя злодея славянских сказок, о ко-

тором речь шла выше: Касьян — Кащей. Именно поэтому в народном представлении Касьян получил многие черты сына Карачуна. Не исключено, что до христианизации у Кащея, как и у его отца, был памятный день, приходившийся на конец зимы — 28/29 февраля. И так совпало, что Касьянов день как раз приходится на 29 февраля, отчего в сознании простого народы было логичным отождествить этих двух персонажей. Кстати, если эти размышления верны, то яичница, готовящаяся в последний день зимы — не просто яичница, а ритуальное блюдо, символизирующее победу над тьмой и тёплое солнце.

Раз уж святой Касьян получил множество черт Кощея в народном восприятии, то не удивительно, что и на Итакуа он тоже похож; не менее любопытно, что наказание и тому, и другому назначено относительно лёгкое.

Один

Казалось бы, при чём тут Один? Этот мифологический персонаж рассматривается по трём причинам: во-первых, жители Нуминоса (это луна Бореи) отождествляют Итакуа именно с Одином и, в меньшей степени, его сыном Тором; во-вторых, существует мнение, что Кощей — это

славянский вариант Одина; в-третьих, Один мог быть одним из прототипов европейского коллеги Деда Мороза — Санта-Клауса.

Один — верховный бог германо-скандинавского пантеона, предводитель асов, мудрец и шаман, волшебник и воитель, божество войны, царь Асгарда, хозяин Вальхаллы. Изображается как высокий пожилой бородатый мужчина. Один одноглаз, поскольку отдал глаз за право сделать глоток из источника мудрости. Вооружён копьём, которым он однажды пригвоздил себя к мировому древу Иггдрасилю, чтобы получить знание рун и волшебства. Один сопровождают два волка и два ворона, и сам он способен обратиться в ворона или орла. Кроме того, у царя Асгарда есть волшебный конь Слейпнир о восьми ногах.

Один женат на богине Фригг и имеет множество детей, среди которых в популярной культуре наиболее известны Тор и Хеймдалль.

Один порой путешествует по земле в облике старца с посохом и в шляпе; также во время метели он делает выезды в сопровождении павших воинов, выезды и эти носят название Дикой Охоты и нередко после этого пропадают люди. В чертоги Одина — Вальхаллу, попадают только самые достойные воины, встретившие смерть

на поле битвы с оружием в руках. Воинственные валькирии отбирают лучших среди павших воинов. При этом бывает так, что Всеотец подставляет своего любимца и обеспечивает ему верную гибель, за что имеет эпитеты Злодей и Предатель. Всё это указывает на то, что этот бог не является однозначно положительной фигурой, а некоторые его деяния, в частности, добывание мёда поэзии, и вовсе могут расцениваться как продуманные пакости.

У Одина нет какого-то особого праздничного дня, однако ему посвящён день недели — среда.

Как видно, кое-какие пересечения у Одина с Итакуа с одной стороны, и с Кощеем с другой, всё-таки есть. А раз упомянута Дикая Охота, то и она заслуживает разбора.

Дикая Охота

Дикая Охота или Дикий Гон является общим мотивом в мифологиях и сказках многих народов Европы; в то же время, в каждой стране, у каждого народа имеется своя специфика, поэтому рассматриваться будет данный феномен несколько обобщённо. Итак, Дикая Охота — это орда призрачных всадников, скачущих по небу, обычно выглядящих, как скелеты-воины на скелетах-ко-

нях, возглавляет её Один либо король эльфов (в разных странах возможны и другие варианты, но мы остановимся на этих двух), появление Призрачного Гона предвещает различные беды — мор, войну, голод.

Дикая Охота чаще всего появляется во время снежных бурь, однако возможны и несколько иные погодные условия, в любом случае, резкое понижение температуры может указывать на скорое появление призрачной кавалькады. Особенно активен Призрачный Гон перед днём Зимнего Солнцестояния. Горе тому, кто попался Дикому Гону на улице — его похищают и уносят в неведомые смертным места; спящим при этом внушаются жуткие сновидения. Сражаться с призрачными всадниками практически не возможно хотя бы потому, что они внушают одним своим присутствием непреодолимый страх. Единицам удаётся вернуться при особых обстоятельствах; вернувшись, они видят, что за время их отсутствия мир серьёзно изменился. В частности, в английской народной сказке рассказывается, как два друга-скрипача, оказавшись в чужом городе, вечером в поисках ночлега повстречали богато одетого, высокого худощавого старика с длиной седой бородой. Старик предложил молодым лю-

дям еду и два мешка золота, если они согласятся всю ночь играть на скрипках для его многочисленных гостей; те согласились и последовали за стариком, он привёл их богатый дом. Скрипачи проиграли всю ночь, получили свою награду, даже посчитав её незаслуженно большой. Утром они увидели, что город изменился, мало того, они смогли найти потом дом, где провели ночь, а вернувшись в родной город, обнаружили, что все их друзья и знакомые умерли, нередко в преклонном возрасте, и покоятся на кладбище. И тогда скрипачи догадались, что заманивший их поиграть на скрипках старик — это король эльфов, он же король Дикой Охоты. Очевидно, в той стране, куда он их переместил, время идёт совсем по-другому — вспомним способность Властителей Древности путешествовать в других измерениях (и теорию относительности Эйнштейна, гласящую, что чем больше скорость, тем медленней идёт время). Хотя, честно говоря, описание таинственного хозяина вечеринки больше подходит Одину или Кощею Бессмертному. Последнее наводит на мысль — а что, если и в фольклоре русичей тоже был Дикий Гон, но в результате утраты культурного наследия вместе с убитыми жрецами языческих богов от всей

кавалькады призраков остался только её предводитель — Кощей Бессмертный, а немного позднее его спутники по скачке переосмыслены как его армия, охраняющая Кощеево царство?

Мотив Дикой Охоты является также одним из основных в цикле книг А. Сапковского «Ведьмак», и серии компьютерных игр по ним. В ходе игры выясняется (впрочем, при чтении книг об этом тоже можно догадаться) что Дикий Гон — это на самом деле Красные Всадники, боевой отряд эльфов народа Ольх, возглавляемый Эредином. Красные Всадники могут приходить в виде астральных проекций — пресловутых призраков, а могут прибыть и во плоти, нарядившись в доспехи, имитирующие скелет. Эредин, облачённый в такие доспехи, вполне закономерно вызывает ассоциации с Кощеем Бессмертным. Цель Красных Всадников — похищение людей с последующим их порабощением, часть похищенных потом может вернуться в свой мир. Также Эредин преследует Цириллу — принцессу Цинтры, приёмную дочь ведьмака Геральта, носительницу гена Старшей Крови, дающего власть над временем и пространством; именно ген Старшей Крови хотя заполучить Эредин и его сообщники Авалакх и король эльфов народа Ольх; с его помощью

они смогли бы броситься на покорение миров, не ограничиваясь призрачной гонкой за рабами. Правда, в последней игре серии это поменяли, и теперь ген Старшей Крови нужен для того, чтобы остановить Белый Хлад и предотвратить надвигающийся ледяной апокалипсис. Следует отметить, что Эредин испытывает к Цирилле ещё и романтический интерес; примечательно также, что в финальной битве игры он лишился глаза.

Итак, Дикий гон и его предводитель имеют ряд пересечений с другими ранее рассмотренными персонажами. Можно также предположить, что и у Итакуа была своя свита призрачных всадников: когда Шагающий с Ветрами только освободился из подвала плато на Борее, он ещё не восстановил свою силу, однако мог призвать души тех, кто служил ему до пленения и организовать собственную Дикую Охоту и сам рассекать воздух и межзвёздные пространства на призрачном коне. Со временем Старина Ветродуй полностью восстановился и поглотил свою свиту или распустил её.

Итог

Как можно видеть, при детальном рассмотрении у таких вроде бы непохожих друг на друга

персонажей — Итакуа, Карачуна, Деда Мороза, Кощея Бессмертного, Святого Касьяна, Одина, Дикой Охоты — очень много точек пересечения, что порой кажется, будто речь идёт об одном и том же персонаже.

Бог Ктулхианского пантеона Итакуа больше всего схож с Карачуном и Кощеем, в меньшей степени — с Одином и Морозко. И если совершенно очевидно, что Август Дерлет и Брайан Ламли несомненно знакомы с фольклором коренных американцев Северной Америки и народов Западной и Северной Европы, то дальше назревает вопрос — знаком ли Брайан Ламли со славянским фольклором и мог ли он использовать для создания образа Итакуа в своих произведениях в качестве прототипов Карачуна и Кощея? Было бы интересно узнать ответ, пока это возможно.

Алексей Лотерман
Последний опыт Ашера

2013

Кэб, в котором я сидел, с грохотом остановился у ворот поместья Ашеров. На пороге дома меня

уже ждали родители Эдварда. Этим злополучным вечером в мою дверь постучал мальчишка, присланный Ричардом Ашером и умолявший меня срочно приехать к нему. Ещё с военной службы мы с Ричардом поддерживали дружественные отношения, и я хорошо знал его единственного сына Эдварда. В юности он проявлял огромный интерес к химии, она была его страстью, и, закончив колледж, он поступил в Оксфорд. Преподаватели пророчили ему профессорскую должность, но судьба распорядилась иначе. Чарльз изменился в одно мгновение: обморок, случившийся с ним в лаборантской, положил начало череде событий, которым никто до сих пор не может дать ясного объяснения.

Ричард Ашер знал о моей психиатрической практике и поэтому первым делом обратился ко мне. Беспамятство, в котором Эдвард пробыл несколько часов, характеризовалось полным отсутствием реакций на какие-либо внешние раздражители. Остальные же процессы его организма были в норме и опасений не вызывали. Казалось, молодой человек пребывает в неком подобии глубокого обморока, который мог быть вызван отравлением химикатами. Наконец очнувшись, Эдвард попытался подняться,

утверждая, что должен немедленно вернуться в лаборантскую, но тут же упал без сил. Я приказал ему оставаться в постели, пока его состояние не улучшится. Все расспросы о причинах обморока он оставлял без ответа, ссылаясь на провал в памяти, однако, его задумчивый вид говорил, что он всё же что-то помнит, но не желает рассказывать.

Вечером того же дня Эдвард заявил, что ему необходимо на какое-то время оставить учёбу, восстановить здоровье и попутно заняться кое-какими изысканиями в области химии. Именно для этого он впоследствии переоборудовал пустовавшую мансарду родительского дома в лабораторию. Ричард Ашер был свидетелем того, как Эдварду привозили не только необходимую меблировку, но и большое количество деревянных ящиков, в которых, по-видимому, были разнообразные химические приборы и химикалии. Однако побывать после этого в мансарде ему так и не удалось: путь в неё был закрыт для всех, кроме самого Эдварда, требовавшего полного уединения.

Главу семейства одолевало беспокойство за сына, который стал пленником своей лаборатории, «поправляя», таким образом своё здоровье. Он

не раз настаивал на серьёзном разговоре, но все его усилия и стуки в дверь Эдвард оставлял без ответа. Лишь однажды он удостоил своего отца просьбой, чтобы тот перестал ему докучать и отвлекать от работы. Правда, несколько дней спустя, Эдвард всё же разбавил своё затворничество вечерними прогулками, во время которых, как оказалось, встречался с аптекарями и работниками кладбищ. За этими встречами последовала новая череда доставок деревянных ящиков с неизвестным содержимым. От одних исходило благоухание лечебных трав, от других же, напротив, едкий химический запах.

После этого Ричард Ашер стал замечать, что из каминной трубы над мансардой периодически валит чёрный дым, окутывая округой удушливым смогом. Конец же его терпению наступил, когда в один из вечеров дом огласило неестественное подобие звериного рёва, источник которого находился в мансарде. Но напрасно Ричард Ашер колотил в дверь и звал Эдварда — ему оставалось лишь наблюдать яркий свет, лившийся из-под двери мансарды. Час спустя Эдвард сам постучался в кабинет отца и с взволнованным видом извинился перед ним, заверяя, что не станет больше беспокоить родителей, поскольку

его изыскания дали впечатляющие результаты и эксперименты необходимо перенести в иные, более подходящие для этого условия.

В течение следующей недели казалось, что Эдвард начал возвращаться к своей прежней жизни. Он безмятежно проводил время в кругу родителей и знакомых, пока начавшаяся однажды вечером сильная гроза не привела его в необычайное возбуждение. Эдвард вновь заперся в мансарде, взволновав родителей. Волнение переросло в панику, когда из мансарды раздался дикий вопль их сына, заглушаемый раскатами грома. Все попытки попасть в мансарду и узнать, что стряслось с Эдвардом, были безрезультатны, из-за двери не доносилось больше ни звука. Тогда глава семейства и послал за мной, и уже через полчаса я был в доме Ашеров.

Оставив Ричарда успокаивать жену, я поднялся к мансарде. Из-под её двери вырывались всполохи света, но на мой стук никто не ответил. Предположив, что Эдвард вновь упал в обморок, я высадил запертую дверь, с грохотом ворвавшись вовнутрь. Передо мной предстала самая настоящая алхимическая лаборатория. Всё помещение мансарды было заставлено столами, на которых высились нагромождения химических приборов:

от вполне современных, до самых невообразимых, которыми пользовались ещё алхимики античности и средневековья. В больших шкафах теснились колбы, банки и бутыли с химикатами, но особое внимание привлекало несколько стеллажей: на их полках располагались пробирки и колбы, педантично пронумерованные и закупоренные пробками — все они содержали какое-то белёсое киселеобразное вещество. Сами стеллажи также, по-видимому, были подчинены определённой классификации, поскольку тот, где стояли продолговатые пробирки, имел медную табличку с поблёскивавшей гравировкой «Flora». На другом, с небольшими круглыми колбами, была табличка «Fauna», на третьем, где тоже размещались круглые колбы, но больших объёмов — «Homo». И, наконец, последний стеллаж, где склянок было меньше всего, обозначался табличкой с гравировкой — «Chimaera». Самого же Эдварда нигде не было.

Посреди мансарды, в центре начерченной мелом окружности и вписанной в неё причудливой геометрической фигуры, стоял квадратный столик, на котором высился необычный прибор. Именно от него исходили слабые отблески света, освещавшие мансарду. Внешне прибор напоми-

нал керосиновую лампу: от центральной части с резервуаром для горючего отходили четыре подставки, на которых сверкали металлические шары, усеянные пирамидальными шипами. Сверху над всей конструкцией громоздилась большая круглая колба с киселеобразной субстанцией внутри и порядковым номером № 471 на горлышке.

Я протянул руку и вывернул колесо, регулирующее длину горящего фитиля, и в тот же момент комнату озарил яркий солнечный свет, хотя снаружи была глубокая ночь. Жидкость в колбе пришла в движение, и белёсая дымка заполнила её, затем раздался хлопок — пробка, не выдержав быстро нарастающего внутреннего давления, устремилась в скошенный потолок мансарды. За нею последовал целый фонтан тумана: поднявшись из колбы, он воспарил над столом большим молочным облаком. Вся эта эманация сопровождалась шипением вырывавшейся из колбы субстанции. Но было в этом шипении ещё что-то, похожее на шёпот, и, как мне показалось, до меня донеслись звуки неведомого языка: «…й'аинг'нгах…»

Отшатнувшись, я медленно попятился назад, но споткнулся и рухнул на дощатый пол.

Под моими ногами лежал массивный гроссбух, испещрённый бесчисленными номерами и записями. В следующее же мгновение из четырёх шарообразных электродов прибора вырвался ослепительный разряд и пронзил дымку, уже принявшую на тот момент фантастические, по-неземному гротескные, формы. Вскрикнув от дикой боли в глазах, я с силой метнул попавшийся под руку гроссбух в сторону материализовавшегося чудовища. Тут же послышался звон стекла, скрежещущий рык и хлопок, затем всё исчезло.

Очнулся я на софе в гостиной, мои глаза были плотно забинтованы, а со стороны слышались голоса мистера Ашера и его супруги. Они сообщили мне, что примчавшись на грохот и крики из мансарды, обнаружили меня лежащим на полу без сознания с кровоточащими глазами по соседству с какой-то мерзкой киселеподобной лужей, в которой плавали тлеющие клочья гроссбуха, осколки стекла и искорёженного металла. На все их расспросы о произошедшем я не смог ответить ничего вразумительного, равно как и на вопрос о том, куда исчез их сын. Моё зрение было безвозвратно уничтожено яркой вспышкой, возникшей сразу же после того, как последний взгляд упал на строчку гроссбуха с номером № 471. Имя, сто-

явшее напротив него, с благоговейным трепетом упоминал в своей запретной книге ещё Безумный араб Абдулла Аль-Хазред. Теперь же и я безумен, познав мудрость его, и слеп, прозрев его истину.

Алексей Лотерман
Происшествие на ферме мистера Шоу

2013

— Мистер Шоу, мистер Шоу! — прокричал мальчишка, вбежавший во двор дома.

— Что такое? — отозвался старик с растрёпанной седой бородой, сидевший на веранде перед домом.

— Сэр, мы там копали и…

— И что, ногу мою нашли? — прервал его старик.

Мальчуган смутился, окинув взглядом деревяшку, которой оканчивалась правая нога мистера Шоу, и забормотал:

— Пойдёмте-ка лучше, мистер Шоу.

Он помог подняться старику со стула и подал клюку.

— Мы эту штуку лопатой зацепили, а она как

зазвенит. Да так, что у меня аж уши заложило.

Лето в этом году в Данвиче выдалось невероятно жарким, и мистер Шоу с тревогой стал замечать, что его колодец мало-помалу пересыхает. Со вторым колодцем, предназначавшимся для скотины, дела обстояли тем же печальным образом. И, чтобы вовсе не остаться в такую жару без воды, мистер Шоу принял решение рыть новый колодец в некотором отдалении от своего дома, ближе к чёрной лощине, где деревья явно не страдали от засухи. Их густые ветви переплелись настолько крепко, что закрывали землю от палящих солнечных лучей, не давая иссушать её.

Насколько мог быстро, мистер Шоу доковылял с мальчишкой до темнеющей кромки лощины, где стояли двое рабочих. Они без устали копали в прохладной тени, там, где указала лоза, и, будучи местными, время от времени бросали опасливые взгляды в сторону лощины. Много мрачных легенд ходило о тёмных лесах и рощах, окружавших холмы Данвича, на вершинах которых в незапамятные времена были возведены загадочные каменные круги.

Наконец старик с мальчишкой приблизились к рабочим: те заглядывали в глубокую яму, из которой тянуло прохладой разрытой земли. Ото-

двинув сгрудившихся людей клюкой, мистер Шоу склонился над ямой. Из этого чёрного зева, теперь уже отдававшего холодом вскрытой могилы, к нему протянулись перепачканные землёй руки третьего рабочего, в которых был зажат некий предмет. Осторожно взяв его, мистер Шоу вдруг ощутил невероятную тяжесть и холод металла, какой не мог быть впитан из земли. Очистив находку от комьев глины, мистер Шоу увидел позеленевшую от древности бронзу. Воцарившуюся тишину нарушил внезапный стрёкот козодоев, которыми кишели данвичские лощины. Люди словно очнулись от наваждения, навеянного соприкосновением с прошлым. Обернув грязную находку носовым платком и сунув её под мышку, старик без лишних слов заковылял к дому, оставив рабочих заниматься колодцем.

Вернувшись под сень своего ветхого домишки, мистер Шоу отмыл находку от грязи и принялся пристально рассматривать. Внешне она походила на античные масляные лампы, которые ему доводилось видеть в книжках. Вся её поверхность была украшена затейливой резьбой, напоминавшей извивающиеся щупальца осьминога. Они шли волнами, закручивались в кольца и переплетались в таинственных узорах. Одно из щупалец,

на задней части лампы, заворачивалось вверх и, очевидно, исполняло роль ручки. Три же других сплетались в нижней части лампы, образовывая надёжную подставку. Всё это напомнило мистеру Шоу роспись ваз Микенской культуры с навязчиво повторяющимися образами головоногих. Он был одновременно сильно озадачен подобной находкой в богом забытом Данвиче, и в то же время необычайно рад прикоснуться к артефакту такой невероятной древности.

Но благоговейный трепет, с которым старик лицезрел утерянное наследие Микенской цивилизации, был внезапно осквернён. Сверху лампы, в центре всех таинственных хитросплетений, находилась некая полусфера, которую он по слабости зрения сперва принял за само округлое тело осьминога. Но, приглядевшись повнимательней, мистер Шоу вдруг осознал, что прямо из лампы на него будто уставился один единственный круглый глаз. Это было столь неожиданно, что он выронил лампу из своих сухих старческих рук, и она с грохотом тяжёлого молота обрушилась на дощатый пол.

Мистер Шоу не сразу поднял лампу — сперва он осушил целую кружку холодной колодезной воды. И лишь почувствовав, что старческое, со-

провождаемое хрипами дыхание стало ровнее, он опустился на стул и потянулся за лампой. Старик принялся осматривать ту её часть, которая так сильно поразила его. Выпученный безумный глаз мифического циклопа, в свою очередь, воззрился на нового владельца лампы. Как оказалось, это была всего-навсего крышка, плотно закрывавшая круглое отверстие, куда, по-видимому, заливалось масло. Другое отверстие, поменьше, куда вставлялся фитиль, располагалось на небольшом носике и было плотно забито окаменевшей глиной. С одного бока лампу пересекала свежая царапина, оставленная лопатой рабочих.

С лампой в руках мистер Шоу просидел до самого вечера, пока солнце не начало клониться к закату и не засобирались рабочие. Как всякие суеверные данвичцы, они на прощание посоветовали ему избавиться от находки, окрестив её дурным наследием тёмных веков. Однако старик считал, что ему виднее, как распорядиться этим сокровищем, найденным в его земле. После некоторых усилий ему удалось открыть тугую крышку. Внутри лампы не было ничего, не считая сохранившегося, словно законсервированного до наших дней экзотического запаха какого-то благовонного масла, которое когда-то наливали в

лампу. Тут же мистеру Шоу вспомнились бутыли с тёмным маслом, хранившиеся в погребе ещё со времён прадеда, построившего дом. С трудом престарелому калеке удалось отыскать и извлечь из погреба последнюю уцелевшую бутыль, надёжно закупоренную пробкой и запечатанную сургучом.

С осторожностью мистер Шоу пробил молотком отверстие для фитиля, куда вставил свёрнутый лоскут чёрной ветоши. Затем он откупорил бутыль и налил в лампу густое и тёмное масло. Его рецепт был похоронен с прадедом мистера Шоу, но само масло ничуть не изменилось за свой век. Старик затушил огонь в камельке, чиркнул спичкой и поднёс её к фитилю лампы. Крохотный огонёк занялся на пропитанной маслом ветоши. Словно нехотя пробуждаясь от вековечного сна, он приковывал к себе взгляд и завораживал. Затем он стал больше и осветил комнату тёплым светом. Время от времени из-за ярких всполохов и щелчков по стенам, дрожа, пробегали причудливые тени.

Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем мистер Шоу поймал себя на мысли, что огонёк больше не извивается и не даёт всполохов, а как будто застыл неподвижно. Тени же в комнате,

напротив, находились в неясном движении — они колыхались и извивались, словно какие-то щупальца. Старик не мог отделаться от ощущения присутствия в доме чего-то чужеродного, тайно проникнувшего вовнутрь и пристально следящего за его одиноким обитателем своим пылающим взором. Мистеру Шоу стало не по себе, он живо вспомнил коварных огненных джиннов, выпущенных на свободу беспечными героями сказок «Тысячи и одной ночи», из своих темниц — медных масляных ламп.

Но вместе с тем в памяти мистера Шоу вспыхнули давно забытые воспоминания детства: они проплывали перед его глазами, одно за другим, словно всколыхнувшись неведомой силой из самых глубин его сознания. Он вспоминал, как ещё мальчишкой в свете свечи читал по ночам те самые сказки «Тысячи и одной ночи», как носился по зелёным полям и лугам Данвича, забегал вглубь чёрных лощин и гонял там козодоев. А порой даже поднимался на высокие холмы к каменным кругам, где палкой ворочал пожелтевшие кости, застилавшие всю землю. И на закате вслушивался в тяжёлые «вздохи», доносившиеся от центральных, круглых как стол, камней, воображая, что под ними, внутри холма, томятся в

заточении ужасные и могучие джинны.

Затем мистер Шоу вспомнил, как горячо любимые родители, желавшие ему светлого будущего за пределами вымирающего Данвича, отправили его в Мискатоникский университет. Именно там он, будучи мечтательным юнцом, без устали штудировал книги по истории и мифологии античного мира, жадно поглощая открывшиеся ему удивительные знания. Но светлое будущее мистера Шоу затмила тень войны, где смерть безжалостно косила вех без разбору. Его она лишь зацепила своей косой, забрав правую ногу, но с ней она забрала и жизнь. Мистер Шоу вернулся домой на ферму в Данвиче, сломленный духом и изувеченный телом.

Из-за всех этих воспоминаний седобородому старику стало очень горько от того, что теперь он дряхлый и немощный, ковыляющий на костыле и доживающий в одиночестве свой век. И вспомнив детские сказки, в которые он так беззаветно верил, мистер Шоу захотел, чтобы освобождённый им из древней лампы джинн выполнил его желание. И он вскричал: «Да я бы голову свою отдал за то, чтобы опять, как в детстве, бегать на здоровых ногах!», В тот же момент яркий и недвижимый огонёк лампы погас, и старика оку-

тали мрак и холод, такой же, какой он ощутил от лампы, впервые взяв её в руки.

Солнце уже вовсю припекало, застыв в безоблачном синем небе над одинокой фермой в Данвиче. Рабочие с трудом извлекали вёдра с мокрой глиной с почти шестиметровой глубины, когда из старого дома раздался отчаянный визг мальчишки, зашедшего проведать мистера Шоу. Побросав инструменты, рабочие ринулись к дому. Внутри царил необычайный полумрак, вся мебель была перевёрнута и поломана, а через холл тянулся свежий кровавый след, заканчивавшийся у двери в боковую комнату. Рабочие осторожно приближались к ней — рассохшиеся половицы скрипели под ногами, ещё больше нагнетая напряжение. Один толкнул тяжёлую дверь, и все вскрикнули от ужаса. Нечто невообразимое, лишь отдалённо напоминавшее человека, бросилось через всю комнату, выбило окно, и, выпрыгнув наружу, скрылось в лощине. Стая козодоев с тревожным стрёкотом взвилась в небо. Рабочие только и успели заметить огромную зубастую пасть, перепачканную кровью. В углу комнаты так и осталось лежать маленькое страшно изувеченное тельце.

Куда же делся хозяин фермы старый мистер

Шоу — никто так и не узнал. Но и по сей день в Данвиче сторонятся заброшенной фермы, где в покосившемся доме лежит древняя бронзовая лампа. И шёпотом рассказывают об ужасном безголовом чудовище, что обитает в недостроенном колодце у чёрной лощины. По ночам оно выбирается из своей норы и тенью скользит на паре извивающихся щупалец между деревьев к холмам, чтобы с их вершин наполнять ночную тишину жутким воем.

Алексей Лотерман
Путеводная звезда

Царит безмолвье над водой,
Покой, и скованы движенья.
Тревожась, на простор морской
Глядит моряк без утешенья.
Дуть ветра вдруг перестали,
Мёртво, страшно, тишина.
Ни одна в бескрайней дали
Не шевелится волна.

«Штиль», Иоганн Гёте (перевод с нем. Морра Моргенштерн)

2013

Я Амброз Эглтон, хранитель маяка «Путеводная звезда». До меня его хранителями были мои отец и дед. Видимый издалека, он возвышается среди серых скал, открывающихся для обзора только при отливе, но коварно подстерегающих свою жертву под водой во время прилива. В течение века мимо маяка гордо проходили величественные корабли всех морей: во времена моего деда их было очень много, а в бытность отца стало значительно меньше. Сейчас корабли появляются совсем редко, и порой меня охватывает томящее чувство одиночества, словно я последний человек на земле.

Мрачной безлунной ночью, когда на воды, околдованные штилем, опускается туман, противотуманная сирена маяка одиноко завывает во тьме. И тяготящие меня воспоминания мелкими кривыми строчками ложатся на последние страницы журнала смотрителя маяка. Технический прогресс неумолимо движется вперёд, и потребность в моей профессии постепенно уходит в небытие. Холодные механизмы заменяют человека, и вместе с ним с маяков уходит душевная теплота, веками служившая путеводным лучи-

ком света во тьме для кораблей, бороздивших в ненастье морские просторы. Однако это не единственная причина, по которой я собираюсь покинуть маяк «Путеводная звезда».

В этой истории роковым образом переплелись судьбы маяка, меня самого и моего отца, пропавшего без вести в одну из таких ночей. Я никогда не забуду его заботливые руки, твёрдые как скала, но тёплые как волны южного моря. И его глаза, отражавшие приветливый свет маяка, навсегда останутся в моей памяти. Половину своей жизни отец провёл в море на торговых кораблях, и однажды, познакомившись с моей матерью, решил остепениться. Не в силах расстаться с морем, он поселился с ней на самом краю материка в небольшом рыбацком городке, где когда-то прошло его детство и началось моё. Сперва, занявшись рыболовством, отец не покладая рук трудился на благо нашей маленькой семьи, вкладывая каждую заработанную монету в обустройство дома, доставшегося ему в наследство, расширение хозяйства и моё воспитание. Но однажды он переменился. Это произошло, когда с маяка «Путеводная звезда», пришло известие о смерти моего деда. «Море забрало его», — единственная фраза, которую отец проронил тогда.

Затем он перебрался на маяк, оставив нас с матерью, хоть и полностью обеспеченными и ни в чём не нуждавшимися, но сильно тосковавшими по нему, даже несмотря на то, что он навещал нас, хоть и очень редко.

Достигнув совершеннолетия, я решил пойти по отцовским стопам и для начала устроился на рыбацкий катер. Каждый вечер, возвращаясь в порт, с тоской в сердце я наблюдал свет маяка, пока однажды не получил приглашение отца помочь ему на «Путеводной звезде». Так, промозглым августовским утром, моя лодка причалила к огромному серому колоссу, одиноко возвышавшемуся над свинцовой гладью моря. На каменной пристани меня ждал отец: его могучая фигура и безумный взгляд внушали страх, но мягкость рук не изменилась и навевала воспоминания о счастливом детстве. С этого дня я перебрался на маяк. Осваивая обязанности его хранителя, я зачастую исполнял роль посредника между отцом и континентом. Из порта мне приходилось переправлять на маяк крепко заколоченные ящики, получаемые у личностей сомнительного вида. Чаще всего это был один человек: средних лет, крайне эксцентричный, с острыми усиками и огромным лбом, неизменно одетый в строгий

костюм тёмных тонов с высоким воротничком — пережиток далёкой Викторианской эпохи. При первой встрече он назвался Сетом Делавэром, и впоследствии мы ни разу не обмолвились и словом.

Получая свои посылки, отец запирался в кабинете, занимавшим верхнюю часть маяка, и, казалось, вновь превращался в затворника. Однажды, помогая втащить очередную посылку, отличавшуюся большим весом, я наконец-то смог проникнуть в его тайную обитель, куда до этого путь мне был закрыт. Стеллажи книг стройными рядами высились от самого пола до потолка, иногда фолианты перемежались артефактами невероятных форм. Несколько столов были завалены кипами бумаг, лежавших в опасной близости от причудливых масляных ламп. Интерьер кабинета, по-видимому, являлся наследием не одного хранителя маяка, и многое из этого принадлежало ещё моему деду, которого я никогда не видел и о котором практически ничего не знал. Отцовская ветвь родословной вообще представлялась для меня загадкой.

Так и в этот раз, получив, наконец, тяжёлый ящик в своё распоряжение, отец запер за мной дверь, из-за которой немедля раздались звуки

ломаемых досок. Вечером того же дня на воду лёг туман, но отец не показывался из своего кабинета, и я поспешил сам включить противотуманную сирену. Спускаясь по лестнице, я обратил внимание на странные отблески света под дверью кабинета, из-за которой доносились еле различимые напевы, заглушаемые рёвом сирены. Неведомый мотив напоминал религиозные песнопения тибетских жрецов, в какой-то момент мне даже почудился сладковатый аромат благовоний.

Последующие несколько дней поведение отца было до крайности странным, он то находился в прострации, то приходил в возбуждение и пытался мне что-то рассказать, но в тот же момент его взгляд мерк, и он вновь погружался в свои раздумья. Кончилось всё это тем, что одним утром отец попросил меня вернуться на неделю к матери в город, оставив его на маяке одного. Несмотря на все подозрения, связанные с его просьбой, я исполнил её, о чём впоследствии пожалел. На четвёртый день моего пребывания в городе погода начала портиться, и уже к вечеру все прибрежные воды окутал необычайно густой туман, закрывший свет маяка. Вопреки правилам безопасности противотуманная сирена не

была включена, и волнение среди горожан начало возрастать. В течение четверти часа была снаряжена лодка, в которой разместилось трое человек, включая меня.

Найти маяк в таком густом тумане было крайне сложно, но всё же лучи наших фонарей высветили призрачный выступ скалы, на которой возвышался маяк. Недоумение охватило нас ещё на подходе, когда наши глаза не уловили ни единого проблеска огней маяка: сам по себе туман не мог противостоять мощному лучу света, и все поняли — «Путеводная звезда», погасла. Однако недоумение наше возросло, когда на маяке не обнаружилось смотрителя. Все вещи отца лежали на своих местах, кабинет не был заперт и всё ещё хранил следы недавнего пребывания в нём хозяина: даже чайник, стоявший на плите с потухшими, а вернее потушенными водой, угольями оказался ещё горячим. Отец исчез, и, поскольку также исчезла одна лодка, мы предположили, что на маяке произошла какая-то поломка, и, не сумев с ней справиться, он отплыл на лодке в город и заблудился в тумане. Но внимательно осмотрев механизмы маяка, мы отбросили это предположение, поскольку его огни и противотуманная сирена были в полной

исправности и попросту выключены. Восстановив необходимую работу маяка, мы обследовали его ещё раз, и, убедившись, что смотрителя нигде нет, двое сопровождавших меня поспешили вернуться в город, где, как оказалось, тот так и не появлялся. Ужасная мысль закралась в мою душу — в таком тумане лодка отца могла наскочить на скалы.

Всю ночь я провёл в нервном ожидании на маяке, но отец так и не появился. Как только под утро пелена тумана спала, было снаряжено несколько лодок с баграми, которые в течение всего дня обследовали прибрежные территории. Однако ни тела, ни обломков лодки найдено не было — они исчезли бесследно. Тогда-то мне и вспомнились слова отца о смерти деда — «Море забрало его». Лишь сейчас я задумался, почему похорон деда так и не было. Выходит и он, и отец пропали в море, но каким образом и почему? Что значат эти совпадения? Вопросы эти не давали мне покоя, и ответ на них я решил искать в кабинете смотрителя маяка.

Перед своим исчезновением отец навёл порядок в кабинете: кипы бумаг исчезли, а вместе с ними и некоторые книги — в глаза бросились пустовавшие места на стеллажах. Хотя осталь-

ные вещи, в том числе и причудливые статуэтки, остались на своих местах. Последние представляли собой тотемы, вырезанные из кости, мыльного камня или дерева. Но фантазия каких туземцев могла соединить воедино образы морских обитателей и людей? Одни статуэтки изображали человеческие тела с осьминогами вместо голов и крыльями летучих мышей, другие — лягушек и рыб с антропоморфными чертами, третьи — морских звёзд на бочкообразных тельцах с веерообразными плавниками, а четвёртые вообще являлись клубком щупалец с множеством глаз, ртов и всевозможных конечностей.

Литература, соседствовавшая с удивительными статуэтками, в основном представляла собой географические заметки или была посвящена морским путешествиям, истории континентов и народов, а также их мифологии. Обособленно стояло несколько томов сомнительного содержания на тему оккультизма и эзотерических учений на незнакомых мне языках.

Но больше всего моё внимание привлёк массивный шкаф, изготовленный, по-видимому, из эбенового дерева и обшитый медью. Он напоминал своим видом саркофаг. К сожалению, он оказался запертым. В ящиках столов ключа к

нему не нашлось, скорее всего, он пропал вместе с отцом. Однако в одном из ящиков я обнаружил конверт, подписанный моим именем. Записка в нём содержала лишь одну строчку — «Омут Шогготов, я должен прервать проклятие, тяготящее наш род». Это послание отца лишь добавило мне вопросов. Что за проклятие — как представитель рода я должен был знать о нём — и что ещё за Омут Шогготов? Всё это не давало мне покоя, и я проводил в раздумьях бессонные ночи, поднимаясь на вершину маяка и вглядываясь в морские дали, сливавшиеся с чёрными небесами, усыпанными звёздами.

После почти двух изнурительных недель на маяке я, наконец, решился вернуться в город, чтобы навестить мать. Проведя у неё весь день и собравшись ещё до заката вернуться на маяк, я зашёл по дороге в местную пивнушку. Расположившись в одиночестве и тишине подальше от шумной компании вернувшихся с работы рыбаков, я не мог не заметить их косые взгляды. Судя по долетавшим до меня обрывкам фраз, они обсуждали исчезновение моего отца. В какой-то момент мои уши уловили фамилию Делавэр. Тут же в памяти вспыхнул эксцентричный образ типа, который чаще всего присылал отцу загадочные посылки.

С решительным видом я подошёл к сразу же затихшей компании и с напором заметил, что слышал, о чём они говорили. На лицах рыбаков читалась неприязнь, однако, всё же понимая моё душевное состояние, один из них произнёс:

— Ты ведь знаешь, что и твой отец, и твой дед пропали с маяка при одинаковых обстоятельствах? Оба они перед этим общались с Сетом Делавэром, а о нём здесь ходит недобрая молва.

Я поинтересовался, как найти Делавэра, но, отвернувшись, рыбак лишь бросил:

— Он сам тебя найдёт.

Каково же было моё удивление, когда на пристани я действительно увидел Сета Делавэра. В закатных лучах его фигура казалась объятой пламенем и выглядела поистине демонической. Без лишних слов он протянул мне визитку со своим адресом и поспешил скрыться за ближайшей чередой домов. «Сет Делавэр — какое странное имя, — думал я, рассматривая визитку. — Имя египетского бога зла». Спрятав визитку во внутренний карман куртки, я поспешил отчалить: уже опускались сумерки, и я не имел права медлить.

Охраняя огонь маяка всю ночь, я беспрестанно клевал носом. Перед внутренним взором про-

носились отрывочные сновидения, похожие на наркотические галлюцинации. Мне грезились русла подземных рек, ведущих в огромные гроты, где бурлили, перемещались и пузырились какие-то чёрные массы. Они устремлялись вверх, к основанию самых глубоких колодцев, и, когда казалось, что они вот-вот вторгнутся явственным ужасом в земной мир, я просыпался, вздрагивая и обливаясь холодным потом. Так, наконец, на горизонте забрезжил рассвет, и, выключив огонь маяка, я в дикой усталости рухнул в кровать и провалился в забытье, к счастью, лишённое всяких сновидений.

Проснувшись ближе к полудню, я вспомнил о «приглашении», Сета Делавэра и всё ещё с затуманенным сознанием начал собираться. Его дом, как оказалось, располагался на окраине города. Двухэтажное строение, под стать своему хозяину, имело вид крайне эксцентричный: в нём гротескно слились различные архитектурные стили. Я взошёл на порог и постучал медным молоточком. Его отголоски резонирующим эхом разнеслись по дому. Дверь медленно отворилась, и Делавэр, разодетый в тёмно-синий бархатный шлафрок, жестом пригласил меня войти. Мы расположились в гостиной, освещённой пылающим

камином, и он начал разговор:

— Вас привели ко мне поиски отца. Я был хорошо с ним знаком, и с вашими дедом и прадедом тоже.

На вид Делавэру было не более сорока лет, поэтому его абсурдные слова вызвали у меня подозрения, что этот тип наверняка не в своём уме. Вообще весь его образ приводил меня в какое-то беспокойство.

— Я душеприказчик вашего рода. Во всех отношениях, — продолжал он. — Вы наверняка не знаете, кем были ваши предки, и ваш отец настойчиво просил меня никогда не рассказывать вам ни о них, ни об их делах.

Я вопросительно взглянул на Делавэра.

— Ваш отец хотел исправить содеянное его предками, но раз и вы, и я здесь, то ему это не удалось, — голос Делавэра вибрировал в унисон со всем домом, казалось, что мы находимся в каком-то ином мире, с другими физическими законами, где я был лишь безмолвным гостем. Я не мог понять, что именно пугало меня в его лице. Оно казалось каким-то неестественным. Делавэр продолжал:

— Однако я не смею нарушать Клятву и, тем более, противоречить Закону, но и не могу ослу-

шаться вашего отца. Вы, как его наследник, тоже несёте на себе Клятву и обязаны выполнить её условия.

Делавэр прервался, мне казалось, что он вслушивается в вибрации собственного голоса, тонущего в тишине большого дома, но, видимо, он слышал нечто другое, недоступное моему слуху, поскольку уже в следующее мгновение он поспешно вытащил из кармана шлафрока металлический ключ и, передав его мне, проговорил:

— Вы найдёте ответы на свои вопросы, но сейчас вам пора.

Стоя в недоумении уже на крыльце, за захлопнувшейся дверью, я принялся рассматривать ключ: массивный медный, он был покрыт какими-то письменами, извивающимися и закручивающимися в спирали. Похожими письменами была испещрена медная оковка огромного шкафа-саркофага в кабинете смотрителя маяка. В надежде, что ключ откроет мне секреты, хранившиеся в нём, я поспешил в сторону пристани и спустя час уже плыл на лодке к маяку. Выполнив с наступлением темноты свои обязанности смотрителя, я спустился в кабинет, вставил ключ в замочную скважину и повернул до упора. Раздался щелчок, створки саркофага подались вперёд,

и из тёмного проёма потянуло приторным ароматом благовоний. Раздвинув обе створки, я осветил фонарём внутренности шкафа — передо мной оказалась святая святых служителя некоего культа. Задняя стенка была украшена чёрным полотном с изображением некоего символа, в изгибах немыслимой геометрии которого угадывались всё те же причудливые письмена, что были на ключе. Перед полотном стоял вырезанный из камня осьминогоголовый идол, похожий на туземные статуэтки на стеллажах. По обе стороны от него располагались ещё два идола поменьше размером. Один, с чертами рыбы и лягушки, крепко обхватывал человеческими руками резной посох; второй, имевший женские антропоморфные черты, поражал массой щупалец, соединённых перепонками. Перед триадой этих языческих идолов стояла бронзовая кадильница, источавшая благовонные ароматы.

Ещё одна находка ожидала меня в нижнем отделении шкафа — папка с бумагами. Помимо неё там же хранилась пара сосудов с какими-то эссенциями. Один представлял собой банку из тёмного стекла с металлической крышкой, к которой был приклеен пожелтевший клочок бумаги со странной надписью «Zkauba». Судя по исходив-

шему от банки дурманящему аромату, это было благовоние. Второй же сосуд, выполненный из алебастра, напоминал своей крышкой в форме кошачьей головы египетский каноп и содержал какую-то бурую мазь. От запаха благовоний мне стало дурно, и, приоткрыв окно, я перенёс на стол папку с бумагами. Их было сравнительно немного по сравнению с теми горами бумаг, что мне довелось видеть в кабинете ранее, всё же остальное, вероятно, было либо уничтожено отцом, либо перешло к Сету Делавэру.

Часть бумаг, судя по почерку, принадлежала руке моего отца, остальные же были написаны тремя различными людьми. Эти записи были отнюдь не скучной беллетристикой, а подробнейшим сводом обрядов поклонения неким Владыкам Древности или же просто Древним. «Культ Ктулху», — значилось на потрёпанном титульном листе. Это же имя часто встречалось и в самих записях, наряду с двумя другими — Дагона и Гидры, благоговейно именовавшимися Отцом и Матерью, в то время как первый, видимо, почитался верховным Божеством. Значит, догадался я, именно эту языческую триаду изображали каменные идолы, которым в туманные ночи возносил молитвы мой отец. Неужели и он,

и, судя по записям, его предки, были поклонниками какого-то туземного культа?! Мысль эта уже давно начала закрадываться в моё сознание и всякий раз я отвергал её, но открывшиеся факты лишь подтверждали мои домыслы. В контексте этого, мне стали более ясны причины того, что наша семья никогда не посещала христианскую церковь и не отмечала соответствующих праздников, даже Рождество проходило скорее как тихий семейный вечер. Но дальше этого дело не заходило, в детстве я никогда не замечал, чтобы мой отец проводил какие либо таинственные обряды или хотя бы читал тематическую литературу. И тогда я вспомнил тот злополучный день, ознаменовавшийся смертью моего неизвестного деда, после которого отец переменился. «Море забрало его», — фраза, слетевшая с губ отца, сейчас приобретала для меня зловещий смысл.

Я погрузился в записи, вчитываясь в каждую строчку. Имена и ритуалы, разворачивавшиеся перед моим взором, не походили ни на одну священную мистерию мира, а молитвы, или скорее заклинания, и вовсе поражали — нагромождения гласных и согласных образовывали некие гортанные завывания, какие не были свойственны человеческому речевому аппарату. Из их числа

было и имя Ктулху, выговорить которое мне удалось лишь с третьей попытки, в то время как имена месопотамского Дагона и греческой Гидры у меня затруднений не вызывали. Этим трём богам возносились нечеловеческие молитвы и приносились человеческие жертвы. А также давались мистические клятвы.

«Клятвы!», — вспомнились мне слова Делавэра, но поразмыслить над этим как следует мне не удалось — в тот же момент на одной из страниц в глаза бросилось — «Омут Шогготов». Я жадно впился в строки, в которых обнаружилось это словосочетание. В отличие от остальных записей, эта не содержала каких-либо разъяснений и пояснений, лишь чёткие шаги ритуала и заклинание, после которого следовала фраза: «Когда в воздухе замрет отголосок последнего слова, соверши Знак Киш и погрузись в Омут Шогготов».

Большего я не мог вынести, невыносимая усталость одолевала меня. Я убрал бумаги в папку, с трудом поднялся, отчего в глазах всё поплыло, и сделал лишь пару шагов по направлению к шкафу, чтобы закрыть распахнутые дверцы, как рухнул без сознания на пол. Но казалось, что моё падение на этом не прекратилось, и мне грезилось, что с головокружительной скоростью

я низвергаюсь в невероятно глубокий колодец, мимо меня пролетают выложенные из камня стены. В какой-то момент их стала покрывать чёрная аморфная масса, и тысячи глаз возникали в ней, и сотни пастей её разверзались в хищных рёвах, она тянула ко мне свои протуберанцы. И когда они вот-вот должны были коснуться меня, видение померкло, и я ощутил что лежу на жёстком холодном полу.

Осознание реальности постепенно начало приходить ко мне, лучи восходившего солнца проникали в окна, я попытался встать и на полусогнутых ногах побрёл выполнять обязанности смотрителя маяка. После приготовленного на скорую руку завтрака, выпив согревающую и бодрящую кружку крепкого кофе, я, наконец, полностью пришёл в себя и, выбросив из памяти жуткое ночное видение, возвратился к размышлениям об открывшемся накануне секрете моих предков. Во что бы то ни стало, мне было необходимо узнать, чем являлся этот самый Омут Шогготов, и, поскольку в папке с записями ответа не было, я принял решение искать его у «душеприказчика». Через полтора часа, я уже стоял на пороге дома Делавэра, и вновь стук дверного молоточка разнёсся неестественным эхом. Для

открывшего дверь хозяина дома, моё появление, казалось, не было неожиданностью.

Наш разговор начался уже в коридоре:

— Что такое Омут Шогготов? — напрямую спросил я.

Сет тяжело вздохнул:

— Безумный араб Абдулла Аль-Хазред считал Шогготов результатом наркотических видений, столкнувшись с которыми люди теряли душу, то есть сходили с ума.

Ни имя, ни название, упомянутые Делавэром, ничего не говорили мне, и, заметив это, он на мгновение умолк, а затем продолжил:

— В видениях, описываемых Ибн-Шакабао в «Грёзах Долины Пнакт», он однажды оказался у края огромного колодца, где в неутолимой жажде бурлили Шогготы, отсюда и название Омут Шогготов. Согласно же «De Vermis Mysteriis», Аббата Бартоломью, Шогготы являются аморфными порождениями самых глубоких Областей Подземного мира, их тела покрывают стены жертвенных колодцев и тоннелей, ведущих в них. Шогготы ловят потоки крови жертв, которые проливаются в эти колодцы, и поглощают её, а кровь, как известно, обитель души. Так же и судьба многих путешественников, искавших

забвения или дерзнувших вторгнуться через колодцы в Город меж полюсов, оканчивалась в хищных пастях этих паразитов.

— Чего же в этом Омуте искал мой отец? — задумчиво произнёс я, выслушав всю эту чепуху.

— Явно не забвения, — заметил Делавэр.

— И вы в самом деле верите, что мой отец в действительности мог совершить какой-то ритуал и попасть в этот самый Омут Шогготов? — я устремил взгляд на застывшее лицо собеседника.

— Важнее, верите ли в это вы? — его губы дрогнули в неком подобии улыбки.

Ранее мне уже пришлось поверить в то, что мои предки оказались поклонниками Древних Богов, но на то были основания, а верить в какие-то предрассудки неизвестных авторов, упомянутых, а, может быть, и выдуманных сумасшедшим Делавэром, без каких-либо доказательств я не собирался. И тут в мою голову закралась дерзкая мысль: исполнить языческий ритуал, прочитанный накануне, ведь я ничего не теряю, но, возможно, мне удастся найти отца. Решимость всё возрастала, и с этой мыслью я вернулся на «Путеводную звезду», а с наступлением сумерек, включив маяк, приступил к воплощению задуманного. Я вновь перечитал записи о ритуале.

Первой ступенью была семидневная подготовка: мне надлежало поститься и бодрствовать, проводя ночи в молитве перед тремя идолами, и, тем самым очиститься телесно и духовно, добившись единения с Владыками Древности.

Неделя подготовки выдалась тяжёлой. Количество еды я сокращал постепенно, но всё равно ощущал апатию и частую головную боль. Чтобы не заработать проблем с желудком, я стал пить много воды, и через несколько дней почувствовал себя лучше. Головные боли прошли, апатия сменилась умиротворением, появилось ощущение лёгкости, и я даже почувствовал прилив сил, хотя ещё недавно с трудом справлялся со своими обязанностями на маяке. Ночные бдения, похожие на продолжительные медитации, тоже оказали на меня удивительное влияние. Каждую ночь я зажигал в бронзовой кадильнице перед триадой идолов благовония из склянки с надписью «Zkauba». Это действо я сопровождал усердными попытками чтения неудобопроизносимых заклинаний, к которым быстро подобрал ключик, вспомнив, какие напевы разносились из закрытого кабинета отца. Акцентируя своё внимание на гласных и переходах согласных в строках заклинаний, при некоторой практике, я

смог воспроизвести слышанный ранее речитатив на длительных выдохах. От этого мой разум, одурманенный дымом благовоний, погружался в транс, и каменные идолы высились передо мной колоссами, наполнялись мистическим свечением, подобным арктическому сиянию, и оживали. Они медленно плыли средь мириад звёзд в чёрной космической бездне и нашёптывали мне о далёких мирах, сотворённых Владыками Древности, об их могуществе и мудрости, заключённых в оковах сна, и о грядущем пробуждении.

Наконец семь дней миновали, и моя подготовка была завершена. Настало время ритуала. Ещё с самого утра небо затянули облака, а к полудню воды, окружавшие маяк, сковал штиль. Следуя прочитанным указаниям, я провёл большим пальцем по лбу, вверх от бровей, нанеся на кожу бурую мазь из алебастрового сосуда. Через несколько минут область лба начало жечь, краски окружавших меня предметов стали ярче, а три идола вспыхнули мистическим свечением как в моих видениях. Вероятно, мазь содержала некий алкалоид, от которого у меня начались галлюцинации, но это меня не могло остановить, и я поспешил к основанию маяка на пристань.

Оказалось, что к вечеру на воду лёг густой

туман, как и в ночь исчезновения отца. Тем не менее, я решил не включать противотуманную сирену, иначе она заглушала бы меня. Однако огонь на маяке я предусмотрительно зажёг, тем самым, оставив путеводную нить в лабиринте тумана. Отвязав лодку и сориентировавшись по компасу, я отчалил. Туман был настолько густой, что даже при сильном свете фонаря в приделах вытянутой руки не было видно ни зги, так что через пару десятков футов даже огонь маяка стал меркнуть. Оставив вёсла, я встал в небольшой лодке, и, вынув из-за пазухи лист с текстом ритуала, сделал глубокий вдох, за которым наполнил туман мистическими вибрациями. Как только вновь воцарилась тишина, я вознёс руку, складывая пальцы в причудливом знаке, отчего пелена как будто ожившего тумана пришла в движение и сперва расступилась в стороны, а затем медленно обвилась вокруг лодки, сделав свет фонаря еле различимым.

Я опустился в лодку, пытаясь нащупать металлический корпус фонаря, но к своему ужасу задел его рукой. Издав гулкий всплеск, он погас навсегда. Окутанный туманом, в кромешной тьме, я не видел ничего, казалось, что всё, включая моё тело, растворилось в чёрной бездне, и

остался лишь разум, погружённый в забвение. «Неужели мою душу поглотили Шогготы, и я теперь вечно буду пребывать в пустоте?!», — с этой мыслью я невольно закрыл руками лицо. Однако именно это действие дало мне понять, что тело моё всё ещё существует, а значит, окружавшая меня тьма была порождена всего лишь туманом и ночной мглой. Я отнял руки от лица, оставив глаза закрытыми, и в то же мгновение заметил, как от меня далеко вперёд протянулась фосфоресцирующая дорожка. Это не было ни сиянием луны, ни огнём маяка — дорожка была тем же мистическим свечением, какое исходило от идолов. Не открывая глаз из-за боязни, что видение исчезнет, я осторожно нащупал вёсла и двинулся по намеченному пути.

Казалось, я плыл вечность. Уж чего здесь не существовало, так это времени, нельзя было понять бежит ли оно или же тянется из-за однообразности видения. Однако, в какой-то момент, впереди появился новый источник сияния, я налёг на вёсла и вскоре причалил к островку. Вернее, лодка моя села на мель и вёсла упёрлись в жёсткий грунт. Встав, я наконец осмелился открыть глаза, но видение сияния не пропало — далеко вперёди раскинулась водная гладь, лишь

слегка окутанная туманом. Я перекинул через край лодки ногу и попробовал мыском ботинка грунт. Он представлял собой ровную скальную породу, покрытую несколькими дюймами воды. Выбравшись из лодки и твёрдо встав на обе ноги, я окинул взглядом берег островка. Невдалеке виднелся какой-то движущийся продолговатый объект. Осторожно ступая, чтобы обезопасить себя от скрытых под водой провалов, я приблизился к нему — это оказалась мерно раскачивавшаяся небольшая лодка, похожая на мою. На её борту, обращённом в мою сторону, поблёскивала медная табличка с выгравированным ромбическим символом звезды, увековечившая когда-то столетний юбилей маяка «Путеводная звезда».

Сомнений не возникало. Это была та самая лодка, пропавшая с маяка вместе с отцом! Видимо он, как и я, приплыл к этой скале. Следовало немедленно приступить к его поискам. Вынув из кармана компас, чтобы сориентироваться и отметить расположение лодок, я к своему ужасу заметил, что его стрелка бешено вращалась по кругу. По всей видимости, я находился в зоне какой-то геологической магнитной аномалии. Тем не менее, я двинулся в предполагаемую глубь островка, периодически оборачиваясь, чтобы

свериться, на сколько я отошёл от берега и не сбился ли с маршрута по отношению к лодкам.

Вскоре моё обоняние уловило какой-то неприятный запах. По мере продвижения он становился всё ощутимее и представлял собой смесь гнили и миазмов разверзшейся могильной бездны. Я настолько был увлечён этим новым маяком, что совсем забыл о необходимости сверяться с ориентирами, а когда же спохватился и обернулся, то позади меня простиралась лишь сияющая гладь. Меня охватила паника. Я не просто потерял ориентиры, я вообще не имел понятия, где находится берег с лодками, без которых невозможно было возвращение. «А возможно ли оно было вообще?», — пронеслась в голове пугающая мысль. Я абсолютно не понимал, в какой стороне маяк, не говоря уже о том, что сомневался, в каком мире сейчас нахожусь. Тут же вспомнились слова Сета, что дерзнувший вступить в Омут Шогготов должен либо сгинуть в нём, либо пройти через него до конца, и обратной дороги нет.

Я стоял, окружённый сияющей водной гладью, и как идиот крутился то в одну, то в другую сторону, пока, наконец, не решил идти на единственный ориентир — запах. С каждым шагом он усиливался, перерастая в нестерпимый смрад.

Вскоре впереди показался какой-то длинный гребень, выступавший из воды примерно на фут и протянувшийся на добрую сотню. Рядом различалось тёмное пятно, я ускорил шаг, закрывая рот мокрым рукавом, хоть как-то спасавшим от мерзкой вони. По мере приближения в пятне стали угадываться человеческие очертания, и я, не веря своим глазам, узнал в нём могучую фигуру отца. Он стоял в нескольких шагах от гребня, из-за которого периодически вырывались яркие всполохи.

— Отец! — прокричал я срывающимся голосом, но он поднял руку и приложил вытянутый палец к губам, требуя тишины.

— Я искал тебя, я говорил с Делавэром, провёл ритуал, я… — я остановился перед серой фигурой, выделявшейся на фоне льющегося из-за гребня сияния. Странная чёрная тень тянулась от отца.

— Амброз, сын мой, ты подвергаешь себя огромной опасности, находясь здесь, — каким-то неестественным голосом промолвил отец. — Я бросил вас, но я лишь хотел оградить вас от ужасного наследия моих предков. Они дали клятву Древним, но ни я, ни мой отец, не смогли выполнить её аморальных условий, и мы дерзнули разорвать её. Но цена была слишком высока. Мы

оказались слишком слабы и дерзки, — фигура отца поблекла и слилась с тенью.

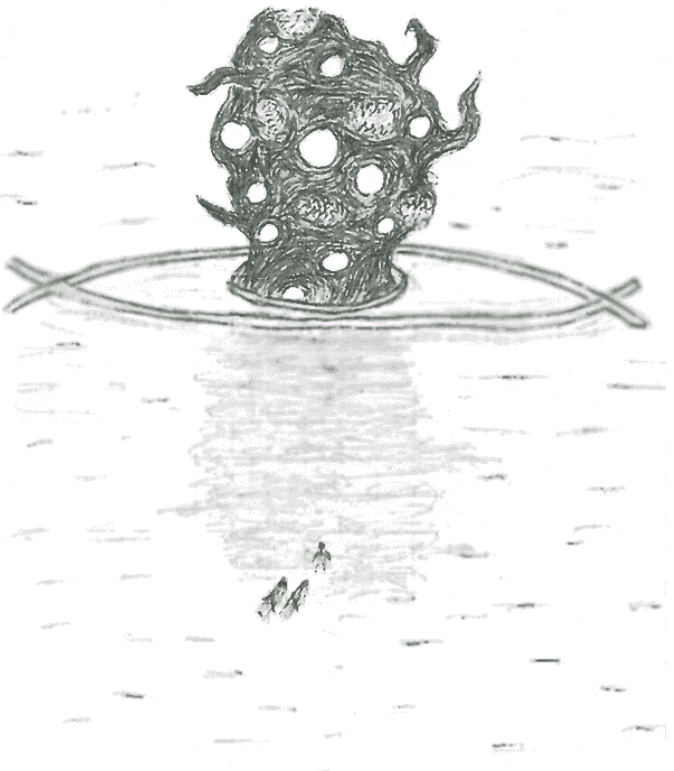
— Беги, Амброз, мы не смогли пройти через Омут Шогготов, и тебе не пройти! — чёрная тень скользнула за гребень, но, вопреки словам отца, я бросился за ней.

Ибн-Шакабао, один из немногих когда-либо живших, способен понять тот безграничный ужас, который мне пришлось испытать, когда, перешагнув гребень, я подбежал к такому же, резко заворачивавшемуся и опоясывавшему огромный круглый провал. Гигантский зев бездны разверзся посреди этого священного знака, оставленного Древними богами. Волна смрада обдала меня, когда из невообразимых глубин вместе с ярким сиянием вырвался вздох Подземного мира. В голове помутилось, горло сдавило удушье, ноги подкосились. Выложенные камнем стены гигантского колодца отвесно уходили вниз — туда, откуда прямиком ко мне устремляла свои протуберанцы мерзкая чёрная масса, пузырившаяся и ревевшая тысячами хищных пастей.

— Беги, Амброз! — раздался откуда-то снизу дикий вопль пленённой души.

Я смутно помню, как бежал прочь, всхлипывая и надрывая лёгкие, но в моей памяти навсегда

запечатлелся хищный взгляд устремившихся на меня сотен глаз, когда из глубин древней бездны в космическом сиянии возник невероятных размеров чёрный колосс. Заполнив мою душу ужасом, он не оставил в ней места для воспоминаний о чудесном спасении, я помню лишь что смог добежать до лодки и отчалить, когда холодная волна, отправленная мне обрушившейся на островок гигантской массой, накрыла деревянную лодчонку.



Очнулся я уже в материнском доме. Старушка сидела у моей кровати в окружении знакомых. Я был спасён. Её счастью, как и моему, не было предела, и, находясь в тёплой ярко освещённой комнате, я не желал возвращаться к давящим воспоминаниям о произошедшем, сочтя их очередным жутким сновидением, вызванным телесными и душевными истязаниями в одиночестве на маяке. Как рассказали мне позднее, в тот роковой вечер со мной повторилась история отца: на воды лёг густой туман, закрывший свет молчавшего маяка, и отправленная на него экспедиция обнаружила «Путеводную звезду», заброшенной, с отключёнными огнями и противотуманной сиреной. К утру туман рассеялся, и уже новая экспедиция начала мои поиски. Она обнаружила меня еле живого, но крепко цепляющегося за обломок лодки, прибитый волнами к берегу.

Причины, побудившие меня в тот вечер оставить маяк и выйти на лодке в море, впоследствии разбившейся о скалы, остались для всех неизвестными. Доктор, наблюдавший за мной, сказал, что к этому привели мои переживания из-за потери отца. А рыбаки из пивнушки в один голос твердили, что мистическим образом я повторил судьбу

своих предков, и что это результат общения с Сетом Делавэром, которого, кстати, больше никто не видел. Также для всех останутся неведомы истинные причины, побудившие меня вновь вернуться на маяк, а затем перебраться вместе с большим деревянным саркофагом, обшитым медью, в тихий городок с поэтичным названием Провиденс, издревле служивший приютом для приверженцев различных культов и верований, где меня уже ожидает «душеприказчик».

Лишь я один знаю, что причина всего этого заключалась в небольшой медной табличке с выгравированным на ней ромбическим символом звезды, уцелевшей на обломке лодки, за который я цеплялся, плавая в холодных водах.

Алексей Лотерман
Из глубин Лох-Несса

2013

Предисловие

Письмо, опубликованное ниже, принадлежит нашему корреспонденту Герберту Уэтли, без вести пропавшему у берегов озера Лох-Несс в Шотландии. Оно было обнаружено в доме, где пропавший снимал комнату, среди вещей и бумаг, по большей части относящихся к загадке чудовища озера. Письмо приводится полностью, без каких-либо изменений и комментариев со стороны редакции, ввиду его необычного содержания.

Кингспорт Газетт, 17 августа 1921 года.

Письмо Герберта Уэтли

В начале моих изысканий я ещё не подозревал, в какие тёмные глубины мироздания мне предстоит погрузиться. Словно свирепые вихри разверзнутой бездны, произошедшие события вовлекли меня, по ироничной прихоти неизвестных богов, в её бездонные, преисполненные безумия, воды. Тема загадки озера Лох-Несс, что расположено в Шотландии, давно и весьма сильно интересовала меня. И когда же мне удалось взять отпуск и вырваться из окружения пыль-

ных стопок Кингспорт Газетт, я нашёл комнату в доме на берегу Лох-Несса, доставшуюся мне на удивление дёшево, и отправился в долгожданное путешествие.

Лох-Несс — одно из трёх озёр, имеющих ледниково-тектоническое происхождение и цепью пересекающих современную Шотландию. Его берега отвесно уходят в пропитанную торфом ледяную воду, а глубина достигает почти тысячи футов. Конечно, помимо самого озера, столь необычного, меня привлекала и его не менее необычная история. Рассказы о Лох-Несском чудовище я услышал совсем недавно, но они настолько заинтересовали меня, что последующая информация, которую мне удалось найти по данной теме, лишь подогрела мой интерес.

Ещё римские легионеры, с мечом в руках осваивавшие кельтские просторы, наблюдали, как местные жители изображали удивительного длинношеего тюленя исполинских размеров. Но первое письменное упоминание об этом существе содержится в дневниках святого Колумба, английского миссионера, жившего в Шотландии примерно в 565 году. В них он писал, что присутствовал на похоронах человека, которого загрызло водяное чудовище, называемое на гэль-

ском Нисаг, когда тот купался в озере. Местные рассказывали, что, когда они, вооружённые баграми, пытались вытащить тело убитого из воды, в ней показался странного вида зверь, наподобие гигантской лягушки.

Следующие письменные упоминания относятся к 1527 году, когда во время обряда крещения «разгневанный морской дракон», крушил росшие на берегу дубы и калечил людей. Позже, в 1880 году, водолаза по имени Дункан МакДональд послали обследовать корабль, затонувший в западной части озера. Но спустя считанные минуты после погружения под воду, он вдруг начал посылать отчаянные сигналы, требуя, чтобы его подняли на поверхность. Очевидцы рассказывали, что, когда водолаз выбрался из воды, он весь трясся от ужаса, утверждая, что видел огромное существо, лежавшее на выступе скалы и походившее своим видом на огромную лягушку.

Эти и многие другие найденные мной материалы я перечитывал и анализировал по дороге в Шотландию. Прибыл же к своему домику на берегу Лох-Несса я рано утром. Никогда не забуду того волнения, с каким я созерцал это древнее, величественное озеро, застеленное невероятно густым туманом, а свинцовые тучи громоздились, затя-

нув собой всё небо. Сколько невероятных тайн хранят мрачные воды этого озера?..

Двухэтажный дом, казалось, был пуст, однако его хозяин радушно встретил меня и проводил в комнату на втором этаже, окна которой выходили аккурат на водную гладь. Поставив чемодан на пол, я, утомлённый долгим путешествием, рухнул тут же, не раздеваясь, на кровать и проспал до полудня. После обеда хозяин дома мистер Мартин, человек с посеребрённой годами головой, почтенного возраста, представил меня остальным постояльцам. Это были двое молодых людей, лет двадцати, занимавшие мансарду, энтузиасты-учёные, так же как и я охотившиеся на загадочного обитателя озера. У нас было много тем для разговоров, а, благодаря необычайному родству душ, я обрёл новых друзей в этом первозданном уголке природы.

Местные же жители и рыбаки ничего нового мне поведать не смогли, говорили то о морском дьяволе, то о морском драконе, каждый повторял слова предыдущего, лишь приукрашивая, как только мог, говоря, что видел монстра то на берегу, то проплывавшего мимо его лодки, а то и бултыхавшимся на мелководье с целым выводком себе подобных. Но, несмотря на это,

описания чудовища роднились в определённых деталях: это была огромная туша, имевшая хвост и небольшую голову, отходящую от тела на длинной подвижной шее.

Однако судьбе было угодно так, что какой-то старик, сидевший перед своей деревянной лачугой и дымивший трубочкой, бросил в мою сторону лишь кроткую фразу: «Морской дьявол, это колдун призвал его!», Я хотел было узнать, о чём он говорит, но старик, прихрамывая и опираясь на клюку, поспешил скрыться в лачуге. Как и следовало ожидать, я не придал этому особого значения, мало ли, что болтают выжившие из ума старики.

Но этим же вечером, когда я сидел в гостиной со своими сожителями и хозяином дома, стоило мне лишь упомянуть об этом старике и его словах, последний переменился в лице, что не осталось незамеченным для моего пытливого взора. Несмотря на мои расспросы, мистер Мартин ни в какую не хотел говорить, в чём дело, но вскоре моя настойчивость победила. Тогда-то я и мои сожители поняли, почему комнаты в этом доме достались нам намного дешевле, чем они предлагались в других.

Дело в том, что дом находился в окружении

холмов, и поэтому я не заметил старинный особняк, расположившийся в полумиле от него. Особняком Блекстоунхилл владел некий Александр Элуорк, о котором ходила недобрая молва. Поговаривали, что ещё пятнадцать лет назад он снял там комнату. Позже хозяин дома рассказывал, будто слышал, как из комнаты загадочного постояльца доносились странные голоса, то Элуорка, то чьи-то ещё, хотя как ни странно, гостей у него никогда не бывало. Вскоре дом наводнили какие-то ужасные чёрные жуки, появившиеся неизвестно откуда. Когда же жена хозяина дома, прибираясь в комнате эксцентричного постояльца сидящего за книгами, время от времени пыталась через широкое плечо заглянуть в таинственные писания, в тот же момент в комнате темнело настолько, что приходилось зажигать лампу, хотя на улице не было ни облачка.

Неестественность и загадочность этих событий сразу же дала повод для судачеств в городе. Но после того, как хозяин дома, да и местные жители, стали наблюдать богохульные ритуалы, совершаемые Элуорком по ночам на берегу Лох-Несса, его поспешили выселить из Блекстоунхилл. С тех пор местные жители заговорили о появлениях озёрного чудовища, отсюда и родился слух, что

его вновь вызвал из неведомых глубин колдун Александр Элуорк. Впрочем, небезосновательно.

Но это лишь половина дела. Через неделю-другую после отъезда Элуорка в Блекстоунхилл стали твориться поистине дьявольские вещи. Все, кто хоть раз бывал в особняке, говорили о странной, тяжёлой и угнетающей атмосфере. А те, кто задерживался там подольше, заявляли, что днём по дому как будто носился табун лошадей, к вечеру сменявшийся неясными шорохами, щелчками и похожим на лягушачье кваканье, перемежаемое бульканьем, доносившиеся непонятно откуда.

В конце концов, всё это довело хозяина дома, и он, помутившись рассудком, умер у себя в комнате. Незадолго до чего, он составил завещание, в котором, как ни странно, оставил свой дом ни кому иному, как Александру Элуорку. Этот эксцентричный тип появился через пару недель и заявил свои права на дом. Поскольку завещание было заверено нотариусом, никто и не посмел возражать, овдовевшая же хозяйка поспешила съехать из этой бесовской обители. С тех пор колдун Элуорк и владеет Блекстоунхилл, а местные жители предпочитают обходить это место стороной да помалкивать о дьявольских обрядах на берегу Лох-Несса.

Меня, как репортёра, подобная история заинтересовала, но на мои дальнейшие расспросы мистер Мартин не поддался. Местные жители вообще не хотели касаться этой темы, поэтому дом Элуорка мне пришлось искать самому, для чего я приобрёл в городе карту местности. Как выяснилось, действительно, Блекстоунхилл находился совсем недалеко от дома, где я снимал комнату, так же на берегу озера за холмами, которые были видны из окна моей комнаты, если посмотреть налево. Россказни о печальной участи, постигшей проявивших любопытство к делишкам Элуорка, что я слышал, не особо настораживали меня, и я решил незвано наведаться в загадочный особняк.

Выбрав погожий денёк, когда лучи солнца пробивались сквозь серые облака, я уложил в сумку свой блокнот, пару сандвичей и термос с горячим кофе, поскольку мой путь пролегал через живописные холмы на берегу чудесного Лох-Несса, я намеревался немного побродить по этой местности. Наряду с вышеперечисленным в сумку я по привычке положил шестизарядный револьвер, приобретённый мной ещё давно в Кингспорте, на всякий случай.

Мои ноги не спеша ступали по сырой земле

холмов, редеющей зелёной траве, влажной от росы, а невдалеке волны тёмных и загадочных вод, таких древних и холодных, бились о берег. И вот, взойдя на очередной холм, я увидел большой дом, гротескный, словно древний монолит, он оправдывал своё название. Дорога от дома, которая вела когда-то к главной дороге в город, давно заросла, зато хорошо была видна тропа, ведущая от порога к обрывистому берегу. С одной стороны к серой громадине подступала чёрная лощина, с другой же редели лишь небольшие заросли, здесь я и намеревался спуститься, обойдя сбоку холм, и пройти к дому.

Подходя к огромному фасаду я проследил взглядом, что тропа, ведущая от дома к берегу заканчивалась почти у самой воды, где видимо ещё в незапамятные времена были выстроены каменные ступени, спускавшиеся в тёмные пучины подводной бездны. Следуя своему плану, я взошёл на крыльцо и постучал медным молоточком в двери «бесовской обители». Но слух мой не уловил ни шума шагов, ни голоса хозяина — вообще ни единого звука. Я постучал ещё раз. Стоя перед дверью и вслушиваясь в тишину, я окинул взглядом стены фасада дома, где на каменном фундаменте приметил нечто чёрное, весьма

мерзкого вида, юркнувшее в расщелину в кладке. Я сразу же вспомнил рассказ мистера Мартина, в котором он упоминал огромных жуков.

Когда состояние странного оцепенения наконец прошло, я подумал, что мой визит останется без ответа и надо бы уже уходить, но стоило мне повернулся к двери, как к моему великому смущению, я вскрикнул, не ожидая увидеть в тёмном дверном проёме бледное лицо хозяина дома. Передо мной стоял лысоватый мужчина, лет сорока в классическом британском костюме с вязаным жакетом, его бледное не по годам обрюзгшее и покрытое пятнами лицо, с мешками под пронзительными, хотя и находившимися в каком-то наркотическом отупении, глазами и крючковатым носом было направлено на меня. Придя в себя, я начал извиняться, но человек, по-видимому и бывший Александром Элуорком, не подавая виду, ровным и вибрирующим баритоном спросил, кто я и что мне надо, тем самым прервав шквал моих извинений и совершенно выбив меня из колеи. Тем не менее, я, успев сообразить, представился как независимый исследователь-любитель, временно живущий по соседству с Блекстоунхилл и интересующийся загадками Лох-Несса. Из раскрытой двери нес-

ло сыростью, а шум прибоя эхом вырывался из темноты. Взгляд, как мне показалось, ни разу не мигнувших глаз, пронизал меня насквозь. Всё тем же голосом мужчина произнёс: «Сэр, не думаете ли вы, что я позволю нарушить мой покой привравшему писаке, услышавшему истории пьяных рыбаков?», Я прочистил горло, с целью возразить хозяину дома, но тот остановил меня фразой: «Вы прекрасно понимаете меня!», и закрыл дверь. По-видимому мои мысли были как на ладони для этого колдуна.

Я немного постоял у входа, приходя в себя, затем, обескураженный случившимся, побрёл домой. И впрямь, рассуждал я по пути, в нём есть что-то дьявольское, не от мира сего. Настроение для намеченной прогулки по живописным холмам было испорчено, но я не думал отступать, наоборот, я решил прийти сюда вновь и под покровом ночи проследить за обитателем Блекстоунхилл. Однако эта моя хитрость впоследствии мне дорого обошлась.

Ночная дорога до Блекстоунхилл была гораздо трудней, чем показалась мне днём. Пока все обитатели моего дома мирно отходили ко сну, я, дабы избежать разного рода трудностей, незаметно выскользнул на улицу. Моё положение

усугубляли затянувшие всё небо тучи, так что мой путь освещал лишь слабый отблеск электрического фонаря. Через четверть часа я осторожно, выключив фонарь, обогнул холм, прилегавший к Блекстоунхилл. Мелкими перебежками по кустам, стоившими мне двух падений и порванной штанины брюк, я вошёл в лощину, подходившую к самому дому, и схоронился в зарослях под окнами первого этажа, в которых горел свет. Разумеется, я не мог надеяться увидеть что-то особенное и тем не менее осторожно заглянул в окно. Моему взору открылась большая, примерно в треть первого этажа гостиная, освещённая пляшущими отблесками огня в камине.

Тут в дверь вошёл мой новый «знакомый», неся в руках поднос с обычным чайным прибором на одну персону. Он не спеша поставил его на столик — это был не обычный чайный столик, а искусная работа неизвестного мастера, выполненная из дерева тёмных дорогих пород. Столешница, покрытая лаком, была увенчана загадочным геометрическим узором с волнистым обрамлением. Четыре изогнутые ножки, подпиравшие столешницу, представляли собой не какой-нибудь отголосок Викторианской эпохи, а искусно вырезанных мифологических обитателей океанских

глубин — русалок — чей стройный, изогнутый стан переходил в рыбий хвост, а тонкие руки, вознесённые к небу, поддерживали столешницу. Их настолько правдоподобно вырезанные волосы, ниспадали на плечи и закрывали манящие контуры груди, но лица, проступавшие через локоны уже не волос, а извивающихся змей, не несли в себе завораживающей красоты, наоборот, они отталкивали своими ужасающими чертами: выпученные глаза, отсутствие носа — на его месте была лишь антропоморфная складка — раскрытые в мерзком оскале пасти с рядами длинных ядовитых клыков и высунутым змеиным языком.

Взирая на это богохульное творение, мне почти показалось, что я слышу дикий рёв глубоководных Сирен, но придя в себя, я осознал, что в действительности слышу резкий скрежещущий звук, чем-то напоминающий писк крысы. По моему рукаву полз, издавая ужасные звуки, огромный мерзкий жук, отдалённо напоминавший египетского скарабея, только этот был с какими-то отвратительными наростами на панцире и длинными подвижными усиками, скорее походивших на жгутики простейших. Я замахал руками, сбрасывая проклятое насекомое,

если оно всё же таковым являлось. В этот момент хозяин дома, возившийся с посудой на чайном столике, видимо привлечённый шорохами веток кустарника, подошёл к окну. Его взгляд врезался во тьму. Я припал к земле под окном и молил своего бога о спасении, видимо этот несчастный божок, выдуманный рабами, решил в последний раз проявить свою волю, ибо знал, что вскоре моя вера в него рухнет.

К моему счастью хозяин дома отошёл от окна, поворошил кочергой потрескивающие поленья в камине, и расположился в кресле. В более ярком свете я окинул гостиную взглядом: огромные стеллажи книг перемежались деревянными панелями с мрачными картинами. В дальнем конце комнаты располагались вполне обычные секретер и кушетка. Помимо бесчисленного количества древних фолиантов, то там, то здесь «красовались», уродливые артефакты неизвестных культур и их культов. Я не берусь описывать их облик, созданный нечеловеческим воображением, но все они так или иначе имели что-то общее с ужасающими фигурами, подпиравшими столешницу возле кресла с неподвижно сидевшим в нём хозяином Блекстоунхилл.

На улице стало невыносимо холодно, к тому

же мелкие холодные капли начали падать мне на лицо, и не дожидаясь ни каких бы то ни было загадочных явлений, ни холодного ливня, я поспешил убраться из этого проклятого места. Холодный дождь застал меня почти у самого входа в дом мистера Мартина, с которым мне довелось тут же столкнуться. На его вопрошающий взгляд я поспешил отмахнуться невнятной фразой о том, что меня одолела бессонница и я решил подышать ночным воздухом, но мою прогулку прервал дождь. И хотя по выражению его лица было ясно, что мои слова не были убедительны, особенно после того, как скользнувший по мне взгляд чуть задержался на порванной штанине и саквояже, окладистая борода мистера Мартина зашевелилась, и он выдал приглашение на стаканчик бренди.

Через полчаса, переодевшись в сухую домашнюю одежду, я сидел в кресле перед камином, кутая ноги в шерстяной плед. В дальнем конце комнаты хозяин дома тихо позвякивал бокалами, разливая горячительный напиток, но когда же металлический поднос был поставлен на столик возле моего кресла, пробудив воспоминания о мерзком столике в гостиной Блекстоунхилл, волна дрожи пробежала по моему телу. «Вижу

вы ещё дрожите», — промолвил мистер Мартин, — «Вот, это поможет вам согреться». Я взял с подноса бокал с янтарной жидкостью и через пару минут почувствовал, как приятное тепло наконец-то разливается по моему бренному телу. Засим последовала череда вопросов о ходе моих изысканий, на которые мне было нечего ответить, и гостиная погрузилась в полнейшую тишину. Вскоре моя голова, наполненная мыслями о вылазке в Блекстоунхилл, начала падать на грудь, и, пожелав доброй ночи мистеру Мартину, я поднялся в свою комнату.

Мягкая постель, мерный стук дождя за окном и тихий плеск волн, незамедлительно сделали своё дело — я погрузился в сладостные объятия Гипноса. Но погрузился лишь для того, чтобы лицезреть тревожные сны, наполненные смутными очертаниями подводных глубин, укрывших занесённые илом античные храмы, со сновавшим повсюду тенями сирен и чёрных жуков.

Несколько дней, пока стихия за окном демонстрировала свой пасмурно-меланхоличный нрав, я провёл в неком забытьи, то просиживая за книгой, тупо уставив взгляд на пляшущие отблески камелька, то в праздной дремоте, наполненной всё теми же грёзами. На третий день всеобщее

уныние было потревожено слабыми лучиками солнца, проступившего из-за туч. В ту же ночь я вновь снарядил вылазку в Блекстоунхилл. Как и в прошлый раз я обошёл холм и начал осторожно пробираться от кустарника к кустарнику, старательно высматривая дорогу в слабом свете луны, как вдруг остановился словно вкопанный. Уже знакомое чувство пронзающего взгляда овладело мной. Я поднял голову и к своему ужасу заметил чёрный силуэт в освещённом проёме парадной двери Блекстоунхилл.

Вновь я припал к земле, спрятавшись за кустарник, сердце бешено заколотилось, казалось, вот-вот этот демон в два прыжка достигнет холма и разорвёт меря своими когтями на куски. Но этого не произошло. Через четверть часа, за которые моя одежда намокла от влажных после длительного дождя травы и земли, я поднялся. Я не увидел ни освещённого дверного проёма, ни чёрного силуэта, но окна гостиной Блекстоунхилл по-прежнему были ярко освещены. Этого с меня было достаточно, и я поспешил восвояси.

И вновь дни напролёт я проводил в раздумьях, никогда ранее даже самые необычные дела в моей журналистской карьере не ставили меня в такой эмоциональный тупик, как сейчас. Я про-

сто не осознавал, какие подводные камни могли остановить меня. Я сидел и ждал, но чего? Вновь по ночам я погружался всё в те же странные сновидения, пока однажды в них я не услышал странный протяжный звук, словно пение кита. Я открыл глаза, звук всё ещё стоял в ушах, разумеется это был всего лишь отголосок сновидений, ведь этих млекопитающих в водах Лох-Несса не могло быть. С этими мыслями я встал с постели и протянул руку к стакану с водой, стоявшему на столике возле кровати, тот оказался пустым, и мне пришлось спуститься в кухню, но горящий в гостиной свет привлёк моё внимание. Я прильнул к полуоткрытой двери. Из гостиной раздавались голоса мистера Мартина и его жены: «Опять этот колдун свои дьявольские обряды проводит».

Я заскрипел дверью и вошёл в гостиную, увидев меня, седовласая женщина, кутаясь в шерстяную шаль, поспешила выйти из комнаты. Мистер Мартин перевёл взгляд с меня на камин и промолвил:

— Значит вы слышали?

— Лишь то, что вы сказали про обряды, — ответил я.

— И это тоже… — огорчённо произнёс мистер Мартин.

По-видимому, он заметил мой непонимающий взгляд, поскольку тут же добавил:

— Я говорю про тот протяжный звук, молодой человек, ведь вы его слышали. Поговаривают, что его издаёт чудовище озера, которое призывает Элуорк, совершая свои варварские обряды.

Выходило, что это был не просто отголосок сновидений, а вполне реальный звук, но кому он принадлежал, неужели и вправду озёрному чудовищу? Эта мысль захлестнула моё сознание, я извинился перед мистером Мартином за это ночное вторжение и поспешил к себе. Наскоро одевшись, сунув в карман револьвер и схватив фонарь, я, стараясь не шуметь, вышел из дома. Двинувшись по уже знакомому маршруту, я обогнул холм и к своему удивлению заметил свет на берегу озера. Пройти от того места, где я находился, к особняку не составляло особых проблем, но пробраться к месту, откуда исходил свет, было куда проблематичней, если не сказать иначе, мой путь пролегал по участку открытой местности, лишённой всякой растительности, где я был бы неминуемо замечен в свете полной луны. В течение пары минут было решено вернуться за холм и обогнуть его с той стороны, где он близко прилегает к берегу и располагает

большими зарослями кустарника, выходящими прямо к источнику света.

Осторожно пробираясь по склону холма, я услышал звук не то тихого пения, не то странных горловых вибраций. Вскоре я достиг густых зарослей, здесь мне пришлось просто ползти на животе, не щадя недавно залатанного и почищенного костюма. Приземистые ветки кустов с неизменной точностью попадали мне в лицо, и, тем не менее, взяв за ориентир пока что неизвестный источник света, я потихоньку продвигался к цели.

Картина, открывшаяся мне не границе кустарника полностью подтвердила слова мистера Мартина: Элуорк, обряженный в струящуюся чёрную мантию с капюшоном, по-видимому накинутую на обнажённое тело, стоял у самой кромки воды, там, где каменные ступени уходили в глубь темнеющих вод. По обе стороны от ступеней на металлических штативах ярко пылали два факела, послуживших для меня ориентирами.

Неожиданно фигура зашевелилась, и я чётко услышал шелест мантии. Только сейчас я осознал, какая же глубокая тишина окутывала всё вокруг Искренне я надеялся, что объект наблюдений не слышал моего приближения через

густые заросли. Из складок мантии Элуорка показались белые, по-старчески суховатые руки, сжимавшие резной рог, тонкий конец которого ушёл в тень капюшона. В тот же момент вновь раздался протяжный звук, слышанный мною ранее, затем руки скрылись в складках мантии, и, извергая клубы тёплого воздуха, из-под капюшона разнёсся вибрирующий баритон: «P'garn'h v'glyzz!», — прозвучало древнее заклятие.

Последовавшие за этим события стали первым ударом из ряда происшедших и послуживших причиной моей проклятой судьбы. Я предпочитаю не думать о реальности произошедшего, опасаясь за свой рассудок, равно как и отвергать, поскольку имею при себе вещественные доказательства. Тем не менее, я должен описать события, послужившие истинной причиной моего грядущего исчезновения. Не имея ни родных, ни близких, которые бы стали меня искать, я адресую это письмо мистеру Мартину, который будет обеспокоен моим внезапным исчезновением, в надежде, что его ум сумеет восстановить невыразимый ужас произошедших событий и поверить в их реальность.

После увиденных мною мистических действ, берег вновь погрузился в необычную тишину,

которая вскоре нарушилась мерным плеском воды, словно невидимый пловец приближался на свет факелов. Сердце в груди бешено колотилось, зато дыхание практически остановилось в ожидании какого-то невероятного явления, вряд ли бы кто-то из людей отважился окунуться в ледяные воды, и я тут же невольно припомнил все услышанные легенды о чудовище озера Лох-Несс. Плеск воды раздался у самого берега, там, где располагались каменные ступени. Я прополз чуть вперёд, к самой границе зарослей, чтобы ясно увидеть неведомого пловца.

В следующие секунды меня поразил шок, которого я никогда ранее не испытывал. Издавая не то булькающие, не то квакающие гортанные звуки, по каменным ступеням на берег вышла огромная, в семь футов ростом, сутулящаяся антропоморфная амфибия, её, местами чешуйчатая, белёсая кожа, влажно блестела в ярком свете факелов. Атлетичный торс, на груди которого поблёскивало некое золотое украшение, венчала, без каких-либо признаков шеи (на её месте мерно раздувались подобные жабрам складки) плешивая голова. Морда её точь-в-точь повторяла лица резных русалок, служивших подпорками столешницы чайного столика в Блекстоунхилл.

Выпученные, ни разу не мигнувшие глаза, были направлены на низкорослую, по сравнению с чудовищем, фигуру в мантии. Приступ тошноты скрутил моё тело, когда, разверзнув хищную пасть, оно исторгло гортанные булькающие звуки, походившие на своеобразную речь и больше всего на слова неведомого заклинания, произнесённого ранее Элуорком и призвавшим из вод озера то, чего не может существовать.

Неуёмная дрожь сотрясала мою руку, доставшую из кармана револьвер, когда из воды на берег ступило второе чудовище. Шок, переросший в истерику и накрывший меня волной ярости и неописуемого ужаса, затуманил рассудок, заставив с диким воплем подняться с земли, стреляя в озёрных бестий. Одновременно с громом выстрелов раздались ужасающие гортанные рычание и скуление, одна из тварей прыжком бросилась на меня и мощнейшим ударом швырнула о каменистую землю. Сознание моё погрузилось в тёмные бездны небытия.

Первые чувства, пробившиеся через толщи окутавших меня вод, оказались нестерпимой болью в груди, холодом и двумя резкими пощёчинами. Собрав все возможные силы в кулак, я открыл глаза. Надо мной, на фоне свинцовых

туч, склонилась фигура Элуорка. «Наконец-то вы пришли в себя, поднимайтесь!», — прозвучал мерзкий баритон, заглушаемый шумом в ушах. Преодолевая боль и опираясь на вызывавшего у меня отвращение колдуна, я доковылял до особняка Блекстоунхилл. Пульсирующий гул в голове усиливался с каждым шагом, выдавая обрывочные воспоминания произошедших накануне событий. Войдя в дом, Элуорк дотащил меня до гостиной, обстановку которой я уже хорошо знал, и, уложив на кушетку, вышел из комнаты.

Я прикрыл ладонью глаза, морщась от терзавшей меня боли, холодная и вымокшая до ниток одежда лишь усугубляла ситуацию, даже несмотря на то, что в противоположном конце гостиной пылал камин. Раздался скрип двери, я приоткрыл глаза. В комнату вошёл Элуорк, неся шерстяной плед, бинты и какие-то склянки. Несмотря на моё удивление и ярко выраженную неприязнь, молча он укрыл меня пледом, налил бокал шерри, взятый с чайного столика, своим видом пробудивший у меня невыносимые воспоминания. Алкоголь сделал своё дело, заглушив боль и распространив тепло по дрожащему телу. Я недоумевал, откуда взялась такая сверхъестественная гостеприимность. Обрабатывая и забинтовывая

мои руки и лицо, покрытые ссадинами и рваными порезами, Элуорк наконец-то издал нотки своего баритона, нарушив гнетущую тишину Блекстоунхилл: «Я так понимаю, вы вновь наблюдали за мной. В этот раз вам дорого обошлась ваша профессиональная дотошность, ночью вы поскользнулись и, ударившись головой о камень, пролежали без сознания до утра, пока я вас не обнаружил». Слова прозвучали с гипнотической настойчивостью, и я сделал вид, что поверил в эту нелепость, хотя ясно осознавал, что произошло ночью. Когда мерзкая жабоподобная тварь набросилась на меня, моя рука зацепилась и сорвала со склизкой холодной груди золотой амулет, который, очнувшись, я обнаружил зажатым в руке и незаметно от Элуорка сунул в карман. Именно это осязаемое доказательство говорило в пользу того, что всё увиденное и произошедшее со мной ночью было невероятной, но реальностью.

Пролежав примерно с полчаса, я поднялся и, провожаемый Элуорком, не проронившим больше ни слова, прихрамывая, добрёл до дома мистера Мартина. Тот с бледным лицом попросил моих соседей — молодых людей — помочь мне подняться в свою комнату, переодеться и улечься в кровать. После надо мной по-матерински хло-

потала жена мистера Мартина, а через несколько часов отдыха все четверо стали выведывать, что же со мной произошло. На расспросы я отвечал уже известными событиями ночного разговора с мистером Мартином и тем, что мне безуспешно пытался внушить Элуорк.

Пошла третья неделя моей жизни в Шотландии, до моего возвращения в пыльные баррикады Кингспорт Газет оставалось ещё две недели, но возвращаться не было ни какого желания, даже после всего произошедшего. События, вызвавшие у меня шок, тем не менее настолько затянули меня в свой водоворот загадок, что я просто не мог их бросить неразрешёнными и уехать. Таким образом я полностью отдавался раздумьям о них, что собственно мне оставалось делать лёжа в кровати и оправляясь от телесных травм. Также я не переставал вертеть в руках золотой амулет, вернее золотым он мне показался только на первый взгляд, на самом же деле это был неизвестный мне сплав, желтоватый, с белёсым глянцем. Внешне амулет напоминал пару параллельных щупалец, сложенных в некое подобие ока вокруг кольца — зрачка, в центре которого располагалось причудливое тройное волнообразное перекрестье, напоминавшее отчасти свастику,

отчасти кельтский трискель. Мало того, что этот артефакт доказывал реальность произошедших со мною событий и реальность существования тех омерзительных жабоподобных тварей, но неужели он ещё служил и доказательством их развитости. Неужели эти антропоморфные чудовища были настолько прогрессивны, что могли изготовлять ювелирные украшения, да ещё со столь причудливой символикой, явно указывавшей на наличие некоего примитивного религиозного культа.

Вновь и вновь я отвергал не только идею о развитости этих созданий, но даже саму мысль об их существовании, но удивительный амулет в моих руках был неприятным доказательством обратного. Еле ощутимый рыбный запах, исходивший от диковинной вещицы, напоминал то о водных глубинах Лох-Несса, то об обитавших в нём омерзительных и вместе с тем удивительных существах. Мне вспоминались всевозможные мифы о русалках, ундинах, тритонах, сиренах, упоминания о греческом Посейдоне и месопотамских богах Оаннесе и Дагоне. Морской народ нашёл отражение в культуре практически всех великих цивилизаций Земли, так почему бы не предположить, что я столкнулся нос к носу с

представителями этого неведомого народа, веками обитавшего в морях и океанах по соседству с людьми на суше? Казалось, мой профессиональный энтузиазм и природное любопытство были превыше всего.

С этими мыслями, накануне второго дня третьей недели, я отошёл ко сну, который оказался недолгим. Необычные сновидения, наблюдаемые мною почти уже целый месяц, в последние дни стали гораздо яснее, я смог явственно различать, как погружаюсь в воды Лох-Несса, вижу верхушки циклопических храмов, погребённых под толщами чёрного ила, бесчисленные колоннады и гротескные арки, отдалённо напоминавшие греческую архитектуру, но вместе с тем обладавшую какой-то неприятной неевклидовой геометрией. Но, как я и сказал, вскоре сон мой был нарушен уже знакомым протяжным звуком, доносившимся из Блекстоунхилл. Несколько минут я лежал в безлунной полуночной тьме, широко открыв глаза и вслушиваясь в наступившую тишину. В памяти всплыли события ночного происшествия, ярко горящие на берегу факелы, плеск воды и поднимающиеся из них омерзительные фигуры.

Вновь тишину прорезал протяжный гул — в

этот раз он напоминал скорее призывный вой. Я приподнялся в кровати, тело всё ещё ныло от боли. Минуту спустя тушину взорвал далёкий нечеловеческий вопль, вскочив с кровати, я разом запрыгнул в брюки, натянул ботинки на босу ногу и набросил, не застёгивая, рубашку. Инстинктивно ориентируясь в полной темноте я схватил пиджак, револьвер и фонарь, распахнул дверь и, превозмогая боль, сбежал по лестнице в холл, нос к носу столкнувшись с остальными представителями мужского населения дома. Не проронив ни слова, все вчетвером мы выскочили на улицу и направились в Блекстоунхилл, откуда раздался дикий вопль.

Всё так же из-за холма показался свет факелов, озаряющий мрачный берег, но к удивлению на нём никого не было. Подойдя к месту, где Элуорк проводил свои ритуалы, мы в ужасе замерли. Яркие всполохи факелов отражались в багряных следах, тянувшихся от скомканной чёрной тряпки к каменным ступеням. Подойдя к тому, что некогда было частью шёлковой мантии, а ныне представлявшему залитый кровью свёрток, мистер Мартин расправил дулом ружья его складки. Бледная, по старчески сухая рука, крепко сжимавшая испачканный кровью резной

рог — единственное, что осталось от Александра Элуорка, сгинувшего в пучинах Лох-Несса.

Когда оцепенение прошло, мистер Мартин послал одного из молодых людей в свой дом вызвать полицию, оставшись охранять территорию Блекстоунхилл на случай появления убийцы, я же, не дожидаясь ни тех ни других, поспешил в особняк. Проникнув внутрь, я сразу же направился в гостиную, где принялся обшаривать полки с книгами. Как я и ожидал, моему взору предстала необычайно огромная коллекция эзотерической литературы, содержащая такие редчайшие артефакты, как латинские «De Vermis Mysteriis», Аббата Бартоломью, таинственную «Liber Ivonis», и даже считавшуюся утерянной пьесу «Le Roi en Jaune», которую я не решился даже пролистать. Мне попадались многочисленные работы Елены Блаватской, Уоллиса Баджа, Поля Кристиана и прочих известных деятелей оккультного мира, и тем не менее ни одна из них не проливала свет на тайну вычурного амулета, обладателем которого я стал. Лишь в фундаментальных «Unaussprechlichen Kulten», Эмиля фон Юнтца я наткнулся на изображение, напоминавшее символику амулета, а текст под ним относил меня к другому малоизвестному трактату «Ye Text of

Rlyeh», который я с надеждой принялся искать на полках. Увы, моя надежда не оправдалась.

Я бегал от стеллажа к стеллажу в еле освещаемой затухающим камином гостиной, но мои поиски были прерваны глухим звуком, похожим на гулкое лягушачье кваканье, казалось, исходившим из глубины дома. Я замер, вслушиваясь в тишину, вероятно в доме кто-то был, возможно затаившийся убийца, а возможно и сам Элуорк, пытавшийся позвать на помощь, и, несмотря на свою неприязнь, я должен был помочь ему, как ранее это сделал он. Вытащив из кармана револьвер, я направился к двери, но прежде чем выйти из гостиной, я поглядел на столешницу всё того же мерзкого чайного столика, где лежал небольшой полуистлевший фолиант. Направив на него луч света, я откинул крышку кожаной обложки: «Ye Text of Rlyeh», — зияла чёрная надпись в рамке титульного листа. Мне везло, но сейчас было некогда читать книгу, и, благодаря небольшому формату, я упрятал её за пазуху, после чего вышел из гостиной в холл.

Тишину вновь прорезал глухой рокочущий звук, и в моей памяти всплыли рассказы мистера Мартина о таинственных звуках, наполнявших Блекстоунхилл, тут же всплыли и воспоминания

о той злополучной ночи, когда на берег вышли жабоподобные существа. Я вновь замер. Неужели эти антропоморфные чудовища в доме, и действительно глухой звук отчасти напоминал их омерзительное гортанное бульканье. Мне не хотелось вновь столкнуться с ними и повторить судьбу Элуорка, и тем не менее могло статься, что это всё же был сам хозяин дома, пострадавший от вызванных им же самим тварей. Собрав волю в кулак, я двинулся вдоль по холлу к лестнице, где меня остановил вновь раздавшийся звук, на этот раз более громкий и гулкий, он исходил откуда-то снизу, вероятно из подвала, дверь в который обнаружилась рядом с лестницей. Вытянув вперёд руки с фонарём и револьвером, я толкнул заскрипевшую дверь и шагнул во тьму. Осторожно переступая со ступеньки на ступеньку, я наконец достиг каменного пола, когда вновь раздался рокочущий громоподобный звук, шедший со стороны дальней стены. Я резко развернул к ней луч фонаря, который высветил аккуратную каменную арку, зиявшую чернотой. Во вновь наступившей тишине из арки послышался тихий плеск воды. Двинувшись вперёд, я ощутил отвратительный гнилостный рыбный запах. Узкий тоннель, уходящий под наклоном

вниз, в который я ступил, был выложен влажными, обросшими плесенью камнями, стараясь не касаться их и превозмогая овладевавшую мной дрожь, не то от пронизывающего холода, не то от окутывающего страха, я уходил глубоко под землю. Гулкий, громоподобный, рокочущий звук вырвался из глубины тоннеля. Большим пальцем дрожащей руки я взвёл ударный механизм револьвера, приготовившись тем самым нанести молниеносный выстрел по неведомому.

В дальнем конце тоннеля забрезжило фосфоресцирующее свечение, опустив фонарь вниз, я медленно продвигался навстречу источнику столь мощного звука. Последний шаг, и моему взору открылся весьма большой грот, освещённый фосфоресцирующим сиянием, шедшим от какого-то грибка покрывавшего стены, дно грота было заполнено водой, за исключением небольшого островка у дальней стены, где, как мне показалось, находилось нечто огромное, пребывавшее в движении. Я поднял фонарь. Произошедшее в следующие секунды стало последним ударом по моему и без того пострадавшему рассудку. Огромная чёрная тварь восседала на окружённом поблёскивавшей водой островке, походившая на жабу, тем не менее она имела

продолговатый хвост, подобно головастикам, а омерзительные лапы оканчивались чем-то вроде ромбовидных плавников, образованных перепонками, сходившимися по возрастающей к центральному длинному пальцу. Самым же ужасным была безглазая морда этого чудовища, лишь отдалённо своими формами она напоминала жабью и оканчивалась длинными извивающимися и пульсирующими отростками, подобно щупальцам, сжимавшими изувеченные останки человеческого тела, когда-то принадлежавшего Элуорку.

Нисаг — чудовище Лох-Несса [Григорий Бутаковский]

Должно быть свет ослепил ужасное чудовище, доселе находившееся в полумраке, отчего оно медлило, втягивая несколько щупалец, оканчивавшихся шарообразными утолщениями, по-видимому служивших глазами, подобными тем, что имеют улитки. Переминаясь с лапы на лапу, подобно жабе, и сминая в остальных щупальцах останки бледного торса с искривленным в омерзительной гримасе лицом. Стоя в камен-

ной арке, на подкосившихся ногах, объятый дрожью и невыразимым ужасом, я издал дикий вопль, когда моих ушей донёсся хруст и треск разрываемой плоти. Одновременно с тем я нажал несколько раз на курок, озарив подземный грот яркой вспышкой и раскатами выстрелов. Только тогда мерзкое чудовище задёргало чёрными протуберанцами, направив несколько в мою сторону, и издало громогласный рокот.

Волоча свинцовые ноги, я ринулся обратно во тьму, слыша за спиной, плеск воды и шлепки щупалец о каменные стенки тоннеля, но ужасное существо не могло проникнуть в его узкие своды. И тем не менее в какой-то момент я ощутил как нечто холодное и склизкое коснулось моей ноги, уцепившись за ботинок. Развернувшись, я вновь нажал на курок, вспышка озарила сотрясающийся клубень щупалец, закрывший собой весь арочный свод тоннеля. Мерзкое чудовище забилось в конвульсиях, извергая в моём направлении жуткий рокот, заглушавший мерзкие шлепки об осыпающиеся камни кладки. К счастью моя нога с лёгкостью выскользнула из не завязанного ботинка, и я бросился прочь, отталкиваясь руками о влажные стены и шлёпая босой ногой по холодному камню.

С диким воплем я выскочил из проклятого особняка, тут же налетев на моих сожителей в сопровождении полиции и повалив их на землю. Стараясь хоть как-то подняться и устоять на трясущихся ногах, единственное, что я промолвил, вцепившись рукой в мундир полицейского: «Оно там, в доме!», После чего без чувств рухнул обратно на землю. Очнулся я у себя на кровати, в доме мистера Мартина, снизу доносился его голос, перемежаемый другими, по-видимому принадлежавшими полицейским. На мне всё так же был наспех застёгнутый пиджак с запачканными рукавами, на ноге не хватало ботинка, а за пазухой ощущался жёсткий кожаный переплёт книги. Выудив древний фолиант, я быстро убрал его в прикроватный столик, на котором лежал грязный полностью разряженный револьвер. Эти действия оказались весьма своевременными, поскольку половицы за дверью заскрипели, и раздался вежливый стук. Молодой человек, один из моих соседей, увидев, что я пришёл в себя, поспешил принести бинты и препроводить меня в ванную. Мысли о произошедшем текли потоками в гудящей голове, подобно струям воды, смывавшим грязь и кровь с моих избитых рук. Все предшествующие события лишь подогре-

вали мой авантюризм, даже увиденное мною появление земноводных существ, но последнее происшествие стало финальным безумством, ибо я нос к носу столкнулся с чудовищем озера Лох-Несс.

В безмолвном отупении я возвратился к себе в комнату, куда позже зашли два полицейских желавшие выяснить, с чем мне довелось столкнуться в Блекстоунхилл, чтобы бежать прочь в таком состоянии. Рискуя прослыть трусом в их глазах, я сослался на некую тень, привидевшуюся мне в подвале дома, но видимо именно моё состояние приводило полицейских в недоумение. Вероятно мистер Мартин сокрыл от них историю с моими ночными наблюдениями за Блекстоунхилл, во всяком случае, пока я был вне подозрений и меня оставили в покое. Уходя, полицейские заметили, что наткнулись в подвале на заваленную каменную арку, и судя по всему, обвал произошёл совсем недавно. Я благодарил судьбу за то, что больше никому не пришлось столкнуться с тем ужасным чудовищем. Рухнув в кровать, я погрузился в бездны грёз, изобилующих видениями всё тех же морских пучин с чудесными храмами, колоннадами и арками.

Проснулся я ближе к полудню, с большой

неохотой, мне не хотелось оставлять свои грёзы, наполненные таинственностью и невероятным спокойствием, и вновь возвращаться к безумию и поминутным воспоминаниям о ночном происшествии. Чтобы хоть как-то отвлечься от них, я первым делом попытался искать спокойствия в компании домочадцев за завтраком, но атмосфера оказалось настолько гнетущей, что, не выдержав косых взглядов, я попросил не тревожить меня и поднялся в комнату, где вновь рухнул на кровать. Полуденное солнце, то и дело выплывавшее из-за стремительно несущихся серых облаков, узким лучом врывалось в мою комнату меж плотных штор и падало аккурат на прикроватный столик. В голове вдруг всплыла мысль о книге. Древний фолиант, в котором я надеялся найти ответы на вопросы об амулете, каким-то образом вылетел у меня из головы. Но где же, в свою очередь, было это причудливое металлическое изделие? Обескураженный этим вопросом, сперва я был в недоумении, силясь припомнить, где мог его оставить, но после стал судорожно перерывать все свои вещи, обшаривать каждый угол комнаты — амулета не было. Память подсказывала мне, что накануне, прежде чем проснуться от дикого вопля, я уснул сжимая

амулет в руке, лихорадочно обшарив брюки и пиджак на наличие металлического предмета, который в спешке я мог сунуть в карман, и, не найдя такового, я ринулся к кровати, срывая на пол одеяло и покрывала, но и здесь его не оказалось. Неужели амулет был утерян? Единственное, что служило вещественным доказательством реальности причин моего безумия, было утеряно.

Опустившись на пол, я вдруг ощутил, как нечто едва весомое, качнувшись маятником, ударило меня в грудь. Спешно расстегнув воротник, я сунул за пазуху руку, нащупав причудливые металлические формы. Всё это время амулет находился на моей шее, подвешенный шнурком за обрывки цепочек, при этом, не смотря на материал, из которого он был изготовлен, амулет казался тёплым и лёгким. Несколько успокоившись, я постарался привести комнату в порядок, после чего извлёк на свет древний фолиант и опустился на деревянный стул возле окна. Старинная книга, датированная XVI веком, оказалась на староанглийском, на что я и надеялся, хотя прочтение её тем не менее вызывало некоторые сложности, но будучи журналистом, и, получив в молодости соответствующее образование, я не видел в этом каких-то совершенно непреодоли-

мых сложностей.

С первых строк я погрузился в тёмный мир мистерий, о существовании которых даже не имел понятия, столь ужасающих и столь невероятных, что я бы отказался в них поверить, если бы не всё произошедшее со мной. Разверзшаяся летопись дочеловеческой истории, явила мне время, когда на первозданную землю спустилось одно из воплощений Древнего Божества Ктулху и, вместе со своим чернокрылым потомством, возвело циклопические города с необычайной геометрией, а после кануло в тёмные бездны океанов. Величественная столица Рлайх, ставшая гробницей для Божества, до сих пор покоится под толщами вод, грозя в конечном счёте подняться и явить миру своего Древнего основателя. После Ктулху пришёл Дагон, великое морское Божество, ставшее его регентом, охраняющим затонувшую гробницу. О, как же жалко стала выглядеть в моих глазах ложь о великом Дагоне, его Божественная поступь враз могла бы разрушить все те мифические города, кои воспевали авторы «священного писания». Основанный Дагоном город Йха-Нтлей куда больше достоин почитания и воспевания, нетронутый временем, этот колосс до сих пор скрывается в водах близ Иннсмаута,

напоминая жителям суши о себе, восходящим из вод Дьявольским рифом. Эта столица и многие другие города всегда были обитаемы бессмертными отпрысками Дагона и Гидры, их никогда не оставляла жизнь. Причудливый жабоподобный народ уже был достаточно древним, когда первый человек суши, завороженный плеском волн, обратил свой взор в их тёмные глубины.

Книга полностью поглотила меня, как безумный, я не выпускал её из рук часами, жадно вчитываясь в древнюю летопись, отказываясь от еды, я, напротив, всё чаще предавался снам, наполненным видениями древних подводных городов с бурлившей в них жизнью. Теперь она не была смутной тенью. Я ясно видел жителей глубин, а в какой-то момент я даже почувствовал, что являюсь одним из них, после чего проснулся в холодном поту и больше не смог уснуть. Странное недомогание охватило меня, я либо подолгу сидел за книгой, либо с остекленевшим немигающим взглядом стоял у окна, всматриваясь в простиравшуюся за ним свинцовую гладь Лох-Несса и созерцая наяву картины из сновидений. Вскоре к этому прибавились ещё более тревожные симптомы — приступы удушья, сопровождаемые спазмами, напоминали икоту и подавляли

мою физиологическую способность нормально дышать, а мышцы лица часто сводила судорога, делавшая их почти что недвижимыми.

Однозначно мне была необходима помощь специалистов. Став свидетелем ужасающих событий, я повредился в рассудке, что, в свою очередь, стало причиной психосоматических приступов. Но я не хотел видеть никого из людей, параноидально избегая даже встречи с сожителями и хозяином дома, что было и к лучшему.

Пошла последняя неделя моего отпуска, сулившая мне вынужденное возвращение из мира болезненных грёз, когда произошло роковое событие, побудившее меня к написанию настоящего письма и исчезновению из мира людей. Принявшись читать взахлёб проклятую «Ye Text of Rlyeh», с самого начала, я совсем позабыл о том, по причине чего я так упорно искал эту книгу на полках библиотеки в Блекстоунхилл. Прочитав больше половины небольшой по формату, но весьма объёмистой книги, я неожиданно для себя наткнулся на изображение символа, точь-в-точь повторявшего линии металлического амулета, всё это время висевшего у меня на шее. Знак Дагона, который надлежало носить человеку, желавшему измениться и войти в Царствие мор-

ского Божества. Однозначно была ясна суть строк под изображением в книге, повествовавшей о том, как люди суши заключали союз с жителями глубин, порождая на свет мерзких гибридов, сперва не имевших в своём человеческом развитии никаких отклонений, пока они не достигали полового созревания и не начинали меняться, превращаясь в своего второго родителя. А чтобы ускорить трансформацию, они носили Знак Дагона, мистическим образом оказывавший каталитическое влияние на них.

Мысль о том, что проклятый амулет, с которым я ни на миг не расставался, был истинной причиной моих психических и физических изменений, словно острое лезвие пронзило мозг. Сломя голову я бросился к умывальнику, отгороженному складной ширмой и устремил немигающий взгляд на гладкую поверхность зеркала. С остекленевшим выпученным взглядом на меня взирало полубезумное существо, пародия на человека, с приплюснутым носом и широким, почти безгубым ртом. Дикий вопль, похожий на раздавшийся ночью из Блекстоунхилл, был, пожалуй, единственно возможной реакцией на произошедшее. Я схватил подвернувшийся мне под руку кувшин с водой и запустил в мерзкого

урода, повторявшего все мои действия, вдребезги уничтожив обоих, а после кинулся к покрытому грязью револьверу, лежавшему с той самой ночи на прикроватном столике, не задумываясь поднёс его к виску и нажал на спусковой крючок.

Вновь и вновь, я нервно жал на курок, и звяканье ударного механизма по пустым гильзам во вращающемся барабане болезненно, но, к сожалению, не смертельно, разрывало мой мозг. Я упал на пол, облокотившись на кровать, за дверью послышались шаги: прибежавшие на звон битого стекла, мои соседи барабанили в дверь, интересуясь, в порядке ли я. Преодолев тяготившее меня днями безмолвие, я наконец ответил, что всё в порядке, смутив молодых людей за дверью своим неестественно гулким, гортанным басом. Явилось ли это последствием длительного безмолвия или же произошедшей со мной метаморфозы, меня, после увиденного в зеркале отражения, уже не волновало. Нащупав дрожащей рукой на груди металлический амулет, я сорвал его, зашвырнул в валявшиеся возле умывальника осколки и погрузился в отчаяние.

Часы тупого ступора, проведённого на полу у кровати, были прерваны мыслью, что если присутствие амулета оказало столь сильное воз-

действие, то его отсутствие, напротив, должно произвести обратный эффект. Несколько приободрённый этой мыслью, я наконец взобрался на кровать, и, уткнувшись лицом в подушку, попытался забыться подобием сна. Вновь, как и прежде я оказался в подводном городе, с греко-римскими арками, длинными колоннадами, гротескными храмами с треугольными портиками. Ещё больше этот древний город казался наполненным жизнью: я видел сновавших всюду обитателей глубин, они уже не казались мне столь омерзительными, наоборот, присутствуя среди них, как наяву, мне казалось, что, обращая на меня свой взор, эти существа испытывали некую неприязнь. Впервые в этих грёзах я услышал их голос, раскатистый и гортанный. Я ещё не понимал их речь, если она таковой являлась, но её смысл тут же возникал в моём сознании в виде зыбких образов.

Неожиданно видение было прервано приступом удушья, более сильным чем предыдущие. Вскочив, я распахнул окно, пытаясь успокоиться, но казалось, что мою шею как будто сдавили тиски, кровь приливала к лицу. Я бросился к умывальнику, но к ужасу своему обнаружил, что кувшин с водой был превращён в груду череп-

ков, тут же, повалив на пол складную ширму, я ринулся к двери из комнаты, пробежал по коридору и, ворвавшись в ванную комнату, выкрутил ручку крана. В раковину ударила струя воды. Судорожно зачерпывая руками воду и поднося её ко рту, я вдруг ощутил, как сокращавшаяся в приступе гортань направила холодную воду в лёгкие. Пытаясь откашляться, я тем не менее осознал, что приступ удушья прошёл, и я смог свободно вздохнуть. Неужели в моём организме проснулись некие рудименты, и он пытается фильтровать воду через лёгкие, подобно жабрам, ведь согласно теории эволюции, люди некогда вышли из воды, и лёгкие эмбриона в утробе матери работают именно таким образом. Похоже, что моя болезнь не только не отступила вместе с проклятым амулетом, но даже прогрессирует.

С этого момента я понял, конец, уготованный мне судьбой, неизбежен, и я лишь могу смириться с этим, ускорив его приближение ношением Знака Дагона, как это и предначертано в «Ye Text of Rlyeh». Ещё несколько дней мне предстоит вдыхать воздух вместе с людьми суши, после чего я навсегда уйду к Людям глубин. Я совершу то, чего так жаждал Элуорк, но чего был недостоин, и его тело так и не найдут: пожранное, словно

принесённый в жертву рабский скот, древнему и мудрому хранителю озера Лох-Несс, коему имя НиСаг, оставившему мне в ту ночь резной Рог Зова. Совсем скоро, когда луна исчезнет с небес, и волны отступят, на освещаемый факелами берег выйдут те, кто поведёт меня в подводный город, раскинувшийся на дне озера, где я смогу закончить своё превращение. Я воочию увижу гротескные храмы, колоннады и арки, возведённые некогда римскими легионерами, ушедшими, как и я, в этот дивный подводный мир. А после я отправлюсь в циклопический Рлайх, увижу сокровенный Керош, и наконец, вернусь в многоколонный Йха-Нтлей у берегов Иннсмаута, откуда, спасаясь от своей судьбы бежала моя прабабка, и всё возвратится на круги своя. Ночью я призову Людей глубин, и, следуя по каменным ступеням, мы погрузимся в чёрные бездны, где будем вечно пребывать среди чудес и красоты.

Алексей Лотерман
Химера

2014

За окном поезда пролетали поля, леса и деревушки. Проклятая война везде оставила следы разрушения и смерти. Но самые сильные и неизгладимые из них остались в душах людей. Ветер стремительно подхватил мелкие клочки разорванной чёрно-белой фотографии — в каждом из них были заключены воспоминания всего произошедшего со мной. Армия Советского Союза, захватившая власть в Кёнигсберге, принялась беспощадно изгонять из города всё немецкое население. С тяжестью на сердце мне пришлось покинуть родные места, где прошло моё детство и юность и где останутся преданные земле мои родители. До сих пор не верится, что я больше никогда не увижу старинные дома с двускатными черепичными крышами, тесные, наполненные тайнами улочки старого города, его мощёные площади, величественные башни замка и шпили соборов. Всё то, что было так дорого моему сердцу, оказалось разрушено и безвозвратно уничтожено войной. Сперва заносчивые британцы вероломно бомбили самое сердце города, а затем советские войска захватили оставшиеся руины.

Всего несколько лет назад никто не мог бы даже вообразить подобный жалкий конец. Город процветал. Приход Третьего Рейха, ознамено-

вавшийся Хрустальной ночью, нёс с собой новое светлое будущее. Тогда я с нескрываемой улыбкой наблюдал, как был арестован Лёв Петц, бессовестный взяточник, отчисливший меня с медицинского факультета. Эта заплывшая жиром туша с надменной распухшей рожей, занимавшая место в деканате факультета, посчитала, что я чересчур увлечён мистериями античного мира, не имеющими никакой практической значимости.

Вчерашний студент, я был мобилизован. Во время службы мой интерес и познания в истории и мифологии античности были замечены командованием. Мне исполнилось всего 22 года, когда я окончил военную подготовку и сразу же был зачислен в один из исследовательских отделов лаборатории Кёнигсберг-13, действовавшей под патронажем общества Аненербе. Отдел Цетта, в который меня определили, располагался в подвальных помещениях Королевского замка Кёнигсберга. Периодически нам доставляли различные древние артефакты, анализом которых мы занимались. Полная секретность окружала лабораторию, и под страхом смерти запрещалось разглашать её деятельность, более того, каждый отдел работал под постоянной охраной солдат

Рейха.

Незадолго до британских налётов в отдел был доставлен необычный базальтовый саркофаг. Согласно документам, 8 сентября 1942 года подводная лодка Кригсмарине U-203 под командованием капитан-лейтенанта Рольфа Мютцельбурга, проходя на глубине 200 метров в южной области Тихого Океана, в районе 40R южной широты и 120R западной долготы, засекла движущийся объект. Экипаж был поражён его размерами, скоростью и манёвренностью — по этим показателям он превосходил как все существующие субмарины, так и любых известных обитателей океана. Когда траектория движения объекта легла на курс подлодки и грозила неминуемым столкновением, командование U-203 приняло решение об экстренном всплытии. Объект же, подойдя на критическое расстояние к судну, напротив, ушёл на глубину.

На поверхности экипаж ждало ещё одно событие: корма судна оказалась покрыта какой-то чёрной слизью, отдалённо напоминавшей мазут, но без специфического химического запаха. Однако никаких пробоин и повреждений корпуса самой подлодки обнаружено не было. Помимо этого, на палубе был найден предмет, представ-

лявший собой каменный саркофаг, покрытый полипами и коралловыми наростами. Саркофаг погрузили на субмарину и продолжили свой путь. 10 сентября, во время всплытия для пополнения запасов воздуха, экипажу было позволено искупаться в тёплых водах. В тот момент, когда капитан-лейтенант Рольф Мютцельбург решил нырнуть в воду из командной рубки, судно качнуло, и он упал на булевую балластную цистерну, ударившись головой и рукой. От полученных травм он скончался на следующий же день 11 сентября. Тем не менее, боевой поход U-203 был завершён, и по возвращении каменный саркофаг был передан на изучение в Кёнигсберг-13.

Очистив саркофаг от коралловых наростов, на его крышке и стенках мы обнаружили затейливую резьбу, изображавшую, по-видимому, какой-то мифический город. Поражала манера, с которой древний мастер выполнил резьбу: все её линии, углы и перспективы стремились нарушить законы евклидовой геометрии. При этом сам саркофаг имел строгую трапецоидную форму. Материал, из которого он был выточен, определили достаточно быстро как разновидность базальта. Крышка саркофага на два дюйма входила в его стенки, а шов был герметично запе-

чатан цементным раствором. Осторожно удалив цемент, мы вскрыли саркофаг и обнаружили внутри хорошо сохранившиеся причудливую статуэтку и книгу. Последняя представляла собой несколько десятков тонких, но вместе с тем достаточно прочных пластин из золотистого с белёсым оттенком металла, соединённых вместе кольцами из того же странного металла. Пластины были сплошь испещрены неизвестными иероглифами, среди которых иногда встречались сложные геометрические символы.

Книгу мы сразу же передали на расшифровку лингвистам, а группам нашего отделения достались саркофаг и статуэтка. Её изучением довелось заниматься и мне. Это была неправдоподобных форм горгулья: антропоморфное тело, обрамлённая щупальцами голова, по обеим сторонам которой поблёскивало по три глаза, а за спиной — пара сложенных перепончатых крыльев как у летучей мыши. Существо сидело на корточках, обхватив когтистыми руками колени. Каменное основание под ним имело такую же трапецоидную форму, как и саркофаг, и тоже было украшено причудливой резьбой, напоминавшей иероглифы из книги. Высокое мастерство и реалистичность, с какими была выполнена ста-

туэтка, внушали благоговейный ужас. Вероятно, в незапамятные времена она служила тотемом некоего культа. Материал артефакта вызывал не меньшее удивление — он не упоминался ни в одном справочнике по геологии или минералогии: гладкий чёрно-зелёный камень с золотистыми и радужными пятнами и полосками. Патина, покрывавшая наиболее глубокие участки резьбы, свидетельствовала о невероятной древности и ценности находки.

Пока наш отдел корпел над химическим и спектральным анализом материала статуэтки, пытаясь тем самым определить район происхождения геологической породы, лингвисты, наконец, смогли расшифровать некоторые фрагменты книги. К своему удивлению они обнаружили в ней параллели с редким и почитаемым в рядах эзотериков трудом под названием «Ye Text of Rlyeh», повествовавшем о так называемом Культе Ктулху. В центральном мифе культа говорилось о Древнем Божестве с неудобопроизносимым именем, которое вместе со своим чернокрылым потомством спустилось на первозданную Землю и возвело циклопический город Рлайх. Однако именно этот величественный город стал для них гробницей, когда по неизвестным причинам

(по-видимому, вследствие какой-то геологической катастрофы) он опустился в тёмную бездну океана. Там он якобы покоится до сих пор, грозя однажды подняться и вновь явить миру Древнее Божество.

Лингвисты также смогли прочитать и перевести надпись на статуэтке: Ph'nglui mglw'nafh Cthulhu R'lyeh wgah'nagl fhtagn — что, согласно «Ye Text of Rlyeh», означало «В жилище своём в Рлайх мёртвый Ктулху ожидает во сне». Однако золотую книгу им так и не удалось перевести полностью — большое количество иероглифов осталось неизвестным. Безуспешно побившись над текстами, лингвисты пришли к заключению, что странный язык с непроизносимыми нагромождениями согласных не был настоящим живым языком некого забытого народа. Скорее это был искусственно созданный язык, который использовался в ритуальных целях загадочного культа.

Увы, но этим поразительным открытиям не было суждено послужить на пользу Рейха. В августе 1944 года британские самолёты начали бомбардировку Кёнигсберга. В тот момент я занимался подготовкой фотографий для отчёта о статуэтке, который должен был отправиться в штаб

Аненербе, а затем в самое сердце Рейха — замок Вевельсбург. Происхождение породы, из которой была вырезана статуэтка, мы определили как внеземное, поскольку полученные результаты как химических, так и спектральных исследований не совпали ни с одним из известных земных элементов. Похожие результаты были получены и в отношении книги — вероятнее всего, её листы были выплавлены из метеоритного железа и лишь на треть сплав состоял из знакомого нам золота.

Когда град снарядов посыпался на замок, я ни минуты не раздумывая вскинул чехол с фотоаппаратом на шею и, с кипой бумаг для отчёта в одной руке и статуэткой в другой, бросился прочь из рушащегося памятника средневекового зодчества. Кругом царил хаос, никто из охранявших замок солдат даже не пытался остановить меня. О работе лаборатории и ценности изучаемых в ней артефактов они знали ещё меньше, чем я. А вот противник, напротив, имел чёткое представление о том, что происходило в замке, и вся его мощь была направлена именно на него.

Центр древнего Кёнигсберга лежал в руинах, а вместе с ним и лаборатория. Это было одним из многих зловещих знаков грядущего падения Рей-

ха. Я пришёл в сознание только в госпитале, где и узнал, что меня вынес на своих плечах один из немецких солдат по имени Отто Хольм. Британский снаряд взорвался рядом со мной, контузив и разорвав правую ногу в клочья. Раненный, но чудом выживший, я был вынужден на костылях вернуться к родителям в ещё сохранившийся пригород Кёнигсберга. Мне удалось разыскать спасшего меня солдата и отблагодарить его. Оказалось, что он сохранил статуэтку, фотоаппарат и документы, которые я крепко сжимал в руках, даже когда лежал без сознания, раненный взрывом. Как мне показалось, Хольм был рад вернуть мне статуэтку, от одного вида которой ему становилось не по себе. Горгулья заняла место на полке в моей комнате родительского дома; документы, ныне уже бесполезные, были убраны подальше; фотоаппарат же пришлось продать за бесценок, однако плёнку я решил сохранить.

В первые же ночи мой сон был очень неспокоен, что я списал на последствия контузии, к тому же туго перебинтованная культя всё ещё сильно болела. Однако со временем к ночному беспокойству прибавились ещё и кошмарные сновидения. Сперва мне снилось, что ночью каменная горгулья оживала, слезала с трапецоидного пьедестала

и летала на своих перепончатых крыльях по комнате. Затем, как будто заметив меня, она стала садиться мне на грудь, и я, казалось, ощущал её тяжесть, не дававшую мне ни вздохнуть, ни пошевелиться. В конце концов, восседая у меня на груди, статуэтка стала источать сине-зеленоватое свечение, похожее на полярное сияние, и я погружался в ещё более пугающие сновидения. Мне грезились необычайные глубины океанской бездны и покоившийся в ней громадный город, архитектура которого непостижимым образом нарушала все законы геометрии. В центре города возвышалось колоссальное сооружение, напоминавшее месопотамские зиккураты, и я ощущал себя ничтожно малым на его фоне. Cthulhu fhtagn! — раздавался громогласный зов из его глубин, и тысячи голосов вторили ему. Это был величественный склеп Ктулху.

В последний раз я проснулся под звуки собственного вопля, тонувшего в кошмарном гуле. Я не мог больше выносить присутствия в комнате статуэтки, навевавшей мне ужасные сновидения, и попросту переставил её в маленькую прихожую, соседствовавшую с кухней. При этом меня не покидало ощущение, что поза статуэтки изменилась: крылья чуть приоткрылись, голова

наклонилась вперёд, а щупальца ещё сильнее переплелись. Хищная горгулья словно излучала злобу, и на неё нельзя было смотреть без содрогания. С того дня мой сон стал несколько спокойнее, по крайней мере я избавился от видений океанской бездны. Но однажды вечером отец принялся сетовать на отвратительную статуэтку, утверждая, что она якобы оживает ночью, летает по дому и скребётся в двери комнат. В конце концов, теперь и родители стали жаловаться на терзавшие их страшные сновидения.

Трагический финал этой истории настал неожиданно. Я возвращался домой, и ещё издали заметил столб густого чёрного дыма. Как оказалось, горел именно наш дом. Потушить пламя удалось не сразу, и я в безмолвном ужасе наблюдал, как из пепелища извлекают останки родителей. Но ещё более страшная находка обнаружилась в почерневшей от копоти печке — единственной из того, что осталось от нашего дома. Внутри неё оказалась мерзкая статуэтка, ничуть не пострадавшая и даже не покрывшаяся сажей. Судя по всему, кто-то из родителей, не вынеся её вида, швырнул в печь, но вместо того, чтобы уничтожить статуэтку, огонь охватил весь дом.

Трагедия ввергла меня в отчаяние. На какое-то время я переехал на квартиру к Отто Хольму — тому самому солдату, который на своих плечах спас меня из рушившегося Королевского замка. Он был единственным человеком, которому я смог рассказать всю историю злосчастной статуэтки, поскольку он и сам ощутил её влияние, до того, как вернул мне. На следующий день после разговора мы отправились к старому заброшенному колодцу на окраине города. Его затхлые тёмные воды, казавшиеся бездонными, распространяли невероятное зловоние, от которого мне стало плохо, так, что голова закружилась и всё поплыло перед глазами. Я помню лишь громкий всплеск, с которым колодец поглотил статуэтку, избавив нас, как казалось, от её проклятия навсегда. Я лишь жалею о том, что не сделал этого раньше или вовсе не оставил статуэтку в рушившемся замке.

Вскоре в Кёнигсберг начали прибывать солдаты Советского Союза. Они с таким усердием копались в руинах Королевского замка, что найди они там статуэтку в целости и сохранности, её угроза возросла бы многократно. В полусгнившем фолианте безумного араба Абдуллы Аль-Хазреда, который лингвисты Кёнигсберг-13 связывали с

«Ye Text of Rlyeh», я как-то мельком прочёл: «…но в некоторых старых запретных книгах говорится, что подобные артефакты скрывают внутри ужасную силу: через них, как через бреши во времени и пространстве, обитающие за Гранью могут быть пробуждены и призваны…»

Всё больше русских прибывало в Кёнигсберг, это был уже не тот город, который я знал, и мне не осталось в нём места. Перед отъездом я в последний раз посетил могилу родителей и в последний раз взглянул на некогда величественный, а теперь разрушенный до основания родной город. Поезд напряжённо дернулся, и перрон быстро поплыл за окном. В купе царило молчание: ни я, ни Отто Хольм не могли скрыть того тяжёлого чувства, с которым мы покидали Кёнигсберг.

Рука сама потянулась к внутреннему карману, где лежал конверт с фотографией. Нет, это была не памятная фотография, дорогая моему сердцу — все до единой погибли в огне. Это была та единственная фотография, сделанная мною для отчёта ещё в Кёнигсберг-13. Перед нашим отъездом мой друг проявил плёнку, чудом уцелевшую в пожаре, как и проклятый каменный идол. Я вскрыл конверт — на фотографии не было статуэтки, хотя я хорошо помню, как настраивал оптику фо-

тоаппарата и делал снимок. Но, словно в ночном кошмаре, я вновь увидел на нём расплывчатый образ циклопического города с неевклидовой геометрией, посреди которого возвышался величественный склеп. Его врата были перекошены, а из образовавшегося проёма выползала мерзкая аморфная тень с массой протуберанцев и парой тройных пылающих космической яростью глаз. Я знал, что статуэтка теперь покоится в чёрной бездне заброшенного колодца, где ей самое место. И не мысль о ней внушала ужас, и не воспоминания о ночных кошмарах, а та самая тень на фотографии, двигавшаяся и гипнотизировавшая своим горящим взглядом, так, что мне слышались космические вибрации, в которых улавливался зов — Cthulhu fhtagn! Cthulhu fhtagn!

С большим трудом мне удалось вырваться из пут этого навязчивого видения и оторвать взгляд от снимка. Я резко вскочил и, порвав его на множество клочков, выбросил в окно. Неужели даже фотография была способна проецировать злую волю тех сил, которые олицетворяла статуэтка, или же мой разум окончательно помутился, и болезненные галлюцинации из ночных кошмаров теперь преследуют меня наяву? Единственный, кто мог ответить на этот вопрос, это проявлявший

фотографию Отто Хольм. С этим я повернулся к нему, но, к своему удивлению, вдруг обнаружил, что нахожусь в купе один. Хотя я точно помнил, как садился вместе с другом на поезд, и он даже помогал мне с костылями и багажом. Ещё минуту назад он сидел возле меня в купе и никуда не выходил. Но сейчас его не было рядом.

Как будто пелена тумана, отделяющего сон с его гротескными образами от яви, спала с моего сознания, и я увидел, что на месте, где сидел мой друг, теперь лежит лишь небольшой саквояж с моими пожитками, расстёгнутый и слегка приоткрытый. Но этого было достаточно, чтобы я увидел внутри него золотистый отблеск гладкого чёрно-зелёного камня. Единственная мысль пронеслась в голове:

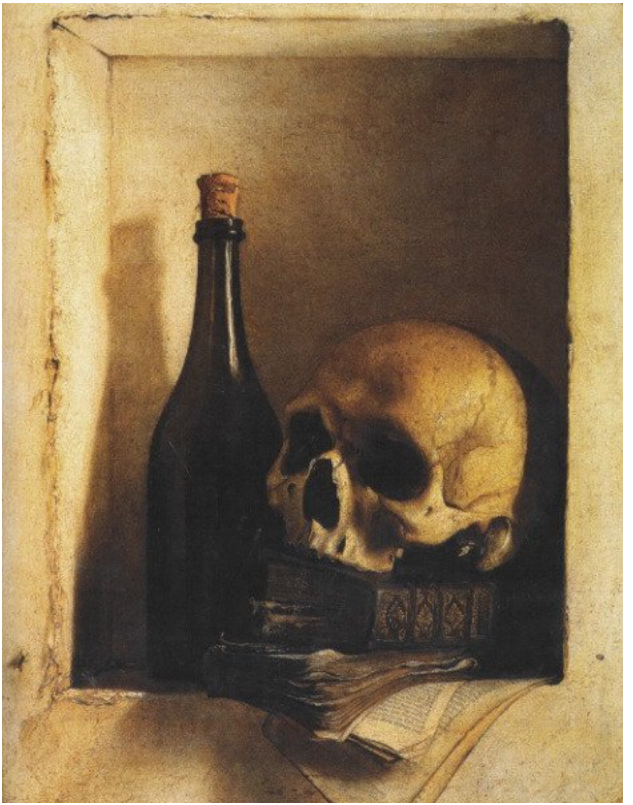
— Что же тогда с таким громким всплеском упало в старый колодец на окраине Кёнигсберга?

Примечание: хотя рассказ основан на реальных исторических событиях, и содержит описания социальных настроений Европы 40-х годов, он является художественной выдумкой. Автор чтит память героев Великой Отечественной войны, и ни в коем случае не ставит це-

лью рассказа оправдать преступления нацизма, или исказить историю!

Алексей Лотерман
Зелёный дракон

2015



> Третий ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде «полынь»; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки.
>
> ***(Откр. 8:10–11)***

Ещё совсем недавно моё имя знали во всех опиумокурильнях города. И стоило мне лишь появиться на пороге, как хозяева дома грёз самолично спешили удовлетворить мои самые притязательные капризы. Я был гурманом в мире наркотиков и был готов самоотверженно, подобно честолюбивому исследователю, выискивать рецепты самых редких дурманящих веществ. А затем проводить замысловатые опыты в своей лаборатории и, словно средневековый алхимик, воссоздавать в колбах и ретортах забытые зелья.

Завсегдатаи притонов — будь то нищие, погибающие в плену опиума, или же лорды, инкогнито упивающиеся настойкой лауданума — всегда смотрели на мена как на просветлённого, которому открылись все тайны, что лежат за Гранью. Но шаг за Грань, отделяющую мир материи от мира

иллюзий и наркотических грёз, всегда подобен смерти. Он освобождает пленённое сознание и открывает перед ним неизведанные глубины, где таится древнее безумие. И в этом безумии кроется истинная мудрость, которую не способен вместить ни один человеческий разум. Лишь чувствительное сознание художника или поэта может через призму страха воплотить отблеск этой мудрости в произведении искусства.

Одним из таких фильтров космического безумия пришлось стать мне. Бесчисленные опыты с наркотиками — настойками и курениями — скрупулёзно описанные мною в поэтических дневниках, были лишь жалким полётом фантазии до тех самых пор, пока я не попробовал абсент. Объятия Зелёной феи, столь нежные и горячие, оказались сладостнее всего, что мне доводилось пробовать ранее. Однако все известные рецепты абсента в конце концов приелись, и мой искушённый дух потребовал чего-то совершенно незаурядного. Такого, чего было суждено вкусить лишь избранным из числа смертных.

Я провёл недели в поисках, пока однажды служанка-мулатка, верно помогавшая мне во всех изысканиях, не показала старинную книгу в потрёпанном кожаном переплёте. Пролистав

жёлтые пергаментные страницы, исписанные витиеватой арабской вязью, служанка указала на ряд необычных гравюр. В их символах, утверждала она, был сокрыт рецепт, способный удовлетворить мою жажду. Откуда же мне было знать, что эта книга с её древними знаниями передавалась из поколения в поколение в семье мулатки. Её прародители, из какого-то восточного племени кочевников, исходили всю Руб Аль-Кхали и в самом её сердце, легендарном городе Иреме, испили из источника великой запредельной мудрости. Но я не удосужился даже толком просмотреть книгу, не говоря уже о том, чтобы задуматься, к чему может привести этот сомнительный эксперимент.

Конечно же я сразу приступил к изучению гравюр. На первой была изображена величественная птица, которая клевала какие-то причудливые растения. Две пары крыльев этой химеры были покрыты перьями, похожими на стальные наконечники стрел, лапы оканчивались хищными орлиными когтями, а голова походила на львиную морду. На второй гравюре эта птица была охвачена пламенем, а клубы дыма складывались в очертания распростёршего крылья легендарного феникса не менее фантастического вида. На

третьей, этот феникс истекал кровью и, словно грозовая туча, проливал её дождём на горсть пепла, оставшегося от сожженной птицы, в котором извивалась змея. На четвёртой, последней, из праха рос необычного вида цветок, чей бутон напоминал блистающую в ночном небе звезду. Его лучи-лепестки расходились во все стороны, а в середине сияло божественное Magnus Oculus[268].

Для непосвящённых в сакральный символизм алхимии эти гравюры так и остались бы всегонавсего фантазией автора книги. Но для меня, имевшего ключ к этой головоломке, они были подробным рецептом, который мне предстояло опробовать. Сперва мне следовало собрать и высушить растения для абсента. Затем особым способом получить из них Tria Prima[269] — философские Ртуть, Серу и Соль. Их надлежало очистить и последовательно соединить в эликсир Зелёной феи.

Пока я корпел над гравюрами, стараясь понять все нюансы предстоящего процесса, мулатка на-

---

[268] Примечания: 268

Magnus Oculus — лат. «Великое око», (чаще Всевидящее око), древний символ божественной вездесущности.

[269] Примечания: 269

Tria Prima — лат. «Три Начала», три алхимических первоэлемента, лежащих в основе всех веществ.

чала поиск необходимых ингредиентов. Всего за неделю она раздобыла у аптекарей и травников гербарий из самых экзотичных галлюциногенных трав, среди которых главным ингредиентом оставалась горькая полынь — дух абсента. Получив их в своё распоряжение, я сразу же приступил к работе. Отложив полынь, из остальных трав я приготовил отвар. Получившееся коричневатое варево обладало удивительным приторным ароматом, но оказалось чрезвычайно ядовито. Соседская надоедливая собачонка унюхала его и, каким-то образом пробравшись в мой дом, только сунула свою морду в посудину с остывавшим отваром, как тут же заскулила и издохла.

Весь следующий день служанка пыталась убедить меня в том, что при последующей обработке, согласно рецепту, отвар потеряет свои ядовитые свойства. В подтверждение своих слов она даже согласилась лично его испробовать. Доверившись ей, я продолжил свою работу и, процедив отвар, перелил его в большую посудину, куда добавил закваску. Не прошло и часа, как всё варево забродило и наполнилось пузырьками. Тем временем, перемолов вываренные травы в порошок и пересыпав его в керамическую чашу, я поставил её на чугунную плиту. Вслед за античными

алхимиками я повторил действо, которое они называли кальцинация, и столкнулся с неприятнейшим проявлением этого процесса. Кухня, где стояла плита с чашей, наполнилась удушающим дымом, от которого я чуть не потерял сознание. Открытые настежь окна помогли решить проблему, и, спустя несколько часов беспрестанного помешивания чёрного порошка, я получил горсть белёсого пепла, который незамедлительно пересыпал в бутыль и, залив несколькими литрами чистой воды, оставил отстаиваться на всю ночь.

Утром, взболтав пузырившуюся брагу, от которой уже начал исходить специфический запах алкоголя, я вернулся к бутыли с водой и увидел, что не растворившиеся остатки пепла осели на дне. Тогда я осторожно перелил воду через кусок ткани в ту же керамическую чашу и принялся выпаривать. Процесс этот был, несомненно, более приятный, нежели кальцинация, и в результате я получил пригоршню порошка, напоминавшего обыкновенную поваренную соль, только выделенную из растений и именовавшуюся издавна как поташ.

После этого я ежедневно перемешивал брагу, замечая, что запах алкоголя усиливался с каждым днём, пока наконец брожение не прекратилось.

Тогда я отделил получившуюся жидкость от мутного осадка и перелил её в большую бутыль из прозрачного стекла. Терпкий аромат так и манил меня сделать глоток, но, помня о жалкой участи собаки и наставлениях служанки, я сдержался. Следуя рецепту, я насыпал белый порошок поташа в бутыль, хорошенько её взболтал и оставил отстаиваться на всю ночь. Немало удивил меня наутро насыщенный алый цвет, в который окрасилась жидкость. На мгновение мне стало дурно от мысли, что я держу в руках сосуд, полный крови. Однако, откупорив бутылку, я сразу же взбодрился от резковатого запаха алкоголя. И, не мешкая ни минуты, засыпал внутрь уже высушенную полынь, к которой добавил немного листьев мяты, цветков иссопа, семян фенхеля и несколько звёздочек аниса. Всё это должно было смягчить горечь полыни и придать напитку благоухание трав.

Настоявшись ещё несколько дней, алхимическая тинктура приобрела необычайный золотистый оттенок, что свидетельствовало о правильности всей проделанной мною работы. Теперь же настала очередь последнего этапа. Я перелил жидкость в алембик перегонного куба и водрузил его на песчаную баню, устроенную на

растопленной чугунной плите, служившей мне алхимическим атанором. На протяжении всего дня я совершал легендарный Magnum Opus[270], следя за силой пламени и кипением золотистой жидкости — Алкагеста — с растворёнными в ней солями Первоматерии. Происходившие в перегонном кубе метаморфозы завораживали меня. Поднимавшийся от жидкости пар, подобно освобождённому духу, устремлялся по длинному носику алембика, где конденсировался или, как бы выразились философы древности, сгущался в прозрачные, словно слезинки, капли. Solve et Coagula[271] — гласит мудрость Бафомета.

Весь получившийся дистиллят я перелил в изящную узкую бутылку, куда также бросил маленькую веточку полыни, чтобы напиток приобрёл благородный изумрудный оттенок. Своё сокровище я спрятал в дальнюю комнату дома, подальше от чужих порочных взглядов. Теперь оставалось лишь ждать и надеяться, что

---

[270] Примечания: 270

Magnum Opus — лат. «Великий труд», (чаще Великое делание), алхимический термин, обозначающий сакральный процесс создания Философского камня.

[271] Примечания: 271

Solve et Coagula — лат. «Растворяй и Сгущай», алхимический девиз, обозначающий два главных процесса Magnum opus. Был начертан на руках Бафомета на рисунке Элифаса Леви.

мне удалось правильно растолковать старинные гравюры и воссоздать рецепт.

Месяц мучительных ожиданий прошёл в поклонении Зелёной фее. Комнату, где под покрывалом из зелёного шёлка хранился магический напиток, я превратил в её святилище: стены были драпированы зелёными гобеленами с причудливым растительным орнаментом, окна застеклены цветными витражами, и проникавшие сквозь них лучи окрашивались в изумрудный цвет и падали на кресла, обитые зелёным бархатом. Сидя в этих креслах холодными осенними вечерами я зачитывался «Цветами зла», Бодлера и созерцал репродукцию «Звёздной ночи», Ван Гога, висевшую над камином. Бедный безумец Винсент… Тогда я ещё не ведал, какой ужас он отразил в своей работе. До конца жизни художника преследовали кошмары. Даже когда тот скитался по лечебницам для душевнобольных, где его наивно лечили от эпилепсии. Даже когда он отверг жалкую церковь, где не нашёл спасения. Ван Гог пытался писать навязчивый образ ужаса, пробужденного абсентом, но не смог вынести этого тяжкого бремени и покончил собой. Я ещё не понимал, что движусь навстречу тому же самому безумию. Я не думал ни о чём

кроме своей жажды: припасть к чаше неизведанного и испить зелёного яда.

Долгожданный день пришёлся на конец ноября. Промозглым вечером мулатка ушла далеко за город, чтобы на вершине холма в окружении древних камней совершать языческие обряды своих предков, а я, оставшись в полном уединении в своём святилище, откупорил бутылку с абсентом. Тонкой изумрудной змейкой напиток заструился в бокал. Несколько минут я наслаждался мерцанием насыщенного зелёного цвета в отблесках пламени камина. Затем страстно приник к чувственным губам Зелёной феи и сделал жадный глоток. Дивное благоухание трав, смешанное с горечью полыни, пряностью иссопа и аниса и подчёркнутое остротой алкоголя, окутало меня своей теплотой. Я закрыл глаза и долго наслаждался нахлынувшими ощущениями, пока они не сменились опьянением. Но оно не было похоже на эффект каких-либо известных мне вин, настоек, и даже наркотиков. Мой разум отделился от тела и, словно овеянный каким-то колдовством, я устремился в открывшуюся передо мной бездну.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем я открыл глаза. Все привычные вещи вокруг

растворились — лишь мягкие отблески света, окрашенные в изумрудные тона, окутывали меня. И единственное, что я смог разглядеть, была «Звёздная ночь». Но с чудесным полотном произошли невероятные метаморфозы: милая деревенька превратилась в какой-то монолитный город с вывернутыми углами и искажёнными гранями. Мерцающие звёзды на чёрно-синем небе хищно взирали прямо на меня. И без того необычные кипарисы сперва показались мне серыми пиками исполинских гор, но затем принялись мерзко извиваться, словно щупальца морского спрута. В моём сознании, в такт их гипнотическим движениям, возникли неведомые мотивы — оглушительный грохот барабанов и пронзительный визг флейт. Но ужаснее всего был заглушавший их дикий рёв — Иа! Иа! Кулулу фатагн! Кулулу фатагн!

Мой отчаянный вопль потонул в этой какофонии. Я попытался закрыть уши, в надежде заглушить ужасный зов, но это не помогало. Тогда, обезумев, я разбил бутылку с драгоценным абсентом и принялся резать уши осколками, повторяя судьбу несчастного Ван Гога. И то ли от боли, то ли от шока я потерял сознание, провалившись в блаженное небытие. Из него меня

вывел голос мулатки, вернувшейся рано утром и обнаружившей меня на полу, изрезанного осколками, в крови и абсенте. Придя в себя и перевязав раны, я задал проклятой девчонке трёпку, крича и проклиная её и её дьявольское зелье. А она, оправдываясь, только и смогла сказать, что его пили её предки в священную ночь накануне ноября, чтобы в многоколонном Иреме слышать божественный зов Кутулу.

Древний ритуал, посвящённый забытому халдейскому божеству, невольным участником которого я стал, превратил сладострастную Зелёную фею в кошмарного Зелёного дракона, тянувшего ко мне из чёрной изначальной бездны свои мерзкие щупальца. Наркотики, в которых я раньше искал свободы духа, теперь стали моим узилищем, в котором я ищу спасительного забвения от древнего ужаса, преследующего меня во сне и наяву. После всего пережитого, я жажду лишь одного — найти освобождения в золоте пшеничного поля, с револьвером у виска.

Алексей Лотерман

Страж Врат

Автор идеи _Миля_

2016

1

Весной 1949 года, собрав свои скромные пожитки, я перебрался из шумного Нью-Йорка в овеянный легендами старинный Аркхем. Оставив должность рядового служащего архива Бруклинского музея, я должен был занять место преподавателя фольклористики в Мискатоникском университете. Но привлекал он меня, прежде всего, не профессиональными перспективами, а своими широко известными библиотечными собраниями редкой эзотерической и оккультной литературы. Как честолюбивый исследователь всевозможных мистерий и культов, я рассчитывал найти среди них ряд запретных трудов, о которых обывателям даже слышать не приходилось, а кто слышал, считал их проклятыми и богохульными. Те же, кто имел возможность хоть одним глазком взглянуть на их страницы, покры-

тые таинственными символами и источенные червями, сами оказывались прокляты. И, если верить слухам, отправлялись из университета прямиком в Аркхемскую лечебницу для душевнобольных, до которой было рукой подать.

Но все мои надежды развеялись в первый же день. Я не стал тратить время на осмотр местных достопримечательностей и старинной архитектуры Аркхема, а лишь снял комнату на ИстЧёрч-стрит с видом на парк и поспешил заняться библиотечными каталогами. Действительно, Мискатоникский университет обладал выдающимися собраниями книг в интересовавших меня разделах. Но, как оказалось, ничем, чего бы я не прочёл ранее в Нью-Йоркской библиотеке Пирпонта Моргана. Так, здесь в большом количестве были представлены уже хорошо известные мне сборники по мифологии и языческим мистериям античного мира — от древней Месопотамии до позднего Рима. Пришедшие им на смену переполненные суевериями труды тёмного средневековья, такие как «Молот ведьм», Крамера и Шпренгера, «Pseudomonarchia Dæmonum», Вейера и всевозможные колдовские гримуары. А также под их влиянием труды мистических орденов эпохи Возрождения и поздних

веков, погрязших, в конечном счёте, в сумасбродных дебрях каббалистики и банальном разврате Нового времени.

Но среди всего этого иногда всё же встречались и довольно любопытные работы. Так, мне попалось редкое издание монографии Эли Давенпорта, написанной ещё в середине прошлого столетия. Одна его часть была посвящена изучению верований племён Пеннакук и Гуронов, некогда обитавших на территории Новой Англии. Мой пытливый взор сразу же выхватил имена их культовых божеств — Итаква, Бмола и Тсатоггуа. А вторая содержала легенды, совсем уж фантастические, о сношениях индейцев с нечеловеческими Ми-Го — мифическими существами из далёкого мира Юггот, которые якобы и по сей день скрываются в лесах и горах Вермонта.

И тем не менее даже таким раритетам не удавалось утолить мои аппетиты, лишь сильнее их разжигая. Поэтому я с ещё большей силой принялся искать на полках библиотеки нечто, что ещё не было мною прочитано, — нечто таинственное, если не сказать сакральное. Оно должно было заполнить белые пятна в знаниях истории и пролить свет на ещё не изученные области науки. Я знал, что страницы, содержащие

эти секреты, сшитые в тугой переплёт с неприметной обложкой, находятся здесь и ожидают своего часа.

Так совершенно случайно на полке одного из стеллажей в самой глубине читального зала мне попался перевод «Некрономикона», Абдуллы Аль-Хазреда, о котором до того момента мне доводилось слышать лишь сомнительные слухи и домыслы. Состояние находки было ужасным — старая папка с затёртыми и измятыми листами, покрытыми плохо пропечатанными, а местами и дописанными от руки разрозненными отрывками английского текста, неумело переведённого с латыни. Оригинал, как оказалось, хранился здесь же в университете, но, сколько бы я ни упрашивал работников библиотеки, выдать его мне отказались, сославшись на ветхость древнего фолианта. Да к тому же после попытки выкрасть книгу в 1928 году, закончившуюся тогда, по их словам, для грабителя страшной гибелью, её вряд ли когда-нибудь ещё извлекут из книгохранилища.

Теперь же я понимаю, что далеко не состояние книги было причиной отказа, а самый настоящий страх перед жуткими последствиями, к которым может привести её чтение. Ведь даже

те несчастные отрывки перевода, что мне удалось прочитать и скрупулёзно переписать в свой блокнот, произвели на меня неизгладимое впечатление. Ледяной ужас волнами окатывал меня, когда я вчитывался в строки откровения Безумного араба. Оно повествовало о великих Древних богах: о могучем Ктулху, спящем в затонувшем городе Рлайх, о Чёрном козероге лесов Шаб-Ниггуратх, о вестнике и хранителе проклятой мудрости Ньярлатхотепе, о слепом повелителе демонов Азатоте, и о Йог-Сототе, что есть Врата и Ключ.

Прочитанное показалось мне до того странным и необычным, что в какой-то момент я даже усомнился, а не пытаются ли меня одурачить, выдав за перевод легендарного «Некрономикона», какие-то непонятные сочинения пациентов Аркхемской лечебницы? Но мои размышления были неожиданно прерваны подошедшим молодым человеком. Лет двадцати, непомерно высокий, он перегнулся через стол и навис над лампой, отчего тени, упавшие на его косматое лицо, придали ему какие-то отталкивающие звериные черты. Но больше всего меня поразили его глаза странного тёмно-красного оттенка, какого не бывает даже у альбиносов.

— Ерунда это всё, — пробасил он неестественно

резонирующим голосом, кивнув на лежавшие передо мной листы, — там и трети книги нету. В Данвиче вы бы больше нашли.

— А в Данвиче тоже есть библиотека? — спросил я, совладав с собой. Но молодой человек поспешил скрыться за стеллажами. — Постойте, как вас зовут?

— Сэм Раут, третий курс, — бросил он, ехидно ухмыльнувшись.

Я машинально сделал пометку в блокноте: «Сэм Раут, Мискатоникский университет, III курс факультета…», — и было бросился вдогонку, чтобы узнать какого именно факультета, но в библиотеке его уже не было. Мне больше ничего не оставалось, как вернуть взятые книги на свои места, в том числе и папку с переводом «Некрономикона», и разочарованно отправиться в снятую на ИстЧёрч-стрит комнату, перекусив где-нибудь по дороге.

2

Той же ночью я долго не мог уснуть, размышляя над прочитанными отрывками из мрачного писания Аль-Хазреда, словами Сэма Раута и выстраивая направление моих дальнейших по-

исков. Но постепенно мысли стали путаться, и меня одолел сон, очень беспокойный. Мне грезилась какая-то зловещая фантасмагория — игра света и тени, невообразимые переливы красок, изменявшиеся в такт космическим ритмам. И среди всего этого хаоса из ниоткуда появлялись и исчезали чудовища, каких не могло породить даже самое богатое воображение. Разве что больной разум сумасшедшего.

Тяжёлые сновидения не прошли бесследно, и наутро меня одолела сильнейшая мигрень. Боль пульсировала и отдавалась в голове, словно повторяя ритм какофонии из ночных кошмаров. Её не смогли унять даже лекарства, запитые водопроводной водой с необычным горьковатым привкусом. Так что до полудня я оставался в комнате, разбирая свои чемоданы, ещё покрытые пылью Центрального вокзала Нью-Йорка. К вечеру мне всё же стало лучше, и я вышел прогуляться на свежем воздухе по Аркхему, а заодно разузнать что-нибудь об упомянутом Сэмом Раутом Данвиче.

В лучах заходившего солнца, Аркхем навевал какую-то странную тоску. Его лабиринты узких улочек, между теснящихся друг к другу домов, хранили множество тайн, а нависавшие над

ними фронтоны и мансарды с двухскатными черепичными крышами, выглядели и вовсе мрачно. Всё в этом городе было настолько древним, что, казалось, время в нём просто остановилось. Даже новые постройки ничуть не выбивались из общей картины этого старинного колорита и гротеска.

Так, прогулявшись по центральным улицам города и набережной Мискатоника, я направился к университету. По дороге мне удалось перебросится парой слов с расходившимися после занятий студентами и их преподавателями. Но все они упорно избегали заговаривать на тему Данвича, неизменно переводя беседу на другие: весеннюю пасмурную погоду, послевоенный рост цен, возобновление рыболовного промысла в соседнем Иннсмауте и прочие. Возникало впечатление, что те из них, кто что-то и знал о Данвиче, придерживались некоего общественного табу, относительно упоминаний о нём. Хотя, у некоторых мне всё же удалось узнать, что Данвичем называлась заброшенная ещё лет двадцать назад деревушка где-то в Долине Мискатоника, к северу от Аркхема.

Куда больше мне поведали библиотечные справочники по Новой Англии и подшивки «Аркхем

Эдвертайзер», за 20-30-е годы. Согласно им, Данвич был основан во второй половине XVI века переселенцами из Салема и вплоть до 20-х годов XX века представлял собой деревеньку с десятком ферм, разбросанных среди холмов Мискатоникской долины. Самим же холмам как местной достопримечательности внимания уделялось ничуть не меньше. Неоднократно сообщалось о древних мегалитах, венчавших их плоские вершины, особенно хорошо они сохранились на «Сторожевом холме». Это были два кольца вертикально поставленных каменных глыб, с круглым и ровным, как стол, валуном в центре. Обычно их относили ко времени обитания в той местности индейцев-покамтуков и считали местами их погребений, о чём свидетельствовало огромное количество человеческих костей и черепов, обнаруженных возле монолитов.

Вдобавок к этому, я отыскал текст проповеди преподобного Абиаха Ходли, отпечатанный ещё в 1747 году в Спрингфилде. В нём с присущей тому пуританскому времени фанатичной религиозностью говорилось о дьявольских шумах, грохоте и шипении, исходивших из адских глубин и раздававшихся в холмах. А также о нестерпимом серном смраде, ощущавшемся на

Дьяволовом хмельнике — открытом и лишённом всякой растительности склоне одного из холмов. Об этих же явлениях говорилось и в других источниках, переживших пуританские суеверия. Так, в подшивках «Эйлсбери Транскрипт», за 1915 год сообщалось об особенностях геологии Мискатоникской долины, смещениях подземных масс, обрушениях карстовых пещер и выходе на поверхность ядовитых газов.

Несколько раз мне встречались упоминания об исчезновениях молодых людей в 1924–1925 годах, также нередко говорилось об общей картине упадка и вырождения в Данвиче. Но последнее было вполне типичным для Новоанглийского захолустья, и только в 1928-ом году картина резко переменилась. В газетах почему-то не сохранилось публикаций за тот год. Разве что какая-то нелепая заметка в том же «Эйлсбери Транскрипт», о засилье бутлегерства, смутное упоминание в «Аркхем Эдвертайзер», о неудавшейся попытке ограбления библиотеки Мискатоникского университета, и сообщение о трёх аркхемцах из Мискатоникского университета, героически боровшихся с каким-то «данвичским кошмаром». Их звали Генри Армитейдж, Фрэнсис Морган и Уоррен Райс. О том, что же это было за роковое

происшествие, мне ничего найти не удалось. Скорее всего, это были отголоски эпидемии тифа, случившейся ещё в начале века в Аркхеме, и с которой тогда до последнего боролся доктор Аллен Хэлси. Вероятно, в Данвиче это сопровождалось падежом скота или неурожаем, после чего фермеры так и не смогли привести свои дела в порядок. Тогда молодёжь устремилась в соседние города и штаты в поисках лучшей жизни, а старики остались доживать свой век, наблюдая стремительное разрушение их многовекового поселения. Так что после 1931 года Данвич и вовсе нигде не упоминался.

О какой-либо данвичской библиотеке, на которую намекал Сэм Раут, мне не удалось найти ни слова. Поэтому я решил разыскать его самого и расспросить подробнее, но здесь меня ждало неожиданное открытие. В деканате университета, куда я обратился, мне сообщили, что студент с таким именем числился у них разве что лет шесть назад и тогда же бесследно исчез. Да и выглядел он вполне обычно, зато под моё описание подходил некий Нэйтан Бишоп, частенько ошивавшийся в окрестностях Аркхема, и пугавший горожан своим мрачным видом. Иногда он даже заявлялся в библиотеку университета, что порой

оставалось незамеченным её работниками, и, по-видимому, так же произошло накануне.

Учитывая такое обстоятельство, я решил не торопился с поисками этого Нэйтана Бишопа, ведь ещё оставалось трое аркхемцев, непосредственных участников событий 1928 года, которые могли бы куда более подробно рассказать мне о замалчиваемом периоде истории и последних годах одного из самых таинственных уголков Новой Англии. Здесь же, в деканате, я выяснил, что Армитейдж, состоявший на должности хранителя библиотеки Мискатоникского университета, умер в том же 28-ом году. Похожая судьба постигла и Райса, преподавателя древних языков, какое-то время он провёл в клинике святой Марии, но скончался в 29-ом году. Видимо, самоотверженная борьба с эпидемией сильно подкосила и их здоровье.

Единственным оставшимся в живых из всей троицы был Морган. В силу относительно молодого, на тот момент, возраста и крепкого здоровья, он сумел оправиться и вернуться к преподаванию сравнительной анатомии в университете. Однако три года назад профессор оставил свою должность и перебрался в Пенсильванию. Это была ещё одна внезапная преграда на моём пути,

но даже она не могла смутить такого упорного искателя, как я. Поэтому я решил узнать пенсильванский адрес профессора и послать ему телеграмму. Но каким же было моё удивление, когда вместо этого мне сказали, что примерно раз в год Морган возвращается в Аркхем, чтобы посетить могилы своих родных и коллег на кладбище при Церкви Христа. И по необычайному стечению обстоятельств он как раз был в городе.

Узнав адрес, по которому остановился Морган, я посетил профессора. Это был худощавый, поседевший и состарившийся не по годам мужчина: далёкие события всё же оставили на нём свой след. Но несмотря на это, он держался открыто и доброжелательно. Поприветствовав его и представившись фольклористом из Нью-Йорка (чем явно расположил к себе собеседника), я рассказал ему о своих поисках. Но стоило мне только спросить профессора о Данвиче, как его настроение тут же изменилось.

— Вам лучше не знать, что там творилось. Держитесь подальше от Сторожевого холма и развалин… — На этих словах профессор осёкся, поняв, что взболтнул лишнего, и в его глазах отразился неподдельный страх. А заметив, что я вытащил из кармана записную книжку, Мор-

ган вцепился в мою руку. — Оставьте это дело. Армитейдж и Райс жизни свои отдали, лишь бы остановить тот кошмар, да и мой час близок. Не ворошите прошлое!

Было ясно, что профессор больше не скажет мне ни слова о Данвиче и задерживаться у него дольше не имело смысла. И лишь в дверях он опять попросил меня не тревожить тайны прошлого, ради своего и всеобщего блага.

3

Тем не менее, слова профессора Моргана произвели на меня обратный эффект, лишь распалив моё любопытство. И я почти был готов к тому, что встречу его активное противодействие, так сильно он не желал, чтобы я интересовался Данвичем, не говоря уже о том, чтобы ехал туда. Но уже на следующее утро, без каких-либо препятствий, я мчался во взятом напрокат довоенном «Родстере», навстречу неизведанному. Поминутно сверяясь со старыми, не позже 1928 года, картами Массачусетса, я пытался отыскать нужную дорогу. Пару раз на пути мне попадались указатели на Дьюсбери, Кингспорт, Эйлсбери, и даже новенький на Иннсмаут, но ни одного в Данвич.

Звуки привычного мира, шум машин и голоса людей постепенно стихли и остались далеко позади, меня остался сопровождать лишь плеск бурных вод Мискатоника. Впереди раскинулась первозданная, так и не покорившаяся человеку до конца природа Новой Англии. С обеих сторон вдоль дороги тянулись чёрные лощины, то здесь, то там посреди них вздымались холмы. Вершины одних были плоскими, другие же наоборот напоминали конусы, окутанные густым туманом. Кое-где дорога проходила по самому краю глубоких оврагов, и болота на их дне представляли собой довольно мрачное зрелище. Всё это было частью Мискатоникской долины, раскинувшейся на добрую часть штата. Река, давшая название как самой долине, так и университету в Аркхеме, словно змея пронизала и оплетала своими кольцами всю территорию долины.

Я успел проехать не меньше десяти миль, когда на горизонте, куда уходила дорога, выросла стена огромных вековых деревьев Биллингтонского леса. Тогда я свернул на размытую стаявшими снегами неприметную грунтовку, которая вывела меня к ветхому деревянному мосту, крытому, какими их строили ещё в прошлом веке. Под ним стремительно неслись разлившиеся воды всё

того же Мискатоника. Мне пришлось выйти из автомобиля, чтобы выяснить, смогу ли я проехать дальше. И именно тогда из-под прогнившего свода моста моему взору открылся угрюмый, вселяющий тревогу пейзаж.

Вдалеке, на фоне тяжёлых серых туч высился огромный холм с почти плоской вершиной, на которой в дымке тумана смутно угадывались какие-то каменные руины. Это, по-видимому, и был тот самый Сторожевой холм, о котором упомянул профессор. Вдоль его отвесного склона, петляла всё та же грунтовка, она тянулась через небольшую деревушку из нескольких десятков покосившихся домов, слепо глядевших чёрными провалами окон. Дальше за ней были разбросаны покинутые данвичцами фермы, все, за исключением одной. Над небольшим обветшалым домом поднималась струйка сизого дыма, а это значило, что кто-то из старожилов всё ещё обитал в нём.

Дом был такой же угрюмый, как и всё в этом забытом богом месте. Тем не менее, он всё ещё подавал признаки жизни. И только я затормозил возле него, как откуда ни возьмись прямо под колёса автомобиля с хриплым лаем бросилась костлявая собачонка. Я вышел из машины и, громко выругавшись, замахнулся на неё. Со-

бачонка тут же припустила прочь, всё так же хрипло поскуливая. Из дома, видимо, услышав мой голос, вышла старуха — седая, грязная и такая же худая. Она была такой древней, что наверняка могла помнить лучшие времена Данвича, если, конечно, не выжила из ума за годы одиночества. Увидев меня, она насторожилась и замерла на пороге дома.

— Добрый день, мэм. — Поздоровался я в надежде завязать разговор. — Есть ли ещё люди в Данвиче?

Не успел я договорить, как старуха торопливо вернулась в дом, а затем вышла, держа в корявой руке древнюю, как она сама, истёртую грифельную дощечку. Другой рукой она зажала себе рот, дав понять, что нема. Затем она принялась что-то торопливо выводить куском мела на табличке. Но, к своему разочарованию, я увидел абсолютно неразборчивые каракули, даже близко не походившие на буквы. Я остановил старуху, и предложил ей отвечать на мои вопросы кивками головы. На что она тут же утвердительно затрясла головой с седыми засаленными волосами.

— Я ищу молодого человека по имени Нэйтан Бишоп, вы не знаете его? — Старуха внимательно осмотрела меня с явной тревогой, и отрицатель-

но замотала головой.

— Мы виделись с ним на днях в библиотеке Мискатоникского университета, и Нэйтан сказал, что я смогу найти в Данвиче кое-какие редкие книги, возможно, в старой городской библиотеке? — Она задумчиво покачала головой из стороны в сторону, а затем в её глазах показался хитрый блеск, и она утвердительно кивнула.

— Так может быть, вы покажите мне, где она находиться? — обрадовано спросил я, но старуха с хитрым видом потёрла пальцами руки, намекая на деньги.

Деньги решают всё — давно известная истина. Я отсчитал в кармане несколько купюр и протянул старухе, она живо запрятала их за пазуху. Но этого оказалось мало — она уцепилась своими крючковатыми пальцами в рукав моего пальто. Ради заветной цели мне не было жалко и его, к тому же пальто прослужило мне уже много лет и сильно износилось. Я снял его и отдал старухе, тут же ощутив, как холод и сырость просачиваются сквозь жилет и рубашку. Старуха же быстро накинула не по размеру большое пальто на свои сутулые плечи и поманила меня за собой.

Шли мы довольно долго, не меньше мили, пробираясь по еле заметным тропам с непролаз-

ной грязью и большими лужам. Я ожидал, что старуха поведёт меня к развалинам данвичской деревушки, но вместо этого мы удалялись от неё. Так миновав несколько заброшенных ферм с разрушенными каменными изгородями, мы обогнули Сторожевой холм, и его склон сделался совсем пологим.

Наконец старуха остановилась и, убедившись, что я наблюдаю за ней, указала рукой в сторону чернеющей лощины, подступавшей к самому склону холма. На её границе виднелись какие-то постройки. Затем она повернулась ко мне и стала что-то усердно вырисовывать на грифельной дощечке. Это была звезда, но вся неровная, перекошенная, с чем-то не понятным, напоминающим глаз в центре. Вновь указав в сторону притулившихся на склоне построек, старуха перечеркнула звезду тремя линиями, сложившимися в подобие перекрестья. Я спросил у неё о значении нарисованного, и она, ткнув пальцем в символ, принялась медленно выводить буквы, будто писала их впервые за свою жизнь.

Меня уже тогда стали одолевать неясные подозрения, рождавшие неподдельное чувство страха. В памяти всплывали отрывки из перевода «Некрономикона», которые я скрупулёзно

переписал в свой блокнот. Я достал его из кармана и перелистал. На одной из страниц была та самая искривлённая звезда, не пресловутая пентаграмма или пентакль, которыми пестрят все оккультные труды, а чуть ли не единственное средство, как считал Безумный араб, способное защитить от проклятия тех, кто обитает за Гранью, — Печать Старших богов.

В это время старуха прекратила писать и протянула мне грифельную дощечку. Я лишь бросил на неё взгляд, как все таившиеся страхи и подозрения тут же вырвались наружу. На чёрной, исцарапанной за долгие годы поверхности было криво начертано «Йог-Сотот». Я с содроганием вспомнил строки из «Некрономикона»: «Йог-Сотот есть Врата, Йог-Сотот — Ключ и Страж Врат». Откуда необразованная и немая старуха могла знать ужасное имя этого Древнего божества и символы, которые даже мне удалось найти лишь с большим трудом? Возможно ли, что она видела их в книгах данвичской библиотеки, о которой говорил Нэйтан Бишоп и к развалинам которой старуха, должно быть, меня привела?

Когда же я наконец собрался с мыслями и хотел вновь заговорить со старухой, то обнаружил, что остался совсем один. Сгорбленная фигура с

семенящей за ней собачонкой уже почти скрылась из виду. Меня, как и всё живое, тоже тянуло поскорее убраться отсюда, покинуть это всеми забытое место с царившим в нём запустением, омрачённым пасмурной погодой ранней весны. Однако стремление отыскать интересовавшие меня книги ни в коем случае не позволило бы отступить.

4

Я направился к постройкам, на которые указала старуха. Ими оказались большой обветшалый хлев, в каких на фермах обычно держат скот, крепкий ещё сарай и какие-то развалины. Широкие двери амбара были открыты настежь и почти сорваны с петель, а в тёмном проёме виднелись пустые стойла для животных. Дверь же сарая, наоборот, была плотно закрыта и придавлена просевшей притолокой. Большой поломанный замок, которым она, по-видимому, когда-то запиралась, валялся изъеденный ржавчиной здесь же на земле. Приложив немалые усилия, мне удалось открыть дверь, о чём я сразу же пожалел. В нос мне ударила омерзительная вонь, которая никак не могла остаться даже от домашнего скота. Это

была не просто смесь запахов затхлости, сырости и плесени, но ещё чего-то мускусного, звериного, слившегося в единый приторный смрад. Он был настолько сильным, что даже стайка серых козодоев взволнованно застрекотала в лощине.

Я не сразу решился зайти в сарай. Лишь дождавшись, пока запах немного выветрится, шагнул внутрь. В полумраке я разглядел верстак с остатками плотницких инструментов, полусгнившие хозяйственные принадлежности, обвалившиеся полки с побитыми банками и трухлявые корзины для овощей. Затем, к своему удивлению, в дальней части постройки я заметил то, что никак не подходило для интерьера фермерского сарая, а именно внушительных размеров кровать, на которой всё ещё лежал ворох полуистлевшего белья. Напротив него стоял изъеденный жучками стол с массивным креслом, предназначавшимся, по-видимому, для человека ростом никак не меньше семи футов, а также комод с выворочеными ящиками. В углу сарая притулилась железная печурка, её труба была выведена в одно-единственное окошко, да и то заколоченное. И всё это покрывал внушительный слой пыли и грязи, говоривший о том, что в сарай никто не заходил вот уже много лет. В бесформенной

куче возле стола я с трудом узнал грудой сваленные книги, давно превратившиеся в труху, размякшую от сырости, так что даже названий на корешках невозможно было разобрать. Я попытался поднять и раскрыть одну из книг, но она развалилась прямо у меня в руках.

Больше в сарае не было ничего примечательного, поэтому я вышел наружу и обратил своё внимание на развалины у самого склона холма. Тёмная лощина уже вплотную подобралась к ним и окружила зарослями корявого кустарника и деревцами с неестественно перекрученными стволами. На добротном каменном фундаменте уцелела только угловая часть строения. С внутренней стороны её покрывали глубокие царапины, которые, вероятно, могли оставить когти диких зверей, если бы они не находились в том числе на высоте человеческого роста. Очевидно, что некогда на этом месте стоял большой фермерский дом, после обрушения которого его хозяин, скорее всего, и поселился в сарае.

Я копался в руинах этого дома, разгребая обломки досок и камней, но мне попадался лишь разный мусор, да поломанная домашняя утварь, поросшая лишайником. Эти развалины ничуть не походили на библиотеку, в которой можно

было бы найти нечто большее, чем отрывочный перевод «Некрономикона». Но я не терял надежды отыскать хоть что-нибудь любопытное, ведь за каждой преградой на моём пути неизменно следовали всё новые открытия. Так случилось и в этот раз.

Устав от безрезультатных поисков, я направился к остову обрушенной стены, чтобы присесть на него и передохнуть. Однако, сделав лишь несколько шагов, неожиданно услышал, как прогнившие доски пола под моими ногами затрещали, и я провалился во мрак. Первое, что пришло мне в голову после падения, — что я провалился в самую настоящую могилу: такими сильными были холод и сырость, которые я ощутил. Но поднявшись на ноги, я понял, что провалился в подвал разрушенного дома. Вернее, это был небольшой каменный погреб, заполненный талой водой, доходившей мне до щиколоток. Я попытался сделать пару неуверенных шагов, и тут же обо что-то запнулся и упал, окунувшись в ледяную воду.

Нащупав в кармане электрический фонарь, я осторожно поднялся и осмотрелся. Погреб, как и фундамент дома, был выложен из грубо отёсанного серого камня, покрытого мерзкой

порослью. В одной его стене зиял чернотой низкий свод, у другой же высилась лестница. Часть её каменных ступеней обвалилась, но я всё же взобрался по ней наверх, к входу в погреб. Деревянная крышка, придавленная сверху разным мусором и обломками дома, поддалась не сразу. Но как только мне удалось приподнять её, погреб тут же наполнился пасмурным светом. И лишь тогда я заметил предмет, о который споткнулся — небольшой, наполовину скрытый в мутной воде сундук. Плотнику, изготовившему его, следовало отдать должное: доски сундука были плотно подогнаны друг к другу, просмолены, да ещё и окованы железом, покрывшимся за долгие годы в сыром погребе ржавчиной. Мне без особого труда удалось сбить ногой запиравший его навесной замок. Крышка сундука нехотя откинулась, и внутри я обнаружил свёрток из мешковины, совершенно сухой, что, опять же, говорило о качестве работы плотника. Но то, что оказалось внутри свёртка, взволновало меня ещё сильней, заставив забыть обо всём и возликовать. Удача вновь не обошла меня стороной.

Несколько старинных фолиантов, на потёртых и потрескавшихся кожаных переплётах которых были тиснены облетевшей позолотой самые

таинственные названия, о которых мне когда-либо доводилось слышать. С дрожью в руках я открывал одну книгу за другой, и перелистывал пожелтевшие пергаментные страницы, исписанные словами нечеловеческих заклинаний и ритуалов, посвящённых запретным, внушающим благоговейный ужас Древним богам. И вот, наконец, последним в моих руках оказалось то самое сокровище, которое я так упорно искал, — легендарный «Некрономикон», Абдулы Аль-Хазреда. Нэйтан Бишоп не соврал, это были не те жалкие фрагменты, что пылились в Мискатоникском университете, а одно из изданий XVI века, в английском переводе самого Джона Ди. Его имя значилось на титульном листе, аккурат под именем Безумного араба, наполовину закрытое не то поистёршимся экслибрисом, не то библиотечной печатью.

На трудночитаемом английском времён Шекспира знаменитый оккультист и математик описывал скитания Безумного араба в раскаленных песках Руб Аль-Хали, его видения в них многоколонного Ирема с мерзкими бесплотными обитателями, нашёптывавшими ему холодными ночам непостижимые тайны далёкого прошлого. Мрачные могильные подземелья Мемфиса с

ужасным хранителем и блуждающими в темноте ушебти были описаны так, будто я сам побывал в них. То там, то здесь на страницах фолианта встречались предостережения о коварстве проклятых богов и предречения о пробуждении других, покоящихся в сокрытых гробницах и смоляных ямах. А местами и вовсе приводились слова, которыми их можно было пробудить от вековечного сна. Я ликовал. Эти сакральные знания ждали меня здесь, заботливо спрятанные от посторонних глаз, кто знает кем и сколько лет назад.

Но не успел я вдоволь насладиться своей находкой, как откуда-то из глубины чёрного проёма в стене погреба абсолютно явственно повеяло тем самым смрадом, который я ощутил ещё в сарае. Причем здесь он был куда сильнее, и в мрачном погребе с этой вонью мне сделалось совсем не по себе. Подгоняемый чувством страха, я сложил книги в сундук (мешковина хоть и была намного легче, но расползалась от ветхости прямо у меня в руках) и выволок его наружу, оставив крышку погреба открытой. Если бы не случайность, то я бы ни за что бы не заметили её, сделанную с редким мастерством всё того же плотника.

5

Уже собравшись броситься со своей находкой к дому старухи, где остался мой автомобиль, я, словно по велению чьей-то непреодолимой воли, оглянулся на развалины дома и открытый лаз погреба, в котором виднелся чёрный зев каменного свода. Любопытство и исследовательский пыл, казалось, взяли надо мной верх, оттеснив чувство страха. Кто-то давным-давно спрятал в погребе сундук с редчайшими и ценнейшими книгами — что же ещё, в таком случае, могло скрываться в неизведанной темноте подземелья?

Оставив сундук возле кучи досок, я вновь спустился в погреб, ступив в холодную воду. В свете фонаря была отчётливо видна каменная арка шести футов в высоту и длинный тоннель, уходивший, очевидно, вглубь Сторожевого холма. С минуту поколебавшись, я шагнул вперёд. В тоннеле ощущалась всё та же сырость, то тут, то там между скользких камней пробивались белёсые шляпки грибов на тонких ножках. Кое-где на стенах попадались крюки для керосиновых, а возможно и масляных, ламп, ломавшиеся от малейшего прикосновения к ним. Судя по всему,

тоннель был построен вместе с фундаментом дома ещё во времена первых переселенцев из Салема. Оставалось лишь гадать о его назначении, помня недобрую славу, окружавшую тех, кто бежал от ведьмовских процессов.

Пройдя десятка четыре футов, я отчётливо ощутил, что тоннель приобрёл заметный уклон вниз, а каменный пол под ногами стал до того скользким от стекавшей сюда талой воды, что я поспешил опереться рукой о стену, чтобы не поскользнуться, но тут же отдёрнул её: настолько неприятным было прикосновение к холодным, осклизлым камням, вызвавшее самые отвратительные ассоциации. В голове тут же вспыхнули пугающие сюжеты из так часто читанного мной журнала «Страшных историй», где ожившие мертвецы таились в старинных подземельях из гнейсовых плит да только и ждали, когда в них забредёт какой-нибудь незадачливый искатель приключений.

Когда же я остановился, чтобы привести мысли в порядок и собраться с духом, меня неожиданно окатила вырвавшаяся откуда-то из недр тоннеля волна нестерпимого смрада. Закашлявшись и закрыв лицо рукавом, я ощутил какую-то неосознанную угрозу в этой вони. Я готов был поверить,

что это не просто выход ядовитых газов, а самый настоящий адский смрад, упомянутый преподобным Абиахом Ходли. От него холодок пробежал по спине, захотелось сорваться с места и бежать прочь, словно от надвигающегося дикого зверя, чьё дыхание я только что ощутил, сильно пожалев, что оставил свой наградной армейский Кольт в автомобиле.

Оглянувшись в надежде, что вид выхода в залитый светом погреб ободрит меня, я не увидел ничего, кроме уходящего вверх каменного свода. И только сейчас я обратил внимание, как разительно изменился тип его кладки. Теперь это уже были не грубо отёсанные камни, а ровные шестиугольные блоки из чёрного матового камня, придававшего окружавшей меня тьме необычайную глубину. Несомненно, эти ровно прилаженные друг к другу своими гранями блоки были столбчатым базальтом, а тоннель просто вырублен в их едином каменном массиве невероятными усилиями неизвестных каменотёсов. Да к тому же на поверхности каждого такого блока различалась поистёршаяся резьба, представлявшая собой один и тот же узор — круги, соединённые линиями в шестиконечную конструкцию. Но это была не оккультная гекса-

грамма, и не пресловутое древо каббалистов, и даже не его прообраз — священный тетрактис пифагорейцев, а нечто более древнее и сакральное.

Медленно, осматривая необычную кладку и покрывавшую её резьбу, незаметно для себя, я продолжал двигаться всё дальше по тоннелю. Меня вели уже не любопытство и честолюбивая жажда знаний, а какая-то иная сила — та самая неподвластная мне, чужая воля, которая потянула меня обратно в погреб. Наконец я оторвался от таинственной резьбы и осветил фонарём тоннель. Впереди, футах в десяти от меня, была видна дверь. Не обычная деревянная, прогнившая и покосившаяся, а массивная, потемневшая от невероятной древности и покрывшаяся патиной бронзовая дверь. Я уже не сомневался насчёт того, что и дверь, и эта часть тоннеля не были выстроены беглецами из Салема или обитавшими в долине индейцами. Это было наследие куда старше самого человечества.

Я толкнул дверь, но та даже не думала поддаваться. Ни ручки, ни кольца, за которые её можно было бы открыть, я тоже не нашёл. Зато в жёлтом луче фонаря был отчётливо виден барельеф на поверхности двери — перекошенная пентаграмма. Та самая, которую нарисовала

на грифельной дощечке старуха и которую я перерисовал с найденных в библиотеке Мискатоникского университета страниц с переводом «Некрономикона». В центре её также был символ, напоминающий глаз, аего изогнутый, словно язык пламени, зрачок служил замочной скважиной, из которой ощутимо тянуло сквозняком и той самой вонью.

Вспомнив о рисунке старухи, я, не задумываясь, провёл рукой от верхнего луча звезды вниз, через её центр, затем под углом вправо до другого луча, и по горизонтали влево, вдоль линии самой звезды, образовав тем самым перекрестье. Не знаю, задействовало ли это какой-то скрытый механизм замка или же этот жест был действительно чем-то из ряда сверхъестественного, о чём писал Аль-Хазред, но в то же мгновение, ничем не нарушая оглушающей тишины подземелья, от одного моего лёгкого прикосновения дверь подалась вперёд и растворилась в густой тьме арочного проёма. Луч фонаря, потянувшийся за ней, поблек, а затем, замигав, и вовсе погас. Тут же меня обдало очередной волной смрада, на этот раз чуть не свалившей меня с ног: настолько она была невыносима и таким сильным был её порыв. И только тогда я понял, что в своей

периодичности эти волны напоминали тяжёлое дыхание, вырывавшееся из могучих лёгких какого-нибудь мифического Титана, заточённого в своей подземной темнице Тартара.

Вглядываясь во тьму, я шагнул вперёд и застыл, оказавшись на самом краю узкого выступа из базальтовых шестигранников, а внизу подо мной раскинулась пропасть огромного колодца. И те цвета и формы, которые я в нём различил, были столь немыслимы и чужды, что я отказывался верить в то, что вижу. Их не могло существовать в привычном для человека мире, и было невозможно описать обычными словами, поэтому из какого-то самого потаённого уголка моей памяти возникли строки:

> *«Мне было видение чёрного зева вселенной,*
>
> *Где слепые планеты в вихре звёздной метели*
>
> *Летят в чёрной бездне, объятые ужасом вечным,*
>
> *Без памяти, без имени, без цели…»*[272]

И это видение, словно из ночного кошмара

---

[272] Примечания: 272

Г. Ф. Лавкрафт «Немезида», (1917), пер. Александры Спаль.

талантливого новоанглийского поэта, воплотилось передо мной наяву. Далеко внизу в черноте бездонного колодца плескались бескрайние воды космического хаоса, в котором сияли кружащиеся в безумном танце, мириады звёзд. Я видел, как они принимали форму причудливых созвездий, образовывали скопления и туманности самых невероятных цветов. Какой-то дурной, полной безумия шуткой казалась эта сюрреалистическая картина, в которой безмятежно плывущие галактики тянули ко мне рукава, словно осьминоги свои хваткие щупальца, чтобы оплести ими несчастную жертву. И мне казалось, что я стремительно падаю с головокружительной высоты прямо в пасти этих космических чудовищ. А они тянули и тянули свои звёздные протуберанцы, фосфоресцирующие, как мерзкие грибы на скользких камнях грубой кладки тоннеля. Но поразительней всего были кружившиеся вокруг них громадные сферы, переливавшиеся неземным сиянием, словно мыльные пузыри. То были глаза Древнего проклятого бога, заточённого в этой космической бездне.

Волны ледяного ужаса пронизывали всё моё существо, а я стоял, будто загипнотизированный, не в силах шевельнуться, и лишь осознавал свою

абсолютную ничтожность перед этими силами вселенского хаоса. И тогда лишь инстинкт, точный и безотказный, как часовой механизм, заставил меня броситься обратно в освещённый неземным сиянием арочный проём, оступившись на подкосившихся ногах и чуть не сорвавшись с уступа. Я бежал по тоннелю прочь, спотыкаясь, поскальзываясь и падая, обдирая колени и руки о каменную кладку, сначала резную шестиугольную, а затем грубую, покрытую плесенью. Я бежал, а позади меня мерзко извивавшиеся протуберанцы отворяли тяжёлую бронзовую дверь — врата в мир за Гранью. И переливающиеся сферы катились по своду туннеля, и везде за собой они оставляли чёрный как смоль след, словно рассекали саму материю пространства «Йог-Сотот — есть Врата, Йог-Сотот — Ключ и Страж Врат», — звучало в голове под несмолкаемую какофонию из оглушительного грохота моего собственного сердца и надрывного свиста тяжёлого дыхания.

Наконец впереди показался выход. Я вырвался в маленький погребок, вспрыгнул на лестницу, обваливая последние каменные ступени, и выбрался наружу, в мрачный, забытый всеми Данвич. Бесчисленные стаи козодоев в чёрной

лощине оглушительно стрекотали, встревожено мечась в ветвях деревьев. Схватив стоявший здесь же сундук с бесценной находкой и не переводя дыхания, я бросился вдоль склона проклятого Сторожевого холма. Я не допускал и мысли о том, чтобы остановиться или оглянуться, хотя и не был уверен, что невообразимое чудовище из чёрной космической бездны преследует меня. Да и преследовало ли оно меня вообще? Может оно всего лишь рвалось из своей темницы внутрь нашего маленького мирка, не замечая жалкого перепуганного человечишки, отпершего ему дверь.

Обливаясь потом и задыхаясь, я добежал до покосившегося дома, из печной трубы которого всё так же вилась струйка дыма. Подбежав к автомобилю, я дёрнул ручку дверцы, но та была закрыта. Трясущейся рукой (из другой я не выпускал сундук с книгами) я стал шарить по всем карманам, но ключей нигде не было: они осталась в пальто. Мерзкая старуха, завёрнутая в моё пальто, словно мокрая ворона, со злорадной ухмылкой стояла на пороге дома. Я подбежал к ней, крича и требуя ключи, но она лишь указала своим узловатым пальцем на сундук. В тот момент страхи паника взяли надо мной верх, и даже ни секунды не

раздумывая, я бросил его на землю и, схватив протянутые мне ключи, кинулся к машине. Пусть сгинут в адском пекле и старуха, и книги, и вся эта насквозь прогнившая деревня, лишь бы я смог поскорее убраться отсюда. Уже заведя мотор и утопив в пол педаль газа, я — готов поклясться — расслышал сквозь шум мотора, как старуха громко прокаркала мне в след: «Йа, Йог-Сотот, Йог-Сотот!»

Пробуксовывая в грязи и едва справляясь с заносами на поворотах, я доехал до крытого деревянного моста. Тот угрожающе заскрипел и пошатнулся под весом автомобиля, и только я успел выехать на дорогу, как позади раздался громкий треск ломающегося дерева и всплески воды. А в зеркало заднего вида, еще до того, как повернуть, я мельком, даже нехотя, увидел мрачную панораму Данвича. Свинцовые тучи нависли над ним и завихрились над плоской вершиной Сторожевого холма. На их фоне на какое-то мгновение мне померещилось неясное движение переливающихся неземными цветами огромных колышущихся силуэтов. В ужасе я отвернул зеркало в сторону.

6

Не останавливаясь, я мчался прочь из этого проклятого места до самого Аркхема, к обычным людям, погружённым в свои повседневные заботы и пребывающим в благом неведенье того, что за кошмар на самом деле притаился с ними по соседству. Произошедшее ещё всплывало эпизодами в моём разгорячённом сознании, повергая в дрожь и смятение. Но когда впереди наконец показались островерхие крыши Аркхема, мой разум благосклонно начал сомневаться в действительности всего произошедшего. Да и само существование всеми забытого и насквозь пропахшего зловонным дыханием бездны Данвича казалось мне чем-то нереальным, продолжением ночного кошмара, снившегося мне накануне. Хотя грязная, порванная в клочья одежда с пятнами крови, ноющие ссадины и ушибы служили жестоким доказательством обратного.

Я не стал заезжать в снятую на ИстЧёрч-стрит комнату, а сразу направился к профессору Моргану. Лишь он, последний из старожил Аркхема, переживший то, что называли «данвичским кошмаром», мог дать разумные объяснения всему

произошедшему со мной. Профессора я нашёл лежащим у себя в кровати, и причиной его ухудшившегося самочувствия, как я подозревал, был именно мой предыдущий визит. Но, увидев моё жалкое состояние, он сразу же всё понял и попросил присматривавшего за ним доктора Хартвелла сперва обработать мои ссадины, а затем оставить нас одних.

Уже после, сжимая в трясущихся перебинтованных руках бокал бренди, я принялся нервно пересказывать всё, что случилось со мной в злосчастной поездке. И с каждой описанной мною подробностью Морган, сперва рассерженно побагровевший, бледнел и покрывался болезненной испариной, отчего его дрожащие губы стали почти синими. Когда же я закончил, настала очередь профессора:

— Вы видите, что я очень плох. Я не соврал, сказав, что мне осталось совсем немного. То, что произошло тогда в 1928-ом году в Данвиче, искалечило нас и сломило духом, Эрмитейдж и Райс так и не смогли этого пережить. А причиной всему было погрязшее в самых чудовищных пороках семейство Уэтли, альбиноски Лавинии и её престарелого отца, развалины чьего дома вы отыскали на склоне Сторожевого холма.

Морган закрыл лицо руками и тяжело хрипло вздохнул, очевидно, поддавшись тяжёлым воспоминаниям, а затем продолжил:

— В феврале 1913 года в этом доме Лавиния Уэтли произвела на свет отвратительных существ: Вилбура и его безымянного брата. Тогда никто не знал, кем был их отец, поговаривали даже об инцесте, но оба они никогда не принадлежали к человеческому роду, а были порождением того, что вам довелось увидеть своими глазами. И обих нечестивой природе узнали лишь в 1928 году. В тот год Вилбур Уэтли погиб, пытаясь выкрасть треклятый «Некрономикон», из библиотеки Мискатоникского университета, и лишь невероятная случайность не позволила ему этого сделать и навлечь на мир ещё больший ужас, чем тот, что произошел после. Я говорю о так называемом «данвичском кошмаре», которым было не что иное, как вырвавшийся на свободу брат Вилбура. Его дед и мать к тому времени были уже давно мертвы, и, сдаётся мне, умерли они не своей смертью. Да и будь они живы, то вряд ли бы могли остановить то, что уничтожило до основания не только их дом, но и несколько ферм, вместе с их хозяевами и скотом. И только мы трое с Эрмитейджем и Райсом обладали необходимыми

знаниями и силами, почерпнутыми из зашифрованного дневника Вилбура и «Некрономикона».

Я слушал Моргана, затаив дыхание и понимая, что «данвичский кошмар», был куда ужаснее и опаснее той эпидемии тифа, которой я его ошибочно считал поначалу. Профессор остановился, потянувшись к стакану с водой, я подал его ему и просил продолжать.

— После этого происшествия за последующие годы Данвич полностью обезлюдел. И на протяжении более чем пятнадцати лет я единолично выступал в роли стража, стараясь скрыть и искоренить всё, что хоть как-то напоминало о тех событиях и их причинах. О Данвиче постепенно забыли, а руины фермы Уэтли так и оставались лежать нетронутыми в тени Сторожевого холма. И лишь изредка с верховья Мискатоника объявлялись дальние родственники из рода Уэтли, пытавшиеся заявить свои права на старинные книги и дневник Вилбура. Но всем им я однозначно заявлял, что ничего не сохранилось, оберегая тем самым всех нас от возрождения кошмара. Но ситуация серьёзно изменилась в 1946 году, когда в Аркхеме появился Нэйтан Бишоп. Его необычный внешний вид, сперва принятый за признак вырождения Новоанглийской глубинки,

оказалась следствием куда более тревожной правды. Он также заявил свои права на наследство Уэтли, утверждая, что его мать Хэлен Бишоп связалась с Вилбуром незадолго до гибели того и, родив сына, умерла сама. Все эти годы Нэйтана растила и воспитывала его немая бабка. Она, видимо, сохранила кое-какие книги, уцелевшие в развалинах фермы, и учила по ним Нэйтана, так же, как старик Уэтли учил в своё время Вилбура. Документов, подтверждавших родство, у него, конечно же, не было, но они и не требовались: если бы вам довелось в своё время видеть Вилбура, то вы бы сразу отметили явные наследственные черты. На все же расспросы Нэйтаная сперва отпирался, утверждая, что ни книг, ни дневника, дескать, не сохранилось, но когда дело дошло до угроз, я счел за лучшее уехать вместе с документами за пределы штата.

Внезапно хриплый голос Моргана прервал раскатистый стрёкот, донёсшийся из распахнутого окна его комнаты. Профессор привстал и, пристально посмотрев на меня широко раскрытыми выцветшими глазами, прошептал:

— Я боюсь, что Нэйтан пойдёт по стопам своего отца и попытается сделать то, что ему не удалось. И теперь, отыскав в руинах дома Уэтли их книги,

лишь чудом остававшиеся не обнаруженными так долго, и тоннель под Сторожевым холмом с той червоточиной — вы дали Нейтану в руки все ключи к новому кошмару. И поэтому теперь вы обязаны остановить его!

Вскоре я уже спускался в хранилище библиотеки Мискатоникского университета, открытое для меня, несмотря на поздний час, по одному лишь звонку профессора. Вот где была та самая сокровищница, о которой ходило столько слухов. Десятки запертых шкафов и витрин, уставленных редчайшими книгами и древними артефактами. Затейливые названия старинных фолиантов так и бросались в глаза, о большей части из них я вообще ничего не знал, и надеюсь, что никогда не узнаю, — столь пугающая мудрость сокрыта в них. Так или иначе, но они больше не интересовали меня, за исключением латинской версии «Некрономикона», XIV века, жалкие обрывки перевода которого затерялись в читальном зале. Этот латинский текст был куда ближе к своему утерянному арабскому оригиналу, и куда полнее найденного мною в сыром подвале перевода Джона Ди. По наставлению профессора я отыскал в книге ритуал с заклинанием на языке Акло и ещё один символ, именуемый знаком Стража. Всё

это должно было запереть зло под Сторожевым холмом, оградив его от нашего мира, пока оно не принесло в него чудовищные разрушения, ещё большие, чем двадцать лет назад.

В «Некрономиконе», я также отыскал мрачные откровения Безумного араба о ритуалах и союзах между людьми и пришельцами из-за Грани, которые заключались на вершинах холмов в Ночь костров. И об отвратительных существах, которые рождались от таких союзов. Одни из них от рождения не были похожи на людей, и в них преобладала противоестественная природа второго родителя. Другие же не многим отличались от смертных, но вырастали быстрее и обладали мудростью, какую иные люди не приобретали и к глубокой старости. И всем этим отродьям была уготована судьба ключа, способного разрушить печати, запирающие Врата, и призвать проклятых Древних богов. Всё то, о чём мне говорил Морган. Но была там и ещё одна фраза, от которой я похолодел и вновь ощутил близость бездны, на краю которой оказался ещё не так давно. Строка гласила: «По смраду узнаете их»- по тому самому неописуемому, звериному смраду, который исторгался из пасти космического хаоса.

Я просидел в хранилище библиотеки за пере-

водом нужных мне отрывков до позднего вечера, а тем временем состояние профессора сильно ухудшилось, он впал в беспамятство, которое сменилось агонией. Всё это время на дереве за окном его комнаты, не умолкая, кричала стая козодоев, как казалось, в такт тяжёлым хрипам Моргана, переполошив своим оглушительным стрёкотом весь город. Именно так, согласно старинным индейским легендам, эти адские птицы закликают души умирающих, но их вопли были настолько оглушительны, что в мои мысли закралось тревожное сомнение, суждено ли увидеть рассвет не только профессору, но и всему Аркхему, если я не потороплюсь.

Из хранилища я заехал на Вашингтон-стрит, по ранее указанному Морганом адресу, где уже были готовы к моему приезду. Стоило мне заглянуть в полученный там саквояж, как я понял, что профессор предполагал окончательно стереть с лица земли то, что осталось от дома Уэтли вместе с тунелем под ним. Внушительная связка динамита могла навсегда обрушить и все планы тех, кто, как и Нэйтан, охотился за наследием Вилбура и жаждал завершить начатое им дело.

Я убеждён, что мой переезд в Аркхем был не случаен. Теперь тяжкая ноша стража и храни-

теля тёмных секретов прошлого Данвича легла на мои плечи. Но я крепок телом и духом, не то что немощный старик, и в моём лице у нового кошмара появился достойный противник. Мне предстоит вернуться в заброшенную деревню, несмотря на обвалившийся мост и начавшуюся сильную грозу. Я обязан остановить Нэйтана Бишопа и его полоумную бабку, патронов в моём Кольте хватит для них обоих, и я знаю, как бороться с тем, что не способны остановить обычные пули. Однако же если мне не удастся вернуться живым, то пусть моя несчастная история послужит предупреждением всем жителям Аркхема и Новой Англии. Никогда не следует тревожить ужасные тайны Данвича, тем более ради праздного любопытства: цена этому слишком высока.

Памяти профессора Фрэнсиса Моргана

В ночь с 22 на 23 марта в Аркхеме на 68 году жизни скончался Фрэнсис Морган, всеми уважаемый профессор Мискатоникского университета, посвятивший себя преподаванию сравнительной анатомии. Последние годы жизни профессор провёл в Пенсильвании, но навсегда остался достойным жителем Аркхема, сделавшим свой вклад в историю города. Прощание с профессором состоится25 марта в 11 часов дня в Церкви Христа, после чего он будет похоронен возле своих достопочтимых коллег и соратников Генри Армитейджа и Уоррена Райса, погибших в 1928 и 1929 годах.

«АркхемЭдвертайзер», 23 марта 1949

Ураган

Минувшей ночью сильный ураган обрушился на ДолинуМискатоника. По сообщениям местных фермеров, яростные вихри с корнем выворотили множество деревьев в лощине Холодного Ручья, сорвали крыши с примыкающих к ней

хозяйственных построек нескольких ферм, а наутро некоторые хозяева не досчитались целого десятка голов своего скота. Больше всего пострадала давно заброшенная деревушка, к северу от Аркхема. Сам же Аркхем, как и близлежащие Кингспорт, Дьюсбери и Эйлсбери, бедствие обошло стороной.

Единственной жертвой урагана стал сорокалетний мужчина, чьё тело было найдено на берегу Мискатоника, недалеко от сгоревшей водяной мельницы в районе Эйлсбери. Как удалось выяснить полиции, погибший Дж. Вилтерс приехал в Аркхем 19 марта, чтобы занять место преподавателя фольклористики в Мискатоникском университете. При погибшем был обнаружен пистолет Кольт без патронов. Позже отыскался и взятый им напрокат автомобиль, увязший в грязи на одной из сельских дорог, недалеко от Биллингтонского леса.

Полиция предполагает, что мужчину сбросило с моста или крутого склона реки сильным порывом ветра, после чего бурное течение пронесло несчастного несколько миль по каменистым порогам. Однако у следствия ещё остаются вопросы относительно того, было ли это всего лишь несчастным случаем или же убийством, поскольку причиной смерти погибшего явилось не утопление, а многочисленные травмы, полученные им не при ударах о камни, а при падении с высоты, значительно превышающей склоны Мискатоника. Расследование по этому делу будет продолжено.

«Эйлсбери Транскрипт», 24 марта 1949

Борис Мышлявцев
Чужая чёртова жена

2016

1

В тысяча девятьсот девяносто четвертом Курт Кобейн умер, и мы разъехались кто куда. Исчезло солнце, которое несколько лет притягивало все эту чёртову кучу планет и астероидов. В основном астероидов, крупных личностей среди нас было не так уж и много.

(Но размера Цереры некоторые достигали, и сейчас их имена вполне себе на слуху где-нибудь в провинциальных инди-сообществах, а некоторые даже и на национального уровня площадках. Да, кстати, если кто не знает: Церера — это такой офигенно большой безвоздушный камень, что болтается между Марсом и Юпитером. Видите, спецкурс по астрономии я неплохо усвоил. Это было ещё тогда, когда я учился в частной школе в Новом Корнуолле).

Короче, тусовка наша распалась и растеклась по стране. Да, кое-кто остался и в Сиэтле, и даже в Абердине. Такому, например, как Джейк Пустое Дерево… такому кроме Абердина вообще нигде не место. Он бы зачах в какой-нибудь Калифорнии или, не дай бог, Оклахоме. А возможно, он просто очень быстро заполнил бы свою восхитительную

пустоту какой-нибудь редчайшей дрянью, из тех, что похуже героина или амфетоминов. Сидел бы в третьеразредном баре и за дозу запиливал старину Хендрикса. А что, думаете, он не смог бы? Ещё лучше самого Джимми смог бы, пусть земля ему будет пуховой периной, с парой девочек на этой перине. Запиливал бы, а потом в какой-нибудь особо паршивый вечер завалил пару тупых уродов в баре, каких-нибудь водителей грузовиков. Из тех, что приходят туда только на голых бабёнок попялиться. Их вальнул бы, а потом и себе, как Курт, засадил бы крупнокалиберным патроном. Потому что всё это дребедень лохматая, и нечего тут.

В девяносто четвертом мы все задумались: а что дальше? Я понимаю — музыканты. У них концертики, гастроли. Сформировался даже целый бренд музыки из Сиэтла. Пять аккордов с фузом, выпущенная клетчатая рубашка, а сверху еще одна, поменьше. Уже неплохо, а иногда нужна ещё пронзительная нота хрипловатым голосом, как бы с надрывом. Вот тебе и здравый гранж. Тем более, что и SONIC YOUTH наших сиэтловских до конца так и не бросали. Как Курта они на большую сцену вытянули, так и еще парутройку хороших команд постоянно крышевали.

Это сейчас при названии SONIC YOUTH молодняк только лицо покривит, да ещё подумает при этом: это что, группа бой-скаутов, которым покровительствует губернатор? А тогда совместный гастрольный тур с ними означал счастливый билет на самолёт в будущее.

Вы не поверите, но я недавно смотрел видеозапись, где Ким Гордон плачет: на их большой концерт в какой-то стране НИКТО не пришёл. Никто, понимаете? А как по-моему, Ким Гордон — такая красивая девка, что просто туши свет. Как можно не прийти на её концерт? Это просто глупость и свинство.

После того, как Курт себе в рот пулю из ружья отправил, мы с Сесилией были в крутых раздумьях: что нам делать дальше и куда податься. Мне было двадцать три, а жёнушке моей и того меньше: двадцать два. А тут и подвалило это наследство: тётка померла. Я думал, она мне старинный ночной горшок подарит. «Настоящая эпоха Мин, особая технология глазурирования, утраченная после манчжурского завоевания», этим всё и обойдётся. Но в завещании она черным по белому написала: отдать, мол, всё движимое и недвижимое, моему родному и нелюбимому ничуть племяннику.

Я поехал в Плимут «вступать в наследство», а Сесиль тусовалась пока в Сиэтле. В Плимуте я имел пару неприятных бесед с дядей Инеком, но дело того стоило: у тетки остался нехилый домишко, хоть и старый как большой термитник. Дядя, помню, вспылил: мы тебе уже год назад писали, что тётя безнадежна, а ты даже не ответил. И звонки игнорировал. А вот как деньги — так и приехал сразу. Но я ведь не со зла игнорировал. Просто я тётю Эмили с детства терпеть не мог. Это ведь просто какой-то сухарь в юбке! А во рту — кленовый сироп: откроет свой рот, и давай тебя поливать: Иисус то, Иисус сё.

Как пел Курт, «Иисус, а ведь ты не за меня умер».

2

В домишке у тётки — куча барахла разного, вроде картин «американского барокко», (не помню точно, что это значит) и даже смешного столового серебра. Всю эту хрень я решил побыстрее продать, а домиком пока попользоваться. Интересно ведь пожить в фильме ужасов. Ну вот, как всё уладил — так и вызвал Сесиль в Плимут, Массачусетс.

Про Плимут что вам рассказывать? «Мэйфлауэр», первые поселенцы, здесь ковался характер колонистов, будущих американцев, бла-бла-бла. Если вы учились в нормальной американской школе — вам это всё в башку и без меня вбили. На самом деле первые колонисты приплыли намного южнее и намного раньше, но кого это волнует после того, как Юг проиграл свою войну? Вся эта херня насчёт переписывания американской истории хорошо описана в одной книжке парня по имени Дик Брайен. Обязательно почитайте. Он, хоть и фашист — но умный.

Живут у нас почти сплошь белые, и всегда так было, но против рабства мы выступили одними из первых. Так нам рассказывал престарелый учитель истории, мистер Бэйкер. Жалкий такой стручок, безобидный. Очень любил эту свою историю — а мы его обижали, особенно мальчики из семей побогаче. Нет, не все мы его обижали, но я в их числе был. Мы даже фокус с ним устроили почти такой, как в фильме про Тома Сойера. Не буду рассказывать про этот фокус, потому что он от оригинальной версии отличался в более непристойную сторону. Промолчу, а то вы ещё подумаете про меня, что я извращенец какой.

Сам я до улаживания всех дел жил в мотеле. У

нас тут куча гостиниц и мотелей на любой вкус, даже для реднеков, ведь место-то очень туристическое! Вот в таком реднековском местечке я и жил, потому как оно дешевле. Наш семейный адвокат, мистер Торсон, всё устроил наилучшим образом. И вот, второго февраля тысяча девятьсот девяносто пятого я въехал в это «кладбище домашних животных», то есть тёткин каменный двухэтажный дом.

Во-первых, там и вправду была пара чучел: облезлый кабанчик, а еще — набитая соломой сова, у которой во время звонка зажигались красным светом глаза.

Во-вторых, это и по всей сути своей было кладбище. Вся мебель была затянута старинными чехлами, я такое только в старых фильмах видел. Эти чехлы столько пыли собирают, просто ужас! Я спросил у мистера Торсона, можно ли за них выручить какие-то деньги ввиду их старины? Он сказал, что нет, и я стащил чехлы на задний двор. Они, кстати, оказались ужасно тяжёлыми.

Дом тётки — очень уединенный, с дороги не видно. Весь зарос ильмами и яблонями. И всего через сотню ярдов — море. Хотя моря ты в окна сроду не увидишь, а увидишь ты только эти дурацкие ильмы. Что же удивительного, что

приморская наша улочка так и называлась уже лет двести — Ильмовая? И не надо видеть тут никаких параллелей с известным ужастиком. В каждом окрестном городке есть улица с таким названием, готов на что угодно поспорить.

Плимут город хоть и старый-старый, но совсем не большой, всего полсотни тысяч. Так что здесь ты всегда на виду. Особенно — если происходишь из такой фамилии, как Банкфорты. Те, кто учился где-нибудь в Гарварде или Вест-Пойнте, наверняка понимают, о чём я говорю. Не раз они матерились, потея над старательно составленными «банкфортскими», учебниками по истории США. Вот этот самый Банкфорт — кто-то вроде двоюродного прадедушки моего отца. Отец того Банкфорта, проповедник, тоже был весьма славен. Так что и поныне семейство наше считается в городе одним из самых уважаемых. Я происхожу из побочной, ничем не прославленной ветви этого прославленного рода. Но всё ровно, в глазах городских куриц, а также и моих родных, я отщепенец, белая ворона, недостойная своей черной стаи. А всё потому, что «репутацию Банкфортов и Уэйнов надо поддерживать не смотря ни на что». Школу кое-как закончил, да и то, какую? Вовсе не ту, что все Банкрофты и Уэйны заканчивали,

а вполне себе обычную муниципальную, где учеников учат на химии в основном тому, как не закапать слюной или кетчупом учебник.

А с другой стороны — никто тебя не потревожит, если сильно не нарываться. Живешь себе скрытый за ильмами — и всё. По крайней мере, в тёткином районе так и было.

Несколько лет назад, когда отец умер, дядя Инек Уэйн пришёл для «серьезного разговора», как они это называют.

— Джордж, дорогой мой Джордж!

Представляете, он даже голос возвысил в точности так, как в церкви, когда хотят обличить грешницу. Хотя сам в церкви и не выступал сроду, но, наверное, это у него просто врожденный талант… Я, говорит, теперь тебе вместо отца в некотором смысле. Тебе надо задуматься о продолжении дела предков… Ну, вы понимаете. А я уже тогда всерьёз намерился двинуть в Сиэтл. Не знаю, почему именно Сиэтл. Не только из-за музыки. Музыки и в Нью-Йорке навалом, больше чем где-нибудь. Мне просто захотелось переместиться на противоположную сторону континента от всего этого семейства Банкфортов, и от семейства Уэйнов. А еще на живых тлинкитов очень хотелось посмотреть. С перьями и

с копьями. Как они на лосося охотятся и потлач потом устраивают.

Сегодня приехала, вся исстрясенная в хлам, Сесиль. Вывалилась из автобуса, махнула длинной белокурой косой, упала ко мне в руки.

— Ох, что бы я делал без тебя! Какая ты милая! Что бы я делал, если бы год назад ты не свалила из своей болотной Луизианы! — так я кричал ей, а она крикнула мне в ответ: — Чё, чё! Нашёл бы себе другую девчонку!

Мы кричали громко, чтобы лучше себя слышать сквозь грохот моторов и визги пассажиров, а ещё потому, что у нас и правда были сильные эмоции.

Потом она пробормотала что-то на своём ужасном французском, а потом сказала: хочу подстричься.

Я возразил, что уже поздно и подстрижешься завтра с утра. На том и порешили, и отправились в аккуратном чистеньком такси прямо в наш новый дом. Я сказал таксисту, чтобы сначала он провез нас поблизости от нашей великой гордости. Каждый плимутец гордится, что именно здесь находится знаменитый памятник Отцам-основателям. Мистер Бэйкер нам говорил, что он второй по размеру во всех США, и тури-

стические проспекты утверждают тоже самое. Памятник отцам, но изображает, почему-то, бабу в древне-римском одеянии. У постамента там ещё разные аллегорические фигуры, сплошь римлянки и римляне. Одна женщина изображает Образование, другая — Закон. Есть ещё мужик, он символизирует свободу. Мужик в каске и вооружён мечом.

Терпеть не могу такие вот аллегорические фигуры и совсем не понимаю — чем тут гордиться? И зачем на них ходить смотреть?

Да, кстати, совсем недавно в Сиэтле, в районе Фремонт где мы с Сесиль так любили тусоваться, установили зачем-то памятник Ленину, вождю коммунистов. Специально привезли его из Чехословакии, вы только подумайте! И постоянно зажигают над ним неоновые пентограммы. Всего через год после смерти Курта Кобейна, заметьте. А Курту памятника до сих пор ни одного. И это в Изумрудном городе. Может, у меня и паранойя, но разве вам лично не кажется, что это что-то значит? Но нового Ленина мы полюбили, его так интересно было рассматривать под воздействием некоторых веществ. Мы все гадали, а что это он в руке так сильно сживает? Кто-говорил, что мертвую птицу. Кто-то умный — что письмо

царю об освобождении крестьян. Но одна чешка или полька разъяснила нам, что держит он всего-навсего кепку.

Мы с Сесилией на минутку вышли из такси, я показал ей снизу высившуюся над холмом скульптурную группу. Небо было пасмурным, дул сырой ветер с моря: противная погодка! Сесиль нахмурилась на минутку, задумалась. К чему этот балаган, вот что она сейчас думала. Что-то ведь он мне хочет сказать? Потом до неё дошло:

— Это опять твой дурацкий дзен. В Сиэтле есть большой Ленин из Кроатии, а тут большие Отцы-женщины. Значит, здесь нам будет вовсе не хуже! Правильно я разгадала?

— Дзенские коаны не разгадывают, их ощущают, — ответил я и потащил Сесилию к машине.

3

Угощение для Сесиль я сделал в холле, так мне захотелось. Я не только пиццу купил и десяток чизкейков. Я еще и приготвил ей нехиторое немецкое блюдо. Меня этому блюду сам Курт Кобейн научил, когда он ещё не стал мега-звездой и общался с нами часто и запросто. Берешь длинный белый батон, режешь его вдоль. Изнут-

ри мажешь маслом, добавляешь туда немного толченого чеснока и резаного укропа. В духовку минут на десять. И получается просто отпад, укачаешься! Я могу иногда, под настроение, и два таких батона умять.

Ну, само, собой понятно, вина бутылочка. Я взял «Шабли», и страшно дорогого «Кристалла»: надо же «вступление в права», отметить. Про мелочи я не говорю, от души постарался. Если честно, даже прислугу сегодня нанимал, так оно сподручнее.

— Вау! Какой ты молодец, как ты меня встречаешь. — радовалась Сесилия.

Мы проглотили по нескольку глотков «Кристалла», а потом Сесиль невзначай так говорит:

— Милый, а ты можешь почту принести? Страшно захотелось газету местную глянуть.

— Да ты ведь сроду газет не читала? — удивился я.

— А теперь хочу, — капризно ответила Сесилия.

— По понедельникам местная газета не выходит, — сказал я первое, что пришло мне на ум. Я уже давно забыл, в каком режиме выходят плимутские газеты. Мне просто не хотелось тащиться к почтовому ящику. Тем более что, начинался мерзкий такой снежок с ветром, в перемешку

с мерзким тоненьким дождиком. А ветер дул так, что хотелось срочно зажечь камин. Что я и сделал.

— Я, видишь ли, хотела ознакомиться с местной прессой.

Не угомонилась, блин. Ей в башку как втемяшится что-нибудь — пиши пропало. Вынь да положь.

— Даже рекламная макулатура подойдет. По рекламе вполне можно изучать место, где теперь будешь жить.

— А ты всерьёз намерились пустить корни в Плимуте? — удивился я такой основательности.

— А что такого? Город хороший, легендарный. — Она стянула кофточку и осталась только в лекгомысленной маечке и драных джинсах.

— Тогда тебе нужно и одежду поменять, и вообще всё… Все свои мысли и привычки. А это не так-то просто.

— Вообще-то Луизиана — очень даже культурный штат. Так что с мыслями у меня всё в порядке. Ты знаешь такого парня, Джимми Каркрешера Уайта?

Я развел руками в полном бессилии. Джимми Каркрешера Уайта я не знал.

— Это француз из Нового Орлеана. Сначала

он играл джаз, но потом взял себе новое имя и провозгласил себя чёрным. И теперь принципиально исполняет только хип-хоп, смешанный с трип-хопом.

— Типа Морчибы, что ли?

— Темнота! Какая Морчиба? Он исполняет настоящую чёрную музыку, — махнула рукой Сесилия. — Так что насчёт газет?

— Тебе. Ночью. Понадобились. Газеты.

Я произнес каждое слово отдельно. Сейчас, думаю, засмеётся Сесилия — и делу конец.

— А что в этом такого? Я хочу перед сном изучить местную жизнь. Хотя бы по рекламным проспектам. А с завтрашнего утра начать превращение. Хочу стать настоящей леди — в это-то ты можешь поверить?

Когда девка, которую ты вроде как любишь, говорит тебе, что хочет стать леди — тут возражать вроде и стыдно. Да и нужна мелочь такая — газеты ей принести. Спуститься по ступенькам, дойти несколько метров до забора, открыть ящик. Сомневаюсь только, что газеты хоть как-то помогут ей приблизиться к образу леди. И общество местное вряд ли её примет. Для этого нужно бы изобрести машину времени, отмотать время лет на двести, и переселить предков Цецилии Бернар

из Луизианы в Массачусетс.

— Хорошо. А ты тогда найди на телеке нормальный музканал. Надеюсь, ты поняла, что я имею ввиду под нормальным музканалом.

— А ты не забудь шапку одеть.

И она, не смотря на мои горячие протесты, нахлобучила на мою голову безумную норвежскую феерию из искусственного волка, да еще и завязочки завязала на бантик.

— Какой милашка!

Я усмехнулся, вспомнив, как прошлым апрелем мы ночевали вдвоём под Абердином. В недостроенной избушке без крыши, и всю ночь шёл холодный дождь, а ведь никто из нас не простыл. Мы даже не чихали на утро. Ладно, теперь мы в Плимуте, штат Массачусетс.

Я открыл дверь, ступил на первую ступеньку, ступил на вторую — и рухнул плашмя на спину, не успев хоть как-то сгруппироваться. А ведь этому нас даже на дурацкой физкультуре учили! Я просто бахнулся позвоночником со всего маху о рёбра ступенек, сполз по лесенке вниз и остался лежать и таращить глаза, как выброшенная на плимутский пляж глубинная рыбёха. Секунд через тридцать я заорал. Не помню что я орал, но что-то явно плохое. И про Бога, и про много

кого еще. А двигаться я совсем не мог. Похоже на болевой шок, подумал я и отключился.

Очнулся я уже в спальне, на втором этаже. Спина болела жутко, даже когда я и не двигался.

— Ты как меня дотащила? — спросил я Сесилию, как только немного очухался.

— Доктор Сингари помог.

Я посмотрел на доктора. По виду — явный индиец, или какой-нибудь пакистанец. Чёрт, не могла она вызвать нашего доктора Шпеера? Доктор Шпеер приходился нам дальней роднёй со стороны матери, и я знал его с самого раннего детства. Уже тогда пожилой, сухой словно скандиинавская треска, добродушный и надёжный доктор Шпеер… Он был для меня привычен, как дверная ручка моей детской комнаты. Хотя откуда Сесилии знать про Шпеера? Ладно, индийцы вроде как считаются неплохими врачами. Но этого-то Сингари — где она в нашем городке выкопала?

Я попробовал встать, но не смог — было очень больно. Причём больно буквально везде, кроме ног и головы.

— Что это со мной?

— Я надеюсь, что ничего страшного. Обычный ушиб грудного и поясничного отдела позвоночника, плюс небольшое сотрясение мозга. И ребра

треснули. Но бояться вам нечего — всё это за недельку-другую придёт в норму. Максимум при таких травмах — это сто двадцать дней.

— Сто двадцать! Охренеть! А что вы меня на скорой не везёте никуда?

Доктор Сингари пригладил пышные усы, и я подумал, что он похож на синекожих героев Махабхараты из моей детской книжки. Он ответил:

— А зачем вам скорая? Лечение симптоматическое. Неврологических симптомов никаких. Вы свои руки, ноги, хорошо ощущаете?

Ох, как уж я их ощущал! Боль от спины отдавалась всюду, да еще и локти были сбиты в кровь.

— Мы сейчас всё обезболим, ну и снотворного немного — чтоб выспались как следует. Мистер Банкфорт, а супругу вашу как величать? Я себе на всякий случай запишу, мало ли что.

— Сесилия… — я закашлялся, и оказалось, что даже кашлять нормально я теперь не могу: очень больно. — Сесилия Бернар. На конце — буква «ди». Это французская фамилия.

Доктор кивал и записывал.

— А вы не могли бы вызвать доктора Шпеера? Он наш семейный врач, — спросил я.

— А вы не знали? О, мне жаль, мне так жаль! — индиец поднялся во весь свой немалый рост,

разложенные по красного дерева столику бумаги начал распихивать в отделения старомодного портфеля. — Доктор Шпеер скончался на восемьдесят втором году жизни, два месяца назад. Мои соболезнования.

Индиец вышел, оставив после себя жирный аромат благовоний. Терпеть не могу благовония такого рода. А у него, наверное, духи с таким запахом. Мерзость какая! Как он клиентуру себе находит? Да ещё у нас, в Плимуте.

Индиец не обманул: боль скоро утихла, и я заснул. Провалился в темный колодец, где ничего-ничего не было.

Проснулся я от того, что Сесиль легонько трепала меня по щеке.

— Милый, уже утро. На столике завтрак. А я в салон.

— Какой салон?

— В салон красоты. Ты ведь не забыл, что я хочу стать леди? И начинаю я с сегодняшнего дня. А для этого мне надо убрать вот это вот безобразие.

Она подняла на вес свою толстую косу, бросила ее, и кончик косы повис где-то в районе ее упругой попы.

— Как же это? Ты же с детства её растила… И вообще — мне твоя коса всегда нравилась.

— Да, но ты не обычный джентльмен, а очень даже испорченный. А мне надо войти в общество, где будут не испорченные, а приличные леди и джентльмены.

— Ты так серьёзно говоришь, что мне как-то не по себе… Ладно, твоя коса — делай с ней что хочешь.

— Хочу сделать короткое каре. Вот такое, — она показала линию чуть повыше плечей. — А ещё — волосы покрашу. Сделаю рыжеватый оттенок.

— Это ещё зачем? — совсем уж удивился я. Сесиль всегда была «натуралисткой», никакой химии на теле не признавала, даже легкой косметики.

Женщины — совершенно непонятные существа. Никогда не знаешь, чего от них ждать. Вчера вот ей газеты захотелось почитать… Я вспомнил фильм «Парень и его пёс». После апокалипсиса по земле бродят одичавшие стайки людей. Один из них — Парень, которого воспитал и вынянчил полицейский пёс-телепат. В конце фильма раненного пса нужно было покормить, и парень скормил ему свою девушку. Иногда я очень даже понимаю этого парня.

— А зачем волосы красят? Чтобы измениться, ясно дело. Добавлю себе ирландского колорита.

Я вздохнул, а Сесилия сказала, что вернется часика через два. И что всё необходимое есть у меня на столике. Бум-с! — хлопнула дверь на первом этаже, и я остался один. От нечего делать я начал вспоминать свой нынешний дом. Как я его помнил по детским визитам, и каким застал сейчас, через столько лет.

4

Как этот чёртов стиль называется, я толком не помню. По-моему — георгианский. Лет триста назад, ещё до независимости, всё это было очень модно и в Плимуте таких домов настроили целую кучу. Большинство потом перестроили, часть просто развалилось. Но Уэйны своё родовое гнездышко сберегли.

Посреди первого этажа — холл с резными деревянными панелями по стенам, с лепным потолком и чудовищным гигантским камином. Большой стол из мореного дуба, и куча резных стульев, само собой. На одной из стен — жалкие охотничьи трофеи моих досточтимых предков.

Потолочная лепнина осыпалась на хрен, головы оленей и кабанов поела моль, стулья шатаются и скрипят. Но все равно, здесь до сих пор мож-

но было бы снять фильмец про короля Артура. Настоящий английский замок, холодный в суровые зимы и неуютный. Мясо в таком замке есть надо не вилкой, а с ножа, или просто руками.

На стене — большой фотографический портрет: мой молоденький дедушка Уэйн радостно поднимает американский флаг над какой-то гималайской вершиной, которую он «штурмовал». Рядом с ним еще и другие люди, на заднем плане. Я-то знаю, что есть и другая большая фотокарточка. Там вместе с таким же, как мой дед, молоденьким цветущим арийцем, мой пращур стоит у флага фашистской Германии. Эту фотку они в рамку на стену не повесили, само собой, и держали в одном из старых пыльных альбомов. В детстве я её видел, когда от нечего делать перебирал семейные фотографии.

Налево — жилые комнаты, три спальни и одна комната непонятного назначения. Направо — кухня, кладовые, ванная и всё такое прочее.

Конечно же, из холла торжественно поднимается величественная лестница на второй этаж. Лестница на небеса, блин. (Кстати, хорошая песня была. Куда там какой-нибудь «Металлике», с их медляками).

Второй этаж: гостевые спаленки, комнаты для

прислуги. Опять же, ванная. Вроде всё.

Про двор что скажешь? Цветочки, клумбочки, яблони. Беседка скособоченная. Да, ещё бассейн. Сколько себя помню, тётка в нем купаться не разрешала: там, мол, вода грязная. А почистить слабо было? Двадцать лет уже — а вода всё грязная, да грязная. Даже водоросли разрослись какие-то. Не удивлюсь, если в бассейне тётя Джейн скрывала склизкое мерзкое чудовище, вроде глубинного жабомужа из лавкрафтовской сказки.

Надо сказать, что содержание всего этого сомнительного удовольствия обходилось очень недёшево. Месяцок-другой поживём здесь, потом выставлю термитник на продажу — и прости-прощай, дорогой мой Плимут! Если дяде Инеку моя идея не по нраву придется — пусть выкупает и сам содержит этого монстра.

Только я успел про дом всю эту ерунду обдумать, как вернулась Сесилия. Заглянула мельком, тряхнула своим каре:

— Как тебе?

— Ужасно, — сказал я. Вот что прическа с женщиной делает! Была знакомая, родная уже почти девчонка. Больше того — жена! А сейчас — чёрт знает что. Будто и не она это вовсе.

Она убежала. Делать было решительно нечего,

и я снова пустился в воспоминания. Мне было семнадцать, когда я впервые попал в гранжевую тусовку. Восемьдесят восьмой год, Курта тогда еще и не знал никто, никаких толп поклонниц на стадионах не собиралось. Еще даже «Bleach», не вышел. Тогда из сиэтловских жужжальщиков пожалуй только Melvins были хоть как-то на слуху. Сбежал я на лето из дому — и попал в тусовку. Совсем другая жизнь, вот что я вам скажу, ребята!

Как мама умерла — отцу уже не до меня было. Вернулся я, а он и сказал только: ты, мол, меня разочаровываешь. Сухо так сказал. Будто сходил и мусор выкинул, эмоций в его голосе было ничуть не больше. Никакого тебе «возвращения блудного сына», с объятьями и слезами.

— Я решил, что необходимо для твоего взросления перевести тебя на полгода… а может и на год в муниципальную школу. Надеюсь, ты увидишь разницу в том качестве образования, которое мы все эти годы тебе обеспечивали и тем, которое даётся в этой школе. Опять же, искренне надеюсь, что ты придёшь к нужным выводам и предпримешь все необходимые меры для исправления ситуации.

А что тут исправлять? В этой школе было гораздо веселее. И учиться не нужно — я всё и так знал.

Спрашивают толстяка Дэна на физике:

— Если прямоугольный брусок разделить на две прямоугольные части, причём одна из них на сантиметр длиннее, то какая из частей будет тяжелее?

Толстый Дэн пыхтит, морщит свой жир на лбу, а я тихонько покатываюсь от хохота.

Наконец, учитель говорит:

— Та, что длиннее — та и тяжелее. Понятно, почему это именно так?

Дэн опять пыхтит. В классе гробовое молчание. Кроме моих сдавленных хихиканий, да еще чуть заметного шума от наушников с разной музыкой (что у половины класса вставлены в уши) неслышно ничего. А тем, кто слышит — всё это совсем не смешно. Или сами такие же имбицилы, или просто привыкли уже.

На следующий год я снова в Сиэтл рванул. И на следующий тоже. Как школу закончил — завис там постоянно. Работал то на лесопилке, то листовки раздавал рекламные. Первая работа тяжелая, а вторая — слишком дурацкая. И я решил совсем не работать. Вот тут жизнь и закипела! Не буду рассказывать, как мы добывали средства к существованию, вдруг эту книгу когда-нибудь прочтут дети.

Вошла Сесиль с подносом:

— Обедать пора. И утку выносить.

Смотрю я на неё, и понимаю вдруг: а ведь это не Сесилия Бернар. Это совсем другая женщина.

Не в том дело, что она причёску сменила или там цвет волос. И не в том, что оделась, как одеваются молодые плимутские кикиморы из «высшего света». (Кстати, а как они одеваются? Объяснить не смогу, но за версту такую кикимору смогу учуять).

Эта женщина — совершенно другой человек, генетически другой. С другим лицом, с другим голосом, походкой, мимикой, жестами… Что там отличает одного человека от другого? Сами перечислите. У этой бабёнки все было совершенно другим. Только комплекция та же, и овал лица примерно совпадали. А в остальном — совсем не она.

5

Так, Сесилия шутить изволит. Послала свою подругу поприкалываться. Интересно, откуда у неё в Плимуте подруги? Я решил поиграть чуток в её игру:

— Раньше ты мне больше нравилась. С косой

до попы, без этой дурацкой косметики…

— А ты привыкай. Я теперь всегда буду другая.

— Ладно, детка. Иди ко мне, приласкай беднягу.

Тут, думаю, весь ихний розыгрыш и рассыплется, как пакет с конфетти у клоуна-неумехи. Но эта деваха ничуть не засмущалась и полезла прямо ко мне в постель. Присела сначала на краюшек, запустила свою руку… ну вы поняли, куда. Спрашивает участливо:

— Нормально? И поясняет: — А я боялась, что тебе больно будет.

А мне и в самом деле было больно, хоть и не там. Но её руку, да и саму девушку, я отпихнул не из-за боли. У нас с Сесилией таких вот свободных отношений принято не было, даром что тусовка и всё такое. Она — католичка, а я из старой пуританской семьи. Видимо воспитание на нас всё-таки сказалось. Мне стало неудобно, я покраснел.

Сесилия попросила девку розыгрыш устроить, а эта и рада стараться, подумал я. И явно вышла за рамки своей дурацкой роли.

— Ты мне лучше обезболивающих принеси. Спина жутко болит, в любом положении.

— Парацетамолол пойдёт?

— Ты что, дура, что ли? Рекламы насмотрелась?

Мне что-нибудь посерьезнее надо. Поищи в куртке. У меня во внутреннем кармане должен быть метамизол, с Кубы друзья притаранили.

— Окей, — и она скрылась за дверью.

А где Сесилия? Пусть выходит уже, я прикол понял. Хватает. Мне вообще не до приколов…

Надо дяде Инеку позвонить, пусть нормального врача привезет. Сингари не внушал мне ни малейшего доверия. Не потому что индус, а просто я ему не доверял, без всяких оснований.

Девка притащила упаковку метамизола и стакан содовой.

— Не знаю, как там тебя зовут… короче, мне надо телефон, компьютер и музыку. И по поводу Сесилии — когда она придёт?

— Ты хочешь сказать, что с этой причёской ты меня уже не чувствуешь своей лапочкой? Ладно, не ругайся, я поняла, что можно сделать.

И она опять направилась ко мне с явными намереньями принудить меня нарушать мои супружеские обеты. Это мне показалось уже перебором.

— Давай сюда Сесилию, — довольно зло сказал я. — Надоело ваше представление. Я на него билет не покупал. Мне вообще не до шуток. Не видишь, разве, как меня колбасит?

— О, уже надоело? А мы ведь и не то ещё можем, — засмеялась девица и сделала фривольный жест. — Окей, поняла, сейчас всё будет. — Помолчала в задумчивости: — Напомни, что там ещё? Принести?

Черт, я уже и сам не помнил. Долбанная спина, как больно! О, вспомнил:

— Телефон, компьютер, музыку.

— Но у твоей тети нет ни колонок, ни усилительной системы, — вытаращила глаза девка. — Здесь только то, что есть в любом провинциальном музее.

— Телефон и компьютер, этого хватит. И этой дурёхе скажи, чтоб сюда быстрей двигала.

— Хм… Сейчас вернусь, и всё тебе объясню. — Она забрала с викторианского столика лишние предметы и удалилась, кокетливо вильнув бедрами.

6

Я ждал настолько долго, что начал уже попытки самостоятельного решения проблем. План был абсолютно прост. Я хотел сползти на ковер и двигаться, используя в основном мышечную силу рук и ног, никак не затрагивая спину. Придётся

признаться — я не смог даже на локтях как следует привстать с кровати. А что это за гуси у Сесилии полетели? Что за шутки она устраивает в такой хреновый для меня момент? Особый луизианский юмор? Она девчонка весёлая, но тут явный перебор. Раньше ничего подобного я за ней не замечал. А потом… В плохих книгах так и пишут: и тут на меня пахнуло могильным холодом. ЭТО НЕ ШУТКИ, вдруг возникла в голове простая и кристально-ясная мысль. Но я эту мысль запихал до времени поглубже в подсознание.

Вернулась девка и принесла с собой тяжелый лабтоп вместе со стопочкой дисков в придачу.

— Музыку вполне можно слушать отсюда, здесь имеются милые встроенные колоночки. А вот тебе ещё мои наушники. Это те, что ты мне тогда подарил, помнишь? В Абердине, когда загуляли на мою днюху.

Я мрачно взял наушники, покрутил их в пальцах. Почувствовал какое-то смирение:

— Позови Сесилию, она всё уладит насчёт музыки, — мирно попросил я эту тварь. Заигралась, блин. Вот расскажу всё Сесилии! Особенно про то, как эта девица ко мне в постель лезла, чёрт бы её побрал. Я вертел в руках диски: все они назывались на каких-то непонятных языках. По виду

похоже на санскрит, почему-то решил я. Сингари решил побаловать меня своей фонотекой, урод.

— Джордж, меня уже начало это напрягать. Кого ты хочешь, чтобы я позвала?

Её лицо стало озабоченным. Вот ведь актриса! Я вздохнул:

— Ты что, в студенческом театре играешь? Офелию играла когда-нибудь? Тогда тебе самое время утопиться. Или Джульетту? Иди и ложись в каменный саркофаг.

— Я с тобой серьезно говорю. Кого надо позвать? Давай, я позову доктора Сингари.

— Да на хрена мне твой доктор Сингари?…

— Но ведь он всё равно скоро придет — пара уколы делать. Ты ведь хочешь быстрее поправиться? Правда, милый?

Я вздохнул. Снова неприятной волной накатило какое-то смирение. Чёрт с ними, поиграю пока по их правилам.

— Позови дядю Инека.

— Конечно, Джорджи. Телефон сломан, мне придется съездить к нему домой. И если он дома, то я…

— Съездить? Ты где машину взяла?

— От твоей тёти осталась вполне приличная тачка. Старомодная, но смотрится всё равно

неплохо, стильно.

— Валяй. Без дяди не возвращайся, — устало махнул я рукой и завалился на подушки. Девка ушла, я начал наугад тыкать диски в лабтоп. О господи, какой отстой! Как я и думал, на всех пластинках оказались записаны мантры, наверное, буддистские. Я к буддистам хорошо отношусь, и у нас в тусовке их было не мало. Но с какого хера я должен слушать ТОЛЬКО их музыку? Ладно, придет дядя Инек или Сесилия, попрошу принести из сумки мои диски. Был один диск, который я особенно хотел послушать, потому что ещё не наслушался. Там Курт под акустическую гитару сплошняком наиграл почти все песенки из Teen Spirit. Может, слова кое-где и туповаты, но мне всё это до сих пор очень нравилось. Наверное, в душе я ещё подросток. Мама всё твердила до самой смерти: помни Джорджи, ты уже не маленький, ты единственный наследник этой ветви Банкфортов и всех Уэйнов, надо вести себя ответственно, надо помнить про репутацию…

Поэтому потом она и сделала в завещании мерзкую оговорку: пользоваться семейным баблом я смогу только после тридцати лет. Хорошо, хоть тётя не подкачала!

Пока я так думал, заскрипела лестница и в

комнату вошел дядя Инек в своей неизменной шляпе, не менявшейся, по-моему, с двадцатых годов, когда дядя Инек родился.

— Ну, как ты?

— Хреново. Дядя Инек, тут какая-то чертовщина происходит. Приходит ко мне незнакомая абсолютно баба, лезет в постель и выдаёт себя за мою жену Сесиль.

— Сесиль очень приятная девушка, мы с ней прекрасно поладили. Я сожалею, что в прошлом году контакт не наладился, и мы противились вашему браку.

— Дядя Инек, это никакая не Сесиль!

— Зачем же ты тогда подписал бумаги на временное управление имуществом на её имя?

— Чего? — я раскрыл рот от изумления.

— Вчера, после краткого обморока. И ты был вполне уверен в этой своей Сесиль.

— Так вчера это и была она. И даже сегодня, до стрижки. А потом — пришла вместо неё какая-то совсем другая девчонка.

— Ты хочешь сказать, что новая прическа так сильно изменила её образ? Это мы с тётей Марджори вчера посоветовали ей посетить салон красоты и привести себя в соответствие с тем образом, которого должна придерживаться моло-

дая плимутская девушка, связавшая свою судьбу с такими уважаемыми семействами, как Банкрофты и Уэйны.

— Да не в прическе дело! Это просто не она, и всё тут. Это не моя жена! Это чертова… чужая жена, — прервал я дядю, пустившегося в свой излюбленный монолог, в котором раз и навсегда будут поставлены все точки над і и всем будет объяснено, какой стороны надо придерживаться сегодня в «приличном обществе».

— Что ты имеешь ввиду, дорогой Джордж? — удивленно поднял брови дядя Инек.

— А то, что Сесилия как ушла подстригаться — так я и не видел её. А вместо моей жены пришла совершенно посторонняя женщина, и выдаёт себя за мою жену.

— Как же ты узнал, что это не твоя жена?

От такого тупого вопроса я и сам впал в состояние тупости и некоторое время ничего не мог ответить.

— У неё другое лицо. Другая кожа. У неё другой запах, в конце концов!

Инек вздохнул, снял свою шляпу, посмотрел на неё, будто наделся вычитать там хороший ответ на мой вопрос:

— Восприятие запахов иногда меняется при

сотрясениях мозга. Спросим-ка мы лучше об этом у доктора Сингари. Он ведь уже здесь — внизу дожидается.

— Сингари? Вот про него я тоже хотел поговорить. Хочу нормального врача, как доктор Шпеер.

— Доктор Шпеер умер, — скорбно сказал дядя Инек.

— Я знаю. Но неужели на весь Плимут нет другого врача, кроме этого Сингари?

Дядя Инек бросил шляпу на мой столик.

— Чем же вызвана такая неприязнь к уважаемому во всём плимутском обществе доктору?

— Он мне не нравится. И вот, смотрите, — я ткнул пальцем в стопку с мантрами.

— И что? — не понял Инек.

— А то, что эта девушка… которая выдаёт себя за Сесиль, принесла мне кучу этого барахла. И я думаю, что вся эта хрень — от доктора Сингари. Больше не откуда ей тут взяться.

Инек взял один из дисков, повертел его так и эдак, даже открыл. Блеснула зеркальная поверхность CD.

— Доктор Сингари не стал бы прописывать тебе плохой музыки.

— Прописывать?

— Музыка — это наша духовная пища, — Инек принял обычный свой важный вид, как раз для монолога. — Ты все сказал? А теперь послушай меня. Сесилия будет за тобой ухаживать. Доктор Сингари — лечить. Через пару недель мы с тобой сыграем в бейсбол. Хотя нет, для бейсбола я уже староват, будем играть в гольф.

— Вы хотите сказать, что не верите тому, что я говорю про эту так называемую Сесилию?

— Чему именно не верю?

— Тому, что это вовсе не моя жена, это какая-то чужая чёртова жена. А моя настоящая жена куда-то исчезла.

Инек сидел, внимательно слушал меня.

Тут мне пришла хорошая идея:

— Давайте будем логичны.

— Вот! Наконец-то я слышу от моего племянника разумное предложение, — заулыбался мой дядя Инек Уэйн.

— Тогда всё, что я вам говорил про мою жену — это бред сумасшедшего.

— Почему же так стразу хоп! — и сумасшедшего? — не согласился мистер Уэйн. — Ты просто здорово бахнулся на ступеньках. Небольшое сотрясение.

— Да какое там сотрясение? — крикнул я. — Я

вам объясняю в десятый раз: девка выдаёт себя за мою жену. Представим, что она и в самом деле жена. А я её не узнаю. Тут уже явная психиатрия. Мне нужен психиатр.

— Никогда ещё ни один из Уэйнов не попадал в психиатрическую лечебницу, — выпрямился дядя и заговорил необычайно даже для него торжественно. — Уэйны — это здоровая порода, и мы гордимся этим. А ты — наполовину Уэйн.

Он помолчал, добавил:

— К сожалению.

Скажите мне честно: разве обязательно было это добавлять? Потом он пустился в объяснения: как такой случай может повлиять на репутацию семьи, как мал Плимут, сколько столетий нужно для того, чтобы создать нормальную репутацию и что вообще — я должен на коленях каждый день благодарить Бога за то, что меня не удавили тихонько еще после моего отчисления из частной школы Нового Корнуэлла. И никому лишнему ни о чём болтать не надо, а то худо будет. Короче, я понял что никакого психиатра мне не вызовут и что общаться мне придется с этим долбанным индусом. А вот, блин, и он.

7

— Мистер Банкфорт, пора делать уколы. — И лицо лоснящееся, улыбчивое, похожее на праздничный панкэйк, только что со сковороды, только сиропа не хватает на этом лице. И эти мерзкие благовония, снова тянутся за ним шлейфом.

— Делайте. А мне знаете, что показалось — у меня ноги онемели. Может, что-то серьезное?

— 0, не обращайте внимания! Небольшое побочное действие. Синдром очень быстро проходит после отмены препарата.

— И руки еле двигаются. Раньше просто больно было, а теперь — как ватные.

Я сделал жалкую попытку поднять руки вверх — и не смог. Доктор Сингари покачал головой, выказывая среднюю степень озабоченности.

— Так, сначала измерим давление. О, превосходно! На всякий случай возьмем пробу сахара… Потом перевернитесь, я укольчики поставлю. Не беспокойтесь, я вам помогу.

Он перевернул меня и поставил три укола: один в поясницу и два в область лопаток.

— Вот ещё, это усилит действие обезболивающих. — Сингари протянул продолговатую

таблетку, и я проглотил ее не запивая.

— Доктор, скажите пожалуйста, а это вы мне диски передали? Это ваши диски?

Сингари кивнул:

— Очень хорошая музыка, очень благотворно действует на скелет. Да и боль уменьшает.

— Буддисты?

— Не совсем, но для европейца отличия столь незначительны, что проще сказать — да, буддисты.

— Доктор, а сами вы откуда? Вы очень хорошо говорите по-английски.

— О, название этой далекой гималайской провинции вряд ли вам что-то скажет. Если очень кратко, то это кусочек земли к югу от Таджикистана, востоку от Афганистана, к западу от Китая. Спорная территория между Индией и Пакистаном. Мы с родителями уехали, когда мне было четыре, так что знаю я об этом месте не больше вашего.

Он уселся в кресло, достал деревянные чётки и начал их перебирать в процессе разговора. Меня это, почему-то, очень раздражало, но я промолчал.

— Вокруг вас были — сплошные «станы», так можно резюмировать. И Кырзахстан там же?

— Да… Пожалуй что «станы».

— Так там кругом муслимы, получается? Извините, мусульмане?

— В основном да, — Сингари посмотрел на меня как-то весело. — А почему вас это заинтересовало?

— Всё-таки вы — мой врач.

— Процентов восемьдесят жителей — мусульмане. Есть ещё индуисты. Много тибетских беженцев.

— А вы? Извините, если вопрос нескромен…

— Нет, от чего же… Моя семья придерживается традиционных тибетских верований.

— Ясно, ясно, — покачал головой я, изображая добродушный интерес. — Доктор, а можно вас попросить кое о чём?

— Всё, что в моих силах. Всё, что вам не повредит, как моему пациенту.

— Там в прихожке сумка валяется, с надписью «Нирвана». Принесите её, пожалуйста.

— А, вот почему вы меня про мою веру расспрашивали? Вы буддист?

— Не, «Нирвана», — это группа такая. Курт Кобейн, слыхали?

Сингари отрицательно покачал головой.

— А зачем вам сумка? Что в ней?

— Послушайте, — возвысил я голос. Не так патетически, как дядя Инек, но всё же: — Это МОЯ сумка.

— Понимаете, если вдруг там окажутся наркотики или ещё что вредное — не только вы пострадаете, но и я.

Я вздохнул. Чёрт, он прав, и опасаться в такой ситуации имеет право.

— Мне нужны оттуда диски, вот и всё. Ничего криминального. Хочу послушать песню «Френсис отомстит Сиэтлу».

— Френсис?

— Вы что, не знаете историю Френсис Фармер?

— А кто это?

— Известная актриса. Была известная.

— Я, знаете, половину жизни прожил в Британии. Многого не знаю.

— Сейчас она не тем известна, что была актрисой. В моей тусовке ее все узнали в первую очередь, как символ протеста.

— Протеста? Против чего же протестовала эта дама?

Я помотал головой, еле-еле, чтобы позвоночник не отреагировал:

— Она не протестовала, просто жила, как хочется. Как будто в свободной стране живёт. А её

за это уничтожили.

— Кто уничтожил?

— Как кто? Правительство. Общество, система. Жители долбанного Сиэтла.

И я рассказал доктору Сингари Легенду о Прекрасной Френсис Фармер. Какой талантливой она была с детства, и как играла в любительском театре. Как написала самое лучшее сочинение в стране, и как ей подарили приз — поездку в Советский Союз. Как потом о ней начали кричать на каждом углу, что она коммунистка и атеистка. Но сразу вот так вот взять и сломать — не могли. И вот она блистает на мировых экранах, и даже деньги текут рекой. А потом… Потом её арестовали за пьяную езду. А на суде она кинула в судью чернильницей, и ей впаяли в срок.

Вот был такой Лютер. Он кидался в дьявола чернильницей. И ничего, все его уважают. Среди немцев множество лютеран. Но Френсис Фармер не Лютер, тем более, что она пьяная на авто каталась. Её посадили в психушку, поставили ей диагноз «шизофрения», и долго херачили электрошоком. А потом сделали лоботомию и выпустили, и она счастливо работала в прачечной.

— Печальная история, — сказал Сингари. — Жаль, что в нашей стране такое могло случить-

ся.

— Могло? Случиться? Да это постоянно происходит! А вспомните, как расправились с этим бородатым мужиком? Как там его? Хемингуэй! Спецслужбы за ним постоянно шпионили, записывали каждый его шаг, даже дома. А ему все говорили: э, старина Хэм, да кому ты нужен — шпионить за тобой! Ты же не политик, ты же просто писака! Да у тебя, брат, мания преследования! Он взял и застрелился. И также Курт, Курт Кобейн.

— Мне пора, — сказал Сингари и поднялся.

— Так вы принесёте диски?

— Думаю, что один раз можно сделать исключение. Но только один диск и только сегодня.

Сучара, а потом я свалю отсюда. Уж найду способ как свалить. Вечно лежать в этом каземате — ну уж нет! Пошло оно на хер, такое наследство. Вымаливаю свой собственный диск у какого-то урода?

— Я включу, а вы мне снотворное. Идёт? Хочу уснуть под любимую музыку, — умильным голоском попросил я доктора.

Ну что, братья и сестры… Улегся я поудобней, слушаю про месть Френсис Фармер долбанным жителям Сиэтла и тихонько засыпаю. Разве не

хорошо?

8

Утром я проснулся от какого-то шума во дворе. Посмотреть в окно я не мог, хотя и очень этого хотел. Поэтому пришлось мне заниматься этой, как её… «реконструкцией». Если по-человечески — я просто пытался понять, что там происходит, опираясь только на слух. Лежал неподвижно, с закрытыми глазами — и слушал.

А происходило там нечто весьма масштабное. Лязгнули большие ворота, которые раздвигают, если въехать нужно какому-нибудь очень большому транспорту. Проревел мотор грузовика, стих. Чуть слышно доносились перекрикивания людей, видимо грузчиков. Потом в дом начали затаскивать тяжелые предметы и перемещать их, как мне показалось, в подвал. Это что вообще такое?

— Просьба не выражаться. В этом доме не приняты подобные выражения. — услышал я голос доктора Сингари. — иначе мы будем вынуждены сообщить в вашу компанию.

Чёрт, а этот хрен что тут с самого утра делает?

Я открыл глаза и увидел лже-Сесилию, которая

сидела в кресле и внимательно меня рассматривала.

— Ох, напугала! Ты что тут делаешь?

— Жду указаний своего дорогого мужа, — сладко ответила девка. Она нарядилась в любимый халатик Сесилии, выцветший, продранный на локтях.

— Пора принимать лекарство, — сказала она и полезла к сиди-проигрывателю.

— А Сингари что? Он ведь здесь!

— Доктор Сингари очень занят и он попросил меня проследить за приёмом аудиального лекарства.

И она врубила сладкие, тошнотворные мантры в современной обработке. Вроде как Enigma поёт, в таком роде.

— Этот сборник называется «Через боль создай Путь», — сказала девушка. — Как раз для тебя, не так ли?

— Слушай, а что там притаранили? Что в подвал затаскивали?

— Джорджи, дорогой. Давай уже прекратим все эти «притараним», и «ваксы засадим». Ты ведь образованный молодой человек из хорошей семьи. Вот и говори, как ты на самом деле умеешь. Был непростой период в твоей жизни, но он уже

прошёл.

— А я уже не умею… по-прежнему выражаться.

— Не лги мне, Джорджи. Просто начни заново.

— Слушай, чтобы ты ни говорила — я всё равно не признаю тебя за свою Сесилию. Да ты и не похожа на неё… Да, из моих родных никто на свадьбу не поехал, и вообще никто из Плимута. Может, для них ты и сойдёшь за мою жену, а для меня — нет. Бесполезно, — категорично выпалил я и завалился в бессилии на подушку. — Так что там с подвалом? Что в него затаскивают?

— О чём ты? О, Господи… Опять галлюцинации?

Я понял, что на этом поле мне ничего не добиться и прекратил распросы.

— Ты сиди-плеер ко мне ближе передвинь, и компьютер. А то переставили так, что достать не могу.

— Нет, Джорджи, — строго сказала она. — Знаю я, что ты первым делом сделаешь: выключишь музыку. Так что лежи и слушай. Может, тебе книжку какую?

— Газет принеси, — язвительно ответил я.

— Каких тебе газет?

— Шучу, не надо никаких газет.

— Тогда я пойду, у меня забот по дому — куча!

Доктор Сингари обещал вскоре к тебе подняться. Болит сильно?

— Терпимо, если не двигаться.

— Вот и славно, — сказала она и вышла, плотно прикрыв дверь.

Между тем шум в холле и вокруг дома закончился, грузовик уехал. Я услышал звук паркующихся легковых машин. Сначала приехало сразу две, затем — еще одна. Как бы мне хотелось поделиться происходящим хоть с кем-нибудь, даже с таким молчаливым парнем, как Джейк Пустое бревно!

Либо лже-Сесилия всех ловко дурачит, и все ей верят. Либо — все с ней заодно. В любом случае, меня никто не слушает. Из субъекта я превратился в самый настоящий объект.

Я начал перебирать в памяти кое-какие книжки, из тех, что читал в последнее время. Не много читал, если честно признаться. Как-то не до того было в Сиэтле.

Джон Лилли, «Человек и дельфин». Под впечатлением этой книжки я принял хорошую дозу ЛСД и отправился на берег моря: общаться с касатками или другими китами. В итоге я словил такой бэдтрип, что если бы не старенький тлинкит, подобравший меня валяющегося в холодной воде с посиневшим лицом — не читать бы вам этих

заметок.

Еще подействовала статья Дика Брайена «Как Север растлил Юг». Фашист, но здраво пишет. Я впервые задумался: как же так, хоть демократы у власти, хоть республиканцы — один хрен, любого выдающегося человека они либо приручат, либо сделают дурачком или доведут до самоубийства. Френсис Фармер, Джим Моррисон, братья Кеннеди — судьба их известна. А дело в том, что есть система, говорит Дик, и система эта никакого отношения к нашим политическим партиям не имеет. Президенты — просто шоумены, а рулят совсем другие люди. И так не только в Америке, а уже и по всему миру.

Я почувствовал, что воздух наполнился каким-то дымом, вроде можжевелового. Одновременно откуда-то снизу начали доноситься ритмичные удары большого барабана. Что это за барабан я, конечно, не видел. Но мог поклясться, что это что-то индейское, вроде шаманского бубна. У тлинкитов я слышал такие звуки и видел инструмент, который их издаёт. Большой такой, из кожи какого-то морского зверя.

Тут дверь приоткрылась, и в щель просунулось нечто… не лицо даже, а рожа. Что-то из кошмарного сна. Не старая еще женщина, но очень, очень

поношенная. Без зубов, с глубоко посаженными угольками глаз и с довольно длинной, хотя и редкой черной бородой. Она осмотрела бегло мою комнату, пробормотала что-то на непонятном языке и, закрыв дверь, скрылась. Что вообще происходит в этом чёртовом доме?

Через пару минут вошел Сингари, начал свои обычные процедуры.

— Мне кажется, в доме каким-то дымом пахнет.

— Да? Неужели? Может вам это мой одеколон навеял?

Он достал из портфеля склянку, покрытую непонятными письменами, потряс у меня перед лицом:

— Прекрасная фирма, очень рекомендую.

Убрал склянку обратно, начал набирать лекарство в шприц. И всё это под звуки мелодичных, но довольно жутких для меня мантр, что неслись из колоночек лабтопа.

— А где… где Сесилия?

— Хлопочет по дому. Столько всего надо вывезти, столько привезти — вы даже и не представляете себе… Бедняжка, такой груз на такие хрупкие плечи… — прочувствованно сказал Сингари, одновременно делая мне уколы.

— Тут женщина заходила. Точнее, заглядывала ко мне в комнату. Страшная такая, ужас просто. Вы её не видели?

— Нет, мистер Банкфорт.

— А вот эти звуки вы слышите, как будто кто-то в барабан колотит? Где-то в коридоре?

— Нет, мистер Банкфорт. Никаких звуков я не слышу, кроме разве что вот этой музыки, — он указал на сиди-плеер.

9

В обед заглянул ко мне совсем уж странный человек. Довольно старый уже мужчина, на голове — шапка с перьями. Спрашивает с акцентом: можно, мол, войти? Я разрешил. Одет он оказался в какое-то синее пальтецо, весь низ бахромой из тряпок украшен.

— Где тут выпить можно? — спрашивает меня он на плохом английском.

— В холле есть бар. Такая дверца в стене. Там долен быть виски, может и вино осталось.

Он кивнул, и собрался уходить.

— Постойте, постойте! — остановил я старика. — А вы кто вообще?

— Шаман, — ответил он запросто, будто у нас в

Плимуте на каждом шагу шаманы.

— Индеец?

— Нет, я тувинец. Тува. Это далеко отсюда, в центре Азии.

— Это где Тибет?

— Не совсем. Немножко близко, где Тибет.

— А здесь вы что делаете?

— Обряд делаю. Шаманю, в бубен стучу. Хозяева пригласили.

— А что за обряд?

— Хотят дорогу в Нижний мир открыть.

— Так «нижний мир», это вроде ад… Нет?

— Нижний мир — много слоев. Я пойду, выпью? А то работа тяжелая, энергия выходит из меня. А выпить не разрешают хозяева.

— Ты выпей, и себе возьми бутылку. А потом сюда приходи, мне у тебя надо спросить кое-что.

Старик кивнул своим перьевым шлемом и отправился вниз. Лже-Сесилия. Сингари с его мантрами. Утренний шум. Страхолюдная баба. Шаман из Центральной Азии. Как-то всё это в одну картинку не складывалось. Надо расспросить старикана — может и прояснится что-нибудь? Вспомнился мне почему-то и тёткин бассейн, с его осклизлыми бортами и лавкрафтовскими ассоциациями. Нет, про бассейн старик вряд ли

знает…

Он вернулся добродушный, уже изрядно подвыпивший, а в руке тащил початую бутыль с виски:

— У тебя сложу? Спрячу?

Я согласился — пусть прячет, мне-то что? Оказалось, что живёт шаман в гостевой комнате на моем этаже. Начиная с сегодняшнего дня дядя Инек пригласил его пробивать какую-то «дорогу в Нижний мир».

— Айылдыг, айылдыг, — сокрушался шаман. — Опасно! Зачем им такая дорога понадобилась? Тут же потом жить невозможно будет, хоржок!

Выяснилось, что шаман этот уже пару лет постоянно гастролирует по штатам. Иногда в клубах делает «коллективную медитацию». Иногда вместе с какими-нибудь занудными «индюками», вводит людей в транс. А попал он сюда через Альберта Кувезина. Кто это такой, я не знаю, н я так понял, что для тувинцев это кто-то вроде Dire Straights или даже Beatles пополам с Бобом Марли. А травы в Туве не меньше, чем на Ямайке. Только сакрального значения у неё нет, никто на неё не молится. Просто курят и продают, но шаманам этого нельзя делать — дорога может испортиться.

— А пить вам что, можно?

— Если хамнаар тяжелый, то можно. Даже нужно.

Взгляд у него был хитрым, и я подумал: каких только оправданий человек не найдёт, чтобы чем-нибудь вмазаться. Но развивать эту тему я не стал. Спросил вместо этого:

— А что там у вас в Туве? Какая местность, чем живёте?

— Место очень красивое, — охотно начал рассказывать шаман. — В городе Кызыле сливаются две реки, получается Енисей. Там у нас центр Азии, обелиск такой каменный. Место чистое, хорошое. Духи любят такое место. И там много сильных мест.

— Мест силы?

— Ага, мест силы. Хайыракан, например. Такая гора, вся мраморная, там очень сильные духи живут.

— Вы там только шаманите и траву продаёте?

— Нет, почему, — обиделся шаман. — Много скота выращиваем. Это — наша основа жизни.

Хорошее, наверное, место, подумал я.

— А что там в подвал привезли сегодня утром? — спросил я.

Шаман выпил глоток из маленькой чашечки,

которую извлёк откуда-то из своих небесно-синих одежд и ответил:

— Не знаю. Но что-то страшное, злое. Древнее что-то.

— Древнее?

— Да, вроде как бывают древние мумии. Но там не мумии. Что-то совсем страшное.

— Слушай, а сколько тебе платят за эту дорогу… в нижний мир? — спросил я.

— Нормально платят, хорошо.

— Скажи, сколько? Я тебе заплачу больше, если ты для меня кое-что сделаешь.

— За всю работу — десять тысяч, за четыре дня.

— Я тебе пятнадцать заплачу… Нет, двадцать. Если ты меня отсюда вывезешь.

— Э, опасное дело предлагаешь… Мне сказали, в эту комнату вообще не заходить.

— Понимаешь, они все сговорились… Жену подменили… Что-то хотят со мной сделать. Что-то очень плохое, я это чувствую.

Шаман кивнул:

— Это я понимаю. Злых людей здесь много. У меня есть индивидуальные консультации. И все обращаются с такими вопросами, что ужас, ужас, ужас.

— Какие вопросы?

Шаман отмахнулся: не буду, мол, рассказывать. Не к чему.

— Так ты мне поможешь? Я вообще-то хозяин всего этого дома, так что деньги у меня есть.

— А ты сам что не уедешь?

— Болею. Даже двигаться толком не могу.

— Так тебе в больницу надо, однако.

Они меня здесь для чего-то держат. В больницу не везут. И ни телефона тебе, ни интернета.

Шаман задумался. Потом ответил:

— Сейчас мне уходить пора, скоро остальные придут, хозяева. Полежи пока, а я обо всём подумаю.

И ушел, позвякивая металлическими штучками на пальтеце. Ненавистные мантры продолжали пиликать из колоночек.

10

В обед пришла лже-Сесилия, тварь долбанная, чтоб ей пусто было, пропади она пропадом:

— Доктор Сингари сегодня занят, он доверил мне укольчики. Он такой милый, правда? Он говорил, что он из касты брахманов. А это у них в Индии много значит…

Я мрачно посмотрел на неё: ставь, давай. Она и

начала ставить уколы (поясница, два под лопатки) и одновременно щебетать какие-то глупости. Как мы замечательно заживём скоро и всё такое, и какой прекрасный ремонт она здесь задумала, и какие прекрасные отношения у неё установились с миссис Шандорзоннен. Миссис Шандорзоннен такая милая, она рассказала чудесный рецепт древнего венгерского пирога. Или австрийского. Она, на самом деле, княгиня. То есть её муж князь, самый настоящий венгерский князь. Они уехали, спасаясь от коммунистов, а здесь в Плимуте завели кое-какую торговлю антиквариатом. Они ведь аристократы, и очень хорошо разбираются в антиквариате.

Я хотел спросить у нее о многом. Что они со мной собрались делать дальше? Где моя настоящая жена? Что привезли в подвал и зачем открывают дорогу в какой-то «нижний мир»?

Но я понял, что все эти вопросы будут бесполезны, ответа на них не будет никакого, и я промолчал. Лже-Сесилия сделала свои дела, поулыбалась миленько, потрясла своим рыжеватым каре и ушла. Я снова остался один, вместе с ужасной музыкой, которая пела непрерывно что-то вроде «цхали цхунх итарэ тарэ мунгх». Примерно через полчаса дверь распахнулась

и вошла Сесилия. Настоящая Сесилия, со своей огромной косой.

— Сесилия? Это ты? — я даже привстал на кровати, несмотря на невыносимую боль.

— У нас очень мало времени, а мне так много нужно тебе рассказать. Хотя я толком и не знаю ничего…

И она заплакала.

— Мне так жаль тебя. Но отцу на операцию срочно были нужны деньги, ты ведь знаешь. Сто тысяч, они мне дали их под видом благотворительного пожертвования.

— И что ты должна была за эти сто тысяч сделать?

— Просто исчезнуть навсегда… И рассказать про тебя кое-какие подробности этой девушке.

— Как ты могла? Я думал, ты меня любишь. А ты?…

— Я любила, но у меня выхода не было.

— Как не было? Продали бы немного тёткиной рухляди, и набрали бы на операцию.

— Так надо ведь срочно было. Он бы умер…

Я помолчал, не зная, что сказать. Потом заговорил быстро:

— Ты хоть понимаешь, что они со мной тут творят? Как в Бухенвальде каком-то. Мучают,

общаться ни с кем не дают…

— Они мне сказали, что это все для твоего же блага. Что тебя выращивали уже двести лет, что ты конечный итог. И потом не пожалеешь, будешь сверхчеловеком. Осталось пройти нужную подготовку.

— Сверхчеловеком?! Ты что, издеваешься? Какой сверхчеловек? Жалкое больное существо…

— Сказали, неделю или две будут готовить, а потом ты станешь великим человеком. Таких ещё не было в истории.

Мне вспомнились жалкие лавкрафтовские вырожденцы: их ведь тоже для величия выращивали! Скрещивали глубинную нечисть с людьми, но получались лишь негодные ни на что ублюдки. Упаднические мерзость.

— Помоги мне… Мне отсюда выбраться надо, хоть куда.

— Не могу, — заплакала она. — Они меня убьют. Я и так рискую — пришла сюда, а в каждую минуту может появиться кто-нибудь из них. Ты меня прости, за все прости.

— Как отец?

— Готовят к операции.

Я кивнул: ну, хоть что-то в этом мире хорошо идёт.

— Передай от меня записку в полицию.

Она кивнула, нашарила в сумочке ручку и клочок бумаги. Я начеркал жалостливое слезливое послание. На месте любого копа я сразу разрыдался бы и бросился на помощь такому несчастному молодому человеку, жертве трагических обстоятельств. Она спрятала клочок в сумочку и заторопилась:

— Мне надо быстрее, быстрее… Я обязательно передам записку.

Она вышла, размазывая по лицу слёзы, а через минуту зашёл дядя Инек Уэйн. Бросил шляпу на столик, развалился по-хозяйски в кресле.

11

— Что, побеседовали? — насмешливо спросил мой дядя. — Записочку в полицию настрочил? Ну-ну, молодец.

Дядя Инек помолчал, затем продолжил:

— Предала один раз, предаст и во второй. Разве не ясно? Один раз соточку взяла, а за второй — так и всего пятерочку.

— Зачем вам нужна была вся эта комедия?

— Зачем? А для проверки твоей глупости. Узнав, что тебя готовят к величию — что ты будешь

делать? А ты… Ты взял — и всего лишь записочку в полицию накатал. Что ж, придется действовать по-другому. План Б, так сказать. Но сначала я кое-что тебе расскажу. Не хочу рассказывать — но должен.

— Про что же вы мне расскажите?

Дядя Инек приподнял брови:

— Про всё. В нужный момент ты должен обладать полным знанием о ситуации, так жрецы говорят.

— Жрецы? — удивился я было, но вспомнив об азиатском шамане решил, что жрецам можно уже и не удивляться.

Инек кивнул. Затем вздохнул, взял со столика шляпу, повертел её в руках, и мне опять показалось, что он вычитывает что-то с её тульи. Помял шляпу в руках и продолжил своим старческим, но ещё твердым голосом:

— Помнишь фотографию, где я на вершине с американским флагом?

Я кивнул.

— Ты, наверное, и другую фотографию видел, где мы устанавливаем на скале нацистский флаг?

Я снова кивнул. Дядя Инек продолжил:

— Я тогда был совсем мальчишкой, младше

даже, чем ты сейчас. Хотя и не таким глупым.

Он закашлялся, и внезапно я снова увидел его обычным стариканом со своими слабостями и болячками, а вовсе не безжалостным руководителем обширного заговора, кем стал он мне видеться в последние дни.

— Меня отец пристроил в ту экспедицию. Была такая немецкая организация, «Анненербе», занимались исследованиями по всему земному шару. Немцы — они вообще очень любят исследовать что-нибудь… Эта экспедиция искала в Тибете мифических ледяных гигантов, ну и собирала этнографический материал по сверхспособностям. В основном, среди адептов бон-по.

— Бон-по?

Дядя Инек кивнул:

— Это одна из основных тибетских конфессий. Точнее сказать — единственная по-настоящему тибетская. Их иногда называют тибетскими шаманистами, что в общем не верно. Иногда путают с буддистами, потому что за последние столетия Бон-по довольно сильно мимикрировала под буддистов. Создали аналогичные святые тексты, систему монастырей… Но вот что надо знать: пока вера Бон-по среди тибетцев доминировала, Тибет был мощным государством. Держали в

страхе всех соседей, даже Китай. А как приняли буддизм — так и пошёл упадок. Вот на что обратил в своё время внимание фюрер.

— Фюрер?

— Адольф Гитлер. Он ведь лично курировал тибетское направление «Анненербе». Теперь вернемся в Плимут, к нашим ветвям Банкфортов и Уэйнов. Нас всегда интересовали тайны мироздания. Конечно, с тем уровнем развития науки невозможно было достичь многого. Но кое-какие успехи у нас были. Помнишь бассейн?

У меня отчего-то кровь захолодела в жилах. Я понял, что не хочу ничего знать про этот чёртов бассейн. Представилась перед глазами его вода: покрытая неприятной плёнкой, с несколькими бурыми листьями, плавающими, будто какие-то Летучие Голландцы: мертвые и не для живых.

— Из бассейна в море ведёт тоннель. Как ты думаешь, для чего?

— Н-не знаю…

Я услышал, как из холла доносятся ритмичные бумканья. Шаман опять работает, дорогу в нижний мир открывает. Сейчас я, наверное, и узнаю всё об этой дороге.

— В тысяча восемьсот семьдесят четвертом некоторые наши эксперименты увенчались

частичным успехом. Всё это совсем не то, о чём писал Лавкрафт. Что-то он услышал где-то, что-то разнюхал, что-то домыслил, а что-то, наверное, просто почувствовал интуитивно.

Дядя Инек вытащил трубку и начал набивать ее табаком.

— Разве вы курите? — удивился я.

— Иногда, когда хочу сосредоточиться.

Он раскурил трубку, выпустил густые клубы дыма, закашлялся. Затем продолжил свой рассказ.

— В морских глубинах действительно обитают древние, могучие существа. Но не надо представлять их вроде гигантских кальмаров или каких-то жабообразных гадов, как это описано у Лавкрафта. Для нас они невидимы и неощущаемы. В некотором смысле они вовсе и не живут в нашем мире, а находятся в своём собственном, лишь частично пересекающимся с нашим. Можно назвать их кем-то вроде глубинных духов, которым индейцы издавна приносили жертвы…

Глубинные духи! Вот ведь крыша у старикана едет! Да у всей нашей семейки мозги явно не на месте… кроме меня, разве что.

— За кем, ты думаешь, гонялся капитан Ахав? За белым кашалотом?

Я ничего не ответил, дотянулся до столика и попил чаю со льдом. Лёд, впрочем, давно уже растаял, так что был это просто обычный разбавленный чай.

— Мы смогли вступить с ними в контакт. В очень тесный контакт. И получили от них что-то вроде участка генома. На самом деле к генам это не имеет никакого отношения, но на геном при этом влияет. Мисс Джейн Уэйн родилась в восемьсот семьдесят четвертом. У нее была, э… Несколько необычная внешность. И долго жить на суше она была не способна. Для нее и соорудили этот бассейн с тоннелем. Впрочем, она уже давным-давно там не появлялась. Видимо, человеческое общество перестало быть ей нужно.

— Может, она просто умерла от старости? Всё-таки, больше ста лет прошло.

— Мальчик, вопросы и предположения потом. Сейчас просто слушай.

Он снова раскурил трубку, но на этот раз закашлялся уже я. Инек Уэйн встал и заходил по комнате, держа трубку в зубах, словно Шерлок Холмс с какой-то старой картинки.

— Живут они долго, очень долго. Я думаю, Джейн не прожила ещё и половины своей жизни. Джейн Уэйн была трагической ошибкой экспе-

римента. Глубинного в ней оказалось слишком много. Но вот зато её потомство…

— Потомство? У нее было потомство? — удивился я искренне.

— Записаны дети были на её сестру, Джезебл. Ты ее прапраправнук.

— Что?!

Может, я участник какого-то психологического эксперимента? Спецслужбы проводят: как быстро у парня крыша съедет, если ему картинку реальности менять радикально каждые несколько дней…

— Это достойное родство, стыдиться тут нечему. Как ты знаешь, многие из Уэйнов занимают очень достойное место в социальной иерархии.

— И что теперь? Вы говорите, что я правнук какой-то каракатицы, ну ладно, допустим это так. Но зачем вы меня здесь держите? Зачем забрали жену?

— Жена у тебя глупа, она вносила бы в картину неправильные информационные завихрения. Жену мы тебе получше нашли. И умна, и красива, и тоже по дальнему родству из Уэйнов.

— Это вы про девку, что себя за Сесилию выдаёт?

— Мальчик, теперь и навсегда она и есть для те-

бя Сесилия. У неё даже документы все в порядке. А той Сесилии нет, никогда не было и не будет.

— Как это нет? Вы что, убили её? Но у неё есть родственники.

— Отец при смерти, брат в тюрьме, пара кузин — что это за родственники?

— Она жива?

— Жива, жива. Стали бы мы ей сто тысяч платить только для того, чтобы через несколько дней убить?

— Как вы её уговорили?

— Люди слабы. Мы уже полгода назад с ней связались и в общих чертах обо всём договорились.

— Ещё в Сиэтле? — не поверил я своим ушам.

— Ещё в Сиэтле. Нужно было, чтобы ты приехал, время пришло. Помнишь, как она тебе сладко пела: давай, мол, поживем в Плимуте? Всю жизнь, мол, мечтала пожить в Новой Англии?

Тут до меня начало доходить.

— Так эти долбанные газеты… Которые понадобились ей ночью… это всё специально было подстроено?

— А в мире вообще мало случайностей происходит, — дядя Инек распахнул окно, вытряхнул трубку о подоконник.

— Вы что это мусорите? — удивился я. Инек

ничего не ответил. — Погодите, вы говорите, всё было подстроено, чтобы я вернулся… А как же тётя? Она по сговору померла?

— Ты по тёте соскучился? Бедняжка. Могу организовать телефонный звонок на Гавайи, там твоя тётя, жива и здорова. Нежится на солнышке.

— А свидетельство о смерти? А?… — тут я понял, что спрашиваю глупости. Разве полиция у них не в кармане? А доктора? А вообще — весь этот чёртов городишко?

— Ладно, перейдём к главному, — важно сказал Инек и уселся в кресло. Блин, хоть бы под ним ножка подломилась! Но где уж там — у таких даже случайности благоприятны, он же виннер! — Про Тибет. Та экспедиция ничего не нашла, а вот потом — кое-что нашли. Настоящих существ из другого мира. Десять зародышей. Пять погибли во время неудачных экспериментов — пытались вживить их китайским заключенным в Сфере совместного процветания. Зародыш пожирал тело и сам погибал очень скоро. Пять зародышей нам удалось вывезти в Штаты. Четыре… Не важно, в общем они погибли. Остался последний. Он сейчас в подвале, в криокамере.

Вот что в подвал таскали, подумал я. Ещё подумал: сейчас дядя Инек улыбнётся, скажет, что всё

это была шутка и пора принимать лекарство. Но он не улыбнулся, а продолжил серьёзно.

— Бонские жрецы давным-давно знали о зародышах. С их расспросов и нужно было всё начинать. Но нацисты сработали не профессионально. У нас ушли долгие годы на выяснение истины. Из ныне живущих людей только ты способен принять в себя зародыш, выносить его и потом слиться в единое существо.

— Слиться? Вы что, как в фильме «Чужой», хотите мне в живот запихать какую-то неземную дрянь?! Вы же мой дядя, брат матери…

Я чуть было не заплакал. Не заплакал же я только потому, что происходившее выглядело слишком бредовым для правды и для настоящих слёз.

— Какие ещё «Чужие»? После этого ты станешь великим человеком! Первым по-настоящему великим человеком на этой Земле. Ты получишь такие способности… Эх, хотел бы я оказаться на твоём месте!

— Пожалуйста, оказывайтесь! Я совсем не против! — воскликнул я, но дядя Инек отрицательно покачал головой.

— Не могу, Джорджи. Жрецы тебя выбрали. Уж я-то как не доволен этим, знал бы ты… Паршивая

овца в стаде — и такая честь!

— Так что со мной будет?

— Через пару дней наступит идеальный момент для вживления. А пока лежи спокойно. Я вот думаю, может тебя в подвал перенести? Так спокойней будет?

— Не надо в подвал. Я… я не буду ничего такого делать. Буду лежать тихо, как мышь.

— Вот и славно.

Инек ушел. В прослушивании бонских мантр незаметно наступил вечер, пришел Сингари, вколол порцию лекарств, дал снотворное. Почему-то я не стал глотать таблетку, а сунул её под язык. Сингари вышел, и я запихал таблетку под матрас. В коридоре раздавались звуки бубна, тянуло можжевеловым дымом.

12

Я уже начал засыпать, как вдруг со стороны окна послышался шум. Я повернул голову и увидел неловко растопырившегося между подоконником и водосточной трубой человека. Тот приложил палец к губам: тихо! Он открыл окно и тихонько спустился в комнату. Был он одет в старомодный плащ, в мятую белую шляпу… И

вообще, весь какой-то немного нелепый. Чем-то он напомнил мне детектива Коломбо из последних серий, только не со стеклянным глазом, а с настоящим.

— Вы хозяин дома? — громким шёпотом спросил он.

— Я…

Он достал удостоверение, подержал у меня перед глазами:

— Частный детектив Хантер. Уолтер Хантер. Я сейчас не имею никакого права находиться в вашем доме, и вы имеете полной право со мной не разговаривать. Но я бы, всё-таки, попросил минутку вашего внимания.

Говорил он как-то странно, словно сильно выпил.

— Детектив, извините за вопрос: вы пьяны?

Хантер помотал головой:

— Я вообще не пью, уже давно. Нарушения речи — это последствия инсульта. В позапрошлом году долбануло меня… Из полиции пришлось уйти — сейчас вот частным сыском занимаюсь. Сесилия Бернар — это имя вам говорит о чём-нибудь?

Я приподнялся на постели.

— Сесилия? У вас вести от неё?

— Как бы это сформулировать побыстрее…

Живу я в Салеме. Туда сегодня ближе к вечеру заявилась девчушка, ну и давай полицейскому рассказывать: держат, пол, парня в заточении и всё такое. Но никаких заявлений писать не стала. А мне товарищ всё это и рассказал. Но дело тут даже не в этом…

— А в чём же дело? Вы мне не поможете?

— Помогу, чем смогу. А вы мне помогите.

— Слушаю.

— Второго февраля три девушки пропали. Поехали вроде в клуб, но там их никто не видел. И домой не вернулись. Молоденькие все, по двадцать лет. И вот, некоторые следы привели меня сюда.

— Следы? Что вы имеете ввиду?

— Этого я не могу вам сказать. Но помните, что я не полицейский, на мои вопросы вы отвечаете добровольно. Не хотите — так и не отвечаете. Скажите, за последние дни ничего странного вы здесь не замечали?

— Странного? Мистер…

— Хантер.

— Мистер Хантер, да тут только странное и происходит со второго февраля. А обычного ничего не происходит.

И я принялся рассказывать ему о своих злоклю-

чениях. Это был первый человек, после Сесилии, который не поднял меня на смех, а выслушал всё очень внимательно, и даже сделал кое-какие заметки у себя в истрепанном блокноте. Ещё я попросил выключить его чёртовы мантры, и он выключил. Ох, какое облегчение!

— Мда, похоже на каку-то безумную секту. И вовлечены не последние люди в городе, — задумчиво сказал Хантер. — Курить у вас нельзя, я так полагаю.

Я махнул рукой:

— Курите, только окно приоткройте.

Он закурил, и в свете зажигалки я увидел: а ведь он уже не просто пожилой, он скорее старый.

— Ночью к вам никто не заходит? — спросил он.

— Ни разу такого не было. А вам не тяжело, ну после этого, после инсульта?

— Двигательные функции восстановились практически полностью, только с речью небольшие проблемы, — ответил Хантер и принялся рассматривать обложки от дисков.

— Вы не против, если я возьму один? Посправшиваю у специалистов, что да как, — спросил он.

— Берите хоть все! Меня от этой дряни реально тошнит! Впрочем, нет… все не надо, они ведь

тогда заметят. Но один, я думаю, можно.

Хантер сунул диск во внутренний карман куртки.

— Что теперь будем делать? Каков план?

— Клиенты заплатили мне за расследование исчезновения девочек. Этим я и буду заниматься. Но попутно — и вас отсюда вытащу. Мне надо осмотреть подвал… Впрочем, не мне, а полиции или ФБР. Но я сейчас на свои рычаги нажму, машинка закрутится. Утром здесь будет полиция, будут осматривать все комнаты. Вот тогда вы и расскажите всё о своих мучениях. Перевезут вас в нормальную больницу… и зародыши вживлять не будут.

Хантер улыбнулся устало.

— Но мой дядя — очень влиятельный в городе человек. Что, если?…

— Ну что вы, мистер…

— Банкфорт.

— Банкфорт, да. — Он усмехнулся, — Не смотрите много фильмов-нуар. Таких, где могущественная семейка держит в страхе всю округу и творит буквально все, что вздумается. А честные полицейские получают только свинцовые ордена и медали. Здесь речь идёт об исчезновении трех человек. Предположительно — похищение,

возможно и убийство. Такое замять никому не удастся. Да и что такое этот ваш Плимут? Центр мира?

— А как вы обратно?

— А также, через окно, — ответил детектив, и я подумал: ну куда тебе по водосточным трубам лазить! Сидеть бы тебе в уютном кресле-качалке у камина, да покуривать запрещенные кубинские сигары.

— Я что там с охраной? Вокруг дома есть охрана?

— Есть, но периметр ни хрена не держат. Ноль профессионализма. Тут с трёх сторон — бери и лезь в дом. Ладно, вы не унывайте, мистер Банкфорт. Помощь уже совсем рядом.

Мне вспомнился кусок фильма, где два израненных полицейских беседуют в бандитском логове. Один говорит: не бойся, всё в порядке. Полицейские уже здесь, они просто ждут. ЧЕГО ОНИ ЖДУТ? — заорал тогда один из копов. Кстати, обоих полицейских бандиты в итоге пристрелили.

— Ждите утром спасителей, — он дружески пожал мне руку и полез в окно. Уцепился за трубу, и вдруг с грохотом сорвался вниз. Раздался сдавленный крик, затем — грязная ругань. Господи, как же это он так? Я услышал парочку приближав-

шихся голосов. Видимо, охрана. Вот чёрт, ведь он мог меня спасти! Завтра в восемь утра тут было бы полно гослюдей, полиции… и вместо этого он так глупо… так глупо…

Вот тут я уже и вправду заплакал. Слезы хлынули потоком, покруче вашей Ниагары. Между тем история за окном продолжала развиваться. После коротких переговоров, сути которых я не понял, Хантера потащили в дом. Хлопнула дверь в холле, послышались жалкие стоны и требовательные голоса.

— Мистера Уэйна вызывайте, — сказал один из голосов.

— А с этим что пока?

— Он, блин, ногу сломал. Смотри, у него болевой шок. Давай, промедолу ему вкатим?

Собеседник, видимо, согласился с идеей насчет промедола. Минут пять было тихо, потом я с трудом расслышал слабый голос Хантера:

— Я частный детектив… В полиции Салема знают, что я сюда поехал…

— Заткнись, придурок, а то больше промедолу не дадим, — сказал один из охранников беззлобно. Хантер послушно примолк. Минут через десять — шум автомобилей, хлопанье дверей в холле. Сначала вошел Сингари, начал о чём-то

беседовать с Хантером. Через пару минут вошел дядя Уэйн, выслушал от охранников короткий доклад. По-армейски распорядился:

— Этого овоща — в подвал. Максимально обезбольте, шину сделайте. Кто ещё видел? Хорошо. Охрану усилить. Вам камеры зачем, кино смотреть про родной Плимут? Шаман у себя? Скажите, чтоб сидел у себя, никуда не выходил. Давайте, тащите его, что встали, как олухи?

Послышались стоны несчастного Хантера, которого потащили в подвал.

— Вы думаете, для дополнительного подкорма подойдет? — с сомнением спросил Сингари.

— Жрецов спросим, а пока пусть полежит вместе с этими.

Они о чем-то ещё поговорили в полголоса, и я подумал, что лавкрафтовский бассейн во дворе — всего лишь детская игрушка по сравнению со всей той жутью, которая творилась в этом доме. Да ещё буднично так творилась, как сама собой. Жрецы… Для подкорма подойдёт… Я боялся даже представить себе, что там будет происходить в подвале, и кому именно понадобился «подкорм». Впрочем, об этом я итак догадывался.

Через полчаса зашёл дядя Инек. Спросил строго:

— И не стыдно тебе? Хорошего мужика погубил. Ему бы жить да жить.

— О чём вы?

— Не надо частным детективам рассказывать всякую белиберду, вот о чём. Тебя послушать — так все кругом с ума сошли, один ты нормальный. Тоже мне, нормальный. Бомжевал в Сиэтле, пока мы тебя оттуда не вытащили. Впрочем, этот мужик и сам виноват — нечего в чужие окна лазить.

— А что с ним будет?

— А вот это тебя не касается. В дело пойдёт.

Потом дядя Инек вздохнул вдруг как-то очень по-человечески и сказал ни к кому не обращаясь:

— Эх, Господи, которого нет! И вот это жалкое существо — будущий сверхчеловек? Воистину, неисповедимы пути древних…

Он посмотрел на меня с отвращением, затем приказал:

— Быстро спать. Утром начнём ритуал. И не вздумай ничего учудить.

А я и не мог ничего учудить: я даже до своего столика с трудом дотягивался, такие дела.

13

В два часа ночи дверь приоткрылась и внутрь проскользнул тёмный силуэт шамана.

— Будешь виски? — задал он довольно неожиданный в такой ситуации вопрос и я не отказался. Выпил пару глотков. Хорошее виски тётка для гостей держала.

— Я вот что подумал, — сказал шаман. — Тут совсем плохие дела творятся. Не могу здесь работать. Там внизу — что-то страшное, злое. Какой-то дух непонятный, я таких не знаю. Очень голодный, жестокий. Но пока он почти спит. Еще там, в подвале, мертвецы. Их души ходят вокруг, жалуются.

— Сколько там мертвецов? — спросил я.

— Четыре, так мне кажется. Три женщины и мужчина. Я уехать отсюда хочу, страшно здесь.

— Забери меня! — с мольбой в голосе прошептал я.

— Так вот, думаю — как же тебя забрать? Кругом охранники, я троих видел. И камеры есть.

— У меня на карточке деньги есть, три тысячи примерно. Вон куртка, возьми.

Шаман взглянул на куртку, помолчал.

— Твоя карточка тебя отсюда никак не вытащит. Другое надо придумать.

— Что?

Мысли мои начали работать быстро-быстро. Что может отвлечь всех от меня? Что-то очень грандиозное. Тут меня осенило:

— Пожар! — сказал я.

— Чего?

— Надо устроить пожар. Если разгорится как следует, они…

Так, они начнут спасать своего зародыша-чужого. Ну, меня тоже, наверное. Судя по всему, я для них почти также важен как этот ублюдок.

Господи, отчего ты меня покинул? — взмолился я вдруг абсолютно искренне. Вспомнил, что не был в церкви уже сколько-то лет, и вообще о Боге никогда не вспоминал.

— Ты в Иисуса веришь? — спросил я шамана.

— А что, — пожал тот плечами. — Нормальный Бог, сильный.

— Я его хочу о помощи попросить.

И тут при упоминании Бога у меня даже слёзы на глазах выступили, как у какой-нибудь фанатички из «Дочерей американской революции».

— Так проси, — сказал шаман и отпил еще глоточек.

— У тебя машина есть? — спросил я его. Он утвердительно кивнул.

— Мы пожар сделаем, ты устроишь шум, крики. Меня потащишь вниз, вроде на свежий воздух. Подтащишь поближе ко своей машине. Скажешь, что за мной присмотришь. Они тебе доверяют?

— Они? Мне? Да они меня полным чурбаном считают. Индейцем из прерий. Конечно, доверяют.

— Ну вот, и как возможность будет — сразу рванём. Езжай всё время на Запад. А там разберемся. А если эти нас догонят — скажешь: моя не понимай, пугалась сильно. Духи сказали туда ехать, моя поехать.

Он улыбнулся.

— Пойду вещи соберу. Шаманский вещи — забывать нельзя.

14

Холмы, молодая зелень на деревьях. Где мы провели эти два дня? Этого я так и не узнал толком. Да и какая разница?

Айдаш (так, оказывается, звали шамана) проехал несколько часов на Запад, а потом свернул в какую-то глушь: здесь, говорит, «вода хороший,

целебный». Тебе надо здесь побыть, «вода пить». Два дня я пил эту воду — и что вы думаете? Просыпаюсь на третий день, а руки-ноги работают не хуже, чем раньше! Спина побаливает, но совсем не критично.

Я так думаю, доктор Сингари мне специально какую-то дрянь колол, чтобы обездвижить и в овощ превратить, и чтоб болело всё. Не знаю, есть ли такие препараты, но у военных, поди, и не такое найдётся! Эх, встретить бы этого Сингари где-нибудь в темном переулке один на один! Я бы ему все его мантры наизусть прочитал, пока бил бы его большой толстой палкой.

Потом я про Бон-по глянул немного: никакой это не буддизм. Ещё и школы у них есть разные, там сам чёрт ногу сломит. Но сейчас они вроде как маскируются под буддистов: бренд уже раскрученный, успешный, опасений у народа не вызывает. Почитаешь — вроде всё тоже самое. Но это так, на поверхности. А дальше… А дальше лучше и не копать.

Дом тёткин дотла сгорел. Судя по официальным отчетам, ничего необычного или криминального на пожарище не нашли. Да только я теперь отдельно от них и мне на них плевать с высокой колокольни. Из пожара я шаману подсказал кар-

тину вытащить. Ужасно дорогая оказалась. Мы её по⌟⌟дешёвке какой-то братве в Калифорнии сбыли, но нам этих денег на всё хватило. И на новые документы для меня — тоже. Так что теперь я никакой не Банкфорт. Кто? А этого я не скажу, незачем. Какой-нибудь мистер Смит, типа того. Без приводов в полицию.

В Л.А. я документами новыми обзавелся, посадил шамана на самолёт до Нью-Йорка, а сам покатил в Сиэтл. Не стоило так делать, опасно… Но всё равно, всё хотелось по полочкам расставить.

Сесиль меня увидела и рот разинула от изумления:

— Так ведь… Дядя твой сказал, ты же умер от осложнений пневмонии! Тело кремировали, извините, что не пригласили на церемонию.

Во как! Ну Инек, ну Уэйн! «Не пригласили на церемонию».

— Дом, говорят, сгорел, от наследства ничего не осталось.

— Сгорел, что верно, то верно… А вот ты мне скажи: вся эта дрянь с газетами на ночь глядя, с подменой жены — это что вообще было? Я просто правду знать хочу, что тобой двигало?

Сесиль посмотрела на меня с полным недоуме-

нием. И тут я услышал ее версию событий.

Первого февраля ей, якобы, позвонил мой дядя Инек Уэйн, попросил передать от меня, что переезд пока откладывается. Ты, мол, в больнице, в инфекционном отделении и туда все равно никого не пускают. Да и ходить ты не слишком можешь, так что ехать пока не надо. Через недельку, говорит, позвонит твой Джорджи и всё будет замечательно. А потом звонит через несколько дней и говорит: помер Джорджи, как и не было вовсе. Да, ещё и подчеркнул: прах над Атлантическим океаном развеяли, такова была воля покойного.

Придумал же: «над Атлантическим океаном». Вот дядю Инека я бы тоже в темном переулке встретил с удовольствием, как того жирного Сингари, и с теми же точно целями.

Сесиль утверждает, что в Плимут не ездила. Вообще никогда. Никаких денег ей никто не давал. А отцу на операцию деньги нашлись. На днях, через одну из ветеранских благотворительных организаций. Ветераны не забыли еще, оказывается, лейтенанта Бернара, который в одиночку вытащил из под огня вьетконговцев двадцать своих раненых товарищей.

Поговорили мы с Сесиль и вижу я, что не врёт

моя жена. Честно всё говорит. Как же это может быть?

Вариант один: там с самого начала была какая-то подставная девка. А меня загипнотизировали… Или заколдовали?

Вариант два: я разучился видеть, когда Сесиль врёт, а когда правду говорит. Вот это было бы совсем плохо!

Поговорили мы, и я предложил: а пойдем-ка на улицу. Дождь как всегда, и всё такое, но она согласилась. Идём мимо церкви, я ей: давай зайдём. Она удивилась до глубины души: ты в церковь хочешь зайти? Да еще и в католическую…

А какая разница, католическая она или какая там ещё? Главное, чтобы с Богом там поговорить можно было, а не с чертями какими-нибудь из водных глубин или с высокогорных ледников.

Нормальный чтобы был Бог. Пусть даже такой наивный, как в детстве: с большой белой бородой и среди облаков. Потому что на кого-то нам ведь нужно опираться. И с Куртом я сейчас не согласен. Иисус за нас умер, а не за каких-то посторонних. Может, он и зря это сделал — но ведь за нас. Так что надо относиться к его жертве с уважением.

Мы переехали на Средний Запад, я поступил в колледж, подрабатываю в автомастерской.

Сесилия заканчивает курсы парикмахеров, скоро начнет работать. Денег у нас маловато, но не голодаем. Курта Кобейна мы больше не слушаем. Не то чтобы из принципа, просто не хочется.

Шаман оставлял мне листок с длинным телефоном, по которому к нему можно было бы дозвониться в его родной Кизил-Сити. Но листок этот куда-то подевался, никак не могу найти.

Одна есть у меня проблема. Иногда смотрю я на Сесиль и кажется мне, что это и не она вовсе, а какая-то чужая, посторонняя женщина. Встряхну головой — и наваждение проходит. А потом опять — нахлынет, и страшно мне становится. Кто она на самом деле?

Да сам я, кто я?

Вот, закончил я свою рукопись. Издавать или даже хранить её для себя я не собираюсь. Зачем? Пусть мертвые хоронят своих мертвецов, а в моих заметках мертвецов набралось уже довольно много.

Отнесу рукопись на берег реки и сожгу. Пусть пепел унесёт ветерком в воду. И пусть читают её в воде мудрые рыбы и пусть знают, какой странной бывает иногда жизнь человека.

США, Средний Запад, 1998

отмосфера
Куда подевались крысы?

2018

А вот и Харрис. Я сердечно поприветствовал своего давнего друга, обнял, похлопал по плечу. Сколько же мы не виделись? Я спросил его об этом. Одиннадцать лет, он полагал, а как по мне, то и все двенадцать. Он ничуть не изменился. Все такой же молодой и обаятельный мужчина, сражающий наповал своим умением говорить и держать себя. Не то что я: я здорово постарел за то время, что мы не виделись, и он это заметил. Он также не преминул сказать, что и взгляд мой потускнел — не от болезни, нет, но во взгляде моем больше нет былой искры. Ах, если бы мой милый друг знал только, в чем причина моего преждевременного увядания! Но я не могу позволить себе поведать ему об этом, как бы страстно он ни просил меня. Ибо, зная натуру Харриса, натуру истинного искателя приключений, я, дав ему толику лишней информации, рискую натолкнуть его на мысль о новой авантюре, способной

бросить его в силки смертельной опасности.

Мы некоторое время беседовали, он говорил о своей жизни в Оклахоме. Ничего примечательного в его повседневной жизни нет: женат, есть сын и дочь, не родные — дети жены от первого брака; работает в библиотеке, пишет литературоведческие трактаты, хотя литература его мало занимает в последнее время: в Оклахоме она скучна и непримечательна, как и все прочие виды искусства, как и все течение жизни. То ли дело Аркхем с его богатой библиотекой старинной литературы, содержащей многочисленные ветхие тома о потустороннем и неизведанном. То ли дело жизнь в Аркхеме, где каждый дом овеян тайной, где каждый шаг может привести тебя к неминуемой гибели, и не от человеческой руки. Похоже, мой друг склонен романтизировать, похоже, он чересчур гиперболизировано и, возможно, даже гротескно воспринимает обыденность своей малой родины — некрупного городка Аркхема, что недалеко от Бостона. Я сказал ему об этом, он — запротестовал. В его тихой размеренной жизни не хватает теперь риска, приключений и страха. Ну ничего, если уж мой дорогой друг желает изведать страх, то я ему поведаю о том, что заставило меня покрыться на одну треть седыми волосами

в свои тридцать четыре года!

* * *

Ты знаешь, Харрис, два года назад случилась одна пренеприятнейшая история с моим бывшим учителем — стариком Шерманом. Ты должен его помнить, он преподавал у меня историю. Это у него я просиживал все дни и все ночи, слушая рассказы старика (хотя он тогда еще не был стариком) о всех тех ужаса, о которых ты и сам слыхивал: о Буром Дженкине, который временами появлялся на улицах Аркхема, о тревожных вестях из Иннсмаута и Данвича. Меня поражало то, как он трактовал происходящее, и хотя от его слов порой кровь стыла в жилах, я не смел его прерывать, напротив, я с головой бросался в пучину легенд. Это было поистине великолепно! Тайны Новой Англии с пояснениями профессионального историка кажутся правдивыми, пугающе реальными. Но любовь к тайнам и довела его до столь неблагоприятного для него инцидента и — подчеркиваю — может и тебя довести до того же, если ты не проявишь благоразумие и попытаешься проследовать по пути старика Шермана.

Итак, как-то два года назад Шерман пригласил меня к себе на чашечку чая. И провались я сейчас

под землю, если я не был рад принять это приглашение. Повидаться спустя много лет с любимым преподавателем — что может быть лучше? Но мне следовало тогда отказаться. Что ж, что сделано — то сделано, однако бедняге Шерману уже не поможешь, да и прежнего спокойствия мне больше не вернуть… Знаешь, Харрис, я боюсь однажды попасть в Аркхемскую лечебницу, сойти с ума и умереть, не вернувшись к нормальной умственной деятельности. Честное слово, я боюсь этого больше всего на свете! Похоже, я отвлекся.

В тот вечер я явился к старику в приподнятом настроении, и он, насколько я мог судить по его веселой болтовне, тоже рад был видеть меня. Мы выпили по первой чашке чая, после чего Шерман предложил выпить виски. «Выпей, мой друг, — сказал он. — Выпей, а то ведь на трезвую голову, боюсь, ты испугаешься моих слов и сбежишь от меня». Я согласился выпить и быстро захмелел: давно не употреблял спиртного. И внимательно слушал своего доброго учителя, который говорил о необычных вещах, в который раз приоткрывая незримую дверь пред очередной тайной старой доброй Новой Англии. «Не замечал ли ты, мой друг, что не осталось ни одной крысы в Аркхеме? — спросил он меня. — А что понемногу стали

исчезать и кошки? Кэрол Кук давеча жаловалась, что куда-то подевалась ее породистая кошка с пятью котятами, и Дебора Гудмен сетовала на то, что третий день не может дозваться полдюжины бродячих котов, которых она, добрая душа, подкармливает. А не замечал ли ты, что из последнего дома по К.-стрит, бывает, доносятся возня и топот ног, хотя там никто не живет уже более четверти века с тех самых пор, как дурак Парсонс погиб в нем во время своего неудачного эксперимента?»

Шерман задавал мне множество риторических вопросов. Да, я слышал те или иные разрозненные слухи, но, в отличие от старого учителя, не пытался углядеть между множеством странных происшествий хоть какую-то связь. Не попадают ли пропавшие животные каким-нибудь образом в заброшенный дом на К.-стрит, а потом уже не могут из него выбраться? Именно такое предположение высказал Шерман. Я же принял все его слова на веру и даже более — попытался узнать кое-что еще об упомянутом им.

И вот что я выяснил по истечению всего одной недели после нашего чаепития. Оказывается, исчезновение крыс было вызвано отнюдь не надвигающимся звериным мором, как поговари-

вали одни, не отравлением воды Мискатоника ближайшей фабрикой, как утверждали другие, но целенаправленным отловом их недавно образовавшейся организацией «Нортон и Ко», под руководством молодого биолога Ричарда Нортона и его кузена Кори Бисли. Я попытался связаться с представителями «Нортон и Ко», и мне сообщили, что мистер Ричард Нортон в настоящее время пребывает в Бостоне по делам организации, однако Кори Бисли, как правило, не покидает Аркхем и его обычно можно застать в его шатком домишке на Н.-стрит. Мне злейшим образом соврали! На Н.-стрит Бисли практически невозможно застать, так как почти все своё время — особенно в отсутствие брата — он проводит в пабе. В конце концов, я отыскал его, и Бисли, уже пьяный, несмотря на довольно ранний час, кое-как припомнив события прошедшего месяца, объяснил мне, что отлов крыс — необходимые меры предосторожности, потому как эти вредители — разносчики опаснейших болезней для человека, от тифа — до чумы. Тогда я спросил его, почему же за такое благое дело взялись только сейчас, на что мистер Бисли, поколебавшись, ответил, что отлов крыс оплачивает некая особа, судя по голосу — мужчина, который пожелал

остаться неизвестным и даже в «Нортон и Ко», явился облаченным в старый, если не старинный, плащ с капюшоном, скрывающим лицо. Я купил гуляке выпить, надеясь, что это заставит его взболтнуть лишнего, и мои ожидания оправдались. Выпив, Бисли признался, что таинственный незнакомец потребовал, чтобы всех пойманных крыс, которых ни в коем случае нельзя кормить отравой, живьем, в клетках или мешках, или прямо в капканах, следует отправлять за город, где вышеупомянутая особа будет убивать их и уничтожать тела собственноручно. Прихоть заказчика удивила и насторожила Нортона и Бисли, однако — что поделать! — на эти условия пришлось дать согласие: клиент хорошо платил, тогда как молодым предпринимателям позарез нужны были деньги.

Обо всем, что узнал, я сообщил Шерману, а старик в свою очередь поведал мне, как на днях, следя за заброшенным домом на К.-стрит, он увидел входящего в него человека. Кто это был, Шерман наверняка разобрать не смог: и глаза старика не видят так, как прежде, и смерклось к тому времени давно, луна же — не смела показаться из-за тяжелых грозовых туч, и таинственный незнакомец был одет в длинные одежды с ка-

пюшоном. Но в чем мой бывший учитель был уверен — так это в том, что этот странный тип тащил за собой большой мешок, в котором что-то шевелилось.

* * *

Не усыпил ли я тебя, Харрис, своей трескотней? Подай-ка мне воды. Спасибо. О чем я говорил? Да, в мешке что-то шевелилось. И хорошо, если только крысы да кошки, а не живой человек. Как бы то ни было, слежку мы решили продолжить с целью проникнуть в дом и увидеть все собственными глазами вместо того, чтобы строить бесконечные догадки. За сутки мы подготовили все необходимое: я дал учителю свой пистолет, а сам вооружился довольно тяжелым древком топора; мы отыскали два фонаря и на всякий случай прихватили несколько коробков спичек; кроме того — посчитай нас чудаками — мы составили предсмертные записки прежде, чем отправиться под вечер к дому на К.-стрит. Помню, в своей записке, я говорил о том, что, стало быть, одно мое приключение закончилось плачевно, а посему прошу отца и сестру простить меня за мою преждевременную смерть. И вспоминал всех тех, кому я был благодарен. Я благодарил

отца и покойную мать, и сестру, и племянников, и тебя, Харрис.

В восьмом часу мы покинули жилище Шермана и направились к К.-стрит. Мы выбрали укрытие, из которого был виден интересовавший нас дом, и предались длительному ожиданию. Минуты текли медленно, казались часами, я изнывал от скуки, когда вдруг время будто бы ускорило доселе неторопливый шаг и в сердце мое закралось смутное предчувствие, что то, за чем мы пришли в этот вечер, скоро проявит себя. Мое волнение все возрастало. Забеспокоился и Шерман. Мимоходом я подумал, что старику, конечно, не пойдет на пользу любая эмоциональная встряска, а она, без сомнения, будет, если мы не отступим от своей безусловно глупой и небезопасной затеи. Я не успел уделить данной мысли должного внимания, так как Шерман неожиданно ткнул меня в бок и указал трясущейся рукой на заброшенный дом, в дверном проеме коего как раз показалась темная фигура с пустым полотняным мешком в руках, которая торопливо покинула поросший сорняками двор, двинулась в противоположном от нас с Шерманом направлении и вскоре совсем скрылась из виду.

Обождав немного, мы поспешили пробраться

в дом. Не следовало и надеяться, что он окажется незапертым, но Шерман — я, право, до сих пор им восхищаюсь — быстро сориентировался и отомкнул незамысловатый замок валявшейся меж кустами амброзии проволокой. Я замер на несколько секунд, прежде чем ступить на порог. Дурное предчувствие вернулось, и я ощущал, как все мое существо холодеет при мысли о том, что нас может ожидать за дверями этого жуткого, воняющего затхлостью и рискующего обвалиться (похоронив нас заживо под своими обломками) дома. Будто прочувствовав мое настроение, Шерман спросил: «Хочешь уйти?», Я твердо ответил: «Нет», — и ступил в темноту.

* * *

Да, внутри присутствовал тот же запах затхлости, что и снаружи, но к этому неприятному запаху примешивался другой, гораздо более сильный и омерзительный — запах тухлого мяса, за которым можно было распознать и вонь кошачьей мочи. Мы наскоро осмотрели первый этаж. Повсюду — капли крови и крысиные и кошачьи тела. Впрочем, крови было сравнительно немного; не было ее, похоже, и в иссохших — будто из них высосали все жизненные соки — звериных

тельцах, которые к тому же были выпотрошены и более всего напоминали незаконченную работу таксидермиста. О, этот мерзкий склеп, наполненный зловонными полуразложившимися трупами грызунов и их злейших врагов!.. Харрис, ты уверен, что готов дальше слушать мой рассказ?

* * *

Мы осмотрели и второй, и третий этаж и обнаружили бесчисленное количество пробирок и колб, алхимических приборов, старинных книг, посвященных алхимическим опытам и анатомическим исследованиям, и много такого, чего мы не опознали, ибо почти все виденные нами предметы были сломаны или разбиты и свалены в беспорядке на пол, будто кто-то в порыве ярости намеревался уничтожить лабораторию Парсонса. Мы долго бродили по дому, и, очевидно, не слышали, как в дом вошел «хозяин». Мы обнаружили его возвращение, когда спустились на первый этаж, не найдя ничего примечательного в этом мрачном и зловонном пристанище неупокоенных крысиных душонок.

Мы застыли на месте при виде существа, сидящего на корточках перед большим мешком, под тканью которого шевелилась, бурлила жи-

вая масса. Наше счастье, что существо — ибо сомнительно, что это был человек, — не заметило нашего присутствия. Нам оставалось лишь стоять на месте и созерцать процесс вечернего приема пищи этого ужасного создания, которое как раз запустило руку в мешок и извлекло из него рыжего мохнатого котенка. Мы увидели то, к чему были готовы, однако вынуждены были зажать рты руками, чтобы не закричать от ужаса, когда существо перед нами склонилось над мяукающим и отчаянно царапающимся котенком; мы увидели, как огромные грубые руки подносят маленькое пушистое тельце к на секунду показавшимся из-под капюшона шершавым губам, как затем зубы вгрызаются в шею котенка. Ужасная тварь перед нами не ела животное полностью, она методично высасывала из него кровь, а после, положив свой ужин на отвратно грязный пол, вспорола нечеловечески длинным ногтем живот мертвого котенка и аккуратно, по маленькому кусочку, вытащила и поглотила внутренности. Последними были кишки: их существо намотало на палец, пытаясь извлечь полностью; наконец, ему это удалось, и с «первым блюдом», было покончено.

Не знаю, как держался Шерман, меня же на-

крыла волна тошноты. Мне стало так дурно, что я невольно сделал шаг назад, но ударился плечом о ручку двери, ведущей в соседнюю комнату. От толчка дверь захлопнулась, произведя немало шума. «Хозяин», вскочил на ноги, когда я уже бежал сломя голову, увлекая за собой учителя. Необходимо было добраться до задней двери или, запутав преследователя в лабиринте собственного дома, вернуться к парадному входу, при этом оба варианта едва ли представлялись возможными: бежать, преодолевая груды разбросанных по полу предметов было бы слишком трудно и при дневном свете, что же говорить про бег в неверном свете фонаря в дрожащей руке Шермана (свой фонарь я выронил, ударившись о дверь)? Проблема заключалась и в том, что мы сами заплутали в коридорах и многочисленных комнатах здания, и никак не могли отыскать кухню. Вместо этого мы, случайно свернув в направлении южного крыла дома, попали в небольшую комнатку, которой не приметили при первом осмотре первого этажа.

Пустая комната, ведущая в подвал, именно в ней и настигла нас тварь. Впрочем, при нас все еще было оружие. Старик Шерман передал мне фонарь, а сам достал пистолет и снял за-

твор. Шерман направил пистолет на существо в плаще, которое, однако, не испугалось и не отступило. Напротив, тварь сделала шаг вперед, и еще один, она медленно приближалась, зная, что нам некуда бежать, ибо мы находились в углу, равно отдаленном как от выхода из комнаты, так и от входа в подвал, так что пытаться бежать было бы бессмысленно. Можно было нам с Шерманом броситься в разные стороны: тогда имел бы возможность спастись по крайней мере один из нас, однако старый учитель рассудил иначе. Он выстрелил. Шерман выстрелил в грудь существа, когда то подошло слишком близко и в свете фонаря мы смогли разглядеть его лицо. Я довольно хорошо успел разглядеть незнакомца прежде, чем он, зашатавшись, отступил назад, а затем повалился на спину, да так неудачно, что провалился в дверной проем, ведущий в подвал. Мы слышали, как мертвое тело скатилось вниз и тяжело ухнуло на каменный, если судить по звуку удара, пол подвала.

Итак, Харрис, как думаешь, какое лицо прятал «хозяин», заброшенного дома? Нет, это не было лицо животного или невиданного ранее монстра, не было оно и изуродованным. Самое обычное лицо еще довольно молодого мужчины, однако

на Шермана оно произвело неизгладимое впечатление. Выстрелив, он уронил пистолет, схватился за голову и долго монотонно повторял: «Парсонс, это было лицо покойного Парсонса!»

* * *

Мы покинули мрачный особняк, не забыв выпустить на волю оставшихся кошек. Старик не прекращал повторять: «Это лицо Парсонса», пока я, наконец, не выдержал и спросил: «Но разве он не умер четверть века назад? Даже если бы это был Парсонс, не постарел бы он за это время?», на что старик ответил: «Мы это сейчас выясним». Он не стал заранее посвящать в свой план, так что мне только и оставалось, что волочиться за стариком. Он привел меня к своему дому и, оставив меня за забором, направился к сараю. Через несколько минут он вернулся, неся с собой две лопаты и моток бечевки. Я догадался, что Шерман вздумал раскопать могилу Парсонса, и какой бы отвратительной мне ни казалась эта идея, я не рискнул перечить: видел бы ты, Харрис, безумный взгляд старика — он заставил бы любого содрогнуться! Верно, не пошла ему на пользу эмоциональная встряска, имевшая место этой ночью.

Тем временем мы добрались до кладбища. Свет луны и множества звезд хорошо освещал пространство, так что мы без особого труда нашли могилу Парсонса. Шерман был преисполнен решимости и практически без моей помощи выполнил всю грязную работу так, будто лет на тридцать помолодел. Что руководило тогда его энергичными действиями? Страх? Тяга к раскрытию тайн, обычно свойственная путешественникам? Или внезапно овладевшее им безумие, которое по-прежнему читалось в глазах Шермана? Как бы то ни было, старый учитель быстро справился с раскопкой могилы, затем мы извлекли из ямы гроб.

Гроб оказался слегка поврежденным: одна из его стенок проломилась, и внутрь попало немного земли. Шерман поддел крышку гроба лезвием лопаты и, орудуя сельскохозяйственным инструментом как ломом, открыл гроб. Он смотрел некоторое время на высохшее тело, а мне подумалось, что столь старый труп невозможно будет опознать. Однако мои опасения оказались напрасными: покойный Парсонс страдал полидактилией, и шестой палец на левой руке легко обнаружился. Шерман также добавил: «Он ни за что не желал с ним расставаться», указывая

на медальон на груди мертвеца с изображением столь странного существа и в такой необычной, но искусной манере, что я не только не смог соотнести его с чем-либо виденным ранее, но и как следует запомнить. Я же заметил: «Боюсь, он со своим лицом тоже не желал бы расстаться».

* * *

Итак, в могиле мы нашли тело Парсонса. Однако в таком случае чье тело гниет третий год в подвале опустевшего дома на К.-стрит? И какие ужасные эксперименты ученого привели к взрыву в лаборатории, не приведшему к пожару, но приведшему Парсонса к последнему пристанищу на Аркхемском кладбище, где и поныне покоится его тело, заново захороненное мною и Шерманом, найденное четверть века назад полностью обгоревшим, но с неизменным странным золотым медальоном на груди? Я так и не вспомнил, что было изображено на том медальоне, и я не стану предпринимать попытки узнать что-либо еще ни об обстоятельствах смерти аркхемского алхимика, ни о существе, что заняло его дом и поглощало кошек и грызунов, уподобившись жуткому упырю из народных преданий; и со всей уверенностью могу сказать, что этого не

станет делать и Шерман, ибо Шерман уж два года как сам покоится на Аркхемском кладбище. Мой бедный старый учитель, он мог бы прожить еще несколько счастливых лет, кабы не пережитое им потрясение во время нашего невеселого приключения. В последние дни своей жизни Шерман видел жуткие сны, о которых он говорил мне, приходя в сознание; он постоянно впадал в лихорадочный бред, во время чего стонал и выкрикивал то имя Парсонса, то адрес посещенного нами дома, но чаще — слова, которые невозможно было разобрать с достоверностью, однако кои, безусловно, имели отношение к этой истории.

Что же ты думаешь на сей счет, Харрис? Только не говори, что собираешься пойти взглянуть на тело в том доме. Не стоит тебе этого делать! Это одиозное место, которое… Тебя всегда невозможно было отговорить от всякого рода сумасбродств. Пусть хранит тебя бог.

отмосфера
Туман и морок над Иннсмаутом

2019

Дорогой Лестер!

Не так много времени прошло с момента отправки моего последнего письма, однако я ощущаю острую необходимость сообщить тебе об одной находке, которая, надеюсь, заинтересует тебя так же, как она заинтересовала меня. Но не один лишь интерес заставляет меня второпях писать эти строки, но больше — страх, который гложет меня днем и ночью и о причине которого я не могу поведать больше никому: ни беременной Маргарет, щадя ее здоровье и здоровье нашего малыша, ни тем более старине Дарси, щадя его эмоциональное состояние, и без того весьма нестабильное. Меня тревожит и будоражит мое воображение то, что я узнал из документа, который мы с Дуэйном обнаружили менее недели назад в выкупленном нами доме в том городке недалеко от Аркхема, который после длительно забытья наконец начинает понемногу оживать благодаря притоку денег производителей рыбных консервов. Сомневаюсь, что кому-то из твоих и моих современников ведомо истинное название этого порта, который сейчас именуют городом Дьявола (вероятно, по названию рифа Дьявола, который был разрушен в 1928 году, но упоминания о котором все еще имеются в

легендах наиболее неразвитых рыбацких деревень); однако в документе, который я приведу ниже, говорится, что его имя — Иннсмаут. Впрочем, и документом эти бумаги назвать сложно, так — записки сумасшедшего. В нашей новой недвижимости, Лестер, мы нашли, помимо всего прочего, дневник некоего Рэнделла Уивера, и текст его я хотел бы привести тебе полностью. Вот он, переписанный мною этой бессонной ночью:

«Дневник Рэнделла Уивера, рожденного в городе Иннсмаут, Массачусетс

15 января, 1913

Я не хочу возвращаться в Иннсмаут. Бросить Мискатоникский университет ради того, чтобы провести остаток жизни в Иннсмауте, — это наихудшая идея, которая только могла взбрести в голову моей матери. Она аргументирует своё требование вернуть меня домой тем, что будто бы ей нужен присмотр по старости лет, но Дайна живет у нее под боком, так почему бы ей не заняться матерью? Неужели так необходимо ломать и мою жизнь после того, как жизнь Дайны была сломана? Дьявол их всех побери: и Орден, и Иннсмаут и мою мать, и пусть о родной матери так говорить не подобает, но я так зол на нее за то,

что она подтолкнула на такие действия сестру!

17 января, 1913

Она родила в прошлом месяце, но мне никто об этом не сообщил, предугадывая мою реакцию на это известие. Этим утром я добрался до города и первым, что я услышал, переступив порог дома матери, был детский плачь. Младенец не слишком болезнен и пока довольно мил, но я не могу смотреть на него подолгу, ибо начинаю думать о том, кто есть его отец, и о том, кем он станет на склоне лет, и эти мысли для меня совершенно невыносимы. Именно по этой причине я стараюсь избегать находиться в одной комнате с ребенком и Дайной, тогда как мать я, напротив, преследую. Я задаю ей один и тот же вопрос: «Зачем ты приказала мне покинуть Аркхем?», а она не может сказать мне ничего определенного, то уходя от ответа, то бормоча что-то невнятное, то попросту покидая помещение, не закончив разговор. Я опасаюсь, не есть ли все это результатом начавшей прогрессировать иннсмаутовской болезни.

19 января, 1913

Подозреваю, что сестра следит за мной. Она и мать ясно видят мое недовольство, так что неуди-

вительно, что Дайна, матери ради, пойдет и на некоторую подлость, лишь бы удержать меня в городе. Но вот зачем? Ужели потому, что так приказали жрецы Ордена? Я чувствую, что мне не место в этом городе. Я здесь чужой. И не зря вчера на пристани на меня косились местные, будто я и в самом деле не иннсмаутовец. Но и я косился на них: мне противен вид их лиц с глазами навыкате и болезненного цвета и фактуры кожей. Мне противна их речь: почти бессвязная, выражающая ограниченность ума, скудность знаний, зацикленность на одном предмете — их пошлейшем культе Отца и Матери. Мне все противно в этих людях, и особенно гадко осознавать, что я — один из них. Думая об этом, я прихожу к выводу, что лучше бы мне было никогда и не покидать родной город, не видеть иной жизни — той, которая полностью удовлетворила бы меня, буде бы я еще имел отношение к ней. Теперь же я вынужден деградировать, постепенно становиться таким же, как они.

11 марта, 1913

Дневник был утерян. Вероятнее всего, его вытащила из кармана моего пиджака Дайна, когда я, закончив предыдущую запись, отправился в погреб за вином для матери, слишком старой,

чтобы самой тягаться со ступенями ветхой деревянной лесенки. Но вот я обнаружил дневник под кипой платьев Дайны сегодня после полудня, помогая сестре собирать вещи для переезда в дом мужа. Муж… ха, как же это нелепо! Ее избранник — преклонных лет человек, которого, к моей неописуемой радости, не изуродовала иннсмаутовская болезнь. Но он готов принять под кров своего дома мою сестру и ее внебрачное дитя, чем вызывает у меня едва не отвращение. И исключительно презрение вызывает у меня в настоящий момент сестра, ради богатства заключившая брак с этим стариком. С другой же стороны, она теперь не будет меня преследовать, и видеть ее ребенка я буду не чаще чем несколько раз в год, ибо дом старика находится на противоположном конце города, едва ли не за городской чертой.

12 марта, 1913

Я кое-что выяснил о старике, за которого Дайна вышла замуж. Тобиас Райли, он пришел оборванцем в Иннсмаут чуть менее полувека назад и сколотил здесь состояние, достойное короля. А все, что для этого требовалось — вступить в Тайный орден Дагона и во всем поддерживать его деятельность, какие бы ужасные формы эта деятельность ни принимала. Я знаю, что он ни-

когда не был женат, что он бездетен, что имеет существенное влияние на тела и души простых иннсмаутовцев и что вообще довольно почитаем в городе, однако я ровным счетом ничего не знаю о его моральных качествах, хотя и надеяться на его высокую нравственность я не смею. Я только желаю, чтобы моя сестра не была с ним несчастна, желаю искренне, ведь несмотря на всю ненависть, терпимую нами по отношению друг к другу, я не утратил к ней некоторой родственной любви. Еще одно: я буду всеми силами добиваться того, чтобы отчим однажды отправил сына Дайны, названного Оливером, за пределы этой чертовой клоаки, из которой мне выбраться не удалось.

Позже того же дня

А ведь я действительно никогда не выберусь из этого города! Они прокляли меня — мне это известно наверняка, — и я представляю, какая геенна ждет меня за отступничество. Я знаю, на что способен Орден, я знаю, что они легко воплотят в жизнь свои проклятия, но я не понимаю, почему Орден с некоторого момента проявляет ко мне столь живой интерес, почему непременно стремится ограничить мой доступ к внешнему миру и подчиняясь ли воле жрецов и тех, кому

подчиняются жрецы, мать и сестра привносят часть ада в мою жизнь уже сейчас.

23 марта, 1913

Я не вижу смысла вести далее мой дневник. Я прозябаю в этом городишке, ни с кем не разговаривая, изо дня в день перечитывая книги, привезенные из Аркхема (как будто из прошлой жизни). Я не устроился на работу, ибо в этом нет ни малейшей необходимости: Тобиас Райли полностью обеспечивает меня и мать. Напрасно она порывается затащить меня в стены Ордена! Я никогда не буду причастным к их проклятому культу, пусть это и будет стоить мне жизни или душевного спокойствия. Я постепенно предаюсь все большему унынию, но это меня мало пугает. Подозреваю, что скоро доведу себя до самоубийства. Тогда мне станет легче.

16 июля марта, 1913

Как глупо было помышлять о самоубийстве. Я не должен сдаваться так скоро.

24 июля, 1913

Что-то странное начало происходить в городе. Выходя на пристань за свежей рыбой, я то и дело слышу, как шепчутся местные. Все их разговоры об одном и тому же — о Тайном ордене и каком-то

тумане. Я обеспокоен, но что я могу поделать? Я не могу подойти к любому из иннсмаутовцев и сказать: «Эй, дружище, ты не знаешь, что за чертовщина здесь творится»? Что до матери… она больше не сможет отвечать на мои вопросы. Вся ее речь теперь — совокупность ужасных булькающих звуков, не подлежащих переводу на нормальный человеческий язык. А ее внешний вид! По моему приезду она куталась во множество бесформенных одежд и практически все лицо закрывала платком, должно быть, щадя мои чувства и опасаясь испугать меня. Сейчас же она носит тонкое платье, подаренное ей стариком Райли, и я ясно вижу все те изменения, что произошли с ней за время моего пребывания в Аркхеме. В кошмарах мне стали сниться ее выпученные бесцветные глаза и неестественно искривленный тонкий рот. Почти на всех предметах в доме легко можно увидеть полупрозрачные чешуйки, которыми теперь покрыта ее некогда белоснежная гладкая кожа. Самое скверное: это существо, которое я раньше звал матерью, живущее со мной под одной крышей, не только пугает меня, но и заставляет непрерывно думать о том, что и мое тело не пощадит иннсмаутовская эпидемия. Но вот что станется с моей неправедной

душой?

27 июля, 1913

Страх охватил меня накануне вечером и продолжает поглощать меня. Чем он вызван? Туманом, неожиданно распространившимся по всему городу, несмотря на то, что еще двумя днями ранее его тяжелые клубы окутывали исключительно здание Тайного ордена Дагона. Мне не ведома причина его появления, и иннсмаутовцы практически прекратили свои перешептывания на сей счет. Иннсмаутовцы превратились в немых сомнамбул. Они снуют туда-сюда по грязным, дурно пахнущим улочкам, забросив рыбную ловлю, торговлю и даже молитвы Отцу и Матери, ничего не замечая вокруг себя, не замечая и меня — чужака в их рыбьих глазах.

Позже того же дня

Мне больно смотреть на свою престарелую мать, практически полностью утратившую все признаки человеческого в своем облике, но даже сейчас, видя ее в такой отталкивающей инкарнации, я боюсь ее потерять и желал бы как можно более оттянуть момент ее погружения в океанические воды, однако — увы — не в моих силах на это повлиять. И я хотел бы избежать

той же участи — нисхождения в пучину и, самое главное, — утраты человеческого «Я».

29 июля, 1913

Город охватила волна безумия. И без того полоумные иннсмаутовцы были замечены мною в самых что ни на есть дискредитирующих ситуациях: за поеданием нечищеной сырой рыбы, без одежды прогуливающихся вдоль набережной, без лодки, вплавь, добирающихся к рифу Дьявола. Многие из них подолгу кричат на их диком наречии, в котором лишь отдаленно угадывается английский язык. Но чем больше они бесчинствуют, тем более крепкой становится их вера, громче и яростнее становятся их молитвы, на несколько дней позабытые, а жрецы чаще, чем обычно, появляются на улицах, чем приводят в благоговейный трепет горожан. Мне кажется, жрецы — единственные, кто знает наверняка о причине всеобщего помешательства, и они не собираются посвящать в свои тайны население. Но если и жрецы не обладают всей полнотой информации? Ведь единовластные правители Иннсмаута — не они и не Марши, но те отвратные, омерзительные создания, которым иннсмаутовцы поклоняются, которым приносят кровавые жертвы, которым отдаются, идя на поводу у собственной алчности,

ограниченности и малодушия.

30 июля, 1913

Я понял, о, я понял, в чем причина иннсмаутовского неистовства! Это туман — он действует на горожан столь странным образом. Они толпами покидают свои дома, чтобы нырнуть под воду и больше не вынырнуть, чтобы отправиться Й'хантлеи. А те, что остаются в городе, практически не похожи на людей, и даже у молодых иннсмаутовцев тела поразительно деформированы вопреки обычному протеканию иннсмаутовской болезни. Я слежу за этими тварями (нет, у меня совершенно определенно больше не повернется язык назвать их людьми) из окна верхнего этажа материного дома — я просто не могу не следить за ними. Я не могу отвести взгляд от концентрических кругов, которые образуются при погружении серо-зеленых тел. И в сложившихся обстоятельствах я принял решение как можно дольше не покидать стены дома с целью не подвергнуться губительному влиянию загадочного тумана и, по возможности, не выпускать на улицу или даже во двор свою мать, ибо я действительно боюсь потерять ее, даже если она и не мать моя уже вовсе.

1 августа, 1913

Теперь я один в доме с плотно закрытыми дверями и окнами. Моя мать ушла сегодня ночью, а я спал и не слышал, когда и как это произошло. Я благодарил судьбу за то, что моей матери не суждено было подвергнуться всеобщему безумию, быть может, лишь потому, что она ввиду своей слабости не могла выйти из дома и вдохнуть все еще покрывающий иннсмаутовские улочки туман. Но необходимость переселиться под воду, очевидно, придала ей сил добраться сегодня до побережья. О, я должен снова поблагодарить судьбу — за то, что мне не суждено было увидеть последнего признака подводной жизни — жабр — на моей матери. Случись это — я наверняка сошел бы с ума. Я уже близок к тому, чтобы потерять рассудок. Я в одиночестве, я в заточении. Пожалуй, сейчас мне хотелось бы даже увидеться с Дайной. Пожалуй, я должен сообщить ей о том, что наша мать больше не принадлежит человеческой цивилизации, хотя я чувствую — и это вселяет в меня неописуемый ужас, — что сестра знает о ее уходе. В любом случае, я не рискну покинуть этот дом, по крайней мере до тех пор, пока у меня остается еще немного еды.

3 августа, 1913

Мое заточение не столь невыносимо, как я предполагал. Какое счастье — не встречать взглядов немигающих глаз, не слышать перешептываний за спиной, не слышать монотонного «Ай'а Дагон! Ай'а Гидра!», Какое счастье — знать, что ты пока не один из них, что у тебя еще есть время для простого человеческого существования. Счастье — ощущать незамутненность своего рассудка. Я думаю обо всем этом — и ужас, охватывающий меня временами, отступает. И возвращается вновь, когда я вспоминаю, что еды в доме практически не осталось.

5 августа, 1913

Я старался как можно меньше употреблять пищи в эти два дня, но доел сегодня последний кусок черствого хлеба и последнюю копченую рыбину. Утром я спустился в погреб не через вход со двора, а через вход с кладовой, и обнаружил там наполовину опустошенную бочку вина, больше — ничего. Я надеюсь некоторое время мириться с голодом, и я буду молиться, хоть и не знаю кому — уж точно не Отцу и Матери, — о сохранении здравого смысла, который удержит меня от выхода из дома прежде, чем пелена безумия спадет с глаз иннсмаутовцев.

6 августа, 1913

Чувствую себя великолепно. Поэзия Бодлера — духовная пища — поддерживает мои жизненные силы взамен пищи реальной. Однако стоит мне выглянуть в окно — и мое сердце замирает в ожидании самого неблагоприятного для меня исхода; я не вижу никаких улучшений: по-прежнему толпы омерзительных существ, в которых не так давно угадывался человеческий облик, бредут в направлении побережья, по-прежнему клубы тумана устилают брусчатые улочки Иннсмаута и отравляют сознание иннсмаутовцев. Хорошо, что дом покойной моей матери стоит на некотором возвышении и туман, кажется, слишком густ для того, чтобы проникнуть в мельчайшие щели под дверями и оконными рамами… хорошо. «Покойной моей матери», — так я написал. Неужели я подсознательно считаю ее мертвой, хотя и твердо знаю, что она жива, что еще долго — вечность — будет жить? Предпочитаю вернуться к чтению, пока уныние совершенно не завладело мной.

7 августа, 1913

Никаких изменений, лишь Бодлер сменился графом Лотреамоном, этим великим безумцем, но его безумие — благо в сравнении с безумием Иннсмаута.

8 августа, 1913

Голод начал беспокоить меня невыносимо. Я пью вино, пытаясь забыться, и то и дело проваливаюсь в сон. Сны прерывисты и переполнены кошмарами, в которых рыболюди связывают меня и бросают с рифа Дьявола в воду тонуть, ибо я не отрастил жабры и перепонки меж пальцев. И я тону, я вижу мистический Й'хан-тлеи с его циклопическими постройками удивительных, невообразимых форм. Меня окружают тысячи — тысячи тысяч! — морских существ, не рыб и не амфибий и не млекопитающих, как дельфины или киты, — существ, не подлежащих современной классификаций животного мира Земли. Существ, боюсь, более древних, чем все прочие существа на этой планете, а может, и чем сама планета. Я чувствую, что мне не хватает воздуха, вода проникает в мои легкие, и вот, когда я готов уже проститься с жизнью, чья-то невидимая рука резко вырывает меня из оков сна. А после этого я снова пью вино, недолго читаю Лотреамона и погружаюсь в сон — и погружаюсь в соленую воду под рифом Дьявола.

9 августа, 1913

Я продолжаю пить вино, но прекратил чтение: мозг под хмелем почти совершенно перестал вос-

принимать информацию. Немного протрезвев, я решил записать эти строки, чтобы сообщить о том, что меня так потрясло сегодня. Я видел из окна среди прочих спускавшихся к кромке воды старую Табиту Марш. Много лет она не показывалась на людях, сегодня же благоверная фабриканта, едва узнаваемая после произошедших с ней метаморфоз, покинула особняк Маршей и, вся увешанная золотом, не иначе как поднятым с морских глубин, вошла в воду. Солнечный свет, отраженный от серег, диадемы и пекторали на миг прорезал пелену тумана, когда старуха Табита зашла на глубину около метра с четвертью, после чего, спустя еще одно короткое мгновение, нырнув, она совершенно скрылась из виду. За погружением матери семейства Маршей неотрывно следило молодое поколение: все дети и внуки, от сорокалетней Мэрион, более всего похожей на располневшую лягушку, до младенца Альберта на ее руках, совершенно неотличимого от нормального человеческого ребенка, если бы не… — о, дьявол! — и на малыше Альберте уже виднелись первые признаки иннсмаутской болезни: его кожа была чуть зеленоватой, а глаза, не мигая, смотрели в небо. Так значит, поражение болезнью происходит теперь чуть ли не от самого

рождения? Я подумал об этом и не смог усидеть на месте. Превозмогая слабость, обеспеченную мне четырехдневным голодом, я сорвался с места и побежал в спальню матери, где имелось единственное зеркало в доме. На задворках сознания промелькнула мысль: «А каково ей было каждый день видеть отражение себя меняющейся?», Я уставился на своего зеркального двойника. Ожидал увидеть чужое, не своё лицо, но все же вздохнул с облегчением. С грязной поверхности зеркала на меня глядел мужчина с изможденным лицом, оттененным щетиной. Контур его овального лица обрамляли чёрные волосы, давно не мытые; на руках меж пальцами не было перепонок, а карие глаза с завидной регулярностью закрывались и открывались. Значит, я — все еще я. Только надо бы наконец привести себя в порядок.

11 августа, 1913

Вчера весь день пролежал на софе в полуобморочном состоянии. Сегодня — собрал все свои силы в кулак, чтобы выйти из дома для пополнения запасов продовольствия. Я шел сквозь туман, но не чувствовал никаких изменений в своем организме. Мое сознание оставалось ясным, что удивило меня, однако не могло не радовать. И

пусть передвигаться было тяжело и непросто было лавировать меж сумасшедших иннсмаутовцев, уверенность в том, что я по крайней мере не умру с голоду, вселяла надежду. А горожане не обращали на меня никакого внимания, их выпученные рыбьи очи не фокусировались на моей фигуре — не фокусировались ни на чем. Около одиннадцати часов дня я толкнул двери лавки Мэтью Ходжа. Владельца не было, а над прилавком возвышалась золотоволосая макушка. Я пробормотал что-то осипшим после длительного молчания голосом, желая выяснить, куда подевался хозяин. Услышав мой голос, из-за прилавка вышла девчушка лет десяти от роду. Трогательное, невинное создание в чистом белом платьице, она уже имела перепонки на маленьких ручках, а волосы… это были не настоящие волосы — всего лишь парик, кое-как прикрывающий лысеющую головку. Ребенок произнес: «Я хозяин. Папы нет», и я понял, что Мэтью Ходж, подобно прочим, ушел в море, бросив любимую дочурку предоставленной самой себе. Малышка Ходж без труда разыскала необходимые мне продукты — я купил их на последние деньги, что остались в доме после последнего визита сестры. Она даже поблагодарила меня за покупку и сказала при-

ходить еще, но я почему-то твердо уверен, что в следующий раз, когда приду сюда, ее я больше не застану за прилавком. Я двинулся в обратный путь, на ходу жуя свежую мягкую булку, не имея мочи дотерпеть до дома, и чувствуя необычайное умиротворение, забыв обо всех тех ужасах, что преследовали меня изо дня в день с момента возвращения в Иннсмаут. Я перестал обращать внимания на туман и на иннсмаутовцев — на эти немые и почти обездвиженные преграды — и я почувствовал себя живым, даже больше: я чувствовал себя человеком, в большей степени, чем когда бы то ни было. Я превращусь однажды в уродливого рыбочеловека и отправлюсь жить в Й'хан-тлеи? Ха! Что за нелепость! Я — человек, человеком родился я и человеком умру.

12 августа, 1913

«Я — человек, человеком родился я и человеком умру»… Подумать только, как я был прав, выводя чернилами эти строки! Эта ночь выдалась отнюдь не спокойной. Я долго не мог уснуть из-за барабанящих по крыше и окнам дождевых капель, а после полуночи меня вывели из сна посторонние звуки. Кто-то определенно находился в доме. Вряд ли Дайна неожиданно решила навестить меня в столь поздний час — чужие с неведомой целью

проникли в дом и сейчас, похоже, обыскивал его. По шагам я определил присутствие по меньшей мере двух пришельцев, хозяйничающих на чердаке. Ужели мать перед уходом на чердаке припрятала что-то ценное среди бесполезного хлама? Быть может, золото? Тогда я смогу купить еще еды, не дожидаясь подачки старика Райли. Только для этого следует пресечь преступные намерения незаконно проникнувших в мои владения существ. Так рассуждал я, заставляя себя выбраться из постели, накинуть халат и зажечь свечу. Неторопливо, тщательно обходя особенно скрипучие участки лестницы, я преодолел два этажа и коридор и замер перед скошенной дверью, ведущую на чердак. Я прислушался. Из-за запертой двери доносилось мерное бурчание вперемешку с булькающими, чавкающими и хлюпающими звуками. Совершенно очевидно, там находились не люди, а те ужасные существа, что через день-два пойдут вслед за Табитой Марш и Мэтью Ходжем. Я перевел дух и резко толкнул дверь. В неверном свете свечи я оглядел комнату. Непрекращающийся ливень заливал интерьер чердака через распахнутое настежь окно, весь хлам, некогда громоздившийся аккуратными колоннами по периметру чердачного помеще-

ния, теперь в беспорядке валялся на полу, и во всем этом усердно копалось трое иннсмаутовцев. Завидев меня, рыболюди вооружились принесенными с собой дубинками. Тогда как я извлек из кармана халата пистолет… незаряженный. Пистолет был подарен мне моим хорошим университетским другом Полом Стаффордом, но патронов в нем не было отродясь: чего ждать от простого макета? Мне повезло: заметив пистолет, незваные гости бросились в окно, стремительно скатились по деревянной лестнице и растворились во тьме, так что можно бы было сказать, что и не было их вовсе, если бы не беспорядок, который они оставили после себя. Но что же они искали? И нашли ли? Это вряд ли: чудовища готовы были обороняться, но не бежать, а значит, цели своей они еще не достигли. И в то же время они не рискнули подставить свои чешуйчатые тела под пули. Дагону нужна больша́я паства. Итак, я снова остался один. Удостоверившись, что рыболюди исчезли, я прикрыл окно и задвинул старые выцветшие шторы, перевешанные на чердак из спальни Дайны в моем глубоком детстве. Конечно, ночные гости предпримут новую попытку обыскать мой дом, быть может, уже следующей ночью. И думая так, я решил

сам приняться за поиски. Не став исследовать то, что до меня изучили рыболюди, я бережно открывал деревянные ящики и просматривал их содержимое: бронзовая и мельхиоровая посуда, книги, старая одежда, кружева малышки Дайны, фарфоровые осколки, бывшие некогда вазой, оформленной в древнекитайской стилистике и тысячи всевозможных мелочей, не подлежащих описанию. В одном из ящиков, на самом его дне, покоилась шкатулка, украшенная золотыми пластинами. На каждой пластине — крохотная рыбка. А впрочем, не совсем рыбка — неизвестное науке существо, миниатюрная копия облика практически любого иннсмаутовца. И каждое изображение выполнено в столь изумительной причудливой манере, что описать невозможно, и холод проникает в душу при одном лишь взгляде на искусно выполненный сундучок, который мне неожиданно захотелось бросить. Я действительно метнул шкатулку, плохо отдавая себе отчет в своих действиях. Шкатулка срикошетила, ударилась об пол и при ударе отворилась. Ее содержимым оказались письма и фотографии разной степени давности, принадлежавшие моей матери. И первая в стопке фотография изображала ее саму, беременную, но вот Дайной или мной?

На этот вопрос мне ответила моя следующая находка — письмо, адресованное моей матери, от Тобиаса Райли. Можно бы было предположить, что в данном письме обсуждалось замужество моей сестры, но такое предположение действительности не соответствовало. Датированное 11 декабря 1891 года, оно никак не могло касаться Дайны, рожденной двумя годами позднее. Содержание письма привело меня в шок. Вот его полный текст, уместившийся всего в нескольких поразивших меня строках:

«Дорогая Джемайма!

Похорон Рэнделла и Дорис состоится завтра, 12 декабря. Надеюсь, ты придешь проститься с ними. Я безмерно благодарен тебе за то, что ты согласилась взять на воспитание их ребенка. Уверен, так будет лучше для него: я не могу допустить, чтобы малыш рос под моей опекой, ты ведь знаешь, чем это может обернуться? Он будет таким же чужаком, как я, не могущим принять несправедливость и порочность иннсмаутовского общества, а потому безмерно страдающим. Как жаль, что мне не дано покинуть этот богопротивный город, как жаль, что я не могу увезти его отсюда! Этот город — тюрьма, но иннсмаутовцы, похоже, не замечают золотых прутьев, окружающих их со всех сторон. А замечаешь ли их ты, также не могущая ступить за границы города, не навлекая на себя и ребенка беду?.. Господь храни тебя!

Тобиас А. Райли

P.S. Исполни еще одну мою просьбу: назови ребенка в честь родного отца. И помни: в любую минуту ты можешь просить меня о чем угодно — я все исполню, в память о брате и его несчастной супруге я не пожалею ни здоровья, ни жизни, во благо племянника — не пожалею и чести

Т.А.Р.»

Итак, я узнал, что Тобиас Райли — мой дядя, а мои настоящие родители погибли в обстоятельствах, не известных мне. Что ж, это многое объясняет: полное неведение относительно личности моего отца (а ведь я грешным делом полагал, что мать зачала меня от одного из глубоководных!), чрезмерный интерес иннсмаутовцев, проявляемый к моей персоне, и, прежде всего, весьма враждебное отношение ко мне Ордена. Безусловно, Орден боялся разглашения без малого вековой тайны Иннсмаута за его пределами, а мать, то есть Джемайма Уивер, моя приемная мать, всего лишь хотела меня обезопасить. Но почему она для этого приказала мне вернуться в город? Ужели полагала, что мне не удастся скрыться в любой возможной точке земного шара? Так ли широка территория распространения

культа Дагона? Или все же старая Джемайма, упрашивая меня возвратиться, уже всецело находилась во власти Тайного ордена? Я хочу задать все эти вопросы своему новоявленному дяде. Я отправлюсь к нему завтра, более не опасаясь губительного влияния загадочного белого тумана, действующего на иннсмаутовцев одновременно как наркотик и как катализатор преображений, ибо знаю теперь, что во мне не течет кровь глубоководных.

13 августа, 1913

Переживания и бессонная ночь привели к тому, что сегодня я смог подняться с постели лишь в три часа пополудни. Я быстро оделся, поел на ходу и, не забыв положить в карман аккуратно сложенное письмо Тобиаса Райли, вышел из дома. На удивление мало иннсмаутовцев сегодня запруживали улицы. Может быть, большая их часть уже покинула сушу? Мне предстояло пересечь весь город, чтобы встретиться наконец с моим единственным живым кровным родственником, а если и не единственным, то ближайшим. Я избрал путь, ведший меня вдоль кромки моря, с целью оценить текущее положение дел в Иннсмауте. Лучше бы мне этого не делать! Я брел по практически пустынной набережной и видел

сотни кусочков желтого металла, что усыпали берег. Необработанные куски золота чередовались с готовыми ювелирными изделиями, выполненными в манере, схожей с той, что я мог наблюдать в оформлении шкатулки моей приемной матери, в украшениях старухи Марш и множество раз — в украшениях и предметах быта других горожан. Глубоководные принесли много золота — да собирать его некому. Дагону нужна большая паства. Синь моря будто гипнотизировала меня, заставляя недавние кошмары о городе-исполине Й'хан-тлеи вновь представать перед моим мысленным взором. Однако кошмары, пришедшие из грез, — ничто в сравнении с реальным кошмаром, что также не заставил себя долго ждать. Мимоходом мой взгляд упал на риф Дьявола, неспроста так названный. Тьма дьяволят устилала его плотным живым ковром. Рыбьи морды глубоководных, никогда не показывающихся в дневное время, были устремлены в сторону города, и легкий бриз доносил до моего слуха их монотонное бульканье и уханье. Они молились Отцу Дагону и Матери Гидре и не иначе как призывали все новых и новых иннсмаутовцев вступить в их чешуйчатые ряды! А тем времени молочно-белый туман все клубился и клубился у

меня под ногами. Я сломя голову бросился прочь от побережья. Должно быть, я был совершенно не в себе, ибо, вернувшись к нормальному ходу мыслей, я обнаружил себя дома на софе в гостиной. Дядиного письма, однако, при мне уже не было. Когда же я обронил его? Или меня обокрали? Я склонен верить, что минувшей ночью рыболюди искали именно это письмо, подтверждающее мое неиннсмаутовское происхождение. Чтобы ни произошло в минуты моего беспамятства, это не должно отвернуть меня от намерения сегодня же навестить дядю. Дописав эти строки, я снова отправлюсь в город, несмотря на весь тот страх и всю ту тревогу, что гнездятся в моей душе.

Позже того же дня

Солнце садилось, когда я преодолел половину пути от дома Джемаймы до дома Тобиаса Райли, минуя дорогу, идущую вдоль побережья, и приблизился к зданию Ордена. Вопреки моим ожиданиям, я не увидел и близ Ордена большого скопления иннсмаутовцев; те же, что здесь были, исступленно напевали: «Иа! Иа! Кастулу фатага!», вторя молитвам жрецов. В плохо освещенных окнах я видел колыхающиеся тени этих недолюдей-недорыб в высоких головных уборах, и я слышал их богохульные речи: «В'у-эн н'кгнат

фха'гну н'аэм'н. В'наа-глиз-зай в'наа-глиз-зна килт. Ай'а ри'гзенгро. Ай'а Дагон». Ай'а Дагон, ай'а Гидра. Ай'а Дагон, ай'а Гидра! Иа! Иа! Кастулу фатага! Иа! Иа! Кастулу фатага! Иа!!! Иа!!! Кастулу фатага!!! Хватит! Не выдержав дьявольских од, я зажал уши руками, поднимая глаза к небу. И именно тогда увидел в окне храма одного из жрецов, облаченного в балахон, расшитый золотом на манер рыбьей чешуи, сжимающего в перепончатых лапах ручные мехи, производящие клубы тумана, опускающиеся затем на брусчатку и со скоростью эпидемии распространяющиеся по всему городу, заражая всякого иннсмаутовца, в теле которого имеется хоть капля чужеродной крови. Конечно, массовое помешательство и демографическое коллапс — дело рук жрецов культа. Дагону нужна большая паства… Я поспешил убраться подальше от этого оплота веры и безумия, ощущая, что вновь близок к состоянию беспамятства. И я все же добрался, в конце концов, до дома Тобиаса Райли и его молодой жены. Темные окна и мертвая тишина не удивили меня поначалу, поскольку час был поздний. Однако дело не терпело отлагательств. Я настойчиво забарабанил в дверь. Мне не открыли, внутри дома — ни скрипа, ни шороха. Как вдруг — прон-

зительный детский плачь. Я подергал ручку двери — дверь оказалась незапертой. Я долго не решался войти, я чувствовал, что произошло что-то столь ужасное, что наконец сведет меня с ума после всех пережитых мною в последние дни потрясений. К счастью, паника ненадолго отступила, когда я снова услышал заливающегося плачем маленького Оливера, и я смог разыскать его в маленькой уютной детской на втором этаже постройки и даже обойти весь дом, пытаясь выяснить хоть что-нибудь о пропаже мистера и миссис Райли. Безуспешно — никаких выразительных следов пребывания чужих в доме, никаких следов борьбы, как будто Тобиас и Дайна добровольно покинули свою крепость. Да, можно допустить, что Дайна поддалась воздействию тумана, но куда же, куда мог исчезнуть дядя? Я не смог задержаться в пустом доме дольше, чем это было необходимо, и спешно убрался прочь, унося ребенка на руках. Я без лишних проблем добрался домой, если не считать проблемой некое гнетущее чувство, ощущение крайней безысходности и перманентного испуга, сковавших все мое существо.

14 августа, 1913

Раннее утро, светает. Я не ложился спать.

Признаться, я боюсь уснуть. Сейчас я делаю записи в дневнике, пока малыш Оливер спит, и меня охватывает почти физическая боль от осознания того, что я, вероятнее всего, обречен. Дагону нужна большая паства. Но это не все. Похоже, Орден организовал чистку в городе. Им не достаточно прибавить населения мрачному подводному Й'хан-тлеи, им необходимо быть уверенными в секретности данного нечестивого предприятия. «Ай'а Дагон», — любят выкрикивать они. Продажные. Иннсмаутовцы продали душу дьяволу за рыбу и золото. Покойный Обед Марш продал Иннсмаут Дагону… Хлюпающие шаги за окном, булькающ я должен спрятать ребенка».

Вот и все, Лестер. Запись обрывается на полуслове. Надеюсь, я не испугал тебя приведенным пассажем? Или — что более вероятно — не усыпил ли? Не беспокойся, я скоро завершаю своё письмо, но знаешь, мой друг, что тревожит меня? Что вселяет смутный, неясный страх, о котором, как уже говорилось, я никому не могу поведать? Тот вроде бы незначительный факт, что Оливия Дженнингс, вдова одного из наиболее успешных молодых предпринимателей, вложивших капитал в производство консервов из рыбы, выловленной близ возрождающегося города Дья-

вола, в девичестве — Оливия Марш, на похороны мужа надела великолепные золотые серьги с изображением диковинных морских созданий и в той же стилистике — золотую пекторaль; и что ее юная незамужняя сестра в настоящий момент носит ребенка под сердцем.

Пётр Перминов
Дети Чёрной Козы

2015

— Человек это был! Ей-богу, человек! Вот вам истинный крест! — Назар быстро перекрестился.

Марк Нейман посмотрел парню в лицо. Тот побледнел, что было заметно даже в сумраке осеннего леса, широко раскрытые глаза сверкали белками. Явно напуган.

— Не мели чепухи! — выдохнул Нейман. — Какой человек?

— Голый! Совсем голый! — Назар говорил так тихо, что его едва было слышно за скрипом телеги и шумом ветра в кронах пихт. — Слыхали, как Зорька всхрапнула? Почуяла она его! Лошадь — её ж не обманешь!

— В самом деле, Назар! Какой голый человек? — поддержал Марка Синицкий. — Октябрь на дворе, холод вон какой! А до села, сам говоришь, ещё пара вёрст. Почудилось тебе!

Назар отвернулся, что-то пробурчал под нос и зачем-то обругал лошадь.

Нейман на всякий случай расстегнул пару пуговиц на шинели и попытался незаметно поправить револьвер. Получилось несколько неуклюже — Синицкий заметил торчащую рукоятку и удивлённо вскинул брови.

— С германской ещё, Пётр Васильевич, — пояснил Нейман. — Места, знаете ли, глухие, а с ним надёжнее!

Они замолчали, думая каждый о своём. Экспедиция, организованная Пермским историко-художественным музеем, направлялась на север с целью пополнения коллекции деревянной культовой скульптуры. В настоящий момент в составе экспедиции значились трое: сотрудник музея Марк Нейман, недоучившийся художник, участник двух войн; Пётр Синицкий, пермский историк и краевед; третьим же был Назар, двадцатилетний парень, единственный житель Ныроба, которого удалось уговорить на должность проводника и извозчика.

Погода становилась всё хуже: сухая снежная крупа сыпалась уже непрерывно, вековые деревья шумели и стонали всё громче, а холод усиливался. Синицкий утонул в пальто, подняв воротник так, что наружу торчал лишь седой клинышек бороды, Марк отчаянно кутался в шинель, Назар, сидящий на козлах, скукожился, став похожим на нахохлившегося воробья.

Вскоре выяснилось, что ехать молча ещё хуже.

— Расскажите подробнее про это село, Пётр Васильевич! — попросил Нейман. — Похоже, в нём уж сто лет никто не живёт — дорога эвон как заросла!

— Так я вроде уже всё рассказал, Марк Наумович… — отозвался Синицкий. — А то, что там, наверное, никого из жителей не осталось, тут вы правы: село начало потихоньку вымирать ещё в конце прошлого века. Что ж, для нас это даже и к лучшему. Главное, чтоб скульптуры были в целости и сохранности. Дерево всё-таки…

Нейман кивнул, соглашаясь.

— А ведь, возможно, мы с вами обнаружим в церкви ещё кое-что интересное! — продолжил Синицкий. — В городском архиве есть прелюбопытный документ, что лет этак шестьдесят назад, как раз вскоре после отмены крепостного пра-

ва, настоятель здешней церкви, отец Аристарх, привёз в село мощи некоей Святой Амалфеи, якобы жившей в этих краях в конце семнадцатого столетия. Я говорю «якобы», потому как никаких упоминаний об этой святой нет. Полагаю, отец Аристарх сам её и придумал. Известно, что ковчег с мощами был установлен на алтаре в качестве престола… Так что, если нам повезёт, мы обнаружим и его.

— Полагаете, губернский музей заинтересует ящик с кучкой полуистлевших костей? — хмыкнул Марк.

Синицкий молча пожал плечами.

— Мощи вроде как нетленные, — сказал он то ли в шутку, то ли всерьёз.

Тем временем впереди показался просвет.

— Вон оно, село-то! — обернулся Назар.

Лес расступился, и взорам участников экспедиции предстала панорама бывшего села. Зрелище само по себе угнетало: жухлая трава, присыпанная сухой снежной крупой, заборы вкривь и вкось, чёрные кособокие избы, за ними — справа, слева и прямо — стена леса, а над всем этим — набухшее тучами октябрьское небо Северного Урала. Ни огонька в окнах, ни дымка из труб, ни голосов, ни собачьего лая, ни мычания коров,

словом, ничего, что указывало бы на присутствие людей.

— Эх! — с горечью сказал Назар и сплюнул. — А говорят, такое село было! Богатое село!..

— А вот и цель нашего путешествия! — сказал Синицкий, указывая на бесформенное сооружение, стоящее на самой высокой точке села. — Вези-ка нас, Назар, прямёхонько туда!

Путь до церкви пролегал через половину села. Колёса телеги, поскрипывая, месили ледяную грязь сельских улиц, а Назар вертел головой, будто чего-то опасаясь, и поругивал лошадь. Синицкий внешне был совершенно спокоен, но в глазницы окон всматривался внимательно, с прищуром. Марк сжимал рукоять револьвера. Его не покидало ощущение, что из каждого зияющего оконного проёма на них смотрят. Смотрят по-звериному, с опаской.

Наконец Назар подвёз их к церкви. Та стояла на невысоком холме и представляла собой пятиугольный сруб центрального храма, к которому примыкал четырёхугольник притвора. До черноты потемневшие растрескавшиеся брёвна, узкие, как бойницы, окна, давно лишившиеся стёкол, обвалившийся купол.

— Семнадцатый век, — сказал Синицкий.

Назар, мельком глянув на спутников, быстро перекрестился. Никто ему ничего не сказал. Синицкий с Нейманом слезли с телеги, разминая затёкшие ноги и поясницу. Затем, взяв по электрическому фонарю и по керосиновой лампе, направились к паперти. Назар же остался привязать лошадь к остаткам церковной ограды и насыпать ей овса.

Поднявшись по прогнившим ступеням, Марк оглянулся и окинул взором панораму села. Отсюда, с холма, оно всё было как на ладони.

«Красивое, верно, было место! — подумал он. — А сейчас — бр-р! Как заброшенное кладбище…»

Они включили фонари и вошли внутрь.

— Это, Марк Наумович, самый что ни на есть настоящий храм-крепость! — сказал Синицкий. — Широкие оконные проёмы наверняка вырезаны позже, а изначально в стенах, скорее всего, были узенькие прорези — настоящие бойницы. Бьюсь об заклад, и подземный ход имеется! Если только не осыпался от времени… В старину, в лихие времена, такие сооружения были нередки!

Нейман вежливо кивал. Он и сам кое-что читал о подобных сооружениях, которые строились на севере губернии лет триста-четыреста назад.

— А вот и то, ради чего мы здесь! — сказал Синицкий, посветив лучом фонаря на остатки иконостаса. Тот являл собой жалкое зрелище. Не уцелело ни одного оклада, большинство икон покрылись плесенью и потемнели от сырости так, что разобрать, кто из святых на них изображен, было уже практически невозможно. Зато прямо над Царскими вратами висели три фигуры, образцы той самой уникальной пермской деревянной скульптуры, ради которых и затевалась эта экспедиция. Одна фигура изображала распятого Христа, другая — Богоматерь, третья, вероятно, Иоанна Крестителя. Вот только и в самих фигурах и в их расположении было кое-что странное.

На своём месте остался только Креститель, скульптура Божьей Матери висела прямо в центре иконостаса, словно именно она, а не Иисус, была центральным персонажем. Христос же теперь располагался по её левую руку. И хотя такое их расположение являлось далеко не каноническим, всё же в глаза бросалось совсем другое — обе фигуры были странно изуродованы: босые ступни Христа превратились в раздвоенные козьи копыта, изо лба Богоматери торчали два небольших изогнутых рога. Скульптура Иоанна на первый взгляд осталась нетронутой.

Нейман с Синицким изумлённо переглянулись. За их спинами раздалось громкое оханье. Это был Назар, сверкающий белками выпученных глаз, истово крестящийся и непрерывно приговаривающий:

— Да как же это? Да кто ж это так?

— Хороший вопрос, друг мой! — заметил Синицкий. — Ну-с, а вы, Марк Наумович, что скажете?

Нейман недоумевающе замотал головой.

— Иконоборцы? — спросил он. — Воинствующие безбожники?

— Думаю, нет, — возразил Синицкий. — Те, даже если бы и забрались в такую глушь, что само по себе маловероятно, ограничились бы тем, что порубили всё топором или подожгли. Вы присмотритесь внимательнее: копыта и рога вырезаны очень аккуратно, я бы даже сказал, искусно. А ещё глаза… На глаза обратили внимание? У всех троих вырезаны вертикальные зрачки. Как у кошки или козы. Нет, дорогой мой Марк Наумович, это не вандализм!

— Секта? — предположил Нейман. — Сатанинский или языческий культ?

— Вот это более вероятно. Причём скорее второе, чем первое. Сатанисты нынче все в городах — пытаются вызвать Вельзевула и узнать, ко-

гда падёт власть большевиков. — Синицкий усмехнулся. — А вот язычники… Есть у меня одна мыслишка, но пока не уверен… Давайте-ка лучше посмотрим, что тут ещё имеется!

С этими словами Синицкий взошёл на амвон и скрылся за приоткрытыми створками Северных врат. Марк последовал за ним.

Прямо за иконостасом находилось пахнущее плесенью и ещё чем-то мерзким помещение с наглухо заколоченными окнами. Никакой церковной утвари здесь не было, а большую часть пространства занимал длинный узкий ящик тёмного дерева.

— Надо полагать, тот самый ковчег с мощами Святой Амалфеи, — сказал Синицкий.

— Судя по его размерам, эта самая Амалфея была дамой немаленькой! — сказал Нейман. — Вот только вскрывать его — увольте! Я, знаете ли, в своё время насмотрелся на эти так называемые «нетленные мощи»… В лучшем случае — кучка голых костей, в худшем — зловонная мумия в полуистлевшем тряпье. Чувствуете, каков душок?

— Согласен с вами, Марк Наумович, — кивнул Синицкий. — Запах странный! Даже не могу понять, чем пахнет. Вроде на запах тления совсем не похоже… Вроде как восточными благовони-

ями… Ну да бог с ними, с мощами! Мы сюда не ради них приехали.

Луч его фонаря рассеянно скользнул по крышке ковчега и вдруг замер.

— Подите сюда, Марк Наумович, — тихонько позвал он. — Взгляните-ка на это!

В жёлтом пятне электрического света Нейман увидел сложный символ, центральным элементом которого была вписанная в окружность пятиконечная звезда с волнообразно изогнутыми лучами. Судя по глубине и аккуратности линий, нанесение рисунка отняло у неведомого резчика немало времени и сил.

— Что-то оккультное, — сказал Марк. — Всё-таки сатанисты?

— Помилуйте! В такой-то глуши?! Нет, дорогой Марк Наумович, тут кое-что поинтереснее!.. А вот насчет оккультистов вы, пожалуй, правы… Скажите, доводилось ли вам слышать о культе Чёрной Козы?

— Чёрной Козы? — Нейман покачал головой. — Первый раз слышу. Это что, вогульское или зырянское божество?

— И да, и нет, — задумчиво сказал Синицкий. — Лет этак двадцать назад, аккурат после Японской войны, довелось мне быть в Петербурге по од-

ному делу. Работал я в библиотеке Академии наук, где попалась мне совершенно случайно прелюбопытная книжица под названием «Невыразимые культы». Автор — некий фон Юнтц, и книга, соответственно, на немецком. Я бы на неё и внимания не обратил — мало ли всякой мистической чепухи издавалось на сломе веков?! — да уж больно занятные в ней были литографии! Сам текст, конечно, ерунда полная: какие-то языческие божества, спящие в океане, а то и вовсе парящие в безвоздушном пространстве. Имена такие, что нормальный человек и не выговорит! Ну и ритуалы почитания этих богов приведены… Я полистал, подивился фантазии автора, да и забыл бы, кабы не одно «но», — рисунки. Бог мой! Не поверите, чудовища такие, что уроды Босха и демоны Гойи по сравнению с ними — так, детская мазня. Так вот, среди прочего было и описание упомянутой мной Козы. Полное имя этого божества — Чёрная Коза с Легионом Отпрысков. Однако, и это имя не настоящее, настоящее же я не запомнил… Она — что-то вроде чудовищной богини плодородия. Фон Юнтц упоминал, что культ этого божества распространён у всех северных лесных народов. Заметьте, у всех!..

— А знак? — перебил Нейман.

— То-то и оно, Марк Наумович! Символ этот — пентакль с изгибающимися лучами — я хорошо запомнил: он для всех этих богоподобных монстров един! Вот только в книге он приводился сам по себе, без окружности. А здесь — звезда в круге… Больше похоже на традиционные алхимические пентаграммы… Что может означать круг?

— Всё, что угодно. — Марк пожал плечами. — Некий цикл. Может быть, круг жизни…

— Да, да! — подхватил Синицкий. — У алхимиков или, скажем, у теософов круг суть гностический змей Уроборос, символ…

Он не договорил. С улицы донеслось испуганное ржание лошади.

— Уж не зверя ли чует? — послышался голос Назара. — Иль кого похуже…

— Сходи, посмотри! — велел Марк. — Места глухие, село нежилое — может, и впрямь волки шастают.

Назар замялся. Видно было, что покидать здание церкви в одиночку, когда уже сгустились осенние сумерки, ему очень не хочется. Но лошадь снова заржала, и парень нехотя поплёлся к выходу.

Нейман проводил его взглядом.

Синицкий тем временем внимательно изучал

внутреннее убранство церкви.

— А вот, милостивые государи, и подземный ход! — сказал Пётр Васильевич, указывая на кованое кольцо в полу перед самым клиросом. — Так-с, а это ещё что?

Нейман перевёл взор на коллегу, затем посмотрел под ноги и сразу же заметил на пыльном полу некие линии. Линии эти были прорезаны в досках столь глубоко, что их не смог скрыть даже слой пыли.

— Бог мой! — воскликнул Синицкий, подняв лампу над головой. — Да тут весь пол покрыт знаками! Вот тот же символ, что и на крышке гроба! Точнее, полсимвола…

— До самого выхода какие-то линии, пересекающиеся окружности, — подхватил Нейман. — Слушайте, Пётр Васильевич, да это не церковь, а учебник геометрии!

— Скорее, чёрной магии! — поправил Синицкий. Его посетила некая мысль, он вновь скрылся за иконостасом, но вернулся уже через несколько секунд.

— Так и есть — ковчег стоит внутри круга, — сообщил он. — Что бы это могло значить?

— А помните, как у Гоголя, Пётр Васильевич? — сказал Марк. — Хома Брут чертит вокруг себя

меловой круг, чтобы защититься от нечистой силы.

— А ведь вы, пожалуй, правы, Марк Наумович! — подхватил Синицкий. — Этот круг — никакой не Уроборос, не символ бесконечности — это защитный круг. Вот только кого он должен защищать? И от кого?

Нейман пожал плечами и открыл рот, но ничего сказать не успел. Послышался лязг засова, затем — топот со стороны придела, и внутрь влетел Назар.

— Там! Там! — лепетал он, выпучив глаза. — Они!

Нейману доводилось видеть смертельно испуганных людей, поэтому рука машинально нырнула за пазуху, и пальцы обхватили рукоять револьвера.

— Да кто «они», Назар? — спросил Синицкий. — Волки?

— Не, — парень мотнул головой, сглотнул и перешёл на шёпот: — Бесы…

Нейман с Синицким опять переглянулись.

— Поповские выдумки! — сказал Марк, стараясь придать голосу строгость. — Пойдёмте, Пётр Васильевич, глянем, чего его так напугало!

Сделав пару шагов, Нейман оглянулся: Назар

стоял на коленях перед распятием и исступлённо крестился. То, что у деревянного Христа вместо ног копыта, его, похоже, не смущало.

Выйдя на паперть, Марк поначалу не увидел ничего необычного, кроме беспокойно ведущей себя лошади — та постоянно всхрапывала и била копытом. А потом… Потом у Неймана появилось ощущение, что, пока они находились в церкви, неведомый скульптор, влюблённый в античное искусство, тут и там расставил статуи древнегреческих богов и героев. Вон за забором притаились нагие нимфы, к стволу могучей столетней берёзы прислонился атлет, а там из придорожной канавы выглядывают сатиры… Но то были не статуи, а люди. Бледные, словно гипсовые, неподвижные и абсолютно голые, несмотря на почти зимний холод. Мужчины, женщины, старики, дети. Зрелище само по себе жуткое, однако, было кое-что ещё, что заставило Неймана с Синицким машинально придвинуться друг к другу, как это свойственно людям в момент опасности: каждый из обитателей села имел в своём облике какое-либо уродство. У одной из «нимф», на живот свисали четыре груди, у другой над плечами вздымались суставчатые отростки наподобие паучьих ног, третья держала младенца, чьи сви-

сающие ножки заканчивались раздвоенными копытцами, у «атлета», вместо левой руки едва заметно извивалась пара щупалец, точь-в-точь как у спрута, а на лбах прячущихся в канаве детей росли изогнутые рожки.

— Вы… это… видите? — шепнул Синицкий, вцепившись в рукав неймановской шинели.

Нейман сглотнул и молча кивнул. Рука с револьвером поползла наружу.

«Статуи», начали двигаться. Все одновременно. Медленно и плавно, с каждым шагом становясь ближе к изумлённым людям.

Нейман не выдержал напряжения. Вскинул руку с револьвером вверх и нажал на спусковой крючок. В сгустившейся тишине грохнуло так, что заложило уши. Марк не стал выяснять, испугались существа выстрела или нет — скомандовал: «Внутрь!», и буквально втащил оцепеневшего Синицкого обратно в церковь. И тотчас задвинул засов.

Некоторое время они сидели, глядя друг другу в глаза, тяжело дыша и пытаясь унять дрожь в руках. Назар всё это время не прекращал бить лбом об пол.

— И? — наконец выдавил Марк.

— Марк… вы… — голос Синицкого дрогнул,

но он сделал глубокий вдох и продолжил. — Вы читали какие-нибудь труды по тератологии?

— Слово незнакомое…

— Если коротко — наука об уродствах. Мне кажется, здесь мы имеем дело с каким-то чудовищным извращением человеческой эволюции… Теорию Дарвина вы, конечно же, изучали?.. Мы с вами наблюдаем невероятную деградацию целого села до животного уровня. И не только в моральном, но и в физическом смысле.

— Но они же голые, мать их так! В такую холодину!

Синицкий нервно дёрнул плечами:

— Похоже, что-то их изменило. Какая-то неведомая сила природы. Больше я ничего пока сказать, увы, не могу!

Оба прислушались. Снаружи доносился неясный шум.

— Сколько их там, как вы думаете? — спросил Нейман.

— Пара дюжин, не меньше. Откровенно говоря, было как-то не до подсчётов.

Марк огляделся, по-военному оценивая обстановку.

— Окна узкие, да и высоковато, — рассудил он. — Вряд ли они в них полезут. Но если всё же

вздумают лезть или вынесут дверь, — на пятерых патронов хватит. Понадеемся, что прочих это остановит. Если же нет…

Марк не договорил.

Вязко текли минуты, а вламываться в церковь существа не спешили. У Синицкого мелькнула мысль, что у жителей села, несмотря на их полнейшую деградацию, сохранились воспоминания об этом здании как о чём-то сакральном, запретном. О своей догадке он поведал Нейману, присовокупив:

— Возможно, пока мы внутри, нам ничего не угрожает!

А потом снаружи послышалось пение. Сначала один голос, потом сразу несколько, и вот уже всё село поёт а капелла. Нейман с Синицким замерли, задержав дыхание и обратившись в слух.

Песня состояла всего из двух слов. Первое начиналось с протяжного «и-и», и заканчивалось коротким «йа!», а вот второе разобрать было невозможно.

— Будто бы «шабнирот», или «шабнират», или что-то в этом роде, — сказал Нейман.

— Шаб-Ниггурат, Марк Наумович! Шаб-Ниггурат! — возбуждённо зашептал Синицкий. — Я вспомнил это имя! Боже мой, всё сходится, Марк

Наумович!

— Нашли время в загадки играть! — сердито сказал Нейман. — Что ещё за Шаб-Ниггурат?

— То самое божество, о котором я вам рассказывал! Богиня плодородия, культы которой якобы существуют у всех лесных народов. Которую также именуют Чёрной Козой с Легионом Отпрысков! Понимаете? Этот культ существует! Здесь, в Пермской губернии!

Нейман осоловело смотрел на Синицкого, пытаясь понять, о чём он толкует и как эти знания помогут им сейчас. Пение тем временем становилось всё громче, быстрее и яростнее, превращаясь в выкрики: «И-йа! И-йа! Шаб-Ниггурат!», и словно ведя к некой кульминации. А затем дикий хор разом смолк. На миг воцарилось безмолвие, которое разорвал дикий животный вопль, полный боли и ужаса. Марк сразу его узнал — так кричат смертельно раненые кони. Похоже, не сумев добраться до людей, упыри избрали жертвой несчастную лошадь. А возможно, убийство животного стало частью какого-то чудовищного ритуала — недаром ведь они пели…

Услышав предсмертный лошадиный крик, Назар в мгновение ока вынырнул из молитвенного экстаза и бросился к дверям, голося:

— Зорька! Зорька моя!

— Стоять! Не сметь! — рявкнул Нейман, наставив на парня дуло револьвера. Тот сразу сник, пробормотал: «Господи! Да что ж это деется-то?!», сел на пол и заплакал.

Вновь стало тихо. И в этой нарушаемой только всхлипами тишине раздались звуки, от которых всех троих словно окатило ледяной водой. Сначала скрипнуло, потом громко стукнуло, словно уронили тяжёлый и твёрдый предмет, а вслед за тем под храмовыми сводами раздалось мерное «тук-тук». И звуки эти шли не снаружи, они раздавались внутри церкви — за иконостасом.

И у Неймана, и у Синицкого мелькнул один и тот же образ: мумия святой восстала из своего ковчега и направлялась к ним, стуча иссохшими ногами. Оба направили лучи фонарей на иконостас, готовые встретить лицом к лицу любой ужас.

Она вышла прямо из царских врат.

— Господи Иисусе! Пресвятая Богородица, спаси и сохрани! — скороговоркой пробормотал Назар.

Она была высокой, на две головы выше Марка, отнюдь не коротышки, и в ней не было ничего чёрного, напротив, кожа казалась белой как мрамор даже в желтоватом свете фонарей. А вот

глаза и впрямь были как два кусочка антрацитовой черноты. Всё в ней было одновременно чудовищно и прекрасно: увенчанная рогами, как диадемой, голова сидела на изящной тонкой шее, округлые плечи, над которыми вздымались непрерывно шевелящиеся членистые щупальца, груди, достойные Афродиты, чуть выпуклый живот, чётко очерченная талия и идеальный крутой изгиб бёдер, переходящих в длинные ровные ноги, красоту которых не портила даже странная вытянутая форма ступней, оканчивающихся чем-то вроде раздвоенных копыт.

Она сделала пару шагов, и оцепеневших людей окатила волна запаха, очень необычного, волнующего, дразнящего, пробуждающего самые глубокие, самые тайные желания. Марк ощутил странное томление плоти. Синицкий, судя по его напряжённой позе, тоже почувствовал нечто подобное.

Тварь приблизилась к людям почти вплотную. Она развела руки, точно любящая мать, желающая обнять своих чад. Отростки за спиной тоже разошлись в стороны, точь-в-точь как ноги тарантула, готовящегося броситься на свою жертву. Нейман с Синицким замерли как вкопанные. Назар забыл слова молитвы, поднялся на ноги и

стоял, приоткрыв рот и выпучив глаза.

— Дети мои! — сказала она, показав ряды острых треугольных зубов между чувственных губ. Голос её был глубоким, томным и вместе с тем совсем не человеческим. Таким голосом могут говорить только античные богини либо соблазнительные дьяволицы в грёзах христианских аскетов.

— Дети мои! — повторила она.

Нейман почувствовал, что странное томление вот-вот перерастает в животное влечение. Сейчас он был подобен Одиссею, услышавшему зов сирен. Синицкий мёртвой хваткой впился ему в руку и едва слышимым свистящим шёпотом приговаривал «Стой! Стой!», убеждая не столько Неймана, но, возможно, в большей степени, себя. Они устояли. Назар оказался слабее. Забыв о православной вере, он медленно, мелкими шажками приблизился к Твари, и её рука и щупальца тотчас обвили его тело. Так они и двинулись к выходу из церкви, прижавшись друг к другу, словно давние любовники.

Лязгнул засов, открывая дверь. Толпа на улице вновь ликующе запела, увидев свою повелительницу. Нейман с Синицким остались в церкви одни. Синицкий пришёл в себя первым. Он под-

бежал к полускрытой в пыли крышке люка и потянул за вдетое в неё кованое кольцо. Крышка, крякнув, поднялась.

— Отлично! — воскликнул Синицкий. — Подземный ход цел. Это наш с вами, Марк Наумович, путь к спасению! Теперь делайте, что я велю, и пока ни о чём не спрашивайте! Хватайте лампу, бегите за иконостас и разбейте её о крышку этого… гроба! Бейте прямо об этот проклятый символ, чтоб он вспыхнул! Да не стойте же, чёрт вас побери!

Марк схватил ближайшую керосиновую лампу, вспрыгнул на амвон и побежал за иконостас. Там он увидел пустой ковчег с лежащей рядом опрокинутой крышкой и понял, что их догадки были верными: вышедшая из царских врат и впрямь была той, которую безвестный отец Аристарх некогда привёз в село под видом святых мощей. От ковчега исходил тот самый густой, терпкий, пробуждающий мужское начало запах. Нейман на мгновение замешкался, а затем перевернул крышку гроба и грохнул лампу прямо на таинственный пентакль. Пары керосина мгновенно вспыхнули.

Марк метнулся назад. Его спутник аккуратно полил керосином из второй лампы прорезанные

в половых досках линии, чиркнул спичкой, и в церкви запылал второй костёр.

— А теперь вниз! — приказал Синицкий, кивнув на открытый люк. Нейман нырнул в чёрную дыру подземного хода, Синицкий последовал за ним.

Ход уводил вниз, к подножию холма. Был он низкий и узкий, так что перемещаться по нему можно было только друг за другом и практически на четвереньках. Стены и потолок — бревенчатые, из окаменевшей от времени лиственницы.

Через несколько мучительных минут ползком Нейман увидел просвет — то был выход наружу. От времени и действия сил природы он обвалился и теперь представлял собой неровную дыру чуть больше лисьей норы. Марк, отставив фонарь и держа наготове револьвер, некоторое время прислушивался, потом осторожно высунул из дыры голову.

Никто их не подкарауливал. С вершины холма неслись звуки нечеловеческой вакханалии — похоже, все обитатели села собрались там. Возможно, воздавая почести своей хозяйке либо (Марку не хотелось об этом думать) приветствуя нового члена общины в лице Назара.

Нейман собрался уже вылезти наружу и по-

мочь Синицкому, как вдруг в окружающем мире что-то неуловимо изменилось. Оба почувствовали приближение чего-то страшного, могучего, неумолимого и стремительного, как ураган или цунами. И тотчас в уже скрытом ночью лесу оглушительно затрещали падающие деревья. Нечто ломало их и впереди, и слева, и справа, словно целое стадо доисторических гигантов продиралось через чащобу. Вслед за тем раздался рёв, как показалось Марку, гневный и торжествующий одновременно. Рёв не принадлежал ни одному обитающему в этих краях зверю. Так мог реветь только библейский Бегемот.

Марк юркнул обратно в спасительную тесноту, и они с Синицким, не сговариваясь, поползли вглубь — как можно дальше от ревущего ужаса. Там, посреди прорытого далёкими предками подземелья, скрючившись на холодном земляном полу, выключив фонари (батареи которых и без того уже едва дышали), в полной темноте, они сидели и напряжённо прислушивались к происходящему снаружи.

А там творился настоящий содом. Сквозь спасительный слой почвы над головой доносились вопли, треск ломаемых брёвен и всё тот же рёв неведомого чудовища. А еще время от времени

земля содрогалась от тяжёлых ударов, словно по ней тот тут, то там били паровым молотом.

Они покинули своё убежище на рассвете, закоченевшие от холода, измученные страхом и бессонницей. За ночь небо окончательно очистилось от облаков, сквозь лес пробивались лучи неяркого осеннего солнца, воздух был холоден и неподвижен. Стояла абсолютная, невероятная тишина. Нейман нервно озирался, водя туда-сюда стволом револьвера, Синицкий был молчалив, выглядел задумчивым и подавленным.

Убедившись, что никто их не подкарауливает, Марк поднялся на храмовый холм и замер, поражённый открывшейся ему картиной. Весь лес, примыкавший к окраине села, был повален. Молодые берёзки и вековые ели лежали вперемешку, сломанные либо вырванные с корнем. Самого села больше не существовало: вместо домов, амбаров, сараев и заборов лежали лишь груды брёвен, досок и камня. Не осталось и церкви. Она не сгорела, но была разнесена в щепки всё той же неведомой силой. Словно смерч, возникший из ниоткуда и обладающий злой волей, выплеснул свой гнев на человеческие постройки и унёс в поднебесье всех жителей.

— Назар! Наза-а-ар! — несколько раз крикнул

Нейман, питая слабую надежду, что парень жив. Но, похоже, тот был похищен той же неведомой силой.

— Не тратьте силы, Марк Наумович! Нам с вами ещё идти почти двадцать вёрст, а у нас маковой росинки со вчерашнего дня во рту не было, — сказал Синицкий, который тоже поднялся на холм и теперь кутался в пальто, тщетно стараясь согреться.

Нейман обернулся к своему спутнику. На его лице читалась полнейшая растерянность.

— Пётр Васильевич, да что же это?..

— А это, Марк Наумович, то, о чём вы не прочтёте в учебнике естествознания… — Синицкий закашлялся. — Какое объяснение увиденному вы хотели бы получить?

— Объяснение? — тупо повторил Нейман. — А… разве их несколько?

— Предлагаю немедленно двинуться в обратный путь, — предложил Синицкий. — Откровенно говоря, мне хотелось бы поскорее убраться отсюда. Думаю, вам тоже. А по дороге я изложу вам своё видение произошедшего.

Они прошли от руин церкви до начала просёлочной дороги, настороженно озираясь, но не увидели ни жутковатых обитателей села, ни их

тел, ни Назара, ни несчастной лошади. Когда последние признаки некогда человеческого жилья остались за спиной и по обочинам потянулись ряды могучих уральских пихт и елей, оба почувствовали некоторое облегчение, словно перешли границу, отделяющую привычный мир от мира непонятного и пугающего.

Некоторое время они молча ступали по слегка присыпанной снегом и прихваченной морозцем земле. Марк несколько раз вопросительно поглядывал на Синицкого, ожидая, когда тот заговорит, но ни о чём не спрашивал.

— Что ж, Марк Наумович, — наконец со вздохом сказал Пётр Васильевич, немного замедлив шаг. — Я обещал вам два объяснения. Извольте! Чтобы понять первое, необходимо принять на веру одну вещь, а именно — что рядом с нашим миром испокон веков существует мир тайный. Облик, разум, цели обитателей этого мира настолько далеки от всего привычного и понятного нам, что способны вызывать только безграничный ужас… Не спешите мне возражать, мол, всё это мистическая чушь! Советская власть отменила библейского бога. Может, оно и правильно, да вот иные боги и демоны, похоже, никуда не делись. Когда я услышал имя Шаб-Ниггурат, —

Синицкий понизил голос, — я осознал, что та проклятая книга врезалась в память гораздо глубже, чем можно было ожидать. В книге было сказано, что Чёрная Коза — не просто божество плодородия, она — олицетворение жизненного цикла, включающего рождение и смерть. Она не только постоянно порождает целый легион отпрысков, но и пожирает их. Понимаете, к чему я?

— Нет, — признался Нейман.

— Помните, вы сказали, что символы на полу церкви, в частности, круг, могут быть охранными знаками? Непонятно было лишь, кого и от кого они должны защищать. Но когда на амвон вышла эта… полуженщина, я сложил два и два: её! от её ужасной матери! — Синицкий сделал паузу, чтобы перевести дух, и внимательно посмотрел на Неймана, понимает ли тот ход его мыслей. — Понимаете, друг мой? Оно… она — одна из пресловутого Легиона Отпрысков! А прочие жители села — её потомки, скорее всего, плоды противоестественных союзов с людьми. Когда мы с вами подожгли керосин, огонь разрушил целостность защитных символов, и эти несчастные… хм… уродцы сами призвали своё божество, свою прародительницу себе на погибель.

Марк молчал.

— Скажите, — спустя добрый десяток минут произнёс он, — а какова вторая версия?

Синицкий вздохнул:

— Вторая… Вторая вполне себе реалистичная: наследственные заболевания, приводящие к различным уродствам, вкупе с кровосмесительными связями и, как результат, физическая и духовная деградация целого села. Правдоподобно?

— А разрушения?

— А что разрушения? — Синицкий театрально развёл руками. — Стихия! Осенний шквал. Или даже землетрясение — явление в наших местах исключительное, но всё же вероятное. Вы же ощущали, как трясётся земля, когда мы с вами сидели… там? — Пётр Васильевич показал пальцем вниз.

Нейман глубоко задумался. Может, и вправду, всё было простым совпадением: деградировавшие до почти животного уровня сельчане, отягощенные передающимися от матерей детям уродствами, странный культ Чёрной Козы (что ж, бывают и более извращённые религии!), удар стихии… И сжигание охранных символов совершенно ни при чём.

Наверное, со временем Марк бы убедил самого

себя, что именно так всё и было на самом деле. Если бы не одна пугающая деталь, бросившаяся ему в глаза сразу же, едва они с Синицким покинули на рассвете своё импровизированное убежище: вся земля на территории села была покрыта огромными — избу можно поставить! — глубокими вмятинами. Вмятины были округлой формы и отдалённо напоминали отпечатки раздвоенных копыт. То были следы колоссального Существа, явившегося из ниоткуда и ушедшего в никуда.

Александр Подольский
Твари из Нижнего города

Вниз взглянула рыбьим оком
Недовольная Луна —
Там, тумана поволокой
Город скрыт, в объятьях сна
Пребывает безмятежный,
Спят спокойно млад и стар.
Только нет уже надежды —
От прибрежных чёрных скал
Рыбы движутся отрядом,
Позабыв извечный страх,
Человек, не жди пощады —
Кровь сверкает на зубах.

Этой ночью вышли рыбы
Человечье мясо есть,
В эту ночь познают рыбы
Что такое злая месть.
«Человек хорош покойным», —
Приговор у рыб таков…
А пока что спит спокойно
Мирный город рыбаков.

«Рыбье око»
Алексей Грибанов (Вертер де Гёте)

2013

Крысы мешали спать вторую ночь подряд. Пока молнии перечеркивали больное небо Нижнего города, а дождь затапливал подворотни, рядом копошились эти твари. Местное пойло не помогало отключиться, ведь шорохи в стенах и полу проникали даже в сон, обращаясь новыми кошмарами. Лампы вокруг устроенной в кресле постели горели до утра, и грызуны не показывались. Но я чувствовал их присутствие, как и они — мое. Потому что зверь всегда чует другого зверя.

По стеклу сползала мутная жижа, размазывая вид на трущобы. Озеро приближалось. С каждым годом оно увеличивало границы, пухло, пожи-

рало берега, принося в жертву своему главному обитателю рыбацкие бараки. Накинув плащ, я открыл окно, выбрался на решетчатую площадку обрубленной пожарной лестницы и закурил. Дождевые капли заплясали вокруг башмаков, а струйка дыма едва не утонула в потоке воды.

Никаких высоток, никакой техники, никаких верениц газовых фонарей. Все это осталось в Верхнем городе. Здесь властвовал мрак. Заводские трубы выплевывали в небо облака копоти, и над уродливыми домишками нависали чёрные тучи, не давая выглянуть солнцу. Трущобы напоминали живой организм. Они росли вдоль береговой линии, к ночи расцветая огнями костров и пожаров. Тысячи прижатых друг к другу комнатушек, каждая из которых больше походила на собачью конуру, сплетались в медленно уходящий под воду лабиринт. Где-то там и должен был прятаться убийца Анны.

Пятиэтажная ночлежка в этой части города выглядела настоящим небоскребом. Выплюнув потухшую сигарету, я поднялся на крышу. Флюгер порос ржавчиной, но стороны света на нем все еще узнавались. С юга тянулась единственная нормальная дорога в Верхний город, с которым меня больше ничего не связывало. Не считая

пресвятых карточных долгов. Одинаковые здания топорщились из земли, будто перевернутые кружки на стойке грязного кабака. Бары, притоны, подпольные игровые клубы и сутенерские помойки — всего этого здесь было едва ли не больше, чем обычных жилых домов. Поймав новый порыв ветра, флюгер заскрипел костями и повернулся ко мне. На север.

— Куда пялишься? — спросил я уродца, что напоминал ежа. Хотя дураку понятно, чье изображение поставили на крыше.

Я тоже развернулся и взглянул на темно-синие волны вдалеке. Утренний туман поднимался из низины, где оживали трущобы. Озеро казалось бескрайним, словно и не было остального мира за кромкой воды. Вспомнились кошмары, что начались, как только я заселился в «Морок». Перед глазами встали рыбаки… Фанатики считали, что сказывалась близость к *нему*, не зря ведь Обитателя озера называли еще и Властителем мертвых снов. Если раньше подобная чушь жила только в мозгах рыбаков, то теперь и самые обычные люди верили в этот бред. Газетчики, психи, любители легкой наживы и народная молва превратили спящую на дне тварь в древнее божество. Служители культа Глааки были довольны.

Вторая пожарная лестница спускалась с другой стороны здания, плюс дверь на чердак еле держалась на одной петле. В случае чего, уйти можно было через крышу. Но эти же ходы наверняка пригодятся и незваным гостям, если тем хватит ума искать здесь. А искать они начали еще вчера.

В комнате было тихо, движение в гнилых перекрытиях исчезло с наступлением утра. Разложенная на столе колода вновь предвещала неприятности. Карты всегда помогали мне заработать на жизнь, от подростковых игр на сигареты с друзьями до закрытых турниров с участием городской верхушки сейчас. Они давали мне очень многое, ничего не прося взамен. Как выяснилось, просто выжидали момент, чтобы забрать все и сразу. Удача, как и любая опытная шлюха, вмиг перекинулась к другому, ведь всегда найдется тот, у кого и кошелек потолще, и член побольше. Но карты все еще говорили со мной, пускай теперь я сам надеялся на ошибку. Черный джокер Глааки приходил раз за разом, исключая возможность совпадения.

Проститутка очнулась. В заплаканных глазах отражался страх, на запястьях под веревкой проступили кровоподтеки.

— Ну что, надумала говорить?

Она послушно закивала, и я вынул кляп.

— Мне нужен великан. Уродец из рыбаков, одноглазый. И у меня мало времени, так что советую переходить сразу к делу.

— Если ты думаешь, что я работаю одна, — процедила назвавшаяся Евой шлюха, — то ты конченый. Знаешь, что с тобой сделают? Знаешь?!

Наряд проститутки ей подходил: молодое тело в нижнем белье пряталось под коротким плащом, который едва прикрывал шикарную задницу. Стройные ноги в чулках, высокие каблуки, чернильные волосы до плеч — для местных уродов слишком хороша. К животу присосалась татуировка в виде осьминога. Верхние щупальца поддерживали крепкие груди, а нижние переплетались друг с другом и заползали под ткань шелковых трусиков. В пупке, который выступал глазом подводного чудища, красовалось серебряное кольцо. Назвать Еву красавицей мешали только синяки на ребрах да исколотые до черноты вены.

— Меня ищут люди куда серьезнее твоих дружков. Это раз. Я знаю, что несколько дней назад ты с ним виделась. Это два. И если ты не заговоришь,

я тебя убью. Это три.

Если у меня с такой легкостью забрали самое дорогое, почему я должен ограничиваться в средствах? Анну разорвали белым днем в одном из переулков Верхнего города. Просто так, ради забавы. Через полгода после нашей свадьбы. Оказавшийся рядом полицейский ничего поделать не смог — ему выжгли глаза кислотой. В последние месяцы это превратилось в странный ритуал, на улицах все чаще встречались люди с ожогами вместо глаз, но шумиху никто не поднимал, будто так и надо. Что еще удивительней — калеки и не ждали помощи от законников и даже в больницу не обращались, привыкая к жизни в вечной темноте. Настолько силен был страх. Похоже, чешуйчатые так отвечали на появление молодежных банд, которые отлавливали рыбаков и избивали до полусмерти, запрещая показываться в Верхнем городе. Как бы правительство ни старалось сохранить нейтралитет между людьми и глубоководными, столкновения случались почти каждый день.

— Не хочешь по-хорошему? Значит, начнется моя любимая часть.

Тогда полиция вздернула пару полубезумных рыбаков и закрыла дело. Однако мне этого было

мало. Я наведался к пострадавшему. Полицейский, совсем еще мальчишка, явно недоговаривал. Трясущееся от ужаса тельце выдавало новоиспеченного калеку с потрохами. Боялся он не только и не столько меня, сколько того, о ком не смел говорить. Но я всегда был мастером переговоров. Крича от боли, полицейский выложил все. Анну убил здоровенный рыбак, больше любого из местных, больше многих людей, и вместо правого глаза на лице ублюдка была отпечатана паутина шрамов. А еще полицейский расслышал последние слова Анны: «Только не ты». С тех пор эта фраза поселилась в моей голове. Неужели Анна знала убийцу? Откуда?

Спустившись к хозяйке, я взял у нее граммофон и пару пластинок. Музыка и слова на чужом языке наполнили комнату, зазвенели под потолком, отражаясь от оконных стекол. Нашарив в карманах плаща Евы губную помаду, я расчертил ее тело короткими алыми линиями.

— Это для удобства. Чтобы ничего не забыть. Потому что теперь я собираюсь по всем этим черточкам пройтись ножом.

Смелости в ней поубавилось.

— Не надо, пожалуйста.

Я достал нож и сделал первый надрез. Ева взвы-

ла, будто передразнивая певичку из граммофона.

— Говори. Мне нужен Циклоп.

Она плюнула мне в лицо и заверещала:

— Сука, сдохни, мразь! Ты сдохнешь! Тут и останешься!

Скучно, раз за разом одни и те же угрозы. Когда я вырвал кольцо из ее пупка, Ева клялась, что ничего не знает. Уже прогресс. Но она врала. В Верхнем городе одноглазого не было. Я облазил все места сборищ рыбаков, посетил передвижные цирки уродцев, сходил в глубоководный театр в Центральном парке. Ничего. С помощью немалых денег достучался до чешуйчатых из «верхов», ведь теперь эти твари заседали почти в каждой структуре. Дружба народов, мать их за щупальце. Но ни рыбаки, ни полукровки толком не помогли. Они узнали одноглазого и даже вспомнили имя — Циклоп, только вот в Верхнем городе его никто не видел. Тогда я завел целую сеть информаторов в Нижнем городе, чью работу оплачивали влиятельные и очень азартные люди. Правда, догадались они об этом только вчера, до того мошенничество за карточным столом проходило как по маслу. Беда в том, что и в Нижнем городе Циклопа не было. Он просто исчез, будто знал, что за ним открыли охоту. Два

месяца тишины и впустую потраченных денег сменились вереницей долгожданных весточек: Циклоп вновь мелькает среди полуразваленных построек Нижнего города. И как бы я ни тянул с визитом в эту загаженную помойку, как бы ни пытался отмахнуться от детской боязни рыбьих лиц, время пришло. В Верхнем городе меня с остатками денег искала каждая собака, а в Нижнем ждал своего часа убийца. Все-таки жажда мести способна перебороть любой страх.

Я продолжал полосовать красивое женское тело, получая все новые проклятья в свой адрес. Девчонка попалась не из сговорчивых.

— И ты вот так просто меня убьешь? — От постоянных криков голос Евы охрип. В нос бил запах крови, мочи и пота. — Без причины?

— А что такого? Убийцей я стал, едва появившись на свет. Смотри. — Я показал ей уродливые рубцы на шее. — Петля из пуповины — не лучший подарок новорожденному. Мать была шлюхой вроде тебя, я оказался ей не нужен. Но задушить меня не получилось — она потеряла слишком много крови. Получается, я убил ее, даже не зная, что она хотела убить меня. Забавно, правда?

— Ты просто больной. Больной сын шлюхи.

— Возможно. Тем хуже для тебя.

Я почти вырезал осьминога, когда Ева сбивчиво заговорила. Простыня настолько пропиталась кровью, что на полу собралась целая лужа.

— Хватит, хватит, прошу, все, хватит… Я его не знаю, и никто из моих не знает… Живет где-то у озера.

— Озеро большое. Точнее.

— Да не знаю я, правда, не знаю… там, говорят, на одном из островков у северной части, у топей…

— Очень мало информации. Понимаешь? У нас ведь с тобой еще и спина не охвачена.

— Не надо, прошу, — заскулила Ева. — Его долго не было, а недавно появился, да, наркотики искал, у нас тут все на них сидят, даже рыбаки, почти все… Затейник три дня не приезжал, я сама в ломках, а тут ты…

— Затейник — кто такой?

— Умелец один, старик, варит, химичит, делает дрянь всякую, кислоту, все подряд, говорят, прямо из крови Глааки делает…

— Где живет?

— Не знаю.

Я вздохнул, окинул взглядом перечеркнутое ранами тело. Теперь Еве придется серьезно скинуть цену на свои услуги. Если, конечно, она

выживет.

— Я правда не знаю, Затейник сам приходит, сам привозит, к себе никого не пускает… Знаю только, что в трущобах где-то…

Отойдя к окну, я достал сигарету. За стеклом свистел ветер, разгоняя остатки дождя. На улице посветлело, высыпал народ, загудели такси. Обычные будни рабочего квартала.

— Похоже на правду. Только зачем такие жертвы, почему сразу не рассказала? Боялась, что одноглазый накажет? Этот ваш Циклоп, считай, уже труп.

За спиной раздался булькающий смешок.

— Не-е-ет, — с улыбкой протянула Ева. — Скорее, ты труп. Потому что Циклоп — особенный. Ты видел его вообще? Все говорят, что со дня на день Глааки проснется… И разбудит его особенный рыбак… И все изменится.

— Понятно, — выдохнул я, — так ты фанатичка.

— Я просто верю, что скоро исчезнут ублюдки вроде тебя, глаза которым закрывает ненависть. Те, кто не видят среди рыбаков нормальных…

— Они не могут быть нормальными, это грязные мрази, место которым в их болоте. А лучше — в банке собачьих консервов.

— Среди людей мразей еще больше.

Я не собирался ничего доказывать. Десятилетия назад все решили за нас, теперь оставалось просто жить в этом мире. Бок о бок со всеми его обитателями. И ждать, чья чаша терпения переполнится раньше.

— Кляп вставлять не буду, дыши. Если не обманула, перевяжу, как только вернусь из трущоб. Если обманула, то лучше бы тебе сдохнуть до моего возвращения.

На улице меня окружила свора ребятни. Чумазые, беззубые оборванцы толкались и пихались, дергая за плащ.

— Добрый человек, дай денег! Помоги! На питание, добрый человек! А, добрый человек?!

— Попрошаек не кормлю, пошли вон, — процедил я.

— Зачем попрошаек? — удивился самый длинный, с горизонтальным шрамом на лбу. — За газету! Хорошая газета, добрый человек! Сегодня привезли из Верхнего города, да! Хороший город, хорошие новости!

Зверьки заплясали вокруг, а длинный достал из мешка бумажный сверток. Газета была заляпана черными пальцами, но выбирать не приходилось. Не расстреливать же их стаю средь

бела дня.

— Давай сюда. — Я схватил газету и швырнул мелочь в лужу у тротуара. Дети кинулись к мутной жиже с такой радостью, будто добывали настоящее сокровище. Хотя для них, возможно, так оно и было. Когда я садился в такси, попрошайки уже вились вокруг нового клиента.

Таксист помалкивал, чувствуя мое настроение. Мимо проносились серые стены домов и серые лица. Это был серый мир, в котором я чувствовал себя чужаком. Люди как-то приспособились к жизни рядом с животными, но только не я. У меня из памяти еще не вытравились времена, когда мы были хозяевами на своей земле. Когда по улицам не ходили сектанты, предлагая бессмертие в обмен на душу, когда рыбаки жили только у водоемов. Когда спящее на дне озера существо привлекало туристов, а не фанатиков.

«Культ Глааки принимает новых послушников».

На первой полосе изобразили самого Властителя мертвых снов. Из чудовищного слизня цвета озерного ила топорщились сотни металлических отростков, шкура из железных волос покрывала тварь, словно броня. Где-то в глубине этой массы едва виднелись глаза Глааки, что росли на

щупальцах. Вокруг Обитателя озера скучились люди в балахонах, воздевающие руки к своему повелителю. Смотреть на эту мерзость было тошно. Недоумки со всей округи в суеверном ужасе падали на колени перед озерным гигантом, но для меня он оставался лишь редким животным. И если вдруг когда-нибудь эта штука проснется, ее можно будет убить. Как и любое другое существо.

— Почти приехали, — подал голос таксист.

Дождь закончился. Я полистал газету и завис еще над одной заметкой. Как ни странно, она была посвящена человеку.

«Очередное убийство человека-рыбы. Тридцать восьмой продолжает охоту».

Это был маньяк нового времени, человек, уничтожавший жаберных тварей по всему Верхнему городу уже несколько лет. Трупы находили в парках, у рек, в подворотнях, даже в рыбных лавках. Пресса тут же сделала из него психопата, который разрушает и без того хрупкое перемирие, мол, мы давно научились жить рядом с рыбаками и даже работать вместе. Только продажные писаки отказывались замечать, как эти лягушкоголовые уроды ведут себя с людьми, когда чувствуют своё превосходство. И, разумеется, никто не собирался

подсчитывать число жертв с нашей стороны, хотя чуть ли не каждый месяц от перепончатых лап умирали несколько человек. Всем было плевать.

До конца дочитать я не успел — в окне уже виднелась линия деревянных развалин. Рыбаки здесь водились не только глубоководные, встречались и обычные старики с бамбуковыми удочками. Но все же у основной массы можно было обнаружить жабры, и мурашки на спине я почувствовал в тот же момент, когда фонари такси растворились в дорожной пыли. С самого детства я и боялся, и ненавидел рыболицых, в их присутствии меня начинало колотить. Со своей фобией я боролся, как умел, но сейчас на это не было времени.

Повсюду ощущалось дыхание озера, от воды несло прохладой и тленом. Под ногами сновали крысы, ничуть не стесняясь человека, а местные жители лишь на мгновение поднимали ко мне глаза и возвращались к своим делам. Кто-то мастерил сети, кто-то запекал на углях странного вида мясо, голая детвора играла с собаками на дорожке, и матери поглядывали на отпрысков из-за кривых заборов. Часть хижин оказалась сожжена, стекол не было почти у всех. Тропинки становились все ***у***же, дома жались друг к дружке,

точно выстраивая неудачную баррикаду, и мне приходилось шагать сквозь чьи-то жилища. На вопросы никто не отвечал, беседовать с чужаками здесь не привыкли.

Я углублялся в лабиринт, путаясь в бараках, натыкаясь на одинаковые комнатушки и одинаковые лица. Переплетения стен кружили перед глазами, ведь среди исчезающих троп я давно заблудился, да еще и потерял счет времени. Казалось, либо я вот-вот выйду к самому Глааки, либо окажусь у того места, откуда начал искать Затейника.

Наконец я разглядел вдалеке высокий черный столб и двинулся туда, точно сбившаяся с курса шхуна к маяку. Питаемая озерной водой почва кое-где проваливалась, и в очередной луже я раздавил нечто вроде каракатицы. Тварь напомнила осьминога на животе Евы. Я ускорил шаг.

Столб оказался сгоревшей сторожевой вышкой, на площадке возле которой из проволок и арматур собрали памятник Глааки. У железного отродья в два человеческих роста высотой на четвереньках сидела старуха. Она почувствовала меня, закончила молитву и поднялась.

— Ты не любишь Глааки, так ведь? — с ходу спросила она, обратив ко мне выжженные глаза.

— Я ищу Затейника.

Ведьма протянула руку, на пальцах не было ногтей — только чёрные углубления.

— Ты не любишь Глааки. — Теперь это было утверждение.

— Ты знаешь, как найти Затейника? Я могу заплатить.

— Глааки дарует тебе бессмертие, но ты должен верить. Должен почитать могущественного Древнего, величайшего из великих. Ты должен верить, и тогда у тебя будет шанс стать слугой Глааки. Затейник не верил, он принес в наш общий дом заразу и погубил себя. Глааки никогда не дарует ему вечной жизни!

— Погубил? Что с ним?

— Он стал жертвой своих деяний. Это кара, кара Глааки!

Чокнутая фанатичка опять рухнула на землю перед статуей, яростно прожевывая очередную молитву. Это скрюченное существо уже мало походило на человека, закапываясь седыми патлами в придорожную грязь. Я подошел и развернул старуху к себе.

— Слушай меня очень внимательно. Сейчас я оторву тебе голову, и никакой Глааки обратно ее не пришьет, поняла? Но ты можешь спастись.

Просто скажи, где Затейник.

Старуха тряслась всем телом, только сейчас сообразив, чем ей грозит наша встреча. Сухой рот открывался беззвучно, точно рыбий. Наконец она произнесла:

— Иди вниз к озеру. Там, где земля становится болотом, найдешь его хижину. Ее сожрала зараза, сожрет и тебя.

— Я рискну.

— Затейника искали три дня назад. Его уже нет, его давно нет!

Я бросил старуху на землю и поднялся.

— Это мы еще посмотрим.

— Я буду молиться за тебя, чужак. Потому что Глааки вот-вот проснется, и теперь он тебя не пощадит. Особенный уже знает, как разбудить его. А ты будешь умолять о простой смерти. Но Глааки не послушает. Он окунет тебя в кошмар!

— Ваш Глааки — это вонючая лужа рвоты, вот и все. Болотная тварь, которую кучка идиотов считает божеством. И скорее вы сами подохнете в своих трущобах, чем эта гниль выползет наружу. Про Особенного уже слышал. Как раз его я и собираюсь убить.

Чем ниже спускалась тропинка, чем ближе становилось озеро, тем мрачнее делалось вокруг.

Живой свет уходил из этих мест, и во встречных бараках загорались огоньки. Шлепанье чужих лап за спиной я услышал пару минут назад, но оборачиваться не стал. Башмаки промокли насквозь и мешали идти, и я невольно позавидовал преследователям, которые шли босиком.

Жилище Затейника смахивало на металлическую пещеру — округлой формы здание трубой уходило в землю. Снаружи оставались сплетения проводов и кабелей, которые врастали в серебристые стены. В темноте чудилось, что они пульсируют, будто дублируя удары огромного сердца. Заходя внутрь, я оглянулся. Минимум четыре тени ползли следом сквозь сумерки, уже ни от кого не прячась. Спички в кармане не промокли, и душную темноту разогнало маленькое пламя. Стальные вены расходились повсюду, вонзаясь в странные образы на стенах. Змеевидные щупальца, сотканные из проволоки конечности, похожие на лица узоры и механические детали с шестеренками и трубками… Помещение словно вылепили из железа и плоти. Я шел вдоль стен и зажигал все новые и новые спички, разглядывая соединения проводов и человеческих тканей. На меня смотрели червеобразные отростки, вьющиеся вокруг металлических костей… и тут я

увидел старика. Он был сожран стеной и распят на черном кресте. Ноги почти исчезли, руки покрывала масса из проводов, а развороченное туловище словно расплавили кислотой. Запечатанный в алюминиевой бороде рот навсегда замер в крике.

— Он принес в наш дом заразу, — вдруг повторил я за старухой, — и погубил себя.

Рыбаки стали входить. Похоже, им надоело караулить меня снаружи. Я уперся в стол и стал перебирать банки, шкатулки, коробки, открывать ящики и колбы. Ничего, никакой химии. Если тут что-то и оставалось, то все унесли до меня. Забыли только гору металлолома, из которой я вытянул нож. Потухла последняя спичка.

— Ну что, лягушата, — сказал я, доставая любимый короткоствольный револьвер. Глаза привыкли к темноте, чёрные фигуры стояли в нескольких шагах от меня, блокируя выход. — Как вы думаете, какого калибра эта штука?

По пещере поползло заменявшее им речь гавканье. Они разевали рты и издавали звуки, от которых сводило зубы. В пальцах нарастала дрожь. Но на этот раз страха в ней было меньше, чем предвкушения.

— Правильно, лягушата, — прервал я их бле-

яния. — Револьвер у меня тридцать восьмого калибра. Тридцать восьмой! Слышали о таком, мрази?!

Я выстрелил в ближайшего рыбака, и тот с пробитой головой откинулся назад. В короткой вспышке света я прочитал тревогу на их мордах, ведь, конечно же, они обо мне слышали. Выстрел — и на землю повалился второй рыбоголовый. Кто-то бросился бежать, но остальные оказались смелее. Я всадил в рыбаков еще три пули, ощутив склизкую кровь одного из них у себя на лице. С утробным воем из темноты вылетел глубоководный с острогой. Я нажал на спуск, но рыбак успел пригнуться. В ту же секунду у выхода согнулась чешуйчатая тварь. Барабан был пуст, все пули нашли новых хозяев. Увернувшись от удара, я ногой воткнул рыбака в стену. Он отбросил оружие и вцепился мне в плечо. Повалил на землю. Зубы-лезвия без проблем разорвали плащ и пустили кровь. Я закричал, пытаясь удобнее перехватить нож. Рыбак, почуяв теплую плоть, стал вгрызаться еще сильнее. Одной рукой я старался не пустить его к шее, а другой нанес удар. Нож вошел прямо в жабры. Несколько сильных рывков — и хватка ослабла. После новых ударов из горла твари потекла тина, и я отбросил труп. Жилище

Затейника превратилось в молчаливый склеп.

Из трущоб я выбирался бегом, насколько это возможно. Плечо ныло и кровоточило, но задерживаться я не имел права. В темноте мерещились нескладные силуэты, над развалинами громыхали крики рыбаков. Меня спас их собственный страх. Знай эти лягушачьи мозги, что знаменитый Тридцать восьмой не наскребет патронов даже на барабан, — похоронили бы прямо здесь. Угнав грузовик для перевозки рыбы, я не снимал ногу с педали газа до самого «Морока».

В машине пахло рыбой. У входа в «Морок», стоял странный тип в шляпе, слишком хорошо одетый для этих мест. По дороге, огибая пьяниц, носились дети-попрошайки.

Тип в шляпе мне не нравился. Он воровато озирался по сторонам, а руки не вынимал из карманов серого плаща. Грузовик я остановил через дорогу от ночлежки и выходить не спешил. Я мог и не возвращаться в номер, но привык сдерживать обещания. Ева не обманула, хоть Затейник мне ничем и не помог. Самое главное: в номере осталась колода, а ее, в отличие от окровавленной проститутки, я бросить не мог.

Я вытащил из кармана патроны и зарядил револьвер. До полного барабана не хватило одной

штуки. Придется наведаться к местному оружейнику. В другом кармане был нож из пещеры Затейника. Теперь, при свете его можно было рассмотреть. Он вряд ли принадлежал старику, потому что на рукоятке красовалась золотая лампа, идеальная тюрьма для джинна. А такую эмблему я уже встречал.

* * *

— Добро пожаловать в «Лампу Альхазреда», вам столик на одного?

Я огляделся. Среди редких обитателей бара на охранника тянул только один, остальные не смогли бы поднять ничего тяжелее стакана.

— Веди к главному, быстро.

Миловидная блондинка наморщила носик.

— Не поняла.

Я достал револьвер и повторил. В этот раз девчонка оказалась понятливей. В кабинете было накурено, за столом сидели два жирных борова и играли в карты. От количества перстней на руках рябило в глазах.

— Ты еще кто такой? — спросил лысый, и я заметил у него жабры.

— Меня зовут Тридцать восьмой.

За спиной заскулила дверь, и в комнату про-

тиснулся здоровяк в свитере. Увидев оружие, он попытался схватить меня за руку, но реакции ему явно недоставало. С пулей в груди он осел на пол, разрисовывая дверь собственной кровью. Блондинка прижалась к стене, прикрывая рот.

— Что вы забрали у Затейника?

Ко мне развернулся второй толстяк, борода которого напоминала засохший куст.

— Эй, ковбой, остынь, зачем так нервничать?

Я выстрелил ему в голову.

— Мне некогда. Повторить вопрос?

Полукровка вскочил с места и отворил шкаф. Вытащил четыре склянки с разноцветными порошками, разложил на столе. Он выворачивал наизнанку все свои схроны, стараясь не показывать перепонки между пальцев.

— Послушай, парень, это очень сильные наркотики. Очень. Мне не жалко, забирай, но с ними нужно обращаться умело. Да и все тебе точно не понадобятся, понимаешь? — Полукровка вытер испарину с лысины и покосился на мертвого бородача. Блондинка всхлипывала уже из-под стола. — Может, попробуем договориться? Затейник свихнулся, мы просто решили…

— Что еще? Это все, что вы взяли?

Полукровка засуетился, вытрясая из сумки

разную мелочь.

— Да все, а что там еще брать, этот псих чуть ли не из себя какое-то зелье варил. Он умер? Мы его не убивали, если что. Там какая-то чертовщина творилась, стенки шевелились, как внутренности какие. — Он бросил взгляд на выросший посреди стола холм наркоты. — Пойми, это очень большие деньги, а я задолжал серьезным людям. Ты, конечно, можешь меня убить…

«Все мы кому-нибудь должны», — мелькнуло в голове. Но вслух я сказал:

— Хорошая идея. Пожалуй, так и сделаю. Если только у тебя нет нужной мне информации.

— Расскажу все, что знаю.

— Я ищу Циклопа. Рыбака. Слыхал о таком? Затейник мог знать, где он живет.

В дверь вломились двое доходяг с обрезами. Один с ходу пальнул. Треснула стена, комната задребезжала. Завопила позабытая под столом девка. Я откинулся на пол и двумя выстрелами успокоил обоих недоделанных снайперов. Второй так и не сообразил в кого нужно целиться.

— Отошел к стене, быстро, — отогнал я полукровку, принимаясь потрошить сумки. — Еще охрана есть?

— Н-н-нет, — произнес он. Затем набрал воздуха

в легкие и продолжил: — О Циклопе я немножко могу рассказать.

Я уже нашел кое-что интересное среди хлама Затейника. Это была карта Нижнего города. С пометками. Очень хотелось верить, что крестиками были обозначены обиталища клиентов.

— Слушаю.

Полукровка откашлялся, карябая переносицу длинными ногтями.

— Пару месяцев назад сюда нагрянули люди из Верхнего города. Агрессивный молодняк. Сняли склад, и больше их никто не видел. Ну сняли и сняли, кому они нужны… Но с неделю назад выяснилось, что они там делали.

Девчонка вдруг завыла так громко, что я чуть не выстрелил.

— Эти молокососы отлавливали рыбаков, — продолжал полукровка, — и сажали их в клетку. А потом ждали. Слышал о методе крысы? Это когда крыс запирают в одном месте без еды, и от голода они начинают жрать друг друга. А когда остается одна, то мозги у нее уже набекрень. Она не может есть ничего, кроме крысятины. Ее выпускают, и тварь начинает жрать сородичей.

— Крысиный король, — усмехнулся я.

— Вроде того. То же самое сделали и с рыбака-

ми. Два месяца продержали там. Два месяца они жрали друг друга. Нужный тебе Циклоп как раз и оказался этим крысиным королем. А теперь он убивает всех подряд. Не только рыбаков. И если ты собрался его грохнуть, я даже могу тебе приплатить. И не я один.

Это многое объясняло. Значит, в какой-то степени мы с Циклопом делали одно дело. Что ж, пусть так, но все равно придется его пристрелить. Убийство моей жены — преступление намного страшнее, чем попытка пробудить древнего бога. Странно, что полукровка не завел речь о божественном предназначении Циклопа. Выходит, даже среди рыбаков не все повернуты на этой псевдорелигии.

— Это встанет вам в хорошую сумму, — пробурчал я. — Очень хорошую. Но мертвого Циклопа вы получите. Только не думай, что я решил на тебя поработать. Просто мне надоело брать деньги просто так. А с одноглазым у меня свои счеты, я в любом случае его убью. Как и тебя, если попробуешь обмануть.

В вестибюле «Морока», было пусто. Отперев дверь номера, я застыл на месте. Музыка оглушала так, что крысы должны были удрать даже от соседей. Но все произошло наоборот. Твари

слезли с кормушки, только когда я пнул кровать. Повсюду мелькали хвосты, лапки, пропитанные кровью шкуры. Крысы — некоторые размерами напоминали взрослых кошек — разбегались по комнате и уходили через невидимые щели. Глаза и рот Евы были раскрыты и полностью передавали тот ужас, что испытывал обездвиженный человек, пока грызуны отщипывали от него кусочки. Я поморщился. Это было уже слишком. Такой участи для девушки я не желал. Стены затрещали, в полу началась вибрация. Плотоядные обитатели «Морока», не хотели отходить от праздничного стола.

Я наскоро перевязал плечо и разложил на столе карту Нижнего города. Если не считать трущоб, Затейник отметил только один объект у озера. Как и говорила Ева — островок у северного берега. У топей. Один из многих. Теперь я знал, где искать Циклопа.

В окно постучался дождь, заворчали небеса. Игла давно соскочила с пластинки, погрузив комнату в тишину. Я никогда не жаловался на слух, поэтому шаги на пожарной лестнице тайной не стали. Они приближались. Я спокойно сложил карту, убрал ее в карман плаща и достал револьвер. Когда за тусклым стеклом возник

человек, я выпустил в него пулю. На меткость я тоже не жаловался, и гость из Верхнего города свалился вниз. Распахнулась дверь, и в комнату ворвался еще один. Я стрелял и стрелял. Давил на спусковой крючок, целился в голову, в сердце, в пах. Незнакомец лишь улыбался, держа меня на мушке.

— Опустел, как я погляжу? Вот это невезуха, — ощерился он. — Меня зовут Блоха, и ты поедешь со мной.

Он подошел к окну и посмотрел вниз.

— А ты молодец, — похвалил Блоха, почесывая рыжую бородку. — Уважаю. За твою задницу обещают хороший гонорар, а теперь и делиться не с кем. Давай, на выход.

Передо мной стоял худощавый юнец, тот самый тип в шляпе и сером плаще. Револьвер в его руке ходил ходуном. Парень чуть ли не пританцовывал, нервно обводя взглядом комнату. Блоха как блоха.

— Я хочу взять свои карты.

— Карты? — удивился Блоха. — Тебе мало, что ли? Еще поиграть решил?

Я двинулся к столу, и он прилип к стене, давая дорогу. Из-за его поведения казалось, что он вот-вот начнет палить с перепуга. Отражение

в стакане тыкало в меня оружием и отходило к кровати. Я стал собирать колоду.

— Мать твою, Тридцать восьмой… Ты чего натворил, мясник гребаный?

Двойки, тройки, пятерки, десятки.

— Ты точно больной. Какая красивая баба была. Получше твоей почившей женушки.

Валеты, дамы, короли, тузы и, конечно же, пара джокеров. Колода была из пластика — бумажными картами я никогда не пользовался, потому что они годились только для подтирания зада. Да и то сомнительно. Отражение поспешило убраться от постели и замерло в двух шагах за моей спиной. В разбитое окно со свистом вваливался дождь.

— Не вздумай что-нибудь прихватить со стола. — Голос Блохи дрожал, зрелище в кровавых простынях его явно впечатлило. — Я все вижу.

— Тебе не следовало этого делать, — сказал я, поворачиваясь.

— Чего?

— Упоминать мою женщину.

Пятьдесят четыре карты черно-красным облаком полетели Блохе в лицо. Грохнули выстрелы, выбивая щепки из стен. Я пытался отобрать револьвер, но малец не сдавался. Он расстреливал потолок и силился направить дуло в меня. Мы

могли танцевать так и дальше, но Блоха скользнул по крови подошвой и стал валиться на пол, волоча за собой. От удара пальцы разжались, и револьвер откатился в сторону. Я схватил Блоху за волосы и бил головой об пол, пока он не перестал сопротивляться. А потом бил еще и еще, пока он не перестал жить.

Я поднялся. Почти вся колода упала рубашками вверх, но в центре кровяного пятна лежал перевернутый джокер. Оставалось только ухмыльнуться. Выпотрошив карманы Блохи, я зарядил свой револьвер, — парень знал толк в оружии — сунул его тридцать восьмой в карман и отошел к двери. Последний раз опустил взгляд на черного слизняка, что смотрел с карточного рисунка.

— Что ж, Глааки так Глааки.

* * *

Топи раскинулись на противоположном от трущоб берегу, поэтому ехать пришлось долго. Бросив грузовик, я приблизился к старой пристани. Постройка терялась в дождевой дымке, капли плясали на заплывшей поверхности озера. Рядом никого не было. Спрятавшись под навесом, я сверился с картой. Заветный крестик прита-

ился в гуще других островков. Моторы первых трех лодок признаков жизни не подали, а вот следующий закашлял от моих прикосновений, и ржавый винт в водной толще даже сделал пару оборотов. Из болотистой жижи, что окаймляла берег, раздалось урчание, точно чей-то вздох. Вспомнились россказни о том, что это и есть дыхание Глааки. Выбравшись из густых зарослей на весельном ходу, я врубил мотор. Воды бескрайнего озера раскинулись передо мной во всей красе.

Стемнело. По пути встречались мелкие островки, кое-где возвышались постройки, но все было не то. Озеро ворчало, в днище лодки ударялась рыба. У сожженной водяной мельницы я заглушил мотор. Хотелось устроить одноглазому ублюдку сюрприз.

Остров оказался таким мелким, что кроме дряхлого сарая на нем ничего не поместилось. В грязных окнах плясали огоньки и шевелились тени. Циклоп был на месте. Я привязал лодку к подобию крыльца и перебрался на сушу. Достал револьвер. Казалось, вся кровь организма сейчас тарабанила в виски. Пальцы, сжавшие ручку двери, покалывала дрожь. Там, за сырыми досками, был убийца.

Отворив дверь, я встретился с ним глазами.

Вернее, встретился с его глазом. Двухметровая тварь раззявила рыбий рот, сжимая в лапе металлическую тару.

— Не дергаться, — стараясь не выдать волнения, пробормотал я.

Перед Циклопом на коленях сидела девушка, руки за спиной. Банку одноглазый держал на уровне ее лица.

— Не дергаться, — повторил я, осматриваясь.

На полу были расставлены свечи, у стола росла пирамидка из одежды, рыбьих хвостов и самодельных изображений Глааки. Алтарь. А с потолка свисали крюки с частями тел. Как людских, так и рыбацких. Запах здесь витал, точно на припортовой свалке. Когда с обрубка туловища струйкой стекала кровь, падая на одну из свечей, к стуку дождя по крыше добавлялось шипение умирающего огарка.

Циклоп наклонил банку к девушке, и я выстрелил. Тара улетела в сторону, с пола пополз дымок. Рыбак бросился на меня, хоть я и продолжал стрелять. Сильнейший удар сбил с ног, сверху упал обглоданный труп на цепи. На меня дохнуло замогильной вонью, и мокрая лапа выбила револьвер. Я пытался подняться, но стальная хватка сомкнулась вокруг тела. Над головой

поминальными колоколами гремели крюки. Возле лица щелкала рыбья пасть. Мне удалось вырваться, оставив Циклопу плащ. Тварь поднялась и зашипела.

— Не трогай его, пожалуйста! — крикнула девушка.

Но Циклоп был другого мнения. Он врезался в меня и вместе с дверью хижины вынес прямо в озеро. Ледяная вода вцепилась в кожу, поползла в легкие. Я стал задыхаться. Уже не понимая, с течением борюсь или с подводной мразью, я наугад лупил руками и ногами, пока башмаком не угодил во что-то твердое. Выбравшись на поверхность, я догреб до хижины и через лодку заполз на крыльцо. Из воды поднимался одноглазый. Пытаясь откашляться, я услышал его тяжелые шаги. До револьвера было уже не добраться. Рванув в хижину, я схватился за первый пустой крюк и дернул на себя. Сзади скрипнули половицы. Натянувшись на потолке, лязгнула цепь. Я развернулся и крюком прочертил дугу снизу вверх. Железяка размером с крысу из «Морока», вошла Циклопу под нижнюю челюсть. Чешуйчатые лапы подогнулись, вздрогнули, и рыбак повис среди своих жертв.

— Это за Анну, — прошептал я.

Единственный глаз чудовища закрылся навсегда.

Поддев голову Циклопа как следует, я спустил цепь. Предстояло доставить тушку к людям. А потом забрать свой охотничий гонорар. Никого грабить я не собирался, мне нужно было только рассчитаться с долгами.

— Я же просила не трогать его, — сказала девушка, о которой я совсем забыл.

Обернувшись на голос, я уставился в дуло собственного револьвера.

— Советую положить, это не игрушки.

Раздались два выстрела. Вслед за ними в небе грянул гром. Далеко в темноте с необычной грустно-вопросительной интонацией закричала какая-то птица. Я осел на колени. В животе поселился раскаленный уголек, а из грудной клетки при дыхании выходили странные хрипы. А еще пузыри.

— Сука, я же тебя спас.

Девушка заплакала.

— Спас?! Лишение зрения — это не наказание, а великая благодать! Они отмечают ожогами только самых достойных!

— Что?

— Ни один человеческий рассудок не выдержит

вида Глааки. Они убирают нам глаза, чтобы мы могли приветствовать его, когда он проснется!

— Как… — едва выдавил я.

— Я так долго добивалась его милости, а ты… ты все испортил! Поэтому ты умрешь медленно. А мне без покровителя тут делать нечего. Надеюсь, Глааки примет мою грешную душу.

Фанатичка уперла дуло в висок и вышибла себе мозги. Если бы я сам их не увидел, то никогда бы не поверил, что они у нее были.

Я доковылял до лодки и затащил внутрь пойманного на крючок Циклопа. Мотор закряхтел почти сразу. Перед глазами кружилось матовое небо, дела мои были совсем плохи. Теперь, помимо денег, кое-кому не помешал бы и доктор. Но для этого нужно сперва не сдохнуть по дороге.

С трудом добравшись до пристани, я вытащил своё дважды пробитое туловище из лодки. С трупом получилось сложнее. И в груди, и особенно в животе не только жгло, но и хлюпало. Я передвигался как налакавшийся забулдыга. Запихнув Циклопа туда, куда и положено, — в кузов для перевозки дохлой рыбы — я ввалился в кабину и оживил грузовик. Руки на руле стали неметь. Вместо дороги перед глазами зависло улыбчивое лицо Анны. Она была мной довольна.

Черные точки, словно назойливые мухи под носом, мешали разглядеть дорогу. Я жал на педаль, проваливался в темноту, опять вдавливал педаль газа, кого-то сбивал, смеялся, харкал кровью, падал на руль, отключался, снова и снова выжимал из грузовика лошадиные силы. Я будто умирал и воскресал в пропахшей рыбой жестяной коробке на колесах. Когда вновь пришла темнота, когда лопнуло лобовое стекло, когда машина перевернулась, я наконец-то с улыбкой закрыл глаза…

* * *

…Но это было бы слишком просто. Я не умер. По крайней мере, адская боль внутри лишь набирала обороты. Дорога привела меня в трущобы. Я выбрался из грузовика и выпрямился во весь рост. Земля с небом то и дело менялись местами, но ничего страшного, можно привыкнуть. Для умирающего — самое обычное дело. Теперь глупо было надеяться на доктора, старая костлявая проститутка запихнула в меня косу уже наполовину. Но перед смертью хотелось показать тварям из трущоб их спасителя. Особенного. Того, кто пробудит Глааки. Того, чей труп оставлял за собой след крови, воды и дерьма.

Ночь сползла с неба и угнездилась в низине. Ко-

сой дождь лез в бараки через окна, наполнял ямы, бросался на огонь. Костры жгли под навесами и прямо в хижинах, у заборов под открытым небом и в железных бочках. Я шагал через трущобы, волоча на цепи тушу Циклопа и наблюдая, как повсюду рождается свет. К жужжанию мошкары и лягушачьему кваканью вскоре прибавились голоса чешуйчатых. Они выли и созывали своих, ведь к ним в дом явился убийца.

— Спаситель прибыл! — из последних сил кричал я. — Вот он ваш особенный. Вот он.

Я шел в черноту, а по сторонам сновали сгорбленные тени. Гул нарастал, к нему добавлялись и людские голоса. Огни зашевелились. Теперь за мной двигались факелы, горящие точки впереди расступались, образуя коридор. Первый камень угодил в спину, и среди рыбаков прошло оживление. Стараясь не обращать на это внимания, я прибавил ходу. Еще один камень рассек губу, с подбородка потекла кровь. Теперь вокруг бесновалась целая толпа. Люди, полукровки, рыбаки… Они размахивали факелами, кричали, ревели, словно звери, и швыряли в меня все, что попадалось под руку. Вставали на пути, новыми ударами указывали направление, не давали покинуть живой коридор, но никто не пытался вырвать

мою страшную ношу. Обитатели трущоб вели меня к Глааки. Я оскалился. Карты не обманули, черный джокер сделал своё дело.

— Ну и где ваш рыбий царек?! — закричал я, стараясь, чтобы голос расслышал хоть кто-то, кроме меня. — Где эта кучка говна?!

Меня столкнули в воду. Из живота просачивались внутренности, а из груди — душа. Один глаз заплыл, во рту недоставало пары зубов, а все тело было покрыто синяками. Преследователи не стали входить в озеро, выстроившись на берегу. Волны подхватили Циклопа, меня, и потянули за собой.

Я механически греб куда-то в сырой мрак. Будто там, в озерной темноте, где кончалась реальность, меня ждала Анна. Ждала не с пустыми руками, а с трупом ее убийцы.

Когда силы кончились, я перевернулся на спину. Берег полыхал огнями. К воде высыпали все жители этого рыбьего края. А я был безумцем, который обеспечил им представление.

Озерная вода была внутри меня. Зрители на берегу замерли в ожидании. Циклоп пошел ко дну, и я отпустил цепь.

— Спаситель гребаный. Крысиный король… Тьфу.

«Я буду молиться за тебя, чужак», — заговорила в голове старая ведьма.

Пусть. Пусть смотрят, как я умираю. Как умирает Тридцать восьмой. Теперь они будут помнить меня всегда. А я буду помнить танцующие на небе звезды…

Из воды показалось щупальце, и я чуть не захлебнулся. Оно поднялось над поверхностью озера, из чешуйчатых складок вылупился глаз. С берега послышались крики.

— Глааки, — проговорил я, едва вспоминая буквы. — Не может…

«Потому что Глааки вот-вот проснется, и теперь он тебя не пощадит».

Второе щупальце было крупнее, толщиной с человека. Теперь на меня глядели два красных глаза с черными овалами зрачков. Подо мной что-то происходило, но я не мог посмотреть вниз — едва хватало сил удерживаться на плаву. По воде пошли пузыри, ударяли в лицо волны. Щупальца нырнули на глубину и подняли Циклопа.

— Не может… — повторил я.

Два огромных отростка оплели труп рыбака и рванули в разные стороны.

— Да, — хмыкнул я, запивая кровь озерной водой. — За Анну…

Руки и ноги переставали слушаться, но боль не отступала. В живот пробралась мелкая рыбешка. Огнем пульсировали рубцы на шее.

Щупальца исчезли в воде, оставляя на неспокойной поверхности разорванное тело. Берег ожил ревом сотен глоток, и меня окатило огромной волной. Я чувствовал, как за спиной поднимается нечто. Запах мертвечины и стоялой воды ворвался в ноздри, в отражениях замелькали металлические шипы. Брызги валились со страшной высоты, а дыхание чудовища заставило упасть на колени всех обитателей суши. Казалось, застыли даже огни.

— Не может…

Рубцы на шее открылись, всасывая воду. Надо мной вились щупальца, запах резал глаза. Потекли слезы. Я окунулся в воду с головой. Стало легче дышать.

Жабры. Никакие не рубцы… все это время…

Я вынырнул. Присоски опустились на голову, щупальца обхватили живот.

«Ты будешь умолять о простой смерти. Но Глааки не послушает. Он окунет тебя в кошмар!»

Как бы я ни храбрился, оборачиваться не хотелось. Моя роль в этой истории оказалась слишком неожиданной. Я молил только о том, чтобы до-

стойно встретить конец. И, кажется, кто-то меня услышал. Спасительная пустота пришла чуть раньше, чем я взглянул на Властителя мертвых снов…

* * *

Я открыл глаза и вытер с лица кровь. Нос был сломан, кружилась голова. Изображения расплывались, я видел будто сквозь мутное стекло. На мне сидел рыбак и шипел. Озеро исчезло, мы находились в городской подворотне. Слева раздался крик, и я увидел высокую фигуру, выливающую что-то на лицо парня в полицейской форме. Бедняга ревел и трясся в конвульсиях, но, кажется, смеялся. Я попытался ударить рыбоголовую тварь, но тело было слабым, точно чужим. Меня припечатали к земле, и резкая боль вгрызлась в затылок. Надо мной нависли еще двое рыбаков. Под их гавкающую болтовню я попытался рассмотреть себя. Вьющиеся каштановые волосы свалялись в грязи, разорванная лямка обнажала грудь, туфли лежали в паре шагов от мусорного бака. Я схватился за лицо, но не нащупал никакой щетины. Зато увидел накрашенные ногти. В голове все перемешалось. Двое рыбаков держали мне руки, пока третий лез под платье и срывал

трусы. Я кричал, что было сил, лупил их ногами, но добился лишь очередной пощечины. Ублюдки сорвали с меня одежду и куском сети перевязали запястья, прицепив к штырю у забора. Я вырывался, но они были гораздо сильней.

Слева послышалось хихиканье. В этом звуке было столько безумия, что я едва нашел в себе силы повернуть голову. Ко мне полз полицейский. За его спиной удалялась двухметровая тень.

— Я отмечен, — радовался полицейский. — Я должен. Я должен доказать верность. Должен доказать на человеке. И докажу…

Рыбаки отступили. Зрение начинало возвращаться, но теперь я не хотел смотреть. Холодные пальцы ухватили за ноги и потянули в разные стороны. И только когда я почувствовал на бедрах липкие руки, только когда на меня навалилось трясущееся тело, только когда картинка окончательно прояснилась, и из размытого морока проступило знакомое лицо с выжженными глазами, из меня вырвалось бесполезное:

— Только не ты…

Андрей Рахметов

Альпинист

2011

На второй день подъема у Бартона исчез мизинец.

Бартон заметил это не сразу. Проснувшись, он сложил спальный мешок и сел завтракать. Из рюкзака появилась банка консервированных бобов, затем бутылка с водой. Пытаясь управиться с консервным ножом, Бартон осознал, что левая рука плохо слушается его. Ощущение было непривычным. Встревоженный, Бартон поднес ладонь к глазам. Так и есть: левый мизинец истаял за ночь. Раны не было, лишь гладкая кожа, обтягивающая сустав. Словно пальца никогда и не существовало.

Бартон встревожился. Разумеется, он знал об опасностях, подстерегающих альпиниста во время подъема на Гору. Но это была его мечта — подняться хоть на сантиметр выше, чем другие, побить рекорд, поставленный Рамси Дженевеллом. Бартон начал грезить об этом еще в школе, в начальных классах. Его обогнали. Некто Фредрик Лоу поднялся на пятьдесят три метра выше Дженевелла; Бартону в том году исполнилось

шестнадцать.

Подступиться к Горе Бартон смог только в двадцать пять лет. Туда не пускали кого попало — требовалось разрешение от Совета альпинистов. Большая часть сбережений Бартона ушла именно на эту маленькую желтую бумажку; сейчас она лежала у него в кармане.

Стоя перед Горой, Бартон чувствовал благоговение. Сверкающей антрацитовой иглой она поднималась вверх, пронзая небеса, уходя в космос, куда-то в запредельные, пустые дали, где нет места людям. Существ, что порой спускались с Горы, безжалостно истребляли: иррациональный страх перед ними был слишком велик.

Бартону не хотелось бы встретиться с чужими.

Он проверил рюкзак — вроде не болтается, плотно сидит — затем вздохнул, пробормотал «С богом!», и утопил кнопку подъема. Ноги оторвались от земли. В желудке что-то перевернулось.

Двигатель, вшитый в рюкзак, использовал магнитное поле Горы. Бартон плавно скользил вверх.

На этом этапе особых усилий от самого альпиниста не требовалось, и Бартон вертел головой по сторонам. Для начала он бросил взгляд через плечо, посмотрел на серое небо, затянутое

облаками, потом извернулся и все-таки смог разглядеть землю. Городок и все его жители были у него как на ладони. Лес казался зеленым пятном. Удивительно. Бартон не мог оторвать взгляда от этой панорамы до тех пор, пока она не слилась в единое разноцветное пятно.

Облачная зона осталась позади, и теперь в спину Бартону светило солнце. Здесь, в этих высотах, воздух был разреженным. У Бартона закружилась голова, и он приложил к лицу кислородную маску. Она работала идеально: Бартон мгновенно ощутил комфорт и спокойствие. Словно он сидел у себя дома и попивал кофе на диване.

«Не так уж это и сложно», — решил Бартон. До этого он взбирался на другие горы, и ощущения от подъема были примерно те же. Он почувствовал легкое разочарование.

Солнце закатилось за горизонт, и стало темно. Мир вокруг Бартона начал таять. Продолжать подъем в темноте было совсем небезопасно, поэтому Бартон сделал привал на одном из выступов. Он посидел немного, наблюдая за метаморфозами ночи, потом завернулся в спальный мешок и заснул. Ему снилась какая-то чепуха.

А на второй день его мизинец истаял, и у Бартона возникло острое желание вернуться обратно.

Но это было бы глупым поступком. Все то, что Гора забирала у альпиниста, она возвращала только после прохождения определенной точки. Бартон прикинул, что нужной высоты он достигнет на четвертый день.

Кислорода в этих местах уже не было, но после ночи, проведенной на Горе, Бартону он уже и не требовался. Ноздри его, как оказалось, закрылись; он понял это, когда смахивал пот с кончика носа. Ноздри заросли гладкой плотной кожей. Престранное ощущение.

Рюкзак гудел, набирая скорость. Бартон поднимался к вершинам, терявшимся в густой мгле. Через некоторое время солнце осталось позади — маленький желтый шарик, вращающийся вокруг свой оси. Звезды приблизились, и Бартон мог при желании дотянуться до них, схватить, помять, растереть между ладоней. Так он пару раз и сделал. Мятые, потерявшие форму и блеск звезды он выбросил вниз.

Бартон думал о том, является ли он человеком, раз у него теперь нет ноздрей. Ведь Бог дал человеку рот, ноздри, глаза и уши — семь естественных отверстий, с помощью которых мозг общается с окружающим миром. А у Бартона волей неведомых сил, управляющих Горой, двух из семи

отверстий больше нет. Значит, под юрисдикцию небес он не попадает?

«Но в душе-то я человек, — рассуждал Бартон. — И никому этого не изменить.»

От подобных рассуждений вдруг стало зябко и неуютно, поэтому Бартон переключился на более приятные мысли. Он думал о яблочном пироге, о морсе и о сосновых шишках.

Затем Бартон сделал второй привал. На этот раз он не стал изучать пейзаж — уж больно страшный и чуждый мир был вокруг. Бартон попросту закрыл глаза и погрузился в сон.

Третий день пришел незаметно. У Бартона пропала ступня на левой ноге. Он с большим трудом нацепил на себя рюкзак и нажал на кнопку. Свое лицо Бартон ощупывать не стал. Мало ли что? Может, теперь у него нет ушей. Или из щек растет какая-нибудь гадость. Хорошо хоть, зрение нормально работает.

Гора никак не изменилась. Она была незыблемой и вечной. Черный камень, блестящая поверхность, словно у угля. В природе подобного элемента не было — он мог существовать только здесь, в сильнейшем магнитном поле, создаваемом Горой. Элемент этот практически бесполезен. Именно поэтому дельцы не трогали

Гору — зачем?

В голову лезли всякие странные мысли, и Бартон от греха подальше вообще перестал думать. В голове воцарилась полнейшая пустота; лишь ветер завывал в ушах.

Мир вокруг него исказился. Во все стороны растекались холодные краски. Вокруг Горы танцевал хоровод молний. Громадные чудовища с тысячью конечностей сновали между белых росчерков, избегая контакта с электричеством. Все они были слепы; Бартон взял с них пример и закрыл веки. Таким мир он видеть не хотел.

На четвертый день зрения он лишился. Пошарив руками по земле, Бартон наконец-то нашел рюкзак. Аппетита не было вообще. Видимо, на этом этапе он уже не нуждается в пище.

«Ничего, ничего, — утешал Бартон себя. — Сегодня ко мне все вернется».

А завтра, на пятый день подъема, Бартон побьет рекорд Дженевелла, а потом — и рекорд Лоу.

Ничего сложного.

Но Бартон знал: едва к нему вернется человеческий облик, он тут же попытается спуститься с Горы. Этот порыв следует погасить в зародыше. Ведь если Бартон сбежит, не достигнув цели, все его страдания окажутся напрасными. Дженевелл

и Лоу тем и были знамениты, что нашли в себе силы продолжить подъем после достижения точки возврата.

Бартон попытался очистить голову от мыслей. Он ждал, когда же откроются его глаза, и он снова станет человеком.

Подъем длился уже целую вечность.

Казалось, мимо проплывали миры и вселенные.

Бартон поежился и сглотнул. Ему было холодно.

Странно, но его внутренние часы сообщали, что пора бы устроить очередной привал. То есть четвертый день подходил к концу. Неужели таймер сбился?

Бартон устал. Он сказал себе: все в порядке.

«Я просто утомился от всех этих переживаний. Сейчас сделаю привал и продолжу путь. А потом уже доберусь до точки возврата», — думал он.

Привал он сделал. Едва голова Бартона коснулась черной поверхности, как он тут же заснул.

Ему снились огромные твари размером с галактику; шкуры этих существ усеяны ожогами от звездных пожаров, глаза их пылают неземным огнем. Бартон слишком ничтожен, чтобы чудовища обратили на него своё внимание — и слава

богу, поскольку в таком состоянии он совершенно беспомощен.

Проснулся он в поту.

И, если уж оценивать это так, начался пятый день его восхождения.

Но ведь это не так. На самом деле четвертый день продолжался. Просто Бартон разбил его на два перехода.

Паника поднималась внутри темной волной. Бартон подавил ее.

«А что, если я поднялся слишком высоко? Залез туда, куда не следовало?»

Нет, это глупости. Дженевелл и Лоу поднимались выше, чем он, и благополучно вернулись на землю.

А может, он уже побил рекорд?

Как же тяжело быть слепым. Каким бы кошмаром ни была реальность, воображение, усугубленное слепотой, показывало Бартону гораздо более отвратительные картины. Он сам не заметил, как начал жевать собственную щеку изнутри, пока рот его не наполнился кровью. На вкус она была сладкой, как патока.

Бартон молился — пока не осознал, что Бог в этих краях не имеет власти. Бартон зря покинул землю. Здесь Бог уже не может защитить его от

существ, чей разум далек от человеческого.

Ад располагается на Горе, и Бога тут нет.

Бартон бы заплакал в бессильном отчаянии, если бы мог.

Он потерял надежду и теперь поднимался вверх лишь по инерции.

И когда он уже готов был плюнуть на все и отправиться обратно на землю, его голова уперлась во что-то.

«Вершина вселенной, — мелькнула дурацкая мысль. — Я достиг самого потолка».

Бартон почувствовал, как его тела касаются чьи-то пальцы. Твердые, с жесткой, словно неживой кожей. Мир перевернулся — и Бартон рухнул на нечто твердое, напоминавшее землю. Он не сразу понял, что лежит спиной на потолке.

«Я на другой планете?»

Странно, но страха не было. Только усталое равнодушие, словно у смертельно больного человека перед кончиной.

Его взяли за локти, за колени. Стянули с беспомощного Бартона сапоги, содрали с него одежду, стащили у него рюкзак.

Бартон не сопротивлялся.

А потом он почувствовал, как нечто острое вошло ему прямо в глаз. Он вскрикнул — и вдруг

понял, что вновь обрел зрение. По щеке его хлынул поток мутных слез. Бартон видел смутный силуэт существа, склонившегося над ним.

Ему открыли второй глаз, затем прочистили ноздри и уши. Утраченные пальцы отрастали. Вернулась даже утерянная ступня, и Бартон неуверенно поднялся на ноги. Он был совершенно наг, в отличие от своего спасителя. Приглядевшись, Бартон понял, что тот одет в его же, Бартона, одежду. На плечах был закреплен рюкзак.

Спаситель кивнул ему, затем двинулся к темному стержню, выраставшему из земли — и там активировал вшитый в рюкзак двигатель.

«Он будет лететь мимо звезд, — думал Бартон, глядя ему вслед. — Он будет лететь, и вспоминать меня.»

Ольга Рэйн, Майк Гелприн
Приманка или арктическая история

2016

1906

Пожелать удачи экспедиции явился, казалось, весь Петербург, пристань была забита народом.

Всем миром деньги по подписке собирали — кто десять тысяч, кто рубль; всем миром и проводить пришли — дамы в шелках и домработницы, офицеры в мундирах и приказчики, разнорабочие и гимназисты. Все были веселые, возбужденные, студенты держали большой плакат «Вперед, к Северному полюсу», детишки сидели у отцов на плечах и вовсю махали руками.

Саша постояла-постояла у борта, наполняясь тяжелым, холодным, как невская вода, недовольством. Убила на руке наглого комара. Поправила шляпку. И повернулась идти в каюту — чествовали-то совсем не ее, она-то на Северный полюс не отправлялась, она-то обычной пассажиркой плыла до Архангельска. В постылое женское рабство в холодном краю.

— Сплавляете замуж в буквальном смысле, папенька, — говорила Саша отцу. — Приносите в жертву семейным интересам.

Папа кивал, не отрываясь от газеты, слушал плохо. Потом близоруко щурился на Сашу.

— Дочь, ты чего? Вы же с Колей выросли вместе!

— Как брат и сестра, — парировала Саша. — Не считается!

— А кто с ним целовался в саду в пятнадцать

лет? Бедного мальчика со скандалом из деревни отправляли!

Саша покраснела. Мама же тогда обещала не рассказывать отцу.

Никому нельзя верить!

— Это было давно, — сказала она. — Я была еще дитя. А теперь я взрослая женщина. У меня квалификация сестры милосердия. Двадцатый век на дворе, а вы меня в девятнадцать лет замуж за троюродного брата выдаете, как в крепостные времена!

Папа, не отвечая, улыбнулся, поправил усы, подлил себе чаю и снова уткнулся в газету. Саша фыркнула и пошла колдовать над списком «купить к свадьбе». По Коле-то она сильно скучала, и в письмах его бывали такие слова, от которых часто билось сердце и горячо ломило в груди.

Но это было давно, в прошлой жизни, до знакомства с капитаном Богдановым.

Папенька знал его давно, восхищался, дал на экспедицию полторы тысячи рублей и представил капитану свою дочь, девицу Александру, с просьбой взять ее с собою до Архангельска, где ждет жених.

Саша посмотрела в холодные голубые глаза отважного исследователя и сразу растаяла. Бог-

данов был — мечта, сказочный витязь в белых доспехах, любимец народа и государя, Ледяное Копье России, летящее в полярные широты, чтоб утвердить там русские владения!

Ледяное Копье в небрежной позе стоял у борта, помахивал провожающим затянутой в белую перчатку рукой. А рядом с ним — носатая ведьмочка, француженка Жюльетта, противная, чернявая, фу.

Саша нахмурилась. Невеста, говорят. Медицинский факультет Сорбонны, говорят. А у нее самой — самаритянские курсы и Коленька, который звезд с неба особенных никогда не ухватит…

В коридоре прижались к стене, пропуская ее, двое матросов из ненцев-самоедов, обучившихся мореходному делу и ходивших в северные рейсы.

— Не укачает тебя, барышня? — спросил немолодой плосколицый Ваня Тайбарей, с которым у Саши уже установились дружески-покровительственные отношения.

— Вот-вот узнаем, Иван Енсугович, — улыбнулась Саша.

В своей крохотной каюте она села было писать в дневник, но слова не шли, получался пафосный детский лепет. Открыла коробку с грампластин-

ками, полюбовалась на любимые записи, которые станет с Колей слушать долгими архангельскими вечерами.

Исполнительница цыганских романсов и любовных баллад Варя Панина смотрела на нее с обложки мудрым, очень искушенным взглядом с поволокой.

— Отдать швартовы! — прозвучало с палубы, толпа на пристани загудела, взорвалась криками. В Сашину дверь постучали.

Жюльетта заходить не стала, от двери кивнула, заговорила так быстро, что Саша со своим гимназическим французским четверти слов не разбирала.

— Я рада, что ты с нами, пусть даже на пару недель, — среди непонятного прочего говорила Жюльетта. — Женщины должны дружить, а у нас много общего. Интерес к медицине, например, и независимость, и шляпка мне твоя очень понравилась. У меня граммофон есть, мы его в кают-компании поставим. Можем вечерами пластинки слушать.

И руку протянула. Делать нечего — пришлось поручкаться и задружиться.

Много было хорошего сначала.

Хорошее раз — погода. Богданов задержался с

началом экспедиции, выходить надо было раньше, в июне, а не в конце августа, но сбор денег и закупка продовольствия затянулись. Жара стояла совершенно летняя, ветерок был легкий, попутный, нежно гладил синюю балтийскую воду, не штормил, а ласкал. Шли под парусами, двигатель берегли.

Хорошее два — дружба с Жюльеттой. Хоть Саша и ревновала, называла для себя ее неласково «Жулькой», но француженка была веселой, храброй и прогрессивной. Научила Сашу курить папиросы — сначала было ужас как противно, а на третий раз вроде как даже и понравилось. Показывала движения модного танца падекатр с озорными подскоками под граммофонную музыку. Саша тоже попробовала, они с Жулькой, смеясь, кружили по крошечной кают-компании, и тогда-то сквозь клубы папиросного дыма на нее впервые со странным острым любопытством посмотрел Богданов. Так посмотрел, что Саша споткнулась и влетела в палубную подпорку, бровь разбила и смутилась ужасно.

Хорошее три — Сашу не укачивало. Чувствовала она себя прекрасно и время проводила с большой пользой. Читала Жулькины медицинские книги, подтягивала французский, Ваня Тайбарей

ее учил рыбачить на блесну. А на шестой день плавания, когда пристали к берегу воды набрать и поохотиться, Богданов устроил стрельбище для матросов, и девушкам дал пострелять. Не из тяжелых винтовок, конечно, а из его прекрасного наградного нагана.

— Вот так держите, Саша, — сказал Богданов, поддерживая ее руку своей. — И цельтесь… цельтесь…

Его щека была совсем близко. От него пахло морем, одеколоном, льдом, опасностью. Саша почти не услышала грохота выстрела за шумом своего сердца. Бутылка на поваленном дереве разлетелась вдребезги.

— Молодец, девочка, — тихо сказал Богданов и как бы нехотя убрал руку с Сашиной талии. Жулька смеялась со штурманом, Максимом Соленым, и ничего не заметила.

С того дня и началось Хорошее Четыре, переполнявшее Сашу восторгом и ужасом. Пик чувств был достигнут перед самым Архангельском.

— Георгий Иванович, прекратите, — расплакалась Саша, радуясь, что в темноте не видно, как покраснел нос. — Меня ждет жених… Свадьба… У вас Жюльетта…

— Между нами нет окончательного слова, —

сказал Богданов и сжал Сашину руку, вцепившуюся в борт.

— Пойдем с нами к полюсу, Сандра, — сказала Жюльетта на следующий день. Она слегла с сильной простудой, не выходила из своей каюты и надсадно кашляла. Саша развела ей микстуру и поила из ложки по часам, чувствуя себя виноватой предательницей. — Видишь, как опасно экспедиции быть с одним медиком? Что тебя ждет в Архангельске? Провинциальные сплетни и тоска. Жених твой с юной страстью тут же сделает тебе бебе, потом второго, и через три-четыре года ты себя не узнаешь. Обернешься — и нету.

Саша не разревелась только потому, что Жулька раскашлялась, и пришлось ее отпаивать теплой водой.

В Архангельске «Персей», остановился на шесть дней.

Богданов закупил топлива, консервов, круп, жира, солонины. Ездовых собак ему продали «выносливых и обученных», но Ваня Тайбарей цокал языком и качал головой.

— Плохо, — говорил он. — На улицах дворняжек наловили. Плохие собаки. Плохой еды купил, начальник, — солонину плохо в холод кушать!

Плохие купцы в Архангельске, закрой уши, барышня, — и добавлял слова, и Саша краснела, потому что прекрасно слышала и сквозь ладони.

Она тоже многое успела за эти шесть дней. Разбила сердце Коленьке, расторгнув помолвку. Сказала, что сама себя еще плохо знает и не может на такого хорошего человека вешать вечную обузу.

— Я тебя знаю, — мрачно сказал Коля. — Всегда знал. Всегда любил.

И ушел, неровно ступая от горя. Саша кусала руку и много курила в тот день. Отправила телеграмму в Петербург: «Иду медиком экспедицией тчк вернусь через год тчк люблю Саша».

Она силой заставила Жюльетту поехать в больницу. Ваню попросила вынести больную и усадить в бричку — сама та не шла то ли от упрямства, то ли от жара.

— Остаетесь, — сказал Жюльетте врач. — Иначе через десять дней максимум ваше прекрасное окоченевшее тело опустят в Белое море. Двусторонняя пневмония, мадемуазель.

— Нет, — кричала Жюльетта и грязно ругалась на двух языках. — Нет, нет!

На следующий день успокоилась.

— Забирай, Сандра, — сказала. — Все, что моим

было, — отдаю тебе, пользуйся. И подвиг, и приключение, и Жоржа. Я же видела, как он на тебя смотрит. У меня потом еще будут приключения… и остальное.

Вытянулась под одеялом — строгая, красивая. Но тут же кашлять начала, все настроение сцены испортилось.

— Мерде, — прохрипела Жюльетта. — Подай же микстуру, идиотка!

Саша утерла слезы и стала ее поить с ложки.

Богданов вернулся из больницы бледный и взволнованный.

— Спасибо, Саша, — сказал он и поцеловал ей руку. — Ты — верный товарищ. Я оказался бы в трудном положении, если бы не твоя самоотверженность. Без судового медика нам никак нельзя.

— Георгий… Иванович, — робко спросила Саша. — А вот коренные северяне говорят, что слишком много солонины. Что как основной продукт питания для северных широт она плохо подходит.

— Глупости, — отмахнулся Богданов, темнея лицом. — Всегда в военном флоте и в гидрографических экспедициях солонину употребляли. Что ты слушаешь ерунду всякую? Ты, Саша, не

вздумай со мною спорить по важным вопросам.

— Я не думала, — тихо сказала Саша.

— И хорошо! Я с тобой по медицине тоже не стану — какую микстуру дашь, ту и проглочу, даже горькую. Договорились?

Глаза у него были голубые-голубые, и губы такие красивые под ровной соломенной щеточкой усов… Саша кивнула, как завороженная.

Из Архангельска выходили в воскресенье, отстояв обедню в портовом храме. На пристани собралась толпа провожающих — не яркая, как в Петербурге, а однотонная: мужчины в темных сюртуках, дамы в темных платьях. Золотые ризы священников казались особенно яркими.

Саша вздрогнула, увидев Колю. Он стоял, понурившись, со свертком в руках. Саша подошла к нему, взяла за руки.

— Я вернусь, Коленька, — сказала она и сама поверила.

Он сунул ей в руку сверток:

— Тут шубка… я заказывал к твоему приезду. Тебе пойдет. И…

Он посмотрел Саше в глаза своим до боли знакомым прозрачным взглядом, как в детстве.

— Не умри, — сказал он. — Пожалуйста.

Ей выделили новую сдвоенную каюту с переборкой и двумя койками для больных, с письменным столом, массивным аптечным шкафом и зеркалом в полный рост. Саша долго смотрела на невысокую девушку в зеркале, не узнавая ее. Светло-ореховые глаза, брови вразлет, по-детски округлые щеки. Но она была теперь совсем иной, чем месяц назад, — взрослой, ответственной, влюбленной в отважного героя.

Саша вышла на палубу, по-прежнему в возвышенных мыслях. Было тепло, море пахло августом. Кричали чайки. Саша смотрела на море, на сопки за Архангельском, на морские утесы, и ее охватило унылое и большое чувство вечности — что вот сто лет назад эти земля и море выглядели точно так же, и висело над ними холодное, как глаза Богданова, голубое небо. И лет сто спустя, когда их экспедиция станет яркой главой в книгах про Арктику, — кто-то так же посмотрит с борта корабля на город и холмы, вдохнет морской ветер и зажмурится…

1988

Андрей окинул взглядом остающийся за бортом Архангельск, зеленые по летнему времени холмы, прищурился, подождал, пока в кадр залетит несколько чаек. Фотоаппарат щелкнул, навсегда

впечатывая в пленку эту секунду, это небо, этот город и море, вечно бьющее в утесы.

В кадр ступила женщина в узких джинсах и белой футболке, обрисовывающей щедрую грудь.

— А меня? — сказала она глубоким голосом, даже не стараясь убрать из него игривый второй тон.

Андрей вздохнул, пару раз сфотографировал, как она призывно опирается на борт, выгибая талию.

— Вы сегодня хорошо выглядите, Ингрид.

Ингрид Хансен ухватила Андрея под локоть, на мгновение тесно прижавшись грудью, зашептала в ухо:

— Господин Гаевский, а что вы сделаете, если я сейчас возьму и свалюсь за борт? А если отдамся матросу в машинном отделении?

Английский у независимой журналистки из Копенгагена был безукоризненный, в отличие от воспитания и манер, сильно Андрея раздражавших. В судовом ресторане они с самого выхода из Ленинграда сидели за одним столиком на шесть персон. Пятеро из этих персон в основном молчали, шестая — Ингрид — разглагольствовала. Автобиографию она излагала в мельчайших подробностях — и недели не прошло, как добралась

до завершающей главы: «Мое четвертое замужество и адюльтер, с ним покончивший».

— Не надо за борт, — буркнул Андрей. — Я напьюсь… с горя.

— Вы, русские, все сводите к алкоголю, — фыркнула Ингрид. — Послушайте, Андреас, довольно ходить вокруг да около. Мне двадцать девять, я хороша собой и в постели, со мной легко. Вы мне нравитесь, а впереди месяцы и месяцы безделья. Неужели нужно, чтобы дама унижалась перед вами, предлагая себя? Вас что-то сдерживает? Верная любовь? Здоровье? Заветы Ленина?

Андрей обреченно вздохнул.

Что сказать? «Нет, потому что у меня была Таня»? Но Таня в земле, да и, пока была жива, никак его не связывала. В резко очерченном, высоколобом лице Андрея, в его широко посаженных карих глазах женщинам виделся скрытый надлом, на который многие делали охотничью стойку. Датчанка слишком напориста, но, по сути, мало чем отличается от предшественниц. Только вот… Только…

— Не обижайтесь, Ингрид, — попросил Андрей. — Я попросту не готов. Давайте мы этот разговор отложим на пару дней…

Он пока не знал, как объяснить, что в нем по-

рвалось что-то, а скорее, оторвалось, утянулось вслед за Таней под мерзлую землю подмосковного кладбища и осталось там. Что-то, без чего стало не слишком интересно, не слишком азартно, да и не слишком необходимо жить. Исчезло, мазнув на прощание серебром по вискам и вычертив гидрографическую карту на лбу. И Андрей Гаевский, полный сил и энергии крепкий сорокалетний мужик, перспективный ученый и ходок не из последних, постепенно превратился в апатичного угрюмого нелюдима.

На участие в международной арктической экспедиции он согласился без долгих раздумий и, в основном, из безразличия. Никаких особых приключений на борту атомного ледокола «Георгий Богданов», не ожидалось. Предстояла рутинная гидрографическая работа, батискафные погружения, отличающиеся от десятков предшествующих только температурой воды за бортом. А еще — вынужденное безделье и тоска в свободное от погружений время. Такую тоску походный роман не развеет — усугубит.

— Свьято место пуста не быват, — доверительно сообщила Ингрид по-русски, положив руку на то самое место. — Могу от скуки заглянуть в каюту к вашему другу с дурацкой кличкой…

Андрей пожал плечами и побрел по палубе на корму. Поджарый, прилизанный, с нехорошим колючим взглядом, Витек Шерстобитов по прозвищу Шесть Убитых другом ему не был. Да и коллегой не был, хотя трудились оба в основанном еще Елизаветой Институте геодезии и картографии. На кафедре геоинформатики Шесть Убитых подвизался не пойми кем — пятой козы барабанщиком.

О сущности козы, для которой барабанил Витек, Андрей, впрочем, догадывался. А за пару недель до отплытия и уверился — когда получал инструктаж от пары здоровяков с одинаковыми прическами, выражениями на лицах и в одинаковых же казенных костюмах. Друг от друга инструктора отличались, в основном, цветом галстуков.

— Для нашей страны экспедиция имеет значение первостепенной важности, — поведал здоровяк с галстуком цвета хаки. — Сейчас закладываются основы геополитики в Арктическом регионе на ближайшие лет пятьдесят. Недавно была принята Конвенция о морском праве. СССР ее не ратифицировал — усекать полтора миллиона километров от своих морских владений мы не собираемся. Шельф в зоне хребтов Ломо-

носова и Менделеева принадлежит Советскому Союзу, поскольку оба являются естественными продолжениями континента. Это вам, Андрей Юрьевич, в ходе изыскательных работ предстоит неопровержимо доказать… Вы следите?

Андрей подтвердил, что следит и что доказывать будет неопровержимо.

— Возможны провокации, — озабоченно заявил здоровяк в галстуке цвета беж. — Утечка материалов и саботаж. Публика на борту соберется разномастная, потребуется быть бдительным. В случае любых, даже самых ничтожных проблем вам надлежит немедленно обратиться к товарищу Шерстобитову. Его следует держать в курсе всех дел, вы понимаете?

Андрей обещал держать Шесть Убитых в курсе, ухо востро, голову в холоде, ноги в тепле, информацию в сейфе. На том и распрощались.

На сто двадцать членов команды пришлось полтораста пассажиров из десятка стран. «Горячая международная дружба в холодной Арктике, — писала об экспедиции «Комсомольская правда», — на борту новейшего атомохода «Георгий Богданов»!»

Помимо Андрея и датской журналистки, за ресторанным столиком собирались канадский

гидробиолог, норвежский спортсмен-сюрвайвер, японский океанограф и гренландский каякер-промысловик. Японец с эскимосом косились друг на друга со странной неприязнью, словно оба разглядывали собственные отражения в кривоватых зеркалах.

Гренландца звали Дйныгхак — имя это или фамилия, Андрею понять не удалось, а произнести без запинки получилось попытки с двадцатой. Отличался Дйныгхак большой прожорливостью, косноязычием на трех языках, включая русский, и полным отсутствием деликатности.

— Когда мужчина брать женщина, — заявил он Андрею, завороженно глядя на высокую грудь Ингрид, — бывать шибко хорошо, шибко сладко. Когда женщина брать мужчина, бывать шибко дерьмо.

На корме, под защитой корабельной надстройки, было безветренно и спокойно. Июльское солнце подбиралось к зениту, слепило глаза, сияло, словно надраенная солдатская пуговица на мундире, пошитом из сукна цвета медного купороса.

«Георгий Богданов», гордый двухсотметровый красавец-атомоход, напополам резал корпусом Белое море и, глотая по двадцать узлов в час,

стремительно шел на северо-восток, туда, где к западу от Новосибирских островов, в тысяче метров под ледяной коркой дыбились из океанского дна первые кряжи хребта Ломоносова.

Рассеянно глядя, как лазурное небо на горизонте плашмя падает в темно-серую воду, Андрей думал о том, что нужно собраться и взять себя в руки — раз и навсегда. О том, что он расклеился, распустился, и если не положить этому конец, то до встречи с Таней останется не так уж много времени. Надо влюбиться, заставить себя влюбиться — недаром говорят, что клин вышибают клином. И не в доступную смазливую куклу, а найти кого-нибудь, о ком можно и нужно заботиться. Как о Тане.

Андрея передернуло. Заботиться… Вот в чем дело, внезапно понял он, именно в этом. За двадцать лет он привык к тому, что рядом человек, о котором нужно заботиться.

Что рядом Таня.

Танюшка — соседская девчонка этажом ниже, одногодка, с которой он вместе ходил в детсад, сидел за одной партой, которую в восьмом классе впервые поцеловал, а в десятом впервые раздел донага и повалил навзничь.

Танечка, самая красивая девочка в школе. И

спортсменка от Бога. Победа на городском чемпионате по прыжкам в воду, бронза на всесоюзном. Шансы на включение в олимпийскую сборную.

Они поженились, едва обоим стукнуло по восемнадцать. Звезды сверкали в глазах, от страсти перехватывало дыхание, будущее стелилось впереди красной ковровой дорожкой.

А полгода спустя Таня поскользнулась на вышечном помосте, сорвалась и, не успев сгруппироваться, разбилась о воду…

Реанимация. Операции. Консультации со светилами хирургии. Операции. И снова. И опять. А потом — два десятка лет, полных боли, бессилия и безнадеги. Паралич прогрессировал. Дозы болеутоляющих росли.

— Наконец-то, — сказала Андрею жалостливая и чувственная аспирантка Лиза, напросившаяся прибраться в квартире на третий день после похорон. — Поживем как люди, милый. Не надо шастать по чужим постелям, не надо расставаться вечерами, потому что тебе пора. Я уж молилась, чтоб прибрал.

— Что прибрал? — механически переспросил ссутулившийся на кухонном табурете, ошалевший от горя Андрей.

— Ну Татьяну твою. И она теперь отмучилась,

и ты свободен…

Андрей оторопело сморгнул. Лизины слова еще не дошли до него, еще только пробивались в сознание, проталкивались сквозь не желающие пропускать их барабанные перепонки.

Таня просила оставить ее чуть ли не каждый день. Умоляла, рыдала, билась в истериках. Приходили ее родители, смотрели в сторону виновато и уговаривали отдать дочь. А потом уговаривать перестали, и однажды теща вдруг грохнулась перед Андреем на колени и подалась было целовать сапоги.

— Ты что сказала? — Слова наконец дошли по адресу и плетьми стеганули по сердцу. — Ты что сказала сейчас?

— Андрюшенька, ничего, я так, — испуганно залепетала Лиза. — Я же ради тебя. Ты же годами кормил ее, мыл, обстирывал, ухаживал. Будто сиделка больничная, будто нянька. Я…

Андрей поднялся. Его хлестануло, шарахнуло болью.

— Пошла вон, — выдохнул он. — Вон отсюда! Пошла на хрен, сука!

1906

Саша проснулась и долго лежала в темноте, бессмысленно глядя в потолочную переборку,

над которой была палуба, над палубой — замерзшие свернутые паруса и обледенелые мачты, над ними — черное ноябрьское небо, полное крупных звезд.

Первые пару месяцев ночи часто озарялись буйными переливами северного сияния — Саша дышать не могла от восторга, стояла на палубе рядом с Богдановым под зелено-радужным чудом во все небо, молилась шепотом, благодарила Господа, что довелось сюда прийти и увидеть.

Даже когда большая часть солонины оказалась гнилой, думалось — это ничего, можно же рыбачить, охотиться на моржей. Кашу можно кушать с подсолнечным маслом; очень даже вкусно, если соли побольше насыпать.

Даже когда «Персей», затерло льдами в створе Карских ворот и пришлось вставать на зимовку на полтора месяца раньше, чем планировалось, — это тоже было ничего. Можно же отмечать на карте дрейф льдов, они тянули корабль к северу, к заветному полюсу. Жорж бодрился, говорил, что сэкономят много топлива, а весной они будут так близко к цели, что запрягут собак — и в июне уже будут ставить флаг-триколор на самой маковке мира. Флаг стоял в кают-компании, в углу, терпеливо ждал обещанного.

Даже когда от дурной еды экипаж стал болеть, когда начались поносы, а у многих закровоточили десны и Саше пришлось писать в медицинском бортжурнале страшное слово «цинга», — и это казалось преодолимым. Достали мешки с картошкой, съедали по половинке сырой в день, и болезнь отступила. Но ненадолго — картошку плохо укутали, ночью было минус тридцать пять, она перемерзла и помогать перестала. Иван Тайбарей и другие матросы притащили к кораблю оглушенного моржа, вскрыли ему жилы прямо на льду, подставили кружки и пили, как чай, теплую дымящуюся кровь.

— Если кровь раз в неделю пить, не заболеешь, — сказал Тайбарей. — Попробуй, барышня! Оно лучше, чем своей кровью харкать и зубы терять.

Богданов смотрел на них с таким ужасом и отвращением, что Саша даже думать не стала, помотала головой и ушла жевать бесполезную сладкую картофелину. Все, кто пил моржовую и тюленью кровь, оставались здоровы. У тех, кто отказывался, симптомы цинги усиливались. На правой груди, под соском, у Саши появился кровавый синяк, а по утрам, когда чистила зубы, она сплевывала воду с кровью.

Светало все позднее, приближалась полярная ночь.

— Совсем темно не будет, — объяснял Максим Соленый, штурман. — Полумрак, как в сумерках. В полдень почти светло. Ну а если зажечь лампы… Да поставить хорошую пластинку…

Он подмигивал Саше, заводил граммофон и приглашал ее танцевать.

Саша смеялась, Жорж откидывался в кресле и закуривал трубку, хмурясь в притворной ревности, а над затертым в ледяной пустыне кораблем — крохотной теплой точкой в огромном застывшем пространстве — полыхало северное сияние, переливаясь и клубясь, словно светящийся пар божественного дыхания.

Теперь его больше не было, их отнесло слишком далеко на север, за семьдесят шестую параллель. Теперь было просто темно.

Саша поднялась с трудом, будто за месяц состарилась лет на пятьдесят. Она засветила лампу, посмотрела на спящих на больничных койках. Норвежец Ивар выздоравливал после тяжелого бронхита. Молоденький механик Яков сильно страдал от цинги, потерял уже два зуба, был очень истощен. Саша с ужасом смотрела, как разрушалось его молодое тело, расходовалась жизнь. Она

потрогала кровоподтек на своей груди и ощупала зубы языком.

Потихоньку, чтобы не разбудить спящих, Саша открыла шкаф, накапала в графин с водой настойки лауданума — опия на спирту. Вздохнула и отпила пару глотков прямо из горлышка. Тут же по душе разлилось блаженное онемение и спокойствие, мышцы расслабились. Привычка была пагубная, хуже курения. Но от нее становилось легче, ненадолго легче.

Саша откинула меховой полог, вышла на палубу. Звезды были такими яркими, что их свет, отражаясь от снега, освещал борта, мачты, матросов-самоедов, стоящих у планшира. Их почти одинаковые плосковатые лица казались очень древними, вырезанными из темного дерева.

— Девять утра почти, а еще совсем ночь, — сказала Саша. — А на что вы смотрите?

И тут корабль, вмерзший в лед, содрогнулся, будто снизу, из-под воды, его коснулось что-то огромное. Саша вскрикнула от страха.

— Опять лед смещается, да? — спросила она. — Или вот Иван мне рассказывал, что полярные акулы вырастают по четыре-пять саженей… Да же, Иван Енсугович?

— Один охотник-каякер как-то заметил под

собой морское дно, — сказал Тайбарей негромко. — В таком месте, где не было мелей. В этот миг он припомнил рассказы стариков об океанском пауке. Пригляделся и заметил чудовищный глаз, злой и разумный, а на расстоянии длины весла от него — второй; а между ними вдруг открылся жуткий провал…

— Это легенда, да? — спросила Саша жалобно. — Самоедская сказка?

Ненец кивнул. Саша вцепилась в борт, и тут лед саженях в двадцати от корабля затрещал и вздыбился, будто взломанный изнутри чудовищным ударом, куски разлетелись от полыньи. И все опять замерло в призрачном сиянии звезд. Саша не могла выдавить из себя ни слова, стояла будто примерзшая к палубе.

— Что ж, — наконец сказал Тайбарей, — сегодня день будет теплый, вода не замерзнет, можно на тюленя хорошо охотиться прямо здесь. И рыбы наловим.

Саша ушла в каюту. Ее зубы стучали о край стакана с лауданумом.

Жорж был бледен и раздражителен, он не вставал с постели уже больше недели. Кровоточащие десны и боль в мышцах причиняли ему сильные страдания.

— Ну бывает, что давление льда распределяется неравномерно и какой-то участок его взрывается! Ты же взрослая, образованная женщина, Саша. Вроде не дура. Еще настойки!

Саша поила его, приподняв ему голову, и думала — неужели она здесь ради этого желчного, самовлюбленного человека с большим носом и плохими манерами? Да и здесь ли она в самом деле или снится ей предостерегающий сон?

Вот что будет, если уйдешь из Архангельска. Вот как просто и глупо и без предупреждения жизнь превращается в смерть, подвиг — в болезненное выживание, влюбленность — в разочарование. Сейчас она проснется, а рядом будет спать Коля, с чуть приоткрытым ртом, уронив книжку на грудь и не погасив свечи. Она наклонится свечу задуть, а он сквозь сон скажет…

— Ты мне всю грудь залила! — резко сказал Богданов. — Смотри, что делаешь! Ты на сестру милосердия училась или на коновала?

Саша извинилась, поднялась уходить.

— Пусть повар мне рыбы сварит, — сказал ей вслед Жорж. — Только нормальной, а не говна этого толченого.

Повар, норвежец, готовил для экипажа «лабкаус», мешая мелкорезаную вареную солонину с

толченой сельдью, — такую легко было есть даже с расшатанными зубами и распухшими деснами.

Саша с трудом удержалась, чтобы не хлопнуть дверью.

День и вправду выдался не холодным. Саша надела подаренную Колей белую шубку, теплую и красивую, спустилась на лед, пошла к страшной утренней проруби.

Ненцы манили трещоткой моржа или нерпу. Трещотка звучала пронзительно и тоскливо.

Полынья была широкая — сажени четыре в ширину. Саша обошла ее, подозрительно рассматривая куски льда. Подобралась к самому краю, заглянула в темную воду. И замерла, застыла от ужасного ощущения, что кто-то на нее оттуда снизу смотрит — взглядом ледяным, обволакивающим, лишающим воли.

— Осторожно, барышня! — крикнул с другой стороны, из другого мира, кто-то из матросов, но Саша уже клонилась к воде, уже не могла остановить падения, уже летела в ледяную бездну…

Она висела, не дыша и не двигаясь, в прозрачной серой воде — в белой шубке, с золотисто-русыми волосами, окружившими голову блестящим ореолом. Время остановилось, ее сердце не билось, но она все видела и понимала. Из черной

глубины на нее кто-то смотрел. Кто-то огромный и безмерно чужой.

По льду наверху метались тени: матросы не могли решить, что делать, но прыгать за «барышней», никто не станет — верная смерть.

Внизу прошла исполинская акула, одна из гренландских, про которых Иван говорил, что их мясо воняет мочой, но если его сгноить особым способом, то вкуснее лакомства нет. Акула проплыла в сторону взгляда и забилась, будто ее кто-то схватил и поволок. Раздвоенный хвост мелькнул на периферии Сашиного зрения.

Время снова пошло, сердце стукнуло гулко, легкие загорелись, голову стиснуло ледяным обручем. Саша замычала, изогнувшись, горло свело спазмом. И тут со стороны существа нахлынула черная волна, будто бутыль чернил вылилась в воду. Саша глотнула этой воды — горькой и обжигающей, и ее сильно толкнуло под ноги вверх. Мгновение — и она уже вынырнула, хрипя, цепляясь сведенной рукой за край полыньи.

Ее тут же потащили из воды, подняли, понесли. Все кричали, беспокоились, а Саша лежала на их руках, спокойная, будто она и не собою уже была, а кем-то совсем другим. Ее раздевали, растирали, пытались поить водкой. Потом уложили, накры-

ли одеялами. Иван Тайбарей вызвался за нею смотреть, сел рядом, долго молчал, потом тихо запел протяжную, бесконечную, как полярная ночь, ненецкую песню.

Саша слушала, и то, что было в глубине, слушало вместе с нею.

На следующий день она встала как ни в чем не бывало.

Уже умывшись и сделав запись о своем вчерашнем падении в меджурнал, Саша вдруг поняла, что не зажигала лампы, потому что отлично видела в полумраке и так.

Каюта была пуста, больные выписались, пока она спала. Саша подержала в руках графин с лауданумом, но его совсем не хотелось, в голове было ясно и спокойно.

Она проведала Жоржа, и тот спросил, как она умудрилась чуть не погибнуть. Недослушав, перебил и стал рассказывать, как его не ценили, но, когда он вернется героем, все изменится.

— Все уже изменилось, — сказала Саша.

— Что-что? Слушай, что-то в твоем лице иначе стало, я не могу понять что…

Саша пожала плечами. Сняла его руки со своих плеч, когда он потянулся целоваться. Поднялась и ушла.

Команда разбила наросший за ночь в полынье лед, и днем охотникам повезло: на трещотку откликнулась молодая моржиха, толстая, цвета чая с молоком. Ненцы зацепили ее гарпунами, а штурман расстрелял из винтовки. Моржиха умирала, ужасно хрюкая. Саша смотрела с палубы. Потом потрогала языком зубы — два верхних шатались, десна сильно распухла.

Саша обернулась одеялом — шубка сохла, — взяла со стола стакан, спустилась к охотникам, которые уже резали среди складок кожи на шее моржихи яремную жилу, чтобы пустить кровь. Моржиха вдруг еще раз дернулась и захрипела. Саша подставила стакан под темно-красную хлынувшую струю. Поднесла к губам, отхлебнула. Было ужасно невкусно, но она сказала себе, что хочет жить.

Тайбарей вдруг взял Сашу за подбородок, поднял и заглянул ей в лицо. Отшатнулся, качая головой.

— Что? — спросила она с испугом. — Что, Иван Енсугович?

— Глаза. Глаза, барышня…

Саша вернулась в каюту, подошла к зеркалу с лампой и чуть ее не уронила.

Ее прозрачные светло-ореховые глаза стали

абсолютно черными.

На следующее утро поднялась паника — пропал один из механиков, тот самый молоденький Яков, которого Саше было так жалко. Спать он ложился, как обычно, в каюте с пятью товарищами, кто-то сквозь сон слышал, как Яков выходил до ветру, но поутру кровать оказалась пуста. Искали весь день, даже когда начался буран. Следов не было: ни отпечатка ноги, ни капли крови — ничего. А ночью выли собаки и что-то большое снова прикасалось к кораблю снизу.

Саша проснулась, выглянула в коридор. Там стоял Ваня Тайбарей с керосиновой лампой в руках и пристально смотрел на ее дверь.

— Что, Иван Енсугович? — спросила Саша, дрожа.

Ненец поднял лампу, чтобы заглянуть в ее изменившиеся глаза.

— Плохо, барышня, — тихо и мрачно сказал он. — Но ты спи.

— Нет! — говорил Богданов, который наконец стал подниматься и потихоньку выходить из каюты. — Это трусость и мятеж, матрос Тайбарей! Еще раз услышу, что кто-то хотя бы заговаривает о возвращении, — приму дисциплинарные меры.

Он вышел с Сашей на палубу, долго говорил о том, что Арктика любит только смельчаков. Часть из них убивает, да. Но тем сильнее любит остальных. А механик — ну не выдержал мальчишка. Забрел ночью далеко, да и свалился, вмерз в лед.

Ночью ненцы ушли, взяв нарты, упряжку собак и самый минимум припасов. След был хорошо виден и вел на юг.

Богданов от безвыходной ярости снова слег. Саша напоила его лауданумом, чтоб поспал, а то еще удар хватит.

Под дверью утром она нашла записку от Тайбарея.

«Ухади, баршня, — было написано большими корявыми буквами, карандашом. — А то все умрт от тбя».

На следующий день двое матросов зарезали Максима Соленого и пили его кровь из чайных чашек. После этого один удавился на простыне, второй нырнул в полынью, снова возникшую у корабля. Саша смотрела на окровавленный снег, на красный лед на палубе, на сложенные у борта тела, прикрытые одеялами.

Она чувствовала, как что-то смотрит из ее глаз с холодным и злым любопытством.

«Все умрут от меня», — подумала она.

Саша надела шубку. Зачем-то очень тщательно закрыла за собой дверь.

«Ночь, — думала Саша, скользя по льду. — Вечная ночь. Лед. Нет жизни. Зачем я здесь?»

Она чувствовала существо внизу, ощущала его взгляд сквозь двухметровый слой льда.

— Саша! — крикнул с палубы Богданов. — Ты куда собралась?

Она обернулась — ее изменившиеся глаза видели в сумерках, какой он бледный, растерянный, как ему страшно сквозь всю его целеустремленность и браваду. Она пожалела его.

И прыгнула в воду.

1988

Льдов достигли на изломе июля, в три пополудни, под шквальным дождем, обрушившимся на атомоход с забитого сизым мазутом неба. На подходе к ледяной кромке дождь обернулся градом, дробью расстреливал каютный иллюминатор.

Ингрид Хансен перелезла через Андрея и в чем мать родила двинулась к душевой. На пороге обернулась, смахнула со лба прядь взмокших льняных волос:

— Что не так, милый?

Не так было все. Андрей чувствовал себя от-

ставным фигуристом, которого заставили-таки откатать обязательную программу с незнакомой партнершей. Они откатали: она — умело, он — старательно. Оценка за технику высока, за артистичность никуда не годится.

— Все хорошо, — выдавил Андрей. — Прекрасно и удивительно.

Он наскоро оделся, под звуки душа выбрался из каюты и побрел по корабельному коридору. Согласно инструкции, об инциденте следует доложить товарищу Шерстобитову, саркастически думал Андрей. Пускай расследует, не провокация ли это датской разведки… И вздрогнул от неожиданности, когда Шесть Убитых выскочил из-за коридорного поворота и ухватил за рукав.

— Началось, — зловеще процедил пятой козы барабанщик. — Ты уже в курсе?

— Нет. Что началось-то?

— Баба, — сообщил Шесть Убитых, сощурившись. — Голая.

Андрей удивился — неужели Ингрид выбралась из душа и пошлепала к себе голышом?

— Там, — махнул Витек в сторону верхней палубы. — На льду, раненая, но вроде живая. Взяться ей неоткуда. Не из воды же.

Пару минут спустя Андрей, укрываясь от града

пологом ветровки, оторопело смотрел, как полдюжины матросов спускают на воду спасательную шлюпку, а второй помощник пытается отогнать от планширa публику, распаленную немыслимым происшествием. Пассажиры шептались и переговаривались на добром десятке языков.

Андрей не смог протиснуться вперед, ждал на палубе. Таинственную находку подняли на борт, уложили на носилки. Спасенная лежала недвижно, укрытая одеялом, а сверху — матросским бушлатом. Андрей разглядел смерзшиеся пряди длинных волос, кожу цвета нетронутого снега и огромные чёрные глаза вполлица.

— Посторонитесь! — зычно каркал второй помощник. — Ну же, товарищи! Леди, мистеры, херры! Телеграфируем, начнем расследование, разберемся, оповестим, а сейчас по каютам, пострадавшей нужна медицинская помощь!

— С дороги, молодой человек, — просипел милейший Петр Маркович, главврач судовой больницы, едва поспевающий вслед за носилками.

Андрей механически шагнул назад, и в этот момент безучастный взгляд огромных глаз уперся в него. И тут же изменился, что-то мелькнуло в черной глубине.

Девушка на носилках резко села, так что одеяло упало, обнажив небольшую белоснежную грудь с темными сосками и глубокую круглую рану под ключицей. Губы спасенной дрогнули, округлились, будто она пыталась что-то сказать, позвать Андрея по имени, но звук не шел, и, рванувшись, она бессильно повалилась навзничь.

— Знать ее вы, да? — ошеломленно спросил японский океанограф Амида Куроки, когда процессия с носилками исчезла из виду.

— Впервые вижу, — ответил Андрей ему в тон. — Я.

Следующие сутки «Георгий Богданов», трудолюбиво вспахивал ледяное поле, оставляя за кормой узкую черную борозду.

Откуда взялась обнаженная девушка, выяснить не удалось. Льдина, с которой ее сняли, откололась и перевернулась, скрыв следы, если они там и были. Сообщений о терпящих бедствие судах, экспедициях или самолетах не поступало. Никакого логического объяснения появлению измученной (шептались, что у нее еще и на спине две рваные раны) и раздетой девушки у кромки льда предложить никто не мог.

— Инопланетяне, — предположил канадец. — У нас в Ванкувере в прошлом году троих похитили,

огни были в небе. Потом вернули. Без памяти.

— Вряд ли, — протянула Ингрид. Она была за ужином непривычно задумчива, куталась в свитер. — Скорее всего, девушка — жертва мужского насилия и жестокости.

И посмотрела на Андрея так, что он поперхнулся кофе.

Капитан передал обращение по громкой связи — уверял, что все меры приняты, расследование проводится, медицинский уход новой пассажирке обеспечен.

До вечера Андрей промаялся, не находя себе места из-за тревожного, гнетущего чувства. Потом решительно зашагал к судовой больнице на третьей палубе.

— Хоть караул выставляй, — сказал, утирая взмокший лоб, Петр Маркович. — Идете и идете. Всем любопытно. Но вас пущу ненадолго, — я же видел, как она на вас на палубе отреагировала. Девушка не в себе, реакции заторможены, а процесс заживления ран идет с необыкновенной скоростью, никогда такого не видел. С утра были свежие, а сейчас в нижних слоях уже рубцуется…

Андрей шел за ним, пытаясь улучить секунду и спросить…

— Заговорила, да очень хрипло и медленно. Имя вроде бы своё вспомнила — Саша, говорит. Александра. Русская.

Александра, русская, лежала на больничной койке, отвернувшись к стене. Андрей в нерешительности потоптался на пороге узкой полутемной палаты, затем несмело шагнул внутрь. Внезапно стало неуютно и тягостно, кожу продрало ознобом, будто что-то холодное, враждебное, угрожающее исходило от скорчившейся под казенным одеялом фигурки.

— Поосторожнее с нею, — донесся из-за спины голос главврача. — И свет включите.

Андрей щелкнул выключателем. Саша дернулась на койке, вскинулась и застыла. Огромные чёрные глаза стали, казалось, еще больше.

— Не Коля, — прошептала девушка хрипло. — Вы старше… Другой… Кто вы?

Усилием воли Андрей взял себя в руки, подавил навязчивое ощущение исходящей от тоненькой девчонки угрозы.

— Андрей Гаевский, — выдохнул он, — гидрограф. Я вам кого-то напоминаю?

Она кивнула, осмотрела больничную каюту как-то затравленно.

Андрей ободряюще улыбнулся.

— Вы в безопасности, — сказал он мягко. — Петр Маркович говорит — раны быстро затягиваются. Вы на борту нашего советского атомохода «Георгий Богданов»… Мы…

— На борту чего? Кого?! — с ужасом вскрикнула Саша.

Ни враждебности, ни опасности в ней больше не было. Андрея окатило жалостью. Девушка напугана, понял он. Ей страшно, смертельно страшно. Он шагнул вперед и присел на корточки, глядя на нее снизу вверх.

— «Богданова», — мягко сказал он. — Судно названо в честь знаменитого полярника.

— Знаменитого… — эхом повторила Саша.

— Ну да. Загадочно пропавшая восемьдесят лет назад экспедиция к Северному полюсу. Считается, что весь экипаж «Персея», погиб во льдах. Их чтут, как смельчаков и первопроходцев…

— Боже мой, — пролепетала Саша, поднимая руку ко рту. — Боже…

Она закусила ладонь, из уголков глаз стрельнули слезы, набухли, покатились по щекам. Андрея проняло, пробило этими слезами, прожгло, он сам едва не заплакал от сострадания и жалости.

— Ну что ты, девочка, что ты, милая, — несвязно забормотал он, не заметив, что перешел на

«ты». — Все обойдется, все будет хорошо, вот увидишь, — он нашел Сашины ладони, обхватил их пальцами — холодные как лед, нет, еще холоднее. — Я здесь, моя хорошая, я с тобой. Все будет…

Саша вырвала руки, отчаянно замотала головой.

— Вы должны меня убить, — сказала она, легла, отвернулась к стене и накрылась одеялом с головой.

— Что?! Что я должен?

Саша не ответила, только поглубже спряталась в одеяло.

— Счастливо оставать себя, — Амида Куроки помахал рукой и ловко скользнул через люк в гондолу.

В первое батискафное погружение вместе с японцем отправлялись канадский гидробиолог Джеффри и германский подводник Карл. Тощий нескладный канадец, сосед Андрея в ресторане, был общителен и улыбчив. Немец, круглолицый курносый атлет, напротив — мрачен и немногословен. Поговаривали, что за плечами у него не один десяток погружений к затонувшим судам и не одна дюжина покойников, вытащенных из затопленных трюмов.

Под водой батискафу предстояло провести семь часов. Высыпавшие на лед пассажиры, отчаянно бравируя, прохаживались по самому краю прорубленной во льду полыньи.

Андрей угрюмо стоял в стороне — ночью он не сомкнул глаз, думая о девочке, которая просила себя убить. Под утро, осатанев от одиночества, постучался в каюту Игнрид.

— Нежданный гость, — датчанка приоткрыла запертую на цепочку дверь. — И незваный. Дорога лошка к обеду, так, кажьется? Извини, свьято место заньято.

Дверь захлопнулась.

Андрей отправился восвояси. Всякий раз, как он вспоминал Сашу — испуганную, плачущую, с холодными, будто мертвыми, руками, — на него накатывало жалостливое, щемящее и остро влекущее чувство. Мужским желанием его было не назвать — Андрей краснел и смущался, едва представив Сашу на месте Ингрид.

Корпус батискафа скрылся под водой. Андрей побрел к сброшенному на лед трапу. До обеда он прослонялся по судовым отсекам в поисках чем бы себя занять. К больнице на третьей палубе ноги, казалось, вынесли его сами.

— Нет, — Петр Маркович покачал головой. —

Никаких больше свиданий. Девчонка всю ночь плакала, вообще не спала. И потом…

Доктор замялся.

— Что «потом»?

Петр Маркович достал пачку сигарет, выбил одну, оторвал фильтр и закурил.

— Раны затянулись, — сказал он. — И на груди, и на спине. За неполные сутки. Без воспалительных процессов. Я кровь взял. Лаборатория тут — говно, препаратов мало. Но такой аномальной крови я вообще никогда не видел. Будто и не человеческая вовсе…

— А чья? — спросил Андрей. — Чья кровь?

Ответить доктору помешал истошный и пронзительный вой пожарной сирены.

— Внимание! — перекрыл сирену многократно усиленный голос капитана. — Всем оставаться на местах. Бригада спасателей — немедленно на выход! Повторяю: все остаются на местах, спасатели — на лед!

Двумя часами позже в кают-компании бледный, разом осунувшийся Амида Куроки бесстрастно докладывал по-английски:

— На трехстах метрах камеры зафиксировали странное образование, поднимающееся из глубины встречным курсом. Минуту спустя мы его

увидели…

Японец закрыл лицо ладонями, несколько раз глубоко вдохнул, восстанавливая самоконтроль, потом протянул дрожащую руку за стаканом воды.

— Прошу простить. То, что мы увидели, было ужасней и отвратительней всего, что я мог когда-либо представить. Джефф умер на месте. Сердечный приступ, судя по всему.

С минуту океанограф молчал.

— Карл сбросил балласт, весь, без остатка. Думаю, аварийное всплытие нас спасло. Правда, у Карла помрачнение рассудка, возможно, от сильной декомпрессии при подъеме. Когда всплыли, он хотел меня убить.

— Что? — спросил капитан, стискивая зубы. — Что это было?

— Камеры засняли. — Лицо японца казалось каменным. — Но их угол обзора узок. Я видел существо целиком. Оно огромно. От сорока до сорока пяти метров в диаметре. И оно состоит из… — Куроки осекся, его голос дрогнул: — Оно похоже на гигантскую запеканку. Скальные сколы, корабельные обломки, водоросли, членистоногие, рыбы, китообразные. И люди. Будто запеченные, замешанные в бетон. Десятки лю-

дей.

— В каких стадиях разложения? — спросил капитан, исказившись лицом.

— Они смотрели на нас. Смотрели и кричали сквозь воду. Они все живые…

Час спустя «Георгий Богданов», прорезал в ледяном поле дугу и встал на обратный курс. Продвинуться по которому удалось лишь на полкилометра — внезапно, без видимой причины, оба ядерных реактора вышли из строя. Электрические двигатели отказали за ними вслед. Лед подступил к кораблю, ужалил в борта, обнял за корпус и взял в захват.

Потом был капитанский приказ не поддаваться панике и ждать ледокол «Ленин». А потом… Потом в течение часа погибли трое.

Запершись в каюте, вскрыл себе вены Амида Куроки. В больнице, страшно крича и разбивая руки в кровь о толстые стеклянные перегородки, умер Карл. Бросившись с борта на лед, убился второй помощник Семенов.

— Андреас, мне страшно, — причитала в опустевшем ресторане перепуганная Ингрид. — Давай проведем эту ночь вместе? Пожалуйста! Я солгала, никого у меня нет. Ты не представляешь, как я боюсь…

— Мой народ иметь история, — встрял невозмутимый Дйныгхак. — Мир бывать совсем молодой, предок мой предок ставить первый иглу. С небо падать паук, откладывать в вода яйцо. Новый паук вырастать. Ловить акула, кит, морж. Человек тоже ловить. Иногда — приманка. Брать один человек, на него приманивать много. Тогда бывать шибко дерьмо.

— Девка, — ахнула Ингрид, — девка на льду! Это она! Немец от нее через стенку был. Японец к нему заходил, ее видел. Этот, который на лед бросился, — он с ней сегодня утром разговаривал почти час. Все сходится! Чудовище через нее нас всех угробит!

Андрей поднялся из-за стола.

— Кажется, в здравом уме тут я один, — бросил он с досадой.

По служебной лестнице он взбежал на третью палубу, на секунду остановился, оглянулся по сторонам. И рванул по корабельному коридору, проносясь мимо запертых каютных дверей, словно между акульих зубов, щерящихся со стен в два ряда.

На больничном пороге лежал навзничь Петр Маркович с перерезанным горлом и хирургическим ланцетом, зажатым в откинутой руке.

Кровь уже перестала течь, стыла лужей под его головой.

Андрей, собравшись с духом, переступил через мертвеца, заозирался.

— Саша! — закричал он.

Она вышла из своей палаты, опустив голову, — тоненькая, слабая, еле брела. Золотистые волосы падали на больничный халат.

Андрей бросился к ней, подхватил ее, легкую, податливую. Прижал к себе крепко, как только мог.

— Саша, — с горечью выдохнул он, — хорошая, родная моя, что же они с тобой сделали?

Она забилась в его руках. Словно выброшенная на лед рыба. Словно… словно приманка.

— Убейте меня, — попросила она опять. — Он смотрит. Через меня смотрит. Никто не может вынести его взгляда. Я всех погублю…

— Перестань же! — взмолился Андрей. — Прекрати немедленно. Пойдем. Здесь тебе оставаться нельзя — паника начинается, и вправду убьют.

Он за руку потянул ее за собой. Струйка засохшей крови причудливой змейкой извивалась между перерезанным горлом Петра Марковича и распахнутой дверью приемной.

— Закрой глаза, милая. Не смотри.

Андрей повлек девушку за собой. На ходу нагнулся, выдернул из руки покойного доктора ланцет, упрятал за пазуху.

— Сюда, милая. Скорее. Нет, стой!

За коридорным поворотом у стены скорчился молоденький матрос, обеими руками пытаясь удержать внутренности, вывалившиеся из распоротого живота.

Саша всхлипнула:

— Он мне обед сегодня приносил…

Андрей потянул ее прочь.

До каюты добрались, миновав приколотую пожарным багром к переборке ресторанную официантку.

— Он поет вам песню смерти из-под воды, — хрипло сказала Саша. — От нее ум вибрирует. Есть ли у вас тут батюшка? Мне бы исповедоваться, причаститься…

Андрей втолкнул ее в свою каюту:

— Нет здесь священников, Саша. Жди. Я мигом.

Метнулся по коридору к каюте Ингрид, забил кулаками в дверь.

— Андреас, дорогой, — запричитала насмерть перепуганная журналистка. — Спасибо, что пришел. Господи, что творится!

Андрей схватил ее за плечи, встряхнул.

— Где твое барахло? Ну?! Шмотки где? Шуба, комбинезон, унты.

Ингрид в страхе попятилась, губы у нее задрожали.

Андрей вернулся в каюту бегом, с охапкой женской одежды в руках.

— Саша, одевайся. Скорее!

Он помог девушке стянуть больничный халат, белья на ней не было. Наготой ломануло по глазам, от нахлынувшего желания Андрей скрежетнул зубами, и в этот миг снаружи заколотили в дверь.

— Гаевский, открывай. Открывай, слышишь? Свои.

Ощерившись, Андрей метнулся к дверям, рванул на себя ручку. В проеме с «макаровым», в руке стоял Шерстобитов.

— Тварь у тебя?

Андрей подобрался.

— Один я.

Шесть Убитых криво, нехорошо ухмыльнулся:

— Знаешь откуда у меня кличка, Гаевский? Не от фамилии, нет. У меня за горбом Кабул и Кандагар. Седьмым быть хочешь? Отойди в сторону. Чурка видел, что эта тварь здесь.

Андрей шагнул назад. Пропустил гостя. И наот-

машь рубанул его ланцетом по горлу. Подхватил падающее тело, втащил внутрь, вырвал «макаров», из ослабевшей ладони.

Девушка сидела на кровати, обняв колени, будто не видя ничего вокруг.

— Саша, уходим!

Взявшись за руки, они бежали к сброшенному на лед забортному трапу, кто-то страшный надсадным голосом орал: «С дороги, с дороги, гады, убью!», — и, лишь когда скатились по сходням, Андрей понял, что кричал он сам.

Они спешили — не разнимая рук, бежали от атомохода прочь, и в полусотне шагов Андрей обернулся на бегу. Грудью пав на планшир, Дйныгхак наводил ствол. Андрей выдернул из кармана ветровки «макаров», и не успел, и Саша, споткнувшись, повалилась лицом вниз.

Он расстрелял обойму навскидку, не целясь, отбросил пистолет, подхватил Сашу на руки, холодная кровь из ее простреленного плеча марала ему ладони. Спотыкаясь, оскальзываясь, Андрей уносил от смерти свою женщину, свою приманку.

— Таня, — шептал он ей куда-то поверх волос. — Танечка, умоляю, не умирай! Не оставляй меня одного!

Лед перед ними треснул, разверзся рваной полыньей. Оттуда, из черной глубины в глаза Андрею глянула чужая неодолимая воля.

Он шарахнулся. Поскользнувшись, упал, но так и не выпустил Сашу из рук. Из последних сил рывком поднялся.

— Не отдам, — истово шептал он подбирающейся к ним, трещинами окружающей их полынье. — Не возьмешь, гадина… Не отдам…

Андрей Сенников
Зов

2016

Телевизор был старый, с выпуклым экраном сантиметров тридцати по диагонали и желтой тряпицей, обтягивающей переднюю панель, за которой угадывался темный овал динамика. На экране, за завесой редкого «снега», маячил сытенький субъект с чуть отвисающими щеками и роскошной гривой благородно-седых волос. Субъект анемично смотрел в камеру сквозь линзы очков в толстой роговой оправе и шевелил руками на манер засыпающего дирижера или

генерального секретаря, приветствующего демонстрантов с трибуны Мавзолея.

На табуретке, перед рябым экраном, стояли две трехлитровые банки с водой и пол-литра пшеничной: бледно-желтые, будто вылинявшие, колосья на этикетке полегли под ветром, вращавшем крылья мельницы у горизонта.

— А водка-то зачем? — спросил Старшинов.

— Щас, Игнатьич, обожди, етить-колотить… ну пять минут, ну…

Старшинов вздохнул.

«До чего у людей мозги мягкие», — подумал он, глядя на Сумеренковых, чинным рядком устроившихся на грубо сколоченной лавке, терпеливо и с благоговением ожидающих конца сеанса. Степан поглаживал культи ног и беспрестанно моргал красными веками. Нинка сидела неподвижно, как статуя: лицо испитое, тонкая кожа обтягивала скулы и, казалось, вот-вот лопнет, стоит женщине моргнуть или открыть рот. На вопрос участкового она не отреагировала. Оба походили на кроликов, завороженных удавом. Жирные мухи барражировали над столом, застеленным прошлогодней газеткой, изредка пикируя на остатки пищи в разномастной посуде. В кухне витали застоявшиеся ароматы испорченных

продуктов, вчерашней попойки, табачного дыма, немытых тел и грязной одежды.

Субъект в телевизоре прочистил горло и сказал дребезжащим тенорком:

— Сеанс окончен. Воду можно употреблять и наружно, и внутрь…

Далее следовал перечень хворей длиной с медицинский справочник, после чего субъект попрощался, обозвав телезрителей братьями и сестрами, не преминул пожелать им здоровья и присовокупил надежду встретиться в следующее воскресенье. Сумеренковы зашевелились. Нинка немедленно сунула в желто-коричневые зубы беломорину, чиркнула спичка. Взгляд у хозяйки был испуганно-выжидательный. Она сделала малюсенькую затяжку, замерла, словно прислушивалась, и наконец с облегчением выдохнула сизый дым к потолку. Степан следил за ней с интересом, для Старшинова непонятным.

— Так зачем водку поставили? — повторил участковый свой вопрос.

— Дык, понимашь, заряженная-то она мя-я-я-конькая, — ответил Степан, плутовато щуря слезящиеся глаза. — Опять же, веришь-нет, ее после ентова дела сколько угодно можно выкушать и хоть бы хны! Понимает рабочего человека…

«Понимает», очевидно, относилось к экстрасенсу в телевизоре, которого сменила «Утренняя почта». Бодрые аккорды надрывали высохший динамик. Старшинов хмыкнул.

— Что-то непохоже, — усомнился он. — Жалоба на вас, граждане Сумеренковы, опять поступила. Вам, может, и «хны», а вот окружающим — беспокойство…

— Это кому это?! — мигом вскинулась Нинка, злые глазки рассыпали искры, как ее потрескивающая папироса. Склочный характер Нинки спалил не одну тысячу нервных клеток соседей. Старшинов отвечать не торопился, но этого и не потребовалось. — Это ей, что ли?! — Женщина ткнула папиросой в стену. — Да она сама! Ведьма!

Степан дернул жену за рукав засаленного халата, но та только отмахнулась: отвали! Скулы ее пылали, хоть прикуривай.

— Мешаем мы ей, проститутке! — выстрелила Нинка. — Ишь ты?! Да у нее музыка еженощно трындит, как кота за яйца тянут, вонища через вентиляцию к нам идет, а сама орет что ни день так, словно ее черти пежат! Правильно от нее мужик сбег. Мало сам — так и ребенка отнял у этой шалавы. Ты разберись, участковый, разберись!

А то ходишь тут, трудящих людей стращаешь. Притон у нее там! Точно тебе говорю. Люди шастают постоянно. Коноплей из вентиляции несет. И это самое, — пожелтелый от никотина палец несколько раз юркнул в колечко из большого и указательного пальца другой руки, — напропалую, понял?

— Заявление писать будете? — спросил Старшинов и открыл планшет. От скрипучих воплей у него разболелась голова.

Нинка замолчала мгновенно, словно подавилась капустной кочерыжкой. Степан осадил-таки горластую половину сильным рывком, глаза его сочились неподдельным страхом.

— Нет, — сказал он, дернув щетинистой шеей.

Сумеренкова зло молчала, делая вид, что занята раскуриванием потухшей папиросы. Участковый ждал. Скандалистка со стажем, женщина трезво понимала разницу между словом, брошенным в перепалке, и словом в грязно-желтом бланке заявления, собственноручно подписанным и упрятанным в милицейский планшет. Вот только неясно, подумал Старшинов, чего это Степан так испугался. Обычно на выступления супруги он реагировал стоически, как античный философ.

— Значит, не будете, — заключил участко-

вый через минуту. — В таком случае делаю вам тридцать третье китайское. Но в следующий раз — оштрафую! В печенках вы у меня сидите со своими выкрутасами. Ладно… Пошел я. — Он еще раз окинул взглядом кухню. — Прибрались бы. А, Степан? К тебе ж врачи с соцобеспечения приезжают — не стыдно?

Нинка дернулась, словно ее кольнули шилом в «пятую точку», но промолчала.

Участковый вздохнул и вышел в коридор.

— Проводи власть, дура! — услышал он свистящий шепот Сумеренкова, а потом уже громче: — Доброго здоровья, Иван Игнатьич! Ты заходи, етить-колотить…

Сумеренкова, шаркая шлепанцами, догнала Старшинова у входных дверей.

— Иван Игнатьич, — придержала она его за рукав кителя. — Ты прости. Несет меня…

Старшинов посмотрел в увядшее лицо. А она ведь красивая была, Нинка. Он помнил. И Степан, еще на своих двоих, молодой, с нездешним казацким чубом, не раз и не два сходился на кулачках за смешливую девчонку после поселковых танцулек. Одним характером взял. Впрочем, он и до работы был злой, упертый. «Шахтерские славы», за красивые глаза не дают. Раз пять его завали-

вало в шахте. Шрамы на голове были сизыми от въевшейся угольной пыли. В последнюю аварию крепко засыпало — обезножил. Но пенсия была хорошей. Старшинов вдруг подумал, что и нынешний доход Сумеренковых раза в три-четыре больше его зарплаты. Без зависти подумал, скорее с досадой, что так бездарно и глупо доживают свои дни не самые плохие на свете люди, словно бес их какой зовет.

— Язык у тебя, Нина Тимофеевна, — сказал Старшинов, — нехороший язык-то…

Он заметил потухшую папиросу, что Сумеренкова еще держала в пальцах.

— Слушай, — сменил тему участковый, — а что это ты куришь теперь так, словно по минному полю ходишь?

Женщина хихикнула, прикрыв рот ладошкой. Потом воровато оглянулась в конец коридора и зашептала Старшинову в плечо:

— Помнишь, Игнатьич, когда Кашпировский по телевизору бошки всем крутил? Ну вот. Стала я тогда своего алканавта у экрана присаживать. Думала, он его от пьянки-то вылечит. Мало ли? Охота, думаешь, с ним глыкать? Пью, чтоб ему, вражине, меньше досталось. Только не вышло ничего. Вернее, вышло, да не совсем…

— Это как?

— А так. Пить Степка не перестал, а я после третьего сеанса закурить не смогла. Затяжку сделаю, и такая тошнота накатывает — до унитаза еле-еле успевала добежать.

— Ну?! — Старшинов с трудом сдерживал смех.

— Вот те и ну. И такая меня, знаешь, обида взяла. Как так, думаю. Аспид-то мой льет в себя да посмеивается прямо во время сеанса, а этот, в телевизоре, исподлобья зыркает и бубнит: «Вы не будете курить! Табачный дым вызывает у вас отвращение!», Змей! Мужик же, что с него взять. Все против женщины… Короче, помучилась я маненько, а потом думаю: «Шиш вам!»

— И что?

— За три дня еле-еле раскурилась… — сказала Сумеренкова страшным шепотом. — Теперь вот боюсь. Вдруг и этот, — она махнула рукой в сторону кухни, — зарядит мне по самое «не хочу»…

Старшинов выскочил за дверь, едва не выворотив косяк. На крыльце подъезда он отсмеялся, сотрясаясь большим, грузным телом, и присел на скамейку, утирая слезу. Солнечные лучи пробивали неподвижные кроны берез у дома и пятнали зайчиками старый изломанный асфальт. У мусорных баков мяукала кошка. Мальчишка

промчался мимо на велосипеде, в корзине, прикрученной к багажнику проволокой, брякали пустые бутылки. Воздух был неподвижен и сух.

Участковый закурил, улыбка сползла с лица. Он подумал о том, что на шумных алкоголиков жаловалась молодая пара с грудным ребенком, что жила этажом выше над Сумеренковыми, а вовсе не женщина из квартиры в соседнем подъезде. Почему Нинка выдала свой панегирик именно в ее адрес? Без задержки и других предположений. Кто там живет, Старшинов не помнил. Были ли у хозяйки квартиры конфликты с Сумеренковыми, он тоже не знал, но пламенная и сумбурная речь возмущенной Нинки говорила, скорее всего, о том же, о чем говорили глаза Степана. Она боялась женщины за стеной. А это было уже нечто из ряда вон… Даже интересно.

Старшинов бросил окурок в урну и, чувствуя себя мальчишкой, зашел в соседний подъезд. Двери в квартире номер семь мало чем отличались от остальных в этом доме: двустворчатые, с облупившейся краской, черным ромбиком таблички с бледной от времени цифрой. Старый простой замок, из тех, что открываются ногтем. Только кнопка звонка выглядела новенькой и даже забавной, как шильдик от «мерседеса», на

«горбатом», «запорожце». Участковый надавил пальцем, послушал мелодичную трель и приближающийся звук легких, почти неслышных шагов. Дверь открылась.

В принципе, он увидел то, что и ожидал. Для Сумеренковой «проститутками», были все одинокие независимые женщины не старше сорока. Ухоженные, тщательно следящие за собой, подтянутые и стройные, с хорошей фигурой и чистой кожей, что позволяло им смело и без стеснения следовать некоторым веяниям современной моды: носить обтягивающие или довольно открытые одежды; неброские, но со вкусом подобранные украшения и обходиться минимально необходимым количеством макияжа. Старшинов вскинул руку к козырьку, приготовившись скороговоркой выдать сакраментальную формулу представления.

Обитательница квартиры выглядела усталой. Темные круги залегли под глазами, щеки запали, четче обозначились скулы, короткая прическа выглядела немного сбившейся. Она была одета в какое-то просторное домашнее одеяние из ткани с едва заметной искрой. Крупный кулон из цельного куска янтаря в серебряной оправе лежал в ложбинке на слегка декольтированной

груди. Кхм-м-м… Старшинов машинально уставился на макушку женщины с чистым и ровным пробором: она едва-едва достигала уровня его подбородка.

— Здравствуйте, — начал участковый.

— Я же сказала вам — нет! Я не буду этим больше заниматься!

Он опешил и сбился, посмотрел женщине прямо в глаза, потемневшие и сейчас напоминавшие тяжелое грозовое небо с редкими всполохами молний. Черты лица заострились и приобрели резкое, неприятное выражение.

— Вам понятно?!

Щелкнул замок.

— Я ваш участковый, — сказал Старшинов закрытой двери, медленно опуская руку. — Инспектор…

Тьфу ты! Милиционер стряхнул оцепенение, словно медведь, отгоняющий надоедливую пчелу. Что это было, интересно? Етить, понимаешь, колотить… Он позвонил еще раз. Дверь через некоторое время открылась.

— Вам нужно повторить? — поинтересовалась женщина, несколько прищурив глаза.

— Гражданка, у вас все в порядке? — спросил участковый, глядя в сумрак поверх ее головы.

В зеркале на стене коридора отражалась часть комнаты с круглым столом и низко нависающей над ним лампой с абажуром. Из квартиры действительно тянуло непривычным, немного пряным ароматом, но скорее приятным.

— Что это за вопрос? Впрочем, радует, что вам не все равно, — заметила женщина с усмешкой и открыла дверь шире, отступая в сторону и поворачиваясь к Старшинову боком. — Вы можете убедиться сами, если покажете документы. Если же это прелюдия, то повторяю — нет! И еще раз нет!

Вот интересно, подумал Старшинов, а что у нее в руке? По нынешним временам это может быть все что угодно, от скалки до газового пистолета. Странно, но сейчас ее лицо показалось знакомым. Цепкая память механически принялась перебирать карточки в его личном банке данных, но вдруг споткнулась: ему пришло в голову, что «прелюдия», прозвучало как-то двусмысленно. Участковый невольно бросил взгляд на кулон и… смутился. Черт знает что такое! Нелепость.

— Извините, гражданка, — сказа Старшинов и отвернулся.

Женщина закрыла дверь, когда участковый уже выходил из подъезда. Он ясно расслышал

плотный стук и почему-то уверился, что действительно видел ее раньше, причем в связи с работой. Старшинов чуть помедлил на крыльце, склонив голову набок. Потом пожал плечами и хмыкнул. Сунул в рот сигарету и, помахивая планшетом, пошел по разбитому тротуару к выходу из двора.

К полудню воздух раскалился и, казалось, тлел, обжигая легкие. Деревья на проспекте Шахтеров поникли, листья припорошила пыль, которую вздымали грузовики, сворачивая с асфальта на объездную дорогу. На Весенней улице мимо Старшинова с ревом промчалась темно-синяя «бэха», обдав милиционера женским визгом, зычным гоготом и громовым «бум-птыц». В конце улочки машина свернула к реке. Участковый пересек проезжую часть и через тихий дворик детского сада вышел на спортплощадку горного техникума. Этой весной техникум закрыли, всучив недорослям темно-синие корочки об образовании, но фактически оставив ребят без специальности и видов на будущее: последняя работающая шахта доживала считаные дни. По привычке оболтусы частенько толклись во дворе, занимая себя по своему разумению: игрой в карты, распитием «огнетушителя», с линялой на-

клейкой «777», бестолковыми мечтами о дорогих машинах, красивых биксах и прочей крутизне, да ленивыми размышлениями о том, кого бы гопнуть на нормальный пузырь «белой». Старшинов знал всех как облупленных, по именам, вкупе с их незатейливыми родословными.

В это жаркое воскресенье здесь никого не было. Марево дрожало над баскетбольной площадкой. Краснокирпичное здание техникума корчилось за ним в падучей, зияя провалами окон. Хозяйственные халявщики давно повыдирали все рамы и вообще растащили все, что можно было растащить, вплоть до казенно-безликого кафеля туалетов, что еще уцелел в течение учебного процесса.

На Коломейцева, за два квартала до своей общаги, Старшинов свернул во двор кирпичной пятиэтажки. Огляделся и вошел в подъезд. Дверь в квартиру пенсионерки Кашевриной оказалась незапертой. Участковый ступил в темный коридорчик.

— Ну че, принесла? — послышалось из кухни.

Старшинов завернул за угол и вышел на свет.

Лелик Кашеврин, костлявый детина тридцати пяти лет, с незамысловатым погонялом Каша, голый до пояса, с синей от татуировок грудью, ел

макароны с хлебом, вылавливая их из алюминиевой кастрюли пальцами.

— А-а-а, гражданин начальник! — заблажил он с набитым ртом. Макаронины, свисающие изо рта, задергались, словно белые черви. — Наше вам!

— Мать где?

Лелик насупился.

— В магазине, наверное. Пенсию ей вчера…

— Я знаю, — сказал Старшинов. В тишине стало слышно, как муха бьется о стекло. В раковину капало.

— Че смотришь? — Каша отрезал ломоть от буханки. — Не трогаю я ее, понял!

— Не работаешь? В спиногрызах не надоело?..

— А нету теперь такого закона, начальник! — осклабился Лелик, обнажая коричневые пеньки вместо зубов. — Чтобы горбатить в обязалово…

— Ты не очень-то улыбайся, — посоветовал Старшинов, — грустить тебе идет больше…

Взгляд Каши остановился, но улыбочка стала еще шире. Участковому это не понравилось. Лелик был неудачливым рецидивистом, пакостным, но неумным. Имел три судимости за хулиганку и кражу, совершая которую, пьяный до отупения, попросту заснул в обворованной

квартире. Конечно, у него были подельники, но, кто они, Каша не помнил совершенно. На воле Лелика никто не ждал, кроме матери, и теперь он прочно обосновался у нее на шее. Отбирал пенсию, случалось — бил. Целыми днями слонялся по двору с компанией «синяков», в надежде на дармовую выпивку, да еще высматривал, что где плохо лежит. Старшинов его давно бы посадил, но старая женщина наотрез отказывалась писать заявление, не поддаваясь на уговоры. Она ходила по дворам «за сыночком», вытаскивая из компаний, пропуская мимо ушей похабную матерщину «кровинушки», или волочила безвольное тело домой, отыскав под какой-нибудь скамейкой у подъезда. На все увещевания Каша только гаденько улыбался. Как сейчас…

— Значит, так, Кашеврин, — сказал Старшинов, — еще раз узнаю, что отобрал у матери деньги или, не приведи бог, коснулся пальцем, — отобью последние потроха. А потом оформлю нападение на меня с целью завладения табельным оружием…

Каша увял и вновь насупился, что-то бормоча под нос.

— Не слышу?! — рявкнул Старшинов, багровея. — Понял?!

— Да понял я, начальник! Понял! — огрызнулся Лелик. — Только и знаешь: «Посажу, посажу!», Напугал..

Он демонстративно отвернулся и запустил пятерню в кастрюлю.

Старшинов вышел на улицу, досадуя на себя. Сорвался. Рот наполнился горькой слюной. Он хотел было сплюнуть, но тут увидел в глубине двора Евдокию Кашеврину. Она тоже его заметила, но подходить явно не хотела. Немного постояв посреди дороги, пристроила авоськи на ближайшую скамейку и тяжело опустилась рядом. Узкие, поникшие плечи выражали испуг.

«Ну и черт с вами!», — подумал Старшинов и повернул за угол, в соседний двор.

На широченном крыльце панельной малосемейки был сооружен продуктовый ларек с зарешеченными окнами. Старшинов купил литровую бутылку водки и сигарет, чуть помедлил на крыльце, размышляя, зайти ли в опорный пункт, расположенный в этом же здании, но с отдельным входом с улицы. Стайка ребятишек мал мала меньше выскочила из темных недр общаги и, хихикая, обтекла Старшинова, словно столб.

— Дядь Вань, — выкрикнул самый смелый постреленок, отбежав на приличное расстоя-

ние, — дай стрельнуть…

Участковый покачал головой, улыбаясь, машинально лапнул кобуру, сегодня пустую — оружие заперто в сейфе, — повернулся и шагнул в темный, пропахший общажной жизнью проем. Зарешеченный плафон ронял жидкий свет на унылый вестибюль с панелями грязно-зеленого света и разбитым кафелем на полу. В закутке с лифтовыми шахтами лязгнули двери, по лестничным маршам стекал не умолкающий никогда в общаге гомон — эхо перебранок, шагов, пьяненького бормотания, грохота закрываемых дверей, ребячьего визга, собачьего лая. Вахтерская комнатка пустовала, запертая на замок. Старшинов миновал ее, направляясь в самый конец длинного коридора к своей квартире-комнате.

Солнце расстреливало окно в упор. Воздух в комнате раскалился, словно в духовке. Старшинов сунул водку в холодильник, открыл форточку, задернув шторы, и разделся. Он долго плескался в душе, стоя под ледяными жиденькими струйками, пока зубы не принялись выстукивать барабанную дробь. Слегка растерся полотенцем. Теперь в комнате можно было чувствовать себя относительно комфортно, разумеется, только в трусах.

Он немного посидел на тахте, чувствуя, как тепло медленно проникает в тело все глубже и глубже. И так же медленно в сознании замелькали мысли о том, как он провел сегодняшний выходной день.

Взгляд его скользил по незатейливому убранству жилища: тумба с телевизором в углу; трехстворчатый шкаф, на дверце — плечики с форменным кителем; за шкафом выгородка с кухонным уголком. Две полки с любимыми книгами, по большей части — Салтыкова-Щедрина. Мысли о сегодняшнем дне потянули откуда-то из глубины сознания пока еще невнятные вопросы о том, так ли он провел свою жизнь? Возможные ответы, еще не оформленные в какое-то четкое суждение, наводили смертельную тоску и уныние, словно некто маленький и злобный катил по душе скрипучее тележное колесо: «Трик-трак-трик-трак…»

Старшинов поднялся, открыл холодильник и вынул еще толком не остывший графин столичной. Сорвал пробку, налил с полстакана, вполголоса матеря неторопливый дозатор. Водка привычно обожгла горло и пищевод, растеклась в желудке едва тлеющим слоем угольков. Старшинов стоял у стола, пока «трик-трак-трик…»,

не стало утихать, отдаляясь. Какой-то ребенок, громыхая по выщербленному кафелю пластиковыми колесами-упорами детского велосипеда, промчался в коридоре мимо дверей участкового. И этот живой, непосредственный и бесстрашный звук совсем заглушил скрежет деревянной шестерни.

Участковый поставил воду на пельмени, соорудил бутерброд с вареной колбасой, слегка увядшей, но еще вполне подходящей для перекуса, плеснул водки в стакан. Когда пельмени сварились, по телевизору начали показывать «Красную жару». Похохатывая, Старшинов умял под водочку весь килограмм «Андреевских». Особенно развеселили его «империализм», «кокаинум», и «хулиганы», с забавным акцентом, который он некоторое время пытался воспроизвести, пока Шварценеггер гонялся за русским мафиози с грузинской фамилией.

К концу фильма участковый уснул. Часть мозга, которая никогда не спала, отгораживаясь от алкогольного дурмана непроницаемой завесой, продолжала перебирать карточки, лица, ориентировки, свидетелей, опрашиваемых, задержанных, медэкспертов и следователей. Старшинов проснулся под вечер, в поту, бездумно

разглядывая шевелящиеся губы дикторов теленовостей и не слыша ни единого слова.

Женщину из 7-й квартиры дома № 3 по улице Домаровского он видел мимоходом в обществе Сашки Коростылева, опера из отдела убийств городской уголовки. Причем видел там же, в полутемных коридорах городского управления. Взгляд женщины таил тот же полунасмешливый жесткий прищур, с которым она отшила Старшинова сегодня. Участковый потянул сигарету из пачки и поднялся с тахты, едва не опрокинув опорожненную на треть бутылку. «Чай, чай», — сказал себе он, пряча графин в холодильник.

По любому счету, ему совершенно незачем было ехать в городское управление, но в пыльный и сухой послеобеденный час понедельника Страшинов входил в малоприметный дворик с раскаленным асфальтом, расчерченным полустертыми линиями разметки, по которым равнялись экипажи ППС на разводах. Тяжело и неловко ступая, как марионетка на ниточках, участковый поспешил укрыться в сомнительной тени бетонного козырька над крыльцом.

В сумрачном холле он показал дежурному удостоверение, буркнув едва ли не смущаясь: «К Коростылеву», — и поднялся на второй этаж,

вытирая обильный пот с клеенчатой изнанки околыша. Половицы под вышарканным линолеумом нещадно скрипели. В дальнем конце коридора, у окна, забранного частой решеткой, маялся на лавке снулый мужичок в пиджаке с пузырящимися карманами. При виде милиционера он по-черепашьи втянул голову в засаленный воротник и выдохнул, только когда Старшинов потянул за ручку дверь одиннадцатого кабинета.

Саня Коростылев не слишком изменился с тех пор, как стажировался у Старшинова на участке после школы милиции, разве что подрастерял румянец и мальчишескую припухлость щек. Взъерошенный и угрюмый, в рубахе с распахнутым воротом, перетянутой ремнями пустой наплечной кобуры, он зло колотил пальцами по клавишам громоздкой пишущей машины. Желтоватый лист дешевой бумаги нехотя полз из ее недр наружу.

— А, Иван Игнатьич, — пробормотал он, подняв отсутствующий взгляд, — заходи…

Худые кисти замерли на мгновение, взметнувшись над клавиатурой, как у Ван Клиберна перед очередным тактом, и с грохотом обрушились на истертые клавиши.

— Привет, Саня, — сказал Старшинов.

— Угу. Что у тебя? — спросил Коростылев и тут же спохватился: — Извини, Иван Игнатьич, зашиваюсь…

Участковый махнул рукой — знаю, давно не виделись, но давай, мол, без церемоний — и осторожно опустился на шаткий стул, с интересом разглядывая оперативника, подмечая тени под глазами, воспаленные белки глаз, угрюмые носогубные складки и суточную щетину; щеки, что, казалось, готовы были ввалиться прямо на глазах, и височные впадины синеватого оттенка. В кабинете стояла нестерпимая духота, хотя оконная фрамуга на зарешеченном окне была распахнута настежь.

— Понимаешь, какое дело, — участковый опасливо заерзал на скрипучем стуле, — у меня на участке проживает такая Ветрова Евгения Павловна…

Стук клавиш оборвался, Коростылев глянул на участкового близко, плотно.

— Ну, — сказал опер, глаза настороженно заблестели.

«Ага, — подумал Старшинов, — Значит, не зря я в паспортный стол ходил…»

— Жалоба на нее поступила от соседей, — сказал он вслух, потирая затылок. — Вроде бытовая,

и у самих жалобщиков рыльце в пушку, но есть там запашок…

— Да?

— Ну так, не запашок даже… — Старшинов покряхтел, внимательно изучая лицо Коростылева. — В общем, странно все. Я к ней заглянул, к Ветровой-то…

— Ну?

— А она меня с порога выставила, словно я ей уже давно надоел хуже горькой редьки…

— Да ты что?! — Саня усмехнулся, но как-то грустно.

— Ага, — подтвердил Страшинов. — Уйти-то я ушел, но потом вспомнил, что видел гражданку Ветрову с тобой. Здесь…

Коростылев откинулся на спинку стула.

— И что? — спросил он, что-то соображая.

Участковый помолчал.

— Саня, — сказал он наконец, — не парь мне мозг. Она на мундир смотрит, как солдат на вошь. Я ее в глаза не видел, никогда не разговаривал и знать про нее ничего не знаю. Не при делах я-то, но ежели инвалид, персональный пенсионер и полный кавалер «Шахтерской славы», подпишет корябеду в прокуратуру про наркопритон и бордель на моем участке, да еще укажет, что

участковому сигнализировал… Как ты думаешь, сколько и чего я хлебать из этого корытца буду? Оно мне надо? Кем она у тебя проходит? Свидетель? Потерпевшая? Подозреваемая?

Коростылев обмяк, побарабанил пальцами по столу, уныло глядя в окно.

— Пошли покурим, — сказал он, доставая из нагрудного кармана мятую пачку «Ту-134», углы рта опустились, тени на лице обозначились четче.

Старшинов поднялся следом. В груди ворохнулось, и давешнее скрипучее колесо прокатилось по сердцу: «Трик-трак». Он пожалел, что пришел сюда. При мысли о том, что он сейчас будет тянуть в себя горький табачный дым пополам с тяжелым, раскаленным воздухом; слушать замотанного вусмерть оперативника, скорее всего, пополняя свою и без того разбухшую картотеку человеческой мерзости, что висит на шее много лет серым лишайным камнем и тянет в беспробудное пьянство, беспамятство и угрюмую, злую тоску, — сделалось тошно. Мало ему своих заморочек? Поднявшись со стула, участковый неловко топтался на месте в ожидании. Коростылев вытянул из печатной машинки лист и спрятал его в ящик стола. Накинул мятый пиджак, чтобы скрыть белые ремни портупеи. Пошарил по

карманам, озираясь. Старшинов смотрел и наливался глухой злобой на себя, на своё неумение и неспособность жить чем-то другим, кроме цепляющихся друг за друга фактов, наблюдений, соображений, неправильностей и нестыковок в словах, взглядах, жестах, поступках…

Саня толкнул дверь и вышел в коридор, повернулся на каблуках, глядя в сторону, и рявкнул:

— Загибалов, так твою! Я тебе что сказал!..

Старшинов посмотрел поверх плеча оперативника. Мужичок с пузырящимися карманами выглядывал из ворота пиджака, короткие пальцы мяли бумажку.

— Христом Богом, Ксан Филипыч, — затянул он гнусавым подьячим речитативом, — не губи! Ну клепаю я те ножики, вытачиваю. Но не убивец я. Какой с меня убивец? Я кроля зарезать не могу. Ты ж правду на шесть вершков вглубь видеть должон…

— Загибалов, иди… к следователю, — сказал Корыстылев и впечатал дверь в проем. — Дался ты мне.

Он прихватил Старшинова за локоть и увлек в сумрак коридора, к лестнице, пропахшей старой краской и окаменевшими катыхами пыли. Внизу хлопнула дверь, в холле у дежурки сразу стало

шумно, многоголосо. Навстречу милиционерам по ступеням покатился пьяненький хохот и женский голос с повизгиванием: «Музыка на-а-а-с связала, / Тайною на-а-а-ашей стала, / Всем уговорам твержу я в отве-е-е-е-т… Больно, мусор! Ай!..»

В обезьянник запихивали проституток с вокзальной площади. Старший наряда царапал авторучкой в журнале у дежурного, фуражка сдвинута на затылок, лоб и крупные залысины в бисеринках пота. Девчонки упирались, хмель на старые дрожжи растягивал раскрашенные помадой рты в истерические гримасы. У одной потекла тушь с ресниц, и девица размазала краску в черно-синий бланш. Полная грудь свободно колыхалась в вырезе почти расстегнутой блузы. Другая проститутка пыталась лягнуть патрульного в пах, едва удерживаясь на коротких полных ножках, затянутых в крупную нейлоновую сетку. Юбка — у Старшинова ремень был шире — задралась до талии, на трясущихся ягодицах виднелись старые синяки.

— Че уставился, пенек? — Девица с бланшем смотрела на участкового сквозь прутья решетки. — Хочешь? — Она сунула грязный палец в рот и ущипнула себя за сосок через блузку. — Хо-о-о-очешь, — протянула она и призывно рассмеялась.

Во рту не хватало зубов. Старшинов вспомнил Кашу, макаронины-черви и передернул плечами, отворачиваясь.

— Иван Игнатьич, — Саня пропустил участкового вперед, бормоча в спину, — задрали транспортники со своим ремонтом. Разобрали вокзальное отделение по камешку и все говно к нам стаскивают. Тут теперь каждый день такое шапито, бомжарник — не продохнешь…

Они вышли на крыльцо, словно продавили тугую пленку плотного горячего воздуха, застрявшего в дверях. Уличная духота навалилась, словно пьяный задержанный, повисла на плечах, вызывая безотчетное желание стряхнуть с себя нелепый и никому не нужный груз. Патрульный УАЗ стоял перед крылечком с распахнутыми дверями, распространяя вокруг запахи нагретого металла и бензина. Водитель расстегнул форменную рубашку едва ли не до пупа, галстук висел на булавке, словно прошлогодний увядший лист. К западу наливалось чернотой раскаленное до бледной синевы небо. Над асфальтом дрожало марево.

— Парит, — сказал Коростылев. — Пошли-ка отсюда.

В соседнем дворе они устроились за рассох-

шимся деревянным столиком. Старые, ломкие тополя тянулись к последним этажам хрупкими ветвями, вяло шевелили поникшей листвой и отпускали пух по воздушным волнам. Пух висел в воздухе долго, словно парил в невесомости, его грязно-серые, свалявшиеся комья колыхались по-над землей, как кораллы в толще воды. Коростылев закурил и уронил сигаретную пачку на столешницу, отполированную локтями поколений доминошников.

— Она — экстрасенс, — сказал он, выдохнув дым.

Старшинов выронил сигарету, и она покатилась по столу. Саня смотрел на него сквозь сигаретный дым хмуро, без улыбки.

— Чего «экстрасенс»? — спросил Старшинов.

— Не «чего», а «кто». Ветрова — экстрасенс.

Участковый неловко хлопнул по столу, ощущая, как под ладонью сплющился табачный цилиндрик. «Мои мысли — мои скакуны», — неслось над головой из чьего-то распахнутого окна.

— А со мной ты ее видел потому, что она оказывала кое-какую помощь в одном деле, — сказал Коростылев. — Официально…

Шея у Старшинова внезапно закаменела. Он снял фуражку и покрутил головой. Лицо Коро-

стылева расплылось, а перед глазами возникло отчетливое видение Сумеренковых, «заряжающих», перед телевизором бутылку водки. Такое отчетливое, что участковый с трудом подавил желание повести перед лицом ладонью.

— Ну вы, блин, даете, — сказал он.

Коростылев хмыкнул.

— Ты про «Пионерскую резню», слышал? — спросил он.

Старшинов машинально кивнул. Про кровавую разборку на территории закрытой и заброшенной шахты «Пионерская», в их городишке слышал и глухой. По всей стране катилась волна передела. Новые бандиты стремительно вытесняли старых: они не признавали правил и воровских законов; не боялись применять оружие; активно лезли в легальный бизнес и власть. Аналогичный конфликт в их городке вылился в не слишком затяжное противостояние между авторитетным Крестом и Вячеславом Шалыгиным, который был известен тем, что открыл одно из первых в области частных охранных предприятий по сопровождению грузов. Попутно ЧОП Шалыгина занималось и охраной новейшей мини-фабрики по обогащению местного угля.

Все закончилось слякотным сентябрьским ве-

чером. Резней закончилось.

Почему? Слухи ходили самые разные, но толком никто ничего не знал. Старшинов особенно не усердствовал в собирании информации. Не его ума дело-то. Кто да что…

И все же то, что случилось на «Пионерской», вызвало у него — человека бывалого, с опытом, — шок. Городок же бурлил слухами — один страшнее другого. Только при чем здесь это и Ветрова? Каким боком тут прилепилась плешь с эктра… экста…. Тьфу, етить, понимаешь, колотить!

— Мы это говно двое суток разгребали, — сказал Саня и ткнул сигаретой в пролетающий мимо пух. — На третьи, слава Богу, дело забрало областное УБОП, но мне хватило. Шахтовый подъемник не работал, все сгнило и проржавело, тела поднимали по «барбосу»…

Старшинов промолчал. Вспоминать подробности не хотелось, тем более — услышать новые. Он зажег смятую сигарету.

— Обогатительную фабрику Шалыгин не только охранял, но и владел контрольным пакетом акций, — продолжал Коростылев. — Там, на территории, они несколько боксов превратили в автомастерские, понимаешь?

— Нет.

— Угнанные дорогие тачки завозили на территорию по подъездным путям в «ракетовозах», а потом без помех перекрашивали, перебивали номера, потрошили электронику, делали документы. Никто им не мешал и не видел ничего. С территории машины уходили тем же путем, отмытые и чистенькие, аки Христова слеза. Под заказ и просто на рынок… в регионы.

— А при чем Крест?

— Потихоньку Шалыгин стал скупать доли частников в городке, а, подмяв бизнес под себя — заметь, совершенно законно, — ставил свою чоповскую охрану.

— Понятно, — сказал участковый.

Опер кивнул:

— Ну да. Доходы Креста от рэкета серьезно поползли вниз; только когда он Шалыгину стрелку забивал, то и знать не знал, что гнилая «заводка», уже пошла давно.

Старшинов смотрел на Саню непонимающе. Сигаретный дым щекотал ноздри, участковый прищурил один глаз. Коростылев закурил снова.

— Зазноба у Шалыгина была. Деваха молодая, красивая и, видать, неглупая, раз уж он к ней прикипел так, что готов был за нее кожу с людей

заживо снимать…

Участковый сглотнул комок.

— Так это личное?

— Похоже, — Коростылев поморщился. — Пропала она. Из качалки женской вышла и исчезла. А через два дня Крест назначил Шалыгину встречу…

— И тот решил, что…

— Угу, что Крест подстраховался, и башню у Шалыгина сорвало. В общем, тогда на «Пионерской», его бойцы сразу стали валить всех подряд, только из машин повыскакивали. Первым начал работать снайпер с крыши шахтоуправления. Креста Шалыгин сам свежевал. Был у него один советчик, отмороженный…

— Ладно, ты, это, — Старшинов раздавил бычок о край столешницы. — С девчонкой-то что?

Коростылев потер лицо ладонями, растирая мертвенную бледность по скулам.

— А ничего, — сказал он. — Ее дело осталось у нас. С «Пионерской резней», его объединять оснований не нашлось. Не крали ее крестовские торпеды, понимаешь, не крали! Поисками девчонки занималась «пятерка», но сам знаешь, сколько сейчас народу пропадает в никуда. Потом ее родителям надоело пороги наши обивать,

и они обратились к экстрасенсу, Ветровой.

— А-а-а, — протянул Старшинов и хмыкнул, — и чего?

Коростылев помолчал, углы рта дернулись раз, другой.

— Она и нашла, — сказал он, но тут же поправился: — Точнее, указала место. Приблизительно. Она дала описание, что вокруг… ну разное там. Описала орудие убийства, наши эксперты подтверждают: характер ранений, глубина, ширина порезов — все соответствует. Конечно, мы Ветрову проверяли на причастность, но…

Старшинов крякнул и покрутил головой.

— Саня, это же… — пробормотал он.

— Да знаю я! — вскинулся Коростылев. — Я, что ли, к ней ходил?! То есть до второго случая…

Участковый вдруг понял, что не хочет слушать дальше. Коростылев рассказывал ему больше, чем он просил. И гораздо больше, чем имел на то право. Неспроста это.

Двор потемнел, небо заволокло тучами, тополиный пух местами завивался в крохотных пыльных смерчах. На лбу Старшинова выступил обильный пот. Он тяжело поднялся со скамьи. Кой черт понес его на эти галеры?!

— Иван Игнатьич! — сказал Коростылев, глядя

на обшарпанный стол, лицо кривилось. — Помоги, а?

У капитана перехватило дыхание. Да чем?!

— У меня три эпизода. Глухарь полный. Кто-то очень плохой в нашем Мухосранске режет женщин на живую. Придушит до беспамятства и режет. Восемь месяцев работы. Ничего, кроме Ветровой и этого задрипанного жестянщика, Загибалова, что клепает в скобяной мастерской точно такие же кухонные ножики, каким орудует убийца, у меня нет. Только трупы, акты экспертиз, протоколы, фотографии! Дальше — хуже. Слышишь, Иван Игнатьич? Он в раж входит. Убийца-то…

Саня почти кричал. Бдительные старухи на лавочке у ближайшего подъезда навострили сморщенные ушки. Знакомая картина, и старушки кажутся знакомыми. Бесперебойный поставщик информации. Иногда — полезной. Далеко, где-то над старыми терриконами закрытых шахт, ворчливо забормотал гром.

— Саша, — начал участковый.

— После второго убийства Ветрова помогать нам отказалась. Наотрез, — перебил Коростылев. — Боится. Что-то знает и боится. Потому на тебя и набросилась. Подумала, что ты ее уговари-

вать пришел…

Он сбился и замолчал.

«Правильно подумала, — заключил про себя Старшинов. — Или просто почувствовала…»

«Ведьма!», — прозвучал в голове скрипучий вопль Сумеренковой, тут же припомнился и застарелый страх алкашей перед соседкой, страх, насквозь провонявший табачным дымом, скисшими продуктами и вчерашней попойкой. Дела-а-а, до чего дошло.

— Саша, — сказал он вслух, неуверенно улыбаясь, — это же бред полный. Привлекать к розыску… колдунью.

Коростылев тоже поднялся, плечи опустились.

— Жизнь теперь такая, — сказал он и щелчком отбросил окурок. — Хоть черта привлекай, лишь бы показатели были красивые. Начальник у меня ножонками сучит. Ему областные командиры комиссией пригрозили и служебным несоответствием. Меня так он просто пережевывает, а скоро и выплюнет. Так поговоришь с ней? Ты умеешь с людьми…

Он смотрел безучастно, уже настроившись на отказ, глаза потускнели, белки с желтизной. Эх, паря…

— Попробую, — вырвалось у Старшинова

раньше, чем его несговорчивый и методичный милицейский разум выудил из памяти и примерил на себя видение гоголевского Остапа перед Пузатым Пацюком. С галушкой во рту и подбородком, перемазанным сметаной.

Он не любил откладывать дела и разговоры. Тем более трудные, неприятные или… нелепые. Поэтому, недолго думая, из горотдела отправился прямо на Домаровского через Ипатьевскую рощу, напрямик. Ветер, что нес на плечах грозу, усиливался и подталкивал в спину. Он сделался прохладным и влажным, словно уже напитался дождем, но вздымал пыль с пересохших тропинок яростно и легко, гоняя колкую взвесь по улицам и здесь, между гнущихся деревьев. Его упругие волны с хряском ломились в редкий кустарник, трясли ветки тополей и старых лип, трепали тонкую отслоившуюся бересту на березах, то уныло посвистывая, то тяжело стеная в сухих расщепах старых, неубранных коммунальщиками стволов. Лишь сгустившаяся мгла под набрякшим небом стояла здесь неподвижно и плотно. Ей было наплевать на ветер, редкие всполохи вдалеке и глухие раскаты.

Старшинов шел, опустив голову и нахмурившись. Среди мятущихся ветвей и листьев,

полегшей травы, среди сырых и мрачных теней в глубине зарослей он больше чем когда-либо походил на медведя. Грузная фигура с покатыми плечами. Валкая, тяжелая поступь — носы форменных туфель чуть внутрь, косолапо. Угрюмая целеустремленность в наклоне корпуса, слегка вперед, словно в постоянной готовности броситься, проломить, продавить.

Поймав торопливо-испуганный взгляд не по погоде задержавшейся в роще мамаши с детской коляской, он вдруг словно увидел себя со стороны и чуть расслабился. Предстоящий разговор тяготил его. Дело даже не в абсурдности ситуации — чего-чего, а абсурда в работе всегда хватало, — но такого с ним еще не случалось. Уж лучше бы он еще раз послушал Сумеренкову про папиросы. Хоть посмеялся бы…

Стоп!

Участковый остановился. Сдвинул на затылок фуражку, упер кулаки в бока и постоял так несколько минут, слегка покачиваясь с пятки на носок.

А не разыграл ли его Саня?!

Фу-у-х! Старшинов даже хохотнул. Нет, правда!

Штука в том, что пару лет назад одна дамочка на его участке, у которой было не все в порядке

с головой, повадилась писать заявления на соседей, мол, те хотят ее убить, пуская лучи смерти через стены или ядовитый газ в вентиляцию. Бумаги она составляла грамотно, не косноязычно, прямо в опорном пункте, изредка посматривая на участкового тревожно-выпуклыми влажными глазами коровы на бойне. Старшинов быстро выяснил, что гражданка состоит на учете в психдиспансере, но общественной угрозы не представляет и никакого судебного решения о признании ее недееспособной в природе не существует. «Вы не беспокойтесь, — говорил психиатр тихим, улыбающимся голосом, изредка касаясь локтя милиционера белой и мягкой, словно гриб, рукой, — небольшой рецидив на фоне давнего нервного расстройства, связанного с гибелью мужа в шахте. Никакого сумасшествия. Терапия несложная и такие состояния снимает быстро…»

Все это, конечно, было замечательно, но что делать с заявлениями дееспособной гражданки, надлежащим образом принятыми и зарегистрированными?

«Только я вас очень попрошу, — доктор вцепился-таки в локоть участкового, — не вздумайте отказывать ей в приеме заявлений. Это может усилить тревожные состояния и снизить эффект

от лекарств. Таблетки таблетками, но главное в терапии — убедить пациента в безосновательности страхов, развенчать их в самом его сознании. Родственники поддержат ее, но и вы не должны уклоняться. Вы — власть и защита от преступных посягательств, понимаете? Первая инстанция! Кроме того, она ведь может и поинтересоваться в вашем управлении о предпринятых вами шагах…»

Зашибись! Старшинов едва не брякнул тогда что-нибудь вроде «Врачу — исцелись сам», но поспешил удрать, словно ему вот-вот грозило остаться в психушке самому.

Впрочем, бегство не помогло. Никогда не помогает.

За четыре месяца Старшинов принял от гражданки Н. двенадцать заявлений. Чин-чинарем, как положено. И отписываться по этим заявам пришлось официально, без дураков. Бумага, как известно, не краснеет. Ей все едино: что пьяный дебош, что инопланетяне, что поручик Киже. И ножками пришлось потопать, и с соседями гражданки Н. общаться — пояснять ситуацию, — и с самой Н. неоднократно, и даже с добрым доктором (попробуйте без специальных знаний бороться с навязчивыми состояниями, не потакая им, но

вынужденно предпринимая официальные шаги по внешним проявлениям, так чтобы эти шаги производили терапевтический эффект) — жуть!

Через месяц после начала эпопеи в райотделе только ленивый не цитировал отчеты Старшинова о мерах противодействия лучам смерти или эффективным способам борьбы против инопланетных отравляющих газов. Проходу не давали. Добрый доктор тоже оказался непрост и, заручившись поддержкой облздравотдела, напрямую обратился к городскому руководству МВД: «Интереснейший случай комплексной терапии! Право — и здравоохранительные органы на службе народа, рука об руку». Смычка, блин, между городом и деревней! Но времена наступали придурковатые, и не такие комбинации проходили.

Словом, Старшинов терпел. По человечески-то бабу было просто жаль: мало без мужика осталась, бездетная, так еще и горе придавило так, что не выберешься. Поэтому на исходе четвертого месяца он совершенно искренне за человека порадовался, когда гражданка Н. пришла к нему в очередной раз и попросила прощения за то, что ее болезнь доставила ему столько хлопот, и глаза у нее были чистые, спокойные. Вот только на этом ничего не закончилось.

Добрый доктор (сучонок!) тиснул статейку в какой-то научный журнал об этом случае, в котором (оказывается!) совершенно особую, если не главную, роль сыграли действия некоего участкового С. Номер журнала (со своим автографом, разумеется) он разослал всем кому не лень. В итоге все кому не лень несколько месяцев называли Старшинова немного на флотский манер — капитан-экзорцистом. Черти бы его взяли, этот новомодный американский кинематограф!

Старшинов усмехнулся и пошел по аллее дальше, к выходу из рощи, расслабленно и неспешно.

Мог ли Коростылев его разыграть на этом вот так вот, с ходу? Мог. У оперов мозги заточены на комбинации, а Саня опер хороший и про «изгоняющего дьявола», знал, конечно. Мог ли он наворотить ужасов ради розыгрыша, мешая правду («Пионерскую резню») с вымыслом? Мог. У милиционеров чувство юмора специфическое, черное. У Сашки-то точно, причем — природное. Это ведь он в самом начале работы в убойном отделе оставил у себя на столе с вечера женскую прокладку, измазанную кетчупом. А когда утром, на летучке, при всех, начальник отдела, страдающий брезгливостью (особенно по отношению к новым или молодым сотрудникам), поинтересо-

вался: «Что это за гадость?! Ты, Коростылев, не по службе оборзел со своими бабами!», — спокойно взял прокладку со стола. «Товарищ майор, — сказал он обиженно, — это от экспертов. По делу об изнасиловании с убийством. Отчет я еще не читал, но.... — Он лизнул кетчуп, почмокал и радостно возвестил: — Вот! Группа крови первая, резус положительный. Можете проверить».

Хе-хе…

Старшинов, все еще улыбаясь, едва не споткнулся о выбоину в асфальте. За спиной громыхнуло. Гроза нагоняла его быстро и неумолимо. Сырой ветер трепал полы кителя. Улыбка участкового увяла.

Нет, Саня, конечно, мог его разыграть, мог.

Вот только из кабинета не стал бы уходить ради этого. Даже если бы знал, что Сумеренковы реально боятся женщины за стеной.

Молния сверкнула совсем близко. Воздух на мгновение сделался густым и плотным, казалось, его невозможно вдохнуть. Раньше, чем прозвучал гром, начался дождь, сразу, и такой сильный, словно в первую же секунду на голову вылили ведро воды.

Ветрова распахнула дверь и отступила в глубь коридора. Глаза ее широко раскрылись, рука

взметнулась, прикрывая ладошкой рот. Через секунду она звонко рассмеялась.

Выглядел Старшинов, конечно, комично. Мокрые форменные брюки прилипли к лодыжкам. Китель, напитавшийся влагой, потерял форму и принял несерьезный отекший вид. Погоны сгорбились, на звездочках блестели капли. Края фуражки по бокам обвисли так, что она теперь напоминала головной убор карикатурного эсэсовца из боевых киносборников 40-х годов. С участкового текло. Он стоял в центре лужи, переминаясь с ноги на ногу. В размокших туфлях противно хлюпало.

— Извините, Иван Игнатьевич, — сказала сквозь смех хозяйка. — Входите же. Ну! На вас сухой нитки нет…

Он машинально отметил это «Иван Игнатьевич», (справки наводила?), но безропотно дал едва ли не втащить себя за порог, глухо бормоча сбивчивые «натопчу», «зачем», «беспокойство»…

— Ничего не знаю, — отрезала женщина. — Быстро в ванную, под душ…

Через двадцать минут Старшинов — в шлепанцах на босу ногу, тренировочных брюках и тесной майке («это мужа, вещи чистые, не беспокойтесь») сидел за круглым столом в большой

квадратной комнате, под мягким светом низкого потолочного абажура и проклинал все на свете: Коростылева, дождь и собственное нудное ментовское нутро. Носки, брюки и форменная рубашка бултыхались в стиральной машине. Китель и фуражка роняли последние капли дождя в желтый пластиковый таз в коридоре. Ветрова хлопотала на кухне…

«Черт знает что такое!», — думал участковый, но не в смущении, как следовало бы ожидать.

Он был ошеломлен и встревожен. А то и испуган…

И хотел знать почему.

Милиционер едва узнал Ветрову. Меньше чем за сутки женщина, казалось, постарела лет на пять — семь. Если накануне она выглядела усталой, то сегодня, несмотря на энергичность и решительность, казалась изможденной до крайней степени. Тени под глазами превратились в чёрные круги. Кожа на лице приобрела сухой стариковский блеск и облепила скулы восковой пленкой. Прическа превратилась в свалявшиеся, перепутанные пряди. У нее рак, что ли?!

Старшинов пригладил влажный ежик волос на макушке.

Ничто в комнате не указывало на экзотические

занятия хозяйки. Обычная мебель, как у многих. Стандартный набор книг в шкафу: Достоевский, Толстой, Дюма, Дрюон, детективы. Никаких хрустальных шаров, толстых оплывших свечей, четок, мела, сушеных трав в мутных баночках и… Что там еще у колдуний бывает? Магические книги в толстых переплетах и медных, позеленевших окладах? Зеркала? Карты для гаданий? Определенные настроения навевал лишь круглый стол с тяжелой скатертью и шестью венскими стульями вокруг. На память приходили картинки спиритических сеансов: сюртуки, жабо и лиселя; восковые плечи и оборки. «Дух императора, явись! Явись и скажи: долго ли будут у власти большевики?»

Серый сумрак с улицы сочился сквозь тюлевые занавески. В окно хлестали струи воды. Ветер размазывал их по стеклу в полупрозрачные кляксы и срывал капли, барабаня по жестяному откосу. Вдалеке басовито раскатился гром. Старшинов вздохнул, ощущая дымный аромат чего-то незнакомого, что он отметил еще вчера. В самой квартире запах был сильнее, но по-прежнему казался приятным…

— Погода ужасная, — сказала Ветрова, входя в комнату с подносом в руках. — Льет и льет. Ветер.

Как это вас угораздило?

— Да вот, — Старшинов неловко поднялся со стула. Вопрос возвращал его к неприятной необходимости, но, к счастью, отвечать на него не потребовалось. Пока…

— Сидите, я сама…

Женщина быстро расставила чашки, чайник, розетку с конфетами и крохотную хрустальную рюмку, пододвинув ее к участковому. Вышла с пустым подносом и скоро вернулась с бутылкой коньяка.

— Выпейте, — сказала она, наполнив рюмку. — Для профилактики…

Старшинов помедлил, но осторожно взял крохотную посудинку. Ветрова разливала чай, густой, ароматный. Коньяк легко обжег язык и приятным теплом скатился по пищеводу.

— Спасибо.

Женщина кивнула и уселась на стул напротив.

— А теперь сразу чай, пока горячий. Это важно, он с травами…

Милиционер кивнул, сосредоточившись на том, чтобы упаси бог не швыркнуть шумно, по-крестьянски. Обжегся, но стерпел. После двух глотков его бросило в жар, минуты через две на лбу выступила испарина.

— Хороший сбор, — улыбнулась хозяйка. — Прогревающий…

Он чувствовал себя неловко под взглядом ее темно-карих с оранжевой искрой глаз, скованно. Боялся шевельнуться лишний раз на тонконогом стуле. И понятия не имел, как высказать то, зачем пришел. Или хотя бы справиться о здоровье. Или спросить, откуда она знает его имя-отчество. Взгляд отчего-то цеплялся за коньячную этикетку — «Белый аист», — а потом испуганно шарахался в сторону: еще подумает чего…

— Иван Игнатьевич, на меня соседи жаловались, — сказала вдруг Ветрова, опуская чашку на блюдце с легким стуком. — Я знаю и…

Она замолчала и опустила взгляд, губы сжались в тонкую линию. Стало слышно завывание стиральной машины, отжимавшей атрибуты его милицейского звания. «Хорошо хоть пистолет не взял», — подумал участковый, живо представив себе «макарова», громыхающего в барабане. Чтобы не рассмеяться, он заторопился сказать первое, что пришло в голову:

— Евгения Павловна, я Сумеренковых знаю давно. Очень. Со всеми их плюсами и минусами. Совсем не важно, что они о вас говорят, точнее, говорит Сумеренкова. Важно то, что они вас

боятся.

— Люди часто боятся того, чего не понимают…

— Возможно. Вы можете мне не верить, но вчера я заходил к вам только для того, чтобы посмотреть на женщину, которая смогла напугать саму Сумеренкову…

Он замолчал, сообразив вдруг, что крики, запах и музыка в жалобах Нинки, вполне возможно, суть факты, на которых она выстраивала свои скабрезные домыслы. А еще через секунду он понял, что сейчас скажет Ветрова. Понял по ее резкому взгляду, сузившимся зрачкам; по тому, как напряглись плечи; как рот скривился в горькой усмешке. «Умная женщина, — подумал он. — А ты, Старшинов, старый болван!»

— То есть мне стоило именно сегодня закрыть перед вами дверь…

Как вопрос это не прозвучало, но и особенного напора в голосе не было — только усталость и констатация факта. Ветрова смежила веки. Тонкая жилка пульсировала на шее. Старшинов откашлялся.

— Поймите меня правильно, я ведь о вас до вчерашнего дня не знал ничего, совершенно. После Сумеренковых мне захотелось взглянуть и познакомиться. Помимо желания — это и часть

моей работы: знать людей на участке. Да чего там работы! Это большой кусок жизни. У меня ведь…

Он оборвал себя, почувствовав, что несет его не туда: не то оправдывается, не то жалуется. Собрался.

— Вы меня, конечно, малость озадачили, но в то же время я понимал, что уже видел вас раньше, хотя никогда и не общался. Дальше мне и делать-то ничего не пришлось, понимаете? То есть мозги милицейские так устроены, что всякие странности и неувязки, полузабытые ощущения и прочие «звоночки», — вроде красной тряпки для быка. Ни о чем таком ты явно и не думаешь, не пытаешься свести концы с концами, а мозги все равно чего-то там себе мерекают. Потом — бац! — и сложилась картинка, мысль появилась, догадка, четкое воспоминание. И чем дольше ты в системе работаешь, тем труднее отключаться, понимаете? Словно тянет что-то внутри, зовет. Вот, к вечеру я и вспомнил, что видел вас в городском УГРо вместе с Саней… простите, старшим оперуполномоченным Коростылевым…

Ветрова подняла взгляд. Глаза заблестели, кажется, она смотрела с интересом и пониманием, вновь взяла чашку, отпила.

— Мне бы на этом и остановиться, — продолжил

участковый, сокрушаясь. — Так нет же, куда там. Взыграло ретивое. Тут и Сумеренковы, и ваша реакция на визит милиционера, и Коростылев. Да и переключаться мне особенно не на что…

«Да что со мной такое?», Старшинов уткнулся носом в чашку, Ветрова кивнула: «Продолжайте». Она хорошо слушала, проникновенно. И явно слышала, что рвалось наружу помимо слов: наболевшее, горькое, что-то за словами. Невысказанное не исчезало после того, как звуки таяли и сходили на нет, словно пар над чайником; не отступало в сумеречные углы комнаты; не пряталось за портьерами. Нет. Оно оставалось в круге света над столом и сновало между ними подобно ткацкому челноку, сплетая взгляды, интонации… мысли? Участковый поежился. «Да она точно ведьма! Или психованная!», Он был готов встать и выйти под дождь прямо так: в шлепанцах и одежке с чужого плеча.

— В общем, наскреб я на свой хребет, — закруглился Старшинов. — Очень меня Коростылев просил… помочь, хотя и огорошил изрядно…

Женщина поднялась и отошла к окну, обняв себя за плечи. За стеклом мелькнула тень, словно снаружи кто-то отшатнулся прочь и в сторону, но она не отреагировала, как будто это ветер трепал

и сильно раскачивал мокрые ветки тополей, мотая их как на качелях, разбрасывая по окнам бледные, едва заметные тени.

— Дико это все для меня, — закончил участковый. — Понимаете? Неправильно. Все равно, что бы я или там Коростылев искали преступника, не опираясь на факты и логику, а всякий раз ходили в церковь и ставили свечки, мол: «Господи, вразуми! Открой истину!», В голове не укладывается, как вы что-то такое там узнаете. Как это возможно вообще! Поэтому… Вот.

Он замолчал.

Ветрова все так же смотрела в окно, плечи ее чуть приподнялись, словно она хотела пожать ими или была в затруднении, подбирая слова.

— Вы знакомы с понятием ноосферы Вернадского?

Старшинов уставился в ее напряженную спину — плеч она так и не опустила, пальцы побелели.

— Евгения Павловна…

— Женя…

— Ммм… хорошо. Женя, — Старшинов в свою очередь пожал плечами и улыбнулся. — У меня четыре класса, ремесленное и школа милиции за плечами. Как вы думаете?..

— Точнее, даже не Вернадского, — она слов-

но бы не услышала. — А с тем, как трактовали ноосферу Леруа и Тейяр де Шарден? Мыслящая оболочка, формируемая человеческим сознанием… Что вы сказали?

— Я говорю, четыре класса…

— Ах да. Но это неважно, — она повернулась к нему и прислонилась к подоконнику. Лицо скрывала густая тень. Женщина потирала плечи, словно прогоняла внезапный озноб. — Не хочу утомлять вас подробностями…

Ее силуэт четко выделялся на фоне окна. Черной дырой в обстановке и реальности снаружи.

— Каждый человек, — заговорила Ветрова, — подобен игле в автомате грамзаписи на фирме «Мелодия». От рождения и до смерти он оставляет в едином информационном поле Земли уникальную запись о себе, дорожку: незатухающие колебания мыслей, образов, событий и субъективных восприятий реальности…

Ее голос звучал сухо и ровно, без напора. Ей было все равно, что он подумает, а Старшинов ощутил подзабытое дежавю: он читает прыгающие строчки в бланке заявления о лучах смерти, отравляющих газах и коварстве инопланетных лазутчиков, захвативших тела невинных людей. Участковый старательно напрягал мускулы лица,

чтобы на нем не отразилось ничего. Почва уходила из-под ног. Мозг лихорадочно обрабатывал информацию и перебирал факты. Кто-то убивает женщин — это факт. Ветрова может указать, где нужно искать жертву, и не только — это тоже факт. К убийствам она непричастна — Саня заявил об этом прямо, — и это третий факт…

— И есть люди, очень немногие, — продолжала между тем женщина, — которые могут находить эти конкретные дорожки и воспринимать колебания. Вот если коротко. На пальцах…

На улице громыхнуло, россыпь капель ударила в стекло. Старшинов шумно выдохнул. Казалось, воздух в комнате пришел в движение, потревожив тяжелую тишину в квартире, даже стиральной машины не было слышно. «За три дня еле-еле раскурилась», — прозвучал в голове скрипучий голос Сумеренчихи, отдававший застарелым похмельем и ядреным дымом дешевых папирос. Сразу же захотелось курить, но его сигареты, наверное, вымокли. Старшинов нервно хихикнул, спохватился.

— Извините, — сказал он. — А-а-а… Как вы это делаете?

— Как я это делаю?

Ветрова шагнула к столу.

— Как я это делаю, — повторила она, приближаясь. Ее босые ступни оказались в круге света, на ковре. Заискрился подол платья. Она наклонилась к участковому, упираясь исхудавшими руками в край стола. Пряди волос качнулись вперед. Лицо исказила короткая судорога. Голос ни на секунду не менял тональности и звучал безжизненно, механически. Горло странно сжималось, словно выдавливало мертвые звуки. — Лучше я расскажу вам, как это бывает, — пообещал голос. — Как это бывает, когда вы выходите на улицу, в сырой промозглый воздух. Капельки влаги висят перед лицом и оседают на ресницах, а вы опасаетесь, что потечет тушь. Огни фонарей размыты, размазаны среди голых и мокрых ветвей. Деревья стоят чёрные. По их стволам ползают пятна света автомобильных фар. Из-под колес летят брызги прямо на зазевавшихся пешеходов. Вы отступаете к стене, потому что джинсы новые. Их Славик подарил… При мысли о Славике в груди возникает теплый шар, и сладко тянет внизу живота, ощущение сменяется чувством наполненности. Губы растягиваются в улыбке. Приятно. Приятно ощущать молодое тело, сейчас чуть утомленное упражнениями. Шагать упругой походкой — здесь недалеко, совсем рядом, — а

не толпиться среди унылых, невзрачных фигур на автобусной остановке. «Куда можно ехать в десятом часу вечера?..», Во рту возникает вкус кофе, коньяка и «баунти»… А может, это «Рафаэло»… Славик обещал… Вы поворачиваете за угол, осторожно, чтобы не зацепить плечом выщербленный кирпич, кожа на куртке очень тонкая, нежная… ее купили в Сидэ. Там лазоревое теплое море, песок и нет щербатого асфальта, не нужно ежесекундно смотреть под ноги, чтобы не подвернуть ногу. Сломать каблук… Вы поднимаете голову и утыкаетесь лицом в темноту…

Старшинов попытался сглотнуть. Во рту пересохло. Пальцы Ветровой смяли скатерть на столе, чашки поехали, бряцая ложечками в блюдцах. Глаза женщины стали черными, бездонными. Зрачки расширились почти до границ радужки. Губы кривились, подергивались углы рта.

— Представьте себе, — заговорила она вновь. — Представьте себе хорошенько. Темнота влажная и холодная. Она льнет к лицу, плечам, бедрам. Тело ломит так, что выворачивает суставы. Темнота раскачивается перед глазами, в затылок словно вбили гвоздь. Тошнит. Челюсти онемели. Языку тесно во рту. Он извивается, словно гусеница, раз за разом натыкаясь на твердое, колючее,

раздирающее рот от уха до уха. В груди хрипит и клокочет, хочет откашляться. Плечи содрогаются, и множество режущих болей врываются в сознание. Вы вдруг чувствуете себя. Всю. Вы — голая! Ноги широко раздвинуты и согнуты в коленях. На внутреннюю сторону бедер что-то сильно давит. Под ягодицами — твердое. Под ступнями холодная пыль, и камешки царапают пальцы. Мамочка! Мамочка! Да что же это такое?! Ы-ы-ы-ы-и-и-и! Полусогнутая, вы сидите на стуле верхом. Лодыжки прикручены к ножкам. Плечи прижаты к спинке, грудь расплющена, запястья стянуты веревками… Дыхание и всхлипы рвутся из перекошенного рта. Между зубами — толстая волосяная веревка, волокна щекочут нёбо. О, господи, господи! Кто здесь?! Отпустите, пожалуйста! Опусти-и-и-и! Волосы липнут к щекам, смоченные слезами. В носу хлюпает, по губам и подбородку течет… Мама! Кто-нибудь?!.. Пожалуйста!!! Вы слышите слабый шорох. Кто это?! Кто?! В глазах ломота, но вы по-прежнему ничего не видите вокруг — только бессмысленные, неузнаваемые пятна. Отпустите!!! Вы дергаетесь всем телом, боль грызет руки и ноги, стул сотрясается, но не двигается с места… Не трогайте! Не трогайте меня!!! Кровь стучит в вис-

ки камнепадом, как тогда, в горах под Алуштой, катились с каменных зубьев Димерджи обломки выветренных плит, и тихая конная прогулка превратилась в бешеную скачку. Горло судорожно сжималось, как сейчас, когда его равномерно сдавливают колючей веревкой. Узел давит на шею, где-то за ухом, а плотная петля перекрывает дыхание. Кожу покалывает, судороги пробегают по телу. Горло — не толще иголки. Легкие еще тянут воздух со свистом и шипением, а перед глазами уже зажигаются звезды — яркая мерцающая россыпь. Вы чувствуете, как тяжелеет лицо, словно под кожу набивают свинцовой дроби. Как расслабляются сфинктер и мочевой пузырь. Ногам становится горячо и мокро, но это не имеет значения. Это далеко. Ближе только звезды перед закатившимися глазами… Они мерцают и вспыхивают как драгоценные камни, как откровение… В этот момент давление на шее ослабевает, воздух с запахами сырости и кирпичной пыли врывается в легкие, кровь несет крохи кислорода в галлюцинирующий мозг, звезды бледнеют, а на вашей спине делают первый надрез. Сердце стремительно доносит вопль нервных окончаний до горла, и ваш бессмысленный и животный крик-мычание, расщепленный веревкой,

несется к самой яркой, последней непогасшей звезде. Словно зов. Вы больше не зовете маму, Славика… Вы зовете только эту звезду. До тех пор пока она не взрывается в вашем мозгу самой последней вспышкой…

Ветрова рухнула на пол, потянув за собою скатерть. Загремели чашки, бутылка опрокинулась и покатилась по столу. Старшинов вцепился в край ускользающей ткани, потянул на себя, потом вскочил и подхватил бутылку. Несколько секунд он стоял, нелепо раскорячившись над столом с бутылкой в руке, и вновь слышал, как рвется за окном небо, шумит дождь, сигналит чья-то машина.

— Вот это да, — пробормотал участковый и спохватился. — Женя! Евгения!.. А, черт!!!

Он перенес женщину на диван, прижал артерию на шее. Пульс был частый и слабый, кожа — влажная. Участковый легонько похлопал Ветрову по щекам. Безрезультатно. Хотел принести воды, но передумал. Цапнул со стола бутылку, сорвал пробку и попытался влить изрядную порцию в вялый рот. Синюшные веки сразу затрепетали, женщина открыла глаза и закашлялась. Взгляд прояснился, она приподнялась и села, массируя виски и виновато глядя на Старшинова.

Тот только покрутил головой.

— Это что, всегда так? — спросил участковый, переводя дух. — Э-э-э, ничего, что я спросил?

— Нет, не всегда… Ничего. Все хорошо…

Она слабо улыбнулась. Щеки чуть порозовели.

— Вы мне верите?

Он пожал плечами. Посмотрел на женщину, чуть наклонил бутылку.

— Вы позволите?

— Сделайте одолжение. Можете курить, если хотите.

Старшинов вернулся к столу и выпил две рюмки подряд. Вышел в коридор, шаркая шлепанцами, вернулся с влажной, но, к счастью, не промокшей насквозь пачкой сигарет. Закурил и уселся на стул, лицом к Ветровой. Кажется, она приходила в себя. Сумерки наползли в комнату через окно. Дождь утих, гроза отдалилась, стал слышен шелест листьев и перестук ветвей.

— Я не знаю, — сказал участковый, — верю вам или нет. Вы либо серьезно больны, либо действительно чего-то такое можете, но… это вам явно не на пользу.

Евгения поднялась, достала из шкафа пепельницу и закурила сама из его пачки, села рядом, почти касаясь своими коленями его.

— Это ведь не самое страшное, — сказала она, неопределенно поведя рукой.

Участковый вопросительно приподнял бровь.

— Я хочу сказать, что обычно я не отключаюсь во время сеансов. Как у вас. Часть сознания сохраняется в том уголке меня, которое здесь и сейчас. Впервые погружение было таким полным и затягивающим, что мой организм себя не контролировал…

Старшинов поперхнулся дымом, закашлялся.

— То есть…

— Да, вы правильно поняли. Уж простите за интимную подробность…

Капитан оценил откровенность. Вряд ли она хотела его шокировать или явно поиздеваться. Для этого она была слишком опустошена, ослаблена. Эмоционально и физически. Он ее разозлил, конечно, своим праздным интересом, но… Влажный дым царапал горло, отдавая кислятиной.

— Вы поэтому отказываетесь помогать Коростылеву? — спроси он. Хотя чего спрашивать? И так ясно.

— Нет…

— Но я тогда не понимаю…

— Ну, — Ветрова оставила дымящуюся сигарету в пепельнице и достала из шкафа вторую

рюмку. Вернулась к столу, кивком предложив Старшинову похозяйничать. — Это не первый случай, когда я разыскивала трагически погибшего человека, которого считали пропавшим без вести… Спасибо.

Она отпила крохотный глоточек.

— Фантомные боли бывают всегда. Чувственный след остается дольше, но с этим можно справиться. Есть релаксирующие методики, музыка, ароматические составы, медитативные техники. Остается только память, четкие подробности, словно картинку вырезали в мозгу острым ножом. И это хуже всего. В вашей работе разве не так?

Старшинов промолчал. Она права, он понимал, о чем идет речь. Некоторые вещи впечатываются в тебя намертво, как ни старайся забыть. Он вот простой участковый, но в его личном архиве много всякого. Старшинов посмотрел на Женю. Она больше не казалась кем-то не от мира сего. Стала понятней и — да, ближе…

— В конце концов вы говорите себе: «Все это случилось не с тобой. Прекрати рефлексировать, жалеть себя и работай. Такая работа». Вы разбираете картинку по винтикам, то, что утонувший в ужасе мозг фиксирует, но не видит, не может

видеть. Так появляются детали, подсказки. Характерные выбоины на асфальте, надпись «Аптека», на светящейся вывеске. Вы подсчитываете количество шагов по ритмичному стуку каблуков от остановки и до того, как вы повернули за угол. Вы вспоминаете речитативный шепот за спиной, неразборчивый и певучий, словно наговор; резкий запах пота — не вашего пота, мужского; звуки ритмичной музыки и обрывки слов — «музыка», «уговорам», «нет», — голос женский. Вы отмечаете запах кирпичной пыли и плесени, привкус ржавчины во рту; тусклый и почему-то розоватый отблеск короткого лезвия; а потом понимаете, что розоватый он из-за слабого свечения крохотного пыльного оконца над головой, слева, на самой периферии зрения. Еще немного — и вы разбираете вспыхивающие розовым, размытые линии. Это как испорченный телефон…

— Горный техникум! — выкрикнул вдруг Старшинов, в изумлении уставившись на Ветрову.

— Да, — подтвердила она. — Подвал горного техникума, точнее, крохотный закуток с пыльным оконцем в цоколе, выходящем на дискотеку-бар «Розовая пантера». Там и нашли Яну Подплавскую. Задушенную молодую женщину с тремя длинными порезами на обнаженной спине. Тело

упаковали в полиэтиленовый плотный мешок и завалили обрезками заплесневелого, ни на что не годного ДВП… Вы хорошо знаете город.

— Бог ты мой! — пробормотал Старшинов, сердце колотилось о ребра, словно он пробежал стометровку. «Это же мой участок! — думал он. — И ориентировку на розыск Подплавской я помню. Была такая, точно. Почему я не знаю ничего об убийстве? Или знаю? Может, то указание о предоставлении справки на лиц, находящихся под наблюдением психдиспансера? Или докладная о регистрации и роде занятий лиц, ранее осужденных по статьям с телесными? Черт! После «Пионерской бойни», факс в опорном пункте плевался предписаниями и запросами, словно юродивый…»

— Их двое или больше, — сказала вдруг Ветрова.

— Кого?

— Убийц.

— Почему вы так решили?

— А разве Коростылев не рассказывал вам об этом деле?

Старшинов задумался. «Кто-то очень плохой в нашем Мухосранске режет женщин на живую. Придушит до беспамятства и режет».

— Нет. Пожалуй, нет. Да он и не должен. Не имеет права просто.

Она зло усмехнулась:

— Но ко мне-то он вас отправил… Нет, не говорите ничего. Я вас не упрекаю…

Все-таки он перебил ее, не удержался. Милицию сейчас хаяли все, кому не лень. Слов нет, наверняка есть за что. Но в этой обличительной вакханалии как-то забывалось, что в ситуации бандитского передела, роста бытового насилия, полной сумятицы в правовых системах на милиционеров нападали много чаще, чем во времена «Лекарства против страха», Вайнеров. И не травили их теперь — били насмерть. Он не для красного словца пугал Кашеврина. На участковых нападали чаще, чем на оперативников. И пистолеты отнимали. А они по-прежнему отписывались за каждый патрон и отдувались в службах собственной безопасности по любому факту применения табельного оружия…

— Ему нелегко, — пробурчал Старшинов. — За любую соломинку хватается. За любые возможности, даже самые… кхм… Давят на него сильно…

Ветрова расхохоталась. Громко и зло. Зубы блестели от слюны, она чуть прищурилась.

— Да… Давят? — сказала она сквозь смех, ко-

торый вдруг смялся, скрутился в жгут и стал походить на сдавленное рыдание, но глаза были сухими и колючими. — Я вам расскажу что такое «давят», — пообещала она и заметила его движение подняться: — Нет уж, подождите! Вы все поймете сейчас. И поймете, почему я отказываюсь. Впрочем, это уже неважно…

На столе появились листы бумаги и потрепанная пачка цветных карандашей. Ветрова взяла один. Старшинов заметил, как побелели суставы.

— О скольких эпизодах вам рассказал Коростылев? Что-то же он должен был вам сказать…

— О трех.

Она усмехнулась, пробормотала: «Ну конечно! Нету тела — нету дела…»

— Смотрите, — Ветрова стремительно провела три синие пересекающиеся линии на чистом листе, повернула к участковому. — Раны, нанесенные Подплавской…

Она отодвинула лист и принялась черкать на следующем, потом взяла карандаш другого цвета.

— Эти раны, — показала она, — нанесены второй жертве — Желудевой Ирине, тридцати лет.

К синим линиям, повторявшим первый ри-

сунок, Ветрова добавила две красные, почти перпендикулярные черты. Старшинов кивнул.

— А это, — женщина быстро водила рукой, меняя карандаши и сильно прижимая крошащийся грифель к поверхности, — порезы на спине так называемой третьей жертвы. Что вы видите?

Участковый насчитал три синие, две красные и еще одиннадцать темно-багровых линий более сложной формы, с закруглениями и зигзагами.

— Итак, — настаивала Ветрова, быстро касаясь подрагивающими пальцами выложенных в ряд листов. — Три, пять и сразу шестнадцать. О чем вам это говорит?!

«Дальше — хуже. Слышишь, Иван Игнатьич? Он в раж входит. Убийца-то».

Старшинов сглотнул горький комок слюны:

— Убийца больше не может себя контролировать во время… во время… ну когда он…

— И только?!

— Женя, чего вы хотите от меня добиться?! Я не специалист по серийным преступлениям! Черт! Да вся моя работа — это бить ноги, разговаривать и отписываться! А Коростылев определенно сказал: «Три эпизода»!

— Лучше бы он вам рассказал об отчетах судебных медиков, из которых следует, что все порезы

нанесены очень аккуратно. Настолько, что ни на ребрах, ни на позвонках жертв не обнаружено ни малейших царапин. Во всех случаях! Это значит, что тот, кто их наносил, очень хорошо контролировал и себя, и состояние жертвы — ее движения, каждый вздох…

— А это-то из чего следует?! — Он почти кричал.

— Странгуляционная борозда! В каждом последующем случае она выражена более явно, с наложениями. Это значит, что, прежде чем нанести каждый порез, жертву лишали сознания удушением! Методично и тщательно следя за тем, чтобы несчастная женщина не умерла раньше времени! Я, конечно, не криминалист и не психиатр, но здравый смысл мне подсказывает, что подобный образ действий плохо вяжется с неконтролируемыми вспышками ярости. Это скорее ритуал…

Старшинов открыл рот и закрыл.

«После второго убийства Ветрова помогать нам отказалась…»

Он задумался о том, откуда она может знать так много. Неужели только из своих… трансов? Но как? Кто приходит к ней и приносит информацию? Или просит найти кого-то еще? «Нет тела

— нет дела». Участковый смотрел, как Ветрова мнет свой последний рисунок в кулаке. Что она хочет этим сказать? Бумажный комок улетел на пол. Женщина молча взяла чистый лист. Через минуту перед Старшиновым лежало пять листов бумаги. Последний рисунок так же насчитывал те же шестнадцать линий, но уже пяти цветов. Ветрова придвинула к участковому третий и четвертый:

— Тела этих женщин не найдены потому, что их никто не ищет. Я их тоже не искала и ничего о них не знаю, но я знаю, что с ними случилось…

Участковый мотнул головой.

— Нет, — сказал он, испытывая сложную смесь усталости и разочарования от напрасно потраченного времени. Бог его знает что там Саня себе напридумывал. — Вы не можете этого знать. Сначала кто-то должен обратиться к вам за помощью, рассказать…

Он замолчал, заметив, как резко отхлынула кровь от лица Ветровой. «В точку попал, — подумал Старшинов. — Непонятно зачем, но она либо выдумала эти «ненайденные», жертвы, либо кто-то ей о них рассказывал…»

— Я отказалась участвовать в расследовании, — сказала женщина, поднимаясь и вновь обнимая

себя, словно отгораживаясь от его недоверия, — когда стало ясно, что больше нет нужды что-то рассказывать мне о вероятных жертвах…

— Не понял…

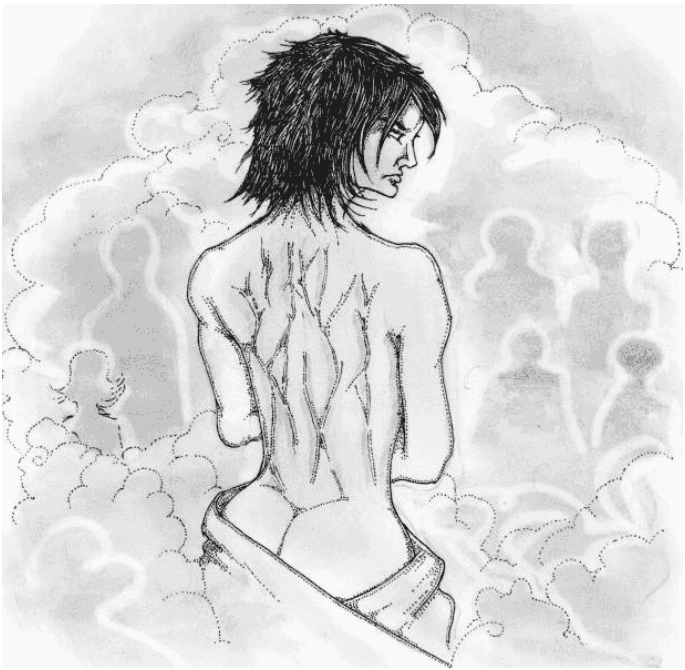
Женщина повернулась к нему спиной и резко передернула плечами. Руки ее соскользнули и безвольно упали вдоль тела. Участковый вскочил, опрокидывая стул. В глаза ослепительно брызнуло. Платье Ветровой съехало до пояса, обнажая худенькую спину.

— Что вы де…

Он поперхнулся возмущением и подавил первый порыв отвернуться.

Темные, уже поджившие царапины расчертили бледную кожу. Взгляд участкового метался из стороны в сторону, от одной к другой, словно бился в паутине. Он тяжело оперся о стол и закрыл глаза, но все равно видел тонкие шрамы, словно следы на сетчатке от раскаленных вольфрамовых нитей, которые поочередно вспыхивали в мозгу: синим, красным, темно-багровым. Три, пять… шестнадцать.

Женщина заплакала.



В начале одиннадцатого, возвращаясь домой, Старшинов бездумно повторил маршрут, кото-

рым шел накануне. Погода бесновалась. Зонтик, которым его снабдила Евгения, оказался бесполезен. Ветер рвал его из рук, выворачивал наизнанку, выгибая спицы, и, словно издеваясь, горстями забрасывал под неважную защиту дождевые капли. В конце концов участковый сложил зонт и сунул его под мышку. Нахлобучил поглубже фуражку и поднял воротник кителя. В туфлях снова хлюпало. Отглаженные, высушенные утюгом брюки вновь намокли, штанины тяжело мотались на ветру из стороны в сторону.

Редкие огни фонарей вязли в мокрых сумерках.

Всклокоченные тучи кружились над ржавой крышей горного техникума, словно воронье. Продуваемые насквозь улицы казались опустевшими сотни лет назад. Отчего-то светящиеся в домах окна только усиливали это впечатление. Крадущиеся вдоль тротуаров машины щурили подслеповатые фары, словно старались сделаться незаметнее. Шипение шин терялось среди мокрого шелеста листьев.

Старшинов втягивал голову в плечи. Ему казалось, что за ним наблюдают со всех сторон, из каждого окна, дома, машины. И даже пустые провалы черных окон техникума бросали в его

сторону колкие взгляды, пока он не скрылся за поворотом улицы Коломейцева, невольно ускоряя шаг, не разбирая дороги, не обходя лужи… Его шатало, словно пьяного.

Долгий разговор не отпускал. Он перебирал в памяти подробности, раскладывая факты по полочкам, но целый ворох того, что он не мог считать фактами, ничуть не уменьшался. Это раздражало и заставляло вновь и вновь вспоминать слова, голос, мимику, интонации и то, что было за словами, словно беспрестанно тянуло облизнуть разбитую в кровь губу.

«…Шрамы появились после работы с делом Ирины Желудевой, второй жертвы. Собственно, это даже не шрамы, не царапины. Я думала — это психосоматический след слишком глубоких и болезненных трансов, но это не так. Дерматолог определил изменения пигментации кожи, ничего более, а мне кажется — меня пометили. С тех пор видения приходят самостоятельно, вопреки моим желаниям и усилиям…»

Старшинов заметил, что стоит у бровки тротуара на перекрестке и таращится на желтый мигающий сигнал светофора. Мокрый китель давил на плечи. Гнойные блики плескались в пузырящихся лужах на мостовой. Казалось невоз-

можным ни перешагнуть их, ни наступить. Он стоял столбом на бордюрном камне, пока рядом не остановилась машина, успокаивающе тарахтя мощным двигателем. Белый свет ее фар залил все расплавленным оловом. Участковый шагнул вперед.

«…Мой муж служил на подводной лодке. Ухаживая, еще до свадьбы, он рассказывал много флотских баек. В основном — смешных, но я отчетливо запомнила только одну. Он говорил о болезненно неприятном ощущении у позвоночника, когда луч гидролокатора находит в толще воды корпус корабля. Хлещет, словно плетью. Он говорил, к этому звуку невозможно привыкнуть. Его можно ждать, готовиться, но всякий раз чудится, что это именно тебя вытянули вдоль спины. Чем ближе корабль-охотник, тем меньше промежутки времени между ударами. Единственная возможность скрыться — это лечь на грунт, слиться с рельефом дна и ждать. Ждать, когда удары плетью станут реже, пока не прекратятся совсем. В моем случае этот способ не работает…»

Воздух в его квартире был спертый, провонявший табачным дымом. Старшинов не зажигал света. Он стоял в коридорчике, с одежды вновь стекала вода, а за дверью в длинном тоннеле

общего житья, тускло освещенном пыльными сороковаттными лампочками, которые еще не успели выкрутить, было удивительно тихо. Не по-здешнему…

«…Я не могу этого вынести. Я всегда кричу, и крик мой такой же глухой, расщепленный, словно во рту у меня веревка. Всякий раз перед глазами одна и та же звезда, и я зову ее. Зову снова и снова, бессмысленным мычанием, словно жертвенное животное. Я сплю на клеенчатом белье. Подружка из хосписа снабжает меня громадными стариковскими памперсами. Курьер из магазина ароматических трав и смол возит мне благовония коробками. Я включаю музыку громче. Почти никуда не выхожу, стараюсь ни о чем не думать, ни на что не реагировать, словно хочу стереть себя. Я лежу на грунте, но плеть достает меня все чаще. Чем бы оно ни было — оно приближается…»

Сырой ветер врывался в комнату через распахнутое окно. Он нес нескончаемый шелест и водяные брызги, заблудившиеся блики света и разорванные в клочья звуки. Он стряхивал пепел с сигареты Старшинова и уносил невидимые хлопья в коридор, к подножию грязно-мокрого комка одежды, которая сползла с хилых пласти-

ковых плечиков и теперь валялась под вешалкой неясной грудой. Участковый сидел на диване в сухих и чистых трусах, со стаканом водки в руке и смотрел на темный экран телевизора.

«…Он уговаривал меня лечь в клинику. Я пугала и его, и сына. Он уговаривал, а я не могла ему объяснить, что там, одурманенная лекарствами, я стану еще более беззащитной перед этим. Приступы будут повторяться все чаще, а потом мне просто выжгут мозг электрошоком. Может, так было бы и лучше для меня, но не для них. Они все равно были бы где-нибудь поблизости. Не могла я этого допустить… Я напилась в «Розовой пантере», позволяла себя угощать, прикасаться. Меня сняли два молокососа. Их распирало от тестостерона и моей сговорчивости. Они трахали меня там же, в туалете. Я не помню, что они со мной делали. Честно говоря, я не уверена, что их было только двое. Вернулась домой под утро, едва передвигая ноги. От меня разило перегаром и похотью. Трусики лежали в кармане пальто. Рваные колготки. Бедра перепачканы спермой… Возможно, муж смог бы перенести это. Он умен. Он бы понял — не простил бы, но понял. Но там был наш сын. Он видел меня… такой. Они уехали к свекрови, на Урал, а я жалела, что не на другую

планету...»

Старшинов вытянул стакан водки разом, как воду. Занюхал новой сигаретой, закурил. Ступни не чувствовали пола. Ему казалось, что бездна, заглядевшаяся на Ветрову, теперь под ним. А кусочек кошмара, в который она вольно или невольно погружала себя несколько месяцев, надолго застрял в мозгу крохотной занозой. Водка горючим комком застряла чуть ниже солнечного сплетения. Он не ощущал тепла — только жжение. Табачный дым был горьким. Его знобило, волосы на предплечьях встали торчком. Старшинов вновь сорвал пробку с бутылки столичной.

«...Помните, я говорила о Леруа, де Шардене и ноосфере? В основе их теорий лежат воззрения Плотина и неоплатоников. Сфера разума каждого человека существует не в пустоте. Она плещется в океане эманаций некоей непознаваемой первоосновы, божества, которого принято отождествлять с абсолютным благом, и является его неотделимой частью, как разум душа и материя являются неразделимыми частями меня... или вас. Конечная цель человека — выйти за пределы души в сферу разума и через экстаз слиться с первоосновой. Но люди обычно не торопятся это делать, верно? А что, если божеству надоело

ждать? И что является благом в его представлении? Какова цель его собственного бытия? Каков он, этот экстаз?.. А эти порезы на спинах жертв? Изобразите их на бумаге рядом друг с другом, без наложений. Видите? Похоже на буквы. Название первоосновы. «Имя бога…»»

К черту! Старшинов оглушил себя вторым стаканом. Наконец-то в голове все смешалось. Голос Ветровой отдалился, превратившись в бессвязное бормотание, и заглох, как обычно глохла его персональная шестерня. Зато аппетит, напротив — очнулся, требовательно и недвусмысленно. Горячая волна прокатилась по телу. Участковый поднялся и закрыл окно. Готовить в первом часу ночи он не собирался, но пара дежурных банок сайры или сардин в холодильнике всегда найдется.

Свет он так и не зажег. Батон зачерствел, но еще не отдавал плесенью, а значит, вполне годился. Телевизор Старшинов тоже не стал включать — хватит на сегодня информационного бреда. Из открытых банок остро пахло рыбой и маслом, водка не успела согреться, батон смачно хрустел на крепких зубах. Потом он курил, стряхивая пепел в опустевшие жестянки, снова шарил в холодильнике, передвигая бутылочки с остатками

засохшего кетчупа, сморщенные, как чернослив, пакеты из-под сметаны. Снова что-то грыз, закусывал. Курил и ни о чем не думал, словно лежал на грунте…

Телефон зазвонил в начале пятого.

Старшинов рефлекторно поднялся, добрел до тумбочки, не открывая глаз, и снял трубку.

— Слушаю, Старшинов. — В горле стоял отвратительный привкус консервированной рыбы.

Пронзительный и визгливый голос ввинтился в ухо и мгновенно распустился ветвистыми корнями, раздирая мозг. Конечно, он узнал Сумеренкову, даже не разбирая слов…

— Тимофеевна, — буркнул он в паузе, — звони ноль два…

— Да позвонила я! Час назад звонила! Нет никого…

Участковый открыл глаза. Солнце где-то уже карабкалось к горизонту, но город за мокрым стеклом выглядел так, словно утро не наступит никогда. Низкие тучи неслись галопом, цепляя подбрюшьями телевизионные антенны на крышах. На его глазах синий ветвистый блиц проколол шевелящееся грязное одеяло неба и оглушительно щелкнул, словно кнут. Стекло в окне задребезжало.

— Иван Игнатьич, миленький, выручай! Пока твои аспиды приедут, из нас уже козленочков наделают… Шабаш! Чистый шабаш!

То ли она завыла, то ли ветер лизнул микрофон. Связь оборвалась. Старшинов опустил трубку на рычаг и, осторожно ступая, приблизился к окну. Деревья под ударами ветра дрожали, словно в лихорадке, по тротуару волочило картонную коробку, машины на маленькой стоянке перед общежитием ощутимо раскачивались, некоторые тревожно моргали оранжевыми глазками и испуганно звали владельцев. Провода на столбах выгибались в напряженные дуги. Снова громыхнуло. Участковый отпрянул от дребезжащего окна.

Телефона у Сумеренковых нет, подумал Старшинов; если это не «белочка», то трудно представить, что могло выгнать женщину на улицу в такую погоду. Да еще дважды. Ох, е-е!

Он бросился к шкафу, на котором в плотном рулоне лежал комплект охотничьего камуфляжа с ветро- и водонепроницаемой пропиткой. Пять минут спустя, в опорном пункте, он лихорадочно снаряжал магазин «макарова», короткими тупорылыми патронами. Ронял их, чертыхался и брал с подставки новый. Недра сейфа глядели на него

с укоризной. Старшинов натянул наплечную кобуру, пристроил пистолет под мышкой и быстро накинул камуфляжную куртку с капюшоном. Замер, невидяще глядя в угол. Потом сделал одну вещь, которую за тридцать с хвостиком лет своей службы делал только на стрельбище: достал пистолет и дослал патрон в ствол.

Березы во дворе на Домаровского напоминали измученных плакальщиц. Ветви-руки бессильно, но все так же гибко бились на ветру. Дождь прекратился. Где-то вставало солнце, подсвечивая клочковатое небо цветами окисленной меди. Тучи ходили кругами, словно кто-то там, над ними, ворочал огромным половником. У Сумеренковых свет не горел. Окна в квартире Ветровой плотно зашторены. Старшинов обошел дом и по отмостке прокрался к подъезду Евгении. Внутри было темно и тихо. Тянуло сыростью и подмокшим деревом. Участковый расстегнул куртку и правым плечом вперед проскользнул за дверь.

Сдерживая хриплое дыхание, Старшинов быстро поднялся на площадку. Он ступал по ступеням ближе к стене и скривился, когда под ногами все-таки скрипнуло. Дверь в квартиру Ветровой выглядела запертой. Грязно-зеленый свет сочился из пыльного окна на площадке пролетом

выше. На улице громыхнуло. Гроза не то уходила, не то приближалась, словно насыщенные электричеством тучи водили замысловатые хороводы. И здесь хныкала сигнализация чьей-то машины. Под этот аккомпанемент Старшинов пересек площадку и приложил ладони к двери, надавил. Заперто…

К сырому воздуху на площадке примешивался слабый, будоражащий запах. Ладони покалывало. В следующий момент ему показалось, что под ними слабо пульсирует. Старшинов отдернул руки. Сердце часто колотилось. Он чуть отдышался, успокаиваясь. Все это кровь, его собственная кровь, что проталкивается сейчас через сосуды, усохшие от никотина. Уф!

За дверями ни звука. Никакого шабаша. Позвонить?

Он приложил палец к кнопке звонка. Она спит. Измученная, истерзанная бредом, она только-только сомкнула глаза и вздрагивает во сне, когда на улице грохочет, и капли дождя бьют в окно. Может быть, ей ничего не снится сейчас, у нее ровное дыхание, и глаза под веками неподвижны, словно у статуи в парке. Она на дне, на грунте, в безмолвии и покое. И в этой сраной ноосфере от нее не осталось и следа. А он, старый дурак,

хочет поднять ее на поверхность, вытащить из безопасной и уютной реальности, только потому, что одна старая пьянь наконец-то дожралась до зеленых чертей!..

— Й-и-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-и!!!

Старшинов отшатнулся. Рука скользнула под куртку и выхватила из кобуры пистолет. Сердце остановилось, превратившись в кусок льда. Звук, глухой и невнятный, шел из-за двери, определенно. И был похож…

Большим пальцем участковый сдвинул предохранитель. Качнулся на носках и бросил стокилограммовое тело вперед, нацелившись плечом чуть повыше замка. Хрустнуло. На долю секунды его охватил испуг, что дверь устоит. Он даже поверил в это, ощутил…

И тут же ввалился в полутемный коридор.

Воздух в квартире, густой и плотный, словно вода, поддержал его, дал устоять на ногах. Он видел щепу от филенки, летящую впереди него. Видел дрожащие волны, расходящиеся от зазубренного острия. Блики цвета сегодняшнего утра — медно-красные, закисшие зеленью, — танцевали в рифленом стекле дверей в комнату. Странный запах, который он услышал в подъезде, усилился и мгновенно набился в ноздри. Так пахнет забо-

лоченное озеро с гниющей в тростниках рыбой. Старшинов прижал свободную ладонь к носу. В голове гудело, казалось, лицевые кости поползли, словно гнилая тряпка. За слабо освещенными дверями невнятно бормотали. Кто-то хрипел.

Участковый распахнул створки ногой.

Круглый стол, за которым они пили чай, был отодвинут к стене. Стулья опрокинуты. Край ковра завернут. Одинокая свеча чадно коптила воздух зеленовато-багровым пламенем. Тени корчились в углах, ползли по стенам, выглядывали из складок портьер. Воздух шевелился. У Старшинова двоилось в глазах. Низкий гул прокатился по комнате. На потолке лопнула штукатурка. Пол дрогнул. Фигуры в центре комнаты пошатнулись.

Старшинов часто заморгал. Он никак не мог осознать, что видит, словно множество слайдов наложили друг на друга. Милиционер ударил себя рукояткой пистолета по скуле. На грудь закапало, и он сразу ощутил ее запах. Кровь. От боли прояснилось в глазах, но странно исказилась перспектива. Левая сторона комнаты отъехала в сторону. Книжные шкафы казались не больше спичечных коробков. Правый дальний угол, напротив, взметнулся вверх. Портьеры на окне

перекосились…

Милиционер мотнул головой. Шагнул в комнату, раз. Другой…

Лелик Кашеврин стоял к Старшинову боком и смотрел вниз. Локоть его ходил вверх и обратно, словно он закручивал что-то. Щетинистый подбородок блестел от слюны. По щекам катился пот. Клетчатая ковбойка болталась мятыми складками. Трико с вытянутыми коленями бугрилось в паху. На участкового он не реагировал. Старшинов вскинул руку с оружием. Взгляд его скользнул правее. Окрик застрял в горле. Лелик тоже застыл. Сгорбленная сутулая фигурка справа от него резко выпрямилась…

— Й-и-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-и!!!

Старшинов выстрелил. Не прицельно — от неожиданности. Звук выстрела, обычно оглушительный в замкнутом пространстве, прозвучал не громче хлопка ладонями. Крик-мычание заглушил все звуки. Пуля ушла в сторону и смачно шлепнулась в стену. Пороховой гарью и не пахло.

Лелик повернул к Старшинову лицо. Гаденькая ухмылка обнажила пеньки зубов: «Напугал!», Горбатая фигурка развернулась на пятке, качнулась в сторону. Участковый охнул. Эхо мучительного

крика металось в голове, перерастая в грохот — внутри ли, снаружи? — с потолка сыпалась труха.

Он смотрел на обнаженную спину с острыми лопатками: трепещущие мышцы. Порезы вспухли расходящимися краями. Ручейки крови соединялись в ручьи и, огибая полушария ягодиц, собирались на свободном участке сиденья венского стула, словно в чаше; кровь переливалась через край. Кожа на пересечениях распускалась багряными бутонами. Концы волос короткой прически слиплись в кровавые острия. Уродливый узел на шее, сбоку, намок от пота. В узле торчала короткая дюралевая трубка, которую Каша держал в руке. Тело на стуле трепетало. Короткие судороги пробегали волнами, голова жертвы тряслась. Шумное дыхание напоминало работу дырявых кузнечных мехов.

Тошнотворный ком подкатил к горлу. Пистолет в руке задрожал. Краем глаза Старшинов уловил движение и с трудом оторвал взгляд от истерзанного тела.

Седые букли Кашевриной ореолом окружали сморщенное личико. Не мигая, она смотрела участковому в глаза, приближаясь крохотными шажками. Половина лица скрывалась в

густой тени. Морщины на лице шевелились, губы подергивались, словно она хотела виновато улыбнуться. И тут же новая мимическая волна стирала с лица всякое выражение, только лихорадочно блестели водянистые бесцветные глаза. Гул в комнате нарастал. У Старшинова завибрировали кости. В груди жгло неимоверно. Кашеврина выставила вперед сухонькие кулачки. Из правого торчало короткое окровавленное лезвие. Вязаный жакет на плоской груди измазан темными потеками.

Старшинов отступил на шаг:

— Е… Евдокия…

Дыхания ему не хватило. Звуки имени упали на пол и рассыпались вместе с непрозвучавшими «как? почему?». Женщина придвинулась. Волоски над верхней губой встали торчком. Сморщенный подбородок дрогнул. Зрачки резко сузились…

Участковый рефлекторно отшатнулся, закрываясь рукой. Нож ударил его в предплечье, царапнул по кости. Он почувствовал скребущий звук. Нога зацепилась за край ковра. Старшинов упал, Кашеврина выпустила рукоять, чтобы не упасть самой. Боль рвала руку, пистолет он не выронил, но и выстрелить сейчас не смог бы:

пальцы онемели. Он ударил ногой, маховым движением, подсекая нападавшую. Кашеврина рухнула. Лелик заревел. Старшинов перехватил «макарова», левой рукой, вскинул…

Он нажал на спусковой крючок дважды.

Лелика отбросило, смяло, словно тряпичную куклу. Он уцепился за край стола и тяжело повалился, волоча за собою скатерть. Свеча опрокинулась, поехала следом за тканью, но не погасла. Она не погасла и после того, как, свалившись на тело Кашеврина, соскользнула на пол. Ее не накрыло складками. Крохотный огонек трепетал, извиваясь. Шевелящиеся тени прянули из углов, словно хотели погасить последний источник света. Справа от Старшинова зашевелилось.

Он сел, тяжело дыша. Нож торчал из предплечья. Пусть, не до него. Морщась от боли, он толкал тело каблуками, отползая на заднице, пока не уперся в стену спиной. Темнота завыла голосом Кашевриной. Пламя свечи облизало ближайшие кисти на скатерти. Повалил дым, занялось. Пятно света выхватило из темноты фигуру на стуле. Тело дергалось, стул качался…

— Сейчас, — забормотал Старшинов, не слыша себя. — Сейчас, сейчас…

Он пытался подняться на ослабевших ногах

и разглядеть в неверном свете сумасшедшую старуху в том месте, где ворочалась куча тряпья. Адреналин гудел в его крови, словно пламя в печке.

— Сейчас, — повторил он и поднялся, опираясь на содрогающуюся стену.

Тяжкий удар вновь сотряс здание. Ноги подогнулись, участковый съехал на пол. Пыль смешалась с дымом, запорошила глаза. Старшинов закашлялся. Он отчаянно моргал, закрывая рот и нос рукавом. В дымной пелене отчетливо хрустнуло. Участковый снова поднялся, всматриваясь…

Рука с пистолетом упала вдоль тела.

Налитыми кровью глазами Ветрова смотрела прямо на него. Ее исполосованное тело было все так же прикручено к стулу и обращено к Старшинову спиной, но голова…

Челюсти шевелись, словно пережевывали веревку, рассекавшую лицо ножевой раной. Багрово-зеленые тени скользили по синюшным, отекшим щекам, лбу, глубоким, перекрученным складкам на шее. Что-то выпирало в сторону, словно кадык. Только…

Веревка лопнула. Шея Ветровой задергалась. Изо рта вывалился комок толстых, словно мака-

роны, зеленых нитей и вяло распался. Челюсти женщины вновь задвигались.

— Пх'нглуи мглв'н…

Тело дернулось, звуки оборвались. В них невозможно было узнать голос Ветровой. Трещало пламя. Его языки лизали ножку стола. Под ногами Старшинова ползла к горящему телу сына Кашеврина. И выла. Запах гнилого озера и паленого мяса усилился. От дыма и вони участкового тошнило, но он не мог оторвать взгляда от того, что когда-то было человеческим лицом.

«Помоги мне?»

Зеленые нити на подбородке Ветровой зашевелись, приподнялись в воздух, потом задергались, совсем как макаронины во рту Каши.

— Пх'нглуи мглв'нафх…

Старшинов замотал головой. «Нет», застряло в гортани. Губы склеило намертво. Веревки, оплетающие тело Ветровой, лопнули. Концы со свистом заметались по комнате. Узлы хлестали по мебели, стенам, горящему телу Лелика, вышибая искры. Тело Ветровой сползло со стула, щелкая суставами. Кашеврина, воя, заползла в костер…

— Пх'нглуи…

Участковый поднял пистолет и выстрелил.

Потом, уже зажмурившись, он давил и давил на спуск.

Давил и после того, как затворная планка отскочила назад.

Автор выражает глубокую признательность Виктору Авдееву, автору ПРОЗЫ.РУ и человеку, отдавшему много лет службе в рядах МВД СССР — России, за любезное разрешение использовать в тексте некоторые детали его личного опыта. Спасибо, Виктор!

Дмитрий Тихонов
Книга скорби

2015

Мертвую тварь нашел Серый. Мы сидели на бревне на опушке леса, а он отправился к реке — то ли поплавок искать, то ли просто по нужде. Суть в том, что минут через пять прибежал обратно. Рожа белая, штаны мокрые, выгоревшие за лето волосы во все стороны торчат, кепку где-то посеял. Такой уж был Серый: если чему-то не повезло оказаться у него в руках, терял он эту вещь в самом скором времени. Причем терял

безвозвратно, с концами.

— Там… там… — Рот открывает, как рыба, а толком ничего сказать не может— Идемте…

— Что такое? — Санчес вскочил первым. Понял, видимо, что дело нешуточное. Санька у нас молодец, всегда быстрее остальных соображает.

— Хреновина, — начинает объяснять Серый и руками машет, пытается, значит, эту самую хреновину обозначить. — У реки, на берегу… лежит… здоровая…

Тут нам всем интересно стало. Серый не способен придумать подобную небылицу, не то что уж изобразить ее, не сорвавшись в глупый ржач. Побросали мы карты, повставали все, даже мелкий Ванятка поднялся, хотя видно было, что страшно ему до усрачки.

— Веди, — скомандовал Санчес— Показывай, где там чего.

Серый послушался: побежал торопливо, едва на траве не поскальзываясь. Мы за ним.

В этом месте лес совсем узенькой полоской тянулся, всего-то, наверное, метров пятьдесят. Вот как раз половину мы прошли, когда запах почуяли. Густая мерзкая вонь нахлынула сразу, волной, выбила слезы из глаз, сжала мертвой хваткой пищевод. Было в ней что-то от протух-

шего мяса и гниющих водорослей, но еще больше — от длинных червей, выползающих из земли на стук дождя. Я закашлялся, Федьку и Ванятку вырвало. Что с них взять, с малышей. Остальным хоть бы хны, поморщились только.

— Оставайтесь здесь, — сказал Санчес малолеткам. — Дожидайтесь нас. Мы вам принесем что-нибудь интересное.

Я ж говорю, молоток. Мне бы, например, и в голову не пришло подобное детишкам пообещать. Наверняка, будь я за старшего, так и не смог бы заставить их остаться — пустые угрозы в их возрасте не действуют. Поперлись бы следом, мало ли что могло приключиться. За ними глаз да глаз. А тут остановились как вкопанные, а потом и вовсе назад побрели, к бревну.

Мы, зажимая носы рукавами, двинулись дальше и через минуту вышли на высокий берег реки, обрывающийся вниз отвесным глинистым склоном. Внизу, прямо под нами, из коричневой воды поднимался гладкий белый бок валуна, на котором только вчера мы с Серым ловили рыбу. Тогда он и остался без поплавка, кстати говоря. А в нескольких шагах справа от валуна вздымалось нечто столь безобразное и уродливое, что я в первые несколько мгновений попросту не мог

задержать на нем взгляд, а когда все же сумел присмотреться, меня мгновенно вывернуло.

Казалось, у этого… создания вовсе не было формы: оно целиком состояло из перекрученных лохмотьев плоти, отростков и щупалец, беспорядочно громоздящихся одно на другое. Черную, лоснящуюся плоть тут и там разрывали безвольно распахнутые беззубые провалы, в некоторых из которых виднелись круглые, по-рыбьи пустые глаза. Самое отвратительное заключалось в том, что на мелководье волны слегка шевелили концы самых тонких щупалец, придавая махине некое подобие жизни.

— Это шоггот! — объявил Санчес.

Разумеется, он был прав. Та же самая мысль промелькнула в моем мозгу всего за мгновение до его слов.

Конечно, шоггот. Что же еще. Все мы слышали о могучих созданиях, обитателях темных океанских глубин и холодных антарктических подземелий. О тех, что способны принимать любую форму и выполнять невероятно трудную работу. О тех, кто возвел сводящие с ума башни Р’льеха. В школе нам часто рассказывали о них, демонстрировали рисунки и редкие фотографии. Нужно быть полным идиотом, чтобы не распо-

знать в мертвом шогготе мертвого шоггота.

Взгляд против моей воли снова скользнул вниз, туда, где в коричневой воде равномерно покачивались щупальца твари, похожие на невероятно длинные пальцы. Зрелище завораживало меня, будило холодок ужаса в солнечном сплетении. И целых три минуты ушло на то, чтобы понять почему.

Среди тонких бескостных отростков виднелась человеческая рука. Молочно-белая, сжатая в кулак. Отсюда ее вполне можно было принять за ветку или еще какой-нибудь мусор. И наоборот.

— Откуда он здесь взялся? — прошептал рядом Санчес. — Они же не заплывают в реки…

— Слушай, — начал я, борясь с очередным приступом тошноты. — Глянь вон туда.

— Куда?

— Ну… вниз… вон, сбоку от камня. Видишь?

— Что? Щупальца?

— Там рука. Человеческая рука.

— Не может быть. Нет. Это коряга или корень какой-нибудь.

Я уже и сам не был уверен в том, что увидел. Вода колебалась, отростки шоггота тоже, и различить что-либо в их мельтешении наверняка было невозможно. Решение возникло быстро, сразу за-

ставило меня действовать. Я осмотрелся, отыскал в траве упавшую ветку потолще и, используя ее для опоры, начал спускаться по склону.

— Эй! — обеспокоенно крикнул Санчес. — Ты куда?

— Надо посмотреть, — ответил я, не оборачиваясь. — Не ссы.

— Мне-то с чего ссать? — разумно парировал Санчес. — Тут, наверху, не страшно. А вдруг он… не мертвый?

— Мертвый! — уверенно возразил я. — Как полено.

Понятия не имею, откуда вдруг взялась эта странная храбрость. Ее подпитывала злость — на Серого, на липкую едкую вонь, на корягу в форме человеческой руки. Матерясь про себя, я кое-как добрался до кромки воды и шагнул к исполинской черной туше. На самом деле только в тот момент я понял, насколько она громадная. Куча пористой, пузырящейся плоти возвышалась надо мной на пару локтей, а для того чтобы обойти ее, мне бы потребовалось сделать не меньше двух десятков широких шагов. И ведь над поверхностью торчало далеко не все. Нечего было и думать сдвинуть с места подобную махину, поэтому я просто дотянулся краем палки и отвел

в сторону тонкие щупальца, скрывающие интересующий меня объект.

Вблизи ошибиться не получилось. То, что могло оказаться корягой или веткой, все-таки было человеческой рукой. Белая, бескровная плоть сползала с тонких костей, рваные лоскутки кожи в воде шевелились вокруг полностью обнажившихся фаланг.

В тот самый миг безрассудное отчаяние, скрутившее дыхание в моей груди в плотный узел, начало понемногу ослаблять хватку, и, только сделав первый за прошедшую минуту судорожный вдох, я понял, насколько сильно испуган. Оглянулся. Санчес и Серый, прижав к носам рукава, следили за мной расширившимися от ужаса глазами. Но им сверху было видно далеко не все. Тот, кому рука принадлежала, тоже лежал здесь. Голый череп с невзрачными остатками кожи и волос, перепачканный в черноте шогготской плоти, оскалившийся в беззвучном, бесконечном вопле. Чуть дальше, там, где на его полуразложившееся тело наваливалось чудовище, виднелся небольшой металлический контейнер. То ли он висел на ремне на шее человека, то ли был привязан к груди — не разобрать.

Еще немного нагнувшись вперед, я поддел кон-

тейнер палкой и попытался подвинуть его к себе. Если бы меня спросили, зачем я это делаю, то вряд ли дождались бы вразумительного ответа. Я и теперь вспоминаю тот момент с содроганием. Если бы прислушаться к дрожащему в руках страху, повернуться и вскарабкаться вверх по склону… многие были бы живы. О, да.

Контейнер поддался неожиданно легко. Я подтолкнул его еще пару раз, задев при этом нижнюю челюсть мертвеца и свернув ее набок. Вытащив коробку на песок, я внимательно осмотрел ее. Стандартный почтовый сейф. Мой отец отправлял документацию по заказам в таких же. Заперт плотно, на поверхности никаких маркировок или пометок. Я осторожно коснулся его пальцами, ощупал холодную влажную сталь. Потом схватил контейнер и принялся взбираться, опираясь на палку. Огромная черная тварь за спиной заставляла постоянно оборачиваться — стоило мне потерять ее из виду, как воображение тут же наполнялось яркими картинками: шоггот ворочается, поднимается, выпрастывая щупальца, стремясь обвить, поглотить, растворить меня в себе. Но существо было действительно мертво.

Санчес помог мне добраться до вершины, а потом, не говоря ни слова, протянул складной

нож. С его помощью мы и открыли контейнер. Внутри была книга.

* * *

Родители ничего не заподозрили. Мы прошли вверх по реке, выкупались и тщательно выстирали одежду, чтобы избавиться от приставучей вони. Малышам отдали коробку, чем привели их в дикий восторг. На фермах немало таких штуковин, но детям обычно не позволяют с ними играть, так что можно было не опасаться лишних вопросов.

Книгу забрал я. Это не вызвало возражений. В самом деле, кому должна доставаться добыча, если не добытчику! Санчес там вообще не при делах оказался, а Серый, конечно, первым отыскал шоггота, но отдавать ему книгу было нельзя ни в коем случае — потеряет уже к вечеру. Мы договорились, что станем собираться в нашем секретном месте на опушке и вместе изучать хрупкие, явно старые страницы, покрытые непонятными надписями и странными схемами. Читать мы едва умели — да фермерским детям и не полагается, — но прекрасно осознавали, что книга прячет важные и даже опасные тайны. Шрифт казался знакомым, но ни одной мало-

мальски узнаваемой буквы отыскать не удалось. Чертежи, похоже, изображали магические символы и последовательности проведения неких ритуалов. В тринадцать лет уже понятно: найденный между погибшим шогготом и погибшим человеком том вряд ли посвящен разведению фикусов.

Побродив еще пару часов по лесу, обсохнув, мы решили, что запах выветрился окончательно, и разбрелись по домам. Мне предстояло выполнить весьма сложную задачу: проникнуть на ферму и успеть надежно спрятать книгу, не попавшись на глаза отцу, матери или Крэгу, нашему механическому дворецкому. Поэтому я не воспользовался обычной тропой, а двинулся в обход, через бурелом. Порядком изодрав штаны и исцарапавшись, вышел к зернохранилищу с тыла, вскарабкался по стене к нижнему окну и забрался в него. Здесь было тихо, пыльно, пахло ржавчиной. Рядом неподвижно висели громады мельничных шестерней. Я спрятал книгу в вентиляционной шахте, аккуратно закрыв ее решеткой. Никому и никогда не придет в голову что-то искать здесь. Даже в тот момент мне было очевидно: книгу будут искать. Скорее всего, уже ищут.

Нервный, дрожащий смех вырвался из меня,

и тотчас пришла мысль: надо рассказать отцу. Обо всем. Показать ему шоггота, череп в воде, отдать находку, объяснить, как она попала ко мне. Наверняка взбучки не избежать, но, по крайней мере, не придется ждать последствий и в страхе гадать, какими они могут быть.

Однако уже в следующее мгновение тот невесть откуда взявшийся внутренний авантюрист, который ранее заставил меня спуститься с берега, взял верх, и я, все еще криво улыбаясь, выполз в основной коридор и направился в сторону жилых отсеков. Авантюрист знал, что будет всю оставшуюся жизнь страдать, если добровольно лишит себя приключения, если лично обрежет ниточку, внезапно протянувшуюся от его серого, монотонного существования к огромному миру, лежащему по ту сторону поросших лесом холмов и болотистых равнин.

Батя сидел в главной зале, потягивал пиво и слушал радио.

— Куда пропал? — спросил он. — Я тебя обыскался. Надо ремонтировать Тройку.

Тройка — наш рабочий робот, основа благосостояния фермы. Он строит, пашет, грузит и возит. Интеллектом не блещет, но от него и не требуется принимать решений, а приказы он

выполняет исправно. Модель достаточно старая, время от времени барахлит, и тогда мы с отцом ковыряемся в его внутренностях в поисках неисправностей. Разумеется, батя отлично справился бы и без меня, но ему нравится учить меня всяческим технарским премудростям.

— Загулялись, — ответил я, не моргнув глазом. — Федька потерялся, искали его всей бандой по лесу.

— Федька? Это Семенов, что ли?

— Он.

Отец медленно кивнул, повернул тумблер, выключив радио, спросил:

— Голодный?

Я помотал головой.

— Ну пойдем тогда. Дел невпроворот.

На ферме никогда не бывает иначе. Мы заглянули на кухню, взяли бутылку с водой и позвали Крэга, помогавшего матери готовить фарш. Дворецкий высокопарно извинился перед хозяйкой и последовал за нами: приоритет отца был выше. Ничего не поделаешь, мы действительно нуждались в его сильных гидравлических руках.

Работа спорилась. Мне нравилось возиться в раскроенном брюхе большого робота, запоминать названия деталей, крутить их в перепачканных

маслом пальцах. Отец, как обычно, рассказывал о столице. О непригодном для дыхания воздухе, переполненных трущобах нижних уровней и вознесенных под облака элитных районах. О кровожадных бандах, убивающих за один косой взгляд, о чудовищных механизмах, спрятанных в подземных глубинах и предназначенных для переработки людей в… в нечто совсем иное. Рассказывал о том, как нужно стрелять из гарпунной пушки, о том, как однажды повстречал Ми-Го в одном из лабиринтов Мертвой Москвы.

Многие из этих историй я слышал уже не в первый раз, а потому не переспрашивал, да и вообще старался помалкивать. Меня беспокоили две вещи. Во-первых, загадочная книга, покоящаяся неподалеку, надежно (вроде бы) спрятанная в вентиляционной шахте. Во-вторых, от меня не укрылось, что отец был чем-то серьезно озабочен. Обычно рассказы о старых временах увлекали его, он улыбался, отпускал не всегда понятные мне шутки, лихо и ловко управлялся с починкой вышедших из строя механизмов. Но в этот раз его мысли явно странствовали где-то далеко, и он говорил скорее по привычке, без охоты. Да и на устранении поломки сосредоточиться не получалось. Может, он знал о дневном происшествии?

Я вновь испытал сильнейший порыв признаться во всем, открыл даже рот, но в последний момент сдержался. У бати и так хватало проблем, новая порция явно стала бы лишней.

Несмотря на все трудности и отцовскую рассеянность, мы поставили Тройку на ноги точно к тому моменту, как мать выглянула из окна и позвала нас ужинать. Я пошел к входной двери вслед за Крэгом, несущим инструменты, но через пару шагов понял, что отец не идет рядом, и обернулся. Он стоял рядом с большим роботом, тревожно глядя в небо. Проследив за его взглядом, я увидел дирижабль, неспешно плывущий над лесом меньше чем в полутора километрах к западу, как раз над рекой. Стальные бока кабины сверкали в лучах заходящего солнца, и даже с такого расстояния можно было различить мощные орудийные башни и чёрные жерла пушек.

— Что им здесь понадобилось? — напряженно проговорил отец.

Я промолчал. Он же не ко мне обращался.

* * *

Они пришли под утро. Я проснулся от шума, поднятого Крэгом, — его сигнализационная система сработала отлично, — но еще некоторое

время ворочался в постели, не понимая, что к чему. Потом воспоминания о событиях прошедшего дня вспыхнули в моем мозгу десятком неоновых вывесок, кричавших на все лады: КНИГА! ШОГГОТ! МЕРТВЕЦ! ДИ-РИ-ЖАБЛЬ! Я вскочил с кровати, принялся спешно натягивать одежду. Сирена дворецкого стихла, и дом вновь погрузился в сонную тишину. Но, припав ухом к двери, я сумел различить голоса внизу. Беспокойные, злые голоса.

Держа ботинки в руках, я вышел в коридор, начал осторожно спускаться, стараясь, чтобы старинные деревянные ступени не скрипели под ногами.

— …Вы же понимаете, что мы имеем на обыск полное право? — визгливо спрашивал кто-то незнакомый. — Нам даже никаких документов не нужно!

— Уверяю, понятия не имею, о чем вы говорите, — это уже отец. — Я ничего не прячу здесь, ни от кого не скрываюсь, и единственная причина, почему я прошу повременить пару часов, — это мои жена и сын. Они спят. К чему их пугать?

Он говорил спокойно. Слишком спокойно. Никогда в жизни я не слышал в его голосе таких ноток: ледяных, острых, словно лезвия, которыми

Тройка косил в полях созревшую рожь.

— Хорошо, — сказал неизвестный. — Тогда ответьте на несколько простых вопросов.

— С удовольствием, — невозмутимо согласился батя. — Задавайте.

Что-то скрипнуло и зажужжало. Я не смог сопротивляться любопытству и, опустившись на ступени животом, выглянул из-за лестничного пролета.

Отец стоял спиной ко мне, в своей обычной пижаме зеленого цвета. Перед ним, в дверном проеме, находились двое. Одинакового роста, одинакового сложения. Идентичные коричневые плащи и шляпы. На плечах нашивки с эмблемой Владыки. Лица закрыты компактными масками-респираторами. Один из них, тот, что слева, поднял на уровень груди небольшой черный чемоданчик, открыл его. Это оказался переносной пиктофон с плоским серым экраном. Одно нажатие кнопки — и монитор вспыхнул мягким голубоватым светом, а через секунду на нем появилось изображение худощавого мужчины с солидными залысинами и длинным крючковатым носом.

— Вам знаком этот человек? — Из-за масок я не мог определить, кто из двух задал вопрос. Воз-

можно, они произносили слова одновременно.

— Естественно, — ответил отец. — Его зовут Джошуа Элиот.

— Звали, — невозмутимо заметили маски. — Когда вы познакомились?

— Думаю, в вашем ведомстве знают это лучше меня. — Если отца и задела поправка незваных гостей, то он никак на нее не отреагировал. — Мы вместе работали в Аркхэме.

— В Мискатоникском университете, верно?

— Да.

— Над чем работали, если не секрет?

— Не секрет. Мы занимались расшифровкой древних рукописей, имеющих отношение к Владыке. Конкретно — третьего и четвертого наборов Пнакотических манускриптов, апокрифических изданий «Культов Гулей», а также материалов, известных в качестве приложений к «Аль-Азифу».

Я ничего не понимал. Батя никогда не упоминал ни о чем подобном. Он много путешествовал в молодости, повидал мир и даже поучаствовал в паре военных конфликтов, а потом, встретив женщину, ставшую впоследствии моей матерью, оставил ядовитую суету больших городов и осел здесь, в диком Поволжье, чтобы вести мирную

и спокойную жизнь фермера. Так мне говорили. Видимо, в нашей семье не всем полагалось знать правду.

Тем временем маски продолжали допрос:

— Вы поддерживали связь с Джошуа Элиотом после окончания командировки и возвращения на родину?

— Нет. Нас связывали исключительно деловые отношения.

— Тогда как объяснить тот факт, что труп мистера Элиота был сегодня обнаружен в реке неподалеку от вашего дома?

Мои ладони вспотели, под ребрами растекся колючий, противный страх. Книга! Все-таки она навлекла несчастье на наш дом. Надо было что-то делать, что-то срочно предпринимать. Я двинулся, и дерево предательски скрипнуло под рукой. Черные маски-респираторы тотчас поднялись, упершись в меня взглядами круглых непрозрачных стекол. Отец начал оборачиваться — а в следующую секунду я уже мчался вверх по лестнице, не заботясь о сохранении тишины. Позади раздался грохот, кто-то вскрикнул, что-то тяжелое разбилось с оглушительным звоном.

Я выскочил в центральный коридор и со всех ног бросился к входу в зернохранилище. Снару-

жи доносились отрывистые, плохо различимые команды. Потом громыхнул выстрел. Затем еще один. Тьма вокруг ломалась в отчаянии, рассыпаясь тысячами зазубренных осколков — это рванулся сквозь щели в ставнях белый свет прожектора.

Я юркнул под шестерни, скатился по наклонному желобу точно к тому самому окну. Дрожащими пальцами снял решетку, вытащил из углубления проклятый фолиант, прижал к груди. В глубине дома продолжали греметь выстрелы. В отдалении слышались ритмичные, слегка завывающие песнопения. Боевая молитва или что-то вроде того. Древние боги, чем мы провинились перед вами?!

В коридоре раздались торопливые шаги. Я вжался в стену, задержал дыхание. Сердце тяжело бухало в груди, и оставалось лишь надеяться, что оно не выдаст меня. Шаги приблизились.

— Эй? Сынок, ты?

Отец. Шумно выдохнув, я ответил:

— Да, пап.

Он вышел из-за шестерней, забрался ко мне в укрытие. Вдвоем мы едва помещались здесь. Его лоб покрывал пот, правый рукав был разодран и пропитался кровью. В левой руке отец держал пистолет. ТТ-117, «Палач». Оружие страшной

убойной силы. Нам рассказывали о них на занятиях по военной подготовке: такие пистолеты имелись только у высших офицеров и агентов спецслужб.

— Где мама? — спросил я.

— Отстреливается, — сказал отец. — Ничего, она всегда была к этому готова.

Он бросил быстрый взгляд на книгу.

— Где вы ее нашли?

— На берегу реки. Там был шоггот и…

— Ясно, — отец почесал щетину на подбородке. — Облажался старина Джош, значит. Но вы молодцы. Только зря меня не позвали.

— Кто это такие?

— Алхимики. Особый корпус. Нам с тобой надо выбираться отсюда, да побыстрее, иначе скоро к ним явится подкрепление.

— А мама?

Он ткнул пальцем мне в грудь, заговорил быстрым, злым шепотом:

— Послушай… я хочу, чтобы ты уяснил одну вещь. Мама сейчас не имеет значения. Я не имею значения. Ты — тоже не имеешь значения. Только книга, только эта чертова книга важна. Знаешь, что это?

— Нет.

— Это «Аль-Азиф»… «Некрономикон», будь он неладен! Но не та исправленная, тщательно порезанная версия, которую вам вслух читают в школе. Нет, это — оригинал, «Книга Скорби». Тот самый текст, который безумный старикашка Альхазред написал сотни лет назад. Текст, объясняющий, как призывать Древних в наш мир и как контролировать их! Вот в чем дело! Здесь описаны ритуалы, позволяющие защищаться от воли гребаного Козлища, повелевать им, даже отправлять обратно в бездну! Понимаешь?! Эти ритуалы очень опасны и сложны, но вполне осуществимы. Мы можем избавиться от них! Поэтому-то они так тщательно исправили «Некрономикон». Переписали заново, считай. Поэтому они и явились сюда: они боятся. У Элиота почти десять лет ушло на то, чтобы восстановить первоначальный текст и создать копию, которую ты держишь. Могу поспорить, эти ребята снаружи и их хозяева исполнили бы любое твое желание, чтобы заполучить ее…

— Пап?

Darkseed '94

— А?

— Ты ведь не фермер, да?

— Нет, сын. Я ученый. Лингвист. Когда-то был им, по крайней мере. А теперь… теперь я, видимо, предатель и заговорщик.

Он взглянул на часы:

— Сейчас. Вот…

Снаружи, с другой стороны дома, что-то оглушительно затрещало. Механический, бездушный, но очень громкий звук, от которого, казалось, вибрировали даже стены. Спустя несколько секунд до меня дошло: пулеметная очередь.

— Тройка задаст им жару! — процедил отец и, прежде чем я успел удивиться, схватил меня за локоть. — Это отвлечет их ненадолго. Нам пора уходить!

Ударом ноги он выбил ставень и выскользнул из окна наружу. Я прыгнул следом. Не знаю, чего во мне в тот момент было больше: страха за свою жизнь, скорби по матери или гордости за отца, оказавшегося вдруг чем-то вроде сказочного героя. Не помню. Это произошло так давно.

Мы побежали через поле, но не успели сделать и десяти шагов, как из-за угла вывернул человек в коричневом плаще и коричневой шляпе, из-под которой на нас равнодушно пялился противогаз.

Мы увидели друг друга одновременно, однако отец выстрелил первым. Пуля угодила в шею, и враг опрокинулся навзничь, не издав ни звука.

Отец в три прыжка оказался рядом, сдернул с него маску и забрал оружие — пехотный пистолет-пулемет. Запачканный еще горячей кровью противогаз он сунул мне, приказал:

— Надевай, быстро! — и, как только я справился с задачей, вновь потащил за собой.

Мы направлялись через поле к лесу. Темноту позади разрезали лучи белого света, бьющие с зависшего над домом винтолета. Пулеметные очереди кромсали тишину в клочья, и крики умирающих смешивались со все набирающими силу колдовскими песнопениями, насквозь пропитавшими отступающую ночь.

Враг словно бы возник из них, соткался из мрака и беспросветных слов, звучавших, казалось, сразу со всех сторон. Он появился впереди и, прежде чем отец успел поднять пистолет, с размаху метнул в нас что-то. Тявкнул выстрел, голова алхимика дернулась, шляпа полетела в траву, сам он повалился следом. Но это уже не имело значения — стеклянная колба с кулак размером, брошенная им, разбилась у наших ног, выпустив облако густого темного пара.

Отец вытолкнул меня вперед, подхватил под ребра и, совершив несколько широких прыжков, упал вместе со мной в заросли полыни. Он хрипел, на губах выступила белая пена, вены на шее чудовищно вздулись и пульсировали.

— Иди, — проскрипел он, вцепившись скрюченными пальцами в щеки. — Беги. Книга…

Я не стал испытывать судьбу. Припустил к лесу, благо что до него оставалось не больше пятидесяти метров. Достигнув опушки и забившись в кусты, я стащил с головы противогаз. Некоторое время сидел там, укрывшись в густых тенях, собирался с мыслями и наблюдал, как Особый алхимический корпус с помощью огнеметов стирает нашу ферму с лица земли. Полчаса спустя, когда безликие фигуры в коричневых плащах принялись прочесывать поле, я покинул убежище.

* * *

Именно тогда, за несколько мгновений до наступления рассвета, в недолговечном, но прекрасном сером лабиринте леса он(а) и встретил(а) меня. Я шел, не разбирая дороги, спеша оказаться как можно дальше от кошмара, что разрушил мою жизнь, словно хрупкое птичье гнездо. Слезы

душили меня. Осознание произошедшего постепенно заполняло собой разум, убивая всякую волю к дальнейшему существованию.

А потом я остановился, поднял взгляд. Он(а) стоял(а) предо мной, порождение теней и запредельного безумия. Чуждость этого существа нашему миру была такова, что взрослый человек, узрев его, наверняка бы ослеп или лишился рассудка. Но мое детское, сожженное страшным горем сознание приняло увиденное как данность. И многочисленные пасти, и бескостные конечности, и вывернутые назад ноги. Песнопения алхимиков достигли цели. Их услышали, и на них ответили.

Дитя нашего бога, одно из Тысячи, явилось мне. Немногие из тех, кто верой и правдой служили Черному Козлу, удостаивались подобной чести. Он(а) смотрел(а) в мои глаза, и великая, неизбывная пустота истины проникала в меня, избавляла от свежих страданий, исцеляла любую прошлую и будущую боль. Он(а) был(а) само небытие, хранящее в себе все возможные вселенные, окончательные ответы на любые возможные вопросы.

Я зажмурился, чтобы не рассыпаться пеплом, опустился на колени и положил книгу в траву

перед собой. Отец оказался прав. Мы все — не имеем значения. Книга, это проклятое сборище ненужных знаний, не принесла ничего, кроме скорби. Эти страницы разрушили невероятное количество жизней, с легкостью перемололи в труху и мою.

Нельзя позволить хаосу вновь вырваться в мир. Я улыбнулся, чувствуя, как сильная, склизкая рука касается моей головы, наполняя ее светом вечности.

Дмитрий Толкунов
Потаённое место

2004

— Что вы мне хотели рассказать? — Филлипс закурил и осмотрел своего собеседника.

Среднего роста, седой, несмотря на то, что ему, вероятно, было всего за тридцать, в поношенном пиджаке. Усы, тоже с проседью, были аккуратно подстрижены. Он, судя по всему, следил за собой.

— Вы ведь журналист?

Хороший английский, хотя и с явным русским акцентом. Эмигрант, определенно.

— Да, — Филлипс выпустил струйку дыма. — Корреспондент, так сказать. Любительская журналистика.

— Любительская? — Незнакомец пристально посмотрел ему в глаза.

«Господи», подумал Филлипс, «в нем безумие. Затаившийся ужас. Хаос крадущийся…».

— Ну да. Понимаете, я не работаю ни в одном издании. В солидном, я имею в виду. Я собираю информацию о необычных происшествиях. Аномальных случаях…

— А-а, — собеседник кивнул. Опустил голову на грудь, словно что-то обдумывая. — Вы-то мне и нужны. То, что я вам расскажу, не примет ни одно солидное, — он рассмеялся нервным смешком, — издание. Так что…

— О чем же вы хотите рассказать? — Филлипс заранее знал, о чем. Зеленые человечки, вампиры, сасквоч, неопознанные летающие объекты. Стандартно.

Незнакомец снова посмотрел на него.

— Хорошо. Я расскажу. Я не могу не рассказать, иначе ЭТО съест меня целиком. ОНО грызет меня с того самого дня… Прошло пять лет, а я не могу забыть этого.

— Вы русский? — рискнул спросить Филлипс.

— Да, русский. Когда большевики пришли к власти, — он болезненно скривился, — я понял — все, империя пала. Знаете, для офицера это предел. Граница, через которую нельзя переступить, не поправ свои старые идеалы. Кое-кто смог это сделать. Но не я. Я потерял все: императора, отчизну, дом, жену… — он внезапно замолчал. «Вспомнил ее», подумал Филлипс и тактично подождал. — Когда мне сказали, что пришла новая власть, я подумал: наконец, хоть какой-то порядок. А потом… я увидел, что это за порядок. Власть плебеев, черт возьми, оборванцев. Пролетариат, — он громко засмеялся, так что за соседними столиками стали оборачиваться на них. — Рабочие и крестьяне, которые ломали старинную мебель и дырявили редкие полотна, мочились в золотые вазы и в грязных сапогах заваливались на шелковые покрывала… Да-а, это была новая власть, власть тьмы.

Я бежал.

Я не мог оставаться там, где толпа простолюдинов ломала мои святыни.

Мне предлагали перебраться в Константинополь, но я решил ехать в Европу. Я уничтожил все документы, могущие выдать меня, одел старую солдатскую шинель, перестал бриться. Взял

кое-какие вещи: часть на память, часть — чтобы продать и жить на вырученные деньги. Я решил бежать во Францию.

Не буду описывать всех кошмаров побега из города, прятанья от патрулей, унижения перед холопами. Все началось тогда, когда меня и еще нескольких бедолаг ссадили с поезда. Это случилось где-то на границе с Польшей. Дикие места. Осень, да, тогда была осень. Шинель совсем не грела, да вдобавок есть было нечего. Нас ссадили, да еще и забрали деньги. Не все, правда. Я спрятал кое-что в подкладку шинели, оставил только мелочь.

Как сейчас помню: серый день, голое бескрайнее поле, жуткий холод и мы — три человека на косогоре, смотрящие вслед уходящему составу. Мы были просто выброшены. Один из моих товарищей по несчастью был очень молод — лет двадцать пять, не больше. Второй — гораздо старше, грузный, с красным отечным лицом. Первый представился как студент-философ… неважно, как его звали, второй оказался ювелиром. И я — экс-офицер армии Его Императорского Высочества. — Он горько улыбнулся. — Дайте-ка сигарету.

Филлипс, слушавший его как завороженный,

вынул портсигар. Тот прикурил. Помолчал несколько минут.

— Оставаться на железнодорожном полотне было бессмысленно и небезопасно. Мы пошли наугад, но не по полю — это была бы ходьба впустую, а через лес, который начинался по другую сторону полотна. По крайней мере, там можно было бы развести костер.

Время уже было за шесть, смеркалось, тем паче, что мы шли по лесу и я начал чувствовать какую-то жуткую и безотчетную тревогу. Потом я понял, что насторожило меня. Лес был мертвым.

Мы шли по колено во мху, сзади астматически дышал ювелир. Студент начал жаловаться на боль в ногах. Мне-то было не привыкать — бывал и в более худших условиях, но перспектива идти без конца по мертвому лесу мне тоже не улыбалась. К тому же я не ел с прошлого дня. И вдруг… я увидел — и не поверил своим глазам: за остовами деревьев виднелся дом. Не простая избушка или времянка, нет. Двухэтажный старинный особняк с коньками на крыше и даже с витражами в окнах.

Сперва мы обрадовались, потом насторожились. Кто в нем живет и как он нас примет? Впрочем, мы были готовы на все, и я нащупал в

своем кармане рукоятку револьвера и успокоился. Дайте-ка еще одну.

При ближайшем рассмотрении особняк производил довольно отталкивающее впечатление. Камень потемнел от времени, кое-где осыпался и откололся, да и вообще, дом больше походил на огромного уродливого паука, присевшего перед мухой. В данном случае, — он хмыкнул. — В данном случае, мухами оказались мы.

В доме никто не жил — это стало ясно по распахнутой дубовой двери, сгнившей от дождей и времени. Мы вошли. В доме пахло плесенью, скорее даже не плесенью — какой-то трупной гнилью, что ли. Но выбирать нам не приходилось. Судя по опрокинутым столам и разбитой посуде, дом покидали в спешке, если не сказать больше. Смахивало на знакомые мне погромы, устраиваемые «новой властью». Камин был в отвратительном состоянии, так что разжечь огонь не представлялось возможным. Впрочем, найдя кое-какие достаточно сухие доски, я разжег его. Только пользы от этого было немного.

С горем пополам мы обогрелись и подсушились, но вставала другая проблема — что есть. У меня не было ничего. У студента было полбуханки хлеба, у ювелира — шмат сала, несколько яблок

и маленькая бутылка сливовой настойки. Сию скудную снедь мы разделили по-братски. Студент пошел посмотреть второй этаж, а мы с ювелиром остались возле огня.

Разговорившись с ним, я узнал, что он имел при себе достаточно денег и драгоценностей, чтобы обеспечить себе жизнь — на первое время, разумеется, — в Голландии. Туда он и стремился. Там жила его сестра и там, по его словам, можно было продолжить его дело с не меньшим успехом, чем в России. Поев и согревшись, он начал строить планы о будущем, щедро делясь со мной шкурой неубитого медведя и даже, — вероятно, под действием сливянки, — пообещал помочь мне там, за кордоном.

Наш разговор был прерван появлением студента. Тот находился в странном возбуждении.

— Господа, пойдемте наверх, там есть нечто необыкновенное, — воскликнул он. — Там библиотека, господа, и такая…

Ювелир наотрез отказался, сказав, что книги его не интересуют, а я, желая хоть чем-то занять время, последовал за студентом.

— Это что-то необычное, сударь, — сказал он мне, пока мы поднимались по лестнице. — Странная же библиотека у хозяина этого дома.

— А что же в ней странного, позвольте спросить?

— Увидите.

Он был прав. Библиотека была более чем странной. Ряды книг громоздились на прогнивших полках. Большая часть их была древними, века XVII, фолиантами, с плесневелыми кожаными обложками, часть — современными изданиями, преимущественно немецкими. И наконец — рукописные своды на пергамене.

— Это все, что вас поразило? — я, признаться, пребывал в недоумении. — Что ж, вероятно, владелец этого дома был просто заядлым библиофилом, не более…

— Вы видели их содержание? — Студент как-то странно посмотрел на меня. — Книги сплошь о магии и оккультизме. В своё время, — он покраснел, — я увлекался доктриною госпожи Блаватской. Не смейтесь, сударь, — он серьезно посмотрел на меня. — Метания духа бывают у всякого. Я читал разные труды — в большинстве своем шарлатанов и спекуляторов — и, смею сказать, немало преуспел в этой области. Все книги, которые здесь есть, — он обвел рукой всю комнату, — посвящены таинственной и неизведанной сфере бытия нашего…

— Любезный, — прервал я его, — не нам сейчас рассуждать о таинственной сфере нашего бытия. Нам нечего есть и мы, собственно, даже не знаем, где находимся. Так что пользы от этих книг нам никакой. Идемте вниз, к нашему спутнику.

— Вы идите, — студент отвернулся, — а я пока пороюсь тут, может найду что-нибудь интересное.

Я пожал плечами и спустился к ювелиру, который успел задремать.

Я не стал будить его и вскоре тоже заснул.

Когда я проснулся, скудный огонь в камине погас и здорово похолодало. Ювелир выводил носом рулады. Студента не было. Я поднялся в библиотеку. Он сидел за столом, перед ним догорал огарок свечи, которую он, вероятно, прятал про запас. Он увлеченно читал.

— Витаете в поднебесных эмпиреях? — осведомился я.

Он вздрогнул.

— Н-нет. Я нашел дневники хозяина этого места. — Студент вскочил и торопливо подошел ко мне. — Это что-то необычное.

— Что же? Интимные дневники мелкопоместного дворянина?

— Отнюдь. Посмотрите-ка лучше сами, — он

протянул мне тонкую тетрадку.

Я перелистнул несколько страниц, исписанных бисерным почерком и покачал головой.

— Признаюсь, я не шибко понимаю его почерк, к тому же писано, по-моему, не по- русски…

— Это латынь, — студент устало вздохнул. — Хозяин этого дома был немецким исследователем, понаделавшим в своё время шуму в академических кругах. Когда я учился в Германии, мне приходилось слушать его лекции. Скажу честно, это было что-то странное и страшное, сударь. Через несколько месяцев руководство университета сняло его с преподавания, а потом и вовсе исключило из научных кругов. Безумные теории…

— О чем?

— О… о… о существах из других миров.

Я расхохотался. Дешевые побасенки о внеземных чудовищах были мне известны, одно время я даже заинтересовался ими, но потом трезвый ум все-таки взял своё и я отмел сей никчемный мусор из своей жизни.

— Он что, доказывал существование зеленых чертиков с рожками? Или предлагал чучело какого-нибудь… уж не знаю, как сказать… птеродактиля?

— Нет, — студент говорил тихо. — Он говорил

страшные вещи, ссылался на древние книги. Начальство университета сочло его идеи бредом и выдумкой, оскверняющей науку и религию. Он говорил… что кое-кто из этих подзвездных чудовищ сохранился как реликт. И приводил доказательства, фотографические снимки…

— И что? — Меня это начало забавлять. — Вы своими глазами видели… подзвездное чудовище, как вы выразились?

— На снимках что-то было, не могу сказать точно, что. Но… — студент умоляюще взглянул на меня. — Это выглядело угрожающе.

— Да скажите же, ради Бога, что вы там видели?

— Не могу… это трудно описать. Какие-то комья переплетенных не то водорослей, не то лап, коконы, наподобие осиных гнезд, но во много крат более. Я не хочу вспоминать этого, простите.

Я пожал плечами, хотя слова студента задели во мне какую-то струну, отвечающую за тревогу. Мне стало не по себе. Стыдно, конечно, офицеру русской армии испытывать страх перед дешевыми выдумками, однако… Однако, я чувствовал, чувствовал нарастающую тревогу.

— О чем же он пишет?

— Извольте, — студент с готовностью взял одну

из тетрадок и раскрыл ее наугад. — Я переведу. Вот это… нет, к примеру, вот это.

«12 мая. Аннам.

Де Вилль разрешил мне поговорить со старостой деревни. Отвратительно тощий старик со струпьями на глазах выслушал меня и, узнав о цели моего приезда, разразился бранью на своем кошачьем языке. Переводчик, полукровка, хорошо говорящий по-аннамитски и по-французски смущенно молчал, не осмеливаясь переводить мне все те бранные слова в мой адрес, которые произносил староста. Когда запас его ругательств иссяк, я повторил вопрос. Старик долго молчал и наконец сказал, что…», впрочем, далее неинтересно, — студент перелистнул несколько страниц. — Ага, вот.

«Вскоре мы добрались до затерянного города. Проводник не решался идти далее, уверяя меня, что злые духи не пустят нас обратно, если мы войдем в город. Тем более, он полузатоплен, а для того, чтобы перебраться туда, необходимы лодки. Шельма намекнул мне, что лодки можно приобрести у местных, но за большие деньги. Что ж, сказал я, мне не жалко денег, лишь бы мы добрались до цели. Проводник посмотрел на меня странным взглядом и несколько раз повторил

одно и то же слово. Я спросил у переводчика, что это значит. Тот долго отмалчивался и наконец сказал, что проводник назвал меня одержимым безумцем…». Далее неинтересно, ага, вот:

«Мы обнаружили их под водой, на небольшой глубине, в царских покоях, затопленных до половины водой. В темной мути я различил очертания, столь знакомые мне по древним книгам… Туземцы наотрез отказались вынимать их из воды, заявив, что я могу забрать свои деньги, тем более, что на них лежит их проклятие. Жалкие глупцы. Придется вызывать на помощь европейцев…»…

— О чем, собственно говоря, идет речь? — Я посмотрел на студента. — Кто такие «они»?

— Узнаете, — он перелистнул еще несколько страниц. — Вот еще:

«18 мая.

Ящики с ними погружены на «Принцессу». Де Вилль обещал уладить неприятности, возникшие в результате гибели двух европейцев, помогавших мне извлекать их из воды. Я компенсирую их семьям потерю кормильцев. Но это сделано во имя моей цели — и клянусь! — я достигну ее.». Он перевез их в Европу, — студент поднял на меня глаза. — Понимаете, он привез доказательства…

— Чего? — меня стала раздражать эта полубезумная мистификация. — Да и вообще, любезный, посудите сами: три эмигранта, ссаженные с поезда, без еды, в пустом особняке черт те где, читают посреди ночи записки безумного немца, который считал, что нашел… кого он там нашел? Подзвездных чудовищ? И где же они, позвольте спросить? Испарились? Или улетели к себе на Луну?

— Они здесь, — прошептал студент.

— В доме?

Он кивнул.

— Вот еще одна тетрадь, она велась уже здесь, в фольверке, когда он переехал из Германии. Он пишет…

— Все, хватит, — оборвал я его. — Не забивайте этой ерундой голову ни мне, ни себе. Наш товарищ гораздо умнее нас с вами — спит себе спокойно. А мы сидим здесь и читаем бред сумасшедшего… Довольно, идемте вниз. Надо снова разжечь камин, а иначе мы с вами не доживем до утра.

Студент понурил голову и пошел за мной. На лестнице он остановился.

— Он пишет, что они в подвале, сударь.

— В каком подвале?

— Здесь, в доме, есть подвал, вход должен быть в гостиной…

Я остановился на полпути.

— Вы предлагаете… сходить и посмотреть?

Студент пожал плечами.

— Если вы не верите во все это, так какой же смысл…

— Хорошо, — я кивнул. — Мы с вами спустимся в подвал, но только для того, чтобы доказать вам, что свихнувшийся немец напрасно взбудоражил вашу фантазию.

Мы спустились.

Ювелир проснулся и, не обнаружив нас, проявил беспокойство.

— Господа, — воскликнул он, увидев нас. — Я, было, подумал, что вы решили бросить меня и нешуточно испугался.

Я объяснил ему причину нашего отсутствия и сказал о нашем плане спуститься в подвал.

— Зачем? — Ювелир всплеснул руками как женщина. — Это безумие, господа, сущее безумие. Что нам делать в сыром подвале? И, кроме того, кто знает — может там что-то… — он поежился. — Мне снились такие странные сны, что упаси Господь, — он размашисто перекрестился. — Дурное это место, Бог свидетель. Лучше бы нам уйти

отсюда поскорее…

— Если желаете, — предложил я, — можете подождать нас здесь.

— Нет-нет, — замахал он руками, — ни в коем разе. Если уж так, то я пойду с вами. Втроем — оно как-то, знаете ли, не страшно.

Студент молчал.

В гостиной мы нашли керосиновую лампу, залитую до половины. Студент зажег ее и пошел впереди. Действительно, в стене комнаты была металлическая дверь, очень странная с виду — по вмятинам на ней можно было подумать, что кто-то бил с внутренней ее стороны железной киркой. Дверь не была заперта. Студент открыл ее и на нас пахнуло… Господи Боже! что это был за запах! — Русский помотал головой. — Вы когда-нибудь бывали в террариуме со змеями?

Филлипс кивнул головой. Он не заметил, что его сигарета прогорела, пока он слушал. Он полез за другой.

— И мне, пожалуйста, — попросил русский.

Они оба закурили. Повисло молчание. Кафе пустело, официанты протирали свободные столики и уносили посуду.

— На нас пахнуло запахом рептилий. Мы, зажав носы, с трудом протиснулись в маленькое

помещение подвала, вернее, в своего рода коридор. Вскоре он закончился и мы вышли на своеобразную площадку, насколько можно было видеть при тусклом свете керосинки. Площадка была небольшой, далее она обрывалась вниз и… Это был огромный бассейн, огромный котлован, заполненный водой, с теплыми и удушливыми испарениями, шедшими со дна… Если оно, конечно, было.

В свете керосинки мне показалось, что вода мутно-зеленая, хотя какой она была на самом деле, я не знаю. И слава Богу. Я услышал изумленный вздох ювелира, который шагнул вперед, чтобы посмотреть вниз… Земля под его ногами обвалилась и он рухнул в воду. — Рассказчик замолчал, бездумно глядя на стол. Молчание длилось долго. Наконец, Филлипс прервал его.

— Что было дальше?

Русский вздрогнул и посмотрел на него. Филлипс увидел в его глазах муку, словно заглянул в глаза пытаемого.

— Дальше начинается самая странная и прозаическая часть истории. Осталось рассказать немного.

Мы услышали плеск, когда бедолага свалился в воду, и я автоматически отступил назад.

— По… по… моги…и… те, — орал ювелир, хлопая по воде руками. — Там…. там… что-о-о-то-о…

Господи! Потом его крик сменился жутким визгом, — такой издают поросята, когда их режут, — и еще… там был еще один звук… Чавканье. Мерзкое, отвратительное чавканье, словно огромная губка всасывает в себя…

Студент стоял ближе всего и видел больше, чем я.

— С нами крестная сила! — закричал он. — Господи, посмотрите, что это за…

Я подошел к краю обрыва и заглянул туда. — Русский закрыл глаза. Дыхание стало неровным.

— Вам нехорошо? — Филлипс не на шутку испугался.

— Нет, все в порядке. Я заглянул… в ад. Вода в котловане бурлила как кипяток. При неверном и пляшущем свете керосинки я увидел что-то темное — это был ювелир, а вокруг него… я подумал, что вокруг него полным-полно осьминогов — он был весь обвит какими-то щупальцами… он уже не кричал — думаю, он был уже мертв. Потом бурление прекратилось, вода успокоилась и… все. Больше ничего я не видел. Сзади я услышал всхлипывания. Я обернулся. Это был студент. Он просто сидел на земле, поставив сбоку фонарь, и

трясся, всхлипывая.

Я отвернулся, не зная, что делать, и мой взгляд упал на темный предмет недалеко от нас, на той же площадке. Я взял лампу и подошел ближе. Это было отвратительно! Огромное яйцо… не яйцо даже, а какой-то кокон, весь свитый из то ли водорослей, то ли щупалец. Он весь вздрагивал, раздуваясь и опадая, а в нем… Простите, — русский с каким-то странным звуком вскочил и выбежал. Через несколько минут он вернулся, утирая рот платком. — Я… когда вспоминаю этот эпизод, меня всегда рвет. Простите. В нем находилось что-то похожее на человека, словно… как это сказать?.. законсервированного, что ли. Растянутое лицо, как-то странно упакованные конечности… А когда открылись его глаза….я не выдержал. Я швырнул в эту гадость лампу и бросился назад, к коридору. Оглянувшись, я увидел, что эта гнусь объята пламенем и услышал какой-то жуткий вой, или, скорее, свист — словно пар выходит из чайника. Кто-то схватил меня за руку, я закричал… это был студент.

— Бежим отсюда, — кричал он сквозь нарастающий визг (я думаю, это был предсмертный визг той самой подзвездной твари!).

Не помню, как мы выбежали из подвала, как

с криками выскочили из дома. Не помню, как мы неслись по болоту, падая, вскакивая, обдирая руки и лица о сучья. Не помню, как настало серое утро и как мы прибежали на какой-то хутор. И только когда хозяин — дородный старик-малоросс — напоил нас чаем и дал переночевать, я заметил, что студент поседел — целиком. Впрочем, взглянув в зеркало, я убедился в подобном же. Не буду рассказывать вам о том, как мы перебрались в Польшу, а оттуда в Германию. Затем наши пути разошлись: студент остался в Германии, а я перебрался в Америку… — русский замолчал.

Филлипс пристально смотрел на него. Потом повернулся к официанту.

— Дайте счет.

Отсчитал деньги, дал официанту на чай. Повернулся к русскому.

— А как же?…

За столиком никого не было.

Официант поторопил Филлипса — кафе закрывалось. Он вышел на улицу, поднял воротник плаща. Посмотрел на небо, где проступили звезды.

— Ночь над Бостоном, — пробурчал он про себя, закурил сигарету.

И пошел домой, потрясенный и вместе с тем разочарованный.

Ирина Черкашина
Голос Азатота

2016

«Мозги», они спрятали в углубление под водительским местом. Контейнер, мигающий желтым сигналом на крышке, лег в тайник как влитой. Леха по прозвищу Механоид скрупулезно проверил пси-сканером кабину — тихо, как на кладбище. Если полиция не решит разобрать дизель по винтику, то никогда ничего не найдет.

— Ну что, закончили? — спросил Франкенштейн, возбужденно подпрыгивая на месте. Ему можно было радоваться: свою часть работы Франки честно выполнил. Теперь дело за Тошкой и Механоидом. От беззаботного вида приятеля Леха только злился: поджилки ощутимо тряслись при мысли о том, что и кому они повезут. Хотя, если подумать, у Франки поджилки тряслись не меньше, когда он тащил со своего спецзавода «мозги». За такое полагается расстрел — только

не на месте, а после основательного выворачивания наизнанку психики.

— Закончили, — буркнул Механоид, спрыгивая на бетонный пол из высокой кабины дизеля.

Гараж был его, а дизель они взяли в кредит на паях с Тошкой. «Когда эта авантюра с «мозгами», закончится, — поклялся себе Механоид, — завяжу с контрабандой навсегда. Отдам долги, возьму за дизель с Тошки чисто символическую плату, а на деньги, вырученные за «мозги», открою в гараже мастерскую. И буду жить спокойно, как все люди живут».

Ну и не только люди.

Пыльная лампа под потолком мигнула раз, другой… Напряжение в сети скачет — небось опять на подстанции роботы чудят. Держат их там, покуда все мозги не проржавеют, все средства экономят… Леха обвел тоскливым взглядом гараж. В огромном помещении царил полумрак. Тени по углам, казалось, шевелились — надо будет проверить, как бы фюллер не завелся. Лампа в проволочной оплетке освещала тусклым желтым светом темную громаду дизеля. Кузов и кабина сверху блестели ярко-синей эмалью, а снизу были заляпаны бурой дорожной грязью. Мыть дизель приятели специально не стали — грязная

машина привлечет меньше внимания. Здоровенная выхлопная труба торчала над кабиной как сигнальная вышка.

Франки подскакивал рядом с громадным колесом — растрепанный, тощий, в нелепом спортивном костюме. На самом деле приятеля звали Пашкой, но прозвище прилипло к нему еще классе в пятом — с того самого урока по мифоистории, когда училка объясняла, что на самом деле Франкенштейн не монстр, а его создатель. Пашка тогда уже славился среди мальчишек тягой к некроконструированию. Не перечесть, скольких воробьев он отправил на тот свет, а потом оживил, встроив нехитрые магические механизмы. Где он их добывал — одному Ктулху известно. Поговаривали, что его дядя работает в секретной лаборатории маготехники и оттуда приносит любимому племяннику игрушки. Ничего, в общем, удивительного — здесь, в Уральской автономии, что ни город, то спецзавод или секретная лаборатория.

Ничего удивительного не было и в том, что через три года после школы Франки уже вовсю клепал пси-процессоры для военных в чистенькой закрытой лаборатории, в то время как его бывшие одноклассники вкушали тяжкий хлеб

дальнобойщиков.

Из-под дизеля выполз чумазый Тошка. Вытянул за собой ободранный пластиковый ящик с инструментами, которыми проверял тормоза и сцепление.

— Порядок, — объявил он, попытавшись вытереть пот со лба. Только грязь размазал. — Мех, заводи Железяку, а то уже времени много. Выехать не успеем.

— Ты хоть умойся, — буркнул Леха. Снова окинул взглядом гараж — будто в последний раз. Ладно, как там говорится? «Кто не рискует, того не любят боги»?..

Тошка покорно умылся из пластиковой бутылки, проливая воду прямо на пол. «Вернусь — выставлю его отсюда в два дня, — подумал Леха. — Вместе с дизелем». Ему было жалко дизеля, страшно ехать, но больше всего хотелось денег.

Очень хотелось денег.

Наверно, остальным так же сильно хочется денег — иначе с чего бы идти на смертельный риск, продавая чужакам краденые «мозги»? Ну с Тошкой все понятно — он спит и видит себя единоличным владельцем дизеля. А вот Франки на кой черт рисковать? Ему в лаборатории неплохо платят…

Додумать Механоид не успел — партнер по бизнесу, слегка размазав по лицу воду с грязью, повернулся к нему:

— Ну что? Едем, нет?

— Ну чисто Ползучий Ужас, — вздохнул Леха.

Было у Тошки такое прозвище, тоже со школьных времен. Давно оно было, правда, не столько за полное презрение к правилам гигиены, сколько за имя. Родители нарекли сыночка Нъярлатотепом, прямо так в метрике и записали. Папаша его был из новых жрецов, так что его никто толком и не видывал, а мамаша, насколько знал Леха, регулярно проводила время в психиатрической лечебнице. Послали же боги приятеля, шоггот ему в печенку…

Тошка только ухмыльнулся, услышав про Ползучий Ужас. Франки в последний раз подпрыгнул, пнул колесо, скривился — и присоединился к Тошке:

— Ребята, вы опоздаете. Пора двигать. Заказчик вас долго ждать не станет.

«Тебя не спросили», — мысленно окрысился Механоид, но все же вернулся к дизелю, залез на подножку и с усилием задвинул на место Железяку. Робот-водитель надежно закрыл тайник с «мозгами», — и не скажешь, что под ним что-то

есть. Так уж повелось между партнерами: Леха обслуживал робота и вел все документы на грузы, а Тошка следил за исправностью дизеля. За чистотой, правда, следить приходилось больше Лехе…

Железяку отключили специально, чтобы в регистраторе не оказалось записей о том, куда прятали «мозги». Робот обладал скверным характером — мог исподтишка включить регистратор, из одной только вредности. Ему же не понять, какие последствия придется расхлебывать хозяевам, выплыви все наружу. Леха и сам не знал, почему робот получился у него такой вредный. Не иначе от того, что Леха собрал его из деталей, найденных на помойке. Хорошее-то не выкинут… Железяка был не просто роботом, а частью самого дизеля. Он был жестко встроен на водительское место и обречен вечно сидеть за рычагами управления. Робота это не напрягало — зато все остальное раздражало неимоверно. Сколько Леха ни пытался найти дыру в операционке, через которую в Железяку проникал брюзгливый дух, — так и не нашел. Проще было подобрать на помойке другой процессор.

Пока Железяка загружался и тестировал системы дизеля, приятели прощались. Прощание вышло нервное.

— Ну… будьте там осторожны, — бормотал Франкенштейн, попеременно хватая за руки Леху и Тошку. — Главное, не разговаривайте слишком. Отдали — и назад. Эти… чужие… с ними чем меньше контактируешь, тем лучше. А заплатить они заплатят. Железно.

— Смотри, ты договаривался, — буркнул Тошка, засовывая в карман комбинезона отвертку с микронасадками. — Если что пойдет не так — отвечать будешь ты.

— Да все нормально будет, — испугался Франки. — Я знаю, точно! Да, и вот еще что…

Он извлек из висящей на боку сумки сверток, развернул — и глазам приятелей предстали два гибких полупрозрачных кольца диаметром сантиметров двадцать. Внутри колец мутно проглядывала тонкая сеть, напоминающая сеть кровеносных сосудов, только белесых. На каждом была закреплена черная коробочка с крошечными кнопками и сигнальной лампочкой. Сейчас сигналы светились мертвенно-синим.

— Новейшая псионная защита, — гордо сказал Франки. — Из отдела упер — все равно пока документация на утверждении, их вряд ли кто хватится. А вам пригодятся.

— Зачем? — подозрительно спросил Леха.

— А ты забыл, что везешь? — изумился бывший одноклассник.

Механоид, конечно, не забыл. Вся эта операция по продаже «мозгов», стала возможной только потому, что «мозги», — они же новейший революционный пси-процессор «Грот», — оказались неисправными. Причем настолько, что партия работающих процессоров чуть не стоила жизни половине спецзавода. Все неудачные «мозги», пришлось уничтожать спешно и под серьезной псионной защитой; уцелел только один экземпляр — тот, который сейчас дремал под водительским местом дизеля. Умница Франкенштейн нашел способ погрузить бунтующий процессор в анабиоз.

А также нашел на него покупателя.

— Ты же говорил, «мозги», сейчас спят, — напомнил Леха.

— Спят, спят. Только защита лишней не бывает.

— Ладно, давай. — Механоид забрал у приятеля защитные обручи, отдал один Тошке, второй надел себе на голову. Франки что-то нажал на коробочках — и сигнальный огонек загорелся зеленым.

— Готово!

— Мы поедем или будем дальше нежно прощаться? — Пробудившийся окончательно Железяка нарочно врубил динамик на полную громкость.

Приятели синхронно подпрыгнули.

Дизель вздрогнул и завелся, выпустив под потолок облако черного вонючего дыма.

— Железяка, я тебя в переплавку сдам! — рявкнул Леха. — Мы же оглохнем и задохнемся!

— Не успеете, если сейчас сядете в кабину.

— Ну, боги вам в помощь. — Франки быстро обнял приятелей. — Связь через Шум, как договорились. Буду ждать.

— Хаос с нами, — пробормотал Тошка.

Механоид подозревал, что его партнер был втайне посвящен богу, имя которого носил. Может, по этой причине у него такая ненависть к чистоте?..

Напарники забрались в кабину. С высоты Франки казался еще меньше и нелепее, чем был на самом деле, и Леху на миг обожгло страхом: «Куда мы едем, что делаем, против кого играем?», Но в следующий миг ворота гаража разъехались в стороны, открывая черный прямоугольник осенней ночи, и дизель величественно выплыл наружу, покинув безопасный полумрак гаража. Леха

тихонько, чтоб никто не услышал, пробормотал: «Господи помилуй». Так его учила бабушка, сохранявшая до смерти прежнюю христианскую веру. Леха не очень-то верил: в конце концов, старые божества можно было увидеть только на картинках, а новые — вот они, во всей своей ужасающей реальности, — однако ничья защита, как верно заметил друг Франки, лишней не бывает.

Железяка равнодушно орудовал рычагами управления. Лицо ему заменяла старая панель от радиоприемника с мелкой сеткой динамика вместо рта. Над динамиком Леха приделал два объектива от кинокамер, которые заменяли Железяке глаза, а носом служила круглая ручка частотной настройки. Не красавец, конечно, но ведь не для выставки сделан, для работы! Руки, собранные из случайных деталей, свою функцию честно выполняли — правда, правая имела вместо локтя шарнир, а левая — телескопическую конструкцию. Процессор и шумопередатчик вообще сшиты, что называется, на живую нитку из всякого хлама.

— Маршрут? — своим обычным скрипучим голосом осведомился робот.

— В навигатор загляни, там все.

Через секунду дизель резко затормозил — так,

что застонали тормозные колодки, и юзом съехал на обочину, едва не опрокинувшись. Леха едва не расшиб нос о торпедо, а Тошка как следует приложился виском о правую стойку. Пощупал коробочку на обруче пси-защиты — вроде целая…

— Маршрут некорректный, — спокойно заявил Железяка. — Частично проложен по закрытой трассе. Я там ехать не могу.

— Поедешь, кастрюля ржавая! — рассвирепел Механоид. — Как девочка в первый раз — «не могу»! Я тебе для чего навигатор взламывал, ограничения снимал?

И вдруг он испугался — как бы робот своими выходками не сотряс припрятанные «мозги». Вдруг заказчик решит, что ему подсунули побитый товар? Тогда он высосет их личные мозги прежде, чем они успеют «мама», сказать.

— Берете ответственность за маршрут на себя? — осведомился Железяка. Вообще-то он был прав — ответственность за проложенный маршрут частично лежала на нем.

— Берем, берем… А еще раз тормознешь — лично выкину тебя обратно на помойку!

— А я помогу, — заверил Тошка, потирая висок.

— Записано, — бесстрастно откликнулся робот.

Дизель завелся и спокойно тронулся с места, словно и не было только что экстренного торможения. Леха перевел дух. Этот говорящий самовар всерьез действовал ему на нервы. «Продам его вместе с дизелем, — мстительно подумал Механоид, — и пусть партнер принесет его в жертву Нъярлатотепу. Тошка — он не из тех, кто склонен к долгим дискуссиям…»

Ночной Заводоуральск проплывал перед ними россыпью разноцветных огней в черной бездне глухой ночи. Вот остался позади сияющий остров завода номер пятнадцать — громадного комбината, где собирали знаменитые русские шагающие танки. Вдалеке переливался голубым неоновым светом НПО «Атлач», — производитель уникальных сплавов и материалов. Самую лучшую обшивку для дирижаблей делали именно здесь. Справа тянулась темная промзона Уральского завода особой электроники. Где-то в этой темноте, незаметный отсюда, стоит корпус второго спецзавода — места, где родились «мозги». Франки говорил, что «спецзавод», — слишком сильное название, на самом деле это всего лишь разросшееся конструкторское бюро, занимавшееся пси-оружием.

Деятельность которого очень и очень ин-

тересовала всех, от иностранных разведок до резидентов чужих и даже богов.

Железяка заложил крутой вираж, выруливая по дорожной развязке за пределы города. В последний раз мелькнули перед глазами огни заводов, спальных районов, причальные мачты аэровокзала с призрачно мерцающими возле них рыбками дирижаблей — и перед дизелем открылась скоростная трасса, широкая, темная, полупустая по ночному времени.

— Поворот на закрытую дорогу примерно через два часа, — сообщил Железяка. — Можете пока отдохнуть, несчастные органические создания.

— Сейчас динамик отключу, — вяло пообещал Леха. После того как дизель выехал на трассу, его все больше снедала тревога. Впереди лежала неизвестность — словно тьма, в которой водились чудовища.

— Слышь, Тошка, а ты чужаков когда-нибудь видел? — спросил он спустя некоторое время.

— Видел, — спокойно откликнулся напарник. Он откинул спинку сиденья назад — видимо, воспринял всерьез пожелание Железяки отдохнуть.

— Ну и как они?

Посвященный Ползучему Хаосу неопределенно пожал плечами:

— Как?.. Да никак. Как на картинках. Противные на вид, но ничего страшного. Мы, наверно, на их взгляд, тоже не красавцы.

— Ничего страшного… — задумчиво повторил Леха. У него при мысли о пришельцах кишки начинали сворачиваться в узел. Пришла пора признаться себе: он до жути боялся чужаков. Трясся, как первоклассник, которого заперли на ночь в школьном туалете. И деваться было некуда.

— Правда-правда, — с улыбкой заверил его Тошка, и Механоид запоздало пожалел, что слишком мало разговаривал с партнером. Тошка был молчалив, а его бытовое разгильдяйство раздражало Леху и никак не способствовало возникновению душевной близости.

Да и возможна ли душевная близость с человеком, у которого в метрике записано имя Нъярлатотеп?

— Железяка, отправь Франки сообщение, что мы из города выехали, — велел Леха.

Железяка, к удивлению Лехи, не ответил, однако на приборной панели загорелся красный сигнал связи — робот вышел в Шум. Леха подозревал, что только там, в информационном пространстве Шума, который роботы считали проявлением великого божества Азатота, Же-

лезяка мог быть самим собой. Вряд ли там он ворчал, попрекая всех вокруг невниманием и черствостью.

— А я всего один раз видел чужаков, — сказал Леха, стараясь не смотреть на напарника. — Ми-го видел. В детстве. Мы с челябинских озер ехали на машине, а они мигрировали на новую шахту. Пешком, это были нелетающие ми-го. Трасса была у них на пути. Они просто прошли по машинам, и что потом осталось от этих машин… Прямо перед нами…

Он усилием воли отогнал от себя воспоминания. Все это было давным-давно, десять лет назад, однако нисколько не поблекло в памяти. Покореженный металл автомобилей и лужи крови, странный туман, сопровождавший прохождение чужаков, крики и плач, нечеловеческие фигуры ми-го, странные и от того еще более жуткие, — все это отпечаталось, кажется, прямо на сетчатке.

Отец тогда сказал: «Не смотри, ляг на пол», — но одиннадцатилетний Леха все равно смотрел.

— Ну… — протянул Тошка, — ты относись к чужакам как к стихийному бедствию. Я вот и ми-го видел, и Старцев — и ничего. Тебя же не пугает наводнение или снегопад? А от них тоже, между прочим, жертвы бывают. Так и тут.

— Попробую, — сказал Леха, но желаемого облегчения не почувствовал. Ему все равно было очень страшно. Он отвернулся и стал смотреть в черноту за окном.

Как всегда в ночном рейсе, время словно остановилось. Редко мелькали во тьме освещенные мертвенным светом заправочным станции, пустынные кемпинги, указатели. Дизель несся сквозь ночь как огромный зверь, двигатель радостно ревел, дальний свет выхватывал из тьмы деревья на опушках, черно-белые ленты отбойников, красные глазки катафотов, синхронно зажигавшиеся в свете фар… Скорость успокаивала, скорость говорила, что тревога не имеет смысла. Смысл сейчас имела только дорога.

Иногда Леха думал о том, как он будет жить без этого пьянящего чувства дороги, когда осядет на одном месте. Наверно, все это будет сниться ему — полет по ночной трассе, без забот, без цели, без конца… А уж если тоска по ночным рейсам доконает — можно будет снова купить дизель и колесить по всей Уральской автономии, а то и по всему Союзу. Или до Европы добраться…

Он сам не заметил, как плавно погрузился в сон. Во сне тоже была ночная дорога, только Леха сам сидел за рычагами дизеля. В кабине,

кроме него, никого не было. Так же ровно ревел двигатель, тускло светилась приборная доска, красным помаргивал индикатор связи. Странно, зачем связь, ведь Железяки нет?.. Шел дождь. «Дворники», мерно скребли по лобовому стеклу. Дорога по-прежнему разворачивалась под колесами темной лентой, но с ней что-то было не так. Леха не узнавал ее. Она петляла, извивалась, закладывала виражи, и Леха не сразу понял, что это уже не дорога, а громадная, влажно мерцающая щупальца. Он откуда-то знал, что рано или поздно щупальца приведет прямо к пасти чудовища. Всем, кто попадает туда, грозит последняя, страшная, неотвратимая гибель… Леха пытался съехать с дороги, но обочина обрывалась в темную пропасть. На каждой развилке он поворачивал в другую сторону, но дороги-щупальца все равно вели его к пасти. Он прибавил скорость, пытаясь убежать от неизбежности, но дизель только быстрее приближался к ужасной цели. И в его реве словно слышались слова: невнятные, узнаваемые краем сознания. «Все бессмысленно, — говорил голос, — все смертно. Умри — ведь ты родился для этого. Умри и присоединись к моему безумию…», Леха бросил рычаги и зажал руками уши, но голос, глубокий, как сама тьма,

проникал в мозг. Щупальца теснились со всех сторон: невообразимо огромные, беспокойные, сплетающиеся между собой. Дизель по сравнению с ними казался не больше песчинки. А вот и пасть: черная дыра, окруженная рядами похожих на кинжалы зубов. Пасть судорожно сжималась и раскрывалась, предчувствуя добычу, зубы расходились веером, приближались…

— Нет!!! — заорал Леха и изо всех сил дернул тормоз. Дизель повело. Леха крепко ударился лбом о приборную доску — и проснулся.

Несколько минут Леха сидел, приходя в себя. Потом потряс головой. Сон никак не желал уходить — все еще в темноте за окнами грезилось движение громадных щупалец, и в ушах стоял то ли вой, то ли грохот, в котором слышался нечеловеческий голос.

«Успокойся, дурак, — сказал себе Механоид. — Начнешь дергаться на дороге — обязательно сделаешь что-нибудь не так. Спокойно! Ехать осталось недолго — отдашь «мозги», и все, свободен. Здравствуй, мастерская, прощай, дизель».

Он растер ладонями лицо. «Успокойся, — повторил он про себя, — видишь ведь — все в порядке. Как обычно, ровно светится приборная доска, бросая цветные блики на бесстрастную морду Же-

лезяки, покачивается подвешенный на лобовом стекле сушеный спрут — амулет, дарующий благосклонность Древних богов. Красным глазком горит индикатор связи — Железяка все еще торчит в Шуме. Бардачок приоткрыт — сломался в прошлом рейсе, — и сквозь щель видны скомканные грязные перчатки и страницы растрепанной книжки в бумажном переплете. И что за ерунду Тошка вечно читает… На торпедо поблескивает знаменитый логотип Северо-Американского завода автодизелей — надкушенное яблоко. Никелированный листочек у яблока давным-давно отвалился.

Видишь, это реальность, ты в реальности», — твердил про себя Леха, и ужас сна постепенно стал отступать. Трасса была почти пустой — редко-редко навстречу попадались машины — как правило, дизели таких же рисковых ночных дальнобойщиков.

— Железяка, навигатор включи. Я хоть знать буду, где мы едем.

Дисплей навигатора тускло засветился. На карте желтым была обозначена главная дорога, от которой отходила красная ветка закрытой трассы. По направлению к ней медленно, но верно двигалась черная точка дизеля.

— Ты из Шума-то выйди, — посоветовал Леха. — Нечего там просто так торчать, засветишь нас еще. Ни к чему нам лишнее внимание.

Железяка медленно повернулся к нему. Лицо его, как обычно, ничего не выражало, но Лехе почудилось, что робот смотрит на него откуда-то издалека.

— Не могу, — проскрежетал Железяка. — Азатот… говорит…

— Это что за новости?! — изумился Механоид, но потом вспомнил, что у роботов к Шуму особое отношение. Мало ли, может у них там сейчас что-то вроде религиозной конференции? Некоторые аспекты бытия братьев наших механических покрыты тайной, и людям в эту тайну лучше не соваться. Себе дороже.

— Азатот… говорит: «Умри… умри…», — повторил Железяка с запинкой и отвернулся к дороге.

Леху продрала дрожь. Это ведь в его сне было — умри, умри?.. Но Железяка не может видеть сны — тем более подсматривать чужие!

Тем временем черная точка дизеля на дисплее почти достигла развилки. Робот сбросил скорость, но сигнал поворота не включил. Он уже знал, как надо проходить такие препятствия. Из темноты навстречу выплыл указатель: «Проезд

запрещен», — и красный глазок фиксирующей видеокамеры над ним. Леха на всякий случай глянул в зеркало заднего вида — трасса в обе стороны была пуста. Сразу за указателем дизель еще сбросил обороты и мягко съехал на обочину, переваливаясь через неглубокую здесь канаву. Под колесами захрустел гравий. Следы, конечно, останутся, но утром это будет уже не важно… Потом с тяжеловесной грацией грузовик снова взобрался на асфальтовое полотно, но уже на закрытой дороге. Двигатель взревел, и машина рванула с места, уходя все дальше от основной трассы.

От перепада скоростей проснулся Тошка. Он, как всякий дальнобойщик, шкурой чувствовал любые изменения в движении дизеля, и неважно, спал он в это время, лежал в обмороке или любовью занимался. Дизель и водитель — они должны быть как одно целое. А иначе какой ты дальнобойщик?.. Тошка сел и недоуменно огляделся — точь-в-точь как ребенок, разбуженный среди ночи.

— Какая-то хрень приснилась, — сообщил он, протирая глаза.

Едва Леха открыл рот, чтобы признаться, что ему тоже снилось черт-те что, Тошка склонил

голову набок и сказал:

— Слышишь? Что это?

Леха прислушался, но ничего, кроме гудения двигателя да скрипа в правом локтевом суставе Железяки, не уловил.

— Ничего…

— Да нет же! Звук — слышишь? Непрерывный такой. Тонкий, как жужжание… Или как пение… Ну?

Леха только покачал головой:

— Может, это у тебя в ушах звенит?

— Или ты оглох, — буркнул напарник, дергая себя за уши. Звук, судя по всему, был не из приятных и никак не стихал. — Неужели не слышишь?!

— Не-а…

— Глухарь, — проворчал Тошка. — Ну что, своротку прошли? Еще полтора часа до места?

— Где-то так. Эй, Железяка, свет притуши — тебя любой дозорный с дирижабля сейчас засечет.

Фары дизеля мигнули и погасли. Приборная доска тоже. Леха когда-то встроил в робота инфракрасные камеры, так что Железяка мог вести машину даже в полной темноте. Очень удобно, когда нужно где-нибудь проехать незамеченными. Леха этой придумкой всегда гордился — до сегодняшнего дня. Сейчас ему внезапно пришло

в голову, что ехать в темноте очень неуютно: ни дороги не разобрать, ни тех, кто рядом сидит. Только в раме лобового стекла виднелось мутное небо над черными, иззубренными вершинами деревьев.

— Громче стало, — сообщил Тошка и, судя по звуку, снова поковырял в ухе. — Так противно!.. Словно говорит что-то. Сейчас-то слышишь?

— Нет, — ответил Леха. Он и правда ничего подозрительного не слышал. Зато обратил внимание, что обруч пси-защиты на лбу заметно потеплел — неужели работает? Хотя тут, вблизи колонии ми-го, все могло быть. Кто знает, какой они магией балуются…

Тошка замолчал. Тьма давила со всех сторон, меняла восприятие, ровный гул двигателя погружал в дремоту. Через некоторое время Леха понял, что уже не видит перед собой блеклого ночного неба, что вокруг одна тьма, а кабина кажется огромной, как бальный зал. Или как космос… Он почувствовал, что сердце заколотилось с удвоенной силой, — реальность стремительно менялась, и он не мог этому помешать. Он перестал ощущать рядом с собой Тошку, перестал слышать скрип Железякиного сустава. Снова всплыл в памяти недавний сон: неспешное дви-

жение громадных щупалец где-то рядом, пасть, ждущая впереди, чувство абсолютной безнадежности, пустоты, неотвратимости. Во тьме не за что было зацепиться взгляду, не на что опереться — и вот сон уже стал единственной реальностью, которую Леха воспринимал и понимал. Порой ему казалось, что он различает перед собой, в смутной рамке лобового стекла, влажное поблескивание дорожного покрытия — нет, не покрытия, а щупальцы, по которой дизель мчался навстречу ужасной гибели. Казалось, что кузов дрожит не от работающего двигателя, а от судорожных сокращений громадных мускулов под колесами. И звук он услышал — далекий неровный гул, в котором снова угадывались нечеловеческие, ужасные слова. Гул то превращался в пронзительно-высокий вой, то падал до низких частот, от которых волосы вставали дыбом. Таким голосом могла говорить только громадная всепожирающая пасть, полная зубов величиной с дом. В какой-то миг Леха испытал непреодолимое желание защититься от этого ужаса, заслонил голову руками — и коснулся чего-то чужеродного у себя над бровями. Пси-защита! Леха отдернул руку и внезапно ощутил боль во лбу. Обруч нагрелся и чувствительно обжигал кожу.

Это ощущение вернуло Механоида в реальность. Он поморгал, прогоняя видение. Снова гудел движок дизеля, снова в рамке лобового стекла виднелось тусклое облачное небо над черным горизонтом. Леха больше всего сейчас боялся, что настоящая реальность исчезнет и он снова провалится в сон о дорогах-щупальцах.

— Железяка! — прохрипел он. — Включи свет в кабине! Ну!..

Никакой реакции.

— Тошка, скажи ему…

Но и Тошка молчал. Только сопел рядом — Леха хорошо слышал его тяжелое дыхание. Почему-то в кабине висел неприятный запах — так пахло в мясном ряду на рынке, куда Леха частенько ходил за продуктами. Бывало, что там портились холодильники… Обруч обжигал лоб — хотелось его снять, дать коже отдых, но Механоид боялся его даже трогать. Пси-защита работала — и работала с такой нагрузкой, что едва не плавилась. Это могло означать только одно: где-то рядом работал источник пси-излучения такой мощности, что, сними Леха защиту, и в следующий раз точно не найдет обратной дороги в реальный мир.

Источник. Мощный.

Понадобилось несколько минут, чтобы до Ме-

ханоида дошло. Процессор! «Мозги»!

— Железяка, болт тебе в динамик! Гаси двигатель, включай свет! Ну?!

И снова — никакой реакции. Дизель продолжал идти с прежней скоростью по дороге, едва видимой в темноте. Леха выругался. С этой реальностью творилось что-то неладное — но, как и во сне, Леха ничего не мог с этим поделать.

Продолжая ругаться, он зашарил рукой по приборной доске. Где-то здесь, справа, возле бардачка, был рычажок аварийного освещения. Леха нащупал его, измазавшись в чем-то влажном и теплом. Повернул.

Тусклый свет залил кабину, мигнула и засветилась приборная доска. Железяка по-прежнему бесстрастно восседал на водительском месте: руки-манипуляторы на рычагах, камеры безотрывно смотрят на дорогу. На включение света он никак не отреагировал. Тошка…

Леха отполз по сиденью ближе к роботу, насколько мог. Несколько мгновений он не мог поверить, что это не следующий слой сна, а самая реальная реальность.

Тошка сидел сгорбившись, нависая над приборной доской. Лицо его было бледно, глаза закрыты, словно он спал, — может, на самом деле спал?

Обруч пси-защиты лопнул и свисал на одно плечо, как белая лента. Похоже, не выдержал пульт управления защитой, черная коробочка, которой Тошка приложился о стойку в начале пути. Напарник тяжело дышал полуоткрытым почерневшим ртом. Леха даже догадывался, что ему может сниться: бесконечные дороги, извивающиеся, блестящие в свете безумной полной луны. И громадная пасть, в которую рано или поздно падает все, что существует на земле…

Изо рта, из носа и из-под век у Тошки сочилась черная жижа, превращая лицо в жуткую маску. Жидкость капала на приборную доску. Это в ней Леха измазался, это она пахла как тухлое мясо…

— Тошка… — Механоид осторожно прикоснулся к плечу напарника. Тот покачнулся. Леха, сам не зная зачем, схватил его за рукав и изо всех сил затряс — Тошка медленно, как в кошмаре, упал лбом на приборную доску и захрипел. Леху едва не стошнило. Под лицом напарника растекалась черная, тускло блестящая лужа. Несколько секунд Механоид неподвижно глядел на нее, и с губ срывалось только невнятное сипение.

— Железяка, урод, — взвизгнул Леха, когда дар речи вернулся к нему. — Тормози! Ну!..

Дизель продолжал ехать вперед, не снижая ско-

рости. Тошка захрипел сильнее, задергал руками. Наверно, в своем жутком сне почти доехал уже до всепожирающей пасти древнего чудовища…

До пасти Азатота.

Лехе вдруг почудилось, что, если прямо сейчас остановить дизель, Тошке можно помочь. Первым делом вырубить проклятые «мозги». Потом вытащить его наружу, на обочину положить… В конце концов, ведь в дизеле есть аптечка, там препараты на все случаи жизни — в том числе и универсальный блокиратор психозов. Только надо остановиться!

Железяка равнодушно сидел на водительском месте. Обычно робот бывал болтлив, как телеведущий, но сейчас, казалось, полностью потерял связь с окружающим. А все проклятые «мозги», Ктулху им в микросхемы — или что у них там… Леха ухватил Железяку за правый манипулятор, дернул на себя — с тем же успехом можно было пытаться сдвинуть с места мостовую опору.

— Стой, гад! — Леха вцепился в манипулятор сильнее. — Останови дизель! Останови сейчас же, тебе говорят…

Железяка нехотя повернул к нему своё уродливое лицо.

— Азатот… говорит… нет смысла… — донеслось

из динамика сквозь шипение помех.

Лехе на миг показалось, что из щелей динамика идет легкий дымок — но нет, это была просто игра теней.

— Останови, не видишь — Тошке плохо. — Леха помимо воли заговорил просительно. Как еще заставить эту чертову кастрюлю сделать то, что просят? Железяка всегда подчинялся — он же робот! Никому и в голову не могло прийти, что однажды голос спятившего пси-процессора заглушит все прочие голоса в дырявых Железякиных мозгах.

Робот внезапно отпустил рычаг и левым манипулятором медленно прикоснулся к Лехиному лицу. Как будто на прочность пробовал — легко ли будет пробить кость… Это было похоже на прикосновение ядовитой змеи — холодное, опасное. Леха аж дышать перестал. От видения стального пальца, погрузившегося в середину лба, Леху пробрала дрожь. Дизель сбросил скорость, одним манипулятором вести машину роботу было сложно.

— Останови, — прошептал Механоид. — Пожалуйста…

Железяка, как слепой ощупывая Лехино лицо, добрался до обруча пси-защиты. И тут Леха понял,

чего хочет робот. Он успел пригнуться прежде, чем Железяка рванул обруч на себя. Манипулятор скользнул по скуле, расцарапав кожу. Леха упал с сиденья на пол, и сверху на него закапала вонючая жижа, которой истекал несчастный напарник.

— Железяка! Урод!..

Робот слепо тыкал манипулятором в пол, но Лехе удалось извернуться и заползти под прикрытие Тошкиного тела. «Прости, друг, тебе уже все равно, а меня этот самовар сейчас продырявит!», Манипулятор ударял напарника по плечу, но до Лехи не дотягивался. Тошка уже не хрипел — он дышал со всхлипами, редко, как будто что-то мешало ему дышать. Ясно было, что он умирает… Наверно, доехал в своем черном сне до самого конца пути. Леха скорчился на полу, но долго ему в таком положении было не удержаться. И тут Железяка на несколько мгновений прекратил попытки добраться до хозяина и вернулся к рычагам. Дизель медленно съехал на обочину и остановился. Что за черт?.. Ну конечно, сообразил Леха, — они достигли конца пути! Программа, заложенная в навигаторе, сработала, несмотря на явное помешательство робота. Леха, пользуясь моментом, ужом извернулся и прополз под телом

напарника, весь измазавшись в отвратительной черной жидкости. Может, ему показалось, но краем глаза он уловил в открытом рту Тошки какое-то движение, словно там шевелился неестественно огромный темный язык.

Задумываться над этим было некогда.

Леха толкнул дверцу — и вывалился из кабины на обочину, сильно ударившись плечом о подножку. Вскочил, шипя от боли, пытаясь стереть с лица черную, пахнущую гнильем жижу и прилипший к ней песок. Из-за туч мутным пятном проглядывала луна — и в ее слабом свете Леха узнал местность. Когда-то он останавливался здесь на ночлег и едва не погиб. Дорога шла по пустынным холмам, заросшим травой и кое-где испятнанным старыми лесополосами. Когда-то вдоль дороги стояли села и фермы, но с тех пор как ми-го обосновались в этих местах, селения опустели. У подножия ближайшего холма Леха разглядел смутно чернеющие строения. Да это же заброшенная скотобойня, в которой он едва не погиб! Вот это занесло… У него мурашки побежали по спине, когда он ясно вспомнил, как три года назад решил переждать дождливую ночь под крышей этой самой скотобойни и загнал туда дизель.

Едва потом ноги унес…

Кстати, и сейчас неплохо было бы унести ноги. Леха осторожно отступил от грузовика, не сводя глаз с кабины. За лобовым стеклом ему был виден силуэт Железяки, все так же восседающего за рычагами. Фары дизеля горели вполнакала, мотор едва работал. Вдруг дверца, через которую Леха сбежал из кабины, с грохотом отскочила и так и осталась висеть, покривившись. Что-то темное взметнулось в кабине, заворочалось там, задевая безучастного робота, — дизель аж пошатнулся. А потом через открытую дверцу наружу полезло нечто странное, издающее невнятные стоны, похожее на оживший клубок. Леха принялся медленно отступать, не сводя глаз с явившегося монстра.

Вначале оно было похоже на комок щупалец — темных, слегка блестевших от лунного света. Щупальца обвивали стойки, колеса, бессильно извивались на обочине. А следом за ними показалось тело… Когда Леха понял, кто это, он схватился за придорожный куст, чтобы не упасть.

Это был Тошка. Точнее, это когда-то было Тошкой, потому что сейчас от напарника осталось только запрокинутое к небу лицо с закрытыми глазами и мучительно открытым ртом и ошмет-

ки клетчатой рубахи. Тело, кажется, вывернулось наизнанку, разорванное народившимися черными щупальцами. Изо рта у напарника тоже торчал пучок тонких извивающихся щупалец.

Леха Механоид почувствовал, как ноги подгибаются под ним.

Откуда это? Почему?! Не может быть, чтобы псионные «мозги», — будь они хоть трижды новейшими и совершенными — смогли превратить человека в подобие одного из древних чудовищ! В дитя Азатота!

Разве что… Тут Леха уже не выдержал и сел — прямо в придорожный куст. «Мозги», были вполне исправными. Пси-процессор не сошел с ума — он просто подключился к парящему где-то в недоступных измерениях Внешнему богу Азатоту и транслировал его безумную, невнятную, изменяющую реальность речь. Теперь понятно было, почему так спешно и с такой секретностью уничтожили всю партию дорогущих «мозгов». Понятно, почему закрыли лабораторию, занимавшуюся их разработкой, — и почему ими так интересуется неведомый покупатель из чужаков.

Леха со страху замычал и начал отползать в кусты — подальше от этого ужаса, извивавшегося

на обочине, как клубок чокнутых змей. Обруч псионной защиты он придерживал на всякий случай рукой — чтобы, не дай Ктулху, его не сорвало веткой.

Теперь понятно, из-за чего Железяка спятил, — про его-то защиту никто не подумал, а через Шум он воспринимал сводящий с ума голос бога безо всяких препятствий…

Облака окончательно разошлись, и лунный свет явственно озарил пустынную дорогу, черную тушу дизеля на обочине и судорожно извивающегося монстра рядом с ней. Леха подумал, что до конца дней своих не забудет эту картину… В этот момент, словно ожив под лунными лучами, монстр перестал беспорядочно двигаться. Он замер, и на поднятом к небу Тошкином лице, перемазанном грязью, широко открылись глаза.

Абсолютно чёрные, нечеловеческие.

Голова с трудом повернулась, и взгляд этих глаз, от которого, казалось, невозможно скрыться, остановился на Лехе. А потом монстр целеустремленно пополз через обочину и канаву. К нему.

Леха взвизгнул и бросился бежать, спотыкаясь на невидимых под ногами кочках. Луна равнодушно глядела с высоты круглым белым глазом. Когда человеко-спрут убьет его, она будет так

же равнодушна… Позади шуршала трава — дитя Азатота, несмотря на своё нелепое тело, ползло с поразительной быстротой, не переставая невнятно стонать. Леха на миг оглянулся — кусты за спиной шевелились. Но что его напугало еще больше — дизель завел двигатель и не торопясь ехал следом за монстром, словно машинка на веревочке.

Леха бежал во весь дух, не глядя вперед, но словно сами по себе перед ним выросли руины заброшенной скотобойни. Впрочем, не такие уж и руины — длинное дощатое здание наподобие ангара стояло вполне устойчиво, разве что забор вокруг повалился. Три года назад, когда Леха неудачно решил заночевать здесь, он сам же и повалил часть забора. Когда спасался бегством…

И тут у Механоида мелькнула безумная мысль. А что, если старый-престарый фюллер, на которого ему не повезло в тот раз напороться, все еще жив? Что, если он по-прежнему дремлет в ожидании добычи? Тогда у Лехи есть крошечный, но все же реальный шанс спасти свою жизнь.

Он, задыхаясь, ринулся ко входу в заброшенное здание. В лунном свете цвета не угадывались, но Леха и так знал, что на досках, которыми обшиты стены, остались ошметки голубой краски, а

косяки были когда-то выкрашены в веселенький оранжевый цвет. У него по сей день перед глазами стояли эти косяки, которые фюллер легко выламывал, пытаясь поймать ускользающую добычу. В тот раз добыче удалось уйти, но сейчас она сама лезла в пасть к чудовищу, моля всех богов о том, чтобы чудовище не сдохло от голода за прошедшие годы.

Дверные створки валялись на земле — там, где их когда-то сорвал дизель, на котором Леха спасся от фюллера. Внутри было пусто и тихо, пахло сыростью и старой кровью. К прошлый раз эта пустота обманула Механоида — он даже не подумал проверить углы. А в углах притаился враг: домашний спрут-фюллер, разожравшийся в своё время на дармовой крови и тушах убиенных свиней до гигантских размеров. Леха таких огромных фюллеров сроду не видел. Наверно, все старое здание скотобойни и держалось сейчас на этом спруте, ставшем для него чем-то вроде каркаса.

Леха по инерции пробежал почти до середины здания и остановился, задыхаясь. В выбитые окна лился лунный свет. Позади послышался шорох — Механоид оглянулся, но дверной проем был пуст. Значит, дитя Азатота еще далеко.

Значит, это шуршат призрачные щупальца фюллера, очнувшегося от голодной дремы и сейчас тихонько скользящего по стенам. Хорошо…

Леха осторожно пошел вперед. Под ногами хрустели невидимые осколки. Пару раз в бледном ночном свете блеснули чьи-то чисто обглоданные кости: слишком мелкие для человека, наверно, лисьи или собачьи. Леха кожей чувствовал, что фюллер здесь. Он сейчас окружает неосторожную добычу со всех сторон, чтобы потом в один момент наброситься и сжать ее в смертельных объятиях, высосать досуха, до пустой шкурки и гладких, тонких костей…

Леха сделал шаг к окну, проем которого был разворочен больше других. Если фюллер кинется раньше, чем преследователь явится сюда, у Лехи будет возможность выскочить в окно. Может быть. Шорох за спиной повторился. А потом раздался голос — невнятный, заунывный, хриплый, от которого кровь стыла в жилах. Несчастный напарник Тошка, дитя Азатота, пришел за своей добычей.

Леха обернулся. Силуэт человеко-спрута ясно вырисовывался в пустом дверном проеме. А над ним, на притолоке, застыла крапчатая громадная щупальца старого фюллера. Фюллер увидел

еще одну жертву и теперь раздумывал, которую из них легче схватить. Леха отступил к самому окну. Под ногами что-то брякнуло. Не сводя глаз с бывшего напарника, он нагнулся и нащупал под ногами ржавый изогнутый прут — должно быть, деталь какого-то скотобойного оборудования. Поднял и приготовился к бою — сейчас важно было, чтобы фюллер принял Тошку за менее опасную добычу.

Но старый монстр все раздумывал, а обруч псизащиты на лбу снова начал нагреваться. Дитя Азатота продолжало говорить на своем жутком наречии — Леха видел, как шевелятся у него во рту щупальца, заменяющие язык, как закатываются нечеловеческие глаза, полные тьмы. А у него самого голова начала болеть от этих звуков, и снова в них послышался невнятный голос Древнего бога из сна — сводящий с ума, влекущий к себе. Он завораживал, заставлял опустить руки и двигаться навстречу гибели — потому что не могло быть ничего слаще. Леха медленно, как во сне, поправил обжигающе горячий обруч и шагнул вперед, прочь от спасительного оконного проема. У него оставался один выход… хотя он пугал куда больше, чем воющий речитатив Азатота.

Шаг, другой. Леха шел вперед, подняв прут над

плечом. Все силы уходили на то, чтобы двигать ноги. Отстраненно он замечал, как перетекают по потолку тени от щупалец фюллера. Кажется, тот уже сделал выбор — и совсем не тот, на который надеялся Леха. Но дальнобойщику сейчас было уже все равно, в голове осталась только одна задача — и кроме нее голос Азатота, медленный, на грани смысла, то пронзительно-высокий, то низкий, от которого волосы вставали дыбом. Азатот устами своего отпрыска уже не говорил — пел о неотвратимости гибели и о ее отвратительной красоте.

Шаг, еще шаг, еще. Вот он уже совсем близко — чёрные глаза человекоспрута похожи на жидкую тьму, блестят в лунных лучах… Уже ни о чем не думая, Леха размахнулся и изо всех сил ударил прутом по запрокинутому лицу монстра, по этим красивым глазам.

Щупальца взметнулись, опрокидывая Леху, голос превратился в злобный вой. Леха очнулся от наваждения и пополз прочь от бывшего напарника, снова в глубь ангара. А дитя Азатота, очнувшись от боли, бросилось на него.

У Механоида уже не было сил сопротивляться. Он ткнулся лицом в мусор, покрывавший бетонный пол скотобойни и закрыл руками голову.

Тошка, завывая, наползал на него сверху — Леха чувствовал силу его щупалец, чувствовал, как ткань рубашки мгновенно промокает от черной их слизи, как жжет кожу, как нечто твердое и острое упирается ему в основание шеи.

«Клюв. Это у него клюв — совсем такой, какой бывает у земных осьминогов, — вяло подумал Леха. — Вот сейчас он меня ударит, и все…»

Но вместо этого ударил фюллер. Неведомая сила подхватила человекоспрута вместе с его добычей и вознесла под потолок ангара. Через мгновение Леха полетел вниз — Тошка выпустил его, схватившись с фюллером не на жизнь, а на смерть. Дальнобойщик едва успел сгруппироваться, но все равно сильно ударился локтем и виском и едва не потерял сознание. Под потолком кипела невидимая во тьме схватка. Стены ангара заходили ходуном. Изредка дитя Азатота издавало пронзительный вопль, а фюллер — раздраженное, совершенно змеиное шипение. Леха кое-как поднялся на ноги и, пошатываясь, побрел к выходу. Нужно было уходить, пока монстры заняты друг другом и пока не рухнули ему на голову.

Азатот вновь завел свою речь, гораздо громче, чем раньше. Леха остановился. Казалось, что

голос Древнего бога звучит у него в голове так же явственно, как свой собственный. «Умри, — говорил он. — Чего ты ждешь?.. Все на свете лишь безумие — умри, прикоснись к моему безумию». Онемев от ужаса, Леха поднял руку ко лбу — и обнаружил, что пси-защита исчезла. Наверно, дитя Азатота сорвало ее.

Механоид бросился обратно в трясущийся ангар. Без защиты с ним станет то же, что стало с Тошкой… Он упал на колени, стал шарить руками в темноте. Голос Азатота зазвучал у него в мозгу победной и мрачной песнью. Какая защита? Этот голос уже не могло заглушить ничто на свете. Леха скорчился на полу, закрыв голову руками. Все… Темнота окружила его, сверху, с потолка что-то сыпалось, стены качались, а он не имел сил ни чтобы встать, ни чтобы защититься. Умри, говорил голос в голове. Убей, говорил голос. Все в мире смерть и безумие. Разве не безумие, что ты лежишь на полу, а два чудища, два спрута древней крови душат друг дружку над твоей головой? Разве не смерть кругом? Умри, потому что таков закон твоего бытия. Такова воля Азатота.

Леха застонал. Он чувствовал, как погружается в темноту, которая чернее ночи. Там никогда не светили звезды, там не дул вольный ветер, там не

было ничего — только духота вечного безумия. Из последних сил он вцепился себе в волосы, и тянул, тянул, цепляясь за боль как за соломинку в море ужаса.

Внезапно раздался грохот и в ангар полился яркий свет. Тьма на время отступила, позволив Лехе пересилить звучащий в голове мрачный речитатив. Кое-как он протер глаза, обнаружив, что веки склеились какой-то мерзкой темной субстанцией. Когда глаза смогли видеть, им открылась дивная картина: снеся последние косяки, в ангар величественно въезжал дизель.

Фары осветили пространство внутри, и Леха против воли снова прижался к полу: над ним, под самым потолком сплелись в смертельных объятиях бесконечные щупальца. Фюллер был больше, но дитя Азатота — сильнее. Они судорожно дергались, изворачивались, стараясь нанести друг другу смертельные раны. По крапчатой коже фюллера текла черная кровь Древнего существа, но и человекоспрут без остановки рвал плоть противника.

Леха шмыгнул носом, из которого что-то потекло — кровь? Слишком очень странно она пахла… Дизель двигался вперед и уже нависал передним бампером над Лехой. Он словно не замечал ни

кипящей под потолком схватки, ни человека, лежавшего на пути.

— Железяка! — закричал Леха и замахал руками, правда, вместо крика получился писк. Железяка не слышал его. Похоже, он по-прежнему ничего не слышал, кроме вечного голоса Азатота. Леха как мог быстро отполз к стене, обдирая ладони о мусор на полу.

И в этот миг выхлопная труба дизеля, торчавшая вверх, как сигнальная вышка, зацепила бьющихся под крышей существ. Фюллер вцепился частью щупалец в стены, но, видимо, слишком ослабел от долгого голодания и не удержался. По-прежнему не разжимая объятий, оба монстра рухнули на крышу дизеля.

А вслед за ними обрушился ангар.

Грохот на время заглушил даже голос Азатота, все так же безумно певший о смерти из своих недостижимых измерений. Леха вжался в пол. Ему повезло — дизель стоял рядом и принял на себя большую часть обломков и тела монстров. Леха лежал, прикрывая голову руками, и сквозь щель между пальцами видел, как рядом с ним упала оторванная щупальца фюллера, истекающая слизистой кровью.

Дизель, несмотря на повреждения, продолжал

двигаться, давя обломки и щупальца. Железяка, похоже, совсем впал в транс. Рядом с Лехиной головой неспешно прокатилось громадное колесо. Он приподнялся на локтях, стараясь отодвинуться как можно дальше, — темная громада дизеля проплывала мимо, а под колесами его извивались в последних конвульсиях два чудовища, так и не расцепившие объятий. Леха видел, как белеет в ночной темноте лицо монстра, бывшего когда-то его напарником.

Дитя Азатота явно умирало, но голос его по-прежнему звучал. Леха с трудом поднялся и, закрывая уши руками, похромал вслед за дизелем, перебираясь через обломки досок. Раздавленные щупальца источали такой смрад, что дышать было невозможно. Леха прикрыл нос полой рубашки. Голос Азатота по-прежнему звал его к смерти.

«Не сейчас, — подумал Леха. — Вначале я тебя выключу. Ты уже столько натворил, проклятый бог, пришедший из глубин! Может, ты и не виноват — но зачем ты здесь, если даже твой голос способен свести человека и ума или превратить его в ужасное существо?

Мы тебя сюда не звали!»

Голос Азатота исходил из «мозгов», а они по-

прежнему лежали в тайнике под роботом. Леха чувствовал себя таким уставшим, словно сутки подряд таскал грузы сам вместо дизеля. Гараж в Заводоуральске, Пашка Франкенштейн, мечты о собственной мастерской — все это осталось где-то в другой жизни. В той, где был жив Тошка и где за рулем дизеля сидел ворчливый самодельный робот.

Наконец, совсем запыхавшись, Леха выбрался из руин. Дизель медленно ехал вперед, и догнать его не составило бы никакого труда, если бы стоял светлый день, а сам Леха не был бы так измучен всем тем, что с ним случилось. Спотыкаясь, Механоид побежал вслед за грузовиком. Ночь посветлела — луна склонилась к горизонту, а над противоположной кромкой леса небо приобрело темно-синий оттенок. Близился рассвет.

Наконец дизель уперся в тополя ближайшей лесополосы, и Лехе удалось его догнать. Мотор тихонько работал, колеса скребли по земле, но бампер мертво уперся в тополиные стволы. Леха открыл дверцу с водительской стороны и сразу отскочил в сторону — он еще не забыл, как Железяка пытался достать его манипулятором. Здесь голос безумного Древнего бога стал громче, настойчивее, но все же не был таким всесокру-

шающим, каким запомнился в ангаре. Однако теперь он говорил с Лехой на одном языке. Говорил четко, ясно и понятно. Леха усилием воли попытался не прислушиваться к нему (умри, говорил Азатот) — но это оказалось не так-то просто. Железяка неподвижно сидел на своем месте, манипуляторы на рычагах, лицо обращено к лобовому стеклу. Только вот камеры, заменяющие глаза, лопнули, будто от внутреннего жара, а панель, бывшая лицом, местами обуглилась. Вместо динамика открылась уродливая дыра.

Железяка, как и один из его хозяев, был мертв.

Дрожа от нетерпения (убей, говорил Азатот), Леха сдвинул робота в сторону. Открылся тайник. В бардачке Механоид нащупал походный фонарик и подсветил себе — с «мозгами», нужно было кончать, и быстро (все это безумие, сказал Азатот).

Держа фонарик зубами, Леха осторожно снял крышку с пси-процессора (смерть сладка, сказал Азатот). Под ней открылась емкость, полная зеленоватого желе, в которое были погружены ветвящиеся проводки и мерцающие белые шарики непонятного назначения. Совершенно непохоже на человеческую технику… Леха вынул процессор из тайника трясущимися руками (эта реальность нереальна, сказал Азатот) и собрался

выплеснуть желе под ближайший куст, когда рядом раздался странный шипящий звук. Леха аж подпрыгнул.

С синеющего неба прямо на Механоида спланировало нечто: птица — не птица, планер — не планер. Черное, крылатое, похожее на гигантский неряшливый зонтик, и пахло оно гниющими водорослями. Леха знал этот запах — два года назад ездил отдыхать в Крым.

(все на свете гниет, заметил Азатот из зеленоватого желе)

— Сссс… — Существо опустилось перед онемевшим Лехой на траву. Оно было заметно выше человека. На Леху дохнуло целой горой гниющих водорослей. — Ссспасибо. Вашше всснагршшдение.

Покупатель, вот это кто. Леха совсем забыл про него… И вовсе это не ми-го — это Старец, один из злейших врагов Древних. Чертов чужак — дождался, пока продавцы перебьют друг друга, и явился за товаром. Да будь он проклят!.. Леха ощутил, как его душит ненависть.

(убей, сказал Азатот)

Однако сил у Лехи уже не оставалось. К его ногам упало что-то вроде кошеля — вывалилось прямо из складок на боках существа. Из этих

же складок вытянулись тонкие ветвящиеся щупальца и осторожно забрали «мозги», из рук дальнобойщика. После чего существо забило крыльями и довольно неуклюже взлетело, обдав Леху напоследок волной гнилостного запаха.

(оно умрет, предрек Азатот)

Леха посветил под ноги фонариком и действительно нашел в траве кошель из толстой кожи. Внутри лежали золотые монеты — по крайней мере, опознать желтые тяжелые кругляши удалось только так. Леха расхохотался. Смех прозвучал дико в предрассветной тишине (это безумие, сказал Азатот). Зачем эти монеты? Что с ними делать? Где ими можно расплатиться?.. Леха схватил кошель и со всей силы запустил его в ствол ближайшего тополя (ни в чем нет смысла, добавил Азатот).

— Какого черта?! — заорал он. — Ктулху побери!.. Почему ты все еще здесь?.. Этот урод забрал «мозги», — что ты здесь делаешь?! Заткнись наконец! Заткнись! Заткнись!..

Но голос продолжал звучать.

«Я теперь всегда с тобой, — ответил Азатот из своих высоких измерений. — Мой голос — это твой голос. Они думают, что смогут заставит меня замолчать! Нет — отныне ты будешь говорить

за меня».

Леха без сил опустился на землю и привалился спиной к тополю. Очень болела голова. Над вершинами разгорался рассвет. В лесополосе шумел утренний ветер. Дизель стоял невдалеке, ободранный, как туша дохлого кита. Двигатель заглох, но Леха даже не заметил, когда это произошло. Над головой в светлеющем небе медленно-медленно проплыл дозорный дирижабль.

— Умри, — сказал Леха онемевшими губами и закрыл глаза. — Убей. Это безумие…

* * *

Может быть, я тоже заключил сделку с Мифами. Не с кем-то из Древних, нет, с ними со всеми как с явлением — ведь я, кажется, становлюсь единственным летописцем их Пришествия. Даже скорее собирателем, бесстрастным хроникером, на чью долю выпало изучить и классифицировать уникальный материал. Временами я ощущаю себя самим Провидцем: у нас с ним есть что-то общее, я так же, как и он, вдруг получил доступ к запретному знанию, но не к чему-то конкретному, мы оба видим лишь отдельные фрагменты, мазки гигантского незаконченного полотна.

Не знаю, чем он заплатил за свой дар. Боюсь, что и меня ждет расплата, немыслимая и особо изощренная. Нельзя остаться прежним, зная то, что знаю я. Знания всегда опасны, и вдвойне опасны запретные знания.

Но письма продолжают приходить и я не смогу отказаться от этой роли. Я уже ничего не способен изменить и не могу предугадать, чем придется пожертвовать за звание негласного летописца Пришествия. Как сказал автор нового письма, у мух и пауков хотя бы есть с людьми что-то общее. В точку.

2016